

Санкт-Петербургский государственный университет

Социологическое общество им. М. М. Ковалевского

Материалы

**Всероссийской
научной конференции**

X Ковалевские чтения

Россия в современном мире: взгляд социолога

13-15 ноября 2015 года

Санкт-Петербург

2015

ББК 60.5
УДК 316
Д 37

Редакционная коллегия:

А.О. Бороноев, докт. филос. н., проф.,
В.И. Дудина, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, канд. социол. н., проф.,
Ю.В. Веселов, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. экон. н., проф.,
В.Д. Виноградов, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. Соц. н., проф.,
Д.В. Иванов, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
В.Н. Келасьев, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. психол. н., проф.,
А.А. Козлов, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
В.В. Козловский, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. соц. н., проф.,
А.И. Куропятник, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. соц. н., проф.,
А.В. Резаев, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. филос. н., проф.,
Н.А. Пруель, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
Р.Х. Салахутдинова, канд. соц. н., доц.,
Н.Г. Скворцов, декан ф-та социологии СПбГУ, докт. социол. н., проф.,
А.Н. Сошнев, зав. кафедрой ф-та социологии СПбГУ, канд. экон. н., доц.,
А.А. Флягин, препод. ф-та социологии СПбГУ.

Д 37 Десятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2015 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. — 2248 с.

Сборник содержит тезисы участников научной конференции X Ковалевские чтения «Россия в современном мире: взгляд социолога» проведенной 13–15 ноября 2015 г СПбГУ и российским социологическим обществом им .М.М.Ковалевского. Материалы научной конференции, проводимой ежегодно на базе факультета социологии СПбГУ и являющейся одним из наиболее значительных научных мероприятий российского социологического сообщества, охватывают широкий спектр проблем как социологической теории, методологии исследований, так и проблем современного российского общества. Материалы могут быть полезны широкому кругу исследователей в области социологии, социальной и политической теории, а так же практикам в сфере социальной работы, работы с молодежью и управления.

ISBN 978-5-98620- 172-6

© Ю.В. Асочаков, 2015

© Коллектив авторов, 2015

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10
www.skifia-print.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	3
Секция 1: Теоретические и методологические подходы к изучению современного российского общества	48
Абросимова Н.В. (Санкт-Петербург) Отношение молодежи к фотографии: к программному отчету о проведенном исследовании	48
Агапова О.С. (Курск) Проектные практики как механизмы решения социокультурных проблем российских регионов.....	49
Алексеенок А.А. (Орел) Внутренняя структура среднего класса и его положение в современном российском обществе	51
Аргунова В.Н., Бояринцева С.В. (Киров) Использование понятия «общественная атмосфера» в социальном анализе	52
Аргунова В.Н. (Киров) Трансформация социальной справедливости в России: от советского периода к современному	54
Байрак Т.А. (Якутск) Качество обслуживания Управления Пенсионного Фонда РФ по городу Якутску	56
Баранец С.Н. (Гатчина) Неопознанная Россия: к культурно-онтологическим основаниям теоретической модели современности	57
Баранова Г.В. (Орел) Подход к анализу протестной активности в регионах России.....	59
Богомяглова Е.С. (Санкт-Петербург) Социальные проблемы в контексте релятивистской онтологии	62
Бондарев А.К. (Санкт-Петербург) Мировые практики методологии изучения риска.....	64
Бондаренко В.А. (Санкт-Петербург) Фрейм-анализ текста как метод социологического исследования.....	66
Бочкарева В.И. (Санкт-Петербург) Отечественные социологи середины XIX - начала XX века об онтологии социального мира (теоретико-методологическая полемика).....	69
Бразевич С.С. (Санкт-Петербург) Генезис, теоретический потенциал и методологическое значение теории постиндустриального общества	72
Будникова Н.С. (Улан-Удэ) Особенности работы служб по связям с общественностью в органах исполнительной власти	75
Буланова М.Б. (Москва) Трансформация роли образования в современном российском обществе	77
Буланова М.А. (Воскресенск) Теория общества всеобщей коммуникации Джанни Ваттимо	79
Вардазарян М.В. (Волгоград) Факторы формирования институтов гражданского контроля.....	81
Воронкова В.Г. (Запорожье, Украина) Формирование интеллектуальной цивилизации как новой парадигмы XXI века	83
Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону) Факторы ограничения доступности медицинской помощи в современной России: теоретико-методологические проблемы социологического изучения.....	86
Галиева Г.И. (Казань) Социокультурный подход в изучении этнической семьи	88
Галиева Л.М. (Тюмень) Молодежные коммуникации в информационном обществе.....	90

Гальцова А.Н. (Орел) Становление и развитие социальной структуры современного российского общества	93
Гегер А.Э. (Санкт-Петербург) Изучение ценностных ориентаций: поворот к смешанной стратегии	94
Голиков А.С. (Харьков, Украина) Проблематизация социального в современном мире: постлатурианские возможности решения	95
Голубкин И.О. (Волгоград) Res publica как режим гражданской жизни: проблема повседневности государственной машинерии	98
Горюнов П.Ю. (Санкт-Петербург) Теория потоковых структур как теоретическая база изучения радикализма в молодежной среде	100
Давыдов С.А. (Санкт-Петербург) К вопросу о научных основаниях гипотезы о «регрессивности» православной трудовой этики	102
Даркина А. (Воронеж) К вопросу о статусе cultural studies в российском сегменте академической науки	104
Дивисенко К.С. (Санкт-Петербург) Методические проблемы выявления строго религиозного типа на основе переменных В-индекса*	108
Евсикова Е.В. (Санкт-Петербург) Перспективы и проблемы исследования коллективной исторической памяти в России	110
Ермакова В. (Москва) Метонимия как ресурс социологической рефлексии	111
Жарков Г.В. (Владимир) Политики «официального традиционализма» в современной России и проблемы деформации социологического знания	113
Зверькова С.А. (Санкт-Петербург) Теоретико-методологические подходы к исследованию социальных связей в современной молодежной среде	115
Зуева Т.Ф. (Санкт-Петербург) Ошибки марксистско-ленинской теории в свете диалектико-материалистического метода	117
Зыкова О.В., Любимова Е. А. (Тюмень) Семейно-брачные установки современной молодежи	121
Иванов О.И. (Санкт-Петербург) Социальное пространство современной России в опасности	123
Иванова Л.С. (Уфа) Об интеграции научных подходов в исследованиях родительства	125
Каминский В.С. (Вологда) К вопросу об исследованиях политического экстремизма	126
Карасев Д.Ю. (Москва) К проблеме связи «модернизации» и «революции» на примере России	129
Каримова А.Б. (Москва) Теоретическое осмысление феномена международных отношений в России	131
Катаев Д.В. (Липецк) Анализ российской бюрократии в парадигме веберизма	134
Квасова А.А. (Воронеж) современные социально-ориентированные некоммерческие организации и инициативные группы граждан	137
Кисленко И.Ю. (Белгород) Современная политическая ситуация в России через призму идей М. Вебера и П. Блау.	140
Когай Е.А. (Курск) Потенциал модернизации российских регионов:	142
Козырева Л.Д., Козырев А. А. (Санкт-Петербург) Ведущая роль государства в разработке и реализации стратегии инновационного развития	144

Козырева О.В. (Москва) Измерение результативности российского социального научного знания	146
Козырева О.В. (Москва) Реформирование социальных институтов: теоретические подходы	148
Колмыкова М.А. (Оренбург) Современные проблемы реорганизация вузов	151
Комаровский А.В. (Минск, Республика Беларусь) Специфика структуры и динамики социогуманитарного знания	153
Кранзеева Е.А. (Кемерово) Эволюция политического сознания женщин: к постановке проблемы	154
Круглик Н.В. (Краснодар) Проблема исследования религиозных практик в современном обществе	156
Круглова А.Ю. (Ростов-на-Дону) Современные теоретические подходы к осмыслению феномена «сетевая война»	157
Кузнецов Д.Н. (Орел) Концепция социальной эксклюзии в анализе бедности как социального явления	160
Куклин Г.А. (Санкт-Петербург) Социальная онтология Б. Латура: к новой радикализации противоречий в понимании российского общества.	161
Лапыгин В.Д. (Москва) Жизненные стратегии личности: определение предмета типологии	164
Лешукова П.И. (Санкт-Петербург) Исследования клубов элит в различных социогуманитарных науках	165
Лещенко Т.А. (Москва) Метатеоретическая экспликация понятия отчуждения коммуникации	168
Лопатина Е.С., Панкратова Е.В. (Иваново) Роль территории в оценке качества жизни населения	169
Мазуренко А.А. (Барнаул) Основные социологические понятия и подходы к изучению проблемы суицида	171
Маликова Н.Р. (Москва) Инновационные методы познания внутренних и внешних рисков в этносоциологии и социологии международных отношений	174
Малмыгин А.С. (Минск, Республика Беларусь) Концепт «современности» в социологии социальных изменений П. Штомпки	177
Мартыненко Т.С. (Москва) Проблема социального неравенства в трактовке современных социологов	178
Мартьянова Н.А., Рубцова М.В. (Санкт-Петербург) Кризис профессии как социального института: теоретико-методологический анализ	180
Масловская Е.В. (Санкт-Петербург) Теоретико-социологический анализ трансформации правовых институтов в современной России	182
Матвеева Н.Ю. (Москва) Анализ взаимодействия российской государственности с обществом в исследованиях К.Д. Кавелина.	184
Негров Е.О. (Санкт-Петербург) Концепт национального государства как категория: столкновение различных дискурсов	186
Немировский В.Г., Немировская А.В. (Красноярск) Представления о социальной структуре современного российского общества	187
Никитина Е.В. (Якутск) национально- смешанные браки в Республике Саха (Якутия)	189

Николаенко Г.А. (Санкт-Петербург) Актуальные проблемы исторической политики в РФ и на постсоветском пространстве.....	190
Новикова С.С. (Москва) Соотношение социального государства и социальной политики в современной России.....	192
Новоселова Е.Н. (Москва) Трансформация возрастной структуры населения России: причины, последствия.....	194
Озерова О.В. (Санкт-Петербург) Особенности потребления алкоголя в России в период трансформации: 1990-е и 2000-е гг.	196
Паутов И.С. (Санкт-Петербург) Подходы к анализу социальных факторов мезоуровня (уровня локальных сообществ), влияющих на показатели здоровья, в современной России.....	198
Подъячев К.В. (Москва) Вопрос о сущности политической власти как базовая методологическая проблема российской политической социологии.....	200
Прудникова В. (Санкт-Петербург) Телесность современного человека в системе ценностей «must-have».....	202
Рахманова Ю.В. (Санкт-Петербург) Россия как общество риска.....	204
Романова Т.Е. (Якутск) Финансовая грамотность молодежи.....	205
Росенко С.И., Кумпен А.А. (Санкт-Петербург) Статусные характеристики занятого населения в России: состояние и тенденции развития.....	207
Самвелян Л.Г., Любимова Е. А. (Тюмень) Актуальность изучения межнациональных отношений в полиэтническом регионе.....	209
Санина А.Г. (Санкт-Петербург) Теоретические основы патриотического воспитания в современном мире.....	211
Сарыглар С.А. (Барнаул) Трансформация семейных ценностей современной студенческой молодежи.....	214
Семёнов В.Е. (Санкт-Петербург) НИИКСИ: полвека изучения советского и российского общества.....	216
Скоробогатская Н.А., Скоробогатский В.В. (Екатеринбург) Институциональные ловушки в трансформации социальных систем.....	217
Смирнов П.И. (Санкт-Петербург) Смена цивилизации в России: новые перспективы или стратегический тупик?.....	220
Смирнова А.А. (Иваново) Социальное самочувствие российского учительства: социологическая диагностика.....	222
Сосновская Н.А. (Минск, Республика Беларусь) Современные направления аксиологического изучения семьи.....	225
Строгеецкая Е.В. (Санкт-Петербург) Ограничения критерия эффективности в определении ориентиров трансформации современных российских университетов.....	227
Тавров Е.А. (Орел) Ценностная ориентация людей с ограниченными возможностями здоровья в современной России.....	229
Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург) Постсовременность в урбанистских утопиях.....	231
Фауль Б.В. (Санкт-Петербург) Дискурсология. Перспективы формирования самостоятельной дисциплины.....	234

Фетисов В.Я. (Санкт-Петербург) Современная эпоха: основные тенденции и роль в их реализации России.....	236
Хлебникова А.А. (Запорожье, Украина) Информационно-коммуникативная парадигма развития современного социума	238
Хохлова А.М., Тыканова Е. В. (Санкт-Петербург) «Точки роста» теоретико-методологического анализа жизненных путей в российском контексте	241
Хромова Т.В., Козлова Д.В. (Саранск) Социальные проблемы полных и неполных семей: сходства и отличия	243
Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург) Исследовательская стратегия биографического метода в изучении современного российского общества.....	245
Цинченко Г.М. (Санкт-Петербург) Влияние трансформации общества на институт семьи	247
Шабан Е.С. (Санкт-Петербург) Влияние религиозных организаций на семью и семейные отношения.....	249
Швецова Т.С. (Екатеринбург) Эволюция российского общества через социологическое рассмотрение профессий	255
Шманцарь М.В. (Екатеринбург) Роль организационных изменений в вузе в формировании образовательных рисков студентов	258
Щелкин А.Г. (Санкт-Петербург) Социологическое косоглазие — плохая оптика для понимания РФ в современном мире.....	260
Щербак М.В. (Екатеринбург) Сожительство – «замена» традиционного брака?.....	262
Юшкова С.А. (Москва) Сравнительный анализ взглядов Э. Гидденса и П.А. Сорокина на социальные изменения в глобальном мире.	264
Секция 2: Политические и социальные вызовы стабильности российского общества	266
Алейников А.В., Артемов Г. П., Пинкевич А. Г. (Санкт-Петербург) Социальная напряженность в Санкт-Петербурге :социологическое измерение	266
Анкудинов А.А., Боева А. А. (Санкт-Петербург) Влияние государственного политического режима на систему образования	268
Артюхова В.В. (Орел) Политическая активность современной российской молодежи (по результатам социологических исследований)	271
Баженов А.М., Мартынова Т. М. (Тула) Политическая оппозиция как проявление гражданского общества в современной России	273
Беличенко Н.И. (Санкт-Петербург) Социальные сети в контексте политических рисков	275
Борисенко А.Э. (Тверь) Формирование территорий с особой электоральной культурой.....	277
Быков В.П. (Санкт-Петербург) Россия и США: неизбежность силовой конфронтации.....	278
Валиева М. (Москва) Всероссийский опыт реализации кластерной политики в Волгоградской области	281
Васенина И.В. (Москва) Политическое сознание молодёжи	287
Воробьева И.В. (Москва) Парадоксы политических установок россиян	289
Воронкова О.А. (Москва) Причины и стратегии разрешения политических конфликтов в современной России: новое как не забытое старое	291

Гегер С.А. (Санкт-Петербург) Сравнение административного и волонтерского ресурсов экологической политики.....	293
Герберг Т.А. (Волгоград) Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» как форма общественной деятельности.....	295
Голофаст А. (Москва) (Де)централизация гетерогенных политических систем Евросоюза и России.....	297
Гольбрайх В.Б. (Санкт-Петербург) Экологическое движение в современной России: дискурсивные возможности (на примере конфликта вокруг Химкинского леса).....	300
Гонцов К.В. (Екатеринбург) Консолидация региональных элит как фактор стабильности общества (на примере Свердловской области).....	302
Гузанов И.А. (Санкт-Петербург) Специфика молодежного экстремизма в России	307
Демакова К.В. (Пермь) Успешные коммуникативные практики городских активистских групп .	309
Демьяненко А.А. (Ростов-на-Дону) Итоги демографической политики РФ в сфере рождаемости и смертности за 2000-2015 годы	311
Дерендяева А.Д., Петрина О. Н. (Барнаул) Общественные движения России как тренд молодежной политики в к. XX - нач. XXI вв.	314
Евстифеев Р.В., Задорин И.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. (Владимир) Городские локальные идентичности как фактор поддержания стабильности и солидаризации в местных сообществах	316
Евтушенко Г.Н. (Санкт-Петербург) Петербургский ответ на вызовы информационного общества в контексте развитие электронного правительства	318
Елисеев С.М. (Санкт-Петербург) Сильное государство как гарант политической стабильности..	320
Ефанова Е.В. (Волгоград) К вопросу о политике реализации национальных интересов РФ	322
Жумабек Ы.Ж. (Тюмень) Миротворчество и взаимодействие культур в условиях современной политической обстановки.....	324
Игнатова С.Н. (Санкт-Петербург) Реформы начала 90-х годов: мнения и оценки их современников.....	326
Игнатьева О.А. (Санкт-Петербург) Сетевые войны как потенциальная угроза стабильности России	328
Ипатов А.В. (Санкт-Петербург) Человек, культура и национальный вопрос.....	330
Кадушкина А.А. (Волгоград) Абсентеизм: политический и бытовой в молодежной среде современной России	331
Кайманакова О.Б., Савченко И. А. (москва) Проблемы влияния этнических конфликтов на внутреннюю стабильность государства.....	334
Каневский П.С. (Москва) Неформальный институт лоббизма в процессе развития российской политической системы.....	335
Капустина Е.Г. (Санкт-Петербург) Молодежные общественные организации в современной России как составляющая гражданского общества	337
Кареев Д.В. (Иваново) Особенности внутривполитических конфликтов на постсоветском пространстве и в современной России	340
Карчаева Т.Г. (Красноярск) Роль сибирских чиновничьих династий в пополнении кадров енисейской губернской администрации: 1822 – 1917 гг.	342

Киселев И.Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г. (Ярославль) Экономические последствия внешнеполитических решений как фактор внутриполитической поддержки лидера.....	344
Кожемяко О.С., Савченко И. А. (Москва) Толерантность в межэтнических отношениях как способ устранения угроз политической стабильности	346
Колесниченко К.Ю. (Владивосток) Депопуляция Дальнего Востока России как вызов устойчивому развитию региона	348
Колянов А.Ю. (Санкт-Петербург) Легитимизация Общероссийского Народного Фронта в партийной системе Российской Федерации.....	350
Корнилов В.И., Кукина Н. В. (Ярославль) К вопросу о политико-экономической основе "вертикали власти" в современной России	351
Корохов Б.Г. (Москва) Теоретико-методологические подходы к исследованию политической социализации	353
Кошелев К.А. (Санкт-Петербург) Социальный потенциал гражданского общества в современной России.....	355
Крайнова Н.В. (Ярославль) Правовые основы социального проектирования как важнейшей технологии социальной политики Ярославской области	357
Круглова А.Ю. (Ростов-на-Дону) Основные направления противодействия идеологии терроризма на Юге России	360
Кузнецов И.Е. (Санкт-Петербург) Внутренние и внешние угрозы политической стабильности в России.....	362
Кукина Н.В. (Ярославль) Авторитарный характер функционирования партий - основное препятствие на пути к формированию гражданского общества в современной России	365
Лавринцев Е.А. (Санкт-Петербург) Молодежная политика современной России и её влияние на развитие гражданского общества.....	367
Лапшина Н.Р. (Волгоград) Отношение современной молодежи к региональным общественным движениям.....	371
Ластовкина Д.А. (Череповец) Современные формы протеста: к вопросу о возникновении	373
Леденева В. (Москва) Социальные механизмы интегрирования мигрантов в принимающее сообщество	376
Лисицын П.П., Степанов А. (Санкт-Петербург) Миграция - старые процессы, новые действующие лица.	378
Мавликасов А.Х. (Санкт-Петербург) Политическая культура как базис дальнейшего пути развития России.....	380
Маркасова О.С. (Могилёв, Республика Беларусь) Кризис семьи как угроза стабильности общества	382
Маслов Н.В. (Екатеринбург) Реализации гражданской инициативы жителями Верхнесалдинского городского округа по вопросу создания ОЭЗ ППТ «Титановая Долина»: проблемы, итоги и перспективы.....	384
Мельников Е.Г. (Санкт-Петербург) Социальная структура в российском обществе: глобальные тенденции и национальные особенности.	387
Меремьянина Е.С. (Москва) Сравнительный социологический анализ национальных идей России, США и Китая	389

Милецкий В.П. (Санкт-Петербург) Внутренние угрозы стабильности как предпосылки политических конфликтов в российском обществе	391
Михайлов В.А. (Тверь) Общественное мнение современной России	393
Михайлов С.В. (Тверь) Государственная идеология в истории России	396
Москальчук Е.И. (Санкт-Петербург) Консалтинговая функция российских неправительственных организаций на международной арене.....	398
Намазова Э.Б. (Волжский) Политическая модернизация в России: поиск собственной модели	399
Неваева Д.А. (Барнаул) Этническая интеграция как социальное явление: проблемы и возможности.....	401
Нурутдинова А.Н., Антипова А.Е. (Казань) Мнение россиян о военном конфликте в Украине (по материалам независимого социологического опроса)	403
Овчинникова Н.В. (Ярославль) Поведение индивидов в ЖКХ: ориентация на индивидуализм или коллективизм?.....	405
Омельченко Д.А. (Барнаул) Эффективность реализации национальной политики в оценках представителей национально-культурных объединений шести регионов России	407
Онипко А.А. (Екатеринбург) Проблема восприятия уровня коррумпированности муниципальной власти населением крупного российского города.....	409
Павлова Ю.С. (Орел) Отношение молодежи г. Орла к реализуемой в Орловской области молодежной политике.....	412
Паршков А.И. (Москва) Социальная мобильность в политическом лидерстве как фактор развития гражданского общества.....	414
Пименов Н.П. (Санкт-Петербург) Мегатренды электоральных процессов 2015 года в контексте выборов в Госдуму России	415
Пириева С.Э., Сидоров Д. С. (Волгоград) Стратегии индивидуального ухода от ценностей общества потребления	417
Погода Д.С. (Санкт-Петербург) Проблемы эволюции гражданско-правовых институтов в современной России	421
Погосян А.А., Дерендяева А. Д. (Барнаул) Внутренние угрозы политической стабильности в России.....	423
Попов Д.Ю. (Казань) Возможности региона в лоббировании своих интересов (на примере республики Татарстан).....	424
Приходько Ф.С. (Горки, Республика Беларусь) Особенности белорусской модели стабильного общества	426
Прохорова М.Ю. (Санкт-Петербург) Управляемый конфликт- одна из форм вызова стабильности российского общества.....	428
Редя Г.П. (Пенза) Представления молодых жителей поволжских регионов о справедливости..	431
Реутов Е.В. (Белгород) Риски политического участия в современном российском обществе	433
Ролдугина А. (Липецк) Трансформация механизмов политической социализации в условиях современного российского общества	436
Романов Р.А. (Санкт-Петербург) Рейтинги демократии как инструмент формирования глобального политического неравенства.....	437

Руденкина А.И. (Екатеринбург) Факторы, способствовавшие развитию протестной активности в России в 2011-2012 гг.	439
Русинова О.П. (Екатеринбург) Механизмы защиты интересов матери и ребенка	440
Савин С.Д. (Санкт-Петербург) Этнополитические факторы стабильности российского общества	442
Сароян Я.О. (Курск) Роль НКО в развитии региона.....	444
Сверчков М.Н. (Екатеринбург) Исследование уровня доверия населения Российской Федерации к политическим институтам России: Президент, Правительство, Федеральное Собрание	446
Сикевич З.В. (Санкт-Петербург) Уровень этнического риска как показатель вероятности возникновения конфликта.....	449
Синица А.Л. (Москва) Численность населения городов и поселков как фактор стабильности Арктической зоны РФ	451
Смагин Б.А. (Санкт-Петербург) Прошлое становится будущим, или метаморфозы исторического сознания	453
Смолева Е.О. (Вологда) Оценка влияния субъективного благополучия на оценку населением Вологодской области социально-экономической и политической ситуации	455
Солдатов А.В., Солдатова Н. П. (Санкт-Петербург) Особенности избирательных кампаний в Петербурге и Ленинградской области.....	457
Соницева Н.В. (Череповец) Внешние и внутренние угрозы национальной и политической стабильности Российской Федерации	458
Сухарева А.М. (Санкт-Петербург) Эволюция первооснов правового государства как фактор стабильности российского общества.....	461
Тезич М. (Анкара, Турция) Великая Отечественная Война и Гражданское Объединение в Российской Федерации На Примере Тувы.....	463
Терешина О.В. (Москва) Электоральный мониторинг и оптимизация деятельности политических организаций.....	466
Трофимова Т.Б. (Орел) Политическая активность молодежи города Белгород	469
Усенко Р.С. (Москва) Супертерроризм: как обеспечить безопасность ядерных материалов?....	470
Фаустова Т.С. (Орел) Участие молодежи в общественно-политической жизни российского общества	472
Февральская М.А. (Оренбург) Особенности электорального процесса в России	474
Фёдорова Е.В. (Москва) Проблема взаимоотношений России и Запада в системе социально-политических взглядов И.А. Ильина	477
Фостийчук В.В. (Ейск) К структуре документов, регламентирующих обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.....	479
Харыбин А.Н. (Волгоград) геополитика современности и судьба России.....	481
Цыплакова О.Г. (Санкт-Петербург) Эффективность демографической политики в контексте научных концепций и практики реализации	483
Чемакина А.С. (Тюмень) Сравнительный анализ профсоюзного движения в России и Германии	486
Черезов Д.Н. (Санкт-Петербург) Общественные движения России как составляющая гражданского общества.	488

Чойропов Ц.Ц. (Улан-Удэ) Либерал-демократы в современной России.....	492
Чупракова А.В. (Тюмень) Гражданская активность в условиях развития информационно-коммуникационных технологий на примере создания электронных петиций.....	494
Чурина Р.С. (Санкт-Петербург) Терроризм как внутренняя угроза политической стабильности России.....	496
Шавырина И.В. (Белгород) К вопросу о социальной солидарности в региональном сообществе	499
Шакуров А.Ф. (Казань) Этническая политика и политическая стабильность в Республике Татарстан.....	501
Шапаров А.Е. (Архангельск) Политико-управленческие подходы к социально-демографическому развитию Арктики.....	504
Шевцов А.В. (Санкт-Петербург) «Сомнительные» способы предвыборной борьбы в контексте проблематики российской электоральной социологии	506
Шекера Е.А. (Санкт-Петербург) Молодежные движения как фактор стабильности полиэтничного общества: представители кавказской молодежи в Санкт-Петербурге	508
Щанина Е.В. (Пенза) Позиции пожилых людей по отношению к политическим процессам современного российского общества	510
Яныкина А.Н. (Казань) Ценности и смыслы неоклассического гуманизма в постнеклассической культуре.....	512
Секция 3: Экономика и общество России в условиях современного кризиса	514
Артем О.Я. (Екатеринбург) Специфика возникновения общественной потребности в высококвалифицированных специалистах, освоивших техническое образование.....	514
Болотин И.С., Михайлов А.А. (Москва) Трудоустраиваемость выпускников вузов как показатель качества их подготовки.....	516
Бондарев М.Д., Гришин А. В., Дементьев Е. А. (Москва) Выстраивание отношений бизнес-организации с органами государственной власти в России: потребность в интегральном подходе	519
Борисенко Е.В. (Волгоград) Государственный коворкинг как форма поддержки малого бизнеса	521
Васильев В.П. (Москва) Социальные риски современного российского кризиса	522
Васильева Е.Н. (Волгоград) Предпринимательство как высшая форма экономической активности молодежи.....	525
Голоухова Д.В., Костина К.А., Рудковская А.В. (Москва) Методологический подход к исследованию перспектив занятости выпускников российских вузов (на примере МГИМО МИД России).....	527
Голохвастов Д.В., Микляев В.А. (Санкт-Петербург) Логика и структура корпоративного доверия в условиях нестабильности социально-экономической среды	529
Голубкова О.А., Назарова Е.В. (Санкт-Петербург) Ценность денег в глазах молодежи	531
Деханова Н.Г. (Москва) Регион как фактор социального неравенства	533
Дудина И.М. (Ярославль) Демонстративное потребление как один из факторов кредитного поведения	535

Ельшин Л.А., Прыгунова М.И. (Казань) Тенденции формирования деловой активности малого и среднего бизнеса в регионах РФ (на примере Республики Татарстан)	537
Зеленев И.А. (Москва) О динамике восприятия социального окружения в России	539
Зильмухамедова А.Н. (Екатеринбург) Проблемы модернизации села (на примере п. Красночабанский Домбаровского района Оренбургской области).....	541
Зорина А.Е. (Москва) Доверие как неэкономический фактор формирования мировоззренческих установок в ситуации риска.....	543
Иванова Е.И. (Москва) Межпоколенные социально-профессиональные перемещения	545
Иванова М.С. (Санкт-Петербург) Доверие к экологически чистым продуктам питания в условиях кризиса	548
Ишмухаметов Н.С., Аллагулов Р. Х. (Уфа) Вопросы развития регионального рынка труда в кризисной ситуации (на примере Республики Башкортостан)	549
Карапетян Р. (Санкт-Петербург) Кризис цены труда в зеркале кризиса современной российской экономики	551
Карасева К.С. (Санкт-Петербург) Интеллектуальные активы современных предприятий в контексте глобальных социокультурных трансформаций.....	553
Кармаева Н.Н. (Санкт-Петербург) Профессиональные стратегии молодых преподавателей высших учебных заведений в России в условиях кризиса	555
Корастылёва А.С. (Москва) Социологический анализ российской деловой культуры	557
Кофтункин Д.Э. (Москва) Практики потребления банковских услуг социальными группами российского общества у словиях кризиса	560
Кошарная Г.Б., Каримова Л. Ф. (Пенза) Работающие бедные в современной России	562
Кубикова Н.В. (Курск) Бизнес как агент социальных изменений.....	564
Лаврова З.И., Шишкина Е.В. (Санкт-Петербург) Изменение уровня потребления в условиях кризиса на примере ООО "Альтернатива"	566
Лещенко Л.А. (Волгоград) Системно-категориальный анализ понятий экономическое сознание и экономическое мышление: социологический и экономический подход.....	569
Лещинская С.Н. (Сочи) Некоторые проявления девиаций в системе социального управления .	570
Логинова Л.В. (Саратов) Влияние межрегиональной миграции на рынок труда в России: проблемы, вызовы и тенденции.....	572
Малинина Т.Б. (Санкт-Петербург) Экологическая безопасность как фактор обеспечения жизненных стандартов.	575
Малолетнева И.В. (Москва) Рынок труда инженерных кадров в новых геополитических условиях	576
Мальцева Н.В. (Тюмень) Основные характеристики потребительского поведения современной студенческой молодежи.....	579
Маракуева Н.В. (Санкт-Петербург) Влияние кризиса на трансформацию гендерных стереотипов в профессиональной сфере.	582
Никифорова О.А. (Санкт-Петербург) Региональные особенности рынка труда молодежи (на примере Санкт-Петербурга)	583
Ординарцева Г.П. (Москва) Влияние кризиса на мотивационные программы российских компаний.....	586

Орлик Е.Н. (Владимир) Парадоксы социального доверия россиян.....	589
Пасовец Ю.М. (Курск) Модальные практики оптимизации населением потребительских расходов в современных российских условиях.....	591
Петров А.В. (Санкт-Петербург) Человеческий капитал и отношение к труду как основной ресурс экономического развития в условиях глобальных трансформаций.....	593
Пимахова М.Э. (Курск) Кадровый потенциал инновационного развития региона	595
Пятова А.С. (Иркутск) Импортозамещение: роль государства и общества	597
Рахматуллина З.Б. (Уфа) Проблемы пожилых в современных условиях.....	600
Резанова Е.В. (Минск, Республика Беларусь) Доверие в современной организации: подходы к анализу	602
Рожнова А. (Волгоград) Индикаторы устойчивого развития в контексте кризисной экономики	604
Рубцова Т. (Санкт-Петербург) Рынок праздника: социальное конструирование доверия на рынке свадебных услуг.....	606
Сазонов А.А., Сазонова М. В. (Москва) Описание инструментов для диагностики и изменения процессов: технологии решения производственных задач	609
Сергеева Д.Д. (Санкт-Петербург) Проблема доверия на российском рынке услуг авиаперевозчиков	612
Синютин М.В. (Санкт-Петербург) Диалектика кризиса и текущие проблемы России.....	614
Смелова А.А. (Санкт-Петербург) Проблема доверия к накопительной пенсионной системе в России: опыт эмпирического исследования	617
Смирнова Л.Н. (Санкт-Петербург) Особенности реализации профессионального потенциала людей на примере получения неформального образования и последующей занятости на рынке Форекс в России.....	620
Соболева А. (Нижний Новгород) Трудовой конфликт как фактор девиантного поведения	622
Соловьев А.К. (Москва) Пенсионная реформа России в условиях бюджетно-финансового кризиса	625
Татарова С.П., Затева Н. А. (Улан-Удэ) Уровень безработицы на селе и ее последствия (на примере Республик Бурятия и Тыва).....	627
Уразгалиев В.Ш. (Санкт-Петербург) Показатели социально-региональной дифференциации уровня и качества жизни населения России.....	630
Уткина Н.Ю. (Санкт-Петербург) Развитие социального предпринимательства как перспективной сферы занятости в современной России.....	632
Фатыхова Г.И. (Казань) Современные вызовы и проблемы развития предпринимательства, как двигатель конкурентоспособности субъекта	635
Холоденко Ю.А. (Москва) Российское социальное государство в условиях социально-экономического кризиса	637
Цветкова Г.А. (Москва) О нравственных проблемах в экономике.....	639
Цзи Х. (Санья, КНР) китайско-российское сотрудничество в рамках шелкового пути	642
Шведовский В.А. (Москва) Определение параметров баланса экономической эффективности и социальной справедливости	642
Шипелик О.В. (Таганрог) Современная Россия: отчуждение от труда и личного потребления...	645

Шоцкая А.А. (Санкт-Петербург) Анализ жизненных стандартов населения в нестабильных социально-экономических условиях на примере рынка жилой элитной недвижимости Санкт-Петербурга	647
Яцкова Д.С. (Москва) Университет как актор инновационного развития региона: опыт компаративного анализа	648

Секция 4: Трансформация государственного, муниципального и корпоративного управления: современное состояние и перспективы развития 651

Yesudhas R., Рубцова М. В. (Мумбаи, Индия) Проблема участия бенефициаров (получателей) в управлении негосударственными организациями: новые управленческие практики в Индии и России.....	651
Ананьева Е.Е. (Волгоград) Интерактивные формы взаимодействия граждан и власти (на примере проекта «Активный гражданин»).....	653
Антипьев К.А. (Пермь) Потенциал самоорганизации местных сообществ на муниципальном уровне.....	656
Баранец С.Н. (Гатчина) Местная власть как «Camera Obscura» российских преобразований: практическая теория vs теоретической практики	658
Батраева Г.В. (Тольятти) Участие молодежи в инновационном развитии города Тольятти	660
Блохин В.Н. (Горки, Республика Беларусь) Совершенствование управления – необходимость для сельских территорий российско-белорусского приграничья.....	663
Бокарева В.Б. (Дзержинск) Социальные технологии в системе управления предприятием упаковочной отрасли	665
Бондалетов В.В. (Москва) Общественная самоорганизация как объект управленческих технологий: проблемы управления и управляемости	667
Брук С.А. (Санкт-Петербург) Профессионализм как ключевой фактор эффективного управления: социологические исследования репрезентации профессиональной деятельности	670
Бурмыкина И.В. (Липецк) Социальные технологии в государственном управлении	672
Валитова З.Х., Есимова А.Б. (Караганда, Казахстан) Особенности зарубежных практик исследования имиджа стран и регионов	675
Васильева Е.И. (Екатеринбург) Практика развития застроенных территорий в муниципальном образовании «город Екатеринбург».....	677
Васильева Е.А. (Якутск) Трансформация государственной службы: проблемы и перспективы ..	680
Васильева О.В. (Санкт-Петербург) Местное самоуправление на современном этапе	682
Волчкова Л.Т. (Санкт-Петербург) Трансформация государственного управления в публичное управление как систему социальных взаимодействий	682
Гавриленко О.В. (Москва) Управленческие социальные технологии: социокультурный контекст корпоративного управления	686
Гилязова О.С. (Екатеринбург) Местное самоуправление в Свердловской области: проблемы реализации и развития	688
Госсельбах Л.Н. (Орел) Общественный контроль как способ повышения эффективности деятельности органов внутренних д	690
Грошев И.Л. (Тюмень) Кризис государственных программ в сфере противодействия коррупции	691

Грошева И.А. (Тюмень) Особенности организации гражданского контроля в зарубежной системе государственного управления.....	693
Дасаева Р.М. (Казань) Государственная социально-экономическая политика в отношении сельских территорий в России и за рубежом	696
Демчук Н.В. (Новокузнецк) Социальное конструирование местных сообществ.....	698
Денисова Ю.В., Храмушина А. С. (Санкт-Петербург) Новые механизмы корпоративного взаимодействия в кризисных условиях.....	700
Диденко И.В., Диденко А. А. (Новочеркасск) Военная организация: уровни корпоративизации внутриорганизационных отношений.....	702
Дьякова Е.Г. (Екатеринбург) Портал государственных и муниципальных услуг РФ: электронные услуги для «среднего класса»	705
Единова М. (Санкт-Петербург) Миграционная политика в мегаполисах: управление через сообщества.....	706
Ермолаева П.О. (Казань) Оценка качества услуг в культурной сфере в мнениях потребителей (кейс Республики Татарстан)	707
Ефимова Е.Д. (Санкт-Петербург) Управление знаниями в коммерческой организации	709
Желнина Е.В. (Тольятти) Синергетическая модель инновационной активности современного промышленного предприятия	712
Ильдарханова Ф.А. (Казань) Практики взаимодействия местного самоуправления и населения в развитии сельских территорий.	714
Ишкинеева Г.Ф. (Казань) Трансформация российских городских территорий: возможности и ограничения.....	717
Каира Ю.В. (Орел) Значение системы ситуационно-аналитических центров в информационной деятельности органов государственного и муниципального управления	720
Капица С.И. (Санкт-Петербург) Эволюция корпоративного управления в России в кризисных условиях и применение подхода 3D-Менеджмента	722
Касаткина В.А. (Волгоград) Корпоративная социальная ответственность в структуре социального имиджа организации	724
Костина Н.Б., Климан С.В. (Екатеринбург) Корпоративный университет как форма подготовки работников промышленной корпорации	726
Кравцова К.Г. (Москва) Особенности корпоративной культуры дошкольного образовательного учреждения.....	728
Кузеванова А.Л. (Волгоград) Реформы в системе государственной службы РФ и их оценка госслужащими: опыт социологического анализа.....	730
Кузнецова П.Ю. (Пермь) Общественно-консультативные органы при органах МСУ как форма взаимодействия местного сообщества и власти	733
Лановая В.М. (Волгоград) Муниципальное управление в России: этапы становления.....	735
Ларина И.С. (Волгоград) Внутрифирменное обучение как фактор поддержания персонала в кризисный период.....	738
Лепетухина Е.В. (Волгоград) Трансформация понятия "контроллинг"	740
Лесина Л.А. (Екатеринбург) Роль муниципальных органов власти в поддержании здоровья работающей молодежи	742

Магомедова Э.Ш. (Волгоград) Развитие инновационного потенциала персонала как условие выхода организации из кризиса	744
Меньшикова Г.А. (Санкт-Петербург) Этический режим% понятие, оценивание ситуации в РФ..	746
Миллер Н.В., Давиденко Л. М. (Омск) Социально - экономические аспекты управления интегрированными промышленными предприятиями в условиях кризиса.....	749
Назаретян Д.Г. (Волгоград) Проблемы внедрения электронного документооборота в системе муниципального управления (на примере города Волгограда).....	751
Нарожная Д.А. (Москва) Разработка мер по ограничению деструктивной мотивации персонала как условие эффективного существования организаций	753
Носкова Е.П. (Казань) Год парков и скверов в Республике Татарстан: опыт муниципального управления по формированию природных объектов в условиях городского пространства.....	756
Оганян К.К. (Санкт-Петербург) Сотрудничество как основа понимания личности в социологической концепции К.М. Тахтарева	758
Пахомова А.Т. (Якутск) Формирование благоприятного имиджа города Якутска	761
Першин Г.В. (Санкт-Петербург) Социальный комплекс городов России – задачи и основные отрасли	763
Петельчук Е.А. (Санкт-Петербург) Корпоративная социальная ответственность в условиях кризиса	765
Подпоронова Н.Н., Братищева Е. (Белгород) Особенности управления персоналом в учреждениях социальной защиты населения	767
Подъячев К.В. (Москва) Провинциальная демократия: политические партии в системе муниципального управления в регионах РФ	768
Проказина Н.В. (Орел) Кадровый потенциал муниципальной власти	771
Романенко Е.Н. (Санкт-Петербург) Содействие прозрачности и подотчетности городского управления с помощью социальных медиа и элементов электронного правительства.....	773
Рыцева Т.О. (Иркутск) Перевод госуслуг в электронный вид как направление административной реформы в России: реализация и перспективы	776
Салажиева А.Ш. (Волгоград) Проблемы и пути повышения активности участия жителей в местном самоуправлении (на примере города Волгограда).....	778
Санжимитупова Т.А. (Санкт-Петербург) Корпоративное управление в сфере общественного питания.....	780
Сибирев В.В. (Санкт-Петербург) Государственное регулирование акционерных обществ, в которых участником (акционером) выступает Санкт-Петербург.	781
Сидорова Р.А. (Якутск) Организационные патологии	783
Симакова А.В. (Петрозаводск) Социальная активность населения как фактор развития местного самоуправления в столичном периферийном городе: на примере города Петрозаводска	785
Ситникова А.А. (Екатеринбург) Закупочный процесс в рамках «Федерального закона от 18 июля 2011г. №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»	788
Суслова Т.В. (Москва) Политический анализ внешней среды компании с точки зрения бизнесмена: как найти общий язык с властью?	790
Сычева А.А., Борисов А.Ф. (Санкт-Петербург) Городские общественные организации в системе социального управления	793

Тарбеева И.С. (Екатеринбург) Экспертная оценка практики участия населения в осуществлении местного самоуправления на территории муниципального образования «город Екатеринбург»	795
Тартыгашева Г.В. (Улан-Удэ) Актуальные проблемы реформирования сельских муниципальных учреждений культуры в Республике Бурятия.	798
Трахтенберг А.Д. (Екатеринбург) Электронное правительство и взаимодействие граждан с органами власти: как изменяются «тактики слабых»?	801
Уржа О.А. (Москва) Роль социологии управления в повышении эффективности государственного и муниципального управления	803
Хабло Л.С. (Волгоград) Управление внутренними коммуникациями в организации в условиях экономического кризиса: особенности, проблемы и пути их решения.	804
Черёмкина К.С. (Екатеринбург) Нормативное регулирование основных механизмов обеспечения открытости деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.	806
Шавырина И.В. (Белгород) Корпоративная газета как инструмент внутреннего PR.....	808
Шагиахметова А.Х. (Казань) Управленческое лидерство в контексте социальной синергетики .	811
Шаповалова Е.Б. (Санкт-Петербург) Управление человеческими ресурсами организации: теоретические подходы.....	813
Шухно Е.В. (Минск, Республика Беларусь) Ценности организационной культуры как основа эффективного корпоративного управления	816
Яценко Д.П. (Белгород) Анализ особенностей принятия решений в процессе управления муниципальной собственностью (на примере Алексеевского района Белгородской области)..	818
Секция 5: Россия в мировом информационном пространстве: вызовы и перспективы.....	820
Адамьянц Т.З. (Москва) Смысловые снаряды современных манипулятивных технологий и возможно ли им противостоять?	820
Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Червоный А.М. (Пятигорск) Концептуализация России в европейском парламентском дискурсе	822
Аминова Ю.Р. (Новосибирск) Образ врага в поколенческом измерении	825
Антоненко В.И. (Королёв) Информационная безопасность России и информационные войны	826
Ануфриева Е.Р. (Екатеринбург) Онлайн-СМИ и личное информационное пространство современного человека	830
Астахов А.М. (Ростов-на-Дону) Кризис международных взаимоотношений - конфликт восприятий, интерпретаций, реакций.....	832
Берденев С.В. (Барнаул) Роль сайтов социальных сетей в жизни малых социальных групп.....	833
Бобылева Н.Ю. (Орел) Природа мирового информационного пространства и тенденции его развития	835
Бубнова М.И. (Москва) Сетевые связи как социальный капитал в процессах институализации информационного пространства	837
Буланова М.А. (Воскресенск) Факторы воздействия средств массовой информации на информационные войны современного социального пространства России	840
Бушкова-Шиклина Э.В. (Киров) Направления модернизации института высшего образования в условиях информатизации общества	842

Быков И.А. (Санкт-Петербург) Персонализация политики в современном информационном пространстве (на примере личной жизни лидеров G20).....	845
Ведерникова М.И. (Москва) Актуальные проблемы имиджа России в европейских странах.....	847
Владимирова Т.В. (Новосибирск) О противоречии, определяющем логику развития социального информационного пространства	850
Волченко О.В. (Санкт-Петербург) Доверие в контексте информационного потребления: случай России.....	852
Гаврильева А. (Якутск) Перспективы российско-китайских отношений.....	854
Галактионова Н.А. (Тюмень) Этнонационализм в дискурсе российских СМК	855
Герасимова А.Н. (Тюмень) Роль сетевых ресурсов в информационном обществе	858
Громова Н.С. (Екатеринбург) Вербальный экстремизм как социальное оружие в условиях информационной войны	859
Губанова А.Ю. (Москва) Подростки в информационном пространстве: взгляд социолога	861
Демушина О.Н., Семикина Ю. Г. (Волгоград) Манипулятивные средства воздействия СМИ на общественное сознание	864
Евсеев Е.А. (Санкт-Петербург) Особенности практического использования метода нечеткого сравнительного анализа	867
Егорова Ю.В. (Москва) Социологический анализ методов ведения информационной войны России.....	868
Жигулева А.В., Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург) Человек в социальной сети	871
Жирина М.В. (Москва) Перспектива развития непрерывного образования в российском информационном пространстве.....	873
Игнатьев В.И. (Новосибирск) Коммуникация VS информация: конфликт в информационных потоках	875
Ильясова Е.В. (Оренбург) Информационные войны и информационная безопасность России..	877
Инсарова А.С. (Москва) Субъекты латентной власти в информационном обществе на примере анализа интернет-пространств.....	880
Исаичкина Т.А. (Москва) Современное киберпространство: война всех против всех.....	881
Исаичкина Т.А. (Москва) Электронное правительство в России: применима ли американская модель?.....	883
Кардинская С.В. (Санкт-Петербург) Сообщество «халяль» в рекламном дискурсе Санкт-Петербурга	885
Килимова Л.В. (Курск) Специфика коммуникативных практик в Интернет-пространстве	886
Кирилина Т.Ю., Рыбников К. К., Чернышова А. Г. (Королёв) Задачи о назначениях как математические модели принятия управленческих решений и определения оценок рейтинга в социологических исследованиях рабочих коллективов.....	889
Ковалев И.В., Пушкова М.Д. (Санкт-Петербург) Социальные последствия развития электронного образования.....	891
Колозариди П.В., Шубенкова А. Ю. (Москва) Как трансформируется отношение к Интернету и информационным технологиям в России и на что это влияет.....	893

Корытникова Н.В. (Харьков, Украина) Вопросы легализации деятельности хакеров с благими общественными целями.....	895
Кузьмина О.Г. (Ростов-на-Дону) Отражение образа В.В. Путина в российском интернет-пространстве	897
Локотова-Терновая О.Ю. (Харьков, Украина) Инновационные тренды развития системы интракоммуникаций в современных организациях	899
Лонцов В.В., Прончев Г.Б., Третьякова И.В. (Москва) Об информационной безопасности виртуальных социальных сред в современных условиях.....	903
Львин Ю.М., Покровский Б.Н. (Санкт-Петербург) Социально-психологический анализ институтов передачи знаний в информационном обществе	905
Маркеева А.В. (Москва) Проблемы и перспективы развития лайфлоггинга.....	907
Монахов Д.Н. (Москва) Образование в области ИКТ как средство преодоления цифрового неравенства в современной России	910
Муха В.Н. (Краснодар) Влияние новых коммуникационных технологий на формирование социальной идентичности: практики и риски	913
Николаева А., Шангина В.В., Цховребова Н.В. (Москва) Лингвистические особенности манипулирования сознанием аудитории в зарубежных и российских СМИ (на материале телеканалов CNN и RussiaToday).....	915
Новикова С.П. (Иваново) Интернет будущего регионального телевидения.	918
Обрывалина О.А. (Москва) Предпосылки реализации информационного подхода в обеспечении безопасности городской среды (на примере г. Москвы)	918
Окрушко Е.Ю. (Санкт-Петербург) Угрозы информационной безопасности: их влияние на общество	920
Панова Е.С. (Санкт-Петербург) Соционика как инструмент рекрутинга персонала	922
Привалов И.В. (Нижний Новгород) Влияние новых медиа на политическую вовлеченность пользователей Интернета.....	924
Протасеня Е.А. (Санкт-Петербург) Особенности формирования исторической памяти в современном обществе	926
Ракачев В.Н., Халафян А. А. (Краснодар) Моделирование этнодемографических процессов в полиэтничном регионе с использованием вероятностно-статистических методов.....	928
Семикин Д.В., Семикина Ю. Г. (Волгоград) Подходы к управлению информационным развитием Волгоградского региона.....	930
Серебрякова З.О. (Самара) Деинституциализация как вектор развития российского информационного пространства	932
Сибирев В.А. (Санкт-Петербург) Информационные системы социологических данных	934
Силаева В.А. (Москва) Международная информационная безопасность на повестке дня: секьюритизация угроз.....	936
Скитович В.В. (Санкт-Петербург) "Несите ваши денежки..."	938
Сорокина Н.Д. (Москва) Информационная война в контексте социального раскола	940
Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург) Природа мирового информационного пространства и тенденции его развития	943

Степашов А. (Санкт-Петербург) Религиозная элита Русской православной церкви современной России: институциональный аспект.....	945
Стрельцын М.И. (Санкт-Петербург) Общественные институты «безнадёжны»? Истинный гуру молодёжи в современном информационном обществе	948
Флягин А.А. (Санкт-Петербург) Подходы к социальному аудиту программ патриотического воспитания	949
Ханипова И.Т. (Екатеринбург) Жители Екатеринбурга о проблемах информационной открытости деятельности органов исполнительной власти.....	952
Чупракова А.В. (Тюмень) Электронное участие населения в рамках структурно-функционального анализа	954
Шахова Е.В. (Барнаул) Регуляция межэтнических взаимодействия в современном обществе посредством интернет-ресурсов региона (на примере Алтайского края)	956
Шведовский В.А. (Москва) Оптимизация баланса мер экономической эффективности и социальной справедливости в общественном воспроизводстве современной России	959
Щербакова Д.В. (Санкт-Петербург) Кризис информационного общества как толчок к формированию культуры потребления	962

Секция 6: Неклассические алгоритмы прикладной социологии в исследованиях современного общества **964**

Антонов А.И. (Москва) Семейно-детные ориентации населения России и перспективы фашизма	964
Аркин Г.О., Зотова В.А. (Москва) Параданные в СAPI на планшетных компьютерах	967
Григорьев В.Е. (Санкт-Петербург) Место компьютерной симуляции в научном исследовании..	969
Демина Н. (Орел) представление о социологии и социологах в общественном сознании	971
Дерюгин П.П., Шилева А.С. (Санкт-Петербург) Ценности молодежного предпринимательства: объективные предпосылки развития и противоречия социологического осмысления	974
Дудина В.И. (Санкт-Петербург) Тенденции развития прикладной социологии в пространстве «больших данных»	976
Иванова А.А. (Санкт-Петербург) Конструирование виртуального сообщества как социальная технология.....	978
Иванова И.А. (Барнаул) Профессиональные базы данных в деятельности социолога	980
Казаков С.В. (Санкт-Петербург) Возможности научной электронной библиотеки eLibrary.ru для построения выборки библиометрического исследования: анализ публикационной активности	983
Казаринова Н.В. (Санкт-Петербург) Парадоксы перемирий.....	985
Кузьмина О.В. (Санкт-Петербург) Понимание феномена международных рейтингов в различных социальных средах: сравнительная характеристика азиатской и европейской системы высшего образования.....	987
Ларкина Т.Ю., Круглова К.Д., Балакирева М.С. (Москва) Исследовательские дизайны в стратегиях смешивания методов и их познавательные возможности.....	989
Максимов Б.И. (Санкт-Петербург) Об алгоритмах прикладной социологии в сфере труда.....	990
Наумова Е. (Новочеркасск) Методы выявления мотивов выбора инженерного образования учащейся молодежью.....	992

Нечитайло И.С. (Харьков, Украина) Скрытая учебная программа и приемы ее реализации: некоторые результаты эмпирического исследования.....	994
Овечкина Я.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Особенности изучения киберкоммуникации в интернет-сообществах дауншифтеров.....	996
Овсянников В.Г. (Санкт-Петербург) Построение выборки методом социологического отбора ..	999
Пашков М.В., Смирнова Е. Э., Дубровская С. Е. (Санкт-Петербург) Типология лидерских позиций как результат высших достижений в профессии.....	1001
Платонов К.А. (Санкт-Петербург) Исследовательская стратегия социологического изучения промышленного моногорода.....	1003
Покровская Н.Н. (Санкт-Петербург) Социетальные регулятивные механизмы и анализ поведенческих траекторий в пространстве Big data	1005
Сидорова А.Н., Петрова Я.В. (Санкт-Петербург) Социологические исследования в современных организациях: перспективы использования сетевого подхода	1007
Суслов С.И. (Санкт-Петербург) Сетевые особенности петербургских политических сообществ в социальной сети ВКонтакте.....	1009
Хабибулина В.М. (Санкт-Петербург) Big open data для социологии социальных проблем.....	1011
Секция 7: Культурные изменения в контекстах мобильности	1013
Sechi G., Apsite-Berina E., Krisjane Z., Berzins M. (Рига, Латвия) From aspirations to necessity: analysis of post- versus pre-crisis migration in Latvia	1013
Абрамова М., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. (Новосибирск) Этнически смешанные браки как показатель межэтнических взаимодействий в регионах России	1015
Анисимова В.А. (Москва) Социокультурная мобильность во Франции и Германии и изменение контуров государственного пространства.....	1017
Арефьева А.В. (Москва) Одиночество как социальное последствие урбанизации	1019
Балич Н.Л. (Минск, Республика Беларусь) Религиозные практики православных: опыт сравнительного исследования (на примере населения Республики Беларусь и жителей Краснодарского края)	1020
Билогур В.Е. (Мелитополь, Украина) Развитие спортивной культуры личности в контексте реконфигурации социокультурного спортивного пространства.....	1023
Васильева Д.А. (Санкт-Петербург) Городские саундскейпы в контекстах мобильности	1026
Вершинина И.А. (Москва) Новые мобильности XXI столетия как фактор формирования городской идентичности	1027
Власова И.В. (Санкт-Петербург) Диалог в условиях социокультурного плюрализма.....	1029
Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону) Политика интеграции мигрантов в социокультурное пространство: опыт современной Германии.....	1031
Габдрахманов Н.К. (Казань) Предпосылки формирования современной системы расселения татар в Поволжье.....	1033
Гвоздииков Д.С. (Санкт-Петербург) Онлайн сети как пространство идентификации	1036
Горелова И.В. (Волгоград) О практике нивелирования семейных ценностей	1037
Данилова А. (Санкт-Петербург) Современные российские праздники как изобретенная традиция	1039

Демин Т.С. (Санкт-Петербург) Граница как объект теоретической социологии.....	1040
Дергунова Н.В. (Ульяновск) Векторы трансформации этнокультурной идентичности выпускников российских вузов за рубежом	1042
Дроздова Ю.А. (Волгоград) Образовательная миграция как современная тенденция пространственной мобильности молодежи	1044
Ежов С.П. (Санкт-Петербург) Чем больше изменяется мир, тем больше он остается неизменным.	1046
Ибрагимова А.А. (Казань) Роль культуры в общественной жизни: передача культурного наследия в Республики Татарстан	1047
Ильин В.И. (Санкт-Петербург) Консервативный поворот в российской массовой культуре	1049
Каллина А.В. (Санкт-Петербург) Дискурс культуры воды Ленинградской области	1051
Кириллова А.И. (Новосибирск) Модели аутосоциализации общества в условиях инокультурной миграции	1053
Колударова С.В. (Москва) Пространственная мобильность в браке с иностранцем	1055
Крецер И.Ю. (Санкт-Петербург) Родственные отношения в контексте мобильности.....	1058
Курбонов Ф.А. (Барнаул) Социально-психологическая адаптация иностранных студентов в вузах Российской Федерации	1059
Куропятник А.И. (Санкт-Петербург) Культурные изменения в контекстах мобильности	1061
Куропятник М.С. (Санкт-Петербург) Коренные народы и культурная мобильность.....	1063
Лихачёв Н.Е. (Могилёв, Республика Беларусь) Сельский образ жизни и потенциал общинности	1063
Лычко С.К., Мосиенко Н. Л. (Новосибирск) Практики мобильности с использованием общественного транспорта в крупном городе	1066
Максимова С.Г., Максимов М.Б., Морковкина А.Г. (Барнаул) Гражданская и этническая идентичность в контексте межкультурного взаимодействия населения приграничных регионов России.....	1068
Мальшев А.Г. (Санкт-Петербург) Тактики потребления социального транспорта жителями удаленных районов Санкт-Петербурга.....	1070
Мартынова Д.А., Жаркова М. В. (Санкт-Петербург) Социокультурная мобильность и изменение контуров пространства идентификации.....	1071
Миненкова Я.Д. (Санкт-Петербург) Формирование социокультурной границы Новосибирского Академгородка в контексте глобализации	1073
Миронова М.В., Казанцева В.Н. (Екатеринбург) Студенческое самоуправление как неотъемлемая часть адаптационной системы иностранных студентов в ВУЗе	1075
Михайлова А.С. (Санкт-Петербург) Анализ социальной адаптации с точки зрения теории социального действия М. Вебера.	1078
Михеева Н.А. (Санкт-Петербург) Германия и немцы в глазах современных россиян	1080
Нурутдинова А.Н. (Казань) Общегражданская, региональная и этническая идентичности татарстанцев (по материалам опроса)	1082
Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. (Барнаул) Молодежные образовательные обмены в странах ШОС: статистические и социологические оценки	1085

Павлова А.В. (Санкт-Петербург) Информационная политика как важный фактор формирования национальной идентичности белорусов.....	1087
Панич Н.А. (Москва) Миграция как фактор трансформации социокультурного пространства мегаполиса.....	1089
Плетнев А.В. (Санкт-Петербург) Особенности религиозной аномии как катализатора девиации в современном обществе.	1091
Потеряева Е.Е. (Екатеринбург) Интернет как пространство становления идентичности.....	1093
Ракачева А.В. (Санкт-Петербург) Люди фронта: русские на Северном Кавказе как этнокультурная группа	1095
Салморбекова Р.Б. (Бишкек, Кыргызская Республика) Влияние глобализации социокультурной интеграции в Кыргызской Республике	1097
Селецкий Р.И., Ключев Д.Ю. (Санкт-Петербург) Медиа и конструирование социокультурного опыта: траектория развития	1099
Семьянов С.А. (Барнаул) Образ этнически другого в социальных представлениях студентов АлтГУ	1102
Сикевич З.В. (Санкт-Петербург) Язык как инструмент этнополитики	1104
Смирнова С.В. (Сыктывкар) Динамические изменения направлений образования личности в контекстах мобильности.....	1106
Смолина Е.Г. (Волгоград) Творческие способности как фактор социальной мобильности в рамках современной культуры	1109
Тавровский А.В. (Санкт-Петербург) Социальная интеграция мигрантов: перспективы российской миграционной политики.....	1112
Тимофеева Е.В. (Санкт-Петербург) Интеграция иммигрантов и национальные общества	1113
Туракаев М.С. (Санкт-Петербург) Социокультурные аспекты мобильной трудовой занятости (на примере Северо-востока Республики Башкортостан)	1115
Фатхуллин Ю.А. (Санкт-Петербург) Роль национально-культурных объединений в социальной адаптации мигрантов в местное сообщество г. Санкт-петербург.....	1117
Хамидулин В.С. (Владивосток) О некоторых моделях интеграции иммигрантов в принимающее общество	1120
Шишигин А.В. (Пермь) Структура территориальных идентичностей жителей крупного города (на примере Перми).....	1122
Шуклина Е.А. (Екатеринбург) Социокультурные контексты образовательной политики Великобритании в отношении детей мигрантов.....	1124
Щетинина М.Ю., Зырянов В.В. (Москва) Трансформация образования как основного канала социальной мобильности.....	1126

Секция 8: Траектории социальной трансформации в странах бывшего СССР: сравнительный анализ **1128**

Абрамова М., Крашенинников В.В. (Новосибирск) Трансформация модели взаимодействия науки и высшего образования в России.....	1128
Аникина Т.А. (Новосибирск) К вопросу об оценке качества образования.....	1130
Артамонова М.В. (Москва) Трансформация структуры «профессионального высшего образования» РФ в постсоветский период: по материалам министерских документов.	1132

Батаева Е.В. (Харьков, Украина) Коммуникативная солидарность в трансформирующемся обществе	1136
Бацман О.С. (Полтава, Украина) Интегрированное образование в Украине: проблемы внедрения	1138
Вагабова А.И. (Волгоград) Отношение студентов Волгоградского филиала РАНХиГС к мигрантам	1140
Василевская И.В. (Москва) Трудовые мигранты из Беларуси в российском социуме: стратегии взаимодействия и интеграции	1142
Грунт Е.В. (Екатеринбург) Трансформация системы высшего образования в современной России: проблема субъектности	1144
Грязнова А.С. (Санкт-Петербург) Предпринимательский потенциал современного университета	1148
Гурарий А.Д. (Екатеринбург) Российское гуманитарное образование сегодня: основные вызовы в условиях меняющегося мира	1150
Дакенов М.Д., Абрахматова Г. А. (Алматы, Казахстан) миграция как доминирующий фактор консолидации этноса	1152
Данилова Е.А. (Минск , Республика Беларусь) Современные миграционные процессы как вызов национальной идентичности	1154
Дугаржапова Д.Б. (Иркутск) Миграция населения в Иркутской области	1155
Еремичева Г.В. (Санкт-Петербург) Воспроизводство траекторий индивидуальных жизненных курсов в контексте трансформации российского общества	1157
Злотников А.А. (Гомель, Республика Беларусь) Миграционные намерения белорусских студентов.....	1159
Зобов Р.А. (Санкт-Петербург) Актуальные проблемы современного высшего образования	1161
Инджиголян А.А. (Караганда, Казахстан) Эволюция языковой полититки в Республике Казахстан	1163
Карбаинов Н.И. (Санкт-Петербург) Феномен сквоттерских поселений ("нахаловок") в постсоветских городах в сравнительной перспективе.....	1166
Катаев С.Л. (Запорожье, Украина) Советское время в коллективной памяти украинского населения.....	1167
Кашина М.А. (Санкт-Петербург) Инновации в российском высшем образовании: факторы неуспеха (на примере реформы аспирантуры)	1170
Копейкин В.М. (Санкт-Петербург) Перспективы трансформации социологического образования в современной России.	1172
Лазаричева С.Г. (Москва) Концепция предпринимательского университета Бёртона Кларка..	1175
Лакомова А.А. (Нижний Новгород) Маргинализация и криминализация мигранта в средствах массовой информации на примере теории социальной стигматизации Эрвинга Гоффмана ...	1177
Лаукарт-Горбачева О.В. (Казань) Официальный дискурс проблем российского образования .	1179
Лисина Е.А. (Красноярск) Трансформация российской системы образования на примере исторических факультетов Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева и Сибирского федерального университета	1181

Лихачёва С.Н. (Могилёв, Республика Беларусь) Тенденции изменения демографической ситуации в Республике Беларусь	1183
Максимова С.Г., Максимова М.М., Ноянзина О.Е. (Барнаул) Механизмы социального исключения или принятия лиц старших возрастных групп	1186
Макухина А.А., Коновалова Е. И., Килимова Л. В. (Курск) Роль института образования в современном российском обществе	1188
Михель А.А., Целищева Е.Ф. (Екатеринбург) Перспективы и сценарии развития системы дополнительного образования детей в сфере культуры.....	1191
Монахов А.С., Сорокина Т. А. (Тольятти) Дистанционное образование как новая форма и технология российского образования	1193
Мустаева С.С. (Лениногорск) Роль высшего образования в социальной адаптации молодежи	1195
Назаренко Ю.С. (Минск, Республика Беларусь) Воздействие образовательной активности на профессиональную мобильность населения Беларуси	1198
Назарова Д.В. (Минск, Республика Беларусь) Специфика социальной политики в области ЖКХ в Республике Беларусь.....	1200
Немирова Н.В., Шкенеv Д. Ю. (Санкт-Петербург) Социальные риски миграционных процессов в условиях массового притока беженцев с Украины (по материалам прикладного социологического исследования).....	1202
Пацукевич О.В. (Горки, Республика Беларусь) Анализ современного состояния российской системы образования	1204
Пацукевич О.В. (Горки, Республика Беларусь) Массовизация высшего образования как общемировая тенденция.....	1206
Плеханова Е. (Тверь) Феномен транснационализма в международных отношениях и политической системе России на постсоветском пространстве.	1208
Попова Е.Г. (Санкт-Петербург) Механизмы социального исключения и новые формы солидарности: уроки постсоциализма.	1211
Прохода В.А., Клейменова Е. В. (Москва) Оценка россиянами отечественной системы образования.....	1212
Пугач В.Ф. (Москва) Социальная трансформация человеческих ресурсов высшей школы России в постсоветский период.....	1215
Ракачева Я.В. (Краснодар) Миграции на юге России: масштабы и последствия	1216
Резаев А.В., Трегубова Н.Д. (Санкт-Петербург) Транснационализм и «альтернативная повседневность»: новый концептуальный аппарат для осмысления миграционных процессов на постсоветском пространстве	1219
Санникова О.В. (Ижевск) Некомпенсируемая образовательная миграция как трансформационный процесс: методологические основания и региональные перспективы исследования	1220
Скок Н.С. (Мариуполь, Украина) Высшее образование Украины: проблемное поле исследований в контексте трансформаций	1222
Стариков В.С. (Санкт-Петербург) Диверсификация высшего образования в странах бывшего Советского союза: сравнительный анализ трансформаций России, Украины, Беларуси, Эстонии, Латвии, Литвы	1224

Старых Н.П. (Орел) Имидж региона и миграция	1225
Тавровский А.В. (Санкт-Петербург) Сравнительные количественные исследования миграционной политики и прав мигрантов.....	1227
Титаренко Л.Г. (Минск, Республика Беларусь) Трансформация системы высшего образования в Беларуси: гендерный аспект	1230
Титова Е.Н. (Могилёв, Республика Беларусь) Взаимодействие местных органов власти и сельчан посредством СМИ (на примере Могилевской области)	1232
Титова М.А., Носкова А.В. (Москва) Социальные эффекты менеджериальной модернизации российской школы.....	1233
Усова А.С. (Барнаул) Социальная защита беженцев и переселенцев на рубеже XIX-XX вв.	1236
Хохлова А.М., Тыканова Е. В. (Санкт-Петербург) Траектории оспаривания пространства в постсоветском городе (на примере массового сноса гаражей в Санкт-Петербурге).....	1238
Целищева Е.Ф., Трофимова Д.В. (Екатеринбург) Роль молодых педагогов в развитии образовательных учреждений культуры	1241
Шершнева Е.Л. (Санкт-Петербург) Трансформация трудовых отношений на приватизированном предприятии: 15 лет спустя	1243
Щеклачева Т.В. (Новосибирск) Школа как модель поликультурного общества: постсоветские трансформации.....	1245
Ярошенко С.С. (Санкт-Петербург) Механизмы социального исключения в России: теория и практика	1247

Секция 9: Современный кризис в публичном дискурсе: культурные смыслы и практики

интерпретации.....	1247
Абрамова С.Б. (Екатеринбург) Культурные смыслы кризиса: денежная рационализация ценностных оснований	1247
Волкова Л.В. (Москва) Парадоксы дискурса о реформе российского образования.....	1250
Воробьёв П.С. (Москва) Культурные смыслы кризисных перемен в украинском обществе	1252
Гафнер К. (Санкт-Петербург) Неклассический тип социо-коммуникативных технологий в медиации	1254
Гудова Е.А. (Москва) Производство смыслов в работе государственных организаций: случай Почты России	1256
Добрынин Е.Н. (Ростов-на-Дону) Субкультура художников	1258
Зиновьева Н.А. (Санкт-Петербург) Интернет-мемы как зеркало кризисных тенденций	1260
Идальго Л., Рубцова М. В. (Мадрид, Испания) Метафоры кризиса и социальных изменений: дискурс анализ граффити	1260
Ильина И.В. (Тюмень) Социальная идентичность и солидарность.....	1261
Ирсетская Е.А. (Москва) Кризис нравственных ценностей в жизненном мире современных россиян.....	1264
Келасьев О.В. (Санкт-Петербург) Конфликтологическое консультирование уязвимых групп городского населения в условиях кризиса	1265
Китайцева О.В. (Москва) Информационные коммуникативные практики благотворительности, как отражение нового типа культуры потребления.....	1267

Косарева В.А., Чигиркина В.А. (Нижний Новгород) Предпринимательское Я. Человек как самопредприниматель	1269
Крокинская О.К. (Санкт-Петербург) «Карты правду говорят...»: когнитивная сила социо-этической метафоры	1272
Куклин Г.А. (Санкт-Петербург) Социологический универсализм против региональных социальных онтологий: к анализу феномена поляризации современного российского общества	1276
Курбанов А.Р. (Москва) Культурно-исторические аспекты восприятия экономического кризиса в Греции	1278
Максимова Е.С. (Тула) Проблемы научно-творческой деятельности молодых учёных в условиях кризиса	1280
Макушева М.О. (Санкт-Петербург) "Кризис" и его проявления в восприятии населения (на материалах исследований в Ямало-Ненецком АО)	1282
Мальцева А.А. (Тюмень) Нормы и девиации как взаимосвязанные социокультурные феномены	1284
Миллер Н.О. (Краснодар) Конфликт между поколениями как кризисное явление в современной жизни российских семей	1287
Новикова Г.А. (Орел) К вопросу о социологической культуре населения г. Орла.....	1289
Подгорный А.С., Килимова Л. В. (Курск) Причины низкого качества российского кинематографа	1292
Салеева Е.А., Рахматуллина З. Б. (Уфа) Социальная работа с конфликтной семьей	1295
Смыкова Е. (Минск, Республика Беларусь) Социально-демографические и социокультурные характеристики потенциальных посетителей и "непосетителей" музеев в Беларуси.....	1297
Сульжицкий И.С. (Минск, Республика Беларусь) Образ России в белорусских интернет-СМИ: оптика украинского кризиса (на примере информационного портала tut.by)	1299
Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург) Постсекулярный социум: недоверие и культура страха...1302	
Царева А.В. (Санкт-Петербург) Игроизация реальности как форма преодоления кризиса	1304
Шаронов Д.И. (Москва) Экологический способ смыслового моделирования коммуникативных практик	1306
Шитик М. (Санкт-Петербург) Коммуникативные практики в кризисном публичном и приватном пространстве современной жизни	1309
Шманкевич Т.Ю. (Санкт-Петербург) Взгляд на кризис школьного образования сквозь призму "пространственного порядка"	1311
Ятина Л.И. (Санкт-Петербург) Мода как инструмент конструирования национальной идентичности (на примере модных трендов Украины 2014 г.)	1313
Секция 10: Современная российская молодежь в условиях кризиса	1316
Азарова Е.Н. (Новочеркасск) Влияние одиночества на социальное самочувствие студенческой молодежи.....	1316
Алимов Р.А. (Казань) Группа поддержки спортивной команды как фактор социализации современной студенческой молодежи.....	1317
Антипова А.А. (Саранск) Социальные условия на селе как фактор формирования жизненных позиций современной сельской молодежи	1318

Антонова Н. (Екатеринбург) Аддиктивные практики студентов	1320
Аристов Л.С. (Екатеринбург) Роль современной молодежи в развитии массового спорта	1322
Афонина А.А. (Ульяновск) Возможности сохранения культурной идентичности русскоязычной молодежью в Туркменистане	1324
Баженова Ю.В. (Тольятти) Типологизация трудовых стратегий современной молодежи (На примере студентов Тольяттинского государственного университета)	1326
Базиева Э.М. (Волгоград) Современная российская молодежь в условиях кризиса.....	1328
Барсукова С.А. (Пенза) Нравственные ценности российской молодежи в современных условиях	1330
Батрак Е.В. (Санкт-Петербург) Профессиональная социализация студентов и выпускников вузов	1332
Башкирова З.А. (Санкт-Петербург) Ценностные ориентации современной российской молодежи	1335
Безрукова О.Н. (Санкт-Петербург) Родительский потенциал молодежи: презентация исследования.....	1337
Бирюкова А.В. (Санкт-Петербург) Молодежь в социальной сети: социальная активность и профилактика.....	1338
Бубнов Ю.М. (Могилёв, Республика Беларусь) Фиаско золотой рыбки рождаемости белорусов	1340
Бухнер Н.Ю. (Барнаул) Субъективная оценка территориальной мобильности студентов вузов Алтайского края.....	1343
Власова Н.В., Галкина Е.П., Кадничанская М.И. (Ульяновск) Реализация региональной социальной политики поддержки молодой семьи в Ульяновской области	1345
Власова О.И., Вершинин С. Е., Ловыгин С. А. (Екатеринбург) Пенсионный возраст в оценках современной молодежи * (Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта научных исследований «Пенсионные стратегии молодого поколения россиян», проект № 15-33-01012)	1347
Волкова К.В., Дудина В.И. (Санкт-Петербург) Состояние здоровья и рискованное поведение российской молодёжи в конце XX - начале XXI века.....	1349
Воронина О.А. (Киров) Социальное самочувствие молодых семей в новых социально-экономических условиях	1352
Ганиева А.Р. (Казань) Особенности состояния и позиционирования молодежных субкультур в Республике Татарстан	1354
Гафиятуллина К.Р. (Екатеринбург) Религиозное поведение современной российской молодежи (на примере студенчества)	1357
Голубева И. (Нижний Новгород) Роль добровольчества в студенческой жизни российской молодежи.....	1359
Горчакова Д.С. (Москва) Развитие человеческого потенциала - фактор улучшения экономического положения молодежи в условиях кризиса	1360
Гринкевич О.В. (Минск, Республика Беларусь) Трансформация образа будущего в сознании студенческой молодежи.....	1362

Грошева Л.И. (Тюмень) Нивелирование рисков молодёжного бизнеса в условиях экономического кризиса	1364
Грошева Л.И., Чернов В.А. (Тюмень) Ценности семьи и брака у курсантов России и иностранных государств	1366
Грунт Е.В., Зайко А. П. (Екатеринбург) Социальная активность в практиках современных студентов колледжей: взгляд социолога	1368
Давгуль Е.Г. (Екатеринбург) Проблемы формирования культуры здоровья у студентов	1371
Дементьева И.Н. (Вологда) Экономическое положение и социальное самочувствие молодёжи Вологодской области в условиях кризиса	1374
Демидова А.В. (Могилёв, Республика Беларусь) Факторы семейного неблагополучия молодой белорусской семьи в условиях кризиса	1378
Демченко Т.С. (Москва) Методология и технология исследования и оценки эффективности структур гражданского общества в неформальном социальном контроле высшего образования	1381
Дмитриева Ю.Н. (Иркутск) Актуальность региональных исследований молодёжи России	1383
Дулина Н.В., Икингрин Е. Н. (Волгоград) Портрет патриота глазами современных студентов России	1385
Дыжова А.А. (Могилёв, Республика Беларусь) Гендерные особенности проявления деструктивной девиации в молодежной среде	1388
Евлегина А.М. (Санкт-Петербург) Волонтерство как социальная активность молодежи и кризис	1391
Ефимов А.М. (Санкт-Петербург) Российский фриланс в условиях современного кризиса	1392
Захарова Е.М. (Санкт-Петербург) Молодежь и семья в условиях нравственного кризиса современного общества	1394
Зеленская В.С., Сояшный Д. (Санкт-Петербург) Влияние информационной пропаганды на взаимоотношения между украинской и российской молодежью.	1395
Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П. (Екатеринбург) Информированность работающей молодежи о мерах государственной поддержки	1397
Зубрицкая Н.В. (Санкт-Петербург) Педагогические конфликты в высшей школе: сущность, особенности	1400
Ивахненко Г.А. (Москва) Здоровьесбережение студентов Москвы в период социально-экономической нестабильности	1403
Игнатова Т.В. (Орел) Развитие политической активности российской молодежи	1405
Исакова И.А., Киселева А.О. (Нижний Новгород) Детские общественные объединения в школах Нижнего Новгорода	1408
Казakovцева Е.Н., Дровосеков С.Э. (Киров) Особенности трудоустройства выпускников технического, гуманитарного и естественнонаучного направления	1410
Киреева Н.Н., Анисимов А. И. (Санкт-Петербург) Духовное здоровье студентов как фактор устойчивости личности	1413
Кирилина Т.Ю., Омельницкая Н.В. (Королёв) Специфика нравственной социализации российской молодежи в трансформирующемся обществе	1415
Кириллина З.И. (Якутск) Вторичная занятость студентов	1417

Клинецкая Н.В. (Санкт-Петербург) Ценностные миры молодёжи и влияние культуры и религии на их формирование	1419
Клочкова А.В. (Москва) Границы морально –нравственной нормы для современного студенчества.	1421
Ковалева Я.Г. (Санкт-Петербург) Информационное воздействие на духовно-нравственную жизнь молодёжи.....	1423
Коган Е.А., Абрамова Е. В. (Москва) Оценка социальной безопасности студенческой молодёжи в условиях кризиса	1425
Колесник А.В. (Томск) Особенности проявления самоактуализации студентов через создание образовательной среды в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники.....	1427
Колодинская А.Е. (Тобольск) Мотивы выбора молодёжью профессии «социальная работа»..	1429
Колосова Е.А. (Москва) Политическая активность российской молодёжи в условиях кризиса	1431
Колядина В.С. (Москва) Особенности социально-психологического климата трудового коллектива молодых специалистов Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна»	1433
Корж Н.В. (Пенза) Гражданская активность современной молодёжи	1435
Коротов П.Е. (Волгоград) Воспитание патриотов как вектор развития крепкой России.....	1437
Кочнева М.С., Былина Н.А. (Нижний Новгород) Особенности конструирования социальных ярлыков в малых группах среди молодёжи	1439
Кравцова А.Н. (Санкт-Петербург) Активность молодёжи в пространстве молодёжных образовательных форумов.....	1441
Кудрявцева Е.В., Мартынов А.С. (Санкт-Петербург) Динамика ценностных ориентаций молодёжи в современном мире.....	1443
Куклина Н.Б. (Новосибирск) Ценности как индивидуальный социальный капитал личности...1446	
Кулагина М.Ю. (Москва) Особенности мотивации трудовой деятельности молодых специалистов Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна».....	1447
Кульсеева Т.Г. (Курск) Роль литературы в разрешении конфликтов у детей групп риска	1448
Кутыкова И.В. (Санкт-Петербург) Самосознание студенческой молодёжи поколения 1990-х как исторического субъекта	1451
Кученкова А.В. (Москва) Российская молодёжь в условиях кризиса: кому она доверяет	1454
Лабадзе О.Е. (Новочеркасск) Предпринимательский потенциал молодёжи в стратегии развития Ростовской области	1456
Ларионова И.В. (Казань) Особенности социальной идентификации российского студенчества в условиях кризиса	1458
Лещинская С.Н. (Сочи) Факторы криминализации как следствие влияния кризиса на духовно-нравственную жизнь молодёжи в России.....	1461
Липатова М.Е. (Москва) Жизненные стратегии молодёжи в обществе знания	1462
Макарчук Н.Ю. (Тюмень) Преодоление недостатков духовно-нравственного воспитания молодых людей в условиях военного образования	1464
Максимова О.А. (Казань) «Цифровое» поколение российской молодёжи: стиль жизни в информационном обществе	1466

Максимова С.Г. (Барнаул) Оценка перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами Шанхайской организации сотрудничества (по материалам социологических исследований)	1469
Мальцева А.А. (Тюмень) Жизненные ценности несовершеннолетних правонарушителей и причины их формирования	1470
Марышева Е.А. (Череповец) Воздействие кризиса на духовно-нравственную жизнь молодежи	1473
Матвеева М.Е. (Санкт-Петербург) Проблемы духовно-нравственного воспитания современной российской молодежи	1475
Милюкова И.А. (Петрозаводск) Социальные факторы образовательной миграции молодежи Карелии в Финляндию	1476
Миронова С.В., Тимченко Н. С. (Барнаул) Выбор молодежью профессии врача и горизонты профессиональной деятельности в современном российском обществе	1478
Михайлева Е.Г. (Харьков, Украина) Проблемы индикативирования профессиональной успешности молодых специалистов в современном обществе	1480
Мищенко А.С. (Санкт-Петербург) Свободное время учащейся молодежи: результаты многолетнего прикладного социологического исследования.....	1483
Могильчак Е.Л. (Екатеринбург) События финансовой жизни студента в условиях экономического кризиса: опыт качественного исследования.....	1485
Мокшин В.К. (Архангельск) Перспективы гражданской ориентации в современной России ...	1487
Монахов А.С., Батраева Г. В. (Тольятти) Миграционные стратегии молодежи в крупном промышленном городе Тольятти.	1491
Муханова М.Н. (Москва) Российское село в человеческом измерении	1493
Мухутдинова А.И. (Екатеринбург) Молодежная мода в условиях современной России	1495
Назарова М.А. (Санкт-Петербург) Разрыв с родственниками как фактор препятствующий повышению уровня социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к соблюдению режимных требований воспитательной колонии	1497
Николаева И. (Москва) Влияние базовых ценностей на выбор способа передвижения по Москве	1498
Озерова Е.А. (Ростов-на-Дону) Тенденции развития семейно-брачных отношений молодежи	1501
Пакина Т.А. (Нижний Новгород) Трудовые ценности студентов (на материале социологического исследования).....	1503
Парамонова С.П., Унесихин В.Р. (Пермь) Профессиональная идентификация студентов	1506
Пашкова В.А. (Курск) Факторы мотивации выбора профессии студенчеством.....	1511
Петрова И.В. (Санкт-Петербург) Воспитательная деятельность современного вуза в социально-активном развитии студентов	1512
Петрова Т.Э. (Москва) Современные подходы к развитию воспитания в российской системе образования.....	1515
Петрушенко Т. (Санкт-Петербург) Образовательные ценности молодежи в обществе социальной неопределенности.	1520

Пивоварова Е.С. (Новосибирск) Пути разрешения социальных проблем современной российской молодежи в период кризиса ценностной системы	1523
Пивоварова Е.С. (Новосибирск) Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи (на примере студентов технического вуза)	1527
Попик А.А. (Петрозаводск) Выпускники Петрозаводского Государственного Университета на рынке труда: опыт пилотажного исследования	1528
Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург) Отношение молодежи к вызовам современности	1530
Пугачев М. (Барнаул) Отношение молодежи к кризису	1533
Рахманова Д.С. (Белгород) Волонтерская деятельность в России как механизм гражданского контроля	1534
Рахматуллина З. . (Уфа) Первокурсники и мотивы выбора вуза	1535
Реутова М.Н. (Белгород) Общественный активизм молодежи в условиях кризиса	1536
Руденкин Д.В. (Екатеринбург) Актуальный проблемный фон российского общества в восприятии молодежи 1990-х и 2000-х гг.	1539
Савченко И.А., Иванова Я.В. (Москва) Формирование студенческого самоуправления в современном российском вузе в условиях кризиса	1541
Санина И.В. (Белгород) Опосредованная коммуникация: тупик или прогресс развития.....	1543
Сафина Е.П. (Санкт-Петербург) Современный рынок труда и российская молодежь	1546
Семерикова М.Г. (Минск, Республика Беларусь) Анализ стимулов поведения молодежи: метод семантического дифференциала	1548
Смирнова И.Н. (Иваново) Социальные страхи и опасения студенческой молодежи (на материалах социологического опроса студентов г. Иванова)	1549
Соловьева Т.В., Бистаякина Д. А., Жарова А. Ю. (Саранск) Ресурсный потенциал молодых семей в контексте преодоления бедности в республике Мордовия	1551
Соломатин Я.И. (Екатеринбург) Политические ориентации молодежи мегаполиса в современной России: электоральные предпочтения	1553
Сорокин О.В. (Москва) Доверие как фактор регуляции девиаций в молодежной среде	1558
Столярская Е.В. (Минск, Республика Беларусь) Самореализация студентов в ВУЗе: гендерный аспект.....	1560
Суслова Т.И. (Томск) Студенческая семья в условиях кризиса современной России.	1562
Сушко В.А. (Москва) Политическая социализация в проблематике государственной молодежной политики.....	1564
Терентьев К.Ю. (Петрозаводск) Классификация образовательных стратегий абитуриентов вузов: результаты кластерного анализа	1567
Тимченко С.А. (Барнаул) Патриотизм в структуре духовно-нравственных ценностей будущих врачей.....	1569
Ткачук Н.В. (Ханты - Мансийск) Профессионально - трудовая ориентация молодежи Югры как условие социальной активности: по результатам социологического опроса	1571
Томалинцев В.Н. (Санкт-Петербург) Оценка эффективности антитеррористической подготовки в системе образования.	1573

Федорова Т.Н. (Санкт-Петербург) Речевая культура молодежи: отношение к проявлениям речевой агрессии и ее связь с показателями гражданской идентификации	1576
Федосова И.В., Патракова А. А. (Екатеринбург) Аспекты в реализации молодежной политики как меры поддержки представителей малого и среднего бизнеса в Екатеринбурге.....	1579
Хвыля-Олинтер Н.А. (Москва) Система образования и социальный потенциал молодежи.....	1581
Черепанова М.И. (Барнаул) Жизнестойкость молодежи Алтайского края в условиях кризиса.	1584
Чернега А.А. (Санкт-Петербург) Практики вовлечения молодежи в социальное конструирование туристических достопримечательностей малых городов.	1586
Черникова Д.А. (Санкт-Петербург) Ценности и ценностные ориентации современной молодежи в условиях кризиса.	1589
Шаронова А.А. (Москва) Ценностные ориентации студентов глазами преподавателей: контуры кризиса доверия.....	1591
Шахова Е.В. (Барнаул) Готовность выпускников ВУЗов к трудоустройству (на примере выпускников бакалавриата факультета социологии Алтайского государственного университета)	1592
Шершнёва Н.С. (Санкт-Петербург) Самоутверждение как способ выживания	1594
Шипунова Т.В. (Санкт-Петербург) Конструирование социального контроля девиантности в студенческом дискурсе.....	1596
Шлыкова Е.В. (Москва) Протестная активность и протестный потенциал молодежи в ситуации конкретного риска.....	1598
Шубина Е.И. (Санкт-Петербург) Шоплифтинг – разновидность социальной девиации, форма досуга современной российской молодежи или отдельная субкультура?	1601
Шульга М.М. (Ставрополь) Активная модель манифестирования гражданственности молодежи юга России.....	1604
Шушунова Т.Н. (Минск, Республика Беларусь) Специфика молодежных неформальных сообществ как обоснование проблемы.	1606
Щелкова Т.В. (Минск, Республика Беларусь) К вопросу о социальном самочувствии студентов младших курсов.....	1608
Щемелева И.И. (Новосибирск) Управление как средство регулирования социальной активности студенческой молодежи.....	1610
Щербакова Л.И., Иваненко Н.С. (Новочеркасск) Территориальная стратификация и жизненные шансы студенческой молодежи инженерно-технических вузов	1612
Щур В.С., Ивчик В.В. (Горки, Республика Беларусь) Социально-экономическое положение белорусской молодежи в условиях экономического кризиса	1615
Яримака С. (Москва) Глобальные проблемы экономического кризиса современной молодежи в России.....	1617
Секция 11: Гендерные отношения в условиях социальных инноваций.....	1620
Ашевская В.А. (Тверь) Новые медицинские технологии: гендерный аспект.....	1620
Балан К.А. (Санкт-Петербург) Российские женщины: образование и участие на рынке труда .	1623
Белгарокова Н.М. (Москва) Женские и гендерные исследования как теоретическое поле гуманитарных исследований.....	1625

Беляева К.А. (Барнаул) Репродуктивное поведение современной молодежи: результаты исследования.....	1628
Богданович Е.О., Рябцева Ю. С. (Могилёв, Республика Беларусь) Гостевой брак как альтернатива совместной супружеской жизни	1629
Богомяжкова Е.С. (Санкт-Петербург) Социальный контроль и дискриминация в контексте вспомогательных репродуктивных технологий.	1632
Бочкарева А.В. (Санкт-Петербург) Вспомогательные репродуктивные технологии: социальные последствия.	1635
Букина А.А. (Санкт-Петербург) Гендерный аспект программ левых политических партий современной России	1637
Буткевич К.Н. (Могилёв, Республика Беларусь) Особенности семейной среды и репродуктивные последствия супружеского конфликта у молодожёнов.....	1640
Велиева С.В. (Чебоксары) Гендерные особенности психических состояний клиентов стационарного учреждения социального обслуживания	1643
Глотов М.Б. (Санкт-Петербург) Гендерный аспект новых форм семейно-брачных отношений	1646
Глотова М.С. (Тула) Гендерные исследования: предпосылки, сущность и значение в современных социальных условиях.	1648
Голубева Л.А. (Санкт-Петербург) Женские образы в современных российских журналах для женщин: от гендерных стереотипов до гендерного подхода в СМИ.	1649
Груша М.А. (Тверь) Трансформация семейных ценностей в современном российском обществе.	1651
Гуляева Н.П. (Красноярск) Территориально-разделенный брак как новая реальность	1655
Дегтярева Ю.А. (Волгоград) Образ современной русской женщины: предрассудки и стереотипы	1657
Дулина Н.В., Ануфриева Е. В. (Волгоград) "Заменим!": женская история Первой мировой войны (на примере г. Царицына-Сталинграда-Волгограда)	1661
Евстифеева Г.Г. (Владимир) Типология гендерной структуры организации домашнего труда.	1664
Животкова К.В. (Санкт-Петербург) Проблемы социализации современной женщины под влиянием спорта	1666
Задворнова Ю.С. (Иваново) Перспективные тенденции трансформации гендерных ролей в российской семье.....	1667
Звягина Е.М. (Тула) Особенности современных семейно-брачных отношений в России	1669
Ильиных С.А. (Новосибирск) Особенности среднего класса в контексте гендера	1671
Кикоть А.С. (Ростов-на-Дону) Формирование мировоззрения о семейных взаимоотношениях в школьном возрасте	1674
Ковалева Г.А. (Череповец) Медиаобраз суррогатного материнства.....	1677
Козырева М.Ю. (Санкт-Петербург) Трансформация семейно-брачных отношений в современном обществе: кризис или эволюция.....	1680
Колесник Н.В. (Санкт-Петербург) Инновационный потенциал региональной элиты в современной России: гендерное измерение	1682
Копрянцева М.В. (Тольятти) Современная российская женщина в политической жизни страны	1685

Корнилова И.В. (Тюмень) Добрачное поведение современной молодежи.....	1687
Кулько Е.И. (Горки, Республика Беларусь) Социализация с точки зрения гендерной педагогики	1689
Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. (Волгоград) Рынок повторных браков и постразводное поведение: постановка проблемы исследования	1691
Леонова Е.В. (Санкт-Петербург) Гендер и новые формы семейно-брачных союзов	1692
Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург) Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства	1694
Мамедова П.Г. (Иваново) Оценка бюджета времени мужчин и женщин г. Иваново.....	1696
Медова Х.В., Сенатов С. В. (Ростов-на-Дону) Гендер и новые формы семейно-брачных союзов	1698
Москвичёва А.А., Чудова С. Г. (Барнаул) Брачно-семейные установки студенческой молодёжи города Барнаула	1700
Немова О.А. (Нижний Новгород) Современная российская свадьба как механизм трансляции семейных ценностей: гендерный аспект	1702
Нурутдинова А.Н. (Казань) Распределение обязанностей в семье между бывшими супругами (по материалам опроса в Татарстане)	1705
Облачкова Л.А. (Санкт-Петербург) Повседневные представления о семейно-брачных ролях среди студенческой молодёжи города Санкт-Петербурга	1706
Овруцкая Г.К., Овруцкая А.А. (Ростов-на-Дону) Гендерные аспекты вооруженных конфликтов	1709
Орлова Е.В. (Санкт-Петербург) Анализ концепции семейной политики в Санкт-Петербурге....	1711
Островская Е.А. (Санкт-Петербург) Гендерный ответ кризису: современность в зеркале религиозной еврейки.....	1715
Петренко А.И. (Екатеринбург) Гендерная проблематика в современном социально-политическом дискурсе.	1717
Погосян А.А., Дерендяева А. Д. (Барнаул) Миграция и гендер	1719
Полтавская М.Б. (Волгоград) Социально-экономическая активность населения Волгоградской области: характеристика рынка труда в гендерном измерении	1720
Провоторова Е.С. (Санкт-Петербург) Гендерное разделение труда в условиях социальных инноваций.....	1722
Русакова М.М., Одинокова В.А. , Ерицян К.Ю., Колпакова О.И. (Санкт-Петербург) Изучение проституции с позиции теорий девиантной карьеры	1723
Самойлов М.Г. (Рыбинск) Новые формы семейно-брачных союзов глазами современной молодежи.....	1726
Светлакова В.П. (Омск) Особенности современного женского политического лидерства	1727
Семерикова М.Г. (Минск, Республика Беларусь) Семья и ее роль в профессиональной самореализации: социологический анализ.....	1730
Сизоненко З.Л., Праведников А.В. (Уфа) Гендерное равенство в сфере труда (на примере Республики Башкортостан).....	1733
Соловей А.П. (Минск, Республика Беларусь) Влияние гендерных стереотипов на научную карьеру женщины	1735

Старосоцкая Е.В. (Горки, Республика Беларусь) Молодежь и миграционные процессы.....	1737
Талалуева А.В. (Липецк) Гендер и новые формы семейно-брачных союзов.....	1739
Тарасова Е.О. (Пермь) Факторы устойчивости супружеских отношений	1740
Тарханова Е.С. (Пенза) Подходы к определению гендерных различий в управлении.....	1742
Трапезникова М.В. (Санкт-Петербург) Гендерный юмор	1745
Ушакова В.Г. (Санкт-Петербург) Гендерная проблематика в условиях социальных инноваций	1748
Фахретдинова А.Б. (Казань) Гегемонная маскулинность в современной России	1751
Черепанова М.И. (Барнаул) Репродуктивные установки молодежи: риски и вызовы демографической безопасности в российском обществе.....	1753
Шамова А.П. (Санкт-Петербург) Стратегии конструирования квир-идентичности в англоязычном и русскоязычном Интернет-дискурсе.....	1755
Шатравко Н.С. (Горки, Республика Беларусь) Гендерный аспект формирования коммуникативной компетенции специалистов	1758
Шахова Е.В. (Барнаул) Формирование образов людей разных национальностей через усредненные фотографии их лиц у современной молодежи	1759
Шевченко И.О. (Москва) Социальное самочувствие семьи и россиян.....	1761
Шорыгин Е.А. (Нижний Новгород) Гендерный режимы нижегородских школ	1763
Янак А.Л. (Нижний Новгород) Некоторые актуальные тенденции в развитии института отцовства в России	1765
Янченко Е.А. (Санкт-Петербург) Мои мамы поженились	1767
Секция 12: Социальная работа в новых социально-экономических условиях.....	1770
Аллахвердова О.В., Новикова А. М. (Санкт-Петербург) Формирование социальных компетенций подростков в образовательных сообществах.....	1770
Альбова Э.А. (Санкт-Петербург) Деятельность СПб ГБУ социальный приют для детей «Транзит» в соответствии с новым законом о социальном обслуживании населения РФ.....	1772
Анисина Е.А. (Рязань) К вопросу о социальном партнерстве государства и РПЦ.....	1774
Бабанина Е.А., Юдина Е. Ю. (Тула) Волонтерское движение в г. Туле: состояние и перспективы развития	1776
Бабушкина Е.В., Антонович И. В. (Барнаул) Инновационные технологии реабилитации с детьми с ограниченными возможностями здоровья	1779
Бабушкина Е.В., Тамразян Н. А. (Барнаул) Клоунотерапия как технология социально-психологической реабилитации детей в Алтайском крае.....	1782
Бегаль А.Н. (Киев, Украина) Толерантность как базовый принцип социальной работы	1784
Богачева Н.Ю., Бистайкина Д. А. (Саранск) Система социальной защиты: понятие и ее особенность в отношении лиц пожилого возраста в РМ.....	1786
Бородкина О.И. (Санкт-Петербург) Партиципативность в социальной работе.....	1788
Бочарова А.С. (Барнаул) Значение добровольческого движения в молодежной среде.....	1789
Буянова А.Е. (Барнаул) Развитие молодежного добровольчества в Алтайском крае.	1791

Воробьева А.А., Чудова С. Г. (Барнаул) Возможности для некоммерческих негосударственных организаций в сфере социального обслуживания населения, определенные федеральным законодательством	1793
Григорова З.Н. (Санкт-Петербург) Опыт создания социальной службы экстренного реагирования, при взаимодействии негосударственного реабилитационного Центра и правоохранительных органов	1795
Григорьева А.А. (Санкт-Петербург) Старение населения России как социальная проблема	1797
Довейко А.Б., Дьяченко Е. А. (Воронеж) Отношение населения г. Воронежа к деятельности благотворительных организаций.....	1800
Дрожжина К.А. (Белгород) Развитие волонтерской деятельности как дополнительный ресурс развития общества в помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.	1802
Дудкин И.В., Фокин М. А. (Нижний Новгород) Волонтерство, как элемент социальной работы и форма добровольческой деятельности. Специфика, проблемы, пути совершенствования.	1803
Еремеева А.А., Соловьева К. А. (Нижний Новгород) Роль социальной рекламы в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций	1805
Журавлева М.С. (Электросталь) Молодежное добровольчество в современной России.....	1808
Зезюля К.А. (Иркутск) Опыт развития системы социального сопровождения замещающих семей в Иркутской области.....	1810
Зенина О.М. (Белгород) Доступность социальных услуг для пожилых – показатель развития государства	1813
Злотникова Л.М. (Гомель, Республика Беларусь) Теория и практика социальной работы как предмет социологических исследований	1815
Ивашкина Ю.Ю. (Санкт-Петербург) Социальное обслуживание семей с детьми на пороге перемен.....	1817
Игнатенко А.В., Сиротина Т.В., Игнатенко С.В. (Барнаул) Некоторые аспекты реализации инклюзивного образования в Алтайском крае: мнения экспертов.....	1819
Игнатьева В.И. (Нижний Новгород) Мотивация волонтерской деятельности студентов (на примере ННГУ им. Н.И. Лобачевского).....	1821
Исаева О.В. (Санкт-Петербург) Развитие Третьего сектора в России.....	1823
Ищанова Б.Т. (Магнитогорск) Межсекторное взаимодействие как фактор устойчивого развития социальной поддержки семьи.....	1825
Каменская А.О. (Москва) Социальная ответственность бизнеса как стимулирующий инструмент молодежного добровольчества.....	1828
Карцева Л.В. (Казань) Здоровая семья в контексте сотрудничества НКО и государства.....	1829
Касаркина Е.Н. (Саранск) Эффективность надомного социального обслуживания пожилых людей	1832
Келасьев В.Н., Первова И.Л. (Санкт-Петербург) Актуальные проблемы развития социальной работы	1834
Кириллюк О.М. (Санкт-Петербург) Волонтерская деятельность молодежи в работе с детьми-инвалидами	1836
Кисленко И.Ю. (Белгород) Проблемы развития социального предпринимательства в России	1840

Корнева Л.И. (Санкт-Петербург) Современная система социального сопровождения приёмных семей в России.....	1841
Корнилова М.В. (Москва) Срочное социальное обслуживание и социальная защита пожилых москвичей группы «риска».....	1844
Королева К.Ю. (Белгород) Социально обеспечительные стратегии в системе социальной защиты современной России.....	1847
Косинцева Ю.Ф. (Ставрополь) Особенности оценки социального обслуживания (опыт социологического анализа).....	1849
Красильникова А.И. (Нижний Новгород) Инновации в социальном обслуживании граждан (на основе анализа нового Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»).....	1851
Крайнова О.С., Божичко П.Ф. (Санкт-Петербург) Формирование конфликтологической компетентности молодежи.....	1854
Кузьменкова А.А. (Санкт-Петербург) Социальная работа с семьей в состоянии после развода.....	1856
Куликова А.А., Чебан Е.Ю. (Нижний Новгород) Взаимодействие осужденных и специалиста по социальной работе, опрос осужденных в социальной сети.....	1857
Лазуренко Н.В., Нифонтова В.А. (Белгород) Изучение проблем социальной поддержки многодетных семей на муниципальном уровне.....	1858
Легостаева Н.И. (Петрозаводск) Социальные услуги для семей с детьми в риске разлучения: потребности и реальность (на материале Республики Карелия).....	1860
Лесина Л.А. (Екатеринбург) Роль доровольчества в профессиональном становлении студенческой молодежи.....	1865
Луцкий С.А. (Волгоград) Основные направления деятельности молодежных организаций Волгограда на примере волонтерского центра «Vara – V».....	1867
Ляус Ю.А. (Санкт-Петербург) Социальное партнерство государственных структур с некоммерческими организациями: проблемы и перспективы развития.....	1869
Макарова Е.Е. (Нижний Новгород) Роль волонтерского движения в жизни молодежи.....	1872
Малая А.Д. (Волгоград) Особенности взаимодействия некоммерческих организаций с государством, бизнесом и обществом: основные возможности и угрозы.....	1874
Малышко Я.О. (Курск) Добровольческая деятельность в современной России.....	1876
Мальцева Ю. (Санкт-Петербург) Включение граждан пожилого возраста в добровольческую деятельность.....	1879
Маряхина А.В., Катаева Е.А., Джурина Л.Ф. (Санкт-Петербург) Проблема беженцев как объект социальной работы.....	1880
Муханова Е.Д. (Нижний Новгород) Школа как агент процесса профилактики подростковых девиаций.....	1882
Мыльникова А.В. (Барнаул) Социальное сопровождение в ракурсе новелл законодательства в сфере социального обслуживания.....	1884
Назарой О.В. (Псков) Привлечение добровольцев-организаторов для проведения досуговых молодежных мероприятий.....	1886

Неваева Д.А. (Барнаул) Особенности социальной эксклюзии лиц пожилого и старческого возраста в Алтайском крае (по материалам социологического опроса населения)	1888
Норова Р.Д. (Москва) Новые формы взаимодействия государственных и бизнес-структур в решении социальных проблем	1891
Носкова Е.П., Шакирова А.Ф. (Казань) Качество услуг, предоставляемых учреждениями социальной защиты, в оценках потребителей (на примере Республики Татарстан).....	1893
Паньков П.А., Бистяйкина Д. А. (Саранск) Социальная работа по формированию здорового образа жизни	1895
Панькова Е.Г., Паньков П. А. (Саранск) Социальное проектирование как эффективный механизм муниципального управления социальной поддержки граждан (на примере г.о. Саранск)	1898
Пашковская М.А. (Санкт-Петербург) Проект как прогрессирующее направление деятельности современной молодёжи.....	1899
Пименова И.Н. (Нижний Новгород) Трудоустройство российской молодежи с наличием инвалидности в контексте сравнения современной ситуации в России и Германии.....	1901
Платонова Н.М., Платонова Ю. Ю. (Санкт-Петербург) Доступная среда как условие повышения качества жизни пожилых.....	1904
Погосян А.А., Дерендяева А. Д. (Барнаул) Молодежное добровольчество в современной России	1907
Подпоринова Н.Н., Коваленко А. (Белгород) Психопрофилактика профессионального стресса специалиста по социальной работе	1909
Поздеева Е.Г. (Санкт-Петербург) Доверие и выбор в конструировании социальных услуг	1911
Полибин А.А., Пьянзина О. В., Богачева Н. Ю. (Саранск) Становление социальной помощи пожилых граждан.....	1913
Полуэктова Н.М. (Санкт-Петербург) Возможности согласования образовательных и профессиональных стандартов в социальной работе	1916
Попов Ю.А. (Санкт-Петербург) Фандрайзинг в некоммерческих организациях: обеспечение реальной самостоятельности.....	1918
Прончев Г.Б., Гончарова И.В., Прончев Г.Б. (Москва) О доступности виртуальных социальных сред инвалидам по зрению (Европейский опыт)	1920
Прохода В.А. (Москва) Добровольческая деятельность в России	1922
Пузарова Ю.А. (Нижний Новгород) Совершенствование взаимодействия государственных и негосударственных структур в социальной сфере	1924
Рахманова Д.С. (Белгород) Оценка уровня подготовки эффективных специалистов по социальной работе.....	1927
Рахматуллина З.Б., Кильсенбаев Э. Р. (Уфа) Становление молодежного добровольчества в России.....	1928
Розова Н.М. (Санкт-Петербург) Потенциал третьего сектора: социальное предпринимательство как альтернативная форма малого бизнеса в контексте российского общества	1930
Савельева Ж.В. (Казань) Здравоохранение в новых социально-экономических условиях: к постановке проблемы о социальной справедливости	1933
Сазонова Е.С., Козыренко Е.С. (Белгород) Совершенствование PR-сопровождения волонтерского молодежного движения на региональном уровне (статья подготовлена при поддержке РГНФ,	

проект № 15-13-31004 а(р) «Волонтерство в региональной системе социального партнерства, ориентированного на работу с беж.....	1935
Самойлова В.А. (Санкт-Петербург) Ресурсы эффективности социальных служб в работе с семьей и детьми	1938
Сахневич И.В., Минакова А. В. (Курск) Социолого-правовые аспекты современного российского молодежного добровольчества.....	1941
Сиротина Т.В., Просветлюк А.В. (Барнаул) Добровольческая деятельность как фактор социальной инклюзии людей с инвалидностью	1944
Смирнова А.Н. (Санкт-Петербург) СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА	1946
Стебунова А.В. (Барнаул) Актуальность исследования социального взаимодействия специалистов с несовершеннолетними находящимися в условиях социально-реабилитационного центра.....	1949
Сурова Н.Ю., Королев М. Ф. (Москва) Разработка новых инструментов взаимодействия государственных и негосударственных структур в социальной сфере	1951
Тамразян Н.А., Сиротина Т. В. (Барнаул) Процесс адаптации как важный аспект университетской жизни	1953
Тищенко А.А. (Санкт-Петербург) Особенности и основные направления социальной работы с наркозависимыми.....	1955
Ткачук Н.В., Побокина Т. П. (Ханты - Мансийск) Волонтерская работа с сельскими школьниками Югры: проблемы и перспективы	1957
Федотова К.П. (Санкт-Петербург) Продвижение идей семейного устройства детей в сети-интернет: анализ государственных и негосударственных сайтов	1960
Филипова А.Г., Ракитина Н. Э., Темин Д. В. (Владивосток) «Города, доброжелательные к детям»: новый формат социальной работы	1963
Фобьянчук А.А. (Москва) Эффективность взаимодействия субъектов социальной сферы на примере ЕМИАС города Москвы	1964
Хакимова М.П., Сиротина Т. В. (Барнаул) Исследование потребительской оценки качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате.....	1966
Худяков Е.А., Глебовская Я.Н., Новиков А.В. (Москва) Здравоохранение как аспект качества жизни россиян	1968
Хуснутдинова М.Р. (Москва) Проблемы формирования социального партнерства в образовании детей с ограниченными возможностями здоровья.....	1971
Цыганенко Н.В., Жердева Е. В. (Барнаул) Проявления буллинга и проблемы его профилактики в школьной среде.....	1973
Шангареева З.С., Козырев А. А. (Казань) Пенсионное обеспечение в системе социальной защиты пожилых людей.....	1976
Щербаков Н.Ю. (Санкт-Петербург) Социальная компетентность школьников: этапы становления	1977
Шипунова Т.В. (Санкт-Петербург) Социальная справедливость: способы восстановления в современном обществе	1979
Шлыкова Д.В. (Нижний Новгород) Категория «социальный работник»: помощь в адаптации детей к школе	1981

Шумилин А.П. (Пенза) Социальная работа в новых экономических условиях.....	1983
Яковлева А.В. (Санкт-Петербург) Общественный и государственный контроль по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним.....	1987
Студенческая секция: Векторы исследований молодых социологов	1989
Смирнова Г.А. (Санкт-Петербург) Анализ факторов мотивации молодежи к добровольческой деятельности.....	1989
Авдеева В.П., Русакова М.М., Одиноква В.А. (Санкт-Петербург) Основные аспекты исследования социальной политики в отношении детей-сирот в постсоветских странах.....	1992
Аглиуллина А.Р., Глухих Н.И. (Красноярск) Добровольчество как новый социальный институт	1994
Александрова А.А. (Санкт-Петербург) Корпоративные пенсионные программы как инструмент социально-ориентированного управления компанией	1996
Алексеева А.Ю. (Санкт-Петербург) Гендерные роли, гендерные стереотипы и равенство полов	1998
Андрианова В.А. (Москва) Информационное пространство в глобальном городе	2001
Андрианова К.С. (Москва) Социальная безопасность молодежи в городской среде на примере Санкт-Петербурга и Петрозаводска	2003
Бабенко А.И. (Санкт-Петербург) Конструирование и воспроизводство гендерных стереотипов посредством дарообмена на примере 8 марта.....	2006
Блохин А.А. (Санкт-Петербург) Онтология похудения в интернете: к новым механизмам репродукции мифа о красоте в режиме позднего капитализма	2008
Бондарь А.А. (Санкт-Петербург) Метод онлайн-наблюдения в современном социологическом исследовании.....	2010
Буровцева Е.С. (Ульяновск) Некоторые аспекты влияния экономического отчуждения на социальное неравенство	2011
Варлыгин Е.В. (Санкт-Петербург) Петербургские набережные как пространства для общественной жизни	2014
Василевская М.С. (Санкт-Петербург) Эмпауэрмент в социальной работе с семьями с детьми-инвалидами	2017
Василенко С.В. (Ростов-на-Дону) Неврогенность в современном информационном обществе	2019
Вилейкис А.И. (Санкт-Петербург) Анализ "транзитных пространств" современного города с помощью методик акторно-сетевой теории, фрейм-анализа и нейронауки.....	2023
Выскубова А.А. (Волгоград) Проект в действии: анализ функционирования студенческого самоуправления	2024
Гастоль Л.А. (Кировск) Этикет в коммуникационном процессе.....	2026
Гонашвили А.С., Иванова А. О. (Санкт-Петербург) Изучение социально-экономических ценностей «дачников» Санкт-Петербурга	2028
Грахова А.В. (Санкт-Петербург) Трудовые символы в современном российском обществе	2030
Гребенщиков И.В. (Санкт-Петербург) Социальный контроль со стороны националистического сообщества.....	2033

Григорьева Н.И. (Санкт-Петербург) Новые образовательные практики в современном российском обществе	2035
Григорян А.О. (Ростов-на-Дону) Особенности наказания подростков 13-14 лет в России (на основе мониторинговых исследований «Левада-Центр» 2013 год)	2037
Гуков П.С. (Санкт-Петербург) Общая характеристика феномена чайлдфри в России, на основании работ отечественных социологов	2039
Деньдобренко Д.А., Алькаева Ю. И. (Санкт-Петербург) Академическое мошенничество среди студентов	2041
Елисеева Д.Д. (Курск) Манипулятивные стратегии в предвыборной кампании	2043
Ермилова А.В. (Санкт-Петербург) Нестабильность семейной среды как фактор насилия в школе	2046
Иващенко К.А. (Санкт-Петербург) Неформальные практики в профессиональной деятельности медицинского персонала на примере отделения сердечно-сосудистой хирургии ВМА им. Кирова	2049
Искандерова Л.В. (Санкт-Петербург) Вспомогательные репродуктивные технологии в российском публичном дискурсе	2051
Камнева А.В. (Санкт-Петербург) Нарративный метод в социологии: исторические корни и область применения	2053
Картавых Е.О. (Курск) К вопросу о рациональности потребительского поведения россиян в современных условиях	2055
Касабуцкая М.С. (Санкт-Петербург) Исследование интеллектуального капитала в высокотехнологичных компаниях в России: проблемы и перспективы	2057
Керша Ю.Д., Душина А.Д., Ларкина Т.Ю., Проворова Д.Д. (Москва) Медицинская помощь или продажа детей? Процесс легитимации практики суррогатного материнства	2059
Кобелева Е.И., Бороноев А.О. (Санкт-Петербург) Территориальные общности: конструирование идентичности	2062
Колупаева Т.О. (Санкт-Петербург) Особенности гастрономических практик среди последователей Общества Сознания Кришны в Санкт-Петербурге	2063
Коновалова А.Р. (Екатеринбург) Альтернативные формы питания в структуре здорового образа жизни современной девушки	2066
Кононцев С.С. (Санкт-Петербург) Влияние интернета на формирование социальной идентичности молодежи	2068
Корнилова О.Ю. (Волгоград) Психологические установки больных остеохондрозом как фактор реабилитации	2070
Кочетова Н.М. (Волгоград) Восприятие южнокорейских брендов российскими потребителями: результаты социологического исследования	2071
Краснов И.Д. (Москва) Организация брендов пешеходных экскурсий по Москве	2073
Кузнецова С.И. (Екатеринбург) Ролевой конфликт и маскулинность: мужчина в современном обществе	2076
Кузьмина О.В. (Санкт-Петербург) «Рейтинги университетов» как индикаторы международной интеграции вузов	2078

Кулешова А.В. (Петрозаводск) Проблемное поле и методы социологических исследований молодежи в Северной Европе	2080
Кунилова К.Д. (Курск) Российская культура в сознании иностранных студентов курских вузов	2084
Майборода А.В. (Санкт-Петербург) Конструирование и трансляция стимпанк-идентичности в контексте российских реалий (на примере Санкт-Петербургской стимпанк-сцены).....	2086
Митькина К.И., Высоцкая О. Е., Рачевская Е. (Санкт-Петербург) Взаимодействие студентов, проживающих в общежитиях (сравнительный анализ общежитий СПбГУ с разной планировкой)	2088
Михайлова Д.В. (Санкт-Петербург) Представления студентов-социологов о трудоустройстве	2090
Молоткова Е.А. (Санкт-Петербург) Творческая деятельность обучающихся средней школы как составляющая ориентира на успех	2091
Москвин А.С. (Киров) Виртуальный дауншифтинг в условиях культуры XXI века	2093
Мосякина Т.И., Бондарь А. А. (Санкт-Петербург) Конструирование идентичности актера	2095
Мукминова И.А. (Якутск) Психологический и социологический аспекты невладения родным языком.....	2097
Негодина Г.В. (Санкт-Петербург) Торговля людьми в современной России: проблемы идентификации и реабилитации жертв трафика.....	2099
Ни М.Л. (Санкт-Петербург) Реляционные подходы к изучению этничности	2101
Новикова С.Е. (Москва) Криминология и социология: точки соприкосновения	2104
Певзнер К.П. (Санкт-Петербург) Глокализация западных мифологем в контексте российской повседневности (на примере сериала «Игра престолов»).....	2105
Перевозкина А. (Санкт-Петербург, Россия) Любительская фотография как инструмент самопрезентации в виртуальном пространстве	2107
Пищикова М.В., Соколов Н. В. (Санкт-Петербург, Россия) Процесс языковой социализации детей мигрантов в школе (с позиции теории стигматизации)	2109
Попов Е.В., Сысоева Я. В (Архангельск, Россия) Граффити города Архангельск. Социологический анализ. Deskриптивное исследование.	2111
Попова Е.А. (Санкт-Петербург) Медиация как социокоммуникативный способ урегулирования проблем в организации	2113
Притчина А.В. (Санкт-Петербург) Интернет-блоги зарубежных предпринимателей как новая форма коммуникации с потребителем	2116
Прокопчук Т.Л. (Курск) Стиль жизни молодежи: компаративный анализ (на примере Курской и Белгородской областей)	2118
Пшегорская Н.А., Салахутдинова Р.Х. (Санкт-Петербург) Образовательная миграция как следствие полярности развития Центра и регионов России.....	2121
Рагимова Э.А. (Волгоград) Ценностные ориентации современных домохозяек : социологический анализ	2124
Радюкевич Н.И., Саламатова А. А., Смолянинова О. С. (Санкт-Петербург) Проблема формирования ценностных ориентиров учащейся молодежи под влиянием интернета	2126
Разумова Д.Б. (Санкт-Петербург) Социальные детерминанты распространения информации в социальной сети Вконтакте	2129

Ребро Д.Д. (Волгоград) Изучение информационного общества: взаимодействие социологических и управленческих наук.....	2132
Ровнова Е.Ю. (Санкт-Петербург) Велосипед как средство повышения качества жизни в мегаполисе, на примере Санкт-Петербурга.....	2134
Рогожина Е.П. (Санкт-Петербург, Россия) Компьютерные игры как средство формирования исторической памяти: к вопросу об актуальности	2136
Руппель А.Ф. (Санкт-Петербург) Отношение граждан к системе донорства в России	2139
Савостина И.В. (Санкт-Петербург, Россия) Иммиграционные процессы в ФРГ или провал политики «мультикультурализма»	2141
Савченко А.А. (Санкт-Петербург) Внешние и внутренние факторы формирования познавательной активности молодежи (на примере включенного обучения).....	2143
Серебринская Е.Н. (Екатеринбург) Участковый полиции в системе взаимодействия с населением	2145
Серова К.И. (Волгоград) Социологический анализ потребительского поведения волгоградцев: покупательская активность и предпочтения	2147
Серова Я.И. (Волгоград) Социальные конфликты в студенческой среде: социологический анализ	2149
Сидоров Д.С. (Волгоград) Социальные курильщики как объект социологического анализа	2152
Сильченкова И.А. (Санкт-Петербург) Интернет как личное пространство	2154
Сиушкина Н.В. (Петрозаводск) Потребность пожилых граждан в приемных семьях.....	2157
Смагина Д.С., Васильева Д.А. (Санкт-Петербург) Конструирование ностальгии в контексте практик посткроссинга	2159
Соболева А.А. (Санкт-Петербург) Проблемы и перспективы междисциплинарного взаимодействия в социологии на примере исследования феномена доверия.....	2161
Таширева М.А. (Санкт-Петербург) Особенности динамики политической идентичности жителей Санкт-Петербурга с 2000 по 2015 гг.	2163
Толкачева О.А. (Волгоград) Особенности процесса покупки детских игрушек (опрос мнения родителей)	2165
Унесихин В.Р., Парамонова С.П. (Пермь) Профессиональная идентификация студентов (на основе эмпирического исследования)	2167
Ускова К., Токина В.А. (Волгоград) Особенности социализации подростков с онкологическими заболеваниями в условиях стационара.....	2170
Усяева А.Х. (Санкт-Петербург) Особенности компетенций и их диагностики в музейной сфере (на примере ГМП "Исаакиевский собор")	2171
Фесик Е.В. (Санкт-Петербург) Протестные движения как публичная арена	2174
Чиркова В.М. (Санкт-Петербург) Сравнительный анализ вальдорфских школ Германии и России	2176
Шаповалов Р.О. (Санкт-Петербург) Концепция "право на город" и публичная политика	2179
Шапошников М.К. (Санкт-Петербург) Конструирование виртуальной реальности	2180
Шпилькина А.М. (Санкт-Петербург) Уличная мода как предмет исследования: концептуализация феномена	2183

Шэ Л. (Санкт-Петербург) Особенности семейных конфликтов в Китае и отношения к ним	2185
Щекотин Е.В. (Томск) Управление безопасностью в ситуации социальной турбулентности.....	2187
Яишников А.Ю. (Москва) Риски вузовской социализации	2189
Круглый стол: Перспективы развития российских регионов: социологическое измерение.....	2192
Арясова А.Ю. (Астрахань) Базовые ценности населения Астраханской области в социологическом измерении.....	2192
Ахметова С.А., Ишкинеева Ф. Ф. (Казань) Демографический потенциал населения региона: реальность и перспективы.....	2194
Баранец С.Н. (Гатчина) Российские практики регионального управления и территориального развития для качества жизни	2196
Беляева Л.А. (Москва) Модернизация в России и регионах: государство и группы интересов	2198
Дегтярева Е.С. (Санкт-Петербург) ПЕРСПЕКТИВЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРУДА В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	2201
Иванова В.Д. (Санкт-Петербург) Развитие характеристик инновационной личности как способ реализации личностного потенциала регионов.....	2203
Игнатьева О.В., Лысенко О. В. (Пермь) Пермь как стиль: социологическое измерение городской идентичности	2205
Ильдарханова Ч.И. (Казань) Перспективы социальной мобильности сельского населения Республики Татарстан	2207
Каргаполова Е.В., Дулина Н.В. (Астрахань) Модернизация регионов Южного федерального округа: технико-технологическая компонента	2210
Лебединцева Л.А. (Санкт-Петербург) Перспективы развития социоэкономического пространства Санкт-Петербурга.....	2213
Мкртчян Е.Р. (Волгоград) ВАК в системе воспроизводства научно-педагогических кадров (результаты опроса преподавателей, членов диссертационных советов и аспирантов города Волгограда) Статья написана при финансовой поддержке РГНФ.....	2215
Пасовец Ю.М. (Курск) Экономическая активность населения регионов Центрального Черноземья: современное состояние и динамика в 2000-е гг.	2217
Салахутдинова Р.Х. (Санкт-Петербург) Образ жизни как фактор (условие) формирования социального здоровья (к методологии исследования).....	2219
Трунова М.А. (Курск) Монополизм в современной российской экономике на примере торговых центров города Курска.....	2222
Хамзяева О.С. (Астрахань) Права и свободы человека в оценках молодежи	2224
Хорошилова А.В. (Курск) Реалии инновационной деятельности в Курском регионе.....	2226
Штабина А.В. (Новосибирск) Региональная социально-экономическая политика России в контексте ключевых тенденций развития.....	2228
Щеглова Т.Б. (Тверь) Социально-экологический комфорт жителей микрорайона "Юность" г.Твери	2230
Юрасова М.В. (Москва) Постановка проблем оценки и измерения в современном менеджменте	2231
Круглый стол: Питирим Сорокин как зеркало трех русских революций.....	2233

Асочаков Ю.В. (Санкт-Петербург) Социология революции П.Сорокина и современные революции	2233
Гнатюк О.Л. (Санкт-Петербург) Н.С. Тимашев - П.А. Сорокин о революции: компаративный анализ.....	2234
Иванов Д.В. (Санкт-Петербург) Питирим Сорокин и русские революции.....	2235
Лазебная К.П. (Москва) Революционная повседневность: трансформация символических посредников	2238
Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург) Социология революции П.А.Сорокина: историко-научные аспекты развития социологии революции, как специальной отрасли социологического знания.	2239
Микиденко Н.Л. (Новосибирск) Гендерные аспекты трудовой этнической миграции	2242
Петров В.Н., Меньшиков В.В. (Краснодар) Некоторые аспекты теории общественных кризисов в творческом наследии П.А. Сорокина.....	2244
Фирсова Л.В. (Харьков, Украина) П.А. Сорокин о революции как болезни общества	2247

СЕКЦИЯ 1: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ФОТОГРАФИИ: К ПРОГРАММНОМУ ОТЧЕТУ О ПРОВЕДЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Абросимова Н.В. (Санкт-Петербург)

Весной 2014 года автором было проведено исследование на тему «Отношение молодежи к фотографии».

Вид исследования: пилотный анкетный опрос.

Целью исследования было: выявить отношение молодых людей, проживающих преимущественно в Санкт-Петербурге к фотографии как виду социальной деятельности современного человека.

Объектом исследования были: молодежь в возрасте от 13 до 30 лет.

Количество опрошенных: 115 человек, среди которых 55 % - люди женского пола и 45 % - мужского.

Род занятий объекта исследования: школьники - 21%, студенты среднего профессиональных учебных заведений - 31%, студенты вузов - 44%, другое - 4%.

Школьникам был задан вопрос о специальности, которую они хотят получить после окончания школы. На что были получены такие ответы: не выбрали профессию 7 респондентов, врачом захотели стать 5 человек, управленцем – 4, экономистом – 3, адвокатом/юристом – 2 человека. Остальные ответили по одному разу: «дизайнер», «кинорежиссер», «мультипликатор», «лингвист», «литературовед», «маркетолог», «офицер – таможенник», «программист», «психолог», «следователь», «сотрудник МЧС», «социолог», «спортивный бизнес», «строитель», «учитель», «скорее всего она не будет связана с фотографией, т.к. это только хобби».

Среди студентов были охвачены такие, кто получает гуманитарные, художественные, естественнонаучные и технические специальности.

В ходе исследования было выявлено: 68 % опрошенных – не работающие, 37 % - работающие. Причем среди работающих респондентов были представители таких видов деятельности: курьер (4 человека), работники торговли (продавцы, кассиры, консультанты, промоутеры, менеджеры по продажам (8)), редактор в интернет-газете (1), политолог (1), работники ресторанов (7 человек), педагогические работники (работники детских лагерей, репетиторы, тренеры (8)), специалист по недвижимости (1), швея (1), поэт (1), администраторы (2), секретарь (1), ассистент в свадебном агентстве (1), менеджер по туризму (1), фотограф (1 человек).

Иные аспекты результатов исследования были представлены автором ранее опубликованных статьях и сборниках конференций.

1. Абросимова Н.В. Молодежь о фотографии // *Paradigmata poznání*, 4, 2014. - С. 127-133
2. Абросимова Н.В. К теме исследования фотоискусства как средства творческого развития молодежи // *Purposes, tasks and values of education in modern conditions : materials of the international scientific conference on October 13–14, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».* – С. 126-129

ПРОЕКТНЫЕ ПРАКТИКИ КАК МЕХАНИЗМЫ РЕШЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Агапова О.С. (Курск)

В регионах нашей страны порою складываются ситуации, при которых местная власть не справляется с большим объемом информационных потоков, требующих своевременной адекватной реакции. В связи с этим значимые для населения регионов решения не реализуются. Проблема заключается в том, что чиновники пытаются управлять «быстрыми» процессами, используя «медленную» управляющую систему. Мы полагаем, что улучшение социально-экономической ситуации в регионах, да и в стране в целом требует перехода на новую стратегию развития, принимающую форму проектных практик. Под проектными практиками мы понимаем разработку и практическую реализацию социокультурных проектов. Последние представляют собой сконструированные инициаторами проектов социальные нововведения, целью которых является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности [1; 27]. Следовательно, проектные практики в целом – это специфические технологии, использование которых помогает как анализировать причины возникновения имеющихся проблем в обществе, так и разрабатывать пути и средства их решения [2; 9].

Концепции социального проектирования развиваются в тесной связи с рядом социологических теорий и подходов, из которых мы выделим: объектно-ориентированный подход, проблемно-ориентированный подход, тезаурусный (субъектно-ориентированный) и синергетический подходы. Так, с позиции объектно-ориентированного подхода целью социального проекта выступает создание нового путем реконструкции имеющегося объекта, для реализации определенной социокультурной функции. По мнению Ж.Т. Тощенко, «социальное проектирование – это специфическая деятельность, связанная с научно обоснованным определением спектра альтернативных вариантов развития социальных процессов и явлений с целью преобразовать определенные социальные институты» [3]. В рамках данного подхода под проектностью понимается преобразующая, но при этом регламентированная деятельность, цель которой заключается в определении новых параметров формирования будущих социальных объектов или процессов для создания и развития в обозримом будущем новых или уже имеющихся реконструируемых объектов.

В проблемно-ориентированном подходе в центр внимания стоит вопрос о разработке возможных образцов решений социально-значимых проблем. Данный подход базируется на понимании прогнозно-проектной деятельности как заключительного этапа диагностического процесса, при котором важнейшим аспектом является обратная связь между стадиями диагностирования и конструирования в процессе выбора одного из вариантов решения проблемы при этом учитываются как субъективные, так и объективные факторы.

При субъективно-ориентированном (тезаурусном) подходе основной акцент делается на субъективности восприятия окружающей среды, в котором основными элементами являются установки и ценностные ориентиры. Проектирование как специфический процесс базируется по законам ценностно-нормативной системы. По мнению В.А. Лукова, социальное проектирование – это вид деятельности, которая имеет непосредственное отношение к развитию социальной сферы, организации эффективной социальной работы, преодолению разнообразных социальных проблем. Сущность социального проектирования заключается в социальном конструировании будущего, которое в свою очередь базируется на переструктурирование окружающего нас мира [1].

Синергетическая концепция может быть представлена как общая теория неустойчивостей в системах разной природы. В ее рамках проектирование связано с анализом перемен в решениях, явлениях или процессах, которые могут существенно изменить будущее стран и регионов. Проектные практики представляют собой социальные нововведения, которые имеют пространственно-временные и ресурсные границы [1]. С помощью проектирования и прогнозирования можно просчитать наиболее вероятные последствия принимаемых стратегических решений [4].

Остановимся на следующих вопросах: Являются ли проектные практики механизмом решения социокультурных проблем? Если да, то каким образом посредством проектных практик решаются социальные проблемы?

Отметим при этом, что развитие и совершенствование социокультурной сферы как в стране в целом, так и на уровне отдельно взятого региона, невозможно без социокультурных проектных практик. Функциональная значимость социокультурных проектов заключается в создании социокультурных центров и учреждений, основная цель которых направлена на реализацию альтернативных культурных программ, способных обеспечить снятие социального напряжения в обществе. В идеале проектные практики реализуются на региональном уровне через механизм социокультурной политики. Кроме того, отметим, что проектные практики – это, прежде всего, научное обоснование социокультурной политики. Соответственно цели и задачи социокультурной политики определяются с учетом внутренних и внешних факторов, способных как содействовать, так и препятствовать реализации проектных практик.

Обозначение социокультурной проблемной ситуации – это, прежде всего, фиксация социального напряжения в обществе. Благодаря проектным практикам можно получить наиболее четкое представление о проблемной ситуации в регионе и в связи с этим более четко сформировать цели и задачи социокультурного развития и оптимально распределить ресурсы. В связи с этим следует обозначить спектр наиболее острых социальных проблем: алкоголизм и наркомания, безработица, бедность, преступность. В результате эффективной реализации проектных практик мы можем получить ряд возможных вариантов проектных решений одних и тех же социокультурных проблем. При этом особое значение имеет уровень качества и степень проработанности проектных практик. Один и тот же проект не может быть разработан и реализован один раз и навсегда, так как его содержание должно изменяться в соответствии с временными рамками и социально-экономическими условиями.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что использование проектных практик позволяет ускорить эффективное развитие социокультурной сферы. Проектные практики являются не только значимым механизмом эффективного развития социокультурной сферы, но и необходимым инструментом организации социальной работы и решения различных социокультурных проблем [5; 9].

Но, несмотря на актуальность проектных практик, развитие проектной деятельности затруднено по ряду причин: во-первых администрации большинства российских регионов не уделяют должного внимания проектным практикам; во-вторых, социальное проектирование переживает тот же кризис, что и вся наука в России и, соответственно, нуждается в новых теоретических, методологических и методических разработках; в-третьих, имеющиеся научные центры и результаты их исследований относительно будущего России традиционно недостаточно востребованы практикой на всех уровнях управления.

Для того, что бы преодолеть ряд вышеизложенных препятствий с целью эффективного развития проектных практик, на наш взгляд, необходимо, во-первых, наладить взаимодействие между наукой, властью и бизнесом, во-вторых, снизить неэффективность расходуемых государственных средств, в-третьих, подготовить квалифицированных специалистов в области проектной и прогнозной деятельности.

1. Луков В. А. Социальное проектирование. – М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии: Флинта, 2003. – 240 с.
2. Марков А.П., Бирженюк Г.М. Основы социокультурного проектирования. – СПб.: СПбГУП, 1997. – 262 с.
3. Тоценко Ж.Т. Социальное проектирование // Под ред. Тоценко Ж.Т. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. - 487 с.
4. Малинецкий.Г.Г. Синергетика и проектирование будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.i-nett.com/2012/11/06/sinergetika-i-proektirovanie-budushhego-g-g-malineckij>(дата обращения: 12.02.2015 г.)
5. Найбороденко Н.М. Прогнозирование и стратегия социального развития России 2-е изд. - М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2003. - 352 с.

ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА СРЕДНЕГО КЛАССА И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Алексеенок А.А. (Орел)

Мы полагаем, что наиболее очевидные сферы сосредоточения среднего класса в России – это следующие пять групп:[1] массовая интеллигенция (нижние средние уровни – недостаточно устойчивы в финансовом отношении); - бюрократы (в массе – средний и нижний уровни); - сотрудники крупных компаний (верхний средний и средний средний уровни); - малый и средний бизнес в торговле и услугах (средний средний уровень с большим иммигрантским компонентом); - малый и средний производственный (инновационный) бизнес (с большими потерями в пользу эмиграции).

Представители среднего класса в своем большинстве включены в относительно эффективные экономические сектора. Это работники, занятые в основном в так называемом вторичном экономическом секторе - организациях и компаниях, занимающихся внешнеэкономическими операциями, общей коммерческой деятельностью по обеспечению функционирования рынка, в банковской сфере, в области финансов, кредита и страхования. Лидеры по уровню заработной платы в реальном экономическом секторе - отрасли топливно-энергетического комплекса (главным образом, разумеется, нефтедобывающая и газовая промышленность), цветная металлургия, строительство и транспорт. Именно эти сектора ощутили реальные результаты экономического роста и отреагировали, в частности, повышением доходов и оплаты труда своих работников. Другими словами, экономическое оживление - явление не тотальное, а локальное, и фокусируется в отдельно взятых секторах, отраслях, регионах. Речь, следовательно, о том, что экономический рост прямо коснулся только этого сегмента рынка вообще и рынка труда в частности.

С одной стороны, положительная экономическая динамика привела к оживлению в ряде экономических секторов и, как следствие, к росту оплаты труда и доходов занятых в них работников; с другой стороны, расширение налоговой базы и улучшение налоговой дисциплины позволили консолидированному бюджету осуществить ряд социальных проектов. Таким образом, в контексте выделенных выше страт динамика доходов и ее перспективы неодинаковы, а иногда разнонаправлены. Между средним классом и низшими слоями находится группа, занимающая промежуточное социальное положение, которую можно описать формулой «уже не низшие, еще не средний». В нее входит подавляющее большинство, 70% россиян. Эта группа неоднородна. Чуть менее половины (33%) с точки зрения концентрации перечисленных признаков более походит на средний класс и, тем самым, обладает большими шансами на присоединение к нему. Оставшиеся 37% имеют больше общих черт с низшими группами и при негативных сценариях могут пополнить ряды бедных. В любом случае группа «ниже среднего» обладает некоторыми социальными и экономическими ресурсами и, следовательно, шансами на перемещение в ядро среднего класса.

Материальное положение низшей группы в значительной мере зависит от усилий правительства, и в частности социальных программ. В своем большинстве эта группа состоит из традиционно бедных категорий населения (пенсионеры, безработные, многодетные семьи, инвалиды), материальное положение которых определяется мощностью государственных финансов и системы социальной защиты.

Группа «ниже среднего» долгое время оказывалась за пределами воздействия экономической и социальной политики. Импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от попыток правительства поднять уровень жизни российского населения, до этой группы либо не доходили вообще, либо доходили в ослабленном и усеченном виде. Следовательно, каждая политическая парадигма «работала» лишь на своем полюсном участке: политика прямого регулирования доходов достигала своего результата в зоне бедности, экономический рост способствовал укреплению материального положения наиболее обеспеченных доходных групп. «Середина» оказывалась наиболее уязвимым звеном.

С точки зрения исследовательской программы обсуждаемые вопросы уже ставят новые задачи перед учеными – поиск границ внутри среднего класса по уровням, динамику приобретения признаков поведения среднего класса по уровням дохода, специфику финансового поведения внутри класса и, наконец, внутреннюю структуру среднего класса и его взаимоотношения с «резервом», которому необходимо найти место на обычной социальной шкале или определить его специфическую природу и перспективы[2].

Таким образом, доля среднего класса составляет 20%, что подтверждает факт его существования в структуре современного российского общества. При этом важным является вопрос о том, каково социальное окружение среднего класса и какие социальные слои (классы, группы) имеют шансы на приближение к среднему классу или вхождение в него. Лишь немногим более 50% российских домохозяйств обладают базовыми характеристиками, присущими среднему классу, следовательно 50% – это максимальная оценка потенциала среднего класса в ближайшей перспективе при условии успешного социально-экономического развития страны.

1. *Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М: Экон-Информ, 2009. 148 с*
2. *Голенкова З.Т. Избранные труды. – М.: Новый хронограф, 2014. – 343 с.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ АТМОСФЕРА» В СОЦИАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ

Аргунова В.Н., Бояринцева С.В. (Киров)

Понятийный аппарат социологической науки всегда обновляется вслед за развитием общества. Трансформации последних десятилетий в российском обществе коренным образом изменили все социальные подсистемы. Научный анализ этих трансформаций показывает, что видоизменившиеся социальные подсистемы не выполняют своих функций. В результате жизнедеятельность общества как целостной системы «дает сбой», проявляющиеся в ухудшении здоровья населения, росте смертности и снижении рождаемости, уменьшении численности коренного населения, дискредитации роли семьи, ухудшении социального самочувствия, социальной апатии, отчуждении от общественной жизни и пр. Адекватное осмысление этих разнородных социальных явлений и процессов требует по нашему мнению, введения нового понятия, отражающего духовно-эмоциональное состояние общества – «общественная атмосфера».

Любое общество, существуя и изменяясь, формирует определенную социально-психологическую атмосферу, и именно она является носителем смыслов и ценностей, жизненных целей и задач, регулирует реакцию общества на те, или иные происходящие в нем процессы. По аналогии с земной атмосферой, общественная атмосфера выполняет защитную функцию, включая в себя историческую память и менталитет народа, защищает от разрушения общество извне. Общественная атмосфера является более постоянным и глубоким явлением, чем социальный климат или общественное настроение. Можно сказать, что общественная атмосфера – это общий ментально-эмоциональный фон, который формируется из различных общественных настроений и мыслей, охватывающий все сферы жизни общества.

Подобно атмосфере Земли, общественная атмосфера существует на нескольких уровнях. Она имеет глобальный характер, т.е. включает мысли, представления, чувства, эмоции всех людей, живущих на планете. Другой уровень общественной атмосферы представлен странами и государствами, в границах которых проживают люди. Подобно различным географическим местам планеты, имеющим различный воздух, общественная атмосфера стран также различается. Микроуровень общественной атмосферы представлен мыслями, чувствами, эмоциями отдельных индивидов. Все уровни общественной атмосферы тесно связаны между собой. С одной стороны, каждый из них имеет свое качественное своеобразие, с другой стороны, зависит друг от друга. Согласно закону связи уровней системы, выше находящийся уровень включает в себя все нижестоящие и определяет их. В то же время каждый из уровней общественной атмосферы относительно самостоятельный, имеет свою логику формирования, может оказать серьезное влияние на все другие уровни общественной атмосферы как системы. Так, например, новые идеи, настроения, появившиеся в каком-то государстве, могут распространиться на другие страны, меняя в них общественную атмосферу. Социальная диффузия в настоящее время, благодаря информационным технологиям, значительно влияет на состояние общественной атмосферы стран, находящихся в различных уголках Земли.

В то же время далеко не все элементы атмосферы иных стран укореняются в той или иной конкретной общественной атмосфере. Этому препятствуют своеобразные «фильтры», пропускающие/не пропускающие новшества в «нижние слои» общественной атмосферы, т.е. в повседневное сознание и поведение. Уровень повседневности является самым постоянным в общественной атмосфере, формируется тысячелетиями, имеет свой социокультурный код. Этот символический код культуры, по мнению Ш. Эйзенштадта, выполняет очень важную функцию. Он обеспечивает самосохранение социокультурной общности. Институциональные механизмы, создаваемые для организации и функционирования общества, не делают поведение человека предсказуемым, и не обеспечивает приемлемость общезначимых обязательств. Никакое общественное устройство не признается само собой разумеющимся [1, С.58-59, 68-69.]. Лишь в том случае, если существующие управленческие структуры соответствуют ценностно-нормативной системе, составляющей основу социокультурного кода, может существовать легитимный социальный порядок. Символическая модель социального порядка является своеобразным фильтром, который регулирует процессы, протекающие в общественной атмосфере страны. Центральное место в российском социокультурном коде, по мнению мыслителей различных эпох, всегда занимала идея социальной справедливости.

В настоящее время в общественной атмосфере России место социальной справедливости противоречиво. С одной стороны, в государственной политике фактически нет места социальной справедливости. Об этом говорят масштабы социального неравенства, низкое качество жизни основной массы населения страны, отстраненность государства от решения социальных проблем. В то же время концепция справедливости остается ключевой в общественном сознании населения [2]. Россияне стремятся к модели справедливо устроенного общества, однако устройство современной

России не отвечает их представлениям в силу нелегитимного распределения в нем частной собственности и доходов.

Таким образом, состояние общественной атмосферы России дисгармоничное. Ценностные приверженности членов общества не соответствуют сформированному в последние десятилетия институциональному устройству. Это отрицательно сказывается на микроуровне общественной атмосферы, т.е. индивидуальной атмосфере человека. Глубинные противоречия между символическим кодом культуры и институциональным устройством тяжело воспринимаются и переживаются личностью. Человек не всегда это понимает рационально, т.к. срабатывает механизм психологической защиты, пропускающий позитивную информацию, и не допускающий негативную информацию. Одновременно индивиды, обладающие властными ресурсами, сознательно осуществляют искажение ценностно-нормативных представлений. Мертон называет это явление «моральной алхимией». Люди, которые занимают высокие социальные позиции, чувствуют свое моральное превосходство над всем остальным населением. Ловко используя богатый словарь похвал и оскорблений, они легко трансформируют свои добродетели в пороки других, или искажают общепринятый смысл ценностей [3, С.614-615]. В психологии такое явление называется «окном Овертона». Население, сбитое с толку, впадает в самообвинение и самоуничужение, испытывает при этом групповую неполноценность и моральные муки. А ничем не обеспокоенная другая группа смотрит на это поведение с искренним чувством морального превосходства, с насмешкой и презрением. По мнению Мертона, это не может продолжаться бесконечно. Данную «пьесу» можно прекратить практическими действиями, отвергнув социальный фатализм, страх и укрепив подлинные моральные чувства [3, С.621-623]. Микроуровень общественной атмосферы оказывается в настоящее «пораженным» у большей части населения. Люди «дышат» идеями и чувствами, противоречащими социокультурным основам. Именно этим, в первую очередь, на наш взгляд, объясняются обозначенные выше негативные тенденции, в т.ч. загадочная «русская болезнь», фактически эпидемия, связанной с неудовлетворенностью жизнью и депрессией. Понятие «общественная атмосфера» обладает высоким эвристическим потенциалом при анализе социальных проблем общества; динамических институциональных процессов; общественного, группового и индивидуального сознания.

1. *Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.*
2. *Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. №2.*
3. *Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА К СОВРЕМЕННОМУ

Аргунова В.Н. (Киров)

Социальная справедливость является важнейшим элементом ценностно-нормативной системы общества. Она сохраняет стабильность и порядок в социальной системе, регулируя межличностные отношения во всех социальных подсистемах, способствует тому, чтобы каждая из социальных подсистем выполняла свои функции по отношению к обществу в целом. Социальная справедливость имеет исторические и социокультурные различия, тем не менее, в ней всегда сохраняется единая сущностная основа. Такой основой выступает принцип воздаяния индивидам и социальным группам

по их заслугам перед обществом. Данный принцип по-своему проявляется в каждой из социальных подсистем. В экономике социальная справедливость предполагает распределение произведенных благ в соответствии с трудовым вкладом субъекта. В политике социальная справедливость непосредственно влияет на властные отношения, обеспечивая доступ к властным ресурсам тех людей и социальных групп, которые стремятся к достижению общественно-значимых, а не частных целей и интересов. В культуре социальная справедливость проявляется в сохранении и утверждении социальных норм, ценностей, традиций, способствующих преемственности поколений. В социальной структуре справедливость способствует достижению социальной интеграции на основе легитимных форм неравенства, которые не перекрывают каналы социальной мобильности, обеспечивают динамическое равновесие социальной структуры. Именно состояние социальной и стратификационной структуры общества, по нашему мнению, является показателем действенности в обществе социальной справедливости. Общество как единая система успешно существует при условии реализации в каждой из них социальной справедливости. Если происходит хотя бы частичное отклонение от принципа социальной справедливости в одной из подсистем, то может произойти сбой в других подсистемах и, как следствие, система может изменить свое качество.

В настоящее время по прошествии почти четверти века со времени существования в нашей стране социалистического строя, становится все более очевидным факт, что советское общество соответствовало принципу социальной справедливости. В экономике существовал мощный общественный сектор, все члены общества участвовали в общественном производстве. Принцип распределения материальных благ был максимально приближен к трудовому вкладу работника. Политическая подсистема действительно выдвигала и мобилизовала население на достижение таких целей, которые отражали общенациональные интересы. Культурная подсистема помогала сохранить связь между поколениями на основе нравственных ценностей. Социальная структура отражала динамичные процессы, происходящие в экономике страны, обеспечивала интеграцию классов и социальных групп.

В октябре 1993г. произошел государственный переворот, приведший к прекращению советской модели общества. 21 сентября 1993г. президент Ельцин издал Указ №1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Президиум Верховного Совета и X Съезд народных депутатов заявили о прекращении полномочий президента с момента издания указа № 1400 и оценили его действия как государственный переворот. 4 октября Съезд и Верховный Совет были разогнаны с применением оружия и бронетехники. В ходе вооруженных столкновений и действий войск, по официальным данным погибло 123 человека, а по неофициальным – 1500 человек. В результате переворота было установлено марионеточное правительство, спешно была принята новая Конституция, установившая в стране буржуазные отношения и уничтожившая все завоевания социализма. Действия участников путча не были расследованы, в феврале 1994 г. Государственная Дума приняла решение об амнистии участников тех событий.

Таким образом, можно говорить о том, что социализм и социальная справедливость были насильственно уничтожены рядом представителей высшей политической власти при одобрении части общества и молчаливом попустительстве другой части народа. Как ни парадоксально, но уничтожение социальной справедливости осуществлялось через актуализацию социальной справедливости. В годы «перестройки» и «гласности» активно обсуждались недостатки социализма, затруднявшие полную реализацию социальной справедливости. В обществе было поднято «чувство справедливости», которое является характерной чертой национального менталитета. Искренние устремления большей части общества к совершенствованию существующего строя были использованы частью политического руководства в противоположных целях. Фактически народ был обманом втянут в капиталистические отношения.

В настоящее время национальная экономика почти полностью уничтожена. Труд, в соответствии с Конституцией, является необязательным; на оплату труда не влияет ни уровень образования, ни количество и качество труда. Существование частной собственности и «свободного» труда дают возможность жить малой части общества за счет других. В политической сфере принимаются решения, разрушающие страну как суверенное государство, способствующие уничтожению коренного населения. В культурной подсистеме официально утверждаются нормы и ценности, идущие вразрез с социокультурными традициями. Однако в силу длительности трансформации культуры, в настоящее время наблюдается разрыв между официально навязываемыми культурными образцами и действительно функционирующими нормами и паттернами поведения. Так, исследователи отмечают, что идея справедливости остается ключевой в общественном сознании[1]. Справедливость понимается большинством граждан России как равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Россияне не стремятся к тому, чтобы «все отнять и поделить». Они высказываются за равные возможности для всех добиваться улучшений своей жизни, допускают существование неравенств, возникших на справедливых, по их оценкам, основаниям, к числу которых относятся эффективность работы и уровень образования [1,С.113].

Социальная структура не способствует социальной интеграции в силу сильной социальной дифференциации. В России существует высокая степень неравенства в распределении доходов среди различных слоев населения; один из самых высоких уровней регионального неравенства; борьба с бедностью является первоочередной социальной проблемой.

Все вышесказанное говорит о том, что в настоящее время принципу социальной справедливости не соответствуют все подсистемы российского общества как системы. Что же ожидает общество в будущем? Социология отмечает, что общество создается социальными взаимоотношениями индивидов, руководствующихся в своем поведении ценностями. Прочное место справедливости в системе ценностей населения страны указывает на то, что справедливость является частью социокультурного кода страны. Действие социокультурного кода объективно приводит в соответствие с собой институциональное устройство. Это означает, что в ближайшее время в социальной системе страны ведущие позиции займут те общественные организации и социальные институты, в структуру которых включена социальная справедливость как ценность. Лидирующие и властные позиции будут заняты людьми, руководствующимися в своей жизни принципом справедливости. Это не утопический проект, а проявление объективной закономерности общественной жизни.

1. *Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. №2.*

КАЧЕСТВО ОБСЛУЖИВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РФ ПО ГОРОДУ ЯКУТСКУ

Байрак Т.А. (Якутск)

Проблема изучения качества и эффективности социального обслуживания, качества социальной работы с различными группами пользователей услуг, качества разнообразных социальных проектов, связанных с улучшением положения людей, очень важна.

Эффективная система качества социальной помощи, дискуссия о которой получила развитие в процессе рационализации социального обслуживания, находит выражение в

практиках совершенствования технических стандартов (в том числе в отношении персонала, материальных ресурсов, денежных средств) и оценки результативности с точки зрения потребителя.

Управление Пенсионного фонда Российской Федерации (УПФР) является одной из самых посещаемых организаций в городе, так как на сегодняшний день, это одна из крупнейших систем социальной защиты граждан Российской Федерации. Очереди к специалистам выстраиваются с семи утра, и с каждым часом наплыв посетителей растет в геометрической прогрессии. Причем, посетителям приходится отстаивать две очереди – вначале к терминалу для выдачи талонов, а после – уже к специалисту отдела. В день управление обслуживает более 500 человек. Поэтому, по моему мнению, вопрос о качестве обслуживания в столь посещаемой организации является весьма актуальным.

Вопросы анкеты были оценочной формы, респондентам нужно было оценить по пяти бальной шкале качество обслуживания Управления Пенсионного Фонда, график работы и т.д. Благодаря оценке можно найти так называемые «критические точки», моменты, оказывающие решающее влияние на качество и эффективность работы; в дальнейшем, воздействуя именно на эти точки, руководитель и сотрудники организации сумеют добиться существенных положительных изменений, тем самым сэкономив ее силы, время и ресурсы. Оценка даст работникам и руководству повод задуматься о стандартах качества, к которым следует стремиться их организации. Поможет увидеть реальное положение дел в организации, определить пути закрепления успехов и исправления недостатков. При оценке ставятся четкие вопросы, проводится систематический сбор информации от разных людей.

В опросе приняло участие 50 респондентов. Анкетирование проводилось в анонимной форме.

По результатам исследования общая оценка качества обслуживания Управления Пенсионного Фонда РФ в г. Якутске составила 3,9. В общем посетители довольны компетентностью и доброжелательностью сотрудников. Самая большая проблема заключается в больших очередях. Очереди здесь выстраиваются уже с 7 часов утра. Причем, посетителям приходится отстаивать две очереди – вначале к терминалу для выдачи талонов, а после – уже к специалисту отдела.

Многофункциональный центр (МФЦ) также обслуживает клиентов Пенсионного фонда по восьми видам услуг. И, по моему мнению, стоит увеличить их количество. Так же можно увеличить штат сотрудников, работающих с клиентами.

Поскольку поток посетителей в УПФР просто огромный, полностью избежать очередей не удастся, но можно хотя бы попробовать их сократить.

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. / Пер. с англ. Под ред. С.К.Мордовина. – СПб.: Питер, 2007 (Серия «Классика МВА»)
2. Подойницына И.И. Технологии социологических исследований: Учеб. пособие. Ч.2. Якут.гос.ун-т им.М.К.Аммосова, Финансово-экон.ин-т. – Якутск, 2003
3. Под ред. Е.И.Холостовой. Теория социальной работы. М.: Юристъ, 2001
4. Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми: Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2002

НЕОПОЗНАННАЯ РОССИЯ: К КУЛЬТУРНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОСТИ

Баранец С.Н. (Гатчина)

В стране непредсказуемых возможностей варианты развития будущих, порядковые маркеры и плано-прогнозные проектировки связаны зависимостями, выходящими за пределы расчетных матриц. Российское общество может быть, конечно, редуцировано в своей модельной форме методами теоретического социологизирования к

имеющимся научно-познавательным матрицам, однако знания взаимодействий, кроме тех, проявленных посредством практицирования (или имитации) административно-политических процессов, которые у всех на виду и на слуху усилиями коммуникационных систем и сред, явно не хватает для построения научной картины современности. Новые поколенческие когорты потенциальных устроителей будущего страны уже на подходе, однако им (в большей части) внушены символные стереотипы восприятия действительности по меркам постмодернового философско-мировоззренческого дискурса, которые слабо согласуются с модусами реального бытия людей, которым по-прежнему необходимо иметь пищу, одежду, жилище и еще кое-что для простого воспроизводства собственной жизни. Конечно, утрата Больших Идей и Смыслов породила ряд трагикомических мизансцен на глобальном театре военных перформансов, и даже суммарная мощь глобального формирующегося рынка не в состоянии навязать цивилизации новый мировой порядок, вытекающий из появления 3D-принтинга, разновидностей «экономики дара» и виртуализации социальных связей. Но основаниями для исторического оптимизма по-прежнему являются вера в потенциал сущностных человеческих сил, надежда на законосообразность человеческой коммуницирующей деятельности и ософиенная потаенная любовь к памятным опытам реального строительства новых общественных форм, осуществленным нашей страной в предыдущих фазах ее развития.

Подобно мировоззренческим основаниям политических философий, задающим тональность субъектных позиций производящего человека, в реальной становящейся истории весьма специфически действуют и проявляются мировоззренческие предпосылки социологических методологий, способных быть активистски-преобразующими, гармонизирующими и пассивизирующими (дезактивирующими) в части применения к изменениям судеб интересующих социолога измерений и сфер социальных континуумов. В рамках разрабатываемого автором атрибутивного подхода к пониманию природы смысловой организации социальной формы движения материального мира видение современности в социологическом ракурсе предстает набором социально детерминированных и творчески эмерджентных (порождающих) ситуаций, связанных пространственно-временной отнологией и логикой человеческого поступка, за редким исключением наступающего из состояния рефлексивного «затакта». Его продолжительность диктуется общим ритмическим рисунком исторической цикличности естественно-исторического и деятельного плана, привязанной к фазам осуществления индивидуальной человеческой судьбы. Его структурная динамика определяется глубинными мировоззренческими ориентирами, которые проистекают из технологической природы человеческой цивилизации и сущностных потребностей преобразовывать данное природой для человеческих потребностей, способами, допускающими продолжение существования человеческого рода и его устойчивого воспроизводства. Для российской формы воплощения специфических цивилизационных черт современность предстает как своевременность и своеобычность данностей прошлого, настоящего и будущего, которые соответствуют задаче сохранения страны как целостности в той же мере, как и задаче осознания ее предназначения в общей логике действительного исторического движения.

Там, где современность становится своевременной и своеобычной не оспаривается, цивилизационная идентичность не может быть обнаружена эмоциональным или рассудочным отношением к спецификациям типических способов делания людьми своей истории, характерных для всего остального мира. И это отнюдь не следствие неизжитого Россией имперского комплекса с его претензией на интернализацию национального мировидчества и мироотношения. Кризисные явления на рубеже первого-второго десятилетий нашего века, как и всегда, породили напряженные поиски смысла исторического бытия и судьбоносных идеалов для каждого из субъектов мировой истории современности, в том числе и ради акцентуализации ими ранее обнаруженных и неизбытых (недовоплощенных) идеалов как ориентиров для прокладки курса в системе

конвенционно принятых мировых координат и мировых целей. Однако прошлое неизменно и неотменимо, а потому специфика форм преемственности исторического развития российского цивилизационного комплекса только сейчас начинает быть адекватно трактуемой как диалектическое «двойное отрицание», возврат якобы к старому на новой основе при сохранении общей линии мер исторического движения производительных социальных сил и самоуправляемых систем социальных отношений и относительностей, в том числе символической природы. Концептуальной властью принуждать к разумности поведения и выбору актуальных способов бытия родовых последовательностей и их пересечений по разным поводам деятельных взаимодействий обладают нормы научно обоснованных расчетов вероятностей будущих (в том числе желаемых) состояний и их девиантных (в том числе альтернативных) сущностных проявлений. Однако без волевых импульсов властной природы и управленческой структуры такие экспектации не выйдут за рамки мечты о несбыточном и не смогут стать понуждающими к преобразовательному действию «воспоминаниями о будущем», ради которого стоит продолжать быть в настоящем. Прошлое настоящего будущего не менее ценно для России, нежели будущее прошедшего настоящего, ставшего собой, но уже переменяемого социально-политическим импульсом

Судя по некоторым данным, императивом для толкования и понимания специфики современности социологами отечественных школ и зарубежными коллегами вновь становятся ценностно-познавательные установки научного подхода к действительности социальной реальности с его критическим пафосом и вместе с тем – толерацией в отношении иных способов «прочтения» мировых гоминидальных (в том числе антропологических) констант. Оттенки и нюансы по-прежнему важны для поддержания напряжения диверсифицированного прогнозного поиска, однако проектная планосообразность и командный дух организуемого сотрудничества во имя правдолюбиво поставленных целей выходят, как представляется, на первый план. Жить в обществе, мысля социологически, и быть при этом свободным от него морально исследователем странного или, примеру, коллекционером абсурдностей – уже, по счастью, не модно и не современно.

Однако обнаружить и эксплицитировать удовлетворительную концептуальную схему освоения потребных для преобразовательных усилий власти, бизнеса и гражданского общества в России потенциалов социального действия пока никому не удалось. Даже и в том, что касается описаний событий и структурных наборов существующих социальных систем, единства и согласия среди теоретиков не существует. Право на свободную интерпретацию субъективно взятой части современной исследователю действительности не может развиваться в ущерб обязанности предложить достоверное тенденциальное знание о способах конструирования будущего на потребу высшим человеческим проявлениям гуманности. В этом отношении выбор и оправдание адекватной теоретической субъектной позиции для социолога современности становится актуальной, насущной, неизбежной, хотя и обременительной задачей. Мне кажется правильным обратиться, помимо прочего, и к советскому наследию теоретической социологии «перестроечной» эпохи, переосмыслив несостоявшийся ренессанс тогдашнего реального социализма с точки зрения спрессованного и противоречивого опыта последних двадцати пяти лет российских преобразований и реформ.

ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Баранова Г.В. (Орел)

Предложена модель оценки и прогнозирования протестной активности в регионах России, разработка которой основана на решении задачи интеграции методов сбора и

обработки информации. В процессе решения осуществляется детальный анализ по выявлению видов и форм протестной активности. Классифицируется характер акций протеста по степени воздействия на стабильность развития общества, выявляются инициаторы и активные участники, устанавливается взаимосвязь между ними и социально-экономическим и общественно-политическим положением в исследуемый период, учитывая региональные особенности страны.

Показано, что характер протеста зависит от причин [1, 51] и уровня социальной напряженности, вызванной неудовлетворённостью населения сложившимся положением в противовес их предпочтениям и потребностям [2].

Для выявления причин и вычисления уровня социальной напряженности предлагается использование опросных методов, учитывающий человеческий фактор и региональные особенности, что позволяет фиксировать текущие мнения и установки индивидов. Для сбора эмпирических данных используются два измерительных инструмента: шкала важности, назначение которой состоит в выявлении степени значимости для респондентов каждого из факторов, значимо влияющих на социальную напряженность в исследуемом регионе, и шкала неудовлетворенности, предназначенная для определения уровня неудовлетворенности респондентов положением дел в регионе по предложенным параметрам. В обоих случаях работают порядковые шкалы с вербальным закреплением границ.

Степень влияния факторов на характер протеста измеряется на основе расчета факторных показателей уровня социальной напряженности по каждому отдельному фактору [2, 56].

Ранжирование факторных показателей позволяет выявлять факторы риска уровня неудовлетворенности которыми с учетом степени их важности в регионе «высокий». Это дает возможность предвидеть причины недовольства населения региона и возможных акций протеста.

Важным моментом в методике является смещение акцента от чисто социологических методов к статистическим, что позволяет использовать огромный достоверный пласт статистических данных, что обеспечивает повышение оперативности и достоверности прогноза, снижение затрат необходимых ресурсов.

С этой целью для выявления причин недовольства населения, а следовательно, характера протеста (кроме показателей доверия к органам власти) установлена регрессионная однофакторной зависимость между изменением значений социально-экономических показателей по тому или иному фактору (например, размер заработной платы, уровень преступности и т. п.) и факторными показателями (уровнем социальной напряженности относительно этого показателя), учитывающими человеческий фактор [3]. Установлена зависимость для детерминирующих социально-политическую напряженность факторов, характер которых отражается в основной массе протестных акций.

Дальнейшая интерпретация количественных значений факторных показателей осуществляется по разработанной автором шкале соответствия уровня (количественной характеристикой, полученной расчетным путем) социальной напряженности ее стадии (качественной характеристикой) и формами проявления [2, 61].

Для индикаторов общественно-политического характера (как то: неудовлетворенность деятельностью местных и федеральных органов государственной власти и т. п.) статистические показатели отсутствуют. Для таких характеристик необходимы данные социологических опросов. Однако, их проведение достаточно один раз в год, так как детальные исследования социальной напряженности и форм ее проявления позволяют сделать вывод, что эти показатели меняются незначительно, если не происходят явные изменения общественно политической ситуации в регионе или стране. В случае таких изменений (выборные компании, смена руководства и т. п.) необходимо проведение дополнительных опросов для уточнения модели.

В процессе верификации с целью обоснования валидности методики был проведен сравнительный анализ и установлено соответствие между расчетными значениями факторных показателей, статистических показателей для соответствующих факторов и характера социально-политического протеста, который наглядно отражается в форме требований, выдвигаемых в ходе акций протеста [3].

Инициаторы и активные участниками социально-политического протеста являются представители таких социальных групп, как: политические партии, общественные зарегистрированные и незарегистрированные (иногда запрещенные) организации, конфессиональные, этнические, социально-профессиональные группы. Уровень активности участников акций бывает разный: одни участвуют весьма интенсивно; другие оказывают пассивную и нерегулярную поддержку.

Для их выявления предлагается подход, аналогичный используемому при оценке характера протеста, где количественной характеристикой выступает уровень социальной напряженности (в том числе и по каждому фактору) в анализируемых социальных группах.

С этой целью показатели социологического опроса респондентов группируются по исследуемым социальным группам. Такая группировка обусловлена целенаправленной, квотной выборкой.

Использование интерпретационной шкалы соответствия [2, 57] позволяет из исследуемых социальных групп выявить те, которые являются потенциальными субъектами социального конфликта, что дает возможность органам власти и управления оптимизировать деятельность, стимулируя группы к преодолению отставания в качестве жизни, способствуя социальной справедливости в процессе становления гражданского общества. Предложенный способ расчета дает возможность вычислять факторные показатели в отдельных социальных группах. Их анализ позволяет выделить социально-экономические и общественно-политические индикаторы жизни, неудовлетворенность отдельных социальных групп региона которыми достаточно велика.

Интегральный подход к анализу протестной активности, использующий социологические, статистические методы сбора и обработки информации с оптимальным использованием математического моделирования, является качественным инструментом детального анализа социально-политической активности. Прогноз, построенный на основе предложенного инструментария, выступает фактором государственного управления, так как получаемые результаты позволяют своевременно обнаружить причины недовольства населения, выявить социальные группы, общественные организации, являющиеся потенциальными инициаторами и активными участниками протестных акций, предвидеть формы проявления социально-политической активности граждан. Своевременное регулирование социально-экономической и общественно-политической ситуации (через управление), направление социально-политической активности в позитивное русло, позволяет трансформировать ее в конструктивную гражданскую активность, своевременно предупреждать обострение общественно-политической ситуации в стране, понижать уровень социальной напряженности, предотвращая внутренние риски, обеспечивая стабильность развития государства, способствуя формированию и развитию справедливой, человекоориентированной социальной структуры, генезису гражданского общества.

При этом создается теоретическая предпосылка решения одной из задач реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, а именно – «... обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить мобилизационный потенциал и рост национальной экономики, поднять качество работы органов государственной власти и предотвращая конфликты и угрозы развития общества, и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Российской Федерации права на

жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие» [4].

1. Баранова, Г. В., Фролов, В. А., Кондрашин, А. В. Особенности социальной напряженности в регионах России [Текст] / Г. В. Баранова., В. А. Фролов, А. В. Кондрашин // Социолог. исслед. – 2011. – № 6. – С. 48 – 55.
2. Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности [Текст] / Г.В. Баранова., В.А. Фролов // Социолог. исслед. – 2012. – № 3 – С.50 – 65.
3. Баранова, Г. В. Методология анализа протестной активности населения России // Социолог. исслед. – 2012. – № 10 .С. 143 – 151.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://base.garant.ru/195521/>

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ОНТОЛОГИИ

Богомягкова Е.С. (Санкт-Петербург)

Социальные проблемы традиционно являются одним из самых популярных предметов социологии. Между тем, имеющиеся варианты концептуализации социальных проблем не всегда можно признать удовлетворительными.

Трудности в изучении социальных проблем вызваны многозначностью самого термина «проблема», а также многообразием ситуаций его использования. Во-первых, категория «проблема» употребляется в гносеологическом значении и понимается как основание научного познания. В этом случае распространенной становится ситуация смешения социологических проблем как проблем познания и социальных проблем как специального предмета социологии. В настоящее время мы сталкиваемся с отголосками интерпретации социальных проблем в советский период, которые не способствуют выработке дефиниции социальной проблемы и отделению данного феномена от других явлений в предметном поле социологии. Среди них можно отметить трактовку социальных проблем как противоречий между сущим и должным, между знанием и незнанием, а также концептуализацию социальных проблем как проблем, присущих той или иной социологической теории, отрасли социологии. В настоящее время мы встречаем в литературе всевозможные социальные проблемы труда, науки, образования, молодежи, здравоохранения и т.д. [Симонова, 2005]. Для исследователя требуется значительная доля социологического воображения, чтобы различать указанные точки зрения и конструировать свой предмет исследования. Мы настаиваем на том, что социальные проблемы могут и должны становиться самостоятельным предметом социологической науки.

Во-вторых, социальные проблемы как специальная область анализа часто выступают объектом спора и разногласий. В социологической науке сложилось несколько подходов к пониманию и объяснению социальных проблем: объективистский, субъективистский, диалектический. Объективистские интерпретации, представленные концепциями социальной дезорганизации, функционализма или конфликта, видят социальные проблемы как часть объективной реальности, выраженную в уровнях, показателях ее распространенности и глубины. Социолог выступает в роли эксперта, а социологическое знание оказывается способным вскрывать, описывать и объяснять социальные проблемы, способствовать изменению ситуации. Социологическое знание социальных проблем претендует на истинное отражение реальности по сравнению с обыденными представлениями. Несмотря на ряд ограничений, отмеченных в том числе Г. Блумером [Блумер, 2007], объективистские интерпретации до сих пор широко распространены в современном социологическом дискурсе. Мы же отметим один

существенный, с нашей точки зрения, аспект. Понимания социальные проблемы как часть объективной реальности, социологи редко рефлексуют об основаниях конструирования собственного предмета исследования. В отношении социальных проблем социологическое знание часто оказывается разновидностью ученого здравого смысла, проявлением университетской доксы [Бурдые 1996]. Многие социологические исследования социальных проблем базируются на представлениях, которые подобны «покрывалу, находящемуся между нами и вещами и скрывающему их от нас тем лучше, чем прозрачнее оно нам кажется» [Дюркгейм 1995: 48 – 49]. Социальные проблемы образуют одно из самых труднопреодолимых препятствий, поскольку они встроены во все инструменты, используемые при формировании обыденного видения социального мира, которое обеспечивается организациями и законами, работающими на их разрешение, и соответствующими категориями восприятия и мышления.

Это ограничение позволяет преодолеть субъективистский подход к социальным проблемам, в фокусе внимания которого оказывается деятельность социальных групп по выдвиганию утверждений-требований с целью привлечения внимания и изменения негативных предполагаемых условий [Спектор, Китсьюз, 2001]. В основе подобных представлений лежит идея социального конструирования реальности. Социолог теряет свою экспертную роль, а в изучении социальных проблем формулирует конструкции второго порядка, реконструируя повседневные интерпретации. Исследователи находятся в области риторики, языка, и явно или неявно следуют в русле лингвистического поворота, т.е. опираются на представление, что познание социальной реальности возможно на основе познания языка. Сформулированы и диалектические представления о социальных проблемах. Однако, следует признать, что оригинальных теоретических достижений в этом направлении мало.

В связи с вышеизложенным, актуальным становится вопрос, какой ресурс современной социологии способен обновить наше знание о социальных проблемах. Мы наметим перспективы возможной трансформации теории социальных проблем в контексте концепции онтологического релятивизма Дж. Ло и А. Молл [Мол, 2015; Ло, 2015].

На смену метафорам отражения и конструирования приходит метафора производства социальной реальности. Джон Ло утверждает, что мы постоянно имеем дело с доставшейся в наследие от европейско-американской метафизики дихотомией: мир един или мир множественен. С одной стороны, мир представляется единым, и все «кто не видят его так, как мы, страдают слабым зрением, и их эмпирическая, этическая и политическая перспектива ущербна» [Ло, 2015]. С другой стороны, мы можем говорить о принципиальной несводимости миров, смыслов, значений. Ло и Молл предлагают третий вариант, используя понятие «приведение в действие» (enactment). Под ним понимается допущение, согласно которому отношения, а значит – реальности и репрезентации реальностей .... бесконечно и неизменно «осуществляются» в непрерывном процессе производства и воспроизводства. У них нет никакого статуса, положения или реальности в отрыве от этих процессов» [Ло, 2015]. Следовательно, «приведение в действие» не следует трактовать, как включение в цепочку действий чего-то, существовавшего ранее. Для онтологического релятивизма существовать – значит, быть приведенным в действие (enacted). Одной из категорий, используемых здесь, является категория практики, но не некоторой единой абстрактной практики, а множества конкретных практик. Реальность – это приведение в действие, задействование, «способ сборки». В итоге, речь идет о множественных мирах, множественных реальностях, которые не сводятся друг к другу, но могут накладываться друг на друга, пересекаться и даже включать друг друга.

Социальные проблемы становятся результатом задействования в каждом конкретном времени и месте различных материальных и нематериальных объектов. Каждый раз они «собираются заново», приводятся в действие. Социальная проблема, с одной стороны, теряет свое онтологическое единство, а с другой, – множественность

интерпретаций. Социальная проблема каждый раз создается, исполняется и каждый раз это новая социальная проблема. Значение приобретает категория локальности. Например, проблема безработицы в службе занятости, политическом процессе или в коммерческой организации – это разные социальные проблемы. Даже в службе занятости может несколько различных реальностей социальных проблем. Исследователь должен изучать эти различные «способы сборки» социальной проблемы, а также объяснять, как эти различные способы «задействования» согласуются между собой, как создаются представления о единстве.

Таким образом, фокус внимания на практике, представления о реальности как результате и процессе задействования (исполнения) различных материальных и нематериальных объектов (в том числе, смыслов, ценностей) могут дополнить и обогатить имеющиеся концепции социальных проблем, и привести к неожиданным теоретическим и эмпирическим результатам.

1. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.11 – 25.
2. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / пер. с фр. Н.А. Шматко // Socio-Logos '96. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М., 1996.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995.
4. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука /пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.
5. Мол А. Множественное тело (пер. с англ. Ивана Напреенко) // Социология власти. 2015. №1. С. 232 – 247.
6. Симонова Т.М. Социальные проблемы в социологии и социальной работе: определение, анализ, решение. – СПб.: Роза мира, 2005. – 241 с.
7. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности - II. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С.160 – 163.

МИРОВЫЕ ПРАКТИКИ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ РИСКА

Бондарев А.К. (Санкт-Петербург)

В настоящее время внимание привлекают новейшие публикации Всемирного банка и Всемирного экономического форума, в которых представлены современные методологические и теоретические основания рискологии [1]. В связи с этим рассматриваются некоторые концептуальные основы, их эволюция и терминология. Примечательна «асимметрия» исследований, проводимых этими глобальными учреждениями. По крайней мере, это касается минимизации перекрестного цитирования, что позволяет предположить взаимодополняющий характер двух исследований.

На Всемирном экономическом форуме, начиная с 2005 года, обсуждается проект Глобальные риски (Global Risks) - риски глобального значения, которые носят неопределенный характер и достаточно масштабны, чтобы вызвать значительное негативное влияние на страны и отрасли в пределах ближайших десяти лет. Глобальные риски не только взаимосвязаны, но и имеют системные последствия.

Риски сгруппированы по пяти категориям - экономические, экологические, геополитические, социальные (societal), технологические - и измеряются по вероятности возникновения (likelihood) и потенциалу воздействия (impact). Соответственно, наиболее вероятный глобальный риск - это значительное неравенство в доходах, в то время как риск

с наибольшими последствиями - это крупный системный финансовый кризис. Также выделяются риски, которые включены в ведущую группу, как по степени влияния, так и по вероятности: хронические финансовые дисбалансы и кризис водоснабжения. Кроме того, характеризуются «особые факторы» – новые риски, которые требуют дополнительных исследований. Например, неконтролируемое использование геоинженерных технологий и технологий вмешательства в мозг человека; стремительное изменение климата. Наряду с ними имеет место новый старый риск - наиболее вероятные рискованные события, лишь недавно потерявшие актуальность, чтобы в короткий период снова набрать ее.

Концептуальной инновацией представляется «Карта глобальных рисков» (The Global Risks Landscape 2015), показывающая зависимость рисков от предполагаемой вероятности и влияния. Здесь же следует отметить «Карты взаимосвязей глобальных рисков» (The Risks-Trends 2015 Interconnections Map и The Global Risks 2015 Interconnections Map). Справедливо отметить, что подобные Карты свидетельствуют о теоретических наработках за период 2005-2015. За это время осуществлен интеллектуальный переход от идентификации рисков и трендов, соответственно, 28 и 13, к осмыслению их взаимосвязей. Что позволяет выявлять каскадные эффекты (cascading effects) - каналы переходов между рисками и потенциальные эффекты второго и третьего порядка. Эти связи показывают не прямую причинно-следственную связь, а косвенные воздействия.

Следует обратить внимание на эвристический потенциал термина «социетальный» (societal), который на наш взгляд, в определенной степени снижается и упрощается за счет трактовки «социальный». Между тем практика исследования социетальных характеристик общества сформировалась в социологии под влиянием идей Т. Парсонса, согласно которому сообщество представляет собой сложную сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей, систему, для которой характерны дифференциация и сегментация. Именно такое понимание термина, как представляется, дает новый импульс исследованию проблем управления риском.

Во-первых, несмотря на отмеченную асимметрию, в подходах обеих названных международных организаций следует отметить общность в решении важной проблемы. Так, в Отчете Глобальные Риски в 2013 году Всемирного Экономического Форума обсуждается сложная тема, которая касается того, как страна может подготовиться к глобальным рискам, которые она не может контролировать или предотвратить. Один из возможных подходов заключается в «системном мышлении» и в применении концепции устойчивости к странам. В докладе описываются пять компонентов устойчивости: эффективность, избыточность, наличие ресурсов, реагирование и восстановление - которые можно применять к пяти национальным подсистемам: экономика, окружающая среда, управление, инфраструктура и общество. В результате удалось разработать диагностический инструмент, который позволит руководителям оценивать и отслеживать национальную устойчивость перед глобальными рисками. В свою очередь WDR 2014 применяет подход, учитывающий тенденции проявления риска по регионам. Кроме того специально разработан индекс готовности стран мира к риску, основанный на замерах активов и услуг по четырем важным категориям (человеческий капитал, материальные и финансовые активы, социальная поддержка и государственная поддержка), влияющим на обеспечение готовности к риску [2].

Во-вторых, в исследовании Всемирного банка большое внимание уделяется целостному подходу к управлению рисками, согласно которому необходимо коллективно управлять риском в рамках различных частично перекрывающихся социальных и экономических групп (структур): домохозяйство, община, предприятие, финансовая система, государство, международное сообщество. Так, защита и страхование на уровне домохозяйства особенно важны в случае идиосинкратических (idiosyncratic) рисков и еще более значимы там, где нет рынков или социального обеспечения. Общины же действуют

на основе неформальных сетей, основанных на доверии, взаимопомощи и социальных нормах, которые Дж. Коулмен и Р. Патнэм, каждый по-своему, называют «социальным капиталом». Сектор предприятий под воздействием конкуренции может способствовать инновациям - процессу «творческого разрушения» («creative destruction»), впервые описанному Дж. Шумпетером, возможно, являющемуся единственным способом обеспечения устойчивости и успешного развития экономики в постоянно меняющихся условиях. Наконец, как принято многими исследователями, - и это стало очевидно с 2007 года, - масштабные социальные издержки обусловлены макроэкономическими кризисами. Соответственно, разработчикам экономической политики - финансовая политика, государство - принадлежит важнейшая роль в предотвращении этих кризисов или, по крайней мере, в смягчении их последствий, несмотря на ограничения, накладываемые теоремой о политике. По крайней мере, с точки зрения управления рисками, для обеспечения устойчивости бюджета необходимо учитывать условные обязательства (contingent liabilities), i. e. выполняемые при определенных условиях.

Международное же сообщество может предложить консультационные услуги, оказать содействие в координации международной политики, а также предоставить общие ресурсы в тех случаях, когда риски превосходят потенциал отдельных стран либо носят трансграничный или межпоколенческий характер.

Разумеется, ни одна из социальных и экономических структур, о которых шла речь выше, не работает безупречно. Как бы то ни было, эти структуры взаимодействуют друг с другом, часто дополняя, а иногда и заменяя друг друга в процессе выполнения функций управления рисками.

В качестве перспективных суждений выделим следующее. Не исключено, что риск бездействия окажется наихудшим из всех имеющихся вариантов. К различным видам риска и различным ситуациям можно применить модель «цепочки риска». Успешное использование эффекта позитивных шоков имеет критически существенное значение для постепенного повышения устойчивости людей к негативным шокам.

1. *World Development Report 2014 (WDR 2014), Risk and Opportunity - Managing Risk for Development // <http://www-wds.worldbank.org/>; World Economic Forum. Global Risks 2015. 10th Edition (WEF GR 2015) // <http://www3.weforum.org/docs/>. См., также: United Natio*
2. *WDR 2014. Background Paper. Foar R. Household Risk Preparation Indices-Construction and Diagnostics Harvard University, Department of Government// http://siteresources.worldbank.org/WDR15_bp_Household_Risk_Preparation_Indices_Foar.pdf*

ФРЕЙМ-АНАЛИЗ ТЕКСТА КАК МЕТОД СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бондаренко В.А. (Санкт-Петербург)

Понятие фреймов используется учеными из разных областей знания. Так, психологи фокусируются на изучении «эффекта фреймов», а также рассматривают «фрейм решения» (в психологии выбора), который используется для описания представлений актора, принимающего решение, о действиях и последствиях, связанных с этим выбором. В исследовании искусственного интеллекта («инженерия знания») изучается «система фреймов» и «терминалы понятийных структур», а также рассматривается восприятие человеком зрительных образов с помощью фреймов [Минский, 1979], которые понимаются как структурированные систематизированные данные, в которых кодируется стереотипная ситуация [Некрасов, Молчанова, 2009].

В социальных науках концепции фреймов и фреймирования используются в социологических и политических исследованиях, а также в исследованиях коммуникации (англ.: communication studies), и связывается с именами двух ученых – Г.Бейтсона, предложившего свою интерпретацию этого понятия в статье «Теория игры и фантазия» и И.Гофмана, который опирается на первого в работе «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта».

Однако, несмотря на то, что социальные ученые, использующие концепцию фреймирования, отсылают к одним источникам, зародилось два направления в понимании фреймов в социологии, один из которых использует фреймы для анализа действий, а другой – для анализа текстов. Представители обоих направлений сходятся на том, что фрейм – способ объяснения, который «структурирует наше внимание к различным сегментам социального мира» [Ван Хульст, 2011: 90]. Однако то, что помещается в фрейм, и то, что объясняется с помощью него, различно.

Первое понимание фреймов концентрируется на действии, событиях, практиках и взаимодействии. «Фреймы определяют те способы, которыми участники, погруженные в ситуации взаимодействия, воспринимают социальную реальность, представляя ее самим себе и окружающим» [Ван Хульст, 2011: 5]. Пример такого использования фрейма дают Яноу и Ван Хульст: фреймы «боевого укуса» и «притворного укуса» по-разному фреймируют процесс «кусания». В отечественной социологии это направление разрабатывается, например, В.Вахштайном [Вахштайн; 2013]. Фрейм, таким образом, понимается здесь как способ объяснения действия.

Второе понимание фрейма и фреймирования концентрирует свое внимание на способах мышления, выраженных в тексте. Через текст актер передает особое понимание социального мира, а использование фреймов помогает ему донести определенные аспекты такого понимания. «Фреймировать значит выделять некоторые аспекты воспринимаемой реальности и делать их более заметными в тексте, через который происходит коммуникация, с тем, чтобы продвигать свое определение проблемы и причинной интерпретации, давать моральную оценку и предлагать собственное “лечение”» [Entman, 1993: 53]. То есть, в данном понимании фреймы определяют не то, как будет совершено действие, а то, что и как будет сказано или написано: «коммуникаторы принимают осознанные или неосознанные фреймированные решения, выбирая, что сказать – это диктуется фреймами, которые организуют их мировоззрение» [Entman, 1993: 53]. Пример такого использования фрейма дает Р.Энтман – один из теоретиков данного понимания фреймов: фрейм «холодной войны», доминировавший в новостных сообщениях в Соединенных Штатах, подчеркивал определенные иностранные события, например, гражданские войны, и определял их как проблемы, связанные с их источником (восстание коммунистов). В новостях также давались моральные оценки (атеистическая агрессия) и предлагались решения (поддержка США другой стороны). Такое понимание фреймов нередко используется в исследованиях коммуникации при анализе СМИ и, прежде всего, новостей [см. van Gorp, 2005; Entman, 1993].

Фисс и Хирш говорят о фрейме как о рамке, производящей «схемы интерпретации», которая предоставляет связку между различными элементами, сгруппированными одной идеей [Fiss, Hirsch, 2005]. Концепт создания фрейма, или фреймирования, относится к процессу, при котором люди развивают концептуальное представление о феномене и переориентируют свое понимание этого феномена [Chong, Druckman, 2007: 104]. При этом, фрейм может пониматься и как набор, состоящий из нескольких индикаторов, или «инструментов фреймирования» (англ.: framing device) – метафор, популярных выражений, ключевых слов, визуальных изображений, выбора лексики, источников, графики, стереотипов, примеров и т.п. [Van Gorp; 2005].

Таким образом, фрейм является способом выделения одной информации из общего объема текста, что делает эту информацию более заметной, значимой или запоминаемой для окружающих [Entman, 1993: 53]. Фрейм можно опознать по присутствию одних слов и

отсутствию других, поскольку фреймы привлекают внимание к определенным аспектам социальной реальности, обходя стороной другие ее элементы.

Социальные ученые говорят и о различных типах фреймов. В частности, выделяются содержательные и процессуальные фреймы. Содержательные фреймы описывают характеристики феномена, который продвигается актором. Процессуальные фреймы фокусируются на стратегиях поведения (например, политические стратегии) [de Vreese, 2012]. Также выделяются общие и специальные фреймы. Те фреймы, которые применяются по отношению к одному вопросу или событию, называются специальными. Те же, которые преодолевают ограничения одной темы (или вопроса) и могут применяться к различным областям в разное время и в разных культурных контекстах, именуется общими фреймами.

Итак, мы можем выделить определение и свойства фреймов. Фрейм - смысловая рамка, которая производит схемы интерпретации феноменов социальной реальности; выделяет информацию из общего объема текста, делая ее более заметной и значимой и привлекая внимание к определенным аспектам социальной реальности. Фрейм можно определить по наличию следующих элементов, которые могут как присутствовать все сразу, так и появляться только некоторые из них. Во-первых, продвижение своего определения феномена или проблемы. Во-вторых, интерпретация причины возникновения, существования этой проблемы. В-третьих, выдвижение моральной оценки феномена. Наконец, предложение рекомендации по решению проблемы или стратегии поведения. Отдельные фреймы также можно обнаружить по наличию «инструментов фреймирования» – особых индикаторов, которыми могут быть ключевые слова, лейтмотивы, метафоры, стереотипы, речевые штампы и популярные выражения.

В заключение, в социологическом исследовании фрейм-анализ текста может использоваться наряду с дискурс-анализом. Понимание и изучение дискурсов и фреймов важно для понимания различий в восприятии социальной реальности, поскольку, как указывали П.Бергер и Т.Лукман, «понимание языка существенно для понимания реальности повседневной жизни» [Бергер, Лукман, 1995: 155], т.к. «язык предусматривает фундаментальное наложение логики на объективированный социальный мир, <...> он объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех, кто относится к данной лингвистической общности, становясь, таким образом, и основой, и инструментом коллективного запаса знания» [Бергер, Лукман, 1995: 114]. Таким образом, фрейм-анализ текста является одним из методов социологического анализа языковых инструментов, которые конструируют смыслы.

1. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.* — М.: “Медиум”, 1995. — 323
2. Вахштайн В. Фрейм-анализ как политическая теория // *Социология власти.* №4. 2013. С. 13-44 и Вахштайн В. *Социология повседневности и теория фреймов / Виктор Вахштайн.* – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с. – (Серия «Прагматический поворот»; Вып. 4).
3. Ван Хульст М., Яноу Д. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // *Социологическое обозрение.* Т. 10. №1-2. 2011
4. Минский М. *Фреймы для представления знаний.* М.: Мир, 1979
5. Некрасов С. И., Молчанова Н. С. Значение фреймов в современной науке // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.* №10. Т. 16. 2009
6. Chong, D, Druckman, J.N. (2007) *Framing theory.* *Annual Review of Political Science* 10, 103-126.
7. Entman, R.M. (1993) *Framing: towards clarification of a fractured paradigm.* *Journal of communication* 43 (4), 51-58
8. Fiss, C., Hirsch, P.M. (2005) *The discourse of globalization: framing and sensemaking of an emerging concept.* *American Sociological Review* 70 (1), 29-5
9. Van Gorp B. *Where is the frame? Victims and intruders in the Belgian press coverage of asylum issue.* // *European Journal of Communication.* SAGE. 2005

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СОЦИОЛОГИ СЕРЕДИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА ОБ ОНТОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО МИРА (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА)

Бочкарева В.И. (Санкт-Петербург)

Возникновение и развитие в России «новой науки» - социологии было связано как с журналистской средой, «более научной, чем публицистической», так и с академической, университетской средой. Н.И. Кареев, активный участник становления социологии, лично знакомый с социологами разных школ и направлений подчеркивал, что новая наука «требовала» прежде всего создания «общей теории общественного бытия и развития» и решения чисто социологических вопросов «в области методологии новой науки» (Кареев). В рамках «общей» теории главным стало решение фундаментального вопроса - является ли социальный мир бытием естественным/материальным или искусственным/идеальным (культурным); и надо ли считать культуру феноменом «надстроечным», производным от социального процесса, или социальный мир по своей онтологической природе, обладая смысловой, символической структурой, связан с культурой, а значит, с субъектами, сознательно и целесообразно организующими («конструирующими») свое взаимодействие по воспроизводству и изменению многообразных форм социальной мира. Все теории в социологии нуждаются в определении специфики социального мира и его функциональных процессов. Вопрос о том, какова природа социального мира, невозможно обойти, и все социологическое знание является, по существу, ответом на него.

Интерес к этой фундаментальной теме и в западной социологии оставался дискуссионным. Так, Т. Парсонс писал о «бесконечных завалах» в социологической литературе по вопросу о роли материального и идеального фактора в социальном мире. Культура, по Парсонсу, это продукт и детерминант систем социального взаимодействия: «Без культуры невозможны ни человеческие личности, ни человеческие социальные системы».

У Н. Лумана коммуникация – это смысловой процесс, который реализуется в действии: «Без смысла общество, любая социальная система просто прекратили бы существование». «Средством» образования «единства» смысла является «символ, символическое». Выделяя в качестве доминирующего свойства любой социальной системы социальный процесс, он называет этот процесс «социокультурной эволюцией».

В российской социологии вопрос о двойственной природе социального мира был заявлен раньше, чем на Западе. Отечественные социологи считали культуру и «творческую активность» личности (практическую, познавательную, созидательную) онтологическим критериям общей социологической теории. По словам Кареева, российские социологи, «независимо от западных влияний и даже их предваряя», внесли тем самым в социологию «конструктивное учение», «деятельностный» элемент.

Несмотря на полемику, взаимную критику и «разномыслие», которые существовали не только между социологическими школами и направлениями, но и внутри них, можно выявить во взглядах ее представителей «единомыслие», «сходство» (Хвостов), «однородность» (Кареев). Это происходит, когда дело касается «родового субстрата» социальных явлений. Культуру российские социологи как раз и относили к такому «родовому субстрату», «субстрату эволюции» (Кистяковский). Н.К. Михайловский объяснял подобное сходство не влиянием или заимствованием, а вниманием авторов,

разных «и по совокупности образа мысли, и по степени таланта, и по форме работы», к ключевым проблемам, которые «кристаллизуются» не только в виде последователей, но и «прорезываются самостоятельно».

Так, представители этико-социологической школы считали, что существование социологии как «чистой социальной физики» невозможно, и она «не может быть исключительно объективной по образцу естественных наук» (Кареев). Социальные формы, социальные структуры имеют свою «материю» - в их формировании, существовании и развитии задействованы реальные личности как сознательные существа со своими потребностями, чувствами, целями, мотивами, и социология не может игнорировать «факт» конструирования личностями природы социального. Активная позиция личности («принцип личности») – это способ человеческого существования, условие организации человеческого бытия, т.е. «социально-культурной среды». При этом речь не идет о «полной свободе» личностей, исключающей «необходимость» воздействия на нее уже сложившихся социальных форм, но она может и противопоставить себя условиям среды «борьбой за индивидуальность» (Михайловский). А отношение к личности как к «служебному органу, орудию или средству, коим пользуется общество, осуществляя объективные стремления своей природы» - это есть в сущности «субъективное к ней отношение» (Кареев).

В.М. Хвостов с позиции «субъективного нормативизма» критиковал Конта за его «увлечение социологическим реализмом», недооценку роли человеческого творчества в социальном мире и полагал, что социология должна стать квинтэссенцией социального творчества.

Объектом социологии у Е.В. Де Роберти является «надорганика» - мир «общественной или духовной жизни», который охватывает все социальные явления (коллективный опыт, социально-мотивированную и разумную волю, политические формы, нравственность, право, науку, сознательную передачу от одного поколения другому накопленных знаний и культурных благ и т.д.). Общество - «культурно-социальная система» требует постоянной организации, что является причиной «появления и развития бесчисленного множества новых фактов, наполняющих собой историю человеческих обществ».

Н.М. Коркунов с позиции «субъективного реализма» специфику социального мира, мира «общественной жизни» связывал с «психической его природой», а само понятие «общественная жизнь» использовал как синоним термину «общественная культура».

М.М. Ковалевский считал «особым предметом изучения» в социологии «веками созданную общежительность», т.е. человечество в том виде, «в какое привели его созданные искусством людей общественные институты» (язык, верования, мораль, право, гражданские, общественные и политические учреждения, художественное творчество, литература и науки). Его обобщающий вывод - предметом социологии «является созданная вековым развитием человеческая культура».

«Базисной ареной» социологических исследований называл культуру Н.С. Тимашев, поскольку существует глубокая взаимосвязь социального и культурного, несмотря на изобилие различных точек зрения, относительно понятия культуры, ее функций и разнообразных локальных форм

Исходным моментом неокантианской позиции Б.А. Кистяковского было утверждение о том, что объект социологии – социальный мир – это «особый мир», отличный от мира природы, изучаемого естественными науками. «Особый» в силу значимости культуры, поскольку она «во всех своих проявлениях тесно связана с общественной жизнью». Сознательная, «творческая», целенаправленная деятельность людей создает «особый вид бытия, именно культурную общественность».

Сорокин с позиции неопозитивизма (бихевиоризма) выделял в социальных явлениях «социальную связь, имеющую психическую природу и реализующуюся в сознании индивидов»: «Это то, что многие называют “социальной душой”, это то, что

другие называют цивилизацией и культурой, это то, что третьи определяют термином «мир ценностей», в противоположность миру вещей, образующих объект наук о природе». И при этом он ссылаясь на И. Канта: «Выражаясь кантовским языком, можно было бы сказать, что психическое есть априорная посылка социальных явлений». Социология, по Сорокину, имеет с сознательными внешними признаками психического взаимодействия в «символической форме». Объективированные символы в звуковой, цветовой, предметной, двигательной форме, исполняют роль «посредников или проводников», стимулов передачи акции-реакции во взаимодействии, которым необходимо подчиняться как необходимости.

В 1930-е гг. при разработке концепции «интегральной социологии» (генерализующей науки по изучению «социокультурных явлений») Сорокин подверг резкой критике бихевиоризм, неприменимый к ценностному миру человеческой жизни. Он считал, что необходимо соединить все ценное, что существует в теоретико-методологических позициях представителей разных социологических направлений по фундаментальным проблемам социологии (реализм и номинализм, понимание и «объективизм»).

В работе «Общество, культура и личность; их структуры и динамика» (1947) Сорокин называл личность, общество и культуру «неразделимой триадой». Каждое из этих явлений можно изучать «по отдельности» только из «дидактических соображений». То, что называют «культурой», «цивилизацией», «миром ценностей», определяет специфику социального мира, «в противоположность миру вещей, образующих объект наук о природе». Благодаря значениям, нормам и ценностям индивиды причинно-функционально связаны, и эта связь дает реальное коллективное единство. Поэтому «общество» не может быть более широким понятием, чем «культура». Именно культура, культурные ценности позволяют говорить о «социокультурном взаимодействии», как взаимодействии «солидарном», «согласованном», «конфликтном» и т.д. Сорокин считал культуру «фундаментом», «скелетом», «костяком» социальной системы и суперсистемы. На основании громадного эмпирического материала и разработанной им классификации доминирующих (но не монополюбно господствующих) значений, ценностей, норм (идеациональных/духовных и чувственных/материальных) он разработал теорию социальной и культурной динамики. Эта теория позволила ему подвергнуть критике современную чувственную суперсистему, находящуюся в состоянии кризиса и «аморальности» всех институтов (семьи, права, политики, экономики и др.).

Российские социологи выделяли двойственный характер и социального процесса, который не является процессом абсолютно «естественно-историческим», «спонтанной» эволюцией, т.е. «самотеком». В социальном процессе участвуют люди, ставящие перед собой цели и стремящиеся к их осуществлению.

Де Роберти важнейшей характеристикой социального процесса считал «причинность» и «целесообразность», Коркунов «причинность» и «долженствование», а Михайловский «борьбу за индивидуальность». Л. Мечников определял социальный процесс как историю развития человеческой цивилизации, создаваемой творческой трудовой, кооперативной деятельностью и солидарностью.

Российские социологи ввели в социологию такие понятия, как «социальные, т.е. культурные формы», «социокультурные явления», «социокультурное взаимодействие», «социально-культурные процессы», «социально-культурное пространство», «социокультурные структуры», «социально-культурная среда», «социально-культурная жизнь» (Лавров, Южаков, Оболенский, Кареев, Новгородцев, Де Роберти, Коркунов и др.). Таким образом они подчеркивали, что нельзя приписывать социальному некоего рода онтологического преимущества перед культурой.

Теоретическая разработка проблемы «искусственной» природы социального мира, активности личности (познающей, созидющей) давало российским социологам основание для признания в исследовании «нравственной оценки» состояния общества и

тенденций его развития. Общество для социологии и социолога-исследователя является не только научной, но и этической проблемой, а позиция социолога как стороннего, внешнего наблюдателя, является тоже этической, только «со знаком минус».

К человеку, к человеческому миру, к социуму, подчеркивал Кареев, кроме отношения теоретического, отношения строго научного должно существовать еще особого рода отношение - этическое. В этом и заключается существенная разница между естественно научным знанием и социологией.

Отечественные социологи, включая культурный фактор и «принцип личности» в онтологию социального мира, в процесс его развития, создавали теоретическую базу, в свете которой эмпирический материал приобретал не только значение научного, эмпирического «факта», но и давал основания для реализации оценочной и диагностической функции социологии.

1. Де Роберти Е. *Избранные труды* / отв. ред. А.О.Бороноев. – СПб.: Алетейя, 2008. – 495 с.
2. Кареев Н.И. *Введение в изучение социологии*. – 3-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 320 с.
3. Кареев Н.И. *Основы русской социологии*. – СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1996. – 368 с.
4. Кистяковский Б.А. *Философия и социология права*. – СПб.: РХГИ, 1998. – 800 с.
5. Ковалевский М.М. *Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы* / отв. ред. А.О.Бороноев. - СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2011. – 687 с.
6. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории.* / Пер. с нем. под ред Н.А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 640 с
7. Михайловский Н. *Статьи о русской литературе XIX – начала XX в.* – Л.: Худ. лит-ра, 1989. – 605 с.
8. Парсонс Т. *О структуре социального действия* / под. общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2002а. – 880 с.
9. Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество*. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с
10. Южаков С.Н. *Социологические этюды. В 2-х т.* – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. –Т. 1. – 278 с.

ГЕНЕЗИС, ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Бразевич С.С. (Санкт-Петербург)

В конце 60-х годов XX века «...понятие «постиндустриальное общество» прочно вошло в инструментарий западной социологии, а в 1990-е годы подходы «постиндустриалистов» к изучению динамики общественного прогресса овладели умами и многих российских ученых» [1, с.140]. Подлинное же авторство термина «постиндустриальное общество» принадлежит американскому социологу, философу, специалисту в области социального прогнозирования Д.Беллу. Используя синтез различных подходов к анализу современного социума, Д.Белл обосновывал свою ключевую идею о том, что человечество выходит на новый этап своего развития и вступает в постиндустриальное общество, которое характеризовал следующим образом: «Постиндустриальное общество, - писал он, - это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания» [2, с.102].

Концептуализация идей постиндустриализма отмечена определенной двойственностью – постиндустриальное общество рассматривается, с одной стороны, в качестве некоторой объективной реальности, воплощающей в себе результаты происходящих трансформаций, с другой – в виде идеальной логической конструкции, помогающей осмыслить современность. «Постиндустриальное общество является «идеальным типом», построенным, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе, которые, сведенные воедино, становятся более или менее связанными между собой и могут быть противопоставлены другим концепциям. Она есть некая парадигма, социальная схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе» [2, с.655]. Используя в качестве основного критерия типологизации общественного устройства доминирующий вид трудовой деятельности, Д.Белл выделял три большие исторические эпохи, образующие триаду «доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное общество». Д.Белл полагал, что постиндустриальное общество не вырастает из наиболее острых противоречий индустриализма, а возникает вместе с появлением новых структур в отдельной общественной сфере – технико-экономической, в первую очередь в экономике, сфере занятости, не связанными с политикой и культурой. Он предлагал разъединить общественные отношения и технологии, рассматривая их «как независимые исторические переменные». Так, по «оси» общественных отношений он располагает рабовладельческий, феодальный и капиталистический строй, а по технологической «оси» - доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества. Такая конструкция способна раскрыть существенные отличия обществ различных типов, но не в рамках реконструкции предшествовавших исторических событий, а в структуре современного автору мира, предполагающее выделение ведущих тенденций формирующегося социума. В рамках концептуальной схемы определяется организующий каркас общества, вокруг которого группируются социальные институты. Но такой подход не позволяет обсуждать проблему трансформации общества, в том числе и постиндустриального, как целостностной системы, а сводит представления об изменениях лишь к версиям его различных сегментов.

Таким образом, основания постиндустриальной модели Д.Белла не представляются бесспорными. И все же в его взглядах на природу формирующегося общества есть аспекты, которые позволяют говорить о новаторстве Д.Белла, в первую очередь это обоснование «осевого принципа» формирующегося общества – приоритетности знания. «Понятие «постиндустриальное общество» указывает на центральную роль теоретического знания как некоей оси, вокруг которой располагается новая технология, экономический рост и социальная структура общества» [2, с.128].

Концепция Д.Белла «была изначально создана в таком виде, который мог, как легко инкорпорировать в себя целый ряд новых направлений в социологическом анализе, так и, в свою очередь, породить множество новых подходов, основанных на применении своих основополагающих методологических постулатов к оценке возникающих с течением времени тенденций и процессов» [1, с.3-4]. Это определило дальнейшее развитие идей постиндустриализма в трудах многих западных исследователей: Дж.Гэлбрейта, У.Дайзарда, М.Кастельса, Р.Катца, М.Маклюэна, Е.Масуды, Дж.Мартина, М.Пората, Т.Стоуньера, Э.Тоффлера, А.Турена. В отечественной науке это направление представлено работами Р.Ф.Абдеева, С.А.Дятлова, Д.В.Иванова, В.Л.Иноземцева, Н.Н.Моисеева, А.И.Ракитова и др. В 1970-е годы концепция постиндустриального общества воплотила собирательный образ западного общества, уровень и качество жизни которого выступали ориентиром для большинства стран, определяющих для себя пути дальнейшего развития. Позднее, в 1980-1990-е гг., постиндустриальное общество рассматривалось как качественно новая ступень развития уже не только Запада, но и всего человечества, под разными названиями – «супериндустриальная цивилизация» (Э.Тоффлер), «технотронное общество» (З.Бжезинский), «информационное общество» (Е.Масуда).

Наиболее последовательному развитию и широкому распространению идеи постиндустриализма способствовала их популяризация американским социологом и футурологом Э.Тоффлером, выстраивавшим свои представления о трансформации современной цивилизации в русле новейшей американской социологии, с присущим ей технологическим детерминизмом, и в этом смысле он мало чем отличался от Д.Белла [3]. Развивая идеи Д.Белла, Э.Тоффлер выделяет ключевые характеристики формирующегося общества: традиционные факторы производства - земля, труд, сырье и капитал - становятся менее значимыми, так как их заменяют символические знания; превращение знаний и информационных технологий в ключевой фактор прогресса; вытеснение индустрии сферой услуг; изменение структуры производства, институциональной системы. Подлинная же новация Э.Тоффлера заключалась не в употреблении волновой метафоры, а в ее использовании для авторской экспликации современных трансформационных процессов. Новым в его концепции выступил и предмет исследования – не только сами изменения современного общества, но и их последствия и перспективы. Наиболее опасным для человечества является сам переход, названный Э.Тоффлером «столкновением волн», когда происходит коренное изменение старого, а новое еще не укрепилось в обществе. Заслугой Э.Тоффлера является рассмотрение происходящих изменений не только с позиции «великой исторической перспективы», но и с точки зрения людей, испытывающих потрясение от стремительно разворачивающихся перемен.

В западной и отечественной литературе, посвященной постиндустриальной проблематике, представлены позиции, как многочисленных сторонников, так и серьезных критиков. К их числу относится Ф.Уэбстер, который полагает, что доктрина постиндустриализма выступает как излишне объективистская, не опирающаяся на анализ причин того развития, которое привело к становлению индустриального, а позднее и постиндустриального общества [4]. Целый ряд критично настроенных российских исследователей, с разной степенью негативности, высказывают замечания по поводу неадекватности концепта «постиндустриальное общество» современной социальной практике. По мнению И.Я.Левяш, «...в противоположность любой научной процедуре, не модель сопоставляется с реальностью, а наоборот, и это реальность будущего, которая менее всего поддается верификации» [5, с.153]. Еще более острая критика В.С.Цаплина обращает внимание на общий для футурологических концепций недостаток, связанный с социальным дарвинизмом и оторванностью теоретических конструкций от реальности [6]. Характеризуя философскую и идеологическую основу постиндустриального общества как постмодернизм, фиксирующий ментальную специфику современной эпохи, В.Г.Наймушин видит эту специфику в плюралистичности проблемного поля и отказе от самой возможности создания теории, претендующей на парадигмальный статус [7]. Однако при всем различии позиций и идеологических предпочтений, большинство аналитиков подтверждают продуктивность и актуальность идей постиндустриализма, хотя и высказывают необходимость объяснения ряда процессов, оказавшихся за пределами прогнозов классической постиндустриальной теории. Мы согласны с позицией В.Л.Иноземцева в том, что теория постиндустриализма в большей степени является методологической основой для разработки новых концепций и в меньшей степени выступает теорией, описывающей новые реалии.

Таким образом, теория постиндустриализма, возникнув, как частная теория в 60-е годы XX века, в современной науке выступает в качестве методологической парадигмы (метатеории), на базе которой происходит развитие широкого спектра концепций. Привлекательность постиндустриальной концепции состоит в том, что она подается как проблемное построение, открытое для существенных дополнений и интерпретаций, открывающее широкие исследовательские перспективы. Многочисленные концепции, построенные на методологической основе постиндустриальной теории, имеют право на существование и представляют собой описание процессов и возможных тенденций

развития и трансформации социально-экономических систем на постиндустриальном этапе развития цивилизации.

1. *Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – 956 с.*
2. *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 956 с.*
3. *Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. – М.: «Изд-во АСТ», 2002. – 557 с.*
4. *Уэбстер Ф. Теория информационного общества: пер. с англ. М.В.Арапова, Н.В.Малыхиной; под ред. Е.Л.Варталовой. - М.: Academia, 2004. – 400 с.*
5. *Левяш И.Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С.153-161.*
6. *Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии // Социологические исследования. 2006. № 4. С.124-130.*
7. *Наймушин В.Г. Постиндустриальная мифология как «заемный текст» // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т.5. № 3. С.85-88.*

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СЛУЖБ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Будникова Н.С. (Улан-Удэ)

Демократические реформы в России актуализировали потребность формирования новых взаимоотношений государства и общества, основанных на важных для демократического строительства понятиях - взаимодействии, открытости, диалоге.

Мировой опыт формирования и развития социального государства свидетельствует о том, что основными его признаками являются преодоление отчуждения личности от власти, превращение государства в социально-ответственный инструмент общества, осуществляющий активную политику в интересах всех категорий населения на основе принципов открытости и демократизма власти, социальной справедливости, согласия и взаимовыгодного партнерства. В целях формирования на практике вышеперечисленных признаков, прежде всего, необходимо взаимодействие общества и власти на основах постоянного диалога между ними, так как демократическая система управления не способна легитимно функционировать вне процессов гласности, игнорируя принцип "прозрачности" своей деятельности.

Диалог государственной власти с общественностью базируется на ряде основополагающих правил, наиболее важными из которых являются следующие:

- постоянно и систематически информировать общественность о проводимой политике так, чтобы эта информация была доведена до каждого гражданина;
- предоставлять общественности возможность высказать свое мнение о новых важных проектах и планах до принятия окончательных решений. При реализации многосторонних решений важно продемонстрировать, что никто не стремится добиться своих целей в ущерб другим сторонам;
- постоянно осуществлять намеренную оптимизацию контакта в современной обстановке недоверия к властям и неверия в будущее. В целях формирования доверия к структурам государственной службы необходимо принимать активное участие в открытых обсуждениях проблем. [1]

Выполнение перечисленных правил взаимодействия власти с общественностью позволит развивать гражданское самосознание и воспитывать у людей активный интерес к проблемам государственного управления.

Существует множество классификаций PR – служб. Мы предлагаем классифицировать PR – службы по следующим критериям. По уровню организации:

- PR-структуры федерального уровня (пресс-служба Президента РФ);
- PR-структуры государственных органов субъектов РФ (пресс-служба Министерства социальной защиты населения РБ);
- PR-структуры местных органов государственной власти.

Кроме этого, выделяют государственные и коммерческие PR-службы.

В нынешних условиях можно разделить PR-службы по принадлежности к конкретному учреждению, организации, ведомству. Фактически эта градация осуществляется по отраслям деятельности. Выделим такие типы PR-служб:

- PR-службы государственных органов исполнительной, представительной и судебной власти,
- PR-службы политических партий и движений,
- PR-службы общественных организаций,
- PR-службы коммерческих предприятий,
- PR-службы финансовых организаций и учреждений,
- PR-службы государственных бюджетных учреждений и организаций (учебные заведения, учреждения здравоохранения, науки и культуры),
- PR-службы спортивных организаций и учреждений,
- PR-службы творческих союзов,
- PR-службы профессиональных организаций и учреждений,
- PR-службы субъектов рекламно-информационной деятельности,
- PR-службы средств массовой информации.

В настоящее время важнейшей проблемой российской власти является низкий уровень доверия граждан к деятельности государственных учреждений. Преодоление сложившейся ситуации возможно при условии роста профессионализма государственных служащих, их умения вести диалог с населением, взаимодействовать и устанавливать контакты с различными социальными группами.

В отношениях между властью и обществом назрела необходимость перехода от технологий воздействия к технологиям взаимодействия, а также учета общественного мнения и создания условий для привлечения граждан к принятию управленческих решений, особенно на местном уровне. Право граждан на получение информации, учет их позиции, предложений, привлечение к участию в подготовке решений может быть реализовано с помощью связей с общественностью. Использование знаний и умений в этой области способствует установлению обратной связи с населением, которая отвечает принципу субсидиарности, то есть передачи полномочий и ресурсов на более низкие, близкие к населению, управленческие уровни.

Участие связей с общественностью в государственном управлении можно охарактеризовать как содействие государству в разрешении объективных противоречий между плюрализмом политической сферы общества и целостностью государственной власти. В соответствии с общедемократическими тенденциями общественного развития государственные службы должны совершенствоваться и способствовать формированию гражданского общества, для чего приоритетным направлением является налаживание прямых и обратных связей с гражданами. Так что к основным функциональным задачам PR в системе государственного управления можно отнести:

- участие в демократизации государственного управления;
- содействие становлению гражданского общества.[4]

Доверие и понимание общественности могут достигаться только при условии, что государственные органы сами направлены на предельно допустимое доведение до общества правдивой информации о своих действиях и принимаемых решениях, а также положении в стране. PR-структуры государственной власти преследуют конкретные цели:

- 1) обеспечение гласности, прозрачности и открытости в работе;
- 2) обеспечение связей с гражданами и их объединениями;

- 3) помощь сотрудничеству с гражданами, их объединениями в разработке и осуществлении программ решений; содействии в выполнении законодательства;
- 4) способствование становлению институтов гражданского общества.[5]

Информационную доступность и открытость по праву можно считать одним из главных индикаторов качества государственного управления.

Игнорирование потребностей в выстраивании эффективной коммуникации по линии «власть-общество» ведет к различным общественным проблемам и дисфункциям. В первую очередь от недостатков в предоставлении такого «общественного товара», как информация, страдает национальная экономика.

Недостаточная информационная транспарентность органов государственной власти и управления ведет к росту коррупции, снижению уровня доверия населения к органам государственной власти и управления.

Можно утверждать, что особенности работы служб по связям с общественностью в органах власти проявляются в характеристике субъекта и средств деятельности, в специфике эффектов, достигаемых в результате этой деятельности. Функции государства с неизбежностью включают в себя функции управления связями с общественностью, порождают специальные государственные и муниципальные структуры, призванные оптимизировать эти связи, соотносить их с управленческими целями органов власти. Другими словами, связи с общественностью предстают органичным компонентом государственного и муниципального управления, своеобразным политическим институтом, «сущностным, функциональным явлением, направленным на оптимизацию принятия и реализации политических решений». Опираясь на службы по связям с общественностью, государственная власть в более полной мере использует свои информационные, коммуникативные возможности, обеспечивает устойчивую, планомерную и репрезентативную информационно-коммуникативную деятельность, определяющую эффективность всего управленческого процесса.

1. *Моисеев В. Паблик рилейнз. Теория и практика / В. Моисеев. - Киев, 1999. – С. 54*
2. *Роль человека в процессах социальной самоорганизации и эволюции системы управления обществом URL: http://www.rau.su/observer/N11_2004/11_14.HTM. (дата обращения: 10.03.2014)*
3. *Тарановили Е. «Связи с общественностью в государственных структурах» - URL: <http://www.press-club.ru> (дата обращения: 10.03.2014)*
4. *Комаровский В.С. Государственная Служба и СМИ. - Воронеж: ВГУ, 2003. – С.-88*
5. *Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М.: Норма; Инфра-М, 2009. - С. 279*
6. *Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. проф. И.И. Кальной. СПб., 2009. - С. 162*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Буланова М.Б. (Москва)

Изменения, происходящие в современном российском обществе, затронули и сферу образования. О появлении новых тенденций в образовании свидетельствуют данные Всероссийского исследования «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2000 гг.)» 25-30 октября 2014 г. Было опрошено 1750 человек в 18 регионах страны (21 одном населенном пункте) с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу. Опросы были проведены во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию,

Поволжье, Юг Страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса - Москву и С-Петербург.

Для удобства анализа данных, все опрошенные разбиты на четыре образовательные группы: 1 группа- начальное, неполное образование; 2 группа – среднее и среднее специальное образование; 3 группа – незаконченное высшее образование; 4 группа – высшее образование.

Образование вообще (и высшее образование, в частности) не выполняет роль важнейшего показателя стратификации общества.

О том, что образование (в том числе высшее) не является первостепенным параметром, определяющим социальное положение и престиж человека в обществе, свидетельствуют ответы респондентов с высшим образованием на соответствующий вопрос: «Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, определяют сегодня социальное положение и престиж человека в нашем обществе?». На первые позиции вышли такие параметры, как «владение деньгами, материальными или другими ценностями» (69,2%); «обладание властью или доступ к ней» (58,2%); «связи с нужными людьми» (54,6%); «личные качества (ум, привлекательность, сила и др.)» (26,4%).

Ответ - «личные достижения в образовании и профессиональной подготовке оказались» на пятой позиции у респондентов с начальным, неполным средним образованием (1 группа), средним и средним специальным образованием (2 группа), высшем образованием (4 группа). Четвертую позицию данный ответ занимает у респондентов с незаконченным высшим образованием (3 группа) - вполне вероятно потому, что они еще учатся.

Современное общество утверждает себя обществом образованных людей. Отчасти, может быть, поэтому этот традиционный критерий стратификации общества и личности сегодня утрачивает свои позиции. Если образованы все, значит стартовые позиции одинаковы.

Образование личности не связано напрямую с самооценкой своего социального статуса.

Исследование показывает, что среднее значение самооценки социального статуса у людей 1 и 4 образовательных групп отличается совсем немного (4,69 и 5,47 соответственно, по 10-балльной шкале).

Еще меньшая разница в самооценке материального положения (4,04 и 4,82 по 10-балльной шкале). Нужно ли удивляться, что в общественном мнении начинает превалировать убеждение, что важно, как человек умеет устроиться в жизни и что он умеет делать, а диплом почти ничего не решает.

Образование вообще (и высшее образование, в частности) не гарантирует личности успешное трудоустройство и уверенность в завтрашнем дне.

В проведенном исследовании респонденты с высшим образованием (4 группа) демонстрируют некоторую неуверенность в завтрашнем дне. На вопрос: «Планируете ли Вы свою жизнь?» большая часть опрошенных выбрала варианты: «Не планирую» (33%) и «Планирую на 1-2 года» (31,5%). Что касается других образовательных групп, то больше всего не уверены в завтрашнем дне, а потому не строят никаких жизненных планов респонденты в 1 группе (51,9%) и во 2 группе (46,6%).

По сравнению с другими показателями, высшее образование для личности все-таки выполняет роль «буфера» в построении планов на жизнь, дает некоторую уверенность в возможности профессиональной карьеры.

Трудоустройство. «Полную удовлетворенность» своей работой высказали 25,6% опрошенных 4 группы. «В целом удовлетворены, но не во всем» почти половина опрошенных – 49,4%. Причины – проблемы, с которыми сталкиваются люди с высшим образованием на своем рабочем месте. Среди этих проблем на первом месте – «опасение потерять работу» (22,8%). На других позициях (по убыванию): «неясность в оплате труда» (18,1%); «отдаленность работы от дома» (17,5%); «нет перспективы в работе, профессиональной карьере» (12,1%). Все эти проблемы не связаны с самим процессом и

содержанием труда. Вариант ответа – «работа не нравится (однообразный, неинтересный труд) выбрали всего 3,8%.

Образование не гарантирует, но остается способом получения творческой, интересной работы, что является одним из приоритетов в трудоустройстве личности.

Косвенно об удовлетворенности 4 группы содержанием своего труда свидетельствует полное согласие 25% и частичное согласие 51,9% опрошенных со следующим утверждением: «Способности человека могут проявиться только в работе». Однако образовательная группа 1 в данном вопросе демонстрирует полную солидарность с группой 4, что позволяет предположить наличие сформированной еще в советский период установки на труд.

Заработная плата на основном месте работы для всех образовательных групп (в частности для группы 4 - 76,7%) является основным источником доходов, однако, оплата труда полностью устраивает только 13% опрошенных из 1 группы, 17% - из 2 группы, 16,7% - из 3 группы, 29,0% - из 4 группы.

На вопрос: «Как вы считаете, справедливо ли оплачивается Ваш труд?» ответ «не всегда справедливо» выбрали 39,7% представителей 4 группы, а «несправедливо» - 20,2%. Поэтому пятой части опрошенных для увеличения своего заработка приходится регулярно работать дополнительно на основной работе или подрабатывать на стороне (21,2%). Нерегулярно подрабатывает почти треть опрошенных (27,0%).

К сожалению, приходится констатировать, что в современном российском обществе не преодолена тенденция занижения оплаты труда специалистов с высшим образованием по сравнению с профессиями, зачастую не требующими высокой умственной квалификации. Сохранение «перекосов» в оплате труда специалистов с высшим образованием приводит к тому, что значительная часть из них вынуждена искать дополнительные источники заработка.

Тенденция к укреплению места и роли образования в жизненных планах личности остается под вопросом.

Представляет большой интерес ответ на вопрос: «Выберите те качества, которые, по Вашему мнению, обязательно надо воспитать у детей?» У респондентов 4 группы первые пять позиций распределились следующим образом: «трудолюбие» - 76,6%; «честность» - 65,9%; «добродота» - 56,7 %; «стремление к знаниям» - 54,8%; «умственные способности» - 50,0%. Что же получается? Сохранится ли стремление к получению образования в будущем, если по иерархии приведенных качеств получается - зачем знания, ум, лишь бы человек был хороший?

Интересно, что ответ на этот же вопрос у людей 1 группы дал следующие пять позиций: «трудолюбие» - 70,4%; «честность» - 57,4%; «добродота» - 50%; «умственные способности» - 45,4%; «стремление к знаниям» - 44,4%. Полное совпадение позиций (с некоторой перестановкой в конце) делает проблематичным воспроизводство образовательной стратегии личности.

Итак, образование вообще (и высшее образование, в частности) сегодня сохраняет такие привилегии для россиян, как возможность найти интересную, творческую работу, вместе с тем, не гарантирует им в будущем высокий социальный и материальный статус, реальную самооценку.

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА ВСЕОБЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ ДЖАННИ ВАТТИМО

Буланова М.А. (Воскресенск)

Этап развития социологической мысли 80-90 годов XX века характеризуется формированием в ней проблематики «постмодерна». Постмодернистская социология возникла как теория, сумевшая предложить необходимый для описания новых

общественных процессов понятийный аппарат. Таким образом, в рамках данного направления теория постмодерна рассматривается как теория общества и культуры конца XX века [2, 341 с.].

Постмодернистская социология представлена такими учеными как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар, З. Бауман, Дж. Ваттимо и др. Теория общества всеобщей коммуникации последнего и ее применение к анализу современной России послужила темой для данного доклада.

Центральным объектом анализа в творчестве итальянского социолога Джанни Ваттимо является культурная ситуация в обществе на рубеже XX-XXI вв. Современное общество представляется социологу как общество постмодерна, так как оно является обществом всеобщей коммуникации [1, 6 с.].

Для полного раскрытия проблематики своей теории Ваттимо рассматривает общество всеобщей коммуникации под разными углами зрения, поэтому по-разному его называет: прозрачное общество, общество гуманитарных наук, общество масс-медиа.

«Прозрачное общество» является метафорой, вводимой Ваттимо для обозначения идеала общества, в котором живет современный человек. Социолог приходит к выводу, что реализация идеи абсолютной самопрозрачности общества невозможна по ряду причин.

Во-первых, с завершением колониализма и империализма и пришествия общества коммуникации, происходит размывание единой истории, что приводит к высвобождению культур и возникновению различных взглядов на понимание мира. Такие изменения становятся возможными благодаря масс-медиа и опровергают идеал прозрачного общества, так как свобода информации и существование множества каналов радио и телевидения не имеют смысла, если в мире нормой являются точное воспроизведение реальности и абсолютная объективность [1, 12 с.].

Во-вторых, развитие гуманитарных наук и усиление социальной коммуникации противодействует самопрозрачности общества. Причину этого парадоксального явления Дж. Ваттимо видит в изначальной склонности масс-медиа становиться опорой всякой власти, оказываться под воздействием пропаганды и рекламы [1, 29 с.].

В-третьих, внутри самой системы коммуникаций развиваются механизмы, которые делают невозможной реализацию самопрозрачности. Такими механизмами Ваттимо считает возникновение новых центров истории.

Таким образом, Ваттимо делает вывод, что вместо приближения к самопрозрачности общество гуманитарных наук и всеобщей коммуникации пришло к «фабулизации мира», так как человечество воспринимает ту реальность, которую предоставляют гуманитарные науки и масс-медиа.

Обществом гуманитарных наук социолог называет общество, в котором: 1) технологии достигают своей кульминации в виде «информации»; 2) его сущность познается гуманитарными науками и конструируется как их адекватный, истинный объект; 3) человек превратился в объект строгого, убедительно проверяемого знания [1, 24 с.]. Гуманитарные науки выходят на первый план, потому что именно они определяют человека как «кибернавигатора» технологических систем. Этим наукам приписывается первостепенная роль в реализации общества коммуникации, так как их задачей является представление мира как реальности, образованной множеством фабулизаций.

Общество всеобщей коммуникации Дж. Ваттимо называет также и обществом масс-медиа, так как именно средства массовой информации социолог считает одним из главных источников современных социальных изменений. Именно СМИ Ваттимо отводит роль катализатора преобразования современности в постсовременность, которая состоит в размывании единых центров, способных собирать и передавать информацию. Возникает множество центров, однако ни один из них не может претендовать на то, чтобы быть главным, координирующим. Следовательно, история уже не может быть единой, она распадается на локальные истории, плохо связанные между собой. Масс-медиа

редуцируют историю к плану симультанности, то есть одновременности, так как они делают возможным расположение всех событий в плоскости одновременного сосуществования [1, 23 с.].

Таким образом, постсовременность представляет собой то состояние, в которое «впала» современность, когда оказалась вне времени и хронологических рамок, то есть без истории. Ваттимо подчеркивает, что постсовременность – это не новая стадия общественного развития, а именно новое состояние, так как в ней нет развития и прогресса, не создается ничего действительно нового, поэтому у нее нет будущего, а есть только настоящее.

Подводя итог всему вышесказанному можно сделать следующий вывод. В своей книге «Прозрачное общество» Джанни Ваттимо излагает оригинальный анализ действительности. Основу изменений в обществе социолог видит в действиях средств массовой информации (размытие единой истории, изменение сущности техники и технологии). Такая позиция актуальна и в наши дни для анализа современной России.

Политическая жизнь в современной России во многом определяется высоким уровнем доверия к масс-медиа. Наряду с окружающей людей реальностью, на их настроения и мнения влияют массовые коммуникации. Современное социальное пространство характеризуется тем, что основные его институты гражданского общества (политические партии, профсоюзы, объединения по интересам) во многом заменяются масс-медиа. Реальное единство ценностного и информационного пространства россиян обеспечивается электронными средствами массовой коммуникации. Следовательно, как и говорил Ваттимо, масс-медиа представляют собой социальный институт, который является одним из основных в сфере управления обществом. Дерезализация, описываемая Ваттимо в книге как ослабление бытия [1, 113 с.], сегодня проявляется в том, что внешний мир, бытие, природа уже не определяют мышление, оно опосредовано СМИ.

1. Ваттимо Дж. *Прозрачное общество*. Пер. с ит./ Перевод Дм. Новикова. М.: Издательство «Логос», 2002, 128 с.
2. Полякова Н. Л. *«XX век в социологических теориях общества»*. Москва. Издательство «Логос», 2004, 384 с.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ

Вардазарян М.В. (Волгоград)

Гражданский контроль и общественный мониторинг структурируют социально-экономическое пространство и принуждают государственные и административные органы осуществлять надлежащую социальную политику более решительно, качественно и целенаправленно.

Формирование гражданского контроля как культурно-исторического общественного блага обусловлено объективными потребностями социума в регулировании государственно-частных противоречий и конфликтов. Институты гражданского контроля появляются лишь на определенном историческом этапе национального развития, когда экономические основания развития общества носят индустриальный или постиндустриальный характер.

Уровень экономического развития как фактор развития гражданского контроля играет важную роль, но не меньшее значение имеют и социально-культурные факторы. Очевидно, что доминирующие в обществе культурные паттерны и ценности могут способствовать развитию институтов контроля. [1]

Гражданский контроль образовался в особом историческом контексте взаимного воздействия совокупности не только социально-экономических процессов, но и в специфических социокультурных и духовнорелигиозных факторов. Особую значимость

имеет доминирующая в обществе религиозная ментальность и уровень личностной ответственности, поскольку, как это показывает исторический опыт развития протестантских культур, религиозная ответственность нередко на определенном этапе своего развития приводит к гражданскому сознанию и гражданственности.

Одинаково значимыми являются и политические факторы развития гражданского контроля, среди которых следует выделить:

1. Уровень демократизации социальной системы (т.е. того, насколько зоны концентрации интересов граждан и проблемные для общества социальные сектора «покрыты» сетью демократических организаций и коллективных гражданских инициатив (профессиональных, молодежных, творческих, спортивных .). При невысокой степени демократизации на низовом уровне и доминировании авторитарных политических тенденций совершенствовать институты гражданского контроля значительно труднее.

2. Развитие выборных институтов власти (первоначально, парламента как основного института прямой выборной демократии). Именно потенциальная выборность, т. е. сменяемость, заставляет власть прислушиваться к предложениям, жалобам, просьбам и рекомендациям со стороны гражданских организаций. Выборная власть всегда уязвима для гражданского контроля, поскольку политические лидеры, которые стремятся к тому, чтобы их переизбрали, стремятся не совершать порочащих свою партию поступков. И наоборот, в случае назначаемой и несменяемой власти, вероятность возникновения институтов гражданского контроля стремительно снижается, так как назначение чиновника зависит скорее от мнения его вышестоящего руководителя, а не от избирателя или поддержки со стороны гражданского общества.

3. Степень общественной поддержки существующей социально-политической системы (которая проявляется не только в периоды масштабных избирательных кампаний, но и через опросы, участие населения в специальных акциях в поддержку власти и т. д.). Как отмечает известный российский экономист Е.Г. Ясин [2, с. 10], поддержка населения «делает режим легитимным, даже при свертывании демократических институтов, которые еще не успели доказать гражданам свою полезность и которые общество еще не готово отстаивать». Граждане, которые поддерживают социально-политическую систему, стремятся активнее участвовать и в делах гражданского общества. И наоборот, если власть вызывает раздражение и неприятие, то социальный протест будет носить скорее неорганизованный и стихийный характер, чем облекаться в правовые действия институтов гражданского контроля.

4. Разделение ветвей государственной власти (которое должно быть прописано в Конституции и конкретизировано на законодательном уровне). Разделение ветвей государственной власти создает между ними возможные структурные конфликты, связанные с различными позициями, которые занимают те или иные представители элит. В ситуации обычного для демократических стран некоторого расхождения в интересах и задачах между ветвями власти гораздо легче появиться независимым институтам гражданского контроля, чем когда власть представляет собой единое и неделимое монолитное целое.

Институты гражданского контроля содействуют минимизации конфликтных взаимодействий между бизнесом, государством и властью, поскольку позволяют не доводить начальные противоречия до открытого конфликта и урегулировать все спорные вопросы мирным и конструктивным путем. Говоря словами американского философа Льюиса Козера, институты гражданского контроля осуществляют нормативно обусловленные общественной структурой социальные функции по канализации ксенофобии, недовольства и враждебности, сдерживанию открытых конфликтов и антагонизмов посредством «защитных клапанов» [3, с. 182]. К числу подобных «клапанов» можно отнести различного рода общественные форумы, консультационные советы, на которых проводятся совещания гражданских активистов с представителями органов представительной и исполнительной власти, партнерские конференции, совместные общественно государственные комиссии, на которых проходят обязательные

по закону диалоги властей и представителей гражданского общества по поводу новых законопроектов, указов президента и других нормативно-правовых актов, общественные экспертизы и мониторинг с участием гражданского общества .

В условиях трансформационного и структурного социально-экономического общероссийского кризиса непосредственные экономические интересы граждан связаны с обеспечением экономической выживаемости их семей, хотя, безусловно, им хотелось бы создать лучшее будущее для своих детей и хотелось бы, чтобы гражданское общество было эффективным и устойчивым. Принимая во внимание все перечисленные институциональные особенности сформировавшегося в стране отношения к гражданской сфере, никак не приходится удивляться тому, что гражданский контроль не особо эффективен в России, как в западных государствах с более сформированной культурой гражданственности.

У действующих негосударственных организаций, в особенности с богатым опытом разрешения конфликтов с государством и осуществления над ним гражданского контроля, как, к примеру, у российских правозащитных организаций и обществ по защите прав потребителей, в крупных городах могут отнимать занимаемые ими помещения. Порой это связано не с осознанными политическими гонениями на оппозиционные гражданские организации, а с повышением требований к эффективности использования муниципальной собственности, а иногда и со стремлением местных администраций наиболее эффективно использовать имеющиеся средства и основные фонды, поскольку негосударственные организации не могут платить за аренду помещения столько же, сколько коммерческие фирмы.

Государство по-прежнему старается преобладать во всех без исключения сферах жизни общества (особенно в таких общественно важных сферах, как здравоохранение, социальное обеспечение и образование), все делать самостоятельно без консультаций с другими сторонами, даже если государственные действия затрагивают самостоятельную гражданскую сферу. Высокий уровень общественного недоверия к гражданской деятельности, а также убежденность многих чиновников в том, что гражданские организации в России - это просто еще один способ отмывания материальных средств и ухода от налогов, приводят к замедлению развития институтов гражданского контроля.

Гражданские организации также не доверяют государственным властям. Об этом свидетельствует мнение Валерия Федорова, который после изучения данных, полученных на базе проведенных его коллегами социологических исследований национальных проектов, указывает, что в обществе « главная проблема - кризис доверия. Люди привыкли, что за 15 лет реформ государство реально им не помогало. Оно только декларировало святые цели, на практике же делало все наоборот. После каждой реформы появлялась масса пострадавших от перемен людей. И в настоящий период времени, что бы власть ни совершала , она всегда будет сталкиваться с этим недоверием». [4].

1. *Троицкий Е. С. Служение отечеству: русская традиция и современность. М., 2007.*
2. *Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2004. № 5*
3. *Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой. М., 2001.*
4. *Цитир. по: Колесниченко А. Социолог Валерий Федоров «В отношениях народа и власти - кризис доверия» // Новые известия. 2007. 16 марта.*

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ XXI ВЕКА

Воронкова В.Г. (Запорожье, Украина)

Условиями формирования интеллектуальной цивилизации является инновационная среда, которая образуется в территориально замкнутых пространствах, где создаются

условия для интенсивного трансфера научных знаний, которые трансформируются в производство путем воплощения их в виде новых товаров или технологий. Сюда относятся наукограды, технополисы, научные и технологические парки, инкубаторы бизнеса, зоны сложных технологий, научно-технические центры. Информационное общество - самая развитая относительно технологического способа производства цивилизация, которая возникает вследствие информационно-компьютерной революции и базируется на интеллектуальных компьютерах, в которой главным ресурсом является интеллект и знания. Интеллектуальная цивилизация – это цивилизация, детерминируемая технологической верой в прогресс человечества, определяемая творчеством, который базируется на знании и интеллекте. Как отмечает О.П.Пунченко, «Характеризуя современную цивилизацию как техно-информационную, современный этап общественного развития дает нам право так определить новую цивилизацию, поскольку мы живем в эпоху трех революций – научно-технической, информационно-компьютерной и нанотехнологической»[2, с. 5]. Интеллектуальная цивилизация создается в процессе инновационного творческого процесса интеллектуальной элиты нации. Это процесс творческого созидания и творческой деятельности, в рамках которого происходит не только духовно-интеллектуальное обогащение человека и человечества, но и созидание технико-технологического, способное обеспечить нации прорыв в неизвестное, чтобы обеспечить ей достойное будущее. В интеллектуальной культуре, как совокупности деятельностей, предметов, технологий, идей, всегда находится некоторое противоречие, которое движет миром и способом существования человека с целью его выживания. Здесь мы переходим от ценностей выживания отдельного индивида к ценностям выживания всего человечества, потому что каждая нация и все человечество должны побеспокоиться о своем выживании.

Объективные основы единства человечества базируются на: 1) расширении и укреплении хозяйственно-экономических связей разных регионов планеты; 2) потребности совместных усилий в борьбе с экологическим кризисом; 3) потребности совместных усилий в преодолении военной угрозы; 4) инновационные прорывы нации и человечества. Парадигмальный характер кризиса современной цивилизации состоит в нарушении равновесия между инструментальным (технико-технологическим) и аналитическим (духовно-душевым) отношением человека к самому себе и миру. Формирование интеллектуальной цивилизации должно происходить происходить в контексте «технико-экономической парадигмы» как теоретической основы, в которой выделяются принципы, определяющие этапы экономического развития, которые сопровождаются технологическими революциями. Волна инноваций (эпохальные, базисные, усовершенствующие) сопровождается сменой поколений техники, которые есть материально-технической основой десятилетних и более экономических циклов. В зависимости от развития этих циклов, т.е. материально-технической основы развития той или иной страны, возрастает индекс интеллектуальности нации, который определяет уровень ее конкурентоспособности, стиль и качество жизни, условия для достойного существования и развития способностей индивидов, экономический и государственно-политический строй. Как подтверждает практика, в периоды кризисов наблюдается резкое сокращение числа и масштабов инноваций, смещается акцент на инновационно-прорывной модели развития, в основе которой последовательная реализация инновационной стратегии как на национальном, так и на глобальном уровнях. Формирование интеллектуальной цивилизации как новой парадигмы XXI века исходит из того, что человечеству угрожает обострение глобальных кризисов, увеличивается напряжение, общество выживает в условиях больших рисков – экзистенциальных, организационных, экологических, что требует выработки новой стратегии развития человеческой цивилизации. Сегодня следует сформировать новую систему интеллектуальных ценностей, которые базировались бы на знании, инновации, образовании, науке, в основе которых развитие человеческого капитала.

Философско-методологический аспект формирования интеллектуальной цивилизации как новой парадигмы XXI века сводится к использованию для анализа следующих методов и подходов: 1) синергетический метод позволяет проанализировать интеллектуальную цивилизацию как нелинейную систему, которая развивается в нелинейном пространстве; 2) соединение синергетического и системного методов позволяет объяснить особенности развития интеллектуальной цивилизации в нормальном и катастрофическом состояниях; 3) метод системного и структурного анализа позволяет рассмотреть интеллектуальную цивилизацию как сложную социальную систему, которая имеет несколько подсистем, которые взаимодействуют с внешней средой; 4) структурно-функциональный и институциональный методы позволяют раскрыть содержание политических, экономических и культурных сдвигов в современном обществе; 5) антропологический и социокультурный подходы позволяют проанализировать социо-антропологические, социо-экономические и социокультурные измерения интеллектуальной цивилизации.

Главным механизмом формирования интеллектуальной цивилизации является инновационный механизм информационного общества, который способствует эволюции в «общество знаний», может содействовать информационному единству мирового сообщества. В условиях стремительных бифуркационных изменений сегодня формируется новая парадигма (концепция, модель) развития общества, которая обуславливается преодолением энтропийных процессов в природе и социальной среде благодаря информационному творчеству, знанию, интеллекту, разуму, которые приведут к формированию ноосферно-разумно-морально-справедливого общества, в основе которого будет опыт управляемой срециоприродной эволюции, о которой мечтал В.Вернадский. Мы солидаризируемся с учеными ноосферного крыла российской науки – В.И.Патрушевым, А.И.Субетто, А.Д.Урсолом, Г.В.Атаманчуком, которые говорят, что «Разрушение мировой цивилизации в XXI веке можно предотвратить» [3, 485 с.]. В современных условиях циклический мир вступил в стадию системного кризиса. На протяжении всей истории цивилизации – в течение 10 тысяч лет – раз в несколько сот лет совпадают три уровня циклов: кризис глобальной цивилизации, кризис мировых цивилизаций и локальных цивилизаций. И финансовые проблемы, о которых сейчас говорят, не главные. Самая главная – проблема глубинного кризиса духовного воспроизводства. Вторая большая проблема – демографическая. Третья проблема – продовольственный кризис, четвертая – энергоэкологический, пятая – технологический, шестая – экономический и седьмая – финансовый. Можно согласиться с авторами монографии «Экономика цивилизаций в глобальном измерении», что «Мы переходим в стадию жесткой цивилизационно-инновационной революции, потому что практически сменяется исторический суперцикл, происходит переход к постиндустриальной цивилизации и формирование 5-го поколения локальных цивилизаций» [4, с.255].

Основные приоритеты формирования интеллектуальной цивилизации: высокое качество образовательных услуг, качественное образование, развитие интеллектуального потенциала нации, развитие информационных технологий, формирование и стимулирование интеллектуального капитала нации, формирование нового стратегического мышления, утверждение нового социального статуса личности с учетом того, что главным стратегическим ресурсом нации есть интеллектуальный капитал. Философия интеллектуальной цивилизации – это главный вектор влияния на мировоззрение личности, развитие ее саморефлексии, развитие инноватики, которая требует развития «общества знаний». Основой становления интеллектуальной цивилизации является информационное общество и инновационная среда, которые культивируют науку, образование, культуру, технико-технологическое созидание, способное обеспечить прорыв нации. Делается вывод, что только интеллект может обеспечить действительный прорыв нации.

1. Яковец Ю.В. *Цивилизационные аспекты глобализации. Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций?*.- М., 2002.- С. 23-33.
2. Пунченко О.П. *Цивилизационное измерение истории человечества: [монография].* - Одесса, 2013.- 448 с.
3. *Человек и общество: ноосферное развитие: [монография / О.С.Анисимов, Г.В.Атаманчук, В.К.Батуринов и др.; под ред.: В.Н.Василенко и др.]*. – Москва, Белгород, 2011.- 485 с.
4. *Экономика цивилизаций в глобальном измерении: Монография / Под ред. А.А.Пороховского, В.Н.Тарасевича.*- М., 2011.- 768 с.

ФАКТОРЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону)

Противоречие между институциональными нормами, которые регламентируют порядок оказания медицинской помощи и реальными потребностями, возможностями и ресурсами современного российского общества приводит к формированию и воспроизводству таких практик потребления медицинской помощи, которые на сегодняшний момент едва ли можно назвать позитивными, то есть способствующими положительной динамике здоровья отдельного человека, большинства социальных групп и социума в целом. В результате возникает новый тип социального неравенства – неравенство пациентов и потенциальных потребителей медицинской помощи.

Актуальность заявленной темы, в прикладном аспекте, заключается в объективной необходимости разработки новых подходов и инструментов социологической диагностики дисфункциональных явлений и процессов в сфере потребления медицинской помощи. Однако внедрение результатов социологических исследований в практику общественного здравоохранения лишено перспектив без глубокой теоретической рефлексии и должного методологического обеспечения. Следовательно, потребность в социологическом разрешении существующих разногласий в понимании социальной коннотированности потребления медицинской помощи, его механизмов и измерений отражает научное значение поиска теоретико-методологических ориентиров изучения факторов ограничения доступности медицинской помощи в современной России.

В социологической науке накоплено немало теорий и эмпирических данных о самосохранительной активности людей, отношении к здоровью и здравоохранению, моделях поведения в ситуации заболевания, барьерах доступности медицинской помощи, специфике национальных систем здравоохранения. Однако в социологии до сих пор отсутствуют специальные интегративные концепции, способные объяснить социальную логику потребления медицинской помощи и механизмы формирования неравенства ее потребителей. Еще не стала предметом социологического дискурса методология исследования потребления медицинской помощи и социальных параметров ее доступности. Мозаичность имеющихся методологических проекций социологической рефлексии потребления медицинской помощи в свою очередь сужает прикладной потенциал методик социологической диагностики доступности медицинской помощи в России и ее отдельных регионах. Широкий спектр эмпирической информации в виде статистики, инициативных всероссийских и региональных социологических опросов дает лишь очень приблизительное представление о социальных детерминантах потребления медицинской помощи в контексте трансформации российского здравоохранения. Недостаточно изученными остаются явные и латентные конфликты интересов и функций различных агентов системы медицинского обеспечения в современной России, а также возможные сценарии и способы ее модификации.

Современная социология, в том числе отраслевые «социологии» (прежде всего социология здоровья и социология медицины), нуждается в создании многомерного методологического конструкта, учитывающего дуальность объективных и субъективных факторов доступности медицинской помощи, многоуровневость дифференциации ее потребителей. Социальный аспект проблемы ограничения доступности медицинской помощи выражается в глубоком противоречии между декларируемыми правами россиян на медицинскую помощь, насаждаемой властью автономией потребительского выбора, и существующими организационно-экономическими барьерами потребления медицинской помощи, пассивными моделями адаптации населения к ним.

Вместе с тем важно понимать, что доступность медицинской помощи зависит не только от социальной политики государства по обеспечению равных условий для полноценного удовлетворения реальных медицинских потребностей человека и общества, но и от социальных моделей поведения потребителей медицинской помощи, формирующихся под воздействием множества субъективных и объективных факторов в конкретных социокультурных условиях. Трансформирующийся институт здравоохранения перестает эффективно удовлетворять потребности российского общества в профилактике, диагностике и лечении заболеваний в первую очередь из-за дисфункции своей интегральной системы оказания медицинской помощи, и в значительной степени по причине дезадаптационных моделей поведения самих потребителей. Социологический анализ социальных факторов потребления медицинской помощи, причин и масштабов его дифференцированности, позволит определить комплекс конструктивных рекомендаций и методических ориентиров по повышению доступности медицинской помощи и сглаживанию патологической социальной асимметрии ее потребления в современной России.

На наш взгляд, оптимальным метапарадигмальным основанием исследования факторов ограничения доступности медицинской помощи служит неоклассическая модель социологической рациональности [1] и методологическая стратегия социологического конструктивизма [2]. Очевидно, что многофакторность потребления медицинской помощи как социального явления и объекта социологического познания диктует установку на полипарадигмальный характер исследования.

Методологическая односторонность различных социологических парадигм корригируется синтезом наиболее ценных когнитивных установок структурно-функционального анализа, конфликтологического подхода, неоинституционализма, конструктивистского структурализма, социального конструктивизма (феноменологического направления) [3]. Представляется, что обозначенные подходы образуют единое методологическое пространство социологического изучения объективных и субъективных факторов ограничения доступности медицинской помощи.

В ракурсе неоклассической модели социологического познания и стратегии социологического конструктивизма потребление медицинской помощи представляет собой процесс удовлетворения потребности в сохранении и упрочении здоровья как индивидуальной для каждого человека психофизиологической «нормы» и базовой жизненной ценности, посредством взаимодействия пациентов с профессиональными агентами института здравоохранения. Исследовательская стратегия, опирающаяся на методологический принцип полипарадигмальности, позволяет выявить поведенческие, культурные, социальные основания доступности медицинской помощи в их целостности и взаимосвязи для объяснения дисфункциональных процессов в российской системе медицинского обеспечения как интегральной подсистеме института здравоохранения.

Думается, подобный подход открывает путь к социологическому исследованию практик потребления медицинской помощи в качестве типических повторяющихся образцов поведения в ситуации заболевания, формирующихся в результате интернализации институционально заданных формальных и неформальных норм

(ограничений), базовых элементов культуры российского общества в контексте трансформации института здравоохранения.

1. Лубский А. В. Модели социологических исследований: от классики до современности // *Социальная политика и социология*. 2014. № 3 (104). С. 44–52.
2. Тощенко Ж. Т. Парадигмы, структуры и уровни социологического анализа // *Социологические исследования*. 2007. № 9. С. 5–16.
3. Вялых Н. А. Дифференциация потребителей медицинской помощи: методологические проекции социологической рефлексии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Т. XVII. № 1 (72). С. 84–97.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Галиева Г.И. (Казань)

Наследие и потенциал теоретического социологического знания огромны, и вместе с тем немногие теоретические положения современной социологии получили отражение в процедуре научного анализа семьи в России. Лишь небольшое число ключевых теорий и моделей получили закрепление, нашли свое активное применение в исследовательской практике российских социологов-фамилистов. Важно преодолеть в изучении семьи серьезный дефицит концептуального осмысления ее проблем, преодолеть преобладающий личный взгляд исследователей на проблемы семьи сквозь призму собственного опыта семейной жизни.

Необходимо обеспечить теоретико-методологическую базу для изучения этнической семьи. На наш взгляд, ее основания не могут быть обеспечены классическими, позитивистскими в своей основе семейными теориями. Социология семьи не может быть редуцирована к функционалистским, конфликтным и другим теориям, лежащим в основе количественного подхода. Равным образом она не редуцируется к качественному подходу, представленному в различных версиях феноменологической социологии. На наш взгляд, большими эвристическими возможностями при изучении демографического поведения этнической семьи обладает методологический синтез социокультурного и экономического подходов.

Воспользовавшись наработками в исследовании так называемого ядра культуры, можно углубить представление о структуре ценностей этнической семьи.

Многообещающим в изучении системы ценностей этнической семьи является аналитический подход А.И. Ракитова, отраженный им в концепции культурного ядра. Эвристическая привлекательность данной концепции состоит в ее ориентации на рассмотрение любой культуры как двухкомпонентной структуры, состоящей из ядра культуры и защитного пояса. Ядро культуры предстает как совокупность норм, эталонов, система ценностей, выработанных в процессе исторического развития определенного этноса. А.И. Ракитов акцентирует связь этих специфических стандартов, правил и т.д. с судьбой этнического сообщества, его победами и поражениями, реальными условиями, в которых изначально формировалось ядро. Социально-культурным контекстом ядра культуры являются, прежде всего, фольклор, мифология, предрассудки, этнические и социальные обычаи, привычки, правила бытового поведения, исторические традиции, обряды, и разумеется, основные языковые структуры.

При этом функцией ядра является сохранение самоидентичности общности, группы, что возможно лишь при минимальной изменчивости и устойчивости культурного ядра. А.И. Ракитов сравнивает ядро культуры с ДНК, которая хранит информацию об истории, этапах формирования, условиях жизнедеятельности этноса. Эта информация, аккумулируемая в ядре, передается от поколения к поколению в процессе социализации.

Культурный защитный пояс служит сохранению культурного ядра. Это фильтр, пропускающий директивную, важную информацию, исходящую из ядра во все

структурные подразделения социального механизма, и активно поглощающий информацию, поступающую в общность, группу от других культур.

Для понимания сущности культурного ядра этнической семьи важно обратиться и к выводам исследования М. Мид и К. Клекхон, заслугой которых стало выделение следующих универсальных компонентов культуры:

- язык (этноязык, родной язык) – язык, который человек усваивает с раннего детства без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде; язык народа или национальности, к которому (которой) принадлежит человек.

- ценностная система (совокупность жизненных целей и средств, идеалов, мировоззрений, мифов, идеологий);

- символы, понятия и смыслы, которые придаются действиям;

- типичные связи и взаимодействия (родственные связи, ценностные, функциональные, ритуальные и т.п.);

- образцы и эталоны поведения; нравственность; традиции (набор представлений, обычаев, привычек и навыков практической деятельности, передаваемых из поколения в поколение, выступающих регуляторами общественных отношений).

Итак, интегрируя положения концепций А.И. Ракитова, М. Мид, К. Клекхон, попытаемся определить структуру ценностей, составляющих ядро культуры этнической семьи, а также защитного пояса.

При определении сущности культурного ядра этнической семьи можно применить характеристики традиционного образа жизни, дополнив их установками на этнозащиту.

На наш взгляд, поддержание самоидентичности этнической общности обеспечивается, прежде всего сохранением этноязыка, усвоение которого осуществляется благодаря семье. По результатам исследований некоторых авторов (Ф.М. Березин, Т.Г. Исламшина, О.А. Морозова, В.П. Непрозник, Л.В. Сагитова, С.К. Шайхитдинова), выявлено, что вытеснение этноязыков из общественной жизни людей (незнание, не употребление родного языка), приводит к утрате традиций, обычаев своего этноса, а в последующих поколениях и к ослаблению этнической идентификации и размыванию этнического самосознания.

Итак, этноязык – первейшая характеристика ядра культуры, так как представляет собой устойчивую форму сохранения этничности. Важно учитывать, что данная устойчивость зависит от взаимодействия с другими этническими общностями, проникновением их культурных образцов. Заимствование этноязыком отдельных слов из иных языков, присвоение их в процессе взаимодействия контактирующих культур является свидетельством не столько ослабления языка, сколько характеристикой его способности к адаптации. Без этого качества этноязык не просуществовал бы такое длительное время.

Ядро культуры представлено также этническими ценностями, прежде всего – традиционными. Это коллективно-групповые ценности, воспринимаемые и выполняемые всей этнической общностью. Передающиеся из поколения в поколение традиционные ценности в этнической семье укоренены в определенных установках, ментальных образцах, мифах, стереотипах, символах. Установка на раннюю этнизацию личности, на эндогамию рассматривается как необходимое условие устойчивого существования этноса [1, 133].

Традиционные этнические ценности скрыты в стереотипах брутальности и феминности, уходящих в глубокое прошлое. Также немаловажным элементом является религия – чем выше степень религиозности членов семьи, тем устойчивее ядро культуры, благодаря которому происходит сохранение и передача традиций.

Ядро этнокультуры включает и такой элемент, которые ряд социологов определяют как типичные связи и взаимодействия. Они в этнических семьях выражаются благодаря так называемой «межсемейной сети» [3, 91-93], которая проявляется во взаимодействии семейств, добровольно обменивающихся между собой материальными благами и услугами в течение достаточно продолжительного времени, в том числе и на

экономически значимом уровне. В межсемейную сеть втягиваются семьи родителей и детей, близких и дальних родственников, между которыми практикуется взаимопомощь в хозяйственных делах, при проведении торжеств, значимых ритуалов, совершаемых по различным поводам (по случаю рождения детей, свадьбы, похороны и т.п.).

В защитный пояс культуры любого этноса входят общечеловеческие ценности, выполняющие интегративные функции. Это такие ценности как доброта, любовь к ближнему, уважение культуры и традиций других этнических общностей, взаимопонимание и взаимодействие с представителями различных этносов, социальных общностей, страт и т.д.

Универсальные ценности являются характерными для любой цивилизации и культуры, которые также в некоторой степени выполняют роль защитного фильтра. Они выражаются в общепринятых нормах и правилах, которые существуют и являются эталоном во всем мире. К данным ценностям можно отнести уважительное отношение ко всем, гостеприимство и пр. Толерантное отношение к культурам, образу жизни другого этноса, также входит в универсальные ценности.

Современные ценности играют немаловажную роль в функционировании защитного пояса этнической семьи. На наш взгляд, необходимо обновление этнической культуры, которое является одним из условий обеспечения сохранения этноса в новых условиях. То есть параллельно с традиционными ценностями должны существовать и современные ценности, образующиеся в обществе. В том числе и традиции, обычаи, обряды, приспособляясь к современным тенденциям социума должны трансформироваться в некотором виде.

То есть все вышеперечисленные ценности защитного пояса можно вместить в одно понятие, сформулированное Р.И. Зиннуровой, «этнокультурная компетентность». Данное определение трактуется как «степень проявления личностью знаний, навыков и умений, которая позволяет правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений и общения с представителями других этнических общностей, проявляющихся в своеобразии их традиций, привычек, психологических качеств» [2, 222].

Итак, в качестве защитного пояса культуры этнической семьи выступает этнокультурная компетентность, включающая в себя положительное, толерантное отношение к другим этносам, уважительное отношение к традициям других этнических семей. В полиэтническом обществе происходит взаимодействие культур, что не может не отразиться на их содержании, усвоении традиций, образцов культуры «другого» этноса.

Таким образом, мы рассмотрели в рамках социокультурного подхода аксиологическую концепцию и теорию культурного ядра этнической семьи. Социокультурный подход поможет нам изучить трансформацию ценностей современной этнической семьи, выявить их влияние на образ жизни.

1. *Этнические ценности полиэтнического общества: социологический очерк / Т.Г. Исламишина. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 1996. – 248 с.*
2. *Зиннурова Р.И. Социология и психология мужской культуры и взаимодействия. / Р.И. Зиннурова, Ф.Ф. Фатихова. – Казань: Изд-во Каз. гос. техн. ун-та, 2008. – 596 с.*
3. *Тюгашев Е.А. Экономика семьи и домашнего хозяйства: Учебное пособие. – Новосибирск: СибУПК, 2002. – 249 с.*

МОЛОДЕЖНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Галиева Л.М. (Тюмень)

Коммуникация представляет собой сложный разноплановый процесс. Она является организованным пространством для использования инструментов, таких как язык, знак, схема и т.д.

Рассматривая современный мир, то можно заметить превращение коммуникации в масштабный глобальный процесс. Как в зарубежной, так и в отечественной науке существуют мнения о том, что 21 век - это век коммуникаций. И благодаря им определяют весь уклад действительности, жизни модернизированного современного общества и его в частности молодежной аудитории.

Исследования посвященные коммуникативным процессам среди молодежи является новейшим направлением социологии управления. Изучая современные исследователей молодежных коммуникаций являются работы по отдельным направлениям данной проблемы, которые исследуют приоритетные аспекты коммуникаций и его субкультурные проявления.

Рассмотрение теоретического аспекта посвященный коммуникациям, а также их управленческих функций в контексте информатизации общества, обратим внимание к интерпретации самого термина коммуникация.

Коммуникация в ходе которой происходит передача и взаимопередача информации, ценностей, смыслов, жестов, оценок, значений, чувств, занимает главное место в сфере социальных процессов современного общества.

Обоснованием существующих тенденций может служить концепция теоретика коммуникационных технологий Г.М. Маклюэна. Применительно его системе, приоритетным двигателем истории является смена технологий, которую в первую очередь вызывает смена способа коммуникаций. Он полагал, что тип общества в заметной мере определяется главенствующим в нем типом коммуникации, а человеческое восприятие является скоростью передачи информации. Исторические типы коммуникации он относил галактикам, которые могут встречаться, проходить одна через другую, меняя свою конфигурацию. Направляющими силами новой эпохи предстали электронные СМИ, преимущественно телевидение. Благодаря телевидению, по Маклюэну, - позволило человечеству вернуться в дописьменную общину, в глобальную деревню, где информация доступна всем, и получить ее можно в сущности мгновенно.

Маклюэн определил, что в результате электронно - коммуникативной революции человечество оказывает на пороге того самого мира, в котором может быть системно-цельной семьей. Согласно этому он помечал, что резкое развитие современных информационных технологий ведет к тому, что значимость коммуникации уходит на задний план, становится во многом случайным, а условия ее осуществления приобретают прогрессирующие возможности манипулирования сознанием человечества. «Духовный и материальный прогресс человечества определяют не орудия труда, не экономика, а технология социальной коммуникации, т.е. коммуникационные каналы, которыми располагают люди» [1. с.189].

Аналогичного мнения придерживается испанский социолог - постмарксист М. Кастельс, он полагает, что одной из ведущих черт информационного общества является отличительная форма социальной организации, в которой благодаря новым технологическим возможностям, выступающим в данный исторический период, генерированием, обработка и передача информации становятся устойчивыми источниками эффективности власти. Вытекающее различие информационно-технологической революции состоит в том, что прошлые технологические революции на продолжительное время оставались на ограниченной территории, то новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство планеты [2. с.322].

Глобализация коммуникации на базисе усиленного развития коммуникационных технологий постепенно приводит к объединению теоретических подходов к исследованию коммуникации. Но различие темпов технологического и социального развития современного общества принуждает ученых уделять большое внимание отдельным коммуникациям в различных социальных системах и средах.

Толчком и основой социального развития в современном обществе выходят средства информации. При помощи возрастания роли знаний, информации и средств коммуникации, общество именуют информационным.

Американский философ, социолог, один из авторов концепции постиндустриального общества О. Тоффлер, применительно его теории «третьей волны», информация становится одной из главных ценностей общества. Для коммуникации это является качественно новым уровнем переработки и распространения информации, создание коммуникативных систем, способных обеспечить обмен информацией [3. с. 98].

Проведенное автором исследование молодежных коммуникаций в Тюменском государственном университете, количество опрошенных респондентов составляет 1200, показало, из технических гаджетов наибольшее количество времени студенты уделяют смартфону. Из расчета суточного времени 7.1 часа студенты проводят со смартфоном, 3,5 часа за компьютером (также ноутбук), телевидение, приставка и планшет занимают 1,9 часа, 2,1 часа и 3,5 часа соответственно. Такая тенденция популяризованности смартфонов среди молодежи студентов, говорит об универсальности гаджета. Смартфоны прекрасно заменяют все технические компоненты компьютеров, планшетов, телевидения. Смартфоны можно смело ставить в один ряд с такими известными изобретениями, как печатный станок или автомобиль. И если первый людям позволил хранить и передавать информацию, а второй открыл возможности передвигаться на дальние расстояния, то смартфон дал уникальнейший шанс, пребывать в любой точке мира и быть на связи 24 часа в сутки. Аппарат который помещаются в одной руке, дает большие возможности студентам контактировать как с другими студентами, родственниками, так и преподавателями. Так на вопрос, касающийся сетевых коммуникаций студента с преподавателем, большинство респондентов 71,9% ответили, что именно через интернет ресурсы взаимодействует по учебным вопросам. Студенты отдельно отметили важный фактор того, что как самим студентам, так и преподавателям удобно водить переговоры через почту email.

Так же стоит отметить, что большую часть времени студенты проводят развлекательных каналах в самих гаджетах. По данным опроса 66,3% ответивших признались, что на протяжении учебного времени ведут текстовую переписку, проводят время в социальных сетях, интересуются новостями в своей стране, а также следят за рубежом, 11,1% ответили о чтении вне учебных книг(классика, детектив и т.д.) и 9,5 % книги по учебной деятельности, 8,6 % ответивших не пользуются интернетом во время занятий и 4,5% играют в игры.

Подводя краткие итоги о значимости и важности молодого поколения заключается в том, что она является не столько объектом воспитания, а сколько активным объектом общественного воспроизводства. Именно молодежь будет выступать важным фактором социально-экономических перемен.

Современная молодежь оказалась полностью вовлеченной в эту систему отношений.

Именно молодежи легче адаптироваться к новым условия жизни, мгновенно усваивать новую экономическую деятельность и индивидуальные техники выживания, проще включаться в информационные сети.

Безусловно информационный уклон общества дополняется увеличением производства и потребления информации. Дополнительно, принципиальное значение имеет проблема обеспечения современной и достоверной информацией. Это является важнейшим условием успешного перехода к информационному обществу.

Молодежная среда в современном обществе достаточно активна, она бесконечно находится под воздействием многочисленных каналов СМК, формирующих ее ценностные установки и образы поведения. Нынешнее молодое поколение скоро войдет в другие возрастные категории, привнося в общество свою систему ценностей, свои взгляды и установки. Они же будут доминировать в обществе. Изменить парадигму развития

человека невозможно, если не изменится сам человек. Определение новых способов развития должно осуществляться на основе измененной и вновь установленной иерархии и гармонии ценностей.

1. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Зал. ст. М. Вагвилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. — 464 с.*
2. *Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.*
3. *Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: аст, 2004. — 784 с.*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Гальцова А.Н. (Орел)

В данной статье анализируются социально-стратификационные процессы в новейшей истории России, выявляются фундаментальные предпосылки складывающейся в настоящее время социальной структуры общества.

Автор выделяет основные этапы становления социальной структуры, отмечая, что ее формирование в России становится объектом системно-научного исследования с середины XIX века. Октябрьская революция 1917 года привела к существенной восходящей и нисходящей социальной мобильности, «перемешав» существовавшие ранее классы и слои, спровоцировав значительную эмиграцию населения. На долгие годы доминирующей моделью советского общества становится внешне слабо дифференцированная трехзвенная структура: два класса – рабочий класс и колхозное крестьянство (отношения, между которыми не должны были носить антагонистического характера) – и прослойка в виде интеллигенции. Эмпирическое изучение отечественными учеными социальной структуры общества особенно активизировалось в последние десятилетия XX века. Перестроечное движение и государственные реформы начала 90-х годов затронули и перевернули все базовые институты советского общества, что привело к формированию новых производственных отношений в экономике и как следствие к возникновению новой расстановке классов, социальных групп и слоев

Рассогласованность подходов современных отечественных социологов к исследованию социальной структуры общества затрудняет сопоставление их научных результатов. Диссертант останавливается на трех подходах с различными критериями. В первом исследуется формирование социальной структуры современного российского общества на основе профессиональных статусов. При этом утверждается, что социально-профессиональная структура российского общества в течение 1994-2006 гг. была относительно устойчивой. Второй подразумевает анализ структуры российского общества в парадигме ресурсного подхода, согласно которому в социальной структуре общества 10% занимают капиталисты, у которых в разных комбинациях концентрируются все основные виды ресурсов общества. Третий подход к анализу социальной структуры современного российского общества основывается не только на объективных (образование, личный месячный доход), но и на субъективных (социальный статус и самоидентификация) критериях. Его авторы не дают какой-либо общей характеристики сложившейся в России социальной структуры, предпочитая довольно подробно характеризовать отдельные слои, по-разному адаптировавшиеся к рыночному характеру общественных отношений. Тем не менее, несмотря на методологическую и результативную рассогласованность, все они отмечают наличие значительной доли нижних социальных слоев в структуре российского общества (от 68% до 75%). Такое

социальное расслоение консервативно и сопровождается низкой социальной мобильностью, т.к. при повышении материального статуса социальный статус большинства населения не меняется.

Переход к новым экономическим отношениям способствовал трансформации структуры российского общества, что выразилось, в первую очередь, в появлении частных предпринимателей и привело к изменениям внутри слоя наемных работников. Оба эти слоя находятся ещё в стадии своего «рыночного» оформления, отличаются крайней неоднородностью и высокой внутренней дифференциацией. Проявляются новые социальные слои – лица, живущие на доход от собственности. Социальная структура современного российского общества по сравнению с дореформенным периодом стала менее жесткой, более диверсифицированной и подвижной. Началось активное размывание старых и формирование новых общественных групп, усилилась горизонтальная мобильность россиян. Однако нисходящая мобильность крупных социальных групп резко доминировала над восходящей мобильностью. Построение рыночной экономики расширило возможности индивида для самореализации, свободу выбора поля деятельности, однако, естественным ограничителем становится уровень жизни. Лучшая адаптация к новым условиям проявляется у молодежи, демонстрирующей более позитивную оценку ситуации, а так же у лиц с высоким профессионально-квалификационным потенциалом.

Реформы в сочетании с процессами глобализации, интеграции России в мировую экономическую систему и информатизации общества привели к существенному сдвигу в социально-профессиональном составе населения (повысился уровень образования и квалификации, изменилась структура занятий), который, однако, для большинства россиян не соответствует их социально-экономическому состоянию и нынешним статусным позициям. Следствием преобразований стало значительное социальное расслоение, концентрация основной массы капитала и собственности у небольшой группы лиц, а также доходное неравенство, которое приняло характер стагнирующей, низкой самооценки существенной части населения своего материального положения.

Несмотря на то, что трансформационные процессы еще не закончились, общая конфигурация социальной структуры общества уже сформировалась и определилась, в которой социальные классы и слои приобрели ярко выраженные позиции материального и социального положения.

1. Бобровский О.В., Каира Ю.В. Процедуры изучения и диагностики социальных процессов // *Материалы международной заочной научно-практической конференции «Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история»*. Новосибирск: Априори, 19 сентябр
2. *Социально-экономические и социально-политические процессы в Орловской области: оценка состояния и перспективы развития: монография / под общей ред. кан.социол. наук, доц. Н.В. Проказиной. – Орел: РАНХиГС, 2012. – 232с.*

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ: ПОВОРОТ К СМЕШАННОЙ СТРАТЕГИИ

Гегер А.Э. (Санкт-Петербург)

Изучение ценностных ориентаций: поворот к смешанной стратегии

Предполагаем, что вызов для смешанной стратегии очевиден: совмещение сильных сторон количественного и качественного подходов для получения нового исследовательского продукта. Рассмотрим некоторые исследовательские ситуации изучения ценностей, когда две различные стратегии могут найти соприкосновение.

Количественный подход

1) Существуют общие ценности для всех людей, для всех культур. Перечень этих универсальных ценностей ограничен, что позволяет надежно сравнивать различные культуры, не блуждая в лесу отдельных характеристик социальных и этнических групп. Сравнение различных культур происходит здесь по принципу конструктора Лего: в каждой культуре мы получаем, казалось бы, различные ценностные структуры, однако все детали имеют одинаковый разъем/точку крепления.

2) Существуют универсальные ценности на все времена. Эти ценности выявлены в условиях кабинетного исследования, а затем подтверждены эмпирически благодаря строгим статистическим критериям. Этот список не меняется год за годом (как в случае Roseach Values Survey и World Values Survey в течение 40 лет).

3) Ценности устойчивы

Качественная стратегия.

1) Есть уникальные ценности человека, отдельной социальной группы или культуры. Именно эти ценности необходимо изучать, чтобы установить значимые различия между индивидами/социальными группами. В этом случае ценностная структура является не только набором уникальных ценностей, но уникальным набором уникальных ценностей.

2) Ценности меняются от эпохи к эпохе. Ценностная структура изменчива, особенно в трансформирующемся обществе, при переходе от одного типа общества к другому. Поэтому необходимо сверяться с эпохой, чтобы постоянно редактировать список ценностей.

3) Ценности динамичны

Смешанная стратегия.

1) Существуют как интегрирующие, так и уникальные ценности. Необходимо изучать все типы ценностей, чтобы получить полную картину социальной реальности. Мы должны использовать различные методы в этой ситуации. Когда мы останавливаемся только на одном исследовательском подходе, мы сознательно ограничиваем наши познавательные горизонты.

2) Существуют как базовые ценности, так и ценности конкретной эпохи

3) Базовые ценности не полностью вымываются с течением времени, но меняется их смысловое содержание.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОСТЛАТУРИАНСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ

Голиков А.С. (Харьков, Украина)

Традиционно проблематичная и в то же время самоочевидная социологическая постановка вопроса социального (в том числе и действия) в современном мире переживает очевидный кризис.

Источниками этого кризиса являются как глобализационные процессы, резко деонтологизировавшие традиционные социальности (социальность «тет-а-тет», социальность интимности [1], социальность непосредственного взаимодействия, социальность прямого (инструментального) действия) и конституировавшие доселе неизвестные социальности (социальности опосредованные; неинструментализованные или, наоборот, гиперинструментализованные), так и становление целого универсума коммуникативных взаимодействий (противопоставленных Хабермасом взаимодействиям технической рациональности [2]), прежде всего являющийся самоцелью (отметим, что

традиционные формы самоцелевых коммуникативных взаимодействий слабо с ними сопоставимы – ни ритуалы сакральности, ни «игры затмения» [3], ни какие-либо другие формы).

В таких условиях социология теряет свой традиционный предмет исследования. Возникает противоречие между «социальной самоочевидностью», «социологической интуицией социальной самоочевидности» и «социальной реальностью». Этот вопрос является не только сугубо терминологическим вопросом, но и вопросом методологическим (ответ на него очерчивает совершенно особый и отдельный предмет социологии), вопросом технически-технологическим, вопросом политическим (обнаруживается, что в обществе идёт борьба за признание чего-либо как социального – или, наоборот, как несоциального).

Именно поэтому целью нашего исследования будет анализ возможности решения проблемы социального в условиях постлатурианской социологии (то есть социологии, прошедшей через «поворот к материальному» Бруно Латура).

Напомним, акторно-сетевая теория Бруно Латура [4] «расширяет» поле социологии, включая в ландшафт участников социального не только человеческих, но и не-человеческих участников. Вещи не просто «дают сдачи» [5], но и становятся равноправными соучастниками в конституировании социального (даже если последнее интерпретировать в традиционной веберовской оптике). Такой подход, безусловно, предложил социологии иную дихотомию субъект-объектности, позволил Латуру и его последователям выйти на идеи «распылённой агентности», однако, как и любая социологическая теория, не удержалась от риска абсолютизации обнаруженной социальной новеллы.

В частности, «социализированными» оказались взаимодействия, коммуникации и феномены, которые, с нашей точки зрения, не могут и не должны быть социализированными. Так, чрезмерно «широко» и девальвирующее сторонники такого подхода смотрят на взаимодействия чисто технические: безусловно, покупка жетонов в метро у человеческого контрагента в кассе и у автомата семантически и структурно изоморфны, однако отсюда следует не требование социализации второго акта, а, наоборот, методологическое требование технизации первого акта. Иначе говоря, первый акт может рассматриваться как сугубо технический – и становящийся социальным не тогда, когда вместо автомата перед покупателем жетона оказывается человек, а тогда, когда контрагент покупателя выходит за рамки своих алгоритмов и жёстко прописанных рамок.

Кстати говоря, эта же линия демаркации отделяет социальные действия от экономических (что, безусловно, не отождествляет экономическое действие с техническим): экономические действия подлежат куда более строгой регламентации, куда менее многомерному и куда более простому алгоритмизированию и, соответственно, его схематическое описание намного релевантнее, чем схематическое описание социального действия. Собственно, именно эффективность экономики в описании экономического (взаимо)действия и является первой гносеологической проверкой данной гипотезы на адекватность: модель *Homo Economicus* не только лучше математизируется и проще схематизируется, но и точнее в описании, интерпретации и даже прогнозировании, чем любая из известных на данный момент *Homo Sociologicus*.

Безусловно, эта линия демаркации не отделяет социальное действие от, к примеру, действия политического (и вообще вследствие этого возникает вопрос о соотношении и возможном родовидовом соподчинении этих двух действий: мы не исключаем того, что в данном случае линия демаркации должна проходить по иным принципам и иным признакам), что не исключает важности отделения социального от экономического и технического.

Итак, вслед за Луманом [6], мы обращаемся к различению действия алгоритмизированного и вероятностного (или, как предпочитает говорить Н. Луман –

контингентность коммуникации). Точно так же, как контингентное есть нечто ни необходимое (неизбежное), ни невозможное, социальное действие, с нашей точки зрения, может обладать любым адресатом (и даже любым адресантом), и его граница проходит по несколько иным признакам. И одним из важнейших этих признаков есть вышеуказанная контингентность. Именно поэтому действие, строго алгоритмизированное, технологически непроблематичное, упирающееся в один из полюсов невозможности или неизбежности, не является в полной мере социальным (или вообще социальным). Именно поэтому взаимодействие человека с искусственным интеллектом (в гипотетическом случае) будет взаимодействием социальным, тогда как взаимодействие человека с компьютером или смартфоном само по себе ещё не есть социальное действие.

Отметим, что здесь есть сложнейшая дилемма, связанная с теорематикой Томаса и Гоффмана. На грани социального и не социального оказываются действия, которые один из участников (например, человеческий субъект) интерпретирует как социальное (и, следовательно, контингентное и вероятностное: например, таковым действием может быть «уголаживание» компьютера включиться, если это не эмоциональное и не автоматически-привычное; или «общение» человека с программой в мобильном телефоне), тогда как другие агенты не согласны с такой интерпретацией. Готового решения на данный момент мы не можем предложить (ибо в случае с применением теоремы Томаса мы получаем одно решение, теоремы Гоффмана – другое), и это относится к перспективам разработки в дальнейшем данной темы.

Главным же обнаруживается, что чисто социальные категории (об)суждения о социальном действии (ответственность, право, обязанность, выбор, свобода и т.д.) принципиально неприменимы к действиям техническим, действиям экономическим, и даже ставит вопрос о выведении за пределы социального (вслед за лумановской идеей систем) правового (взаимо)действия. Эта поправка оказывается крайне актуальной в современном мире, где адвокаты, не имея правовых способов решения своего дела, прибегают к социальным или политическим инструментам его актуализации или решения, где экономика, не имея возможности «залатать» свои «пробоины» чисто экономическими средствами, вынужденно обращается к средствам и инструментам социальным (например, волонтерство) и т.д.

Именно поэтому, применяя «лумановскую заплатку», мы сохраняем в целостности исходные тезисы латурианской концепции, однако всё же перемещаем фокус оптики несколько назад по сравнению с резким смещением его у Б. Латура. Мыдвигаем гипотезу, что Латур с целью маркетингового ли продвижения своей концепции, или быстрого «патентования» за своей концепцией ряда идей, направлений и тематик, осуществил своеобразную гиперболизацию в «дегуманизации» социального. Это не исключает актуальности и реальности латурианского актанта дизайна социальности, как не исключает и самодостаточной, нерелятивной субстанциональности материального мира в обществе, однако это несколько корректирует латурианский взгляд на социальное взаимодействие и социальность в широком смысле этого слова.

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. - СПб.: Питер, 2004. - 208 с.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. — СПб.: Наука, 2000. — 380 с.
3. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры (англ.)русск. / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. — М.: ОГИ, 2007. — 304 с.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 384 с.
5. Латур, Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки/ пер. с англ. О. Столяровой // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2003. — № 3. — С. 20-39

6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.
7. Вахштайн В.С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. - Том 3. - № 4. - 2003. - с. 104-118

RES PUBLICA КАК РЕЖИМ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ: ПРОБЛЕМА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНАРИИ

Голубкин И.О. (Волгоград)

Проблема повседневности в гуманитарном знании – это проблема, которая ведет своё начало с античной философии, но по-настоящему раскрывается лишь в XX веке, когда социология и философия стали обращать внимание на перспективу общества, города, групп не с позиции всевидящего ученого, но обычного человека, который будто абориген мог бы вам показать и рассказать, как устроен мир вокруг него. Для этого исследователям пришлось вооружаться новым набором концептов и приемов по сбору и анализу данных, что привело к бурному методическому и методологическому развитию социальных наук. Однако, мы считаем, что при подъеме такого рода знания была упущена та линия в политической науке, которая позволила бы говорить о повседневности на языке политического в его прагматизме. Почему же нам так нужно обращаться в политическому, - ответ прост – политическое, как завещал нам Шмитт, может появиться везде и при этом быть основой существования единства, которое было способно к объявлению политического решения, а это значит, что рассуждения относительно повседневной жизни людей мы можем представить с точки зрения реального и конкретного существования того или иного единства, но для этого нам понадобится выстроить концептуальный аппарат способный обнаружить точки соприкосновения *in concerto* между повседневностью отдельного гражданина и формами совместной жизни. Или же, проще говоря, можно сказать, что такой концептуальный поиск может нас привести к пониманию того, каким образом реализуются, существует и актуализируется тот или иной проект общей жизни. Это шаг заставляет нас пересмотреть, а может быть даже перевести политические концепции на язык социологии повседневности.

Но мы не можем заниматься глупым переводом каждого тезиса каждой теории так, как мы этого хотим, потому нам необходимо выстроить программу, согласно которой мы смогли бы достичь нужного результат. Но какова её цель: перевод политической теории на язык социологии повседневности или же наоборот, нам нужно искать способы расширения политической теории в область повседневного? Первый вариант предполагает создание новой теории повседневности, второй – новой или обновленной политической теории. Из двух стратегий мы вынуждены использовать именно вторую, поскольку в противном случае, нам бы пришлось выдумывать некий образ повседневности, - по сути, начать с чистого листа, второй вариант гораздо менее амбициозен, но зато более практичен и обоснован. Для реализации нашей стратегии нам придется понять, что за политическую теорию мы будем расширять. Среди множества концепции и доктрин мы выберем ту, которая будет максимально близко соответствовать нашей проблеме – социального существования проекта общей жизни. При такой формулировке проблемы у нас, на самом деле, не такой уж и большой список направлений и традиций из политической теории, а учитывая наше требование прагматизма, и вовсе остаются два направления – республиканизм и демократизм, при чем последний оказывает лишь тогда интересен, когда обращается к концепту публики. Поэтому, исходя из наших требований, мы начнем свою работу именно с республиканизма.

Однако есть и совершенно иные причины полагать, что именно республиканизм должен стать отправной точкой исследования политической повседневности. Дело в том,

что республиканская теория апеллирует к понятию свободы, рассматривая гражданина как часть сообщества равных граждан, участвующих в той или иной мере в жизни общины. В таком случае община начинается с индивида, который оказывается приобщен к чему-то, к некому общему делу (*res publica*), которое становится не только рамкой его деятельности, но и экзистенциальной нормой сосуществования граждан, - отсюда и специфическая этика республики – *vita activa*, которая и насыщает республику реальными республиканцами. Конечно, это не является полным раскрытием республиканизма, однако даже это описание показывает нам, что данная теория работает таким образом, что вместе с политической конституцией общежития ставит вопрос о простых основаниях жизнедеятельности граждан. Такую расстановку акцентов мы наблюдаем уже у Цицерона, который в своем определении государства дает весьма ясное понимание важности и необходимости рассмотрения именно гражданской жизни с её правовой и целерациональной насыщенностью. Давайте рассмотрим это чуть ближе.

Res publica являет собой целостную систему совместной жизни людей в политическом единстве, с одной стороны, и множественности прагматических интересов, с другой. Поэтому понимание того, чем является *res publica* дает нам развернутый образ политического общежития граждан, который ещё не противостоит государству, а составляет его.

Так классическое определение *res publica* мы можем найти у Цицерона в диалоге «*De re publica*». Нам представляется, что перевод Горенштейна «О Государстве» упускает саму суть республиканской жизни, что, к сожалению, является частым упущением дискурса о республике как о понятии и практике политического единства. Обращаясь к латинскому тексту для заполнения данного пробела, Мы можем увидеть, что *res publica* есть *res populi*, что, как показывает Р.Штарк, лишь в редких случаях переводится как «достояние народа», чаще же всего *res populi* (однокоренное с *publica*) представляется как «общая вещь» или «общее дело», что на практике реализуется как общинная жизнь некоего *populus*, который являет собой, согласно Цицерону, некоторое объединение множественности лиц благодаря *utilitatis* и *ius*. *Utilitatis* никоим образом не возможно перевести как «интересы», скорее мы должны понимать данное слово как «пользу», при чем весьма конкретную и материальную. Общей же польза она становится только тогда, когда мы можем совершать те или иные сделки на основе той или иной формы договора (контракт, обещание и т.д.), или, говоря проще, каждый гражданин должен иметь выгоду, производя социально-экономическое общение. Но это оказывается предельно невозможным без *ius* – права, которое в случае классического республиканского Рима не имеет властной иерархии в структуре своего функционирования. Римское право представляет собой способ установления правового общения между гражданами, которое регулирует обе стороны сделки или права каждого относительно равных ему или же лиц, находящихся в его власти, поэтому в основании права лежит принцип *bona fides* – добросовестность. Таким образом, *ius* и *utilitatis* представляются двумя сторонами одной и той же медали: множество может существовать как единство если существует основание договоров между отдельными лицами.

В современном государстве этим основанием выступает государственный аппарат в виде судов, тюрем, приставов и т.д., в случае же, когда государство ещё не было выстроено как *state/status/staat* (с присущей ему дистанцированностью государства и общества), обществу приходилось регулировать самое себя, в том числе и через установление учреждений обладающих *auctoritas*. Так в Риме власть разделялась на три её составляющих: *potestas*, *auctoritas* и *imperium*. *Potestas* принадлежит народу, а это прежде всего законотворческая власть, опосредованная трибунами, тогда как *autoritas* предполагал авторитет, который бы легитимировал тот или иной закон. *Imperium* составлял власть военно-территориальную, которая абсолютизировалась позже в национальных государствах. Единство всех трех элементов власти и составляет общежитие граждан: от *potestas* через *auctoritas* к *imperium*.

Этот элементарный словарь республиканской политики дает нам крайне важный образ соотношения частной повседневной жизни и государственного/политического единства. Согласно ему частная свобода не противостоит действиям государственных учреждений или установленным институтам права, а скорее встраивается в экзистенциальную модель функционирования политического единства (через гражданство).

ТЕОРИЯ ПОТОКОВЫХ СТРУКТУР КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ РАДИКАЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Горюнов П.Ю. (Санкт-Петербург)

Материалы для участия в конференции разработаны при поддержке РФФ (РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОНД), проект №14-18-00359 «Сетевые и потоковые структуры неравенства в современном российском обществе».

Национализм, неофашизм, сепаратизм, анархизм и другие идеологические течения, в которых прослеживаются признаки экстремизма, набирают все большую распространенность в среде молодежи Санкт-Петербурга и России в целом, что ставит перед социологическим сообществом значимую задачу – построение теоретического подхода, познавательный потенциал которого позволит изучить данную проблемную область, учитывая прагматику развития современного общества.

Традиционно в отечественной социологии, антропологии, культурологии и т.д. при изучении заявленной проблематики использовался субкультурный подход, в рамках которого исследователи выявляли нормы, ценности, символику, образцы поведения в агрессивных субкультурах, но, при рассмотрении современного неформального поля, очевидно, что традиционные субкультуры исчезли. Радикальные молодежные объединения – феномен «вчерашнего дня», когда в большинстве российских городов существовали отдельные группы подростков/молодежи, активность которых строилась на различных видах деятельности с признаками экстремизма. Исчезли субкультуры, устойчивые группы, но радикализм в молодежной среде продолжает набирать популярность и развиваться.

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «Контакт» имеет двадцатилетний опыт анализа процессов, происходящих в неформальной молодежной среде Санкт-Петербурга. На сегодняшний день, следует выделить следующие устойчивые тренды развитие радикального социального поля:

- Резкое снижение количества устойчивых групп («группировок») радикальной направленности;
- Исчезновение большинства традиционных локаций неформальной активности (устойчивых мест концентрации);
- Переход неформальной активности в Интернет (социальные сети);
- Переход субкультурных (в том числе радикальных) норм в общемолодежные;
- Замещение систематической коммуникации в ходе регулярных встреч редкими массовыми мероприятиями (митинги/акции/марши);
- Формирование брендов несущих в себе идеологический код (одежда, музыка, места проведения досуга);

Таким образом, современная радикальная неформальная молодежная среда представляет собой крайне массовую неоднородную трансструктуру, где отсутствует деление на малые группы, а существуют лишь идеологические течения как бренд. Иными словами, в начале XXI века сообщество неонацистов делилось на отдельные группировки,

такие как «Шальц 88», «Mad Crowd», в них было условное членство и систематическая коммуникация, в современном же неонацистском сообществе существуют крупные неформальные организации, такие как «WotanJugend», представляющие собой информационные ресурсы в сети Интернет, на которые «подписаны» десятки тысяч людей, между которыми отсутствует непосредственная коммуникация, а встречаются лишь отдельные редкие призывы посетить те или иные мероприятия.

Актуальной задачей современной социологии является построение прогноза развития радикальных объединений, основанного на изучении динамики заявленной социальной среды и анализе его современного состояния. Познавательный потенциал какого методологического подхода выглядит наиболее подходящим, учитывая перечисленные ранее факты?

Основываясь на наиболее востребованной в современной социологии интегральной парадигме, ключевыми теоретиками которой являются П. Бурдьё, Ю. Хабермас и Э. Гидденс, впоследствии дополненной концепцией сетей, в первую очередь, в категориях М. Кастельса, следует обратить внимание на авторскую теорию сетевого общества, как подходящую исследовательскую модель. Но, как замечает российский социолог Иванов Д.В. в статье «К теории потоковых структур», опираясь на теоретические воззрения Б. Латура, сетевой анализа определенного явления способен описать «топологию социальных явлений», или, иными словами, отразить статическое положение объекта исследование. Современный мир, в свою очередь, ставит перед исследователем необходимость изучения динамики социального феномена. Таким образом, необходимо изучение формирования, трансформации и «реструктуризации» сетей.

Данную проблему призвана решить категория «поток», операционализируемая в трудах А. Аппадуари, С. Лэша, Дж. Урри, Б. Латура, Р. Шилдса, К. Кнорр-Цетиой. При этом, однозначного общепринятого определения потока на сегодняшний день не выработано. Объединить представленные теоретические подходы пытается Д.В. Иванов, отмечая, что «поток – это всегда движение через», перемещение объектов через традиционные структуры, образуя таким образом специфические трансструктуры.

Применяя данный подход, радикальные идеи являются потоками, объектами в данном случае выступают отдельные представители молодежи, остается открытым вопрос о том, какие характеристики данного потока следует изучать для понимания сформировавшихся и функционирующих трансструктур? Иванов Д. В. В указанной выше статье «К теории потоковых структур» предлагает изучать следующие характеристики: направленность, плотность и интенсивность.

1) Направленность потока создается «градиентом». При изучении радикализма градиентом является определенный информационный повод, который по средством современных средств коммуникации «обрастает» дополнительными информационными поводами, что направляет поток людей в сторону определенного идеологического течения. Так, всплеск активности леворадикальных групп в Санкт-Петербурге был связан с задержанием Дмитрия Прахова, по обвинению в убийстве студента из Дагестана – данный факт стал информационным поводом, или градиентом. В качестве дополнительных информационных поводов выступила широкая поддержка задержанного в сети Интернет, а также отдельные мероприятия (уличные акции) с требованием освободить убийцу.

2) Плотность потока характеризуется количеством объектов, одновременно проходящих через определенную точку, в определенном направлении. Иными словами, при изучении радикализма, плотность потока определяется единовременным суммарным набором реакций на определенный резонансный факт, которые могут выражаться в ретрансляции новости на собственных Интернет ресурсах, участии людей в определенных мероприятиях и т.д.

3) Интенсивность потока характеризуется количеством объектов, проходящих через определенную точку, в определенном направлении с определенной плотностью, за

определенный период. В случае радикализма, данная категория является инструментом фиксации значимости отдельного потока на трансструктуру в целом.

Подводя итоги, следует отметить, что приложение теории потоковых структур в качестве методологической базы при изучении специфики радикализма в молодежной среде современного Санкт-Петербурга и России, позволит не только раскрыть заявленную проблематику в новом свете, но и дополнить выбранный теоретический конструкт, как крайне перспективную социологическую познавательную модель.

1. Бауман, З. *Индивидуализированное общество* / Зигмунд Бауман; Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002, – 390 с.
2. Бодрийяр Ж. *Общество потребления*. Издательство: Республика, Культурная Революция, 2006 – 272 с. Бодрийяр Ж. *Общество потребления*. Издательство: Республика, Культурная Революция, 2006 – 272 с.
3. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики* М. - СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. 576 с.
4. Иванов Д.В. *К теории потоковых структур* // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8-16.
5. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996
6. Coleman J. *Social capital and the creation of human capital* // *American Journal of Sociology*. – 1988. – 94. – P. 95-120.
7. Latour B. *On actor-network theory. A few clarifications* // *Sociale Welt*. 1996b, Vol. 47. N 4.

К ВОПРОСУ О НАУЧНЫХ ОСНОВАНИЯХ ГИПОТЕЗЫ О «РЕГРЕССИВНОСТИ» ПРАВОСЛАВНОЙ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ

Давыдов С.А. (Санкт-Петербург)

В последнее время в отечественной научной литературе все чаще поднимается проблема культурных императивов, определяющих особенности хозяйственной деятельности в Росс. Проблема эта имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение: сегодня уже мало кем оспаривается необходимость согласования формальных и неформальных институтов, организующих хозяйственное действие, и все чаще декларируется целесообразность «приближения» трудового законодательства к нормам традиционной трудовой этики.

Рассматривая оживление интереса к социально-трудовой проблематике как, безусловно, отрадное явление, мы, вместе с тем вынуждены констатировать, что формирование надежной теоретической базы для организации трудовых отношений, адекватных российскому культурному пространству, еще не завершено. Да иного и быть не может: при решении этой задачи социологи традиционно предпочитают применять объяснительные схемы, апеллирующие к трудовым ценностям протестантизма (Вебер) и иудаизма (Зомбарт) и явно не имеющие высокой эвристической ценности в условиях современной России. В то же время, «за кадром» остается анализ потенциала, заключенного в православной трудовой этике, который мог бы завершиться формированием значительно более адекватной и продуктивной модели развития нашей хозяйственной системы.

Впрочем, в таком невнимании большинства социологов к изучению православной трудовой этики нет ничего удивительного. Объяснение тому – существование устойчивого и явно недружественного восточноевропейской культуре мифа о регрессивности православной трудовой этики.

Рассматривая его в теоретическом аспекте, следует иметь в виду, что православие, в отличие от протестантизма, действительно в явном виде не декларировало высшей

ценности трудовой деятельности. Так, православные клирики не рассматривали хозяйственную активность в качестве достаточного условия спасения и утверждали обязательность «сверхличных» [1, с. 184] целей труда, «высших... целей хозяйственной деятельности» [2, с. 3], поскольку, как считалось, сам по себе «труд суетен и не вменяется ни во что» [3, с. 275]. Разумеется, в подобном семантическом пространстве понятия частной инициативы и частного интереса, свободы в принятии хозяйственных решений не могли занимать центрального положения. Несложно увидеть, таким образом, отчего в общественном сознании России на протяжении длительного времени укоренялось «...презрение к мещанству, к ...сосредоточенности на собственности, на земных благах» [4, с. 49] и понять, почему нередкими бывали случаи, когда даже при совершении взаимных хозяйственных трансакций один контрагент мог только «втайне считаться с тайными расчетами получателя, т. е. удовлетворять его требованиям, но делать вид, что не знает их» [5, с. 220].

В то же время известно, что православные императивы при переходе к индустриальному обществу в России сыграли определенную роль в формировании ценностно-нормативной среды, благоприятствующей развитию рыночной экономики. Например, норма, запрещающая заниматься предпринимательской деятельностью, с середины XVIII века была упразднена даже в церковных законах, в которых предписание «отнюдь не торговать» стало применяться только по отношению «духовным людям беспоповских согласий, а также к рукоположенным священникам» [6, с. 49]. Важно, что при формировании модели восприятия предпринимательской деятельности церковь не ограничивалась нормотворческой функцией, но, используя свой авторитет, объясняла введение новых образцов поведения. Примером такого рода объяснений может служить максима епископа Михаила (Семенова), который, апеллируя к Иоанну Златоусту, в начале XX в. утверждал: «иные святые прославились нищетой, иные богатством ...преданный Богу человек равно является добродетельным, находясь в богатстве и в бедности» [7, с. 22-24]. Подобные объяснения, очевидно, прямо выражали интересы деловых людей, поскольку были направлены на формирование у населения России монетарных ценностей и, следовательно, на конструировании комфортной для предпринимательской деятельности культурной среды.

Что из этого следует? Ровным счетом ничего. Ведь до сегодняшнего дня социология не выработала удовлетворительного объяснения того, как именно влияет та или иная этическая норма на хозяйственное действие в тех или иных условиях. А значит, мы не можем с уверенностью утверждать, оказывали ли нормы православной трудовой этики созидательное, или наоборот, деструктивное влияние на развитие российской экономики.

Рассматривая эмпирическую обоснованность тезиса о «регрессивности» православной трудовой этики, следует вспомнить не только об «извечной отсталости» православной России, но и о ее достижениях. Например, широко известны достижения Древнего Киева и Новгородской республики в области образования и создания передовых для своего времени артефактов материальной культуры. Уместно вспомнить о прорывных достижениях в экономической, культурной и социальной сферах, полученных в ходе социально-экономической модернизации в России петровской эпохи и на рубеже XIX – XX веков. И конечно, не следует забывать о том, что православная Византия на протяжении более 5 веков (V – XI века) признавалась непререкаемым европейским лидером в экономической, политической, социальной, культурной и инновационной сферах. Достаточно сказать, что именно в византийских городах уже в VIII - IX веках возникает новый класс наемных работников – мистиев (мистатов), а отношения свободного найма рабочей силы получают столь широкое распространение, что находят свою легитимизацию на институциональном уровне (см. «Книгу епарха»). И это более чем за 500 лет до того, как подобная проблема была актуализирована в западной Европе! Что из всего этого следует? Опять ничего. Наука не располагает убедительными

эмпирическими данными, которые исчерпывающе подтверждали бы или, напротив, опровергали тезис о регрессивности православной трудовой этики. Тем самым, можно допустить, что утверждение о негативном влиянии, которое оказало православие на развитие хозяйства в России не имеет ни теоретических, ни эмпирических оснований.

И в тоже время этот этноцентрический миф, родившийся в результате теоретических спекуляций западной социологии, жив. К сожалению, он не был критически воспринят отдельными влиятельными представителями отечественного истеблишмента (в том числе и научного) и широко растиражирован. В результате тезис об отсталости православной трудовой этики, не будучи подвергнутым ни теоретической, ни эмпирической проверке, превратился в почти непререкаемую научную догму. Разумеется, в условиях подобного символического насилия не всякий ученый рискнет браться за раскрытие этой явно «бесперспективной» темы исследования.

Мы же, со своей стороны, полагаем следующее.

1. В современной теоретической социологии до сих пор окончательно не решен вопрос о том, влияет ли религиозная трудовая этика на содержание и характер социально-трудовых отношений, и если да, то насколько сильным оказывается такое ее влияние в современных условиях.

2. Следование традиции, сложившейся в рамках классической социологии, требует не оставлять без внимания проблему религиозных императивов трудовой деятельности. При этом этноцентризм в решении данной проблемы не имеет перспектив; наиболее конструктивные подходы к ее решению следует искать в рамках культурного релятивизма.

3. Православная трудовая этика до сих пор не рассматривалась в качестве предмета серьезного социологического анализа в отечественной социологии. Поэтому процесс ее исследования может оказаться весьма интересным, а применение его результатов способно принести несомненную практическую пользу. Наиболее актуальными направлениями исследования данной проблемы в нашей стране могут оказаться изучение норм православной трудовой этики, а также их связи с формальными институтами, регламентирующими социально-трудовые отношения в России.

1. *Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, поучения. Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1901.*
2. *Митрополит Санкт-петербургский и Ладожский Иоанн. Чтущий да разумеет. Советская Россия, 30.04.94.*
3. *Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. М.: 3-е издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1866.*
4. *Лосский И. Свободолюбие. Слово, 1990. № 3.*
5. *Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послел. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.*
6. *Правила Федосеевского собора 1751 г. // Иоаннов А., прот. Полное историческое извещение о древних стригольниках и новых раскольниках. СПб., 1885. Ч. II.*
7. *Михаил (Семёнов). Избранные статьи. СПб., 1998.*

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ CULTURAL STUDIES В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Даркина А. (Воронеж)

С распадом СССР появляются новые формы постсоветской научной солидарности. Демократический транзит мог затронуть и затронул не только собственно исторические и политологические штудии, но и так называемые cultural studies. Гуманитарные науки в

широком смысле представляют интерес с точки зрения понимания того, каким образом российская исследовательская традиция пытается перенимать западный опыт. Один из современных отечественных исследователей cultural studies М.В. Кирчанов соглашается с тем, что «культурные поиски» в России чаще ограничивается культурной антропологией, краеведением, как максимум – исследованием медийной культуры, на Западе дело обстоит иначе – зарубежные исследователи берут в качестве предмета исследования не принятые и поэтому широко не распространённые в отечественной науке срезы.

Рассмотрим то, каким образом выбор тех или иных сюжетов становится элементом социального исключения на российской исследовательской почве. Например, культура для взрослых как механизм социального исключения проявляется в том, что профессиональное сообщество так или иначе дестратифицирует исследователя, выбравшего путь изучения этого сегмента современной культуры. Вероятно, поэтому porn studies можно полагать субкультурой в исследовательском поле. Контркультурой эти исследования можно было бы считать, если бы Автором были затронуты ещё более маргинальные для отечественных cultural studies сюжеты, связанные с культурой для взрослых [8]. В подобном случае приходилось бы говорить даже не о девиации, а о делинквентной составляющей таких исследований, поскольку ссылки на порно-ресурсы (разрешённые в западном научном дискурсе) официально запрещены законом в РФ. Однако М. Кирчанов сам себя подвергает остракизму и, возможно, в какой-то мере дестратификации, пытаясь апеллировать к ненормативным источникам: практика, однозначно вызывающая отторжение у русскоязычных коллег.

Язык как элемент культуры per se также может быть дестратифицирован: литературный вариант неактуален (маргинален) для субъектов porn culture; ненормативный – для зрителей / читателей. Язык порнокультуры поэтому оскорбителен для реципиентов подобных исследований, как для читателей, так и для рецензентов Автора. Может ли язык быть оскорблением для участников порноиндустрии? Вероятно, для более взрослого поколения порноактёров ответ может быть утвердительным, для современных же участников едва ли: порно не искусство в классическом понимании, оно массово по природе – и поэтому утилитарно, подобно самой ненормативной лексике. Однако использования ресурсов устной и письменной речи, на наш взгляд, – выражение игровой потребности человека, более высокой по сравнению с базовыми. Культура для взрослых – отображение потребности в удовольствии (принцип удовольствия Фрейда) и/или коммуникации, а в современном смысле – потребности вовлечённости и присутствия (вуайеризм). С точки зрения социального заказа культура порно индивидуальна, так как создаётся для социального заказчика и самим социальным заказчиком – массовость ей придаёт именно множество заказчиков и подзаказных (исполнителей). Запрет на исследования такого рода в российской науке реализуется посредством механизмов социального исключения. По М. Фуко, именно запрет выступает процедурой исключения [6, С.267; 3], и Автор, памятуя об этом, не снимает с себя ответственности в профессиональной маргинализации и обвинениях в квазиисследовательской деятельности, что ещё раз может подтверждать то, что проект porn studies становится для М. Кирчанова контркультурным проектом.

Есть ли корреляция между повышением и понижением статуса учёного и изучением им тех или иных сторон культуры для взрослых? Проблема с поисками рецензента [4] говорит о снижении статуса исследователя и выбранной темы, а также о социальном (профессиональном) контроле за подобной деятельностью, и строгость научного дискурса не всегда спасает ситуацию. Возможно даже применение неформальных санкций по отношению к учёному: отказ от сотрудничества, порицание и забвение. Статус, по нашему убеждению, выше у того, кто навязывает культурные коды – то, что стоит изучать; такие лица (или инстанции), реализуя властные полномочия, диктуют свою волю остальному сообществу. Может ли культура для взрослых содержать переносные смыслы, подобно другим видам искусства? На наш взгляд, метафоры здесь

едва ли возможны. «Барочное исполнение» сюжетов (по Ж. Бодрийяру) [1, С. 127-128] может говорить о бесцельности этого среза культуры с точки зрения его вклада в историю. Это не культура рефлексии, а культура действия, и это снижает её ценность и статус, тем не менее Автор пытается рефлексировать, и в круг его дискурсивных практик входят преимущественно нейтральные по сравнению с западными коллегами сюжеты [7,8,9], что свидетельствует о девиантном поведении – с точки зрения отечественных учёных, нормативными такие практики становятся в сравнении с некоторыми трендами в *porn studies* зарубежных коллег.

Автор пытается создать собственный профиль стратификации, исследуя актрис и тех, кто снимает подобные фильмы. Кто же выше по мнению автора по этой воображаемой социальной лестнице? Тот, кто режиссирует порноролик (активные субъекты действия); ниже стоят те, кто обслуживает постановку и съёмку (операторы, гримёры и пр.) – и в самом низу профиля размещены собственно актрисы как пассивные исполнители (объекты). Гипотетически, этот профиль стратификации верен не всегда: в случаях, когда одно лицо выступает и как актёр, и как постановщик, и как режиссёр. Порнопрактики могут ресоциализировать актрис в смысле получения ими нового набора поведенческих практик и десоциализировать в смысле исключения из обыденной жизни. Можно, кроме того, рассматривать культуру для взрослых как широкое поле для исследования более частных сюжетов: порнографии и порно как такового. Представляется, что профили социальной стратификации здесь будут разными – в первом случае речь идёт о культуре машинописного текста, во втором – об аудиовизуальном ряде. Порнографические материалы подвергались исключению из повседневных практик, т.е. были доступны не для всех – в какой-то мере их можно называть (де)элитарными: элитарными – поскольку запрет ограничивает ознакомление, и найти и прочитать такие материалы само по себе могло расцениваться как девиация, деэлитарными, маргинальными – в связи с исключением из официального литературного (и научного) дискурса. Порноролики доступны для всех – это показать снижения статуса материала. Следует ли считать текстом аудиовизуальный ряд? С точки зрения исследователя, текстом можно назвать всё, что связано с процессом исследования. Однако М. Кирчанов обходит стороной такие аспекты *porn studies*, как *hard porn* и *soft porn*, вероятно, оставляя данные сюжеты для последующих научных штудий. VHS-кассеты, первоначально носители сведений о *porn culture*, по признанию самого Автора, умирающий (или уже умерший) жанр порно, что также повлияло на восприятие и исключение из профиля стратификации отдельных действующих лиц и соответственно его определённую трансформацию.

По-видимому, следует признать, что диалог исследовательских культур и практик *cultural studies* на российской научной почве пока не состоялся. На наш взгляд, в настоящее время осуществляется ограниченная межкультурная коммуникация исследователей, касающаяся как исследований культуры для взрослых, так и в целом *cultural studies*. Постсоциализация учёного-исследователя порно(графии) может принимать сложнопрогнозируемые координаты и иметь неоднозначные результаты, вплоть до социального (профессионального) исключения и забвения. Диада «исследователь – предмет исследования» может трансформироваться в оппозицию, что негативно отразится на статусе как самого российского исследователя, так и на статусе сюжетов, им изучаемых. Фактически осознанное стремление Автора быть одиноким, исключительным представляет социальные риски для него самого и научного сообщества – (талантливых) одиночек недолюбливают. Автор, реализуя на практике желание преодолеть постимпериализм и посттоталитаризм в науке, сам себя отдаляет от отдельных сегментов гуманитарной науки. Инерция мышления для него не характерна: исследуя то, что не принято исследовать в отечественном дискурсе, М. Кирчанов как бы стремится примкнуть не к своему, а к чужому научному полю, продемонстрировать индивидуализм и независимость от научной традиции, взрастившей его самого.

Культура для взрослых в широком смысле – это не культура рефлексии, а Автор, пытаясь размышлять на заданную тему, вызывает ещё большее отторжение в научных кругах. Порно(графия) с точки зрения вовлечённости указывает на одиночество его участников, и Автор по-видимому испытывая подобное глубинное одиночество, интуитивно близок к выявлению одиночества у других, первоначально его как бы притягивает культура одиночества, а затем собственно porn studies. Порно не предназначено для долгоживучести, и можно предположить, что монография М.Кирчанова написана им для самого себя (он, по-видимому, бессознательно понимает это). Памятуя о том, что «...визуальная сторона жизни становится наиболее значимой в современном мире» [7,С.133], и относительно небольшой объём, и оформление книги могут так или иначе подтвердить это. Возможно, Автор как сторонний наблюдатель этих событий лишь освящает то, что есть по факту, не пытаясь попутно рефлексировать над будущим porn studies, например, как выглядела бы книга, написанная в других исследовательских рамках. Возможно, это не имеет значения для него, и с определённой долей уверенности можно утверждать, что практика porn studies в будущем станет обыденной, поскольку исследовательские «традиции долго формируются и... быстро разрушаются» [2,С.90]. Однако культурное (вос)производство porn studies как таковое влечёт за собой репутационные риски для исследователя и поэтому в ближайшее время возможно в узких, имманентных отечественной исследовательской традиции, рамках (например, выбор сюжетов, приемлемых для самого исследователя по тем или иным соображениям морального плана. В личной беседе Автор, обсуждая некий маргинальный срез porn studies, подтвердил данный тезис, указав, что «я не настолько постмодернист»). Порно(графия) утилитарна; утилитарной становится и практика её изучения.

Могут ли porn studies стать деутилитарными и что для этого нужно? Прежде всего, вывести этот пласт культуры из исследовательской «тени». Таким образом, тезис «запретный плод сладок» потеряет свою актуальность, и девиация от науки станет привычной практикой для отечественного сегмента гуманитарных штудий, способствуя переосмыслению отдельных, не распространённых ранее, тем. Кроме того, более строгое смысловое разграничение терминов adult culture и porn culture, корректное введение их в научный оборот и, соответственно, грамотное использование понятий adult studies и porn studies в отечественных исследованиях может демаргинализировать соответствующие разработки. На наш взгляд, представлять эти сюжеты как «культуру упадка» не совсем правильно по причине именно не(достаточно)выявленного исследовательского потенциала данных тем.

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; [пер.с фр. А. Качалова]. - М. : Издательский дом "ПОСТУМ", 2015. - 240 с. - (Технология свободы).
2. Давлетова А.И., Федоренко Л.П. Безумствующий мир нормативной реальности // СОЦИС № 10, 2012. С.88-92
3. Зуева Н.А. Постмодернистские метаморфозы власти: М. Фуко и Ж. Бодрийяр // Панорама
4. Кирчанов М.В. От порно-шика к порно-шоку: проблемы интеллектуальной истории «культуры для взрослых» / М.В. Кирчанов. – Воронеж, Издательство «Квартал», 2014. – 148 с.
5. Фуко, М. Порядок дискурса // Философия философии. Тексты философии: Учебное пособие для вузов / Ред.-сост. В.Кузнецов. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – 347 с.
6. Шустер О.В. Актуализация культурных ценностей социальной группы в символическом пространстве фотографии // СОЦИС № 7, 2013. С. 131-137
7. Lee, B. It's a question of breeding: Visualizing queer masculinity in bareback pornography // <http://sex.sagepub.com/content/17/1-2/100.full.pdf+html>
8. Marks, L.H. Behind closed doors: Pornographic uses of the Victorian // <http://sex.sagepub.com/content/17/1-2/159.full.pdf+html>

9. *Martinez, F. The Erotic Biopower of Putinism: from glamour to pornography // Laboratorium. Russian Review of Social Research (Laboratorium. Журнал социальных исследований), issue: 3 / 2012, pages: 105-122, on www.ceeol.com.*

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СТРОГО РЕЛИГИОЗНОГО ТИПА НА ОСНОВЕ ПЕРЕМЕННЫХ В-ИНДЕКСА*

Дивисенко К.С. (Санкт-Петербург)

*Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта «Жизненный мир верующих: теоретико-методологические аспекты исследования индивидуальной духовности и религиозности» (Грант Президента РФ. Конкурс 2015 года по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук. № МК-6693.2015.6)

В современной России социологами фиксируется высокий уровень религиозной самоидентификации россиян с православием. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» в 1997 году 52% россиян считали себя православными [1]. Это число достигло максимума - 72% в марте 2012 г., согласно же опросу, проведенному в мае 2014 г., составило 68%. При этом сохраняется относительно низкий уровень религиозного участия: 21% опрошенных (от общего числа исповедующих христианские религии) «практически никогда не посещают церковь», 61% «практически никогда не причащались», 58% никогда не читали Библию [там же]. Эта особенность российской религиозности хорошо наблюдается и на данных международного проекта World Values Survey (WVS), результаты которого дополняют картину. Согласно 6 раунду WVS (2010-2014 г.), в РФ число людей, считающих себя православными, составило 63% [2]. Верят в Бога и считают себя религиозными людьми (из числа православных) – 81%. Таким образом, почти в каждом пятом случае самоидентификация человека с православием не предполагает веру в Бога и соотнесение себя с религиозными людьми. Это обнаружение ставит под вопрос валидность некоторых традиционных для изучения религиозности методик, в которых самоидентификация человека с той или иной религией предполагает отнесение его в группу верующих (пусть даже слабую).

Для изучения православной религиозности наиболее распространенным по-прежнему остается В-индекс (индекс воцерковленности), предложенный В.Ф. Чесноковой [3]. В исследованиях, которые опираются на данную методику, обращает на себя внимание тот факт, что наиболее сильные группы верующих (по показателям религиозного поведения) оказываются сильно подвержены оккультным воззрениям [4, 5]. В этой связи возникает вполне правомерный вопрос: адекватен ли имеющийся методический инструментарий для изучения актуальных процессов в современной духовной жизни?

В-индекс, безусловно, является компактным, удобным и апробированным инструментом, который охватывает основные аспекты религиозной практики, наиболее существенные для «православного образа жизни» и, следовательно, показательные для определения степени воцерковленности. В то же время данная методика имеет и слабые стороны – принцип формирования групп по степени религиозности. Напомним, что В-индекс строится на пяти переменных: «частота посещения храма», «частота Причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «пост» [3, с. 19]. Каждая переменная изменяется по порядковой шкале, имеющей пять градаций. На основе этих шкал строятся пять групп по степени воцерковленности. Следует отметить, что группирование происходит по принципу «сильного ответа»: принадлежность группе определяется максимальным значением любой из пяти шкал.

Можно предположить, что ужесточение критерия отнесения респондентов к сильным группам, позволит выявить более контрастные группы верующих. Поэтому важной задачей является определение оптимального способа группирования, который позволит выявить сильную группу верующих на основе переменных, отражающих особенности религиозного поведения, для которой девиации в области религиозного сознания (убеждений и знаний) будут минимальны. Необходимость корреляции между практикой и сознанием – не только теоретическая гипотеза, а существенный компонент религиозной вовлеченности.

Альтернативный способ группирования на основе шкал В-индекса предложен С.Д. Лебедевым и В.В. Сухоруковым, который заключается в выделении групп по принципу минимизации среднеквадратических отклонений [6].

Эмпирическую базу исследования составили материалы анкетного опроса, в котором приняли участие 154 респондента, относящих себя к Православию и являющихся прихожанами ряда петербургских храмов.

С помощью В-индекса и способа, основанного на минимизации среднеквадратического отклонения, было осуществлено два варианта разделения массива на группы. Размер первой группы (самой сильной) при использовании В-индекса и критерия минимизации среднеквадратического отклонения составил соответственно 146 и 76. При сопоставлении этих двух способов группирования во втором случае заметно плавное перемещение слабых групп на одну позицию вниз и более равномерное погрупповое распределение. Сопряжение этих двух шкал с другими переменными показало, что В-индекс пропускает в наиболее сильные группы респондентов, чье мировоззрение не совпадает с христианским миропониманием. Так, в первой группе, выделенной на основе В-индекса, появляется определенная доля респондентов, отрицающих те или иные вероучительные положения: творение мира Богом, существование рая, существование ада. В ней же наблюдается относительно большое число людей, выбравших ответ «не знаю».

Принципиально иная картина наблюдается в первых двух наиболее сильных группах, выделенных на основе минимизации среднеквадратического отклонения: респонденты, отрицающие основные догматы, оказались только в слабых группах – третьей, четвертой и пятой. Та же тенденция перемещения респондентов из сильных групп в слабые наблюдается и в случае недостаточного знания ими Символа веры. Можно утверждать, что в третьей группе, которая по В-индексу соответствует «начинающим», вполне естественно наблюдать случаи «отклоняющихся» религиозных убеждений и знаний.

При сопоставлении сильных групп верующих, выделенных на основе В-индекса и минимизации среднеквадратического отклонения, во втором случае выявлен более высокий уровень показателей, касающихся знания церковнославянского языка, понимания данного языка на слух, значимости христианских ценностей и среднего числа послушаний, приходящегося на респондента. Второй способ группирования также минимизирует вероятность практики чтения астрологических прогнозов в сильных группах.

Полученные результаты свидетельствуют, что шкалы В-индекса и их градация являются вполне адекватным инструментарием для изучения православной религиозности. Мы полагаем, что имеется безусловная связь между пятью переменными, используемыми в В-индексе, которые отражают христианский образ жизни, и переменными, характеризующими особенности религиозных знаний и убеждений. Высокий уровень выявляемых в массовых опросах оккультных умонастроений в сильных группах верующих является артефактом, порожденным некорректным способом группирования. Безусловно, даже при оптимальном способе группирования в сильных группах верующих будет наблюдаться относительно незначительный уровень девиаций, не позволяющий утверждать, что самыми суеверными являются церковные люди.

1. Электронный ресурс. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11587> Дата обращения 01.10.2015
2. Электронный ресурс. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> Дата обращения 01.10.2015
3. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М: Академический проект, 2005.
4. Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 89-97.
5. Синелина Ю.Ю. Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 96-106.
6. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118-126.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РОССИИ

Евсикова Е.В. (Санкт-Петербург)

Сегодня феномен коллективной исторической памяти представляет всё больший интерес для специалистов в разных областях знаний. Описанный, еще в 1925 году М. Хальбваксом в книге «Социальные рамки памяти»[1] и забытый на некоторое время, он снова становится объектом исследований в 1960-80е годы и по сегодняшний день успешно продолжает удерживать фокус внимания ведущих западных ученых. Возобновление интереса к исторической памяти можно связать с мощнейшими социально-политическими трансформациями, произошедшими по окончании Второй Мировой войны, а также после распада Советского Союза. Но и в наши дни происходит целый ряд геополитических событий – цветные революции в странах арабского мира, Евромайдан и др., дестабилизирующие политическую обстановку и влекущие за собой необходимость перестройки большинства институтов, что невозможно без апелляции к коллективной исторической памяти. Именно коллективная историческая память, которая, безусловно, становится объектом многократно усилившейся в последние года пропаганды, в данный момент становится крайне интересным объектом для изучения.

По очевидным политическим и социальным причинам, в России интерес к изучению исторической памяти появляется только в 1990-е годы. Стремительная смена политического устройства страны, происходившая в это время, повлекла за собой изменения в различных сферах общественной жизни, в том числе запустила процессы переосмысления своего исторического прошлого (или же реинтерпретации прошлого в провластном ключе), трансформации идеологической парадигмы. В подобном условиях социолог может зафиксировать дуализм между «советской» и «постсоветской» картиной мира, а возможно и выделить переходным вариант – «трансформационную». Таким образом, в качестве одного из актуальных направлений исследования исторической памяти в России можно выделить сравнительные исследования, связанные с изучением нескольких поколений, а именно их представлений и взглядов на масштабные исторические события, отношения к историческим личностям.

С другой стороны, как уже было упомянуто выше, коллективная историческая память является объектом пропаганды.. В связи с этим, представляет особый интерес анализ и исследование факторов формирования и управления коллективной исторической памятью. К таким факторам можно отнести школьное образование (в особенности проект единого учебника по истории), медийные и многотиражные СМИ и т.д. В частности, анализируя государственную (а в некоторых случаях и оппозиционную) историческую

политику, мы можем реконструировать «идеальный тип» провластной или же оппозиционной исторической картины.

Очевидно, что подобные исследования не могут проводиться в монопарадигмальном векторе. Мы считаем, что столько сложный анализ, затрагивающий как общественное мнение, так и медийное пространство, а также работающий с историческими данными может быть проведён исключительно на междисциплинарной основе, с участием социологов, историков и политологов.

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти/Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007 - 348 с

МЕТОНИМИЯ КАК РЕСУРС СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Ермакова В. (Москва)

Лингвистический поворот способствовал тому, что социологи заимствовали языковедческую терминологию для нужд рефлексии собственной теории. В частности, признание получило представление о том, что теоретическая работа имеет метафорические основания. Сегодня легитимно рассуждать о том, какие типы метафор, (например, визуальные или невизуальные) больше подходят для конструирования предмета социологии как дисциплины [5, Р. 22], а также о том, какие метафоры лежат в основании конкретного прикладного исследования [2].

Признание фигуративных оснований теоретической работы протекало в общественных науках неравномерно. В авангарде оказались историки. Первым заметным шагом на этом пути стала попытка Хейдена Уайта стереть привычное различие научного и художественного текста. В своем *opus magnum*, *Метаистория* [6], он анализирует тексты историков и философов истории XIX в. как если бы они были романами. И уже там использует более сложный инструментарий анализа, чем тот, которым пользуются социологи сегодня. В арсенале Уайта не только метафора, но и три других тропа, метонимия, синекдоха и ирония. Однако историки не только были первыми среди общественных наук, кто заговорил о своих фигуративных основаниях, не только теми, кто предложил самый развернутый инструментарий тропологического анализа. Историки оказались первыми и в критике самой идеи фигуративных оснований. Критике, которая затрагивает все дисциплины, говорящие о своих метафорических основаниях, в том числе социологию.

Голландский философ Фрэнк Анкерсмит показал [4], что основным свойством метафоры (и других тропов в системе Уайта) является превращение незнакомого в знакомое, её (и их) когнитивной функцией является приспособление мира к познающему субъекту («проблема Анкерсмита»). Заостря тезис Анкерсмита, можно сказать, что фигуративные основания позволяют нам редуцировать неизвестное к уровню нашего невежества, не более того. Иными словами, социологи, обсуждающие базовые метафоры для эмпирического исследования или конструирования предмета своей дисциплины, скорее избегает мышления, чем выполняют интеллектуальную работу. Поэтому критика, сформулированная историками, требует ответа в том числе и от социологов.

Подходящим ответом на критику Анкерсмита является расширение арсенала инструментов рефлексии социальной теории, в частности за счет привлечения концепта метонимии в дополнение к уже признанной метафоре. Критика Анкерсмита будет преодолена, если метафора и метонимия будут пониматься в традиции, заложенной Романом Якобсоном, как два полюса лингвистического поведения [3]. Поскольку мы заимствуем лингвистические термины для эпистемологии ческой работы, в нашем случае речь будет идти о двух полюсах теоретизирования.

Предположить, что обращение к различению Jakobсона поможет разрешить проблему Анкерсмита, заставляет следующее: отказ от диады Jakobсона является условием возможности постановки проблемы Анкерсмита.

Критика Анкерсмита может быть сжато представлена в виде следующего силлогизма:

(1) Все тропы в системе Уайта представляют собой четыре способа выполнения одной и той же когнитивной функции – префигурации изначально хаотичного поля данных, превращения незнакомого в знакомое.

(2) Между тропами нет разрывов и противопоставлений, они взаимозаменяемы и способны переходить друг в друга, охватывая собой всю сферу языка.

(3) Следовательно, если мы хотим получить доступ к незнакомому, нам необходимо вырваться из «тюрьмы языка» в иную сферу, такую, которая имеет разрыв со сферой языка, ту, где возможно выполнение иной когнитивной функции, не являющейся префигурацией. Такой сферой для Анкерсмита становится сфера опыта (см. [1]).

Ключевым для постановки проблемы Анкерсмита является факт отсутствия разрывов между тропами Уайта, их единство как разновидностей метафоры. Это единство стало возможным благодаря теоретическому решению Уайта, принятому в Метаистории. Выбирая между традициями выделения разного числа тропов, Уайт следует за принятым со времен Ренессанса четвертичным делением (метафора, метонимия, синекдоха, ирония) и отмежевывается от различения Jakobсона, о чем прямо пишет в комментариях к соответствующему разделу. Обосновывает Уайт свое решение следующим образом [6, Р. 31-32]: 1) метафора и метонимия у Jakobсона связаны с разными типами текстов, поэзией и прозой соответственно, что противоречит ключевой идее Уайта: все тексты, прозаические и поэтические, научные и художественные, реалистические и основанные на фантазии, имеют фигуративные основания; 2) четвертичная система является более гибкой, чем диада.

Уайт стремится стереть различие между разными видами текстов (научным историческим текстом и историческим романом), акцентируя их сходство, диада Jakobсона, напротив, подталкивает к подобным бинарным различиям. Если бы Уайт решил разделить тексты историков на метафорические и метонимические в духе Jakobсона, для читателя, знакомого с привязкой одного из тропов к (художественной) поэзии, а другого к (реалистической) прозе, такая классификация означала бы, что кто-то из историков признан «более реалистичным». Но это является почти синонимом к «более правдивым», «более близким к истине». Уайту удалось избежать этого риска. Однако выбранная им система различений по факту оказалась менее гибкой, чем схема Jakobсона. Метафора и метонимии Jakobсона выполняют разные когнитивные функции. Все четыре тропа Уайта выполняют одну когнитивную функцию.

Отказ от диады Jakobсона и сведение двух полярных тропов в одно, в разновидности метафоры, сделал возможным критику Анкерсмита. Разрабатывая собственное решение поставленной им проблемы – как возможно превращение знакомого в незнакомое в работе историка – Анкерсмит приходит к решению, которое можно охарактеризовать как повторное изобретение диады Jakobсона. Опыт, описанный Анкерсмитом, имеет метонимичные характеристики. Он объединяет объекты по смежности [1, С. 277], что является сущностной характеристикой метонимии как способа связи, он позволяет конструировать новые контексты [1, С. 398], что входит в функцию метонимии Jakobсона в ее аспекте контекстной композиции. Наконец, опыт у Анкерсмита абсолютно противопоставлен языку [1, С. 33] как это имеет место в полярной модели Jakobсона.

Использование диады Jakobсона как основания для рефлексии социальной теории позволило бы вывести обсуждение метафорических оснований социологии из-под огня философской критики и оставить за дискуссиями о базовых метафорах дисциплины и прикладных исследований статус дискуссий интеллектуальных. Однако это потребует от

социологов дополнительной рефлексии собственных метонимических теоретических решений.

1. Анкерсмит Ф. *Возвышенный исторический опыт*. – М: Европа, 2007. – 612 с.
2. Константиновский Д.Л., Вахитайн В.С., Куракин Д.Ю. *Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации*, М.: ЦСПиМ, 2013. – 224 с.
3. Якобсон Р. *Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры*. – М: Прогресс, 1990. – С. 110-132.
4. Ankersmit F.R. *History and tropology: the rise and fall of metaphor*. - London: University of California Press, 1994. – 224 p.
5. Urry J. *Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century*. - London: Routledge, 2000. – 272 p.
6. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. – 480 p.

ПОЛИТИКИ «ОФИЦИАЛЬНОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ДЕФОРМАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Жарков Г.В. (Владимир)

Начиная со второй половины «нулевых» в России все более последовательно реализуются политики, которые мы обозначаем как «официальный традиционализм». Его можно определить как систему официальных дискурсов, оперирующих концептами «традиционности», («традиционные ценности», «исторический опыт», отсылки к позиции официально признанных традиционными конфессий, «советский опыт») в интерпретации практически всех явлений общественной действительности — от внешней политики государства, до семейных и сексуальных практик. Отражением этих дискурсов являются изменения во всех сферах законодательства, нормотворчество, а так же как доктрины, так и повседневные преактики в сферах государственной социальной, молодежной, культурной, образовательной политики и общественного здоровья.

С нашей точки зрения, «официальный традиционализм» уже привел к серьезнейшей деформации всего поля отечественного социогуманитарного знания, и, не в последнюю очередь социологии и социальной психологии. Анализ совокупности официальных «традиционалистских» дискурсов показал невозможность обнаружить или синтезировать единую систему понятий и определений, а так же критериев отнесения тех или иных явлений к «традиционным» в позитивном смысле этого слова. Не поддается определению и то конкретное общество и исторический период, который может быть взят в качестве «идеальной модели» официального традиционализма. Ярким примером является один из наиболее обсуждаемых концептов «традиционная семья» и «традиционные семейные ценности». Ведь фактически единственным определяющим ее признаком отделения «традиционной» семьи от «нетрадиционной» становится гетеросексуальный характер отношений родителей — признак, с точки зрения религиозных концепций семьи совершенно периферийных (поскольку само собой разумеющийся).

К каким же негативным последствиям для социологического и, шире, социогуманитарного знания уже привел «официальный традиционализм»?

1. Прежде всего, происходит чрезвычайное сужение предметного поля отдельных социологических дисциплин. Прежде всего это касается таких предметных областей как социология семьи и гендера, социология религии, социология субкультур, социология молодежи, юридическая социология, социальная психология, социология культуры.

2. Дифференциация объектов исследования по оценочным признакам (пожалуй, самый яркий пример - «сектоведение»), что, в принципе исключает возможность анализа, а часто и научного описания того или иного социального явления, группы, института или процесса.

3. Еще большую тревогу вызывает исключение из социального и культурного дискурсов и числа объектов социального воздействия значительного большинства субкультур с альтернативными («нетрадиционными») гендерными, социальными, культурными и иными практиками. Напомним, что социолог и социальный психолог, работающий с ними теперь рискует не только исключением из академического сообщества, но и уголовным преследованием.

3. «Традиционализм» становится едва ли не обязательным требованием для участия в государственных или лояльных государству экспертных, академических и иных формирующих политики сообществах. Можно констатировать, что реальная экспертная деятельность во многих сферах фактически становится невозможной (в качестве примера приведем печально известные «экспертизы» по ст. 282 УК РФ или экспертизы деятельности в сети интернет).

4. Происходит деформация, а часто и дискредитация методического аппарата социологических исследований, что приводит к серьезнейшим искажениям реальности, и, потенциально, к критическому снижению прогностического потенциала отечественной социологии (в качестве примеров приведем отечественные методы определения «уровня общественной религиозности» и «обязательное социально-психологическое (по сути социологическое) «тестирование на наркотики»).

5. Нельзя не сказать и о разрыве с зарубежными методологическими и методическими теориями и подходами и «двойных стандартах» анализа отечественных и зарубежных социальных явлений, процессов, и, в особенности, политик.

Гегемония «официального традиционализма» уже приводит к формированию неразрешимых в рамках этой концепции противоречий и конфликтов, которые не могут быть разрешены без ее уточнения и корректировки. На наш взгляд, эти противоречия в следующем:

1. На сегодняшний день можно выделить, как минимум, пять сосуществующих «традиционализмов» (Закон официально признает четыре традиционных религии, продолжает существовать и все активнее рассматриваться как «традиционная» «советская модель ценностей, отношений и практик).

2. Неразрешимое противоречие между «официальным традиционализмом» и «официальным феминизмом».

3. Противоречие между официальным традиционализмом и реальными практиками гегемонных групп и субкультур. Наши исследования показали, что наибольшими приверженцами ценностей и практик, которые принято определять как «западные», «потребительские» и так далее являются как раз представители элит (прежде всего, молодые), которые, предположительно, с этими ценностями должны бороться во имя традиционализма.

4. Все более обостряется противоречие между официальным традиционализмом и необходимостью оставаться в рамках международных политических, экономических, культурных и академических сообществ.

5. Противоречие между содержащимся в Конституции РФ запретом на цензуру и все более учающимися попытками представителей традиционных религий, «национальных движений», а чаще «активистов» тех или иных общественных движений диктовать государственную культурную политику. При этом фактически отсутствует практика госзащиты от различных форм давления на авторов и произведения, выражающих альтернативные от традиционных взгляды.

6. Между официальным традиционализмом и все более актуальной необходимостью борьбы с религиозным фундаментализмом и националистическим экстремизмом как в политической, так и в гуманитарной и социальной сферах.

Преодоление этих противоречий, на наш взгляд, может быть достигнуто при помощи следующих мер.

1. Строжайшее соблюдение государственными и муниципальными органами власти глав 1 и 2 Конституции РФ, как на уровне правотворчества, так и уровне правоприменения. Принуждение общественных, религиозных организаций и граждан к уважению Конституции.

2. Недопущение как на федеральном, так и региональном и местных уровнях действий ведущих к нарушению правового единства территории РФ, а так же соблюдение единства в трактовке правовых норм в отношении представителей любой национальности, религиозной и социокультурной группы, признания приоритета правовых норм над религиозными и социокультурными.

3. Сохранение, и господдержка академических и научных свобод в выборе тематики и методов научного исследования. Создание на региональном уровне программ социогуманитарных исследований

4. Создание механизмов светской, независимой общественной экспертизы программ, методов и реальных практик религиозного и национального воспитания. Распространение правил возрастного контроля за контентом и содержанием печатных изданий и интернет-сайтов, принадлежащих религиозным и этническим общественным организациям.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Зверькова С.А. (Санкт-Петербург)

В современном информационном обществе бурно развиваются электронные средства коммуникации с помощью различных «гаджетов»: телефон, смартфон, iPad и т.д. Практически все эти устройства направлены на осуществление коммуникации и получение новых возможностей самореализации каждого индивида путем получения необходимой ему информации и контактов в сети интернет.

Жизненный старт и адаптация в современном обществе молодежи происходит под воздействием формирования их социальных связей и социальных отношений. Как сильные, так и слабые социальные связи играют очень значительную роль в решении жизненных проблем современной молодежи. Наиболее острыми проблемами современной молодежи являются: получение образования, поиск работы, личные взаимоотношения (доверие) и построение новой ячейки общества. В современном мире для решения проблем на первый план выходят социальные связи, а не материальные составляющие. Можно сказать, что чем больше и шире круг социальных связей, тем востребованней становится индивид, и у него появляется шанс добиться гораздо большего, чем у индивида, который имеет ограниченный круг связей.

Этот факт доказан в работах Марка Гранноветера, показавшего в своих исследованиях силу «слабых» связей. В частности он подчеркивает, что «сильные» связи оказывают социальную поддержку при решении личных вопросов, а при поиске работы обретают силу «слабые» связи [1, 41-42]. Так же и в отечественных исследованиях подчеркивается, что наличие нужных связей является необходимым условием для продвижения и достижения успеха в жизни [5, 131-132]. Необходимо отметить, что

наличие связей, их характер и включенность в определенные социальные сети, можно рассматривать как один из необходимых параметров социального капитала, которым обладает каждый молодой человек [7].

Век развития новых информационных технологий дает новый импульс для изучения социальных связей, так как технологии развиваются стремительно быстро, а вместе с их развитием и развертыванием процессов глобализации и информатизации, трансформируется общение, а следовательно и социальные связи, что отражается не только на жизни отдельного индивида в обществе, но также на развитии и существовании всего общества в целом. (переделать предложение)

Таким образом, одним из основных объектов изучения выступают «социальные связи», а также их «сила». Понятие «социальная связь» является совокупностью взаимоотношений, взаимозависимостей, связей между людьми посредством личных контактов, а также опосредованных информационными средствами связи.

Жизненный цикл социальной связи начинается с контакта, будь то телефонный звонок, письмо или разговор на улице. В процессе взаимодействия социальный контакт может перерасти в социальную связь, насколько она будет «сильной» или «слабой» зависит от обстоятельств, в которых находятся индивиды. Чем больше точек соприкосновения, тем более вероятно, что жизненный цикл связи будет продолжительным. Рационально-чувственное восприятие жизни в обществе является основой расширения сети социальных связей индивидов.

Механизм формирования социальных связей наиболее обстоятельно проанализирован польским социологом Яном Щепаньским. Ученый подчеркивает, что первоначально происходит психологический контакт, основанный на визуальном наблюдении индивидов друг за другом, появляется интерес. Затем, заинтересованность побуждает к познанию друг друга индивидов путем социального контакта. В процессе социального контакта индивиды обмениваются вербальными и не вербальными символами и ценностями. Отметим, что в современных условиях социальный контакт в большей степени происходит в виртуальном мире, где невозможно полноценно оценить достоверность данных, предоставляемых индивидами друг другу. Отсюда возникает вопрос доверия в сети [6, 134-138].

Арсенал современных сетевых теорий, рассматривающих общество с точки зрения интеракций, связей и социальных графов, основывается на классической теории действия М. Вебера и теории взаимодействия Г. Зиммеля. «В современной концепции социальных связей понятие «социальное действие» является центральным и по идущей от М. Вебера традиции характеризуется направленностью на достижение осознанной определенной цели, преднамеренностью и индивидуальной активностью. Именно социальное действие является элементарной единицей взаимодействия» [2, 37]

Идеи и теории как классической, так и современной социологии позволяют глубинно изучить и осмыслить возникающие феномены века электронной информации и коммуникации. Представители западного классического интеракционизма, такие как Дж. Мид и Г. Блумер в своих теориях референтных групп и ролевых теориях указывают на то, что поведение и развитие индивида базируется на трех факторах: структура личности, роль индивида, референтная группа.

В отечественной социологической мысли продолжают развиваться идеи символического интеракционизма. Так, Оганян К.К. приводит в пример концепцию А.С. Звонницкой, в которой «эктивация» (социальная связь) становится основным элементом социальной действительности, а, следовательно, коммуникация в социальных связях становится главной единицей социального анализа, на основе которого формируется личность индивида [4, 3252].

При изучении социальных связей необходимо отметить теоретико-методологическую значимость сетевых теорий. Последние подразделяются на два основных направления. Одно из них – «культурное» (иными словами «реляционная

социология») – в основном работы Г. Уайта. Ко второму направлению относят теорию «актор-сеть» М. Каллона и Б. Латура. «Общие черты этих подходов заключаются в том, что оба подхода рассматривают создание смыслов как действие, ведущее к возникновению связей, и постулируют приоритет действий над акторами, или в сетевых терминах то, что связи (ties) предшествуют узлам (nodes). Кроме того, они учитывают различную природу акторов-людей (human actors) и акторов-не-людей (non-human actors). В данных подходах используются качественные методы и данные, позволяющие исследовать отношения, интерпретации и практики. Но, кроме сходства, эти подходы имеют и существенные различия. В теории «актор-сеть» акторы люди и акторы-не-люди в равной мере способны к действию. Реляционная социология считает акторов-не-людей неспособными создавать смыслы, даже если эти акторы — часть социальной сети. В реляционной социологии только исследователь определяет, кого и что учитывать в ходе анализа. Теория «актор-сеть» собирает данные открыто, интерпретативно; акторы сами создают связи. [3, 29-30]

Таким образом, рассмотренные теоретические подходы к изучению сети социальных связей индивидов в информационном обществе дают импульс к дальнейшему изучению феномена «социальная связь». Исследование позволит спрогнозировать, какими будут социальные связи в on-line и off-line среде; какой формат приобретет социальный капитал индивида, как будет адаптироваться молодое поколение к условиям жизни общества.

1. Грановеттер М. Сила слабых связей // *Экономическая социология*. 2009. № 4. С. 31-50.
2. Козырева Л. Д. Социальные связи в информационном обществе (методология исследования) // *Научные труды Северо-Западного института управления*. 2013. Т. 4. № 3 (10). С. 36-43.
3. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях // *Социологические исследования*. 2011. №8. С. 28-37.
4. Оганян К.К. Социальная связь как главный элемент структуры личности в социально-психологической концепции А.С. Звонницкой и ранняя американская социологическая мысль // *Социологические науки*. 2013. №10. С. 3252-3256.
5. Семенов Е. Е. Информационная глобализация и ее влияние на трансформацию социальных связей в современном мире // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2010. Т. 16. № 1. С. 130-134.
6. Щепанский Я. *Элементарные понятия социологии*. М.: Прогресс, 1969. 250 с.
7. Burg N. *How Technology Has Changed Workplace Communication* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.com/sites/unify/2013/12/10/how-technology-has-changed-workplace-communication/> (дата обращения: 14.09.2015).

ОШИБКИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Зуева Т.Ф. (Санкт-Петербург)

В связи с современным мировым кризисом капитализма всё больше людей обращают своё внимание на марксистско-ленинскую теорию как на руководство к действию для коммунистического переустройства общественных отношений. Однако в историческом плане м/л. теория и после развала социалистич. системы продолжает находиться в состоянии догматического кризиса. Это показывает методологическая проверка м/л. теории на внутреннюю логическую непротиворечивость с позиции самого диалектико-материалистического метода.

Естественно, для проверки разрабатывается определённая довольно сложная методика. Но мы её в целом опустим – остановимся только на начальном этапе проверки

м/л. теории, который сразу выявляет ошибки м/л. теории, а именно её внутреннюю логическую противоречивость.

СХЕМА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ

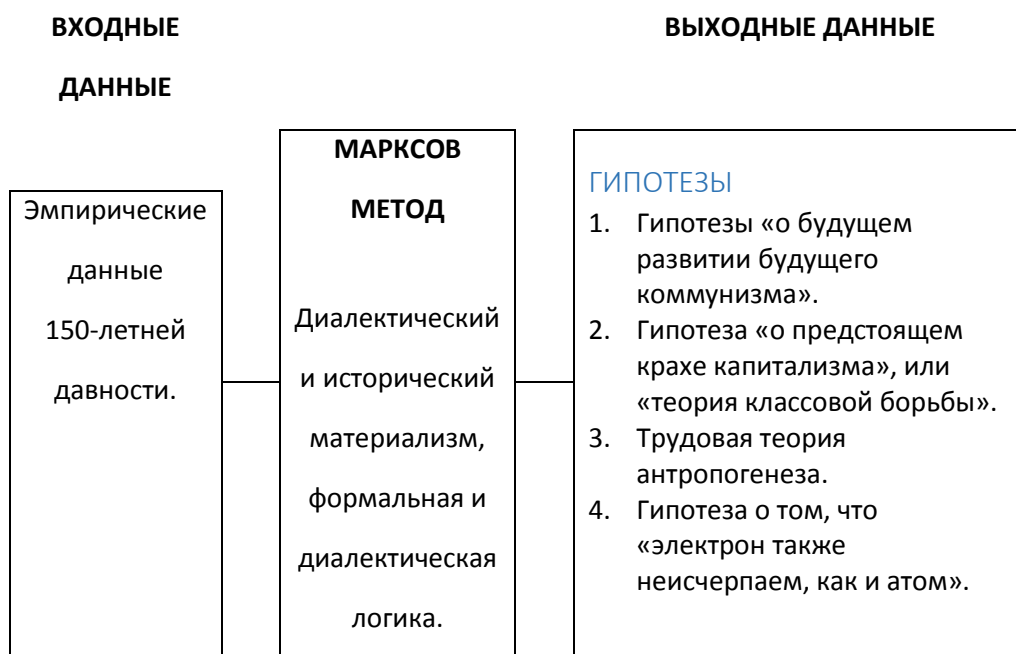

Рис 1.

Итак, самым слабым теоретическим звеном в м/л. теории является гипотеза «О будущем развитии будущего коммунизма», ибо построение коммунизма после социализма оказалось так и не реализованным на практике. Проверяем её на соответствие марксову методу – т.е. диамату.

В работе В. И. Ленина «Государство и революция» [1, 1÷120] изложены основные положения гипотезы классиков о «будущем развитии будущего коммунизма» в обзорно сконцентрированном виде. А именно.

После свершения социалистич. революции весь частный капитал и земля объявляются совокупной собственностью трудящихся страны в лице гос. собственности, и сразу же на основе этого госуд. акта в стране начинают развиваться коммунистические отношения.

Основоположники марксизма-ленинизма это развитие коммунист. отношений исторически условно делят по степени экономической зрелости на 2 этапа или 2 фазы: социализм и собственно сам коммунизм. Собственно сам коммунизм и является конечной целью борьбы трудящихся за абсолютную свободу и равенство.

Основное отличие между социализмом и коммунизмом заключается в различном подходе к распределению между трудящимися общественно производимых продуктов потребления. Они и являются основными диалектическими противоположностями понятия «коммунист. отношений», которые находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

При социализме основным принципом распределения общественно произведённых продуктов потребления между трудящимися является социалист. принцип: «кто не работает, тот не ест» и «за равное количество труда равное количество продукта». Или, как говорят сейчас, «от каждого по способностям, каждому по труду».

При развитии коммунист. отношений из капиталистических этот социалист. принцип, как историческое наследие прошлого, вносит и сохраняет между трудящимися элемент фактического экономического неравенства и поэтому, по мнению основоположников марксизма-ленинизма, является «недостатком» для подлинных коммунист. отношений [1, 94÷95].

Под подлинно коммунист. отношениями в качестве конечной цели борьбы за социальную справедливость К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин понимали такие отношения, когда в обществе при распределении общественно произведённых продуктов потребления между членами общества достигалось бы, по сути, абсолютно полное диалектическое равенство между гражданами общества и абсолютная свобода за счёт ПОЛНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ социалист. принципа распределения, именуемого ими «узким горизонтом буржуазного права», и ПОЛНОЙ ЗАМЕНОЙ его другим, подлинно коммунист. принципом распределения «от каждого по способностям, каждому по потребностям», осуществляемого на базе полной коммунист. сознательности трудящихся масс и высочайшей, невиданной до того времени производительности труда [1, 98÷99, 361; 2, 20].

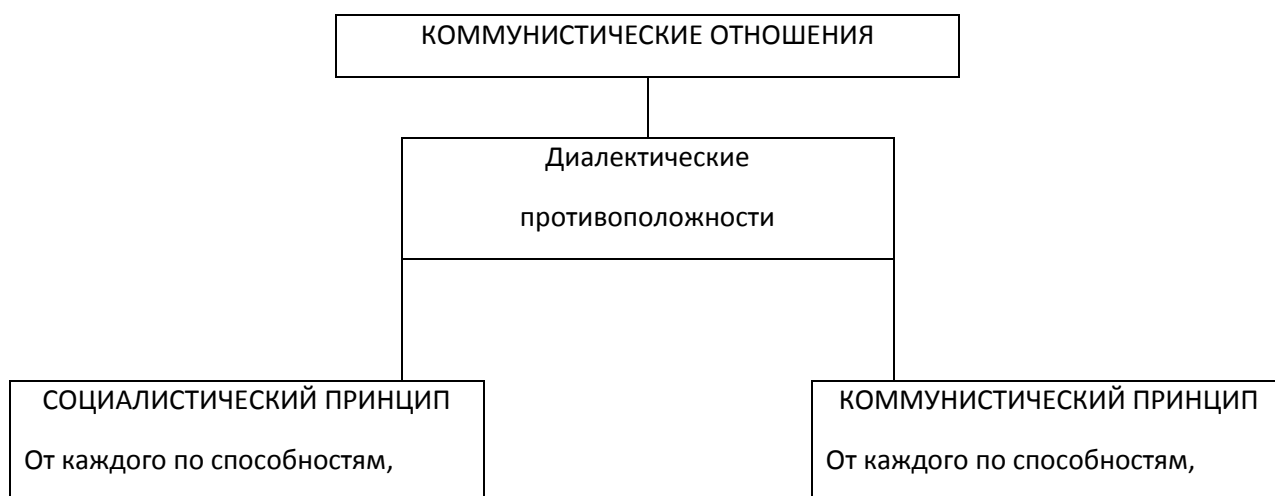
Вот эта марксистско-ленинская идея и служила предметом насмешек и зубоскальства со стороны буржуазных идеологов, как идея утопического коммунизма, при котором якобы – по мнению классиков – в принципе может ПОЛНОСТЬЮ ОТОМЕРЕТЬ ГОСУДАРСТВО.

А что будет, если при проверке этой гипотезы о коммунизме мы, например, используем закон единства и борьбы противоположностей, называемый В. И. Лениным «ЯДРОМ ДИАЛЕКТИКИ»?

Подставим понятие «коммунист. отношения» м/л. теории в закон единства и борьбы противоположностей диалектико-материалистического метода. Получим схему на рис. 2.

СХЕМА

коммунистических отношений

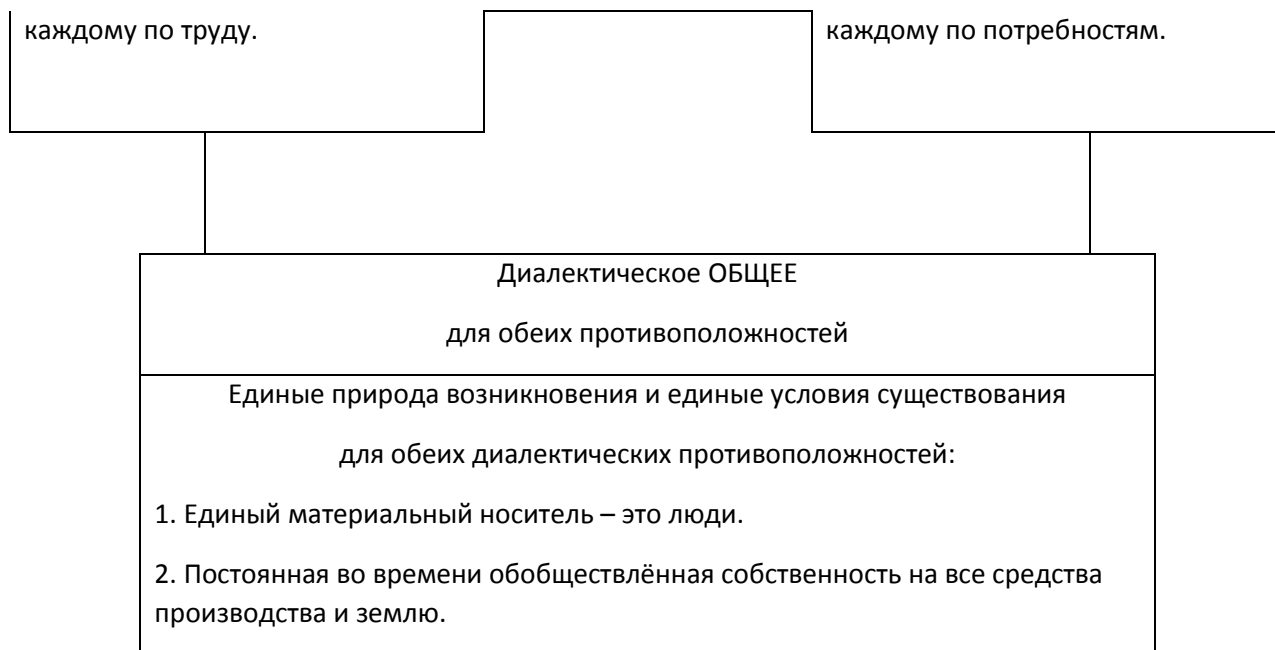

Рис. 2

Из схемы видно, что обе диалектические противоположности – оба принципа распределения общественно производимых материальных благ – имеют одинаковые как природу своего возникновения, так и условия своего существования.

1. Материальными носителями противоположностей являются люди.
2. Все средства производства и земля являются общими – общественной собственностью.

В результате ничто логически не способствует тому, чтобы один принцип ПОЛНОСТЬЮ исключил другой. Поэтому при коммунист. отношениях они будут существовать вместе и всегда, какими бы высокопроизводительными ни были бы производительные силы общества. Более того, это также не противоречит положению м/л. теории о том, что НЕОБХОДИМЫМ способом существования общества является производство материальных благ.

Тогда социалист. и коммунист. принципы относятся друг к другу соответственно, как НЕОБХОДИМОЕ к ДОСТАТОЧНОМУ. И ДОСТАТОЧНОЕ по диалектико-материалистическому принципу единства НЕОБХОДИМОГО и ДОСТАТОЧНОГО никогда не может исключить НЕОБХОДИМОЕ – при заданных ОБЩИХ условиях существования КОММУНИСТ. ОТНОШЕНИЙ.

А раз социалистич. принцип распределения общественно производимых материальных благ при коммунист. отношениях сохраняется во времени – без буржуазии, - то и ГОСУДАРСТВО, как таковое, вопреки мнению классиков м/л. теории [1, 98÷99], – НЕ ОТОМРЁТ при коммунист. отношениях НИКОГДА!

ВЫВОД. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ есть АТРИБУТ человечества. (Причём дальнейшая независимая методологическая проверка двух других гипотез – 2, 3, - на внутреннюю логическую непротиворечивость только подтверждает данный вывод.)

Коммунист. утопия К.Маркса о ПОЛНОМ (!) отмирании государства при коммунизме как конечной фазе коммунист. отношений алогична, ошибочна. И, в конечном счёте, она работает не на пролетариат, а на бесконтрольное перерождение социалистической бюрократии в буржуазную с реставрацией капиталистического строя через манипулирование общественного сознания в духе тоже утопической идеологии

анархистов по ликвидации всех национальных государств, как таковых, в результате чего - на установление «нового мирового порядка» со стороны глобалистских транснациональных компаний и мирового финансового капитала!

М/л. теорию необходимо исправить.

1. Ленин В.И. *Государство и революция. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 33.* // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uaio.ru/vil/33.htm>
2. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч., 2-е изд., т. 33.*

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Зыкова О.В., Любимова Е. А. (Тюмень)

Тема изучения установок молодежи на создание семьи в будущем очень актуальна на сегодняшний день. В России уже не первый год наблюдается демографический кризис, а уровень брачности лишь немного опережает уровень разводимости. В г. Тюмени за 2014 г. зарегистрировано 6777 тыс. браков, а разводов за этот же период оказалось 3975 тыс. [1]. Поскольку в браки вступает преимущественно молодежь, в первую очередь, следует изучить молодых людей и их установки на брак, создание семьи и расторжение брака, выявить причины, по которым молодежь ставит на первое место успешную социализацию и продвижение по карьерной лестнице, а создание собственной семьи - на второе место. Следует выяснить причины отказа молодежи от рождения собственных детей, либо планирование только одного ребенка. Необходимо понять, чем обусловлены молодежные установки на создание семьи и вступление в брак; исследовать отношение современной молодежи к созданию семьи в сравнении с предыдущими поколениями.

Данная тема изучалась многими российскими социологами на региональном уровне: Москве, Санкт-Петербурге, Чебоксарах и др. Темой семейно-брачных установок молодежи занимались такие исследователи, как: В.А. Балцевич, А. Темкина, М.Э. Елютина, А.С. Спиваковская и др.

В социологии понятие социальной установки используется впервые Знанецким Ф.В. и Томасом У. для обозначения ориентаций индивида в качестве члена группы относительно ценностей группы. Определение ситуации индивидом посредством социальных установок и ценностей группы дает представление о степени адаптации индивида. Таким образом, социальная установка, в отличие от «установки» в исходном психологическом смысле, фиксирует в большей мере ценностное отношение к социальному объекту, указывает и на факт разделенности (коммуницируемости), и на факт переживания [2].

Для проведения исследования по выявлению семейно-брачных установок современной молодежи в городе Тюмени были использованы методы анкетирования и контент-анализа. В анкетировании приняли участие молодые люди от 16 до 30 лет, проживающие на территории города Тюмени: школьники, студенты, работающие люди. Выборочная совокупность составила 300 человек, из которых 151 юноша и 149 девушек. Доля респондентов в возрасте 16-20 лет составила 19%, 21-25 лет – 39%, 26-30 лет – 42%.

Рассмотрим наиболее значимые результаты нашего исследования. Большинство опрошенной молодежи (49%) считают, что отношение к браку и семье у современного поколения изменилось в худшую сторону, обосновывая это тем, что многие сейчас не торопятся закреплять свои отношения официально и нейтрально относятся к «фактическому браку». На втором месте молодые люди (34%), которые считают, что отношению к браку у современной молодежи не изменилось в сравнении с предыдущими поколениями. Об изменениях в положительную сторону говорят 10% тюменской молодежи.

Описывая личное отношение к браку, большинство опрошенных (57%) отмечают, что официальный брак является обязательным, и сами в будущем собираются зарегистрировать свои отношения. Не считают официальный брак обязательным 29% молодых людей, но в будущем не исключают возможности вступления в брак. Совсем не собираются вступать в брак лишь 7% опрошенных респондентов, так как не считают его обязательным.

Что касается «фактического» брака, то большинство респондентов относится к нему нейтрально. Не исключают возможности фактического брака в будущем 32% опрошенных, 31% респондентов, несмотря на нейтральное отношение к такому типу брака, не хотели бы придерживаться его в будущем. Отрицательно относятся к «фактическому» браку 29% молодых людей. Данное распределение ответов говорит о том, что отношение молодежи к регистрации брака становится менее серьезным, так как в предыдущих поколениях официальный брак являлся обязательным, а «фактический» брак не рассматривался как возможный вариант отношений.

На вопрос о расторжении брака большинство респондентов (41%) ответили, что рассматривают такой исход отношений только в крайнем случае, например, по причине алкоголизма, насилия в семье и т.д. Не исключают такого исхода отношений в будущем 25% опрошенных. Нейтрально относятся к расторжению брака, но для своих отношений считают его неприемлемым, 19% опрошенных молодых людей. Совсем не признают такого исхода отношений ни при каких обстоятельствах 15% респондентов. На основе полученных данных можно высказать предположение, что семейные ценности у современных молодых людей ослабевают, так как у предыдущих поколений расторжение брака являлось неприемлемым.

Мнения респондентов об идеальном и планируемом количестве детей совпадают. Большинство респондентов хотят в будущем иметь двоих детей (34%). На втором месте – трое детей (28%). На данный момент дети есть лишь у 36% опрошенных молодых людей. Идеальным репродуктивным интервалом для появления детей тюменская молодежь считает интервал от 1 до 3 лет (81% респондентов).

Данные, полученные в ходе анкетирования, подкреплены вторым методом контент-анализом статей журнала «Социологические исследования» за последние пять лет. Этот метод позволил определить изученность данной темы. В ходе контент-анализа было просмотрено 1013 заголовков статей и аннотаций к ним, из которых 18 статей связаны с проблемами брака и семьи, что составило 1,8% от общего числа публикаций; выявлена частота упоминаний ключевых категорий: «семья», «брак», «установка».

Наиболее часто встречающаяся категория – «семья» – отмечена 15 раз. Статьи с этой категорией встречаются в журнале чаще других. Статья с категорией «установка» за отмеченный промежуток времени встретила 1 раз, на основании чего можно сделать вывод, что тема установок является мало исследуемой в научном сообществе на данный момент. Статьи с категорией «брак» встретились 2 раза в промежутке 2011-2015 гг., следовательно, брак менее исследован, чем семья. Результаты контент-анализа показали, что к области исследования семейно-брачных установок молодежи редко обращаются современные исследователи.

Таким образом, выявлена специфика семейно-брачных установок современной тюменской молодежи. Молодежь города Тюмени положительно относится к официальному браку и намерена в будущем скрепить свои отношения в органах ЗАГС. Большинство респондентов настроены на рождение двух детей. Отношение к «фактическому» браку у большинства респондентов нейтральное, в то время как расторжение брака считается допустимым лишь в крайних случаях.

Несмотря на значительное ухудшение семейно-брачных установок современной молодежи в сравнении с предыдущими поколениями, ситуация на сегодняшний день не является критической. По-прежнему велико количество молодежи, нацеленной на вступление в брак и создание собственной семьи в будущем. Появление новых типов

брака, изменение отношения молодежи к расторжению брака не снижают ценность официального брака у большинства молодых людей и их негативной оценки развода.

1. *Демографическая ситуация в городе Тюмени [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/departaments/administrativ/zags/demography>*
2. *Социальная установка [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. – URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1132/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%90%D0%AF*

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ОПАСНОСТИ.

Иванов О.И. (Санкт-Петербург)

Для нас социальное пространство – ансамбль социально-экономических позиций, особенности и содержание которых обусловлены исторически сложившимся общественным разделением труда, социальные дистанции между ними, взаимное расположение индивидуальных и коллективных субъектов общественной жизнедеятельности на этих объективно существующих позициях относительно друг друга в зависимости от их удельного веса экономического и других капиталов, а также от уровня развития их человеческих потенциалов.

Базовые компоненты социального пространства - социальные деятели, коллективные или индивидуальные. Именно их действия и взаимодействия и создают социальное пространство. Социальные акторы действуют на основе различных паттернов поведения и мышления и паттернов деятельности, индивидуальной и (или) коллективной. Паттерны поведения и мышления создаются на основе паттернов деятельностей, когда последние осваиваются субъектами действия, «хабиитуализируются».

Паттерны поведения и мышления – одна из ключевых компонент социального пространства. Среди них необходимо выделять эуфункциональные и дисфункциональные паттерны. Эуфункциональные паттерны поведения и мышления поддерживают социальный порядок, преемственность в общественном развитии. Дисфункциональные паттерны дезорганизуют социальный порядок, разрушают уважаемые традиции, нарушают преемственность в общественном развитии. Выделение эуфункциональных и дисфункциональных паттернов, конечно, должно опираться на определенные ценности. Именно на основе ценностной позиции можно определить количество и качество дисфункциональных паттернов, разработать стратегии защиты общества от их проникновения в его социальное пространство.

В условиях глобализации мировые агенты формирования социального пространства активно производят удобные им паттерны поведения и мышления и их символику, тиражируют эти паттерны, с помощью СМИ и через интернет распространяют их во всех регионах мира. Современное информационное пространство заполнено удобными западным производителям паттернами поведения и мышления. Внедрение этих паттернов активно ведется и в постсоветской России. В ее информационном пространстве практически отсутствует конкуренция паттернов поведения и мышления.

Открытые миру национальные государства не способны противостоять массивному давлению основных мировых производителей паттернов поведения и мышления. Реально паттерны поведения и мышления в национальных культурах все в большей мере формируются извне. И сегодня роль национальных социальных акторов в создании и преобразовании социального пространства снижается. Ведущая роль в этих процессах принадлежит транснациональным агентам его формирования. Побеждают те из них, кто организует и контролирует производство паттернов поведения и мышления, их

распространение и навязывание. Производство паттернов поведения и мышления, их распространение и навязывание сегодня является одной из эффективных форм символического насилия. На основе изоциренных технологий культивируются одни паттерны поведения и мышления и принижаются другие. Кто не следует навязываемым паттернам, тот не может считаться современным, модным, тот достоин сожаления и унижения. А тех, кто может противопоставить себя «модному» и «современному», бросить ему вызов, меньшинство.

Например, представители так называемой западной цивилизации активно, всеми доступными средствами и с использованием новейших технологий продвигают по социальному пространству всего мира угодные им паттерны поведения и мышления. Эти паттерны поведения и мышления сегодня проникли в социальное пространство многих стран, включая, социальное пространство России. Многие граждане России, особенно молодые люди, приняли и освоили эти паттерны. Между тем среди этих уже используемых гражданами России паттернов поведения и мышления немалое количество дисфункциональных для российского общества.

Одна из главных задач изучения социального пространства современной России – исследовать его наполненность различными компонентами, установить их количество и качество, преобладание одних над другими, форму и содержания компонент, реальные и потенциальные связи между ними. На основе полученных научных знаний можно разработать эффективные стратегии управляемой трансформации социального пространства современной России. Под управляемой трансформацией социального пространства мы имеем в виду разные типы и методы интервенций в пространство и его компоненты, то есть управленческие воздействия, направленные на изменение его свойств, его элементов и отношений между ними. Мы также вводим новое понятие «трансформанта социального пространства», под которой понимаем любую компоненту пространства, которая может стать объектом человеческой деятельности. Социальное пространство как целое и входящие в его состав поля (экономическое, политическое, культурное и другие) невозможно подвергнуть изменению. В то же время многие из компонент социального пространства и его полей поддаются управленческим воздействиям. К числу доступных для управленческих воздействий, несомненно, относятся: открытость-закрытость; доступность-недоступность; способы включения и исключения акторов из полей; способы рекрутирования в поля новых социальных акторов, способы их мотивирования; способы поддержания социального порядка в полях, нормы-правила взаимодействия социальных акторов в поле, насыщенность полей эу и дисфункциональным социальным капиталом, насыщенность позитивными и негативными паттернами поведения и т.п. В качестве объекта управления могут быть: количество и качество мест-позиций в социальном поле, их насыщенность ресурсами, доступ к позициям, дистанции между ними, возможности горизонтальной и вертикальной мобильности в поле для социальных акторов. Объектами управления могут быть и реальные, действующие в данное время социальные акторы с присущими им потребностями, интересами и правами, а также отношения между акторами и институционализованные нормы-правила взаимодействия акторов в пространстве и его полях. Доступными для управления могут быть разнообразные пространственные потоки и скейпы.

Трудно поддающиеся управленческим воздействиям являются реальные паттерны поведения и мышления социальных акторов и публичные арены (в том числе арены интернет пространства), места, где возможен и проводится публичный дискурс между социальными акторами (публичные арены могут существовать как внутри одного поля, так и вне его, существовать над всеми полями).

В современной России актуальной является задача разработки и реализации стратегии активной защиты эуфункциональных паттернов поведения и мышления,

пропаганды новых и необходимых эуфункциональных паттернов и критика дисфункциональных паттернов поведения и мышления, демонстрация их ущербности.

1. *Иванов О.И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 2. С. 49-64.*
2. *Иванов О.И. Культурное пространство как пространство паттернов поведения и мышления. // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры 2015. — Т. 206, Социология культуры : опыт и новые парадигмы. Часть I VI Санкт-Петербургские социологические чтения. Международная научная конференция 17-18 апреля 2014 года. Санкт-Петербург — С. 19-26*

ОБ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОДИТЕЛЬСТВА

Иванова Л.С. (Уфа)

Научное знание по своей природе является целостным, интегративным и системным. В этом плане изучение родительства сопряжено с необходимостью синтеза разнопредметных знаний и способов познания, объединения усилий гуманитарных и естественных наук: биологии, психологии и социологии. Соответственно в программе исследования родительства предполагается использование различных методов, качественной и количественной стратегии. Родительство включает биологические, психологические, социальные и социально-экономические связи между супругами и детьми, обусловленные рождением, воспитанием и социализацией ребёнка, обеспечивающие приобщение его к культурным и духовно-нравственным ценностям общества.

С биологической точки зрения, родительство изучается в контексте материнства. Женщины становятся матерями в момент появления на свет своего первого ребёнка. Биологическая функция, направленная на продолжение человеческого рода, зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью является основой и непременным условием материнства. Нейрогуморальные механизмы полового созревания, обеспечения беременности и лактации на психофизиологическом уровне влияют на эмоциональное состояние матери. В отличие от отцовства, именно материнство биологически обусловлено, что важно понимать при изучении родительства как социальной функции и механизма воспроизводства.

Биологическое тесно связано с психологическими аспектами родительства. Психофизиологические нарушения в организме матери детерминируют модели поведения, препятствующие нормальной социализации и воспитания ребенка. Также важно понимать, что от матери во многом зависит формирование соответствующих установок, принятия и позитивного настроения на воспитание ребенка у отца. Если женщина - биологическая мать физиологически не способна к адекватному восприятию ребенка и новой для себя роли, это чревато негативными социальными последствиями.

С социологической точки зрения, родительство – это категория, представляющая собой «устойчивое, эмоционально насыщенное взаимодействие реальных и потенциальных родителей, связанное с рождением и воспитанием детей и характеризующееся соответствующим поведением мужчины и женщины» [1] обеспечивает социальное воспроизводство – качественное и количественное. Соответственно социум задает нормы родительского поведения, определенную систему ценностей. В современном обществе доминируют ценности детоцентризма и «чадолюбия». Заметим, забота о детях и любовь к ребенку не всегда имели высокую значимость. Как известно, в Средние века (и фактически до начала двадцатого века) рождение ребенка не

воспринималось как событие-праздник; забота о ребенке не считалась делом «государственной важности», имело место жестокое обращение с детьми или равнодушие к ним. В условиях расширенного воспроизводства при высокой младенческой смертности, неразвитой медицине и невозможности вмешаться в репродуктивный цикл рождаемость фактически являла собой биологический процесс как результат удовлетворения физиологических потребностей и не более того. Родительство оценивалось по «полезности» воспроизводимого потомства: поэтому, как правило, приветствовалось рождение мальчиков, физически здоровых, способных выжить в довольно суровых бытовых условиях. Для отца ребенок мог быть прежде всего помощником, потенциальным наследником, для матери – еще одной обузой. Хотя, справедливости ради необходимо отметить, что в русской культуре присутствует уважительное отношение к материнству, когда в женщине видят нежную и мудрую хранительницу очага, «верную супругу и добродетельную мать». Но это, скорее, идеализированный литературный образ, редко имевший место в реальной действительности, особенно среди бедных (экономически несостоятельных) крестьян. Если ребенок был физически неполноценным, он становился тяжким бременем для всех. Но такие, как правило, просто не выживали.

Именно с этих позиций современная социология должна рассматривать родительство, детность, что позволит в перспективе объективно измерять социально-демографические явления и процессы.

1. Богачёва Н.В. Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российском обществе: автореф. ... канд. социол. наук. Казань, 2005. – С. 13.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Каминский В.С. (Вологда)

Обращение к заявленной теме представляется крайне актуальным. Проблема распространения экстремизма в Российской Федерации является одним из факторов, угрожающих национальной безопасности и целостности государства [10].

В начале XXI в. в мире происходит рост экстремистских проявлений. В России темпы прироста числа зарегистрированных преступлений экстремистской направленности постоянно возрастают: по данным МВД РФ, за период с 2004 по 2014 гг. их количество увеличилось со 130 до 1034, то есть практически в 8 раз.

В последние годы экстремизм стал объектом исследования различных социально-гуманитарных наук: политологии, психологии, юриспруденции, педагогики, социологии и философии [5, с. 78].

В науке разработано множество вариантов типологии экстремизма:

1. По способу воздействия на социальную структуру: явный и скрытый.
2. По содержанию экстремистской деятельности: насильственный, информационно-пропагандистский, организационный.
3. По признаку масштабности: экстремизм одиночек, экстремизм малых групп (до 100 человек), крупных групп (более 100 человек), государств и межнациональных объединений.
4. По субъектам: экстремизм физических лиц; юридических лиц; нелегальных организаций и государств [6, с. 85].
5. По идейно-политической базе: политический, национальный и религиозный [3, с. 85].

В данном исследовании мы остановимся на анализе политического экстремизма в рамках различных социально-гуманитарных наук.

1. В политологии пока отсутствует единая точка зрения на сущность политического экстремизма.

Ряд исследователей рассматривает политический экстремизм как крайнюю форму политического протеста. Например, Е.В. Ефанова пишет: «В политическом плане экстремизм выступает против сложившихся общественных структур и институтов, пытаясь подорвать их устойчивость» [4].

Однако Ю.А. Авдееву взгляд на экстремизм как на сугубо оппозиционное и антигосударственное явление представляется слишком узким. По его мнению, наряду с антигосударственным существует и государственный экстремизм. Субъектом экстремизма в данном случае выступает государство, поддерживающее активное вмешательство во внутренние дела другой страны, а также экстремистскую деятельность на её территории [1, с. 119].

Политологи сосредотачиваются на изучении признаков и видов политического экстремизма, социальной базы, особенностей молодёжного политического экстремизма, а также на изучении политических партий, исповедующих радикальные идеологии, процессе их возникновения и развития.

Как утверждает З.Ю. Хуако, массовую базу политического экстремизма представляют маргинальные слои населения, представители националистических и религиозных движений и групп, недовольная существующим порядком часть интеллигенции и студенчества, а также амбициозные и несостоявшиеся политики [9].

Различные подходы к классификации политического экстремизма предлагает И.А. Сазонов: по отношению к политическому спектру («левый», «правый», экстремизм «центра»), по глубине социально-политических изменений (революционный и реформаторский), а также по направленности социально-политических последствий (регрессивный и прогрессивный) [8, с. 61].

Молодёжный политический экстремизм изучают Е.В. Ефанова, В.И. Карпец, М.В. Вершинин, В.Е. Петрищев и т.д.

Политологический подход позволяет проводить анализ программ экстремистских партий, их участие в политическом процессе, электоральную базу, влияние таких партий на политическую жизнь общества. Леворадикальным политическим течениям посвящены работы В.В. Витюка, С.А. Эфирова, К.Г. Мяло, И.П. Морозова и др. Праворадикальные течения анализируются в работах М.К. Арчакова, А.Г. Кузьмина, И.Н. Барыгина.

2. Особенность психологического подхода состоит в анализе субъективного мира личности, её психофизиологических особенностей, детерминирующих экстремистское сознание и поведение.

М. Арчаков среди этих особенностей отмечает:

- Потребность в принадлежности к определённой группе. Так считает и Д. Поуст: «сравнительные социальные исследования показывают, что сильная потребность в принадлежности к группе является общей чертой террористов во всем мире» [12, р. 26].

Причём данную потребность ощущают как «неудачники», так и люди, уверенные в себе. В первом случае участие в экстремистской организации позволяет компенсировать неудачи, во втором – связано с нарциссическими влечениями: членство в «единственно правильной» организации воспринимается как доказательство своих выдающихся способностей и превосходства над другими. Следствием подобных нарциссических тенденций является своеобразное реагирование на социальные проблемы. А именно – желание немедленно «осчастливить» какую-либо социальную группу или человечество в целом (современные левые выступают за права рабочих, женщин, национальных и сексуальных меньшинств, ультраправые – за права своей расы, нации).

- Садистские наклонности.

- Некрофилия: экстремисты не защищены от смерти задачей выживания и чаще всего не ставят такую задачу перед собой. [2, с. 72-74].

3. В социологии изучается отношение населения к экстремистской деятельности, осведомлённость об экстремистских организациях, мотивация и идеология политических экстремистов, экстремистские проявления в отдельных социальных группах (чаще всего – среди молодёжи), распространение экстремизма в интернете, методика противодействия экстремизму. Основными методами исследования выступают анкетирование и экспертный опрос.

Так, Л.В. Ярмоленко и А.М. Кирпиченко изучали мнение экспертов (профессиональные политики и молодые политические активисты Астраханской области) о взаимосвязи политического экстремизма и политического протеста. Исследование показало, что суждения экспертов-профессиональных политиков и экспертов-молодых политических активистов существенно не отличаются: протестное движение и как следствие экстремистская активность напрямую зависят от социально-экономических условий жизни граждан и социально-экономической ситуации в стране (как правило, ответственность за экономические проблемы возлагается на правящую политическую элиту) [11].

Исследователи О.В. Попов и О.О. Попова установили прямую зависимость отношения к экстремистским организациям от демократического выбора респондента, национализма и принадлежности к молодёжным организациям. Наименее всего поддерживают экстремистские организации сторонники демократии европейского типа, интернационально мыслящая часть молодёжи и те, кто не участвует в молодёжных организациях [7, с. 112].

Для эффективного противодействию экстремизму, по мнению О.В. Попова и О.О. Поповой, необходима программа государственной молодёжной политики, разработанная совместно учёными и практиками.

1. Авдеев, Ю.И. *Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология* [Текст]. / Ю.И. Авдеев, В.В. Арсеньев, В.Н. Найдено // *Социологическая наука и социальная практика*. 2013. – №2. – С.108-122.
2. Арчаков, М. *Психологические особенности политического экстремизма* [Текст]. / М. Арчаков // *Власть*. – 2010. – №12. – С.71-74.
3. Балахничева, С.В. *К вопросу о классификации экстремистской деятельности* [Текст]. / С.В. Балахничева // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2013. – №6 (95). – С. 84-87.
4. Ефанова, Е.В. *Политический экстремизм и протестная активность молодёжи России* [Текст]. / Е.В. Ефанова // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. – 2011. – т.20. – №19 (114).
5. Молодов, О.Б. *К вопросу о понятии и типологии экстремизма* [Текст]. / О.Б. Молодов // *Вестник БИСТ*. – 2015. – №2 (27). – С. 78-82.
6. Никитин, А.Г. *Виды и классификации экстремистского поведения: общетеоретические и правовые проблемы* [Текст]. / А.Г. Никитин // *Актуальные проблемы экономики и права*. – 2014. – №1. – 186-194.
7. Попов, О.В. *Причины и особенности экстремизма в молодёжной среде. Меры противодействия молодёжному экстремизму* [Текст]. / О.В. Попов, О.О. Попова // *Научные ведомости*. – 2008. – №4 (44). – С.110-117.
8. Сазонов И. А. *Природа и исторические формы политического экстремизма (на примере политического развития России в XX в.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. – 227 с.*
9. Хуако, З.Ю. *Политический экстремизм: информационный аспект по материалам социологического исследования* [Текст]. / З.Ю. Хуако // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, поли*
10. *Экстремизм – угроза обществу* [Электронный ресурс]. / Отдел Министерства внутренних дел Российской Федерации по ленинградскому району. – Режим доступа: <http://lenpolice.ru/экстремизм>

11. Ярмоленко, Л.В. *Политический экстремизм – следствие политического протеста [Текст]. / Л.В. Ярмоленко, А.М. Курпиченко // Государственный Советник. – 2013. – №3. – С.78-83.*
12. Post, J. *Rewarding Fire with Fire: Effects of Retaliation on Terrorist Group Dynamics [Text]. / J. Post // Terrorism. – 1987. – vol. 10. – № 1.- p. 23-26.*

К ПРОБЛЕМЕ СВЯЗИ «МОДЕРНИЗАЦИИ» И «РЕВОЛЮЦИИ» НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

Карасев Д.Ю. (Москва)

Не за горами столетний юбилей Революции 1917 г. Предстоят горячие дебаты о роли, сыгранной этим событием в истории России и траектории современного российского общества. В качестве пролога к будущей дискуссии предлагается рассмотреть теоретический вопрос о связи «модернизации» и «революции» на примере России. Отправным пунктом послужат различные теоретические подходы, описывающие связь этих феноменов и, в частности, известная статья Ч. Тилли «Приводит ли модернизация к революции» [9] (или, напротив, модернизация выступает результатом революции?). Уже классическая социология революции предлагает широкий спектр ответов на этот вопрос. В ортодоксальном марксизме: «революции – локомотивы истории» [1, с. 87] (т.е. они не только единственный механизм модернизации, но и исторического развития, прогресса вообще). А. Токвиль напротив полагал, что революция это не что иное как следствие «консервативной реакции» земельной аристократии на централизацию и прочие модернизационные реформы инициированные сверху в ущерб их интересам [3]. Наконец, третий вариант представлен позицией Г. Моски, в соответствии с которой революция есть результат извечной борьбы элит (т.е. очевидные связи между модернизацией и революцией отсутствуют) [2].

Современные концепции уточняют классические построения, избавляя их от излишних универсализма и прогрессизма. Согласно Б. Муру [7], революция - это один из путей модернизации (и в целом основной способ), поскольку он наилучшим образом позволяет устранить препятствия на пути модернизации. К тому же сама форма модерна не универсальна, она определяется в ходе революционного процесса: типом классового конфликта, характером революционной коалиции.

С.П. Хантингтон [4], напротив, предполагает, что революция происходит в странах добровольно или вынужденно вступивших на путь модернизации, но не завершивших его. Причиной роста политического насилия становятся быстрые социально-экономические изменения, сопровождающиеся ростом политического сознания и быстрой мобилизацией новых групп в сочетании с недостаточно быстрым развитием политических институтов, неспособных ассимилировать и инкорпорировать все это. Революция есть следствие дефективной модернизации и возможна только в модернизирующихся обществах. Хантингтон формализует различия между модернизацией Востока и Запада и соответствующими моделями революций.

По мнению Ш. Эйзенштадта [5], революция лишь один из множества путей прорыва к модерну, кроме того результатом революций могут быть и «срывы модернизации». Чтобы модернизация пошла по революционному пути и революция увенчалась именно модернизацией, необходимо сочетание целого ряда условий: кризис социальной системы имперского или имперско-феодалного типа с культурной системой, относящейся к осевым цивилизациям. Т.е. связь модернизации и революции не так уж имплицитна. Модернизация лишь обостряет проблемы связанные с преодолением разрыва центр-периферия, характерного для имперских систем и преодолением трансцендентального разрыва, характерного для «осевых цивилизаций». Учитывая, что Эйзенштадт рассматривает модернизацию как развитие изначально присущих каждой конкретной цивилизации символических и социальных особенностей, речь с скорее о связи культуры и революции, которую обостряет модерн.

К схожему заключению, хотя и другим путем приходит в своей статье Ч. Тилли: рост населения, индустриализация, урбанизация и прочие крупномасштабные социальные трансформации безусловно оказывают влияние на вероятность революции, однако они делают это опосредованно, воздействия на возможности и ограничения коллективных борцов за власть. «Модернизация ни в каком объективном или регулярном смысле не приводит к революции» [9, с. 447].

Если обратиться к отечественной истории, то мы увидим, что на момент революции 1917 г. Россия была слабо модернизированной страной, остро нуждающейся в дальнейшей модернизации. Исторически одним из основных движущих сил частичной модернизации «сверху» в России было острое ощущение военной отсталости ее верховными правителями. Включенная в европейскую систему государств, Россия постоянно подвергалась военным проверкам эффективности ее государственной военно-налоговой машины. Одновременно положение на периферии Европы всегда позволяло не доводить дело модернизации до конца. Успехи Петра I («царя-революционера») по модернизации армии, бюрократизации государства и ослаблении земельного дворянства превратили Россию в одну из доминирующих европейских. Тяжелая победа над Наполеоном закрепила это доминирующее положение сделав империю «жандармом Европы», что в свою очередь, точно в соответствии с концепцией Р. Коллинза, привело к перенапряжению сил державы геополитического гегемона.

Экономика России оставалась аграрной, основанной на труде крепостных, тем не менее, не стагнируя. Экстенсивный рост сельского хозяйства шел в ногу с ростом численности населения России, которое между 1719 и 1858 гг. увеличилось почти вчетверо. Уже к середине XIX в. отставание в промышленном развитии превратило отечественную армию из передовой в отсталую. Положение усугублялось транспортными проблемами, железнодорожное строительство было развернуто лишь в конце XIX – нач. XX вв. Россия превратилась в геополитически уязвимую империю со слабой инфраструктурной властью.

Сокрушительное поражение в Крымской войне вызвало очередной виток модернизации «сверху». Отмена крепостного права не смогла решить ни социально-экономических, ни политико-правовых проблем империи. Вместо того, чтобы высвободить массы аграрных и промышленных рабочих (подобно тому как произошло в Пруссии), отмена крепостничества усилила крестьянскую общину и замкнула ее саму на себе. К тому же непомерно высокие выкупные платежи стали «спасательным кругом» для разоряющегося провинциального земельного дворянства, высвободив его для превращения в служилое дворянство. Отмена крепостного права стала средством коммерциализации отношений личной зависимости, и в итоге установила между землевладельцами и крестьянами те же ассиметричные отношения, какие существовали между землевладельцами и политическим центром.

Программа С.Ю. Витте по сокращению индустриального отставания России фактически представляла собой попытку запуска «военного кейнсианства» [6], при котором спрос на строительство железных дорог, промышленные товары, субсидии промышленникам и протекционизм исходили от государства и прежде всего в военных целях. Предложение «маленькой победоносной войны» В.К. Плеве для того, чтобы отвлечь от внутренних проблем связанных с форсируемой индустриализацией, финансируемой иностранными займами и регрессивной ставкой налога на товары массового потребления, было вполне логичным и оправданным. Форсируемая индустриализация увенчалась успехом: в среднем рост российской промышленности в 1890-е гг. составил 8% в год, протяженность железных дорог между 1892 и 1902 гг. выросла на 40%. Ценой этого успеха стал рост численности и концентрации пролетариата в промышленных центрах, рост его политического сознания и ожиданий. И с другой стороны – рост депривации крестьян периферии, за счет которых осуществлялась индустриализация и рост автономии и организации общины.

«Тем не менее, в силу своих и достижений, и ограничений, быстрая индустриализация в России на рубеже XX века создала условия для двух революций – одной, окончившейся неудавшейся в 1905 г., и другой, успешной в 1917 г.» [8, с. 91].

Фокус на модернизации позволяет рассматривать эти революции не изолированно, а как звенья одной цепи. Революция 1905 г. потерпела неудачу, поскольку поражение в локальной Русско-японской войне не оказало столь же сокрушительного воздействия на старый порядок как Первая мировая. От революционеров 1905-го царю удалось откупиться конституционными уступками, которые были ликвидированы, как только армия была переброшена с востока в центр. Провал военного тестирования эффективности государственной машины в ходе Первой мировой войны сокрушил старый порядок в России.

Дело завершили две отдельные революции: крестьянская революция расправившаяся с остатками помещиков в периферии и революция большевиков, одержавшая верх в политической борьбе в центрах. Позднее в ходе гражданской войны эти революции объединились. Условия для их успеха обеих были созданы предшествующей и незавершенной модернизацией «сверху». После внутренней борьбы и контрреволюционного террора большевики завершили индустриализацию России ценой коллективизаций. И успешно пройдя военное тестирование Второй мировой войной вновь вывели российскую геополитическую платформу на позиции гегемона, на этот раз не в европейских, а мировых рамках.

Изложенное свидетельствует в пользу наличия связи между модернизацией и революцией. Примечательно то, что в отношении модернизации России революция 1917 г. едва ли стала «путеукладчиком» (используя метафору М. Вебера). После революции имел место все тот же исторический паттерн модернизации, характерный для российской геополитической платформы, что и до нее: модернизация «сверху» с целью ликвидации военного отставания за счет крестьян; превосходство авторитарной политической властью над экономической. Это еще раз подчеркивает важность такого аспекта модернизации, как современное государство и, тем самым, связь «модернизации» и «революции».

1. Маркс К. *Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 5-110.
2. Моска Г. *Революции* // *Личность. Культура. Общество*, 2008. Т. 10, Вып. 5/6. С. 71-87.
3. Токвиль А. *Старый порядок и революция.* СПб.: Алтейя, 2008.
4. Хантингтон С. *Политический порядок в меняющихся обществах.* М.: Прогресс-Традиция, 2004.
5. Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций.* М.: Аспект Пресс, 1999.
6. Mann M. *The Sources of Social Power: Volume 1, A History of Power from the Beginning to A.D. 1760.* Cambridge University Press, 1986.
7. Moore B. *Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World.* Boston: Beacon Press, 1966.
8. Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China.* Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
9. Tilly Ch. *Does Modernization Breed Revolution?* // *Comparative Politics*, 1973. Vol. 5, No. 3. PP. 425-447.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Каримова А.Б. (Москва)

Теоретические исследования международных отношений в России имеют длительную традицию. Проблема выяснения специфики изучения связей и отношений между государствами была впервые сформулирована в 1771 г. профессором Императорского Московского университета Карлом Генрихом Лангером (род. во второй

половине 1730-х гг. – умер после 1792 г.) в его публичной лекции «О пределах и важнейших представителях политической науки» [Лангер].

Придерживаясь академической системы научного рассмотрения социальных феноменов (Х. Вольф) и норм академического образования, К. Лангер конструирует комплекс общественных дисциплин, помогающих государству решать проблемы власти, реформировать социальную организацию жизни своих граждан, определять способы ведения хозяйства для умножения общественного блага [Каримова, 2014].

Классификация общественных дисциплин К. Лангера

Порядок	Название дисциплин	Предметное поле
1	Статистика	Количественные показатели деятельности государственных институтов и качественные характеристики населения
2	Гражданская история	Воспроизводство и конструирование прошлого: ценностный анализ гражданского состояния общества
3	Управление	Институциональная инфраструктура социального порядка.
4	Экономика и ее направления: торговля, транспорт, сельское хозяйство, народонаселение	Коллективные практики деятельности кооперации: качество использования естественных ресурсов развития.
6	Военная наука	Искусственные ресурсы развития: качество безопасности.
7	Общественная экономика	Искусственные ресурсы развития: качество условий жизни.
8	Международные связи и отношения	Искусственные ресурсы развития: реализация внутренней программы развития общества во внешней среде.

Таблица составлена по тексту доклада К. Лангера.

Дата публикации сочинения К. Лангера позволяет скорректировать время и место рождения термина *international relations*, который, как считается, первым применил британский правовед И. Бентам в наиболее известной своей работе *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* (Введение в принципы морали и законодательства), впервые опубликованной в 1789.

Социологический подход к международным отношениям начал складываться после Первой мировой войны. В России его первая концептуализация была предпринята Ю. В. Ключниковым. Являясь современником беспрецедентного на тот момент международного события – Парижской мирной конференции 1919-20 гг., – он имел возможность наблюдать живой процесс принятия резонансных международно-политических решений, в котором приняли участие 27 государств. Повестка совещания предполагала выработку общей оценки результатов мировой войны, революции в России и создании Лиги Наций. Ю.В. Ключников объединил эти факты для выявления феномена мировой политики. Акцентируя влияние человеческого фактора и «международного сознания» на характер международного порядка, он сумел рассмотреть в этом симбиозе предметное поле новой науки – социологии международных отношений.

Определить научную ценность теории русского ученого возможно, применив в анализе алгоритм метода асинхронной репликации, позволяющий привлечь распределенные знания теоретической социологии к тексту рассматриваемой концепции, отвлекаясь от авторской интерпретации конкретных фактов.

Постулируя проблемой исследования поиск научных инструментов, способных предотвратить мировую революцию, физические и социальные утраты которой всегда превосходят потери любой военной кампании, Ю.В. Ключников обращается к теории эволюции. Работая в этой парадигме, он выделяет триаду – политика, мораль и право, – синергия которых способна противостоять революционизму и запустить эволюционные механизмы развития.

Обращение автора к теориям эволюции и прогресса позволяет определить методологию исследования, подчиненную контовскому требованию раскрывать «причины

покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой» (М. Ковалевский).

Логическая последовательность использованных в концептуализации идеи мировой политики терминов указывает на стремление выявить возможности управления социальными процессами посредством создания институтов, адекватных условиям изменившейся реальности. К оценке изменений привлечен многофакторный подход.

Выступления Ю.В. Ключникова с лекциями по социологии международных отношений в Брюсселе и Париже в 1921 г., а также с концепцией о мировой политике в Москве в 1918 г. [Ключников: 6] позволяют зафиксировать формирование социологического подхода к международным отношениям на четыре десятилетия раньше, чем принято считать, а мирополитического – почти на 70 лет.

Однако актуализация социологического подхода к международным отношениям, который развивали Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин, Д. В. Ермоленко и П.А. Цыганков в России, стала ощущаться только в начале XXI в. К началу 90-х годов XX века недостаточность не только идеологического, но и политологического, а также политико-экономического подходов к анализу международных отношений стала очевидной. Наблюдающаяся глобализация нестабильности международной среды показывают, что темпы ее распространения зависят не только от качества двусторонних и многосторонних межгосударственных связей, но и от неформальных способов общения между лидерами, от изменений внешнеполитического сознания, от логистики миграционных потоков, экологической ситуации, сетевых взаимодействий, интернационализации безработицы и пр.

Тенденция обновления теоретической базы и методов изучения международных отношений привела к появлению трех самостоятельных дисциплин: теории международных отношений, ориентирующуюся на историю, мировую политику, политологически изучающую все элементы международной среды и социологию международных отношений, в фокусе которой эмпирика трансграничных человеческих коммуникаций. Парадокс состоит в том, что социология международных отношений преподается в России почти четверть века, оставаясь при этом неинтегрированной в магистральные направления методологии изучения современных международных процессов, влияние которых меняет как глобальную ситуацию, так и российскую действительность.

Основные подходы социологии международных отношений связаны с пониманием современного мира как единого пространства, структурированного многообразными и взаимозависимыми сетями социальных взаимодействий, как выход социокультурных процессов за пределы территориальных государств и их национальных юрисдикций. Социокультурный феномен удивительным образом причастен ко всем видам человеческой деятельности, осмысленной древнегреческими философами в концепте *techne* (искусство, ремесло, навык) [Каримова, 2010: 272].

Социокультурные процессы по своему содержанию и масштабу превосходят все остальные процессы, циркулирующие в международной среде, – интернационализация, интеграция, транснационализация/ миграция и пр. Прежде изолированные друг от друга общества и индивиды находятся теперь в социокультурных контактах, редко осознавая себя как часть трансграничных потоков.

В международных социологических исследованиях социокультурные потоки суть логико-смысловые конструкции потребностей, профессиональных навыков, научно-образовательных обменов, образов жизни, логистики туристических маршрутов, культурного притяжения и т.д. [Интеграционный барометр ЕАБР]. В этом новом измерении по иному выглядит общественное пространство, люди приобретают новые поведенческие реакции, становятся частью новых социальных групп, о которых ничего не знают традиционная статистика, демография и классическая социология.

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1998.
2. Булл Х. Теория международных отношений: пример классического подхода / Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М. Гардарики, 2002. С. 187-199.
3. Интеграционный барометр ЕАБР — 2014. — ЦИИ ЕАБР, 2014. — 126 с.
4. Каримова А.Б. Индексы глобализации // Российское общество в современных цивилизационных процессах. СПб: Интерсоцис, 2010. С. 270-278.
5. Каримова А.Б. Новые характеристики развития науки о международных отношениях в России. Выступление на VIII Конвенте RISA-ПАМИ «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». 25-26 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]
6. Ключников В.Ю.. На великом историческом перепутье. М.: Вузовская книга, 2001.
7. Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки. Торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущественной Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой. 1771 г. апреля 22 дня. М.: Изд-во Московск

АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ В ПАРАДИГМЕ ВЕБЕРИАНСТВА

Катаев Д.В. (Липецк)

Теоретическая дискуссия о статусе веберовской социологии, теоретико-методологической ценности «веберовской исследовательской программы» или о «веберовской парадигме» является актуальной и на современном этапе развития теоретической социологии. Главную задачу вебериянства, соответственно нео- и поствебериянства два выдающихся исследователя творчества Макса Вебера Вольфганг Шлюхтер и Юрий Николаевич Давыдов формулируют как актуализацию его наследия при сохранении аутентичности и целостности работ классика. Это требует сохранения самой постановки проблемы как в методологическом, так и в категориально-понятийном аспектах, сами же решения могут быть иными.

Главную задачу вебериянства, соответственно нео- и поствебериянства два выдающихся исследователя творчества Макса Вебера Вольфганг Шлюхтер и Юрий Николаевич Давыдов формулируют как актуализацию его наследия при сохранении аутентичности и целостности работ классика. Это требует сохранения самой постановки проблемы как в методологическом, так и в категориально-понятийном аспектах, сами же решения могут быть иными.

Следует подчеркнуть тезис Шлюхтера о том, что исследование творчества Вебера должно быть направлено не просто на интерпретацию, но и на экспликацию, что означает «следовать предложенной Вебером постановке проблем, но не во всем следовать его решениям» [1, с. 25]. Аналогичная точка зрения на развитие и актуализацию веберовских идей представлена в работе Ю.Н. Давыдова [2], который последовательно отстаивает, с одной стороны, принцип целостного и аутентичного прочтения классика, с другой, — отмечает необходимость актуализации веберовских идей, поскольку многие «проклятые вопросы» так и остались нерешенными.

Не вдаваясь в подробный анализ постулатов «веберовской исследовательской программы» (В. Шлюхтер), соответственно «веберовской парадигмы» (Г. Альберт, Р. Лепсиус), отметим, что одной из важнейших (теоретико-методологических) проблем является применение и дальнейшая разработка веберовской диалектической трактовки «формальной» и «материальной» рациональности при исследовании российской бюрократии.

Как известно М. Вебер исследует бюрократию в дух сравнительных перспектив: сравнительно-исторической и сравнительно-структурной. В сравнительно-исторической перспективе он выделяет принципы формальной рациональности современных

бюрократий в отличие от патримониальных. В сравнительно-структурной – эффективность бюрократии в сравнении с коллегиальными формами правления.

Применительно к анализу российской бюрократии в веберовской и веберианской трактовке следует выделить два аспекта:

1) применение концепции патримониальной бюрократии для характеристики как политического строя тех стран, которые рассматривались в трудах М.Вебера, и, прежде всего, России и Китая, так и для характеристики коммунистических режимов в общем, та и для характеристики политических систем развивающихся стран [3];

2) разработка концепции тоталитарной бюрократии с опорой на веберовскую методологию идеальных типов [4];

3) универсально-историческая трактовка преемственности культурных паттернов и «смешения» идеальных типов в действительности.

1) Анализ применения веберовской концепции патримониальной бюрократии к российской действительности подробно рассматривается в работах отечественных и западных авторов таких как Пайпс [5], Бройер[6], Масловский[7] и др. Данный тип трансформируется из веберовской исторической стенограммы для анализа формально-рациональных аспектов современного типа бюрократии в цель исследования и актуализации (в данном случае патримониализм в России советской эпохи, как утверждают авторы).

Как советская административная система, так и современная государственная служба РФ имеют целый ряд черт патримониальной бюрократии, как они сформулированы в концепции М.Вебера. Например, рассмотрение государственной службы как источника власти и обогащения, ориентация в отдельных случаях не на формально-безличные правила, а на волю руководителя, практика «клиентизма» и т. д.

В веберовских текстах мы находим, однако, замечания, что Россия встала на неотвратимый путь рационализации и индустриализации; тип патримониальной бюрократии он применяет ко времени правления Екатерины II., Петра III., и Павла I. [8, S. 681]. Бюрократию в социализме Вебер все же склонен рассматривать как рациональную бюрократию, с ориентацией на материальную рациональность в рамках легального господства. [8, S. 834].

2) Особое внимание в данной связи заслуживает исследование Ю.Н. Давыдова «Судьбы России в свете веберовских идей, идеи М. Вебера в свете российского опыта» [9, с. 436-501]. В данном исследовании высказывается оригинальная мысль об идеальном типе «тоталитарной бюрократии» как универсальном, карательном инструменте прямого насилия в тоталитарных режимах (режимы Гитлера, Сталина, Муссолини, Пол Пота имеют общее – геноцид по классовому или национальному признаку). В отношении современной России Ю.Н. Давыдов отмечает присущие ей типичные признаки торгово-спекулятивного капитализма, в силу чего применение методов рационального управления крайне затруднено. Исследование Давыдова в этом плане можно рассматривать как программное, поскольку оно указывает пути актуализации веберовских идей в свете стоящих перед российским обществом проблем.

Отмечая преемственность бюрократических структур, Давыдов считает, что бюрократия в СССР сохранила отдельные черты традиционной, дореволюционной бюрократии при этом приобрела особенность «качественно новой» бюрократии – вездесущность и репрессивно-карательную ориентацию [9, с. 441], в торгово-спекулятивном капитализме (характеристика современной формации в России) бюрократия сочетает в себе вышеназванные черты.

3) Во многом прояснить сочетание патримониальных, тоталитарных и рациональных и черт в России в веберовской перспективе способны исследования С.Н. Айзенштадта [10]. В статье рассматривается, с одной стороны, проблема возникновения современной западноевропейской культуры; с другой, – вопрос об условиях возникновения и развития социальных изменений традиционных обществ к модерну. В

целом данный переход характеризуется сменой примата религии и личной власти на приоритет экономики, в веберовских словах: на формально рациональные структуры.

С.Н. Айзенштадт исследует насколько «культурные паттерны», «культурные ориентации», «культурные коды» (веберовские «идеи» и «картины мира») определяют паттерны социальных изменений. Российская Империя, считает автор, представляла собой особую констелляцию культурных ориентаций, структуру элит и структуру отношений центра и периферии [10, S. 47]. Центральной власти удалось подчинить культурную сферу политической власти и ограничить автономный доступ различных социальных слоев к «принципиальным атрибутам» социальной и политической сфер. Важнейшим механизмом стало принудительное разграничение и изоляция политических, экономических и культурных элит.

Эту же мысль о монополии политической власти, однако уже в отношении советской бюрократии, высказывает Э. Мандел: «некапиталистическая природа этой бюрократии выражается тем фактом, что, по существу, она правит не посредством денег, а посредством монополии политической власти» [11, с. 9]. С точки зрения преемственности в рамках «культурных паттернов» примечательным является его замечание об автономии и примате государственной власти (советской бюрократии) над остальными сферами в СССР. Историю СССР после 1923 г. можно понять только как трёхстороннюю борьбу между бюрократией, рабочим классом и мелкой буржуазией, совместно с пробуржуазными силами. Бюрократия боролась за то, что бы не было построено ни социалистическое, бесклассовое общество, ни реставрирован капитализм, стремясь защищать и расширять свою собственную власть и привилегии. Не имея ни исторических, ни социальных корней, как и экономической функции правящего класса, она обладала относительной автономией. Реальной исторической базой было понижение, а затем и исчезновение массовой активности [11, с. 5]. Несмотря на марксистскую интерпретацию, подход Мандела имеет схожие черты как с веберовской концепцией Айзенштадта, так и давидовской веберовско-марксистской [9, с. 465] теорией «тоталитарной бюрократии» и «двух типов капитализма».

При более детальном рассмотрении концепций патримониальной и социалистической бюрократий обнаруживается совпадение идеально-типовых характеристик.

С точки зрения системной теории дифференциации, как патримониальные бюрократизированные образования, так и советская бюрократия характеризуются слиянием с другими социальными сферами. Э. Мандел пишет: «Мы можем сказать, что специфика советской бюрократии состоит именно в том, что погружена в общество...» [11, с. 15]. В свою очередь веберовец Т. Швинн [12, S. 100] пишет применительно к патримониальным структурам о «сливной укорененности» с социальными отношениями.

С точки зрения взаимосвязи с экономической сферой патримониальные и советские бюрократии обнаруживают «поразительное сходство» [11, с. 33]. Характеризуя «азиатский способ производства» в древнем Китае в русле марксизма как трехстороннюю борьбу между крупными землевладельцами, мандаринами и крестьянами Мандел видит аналогию с экс-СССР, где три стороны были представлены рабочими, бюрократами и нарождающейся буржуазией, а также трудящимся крестьянством. Автор отмечает общее у мандаринов китайской, патримониальной бюрократии и сталинской и постсталинской номенклатуры: оба типа бюрократии представляют собой гибридный социальный слой, сочетающий денежный и неденежный способ к общественному прибавочному продукту, ограничиваясь сферой частного потребления, не имея интереса в постоянном росте производительности труда. Идентичные параллели (хотя и неявно), между социалистической организацией и патримониализмом мы находим у Вебера: «"Социализм" являлся бы тем же самым, чем было государству в эпоху "Нового Царства" в Древнем Египте» [8, S. 863]. Он считает, что это неизбежно привело бы к застою в экономике, утрате экономического рационального интереса, поскольку основная

экономическая цель сводилось бы к частному потреблению, а не извлечению прибыли. Исчезновение частного капитала привело бы, как считает Вебер к сращиванию частной и государственной бюрократии и бесконтрольному бюрократическому господству как в средневековом Египте, но в «несравнимо рациональной и поэтому: неизбежной форме» [8, S. 835].

Причина такого толкования заключается на наш взгляд в отсутствии чёткого разграничения исторических и социологических типов, а также в игнорировании авторами важного замечания, касающегося применения идеальных типов: «в действительности не существует «чистых» типов, только через их комбинацию приближение и уподобление получают исторически сложившиеся типы» [8, S. 550]. Поэтому советская бюрократия, являясь преемницей царской бюрократии, сохраняет отдельные патримониальные черты приобретая новые качества рациональной и тоталитарной бюрократии, как и постсоветская бюрократия трансформируется в русле предшествующих культурно-исторических паттернов.

Конструирование таких типов применительно к дореволюционной, советской и постсоветской, российской бюрократии является предметом дальнейшей экспликации веберовской парадигмы.

1. Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Том VII. – №2. – С. 22-50.
2. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. – М.: Мартис 1998.
3. Масловский М.В. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. – 1995. – №2. – С. 95-109.
4. Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и тоталитарная бюрократия // Наука и жизнь. – 1989. – № 1. – С. – 44-51.
5. Пайнс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993.
6. Breuer S. Soviet Communism and Weberian Sociology // Journal of Historical Sociology. – 1992. – № 3. – Vol. 5.
7. Масловский М. Харизма разума, изобретенная традиция и советская модель модерна // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2013. – №4.
8. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie*. – 5., rev. Aufl., Studienausg. – Tübingen: Mohr, 1980.
9. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. – М.: Мартис 1998.
10. Eisenstadt S. N. *Vergleichende Analyse der Staatenbildung im historischen Kontexten // Entstehung und Strukturwandel des Staates / Breuer S., Treiber H. (Hrsg.)*. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1982. – S. 36-74.
11. Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. – М.: Экономическая демократия, 1992.
12. Schwinn T. *Max Weber und die Systemtheorie. Studien zu einer handlungstheoretischen Makrosoziologie*. – Tübingen: Mohr, 2013.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИНИЦИАТИВНЫЕ ГРУППЫ ГРАЖДАН

Квасова А.А. (Воронеж)

Современный некоммерческий сектор – это система относительно независимых от государства и самоуправляемых негосударственных неправительственных некоммерческих организаций неполитического и политического характера. Согласно ст. 2 ФЗ "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ, «некоммерческой организацией является «организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве

основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ». Тем не менее, не смотря на отсутствие такой цели, как получение прибыли, по данным компании The Boston Consulting Group (BCG) некоммерческие организации имеют свою, порой весомую (в зависимости от страны) долю доходов в ВВП.

Международный опыт свидетельствует о возрастающей роли некоммерческих организаций в современных развитых странах. Например, в США благотворительные фонды являются исполнителями большинства социальных программ. Через систему распределения государственных грантов на выполнение социальных проектов государство осуществляет регулирование их деятельности, их вовлечение в решение общегосударственных. Некоммерческие организации выполняют роль индикатора уровня развития общества, выражают его различные свойства – национальную специфику, наличие и остроту существующих общественных проблем. Некоммерческие организации играют важную роль в развитии демократии. Они представляют интересы различных групп общества, обеспечивают им широкие возможности для участия в процессе выработки и принятия решений, формируют общественное мнение. Это в свою очередь способствует возникновению у граждан чувства патриотизма и ответственности, формированию активной жизненной позиции, самоорганизации и самоуправления. Некоммерческие организации занимаются защитой прав человека, через механизмы общественной экспертизы и контроля способствуют прозрачности и эффективности работы государственных служб и судебной системы. Некоммерческий сектор – это организационная основа гражданского общества. А одним из приоритетов Концепции долгосрочного социально- экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, является развитие институтов гражданского общества. При этом развитие институтов гражданского общества включено в состав задач деятельности Минэкономразвития России в Докладе о результатах и основных направлениях деятельности министерства. Кроме того, одной из задач деятельности Министерства является поддержка благотворительной деятельности и волонтерства, которая реализуется в рамках Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р. Социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации». Несмотря на такие важные функции, закрепленные ФЗ, роль социально ориентированных некоммерческих организаций в российских реалиях остается недооцененной, а их потенциал не используется полностью. По данным Минюста России, на 1 января минувшего года в России численность организаций, которые по организационно-правовой форме, уставу и деятельности могут быть социально ориентированными некоммерческими организациями составляет 217 тысяч 464 организации (общественные объединения, без политических партий – 104949, некоммерческие организации – 87028, религиозные организации – 25541). Самыми популярными видами деятельности социально ориентированных некоммерческих

организаций (далее - СО НКО), согласно исследованию Росстата 2012 года, а также исследованию СО НКО Воронежской области 2014 года, являются деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта, в этой сфере работают 65,6% организаций в РФ и 77% в Воронежской области. В сфере социальная поддержка и защита граждан заняты 27,3% организаций в РФ и 43,2% в ВО (виды деятельности определены Федеральным законом от 12 января 1996 г. №7-ФЗ "О некоммерческих организациях"). Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что именно эти сферы общественной жизни в недостаточной степени отрегулированы государством, данный пробел заполняет деятельность СО НКО. Только за 2012 год количество человек, получивших помощь от социально ориентированных некоммерческих организаций в сфере социальных услуг составило 17 577 тыс. чел. (исследование Росстата 2012г.). Согласно ФЗ НКО не ставят целью своей деятельности извлечение прибыли, однако вполне логично, что для успешного и продуктивного осуществления своей деятельности им необходимо достаточное финансирование. По данным исследования Росстата за 2012 год объем финансирования СО НКО в РФ составил 414073,5 млн. руб. Основными источниками финансирования выделяются: доходы (выручка) от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав (кроме доходов от целевого капитала) 36%; поступления (включая пожертвования) от российских коммерческих организаций 18%; поступления (включая пожертвования), гранты от российских физических лиц 15%. Тем не менее СО НКО отмечают значительный недостаток финансирования своей деятельности (в Воронежской области таких СО НКО 73%). Вероятно, в большей мере, это связано с недостаточными навыками в работе со СМИ, отсутствием опыта в привлечении спонсоров, недостатком информации об участии в грантах – все это отмечают сами руководители СО НКО. И это не единственные проблемы, которые без посторонней помощи СО НКО просто не в силах решить.

В рамках программы создания и функционирования Центра поддержки гражданских инициатив «Содействие» в г. Воронеж в 2014 г. было проведено социологическое исследование среди руководителей социально-ориентированных некоммерческих организаций, а также инициативных групп граждан (далее – ИГ). Практически каждый руководитель (89,2%) СО НКО отмечает наличие проблем в своей организации, среди ИГ 84,6% говорят о наличии каких-либо трудностей в работе. Рассматривая эти трудности и проблемы более подробно, можно выделить недостаток финансирования, отсутствие возможности социальной рекламы и сложности освещения деятельности в СМИ, сложности в поиске волонтеров, в ведении бухгалтерии. Так же СО НКО отмечают большую проблему, вызванную отсутствием постоянной и достаточной площади, помещения для деятельности. Инициативные группы граждан отмечают как проблему – недостаточные навыки работы на компьютере. Все эти проблемы довольно сильно разрознены по сферам своего возникновения, что говорит об отсутствии целостного подхода к помощи в организации и деятельности СО НКО и ИГ со стороны государственной власти, а также о недостаточном опыте и подготовленности в деятельности самих СО НКО и ИГ. Для обеспечения продуктивной деятельности СО НКО и инициативным группам граждан необходима методическая, информационная и финансовая помощь.

1. *Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ*
2. *Виктук В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М.: Прогресс. 1995 (эл. ресурс).*
3. *http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИДЕЙ М. ВЕБЕРА И П. БЛАУ.

Кисленко И.Ю. (Белгород)

В данной работе мы попытаемся проанализировать политическую систему, сложившуюся в России через призму некоторых социологических концепций, а также попытаемся предложить возможность их комбинирования для объяснения ситуации во властных структурах современной России.

Для начала следует упомянуть, что попытки объяснения происхождения власти предпринимались на различных этапах истории. В более ранних государственных образованиях были попытки осмыслить власть через ее божественную сущность, безусловную всевышнюю силу, позже, через ее тотальную законность, где власть представлялась абсолютной и неприкасаемой.

С оформлением социологии как науки трактовка понятия власти приобрела новое значение. Настоящим прорывом в этом вопросе стала политическая социология Макса Вебера. К слову, многие исследователи считают, что он опередил свой век и предсказал появление тоталитарных режимов в Европе в XX веке. Основой его политической социологии стала концепция господства, где, в свою очередь, выделяют типы легитимного господства, т.е. такого господства, которое признано со стороны управляемых индивидов. Важным представляется тот факт, что условный приказ должен не только быть принят, но и выполнен. Итак, М. Вебер выделяет три типа господства:

- Легальный, при котором мотивом уступчивости выступает целерациональное действие, т.е. соображение интереса. В подобных государствах подчиняются не личностям, а законам. Верховенство закона является основополагающим принципом. К таким государствам в современном мире можно отнести США, Великобританию, Германию. Что касается нашей страны, то на наш взгляд, современные законодательная, судебная и исполнительная ветви власти, призванные способствовать разделению властей, умело мимикрируют под данный тип господства.

- Традиционный, обусловленный обычаями, традицией, верой в безусловную законность и порой даже священность существующих порядков. Как уже было упомянуто выше, такой тип, соответствует обществам на начальном этапе истории существования каких-либо государств. Штаб управления состоит из зависимых от лидера чиновников, друзей и знакомых. Тут личная верность служит основанием для занятия той или иной должности. С этой точки зрения, современная ситуация в России вписывается в общую концепцию этого типа господства, однако, не удовлетворяет условию священности и безусловной законности, что делает традиционный тип господства непригодным для сопоставления с существующим порядком.

- Харизматичный. По Веберу харизмой (с греческого – божественный дар) обладают герои, пророки и основатели мировых религий. Сама харизма, по мнению немецкого социолога, является великой революционной силой, которая может приводить к преобразованию в обществе. Она же является основной силой, которая удерживает правителя у власти, посредством харизмы он должен постоянно доказывать свои притязания на доминирующее положение в правящей пирамиде. К слову, сама пирамида формируется лидером на основе личной верности. Что касается проекции данного типа на современное российское общество, то можно проследить очевидные характерные черты. Руководители основополагающих для России компаний нефтегазового комплекса, в прошлом, так или иначе, имели связь с национальным лидером на современном этапе и можно предположить, что правящая «верхушка», связанная конкретно с управлением, в большинстве своем сформирована из лояльных лидеру людей, что, впрочем, не мешает им быть в той или иной степени компетентными в своих сферах деятельности. События

последних лет показывают, что тезис о потребности в доказательстве своей власти тоже можно применить к современным российским реалиям [1].

Веберовские понятия о власти и господстве, несомненно, не ограничиваются лишь тем, что описано выше и представляют собой более стройную конструкцию, однако, данного эпизодического прочтения его политической социологии, на наш взгляд, вполне достаточно для подобной интерпретации.

Также, такая теоретическая конструкция, как теория обмена могут быть пригодна для объяснения происхождения и функционирования власти. Основными представителями данного направления являются Дж. Хоманс и П. Блау, и если первый, в своей работе «Человеческая группа» предпринимал попытки описания процессов, проходящих внутри социальных систем через психологический бихевиоризм, который практически не имеет отношения к описанию властных отношений, то второй в своих трудах выделяет два уровня взаимодействия: микро- и макроструктур. При этом бихевиоризм Хоманса объяснял микроструктурный уровень, однако, применительно к макроструктурам (на котором и существует само понятие «власть») его теория уводит исследователя от адекватного понимания. Критикуя попытки Хоманса объяснения власти через психологический бихевиоризм, Блау считает, что далеко не все явления могут быть объяснены через теорию обмена, а лишь те из них, которые для достижения целей требуют взаимодействия с другими участниками процесса. Если отталкиваться от такой интерпретации, то властные отношения могут быть объяснены через теорию обмена. Беря за основу определение власти Вебера, Блау объясняет, что власть может быть проинтерпретирована как частный случай обмена [3].

Она появляется при условии, что у одного из участников взаимодействия имеет монопольное право на определенное преимущество, которое остальные стараются заполучить. Таким образом, тот кто обладает этим преимущественным «благом» будет стараться выгодно обменять его, при этом он может диктовать свою волю другим участникам обмена. Такой подход определяет лишь способ становления властных отношений, однако, для ее утверждения требуется легитимизация – признание ее доминирования остальными участниками процесса.

Проецируя положения теории обмена, касающиеся власти, на современную Россию можно отметить, что упомянутое монопольное право на благо, в нашем случае, на власть принадлежит харизматичному лидеру, однако, в пункте «остальные пытаются его заполучить», на наш взгляд, мы натываемся на непреодолимое противоречие, т. к на современном этапе развития нашей страны остальные игроки на большой политической арене не стремятся заполучить власть.

Политическая система, сложившаяся на территории России может быть неустойчивой и нестабильной. По нашему мнению, понятие твердой, ригидной системы, выдвинутое Л. Козером, одного из авторов теории конфликта, хорошо подходит под описание современной России. Такая система является деспотичной, внутри которой существует табу на упоминание существования каких-либо конфликтов, находящихся вне политических отношений, здесь отсутствует юридический механизм разрешения противоречий, а реакция государства на вспышки конфликтов носит репрессивный характер. В таких государствах у конфликтов нет возможности играть конструктивную роль в жизни общества, что неизбежно ведет к как минимум разногласиям, а как максимум к исчезновению существующей политической системы [3].

Таким образом, концепции, выдвинутые за долго до становления современного российского государства, до сих пор актуальны и пригодны для интерпретации в контексте условий, продиктованных политической ситуацией в начале XXI века.

1. Вебер М. Политические работы, 1895 – 1919 // М. Вебер / [Текст]. – М.: Праксис, 2003. – 422 с.

2. Козер Л. *Функции социального конфликта* / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л. Г. Ионина / [Текст]. — Москва: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. — 295 с.
3. Концепция социального обмена в современной социологии. [Электронный ресурс]. URL.: <http://ecsocman.hse.ru/data/925/862/1231/010.KULTYGIN.pdf>. (дата обращения: 27.09.2015)

ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ:

Когай Е.А. (Курск)

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00506

Проблема социокультурного развития субъектов Российской Федерации, осуществления модернизационных преобразований занимает ключевую позицию в современной отечественной социологии. На это указывает широкий спектр работ, посвященный проблематике экономической, социальной, социокультурной, политической эволюции российских регионов, среди которых следует выделить работы таких исследователей, Г.А. Аванесовой, О.Н. Астафьевой, О.В. Байдаловой, З.Т. Голенковой, А.Г. Гранберга, Н.В. Зубаревич, А.Г. Кахарова, Д.С. Львова, В.В. Маркина, И.П. Рязанцева и других. Институт социологии РАН, Независимый институт социальной политики проводят исследования актуальных проблем регионального развития, развивая, по сути, новое направление исследований – социологию региона (социально-территориальных общностей).

С 2001 г. в России идет реализация программы «Проблемы социокультурного развития России и ее регионов», ядро которой составляет разработка «Социокультурного портрета региона» по типовой программе и методике (авторы – Н.И. Лапин и Л.А. Беляева) [1]. В течение 2006-2014 гг. более чем в 20 субъектах Российской Федерации (Астраханская область, Вологодская область, Курская область, Новосибирская область, Омская область, Пермский край, Тульская область, Тюменская область, Чувашская республика и др.) неоднократно были проведены социологические исследования по составлению региональных социокультурных портретов, по воссозданию динамики социокультурных процессов в этих регионах. Проблемы модернизационных преобразований в российских регионах, помимо того, являются объектом пристального внимания исследователей, представляющих российские регионы за рамками обозначенной программы. Среди них следует назвать, прежде всего, А.В. Глухову (Воронеж), В.П. Бабинцева (Белгород), Ю.М. Вассермана (Пермь) и ряд других.

Российские регионы стоят перед вызовом модернизации, требующим интенсификации процессов технического, экономического, социального, культурного, политического развития. Социокультурный потенциал модернизационных преобразований отдельных субъектов федерации неоднороден, российские регионы существенно дифференцированы по стадиям и фазам модернизации. Представляется важным обращение к вопросу о социокультурной модернизации российских регионов, соответствующей ведущим мировым тенденциям, а также о перспективах и трудностях данного процесса, об отношении различных социальных групп к модернизационным преобразованиям. Предметом внимания становятся социокультурные факторы новой индустриализации – стимулы, вызовы и ограничения; возможности научных и образовательных учреждений как модераторов программ и проектов модернизации; институциональная трансформация экономики и социальной сферы; динамика ценностей и стиля жизни населения, социальные практики гражданского участия населения в развитии регионов.

Как нам видится, потенциал модернизационных преобразований в российских регионах может быть проявлен как минимум в трех ключевых составляющих – сквозь

призму реформаторского, социально-инновационного и адаптационного потенциала региональной модернизации. Опираясь на концептуальные представления Т.И. Заславской об инновационно-реформаторском потенциале общества, определяющем его ближайшее будущее [2], данный потенциал мы представляем как потенциал модернизации. Соответственно обращение к реформаторскому потенциалу подразумевает исследование установок и деятельностных проявлений региональных элит, включая верхние слои региональной бюрократии. Социально-инновационный потенциал модернизации мезорегиона может быть воссоздан через потенциал предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников, руководителей и представителей некоммерческих общественных организаций. Раскрытие данного потенциала подразумевает обращение к таким областям, как состояние деловой (предпринимательской) среды в российских регионах, динамика трансформационных процессов социальной сфере (здравоохранение, образование, наука, культура и социальная защита), ценностные сдвиги в идеологии и культуре, развитие форм самоорганизации регионального сообщества. Наконец, обращение к адаптационному потенциалу модернизации предполагает комплексное воссоздание характеристик объективного положения населения в российских регионах, а также субъективных оценок тенденций социального развития и репрезентаций стратегий адаптации к ним.

Интегративное воссоздание ключевых параметров обозначенных потенциалов способствует проведению комплексного анализа состояния и динамики социокультурного потенциала модернизационных преобразований российских регионов, что представляется важным для определения уровня и динамики модернизационных тенденций, уточнения степени участия регионального сообщества в осуществлении социокультурной модернизации, разработки адекватных мер привлечения для этого внутренних и внешних ресурсов развития.

Сложность и многоплановость регионов, а также более масштабных территориальных объединений – макрорегионов как исторически сформированных социокультурных территориальных общностей при их изучении нацеливает на применение совокупности подходов (парадигм), методов их изучения и описания. Ключевыми теоретико-методологическими подходами исследования выступают антропосоциетальный (социетально-деятельностный), цивилизационный, социокультурный и структурно-функциональный подходы. При этом антропосоциетальный подход исходит из понимания социума в качестве органичной целостности, в которой происходит взаимодействие противоречивых сил, подвергающих эту целостность угрозам рисков. Обращение к рискам модернизации регионов – институциональным и социокультурным представляется особенно важным при учете взаимодействия глобализации и глокализации. Модернизационное развитие связано также с необходимостью сохранения специфики социально-территориальных сообществ, их социокультурных потенциалов, самобытности. Соответственно важным видится процесс установления связей с сопредельными территориями, развития межрегиональных объединений, повышения внимания к социокультурным особенностям регионов, востребованности локальной специфики. Обращение к региону как компоненту более масштабных территориальных структур (макрорегиона, страны в целом) парадигму модернизации смещает в контекст парадигмы зависимости и взаимозависимости.

Цивилизационный подход позволяет проявить качественное своеобразие взятых в единстве социально-экономических и культурных характеристик социальной общности (общества) на определённом этапе развития. Существенным методологическим основанием изучения потенциала модернизации выступает также социокультурный подход, в соответствии с которым регион предстает как территориальное сообщество, образуемое в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций, при этом регион выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции, а также служит средой, которая мотивирует социальных акторов.

Важными методологическими установками исследования видится нами также сочетание проблемно-аналитического и институционально-ориентированного подходов, применение принципов системности, структурности, сопоставимости как единства типовых индикаторов и методики получения эмпирических данных, а также самоорганизация и самодостаточность, универсализация ключевых (кодовых) показателей. В изучении тенденций модернизационных процессов в регионах свою действенность проявляет компаративный метод, нацеливающий на сравнение разных регионов по ключевым показателям их текущего состояния и развития, исторический метод, позволяющий показать истоки и ход развития регионов, а также структурно-функциональный подход, нацеливающий на обнаружение основополагающих элементов, гарантирующих обеспечение жизнеспособности региона, а также концептуализацию функций, выполняемых ими в региональном процессе. Использование структурно-функционального подхода позволяет также выявить и охарактеризовать функциональные и дисфункциональные (материальные и ценностно-институциональные) аспекты модернизационных процессов в регионах.

Таким образом, полипарадигмальный, комплексный подход позволяет последовательно раскрыть структурные компоненты и динамику потенциала модернизации российских регионов и макрорегионов, обозначить спектр условий, обеспечивающих ключевую задачу модернизационных процессов – обеспечение максимально благоприятной среды жизни жителям российских регионов, повышения качества их жизни, возможностей развития личностных человеческих качеств.

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.
2. Заславская Т.И. О социальных акторах модернизации России // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 3. – С. 13-25.

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Козырева Л.Д., Козырев А. А. (Санкт-Петербург)

Экономические и политические события последних двух лет поставили перед российскими учеными очень остро вопрос о том, как перейти от догоняющего (копирующего чужой опыт) развития к опережающему? На наш взгляд, адекватный ответ можно найти, разработав и реализовав стратегию опережающего развития.

В первую очередь, это должна быть грамотная, отвечающая строгим научным требованиям стратегия. Полностью разделяем точку зрения В. Л. Квинта: «Хотя в России есть хороший опыт разработки нескольких корпоративных и региональных стратегий, но в целом самая большая беда в том, что в России нет грамотной единой общегосударственной, сориентированной на национальные приоритеты, ресурсно-обеспеченной стратегии». [4].

Следующая задача – верное определение национальных приоритетов. В теории стратегирования стратегическими национальными приоритетами называются те, по которым у страны существуют или за короткие сроки могут быть сформированы конкурентные преимущества. Именно на этих приоритетах концентрируются ресурсы в условиях строгого ресурсного дефицита, и именно они обладают возможностью обеспечить опережающее развитие.

Проблема определения национальных приоритетов является в нашей науке весьма дискуссионной. Выдвигаются и аргументируются различные точки зрения, весьма эмоционально высказываются по этому поводу политики.

На наш взгляд, одним из таких национальных приоритетов должно быть инновационное развитие экономики, обеспечивающее переход от сырьевой к инновационной модели развития страны.

Сегодня серьезным тормозом инновационного развития является устаревшая, отсталая структура народного хозяйства страны. Здесь преобладают отрасли, определявшие научно-технический прогресс в прошлом столетии и не способные в настоящее время развиваться ускоренными темпами. Как свидетельствует опыт западных стран, в которых обеспечен устойчивый экономический рост, стратегически верной оказалась сделанная полстолетия назад ставка на экономику знаний.

Сфера экономики знаний – это комплекс отраслей науки, образования, информационных и биотехнологий, здравоохранения. Сегодня доля экономики знаний в ВВП западноевропейских стран достигла 35%, а в США – 45%. В нашей стране эта сфера развивается крайне медленно, ее доля в ВВП – 15%. [1, с. 9].

На наш взгляд, данный факт обусловлен не только научно-техническим отставанием страны, но и не в меньшей степени весьма противоречивой государственной политикой из-за отсутствия четкой стратегии развития. Если опять обратиться к позитивному опыту стран, где экономический и социальный рост обеспечивают инновации, государство брало на себя риски, которых хотел бы избежать бизнес. На всем протяжении инновационной цепочки от базовых исследований до внедрения в производство правительства вступали в действие с необходимыми инвестициями, которые частный сектор боялся предоставить. Эти расходы имели трансформирующую силу – созданы совершенно новые рынки и сектора, включая Интернет, нанотехнологии, биотехнологии и чистую энергию [5, с. 200]. На данном основании в западной науке все чаще раздаются голоса, требующие «фундаментально пересмотреть традиционную роль государства в экономике» [5, с. 201].

Ведущая роль государства в определении стратегии инновационного развития выражается в том, что именно оно призвано направлять экономику к новым «техно-экономическим парадигмам». При реализации стратегии «каждая страна, каждый регион должны коллективно определить направления производства и инноваций, и это должно поддерживаться адекватной правительственной политикой. Бизнес, правительство и общество должны стремиться к консенсусу» [3].

Важная роль принадлежит государству в сфере правового обеспечения и стимулирование зарождения и развития малого предпринимательства, ориентированного на инновации. Это включает в себя не только правила освобождения от налогов и предоставления государственных грантов вновь созданным фирмам, но и поощрение университетов, других научных центров выступать в качестве инкубаторов сети инновационных фирм, реализующих научные разработки сотрудников этих университетов и центров [2, с. 20]. Сегодня в мире довольно много примеров эффективно действующей «тройной спирали» – университеты – промышленность – государственное управление.

Значима роль государства в формировании и развитии национальной инновационной системы (НИС). Государство призвано активно содействовать в формировании и стимулировании развития региональных инновационных систем (РИС), что особенно важно в силу неравномерности регионального развития и наличия различных региональных конкурентных преимуществ.

Насущная потребность инновационного развития – наращивание социального потенциала, формирование «культуры инноваций» (Й.Шумпетер). И здесь значение государственного «вмешательства» трудно переоценить.

Инновационная модель развития предполагает, что главным фактором становится развитие и реализация творческого потенциала рабочей силы; последовательно и непрерывно осуществляется диверсификация производства и экономики в целом; существует растущий спрос на науку и высококвалифицированные кадры; происходит формирование институциональной основы инновационного развития; ограничивается

монополия на разработки и производство новых видов товаров и услуг и т.д. Одновременно происходит увеличение удельного веса среднего класса; усиление роли гражданского общества в экономической и политической жизни; государство превращается в активного участника инновационного процесса [2, с. 27].

Таким образом, разработка государственной стратегии на основе приоритета инновационного развития позволит активизировать и реализовать национальный инновационный потенциал, под которым понимается «способность страны осуществлять производство и коммерциализацию потока новых для мира технологий в долгосрочной перспективе» [6]. Последовательная реализация данной стратегии позволит в перспективе сформировать «инновационное государство».

1. Аганбегян А. Г. *Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2014. № 4. С.3-16.*
2. Иванов Н. *Социальный контекст инновационного развития // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 5. С.17-30.*
3. Карлотта Перес: *Бизнес, правительство и общество должны стремиться к консенсусу. http://www.ng.ru/ng_politics/2010-10-19/11_peres.html*
4. Квинт В. Л. *У России нет четкой стратегии развития, отсюда наши беды // Аргументы и факты. 2015. № 41.*
5. Мадзукато М. *Инновационное государство // Россия в глобальной политике. 2015. Т.13. № 4. С.199-200.*
6. Furman J.L., Porter M.E., Stern S. *The determinants of national innovative capacity. Research Policy. 2002. Vol. 31(6), pp. 899–933.*

ИЗМЕРЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Козырева О.В. (Москва)

Исследовательская работа российского социологического сообщества критикуется многими российскими социологами. Этой теме посвящены книги российских социологов и публикации в научных журналах. Называется множество проблем российского социального научного знания. В одной из статей автора был проведен обзор и анализ этих публикаций [1]. Российское социальное научное знание анализировалось на предмет его соответствия критериям научности.

В современной философии и методологии науки сформулированы следующие критерии научности: объективность, предметность научных знаний, самоценность истины и научной новизны для исследователя, выработка научного языка, особые теоретическая и эмпирическая методологии и методы научных исследований [2]. В результате анализа в статье [1] было выяснено, что современное российское социальное знание не удовлетворяет многим критериям научности. Оно во многом является социально-философским, а не социально-научным.

Для отслеживания ситуации в российском социальном научном знании требуется измерять качество исследовательской работы российского социологического научного сообщества.

Для измерения качества какой-либо деятельности часто используют параметр эффективность. Эффективность является отношением эффекта этой деятельности к затраченным на эту деятельность ресурсам [3].

Эффект или результативность деятельности определяется как отношение результатов к целям деятельности системы. Результативность может выражаться количественно в показателях, отражающих степень достижения каждой из целей системы.

Исходя из определения, повышение эффективности может достигаться как повышением результативности деятельности, так и снижением затрат на выполнение этой

деятельности при существующей результативности. Также эффективность может оставаться постоянной при одновременном снижении результативности деятельности и затрат на ее выполнение. Более того, результативность деятельности зависит от затрат на эту деятельность, поэтому эффективность является неоднозначным параметром, в числителе которого стоит функция от знаменателя. Поэтому лучше измерять не эффективность, а результативность системы социального научного знания, при этом оптимизируя затраты на эту результативность.

Поскольку результативность деятельности определяется как отношение результата к целям деятельности, то необходимо определить цели системы социального научного знания:

обеспечение научного адекватного систематизированного теоретического и эмпирического описания, понимания и измерения российского общества;

предвидение и прогнозирование происходящих общественных процессов;

разработка предложений по конструированию общества, обеспечивающих положительный социальный и экономический эффект;

обеспечение передачи знаний, воспроизводство системы социального научного знания;

разработка социальных технологий, необходимых для решения конкретных общественных задач;

формирование представлений людей об обществе с социально-научной точки зрения для использования их в повседневной жизни.

Необходимый результат, который должен быть получен в системе социального научного знания, – достижение вышеобозначенных целей. Он характеризует то «пороговое значение», которое система должна достигать в современном обществе.

Исходя из обзора и анализа публикаций российских социологов [1, 4], можно утверждать, что эти цели не выполняются и не достигнута пороговая результативность российской системы социального знания.

Для характеристики достижения первой основной цели системы социального знания – научного адекватного систематизированного теоретического и эмпирического описания, понимания и измерения российского общества – можно выработать несколько показателей.

Первым показателем результативности работы системы социального научного знания является процентное отношение публикаций с нарушениями научности $N_{\text{пуб}}^{\text{наруш}}$ к общему количеству публикаций $N_{\text{пуб}}$ за выбранный временной период:

$$v = (N_{\text{пуб}}^{\text{наруш}} / N_{\text{пуб}}) \cdot 100\% \rightarrow 0 \quad (1)$$

Необходимо, чтобы v стремился к нулю хотя бы для совокупности ведущих научных журналов с высоким импакт-фактором. Увеличение временного периода, за который производится измерение, – от единичного выпуска каждого из журналов до всех выпусков журналов за год – позволит увеличить точность расчета этого показателя.

Российские социологи констатируют существенный провал в теоретической деятельности российского научного сообщества [5]. Поэтому можно вывести еще один показатель: процент теоретических и методологических статей, удовлетворяющих всем критериям научности, $N_{\text{пуб}}^{\text{теор}}$ по отношению к общему количеству публикаций $N_{\text{пуб}}$ за выбранный временной период в ведущих отечественных журналах по социальным наукам.

Тогда рост показателя

$$t = (N_{\text{пуб}}^{\text{теор}} / N_{\text{пуб}}) \cdot 100\% \quad (2)$$

будет отражать повышение уровня теоретических исследований. Этот показатель можно сравнивать с самим собой с течением времени. Увеличение временного периода, за который производится измерение, позволит увеличить точность расчета этого показателя.

В целом, все работы – как теоретические, так и эмпирические – должны содержать в себе теоретическую составляющую. Поэтому можно выработать следующий показатель результативности работы системы социального научного знания: процентное отношение

количества $N_{\text{пуб}}^{\text{(и.т.)}}$ теоретических публикаций и публикаций, в которых либо эмпирические данные индуктивно обобщаются и на их основе строится теория, либо адекватно используются теории для определения цели исследования, конструирования программы эмпирического исследования и осмысления полученных данных, к общему количеству публикаций за выбранный временной период $N_{\text{пуб}}$.

Тогда

$$t^{\text{(и.т.)}} = (N_{\text{пуб}}^{\text{(и.т.)}}) / N_{\text{пуб}} \cdot 100\% \rightarrow 100\% \quad (3)$$

все работы должны содержать теоретическую составляющую, и, таким образом, показатель $t^{\text{(и.т.)}}$ должен стремиться к 100%. И в этом случае увеличение временного периода, за который производится измерение, позволит увеличить точность расчета показателя.

Систематизированность научного теоретического и эмпирического исследования российского общества можно оценивать через показатель соответствия тематической структуры социальных наук структуре российского общества.

Для этого можно проверять частоту употребления тематических терминов в названиях и ключевых словах публикаций научных журналов на предмет ее соответствия основной проблематике российского общества, отсутствия провалов, показывающих недостаточное изучение каких-либо явлений и процессов. Для определения этого показателя достаточно провести контент-анализ названий и ключевых слов публикаций в ведущих отечественных научных журналах.

Еще одним показателем научности работы российского социологического сообщества может стать количество публикаций в ведущих мировых социологических журналах, определенное простым подсчетом за определенный промежуток времени. Публикации в таких журналах проходят двойное слепое рецензирование, и при рецензировании отсекаются статьи, написанные с нарушениями критериев научности.

Более простым, чем предложенные выше показатели, но существенно менее точным, зависящим от субъективных факторов, может стать опрос экспертов, в котором им будет предлагаться оценить по десятибалльной шкале соответствие массива публикаций в отечественных журналах критериям научности. В этот же опрос можно добавить оценку точности прогнозирования.

1. Козырева О.В. Противоречия воспроизводства и развития социального научного знания в России. // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 6. С. 256-268.
2. Степин В.С. *Философия науки. Общие проблемы. Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук*. М.: Гардарики, 2006, С. 107-120.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. *Эффективность. Современный экономический словарь*. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999.
4. Козырева О.В. Проблемы системы социального образования и возможные подходы к их решению. // *Социология образования*. 2014. № 3. С. 79-85.
5. Романовский Н.В. *Качество социологического знания (заметки редактора)*. // *Социологические исследования*. 2012. № 5. С. 39-48.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Козырева О.В. (Москва)

Теоретическое описание социального института как явления имеет непосредственное практическое значение. Формирование и реформирование институтов определяется теоретическими представлениями о них.

При этом социальный институт как феномен не имеет общепринятого определения, что вызвано множеством разных подходов к описанию этого явления.

Т. Веблен первым дал развернутое определение института как привычных способов «реагирования на стимулы», распространенного образа мысли «о том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [1].

Современные исследователи рассматривают институты с нескольких различных точек зрения:

1. Как систему норм и правил – «правил игры», по выражению экономиста, неинституционалиста Д. Норта [2]. В таких определениях институты и совокупность лиц и организаций, воплощающих в действие принятые нормы и правила, разделены между собой, как «правила игры» и «игроки».

2. Как наиболее устойчивые социальные практики [3]. Устойчивость институтов – это не только их регулярная длительная повторяемость, но еще и независимость от действий отдельного «среднего» актора. Изменить их могут лишь значительные группы акторов, причем воспользовавшись для этого специальными механизмами [4].

3. Как «глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ» [5].

4. Как взаимные типизации «опривыченных действий деятелями разного рода» [6]. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают постепенность создания «взаимных типизаций» в ходе истории: «Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются» [6].

5. Как комплекс взаимных социальных ожиданий [7].

6. Как взаимосвязанную двойную структуру «индивидуумов как носителей ролей или должностных лиц и т.п. с одной стороны и социальных практик, включающих в себя как практические, так и символические цели и результаты, с другой стороны» [8].

В последнее время становится общепризнанным, что институты «не столько строятся или конструируются, сколько выращиваются» [4]. Однако если институты – лишь «правила игры», то непонятно, почему их нельзя резко менять, а необходимо постепенно выращивать. Если институты – устойчивые социальные практики или социальные отношения, то в чем причина их устойчивости? Определение институтов как «взаимных типизаций опривыченных действий» проливает свет на институционализацию социальных практик, на конструирование институтов, однако мало говорит об институте как объективной данности, о его роли в обществе. Структурные свойства социальных институтов невозможно описать, опираясь лишь на субъектов деятельности [3].

Рассматривая институты как социальные явления, можно отметить, что институт обладает системными свойствами. Это и наличие структуры, и иерархичность, и связи между элементами системы, и наличие прямых и обратных связей, присущих системам. Политические, экономические, религиозные институты, институты образования и науки, коммуникации, семьи, права – это не только «правила игры» и комплекс норм, но и совокупность участников этих институтов, реализующих принятые системы норм и правил.

Гидденс высказывает важную мысль, что хотя границы общества размыты, и существование общества не зависит от деятельности любого из его участников, очевидно, что общество прекратит свое существование, если исчезнут все акторы, входящие в него [3]. То же самое можно сказать и по отношению к социальным институтам: их границы размыты, существование не зависит от деятельности любого отдельно взятого участника, но они образуются и поддерживаются совокупностью акторов, входящих в них.

При таком рассмотрении институт – это вид социальной системы, реализующей какую-либо общественную потребность. Элементы такой социальной системы – это люди, поведение которых зависит как от их личностных особенностей и качеств, личных мотиваций, так и от социальных ценностей и норм, а также тех позиций, которые эти люди занимают в системе, и тех ролей, которые они в ней выполняют [9]. При этом

социальные системы являются открытыми: их границы достаточно размыты, и невозможно жестко ограничить всю совокупность элементов системы [3].

Рассматривая социальные системы, нельзя впадать в объективизм, ведущий к раскритикованным заблуждениям структурно-функционального подхода: органицизму, излишней статичности, преуменьшению роли социальных конфликтов, жесткой отграниченности от среды и т.п. Социальную систему необходимо рассматривать как на макро-, так и на микроуровне.

На макроуровне институты как социальные системы обладают нормативной (включающей нормы, социальные роли), идеальной (связывающей верования, убеждения, ценности и т.п.) и организационной структурой (определяющей способы взаимосвязи статусов и характер воспроизводства систем) [9].

На микроуровне элементами такой системы являются люди с их ценностями, стандартами поведения и мыслительными шаблонами, с их конкретными повторяющимися социальными действиями и взаимными ожиданиями. Сама система, конечно, представляет собой нечто большее, чем простую совокупность ее членов. Однако составляющие систему субъекты являются носителями ее свойств.

Устойчивые социальные практики, социальные отношения, опривыченные действия – это действия, постоянно воспроизводимые людьми. При этом поведение людей даже в привычных ситуациях определяется их интерпретацией этих ситуаций [3]. Интерпретация же зависит от смыслов, которыми люди наделяют эти институты, а также свои статусы и роли в них.

Резкое изменение норм и правил, – например, вводимое законодательно, – не может привести к таким же быстрым изменениям смыслов, ценностей, стандартов поведения, мыслительных шаблонов и взаимных ожиданий. Критическое изменение «правил игры» вызывает у человека чувство «радикальной онтологической ненадежности», что приводит к сильнейшему стрессу и отражается на личностных качествах. И лишь через некоторое время происходит ресоциализация [3].

Изменение «правил игры» быстро усваивается тогда, когда не требует слишком большого изменения стандартов поведения, ценностных и смысловых установок, а также мыслительных шаблонов большинства субъектов, составляющих систему. Если же такое изменение серьезно противоречит смыслам, ценностям, стандартам поведения и мыслительным шаблонам субъектов, то оно приводит к непрогнозируемому ухудшению в функционировании институтов.

В частности, поэтому радикальное изменение «правил игры» в России в 90-е годы не только привело к резкому ухудшению функционирования всех институтов, но и вызвало сильнейшую культурную травму у населения, которая преодолевается до сих пор. Более того, перманентное изменение «правил игры», постоянное реформирование институтов, наносит постоянный ущерб как функционированию институтов, так и их участникам. В настоящее время экономисты, разделяющие институциональный подход, рекомендуют проявлять большую осторожность при реформировании институтов: «По-настоящему хорошая реформа – та, что должна была начаться долгое время назад и которую никто не может оспорить, когда она практически начинает воплощаться» [10]. Эту инерционность социальных институтов определяют их системные свойства, а также особенности поведения и мышления социальных акторов.

1. Веблен Т. *Теория праздного класса*. М.: Прогресс, 1984, С. 200-201.
2. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. (Пер. с англ. А.Н. Нестеренко). М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997, С. 6.
3. Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуриации*. М.: Академический Проект, 2005, С. 60, 68, 114-116, 242, 250-251, 394-407.
4. Клейнер Г.Б. *Эволюция институциональных систем*. М.: Наука, 2004, С. 7, 17-18.

5. Курдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России. С-Пб.: Нестор-История, 2014, С. 56.*
6. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995, С. 93.*
7. Luhmann N. *Grundrechte als Institution. Ein Beitrag zur politischen Soziologie. Berlin, 1965, P. 12*
8. Harre R. *Social Being. Oxford: Blackwell, 1979, P. 98.*
9. Осипов Г.В. *Введение в социологическую науку. М.: Наука Вече, 2010, С. 110-111.*
10. Буайе, Р., Бруссо, Э., Кайе, А., Фавро, О. *К созданию институциональной политической экономики. // Экономическая социология. – 2008. – т. 9, № 3. – С. 23-24.*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВУЗОВ

Колмыкова М.А. (Оренбург)

Одной из самых актуальных проблем на сегодняшний день является качество высшего образования, об этом много говорится на различных уровнях власти. В связи с этим 7 мая 2012 г. вышел Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [2]. Один из пунктов гласил о проведение до конца 2012 года мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы, реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений.

1 ноября 2012 года на сайте Министерства образования и науки РФ официально были опубликованы результаты мониторинга, ставшие для многих неожиданными. Проанализировав 541 образовательное учреждение и 994 филиала, признаки неэффективности были выявлены у 136 вузов и половины филиалов. Особый интерес вызвали столичные образовательные учреждения. Вспыхнула волна недовольства, однако министр образования Дмитрий Викторович Ливанов пояснил ситуацию так: «ВУЗы, попавшие в список неэффективных, скорее всего, не будут закрыты. А вот с некачественными филиалами церемониться не будут».

Однако критика в адрес проверки не утихла, и вскоре вышла статья профессора, доктора педагогических наук, главного редактора журнала «Педагогическое измерение» Вадима Сергеевича Аванесова «Неэффективность российских вузов: реальная и мнимая» [1]. В данной статье речь идет о необоснованно выделенных индикаторах, об отсутствии критерия о качестве образования (лишь об эффективности), о мнимом результате и неэффективности самого Министерства образования и науки РФ (вскоре они приняли к рассмотрению специфику высших учебных заведений и список был сокращен). Автор также критикует критерии и показатели эффективности. Например, чем выше проходные баллы ЕГЭ при поступлении – тем вуз считается эффективнее. Но это не совсем так. К тому же результаты ЕГЭ – это школьные знания, не всегда эти результаты совпадают с успеваемостью и качеством знаний студентов уже в процессе обучения в вузе. И с ним невозможно не согласиться. Справедливости ради нужно отметить, что эту систему оценки деятельности вузов критиковали во всех регионах страны, высказывая все новые и новые аргументы.

Несмотря на всю критику, Дмитрий Викторович Ливанов намерен бороться с «имитацией образования» абсолютно бескомпромиссно, и только улучшать его качество. Актуальность очевидна, поскольку в регионах осуществляют свою деятельность сотни негосударственных ВУЗов и филиалов, качество образования которых оставляет желать лучшего. Отсутствие квалифицированных преподавателей, низкая посещаемость студентами учебных занятий, отсутствие научных разработок и исследований – этот список нарушений можно продолжать. Поэтому появление и ужесточение программы реорганизации высших учебных заведений можно было предугадать.

Данная программа, несомненно, важная, и несет в себе исключительно положительные намерения – повысить качество высшего образования в нашей огромной стране (а это действительно сложно), создать достойную конкуренцию зарубежным специалистам и вернуть престиж российскому образованию в целом.

Однако предлагаем Вам посмотреть на эту проблему глазами «другой стороны». Для автора статьи проблема реорганизации вузов на современном этапе является более чем актуальной, поскольку была возможность на собственном опыте столкнуться с этой проблемой «один на один». Что дает право освятить некоторые результаты процесса реорганизации вузов в городе Оренбурге.

6 февраля 2015 года вышел приказ Министерства образования и науки РФ № 59 «О реорганизации ФГБОУ ВПО «ОГУ» и ФГБОУ ВПО «ОГИМ». Не трудно предположить, что процесс реорганизации вуза – это сложный этап перемен, с которыми в первую очередь, столкнулись администрация вуза, профессорско-преподавательский состав и, конечно же, студенты.

Студенческое сообщество очень важный аспект жизни любого учебного заведения. Чем больше студентов поступают в тот или иной вуз, тем больше финансов и квот на бюджетные места получает образовательное учреждение. В связи с этим можно сказать, что от программы реорганизации «принимающий» вуз только выигрывает. Хотя, справедливости ради стоит заметить, что процесс присоединения студентов – это очень сложный и трудоемкий процесс.

В свою очередь, для студентов этот процесс тоже не является беспроблемным. Им предстоит адаптация к особенностям организации учебного процесса в новом вузе, к новому профессорско-преподавательскому составу, к новым студентам, которые не всегда готовы встретить радушно – это далеко не все трудности вхождения в новый коллектив со своими нормами, ценностями и установками. Всё это может сказаться на успеваемости студентов, их качестве знаний. Но самое главное, на наш взгляд, в связи с реорганизацией утратится неповторимая культура родного института, нормы и традиции, которые не удастся сохранить в стенах другого учебного заведения, особенно если он в несколько раз больше по масштабу.

Если рассматривать последствия процесса реорганизации высших учебных заведений для сотрудников, то о положительных тенденциях тоже речь не идет. В процессе подготовки к присоединению, а именно 5-6 месяцев, сотрудники Института работали в условиях неопределенности, что привело к ухудшению психологического климата в коллективе. Безусловно, всех пугала перспектива сокращения. Так и случилось. Как и бывает в результате подобных преобразований, произошло масштабное сокращение профессорско-преподавательского состава, административного и обслуживающего персонала. Это то, о чем не принято говорить, когда издаются подобные приказы о реорганизации двух вузов в один. Но именно это является одной из важнейших проблем социального характера для региона в целом.

Не трудно предположить, что основная часть работников были вынуждены обращаться на биржу труда – и все это в сложившихся условиях экономического кризиса.

Образование для каждой страны, в частности России, должно быть основным приоритетом развития общества и государства. И мы не можем оспаривать тот факт, что некоторые ВУЗы нарушают требования федеральных государственных образовательных стандартов, осуществляя образовательные услуги. Но не нужно забывать, что в программу реорганизации попадают ВУЗы, которые имеют свои, сформировавшиеся не за один год, культурные и научные традиции, особенности взаимодействия между профессорско-преподавательским составом и студенческим сообществом, свою неповторимую историю. И в процессе реорганизации все это сохранить не получится. А если это кем-то и для кого-то создавалось, значит, это кому-нибудь было нужно.

1. Аванесов В. С. Неэффективность российских вузов : реальная и мнимая // Ректор ВУЗа. - 2013. - № 3. - С. 20-27.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №559 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»: [офиц. текст].

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ СОЦИО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Комаровский А.В. (Минск, Республика Беларусь)

Кумулятивность знаний в естественных и социо-гуманитарных науках отличается качественным образом, хотя, имплицитно следуя идеалу классической науки (единство реальности, метода и знания), методологи науки и науковеды долгое время пытались обнаружить единый механизм кумулятивности. Более корректным, по мнению Петрова М.К., представляется социологическое, «поведенческое, а не логическое или гносеологическое истолкование кумулятивности» [1; с. 59], рассматривающее взаимосвязь когнитивного и социального измерения науки (социо-культурных условий и факторов ее существования). «В тех дисциплинах, предметная реальность которых альтернативна (большинство общественных научных дисциплин), не содержит жесткого репродуктивного каркаса слепых автоматизмов и однозначных корреляций между поведением объекта во взаимодействии с другими объектами и свойствами объекта, феномен кумулятивности не может рассматриваться как основная качественная характеристика дисциплины. Здесь кумуляция знания имеет подчиненное значение, зависит от формулировки проблемы и получает дополнительный вектор-определитель как направленная и конечная по времени кумуляция знания для решения проблемы в конкретных и таймированных социально-исторических условиях» [1; с. 70].

Таким образом, социальная реальность отлична от природной в том, что она (1) обладает множеством альтернативных сценариев развития, (2) которые временно и исторически ограничены (по Петрову «таймированы», т.е. релевантны и «истинны» в ограниченных социокультурных условиях) и (3) реализуются за счет активной, конструирующей деятельности по (пре)образованию существующей действительности согласно целям и ценностям действующих людей. Эти характерные черты социо-гуманитарной онтологии — альтернативность, таймированность и конструируемость — определяют соответствующие эпистемологические характеристики социо-гуманитарного знания, его структуру и динамику — соответственно множественность, диахронность и открытость научно-исследовательских программ (в терминологии И. Лакатоса [2]).

Со структурной точки зрения социо-гуманитарный эпистемологический «ландшафт» включает множество конкурирующих парадигм («научных программ», «картин мира»), выработанных в разные времена, в разных национальных традициях мысли, но сосуществующих и используемых одновременно в исследовательской практике — в том числе в виде такого специфического только социо-гуманитарному знанию феномена как «классическое» наследие, обладающее непреходящей актуальностью на всех этапах развития социо-гуманитарной мысли [3]. По мнению Степина, это свидетельствует об отсутствии единой социо-научной картины мира и «консенсуса в принятии той или иной ее версии, который сложился в естествознании по поводу научной картины природы» [4; с. 47] и соответствует «предпарадигмальному периоду развития науки, если использовать терминологию Т. Куна» [5].

Ссылаясь на работы Фуко, Степин утверждает, что «в строгом смысле слова социальные и гуманитарные науки конституировались в XIX столетии, когда в культуре техногенной цивилизации отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как к объектам управления и преобразования» [6]. Стоит также отметить, что природа не сразу стала объектом техногенного преобразования

на основе научного знания. Лишь определенный «союз» науки и техники позволил перейти от познания (божественной) истины или научно немотивированного, случайного изобретательства, часто обладающего очевидной экономической пользой, к систематическому научному исследованию и воспроизводству науки как заряженной на открытия познавательной практики в системе университетского образования [7]. В этом отношении важно отметить, что «технизация» естественных и гуманитарных наук проходили практически одновременно и схожим образом — в условиях рамочного влияния праксиса технократически фундированного индустриализма, легитимировавшего и стимулирующего становление определенной универсальной научной картины мира. Каждая научная картина мира, в свою очередь, выполняет функции онтологизации, систематизации и инкультурации знаний [4; с. 45-46]), обеспечивающие когнитивную и институциональную целостность дисциплины, ее культурную совместимость.

1. Петров, М.К. Феномен кумулятивности научной дисциплины (по материалам американской печати) [Текст] / М.К. Петров; Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 58–71.
2. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ [Текст] / И. Лакатос. – М.: «Медиум», 1995. – 236 с.
3. Полетаев, А.В. Классика в общественных науках [Текст] / А.В. Полетаев; Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 5–49.
4. Степин, В.С. Конструктивизм и проблема научных онтологий [Текст] / В.С. Степин; Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. – М.: Канон+, 2009. – С. 41–63.
5. Степин, В.С. Научное познание в социальном контексте [Текст] / В.С. Степин; Избранные труды. Минск: Изд. БГУ, 2012. – 416 с.
6. Степин, В.С. К проблеме генезиса социально-гуманитарных наук [Текст] / В.С. Степин; Социальная философия и современное обществознание. – Екатеринбург: Изд-во УРГУ, 2002. – С.255–261.
7. Философия техники в ФРГ [Текст]; Пер. с нем. и англ. / составл. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна, В.Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. – 528 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЖЕНЩИН: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Кранзеева Е.А. (Кемерово)

Политическое сознание женщин является самостоятельной категорией для анализа. Это обосновывается противоречием между социальными и политическими практиками женщин, эксклюзией и стигматизацией женского политического участия и пр.

Отправной точкой в политическом сознании женщин следует считать появление специфически женского интереса, востребованного обществом через институт политики.

Критерии для выявления специфики сознания:

- виды деятельности,
- степень активности субъекта,
- сферы проявления сознания,
- насыщенность публичными поведенческими формами, отражающими

состояние сознания данного субъекта.

Политическое сознание женщин оформляется сначала на низовом уровне общественной жизни: выход женщины в общины, муниципалитеты для постановки практических вопросов, связанных с общественным разрешением бытовых проблем, обустройством локализованных территорий, изменением сложившихся отношений к женщине.

Востребованность женского участия в решении политически актуальных вопросов всего общественного развития переформатирует сознание женщин с семейно-бытового уровня на социально значимый. Сознание женщин политизируется, в первую очередь, за счет изменения настроений, мнений, приоритетов. Ограниченные притязания женщин представляют собой остаток, рудимент исторического доминирования мужчин в политике. Другим специфическим признаком эволюции современного политического сознания женщин можно назвать стремление встроить в актуальную базу практики социально окрашенные интересы слабо защищенных групп населения. Акцент на социально-политическом характерен для женского влияния в различных структурах власти и общественных объединениях.

Онаученность женского политического сознания отодвигается на задний план тогда, когда практика выдвигает праксеологические приоритеты, и женщинам необходимо определять долю своего личного участия в реализации установок, позиционных интересов во взаимодействиях с организационными структурами власти и другими участниками публичной политики.

Исследования, проводимые Институтом социологии РАН, Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом «Общественное мнение», Агентством региональных политических исследований (АРПИ), Институтом социально-политических исследований (ИСПИ РАН), Социологическим центром РАГС при Президенте РФ и др. фиксируют, с одной стороны, значительные элементы демократических ценностей и установок в сознании российского населения. С другой, при стабильно сохраняющейся нормативной поддержке демократии, респонденты, разочарованные в реальных демократических механизмах, в гораздо большей степени высказываются в пользу авторитарного решения российских проблем. Общие для россиян изменения в сознании касаются и женского сознания.

Известное предостережение М. М. Ковалевского о том, что социологическое вмешательство в жизнь – способ изучения и постановки общественных вопросов, а не подмены социальных реформаторов, не срабатывает в женском политическом участии. Женщины реализуют преобразующую функцию политики нередко в синкретических формах, сохраняя структурную непроницаемость сознания и слитность его с поведенческим воплощением.

По мере определения своих позиций и установок, развертывания политической активности женщины, участвующие в организациях, движениях, начинают осознавать общие и специфические интересы различных социальных сил, переводить их на политический уровень и закреплять субъектность в заинтересованности и конкретной политической деятельности.

Женское политическое сознание избегает постмодернистского доминирования на крутых поворотах политической или социальной практики: оно отличается осторожностью и традиционализмом, консервацией исходных норм и ценностей. Наиболее молодая и динамичная часть женского населения может подхватывать и распространять политическую моду, однако стержнем политического сознания и поведения женщин является консерватизм. Сказываются обостренное чувство социальных потерь, издержек, тягот от резких изменений, а также интуитивное стремление предостеречь общество от неоправданного риска в ситуациях выживания.

Современный этап эволюции политического сознания женщин шире вопросов гендерного равенства. Политическое сознание женщин в своем развитии выходит за рамки групповых интересов, появляются общие социально значимые вопросы, требующие стыковки специфических женских интересов с интересами конкретных общностей, государства, общества в целом. Через соучастие женщины становятся действующими лицами публичной политики, структур власти. В свою очередь, общество начинает принимать и осмысливать идеи, опыт, установки, притязания, позиции женщин.

Политическое сознание женщин уже не ограничивается только собственно женскими проблемами, оно становится многомерным.

Научная проблема в социологическом изучении изменений политического сознания женщин в ретроспективе и современном состоянии – это установление объективных оснований для эволюционных лагов в процессах становления и социальных признаков взаимосвязи сознания женщин и поведения в реальной жизни.

1. Ковалевский, М. М. *Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века.* — В кн.: *История нашего времени. Современная культура и ее проблемы*, т. VII, вып. 27. [Пг., 1914]. URL: http://dugward.ru/library/kovalevskiy/kovalevskiy_ocherk_istorii19-2
2. *Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой.* — М.: Альфа-М, 2009. — 272 с.
3. Силласте, Г. Г. *Гендерная социология и российская реальность: монография / Г. Г. Силласте.* М.: Альфа – М, 2012. — 640 с.
4. Тоценко, Ж. Т. *Метаморфозы общественного сознания: методологические основы социологического анализа / Ж. Т. Тоценко // Социс.* — 2001. — № 6. — С. 3-15.
5. Шпак, Л. Л. *Политическое сознание и поведение в условиях российских перемен. Противоречивость политической жизни: монография / Л. Л. Шпак, Н. А. Заруба, Е. В. Головацкий; отв. ред. Шпак Л. Л.* — Германия: Изд-во LAMBERT, 2012. — 422 с.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Круглик Н.В. (Краснодар)

В современном российском обществе наблюдаются трансформационные процессы в сфере религии. Происходит увеличение значения религии как социального института. Однако, исследования в области религиозных практик весьма фрагментарны. Необходимость приспособления церкви к изменениям в социуме требует более детального исследования проблемы религиозных практик в современном обществе. Подобного рода проблемы являются многоаспектными и сложными, поэтому для своего исследования требуют междисциплинарного подхода: используются методы социологии, истории, антропологии, лингвистики и других наук.

Большой вклад в раскрытие этой проблемы внесли труды по философии и феноменологии (К. Барт, М. Элиаде, Р. Отто, П. Шантепи де ла Соссе, Е. Элбакян и другие); по этнологии и социальной антропологии (Э. Тайлор, Дж. Фрэзер, Л. Морган и др.); по социологии (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Гидденс, А. Агаджанян, Н. Шабуров и др.). Сложность исследования религиозных практик можно объяснить как недостатком источников для исследования, так и проблемой интерпретации отдельных материалов.

Имеются трудности и с интерпретацией самого понятия «религиозные практики». Эти трудности обострились с появлением новых религиозных движений. Чаще всего в научном обороте используются два основных сложившихся понятия: статическое и динамичное, представленные в сборнике статей «Религиозные практики в современной России» [1]. Отдельные исследователи выделяют два основных уровня осмысления религиозных практик:

- 1) на уровне фактов и событий;
- 2) на уровне мотивов, верований.

Таким образом, религиозные практики тесно связаны с пониманием не только объектов повседневного мира, но и трансцендентного, который формируется посредством объединения с другими людьми, накопленного социального опыта и переживания иной

реальности. Религиозные практики включают в себя традиционные типы ритуализированного поведения, фольклор, разнообразные текстуальные формы и др. Основной функцией религиозных практик является функция поддержания равновесия между элементами религиозного института и религиозным опытом [2].

Можно выделить объективные и субъективные критерии анализа религиозных практик. Сами религиозные практики могут приобретать самые разнообразные виды и формы, различающиеся по степени включенности индивида в социальные группы, от категории верующих, типа общин и др.

Возникновение новых религиозных практик связано с адаптационными процессами в меняющемся обществе, где происходит поиск ответов на решение социальных проблем в религии. Это в свою очередь приводит к трансформации традиционной религии и обогащения ее новыми формами религиозного опыта. Все эти процессы можно наблюдать в современном обществе. В связи с указанными процессами становится актуальной проблема методологии исследования религиозных практик.

На начальных этапах изучения религиозных практик исследовались церковные практики к которым относили: приверженность верующих к религиозной общине, степень соотношения личных и коллективных действий с догмами и т.п. Позднее были найдены новые исследовательские инструменты: исследовались денежные подношения верующих, формы бытования фольклорных мотивов, богослужebные практики, исповедальное поведение, структуру прихода, категории верующих, образ верующего в глазах прихожан, язык, уклад жизни прихожан и многое другое. В качестве основных методов исследования используются наблюдение, личные интервью, анкетирование, анализ документов, дискурс анализ и др. В большинстве исследований используется качественная методология, направленная на выявление мотивов религиозного участия и религиозного опыта.

Таким образом, в условиях религиозного ривайвализма и трансформационных процессов, происходящих в современном российском обществе, проблема исследования религиозных практик актуальна и требует более глубокого исследования.

1. Агаджанян А., Русселе К. Как и зачем изучать современные религиозные практики // *Религиозные практики в современной России: Сборник статей*. М.: Новое издательство, 2006. 400 с.
2. Глава 1. Религиозные практики и религиозный фольклор / Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. URL: http://www.telenir.net/nauchnaja_literatura_prochee/hristovshina_i_skopchestvo_folklor_i_tradicionnaja_kultura_russkih_misticheskikh_sekt/p5.php (дата обращения: 10.09.2015).
3. Калдыбаева О.В. Методология исследования повседневных религиозных практик. URL: <http://pandia.ru/text/78/335/20185.php> (дата обращения: 10.09.2015).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА «СЕТЕВАЯ ВОЙНА»

Круглова А.Ю. (Ростов-на-Дону)

В условиях тотальной постмодернизации на рубеже третьего тысячелетия происходят процессы, связанные с эволюционными изменениями информационной среды. Данный феномен напрямую связан с информатизацией, усовершенствованием информационных технологий, и, как следствие, интеграцией западного сообщества с мировой системой. Повсеместно образуется постиндустриальное общество, в котором доминирующим рычагом является информация, посредством которой происходит эволюция всех сфер и ячеек социума, такие как культура, экономика, наука, когнитивная деятельность, психология, государственные институты.

Стремительное развитие информационных технологий оставило значительный след и в военном деле, а именно послужило точкой отсчёта для разработки новых доктрин для введения преобразований в военной технике и вооружённых силах страны. Развитие техники и технологии не только приводит к усовершенствованию вооружений и созданию новых типов оружия, но и накладывает отпечаток на стратегию и тактику военных действий. Поэтому не удивительно, что бурное развитие информационных технологий в начале 80-х гг. прошлого века послужило точкой отсчета для революции в военном деле (РВД). В начале появились новые теоретические концепции и отдельные технические образцы, которые стимулировали массовое системное внедрение новых видов техники и организационные преобразования [1,183].

Примером стратегического осмысления информосферы является концепция «сетевых войн», которая может визуализироваться лишь в условиях глобализации и всеобщей информатизации мирового сообщества. На базе данного феномена с 1990-х годов дали своё начало реформы классической военной стратегии в США. В начале 2000-х гг. многие положения этой доктрины использовались на практике в Ираке и Афганистане и апробировались в других странах НАТО. Уже в 2010 г. российское военное командование объявило о переходе Российских Вооружённых Сил на сетцентрический принцип.

В январе 1998 г. вице-адмирал Артур Сибровски и военный аналитик Джон Гарстка в своём совместном труде «Сетцентричная война: ее происхождение и будущее» [2,127] подчеркнули, что сетевая война и сопряжённая с ней революция в военном деле зиждется на структурных изменениях в американском обществе, а именно в экономике, информационных технологиях, бизнес-процессах. Стоит выделить три направления трансформаций, которые легли в основу этих положений:

- перенесение внимания от концепта «платформы» к «сети»;
- переход от рассмотрения действующих лиц в качестве независимых единиц к рассмотрению их как части адаптирующихся экосистем;
- необходимость принятия стратегического выбора в условиях адаптации и выживания в изменяющихся экосистемах [3,135].

Ключевым понятием для данной теории является термин «сеть». В современном американском языке, помимо существительного «the network» - сеть, появился на свет неологизм - глагол «to network», что приблизительно означает «осетевить», «охватить сетью», «внедрить сеть в».

Концепция сетевой войны основана на делении циклов человеческой истории на три эпохи: аграрной, которая соответствует обществу преמודерна, промышленной, конгруэнтной модернистскому типу общества, информационной с присущей ей постмодерном. Сегодня информационная эпоха постмодерна полностью в руках Запада, в первую очередь у США, которая представляет собой новую систему экономики, базирующуюся на информационных технологиях.

Полковник ВВС США Джон Уорден разработал системный подход к ведению боевых действий под названием «Операции базовых эффектов» (ОБЭ), которая в дальнейшем стала оплотом военной стратегии сетцентричных операций. «ОБЭ» представляет собой уставленные перманентный и тотальный контроль над акторами актуальных событий или военных действий, которые могут произойти в будущем [4,86]. При этом важной характеристикой будет являться то, что ОБЭ производит тотальное манипулирование над боевыми действиями, когда назревает военный конфликт, когда идёт война и когда царит мир. В этой связи, внедрение в жизнь «сети» представляет собой полное лишение стран, народов, армий, целых государств свободы, самостоятельности, суверенитета. Превращение их в полностью манипулированные государственные системы.

Весьма важным фактом является то, что участники боевых действий – нейтральные силы, враги, «друзья» осуществляют свои действия в четырёх областях:

физическая, социальная, когнитивная и информационная области, где по утверждению теоретиков развёртываются все военные конфликты. Данные области не могут существовать одна без другой, а местом пересечения их есть место действия ОБЭ [5,347].

Сотрудники Rand Corporation Дэвид Ронфельд и Джон Аркилла выдвинули теорию, объектами исследования которой являлись социальные сети и общества, построенные на иерархических структурах. Они полагали, что главным ресурсом сетевой войны является сетевая инфраструктура, при этом она состоит из множества узлов, каждый из которых выполняет свою, зачастую узкоспециализированную задачу. Такую тактику теории сетевой войны определяют как «рой». В своём труде Дэвид Ронфельд и Джон Аркилла «Сети и сетевые войны: будущее террора, преступления и вооруженной борьбы», говорят следующее: «Роевание – аморфный, но преднамеренно структурированный, скоординированный стратегический способ ударить со всех направлений. Основная задача: сети «роя» должны быстро и незаметно соединиться вокруг цели, затем разъединиться и повторно рассеяться, сохраняя готовность повторно объединиться для нового удара» [6,253].

Стоит отметить, что у «сети», которая является движущим ядром сетевой войны, есть своё определённое строение. Отечественный терролог Э.Г. Соловьёв, подчёркивает, что сети представляют собой самоорганизующиеся структуры, ориентация которых направлена на решение целей и задач из автономных и временных коллективов с легитимацией власти, децентрализацией ответственности, с горизонтальной направленностью связей и коммуникаций. Сети, являются открытыми структурами, способные к неограниченному расширению, благодаря включению всех «узлов», при условии использования аналогичных кодов [7,96].

Отечественные учёные дают свою справедливую оценку сетевым войнам. Особый вклад в изучение данного феномена внесла российская геополитическая неоевразийская школа А.Г. Дугина, в частности её ярчайшие представители - Г.Б. Гавриш, Л.В.Савин, В.С. Коровин, и др. Например, Гавриш утверждает, что «...сетевая война тождественна эпохе постмодерна. Она превосходит по своим техническим характеристикам войнам, которые существовали в промышленную эпоху модернизации, а уж тем более войнам традиционной капиталистической эпохи» [8, 23].

Также представители данной научной школы находят связь сетевой войны с геополитикой. А.Г. Дугин определяет сетевую войну с точки зрения геополитического подхода, то есть сетевая война – это новейшая технология захвата территории. Она преследует цель: захват территориального пространства в свою пользу и тотальное манипулирование над всеми политическими, экономическими, социальными процессами [9, 34]. Учёный приводит в пример смену правящих режимов в государствах и апеллирует тем, что Россия – страна, обладающая огромной территорией, а её «заклятый» друг США не прочь обладать её «лакомыми кусочками» и богатыми недрами.

В заключении стоит сказать, что смысл военной реформы, проводимой США заключается только в одном: создание всеобъемлющей глобальной сети. Это создаёт угрозу для нашей страны. Поэтому правительство РФ должно обладать стратегией, которая должна совершенствоваться в постмодернистских технологиях во всех сферах жизни общества. Чтобы выиграть сетевую войну, России должна иметь в своём стратегическом арсенале сетевые средства, но только адаптированные и апробированные к собственным условиям.

1. *Бедрицкий А.В. Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе: Монография. М.: Изд-во РИСИ, 2007.*
2. *Cebrowski Arthur K., Garstka John J. Network-centric Warfare: Its Origin and Future.// Proceedings, January 1998.*

3. *Cebrowski A. Transforming Transformation — Will it Change the Character of War? Discussion Paper, 2004.*
4. *Warden J. The Enemy as a System. Airpower Journal Spring 1995.*
5. *Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб: Изд-во Амфора, 2009.*
6. *Arquilla J., Ronfield D. Networks Netwar: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Washington: RAND, 2003.*
7. *Соловьёв Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации / Под. ред. Кокошина А.А. М.: Изд-во ЛЕНАД, 2006.*
8. *Гавриш Г.Б. Трансформация механизмов обеспечения национальной безопасности в условиях постмодерна: институциональные аспекты // Национальная безопасность / Информационные войны. №2. М., 2008.*
9. *Дугин А.Г. Теория и практика сетевой войны и ее влияние на ситуацию в ЮФО // Сетевые стратегии Запада на Юге России / Южнороссийское обозрение. № 34 / Под общ. ред. Добаева И.П. М. – Ростов н/Дону, 2006.*

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ В АНАЛИЗЕ БЕДНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Кузнецов Д.Н. (Орел)

Бедность – это древнейшее социальное явление, которое неотделимо от богатства. При этом быть бедным означает не только терпеть лишения материального характера – это еще и состояние перманентного ощущения себя аутсайдером общества. Бедность накладывает на человека неизгладимый отпечаток, заставляет его сгибаться под осуждающими взглядами, испытывать чувство собственной неполноценности, что, в свою очередь, способствует лишь усугублению и без того неприятной ситуации. Однако народная мудрость гласит, что человек сам ответственен за свою судьбу.

Зачастую бедность рассматривается, как последствие действий находящегося в данном статусе индивида, и не более того. Бедность с данной точки зрения – это следствие слабости характера и лени, неправильного выбора и личностной неадекватности и различных социальных пороков, которыми наделен человек. Подобное понимание корней явления является основанием морального осуждения низших слоев общества. Социум словно перекладывает ответственность непосредственно на представителей данного класса, снимая с себя все обязательства.

Вторая концепция восприятия бедности основывается на убеждении, что бедность порождается несовершенством социальной, экономической и политической систем. Эту концепцию называют структурным объяснением, потому что ответственность за существование бедности как социального явления перекладывается с конкретных индивидов на общество в целом. Среди конкретных причин в данном случае называют чрезвычайно жесткую конкуренцию на рынке труда, несправедливое распределение ресурсов, неспособность экономики обеспечить достойное существование всех граждан

Начиная с 80-х годов XX века, в западной социологии при анализе бедности используется термин "социальная эксклюзия". Термин "социальная эксклюзия" постепенно сложился в ходе исследований бедности при изучении социальной стратификации и маргинализации в контексте замены вертикальной дифференциации на горизонтальную. Теория социальной эксклюзии, согласуясь с концепцией постиндустриального общества, рассматривает социальную структуру, интегрированную по вертикали на основе профессиональной деятельности и общности интересов независимо от статусов индивидов. Как подчеркивает А. Тюрейн, в настоящее время происходит переход от вертикального общества, которое принято называть классовым, к горизонтальному, где наиболее важно понимать не то, внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии []. В западной социологии выявлено, что ситуация социальной эксклюзии возникает при сочетании следующих условий:

- 1) Относительно низкий потенциал образовательных, квалификационных, жилищных, финансовых и других социально-экономических ресурсов.
- 2) Ограниченный доступ к социальным институтам, предоставляющим и распределяющим социально-экономические ресурсы.
- 3) Состояние относительно низкого потенциала социально-экономических ресурсов и низкая вероятность повышения этого потенциала носят хронический характер.

Аналогичные условия попадания в ситуацию социального исключения выявлены и российскими социологами. Так, Н.Е. Тихонова пишет, что "...бедность ведет к эксклюзии в случае длительного, занимающего много лет, процесса нарастания депривации." [2]. В случае хронической диахронной бедности (многолетнего обеднения), свойственного современному российскому обществу, процесс социального исключения (в данном контексте уместнее употребить термин "социальное отторжение") за счет изначально низкой степени развития потребностей или добровольного их ограничения может не осознаваться до тех пор, пока не актуализируются значимые потребности. В том случае, когда депривируют актуальные потребности, индивид вдруг осознает не только отсутствие возможности удовлетворить эти потребности вследствие низкого уровня доходов, но и осознает дискриминацию в отношении всех альтернативных форм решения проблемы бедности (государственная социальная поддержка, ресурсы социальных сетей и т.д.), свойственную социальному исключению.

Таким образом, кратковременное пребывание индивида в ситуации низкого потенциала социально-экономических ресурсов и ограничение доступа к институтам социальной интеграции еще не дает основание для отнесения этого индивида к категории социально исключенных.

В целом, концепция социального исключения сконцентрирована на процессе, а не на состоянии или положении как концепции абсолютной и относительной бедности. Концепция социальной эксклюзии не только динамична, она носит многофакторный характер, раскрывающий механизмы исключения индивидуумов и групп из участия в социальном обмене.

1. Каира Ю.В. *Социальная ответственность безработных в условиях повышения уровня жизни Орёл: ОРАГС, 2008. – 184 с*
2. Тихонова Н.Е. *Феномен городской бедности в современной России М.: Летний сад.2003*

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ Б. ЛАТУРА: К НОВОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПОНИМАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.

Куклин Г.А. (Санкт-Петербург)

Несмотря на то, что в современной российской социологии возникла своего рода мода, связанная с восприятием творчества Б. Латура, его работа «Пересборка социального»[1] действительно является революционной для современной социологии. Понять масштаб значения этой работы можно, рассмотрев ее базовые онто-эпистемологические принципы в широком контексте проблематики социологии как науки вообще. В этом смысле творчество Латура становится таким предельно ясным водоразделом научного в традиционном смысле этого слова, и ненаучного подхода к пониманию обществ вообще, и российского общества в частности.

Латур формулирует свое понимание современной социологии через описание пяти типов неопределенности. Эти неопределенности касаются, в основном, свойственной социологии характеристике эмпирической реальности. Гораздо интереснее не очередное перечисление парадоксов социологии, а вполне понятная оценка философских причин их

существования. Латур выделяет две такие базовые причины. Первая – присутствие в социологии в связи с исторической необходимостью «встраивания» в научную номенклатуру, всевозможного рода вариаций идеи «социальной реальности». Вторая – постоянная концентрация внимания социальной теории на самой себе, посредством классической импликации трансцендентального субъекта, познающего субъекта, или рефлексии. Можно добавить, что переплетаясь в теории, эти два принципа создают известную всем сложность социологической науки. Кратко можно определить ее в виде структуры, состоящей из трех дуальностей: дуальности языков описания (двойная герменевтика), дуальности структуры и действия, дуальности субъекта (социологическая рефлексивность). Первые две хорошо описаны у Гидденса[2]. Последняя связана с тем, что познающий субъект одновременно является социальным субъектом. Этот тип дуальности наиболее глубоко описан в творчестве П. Бурдьё[3]. Все эти дуальности образуют известные проблемы социологии двух типов. Первый – проблемы познания, связанные с необходимостью в социологии отказывать себе в «знании», практикуя перманентный процесс освобождения себя от социального поля. Второй – проблемы практики, связанные с тем, что социолог не только видит, но и действует. Эти трудности социологии, по Латуру, связаны не со спецификой реальности, «социальной» спецификой, а с тем, что эта специфика оказывается философски сконструированной. Но настоящей революцией, которую совершает Латур, становится не отказ от социальной реальности, который Латур эксплицирует, а как раз противоположные следствия его подхода, расширяющие социальную реальность до возможного предела.

Для Латура, оценка общественных процессов, а попросту событий и высказываний, в социологии редко выходит за границы социологических объяснительных моделей. Социолог вынужден постоянно смещаться к двум полюсам, действующим подобно магнитам. Либо он объясняет реальность, используя концептуальную рамку "социальной реальности". Либо он обращается к исследованию самого себя как "социальной реальности". Латур показывает, что все категории «социальной реальности» являются искажениями, которые только мешают понимать происходящие процессы. Казалось бы, элиминируя «социальную реальность», как в реалистическом, так и в номиналистическом смысле(!), Латур лишает социологию ее предметной специфики. Но именно это и нужно Латуру для того, чтобы создать наиболее претенциозный проект расширения социальной реальности в представлениях о реальном мире как таковом. Отвергая социальные категории, он предлагает исследовать конкретные связи вещей, проследить связи, которые каждое мгновение устанавливаются между людьми, материальными объектами, животными, словами, атомами и так далее. В этом процессе ничто не должно исчезать из виду, не должно быть ни одного «черного ящика». А главным «черным ящиком» в социологии является сам социолог. По мнению Латура, и здесь он следует идеям Г. Гарфинкеля, социолог не имеет привилегий в отношении рефлексии перед любым другим человеком. Отсюда Латур делает радикальный вывод о том, что социолог должен фиксировать в своем отчете все то, о чем говорят люди. Он должен воспринимать всерьез все, что говорят люди. Если человек говорит, что Бог заставил его поступить так, или иначе, то социолог не должен сомневаться в этом, искать концептуальное объяснение этому, а должен продолжать записывать. Далее социолог передает свой отчет в публичную сферу, предлагая наиболее приближенное к реальности описание, а люди оказываются информированы о том, что происходит вокруг них гораздо лучше, нежели при использовании сложных и, часто, туманных социальных теорий. Таким образом, социолог в отчете «пересобирает» социальное.

Подход Латура предполагает очевидные следствия, важнейшим из которых становится принципиальное онтологическое и эпистемологическое совпадение социологии и науки вообще. Социология становится такого рода научной практикой, которая оказывается свободна от дисциплинарных рамок. Социолог может изучать все, что угодно, связи любых явлений. В онтологическом смысле, Латур следует двум

подходам. Во-первых, он развивает в социологии идею Ж. Делеза о «поверхности»[4], предлагая понимать реальность как единую поверхность, отказываясь от любых трансценденций. Во-вторых, Латур следует теории перевода А. Греймаса, который в свою очередь наследует пониманию реальности, данному в традиции логического позитивизма. С этой точки зрения, реальность – это только значимая реальность, реальность фиксируемая в языке[5].

Б. Латур заочно полемизирует с кантианством, отрицая идею трансцендентального субъекта. При этом в самом проекте Латура метафизика Канта не преодолевается, как хочет того француз. Напротив, Латур создает наиболее совершенный образец такой метафизики, совершенный потому, что не остается в рамках теории как у Гегеля, а объемлет практику в самой работе социолога. Для Латура возможность записи социологом любых типов связей, а также сама возможность выхода социолога в публичную сферу, оказывается ограниченной теорией перевода. Всякая реальность должна быть переводима. Язык является наиболее универсальным способом фиксации внешних, эмпирических свойств реального мира. При этом, уже дело конкретных наук, – проверять истинно ли высказывание, либо оно является элементом языковой игры. Истина и ложь одинаково определяют реальность социального мира, отношения людей. Поэтому для социолога не имеет смысла разделять истинное и ложное. Отсюда, проект Латура, имплицитно, только универсализирует фундаментальное для научного познания положение метафизики Канта о том, что сущности вещей – непознаваемы, и все, что может разум – познавать внешние связи «вещей в себе»[6]. А в том, что социология признается наукой о связях, которая использует язык как наиболее универсальный субстрат связи, она оказывается наукой наук в подлинном смысле.

Сама радикализация научной картины мира в проекте Латура открывает возможность для постановки еще более радиального вопроса уже в самом центре социологической теории. Способна ли социология, основанная на научной картине мира, объяснить и решить существующие социальные проблемы и противоречия. Если последние находятся в области языка, проверить истинность предложений которого способна наука, то ответ, безусловно положительный. Но если противоречия социального мира находятся в области реальности? Если то, что для одного человека Бог есть, а для другого Бога нет, – не проблемы языка, культуры, знания, а попросту разные реальности? Подход Латура предполагает привилегированную позицию уже не рефлексивного социолога, как у Бурдьё, а классического ученого, чей «божественный глаз» видит все на плоскости, и чья справедливость суждения переносится и на остальных людей. Такой подход предполагает, что каждый может понять каждого по причине универсального единства реальности, притом, что природа этой реальности оказывается заранее постулирована.

Противоречия и поляризация современного Российского общества во многом связаны с тем фактом, что для разных людей реальность различна. И люди принципиально несогласны с возможностью универсального перевода «своей» реальности, возможностью сосуществования их Бога и другого Бога, а также с возможностью сосуществования существования и несуществования Бога. А для других людей существуют Принципы, Вечное Возвращение, Логика Исторического Процесса, Государство, Нация и так далее. Люди принципиально несогласны с социологическим универсализмом, пусть даже замаскированным под онтологизм[, а если и согласны, то лишь с тем, чтобы подчинить своей реальности остальные. И в этом – вызов и возможность современной социологии, которые, наверное, нечаянно открыл Б. Латур.

1. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 383 с.
2. Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

3. Бурдые П. *Практический смысл*. СПб.: Алетейа, 2001. 562 с.
4. Делез Ж. *Логика смысла*. М.: Академический – проект, 2010.
5. Греймас А. *Структурная семантика. Поиск метода*. М.: Академический проект, 2004
6. Кант И. *Пролегомены*. М., Л., 1934.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ТИПОЛОГИИ

Лапыгин В.Д. (Москва)

Жизненные стратегии личности являются комплексным феноменом, описывающим общую направленность жизнедеятельности человека, соответственно являются одной из наиболее интересных, но и одной из наиболее сложных для исследователя тем. Современные динамично меняющиеся реалии и адаптация к ним человека определяют актуальность изучения жизненных стратегий личности. Особенным интересом представляется применение типологического анализа как исследовательской стратегии и метаметодики анализа данных с особой языковой структурой [5]. Сам типологический анализ как процедура в той или иной форме присутствует в различных частях практически любого социологического исследования, как теоретического, так и эмпирического характера, но конкретное его применение каждый раз требует творческого подхода исследователя и рефлексии относительно результатов его применения.

Жизненное ориентирование является традиционной темой исследования многих дисциплин, включая социологию, психологию, социальную философию, социальную психологию, социальную антропологию, педагогику и прочие. Существует ряд взаимосвязанных терминов, используемых исследователями для описания жизненного ориентирования личности: стратегии жизни, жизненные планы, жизненные перспективы, стиль жизни, жизненная позиция, жизненный путь и т.д. Все эти термины содержательно отражают представления личности о собственной жизни и принципы взаимодействия с окружающей реальностью. При этом общее четкое представление о границах схожести/различности этих определений еще не выработано, разные авторы трактуют их по-разному в зависимости от своей дисциплинарной принадлежности и взглядов на предмет изучения.

В нашем случае термин «жизненные стратегии» выступает наиболее оптимальным, потому что содержательно представляется наиболее полным. Жизненная стратегия характеризует основу способа жизни индивида, так как непосредственно определяется и определяет основные жизненные ценности, смыслы и цели. Так Э. Гидденс дает определение стратегического поведения – это «образ действия актора, способ использования им структуральных свойств, в особенности – институциональных, присутствующих в социальных системах» [2, 393].

Важно отметить, что во многих исследованиях жизненные стратегии представляются как отражающие исключительно сознательные представления личности о своем способе жизнедеятельности. То есть воспринимаются авторами как вербализованные и осмысленные содержательные представления [4, 75]. На наш взгляд подобное понимание несколько сужает предмет изучения, соответственно ограничивая поле применения термина. В нашем случае мы будем отталкиваться от понимания жизненных стратегий как общего смыслового пространства личности, в рамках которого находятся представления человека о своем будущем, настоящем, о своем месте в системе социальных координат, о целях и ценностях, установках и способах решения тех или иных задач, вне зависимости от их степени осознанности и вербализованности субъектом. То есть предполагается рассматривать в большей степени не только декларируемые индивидом представления о своей стратегии жизни, но в первую очередь реальные проявления этой стратегии в повседневной жизни индивида.

Таким образом изучение жизненных стратегий напрямую адресуется к изучению жизненных выборов человека, с которыми человек, конечно же, сталкивается

повседневню. Выбор зависит от личностных качеств человека и является непосредственным способом изменения окружающей реальности индивида, начиная от выбора того или иного жизненного пути и заканчивая типичными «бытовыми» выборами конкретного образца решения повседневных задач. Обобщая многочисленные жизненные выборы индивида, приводя их к некоторым общим образцам решения задач, под которыми как раз и подразумевается выбор способа решения жизненных проблем, встающих перед каждым человеком, мы, таким образом, можем увидеть различия жизненных стратегий личности, а значит перейти к процедуре типологического анализа. Подобное представление о жизненных стратегиях вытекает в том числе и из комплексного психологического анализа категории жизненных стратегий, изложенного К.А. Абульхановой-Славской [1].

Может показаться, что сведение жизненных стратегий к «образцам решения задач», то есть к личностным выборам человека, существенно сужает данное понятие, однако это не так. Мы исходим из комплексного представления о том, что личностный выбор, вне зависимости от «величины», т.е. значимости его для человека (будь то стратегический выбор жизненного пути – получение той или иной профессии, создание семьи и т.д., или краткосрочные тактические решения – поведение в кризисной ситуации, распределение повседневных материальных затрат и т.д.) является результатом всех изложенных выше составляющих жизненной стратегии, отражающим ценностные ориентации, смыслы и представления личности. К плюсам подобного подхода можно отнести решение противоречия, рассматриваемого Л.Н. Коган [3, 137], между, с одной стороны, жизненной целью личности, представлениями о будущем и своем поведении в перспективе и, с другой стороны, степенью приближения личности к этим представлениям.

Возвращаясь к вопросу о типологии индивидов по характеру их жизненных стратегий, изложенное выше представление о данном термине позволяет рассматривать личностные выборы, концептуализированные как образцы решения задач, в качестве предмета типологии, под которым понимается совокупность основных свойств (характеристик) социального феномена, ответственных за отнесение эмпирических объектов к отдельным однотипным группам.

Подобный подход предлагает исследователю широкий спектр возможных методологических позиций для проведения исследования, позволяющих в значительной степени упростить процедуры сбора данных и, в то же время, раскрывает новые возможности для методических решений, таких как, например, применение метода неоконченных предложений в типологическом анализе по характеру жизненных стратегий.

1. Абульханова-Славская К.А. *Стратегия жизни*. - М.: Мысль, 1991.
2. Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации*. - М.: Академический проект, 2003.
3. Коган Л.Н. *Цель и смысл жизни человека*. - М.: Мысль, 1984.
4. Тартаковская И.Н. *Гендерные аспекты стратегии безработных // СоцИс, 2000. № 11*.
5. Татарова Г.Г. *Основы типологического анализа в социологических исследованиях. Учебное пособие* — М.: Издательский Дом «Высшее Образование и Наука», 2009.

ИССЛЕДОВАНИЯ КЛУБОВ ЭЛИТ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Лешукова П.И. (Санкт-Петербург)

Большое значение роли клубов элит подчеркивали многие зарубежные исследователи, в частности, в своей работе «Властвующая элита» Ч.Р. Миллс писал:

«чтобы понять элиту как общественный класс, нам надлежит изучить целый ряд мелких интимных ячеек, в которых формируется классовая общность ее членов; самой очевидной из них была в прошлом гостиная знатной, богатой семьи, а в наши дни самой важной из них является ... и столичный клуб» [1].

Клубы конца XX - начала XXI века, с одной стороны, являются неотъемлемой частью современного общества и отражают процессы, идущие в нем, а с другой, вписаны в исторический контекст. Первоначально целью создания клубов была организация досуга, однако в дальнейшем она изменилась в сторону выполнения в определенном смысле объединяющей функции внутри социальных кругов, в отношении людей одной профессии или общих интересов и устремлений. Несмотря на кажущуюся внешнюю простоту понимания сущности клубов элит, для исследователей, в зависимости различных традиций и теоретико-методологических оснований, ответ на данный вопрос не является однозначным. Клубы элит, как объект исследования являются настолько многосторонними, что их изучение проводится в различных социогуманитарных науках. Так, условно можно выделить три основных подхода: политико-социологический, экономико-социологический и историко-культурологический. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Политико-социологический подход к изучению клубов элит

В рамках данного направления клубы выделяются как один из элементов социальной структуры, а также властных институтов. Клубы выступают важной составляющей структурирования социального пространства, выполняют функции консолидации элиты, самоидентификации, проведения демаркационной линии и разделения на «инсайдеров» и «аутсайдеров».

В исследованиях У. Уорнера и Э. Дигби Бальтзелла в качестве основного вопроса выступает изучение структуры общества, а политический контекст выступает на периферии, в центре внимания находятся акты социальных взаимодействий, что более характерно для социологического, чем политологического подхода. Рассматриваемые далее исследования, наоборот, иллюстрируют скорее политологический подход, хотя, провести четкое разделение представляется затруднительным. Д. Кендалл отмечает, что «один из основных путей, посредством которых клубы защищают своих членов – не предоставляют никакой информации о функционировании клуба или о том, кто в него входит» [4, р. 33]. В ее исследованиях клубы рассматриваются, в том числе, и как механизм отделения разных слоев общества. Кроме этого существуют исследования, посвященные вопросам лоббизма, в которые включены и клубы элит, например, у В.А. Лепехина, С.П. Перегудова.

Экономико-социологический подход к изучению клубов элит

В данном направлении исследований клубы элит рассматриваются как институт, связанный с экономикой. В центре внимания находятся вопросы влияния клубов элит на других акторов экономики, их воздействие и значение в экономической системе современного общества. Если Дж. У. Домхофф рассматривая вопрос в контексте политико-социологического подхода, приходит к выводам о построении национальной сети элитного взаимодействия, то Д. Палмер и Б.М. Барбер, придерживаясь экономико-социологического подхода, наоборот говорят о сужении круга взаимодействий. В отечественных исследованиях также можно встретить сторонников данного подхода.

Историко-культурологический подход к изучению клубов элит

Наряду с рассмотренными ранее подходами также получил распространение историко-культурологический. В центре внимания выступает историческое развитие общества и культурный контекст. В данной связи делается упор на изучение исторического аспекта существования и бытования клубов, меньше уделяя внимание социальным отношениям. Клубы проявляются как элемент культуры в историческом развитии. Следует отметить, что присутствует описание процессов, без описания

факторов их возникновения, что характерно для отечественных авторов в рамках данного подхода.

В работах, затрагивающих исторический контекст, прежде всего, подчеркивается маскулинность. Одним из условий функционирования клубов до недавнего времени являлось исключение женщин из них. Условие доступа в клубы только мужчин представляло маскулинность через две формы мужского контроля пространства: «во-первых, патриархальный механизм, который исключал женщин, во-вторых, братский механизм, исключая некоторых мужчин» [5, р. 167]. Также подчеркивается, что «желание принадлежать к престижному клубу и быть его заметным членом не исключало желания наслаждаться уединенным, частным пространством» [3, р. 809].

Одна из крупнейших работ по истории клубов «Британские клубы и общества 1580 – 1800 гг.» была написана П. Кларком. В работе он подчеркивает, что «их деятельность могла быть противоречива, они вносили свой вклад в политическую и культурную интеграцию, выполняли окологосударственные функции, но при этом они никогда не играли четкой политической роли» [2, р. 470-471]. Если обратиться к российским исследованиям клубов, то, прежде всего, следует обратить внимание на работы Е. Выгузовой, Л. Секретовой, В. Туева, И. Розенталя

В заключении следует отметить, что основная часть исследований клубов проводилась зарубежными исследователями. История существования клубов носит более длительный характер в зарубежной практике, нежели в российской, в данной связи закономерно наблюдать больший объем исследований, посвященных данной тематике.

Значительная часть исследований проводится в рамках политико-социологического и историко-культурологического подходов. Большинство представителей политико-социологического подхода придерживаются структурно-функционального подхода, который являлся доминирующим в 50-60 гг. Основными вопросами при рассмотрении клубов элит выступает взаимодействие социальных групп и политических акторов по поводу власти в обществе. Клубы наиболее существенны с точки зрения объяснения в политико-социологическом подходе в связи с тем, что высоко их значение как социального фактора. Они выполняют организационную функцию структурирования общества, чему уделяется большое внимание во многих работах, в частности в работах У. Уорнера. Исследования в рамках историко-культурологического подхода методологически размыты. Основной упор при изучении клубов делается на анализе образа жизни, стилистике жизни и в большинстве своем носит описательный характер, а также во многих из них отсутствует объяснение исторического развития. Рассмотрение феномена клубов элит в экономико-социологическом ключе является менее распространенным среди исследователей, что во многом связано с тем, что клубы находятся на периферии исследовательских интересов. Чаще в центре внимания выступают вопросы оптимизации издержек, получение прибыли и другие, нежели рассмотрение клубов в рамках экономических отношений.

В работах затрагиваются не только разные временные промежутки существования клубов, начиная от периодов их создания и заканчивая настоящим временем, но также рассматриваются различные функции клубов. В различных социогуманитарных науках отличается ракурс рассмотрения клубов, можно наблюдать многообразие подходов к изучению данного феномена.

1. Миллс Р. *Властвующая элита*. М.: Издательство иностранной литературы. 1959. [Электронный ресурс. PDF-file] С. 19091-19092.
2. Clark P. *British clubs and societies 1580-1800. The Origins of an Associational World*. Oxford: Clarendon Press. 2000. 548 p.
3. Milne-Smith A. *A Flight to Domesticity? Making a Home in the Gentlemen's Clubs of London, 1880–1914* // *Journal of British Studies*. 2006. Vol. 45. № 4. 796-818 p.
4. Kendall D. *Members Only. Elite Clubs and the Process of Exclusion*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2008. 191 p.

МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ

Лещенко Т.А. (Москва)

По меньшей мере две нарастающие тенденции современности предопределили возникновение феномена отчуждения коммуникации. Социальное отчуждение, наиболее рельефно представленное в научном осмыслении в качестве отчуждения труда, – являет собой постоянно воспроизводящийся феномен социальной реальности [2; 6]. Исторически выросшее из зависимости отчуждение приобрело характер всеобщий. Его сущность проявляется на всех уровнях социальной структуры и в каждой сфере жизнедеятельности.

В частности, маркерами отчуждения могут служить статистически доказанные закономерности в развитии тех или иных социальных явлений. Среди растущих трендов: число разводов, количество детей-сирот при живых родителях, уровень подростковой преступности, степень вовлеченности в виртуальные отношения, численность межнациональных конфликтов, плотность миграционных потоков, информационные войны и многие другие процессы. Среди ниспадающих, но имеющих то же негативное значение, – уровень явки на выборы, суть отчуждения общества от государства.

Вторая тенденция связана с коммуникационными процессами. Явление реальности массмедиа, ставшей параллельной плоскостью реальной реальности, в сущности, есть обособление, выросшее из последней [5]. Благодаря беспрецедентной интерактивности и транспарентности медиаканалов, глобальному сетевому характеру медиасистем [3], «прародительница» медиареальности становится зависимой от произведенного ею же мира, который все в большей мере становится отождествляемой с реальной реальностью.

Неизбежно возникает отчуждение, проявляемое в обоюдном противоборстве: противление социума влиянию медиасистем на реальные социальные структуры и отношения и противление медиасистем давлению социума на смысловое поле медиадискурса. Генезис отчуждения коммуникации, выросшего из этой взаимозависимости, есть первое основание для его научного осмысления. Значимость явления отчуждения коммуникации, всепроникающего, в определенном смысле беспредельного, ставшего доминирующим типом социального отчуждения и приобретшего характер автотелии – есть второе основание. Третье – предпринятые в науке, прежде всего, в философии и социологии попытки изучения и объяснения феномена отчуждения, требуют, следуя качеству и масштабу явления, уточнения как классического понятия отчуждения, так и нового, пока интуитивного понятия отчуждения коммуникации. Уточнения весьма существенного – метатеоретической экспликации.

Две категории: отчуждение и коммуникация, – выступают, с одной стороны, как объекты реальной действительности. С другой – будучи соединенными в концептуальную категорию отчуждения коммуникации они являют собой первую ступень познавательного процесса, направленного на изучение существующей между ними взаимосвязи, ставшей основанием тотального социального феномена. Понятие отчуждения нуждается в уточнении постольку, поскольку фигурирует в собирательном понятии отчуждения коммуникации. Только у К. Маркса в его диалектике отчуждения дается как минимум шесть различных значений этого понятия [1]. В целом же диапазон определений отчуждения настолько широк, что существенным образом ограничивает продуктивность и точность понятия.

Рассуждая о возможности его метатеоретической экспликации мы принимаем в качестве необходимого условия этого процесса развертывания обоснованное Б. М. Кедровым единство диалектики, логики и теории познания [4]. В свою очередь уточнение понятия отчуждения является условием экспликации собирательного понятия отчуждения

коммуникации. В качестве уточненного понятия коммуникации аксиоматически принимается определение социальной коммуникации как движения смыслов в социальном времени и пространстве, данное А. В. Соколовым в общей теории социальной коммуникации [7, с. 223].

Сущностью отчуждения предположим зависимость. Зависимость есть отношение. Следовательно, возможно рассмотрение отчуждения, как отношения, проявляемого в становлении объекта. Всякий раз, приобретая через становление другое качество, объект обретает и другой характер (тип, уровень) зависимости. Иными словами, воспроизводясь, зависимость трансформируется из относительно спокойного сосуществования рядоположенных элементов в противопоставление, требующее разрешения. Снятие противоречия происходит через отчуждение. Разность, противопоставление и противоречие есть стадии формирования отчуждения как отношения.

Объемом собирательного понятия отчуждения коммуникации выступает понимаемая как целое совокупность элементов, участвующих в отчуждении коммуникации, то есть, находящихся в отношении зависимости по поводу движения смыслов. Рассмотренная выше медиареальность представляет собой только один из контекстов отчуждения коммуникации, обусловленный ее массовым уровнем. Помимо него в объем понятия включаются элементы всех остальных уровней коммуникации, вплоть до автокоммуникации.

Довольно широкий объем понятия обуславливает узость его содержания. Существенными видовыми признаками обобщаемых предметов предположим: искажение, в том числе, доведенное до отсутствия смысла, и изменение, в том числе, ускорение, замедление, прекращение движения смысла в процессе отчуждения. Формируется отрицательное собирательное понятие отчуждения коммуникации. Тем не менее, это понятие, концентрирующее в себе не дисфункцию, а скорее наоборот – функцию, преимущественный способ деятельности, нацеленный на сохранение социума. Тот факт, что потребность в коммуникации является социогенной, определяет и специфику феномена отчуждения коммуникации и особенность одноименного понятия.

Таков краткий обзор идеи метатеоретической экспликации отчуждения коммуникации. Дальнейшее развертывание понятия отчуждения коммуникации в рамках логической социологии позволит эксплицировать его на метасоциологическом уровне, обосновать методологию изучения феномена отчуждения коммуникации и создать его структурно-функциональную модель.

1. Гурвич Ж. *Диалектика и социология* / Пер.с фр. М. М. Кириченко. — Краснодар: Кубанский госуниверситет; НИЦ «Регион-Юг», 2001.
2. Ильенков Э. В. *Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса*. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
3. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. — М.: ГУ-ВШЭ, 2001.
4. Кедров Б. М. *Единство диалектики, логики и теории познания*. — М.: КомКнига, 2006.
5. Луман Н. *Реальность массмедиа* / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Практис, 2005.
6. Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений*. — М.: Госполитиздат, 1956.
7. Соколов А. В. *Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие*. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.

РОЛЬ ТЕРРИТОРИИ В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Лопатина Е.С., Панкратова Е.В. (Иваново)

Появление термина «качество жизни» как в научном, так и в повседневном употреблении было ознаменовано актуализацией в обществе проблемы обеспечения

полноценной жизни людей. С середины 50-х годов XX века в западной научной мысли стали появляться теоретические разработки, касающиеся содержания и структуры данного показателя. Немного позднее начали активно разрабатываться конкретные методики исследования, использующиеся сегодня на разных уровнях анализа социальной жизнедеятельности.

На сегодняшний день существует большое количество теоретических работ, проведены многочисленные исследования, посвященные изучению проблемы качества жизни [2]. Однако актуальность, данная социальная проблема не теряет, а наоборот, обретает на качественно новом уровне анализа.

«Качество жизни» является системным показателем, который обусловлен сложностью структуры и взаимодействием его составляющих. Структура показателя включает разные составляющие: социальную, экономическую, духовную, политическую, экологическую, психологическую. И этот список далеко не закончен. Каждая из них фиксируется посредством набора индикаторов, которые служат для эмпирической оценки.

«Качество жизни» относится к числу категорий имеющих в своей основе индивидуальный оценочный характер. По мнению многих исследователей, данный параметр отражает, прежде всего, то насколько человек сам ощущает свое качество жизни. Такой подход был сформирован в западной науке в 70-х годах XX века, и получил название субъективного подхода.

На сегодняшний день использование субъективных индикаторов дает возможность получения полной и достоверной информации о действительном состоянии качества жизни населения. В связи с этим качество жизни находит свое отражение в субъективных ощущениях, эмоциональных состояниях, формирующихся на основе конкретных материальных условий жизни, степени развитости социальной инфраструктуры, состояния окружающей среды, формы политической жизни и т.д. Кроме того субъективный подход предполагает фиксацию таких состояний человека как удовлетворенность, счастье, удовольствие.

Ключевым индикатором «ощущаемого качества жизни» выступает степень удовлетворенности. В самом понимании удовлетворенность – «осознание человеком степени реализации своих потребностей в данных условиях, формирующее определенный тип поведения и отношения к окружающему миру [3, с. 33]». Так, с позиции качества жизни удовлетворенность отражается с помощью оценки не только различных условий и сторон жизнедеятельности, но и общего ощущения жизни.

Измерение и анализ качества жизни людей может осуществляться на различных уровнях. В качестве таковых могут выступать: «уровень отдельного человека и семьи; уровень социальной группы; уровень территориальной общности [1, с. 6]». На наш взгляд, наиболее актуальна эта проблема в ракурсе разных территорий конкретного региона.

Многочисленные оценки качества жизни на уровне отдельного региона не дают возможности судить о полноценном и всестороннем изучении данной проблемы. В связи с этим встает необходимость детального разложения региона на составляющие его территориальные структуры – города, поселки, села, деревни. Такое территориальное деление позволит детально выявить существующие проблемы в аспекте каждого типа поселения, определить пути и перспективы дальнейших преобразований, возможные рекомендации по улучшению жизни во всех сферах, обеспечить возможность принятия грамотных управленческих решений, как на местном, так и на региональном уровне. В таком случае мы сможем избежать проблемы обобщения и чрезмерного усреднения оценок жизнедеятельности человека, которая присутствует в исследованиях объектов более крупного масштаба, то есть региона в целом.

Территория как объективное условие имеет большое значение для качества жизни ее населения, поэтому уровень качества жизни будет резко отличаться. Связано это с тем, что территория заведомо определяет структуру социальных отношений, место и назначение каждого индивида в общей системе социального управления, задает определенную систему социальной инфраструктуры. Все эти условия являются внешними по отношению к каждому отдельно взятому человеку. Исходя из этого, качество жизни населения напрямую зависит от тех условий жизни, которые задаются самой территорией.

Территориальный уровень изучения качества жизни дает возможность деления всех территориальных общностей на два отличающихся друг от друга типа: сельские и городские. Городская среда представлена понятиями «город» и «поселок». Данные категории резко различаются не только своими образующими характеристиками, но и объективными условиями качества жизни. В понятии «сельская местность» условно можно обозначить две составляющие: сельская местность, включающая в себя «село» как разновидность территориальной общности, и деревенская местность, включающая соответственно территориальную общность «деревня». Сельская местность своими концептуальными характеристиками, несомненно, отличается от деревни, однако, условия, образ и качество жизни населения в них схожие.

По своим характеристикам городская и сельская местность – два различных типа жизненного пространства и жизненной среды. Сельская местность оказывается в известной зависимости от городской, поскольку здесь имеется меньше необходимых для жизни ресурсов. Городская местность выступает местом сосредоточения органов власти, науки, искусства, социальной сферы и объектом формирования всей инфраструктуры. Такие различия определяют особенности социальных, экономических, политических, культурных потенциалов жителей данных типов территорий.

Городская местность резко отличается по своим многообразным характеристикам и присущим ей параметрам от сельской местности. Она задает иной качественно отличающийся уровень, образ, стиль жизни. Обладая преимуществом в условиях жизни, городская местность имеет главный недостаток – высокое проявление стрессовых состояний на поведенческом и эмоциональном уровне, обусловленных трудовой загруженностью, нарушением режима дня, сна и отдыха, плохой экологией и многими другими факторами.

Сельская местность на протяжении десятилетий испытывает ряд проблем, связанных, прежде всего, с сокращением численности населения не только за счет естественной убыли, но и за счет миграции, особенно трудовой. К тому же для нее характерен ряд социально-экономических проблем, связанных с отсутствием рабочих мест, низким уровнем заработанных плат, неэффективностью работы органов социальной защиты населения, низким качеством медицинской помощи вследствие отсутствия квалифицированных специалистов, медицинского диагностического оборудования и т.д.

Таким образом, качество жизни выступает интегральным показателем, объединяющим в себе различные условия и факторы жизни, от которых зависит удовлетворение потребностей человека в разных сферах. Важность учета территориального аспекта в изучении качества жизни позволит учесть не только объективно заданные территорией условия жизни, но и показать особенности социально-психологической составляющей, которая не имеет объективной статистической оценки.

1. Алферова М. А., Бабинцев В.П., Белов А.А., Заинчковская С.В. О возможном подходе к разработке региональной концепции и программы улучшения качества жизни населения // Технологии качества жизни. 2002. Т.2. №2.
2. Аргунова В. Н., Панкратова Е. В. Качество жизни населения региона: социологический анализ. Иваново: Иван.гос. ун-т, 2010.
3. Харченко К.В. Удовлетворенность: методология и опыт муниципальных исследований. М.: АЛЬПЕРИЯ, 2011

ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СУИЦИДА.

Мазуренко А.А. (Барнаул)

Каждый человек хотя бы раз в жизни бывает искушаем свободой выбора смерти. Поиск "моральных каникул" имеет оборотную сторону - донжуановское пресыщение

жизнью. Тело как "большой разум" приходится обманывать в его стремлении во что бы то ни стало жить и безжалостно расправляться с ним через обретение абсолютной свободы в смерти.

Этот страшный путь сознательного суицида очевиден и безжалостен в наготе своей экзистенциальности; он имеет множество реальных и литературных сюжетов своего воплощения от гетевского Вертера до лондонского Мартина Идена, от самоубийц произведений Достоевского до судеб Есенина, Маяковского, Марины Цветаевой и Фадеева. Всякий пишущий о самоубийстве осознает свою личную причастность к борьбе двух "Я", вариативно выражающейся в столкновении реальности с идеалом, бессмысленности объекта со смысловой структурой субъекта, соматической временности с когнитивной вечностью, волевой безудержности с ограничительной силой поступка. Всякий, заявляющий своеволие в сознательном суициде, хотя бы на "дне" своей спрятанной рассудочности осознает мелкость, наивность и театральность собственных притязаний на функции бога. Поздно раскаиваться, когда дело сделано, конечно, лучше проиграть суицидальный сюжет на словах, освободиться от "сна разума", породившего чудовищ, залив кровью лишь страницы романа или экран кинематографа, однако "спасшийся" благодаря своему Вертеру Гете или благодаря своим несчастным самоубийцам Достоевский являют собой слабый аргумент "за", когда существует загадка ухода из жизни Дж. Лондона, Вл. Маяковского и многих других.

Суицид - самодеструктивное поведение человека, направленное на намеренное лишение себя жизни, а также отказ от реальных возможностей избежать смерти в критической ситуации. Приходится различать проведение двух типов расследования причин суицида. Выяснение причин и обстоятельств данного конкретного случая и исследование некоторых общих оснований, которые приводят человека к мысли о необходимости безвременно уйти из жизни. Я полагаю, если нет за фактом самоубийства явных криминальных обстоятельств, то нет необходимости ворошить недавнее прошлое. Ненавязчивое любопытство здесь просто неуместно и бестактно. Владимир Маяковский в своей предсмертной записке, как известно, просил: "Пожалуйста, не сплетничайте, покойник этого ужасно не любил". Еще менее уместны упреки, обращенные к человеку, который уже исполнил роковое решение. Другое дело - анализ социальных ситуаций, которые провоцируют людей, толкая их на фатальный шаг. Понять причины, осмыслить их - во многом означает сделать первый шаг к их устранению.

Суицидальное поведение развивается при нарушениях работы гипофиза, гиперпролактинемии, аденоме гипофиза. При употреблении некоторых лекарственных веществ повышается вероятность суицида. Как правило, это препараты для лечения неврологических расстройств (нейротропные средства), но такое побочное действие может проявиться даже у желудочно-кишечных лекарств, что требует немедленной отмены принимаемых препаратов

Что же делать, если все же друг, член семьи или знакомый оказался в подобной ситуации и вы заметили признаки странного поведения? Следует знать, что существует 2 вида суицидального поведения, истинное и ложное .

Шантажно- демонстративное или ложное характерно в большей степени для подростков или людей, страдающих зависимостью от психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков). Ситуация складывается примерно таким образом, что данные личности преследуют какие-либо цели (получение денежных средств или других материальных благ) и, таким образом, привлекают внимание к себе, действуют при помощи шантажа. К примеру: « Если ты мне не дашь денег на выпивку, я покончу с собой», или «ты меня не любишь я умру ». В некоторых случаях даже театрально и правдоподобно инсценируют суицид. Могут слегка порезать вены, пытаться повеситься, но так, чтобы все заметили, в общем, делают это открыто, сопровождают данное действие бурными эмоциями, артистизмом. Если достигают тем самым желаемого, получают финансовую помощь или любимого человека, то данные действия могут повторяться, так как шантажистом достигнут положительный эффект. Эти суицидально настроенные пациенты представляют

меньшую опасность для самих себя, так как они не скрывают свои намерения, а наоборот, их демонстрируют, пытаясь добиться своего. Опасность состоит лишь в том, что по жестокой случайности они могут все же завершить суицид, когда во время этого спектакля не придут родственники и не прервут смертельное действие. Очень важно в данной ситуации принять правильное решение и сразу обратиться к врачу

Истинный суицид представляет собой совершенно иную картину. Человек погружен в свои мысли, задумчив, часто рассуждает о смысле жизни, религии, видимы признаки депрессии, мало двигается и ест, наблюдаются расстройства сна, большую часть времени может проводить в постели или взаперти в своей комнате, вести дневник, читать тематическую литературу, писать завещание. Как правило, истинные «суицидники» все продумывают до мелочей, так сказать, смакуют свой суицид, месяцами составляют план, могут косвенным образом прощаться с родственниками и друзьями, совершать визиты к ним, делать памятные подарки.

При обнаружении каких-либо признаков поведения суицидально настроенного человека, следует незамедлительно обратиться к врачу, даже если сам пациент не желает обращаться за специализированной помощью. Нужно попытаться поискать в его вещах записки, дневники, рисунки, вообще все, что можно отнести к доказательствам того, что человек суицидально настроен. В дальнейшем это поможет поместить в специализированное учреждение психиатрического типа или вызвать специальную бригаду скорой помощи на дом, которая доставит пациента по назначению в больницу или к участковому психиатру.

Нужно завести откровенный разговор с таким человеком, в беседе внимательно выслушать, но воздержаться от оценки его поведения. Попытаться сконцентрировать внимание не на слабостях данной личности, а по возможности на его достижениях и успехах. Обязательно после разговора оповестить родственников и знакомых о возможном суициде. Попытаться склонить этого человека к обращению за специализированной помощью.

Очень редки случаи, когда сами пациенты выявляют у себя «нехорошие мысли». Определить мысли, как суицидальные, будет неправильным, ведь если все уже решено в пользу ухода из жизни, очень мала вероятность самостоятельного обращения к врачу

Обездвиженный образ жизни, плохое питание, отсутствие каких-либо увлечений, болезненность, плаксивость, переживания, в общем, любые признаки банальной депрессии уже является поводом к тому, чтобы обратиться за помощью. Если по каким-либо причинам нет возможности обратиться к психиатру, вы можете обратиться за помощью к любому другому врачу широкого профиля. Все врачи компетентны в вопросе суицидального поведения и смогут своевременно выявить такие признаки, если они имеются. В здравоохранении этому уделяется большое внимание, так как суициды уносят жизни молодых и трудоспособных людей.

Госпитализироваться в государственное учреждение не представляет большой трудности. Суицидальная настроенность является экстренным показанием к госпитализации, при обращении в любое медицинское учреждение пациента направят по профилю, выпишут вам направление или даже транспортируют с бригадой скорой медицинской помощи.

Заранее не придется готовиться к госпитализации или сдавать какие-либо анализы, обследуют в стационаре. Как правило, это общий анализ крови, мочи, электрокардиограмма, при необходимости анализы на ВИЧ и гепатит, иногда пациенты проходят такие обследования как МРТ или КТ. Такие дорогостоящие анализы необходимы для того, чтобы исключить опухоли мозга, инсульты, инфаркты. Все эти заболевания могут провоцировать симптоматику депрессии и суицидального поведения. Для успешного и действенного лечения нужно выделить причины, ориентируясь на симптомы.

Медики стараются предупредить и не допустить совершения суицидов, поэтому действуют незамедлительно. Для таких людей, которые несут явную угрозу себе, созданы

в психиатрических больницах специальные стационары, где больные находятся под круглосуточным наблюдением, с ними работает психолог, психиатр, при необходимости невролог, терапевт и физиотерапевт. Лечение комплексное, назначается лечение согласно утвержденным государством стандартам. Чаще всего базовые препараты - это антидепрессанты (амитриптиллин), седативные препараты группы бензодиазепинов (ксанакс, нитразепам), снотворные средства (зомиклон, сонат), витаминотерапия (витамины группы В, Mg), средства, улучшающие мозговое кровообращение (пирацетам), так же психотерапия, групповая психотерапия, физиолечение (электросон, дарсанваль)

Но даже при подтвержденном диагнозе препараты для базового лечения без рецепта врача в аптеке не отпускаются. Когда пациент пережил острую фазу болезни и находится на поддерживающем лечении, все психотропные препараты отпускаются небольшими порциями, чтобы предотвратить накопления необходимой дозы для совершения возможного самоубийства. Все препараты являются сильнодействующими веществами, способными влиять на нервную систему и мозговые функции, поэтому принимаются только по назначению врача, с постоянной коррекцией дозы препаратов.

Нанесение себе тяжких увечий при порезах, травмы пищевода и нарушение функции почек, печени при отравлениях, переломы шейных позвонков при повешениях, тяжелые травмы при падениях с высоты - это список того, что можно получить при попытке суицида. Такие больные нуждаются не только в психиатрическом лечении, но и в реабилитации в соматических стационарах с целью восстановления здоровья. Вероятна инвалидность после травм, полученных в результате попытки суицида. И главное осложнение, конечно же, это смерть человека.

Такие восточные религии, как брахманизм и буддизм, следующие доктрине: все, что привязывает человека к жизни, есть причина страдания, спокойно относятся к отречению от плоти. И самосожжение буддистских монахов как акт протеста против войн и других варварств современной цивилизации вполне укладывается в рамки религиозных норм. Впрочем, массовые религиозные самоубийства предпринимались и в России, например, при многих государственных нововведениях и реформах; примером тому - многочисленные самоубийства как протест против политики, проводимой Петром I.

Современными исследователями установлено, что в целом в государствах, где влияние религии слабее и религиозные нормы, в частности, связанные с самоубийством, мягче, процент суицидальных действий выше

1. *Пильгина Г.Я. Методологические и клиничко-патогенетические аспекты аутоагрессии как ситуационной приспособительной реакции // Стресс и поведение: материалы VI междунар. междисциплинар. конф. по биол. психиатрии, Москва, 26 окт. 2001 г. – М., 2001. – С. 6*
2. *Черепанова М.И. Региональная специфика латентных суицидальных рисков населения Алтайского края(статья)// Известия АлтГУ.- Барнаул.-2011. Серия «философия, социология, культурология» № 2/2.С.246-249*
3. *Черепанова М.И. Субъективные оценки социального благополучия населения, как индикаторы суицидального риска.// Мир науки, культуры, образования. серия социология.- № 2(33), февраль.-2012.-С. 502-504*

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ РИСКОВ В ЭТНОСОЦИОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Маликова Н.Р. (Москва)

В современной социологии, велика потребность в поиске баланса между макро социальным и эмпирическим, прикладным уровнями познания рисков «текучей», турбулентной, «глокальной» социальной реальности. Фиксируется методологический

диссонанс между описательными и теоретически ориентированными исследованиями, субъективность, абстрактность «аналитических» схем презентации внутренних и внешних рисков развития российского общества. На первом плане исследовательского внимания, перспективы и социальные риски воспроизводства этнической и национальной идентичности в современных условиях. В социально-культурных практиках глобальной повседневности уже не требуется постоянное обращение к этнокультурной специфике, опоры на этнический опыт народа, нормы коллективной солидарности, визуальной презентации идентичности. Для современной этнической социологии и социологии международных отношений характерен дефицит оригинальной теоретико-методологической рефлексии и знания возможностей современных методов этнической социологии и социологии международных отношений.

В информационную эпоху появились принципиально новые возможности получения социальной информации в междисциплинарных сравнительных кросс - культурных исследованиях. Наряду с этим отмечено, что даже в условиях глобализации, наиболее ключевые, рано усвоенные аспекты культуры мало подвержены переменам. Отчего это происходит? В силу того, что для изменений центральных элементов культуры необходимо массивное воздействие. Потому, что самые сокровенные ценности становятся для человека самоцелью и отречение от них порождает неосознанные страхи и утрату уверенности в себе [Инглехарт, 1999].

Признаки культурной глобализации многообразны. Потребность в новизне проявляется в масштабах «культурного синкретизма». Культура глобальной виртуальности приучает весь мир знакомиться с другими культурными мирами. Асинхронность культурной интеграции и модернизации сопровождается локальными проявлениями социальной напряженности, региональными конфликтами. Это обусловило изменения методов сбора и интерпретации данных о конкурирующих идентичностях, привлечении новых качественных методов сбора социальной информации. Доказана продуктивность привлечения социально-психологических проективных методик психосемантики. Чаще стали использоваться опросные методы с интеграцией методик ранжирования системы ценностей (С. Шварц и У. Билски, Ф. Клакхон, Ф. Стродбек, описания культурных синдромов Г. Триандиса). Стало очевидно, что особого внимания требует рост этнической ксенофобии, этнокультурных феноменов, создающих барьеры в межкультурной коммуникации и международных отношениях. В их конструирование вовлечены некоторые управленцы, политологи, представители академического и вузовского сообщества. Трансляция их позиций в СМИ, способствует деформации этнокультурной и государственно-гражданской идентичности в массовом сознании. Как известно, СМИ, не столько отражают, но отчасти формируют реальность и являются значимыми ресурсами социального влияния, манипуляции, дезинформации. В ситуациях социально-политической нестабильности, социально-экономических рисков, СМИ не только более или менее адекватно информируют общественность о социальных реалиях, но способны конструировать, активно формировать и распространять в современном информационном пространстве не только идеи межэтнической толерантности, но и национализма, сепаратизма, провоцируя рост ксенофобии. По направленности деятельности СМИ в освещении проблем межэтнических и международных отношений, можно судить не только о демократичности СМИ, но и в целом, о степени демократизации, потенциале социального доверия всего общества. Особую тревогу вызывает тиражирование и распространение негативных стереотипов, особенно в электронных средствах массовой коммуникации (TV, Интернет). Нередко в медиа – контенте подчеркивается неравенство социальных статусов, ролей, престижа, культурная инородность тех или иных этнических групп. В сводках криминальных новостей по-прежнему подчеркивается этничность лишь определенной части подозреваемых. Образы «плохого чужака», конструируемых СМИ слабо поддается социальному контролю. В социологических исследованиях 2013- 2015 гг., результаты которых сопоставлялись с

данными «Левада-Центра», определено, что этнически окрашенная культурная, политическая информация, регулярно появляется в современных московских и региональных СМИ. Интенсивность, тональность, контекст ее использования зависит от уровня и формата издания, этнического состава населения города, республики, региона. Так, например, в республике Татарстан, доля материалов, направленного на формирование сильной этнической и республиканской идентичности выше, чем в СМИ Ставропольского края. В этом регионе, большая часть публикаций направлена на формирование единой национальной (государственно-гражданской) «мы - россияне». Интенсивность обращения к этнической проблематике в московской прессе зависит от политической ситуации, столичные журналисты чаще прибегают к конструированию полярных образов информационных объектов «Мы» и «Они» (кавказцы, чеченцы, иммигранты). Каналы масс - медиа, до предела сокращают эфирное время на целевые передачи, содержащие позитивную информацию о межэтнических отношениях. Исключение составляют телеканалы «Культура», «Спас». Выявлена зависимость роста негативных этнических стереотипов, уровня ксенофобии в массовом сознании от ценностных ориентаций СМИ. ТВ - основной источник новостей об украинских событиях для россиян. Усилилась трансляция «языка вражды», «риторики «военного времени», конфронтации, «борьбы с фашизмом». Общественное мнение поляризуется. последствия региональной дестабилизации в Украине отразятся все большими издержками для России. Все больше россиян, по данным Левада-Центра, считают, что ДНР и ЛНР, украинский юго-восток в будущем должен стать независимым государством (36%), еще 26% полагают, что эти области все-таки должны стать частью России, а 17% - они должны оставаться частью Украины, но получить больше независимости от Киева. Видимо, не случайно, после воссоединения Крыма с Россией, введения антироссийских санкций, изменилось отношение респондентов к отечественным СМИ две трети россиян (70%) доверяют информации, предоставляемой российскими СМИ, но не доверяют зарубежным СМИ. По данным Левада - Центра возросло также внимание к интернет-изданиям.

Все это, предполагает необходимость расширения практики использования ивент-, дискурс-, фрейм-, контент – анализа, методов визуальной социологии, онлайн (on-line) опросов. Однако, все еще, к сожалению, слабо используются возможности анализа Интернет-контента инновационными методами («МАКС», «АЛЕКС», «КОНТЕНТ-АНАЛИЗ», «КСЕНИЯ» (ИС РАН), TABARI (KEDS), «Concordance»; HyperRESEARCH, LEXIMANCER, PROTAN ТЕХРАСК, QDA Miner, WordStat, SALT, MonoConc, TROPES, Qualrus, СAMEO, AnnoTape). Эти программы качественного анализа текста позволяют кодировать, находить, декодировать текстовые, аудио и видео материалы, имеют мультиязычное программное обеспечение, для больших объемов текста, разных жанров и стилей, графических данных. Данные импортируются в пакеты SPSS или SAS. Но, к сожалению, знакомство с этими компьютерными пакетами обработки Интернет-информации, не включены в учебно-методические программы подготовки студентов социологических факультетов по курсу ММСИ. Также дело обстоит с изучением методов работы с данными «Евробарометра», «Латиноамериканского», «Африканского», «Азиатского», «Арабского» барометров, «Евразийского монитора», ESS и WVSA. В то время как, без международной научной кооперации, привлечения принципиально новых методов сбора и анализа данных, адекватно исследовать актуальные проблемы трансформации этнокультурной и национальной идентичности, современных международных отношений, весьма проблематично.

1. Инглехарт Р. *Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе//Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.*
2. Маликова Н.Р. *Кроскультурные (межстрановые) сравнительные исследования./В Сб.: Тезаурус социологии. Методология и методы социологических исследований:*

темат.словарь-справочник.Книга 2. Раздел III.Учебное пособие. М.: "ЮНИТИ-UNITY" 2013.

- 3. Маликова Н.Р. Методология анализа этнокультурных феноменов и практик повседневности в глобализации./В Сб. У Рязанские социологические чтения: Рязань: РИД, 2015.*

КОНЦЕПТ «СОВРЕМЕННОСТИ» В СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ П. ШТОМПКИ

Малмыгин А.С. (Минск, Республика Беларусь)

В контексте социологии социальных изменений анализ современности является необходимой задачей для социологического исследования факторов социальных изменений и последствий ими обуславливаемых. Отметим, что анализ современности, к которому обращается Петр Штомпка, базируется на выделении основных структурно-функциональных компонентов современности, которые условно можно отнести как к дихотомии субъективное - объективное, так и к различным уровням социальной реальности: уровню субъектов действия и к уровню «тотальностей» – обществу в целом. Так на стороне субъективных компонентов микроуровня социальной реальности, прежде всего, П. Штомпка рассматривает социальный тип «современной личности», в том числе её характерные черты, например, особую форму её ориентации на время – «ориентации на современность»: на настоящее и будущее. Однако ориентации на современность предполагает, что существуют объективные элементы образующие данную общественную формацию: например, разнообразные технические устройства или новые принципы коммуникации. Со стороны объективных компонентов макроуровня социальной реальности П. Штомпка рассматривает типичные черты и структурные принципы «современного общества» в различных социальных сферах. В целом анализ современности и современного является следствием, вытекающим из модели социального становления общества, разработанной П. Штомпкой.

Следуя логике модели социального становления, результатом синтеза действий социальных субъектов и операций социальных систем является социальное событие, которое, обуславливает и выступает условием для формирования социальной среды осуществления последующих действий субъектов и операций социальных систем. Следовательно, современность является результатом действий субъектов и операций социальных систем так и одновременно средой их формирования, средой, которая обуславливает их действия. Исходя из модели социального становления П. Штомпки, современность представляет собой обусловленную отдельными наиболее значимыми социальными событиями совокупность структурно-функциональных компонентов, проявляющихся в социальных действиях субъектов и операциях социальных структур, а также конституирующих и управляющих общественным устройством и его социодинамикой. Таким образом, синтез оперирования структуры и действия приводит к особому историческому и социальному состоянию социальной реальности которым является современность или современный мир. Так, с одной стороны, как полагает П. Штомпка «современность – это результат того, что мы именно сейчас делаем или не хотим делать; она создается из того, что мы все вместе и каждый из нас в отдельности предпринимаем и мыслим» [497; 2]. С другой стороны, П. Штомпка считает, что «будучи, как все в обществе, производным от человеческих действий, современность, когда она становится доминирующей, четко выраженной и укоренившейся, сама оказывает на эти действия встречное влияние»[585; 2]. Очевидно, что П. Штомпка придерживается дуалистического понимания современности.

В качестве наиболее существенных структурно-функциональных элементов выступают общие организующие принципы современности: индивидуализм,

дифференциация, рациональность, экономизм, экспансия или процессы глобализации современности, а также новые экономические, политические, культурные явления, обусловленные влиянием данных структурно-функциональных компонентов. Важно отметить, что эти и другие принципы, организующие современность, выступают в качестве ускорителя социодинамики современности, нежели в качестве её замедлителя. Следовательно, определяющей чертой современности, по мнению П. Штомпки, выступают высокие темпы социальных изменений. «Современность, пишет П. Штомпка - это чрезвычайно динамичная и экспансивная общественная формация» [591; 2]. Высокий темп социальных изменений – особенно в экономической сфере общественной жизни - является особым фактором, обуславливающим быстрые изменения как ориентаций и качеств современной личности, так, следовательно, элементов и операций социальных структур, одновременно детерминирующих новые социальные события. Так мы можем наблюдать, что именно в сфере экономической жизни наиболее часто происходят значительные, существенные социальные изменения.

Таким образом, современность представляет собой уникальный, отличный от других общественных формаций социальный мир. П. Штомпка выделяет современность в качестве очередной фазы исторического процесса, появление которой обусловлено важнейшими социальными событиями. Её значение проявляется, прежде всего, в том, что вся общественная жизнь осуществляется в настоящем и, которая постепенно, но все больше определяется и регулируется структурными компонентами присущими такой общественной формации как современность.

1. Штомпка, П. Социология социальных изменений /Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
2. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества.– М.: Логос, 2005. – 664 с.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ТРАКТОВКЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ

Мартыненко Т.С. (Москва)

История человечества во многом является историей появления, изменения и исчезновения различных форм социального неравенства. Со времен Античности мыслители стремятся описать, объяснить процессы социального расслоения в обществе, а также представить наиболее справедливое общественное устройство. Общественные трансформации и развитие самой науки заставляют исследователей постоянно менять перспективу исследования, разрабатывать новые методы и показатели изучения неравенства, соотнося их не только с научными идеалами, но и с наличествующими ценностями и тенденциями развития общества. Особое значение проблема социального неравенства приобретает в условиях российской действительности на фоне растущей поляризации, снижения реальных доходов населения, неравномерного распределения благ. Социальное неравенство – одна из основных проблем современной России. В связи с этим приоритетным направлением отечественной социологии является изучение и критический анализ существующих теорий социального неравенства на предмет их адекватности трансформирующейся социальной реальности. Цель настоящей работы на основе анализа современных социологических теорий социального неравенства продемонстрировать важнейшие тенденции их изменения, а также их значение для исследования неравенства в современной России.

Специфика современных социологических теорий социального неравенства складывается под влиянием различных факторов. С одной стороны, значительное влияние

на их содержание оказывают социальные процессы, среди которых необходимо выделить глобализацию и развитие информационных технологий конца XX – начала XXI в.. С другой стороны, меняется сама наука. Ориентация на междисциплинарность, провозглашаемая ведущими учеными, глобальность как ведущая перспектива, публичность науки [6] как ценность и необходимость, постнеклассический тип научной рациональности – все это характеризует социологию сегодня и оказывает влияние на изучение проблематики социального неравенства.

Влияние глобализации как характеристики современности на теории социального неравенства разнообразно. Во-первых, глобализация, характеризующаяся как усиливающаяся взаимосвязь и взаимозависимость различных регионов земного шара, заставляет социологов и представителей других наук пересмотреть используемый понятийно-категориальный аппарат. Социальные науки после второй половины XX в. стремятся активно включать в анализ категорию «глобальное неравенство». Использование указанной категории демонстрирует наличие неравенств, выходящих за пределы национальных государств, т.е. лежащих в ином социальном пространстве (также в ином пространстве социологического анализа) чем то, на которое была ориентирована социология с момента своего возникновения. Вторым понятием, вокруг которого уже длительное время продолжается дискуссия, является «общество» [11]. Социологи пересматривают значение этого понятия для современной науки, стремятся концептуализировать категорию «глобальное общество» [7] и иным образом изучать неравенства внутри отдельных государств. Под влиянием глобализационных процессов новое значение приобретает категория «класс». В конце XX – начале XXI в. оформляются теории транснациональных классов, представленных в трудах таких ученых, как Л. Скляр, В. Робинсон, Дж. Харрис [напр., 1]. Классовое неравенство является одним из видов неравенств в теориях выдающихся исследователей неравенства И. Валлерстайна [3] и Г. Терборна [9]. Во-вторых, глобализация обратила внимание исследователей на многообразие форм, которые может принимать неравенство, в частности, глобальное социальное неравенство. Наряду со ставшим традиционным экономическим показателем дохода на душу населения, а также социологическими стратификационным и классовым анализом, внимание уделяется таким формам неравенства, как расовое, гендерное, этническое и др. [6]. Возникают синтетические и многофакторные подходы к исследованию неравенства.

Кроме того, в современной социологии изменился взгляд собственно на социальное неравенство. Многообразие обществ показало, что разнообразие не всегда означает неравенство. Ученые подчеркивают, что неравенство затрагивает все сферы общественной жизни, и его влияние значительно. Как пишет Г. Терборн, многочисленные формы, которые принимает социальное неравенство в современном мире, «оказывают множество эффектов: преждевременная смерть, плохое здоровье, дискриминация, исключение от знаний и основного направления социальной жизни, бедность, безвластие, отсутствие безопасности, лишение возможностей и жизненных шансов» [2, с. 1]. На базе исследований на границе между социальной медициной и социологией Р. Уилкинсон и К. Пикетт демонстрируют, что уровень неравенства в обществе негативно сказывается даже на наиболее обеспеченных и успешных членах общества, подрывая общественное доверие [4].

Современные подходы и теории социального неравенства, на наш взгляд, позволяют наиболее адекватно и полно описать и объяснить социальное расслоение и структуру обществ. Особое значение эти теории и их специфика приобретают для современной России, где проблема неравенства стоит на первом месте. В связи с этим социологам необходимо принять во внимание особенности включения страны в глобальное пространство, учесть многообразное влияние неравенства на общество и отказаться от одномерных экономических показателей анализа. Кроме того, поскольку вопрос о глобальном неравенстве предполагает изменения в самой науке и

взаимодействии научного сообщества, то российской социологии необходимо не только переосмыслить собственные основания: обратиться к методологии, к используемому понятийно-категориальному аппарату – но и активно участвовать в дискуссиях о роли и значении мировой социологии и проблеме социального неравенства в XXI веке.

1. Sklair L. *The Transnational Capitalist Class*. Maiden, MA: Blackwell. 2001.
2. Therborn G. *The Killing Fields of Inequality*. Cambridge: Polity Press, 2013.
3. Wallerstein I. *The Present State of the Debate on World Inequality // The Capitalist World-System. Essays*. Cambridge, 1979.
4. Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level*. London: Allen Lane, 2010.
5. Балибар Э., Валлерстайн И. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Логос, 2004.
6. Буравой М. *Публичная социология прав человека // Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. № 1. С. 27-44.
7. Мартинелли А. *От мировой системы к мировому обществу? // Социологические исследования*. 2009. № 1. С. 5-15.
8. Полякова Н.Л. *Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX - начала XXI в.: отход от «социологической ортодоксии» // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. 2011. № 4. С. 76-93.
9. Терборн Г. *Глобальное неравенство: возвращение класса // Глобальный диалог*. 2011. Т. 2. №1. С. 3-5.
10. Терборн Г. *Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания // Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1. №1. С. 46-49.
11. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: Высшая школа экономики, 2012.
12. Фомичев П.Н. *Глобальная социология: формирование новой науки: Научно-аналит. обзор*. М., 2000.

КРИЗИС ПРОФЕССИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Мартьянова Н.А., Рубцова М.В. (Санкт-Петербург)

Для характеристики актуального состояния профессии как социального института в трудах современных социологов все чаще встречается термин «депрофессионализация», которым в целом можно обозначить кризис профессии в условиях постмодерна. Профессия институционализировалась в течение длительного исторического периода, начиная с разделения общественного труда, отмеченного Э.Дюркгеймом [3]. Окончательно сложившись, она приобрела все классические черты социального института: формальные и неформальные законы и нормы, символику, этос, идентичность, статусно-ролевые наборы, «правила игры», сообщества и прочее [1;4]. Однако в период постмодерна все они неминуемо подвергаются пересмотру и изменению, что, с одной стороны, можно рассматривать как «динамику» и «трансформацию», а, с другой стороны, - как кризис.

Если анализировать факторы депрофессионализации, то одним из главных, безусловно, является кризис профессиональной этики. В условиях постмодерна на смену традиционной профессиональной этике, уходящей корнями в догматы протестантизма, приходит «текучесть» и «множественность этик», которую констатируют многие современные авторы [2;4;8]. Сами по себе «правила игры» становятся размыты, мобильны, подвижны, противоречивы. Это приводит не просто к структурным изменениям, но к постепенному нивелированию самой идеи институциональной структуры. Последствия этого в любом случае будут иметь негативное влияние как на другие социальные институты, так и на общество в целом. Кризис профессиональной

этики плавно перетекает в кризис профессиональной идентичности, что тоже, в свою очередь, является важным фактором депрофессионализации. Под профессиональной идентичностью мы будем понимать «ощущение себя как профессионала», самоотождествление человека с его профессиональным статусом и связанными с ним этосом, традициями, идеологией, сообществом, а также его способность мыслить и действовать от лица данной профессиональной группы [7, с.177].

Кризис идентичности характерен для многих социальных групп в современный период. Однако профессионалы страдают от него больше всех, поскольку профессиональный статус определяет и позицию человека в социальной структуре в целом. Потеря (снижение) статуса отражается на всех аспектах жизни профессионала в обществе и даже способствует его перемещению в более низкие и «опасные» социальные слои. Наконец нельзя упустить из анализа такой фактор депрофессионализации как возрастание влияния экспертных объединений, сопровождающееся падением престижа профессиональных сообществ. Авторитет профессионалов, традиционно базировавшийся на триаде «знание-умение-содействие» [6, с.152] и эксклюзивном доступе к специальной информации и практической работе, уменьшается в связи с распространением Интернета и возникновением так называемой «нетократии» [5, с.115-120]. Во-первых, рядовые непрофессионалы получили доступ к любым формам информации и ее интерпретации. Во-вторых, возникают многочисленные формы сетевого общения по любому интересующему человека вопросу (блоги, форумы, чаты, любительские сайты, интернет-сообщества). Это приводит к тому, что надобность в профессиональной консультации часто уменьшается или отпадает. Наконец, решение профессионала теперь может обсуждаться и оспариваться широким кругом лиц, которые могут не иметь специальных знаний в рассматриваемой области, а руководствоваться лишь «экспертным» мнением популярных в данных сообществах людей. Это приводит к снижению доверия к профессионалам, а также изменению базовых принципов работы профессионалов с клиентами, таких как: продолжительность взаимодействия, безусловное доверие, автономия, возможность профессионала вмешиваться в жизнь клиента, изменять его образ жизни, привычки, типичные поведенческие практики. При этом людей не пугает то, что виртуальные и реальные эксперты, лидеры мнений не несут ответственности за свои действия, советы, рекомендации, в отличие от профессионалов. Наоборот, возможность самостоятельного обращения к виртуальному знанию способствует усилению враждебности к социальной группе профессионалов (всем известны случаи недоверия к врачам, преподавателям, юристам и к представителям других профессий в целом).

1. *Абрамов Р.Н. Социология профессий // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 159-167.*
2. *Бауман З. Текущая современность / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.*
3. *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.*
4. *Мартыанова Н. А. Институциональная динамика профессии в эпоху мобильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 9 (35) 2013. - Тамбов: Грамота, 2013. С.103-106.*
5. *Рубцова М.В. Социологическая теория управляемости / монография / М. В. Рубцова. СПб., 2010. 236 с.*
6. *Рубцова М.В., Мартыанова Н.А. Альтруизм в профессиональной практике: социологический анализ профессий Роберта К. Мертонна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 1. С. 152-158.*
7. *Рубцова М.В., Мартыанова Н.А. Кризис профессиональной идентичности в условиях рынка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. №1. С. 177-182.*

ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Масловская Е.В. (Санкт-Петербург)

В отечественной науке сохраняется противоречие между необходимостью концептуализации права с позиций социологии и недостаточной разработанностью теоретико-методологических оснований социологического исследования правовой сферы. В сложившейся ситуации существует потребность в выявлении возможностей использования теоретических разработок, в том числе и зарубежных социологов в исследованиях правовых институтов российского общества.

Анализ процессов трансформации правовых институтов в постсоветской России может опираться на ведущие теоретические направления современной социологии права. Однако необходимо определить, какие из этих направлений соответствуют поставленной задаче. Прежде всего, следует рассмотреть возможность использования системного подхода Н. Лумана [1]. Безусловно, теория Лумана ориентирована главным образом на анализ западных правовых систем. Тем не менее это не означает, что положения системной теории заведомо неприменимы для анализа российских правовых институтов. С точки зрения теории Лумана, например, представляет несомненный интерес вопрос о том, в какой мере в российском обществе произошел переход от иерархической к функциональной дифференциации политической и правовой подсистем.

Среди современных социологических теорий права концепция юридического поля П. Бурдьё [2, 75-128], по-видимому, позволяет с наибольшей степенью полноты анализировать процессы трансформации, происходящие в российском юридическом поле. Данная концепция дает возможность рассматривать взаимодействие между группами, обладающими различными интересами и ресурсами в рамках юридического поля. Кроме того, эта концепция выявляет как внутреннюю логику развития права, так и воздействие на юридическое поле других полей, прежде всего политического. В отличие от Лумана, Бурдьё сосредотачивает внимание на реальных социальных отношениях и практиках, складывающихся в юридическом поле.

В числе изменений в структуре и функциях российских правовых институтов, наметившихся еще в конце 80-х гг. XX в., следует выделить трансформацию института адвокатуры. С позиций социолого-правовой теории Лумана данный процесс может быть охарактеризован как усиление дифференциации правовой системы. Применение теоретических моделей, разработанных Бурдьё, позволяет не только выявить скрытые основания деятельности адвокатов, используемые ими стратегии, но и определить место и роль института адвокатуры в юридическом поле. При обращении к анализу российской адвокатуры мы в большей степени опираемся на концепцию Бурдьё, тогда как трансформация российской судебной системы концептуализирована на основе сочетания элементов системной теории и критической теории в современной социологии права.

В начале 90-х гг. традиционная компетенция адвокатов в значительной степени перестала отвечать новому состоянию юридического поля. Изменение юридических потребностей и действия ведомственной бюрократии способствовали возникновению разнообразия организационных структур, индивидуальных и институциональных агентов юридического поля. В результате сформировались различные интересы и подходы к осуществлению юридических услуг, а также управлению юридической деятельностью. Усилились конфликт компетенций между старыми и новыми агентами юридического поля, конкурентная борьба внутри профессиональной группы по вопросам юрисдикции и

профессиональной идентификации, за установление стандартов профессионального поведения, за перераспределение символического и экономического капитала, монополию на соответствующем рынке услуг.

Хотя в некоторых аспектах своей деятельности (создание профессиональных ассоциаций, издание независимых журналов) адвокатское сообщество пыталось подчеркнуть свою профессиональную автономию, в целом сохранялась сформированная в советский период модель взаимодействия института адвокатуры и поля политики. В отличие от адвокатов восточноевропейских стран, российские адвокаты ограничились борьбой за свои сугубо профессиональные интересы, демонстрируя отсутствие политической активности. Следствием явилось ограничение возможности социального использования права и отсутствие у адвокатов социальной поддержки вне юридического поля.

Стремление группы либерально настроенных юристов перенести на российскую почву основные правовые принципы и правовые институты ряда западных стран отразилось в Концепции судебной реформы. Вычленив судебную систему из структуры исполнительных органов, превращая ее в самостоятельную влиятельную силу, судебная реформа могла стать импульсом к изменению характера дифференциации политических и правовых институтов, к расширению функций суда. Внутреннее соотношение сил юридического поля могло измениться вслед за тем как менялось в поле политики место групп, интересы которых они выражали.

В докладе представлена концептуализация перехода от одного состояния судебного поля, характеризующегося сложившимся в предыдущий исторический период балансом ресурсов и юрисдикции институциональных агентов, к другому состоянию, которое характеризовалось дифференциацией институционализированных форм юридических практик, расширением органов представительства судейских интересов, развитием судейского самоуправления. Следствием явились возникновение различных групп интересов, профессиональная стратификация, формирование специфической корпоративности судей [3].

Свидетельством усиления дифференциации судебной системы стало введение суда присяжных в начале 1990-х гг., который представлялся сторонникам его введения наиболее действенным механизмом обеспечения беспристрастности судебного разбирательства. Анализ юридического дискурса, результатов социологических исследований подтверждает, что участие присяжных заседателей усиливает конкуренцию внутри юридического поля и демонстрирует недостатки прежде всего профессиональных участников судебного процесса. В то же время происходит постепенное поглощение суда присяжных сложившимися практиками судебной деятельности. Правосудие в России все в большей степени монополизировано профессиональными участниками судебного разбирательства. Логика функционирования юридического поля воспроизводит объективные условия монополии профессионалов на производство той особой категории товаров, какой являются юридические услуги [4, 177-198].

В последнее десятилетие вновь усиливается иерархический характер дифференциации политической и правовой систем. Получает распространение инструментальное использование судебной системы, возрастает уровень ее бюрократизации. Осуществление судебной реформы сталкивается с серьезными трудностями. При этом многие из препятствий к изменениям коренятся в социальных институтах и практиках, находящихся за пределами собственно судебной сферы. Основными препятствиями выступают недостаточная действенность закона в самом государственном аппарате и сохранение клиентских связей в противоположность юридически строго оформленным отношениям.

Таким образом, выявленные возможности и уточнение методологических оснований для применения концепций социологии права в исследованиях актуальных

проблем трансформации политико-правовых институтов современной России позволяют расширить теоретико-методологический аппарат отечественной социологической науки.

1. *Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004.*
2. *Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. С. 75 – 128.*
3. *Масловская Е. В. Социологические теории права и анализ правовых институтов российского общества. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007.*
4. *Масловская Е. В. Проблема институционализации суда присяжных в постсоветской России // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В.В. Волкова. М.: Статут, 2012. С. 177-198.*

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ С ОБЩЕСТВОМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ К.Д. КАВЕЛИНА.

Матвеева Н.Ю. (Москва)

Известный историк Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) был одним из основателей российской социологии и политологии. Наука в его деятельности была тесно связана с практическим участием в делах государства. Его взгляды способствовали четкому выделению двух сфер общественной жизни – государственной и негосударственной. Актуальность исследования политических и правовых институтов (или «учреждений») в их историческом развитии, с акцентом на изучение процессов формирования государственных и независимых от государства отношений, обуславливалась необходимостью проведения системных реформ в России. Обращаясь к прошлому, исследователь искал ориентиры для будущего.

Кавелин считал необходимым условием успешного развития Российского государства правильную оценку особенностей и условий его существования. По его мнению, для отечественной политики характерен уход от реального положения в обществе к иллюзиям, основанным на абстрактных идеях или примерах чуждого для нас развития других стран и народов. Именно отрыв от реальности делает невозможным правильную постановку задач национальной политики. Только осознание фактического положения дел и условий социальной жизни может обеспечить понимание настоящих интересов и задач государства, указывал ученый. Он предостерегал не только от увлечения иллюзорными, не основанными на реальности, идеями, но и от желания получить быстрые результаты на практике.

Ученый проявлял особый интерес к отношениям между властью и обществом, возможности достижения между ними единства. Он считал неправомерным противопоставление государства и царя народу, будучи убежденным, что правильное государственное устройство основывается отнюдь не на принципе разделения властей, не на вынужденном балансе интересов разных групп и, тем более, не на противопоставлении власти и общества. Никакими конституционными гарантиями или разделением властей нельзя обеспечить единства общества, в котором интересы Государя, сословий и народа различны или противоположны. По его словам, создать гармонию интересов, противоречащих друг другу, только за счет правильно комбинации политических элементов – такая же иллюзия, как основать мир на вооруженной силе. В России, полагал Кавелин, никогда не было такого резкого разделения сословий, как на Западе, и потому все попытки создать аристократический слой в нашей стране успеха не имели. Любая особая группа уже через два-три поколения растворялась в народной массе или заменялась его элементами. По сравнению с западными странами, в России сословия отличались не привилегиями или какими-то особыми правами, а образом жизни и родом деятельности. Эта черта российского общества, по мнению ученого, имеет как недостатки,

так и преимущества. Вследствие отсутствия разнородных, борющихся между собой социальных сил, развитие государственной и общественной жизни носит замедленный характер; формы социальных институтов, юридические нормы недостаточно четко очерчены, не хватает индивидуальной ответственности. Однако этот же фактор создает общность народной и государственной жизни, формирует прочное сознание народного единства. Этим, считал мыслитель, обеспечивается спокойное развитие страны, объединенной общими целями, живущей без борьбы и противоречий.

Кавелин был убежден в необходимости для России прочных юридических форм и правовых гарантий во всех сферах жизни. Но формироваться они должны, по его мнению, не путем борьбы за групповые интересы, как на Западе, а путем постепенного развития, раскрывающего объективную необходимость таких форм и гарантий. Отсутствие в русском обществе коренных различий интересов и соперничества между социальными силами ученый считал важнейшим преимуществом и основой нашего политического устройства.

Ученый видел корень неудач российской внутренней политики в организации работы административного аппарата. Пытаясь найти выход из ситуации, создавшейся в России через 20 лет после «великих реформ» Александра II, в проведении которых сам ученый принимал непосредственное участие, он подробно проанализировал административную систему и пришел к выводу, что она является изначально непригодной и несовершенной. Административная система России, по его мнению, была прямо скопирована с политических учреждений европейских стран, что не оправдано ни историческими традициями, ни теоретическими принципами. Эта система создавалась под воздействием политических «миражей» – иллюзий, ложных целей и убеждений, неизбежно приводящих к негативным политическим последствиям. Главное из этих убеждений состояло в том, что административная власть является проводником решений верховной власти. На самом деле, отмечал Кавелин, внутри административной машины возникают собственные интересы и мотивы деятельности ее представителей, ничего общего не имеющие ни с интересами общества, ни с интересами монархической власти. Чиновничество воспринимается как исполнитель высшей воли государства, хотя на самом деле оно живет собственной жизнью в соответствии с внутренним порядком административной системы.

Этот порядок состоит в строгом соподчинении представителей системы согласно их чину в иерархии, причем это соподчинение распространяется не только на исполнение распоряжений монархов, но и на произвольные, противозаконные действия чиновников. Кавелин, таким образом, обратил внимание на удручающее положение представителей административного аппарата: с одной стороны, они полностью зависят от произвола начальства, а с другой – ничем не ограничены по отношению к управляемому ими народу.

Согласно анализу, проведенному ученым, административная система России представляла собой некую особую социально-политическую среду, пропускающую через себя все решения монархической власти, а также все проблемы и нужды народа. При этом сама эта среда, выросшая, по его словам, в несокрушимую силу, носила разнородный по своему социальному составу и даже анархический характер. Она не терпела никаких твердых правил, убеждений и принципов. Взамен них она руководствовалась всевозможными интересами – сословными, национальными, местными и, в особенности, личными.

Кавелин провел анализ возможностей и проблем развития местного самоуправления в России. Он отмечал неизбежные трудности, которыми будет сопровождаться его развитие, обусловленные необходимостью кропотливого и упорного труда на этой ниве. Во-первых, для успешной деятельности земских учреждений необходимо отвыкнуть от привычек действовать административными методами и ставить личные интересы выше общественных. Во-вторых, необходимо руководствоваться законами, к чему большинство русского общества не приучено, отмечает ученый. В-

третьих, разные сословия и классы общества должны находить общий язык и входить в потребности и интересы друг друга. Наконец, в-четвертых, самоуправление требует самоорганизации и организации, последовательности и настойчивости, трудно приживающихся на нашей социальной почве. Однако в результате внедрения и развития начал самоуправления общество получит значительные, и не только непосредственно-практические, выгоды и преимущества. По убеждению Кавелина, местные интересы сплотят разные общественные группы, создадут образованную жизнь в провинции, без чего невозможно настоящее развитие государства.

1. Кавелин К.Д. *Взгляд на юридический быт в древней России* // Кавелин К.Д. *Собр. соч. В 4-х тт.* – СПб.: Глаголев. – 1897. – т. 1. *Монографии по русской истории.*
2. Кавелин К.Д. *Политические призраки* // Кавелин К.Д. *Собр. соч. В 4-х тт.* – СПб.: Глаголев. – 1897. – т. 2. *Публицистика.*
3. Кавелин К.Д. *По поводу губернских и уездных земских учреждений* // Кавелин К.Д. *Собр. соч. В 4-х тт.* – СПб.: Глаголев. – 1897. – т. 2. *Публицистика.*

КОНЦЕПТ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК КАТЕГОРИЯ: СТОЛКНОВЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСОВ

Негров Е.О. (Санкт-Петербург)

Предлагаемый доклад посвящен практикам появления, существования и репрезентации в публичном пространстве концепта национального государства, его особенностям и основным интенциям. Одной из задач доклада является совмещение институционального подхода и сугубо прикладной политологии, так или иначе связанной с политическим консалтингом и экспертизой. Эта задача важна в свете изучения того, как интенции элиты, т. е. тех, кто формирует дискурс высшего уровня (номенклатура уровня принятия решения, НУПР), отражается в сознании электорально значимого большинства (ЭЗБ) – или напрямую, или через номенклатуру уровня исполнения решения (НУИР), к числу которой, кстати, можно отнести и основные СМИ, и само политологическое сообщество.

Сама по себе тема национального государства содержит в себе проблему повышенной теоретической сложности, научное решение которой требует специальных знаний и профессиональной квалификации. Целью исследования в данном случае является, прежде всего, постановка вопроса о национальном государстве как об определенном роде идеи, возникающей в конкретных исторических обстоятельствах и делающей возможным существование особого типа политической идеологии – национальной. Если исходить из дихотомического подхода, являющегося мейнстримом в нашем отечестве, среди этих идеологий стоит выделить в качестве наиболее влиятельных две: либеральную и социалистическую. Первая исходит из идеи правового, вторая – из идеи классового государства. Отсюда вытекает разный подход к самой сути государства, чем же оно все-таки является – результатом общественного договора между самостоятельными, независимыми друг от друга индивидами, органом классового господства или выражением «коллективного духа нации». Каждая из них, очевидно, содержит свою правду о государстве, выявляет в нем какую-то важную и существенную сторону. Сам факт наличия этих идей в политическом сознании общества указывает на сложный процесс становления государства как такого образования, в котором в равной мере представлены, сплетены друг с другом классовые, национальные и гражданские интересы людей.

Как известно, в истории общественно-политической мысли идея национального государства возникает в ответ на идею правового государства, защищаемую и

развиваемую идеологами классического европейского либерализма. И здесь уже заключена проблема, делающая дискуссию в нашем отечестве по этому вопросу столь острой: как, собственно, понимать национально-государственную идею – как преодоление либерально-правовой идеи государства вследствие ее внутренних противоречий и неувязок или как ее неизбежное продолжение и дополнение?

На наш взгляд, никакое правовое государство, основанное на признании суверенности и автономии индивида, его равных с другими прав и свобод, не отменяет того факта, что люди, обладающие такими правами и свободами, принадлежат к определенным социальным и национальным общностям, живут в границах конкретного государства и конкретных социальных практик. Их частные интересы так или иначе связаны с их общими интересами, обусловленными необходимостью сохранения и защиты объединяющей их группы или сообщества. Забота о собственном интересе не освобождает человека от усилий по защите своего отечества, по сохранению целостности своего государства, не лишает стремления к процветанию своей нации. Безусловно, пренебрежение частными интересами во имя общих чревато крайностями тоталитаризма, но насколько лучше забвение общих интересов ради частных? Идеология, односторонне ориентированная лишь на частное, сразу же находит себе оппозицию в лице других идеологий, подчеркивающих важность и ценность общего. Начиная с Платона, политическая мысль, ориентированная на теорию общественного договора (разной степени экстремальности либеральный, либертарианский, анархистский дискурсы) упорно ищет модель «идеального государства», в котором частные интересы граждан органически сочетались бы с общими интересами общества и государства. В поисках такой «модели» и сформировались идеи правового, национального и классового государства, каждая из которых дает свой ответ на вопрос о том, каково должно быть «идеальное государство».

Особенностям репрезентации в публичном пространстве таких моделей и анализу их систем аргументации посвящена эмпирическая часть доклада, активно дополняемая в настоящее время в связи с известными политическими и геополитическими событиями и их информационным сопровождением.

1. Багдасарян В. Э. *Национальное государство через призму идеологий*, 2012. URL: <http://www.rusland.ru/analytics/78095>
2. Бляхер Л. Е. *Новые пространства политики и способы их изучения* // *Новости РАПН*. 2006. – № 6 (25).
3. Фадеечева М. А. «Непредставленная» идеология и дискурс «нашизма» // *Публичное пространство, гражданское общество и власть. Опыт развития и взаимодействия* / отв. ред. А. Ю. Сунгуров. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 407–418.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ

Немировский В.Г., Немировская А.В. (Красноярск)

В настоящее время в отечественной социологии существуют различные точки зрения на природу современного российского общества и, соответственно, его социальную структуру. В частности, известное распространение получило представление о нём, как о сословном обществе [1], «поместной федерации» [2], или обществе феодальном [3]. Подобные концепции подразумевают существование в нём сословной структуры. Нами была выдвинута гипотеза о присутствии в массовом сознании населения региона представлений о подобной структуре современного российского общества. Вначале был проведён ряд фокус-групп, в процессе которых выявлялись представления

населения о социальной структуре общества, подвергнутые затем контент-анализу. Полученные данные в целом соответствовали модели сословной структуры, приведённой С.Г. Кордонским. На этой основе был разработан инструментарий для изучения социально-сословной структуры современного российского социума. В 2012 г. опрошены 1300 респондентов в Красноярском крае методом полуструктурированного интервью по репрезентативной выборке, в 2014 г. – 1000 человек. Исследования осуществлены при финансовой поддержке РГНФ, проекты: «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)» № 13-03-00379а и «Особенности формирования социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае» № 11-03-00250а.

Важное значение в функционировании сословной структуры играют ресурсы, их распределение [1]. В 2012 г. был задан вопрос, в какой мере обладают ресурсами представители тех или иных групп населения. Для ответа респондентам предлагалась пятибалльная оценочная шкала. По мнению жителей Красноярского края, наиболее высокими ресурсами обладают высшие государственные чиновники (вариант ответа «обладают высоким ресурсом») – 73%, политики – 65%, судьи – 58%, депутаты – 58%, опережая даже представителей крупного бизнеса – 49%. К числу низкоресурсных групп респонденты отнесли бюджетников – 5%, наёмных работников – 3%, пенсионеров – 1%, заключённых – 1%, инвалидов – 0% и безработных – 0%. Соответственно, напрашивается вывод, согласно которому наиболее высоким ресурсом обладают представители титульных сословий, низким – нетитульных. Очевидно, это может свидетельствовать о сохранении в современном российском обществе сословной социальной структуры [4].

Респондентам был также задан вопрос: «На Ваш взгляд, в какой мере приносят пользу российскому обществу представители следующих социально-профессиональных групп?» и предложена соответствующая пятибалльная шкала оценок. Рассмотрим обобщённые полярные показатели. К числу «полезных для общества» большинство респондентов (от половины до 85% опрошенных) отнесли: бюджетников (врачи, учителя, библиотекари и др.), военнослужащих, представителей малого и среднего бизнеса, наёмных работников, лиц свободных профессий, студентов. Средние оценки своей «полезности для общества» (от половины до трети опрошенных) получили: сотрудники спецслужб, судьи, правоохранители, представители крупного бизнеса, государственные гражданские служащие, государственные муниципальные служащие, пенсионеры. Характеристику «малополезных» получили казаки (28% опрошенных), трудовые мигранты (27%), инвалиды (14%). К числу в той или иной мере «вредных для общества» были отнесены заключённые (так считают 63% респондентов) и безработные (49%). Далее следуют политики (43%), депутаты (37%) и высшие государственные чиновники (34%).

В исследовании также применялся критерий «свой-чужой», который верифицировался с помощью вопроса: «В какой мере для Вас являются “своими” или “чужими” представители следующих социально-профессиональных групп?», также с использованием пятибалльной шкалы. Ответ на этот вопрос свидетельствует как о степени самоидентификации респондентов с той или иной группой, так и о социальной дистанции между ними в массовом сознании.

Согласно результатам опроса, жители Красноярского края в той или иной мере относят к «своим» бюджетников (82%), студентов (81%), пенсионеров (79%), крестьян (63%), инвалидов (63%), представителей малого бизнеса (61%), военнослужащих (58%), лиц свободных профессий (55%), муниципальных служащих (54%), наёмных работников (53%), представителей среднего бизнеса (48%), государственных гражданских служащих (46%), работников спецслужб (43%), правоохранительных органов (38%), безработных (36%), казаков (29%), судей (28%), представителей крупного бизнеса (23%), высших государственных чиновников (20%), депутатов (18%), политиков (15%), трудовых мигрантов (12%), заключённых (10%). Соответственно, респонденты воспринимают

представителей следующих социальных представителей социальных групп как «чужих»: трудовых мигрантов (71%), заключённых (68%), депутатов (67%), высших государственных чиновников (64%), политиков (46%), представителей крупного бизнеса (53%), судей (47%), казаков (45%), правоохранителей (41%), государственных гражданских служащих (36%), безработных (32%), сотрудников спецслужб (31%), представителей среднего бизнеса (29%), муниципальных служащих (28%), наемных работников (25%), представителей малого бизнеса (23%), военнослужащих (22%), крестьян (20%), лиц свободных профессий (19%), инвалидов (18%), студентов (10%), пенсионеров (10%) и бюджетников (8%).

Это говорит в пользу подтверждения гипотезы о том, что в массовом сознании жителей сибирского региона существует система представлений о сословной структуре современной России. Выявлен парадокс, согласно которому респонденты считают «полезными» для общества, а также относят к числу «своих», прежде всего, те группы, которые, в соответствии с их представлениями, являются низкоресурсными. Напротив, ряд высокоресурсных групп для них видятся «чужими» и «вредными». Очевидно, на уровне массового сознания жителей данного сибирского региона проявляется некий антагонизм между титульными и нетитульными сословиями в современной России.

Вместе с тем, нельзя отрицать и существование социально-стратификационной структуры российского общества. Безусловно, в известной мере применим к её изучению и традиционный классовый подход. На наш взгляд, одновременно наличествуют различные «ипостаси», образы этой структуры, которые вполне адекватно описываются различными теориями.

1. Кордонский С.Г. *Сословная структура постсоветской России*. Москва. Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
2. Кордонский С.Г. *Россия. Поместная федерация*. М.: Европа, 2010. 312 с.
3. Шляпентох В.Э. *Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры*. М.: Столица-принт, 2008. 368 с.
4. Немировский В.Г., Немировская А.В. *Жизненная энергия и другие ресурсы социальных субъектов (на материалах социологических исследований в Красноярском крае) // Мониторинг общественного мнения. № 4 (122), 2014. С. 104-118.*

НАЦИОНАЛЬНО- СМЕШАННЫЕ БРАКИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Никитина Е.В. (Якутск)

Межнациональные браки представляют собой форму межличностных взаимоотношений мужчины и женщины, граждански принадлежащих к разным национальным общностям, исторически сложившимся в границах двух разных территориально-государственных образований, и накладывают определенную совокупность обязанностей и предписаний на супругов с учетом этнической принадлежности, основанной на общности культуры, религии и традиций той социальной группы, с которой каждый из супругов себя осознает с момента рождения и обладает ее идентичностью, которая впоследствии служит социальной базой для действия в браке.

Проведение опроса методом интервью имеет огромное значение для научно-исследовательского проекта. Опрос методом интервью проводился в рамках учебного социологического исследования. По программе производственной практики была проведена исследовательская работа на тему «Межнациональные браки в Республике Саха(Якутия)», респондентом выступала, руководитель отдела организационного, правового обеспечения и кадровой работы Управления ЗАГС при Правительстве Республики Саха (Якутия).

Наш респондент состоит в межнациональном браке она по национальности саха, а ее супруг русский. По ее мнению, межнациональные браки отличаются крепостью, так как изначально, делая выбор, вы понимаете, что твой избранник иной национальности, ты соглашаешься с традициями и обычаями другого народа, принимаешь их и проходишь более тщательное собеседование с родными избранника

Что касается Республики Саха (Якутия) то, за последние 10 лет тенденции к увеличению количества межэтнических браков РС(Я) не наблюдается, однако меняется качественный составы в плане географического разнообразия. То есть встречаются необычные браки для нашей республики (КНР, Япония, Англия, Франция, Корея, Исландия, Германия и т.д.). Связано это с глобализацией, открылись границы, мы можем путешествовать по разным странам, учиться за рубежом, знакомиться с людьми разных национальностей посредством интернета и социальных сетей.

После распада СССР количество межнациональных браков не сократилось (именно с гражданами бывшего СССР). Распад СССР повлиял на ситуацию и в нашей республике, бывшие союзные республики (страны Прибалтики, Украина, Белоруссия) политически стали больше нашими оппонентами, закрылись от нас, браки с россиянами там не приветствуются. Но, на сегодняшний день, наблюдается улучшение межнациональных и межконфессиональных в Якутии. Это отметил заместитель Полномочного Представителя РФ в ДВФО Андрей Мотовилов в ходе семинара-совещания с Главой Якутии Егором Борисовым, которое было посвящено реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на территории республики.

В Республике Саха (Якутия) больше женщин с межнациональными браками. Многие выходят замуж за «гастарбайтеров» - выходцев из Средней Азии, приехавших в Якутию на заработки.

По статистике более крепкий однонациональный брак, но это потому, что таких браков больше. Исторически уровень разводов в нашей республике меньше, чем в целом по России. Наиболее крепкие браки у сельских жителей нашей республики.

Межнациональные браки способствуют ускорению интеграции этнических общностей, распространению двуязычия, трансформации бытового уклада. Однако следует подчеркнуть, что межнациональные браки - не главная причина процесса интернационализации жизни, скорее, следствие, результат нового климата в отношениях между равноправными народами. Благодаря межнациональным бракам выравнивается количественный состав семьи в среде различных национальностей, распространяются сходные формы и типы семей, развиваются демократизация и гуманизация внутрисемейных отношений, расширяет свои границы процесс эгалитаризации главенства.

1. <http://yakutiamedia.ru/news/society/04.06.2015/442006/mezhnatsionalniy-klimat-uluchshilsya-v-yakutii.html>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РФ И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

Николаенко Г.А. (Санкт-Петербург)

Распад Советского Союза и социалистического лагеря детерминировал кардинальную смену политических векторов в регионе. Утрата социалистической идеологической парадигмы в бывших советских республиках, а также невозможность их быстрой реинтеграции из "второго мира" в первый, повлекла за собой необходимость кардинальной смены как внутреполитического, так внешнеполитического курсов. В подобной ситуации, одним из немногочисленных векторов дальнейшего развития стала

консолидация общества вокруг национальной идеи, что поставило перед правительствами ряд новых вызовов.

Формирования национального государства, в рамках которого идея нации реально играла бы роль консолидирующего фактора невозможно без построения исторической картины на основе консенсуса. Однако, процесс нахождения консенсуса крайне затруднителен, в особенности на постсоветском пространстве. Этому способствует ряд факторов, к которым можно отнести гегемонию марксистской классовой теории в системе образования, а также повсеместное преподавание истории по программе со смещённым смысловым ударением от национальных историй к союзной. Таким образом, можно говорить об отсутствии необходимой базы для построения национального консенсуса, и, как следствие, необходимость воссоздания (а в большинстве случаев просто "создания") национальных исторических нарративов.

Основной целью национального исторического нарратива является формирование и поддержание положительного образа "мы" на основе солидарности, построенной вокруг идеи общей истории, государства и, конечно же, легитимной власти. Таким образом, историческую политику можно определить как "формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности, которые реализуется в ритуалах и дискурсе, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды"[1].

Следуя классической концепции исторической памяти, предложенной Морисом Хальбваксом, мы можем говорить, что различные социальные группы обладают различной исторической памятью об одних и тех же событиях. Так, образ периода Второй мировой войны в памяти украинцев, например, может кардинально отличаться, в зависимости от исторического нарратива той или иной группы. К кейсам, вызывающим непримиримые споры в этой бывшей советской республике, можно отнести, например, Украинскую повстанческую армию (УПА), образ которой диаметрально противоположен в памяти различных групп. Однако, исторический образ этой организации, так же, как и образ Голодомора в данный момент используется для построения исторического нарратива. Эффективность подобной стратегии, когда формирование исторического нарратива происходит не на основании поиска общенационального консенсуса, а на лоббировании исторического нарратива отдельной группы населения вызывает ряд вопросов, скорее риторических.

Пример Украины, в частности осложнений, вызванных агрессивной исторической политикой, иллюстрирует необходимость использования более "аккуратных" методов, базирующихся скорее на научном знании, нежели на представлениях представителей политической конъюнктуры. На постсоветском пространстве по этому пути пошли сразу несколько государств, в число которых входят, например, Польша, Эстония, а также некоторые действия в этом направлении были предприняты и в России. Наиболее показательными являются кейсы Польши и РФ. Так, историческая политика в Польше, базируясь на идее страданий польского народа во времена немецко-советской, немецкой и в итоге советской оккупаций как основного консолидирующего фактора формируется с помощью специальных историко-политических организаций, к числу которых можно отнести "Комиссию по преследованию преступлений против польского народа", в последствии переименованную в "Институт национальной памяти". Отличительными особенностями этого института от прочих польских научных организаций, является крайняя ангажированность и работа исключительно в векторе действующей исторической политики (начатой ещё в период правления братьев Качиньских). Данный институт, получив карт-бланш на построение польского исторического нарратива, подкрепляемый несоизмеримо большим финансированием как раз и разрабатывает "единственно-верную" трактовку польской истории. До недавнего времени, подобная организация существовала и в России. 15 мая 2009 года была создана "Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России", к задачам которой можно отнести следующие: "обобщение и анализ информации о

фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа РФ", "выработку стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемых в целях нанесения ущерба интересам России", а также "координацию действий федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов РФ и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам Российской Федерации"[2]. Однако, уже в марте 2012 года данная организация была распушена в связи с неэффективностью.

Государство, как основной актор в процессе формирования и реализации стратегий в рамках исторической политики, имеет практически неограниченные ресурсы. В частности, поставленные цели могут быть достигнуты с помощью социализирующих организаций (в частности - школ), а также через коммеморативный менеджмент. В первом случае, внедрение определённых коммемораций и построение национального (либо в многонациональных государствах - союзного, консенсусного) происходит с помощью повсеместного внедрения единого школьного учебника. На данный момент, этот этап в РФ можно считать пройденным [3]. Дальнейшее управление коммеморациями имеет значительно более сложную структуру. В частности, к ней относятся утверждение и празднование государственных праздников (а также государственное регулирование локальных праздников "на местах"), финансирование музеев и мемориальных комплексов, переименовывание и утверждение новых топонимов и т.д. В настоящее время, этот аспект исторической политики реализуется в России неэффективно, так как испытывает острый дефицит научных и идеологических оснований. На сегодняшний день, основным "стержнем" (и пока единственным эффективным коммеморативным элементом) исторической политики в России является память о Великой Отечественной войне, чья близость (в историческом континууме) к Зимней войне, первым двум годам Второй мировой, а также репрессиям сталинской эпохи не позволяют считать этот коммеморативный элемент однозначным, а следовательно - идеальным. Прочие новообразованные коммеморации, в число которых входит "День народного единства", "День Петра и Февронии" и т.п. откровенно бесполезны, так как не находят отклика в исторической памяти населения.

Резюмируя вышесказанное можно утверждать, что историческая политика на постсоветском пространстве пока ещё не сформирована. В частности, Россия, являясь многонациональным государством, а так же "стержнем" социалистической системы в прошлом, не может следовать по траектории бывших республик СССР и стран ВД. Однако, новые внешне- и внутривнутриполитические вызовы ставят власть перед необходимостью дальнейшей работы в этом направлении.

1. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Историческая политика в 21 веке: сборник статей. - М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с. - С. 475
2. Ссылка по Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник СПбГУ. Сер. 2, Выпуск 2. – 2014. С. 106-126
3. Эта тема уже достаточно хорошо разработана как в социологии, так и в политологии - см. статьи, посвящённые учебнику Филиппова.

СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Новикова С.С. (Москва)

В настоящее время научный интерес вызывает переосмысление концепции социального государства и проводимой в ее рамках социальной политики. Следуя из определения Лоренса фон Штейна, основателя концепции социального государства, можно выделить следующие его характеристики:

1. Оно обязано поддерживать равенство в правах для всех общественных слоев и помогать общественному прогрессу.

2. Социальное государство не только обязано, но способно, благодаря дарованной ему власти, осуществлять поставленные цели.

3. Смысл социального государства состоит в том, что человек, удовлетворенный качеством своей жизни, не будет стремиться сильно менять свое положение. Именно так обеспечивается политическая стабильность, что составляет главную цель социального государства (см.: 2, с.74-76).

Согласно проведенному Е.П. Тавокиным анализу многочисленных современных публикаций по проблеме социального государства, были выделены 11 содержательных качеств этого понятия:

- Гарантирование достойной жизни.
- Обеспечение справедливого распределения материальных и духовных благ.
- Соединение всех социальных групп в «гражданское общество».
- Обеспечение, защита и обслуживание интересов всего общества, а не его части.
- Проявление повышенной заботы о социально незащищенных категориях граждан.
- Признание прав, свобод и законных интересов человека высшей ценностью.
- Перераспределение доходов наиболее состоятельных категорий населения к менее состоятельным.
- Правовой характер государства.
- Наличие достаточных ресурсов для реализации своих задач.
- Стремление смягчить социальное неравенство.
- Наличие у большинства населения высокого уровня жизни (см.: 5, с.128-131).

Есть и другие классификации содержания понятия «социальное государство». Например, состоящие из 7 принципов:

- Принцип экономической свободы, заключающийся в способности выбора любого вида деятельности в экономической сфере.
- Принцип социальной справедливости и принцип социальной солидарности общества, которые строятся на основе развития акционерной собственности работников. Налоговое перераспределение доходов от богатых к бедным и большей загрузки наиболее трудоспособных членов общества для того, чтобы помочь менее трудоспособным гражданам.
- Принцип доверия к регулирующей роли рынка, а также регулирование его с использованием различных экономических методов.
- Принцип партнерства, направленный на обеспечение участия всех граждан в управлении государственными и общественными делами.
- Принцип индивидуальной социальной ответственности, который направлен на то, чтобы каждый дееспособный член общества стремился прилагать максимум усилий для того, чтобы самостоятельно обеспечить удовлетворение своих потребностей.
- Принцип социальной компенсации, направленный на обеспечение социальной и правовой защищенности граждан, что выражается в получении ими льгот и социального обслуживания.
- Принцип социальных гарантий, который предполагает предоставление гражданам минимума социальных услуг – таких как, духовное и физическое развитие, обучение, воспитание (см.: 3).

Большинство из приведенных характеристик социального государства содержательно пересекаются друг с другом, но в сумме они дают достаточно полное представление о том, что сегодня имеют в виду, говоря об этом феномене. Кроме того, содержательный анализ помогает лучше понять статью 7 Конституции РФ, в которой наше государство признается социальным и, следовательно, обязано вести социальную политику в соответствии с содержанием понятия «социальное государство».

Согласно А.Ф. Храмцову под социальной политикой государства понимается система определенных мер, направленная на достижение социальных целей и результатов, а также на улучшение качества жизни населения, повышение общественного благосостояния и обеспечение социально-политической стабильности, социального партнерства в обществе. Социальная политика государства должна быть направлена прежде всего на формирование высокой мотивации работников к труду; стимулирование всех видов экономической деятельности в рамках права; учет доли каждого работающего в созданном продукте (см.: 6, 128).

Основными направлениями социальной политики по-прежнему являются: охрана труда, а самое главное - здоровья людей; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий, пособий; иные гарантии социальной защиты (см.: 1).

Статья 7 Конституции РФ носит сегодня скорее декларативный характер и не отражает существующих реалий. В стране до сих пор отсутствует внятная стратегия развития страны, в том числе долгосрочная программа социального развития. Бедность в России остается на высоком уровне, материальное и другие формы неравенства превышает предельно критические (пороговые) величины, государство мало что делает для перераспределения доходов. В 2015 г. произошел новый рост тарифов на ЖКХ, транспорт, услуги, что привело к росту цен на продукты и товары массового потребления. Выходит, что власть противоречит сама себе, давая обещания о построении социального государства, а на деле сокращая социальную поддержку населения. Особенность становления социальной государственности в России состоит в разорванности социальных и гражданских компонентов единого целостного процесса.

Российское социальное государство должно стать общенародным государством большинства и для большинства, которое гарантирует и соблюдает права и свободы человека. Необходимым условием изменения модели российской социальной политики является перераспределение роли государства и местного самоуправления в соответствии с концептуальным содержанием конституционно декларированного социального государства.

1. Калашников С.В. Основные проблемы социального развития России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2004. – №15 (235). – С.12-19.
2. Кочеткова Л. Н. Теория социально государства Лоренса фон Штейна // Философия и общество. - 2008. – Вып.3 (51). - С. 69-79.
3. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. - 2001. - № 7. - С. 5-14.
4. Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России: [Электронный ресурс]. URL: <http://inst.eurasec.com/press/komsomolskaja-pravda-vv-putin-stroitelstvo-spravedlivosti-sotsialnaja-politika-dlja-rossii-13022012/> (Дата обращения: 01.10..)
5. Тавокин Е.П. К вопросу о концепции социального государства // СоцИс. - 2015. - №9. - С. 128-131.
6. Храмцов А.Ф. Социальное государство: Россия и европейский опыт. - М.: ИСП РАН, 2005. - 419 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Новоселова Е.Н. (Москва)

Одной из главных демографических характеристик любого общества является возрастная структура населения. В XXI веке мир столкнулся с новыми глобальными переменами в области возрастной структуры, среди которых старение населения,

безусловно, занимает одно из центральных мест. Старение населения, то есть увеличение доли пожилых людей в структуре населения охватило все континенты и регионы и является основным вызовом нового столетия.

Прежде чем говорить о демографическом старении населения, необходимо определить границу пожилого возраста. Согласно критериям, разработанным экспертами ООН, «старым» считается население, когда в его структуре доля лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7%, а по шкале демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета, – если удельный вес людей в возрасте 60 лет и старше – больше 12% населения [5].

В середине XX века только 8% населения мира составляли люди в возрасте 60 лет и старше, в настоящее время в мире 12% населения мира составляют лица старше 60 лет, в будущем ситуация только усугубится, по прогнозам ООН к 2030 году численность лиц старше 60 лет будет составлять 1,375 млн., т.е. 16% общей численности населения планеты, а к 2050 году 2,031 млн., т.е. 22% [3].

Старение населения является следствием нескольких основных тенденций:

- радикального снижения рождаемости, в результате которого уменьшается доля детей среди всего населения, а доля пожилых увеличивается – «старение снизу». Именно этот фактор, по мнению большинства ученых-демографов, является первопричиной старения;
- роста продолжительности жизни – «старение сверху»;
- миграционных процессов, однако, это воздействие несравненно более слабое, чем влияние, которое оказывает на старение населения нисходящая динамика рождаемости.

Не вызывает сомнений тот факт, что процесс старения населения затрагивает практически все стороны деятельности и сферы жизни государства и общества: здравоохранение, образование, страхование, уровень и структуру потребления, социальное обеспечение и т.д. Например, старения населения приводит к сокращению численности людей занятых в экономике, т.е. усиливается дисбаланс между трудоспособным и нетрудоспособным населением, при этом растут расходы на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание. Таким образом, демографическое старение имеет множество экономических, политических и социальных последствий, что делает детальный, как теоретический, так и практический анализ процесса старения населения России, которая не является исключением из общемировой тенденции, являясь страной с весьма существенным демографическим дисбалансом и постоянно увеличивающимся числом пожилых людей, весьма своевременным и актуальным.

Процесс старения населения в России начался несколько позднее, чем в странах Западной Европы и на их фоне наша страна кажется сравнительно молодой, однако, это по большей части связано с низкой продолжительностью жизни. Россия стареет исключительно за счет низкой рождаемости, т.е. «снизу». При этом, население России стареет быстрее других стран, так в Западной Европе в 1950 году доля лиц старших возрастов была на 60% выше, чем в России, а в 2000 году – уже менее чем на 20%, за прошедшие полвека более чем в три раза уменьшилась относительная разница между Россией и Западной Европой в значениях демографической нагрузки за счет пожилых [6].

Доля молодых людей в населении России за последние пятьдесят лет сократилась в полтора раза, доля пожилых выросла более чем в 2 раза, средний возраст живущих увеличился почти на 10 лет. В ближайшее время по прогнозам специалистов ситуация только ухудшится, старение населения ускорится и к 2025 году доля россиян старше 65 лет может достичь 18%, т.е. старше 65 лет уже будет каждый пятый житель нашей страны [2].

В настоящее время в России 12,9% от общего числа жителей люди старше 65 лет. Ситуация внутри страны неоднородна, есть как «молодые», так и «старые» регионы [1].

Перевес людей старшего возраста наблюдается в 62 регионах России наибольший: «в Тульской области и Санкт-Петербурге - в 2 раза, Рязанской и Воронежской областях - в 1,9 раза, Тамбовской, Ленинградской, Ивановской, Пензенской, Псковской, Ярославской областях, Москве - в 1,8 раза» [7].

Старение населения часто связывают преимущественно со снижением смертности, однако, это не совсем так. Как уже было сказано выше, основная причина демографического старения, а в России практически единственная, – снижение рождаемости. В РФ высокий уровень смертности замедляет старение населения, т.к. в нашей стране в преклонном возрасте люди живут значительно меньше, чем в добившихся успехов в увеличении продолжительности жизни странах [4].

Старение населения представляет собой серьезный вызов стабильности современного общества. Одно из опасений, связанных со старением населения, это увеличение лежащего на трудоспособное население бремени «иждивенчества», пожилым людям надо платить пенсию, а возможности экономики в условиях снижения доли лиц трудоспособного возраста неуклонно снижаются. Низкий возраст выхода на пенсию в России дает возможность активно обсуждать вопрос о его повышении, однако наши пенсионеры, особенно мужского пола, живут после выхода на пенсию значительно меньше, чем западные и демографических оснований для повышения пенсионного возраста у нас нет.

Большинство ученых видят в старении населения объективную и неизбежную реальность. Действительно, старение населения мира уже заложено в его нынешнем возрастном составе, однако, свой вклад в омоложение возрастного состава населения может внести рождаемость, повышение которой сделает общество более молодым, а значит более здоровым, энергичным, преуспевающим по экономическому состоянию, в интеллектуальном и в творческом планах.

1. Грицюк М. Способ борьбы со старостью. 13 миллионов российских пенсионеров вынуждены работать // *Российская газета*. 02.10.2013.
2. Доля россиян старше 65 лет к 2025 году достигнет 18 процентов // ПРАЙМ-ТАСС, 19.11.2007. <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0311/rossia01.php>
3. ДЭСВ ООН, отдел Народонаселения, Развитие и старение населения 2012, плакат, 2012; отдел Народонаселения ДЭСВ ООН, Перспективы населения мира: пересмотр 2012 года, 2013 г.
4. Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. М., 2000. С. 43. // Цит. по: Медков В.М. Демография. 2007.
5. Пирожков С.И. Демографическое старение // *Демографический энциклопедический словарь* / Гл.ред. Валентей Д.И. М., 1985.
6. Сафарова Г. Демографические аспекты старения населения России // *Демоскоп Weekly*. № 317 - 318/ 21 января - 3 февраля 2008 / http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/analit03.php#_FNR_4
7. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Статистический бюллетень 2010 года. http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_04/IssWWW.exe/Stg/d06/3-demogr.htm

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ: 1990-Е И 2000-Е ГГ.

Озерова О.В. (Санкт-Петербург)

Особенности потребления алкоголя в России в период трансформации:
1990-е и 2000-е гг.

В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, Россия вступила в пору коренной трансформации, которая затронула все сферы общества. Социальная

нестабильность, экономические реформы, рост безработицы и резкое падение уровня жизни, продолжающиеся на протяжении нескольких лет, негативно отразились на состоянии общественного здоровья. Одной из форм протестного социального ответа на отсутствие контроля над собственной жизнью и уверенности в завтрашнем дне, стало возрастающее потребление алкоголя.

1990-е годы характеризовались возникновением новой культуры потребления, сформированной массированными рекламными кампаниями западных производителей спиртного; интенсивным приобщением к алкоголю новых социальных групп; несвойственной для советского времени повсеместной доступностью алкоголя.

Наступление 2000-х годов ознаменовалось началом существенного роста экономики России, и стабилизацией политической жизни страны. Стрессовые факторы, столь значимые в начале 1990-х, оказались нивелированы. Положительные изменения значительно способствовали повышению средних доходов россиян, и росту субъективных показателей удовлетворенности жизнью.

Эти процессы повлияли на относительное неравенство в приверженности спиртному среди россиян, однако степень этих изменений остается не до конца проясненной, и требует дополнительного изучения.

Поведение в сфере здоровья социально детерминировано, оно определяется социально-экономическим статусом человека, - местом, которое он занимает в образовательной и доходной структуре общества. Учитывая то, что приверженность алкоголю неравномерно распределена по социальной иерархии, следует выяснить, в какой мере изменились паттерны потребления спиртного в различных слоях общества, а также изучить эти различия в динамике, с начала 1990-х до конца первой декады 2000-х годов.

Наряду с индивидуальными характеристиками индивида, при изучении таких социально значимых процессов, как потребление спиртного, следует принимать во внимание и факторы макроуровня.

В качестве социетального фактора, способного существенно повлиять на распространенность алкоголя в России, нами рассматривается уровень экономического благосостояния, измеряемый с помощью показателя среднедушевых доходов.

Анализ факторов как индивидуального, так и социетального уровней, позволяет выявить паттерны приверженности алкоголю в группах, ранжированных по признаку образования и дохода, а также обнаружить тренды произошедших изменений, как для отдельных социальных слоев, так и для общества в целом.

В качестве источника эмпирических данных, используемых в нашей работе, служит «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)»¹. Учитывая двухуровневую природу данных опроса RLMS, изучение влияния социально структурной дифференциации общества на потребление спиртного, осуществлялось с помощью статистического аппарата многоуровневого моделирования.

1. *Общественная палата Российской Федерации, Комиссия по социальной и демографической политике, Общественный совет Центрального федерального округа. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия.*
2. *Русинова Н.Л., Озерова О.В., Сафронов В.В. Социальные различия в здоровье и приверженности курению и алкоголю в России: тенденции 1994-2009гг. // Петербургская социология сегодня: Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История. 2011.*
3. *Татлина В.С. Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России // ЭКО. 2002. № 2. С. 114-125.*

4. Nemtsov A. *A Contemporary history of Alcohol In Russia*. Södertörns Högskola. 2011, Translation: Howard M. Goldfinger and Andrew Stickley. E-print, Stockholm 2011, Södertörn Academic Studies. 43.
5. Raudenbush S.W., and Bryk A.S. *Hierarchical Linear Models: Applications and data Analysis Methods*. Newbury Park, CA: Sage. 2002.
6. Ruhm C.J. *Economic conditions and alcohol problems // Journal of Health Economics*. 1995, 14(5). pp.583-603.

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ МЕЗОУРОВНЯ (УРОВНЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ), ВЛИЯЮЩИХ НА ПОКАЗАТЕЛИ ЗДОРОВЬЯ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Паутов И.С. (Санкт-Петербург)

Вопросы взаимосвязи социальных факторов на уровне местного сообщества с индикаторами физического, психического и социального здоровья членов данного сообщества в настоящее время изучены достаточно слабо не только в отечественных, но и в зарубежных социологических исследованиях. Вместе с тем, целенаправленное и адресное воздействие на определенные факторы, которые оказывают влияние на здоровье жителей тех или иных типов поселений, способно, по нашему мнению, стимулировать позитивные перемены в показателях здоровья его жителей. Решение этой задачи для России является актуальным в настоящее время в связи с продолжающимися трансформациями, которые в разных типах поселений имеют свою специфику.

Говоря о типах поселений и социальных процессах, которые происходят в них, следует отметить разнообразие позиций в этом вопросе. Традиция социологического анализа поселенческих структур была заложена в начале XX в. Максом Вебером (эссе «Город», 1922) и Чикагской социологической школой, представитель которой Луис Вирт обобщил идеи данной школы в своей статье «Урбанизм как образ жизни» (1938). Эти работы построены вокруг вопроса о том, в чем состоят отличительные признаки города как формы сообщества, которая стремительно развивалась в тот период, по сравнению с сельскими сообществами. Так, среди многих признаков Вебер выделял наличие рынка, т.е. товарно-денежных отношений, как ключевой характеристики города [Вебер, 1990], Вирт же особое внимание среди характеристик города уделил «гетерогенности его жителей», т.е. разнообразию их социально-экономических, образовательных параметров, профилей занятости и т.д. [Вирт, 2005].

В то же время анализ дихотомии «город-село», по нашему мнению, уже не является достаточным для понимания различий между процессами в сфере здоровья в различных типах поселений. Наличие большого круга возможных параметров классификации местных сообществ и значительные различия между ними отмечал Л.Вирт, говоря о том, что «город, в котором сосредоточена одна отрасль (промышленности), будет проявлять иные наборы социальных характеристик, чем мультииндустриальный город; будут отличаться... спальные пригороды — от промышленных пригородов,... старый город — от нового,... растущий и развивающийся город — от стабильного и умирающего» [Вирт, 2005, с.98].

В современной российской практике основы классификации поселений были заложены при разработке Градостроительного кодекса РФ 1998 года, в котором выделялись следующие группы поселений: сверхкрупные города — с населением свыше 3 млн. человек; крупнейшие города — от 1 до 3 млн.; крупные города — от 250 тыс. до 1 млн.; большие города — от 100 до 250 тыс.; средние города — от 50 до 100 тыс.; малые города и поселки (городского типа) — до 50 тыс. человек. Сельские локальные сообщества также были поделены на крупные (численность населения свыше 5 тыс. жителей); большие (с численностью от 1 тысячи до 5 тысяч человек); средние (насчитывающие от

200 до 1 тысячи жителей) и малые сельские поселения (с численностью менее 200 человек) [Градостроительный кодекс, 1998, статья 5].

Однако, как уже было отмечено выше, численность населения не является достаточным основанием для построения исчерпывающей классификации. В качестве альтернативного подхода предлагается брать за основу типологии разнообразные сочетания промышленно-производственных, организационно-культурных, транспортных (значимых не только для данного поселения), оздоровительных, научно-производственных, рыночных структур [Симагин, 2011], которые формируют хозяйственный профиль локального сообщества. По своим структурно-функциональным характеристикам города подразделяются на несколько типов:

1. многофункциональные — региональные центры с высоким уровнем концентрации промышленного производства, развитой рыночной и социальной инфраструктурой;

2. индустриальные, где главным градообразующим фактором выступает промышленность; к данному типу поселений относятся как крупные, так и малые города;

3. города с преобладающим значением транспортных узлов, где свыше 20% экономически активного населения занято в транспортной системе. К этой группе относят малые и средние города, формирующиеся в районах нового освоения с выгодным географическим положением;

4. местные организующие центры, относятся к средним и малым городам; в них административные функции местного (районного) центра зачастую преобладают над ролью промышленности в становлении «городской идентичности»;

5. «молодые» промышленные центры, получившие преимущественное развитие в районах нового освоения — в Сибири и на Дальнем Востоке;

6. специфические поселения: закрытые административно-территориальные образования (расположение секретных или опасных объектов), наукограды, оздоровительные центры и др.

Типы сельских поселений в России разнообразны, однако в них можно выделить такую общую черту, как структура занятости, характерная для большинства поселений. Она в основном состоит из занятых в отраслях сельскохозяйственного производства и социальной сферы (учителя, врачи, работники культуры, сферы социального обслуживания, торговли).

Каждый из типов поселений имеет свои проблемы, особенно обострившиеся в период рыночных трансформаций. Так, в городских агломерациях с высокой концентрацией промышленного производства (тяжелая индустрия, предприятия оборонного комплекса) негативными процессами являются: спад градообразующих производств, рост безработицы, ухудшение жилищных, санитарно-гигиенических, экологических условий жизни, увеличение затрат времени на передвижение к месту работы/учебы от места жительства, перегрузки пассажирского транспорта, недостаточный уровень развития социальной сферы, что приводит к исключению части населения крупных городов из системы социальной поддержки.

Для средних и малых городов России в настоящее время основной проблемой стало обеспечение занятости населения в зависимости от профиля развития города. В городских поселениях, ориентирующихся на развитие легкой промышленности и отдельных отраслей машиностроения, возрастает сложность трудоустройства мужской части населения. В городах с преобладанием добывающих и перерабатывающих отраслей тяжелой индустрии остро стоит проблема трудоустройства женщин.

Негативные процессы в сельских поселениях обусловлены особенностями рыночных преобразований, недостаточным уровнем развития социально-бытовой и транспортной сферы.

Таким образом, мы можем выделить следующие группы факторов, которые могут в той или иной степени влиять на процессы, связанные со здоровьем в локальных сообществах:

1. Комплекс параметров, характеризующих тот или иной тип поселений (численность населения, его плотность, состояние окружающей среды, структура занятости населения, наполненность социальной инфраструктурой и т.д.)
2. Социальные процессы, присущие той или иной группе поселений (динамика численности населения, миграционные процессы, изменения возрастного, гендерного, образовательного состава и структуры занятости населения, динамика доходов);
3. Специфика отношения к здоровью и к практикам в сфере здоровья, присущая жителям различных типов поселений.

В дальнейшем в процессе планирования исследования будет произведена конкретизация факторов, относящихся к каждой из этих групп, и определение источников данных, а также методов их анализа во взаимосвязи с показателями здоровья жителей того или иного типа поселений.

1. Вебер М. Город // М. Вебер. *Избранные произведения /Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова.* – М.: Прогресс, 1990. – с. 309–446.
2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Л. Вирт. *Избранные работы по социологии / Пер. с англ. В.Г. Николаева.* – М.: ИНИОН, 2005. – с. 93-118.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации, № 73-ФЗ от 7 мая 1998 года // Консультант Плюс (информ.сайт). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=40479;fld=134;dst=100008;rnd=176509.7496180350426584;;ts=0176509494388404767>
4. Симагин Ю.А. *Территориальная организация населения и хозяйства.* М.: КноРус, 2011.

ВОПРОС О СУЩНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ КАК БАЗОВАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Подъячев К.В. (Москва)

Вопрос о сущности и значении политической власти, является одним из ключевых вопросов социально-философской мысли вообще, и политической социологии в частности. Насколько можно судить по сохранившимся письменным памятникам, он поднимался ещё мыслителями древнейших культур: шумерской [4], египетской [9], древнеиндийской [93] Классическое определение власти как выразителя общего блага, которое не является простой суммой частных благ, но представляет собой нечто особенное, то, что нужно искать, дал великий мыслитель античности Аристотель [1, 59]. В сущности, это классическое понимание власти или политики до сего дня не изменилось, так как здесь ничего нельзя ни добавить, ни убавить.

Однако, в определённый исторический период в странах Западной Европы появилось альтернативное понимание государственной власти как носителя некоей функции, за пределами которой она не имеет значения. Исторически это понимание связано с эпохой буржуазных революций в Европе XVII – XVIII вв., но применять его на практике, как основу институционального конструирования политических систем, стали только в XX веке. Среди сторонников этого подхода возникали многочисленные споры о составе государственного функционала: следует ли ограничиться только функциями внешней обороны и обеспечения правопорядка или же государство должно выступать и экономическим регулятором (Дж. Кейнс). Но все сформулированные в его рамках концепции имели одну общую черту – они отказывали государству в самостоятельной

ценности. Для них государственная власть была лишь производной от экономического интереса или абстрактной «воли народа». Подчас сама власть как таковая, рассматривалась ими как однозначное зло, квинтэссенция голого насилия (М. Фуко), которое нужно минимизировать, коль скоро нельзя упразднить совсем. Возникло даже предположение, что характерное для европейской (и вообще авраамической) религиозной традиции осуждение сексуальности связано именно с понятием «нечистоты» власти, первичным выражением которой является половая связь, где «мужчина без девиаций стремится властвовать или обладать, женщина - быть обладаемой» [6, 120]. Понятие государственной власти как ценности было забыто [10, 42]. К концу 1980-х этот подход стал абсолютно доминирующим как в академическом, так и в публичном дискурсах.

В область же прикладную, в политическую практику это проецировалось как последовательное сокращение доли государства в экономике, уменьшение его влияния на собственной территории вследствие «проницаемости» границ и т.п. Эти процессы, происходящие в странах Запада были отождествлены с «прогрессом» как таковым, и начиная приблизительно с 1989 г. весь остальной мир призывали следовать этому образцу.

Парадоксальным образом в тех же самых «передовых» странах Запада одновременно повышалось влияние государственной власти в сфере морально-этической, что выразилось в почти насильственном насаждении принципов «политкорректности», грубом вмешательстве в частную жизнь семей, фактической маргинализации христианства якобы во имя принципа светского государства и т.п.

Соответственно можно выделить и два типа понимания коммуникации власти (политического сообщества) и социума (или жизненного мира, по Ю. Хабермасу). Один вариант (неолиберальный), состоит в жёстком их противопоставлении. Различие логик их существования рассматривается как определяющий фактор несовместимости. При этом негативные черты приписываются исключительно власти: она, дескать, думает только о том, как принудить общество служить себе. Классическим теоретиком такого подхода является Ш. Монтескьё, сформулировавший, что разделение властей (считающееся необходимым атрибутом «нормального» государства) необходимо не для более эффективного функционирования политической системы, а, наоборот, для её ослабления, дабы она не подавляла индивидуальной свободы [7, 140]. Известная мысль Ю. Хабермаса о «колонизации» системой жизненного мира является, на наш взгляд, продолжением этой линии мышления.

Если мыслить так, то действительно, функциональный подход видится наиболее верным. Если сама логика власти как логика подчинения и дисциплины есть зло, то её ограничение определёнными рамками процедур и набором функций в самом деле представляется делом оправданным и даже необходимым.

Но если видеть в политической власти инструмент достижения общего блага, то и подход к пониманию её места в социальной системе будет иным. Власть выступает уже не внешним по отношению к социуму феноменом, но необходимым для него самого оператором управления. Общество и власть не противопоставляются, а рассматриваются в некоем диалектическом единстве, как партнёры в поиске и достижении общего блага. Именно такое понимание характерно для русской православной традиции, что выражалось в концепциях соборности и соработничества [8]. Это восходит отчасти к византийской политической традиции, отчасти и, по нашему мнению, даже в большей степени, к наследию Чингисидской империи.

И сегодня, когда исчерпание потенциала неолиберальной социально-политической модели становится всё более явным, проявляется тенденция к реанимации классического понимания политической власти. Но, к сожалению, академический дискурс пока отстаёт от происходящих в стране и мире изменений. Дихотомическая модель государства-функционала и связанные с ней принципы разделения властей, приоритета прав человека, автономии третьего сектора, многопартийности и т.п. считается единственной основой

для анализа социальной реальности. Появилась довольно странная «шкала прогресса», по которой оцениваются целые страны и народы как более или менее «передовые». Мы полагаем, что это - пережиток прямолинейного эволюционизма, в естественных науках давно отброшенного. Использование его в социальных науках в современных условиях приводит к накоплению ошибок, а, стало быть, к уклонению от истины.

Действительно, на сегодня в социальных науках не существует иных методологических концептов, кроме западных. Попытки создания национальной социологии потерпели провал, как указывал крупнейший отечественный социолог В. Ядов [11]. Однако мы твердо убеждены, что «национальная» социология и политология нам необходимы. Необходимы не ради удовлетворения чувства национальной гордости, в науке неуместного, а ради обретения инструмента, позволяющего точнее анализировать явления, не вписывающиеся в рамки методологического «мэйнстрима». При этом надо понимать, что «национальность» не означает автаркичности и безусловной автохтонности. Модель, которую мы предлагаем здесь не есть какая-то «национальная русская модель», ведь основы её заложены Аристотелем, жившим задолго до появления русского народа. Но нам представляется, что эвристический потенциал этой модели для объяснения социально-политических и социокультурных феноменов, характерных для России (в том числе выявленных в ходе исследований, проводимых автором в регионах РФ в последние 3 года) значительно выше, чем у доминирующего сегодня неолиберального концепта. Пока эта исследовательская схема только разрабатывается, а данный доклад представляет собой попытку развить дискуссию по указанной проблематике.

(доклад подготовлен при поддержке РГНФ. Грант № 13-33-01031 «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России»)

1. *Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997*
2. *Артхашастра или Наука политики. Пер. с санскр. М., 1993*
3. *Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. М.: Научный эксперт, 2012*
4. *Емельянов В.В. Древний Шумер: очерки культуры. С.-Пб., 2003*
5. *Козн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. М.: Весь мир. 2003*
6. *Межуев Б.В. Русский европеизм как предмет историко-философского разоблачения // Соловьёвские исследования. Вып. 20. Иваново: Изд-во ИвГЭУ, 2008*
7. *Монтескьё Ш.-Л. О духе законов / пер. с франц. М.: Мысль, 1999*
8. *Мчедлова М.М. Влияние религии на ценностное сознание россиян // Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015*
9. *Тураев Б.А. Древний Египет. Изд-е 6. М: URRS: ЛЕНАНД, 2015*
10. *Чернышов А.Г. Власть как ценность. // Власть. 2014. № 9*
11. *Ядов В.А. Для чего нужна сегодня национальная русская социология? // Портал ИС РАН. Февраль 2008. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Naz_sociolog_Yadov.pdf*

ТЕЛЕСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ «MUST-HAVE»

Прудникова В. (Санкт-Петербург)

Современные масс-медиа, мода, реклама являются эффективными трансляторами моделей идеального тела человека. С голубых экранов мы считываем образы идеального тела, которое непременно излучает молодость, красоту, здоровье, спортивность, сексуальность. Заголовки глянцевого журналов вводят: «Сделай свое тело достойным своего духа». Тем самым СМИ последовательно и настойчиво формируют и укрепляют в сознании современного человека идею служения телу. Культ тела расцветает в искусстве,

которое воспеваает эротику как одно из прекраснейших проявлений творческого начала. Тело, подобно языческому божеству, триумфально шествует через творчество талантливых художников, фотографов, кинематографистов, дизайнеров, не говоря уже о тотальном «покорении» развлекательных телепрограмм и рекламных проектов. Таким образом «телесная» культура постепенно вытесняет культуру «духовную», создавая в сознании людей иллюзию того, что эталонная телесность непременно отражает внутреннюю красоту человека.

Благодаря СМИ, каждый человек, находясь в рамках конкретного социокультурного поля, имеет определенные представления о «нормативном теле» и, соответственно, о том, каким оно должно быть внешне. При этом чем ближе тело человека к «норме», тем более «привлекательным» он становится для субъектов данного культурного пространства и тем выше его социальный статус.

Помимо эталонов телесности через СМИ транслируются способы и средства конструирования идеальной модели тела, которые складываются в специфическую систему ценностей, являющуюся фундаментом идеи служения телу. Данная система ценностей получила название «must-have».

В прямом переводе с английского языка must-have обозначает «должно иметь» и используется в значении вещи, которую обязательно надо иметь или обрести. Данный термин пришёл из США и первоначально обозначал вещи, без которых действительно не обойдётся ни одна современная девушка: джинсы, пара туфель на каблучке чёрного или бежевого цвета, знаменитое маленькое чёрное платье, куртка-джинсовка, деловой костюм и пара белых блузок для работающей женщины.

В настоящее время смысловое поле данной дефиниции гораздо шире и предполагает ее использование для обозначения не только определенного набора вещей, которые должно иметь, но и для обозначения системы ценностей, определяющей необходимость владения этими вещами. Другими словами, must have - это что-то, что у вас обязательно должно быть, а иначе вы не успешны, не здоровы, не красивы. Данная система ценностей служит обоснованием идеи служения телу и включает в себя три аспекта конструирования идеальной модели тела: сохранение и укрепление здоровья, ухоженный внешний вид, трендовые гардероб и дополняющие его аксессуары.

Здоровое, подтянутое, спортивное тело – основная ценность в системе «must-have». Гюнтер Гебауэр пишет: «Ядро актуальной моды – спортивность тела... Тело предъявляет и открывает весь образ жизни персоны: точно просчитанное питание, тренировки, нацеленные на определенные сегменты тела, здоровое сознание, чистоплотность, аромат кожи» [1, с. 97-107].

Дублируя формулу привлекательности, предложенную Фуко («Разденься, но будь стройным, привлекательным, загорелым» [2, р. 57]), ухоженный внешний вид предполагает возведение в ранг ценностей такие атрибуты телесности как молодая, упругая, загорелая кожа, густые и шелковистые волосы, белоснежная улыбка. Привлекательность лица как атрибут телесности, отражающий существующие в данной культуре каноны красоты, является предметом особой заботы человека. Удовлетворению потребности в привлекательном лице служит насыщенный рынок косметики, корректирующей цвет лица, длину ресниц, цвет губ.

Модный гардероб и дополняющие его аксессуары также составляют систему ценностей «must-have». Престижная одежда – яркий символ успешности человека. При этом абсолютно не имеет никакого значения стиль одежды, важно, чтобы она была в тренде. Тренд непременно определяет актуальность гардероба, а, следовательно, и его владельца.

Таким образом, в современном обществе телесный образ человека представляет собой своего рода визитную карточку, по которой мы можем судить о степени посвященности ее обладателя в систему ценностей «must-have», о его материальном благосостоянии, статусном положении и о перспективах его продвижения в области

общественного признания. Телесный образ и процесс его конструирования превращаются в один из «топовых» личных проектов, над которым человек работает в течение всей жизни. По своей сути, данный проект может считаться индивидуальным лишь формально, в реальности же он сводится к выбору одного из предлагаемых стандартов. В стремлении быть успешным и привлекательным человек сравнивает свое тело с идеальной моделью, предлагаемой ему конкретным социокультурным пространством, и, в случае значительного отклонения от эталона, работает над уменьшением различий, тем самым «стирая» свою индивидуальность.

1. Гебауэр Г. *Тело, созданное аппаратами, и аппарат, создающий тело* / Гебауэр Гюнтер; пер. с нем. О. Кильдюшова // *Логос*. - 2013. - № 5 (95). - С. 97-107.
2. Foucault M. *Body/Power* // *Foucault M. Power/Knowledge: Sel. interv. a. other writings, 1972 – 1977./Ed. wiht an afterword by Gordon C. – N.Y. 1980. - P. 57.*

РОССИЯ КАК ОБЩЕСТВО РИСКА

Рахманова Ю.В. (Санкт-Петербург)

Риск является довольно сложной для понимания категорией. Восприятие риска эмоционально, равно как и апелляция к власти. Принятие же последней решений по уменьшению рисков или их игнорирование относится к сфере рационального. Некомпетентность большинства, в том числе и принимающих решения, оставляет большое поле для манипуляции общественным мнением.

Ситуация риска характеризуется тремя условиями:

- 1) неопределенность;
- 2) необходимость выбора одного решения из нескольких;
- 3) необходимость оценки последствий выбранного решения.

Как отмечает У.Бек [1], риск производится локально (даже если источником риска является межнациональная корпорация), а воздействует глобально; соответственно, и уровень принятия решений по оценке рисков, и по минимизации их последствий – это глобальный уровень. Но здесь возникает определенное противоречие: несмотря на устройство мира по принципу национальных государств, решать вопросы, связанные с рисками, необходимо на надгосударственном уровне, что ставит на повестку дня вопрос о согласовании мнений отдельных государств. При выборе же того или иного решения, касающегося глобальных рисков, важным критерием для государства является вопрос о поддержании /усилении суверенитета национального государства, таким образом, критерии оценки решения смещаются, вопросы об эффективности решения с точки зрения уменьшения/предотвращения рисков часто отходят на второй план, выдвигая на первый интересы поддержания суверенитета, соблюдения национальных (государственных) интересов. В идеале оценка эффективности решений должна быть делегирована гражданскому обществу через различные общественные структуры, в том числе и наднациональные, но здесь возникают как минимум две сложности: 1) компетентность данных структур (почему следует доверять результатам экспертизы, представляемым и отстаиваемым такими организациями); 2) наличие ресурсов как для принятия решений так и для их реализации. Такие организации также не свободны от подозрения в манипулировании общественным мнением, прежде всего его эмоциональной компонентой. Нельзя не заметить, что традиции модерна (рациональный западный мир) оказались абсолютно беззащитны перед традицией нерационального, выражающегося сегодня прежде всего в таком явлении, как индивидуализация войны (терроризм). У.Бек по данному поводу замечает, что индивидуализация войны может погубить западную демократию при политическом решении дилеммы «права и свободы личности – общественная безопасность». Существование в обществе риска требует делегирования

ответственности за принятие решений «вниз», т.е. государство должно «поделиться» властью.

Эта логика функционирования общества риска прямо противоречит тому, что происходит в современной России; причем поддержка этой тенденции в России осуществляется с двух сторон:

- «сверху» - власть не хочет как расширять круг людей, допущенных к принятию управленческих решений (достаточно посмотреть на избирательное законодательство и практику его применения – недопущение во власть «чужого»), так и делегировать какие-либо полномочия «вниз»; следует отметить, что сохранение данной ситуации в неизменном виде требует колоссальных затрат ресурсов, которые в текущей экономической ситуации власть не сможет обеспечить;

- «снизу» - большинство россиян (судя по опросам общественного мнения) не хочет брать на себя ответственность за принятие этих решений (политика самоустранения); не желает получать альтернативную (часто негативную, требующую принятия немедленных мер) информацию о текущих событиях, не говоря уже о ее анализе и формировании запроса к власти.

Даже достаточно информированные россияне часто выступают в роли «сторонних наблюдателей», которые убеждены, что в России не решаются самые острые проблемы, более того, решения власти провоцируют усиление данных рисков (например, российские антисанкции, которые подстегивают экономический кризис в стране), но не пытаются каким-либо образом противостоять данным рискам через доступные формы выражения общественного мнения.

Науке часто отказывается в роли арбитра, эксперта при оценке рисков; власть, не обладая соответствующими компетенциями, берет на себя ответственность за управление рисками (можно заказать разные экспертизы, использовать результаты той, которая политически более выгодна). Современная политическая власть в основном занята «охраной» своего статуса, не обращая внимания на высокий уровень современных рисков, вспоминая о них лишь в своих интересах. Таким образом, в сфере управления рисками не хватает общественного контроля, но речь не идет о том, чтобы определять степень риска через изучение или анализ общественного мнения.

Если говорить о функционировании общества риска в России, то нельзя не заметить следующие особенности.

1) В России исторически сложилась особая традиция работы общественного сознания с рисками – надежда «на авось», пассивное восприятие информации о рисках как массовым сознанием, так и сознанием политической элиты.

2) Риски представляют собой вероятностный характер опасности («может быть, может нет») и являются проекцией в будущее (самый наглядный пример – экологические риски), что порождает стратегию как массового, так и индивидуального поведения, точно выраженную поговорками «на наш век хватит», «после нас – хоть потоп».

3) Атомизация российского общества (результаты опросов общественного мнения показывают, что в сложных жизненных ситуациях россияне в основном рассчитывают на родственников и друзей, а не социальные институты гражданского общества или власть), т.е. сегодняшняя Россия представляет собой общество с низкой степенью доверия (термин ввел Ф.Фукуяма).

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Романова Т.Е. (Якутск)

Ключевые слова: Финансовая грамотность, молодежь

Аннотация: Современная жизнь каждого человека неразрывно связана с его личными финансами. Наличие или недостаток финансовых ресурсов определяют качество нашей жизни. Стабильность личной финансовой системы влияет на нашу уверенность в завтрашнем дне. Интуитивно, каждый человек осознает все это. Однако, что удивляет – множество людей даже не думает о том, чтобы освоить грамотное управление личными финансами, хотя данные знания серьезно влияют на их благополучие.

С проблемами управления личными финансами сталкиваются все, в том числе и молодежь, они испытывают как дефицит, так и профицит бюджетов. Современные финансовые отношения, в которые вступают индивиды, имеют тенденцию к усложнению, что требует от их участников достаточно высокого уровня финансовой грамотности. Таким образом, актуальность заключается в навыках управления личными финансами и как они становятся неотъемлемым атрибутом современного человека.

Люди, обладающие «здоровым финансовым смыслом», принимают решения, которые позволяют обеспечить личную финансовую безопасность и собственное благосостояние, внести вклад в экономику и способствовать устойчивому развитию мировой экономической системы.

Финансовая некомпетентность граждан пагубно сказывается не только на личном благосостоянии конкретных индивидов из-за неправильного выбора контрагента на финансовом рынке или вида финансовой услуги, неверных решений в области личных финансов или вообще их отсутствия, избегания, пассивной позиции по отношению к личным финансам, но и оказывает мощное негативное влияние на развитие самих финансовых рынков и экономики в целом. Не подготовленные в достаточной степени инвесторы, ведомые страхом и другими иррациональными чувствами, а не разумом, знаниями, осознанностью и рациональным восприятием ситуации склонны впасть в панику, неся серьезную угрозу финансовой системе страны. Неграмотные заемщики, которые не смогли вовремя и в полной мере оценить все риски, связанные с кредитом, оказываются не в состоянии платить по долгам, что лишает финансовой устойчивости банковскую систему. Некомпетентные малоинформированные клиенты, обладая инвестиционными возможностями, не в состоянии эффективно управлять личными сбережениями и находить достойное приложение своим капиталам. Все это ведет к снижению сберегательной и инвестиционной активности граждан и отражается в ухудшении общей экономической ситуации в стране, лишает экономику «длинных» денег, долгосрочных инвестиций, без которых осуществление полномасштабной модернизации всех сфер не представляется возможным.

Существует множество подходов к определению финансовой грамотности. В отечественной практике финансовую грамотность принято определять, как знание о финансовых институтах и предлагаемых ими продуктах, а также умение их использовать при возникновении потребности и понимание последствий своих действий. На наш взгляд, данное определение финансовой грамотности не отражает всей сложности и многогранности этого понятия. Финансовую грамотность также возможно определять как :

- понимание ключевых финансовых понятий и использование этой информации для принятия разумных решений, способствующих экономической безопасности и благосостоянию людей;

- способность вести учет всех поступлений и расходов, умение распоряжаться денежными ресурсами, планировать будущее, делать выбор соответствующих финансовых инструментов, создавать сбережения, в целях обеспечения будущего, быть готовыми к различным рискам, включая потерю работы;

- способность принимать обоснованные решения и совершать эффективные действия в сфере управления личными финансами для реализации жизненных целей и планов в текущий момент и будущие периоды.

В целом суть финансовой грамотности можно определить, как способность максимально осознанно и ответственно подходить к решению любых финансовых вопросов на протяжении всего жизненного цикла индивида.

В Якутске ежегодно проводится неделя финансовой грамотности РС(Я), где студентам/школьникам рассказывают о современных возможностях инвестирования на фондовом рынке. Но, в первую очередь, эксперты подчеркивают важность повышения финансовой грамотности каждого гражданина, в том числе необходимость личного финансового планирования. Для этого в России с 2011 года действует специальная программа, а в регионах, по инициативе Экспертного совета по защите прав потребителей при Службе Банка России по финансовым рынкам, проводятся недели финансовой грамотности.

Таким образом для расширения экономического пространства среди молодежи проводятся разные тренинги, игры, чтобы каждый усвоил понимание финансовой грамотности.

1. Стахович Л.В. *Необходимость повышения финансовой грамотности молодежи как важнейший приоритет государственной политики; Федеральный образовательный портал ЭСМ (Экономика. Социология. Менеджмент.) URL: <http://ecsocman.hse.ru/iconf/33372699/participant/2731>*
2. Кузина О.Е. *Финансовая грамотность молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 4(92).*
3. *Статья про неделю финансовой грамотности. http://ysia.ru/news/19543/v_yakutii_proshel_den_finansovoj_gramotnosti.html*

СТАТУСНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Росенко С.И., Кумпен А.А. (Санкт-Петербург)

Одним из основных параметров социальной дифференциации занятого населения является определение его статуса в соответствии с принадлежностью к группам работающих по найму, работодателей и самостоятельных работников. В данном случае основным фактором выступают отношения собственности (владение, пользование, распоряжение), определяющие содержание и характер трудовых взаимоотношений. Во многих современных исследованиях фактор владения (невладения) собственностью рассматривается как “фундаментальная точка отсчета при анализе социальной структуры. Основное деление в этой структуре проходит между теми, кто владеет средствами производства и покупает рабочую силу и теми, кто не является собственниками” [1, Р.229]. Величина и характер владения материальными и нематериальными ресурсами широко используется при социальной идентификации как в отечественной, так и зарубежной научной литературе (Э.Гидденс, Э.Райт, Дж.Тернер, Р.Картер, В.Л. Иноземцев и др.).

Содержание и характерные особенности социального статуса рабочей силы приобрели особую актуальность в современном российском обществе. Произошедшие в постсоветский период кардинальные изменения отношений собственности, обмена и распределения оказали самое непосредственное влияние на социальные параметры занятого населения, включающего в себя лиц, выполняющих работу по найму, а также приносящую доход работу не по найму как с привлечением, так и без привлечения наемных работников. Резкое сокращение производства неминуемо привело к значительному уменьшению численности занятых в экономике с 71.1 млн чел. в 1992г. до 64.5млн чел. в 2000г. Потребовалось полтора десятилетия, чтобы вернуться на показатели занятости советского периода, которые в 2013г. составили 71.4 млн чел. [2].

Статусная дифференциация занятого в экономике населения представляет собой совокупность социальных групп, занимающих определенные позиции в системе общественных отношений. Его абсолютное большинство составляют работающие по найму (наемная рабочая сила), к числу которых относятся лица, выполняющие работу по найму и получающие базовое вознаграждение, при этом основные фонды, инструменты и помещения, используемые в процессе труда им не принадлежат, а их деятельность осуществляется под непосредственным контролем владельца или определенных им лиц [3, С.30-32]. Статистические данные свидетельствуют о тенденции роста численности и удельного веса наемных работников. В общей сложности численность работающих по найму увеличилась с 62.3 млн чел. (92.5% занятого населения) в 2004г. до 66.2 млн чел. (92.7% занятого населения) в 2013г. [4]. Эти показатели говорят о том, что наемные работники продолжают оставаться основной социальной группой в составе занятого населения, составляя его абсолютное большинство.

Второй по численности, но не по значению, следует категория работающих не по найму, объединяющая лиц, выполняющих работу на собственном предприятии, при которой вознаграждение непосредственно зависит от дохода, получаемого от производства товаров и услуг. Данная группа, включает в себя работодателей, самостоятельно занятых лиц, членов производственных кооперативов и помогающих на семейном предприятии, принимающих производственные решения, относящиеся к деятельности предприятия или делегирующих эти полномочия, оставляя за собой ответственность за благополучие предприятия. Будучи глубоко дифференцированной общностью, состоящей из представителей самых различных форм бизнеса, она в настоящее время объединяет 5.2 млн чел. (7.3 % занятого населения). В ее состав входят работодатели (0.9 млн чел.), самостоятельно занятые (4.0 млн чел.), члены производственных коллективов (0.03 млн чел.) и помогающие на семейном предприятии (0.3 млн чел.). При этом общее соотношение наемных работников и работающих не по найму в составе занятого населения в России коррелирует с соответствующими показателями в экономически развитых странах (США – 93.0% и 7.0%; Германия – 88.4% и 11.6%; Япония – 86.7% и 13.3%; Великобритания – 85.7% и 14.3%; Франция – 88.5% и 14.5% и т.д.) [5, С.57-58].

Отличительной особенностью последних десятилетий стало изменение структуры доходов занятого населения. Прежде всего речь идет о снижении удельного веса заработной платы, являющейся основным источником доходов наемной рабочей силы. С другой стороны в рассматриваемый период произошло возрастание удельного веса доходов от предпринимательской деятельности и доходов от собственности. Изменение структуры доходов во многом определяет новую социальную дифференциацию населения, сопровождающуюся появлением группы предпринимателей и самостоятельных работников, представителей малого и среднего бизнеса. При этом спецификой российской реальности является резкая имущественная дифференциация занятого населения, подавляющая часть которого характеризуется низким уровнем жизни при сверхвысоких доходах его элитарных групп и слоев.

В целом статусная дифференциация занятого населения современного российского общества свидетельствует о том, что Россия, находясь в русле постиндустриального развития, относится к числу стран с переходным типом экономических и социальных отношений. Вместе с тем ее специфическими особенностями является углубление социального неравенства, поляризация социальных групп по величине дохода. Данная направленность свидетельствует о необходимости самого пристального внимания к вопросам социальной политики, целью которой должно стать стабильное развитие страны.

1. S.Clegg, P.Boreham and G. Dow. *Class, Politics and Economy*. – London, Boston and Henley, 1986.
2. *Экономическая активность населения России.2014: Стат.сб./ Росстат.* - http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/IssWWW.exe/Stg/1-02.doc(дата обращения: 15.09.2015)
3. *Российский статистический ежегодник. 2014: Стат.сб./ Росстат.* - М., 2014.
4. *Экономическая активность населения России.2014: Стат.сб./ Росстат.* - http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/IssWWW.exe/Stg/2-14.doc(дата обращения: 15.09.2015)
5. *Россия и страны мира. 2014: Стат.сб./ Росстат.* - М., 2014.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Самвелян Л.Г., Любимова Е. А. (Тюмень)

Гражданское и межнациональное согласие выступает одним из главных условий функционирования нашей страны. Россия, как многонациональное государство, веками развивалась в ходе взаимного привыкания, проникновения, смешивания народов на семейном, дружеском уровне. Историческое освоение огромных территорий страны было совместным делом многих народов.

Наибольшую остроту национальный вопрос имеет в полиэтнических регионах, что обуславливает внимание к ним социологов. Полиэтнический регион – это регион, население которого отличается многонациональным и многоконфессиональным характером. Тюменская область традиционно находится среди регионов Российской Федерации, где риски проявления межнациональных конфликтов достаточно велики, что объясняется многонациональным и многоконфессиональным характером территории, высоким уровнем миграционной активности населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. показали, что на территории Тюменской области проживают представители более 150 национальностей, в том числе 26 малочисленных народов Севера.

В ходе авторского социологического исследования проанализированы межнациональные отношения в Тюменской области в разрезе молодёжной среды. Методическая база исследования включала проведение взаимодополняющих количественных (анкетный опрос) и качественных методов (экспертный опрос и анализ документов).

Областным центром Тюменской области является г. Тюмень, население которого отличается полиэтническим характером – на территории города проживают представители свыше 120 национальностей [3]. Следовательно, г. Тюмень отражает специфику межнациональных отношений в области. Доля молодёжи составляет порядка одной трети от всего населения. Молодёжь, как социальная группа, не только постепенно вливаются в ряды более взрослого населения, но и принимают активное участие в общественных процессах.

Объектами исследования межнациональных отношений выступили молодёжь г. Тюмени (400 чел. молодежи) и эксперты, деятельность которых направлена на укрепление межнациональных отношений в Тюменской области. Также было проанализированы официальные документы Комитета по делам национальностей Тюменской области.

Выделим наиболее значимые результаты исследования. Респонденты в ходе анкетного опроса отмечают, что испытывают самые лучшие чувства, им очень приятно общаться с лицами других национальностей (31%); испытывают хорошие чувства и

подчеркивают, что чувства зависят не от национальности человека (35%). Однако сравнительный анализ результатов исследования, проведённого нами в 2013 г. и 2015 г., свидетельствует о возрастании негативного настроения к лицам других национальностей. Среди опрошенных молодых людей оказались те, кто замечает барьеры во взаимодействии с лицами других национальностей и испытывает ненависть к ним.

Следующей задачей нашего исследования было изучение самочувствия молодых людей, как жителей полиэтничного региона. Большинство респондентов (63,8%) указало, что чувствует себя хорошо, бывают некоторые напряжения, но они незначительны. 13,3% молодых людей отметили, что не чувствуют никаких притеснений и неприязни к другим людям, им приятно жить среди людей разных национальностей. Данный вопрос вызвал затруднения у 13,3% опрошенных молодых людей, в то время как 6,5% респондентов чувствуют неприязнь окружающих в отношении себя, а 3,3% - вовсе отметили, что сами чувствуют неприязнь к окружающим людям других национальностей, и им было бы лучше жить «среди своих».

Все эксперты, принимавшие участие в исследовании, отметили дружеский характер межнациональных отношений в молодёжной среде Тюменской области. Например, «у каждого молодого человека сейчас в кругу друзей есть много лиц других национальностей», «посмотрите, как нашим русским парням нравится культура, танцы дагестанского народа», «молодёжь охотно ходит на межнациональные праздники и фестивали». В данном вопросе ответы экспертов не согласуются с результатами, полученными в ходе проведения анкетирования молодёжи г. Тюмени. Эксперты были единодушны в оценке роли органов власти по улучшению межнациональных отношений в молодёжной среде: «всё возможное делается Правительством», «каждый народ прекрасен и уникален, и каждый человек, будучи молодым, должен понимать это».

Мнения экспертов относительно уровня толерантности молодёжи Тюменской области разделились: работники культуры отмечали, что «уровень толерантности в Тюменской области низкий», остальные эксперты утверждали, что «уровень толерантности находится на достаточно высоком уровне». Можно предположить, что расхождение мнений по данному вопросу обусловлено сферой деятельности экспертов. Работники культуры судят по вовлечённости молодых людей в культурно-массовые мероприятия, проводимые для укрепления отношений разных национальностей. Работники Комитета, Координационного Совета и диаспор основываются на социологических исследованиях, которые проводятся каждый год в рамках Комитета по делам национальностей Тюменской области (анкета включает 5 прямых вопросов, и ежегодное исследование выявляет толерантность 98% населения области).

В рамках исследования проведён анализ следующих документов: Положение о Комитете по делам национальностей Тюменской области; Положение об отделе по делам национально-культурных объединений и казачества по делам национальностей Тюменской области; Отчёт по деятельности Комитета по делам национальностей в сфере реализации государственной национальной политики и взаимодействия с национальными общественными организациями в 2014 г.

Выяснилось, что в области функционируют более 110 областных и местных национальных общественных объединений. Согласно документальным источникам, ситуация в сфере межнациональных отношений в Тюменской области стабильная, управляемая и прогнозируемая. Протестных акций, конфликтов на этнической основе в течение за последние 5 лет не отмечено. Анализ документов показал, что национальная политика Тюменской области совершенствуется каждый год: появляются новые проекты, организации для эффективного функционирования в многонациональной среде.

Документы свидетельствуют о том, что толерантность молодого поколения находится на высоком уровне, жители полиэтничного региона демонстрируют лишь уважительные отношения друг к другу, молодёжь регулярно посещает различные этнокультурные мероприятия, участвует в осуществлении программ и проектов. Но

данные, полученные в результате нашего социологического опроса молодёжи, показали иные результаты.

Выделим некоторые практические рекомендации по укреплению межнациональных отношений в регионе:

- корректировка политики исполнительных органов власти Тюменской области для большего вовлечения молодёжи в работу диаспор, осуществления национальных мероприятий;

- внесение изменений в формат проведения Дворцом национальных культур «Строитель» фестиваля «Радуга»;

- поскольку результаты исследования показали, что наиболее нетерпимы к лицам иных национальностей молодые люди в возрасте 16-18 лет, необходимо во всех учебных заведениях введение дополнительных классных часов, внеурочных мероприятий для расширения кругозора в отношении культур и обычаев других национальностей, создания дружественной атмосферы;

- расширение работы глав диаспор с молодыми людьми, принадлежащими данной диаспоре, для воспитания уважения к другим народам, культуре, языку, традициям, а также общим социальным нормам;

- наиболее важной практической рекомендацией является авторский социальный проект «Все вместе». Социальный проект направлен на сплочение представителей всех национальностей, проживающих на территории Тюменской области.

В заключение важно подчеркнуть, что межнациональное согласие – это кропотливая работа государства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить «единство в многообразии». Необходимо не только соблюдение взаимных обстоятельств, но и нахождение общих для всех ценностей.

России необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и национальной принадлежности, но, прежде всего, он должен быть гражданином России и гордиться этим.

1. Путин, В.В. Россия: национальный вопрос / В.В. Путин. – М.: 2012. – 12 с. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ng.ru> (дата обращения: 11.05.2015).
2. Межнациональные отношения в России: мониторинг [Электронный ресурс]. URL : <http://wciom.ru/> (дата обращения: 12.05.2015).
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL : <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12. 05. 2015).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Санина А.Г. (Санкт-Петербург)

В мировой практике сложились различные подходы к формированию политики патриотического воспитания. Как правило, данный процесс не рассматривается обособленно и включается в одну из двух систем – национально-государственного строительства или гражданского образования. И в той, и в другой системе патриотизм понимается как *принадлежность* и выражается в чувстве привязанности, любви, заботе, верности, гордости по отношению к группе или государству [Davidov 2009].

А. фон Богданди и его коллеги определяют национально-государственное строительство как процесс формирования коллективной идентичности с целью легитимизации публичной власти на данной территории [Bogdandy 2005]. Этот процесс

опирается на существующие традиции, институты и обычаи, переопределяя их в качестве национальных особенностей для того чтобы поддержать государственные притязания на суверенитет. Успешный процесс национального строительства производит культурную проекцию нации, содержащую определенный набор предположений, ценностей и убеждений, которые могут функционировать в качестве легитимного основания государственного устройства. Именно они и рассматриваются в качестве основы патриотического воспитания. Национально-государственное строительство характеризуется мощным символическим элементом. Оно включает в себя создание национальных атрибутов, таких как флаги, гимны, национальные дни, национальные мифы и пр. [Smith 1986]. Их основная задача состоит в толковании национальной идеи, а также трансляции простого и понятного образа государства как единого целого [Рапов 2010].

А. Алесина и Б. Рич характеризуют национально-государственное строительство как процесс, ведущий к образованию таких государств, в которых граждане обладают достаточно большим количеством общих интересов, целей и предпочтений, и поэтому не хотят отделяться друг от друга [Alesina 2013]. С. Шульман рассматривает национальную идентичность как системообразующее явление, включающее в себя гражданскую (общность территории и гражданства, равенство прав, доверие к политическим институтам, приверженность к существующей идеологии и желание быть частью нации), культурную (общность языка, религии и традиций) и этническую (общность происхождения и расы) идентичности [Shulman 2002, p. 559]. Целью национально-государственного строительства является объединение людей в государство так, чтобы оно оставалось политически стабильным и жизнеспособным в долгосрочной перспективе. Государственное управление в данном случае базируется на принципе приоритетов суверенитета и экономического развития.

Второй подход к патриотическому воспитанию предполагает акцент на гражданственности и гражданском образовании. Дискуссионность проблематики гражданского была впервые обозначена Т.Х. Маршаллом в середине XX в., предложившим понимание гражданства как статуса, «дарованного всем, кто является полноправным членом сообщества», и обеспечивающего доступ к гражданским, политическим и социальным правам [Marshall 1973]. Гражданство требует прямого чувства членства в сообществе, основанного на лояльности свободных людей, наделенных правами и защищенных общим законом. Эти процессы не носят хаотический характер и предполагают гражданское образование. Маршалл подчеркивает, что гражданство – это не образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека; это то, что приходит к нему извне. Л. Босняк указывает, что понятие гражданства представляет собой многообразие смыслов и интерпретаций: это может быть легальный статус; совокупность прав; политическая деятельность; форма коллективной идентичности, чувство народного единства [Bosniak 2000]. Два первых аспекта описывают внешний (пассивный) смысл гражданства, а именно номинальный или формальный статус гражданина и права, которые гражданство гарантирует. Третий и четвертый аспекты характеризуют внутренне (активное) значение гражданства: участие в политической жизни страны и чувство принадлежности к определенному сообществу. Следовательно, гражданство тесно связано с процессом идентификации индивида не только по формальным, но и по содержательным признакам. Оно представляет собой одновременно статус и роль. Как социальный и политико-правовой статус, оно описывает совокупность прав и свобод, которые государство признает за гражданами; социальный контракт между государством и индивидом; юридические нормы, которые определяют внутреннюю сторону национальной принадлежности (состояние гражданства); лояльность граждан к государственным институтам; баланс между правами и обязанностями гражданина; правила доступа к общественной жизни и гражданскому участию. Как социальная роль, гражданство предполагает гражданские компетенции (гражданскую грамотность), которая

делает возможным эффективно применять статус гражданина; разделяемые национальные ценности; а также совокупность политических, экономических и символических практик, подтверждающую принадлежность индивида к определенной территории и определенному государству.

Безусловно, национально-государственное строительство и гражданское образование как концептуальные модели формирования гражданина представляют собой идеальные типы, теоретические конструкции. Их анализ позволяет выделить определенные общие черты патриотического воспитания и гражданского образования (гражданская идентичность, ценности, разделяемые членами общества, а также желание и способность участвовать в жизни государства), а также патриотического воспитания и национально-государственного строительства (национальная идентичность как чувство принадлежности к определенной нации, национальная гордость) (см. табл. 1).

Табл. 1. Сходства и различия концепций гражданского образования, национально-государственного строительства и патриотического воспитания

Концептуальная основа	Гражданское образование	Патриотическое воспитание	Национально-государственное строительство
Основная доминанта воспитания / образования	Практические навыки Знания Критическое мышление Поведенческие паттерны гражданина	Эмоциональная привязанность	Национальные атрибуты Политическое сообщество Знания Ценности
Общие черты концепций	Гражданская идентичность Ценности Участие, гражданское поведение		
		Национальная идентичность Знания Национальная идея	

Однако если и гражданское образование, и национально-государственное строительство в большей степени позволяют реализовать когнитивный, нормативно-ценностный и поведенческий компоненты государственной идентичности, то патриотическое воспитание per se направлено лишь на один, эмоциональный, компонент. Именно поэтому оно наиболее размыто как в целевом, так и в инструментальном плане, что приводит к угрозе формирования слепого патриотизма и продуцированию национальных и интернациональных конфликтов. В подтверждение этой мысли приведем результаты эмпирического исследования, направленного на сравнение концепций патриотического воспитания в разных странах.

1. Alesina A., Reich B. (2013) *Nation Building // Working Paper 18839. Nber working paper series. National Bureau of Economic Research.*
2. Bogdandy A. (2005) *State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approaches / A. Bogdandy, S. Häußler, F. Hanschmann, R. Utz // Max Planck Yearbook of United Nations Law. Vol. 9.*
3. Bosniak L. (2000) *Citizenship Denationalized // Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 7(2).*

4. Davidov E. (2009) *Measurement Equivalence of Nationalism and Constructive Patriotism in the ISSP: 34 Countries in a Comparative Perspective Political Analysis // Political Analysis. Vol. 17(1).*
5. Marshall T. H. (1973) *Class, Citizenship and Social Development. Chicago, University of Chicago Press.*
6. Panov P. (2010) *Nation-building in post-Soviet Russia: What kind of nationalism is produced by the Kremlin? Disciplinary and Regional Trends in Russian and Eurasian Studies: Retrospective Glances and New Steps, in: Journal of Eurasian Studies, Vol. 1, No.*
7. Shulman S. (2002) *Challenging the Civil / Ethnic and West: East Dichotomies in the Study of Nationalism // Comparative Political Studies. Vol. 35. N 5.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Сарыглар С.А. (Барнаул)

Семья – важнейший социальный институт, который играет ключевую роль в развитии не только отдельного человека, но и всего общества. Семья определяется как общность людей, связанных друг с другом отношениями супружества – родительства – родства и общностью быта. С развитием общества и общественных отношений происходит трансформация семейных отношений, изменение роли и места семьи в обществе, что создает угрозу существованию института семьи. Ведь, семья – это основа общества.

Семья является гарантом будущего всего человечества. Именно семья обеспечивает продолжение человеческого рода, рождение детей, в чем и состоит ее репродуктивная функция. Но многие современные исследователи, в частности, В.В. Рябова подчеркивают, что в современных семьях репродуктивная функция утратила свою значимость. На первый план выходят эмоционально-психологическая, развлекательная и сексуальная функции. В семейных отношениях стали важны, прежде всего, психологическая близость и интимность, которые повышают значимость и автономию каждого члена семьи. [2]

В современном обществе с годами сокращается количество детей в семье, и такое явление, как бездетная семья, становится нормой и набирает все большую актуальность, особенно, в городской среде. По результатам исследования, проведенного в март - апреле 2015 года в Алтайском крае, где выборку составили 100 русских студентов, большинство опрошенных хотели бы иметь двоих детей (70%). Небольшая часть респондентов ответили, что хотели бы иметь трех и более детей (15%). Только 2% опрошенных не хотят иметь ни одного ребенка.

А идеальный возраст для рождения детей (первого ребенка), по мнению большинства опрошенных, 21-25 лет (59%). Больше трети опрошенных считают идеальным для рождения первого ребенка возраст от 26 до 30 лет (39%).

Как показывают результаты исследования, для современной молодежи наиболее предпочитаема семья с двумя детьми, а наиболее предпочитаем для рождения детей возраст от 21 до 25 лет. Но как показывает статистика, средний возраст мам, родивших своего первенца, увеличивается с годами. Если в 2005 году составлял 25 лет, то 2012 году он достиг 28 лет.

Семья – не только гарант будущего человечества, но и основа успешной социализации личности. В семье ребенок становится личностью с собственной системой ценностей, с которой он «входит» во взрослую жизнь, учится любить, уважать, созидать и передавать ценности, традиции своего народа, страны и своей семьи. В этом состоит воспитательная функция института семьи.

Как отмечают О.В. Кучмаева, М.Г. Кучмаев и О.Л. Петрякова, происходит совмещение функций семьи с функциями других социальных институтов. [1] Например, воспитательная функция в большей степени становится обязанностью школ и детских

садов. В современном обществе происходит излишнее перекалывание ответственности за воспитание детей на воспитателей детских садов и, особенно, на учителей школ. Такое перекалывание ответственности может привести (может, уже привело, хотя для этого необходимы доказательства и проведение исследований) к безответственному отношению родителей к воспитанию своих детей.

Происходит совмещение и функции питания, досуга с функциями сфер обслуживания. Семейные обеды, совместные приготовления родителей с детьми заменяются походами в кафе, магазины и т.п.

Исходя из вышесказанного, можно подытожить, что семья – важнейший социальный институт, гарант будущего человечества, основа успешной социализации личности. А также семья является «копилкой» традиций, обычаев, благодаря которым сохраняется преемственность поколений.

Традиции составляют основу семейных ценностей. Это есть та нить, которая соединяет и объединяет разные поколения воедино. Современная российская семья представляет собой смесь традиционных (национальных, религиозных) и новых позаимствованных из других культур обычаев. По результатам исследования, к семейным традициям современная молодежь относит совместные семейные обеды/ужины (78%), семейные выезды на природу (64%), колыбельную/сказки перед сном (60%), путешествия, отпуск всей семьей (44%), а также традиции наказания и поощрения (36%). В кругу семьи отмечаются такие праздники, как Дни рождения, Новый Год, Международный женский день, День защитника Отечества и религиозные праздники. Изучение семейных традиций – одно из наиболее интересных направлений в исследовании семьи и требует все большего внимания исследователей.

Говоря о семье, необходимо рассмотреть и феномен разводимости в современном российском обществе, т.к. развод становится одной из острых проблем современности. По данным Госкомстата за январь-февраль 2015 года, коэффициент разводимости в России, так же и в Алтайском крае, составляет 4,0. [4] По результатам проведенного исследования, почти половина опрошенных считают, что можно разводиться только в крайнем случае (48%). Только 17% ответили, что нельзя разводиться ни в коем случае, надо сохранить брак любой ценой.

Развод становится оптимальным решением семейных проблем, конфликтов и недопониманий. Он становится нормой не только для взрослых, но и для детей. Разведенные родители, отчим/мачеха, отдельные семьи родителей в последние годы воспринимаются молодыми как обыденное и обществом редко осуждается. Наверное, это подтверждает тот факт, что в современных семьях главную роль играют, прежде всего, психологическая близость и интимность. А непонимание, или разногласие взглядов супругов, становится одной из распространенных причин развода.

Несмотря на феномен разводимости, на изменение некоторых патриархальных ценностей, семья остается главным социальным институтом, двигателем общественной жизни. Она является «уникальным социальным институтом, посредником между индивидом и государством, транслятором фундаментальных ценностей от поколения к поколению. В ней заключен мощный потенциал воздействия на процессы общественного развития, воспроизводства рабочей силы, становления гражданских отношений. Семья имеет консолидирующее значение, противостоит социальному противоборству и напряженности». [3]

Будет ли развод в дальнейшем такой острой проблемой, или закрепится как норма, сохранится ли в российском обществе традиционная патриархальная семья, или сформируется новый «формат» семейных отношений зависит от сегодняшнего ее положения в обществе, от семейных ценностей современного молодого поколения.

1. Кучмаева, О.В. Трансформация института семьи и семейные ценности / О.В. Кучмаева, М.Г. Кучмаев, О.Л. Петрякова // Вестник славянских культур. - 2009. - № 3. - С. 20 – 29.
2. Рябова, В.В. Трансформация функций семьи в современном российском обществе / В.В. Рябова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. - 2014. - № 3. - С. 106 – 112.
3. Тучкова, В.В. Современная семья в зеркале российского телевидения / В.В. Тучкова // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс] / МГУ. – Выпуск № 2 – М., 2012. – Заглавие с экрана. – Режим
4. Федеральная служба Государственной статистики : [Электронный ресурс]. М., 1999 – 2015. Режим доступа : www.gks.ru (Дата обращения: 29.09.2015).

НИИКСИ: ПОЛВЕКА ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Семёнов В.Е. (Санкт-Петербург)

НИИ комплексных социальных исследований был создан в Ленинградском университете в ноябре 1965 года в период творческого подъема в стране: в отечественной науке и технике, общественной жизни, в литературе и искусстве, к тому же это было время косыгинских экономических реформ. НИИКСИ сразу стал центром активных творческих поисков в широком круге социальных и гуманитарных наук, постоянных семинаров и дискуссий, интенсивных исследований. Идейно-методологической основой создания института послужила новаторская концепция изучения человека и общества, принадлежащая выдающемуся психологу, академику АПН СССР Б.Г. Ананьеву. Первым директором НИИКСИ стал экономист и социолог, профессор В.Я. Ельмеев. Здесь вместе начали работать социологи и психологи, экономисты и юристы, философы и историки, представители других наук, организованные в лаборатории, по дисциплинарному и проблемному принципам. Замечательной особенностью института кроме его междисциплинарности было и постоянное сочетание теоретико-методологических и прикладных разработок, эмпирических исследований в сферах промышленности, общественной жизни и культуры.

Подводя некоторые, именно научно-исследовательские, итоги полувековой деятельности НИИКСИ, на мой взгляд, стоит выделить

прежде всего следующие его достижения:

- Разработка в 1960-70-х годах концепции и методического обеспечения Планов социального развития промышленных предприятий и городов (рук. В.Я. Ельмеев, Д.А. Керимов, А.С. Пашков), что было отмечено Государственной премией СССР и многими медалями ВДНХ. Эти разработки способствовали внедрению социопсихологических служб и общей гуманизации отношений и условий труда на производстве по всей стране.

- Цикл новаторских теоретико-экспериментальных работ по комплексному изучению человека (рук. Б.Г. Ананьев).

- Формирование Ленинградской школы промышленной социальной психологии на базе первой в стране лаборатории социальной психологии НИИКСИ (рук. Е.С. Кузьмин).

- Формирование Ленинградско-петербургской школы социологии молодежи на базе соответствующей лаборатории НИИКСИ (рук. В.Т. Лисовский).

- Комплексное теоретико-методологическое и эмпирическое исследование образа жизни работающих петербуржцев в 1980-х годах (рук. А.С. Пашков)

Однако, в условиях социально-политического и финансово-экономического хаоса 1990-х годов стало невозможно полноценно заниматься исследованиями на уровне больших научных коллективов, по крайней мере в университетской структуре. А в первом десятилетии нового 21-го века на государственном уровне решили кардинально

изменить парадигму научной деятельности. В результате в 2008 г. университетские НИИ перестали существовать. Но благодаря пассионарности части сотрудников НИИКСИ и пониманию коллег по факультету социологии (прежде всего декана Н.Г. Скворцова), институт работал ещё до 2015 года. В нем продолжали проводить научно значимые и новаторские исследования даже в условиях малочисленности сотрудников. В частности, были осуществлены такие научно и общественно важные НИР как "Человек в поле социальных проблем: основания личностного выбора" (рук. А.Н Шаров) и "Духовно-нравственные ценности как важнейший фактор социального согласия и развития" (рук. В.Е. Семёнов). За цикл работ, посвященных разработке авторской Концепции российской полиментальности на конкурсе научных трудов СПбГУ В.Е. Семёнов получил премию в номинации "За фундаментальные достижения в науке" (2013 г.).

Думается, что проводимый сейчас курс в отношении университетской и академической науки неадекватен, оторван от нужд хозяйственной и живой жизни, имеет конформистско-вестернизаторский несамостоятельный характер и поэтому не сулит отечественной науке полноценных достижений.

Впрочем, как и всегда, история рассудит, кто был прав.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Скоробогатская Н.А., Скоробогатский В.В. (Екатеринбург)

Понятие институциональных ловушек, механизмы их возникновения и относительно устойчивого воспроизводства сравнительно недавно разработаны в рамках институционального анализа экономических реформ. Но сегодня очевидно, что с наибольшей эффективностью данное понятие используется в исследовании трансформационных периодов. Институциональные ловушки возникают в ходе широкомасштабных институциональных трансформаций и охватывают любые области, где становятся возможными трансакции [1, с.89]. Возникновение подобных состояний расценивается как главная опасность, которая подстерегает реформаторов и вызывает эффект оборачивания целей, застигающий их врасплох. С нашей точки зрения, применение теоретико-методологического инструментария, разработанного в институциональной теории, для анализа общественных трансформаций имеет эвристическую ценность и не только открывает новые направления исследований, но и способствует становлению новых подходов к изучению социальной реальности.

В специальной литературе под институциональной ловушкой понимается неэффективная устойчивая норма, или неэффективный институт [1, с. 77]. Такие состояния являются результатом выбора системой одной из точек равновесия, возникающих в ситуации институциональных перемен и порождаемой ими неопределенности и обладающих различным потенциалом эффективности. Случай институциональной ловушки связан с выбором точки неэффективного устойчивого равновесия. Выбор делается сознательно, но не следует переоценивать степень и глубину его осознанности. Отрицательные последствия выбора не могут быть известны его субъекту заранее, поскольку переживаемая ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности. Совершая выбор в ситуации неопределенности, субъект с той или иной степенью уверенности может руководствоваться только сложившимися под влиянием какой-либо теории представлениями о последствиях выбора – тех результатах, с помощью

которых он намеревается преодолеть или уменьшить неопределенность, возмущающую существующий порядок [2, с. 9)].

Важнейшим следствием возникновения институциональной ловушки является то, что выбор в пользу неэффективного института переводит систему в состояние гистерезиса, под которым понимается запаздывающий и неадекватный способ реагирования на вызовы внешней среды. На поведение системы продолжают оказывать определяющее влияние схемы и стереотипы, черпаемые из арсенала прошедшего времени, тогда как идущие извне вызовы характеризуются принципиальной новизной. Этот разрыв между внутренним временем системы, ее *Perfekt*, с одной стороны, и внешним временем мира, временем *Praesens*, потоками которого она, может быть, не по своей воле захватывается, с другой стороны, вызывает лавинообразный рост неопределенностей. Нарастание же неопределенностей, в свою очередь, ведет к усилению инерции в поведении системы, более того – рождает тенденцию к реставрации прошлого и стремление к обособлению от мира с его временем *Praesens*, стремление создать закрытые от мира, изолированные онтологические структуры социальности, включая автономный исторический «календарь», согласно которому *Perfekt* как время системы ставится «впереди» времени *Praesens*, рассматривается как его (мира) будущее.

В англоязычном наименовании институциональных ловушек («*block-in*») на первый план выходит аспект исторической инерции, торможения и застоя. Важен и другой, не менее значимый аспект, связанный с возможностью отрицательной исторической динамики системы, в ходе которой возникают псевдоморфозы, образования химерического типа, часто выдаваемые за культурно-историческую «самость». Этот второй, дополнительный аспект понятия институциональной ловушки попадает в поле зрения только при расширении предметно-теоретического пространства и переходе от проблем экономической эффективности и роста к проблемам исторической динамики социальных систем, переживающих периоды трансформаций.

На наш взгляд, полем возникновения институциональных ловушек второго типа является Современность (*modernity*). В ее границах институциональные изменения приобретают отчетливую специфику по сравнению с аналогичными процессами в традиционных обществах. Например, только в обществах Современности становится возможным феномен революции – радикального выражения этой специфики, когда рожденные ею тенденции доводятся до предела. Для Современности характерна тенденция к маргинализации наличного, к непрерывному переходу границ, переоценке существующих форм, структур, правил – всего того, что придает стабильность, относительную законченность и упорядоченность историческим процессам [3, с. 17].

Наличие такой тенденции позволяет утверждать, что рамки, отделяющие Современность от того, что ею не является, должны иметь функциональный характер. Современное может определяться только через противопоставление традиционному, отталкивание от него. Индустриализация, рыночная экономика, политическая демократия, правовое государство – все это внешние признаки Современности. По сути, это система задач модернизации в той ее исторической форме, которая сложилась в прошлом и отвечала условиям и возможностям Нового времени. На пороге информационного общества возникает новый, «нетрадиционный» тип традиционности, вполне совместимый с выше указанными задачами, которые в новом контексте приобретают качество формальных, рутинных. Это означает, что модель Современности, становясь образцом для подражания со стороны обществ «второго» и «третьего» мира, сама открывает новую традицию. Осуществление задач модернизации не гарантирует обретения обществом исторического качества современного, способности к самостоятельному продвижению в область неопределенного будущего. Модернизация обеспечивает лишь «подтягивание» общества к уровню, соответствующему стандартам современной цивилизации, его приспособление к меняющимся условиям. В свете становления в границах Современности новой традиции должен существенно измениться сам подход к модернизации, с тем, чтобы «буква»

модернизации, ее формальные признаки не подменили ее дух и смысл. Ставшие традиционными, рутинными классические задачи модернизации требуют принципиального пересмотра в русле перехода к информационному обществу. Они должны формулироваться в исторически новом контексте, в соотношении с более высокими целями. Функциональное и одновременно контекстуальное толкование Современности [3, с. 15-16] в ее тесной сопряженности с традицией позволяет отличить современное общество от традиционного с точки зрения происходящих в нем процессов, рассматривая его не извне, а изнутри.

Значимость взгляда на ситуацию изнутри становится очевидной, когда мы сталкиваемся с новым видом институциональной ловушки. Такие ловушки возникают в ходе системной трансформации общества на макроуровне исторического процесса и выглядят прямой противоположностью ловушки вида «block-in». Взятая с внешней стороны, это состояние, характеризующееся высоким темпом исторической динамики общества, ее ускорением; это нечто вроде авангардистского рывка, устремленного в мир идеологической утопии. Ловушка второго вида («speed-up») представляет собой альтернативный по отношению к модернизации вариант обновления общества. Его результат – новообразование гибридного типа. В структуре последнего в одно целое соединяются отдельные черты Современности и домодерного общества. Вектор динамики этого образования направлен в сторону от основного исторического потока с ощутимым – шаг за шагом, ускоряющимся по мере осуществления проекта – склонением к давнему прошлому, к внутреннему времени системы, не только к ее Perfekt'у, но и к Plusquamperfekt'у. Ретроспективный характер данного новообразования в первую очередь проступает в быстрой деградации или прямом разрушении базовых институтов цивилизации (мораль, религия, государство, семья, собственность), что приводит к значительному повышению социокультурной энтропии системы. Рост энтропии влечет за собой нарастание беспорядка; главными инструментами его преодоления становятся снижение уровня организации системы, упрощение и «уплощение» (имплозия) структур, принудительная унификация ее элементов.

Гибридное новообразование, возникающее вместе с институциональной ловушкой второго типа, – это историческая химера, примером которой может служить советский социализм, построенный в 1930-е годы. Сталинская революция в той или иной степени соответствовала формальным критериям модернизации – индустриализация, урбанизация, ускоренное развитие техники, образования, науки и искусства, обновление социальных структур, стремительный рост вертикальной и горизонтальной мобильности населения. Нечто сходное возникло в ситуации нового «великого перелома» 1990-х годов. Декларируя либеральные ценности, реформаторы действовали по-сталински в достижении намеченных целей, используя штурмовщину и радикальную смену лозунгов: «Даешь рынок!». Эта смена лозунгов не означала переоценки ценностей, а сводилась к легализации ранее запретной, но втайне лелеяемой широкими массами установки потребительства, под воздействием которой Россия быстро превратилась в общество гиперпотребления [4, с. 200-201]. Опыт «модернизации» по-сталински, как и реформ 90-х годов, подводит нас к следующим выводам. Во-первых, что человек, точнее, обеспечение и расширение его прав и свобод, составляет конечную цель модернизации, является краеугольным камнем, на котором держатся ее дух и смысл. И, во-вторых, что осуществление любых задач вне ограничений, которые накладываются этой целью, независимо от субъективных намерений, неизбежно превращает государственный аппарат в террористическую машину для подавления человека, поэтапного разрушения основ социальности и культуры. Предельный (идеальный) результат такой «модернизации» – ГУЛАГ как прототип криминализованного общества, основанного на неограниченной силе властного принуждения и на несправедливости человека.

1. Полтерович В.М. *Элементы теории реформ*. М.: Экономика, 2007. – 447 с.
2. Норт Д. *Понимание процесса экономических перемен*. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – 256 с.
3. Капустин Б. Г. *Современность как предмет политической теории*. М.: РОССПЭН, 1998. – 308 с.
4. Мартьянов В.С. *Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире*. М.: РОССПЭН, 2010. – 359 с.

СМЕНА ЦИВИЛИЗАЦИИ В РОССИИ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК?

Смирнов П.И. (Санкт-Петербург)

Втягивание России в глобализационный процесс сопровождалось катастрофическими последствиями, связанными с изменением в ней социального строя, точнее, со сменой типа цивилизации, в русле которой страна развивалась со времен Московского государства. Самым печальным может стать то, что эта смена окажется стратегически бесперспективной, а понесенные жертвы напрасными. Это следует из предлагаемой автором концепции эволюции общества, построенной с опорой на представления Ф.Энгельса, М.Вебера и К.Поппера. В схеме эволюции, использованы представления Энгельса о трех этапах эволюции: дикости варварстве и цивилизации [4, с.33], положение М.Вебера об идеальных типах как средстве познания [5, р.43, 96-98], попытка Поппера проследить эволюцию общества по изменению положения человека в нем [2, с.216-220].

Для конкретизации этих принципиальных подходов в схеме эволюции использованы положения деятельностно-ценностного подхода к описанию социальных процессов и явлений, суть которых сводится к следующему:

1) общество существует на базе деятельностного взаимодействия людей, т.е. на обмене результатами деятельности – продуктами и услугами;

2) основными разновидностями деятельности, обеспечивающими существование общества являются эгодеятельность (деятельность для себя) и служебная деятельность (деятельность для другого). Доминирование одной из них определяет общества;

3) стимулами деятельности являются потребности и ценности, причем ценности являются стимулами собственно человеческой деятельности, ибо потребности как стимулы деятельности свойственны и человеку, и животным;

4) в качестве стимулов человеческой деятельности ценности лежат в основе социальных систем;

5) главным стимулом деятельности людей как социальных существ является социальная значимость, понимаемая как способность человека оказывать воздействие на ход событий в обществе,

6) люди обретают значимость через ее модусы или ценности, доступные людям на уровне обыденного сознания: святость, знание, власть, слава, мастерство, хозяйство, богатство;

7) существуют две процедуры социального признания, обеспечивающие человеку доступ к модусам значимости – личная и безличная экспертизы. Личная экспертиза заключается в том, что правомочное собрание экспертов признает право конкретного человека на определенный модус значимости. Безличная – сводится к акту купли-продажи продуктов или услуг, предлагаемых человеком;

8) помимо процедур социального признания доступ к модусам значимости обеспечивается с помощью инструментальных ценностей, основными из них являются дисциплина и долг, свобода и право;

9) для простоты построения идеальных типов этапов эволюции используются две высшие ценности – общество и личность[1].

Помимо положений деятельностно-ценностного подхода в схеме эволюции используются представления о двух основных типах хозяйства, на базе которых существует общество – домашнем и рыночном. Эти хозяйства различаются целями производства: домашнее хозяйство ведется для непосредственного удовлетворения потребностей производителей (даже в рамках целой империи), рыночное – для получения прибыли.

В логике предлагаемой схемы общество из состояния варварства, коему свойственно чрезмерное и неупорядоченное насилие, может двигаться к этапу цивилизации, на котором насилие минимизируется и упорядочивается. Естественно возникают два типа цивилизации: служебно-домашняя и рыночная, обладающие противоположными признаками и свойствами (см. таблицу).

Не комментируя таблицу подробно, сделаем лишь несколько замечаний относительно наиболее важных признаков и свойств идеальных типов обеих цивилизаций.

Во-первых, названия этим цивилизациям даны в зависимости от ведущей разновидности деятельности и типа хозяйства.

Во-вторых, поскольку идеальный тип этапа эволюции строится на основе представлений о положении человека в обществе, обе цивилизации могут возникать и существовать на одинаковой материально-технической базе (на основе как примитивных, так и высоких технологий). Соответственно, признаки служебно-домашней цивилизации наблюдаются в обществах Месопотамии, Древнего Египта, Китая, России (со времен Московского царства и включая советский период). Примерами обществ с чертами рыночной цивилизации являются Карфаген, Афины, Новгородская республика, страны Запада.

В-третьих, общества с чертами служебно-домашней цивилизации способны при благоприятных условиях существовать неопределенно долго. Они развиваются медленно, благодаря консервативности служебной деятельности. Их отношения с соседями носят преимущественно оборонительный характер.

Напротив, общества с чертами рыночной цивилизации развиваются быстро (эгодеятельность способна к быстрому развитию). Однако длительное существование

Таблица

Признаки и свойства идеальных типов служебно-домашней и рыночной цивилизаций

Признаки и Свойства	Служебно-домашняя цивилизация	Рыночная цивилизация
Основные факторы возникновения	а) освоение природной среды требует работы большого количества людей; б) внешняя опасность велика и постоянна	а) природная среда не допускает применение труда большого количества людей; б) внешняя опасность относительно невелика
Основная ценность	Общество	Личность
Доминирующая деятельность	Служебная	Эгодеятельность
Доступность модусов для индивида	Модусы доступны на основе служебной деятельности как представителю группы	Модусы доступны на основе формально свободного выбора каждого лица
Ведущие модусы	Власть, Знание, Слава,	Богатство, Хозяйство,

	Святость,	Мастерство (в материальной сфере)
Процедура социального признания	Личная экспертиза	Безличная экспертиза (рыночная)
Инструментальные ценности	Дисциплина и долг	Свобода и право
Хозяйство	Домашнее	Рыночное
Развитие	Медленное	Быстрое
Существование	Длительное (если нет внешней угрозы)	Длительное существование сомнительно
Взаимодействие с соседними странами	Преимущественно оборонительное	Явно агрессивное

подобного общества в глобальном масштабе сомнительно, поскольку ему для этого требуются неограниченные ресурсы (если количество людей, стремящихся к богатству и хозяйству, постоянно растет, а также повышается минимально приемлемый уровень богатства, то жажда ресурсов становится неутолимой). Следствием жажды ресурсов становится агрессивность обществ этого типа.

Строительство социализма в России явилось попыткой приспособить прежний тип цивилизации к новым условиям. Неудача ее заставила страну двинуться в сторону рыночной цивилизации, что стратегически бесперспективно. Правильнее было бы двигаться в сторону духовно-игровой цивилизации, перейдя у управляемой эволюции общества во всемирном масштабе, но в ближайшее время это маловероятно. Вероятнее сползание человечества в постцивилизационное варварство [3, с. 228-284].

1. *Бороноев А.О., Смирнов П.И. Деятельностно-ценностный подход к описанию социальных явлений: основные положения / Проблемы теоретической социологии. Вып. 8. Межвуз. Сб. / Отв. ред. А.О.Бороноев. – СПб.: Скифия-Принт, 2011, с.114-138.*
2. *Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.*
3. *Смирнов П.И. Управление эволюцией общества: необходимость, средства, ориентир. - Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 2012.*
4. *Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21.*
5. *Weber M. The Methodology of Social Sciences. / M Weber / Translated and Edited by E.A. Shils and H.A. Finch. – NY., 1949.*

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА

Смирнова А.А. (Иваново)

В рамках социологии профессий особое внимание уделяется рассмотрению и анализу профессии учителя. Одни авторы определяют учительство как особую социально значимую группу интеллигенции [4], другие – как социально-профессиональную общность [3, 114]. Реформы, проводимые в последние годы в системе образования, были направлены на улучшение положения учителей, на повышение престижа профессии и на укрепление статуса учителя в обществе. Остаются актуальными вопросы материального и

социокультурного статуса, проблемы адаптации к новым условиям и социального самочувствия педагогов.

В настоящее время в науке нет однозначного толкования понятия «социальное самочувствие» (работы О.Л.Барской [1], О.В.Луновой [6], Воронина Г.Л.[2], Михайловой Л.И. [7]). Под социальным самочувствием мы понимаем целостную характеристику восприятия действительности с позиции определенной ценностной установки в динамической социокультурной среде [9, 48].

Существует достаточное количество методик измерения социального самочувствия. М.Д. Красильникова предлагает изучать социальное самочувствие через вычисление индивидуальных и средних показателей, отражающих разницу положительных и отрицательных ответов респондентов на предложенные вопросы [5]. На основе данной методики мы предлагаем изучать социальное самочувствие учителей через следующие индексы: а) индекс престижности профессии; б) индекс удовлетворенности жизнью и профессией; в) индекс материального положения; г) индекс профессиональной идентичности; д) индекс оценки реформирования системы образования [8]. Методика была апробирована летом 2015 года в Ивановской области. В опросе приняли участие учителя из областного центра, районных городов и сельской местности.

Индекс престижности профессии. Опрос показал, что индекс престижности профессии учителя достаточно низок. Престиж своей профессиональной деятельности в Ивановской области оценивается выше (65,0 из 200 возможных), чем в России (46,8). Это объясняется региональной направленностью исследования и субъективностью оценок учителей. Педагоги в возрасте 36-45 лет высоко оценили престиж профессии, как в России (111), так и в Ивановской области (112,5). Что касается молодых учителей в возрасте до 35 лет, то они выше оценивают престиж профессии в России (90.5 против 66.7). Можно предположить, что учителя тесно связывают престиж и материальное вознаграждение за труд. Педагоги, которые работают в лицее и гимназии, считают свою профессиональную деятельность престижнее (62,4), чем учителя, которые работают в общеобразовательной школе (37,1). Индекс престижности профессии в России, по мнению учителей, проживающих в малом городе намного ниже (7,0) в сравнении с учителями из города (65,0) или из поселка/деревни (37,1).

Индекс удовлетворенности жизнью и профессией. Положительные индексы удовлетворенности наблюдаются в таких аспектах, как творческое содержание работы, рабочий график, способы и качество повышения квалификации, успехи учеников. Отрицательная тенденция – удовлетворенность уровнем оплаты труда и количеством свободного времени. Индекс удовлетворенности способами и качеством повышения квалификации выше у учителей из школ областного центра (155,8), чем у педагогов районных городов (124,0) и сельской местности (127,4). Изучая социальное самочувствие важно рассматривать и понятие «настроение». Результаты исследования показывают, что индекс настроения учителей в Иванове выше (115,6), чем в малом городе (93,3) и в поселке (90,8). В среднем городе у педагогов преобладает настроение, связанное с надеждой на лучшее, в малом городе и поселке, деревне – нейтральное настроение (54,5).

Индекс материального положения. Половина учителей областного центра отметили, что средний доход в месяц на одного члена семьи составляет 11-20 тыс. руб., половина педагогов малых городов и сельской местности указали доход 6-10 тыс., что ниже, чем средняя заработная плата по экономике. Для многих учителей характерен поиск дополнительных источников дохода: ЛПХ, репетиторство, помощь родственников. Учителя оценивают свое материальное положение на одной ступени с положением «медицинских работников» и «работников социальной сферы».

Индекс профессиональной идентичности. Для учителей не зависимо от типа учреждения, в котором они работают, профессия, прежде всего, – это «самоотдача в деле воспитания новых поколений». Это объясняется тем, что на педагогов в условиях нового информационного общества возлагается большая ответственность в формировании и

развитии личностного потенциала подрастающего поколения. Стоит отметить, что почти половина педагогов, которые работают в частной школе, указали профессию как «средство самореализации, раскрытие своего творческого потенциала». В анкету также был включен вопрос о профессиональных достижениях. Наибольшую уверенность в том, что личный и профессиональный успех достигнут, демонстрируют учителя в частных школах (166,7). Средне оценивают свои профессиональные и личные успехи учителя общеобразовательных, а также государственных специализированных школ.

Индекс оценки реформирования системы образования. Педагоги независимо от типа учреждения ответили, что их материальное положение на протяжении последних 5 лет осталось прежним. Половина учителей, работающих в частной школе, отметили, что их материальное положение ухудшилось. Можно предположить, что с ростом заработных плат возросли потребности учителей. Также сказалась сложная экономическая обстановка и рост цен. Переход школьных педагогов на новую систему оплаты труда связан с персональными стимулирующими надбавками. Подавляющее большинство педагогов считают критерии распределения надбавок совершенно справедливыми (55,7 % педагогов общеобразовательных школ, 33,3% учителей гимназии и 60% педагогов, работающих в частной школе). Единого механизма распределения стимулирующих надбавок не существует – каждое образовательное учреждение самостоятельно формирует положение о распределении стимулирующих выплат и разрабатывает критерии для определения размера этих выплат. В общеобразовательных школах учителя чаще указывают, что получают надбавки «за проведение открытых уроков» и «за участие в проектной деятельности». Что касается педагогов из лицеев и гимназий, а так же частной школы, то они получают стимулирующие надбавки «за результаты ЕГЭ и ГИА». Это объясняется тем, что в школах особого типа одной из первоочередных задач выступают достижения учеников, от которых зависит престиж школы.

Таким образом, проведенное исследование позволило зафиксировать разноплановые тенденции: учительство по-прежнему остается профессиональной группой с низким социальным статусом и доходом, однако новые особенности системы реформирования образования только усиливают дифференциацию в положении учителей. С другой стороны, новые аспекты содержания труда позволяют зафиксировать позитивные оценки социального самочувствия отдельных групп учителей (особенно учителей среднего возраста, учителей частных школ). Отметим особо сложное положение учительства в малом городе, где ситуация усугубляется отсутствием законодательной поддержки и более депрессивными характеристиками жизненных условий.

1. Барская О.Л. *Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989.*
2. Воронина Г.Л. *Социальное самочувствие россиян (1994 – 1996 – 1998 гг.). «Мерцающая» стратификация // Социол. исслед. 2001. № 6. С. 53-66.*
3. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. *Учительство как социально-профессиональная общность // Социол. исслед. 2015. №2. С.114-122.*
4. Зиятдинова Ф.Г. *Социальное положение учителей: ожидания и реалии // Социол. исслед. 2010. №10. С. 100-106.*
5. Красильникова М.Д. *Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2011. №1 (107). С.109-117.*
6. Лунева О.В. *Самочувствие личности в производственном коллективе // Эмоциональные потенциалы коллектива: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1977. Вып. 50.*
7. Михайлова Л.И. *Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социол. иссл. 2010. №3. С.45-50.*
8. Смирнова А.А. *Методика измерения социального самочувствия российского учительства // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2015.*

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕМЬИ

Сосновская Н.А. (Минск, Республика Беларусь)

Переживаемое современным обществом изменение культурных норм напрямую затрагивает семью, как базовый социальный институт. Под влиянием общекультурной ценностной парадигмы, утверждающей доминирование индивидуально-личностного начала, в семье фиксируется смещение с традиционных ценностей, в основе которых лежат принципы коллективизма, признание приоритетов общесемейных интересов над личными, к эгоцентрическим ценностям. Изменение системы ценностей – один из важнейших факторов, лежащих в основе трансформации семьи. Одним из первых эту проблему артикулировал Антонов А.И., связав низкую рождаемость и депопуляцию с ценностным кризисом семьи. Ученый отстаивает идею реставрации и культивирования традиционных семейных ценностей, к которым, прежде всего, относит стабильность брачного союза, возвращение к традиционной ролевой структуре с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой и высокую рождаемость.

Иной взгляд на проблему традиционных ценностей демонстрирует М. Муравьева. Она отмечает, что получившая распространение модель традиционной семьи «основана на этнографической фантазии советских ученых» [1, с.632] и не отвечает реальности русского быта. А такая особенность как многопоколенность интерпретируется как «гибридная форма советской семейной организации» [1, с.633]. Жизнеспособность которой определялась вынужденным совместным проживанием старшего поколения во взрослыми детьми в виду затруднений в получении отдельного жилья. Таким образом, по мнению автора «традиционные семейные ценности» это конструкт, служащий с одной стороны, объяснительным инструментом происходящих в семье трансформаций, а с другой для обоснования пронаталистских мер семейной политики.

В философии и социологии под ценностями понимается социальное значение явлений и процессов или, обращаясь к терминологии Т. Парсонса эталоны, существующие в культуре общества. В целях операционализации ценности соотносят с понятием ценностной ориентации, тогда ценности определяются как «любой предмет, в отношении которых индивиды занимают позицию оценки... или то, к чему стремятся как к цели..., или предмет любой природы, обладающий значимостью для субъекта, т.е. способностью удовлетворять его потребности» [2]. Это дает исследователям возможность построения различных типологий.

Обращаясь к изучению ценности семьи социологи придерживаются традиционного понимания ценностей и анализируют семью с точки зрения ее ранга в структуре остальных жизненно важных для респондентов предпочтений (В. Магун, М. Фабрикант, А. Митрикас и др). В этом отношении интерес представляет направление, которое концентрируется на изучении соотношения семейных с внесемейными ценностями (В. Н. Архангельский, О. Н. Дудченко, А. В. Винокурова, Л. И. Савинов, Н. Г. Марковская, М. А. Токмакова, А. В. Носкова, А. В. Узик и др.) Проведенные исследования демонстрируют тесную связь ценностных трансформаций с процессами социального развития. В семье происходит смещение от традиционных ценностей с авторитетом и властью родителей, статусом отца внутри семьи, производительной семейной деятельностью, наследованием социального статуса, к современной и далее к постсовременной, предполагающей индивидуальность каждого члена семьи и увеличение возможностей для личностной самореализации. Среди ценностных ориентаций семьи выделяются семейные ценности супружества, родительства и родства, и конкурирующие с ними внесемейные ценности

профессиональной занятости, карьерного роста и личностного саморазвития. Исследователи (Винокурова А. В., Савинов Л. И., Токмакова М. А.) отмечают обострение противоречия между семейными и внесемейными ориентациями, которое заключается в том, что при сохранении достаточно высокого уровня семейных ценностей наблюдается постоянное усиление направленности на карьеру, финансовый успех и независимость. Происходящие изменения в структуре ценностей связываются с институциональными причинами. На протяжении советского периода отечественной истории происходило «сужение семейного полифункционального поля» за счет перехода семейных функций к другим социальным институтам. (Гаспарян Ю. А., Смирнова–Ярская Е. Р. и др.) Вследствие этого, семья стала утрачивать свой авторитет уникальной социальной общности, несущей ответственность за воспитание, социализацию, благосостояние, здоровье, досуг и т. п. членов семьи. Укрепление семьи с этой позиции видится в возвращении семье ее функций. Одной из важнейших причин, ответственной за снижение ценности семьи, признается ухудшение социально-экономического положения в связи с процессом социальной трансформации постсоветских обществ. Наиболее важными среди них считаются: снижение уровня жизни; ухудшение состояния социальной инфраструктуры, учреждений здравоохранения, сфер образования и культуры. Важным фактором признаются негативные процессы в экономике страны: рост безработицы на фоне экономического кризиса. Как следствие наблюдается резкая социальная дифференциация населения [3]. Таким образом, исследования, проводимые в данном направлении, констатируют наличие кардинальных изменений в семье на уровне ценностей. Основная причина соотносится с влиянием социально-экономических условий.

Другая группа работ, авторы которых также придерживаются позиций структурно-функционального анализа, сосредотачивают свое внимание на внутрисемейных ценностях (Безрукова О.Н., Ильиных С. А. и др.). При изучении семейных ценностей используется классификация, принимающая во внимание устойчивые внутрисемейные взаимодействия: супружество, родительство и родство. Часто под ценностями понимаются стратегии поведения разных групп населения в сфере брачно-семейных отношений. Анализируются особенности планирования семьи (заключение официального брака либо незарегистрированное сожительство; репродуктивные планы), ее структура, распределение прав и обязанностей и другие стороны семейной жизнедеятельности.

Иной подход к изучению семейных ценностей предлагают исследователи, выступающие с позиций социокультурного подхода (Волжина О. И., Хубиев Б. Б и др.). Так Волжина О. И. [4] рассматривает семью как многоаспектное явление, которое, с одной стороны, предстает в виде взаимодействия индивидов со всем многообразием жизненных стратегий, а с другой – общности, подверженной влиянию социокультурных изменений. Авторское понимание ценностей отходит от представления о ценностях как внутренних смыслах, отражающих социальную реальность. Ценности рассматриваются как производные социального взаимодействия на определенном этапе культурно-исторического развития. В этом контексте ценности семьи трактуются как элементы культуры, сформированные в процессе совместной жизнедеятельности, в которых отражается отношение к различным типам и сторонам семейного взаимодействия. Автор выделяет два типа ценностных представлений: категории-ценности и ценности-значения (оценки). Ценности-значения оказывают влияние на изменение формы и содержания семейных отношений, а категории такого влияния не оказывают. Тем самым разграничиваются понятия социальной значимости семьи и семейные ценности индивидов. Под социальной значимостью понимается отношение к семье как исторически сложившейся форме взаимодействия полов и поколений. Семейные ценности индивидов служат проявлением индивидуально-ориентированной системы ценностей и отражают значение семьи как фактора личностного благополучия. Ученым отмечается, что при сохранении социальной значимости семьи ценностное отношение к ней периодически меняется. Этим можно объяснить расхождения между высокими оценками семьи в

предпочтениях населения и кризисными проявлениями семьи как социального института. Исследование с опорой на социокультурную парадигму предполагает рассмотрение семьи не только с институциональной и функциональной точек зрения, а как социального объекта, обладающего определенной значимостью для индивида и тем самым регулирующим его поведение.

1. Муравьёва, М. Г. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции модерну в современной России / М. Г. Муравьёва // Журнал исследований социальной политики. - 2014. - Т. 12. - № 4. - С. 625–638.
2. Абушенко, В. Л. Ценность / В. Л. Абушенко // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. - Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. — 1312 с.
3. Кузина, И. В. Социальные и личностные факторы трансформации ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе [Электронный ресурс] / И. В. Кузина, А. В. Винокурова // Электронное периодическое издание Вестник Дальневосточного государственного т
4. Волжина, О. И. Семья как социокультурная ценность : автореф. дис. ...д-ра соц. наук : 22.00.04 / О. И. Волжина ; Гос. науч.-исслед. ин-т. семьи и воспит. Рос. акад.обр. и мин. труда и соц. развит. РФ. – М., 2002. – 40с.

ОГРАНИЧЕНИЯ КРИТЕРИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОРИЕНТИРОВ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Строгеецкая Е.В. (Санкт-Петербург)

Особенности трансформации российской высшей школы прежде всего сопряжены с проблемой ориентирования изменений университетского устройства и оценки их последствий. Если в решении этой проблемы опираться на теорию организационного развития, то критериями оценки будут либо эффективность деятельности вуза, либо жизнеспособность его как организации. По многим причинам сегодня критерий эффективности принимается определяющим в судьбах российских вузов.

Вместе с тем, использование этого критерия сопряжено с целым рядом проблем и ограничений, возникающих как на этапе оценки текущего уровня эффективности (что часто предлагается использовать для ранжирования вузов), так и при рассмотрении эффективности в качестве ориентира развития вузов.

Если опираться на трактовку эффективности в духе рационально-искусственных традиций изучения природы организации, то можно обнаружить следующее. Оценка достигнутой эффективности деятельности в рамках этих подходов связана с измерением результата или продукта деятельности организации. В случае высшей школы результат ее деятельности не поддается прямой оценке.

Другая проблема рациональных подходов в контексте высшего образования связана с тем, что результативность здесь обратно пропорциональна незапланированным результатам. Рациональные концепции считают такие результаты деятельности негативными, снижающими эффективность организации, причисляют к организационным патологиям и предлагают искать средства для их устранения.

Представляется, что в организациях сферы высшего образования незапланированных результатов действий избежать невозможно по нескольким причинам. Во-первых, субъекты высшей школы обуславливают свои социальные действия разными типами рациональностей. Исходя из теории М. Вебера, можно утверждать, что деятельность субъектов высшего образования осмысливается как на уровне целей, так и на уровне общественных и личных ценностей. Кроме того, специфика высшего образования,

подразумевающая, например, преемственность научно-педагогических школ, чьи технологии трудно формализуемы, предполагает также влияние рациональности традиционного типа. Во-вторых, в соответствии с концепцией Г. Саймона, целеориентированную рациональность современной высшей школы нужно оценивать как ограниченную.

Использование критерия эффективности в качестве ориентира развития университетов также сопряжено с рядом трудностей. В рациональных традициях задать искомый уровень эффективности организации – это, в первую очередь, означает определить цели ее деятельности. С точки зрения социологии организации, целеполагание имеет ограничения, которые можно рассмотреть в двух плоскостях.

Первая плоскость ограничений связана с отождествлением целей с результатами изменений и, следовательно, с возможностями прогнозирования этих результатов. Прогнозирование желательных результатов изменений в вузах затруднен по следующим причинам. Идеальные результаты образовательной деятельности, т. е. направленной на развитие личности в интересах самого человека, семьи, общества и государства, жестко детерминированы текущей социальной ситуацией. Крайне трудно предугадать, какие знания, умения, навыки и компетенции в каждый следующий исторический момент будут признаваться соответствующими развитой личности. Прогнозирование научных разработок осложнено нелинейным ходом развития НТП.

Вторая плоскость проблемы целеполагания связана с полисубъектностью и многофункциональностью вузов как сложных организаций, что порождает фрагментарное и противоречивое множество целей. Рассмотрим организационные цели университета с помощью модели А. И. Пригожина.

Цели задания для него формирует гетерогенная внешняя среда. В ее структуре можно выделить, по крайней мере, трех стейкхолдеров: государство, бизнес и абитуриентов (в российском случае – это, чаще всего, семьи абитуриентов). Интересы этих групп даже на первый взгляд не совпадают. Так, государство в идеале ставит перед высшим образованием цели формирования патриотичной, интеллектуальной и инициативной личности, способной к самостоятельному выбору и готовой к социальной мобильности, а также развития фундаментальных знаний. Бизнес заинтересован в формировании узкой идентичности лояльного члена команды, понимающего свою социальную роль и проявляющего ограниченную инициативу, а также в развитии прикладных знаний.

Содержание целей задания различных организаций жестко связано с функциями сферы ее деятельности, как социального института. Ограничения на формирование целей задания накладывают, во-первых, кризисные условия, которые вносят существенную неопределенность в функционал любых социальных систем. Так, например, оспариваются такие канонические функции университета как трансляция социокультурного наследия, продуцирование универсального и неутилитарного знания. Вместе с тем, новой однозначной «миссии» университета взамен существующей пока не выработано.

Во-вторых, даже если остановиться на традиционном наборе социальных функций высшей школы, то обнаружится, что и он порождает существенную неопределенность и известную противоречивость целей задания. Прежде всего, важно, что рассматриваемый канонический функционал не имеет однозначной структуры. Выделяемые функции зависят от исследовательского подхода (явно различаются взгляды Э. Дюркгейма, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё и т. д.), а также от образовательной парадигмы. Наиболее значимой современной парадигмой считается концепция предпринимательского университета, по сути сочетающего в себе элементы классических вариаций организации университетской деятельности. Эти потенциально выигрышные сочетания порождают серьезные трудности в выборе целей задания для университета, поскольку содержит латентный конфликт функций.

Множественность и противоречивость целей системы для высшего учебного заведения обусловлена как существенной разнородностью видов деятельности, так и дифференциацией задач, стоящих перед менеджментом. Традиционными магистральными линиями управления в вузе являются образовательная и научная деятельность. Латентные конфликты этих направлений обусловлены тем, что образование нацелено на передачу знаний, которую трудно осуществить без их консервации, а наука заключается в продуцировании новых знаний, а, следовательно, допускает возможность разрушения старых.

Последний уровень организационных целей в модели Пригожина составляют цели ориентации, формулируемые группами внутри университета. Проблемы целеориентирования на этом уровне обусловлены структурной дифференциацией вузов, а также межкультурными противоречиями.

Современный вуз, будучи сложной, многофункциональной и полисубъектной средой, сталкивается с проблемами дивергенции и взаимного противоречия целей, что затрудняет однозначное определение желательного уровня эффективности деятельности и использование его в качестве ориентира развития.

ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Тавров Е.А. (Орел)

Современное российское общество характеризуется быстро меняющимися инновационными процессами, происходящими в различных сферах жизнедеятельности - социальной, политической, экономической, трудовой, и поэтому человек нашего времени должен быть активным, целеустремлённым, динамичным, быстрым. Это в определённой степени относится и к человеку с ограниченными возможностями здоровья, который в последние двадцать - тридцать лет в Российской Федерации стал рассматриваться в терминах модели независимого образа жизни как независимый и самостоятельный субъект различных сфер человеческой жизнедеятельности. Для формирования субъектной позиции у человека с ограниченными возможностями здоровья в детском и подростковом возрасте должна быть организована и проведена соответствующая по целям, формам и содержанию воспитательная работа в интегрированной (инклюзивной) воспитательной среде

На современном этапе развития общества обозначилась реальная тенденция ухудшения здоровья детей и подростков, увеличилось число людей с ограниченными возможностями здоровья.

Люди с ограниченными возможностями здоровья - это дети, состояние здоровья которых препятствует освоению образовательных программ вне специальных условий обучения и воспитания.

Современный взгляд на процесс развития психики сложился в трудах отечественных психологов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева. Опираясь на теоретические и экспериментальные исследования, они установили, что психика человека, в отличие от индивидуального развития психики животного в онтогенезе, имеет свои специфические особенности и условия развития. В процессе развития психики животного основное значение имеет проявление двух форм опыта: видового — передаваемого генетически и индивидуального — приобретаемого на основе научения. В развитии психики ребенка, наряду с названными видами опыта, возникает и начинает играть ведущую роль особая форма опыта — социальный опыт, воплощенный в

продуктах материального и духовного производства, который усваивается ребенком на протяжении всего детства.

На современном этапе развития общества обозначилась реальная тенденция ухудшения здоровья детей и подростков, увеличилось число детей с ограниченными возможностями здоровья. Отмеченная тенденция социально обусловлена и зависит от таких факторов, как состояние окружающей среды, экономическое положение в обществе, наследственность и здоровье родителей, условия жизни и воспитания в семье, в образовательном учреждении.

Ценностные ориентации - сложное образование, в котором можно выделить три основных компонента: когнитивный, эмотивный и поведенческий. Когнитивный есть элемент знания, эмотивный - эмоциональная составляющая, вытекающая из оценки; поведенческий - связан с реализацией ценностных ориентаций в поведении личности.

Но ценностные ориентации могут быть и отрицательными, являться источником безнравственных поступков. Ценностные ориентации - это система устремлений личности, а также характер этой устремленности, высший уровень представлений об идеалах, о смыслах жизни и деятельности, которые в совокупности лежат в основе активности каждого человека и составляют внутренний источник его самоактивности.

Под влиянием новых ценностных ориентацией общества и государства, а также в связи с переходом системы специального образования на качественно новый этап развития, возникла необходимость переосмыслить соотношение образовательных достижений ребенка и достижений в области социальной компетенции, переосмысления роли и места личностного, социального развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

В процессе взаимодействия с ребенком, имеющим отклонения в развитии, возникает немало проблем, связанных с влиянием на развивающуюся личность огромного количества внешних и внутренних факторов. Чтобы эффективно управлять этим процессом, надо знать их специфику, положительные и негативные стороны, предвидеть результаты воздействия и своевременно вносить коррективы.

Знание законов психического развития ребенка и умение использовать их на практике необходимы для того, чтобы, опираясь на них, грамотно реализовывать основные цели и задачи социально-реабилитационного процесса:

— целенаправленно воспитывать ребенка-инвалида как полноценную личность, гражданина с правами и обязанностями;

— вырабатывать у ребенка систему потребностей и специальные качества, необходимые для вхождения в сложный мир социальных и социально-экономических отношений;

— опираясь на возрастные психологические особенности ребенка, раскрывающие структуру целостной личности ребенка в ее становлении и развитии, относиться к нему как к субъекту самопознания и самосовершенствования;

— разрабатывать методики и технологии социально-реабилитационного процесса, направленные на формирование личности, устойчивой к травмирующим ситуациям;

— совершенствовать систему комплексных воздействий на ребенка, которые, дополняя друг друга, могут оказать максимальное влияние на развитие его как личности.

Ценности и ценностные ориентации, формируемые у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья и их здоровых сверстников, относятся к различным сферам жизнедеятельности; среди них основные - это ценности «Я», «Здоровье», «Отечество», «Земля». Восприятие и содержание каждой из вышеперечисленных ценностей специфично у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья и их здоровых сверстников, что объясняется накоплением своеобразного и различного предшествующего социального опыта.

Для человека с ограниченными возможностями здоровья ценность «Я» преломляется через ощущение и восприятие болезни; осознание значимости и

уникальности собственного «Я» происходит медленно, для чего требуется специальное формирование положительного отношения к себе и адекватной самооценки. Для здоровых детей и подростков ценность «Я» связана с осознанием границы между «Я» и «не Я», восприятием собственного отличия, уникальности и неповторимости. Следовательно, формирование ценности «Я» в инклюзивной воспитательной среде требует согласования различных точек восприятия данной ценности у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья и их здоровых сверстников на основе демонстрации различия, многовариантности, неповторимости и уникальности человека.

В интегрированной воспитательной среде быстрее и эффективнее формируются нравственные нормы и правила жизнедеятельности, как у здоровых детей и подростков, так и у их сверстников с ограниченными возможностями здоровья, т.к. срабатывают такие механизмы социализации, как механизм подражания и идентификации (т.е. при формировании нравственных норм и правил жизнедеятельности принцип «Делай как я!» является ведущим).

Следовательно, воспитание в современных российских условиях является формой целенаправленной совместной социализации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья и их здоровых сверстников, направленной на формирование ценностей и ценностных ориентаций, правил общения, нравственных норм и поведенческих стереотипов.

1. Домбровская А.Ю. *О необходимости формирования социально оправданных аттитюдов инвалидности в творческих проектах студентов ОГИИК / А. Ю. Домбровская // Роль вуза искусств и культуры в формировании и развитии культурного пространства.- Орел: Орловский гос.*
2. Евсеев С. П. *Адаптивная физическая культура (цель, содержание, место в системе знаний о человеке). // Теория и практика физической культуры, 1998. №1.*

ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ В УРБАНИСТСКИХ УТОПИЯХ

Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург)

Городские утопии занимают особое место в истории социальной мысли и социальной практики. О них можно рассуждать в двух основных смыслах. В первом случае речь идет о городских утопиях как некоем интеллектуальном феномене. Последний представляет собой определенную совокупность и собрание разнообразного корпуса текстов в центре которых размышления об определенном проекте обустройства городской жизни; социальной иерархии и системе правлений в городах; о роде занятий его жителей, их правах и обязанностях; об организации пространства и времени в пределах городской и внегородской территории; о социальном включении/исключении в городскую жизнь; о социальной справедливости и счастье в городе и т.п. Городская утопия – это один из образцов интеллектуальной традиции конструирования урбанистского пространства с позиций того или иного общественного идеала, научных перспектив и мировоззренческих ориентаций. В городской утопии мы имеем дело с социальной мечтой об обществе, функционирующего на принципах эгалитаризма, демократизма или же иных основаниях.

Вторая смысловая сторона городских утопий связана с разнообразными социальными практиками по ее реализации. Здесь городские утопии – это результат воплощения определенной совокупности интеллектуальных идей по преобразованию городского пространства и времени как в целом, так и его отдельных частей. Таким образом, исторически мы сталкиваемся с городскими утопиями «на бумаге» (не реализованные проекты) и с так называемыми практическими утопиями (проекты

воплощенные в жизнь). Урбанистские утопии создавались во все времена истории человеческих обществ. Модерн и постсовременность не являются исключением. Нас интересует вклад и специфика последней в процесс конструирования урбанистских утопий. Особое значение имеет доминирующая рефлексия социальной науки по проблеме постсовременных урбанистских утопий. Релевантным является выделение и анализ ключевых концептов теоретизирования.

Утопия и утопическое традиционно трактовались как донаучный уровень теоретизирования и интеллектуализации. Так утопический социализм (французский) позиционировали в качестве одного из трех источников марксизма. Считалось, что с появлением множества естественно-научных открытий и изобретений, а также новых социальных и гуманитарных наук необходимость в создании интеллектуальных утопий, в том числе и городских, исчезнет (отпадет). Сформировалось твердое убеждение, представленное многочисленными адептами сциентизма, альтернативных идеологий (как правых, так и левых), а также большинством классических социологических перспектив о том, что утопическое мышление и его интеллектуальные продукты – это историческое предание, преодоленное уже к концу XIX века. Особое значение в данном процессе придавалось марксизму, который как форма научной рефлексии капиталистического общества, выполнял функцию преодоления утопизма. Однако, деконструкция последнего осуществлялась и в рамках немарксистских подходов. По совокупности и в первом и во втором случаях мы имеем модернистскую критику утопизма, которая параллельно дополняется ресурсами дистопий. Упрощенная стереотипизация XIX века как века утопий, а XX века как века антиутопий органично вписывалась в линейность восприятия социальной эволюции – одну из доминантных парадигм модернизма.

Городские утопии одно из важнейших явлений интеллектуальной мысли современности и постсовременности. Попытки ограничить их распространение и актуальность лишь XIX веком, а также увязать их деконструкцию с трансформацией одной из моделей урбанистских проектов (социалистической) не увенчались успехом. И в XX и в XXI вв. дискурс утопического и антиутопического существует одновременно и параллельно. В современной социальной мысли предпочтение отдается первому. Ключевые авторы постсовременности аргументировано оперируют понятием утопии (З. Бауман, У. Бек, Э. Гидденс, Ж. Бодрийяр, М. Кастельс, А. Лефевр, Д. Харви и др.).

Применительно к утопиям, в том числе и к урбанистическим, правомерно выделять их идеологические основания. При всем разнообразии идеологических ориентаций в качестве ключевых, определяющих все остальные, можно выделить всего несколько. К. Мангейм аргументировал в пользу выделения четырех форм утопического сознания: оргиастического хилязма анабаптистов; либерально-гуманистической идеи; консервативной утопии, социалистическо-коммунистической утопии [см. подробнее: 1, с.164-219]. В период поздней современности свою актуальность и доминирующее положение сохранили вторая и третья формы, прибавив к себе приставку «нео». Окончание эпохи противостояния двух идеологических мировых систем ознаменовало формирование тотального господства одной идеологической урбанистической альтернативы и поэтапный переход к постсовременным урбанистским утопиям. Либерализм (неолиберализм) и консерватизм (неоконсерватизм) на какое-то время оказались в одиночестве, лишившись проектной конкуренции и в светском и в религиозном урбанистском пространстве. На данный аспект анализа постсовременности эпохи глобализации обращает внимание Э. Гидденс правомерно выделяя в качестве главного сражения XXI в. – конфликт между фундаментализмом и космополитизмом [2, с.20].

Понятие утопии определенно используется в качестве теоретического конструкта в современной урбаносоциологии. В рамках неомарксистской перспективы Д. Харви в работе «Право на город» [3] обращает внимание на два взаимосвязанных процесса, которые протекают в городских пространствах современности и которые уместно определять как

утопические. Во-первых, это утопии пространственной формы, и во-вторых, это утопии социального процесса. В первом случае речь идет о спланированных городах и сообществах «которые на протяжении веков пытаются убедить нас в том, что история может остановиться, что гармония будет достигнута, что все человеческие желания будут удовлетворены, если не счастливо осуществлены» [3, с.82-83]. Пространственные формы – это осуществление в городе определенных социальных целей, например, большего гендерного равенства, экологической жизнеспособности, культурного разнообразия. «Все такие утопии пространственной формы завершаются подавлением человеческих желаний И в той степени, в какой они осуществлялись, последствия чаще оказывались авторитарными и репрессивными, чем освободительными» [3, с.83]. Вторая разновидность городских утопий – утопии социального процесса – связана с конфликтом и доминированием господствующего видения и преобразования городского пространства. Данное господство опирается на идеологию неолиберализма, которому противостоят идеалы коммунизма, социализма, анархизма, экологизма и других форм радикализма. Неолиберальная утопия социального процесса базируется на постсовременной логике капитала: нерегулируемый капитализм свободного рынка. Коллективные права на город и альтернативы городского развития вытесняются и замещаются «индивидуализированными правами накопления капитала и частной собственности. Город превращается в машину для роста, кормушку для финансистов, застройщиков и спекулянтов» [3, с.91].

У. Бек применяет понятие «утопия» для характеристики различных типов современных обществ. Классовые общества ориентируются на утопию равенства как базового идеала для общественного развития и устройства. Общества риска (т.е. постсовременные общества) основаны на утопии безопасности, движущей силой которой является общность страха [4, с.59-60].

Само понятие безопасности – одно из ключевых системообразующих характеристик постсовременного городского пространства. Можно утверждать, что во многом это сконструированный концепт, который однажды появившись постепенно обрастает интеллектуальными аргументами, подтверждается подобранными примерами, мягко или жестко рутинизируется. Реальные процессы пересекаются с виртуальными, материальные с символическими. А сама интерпретация происходящего основана на утопии безопасности. Дискурс безопасности занял прочное отвлекающее место в научных, политических и экономических практиках. Он проник даже в пространство практической урбанистики, в деятельность девелоперов и риэлтеров, презентующих жилую недвижимость на первичном рынке. Они же в свою очередь предлагают покупателю потреблять не просто жилье, а безопасное жилое пространство. В рекламе строящегося и нового введенного жилья при описании его основных параметров, как правило, присутствует такая его характеристика как «безопасность» или же различные ее составляющие. Например, современные российские ЖК (жилищные комплексы) в интересующем нас смысле имеют с точки зрения продавца [5]:

- а) «закрытый двор», «безопасный двор»;
- б) «охраняемую территорию», «охраняемый двор»;
- в) «огороженную территорию», «огороженный двор»;
- г) «закрытую дворовую территорию»;
- д) «ограждение дворовой территории»;
- ж) «систему контроля доступа, видеонаблюдение»;
- з) «безопасность и контроль доступа»;
- е) «безопасную территорию; огороженную территорию проживания»;
- и) «полностью изолированную, круглосуточно охраняемую территорию» и т.п.

Таким образом, городское пространство на символическом уровне презентуется как не взаимосвязанная совокупность автономных и полуавтономных образований. Некое подобие микрогородков в городе с тотальным нарушением современного статуса,

единства правоохранительной системы (у каждого ЖК своя охрана) и членства в общегородском сообществе. Фрагментация городской территории, огораживание жилого, публичного, частного и государственного пространства = устойчивая тенденция, характерная для крупных городских поселений. Идея безопасности в обмен на идею свободы.

1. Манхейм Карл. *Диагноз нашего времени: Пер. с нем. И англ.* – М.: Юрист, 1994, Гл. IV.
2. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ.* М.: «Весь Мир», 2004.
3. Харви Д. *Право на город // Логос. 2008. № 3.*
4. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем.* М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. *Источник: Бюллетень недвижимости. Часть 1. Квартиры в новых и строящихся домах.* - СПб., 2015. № 3, 19 января. Все нижеприведенные характеристики недвижимости – это идентичные вариации рекламы жилищных комплексов Санкт-Петербурга и ЛО.

ДИСКУРСОЛОГИЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.

Фауль Б.В. (Санкт-Петербург)

Дискурс-исследования в современном мире очень актуальны. Эта актуальность также характерна и для Русского научного пространства, где дискурс-анализ имеет серьезное значение. Интенсивное развитие интереса к анализу дискурса не исключает появление новой кросс-дисциплины, которая специализируется на изучении разнообразных форм и видов дискурса. «Предметную область дискурсологии», – пишет О.Ф. Русакова и А.Е. Спасский: «Должны составить, во-первых, вопросы общего порядка, рассматривающие природу, структуру и функции дискурса как феномена общественной жизни... Во-вторых, в поле исследования будущей дисциплины попадают конкретные группы дискурсов... В-третьих, в состав дискурсологии, с нашей точки зрения, должны войти прикладные исследования и социальные технологии, которые можно обозначить понятием «дискурсивное искусство» [Русакова, Спасский, 2006.]. Насколько правомерно может быть существование этой дисциплины отдельно от других типов гуманитарных наук? Сборник под названием «Дискурсология» ставит своей задачей полное осмысление современных подходов к анализу дискурса, а также к его устройству. В данной статье мы постараемся привести возможные аргументы и контраргументы по поводу формирования специальной дисциплины.

Междисциплинарным подходом к анализу дискурса в западном научном пространстве занимается Теун Ван Дейк. Основной его идеей является то, что дискурс, фигурируя в различных дисциплинах, должен анализироваться комплексным, междисциплинарным образом (Van Dijk, 1997). Дискурс имеет несколько измерений, и разные дисциплины имеют дело с различными измерениями дискурса. Таким образом, лингвистика изучает использование языка, психология концентрируется на изучении того как происходит обмен верованиями (beliefs), а социальные науки анализируют социальные взаимодействия. Целью исследования дискурса является предоставление целостного подхода, который будет связывать эти различные измерения. Для Ван Дейка эти измерения по отдельности не являются полноценными. Все уровни дискурса являются взаимосвязанными и влияют друг на друга. К примеру, в традиционной лингвистике исследователь обычно не выходит за границы предложения, в то время как в дискурс-анализе это является необходимым, так как все предложения в дискурсе связаны. То, что

дискурсология анализирует дискурс в его полноте, может являться основным аргументом в пользу становления новой дисциплины.

Каким образом данный подход можно подвергнуть критике? Необходимо рассмотреть, как междисциплинарный подход реализуется. В данный момент междисциплинарный подход, который предлагает Т.Ван Дейк, не предполагает комплексного объяснения, он лишь способен описать дискурс с различных методологических точек зрения. Во-первых, эти методологические точки отсчета задают концептуальное пространство, в котором будет происходить анализ дискурса. Во-вторых, исходя из этого концептуального пространства, формируется и само понятие дискурса. Таким образом, имея дело с одним и тем же текстом, в самом широком смысле этого слова, междисциплинарный подход способен лишь различным образом проанализировать этот текст. Но каким образом потом происходит сборка этих различных аналитических компонентов? На наш взгляд, именно это может являться точкой для критики данного подхода. Данный междисциплинарный подход к анализу дискурса не дает методологических принципов, позволяющих собрать разрозненные знания о различных измерениях дискурса и сделать это обоснованно. Данный подход в том виде, в котором он сейчас есть, должен неизбежно прийти к рефлексии своего гносеологического основания. Это основание формулируется так: событие само расскажет нам о том, каким образом оно должно собираться воедино. Такой подход является предельно эмпиричным, и вопрос о его научности может ставиться бесконечно. Слабость данной предпосылки заключается в том, что нет критериев того, насколько качественно проведено исследование, так как сборка дискурса всегда будет делом различных субъективных обусловленностей, из-за отсутствия методологических обусловленностей. Это, несомненно, является слабым местом данного подхода.

Возможно ли преодоление этих трудностей? С нашей точки зрения, основное внимание необходимо уделить разработке специального понятийного аппарата, который позволит соединить различные измерения дискурса. Это может быть выполнено двумя различными способами: 1) провести соединения между измерениями, но обоснованно. 2) сформулировать более общие концептуальные конструкции, которые будут рассматривать дискурс каким-то новым образом, объединяющим все эти измерения. Первый подход является обоснованно междисциплинарным, второй – является тем, что характерно для самостоятельных дисциплин. С точки зрения второго подхода, дискурсология может иметь свой объект (дискурс) и предмет (то каким образом он анализируется). Необходимо концептуализировать какую-то особую сущность дискурса, и эта сущность должна включать в себя различные измерения дискурса. В данный момент мы можем наблюдать то, что эта сущность уже создана и используется в языковой игре (люди знают как правильно употреблять это слово), но не существует каких-то специальных техник анализа кроме лингвистических, социологических и т.д. Мы сталкиваемся, в некоторой степени, с противоречием: нет дискурса как целостности, но почему-то мы используем это слово так, будто эта целостность есть.

Хотелось бы отметить то, что формирование дискурсологии как самостоятельной дисциплины, а не как междисциплинарного подхода - крайне маловероятно. Это связано с тем, что в мире уже существуют различные науки об обществе и тексте (в узком смысле этого слова). Необходимо выяснить, возможна ли наука о том, что одновременно включает в себя и социальный аспект, и текстовый (в узком смысле), при этом не разделяя их ни концептуально, ни даже на уровне здравого смысла. Это постмодернистский подход к анализу дискурса, который уже встроен в корпус социальных наук. В данный момент КДА (критический дискурс анализ), основным апологетом которого является Т.Ван Дейк, определяет дискурс как текст или речь в социальном контексте, то есть разделяет дискурс на два уровня. Возможно ли их смешать в будущем? История покажет.

В данный момент наиболее перспективным вариантом развития дискурсологии является формирование междисциплинарного подхода к анализу дискурса. Этот

междисциплинарный подход, как было описано выше, должен включать в себя не только представление о том, что дискурс является собой неким соединением различных измерений, но и то, каким образом нам необходимо эти измерения собирать в единую картину. Также необходимо предоставить определенные легитимирующие аргументы. Необходимо ответить на вопрос, почему дискурсология лучше позволяет нам что-то понять чем социология, которая так же занимается исследованием дискурса и дискурсов?

1. Русакова О. Ф. *Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия " Дискурсология")* – Екатеринбург: Издательский Дом " Дискурс-Пи. – 2006
2. Van Dijk T. A. *Discourse as structure and process.* – Sage, 1997. – Т. 1.

СОВРЕМЕННАЯ ЭПОХА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОЛЬ В ИХ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Фетисов В.Я. (Санкт-Петербург)

Каждый период в истории человечества, называемой эпохой, обладает спецификой, отличающий его от предыдущих и последующих этапов. История Европы *post factum* осмыслена как смена различных эпох: Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время, Просвещение... Что касается последних двух столетий, то сложность, разнообразие и динамичность протекающих в них процессов не позволяет дать им однозначную характеристику, что особенно характеризует вторую половину прошлого и начало нынешнего столетия. Однако потребность в раскрытии специфики переживаемого времени по ряду причин не только не уменьшилась, а, наоборот, многократно возросла.

Современную эпоху теоретики определяют как продолжение и модификация какого-то единого исторического процесса. В этом отношении, как известно, существуют разные взгляды на историю. Один из них – формационный, согласно которому история есть не что иное, как последовательная смена различных общественно-экономических формаций. Согласно ему содержание современной эпохи определялось как переход от капитализма к социализму. Отсюда выводились её основные противоречия, способы и средства их разрешения, главные движущие силы, роль определенных политических объединений и партий.

Данная трактовка эпохи во многом определяла внутреннюю и внешнюю политику советского государства и других социалистических стран. Однако со временем она всё больше начинает расходиться с реальностью. Мир социализма проигрывает в экономическом соревновании с капитализмом, его союзники – рабочий класс Запада и национально-освободительное движение вопреки ожиданиям не проявили заинтересованности в переходе к новому общественному строю. Мировое коммунистическое движение теряло свою сплоченность, авторитет и руководящую роль. Распад СССР, крушение мировой системы социализма, по мнению многих, практически доказали неправоту означенной характеристики современности. Не случайно после указанных событий усилилась критика формационного подхода, возросли обвинения его в схематизме, в выпрямлении и сглаживании истории, в дегуманистичности и эсхатологичности, согласно которой любая ступень лишена самодостаточности и служит лишь вехой на пути к последующей...

На первый план стало выходить другое понимание современности, вытекающее из трактовки истории как перехода от традиционного к индустриальному, а от него к постиндустриальному обществу. Однако такое понимание эпохи также вызывает ряд серьезных возражений, ибо оно, во-первых, непосредственно выводит уровень и качество жизни населения из состояния техники и технологии, тем самым, игнорируя характер

общественных отношений, форм собственности, интересы различных слоев общества. Во-вторых, определяя современность как движение к постиндустриальному обществу, его сторонники дают последнему довольно разнообразную и подчас противоречивую характеристику: информационное, сетевое, виртуальное, общество потребления и общество риска.

Среди основных интерпретаций исторических эпох есть ещё одна, имеющая давние корни. Её сторонники исходят из того, что любая эпоха представляет собой совокупность различных, относительно замкнутых образований – цивилизаций, каждая из которых индивидуальна и неповторима. Следовательно, выявление каких-либо общих тенденций поступательного движения человечества не имеет смысла. Современность характеризуется множественностью цивилизаций, мир в целом – мозаичностью, что дает основание для неограниченного плюрализма мнений о нем. Вопрос об общей направленности развития народов снимается, а его сторонники обвиняются в европоцентризме, в приверженности идеям эпохи просвещения, в гегельянстве и т.д.

Нельзя отрицать наличие цивилизационных особенностей разных народов, проявляющихся в их культуре, религии, искусстве. Однако суть заключается в том, что цивилизационный подход к современности оборачивается абсолютизацией индивидуального в ущерб общему, что, естественно, вызывает критику [см.: 2].

Между тем, именно общее начинает доминировать в жизни различных народов и этносов. Сегодня, когда в социальной эволюции наметился переход к исторически новому состоянию, стали обнаруживаться признаки системного разрушения цивилизации, что открыло принципиально новое видение этого феномена [3, с.446].

Особенности современной эпохи, как представляется, заключается в том, что в ней происходит переход человечества от естественного – исторического к социально-историческому типу развития. Она не отгорожена стеной от предыдущих этапов, но в ней указанный процесс приобретает новые качественные характеристики. Различные социальные системы и образования сегодня не могут сохраняться, а тем более развиваться, не трансформируясь в субъекты целерациональной, социально ориентированной деятельности. Последняя же для своего протекания требует соответствующих форм отношений, общения и поведения.

Процесс становления различных общностей субъектами такой деятельности и адекватных ей форм взаимодействия людей – сложен и противоречив. Он протекает в соревновании и конкуренции между различными социальными системами, где конечным критерием их дееспособности выступает сохранение, воспроизводство и развитие населения страны. Способность общества и его различных структур выступать в качестве субъекта целерациональной деятельности есть интегральная функция, определяемая степенью его технологической, культурной и социальной зрелости.

Переход от естественно-исторического к социально-историческому развитию, проявляющийся в особом типе деятельности, не может протекать успешно без теоретического обеспечения, в котором особая роль принадлежит социологии. Применительно к конкретному обществу сказанное означает выявление необходимых предпосылок и условий, анализ потребностей и интересов различных слоев, обоснование на этой основе вектора и стратегии развития, способов и средств их реализации. Функции науки далее заключаются в сопоставлении полученных по истечении определенного времени результатов с целями и внесение корректив в последующую деятельность в зависимости от степени их совпадения. Диапазон их соотношения в реальности весьма широк – от принципиального совпадения до полного расхождения, что, кстати, нашло отражение в знаменитой черномырдинской фразе, характеризующей многие российские реформы, «хотели как лучше, а получили как всегда».

Реализация стратегического курса зависит не только от внутренних факторов, в том числе политической зрелости и воли руководства, но и от состояния мира в целом. Полюсами последнего выступают однополярность – многополярность, диктат отдельных

государств – уважение суверенитета всех народов, соблюдение норм международного права – их постоянное нарушение. Гегемония отдельных государств, как известно, препятствует становлению народов субъектами самостоятельной целерациональной деятельности. Насажение хаоса, устранение неугодных лидеров привело к острейшим межэтническим и межконфессиональным конфликтам, к состоянию в ряде регионов ситуации, которую Гоббе называл «войной всех против всех». Нарушение норм международного права США и их союзниками подтверждают мудрость латинской пословицы «Закон создается для того, чтобы не был всемогущим».

Россия активно действует в налаживании такого состояния мира, которое обеспечивало бы суверенитет всех стран, развитие различных народов как самостоятельных субъектов. Она явилась инициатором создания нового миропорядка в лице таких образований, как ЕАЭС, ШОС, БРИКС. В последнее время ею предложен стратегический выход из кризиса международной безопасности и принимаются конкретные меры по его реализации. Но эта деятельность требует координации усилий многих субъектов как в пространстве, так и во времени.

Проблема заключается в том, чтобы внешнеполитический курс России по защите безопасности народов и их самостоятельного развития был обеспечен социальной привлекательностью её внутренней политики. Речь идет о повышении качества жизни россиян, реализации принципов социальной справедливости, о привлечении к решению проблем широких слоев, превращении граждан из объектов манипулирования бюрократией в субъекты самостоятельной деятельности. Не последнюю роль в торможении этих процессов играют исследованные Ж.Т.Тощенко аномальные, экстравагантные феномены. Они проявляются в деятельности многих государственных и политических деятелей, представителей бизнеса, находя конкретное выражение в их непомерной жажде власти, неограниченном желании богатства, в болезненном стремлении к славе [1]. Все это деформирует не только экономические и политические процессы, но и социальную жизнь общества, препятствует становлению новых форм деятельности и взаимодействию людей на разных уровнях.

Классический тезис о том, что внутренняя политика определяет внешнюю, нельзя абсолютизировать. На примере России мы видим, как внешнеполитический курс, отвечающий «духу» современной эпохи, её основным тенденциям, требует, внесения существенных корректив во внутреннюю стратегию общества, способы и средства её реализации.

1. Тощенко Ж.Т. *Фантомы российского общества*. М., 2015.
2. Щелкин А.Г. *Берегите цивилизацию от ...социологов// Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, №3.*
3. *Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса./Отв. редактор Э.В.Сайко. М., 2003.*

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Хлебникова А.А. (Запорожье, Украина)

В XXI столетии информационно-коммуникативная парадигма современного социума выделяется в самостоятельную область знаний, науку, имеющую свой предмет изучения, свои специфические проблемы и подходы к их решению. Научную основу этой парадигмы составляет вся сумма знаний о социальной коммуникации, представленная в виде концепций, теорий, принципов, способов и форм общения и управления. С появлением Интернета, “возникает новая коммуникативная система, которая начинает

формировать собственную культуру общения, базируясь на концепциях виртуальных технологий, которое в последнее время все чаще заменяют прямую коммуникацию и становятся неотъемлемой частью жизни современного человека в эпоху информационной цивилизации”, – как отмечает Р. Ф. Абдеев [1, с. 58]. Эти новые реалии информационного общества требуют концептуального осмысления, так как они в значительной степени трансформируют мировосприятие и социальные аспекты бытия человека и общества. Информационно-коммуникативная парадигма современного социума направлена на становление информационной природы общества, в рамках которой управленческий труд, оказывается более полезным и эффективным. В центре информационной парадигмы – понятия «информации» и «коммуникации», которые включают в себя систему форм представленных как целостное понятие, отображающих пути становления данных теоретических систем. В настоящее время коммуникативная концепция переживает некую трансформацию, связанную с системами электронных коммуникаций, что приводит к «революции общения». В контексте данного исследования коммуникация представлена как понятие, обозначающее многообразие связей и взаимодействий, содержащее в себе все виды и способы общения. Коммуникация представляет собой социальный процесс, отражающий общественную структуру и выполняющий в ней связующую функцию. Поскольку коммуникация также многообразна по своим определениям, как и общение, мы выделяем ее черты в контексте различных философских теоретических традиций. Понятия «общение» и «коммуникация» являются аналогичными, а элементом, соединяющим их смысловые значения является понятие «информация». С одной стороны, общение – это процесс, имеющий ярко выраженный информационный характер, а с другой стороны, не существует коммуникации вне процессов общения, которое связывает всех информацией. Коммуникационное пространство – это совокупность общественных отношений, совокупность символических отношений между человеком и окружающей его действительностью (природной и социальной); что упорядочивает жизнедеятельность социальных агентов и формирование внутренней структуры общества. Коммуникационное пространство актуализируется как сфера, внутри которой располагаются взаимосвязи, обеспечивающие системные качества социума (связь между статусом, ролью, образом жизни, ценностями, нормами, ожиданиями, идеями, а также связи, возникающие в результате взаимодействия). Предметы и явления, в том числе и человек, располагаются в данной сфере согласно ее законам функционирования и взаимодействия.

Информационно-коммуникационное пространство – это исторически сформировавшаяся количественно-качественная реальность, обеспеченная средствами связи, характеризующая наибольшую меру доступности не только для личности, но и для общества в целом. Если общество – это продукт взаимодействия отдельных индивидов, социальных групп и общностей, то информационно-коммуникационные взаимодействия – это процесс воздействия на общество информации, посредством различных видов коммуникаций и их отражение в общественном сознании. Понятие «информационно-коммуникативной парадигмы современного социума» позволяет масштабно и ёмко обозначить смысл и основной вектор происходящих в современном мире трансформаций. Информационно-коммуникативная парадигма современного социума означает сущность такого процесса, в котором соединяется три ветви эволюции – природная, социальная и собственно деятельность, в центре которой самосовершенствование общества и человека как целостного существа благодаря информации и коммуникации. Именно в этом случае возможен действительно сценарий перехода от «техногенной» модели развития современного социума, где человек противопоставлен природе, «машинный мир» – «естественному», к коэволюционной модели их сосуществования и взаимодействия. Практика свидетельствует, что человечество находится на пороге «взрыва духовности» хотя бы потому, что впервые в истории человечества сложилась беспрецедентная ситуация, когда мир оказался на грани выживания и духовной

катастрофы. Синергия в обществе увеличивается в результате усложнения системы производительных сил, появления новых элементов (в частности, знания, информации), их комплексного взаимодействия, появления качественно новых типов и форм собственности; взаимодействия с существующими формами развития более совершенных форм хозяйственного механизма, технико-экономических отношений; оптимального соединения всех отношений в целостную экономическую систему при наличии совершенной системы правовых, социальных, политических, культурных, духовных, идеологических отношений. Этому способствует стремительное развитие информации, глобализация коммуникативного пространства, переход к новой экранной культуре, которые влияют на специфику общения, формы связи между людьми, характер ценностно-мировоззренческих установок и восприятия мира. Согласно М. Кастельса, “благодаря становлению и развитию информационно-коммуникативной парадигмы современного социума в контексте синергетического подхода происходит развитие новых коммуникационных сетей и информационных потоков в экономике, обществе, культуре” [2, 608с.]. При отсутствии рациональных подсистем надстроечных отношений синергия коммуникационных систем уменьшается. Поэтому синергический подход использует комплексный учет связей разных уровней и форм между элементами коммуникационной системы, развитие которых усиливает их целостность, способствует повышению эффективности и возможности многовариантного развития с учетом статистических и динамических законов и закономерностей. На пути реализации этой стратегической цели важно осознать необходимость как рационально-конструктивной основы социума, которая формирует целостность материального и духовного мира, природы и общества, так и энтропийной (деструктивной, хаотической), которая отрицательно влияет на первую, стимулируя поиск более эффективных структур, усовершенствования организационной реконструкции и усиления взаимодействия между всеми сферами жизнедеятельности. Этот новый существенный информационный фактор в недалеком будущем изменит не только социальную структуру общества, но и базовые ценности и моральные нормы. Сегодня эффективность информации в социализации общества основывается на основе существующих современных социальных групп, «таких как новая элита - нетократия, для которой свойственно эффективно «создавать связи», контролировать информационную сеть, управлять новыми формами коммуникаций», - отмечает М. Кастельс [3, с.494-505]. Фундаментальное значение появления локализованных коммуникационных сетей связано с тем, что они трансформируют не только пространственную, но и временную организацию социального бытия, вызывают к жизни новые формы взаимодействия индивидов.

Можно сделать выводы, что в глобальном информационно-коммуникационном пространстве мир и общество разворачиваются сквозь призму коммуникации, что получило название «глобальная революция в общении». Современный этап развития цивилизации характеризуется увеличением роли информации в жизни общества, которое в научном мире получило название информационного или информатологического (сетевого) общества. Современный информационный мир, информатизм и экономика полностью зависимы от сетей и создаются современными информационными технологиями, что в целом составляет информационно-коммуникативную парадигму современного социума.

1. Абдеев Р. Ф. *Философия информационной цивилизации*. М.: ВЛАДОС, 1994. 336с.
2. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
3. Кастельс М. *Становление общества сетевых структур*. / *Новая постиндустриальная волна на Западе: [Антология]* / под ред. В. Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. С.494-505.

«ТОЧКИ РОСТА» ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Хохлова А.М., Тыканова Е. В. (Санкт-Петербург)

В докладе, подготовленном при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00421), предпринимается попытка систематизации современных тенденций в изучении жизненных путей. Проанализировав основные «точки роста» социологического изучения жизненных путей, авторы обсуждают перспективы развития данного научного направления в российском контексте.

Жизненные пути можно определить как последовательности действий и событий, которые разворачиваются в различных сферах жизни и меняются с течением времени [1, 16-17]. Жизненные пути не являются завершенными фактическими данностями, а представляют собой «становящиеся структуры», возникающие на основе взаимодействия социальных возможностей индивидов, институциональных фреймов, в которых они действуют, жизненных курсов окружающих, персональных решений и биографических случайностей.

Исторически в социальных науках сформировалось две традиции исследования жизненных путей. Первая из них, представленная в основном американскими учеными, сконцентрировалась на сюжетах возрастной дифференциации и тех эффектов, которые исторические события оказывают на жизненные планы различных когорт [2; 3]. Альтернативная научная традиция, сложившаяся в Европе, сфокусировалась на изучении влияния формальных событий, таких как первый выход на рынок труда, заключение брака, рождение ребенка, выход на пенсию, на биографические траектории индивидов [4].

Сегодня методики социологического изучения жизненных курсов получили признание в научном сообществе и с успехом применяются как в формате качественного, так и в формате количественного лонгитюдного исследования. Так, качественными методами с позиции биографического подхода изучается жизненная история – субъективно переживаемые и социально конструируемые жизненные события и связанные с ними индивидуальные мотивы, интерпретации и практики, а также личные оценки жизненных этапов и накопления жизненного опыта [5; 6]. Между тем, разнообразные подходы к изучению когорт и жизненных событий основываются на стандартизованных количественных данных. Наконец, предпринимаются попытки синтеза количественных и качественных методов [7; 8], предполагающие не только сбор нарративов, позволяющих зафиксировать личное осмысление информантами жизненных событий, но и ведение календаря жизненной истории, фиксирующего движение членов когорт сквозь возрастную структуру, а также применение статистических методов анализа для осуществления панельных исследований жизненных курсов.

Сегодня изучение жизненного пути преодолевает дисциплинарные и отраслевые границы, соединяя наработки демографии, исследований социальной структуры и стратификации, социологии организаций, исследований семьи и родства, криминологии, медицинской социологии, социологии детства и молодежи, культурных исследований, исследований образования, занятости и рынка труда [9; 10]. Тем не менее, можно выделить ряд общих принципов изучения жизненного пути, к числу которых авторы доклада относят:

(1) принцип развития человеческого капитала на протяжении всей жизни: поскольку трансформации такого капитала непрерывны, исследования жизненного пути должны охватывать все возрастные группы;

(2) принцип целостности: поскольку значимые изменения могут происходить на протяжении всей жизни, от детства до глубокой старости, теория жизненного пути должна

изучать не отдельные жизненные эпизоды, такие как выход на рынок труда или переход от замужества к рождению первого ребенка, а жизненный путь целиком;

(3) временной принцип: дизайн исследования должен быть чувствителен к тому, что прошлые события, последствия жизненных перемен и результирующие поведенческие модели зависят от периодов их актуализации в жизни индивидов;

(4) принцип взаимосвязи времени и места: в ходе исследования необходимо учитывать, что жизненные пути индивидов всегда зависят от окружающего материального контекста и исторических условий;

(5) принцип взаимосвязанности жизненных опытов: исследователи должны помнить, любой выбор или событие происходят в сложном контексте сети взаимоотношений, в которые погружен индивид, т.е. индивидуальный жизненный путь должен всегда рассматриваться в его связи с развитием группы: пары, семьи, когорты;

(6) принцип агентности: при исследовании жизненных путей необходимо учитывать, что индивиды выстраивают свои жизненные курсы посредством действий и выборов, ограниченных тем набором альтернатив, которые им предоставляют исторические и социальные обстоятельства, культурные фреймы, институциональные и структурные условия.

Сегодня, осуществляя исследование жизненных путей, необходимо учитывать, что в условиях поздней современности биологические и социокультурные контексты социального воспроизводства переживают стремительные изменения, что, в свою очередь, приводит к трансформации «жизненного времени». В частности, происходит эрозия социального цикла: размываются границы жизненных этапов, меняются их последовательности, диверсифицируются связанные с ними социальные ожидания (например, возникают новые модели занятости, наблюдается плюрализация форм семейной жизни), что препятствует предсказуемому воспроизводству социальных позиций [11]. Результирующая неопределенность требует от индивидов умения балансировать между традицией и новацией и адаптироваться в изменчивых условиях, постоянного обновления.

Особенно остро вышеуказанная проблема ощущается в российском обществе, пережившем череду коренных социально-экономических изменений: переход от советской плановой к постсоветской рыночной экономике, стремительный рост социальных неравенств, формирование и институционализацию новых форм социального исключения. Между тем, консервативные структурные механизмы, основанные на советских представлениях о жизненных циклах, остаются основой статусных оценок для многих россиян, что де-легитимирует жизненные выборы тех, чьи биографии не соответствует традиционным моделям [12-13]. Чтобы маркировать позицию последних, авторы предлагают использовать такое понятие, как «разрывность» жизненного пути, обозначающее временное несоответствие между институциональным определением желательного возраста участия в той или иной форме деятельности и реальным статусом человека, а также описывающее разрывы между реальной и нормативной последовательностью и длительностью переходов от одной статусной позиции к другой [14]. Кроме того, они подчеркивают необходимость новых эмпирических инструментов, более чувствительных к рискам и неопределенностям постсоветского общества и способных проследить постепенную инфляцию нормативных ожиданий, регулирующих жизненные циклы людей и групп, и возникновение уникальных, предельно индивидуализированных жизненных путей. Наиболее перспективными в этой связи представляются синтетические модели, способные учесть микро- и макрофакторы формирования жизненных путей отдельных индивидов, а также целых поколений и когорт, соотношение личных инициатив, усилий, решений и выборов людей (их агентности) и давления внешних объективных условий (структуры возможностей). Это, в свою очередь, предполагает поиск адекватных форм синтеза эмпирических методов и

техник (mixed methods), позволяющих проследить логику и динамику развития жизненных путей в различных социальных и культурных контекстах.

1. Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Исследования жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 1 (34).
2. Clausen J. A. *American Lives: Looking Back at Children of the Great Depression*. New York: Free Press, 1993.
3. Riley M. W., Kahn R. L., Forner A. *Age and Structural Lag: Society's Failure to Provide Meaningful Opportunities in Work, Family and Leisure*. New York: John Wiley, 1994.
4. Blossfeld H. P., Drobnic S. *Careers of Couples in Contemporary Societies. A Cross-National Comparison of the Transition from Male Breadwinner to Dual-Earner Families*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
5. Chamberlyne P., Bornat J., Wengraf T. *The Turn to Biographical Methods in Social Science. Comparative Issues and Examples*. Andover: Routledge, 2000.
6. Giele J. Z., Elder G. H. *Methods of Life-Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches*. CA: Sage, 1998.
7. Fielding N. G., Fielding J. L. *Linking data / Qualitative research methods, Vol.4*. London: Sage, 1986.
8. Marshall V. W., Heinz W. R., Krüger H., Verma A. *Restructuring Work and the Life Course*. Toronto: University of Toronto Press, 2001.
9. Featherman D. L. *Life-Span Perspectives in Social Science Research // Life-Span Development and Behavior (Vol. V) / Ed. by P. B. Baltes, Orville G. Brim*. New York: Academic Press, 1983. Pp. 1-57.
10. Erickson M. A. *Linked Lives: A Trans-Generational Approach to Resiliency // Examining Lives in Context: Perspectives on the Ecology of Human Development / Ed. by P. Moen, G. H. Elder Jr, K. Lüscher*. Washington: American Psychological Association, 1995. Pp
11. Henretta J. *The life-course perspective on work and retirement // Invitation to the life course: Toward new understandings of later life / Ed. by R. A. Settersten*. Amityville: Baywood, 2003. P. 85-105.
12. *Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов. /Отв. ред. И.И.Травин*. СПб.: Норма, 2001.
13. Еремичева Г.В., Быстрова А.С. Динамика формирования новой социальной структуры в условиях экономических и социальных реформ (по материалам исследований 1990-2005 гг) // Экономика Северо-запада: проблемы и перспективы развития. 2007. №1 (31). С.12-19.
14. Erikson R. C. Goldthorpe J. H. *The Constant Flux*. Oxford: Clarendon Press, 1992.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ

Хромова Т.В., Козлова Д.В. (Саранск)

Семья во все времена находилась в центре внимания общественности. Особое интерес вызывает положение в нашем обществе неполных семей. Научный интерес к неполным семьям подкрепляется тенденцией их роста в структуре современного российского общества. «Каждый третий ребенок в России в настоящее время воспитывается только одним родителем. По последним данным, почти полмиллиона российских малышей рождены одинокими мамами» [1]. Неполная семья находится в более сложных жизненных условиях, так как все проблемы от финансовых до психологических родитель решает в одиночку. Однако и полные семьи в современных условиях испытывают существенные трудности и множество проблем. С целью сравнения положения данных типов семей нами было проведено исследование на базе одной из социальных служб г. Саранска. Количество неполных семей в Пролетарском районе г. Саранска за 1 квартал 2015 г. составило 2825 семей. Из них 252 семьи обратилось за помощью в Комплексный центр социального обслуживания (КЦСО) указанного района г.

Саранска. Мы отобрали 10% от этого количества и опросили 25 неполных семей. Для сравнения мы опросили еще 25 полных семей. Это позволило нам проанализировать перечень проблем, присущих полным и неполным семьям.

В первую очередь, это материальные проблемы. Неполная семья часто является малообеспеченной, поскольку в семье имеется трудовой доход одного члена семьи. По результатам нашего исследования 39,2% неполных семей имеют данную проблему, в полных семьях эту проблему указали 30,6% семей.

В неполных семьях существует также жилищно-бытовые проблемы. В результате нашего опроса мы выяснили, что у 56% неполных семей отсутствует собственное жилье, а также наличие жилищно-бытовых проблем отметили 19,6% неполных семей. Если сравнивать с полными семьями, то жилищно-бытовые проблемы присущи и им – 22,6% отметили эту проблему. Но в отличие от неполных семей, большая часть полных семей имеет собственное жилье 76%.

Также существенной проблемой как для полных, так и неполных семей являются социально-психологические трудности, присутствующие в межличностных отношениях членов семей. Результаты нашего исследования показали, что и в полной, и в неполной семье существуют конфликты. В неполных семьях конфликты случаются «иногда» у 52% респондентов, у 40% – «редко», у 8% семей вообще не бывают. В полных же семьях у 20% семей конфликты случаются «часто», у 40% – «иногда», у 36% – «редко» и только 4% семей вообще не бывают конфликты. Таким образом, что конфликты в полных семьях случаются чаще, чем в неполных, и прежде всего, это конфликты между супругами.

Кроме того, важно отметить и такую особенность среди психологических проблем полных и неполных семей: одинаковая частота упоминания проблем с воспитанием ребенка. Данную проблему как важную указали 9,7 % полных семей и 9,8 % неполных семей.

Еще одной важной проблемой в семьях является проблема со здоровьем членов семьи. По результатам нашего исследования данную проблему отметили 21,6% неполных семей, но необходимо отметить, что данная проблема существует и в полных семьях – 19,3%.

Данные результаты показывают наличие существенных проблем как в полных, так и в неполных семьях. Наличие некоторых проблем характерно для обоих типов семей, что отчасти является опровержением устоявшегося общественного мнения о серьезном неблагополучном положении только неполных семей.

Тем не менее у неполных семей выявилась и особенная проблема, которая отсутствует в полных семьях. Для неполной семьи характерна такая проблема, как конфликтные взаимоотношения с родственниками бывшего (умершего) супруга (ги) – эту проблему отметили 56% респондентов. Среди данных неполных семей 52% отметили, что не поддерживают отношения с родственниками бывшего супруга (ги) и эти родственники никогда не помогают им в воспитании ребенка. 36% указали, что родственники помогают им иногда, и только 8% отметили, что им помогают всегда. Однако стоит отметить, что в неполных семьях отсутствует проблема, характерная только для полных семей: наличие психологических проблем в общении с супругом. На эту проблему указали 11 % полных семей.

Многообразие существующих проблем у современных семей указывает на необходимость оказания социальной помощи полным и неполным семьям. Активную работу по социальной поддержке данных семей осуществляет Комплексный Центр социального обслуживания г. Саранска. При данном Центре действует служба социальной помощи семье и детям. Она предназначена для комплексного обслуживания на территории района семей и детей, нуждающихся в социальной поддержке, путем оказания своевременной и квалифицированной социальной помощи различных видов: социально-экономической, психолого-социальной, социально-педагогической, медико-социальной, юридической, социально-реабилитационной и др.

Для составления полной картины о деятельности Комплексного центра необходимо представить мнение самих семей об их работе. Прежде всего, охарактеризуем обращаемость опрошенных полных и неполных семей в КЦСО. Среди полных семей большую долю по сравнению с неполными семьями составляют те, которые не обращаются в Комплексные центры, т.е. 76% неполных семей отметили, что никогда не обращались за помощью в Комплексный центр социального обслуживания, а в полных семьях эта доля составила 84%. Но при этом среди посещающих Центр семей наименьшая частота обращаемости отмечается у неполных семей. Это, прежде всего, связано с тем, что они не доверяют данным службам, считают, что помощь со стороны службы не окажет значительного положительного влияния на ситуацию в семье, а кроме того не хотят огласки своего статуса неполной семьи.

Возможно недоверие со стороны неполных семей к социальным службам объясняется отчасти существующим негативным отношением со стороны специалистов Центра к членам неполных семей. В частности, по мнению более трети неполных семей, они чувствуют к себе негативное отношение со стороны специалистов Комплексного центра, в то время как полные семьи не указали данный вариант ответа.

Таким образом, проведенное нами исследование показало наличие множества проблем у неполных семей. В первую очередь это материальные проблемы и малообеспеченность, а также психологические, жилищно-бытовые проблемы, проблемы с воспитанием ребенка и проблемы со здоровьем. Несмотря на все эти проблемы, большая часть опрошенных нами неполных семей не чувствует себя ущербными и считает, что неполная семья – это наилучшая альтернатива неблагополучной полной семье.

Кроме того, в результате нашего исследования мы выяснили, что проблемы неполных семей присущи и полным семьям. Поэтому виды оказываемой в Комплексном центре социальной помощи полным и неполным семьям практически совпадают. Оказание помощи данным типам семей требует дополнения и расширения, в частности помимо материальной помощи необходимо более активно внедрять оказание социально-психологической помощи в воспитании детей и разрешении семейных конфликтов. Для неполных семей, среди которых наибольшую долю составляют разведенные семьи, особенно актуальным является привлечение социального работника в качестве посредника (медиатора) при решении конфликтов или восстановлении родственных связей с бывшим супругом (гой).

1. Владыкина Т. Каждый третий ребенок в России воспитывается одинокой женщиной // *Российская газета*. – 2015. – № 5501 (125).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург)

В отличие от начала 1990-х гг., когда в российской социологии начал формироваться интерес к биографическому методу и такому эмпирическому материалу, как автобиографические нарративы (рассказы о прожитой жизни) обычных людей, сегодня уже есть отечественные работы по методологии качественного социологического исследования и сегодня такие нарративы уже признанный в отечественной социологии источник социального знания [1, 2, 3].

Автобиографические нарративы дают возможность проблематизировать разные стороны социального опыта как на индивидуальном и групповом уровне, так и на уровне общества в целом. Исследовательской проблематикой становятся социальная обусловленность жизненного пути, коллективное историческое сознание, интернализация

культурных образцов, типы культурных ориентаций и стилей жизни, стандарты профессиональной карьеры, выбор и смена профессий, механизмы трансляции ценностей и т.д. И если представлять возможные перспективы изучения такого эмпирического материала, то кажется совершенно очевидным, что он может быть использован в самых разных тематических направлениях. И здесь, прежде всего, возникают проблемы интереса к такому материалу и формулировки исследовательских задач, а значит, и разработки методов и методик его анализа.

Как и в любом качественном исследовании, проблематизация/тематизация автобиографических нарративов является открытым процессом, который не связан напрямую с количеством материала и в большой степени зависит от теоретической чувствительности исследователя, от его знаний и опыта. В целом можно сказать, что универсальных методик такой работы и быть не может, так как интерпретация нарративов это итерационный процесс, который включает возвратно-поступательное движение по герменевтическому кругу и предполагает целый ряд мер, направленных на корректировку программы и методик исследования, на их уточнение, а также многоступенчатое кодирование и аналитическое «перечитывание» материала.

Так как в биографическом исследовании речь идет о поисках новых признаков исследуемого предметного поля, а не о распространенности и статистической репрезентативности какого-то уже известного признака или явления, то методы отбора такого материала тесно связаны с целями исследования. Между изучаемой исследователем проблемой и формируемой им «выборкой» автобиографических нарративов устанавливаются довольно гибкие отношения. В принципе даже единственный полный рассказ о прожитой жизни может позволить сформулировать тему (проблему) исследования, а тем более, если у исследователя имеются какие-либо возможности для сравнительного анализа нарративов. Например, для сравнения автобиографических нарративов, принадлежащих людям разных поколений. Такой вариант проблематизации исследования особенно, на мой взгляд, плодотворен, так как дает представление об исторических этапах «определяющей работы общества» (Бурдье), об «обновлении дефиниций» (Бергер), а также о постепенности происходящих в обществе социально-культурных изменений и их «зависимость от пути» (Норт), от культурного наследия.

Интересный ключ к формулировке темы/проблемы исследования может дать и неполнота представленной в автобиографическом нарративе истории жизни рассказчика, его умолчания о каких-то значимых этапах жизненного пути. В случае такого рода «умолчаний» исследовательской проблемой может стать целый ряд вопросов. О чем и почему человек умалчивает, что стоит за этими умолчаниями, какие слои автобиографического повествования открыты, а какие скрыты, какова динамика биографического сознания и что представляет собой биографический импульс, т.е. каковы мотивы создания такого рода нарративов. Может ли, например, в качестве такого мотива рассматриваться потребность рассказчика решить какую-то экзистенциальную проблему, согласовать индивидуальный и социальный полюсы своей жизни. В любом случае обнаружение мотивов создания автобиографических нарративов открывает целый ряд возможностей анализировать природу биографического сознания.

Иногда проблематизация автобиографических нарративов задается уже методом их сбора. Так происходит, например, при проведении биографических тематических конкурсов, когда участникам конкурса предлагается описать их жизненный путь с особым вниманием к девизу конкурса и выделенным исследователями темам. Однако надо отметить, что таким образом организованная проблематизация нарративов определенным образом сужает исследовательское поле. В такого рода тематизированных нарративах неизбежно проявляется давление социально-культурных форм, наработанных как историей общества, так и доминирующими в данный момент времени нормативными дискурсами, не говоря уже о влиянии исследовательских формулировок темы конкурса. И

хотя в нетематизированных, спонтанно написанных, нарративах давление этих форм тоже достаточно очевидно, но все же они в большей степени открыты для постановки исследовательских вопросов. В них ярче, чем в тематизированных нарративах, представлены ценностные установки обыденного сознания, те «формулы логики», которые работают на уровне повседневной жизни человека. Это особенно важно, когда темой биографического исследования являются, например, ответы на вопросы, как на уровне повседневности работают нормативные дискурсы, создаваемые на верхних уровнях культуры, и как связаны разные пласты ценностного сознания общества.

Необходимо также отметить, что при аналитическом чтении автобиографических нарративов (при первичном кодировании семантического поля, которое они образуют) можно натолкнуться и на те проблемы, которые исследователь не увидел, планируя их сбор (планируя, например, организацию тематического биографического конкурса). И такие «неожиданно» возникшие проблемы могут быть очень плодотворными и рождать новые гипотезы, а иногда и задавать новое направление уже запланированному исследованию. В тоже время, затраты времени и сил на аналитическое прочтение и кодирование автобиографических нарративов могут и не дать достаточно хороших результатов, позволяющих раскрыть изначально сформулированную проблему. Другими словами, аналитическая работа с такими текстами трудно поддается планированию и во многом, как уже говорилось, является открытым процессом.

И, наконец, необходимо подчеркнуть основную характеристику исследовательской стратегии биографического метода. Она направлена на расширение социально-культурного пространства, в котором возникают и оспариваются социально значимые смыслы, производятся социальные ценности. И результаты такого исследования открывают возможности следить за динамикой и особенностями происходящих в обществе социально-культурных изменений, раскрывая сложность и противоречивость реальной жизни и продуцируя гипотезы для изучения еще не выраженных ясно тенденций общественного развития.

С представленных здесь позиций я работаю с материалами собрания Биографического фонда Социологического института РАН. Фонд был создан в 1989 г. и на сегодняшний день содержит более 800 единиц хранения. Фонд составляют автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов.

1. Готлиб А. *Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты*. Самара: Универс-групп. 2004. 448 с.
2. Козлова Н.Н. *Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования*. 2000. №9. С.22-32.
3. Семенова В.В. *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. М.: Добросвет, 1998. 292 с.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА НА ИНСТИТУТ СЕМЬИ

Цинченко Г.М. (Санкт-Петербург)

Семья в России, оказавшись в условиях трансформации общества и изменений в его социальной структуре, сохраняется в общественном сознании как одна из основных базовых ценностей. В силу многих социально-экономических и социально-психологических причин в иерархии социальных семейных ценностей особо значимым в настоящее время выступает неформальное, индивидуально-личностное начало, детерминирующее систему брачно-семейных ценностей и происходящие в ней изменения [1, с. 79].

В начале XXI в. семейные изменения приобрели такие количественные и качественные признаки, при которых состояние семьи как социального института можно квалифицировать как кризисное. Термин «кризис семьи» образует своеобразный стереотип восприятия современных семейных проблем в научной социологической литературе. Порой этот термин используется в качестве некоторой аксиомы, применяемой для обозначения исходного пункта понимания общей ситуации в данной сфере, и трактуется как кризис социального института, системы ценностей фашизма [2, с.131]. Проявляются негативные явления такие как подъем уровня разводимости, распространение однодетной семьи как идеала, невыполнение семьей в полной мере своих функций, ослабление родственных связей и распространение девиантных форм семейного поведения. Между тем социологический подход к изучению семьи предполагает рассмотрения вопроса о том, какие представления скрываются за этими утверждениями.

В современном российском обществе происходят существенные изменения в ценностных установках брачно-семейной сферы, что влечет за собой утрату институтом семьи институциональных признаков, какие были присущи в дореформенный период российской истории, когда семья в России по своей структуре и составу была сложным организмом: многодетной, состоящей обычно из нескольких поколений. Для патриархальной семьи была характерна моногамия, в брак вступали на всю жизнь. В семье устанавливался и поддерживался иерархический порядок. Семья в России функционировала под сильным влиянием церкви, которая стремилась создать христианскую основу стабильного брака, служила целям поддержания целостности семьи. Для такого семейного уклада было характерно главенство мужа, половозрастное разделение труда, строгая иерархия в отношениях, уважение, почтение и любовь к женщине, детям. Патриархальная семья являлась важной частью российской культуры. Тесная взаимосвязь и взаимозависимость членов семьи, четкое распределение семейных ролей и статусов уважительное отношение друг к другу являлись основой стабильности и воспроизводства российского общества [3].

Современная семья имеет особенности, характеризующие основные тенденции общественного, социального и культурного развития. Семья не является однородной, унифицированной по структуре, по форме или по функциям. Спектр видов, форм и категорий современной семьи достаточно многообразен. На семейный образ жизни влияют такие факторы, как низкий уровень реальных доходов большинства российских семей, коммерциализация сфер здравоохранения и образования, нестабильность доходов, рост безработицы. Семья как институт в своем традиционном понимании претерпевает существенные изменения: наблюдается процесс эмансипации детей от родителей, роль личной свободы каждого из членов семьи, переход от закрытой к открытой системе формирования брака; разрывается сложившаяся связь между поколениями по линии родства, и девальвируются ценности «семейного очага».

Ценности, привычные представления, стереотипы, менталитет, усвоенные людьми в течение столетий и сформированные в традиционной семье, вошли в противоречия с так называемой либеральной идеологией. Семья, претерпевая изменения, меняет акценты, типы, формы, но остается фундаментальным институтом, наиважнейшей ценностью общества. Существенным образом меняется сам семейно-брачный институт, появляются его различные вариации, что выступает следствием экономических, социальных, психологических, культурных и иных процессов, происходящих в современном обществе. Произошел перевес личных выгод индивида и экономической деятельности над ценностями родства, отделение родства от социально-экономической деятельности, распространение потребительского типа семьи. Происходит переход от централизованной расширенной семейно-родственной системы к децентрализованным нуклеарным семьям, в которых супружеские узы становятся выше родственных. В современном российском обществе, в связи с его реформированием, происходят существенные изменения в ценностных установках брачно-семейной сферы людей, что влечет за собой утрату институтом семьи своих институциональных признаков в том виде, в котором они были присущи ему в дореформенный период российской истории. В то же время престиж семьи как малой социальной группы сохраняется в качестве одной из важнейших жизненных

ценностей индивида. Противодействуя кризису целостности и социальной идентичности в современном российском обществе, семья является одним из внутренних стабилизаторов, которые удерживают общество в более-менее устойчивом состоянии и становятся духовным источником и механизмом общественной интеграции.

На состояние и проявление семейных личностных установок конца XX - начала XXI вв. существенное влияние оказывают демографические, социально-экономические и социально-психологические факторы. Осуществление социальных реформ приводит к развитию процесса деинституционализации российской семьи, а также к усилению в ней неформального начала. Снижение уровня жизни населения в условиях непрекращающейся инфляции и усиления социальной дифференциации семей, а также во многом стихийный, «обвальный» по своему характеру процесс утверждения в российской среде демократических начал, весьма негативно сказываются на формировании положительных брачно-семейных ценностных установок. Усиление отрицательных семейных изменений в современной России является следствием дезорганизации института семьи, непосредственно связанной с проявившимся несколько десятилетий назад кризисом ценностей семейного образа жизни. Рассмотрение системы ценностных ориентаций в рамках фамилистической перспективы позволяет выявить соотношение семейных и внесемейных ценностных ориентаций в структуре личности современного человека. Вместе с тем, ее значение как социального института в том его виде, в котором он унаследован современным обществом от старой эпохи, падает. В результате традиционные семейные ценности - супружество, родительство, прочность брака - постепенно теряют в своей значимости, уступая место так называемым альтернативным ценностным ориентациям - профессиональной деятельности, карьерному росту, самостоятельно достигнутому социальному положению, личной и материальной независимости. В настоящее время все большее число людей отдает предпочтение самореализации во внесемейной сфере жизнедеятельности, профессиональной и социально-статусной сферах. Россия переживает кризис «фамилистической цивилизации», считают А.И. Антонов и В.М. Медков, усматривая корень кризиса в семейной аномии - нарушении семейного равновесия, распада семейных связей, ценностных ориентации [4]. Семья является непреходящей ценностью для каждого человека, она играет важную роль в жизни общества и государства, в воспитании новых поколений, обеспечении общественной стабильности и прогресса [5, с.4]. Сегодня современная российская семья находится в процессе модернизации, и ученым еще предстоит исследовать суть и последствия этих перемен.

1. Карцева Л.В. Семья в трансформирующемся обществе // Вестник Московского государственного университета. Сер.18. Социология и политология. 2004. № 1. С. 65-72.
2. Медкова М.В. Семья «звезд» шоу-бизнеса // Социс. 2002. № 1. С. 131
3. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 95-96.
4. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000. С. 95-96.
5. Отделкина Т.И. Государственная семейная политика как фактор успешности развития семьи // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные Науки. 2013. №2 (30). С 44-47

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СЕМЬЮ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Шабан Е.С. (Санкт-Петербург)

Россия – многоконфессиональная страна. Наряду с православием, к числу наиболее распространенных религий относятся ислам, иудаизм, католицизм, буддизм.

Все «традиционные» для России конфессии поддерживают семейный образ жизни, оказывают в целом благоприятное влияние на

духовно-нравственное воспитание населения, развивают благотворительную деятельность и милосердие, выступают против насилия в семье, алкоголизма и наркомании. В то же время они, поддерживая институт семьи и пропагандируя ценности семейной жизни, имеют собственную позицию по отношению к нормам семейной жизни.

Создание крепких в духовно-нравственном отношении семей - это задача общенациональная, общегосударственная. Еще император Александр III говорил: «В политике внутренней покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годину бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства» .

Семья- сложное социокультурное явление. Специфика и уникальность семьи в том и состоит, что она фокусирует в себе практически все аспекты человеческой жизнедеятельности и выходит на все уровни социальной практики: от индивидуального до общественно-исторического, от материального до духовного. Сущность и смысл семьи состоит не просто в воспроизводстве населения, а в продлении рода в самом широком смысле слова. Семья выступает как связующее звено поколений рода. Через нее род развивает заложенные в его природе душевно-духовные качества. В памяти рода, в его вере семья обретает бессмертие. В народном сознании древнерусского человека род (семья, родственники, племя), народ, Родина связаны не просто одним морфологическим корнем, а отражали специфику миропонимания, идею развития общества. Русское православие усиливает духовное содержание рода и семьи. Семья выступает не только социальным сообществом супругов, родителей и детей, но и духовной ячейкой, "малой церковью".

На этой основе возникло предположение: семья и религия находятся между собой в такой тесной связи, что семья может быть понята именно как "естественной" носитель религии, как религиозное образование.

Во многих обществах религиозные ритуалы совершались в рамках семьи и огонь домашнего очага считался священным. Довольно часто и в настоящее время семья является тем местом, где совершаются религиозные ритуалы, но при этом следует помнить, что то, что мы называем семьей сегодня, существенно отличается от того, что было семьей в древних обществах.

В ходе развития и внутренней дифференциации общества его институциональные образования разделились на две сферы – частную и общественную область жизни. Семья во многом утратила черты общественной организации, которыми была наделена в прошлом, и стала в большей мере делом частной жизни. Религиозные верования и религиозная практика в современном обществе становятся в значительной мере делом личного выбора, частным делом. Возможно с этим связано то обстоятельство, что сегодня в первую очередь многих привлекают те религиозные ритуалы, которые связаны с событиями семейной жизни. Многие склонны сегодня рассматривать семью как главную и нерешимую базу организованной религии в ее традиционных формах.

Действительно, в современном обществе существует тесная связь между церковью и семьей. Социологические данные подтверждают, что церковная деятельность в большей степени обращена к женщинам и детям, среди церковных преобладают мероприятия, связанные с семьей, среди прихожан сегодня большинство составляют женщины.

Учения о семье и браке, нормы семейных отношений, устанавливаемые разными конфессиями, оказывают определенное влияние, - как это показывают данные исследований, - на поведение приверженцев соответствующих конфессий. В какой-то мере, церковь способна осуществлять в этом отношении функцию социального контроля. Католики по сравнению с протестантами реже вступали в смешанные браки, реже прибегали к абортам, у них было меньше разводов, семьи были более многодетными.

Процессы изменения структуры семьи, ее функций, ценностных предпочтений включены в общий процесс социальных перемен в обществе и одним из факторов, воздействующих на изменения в семье и браке, является влияние религии и церкви.

Православная церковь сегодня проводит большую работу по возрождению традиционной семьи и нравственности. Усиленное внимание уделяет современная Православная Церковь проблеме семьи. «Со скорбью можно констатировать, что за последние десять лет ситуация с семьей еще более ухудшилась. Прелюбодеяния, разводы, детоубийство, брошенные дети, беспризорники, сироты и полусироты, в десятки раз возросшая детская преступность и наркомания (этот список можно продолжить) — вот реалии современного российского общества. Тем громче должен звучать голос Церкви в защиту ценностей христианской семьи», — писал Патриарх Алексий II .

В Социальной концепции Русской Православной Церкви, принятой на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года изложена идеология Церкви в области семейной политики. Особое внимание в концепции уделено современным проблемам российской семьи, мерам государственной семейной политики и отношению к ним Русской Православной Церкви. Отмечено, что «областями соработничества Церкви и государства в нынешний исторический период являются: ...забота о сохранении нравственности в обществе; ...духовное, нравственное и патриотическое образование и воспитание, ...дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ; ...наука, включая гуманитарные исследования; ... здравоохранение; ... культура и творческая деятельность; ...поддержка в пользу института семьи, материнства и детства» и другие экономические и социальные вопросы.

В соответствии с Основами социальной концепции русской православной церкви Домашнюю церковь образуют любящие друг друга мужчина и женщина, соединенные в браке и устремленные к Христу. Плодом их любви и общности становятся дети, рождение и воспитание которых, по православному учению, является одной из важнейших целей брака... Семья как домашняя церковь есть единый организм, члены которого живут и строят свои отношения на основе любви. Опыт семейного общения научает человека преодолению греховного эгоизма и закладывает основы здоровой гражданственности. Именно в семье, как в школе благочестия формируется и крепнет правильное отношение к ближним, а значит к своему народу, обществу в целом. Живая преемственность поколений, начинаясь в семье, обретает свое продолжение к любви к предкам и, отечеству, в чувстве сопричастности к истории. Поэтому столь опасно разрушение традиционных связей родителей с детьми, которому к сожалению, во многом способствует уклад жизни современного общества. Приращение значимости материнства и отцовства, сравнительно с успехами мужчин и женщин в профессиональной области, приводит к тому, что дети начинают восприниматься как ненужная обуза; оно также способствует отчуждению и развитию антагонизма между поколениями.

Роль семьи в становлении личности исключительна, ее не могут подменить иные социальные институты. Разрушение семейных связей неизбежно сопряжено с нарушением нормального развития детей и накладывает долгий, в известной мере, неизгладимый отпечаток на всю их последующую жизнь.

Вопиющей бедой современного общества стало сиротство при живых родителях. Тысячи брошенных детей, которые наполняют приюты, а иногда оказываются на улице, - свидетельствуют о глубоком нездоровье общества. Оказывая таким детям духовную и материальную помощь, заботясь об их вовлечении в духовную и социальную жизнь, Церковь одновременно видит свой важнейший долг в укреплении семьи и в осознании родителями их призвания, что исключило бы трагедию брошенного ребенка» .

В концепции с позиций православной этики дана негативная оценка прелюбодеяния, внебрачного сожителства, порнографии, алкоголизма, наркомании, абортов, контрацепции, фактически обладающей абортным действием, суррогатного материнства, экстракорпорального оплодотворения, клонирования человека, фетальной терапии (в основе которой лежит использование в медицинских целях человеческих эмбрионов), эвтаназии безнадежных больных. Учение Церкви осуждает гомосексуальные половые связи и транссексуализм.

Церковь провозгласила курс на активное сотрудничество с государством и другими институтами гражданского общества, включая политические и общественные организации, средства массовой информации, в области укрепления семьи и семейных ценностей, охраны здоровья, науки, культуры, образования, решения экологических проблем на основе принципов православной этики.

В наше время восстанавливающиеся храмы и монастыри постепенно возрождают свое социальное служение. В течение веков мировыми и национальными религиями накоплен громадный опыт социального служения. Давние традиции в этой деятельности сложились и у религиозных конфессий, традиционно существовавших в России, прежде всего у Русской Православной Церкви. Для координации социального служения православной Церкви при Московском Патриархате создан специальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению.

Социальное служение — разносторонняя, имеющая давние исторические традиции деятельность профессиональных институтов, осуществляемая во многих сферах: милосердия, благотворительной, миротворческой и т.д. Социальное служение чрезвычайно многогранно как по направлениям, так и формам, методам деятельности. Наряду с материальной поддержкой нуждающихся, в том числе семей с детьми, оно нацелено на утоление печали страждущих, успокоение отчаявшихся, смягчение социальной напряженности, улаживание этнических и национальных конфликтов. Традиции духовной и материальной помощи старым, больным, инвалидам, детям, людям, оказавшимся в беде и не имеющим сил (возможностей) самостоятельно ее преодолеть, — органическая часть религиозно-нравственной культуры всех существовавших и существующих на Земле цивилизаций, социально-нравственных доктрин различных конфессий, важнейшая часть их идеологии и практики.

В последнее время российские профессиональные организации — христианские (православные, католические, протестантские), мусульманские, буддистские, иудаистские — значительно активизировали свое милосердное служение. Правовые запреты в этой сфере были преодолены принятием в октябре 1990 г. Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий».

Начало процесса возрождения общественной — светской и профессиональной — милосердно-благотворительной деятельности в нашей стране в конце 80-х годов в политическом плане было одним из симптомов демократизации, развития общественной самодеятельности граждан. В идеологическом — оно было свидетельством честного признания реалий жизни, наличия масс людей, нуждающихся в помощи и милосердной заботе. В нравственном — это возвращение к общечеловеческим гуманистическим ценностям: состраданию, милосердию, жертвенности, готовности делать добро и т.п. В опыте социального служения много положительного и поучительного, которое, к сожалению, пока еще находится вне внимания светских социальных работников, хотя формы, методы милосердной профессиональной деятельности прошли испытания веками и оправдали себя среди различных этнических и социальных общностей. Для социального служения (при всех их вероисповедных различиях) характерна многофункциональность (не только оказание материальной помощи, но духовные и иные формы поддержки людей при тяжелых обстоятельствах, участие в воспитании детей, опека над немощными, нравственная поддержка заключенных и др.). Социальным служением в религиозных организациях, как правило, занимаются лица, имеющие призвание к поддержке людей в критических ситуациях и обладающие в той или иной мере соответствующими профессиональными навыками. Практика показывает, что здесь в большей мере достигается персональный, целевой, адресный характер поддержки, — чтобы помощь доходила по назначению, что далеко не всегда удается при государственных формах социальной помощи. В то же время следует отметить, что исповедуемые религиозными организациями верования влияют на осуществляемые ими программы социального служения, а благотворительная деятельность часто используется (особенно рядом

действующих зарубежных миссионерских организаций) для распространения своих воззрений, в том числе среди последователей иных религий и неверующих.

В современном социальном служении различных религиозных конфессий важно выделить наиболее эффективные формы и направления практики милосердия. Например, православные общества в последнее время значительно активизировали работу с наркозависимыми, алкоголиками, заключенными, с тяжело больными людьми, накоплен интересный опыт работы с семьями и детьми из неблагополучных семей, детских домов и интернатов.

Брошенных детей нередко собирают на вокзалах, чердаках, помещают в приюты, детские дома и центры для несовершеннолетних, открывающиеся при православных приходах. Основная задача таких учреждений – помочь детям адаптироваться в современном обществе и, после выхода из учреждения, устроится в жизни. Сегодня многие такие центры представляют собой комплексы, включающие жилые помещения, классы для занятий, ремесленные мастерские, площадки для игр и отдыха, небольшие приусадебные хозяйства со скотным двором, если центр находится в сельской местности.

Большое значение придает православная церковь работе с наркозависимыми и алкогозависимыми и членами их семей. Серьезным подспорьем для занимающихся социальной работой с семьей и детьми, особенно в сфере помощи наркозависимым и алкоголикам, является опыт совместной работы Русской Православной Церкви, светских научных и практических центров. «Проблема наркомании сегодня становится серьезной угрозой нравственному и физическому здоровью людей», — говорится в приветствии Президента РФ В.В.Путина участникам конференции «Россия без наркотиков», состоявшейся в ноябре 2000 г. в Свято-Даниловом монастыре. - Необходимы эффективные способы противостояния опаснейшему недугу современности. Только совместными усилиями можно противодействовать этому злу. Уверен, конференция, организованная по инициативе Русской Православной Церкви, внесет существенный вклад в борьбу с тяжелым социальным и духовным пороком, послужит хорошим примером сотрудничества государственных, религиозных и общественных организаций в преодолении этой страшной беды». Проблему распространения и употребления наркотиков «по ее долгосрочным последствиям» В.Путин отнес к «категории прямых угроз национальной безопасности государства» .

Светские и церковные власти высоко оценивают результаты сотрудничества Минздрава России и Русской Православной Церкви в реабилитации наркоманов и алкоголиков. Наиболее успешно работают в этой сфере Православный центр наркологической помощи в Одинцовском районе Московской области, Душепопечительский центр во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского в Крутицком Патриаршем подворье в Москве, Центр медико-социальной помощи наркозависимым детям и подросткам «Преодоление» при Сретенском монастыре.

Церковь рассматривает наркоманию в первую очередь как духовную проблему, которую нужно решать одновременно с преодолением нравственного кризиса, переживаемого народом. Поэтому здесь необходимо сочетание духовной поддержки с профессиональным медицинским лечением. Именно так работает с пациентами попечительский центр на Крутицком подворье, которым заведует иеромонах Анатолий (Берестов), доктор медицинских наук, профессор, невропатолог. Центр, существующий с 1996 года, подготовил и сейчас воплощает в жизнь программу реабилитации наркозависимой молодежи. Эта программа входит составной частью в московскую благотворительную программу «Прозрение» .

Особенностью реабилитационного процесса в соответствии с программой является синтез активной пастырской работы, душевной и духовной поддержки, медико-социальной, психотерапевтической работы, семейной, бытовой и трудовой реабилитации пациентов. Этим занимаются на благотворительных началах 15 врачей-специалистов, психологи, педагоги и духовенство. Работа ведется в трех московских храмах и в общинах

монастырского типа в Московской и Ярославской областях, Краснодарском крае и в Мордовии .

С августа 1998 г. по август 2000 г. в Душепопечительский центр обратились более 800 молодых людей с проблемами зависимости от наркотиков. На «духовную реабилитацию» осталось меньше половины. Наиболее положительные сдвиги были замечены у тех, кто прошел основные этапы реабилитации в монастырях (остальные были направлены в общины или оставались в Центре для реабилитации в условиях дневного стационара). Но в целом от 65 до 78,5% пациентов Душепопечительского центра, прошедших активную духовную и социальную реабилитацию, вышли из состояния наркозависимости.

Центр активно помогает другим епархиям в организации подобных заведений, при содействии его сотрудников центры реабилитации наркозависимых созданы в Тюмени, Липецке, Вологде, Череповце, Минске, Нижнем Тагиле и других городах. Совместно с НИИ наркологии Душепопечительский центр издает учебно-методические материалы, ведет обширную просветительскую деятельность, проводя лекции, встречи, беседы, выступления на телевидении и радио. Люди, употребляющие наркотики и алкоголь и потерявшие надежду на излечение, нередко доверяют священнослужителям больше, чем врачам.

Руководитель Отдела по противодействию наркомании и алкоголизму Санкт-Петербургской епархии протоиерей Сергей Бельков считает, что должны быть разные реабилитационные программы – медицинские, психологические. Кроме тех, которые совершают насилие над личностью и используют оккультные методы воздействия. Практический опыт показывает, что наибольшего успеха достигают религиозные программы. В западных странах – католические, у нас – православные. И это объяснимо, потому что наркомания – это недуг духовный. Так в православном реабилитационном центре при церкви во имя Конеvской Божьей Матери из более двухсот человек, прошедших курс реабилитации 80% вернулись к нормальной жизни (при 3-5% при других программах реабилитации). «Кто не оставил Бога, оставил наркотики», - говорит по этому поводу настоятель церкви протоиерей Сергей Бельков» .

В Санкт-Петербургской епархии, в Иваново-Вознесенской, Екатеринбургской, Новосибирской и других епархиях были созданы отделы по противодействию наркомании и алкоголизму. Эти отделы организуют амбулаторную работу с наркозависимыми и членами их семей, осуществляют работу по оказанию пост реабилитационной помощи лицам, прошедшим реабилитацию в различных реабилитационных системах, в том числе и медицинских. Известно, что болезнь легче предотвратить, чем лечить, особенно когда это касается таких страшных социальных болезней как наркомания, СПИД, сифилис, гепатиты, которые сегодня так распространены среди подростков и даже детей.

Многих трагедий в семье, изломанных детских судеб удалось бы избежать, если бы люди помнили нравственные законы и нормы, которым учит Церковь на протяжении тысячелетия.

Отметим, что появилась социальная доктрина католической церкви, нормы которой незначительно отличаются от социальной концепции православной церкви, но более жестко относятся к абортам и другим проблемам биоэтики.

Возрастающее влияние на мусульманскую семью приобретает в современной России ислам. Нельзя не отметить позитивную роль ислама в искоренении алкоголизма и наркомании, обеспечении семейного воспитания детей.

Обращаясь к многовековому опыту социального служения, накопленному различными религиозными конфессиями, и, прежде всего, православной церковью, важно учитывать, что в первую очередь в духовно-нравственном возрождении семьи видится сегодня основание для решения многочисленного спектра проблем, вызывающего семейное и детское неблагополучие. И.А. Ильин говорил о том, что у человеческой семьи, в отличие от «семьи» у животных, есть целый остров духовной жизни, и если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад» .

Необходимо отметить, что сегодня в условиях демократической России позитивное влияние конфессий, в частности Русской Православной Церкви на укрепление семьи и ее нравственного климата очевидно. Поэтому сегодня из всех социальных институтов, на наш взгляд, именно церковь в тесном сотрудничестве с государственными органами может стать важным институтом по духовно-нравственному оздоровлению общества, активным субъектом государственной и региональной семейной политики в оказании помощи российской семье в решении многих проблем, оказывая ей духовную и социальную поддержку.

Основной задачей социальной политики Российской Федерации на период до 2025 года является расширение участия Русской православной церкви, а также других религиозных организаций граждан, исповедующих религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, иных общественных организаций в принятии решений в сфере семейных отношений, в укреплении духовно нравственных основ семейной жизни.

Выход из сложившейся ситуации может обеспечить восстановление традиционных семейных ценностей святости брака, уважения родительской власти, прочности многодетной многопоколенной семьи, любви к детям, проявляющейся, в том числе в любви к ребенку, еще находящемуся в утробе

матери, в сближении церкви и государства, особенно в сфере семейных отношений. Как никогда становятся актуальными слова И.А.Ильина "...человеческая семья, в отличие от "семьи" у животных, есть целый остров духовной жизни, и если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад. Восстановление духовных основ жизни семьи –это и преодоление духовного вакуума общества в целом. Но пройти этот путь семья сможет только при поддержке государства.

1. *Социальные и психолого-педагогические проблемы воспитания детей: Сб. статей / Под ред. Е.А. Вороновой, В.Е. Смирновой. – Изд-во С.- Петерб. Ун-та, 2001. – с.65.*
2. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.//Журнал Московской патриархии.- 2001.- № 1. С. 38*
3. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.//Журнал Московской патриархии.- 2001.- № 1. С. 62*
4. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.//Журнал Московской патриархии.- 2001.- № 1.С. 62-63.*
5. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.//Журнал Московской патриархии.- 2001.- № 1.С. 65.*
6. *Цинченко Г.М. Государственная семейная политика. Дис...кандидат соц. наук. СПб. 2006 г.-с.88.*
7. *Иеромонах Анатолий (Берестов). Возвращение в жизнь.- М.-2000.- С.96-97.*
8. *Калинина, Т.В. Наркомания победима. /Т.В. Калинина //Русский Дом. -М.-2001.- № 10.- С. 42-43*
9. *Михайлова, М. Исцеление с Божьей помощью. /М. Михайлова// Журнал «Град духовный».- 2004.- № 4(5)-С.49-55.*
10. *Ильин, И.А. Путь к очевидности. /И.А. Ильин// Сочинения. – М: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. - С.58.*
11. *Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года.*

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ ПРОФЕССИЙ

Швецова Т.С. (Екатеринбург)

Российское общество как данность, которую изучают социологи, складывалось на основе множества явлений, процессов и феноменов. Один из таких процессов – отношение к профессии и разделение труда. В зависимости от идеологической

направленности общества, социальных процессов неравенства, происходящих в нем. Естественным образом это отражается на акцентах изучения профессии в социологии.

Профессия как источник неравенства развивалась так же эволюционно от пещерных людей до современного человека. В советское время было принято считать, что любой труд важен безотносительно материального заработка и направленности работы.

Прежде всего, мы обратимся к истории развития понятия «профессия» в советской социологии. Изначально используется понятие «профессиональная модель», и это устойчивая система отношений, складывающаяся на основе специальных знаний и умений работников внутри трудовой сферы. Профессия (и ее профессиональная группа, или сообщество) должно быть обособленно друг от друга, и каждая профессия имеет свой набор социально – экономических преимуществ, таких как уровень заработной платы, социальный статус, удобный рабочий график, возможности коллективного принятия решений. «Относительная обособленность профессиональной группы складывается постольку, поскольку носители профессии выступают в качестве «держателей знания», формирующегося через общественно признанную систему длительного специализированного обучения, которое выступает основой как коллективного, так и индивидуального мастерства»[1].

Советская модель изучения профессии была под воздействием марксистского подхода, где профессия была неотделима от классовой структуры общества и классовой борьбы. Как пишет Московская А.А., «в русском языке в слове «профессия» неразличимы профессии и занятия, и это хорошо согласовывается с принятым в советских социальных науках технократическим подходом к профессиям, определяющим профессии через разделение труда»[1]. Задачей марксизма было стереть статусные различия между профессиями, поэтому основой всех профессий в советской социологии был труд рабочего.

Советские социологи опирались на три подхода в изучении профессии и профессиональных групп: «(1) стратификационный, в рамках которого профессиональная структура рассматривалась как средство для изучения иерархии престижа или социального расслоения общества [1]; (2) функционалистский, где профессионалы подвергались анализу с точки зрения соответствия их деятельности и социальных установок интересам государства и задачам осуществления определенных социально-значимых функций [2]; (3) социально-психологический, где на первый план выдвигались "внутренние" характеристики профессиональной группы, такие как сложность труда, его творческий характер и призвание. Особое внимание уделялось профессионалам как отдельным индивидам, их мотивации и отношению к труду, ответственности, дисциплинированности и инициативности»[4].

Однако дальнейшее развитие концепций профессии заходили в тупик, так как неизбежно сталкивались с идеологической угрозой социального неравенства, отчетливо видимого через призму профессиональной структуры общества. Другая причина, указанная исследователями советской социологии, кроется в невозможности изучать способы индивидуальной и коллективной восходящей мобильности.

Здесь необходимо отметить исследование западных коллег в социологии профессий. «Д. Сциулли указывал на расхождения в англосаксонском и континентальном (европейском) подходах к профессиям. Если в первом профессии рассматриваются преимущественно как гражданский институт, то во втором на первый план выступает позиция в социальной структуре, по Сциулли это – свободные занятия буржуазного класса»[2]. С другой стороны, профессия в западной социологии изучалась с точки зрения структурно-функционального подхода, неомарксизма, неовеберизма и других теоретических подходов.

В современной российской социологии (А.Г. Здравомыслов, Г.В. Осипов, В.Г. Подмарков, М.Х. Титма, Ж.Т. Тощенко, И.И. Чангли, О.И. Шкаратан) складывается

несколько основных подходов к изучению профессии как таковой. Первый из них – деятельностный – предполагает основу профессии в специфической деятельности, отличной от других. Второй, который можно назвать личностно – квалификационным, акцентируется на носителе профессии – то есть человеке, и основным признаком профессии – способность личности к этому виду занятий, а так же совокупность навыков и умений, которые определяются спецификой трудовой деятельности. Третий рассматривает профессию как один из стратификационных факторов, определяющих социальный статус индивида и разных социальных групп.

Как мы видим, при изменении общественного строя коренным образом изменились подходы к изучению профессии и влиянию профессий на человека и наоборот. Исследователи концентрируют внимание на деятельности, которая заключена в профессии, на личностных особенностях индивида и на его способности к выполнению профессиональных функций, и далее – на профессию как разделяющий общество фактор. Эти современные подходы отражают эволюцию российского общества, его стремление к усложнению понятия «профессия», и одновременно его движение к стиранию границ между группами, в т.ч. профессиональных.

Однако перечисленные подходы к изучению профессий на этом не заканчиваются, и Кораблева Г.Б. предлагает обратить внимание на институциональный подход. «Согласно этому подходу, профессия существует в обществе и как специализированный вид деятельности, выделившийся в результате общественного разделения труда для производства общественно необходимого продукта, и как особый тип социальной общности, и как институт общества»[2].

Так же Кораблева Г.Б. указывает на то, что любой специализированный вид деятельности (н-р профессия) проходит через определенную операцию институционализации, который включает в себя: общественную потребность в этой деятельности, формирование определенных требований, норм, санкций, стандартов, которые координируют эту деятельность, так же определяется необходимый и достаточный уровень способностей, знаний и умений, которые нужны для выполнения этой деятельностью, образование и расширение методов определения этих способностей и соответственного обучения профессиональным знаниям, формирование стимулов для занятий этой деятельностью, «что связано с престижем профессии, находящем отражение в способности данного занятия быть основным источником дохода; выделение определенных профессиональных интересов, ценностей, норм, стилей и образцов поведения, профессиональных ролей, способствующих сплочению людей по признаку принадлежности к данной профессии и конкретной профессиональной общности; появление особых профессиональных организаций для защиты этих интересов (профессиональные объединения, союзы и т.п.)»[3]. Как отмечает автор, итог этого процесса институционализации есть образование профессиональных общностей. А профессиональная общность обеспечивает воспроизводство профессиональных интересов и ценностей, образцов поведения и, выражаясь более широко, всего образа жизни.

Предложенный институциональный подход отражает эволюцию российского сообщества в сфере профессии, тк с одной стороны многие профессии стали похожи между собой (и пользуются примерно одинаковым арсеналом знаний и умений с небольшими особенностями), а с другой – профессия диктует весь образ жизни индивида.

1. *Московская А.А. Проблемы становления модели профессии: российский опыт в западном исследовательском контексте // Мир России. № 3. 2010. С. 90-114*
2. *Кораблева Г.Б. Об институциональном подходе к исследованию связи профессии и образования/ Г.Б. Кораблева //Социологические исследования. 2000. № 6. С. 48-51. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/374/925/1216/008.KORABLIOVA.pdf>*
3. *Кораблева Г. Б. Становление подходов к социологии профессий в России // Социологические исследования. № 1. 2013. С. 109-117*

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ВУЗЕ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РИСКОВ СТУДЕНТОВ

Шманцарь М.В. (Екатеринбург)

Вуз является основным поставщиком профессиональных ресурсов. Деятельность вузов отражает состояние высшего образования, его качество. В связи с проводимыми в стране масштабными реформами образования, в рамках вуза происходит разработка и внедрение организационных изменений. Под организационными изменениями понимается процесс создания и принятия организацией новых моделей деятельности, переход из одного состояния в другое, результатом которого служит модификация ее элементов (целей, технологий, структуры, культуры), приводящая к трансформации организации как целого.

Внутривузовские преобразования непосредственно связаны со стремительными переменами, происходящими как во всех областях жизни общества, так и в самой образовательной сфере: ускорение научно-технологического прогресса, усиление зависимости темпов развития общества от образования, быстрое накопление и устаревание научных данных, сближение образовательных систем разных стран, введение единых критериев оценки подготовленности учащихся.

Вынужденные адекватно реагировать на изменения внешней среды, вузы переосмысливают свою роль и место в системе общественных отношений, изучают мировую теорию и практику управления, обращаются к опыту успешных зарубежных вузов в организации образовательного процесса. Это в свою очередь, служит основанием для процесса трансформации вузов, в рамках которого происходят изменения в различных аспектах деятельности образовательного учреждения [2].

Следует отметить, что специфика образовательной деятельности в условиях рыночной экономики, острой конкуренции и неустойчивой конъюнктуры подвержена рискам (особенно, в условиях реформирования образования). В настоящее время источники риска в вузе имеют другую природу, и риски ведения профессиональной образовательной деятельности реализуются в иных социально-экономических условиях.

На первый план выходит фактор, который определяет новый уровень рискогенности образовательной деятельности – это переход высших профессиональных образовательных учреждений в статус автономных образовательных учреждений. Это выражается в вытеснении вузов из поля государственного образовательного сектора с соответствующим переводом их на самофинансирование и уводом из-под законодательной защиты от приватизации со всеми вытекающими последствиями (отсутствие государственных гарантий, неопределенность состояния вуза в будущем). Институт образования все более теряет статус государственного и становится одной из многих сфер рыночных услуг. Основным рискогенным фактором является то, что система современного российского высшего профессионального образования, реагируя на сложившиеся потребности рынка, деформированного в сторону доминанты торговых и финансовых видов деятельности, не отображает реальные потребности в достижении нового качества образования.

Организационные изменения в вузе создают почву для формирования рисков, поскольку в таких условиях субъекты, вовлеченные в образовательный процесс, и различные заинтересованные стороны вынуждены принимать решения при неясных последствиях этих решений.

Для среды меняющегося вуза характерно несоответствие ожиданий, деклараций и реальных результатов для каждой группы субъектов образовательной деятельности. При этом различные и многообразные социальные, экономические, системные, государственные и личностные риски взаимосвязаны, поскольку цели заинтересованных сторон в области качества подготовки специалистов пересекаются, но средства достижения этих целей существенно разнятся [1].

Важная проблема, связанная с организационными изменениями в вузе, касается дисбаланса предлагаемых профессий. В рамках этой проблемы риск состоит в том, что необходимость привлечения студентов на платные места приведет к дальнейшему увеличению доли псевдовостребованных «модных» специальностей, и прежде всего тех, по которым в настоящее время уже наблюдается переизбыток специалистов [3]. Исходя из этого, студенты, получающие образование по направлениям подготовки, не востребованным на рынке труда, столкнутся со сложностями при трудоустройстве.

На данный момент можем наблюдать, что резко возросла доступность высшего образования. Практически все оканчивающие школу молодые люди становятся студентами вузов. В последние годы шанс стать студентами получили даже те молодые люди, которые плохо освоили школьную программу. В случае недобора необходимых баллов при поступлении на бюджетные места, у абитуриента есть два варианта действий: он может поступить на платные места в государственных вузах либо идти в негосударственный вуз. Таким образом, одним из регуляторов поступления в вуз может служить платежеспособность потенциального студента. Следовательно, возникает риск, связанный с неравными стартовыми возможностями студентов.

Испытывая потребность в получении образования, и не имея возможности получить его бесплатно, многие студенты начинают трудовую деятельность, чтобы оплатить свое обучение. Вторичная занятость студента, как правило, угрожает тем, что он будет уделять недостаточно внимания процессу получения образования. Также отметим, что повышение доступности высшего образования обуславливает формирование рисков, социального положения лиц, имеющих высшее образование. Наличие у индивида высшее образование стало нормой в современном обществе, что снижает его ценность: перестав быть прерогативой избранных, высшее образование встает на путь массовизации. Это, в свою очередь, модифицирует значение образования как символического капитала.

Таким образом, способность среды вуза порождать ситуации принятия студентами решений при неясных последствиях этих решений усугубляется в период преобразований. Изменения, происходящие в целях деятельности вуза, его структуре, образовательных технологиях, формируют условия для усиления неопределенности ввиду того, что прежние нормы уже не действуют, а новые не до конца установились, поскольку они нередко вступают в противоречие с традиционными представлениями и практиками участников образовательного процесса. В таких условиях студенты сталкиваются с необходимостью осуществлять выбор, который отражается на их обучении и на профессиональном будущем. Образовательные риски студентов присущи вузу как системная характеристика, но посредством проводимых изменений они приобретают новые свойства и актуализируются.

1. Казак А. Ю. Риски, связанные с реформированием национальной системы образования: проблемы оценки и управления // *Фундаментальные исследования*. 2013. №6 (часть 1). С. 159-163.
2. Сухорукова О.Б. Особенности управления образовательными процессами в вузе. URL: http://elibrary.ru/elibrary/books/Files/pa2009_1/pdf/171suhorukova.pdf (дата обращения: 03.06.2015).
3. Щеглов П.Е. Качество высшего образования. Риски при подготовке специалистов // *Университетское управление: практика и анализ*. 2003. №1 (24). С. 46-59.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ КОСОГЛАЗИЕ — ПЛОХАЯ ОПТИКА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ РФ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Щелкин А.Г. (Санкт-Петербург)

1. Безусловно, в такой постановке вопроса, как "Россия в современном мире: взгляд социолога", солидный заряд профессиональной дерзости состоит уже в том, что вдруг и справедливо вспомнили, что есть ещё и СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ взгляд на то, как смотрится РФ в обрамлении мирового тренда. — Именно "социологический взгляд" в отличие от привычных для этой темы рассуждений политологов, специалистов по геополитическим "играм", экспертам по международной ситуации и т. д. Возвращение к "социологическому видению" больших социальных масштабностей, огромных цивилизационных феноменов и проч., конечно, явление отрадное и многообещающее. Социология возвращается к самой себе. Когда наконец-то вспоминают, что социология — это нечто большее, чем социологические опросы, нечто большее, чем ЦИФРА, нечто большее, чем формально сфабрикованный процесс СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ и т. д., тогда приходит и понимание, и потребность в социологии как социальной мысли, видящей мир своих объектов широко и системно, а, значит подлинно и критично. Критично в том настоящем смысле, что такая социология ВИДИТ, ЧЕГО НЕ ДОСТАЁТ СОЦИАЛЬНОЙ ДАННОСТИ, не достаёт до её (этой ДАННОСТИ) подлинности, «нормальности» и соответствия своей сущности. Такая критичность социологии есть не субъективная заострённость социолога исключительно на критическое амплуа. Нет, сам объект под взором системно мыслящего социолога как бы сигнализирует, кричит о своей «неполной ценности» (неполноценности), о своей (добровольной) «девиации», о дефиците тех или иных «элементов» в своей «структуре». Дело в том, что социология по природе своей даёт видение не только «реальности» вещей, но и того, как социальные вещи могут выглядеть в «полноте своего бытия». И это может быть видением вещи не только в «настоящий», то есть, в «данный момент» времени, но и в будущем — если «вещь ещё не созрела», или в прошлом — если по каким-то причинам «социальная вещь» отклонилась от «нормы» и в «настоящий момент» деградирует.

Социология в таком модусе (формате) отвечает своему подлинному призванию и видит социальный мир в терминах не только СУЩЕГО, но и ДОЛЖНОГО. Если социология не отвечает подобным требованиям и параметрам, то её когнитивный и социальный эффект, будет невысоким, если не сказать, вводящим в заблуждение и даже приносящим неизбежный вред.

2. В этом плане удручающий момент состоит в том, что социология как наука в последние десятилетия как-то утратила привычку, а с нею и способность смотреть на социум "стратегически", "с высоты птичьего полета", проще говоря, как сказали бы классики, "с точки зрения ЦЕЛОГО", "с точки зрения ИСТОРИИ". Теперешняя социология исходит в большей степени из приоритета фрагментарности, эклектичности, прагматики, прикладничества, одним словом, заслуженно получила репутацию *постмодернистской* науки.

3. Понятно, что такие превращения не могут не иметь свои когнитивные последствия-результаты. В частности, существенный порок постмодернистской социологии состоит в её запредельном РЕЛЯТИВИЗМЕ, который результируется в принципе *равнозначности* всех социальных состояний, что, естественно, не позволяет качественно и сущностно сравнивать между собой эти "состояния". Действительно, как можно ответить на вопрос о месте России в современном мире, если, с точки зрения, постмодернистской социологии нельзя даже говорить о "современности" *в единственном*

числе. «Современностей много» — вот последний модный результат посмодернистской социальной мысли: «западный», «мусульманский», «русский», «дальневосточный» и проч. миры живут в непересекающихся «современностях», и выбирать только одну, например, западную модель «современности» за критерий означает впасть в непростительный грех «европорентризма». При этом, однако, даже не ставится вопрос о степени УНИВЕРСАЛЬНОСТИ и ВСЕМИРНОСТИ (ГЛОБАЛЬНОСТИ) экономических и политических институтов западно-европейской цивилизации.

4. Вопрос собственно один — с каким эпистемологическим инструментарием подойти к измерению и пониманию вынесенный на обсуждение темы «Россия в современном мире: взгляд социолога»: будет ли это релятивистский «взгляд» постмодернистской социологии или взгляд, допускающий сравнение и оценку текущего «русского феномена» в контексте мирового тренда, в котором просвечиваются признаки и контуры «нормального», «идеального», «профильного», «должного» etc. устройства «современного» социума.

5. В качестве базисных, институциональных и трендовых (и в этом смысле «императивных») параметров «современного» общества, «современной» цивилизации выступают совсем не идеосинкротичные, а, напротив, одинаковые, типовые «атомы», из которых выстраивается сегодня сферы ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО (регулируемый рынок) и ПОЛИТИКО-ГОСУДАРСТВЕННОГО (зрелая демократия) устройства. Все иные варианты продвижения этих сфер в направлении «отсебятины», «суверенности», «примордиальности» и т. д. будут в век глобальных, космополитических тенденций выглядеть спуском в «архаику», «автаркию», «изоляционизм», «арьергард» и добровольную «отсталость».

Всё дело в том, что практика «авторкического» и «вручную управляемого» олигархического капитализма (характерная для РФ) напрямую противоречит реальности глобальной экономики. Глобальная (открытая) экономика давно уже стала не «номинальной», а «реальной» системой, прописанной в структуре современности — в отличие, скажем, от институтов «демократии». Последняя, не смотря на рост числа стран, где власть выбирается населением, не стала глобальной, интегрированной, «реальной» системой, но продолжает свой мировой тренд, скорее, в «номинальном» качестве. Поэтому «поучительная», международная реакция на «суверенную демократию» взятую на вооружение какой-либо страной не имеет, как в случае с глобальной экономикой, своего быстрого, «педагогического» (отрезвляющего) эффекта. (Де)Эффект может проявиться, скорее, через ВНУТРЕННЕЕ «недоразвитие» социума: недемократические страны в огромном числе экономически неэффективны и в этом плане «несовременны».

6. Возвращаясь к теме языка социологии как науке об обществе в его целостности и историчности, то есть языка, не искаженного парадигмой постмодернизма, необходимо сказать следующее. Язык социологии — это не набор приемов и инструментов, которые, как обычно думают, социолог «изобретает» для «глубокого», «точного», «адекватного» и проч. схватывания происходящего в обществе. Иначе говоря, подлинный язык социологии как живой организм превосходит возможности логарифмической линейки по измерению социальной реальности. Он в том смысле конгениален такой же, как он, подлинной реальности социума, что в нем сохраняется и присутствует способность к пониманию и проведению различия между «качествами» (доброкачествами) социальности. В этом смысле язык социологии не только описывает состояние социума, но и стоит как бы на страже этой доброкачественной социальности.

8. Прекрасный русский социолог М. Ковалевский был бы в эпистемологическом шоке от отдельных образцов языка «современной» социологии — зарубежной и

имитирующей её отечественной общественной дисциплины. Работая как социолог с такими понятиями, как «замирная среда», «солидарность», «демократия» и проч., он оказался в самом эпицентре нужд и забот тогдашнего российского общества. Объективность и точность попадания в цель оказалась настолько злободневной, что уважаемому профессору поневоле пришлось перенести резиденцию центра своих социологических изысканий за границу подальше от столицы российской империи. Бывают случаи, когда социология (если это только не постмодернистский случай), — когда социология предполагает у своих адептов и служителей, кроме эрудиции, еще и твердый характер, и гражданскую самостоятельность.

1. Ковалевский М. *Происхождение современной демократии*» (т. 1—4, 1895—97)
2. Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. — СПб: Издание Питер, 2002
3. Розов Н. *(Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации* // *Прогнозис*, 2007, 3.
4. Щелкин А. *Какая социология нужна для модернизирующейся России?* — В книге: А. Щелкин. *Социология — это больше и интереснее, чем вы думали*. — СПб: «Русская культура», 2013

СОЖИТЕЛЬСТВО – «ЗАМЕНА» ТРАДИЦИОННОГО БРАКА?

Щербакова М.В. (Екатеринбург)

Во многих западных странах самая распространенная форма брака среди молодых людей – сожительство, которое подразумевает собой союз мужчины и женщины, которые не намереваются юридически его закреплять. Он предполагает совместную заботу о потомстве, взаимную верность партнеров и возможность материального содержания одного партнера другим. [1, 196] Говоря о восточных странах, то там, как известно, семейные отношения носят скорее религиозный характер, и наблюдается дискриминация по отношению к женщинам. Девушек выдают замуж, когда они еще не достигли семнадцатилетнего возраста. [2, 103] Последнее время, российские исследователи также отмечают растущую популярность незарегистрированных браков. Таким образом, можно говорить о том, что происходит некая институционализация этого феномена.

Сожительства, как новая форма семейно-брачных отношений наиболее часто встречаются в молодежной среде, так как именно представители этой социальной группы в большей степени подвержены влиянию различных трансформаций. В подтверждение этому, хотелось бы обратиться к статистическим данным: по результатам исследования, проведенного ВЦИОМ, большее одобрение незарегистрированные браки заслужили у представителей молодого поколения, так как старшее поколение, скорее их осуждает (63%), при том, что неодобрительно среди молодежи к ним отнеслись только 18% ответивших. [3, 9]

Такая тенденция непосредственно связана с уменьшением числа зарегистрированных браков, что подтверждают данные официальной статистики. Так, в 2012 году произошел резкий спад числа официально заключенных брачных союзов – на 7,8%, по сравнению с предшествующим годом. Кроме того, данные Росстата за 2014 год демонстрируют снижение годового числа заключенных браков на 1,5%. [4]

В связи с этим встает вопрос о том, можно ли считать сожительство «заменой» традиционной модели брачности?

В настоящий момент преобладает позиция, согласно которой сожительства являются неким преддверием традиционному браку, а не полным его замещением. Так, по данным исследований РидМиЖ/RusGGS, проведенных в России в 2004 и 2007 году, среди

респондентов 1970-х годов рождения около половины всех первых союзов начались с сожительства, в то время как среди респондентов 1930-1950-х годов – лишь 20%. [5]

Кроме того, по данным нашего исследования «Стратегии брачного выбора молодежи г. Екатеринбурга» (n=200), проведенного в конце 2014 года, объектом которого выступила молодежь: работающая и учащаяся (студенты вуза), оказалось, что не смотря на положительное отношение к незарегистрированным брачным союзам, большинство молодых людей (90%) планируют вступать в официальный брак.

Говоря о распространении сожительства в молодежной среде, нельзя не отметить причины, нежелания молодых людей официально оформлять отношения. Существует множество точек зрения относительно этой проблемы, так, например, исследователи А.С. Щукина и Л.П. Богданова одной из основных причин называют желание молодых людей проверить свой выбор на практике, таким образом, сожительство воспринимается как проверка человека в быту. [2, 103] В то же время, по мнению еще одного исследователя Т.А. Долбик-Воробей, предположение о том, что сожительство готовит супругов к последующему браку, является мифом, то есть, если нет обязательств в добрачных отношениях, есть большой риск того, что их не будет и в браке. А главная причина отказа от сожительства молодых людей – отсутствие собственных средств на содержание семьи. [6, 80-81]

Одним из преимуществ незарегистрированного брака можно считать то, что при такой форме отношений, в отличие от зарегистрированного брака, отсутствуют серьезные обязательства перед партнером, в связи с чем данная форма отношений очень тесно связана с понятием «свободы». Такой факт подтверждают результаты исследования проведенного исследователем Л. Л. Шпаковской в городе Санкт-Петербурге. Она изучала пары, живущие в незарегистрированном брачном союзе. Респонденты, участвующие в исследовании, вводят понятие «отношения», которое отождествляют с понятием «незарегистрированный брачный союз». По мнению респондентов, отношения несводимы к обязательствам и ролям, они являются результатом постоянных переговоров и соглашений, которые основаны на сознательно выбранных ограничениях при условии взаимной привязанности и любви. «Гражданским браком» - называется некий неписанный договор, заключенный между партнерами, с учетом поддержания взаимовыгодных «хороших отношений». Причем, расторжение этого договора может быть осуществлено в случае невыполнения обязательств «сторонами». Кроме того, финансовые и эмоциональные потери воспринимаются как значительно меньшие, чем при расторжении официально зарегистрированного брака. Сожительство подразумевает возможность свободного «разрыва» отношений, кроме того, есть возможность «подбора» более оптимального партнера, что служит неким гарантом качества отношений.[7, 8]

Таким образом, число незарегистрированных брачных союзов продолжает расти, сожительства становятся социальной нормой. Однако традиционный брак по-прежнему остается предпочитаемой формой семейно-брачных отношений, незарегистрированные отношения рассматриваются скорее как «пробные», в них молодые люди находят массу преимуществ: удобство, свобода, отсутствие значимых материальных и эмоциональных потерь.

1. Лисовский В.Т. Социология молодежи: Учебник Под ред. проф. В.Т.Лисовского. — СПб: Изд-во С. – Петербургского университета, 1996. - 460 с.
2. Богданова Л.П., Щукина А.С. Гражданский брак в современной демографической ситуации / Л.П. Богданова, А.С. Щукина // Социологические исследования. 2003, № 7, - 100-104 с.
3. Иванова Е.И. Новые тенденции в процессе формирования семьи : Молодые поколения меняющейся России /Е.И. Иванова// Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету (Отв. ред. И.А.Бутенко), Москва, 2000. – 9-17 с.

4. *Число зарегистрированных браков начало снижаться?* [Электронный ресурс] Демоскоп Weekly - Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema01.php> (дата обращения: 26.09.2015)
5. *Средний возраст женихов и невест увеличивается.* [Электронный ресурс] Демоскоп Weekly - Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php> (дата обращения: 28.09.2015)
6. *Долбик-Воробей Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости / Т.А. Долбик-Воробей // Социологические исследования. 2003. № 11 – 80-81 с.*
7. *Шпаковская Л.Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса/ Л.Л. Шпаковская// Санкт – Петербург, 2012. – 3-16 с.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ Э. ГИДДЕНСА И П.А. СОРОКИНА НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ.

Юшкова С.А. (Москва)

Анализируя проблематику глобализации Энтони Гидденс, ставит вопрос о том, чем нынешний глобальный мир отличается от прошлых времен? Надо сказать, что он указывает на определяющее отличие, которое состоит в том, что социальные изменения не ограничиваются каким-то регионом современного мира. Социальные изменения происходят везде и поэтому они глобальны. Он выдвигает тезис о том, что современную западную культуру сформировали идеи Просвещения, которые искали альтернативу религиозным воззрениям. Гидденс полагает, что мыслители Просвещения исходили из принципа рационального объяснения мира и человека. Если человек способен объяснить мир и себя с рациональных позиций, то это даст возможность управлять историей в том смысле, который люди признают разумным. Однако все попытки объяснить мир, по мнению Энтони Гидденса, являются до сих пор неадекватными.

Отметим, что Гидденс не сильно заблуждается, говоря о том, что глобальные проблемы несут с собой глобальные риски, причем не один или два, а целый пакет. В частности, если мы просто взглянем без всякого анализа на финансово-экономический кризис, который в очередной раз настиг человечество, то мы увидим, что технический прогресс не смог предотвратить это явление, а в некоторых случаях и усилил его. Это говорит скорее о том, что в пакете программ развития общества, научно-технический прогресс играет роль программы самоуничтожения. Если мы хотим поставить вопрос о причинах кризиса глобализма и «всемирной деревни», то ответ на этот вопрос уходит в глубину истории, а может даже и выходит за ее пределы.

Представляется, что Гидденс поспешил сделать вывод о том, что предсказания мыслителей не сбываются. П.А.Сорокин, задолго до Гидденса, в работе «Социальная и культурная динамика», анализируя суть социальных процессов, в том числе и перспективы человека говорил, что мы управляем социальными процессами и изменениями также слабо, как и много столетий назад. «Подобно бревну, попавшему в Ниагарский водопад, мы зависим от непредсказуемых и неуправляемых социокультурных потоков и беспомощно плывем от одного кризиса к другому, от одной катастрофы к другой. Ни счастье, ни безопасность, ни уверенность, обещанные современным эмпиризмом, не осуществились. Немного было в истории человечества периодов, когда миллионы людей были бы также несчастны, лишены надежды, унижены, голодны и разорены, как в наше время – от Китая до Западной Европы. Это «затмение» (blackout) культуры – признак нашего времени. Лучшего доказательства ее практической несостоятельности и не дано». [2, с.803].

Таким образом, мы можем предположить, что в перспективе П.А. Сорокина, главную роль в анализе развития и самом развитии общества и человека играет не океан «фактов», а мировоззрение, в данном случае эмпиризм, которым руководствуются люди,

начиная от вершителей судеб до банковских клерков. Дело в том, что, упростив человека до связи стимул-реакция, эмпиризм как мировоззрение сузил реальный мир, в результате чего кризис возникает постоянно и постепенно становится чем-то нормальным. В этой ситуации: «границы между истиной и ложью, справедливым и несправедливым, прекрасным и безобразным, между положительными и отрицательными ценностями начнет неуклонно стираться, пока не наступит царство умственной, моральной, эстетической и социальной анархии». [2, с.807]

Понимание Э. Гидденсом социально-экономических процессов, которые связаны с глобализацией, представлено в его книге «Ускользящий мир». В частности Гидденс пишет: «Сегодняшняя мировая экономика, привязанная к «электронным деньгам» - существующим только в виде цифр на экране компьютера – не имеет аналогов в прошлом. В рамках этой глобальной электронной экономики руководство фондов, банки, корпорации и миллионы индивидуальных инвесторов, способны одним щелчком мышки переводить громадные объемы капиталов из одной части света в другую. И эти их действия могут привести к дестабилизации экономики стран, чье положение представлялось абсолютно устойчивым...». [1, с.26].

Этот фрагмент в работе Гидденса является, можно назвать отправной точкой, с которой он начинает объяснение всего того, что происходит в глобальном мире. Здесь, однако, компьютерная мышка, съев щелчком, не приводит в движение социально-экономические процессы, а является выражением тех взаимодействий, между индивидами, группами и социальными институтами, в рамках которых происходит производство, обмен и распределение глобальных ресурсов.

Анализируя социальные изменения в мире, отмечая их глобальность, П.А. Сорокин в своей работе «Главные тенденции нашего времени» определяет три наиболее важные тенденции того времени, в котором он жил и, которое, по всей видимости, не закончиться еще в третьем тысячелетии. Он выделяет в качестве этих тенденций основные социальные изменения, имеющие, по истине, глобальный характер. Первая тенденция это перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних 5 столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку. Вторая тенденция - продолжающаяся дезинтеграция, до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; и третья - возникновение и постепенный рост первых компонентов нового – интегрального – социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности. [3, с.11].

П.А. Сорокин полагает, что западные народы были самыми последними, кто приняли на себя творческое лидерство человека, в настоящее время Европейское лидерство завершилось и настоящая и будущая история человечества разыгрывается на более обширной сцене. На эту арену выходят возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира. Это проявилось в распаде великих Европейских империй, в международных отношениях, в перемещение творческой активности в страны Азии и Азиатской России.

Важно отметить, что Сорокин в «Главных тенденциях» говорит следующее: «около 30 лет тому назад я поставил подробный диагноз современному положению западной культуры и обществу, с предсказанием грядущих тенденций, включая повторные предостережения о надвигающихся ужасных войнах, кровавых революциях, нищете и «высвобождении» в человеке «худшей из бестии». В форме резюме этот диагноз выглядит следующим образом: «Каждый значительный аспект жизни, организации и культуры западного общества находятся в чрезвычайном кризисе... И тело и душа его больны... Мы живем, по видимому, между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего великолепного вчера и наступающей «новой» культурой творческого завтра. Мы живем, думаем, и действуем в конце блестящего шестисотлетнего чувственного дня. Косые лучи солнца еще освещают славу уходящей эпохи. Но свет гаснет и в углубляющейся тьме, в

тумане сумерек становится все труднее видеть и безопасно ориентироваться. В ночь переходного периода с ее кошмарами, пугающими тенями, разрывающими сердце ужасами, начинает неявственно выступать перед нами. Однако вдали, вероятно, поджидает заря новой великой культуры, чтобы встретить людей будущего». [3, с.16-17].

1. Э. Гидденс. *Ускользающий мир*. - М.: Весь мир. 2004.
2. П.А. Сорокин. *Социальная и культурная динамика*. – СПб.: РХГИ, 2000.
3. П.А. Сорокин. *Главные тенденции нашего времени*. М.: Наука. 1997.

СЕКЦИЯ 2: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Алейников А.В., Артемов Г. П., Пинкевич А. Г. (Санкт-Петербург)

Одним из понятий, непосредственно связанных с изучением конфликтогенности общества, является социальная напряженность, трактуемая различным образом: в ней выделяют и индивидуальный уровень, и уровень групп, социальных общностей. Социальная напряженность обычно воспринимается как определенное состояние общества, неотъемлемая характеристика социальной системы, «состояние индивидов и социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящему и к другим индивидам и группам» [1, с. 184]. Исследование социальной напряженности дает возможность изучать социальные конфликты на стадии их зарождения и формирования, а также позволяет получать данные для корректной выработки решений в области управления конфликтами. Один из способов получения эмпирических данных о социальной напряженности в обществе – это опросы населения. В рамках проекта «Разработка методологии и инструментария конфликтологической диагностики современного российского общества» (грант в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ). рабочей группой, включающей авторов данного доклада статьи, при использовании оборудования ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета, был проведен репрезентативный телефонный опрос населения Санкт-Петербурга на тему: «Показатели и факторы социальной напряженности».

Для измерения параметров социальной напряженности в исследовании использовались следующие показатели: отношение к жизни в целом; отношение к политическим институтам; отношение к участию в массовых акциях протеста; оценка опасности конфликтов между различными группами населения; отношение к иммигрантам; оценка частоты межнациональных конфликтов в ближайшем социальном окружении. Для изучения факторов социальной напряженности в исследовании использовались следующие показатели: оценка характера изменения условий жизни; структура ценностных приоритетов; возрастная принадлежность; уровень семейного дохода; оценка достаточности дохода для жизни; род занятий; мнение об источниках конфликтов между людьми. [2, с.305-330]. В ответах на открытый вопрос: «Что чаще всего служит источником конфликтов между людьми?» упоминаются: «агрессивность и

озлобленность людей» (13%); «непонимание и недоверие между людьми» (10%); «межнациональная рознь» (10%); «низкая культура и невоспитанность людей» (9%); «социальное неравенство и несправедливость» (9%); «низкий уровень жизни и нехватка денег» (8%); «действия властей» (4%); «ситуация на дорогах» (2%) . Представители младшего поколения среди причин конфликтов в большей степени, чем представители старшего поколения, считают причинами конфликтов «непонимание и недоверие между людьми» и «ситуацию на дорогах». Представители старшего поколения в большей степени, чем представители младшего поколения, считают причинами конфликтов «социальное неравенство и несправедливость», а также «агрессивность и озлобленность людей». Респонденты, не испытывающие материальных затруднений, чаще, чем те, кто испытывает эти затруднения, упоминали «межнациональную рознь» и «низкую культуру и невоспитанность людей». Те, кому на их доход жить очень трудно, чаще, чем те, кому доходов на жизнь хватает, упоминали «социальное неравенство и несправедливость». Студенты и учащиеся, а также квалифицированные рабочие чаще, чем другие социальные группы, называли «непонимание и недоверие между людьми», специалисты с высшим образованием – «низкую культуру и невоспитанность людей», безработные и пенсионеры – «агрессивность и озлобленность людей». Эти данные свидетельствуют о том, что конфликты между людьми возникают не столько из-за неблагоприятных условий жизни, сколько из-за неблагоприятных межличностных отношений.

К наиболее опасным для страны социальным конфликтам опрошенные отнесли: конфликты между русскими и нерусскими – 67,7%; конфликты между православными и мусульманами – 51,1%; конфликты между богатыми и бедными – 44,6%; конфликты между людьми разных политических убеждений – 43,3% . С учетом того, что первые два вида конфликтов пересекаются друг с другом, можно утверждать, что главным источником социальной напряженности являются межэтнические конфликты, усиленные противопоставлением религиозных убеждений. Вторым по значению источником социальной напряженности служит деление на богатых и бедных, усиленное противопоставлением политических убеждений.

На опасность конфликтов между русскими и нерусскими в большей степени указали респонденты младшего возраста, имеющие доход ниже или на уровне среднего. Конфликты между русскими и нерусскими считают наиболее опасными для страны студенты и специалисты с высшим образованием, а также неквалифицированные рабочие. Конфликты между православными и мусульманами назвали опасными респонденты, которым на их доход жить «очень трудно» независимо от их возраста, образования и рода занятий. На опасность конфликтов между богатыми и бедными в большей степени указали представители старшего поколения, вышедшие на пенсию, имеющие доход ниже среднего и ответившие, что им на их доход жить «очень трудно».

Снижение уровня жизни населения является общей предпосылкой роста социальной напряженности, поскольку, по определению, она выражается в неудовлетворенности существующей ситуацией и сопровождается распространением негативных настроений среди населения. 54,3% опрошенных считают, что уровень жизни под влиянием нынешнего кризиса снизился. Прежде всего, это отражается на удовлетворенности жизнью в целом -доля респондентов, полностью или частично не удовлетворенных жизнью в целом, составляет 30,1% опрошенных. Неудовлетворенность значительной части опрошенных условиями жизни влияет на их отношение к политическим институтам, на готовность к участию в акциях протеста, отношение к иммигрантам и др.

Отношение к большинству политических институтов характеризуется преобладанием негативных установок над позитивными установками. Исключением являются отношение к президенту, которому полностью доверяют более 50% опрошенных. На улучшение своей жизни рассчитывают 48,3% опрошенных, а 20,9%

полагают, что их жизнь не изменится. Ухудшения жизни ожидают 15,7%, а 14,9% затрудняются однозначно оценить предстоящие изменения своей жизни.

Наибольшая напряженность наблюдается в сфере межличностных отношений. Преобладающая часть опрошенных (74%) не доверяют большинству людей и полагают, что в отношениях с людьми «даже излишняя осторожность не помешает». негативные социальные качества людей (агрессивность, озлобленность, непонимание, низкая культура) и негативные условия их жизни (социальное неравенство, нехватка денег, межнациональная рознь, действия властей, ситуация на дорогах) почти в одинаковой степени (32,4% и 33,3%) обуславливают конфликты в сфере межличностных отношений.

Особого внимания заслуживают конфликты, связанные с различной национальной принадлежностью людей. В той или иной степени около 24% опрошенных ответили, что за последнее время у их близких возникали подобные конфликты. К этому следует добавить, что 47,1% опрошенных считают, что людям, которые по национальности отличаются от большинства населения страны, «не следует позволять переезжать жить в Россию». Эти данные свидетельствуют о том, что у значительной части жителей города существует негативная установка по отношению к иммигрантам другой национальности. Причем, доля респондентов, имеющих такую установку, в два раза превышает долю респондентов, указавших на наличие у их близких конфликтов с окружающими из-за их национальной принадлежности. большинство опрошенных (67,2%) считают межнациональные конфликты опасными (32,7% - «очень опасными» и 35,1% - «скорее, опасными») для нашей страны. Эти данные свидетельствуют о наличии значительной социальной напряженности в области межнациональных отношений. Участвовать в массовых выступлениях против снижения уровня жизни в большей степени склонны молодые рабочие, бизнесмены и безработные, у которых под влиянием нынешнего кризиса понизился уровень жизни и возникли материальные затруднения.

Недовольство сложившимся положением и отношениями между людьми в большей степени распространено среди тех слоев населения, у которых существуют большие жизненные затруднения и преобладают негативные установки. Они меньше доверяют большинству людей, людям другой национальности, политическим институтам и в большей степени склонны к участию в массовых акциях.

1. Куконков П. И. Социальные напряжения и структурные конфликты в регионах России: некоторые исследовательские подходы. URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/21.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2004_1(3)/21.pdf) (Дата обращения 25.04.2015)
2. Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии/ Под ред. А.И. Стребкова, А.В. Алейникова, А.Г. Пинкевич. Коллективная монография. СПб: Фонд развития конфликтологии, 2015. – 502 с.

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ

Анкудинов А.А., Боева А. А. (Санкт-Петербург)

В данной статье поднимается проблема влияния политического режима государства на образование. Она приобрела особую актуальность, начиная с середины XX века, когда образовательные системы и их содержание подвергались активному изменению и являлись подконтрольными во многих странах, таких, как, например, ГДР и СССР. Сегодня образование в мире продолжает преобразовываться во многом под влиянием политических систем.

П. П. Симоненко утверждает, что “гражданское образование и воспитание всегда были в центре внимания педагогической мысли, стремившейся выработать идеальные общественные рецепты совершенствования личности и социума”.

Яркими примерами острых дискуссий о вмешательстве государства в образовательную систему может служить религиозное и идеологическое воспитание. Невероятно широкий резонанс в СМИ и обществе в целом вызвала инициатива написания и повсеместного введения унифицированного единого учебника истории в РФ.

Государство имеет различные механизмы воздействия на систему образования: оно может контролировать лишь её форму, а может при этом установить контроль над содержанием образования.

Рейтинговая система также может служить механизмом, с помощью которого осуществляется такой контроль. Государство может не просто создавать рейтинги, но и влиять на них по своему усмотрению.

При рассмотрении моделей образования часто говорят о контроле качества образования. Очевиден тот факт, что в некоторых государствах особенно с авторитарным/тоталитарным режимом этот контроль включает в себя не только проверку на соответствие содержания образования общепринятым/национальным нормам, но и на его соответствие политической идеологии государства.

В статье “Российское образование в глобальной перспективе” А. Л. Андреев пишет: “Единая школа и университет сыграли решающую роль в формировании социумов-наций. Значение образования как институциональной опоры национальной культуры и сегодня сохраняется”.

Авторами работы было проведено исследование, в ходе которого был проведён социологический опрос методом анкетирования. Составленная анкета включала в себя 11 вопросов, посвящённых как выявлению общего отношения студентов к проблеме влияния государственного режима на систему образования, так и частным вопросам. Респондентами анкеты, размещённой в сети Интернет, стали 380 студентов различных ВУЗов Санкт-Петербурга, 28% опрошенных – мужчины, оставшиеся 72% - женщины.

На вопрос о том, должно ли государство проводить идеологическое воспитание, треть респондентов выразила почти полное согласие (скорее, да), также треть (33%) ответили «Скорее, нет». Абсолютное согласие выразили менее 15% респондентов, зато абсолютное несогласие – 22,5 %.

Большинство (около 40%) считают, что демократия более чем любой другой режим, способствует повышению качества образования. 11% студентов высказались за авторитаризм, ещё 13% - за тоталитаризм в качестве режимов, способствующих повышению уровня образования. Также около трети опрошенных не видят прямой связи между государственным режимом и системой образования.

Результаты ответов на вопрос о едином учебнике истории показывают следующее: почти половина опрошенных (45%), кроме прочего, выбрала вариант: «нет, это – навязывание единого мнения». 37% респондентов негативно относятся к этой идее, так как один учебник просто не сможет охватить все аспекты истории.

Вопрос о религиозном образовании в школах дал следующие данные: 54% студентов считают, что это – навязывание единого мнения, 36% опасаются за статус светского государства в РФ в случае введения данной дисциплины, 24% отмечают потенциальные разногласия между учениками на религиозной почве. При этом многие также поддерживают эту идею – главным образом, потому что это расширит кругозор учеников (13%).

48% опрошенных заявили, что государство скорее имеет право контролировать образование, так как финансирует его, ещё 23% считают, что это определённо так. Всего 6% считают, что это определённо не так, а 19% - что скорее нет.

Далее мы предложили респондентам ответить на вопрос о том, стоит ли ВУЗам развивать автономию и частично отказываться от государственного финансирования. 46%

людей выступают против, считая, что ВУЗы не смогут себя обеспечивать, а 25% респондентов сказали о том, что из-за этого пострадает качество обучения.

Наконец, примерно 70% участников данного опроса считают, что качество образования сегодня хуже, чем в СССР, но более четверти (26%) при этом говорят о том, что образование сегодня стало определённее более доступным.

По данным проведённого социологического исследования можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство студентов Санкт-Петербурга находят взаимосвязь между государственным режимом и системой образования, а наиболее подходящим режимом для повышения качества образования большая часть людей считает демократию. По данным нашего исследования, большинство студентов Санкт-Петербурга выступает против введения единого ученика истории, а также большая часть опрошенных по различным причинам выступила против обязательного религиозного образования в школах. Ответы участников опроса позволяют сделать вывод о том, что подавляющее большинство студентов Санкт-Петербурга считает, что образование в СССР было качественнее, чем в современной России. Таким образом, нами были получены противоречивые данные: несмотря на то, что большинство опрошенных высказались за демократию в качестве режима, наиболее способствующего повышению качества образования, так же большая часть опрошенных считает, что система образования в демократической России проигрывает советской, а значит выводы о наиболее способствующем развитии образования могут быть не так однозначны.

1. Шехтер М. М. Цели и задачи высшего образования в современных условиях [Электронный ресурс]. – URL: http://psy.tsu.ru/da-ta/pdf/4_31.pdf
2. Кугель С. А., Блок М., Хватова Т. Ю. К вопросу о применении бизнес-модели в сфере высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2014_10/Kugel2.pdf
3. Осипов Г. В., Дзуцев Х. В. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2014_11/Osipov.pdf
4. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://минобрнауки.рф/документы/2974/файл/1543/12.12.29-ФЗ_Об_образовании_в_Российской_Федерации.pdf
5. Болонское соглашение (совместное заявление европейских министров образования в г. Болонья, 19 июня 1999 года) [Электронный ресурс]. – URL: <http://spb-itei.ru/2005/11/03/tekst-bolonskogo-soglasheniya-po.html>
6. Андреев А. Л. Российское образование в глобальной перспективе [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2615>
7. Суслов А. Б. Образование как непрерывное формирование гражданственности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Monografii/obraz/2_3_Образование_kak_nepreeruyное.pdf
8. Кофанова Е.Н. Политическая культура и образование в зеркале общественного мнения // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г.А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008. Е.Н. Кофанова ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ОБ
9. Гуторов В. А. Политическое образование, демократизация и роль университетов в современной России // Политика и образование. Методические записки. Выпуск 4. СПб., 2008
10. Пашков М.В., Каплан Д., Е.Э.Смирнова Россия на пути Болонского процесса: проблемы и перспективы. //Проблемы социальных коммуникаций и философии: Альманах (под ред. Алемасовой М. Л.) // Мичуринск: Издательство МичГАУ, 2014.
11. Мудрик А.В. Социальная педагогика. М., 2002.
12. Симоненко П.П. Развитие региональной системы гражданского образования школьников: Дисс. ...канд. пед. наук. М., 2006. Ключевые слова: социология, социология образования, государственный политический режим, система образования, содержание образования, со

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Артюхова В.В. (Орел)

Проблема формирования политической активности наиболее актуальна в отношении молодого поколения. Молодежь находится в решающей стадии становления личности, она наиболее подвержена всем влияниям, течениям, наиболее восприимчива ко всем изменениям, происходящим в жизни. Политическая активность молодежи сегодня, так же как и общества в целом, фрагментированна. Молодежь существенно отличается от старших поколений тем, что она практически лишена иллюзий о том, что кто-то может решить ее собственные проблемы. Она индивидуалистична и прагматична. Отношение же к современной власти носит характер достаточно нейтральный, и не связывается с позитивными переменами.

В настоящее время в широком смысле слова под политической активностью понимается форма политического участия людей во властных отношениях. Данное участие предполагает активность в составе общественных движений, политических партий, групп интересов, это может быть посещение митингов, участие в политических демонстрациях, избирательных компаниях и коллективных обращениях. На сегодняшний день современная молодежь политически неактивна. Главная причина неучастия в политической жизни общества - отсутствие заинтересованности в политике. Необходимым условием политической активности для молодого поколения является уверенность в том, что участие принесет положительный результат. Таким образом, политическую активность молодежи необходимо рассматривать не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о политической активности молодежи России [1]. Выявлено, что наиболее популярными источниками информации политического характера являются интернет (44%) и телевидение (35%), в то время как наибольшим доверием пользуются радио (41%) и печатные СМИ (38%). Существенно повысился уровень неудовлетворенности молодых людей существующей политической системой. Здесь выявлена зависимость между уровнем удовлетворенности политической системой общества и уверенностью молодых людей в завтрашнем дне. Причем зависимость от материального положения молодого человека не столь существенна. Наблюдается резкое повышение уверенности в завтрашнем дне лишь у группы респондентов с очень высоким уровнем дохода.

В мае - июне 2014 года Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел опрос, в каждом из которых было опрошено 1600 россиян в возрасте от 18 до 25 лет [2]. Цель опроса: выявить уровень политической активности молодежи России. Согласно полученным данным, 63% опрошенных, считают, что уровень развития политической культуры молодежи находится на среднем уровне, и только 9% считают, что высокий. По мнению респондентов основным «носителем» политической культуры все же выступает возрастная категория людей в возрасте от 30 до 50 лет (45%), затем старшее поколение (37%), и, наконец, молодое поколение (18%).

В январе - феврале 2015 года Фондом Общественного Мнения (ФОМ), был проведен опрос среди молодежи в возрасте от 18 до 29 лет, с целью выявить какими способами можно повысить уровень политической активности молодежи [3]. Согласно большинству опрошенных (36%) считают, что необходимо способствовать развитию молодежных инициатив, для того, чтобы молодежь сама попробовала самостоятельно участвовать и создавать проекты в политической сфере. Также 25% респондентов считают, что необходимо создание комфортных условий для повышения политической культуры молодежи.

Таким образом, приведенные выше исследования доказывают, что уровень сформированности политической активности у молодежи низкий. Данная проблема приобретает все большее значение. Молодежь чувствует себя непричастной к политическим процессам, которые протекают в их стране или регионе.

Особый интерес представляет уровень развития политической культуры у молодежи Орловской области. В феврале-марте 2015 года сотрудниками кафедры «Социология и психология управления» ОФ РАНХиГС было проведено социологическое исследование, в котором была опрошена молодежь Орловской области в возрасте от 15 до 29 лет [4,41]. Цель исследования: составить социально-политический портрет молодежи Орловской области. Согласно полученным данным 34,2% респондентов имеют общее представление о политических процессах, которые протекают в стране, но детали пропускают; следят за всеми политическими событиями 15,3% молодых людей; всего лишь 10% очень интересуются политической информацией. Довольно большой процент респондентов, которые не интересуются политикой совсем (37,7%). На вопрос «Участвуете ли Вы в политической и общественной жизни Орловской области?», большинство опрошенных ответили отрицательно (71,3%) и только 28,7% молодых людей участвуют в данных процессах. Молодежь Орловской области не проявляет должной активности в отношении общественных и политических процессах Орловской области, так как им это не интересно (32,8%), у них нет на это возможности и времени (21,3%), они уверены в том, что от их участие в этом ничего не даст (11,8%). Та часть молодежи, которая интересуется политическими процессами, своим участием хотят изменить жизнь к лучшему (31,7%).

В июне-июле 2015 года сотрудниками кафедры «Социология и психология управления» ОФ РАНХиГС было проведено социологическое исследование, в результате которого удалось выявить молодежные проблемы и пути их решения в регионе, изучить уровень знаний молодежи о политической обстановке в Орловской области, а также выявить уровень участия молодежи в политических процессах [5]. Согласно исследованию, 40% респондентов не испытывают интереса к политике. Это показывает низкий уровень политической активности у молодежи. Интересуются политикой лишь незначительное количество молодых людей, а именно 5,5%. Возможно эти люди состоят в каких-либо общественных или политических организациях.

Для молодежи очень важно быть услышанными и быть задействованными в политических процессах. Поэтому 46,5% респондентов желают принимать участие в выборах и участвовать в каком-либо политическом движении. Но при этом одна треть молодых людей не желают участвовать ни в чем. Это еще раз доказывает низкий уровень развития политической культуры.

Важно понять, что молодежь понимает под властью и каковы мотивы стремления к власти у людей. В первую очередь респонденты считают, что люди стремятся к власти из-за того, чтобы улучшить свое материальное положение (58,3%), чтобы самоутвердиться (12,3%), чтобы командовать другими (11,8%). И только 10,5% молодежи считает, что люди стремятся к власти, чтобы принести пользу обществу.

На сегодняшний день существует достаточно много молодежных общественных организациях. Но знакомы ли с ними молодежь Орловской области? Так, 77,5% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. Однако молодыми людьми были названы наиболее известные молодежные организации Орловской области как: «Молодая Гвардия», «Наши», «Российский Союз Молодежи», «Патриоты Орловщины», «Гринн Пис».

Несмотря на то, что у молодежи Орловской области прослеживается низкий уровень политической активности, все же у нее есть желание объединяться в различные политические и общественные организации, чтобы приносить пользу обществу (87%). По мнению большинства опрошенных основной задачей которую должна решать молодежная организация выступает помощь в решении молодежных проблем и этим должна

заниматься такая организация, которая ориентируется именно на молодежь. Так же респонденты отметили, что одна из задач молодежной организации является формирование гражданских и политических установок и это так же не мало важно.

Делая вывод по данным исследованиям, стоит отметить, что уровень политической активности молодежи Орловской области низкий. Большинство опрошенных не хотят принимать участие в политике. Особую роль здесь играет плохая информированность молодежи о процессах, протекающих в политике и, конечно же, само желание принимать участие в жизни региона.

Для политической культуры среди молодежи, на наш взгляд, необходимо развитие гражданской позиции не только на уровне высшего образования, но и на уровне старших классов учебных заведений среднего звена, то есть у подрастающего поколения избирателей. Также необходимо, поддерживать проекты, по обучению молодежи, как в сфере политики, так и избирательному процессу которые уже существуют на данный момент уже не в одном субъекте Российской Федерации. Также параллельно следует способствовать развитию молодежных инициатив, расширять сферу их государственной поддержки. Ведь именно в процессе реализации собственных проектов молодые люди начинают более зрело ориентироваться в общественно-политической ситуации.

1. *Официальный сайт ВЦИОМ. Социологическое исследование на тему: «Политическая активность молодежи России». [Электронный ресурс]//[сайт]. [2015] URL:www.wciom.ru/id (дата обращения 17.09.2015).*
2. *Официальный Сайт ЛЕВАДА. Социологическое исследование на тему: «Молодежь и политическая культура». [Электронный ресурс]//[сайт]. [2013] URL: http: levada.ru/arkhiv.id (дата обращения: 17.09.2015).*
3. *Официальный сайт ФОМ. Социологическое исследование на тему: «Способы повышения политической культуры молодежи» [Электронный ресурс]//[сайт]. [2014] URL: http:fom.ru/index.php.id (дата обращения: 17.09.2015).*
4. *Дорохова Ю.В., Игнатова Т.В., Проказина Н.В. Молодежь Орловской области в 2015 году. Научное издание. Информационно социологический бюллетень / Под общ. ред. П.А. Меркулова – Орел: Изд. ОФ РАНХиГС. – С.41*
5. *Социологическое исследование на тему «Молодежь города Орла». Опрос проведен в июне-июле 2015 г. Руководитель – Проказина Н.В., доктор соц. наук, доцент. Объем выборки – 400 респондентов. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, месту проживания.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Баженов А.М., Мартынова Т. М. (Тула)

Оппозиция как понятие используется в двух смыслах. Противостояние, протест против существующего порядка, т. е. как социальное отношение. Неприятие существующего порядка, враждебность индивида, группы, организации, партии в отношении политики, конституции, правительства, политической системы в целом. Существование оппозиции предполагает свободу мнений, деятельность различных общественных объединений, независимость средств массовой информации.

Смена власти, ее переход от парламентского большинства к парламентскому меньшинству, от правительства к оппозиции предполагает наличие определенного единства мнений по основным социально-политическим вопросам, основам политической системы в целом. Там, где налицо тенденции к сближению политических программ отдельных партий, к компромиссу по вопросам неприятия парламентских решений, намечаются предпосылки для формирования новых массовых политических объединений, движений, партий, которые могут составить внепарламентскую оппозицию.

По случаю возмущения фальсификациями на парламентских и президентских выборах сотни тысяч человек вышли на демонстрации в Москве в конце 2011 – начале 2012 годов. Событий такого масштаба и такого характера за все постсоветские годы наша социальная практика не знала. Испуг власти перед лицом москвичей был велик. В социальной реальности наших соотечественников многое не устраивает. Концентрация людей перешла в кристаллизацию групп.

Сразу нужно отметить, что независимые наблюдатели, которые контролировали ход думских и президентских выборов, организации «Голос» и «Гражданин наблюдатель» сыграли огромную роль в формировании общественного протеста и в придании ему конструктивного характера. Общественное недовольство было направлено в мирное русло – люди пытались добиться осуществления конституционных прав через выборную процедуру. Сам тот факт, что впервые за годы независимости России массовый протест был ненасильственным, – во многом заслуга активной части интеллигенции. Этот феномен можно рассматривать в контексте формирующегося гражданского общества.

Конечно, накопление критической массы в настроениях среди участников протестного движения шло сравнительно продолжительное время. Фальсификации итогов думских и президентских выборов стали своеобразным катализатором для протестного движения населения Москвы и других городов. Возникло движение «За честные выборы». Многие избиратели убедились на практике в существовании фальсификаций итогов выборов. Неудовлетворенность настоящим положением поставила новый для страны вопрос о будущем. Именно заявка на будущее, вероятно, самое неожиданное и важное в происходящих событиях в российском обществе. Нужно отметить, что во время шестивей формировались различные колонны, объединявшие участников в зависимости от их политических предпочтений – колонны различных партий, движений, в том числе националистов, анархистов; идентичности – ЛГБТ; гражданской позиции – научно-образовательная; в поддержку Pussy Riot.

Как известно, протестные акции были вызваны не только фальсификациями во время парламентских и президентских выборов. Прошедшую предвыборную кампанию отличало нарастающее чувство неопределенности, вызванное экономическим кризисом, отсутствие привычного для периода предвыборной мобилизации организованного консенсуса. Кроме того, выросло беспокойство и чувство незащищенности, охватывая как широкие слои населения, так и находящиеся в привилегированном положении обеспеченные слои, столичных жителей. Все группы населения сетовали на произвол властей и полиции, невозможность защитить свои права в суде, невозможность повлиять на положение дел в стране. Одновременно нарастал общий кризис легитимности государственных институтов [1].

Возникшее воодушевление стимулировало граждан участвовать в создании, включаться в работу и менять формат таких объединений, как Оргкомитет митингов, Мастерская протестных действий, Лига избирателей, а также инициативных групп разной степени открытости, внесших свой вклад в организацию и формирование облика протеста. В результате возникли два направления. Первое – привычный политический протест (митинги, шествия, пикеты). Второе – новые формы гражданского действия (кольца, прогулки, гуляния, «бродячие лагеря»). Созданные структуры способствовали распространению информации, вовлекали в организацию, проведение, участие новых людей. Так, заседания Оргкомитета транслировались в сети в режиме реального времени и комментировались зрителями, а их комментарии, в свою очередь, рассматривались участниками. Мастерская принципиально была открыта для всех, кто хотел включиться в организацию и проведение мероприятий. Здесь родилась и была реализована идея о распространении информации о митингах как можно дальше за пределы Интернета. Были изготовлены и разошлись по Москве несколько десятков тысяч листовок и наклеек, которые сыграли роль в расширении состава участников первого митинга на Болотной площади и последовавших за ним.

К сожалению, в российской общественно-политической жизни пока преобладает стремление интегрировать гражданскую активность в систему государственного управления, провести своего рода «государствление» гражданских отношений и

организаций. Тут можно сослаться на организацию шествия 9 мая 2015 года в Москве под названием «Бессмертный полк». Тем самым государственно-управленческая составляющая публичной политики ограничивает потенциал самодеятельности граждан. Наличие гражданского общества предполагает поиск оптимального баланса и взаимодействия государственного управления и гражданской самодеятельности (самоорганизации и самоуправления). Следовательно, нынешний курс государственной политики по отношению к оппозиции не только мешает нормальному функционированию публичной сферы, но и тормозит инновационную модернизацию. Более того, после киевского «майдана» и истории с присоединением Крыма в обществе стала доминировать национал-патриотическая ориентация. Оппонентов называют пятой колонной и национал-предателями.

Тем не менее, за последние годы был накоплен значительный опыт совместной работы между политиками, гражданскими активистами, журналистами. Об этом свидетельствует деятельность общественных организаций. Речь идет о коллективных гражданских действиях (помощь бездомным, отдельные частные инициативы помощи больным детям, сбор денег для уплаты штрафа организаторам выставки «Запретное искусство», объединенные гражданские усилия по тушению пожаров в 2010 году по всей стране). В этот ряд можно отнести выступления против властного произвола (защита Химкинского леса с руководителем группы Евгенией Чириковой, действия «Архнадзора», акции организации «Синие ведерки» во главе с координатором Петром Шкуматовым, кампания в независимых СМИ и Интернете вокруг ситуации с ДТП на Ленинском проспекте в Москве). Нелишне напомнить о деятельности, направленной на борьбу с коррупцией; о протестных акциях («Марши несогласных», «Стратегия 31», «Дни гнева»); о творческих акциях (перформансы группы «Война», проект «Гражданин Поэт»); о разнообразных образовательных, дискуссионных и театральных мероприятиях (сотни различных открытых семинаров, круглых столов, конференций в Центре Сахарова, на сайте polit.ru, в Мемориале, Ходорковские чтения, «Уличный университет», театральные представления Театром.doc). Наконец, нельзя не упомянуть о совместных мероприятиях политиков, журналистов, художников («Антиселигер», «Последняя осень»); об объединениях политиков, журналистов и общественников по поводу честных выборов (например, «Комитет-2008»); о широких оппозиционных коалициях (Другая Россия, Солидарность); об отдельных инициативах и демаршах публичных фигур.

Итак, во время прошедших двух избирательных кампаний 2011 – 2012 годов многие представители российского общества, в первую очередь жители Москвы и Санкт-Петербурга, других крупных городов, проявили неравнодушие к своей стране, к судьбам своих соотечественников, а также чувство собственного достоинства. Состоявшиеся мероприятия можно рассматривать как определенный показатель зрелости оппозиции и гражданского общества.

В то же время политической оппозиции в России предстоит еще проделать большую работу по консолидации своих рядов и установить прочные связи с широкими слоями общества.

1. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011-начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 2. С. 76-77.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

Беличенко Н.И. (Санкт-Петербург)

Современный этап развития человечества ознаменован не только достижениями в области науки и техники, но и эволюцией системы коммуникаций. Осознание важности построения отношений с социумом и эффективности коммуникаций привело к развитию и

применению PR технологий во всех сферах: экономика, политика, спорт, искусство и т.д. Уже сегодня у любого публичного деятеля и организации есть свои специалисты и даже целые отделы по работе со СМИ и общественностью. На первое место выходит символический капитал, выражающийся в высоком рейтинге популярности, поддержке со стороны целевой аудитории и авторитете, являющийся в свою очередь основой капитала материального. PR деятельность охватывает большой спектр социальных институтов и организаций: государство, политические партии, крупные компании и транснациональные корпорации, фонды и т.д. Приложение PR технологий весьма широко, они развиваются по целому ряду направлений среди которых особенно актуальным является работа в социальных интернет сетях. Особый информационный сектор в социальных сетях занимают политические ресурсы.

Согласно статистическим данным, социальная сеть «ВКонтакте» являет собой наиболее репрезентативную выборку молодежи России в возрасте от 15 до 30 лет, отличительной чертой которой является недоверие к традиционным средствам массовой информации. Данный факт усугубляется еще и тем, что процесс изменения парадигмы потребления информации в сторону интернет ресурсов с текущим формированием полного недоверия к государственным и традиционным СМИ представляется по-видимому необратимым ввиду демографических факторов. Из всего вышесказанного следует ситуация при которой примерно одна пятая населения оказывается в совершенно иной политической реальности.

Здесь же возникает проблема активизация оппозиции в неформальном, неподвластном государству и цензуре пространстве, овладевающей еще не окрепшими умами молодого поколения. Таким образом, большая часть молодого поколения, которая итак с точки зрения традиционных взглядов числится аполитичной группой населения, проходит совершенно иной путь политической социализации, в ходе которого ввиду отсутствия альтернатив идеализирует западную цивилизацию, где применение новейших информационных технологий составляет одну из доктрин государственной политики.

Выборочное использование интернет ресурсов государственными органами носит лишь экспериментальный характер, тогда как оппозиционные организации и личности строят свои коммуникации с молодежным электоратом именно по средствам социальных сетей, вкладывая в них большую часть ресурсов политической кампании.

Описание и констатация фактического положения дел в сфере политических коммуникаций не несет в себе научной пользы, возрастает необходимость лишь в анализе механизмов работы наиболее успешных политических информационных проектов оппозиционных сил в России и государственных аналогов за рубежом с целью их применения на уровне отечественного государственного аппарата. Индикатором успешности проекта будет служить степень его известности в кругах молодежи и уровень конвертации виртуальной аудитории в реальную. На повестке дня разработка и формулировка целой программы по работе с молодежным электоратом. Необходимость "правильной" политизации молодежи обостряется внешнеполитическими событиями. Список мер по реформированию коммуникационного аспекта власти можно формулировать начиная с местного, регионального и заканчивая уровнем масштаба всей страны. Именно разработка практического инструментария и стратегии информационной работы государства составляет наибольший исследовательский интерес. Здесь особенно эффективным представляется социологический анализ данной демографической группы населения с точки зрения ее пребывания в социальных сетях, как наиболее доступных площадок для проведения исследований.

Необходимо понимать, что реформы коммуникационного аспекта реализации политики государства предполагают не только влияние на молодежь, но и воздействие на вертикаль власти, поскольку введение, например, публичной отчетности органов власти на местном уровне, с учетом личного вклада каждого представителя власти повлечет за собой целую перестройку аппарат кадрового управления, а формирование более открытой и

доступной системы выборов в местные органы самоуправления, освещаемой в интернете поведет за собой вскрытие более глубоких внутри аппаратных проблем, решение которых еще не найдено.

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ С ОСОБОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЙ

Борисенко А.Э. (Тверь)

Выборы в отдалённых уголках Российской Федерации проходят в иной социокультурной обстановке, нежели выборы, например, в Москве. Это интуитивно понятно: даже если речь идёт о федеральных выборах, опирающихся на стандартную нормативно-правовую базу, реальный политический климат настолько разнообразен, что общие требования закона выполняются (или не выполняются) по-разному. Поэтому для проведения выборов следует учитывать особенности электоральной культуры того или иного региона.

Под особенностями электоральной культуры подразумевается устойчиво отличные от фона условия подготовки и проведения выборов, нашедшие выражение в данных электоральной статистики. Фоном считают средние по России значения электоральных показателей. Территории, где подобные отклонения проявляются систематически, называются «территориями с особой электоральной культурой».

В некоторых ТИК такие отклонения по ряду показателей носят систематический характер. Следовательно, напрашивается вывод о наличии некоторого постоянно действующего фактора, смещающего данную ТИК в сторону от большинства других. Если же похожие отклонения наблюдаются в целой группе ТИК, то можно говорить о наличии определённого множества территорий, характеризующегося близкими отклонениями в электоральной культуре. Если это множество выглядит на карте не как случайно разбросанные отдельные пятнышки, а как компактное поле примыкающих друг к другу территорий, то появляется основание говорить об ареалах «особой культуры», анализировать их географию и отношение к политическим, этническим, расселенческим социальным структурам.

При анализе данных бросается в глаза закономерность географического распределения результатов. Логично предположить, что если бы по неким случайным причинам отдельные ТИК выделились повышенной монолитностью голосования, повышенной долей недействительных бюллетеней и т.д., то они были бы случайно разбросаны по территории страны. Но оказалось, что на всех картах из мозаики ТИК с высоким индексом электоральной культуры явно складываются очертания северокавказских республик, Татарстана, Башкортостана и некоторых других регионов. Контуры республик Тывы, Мордовии, Кемеровской, Орловской, Курской, Самарской областей выделяются на картах отдельных электоральных кампаний. [4]

Из этих фактов вытекают следующие выводы. Во-первых, что в составе Российской Федерации есть ряд субъектов, отличающихся «особой электоральной культурой». Во-вторых, можно предположить, что определяющая роль в формировании феномена «электоральной культуры» всё же принадлежит управленческим традициям региональных элит: с выходом за пределы их административной компетентности (например, в соседний субъект Федерации) «электоральная культура» часто скачкообразно меняется.

Наряду с контрастными границами между «фоновыми» и «особыми» ареалами, налицо и целый ряд плавных переходов от зоны с максимальными значениями индекса к средним его значениям и далее – к фоновому уровню. Иными словами, административные

границы субъектов Федерации играют в географии электоральной культуры важную, но далеко не исчерпывающую роль. Ярче всего пограничный контраст проявляется там, где контактирует две чётко выраженные электоральные культуры: например, между «особым» Башкортостаном и соседней «фоновой» Челябинской областью.

В то же время внутри ареалов с самой высокой степенью управляемости встречаются ТИК с относительно независимой манерой поведения – как правило, это городские ТИК или такие, где город играет доминирующую роль в общей структуре населения. Выделяются закономерности электорального поведения города и села, со значительно большей электоральной управляемостью последнего.

Отнюдь не все республики Российской Федерации вошли в список территорий с повышенной «электоральной управляемостью». Так, в Карелии, Коми, Удмуртии, Хакасии признаков чрезмерной лояльности избирателей моделью не обнаружено. Дело, видимо, не в формальном статусе региона, а в политической и социокультурной ситуации, которая поддерживается не только традицией, но и политическими ресурсами региональных нотабилитетов. Более того, «роль элит в истории» кажется заметно недооценивается теми, кто склонен объяснять повышенную электоральную управляемость объективными характеристиками регионального социума. Иначе, почему столь резко выделяются на фоне окружающих территорий такие регионы с «особой электоральной культурой», как Орловская, Кемеровская области и Москва, резко контрастирующие с окружающим социокультурным фоном? Представляется, что без учёта роли «сильных лидеров» и их влияния на электоральную культуру этот феномен не объяснить.

Так или иначе, различия социокультурной обстановки способствуют появлению регионов с «особой электоральной культурой», поэтому, чтобы прогнозировать какие-либо результаты выборов, необходимо принять это во внимание.

1. Андреев А.Л. Гражданская позиция российской учащейся молодежи / А. Л. Андреев // Вестник Российской академии наук. - 2005. - № 7. с. 587-591.
2. Арбатская М. Н. Контурная карта электоральной России / науч. ред. Б. М. Ишмуратов. - Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2003. - 172.
3. Жидкин А.П. Электоральное поведение городских и сельских жителей России // Вестн. Моск. ун-та. Сер.5. - 2002. - № 1. - с.47-54.
4. Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и цельность России // Полис. - 2001. - N 1(60). - с.73-93.
5. Орешкин Д. Б., Орешкина Д. Д. География электоральной культуры России. / Д. Б. Орешкин, Д. Д. Орешкина // Общественные науки и современность. - 2006. - №5. – с. 20-34.

РОССИЯ И США: НЕИЗБЕЖНОСТЬ СИЛОВОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Быков В.П. (Санкт-Петербург)

В прошлом было написано немало трудов, авторы которых мечтали о человеческом обществе, в котором в результате технического, умственного и нравственного прогресса каждого отдельного индивида и каждой нации установится приятное и гармоническое взаимодействие всех составных частей общества, внутренний порядок и внешний мир [1, 361-362; 2, 83-101; 3]. В то же время «теоретикам-идеалистам» всегда противостояли «теоретики-реалисты», которые утверждали, что состояние войны между людьми вполне естественно, что истоки войны следует искать в природе вещей, в природе человека и общества [4, 361; 5, 89]. В частности, Платон указывал на то, что люди в обществе неодинаковы в силу неодинаковости их душ и тел. Одни люди рождаются, чтобы властвовать, другие - чтобы подчиняться*. В результате этого сильные телом и духом

люди подчиняют себе других граждан (посредством войны, прежде всего). Однако не все граждане соглашаются принять долю, уготованную им судьбой, и поэтому начинают войну против своих правителей. Но, в свою очередь, и правители могут развратиться и начать действовать, по существу, против граждан, и тогда естественным становится возмущение, и в итоге война последних против первых. Кроме того, по Платону, войны всегда будут вестись из-за территорий, которые необходимы государству, чтобы обеспечить средствами жизни его граждан [6, 135 и т.д.].

К.Маркс и Ф.Энгельс также полагали, что войны есть естественное порождение классового общества [7]. Они считали, далее, что развитие капитализма неизбежно приводит к господству над миром небольшую группу «магнатов капитала». Предотвратить такой исход истории способны лишь пролетарии передовых стран (в союзе с пролетариями всего мира), осуществив революцию и построив коммунистическое общество.

В.И.Ленин развил, применительно к условиям XX в., - прежде всего, в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», - теорию капитализма Маркса и Энгельса. Он пришёл к выводу, что борьба за рынки, за ресурсы, борьба, перерастающая в мировые войны, есть важнейшая особенность капитализма на высшей стадии его развития, что установить мир на земном шаре угнетённые классы смогут только в результате социалистической революции, которая начнётся, прежде всего, в России, где накал противоречий между классами наиболее высок и которая поэтому является самым слабым звеном в цепи капиталистических стран.

Однако социализм в СССР и многих других странах под давлением экономической и пр. конъюнктуры рухнул; пролетарская революция в мировом масштабе не свершилась; процесс концентрации и централизации капитала не прекратился. Несмотря на соответствующие законы (первоначально это - «антитрестовские законы» в США, а затем и в других странах с рыночной экономикой) этот процесс шёл пусть медленно, но, как говорится, верно. Сегодня многими государствами на Земле - формально суверенными - по существу, не управляют публичные политики. То, что последние являются лишь исполнителями воли крупнейших корпораций, просто бросается в глаза. Тех, кто возражает против таких порядков, убирают с дороги. События, происходящие ныне в мире, вполне подтверждают тезис Маркса, что "современная государственная власть, - это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии" [8, 426].

Следует констатировать, что в документе под названием «Стратегия национальной безопасности», одобренном Конгрессом и президентом США и периодически пересматриваемом, прямо указывается на то, что главной задачей американского государства является «укрепление экономического могущества Америки», в том числе и прежде всего - завоевание новых рынков. При этом неоднократно подчёркивается, что важнейшим условием американского доминирования в мире была и остаётся военная сила, которая может быть применена в одностороннем порядке, минуя ООН. Поэтому не стоит надеяться, что правящие круги Америки откажутся от этой своей стратегической цели. Эта цель ими поставлена навсегда, к ней они будут стремиться во что бы то ни стало, используя самые разнообразные методы.

Сегодня Россия, как говорится, «со всей американской прямотой» объявлена главным геополитическим («экзистенциальным») противником США, после Исламского Государства и неких «киберпротивников». Почему именно Россия, а, например, не Китай, который на глазах становится экономическим гигантом и серьёзным конкурентом США, стала главной мишенью Вашингтона? Очевидно, прежде всего, потому, что экономики Китая и США существенным образом взаимоувязаны [9]. С Россией же у США экономические связи минимальны. Далее. Россия – богатая природными ресурсами страна, к тому же она всё активней защищает свои национальные интересы, все упорней выступает против претензий США на мировое господство, на право вмешиваться в дела других государств, приобретая в данном деле всё больше союзников. Это проявилось, в

частности, в поддержке Россией Приднестровской Молдавской Республики, Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г., референдума в Крыму в 2014 г., противостоянии ДНР и ЛНР националистическому режиму в Киеве в 2014-2015 г., и т.д., и т.п. Всё это сильнейшим образом раздражает руководство США. При этом в Штатах, похоже, серьёзно уверены в экономической и военной слабости России, в её неспособности противостоять натиску «западного альянса». Часто можно слышать речи о «несопоставимости» американского внутреннего валового продукта (ВВП) и внутреннего валового продукта, производимого Россией.

Здесь можно сказать, что существенного преимущества в вооруженных силах у США над Россией нет. Это, во-первых. Во-вторых, структура ВВП США состоит, в том числе, из множества навязанных обществу (и оплачиваемых) услуг. В-третьих, многие военнослужащие США, как показала практика, хотя и за службу получают жалованье, но отнюдь не готовы проливать кровь за чуждые им интересы корпораций [См.: 10]. Очевидно, что и руководство Соединенных Штатов не горит желанием вступить в прямое – и смертельно опасное – военное столкновение с Россией. Но при этом важно иметь в виду, что его на это столкновение определённые силы могут подтолкнуть. Вспомним: в октябре 1962 г., когда разразился Карибский кризис, мир оказался, буквально, в шаге от ядерной катастрофы, и лишь благоразумие тогдашнего президента США, Д.Кеннеди, пошедшего на контакт с руководством СССР, предотвратило апокалипсис мирового масштаба. Сегодня, как и в прошлом, американские военные вполне серьёзно рассматривают возможность нанесения упреждающего ядерного удара по России. Кто-то может сказать, что эти планы может реализовать только сумасшедший. Но лишь немногие в Европе в 1939 г., до мюнхенского соглашения, понимали, что последует за соглашением «западных демократий» с Гитлером. Они никак не могли взять в толк, что на самом деле план последнего – завоевание мира. К тому же сегодня появляются или совершенствуются виды оружия, применение которых может быть весьма эффективным. Это – экономическое, биологическое, климатическое, психологическое, информационное и т.п. оружие. Однако не стоит сбрасывать со счетов и традиционное, летальное, оружие. Его в тех же Штатах, как говорится, – горы. И ещё горы вскоре будут произведены. Что с ними делать?

Сегодня иногда в дискуссиях звучит тезис, что в политике сумасшедших нет, что политика – сфера рационального. В действительности же (и здесь можно согласиться с М.Вебером) на политика действуют «дьявольские» силы, да и сам он может превратиться, поистине, в воплощение зла. В свое время, уходя со своего поста, президент США Д.Эйзенхауэр с тревогой говорил о всё возрастающем негативном влиянии военно-промышленного комплекса на жизнь Америки, о том, что корпорации, работающие в сфере вооружений, всё сильнее подталкивают политиков, а затем и общество к иррациональным действиям. Об этом же пишут многие современные исследователи Америки [См., например: 11].

Что мы сегодня, в России, сможем сделать в этой ситуации? Как представляется, основной путь – это развитие экономики и укрепление обороноспособности. Другой путь, как бы утопично оно ни прозвучало – внедрение в сознание мирового сообщества идеи национализация частных предприятий, работающих на «оборону», – хотя бы в основных сферах, поскольку это лишило бы многих людей стимулов, по крайней мере, прямых, – зарабатывать на войне. Как это сделать – тема уже отдельного разговора.

* Однако Платон не забывал при этом про образ жизни, которому отводил важную роль в формировании человеческого характера. Он, в частности, был абсолютно убежден

в том, что сильный, мужественный характер формируется постоянными гимнастическими

и военными упражнениями, что, напротив, люди, игнорирующие гимнастику и военное

дело, становятся изнеженными, слабыми и, в конце концов, попадают под управление сильных личностей либо гибнут. Однако важно отметить, что ни Платон, ни, затем, Аристотель не грезили о завоевании эллинами вселенной. Они считали, что количество жителей в государстве должно быть ограниченным, что большое государство не может управляться хорошо. Оно становится либо рыхлым, либо деспотическим, уничтожающим свободу человека.

1. Спенсер Г. Синтетическая философия: Пер. с англ. – К.: Ника-Центр, 1997. – 512 с.
2. Конт О. Дух позитивной философии. – СПб, Санкт-Петербург. 2001. – XIV +162 с.
3. Кант И. К вечному миру. Электронный ресурс. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884-1888). М.: ТОО Транспорт, 1990. - 301 с.
6. Платон. Собрание сочинений в 4 томах Т.3. – М.: Мысль, 1994. - 654 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., изд. 2, Т.17. – М.: Политиздат, 1960. – 841 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., изд. 2, Т.4. – М.: Политиздат, 1960. – 841 с.
9. См., в частности: Скосырев В. Китай делает ставку на расширение связей с США / Независимая газета. 10 октября 2015 г.
10. Джеймс Д. Война остается «рэкетом» / Оригинал публикации: *War is still 'a racket'*. "Foreign Affairs", 16 /01/ 2015.
11. Миллс Р. Властвующая элита. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 541 с.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Валиева М. (Москва)

Кластерная политика стала одним из наиболее востребованных механизмов реализации государственной экономической политики в развитых и развивающихся странах относительно недавно – с середины 1990-х г. Формирование инновационных территориальных кластеров вносят значимый вклад в экономическое развитие ведущих стран и регионов мира. С развитием кластеров стимулируется повышение производительности труда, формирование новых компаний и создание новых рабочих мест, содействие росту инновационного потенциала территорий, формированию конкурентных преимуществ и уникального облика (бренда) региона или территории, способствующего привлечению денежных вливаний в регионы. Включение российских кластеров в глобальные цепи создания добавленной стоимости позволяет существенно поднять уровень национальной технологической базы, повысить скорость и качество экономического роста за счет повышения международной конкурентоспособности предприятий, входящих в состав кластера, путем:

- внедрения наилучших технологий, новейшего оборудования;
- получения доступа к современным методам управления и специальным профессиональным знаниям;
- получения возможностей выхода на высоко-конкурентные международные рынки.

Специфика кластерного подхода к развитию территории заключается в комплексности и системности постановки задач территориального развития, усилении

синергетических эффектов от использования различных инструментов регионального развития.

На данный момент формирование и развитие инновационных территориальных кластеров отнесено к приоритетам социально-экономического развития России, что отражено во множестве государственных стратегических документах. В национальном докладе «Стратегии 2020: новая модель роста - новая социальная политика» подчеркивается, что российская экономика нуждается в выходе на траекторию устойчивого роста с целью модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества. В «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» поставлена цель достижения доли России на мировых рынках в высокотехнологичных отраслях не менее 5-10 процентов по пяти-семи и более ключевым секторам экономики, а доля предприятий, осуществляющих технологические инновации должна возрасти до 40-50 процентов. Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» ключевыми элементами перехода к инновационному, социально ориентированному типу экономического развития является формирование новых центров социально-экономического развития, опирающихся на развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, и создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкретный потенциал территорий. Также в качестве одного из направлений развития заявлен переход к новой модели пространственного развития российской экономики. Особую роль в этом переходе призваны сыграть инновационные территориальные кластеры.

Под кластерной политикой подразумевают систему государственных и общественных мер и механизмов поддержки кластеров и кластерных инициатив, обеспечивающих повышение конкурентоспособности регионов, предприятий, входящих в кластер, развитие институтов, стимулирующих формирование кластеров, а также обеспечивающих внедрение инноваций. Можно выделить четыре различные формы организации производства, которые являются основными объектами реализации кластерной политики в России:

1. Внепространственные кластеры (промышленные, национальные) – группы взаимосвязанных отраслей промышленности и сферы услуг в рамках экономики страны или региона, наиболее успешно специализирующихся в международном и внутристрановом разделении труда.

2. Пространственные кластеры (региональные, трансграничные, локальные кластеры) – группы географически сконцентрированных компаний из одной или смежных подотраслей хозяйства и поддерживающих их институтов, расположенных в определенном регионе, производящих схожую и взаимодополняющую продукцию и характеризующихся использованием внутренних и внешних экономий на масштабах производства и интенсивным информационным обменом между фирмами-членами кластера и их сотрудниками, за счет которого повышается конкурентоспособность всего кластера.

3. Кластерные инициативы – комплекс мероприятий по организации взаимодействия между органами государственной власти, компаниями и научно-исследовательскими организациями для улучшения деловой среды и повышения конкурентоспособности местных предприятий.

4. Территориально-производственные комплексы в их классическом определении. Т.е. предприятия, созданные в СССР в рамках ТПК, в настоящее время являются основой конкурентоспособности российской экономики.

Также можно выделить четыре основных направления реализации кластерной политики в России:

1. Реализация кластерной политики по отношению к внепространственным кластерам. Основными направлениями реализации политики являются поддержка конкуренции, повышение образовательных и экологических стандартов и продвижение интересов компаний кластера на иностранных рынках.

2. Для реализации кластерной политики по отношению к пространственным кластерам. Для нее необходимо сначала провести исследования по выявлению существующих или формирующихся кластеров, которые обычно состоят из малых и средних предприятий. Эта задача должна реализовываться преимущественно региональными органами власти, так как они владеют более глубокой информацией о развитии предприятий на местах, при общем контроле федеральных органов власти, которые должны в результате сформировать общую картину развития пространственных кластеров в стране.

3. Создание и поддержка кластерных инициатив. Их можно развивать при наличии всех вышеперечисленных структур. Главной целью кластерных инициатив является создание сетевых взаимодействий между учеными, студентами, предпринимателями и государственными служащими для того, чтобы как можно быстрее в практику внедрялись любые нововведения – как управленческие, так и производственные, и чтобы при принятии решений органами государственной власти были в максимальной степени учтены мнения представителей всех участников кластерной инициативы.

4. Развитие существующих и создание новых территориально-производственных комплексов на основе использования эффекта размещения, концентрации, комбинирования и кооперирования в сырьевых отраслях и в основном в районах нового освоения должно быть отдельным направлением государственной политики по диверсификации экономики и углублению степени переработки сырья.

В целях формирования комплексного подхода к реализации инновационных проектов, концентрации усилий по развитию высокотехнологичных секторов экономики региона и повышения эффективности использования инструментов государственной поддержки проводятся организационные мероприятия по формированию кластерной политики Волгоградской области.

В рамках данного направления разработаны концепции развития 4 региональных кластеров: химико-фармацевтический кластер, автобусостроительный, кластер альтернативной энергетики, IT кластер.

Приоритетным направлением развития химико-фармацевтического кластера на территории Волгоградской области является создание новых фармацевтических производств, обеспечивающих выпуск отечественных инновационных лекарственных препаратов.

Развитие здравоохранения связано с ростом инновационной активности и инвестиционной привлекательности фармацевтической, медицинской и биотехнологической промышленности, производств по созданию медицинской техники и инструментов. Привлечь инвестиционные ресурсы в разработку отечественной фармацевтической продукции, медицинских технологий и инструментов возможно в условиях государственно-частного партнерства, направленного на возрождение фармацевтической и медицинской промышленности, что в конечном итоге позволит значительно улучшить ситуацию с лекарственным обеспечением населения отечественными инновационными препаратами. Наиболее полно связанность власти, науки, образования и бизнеса реализуется в рамках кластерных форм организаций.

Переход фармацевтической индустрии на инновационную модель развития, повышение конкурентоспособности как на российском, так и на зарубежном рынке является в настоящее время важнейшей стратегической задачей федерального уровня. При этом население должно быть обеспечено не только недорогими и качественными препаратами для лечения социально значимых заболеваний, но и инновационными

средствами, производимыми в Российской Федерации в соответствии с самыми высокими стандартами.

В состав участников НП «Волгоградский химико-фармацевтический кластер» войдут более 20 ведущих организаций, а также ведущие научно-исследовательские и образовательные организации Волгоградской области.

Ведущую роль в организации образовательной и научной деятельности играет Волгоградский государственный медицинский университет. Его роль состоит в создании комплекса инновационных технологий разработки и внедрения в промышленное производство отечественных лекарственных средств, создании на их основе инновационных лекарственных форм, обеспечении и проведении клинических исследований лекарственных средств, а также в подготовке квалифицированных кадров для отечественной фармакологической науки и фармацевтической отрасли.

На локализованном в Волгоградской области химико-фармацевтическом производстве в рамках создаваемого кластера предполагается выпуск 14 инновационных препаратов (9 в твердых и 8 в жидких лекарственных формах) и 13 дженериков (9 в твердых и 5 в жидких лекарственных формах). Исходя из рыночных перспектив, существующей научной базы и условий создания фармакологического производства, в рамках деятельности развития кластера планируется наладить производство более 25 видов лекарственных средств.

Все планируемые к производству инновационные препараты разрабатываются научными организациями Волгоградского лекарственного кластера. Строительство новых объектов в рамках кластера планируется на имеющейся инвестиционной площадке в г. Волжском Волгоградской области.

Имеющаяся в регионе оптово-розничная сеть ГУП «Волгофарм» способна обеспечить реализацию выпускаемой фармацевтической продукции.

Развитая транспортная инфраструктура местности позволяет наиболее эффективно сформировать логистические цепочки для всех участников лекарственного кластера.

Основные конкурентные преимущества фармацевтического кластера во многом будут обусловлены мощной сырьевой базой, сложившейся в Волгоградской области, и наличием в регионе ведущих ключевых участников.

Успешному развитию химического производства в Волгоградской области способствуют следующие факторы:

- Уникальная научная база для создания лекарственного кластера;
- Волгоградский химико-фармацевтический кластер вошел в программу «Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года»;
- Интерес компаний-инвесторов к участию в проекте создания в Волгоградском регионе центра научных исследований и подготовки кадров для фармакологии;
- Развитая инновационная инфраструктура Волгоградской области, обеспечивающая финансирование инновационных проектов на всех этапах развития;
- Наличие крупных химических производств, обладающих подготовленным персоналом;
- Наличие в регионе залежей природного сырья, в частности: углеводов, поваренной соли, бишофита, калийных солей, фосфатных руд;
- Наличие политической воли у руководящего звена области к использованию кластерного подхода в вопросах развития региональной экономики;
- Удачное логистическое расположение Волгоградской области. Пересечение на территории области крупных железнодорожных путей, наличие возможностей для транспортировки продукции речным транспортом с выходом в Каспийское и Черное моря, что создает благоприятные условия для экспорта продукции.

Реализация проекта создания инновационного химико-фармацевтического кластера на территории Волгоградской области обеспечит существенный вклад в укрепление национальной лекарственной безопасности Российской Федерации. Создадутся условия для непрерывного процесса внедрения отечественных инновационных разработок в промышленное производство.

Фармацевтический рынок является наиболее быстрорастущим сектором мировой экономики. Темп роста составляет примерно 6-10% в год, в отличие от других отраслей, где чистая прибыль составляет в среднем 5% от общего дохода. Продукция фармацевтического кластера будет нацелена как на коммерческий сегмент фармрынка, так и на государственный.

Наиболее важным звеном кластера является химико-фармацевтическое производство, соответствующее стандарту GMP. В этой зоне кластера осуществляется опытное и промышленное производство как лекарственных субстанций и готовых лекарственных форм, так и упаковку.

В Волгоградской области сформирован крупнейший промышленный химико-технологический комплекс юга России. Такие предприятия, как ОАО «Химпром», ОАО «Каустик» и ОАО «Волжский Оргсинтез» в течение многих десятилетий являлись ведущей базой крупнотоннажной химической индустрии по выпуску продукции производственно-технического назначения и бытовой химии, а также военной химической продукции. Несмотря на проведенную в последние годы конверсионную реструктуризацию ассортимента выпускаемой продукции, химические предприятия Волгоградской области удерживают ведущие позиции в производстве многих органических и неорганических соединений – кислот, едких щелочей, окислителей, свободного хлора, хлорангидридов фосфорных кислот, органических растворителей, аминокислот, ароматических соединений и их функциональных производных – всего того, что требуется для синтеза разнообразных субстанций современных лекарственных средств.

На протяжении последних нескольких лет экономика Волгоградской области демонстрировала устойчивые темпы пророста инвестиций. Так ежегодный темп прироста инвестиций в основной капитал за последние годы составляет 35–55 %. Рост инвестиционной привлекательности Волгоградской области, позитивные тенденции экономической и финансовой стабильности подтверждаются российскими и международными рейтинговыми агентствами.

Волгоград является научным центром Юга России. В области насчитывается более 60 государственных и негосударственных высших учебных заведений, действует 38 научно-исследовательских, проектно-конструкторских организаций и лабораторий, в том числе 4 НИИ в составе РАМН, РАСХН.

Научной базой для фармацевтической отрасли является Волгоградский государственный медицинский университет, объединяющий для проведения фармакологических и фармацевтических исследований потенциал научных учреждений региона - НИИ фармакологии Волгоградского государственного медицинского университета, Волгоградский научно-исследовательский медицинский центр Администрации Волгоградской области, Научно-исследовательский институт гигиены, токсикологии и профпатологии, Волгоградский научно-исследовательский противочумный институт Роспотребнадзора.

Фундамент современной школы Волгоградских фармакологов был заложен более 40 лет назад, когда началась планомерная работа по поиску и созданию лекарственных средств на основе природных и синтетических азотсодержащих гетероциклических соединений, нейроактивных аминокислот, препаратов на основе бишофита и продуктов его переработки.

В настоящее время Волгоградские фармакологи занимают ведущие позиции в России в части подготовки научных кадров, в создании новых оригинальных

лекарственных средств и в области фундаментальной фармакологии. Только за последние 10 лет подготовлено более 30 докторов медицинских, биологических и фармацевтических наук, более 100 кандидатов наук.

Волгоградская область является одним из первых регионов России, где последовательно разрабатывается и реализуется комплекс мероприятий, направленных на создание региональной инновационной системы. Администрацией Волгоградской области проводится активная работа по созданию инновационной инфраструктуры, развитию принципиально новых механизмов финансирования инновационных проектов, созданию рынка инноваций и благоприятной среды для инновационной деятельности.

Основными элементами создаваемой системы поддержки малых и средних предприятий в Волгоградской области на сегодняшний день являются: бизнес-инкубатор, центр трансфера технологий, Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Волгоградской области, направленный на финансирование перспективных инновационных проектов.

В г. Волжском 2010 года функционирует региональный Бизнес-инкубатор, который является объектом инфраструктуры развития предпринимательства, осуществляющим поддержку предпринимателей на ранней стадии их деятельности, путем предоставления в аренду нежилых помещений, оборудованных всей необходимой для работы техникой и мебелью на льготных условиях и оказания различных дополнительных услуг, обеспечивающих максимально комфортные условия становления успешного развития бизнеса в регионе.

Волгоградская область характеризуется либеральной моделью инвестиционной политики и предлагает максимальный пакет побудительных механизмов для инвестора, что закреплено в соответствующих нормативных актах регионального законодательства.

Законом Волгоградской области от 14.02.2002 г. № 668-ОД "Об инвестиционной деятельности в Волгоградской области" определены возможности государственной поддержки:

- погашение части процентной ставки по банковскому кредиту;
- содействие развитию инфраструктуры;
- льготы по налогам и сборам для инвесторов и пользователей объектов инвестиционной деятельности.

В соответствии с Законом Волгоградской области от 28.04. 2007 г. № 1455-ОД "О государственных гарантиях Волгоградской области" субъектам инвестиционной деятельности могут предоставляться государственные гарантии Волгоградской области.

Кроме этого Администрацией Волгоградской области для потенциальных инвесторов предполагается использование механизма «одного окна», в рамках которого оказывается организационная помощь и поддержка на любом этапе проекта – от разработки концепции, выбора и согласования земельного участка до ввода объектов в эксплуатацию.

Таким образом, на сегодняшний день в Волгоградской области созданы все экономические условия для создания химико-фармацевтического кластера, включая наличие возможностей создания инновационных лекарственных препаратов, развития научной базы, строительства современного фармацевтического производства и привлечения частных инвесторов.

1. *«Стратегия-2020: Новая модель роста - новая социальная политика». Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина.*
2. *Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. N 2227-р)*

3. *Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»*
4. *Закон Волгоградской области от 14.02.2002 г. № 668-ОД "Об инвестиционной деятельности в Волгоградской области"*
5. *Законом Волгоградской области от 28.04. 2007 г. № 1455-ОД " О государственных гарантиях Волгоградской области"*
6. *Абашкин В. Л., Голанд М. Ю., Гохберг Л. М., Куценко Е. С., Рудник П. Б., Шадрин А. Е. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации / Под общ. ред.: Л. М. Гохберг, А. Е. Шадрин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – 209 С.*
7. *Придачук М.П., Кравченко Е. Н. Эффекты кластеризации российской экономики. // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2009. № 9. - С. 110-113.*
8. *Шупер В.А., Постиндустриальная трансформация старопромышленных районов России. // Институт географии РАН. 2011 – С.179-182.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЁЖИ

Васенина И.В. (Москва)

Решить задачу управления избирательным процессом невозможно без учета специфики избирательного поведения различных социально-демографических групп, особенно одной из наиболее ярких представителей будущего, молодежи. Именно молодым людям в будущем предстоит отвечать за воплощение или изменение траекторий, намечаемых сегодня старшим поколением. При этом в действиях молодежи как политического актора заключается не только потенциал перемен к лучшему, но и угроза политической нестабильности, которая может повлечь за собой нестабильность во всех сферах общественной жизни.

Изучение электорального поведения молодежи обладает безусловной актуальностью, поскольку полученное знание сделает возможным прогнозирование возможных форм вступления молодых людей в политическую жизнь, и, в более широкой перспективе, предвидение будущей направленности политических процессов в России. Такие качества обыденного политического сознания, как политическая наивность, неустойчивость взглядов и оценок, подверженность иллюзиям, мифам, суевериям, присущи целым группам населения, но особенно отличает именно молодёжь.

Социологические исследования последние 10 лет показывают явное противоречие между тем, что молодежь считает важным для страны, а что – лично для себя и своей семьи. В результате большая часть современной российской молодежи не рассматривает политику в качестве сферы реализации собственных интересов и приложения своих усилий. Поэтому особую актуальность в настоящее время приобретает исследование политического сознания с точки зрения его роли и влияния на электоральное поведение молодого поколения. В то же время очевиден недостаток специальных работ по изучению проблемы электорального поведения молодежи на региональном уровне, её типологии, объективных и субъективных факторов, влияющих на него, выявлению специфики по отношению к избирательному поведению других групп населения.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о значимости исследования влияния политического сознания российской молодежи на ее электоральное поведение.

В политическом сознании молодежи отражаются ее групповые политические интересы. На эмпирическом уровне они находят выражение в политических ориентациях молодых людей, в их отношении к действующим структурам и институтам власти, к политическим партиям и общественным движениям. Осознанные политические интересы служат выработке молодежной идеологии и определяют направленность повседневной практической политической деятельности молодых людей.

Формирование политического сознания — сложный процесс, сопровождающийся противоречиями развития российского общества на протяжении второй половины XX и начала XXI в. По отношению к молодежи власть в этот период проявляла политическое недоверие. Подобный подход не мог не отразиться на политической активности и на реальном участии молодежи в политической жизни. Несмотря на формальное соблюдение представительства этой части общества в выборных государственных органах, ее фактическое влияние на политику оставалось непропорционально малым. Жестко ограниченная институциональными формами политическая активность молодых людей имела скорее ритуальный характер и не отражала зачастую их реальных групповых интересов и возможностей. Искреннее желание молодых людей и даже молодежных организаций что-либо изменить, наталкиваясь на непреодолимые препятствия со стороны отлаженной бюрократической системы, сменялось разочарованием. Чаще всего это заканчивалось отказом от борьбы и принятием идеологии конформизма.

Массовое отчуждение молодежи от осуществления властных функций деформировало ее сознание, порождало разочарование у одних и недовольство политической системой — у других. Не случайно молодежь в конце 1980-х — начале 1990-х гг. выступила на стороне сил, направленных на разрушение строя, тормозившего движение российского общества по пути демократических преобразований. Однако очень скоро всплеск политической активности уступил место равнодушию, апатии, политическому нигилизму.

Подобная ситуация не только лишала молодежь определенности в отражении происходящего и делала непредсказуемым ее будущее, но расшатывала зарождающиеся демократические ценности в ее сознании, установку на участие в политической жизни. Именно в этот период в молодежной среде был отмечен рост недоверия к действующей политической власти, полное или частичное отчуждение молодых людей от политической жизни. Этот опыт транслируется будущим поколениям. Родителями современной молодежи сегодня являются молодые люди середины и конца 1990-х гг. Поэтому во многом подобные настроения воспроизводятся и в нынешних социально-политических условиях.

О динамике социально-политических установок, отражающих распространенные в молодежной среде взгляды и настроения, политическое сознание современной молодежи, можно судить на основе данных социологических исследований, проведенных коллективом авторов в 2009 г.

Результаты исследования позволили выявить ряд тенденций в формировании политического сознания молодежи. В политическом сознании современной молодежи доминируют государственнические и традиционно-демократические ориентации. Есть основания говорить об укреплении коммунистических ориентаций, поменявшихся местами с либерально-демократическими ценностями, в данной тенденции проявилось не столько стремление молодежи к возврату в советское прошлое, сколько к справедливости и порядку, подорванными в ее представлении либеральными демократами. Сохранили и даже увеличили свое значение национально-патриотические, националистические и радикально-демократические ориентации.

Важной составляющей политического сознания молодежи является отношение молодых людей к действующим в стране институтам власти и общественным организациям. Об этом можно судить по тому, насколько доверяют юноши и девушки различным государственным и общественным структурам.

Отмечается тенденция роста доверия молодежи к государственным и общественным институтам, что подтверждается позитивной тенденцией изменения средних значений абсолютной разницы между доверием и недоверием. Очевидна положительная динамика отношения к федеральным органам власти, например, Президенту. Позитивные изменения отмечаются в уровне доверия церкви, средствам массовой информации (СМИ) и региональной власти.

Можно выделить некоторые факторы, определяющие состояние и направленность изменения политического сознания молодежи. Так снижение жизненного уровня (материальный фактор) оказывает влияние на политические ориентации молодых людей и на их отношение к властным структурам. Чем более высокий жизненный уровень имеют молодые люди, тем больше они доверяют институтам власти. Необходимо упомянуть о таком факторе как влияние референтной группы. Значительная часть молодых людей, особенно в крупных городах, сумела приспособиться к новым условиям, образовалась, хотя численно и небольшая (около 5% молодежи), но быстро растущая, экономически продвинутая группа, референтная для молодого поколения в целом. Глядя на преуспевающих сверстников, многие надеются и на собственный успех. Наличие продвинутой группы, несущей в себе некие инновационные качества, ведет к дальнейшему подражанию этой группе другими группами населения, а, следовательно, и к общему политическому и социально-экономическому развитию. И еще один фактор, который играет огромную роль сегодня в формировании политического сознания - влияние средств массовой информации. Хотя 34,4% молодежи высказали недоверие средствам массовой информации, влияние их на молодых людей остается высоким, а зачастую решающим. Особенно на молодых людей оказывает интернет, где не всегда и не везде можно найти правдивую адекватную информацию, особенно в современных условиях.

Таким образом на российское общественное политическое сознание большое влияние оказывают исторические, социально-культурные и национальные традиции, передаваемые из века в век обычаи, верования, обряды, общественные установления, ценности, идеи и т. д. Они представляют собой социально-культурное и национальное наследие, сохраняющееся в обществе длительное время. С традициями неразрывно связан менталитет (ментальность) — исторически сложившийся, устойчивый умственный (интеллектуальный) и духовный строй (образ) народа. Традиции и менталитет обеспечивают передачу от поколения к поколению проверенных жизнью фундаментальных социальных ценностей, идей и взглядов.

1. Васенина И. В., Микеладзе Е. Е., Хвьяля-Олинтер Н. А. и др. *Политическая активность молодежи: Результаты социологического исследования* / Под ред. Добренёва В.И., Смакотиной Н.Л. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 236 с.
2. Чупров В. И. *Молодежь в обществе риска* / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – М.: Мысль, 2007. – С. 182

ПАРАДОКСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН

Воробьева И.В. (Москва)

ПАРАДОКСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН

В работе предпринята попытка раскрытия противоречий в политических установках россиян относительно происходящих в стране общественных процессов, электоральных предпочтений и политической идентификации. (Материал выполнен при финансовой поддержке РФФ, проект №14-18-02016).

Анализ данных позволяет говорить о том, что в последние годы наблюдается значительное снижение интереса населения к политике и его нежелание принимать участие в политической жизни страны. Одним из парадоксов политических установок россиян является низкая информированность по политическим вопросам, равнодушие к их восприятию, неопределенность политических взглядов и позиций на фоне критичности к происходящим политическим процессам. Данные исследования показывают, что россияне выражают умеренный интерес к политической жизни страны. 50,6% из них

говорят, о том, что следят только за отдельными темами и проблемами, а треть не интересуется политикой совсем [1]. При этом, помимо низкого интереса к политике и политическим событиям, у россиян наблюдается и низкий индекс желания улучшить свою информированность по данному вопросу. Треть россиян, признавая свою низкую информированность по политическим вопросам, не имеют желания повысить свою компетентность в данной сфере общественной жизни. Можно отметить, что интерес к политической жизни в структуре важных интересов человека находится на одном из последних мест. При вопросе «Что для Вас является наиболее важным в жизни?» наиболее популярными ответами стали «семья» (95% ответивших), «здоровье» (87,6%) и «работа» (69,4%). Далее в порядке убывания отмечались такие важные ценности, как «друзья» (61%), «досуг» (33,4%), «религия» (27,7%) и «общественное признание» (24,8%). «Политика» оказалась на последнем из предложенных вариантов месте, являясь важной частью жизни только для 16% респондентов. Данный факт наглядно демонстрирует, что население не всегда проводит прямую взаимосвязь между политикой и ситуацией в других сферах человеческой жизни, а интересы населения в большей степени концентрируются на ценностях «близкой дистанции повседневности человека».

Политические установки напрямую влияют на политическую идентификацию людей, определяют их принадлежность или поддержку тех или иных политических сил. Согласно данным исследования «Жизненный мир россиян...», почти треть населения России определяет свои взгляды как «Патриотические и национальные». Примерно равное количество ответов было получено относительно «Левых (социалистических, коммунистических)» (21,2%) и «Правых (либеральных)» (18,8%) убеждений. Около 15% респондентов затруднились с идентификацией своих политических взглядов.

Остается не до конца ясным, понимают ли респонденты сущностное содержание конкретных политических воззрений, выбирая в качестве приоритетных те или иные политические взгляды. По данным ежегодного мониторинга, представленного исследовательской компанией «Левада-Центр», 51% респондентов согласились с тем, что не разбираются в политике: 14% – дали ответ «полностью согласны с высказыванием: Я не разбираюсь в политике», 37% – «скорее согласен» [2, 41]. Таким образом, значительная часть россиян признает свою некомпетентность в политических вопросах, а, значит, не имеет четко выраженной политической позиции в отношении существующих политических партий, содержательной основы их деятельности, основных политических воззрений.

Еще одним парадоксом политических установок россиян является высокий уровень поддержки власти при таком же высоком уровне отчуждения от деятельности государства и отсутствия доверия к большинству государственных институтов. Среди самых распространенных мнений в оценках россиян существующего политического режима следующие: более половины населения (55,1%) поддерживает существующую власть при всех имеющихся у нее недостатках; 36,1% полагают, что стране нужна стабильность, а не перемены; треть (33,8%) подчеркнула, что России нужна твердая власть и порядок в обществе. Только 15% считают, что политические свободы и демократия – это обязательные условия существования государства. Чуть более 10% настаивают на настоятельных переменах в стране, а около 5% респондентов говорят о необходимости смены государственной власти. Между тем, при достаточно весомой поддержке власти со стороны населения в целом, только 21% считают, что нынешняя власть защищает интересы всех граждан России. 25,3% подчеркивают, что власть защищает интересы богатого населения, а 15,7% уверены, что власть поддерживает интересы государственной бюрократии. С тем, что государство защищает интересы средних слоев, согласны лишь 3,5% респондентов, а с тем, что государство защищает бедных – менее 1%. Каждый третий участник опроса (33,7%) затруднился с ответом [1]. Таким образом, наблюдается еще одна парадоксальная ситуация, где, с одной стороны, население выказывает

поддержку власти, а с другой – не считает, что эта самая власть о нем заботится и защищает ее интересы.

Эмпирические данные показывают, что россияне не принимают деятельного участия в политической жизни страны, а самым распространенным видом их активности остается голосование на выборах (свое участие в них отметили 48% респондентов). Несмотря на то, что голосование на выборах является самой распространенной формой политического участия, 52% опрошенных заявили о своем неучастии в этой процедуре. Эти цифры заставляют серьезно задуматься: получается, что половина населения не считает участие в выборах обязательным делом и своим гражданским долгом, и, как следствие, самоустраивается от выбора власти и не чувствует свою сопричастность к этому. То есть фактически мы наблюдаем отчуждение практически половины населения страны от ее политической жизни и гражданского долга.

Таким образом, в последнее время в политических установках россиян наблюдаются определенные противоречивые тенденции. Во-первых, массовая поддержка существующей власти со стороны населения при невысоком уровне доверия к конкретным государственным институтам и ощущении, что власть не поддерживает и не защищает обычных людей. Во-вторых, население России демонстрирует низкий интерес к политике в целом, неясность и неопределенность политических воззрений на фоне критичности к происходящим политическим процессам. В-третьих, стремление жить в «сильном государстве», желание политических прав и свобод существуют параллельно с личным отчуждением от реального политического участия.

1. *Всероссийское исследование «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2000 гг.)» (проект РНФ №14-18-02016). Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны 25-30 октября 2014г. с учетом ре*
2. *Общественное мнение – 2013. М.: АНО Левада-Центр, 2014. 252 с.*

ПРИЧИНЫ И СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВОЕ КАК НЕ ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Воронкова О.А. (Москва)

В развитом обществе стратегии разрешения конфликтов принципиально перемещаются из военно-силовой плоскости в публично-дискурсивную сферу, предполагающую формирование и институциональное закрепление известных предпосылок и условий:

- необходима достаточная степень зрелости общественного и политического сознания, то есть сформированность норм и установок на уважительное отношение к правам окружающих людей, готовность к достижению компромиссов;

- высокий уровень коммуникативной компетентности власти и общества, включающей в себя не только умение аргументированно защищать свои позиции, но и способность к рациональному рассмотрению и осмыслению мнений и позиций всех участвующих в социально-политическом дискурсе сторон;

- наличие публичного пространства для обсуждения и решения не только социальных, но и политических вопросов и проблем.

В современной российской политике при наличии определенных предпосылок – стремления довольно значительной части активного общества к установлению равноправных отношений с политической элитой – не удалось завершить формирование условий для развития социально-политического дискурса, начавшееся в период постсоветских преобразований 90-х. Контрреформация 2000-х резко прервала процесс

демократизации общества, обнаружив недостаточную степень зрелости массового сознания и неспособность политических элит справиться со сложностями становления публичной сферы [1]. Следствием политических контрреформ стали возросшие риски усиления социальных противоречий и конфликтов.

Ко второму десятилетию XXI века разрушение публичной сферы приобретает тотальный и открытый характер. Официальное публичное пространство окончательно поглощено государством, одержимым стремлением вычистить последние уголки и ниши альтернативной подачи и интерпретации политических событий. Законодательно закрепляется статус секретности на определенные виды политической информации. СМИ успешно вернули себе советский статус проводника в массы генеральной линии правительства. В официальном политическом дискурсе насаждаются «единственно правильные» установки участия гражданского общества в политике: безоговорочной поддержки решений власти и недопустимость критики. Установлены жесткие рамки выражения социального недовольства: социальные и административно-бытовые вопросы. Политическая оппозиция не допускается к выборному процессу и подвергается открытому преследованию.

Характер политических преобразований, проводимых под лозунгами возрождения национального единства и социального единomyслия, способствует не консолидации российского общества, а, вопреки политической риторике, окончательному крушению надежд на достижение социального согласия в ближайшем будущем. Политические контрреформы, направленные на реставрацию традиционного для России господства высшей политической элиты над обществом и соответствующих административно-силовых и ментально-символических механизмов для подавления попыток независимого общественного самоутверждения, приводят к полной ликвидации условий для утверждения консенсусных форм решения проблем.

Политика восстановления государственного доминирования в социально-политических отношениях и выдавливания за рамки публичного пространства альтернативной гражданской активности неизбежно ведёт к усилению внутренней социальной напряжённости. Значительные слои общества лишаются возможности свободного выражения собственного мнения, применения личностных способностей и талантов, что приводит к ощущению внутреннего «экзистенциального диссонанса» и протестной деятельности. Как справедливо отмечают политологи «отсутствие необходимых условий осуществления политического дискурса, отклонение от правил и целей проведения в силу его двойственной природы (состязательно-примирительной) могут привести не к достижению согласия, а к обострению существующих противоречий и возникновению новых конфликтов в социально-политической сфере» [2, С.24].

К политическим конфликтам ведет проводимый государством курс на восстановление доминирующей идеологии как консолидирующего общества ментально-символического инструмента. При понимании демократии как «общественного устройства, при котором власть заботится о нуждах людей» и признании того факта, что «большинство не сможет прожить без опеки государства» (74%) [3, С.46] оправдывается принцип необходимости государственного доминирования во всех областях политической, социальной и личной жизни. Консолидация общества при этом однозначно ассоциируется с понятием «единства», понимаемого как концентрация народных масс вокруг центральной оси «вертикали власти». Именно такое содержание вкладывается в ментально-символическую матрицу, сплетаемую политической элитой из обрывков религиозных «скреп», удобных для воссоздания патриархального сознания, с добавлением инновационных идеологем типа «суверенной демократии». Однако характерное для разных слоёв российского общества несовпадение смыслового наполнения понятий «демократия», «справедливость» и «социальный порядок» не сглаживается введением идеологической доминанты, а лишь усугубляет ценностные разногласия, трансформируя их в мировоззренческие расколы, способные перерасти в политические конфликты.

Восстановление доминирующего типа мышления в рамках отдельного государства неизбежно переводит социальные отношения в политическую плоскость, оставляя на периферии или вообще разрушая экономические и культурные связи с внешним миром. Возврат к попыткам формирования идеологизированного типа массового сознания, при котором основным принципом решения проблем является обращение к навязанной схеме мыслительного процесса, ведет к обострению и внешних противоречий. Идеологизированное сознание тесно связано с милитаризованным поведением, так как тяготеет к замыканию в себе и отгораживанию от внешнего мира, способного внести диссонанс в закреплённый сознанием шаблон. А стремление к защите идеологически фиксированной «правды» побуждает к реставрации и усилению военно-силовых средств, вызывая ответные угрозы со стороны мирового сообщества, вынужденного защищать свою систему ценностей. Начало XXI века ознаменовалось обострением противостояний мировоззренческих систем, возвращающим мир к временам взаимных угроз и прямых военных конфликтов.

Основной политической задачей становится необходимость предотвращения развития милитаристских тенденций и возврат российского общества к поиску ценностных основ, способных включить механизмы внутреннего согласия и примирения с окружающим миром. Но любые политические действия, инициируемые в этом направлении, требуют широкого социального участия. Стратегии разрешения конфликтов должны развернуться в сторону развития публичного дискурса и формирования механизмов социального влияния на политические процессы.

1. Воронкова О.А. Развитие публичной сферы в России как необходимое условие разрешения социальных противоречий // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 118-139.
2. Михайленок О.М. Концепт «согласие» в российском политическом дискурсе // Согласие в обществе как условие развития России. Москва. ИС РАН. 2013. С.9-35.
3. Общественное мнение – 2014. Левада-Центр. Москва. 2015.

СРАВНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ВОЛОНТЕРСКОГО РЕСУРСОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Гегер С.А. (Санкт-Петербург)

Во исполнение указа Президента РФ от 4 марта 2013г. №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» уже в апреле 2013г. был создан сайт www.roi.ru. Данный интернет-портал позволяет совершеннолетним гражданам РФ подать свою инициативу, ознакомиться с уже заявленными проектами, отслеживать информацию о реализации инициатив; также на сайте можно проголосовать за или против любой инициативы. Проект, набравший определенное количество голосов (100 000), будет представлен в экспертную группу федерального, регионального или муниципального уровня – для решения о способах реализации. Создатели сайта заявляют об использовании системы защиты от накрутки голосов, для чего введена специальная система аутентификации «один человек - один голос». Тем не менее, многие участники проекта считают, что эта мера всё же не даёт возможности контролировать честность подсчета голосов. И, хотя пользователями портала было внесено одобренное создателями сайта предложение о публикации упорядоченного списка голосов под каждой инициативой, оно осталось нереализованным. Участники сайта также жаловались на возможность манипуляций с помощью так называемых «спойлерных инициатив»: например, после подачи политически значимой инициативы публиковалась инициатива-спойлер,

составленная так, чтобы при кажущейся идентичности с оригиналом представить его в негативном свете; после этого первоначальная инициатива признавалась дублирующей и удалялась с сайта. В настоящее время инициативы публикуются в порядке поступления. За год существования РОИ на сайте было размещено более 3000 инициатив, но лишь 4 проекта смогли преодолеть планку в 100 000 голосов, причем почти все инициативы были фактически отклонены рабочими группами при правительстве. Так, например, нецелесообразным было признано предложение оппозиционера А. Навального о запрете чиновникам приобретения за счёт бюджета автомобилей стоимостью более 1,5 млн.руб. Также правительственная рабочая группа во главе с министром по вопросам «Открытого правительства» М. Абызовым отказалась реализовывать отмену досудебной блокировки интернет-ресурсов, подозреваемых в размещении «пиратского» видеоконтента, хотя инициатива преодолела сотысячный барьер буквально за месяц. Вместо этого, напротив, было решено увеличить финансирование и ресурсные возможности Роскомнадзора. Также М. Абызов отказался готовить закон о запрете приоритетного проезда чиновников и использования ими спецсигналов (мигалок). Отклонение правительством данных инициатив вызвало негативную реакцию интернет-пользователей (как блогеров, так и электронных масс-медиа) и широкий общественный резонанс.

Инициатив в защиту окружающей среды, прав граждан на благоприятную экосреду и адекватную экополитику на сайте крайне мало (по запросу «экология» - 0 инициатив, по запросу «окружающая среда» - 16 инициатив, по запросу «экологическая политика» - 16 инициатив, максимальное количество голосов за инициативу около 250), голосование по ним ведётся неактивно. Это может быть связано как с недоверием к ресурсу электронной демократии, так и с низкой осведомленностью граждан возможности виртуально участвовать в принятии политических решений.

Совсем другая ситуация складывается с активностью неформальных институтов, так называемой «инициативой снизу». Рассмотрим деятельность региональных экологических активистов на примере волонтерского движения «Красивый Петербург». Создатели движения К. Врански, В. Соловьева и Т. Чуров обратили внимание не только на растущую популярность социальных сетей, но и несомненное влияние их на реальную жизнь, и решили использовать возможности интернета для мобилизации сторонников. В социальной сети «ВКонтакте» создана группа «Красивый Петербург», насчитывающая более 23 000 участников. Организаторы движения максимально упростили своим сторонникам возможность диалога с властью – ими созданы готовые шаблоны создания обращений для решения различных проблем (от незаконной парковки транспортных средств на газонах и неблагоустроенных придомовых территорий до вопросов сохранения и развития парковых и рекреационных зон). В макет обращения достаточно вставить адрес, где заинтересованный гражданин заметил экологическое нарушение, и фамилию обратившегося, а программа выдаст электронный контакт ответственного лица. Таким образом, усилия по составлению жалобы или инициативы гражданина сведены к минимуму, что является очень привлекательным для участников движения и популяризирует такой способ гражданской активности. Электронные обращения по своей простоте и минимуму затраченного времени гораздо более эффективны, чем составление печатного обращения в различные комитеты и ведомства, и, конечно, имеют неоспоримое преимущество перед очным контактом с чиновниками. Также активисты «Красивого Петербурга» разработали одноименное мобильное приложение для смартфонов с разными операционными системами, что сделало возможным направлять обращения в соответствующие органы моментально, прямо на месте нарушения. Возможности сайта «Красивого Петербурга» и мобильного приложения позволяют гражданам контролировать прохождение своего обращения по инстанциям. Активисты движения ведут статистику своей работы: по состоянию на середину 2014 г. участниками движения было отправлено более 34 000 обращений, из которых свыше 11 000 были решены в пользу обратившихся.

Получается, созданный гражданами проект гораздо эффективнее спущенного сверху. По подобию «Красивого Петербурга» создаются похожие движения в других регионах.

1. www.roi.ru
2. http://vk.com/peterburg_krasiv
3. О.Д. Цепилова. Развитие общественно-политических экологических инициатив в России: социологический анализ // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса
4. О.Д. Цепилова. Развитие общественно-политических экологических инициатив в России: возможности социологического анализа // Зелёное движение России и экологические вызовы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 20-23 марта 2009 г., пос. Дуб

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРС «РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА» КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Герберг Т.А. (Волгоград)

Конституция Российской Федерации (ст. 32) наделяет граждан правом участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.[1] Данным положением законодательно закрепляется необходимость прозрачности государственной политики, доступность и открытость процессов подготовки, принятия и реализации решений на всех уровнях государственного управления и во всех сферах общественных отношений.

Формы представительного участия российских граждан через депутатский корпус уже сложились, они обеспечены необходимыми нормативными актами и технологиями. Особую значимость в государственном строительстве приобретают вопросы реализации прав граждан в законопроектной деятельности с использованием сети Интернет.

В последнее время в России все большее распространение получает такая форма общественной деятельности как «общественная инициатива». С принятием указа Президента РФ от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная организация», она приобрела нормативно закреплённый статус на всех уровнях организации публичной власти.[3]

Данная инициатива впервые была озвучена на официальном уровне в Послании Президента РФ Федеральному Собранию России 12 декабря 2012 г., в котором глава государства подчеркнул необходимость уделить большее внимание развитию прямой демократии, непосредственного народовластия, в том числе праву народной законодательной инициативы, «когда идея, получившая гражданскую поддержку, в том числе в Интернете, обязательна к рассмотрению в парламенте» [2].

Механизм работы интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (РОИ) предполагает предварительную техническую и правовую экспертизу высказанных в порядке РОИ предложений уполномоченной некоммерческой организацией, которой Указом Президента от 23 июня 2014 г.[3] определен «Фонд информационной демократии». При размещении на Интернет-ресурсе общественной инициативы она должна получить необходимую поддержку в ходе голосования необходимым числом голосов. Затем она переходит на рассмотрение экспертной рабочей группы, состоящей из представителей государственной и муниципальной власти соответствующего уровня, которая в двухмесячный срок должна решить юридическую судьбу инициативы, оценивая целесообразность разработки проекта соответствующего нормативно-правового акта.

По состоянию на 2014 года (более поздние данные на интернет-сайте отсутствуют) представлено 15 инициатив. Из них 9 уже реализовано в нормативных правовых актах. 8 из них, предполагающие реализацию на федеральном уровне государственной власти, были реализованы, несмотря на то, что не набрали 100 тысяч голосов, по правилам необходимых для дальнейшего рассмотрения в качестве возможного закрепления законопроекта в нормативно-правовых актах.[5]

Среди реализованных законопроектов были следующие: отмена «мобильного рабства», введение возможности выбора банка для перевода зарплаты, закон «нулевого промилле», введение «диагональной зебры» на пешеходных переходах, разрешение изготавливать дубликаты государственных номеров транспортных средств, и другие.

Основной блок законопроектов представлен следующими инициативами: разработка механизмов отзыва гражданами РФ государственных деятелей всех уровней, запрета фирмам родственникам госслужащих и депутатов любого ранга участвовать в государственных тендерах, закрепить ответственность чиновников за состояние дорог при аварийных ситуациях, установить заработную плату руководителям госкорпораций в размере, не превышающем 5-ти кратный размер средней заработной платы работников этой корпорации, запретить продажу сырья и энергоресурсов на внешнем рынке по ценам ниже внутреннего рынка и другие.[5]

Таким образом, предложенный механизм прямого общественного участия в законопроектной деятельности в целом может быть признан состоявшимся. Вместе с тем, его работа выявила ряд проблем, требующих решения.

Так, на этапе предварительной экспертизы уполномоченная организация в случае расхождения инициативы с законодательной базой может отказать заявителям в рассмотрении инициативы. Но прямой запрет может вступать в противоречие с самой сущностью проекта РОИ, так как возможно возникновение ситуация, когда инициативы предполагают необходимость отмены (замены) отдельных положений в действующем законодательстве.

Еще одним основанием для отказа в размещении инициативы является отсутствие предложенных вариантов решения проблемы. Признавая в целом такой подход обоснованным – инициатива всегда должна иметь механизм реализации – стоит отметить, что не каждый гражданин располагает необходимым набором знаний для решения проблем в той или иной области.

Так же, по нашему мнению, требуют дополнительного рассмотрения количественные параметры поддержки инициатив различного уровня в ходе голосования. Сегодня поддержанной считается инициатива, которая в течение одного года после ее размещения на Интернет-ресурсе получила: а) не менее 100 тыс. голосов граждан в поддержку инициативы федерального уровня; б) не менее 5 процентов голосов в поддержку инициативы регионального уровня; в) не менее 5 процентов для инициативы муниципального уровня. Получается, что инициатива регионального уровня в субъекте Федерации с численностью населения более 2 млн. человек должна получить ту же поддержку (не менее 100 тыс. голосов), что и инициатива федерального уровня, что выглядит явной диспропорцией, затрудняющей реализацию инициативы регионального уровня.

Голосование по общественной инициативе с использованием Интернет-ресурса начинается в день размещения и проводится в течение одного года. Думается, что годичный срок голосования по общественным инициативам является чрезмерным, так как за год вопрос, выносимый на Российскую общественную инициативу, рискует потерять свою актуальность. Помимо этого, отсутствует необходимость продолжения голосования по инициативе, набравшей требуемое количество голосов до истечения года.

Последствия рассмотрения общественных инициатив экспертной группой, указанной выше, пока недостаточно регламентированы. На наш взгляд, необходимо закрепление четких правовых последствий рассмотрения инициатив, которые должны

состоять в обязательном направлении решения экспертной группы в соответствующие органы государственной и муниципальной власти. Полагаем, что предложения экспертной рабочей группы, содержащиеся в ее решении, учитывая значение Российской общественной инициативы как формы прямого народовластия, должны иметь обязательную силу для тех органов и организаций, которым они адресуются.

Таким образом, формат Российской общественной инициативы, предполагающий выдвижение и голосование в электронном виде публичных предложений, следует признать перспективной формой свободного доступа граждан к непосредственной законопроектной деятельности. Его дальнейшее развитие, доработка содержательных и процедурных моментов, отмеченных выше, позволит обеспечить необходимый уровень прозрачности государственной деятельности, эффективность гражданского контроля за действиями государственных и муниципальных органов власти.

1. Конституция Российской Федерации. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации [Текст] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993г. // Российская Федерация. Конституция (1993). // Собрание законодательства РФ. – 2014. - № 15. – Ст. 32
2. Российская Федерация. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления [Текст] : указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 19. - Ст. 2338.
3. Российская Федерация. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса "Российская общественная инициатива" [Текст] : указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 // Собрание законодательств
4. Российская общественная инициатива [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.roi.ru/>

(ДЕ)ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ГЕТЕРОГЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЕВРОСОЮЗА И РОССИИ

Голофаст А. (Москва)

Представленный доклад содержит результаты анализа причин и последствий выбора между централизованным и децентрализованным форматом центр-периферийных отношений в гетерогенных политических системах на примере России и Европейского союза. Кейсы для анализа подобраны по логике дизайна наибольших различий: для ЕС характерны наднациональность, децентрализация внутреннего пространства, горизонтальная кооперация и применение принципа субсидиарности [11], а Россия - это национальное государство, характеризующееся тенденцией к централизации и приматом вертикальной иерархии в отношениях между Центром и регионами. При этом обе системы стремятся достичь высокого экономического роста и сгладить асимметрии между прогрессивными и отстающими регионами. Различия между условиями формирования кроссрегиональных связей для ЕС и России помогают установить, подлежит ли опыт Евросоюза использованию при «интегрировании» [5] постсоветского пространства в рамках Евразийского Экономического Союза, что объясняет актуальность предложенного исследования.

Изучением отношений центр-регионы с успехом занимаются выдающиеся зарубежные исследователи, в частности, Daniel Treisman[15], Michael Keating [12], и Michael Emerson [9], которые концентрировали внимание на эндогенных элементах процесса децентрализации, ее позитивных и негативных аспектах. Jonathan Rodden [13], чья работа заслуживает особого упоминания, описал угрозы частичной децентрализации с возникновением пересекающихся полномочий, позволяющих органам разных

юрисдикций перекладывать друг на друга ответственность за неэффективные решения. В связи с этим, отдельной проработки требует вопрос о том, следует ли делать децентрализацию нормативным целеполаганием и можно ли в этом случае минимизировать издержки от не оптимального переходного периода.

Выбор между централизацией и децентрализацией результирует из переговоров между Центром и регионами, инспирируемых стремлением каждого из игроков к максимизации политической ренты. В то время как в Европейском Союзе процесс передачи полномочий на региональный уровень происходил постепенно, политическая централизация России в начале 2000-х гг. приобрела комплексный характер, вследствие необходимости дать ответ на системный стресс 1990-х гг., сопровождавшийся стихийным усилением регионов в ущерб интересам Центра [4]. Для ЕС характерны процессы трансграничной кооперации для решения общих проблем, хотя субнациональные единицы обладают неравным статусом ввиду разного объема полномочий в своих государствах [7]. Для российских же регионов, в особенности, субъектов-интровертов, после распада СССР первичной осталась связь с Центром, во многом за счет потребности в федеральных субсидиях для поддержания производств, являющихся источником рабочих мест для населения [4].

В то время как в программных документах Евросоюза региональному уровню придается существенное значение [7], в стратегических документах РФ вопросам регионального развития долгое время не уделялось достаточно внимания. Более того, под региональной политикой в РФ некоторое время понимались региональные аспекты федеральной социальной политики [2]. Активная деятельность Минрегиона началась лишь с 2007 года, а уже в 2014 году министерство было упразднено. В настоящее время Россия уступает странам ЕС по проценту субъектов, показывающих высокие результаты по уровню конкурентоспособности, индексу развития человеческого потенциала и по качеству управления [8]. Основной приток экономически активного населения в России поступает в столичный регион, что усугубляет межрегиональные диспропорции и ухудшает перспективы депрессивных субъектов федерации.

В условиях серьезных экономических асимметрий централизация позволяет заключить договор с регионами на условиях Центра и довольно длительное время игнорировать поступающие из регионов экономические импульсы [1]. Другие преимущества такого выбора – это высокая степень управляемости политической системы и быстрый результат при необходимости форсированного развития, требующего мобилизации ресурсов. Однако в таких условиях ответственность Центра за результаты политики повышается, поскольку региональные администрации получают возможность переадресовывать социальное недовольство на федеральную власть. Следовательно, устойчивость централизованной системы напрямую зависит от наличия источника лояльности Центру и требует постоянного подтверждения его авторитета. Пределы эффективности централизованной политической системы выявляются при достижении потолка мобилизации ресурсов, и в качестве акселераторов данного процесса могут выступать административные решения, не учитывающие реального положения дел в регионах и потребностей субъектов. Модель торга в диалоге Центра с регионами приводит к перераспределению благ с избыточной концентрацией населения и ресурсов в столичном регионе и формированием отторжения к нему в восприятии жителей периферийных регионов. Подавление стимулов к низовой самоорганизации препятствует становлению среднего класса и становится предметом критики со стороны нарождающегося гражданского общества.

Однако выбор в пользу децентрализации также имеет неоднозначные последствия. При условии должного уровня подотчетности, его позитивной чертой является повышение качества управления, за счет субсидиарности, т.е., решения проблем на наиболее низком из возможных уровней. Выбор децентрализованного порядка позволяет использовать потенциал региона за счет вовлечения местных специалистов, стимулирует

конкурентоспособность за счет конкуренции и обеспечивает стабильный приток инвестиций за счет приоритета средних и малых проектов. При этом Центр снимает с себя ответственность за ряд сфер политики, одновременно удовлетворяя потребность регионов в автономии. Однако если в субъектах есть внутренние основания для стремления к сецессии, децентрализованный порядок может способствовать фрагментации политической системы [12]. Дополнительной издержкой является замедление процесса принятия решений, поскольку он требует согласования на региональном уровне.

Проведенный анализ позволяет заключить, что ни централизованная, ни децентрализованная модель организации центрo-периферийных отношений не является универсальной, а степень эффективности каждой из них зависит от конфигурации экономических и политических условий. Ключевым аспектом является координация всей совокупности институтов, поскольку разного рода переходные варианты могут оказывать дестабилизирующий эффект на политический процесс [15]. Сущность региональных связей, которые сформировались в формате единого хозяйственного комплекса СССР и в существенной мере воспроизводятся в современной России и на большей части постсоветского пространства, кардинально отличается от характера взаимодействия между субнациональными регионами стран ЕС, что позволяет усомниться в применимости европейской модели для ЕАЭС.

1. Гельман В.Я. "От местного самоуправления - к вертикали власти"// *Pro et Contra*. – 2007 - № 1. – с.6-18.
2. Кузнецова О.В. "Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности" –М: URSS - 2013. – 392 с.
3. Лапина Н.Ю. «Центр-регионы в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего»// *Политэкс*. URL: <http://www.politex.info/content/view/239/30/>.
4. Нисневич Ю.А. ""Вертикаль власти" и конкурентоспособность российского государства"// *Россия и современный мир*. - 2010. - № 4. – с.1-18.
5. Шишков Ю.В. «Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ». М., III тысячелетие, 2001, 480 с.
6. Böhme, Doucet, Komornicki, Zoucha, Swiatek "How to strengthen the territorial dimension of "Europe 2020" and the EU Cohesion Policy". – 2011. – 97 p. URL:http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/challenges2020/2011_territorial_dime
7. Cohesion policy 2014-2020. URL:http://ec.europa.eu/regional_policy/what/future/index_en.cfm#2.
8. "Doing business in Russia subnational", IFC, 2012. URL:<http://www.doingbusiness.org/~media/FPDKM/Doing%20Business/Documents/Subnational-Reports/DB12-Sub-Russia.pdf>.
9. Emerson M. "Europe's continental regionalism", CEPS Working Document No.375, Feb. 2013. URL:http://aei.pitt.edu/40234/1/WD_No_375_ME_Europe's_Continental_Regionalism.pdf.
10. Faludi A. "Territorial cohesion under the Looking Glass", Synthesis paper about the history of the concept and policy background to territorial cohesion", URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/terco/pdf/lookingglass.pdf.
11. Gales L.P., Lequesne, Chr. "Regions in Europe: the paradox of power" – Routledge. – 2006. – 328 p.
12. Keating, M. "The invention of regions: political restructuring and territorial government in Western Europe"// *Government and Policy*. – 1997. Vol. 15(4)- pp. 383-398.
13. Rodden, J. "Comparative Federalism and Decentralization: On Meaning and Management"// "Comparative Politics". - July, 2004 – pp. 481 -500.
14. Szörfi B. "Development and Regional Disparities - Testing the Williamson Curve Hypothesis in the European Union"// *Focus on European Economic Integration*. – 2007. - № 2. - pp.100-119.
15. Treisman D. "Decentralization and the quality of government". Draft paper. - Los Angeles. – 2000, URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/2000/fiscal/treisman.pdf>.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДИСКУРСИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА ВОКРУГ ХИМКИНСКОГО ЛЕСА)

Гольбрайх В.Б. (Санкт-Петербург)

Большинство специалистов считают экологические проблемы одними из наиболее серьезных проблем в России. За последнее десятилетие в России возникали десятки конфликтов, связанных с теми или иными экологическими проблемами. Наше исследование посвящено анализу освещения в российских СМИ одного из наиболее заметных экологических конфликтов последних лет, конфликту вокруг Химкинского леса. Несмотря на то, что в стране в этот же период происходили десятки экологических конфликтов, конфликт вокруг Химкинского леса отличается тем, что как отмечает К. Клеман и А. Демидов впервые низовое социальное движение «получило столь широкое освещение в СМИ» [1, с. 146]. Именно благодаря медийному резонансу конфликт перешел из разряда локальных в федерально значимое событие.

Осознание социальных проблем, в том числе и экологических гражданами во многом зависит от средств массовой коммуникации. Масс медиа в значительной степени определяют наши представления о социальной реальности. По мнению одного из ведущих специалистов в области теории массовой коммуникации Д.Маккуэла «условием организованной социальной жизни является общее представление о реальности, и средства массовой информации принимают участие в создании этого представления, более чем другие институты, даже если влияние это очень постепенно и не осознается» [2, р. 52].

Исходя из того, что СМИ в современном обществе во многом определяют наши представления о социальной реальности, понятно, что именно они, во многом, определяют успех или неудачу общественных движений. Как писали Kielbowicz и Scherer современные масс медиа становятся определяющим фактором для « жизни и смерти общественных движений» [3, р. 72].

Концепция «дискурсивных возможностей» Р. Купманса и С. Олзак, используемая в настоящем исследовании может объяснить каким образом СМИ может повлиять на успех общественного движения, концепция [4]. Р. Купманс и С.Олзак определяют дискурсивные возможности как «аспекты публичного дискурса, которые определяют шансы на распространении посланий в публичной сфере» [4, р. 202]. «Дискурсивные возможности», состоят из трех элементов: видимость, резонанс и легитимность. В связи с ограниченным доступным коммуникативным пространством, существует сильная диспропорция между свободным пространством в публичной сфере, и количеством сообщений, которые являются потенциальными кандидатами для включения в нее. Видимость - первый и самый основной элемент. Она зависит от количества коммуникативных каналов, куда включены сообщения. Видимость варьируется от "невидимых" сообщений, не включенных ни в один коммуникативный канал до "навязчивых" сообщений, которые освещаются большинством каналов. "Новостные ценности" журналистов и редакторов являются одним из важнейших факторов, который влияет на то, является ли событие новостью или нет. К ним относятся, географическая близость, известность и авторитет спикеров, уровень конфликтности, актуальность проблемы, возможности для драматизации. Организаторы общественных движений и другие общественные деятели знают об этих критериях отбора и пытаются использовать их.

Хотя получение видимости, является необходимым условием для коммуникативного воздействия, «успех дискурсивного сообщения, вероятно, останется мертворожденным, если не удастся спровоцировать реакцию со стороны других субъектов

в сфере общественной жизни» [5, р. 374]. Степень такой реакции автор называет резонансом. И третий элемент, легитимность, определяется степенью поддержки третьих акторов в поддержку заявлений о проблеме [4].

Начало истории конфликта вокруг Химкинского леса относится к 2004 году. В этом году правительство распорядилось начать реализацию проекта строительства скоростной автомагистрали Москва - Санкт-Петербург. С точки зрения сторонников проекта существующая трасса, обеспечивающая внешнеэкономические связи России, и физически, и морально себя исчерпала. По мнению же экологов, предложенный проект губит Химкинский лес. Согласно утвержденному маршруту, заявляли экологи, уничтожению подлежат порядка 1 000 гектар леса. Экологи предлагали несколько альтернативных проектов трассы, при осуществлении которых Химкинский лес можно было бы сохранить. Летом 2007 г. начинается движение протеста против выбранного маршрута автомагистрали. Защитники Химкинского леса использовали разнообразные методы борьбы (митинги, пикеты, сбор подписей, обращения, иски в суды). В июле 2010 года «защитники леса», обнаружив попытки его вырубки, переходят к более радикальным акциям (блокирование строительных работ, организация палаточного лагеря). Тогда же в Химках происходит нападение на здание городской администрации, а 22 августа на Пушкинской площади в Москве состоялся крупнейший митинг в защиту Химкинского леса. 26 августа, Д. Медведев заявил о приостановке строительства дороги до окончательного решения, которое должно быть принято с учетом мнений общественности и экспертов. В декабре 2010 года правительственная комиссия поддержала первоначальный маршрут через Химкинский лес. Экологи выступила с резким осуждением решения правительственной комиссии.

Для анализа была выбрана пять общенациональных газет («Российская газета», «Комсомольская правда», «Коммерсант», «Новая газета», «Аргументы и факты») и три телевизионные канала (Первый канал, Россия -1, НТВ). Для анализа был выбран период с 2007 г. (начала акций протеста против утвержденного маршрута трассы) по конец 2011 года (спад активности движения). На сайтах соответствующих СМИ было найдено 477 газетных статей и 139 сюжетов телевизионных передач. В рамках исследования предполагалось проанализировать «дискурсивные возможности» Движения защитников Химкинского леса, а именно три элемента «дискурсивных возможностей»: видимость, резонанс и легитимность. Единицей анализа являлась газетная статья либо телевизионная передача.

Исследование показало, что основным фактором, повлиявшим как на видимость проблем, заявленных протестным движением, так и его само, явилась тактика движения, а именно переход к более радикальным формам протеста, его «драматизации». До радикальной фазы протеста, лета 2010 года, несмотря на различный репертуар акций протеста большинство федеральных СМИ в основном игнорировали конфликт вокруг трассы.

Было выявлено, что для СМИ, работающих под более жестким контролем властей, фактор «редакционной политики» работал в большей степени, чем фактор «новостных ценностей». Так исследование показало, что телевизионные каналы и правительственная газета проигнорировали одну из крупнейших протестных акций «нулевых годов» – митинг в центре Москвы. В некоторой степени это можно сказать и протестных акциях в лесу. «Российская газета» проигнорировала эти события. В случае же Первого канала и канала Россия - 1 анализ выявил, что телевизионные каналы почти не освещали акции экологов по защите Химкинского леса, проходившие в лесу почти два месяца.

Анализ показал, что оппозиционная газета в большей мере, чем другие издания служила «публичной ареной» для легитиматизации протестного движения как со стороны других акторов, так и самих журналистов. В тоже время на телевизионных каналах и в массовой провластной газете мы видим в большей степени делегитиматизацию движения.

1. Клеман К. (в сотрудничестве с А. Демидовым) Химкинское движение. За лесом – гражданское общество // *Городские движения в России в 2009 – 2012 годах: на пути к политическому*, М.: Новое литературное обозрение, 2013, С. 146-199
2. Mcquail.D. *Mass Communication Theory: An Introduction*. L.: SAGE Publications, 1992
3. Kielbowicz, R. B., Scherer, C. *The role of the press in the dynamics of social movements* // *Research in Social Movements, Conflict and Change*, 1986, 9, pp. 71–96
4. Koopmans Ruud, Olzak Susan *Discursive Opportunities and the Evolution of Right-Wing Violence in Germany* // *American Journal of Sociology*, 2004, № 1, pp. 198-230
5. Koopmans Ruud *Movements and Media: Selection Processes and Evolutionary Dynamics in the Public Sphere* // *Theory and Society*, 2004, N 3/4, pp. 367-391

КОНСОЛИДАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Гонцов К.В. (Екатеринбург)

Попытки определить основные факторы стабильности предпринимались мыслителями различных областей знаний, начиная с древних времён. В настоящее время современные исследователи представили достаточно обширный спектр работ по данной проблематике [6,7,10].

Проведя проблемный анализ теоретических концепций стабильности в истории обществознания, мы можем выделить этапы развития представлений о данном феномене и его факторах. Первый этап – условно «**философский**». В него мы включаем теоретические концепции мыслителей с Древних времен до XIX века. Стабильность представлялась как политическая устойчивость государства и власти. Именно поэтому основной акцент в анализе факторов стабильности был сделан на различных аспектах качества управления: «правильные» методы, характер правящей элиты, религиозно-нравственные качества правителя [1]. Процессуально-механический аспект идеи эффективного управления обществом получает наибольшее осмысление в работах представителей классического либерализма [1].

Второй период – «**социологический**». С XIX века социологи изменяют фокус анализа в сторону стабильности всей системы. Несмотря на «глобалистский» характер уже в работах О. Конта обозначается сама проблема стабильности и выделяется институциональный фактор [13, с. 6 – 15]. Государство, семья и религия становятся важнейшими институтами в поддержании социального порядка. Расширил ряд социальных институтов, влияющих на стабильность социальной системы С. Спенсер [12, с. 27]. Стабильность системы Г. Спенсер отождествлял с состоянием равновесия, которое наступает тогда, когда система адаптируется к внешним условиям [5, с. 247].

Анализ дестабилизирующих процессов предпринял Э. Дюркгейм. Вслед за предшественниками социолог выделяет институциональный фактор стабильности социальной системы. При этом он дополнил концепцию стабильности, предложив технологический фактор – разделение труда [4, с. 371 – 372]. Именно благодаря ему обеспечивается солидарность общества. Также как и Г. Спенсер, Э. Дюркгейм рассматривает социальную систему как объект, подверженный эволюции. Социолог расширил предмет анализа стабильности социальной системы, исследуя дестабилизирующие факторы, введя понятие «аномии». Таким образом, Э. Дюркгейм заложил представления о необходимости управления стабильностью.

Используя вслед за предшественниками эволюционный принцип развития социальных систем, Т. Парсонс подтверждает важность двух основных факторов стабильности общества: институционального и управленческого [11]. Характеризуя общество как самодостаточную социальную систему, социолог подтверждает наличие управленческих институтов, осуществляющих контроль за дестабилизирующими процессами. Исследователь обращает внимание на важность аксеологического фактора

стабильности – поддержание всеми элементами системы определенного набора общепринятых культурных ценностей.

Таким образом, к середине XX века социологи приходят к пониманию стабильности общества как состояния относительного равновесия, достигаемого во взаимодействии институционального, аксиологического и управленческого факторов. Социальная система подвержена дестабилизирующим процессам, поэтому ее «выживаемость» будет во многом зависеть от управленческого потенциала.

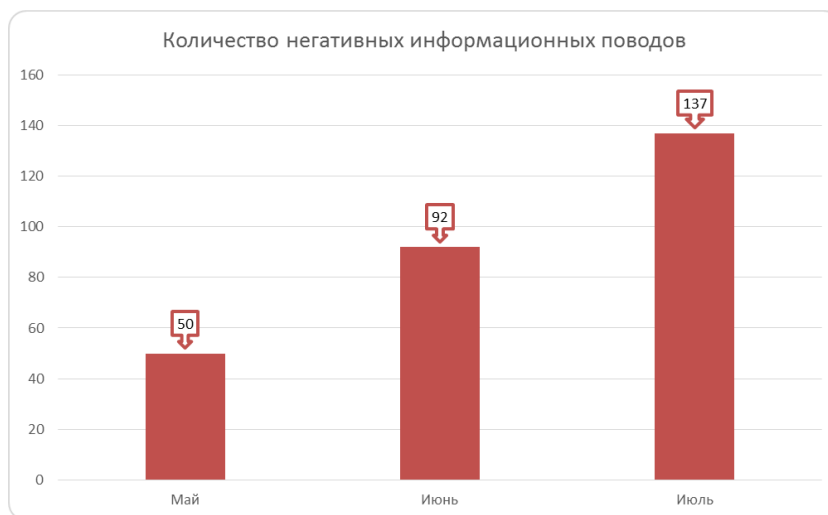
Период с середины XX века **характеризуется «методологическим смещением»**, в рамках которого происходит углубление анализа факторов стабильности общества. Особую важность институциональному, управленческому и аксиологическим факторам придают исследователи, анализируя кризисные **периоды развития общества** [2, 8]. Управленческий фактор раскрывается в оценке эффективности власти, аксиологический – в механизмах консолидации общества, институциональный – в характере взаимодействия и функционирования политических институтов. Консолидация общества, по мнению исследователей, представляет собой такое общественное состояние, которому характерны признание общей цели, согласованность действий, направленных на достижение, сохранение, укрепление и переосмысление важнейших ценностей [2,3,9]. Исходя из предложенных учеными положений, мы можем сделать вывод, что государственная политика будет эффективной, если основным ее принципом станет консолидация, в том числе среди элит.

Данные теоретические заключения мы апробируем на примере Свердловской области, проанализировав содержание материалов региональных СМИ о деятельности губернатора Е. Куйвашева. Анализ позволит нам оценить эффективность работы института губернатора и его аппарата, а также наличие консолидации между политическими элитами области.

Анализ сообщений в СМИ за период с 1 мая по 31 июля 2015 года позволил оценить стратегию информационной политики различных сил политической элиты региона, а также выявить основные негативные информационные поводы, с помощью которых осуществляется информационная атака на губернатора. Анализ спикерской активности и политической ориентации основных «атакующих» СМИ выявил их связь с представителями муниципальных элит Екатеринбурга и Нижнего Тагила.

Проведенный анализ СМИ показал систематическую и целенаправленную информационную атаку на Е. Куйвашева. Так в мае 2015 года доля негативных публикаций от всего объёма составила 17,6% (305 из 1732 публикаций), в июне – 14,4% (299 из 2077) и в июле – 19,7% (440 из 2227), что достаточно много, учитывая характер отношений администрации губернатора и правительства области с большинством СМИ региона. При этом негативные публикации проходятся на 50, 92 и 137 информационных поводов в каждом месяце соответственно (см. график 1).

График 1

Подробный анализ негативных публикаций показал, что всплеск их количества в один день создавался либо с помощью большого количества разных информационных поводов узкой группой СМИ, либо с помощью федеральных тем (позиции губернатора в рейтингах эффективности). Характерно, что на региональном уровне подавляющее большинство материалов с критикой приходится всего на четыре СМИ: РИА «Новый регион», ИА «ПолитСовет», Justmedia.ru и Ystav.com.

Большинство СМИ, тиражирующих негативные темы с участием губернатора, создали своего рода образ «двоечника». Основными глаголами, описывающими действия губернатора и его подчиненных, стали: «не успел», «опоздал», «перенес», «не осталось», «испугался», «пытается сорвать» и т.д.

Часто деятельность Е. Куйвашева и ее освещение (или отсутствие такового) давали поводы для появления негативных статей: переносы даты и время выступления с отчетом перед депутатами Законодательного Собрания области, попытка лишения статуса «главы города» мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана и последующее губернаторское вето на данный законопроект.

В течение трех месяцев сложилась тенденция сокращения тиражирования негативных резонансных информационных поводов широким кругом СМИ на фоне их количественного увеличения. Для атаки на губернатора оппозиционные СМИ использовали как значимые региональные события (например, ИННОПРОМ), так новости, напрямую не связанные с деятельностью Е. Куйвашева и правительства области (см. графики 2, 3, 4).

График 2

Динамика освещения деятельности Евгения Куйвашева в СМИ за май 2015

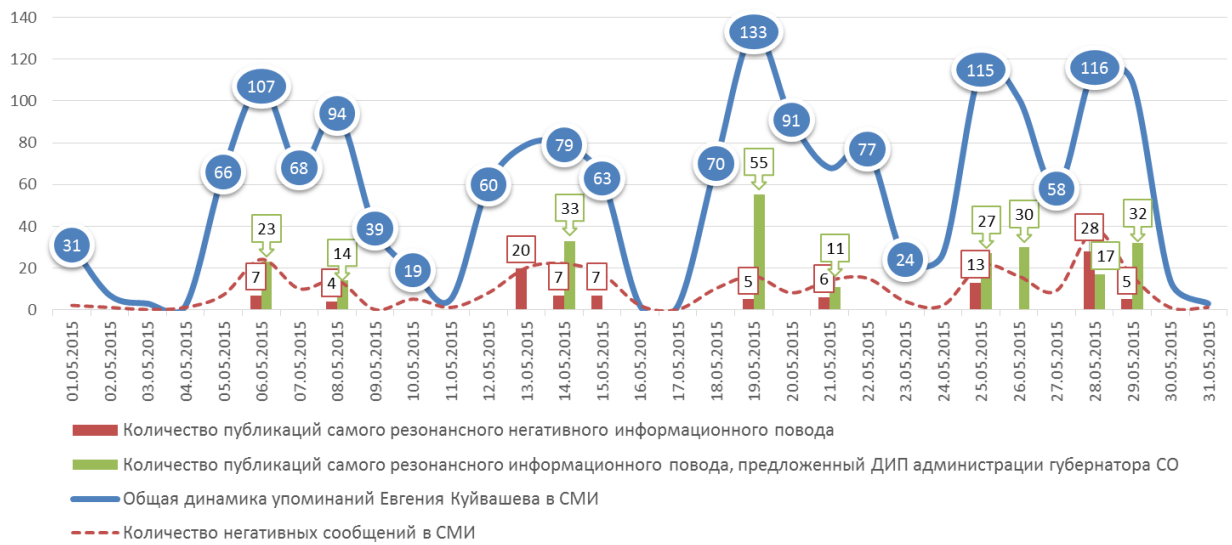

График 3

Динамика освещения деятельности губернатора в СМИ (июнь 2015)

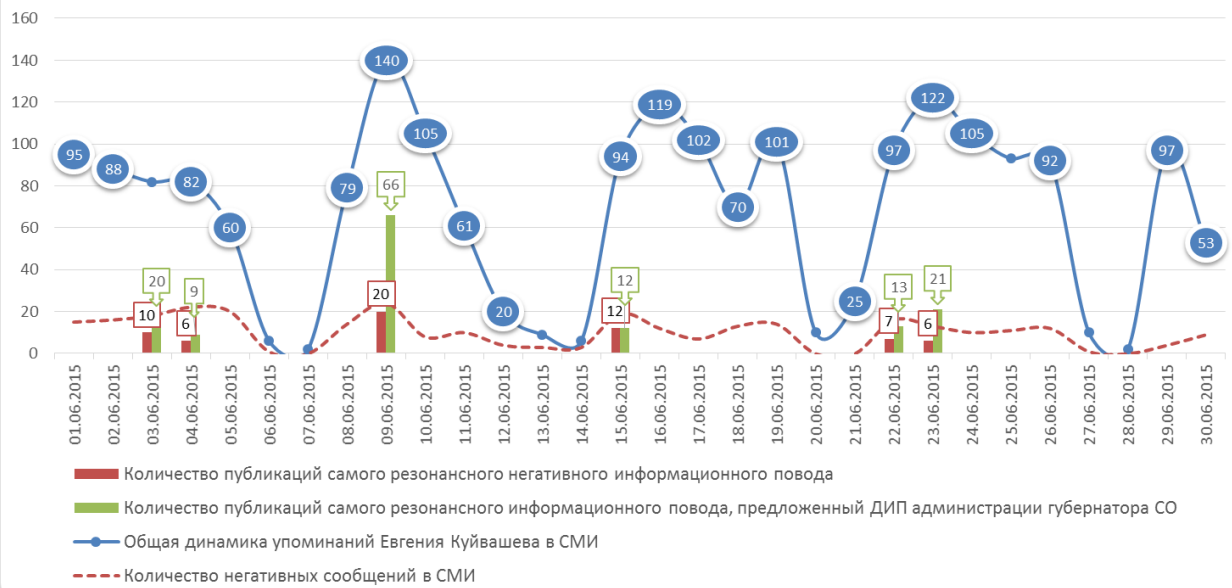
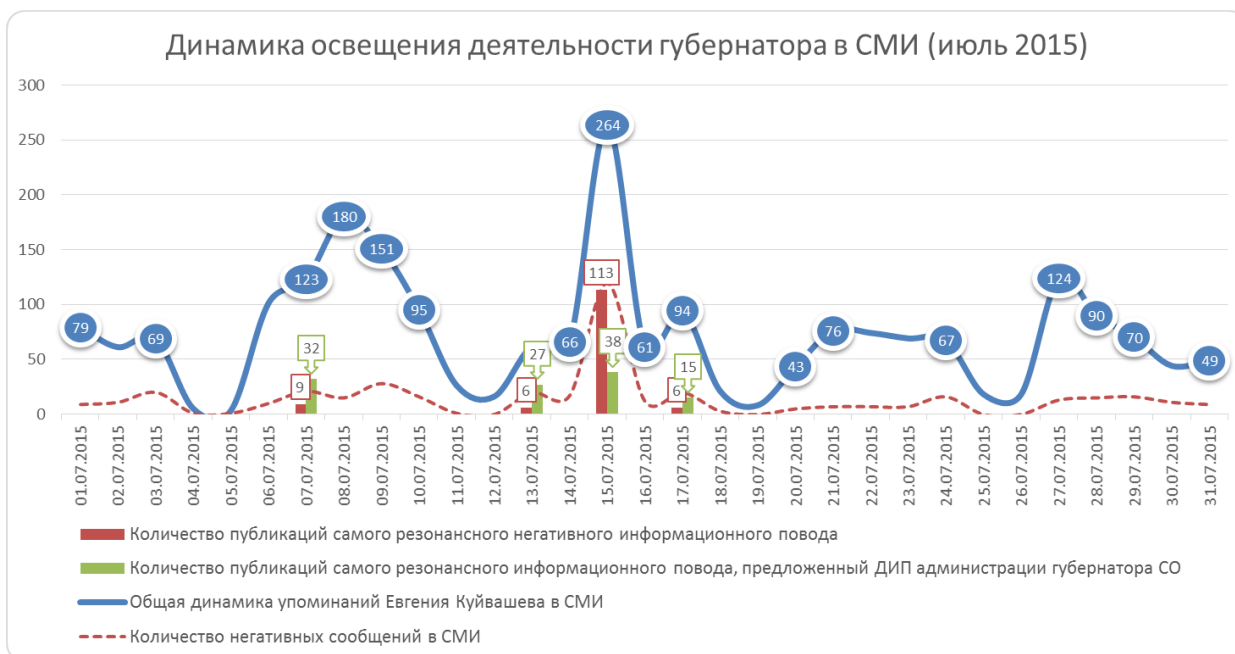

График 4

Анализ ответных действий со стороны губернатора и правительства Свердловской области – пресс-релизов, подготовленных департаментом информационной политики администрации Е. Куйвашева – позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, наблюдаются ответные действия, выраженные в увеличении информационных поводов после удачной «атаки» на губернатора. Во-вторых, часть пресс-релизов косвенно относятся к деятельности Е. Куйвашева, что создает искусственность нейтрально-позитивного информационного поля. Наконец, попытки пресс-службы ограничить губернатора от негативных событий в количественном выражении были результативными, но в качественном плане не смогли изменить образ Е. Куйвашева, сложившийся в СМИ.

Таким образом, анализ фактора консолидации региональных элит показал отсутствие конструктивного диалога между региональными (губернатор и правительство области) и муниципальными властями (С. Носов и Е. Ройзман). Мы можем констатировать наличие «благоприятных» условий для появления дестабилизирующих процессов. В частности, в СМИ все чаще появляются требования отставки губернатора, статьи о митингах и публичной конфронтации региональной и муниципальной властей на фоне увеличения госдолга региона.

1. Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / под. Ред. Г.Ю. Семигина. – М.: Мысль, 1997.
2. Бондаренко, В.Ф. Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия / В.Ф. Бондаренко, Е.В. Ефанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики в 2-х ч. Ч. II. – № 4 (18). – 2002. – С. 37 – 40.
3. Бондырева, С.К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества : учеб. пособие / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.: Изд - во МПСИ, 2004. – 275 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
5. История теоретической социологии. В 4х т. Т.1 / Отв. Ред. И составитель – Ю.Н. Давыдов. – М.: Изд-во «Канон+» ИО «Реабилитация», 2002. – 496 с.
6. Ключина, Е.В. Политическая стабильность постсоветской России: основания, возможности, решения: дис. канд. соц. наук / Е.В. Ключина. – Казань, 2000. – 157 с.
7. Колесников, В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: дис. д-ра полит. наук/ В.Н. Колесников. – Спб., 2010. – 466 с.
8. Кругов, А.В. Взаимодействие гражданского общества и государства как фактор политической стабилизации российского общества. – дис. кан. полит. наук. – Москва, 2000. – 160 с.

9. Медведев, И.Г. *Политическая стабильность как фактор национальной безопасности: автореферат дисс. канд. полит. наук / И.Г. Медведев. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2003. – 23 с.*
10. Негрова, М.С. *Политические аспекты стабильности российского общества: региональный аспект (на примере Санкт-Петербурга и Красноярского края): дис. канд. соц. наук / М.С. Негрова. – СПб.: СПбГУ, 2009. – 171 с.*
11. Парсонс, Т. *О структуре социального действия / Т. Парсонс. - М.: Академический Проект, 2000. - 880 с. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. - М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.*
12. Спенсер, Г. *Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ. Под ред. Н.А. Рубакина – Мн.: Современна литература, 1999. – 1408 с.*
13. *Тексты по истории социологии XIX-XX вв. Хрестоматия / Сост. и отв. ред. Т. 30 д.ф.н. В.И. Добренъков, к.ф.н. Л.П. Беленкова. М.: Наука, 1994 – 383 с.*

СПЕЦИФИКА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

Гузанов И.А. (Санкт-Петербург)

«Народ, не имеющий национального самосознания - есть навоз, на котором произрастают другие народы.»

П.А. Столыпин.

Значимость данной темы в условиях современной России, крайне велика. Кризис, санкции, события мирового значения, такие как возвращение Крыма «... в родную гавань.» Все это оседает в головах молодых людей и те кто умеют направлять сознание могут направить в негативную сторону. За умы молодежи всегда борются и будут бороться родное государство и другие страны, враги. Так как молодежь это будущее и именно они через 20-30 лет будут стоять у руля.

Я не просто так начал доклад именно с такого высказывания. П.А. Столыпин в свое время сказал: « Вам нужны великие потрясения, а нам Великая Россия. » Фраза на века. Особенно она применима в данный момент. Страну то и дело хотят подорвать изнутри. Сейчас или никогда пришло время объединиться нашему Российскому народу.

Что такое экстремизм? В переводе с латинского- крайний. А.Г. Хлебущкин считает, что экстремизм – это противоправная деятельность, которая осуществляет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений.[4]

Экстремизм есть изначально отрицания чувства меры. В языке это выражается в крайности суждений, категоричности. Можно обобщить определения. Экстремизм – это крайние методы действий, достижение результата любой ценой, не взирая на возможные жертвы, целью является навязывание и жесткое утверждение своей системы ценностей, устранение любого инакомыслия.

Для экстремистов характерна бескомпромиссность, непримиримость к оппонентам. Лидеры требуют от своих сторонников полного повиновения и выполнения приказов. Основано это как правило, на манипуляции общественным сознанием, грамотном управлении первобытными инстинктами, такими как , чувство толпы. Экстремизм тесно связан с радикализмом , поэтому их часто используют как синонимы.

Теперь определимся, почему именно молодежный экстремизм так опасен и наиболее эффективный.

Молодежь – это особая группа с возрастными рамками от 14 до 30 лет, верхняя граница может доходить до 35 лет. Отличается своим поведением, сознанием, способностями.

Молодежь, горяча, легко внушаема, наиболее восприимчива, особенно к социальной несправедливости, многие не определились в обществе, не выбрали свой путь, именно поэтому их легко можно повести за собой.

Особенности молодежного экстремизма наиболее четко отразил М.Ф. Мусаелян:

активное участие молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в организованных массовых экстремистских акциях и их объединение в неформальные молодежные организации (группировки) экстремистско-националистической направленности и экстремистские сообщества;

расширение географии экстремистской угрозы в Российской Федерации и увеличение количества национальностей, социальных групп, молодежных субкультур и т.п. жертв экстремизма;

совершаемые в Российской Федерации убийства граждан другой национальности или вероисповедания, иностранных граждан все больше приобретают серийный, более жестокий, изоцирено-профессиональный, издевательский, ритуальный характер, а само совершение экстремистских деяний становится не просто занятием ради любопытства, а профессиональной деятельностью определенных групп лиц;

стремление экстремистско-националистических движений вовлечь в свои ряды членов различных агрессивных молодежных субкультур, неформальных молодежных объединений, групп, движений, а также лиц, ранее судимых;

наличие у неформальных молодежных организаций (группировок) экстремистско-националистической направленности признака вооруженности, в том числе наличие взрывчатых веществ.

К причинам появления крайних настроений в молодежной среде относят не только социально-экономические проблемы, а также культурные: распад прежних ценностей, потеря исторической памяти, стирание границ добра и зла, навязывание счастья потребительского мира. Также социально-политические факторы[3] :

преобладание досуговых ориентаций над социально полезными;

кризис школьного и семейного воспитания;

криминальная среда общения;

неадекватное восприятие педагогических воздействий;

отсутствие жизненных планов.

Президент Института религии и политики А. Игнатенко обращает внимание на то, что количество подобных сайтов, которые распространяют идеологию экстремизма, достигает 10 тысяч [1]. Данная причина является одной из актуальных, так как молодые люди являются наиболее активными пользователями сети Интернет.

Мусаелян М.Ф. к мерам профилактики экстремизма в целом и в молодежной среде в частности относит следующее:

прививание подросткам основ толерантности;

усиление контроля государства за деятельностью общественных и религиозных организаций (благотворительных организаций, военно-патриотических клубов);

более жесткий контроль за деятельностью СМИ и мониторинг сети Интернет;

выработка комплексной молодежной политики, а иначе, как отмечает автор, если государство не займется молодежью, ею займутся другие – проповедники (эмиссары, идеологи) ваххабизма, фашизма, национализма [2].

Сегодня экстремизм в молодежной среде стал в России массовым явлением, активизировалась деятельность асоциальных молодежных организаций экстремистского характера (РНЕ, лимоновцы, скинхеды, фанаты и т.д.), спекулирующих на идеях национального возрождения и провоцирующих рост преступных акций на этнорелигиозной, политической почве. Движения экстремистской направленности, составляет до полумиллиона человек, а в том, что речь идет о социальной болезни, глубоко затрагивающей суть отношений в обществе, все больше и больше захватывающей подрастающее поколение. Опасным является и тот факт, что экстремизм в России

«молодеет», социологи отмечают, что наиболее часто совершают преступления молодые люди в возрасте 15-25 лет.

Поскольку молодежный экстремизм является не только угрозой национальной безопасности России, её целостности, но опасен и для институтов демократии, формирующегося гражданского общества, то противодействие ему вызвано объективным стремлением к социальной и политической стабильности.

Необходимо создавать больше и больше организаций, которые будут привлекать молодежь в позитивное действие, потерять светлые умы нельзя, иначе мы за это будем отвечать на каком-нибудь Майдане. Нельзя допускать также свободное пребывание молодежи в Интернете, то есть создавать более жесткие фильтры и структуры отслеживающие сайты радикальных настроений, таких немало. Подростку особенно интересно делать что-то якобы правильное, а если еще и в семье негативный климат, то он уйдет в непонятную организацию, а в дальнейшем велика вероятность, что его покажут по телевизору в заголовках новостей с таким названием : « Сегодня, подросток зарезал человека неславянской внешности» или « Сегодня были задержаны десятки человек на площади, выкрикивая экстремистские лозунги.» Поэтому молодые умы, пока еще светлые умы, нужно беречь и помогать государству в борьбе с экстремизмом и не только.

«Я знаю русский народ и не склонен преувеличивать его достоинства, но я убежден, я верю — этот народ может внести в духовную жизнь земли и нечто своеобразное и глубокое, нечто важное для всех.» М.Горький.

1. *Антонян, Ю. М. Экстремизм и его причины [Текст] / Ю. М. Антонян // М.: Логос – 2012. – 288с.*
2. *Мусаелян, М.Ф. Криминологические особенности современного российского молодежного экстремизма // Российский следователь. 2009. №10 – С. 21-24.*
3. *Устинов, В.В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. – 2002. - № 5.*
4. *Хлебушкин, А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: Монография / Отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007 – С.60.*

УСПЕШНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКИХ АКТИВИСТСКИХ ГРУПП

Демакова К.В. (Пермь)

В России в последние пять - семь лет значительную роль в организации городской жизни играют небольшие активистские группы.

Они действуют в следующих сферах: гуманизация городской среды, городское благоустройство, новые практики социальной защиты, сохранение зелёных насаждений (скверов, парков, лесов) и городской архитектуры, развитие городских пространств и создание новых центров творчества и коммуникации. Такие группы активистов вносят значительный вклад в развитие городов. Это кадровый, технологический, ресурсный потенциал для городских движений и НКО.

Но исследовательское сообщество недооценивает активистские группы как объект исследования, отдавая предпочтение общественным движениям или негосударственным организациям.

Исследовательские выводы данного доклада сделаны на основе анализа 10 кейсов, описывающих практики 12 активистских групп из 4 крупных российских городов (Пермь, Тюмень, Волгоград, Санкт-Петербург), которым удалось добиться того, чтобы решения, которые они предлагали, были приняты органами власти (в некоторых случаях — частично, в некоторых — полностью). Деятельность активистских групп касалась ряда

сфер городской политики: благоустройства, сохранения исторического наследия, права социально незащищённых групп, сохранения зелёных насаждений в городе. В ходе исследования, помимо метода кейс-стади (10), использовались углублённые интервью (10), наблюдение (2), контент-анализ (25 текстов), дискурс-анализ (20 текстов).

В исследовании представлены следующие кейсы: кампания в защиту Баболовского парка (Санкт-Петербург), кампания за сохранение дебаркадера в качестве объекта культурного наследия (Волгоград), кампания за сохранение программы «Мамин выбор» (Пермь), кампания за создание посёлка для многодетных семей (Пермь), кампания по созданию Сада Соловьёв (Пермь), кампания против строительства в сквере на ул. Логунова (Тюмень), кампания за отмену комендантского часа для подростков (Тюмень), инициатива «Красивый Петербург» (благоустройство города), инициатива «Заливает СПб» (Санкт-Петербург, инициатива за качественный ремонт крыш в городе), кампания в защиту Черняевского леса (Пермь), кампания за присвоение здания речного училища статуса объекта исторического наследия (Пермь), проект по раздельному сбору мусора "Эжотакси" (Пермь).

В качестве теоретической основы использовались теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса и теория коммуникации Никласа Лумана.

Под активистскими группами в исследовании понимается сообщество городских жителей, которые объединены общей деятельностью по защите общественных интересов или созданию общественных благ.

Под коммуникацией понимается такое взаимодействие участников, в результате которого достигается взаимопонимание. Исследуется такая коммуникация, в которой участвуют городские активистские группы и властные субъекты, которая происходит в публичной сфере, частично регламентирована существующими правилами и нормами, но не сводится к регламентированной коммуникации органов власти и граждан, происходит по поводу какого-то вопроса городской жизни, затрагивающего общественные интересы.

В качестве успешных коммуникативных практик рассматриваются практики, в результате которых группе удалось повлиять на решение какого-либо вопроса городской жизни.

для достижения результативности коммуникации инициативной группы при взаимодействии с органами власти в процессе принятия решений необходимо соблюдение ряда правил организации коммуникации, в том числе:

1. Использование большего числа и ассортимента коммуникативных практик, привлечение большего числа качественно разнообразных субъектов к участию в коммуникации, формирование альтернативы для предложенного властными субъектами решения;

2. Создание и поддержание интересубъективного взаимодействия и формирование субъект-субъектных отношений между участниками коммуникации, возможности взаимопонимания, которая достигается в первую очередь через доверие, достоверность информации, понятность языка, и соответствия ожиданий от коммуникативных действий.

Для успешного достижения целей коммуникации (её результативности) необходимы:

Интерсубъективность взаимодействия и субъект-субъектные отношения;

Достижение взаимопонимания и соблюдение для этого понятности выражения (аутентичного для социальной ситуации языка), истинность знания (достоверность информации), правдивость намерения (формирование доверия между субъектами) и правильность действия (соответствие ожиданий от коммуникативных действий, однозначная оценка целей коммуникации);

Вовлечение в коммуникацию разных субъектов, качественное разнообразие участников коммуникации и их значительное количество (в том числе – для достижения субъектности инициативной группы);

Создание альтернативы тому решению, которое предлагают другие властные субъекты, а помимо этого, возможность рассматривать другие альтернативы или компромиссы в принятии решений;

Многообразие применяемых коммуникативных практик, привлечение дополнительных каналов коммуникации либо расширение и более эффективная работа наличных каналов коммуникации.

В результате исследования описаны факторы, обеспечивающие успешную коммуникацию активистских групп с органами власти в процессе принятия решений, касающихся городской политики.

Основные факторы:

- обеспечение документирования и публичного предоставления информации, договорённостей с органами власти, лицами, принимающими решения. Публикация на веб-страницах, в социальных сетях, в СМИ полученной от органов власти информации, обещаний, документирование встреч и переговоров с помощью диктофонных записей, фото-, видеосъёмки, участие в таких встречах и переговорах представителей СМИ. Обеспечение публичности процесса и результатов коммуникации. Несение издержек по формированию доверия.

- Обеспечение включения вопроса, по которому необходимо принять решение, в повестку дня органов власти и лиц, принимающих решения.

- Усиление субъектности активистских групп за счёт присвоения полномочий говорить от имени больших социальных групп (горожан в целом, жителей района города, многодетных, родителей детей дошкольного возраста и т.д.), за счёт привлечения экспертов, СМИ, общественных организаций, органов власти к решению проблемы.

- Расширение существующих каналов коммуникации и привлечение новых. Например, использование в качестве каналов коммуникации депутатов ГосДумы или городской думы, общественных советов и т.д.

ИТОГИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ В СФЕРЕ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ ЗА 2000-2015 ГОДЫ

Демьяненко А.А. (Ростов-на-Дону)

Проблема демографической политики в России на данный момент является весьма актуальной. С 1986 года в РСФСР наблюдалось сокращение прироста численности населения. В 1992 году смертность в России впервые превысила рождаемость, коэффициент естественного прироста упал ниже нуля и составил -1.5. В 1993 он составлял уже -5.1, в 1994 – 6.0. Кризисное состояние экономической и политической сферы, попытки проведения либеральных реформ, направленных на создание условий для стабильного экономического и правового развития государства в долгосрочной перспективе, переход от планового регулирования экономики к рыночному являлись сильнейшими потрясениями для российского общества и сопровождалась огромными социальными издержками. Тем временем, рождаемость в России упала до уровня развитых стран, а смертность достигла уровня развивающихся [1, с. 161]

Темпы депопуляции были колоссальными: по данным переписи населения 2002 года за 13 лет (с 1989 года по 2002) численность населения в России сократилась на 1,8 млн. человек. Такое резкое сокращение численности населения составляло угрозу национальной безопасности государства.

В 2000-ом году была разработана Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года на основе Указа Президента Российской

Федерации от 10 января 2000 г. № 24 "О Концепции национальной безопасности Российской Федерации"[2, с. 170]. Целями демографического развития на период с 2000 по 2015 годы были названы стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту.

На данный момент мы можем наблюдать завершающий этап первой Концепции, стало возможным проанализировать последствия принятых мер, подвести итоги и выяснить смогли ли меры правительства по предотвращению демографического кризиса остановить убыль населения и стабилизировать демографическое положение.

С 1 января 2007 года вступил в силу Федеральный закон РФ от 29.12.2006 г. №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Согласно которому женщина, родившая или усыновившая второго ребенка, получает право на получения материнского капитала в размере 250 тысяч рублей. Так же, право на материнский капитал имеют женщины, родившие или усыновившие третьего или последующих детей, если они не воспользовались этим правом раньше и мужчины, являющиеся единственным усыновителем второго или последующих детей. Денежные средства можно использовать только на покупку жилья (или улучшение жилищных условий) и на получение ребенком образования. Ежегодно сумма материнского капитала увеличивалась, в соответствии с инфляционными процессами, и на данный момент составляет 453 026 рублей. Материнский капитал предоставляется женщине только один раз.

9 октября 2007 года Указом Президента Российской Федерации утверждена Концепция демографической политики до 2025 года. Ее целями были стабилизация численности населения к 2015 году на уровне 142-143 млн. человек, увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 70 лет, снижение уровня смертности на треть, увеличение в 1,3 раза, по сравнению с 2006 годом, суммарного коэффициента рождаемости. К 2025 году - увеличение численности населения до 145 млн. человек, увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет [2] Таким образом, принятая в 2007 году Концепция до 2025 года является логическим продолжением Концепции до 2015, ее задачи более конкретизированы.

С 2009 г. каждая семья, обладающая правом на материнский капитал, может получить единовременно выплату в размере 12 тыс. руб. на текущие нужды.

С 2011 года действует новый порядок начисления пособия по беременности и родам на период 70 дней до родов и 70 дней после родов. Максимальный размер пособия составлял в 2011 г. 38 583,33 рублей. Единовременное пособие при рождении ребенка с 1.01.2012 г. – 12 405,32 рублей [3, с.69]

С 2010 года начинается реализация мер по профилактике алкогольной и табачной зависимостей. В 2010 году была принята "Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года". С 1 января 2013 года в Российской Федерации введен запрет на рекламу любого алкоголя в печатных СМИ и на рекламу крепких спиртных напитков в сети Интернет. Минимальная стоимость водки поднялась на 40%.

13 июля 2011 года был утвержден закон, который запрещает продажу алкогольных напитков лицам, не достигшим 18 лет. Нарушение этого закона предусматривает выплату административных штрафов нарушителем, который осуществил розничную продажу спиртного несовершеннолетнему. Его сумма будет составлять от 3 тысяч рублей. За неоднократное нарушение закона предусматривается уголовная ответственность или штраф в размере 80 тысяч рублей.

С 1 января 2013 года вступили в силу изменения, внесенные в Федеральный закон от 22 ноября 1995г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», согласно которым, пиво и напитки,

изготавливаемые на его основе, относятся к алкогольной продукции. Таким образом, запрещается употреблять пиво, как и другие более крепкие алкогольные напитки, в общественных местах.

12 февраля 2013 года Государственной Думой принят закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», направленный на ограничение табакокурения, защиту граждан от негативного влияния табачного дыма, профилактику и лечение последствий потребления табака.

С 15 ноября 2013 запрещена любая реклама табачных изделий и курительных принадлежностей.

С 1 июня 2014 года начали действовать статьи, запрещающие курить в поездах дальнего следования, на судах дальнего плавания, в гостиницах, общежитиях и прочих предприятиях гостиничного бизнеса, в предприятиях бытовых услуг, торговли, общественного питания, рынках, пассажирских железнодорожных платформах пригородного сообщения. Введены масштабные ограничения на торговлю табачными изделиями: их продажа запрещена теперь в киосках, путем развозной и разносной торговли, с использованием автоматов и дистанционным способом. Продажа разрешается только в магазинах и павильонах. Запрещена так же свободная выкладка табачных изделий и вывеска их изображений. Разрешается только список с названием и указанием цены.

При демонстрации видеороликов или фильмов, в которых показаны табачные изделия и процесс курения, организатор обязан обеспечить трансляцию социальной рекламы о вреде потребления табака.

Итак, перейдем непосредственно к подведению итогов. Согласно данным Росстата, численность населения Российской Федерации за 2001 – 2014 годы ни разу не упала ниже 142 млн. человек, в 2012 достигла 143. В 2014 она составила 143,7 млн. человек.

Рождаемость непрерывно росла с 2000 года. К 2013 она повысилась на 52%, по сравнению с 2000, и на 27%, по сравнению с 2006 годом. Стабилизировать уровень смертности оказалось намного сложнее: с 2000 до 2005 она выросла на 8 процентов, но затем происходит стабильное снижение уровня смертности. В 2013 году этот показатель на 15% ниже, чем в 2000 и на 17%, чем в 2006 году. В 2014 году впервые наблюдается естественный прирост, который составил 0,23%.

В 2000 году между средней ожидаемой продолжительностью жизни у мужчин и у женщин был огромный разрыв – более 13 лет, показатели составляли 59,03 и 72,26 соответственно, общий показатель – 65, 34. В 2006 средняя ожидаемая продолжительность жизни у мужчин увеличилась почти на полтора года и составила 60,43 лет. До 2012 продолжается интенсивный рост этого показателя на 0,5 – 1 за год, и в 2012 он равнялся 64,56. После чего рост замедлился, но не остановился, к 2014 достиг 65,29 лет. У женщин самый низкий показатель наблюдается в 2003 году – 71,85. К 2014 году средняя ожидаемая продолжительности жизни у женщин выросла до 76,49 лет. [5]

Итак, на данный момент, в России остановлена депопуляция, наблюдается небольшой естественный прирост и созданы предпосылки для дальнейшего роста численности населения. Хотя и не все задачи демографической политики до 2015 года полностью выполнены, можно сказать, что в целом, демографическая ситуация стабилизировалась и, принятые меры доказали свою эффективность.

1. *Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, N 2*
2. *Шабанов Я. В. Демографическая ситуация и демографическая политика в постсоветской России//Вестник саратовского государственного социально-экономического университета, 2010, № 2*
3. *Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Указом Президента РФ № 1351 от 9 октября 2007 г. URL: <http://text.document.kremlin.ru>*

4. Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Управление демографическим развитием в России: региональный аспект//Региональные исследования, 2013, № 1 (13)
5. <http://www.gks.ru> - Федеральная служба государственной статистики

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИИ КАК ТРЕНД МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В К. ХХ - НАЧ. ХХІ ВВ.

Дерендяева А.Д., Петрина О. Н. (Барнаул)

Одной из тенденций современного мира становится возникновение новых общественных движений. Данный процесс обусловлен тем, что многие акторы, стремящиеся оказать свое влияние на политические процессы не способны осуществить данную возможность через институты, уже имеющиеся в политической среде – государство, партии. Особенно данное явление проявляет себя в молодежной среде, поскольку именно молодое поколение, зачастую становится активным актором политического процесса, стремясь изменить будущее.

Процесс становления молодежных общественных движений в России можно описать, выделив несколько стадии. Первая из них начинается с 1992 г., и связана прежде всего, с оформлением нового этапа партийной системы России в 1990-1991 гг. В частности, в 1992 г. создается движение Молодёжный союз Демократической партии России, в 1993 г. – «Соколы Жириновского» (сейчас называется «Время молодых») политической партии ЛДПР, а в 1995 г. организовано молодёжное движение «Яблоко».

В данный временной промежуток, большинство движений носили региональный, а не всероссийский характер, партии не стремились разработать программу их деятельности, поэтому молодежь была фактически безинициативна [1].

Важным аспектом появления второго этапа возникновения молодежных движений, выступает легитимизация нового политического режима. На данной стадии молодежь активно взаимодействует в сотрудничестве с Центральной избирательной комиссией России, привлекается в качестве электората.

В целом, количество молодёжных движений при политических партиях на 1999 г. было небольшим: пять организаций и молодежная партия. На этом этапе, также появляются и многочисленные оппозиционные движения. Например, Авангард красной молодежи – леворадикальное, которое в будущем стало крупной, радикального толка, молодежной организацией [2, с. 157].

С начала 2000-х г. молодёжные политические движения и организации стали создаваться непосредственно органами государственной власти - Администрацией Президента РФ, а также партией «Единая Россия». Первой такой организацией являются «Идущие вместе», зарегистрированная в июле 2000 г [3, с. 123].

Стоит отметить, что многие оппозиционные СМИ и движения, восприняли новое объединение негативно, дав ему характеристику «комсомола». Практическая действительность показала, что движение оказалось недостаточно проработанным проектом; а акции вызвали не тот резонанс в обществе на который рассчитывала власть.

Что касается, оппозиционных движений, то стоит отметить малоэффективную работу в данной деятельности среди партии. К таким движениям можно отнести ранее созданные - Союз коммунистической молодежи, Молодежное отделение «Яблока».

Данная стадия характеризуется появлением большого количества движений. Важную роль на данном этапе сыграло появление проекта «Идущих вместе», который не смог повысить легитимность элиты, но своей активной деятельностью сумел привлечь на себя внимание со стороны общества, в отличии от не правительственных движений, которые имели декоративный характер.

Третья стадия эволюции движений, связана с внешнеполитическими факторами. «Цветные революции» (2005 г.) на постсоветском пространстве дали импульс разработке молодёжной политики в России, и этим вновь был подтвержден характер отношения власти к молодёжи: о молодёжных проблемах начинают вспоминать в моменты, когда надо выиграть выборы и не допустить смены элиты.

Большое влияние на становление третьего этапа, оказали события в Грузии, когда движение «Кмара» оказало, чуть ли не главную роль в «революции роз» 2003 - 2004 гг. Внешнеполитические события показали, что молодёжь имеет большую роль в политической сфере, а те, кто сможет агрегировать её ценности, вокруг своей силы, обеспечит себе преимущество в борьбе за власть.

Определяющим фактором в становлении новых движений стали события на Украине. Молодёжная организация «Пора!» в 2004 г. привела к смене у власти В. Януковича на лидера оппозиции В. Ющенко [4].

Тем не менее, в российской действительности на внешнеполитические события быстрее отреагировала оппозиционная сила, которая с весны 2005 г., создала движение «Оборона», аналогичное украинскому - «Пора!». «Оборона» подчеркивала, что является непартийной структурой, однако в совет движения вошли представители СПС и «Яблока».

Администрация Президента РФ, среагировавшая чуть позже на вышеописанные события, выдвинула молодёжное движение «Наши». Молодое поколение, оказавшееся в составе «Наших» обучали, проводя политические тренинги. Второй крупной структурой стало создание крупнейшей организации – «Молодой Гвардии Единой России». Создание «Наших» и «Молодой гвардии» ориентировалось на самые широкие слои молодёжи.

Оппозиционные силы не ограничились созданием «Обороны» и стали параллельно создавать движения. Левая оппозиция попыталась создать свое объединение под названием Молодёжный левый фронт, предложив формализовать коалицию четырех левых молодёжных движений (СКМ, АКМ, РКСМ (б), Социалистического Сопротивления).

Данный этап становится рекордным по возникновению движений. Несмотря на то, что их деятельность сводилась к противостоянию друг с другом, можно отметить тенденцию изменения отношения политической элиты к молодёжи. Проводившийся ранее курс на её деполитизацию, постепенно сменяется взглядом к молодёжи как к ресурсу, позволяющему достичь целей.

Четвертый этап начинается с 2007 г. его главным аспектом выступает смена политической элиты, президентом страны становится Д.А. Медведев. Поскольку после выборов в Государственную Думу в 2007 г. и выборов Президента в 2008 г. угроза «цветной» революции была устранена, то и движения были частично распущены и удалены с политической арены [5].

Так, движение «Наши» с 2008 стало осуществлять свою деятельность в рамках проектной работы: «Наши-2.0» и «Сталь». Вскоре данные проекты стали не так востребованы в политическом процессе, и данная ситуация привела к сокращению их финансирования со стороны властных структур. Тем не менее, в 2011 г. возникли новые течения движения: «Наша победа», «Беги за мной».

Новый, пятый этап в эволюции молодёжных движений начинается после проведения выборов 4 декабря 2011 г. Необходимость в движениях возникает вновь, поскольку в Москве начинаются оппозиционные акции, которые не согласны с результатами голосования. Альтернативой данным митингам становятся провластные движения, в частности, «Молодая гвардия Единой России», «Наши», «Сталь», «Россия молодая», «Местные» и «Хрюши против».

По мнению исследователей, все властные движения были созданы с целью устранения оппозиционной стороны. Также данная стадия сопровождается дальнейшим роспуском «Наших». С июля 2012 г. из состава движения были преобразованы следующие

проекты: «СтопХам», «Хрюши против». На сегодняшний же день движение «Наши» считается закрытым, хотя официального подтверждения нет.

Современная молодежь зачастую становится объектом органов власти. Любая молодёжная инициатива требует ресурсов, а значит, становится подконтрольной субъектами политического процесса. В результате движение из активного участника этих политических процессов превращается в объект воздействия. Данный аспект безусловно обозначает невозможность построения гражданского общества, которое предполагает свободу действия и эффективность институтов.

1. Красникова Н. М. *Взаимодействие и взаимовлияние молодежной политики и молодежного движения в современной России*. Пермь, 2008. – 282 с.
2. Платонов В.М. *Россия на рубеже веков: молодежь и политика // Россия на рубеже веков: политические партии и молодежь*. М., 2000. С. 157.
3. Каменщик К.Е. *Молодежная политика в деятельности политических партий современной России // Научные труды Московского гуманитарного университета*. Вып. 119. М., 2010. С. 269.
4. *Независимая газета*. [Электронный ресурс] подгот. по http://www.ng.ru/cis/2004-12-28/4_kaskiv.html – Загл. с экрана.
5. «Наши стали чужими». [Электронный ресурс] подгот. по <http://www.kommersant.ru/doc/846635> – Загл. с экрана.

ГОРОДСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ И СОЛИДАРИЗАЦИИ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Евстифеев Р.В., Задорин И.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. (Владимир)

Исследование городских локальных идентичностей проводилось коллективом авторов совместно с АНО «Социологическая мастерская Задорина» в городах Центрального Федерального округа - Смоленске, Владимире и Ярославле. При реализации проекта были использованы средства государственной поддержки, полученные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11–рп и на основе конкурса, проведенного ИСЭПИ.

Полевые качественные и количественные исследования проводились в сентябре-декабре 2014 г., статистическая обработка и анализ данных, интерпретация – в январе-феврале 2015 г.

Общей целью проекта было выявление и описание спектра локальных (городских) коллективных идентичностей трех российских городов, накопление эмпирического материала для развития языка описания локальных коллективных идентичностей.

В ходе качественного этапа исследования в каждом городе были проведены по пять фокус-групп с основными социальными категориями горожан. Основой количественного исследования стал репрезентативный опрос населения с выборкой не менее 600 человек в каждом городе. Выборочная совокупность репрезентировала население каждого из трех городов по параметрам пола, возраста и района проживания. Опрос реализовался по месту жительства респондентов (face-to-face). Генеральной совокупностью исследования являлось взрослое население соответствующей территории (18 лет и старше). Для обеспечения репрезентативности опроса был использован метод квазислучайной маршрутной выборки, при котором интервьюер опрашивает респондентов в домохозяйствах (квартирах, домах), отбираемых в соответствии со специально построенным маршрутом и с учетом квотных правил.

В основу исследования легла авторская модель локальной идентичности, отражающая следующие базовые структурные элементы:

1. Представления о локальной географии (средне- и крупномасштабной), где находится город;
2. Значимые места города (символический центр и пр.);
3. Символические ценности (предметы гордости, значимые исторические события);
4. Пантеон героев - реальных и мифических (знаменитые и почетные горожане);
5. Мифы самостояния (главные представления о городе и горожанах);
6. Представления о структуре городского сообщества: ядро ("элита"), страты, сегменты, границы, дифференциация «свой-чужой»;
7. Ритуалы воспроизводства идентичности (общие праздники, регулярные мероприятия).

Для проведения социологического измерения был разработан вопросник, содержащий два ключевых блока вопросов: 1) блок, тестирующий локальную идентичность респондента по 7 компонентам и 2) блок оценки склонности респондента к солидаризации.

Во всех трёх городских сообществах было зафиксировано наличие локальной городской идентичности. В самосознании горожан выявлены все основные элементы локальной идентичности с высоким уровнем репрезентации большинства из них. Жители обследованных городов не только осознают свою идентичность, но и придают ей большое субъективное значение.

Выделенная и описанная городская идентичность не является субъектной – это, скорее, культурная рамочная идентичность с четко выделяемыми культурными реперами, которые являются общими для всех жителей каждого из обследованных городов. Для всех городов оказалось характерно преобладание досуговой и демонстрационно-символической функциональных ниш. Элементы идентичности, связанные с современностью, с ритуалами воспроизводства идентичности и представлениями о структуре сообщества и его границах, в большинстве случаев выражены гораздо слабее, и разброс мнений здесь более существенен.

Жители каждого из трёх городов ощущают себя довольно-таки гомогенным сообществом; суб-идентичности, обусловленные внутригородским территориальным и социально-профессиональным делением, выражены слабо. На периферию своего сообщества горожане помещают небольшие группы «иных» (приезжие, гастарбайтеры, люди ярко выраженной другой культуры – религиозной, этнонациональной и т.д.), чье присутствие, в общем-то, уже осознается, но пока еще не выходит за рамки рутин толерантности.

Во взаимосвязи между склонностью к солидаризации и территориальной идентичностью общих закономерностей не зафиксировано. Во Владимире в группе с высокой склонностью к солидаризации чаще встречается идентификация с городом и областью, чем с Россией в целом, а в группе с низкой склонностью к солидаризации, напротив, страновая идентичность встречается несколько чаще. В Смоленске, наоборот, среди склонных к солидаризации жителей страновая территориальная идентичность превалирует над городской и областной; не склонные к солидаризации горожане сравнительно чаще выбирали городскую и областную идентичность, чем страновую. В Ярославле же все три группы респондентов, выделенные по критерию склонности к солидаризации, чаще заявляли, что чувствуют себя жителями своего города или области, и реже – жителями своей страны.

Следует отметить, что в каждом из трех городов локальная идентичность является позитивной: горожане не стесняются выражать эмпатию, свою привязанность к городу. Тем не менее, отношение между склонностью горожан к солидарности и субъективной привязанностью к своему городу вполне может объясняться влиянием опосредующих

факторов, верификация которых может стать одним из направлений исследований при дальнейшем развитии проекта.

Наибольшие значения склонности к солидарности свойственны горожанам, которые удовлетворены своей жизнью, положением дел в городе, оценивающим свое экономическое положение как среднее или выше среднего и склонны к доверию к большинству людей. Вместе с тем, склонность к солидарности, высказанная респондентами, сложно коррелирует с представлениями об основных элементах локальной идентичности, в некоторых случаях образуя с ними явную положительную корреляцию (представления горожан о самих себе, о «лучших людях» города), а в других вопросах демонстрируя нулевую или отрицательную взаимосвязь (ритуалы единения – праздники, исторические события, исторические персоны).

Возможно, механизмы солидаризации сообщества имеют более сложную природу, нежели предполагалось изначально. Это требует включить в разряд значимых факторов, кроме взаимодействия социального настроения солидарности с элементами локальной городской идентичности, другие важные параметры, в частности, связанные с характером организации самого сообщества, доминирующими представлениями о власти, с распределением власти в городе, то есть с политическим устройством городского пространства в целом.

По итогам исследования были разработаны рекомендации по развитию городских сообществ, формированию в них социальных практик, облегчающих солидаризацию и повышающих уровень доверия, способствующих поддержанию стабильности в российском обществе. Разработка социальных технологий солидаризации на основе использования механизма коллективных идентичностей, на наш взгляд, может дать значимый вклад в развитие гражданского общества в РФ, в повышение общего фона доверия в стране до требуемого для современного общества уровня

Полагаем, что необходимо проведение аналогичных исследований в других городах России для накопления эмпирической базы и сравнительного анализа. Фактически речь должна идти о создании Атласа городских идентичностей России.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Евтушенко Г.Н. (Санкт-Петербург)

В современном мире происходит становление информационного общества, подтолкнувшее нашу страну к разработке федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002-2011 гг.), «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» и реализации государственной программе «Информационное общество (2011 - 2020 годы)». Развитие электронного правительства в Санкт-Петербурге привело по инициативе Губернатора города Г.С. Полтавченко к созданию Интернет-портала «Наш Санкт-Петербург». Интернет-проект начал свою работу в тестовом режиме в марте 2014 года, а в июне 2014 года портал заработал на полную мощность. На сегодняшний день, с помощью интернет-проекта «Наш Санкт-Петербург» было решено более 32 тысяч проблем. Со стороны активистов, К. Врански был создан онлайн-проект «Красивый Петербург» - автоматизированная система отправки обращений по нарушениям благоустройства, дорожного и коммунального хозяйств. С момента создания, аудитория проекта расширялась, и к середине 2014 года превышала уже 38 тысяч человек. В результате их обращений было решено не менее 20 тысяч городских проблем. Важно, что

оба проекта обладают мобильными приложениями, что еще более упрощает процедуру составления жалобы.

Трансформация самой формы взаимодействия горожан с городскими властями, включая сокращение затрачиваемого времени, доступность, удобство электронного диалога с городскими службами, ведет к изменению порядка общения людей с представителями власти. Интернет представляется надежным каналом связи и общей площадкой, полем идей и кооперации государства и гражданского общества. В этом ключе научную актуальность приобретает определение форм, механизмов и особенностей взаимодействия граждан органами власти и социологическое обоснование интернет-опосредованных коммуникаций между жителями и властями Санкт-Петербурга.

Согласно отчётам о работе с обращениями граждан, предоставленным Администрацией Санкт-Петербурга, благодаря «деятельности активистов» количество обращений растет. Во втором, третьем и четвертом кварталах 2014 года доля электронных обращений в среднем составила 78%. При этом ярко выражена динамика роста общего количества обращений в сравнении с данными прошлых годов (+15%, +44%, +76%). В отчётах начинает регулярно появляться формулировка «Увеличение численности обращений в значительной степени обусловлено деятельностью активистов, направляющих обращения с интернет сайтов». Определяющими можно считать статистические данные отчётов за 2015 год. Для I квартала 2015 года доля электронных обращений составила уже 82%, а общее количество обращений в сравнении с I кварталом 2014 составило +66% от значения. II квартал 2015 года принес Администрации Санкт-Петербурга вдвое больше (+100%) обращений, чем за аналогичный период 2014 года. Из общего числа обращений (39146), 13237 было отправлено в стандартизированной форме посредством интернет-проекта «Красивый Петербург». Никак не обозначенным в отчёте остался трафик обращений, исходящий от проекта губернатора Г. Полтавченко «Наш Санкт-Петербург».

До начала работы электронных сервисов «Красивый Петербург» и «Наш Санкт-Петербург» порядок формирования обращения в Администрацию Санкт-Петербурга и другие исполнительные органы был достаточно длительным. Предлагалось три пути: отправление письма почтой, личная доставка письма, и, как новшество, отправление обращения в электронном виде через официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. По ряду вопросов возможна личная встреча с представителем исполнительного органа. Очевидными проблемами каждого из этих путей являются следующее: недостаток свободного времени жителей (неудобные часы приема); невысокая правовая культура заявителей (множество обращений отклонялись по причине неверного составления обращения); негативное восприятие взаимоотношений с исполнительными органами Санкт-Петербурга.

Заявленное проектом «Красивый Петербург» время формирования обращения – загрузки фотографии, выбора характера проблемы, автоматического установления геопозиции и отправки информации на сервер – составляет около 20 секунд. Предварительно пользователь должен лишь подготовить фотографию проблемы и заполнить регистрационные данные: ФИО, адрес, контактный телефон и электронную почту. Эти данные в дальнейшем используются на сервере интернет-проекта для формирования обращения в соответствующий проблеме исполнительный орган. В результате, на электронную почту исполнительного органа направляется стандартизированное письмо-обращение о проблеме, которое, согласно законодательству РФ, орган должен рассматривать наравне со всеми другими обращениями. Тот же механизм включает в себе и интернет-проект «Наш Санкт-Петербург». Эта процедура становится еще более удобной для жителей после появления мобильных приложений «КрасиМир» и «Наш СПб».

Согласно данным портала «Наш Санкт-Петербург», самыми популярными темами обращений являются: «Неудовлетворительное состояние окраски фасада дома»;

«Повреждения дорожного покрытия проезжей части»; «Мусор на газонах»; «Неудовлетворительное состояние асфальтового покрытия на придомовой и дворовой территориях»; «Повреждения дорожного покрытия тротуара»; «Пользование общим имуществом без решения собрания собственников помещений в МКД о передаче объектов общего имущества в пользование иным лицам». Таки образом, речь идёт о стремлении горожан решать «вечные проблемы» с помощью исполнительных органов Санкт-Петербурга.

Государственные стратегии развития информационного общества, а также активная популяризация интернет-сервисов в социальных сетях, наложенная на еще более укрепившуюся роль сети интернет в жизни петербуржцев, уже находит проявление как в данных отчётов Администрации Санкт-Петербурга и других исполнительных органов, так и непосредственно в жизни горожан. Таким образом, жители Санкт-Петербурга получают эффективный инструмент взаимодействия с исполнительными органами, который, несмотря на уже заметные успехи, еще только набирает известность.

1. М. Кастельс «Сетевые структуры и формирование информационного общества»; М. Маклюэн. «Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего»; Й. Масуда «Информационное общество как постиндустриальное общество»; Т. Стоуньер «Информационное богатство: проф
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. №65
3. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212»
4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 17.06.2015) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество (2011 - 2020 годы)"
5. gov.spb.ru/gov/obrasheniya-grazhdan/otchet-obrasheniya/ (Дата обращения – 8.10.15)
6. Федеральный закон от 2.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ГАРАНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Елисеев С.М. (Санкт-Петербург)

В начале XXI века в социальных науках возрос интерес к проблеме сильного государства. Как показывает истории тема «сильного государства» всегда актуализировалась в те исторические периоды, когда в обществе отчетливо наблюдались роста неопределенности, кризисы, смуты, войны или революции. Одним словом все то, что можно определить как угрозы политической стабильности, исходящие либо из внешней среды, либо вследствие внутренних причин. В такие периоды в обществе отчасти утрачиваются социальные и политические ориентиры, усиливаются страхи перед будущим, растут потребности в безопасности и стабильности, снижении неопределенности и рисков. Одни словом, общество обращает свои взгляды и надежды к государству как политическому институту способному обеспечить стабильность и безопасность в пределах территории, на которую распространяется его суверенитет.

Можно утверждать, что на протяжении всего нового времени политические взгляды на размер и силу государственного аппарата менялись и сталкивались. Одни отстаивали точку зрения в пользу сильного, другие - в пользу слабого государства. Достаточно сравнить взгляды Гоббса и Локка, Руссо и Маркса, Гегеля и Дж. Ст. Милля и т.д.

Сторонники сильного государства подчеркивали, что только оно способно обеспечить свободу и безопасность свои гражданам, что слабость верховной власти представляет самое страшное из народных бедствий.

Сторонники слабого (ограниченного) государства делали акцент на способности общества к саморегуляции, на свободе индивидуального выбора, превосходстве свободы рыночных отношений по отношению к свободе, устанавливаемой государством.

В двадцатом веке мир раскололся на две системы: в одной господствовал либеральный порядок, ограничивающий активность государства в экономической и социальной сфере, в другой господствовал социалистический порядок, предполагающий активное участие государства во всех сферах жизнедеятельности общества.

Первым не выдержал конкуренции и давления внешней среды социалистический строй, но либеральный порядок недолго праздновал свою победу, и вынужден был изменить своим принципам. Как пишет Ф. Фукуяма, двадцатое столетие «принесло человечеству войну, революцию, депрессию и снова войну, либеральный мировой порядок разрушался и почти на всей планете либеральное управление было вытеснено гораздо более высокоцентрализованным и активным».

Теории слабого (минимального) государства развивались там и тогда, когда общество не испытывало ни явных внешних угроз, ни раздирающих его внутренних противоречий. Именно такими обществами были Великобритания и США в 18-19 веках, и именно здесь получает распространение либеральная теория и либеральная демократия.

Известный исследователь американской демократии А. де Токвиль писал, что общество в США действует само по себе и на самого себя безо всякой внешней власти: «Можно сказать, что народ сам управляет страной, ибо права, предоставленные правительству, весьма незначительны и ограничены... Народ властвует в мире американской политики, словно Господь Бог во Вселенной»

Результатом стало образование современного административно слабого государства, главными характеристиками которого являются фрагментация и дисперсия власти и авторитета внутри страны, которые непосредственно связаны с американским политическим федерализмом.

Распределение полномочий присуще и внутренней структуре верховных органов. Для них характерно разделение власти между конгрессом, президентом и судами, причем в подобном разделении конгресс доминирует над федеральным, т. е. центральным правительством. В истории США был только один период, когда произошло усиление государства. Он имел место во времена правления Рузвельта и даже получил название «правительственной революции». Первейшим следствием ее стал рост значения и силы воздействия центральной администрации на жизнь общества. Однако это явление было временным.

Теории сильного государства развивались там и тогда, когда общество испытывало на себе явные внешние угрозы, усиливающие его внутренние противоречия и конфликты.

Именно к такому типу общества относится Россия. Внешние факторы систематически оказывали и оказывают существенное воздействие на внутреннюю политику, формируя общественный запрос на сильное государство, на его высокоорганизованность и активность.

На рубеже XX и XXI веков усилились процессы системной интеграции и глобализации, которые во многом способствовали усилению позиций сторонников сильного государства. В окружающей среде всех без исключения государств в последние 25-30 лет наблюдаются существенные качественные и количественные изменения, которые привели к росту комплексности внешней и внутренней среды, появлению новых социальных групп, неправительственных акторов, экспертных и профессиональных сообществ, обладающих знаниями и современными технологиями, позволяющими им создавать сетевые структуры, аккумулировать значительные ресурсы, использовать их в требованиях изменения существующего порядка политического управления.

Комплексность социальной системы означает не только рост ее структурной дифференциации и умножение процессов, одновременно происходящих в ней. Комплексность – это потоки информации, которых не хватает системе для полного описания самой себя и окружающего ее мира (его комплексности). Это мера неопределенности, в которой системе приходится постоянно принимать решение на основе неполной информации.

Отметим, что рост комплексности социальной системы в определенной степени стал неожиданностью для политики как управляющей подсистемы. По крайней мере, судя по событиям последних трех десятилетий, поиск адекватных ответов еще далек от своего завершения. А пока он продолжается, все мы являемся свидетелями нарастания кризисных процессов как на национальном, так и региональном и глобальном уровнях. Современное государство, как отмечают многие ученые, отчасти утратило способность к управляемости, что подрывает его авторитет и претензии на доминирование в политике.

Если сильным государствам не без труда, но еще удастся контролировать и управлять социальными и политическими процессами, то слабые государства становятся источником угрозы национальной и международной безопасности. Следовательно, укрепление государства становится важной тенденцией современного политического развития, которая можно проследить в большинстве регионов мира.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РФ

Ефанова Е.В. (Волгоград)

На заседании в английской палате общин 1 марта 1858 года Генри Джон Темпл Палмерстон сказал знаменитую фразу про интересы Англии, которая стала определённым кредо во внешнеполитической деятельности Англии: «У нас нет вечных союзников и у нас нет постоянных врагов; вечны и постоянны наши интересы. Наш долг - защищать эти интересы». Сегодня каждое государство имеет свои национальные интересы, которые оно провозглашает и реализовывает в системе международной безопасности. Национальные интересы - не статичное понятие, они вбирают в себя условия внутренней и внешней политической ситуации и трансформируются вместе с ними.

В Стратегии – 2020 заявлено, что «для защиты своих национальных интересов Россия, оставаясь в рамках международного права, будет проводить рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключаящую затратную конфронтацию, в том числе и гонку вооружений» [3]. Речь идёт о поддержании и развитии долгосрочных, равноправных и партнёрских отношений с участниками мирового сообщества, оценка которых осуществляется с двух ключевых позиций: по количеству заключённых договоров и по отношению российских граждан к государствам, с которыми заключены данные договора.

Так, в 2013 году россияне считают следующие пять государств наиболее близкими друзьями и союзниками России – Беларусь, Казахстан, Китай, Украина и Германия. Количество международных двусторонних договоров с этими государствами в 2013 году: Беларусь – 8, Казахстан – 6, Китай – 6, Украина – 6, Германия – 1 [2]. Пятью государствами, с которыми у России поддерживаются наименее дружественные отношения, являются, по мнению россиян, – США, Грузия, Латвия, Литва, Эстония. При этом количество договоров в 2013 году: США – 6, Грузия – 0, Латвия – 1, Литва – 0, Эстония – 0 [2]. Двусторонние соглашения с США носят уникальный характер, их содержание кардинально отличается от соглашений с другими государствами. Практически все договора носят характер ядерного или иного военно-силового

ограничения (Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединённых Штатов Америки к рамочному соглашению о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации от 21 мая 2003 года, Соглашение между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о внесении изменений в соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о создании центров по уменьшению ядерной опасности от 15 сентября 1987 года). Подписание именно таких договоров перекликается с тезисом, обозначенным в Стратегии – 2020 как одним из направлений внешней политики РФ: «В качестве приоритетов останутся достижение новых договорённостей в сфере разоружения и контроля над вооружениями, укрепление мер доверия, а также решение вопросов нераспространения оружия массового уничтожения, наращивания антитеррористического сотрудничества, урегулирования региональных конфликтов» [3]. Однако, договора с Белоруссией носят иной характер – Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о реадмиссии.

Отношения России и США и развитие равноправных партнёрских отношений, что определено как национальный интерес России, между ними имеет также и то значение, что близкие отношения между США и Россией есть «возможность сохранения мира, гарантия международной безопасности». То есть интерес России в развитии и поддержании отношений с другими государствами, в том числе и с США, есть вопрос гарантии международной безопасности. Данная позиция совпадает с официальной: «Россия будет стремиться к выстраиванию равноправного и полноценного стратегического партнёрства с Соединёнными Штатами Америки на основе совпадающих интересов и с учётом ключевого влияния российско-американских отношений на состояние международной обстановки в целом» [3].

Особое звучание среди двусторонних соглашений приобретает газовый договор, заключённый 20 мая 2014 года, между Россией и Китаем. И хотя экономисты заявляют, что договор «на грани рентабельности», он несёт в себе большой имиджевый плюс и экономическую выгоду в дальнейшем. В экономическом плане – «открытие дверей» на азиатский рынок, который сам по себе сулит хорошие выгоды, в политическом аспекте – демонстрация того, что Россия не останется без рынка сбыта газовой продукции в случае прекращения договора о поставке газа в Европу. Этот договор на Западе уже окрестили «триумфом Путина», а сам В. В. Путин назвал его «эпохальным событием в газовой отрасли России и СССР». Никто не сомневается в политической цене этого договора, политические выгоды от заключения которого пока превышают экономические [1].

Помимо двусторонних соглашений с государствами Россия в 2013 году подписала семь двусторонних договоров с организациями – среди них: Всемирная Организация здравоохранения (1), Всемирная Организация интеллектуальной собственности (1), Европейский банк реконструкции и развития (1), Европейский Союз (3), Международное эпизоотическое бюро (1). Всего же за 2013 год было подписано 132 двусторонних договоров, 22 многосторонних договоров [2].

Из анализа международных двухсторонних договоров видна определённая корреляция между отношением рядовых россиян к определённым государствам и заключением международных двусторонних договоров России с этими государствами, которая свидетельствует об определённой поддержке населением акций государственной власти.

1. «Кошмар для Европы»: кто выиграет от газовой мегасделки России и Китая [Электронный ресурс] / Режим доступа - <http://top.rbc.ru/economics/21/05/2014/925362.shtml>, открытый. Загл. с экрана (Дата обращения – 23. 05. 2014). Российско-китайское сближение заст

2. *Россия в системе международных отношений [Электронный источник] /Режим доступа - http://www.mid.ru/spd_md.nsf/webcantr/*
3. *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] / Режим доступа - <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>*

МИРОТВОРЧЕСТВО И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Жумабек Ы.Ж. (Тюмень)

В настоящее время межкультурная коммуникация является неотъемлемой частью жизни каждого из нас. Чем толерантнее человек относится к данному явлению – тем более комфортно он ощущает себя в новом мультикультурном мире, где общие цели и устремления граничат с уникальным своеобразием традиций, обычаев и порядков.

В последние десятилетия мультикультурный состав миротворческих сил в особенности возрос, поэтому уважение в отношении чужой культуры должно быть как к коллегам по миротворческим кампаниям, так и в отношении тех стран, где проходит миссия [1].

В традиционном смысле миротворчество означает направление многонациональных контингентов под командованием ООН для разъединения воюющих сторон. В наши дни миротворцы ООН не просто выступают в качестве буфера между противоборствующими силами, а выполняют и другие задачи [2].

Однако специфика миротворческой деятельности определяется тем, что о проведённых действиях предоставляется незначительное количество информации. Проблема гласности миротворческих операций в СМИ осложнена следующими факторами:

1. Официальный гриф секретности, установленный на определённый срок, который обычно включает время непосредственного проведения операции и некоторый период после её окончания.

2. Техника безопасности миротворческих миссий. Отсутствие освещения миротворческих миссий также может быть обусловлено соображениями безопасности. В мировой практике известны случаи, когда придание огласке места дислокации подразделений приводило к большим потерям среди миротворческого контингента.

3. Запреты правительства государства, в котором проходили миротворческие мероприятия. В особых случаях предоставление объективной информации о миротворческих операциях противоречит политическим установкам правительства: стран участников, либо страны, на территории которой они проводятся.

Автором был проведён анализ средств массовой информации сети Интернет по вопросам освещения миротворческих миссий. Анализ заключался в изучении информационных сводок порталов СМИ (ИТАР-ТАСС, Красная звезда и др.) по различным разделам. Были выбраны основные рубрики, которые гипотетически могли содержать информацию о миротворческих миссиях. Были исследованы статьи по общим вопросам, политическим акциям, мероприятиям в сфере культуры и межкультурного взаимодействия разных стран и военным вопросам. По каждому разделу было просмотрено по 50 сводок за период 2012-2014 гг.

Полученные результаты демонстрируют достаточно невысокие показатели частоты упоминания о миротворческих силах. О прошедших операциях (вне зависимости от срока давности события) данных предоставляется крайне мало, при этом чаще всего они описаны общими словами-штампами и лишены каких-либо подробностей, имеющих потенциальную значимость для воспитания патриотизма и безопасности. Само слово «безопасность» употребляется лишь в половине информационных сводок. Военные

порталы освещая подобные операции предпочитают ориентироваться на военную промышленность, политические решения, противостояние конкретных политиков/военных руководителей и горячие точки.

В целом лишь 10% от всего СМИ уделяют внимание миротворчеству, при этом содержательная часть информации характеризуется ориентацией на жертвы, в особенности мирного населения (до 45% от всех сообщений данной категории), и организационные аспекты операции в количественном выражении (объём поставок, количество подразделений, численность контингента).

При этом под личностью миротворцев автором подразумевались не только публицистические рассказы о конкретных людях, сколько об их воспитании, нравственных идеалах, совместной работе, межкультурном взаимодействии. Как показывает проведённый анализ, информирование о данных аспектах не считается востребованным, либо не производится по объективной причине – отсутствию первичных данных как таковых. Если анализировать сущность информационных сообщений в целом, то в большинстве случаев внимание уделено технической стороне процесса.

В век информационных технологий и манипулировании массовым сознанием, возникла проблема неадекватного отражения некоторых событий ввиду политических, экономических, религиозных, культурных противоречий [3, с. 241]. В этом случае, осуществляющиеся в это время на территории конкретной страны миротворческие действия позиционируются в СМИ как захват, оккупация, вооружённое вторжение (6 % от исследованной совокупности).

Подобная неоднозначность в позиции СМИ относительно миротворческого контингента может оказывать деморализующее влияние на солдат и курсантов – будущих командиров подразделений. С целью проверки данной гипотезы автор в мае 2014 года провёл небольшое исследование относительно степени мотивации курсантов к участию в миротворческих миссиях. Опрос охватил 100 курсантов иностранных государств, как будущих и бывших представителей мультикультурных миротворческих действий. Все респонденты на текущий момент проходят обучение в Тюменском высшем военно-инженерном командном училище.

Один из наиболее важных вопросов, которые задавались курсантам, был сформулирован следующим образом: «Хотели ли бы вы служить в миротворческих войсках?». Результаты отражают достаточно высокую готовность к участию в подобных мероприятиях. 80 % готовы принимать участие в качестве миротворца и считают это за честь. 3 % предпочли бы иной вариант службы, но в целом морально готовы к роли миротворца. 17 % опрошенных не пожелали быть участниками миротворческих миссий. Среди причин были названы: принципиальные позиции по поводу культурных особенностей некоторых народов, невозможность объективного разделения миротворчества и военных действий, сомнительность престижа участия в подобных мероприятиях. Возможно, на ряд курсантов повлияли многочисленные политически окрашенные информационные сообщения, а также отсутствие объективной информации о большинстве миротворческих миссий.

В качестве решения проблемы возможно принять следующие меры:

1. После окончания любой операции формировать брошюры/буклеты/сборники с конкретным указанием, роли каждой страны в ходе выполнения операции, перечислять военнослужащих (если это возможно), фиксировать особые героические качества, проявленные в ходе выполнения операции, а также поступки, заслуживающие уважения к миротворческому контингенту.

2. По мере снятия грифа секретности – размещать данные издания в открытом доступе, формировать книги, энциклопедии и сборники, посвящённые отдельным операциям, либо определённому периоду деятельности миротворческих сил.

3. Разрешить специализированным журналистам брать интервью у участников операции. Осуществить настолько широкий охват опрашиваемой аудитории, насколько это возможно и необходимо.

4. Более интенсивно привлекать к освещению событий СМИ той страны, в которой проходят/проходили эти операции, чтобы население могло сформировать объективное видение ситуации.

Одним из ключевых элементов миротворчества является помощь в целях развития. В сотрудничестве с другими организациями системы, странами-донорами, правительствами принимающих стран и неправительственными организациями обеспечивается безопасность населения. Массовое освещение прошедших операций необходимо для формирования позитивного облика миротворца и миротворческого населения, нацеленного на защиту интересов людей.

1. *Миротворческая деятельность ООН на современном этапе. Lambert Academic Publishing. URL: <https://www.lap-publishing.com/catalog/details/store/gb/book/> (дата обращения: 21.05.2015).*
2. *Миротворчество в современном мире. Информационное агентство Оружие России. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/mirotvorchestvo-v-sovremennom-mire22-02-2012-12-40-00/> (дата обращения: 07.06.2015).*
3. *Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. – 461 с.*

РЕФОРМЫ НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ: МНЕНИЯ И ОЦЕНКИ ИХ СОВРЕМЕННОКОВ

Игнатова С.Н. (Санкт-Петербург)

Кризисное состояние общества есть способ движения системы от прежнего состояния через дезинтеграцию и конфликт к новому состоянию. «В ходе своей эволюции любое общество неоднократно проходит динамический цикл «стабильность – кризис – новая стабильность. (...) В самом общем виде кризис есть нарушение прежнего равновесия и в то же время переход к новому равновесию». Уже середине 80-х годов обществоведы пришли к выводу, что страну поразил социокультурный кризис, когда исчерпались возможности развития общества в существующем качестве. Н.И.Лапин характеризовал современное российское общество как оказавшееся в состоянии патологического социокультурного кризиса.

Собственно настоящий кризис есть продолжение системного кризиса, который продолжается уже более 20 лет. Многие проблемы, проявляющиеся в ходе современного кризиса, тянутся из далекого прошлого, как результат тормоза институциональных реформ, ошибок, сделанных в ходе рыночных преобразований, когда возобладал инерционный сценарий развития страны. Социокультурные изменения не закончились, они вошли в своё острую фазу, и по-прежнему стоит вопрос каким путем идти дальше. 1992-1998 годы период непосредственного проведения рыночных реформ, а первые три года были самыми важными с точки зрения проведения необходимых трансформаций. В 1992 году была объявлена политика шоковой терапии и либерализации цен. Еще в 1991 году был принят Закон о приватизации государственных и муниципальных предприятий, а с 1992 года начались их акционирование и приватизация через наделение населения приватизационными чеками (ваучерами). Именно «в этот период закладывались основы будущей экономики. С концептуальной точки зрения принципиальным в этот период можно считать вопрос о методах проведения приватизации и макроэкономической стабилизации. (...) ...период 1992-1994 гг. можно охарактеризовать как стихийное формирование институтов рынка (включая отношения собственности), перестройку и цен и острую фазу кризиса переходного периода».

Многочисленные исследования начала 1990-х гг. выявили плюрализацию ценностей на индивидуальном уровне, что предполагало обратить особое внимание на аспекты, жизненно значимые для обычных граждан. На первой стадии кризиса произошла десоциализация личности, когда индивид одобряет или отрицает противоположные ценности. Общество 1990-го года характеризуется полной социальной дезинтеграцией, когда социальные общности отдельные личности теряют свою социальную самоидентификацию, социальный статус их оказывается неопределенным, а сами субъекты приобретают маргинальные характеристики.

Социальные исследователи на протяжении всех этих лет ставили вопросы о возможностях и способах трансформации кризисного социума. Социокультурные трансформации длительный исторический процесс и охватывает многие поколения людей. Его участники выстраивают собственные индивидуальные и семейные стратегии жизни, минимизирующие риски, связанные с общественными изменениями, формируют эффективные в рамках предложенных условий жизненные траектории. Одновременно формируются механизмы их межпоколенческой трансляции. Поэтому столь важно снова особое внимание уделить восприятию населением преобразований в стране, начатым в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века, оценкам социально-политических и экономических трансформаций. Вернуться к началу 1990-х годов и заново осмыслить настроения, складывающиеся в обществе по ходу проведения реформ.

Изучение социальных субъектов в кризисном социуме требует многомерного подхода, использования различных методологических подходов. Большие панельные исследования динамики ценностей социальных групп показывают роль общесистемных, институциональных, культурных факторов в развитии ценностных ориентиров представителей реформируемого общества. Полноценно выводы таких исследований дополняются результатами крупных качественных проектов. Представляемый доклад основан на вторичном анализе материалов, полученных в ходе реализации российско-финского исследовательского проекта «Структурные изменения и стратегии выживания: адаптация к рыночным отношениям в России» (1993-1996 гг.), эмпирической базой которого стали глубинные полуформализованные интервью с петербургскими семьями.

Именно в этот период времени были заложены основы отчуждения населения страны от власти и собственности, что было отмечено и самими респондентами. Целью реформ стало не развитие страны, а становление нового экономического порядка, выгодного для старой и новой номенклатуры. Режим недоверия новым властям, состоящим из представителей старой бюрократии (бывшие партийные лидеры, директорский корпус) стал формироваться еще в начале 90-х. Собственно отстранение населения от участия в управлении, характерное для советского периода времени, и преодоление чего являлось базисом перестройки, реформирования социально-экономической и политической системы страны, сразу же проявилось в новых условиях. Включение населения в политическую жизнь страны оказалось формальным, а институты парламентаризма со временем стали лишь ширмой большой игры. На фоне экономических неурядиц эта политическая сила вообще отошла на второй план, а ценность экономического выживания стала важнее ценности свободы. Отчуждение сверху стало основой тотального самоотчуждения населения от участия во взаимодействии с институтами власти, кроме вопросов повседневной жизни.

Доклад подготовлен в рамках проекта «Траектории жизненных курсов петербуржцев в постсоветской России: межпоколенческий анализ», поддержанного РГНФ. №15-03-00421.

1. Лапин Н.И.. Тяжкие годы России: Перелом истории, кризис, ценности, перспективы // Мир России. Том. 1. 1992. №1. с.10.

2. Хедлунд С. *Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала*/ М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с.
3. Хаиткулов Р.Г., Шестаков Д.Е. *Российские экономические реформы: история эволюции концепций* // Мир России. 2012. №1. с.68-70.

СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ

Игнатъева О.А. (Санкт-Петербург)

Сетевые войны используют информационное пространство для отторжения территорий и реализации своих политических и геостратегических интересов. Цель сетевой войны сформулирована в работе американских политологов Дж. Аркилла и Д. Ронны «Наступление сетевой войны: подготовка к конфликтам в информационную эпоху». Итак, это уничтожение, ослабление вооруженных сил противника, захват или уничтожение его промышленных мощностей, захват сырьевой базы посредством формирования модели поведения всех сторон конфликта (друзей, нейтральных сил, врагов) в ситуации мира, кризиса и войны.

Главным элементом модели сетевых войн является обмен информацией. В свою очередь взаимосвязанными элементами единой сети являются боевые единицы, системы связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка, контрразведка, религиозная. Этно, коллективная психология, экономическое обеспечение.

Основной упор делается на развертывание пятой колонны внутри самого государства за счет деятельности фондов, неправительственных коммерческих организаций. В оборот берутся популярные политики и общественные деятели, которые создают общественное мнение внутри страны-жертвы. Так правозащитники принимают обращение граждан о фактах коррупции, унижении прав человека. Проповедники демократических ценностей проводят семинары и вечеринки с приглашением местной элиты. Такие организации собирают информацию по всей стране. Потом из нее выстраивается картина. Когда есть представление о внутреннем положении страны в целом, можно заняться деморализацией противника и даже деверсиями. Разбрасывают листовки, начинаются митинги и погромы. Наступает гуманитарный кризис. Страна становится неуправляемой.

Внедрение сети – это мировое господство нового типа. Это лишение стран, народов, армий, правительств их самостоятельности. И враги, и нейтральные силы действуют по за ранее навязанному сценарию. Сетевые войны манипулируют информацией и в крайних случаях военной силой. Например, в Ираке радиоэлектронное подавление каналов передачи противника и ведение пораженческой пропаганды, пропаганды против президента Хусейна, призывы к этническим меньшинствам к мести за притеснения, привели к тому, что американские войска получили оправдание бойни в Ираке, а местное население крушило статуи Хусейна в ожидании прихода демократического рая.

Сетевую структуру уничтожить нелегко, так как ее центром управления являются не люди, а сверхидея. Объединяющий фактор – идентичность (мы с тобой одной крови), который выражается в митингах, шествиях, вооруженных столкновениях, информационно освещении. Примерами сетевых войн служат цветные революции. Костяк сети в этом случае – это сербский Отпор, грузинская Кмара, украинская Пора. В Пентагоне есть специальное подразделение по ведению сетевых войн.

Следует отметить, что Россия является новым объектом Пентагона для внедрения сетевой структуры и развязывания сетевых войн. «Распад в конце 1991 года самого

крупного по территории государства в мире способствовал образованию "черной дыры" в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли». Дело в том, что запад привлекают сырьевые ресурсы нашей страны. На территории страны действует множество американских фондов (например, USAID) и НКО, которые собирают информацию о положении дел внутри страны и ведут пораженческую пропаганду среди населения. Так, некоммерческая правительственная организация США - Net финансирует организацию Екатеринбургский мемориал для распространения упаднических настроений.

Для того чтобы противостоять внедрению сетевой структуры со стороны США и создание ведущей мировой державой у границ нашей страны «зон нестабильности», Россия должна следовать своему геополитическому курсу, который сформировался в 2000-ые годы, благодаря высоким ценам на нефть. После распада СССР у России долгое время не было своей геополитической стратегии, так как страна погрязла в экономическом кризисе, криминализации и этнических междуусобицах. Речь идет о войне в Чечне.

В настоящее время страна пытается защитить свою целостность путем вступления в Евразийские коалиции ШОС, БРИКС, укрепления сотрудничества с новым мировым лидером – Китаем, присоединением Крыма. Помимо глобальной внешнеполитической стратегии Россия пытается укрепить отношения со своими ближайшими соседями – бывшими республиками СССР. «Одним из насущнейших геополитических требований России является «собрание Империи». Как бы мы ни относились к «социализму», СССР, Восточному блоку, странам Варшавского договора и т.д., как бы ни оценивали политическую и культурную реальность одной из двух сверхдержав, с геополитической точки зрения, существование восточного блока было однозначно позитивным фактором для возможного евразийского объединения, для континентальной интеграции и суверенитета нашего Большого Пространства». Благодаря высоким ценам на нефть Россия бросила основные силы на укрепление обороноспособности страны и создание образа привлекательного партнера для членов ОДКБ.

Таким образом, выстраивание добрососедских отношений с большинством стран, входящих в СНГ, политическое и экономическое сотрудничество с новым мировым лидером – Китаем, поддержка отношений с Индией, странами Латинской Америки и ЮАР, а также контроль за деятельностью иностранных некоммерческих организаций и фондов на территории страны способствует сохранению стабильности и возможности внедрения на территории страны сетевой структуры.

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) - Режим доступа: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt>
2. Вите, С. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации // Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf>
3. Дугин А.Г. Основы геополитики - Режим доступа: // <http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf>
4. Кременюк В. А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля /В.А. Кременюк – М.: ИСКРАН, 2006. - 121 с.
5. Кузьмина В. М. Современная внешнеполитическая стратегия России и международные конфликты. учебное пособие /В. М. Кузьмина - Курск : Юго-Западный государственный университет, 2014. - 166 с.
6. Платонов Ю.П. Геополитика в паутине технологий власти / Ю. П. Платонов. - СПб. : Речь, 2010. - 608 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Ипатов А.В. (Санкт-Петербург)

За последнее время усилились, обнажились и обострились социально-политические процессы, откровенное стремление «США и К.» к сохранению мирового господства с помощью военной силы и марионеточных правительств (созданных на волне «оранжевых» революций). Все это делается через унижение национального достоинства народов, попрание их самобытности, не позволяющей им принять установленный мировой порядок. Унижение запускает ответную реакцию. Налицо военное сопротивление (Ирак), теракты (расшатывание существующего порядка), национальные конфликты. У нас в России эти процессы подталкивают власти усиливать военный потенциал, ограничивать деятельность псевдореволюционеров, снижать «градус» национальных противоречий и попыток обрести общенациональную государственную идеологию. Но вот именно в попытках решить национальный вопрос, нынешнее руководство России испытывает наибольшие трудности. Для поиска ответа на этот вопрос необходимо определиться в принципиальных положениях задающих адекватное направление решения проблемы. Здесь надо опираться не на умозрительные представления о природе нации, а опираться на современное научное понимание природы человека. Она имеет три начала: биологическое, культурно-социальное и духовное. В национальном каждое из этих начал обретает свое четкое (конкретное) определение.

Человек отличается от других живых существ тем, что он становится Личностью (Человеком) воспринимая культуру общества (опыт жизнедеятельности, передаваемый из поколения в поколение). Об этом свидетельствуют случаи «Маугли», дети, выросшие вне человеческого общества – эти человекообразные существа не обладали истинно личностными (человеческими) качествами: речь (язык) и сознание. Освоенный язык и культура определяют разум человека. Культура двухчастна, одну её часть составляют знания, накопленные человечеством об окружающей среде и о возможностях её изменения – наука. Другую часть, важную, составляет опыт воспитания и самореализации человека. Если культура дикая, а язык примитивен, человек, даже обладая выдающимися генетическими задатками, не сможет их развить. Отметим, что и язык и культура, определяющие склад личности, всегда конкретно-национальны. Отсюда следует, что фундаментальным естественным правом человека является его право на полноценную национальную культуру. А действия, попирающие это право, можно рассматривать как бесчеловечные.

Какова же духовная природа человека? Духовники различных конфессий утверждают, что человек одухотворяется Богом – или в момент зачатия или в момент рождения. Но наблюдение за детьми «Маугли», не обретших человеческих (личностных) качеств, ставят очевидный вопрос: куда исчезла душа? И что такое душа? Можно предположить, что духовная сущность сама по себе не определяет становление ребенка в человека-личность. Но если ребенок живет в высококультурной среде, осваивает родной язык, обретает сознание... то на определенном этапе своего развития начинает задаваться мировоззренческими вопросами и вопросом о своем месте в мире, осуществлении собственного предназначения. В этой ситуации духовная сущность человека является важнейшим фактором развития. Духовные потребности человека определяют его как личность и выводят за рамки социального индивида, в царство свободы. Удовлетворение духовных потребностей возможно только опираясь на духовный опыт предшественников, национальную духовную культуру. Можно утверждать, человек фундаментально национален, человек не рождается общечеловеком и входит в состав планетарного человечества как представитель конкретной нации.

Становление духовности, предполагает сознательное обращение к своим истокам (этнокультурному, духовному). Так обращение русского человека к каждому из этих корней обязательно приводит к Русскому Православию, так как само оно основано на них и их соединяет. Можно не принимать какие-то отдельные формы этого грандиозного строения, но нельзя не принимать его самого, - оно тысячелетнее воплощение Русской Духовности. Обращение к своему этнокультурному началу обязательно приводит русского человека к очевидности того, что именно Русское Православное мировоззрение составляет фундамент всей отечественной культуры. Сейчас большинство русских не осознают себя в качестве православных, но сознательное обращение к своему культурному началу обязательно обнаруживает, что оно является христианским и именно православным.

Нация объединяет людей посредством родного языка, культуры и национального самосознания. Три данных признака определяют национальную принадлежность и обеспечивают воспитание национального типа личности. С точки зрения психологии ослабление одного из них создает серьезные проблемы людям, такие как депрессия, наркомания, алкоголизм, аутодеструкция. Утрата национальной идентичности весьма опасна. Идентификация себя с русским народом становится всё затруднительнее для современного молодого человека. Наши соцопросы показывают, что русское национальное самосознание уже сейчас присуще лишь малой части русско мыслящего населения. В большинстве случаев респонденты относили себя к наднациональной общности россиян.

Конечно, Конституция РФ в общем соответствует международным документам, определяющим права человека, но фактически в ней ни как не отражено одно из фундаментальных прав - право человека на полноценное (всестороннее) развитие. Это характерно не только для России, так как в международном своде отсутствует четкое понятие о природе человека. Всеобщая декларация прав человека утверждает: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать по отношению друг к другу в духе братства» (Ст.1) [1]. Парадокс в том, что рождаясь человек, не обладает ни разумом, ни совестью – все это обретается в процессе воспитания, по мере освоения языка и культуры, трансляторами которых являются его родители. Мы можем совершенно справедливо утверждать, что на деле одним из основных прав человека является его право на язык и культуру. Очевидно, что и то и другое национальны, и следовательно любое ущемление прав нации ущемляет и права человека.

1. *Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Правозащитник. - 1998. - № 4. - С. 3 - 7.*

АБСЕНТЕИЗМ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кадушкина А.А. (Волгоград)

Одной из внутренних угроз политической стабильности России на современном этапе является феномен абсентеизма, который следует рассматривать как серьезную причину политической слабости государства, ее нестабильности, так как постоянно возрастающее количество граждан, которые по разным причинам осознанно уклоняются от участия в выборах органов власти, поднимает проблему легитимности выбранной власти. Явление абсентеизма, выражающееся в пассивном поведении граждан в участии общественной и политической жизни своей страны, как правило, демонстрирует низкий

уровень политико-правового сознания и культуры и низкого уровня развития демократических начал в государстве, размывание политических убеждений у населения.

Абсентеизм является важным индикатором общественного настроения и уровня доверия к политической системе. В нем находят выражение политическая апатия и отсутствие всякого интереса к выборам одних граждан и своеобразный протест других. В последнем случае это своеобразная демонстрация недовольства политикой официальной власти и сомнения в эффективности института выборов. Особая роль в переходном процессе развития российского общества принадлежит молодому поколению, которое в ближайшем будущем способно сменить существующую ныне политическую элиту страны. Однако, большинство представителей молодого поколения России характеризуется низким уровнем доверия к политике и власти, а также высоким процентом политических абсентеистов, что ставит под сомнение легитимность существующей политической системы и возможность становления гражданского общества в нашем современном государстве.

Абсентеизм как социальный феномен, рассматривающийся как общественная дисфункция, которая идет вразрез с интересами и ценностями государства, может проявляться в форме бытового и политического.

Бытовой абсентеизм реализуется в повседневной жизни как пассивное отрицание необходимости участия в общественной и политической жизни страны. Представители данной категории людей используются властью в качестве поддержки за счет их нереализованного права голоса за того или иного кандидата на региональных или федеральных выборах (то есть проявляется «политическая карусель»). Как правило, уровень бытового абсентеизма в регионах невысокий. Однако, при определенных условиях бытовой абсентеизм, превращаясь в большую доминанту, трансформируется в политический, что представляет большую угрозу для государства, так как проявляется в виде осознанного активного проявления не только высокого уровня недоверия к власти и политическому институту, но и в виде протеста, отрицания реализуемой государственной политики и существующих государственных основ. Политический абсентеизм представляет собой низовую, полу-организованную форму политической борьбы, что следует воспринимать как социальный вызов определенных категорий общества государству и его устойчивости.

Уровень абсентеизма в государстве характеризует, прежде всего, работу политической системы в целом и отношение граждан к ней. Политическое и общественное самоотчуждение граждан можно рассматривать как форму пассивного одобрения существующей политической ситуации, так и наоборот – форму выражения недоверия к политическому истеблишменту, приводящего к игнорированию человека всех демократически важных политических процессов. Следовательно, среди абсентеистов можно выделить две основные группы: группу граждан, которые пассивно одобряют существующий политический режим, политическую ситуацию и не считают нужным что-либо менять, чье решение не ходить на голосование не является выражением их политической позиции и демонстрирует конформное поведение, и группу граждан, выражающих таким образом свой протест и свое недоверие к власти.

Актуальным вопросом в молодежной политике РФ на сегодняшний день является неактивность или нежелание именно молодежи участвовать в социальной и политической жизни страны. Выявляются тенденции крайних форм правового нигилизма

Политический и бытовой абсентеизм молодежи современной России все чаще проявляется не только в виде неформальных общественных мероприятий и акциях, но и в крайних формах политического протеста, участия в несистемной оппозиции, которая с каждым годом увеличивает количественный состав участников.

Несистемная оппозиция как проявление абсентеизма в современной России с каждым годом становится все активнее и расширяет свое влияние в молодежной среде. В период только с 4 декабря 2011 г. по 4 февраля 2012 г. в крупных городах России прошло

несколько массовых акций протеста, организованных и возглавляемых лидерами несистемной оппозиции: митинг на Чистых прудах (5 декабря 2011 г.), митинг на Болотной площади (24 декабря 2011 г.), шествие по улице Якиманка и митинг на Болотной площади (4 февраля 2012 г.). В массовых митингах оппозиции в феврале 2012 г. принимали участие как люди, не имеющие политических предпочтений, так и приверженцы различных политических партий и объединений, такие как националисты, коммунисты, социалисты, анархисты, львиную долю участников составила молодежь.

Современная несистемная оппозиция строится вокруг таких лидеров, как Илья Яшин («Солидарность»), Сергей Удальцов («Левый фронт»), Алексей Навальный (создатель проекта «Роспил»), депутаты Дмитрий Гудков и Илья Пономарев («Справедливая Россия»), последователей Бориса Немцова («ПАРНАС»), и продолжает свою активную протестную деятельность по отношению к правящей партии, приобщая все больше и больше политически неактивного населения в свои ряды, реализуя явление конфликтного абсентеизма.

Проявление бытового и политического абсентеизма у представителей молодежи демонстрирует проведенное эмпирико-познавательный опрос среди 100 студентов 1-4 курсов (возраста 18 – 22 лет) факультета государственного и муниципального управления (ГМУ) специальности ГМУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Волгоградского филиала (РАНХиГС ВФ).

В процессе эмпирического исследования были получены следующие выводы:

Роль, которую, по мнению молодежи, они играют в политической жизни страны это: не оказывают серьезного влияние на политическую жизнь страны 57% (что может впоследствии трансформироваться в зарождение абсентеизма), участвуют в митингах, акциях протеста - 5%, участвуют в государственных молодежных объединениях и организациях - 30%, принимают активное участие в голосовании на выборах 8% респондентов.

Считают выборы способом избрания представительной власти как проявление демократического принципа избрания власти – 56%, выборы как проявление своего гражданского долга – 24%, не считают выборы способом избрания представительной власти, так как его голос ничего не решает – 2%, выборы фальсифицируются – 16%.

Отвечая на вопрос: «Необходимо ли молодежи принимать участие в политической и общественной жизни страны?» респонденты ответили, что безусловно надо (56%), «скорее да, чем нет» ответили 38% респондентов, затрудняются ответить – 6%.

Результаты исследований показывают, что молодежь в целом пассивна и аполитична.

Полученные данные коррелируются с исследованиями ВЦИОМ, который представил данные опроса о том, как россияне оценивают итоги единого дня голосования в сентябре 2015г.

По словам каждого второго (51%) из тех, в чьих регионах были выборы, он участвовал в голосовании. Наименее активно свою гражданскую позицию проявляют молодые россияне. Согласно данным опроса, не ходили голосовать 49% респондентов, в чьих регионах были выборы. Свое бездействие объясняют тем, что «все и так решено». [1]

В заключении, следует отметить, что исследование темы абсентеизма в молодежной аудитории имеет большое значение в рамках развития в России основ демократического общества, поэтому политическому истеблишменту российского государства необходимо направить свои усилия на формирование молодежи как социально активного и политически грамотного субъекта общественных отношений, как залог будущей государственной устойчивости страны.

1. <http://www.wciom.ru>

2. Федоров В. В. *Русский выбор : введ. в теорию электор. поведения россиян. М., 2010.*

3. *Абсентеизм и его причины: специализированный сайт — [Электронный ресурс]. URL: http://www.auditkom.ru/absenteizm_i_ego_prichiny.html*
4. *Гудина Ю.В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика / Ю.В. Гудина // Полис. — 2003. — № 1.*
5. *Зубок, Ю. А. Молодежные движения как форма самоорганизации молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Россия в условиях глобального кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2008 году. - М., 2009.*

ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ВНУТРЕННЮЮ СТАБИЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Кайманакова О.Б., Савченко И. А. (москва)

Межэтнические конфликты, в современном обществе частое явление. Они возникают во всех уголках нашей планеты. И уровень социального развития, в этом вопросе не имеет никакой роли. Так как в этих конфликтах участвует религия, культура и взаимоотношение этносов в целом.

Так как этнические конфликты всегда связаны, с каким-либо другим аспектом, они несут за собой очень огромное влияние на современное общество.

Приведем примеры. В школе класс разбит на несколько этнических групп, дети видят то что одна из этих групп плохо учится, а за этим не происходит никакого наказания, и начинается подражание, прогулы уроков, не выполненные домашние задания, когда начинается разбор, почему же это произошло, почему им можно, а нам нельзя, сама структура конфликта несет в себе разное отношение к учебе, но при этом, другой группе, возможно, не нужно учиться им не нужны эти предметы, происходит столкновение на уровне ученик – учитель – родители.

Так же к этой сфере можно отнести педагогические конфликты на этической почве. Конфликт между учеником и учителем может быть создан из-за повышенных требований учителя, или же от невыполнения требования учеником. Такой конфликт будет сопровождаться внутренним протестом ребенка, на протяжении всей его жизни, он вырастет как асоциальная личность и будет воздействовать на людей представителя этноса учителя негативно.

В нашей стране бесплатная медицина, но из-за разной экономической ситуации в различных этнических группах, можно добиться разного лечения, казалось бы, должно быть всё равноценно, но на практике этого не происходит, возникает конфликт в сфере здравоохранения, из-за экономического дисбаланса.

Так же можно отметить более широкий конфликт, по мере степени наказания за преступление, по недавним социологическим вопросам, русский этнос, считает, что этнос северного Кавказа, не несёт такого же наказания, как обычные русские люди. Это конфликт на уровне государства.

Так же хочется отметить, что в нашей стране очень часто возникают этнические конфликты, именно на экономической сфере, так как деньги в современной жизни играют очень огромную роль, межэтнические конфликты, на этой почве возникают абсолютно во всех сферах. Можно встретиться с экономической несправедливостью где угодно, будь то это школа, медицина, ЖКХ, покупка личного и недвижимого имущества, в сферах юриспруденции.

Социально-экономический конфликт, возникает в момент экономического неравноправия, где основное требование, выравнивание жизни по какому-то признаку, будь то экономическое или же, распределение материальных благ.

Так же конфликты случаются из-за родственных связей, когда на хорошо оплачиваемую работу не попадает сотрудник, который много знает и умеет, а ставится «бездарный» из-за этнической связи.

В конце концов, это может привести к более обширным конфликтам на уровне государства, между представителями различных этнических объединений.

Во время подросткового созревания этот вопрос стоит особенно остро, подросток очень чувствителен к окружающему миру и обстановке, культуры и системы ценностей. Если произойдет прецедент, накаливая напряженности на любых уровнях, это будет нести свою печать, на протяжении всей его жизни.

На постсоветском пространстве в наше время, проживают множество различных этносов, таким образом, при взаимодействии с другими людьми, мы, так или иначе, взаимодействием с различными этносами. Так как исследования подростков, на их отношение к миру и всевозможным реакциям, не несёт в себе опыт прожитых лет, его реакцию можно считать достаточно адекватной, а мнение отстранённым, такие исследования несут в себе огромную перспективу.

1. Шпет Г.Г. *Введение в этническую психологию. Серия «Из наследия мировой психологии»*. – М. : ЛКИ, 2010.
2. Крысько В.Г. *Этническая психология*. – М. : Академия, 2008.
3. Шалин В.В. *Формирование диалога и толерантного поведения (концептуальный аспект)*. – Краснодар, 2008.
4. Маркова Н.Г. *Формирование культуры межнациональных отношений студентов в поликультурном образовательном пространстве вуза : автореф. дис. ... д-ра пед. наук*. – Казань, 2010.

НЕФОРМАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ЛОББИЗМА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Каневский П.С. (Москва)

В процессе развития собственных демократических институтов, Россия в последние 25 лет неизбежно сталкивается с одним и тем же вопросом - как должна быть устроена социально-политическая система, чтобы она отражала интересы различных социальных групп, какие механизмы демократического управления должны применяться, как упорядочить взаимодействие между обществом, государством и бизнесом? Политики, граждане и экспертное сообщество все еще не пришли к однозначным ответам, более того, масштаб научных дискуссий уменьшился, а некоторые вопросы и вовсе стали выпадать из сферы интересов российской социально-политической мысли. Те теоретико-методологические наработки, которые были сделаны в первые 10-15 лет изучения политической системы, институтов, поведенческих аспектов политики, по большому счету законсервировались в российской науке, а их критическое осмысление происходит крайне медленно. Те немногочисленные обобщающие теоретические и эмпирические исследования, которые продолжают проводиться, основываются на идейном багаже, появившемся в иное время и в иных общественно-политических условиях.

Сказанное выше в полной мере относится к такой актуальной теме как взаимодействие групп интересов, групп давления и органов государственной власти, которое в российской политологической, социологической и юридической практике принято называть лоббизмом. Лоббизм как социально-политическое явление является не просто важной темой, ведь осмысление механизма артикуляции интересов и деятельности групп интересов – это один из краеугольных камней понимания природы политического представительства и демократической системы. В основе большинства рассуждений о лоббизме в среде российских политических экспертов, политиков и предпринимателей лежит спор о легальности и легитимности данного явления. По большому счету, большинство дискуссий о лоббизме свелось сегодня к тому, должен ли это быть легальный институт, либо в России институт лоббизма невозможен. К сожалению, очень

часто в этих дискуссиях теряются более существенные вопросы – какой должна быть система представительства интересов, как должны работать механизмы артикуляции и агрегирования интересов, как сделать органы государственной власти более эффективными по отношению к репрезентируемым социальным слоям и группам. Очевидно, что в ходе политического развития и модернизации общества выявилось слишком большое количество системных преград и проблем, которые мешают дальнейшему движению в сторону более эффективного управления и представительства, на которых должен базироваться институт лоббизма. Во время президентства Д.А. Медведева в российском экспертном сообществе, среди законодателей и представителей частного сектора в очередной, пятый раз активизировался дискурс вокруг вопроса регулирования лоббистской деятельности, который завершился известной сентенцией тогдашнего первого лица страны, что российский парламент до дорос до принятия единого закона о лоббизме.

Очевидно, что лоббизм в России, хотя и существующий в реальности, пока слабо поддается научному структурированию, потому что это не набор формальных процедур, закрепленных в законодательстве, а неформальные практики. Именно поэтому российская политическая наука столь активно пользуется универсальным определением лоббизма как «неформального института».

Как отмечают, В. Меркель и А. Круассан, к факторам, влияющим на появление неформальных институтов, относятся «традиции, обычаи, моральные ценности, религиозные убеждения, сети и другие нормы общения долгосрочного характера». Такого рода неформальные структуры формируются в ходе постоянного социального взаимодействия, закрепленного не нормативно, а в сознании и поведении людей. В отличие от формальных политических институтов, динамика и структура которых напрямую зависят от действующего законодательства, неформальные институты могут даже обладать большей стабильностью, чем формальные институты, поскольку зависят от реальной динамики межсоциальных связей, доминирующего типа общественных ценностей и ролевых особенностей.

Данное объяснение можно было бы назвать компромиссным, но оно порождает логичный вопрос – если мы можем считать лоббизм неформальным институтом, существование которого не закреплено в нормативной сфере, почему мы не можем считать таким же неформальным институтом, например, коррупцию? И где в таком случае проходит граница между лоббизмом, коррупцией и прочими неформальными институтами, которые играют столь важную роль в политическом процессе? Для России этот вопрос является не праздным, поскольку системная коррупция в последние годы стабильно находится на опасно высоком уровне, значительно превышающем допустимые пороги.

Сравнение лоббизма с коррупцией красной нитью проходит через все дискуссии, связанные с попытками проанализировать воздействие организованных групп и отдельных индивидов на лиц, принимающих решения.

Именно различие между коррупцией и лоббизмом заложено в основу ставшего уже классическим деления на цивилизованную и нецивилизованную формы лоббистской деятельности. По словам С.В. Васильевой, грань между цивилизованным и нецивилизованным лоббизмом проявляется не на бумаге, а в конкретных действиях политиков и чиновников, имеющих, либо не имеющих корыстную составляющую.

Очевидно, что лоббистские отношения в России развиваются в последние десятилетия, прежде всего, на фундаменте неформальных межличностных и межгрупповых связей, которые глубоко укоренены в политическом процессе и зачастую унаследованы из позднесоветской эпохи, когда начинали формироваться тесные контакты между представителями различных торгово-промышленных отраслей с представителями партии и исполнительных органов. Из отдельных разрозненных сетей в 1970-е гг. это привело к сложной системе согласования интересов между финансово-промышленными

группами и властью. Именно через призму данных взаимосвязей принято рассматривать т.н. «железные треугольники лоббизма», которые подразумевают установление контактов между законодателями, профильными чиновниками и представителями крупных корпораций и промышленных объединений.

Институт лоббизма, в том виде неформальных практик и неписанных норм, в котором он существует, слабо поддается прямому регулированию и пять безрезультатных волн дискуссий о возможном принятии закона о лоббизме – лишнее тому подтверждение. На самом деле, вопрос регулирования лоббизма куда шире, чем возможная формальная институционализация процедур взаимодействия групп интересов и власти. В действительности речь должна идти о создании отлаженного механизма артикуляции интересов и системы жесткого контроля в триаде «власть-бизнес-общество». Это касается как конкретных законодательных мер в области регулирования коррупции, так и возможного пересмотра уже существующих норм права.

Актуальные перспективы регулирования лоббизма на сегодняшний день заложены не в потенциальном едином законе, а в создании широкой нормативной базы, которая должна способствовать децентрализации административного управления, большей прозрачности в деятельности органов государственной власти, снижению уровня коррупции.

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Капустина Е.Г. (Санкт-Петербург)

Молодежные общественные организации являются посредниками между органами государственной власти и молодежью. Они создаются для отстаивания различных нужд и интересов молодежи. Основным функциональным назначением является протекция этих интересов и нужд, а также мобилизация и интеграция молодежных структур на выполнение социально значащих задач, что является основой молодежной политики.

В обществе, функционирующая с учетом принципов демократического государства, молодежная политика является стержневым звеном общественной регуляции процессов становления новых поколений - социализации и самореализации молодежи [1, с. 95]. Молодежная политика является важной характеристикой гражданского общества, которая в современной России скорее в перспективе, чем реально воздействует на политический и социокультурный процесс.

Исследуя сущностные характеристики молодежной политики, ведущие отечественные социологи Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко пришли к выводу, что в обстановке быстрых изменений и обновления всех сфер общественной жизни первостепенное значение имеет преодоление противоречий между молодежью и обществом, укрепление их взаимодействия и согласования интересов. Основой минимизации противоречий является сочетание двух стратегий молодежной политики:

1. «собесовская», «компенсаторная», «пожарная» (связана с решением сиюминутных проблем) – система мер, компенсирующих отдельным группам молодежи материальные потери от кризиса в обществе, обеспечивающих социальные гарантии, более равные стартовые возможности;

2. «инновационная», «стабильная» (рассчитана на перспективу) – создание благоприятных условий для активного творчества молодых людей [2, с. 187].

Первичная стратегия сочетается с ключевой задачей социальной политики – социальной защитой населения. Вторая стратегия стимулирует молодежь к переходу из

пассивного объекта социальной защиты в ее активные субъекты, способствует развитию инициативы и автономности молодых людей.

Сущность молодежной политики, с точки зрения Н. Головатого, можно рассматривать как своеобразный механизм, с помощью которого государство, политические партии, общественные организации и другие социальные институты вступают во взаимоотношения с молодым поколением [3, с. 292]. Данный механизм эффективно функционирует только при условии совместной скоординированности всех субъектов политики, а функцию координирования способны выполнять только органы государственной власти.

Различают государственную и общественную молодежную политику. Теоретическое обоснование общественной молодежной политики принадлежит И.М. Ильинскому. К этой идее, выдвинутой в 1998 г., И.М. Ильинский позже неоднократно обращался [4, с. 15]. В дальнейшем данная категория была переосмыслена участниками молодежного парламентского движения России. В соответствии с этими позициями сформировалась и предопределилась формулировка общественной молодежной политики разработанная активистами этого движения и заложена в проекте Федерального закона «Об общих принципах организации молодежного самоуправления в Российской Федерации»: общественная молодежная политика - это «система мер, формируемых и реализуемых органами молодежного самоуправления, направленных на социально-экономическое, политическое и культурное развитие России и ее территорий» [5].

Позиция И.М. Ильинского и его научной школы относительно сочетания государственной и общественной молодежной политики получила отражение в современных документах по вопросам молодежной политики. К примеру, в Докладе Государственному совету Российской Федерации «Молодежная политика России на современном этапе указывается: «Молодежную политику нужно рассматривать как единство государственной и общественной составляющих. Она представляет собой деятельность государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов общественных отношений. Общий смысл молодежной политики состоит в создании в обществе условий и стимулов для жизнедеятельности новых поколений, которые способствовали бы проявлению, развитию и реализации задатков, способностей и талантов молодых людей в целях социально-экономического и политического прогресса российского общества. При этом общество хочет видеть молодежь нравственной, национально ориентированной, высококультурной, инновационной, предприимчивой, здоровой» [6].

Общественная молодежная политика призвана дополнять государственную молодежную политику, имеющую определенный приоритет перед ней. Субординированность общественной молодежной политики сохраняется до тех пор, пока государственная молодежная политика отвечает интересам общества. В случаях, когда государство работает против интересов общества и нации, то общество должно изменить, скорректировать этот курс и политику в нужном направлении.

Молодежная политика, как уже отмечалось, реализуется разнообразными институтами гражданского общества: политическими партиями, общественными организациями, профсоюзами и тому подобное [7, с. 584].

Молодежные общественные организации выступают в качестве субъекта общественной молодежной политики. Последние понимаются как добровольное объединение молодых граждан, юридически зарегистрированные и созданные для выполнения поставленных задач и достижения определенных целей, характеризуются общими или подобными интересами своих членов и выполняют функции посредника между государством и молодежью [8, с. 138].

Молодежные общественные организации преимущественно возникают вследствие объединения определенной неформальной группы людей с одними идеями и желанием, чтобы достичь поставленных ими целей и задач. Далее эта группа формализуется

(зарегистрировавшись в Государственном реестре) и происходит учредительское оформление задекларированной цели. [9, с. 60].

Имеет место и другой сценарий создания молодежной общественной организации. Ее формирование может быть инициировано как государством, так и политическими партиями. В этом случае уже под определенную цель, что обуславливает поиск конкретных членов организации среди молодежи, которые по определенным признакам соответствуют этим целям и идеям.

Как свидетельствует анализ, молодежные общественные организации классифицируются по различным признакам. основополагающим критерием является - уровень вовлечения организаций в политическую жизнь общества, согласно которому организации систематизируются по характеру их деятельности. Наиболее полную систематизацию по данному критерию представил Дж. Фишер [10, с. 10], который предложил дифференцировать молодежные организации на те, которые находятся под воздействием политических партий и власти, и те, которые политически не ангажированы. К политически ангажированным организациям относят молодежные филиалы политических партий и молодежные общественно-политические организации. К политически не ангажированным следует относить молодежные религиозные организации, молодежные профессиональные объединения (организации по интересам), благотворительные молодежные фонды и благотворительные фонды для молодежи, национальные молодежные организации, студенческие движения. Безусловно, каждая из вышеперечисленных общественных сил обладает различными ресурсами и возможностями. Также все эти субъекты активно участвуют и в проведении государственной молодежной политики в рамках реализации коммуникативных стратегий во взаимодействии с властью.

Таким образом, можно констатировать, что коммуникативное взаимодействие молодежи и власти функционирует по принципу участия, выражающее, что субъектом разработки и реализации молодежной политики должны быть, прежде всего, сами молодые граждане, их объединения и организации.

Эффективность общественной молодежной политики в процессе реализации коммуникативных стратегий молодежи в процессе взаимодействия с властью достигается путем рационального сочетания с государственной молодежной политикой как составляющих компонентов стратегии социально-экономического развития. Такой подход к концепции молодежной политике имеет конечной целью всестороннее развитие личности молодых людей, их привлечение к сознательному и активному участию в жизни общества и государства.

Взаимодействие власти и молодежи в сложных экономических и социально-политических условиях России формируется в основном государственными органами, которые формируют молодежную политику – систему государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах Российской Федерации и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности.

Одной из главных черт российской государственной молодежной политики, определяющей ее целевую природу и конкретное содержание, является ориентированность на оптимальное сочетание патернализма по отношению к молодежи и ее рассмотрение в качестве равноправного субъекта этой деятельности.

Участие молодежи в формировании взаимоотношений с властью проявляется во влиянии на политику государства, в возможности доносить свои интересы до власти и отстаивать их, осуществлять диалог с властью по проблемам молодежи, создавать различные политические и неполитические молодежные организации и движения для представительства своих интересов.

Как уже отмечалось, молодежные общественные организации являются одним из важных элементов гражданского общества. Объединяя молодых людей в своих рядах, они позволяют, во-первых, формулировать те интересы, которые общество ставит перед собой целью добиваться, во-вторых, артикулировать свои требования, и, наконец, «заставить» власть, если не полностью следовать этим провозглашенным интересам, то учитывать эти требования в своей деятельности.

Для молодежных общественных организаций гражданское общество является и местом действия, и целью. Функционирование молодежных организаций следует рассматривать как защитную реакцию на социальные изменения, как «генераторов социальной жизни», которые способны генерировать свою нормативность и цели.

1. Чупров В.И. *Молодежь в обществе риска* / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. – М.: Наука, 2001. – 563 с.
2. Вишневский Ю.Р. *Социология молодежи: учебн. пособ.* / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. – Екатеринбург: Научн.-исслед. центр при институте молодежи, 2007. – 211 с.
3. Головатий М.Ф. *Соціологія молоді: курс лекцій* / М. Ф. Головатий. – 3-ге вид., переробл. Допов. – К.: МАУП, 2014. – 304 с.
4. *Русский интеллектуальный клуб: стенограммы заседаний и другие* / под науч. ред. И.М. Ильинского. – М.: Социум, 2009. – 192 с.
5. *Общественная молодежная в России* // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newparlament.ru/tribune/view/1631>
6. *Молодежная политика России на современном этапе* // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://molod.eduhmap.ru/var/db/files/16401.doklad-molodezhnaya-politika-nasovremen-not-etape.doc>
7. Ильинский И.М. *Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория* / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2010. – 696 с.
8. Чирун С.Н. *Молодёжная политика России в современном методологическом дискурсе* / С.Н. Чирун // Вестник ПАГС. – 2009. – С. 136-140.
9. Карпенко О.М. *Молодежь в современном политическом процессе в России* / О.М. Карпенко, И.А. Ламанов. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – 560 с.
10. Fisher J. *Nongovernments: NGOs and the Political Development of the Third World* / J. Fisher. – Connecticut: Kumarian Press, 1998. – 237 p.

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кареев Д.В. (Иваново)

Проблема политического конфликта – одна из самых актуальных проблем современного политического пространства. Данное обстоятельство стало вновь актуальным в последнее время, в связи с недавними событиями в Грузии, Украине, Казахстане. Поэтому остро стоит и вопрос о возможностях управления политическими конфликтами и о способах их урегулирования.

В политологической и социологической литературе вопросу о понятии конфликта посвящено значительное количество как отечественных, так и зарубежных работ. Общее, что присуще всем определениям этого явления – указание на наличие стойкого противостояния, противоборства, ситуации напряженности, столкновения сторон, идей, сил, интересов. Следует отметить, что политическому конфликту, в отличие от социального, экономического, этнического, религиозного, присуще вынесение этого противоборства на уровень властных отношений, т. е. на более высокий социально-политический уровень. На наш взгляд, политический конфликт – это социально-политическое явление, структурированный процесс, проходящий через определенные стадии, представляющий собой своеобразный способ разрешения значащих для сторон политических вопросов, насущно необходимых на данный момент социально-

политического развития, хотя бы для одной из конфликтующих сторон, урегулирование которых в данных конкретных условиях невозможно никаким иным путем.

Последние события в странах постсоветского пространства продемонстрировали, что политический конфликт в этих государствах развивался в двух основных видах:

1. между существующей властью и общественными силами, интересы которых не представлены в структуре властных органов и институтов или представлены в виде отрицания и подавления этих интересов;

2. внутри существующей власти: с одной стороны, когда каждая из групп внутри господствующего класса обладает более частными интересами и собственным видением ситуации, которую она стремится навязать всему классу и положить в основу принятия решений, с другой стороны, внутренний политический конфликт связан с внутригрупповой борьбой за распределение властных ресурсов, полномочий и соответствующих позиций, и вместе с тем он, как правило, сопряжен с попытками обоснования нового курса в рамках существующего государственного строя или режима реализации властных полномочий.

Между этими двумя видами конфликта существуют сложные взаимоотношения. Социальные движения в постсоюзных государствах обращены не только к власти в целом, они апеллируют к конкретным ее носителям и представителям, критикуя определенные учреждения, законы. Как правило, такова природа реформаторских движений, в отличие от движений революционного характера, ориентированных на одновременный слом всех сложившихся властных структур. В свою очередь, во властных структурах так же складывается дифференцированное отношение к требованиям, выдвигаемым соответствующими движениями. Определенная часть властного аппарата стремится проводить гибкую политику, предлагая тактику уступок, поскольку защищает более общие и перспективные интересы господствующего класса или социального слоя.

Конфликты, возникшие в последнее время в бывших союзных республиках, во многом повторили те конфликты, которые возникали после распада Советского Союза. Общей базой для этих конфликтов являлось то, что пружиной поступков людей и массовых действий было чувство национального единения, согласие с идеей ущемления национальных прав, ощущение угрозы со стороны некоторой внешней или внутренней силы, противостоящей данной этнической и национальной группе. Чувства национального единения и противостояния оказались настолько мощными, что превратились в движущую силу конфликтов.

В России создается общество с новым соотношением классов и социальных групп, где велики и, возможно, будут возрастать различия в доходах, статусе, культуре. Именно поэтому особое значение приобретают усилия законодательных, исполнительных и судебных структур власти по смягчению нынешних и грядущих конфликтов.

Конфликты в России отличались и отличаются особой остротой и частым применением насилия. В России исторически сложилась «конфронтационная политическая культура», несущая в себе нетерпимость к инакомыслящим и инакодействующим. Советская тоталитарная идеология и формулы «кто не с нами, тот против нас», «если враг не сдается, его уничтожают» и другие, прочно укоренились в обыденном сознании. Такая политическая «культура» воспроизводится в различных структурах и институтах общества, государственной власти, не просто затрудняя, но и делая порой невозможным переход от состояния конфронтации к диалогу.

Особую группу социально-политических конфликтов, оказывающих непосредственное влияние на все российское общество и во многом связанные с поиском национальной идентичности, традиционно составляют межнациональные конфликты. Сама федеративная организация государства в России является почвой для всевозможных конфликтов. Их последствия весьма противоречивы. С одной стороны они разрушают социальные структуры, приводят к значительным, необоснованным затратам ресурсов, с другой – являются тем механизмом, который способствует решению многих проблем, сплачивает группы, и в конечном счете служит одним из способов достижения социальной справедливости. Двойственность в оценке людьми последствий конфликта

привела к тому, что социологи, занимающиеся теорией конфликтов не пришли к общей точке зрения по поводу того, полезны или вредны конфликты для общества.

Налицо два типа последствий таких конфликтов:

- дезинтегрированные последствия, которые усиливают ожесточение, ведут к разрушениям, к внутригрупповому напряжению, разрушают нормальные каналы кооперации;

- интегративные последствия, которые определяют выход из сложных ситуаций, приводят к разрешению проблем, усиливают групповую сплоченность, ведут к заключению союзов с другими группами, приводят группу к пониманию интересов ее членов.

Возможно и несколько функциональных последствий конфликта. Одно из них заключается в том, что проблема может быть решена таким путем, который приемлем для всех сторон, и в результате люди будут больше чувствовать свою причастность к решению проблемы. Это, в свою очередь, сводит к минимуму или совсем устраняет трудности в осуществлении решений – враждебность, несправедливость и вынужденность поступать против воли.

К дисфункциональным последствиям, оказывающим прямое влияние на структуру общества, можно отнести следующие:

- сильная преданность своей группе и больше непродуктивной конкуренции с другими группами;

- представление о другой стороне как о «враге», когда свои цели воспринимаются как положительные, а цели противоположной стороны как отрицательные;

- сворачивание взаимодействия и общения с конфликтующими сторонами;

- смещение акцента, т.е. придание «победе» в конфликте большего значения, чем решению реальной проблемы.

Главная особенность этнополитических конфликтов в России обусловлена как различием соотношения русского и нерусского населения на всем этнотерриториальном пространстве федерации, так и главным образом тем, что национальная психология и возбужденное национальное самосознание может дестабилизировать социально-политическую ситуацию и обострить межнациональные противоречия.

Чтобы конфликты между населением и элитами, между группами элит оставались в конституционных рамках, не привели к необратимым последствиям, необходимо выполнение нескольких условий:

- создание серьезного базиса доверия населения к политике и политикам;

- приоритет профессиональных качеств, а не национальных признаков при кадровом формировании органов власти;

- создание демократических (общественных) организаций по контролю за действиями и сменяемостью власти;

- пресечение деятельности экстремистских (национальных, религиозных) организаций и движений;

- поощрение создания и совершенствования институтов гражданского общества со свойственными ему многосторонними толерантными связями.

Тем не менее, в современных условиях именно акцент на мирное разрешение внутренних политических конфликтов в России является крайне необходимым.

РОЛЬ СИБИРСКИХ ЧИНОВНИЧЬИХ ДИНАСТИЙ В ПОПОЛНЕНИИ КАДРОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ: 1822 – 1917 ГГ.

Карчаева Т.Г. (Красноярск)

Историю Сибири нельзя отделить от истории развития управленческого аппарата. Вопрос социального происхождения чиновничества дореволюционной России весьма актуален для современной исторической науки. Не секрет, что степень эффективности

любого государственного аппарата во многом определяется кадровым составом местных администраторов.

Цель данной статьи – показать роль социально-профессиональных династий в процессе формирования классного чиновничества. Хронологические рамки исследования определяются следующими критериями: 1822 г. – открытие самостоятельной Енисейской губернии в пределах Восточносибирского генерал-губернаторства; 1917 г. – время крушения монархии, а значит всей структуры государственных учреждений и институтов.

На протяжении XIX – начала XX в. чиновничество как неотъемлемая часть социальной структуры российского общества в целом, и восточносибирского общества в частности, формировалось и осуществляло свою деятельность на основе правительственной политики в области государственного управления. В связи с выделением Енисейской губернии кадры ее чиновников комплектовались заново. Особенность комплектования новых кадров Енисейской губернии заключалась в том, что в пределах Восточной Сибири фактически отсутствовало дворянское сословие. Сословный состав сибирского населения был представлен в основном купечеством и разночинцами, представителями немногочисленного дворянства являлись местные чиновники, приехавшие когда-то из центральной России и дослужившиеся за «беспорочную службу» до личного, а в редких случаях, до потомственного дворянства.

В европейской части России поступление на службу в гражданское ведомство определялось тремя условиями: сословным происхождением, возрастом, уровнем знаний [7, ст.2]. В силу сословных ограничений лицам без высшего образования, не из дворян, продвижение по служебной лестнице представлялось весьма затруднительным.

Служащие в Сибири, в частности в Енисейской губернии, могли дослужиться до чина статского советника, не имея аттестата об образовании, требуемого для производства в чины VIII и V классов. Для титулярного советника не из дворян срок получения следующего чина коллежского асессора, дающего до 1845 года потомственное дворянство, сокращался вдвое: с 12 до 6 лет; срок для производства в первый XIV классный чин для канцелярских служащих также уменьшался наполовину. В силу отдаленности от политического центра, сурового климата, удержать чиновников дольше обязательного срока (с 1822 г. - три года, с 1835 г. – всего один год) было проблематично, получив повышение в чине, денежные прибавки, приезжие чиновники возвращались за Урал [8, с. 209 - 210]. Диспропорция соотношения лиц женского и мужского пола в чиновной группе населения создавала определенные трудности. В свою очередь, правительство, пытаясь решить кадровую проблему, делало ставку на внутренние источники пополнения бюрократического аппарата.

Так, доля чиновников среднего ранга, происходивших из обер-офицерских семей на протяжении всего рассматриваемого периода неуклонно росла: 1823 г. – 15.8%, 1851 г. – 32.3%, 1882 г. – 68.5%, 1915 г. – 66.7% [1, с. 49].

Как следует из формулярных списков чиновников енисейской казенной палаты в 1840 г. из 30 служащих только шестеро имели детей (20 %), из них всего один 17-летний подросток находился в Иркутской гимназии на казенном содержании. 14 чиновников не состояли в браке вообще. Средний возраст служащих составлял 29 лет [2]. Однако в начале второй половине XIX в. ситуация изменилась к лучшему. Так по формулярным спискам Енисейской казенной палаты на 1867 год из 49 чиновников 25 имели детей (51%). Как показатель роста процента чиновничьих семей с детьми может выступать тот фактор, что средний возраст служащих увеличился с 29 до 36 лет. Каждая третья семья имела более двух детей. В свою очередь, низкий размер жалованья низшего звена губернского чиновничества не позволял отправлять детей на учебу, а как следствие ограничивал возможность поступления их на службу [3].

Коллежский секретарь, бухгалтер окружного минусинского казначейства 43-летний Иван Яковлевич Фомин, получал жалованья – 525 руб., столовых – 175 руб., за выслугу 10 лет в Сибири - 262 руб. 50 коп, всего – 962 руб. 50 коп. Фомин И.Я. был женат, имел шестеро детей, но в силу трудного материального положения дети находились при отце [5]. В свою очередь, «из рижских дворян» 45-летний Степан Викентьевич Вергинский, дослужившийся в енисейской губернской администрации до коллежского асессора, на 1867 г. окружной минусинский казначей, в целом, зарабатывал 1870 руб., а его старший сын получал достойное образование в учебном заведении г. Санкт-Петербурга [4]. Тем не менее, дальнейшую судьбу его сына Александра проследить не удалось – отсюда предположение, что Александр Вергинский после окончания столичного ВУЗа в Енисейскую губернию не вернулся. Напротив, сын Александра Осиповича Куртукова (на 1865 год губернского секретаря, старшего бухгалтера соляного отделения казенной палаты Енисейской губернии) Николай Александрович Куртуков, после окончания иркутской гимназии, вернулся в Енисейскую губернию и в 1890 году служил столоначальником третьего отделения канцелярии общего губернского управления. Следует отметить, что представители ряда фамилий во втором, а иногда и в третьем поколении находились в тех же ведомствах, где начинали службу их отцы и деды, как, например, Белинские, Поповы, Варжаковские, Шадрины - в казенной палате Енисейской губернии [6].

Таким образом, архивные материалы позволяют утверждать, что в процессе формирования наследственной бюрократии Енисейской губернии наиболее заметную роль играли чиновники местного происхождения. Их потомство составляло значительную часть всех находящихся на гражданской службе чиновников.

1. *Верхотурова, Т. Г. Кадровый состав енисейской губернской администрации (1822 – 1917 гг.) / Т. Г. Верхотурова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (10). С. 48 – 53.*
2. *ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Фонд 160. Опись 1. Дело 91. Листы 1 – 73.*
3. *ГАКК. Ф. 160. Оп 1. Д 333. Лл. 2-325; Ф. 160. Оп. 1. Д.334. Лл. 2-171.*
4. *ГАКК. Ф. 160. Оп 1. Д.333. Л. 46.*
5. *ГАКК. Ф. 160. Оп 1. Д.333. Л. 205.*
6. *Памятная книжка Енисейской губернии. СПб. 1865 – 1917.*
7. *Свод Учреждения для управления Сибирских Губерний и Областей // Свод законов Российской Империи (далее – СЗ РИ). Свод учреждений государственных и губернских. Ч. II. Учреждения Губернские. Разд. II. Особенные губернские учреждения. Кн. VI. – СПб.: В Типог*
8. *Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омского ун-та, 1995. – 237 с.*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛИДЕРА

Киселев И.Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г. (Ярославль)

Проблема функционирования общественного мнения в сфере внешней политики рассматривается, как правило, с точки зрения двух подходов.

Первый основывается на убежденности в том, что обычные граждане способны оказать влияние на процесс принятия внешнеполитических решений, голосуя “за” или отказывая в поддержке политическим лидерам в ходе выборов. В связи с этим, как подчеркивают Р. Шапиро и Л.Р. Якобс, политические лидеры демонстрируют повышенную реактивность на изменение общественного мнения, особенно если оно

способно оказать влияние на результаты выборов [3, с. 190]. В результате субъекты принятия решений в определенной степени вынуждены следовать за массами.

Сторонники второго подхода обращают внимание на существование непреодолимого конфликта между требованиями эффективной внешней политики и общественным мнением. Как подчеркивает Г. Моргентхау, подобным конфликтом можно управлять, но не с помощью уступок публике. Скорее правительству следует выступить в качестве информированного и ответственного лидера общественного мнения, который способен конструировать представления граждан о внешней политике [2, с. 147]. Таким образом, отношения между субъектами принятия внешнеполитических решений и гражданами развиваются «сверху вниз», нежели «снизу вверх», как в первом подходе.

Вместе с тем, очевидно, что каждый из подходов упрощает реальность и не всегда находит эмпирическое подтверждение. История изучения роли опросов общественного мнения в принятии политических решений содержит примеры, подтверждающие существование обеих моделей [1]. Однако значимость общественного мнения возрастает, когда последствия внешней политики непосредственно затрагивают граждан, влияют на их безопасность или экономическое благополучие, возможность говорить на родном языке, сохранить культурную идентичность, испытывать гордость за свою страну. В данном случае принятые внешнеполитические решения служат основанием для оценки деятельности политиков и формированием электоральных предпочтений.

В связи с этим актуальным представляется поиск ответов на вопросы: «Неудачи в реализации каких национальных интересов оказывают наиболее осязаемое влияние на отношение граждан к проводимой внешней политике и готовности ее поддержать, а также – на отношение к осуществляющему ее лидеру?».

Для поиска ответов на поставленные вопросы проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 200 человек: 100 мужчин и 100 женщин в возрасте от 19 до 76 лет. В качестве метода исследования выступил квазиэксперимент.

Респондентам были представлены описания последствий внешнеполитического решения, содержащие 5 разных комбинаций выигрышей и потерь, связанных с обеспечением безопасности, экономического благополучия, поддержанием национальной идентичности. После ознакомления с описанием последствий приняты решения респонденты отвечали на вопросы, позволившие выявить, во-первых, их мнения о проводимой политике, в частности о том, воспринимается ли она как сопряженная с выигрышами или потерями. Во-вторых, ответы на вопросы позволили определить установки, отражающие готовность поддержать внешнеполитический курс. В-третьих, респондентов просили оценить по 5-балльной шкале компетентность и лидерские качества политика, который принял решение, а также то, насколько они доверяют ему.

Получены следующие результаты.

Установлено, что у большинства респондентов (70%) позитивное отношение вызывают описания внешнеполитических решений, которые привели либо к выигрышам в области обеспечения безопасности и экономического благополучия в сочетании с потерями в поддержании идентичности (ситуация 1), либо – к преимуществам в экономике и поддержании идентичности на фоне потерь в области безопасности (ситуация 5). Самое большое количество негативных оценок (72,5%) приходится на внешнеполитическое решение, которое характеризуется выигрышам в области безопасности и потерям в других сферах (ситуация 2). Различия статистически значимы ($\chi^2(df = 8) = 30,364; p < 0,001$; критерий Монте-Карло находится в пределах статистической значимости, $p < 0,001$).

Изучение влияния сочетаний выигрышей и потерь в реализации национальных интересов на готовность поддержать проводимую политику позволяет получить аналогичные результаты. Наибольшее количество ответов респондентов, готовых поддержать и скорее поддержать описанный в ситуации внешнеполитический курс, приходится на ситуации 1 (60%) и 5 (60%). В свою очередь, 65% респондентов не поддержат и скорее не поддержат ситуацию 2. Различия статистически значимы

($\chi^2(df=12) = 31,155$; $p = 0,002$; критерий Монте-Карло находится в пределах статистической значимости $0,001 < p=0,002 < 0,002$).

Таким образом, ситуации, вызывающие положительное отношение респондентов и готовность поддержать описанную внешнюю политику, объединяют количественное доминирование выигрышей над потерями. Иначе говоря, положительное отношение и готовность поддержать вызывают ситуации, когда выигрыши в реализации одних категорий интересов усиливают друг друга и компенсируют потери в других областях. При этом ключевая роль в обеспечении поддержки связана с успехами в реализации интересов экономического благополучия.

Отмеченная тенденция поддерживается и результатами, которые отражают связи выигрышей и потерь в реализации основных категорий национальных интересов с уровнем доверия лидеру. Самый высокий уровень доверия, по мнению респондентов, заслуживает политик, который в результате принятых внешнеполитических решений обеспечил интересы экономического благополучия и поддержания идентичности (ситуация 5): 60% опрошенных оценили доверие лидеру на 4 и 5 баллов. При этом политик воспринимается как компетентный (75%) и демонстрирующий лидерские качества (95%).

Наименьший уровень доверия (доминирование оценок 1 и 2 балла) приходится на ситуацию 2: 50% респондентов не доверяют лидеру, который в результате проводимой политики не смог реализовать интересы экономического благополучия и идентичности. На эту же ситуацию приходится максимальное количество низких оценок компетентности (42,5%) и лидерского потенциала (22,5%).

В целом оценивая результаты внешней политики, граждане уделяют внимание, прежде всего, экономическим последствиям проводимого курса. Выигрыши и потери в области обеспечения безопасности и поддержания национальной идентичности сами по себе в меньшей степени определяют отношение респондентов, но способны усилить или ослабить восприятие результатов реализации других интересов. Ситуации, в которых выигрыши связаны только с безопасностью или идентичностью, вызывают самый большой процент негативных оценок и установок на неготовность поддержать подобный внешнеполитический курс. Но при этом их совместное появление обеспечивает один из самых высоких уровней поддержки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ.

Проект «Проблема отсутствия поддержки внешнеполитического курса как фактор формирования внутриполитических потерь лидера: экспериментальное исследование», № 15-03-00455

1. Федоров В.В. *Общественное мнение и политические решения. Заметки на полях «русской весны» // Мониторинг общественного мнения, 2014. № 5 (123). С. 3-11.*
2. Morgenthau H.J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace.* NY: Alfred Knopf, 1973.
3. Shapiro R.Y., Jacobs L.R. *Public Opinion, Foreign Policy, and Democracy: How Presidents Use Public Opinion // Navigating Public Opinion. Polls, Policy and the Future of American Democracy / Ed. by J. Manza, F.L. Cook, B.I. Page.* Oxford: Oxford University

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КАК СПОСОБ УСТРАНЕНИЯ УГРОЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Кожемяко О.С., Савченко И. А. (Москва)

Один из самых важнейших путей исторического развития является расширение различных этнических контактов, налаживание различной связи, совершенствование средств СМИ, мобильность населения. Это причины, из-за которых разрушает изоляцию

групп народностей, происходит взаимное воздействие и взаимосвязь. Но в сторону обратной тенденции нужно сказать, что совершается рост количества различных этносов. Этнические группы хотят сохранить свою историю, самобытность.

Межэтнические конфликты – конфликты, происходящие между некоторыми представителями, социальными группами всевозможных этносов, противостоянию разнообразных народов. В качестве типов межэтнических конфликтов выделяются: межличностные, этносоциальные и межэтнические в обширном и строгом смысле терминов.

По мере решения конфликтов 20-го века, все межэтнические конфликты, станут всё более ужасающими. Очень важно понимать, откуда возникает такой конфликт, если знать, откуда он произошёл, тогда появятся возможность его урегулировать.

Этнический конфликт — тип социального конфликта, выражающийся в противоречии интересов, взаимной неприязни, эмоциональной вражде, противоречивом состоянии и действиях этносов по отношению один к другому.

Чаще всего конфликты, между этносами возникают из-за неравенства. Для нахождения компромисса и приемлемого результата нужно удовлетворить все противоборствующие стороны. Для этого нужно выполнить несколько условий:

- Нужно признать, что конфликт имеет место и признать, что каждая притворствующая сторона имеет право на существование. Но при этом, не обязательно признавать, что их цели и требования правильны;
- Далее на конфликт влияет степень организованности, чем лучше структурирован, тем легче его разрешить;
- Равенство сторон – организовать определенные правила, при которых возможен переговорный процесс.

Во время конфликта, может изменяться, из-за этого очень сложно провести логический анализ. Именно поэтому, довольно сложно решить конфликтную проблему. Так как, необходимо найти решение, которое удовлетворит все стороны конфликта. Именно поэтому принимается компромиссное решение. Конфликт переходит в латентную (скрытую) фазу. При этом невозможно дать гарантий, что с течением времени конфликт не вспыхнет снова.

Россия, как и многие другие страны, многонациональна. В нашей стране живёт более 150 национальностей и, кроме того, в РФ живёт множество иммигрантов. Они расселяются в различных республиках нашей страны, а местное население готово с гостеприимством принять их. Но иммигранты уже не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. В результате становятся все более настороженными отношения коренных граждан к «чужакам». Иногда настороженность перерастает в нетерпимость, проявляющуюся не только на бытовом, но и на общественном уровне. Поэтому сегодня необходимо много внимания уделять проблеме толерантности. Такое внимание совершенно обосновано, так как именно нетерпимость и недоверчивость толкает нас на конфликты с представителями иных национальностей. Толерантность от (лат. *tolerantia* — терпение) - уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность - это свобода в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность - это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира, поэтому нам необходимо быть толерантными друг к другу.

Общепризнанно, что человечеству не хватает толерантности, а проще говоря, взаимоуважительного, благожелательного, терпимого отношения друг к другу. Из-за такого дефицита происходит много бед. Одна из таких – межнациональные конфликты.

Мы должны делать всё возможное, чтобы прекратить их. Собственно, вопрос о толерантности – это, прежде всего вопрос о том, как при глубоких различиях в положении, интересах, воззрениях люди могут наладить совместную жизнь. Публичная активность граждан, их солидарные действия, кооперация усилий во имя общего блага, содержательный диалог между ними немыслимы без высокой степени терпимости. Толерантность служит своего рода мостом, соединяющим частное и общее, различия и единство. Проблемы внедрения культуры толерантности в международные отношения давно ставятся в повестку дня международным сообществом, прежде всего по линии ЮНЕСКО, и неправительственными организациями: не только главы государств, но и простые люди понимают необходимость мира на Земле.

1. Шалин В.В. *Формирование диалога и толерантного поведения (концептуальный аспект)*. – Краснодар, 2008. 14. Боктаева В.Л. *Педагогические условия профилактики межнациональных конфликтов в образовательной среде вуза: дис. канд. пед. наук.* – Ростов-на-Дону, 20
2. Коркмазов А. Ю. *Природа и типология межэтнических конфликтов*//Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия “Гуманитарные науки” 2005. № 1.
3. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. *Региональная конфликтология (экспертное мнение)*. – М.: Альфа М. 2007.
4. *Политическая конфликтология: Учебное пособие/ Под ред. С. Ланцова.* - СПб., 2008.
5. Аклаев А.Р. *Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент.* М., 2005.

ДЕПОПУЛЯЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КАК ВЫЗОВ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА

Колесниченко К.Ю. (Владивосток)

Депопуляция Дальнего Востока России как вызов устойчивому развитию региона

На сегодняшний день Дальний Восток России в силу имеющегося ресурсного потенциала и геополитического положения играет существенную роль в развитии страны, в первую очередь, в качестве площадки для реализации национальных интересов России в АТР.

Вместе с тем, развитие региона обусловлено рядом вызовов и угроз. Одной из главных угроз можно считать депопуляцию региона и задержку темпов социально экономического развития Дальнего Востока. Депопуляция региона вызвана продолжающимся оттоком населения Дальнего Востока в центральные регионы страны, неблагоприятным соотношением показателей естественного прироста и убыли населения.

Еще одной проблемой можно по праву назвать направленность миграционных потоков - привлечение в регион значительного количества мигрантов из стран Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), что в силу ряда объективных факторов создает устойчивый потенциал конфликтности, о чем свидетельствуют данные социологических исследований.

Так, в частности, результаты социологического опроса, проводившегося в сентябре 2014 г. в Приморском крае (объем выборки 600 респондентов) показали наличие ряда потенциальных проблем.

При ответе на вопрос: «Нужны ли мигранты в нашей стране и в нашем крае?»,

41% - студентов-респондентов считают, что мигранты не нужны стране,

45% - ответили, что мигранты не нужны в крае.

Из числа тех, кто считает, что трудовые мигранты нужны региону:

54% - полагают, что новоселов можно использовать в не престижных и малооплачиваемых сферах деятельности;

61% - допускает использование в отраслях, в которых не желает трудиться местное населения;

37% - опрошенных удовлетворены тем, что приезжие снабжают край дешевыми товарами и продуктами;
22% - оценили качественный, но недорогой ремонт.
15% - положительно отнеслись к этническому и культурному разнообразию, которое привносят мигранты;
14% - не видят ничего положительного в присутствии мигрантов;
8% - полагают, что мигранты помогут решить остро стоящую демографическую проблему, восполнят естественную убыль населения.

В частности одна из основных негативных тенденций последних лет более активная конкуренция на рынке труда, в сфере образования и социального обеспечения.

Причины подобного отношения местного населения имеют традиционный характер – существенные культурные различия, недостаточный уровень образования выходцев из Центральной Азии, формирование «серой зоны» взаимодействия мигрантов с работодателями и местным населением, отсутствие эффективных механизмов социально-культурной адаптации мигрантов;

В определенной степени общественные настроения можно охарактеризовать термином «размытая угроза» – когда отсутствие полноценной и достоверной информации ведет к формированию у принимающего общества отрицательных стереотипов и негативных образов.

Так, например, согласно официальной статистике МВД трудовые мигранты совершают около 1,5% от общего количества зарегистрированных преступлений, при этом 16% респондентов отметили, что они или их близкие и знакомые сталкивались с преступлениями против личности и имущества, совершенными мигрантами.

В складывающейся ситуации необходим комплекс мер как по корректировке сложившейся ситуации, так и по предотвращению развития негативных угроз в дальнейшем.

Преодоление процесса инкапсуляции социально-демографических групп мигрантов из стран СНГ;

Размывание негативного образа трудового мигранта – выходца из Центральной Азии;

Профилактика потенциальных конфликтов в сфере трудовых отношений и в социальной сфере;

В качестве мер противодействия существующим угрозам нам представляются сбалансированное применение мягкой и жесткой силы:

использование инструментов культуры: комплексная программа социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ (в первую очередь, из стран Центральной Азии);

опора на вооруженные силы как институт поддержания социально-политической стабильности в регионе;

перевод части трудовых мигрантов в категорию квалифицированной рабочей силы посредством соответствующего профессионального обучения и трудоустройства на ведущих предприятиях региона.

1. Колесниченко К.Ю.,Хамидулин В.С. Мигранты и принимающее общество в контексте межкультурной коммуникации: опыт Дальнего Востока России (опыт Приморского края).Монография. Владивосток,издательство дальневосточного университета,2015
2. Данные официальной статистики УФМС по Приморскому краю
3. Колесниченко К.Ю.,Хамидулин В.С. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВОСПРИЯТИЕ ИММИГРАЦИИ И ИММИГРАНТОВ ЖИТЕЛЯМИ ВЛАДИВОСТОКА// Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке.№ 6 2013.

ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА В ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Колянов А.Ю. (Санкт-Петербург)

Социологические опросы, проведенные осенью 2015 г., свидетельствуют о повышении интереса населения к деятельности "Общероссийского народного фронта", лидером которого является действующий президент РФ Владимир Путин (1), (2). Так, в частности, данные опросов Левада-центра показывают, что 2% опрошенных готовы проголосовать за ОНФ в случае, если бы парламентские выборы прошли в ближайшее время.

Аналитики «Левада-Центра» поясняют, что в сентябре 2015 г. респонденты называли ОНФ, т.к. опрос проводился сразу после форума ОНФ «За качественную и доступную медицину!», который запомнился 5% россиян. Ранее россияне лишь раз называли ОНФ среди политических сил, за которые они готовы проголосовать на выборах в Госдуму (в июне 2013 г. – сразу после учредительного съезда "Народного фронта - за Россию"). В прошлых же опросах ОНФ не фигурировал. Таким образом, с этого момента можно говорить об осознании гражданами ОНФ как политического объединения, ориентированного на борьбу за власть и присутствие в органах законодательной власти. С момента своего образования в 2011 году по инициативе занимавшего тогда пост премьер-министра Владимира Путина, ОНФ выступал не только как политическое объединение, призванное способствовать притоку "новых лиц, свежих идей и предложений" в партию "Единая Россия", но порой и выполнял функции, доверенные исключительно партии парламентского большинства, как это было в случае с выборами губернатора в Тульской области в конце июля 2011 года (3). Вместе с тем пять лет назад пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков отмечал, что ОНФ - это не общественная организация, а "инициатива" (4).

Общественная активность Общероссийского народного фронта показывает социальную направленность объединения, стремление отразить насущные интересы большинства, экономически зависимого от социальной политики государства. Кроме того, активности ОНФ присущи экологические мотивы: охрана природных памятников и ресурсов. Обо всем этом свидетельствуют инициативы ОНФ по созданию «Зеленого щита вокруг Москвы и Подмосковья», общественного обсуждения законопроекта о коллекторской деятельности, разработке ряда мер для предродовой диагностики младенческой смертности и другие (5).

Таким образом, ОНФ в преддверии парламентских выборов 2016 года формируется как правоцентристская политическая организация социал-консервативного толка, развивающая вектор движения главной проправительственной партии «Единая Россия» и усиливающая влияние ассоциируемых с ней политических сил.

1. *Возможные результаты парламентских выборов.* <http://www.levada.ru/07-10-2015/vozmozhnye-rezultaty-parlamentskikh-vyborov>.
2. *Электоральный рейтинг политических партий.*
3. *Общероссийский народный фронт предложил своих кандидатов на пост губернатора Тульской области. Эхо Москвы, 02.08.2011*
4. *Песков ответил Навальному про ОНФ. ИА Росбалт, 22.06.2011*
5. *Деятельность ОНФ.* <http://onf.ru/category/activity>.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ "ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ" В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Корнилов В.И., Кукина Н. В. (Ярославль)

Публикации ученых либерального направления (В. Иноземцев, В. Мау, А. Кудрин, Ясин и др.) в разных СМИ (газетах, журналах, интернете) изобилуют яркими цифрами и остро высказанными суждениями, которые привлекают внимание любого читателя независимо от его политических предпочтений. Особо, на наш взгляд, следует остановиться на политико-экономических взглядах В. Иноземцева. Сущность его статьи «Неединая Россия» должна стать идеологией оппозиции» сводится к обоснованию мер, выполнение которых позволит либеральной оппозиции победить правящую партию «Единую Россию» на очередных выборах в Государственную Думу РФ в 2016 году, а затем успешно выиграть президентские выборы в 2018 году и в конечном итоге утвердить парламентскую республику в России [1]. По его мнению, для победы либеральных сил в будущих предвыборных баталиях оппозиции необходимо взять на вооружение лозунг «Неединая Россия». В частности, он считает, что политико-экономическую власть следует переместить из центра в регионы. На наш взгляд, это спорный вопрос: с точки зрения функционирования любого государства и тем более России, по территории самой большой в мире и на которой проживает до 180 народов, идею ликвидации «вертикали власти» он предлагает рассматривать, как главное условие существования России в будущем.

История нашей страны не раз доказывала: стремление княжеств в период Киевской Руси, территорий после смерти И. Грозного и свержения Николая II, советских республик в ходе перестройки суверенизировать свои права и стать максимально независимыми от центра всегда оборачивалось распадом государства. И как следствие этих сепаратистских процессов соответственно – 250-летнее татаро-монгольское иго, потом Великая Смута в начале XVII века. В период правления Горбачева-Ельцина (период «перестройки») произошел распад СССР, и страна лишилась 1/3 территории и половины населения. Россия до сих пор не достигла экономического потенциала РСФСР.

Боязнь очередной смуты и следующего за ней неминуемого распада государства объясняет, почему государственно мыслящие деятели страны (Петр I, Екатерина II, Николай I, Александр III, в настоящее время В. Путин) стремятся сохранить «вертикаль власти». В зависимости от ситуации линия на сохранение централизованной власти обеспечивалась крайне жесткими мерами, например, массовыми репрессиями элиты и лиц ее обслуживающими, как это наблюдалось во времена И. Грозного и Сталина. Однако, если на правую чашу весов истории России, образно выражаясь, положим позитивы централизации, а на левую – позитивы сепаратизма, то увидим, что правая сторона весов значительно перевесит левую. При наличии «вертикали власти» Россия постоянно достигала расцвета в экономическом и военном отношении, а в условиях ее отсутствия становилась жертвой очередного захватчика.

Мы не отвергаем тезис, что России требуется децентрализация власти. Нет, она крайне необходима, ибо чрезмерная централизация власти, да еще в условиях ее персонализации, является тупиковой ветвью в развитии российского государства. В этом одна из главных бед нашей страны. Сам вопрос децентрализации власти заключается в том, как его осуществить, чтобы он не превратился в катализатор сепаратизма и в очередной тренд по разрушению государства. Видный американский политик и политолог З. Бжезинский считал децентрализацию власти важнейшим инструментом распада СССР. В начале 80-х гг. он представил документ американскому госдепартаменту под названием «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР». В нем он писал: «Децентрализовать империю (советскую) – значит вызвать ее распад. Любая

значительная децентрализация – даже исключительно в экономической сфере – усилит потенциально сепаратистские настроения среди граждан Советского Союза нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно означать политическую децентрализацию» [2, 87]. Попытки децентрализовать экономические и политические отношения только «снизу» в конце 80-х и в начале 90-х гг. XX века обернулись тем, что все союзные, а затем автономные республики – провозгласили приоритет своих законов соответственно над союзными и республиканскими. Союзный бюджет стал формироваться по остаточному принципу: сначала составлялись бюджеты союзных республик, а что оставалось, перечислялось в бюджет СССР. Все закончилось войной законов и в невозможности профинансировать армию, союзные стройки. Так сначала экономически, а потом политико - юридически подписанием в Беловежской Пуще Договора о денонсации (ропуске) государства децентрализаторы упразднили СССР.

На наш взгляд, решить эту проблему необходимо не путем противопоставления власти регионов Центру, а другими, более гибкими средствами. Например, если внести поправку в Налоговый Кодекс РФ на предмет обязательной регистрации предприятий по месту их деятельности, а не там, где выгодно предпринимателям: в Москве или офшорной зоне. Это позволит значительно пополнить местные бюджеты.

Остановившись на взглядах В. Иноземцева об отсутствии единого российского экономического пространства, отметим следующее. В России, начиная с середины XVII века, когда сложилось централизованное государство, всегда существовало единое экономическое пространство. Оно отсутствовало только в периоды распада государства в 1917 и 1991 гг. Для единого экономического пространства характерны: единая денежная система, единая налоговая система, отсутствие таможенных барьеров между республиками и регионами. В конце XIX века и в XX веке оно получило мощное закрепление в ходе создания разветвленной системы железнодорожного, автомобильного, воздушного и речного транспорта, единой энергетической и газораспределительной системы. Сегодня, конечно, единое экономическое пространство и его материальная основа менее совершенны, чем в советский период. Из-за разукрупнения Аэрофлота на 400 авиакомпаний и их приватизации в 90-е годы XX века страна лишилась многих гражданских аэродромов и аэропортов. Тогда немало региональных и республиканских авиалиний было ликвидировано. В те годы отечественный авиапром почти оказался загубленным. Лишь благодаря восстановлению «вертикали власти» удалось возобновить госзаказы на производство отечественных самолетов, организовать дотационные из госбюджета страны авиаперевозки для жителей Дальнего Востока и Крайнего Севера, возродить подготовку и переподготовку летного состава.

Анализируя мнение В. Иноземцева о неэффективности экономики в приграничных и приморских территориях, которые являются локомотивами развития в других странах, необходимо отметить следующее. Соглашаясь с ним, что они должны быть катализаторами экономического бума в России, тем не менее, полагаем: выход лежит не столько в предоставлении большей им самостоятельности, сколько в формировании национально ориентированной политической и деловой элиты. Ее отсутствие по большому счету – главный тормоз экономического развития не только выше обозначенных территорий, но и страны в целом, а также регионов и республик.

«Национализируя» элиту, можно смелее вводить свободные экономические зоны, давать больше прав регионам самостоятельно выходить на внешний рынок. И первым таким шагом на пути образования национально ориентированной элиты явился запрет чиновникам и депутатам всех уровней иметь вклады в иностранных банках. Последующие шаги на этом направлении, думается, следующие: запрет на обладание собственностью и обучение их детей за границей, стимулирование отечественного

предпринимателя на вложения капиталов внутри страны, переориентация российских граждан в отдыхе и туризме с зарубежных курортов на отечественные. И тогда вывоз капиталов из России, который достиг в наши дни десятки миллиардов ежегодно, сведется до минимума, что позволит серьезным образом пополнить региональные бюджеты.

1. *Иноземцев В. «Неединая Россия» должна стать идеологией оппозиции. //Золотое кольцо. 2013. 11 сентября.*
2. *Цит. по: Широкин В. Под колпаком контрразведки. М.: Палей, 1996. С. 87.*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Корохов Б.Г. (Москва)

Перед каждым старшеклассником стоит нелегкая задача. Ему необходимо выбрать свой путь, расставить жизненные приоритеты и начать самореализовываться как взрослая и сформировавшаяся личность. В таком юном возрасте не каждый старшеклассник может самостоятельно сформировать свои политические взгляды. Преподаватели не всегда могут помочь с этим, а друзья редко серьезно интересуются подобными темами. На первых порах именно семья школьника задает ориентиры. Иногда это происходит в виде наблюдения за политической активностью родителей, а иногда в форме навязанных ценностей.

Политическая социализация личности начинается с семьи, которая закладывает основы знаний и представлений ребенка о политике, власти, государстве. При этом характер и достоверность понимания различных политических явлений и событий определяется уровнем политической культуры родителей и господствующими в семье политическими взглядами, ориентирами. Однако большинство школьников размыто представляют себе серьезность принятия своего политического выбора и плохо разбираются в политике. В итоге такие подростки рискуют стать аполитичными гражданами, и они сильнее подвержены влиянию необоснованных протестных настроений, а также они могут примкнуть к какой-либо партии, совершенно не задумываясь о последствиях.

В настоящее время в системе непрерывного образования молодежи отсутствует целенаправленная, систематическая работа, которая должна содействовать личности в политической социализации с учетом современной политической системы; отсутствует система комплексного взаимодействия социальных институтов, призванных решать задачи политической социализации. Отсутствуют культурно-массовые, идейно-политические и патриотические программы, связанные с адаптацией молодого гражданина РФ.

На практике очень сложно помочь выпускнику школы сделать правильный выбор на пути к политической активности. Так как здесь требуется индивидуальный подход к каждому, хорошая теоретическая база, разработанные средства и методики по политической социализации личности учащегося. Далекое не каждая школа имеет в наличии перечисленные пункты.

Трансформационные процессы в России в конце XX - в начале XXI века кардинально изменили социально-экономические и политические отношения в обществе. Реалии этого периода не могли не отразиться на системе политической социализации, понимаемой как открытая система, целенаправленно создаваемая и управляемая обществом и политической системой. Формирующаяся новая политическая система оказалась не в состоянии в полной мере выполнять одну из важнейших своих функций - функцию политической социализации граждан, особенно молодежи.

Роль семьи в политической социализации очень велика. Семья формирует нравственный и психологический облик личности, который впоследствии во многом определяет направленность ее политических мнений и взглядов. Стиль семейного воспитания предопределяет систему потребностей и мотивации взрослого человека, его восприятие окружающего мира. Э. Фромм отмечал, что на процесс политической социализации личности большое значение оказывает опыт, приобретенный в раннем детстве, когда ребенок усваивает политические предпочтения членов семьи.

В связи с этим исследование влияния первичной социальной группы (семьи) на процесс политической социализации молодежи имеет большую социальную и практическую значимость и представляется особенно актуальным.

Наше исследование направлено на раскрытие характера влияния первичной социальной группы (семьи) на процесс политической социализации учащегося 9 - 11 классов ГОУ СОШ города Москвы, а именно:

1. Выявить характеристики, присущие первичной социальной группе (семье), оказывающие влияние на политическую социализацию личности (старшеклассника).

2. Раскрыть характер влияния первичной социальной группы (семьи) на политическую социализацию личности (старшеклассника).

3. Выявить степень влияния первичной социальной группы (семьи) на политическую социализацию личности (старшеклассника).

В качестве теоретической основы исследования выбрана теория «политической поддержки» Д. Истона-Дж. Денниса, понятие «первичная группа» Ч. Кули.

Предметом нашего исследования является влияние семьи как первичной социальной группы на политическую социализацию старшеклассника. Социология политики как отрасль социологии возникла в конце XIX века. Возникновение политической социологии обычно связывают с деятельностью Макса Вебера, который одним из первых осуществил социальный анализ власти, властных отношений и ввел классификацию типов господства в обществе.

Согласно Ж.Т. Тощенко политическая социализация понимается как процесс приобщения человека к соответствующей информации, процесс усвоения идей, взглядов и образцов политического поведения. Начиная с 14 лет разрозненная отрывочная политическая информация, которой обладает подросток, начинает формироваться в определенную систему, и именно в этом возрасте в более значительной мере в школе, чем в семье, складывается представление о политической жизни.

Разработанная в ходе исследования концептуальная модель предмета позволила уточнить необходимый для выдвижения гипотезы исследовательский вопрос: как влияет семья (первичная социальная группа), школа и другие социальные институты на политическую социализацию старшеклассника.

Для исследования процесса политической социализации, складывающегося под влиянием семьи, по критерию социальной значимости мы выбрали зависимую переменную – уровень стремления в самореализации старшеклассника посредством политической социализации. Независимая переменная – степень влияния семьи на политические предпочтения.

Эмпирический этап исследования позволит проверить гипотезу-основания: «Чем выше степень влияния семьи на ценностные ориентации старшеклассника, тем выше уровень его стремления в самореализации посредством политической социализации».

Значение данного исследования носит не только теоретический характер – приращение нового знания о влиянии семьи первичной социальной группы на процесс политической социализации у школьника, но и практическую значимость – разработка программы по привлечению интереса школьников к политическому процессу с помощью которой станет возможным компетентно осуществить их политическую ориентацию в современных условиях России.

1. Фромм Э. *Характер и социальный процесс // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., 1982, С.48-55*
2. Вебер М. *Политические работы, 1895—1919 / Пер. с нем. Б. М. Скуратова; послесл. Т. А. Дмитриевой. — М.: Праксис, 2003*
3. Тоценко Ж.Т. *Социология. Общий курс. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. — 511 с.*
4. Истон Д. *Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5-ти тт. - Т.2. - М., 1997*
5. Easton D., Dennis J. *Children in the Political System. — New York: McGraw-Hill, 1969. — 638 p*

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кошелев К.А. (Санкт-Петербург)

Гражданское общество, в соответствии с представлениями знаменитого американского политолога Дэвида Истона, - это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся некоммерчески направленных ассоциаций и организаций, независимая от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти и бизнеса [2, с. 27-28]. А под социальным потенциалом такого общества подразумевается совокупность мнений граждан страны о социальной и гражданской направленности политики государства, а также ее функционирования в интересах граждан. Динамику и перспективы развития данного потенциала можно проследить с помощью многочисленных социологических мониторинговых исследований, позволяющих выяснить, проводит ли наше государство политику в интересах граждан, поскольку именно это является ключом к развитому в экономическом, политическом и социальном планах гражданскому обществу.

Нормативно-правовая база формирования основ гражданского общества представлена пунктом 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации, в котором сказано, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [2, с. 3]. Данная статья является одной из основных для понимания принципов гражданского общества, а ее незнание грозит отрицательными последствиями для его становления. Проведенный 11 декабря 2014 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опрос показал, что 55% респондентов полагают, что, согласно Конституции, источником власти и носителем суверенитета в России является президент [5]. 11% опрошенных уверены, что по Конституции источником власти в РФ является парламент. А 3% вовсе заявили, что власть в России принадлежит «высшей силе (Богу)». Верный ответ дали всего 23%, — только они знают, что по основному закону источником власти в РФ является народ. По сравнению с аналогичным опросом, проведенным в 2005 году, данные практически не изменились, поскольку всего 19% считали источником власти народ, и также 55% полагали, что носителем суверенитета является президент [5].

Расхождение «реальной реальности» и ее нормативно-правовой «сестры» говорит, с одной стороны, о многовековой традиции «правового нигилизма» русского менталитета, а, с другой, - об отрыве властвующей элиты от большинства народа. Человек в России, к сожалению, больше представляет себя в роли объекта, а не субъекта власти.

Необходимо отметить, что для современного российского общества характерно стремительно увеличивающееся социальное неравенство, а также отрицательное изменение социально-экономического положения многих граждан, особенно с наступлением экономического кризиса 2014-2015 гг. Данная ситуация порождает апатию и пассивное поведение определенных его слоев, создавая при этом пропасть между обществом и властью. По результатам опросов ВЦИОМ, в 2006 году 45% респондентов

положительно ответили на вопрос о масштабном разрыве между властью и обществом, а в начале 2014 года данный показатель составлял уже 67% [5]. Такое поведение не предполагает наличие каких бы то ни было социальных предпосылок к формированию развитого гражданского общества, - ведь для того, чтобы изменить ситуацию в стране, необходимы активные и решительные действия рядовых членов общества.

По мнению граждан, существующие проблемы россиян связаны со сложившимся в нашей стране типом социума, - несправедливым и неправильным, причем во многом из-за коррумпированности чиновников, призванных помогать в решении их проблем. Данные процессы не могут не способствовать возникновению противоречий внутри гражданского общества, что существенно снижает проявление социального потенциала. Многие исследователи связывают такую ситуацию с многолетним опытом советской диктатуры, которая отбила всякое желание изъяслять свои права и требовать свои свободы, поэтому и на сегодняшний день граждане продолжают пассивно ждать каких-либо перемен [4, с. 311-312].

Однако, несмотря на очевидный спад интереса большинства граждан к политической жизни страны, проявляются симптомы, свидетельствующие об оживлении общественной активности. Это частично подтверждается тем, что сегодня увеличивается востребованность инструментального потенциала демократии, включающего в себя акции прямого действия (митинги, демонстрации, забастовки и прочее), по сравнению с показателями десятилетней давности. Но при этом нельзя забывать про использование властью своих, не всегда конституционных, инструментов для подавления любого демократического «оживления» граждан.

Медленное пробуждение доказывает, что различные слои населения включаются в общественно-политическую жизнь страны, несмотря на недоверие к большинству государственных и общественных институтов. Это проявляется в сравнительно высоком уровне включенности граждан в решение тех проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении. Например, в последние годы широкое распространение получили движения «одного требования». Такие формы участия востребованы, прежде всего, активной частью населения, демонстрирующей интерес и готовность к реальным действиям. Например, волонтерские движения, набирающие популярность в последнее время.

Объективный показатель высокого уровня социального оптимизма в обществе выступает в качестве одного из критериев социального потенциала развития гражданского общества в нашей стране [3, с. 166]. Эти данные являются важной предпосылкой не только социально-политической стабильности, но также показателем улучшения социально-психологического состояния российского общества.

Переходя к завершению исследования, автор считает необходимым выделить основные проблемы, мешающие развитию социального потенциала гражданского общества в Российской Федерации:

- разделение российского социума и населения по различным критериям: бедные и богатые; центр и регионы; столица и провинция; элиты и народ; чиновники и все остальные;

- отсутствие объединяющих ценностей, таких как: доверие, солидарность, согласие по базовым основаниям общества, уважение к жизни, личности и достоинству человека;

- практическая бессубъектность российского социума, когда под субъектом общества понимается социальная единица, способная постоянно принимать и реализовывать значимые в масштабах общества, самостоятельные и ответственные решения и действия;

- отсутствие среднего класса;

- ведущим субъектом корпоративистского государства становится бюрократия и сопутствующие ей теневые отношения, коррупция, взаимные обязательства;

- низкий уровень доверия населения к политикам, вынужденное приспособление к действиям властей, скепсис в отношении возможности влиять на их решения.

Скорейшее решение данных проблем будет являться кратчайшим путем к построению в нашей стране демократического гражданского общества, которое станет оплотом стабильности и надежности для всех граждан.

Таким образом, в современной России идет противоречивый и медленно развивающийся процесс становления гражданского общества, на который существенно влияет совокупность различных факторов: социальное неравенство и поляризация общества, политическая культура страны, характер взаимодействия общества и власти и т.д. Поэтому, по мнению автора, необходим процесс создания основ гражданского общества в современной России, рассматривающийся в контексте формирования гражданской политической культуры, становления гражданского самосознания и укрепления в массовом сознании гражданских ценностей общественной солидарности.

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) - М.: Эксмо, 2015.
2. Истон Д. «Концептуальная структура для политического анализа». Пер. с англ. О. Пелявского - М.: ООО "И.Д. Вильямс", 2013. 258 С.
3. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. «Социальная работа с молодёжью: к постановке проблемы». // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 9. — С.166-167.
4. Юдашкина В.В. «Анализ использования социальных технологий для социальной активизации молодёжного сообщества». // Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 3. — С. 309-317.
5. Всероссийский центр изучения общественного мнения: «Россияне и власть». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wciom.ru/research/research/politicheskie_issledovaniy.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ КАК ВАЖНЕЙШЕЙ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Крайнова Н.В. (Ярославль)

Термин «социальное проектирование» неразрывно связан с некоммерческим сектором экономики. Все имеющиеся правовые основы регулирования деятельности по созданию социальных проектов содержатся в нормативно–правовых актах, касающихся поддержки некоммерческих организаций.

Некоммерческий сектор – это эффективный поставщик социально значимых услуг, он отличается не только способностью оперативно реагировать на нужды различных социально–демографических групп, новые социальные вызовы и проблемы, но и низкими административными издержками, способностью привлекать добровольцев.

Сегодня некоммерческий сектор в России – это более полумиллиона организаций. Примерно треть из них реально действует, ведет активную деятельность, оказывает услуги социального, информационного и образовательного характера, аналогов которым зачастую нет ни в государственном, ни в муниципальном, ни в частном секторе.

В Ярославской области на начало 2010 года по данным Управления Министерства юстиции России зарегистрировано 2740 некоммерческих организаций [3].

На начало 2012 года на территории Ярославской области оказалось зарегистрировано 2439 некоммерческих организаций [2].

На начало 2014 года общее количество зарегистрированных некоммерческих организаций в регионе составило 2371 [1].

При анализе указанных цифр становится очевидно, что общее количество некоммерческих организаций в Ярославской области, имеющих статус юридического лица, сокращается, несмотря на правовую поддержку со стороны государства и региона.

В Ярославской области с 1996 года начала формироваться законодательная база, закрепляющая формы поддержки и взаимодействия органов власти с общественными объединениями и некоммерческими организациями.

На данный момент региональная правовая база представляет собой двадцать один нормативно-правовой акт. Она берет свое начало и опирается на федеральные нормативные документы, касающиеся социального проектирования.

С вступлением в силу Федерального закона от 5 апреля 2010 года №40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», внесены изменения в федеральное и, соответственно, региональное законодательства в сфере государственной поддержки некоммерческих организаций.

В русле выделенной тематики среди ключевых нормативных актов стоит отметить Закон Ярославской области от 6 декабря 2012 года №56-з «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области». Инициатива принятия данного закона появилась еще в 2010 году, но неоднократно признавалась со стороны региональной власти нецелесообразной. Но активная общественная инициатива в 2012 году получила официальную поддержку губернатора региона Ястребова С.Н., который объявил о включении законопроекта в план законодательных инициатив на 2012 год.

Законопроект разрабатывался в тесном контакте с представителями социально ориентированных некоммерческих организаций региона, членами Общественной палаты Ярославской области. Депутаты Ярославской областной Думы лишь внесли незначительную поправку.

Важным аспектом Закона Ярославской области №56-з стал механизм стимулирования муниципальных образований региона по разработке нормативной базы по поддержке социально ориентированных НКО на местном уровне. В соответствии со ст. 10 указанного регионального закона Правительство Ярославской области ежегодно проводит конкурс муниципальных программ по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций. Местным бюджетам муниципальных образований, победивших в конкурсе муниципальных программ по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, могут предоставляться субсидии из областного бюджета на реализацию соответствующих муниципальных программ [1].

В плане развития законодательства Ярославской области о поддержке социально ориентированных НКО стоит рассмотреть подробнее некоторые нормативные акты.

1. Постановление Правительства Ярославской области от 04.09.2013 № 1198-п «Об утверждении Порядка оказания информационной и консультационной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям в Ярославской области».

В соответствии с ним информационная поддержка оказывается в формах:

1. Освещения деятельности в средствах массовой информации;
2. Предоставления площадей для печати, телевизионного или радиовещания;
3. Поощрения и повышения квалификации журналистов, освещающих деятельность некоммерческих организаций;
4. Создания и обеспечения функционирования региональных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей;
5. Содействия в развитии социальной рекламы, а также в создании и работе веб-сайтов;

6. Предоставления справочной информации социально ориентированным некоммерческим организациям путем размещения ее на официальном портале органов государственной власти Ярославской области, осуществления электронной рассылки файлов с информационными материалами, а также проведения конференций, лекций и семинаров по актуальным вопросам деятельности.

2. Постановление Правительства Ярославской области от 30.08.2013 № 1154–п «Об оказании имущественной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям и внесении изменения в постановление Правительства области от 05.02.2013 № 60–п».

Оно устанавливает условия предоставления имущества социально–ориентированным НКО во владение и (или) в пользование сроком от 1 года до 3 лет на определенных условиях. Например, таких как:

1. Имущество может быть предоставлено в безвозмездное пользование или в аренду только социально ориентированной некоммерческой организации, осуществляющей деятельность, предусмотренной статьей 4 Закона Ярославской области от 06.12.2012 № 56–з «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области»;

2. Годовая арендная плата устанавливается в рублях в размере 50 процентов размера годовой арендной платы на основании отчета по оценке рыночной стоимости арендной платы;

3. У социально ориентированной некоммерческой организации должна отсутствовать задолженность по начисленным налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджеты любого уровня за прошедший календарный год.

3. Постановление Правительства Ярославской области от 24.04.2013 № 442–п (ред. от 31.12.2014) «Об утверждении Порядка предоставления субсидии религиозным организациям Ярославской области» [4].

Данный нормативно–правовой акт предусматривает право на получение субсидий религиозным организациям Ярославской области, отвечающим определенным критериям.

Важным этапом развития законодательства о поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области стало принятие Областной целевой программы «Гармонизация межнациональных отношений в Ярославской области» на 2015 – 2017 годы, которая была утверждена Постановлением Правительства Ярославской области от 11.03.2015 № 244–п.

Данная программа является продолжением ранее действующей одноименной программы на 2012 – 2014 годы и ориентирована на сохранение достигнутой в предыдущие годы этнополитической стабильности в регионе.

Не менее важным стал Закон Ярославской области от 27.11.2012 № 57–з «О государственной поддержке благотворительной деятельности в Ярославской области», который предусмотрел ведение уполномоченным органом реестра лиц, нуждающихся в благотворительной помощи, который создается с целью формирования системы адресной направленности благотворительной помощи на территории Ярославской области. В рамках данной программы предусмотрено создание Совета по поддержке благотворительной деятельности [4].

Таким образом, за последние пару лет нормативно–правовая база Ярославской области, касающаяся вопросов социального проектирования как важнейшей технологии социальной политики, была создана и доведена до уровня других регионов Российской Федерации. Положительные результаты программ, проведенных за 2012–2014 годы, активно используются и в 2015 году.

1. Антонова, Т.В., Жуков, А.Е., Исаева, Е.А., Маклашин, И.С., Соколов, А.В., Трусов, Д.Г., Хасиев, Н.А., Афанасьев, В.В. Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области за 2013 год. – Ярославль, 2014. – 115 с.

2. *Государственная поддержка НКО. Проекты, направленные на поддержку пожилых людей и инвалидов, реализованные в 2012 году. Под редакцией Л.М. Андреевой, директора департамента труда и социальной поддержки населения Ярославской области. Департамент труда и социальной поддержки населения Ярославской области. – Ярославль, 2012. – 300 с.*
3. *Игнатъев, И.В., Исаева, Е.А., Никовская, Л.И., Семенова, Н.В., Соколов, А.В., Якимец, В.Н. Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области 2009–2010 гг. – Ярославль, 2010. – 107 с.*
4. *Опыт поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской области. Издано в рамках региональной программы «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций» при поддержке Губернатора Ярославской области*
5. *Постановление Правительства Ярославской области «Об оказании имущественной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям и внесении изменения в постановление Правительства области от 05.02.2013 № 60–п» от 30 августа 2013 № 1154–п (в ред.)*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА НА ЮГЕ РОССИИ

Круглова А.Ю. (Ростов-на-Дону)

Терроризм во всем многообразии его проявлений считается одной из самых глобальных проблем современности. Начиная с 1990-х гг., эта угроза коснулась и России. Устранение террористической угрозы должно рассматриваться в качестве одного из приоритетов внутренней и внешней политики государства. При осмыслении стратегий противодействия современному терроризму исследователи предлагают разные подходы. Большого внимания удостоен подход, предложенный политологом Н.Е. Романченко, которая использует многомерную матрицу противодействия терроризму: на глобальном уровне (борьба с терроризмом рассматривается как международная угроза), а также на национальном уровне, который, в свою очередь, дифференцируется на широкий (рассматривает борьбу с терроризмом как многомерным социально-политическим явлением) и узкий (борьба с терроризмом трактуется в терминах противодействия обычному уголовному преступлению) [1, 111-112].

Под широким подходом автор понимает, снижение уровня четырёх блоков ключевых конфликтогенных факторов: политического, социального, этноконфессионального и демографо-миграционного, а под «узким» - скоординированный по времени и в пространстве набор следующих мероприятий: совершенствование законодательной антитеррористической базы, укрепление спецслужб и правоохранительных органов, выявление и пресечение финансовой подпитки (внешней и внутренней) террористических структур и, наконец, активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы [2, 221].

По мнению многих специалистов, рассчитывать на скорейшее решение проблем на международном уровне не приходится, поскольку они порождаются такими причинами как глобальное неравенство и массовая бедность в странах третьего мира, несовпадением геополитических интересов отдельных государств, а также протестом против глобализации. Другие полагают, что ликвидация поддержки со стороны государств-спонсоров терроризма может существенно подорвать возможности террористических организаций.

Международное сообщество осознаёт опасность, исходящую от этого явления. В связи с этим на международном и региональном уровне принят ряд конвенций о противоправности различных проявлений международного терроризма. Примерами таких правовых актов являются: Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов

(Гаага, 1970 г.), Конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 1979 г.), Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.) и др.

В 1994 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма». Ряд мер принимался также на двухсторонней, многосторонней межгосударственной основе и на национальном уровне. После событий 11 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН учредил «Контртеррористический комитет» — на основании резолюции СБ ООН 1371 (2001). В последующем полномочия комитета были подтверждены резолюцией 1624 (2005). Комитет осуществляет межгосударственную координацию и техническую помощь странам-участникам в создании наиболее эффективных систем в борьбе с терроризмом. Кроме «Контртеррористического комитета» Совет Безопасности учредил также «Комитет по Аль-Каиде» [3], «Комитет по Талибану» и «Комитет 1540».

Всего с 1963 года в рамках Организации Объединенных Наций было разработано 16 международных соглашений, которые открыты для участия всех государств-членов. В 2005 году в три из этих документов были внесены изменения, касающиеся непосредственно отражения террористической угрозы.

8 сентября 2006 года Генеральная Ассамблея ООН приняла «Глобальную контртеррористическую стратегию» в виде резолюции и прилагаемого к ней плана действий. В данном документе прописаны следующие Меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним: воздерживаться от организации, подстрекательства, содействия, участия, финансирования, поощрения или проявления терпимости по отношению к террористическим действиям; обеспечить задержание и преследование или экстрадицию лиц, виновных в совершении террористических актов; укреплять координацию и сотрудничество между государствами в борьбе с преступностью, которая может быть связана с терроризмом, включая незаконный оборот наркотиков во всех его аспектах, незаконную торговлю оружием, в частности стрелковым оружием и легкими вооружениями, в том числе переносными зенитно-ракетными комплексами, отмывание денег и контрабанду ядерных, химических, биологических, радиоактивных и других смертоносных материалов; признать, что вопрос о создании международного центра по борьбе с терроризмом может быть рассмотрен в рамках международных усилий, направленных на активизацию борьбы с терроризмом [4].

В России основы противодействия терроризму были заложены в середине 90-х гг. XX в., а в настоящее время сложилась мощная кодифицированная система. Правовую основу общегосударственной системы противодействия терроризму составляют: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, ФЗ от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму», Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. N 116 «О мерах по противодействию терроризму», Концепция противодействия терроризму в РФ в 2009 г. В целях реализации положений ФЗ от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму» приняты постановления Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 662 «Об источниках финансирования выплат денежного вознаграждения за содействие борьбе с терроризмом», от 12 января 2007 № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц участвующих в борьбе с терроризмом» и от 6 июня 2007 г. № 353 «О мерах по реализации ФЗ «О противодействии терроризму».

Согласно Концепции противодействия терроризму в РФ, основными задачами противодействия терроризму являются: выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма; выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение террористических актов и иных преступлений террористического характера; привлечение к ответственности субъектов террористической деятельности в соответствии с законодательством РФ; поддержание в состоянии постоянной готовности к использованию сил и средств; обеспечение безопасности граждан и антитеррористической

защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей; противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий [5].

За 2013-2014 гг. был сделан значительный шаг в совершенствовании антитеррористической правовой базы. До недавнего времени УК РФ предусматривал наказание лишь за террористический акт (ст. 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ). Теперь данный Кодекс предусматривает уголовную ответственность еще и за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ), а также за организацию деятельности террористической организации и участие в ней (ст. 205.5 УК РФ) [6].

Поскольку терроризм представляет собой идеологическую доктрину и основанную на ней специфическую политическую практику, то в контексте не силового противодействия терроризму борьба с идеологическими постулатами современного религиозно-политического экстремизма, составляющего основу идеологического обоснования террористических акций, должна носить первоочередной и безусловный характер. Стоит отметить, что в Концепции противодействия терроризму прописаны меры по профилактике террористической деятельности.

К основным мерам по предупреждению терроризма относят: информационные (разъясняющие сущности терроризма и его общественной опасности), формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму; культурно-образовательные (пропаганда социально значимых ценностей и создание условий для мирного межнационального и межконфессионального диалога) [5].

1. Романченко Н.Е. Институционализация современных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. – № 68. – М. – Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011.
2. Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. – Ростов н/Дону. 2005
3. Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюциями 1267 и 1989 по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям ООН.
4. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, 8 сентября 2006 г.
5. Концепция противодействия терроризму в РФ // Российская газета. 2009 г.
6. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 205-205.5.

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РОССИИ

Кузнецов И.Е. (Санкт-Петербург)

Среди основных внутренних и внешних вызовов, ставящих под сомнение стабильность в современной России необходимо рассматривать следующие.

Экономические. Основу экспорта современной российской экономики составляет углеродное сырье с глубиной извлечения примерно 70 % и переработкой не более 90 %. Рентная экономика, прямо зависит от конъюнктуры биржевых цен на энергоносители, что непосредственно влияет на наполнение государственного бюджета России и стабильность

финансирования социальных программ. Цикличность общемирового экономического развития подразумевает неизбежность кризисов при снижении потребления углеродного сырья на мировых рынках.

Следующей значимой статьёй российского экспорта являются вооружения, что инициирует политическое руководство РФ на проведение соответствующей внешней и внутренней политики. Военно-промышленное политическое лобби, как и в большинстве развитых, экспортирующих вооружение стран во главе с США, подталкивает свое руководство к более агрессивной внешней политике, участие во многих конфликтах, что, в свою очередь, ведет к увеличению военных расходов в ущерб социальным программам.

В целях модернизации экономики, необходимо инвестирование в промышленное производство товаров с высокой добавленной стоимостью, развивая перспективные технологии, такие как: биотехнологии; микроэлектроника в частности, и нанотехнологии в общем; геновая инженерия, создание и производство новых материалов, а не в добычу и экспорт природных ископаемых.

Вместо поддержания спроса со стороны населения на потребление импорта, необходимо стимулировать потребления производимых в России товаров и услуг. Несовершенство собственного промышленного производства также ведет к диспропорциям в профессиональном составе занятости населения, снижая общий уровень квалификации и производительность труда работников.

Низкая производительность труда. В результате последних исследований Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), выяснилось, что производительность труда среднего российского работника в 2.5 раза ниже чем, у американского и в 2 раза ниже средневропейской. К таким результатам привело в том числе и общее снижение образовательного уровня населения, включая специальное профессиональное. Это ведет к снижению конкурентоспособности российского рынка труда на мировом рынке.

Экономические санкции стран Запада ограничивают доступ инвестиций западных финансовых институтов в российскую экономику и возможности российских игроков для кредитования. Процентные ставки по кредитам российских банков не подразумевают рентабельность для заемщика. Кроме того, санкции перекрыли доступ российским компаниям к современным технологиям и оборудованию не имеющих отечественных аналогов.

Кризисные явления в экономике ведут к снижению доходов населения, что усиливает социальное неравенство и бедность, прежде всего, это падение доступности малообеспеченных слоев населения к качественной медицине и дороговизна импортных лекарств, не имеющих российских аналогов.

Госкапитализм а, в некоторых случаях, и государственно-монополистический капитализм (так «Газпром» имеет приоритетный, эксклюзивный среди газодобывающих компаний доступ к трубопроводной инфраструктуре). В результате инициированной Д.А. Медведевым административной реформы сокращение численности занятых в госучреждениях компенсировалась ростом персонала госкорпораций, и общая занятость в госсекторе оставалась в 2011 году на уровне 30,6% [1]. Как показывает практика, это подразумевает более низкие экономические результаты по сравнению с частными, вследствие, инертности государственного управления и более высокими по сравнению с частными непроизводственными издержками. Так, «Газпром» является самой неэффективной среди мировых энергетических компаний по отношению выручки к затратам. В 2000 году «Газпром» добыл 523 млрд куб. м газа при операционных издержках 254 млрд руб. (\$9,02 млрд). При нынешних «эффективных» менеджерах в 2014 году добыча упала до 444 млрд куб. м при издержках 2,029 трлн руб. (\$52,5 млрд). При этом т.н. непроизводительные расходы, (включая самые высокие среди исследуемых компаний административные), за 10 лет составили 2, 4 трлн. руб. [2].

Административные расходы на чрезмерно раздутый бюрократический аппарат являются серьезной проблемой и в государственном управлении современной России. На начало 1990 года во всем СССР с населением около 255 млн чел. насчитывалось примерно 975.000 государственных чиновников. Численность госслужащих в России в 2013 году составила 1 млн 455 тыс. человек, или 1,9% рабочей силы, следует из оценок РБК на основании данных Росстата [1]. Соответственно, увеличилось количество административных барьеров, включая политические и расцвела коррупция.

Причину следует искать в том, что бюрократическая номенклатура наряду с пенсионерами являются весомым лояльным властью электоратом, и политическая власть заинтересована в их поддержании. Госчиновники вместе с силовиками фактически представляют средний класс современного российского общества. Поэтому, происходит постоянная индексация зарплат госчиновников и подтверждение их социальной защищенности. Однако, в соответствии с концепцией бюрократической организации М. Вебера, неконтролируемая обществом административное устройство управления постепенно самоорганизуется в автономную, закрытую от воздействия внешнего универсума систему, откликающуюся только на вызовы вышестоящего начальства [3]. Признаками подобной автократии является постепенная легитимации статусности должностных позиций госчиновника. Как сказал В. В. Путин на медиафоруме «Общероссийского народного фронта»: «Нужна четкая регламентация, кому и что положено». Некоторые исследователи называют подобные меры регламентацией, связанной с современным недостатком «кормовой базы» для чиновников [4].

Кроме неравномерного доступа соискателей работы на госслужбе, подмены целей общественного развития чиновничеством, подобная кастовость ведет к неминуемой стратификации общества, минимизации социальных лифтов и неравенству каждого члена общества перед законом – одним из основополагающих признаков демократии.

Последнему также способствует и несовершенство социальных и политических институтов, включая гражданское общество. Сюда же относится неконкурентная выборная среда, включая неравный доступ политических игроков ко всему процессу политических выборов, включая доступ в СМИ для ведения предвыборной агитации.

Кроме того, неработающий на практике принцип разделения властей, препятствует инвестиционной привлекательности российского экономического рынка для западных бизнесменов, неуверенных в презумпции неприкосновенности частной собственности.

Среди прочих социальных факторов важно отметить старение населения. Количество работающих по отношению к количеству пенсионеров составляет примерно 1 к 1.5 по оценкам Минтруда и по прогнозам к 2020-му году это соотношение составит 1 к 1. Вследствие этого наблюдается снижение пенсионных поступлений, нехватка средств для своевременной индексации пенсий и неизбежное повышение пенсионного возраста работников.

Во-вторых, кризисные явления в экономике вынуждают работодателей оптимизировать собственное производство, включая, такие непопулярные меры, как сокращение персонала. Высокая безработица может привести к политической нестабильности.

Необходимо также отметить отток квалифицированных кадров за границу. Можно спорить о причинах перманентной утечки мозгов, но, как правило, к этому ведет совокупность политических, экономических и социальных факторов.

1. А. Соколов, И. Терентьев «Сколько Россия тратит на чиновников и силовиков». // «РБК» № 193 от 16.10.2014
2. В. Иноземцев. «Мечты срываются: в чем главная причина упадка «Газпрома». // «РБК» № 136 от 03.08.2015
3. М. Weber: *Essays in sociology*. trans. by H. H. Gerth & C. W. Mills. London. 1957

АВТОРИТАРНЫЙ ХАРАКТЕР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙ - ОСНОВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ К ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кукина Н.В. (Ярославль)

В преддверии думских выборов (сентябрь 2016 г.) интерес в российском обществе к партийному строительству, жизнедеятельности партий значительно возрос. И это неслучайно, поскольку доступ к депутатским мандатам сегодня идет не только на мажоритарной основе (по одномандатным округам), но и на пропорциональной, т.е. по партийному принципу. Партия, которая преодолела думский барьер, проходит в высший законодательный орган страны и получает соответствующее количество депутатских мест. Внимание к партийному строительству возросло в результате принятия по инициативе Президента РФ новой редакции Федерального Закона «О выборах в Государственную Думу» от 22 февраля 2014 года. Данный Федеральный Закон о выборах снижает проходной барьер в Государственную Думу РФ для партий с 7% до 5%. Система фильтров для политических организаций и самовыдвижение сохраняются. Только те партии, которые на прошлых выборах получили не менее 3% голосов, или на местных выборах в одном субъекте РФ прошли в законодательное собрание и создали партийную фракцию депутатов, смогут представить федеральные списки без сбора голосов. Остальным партиям придется собирать 200 тыс. подписей сторонников по всей стране. При этом не более 7 тыс. подписей в одном регионе [2].

В научной и публицистической литературе по вопросу о месте и роли многопартийности в российском социуме данный вопрос зачастую освещается в основном в позитивном плане. Хотя теория и практика партийного строительства свидетельствует о том, что она вносит в жизнь людей немало негативного, а при определенных условиях служит уничтожению самого государства. Это, необходимо отметить, произошло с Российской империей в начале XX века. Тогда возникшая многопартийность после обнародования царского Манифеста от 17 октября 1905 года привела российское государство к упадку, ввергнув его народы в гражданскую войну. Руководители партий, независимо от их политической окраски, ведя борьбу с царским режимом, свергли и само государство.

Вот почему ряд выдающихся ученых за рубежом (Т. Гоббс, Д. Юм и др.), а в России (Б. Чичерин, Ю. Гамбаров, И. Ильин и др.) крайне отрицательно относились к появлению партий и, тем более, межпартийной борьбе. Например, Б. Чичерин на заре XX века отмечал, что «дух партии заслоняет бескорыстное служение общему благу. Все приносится в жертву узкопартийности, а не государственным целям» [3, 541 -544]. Именно не в бровь, а в глаз попал он своим суждением, предвосхитив печальную судьбу России в начале прошлого века. Анархия, бандитизм, погромы, развал экономики, армии и институтов государственной власти – вот что и многое другое привнесла с собой утвердившаяся в стране многопартийность после буржуазной революции 1917 г.

В российском обществе в те годы повсеместно возникло недовольство к институту многопартийности и его выразителю – Учредительному собранию. Если большевики вместе с левыми эсерами, покинув Учредительное собрание при его открытии, сделали его дальнейшую работу нелегитимной, и по этой причине он был распущен, то по приказу адмирала Колчака многие депутаты от кадетов и правых эсеров были расстреляны в назидание за то, что они ввергли Россию в смуту [1].

Не являясь сторонником возврата к однопартийной системе, на мой взгляд, необходима такая многопартийность, которая не расшатывала бы основы государственности, а способствовала освобождению государственного аппарата от наростов бюрократизма, коррупции, роста социальной несправедливости и бездуховности в обществе. Если с этими негативными явлениями реально не бороться, то в конечном итоге гибнет государство. В свое время видный русский философ Н. Бердяев отмечал, что государство – это не средство, с помощью которого можно создать рай на земле, но зато оно противодействует возникновению ада на ней.

На мой взгляд, сегодня одна из главных проблем партийного строительства заключается в том, насколько механизм функционирования партий в России носит демократический характер. Если партия, как важнейший инструмент формирования гражданского общества, является антидемократической организацией по своему устройству и функционированию, то она никогда не станет средством демократизации общества. И наличие, пусть даже огромного количества партий и конкуренции между ними не обеспечат продвижение к формированию гражданского общества в России. К сожалению, ни одна из парламентских партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ) не является в полном смысле демократической организацией. Все они носят авторитарный характер. Согласно Уставу каждой из них, ее высшее руководство имеет право распустить любую нижестоящую партийную организацию без возможности обжалования в судебных органах.

Партия – не государственная структура, а организация общественная, сообщество единомышленников. Не должно быть монополии на партийную власть у того или иного руководителя, пусть даже самого выдающегося. Лидер вполне может быть почетным председателем партии, но руководителем ее обязан находиться только в течение определенного срока. Сегодня уровень образованности и кругозора граждан, возможности их доступа к информации, динамизм социальных процессов значительно выше, чем это было еще несколько десятков лет тому назад.

В органах государственной власти конституционно определен механизм ротации руководства, а в Уставах парламентских партий (за исключением «Единой России») об этом ни слова. Сами члены партии психологически устают от того, что во главе некоторых из них (КПРФ и ЛДПР) находятся руководители с горбачевских времен по настоящее время.

Авторитаризм политических партий проявляется в том, что в них рядовые члены являются, как правило, своеобразными минотариями. Их деятельность сводится к следующему: голосовать за принятые наверху партийные решения, участвовать в пикетах, сборе подписей, демонстрациях, т.е. фактически быть статистами.

Просматривая партийные издания парламентских партий, замечаешь: в них по большому счету критические заметки рядовых членов партии в адрес вышестоящих руководителей и, особенно, высшего руководства партии. Функционеры партии готовы резко и нелюбезно обличать Президента РФ, Премьер – Министра РФ, губернаторов и глав администраций, а также представителей других партий за каждый их просчет, в то же время, боясь критически выступить публично в адрес вышестоящего партийного босса. Речь идет о том, что партии должны не только критиковать друг друга, но и положительно относиться к позитивным действиям партийных оппонентов, в том числе и к партии власти, если они имеют место в их деятельности.

Государственная власть, политически поддерживаемая партией «Единая Россия», положительно реализует на практике свои решения. Пусть зачастую не так эффективно и оперативно, тем не менее, жизнь продолжается. Начиная с 2014 года и по настоящее время, когда Россия подвергается ожесточенным экономическим санкциям со стороны стран Запада во главе с США за ее принципиальную позицию по Украине, россияне в своей массе не оценивают свое положение, как катастрофическое. В то же время, если читаешь издания оппозиционных партий, то они в основном делают акцент на

состояние социально-экономической катастрофы в государстве. Правда, стоит отметить, что внешнеполитический курс руководства страны не подвергается резкой критике руководителями парламентских партий в последние 2 – 3 года. Более того, Президент страны по украинской проблематике или по сирийскому вопросу получил с их стороны полную поддержку.

Таким образом, проблема российской многопартийности не в том, что в России недостаточно партий, не в характере их регистрации и возможностях участия в политической борьбе, а в том, что пока из числа существующих политических организаций нет по-настоящему демократических. Граждане России, вступив в партию или оказывая ей поддержку в качестве сторонников, не чувствуют себя полноправными участниками в ее жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кто может дать гарантию, что при наличии такого авторитарного стиля в деятельности парламентских партий, одна из них не пойдет по пути партии большевиков. Мы знаем, что сначала авторитаризм ее вождей утвердился в политической организации. Затем он перерос в авторитаризм государственной власти, который упразднил в конечном итоге партию коммунистов, а вместе с ней стал одной из причин упадка советского государства.

1. Иоффе Г. Между двумя караулами // литературная газета. 2004. № 14.
2. Федеральный Закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ" от 22 февраля 2014 г., № 20 // <http://www.garant.ru>
3. Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. III. Политика. М., 1898. С. 541-544.

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

Лавринцев Е.А. (Санкт-Петербург)

С момента распада СССР и начала построения нового демократического Российского государства по настоящее время внимание властей и научного сообщества, не смотря на экономические катаклизмы, приковано к воссозданию институтов гражданского общества. Оно обусловлено тем, что их развитие и взаимодействие с государственными органами позволяет решать широкий спектр социальных и государственных вопросов на разных уровнях и осуществлять общественный контроль над действиями государственных органов законодательной и исполнительной власти.

В соответствии с концепцией «Стратегия 2020: Новая модель роста - новая социальная политика», в ближайшем будущем Россия должна отказаться от инерционных сценариев, которые не позволяют ей и российскому обществу перейти на рельсы постиндустриального экономического развития и полноценного строительства, и функционирования гражданского общества» [1]. Отмечу, что в не простых условиях настоящего времени становление российского гражданского общества продолжается. Но этот процесс сопровождается политико-правовой и идеологической неорганизованностью, изменением установленного ранее правового порядка, вызывая социальную напряженность и этнонациональную конфликтность. Поэтому разработка инновационных механизмов функционирования современной политической системы власти остается в неразвитом состоянии.

Долгое время после распада советской системы на официальном уровне господствовал идеологический вакуум, особенно в молодежной политике. В то же время в обществе, освободившемся от идеологического прессинга, начали создаваться политические партии. Они пытались привлечь в свои ряды молодых людей, некоторые партии даже открывали молодёжные отделения, остававшиеся малочисленными. Но молодёжь, в основной массе, оставалась аполитичной. Определённые изменения

произошли в 2010-е годы. Государство всерьёз взялось за оформление официальной идеологии, основанной на синтезе культа победы в Великой Отечественной войне и Русской Православной Церкви. Общество в целом стало более политизированным, увеличилось число молодых людей, интересующихся общественной жизнью и принимающих в ней участие.

Актуальность статьи определяется необходимостью исследования факта зарождения и развития молодежных объединений и их роли в построении современного гражданского общества и в социально-политической жизни страны.

Цель статьи является исследование молодежной политики государства и роли молодежных общественно-политических объединений как необходимого элемента формирования и эффективного развития гражданского общества в современной России.

Объект исследования – государственная политика, направленная на молодежные общественно-политические объединения.

Предмет исследования – особенности функционирования и развития молодежных общественно-политических объединений в контексте становления современного гражданского общества в России.

Рост патриотических настроений вызвал раскол в среде молодёжи. Всё шире распространяется феномен т.н. «диванных войск», выражающийся в идеологических спорах в интернет - пространстве и появившийся благодаря развитию компьютерных технологий. Никогда ещё в истории человечества (и в истории молодёжных движений России) люди в массовом порядке не спорили об идеологических вопросах на расстоянии, по переписке.

Описанные выше факты оживления общественной жизни являются свидетельствами успешного движения по направлению к становлению гражданского общества, поскольку один из главных признаков такого общества – неравнодушие людей.

Стоит отметить, что кандидат политологических наук Лагуткина отмечает, что анализ истории молодёжи общественных движений в том числе политических движений выявил следующие закономерности : их появление и развитие связано с развитием университетов, рост молодежных движений усиливается в переломные моменты истории, в период необходимости реформ и имеет циклический характер. Исследователь отмечает, что между молодежными движениями дореволюционной и современной России существуют схожие тенденции в период политической и экономической нестабильности общества. Формируются молодежные организации протестного типа, в том числе радикального характера, в противовес им создаются проправительственные молодежные движения с целью стабилизации существующей политической системы. Определяющую роль среди молодежных движений играют политические объединения, связанные с защитой прав и свобод молодежи, а так же других слоев общества. Политические условия для формирования МОПО – это

1) недостаточная эффективность действующих государственных и муниципальных учреждений, созданных для работы с молодежью,

2) возрастание социально-политической напряженности в обществе в условиях экономического или политического кризиса.

3) вовлечение молодежи в деятельность политических партий РФ

4) развитие системы электронных политически ориентированных СМИ, способствующих коммуникации молодежи в информационном пространстве.

МОПО – это социальные институты, которые возникли вне государственной системы, сформировались как инициатива «снизу» именно в них формируется гражданская активность личности.

Роль МОПО в становлении гражданского общества выражается в общественном контроле за деятельностью государственных органов, что возможно только в тесном сотрудничестве с другими органами гражданского общества. Например: политический

партии, местное самоуправление, СМИ, и НКО. Хотя это взаимодействие требует совершенствования.

Создание и развитие правовых институтов может способствовать реализации потребностей отдельного человека в сочетании с государственными интересами в целом. Стоит отметить, что исследователь А.М. Лагуткина определяет это как главную цель социально-политического развития современной России [2]. На мой взгляд, через всю правовую и политическую активность молодежи красной нитью проходит одна отличительная черта, а именно защита прав человека. Возникшие после 2010 оппозиционные молодежные объединения преследуют цель - защиту прав человека. Защита политических, социальных, коллективных и тд. Прав, в том числе тех, которые называются неотъемлемыми (право на жизнь, право не подвергаться пыткам, личную неприкосновенность, право на справедливый суд, право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции, право на мысли, совесть и религию, свобода выражения мнения, право на свободу собраний и объединений, право на свободу вступления в брак, запрещение дискриминации и тд).

В настоящее время государственными органами разворачивается полномасштабная идеологическая работа в русле ответа на так называемую «информационную войну», апеллируя тем, что в настоящее время «Западом» ведется экспансионистская политика, особенно в отношении молодежи, производится попытка расколоть российское общество на два противоборствующих лагеря. При этом интернету отводится роль главного «разлагающего» молодежь механизма. «Одной из самых важных сегодняшних задач является выработка у молодых людей патриотических убеждений, ответственности за судьбу своего Отечества, чувства сопричастности своему государству и его героической истории», - отметила председатель комитета по молодежной политике Ленинградской области Анна Данилюк[3]. Стоит отметить, что в настоящее время главная цель, которую преследует современная государственная идеология – это упор такое право граждан, как право голоса. Главная мысль заключается в том, что смена власти происходит исключительно на законных выборах и других законных способов более не существует. Такова главная цель, создание правового, необходимого режима правового сознания молодежи, которую хотят «вмонтировать» нынешним молодым людям и будущим поколениям. Будущие поколения должны быть воспитаны в духе патриотизма, общей идентичности и лояльности власти. Такова главная линия стратегии развития молодежной политики 2025[4]. Здесь мы видим желание властей фактически упразднить такой институт, как общественный контроль над действиями власти. Использование методов влияния на властные структуры при помощи таких законных механизмов, как суд, прокуратура, протестные выступления становится не выгодным для настоящего режима. Следовательно, поддержки процесса возрождения института гражданского общества со стороны государства не происходит. Как говорилось выше для достижения целей «Стратегии - 2020» необходимо учитывать такой фактор, как правовая защита граждан, ответственность органов власти и должностных лиц за действие или бездействие в случаях нарушения прав человека и несоответствия установленных обязательных требований.

Здесь на лицо расхождение в действиях действующей власти, ибо с одной стороны есть потребность в развитии гражданского общества, государство остро нуждается в углублении общественного контроля и постановке насущной повестки дня для решения задач государства и общества. С другой стороны мы видим недальновидную политику, которая закрывает возможность для реализации потенциала граждан России, все направленно для сохранения существующей системы «искусственных» ценностей и политической структуры власти.

В научной среде есть мнение, что в настоящее время целью социально-политического развития России является необходимость в реализации потребностей отдельного человека в сочетании с государственными интересами в целом[5]. «Для

преодоления возникающих противоречий в выработке механизма общего взаимодействия выделяют общественные объединения, которые призваны консолидировать людей в процессе взаимодействия их с органами государственной и муниципальной власти» [6]. Для примера я выбрал деятельность общественных объединений в системе высшего образования Российской Федерации. Яркими примерами таких общественных объединений служат студенческие советы. Стоит отметить, что основное предназначение институтов гражданского общества сводится к самореализации человека. Однако объединение позволяет сконцентрировать интересы и возможности граждан в реализации и защите их политических интересов. На сегодняшний день роль студенческих советов, в жизни большинства университетов чисто номинальная, а их задачи по подготовке гражданина, способного участвовать в управлении государством, реализовывать в полной мере свои права, не выполняются вовсе. Надежда на изменение в сложившейся ситуации появилась после учреждения института уполномоченного по правам студентов в Российской Федерации. К настоящему времени им было предложено несколько инициатив направленных для организации и функционирования общественных организаций внутри системы высшего образования России, основанных на принципах гражданского общества. В частности последняя инициатива уполномоченного это законопроект призванный значительно расширить возможности обучающихся и советов обучающихся влиять на управление образовательной организацией. «Поскольку правозащитные организации обучающихся существуют, как правило, в форме общественных объединений, а не в форме профессиональных союзов (которые призваны защищать трудовые права, а не права студентов), предусматривается, что к представительным органам обучающихся относятся не только их профессиональные союзы, но и общественные объединения» [7].

Для примера успешного развития институтов гражданского общества в виде общественных объединений в сфере высшего образования можно обратиться к опыту западных стран, где решения насущных вопросов жизни университета, вопросы отчисления и кадровые перестановки и т.д. решаются совместно с органами студенческого самоуправления. Подобные объединения играют большую роль в жизни западных стран, в том числе они имеют весомый голос в политической сфере. Например, правовая система, созданная в университетах республики Польша, позволяет реализовать судебные методы и методы медиации при рассмотрении спорных вопросов, которые касаются социальных вопросов, вопросов отчисления, споры при кадровых перестановках и тд. Так же польский университетский омбудсмен является гарантом защиты прав студентов Польши, в том числе их политических прав.

Объединения граждан являются важнейшими институтами гражданского общества, они являются эффективными механизмами для вовлечения людей в политическую, экономическую и социально-культурную деятельность. Взаимодействие институтов гражданского общества и их интеграция с государственными органами позволяет решать широкий спектр социальных и государственных вопросов на разных уровнях. Молодежные общественно-политические объединения выступают в качестве основных структурных элементов гражданского общества, наряду со средствами массовой информации, политическими партиями, профессиональными союзами, местным самоуправлением и религиозными организациями. Процесс становления гражданского общества напрямую соотносится с уровнем сознательности людей и их способностью создавать ассоциации и защищать их с помощью свои интересы.

В последние годы российское общество стало свидетелем возрастающей социально-политической активности молодежи, как «проправительственной», так и «оппозиционной». События 2010 – 2012 гг. в Москве и Санкт-Петербурге и других городах показали масштаб и степень активности молодежных объединений. Отмеченные проявления молодежной активности проявили значимые по масштабам и уровню силы, требующий к себе внимания со стороны, как государства, так и научного сообщества.

Молодежные общественно-политические объединения, как самоорганизующиеся системы призваны играть важную роль в развитии гражданского общества, выступая в качестве одного из его институтов. Ибо гражданское общество предполагает состояние открытого диалога общества и государства, а характер взаимоотношений власти и молодежных организаций может рассматриваться как важнейший индикатор развития демократических процессов в России. Однако, сейчас этому процессу оказывается противодействие со стороны государства и, в особенности, со стороны законодательной ветви власти.

1. В. А. Мау, Я. И. Кузьмина *Стратегия- 2020: Новая модель роста- новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года.* М. 2013. С. 864
2. Автореферат на соискание кандидата политологических наук А.М. Лагуткиной *Молодежные общественно-политические объединения в контексте становления гражданского общества в современной России : Автореф. дис...канд. политологических. наук.* Астрахань. 2013. С. 18.
3. Комитет по молодежной политике Ленинградской области подводит итоги работы в 2014 году URL: <http://youth.lenobl.ru/news?id=39056> (дата обращения 08.03.2015)
4. Проект развития молодежной политики в России 2025 URL: <http://vmo.rgub.ru/files/project-937-2.pdf> (дата обращения 08.03.2015)
5. Автореферат на соискание кандидата политологических наук А.М. Лагуткиной *Молодежные общественно-политические объединения в контексте становления гражданского общества в современной России.*
6. Автореферат на соискание кандидата политологических наук А.М. Лагуткиной *Молодежные общественно-политические объединения в контексте становления гражданского общества в современной России.*
7. Уполномоченный по правам студентов в Российской Федерации Артем Хромов, URL: stodombudsman.ru/wp-content/uploads/2014/05/O-внесении-изменений-в-Федеральный-закон-«Об-образовании-в-Российской-Федерации».pdf (дата обращения 08.03.2015).

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К РЕГИОНАЛЬНЫМ ОБЩЕСТВЕННЫМ ДВИЖЕНИЯМ

Лапшина Н.Р. (Волгоград)

В настоящее время для нашей страны насущной проблемой становится воспитание молодежи. Так как молодежь – это будущее страны, то гражданская ответственность и патриотизм молодежи – одно из важнейших условий экономического, социального и политического развития России, ее продвижения по пути демократии и строительства гражданского общества. Основной целью государства является формирование у молодежи высокого патриотического сознания, верности Отчеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей.

Именно поэтому актуальность темы исследования обусловлена возникновением проблемы деятельности региональных общественных движений в нашей стране, обострившейся после распада Советского Союза. Непрерывное проведение реформ на рубеже веков и в настоящее время, локальные войны и конфликты, экономическая нестабильность в стране привели к тому, что с первых десятилетий XXI в. в России начался процесс изменения традиционных представлений о деятельности общественных движений.

Проблема отношения к деятельности региональных общественных движений в молодежной среде имеет первостепенное значение в наше время. Так, в ряде научных публикаций (например, в работах А.М. Грушихина, С.Н. Федорко) предложены различные

трактовки данной проблемы [2, 3]. В их основе лежит общий тезис о том, что уровень гражданской ответственности и ответственности за свои действия в среде современной российской молодежи неуклонно падает [1].

Изучение отношения современной молодежи к общественным региональным движениям осуществлялась нами на основе данных социологического исследования, проведенного с применением метода анкетирования в июле-августе 2015 года среди населения Волгограда, Волжского, Москвы, а также Санкт-Петербурга, Краснодара и Челябинска (N=100, тип выборки – маршрутно-квотная, квота по полу и возрасту), а также на базе теоретического материала. Распределение респондентов по полу и возрасту выглядит следующим образом: 49% мужчин и 51% женщин; 13% опрошенных находятся в возрасте до 16 лет, 37% - в возрасте от 16 до 18 лет, 20% респондентов относятся к возрастной группе от 19 до 21 лет, 14% - в возрасте от 22 до 25 лет, 7% опрошенных в возрасте от 26 до 29 лет, оставшиеся 9% принадлежат к возрастной группе старше 29 лет.

Анализ полученной информации позволил выявить существенные различия во взглядах молодых людей на деятельность общественных движений. Определяя роль общественных движений в жизни общества, респонденты, которые знакомы с их деятельностью, выбирали вариант ответа, связанный с положительным влиянием на становление стабильного и уверенного общества – 57%, тем самым утверждая, что общественные движения укрепляют свои позиции в современном обществе, в отличие от людей, которые слышали о подобных движениях впервые – 23%. Следует отметить, что распределение ответов на вопрос, связанный с конкретной деятельностью определенных общественных движений выявил значительные противоречия в отношении молодых людей к их деятельности. Так, в зависимости от того, в какой сфере специализируются общественные движения, а также от наличия у опрошенных специфических факторов, присущих данным сферам, зависел выбор ответа. Допустим, молодой человек имеет свой собственный транспорт, и конечно, он понимает, что не всегда соблюдает правила дорожного движения. Именно поэтому ему будет довольно неприятно, если к нему в одной из подобных ситуаций подойдут активисты общественного движения «СтопХам» и укажут на его нарушения. Также дело обстоит и с молодыми людьми, которые привыкли курить на улице, или пить с друзьями во дворе или общественном месте. Таким образом, распределение ответов на вопрос как вы относитесь к деятельности конкретных общественных движений показал однозначные результаты.

Другим, немаловажным аспектом было отношение молодых людей к методам, используемым общественными движениями в процессе борьбы с нарушениями. Так, больше половина опрошенных посчитала, что данные методы имеют место быть – 51%, но, в то же время, радикальное их использование приводит молодых людей в замешательство и заставляет пересмотреть свои взгляды на общественные движения – 25%. При этом большая часть опрошенных молодых людей принимало участие в подобных общественных движениях – 45%, что говорит о том, что молодые люди не только интересуются ситуацией, сложившейся на сегодняшний день, но еще и предпринимают действия по её улучшению.

С другой стороны, проводя наше исследование, было интересно понять, в чём видят суть общественных движений молодые люди. Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что более 40% опрошенных считают, что деятельность региональных общественных движений направлена на формирования здорового взгляда на гражданскую позицию каждого отдельного человека, становление и поддержание стабильного общества, придерживающегося правопорядка и здорового образа жизни.

Иначе выглядит ситуация у 30% опрошенных, которые, в свою очередь, посчитали, что подобного рода общественные движения разлагают современное общество, действуют вне закона и деятельность направлена их только на продвижения собственных идей в социальных сетях, куда они выкладывают свои видеоролики

Далее, молодым людям предлагалось оценить конкретные общественные движения, такие как «СтопХам», «Трезвые дворы» и «Лев против» на степень доверия к ним. Таким образом, молодым людям было предложено оценить по шкале от 1 до 3 степень своего доверия к деятельности этих общественных движений. Результаты показали однозначную ситуацию: молодые люди еще не до конца определились доверяют они общественным движениям, или же нет. В тоже время выбор ответа зависел от того, насколько были информированы о деятельности данных общественных движений. Так, молодые люди, в отличие от девушек, которые наиболее часто следят за деятельностью общественных движений на каналах YouTube, более доверительно относились к ним, в отличие от девушек, которые придерживались скорее нейтральной позиции.

Таким образом, было выявлено, что на сегодняшний день молодежь знает и интересуется деятельностью общественных движений, которые пытаются показать, что есть хорошо, а что плохо. Но, пытаясь донести свои мысли до современной молодежи, общественные движения формируют у молодых людей свой взгляд на решения тех или иных проблем и ситуаций, тем самым создавая их собственное отношение к себе. Многие из опрошенных высказывали мысль о том, что на данной этапе региональные общественные движения еще не сформировались в полноценные команды, целью которых является укрепление гражданского общества, а только выкладывают свои ролики на просторы Интернета. Поэтому требуется реализация определенных мероприятий как одного из вариантов совершенствования системы гражданского воспитания, деятельность которой должна быть согласована с изменениями, которые происходят в современном обществе, где меняются акценты и формируется новая модель поведения молодежи. В связи с этим возникает необходимость согласованных действий определенных организаций и системы культуры и образования, направленных на возрождение значимости идей гражданственности в среде современной российской молодежи, что в конечном итоге должно обеспечить возрастание уровня и значимости ценностей, которые пытаются донести до молодежи региональные общественные движения.

1. *Запесоцкий, А.И. Молодежь в современном мире. Проблемы индивидуализации и социально — культурной интеграции [Текст] / А.И. Запесоцкий. - М, 1996. – 260 с.*
2. *Федорко С.Н. Современные политические технологии противодействия радикальным общественным движениям [Текст] / С.Н. Федорко. - М, 2007. – 24 с.*
3. *Грушихин, А.М. Государственная и муниципальная служба в регионе: современное состояние, проблемы, пути совершенствования [Текст] / А.М. Грушихин // Совершенствование взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с политическими п*

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРОТЕСТА: К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ

Ластовкина Д.А. (Череповец)

Глобализация существенно влияет на процессы и характер социальных взаимодействий. Появляются новые формы социальной дифференциации, возникает новая система социальных отношений. Возникновение новых групп, слоев и одновременная исчезновение и утрата социальных функции других способствуют неустойчивости и переменам общественных настроений, стимулируют рост социального недовольства и напряженности, что служит благодатной почвой для возникновения и развития социальных протестов.

Наиболее яркие примеры массовых протестных движений в последние годы демонстрируют ряд европейских стран: Испания, Италия, Сербия, Румыния, Польша, Франция, Украина. Высока степень активности населения и в арабском мире. Немало

примеров массовых протестных выступлений имеется и в современной России. Это протест против монетизации льгот (2005 г.), массовые протесты во Владивостоке и моногородах (2009 г.), протесты в Химках, на Манежной площади (2010 г.), в Бирюлево (2013 г.). Социальный протест следует рассматривать как разновидность социального конфликта и как результат интегрирования особенностей общественных отношений различными социальными группами в зависимости от ее положения в имеющейся системе общественных отношений

Основой протестных выступлений являются протестные настроения. Их изучением занимаются различные научные и социологические центры. В том числе и ИСЭРТ РАН в г. Вологде, где мониторинг ведется начиная с 1996 г.

Результаты опросов общественного мнения дают возможность отследить динамику протестного потенциала в регионе, выделить группы, отличающихся определенным эмоциональным настроением, допускающих возможность личного участия в протестных выступлениях, а также проанализировать факторы формирования протестной активности. Анализ результатов мониторингов в Вологодской области показал, что наиболее высокий уровень протестного потенциала среди жителей области наблюдался в условиях финансово-экономического кризиса 1998 - 1999 гг. и достигал 40% (см. табл. 1). При этом большинство представителей «протестной группы» продемонстрировали довольно радикальную настроенность на действия по защите своих интересов. Не смотря на то, что в дальнейшем наблюдалась устойчивая тенденция к снижению протестного потенциала, мы можем предположить, что возможно возрождение этой тенденции в условиях разворачивающегося сейчас экономического кризиса.

Таблица 1. Динамика протестного потенциала в Вологодской области, % от числа опрошенных

	1998г.	2000г.	2001-2004г.г.	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	Изменение(+/-), 2014г.	
														К 2012г.	К 2000г.
Уровень протестного потенциала	40	24	26	32	26	21	20	22	20	20	20	17	19	-1	-5
Выйду на митинг, демонстрацию	11	8	10	14	11	10	10	11	10	11	10	9	10	0	+2
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	14	8	8	11	9	6	5	6	6	5	6	4	4	-2	-4
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	15	9	8	7	6	5	5	5	4	4	4	4	5	+1	-4
По материалам мониторингов ИСЭРТ РАН, г. Вологда. Выборка репрезентативная, целенаправленная, квотная. Репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между сельским и городским населением, между жителями различных типов населенных пунктов, половозрастной структурой населения. Всего опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Метод опроса анкетирование по месту жительства респондентов.															

При изучении протестной активности на первый план выдвигается проблему организации протестного недовольства. На протяжении последних десяти лет в нашем обществе, в связи с бурным развитием новых средств коммуникации, происходят определенные изменения форм протестной активности.

Связано это с возникновением новых коммуникационных, а вслед за ними и организационных сетей. Они начинают играть роль новых каналов мобилизации на

коллективные действия. Социальные сети (Facebook, Twitter и ВКонтакте и др.) как показывает и мировой и российский опыт, довольно эффективно могут исполнять роль каналов вовлечения в протестную деятельность и трансляции организационных инноваций протеста, расширяя тем самым репертуар протестного движения[1, С.145]. Потенциал современных информационных технологий способен обеспечить мобилизацию масс за довольно короткое время и создать практически «из ничего» активно действующие группировки. В социальном взаимодействии возникает новый тип протестной активности – виртуальный тип, который, безусловно связан с возрастанием роли информационно-коммуникационных технологий, социальных сетей.

Сегодня к традиционным формам протеста - митингам, забастовкам, пикетам, манифестациям - специалисты добавляют так называемые spektakyлярные формы - флэш-мобы, хэппенинги, перфомансы - которые в современном обществе получают все большее распространение[4, С.238]. Отличительными особенностями этого вида протеста является отсутствие обязательства в получении разрешения властей на организацию таких акций, а также ориентир на медийность, а не на массовость акций. Цели подобных мероприятий довольно часто не изложены в виде конкретных требований экономического или политического плана. Однако существуют определенные приемы и практики действий, использующиеся в процессе их осуществления, которые набирают высокую полярность. К ним исследователи относят, так называемую, карнавальность, со все свойственной ей внешней атрибутикой (яркие цвета и эпатажные фасоны одежды, клоунский грим и др.), Цель таких действий - высмеивание и абсурдизация действительности. Использование данных техник не просто обращает внимание общества к существующим изъянам политической системы, но и ставит представителей власти в достаточно «некомфортную» ситуацию. Тем не менее «Flashmob» не представляет собой опасного асоциального явления, так как его участники не выдвигают почти никаких требований и почти не нарушают никаких законов.

Технологический подход в исследовании spektakyлярных форм, дает возможность выделить их основные достоинства[5, С. 253]. К числу таковых можно отнести: высокий уровень организованности, экономичность (относительно небольшие затраты, как человеческие, так и финансовые), ориентация на достаточно узкий круг общественности, медийность, возможность заявить о себе, привлечь внимание общественности к определенным социальным или политическим проблемам. В то же время эти формы несут в себе и деструктивное начало. Критикуя и высмеивая власть, протестующие не выдвигают обоснованных требований, не предлагают альтернативных вариантов решений обозначенных ими же самими проблем. Скорее это протест ради протеста.

Что касается российских регионов, в том числе и Вологодской области, то проникновение новых технологий протеста в них находится на раннем этапе, однако скорость диффузии инноваций очень велика, и следует ожидать на новом этапе политического развития гораздо более широкого использования этого инструмента политической конфронтации и канала политической мобилизации [2, С. 13].

1. *Афанасьев, Д.В. Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологда) [Текст] / Д.В. Афанасьев, Т.А. Гужавина // Экономические и социальные перемены: тенденции и прогноз – Воло*
2. *Афанасьев Д.В. Политическое недовольство и протестное поведение (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологда) [CD-rom] / Д.В. Афанасьев, Т.А. Гужавина // Четвертая международная научно-практическая конференция «Продолжая Грушина» 27 -28 февраля 2014 г. – Материалы конференции. М ВЦИОМ, 2014. С. 9-12.*
3. *Волков, Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов [Текст]/ Д. Волков // Вестник общественного мнения, 2012. -№ 2 (112).- С. 73–86*

4. Зайцева А. *Спектакулярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией.* [Текст] / А. Зайцева // *Неприкосновенный запас*, 2010. - № 4 (72). - 288 с.
5. Савченко, И.А. *Политический протест в современном обществе: технологический подход* [Текст] / И.А. Савченко // *Теория и практика общественного развития*, 2012. - № 2. - С. 252-255

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРИРОВАНИЯ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО

Леденева В. (Москва)

Российская Федерация достаточно слабо использует селективный подход при регулировании миграции - государство не препятствует въезду практически всех категорий иностранных граждан из стран безвизового въезда.

Опыт цивилизованных стран показывает, что, во-первых, страна должна четко формировать заказ мигрантов на ближайший срок, сколько, куда и каких мигрантов понадобится. Во-вторых, процесс перемещения мигрантов трудовых мигрантов надо начинать организовывать еще в стране пребывания. Это есть и система селекции миграционного потока.

Один из существенных минусов российской политики в области трудовой миграции заключается в сложности трансформации нелегального статуса в легальный, в целом ограничительный характер миграционной политики для уже находящихся на территории РФ. При этом трудовые мигранты активно предпринимают усилия для собственной легализации: выезд в сопредельные с Россией государства для получения миграционной карты, приобретение регистраций миграционного учета, оформление разрешений на работу и патентов через посреднические организации, а зачастую и через изготовителей фальшивых документов.

Нелегальный статус ставит трудового мигранта вне общества. Все его отношения с принимающим обществом приобретают неравноправный и неправовой характер. Это касается всего комплекса отношений трудовых мигрантов с принимающим обществом, как в сфере трудовой деятельности, так и за ее пределами. Трудовые мигранты имеют негативный опыт социальных взаимодействий и с местным населением, поскольку нередко выступают в качестве замкнутой общины, противостоящей принимающему обществу. Данное обстоятельство минимизирует возможность полноценного интегрирования мигрантов и принимающего общества, взаимного культурного обмена и кросскультурного поведения, преодоления существующих стереотипов восприятия и поведения, а это затрудняет процессы адаптации и интеграции в новый социум.

Государственная социально-правовая защита практически отсутствует. Мигранты вынуждены обращаться в организации, имеющие диаспоральную направленность, либо классифицируемые по отдельным социальным группам, что приводит к локализации мигрантов, образованию отдельных социальных анклавов, замкнутости и дезинтеграции, что никак не отвечает интересам государственной кадровой политики России.

Россия связана договорами о безвизовом въезде со многими странами СНГ и необходимо сохранить данный порядок въезда, можно изменить принципы пересечения границы в зависимости от цели въезда.

При пересечении границы миграционная карта должна уйти в прошлое, на смену должна прийти электронная запись в базе данных пересечений границы РФ. Также возможно дублирование данных о пересечении границы на бумажном носителе в архив.

Нужно также законодательно внедрить и стандартизировать единую информационную базу данных об иностранных гражданах в РФ, свести воедино данные Пограничной службы ФСБ России о въезде и выезде иностранных граждан,

информационных систем Федеральной миграционной службы, МВД, а также Служб занятости и Федеральной Налоговой службы. Чтобы одним запросом, используя приборы электронного учёта, Уполномоченные сотрудники правоохранительных служб могли получить полную информацию об иностранном гражданине: паспортные данные, фотографию, дату въезда в РФ и количество таких въездов, дату постановки на миграционный учёт, данные о работодателе, дату приобретения разрешения на работу, дату трудоустройства, дату увольнения, уплаченные налоги и т.д. Это пресечет нарушения в сфере миграции, избавит рынок труда от недобросовестных работодателей, упразднит очереди в отделах трудовой миграции, позволит проверять иностранцев даже при отсутствии у них паспорта в течение нескольких минут (облегчение паспортного режима), положит конец коррупционным проявлениям со стороны государственных служащих.

Для уменьшения нарушений в сфере миграции необходимо принять меры, лежащие в плоскости, создающей легальные условия пребывания и осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности.

К числу таких мер можно отнести:

1.Облегчение процедуры постановки иностранных граждан на миграционный учет по месту пребывания, сделав ее уведомительной с введением жестких мер.

2. Ввести процедуру регистрации каждого мигранта в территориальных органах ФМС путем присвоения ему регистрационного номера, позволяющего отслеживать его место нахождения, место регистрации и место работы мигранта.

3.Содействовать развитию инфраструктуры, обеспечивающей контроль за трудоустройством и за трудовой деятельностью мигрантов: агентств по найму, агентств по найму жилья, центров адаптации, медицинского обслуживания.

4.Совершенствовать информационную работу внутри России и в государствах – основных поставщиках в Россию трудовых мигрантов о порядке привлечения и использования иностранных граждан .

Социальная работа с мигрантами строится в соответствии с основными направлениями государственной миграционной политики, целью которой является эффективное управление миграционными процессами для устойчивого социально-экономического и демографического развития страны, обеспечение ее национальной безопасности, геополитических интересов, прав и свобод человека и гражданина.

В Российской Федерации к социально поддерживаемым категориям мигрантов относят: студентов-мигрантов; вынужденных переселенцев и беженцев; высококвалифицированных трудовых добровольных мигрантов; легальных мигрантов, относящихся к социально ущемленным слоям населения (многодетные семьи, инвалиды, дети, пожилые люди).

Приоритетными направлениями в области социальной поддержки мигрантов в Российской Федерации должно быть: создание условий для получения профессионального образования (квотирование мест в средних специальных и высших учебных заведениях для особо нуждающихся мигрантов и жителей сельской местности); социально-экономическую поддержку (пособия, льготы, натуральная помощь); медико-социальную поддержку (медицинское страхование, льготное медицинское обслуживание, бесплатная экстренная медицинская помощь, организация диспансеризации); социально-правовую поддержку (юридические консультации, правовое просвещение); информационную поддержку (создание информационных служб и бесплатных консультационных пунктов); помощь в трудоустройстве (биржи труда, организация дополнительных рабочих мест для высококвалифицированных специалистов); поддержку молодой семьи (льготное ипотечное кредитование, снижение налогового бремени, выплата компенсаций и пособий при рождении ребенка и на период декретного отпуска); социально-психологическую поддержку в период адаптации к новому месту жительства.

Направление государственной политики в сфере миграции имеет явно репрессивный и запретительный характер. Никто не отчитывается о том, сколько

мигрантов удалось вызволить из рабства, сколько удалось раскрыть преступлений против мигрантов, предотвратить незаконных действий некоторых представителей правоохранительных служб, сколько удалось предоставить статус беженцев, сколько обучили русскому языку и культуре, сколько проведено работы в сфере адаптации и интеграции, сколько приостановлено исполнительных производств о выдворении и выдачи мигрантов в государства, где им грозит опасность. Как мы видим из практики, данные направления социальной работы с мигрантами имеют в основном декларативный характер.

1. *Ионцев В.А. Современные особенности нелегальной иммиграции в России. Аналитический вестник №14 (498). О состоянии и проблемах правового обеспечения противодействия нелегальной миграции. Серия: Проблемы национальной безопасности. Совет Федерации ФР РФ. М.*
2. *Поставнин В.А. Нелегальная миграция: проблемы и пути их решения. Аналитический вестник №14 (498). О состоянии и проблемах правового обеспечения противодействия нелегальной миграции. Серия: Проблемы национальной безопасности. Совет Федерации ФР РФ. М. Май 2013г.*
3. *Бажан Т.А., Масюк В.В. О формах сотрудничества Совместной комиссии с государствами-участниками СНГ, не подписавшими Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 года в сфере противодействия незаконн*

МИГРАЦИЯ - СТАРЫЙ ПРОЦЕССЫ, НОВЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Лисицын П.П., Степанов А. (Санкт-Петербург)

В первую очередь мы обратимся к основополагающему понятию исследования трудовой миграции – «Мигрант».

На международном уровне не существует общепринятого определения кто же такие мигранты (migrants). Термин мигрант «охватывает все случаи, когда решение о миграции человек принимает свободно, по причинам «личного удобства» и без вмешательства внешнего принудительного фактора». Исследователи классифицируют мигрантов, разделяя их на: трудовых, вынужденных, принудительных мигрантов и т. д. Интерес нашей книги лежит в рамках трудовой миграции, однако и трудовые мигранты по своей структуре неоднородны. Трудовую миграцию принято разделить на: маятниковую, сезонную, постоянную, временную, высококвалифицированную и низкоквалифицированную, нелегальную и легальную миграцию. В большинстве исследований миграция представляется как переход из одного конкретного географического и социального пространства в другое. Принято разделять миграцию на: внешнюю, внутреннюю, транснациональную миграцию. Для различных исследовательских проектов коллективы ученых собирают из этого набора групп собственный конструктор исследования, рассматривая, например: «Легальных транснациональных трудовых мигрантов из Узбекистана, или «Нелегальных трудовых мигрантов из Вьетнама в Иваново», или «Легальных сезонных трудовых мигрантов в Швеции». Государство в свою очередь классифицирует мигрантов как: визовых и без визовых, как резидентов и нерезидентов и т.п..

Таким образом, исследования по трудовой миграции разбиваются на фрагменты, лучшая часть которых это - обобщения, основанные на сравнительных исследованиях. Однако эти обобщения не касаются общей совокупности трудовых мигрантов, так как подобных сравнений должно было бы быть великое множество. Не случайно, именно сейчас, когда понимание структуры социальных процессов существенно усложнилось, широкой поступью по социологическому мировому пространству шагают сравнительные

исследования, пытаюсь собрать из групповой мозаики общую картину мира, выкристаллизировать идею, которую можно было бы использовать как фундамент, как базу для политических, социальных преобразований в области миграционных процессов.

С одной стороны мы видим научную фрагментацию мира, с другой стороны мы фиксируем обыденное гештальт сознание, трактующее мигрантов как нечто цельное и предельно понятное. Исследователю при общении с широкой аудиторией каждый раз приходится объяснять, что миграция не однородна, что он (исследователь) не может гарантировать валидность исследовательских выводов во всех регионах, так как его исследование проходило только в нескольких населенных пунктах. Часто исследователь попадает в ситуацию, когда широкие круги населения к нему относятся "несерьезно", так как то, что он говорит, не соответствует тем примерам, с которыми сталкиваются люди в своей повседневности. Похожая ситуация происходит во время диалога исследователя с законодателями. Последние не получают ответ на поставленные вопросы о миграционной политике, а объяснения исследователя, что вопросы были заданы не корректно никого не убеждают. Как следствие этого, с одной стороны недовольство населения, с другой стороны стратегически не выстроенная миграционная политика государства, которое начинает в своих действиях ориентироваться на внешние стимулы и на внутреннее растущее недовольство.

До недавнего времени для большинства государств, принимающих большие объемы миграционных потоков, стоял выбор между двумя основополагающими направлениями миграционной политики: принципы мультикультурализма и принципы «плавильного котла». В любом из этих принципов, какой бы государство не выбирало, основное внимание обращается на этничность и культуру, на этнические и культурные группы. Однако недавние заявления и представителей научного сообщества, и представителей властных политических структур поставили под сомнение как роль мультикультурализма, так и работу «плавильного котла», а значит вслед за ними и главенствующую роль этнических групп как базисного понятия миграционной политики.

Исследовательские проекты в отрасли социологического знания связанные с изучением мигранта, должны основаться на понимании того, что мигрант является либо основным актором контекстных процессов, либо одним из основных акторов. Так или иначе, мигрант должен совершать акты действия для того, что бы можно было сказать: «это исследование изучает мигранта». В противном случае, исследовательские коллективы будут заниматься не исследованием мигранта, а исследованиями влияния факторов на мигранта. Таким образом, в социологических исследованиях, где объектом исследования является мигрант, он представляется как действующий актор с одной стороны меняющий контекстные процессы (экономику, политику, культуру, демографию), а с другой стороны как актор изменяющий себя под воздействием других контекстных процессов или других факторов в рамках миграционного процесса.

На первой стадии миграционного процесса, где мигрант является объектом (в субъект объектном взаимодействии), исследователи социологии получают информацию о базисном разделении мигрантов на: внешних и внутренних, трудовых и вынужденных. Другими словами, когда социолог исследователь рассматривает возможность изучения мигранта, он изначально должен определиться, каких конкретно мигрантов он представит как объект своего исследования, но выбирать исследователь должен не из всего существующего на сегодняшний день многообразия миграций, а только из двух позиций: внешние - внутренние и трудовые - вынужденные. Все остальные классификации мигрантов, такие как: постоянные и временные, транснациональные, легальные и нелегальные и т.п., не нужны исследователю выбирающему объектом научных изысканий – мигранта, так как эти лишние ограничения будут способствовать рассмотрению исследователем выбранных характеристик (транснациональный, легальный, временный) как статичных, в то время когда они таковыми не являются. Более того, сам актор (мигрант) совершает акты действия, способствующие их динамике.

Выше мы описывали термин мигрант на примере единичного действующего лица. Однако для социологического исследования достаточно ли просто говорить об индивидуе, или возможно, мы должны обратиться к групповой единице, такой как мигранты?

Мигранты как объект исследования не должны являться «сущностями в мире» (как предлагает групповой подход к их исследованию), а должны рассматриваться исследователем как «точки зрения на мир». Чрезвычайно краткие и вместе с тем емкие философские понятия предлагает Брубейкер Р. (Brubaker R.). В рамках его исследования он говорит об этничности, однако мы можем использовать эти же понятия применительно к мигрантам. Этничность, пишет он «не вещь в мире, а точка зрения на мир». Перефразируя его сентенцию, мы можем сказать, что мигранты это не сущности в мире – это точка зрения на мир. Если сегодняшний подход настаивает на том, что мигрантов необходимо исследовать как «группу», то предлагаемый нами подход предлагает рассматривать мигрантов как «катеорию», а мигранта, как человека относящегося по ряду признаков (характерных для участника миграционного процесса) к этой категории. При таком подходе в центре внимания окажутся не групповые характеристики, а процессы и отношения. Ключевыми вопросами для исследователя будут: «кто формирует эту категорию?», «для чего создается эта категория?», «как создается эта категория?», «как поступают люди и организации по отношению к этой категории?», «как категории институционализируются?», «к чему приводит институционализация?» и т.п.

1. *Глоссарий терминов в области миграции / Международная организация по миграции; [редактор: Перришу Р.]. – Женева, 2005.*
2. *Брубейкер Р. Этничность без групп М: - изд.д. Высшая школа экономики, 2012*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК БАЗИС ДАЛЬНЕЙШЕГО ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Мавликасов А.Х. (Санкт-Петербург)

Сегодня много говорится и пишется о дальнейших путях развития России, о том, какие ошибки были допущены государственными деятелями в разные периоды истории, какой вклад они внесли в развитие страны, понимание и направление которого по-разному интерпретируется мыслителями. Однако несомненно, путь развития должен основываться на исторических и культурных особенностях государства, на политической культуре российских граждан.

Существует множество определений политической культуры. В самом общем виде под ней будем понимать «обобщенную характеристику отношения граждан к политической системе своего общества и к участию в политической жизни» [1, с.381]. Политическая культура имеет свойство изменяться, но не сразу, плавно, приобретая те или иные формы. Российская политическая культура многогранна, местами противоречива и имеет разные трактовки её характеристик. Мы будем опираться на разделяемые всеми конкретные исторические факты.

В политической культуре России имеются две традиции осуществления власти: авторитарная и демократическая. Выделим два содержательных аспекта проявления этих традиций:

1) Общероссийский уровень. Российские демократические традиции зародились очень давно. Воплощением этих традиций были народные собрания, Земский собор, Государственная Дума. Авторитарные традиции наиболее ярко проявлялись в период правления Ивана Грозного, Петра I, Сталина. Спецификой страны является, подчеркнём, одновременное взаимообусловленное сосуществование автократии и демократии. При любой власти, даже самой жесткой, существовали демократические институты. В

основном преобладала авторитарная традиция, однако в короткие периоды истории доминирование переходило к демократической, например в 1917 году, в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия.

Данные традиции присущи и самому российскому обществу. Оно всегда состояло и состоит из разных индивидов. Традиции определённых групп, прежде всего интеллигенции, основываются на ценностях демократии [1, с.278], традиции большинства на ценностях автократии.

2) Региональный уровень. Специфика России в её многоэтничности, многокультурности и разнородности. Одним регионам больше присущи авторитарные традиции, другим — демократические. С точки зрения политической культуры, Российская Федерация состоит из двух частей: «традиционной» России и России «модернистской» направленности. Электоральные процедуры в России «модернистской» направленности гораздо ближе к общеевропейским представлениям о смысле и сути демократических выборов. В «традиционной» России доминирует иная политическая культура, более всего схожая с советской концепцией выборов: минимум самостоятельности для избирателя при максимуме льгот для правящей номенклатуры [2]. Внутри регионов также имеются особенности, связанные с сельской и городской местностью.

История Отечества показала, что периоды крутых демократических преобразований, смен социально-экономического строя, отрицания старых и утверждения новых общественных отношений 1917 и 1990-х годов приводили к кризисам, мгновенным решениям и одновременно появлению новых, более опасных и масштабных проблем: экономическим кризисам, резкому снижению уровня жизни, расцвету криминалитета, многочисленным хищениям. Революции 1917 года привели к заметному усилению сепаратизма, были провозглашены, в частности независимость Финляндии и Польши. Неудачные попытки реформирования советской системы послужили распаду Советского Союза и появлению на мировой политической арене 15 самостоятельных государств. Национальная безопасность страны была подорвана. Если после Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны Отечество «выкарабкалось» благодаря традициям сильного самодержавного государства и пошло по традиционному пути, то сделанная в 90-е годы попытка вытеснения традиций оставила неизгладимый след и даёт о себе знать и сегодня, как с положительной, так в большей степени с отрицательной стороны.

Одним из основных факторов кризисов последнего резкого поворота 90-х годов послужила неготовность большей части населения к принятию демократических ценностей. Общество оказалось неспособным к самостоятельной организации своей жизнедеятельности. В нашей стране во все времена главенствующую роль по отношению к обществу играло государство. Как отмечает писатель А. Проханов: «Ощущение централизма, вера в государство, предпочтение государства одинокому индивидуальному счастью — сущность русского народа» [3]. В одном из своих интервью А. И. Солженицын высказал, что «демократия не должна быть насажена, как колпак. Она может расти, как всё растущее, как все растения, - снизу вверх». «Демократия не может быть насажена сверху никаким умным законом, никакими мудрыми политиками». «В США должны понимать, что демократию нельзя принести на штыках» [4], - подчеркнул он.

России конечно же следует опираться на историю других стран, но прежде всего на свою собственную, учитывать достижения, ошибки и учиться на них. Развитие Отечества рано или поздно станет кризисным, если не будет объективного отношения к прошлому и настоящему.

В нынешнее время Российская Федерация находится в восстановительном периоде. После не совсем удачной смены общественного строя, Президентом Владимиром Путиным осуществляется укрепление позиций государственного сектора, используется комплексный подход к общественной жизни, сочетающий элементы российских

исторических традиций с вошедшими в практику некоторыми позитивными достижениями преобразований 90-х годов. Сегодня необходимые и неизбежные нововведения положительных мировых практик и тенденций должны внедряться в жизнь общества постепенно, аккуратно, естественным путём, не разрушая существующую систему. Страна может идти только по своему «особому пути», делая акцент на государственное наследие, на самобытность, творчески используя её. Самое главное, дальнейшее развитие Отечества должно исходить от мнения и предпочтения её многонационального народа.

1. *Политическая социология / под. ред. В. Д. Виноградова, Н. А. Головина. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 424 с.*
2. *Орешкин Д. Б. География электоральной культуры и цельность России // Политические исследования. - 2001. - № 1. - С. 91.*
3. *Интервью с Прохановым в передаче Познера. Опубликовано 04.03.2013. - URL: <http://aftershock.su/?q=node/25050> (дата обращения: 06.03.2013).*
4. *Солженицын А. И. Демократия не приходит сверху. Интервью телеканалу Россия. - URL: http://solzhenicyn.ru/modules/pages/Demokratiya_ne_prihodit_sverhu_Intervyu_telekanalu_Rossiya.html (дата обращения: 07.03.2013).*

КРИЗИС СЕМЬИ КАК УГРОЗА СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Маркасова О.С. (Могилёв, Республика Беларусь)

Сегодня вновь обращают внимание на необходимость обеспечения стабильности в обществе. Само понятие стабильности воспринимаемое, как устойчивость, неизменяемость, вовсе не означает, что общество как система не должно изменяться и развиваться, но эти изменения не должны подрывать устойчивость всей системы. Стабильность предполагает «способность системы сохранять параметры в определенных пределах, противодействовать возмущениям и возвращаться в равновесное состояние в случае отклонений» [1].

Под социальной стабильностью понимают «устойчивое состояние социальной системы, позволяющее ей эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий, сохраняя свою структуру и основные качественные параметры» [2]. Социальная стабильность включает в себя внутреннюю стабильность социальных систем (институтов, организаций, сообществ и т. д.); стабильность их взаимосвязей и их взаимодействий между собой; стабильность (политическую, экономическую, идеологическую, культурную и т. д.) на уровне всего общества [3].

Рассматривая внутренние факторы стабильности общества, можно отметить, что наиболее значимое место среди них отводится устойчивому функционированию социальных институтов, среди которых одним из важнейших является семья.

Однако сегодня именно семья претерпевает кризис в своем развитии, который проявляется в увеличении количества разводов, снижении рождаемости, ослаблении влияния родителей на детей, нетрадиционные формы семейно-брачных отношений. Кризис семьи негативно отражается как на отдельных ее членах, так и на обществе в целом. Нарушение функций именно этого института, изменение его структуры ведет к дестабилизации общества. На современном этапе почти все функции семьи претерпели изменение и не могут быть выполнены в полной мере, что и отражается на состоянии социума.

Одной из основных и важнейших функций семьи является репродуктивная, то есть именно посредством семьи происходит процесс воспроизводства населения, укрепление демографического потенциала страны. Только с наличием детей возможно осуществление

ряда других функций семьи и обеспечение стабильности данного института, а значит, и стабильности общества в целом. Но эта функция семьи претерпела сегодня одно из наиболее значимых изменений. Ограничение рождаемости, нежелание вообще иметь детей, прерывание так называемых «нежелательных беременностей», использование всевозможных средств контрацепции – все это ставит под угрозу само существование репродуктивной функции семьи. Снижение рождаемости и нежелание иметь детей связывают с «социально-экономическими процессами, в том числе и процессами трансформаций гендерных отношений в современном обществе. Изменение положения женщины в обществе и семье, изменение характера труда и образа жизни семей влияют на общественное сознание и формирование установок на малодетную семью» [4, 347]. Установки на малодетную и бездетную семью навязываются идеей так называемого «планирования семьи», которое по определению направлено на ограничение и снижение рождаемости, то есть нарушение функций семьи. «Планирование семьи является основой для замедления несбалансированного роста численности населения и уменьшения, связанных с ним негативных последствий для экономики, окружающей среды, а также национальных и региональных усилий в области развития [5]». Но сегодня для нас важен именно рост численности населения, а отсутствие этого роста приведет к ряду негативных последствий, как в экономической сфере, так и в других сферах общества.

Рассмотрим, что препятствует росту рождаемости в рамках программы «планирования семьи». Это контрацепция, в том числе и абортивного действия [6] и непосредственно аборты. Каждый знаком с этими понятиями, но не каждый отдает себе отчет в сущности того, что скрывается за ними. А тем более в том, что прерывание беременности напрямую влияет на демографическую ситуацию и на экономическое развитие всей страны, на состояние нравственности всего народа, на состояние здоровья женщин, как физическое, так и психическое. Нарушается важнейшая функция семьи, что влечет за собой нарушение устойчивости, как семьи, так и общества в целом.

Ежегодно в мире совершается около 45 миллионов абортов. В России, например, по официальным данным за 2013 год зарегистрировано 1.012.399 млн. абортов [7], в Беларуси за этот же период было проведено немного более 31 тысячи абортов [8,186], но это только аборты, а еще около 50% женщин репродуктивного возраста, как в одной, так и в другой стране, используют внутриматочные спирали и гормональные таблетки [9], которые также имеют абортивное действие.

Таким образом, довольно значительная часть женщин сознательно подрывают устойчивость собственной семьи, ее духовно-нравственное состояние, свое здоровье и здоровье собственных детей, при условии их рождения в будущем. Семья, не имеющая детей или ограничивающая их число, может скорее распасться, так как нарушается ее структура, изменяется психическое состояние ее членов. Искусственное прерывание беременности посредством абортов и контрацепции влечет за собой не только нарушение эмоциональной стабильности, психического здоровья семьи, но и нарушение ее духовного развития, так как любое прерывание беременности – это уничтожение ребенка, то есть убийство.

Для обеспечения стабильности общества необходимо обеспечить стабильность, в первую очередь, семьи. Необходимо помочь семье вернуть утраченные ею функции, и не малую роль здесь играет помощь государства. Например, запрет абортов, контрацепции абортивного действия, наряду с введением курса в учебных заведениях для молодежи о начале человеческой жизни, поможет укрепить репродуктивную функцию, наряду с этими мерами, конечно необходимо наличие четкой, проверенной системы норм и ценностей, как в конкретной семье, так и в обществе в целом.

На наш взгляд основной системой семейных ценностей, которая наиболее полно раскрывает сущность и цель брака и семьи является православная. Переход к утраченным и забытым ценностям православной культуры поможет не только посмотреть по-другому

на семью и выполнение каждым ее членом своей роли, но и переоценить отношения мужчины и женщины, как до брака, так и после вступления в брак.

Наличие сформированной системы семейных ценностей, принимаемой всеми ее членами, поддержание этой системы ценностей и действия в рамках этой системы помогут сохранить стабильность не только отдельного института семьи, но и общества в целом.

1. А.К.Гуц, Глобальная этносоциология. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.univer.omsk.su/MEP/ch7st.win.htm>, (дата доступа 09.09.15).
2. Социальная стабильность. Свободный словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://termin.bpsd.ru/publ/19-1-0-17569>, (дата доступа 09.09.15).
3. Социальная стабильность, ее факторы. Энциклопедия экономиста. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnaya-stabilnost.html>, (дата доступа: 08.09.15).
4. Человеческий потенциал Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников [и др.]; науч. ред. П. Г. Никитенко, [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.ekonotika.by/downloads/poten1\(2\).pdf](http://www.ekonotika.by/downloads/poten1(2).pdf), (дата доступа 31.07.15).
5. Планирование семьи Информационный бюллетень N 351 Май 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs351/ru/>, (дата доступа 01.08.15).
- 6.Abortивное действие средств контрацепции. Потиха В. В., Фокин А. А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://azbyka.ru/zdorovie/abortivnoe-dejstvie-sredstv-kontracsercii>, (дата доступа 17.07.2015).
7. Сведения о прерывании беременности по Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#, (дата доступа 23.08.15).
8. Статистический ежегодник 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_528/, (дата доступа 01.04.15).
9. Кое-что о контрацепции: статистика и факты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://statistika.ru/zdr/2007/12/13/zdr_9954.html, (дата доступа 23.08.15).

РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ЖИТЕЛЯМИ ВЕРХНЕСАЛДИНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА ПО ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ОЭЗ ППТ «ТИТАНОВАЯ ДОЛИНА»: ПРОБЛЕМЫ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Маслов Н.В. (Екатеринбург)

Одной из основных задач регионов РФ в настоящее время является борьба за повышение инвестиционной привлекательности, за сохранение притока финансов как национальных, так и зарубежных. Для этого широко используются такие инструменты, как особые экономические зоны, технопарки, кластера, которые выступают в роли точек роста экономического потенциала региона. Такой точкой роста для Свердловской области является проект особой экономической зоны промышленно-производственного типа (ОЭЗ ППТ) «Титановая долина». Реализация данного проекта решает задачи развития Свердловской области в стратегической перспективе, формируя конкурентные преимущества региона в мировом масштабе.

ОЭЗ ППТ «Титановая Долина» создана в 2010 г. в соответствии с Постановлением Правительства РФ «О создании на территории муниципального образования Верхнесалдинский городской округ Свердловской области особой экономической зоны промышленно-производственного типа» от 16.12.2010 № 1032 [1]. Основная цель создания – развитие обрабатывающих отраслей экономики через создание на территории ОЭЗ современных промышленных комплексов, способных обеспечить производство высокотехнологичной продукции глубокого передела в целях удовлетворения

потребностей российской экономики и стимулирования экспорта за счет масштабного привлечения отечественных и иностранных инвестиций.

Следует отметить, что функционирование таких крупномасштабных проектов как ОЭЗ «Титановая долина» всегда имеет две стороны: выступает как локомотив экономического роста региона, обеспечивает людей рабочими местами, реализует социальные проекты, но в то же время поднимает большое количество экологических проблем, а также проблем безопасности для населения. Поэтому работа таких производств должна курироваться как органами местного самоуправления, так и самим населением. При этом никто не снимает ответственности с руководителей ОЭЗ «Титановой долины». Однако активная позиция населения, будет только способствовать развитию этой ответственности и позволит учитывать интересы местных жителей при решении жизненно важных для городского округа вопросов.

Первым проявлением участия населения в решении вопросов функционирования ОЭЗ «Титановой долины» можно считать не совсем умелый и юридически неграмотный сбор подписей против строительства предприятия по производству металлического марганца, организованный весной 2015 года. Распространяемые по городу листы голосования для сбора подписей во всех красках описывали достаточно мрачные перспективы, которые ожидают Верхнюю Салду после запуска марганцевого производства. В них содержались следующие лозунги: «Марганец – это тяжелый металл, нейтропный яд, вызывает необратимые изменения в организме. Всех нас и наших детей ждет медленное отравление тяжелым металлом. Не травите наших детей! Скажи, нет яд-заводу!». Резидентом, который так взбудоражил местную общественность, является ООО «Инферком – Урал». Соглашение об осуществлении промышленно-производственной деятельности на территории ОЭЗ ППТ «Титановая долина» с компанией ООО «Инферком – Урал» (№С-881-АЦ/Д14) с проектом «Строительство и эксплуатация экометаллургического завода по производству металлического марганца и литья» было подписано 29 декабря 2014 года, заявленный объем инвестиций достигает 600 млн. рублей [2].

Стоит отметить, что местные жители выбрали неверный формат для проявления своей гражданской инициативы. Сам факт организации жителей для решения данного вопроса уже говорит о положительных сдвигах в формировании гражданского общества и безусловно позитивно сказывается на отношении руководства титановой долины к существующим проблемам. Однако в следующий раз местным жителям для достижения максимального эффекта от своей деятельности необходимо соблюдать законодательство РФ. Непосредственно в данной ситуации местные жители должны были собирать подписи не на листах голосования по сходу граждан против ферромарганцевого завода, а собирать подписи для проведения референдума по решению данного вопроса. Так как согласно ст. 25 ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 года для решения вопросов местного значения сход граждан проводится в поселении с численностью жителей, обладающих избирательным правом, не более 100 человек. Также для решения вопросов местного значения в соответствии с уставом муниципального образования может проводиться сход граждан в поселении с численностью жителей, обладающих избирательным правом, более 100 и не более 300 человек [3]. Численность населения Верхнесалдинского городского округа на 1 января 2015 года составляет 47037 человек, поэтому для соблюдения законодательства РФ сбор подписей должен был проводиться в поддержку инициативы проведения местного референдума по вопросу запрета строительства компанией ООО «Инферком – Урал» завода по производству металлического марганца на территории ОЭЗ ППТ «Титановая долина». Из этого следует, что у данной гражданской инициативы отсутствовали должные юридические основания.

Однако, несмотря на юридические ошибки проведения сбора подписей данное мероприятие привлекло внимание управляющей компании ОАО «ОЭЗ «Титановой

долины». По инициативе пресс-службы ОАО «Особая экономическая зона «Титановая долина» 16 апреля состоялась пресс-конференция для местных СМИ с участием генерального директора управляющей компании – А. Кызыласова и представителями компании «Инферком - Урал» - учредителем и директором Д. Андреевым, директором по производству и технологиям И.Селивановым. Представителями компании было заявлено, что технология, по которой планируется строить производство экологически чистой, и не подразумевает ни каких выбросов в окружающую среду, однако на данный момент отсутствуют какие-либо документы, регламентирующие санитарные правила и нормы для процесса. Класс опасности производству будет присвоен только после прохождения всех необходимых проверок и экспертиз. Также участники пресс-конференции заверили, что своевременно будут информировать население округа через местные средства массовой информации о процессе проектирования и прохождения экспертиз, а также заявили о готовности провести публичные слушания для салдинцев по данному вопросу.

Также при обращении в Администрацию Верхнесалдинского городского округа, удалось выяснить некоторые факты: инициаторы сбора подписей действовали собственными силами, органы местного самоуправления поддержки им не оказывали, возможно из-за этого и возникли юридические проблемы; собранные в ходе данной акции подписи в Администрацию округа переданы не были, а об начале сбора подписей была проинформирована Управляющая компания «Титановая долина»; Администрация Верхнесалдинского городского округа не принимала участие в организации пресс-конференции.

Активное участие населения в решении местных проблем это тот инструмент, который способен обеспечить регулирование деятельности, как органов власти, так и крупного бизнеса, привлечь внимание к серьезным местным проблемам, чтобы не допустить нарушение прав местных жителей. Однако наиболее эффективно данный инструмент может работать при высокой гражданской активности и обсуждению вопросов с органами местного самоуправления. Поэтому салдинцам необходимо налаживать контакт с местной Администрацией, чтобы их инициативы были более продуманы и действенны. Несмотря на то, что сбор подписей был организован на достаточно низком уровне (сказывается низкая правовая грамотность граждан) и фактически не имел никакой юридической силы, управляющей компании пришлось реагировать, была проведена пресс – конференция, на которой была разъяснена ситуация по экологическим и природоохранным аспектам. Дз факто это первый случай, когда гражданское общество проявило свою активность в сфере создания и развития особой экономической зоны в Верхнесалдинском городском округе. Остается только надеяться, что и дальше население городского округа не будет безучастным и продолжит контролировать процесс развития ОЭЗ ППТ «Титановая долина». Отдельно стоит отметить отстраненную позицию Администрации городского округа, которая полностью абстрагировалась от гражданского общества, выступив лишь в роли «доносчика» информации до управляющей компании.

1. *О создании на территории муниципального образования Верхнесалдинский городской округ Свердловской области особой экономической зоны промышленно-производственного типа. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.12.2010 г. № 1032 (ред. от 17.*
2. *Годовой отчет за 2014 год открытого акционерного общества «Особая экономическая зона «Титановая долина» [электронный ресурс] // URL: <http://titanium-valley.com> (дата обращения 07.07.2015).*
3. *Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.02.2015) [электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.

Мельников Е.Г. (Санкт-Петербург)

Под социальной трансформацией следует понимать процессы глубинных, сущностных изменений общественной жизни, затрагивающих структуру социума и его основные сферы, и отличающихся качественной направленностью. Одним из типов социальной трансформации выступает глобализация. В самом общем виде, глобализацию необходимо рассматривать как комплексный процесс расширения и углубления мировых взаимосвязей, затрагивающий все аспекты социальной действительности.

В современной России отмеченные выше изменения происходят в отношениях собственности, распределения, на рынке труда и в сфере потребления. Процессы социальной трансформации привели к возникновению новых социальных групп, слоев и общностей, к изменениям в общественной иерархии, формах, направлениях и перспективах социальной мобильности.

Одной из ключевых проблем развития современного российского общества является достижение стабильного характера социальной структуры и, в конечном счете, – социального равновесия социума в целом. Но стабильность социальной структуры зависит не только от процессов трансформации, происходящих в рамках данного социума как системы и составляющих ее элементов. Во многом это определяется связями общества с внешней средой, т.е. с другими общественными системами и глобальными социальными образованиями. Это означает, что процессы глобализации, происходящие в современном мире, необходимо существенным образом учитывать при анализе понятия «социальная структура общества».

В соответствии с научным определением социальной структуры, глобальная социальная структура должна выражать собой качественную определенность всего современного планетарного социума. И, следовательно, ее состояние будет являться главным гарантом стабильности данного общественного организма.

Главными тенденциями трансформации социальной структуры в контексте процессов глобализации являются формирование структур глобального и регионального типов и соответствующих им элементов – социальных институтов, социальных общностей, групп и страт, взаимодействие между которыми существенным образом влияет как на развитие планетарного социума в целом, так и на развитие конкретных общественных систем и их социальных структур.

Фактически, сегодня мы имеем дело с несовершенной глобальной социальной структурой и соответствующими ей отношениями, которые в силу этого выступают источниками и причинами многих современных опасностей и вызовов.

Перейдем теперь к рассмотрению национальных особенностей функционирования и трансформации социальной структуры российского общества. В этой связи необходимо заметить, что объектом исследования отечественных социологов является, прежде всего, социально-классовая структура, т.е. их главное внимание сконцентрировано, преимущественно, на изучении основных классов, социальных групп и слоев, существующих в российском социуме в конкретно-исторический период времени.

Что касается нынешнего состояния социальных процессов, то необходимо отметить ряд специфических черт социальной структуры современной России, отличающих ее от структуры советского общества и структур других общественных систем.

К ним относятся:

- кардинальное изменение экономических основ социального структурирования: становление новых форм собственности и укладов общественного хозяйства;

- влияние процессов глобализации на процесс трансформации социальной структуры, ведущее к появлению новых форм интеграции/дезинтеграции и регионализации;

- "размывание" традиционных социальных групп; становление новых видов социальной интеграции населения на основе форм собственности, доходов, отношения к политической и административной власти, социальной самоидентификации.

- неопределенность механизма образования классов, социальных групп и слоев;

- отсутствие четких форм и границ, переходный характер большинства элементов социальной структуры;

- углубление социального неравенства и тотальный характер процессов маргинализации в обществе.

- крайняя социальная неустойчивость структуры общества, как на уровне внутри- и межгрупповых социальных процессов, так и на уровне осознания индивидом своего места в общественной иерархии.

По мнению ряда отечественных авторов, российское общество имеет сегодня многомерное иерархически организованное социальное пространство (социальная стратификация), в котором социальные слои, группы, классы и другие социальные элементы дифференцированы по степени обладания властью, собственностью, социальным статусом, имеют свою систему ценностных ориентаций, ролевые функции.

Во всей совокупности существующих в обществе социальных неравенств могут быть выделены неравенства первого и второго уровня. Первый – неравенства системного характера: экономические, политические, социально-статусные, распределительные, властные и т.д. Второй – неравенства индивидуальных свойств и возможностей личности. Неравенства первого уровня непосредственно связаны со сложными трансформационными процессами, которые происходят в России. Речь идет о таких всеобщих тенденциях, как глобализация мирового пространства, интеграция в сфере экономики, политики, образования, информации, с одной стороны, и регионализация, дезинтеграция – с другой... Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества – это углубление социального неравенства по всем показателям (экономический, политический, социальный, региональный) [1].

Главный вывод, который можно сделать из этого, сводится к тому, что эффективная социальная и экономическая политика в сегодняшнем социуме должна быть нацелена исключительно на экспансию капитализма. Во-первых, данные различных социологических исследований наглядно показывают, что профессиональная деятельность именно в зоне капиталистических производственных отношений может привести людей к социальному благополучию. Во-вторых, четко прослеживается, что подавляющая часть населения поддерживает идеи предпринимательства, а значит, государство и властные структуры обязаны создать им оптимальные условия для реализации их жизненных стратегий.

Подводя итоги нашего анализа, необходимо отметить, что социальная структура российского общества претерпела значительную трансформацию по сравнению с социальной структурой советского периода, как под воздействием глобальных тенденций, так и внутренних социальных и экономических процессов. В настоящее время, тем не менее, она отличается внутренней нестабильностью, что проявляется в действии основной тенденции - углубления социального неравенства в основных сферах общественной жизни. Достижение социального равновесия в российском социуме должно быть связано, в первую очередь, с кардинальным изменением системы социальной политики в сторону ее многосубъектного характера.

1. См.: Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Черныш М.Ф., Семенова Л.А. Социальное неравенство и социально-структурные изменения// Россия в глобальных процессах:

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЙ РОССИИ, США И КИТАЯ

Меремьянина Е.С. (Москва)

Поиск национальной идеи — вопрос, который волновал философов на протяжении веков. И после распада СССР, когда Россия утратила не только бывшее территориальное единство, но и единство культурное, духовное, отказавшись от национальной идеи, способствовавшей объединению народа в единое целое, формированию позитивной национальной идентичности, появлению связей солидарности между индивидами, данная проблематика вновь становится актуальной в связи с целым рядом причин. Во-первых, национальная идея обладает гносеологической функцией, призвана ответить на вопросы о смысле существования народа, его истории и возникновении. Во-вторых, тема поиска национальной идеи стала особенно актуальной в последнее время в связи с высокой разобщенностью нашего общества. Потеря национальной идентичности, сложившейся за годы существования СССР, в связи с реформами 1990ых годов, поставила под угрозу существование нации как единого целого. Также решение данного вопроса особенно важно в связи с особым положением российского государства на мировой арене. Для того чтобы достойно ответить на внешние вызовы, стране необходима общая идея, внутренняя сплочённость и единство. В то же время, данная проблематика актуальна не только для российского общества, национальная идея - явление, наблюдаемое в разных странах по всему миру, в частности в современном Китае и США, способствует эффективному развитию общества.

Таким образом, в данной работе мы рассмотрим феномены национальной идеи и национальной идентичности в России, Китае и США. Изучение следующих тенденций необходимо как для налаживания международного сотрудничества между странами внутри содружества, так и для анализа положения данных государств в современном мировом взаимодействии.

Объектом настоящей работы является феномен национальной идеи.

Предметом являются особенности существования и развития национальной идеи в России, Китае и Соединенных Штатах Америки. Так, США были выбраны в качестве предмета исследования как государство с развитой и активно функционирующей национальной идеей, в то время как Китай только начинает развивать и внедрять проект «Китайской мечты», выдвинутый 29 ноября 2012 г., Си Цзиньпином во время посещения ЦК КПК Национального музея.

Цель данной работы — сравнить и выделить особенности формирования и функционирования феномена национальной идеи в России, США и Китае, рассмотреть как культурные и исторические особенности государств могут повлиять на их внутреннюю и внешнюю политику.

Теоретическую основу исследования составили научные работы русских: Соловьева В.С., Якунина В.И., Цыганкова П. А., Крашенинниковой В., Грачикова Е.Н., Бутова В., Кочеткова В.В., и зарубежных: Геллнера Э., Андерсона Б., Хантингтона С., Чжао Тиняна, философов, социологов и историков XIX, XX и XXI веков, статьи из публицистических изданий, выступления политиков и экспертов.

В ходе исследования были рассмотрены основные подходы к понятию национальной идеи и сделан вывод об отсутствии в научном сообществе единого понимания данного феномена. Объединяя различные понятия, было выработано следующее определение: национальная идея – систематизированное обобщение

национального самосознания, устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, являющееся в то же время специфическим инструментом власти. Национальная идея является одним из ключевых факторов в процессе формирования позитивной национальной идентичности. Так, в Китае после времени проведенного в полуколониальном состоянии не только экономическое развитие, но и формирование единой национальной идеи «возрождения нации» способствовало восстановлению позитивного самосознания граждан.

Сравнительный социологический анализ позволил нам выделить исторические, культурные и ценностные основания национальной идеи Китая, России и США, проанализировать историю стран и выделить основные факторы, повлиявшие на формирование национальной идеи и национальной идентичности в данных странах. Так, в США это либерально-демократические идеалы, протестантская религия, работы философов эпохи просвещения, иммиграция, американская мечта, мессианство, образ врага, патриотизм населения. А в Китае древнее происхождение государства, происходившая на протяжении веков смена идентичности, конфуцианство, легизм, даосизм, патриотизм населения, сочетание традиционных основ общества с влиянием глобализации. Сопоставляя данные особенности с факторами, оказавшими влияние на формирование национальной идеи и национальной идентичности в России, с учётом данных эмпирического исследования молодёжи, которое было проведено Нами в апреле 2014 года, был сделан ряд выводов. Во-первых, патриотизм, который является неотъемлемой составляющей национальной идеи в Китае и США, был и остаётся основополагающей ценностью русского народа, базовой для возникновения современной российской национальной идеи. Во-вторых, в ходе анализа был сделан вывод, что национальные традиции, соответствующие специфике государства, являются основой национальной идеи, однако должны адаптироваться в рамках современных тенденций. Например, необходимо учитывать, что традиционный для России и Китая коллективизм постепенно уступает западному индивидуализму. В-третьих, на примере разных стран был подтверждён тезис о важности религиозного аспекта национальной идеи, его основополагающей роли в её формировании, в то же время был сделан вывод, он не может быть навязан и должен являться частью мировоззрения общества, как протестантизм в США и разные конфессии и течения в Китае. Другим важным аспектом национальной идеи является конструирование образа врага, который обладает высокой эффективностью для единения народа, но обладает также и рядом негативных качеств. Так, в США он поддерживается военной мощью страны и регулярными военными действиями на чужой территории. Данная методика активно применяется не только в США, но и в современной России, где согласно исследованиям, общество объединяется против общего врага – Запада.

Далее были рассмотрены основные возможные векторы формирования национальной идеи, полученные в ходе эмпирического исследования молодёжи. Например, идея сильной суверенной державы (великого государства), возрождения страны, идея формирования православной цивилизации, наличие собственного пути развития, и сравнения их с моделями национальной идеи в США и Китае. Был сделан вывод, что возрождение сильной державы – модель национальной идеи, реализуемая в Китае, соответствует основным тенденциям развития национальной идеи в России, может стать ориентиром для её формирования.

Таким образом, в современной России, несмотря на отсутствие национальной идеи, мы можем наблюдать тенденции, способствующие её развитию и формированию, аналогичные для стран в которых она существует и эффективно функционирует (США) или начинает функционировать (Китай). Сегодня важной задачей является сохранение и развитие данных тенденций, формирование позитивной идентичности на территории всего государства, чему будет способствовать изучение опыта наших восточных соседей

и налаживание активного сотрудничества и коммуникации между странами на разных уровнях, как на государственном, так и на межличностном.

1. Бромлей Ю.В. *Этнос и этнография*. М.: 1973. С. 37.
2. Грачиков Е.Н. *Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике*//Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. No 1, с. 159-171.
3. Кочетков В.В. *Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике*. Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 10.
4. Крашенинникова В. *Россия–Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России*. Directmedia, 2013. С. 2.
5. Соловьев В. С. *Смысл любви: Избранные произведения*. Перевод Г. А. Рачинского М.: "Современник", 1991.
6. Цыганков П. А. *Политическая социология международных отношений* //М.: Радикс. – 1994. С. 109.
7. Челнокова-Щейка А. В. *Трансформация семейных ценностей в современном Китае* //Знание. Понимание. Умение. 2013. №. 4. С. 309.
8. Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Кара-Мурза С.Г., Лексин В. *Национальная идея России*. В 6 т. Т. I. — М.: Научный эксперт, 2012. С.61.
9. Bloom W. *Personal Identity, National Identity and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 79.
10. Huntington S. *Who Are We: The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon & Shuster, 2004. P. 46.
11. Lieven A. *America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism*. New York: Oxford University Press, 2004. P. 49.
12. Volkan V. *The Need to Have Enemies and Allies — From Clinical Practice to International Relationships*. Northvale, NJ: Jason Aronson Inc., 1998. P. 5.
13. Zhao Tingyang «The “China Dream” in Question» // “Economic and Political Studies” Vol. 2, No. 1, January 2014, pp. 127-142.
14. Буров В. *Китайский путь к "китайской мечте". Идея возрождения нации объединяет все слои общества в Поднебесной* [Электронный ресурс] URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1386566400> (дата обращения: 20.04.2015).
15. Tierney D. *Why Are Americans So Ideologically United?* // *The Atlantic magazine*. 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://www.theatlantic.com/national/archive/2011/08/why-are-americans-so-ideologically-united/243951/> (дата обращения 26.02.2014)

ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ СТАБИЛЬНОСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Милецкий В.П. (Санкт-Петербург)

При всей актуальности изучения внешних факторов дестабилизации российского общества и эскалации конфликтов не менее значимый характер имеет рассмотрение внутренних причин. Речь идет о множестве социально-экономических и сугубо политических угроз, на которые эксперты обращают гораздо меньше внимания, чем на экономические санкции стран Запада, падающие цены на углеводородное сырье и рост влияния на Ближнем Востоке и в Средней Азии таких исламистских и джихадистских экстремистских группировок, как ИГИЛ, Аль-Кайда и др.

Среди сугубо экономических факторов дестабилизации ситуации в современной России, по общему мнению экспертов, главенствующую роль играет известная рецессия российской экономики, вызванная не столько внешними, сколько внутренними причинами, среди которых на первом месте находится её недореформированность. Как известно, после того, как на страну со всей силой навалился известный глобальный финансово-экономический кризис 2008-го года, обваливший рубль и обусловивший спад производства в 2009 году на примерно 25%, руководством страны было принято решение

о системной модернизации российского общества и его материального базиса – экспортно-сырьевой модели квазирыночной экономики, целиком зависящей от мировых цен углеводороды. Речь шла об эволюционном преобразовании последней в российскую модель социального рыночного хозяйства, устойчивого к финансовым потрясениям и колебаниям цен на нефть.

Однако стабилизация цен на нефть после окончания глобального финансово-экономического кризиса и смены руководителя российского государства в 2012 г. под мощным влиянием консервативных сил внутри правящего класса модернизация была свернута. Недореформированная экспортно-сырьевой модель российского квазирынка вернулась к исходному состоянию и вплоть до «возвращения Крыма в российскую гавань» успешно обеспечивало бюджет необходимыми денежными поступлениями за счёт высоких цен на нефть. И хотя прогрессивной мировой общественности была очевидна полная легитимность волеизъявления крымского населения, но по команде из «Вашингтонского обкома партии» большинство лидеров западных стран дружно окрестили его «аннексией», за которую полагаются жесткие санкции. На них наложились кризисные процессы в мировом нефрегазовом секторе, отмена санкций против Ирана и другие обстоятельства, обусловившие летом 2015 г. обрушение мировых цен на нефть ниже \$50 за баррель. Не готовая к этому недореформированная российская экономика на все эти события отреагировала масштабной девальвацией рубля и галопирующей инфляцией, ставшими главенствующими факторами обострения не столько социально-экономической, сколько политической обстановки в стране. Руководство страны во избежание нежелательных общественных потрясений активизировало действия по выстраиванию более жесткой и идеологизированной вертикали персоналистской власти, которая была бы независима от социально-экономических потрясений и обеспечивала бы необходимый уровень стабильности.

Однако, как показывает недавний опыт Ливии, Йемена и других стран, ужесточение политического режима не всегда оказывается панацеей от дестабилизации ситуации в обществе, но наоборот становится революционным фактором. Особенно, если в нужном месте и в нужное время окажутся организаторы «цветных революций», обильно финансирующие несистемную оппозицию. Пример Украины здесь является самым показательным.

Поэтому, на наш взгляд, не столько финансово-экономические обстоятельства, роль которых нельзя недооценивать, составляют главную угрозу политической стабильности и выступают конфликтогенными факторами в современном российском обществе, сколько собственно внутривнутриполитические причины. В самом общем виде речь идёт о том, что после реинтеграции Крыма в Россию в политическом развитии страны произошли заметные изменения и наметился новый тренд в этом развитии, состоящего в усилении авторитарных тенденций, способных привести ко «второй редакции авторитарного отката». Под воздействием всех вышеописанных обстоятельств в свете названного тренда Россия в настоящее время меняет парадигму развития с условно «казахской» (предполагавшей активное промышленное развитие на основе мощного роста в сырьевом секторе, приток зарубежного капитала и внешнеполитическую многовекторность) на условно «белорусскую», предусматривающую огосударствление, жизнь по схеме «от девальвации до рецессии» и др. Не будет преувеличением говорить о вступлении страны в зону повышенной общественно-политической турбулентности, в рамках которой В.В.Путин не вполне контролирует цены на углеводороды и связанный с ними курс рубля, и как следствие – лояльность бюрократического класса и олигархического клана. Более того, эксперты заговорили даже не столько об их фрагментации, сколько о расколе в бюрократическом классе и олигархическом клане, ибо для США и Запада в целом главенствующей целью стало не столько изменение путинского режима, сколько его смена руками недовольных олигархов и населения. Отключение олигархических банков и других структур от западных кредитов и другие

санкции, вызвавшие брожение в олигархическом клане и бюрократических кругах, были направлены именно на эти цели.

Вышеизложенное обусловило переход власти от простого «закручивания гаек» к более жестким действиям. В рамках этого тренда первоочередной задачей власти становится преодоление раскола правящего политического класса, обеспечение достаточной поддержки В.В.Путина, сохранение контроля над силовыми структурами, ограничение влияния Запада на политическую элиту России, контроль за СМИ, включая перекрытие каналов иностранного финансирования оппозиции. В этих условиях в окружении главы государства резко активизировались консервативные силы, которым уже недостаточно только победы над несистемной оппозицией, разгромленной и деморализованной гибелью Б.Немцова. Их идеологи (А.Дугин, С.Кургинян и др.) не скрывают своего намерения подвинуть руководство страны к созданию настоящего «корпоративного государства» жестко авторитарного типа. На наш взгляд, В.В.Путин вряд ли пойдет на такие меры не только потому, что это противоречило бы принципам Конституции России, но и не отвечает его собственным западническим убеждениям. Как следствие, неизбежно дистанцирование главы государства от консервативного крыла в его окружении, чреватое нарастанием политической напряженности как внутри правящего политического класса, так и во всем обществе.

Но возможен ли в таких условиях политический «цугванг», когда любые действия власти превращают её в стремительно тающий айсберг, который, по образному выражению Г.О.Павловского, совершенно неожиданно может в любой момент перевернуться, вызвав уход В.В.Путина и критические последствия для всего общества.

Думается, такое вряд ли произойдет. Ведь на стороне главы государства колоссальная поддержка общественного мнения, а также прогнозируемое улучшение дел на мировом рынке нефти. В этом отношении более обоснованной представляется позиция экспертов, которые не склонны драматизировать ситуацию и полагают, что события в конце 2015 года будут, скорее всего, развиваться в тренде умеренно оптимистического сценария под знаком формулы «трижды 63»: Путину исполняется в октябре 63 года, ну а доллар и баррель нефти при этом к концу года тоже могут стоить примерно по 63 рубля. Этого вполне достаточно для поддержания авторитета главы государства, сдерживания консервативных сил в правящем политическом классе и свёртывания авторитарных тенденций.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Михайлов В.А. (Тверь)

Свои новые черты современное российское общественное мнение начало приобретать в первой половине 1990-х гг., когда, как заметил Ю.А. Левада, «произошла смена парадигмы, механизмов «работы» и рамок движения этого сознания... сменилась и «сцена», и правила политической «игры»... и сами «игроки»... сменилась «оптика», способы видения этих сил и персонажей в общественном мнении» [1, С. 18]. Общественное сознание временно поменяло вектор своей массовой ориентации: былой формальный и неформальный коллективизм утонул в вольном или невольном индивидуализме, господствующая идеология сменилась в когнитивном поле общественного мнения безбрежным «плевательным плюрализмом» и т.д. Утерев прошлые ориентиры и не найдя новых, массовое сознание стало (по своей базовой структуре) настолько чувственно-эмоциональным, что любой – сколько-нибудь новый и увлекательный – когнитивный призыв теперь был способен увлечь за собой массы людей

на конвульсивные действия («время временного безвременья»: беспроектные финансовые пирамиды, вереница сектанских сообществ, повальная увлеченность чумаками и кашпировскими, снайперская работа рекламных роликов и проч.).

Во второй половине 1990-х гг. переменчивость настроений, увлекаемость «измами» и т.д. пошли на убыль. Наступила естественная усталость от бесконечного и смутного «потока сознания». Сказался консерватизм стереотипов массового российского сознания. Можно сказать, что состоялся разлом, но не наступил окончательный перелом в мировоззренческой структуре и ценностных ориентациях базовой личности в Российской Федерации. Недаром в аналитической литературе закрепился специальный термин – «новый старый человек».

Подобный квазивозврат к старому является главенствующим маркером при характеристике многих важнейших черт и качеств современного российского общественного мнения. Так, в условиях представительной демократии общественность (как субъект общественного мнения) всегда и везде подразделяется на узкую общественность (элита, «лидеры мнений», создатель общественного мнения) и широкую общественность (остальная масса населения, носитель общественного мнения). Нынешняя российская элита распалась на сегменты, отделена от народа и к тому же чрезмерно увлечена собственными проблемами. В отличие от большинства населения, современная российская элита практически полностью и окончательно сменила свои мировоззренческие ориентиры и ценностные установки («несоветский человек»), но пока никак не может стабилизировать свои количественные и качественные параметры. Перманентная ротация элиты, неуверенность большинства ее представителей в завтрашнем дне постоянно воссоздает в ее рядах психологию временщика, что изначально предопределило (и до сих пор предопределяет) низкий уровень авторитетности элиты в структуре субъекта российского общественного мнения. Массовое сознание не доверяет, но терпит подобную элиту, потому как ей удается дистанцироваться от протестной «антисоветской» активной части узкой общественности.

Вместе с тем, можно также отметить, что к настоящему времени у российского общественного мнения нет не только сформировавшегося субъекта в лице узкой общественности, но нет его и в лице так называемого «среднего человека». В зияющий и пока непреодолимый разлом в мировоззренческой структуре базовой российской личности («полусоветский человек») продолжает поступать самая разношерстная идейная фактура, которая, однако, надолго не оседает в ценностных ориентациях простого российского человека, а тут же выветривается и опять и опять заменяется очередной многообещающей зазывалкой. Если на уровне элиты продолжается бесконечное воспроизводство переходного типа «человек лукавый», то в массовой среде достаточно уверенно и весьма широко представлен социальный тип «зритель».

Отсюда такая важная особенность современного российского общественного мнения, как суженный диапазон механизмов его выражения и особенно самовыражения. Например, большинство россиян не склонны рассматривать такие общественные институты, как партии, профсоюзы, СМИ и т.д. в качестве тех инстанций, которым они доверяют «говорить от имени народа». Как правило, общественное мнение апеллирует не к системе государственных институтов, а к первому лицу в государстве (патернализм как базовая и вневременная черта российского общественного мнения: от «царя-батюшка» до Президента Российской Федерации В.В. Путина). В связи с этим многие отечественные исследователи подчеркивают характерную для российского общественного мнения персонификацию социальных ожиданий.

Специфика российского общественного мнения вытекает не только из специфики субъекта общественного мнения, но также из особенностей объекта современного российского общественного мнения. Сравнительный анализ общественного мнения россиян с общественным мнением населения США, Западной Европы и т.д. наглядно выявляет существенные отличия как в перечне тех социальных проблем, которые заботят

в первую очередь население данных регионов, так и в иерархии тех ценностей, которые исповедуют народы этих стран.

Здесь упомянутый ранее квазивозврат в прошлое можно заметить в следующем: в ходе перестройки и последующих перманентных реформ и начинаний были существенно поколеблены базовые структуры российского общественного мнения, которые (на то они и «базовые») в настоящее время в маятниковом режиме достаточно быстро и всеобъемлюще восстанавливаются. Например, для нынешнего российского общественного мнения свойственной становится ценностная ориентация на прошлое (царь Петр I как наиболее почитаемый политический деятель России, компенсаторная ностальгия по прошлой «великой державе» и по относительно благополучным временам «брежневской эпохи»). Как отметил Б. Дубин, коллективное самоопределение возможно и значимо теперь исключительно через отсылку к общему прошлому» [2, С. 26].

При этом население Российской Федерации продолжает более всего ценить то, чего более всего не хватает в личной и общественной жизни (социальный порядок, обеспеченность и т.д.). Однако в настоящий момент уже можно отметить и другую тенденцию: по мере стабилизации общественных устоев те ценности, которые долгое время находились внизу ценностного ряда (индивидуальность, социальная ответственность, открытость мышления и т.п.), начинают медленно и с временными отскоками подниматься вверх и занимать позицию ближе к середине иерархии ценностного ряда.

Следует подчеркнуть характерную особенность объекта общественного мнения в современной России: в качестве такового, с одной стороны, естественным образом выступают важнейшие социальные проблемы, с другой – они растворяются или задвигаются корпоративными интересами, которые отстаивают и продвигают борющиеся между собой клановые группировки экономической, политической и культурной российской элиты. Общественное мнение не может четко и полно артикулировать общественные проблемы и особенно пути их решения, а элита (прямо по известному классическому) – вполне профессионально выдает свои узкогрупповые интересы за общественные, что позволяет ей держаться на плаву.

Специфика современного российского общественного мнения может анализироваться не только по линии выявления особенностей субъекта и объекта общественного мнения, но и по линии анализа и подробного описания структуры общественного мнения. Затянувшийся переходный период в жизни России проявляется в том, что общественное мнение современной России носит противоречивый и двойственный характер. Даже вербальное «ядро» и базовые подсознательные установки российского общественного мнения носят крайне неоднозначный характер: в нем сохраняются остатки прошлых, появляются зачатки будущих структур, осуществляется сложная переконфигурация тех и других ментальных дискурсов и т.д. В силу наличной деструктурированности и продолжающегося процесса своего переструктурирования российское общественное мнение носит в настоящий момент крайне массивизированный характер, что проявляется в следующем:

1) российская элита, интеллигенция и другие важные субъекты общественного мнения пока не смогли занять центральные позиции в рядах «лидеров мнений», в силу чего общественное мнение во-многом остается стихийнообразным социальным феноменом;

2) не сложилась устойчивая социальная структура, которая задавала бы четкие очертания узкой общественности и определяла бы социальный тип личности широкой общественности;

3) ценностное размежевание между узкой общественностью (элитой) и широкой общественностью (массовыми слоями населения) остается достаточно ярко выраженным, что приводит к массовому недоверию управленческой верхушке и оборачивается неспособностью российской элиты проявлять себя как элита;

4) нет устойчивого когнитивного элемента в общероссийском общественном мнении; чрезвычайно выпячен чувственно-эмоциональный компонент, российское общественное мнение во многом редуцировано до общественного настроения, а его поведенческий уровень не развернут до уровня готовности действовать, что неизбежно приводит к засилью манипулятивных технологий.

Согласно Б.А. Грушину, массовое сознание «не совпадает ни с одним из известных видов сознания: индивидуальным и общественным, классовым и неклассовым, теоретическим и обыденным, религиозным и политическим, официальным и неофициальным..., поскольку оно выделяется через противопоставление его сознанию специализированному, профессиональному, а также уникальному (индивидуализированному)» [3, С. 261]. «Массовое сознание не привязано «жестко» к какому-то одному типу и виду массовых общностей для которых оно являлось бы их собственным сознанием» [3, С. 273]. Масса не структурирована и потому не может выступить в качестве активного субъекта, отсюда соответствующие определяющие слова по отношению к массовому сознанию: рыхлое, неявленное, потенциальное, гипотетическое, плюралистическое, непубличное, стихийное, т.е., с одной стороны, оно – сверхиндивидуальное, а с другой – эксгрупповое. Чем массивнее, тем неопределеннее становится коллективная соотнесенность, но вместе с тем она становится и «базовее», ибо включаются в действие соответствующие инстинкты, архетипы, системы ценностей. Российское общественное мнение находится в поисках своего «базового ядра», чтобы, наконец, преодолеть свою нынешнюю инобытийную форму (скрытые, непубличные, спорадические и непрямые, а не явные, публичные, постоянные и прямые формы своего проявления).

1. Левада, Ю.А. *От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000* / Ю.А. Левада. – М.: Моск. школа политических исследований, 2000. – 576 с.
2. Дубин, Б. *Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении в современной России* / Б. Дубин // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2003. № 2 (64). С. 26-40.
3. Грушин, Б.А. *Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования* / Б.А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ

Михайлов С.В. (Тверь)

Государственная идеология в истории России всегда занимала одно из ведущих мест в механизме функционирования российского общества. В ходе исторического развития содержание и форма государственной идеологии претерпевали существенные изменения. Отсутствие вразумительной и относительно жизнеспособной государственной идеологии означало в России только одно – наступление времен очередной смуты.

Начиная с 1990-х гг. Россия живет без государственной идеологии. Государственная власть все время твердит о необходимости скорейшего формирования «общенациональной объединяющей идеи» для многонациональной и многоконфессиональной России, однако пока этого сделать не удается. Отсюда особенности общественного мнения в постсоветской России: постоянные колебания (нет когнитивного ядра), шарахания (постоянная погоня за временными увлечениями) и т.д. Ценности больших и малых социальных групп (и особенно – личные потребности и интересы) все время оказываются важнее общегосударственных интересов.

Главный вопрос: соответствует ли данное положение духу и букве Конституции Российской Федерации, где (статья 13) говорится: «в Российской Федерации признается

идеологическое многообразие; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной?»?

Ответ может быть следующим.

К. Мангейм различал идеологию, направленную на апологию существующих порядков, и утопию, направленную на критику существующей действительности. В этом смысле под идеологией следует понимать то, что обычно понимается под «национальной идеей» (базовая общественная идея, принимаемая всеми слоями общества и проявляющаяся во всех сферах жизни). При советской власти так называемый «пролетарский интернационализм» – как «национальная идея» – довольно долго являлся государственной идеологией, пока не был растерзан антисоветскими национализмами.

Социальная структура общества всегда представляет собой единство и борьбу различных коллективных потребностей и интересов, проявляющихся в соперничестве различных политических идеологий. Универсальный механизм взращивания и распространения идеологии – объединять «своих», разъединяя с «другими». Тотальное расслоение населения по определенному (этническому, религиозному и т.п.) принципу проникает во все поры общественного организма и разрушает его: действительные потребности и реальные интересы блокируются, социум теряет способность к всестороннему развитию.

В результате распространения (путем сужения пространства социальной самоидентификации до одного признака – этнической, классовой, конфессиональной и проч. принадлежности) появляется нескончаемое поле противостояния «измов» друг с другом. Вот здесь и появляется государство, которое, с одной стороны – в соответствии с аристотелевской трактовкой его сущности (*res publica*) – должно соблюдать статью 13, с другой – в соответствии с марксистской постановкой вопроса (государство как орудие экономически господствующего класса) – все время в той или стране стремится установить ту или идеологию в качестве главенствующей, а иногда и единственной (партийная программа становится государственной политикой).

Таким образом, государственная идеология выступает как идеология и утопия одновременно. Показателен в этом отношении пример соотношения патриотизма с национализмом и шовинизмом.

Патриотизм – любовь к Родине – носит личностный характер, толерантен и возвышается над любыми «измами»; трактует нацию политически, а не этнически; призывает изменяться внутренне, за счет собственных ресурсов; склонен к покаянию, а если и обвиняет, то, прежде всего, себя; практически никогда не становится официальной государственной идеологией, хотя всячески поддерживается государством.

Национализм – ненависть к «врагам нации» – носит антиличностный характер; заменяет собою все иные «измы»; требует возвышения до ранга государственной политики; призывает изменяться внешне, за счет ресурсов других национальных групп; формирует мифоподобное смысловое поле; творит закрытые идейно-политические системы.

Шовинизм – проповедь национальной исключительности – противопоставляет интересы одной нации интересам других наций; склонен к распространению национального чванства; при возведении национализма в ранг государственной политики выступает как проявление экстремизма (превращение «национального» из социального феномена в а- и даже антисоциальное начало).

Ввиду того, что борьба «измов» носит бескомпромиссный характер, то государственная идеология принципиально отлична от всех иных уже тем, что противостоит не просто какой-либо из них, но всем им вместе взятым. Практическое осуществление этого может происходить только с помощью закона. По большому счету, право и есть единственная государственная идеология. В этом смысле государственная идеология, обладая чертами идеологии, носит не над-, а полуйдеологический характер,

и будучи идеологией государства, призвана, как это ни парадоксально звучит, не допустить сращивания государства ни с одним из «измов».

Итак, исходя из двойственной природы государства (в силу социальной стратификации государство никогда не работает только и исключительно по Аристотелю или по Марксу), можно утверждать: с одной стороны, если какая-либо политическая идеология вдруг начинает претендовать на выражение интересов всего населения, она сразу размывает свое содержание и перестает быть идеологией в точном значении этого термина; с другой – если какая-то идеология становится единственной и объявляется государственной, то тем самым государство утрачивает свою вторую (аристотелевскую) ипостась и неизбежно перестает быть правовым.

КОНСАЛТИНГОВАЯ ФУНКЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ*

Москальчук Е.И. (Санкт-Петербург)

Российские НПО все больше участия принимают в международной деятельности. Основной способ выйти в своей деятельности на международную арену — это сотрудничество с международными межправительственными организациями, через получение консультативного статуса, статуса ассоциативного членства, партнерского членства и т.д.

Российские НПО работают с межправительственными организациями в различных формах. Есть российские НПО, которые осуществляют различные проекты совместно с межправительственными организациями, проводят конференции, семинары, круглые столы. Большинство российских НПО идут по этому пути.

Так, многие эксперты отмечают, что их организации принимают активное участие в проведении международных форумов и конференций. Кроме проведения конференций и различных форумов, российские НПО участвуют в проведении различных практико-ориентированных проектов, то есть каких-то конкретных мероприятий.

Как отмечают эксперты, большинство подобных мероприятий, которые проводятся в рамках международного сотрудничества носят систематичный характер. Так это не проведение разовых семинаров или конференций, это систематическое сотрудничество, которое носит длительный характер. Отметим, что большинство российских НПО работают не непосредственно с ЭКОСОС. ЭКОСОС — это всего лишь орган, который предоставляет статус. Но, они работают с другими органами системы ООН.

По сути, когда неправительственная организация берется за выполнение какого-либо проекта, проведения конференции или семинара, она выполняет необходимую для межправительственных организаций работу. Видится, что это одна из причин, почему сотрудничество с НПО на международной арене является важным для ММПО. НПО берут на себя выполнение проектов, которые инициированы в ММПО. По результатам экспертного опроса, сделаем вывод о том, что неправительственные организации обладают большей гибкостью.

НПО в межправительственных организациях выступают в роли дополнительной силы, которая помогает осуществлять проекты.

* - По результатам исследования, проведенного весной 2015 года.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПОИСК СОБСТВЕННОЙ МОДЕЛИ

Намазова Э.Б. (Волжский)

Составной частью трансформации современного российского общества является политическая модернизация, целью которой являются достижение демократии, равенства, справедливости, порядка, а также других социальных ценностей. Данный процесс связан с политической волей к изменениям в основных элементах социальной системы: экономике, культуре, социальных отношениях и т. д. [1, с. 334-336]. Для научного исследования процессов модернизации в России методологическим ключом является наличие существенных различий типов развития России и Запада.

В Западной Европе и США исторически сложился инновационный тип развития, систему факторов которого преимущественно составляют экономоцентрические факторы: совпадают экономические интересы хозяйствующих субъектов и интересы самого государства, а генераторами развития являются внутренние экономические потребности.

Систему факторов развития России составляют политоцентрические факторы, характеризующиеся приоритетом политических мотивов, преобладанием тоталитарных и авторитарных методов модернизации, осуществляющие под влиянием внешних импульсов мобилизационные модели развития страны [6, с. 18].

Политическая модернизация России всегда определялась необходимостью догоняющего развития и осуществлялась по воле верхов. Главным способом проведения российской догоняющей модернизации является «имитационная демократия», при которой происходит накопление протеста как против этой имитации, так и против того, что имитируется, то есть против самого понятия «демократия». Создается лишь видимость вовлеченности общества в процессы реформ, в то время как оно ни по своей структуре, ни по настроению не готово к навязываемым радикальным переменам [2, с. 26].

Целью исследователей является объяснение и прогнозирование перемен в постсоветской России на основе анализа успешного модернизационного процесса в государствах, избежавших пути «вестернизации». Большой интерес вызывают страны второго, третьего и последующих эшелонов модернизации. В 80-х гг. прошлого века экономическое сопоставление России с такими государствами, как Португалия, Испания, Мексика, Турция, Бразилия, не имело смысла. Но в современном мире по некоторым позициям их положение с Россией сблизилось настолько, что в международной статистике они попадают в одну группу, а по другим позициям (к примеру, структура внешней торговли) Россия выглядит отсталой страной по сравнению с ними [5, с. 44].

Сравнивая политическую модернизацию в России с зарубежным опытом, можно назвать ряд общих черт: стремление государства к качественным изменениям в политике при обеспечении внутренней стабильности общества, укрепление центральной власти в условиях существования разделения властей, изменение методов легитимации власти с целью установления политической демократии, стремление к расширению территорий и формированию национальных или федеративных государств и участие больших масс населения в политическом процессе.

Обращение к международному опыту модернизации может иметь большую пользу для установления дальнейшего курса развития России. Оно должно основываться на применении ценностей, уже имеющих нормативное закрепление, но еще нуждающихся в интенсивном воплощении. В их числе находятся: эффективно действующая система разделения властей, либерализм идеологической системы, опора на парламентаризм и конструктивные подходы к определению политического курса, устойчивая поддержка развития рыночных форм хозяйствования. При использовании зарубежного опыта необходимо также учитывать важные традиции культурного развития России:

многоукладность территории, полиэтническая структура общества, большая роль патриотических и религиозно-идеологических стимулов для организации созидательного поведения общества [8].

Пока общество не подготовлено к использованию институтов власти должным образом, а государство не может оперативно продуцировать механизмы, способные конструктивно трансформировать их энергию, неосуществимость ожиданий граждан от включения в политику ведет к дестабилизации режима и его коррумпированности. В силу этого модернизация, по словам С. Хантингтона, вызывает «не политическое развитие, а политический упадок» [3, с. 12].

Существует немало попыток охарактеризовать преобразования в России. Политическая модернизация в России представляет собой волнообразный, а не линейно-поступательный процесс, что говорит о ее сложном и противоречивом характере [4, с. 41-50]. Институциональная система, формирующаяся сейчас в России, не является гарантией создания стабильно действующих демократических, либерально направленных политических институтов, так как всегда присутствует вероятность возврата авторитарно-олигархического характера государственной власти [9].

Важнейшими индикаторами эффективности процесса модернизации для населения России являются искоренение коррупции (по мнению 47% жителей России) и сокращение государственного аппарата (по мнению 42% жителей России). Это значит, что запрос российского общества на перемены в значительной степени определяется недовольством по отношению к состоянию институциональной среды. Гипотетически успешная модернизация воспринимается населением не как технологический прорыв, а как процесс исправления деформаций институционального устройства [10].

Политическая модернизация России обладает большим количеством проблем и противоречий. Нельзя однозначно утверждать, что цели и стандарты поведения, предлагаемые политической элитой, соответствуют требованиям современного мира. На сегодняшний день в России созданы новые, демократические, но пока еще слабые и не утвердившиеся политические институты. Важной задачей государства является сохранение правового баланса между наличием частной инициативы и государственным вмешательством в общественные процессы. Результаты модернизации политической системы могут считаться эффективными только в том случае, если в состоянии в полной мере отвечать интересам государства и общества, законом и принципам социального государства [7, с. 234].

Модернизация страны находит довольно широкую поддержку среди российского общества. Большинство населения России (65%) считают, что для успешного развития страны необходима модернизация всех сфер жизни, поиск новых, современных направлений развития. В то же время лишь 28 % предпочли сохранение стабильности.

Еще один индикатор отношения населения к переменам и собственному в них участию – выбор между идеями «всеобщей» и «точной» модернизации. 63% населения России считают, что модернизация должна охватывать всю страну, в процессах преобразований должно участвовать все трудоспособное население. За то, что модернизация должна быть сосредоточена на отдельных территориях с привлечением на них необходимых специалистов и государственного финансирования и не затрагивать жизнь большинства населения проголосовали лишь 28% населения [10].

В целом на основе анализа особенностей российской модернизации в сравнении с зарубежным опытом можно сделать вывод о том, что развитие модернизационного процесса в России напрямую зависят от решения нескольких основополагающих проблем, ключевой из которых является создание собственных институтов демократии и эффективно действующей рыночной системы, не зависящих от идеалов западного образца.

1. Демидов, А. И. Политология [Текст] : учеб. для вузов / А. И. Демидов, В. М. Долгов, А. В. Малько. - М. : Гардарики, 2005. – 397 с.
2. Ачкасов, В. Россия как разрушающееся традиционное общество [Текст] / В. Ачкасов // Полис. - 2005. - № 3.
3. Huntington, S. Political Development and Political Decay [Текст] / S. Huntington // World Politics. - 1965. - № 3.
4. Лапкин, В. Волны политической модернизации в истории России [Текст] / В. Лапкин, В. Пантин // Полис. - 1998. - №2.
5. Лапкин, В. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России [Текст] / В. Лапкин, В. Пантин // Полис. - 2005. - № 3.
6. Ракитянский, Н. Модернизация России и политическая элита [Текст] / Н. Ракитянский // Власть. - 2002. - № 1.
7. Губаев, Б. Политическая модернизация в России: Проблемы и перспективы реализации [Текст] / Б. Губаев // Теория и практика общественного развития. – 2012. - № 3.
8. Ланской, Г. Международный опыт модернизации для России [Электронный ресурс] / Г. Ланской // РГГУ: официальный сайт. - URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/rossiya-v-mirovix-processax/status-i-gosudarstvennie-imidj-rossii-v-mejdunarodnoie-srede/mejd>
9. Президент России: официальный сайт. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>
10. Исследовательская группа «ЦИРКОН». Россияне о модернизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/100/100726.pdf>

ЭТНИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Неваева Д.А. (Барнаул)

Этнические проблемы в нашей стране, вопросы идентификации (принадлежности), интеграции, эксклюзии и инклюзии определенных этнических групп являются особо актуальными для изучения и исследования на протяжении двадцати лет. Ученые и практики отмечают, что проблемы этносов носят серьезный характер уже в том, что большинство населения России не понимает различия между этносом и нацией, воспринимая эти термины как синонимы. Кроме того, на государственном уровне этого понимания тоже не существует. Отмечается, что Россия – многонациональная страна, на территории которой объединены много этносов. Наличии непониманий между различием этносов и наций рождает конфликты, порой осуществляются действия оскорбительного характера в отношении определенных групп. В научной терминологии отмечается, что этнос составляет собой нацию, т.е. это его корни. Одно государство – одна нация, которая выступает идентификатором не внутри страны, а на международном пространстве. Соответственно, Россия – мононациональная страна, но многоэтническая. И все этносы России – это русская нация. При этом на практике мы часто сталкиваемся с тем, что люди путают понятия, называя себя «русский» как этнос, хотя принадлежат к славянскому этносу. Еще одним важным различием является то, что нация имеет социальную, общественную природу, а этнос – генетическую. И это устройство общественной идентификации актуально для многих стран Европы, Южной и Северной Америки, Японии и т.д.

Таким образом, в условиях существования многих этносов на территории одного государства актуализируется тема интеграции. Ведь только возможность жить мирно и не конфликтовать может способствовать стабильности страны, ее развитию. Толковый словарь обществоведческих терминов определяет этническую интеграцию как процесс объединения, расширения всесторонних связей между различными этносами. Г. Эндрувайт в своей статье, посвященной концепции интеграции опирается на структурно-

функциональную теорию Т. Парсонса, также понимая категорию «интеграция» в следующих смыслах:

1. Процесс адаптации системы к окружающей среде;
2. Процесс стабилизации (уравновешивания) системой всех ее элементов при ее изменениях (включении в нее новых элементов).

Г. Эндурвайт пытается решить вопрос понятийного непонимания, отмечая, что интеграция в социологии в системно-теоретической формулировке – это «процесс включения в систему новых элементов таким образом, что после этого они больше ничем не отличаются от прежних элементов этой системы. Особенность этого процесса точно отражает латинское слово «integer» – заверченный, неприкосновенный, полный и т.д.» [7]. Соответственно, можно заключить, что социальная интеграция – результат процесса включения. И этот процесс происходит в самом обществе и в большей части зависит от человеческого фактора. Это широкое понятие имеет важное социальное, политическое значение, т.к. следствием дезинтеграции могут выступать другие процессы, ведущие к деградации и разрушению общества. В настоящее время этническая интеграция целенаправленно реализуется в немногих странах, проявляясь нечетко и несистематично. В СССР, например, моменты интеграции развивались более конкретно, опираясь на историко-этнографические области. Важным пунктом развития этнической интеграции считалось формирование «советского народа» с единой экономикой, самосознанием, русским языком в общении, идеологией. В 90-е годы XX века процессы этнической интеграции ослабли. Объединяющего фактора для населения России не существовало и, как отмечают ученые, интегрирующие идеи до сих пор не сформированы. Несмотря на то, что после распада СССР разрабатывались методики для объективной оценки положения этнических меньшинств в новом государстве, исторически замечено, что именно эти представители, а также не доминирующие группы населения являются основными жертвами насилия и социальной эксклюзии (от лат. – исключение из общества). Разработки были основаны в рамках виктимологии (использует методы социологии, криминологии и социальной психологии), позволили создать модель

виктимизационного процесса. В перечень индикаторов, оценивающих степень неблагополучия этнических групп, вошли: 1) высокий уровень детской смертности; 2) высокая смертность взрослых от несчастных случаев и отравлений (включая суицид и насильственные смерти); 3) распространение респираторных инфекционных заболеваний;

4) алкоголизм; 5) большое число неполных семей, разводов, внебрачных детей, аборт, случаев отказа родителей от воспитания детей; 6) низкое качество жилья, скученность; 7) чувство зависимости, социальная пассивность; 8) высокий уровень преступности, включая подростковую; 9) безработица. Таким образом, анализируя современную обстановку по этим параметрам у этнических групп можно отметить наличие определенных сложностей в их интеграции. По мнению психологов, в период общественной нестабильности наличие этнической определенности, а также интеграции этносов может стать спасательным кругом для стабильности психического самочувствия человека. Этническая интеграция - залог стабильности общества внутри страны. С этой целью, чтобы в России населения разных этносов чувствовало себя защищенно, необходимо не только правильно идентифицировать себя, но и понимать, что в этом многообразии мы едины, несмотря на всю сложность, противоречивость и неоднозначность внешних потрясений. Сохранение человеком своей этнической принадлежности является его родовой потребностью, поскольку помогает ему более четко определить свое место в окружающем мире. В современных условиях комплексные социологические исследования интеграционных процессов в полиэтничном обществе значительно актуализируются.

В последние двадцать лет существенно усилилось влияние миграционных процессов на ситуацию в стране. Распад СССР, сопровождавшая его дестабилизация социально-политической обстановки, становление рыночных отношений, либерализация,

демократизация жизни в России привели к значительному увеличению и качественному видоизменению направленности миграций. И современная Россия, с её огромными территориальными различиями, лицом к лицу столкнулась с проблемами этнической интеграции. Правильное решение этих проблем гарантирует нашей стране дальнейшее безопасное социально-экономическое развитие.

1. Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичность в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации»

1. Дименштейн Р., Ларикова И. *Интеграция или инклюзия? Споры о словах и нерешенных проблемы образования особых детей.* М., РБОО «Центр лечебной педагогики»
2. Яценко Н.Е. *Толковый словарь обществоведческих терминов.* 1999
3. Ярская В.Н. *Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Сборник научных статей и научно-методических материалов.* Саратов: Научная книга, 2008
4. Арутюнян Ю.В. *Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Социс, 2010. № 12. С.42-28*
5. Хот З.З. *Актуализация установок межэтнической интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета, 2010. № 2. С. 123-128*
6. Лапишов Б.А. *Предпосылки межэтнической интеграции (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки, 2002. № 4. С.144-163.*
7. Астоянц М.С., Россихина И.Г., *Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия. Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1815266.html>*

МНЕНИЕ РОССИЯН О ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ В УКРАИНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕЗАВИСИМОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Нурутдинова А.Н., Антипова А.Е. (Казань)

Тема военного конфликта в Украине является одной из центральных в повестке дня российских СМИ и Интернет-пространства более полутора лет. Результаты исследований компании «Медialogия» отмечают значительно увеличение частоты упоминаний темы «Украина» в российских масс медиа (включая информационные агентства, Интернет-СМИ) с начала 2014 года, и именно в этот год тема упоминалась наиболее часто. [1] В 2015 году уменьшилось число упоминаний с более, чем 10 тыс. раз в январе до чуть более 5 тыс. раз в конце лета. Данные массового опроса ВЦИОМ (сентябрь 2015 г.), свидетельствуют о снижении интереса населения к тематике Украины в течение текущего года: в январе 83% россиян в целом наблюдали за события (в т.ч. 38% - внимательно), а в сентябре – уже 71% (в т.ч. 25% - постоянно). [1] Приводимые данные свидетельствуют о сохранении интереса населения к данной теме.

Результаты массового опроса, проведенного 5-6 сентября 2015 г. ВЦИОМ, показали, что 38% опрошенных россиян расценивают отношения между Россией и Украиной как «напряженные», 29% - «враждебные», 11% - «прохладные». При этом 44% респондентов полагают, что в последний месяц усилится напряжение во взаимоотношениях двух стран. [2] Результаты опроса, проводимого Фондом «Общественное мнение» (31 мая 2015 г.), показали, что мнения опрошенных россиян о том, как должна вести себя Россия в конфликте на юго-востоке Украины, разделились. 31% респондентов полагают, что Россия должна поддерживать ополченцев и власти самопровозглашенных республик; 26% - Россия должна добиваться установления мира без поддержки какой-либо стороны; 19% - Россия не должна вмешиваться в конфликт и

оказывают влияние на ситуацию; 1% - Россия должна поддерживать украинские власти; 23% - затруднились ответить. [3]

В общественном дискурсе, особенно в Интернет-пространстве, ведутся дискуссии о возможном присутствии российских войск на востоке Украины. По данным опроса, проведенного Левада-центр (17-20 июля 2015 г.), 26% опрошенных россиян считают, что там действуют российские военные, 52% - полагают, что на Донбассе их нет. 40% респондентов отрицательно бы отнеслись к сообщению об участии в конфликте кадровых российских военных (14% - резко отрицательно, 26% - скорее отрицательно), 33% - положительно (9% - целиком положительно, 24% скорее положительно).[4]

Далее приведем результаты массового опроса, проведенного движением «Выбери открыто» в период с 6 по 19 июля 2015 года, с целью выявления отношения россиян к тем аспектам военного конфликта в Украине, которые остались за рамками внимания других социологических служб. Общее количество опрошенных 2004 человека, опрос проводился в 9-ти федеральных округах, в 51-м регионе. Опрос проводился по месту жительства респондентов. Опрос поименный с указанием данных респондента. Выборка репрезентативная, квотная; параметры отбора – федеральный округ, пол, возраст, тип населенного пункта (город / село). Квоты по полу, возрасту, городу / селу распределены пропорционально по федеральным округам. Пропорции также были соблюдены при распределении объемов выборки среди охваченных регионов в рамках федерального округа. Ошибка выборки составила 2,2%.

Результаты нашего опроса показали, что подавляющее большинство опрошенных россиян не хотят воевать с народом Украины, об этом высказалось 96,8% респондентов. Около половины опрошенных россиян обеспокоены, что военный конфликт в Украине может перейти на территорию России и перерасти в мировую войну. Так высказалось 53,3% респондентов, около трети опрошенных (32,9%) считают иначе, 12,5% - затруднились ответить.

Важную роль в поддержании значимости ситуации в Украине в общественном сознании играют современные масс медиа. Можно наблюдать распространение противоречивых сведений о событиях, что усложняет восприятие информации. Поэтому один из опросов анкеты касался информирования населения по ситуации в Украине. Более половины опрошенных россиян (58,4%) считают, что руководство России не сообщает народу всю правду о присутствии российских войск в Украине, 22% - считает, что руководство сообщает правду, 17,8% - затруднились ответить.

Отдельный вопрос касался выявления мнения опрошенных о том, кто, на их взгляд, является зачинщиком военных действий в Украине (возможно несколько вариантов ответа). Президент Порошенко – 40,5%, США – 31,6%, спецслужбы России – 11%, Стрелков – 10,5%, Президент Путин – 10%, народ Украины (6,4%) и другие ответы (менее 3% процентов по каждому).

У респондентов уточнялось, знают ли они, что обе мировые войны начались спецслужбами, которые «разыграли спектакль-провокацию, чтобы дать повод к нападению, как ответ на агрессию»? Половина опрошенных (49,5%) ответили, что знают об этом, четверть респондентов (26,5%) отметили, что не знают, каждый пятый (21,6%) – затруднился ответить. Далее результаты опроса показали, что четверть опрошенных (25,1%) считают, что действия украинской армии по обстрелу ополченцев Донбасса и Луганска являются ответом на проявленную первоначально военную агрессию Стрелкова и ополченцев, 38,2% не согласны с этим мнением, 35% - затруднились ответить. Продолжая оценку действий Стрелкова, почти треть опрошенных (31%) согласилась с мнением, что его действия по переходу границы с вооруженным отрядом и установкой блок-постов являлись провокацией, имеющей целью вызвать вооруженный ответ украинской армии. Чуть более четверти опрошенных (27,2%) не согласны с этим мнением, 40,1% - затруднились ответить.

Вместе с тем, подавляющее большинство опрошенных (93,8%) ответили, что народ России не проявлял агрессии по отношению к Украине. Чуть меньше – 85,9% респондентов готовы поддержать тех, кто борется против втягивания России в войну.

Результаты опросов свидетельствуют о значимости темы вооруженного конфликта в Украине для многих россиян. Широкое освещение ситуации в СМИ, способствует и достаточно высокому вниманию россиян к этой теме. Вместе с тем, наличие альтернативных центральным СМИ источников информации, ставит под сомнение для некоторых респондентов полноту освещения темы официальными лицами. Важность рассматриваемой проблематики связана также с опасением половины опрошенных россиян о возможности эскалации конфликта и перерастания его в мировую войну.

1. *Куда идет Украина?* // ВЦИОМ. – 15.09.2015. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115391>
2. *Россия-Украина: пропась или взлет?* // ВЦИОМ. – 21.09.2015. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115397>
3. *Ситуация на юго-востоке Украины. Оценки и прогнозы россиян.* // ФОМ. – 11.09.2015. <http://fom.ru/Mir/12319>
4. *Кто воюет в Донбассе* // Левада-центр. – 28.07.2015. <http://www.levada.ru/28-07-2015/kto-voyuet-v-donbasse>

ПОВЕДЕНИЕ ИНДИВИДОВ В ЖКХ: ОРИЕНТАЦИЯ НА ИНДИВИДУАЛИЗМ ИЛИ КОЛЛЕКТИВИЗМ?

Овчинникова Н.В. (Ярославль)

Появление человека в обществе обусловило формирование многочисленных потребностей. Удовлетворение индивидуальных потребностей происходит за счет потребления частных благ. Специфическим средством удовлетворения коллективных потребностей служат общественные блага. Весь спектр жилищно-коммунальных услуг можно отнести к общественным благам [1]. Согласно М. Олсону, общественное благо определяется как товар или услуга, которые удовлетворяют требованию: если их потребляет любой индивид X_i из группы $X_1, \dots, X_i, \dots, X_n$, то их могут потреблять и все остальные члены группы [3, 12]. Для получения общественного блага от каждого из участников группы требуется вклад в виде труда, продуктов или денежных сумм. Однако не все готовы тратить свое средства для его создания, считая, что и без их вложений оно все равно будет пополняться. Это может привести к возникновению дилеммы общественного блага. Наглядно эту ситуацию можно разобрать на примере новой системы обеспечения проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Согласно нововведению работы по капитальному ремонту теперь финансируются за счет средств фонда капитального ремонта, который формируется из взносов собственников квартир. Формирование фонда возможно двумя способами: во-первых, перечисление взносов на специальный счет и во – вторых, перечисление взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора.

Расчет минимального размера ежемесячного взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме каждый регион устанавливает самостоятельно. В каждом регионе установлены свои сроки начала оплаты.

Таким образом, если раньше за проведение капитального ремонта отвечало государство, то теперь нести ответственность за общее состояние имущества в многоквартирном доме должны сами собственники. Если они будут вкладывать деньги в «общий котел», то за счет количества пайщиков, может быть собрана большая сумма за более короткий срок, однако ее будет невозможно контролировать в полном объеме. Это

отличается от другого способа, а именно: вложения средств на личный счет дома. В этом случае у собственников жилья появляется возможность самостоятельно управлять финансовыми ресурсами и расходовать их, но может увеличиться время сбора денег на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного дома. Также можно ожидать появление категории собственников, которые откажутся от оплаты взносов. Несмотря на то, что закон обязателен, они могут уклоняться от уплаты, тем самым накапливая долги, что приведет к негативным последствиям не только по отношению к социально ответственным гражданам, но и к государству. В связи с этим вероятно возникновение конфликта между индивидуальными и коллективными интересами собственников жилья. Если индивидов, уплачивающих взносы, будет мало, то общественное благо в виде капитального ремонта дома может быть утрачено. Таким образом, закон содержит в себе дилемму общественного блага [4].

Данная реформа связана с соотношением выигрышей и потерь на уровне государства, Регионального фонда содействия капитальному ремонту, ТСЖ, кооперативов и собственников жилья. В данном случае все они являются «игроками» в ситуации социальной дилеммы. Например, если собственники квартир предпочтут выигрыши в краткосрочной перспективе, то закон не сможет эффективно работать, что скажется на функционировании органов государственной власти. Поэтому, очень важно понять какие решения они будут принимать в отношении уплаты взносов на капитальный ремонт. Изучение реакций собственников квартир в многоквартирных домах позволит выделить основные стратегии их поведения и поможет определить факторы, влияющие на их выбор.

В городе Ярославле данная инициатива работает уже год, поэтому необходимо выяснить, как относятся ярославцы к этому закону, ведь такая же тенденция может прослеживаться в дальнейшем и в других регионах.

Для этого нами было проведено социологическое исследование, направленное на изучение стратегий поведения жителей города Ярославля, в отношении Закона № 32-з «Об отдельных вопросах организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на территории Ярославской области», а также выявление факторов, которые влияют на их выбор.

Исследование было проведено весной 2015 года методом анкетирования. В опросе приняли участие 553 человека – жильцы квартир в многоквартирных домах, которые представляли все районы города Ярославля. Для отбора участников опроса была использована кластерная выборка. Обработка результатов была проведена с помощью программы SPSS for Windows с применением критериев непараметрической статистики хи-квадрат Пирсона.

Результатом исследования является классификация стратегий поведения собственников жилья многоквартирных домов в рамках закона о капитальном ремонте. В ее основе лежат с одной стороны отношение респондентов к реформе, а с другой фактическое выполнение обязательств (оплата, либо не оплата взносов) рассматриваемой инициативы в городе Ярославле. Выделяются пять основных стратегий поведения индивидов в ситуации дилеммы данного вида, которые в целом можно разделить на просоциальные (к ним относятся «кооперативная» (12,7%) и «конформная» (15,7%)) и эгоистические («конкурентная» (10,5%), «максимин» (24,4%), «агрессивная» (1,3%)). Названия стратегий заимствованы из исследований по социальным дилеммам [2].

В целом прослеживается доминирование респондентов с эгоистической стратегией поведения, то есть большинство из них уклоняются от оплаты взносов, либо оплачивают, но частично, при этом решая дилемму с точки зрения индивидуальной рациональности.

Анализ данных стратегий показал, что на выбор их респондентами не влияют такие факторы как: образование опрашиваемого, возраст, пол, семейное положение. Однако выделяются такие факторы, влияние которых на принятие решений индивидов значимо. Среди них необходимо отметить материальное и социальное положение собственника жилья, очередность дома, в котором он проживает, на капитальный ремонт,

осведомленность деталями данной реформы и доверие к институтам, исполняющим данный закон.

Просоциальные стратегии («кооперативную», «конформную») представляют в основном специалисты /служащие, а эгоистические («конкурентную», «максимин» и «агрессивную») – пенсионеры/инвалиды и рабочие (χ^2 (df = 63) = 119,4; $p < 0,01$). У первых доход либо средний, либо выше среднего. У представителей же эгоистических стратегий наблюдается разброс в ответах, определяющих их материальное положение, но в основном это люди, у которых доход достаточно невысок (χ^2 (df=49) = 79,2; $p < 0,01$).

Также было выявлено, что респонденты, представляющие ориентации просоциального типа, проживают в основном в домах, которые включены в первую очередь по ремонту (будут отремонтированы в скором времени), а эгоистического типа, кроме «конкурентов» - во вторую очередь на капитальный ремонт (χ^2 (df= 7) = 24,3; $p < 0,01$).

Для рассмотрения фактора доверия необходимо обратиться к ответам респондентов на вопрос о выборе центра, координирующего накопление денежных средств. Просоциальные стратегии выбирают те собственники квартир, которые отчисляют деньги на специальный счет, владельцем которого является жилищный кооператив, либо ТСЖ. А эгоистические же выбрали те респонденты, которые производят отчисления в Региональный Фонд либо те, которые затруднились с выбором ответа. Таким образом, можно сделать предположение о том, что на выбор респондентов влияет баланс вознаграждений и рисков различных издержек. Представители просоциальной стратегий понимают, что закон позволит им отремонтировать дома, они несут за это ответственность и могут самостоятельно контролировать средства и интересуются его деталями. Уровень их доверия к новой реформе и лицам, исполняющим данный закон выше, чем у представителей «эгоистических» стратегий, которые либо совсем не знают, куда отчисляются их средства, либо знают, но не доверяют данному фонду накопления, отмечая то, что отчисления производятся в «какой-то банк, в городе Воронеже». Они убеждены, что новая реформа связана для них преимущественно с потерями.

Взаимосвязь вышеперечисленных факторов позволяет определить причины выбора индивидами той или иной стратегии поведения в ситуации рассматриваемой социальной дилеммы общественного блага, что поможет в дальнейшем составить рекомендации по ее разрешению в пользу коллективной рациональности.

1. Каменева Е.А. 2010. Специфика жилищно-коммунальных услуг как объекта финансовых отношений в ЖКХ. - *Финансы и кредит*. № 22. С. 7-14
2. Муздыбаев К. 2007. Социальные дилеммы и способы их разрешения. - *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 10. № 2. С. 99-122.
3. Олсон М. 1995. Логика коллективных действий. *Общественные блага и теория групп*. М.: ФЭИ, 174 с.
4. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. 2002. *Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя!* (серия «Главный учебник»). СПб.: прайм - ЕВРОЗНАК, 256 с.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ШЕСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Омельченко Д.А. (Барнаул)

Национальная политика современной России строится на осознании необходимости обеспечения национального согласия и единства, этнокультурного развития, защиты прав и интересов всех народов, населяющих Россию, в условиях крайне напряженной внешнеполитической обстановки, нерешенности проблем с ксенофобией,

межэтнической нетерпимостью, периодическим обострением межэтнических конфликтов. Как и любая другая, национальная политика нуждается в периодической оценке со стороны экспертного сообщества и гражданских структур, вовлеченных в процесс ее реализации, анализе проблем и возможностей, необходимом для своевременной корректировки курса, учета актуальных тенденций. Попытка проведения такого анализа была предпринята в ходе экспертного опроса, проведенного в шести регионах России (Алтайский край, Кемеровская область, Республика Алтай, Забайкальский край, Оренбургская область, Омская область) среди руководителей национально-культурных общественных объединений (национально-культурных автономий, диаспор, общественных организаций, ассоциаций коренных малочисленных народов и пр.). Для оценки использовались 17 показателей, оцениваемых по десятибалльной шкале и отражающих актуальное состояние сферы межэтнических отношений, эффективность деятельности органов государственной власти по реализации законодательства и практических мероприятий в области национально-культурного строительства, результаты собственной активности.

Согласно полученным экспертным оценкам, на всех уровнях власти осознается необходимость сохранения и развития культур и традиций разных национальностей, заметны успехи региональных властей по отстаиванию интересов всех жителей независимо от национальности и вероисповедания, разрешению конфликтов в сфере межэтнических отношений. В регионах в целом сформирована достаточно эффективная система управления реализацией государственной национальной политики. Экспертами отмечены существенные успехи в осуществлении региональными властями контролирующими функций по соблюдению законодательства в сфере межнациональных отношений, поддержке культуры и национальных традиций, в том числе посредством оказания помощи национально-культурным объединениям и религиозным организациям этнокультурной и социальной направленности.

В то же время остаются не до конца решенными ряд проблем. В частности не всегда справедливо происходит распределение должностей и различных благ для любых национальностей, на среднем уровне остается доверие населения деятельности этнических диаспор, недостаточно эффективно ведется диалог между государством и объединениями этнических меньшинств. По мнению значительной части экспертов (до 20% по разным показателям), объемы оказываемой государством поддержки не достаточно велики и не позволяют воспользоваться ею всем национально-культурным автономиям. Каждый шестой эксперт был уверен в том, что национальная доктрина не получает своего полного воплощения в практических мероприятиях. Таким образом, наряду с поддержкой и одобрением действий властей, от которых национально-культурные общественные организации в значительной степени финансово зависимы, они критически оценивают практические результаты реализации национальной политики государства.

По всем показателям наблюдался существенный разброс экспертных оценок в регионах. Сильные позиции в реализации национальной политики на региональном уровне занимают Оренбургская область и Алтайский край, в которых власти, по мнению экспертов, прилагают наибольшие усилия по решению задач, намеченных в Стратегии государственной национальной политики и Указе Президента по обеспечению межнационального согласия, поддержке национально-культурных организаций, ведению эффективного диалога с национальными меньшинствами. Алтайский край, наряду с Омской и Кемеровской областями, лидировал по уровню доверия, оказываемого населением деятельности национально-культурных некоммерческих организаций, поддержке развития культуры и традиций разных народов. Кемеровская и Омская области обладали высоким уровнем поддержки религиозным организациям, эффективной медиацией межэтнических конфликтов. Эксперты из данных регионов выразили наибольшую удовлетворенность функционированием системы регионального управления межэтническими отношениями, в том числе, уровнем непредвзятости и

бескомпромиссности в деле отстаивания интересов жителей региона. Республика Алтай являлась регионом, по всем показателям уступавшим другим территориям, охваченным исследованием. Полученные в регионе данные свидетельствовали о существующих разногласиях между республиканскими властями и национально-культурными автономиями, крайней степени неудовлетворенности последних проводимыми в регионе реформами, объемами и качеством оказываемой поддержки по сохранению и укреплению национальных традиций, языков и культур, формированию благоприятного межнационального климата. Чуть более благоприятно складывалась ситуация в Забайкальском крае, но поскольку эксперты уклонялись от однозначной оценки по многим показателям, это свидетельствовало о скрытых противоречиях и напряженности в межэтнических отношениях, в том числе между представительными общественными структурами и органами государственной власти.

Одним из главных показателей реализуемой национальной политики является уровень межнациональной напряженности в регионах. По данным опроса, наименьшая вероятность столкновений на межнациональной почве наблюдается в Алтайском крае и Кемеровской области, тогда как регионами с повышенной межэтнической конфликтностью являются Оренбургская область, Забайкальский край и Республика Алтай. Именно данным регионам следует активизировать работу по минимизации рисков возникновения межнациональных разногласий с привлечением всех заинтересованных ведомств, государственных и общественных структур.

Несмотря на кризис доверия населения к деятельности национально-культурных организаций, эксперты отметили довольно высокий мобилизационный потенциал населения для защиты своей национально-культурной идентичности и роль национально-культурных организаций в регулировании межнациональных отношений. Около 40% экспертов отметили значительные положительные результаты своей деятельности, в основном это представители национально-культурных объединений Оренбургской и Омской областей, тогда как 10% экспертов оказались не удовлетворены своей работой, что может быть признаком не столько низкой результативности, сколько конструктивной самокритики и желания изменить организацию к лучшему. В этой связи важно, чтобы деятельность НКНО получала регулярную оценку, способствующую адекватному самовосприятию организации, формированию здоровой конкурентной среды, стимулированию социальной активности членов данных организаций.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России №28.1475.2014К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ УРОВНЯ КОРРУМПИРОВАННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ НАСЕЛЕНИЕМ КРУПНОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

Онишко А.А. (Екатеринбург)

Частые политические и экономические преобразования и трансформации современной России провоцируют развитие целого ряда проблем, связанных с организацией государственного управления, а также с восприятием со стороны населения деятельности властных структур. Одной из характеристик взаимодействия государства и граждан является общественная оценка уровня коррумпированности власти. Коррупция, с одной стороны, считается сегодня привычным явлением, присущим практически всем государственным органам России [1]. С другой стороны, данный феномен отрицательно

оценивается и населением, и самой властью. Для борьбы с коррупцией создаются специальные организации и программы, действует законодательство, предусматривающее серьезные уголовные наказания для коррупционеров.

Очевидно, что в российском обществе присутствует противоречие между восприятием коррупции как сущностной и неотъемлемой характеристики взаимоотношений государственных органов и граждан и декларируемой негативной оценкой коррумпированности должностных лиц. Многие аспекты данного противоречия находятся вне закона, а значит их проблематично изучать в рамках социологического подхода. Для подобного исследования имеет смысл обратиться именно к анализу мнений граждан и их оценок уровня коррупции во властных структурах наиболее близких к их повседневной деятельности, а именно в органах муниципальной власти. Такая оценка является отражением отношения населения к власти в целом, а также напрямую взаимосвязана со степенью доверия к ней. В этой связи в сентябре 2014 года нами было проведено социологическое исследование, целью которого являлось определение восприятия гражданами города Екатеринбурга уровня коррумпированности власти на территории их муниципального образования. Был осуществлен массовый опрос методом личного стандартизированного интервью по месту жительства респондента по формализованной анкете, использовалась многоступенчатая выборка с применением на завершающем этапе случайной бесповторной выборки домохозяйств, реализованной методом систематического маршрутного отбора. В домохозяйстве респондент отбирался случайным образом в соответствии с требованиями статуса респондента, опрашивались граждане старше 18 лет, постоянно проживающие на территории муниципального образования «город Екатеринбург» (417 человек).

Екатеринбург является четвертым по численности населения городом Российской Федерации и административным центром Уральского федерального округа (население муниципального образования составляет 1 461 372 человек [2]). Исполнительно-распорядительным органом муниципального образования является администрация города Екатеринбурга, которая подконтрольна Екатеринбургской городской думе. Высшим должностным лицом муниципального образования является глава Екатеринбурга — председатель Екатеринбургской городской Думы.

Проведенное исследование показало, что, по мнению граждан, проживающих на территории Екатеринбурга, наиболее коррупциогенное направление деятельности городских властей - это сфера ЖКХ и бытового обслуживания населения. На втором месте по уровню коррумпированности – деятельность государственных органов, направленная на предоставление муниципальных услуг населению. Эти два направления деятельности Администрации лидируют в «антирейтингах» различных групп горожан. У горожан, которые лично или через знакомых сталкивались с фактами коррупции в работе городской власти, на третьем месте по уровню коррумпированности оказалась сфера культуры и образования. Скорее всего, это связано именно с проблемами, возникающими с зачислением детей в определенные детский сад или школу. Наименее коррумпированными направлениями деятельности Администрации Екатеринбурга горожане считают работу, связанную с финансово-экономической, экологической и социальной политикой города, а также сферу городского благоустройства.

При этом, следует отметить, что непосредственно с городскими властями большинство граждан взаимодействуют крайне редко, и поэтому их представление о коррупции в этой сфере можно считать поверхностным и стереотипным. Менее половины горожан (43%) указали, что за последний год они непосредственно (21%) или опосредованно (22%) сталкивались с проявлением коррупции. Треть жителей города, относящихся к субъектам предпринимательства, отметили, что они лично сталкивались с коррупцией. Однако необходимо подчеркнуть, что часть обстоятельств, связанных с проявлением коррупции, с которыми столкнулись горожане, на прямую не относятся к сфере деятельности органов муниципальной власти: 7% горожан указали, что столкнулись

с проявлением коррупции в учреждениях среднего общего образования (при получении места для ребенка в школе, различных денежных поборов и при сдаче ЕГЭ); 6% - столкнулись с проявлением коррупции в учреждениях дошкольного образования (взимание платы за место в нужном детском саду; добровольно-принудительный ремонт помещения детского сада силами и средствами родителей); 5% столкнулись с проявлением коррупции со стороны медицинских работников (при оформлении больничных листов, рецептов и направлений на необходимые процедуры). 72% горожан, за последний год сталкивавшихся с фактами проявления коррупции, отказались комментировать, при каких обстоятельствах это произошло. 12% горожан, относящих себя к индивидуальным предпринимателям и владельцам бизнеса, отметили, что столкнулись с проявлением коррупции во время оформления документов при операциях с землей. Вместе с тем, половина жителей Екатеринбурга отмечают, что уровень коррумпированности муниципальных властей за последнее время снизился, что он вырос, считает только 5% горожан.

Анализ результатов проведенного исследования позволил определить общий индекс восприятия коррумпированности власти, в г. Екатеринбурге его можно оценить как средний – 4,4 балла (по 10-бальной шкале, где 1 – коррупции нет, 10 – уровень коррупции очень высокий). Важно отметить, что средняя оценка ситуации с коррупцией жителей города, которым за последнее время не приходилось сталкиваться с ее проявлением (лично или через своих близких), всего на один балл ниже общей – 3,4 балла. Такой показатель говорит в пользу того, что мнение об уровне коррумпированности власти формируется не только на основе личного опыта столкновения с ситуациями противоправных действий со стороны муниципальных служащих. На оценку уровня коррумпированности власти влияют также и ряд других факторов, среди которых можно назвать и степень информированности о деятельности органов муниципального управления.

Стереотипное представление о коррумпированности органов муниципальной власти объясняется низким уровнем информированности населения об их работе и о существующих сегодня антикоррупционных мерах и механизмах, внедренных в данную сферу. Корреляционный анализ показал, что уровень доверия горожан Администрации города напрямую зависит от степени их информированности об ее деятельности. При этом, около трети жителей Екатеринбурга (31%) считают уровень своей осведомленности о существующих мероприятиях по противодействию коррупции в органах власти слишком низким. Около половины (54%) считают свой уровень знаний по этому вопросу средним и только 11%, полагают, что хорошо осведомлены о существующей антикоррупционной политике в органах муниципальной власти. Большая часть жителей Екатеринбурга (более 75 % населения города) в основном благодаря публикациям в СМИ в той или иной степени информированы о том, что в целях противодействия коррупции муниципальные служащие обязаны ежегодно предоставлять сведения о своих доходах и имуществе в открытый доступ, а также о том, что у граждан имеется возможность оставить сообщение о факте коррупции по «телефону доверия» или на официальном портале Администрации города. Половина горожан не знают о работе комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих, о независимой антикоррупционной экспертизе муниципальных правовых актов и дополнительном контроле за должностными лицами, обязанности которых связаны с повышенными коррупционными рисками.

Важно отметить, что о работе с обращениями граждан и организаций по принципу «Единого окна», в соответствии с Федеральным законом РФ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг", не знает более трети горожан (36%), уверенную осведомленность по этому вопросу выразили только около четверти жителей Екатеринбурга.

Наиболее эффективными мероприятиями по противодействию коррупции горожане считают: ротацию кадров муниципальных чиновников на конкурсной основе, предоставление чиновниками в открытый доступ сведений о своих доходах и имуществе, наличие возможности оставить сообщение о факте коррупции на официальном портале, а также практику коллегиального принятия решений по коррупциогенным вопросам.

Результаты проведенного исследования показали, что горожане имеют достаточно общее представление о ситуации с уровнем коррупции в органах муниципальной власти города Екатеринбурга. Тем не менее, большинство горожан уверены, что коррупция продолжает существовать во властных структурах, а значит те немногие антикоррупционные меры, о которых знают горожане, не считаются ими эффективными. Одним из факторов, влияющих на отношение населения к органам муниципальной власти, является информированность об их деятельности. Именно она влияет на степень доверия к власти и формирует представления о ней. В связи с этим необходимо информировать население о реально действующих механизмах противодействия коррупции, которыми могут воспользоваться граждане, что в свою очередь способно повлиять на оценку уровня коррумпированности власти в сторону его снижения.

1. *Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыты социологического анализа / Под ред. Г.А. Сатарова. — М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. — 752 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indem.ru/CD/RosKorru.pdf> (дата обращения: 05.10.2015 г.)*
2. *Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3abfce (дата обращения: 05.10.2015 г.)*

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ Г. ОРЛА К РЕАЛИЗУЕМОЙ В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

Павлова Ю.С. (Орел)

Отношение к молодежи всегда являлось актуальным для государства и общества. Именно она является наиболее активной составляющей гражданского общества: молодые лучше приспособлены к внедрению инновационных проектов и технологий в различных сферах, они являются сосредоточением принципиально новых знаний и идей, мобильны и полны сил для строительства своей жизни. Необходимость особой политики в отношении молодежи определяется спецификой ее положения в обществе. Государственная молодежная политика призвана обеспечить преемственность поколений, сохранение и развитие национальной культуры, воспитание у молодежи бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России, становление патриотизма, воспитание граждан правового, демократического государства, разностороннее и своевременное развитие молодых людей, их творческих способностей, становление у молодых граждан положительной трудовой мотивации, высокой деловой активности, освоение молодыми людьми разнообразных социальных навыков и ролей, ответственности за собственное благосостояние и состояние общества, развитие культуры их социального поведения с учетом открытости общества, его информатизации, роста динамичности изменений. [1]

Формирование молодежных сообществ - одна из задач российской молодежной политики. Эффективность молодежной политики зависит, в том числе, от позиции руководства региона, и те регионы эффективны, где есть прямой контакт молодежного сообщества с руководителями, в том числе с губернатором.

Вопросы молодежной политики постоянно обсуждаются в нашем регионе. Таким образом, кафедрой «Социология и психология управления» ОФ РАНХиГС совместно со студентами было проведено социологическое исследование «Молодежь Орловской области», в котором непосредственно были затронуты вопросы молодежной политики. В результате опроса удалось выяснить то, что для того, чтобы приобщить молодежь к политике, в первую очередь необходимо учитывать в политических программах партий интересы и проблемы современной молодежи (так думает 18,5% респондентов). Другие говорят о том, что необходимо выдвигать молодежь на первые роли в политических партиях (13,8%) и стимулировать политическое участие молодежи материально (13,8%) или же необходимо увязать перспективы карьерного роста молодых людей с членством в политических партиях политической активностью (13,7%). Также, отмечают, что необходимо предоставлять молодежи возможность создания политических объединений в соответствии со своими интересами (11,1%), но и следует развивать самостоятельные общественные молодежные движения (10,3%). Наиболее известны такие общественные организации, как «Молодая гвардия», «Наши», «Российский союз молодежи», «Патриоты Орловщины», «Россия молодая» и другие.

В свою очередь, почти половина опрошенной молодежи оценивают возможности для развития и самореализации в регионе как средние (46,5%), чуть меньше считают, что возможности плохие (35,8%). Остальные считают, что возможности молодежи вполне хорошие.

Совсем не удивителен тот факт, что половина респондентов считают, что в настоящее время в регионе не возможны массовые выступления молодежи против действий властей, в то время как немногие уверены в том, что такие забастовки вполне возможны.

Исходя из данных опроса, можно сделать вывод о том, что если в настоящее время и возможны массовые акции протеста против действий властей, то в первую очередь, главными проблемами, по мнению молодежи, являются безработица (5,6%), постоянное повышение цен и налогов (7,8%), коррупция (2,1%), образование (1,5%), а также трудоустройство (1,1%). Также, были затронуты такие немаловажные аспекты, как: низкие заработные платы (1,3%), беженцы (0,8%) и военные действия (0,8%).

Если бы митинги, демонстрации протеста состоялись, то половина опрошенной молодежи не примет в них участие (48,3%), но есть все же те, кто и не против лично принять в них участие (20,3%). Среди них оказались молодые люди, которые пойдут на такие митинги только при определенных условиях.

Молодежь - это та часть населения, которая еще не играет решающей роли в жизни страны, но от которой непосредственно зависит будущее всех остальных социально-демографических групп. Поэтому для государства важно обеспечить полный набор условий, способствующих «хорошему старту» молодежи, своевременной и успешной интеграции в сферу социально-трудовых отношений.

Таким образом, молодым людям города Орла также был задан вопрос о принятии федерального закона "О молодежи", который в настоящее время находится на рассмотрении. Как видно по результатам исследования, больше половины опрошенной молодежи считают, что принятие закона "О молодежи" поможет решению молодежных проблем (54,8%). Остальные уверены в том, что закон ничего не изменит в жизни молодежи. И только лишь малая часть думает, что появится еще больше молодежных проблем (8,3%).

По мнению молодежи города Орла можно сказать, что если закон "О молодежи" будет принят, то в первую очередь он должен быть направлен на социальную поддержку молодых семей (18,7%), содействие занятости молодежи (16,4%), а также формирование и развитие системы социальных служб для молодежи (помощь сиротам, инвалидам, детям из неблагополучных семей, молодежный телефон доверия и т.д.). Также, немаловажной отмечают поддержку студенческой и учащейся молодежи (9,5%), решение жилищных

проблем (7,5%), поддержку талантливой молодежи (6,7%), поддержку молодежных общественных объединений (6,9%) и гражданско-патриотическое и нравственное воспитание молодежи (6,0%). Некоторые молодые люди считают, что закон должен быть направлен на противодействие распространения наркомании и СПИДа в молодежной среде или на развитие молодежного туризма и спорта. Удивляет тот факт, что совсем немногие поддерживают профилактику преступлений и правонарушений в молодежной среде (1,8%).

Таким образом, большинство молодежи города Орла считает, что в первую очередь необходимо учитывать в политических программах партий интересы и проблемы современной молодежи, а также выдвигать молодежь на первые роли в политических партиях. Это говорит о том, что молодые люди не безразличны к политике, и, возможно, именно молодежь является главным атрибутом политической власти.

Молодежная политика должна быть независима от политической направленности и социального строя. Формации могут быть разные, но есть народ, есть нация. И всегда надо избавляться от изъянов, отрицательных черт и явлений. А если перемена ведет к ухудшению качества народа, качества материала человеческого в целом, это - очень плохо для будущего. Поэтому, в широком смысле молодежная политика - это выращивание, образование нации, народа в целом. Мы отбрасываем устаревшее, изжившее себя, опираясь на то лучшее, что было создано нашими предками. Это закон развития. [2]

1. *Молодежная политика, воспитательная и патриотическая работа практика XXI века: материалы Всероссийской научно-практической конференции/под общ. редакцией к.и.н., доцента М.В. Юдина, ФГБОУ ВПО «РГУТиС». – М., 2013.*
2. *Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. 696 с.*
3. *Социологическое исследование на тему «Молодежь города Орла». Опрос проведен в июне-июле 2015 г. Руководитель – Проказина Н.В., доктор соц. наук, доцент. Объем выборки – 400 респондентов. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, месту проживания.*
4. *Дорохова Ю.В., Игнатова Т.В., Проказина Н.В. Молодежь Орловской области в 2015 году. Научное издание. Информационно социологический бюллетень / Под общ. ред. П.А. Меркулова – Орел: Изд. ОФ РАНХиГС.*

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРСТВЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Паршков А.И. (Москва)

Питирим Сорокин сформулировал термин «социальная мобильность» и «социальное пространство». Социальное пространство исследователь представляет в виде своеобразной вселенной состоящей из народонаселения, сравнивая схожести и различия по аналогии с геометрическим пространством. Социальное положение - это множество связей со всеми группами населения, внутри этих групп и с конкретными членами [1]. Соответственно, определение положения политического лидера в социальном пространстве означает определение его отношения к другим людям и другим социальным явлениям.

Механизм социального контроля необходим для регулирования различных сфер жизнедеятельности общества. По отношению к государственной деятельности, таким социальным контролем должно быть гражданское общество. Только при полноценном развитии гражданского общества, возможно, победить коррупцию во всех эшелонах власти и регулировать эффективное распределение средств налогоплательщиков в стране. Выражая интересы различных социальных групп, политический лидер старается решить

определенные социальные проблемы, выполняя различные функции. Таким образом, высокий уровень социальной мобильности политического лидерства является фактором развития гражданского общества.

Для определения уровня социальной мобильности в политическом необходимо понимать, какие социальные факторы влияют на развитие политического лидерства и какова их степень воздействия.

Одним из важных социальных лифтов в политической лидерстве является образование и умение применять знания на практике. Хороший уровень образования позволяет политическому лидеру объективно оценивать и решать конкретные профессиональные задачи.

Английский социолог Джон Урри в своих исследованиях уделяет внимание темпоральной мобильности, поскольку наличие свободного времени для развития и самореализации является важным фактором в карьере [2]. Низкий уровень темпоральной социальной мобильности может не позволять воплотить в жизнь задуманные планы.

Согласно теории К. Маркса неравномерное распределение экономических ресурсов, собственности, средств производства создает классовое неравенство. Поэтому в политическом лидерстве экономическая составляющая является одним из важным факторов, влияющих на социальную мобильность.

Не маловажными факторами социальной мобильности в политическом лидерстве являются принадлежность к правительственной группе, политической партии, общественно-политической организации, социальный и сетевой капитал. Политическому лидеру необходимо уметь заводить и поддерживать социальные отношения с различными социальными группами и составляющими гражданского общества.

Эффективность политического руководства и социальный контроль со стороны гражданского общества характеризует эффективность различных сфер деятельности в развитии страны. Одним из важных факторов развития страны является выдвижение политических деятелей способных к проведению результативных реформ и улучшению качества жизни к лучшему.

1. Сорокин П.А. *Социальная мобильность /Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. - М.: Academia; LVS - 2005. – 608 с*
2. Урри Д. *Мобильности. — М.: Практис, 2012. — 576 с.*

МЕГАТRENДЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ 2015 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ В ГОСДУМУ РОССИИ

Пименов Н.П. (Санкт-Петербург)

13 сентября 2015 года в России состоялся самый масштабный за последние годы единый день голосования. Прямые выборы прошли в 83 из 85 субъектов РФ (исключение - Кабардино-Балкарская Республика и Республика Северная Осетия - Алания), в результате чего было выбрано более 1300 глав регионов и муниципальных образований и свыше 90 тысяч депутатов [3]. Некоторые специалисты уже отзываются о них как о репетиции выборов в Государственную Думу РФ, на которой ведущие в стране партии «тренируются» перед главной кампанией. Хотя, если быть точным, единый день голосования позволяет сформулировать основные тенденции прошедших выборов в контексте предстоящих выборов в Госдуму.

Самый очевидный тренд – стремление государства сохранить статус-кво и сохранить присутствие в следующей Государственной Думе всё тех же четырех партий (ЕР, КПРФ, СР, ЛДПР). Полученные результаты очень похожи на результаты региональных выборов конца 2010 – начала 2011 годов. По многим регионам они по

ведущим партиям на выборах законодательных собраний совпадают с разницей плюс-минус несколько процентов. Однако в 2016 году в составе нижней палаты российского парламента предполагается большая доля «Единой России» за счет наиболее вероятного всеобщего доминирования ее кандидатов и близких ей самовыдвиженцев в мажоритарных округах. Сегодня почти во всех регионах «партия власти» выглядит лучше, чем в декабре 2011 года, прибавляя к прошлым результатам от 10 до 20% (например, в городе Владимир показатель увеличился с 33,7% до 47,6% [2]). Почти все одномандатные округа на выборах законодательных собраний на этот раз закончились выигрышем «Единой Россией». Что касается остальных партий, представленных в ГД РФ, то в отличие от выборов 2013 и 2014 годов они прошли во все избранные региональные парламента.

Вторая тенденция - ставка власти на региональную периферию, где, в том числе, существуют проблемы с электоральным контролем, и стремление снизить политическое влияние городов и явку в них. Последнему способствует перенос выборов на второе воскресенье сентября – неудобная как для кандидатов, так и для избирателей дата голосований; новое деление мажоритарных округов на выборах депутатов Государственной Думы, выражаемое в дроблении территорий городов на несколько частей и присоединения их к сельским районам. Также увеличился по сравнению с 2011 годом вклад голосования на дому и досрочного голосования, которые в современных российских условиях расширяют возможности для давления и манипуляций. Одним из наиболее ярких примеров является Ленинградская область, где доля специальных категорий голосований в сумме составила 19% от всех принявших участие в выборах [4].

Со вторым трендом тесно связан третий - максимальное отсечение от участия в выборах политических партий. Более того, можно утверждать, что на этих выборах поставлен новый рекорд по отсеvu партийных списков между выдвижением и днем голосования за все время проведения выборов региональных парламента в РФ с применением пропорциональной избирательной системы. Комитет гражданских инициатив обнаружил парадоксальное несоответствие на выборах в региональные законодательные собрания: чем меньше у партии брака в подписных листах и чем больше у нее зачли подписей, тем хуже ее результат на выборах. Наиболее отчетливо такое сравнение можно сделать по Костромской области, где на основании подписей избирателей были зарегистрированы 10 партийных списков, при этом 8 из 10 партий получили меньше голосов, чем им зачли подписей, причем 6 партий – более чем втрое меньше. Самый удивительный результат показала Партия свободных граждан, которая получила в 8,7 раз меньше голосов, чем им зачли подписей. Подобное явление характерно не только для Костромской области. В общей сумме из 75 списков, зарегистрированных на основании подписей избирателей на выборах региональных парламента и горсоветов региональных центров, 41 список (т.е. более половины) получили меньше голосов, чем им было зачтено подписей. Похожая картина наблюдалась и между результатами регистрации кандидатов в губернаторы и их реальным электоральным весом. Так, большинство кандидатов в губернаторы, успешно прошедших через «муниципальный фильтр», не имели реальной поддержки избирателей. Лишь 18 проигравших кандидатов из 77 получили более 10% голосов избирателей, а более половины (44) получили менее 5% [4].

Наконец, четвертый тренд – увеличение числа технологий «черного PR». Особенно часто они использовались против ПАРНАСа на выборах в Костромскую областную Думу. Речь идёт, во-первых, о липовых печатных СМИ – в «Газете активных граждан» партия объявлялась наследником «террориста начала 20 века» С. Бандеры и живодерами якобы из-за приклеивания скотчем агитационных листовок к собакам [8]. В другой газете «Костромская гей-правда» сообщалось об ориентации кандидатов и использовались фотографии и картинки соответствующей тематики [5]. Во-вторых, активной использовались партии-спойлеры. Например, «Партия против всех» и «Партия за справедливость» (ПАРЗАС), которые распространяли листовки в цветовой гамме

ПАРНАСа и предлагали голосовать против всех. В общей сложности было создано девять партий-спойлеров [5]. В-третьих, распространялись листовки «Яблоко против «ПАРНАСа» – пятой колонны Запада!», хотя партии выступали как соратники на этих выборах [6]. В еще одном агитационном материале сравнивались ПАРЗАС и ПАРНАС, причем не в пользу последних: программа ПАРНАСа «пишется в посольстве США», эта партия хочет отдать Крым Украине и США, а лидер – «Мишка – два процента» [1]. Наконец, в-четвертых, публичные выступления специально нанятых людей. Так, в один из дней по Костроме прошла колонна с американскими и российскими флагами, скандирующая лозунги «Возьмем Кострому - Возьмем Россию» и призывающая голосовать за партию [7]. Другой пример – приезд «американского дипломата» в один из Костромских дворов. Оказалось, что дипломатический номер на машине - приклеенный стикер, а сам госслужащий США был ненастоящий [9]. В остальное время массовка скандировала, что ПАРНАС работает на Правительство США, либо устраивала драки [8].

Принимая во внимание все вышеперечисленные тренды, можно сделать вывод о новом основании политических конфликтов в России, способном привести к активизации протестных настроений на уровне 2012-2013 годов.

1. Велликок А. К нам на новую точку куба через несколько часов пришли спойлеры из Парзас, раздают вот такое [Электронный ресурс] // Twitter.com. URL: https://twitter.com/airily_ann/status/641252342516613122/photo/1?ref_src=twsrc%5Etfw (дата обращения: 04.10)
2. Единый день голосования 13 сентября 2015 года [Электронный ресурс] // ТАСС: Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/elections-2015/vladimir> (дата обращения: 04.10.2015)
3. Единый день голосования 13 сентября: ход выборов. Текстовая трансляция [Электронный ресурс] // ТАСС: Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/politika/2255206> (дата обращения: 04.10.2015)
4. Кынев А., Любарев А., Максимов А. Аналитический доклад № 6 по долгосрочному наблюдению выборов 13.09.2015 [Электронный ресурс] // Комитет гражданских инициатив. URL: <http://komitetgi.ru/analytics/2478/> (дата обращения: 04.10.2015)
5. Навальный А. Живодёры, бандеровцы и геи из ПАРНАСа: чем закончится битва политики с политехнологией [Электронный ресурс] // Navalny.com: сайт А. Навального. URL: <https://navalny.com/p/4444/> (дата обращения: 04.10.2015)
6. Неизвестные в Костроме расклеили листовки с дискредитацией «Яблока» и ПАРНАСа [Электронный ресурс] // 7x7: интернет-журнал. URL: <http://7x7-journal.ru/item/66566> (дата обращения: 04.10.2015)
7. По Костроме движется колонна с американскими флагами [Электронный ресурс] // Монитор 44: Выборы в Костромской области. URL: <http://monitor44.ru/срочно-в-номер-по-костроме-движется-ко> (дата обращения: 04.10.2015)
8. Пономарева А. Чем занимается правительство на выборах [Электронный ресурс] // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27238442.html> (дата обращения: 04.10.2015)
9. Яшин И. Провожу сегодня очередную встречу в костромском дворе [Электронный ресурс] // Facebook.com. URL: <https://www.facebook.com/yashin.ilya/posts/899107866809526> (дата обращения: 04.10.2015)

СТРАТЕГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО УХОДА ОТ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Пириева С.Э., Сидоров Д. С. (Волгоград)

За последние четверть века произошло огромное количество событий, которые способствовали становлению общества потребления в России. И на сегодняшний момент можно считать наиболее развитые российские регионы, регионами с установившимся

обществом потребления. После 1991 года произошел качественный сдвиг в обществе, и российская действительность оказалась раздробленной и крайне неопределённой в социальном, экономическом, политическом и духовном плане. Но тем ни менее тенденция становления российского общества на манер западного — налицо. Так, в России с развитием капиталистических отношений уменьшается роль мелких магазинов и закусочных и на смену им приходят гипермаркеты, макдональдсы, семейные торговые центры и прочее, делая, тем самым, шоппинг одним из видов досуга. Сложно переоценить роль революции в сфере коммуникации, а вкусы, предпочтения и желания во многом диктуются самими производителями через различные каналы коммуникации.

Образование в подобном обществе стало услугой, которая потребляется в массовых масштабах, спорт и физическая культура также становятся предметом массового потребления, в следствии чего появляется т. н. индустрия красоты, а позднее — капитал красоты. Считается, что своё начало общество потребления берёт после промышленной революции в Великобритании. Именно последствия этой революции привели к тому, что стало возможным массовое потребление. Но подобные процессы не всегда согласуются с духом народа и его ментальностью. Конечно, в Европе и Америке тоже есть определённые группы людей не готовых принять ценности и образ жизни общества потребления, однако российскому менталитету с его соборностью и взаимопомощью, общество потребления, в завершённых своих формах, может быть полным антагонистом. Ввиду этого, люди ищут выход из сложившейся ситуации, используя разнообразные индивидуальные стратегии ухода от ценностей всё наступающего общества потребления. Одна из подобных стратегий — декоммерциализованные социальные пространства, которые ресоциализируют индивидов, включённых в них. В данной работе рассмотрен проект «Интеллектуальные среды» как декоммерциализованное социальное пространство, а так же выдвинута гипотеза, что в данном проекте индивиды ресоциализируются.

Общество потребления является одним из хорошо изученных феноменов в социологической науке. Изучением причин, форм и характера общества потребления занимались такие учёные, как Э. Фромм, который в своей работе показал зависимость психического состояния индивида и политического режима конкретной страны от капиталистических отношений; Ж. Бодрийар показал структуру мифа общества потребления и его специфику. Российские учёные также не остались в стороне и внесли значительный вклад в развитие отечественной теории потребления. В. И. Ильин показал характер потребления молодежи в городе с точки зрения социологии повседневности, а Н. Яшин показал зависимость потребления от кредитования, а так же их роль в появлении военных конфликтов.

Потребление неразрывно связано с коммерциализацией, характер которой, в капиталистическом обществе, был достаточно полно изучен такими учёными, как: Ж. Лиотар, изучавшем коммерциализацию знания; Ю. Хабермас, посвятившим свои исследования коммерциализации культур и т.д. В данном ключе было введено принципиально новое понятие — декоммерциализованное социальное пространство, чтобы отразить специфику пространств, агенты которого избавлены от коммерческого интереса, а распределение экономического капитала (в смысле П. Бурдьё) минимально.

Апробация работы: Основные результаты научного исследования были представлены на научно-практической очной конференции «Социокультурные исследования -2015» в ВолГУ(21.05.15), на межвузовском круглом столе в рамках «Научной сессии-2015» в ВолГУ «Гендерная ситуация в современной России: долгое эхо войны или новые вызовы» (22.04.15). Основные вопросы, рассматриваемые в данной статье, подробно освещены в ряде публикаций.

Попадая из школы в вуз, из гражданской жизни — в армию, с работы — на пенсию мы ресоциализируемся. Любое изменение социального статуса несёт в себе и ресоциализацию, а также попадание в «новую» ситуацию может быть её причиной. Однако, в данном исследовании речь идёт скорее именно о пространствах

ресоциализации. Выделить все подобные пространства крайне сложно, т. к. любое пространство может ресоциализировать (например, мигрант, приехавший в Россию ресоциализируется. Российское социокультурное пространство для мигранта — пространство ресоциализации), но в данном исследовании рассматриваются только те пространства, которые ресоциализируют индивидов общества потребления и делают возможной жизнь, частично или полностью, вне ценностей общества потребления. Например, разнообразные секты и религиозные объединения не будут рассмотрены, т. к. они отрицают саму жизнь в обществе. В данном исследовании акцент ставится именно на тех пространствах, которые не имеют национальной, религиозной или любой другой принадлежности, кроме той, что выступает за принятие альтернативных обществу потребления, ценностей. Важно, что эти пространства очень чётко можно обозначить территориально, т. е. это какое-либо место, где люди потребляют (используя терминологию общества потребления) блага, не связанные с потреблением.

Таким образом, декоммерциализованные социальные пространства — это социальные пространства, включение в которые абсолютно бесплатно, а доля экономического капитала в них стремится к минимуму. Это строго обозначенные территориально пространства. В данном исследовании исключены все другие виды ресоциализации, такие как: религиозная, профессионально-техническая, гендерная и т. п. В данном исследовании рассматривается только ресоциализация, связанная с ценностями общества потребления.

Подобные пространства, согласно гипотезе, ресоциализируют индивидов определённым образом. Специфика подобной ресоциализации будет выявлена в практической части данной работы. В данной работе не рассматривается влияние СМИ, виртуальные пространства и различные коммуникативные практики. Внимание в первую очередь направлено на физически представленные декоммерциализованные социальные пространства.

Примером такого пространства является волгоградский проект, организованный студентами, преподавателями и аспирантами Волгоградского государственного университета «Интеллектуальные среды».

Рассматривать декоммерциализованные социальные пространства логично только в том обществе, где всё или почти всё стало коммерциализованно. Например, рассматривать декоммерциализованные социальные пространства в коммунистических странах, таких как Китай, Северная Корея, Алжир, Куба и т. д. не имеет смысла, т. к. практически все пространства в подобных странах декоммерциализованны частично или полностью. Речь идёт только о странах с рыночной экономикой и состоявшимся обществом потребления. Таким образом, мы вправе считать Россию страной с рыночной экономикой и полноценным обществом потребления.

Интерес к волгоградскому проекту «Интеллектуальные среды» неслучаен. На данный момент мониторинг социальных пространств досуга, которые ресоциализируют индивидов и открывают ему новые возможности для восприятия определённых стимулов — не выявлено. Также методом полуструктурированного интервью будут выявлены особенности данной ресоциализации.

Интеллектуальные среды — проект, который организован студентами, аспирантами и профессорами Волгоградского государственного университета, направленный на формирование интеллектуальной среды в городе. Данный проект представляет собой площадку для коммуникации, лекций и дискурса на различную тематику в сфере гуманитарных дисциплин. Данный проект представлен в виртуальном и реальном пространстве.

Виртуальное пространство представлено в первую очередь в социальной сети «ВКонтакте» в группе, созданной для коммуникации участников между собой и организаторами — <https://vk.com/insred>. Так же у данного сообщества есть официальный сайт — <http://insred.blogspot.ru> и ютубе-канал — <http://www.youtube.com>.

Методом включённого наблюдения мы оценили масштаб и характер мероприятий с 1. 10. 2015 по 03.12 2015. Согласно данному исследованию было выявлено:

- количество участников варьируется от 15 до 20

- за данный период было проведено 5 лекций и 5 семинаров

- данные 10 мероприятий были посвящены философской тематике

- лекторы и модераторы являлись специалистами в области юриспруденции и философии (3 преподавателя философии с учёной степенью и 2 преподавателя права с учёной степенью, среди лекторов (модераторов) присутствуют учёные со степенью доктора наук)

- состав участников не был статичен и менялся на каждом мероприятии, но оставались «завсегдатаи» (примерно 3-5 человек ходили регулярно)

на графике представлено количество участников мероприятий, а так же количество женщин и мужчин (см. диаграмму 1).

Также в рамках данного исследования была апробирована гипотеза относительно ресоциализации индивидов в декоммерциализованных социальных пространствах. В силу того, что это исследование пилотажное, было взято два полуструктурированных интервью у участников (слушателей) проекта «Интеллектуальные среды».

Таким образом, гипотеза состоит в следующем: проект «Интеллектуальные среды» есть декоммерциализованное социальное пространство, в котором агенты социализируются. Для апробирования данной гипотезы в период с 01.10.2015 по 03.12.2015 был реализован метод включённого наблюдения, в ходе которого было выявлено количество участников (преимущественно женщины, что объясняется тем, что женщин в Волгограде больше чем мужчин, а студенток больше, чем студентов). Общее число участников варьируется от 15 до 20, был выявлен состав лекторов и модераторов, ими оказались специалисты в области философии и права с учёными степенями кандидата и доктора наук. Включение в данное пространство абсолютно бесплатно: прийти может любой желающий. Для выявления социализирующего компонента данного проекта было проведено два интервью, с предварительно разработанным гайдом.

2.2. Оценка результатов исследования

В ходе проведения двух формализованных интервью (в среднем по 11 минут каждое) и реализации метода включённого наблюдения было выявлено следующее:

«Интеллектуальные среды» есть декоммерциализованное социальное пространства, в котором индивиды социализируются. Характер данной социализации неоднозначен.

Так, в обоих интервью информанты отметили влияние проекта на изменение их отношения к материальным ценностям, однако Информант 1 — полностью пренебрег СМИ, а информант 2 — лишился радости при покупке вещей различного рода, но так или иначе это — явный индикатор от отказа от главных свойств общества потребления: собственно от потребления и информации, и оба информанта оценивают эти изменения как положительные. Данное пространство это прежде всего пространство коммуникации индивидов со схожим мировоззрением и ценностями, так оба информанта считают, что благодаря проекту «Интеллектуальные среды» они нашли тех знакомых, чьи взгляды им близки, т. е. проект отличное пространство коммуникации.

Этот проект привлекает индивидов в первую очередь своей тематикой, отличной от тематики всех других пространств, так оба информанта отметили, что не встречали и не слышали мероприятий или проектах, подобных проекту «Интеллектуальные среды». Также оба информанта считают, что экономический уровень участников никак не влияет на отношение к ним организаторов или других участников проекта, что свидетельствует о том, что доля экономического капитала в этом пространстве стремится к минимуму.

Таким образом, термин декоммерциализованное социальное пространство успешно применим к волгоградскому проекту «Интеллектуальные среды».

Гипотеза — подтвердилась.

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Погода Д.С. (Санкт-Петербург)

Политическая наука рассматривает гражданское общество как минимум в двух основных интерпретациях, которые даны Джоном Локком и Шарлем Монтескье. Первая говорит об особом типе общества, предполагающем автономию гражданина от государства и политики, а также других граждан в целом, но при обязательной защите его прав и свобод, сопряженной наличием гражданской ответственности, активности и долга. Второй подход подразумевает под гражданским обществом сферу, отличную от государства, которая включает в себя в большей части ряд гражданских организаций и ассоциаций, независимых СМИ, местное самоуправление и множество других форм самоорганизации граждан. То есть первая традиция характеризует все общество и соответствующий тип государства, а вторая – самостоятельную гражданскую сферу, отличную от государства, которая часто противостоит ему.

Общественные институты на начальной стадии формирования национальных государств и капиталистических отношений были представлены главным образом в либерально-буржуазной форме, посредством которой они боролись за обеспечение основополагающих прав и свобод человека. Центральное место среди них занимали свобода слова, собраний, ассоциаций и всеобщее избирательное право. Развитие капитализма на его индустриальном этапе выводит на арену движения, которые отстаивают общественную справедливость, перераспределение доходов и эффективную социальную защиту. Становление постиндустриального общества обусловлено новым типом общественных движений, который отстаивает право на культурную и социальную самобытность, индивидуальный образ жизни и личную автономию. Общественные движения постиндустриального общества получили название «новых социальных движений», отличаются особой сетевой структурой и оказывают влияние на политику через ценностные ориентиры общества.

Указанные типы общественных организаций отличаются друг от друга стоящими перед ними задачами, методами, мотивацией участников, а также объяснением их действий с социологической точки зрения. Следует отметить, что становление в 1990-х годах рыночных отношений, обусловленных наличием индустриального базиса, модернизированной экономики и в большей части образованного населения в совокупности повлияло на одновременное формирование национального государства и развило рассматриваемые процессы достаточно быстро. Однако, не смотря на наличие серьезных предпосылок в экономической сфере, большинство общественных и политических проблем так и не были разрешены. Кроме того, по различным причинам общественные движения, возникшие на новом этапе развития государства, так и не смогли в достаточной степени проявить себя. Относительно либеральных правозащитных организаций следует отметить, что им как таковая широкая общественная поддержка в России отсутствовала, основным идейным и материальным вдохновителем был Запад. Левые движения отличались лишь маргинальным воздействием на политику.

Экономическая глобализация 2000-х в России способствовала созданию «новых социальных движений», которые постепенно начали развиваться, но не имели должного организационного оформления как составляющей гражданского общества. Последние годы обусловлены появлением экологических, феминистских, культурных, досуговых,

творческих, волонтерских сетей, которыми интересуется все большее число людей. Однако для указанных движений характерно отсутствие постоянной и четкой организационной структуры, а также неопределенность иерархии и лидера.

Российская политика обратила внимание на идеи о гражданском обществе во время демократических движений в период перестройки. Под гражданским обществом подразумевалась автономная сфера, которая самостоятельно развивалась и противостояла государству. После формирования нового политического режима понятие «гражданское общество» активно использовалось для обозначения некоммерческих негосударственных организаций (НКО), возникших вместе с политическими партиями на развалинах прежних демократических объединений. Восприятие НКО в качестве «ростков гражданского общества» усиливалось либеральными представлениями относительно их роли, взращиваемыми западными фондами, которые финансировали НКО, проводили для их активистов стажировки и тренинги. Именно тогда, начиная с 1990-х годов, влияние и финансирование Запада были наиболее масштабным: при отсутствии идеологии на уровне государства Запад активно привносил в российскую действительность либеральное понимание гражданского общества, которое должно было основываться на уважении к правам человека, плюрализме и толерантности. Ретроспектива дает понять, что на тот момент лишь очень ограниченному кругу людей удалось привить такое либеральное понимание. В большей же части финансирование было направлено на создание прозападных НКО, которые активно занимались формированием необходимого общественного мнения для воздействия на ценностные ориентиры общества с целью влияния на политические процессы государства.

В настоящее время государственная политика России направлена на формирование гражданского общества, а НКО в большей степени перестали представлять общественные движения, взяв на себя функцию отстаивания интересов определенного круга лиц. Вытеснение прозападных НКО на периферию, присвоение статуса «иностранный агент» ряду правозащитных и критически настроенных по отношению к действующей власти организаций, позволяет сделать вывод об укреплении государственного строя и включении граждан в общественные движения.

Иными словами, на сегодняшний день сложилась ситуация, согласно которой одно общественное институты и движения соединяют в себе три типа организаций, имеющих довольно разные задачи, которые решались, согласно западной модели, на протяжении последних двух веков. Однако, все три типа совершенно естественно основаны на базовых целях либерально-демократического движения, достижение которых позволит решить последующие задачи и по обеспечению честных выборов, и по гарантиям прав человека и основных свобод.

Такое соотношение типов движений имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Прежде всего, следует отметить тенденцию укрепления движений за счет разнообразных элементов. Креативность формы взаимодействия при решении социальных проблем делает эти задачи более привлекательными. Ценностью для участников различных акций является не только конечная цель, но и сам процесс, который создает основу для солидарности и позволяет творчески реализовываться. Возникающие сложности вполне разрешимы через экспериментальные формы организации и взаимодействия участников, а также через новый инструментарий по развитию солидарности, волонтерства, самореализации, креативности, стирания иерархичности, открытого общества. Хотя политологи, социологи и активисты пока с трудом четко представляют эти зарождающиеся формы, их возникновение станет делом ближайшего будущего.

1. Григорьева Н. А., Симонова М. А. Государственная образовательная политика в условиях становления гражданского общества // Исторические, философские,

- политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грам*
2. Грудцына Л.Ю. *Идея гражданского общества в творчестве М.М. Сперанского // Образование и право. 2011. № 3(19). – С. 217-218*
  3. Карташов, В.Н. *Гражданское общество как система (социально-правовой аспект) / В.Н. Карташов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. – 2009. – №1. – С. 37-43.*
  4. Коэн Джин Л., Арато Э. *Гражданское общество и политическая теория. – М., 2003. С. 7, 12.*
  5. Романенко Л.М. *Гражданское общество в России. М., 2005. С. 93.*
  6. Шушпанова И.С. *Гражданское общество в социологическом измерении. Социологические исследования, № 11, с.59-60, 2008.*
  7. *Сборник материалов V Южно-российского политологического конвента (г. Ростов н/Д, 20-24 октября, 2014 г.) / под ред. И. В. Николаева, Р. А. Пупыкина. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 204 с.*

ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РОССИИ

Погосян А.А., Дерендяева А. Д. (Барнаул)

Россия - одна из крупнейших стран мира, имеющая богатые исторические и культурные традиции. Ее экономический, научно-технический и военный потенциал, уникальное географическое положение на Евразийском континенте позволяют Российской Федерации играть важную роль в современном мире. Объективно сохраняется общность интересов России и других государств по многим проблемам безопасности, включая противодействие распространению оружия, борьбу с терроризмом и наркобизнесом, решение экологических проблем и обеспечение ядерной безопасности. Вместе с тем ряд государств активизирует усилия, направленные на ослабление России в целом и ее влияния на международную политику.

Политическая безопасность есть состояние защищенности политической системы и политических отношений, обеспечивающих интересы личности, общества и государства, от внутренних и внешних угроз.

Политическая угроза - это социальное явление, процессы и действия, которые способны подорвать власть, правовой порядок, вызвать хаос, междоусобицы и конфликты, общую деградацию, потерю национальной независимости, ослабить и разрушить государство, лишить граждан политических прав и свобод.

Внутренние угрозы:

1) Подмена интересов народа и страны корпоративными интересами правящей элиты.

2) Эволюция демократических институтов власти в авторитаризм и диктатуру, представляющие интересы избранного меньшинства, отчуждающие народ от власти.

3) Сохранение антидемократического верхушечного анонимного механизма формирования внутренней и внешней политики.

4) Продолжение политики разделения общества на бедных и богатых, антоганизации общественных отношений.

5) Ставка на насилие и административно-командную систему государственного управления.

6) Разжигание социально-политического противостояния, национальной розни и конфликтов.

7) Ослабление и подавление оппозиции, лишения независимости СМИ и подчинения их правящей элиты.

8) Изъяны в характере и образе мышления высокопоставленных деятелей, особенно глав государств.

Важнейший постулат: "Главное в обеспечении политической безопасности зависит не от эффективности деятельности спецслужб, а от власти, характера ее политики и широты социальной основы".

Система обеспечения политической безопасности в себя включает:

1) Объекты защиты - территория, государственные и общественные политические институты, органы власти, политические права и свободы граждан и социальных групп.

2) Субъекты, которые защищают политическую сферу, - специальные учреждения и органы, общество и граждане.

3) Средства, методы и способы, применяемые при защите политической сферы.

4) Политику обеспечения защиты, которая включает в себя взгляды, принципы, доктринальные установки, а также конкретную деятельность. Политика должна быть подкреплена системой соответствующих законов, т. е. иметь правовую основу.

Оценка политической безопасности включает в себя частные оценки по следующим параметрам:

- отсутствие препятствий для проявления политических свобод и воли граждан; справедливость и соответствие государственно-политического устройства национальным интересам;

- достаточность политической силы власти для мобилизации ресурсов страны на выполнение стоящих задач;

- эффективность политики и государственного управления, обеспечивающих преодоление кризисов и устойчивое развитие;

- доверие и добровольная поддержка власти большинством общества; политическая стабильность;

- высокий геополитический статус страны, устойчивость перед давлением извне, направленность отечественных капиталов на внутреннее развитие.

Таким образом, в условиях интенсивно протекающих трансформаций внутриполитическая стабильность есть идеальное состояние отечественного социума, гарантирующее подлинный порядок и оптимальное мироустройство. Внутренняя логика развития политической системы в современной России определяется глубиной демократизации политического режима, уровнем политической культуры в стране, зрелостью элементов гражданского общества. Такое измерение политической стабильности позволяет оценить отношение российских граждан к проводимому политическому курсу, к важнейшим решениям государственной власти.

ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНА В ЛОББИРОВАНИИ СВОИХ ИНТЕРЕСОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Попов Д.Ю. (Казань)

В государствах с федеративным административно-территориальным устройством вопрос продвижения региональных интересов на федеральном уровне является важнейшим как для развития региона, так и для сохранения и укрепления политической целостности страны. Так, в мировой практике развитых стран региональный лоббизм давно и прочно засталбил за собой звание, как один из самых значительных институтов политической системы государства. В российской политической науке на данный момент данный феномен исследован менее тщательно, чем, например, корпоративный лоббизм. Субъектами регионального лоббизма являются органы власти региона или их представители в федеральных государственных структурах [1, с.90]. В России интересы регионов отстаиваются через представительные органы государственной власти. Между тем, хотя Конституция России устанавливает равенство регионов в отношениях с

федеральным центром (ст.5, п.4), де-факто регионы в своих отношениях с федеральным центром не всегда и не во всем равны.

Немалую роль в продвижении тех или иных интересов регионов в России в XXI в. стали играть личные контакты крупных федеральных и региональных руководителей. Связи и контакты региональной элиты РТ и федеральной элиты разнообразны. Прежде всего следует отметить, что первые лица региональной элиты РТ традиционно поддерживали хорошие отношения с первыми лицами России. Это положение продолжает сохраняться и при Р. Минниханове: оба члена тандема регулярно совершают визиты в Татарстан: В.В. Путин в 21 веке посетил регион более 10 раз. Д. А. Медведев также периодически посещает Татарстан: так, он закладывал первый камень инновационного города Иннополис в 2012 г., куда впоследствии, в 2015 г., приехал ознакомиться с достижениями проекта, посещал предприятия Набережных Челнов. Несмотря на конфликты между Татарстаном и федеральным центром в начале 1990-х и начале 2000-х гг., когда региональная элита пыталась заполучить больше преференций, отношения продолжали иметь общий положительный вектор. Празднование 1000-летия Казани в 2005 г. утвердило следующий порядок вещей: финансовые вливания центра в обмен на лояльность республики. Одно из крупнейших финансовых вливаний в Татарстан связано с проведением летней Универсиады 2013 году, бюджет которой составил 228 млрд. руб. Хотя средства на ее проведение выделялись не безвозмездно, руководству Татарстана удалось добиться, во-первых, отсрочки выплат по этим кредитам и, во-вторых, низкой процентной ставки по ним. Помимо этого, финансовые средства Татарстану регулярно выделялись на дорожное строительство, капитальный ремонт жилого фонда и т.д. Однако уже в конце 2013 г. финансовый поток из центра стал иссякать. В качестве нового проекта, который принесёт в республику новые большие денежные вливания, Р. Минниханов ухватился за проект высокоскоростной магистрали Казань – Москва – Екатеринбург. Одним из последних достижений Татарстана в сфере лоббизма является проект по программе договоров о предоставлении мощности (ДПМ), в рамках которого Д. Медведев подписал распоряжение правительства РФ о переносе строительства новой генерации на Казанскую ТЭЦ-1. Татарстану удалось убедить правительство перенести площадку в республику[2].

В интегральном рейтинге губернаторов, который готовит Фонд развития гражданского общества (К. Костин), Р. Минниханов неизменно входит в группу губернаторов с очень высоким рейтингом: в июне 2015 года занял 6 место с 94 баллами [3]. В медиарейтинге информационно-аналитической системы «Медialogия» за сентябрь 2015 года занял 2 место, сильно отставая от мэра Москвы С.С. Собянина, но находясь далеко в отрыве от ближайшего преследователя - главы Крыма С.В. Аксенова [4].

В то же время, подобное положение дел порой выливается в прямое или косвенное обвинение федерального центра в фаворитизме по отношению к Татарстану, причем порой в довольно бесцеремонной форме. После выборов Президента РТ в сентябре 2015 г., когда временно исполняющий обязанности Президента РТ Р.М. Минниханов набрал 94,4 процента голосов, В.В. Жириновский заявил: «Распухла Казань. Живет, как на свадьбе. Стадионы, инфраструктура и прочее! А рядом русские регионы подышают. Дайте другим регионам столько денег, сколько Казани и там 100% на выборах у губернаторов будет!» [5]. Несмотря на то, что высказывания федеральных чиновников в адрес Татарстана носят преимущественно комплиментарный характер, иногда в этих высказываниях проскальзывает и ирония: «Ну, конечно, хитрый президент Шаймиев нашел какие-то документы (О.Г. Греф имел в виду 1000-летию Казани), а на самом деле Казани... а на самом деле Казани 900 лет... Если это так, то это подтверждает мудрость руководства республики. Они гениальные маркетологи!» [6].

Важнейшим каналом лоббизма являются представительные органы федеральной власти – Государственная Дума и Совет Федерации. Именно там принимаются многие решения по финансированию регионов, включению в федеральные программы. В августе 2015 г. Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин провел совещание с участием депутатов Государственной думы и членов Совета Федерации, избранных от Татарстана, по вопросам привлечения федеральных средств в экономику республики [7].

Там он заявил, что привлечение федеральных средств в экономику Татарстана является наиболее важной задачей руководства республики. И подобные совещания являются правилом, а не исключением для депутатов, избранных от Татарстана. В сентябре 2015 г. сменился сенатор от Татарстана: Сергея Батина заменил Олег Морозов – «мастодонт» от политики. Начав политическую карьеру в Татарстане, он проработал 19 лет в Госдуме, семь из которых был вице-спикером Государственной думы. В мае 2012 г. Морозов был назначен главой управления администрации президента России по внутренней политике. «Тогда эксперты отмечали, что все годы своей работы в российской столице Морозов был «нашим человеком в Москве, главным лоббистом интересов республики в столичных кабинетах власти» [8].

Судя по последним тенденциям, Татарстан не сбавляет, а лишь увеличивает амбиции, из чего следует, что лоббистская деятельность будет лишь интенсифицироваться. В условиях давления со стороны центральной власти она сумела сохранить собственные механизмы самовоспроизводства, не допустив назначенцев извне на сколько-нибудь значимые должности. При этом региональная элита добилась режима наибольшего благоприятствования при получении федерального финансирования, участвуя во всех целевых программах, готовя и проводя мероприятия всероссийского и мирового масштаба. Республике еще предстоит реализовать такие проекты, как Смарт сити Казань, чемпионат мира по футболу в 2018 году, чемпионат мира среди рабочих профессий World Skills 2019 и др. Татарстан является одним из самых успешных регионов в сфере продвижения своих интересов. Этого удастся достигать за счет сплоченной работы органов власти, стейкхолдеров, а также благодаря авторитету руководителей. Нельзя не подчеркнуть, что средства и преференции, получаемые Татарстаном из федерального центра, не были бы возможны без амбициозной и результативной общей экономической политики, а в частности активных мер по развитию производства, увеличению нефтедобычи, повышению туристической привлекательности и привлечению инвестиций.

1. Кольба А.И. Региональный лоббизм: конфликтное измерение // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. - 2011. - № 11. - С. 90.
2. В Москве нам отвечали: «Мы уже вам столько «отвалили»! Какая еще вам энергетика?!» // <http://www.business-gazeta.ru/article/141780/>
3. Фонд развития гражданского общества // <http://civilfund.ru/mat/85>
4. Информационно-аналитической системы «Медialogия» // <http://www.mlg.ru/ratings/governors/3800/1/2015/9/>
5. Жириновский о выборах в Татарстане: «Распухла Казань. А рядом русские регионы подыхают» // <http://prokazan.ru/news/view/104359>
6. Греф оказался в «правильном месте» // <http://old.evening-kazan.ru/article.asp?from=search&id=23282>
7. Татарстан ждёт федеральных денег: депутатам и сенаторам поставили задачу // <https://regnum.ru/news/economy/1957783.html>
8. Рустам Минниханов: «Олег Морозов будет достойно представлять Татарстан в Совете Федерации» // <http://www.business-gazeta.ru/article/141049/>
9. Белоусов А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация: основы теоретического моделирования, 2008. - С 124
10. А.Л. Салагаев, Сергеев С.А. Региональная элита республики Татарстан: структура и эволюция // *Полития*. - 2013. № 2. - С. 74 - 84.

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ МОДЕЛИ СТАБИЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Приходько Ф.С. (Горки, Республика Беларусь)

В социологическом смысле социальная стабильность – это такая устойчивость социальных структур, процессов и отношений, которая при всех их изменениях сохраняет их качественную определенность и целостность как таковых. Стабильное общество – это социум, который развивается и в то же время сохраняет свою устойчивость, в котором

налажен механизм изменений, сохраняющий его устойчивость, исключая такую борьбу социальных сил, которая ведет к расшатыванию самих устоев общества. Стабильность белорусского общества обеспечивается целой совокупностью факторов и механизмов, относящихся к различным сферам его жизнедеятельности. Социальная стабильность в первую очередь обусловлена эффективным функционированием механизмов социального контроля, т.е. совокупности методов, посредством которых общество стремится повлиять на поведение людей с целью поддержания необходимого порядка. В Беларуси первостепенное значение придается борьбе с коррупцией и укреплению дисциплины во всех сферах жизни общества.

Коррупция существует с древних времен. Ее негативное влияние испытали на себе многие государства. В белорусском обществе сформированы нетерпимость к проявлениям коррупционных действий, убеждение, что с коррупцией необходимо последовательно и решительно бороться, ибо она угрожает национальной безопасности страны, ее стабильности, сдерживает экономическое развитие и отрицательно влияет на имидж государства. Свидетельством непримиримого отношения к коррупции стало принятие в 2015 году новой редакции Закона «О борьбе с коррупцией», в котором получили закрепление принципиальные положения государственной политики в этой сфере [1]. В документе реализованы основные положения таких международных документов, как Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года.

Важным элементом системы противодействия коррупции является обеспечение высокого уровня ответственности за совершение коррупционных деяний. Однако главное направление антикоррупционной политики государства – это внедрение действенных профилактических механизмов, которые минимизировали бы проявления этого зла. Одной из мер, направленных на профилактику коррупции, является жесткий контроль государства над финансовым и имущественным положением должностных лиц. Реально действует институт конфискации в случаях, когда владелец доходов не может подтвердить их законное происхождение.

Запрещено 5 лет принимать на государственную службу лиц, уволенных по дискредитирующим обстоятельствам. Государственные должностные лица будут лишаться права на пенсионное обеспечение в соответствии с Законом «О государственной службе в Республике Беларусь» в качестве одного из последствий привлечения к уголовной ответственности за коррупционные преступления. Принятые в последние годы государством меры, особенно профилактические, направленные на искоренение коррупции, позволили добиться определенных положительных сдвигов в этом направлении, привели к улучшению международного имиджа Беларуси. В антикоррупционном рейтинге, подготовленном американской некоммерческой ассоциацией TRACE по итогам 2013 года, Беларусь заняла 74-е место среди 197 государств. В последние годы в Республике Беларусь количество выявляемых коррупционных преступлений не превышает 2–3 % от общего числа зарегистрированных. Результаты борьбы с коррупцией налицо. Для сравнения: Россия находится на 134-м, а Украина – на 132-м месте.

Для эффективного противодействия коррупции создана необходимая правовая база, учитывающая отечественный и зарубежный опыт, положения международных договоров, к которым присоединилась наша страна. Борьба с коррупцией в стране ведется жестко, однако проблема остается. Поэтому государство должно постоянно совершенствовать антикоррупционное законодательство. В борьбе с коррупцией важна активная роль не только государственных органов, общественности, но и каждого гражданина страны.

Трудное экономическое положение в стране отрицательно влияет на все сферы жизни белорусского общества. Выход из сложившейся ситуации возможен не только за счет проведения экономических реформ, но также за счет усиления дисциплины. Без надлежащего выполнения правил и норм, принятых в обществе, любые реформы или нововведения не будут реализованы. Без дисциплины в обществе может воцариться хаос, а существование государства как властно-политической организации будет невозможно.

Трудовая дисциплина – обязательное для всех работников подчинение установленному трудовому распорядку и надлежащее выполнение своих обязанностей. Трудовая дисциплина регулирует деятельность не только работников, на которых лежит основная ответственность за выпуск качественной продукции, но также и руководителей организаций. В условиях кризиса для повышения эффективности производства необходимо искоренение бесхозяйственности и неорганизованности рабочего процесса. Это возможно за счет укрепления трудовой дисциплины. Согласно декрету № 5 от 15 декабря 2014 г. руководители организаций получили дополнительные права по воздействию на подчиненных [2].

Руководители могут применять материальный вид дисциплинарного взыскания, незамедлительно отстранять от работы или увольнять работников в случае совершения ими дисциплинарных проступков, повлекших или способных повлечь причинение организации ущерба. С дополнительными правами руководители стали нести большую ответственность. На руководителей организаций государственной и частной форм собственности декретом возлагается персональная ответственность за обеспечение производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины, надлежащее содержание зданий, помещений и оборудования, соблюдение условий труда работников. При несоблюдении требований руководитель будет привлекаться к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения. Данные дополнительные критерии оценки работы руководителя будут учитываться при его аттестации и при принятии решения о продлении с ним контракта. Вводятся запреты и ограничения при назначении на руководящие должности лиц, уволенных по дискредитирующим обстоятельствам. В частности, устанавливается запрет назначения на должности, включенные в кадровые реестры главы государства, правительства, и местных органов власти лиц, уволенных по дискредитирующим обстоятельствам, в течение пяти лет со дня такого увольнения. Назначение таких лиц (в течение пяти лет после увольнения по дискредитирующим обстоятельствам) на руководящие должности в организации государственной и частной форм собственности возможно только с согласия районного, городского исполкома, местной администрации.

Таким образом, в современном мире в условиях перемен должны быть минимизированы безответственность и неисполнительность. Укрепление дисциплины труда обеспечивается сознательным отношением к труду, методами убеждения, воспитания, поощрения, а в необходимых случаях – принуждения. Этим создаются необходимые организационные и экономические условия для нормальной работы, развития экономики, строительства эффективного государства, повышения благополучия граждан.

1. *О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2015. – 2/2303.*
2. *Декрет № 5 от 15 декабря 2014 г. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций / Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-5-ot-15-dekabrja-2014-g-10434/. – Дата доступа: 21.09.2015.*

УПРАВЛЯЕМЫЙ КОНФЛИКТ- ОДНА ИЗ ФОРМ ВЫЗОВА СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.

Прохорова М.Ю. (Санкт-Петербург)

Отправной точкой нашего исследования является интервью А.И.Бастрыкина – председателя Следственного комитета РФ, доктора юридических наук. [1] По его мнению, события в Южной Осетии и на Украине закономерно связаны с трагическими очагами

напряженности, имевшими место на постсоветском пространстве. Все они, согласно позиции главного следователя страны, вовсе не носили неизбежного характера. Конфликты периода распада Советского Союза были спровоцированы путем активного и, мягко говоря, отнюдь недружественного вмешательства внешних сил во внутренние дела суверенных государств. [1,6] Из всего сказанного выше, позволим себе сделать вывод: управляемый конфликт и так называемые «бархатные или цветные революции» суть различные понятия.[2] И хотя революции начинаются с выступлений оппозиции и ненасильственных акции и в конечном итоге приводят к смене власти в той или иной стране. Эти революции, по нашему мнению, являются продолжением социально-экономического и политического кризиса в стране. И, в большинстве своем, приводят к положительным изменениям в этой сфере.

По мнению председателя Следственного комитета, можно выделить, по крайней мере, четыре существенных фактора, которые в совокупности выступили в качестве предпосылок возникновения и разрастания управляемых конфликтов.

Первым и наиболее важным элементом провоцирующим данные конфликты является идеологическое воздействие на людей. В этих целях обычно используются исторически традиционно близкие местному населению духовные и идейные ценности, современное значение которых намеренно искажается, излишне драматизируется и, если так можно выразиться, гиперболизируется и радикализируется. К таким конфликтам относятся карабахский конфликт 1988 года, противостояние между грузинами и абхазами в Сухуми, столкновения узбеков с турками-месхетинцами, затем с евреями, армянами, а спустя месяц в киргизском городе Ош - с киргизами, в Северной Осетии усложняются отношения между осетинами и вернувшимися туда после депортации ингушами в 1989 году. Тогда же появились предпосылки для приднестровского конфликта, который в 1992 году перерастает в открытое вооруженное противостояние. В это же время проходят первые массовые митинги националистически настроенных граждан в Киеве на площади Октябрьской Революции. Вслед за автором статьи позволим себе сделать вывод, что массовая волна радикальных националистических движений была вовсе не случайной. У сторон, противоборствующих в этих конфликтах, подозрительно быстро появляются материально-технические и финансовые ресурсы, позволяющие вести активные вооруженные действия. [1,6]

Для разжигания конфликта, на вооружение были взяты методы манипулирования религиозным сознанием, например, намеренно искаженные и радикализованные идеи ваххабизма. Под лозунгом "Война с неверными" осуществлялись вербовки людей и обучение их диверсионной работе. Хотя, как известно, традиционный ваххабизм, сформировавшийся в 18 веке как религиозное течение ислама, никогда не проповедовал насилие и ненависть. При этом по всему Кавказу беспощадно уничтожались муфтии, старейшины и другие религиозные лидеры, которые пытались открыть местному населению глаза на традиционные и истинные ценности ислама.[1,6]

Второй элемент в формуле управляемых конфликтов является заинтересованность в них, прежде всего, США. По мнению А.И.Бастрыкина, именно Соединенные штаты в постоянном режиме отслеживают по всему миру даже самые незначительные очаги напряженности с тем, чтобы финансово подпитать их очаги деньгами. От себя добавим, эти очаги напряженности перерастают в полномасштабное политическое противостояние. Причем как показывает практика, последствия таких управляемых кризисов зачастую могут быть весьма серьезными, а иногда - непредсказуемыми, в том числе и для самих их организаторов. Внешне безобидные события в течение короткого времени могут перерасти в, так называемое, "мягкое" свержение действующей власти. Например, в Грузии и Кыргызстане. Однако бывает, что противостояние выливается в затяжной кризис, затем в вооруженное противостояние, как в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и сейчас на Украине.[1,6]

Третий элемент в формуле управляемых конфликтов – это повод конфликтов. В качестве такого повода могут выступать откровенно провокационные действия, в результате которых у власти, а чаще, - у группы протестующих, возникает устойчивая мотивация для применения силы. Для обострения ситуации и доведения ее до крайности могут использоваться различные специальные приемы, как, например, в случае с загадочными снайперами на Киевском майдане, учинившими расстрел участников митинга. Далее автор приводит и другие примеры, которые свидетельствуют о заранее спланированном и провокационном характере действий, которые были направлены на создание повода для перехода медленно тлеющего конфликта в активную фазу.[1,6-7]

Четвертый элемент в формуле управляемых конфликтов, согласно позиции Александра Бастрыкина, является слабость самой власти, ее нежелание или неспособность выявить вышеуказанные факторы конфликта, проявить государственную волю и адекватно, своевременно нейтрализовать их. Так произошло с советской системой государственного управления. Тогдашнее руководство Советского Союза, видимо, не допускало саму возможность возникновения и развития в СССР так называемых "управляемых конфликтов", инициированных из-за рубежа. [1,7] Однако есть и обратные примеры, это недавние события в Армении, в чем-то похожие на события начала 2014 в Киеве. При этом многими наблюдателями отмечены подозрительные особенности, не характерные для протестных акций, происходивших в Армении ранее. Например, в толпе находились люди в масках, которые призывали окружающих к насилию в отношении представителей власти. Именно эти люди показывали другим участникам митинга весьма эффективные способы защиты от водометов. Все действия полиции, пресекающей провокации протестующих, записывались на камеры мобильных телефонов, вероятно, для передачи этих записей заказчикам событий. Кроме того, в толпе были люди с флагами Евросоюза, которые, видимо, должны были указывать протестующим путь в "светлое будущее", которое сулила Армении интеграция не в Евразийский, а Европейский союз. Это свидетельствует о заранее спланированном и провокационном характере действий, которые были направлены на создание повода для перехода медленно тлеющего конфликта в активную фазу. Весьма симптоматично, что посольство США в Армении сразу же после начала протестных акций обнародовало заявление, в котором выразило "обеспокоенность" по поводу, якобы, неправомерного применения полицией "неоправданно жесткой силы" при разгоне митинга и потребовало (именно потребовало!) от властей суверенного государства Армении проведения тщательного расследования. Вообще же, похоже, Штаты не вполне устроило то, что в конечном итоге конфликтная ситуация не приобрела столь же революционного размаха и разрушительного характера, как это имело место на Украине. Здесь власть сумела разрешить кризисную ситуацию.[1,7]

Итак, управляемый конфликт – это не просто заранее спланированная акция, но и общественно опасное деяние. По нашему мнению, предпосылкой возникновения такого конфликта является кризис в социально-экономической сфере. Однако развитие конфликта по тому или иному сценарию во многом зависит от способности власти и общества консолидироваться и решить проблемы путем реформирования той или иной сферы.

По нашему мнению, не исключается возможность появления в Уголовном кодексе РФ статей, признающих управляемый конфликт уголовным преступлением, влекущим за собой соответствующие меры ответственности.

1. Бастрыкин А.И. Кто управляет хаосом. *Российская Газета* № 35-203 от 10-16 сентября 2015. С.6-7
2. Гатищ А, Лушников Д. *Технологии цветных революций*. М., 2010.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ ПОВОЛЖСКИХ РЕГИОНОВ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Редя Г.П. (Пенза)

Понятие «справедливость» изучается представителями самых разных научных областей – психологами, социологами, философами.

Западные ученые выделяют и анализируют несколько принципов справедливости:

- принцип равенства требует одинакового обращения со всеми людьми и недопустимости привилегий;

- принцип потребностей предполагает распределение ограниченных ресурсов среди членов солидарного сообщества в соответствии с всеми признанными их потребностями (например, большую часть совместно заработанных денег должен получать тот, кто вынужден кормить большую семью);

- принцип достижений, наоборот, ориентирован на распределение привилегий и доходов только в соответствии с мерой индивидуального вклада в совместное дело;

- принцип равенства шансов: справедливой считается оценка, основанная на учете не одинаковых результатов (которые, как известно, могут быть достигнуты с помощью совершенно различных средств), а равных потенциальных возможностей людей добиться успеха;

- принцип соблюдения традиции: справедливым признается то, что предписывает традиция. [1, 2]

В разнообразных социальных контекстах (распределение благ, присуждения штрафов, оказания помощи незнакомым) предпочтительными оказываются разные принципы справедливости. Предсказать в конкретном случае, оценит ли субъект различия в положении людей как справедливые или несправедливые, можно только на основании знания того, какой принцип он считает применимым к данной области отношений.

Эксперименты показали, что предпочтения принципов справедливости нельзя обобщать на все области отношений и социальные контексты. Например, на работе при определении заработной платы наиболее адекватным следует считать принцип достижений, а в дружеских отношениях многими предпочитается принцип равенства.

Понятие «справедливость» в отечественной русской традиции имеет выраженную специфику. Так многие исследователи подчеркивают, что понятие справедливости у русского народа гораздо теснее связано с понятием правды. [4] Правда отражает не идеальное представление, а реальный мир и потому, как правило, она асимметрична и неоднозначна, многовариантна. Не удивительно, что уродливая подчас правда нашей жизни иногда может быть постигнута только разумом, а чувства отказываются в нее поверить. Вследствие этого во многих ситуациях истинность воспринимается их участниками как второстепенный признак правдивости суждений, а основным признаком считается их соответствие требованиям справедливости.

Можно предположить, что на политические, гражданские, жизненные установки молодых жителей России существенное влияние оказывают их оценка происходящих в нашей стране процессов как правильных, служащих повышению уровня справедливости в обществе. По этому индикатору можно судить о преобладании процессов, направленных на консолидацию российского общества.

В исследовании, проведенном в Пензенском государственном университете в рамках вышеуказанного гранта РГНФ, был изучен ряд вопросов, касающихся понимания справедливости молодыми жителями нескольких областей Поволжского региона.

Выяснилось, что принцип равенства шансов как один из принципов социальной справедливости выходит на первое место в представлении опрошенных. Почти половина из них (46,9%) хотели бы жить в обществе, где государство обеспечивает людям примерно

равные возможности для осуществления их жизненных планов, а уже используют они эти возможности или нет - зависит от них самих. 27,4% респондентов высказались за принцип достижений, предпочитая жить в обществе, где достаток распределяется в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. 15,6% молодых людей придерживаются принципа равенства – для них привлекательно общество, в котором материальные и духовные блага распределяются примерно поровну между всеми его членами. Наименьшее количество опрошенных (5,6%) считает для себя наилучшим общество, в котором преобладает принцип потребностей, где каждый заботится о себе сам, а государство помогает только незащищенным группам (инвалидам, матерям-одиночкам, пенсионерам и т.д.).

Таким образом, в изучаемых регионах среди молодежи формируется достаточно большое число граждан, готовых брать на себя ответственность за свою жизнь, в лице которых общество обретает серьезную социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития.

Отличительными чертами таких «самодостаточных» россиян являются молодость, активность, деловая предприимчивость. Они чаще других довольны тем, как складывается их жизнь, и демонстрируют уверенность в том, что в ближайшей перспективе их положение будет стабильным либо улучшится. Мировоззренческое кредо данной группы опирается на внутренний локус-контроль и ответственность за собственные успехи и неудачи, установки на активность, использование возможностей, поиск нового и перемены.

По результатам опроса, 55,6% опрошенных респондентов не удовлетворены своим материальным положением. Тем не менее, в решении насущных проблем, подавляющее большинство молодых людей рассчитывают только на себя и помощь со стороны родственников и друзей. На помощь государства или работодателя рассчитывают всего 0,56% респондентов. Интересно, что по данным Института социологии РАН доля россиян, принимающих ответственность за происходящее в жизни на себя, ориентирующихся на собственные силы, уверенных своей способности обеспечить себя и свою семью и не надеющихся на поддержку со стороны государства, неуклонно растет и составляла на конец 2014 г. 44% населения. В регионах Поволжья среди молодежи этот показатель составляет почти 100%.

Неравенства в доходах усугубляет ситуация социального неравенства в доступе к качественной медицине (48,3% респондентов сталкивались с этой проблемой), в оплате труда (31,1% опрошенных испытали это на своем опыте), в возможности получения качественного образования (51,1%).

Ф.М. Достоевский и Н.А. Бердяев [3] неоднократно утверждали, что когда русский человек оказывается вынужденным выбирать между истиной и справедливостью, то чаще всего он предпочитает солгать, чтобы поступить, по его мнению, справедливо. Видимо поэтому только четверть опрошенных можно отнести к убежденным законопослушным гражданам, которые считают, что «всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям». 54,8% молодых респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к закону?» ответили, что «законы, конечно, надо соблюдать, даже если они устарели, но только если это делают и сами представители органов власти», а 21,8% опрошенных придерживается мнения, что «не так важно, соответствует что-либо закону или нет - главное, чтобы это было справедливо».

Это же объяснение подходит для осмысления других полученных в исследовании данных. Почти 95% опрошенных согласились с тем, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». При этом почти 42,6% считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры».

Таким образом, анализ основных представлений молодых жителей поволжских регионов о справедливости показывает, что наиболее часто в их основе лежат принципы равенства шансов и принцип достижений. Результаты исследования показывают, что в

изучаемых регионах растет число граждан, готовых брать на себя ответственность за свою жизнь, в лице которых общество обретает серьезную социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития.

1. Ролз Дж. *Теория справедливости*. – Новосибирск, 1995.
2. Майерс Д. *Социальная психология*. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 688 с.
3. Бердяев Н.А. *Философия свободы*. М.: Правда, 1989. – 607 с.
4. Знаков В.В. *Правде и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания*. – М.: Институт психологии РАН, 1993. – 116 с.

РИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Реутов Е.В. (Белгород)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант "Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества" №5-03-00378.

Развитое политическое участие граждан, осуществляющееся в конвенциональных формах, позволяет организовать эффективные каналы обратной связи в системе административно-политического управления и, при определенных условиях, инкорпорировать в нее ряд других механизмов народовластия - в том числе, селекции власти. Однако при массовизации политического участия, связанной со снятием институциональных ограничений, неизбежно возникает проблема способности и готовности массовых акторов к его реализации в конструктивных для общества формах - проблема, детально описанная классиками концепции "массового общества и человека". Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, "особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду" [1].

В российском обществе одной из основных коллизий взаимодействия гражданского общества и государства в последнее десятилетие является продолжающаяся экспансия последнего, распространение влияния на прежде неконтролируемые или слабо контролируемые государством сферы (в том числе, сферу публичной коммуникации, правозащитную деятельность, НКО и пр.). При этом значительная часть населения поддерживает эту экспансию, наделяя высоким уровнем доверия институции, олицетворяющие политический курс (прежде всего, президентскую власть). Такого рода патерналистские установки позволяют гражданам снять с себя значительную часть ответственности за происходящее в их городе, в стране и нивелируют факторы политического участия, не санкционированного "сверху".

Такого рода формы и проявления политического участия зачастую ассоциируются с протестной активностью, инспирируемой оппозиционными партиями и другими общественно-политическими силами (в том числе, внешними). Стремление власти к гиперконтролю приводит к тому, что любая общественная инициатива изначально рассматривается как нелегитимная и нуждающаяся в санкционировании. Тем самым обществу навязывается принудительный дискурс "двух сторон", вне которых не может остаться никто. При этом усилиями государства осуществляются попытки солидаризации российского социума путем формирования и упрочения национально-гражданской идентичности с опорой на социальные институты и ценности, обладающие достаточной легитимностью - президентская власть, религия, армия, российская цивилизация, патриотизм и др. И здесь политическое участие легитимируется лишь государственными интересами, трактовка которых зависит от особенности политической (и геополитической) ситуации.

Таким образом, политическое участие граждан (или отсутствие такового), в зависимости от ситуации, расценивается государственной властью как нормативное или же как делинквентная формы политического поведения.

При все инструментальности такого подхода в нем есть рациональное зерно, поскольку политическое участие представляет собой лишь средство репрезентации общественных интересов и настроений, которые, в свою очередь, могут как консолидировать социум, так и дестабилизировать его. Соответственно, риски могут присутствовать как в ситуации сниженного политического участия, так и, наоборот, в случае массовой мобилизации и роста политической активности.

При всей кажущейся для современного российского общества гипотетичности резкого увеличения по количественным и качественным параметрам объема политического участия такой вариант не выглядит полностью утопичным. Относительно недавно - в годы поздней перестройки советское общество пережило этап массовой мобилизации (причем, мобилизации автономной и ценностно-рациональной - в терминологии М. Вебера, хотя нельзя отрицать и явно аффективный ее компонент). Однако, по выражению В.В. Петухова, "после беспрецедентного всплеска активности масс конца 80-х - начала 90-х гг. общество перешло в "глухую самооборону"... Выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждет от власти, от общественных институтов и действует, что называется, в "автономном режиме" [2, 49].

В отдельных сегментах российского общества и сейчас существует достаточно серьезный потенциал самоорганизации, сопоставимый по ресурсной базе с государственными структурами. Это, прежде всего, криминальные или полукриминальные (как националисты) группы, а также различные сообщества субкультурного типа, имеющие иерархическую структуру и ориентированные на постоянное рекрутирование участников и наращивание ресурсной базы - как, например, футбольные фанаты или байкерские объединения. Безусловно, деятельность организованных преступных групп сложно связать с гражданским участием. Тем не менее, нельзя исключить интерес криминала в создании и продвижении тех или иных общественных (или квазиобщественных) инициатив. Совпадение интересов организованной преступности и других социальных групп не является редкостью, поэтому переплетение в рамках одного и того же социального движения политических активистов и криминалитета вполне возможно. Хрестоматийный пример - это революции, которые инициируются политическими партиями и осуществляются боевиками. События в Украине 2013-2014 гг. были свидетельством очень высокого накала гражданского протеста, на острие которого выступали ударные отряды националистических организаций, многие из которых в то же время представляли организованные преступные группы, "крышующие" потоки контрабанды или другие столь же прибыльные занятия.

В России в последние годы было зафиксированы несколько массовых выступлений, в которых переплетались криминальные и идеологические (националистические или лево-националистические) мотивы. Наиболее масштабное датируется 2010 годом и запомнилось, как "события на Манежной" - многотысячная акция протеста против бездействия властей после убийства выходцем с Северного Кавказа болельщика "Спартака" Егора Свиридова. А. Дугин так прокомментировал это выражение гражданского участия: "Либералы, как во власти, так и вне её, увидели реальное гражданское общество в действии. И ужаснулись. Они представляли его совсем не таким. Но какое общество, таковы и граждане" [3]. Естественно, срезом российского гражданского общества участвовавших в событиях на Манежной площади в Москве и в других городах России вряд ли можно назвать. Однако то, что именно по подобному сценарию и с таким составом участников проходили бы протестные выступления в случае масштабной делегитимации власти, было очевидно, в том числе и власти.

Риски, вытекающие из низкого уровня политического участия, более очевидны. Во-первых, замыкание человека в кругу привычных частных практик существенно

ограничивает его социальный кругозор и не позволяет увеличивать объем социального капитала за пределами традиционных кругов коммуникации. Таким образом, состояние "атомизации" социума консервируется и получается замкнутый круг - без наличия ресурсной и коммуникативной базы нельзя выйти за предел своего круга и увеличить объем социального капитала, но и увеличить собственные ресурсы невозможно без расширения социальных связей. При всей кажущейся маргинальности политического участия в жизни "обычного" человека (за исключением спорадического участия в выборах различного уровня), на самом деле его сфера достаточно широка, и эта широта исходит из инклюзивности самой политики - по большому счету, им является любая попытка влияния на принятие решений в публичной сфере.

Во-вторых, низкий уровень политического участия лишает управляющую подсистему потенциальной ресурсной базы, связанной с аккумуляцией индивидуальных и групповых ресурсов - материальных, трудовых, интеллектуальных, информационных и т.п. Безусловно, актуализация данного потенциала может быть значима лишь в условиях относительно высокого качества человеческого капитала. При отсутствии такого условия мобилизация политического участия может привести лишь к эксцессам, описанным выше, а само участие быстро становится неконтролируемым.

В-третьих, сниженное политическое участие пролонгирует ситуацию "передоверения" (Б. Дубин) инициативы в условиях пассивной адаптации и гиперконтроля [4], характерных для социокультурной матрицы российского общества. С точки зрения кратковременных эффектов ситуация "передоверения" может оказаться выигрышной и уберечь общество от революционных потрясений в тех случаях, когда власть имеет адекватное представление о стратегии развития общества. В тех же случаях, когда политические элиты руководствуются исключительно мотивом самосохранения и не строят долговременных стратегий или же попросту некомпетентны низкий уровень гражданского участия приводит лишь к деградации социума. Это происходит в результате бесконтрольности элит, вольных совершать какие угодно ошибки или преступления вне всякой ответственности за их результаты.

Роль политического участия во многом и заключается в том, чтобы служить медиатором между сферой государственной политики и частными интересами граждан, транслировать успешный опыт коллективных действий, направленных на достижение общего блага. Естественно, для реализации столь ответственной функции сами гражданские инициативы и формы политического участия должны обладать достаточной легитимностью и конвенциональностью - чтобы транслируемые ими практики были восприняты значительной частью общества, а не только маргинальными группами и не разрушили сформировавшиеся институты, не создав на их месте других. Но и ответственная роль государства должна заключаться в разумном контроле и селекции тех форм и практик политического участия, которые не только легитимируют существующий социальный порядок, но и позволяют корректировать процесс принятия решений с учетом разнообразных социальных интересов.

1. *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Электронный ресурс]. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/ortega-i-gasset/2/j1.html.*
2. *Петухов, В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России / В.В. Петухов // Социологические исследования. - 2012. - №1. - С.48-60.*
3. *Чему быть? Того не миновать // Литературная газета. - 2010. - №52.*
4. *Борис Дубин: Характер массовой поддержки нынешнего режима: Доклад на конференции Левада-Центра «События и тенденции 2009 года в общественном мнении» [Электронный ресурс]. URL : <http://www.levada.ru/press/2010022406.html> (дата обращения: 01.09.2015).*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ролдугина А. (Липецк)

Политическая социализация - это механизм производства и воспроизводства политической культуры, который осуществляется посредством усвоения индивидом транслируемых политических норм, ценностей, образцов политического поведения, а также выработки собственных, обусловленных индивидуальными особенностями и спецификой социально-политической и экономической среды. Другими словами, это процесс включения человека в политическую систему. Получение гражданами знаний о политической системе, политических ценностях, политических установках является основой для достижения согласия в самой политической системе. Таким образом, политическая социализация является механизмом воспроизводства политической системы.

В настоящее время, в условиях изменения политического и социального уклада, демократизации российского общества, механизм политической социализации претерпевает заметные трансформации: одни агенты социализации утрачивают свои роли, другие выходят на первый план. Увеличилось число институтов, принимающих участие в процессе политической социализации. Основными институтами политической социализации в современных реалиях выступают семья, система образования, СМИ, властные структуры, общественные и политические организации, церковь, в то время как армия, профсоюзы и трудовые коллективы, напротив, ослабили свое влияние по сравнению с советским временем.

Во всех возрастных группах наблюдается кризис политической социализации, он затрагивает не только младшие, но в еще большей степени старшие поколения, которые прошли свою политическую социализацию в советский период и в настоящее время испытывают значительные трудности в усвоении либерально-демократических ценностей. Таким образом, можно говорить скорее о ресоциализации, так как происходит трансформация политических ценностей на уровне общества в целом и отдельных политических групп.

Если говорить о молодом поколении, то оно в настоящее время оказалось в довольно затруднительном положении. В условиях своеобразного демократического транзита молодежь особенно остро ощущает на себе все проблемы переходного периода. С началом либеральных реформ государство заняло изоляционную позицию по отношению к молодежи: государство не уделяло должного внимания осуществлению молодежной политики из-за отсутствия четкого курса государственного развития. Вследствие этого у молодых людей возникло ответственное чувство безразличия к государственным структурам, произошло их дистанцирование от общественно-политической жизни. Большинство российской молодежи, особенно из регионов, не смогло адаптироваться к новым условиям, заметно ухудшилось психическое состояние молодых людей, произошла деформация морально-нравственных ориентиров, резко возрос уровень преступности и наркомании среди молодежи, снизился образовательный уровень.

У современной российской молодежи слабо развита культура гражданского поведения, низок уровень интереса к политической, экономической, культурной сферам жизни страны, к общественно-политической деятельности. Тем не менее, молодые люди - это основная движущая сила формирующегося в нашей стране гражданского общества, поэтому от того, какие политические ориентации и жизненные ценности они приобретут, зависит судьба демократического развития России.

В этих условиях важен поиск путей эффективной политической социализации подрастающего поколения, требуется проведение целенаправленной молодежной политики, а также совершенствование программ по гражданскому образованию и воспитанию, основная цель которых - дать знания об основополагающих законах, о политических и социальных структурах общества, способствовать формированию критического мышления и нравственных позиций гражданина, прививать навыки гражданского участия в политической жизни. Вместе с тем необходимы объективные изменения в политической, экономической и социальной сферах для успешной адаптации российских граждан к новым ценностным ориентациям и выработке необходимых моделей поведения.

1. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. *Политическая психология*. Ростов-н/Д, 1996. С. 165.
2. Карпова Н.В. *Социология политической культуры современной России*. М., 2012. С. 128
3. Самсонова Т.Н. *Проблемы гражданского образования в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2007. №4.

РЕЙТИНГИ ДЕМОКРАТИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Романов Р.А. (Санкт-Петербург)

В данном докладе мы рассмотрим влияние некоторых существующих на сегодняшний день демократических рейтингов как инструмента формирования глобального политического неравенства. Под глобальным политическим неравенством мы подразумеваем форму дифференциации международной политической системы, при которой отдельные акторы находятся на разных иерархических ступенях и имеют неравный доступ к принятию коллективно обязательных решений и возможностям для отстаивания своих интересов. Современная международная политическая система сформирована таким образом, что одним из важных критериев доступа к глобальным политическим возможностям оказывается статус «демократического режима». Демократия, таким образом, из предмета изысканий политической философии и инструмента научного классифицирования превращается в политический инструмент. Приписать тому или иному национальному государству статус демократического – значит расширить его коммуникативные и ресурсные возможности, лишить такого статуса – значит, поразить в правах. Как же осуществляется приписывание такого статуса?

Помимо непосредственно академической, строго научной экспертизы и, с другой стороны, продуцируемых транснациональным политическим классом решений, в современном мире работает система прикладных измерений демократии. Прикладные измерения демократии в современных западных обществах осуществляются, с одной стороны, специальными некоммерческими организациями, с другой – в рамках научных университетских проектов по исследованию демократий. Фактически, и те, и другие выполняют двоякую роль: осуществляют познавательные функции, но и, в то же самое время, работают как своеобразные «политические рейтинговые агентства» - аналог рейтинговых агентств в экономике. Несмотря на то, что методология измерений такого рода постоянно критикуется, к ней настолько же постоянно обращаются для легитимации приписывания демократического/недемократического статуса. Данный доклад призван показать механику формирования некоторых из таких глобальных рейтингов. Критерием отбора послужили, во-первых, глобальный масштаб рейтинга (должен охватывать большинства стран мира), его обновляемость на протяжении последних пяти лет (по этому критерию не прошёл, например, индекс демократии Тату Ванханена) и присутствие

в рейтинге России (поэтому пришлось исключить весьма любопытный проект «Democracy Barometer»). Таким образом, были отобраны следующие проекты по измерению демократии:

- Проект «Свобода в мире» организации «Freedom House»
- Проекты «Полития IV» («Polity IV»)
- Индекс демократии The Economist Intelligence Unit (аналитическое подразделение британского журнала Economist)
- Democracy Ranking Association

Наименее объективным и наиболее идеологизированным считается проект «Свобода в мире» Freedom House. Помимо обвинений в сотрудничестве с ЦРУ и прямом содействии «демократическим революциям», с которыми сталкивается эта организация, существуют замечания и непосредственно к самим методикам, при помощи которых FH создаёт свои рейтинги. Методика FH – экспертный опрос. Эксперты призваны ответить на ряд вопросов о состоянии гражданских и политических свобод более чем в 150 странах мира. При этом, формулировки вопросов допускают возможность многозначных толкований и, отчасти, подталкивают экспертов к идеологизированным высказываниям. Кроме того, существуют сомнения в квалификации самих экспертов, далеко не всегда имеющих полное представление о реальном положении дел во всех странах, которые нужно оценить. Россия в рейтингах FH традиционно занимает низкое место и считается авторитарным режимом.

Проект «Полития IV» осуществляется группой американских исследователей и направлен на изучение демократических и авторитарных режимов на основании 6 групп объективных показателей. Проект собрал большую базу данных по XX веку, считается одним из наиболее продуманных и объективных. Это один из немногих рейтингов, в котором Россия считается не авторитарным, а переходным режимом.

Индекс демократии стран мира (The Democracy Index) — рейтинг стран мира по показателю уровня демократии. Рассчитан по методике британского исследовательского центра The Economist Intelligence Unit (аналитическое подразделение британского журнала Economist), основанной на комбинации экспертных оценок и результатов опросов общественного мнения из соответствующих стран. Относится к «отчасти объективным» - но также подвергается критике в экспертной части, аналогичной критике экспертов Freedom House.

«Democracy Ranking Association» - проект, базирующийся в Вене. Ежегодно ранжирует 115 государств, оценивая качество демократии. DRA пользуется вторичными данными (преимущественно - данные «Freedom House», Всемирного банка и Программы развития ООН) и своих не собирает. За это методика DRA и подвергается критике – корректно соединить столь разнородные данные сложно, а использование данных Freedom House способно подорвать доверие к проекту в целом.

Наивысшие места в демократических рейтингах традиционно занимают два типа стран: это лидеры «западного мира» (США, Великобритания, Германия) и небольшие европейские демократии (Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания). России в рейтингах демократии отводится довольно низкое место, наша страна чаще всего причисляется к авторитариям. Исключение – рейтинг «Polity IV» - один из немногих, относящих Россию к государствам переходного типа и различающий российский политический режим и откровенно авторитарные, религиозно-консервативные режимы. Тем не менее, рейтинги «Политии» больше популярны в академической среде, а в пространстве СМИ и прикладной политике наибольшим вниманием пользуются рейтинги Freedom House и индекс демократии EIU.

Таким образом, мы видим, что существующие в настоящий момент рейтинги глобальной демократии заняты не только и не столько измерением демократии и объективацией этого концепта, сколько воспроизводством и конструированием неравенства, выстроенного вокруг приписывания демократического статуса.

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВОВАВШИЕ РАЗВИТИЮ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ В 2011-2012 ГГ.

Руденкина А.И. (Екатеринбург)

Проведенный нами анализ отечественных исследований позволяет выявить три фактора, которые могли способствовать формированию протестов 2011-2012 гг. Сами по себе все они, как мы полагаем, не являются однозначными доказательствами того, что протесты не случились бы, если эти факторы не влияли на россиян. Каждый из них в отдельности может выглядеть вполне естественным и объясняться внутривнутриполитическим развитием событий в самой России.

На наш взгляд, первый механизм влияния на развитие протестных настроений в России 2011-2012 гг., связан с распространением интернета. Исследования отечественных социологов, проведенные непосредственно во время акций протеста в 2011-2012 гг., показывали, что аудитория таких акций стала более или менее постоянной. Аудитория митингов не просто устоявшаяся, но и относительно однородная - в основном она объединила в себя жителей крупных городов, имеющих высшее образование и активно пользующихся интернетом [3]. Было бы слишком смело с нашей стороны утверждать, что само по себе распространение интернета привело к тому, что в России 2011-2012 гг. возникли массовые акции протеста. Как таковой интернет представляет собой не более чем средство коммуникации, обмена опытом и информацией. Тем не менее, мы полагаем, что распространение в России массового и доступного интернета действительно оказалось веским фактором формирования тех протестных акций, которые случились в обозначенный период.

Второй фактор, по нашему мнению, связан с формированием новой, толерантной и даже одобрительной к протестным действиям повестки дня, которая появилась в России в тот период времени. Речь идет о том, что в этот период российские журналисты и блоггеры стали много писать о том, как развиваются протестные события в Египте и Ливии. Свою аудиторию такая информация нашла и оказалась ей духовно близка. Мы полагаем, что, видя успешность таких действий в других странах, российские оппозиционеры могли придти к выводу, что и их собственная деятельность в России может принести аналогичные плоды.

Наконец, третий немаловажный фактор, который сказался на развитии протестных настроений в России 2011-2012 гг., заключается в появлении лидеров общественного мнения, которые смогли стать лидерами и идейными вдохновителями протестных действий. Различные акции протеста бывали в России и прежде, однако они не становились столь массовыми и долгосрочными. Мы предполагаем, что во многом это связано с тем, что прежде такие акции организовывались либо подчеркнуто безликими, анонимными лидерами (митинг на Манежной площади в декабре 2010 г.), либо возглавлялись непопулярными в общественном восприятии людьми (регулярная акция "Стратегия 31", на которой регулярно выступают Э. Лимонов и Л. Алексеева). Однако реалии электорального цикла 2011-2012 гг. показали, что в России все-таки появилась фигура, которая пользовалась относительной поддержкой у многих из тех, кто вышел на митинги. Такой фигурой оказался блоггер А.А. Навальный, который начал свою деятельность с активной разоблачительной кампании в сфере коррупции в органах государственной власти, но быстро стал восприниматься российской оппозицией едва ли не как альтернатива действующему Президенту РФ.

Таким образом, мы полагаем, что развитие протестных акций 2011-2012 гг. во многом было связано с тремя факторами: активным распространением интернета, формированием лояльной к протестам повестки дня и появлением лидера общественного мнения. Как показало время, эффект от этих действий был относительно краткосрочным - протесты быстро прекратились, возможно, что из-за репрессивной реакции российской правоохранительной системы, а возможно - из-за частичного удовлетворения поднятых требований (возвращению к прямым выборам губернаторов, смягчению требований к созданию политических партий и др.).

1. Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 - 2012 гг.: истоки, динамика, результаты. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> Дата обращения: 4.09.2015
2. Мамонов М.В. Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // мониторинг общественного мнения. 2012. № 1(107). С. 20.
3. Чего хочет улица? Пресс-релиз ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=112275>

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

Русинова О.П. (Екатеринбург)

Материнство – реализованная способность женщины к рождению, выкармливанию и воспитанию детей [1, с.369]. Понятие материнство подразумевает благоприятное взаимоотношение матери и ребенка, осознание женщиной ответственности за здоровье и общее состояние ребенка, нормальное развитие и взросление ребенка, реализацию прав и исполнение своих обязанностей по отношению к ребенку (детям).

Основное значение слова «ребенок» – это человек в период детства. Согласно Конституции Российской Федерации ребенок это лицо, не достигшее 18-летнего возраста (совершеннолетия). [2]

Интересы матери и ребенка совпадают. Рассматривать их отдельно не считается правильным, т.к. женщина-будущая мать будучи беременной и в первые годы жизни ребенка является основным его «интересом».

Защита интересов семьи осуществляется благодаря многим механизмам.

Согласно Семейного кодекса Российской Федерации беременность и роды является одним из оснований для регистрации брака, когда невеста не достигла брачного возраста. Таким образом, законодатель предусмотрел определённые нормы, позволяющие ещё до рождения ребенка будущей матери защищать интересы свои и плода. Беременность и роды брачующимся предоставляет возможность выбора даты бракосочетания, таким образом, предоставляются гарантии, что ребенок родится в полной семье, юридически оформленной. [3]

Защита материнства является одной из основных задач семейной политики Российской Федерации. Социально-экономические проблемы в стране, обуславливают положение российских женщин, нуждающихся в поддержке со стороны государства, а также оказывают неблагоприятное влияние на развитие семьи, материнства и детства.

Гарантии материнства в настоящее время в Российской Федерации закреплены законодательными нормами, связанными с трудоустройством беременных женщин, организации рабочего дня беременной женщины и возможности предоставления дополнительных льгот.

В Российской Федерации утверждены пособия гражданам, имеющим детей в целях стимулирования рождаемости, гарантирующие получение денежных средств.

Дополнительной формой поддержки семей, имеющих детей, является «материнский капитал». Осуществляется с 2007 года при рождении второго, третьего или последующего ребенка (или усыновлении) при условии, что ранее они не воспользовались этим правом. На 1 января 2015 года «материнский капитал» составил 453 тысячи 26 рублей. [4]

Кроме федеральных применяются региональные акты, гарантирующие выплату некоего материального пособия. Например, в Свердловской области выплачивают «местный» материнский капитал за третьего и последующих детей, который может быть направлен на улучшение жилищных условий (ремонт, реконструкция, строительство жилых помещений) либо на образовательные цели (обучение в государственных/негосударственных образовательных учреждениях, имеющих соответствующую лицензию).

Семейные права ребенка закреплены в семейном законодательстве. Гарантией осуществления этих прав является то, что ребенок уполномочен на защиту этих прав лично или через своих представителей исходя из интересов и потребностей каждого ребенка.

Особенностью положения ребенка в семье, так и за её пределами заключается в его беззащитности, вызванной полной или частичной физической, психической, социальной незрелостью. Охрана, защита, а также реализация прав, интересов ребенка, как личных, так и имущественных осуществляется родителями или лицами их замещающими, органами опеки и попечительства, прокурором и судом.

Обеспечение перечисленных выше прав ребенка – задача конституционного права. Также не допустить дискриминацию ребенка в семье призвано семейное право.

С 1 сентября 2009 года утверждена должность уполномоченного по правам детей в целях обеспечения эффективной защиты прав и интересов ребенка в Российской Федерации.

Родители являются законными представителями своих детей, осуществляют родительские права и защиту прав и интересов детей до достижения ими совершеннолетия. При этом родители должны защищать права и интересы ребенка, а не свои. Если между интересами родителей и интересами ребенка возникли противоречия, которые установлены соответствующими органами, тогда родители не вправе представлять интересы ребенка. Следовательно, в этом случае органы опеки и попечительства обязаны назначить представителя для защиты прав и интересов детей.

Если ребенок устроен или временно пребывает в детском воспитательном или медицинском лечебном учреждении, учреждении социальной защиты, то защита его прав и законных интересов в этом случае возлагается на администрацию данного учреждения.

Несовершеннолетний ребенок может самостоятельно, без ведома родителей (лиц замещающих родителей), обратиться в уполномоченные органы с просьбой о защите своих прав. В этом случае органы опеки и попечительства обязаны выслушать несовершеннолетнего и принять необходимые меры для разрешения возникшего вопроса. С просьбой о защите своих прав несовершеннолетний может обратиться также в любое учреждение, занимающееся социальным обслуживанием несовершеннолетних детей.

Гарантия и исполнение такого права необходимо для защиты несовершеннолетнего от различного рода проступков со стороны родителей, недобросовестно исполняющих свои обязанности по уходу и содержанию его. Споры, связанные с воспитанием детей, рассматривает суд. При этом суд вправе вынести решения в адрес любых государственных, муниципальных, общественных организаций и отдельных граждан. В настоящее время, дети, будучи в сложной семейной ситуации, ущемляемы в своих правах в семье не могут обратиться за соответствующей помощью, так как не знают куда можно обратиться.

Социальная работа с семьями направлена на удовлетворение потребностей семьи и её социального окружения. В настоящее время нет единых подходов к практике

социальной работы с семьей. При этом принципиально новым является ориентация семейной политики на оказание прямых социальных услуг по средствам разнообразных социальных служб (например, педагогические, медико-социальные, социально-правовые и др.), сотрудниками которых являются профессиональные социальные работники, владеющие современными технологиями работы с семьей. [5, с. 166-176]

В настоящее время в Российской Федерации в целях совершенствования и установления эффективной социальной политики в сфере защиты и поддержки интересов матери и ребенка утверждена «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы», которая в свою очередь направлена на укрепление и поддержание благоприятного климата в семьях с детьми, на повышение качества жизни семей с детьми.

Современная семья является источником социальных и демографических изменений, а семейная политика прямо или косвенно воздействует на поведение современной семьи, которая уже не может полностью самостоятельно, без помощи государства, справиться со многими своими проблемами. В свою очередь, государство заинтересовано в поддержании семьи как институте воспроизводства человеческого капитала.

Эффективная поддержка российских семей обеспечит комплексный подход к проблемам семьи, который в свою очередь позволит устранить причины неблагополучия, а не его следствия. Следовательно, предоставление всесторонней поддержки в воспитании и образовании детей, их жизнеобеспечении, а также социализации и адаптации к условиям современного общества не только нуждающимся семьям, но и «нормально функционирующим».

1. Беломестных Л.Л. *Права человека и их защита. В 3-х томах. Т. 2. М., 2003. С. 369.*
2. *Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.//Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.*
3. *Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (действующая редакция от 13.07.2015)//Российская газета. 1996. № 17. 27 января.*
4. *Материнский капитал. Актуальная информация о материнском капитале. [электронный ресурс]. URLhttp://materinskij-kapital.ru/news/v-2015-godu (дата обращения 06.10.2015)*
5. *Рабжаева М.В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект // Общественные науки и современность. 2004. №2. С.166-176.*

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Савин С.Д. (Санкт-Петербург)

В начале XXI века приходится с сожалением констатировать, что мир не сильно продвинулся по пути устойчивого развития, а, напротив, противоречия глобализации привели к многочисленным этнополитическим и религиозным конфликтам. Внутренние расколы в результате масштабного информационного воздействия на массовое сознание спровоцировали в современном обществе новый всплеск этничности. Манипуляции с этническим сознанием и исторической памятью многосоставных обществ в условиях кризиса отражают интересы крупных мировых политических сил и в то же время все больше способствуют международной нестабильности, потери управляемости ситуацией в результате эскалации конфликтов. В виде эффекта бумеранга, как предупреждал У. Бэк, «хаос» проникает и в развитые страны, внося нестабильность в политическую систему. Массовая миграция, кризис идентичности, террористическая угроза – факторы современной политической нестабильности Европы. При этом, подчеркивает эксперт Бергховского центра Д. Релжич, есть немало свидетельств тому, что усиление средств

коммуникации и социальная мобильность не сглаживают, а наоборот обостряют культурные различия в тех регионах, где несколько близких по уровню развития этносов сосуществуют друг с другом. [Этнополитический конфликт: пути трансформации, 2007, С. 373] А средства массовой информации, даже нейтрально освещая события межкультурного взаимодействия, только усиливают эти различия и провоцируют этническую напряженность, сепаратизм, ирредентизм и ксенофобию. Таким образом, исследователи отмечают возрастание фактора этничности в современном политическом процессе. Этническими парадоксами глобализации называет процессы политизации этнических конфликтов в современном мире З.В. Сикевич, указывая, что эта тенденция действует вне зависимости от типа общественного устройства и даже напрямую не связана с уровнем благополучия общества [Сикевич З.В., 2014].

Указанные выше проблемы сепаратизма, этнонационализма и ксенофобии присутствуют и в жизни российского общества, влияют на его политический процесс на всех уровнях: федеральном, региональном и местном. В частности, последствия ряда этнополитических кризисов, вылившихся в вооруженные конфликты на Кавказе, и в настоящее время отражены в проблеме ксенофобии и восприятия населением проблемы общественной безопасности. Нельзя сбрасывать со счетов как фактор этнической напряженности и русское националистическое движение, а также этносепаратизм в ряде национальных республик. И, конечно, вся концентрация общественного мнения направлена на события этнополитического кризиса на Украине и приграничных к России регионам.

Тем не менее, в столь непростых условиях внешних и внутренних вызовов, считаем, что в российском обществе сохранен достаточно высокий уровень этнополитической стабильности. В социологии под стабильностью общества понимается, прежде всего, высокий уровень его институциональной устойчивости, культурной и социальной интеграции, а также эффективность действия механизмов управления и самоорганизации. Это основные системные характеристики общества, в которых существуют параметры, определяющие уровень стабильности. По каждому параметру мы можем измерять и действие системных факторов стабильности, среди которых выделим значение этнического фактора. Оно выводит нас на проблему социокультурной и национальной идентичности как основы самого общества.

Специфика этнополитических факторов, которую мы выделяем в своем анализе общественной стабильности, связана с высоким уровнем их конфликтогенности, который зачастую приводит к обострению прежде размеренных процессов. Среди этнополитических факторов стабильности российского общества отметим федерализм и национальную политику, конструктивную этнокультурную и гражданскую направленность общественных движений, культуру мира, историческую память, борьбу с экстремизмом этнорадикальных сообществ, развитие местного самоуправления и ряд других.

1. Сикевич З.В. Этнические парадоксы глобального общества. Прага. 2014. – 138 с.
2. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука. 2001. – 240 с.
3. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В. В. Степанова. –М.:ИЭА РАН, 2011. – 513 с.
4. Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра /пер. с англ. яз.; ред. В.Тишков, М. Устинова; Бергховский исследовательский центр конструктивного урегулирования конфликтов; Институт этнологии и антропологии РАН. М.: На

РОЛЬ НКО В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Сароян Я.О. (Курск)

В последнее время в связи с реформированием российского общества роль добровольных общественных организаций в жизни страны значительно возросла. Это послужило новым поводом для обсуждения перспектив формирования в России гражданского общества. Непосредственное влияние данные организации оказывают на развитие экономики и социальной сферы.[1] Очень часто негосударственные некоммерческие организации реагируют быстрее, нежели государственные учреждения, на потребности общества и тем самым реализуют те или иные права гражданина.

Специалисты отмечают, что в настоящее время количество активно работающих в России НКО не поддается точному учёту. Согласно данным Министерства юстиции Российской Федерации, на конец 2013 г. насчитывалось 113 тыс. социально ориентированных НКО. К середине 2015 г. это число значительно увеличилось и составило 227 тыс. 445 некоммерческих организаций. Из них в Москве - 34,5 тыс. (15,2% от общего числа), Московской области - 14,6 тыс. (6,4%), Санкт-Петербурге - 12 тыс. (5,3%), Краснодарском крае - 6,8 тыс. (3%).

Хотелось бы на примере Курской области показать роль некоммерческих организаций в жизни региона. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области, на начало сентября 2015 года их число составило 1877, из них 58 образованы в 2015 году.[2]

Опираясь на статистические данные об НКО в регионе и вторичный анализ данных полевого социологического исследования 2013 года, проведенного на базе научно-исследовательской лаборатории Курского государственного университета и представленного в «Докладе о состоянии гражданского общества» Общественной Палатой Курской области, обозначим ключевые сферы деятельности некоммерческих организаций в регионе, раскроем характера взаимоотношения некоммерческих организаций и социальных институтов региона, обозначим некоторые проблемы и трудности развития НКО.

Некоммерческие организации Курской области представляют довольно широкий спектр помощи населению региона. Из 1877 организаций в регионе 422 общественные организации осуществляют деятельность, направленную на развитие молодежной политики, развитие спорта, а так же досуга; 360 профессиональных объединения защищают права и свободы трудоустроенного населения; 341 организация относится к ведению православной церкви; 189 автономных некоммерческих организации созданы для решения вопросов в сфере ЖКХ; 72 некоммерческие организации представлены благотворительными фондами поддержки инвалидов и ветеранов, а также людей в трудной жизненной ситуации. В регионе также представлены экологические организации, национальные объединения, поддерживающие национальные меньшинства, организации, занимающиеся юридической и психологической помощью курянам, а также молодежные творческие объединения. На фоне роста гражданской активности и добровольчества динамично развиваются новые направления, связанные с вопросами благоустройства городов, контроля за соблюдением правопорядка, поиском пропавших людей.[3]

Социологическое исследование, в котором приняли участие руководители НКО региона, показало, что, как правило, одна некоммерческая организация работает в нескольких сферах и направлена на удовлетворение различных прав и потребностей гражданина. При этом следует указать, что наибольший вес в рамках деятельности НКО имеет молодежная политика, культура и правовая защита населения, далее идут социальная защита и помощь ветеранам войны, военно-патриотическое воспитание, довольно значим вес спортивной деятельности и охраны здоровья.

Также хотелось бы отметить, что общественные организации очень точно и ярко отмечают многие социальные проблемы, которые существуют в регионе. В ходе исследования были остро обозначены такие проблемы, как проблема занятости и низкая заработная плата. Общественные организации используют разнообразные способы и механизмы решения социальных проблем. Большинство некоммерческих организаций в первую очередь делают акцент на решение более острых проблем, и одновременно решают иные, не столь злободневные. Примером тому может послужить общественная организация, деятельность которой направлена на поддержку малого и среднего бизнеса. В ней, помимо решения проблемы трудоустройства, реализуется и образовательный процесс. Руководители такого рода организаций дают возможность повысить уровень квалификации и тем самым вносят вклад в увеличение человеческого капитала в регионе, а также создают условия для повышения качества жизни населения.

Что же касается проблем и особенностей деятельности общественных организаций, то можно отметить, что на сегодняшний день развитие некоммерческого сектора осложняется рядом взаимосвязанных факторов.

Во-первых, это отсутствие единой целостной системы государственного учета некоммерческих организаций. Общий учет числа НКО ведет Министерство юстиции, но как уже упоминалось ранее подсчитать точное количество общественных организаций достаточно трудно.

Во-вторых, это низкий уровень прозрачности деятельности НКО. Отсутствуют четкие и общепринятые правила формирования и опубликования отчетов и информации о деятельности некоммерческих организаций, нет системы для оценки деятельности и отчетности некоммерческих организаций и общественных объединений перед государством и обществом.

В-третьих, некоммерческие организации в большинстве своем малоизвестны, сохраняется недоверие граждан к деятельности НКО. Данные региональных общественных палат говорят о крайне слабом присутствии общественных организаций в СМИ, об их недостаточной информационной открытости и доступности. Общество мало интересуется проблемами «третьего сектора». Согласно данным ВЦИОМ, большинство россиян (59%) затруднились назвать какую-либо общественную организацию.

Уровень доверия к некоммерческому сектору в российском обществе остается на низком уровне. По данным опроса ВЦИОМ, 40% россиян полагают, что работа НКО никак не влияет на жизнь большинства граждан, треть опрошенных (34%) склоняются к тому, что общественные организации не нужны вовсе. Россияне пока не воспринимают НКО в качестве эффективного общественного института и в большинстве своем не выражают готовности участвовать в деятельности общественных организаций в будущем.

Важно также отметить, что доверие и интерес граждан к такого рода организациям снижается: пик внимания к их деятельности пришелся на период массовых оппозиционных митингов в Москве в 2012 и 2013 годах. В 2014 году он сменился стабильным вниманием к данным организациям со стороны узких групп активистов и политиков.

Одновременно в нашей стране формируется сектор некоммерческих организаций, которые делают упор на решение социальных проблем, благотворительность, гуманитарно-прикладную, исследовательскую деятельность. Во многом можно сказать, что проблемы, выявленные общественными организациями региона, отражают основные проблемы всего российского общества сегодня.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль общественных организаций в формировании и развитии региональной, социокультурной политики достаточно велика. Некоммерческие организации оказывают существенное влияние на утверждение гражданского общества в регионе и по стране в целом.

1. *Роль НКО как центров гражданской активности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravda.ru/news/society/27-11-2014/> . —(Дата обращения: 01.10.2015).*
2. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области[Электронный ресурс]: — Режим доступа:http://kurskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kurskstat/ru/statistics/government/. — (Дата обращения: 01.10.2015).*
3. *Доклад о состоянии гражданского общества в Курской области /Киселев, Н.М. Дрёмова, Л.А. Козай, Е.А. Попков, С.Г. Силина, Л.В. // Общественная палата Курской области / Курск. 2013. — С. 61*

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ РОССИИ: ПРЕЗИДЕНТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Сверчков М.Н. (Екатеринбург)

В данной работе была проанализирована проблема социологического измерения уровня доверия к политическим институтам.

За основу были взяты социологические опросы Всероссийского центра изучения общественного мнения. Вопросы задавались жителям России в рамках общероссийского исследования, проводившегося среди взрослого населения страны (старше 18 лет, всего 1600 респондентов), проходило в 46 субъектах страны, 130 населенных пунктах, 9 федеральных округах [1].

Опираясь на результаты опросов населения Российской Федерации, изучена динамика изменения доверия россиян к Президенту, Правительству и Федеральному Собранию.

Значимость и актуальность данных опросов заключается в следующем:

во-первых, в последние годы четко прослеживается экономическая и политическая накаленность отношений России с другими государствами (союзами, коалициями), например введение санкционных мер, поэтому необходимо периодически мониторить мнения и уровень отношения населения к государственным органам, а значит и к проводимой ими государственной политики, что, несомненно, имеет особую важность в консолидации усилий государства и населения в поиске решений сложившихся проблем;

во-вторых, такие опросы обеспечивают социальный порядок. Доверие можно трактовать как устойчивое отношение индивидов к институтам и другим индивидам, выражающееся в поддержке и рассмотрении их как своих представителей. Соответственно, если не будет доверия между рассматриваемыми субъектами, то возникнет социальная напряженность, последствия которой могут быть непредсказуемы;

в-третьих, исследования помогают формировать имидж государства, тем самым заставляют органы государственной власти работать эффективнее, так как именно от имиджа зависит, будет ли привлекательна страна для инвестиций, заключения международных контрактов, для проживания и т.д.;

в-четвертых, подобные опросы становятся актуальными в данный момент, так как с сентября 2016 года начинается избирательный цикл, соответственно у избираемых органов будет время для активизации и ведения продуктивной работы и исправления текущего положения дел, о котором будет сказано далее.

Первым объектом изучения являлся институт Президентства, так как именно Президент является главным звеном в формировании государственной политики, нежели другие органы власти. Респондентам был задан следующий вопрос: «Все мы одним людям доверяем, другим — нет. А если говорить о политиках, кому Вы доверяете, а кому не доверили бы решение важных государственных вопросов: Путин В.В.?». [1] [2]

Были проанализированы три периода проведения опроса: 2012, 2013, 2014 гг. (Варианты ответов: «доверяю», «не доверяю», «не знаю такого политика», «затрудняюсь ответить»; % от числа опрошенных):

2012 год

- доверяю – 51%
- не доверяю – 9%

2013 год:

- доверяю – 45%
- не доверяю – 9%

2014 год:

- доверяю – 66%
- не доверяю – 2%

Следует отметить устойчивость высокого уровня доверия к Президенту. Некоторое снижение данного показателя пришлось на 2013 год, тогда в общественном сознании актуализировались протестные настроения. Впрочем, данная тенденция продолжалась непродолжительное время, вскоре общественное мнение претерпело изменение. Также такой достаточно высокий уровень доверия населения к Президенту обусловлен тем, что В.В. Путин находится у власти длительный период времени и смог значительно улучшить экономическое положение населения страны в начале своего президентства, благодаря своей последовательной политике, сочетающейся с сильной командой управленцев и экспертов. Также невозможно не отметить резкий рост уровня доверия в 2014 году за счет проходивших в то время крымских событий.

Для выявления полной картины доверия населения необходимо рассмотреть вопросы об одобрении или неодобрении по отношению к другим институтам власти.

Во-первых, рассмотрим отношение населения к федеральной исполнительной власти – Правительству РФ. Для анализа возьмем период с 2010 по 2014 года: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Правительства России?». [1] [2] (Варианты ответов: «одобряю», «не одобряю», «затрудняюсь ответить»; % от числа опрошенных).

2010 год:

- доверяю – 52%
- не доверяю – 30%

2011 год:

- доверяю – 49%
- не доверяю – 35%

2012 год:

- доверяю – 52%
- не доверяю – 36%

2013 год:

- доверяю – 45%
- не доверяю – 41%

2014 год:

- доверяю – 68%
- не доверяю – 20%

В этом случае были взяты для анализа также 2010 и 2011 года, так как ключевые позиции в кабинете министров Путина и Правительстве Медведева сохранились за одними и теми же людьми (Рогозин, Казак, Шувалов, Лавров, Шойгу и др.). Данный опрос показывает, что в целом население не разграничивает деятельность Правительства и Президента, т.к. данные показывают, что в одно и то же время рейтинг доверия был примерно на одном уровне. Таким образом, подобную ситуацию в отношении Правительства можно объяснить теми же фактами, что и в отношении Президента.

Во-вторых, зафиксируем уровень одобрения деятельности Совета Федерации РФ. В отдельные периоды он был ниже уровня неодобрения, однако тенденция резкого роста в положительную сторону за 2013–2014 гг. отразилась и на одобрении деятельности данного института власти.

Вопрос был сформулирован следующим образом: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Совета Федерации России?». [1] [2] (Варианты ответов: «одобряю», «не одобряю», «затрудняюсь ответить»; % от числа опрошенных).

2010 год:

- доверяю – 29%

- не доверяю – 28%

2011 год:

- доверяю – 29%

- не доверяю – 34%

2012 год:

- доверяю – 37%

- не доверяю – 35%

2013 год:

- доверяю – 34%

- не доверяю – 37%

2014 год:

- доверяю – 46%

- не доверяю – 22%

Такие показатели можно объяснить лишь тем, что Верхняя Палата значительно меньше представлена в медийном пространстве в сравнении с Президентом и Правительством, соответственно население не знает о работе Совета, что априори создает дополнительные вопросы о деятельности этого органа, что впоследствии перетекает в недоверие населения к деятельности законодательной ветви власти.

Уровень неодобрения работы Государственной Думы РФ практически за весь период мониторинга находился на более высоких позициях, нежели уровень одобрения. Исключение здесь — последний год, на протяжении которого уровень одобрения поднялся на более высокую позицию, в то время как уровень неодобрения снизился.

«Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Государственной Думы России?» [1] [2] (Варианты ответов: «одобряю», «не одобряю», «затрудняюсь ответить»; % от числа опрошенных).

2010 год: одобрение/неодобрения – 30/42

2011 год: одобрение/неодобрения – 28/47

2012 год: одобрение/неодобрения – 36/46

2013 год: одобрение/неодобрения – 31/50

2014 год: одобрение/неодобрения – 48/30

Во-первых, нынешний состав Государственной Думы полностью избирался по партийным спискам, а в нашей стране, где еще окончательно не сформировался институт гражданского общества, многие люди пока не привыкли отождествлять депутатов с представителями той или иной политической партии; возможно именно по этой причине следующие выборы пройдут уже по смешанной системе по формуле 50/50. Во-вторых, согласно Конституции, власть в России разделяется на исполнительную, законодательную и судебную. И именно к функциям законодательной власти отнесено утверждение бюджета и принятие законопроектов, так или иначе затрагивающих жизнь каждого из граждан. А полностью согласных с тем, как государство расходует бюджетные деньги и устанавливает свои внутренние правила существования, нет и никогда не было: все люди слишком разные и по характеру, и по интересам, и по мировоззрению. Наконец, сложившуюся ситуацию, можно объяснить тем, что чаще всего в СМИ фигурируют

скандалы и эпатажные заявления отдельных политиков, что не добавляют дополнительных пунктов к рейтингу.

В конце хотелось бы отметить следующее: в целом показатели за представленный период фиксируют повышение уровня доверия к федеральным органам власти. Выравнивается и улучшается отношение населения к законодательным органам, что, несомненно, сказывается положительно на формировании правового, социального и свободного государства с высоким уровнем гражданской позиции населения. Нельзя не отметить тот факт, что подобная тенденция может послужить одним из факторов, повышающих уровень доверия к институту выборов, который является одним из главных показателей демократичности политического поля страны, а также уровня вовлеченности населения в политический процесс.

1. В.О. Киселев «Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга»
2. ВЦИОМ: [веб-сайт]. (База данных). URL: <http://wciom.ru/database/>

УРОВЕНЬ ЭТНИЧЕСКОГО РИСКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ВЕРОЯТНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТА

Сикевич З.В. (Санкт-Петербург)

Можно ли прогнозировать этнический конфликт? На наш взгляд, его вероятность непосредственным образом связана с уровнем этнического риска в том или ином этноконтактном регионе. Под этническим риском (далее ЭР) понимается вероятность негативного влияния этнического фактора на устойчивость политического пространства. Политическое пространство Советского Союза представляло собой зону повышенного этнического риска по многим причинам, к числу которых в первую очередь можно отнести государственно-правовую.

За первые десять лет советской власти было проведено размежевание страны на этнической основе и на месте прежней унитарной империи возникло пять уровней национально-территориальных образований – союзные республики, автономные республики, автономные области, национальные округа и национальные районы, вскоре упраздненные. Искусственно создавалась этнополитическая иерархия, ибо уровень распорядительных функций национально-территориального образования напрямую зависел от статуса этого региона в общей иерархии. Несоввершенство системы подтвердили данные последней советской переписи 1989 года: оказалось, что 64 миллиона советских граждан проживают вне территориальных образований своего народа, а 6 миллионов человек вообще оказались лишены какой бы то ни было автономии (немцы, понтийские греки, корейцы и др.), хотя численность каждого из этих народов превышала миллион.

Произошла искусственная этнизация некогда унитарного пространства империи, где многие народы издавна проживали смешанно, поэтому проведение границ, пусть и внутри единого государства, не могло не провоцировать недовольство тех групп, которые оказались либо вне «своей» автономии либо получили автономию не самого высшего уровня. Зачастую соотношение этнических групп в составе населения вообще не позволяло определить, кто собственно является «титულным» народом на этой территории, что не могло не усугублять этнические противоречия.

Сложный этнический состав населения характерен, в частности, для региона Поволжья со смешанным проживанием русских, финно-угорских и тюркских народов, для русско-украинского приграничья, где ситуацию усугубило политически мотивированное решение о присоединении к УССР северных территорий Войска Донского - современных Донецкой и Луганской областей Украины. Раздел казачьих земель между двумя

союзными республиками был вызван желанием снизить накал незатухающих антисоветских волнений на Дону, а заодно и наказать казаков за «строптивость».

Неоправданным было присоединение к Казахстану после повышения его статуса до уровня союзной республики земель уральских и семиреченских казаков, которые поселились на севере, северо-востоке и юге Казахстана еще в те времена, когда казахи были кочевым народом.

Все эти иногда непродуманные, а чаще политически мотивированные размежевания не могли не заронить зерно будущих этнотерриториальных претензий, с новой силой вспыхнувших после распада СССР.

При определении степени ЭР надо иметь в виду:

Соотношение доли титульного населения государства (автономии) или национального большинства, с одной стороны, и национальных меньшинств, с другой стороны. При значительном превышении доли первого над долями вторых степень этнического риска снижается (например, в Армении или Литве, где доля титульной национальности по данным последних национальных переписей составляет соответственно 93,3% и 79,6%). При увеличении доли меньшинств в составе населения уровень ЭР закономерно возрастает. Так, в частности, в Латвии доля русского и русскоязычного населения приближается к 37%, причем в столице страны – Риге оно преобладает. Еще более уязвимым в этом отношении является Казахстан, где русские, живущие анклавно, составляют более четверти населения, а в ряде областей страны, будучи номинально меньшинством, в действительности являются большинством.

Законодательное или негласное нарушение прав человека по этническому признаку или косвенным показателям принадлежности к национальным меньшинствам – знание государственного языка, срок проживания в регионе и т.п.

Так, в Латвии и Эстонии права меньшинств нарушаются в связи с непреодолимыми «барьерами» при получении гражданства «не титульным» населением, вследствие чего примерно каждый 5-6 житель этих стран является «лицом без гражданства» и дискриминируется даже в сфере профессиональной карьеры.

В Средней Азии и в Казахстане нарушение прав носит скрытый характер и выражается в снижении статусных возможностей для так называемого некоренного населения (представительство в органах власти, занятие руководящих должностей и т.п.)

На Украине нарушение прав человека по признаку этнической принадлежности все 24 года существования независимого государства выражалось в сфере ограничения использования национальных языков меньшинств и насильственной украинизации.

ЭР проявляется и в случае стремления национального меньшинства при его анклавно проживании к национально-государственному самоопределению. Этот признак присутствует в Нагорном Карабахе, Пригородном районе Северной Осетии (осетино-ингушский конфликт), а ранее присутствовал в автономном крае Косово, находившемся в составе Сербии, и в Крыму. Степень ЭР возрастает в ситуации территориальной близости анклава, претендующего на самоопределение к территории основного расселения народа в пределах «материнского» государства. В этом значении наглядным примером служит северо-восток Эстонии, примыкающий к Ленинградской области РФ, где численность русского меньшинства превышает две трети населения этого региона (всего в Эстонии – 25,6% русских и около 30% русскоязычных).

ЭР возрастает при наличии этнотерриториальных претензий в том или ином регионе, в особенности, если эти претензии используются как инструмент государственной политики (например, территориальные потери Азербайджана после отделения Нагорного Карабаха или претензии Эстонии на Печорский район Псковской области РФ, а Латвии – на Пыталовский район Псковской области).

Примечательно, что соотношение численности представителей конкурирующих групп на оспариваемой территории стороной, выдвигающей притязания на нее, абсолютно не учитывается. То, что в населении Нагорного Карабаха подавляющее большинство

составляют армяне, а в Печорском и Пыталовском районах – русские, никоим образом не влияет на позиции Азербайджана, Эстонии и Латвии.

В отличие от других постсоветских государств на уровень ЭР в России одновременно влияют как положительные, так и отрицательные факторы.

К числу положительных факторов относятся: 1) существенное преобладание представителей титульной национальности на территории страны; 2) устройство государства на принципах национально-территориального федерализма.

К числу отрицательных факторов: 1) «нетитульные» народы РФ являются титульными в пределах своих национальных образований, а русские, - титульный народ государства – меньшинством; 2) экономический «национализм» отдельных национальных республик в составе РФ (в частности, Якутии); 3) взаимные территориальные претензии друг к другу ряда национальных субъектов РФ.

Оформление России как нации - государства с единым гражданским самосознанием, хоть и представляется оптимальной моделью полиэтнического бытия в наших условиях, маловероятно в ближайшей перспективе, так как утверждение культурной самобытности и этнического самосознания все еще привязывается к «своей» земле, которая остается яблоком раздора даже в условиях глобализации и модернизации.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И ПОСЕЛКОВ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

Синица А.Л. (Москва)

Арктическая зона РФ (далее – АЗРФ), к которой мы относим территории, перечисленные в Указе Президента РФ от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» – это колоссальные запасы полезных ископаемых (нефти, газа, никеля, кобальта, меди, платиноидов, барита, золота, олова, апатитового концентрата и др.), а также одна из важнейших транспортных артерий. Однако, она важна и с геополитической точки зрения, поскольку государственная граница в Арктике проходит по Северному Ледовитому океану, что налагает дополнительные сложности при ее охране и защите. Кроме того, в последние годы интерес к Арктике растет как у стран, расположенных в арктической зоне, так и у удаленных от нее стран (например, Японии и Китая), что обусловлено экономическими причинами. Эти причины вынуждают Россию действовать в этом регионе более активно.

Один из важнейших признаков присутствия страны на какой-либо территории – население и его самоидентификация. При наличии проблем в этой сфере контролировать ее гораздо сложнее, а значит, другие страны могут не только с меньшими затратами решать свои задачи в нужных им районах, но и поставить вопрос об отторжении определенных земель и передачи их под международный или свой контроль.

Именно поэтому продолжающееся снижение численности населения АЗРФ (с 2452 тыс. на 01.01.2010 г до 2392 тыс. на 01.01.2015 г.) [3] является серьезной угрозой стабильности России – теряется население, имеющее навыки проживания в суровых условиях Арктики.

Население Арктики преимущественно городское и доля городского населения стабильна. Несмотря на сокращение его численности в 2011-2014 гг. примерно на 53 тыс. человек, доля городского населения сократилась всего на один процентный пункт и составила 88% населения АЗРФ, что существенно превышает среднюю долю городского населения в России (74%).

Однако различия по субъектам значительны. В Архангельской и Мурманской областях горожане преобладают (92-93% от всего населения). В регионах же проживания коренных народов Севера с малочисленным населением, этот показатель может быть ниже среднероссийского значения (доля городского населения составляет около 65% в Чукотском автономном округе и 50% в Республике Саха).

Эти причины побудили нас рассмотреть общую численность населения городов АЗРФ в 2010-2015 гг. и изучить последствия для этих территорий при различных сценариях демографического развития.

Мы рассмотрели численность населения с 2010 г. (2011 г. в случае отсутствия данных за 2010 г.) по 2015 г. в 35 городах и поселках АЗРФ.

Какие выводы мы можем сделать?

Во-первых, численность городского населения продолжила снижаться. Снижение составило примерно 16 тыс. человек, что менее 1 %, но, это процесс продолжается уже долгое время и государство все еще не может побороть его. Тем не менее, в семи городах АЗРФ (Нарьян-Мар (20,8 %), Губкинский (17,5 %), Салехард (14,8 %), Новый Уренгой (10,9 %), Анадырь (9,8 %), Норильск (1 %), Архангельск (0,5 %)) наблюдался прирост населения. В девяти населенных пунктах (Дудинка (0,6 %), Северодвинск (1,1 %), Мурманск (1,3 %), Муравленко (1,9 %), Лабытнанги (2,1 %), Диксон (3,1 %), Ноябрьск (3,3 %), Полярные зори (4,5 %), Кола (4,5 %)) убыль населения не превышала 5 %. В 11 населенных пунктах (Депутатский (5,8 %), Онега (6,1 %), Мезень (6,2 %), Новодвинск (6,3 %), Апатиты (6,3 %), Оленегорск (6,5 %), Черский (7,1 %), Умба (8,4 %), Кандалакша (8,7 %), Мончегорск (8,9 %), Кировск (9,4 %)) убыль населения составила от 5 % до 10 %. В восьми населенных пунктах убыль населения составила более 10 % (Молочный (10,4 %), Тикси (12 %), Заполярный (12,4 %), Ревда (15,4 %), Воркута (15,8 %), Никель (16,7 %), Усть-Куйга (21,1 %), Нижнеянк (28,8 %)).

В АЗРФ наблюдается естественный прирост населения [3], поэтому данную убыль мы можем связать исключительно с миграционным оттоком.

Во-вторых, и увеличение численности населения, и его снижение отмечается как в западной части АЗРФ, так и в восточной, что позволяет говорить о существовании общих тенденций, свойственных всем регионам АЗРФ, и которые мы подробно рассматривать не будем.

Какие сценарии демографического развития АЗРФ можно прогнозировать и какие последствия они будут иметь?

Мы можем выделить пять сценариев (мы не рассматриваем вариант увеличения численности сельского населения, ибо он очень неэффективен). Первый – максимальное снижение численности постоянного населения. Второй – продолжение снижения численности населения текущими темпами. Третий – стабилизация численности населения на текущем уровне. Четвертый – небольшое увеличение численности населения, а затем ее стабилизация. Пятый – значительное увеличение численности населения АЗРФ по сравнению с текущим уровнем, а затем ее стабилизация. Каждый из них несет определенные риски и преимущества для социально-экономического и политического развития страны.

Хотя три первых позволяют экономить значительные ресурсы на инфраструктуре и медицине, однако, негативных последствий гораздо больше. При реализации этих сценариев государство не только теряет возможность комплексно развивать АЗРФ, но и фактически исключает данную территорию из экономического пространства страны, поскольку в таком случае территории не развиваются, судоходство по Северному морскому пути становится крайне затрудненным, экономика становится еще более зависимой от мигрантов, которые не всегда подготовлены к работе в Арктике, а существующие социально-экономические проблемы не решаются. Ущерб с политической точки зрения будет нанесен колоссальный, так как будет дан сигнал, что лидер освоения Арктики сам отказывается от лидерства, своих завоеваний и претензий на территорию.

Следовательно, необходимо увеличивать численность населения АЗРФ. Несмотря на проблемы проживания в АЗРФ, связанные с медициной [1], мы поддерживаем два последних сценария развития АЗРФ.

До какого уровня требуется увеличение населения? Этот вопрос является дискуссионным. Некоторые считают, что необходимо не менее 7-8 млн жителей только для реализации на Севере уже намеченных программ [2, с. 29], однако, гораздо чаще лишь констатируют необходимость увеличения населения.

На наш взгляд, население АЗРФ должно быть не менее 5-6 млн, поскольку меньшее число людей будет недостаточным для обеспечения интересов России в этом регионе и достижения стабильности.

Важным фактором ее достижения является повышение транспортной доступности АЗРФ. Это позволит создать дополнительные рабочие места (в том числе, и не связанные с добычей полезных ископаемых), снизить остроту ряда социально-экономических проблем и придаст дополнительный импульс развитию экономики АЗРФ и страны в целом.

Однако, необходимы и верхние границы численности населения, так как большое население может означать слишком большие расходы на поддержание требуемого уровня и качества жизни.

Все это позволяет нам утверждать, что оптимальная численность населения АЗРФ находится в интервале 5-12 млн, но ее уточнение требует дополнительных обоснований, зависящих от потребностей государства.

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 15-06-04731 «Социальные и экономические последствия возможных сценариев демографического развития России (на федеральном и региональном уровнях)».

1. Белишева Н.К., Петров В.Н. Проблема здоровья населения в свете реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации // Труды Кольского научного центра РАН. Вып. 6(19). Апатиты: КНЦ РАН, 2013. – С.152-173.
2. Половинкин В.Н. Человеческие ресурсы – главная проблема развития Севера // Арктика: экология и экономика. – 2013. – № 4 (12). – С. 26-31.
3. Синица А.Л. Арктические регионы Баренцева моря среди прочих арктических регионов России: конвергенция или дивергенция (демографический аспект) // Арктика: экология и экономика. – 2015. – № 4 (20). – В печати.

ПРОШЛОЕ СТАНОВИТСЯ БУДУЩИМ, ИЛИ МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Смагин Б.А. (Санкт-Петербург)

Проблематика исторического сознания – междисциплинарная. Здесь главное ответить на вопрос: «что определяет сдвиг в сознании россиян?». Что сегодня характерно для массового исторического сознания россиян? – Зависимость от государственной точки зрения на историю. Ни у государственной власти, ни у населения (а не общества!) нет ясных и определенных сценариев будущего. Жизнь протекает в настоящем. Строятся сценарии ближайшего будущего. И это характерно не только для молодежи, но и для людей более зрелого возраста. Причина этого – в наличии так называемого мобилизационного сознания, определяемого враждебным отношением к нам правящих кругов Западной Европы и США. Возникает комплекс «осажденной крепости». Есть внешняя угроза, есть образы внешнего и внутреннего врага, а это (согласно теориям социальной психологии) неизменно поднимает общий настрой.

У исторической памяти нет цензуры. Массовое сознание воспринимает прошлое эмоционально, ищет в нем подтверждение собственных ожиданий и предпочтений, с

легкостью стирает границы между достоверной и вымышленной картинами событий. В сознание россиян закладывается идея, что государственные интересы выше прав и интересов любого отдельного человека

Сейчас в России ведется целенаправленная кампания по оправданию Сталина, результатами которой стало то, что 57% россиян не считают диктатора государственным преступником, а 38% уверены, что жертвы, которые советский народ понес в сталинскую эпоху, оправданы великими целями и результатами, достигнутыми в кратчайшие сроки.[1]

Это не похоже на пропаганду некритического восприятия советского исторического опыта, как это происходило в 80-е годы прошлого столетия. Здесь другой эмоциональный фон. Впоследствии этот консерватизм был преодолен критическим и нигилистическим сознанием 90- годов. Сегодня же обращение к личной и семейной памяти становится не просто локальным сегментом массового исторического сознания, но становится основой более обширной трактовки исторических событий прошлого. В этом «лично-семейном» видении прошлого присутствуют эмоциональные искажения, которые блокируют понимание советского прошлого и его последствий для настоящего. Настоящее начинает изменяться, а за ним изменяется и будущее (точнее образ будущего).

Динамика изменения настроений в обществе относительно сталинизма и Сталина за последние 10 лет принимает угрожающие масштабы. Об этом свидетельствуют постоянно повторяющиеся фильмы с участием (прямым или косвенным Сталина). Исследования, проводимые Левада-Центром ставят эту ситуацию в зависимость от уровня образования, местожительства и места в социуме (среди малоимущих поддержка Сталина является на порядок более высокой). К этому стоит добавить и демографический нюанс: старение населения происходит быстрее входа молодых поколений в жизнь. Вместе с тем средневозрастной контингент населения, не знающий сталинскую (и даже брежневскую) эпоху, потому что имеет другой личный опыт, присоединяется к старшему поколению электронными и печатными СМИ.

В связи с празднованием 70-летия Победы в Великой Отечественной войне на телевизионных экранах показываются фильмы о войне, снятые в советский период, где Сталину приписывается организация победы СССР в Великой Отечественной войне и разгром гитлеровской Германии.

Причины этого лежат на поверхности. В первую очередь нужно иметь в виду, что отношение к историческим событиям и их оценка зависит от степени осведомленности о них. Источники этой осведомленности хорошо известны: кинематограф, популярная историческая литература, мало что общего имеющая с историей как наукой. Обесценивание культурных идеалов, выраженных в настойчивом воспроизводстве шлягеров 20-30-х годов XX столетия, советские фильмы и песни...

Произведения советской массовой культуры в большинстве случаев выгодно отличаются от современной культурной продукции. Незаметным становится корректировка исторических событий, их иное истолкование при сохранении колорита эпохи. Это подпитывает преувеличенность значимости этих событий, которые актуализируются в массовом сознании. Беспристрастное познание прошлого становится реальным делом будущих поколений, но не сегодняшних. Но это будет уже комментарий. Исторические персонажи изображаются как примеры социального поведения, им приписываются качества и мотивы, которые представители отдельного сообщества считают определяющими для собственного поведения.

Разумеется, оценка исторического смысла события не может быть абсолютно объективной и исчерпывающей. В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, актуальных для изучающего или воссоздающего их общества. Образ прошлого - это всегда, хотим мы того или нет, отражение наших интересов. [2]

Прав Ю. Левада, когда пишет о том, что спустя почти 20 лет с начала реформирования советского общества самоидентификация человека остается сложной проблемой. Не сформировалась «новая» (современная, европейская, демократическая, гражданственная) основа для его самообозначения, тем более для самоутверждения. Поэтому точкой отсчета, если не демонстративной, то реальной, остаются

характеристики человека советского. Эта тенденция подкрепляется официальными поисками «советской» легитимации через обращение к символике, стилю, приемам управления, правда, при постоянных попытках сочетать черты стиля различных периодов: победные марши военного времени со стабильностью «застоя», административные перетряски в хрущевском духе с произволом переломных лет и т.п. Сохраняет свое значение характерный для советской эпохи механизм «негативного» само-утверждения, достигаемого с помощью при-нижения образов «врага» или «обобщенного чужого». Однако в массовом сознании, во многом следующем в фарватере официальной политики, нарастает отчуждение от власти и государства, а идентификация с их ценностями выглядит лукавой, двусмысленной. Человек вынужден искать защиты у власти, но не хочет ей служить.[3, с.18]

Вот они, коллизии массового исторического сознания. Возвращая «советское» вместе с этим возвращаются и его кумиры. Живя в настоящем, советский человек живет в прошлом. Прошлое становится будущим.

Причины массового консерватизма заключаются не в традиционализме как таковом, а в отсутствии представлений о том, каким должно и каким будет будущее страны в среднесрочной и дальней перспективе, что заставляет большую часть населения упорно держаться за настоящее, оценивая его исключительно с точки зрения вчерашнего прошлого (то есть, отталкиваясь в своих ориентациях и жизненных стратегиях от «худшего»).[4, с. 167]

Как считает Ирина Глущенко, «сейчас сложился некий стереотип, когда невозможно обсуждать всерьез советское прошлое: любая попытка его спокойно осмыслить расценивается едва ли не как намерение реабилитировать тоталитаризм. Но в то же время у нас появилась гора литературы, которая пытается обелить Сталина, доказать, что террора вообще не было, или воспеть «золотой век» Брежнева.

Сегодня можно говорить о возвращении СССР как феномена общественного сознания в виде если не образа, то, по крайней мере, варианта. Именно сейчас, а не в 1990-е, остро ощущается то, что российское общество подошло к некоему пределу социальной мобильности. Более того, вполне реальной стала нисходящая межпоколенческая мобильность, к которой большинство наших граждан психологически не готовы, и вряд ли вообще когда-нибудь они смогут это принять».[5, с. 287-288]

1. Гудков Л. Зачем Кремль прославляет Сталина // URL: <http://nv.ua/opinion/Gudkov/zachem-kreml-proslavlyayet-stalina--42102.html>
2. Репина Л.П. Историческое сознание и историческая память. М. 2004.
3. Левада Ю.А. Человек Советский: четвертая волна. Рамки самоопределения // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71).
4. Вестник общественного мнения. - № 3-- 4 (118) - июль-декабрь 2014..
5. Глущенко И. Шесть тезисов об изучении «советского» /СССР: Жизнь после смерти / под ред. И. В. Глущенко, Б. Ю. Кагарлицкого, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НА ОЦЕНКУ НАСЕЛЕНИЕМ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Смолева Е.О. (Вологда)

Процессы трансформации российского общества актуализировали исследования субъективного благополучия людей, как показателя адаптированности населения к изменяющейся социально-экономической ситуации и индикатора эффективности деятельности властей.

Изменения, происходящие в основных социальных институтах, конфликты, возникающие на различных уровнях социальных отношений, и многие другие процессы влияют на людей, меняя систему индивидуальных ценностных ориентаций. Изменения затрагивают систему, которая определяет представления человека о желаемом качестве жизни, формирует оценку уровня удовлетворенности своей жизнью. Поэтому отношение к политической и экономической обстановке зависит не только от объективной ситуации и от ее интерпретации респондентом, но и от его индивидуально-психологических особенностей, общей удовлетворенности жизнью, настроения и т.д.

По данным института социологии РАН, к концу 2014 года в России произошел заметный рост (до 53%) доли населения, считающей ситуацию в стране напряженной, кризисной [1; с. 15]. Эти данные совпадают с результатами исследования уровня субъективного благополучия населения Вологодской области, проведенным ИСЭРТ РАН в 2015 г. методом массового социологического опроса на общеобластной выборке. Объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов в возрасте старше 18 лет; ошибка выборки не превышает 5%. Использовались следующие методики: методика ВЦИОМ, Оксфордский опросник счастья, Шкала субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппер.

В целом среди населения Вологодской области преобладает мнение о том, что обстановка в стране и регионе напряженная и взрывоопасная. Среди счастливых людей считают обстановку критической в стране 66% респондентов, в регионе – 48%. У людей, ощущающих себя несчастливыми, более негативное видение обстановки в стране и регионе: среди них напряженность и взрывоопасность обстановки в России отмечают 79% респондентов. По сравнению со страной обстановка в области несчастливым людям кажется более благополучной (число негативных оценок снижается до 65%).

По поводу политической обстановки подавляющее большинство респондентов испытывают негативные эмоции. Так среди счастливых людей ею огорчены 62%, среди ощущающих себя несчастными – 72%.

У счастливых людей выше уровень доверия к действующим органам власти – в среднем 53% из них одобряют деятельность федеральных и региональных властей. Открыто выражают недоверие власти менее одной трети субъективно благополучных респондентов. Напротив, среди людей, не ощущающих себя счастливыми, около половины (в среднем 44%) не одобряют деятельность федеральных и региональных властей. Вероятнее всего, это является следствием того, что среди несчастливых людей больше тех, кто решение своих проблем в материальной или профессиональной сфере связывает с помощью государства, а потому предъявляет повышенные требования к проводимой социальной политике и результатам управленческой деятельности в стране.

Деятельность федеральных властей одобряют чаще, чем региональных. Так, деятельность Президента РФ В. Путина поддерживают 77% счастливых людей и 54% чувствующих себя менее позитивно, а деятельность Губернатора области – только 50% и 28% соответственно. На уровень одобрения региональной власти влияет как социально-экономическая ситуация в области, так и то, что задачи и проблемы, решаемые региональной властью, более близко касаются интересов респондентов и потому получают более жесткие оценки. По сравнению с 2012 г. отмечается снижение уровня доверия региональным властям как среди «счастливых людей» (на 12-16%), так и среди «субъективно неблагополучных» (на 14-17%).

Весной 2015 года в регионе отмечался низкий уровень межперсонального доверия. Доля жителей области, полагающих, что «доверять можно большинству людей», мала (11% среди счастливых людей и 17% среди чувствующих себя менее позитивно). Низкий уровень межличностного доверия сказывается на субъективных оценках сплоченности общества. На уровне страны и региона негативные суждения преобладают над позитивными, хотя и существует разница в оценке ситуации людьми с различной степенью удовлетворенности жизнью. Счастливые люди чаще отмечают сплоченность

общества в стране и области. Напротив, более половины респондентов с субъективным неблагополучием (56%) отметили преобладание не-согласия и разобщенности в стране и регионе.

В оценках экономического положения прослеживается аналогичная ситуация. В целом респонденты дали низкую оценку экономического положения страны и региона: в ответах преобладали средние (около 35%) и негативные оценки (около 52%). Субъективно неблагополучные респонденты не только негативно оценивают ситуацию в настоящее время, но и дают достаточно неблагоприятные прогнозы экономического положения. Большинство из них считает, что ситуация в ближайшие 12 месяцев не изменится.

У субъективно неблагополучных людей ниже запас терпения – отмечают, что «терпеть бедственное положение уже невозможно» 8% счастливых людей и 40% несчастливых. В 2012 г. отрицательный запас терпения у «ощущающих себя несчастливыми» составил соответственно 36% [2; с. 146-147].

Несчастливые люди более склонны принимать участие в протестных мероприятиях. Так, практически каждый четвертый (28%) из них предположил вероятность участия в массовых выступлениях против роста цен и низкого уровня жизни (для сравнения – среди счастливых людей каждый шестой).

Судя по данным докладов международных исследовательских групп, самые плохие показатели России связаны с доверием государственным институтам, возможностям реализации личных свобод и ощущениям собственной безопасности. В рейтинге «Индекса процветания», составленном независимой частной инвестиционной компанией Legatum Group из Великобритании для 110 стран мира в 2014 году, именно по этим показателям Россия занимает 113-ое (управление), 124 (личные свободы) и 96-ое (личная безопасность) места [3]. Проведенное ИСЭРТ РАН исследование подтвердило, что сегодня в России личные обстоятельства жизни менее важны для оценки людьми своей жизни в целом, чем их отношение к ситуации в стране [4, с. 213].

1. *Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.*
2. *Шабунова А.А., Морев М.В. Представления вологжан о счастье // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1. С. 137-150.*
3. *Legatum prosperity index: аналитические материалы / Legatum Institute – Режим доступа: <http://www.prosperity.com/>. Дата обращения: 24.08.2015.*
4. *Андреевкова Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 189-215.*

ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Солдатов А.В., Солдатова Н. П. (Санкт-Петербург)

1. В работе оценивается значение PR-технологий в электоральных процессах, а также анализируются важные тенденции в этой области. В качестве основного социологического метода исследования был выбран экспертный опрос профессионалов, занятых в сфере науки, власти и средств массовой информации. Также в сферу опроса, проводимого в 2009 - 2015 гг., попали специалисты, которые непосредственно принимали участие в разработке политических технологий.

2. Большинство опрошенных экспертов, из числа представителей органов власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области, отметили возросший фактор ресурсной зависимости. Исходя из сути данной концепции, организации способны выступать в роли

ведущих акторов, тогда как конкретные индивиды могут выступать только в качестве их агентов. На сегодняшний момент основное направление развития PR-технологий - это привязка отдельных кандидатов и партийных списков к сильным политическим фигурам или популярным партиям. Поскольку на сегодняшний день наблюдается достаточно сильная монополизация рынка политического товара, то необходимость в развитии механизмов отдельных личных связей невелика. В этом случае важное значение приобретает политическая стабильность, не способствующая полноценному развитию технологий политического PR.

3. Эти выводы подтверждаются результатами экспертного опроса представителей депутатского корпуса Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Так, по их мнению, некоторые группировки властной элиты, являясь заинтересованной стороной, привлекают дополнительные информационные ресурсы для решения своих проблем (компромат на политических соперников, различные сомнительные резонансные события и т. п.). Однако, данные конфликтные поля во все большей степени смещаются от традиционных конфликтных измерений по шкале левый-правый в сторону решения краткосрочных задач борьбы за власть и информационные ресурсы, что значительно снижает значение PR-технологий в политической области. В этих условиях главная их задача сводится к максимальной степени оптимизации.

4. Эксперты также проанализировали факторы регионального масштаба, влияющие на развитие политических технологий. Прежде всего они отметили факт относительно высокого уровня политической стабильности в регионе, также опрошенные указали на достаточно большую лояльность коммерческих структур по отношению к администрации города и области. Крупные бизнес-сообщества не финансируют оппозиционные партии; с их точки зрения гораздо эффективнее иметь хорошие лоббистские позиции во властных структурах. В ходе экспертного опроса был отмечен факт потери петербургской специфики политическими партиями, включая оппозиционные и заметное снижение рейтинга узнаваемости городских политиков. Отсюда следует, что в отсутствие политиков-модераторов инициатива переходит к различным неформальным объединениям.

5. Также, как отметили практически все из опрошенных экспертов, значение межличностных контактов имеет явную тенденцию к сокращению. Привязка кандидатов к партийным спискам и сильным фигурам общенационального уровня значительно снижает возможность самопиара. Отсюда следует, что выход в публичную сферу политикам способны обеспечить только крупные организации, располагающие значительным информационным ресурсом. Следовательно можно сделать следующий вывод: текущее положение в политической жизни нашего города и области не способствует развитию креативного начала в политических PR-технологиях. В основном работа многочисленных служб и отделов по связям с общественностью сводится к банальной диагностики социально-политических процессов.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Соницева Н.В. (Череповец)

2015 год для России имеет особое значение, ведь залог процветания для любой страны – внутренняя стабильность и отсутствие конфликтов с другими странами. К сожалению, ни первое, ни второе Россия гарантировать не может [8].

В настоящее время геополитическая ситуация вокруг страны, складывающаяся под влиянием кардинальных изменений, происходящих в системе формирующегося нового облика нашей страны и нового облика мирового сообщества, предъявляет жесткое требование: быть в постоянной готовности к отражению внешних угроз. Прежде всего, речь идет о тех государствах, геополитические интересы которых находятся или могут войти в противоречие с соответствующими интересами России.

Главная проблема в оценке настоящих и будущих угроз страны заключается в том, что адекватность такой оценки зависит, прежде всего, от экономической, политической и социальной ситуации в самой России, ее способности к опережающему развитию [3].

Потенциальные угрозы национальной безопасности Российской Федерации целесообразно объединить в четыре основные группы, которые, конечно, не охватывают полностью весь спектр возможных опасностей, но являются наиболее актуальными в контексте рассматриваемой проблемы.

Первая группа – угрозы, имеющие геополитическую природу и несущие опасность геополитическим интересам нашей страны, ее геополитическому положению и статусу в мировом сообществе.

Вторая группа – угрозы, имеющие геоэкономический характер и способные нанести ущерб фундаментальным экономическим интересам России, ослабить ее позиции в международных экономических отношениях, создать затруднения для экономического роста, повышения благосостояния народа и укрепления обороноспособности нашей страны.

Третья группа – угрозы в энергетической и ресурсной сферах.

Четвертая группа – угрозы, непосредственно имеющие военный характер [6].

Военно-политические угрозы подробно перечислены в Военной доктрине Российской Федерации, принятой в 2014 году. Основные внешние военные опасности:

- наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО), реализуемого в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран – членов НАТО к границам Российской Федерации;

- создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, намерение разместить оружие в космосе, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

- распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий;

- нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений;

- применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, в нарушение Устава Организации Объединенных Наций и других норм международного права;

- наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками;

- растущая угроза глобального экстремизма (терроризма);

- наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности;

- использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву;

- подрывная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств и их коалиций против Российской Федерации и т.д. [1, с. 5-6].

По мнению аналитиков, угроза крупномасштабной войны против России остается минимальной. Оценка развития военно-политической и военно-стратегической ситуации в

мире дает основание полагать, что ни одна из существующих конфликтных ситуаций силового плана в мире не создает прямой угрозы военной безопасности РФ.

В обостренной международной обстановке новую актуальность приобретают старые территориальные претензии к Российской Федерации. Пожалуй, наиболее актуальными на сегодняшний день являются претензии Украины к России в вопросе о принадлежности Крымского полуострова и о базировании в Севастополе российского военно-морского флота, а также претензии Японии в отношении южных Курильских островов: Итуруп, Кунашир, Шикотан и архипелага Хабомаи. Однако маловероятно, что кто-либо из нынешних соседей России способен ввязаться в войну, чтобы реализовать свои территориальные притязания [7].

Одной из наиболее серьезных и болезненных проблем для государства и общества в настоящее время является активизация деятельности террористических и экстремистских группировок внутри страны, которые тесно связаны с международными террористическими организациями, а в ряде случаев непосредственно финансируются из-за рубежа. Проблема терроризма в России является главным источником внутренней угрозы национальной безопасности. В основе этого процесса могут лежать неблагоприятная ситуация в экономической и политической сферах, глубокие социальные противоречия в обществе, формирование движений экстремистского характера.

На внутреннюю ситуацию в регионах нашей страны значительное влияние оказывают процессы миграции населения и отсюда, как следствие, – проявления национализма, активизация молодежных радикальных группировок, особенно в крупных городах. В этой связи районы компактного проживания мигрантов можно считать потенциально-конфликтными. Миграционные процессы жителей данных республик уже сказываются на дисбалансе населения, особенно в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Южном федеральных округах.

Продолжающиеся в России социально-экономические преобразования требуют принятия решительных мер по противодействию преступности. Криминальная обстановка продолжает оказывать разрушительное воздействие на все сферы жизнедеятельности государства и общества – экономику, государственные и муниципальные органы власти и управления, мораль и нравственность граждан.

Среди множества острых проблем, стоящих сегодня перед Россией, одно из первых мест занимает наркомания. По существу она уже приобрела все признаки глобальной угрозы здоровью нации. Особую опасность для населения создает появление новых синтетических наркотиков.

Проблемы устойчивого развития и экономического роста связаны также с состоянием природной среды и обеспечением экологической безопасности. Напряженная экологическая обстановка во многих субъектах РФ обусловлена чрезмерной концентрацией промышленных предприятий, техническим несовершенством основных фондов и значительной степенью износа технологического оборудования, отсутствием или низкой эффективностью работы очистных сооружений, что определяет высокий уровень загрязнения окружающей среды. В современных условиях негативные факторы техногенного, природного характера представляют одну из реальных угроз стабильности социально-экономического развития страны [4].

Это далеко не полный перечень внутренних угроз для страны, их может быть значительно больше. Все они тесно взаимосвязаны, их ликвидация необходима не только для создания должного уровня национальной безопасности, но и сохранения российской государственности.

Поддержание политической стабильности является одной из традиционных задач политики обеспечения национальной безопасности любого государства. Главным условием противодействия угрозам политической стабильности страны служит создание благополучного и уверенного в своем завтрашнем дне общества. Однако процессы модернизации в России еще не завершены, а социально-экономические аспекты

регулирования существующих в обществе противоречий остаются на данном этапе слабыми и неустойчивыми.

Состояние национальной безопасности Российской Федерации напрямую зависит от экономического потенциала страны и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности [2, с. 6]. Что касается внешних вызовов в адрес нашего государства, то Президент РФ Владимир Путин считает, что Россия способна противостоять любым мировым угрозам. По словам главы государства, главная задача для страны сегодня – сохранить стабильность во внутривнутриполитической сфере [5].

1. *Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976)*
2. *Указ Президента РФ от 12.05.2009 N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»*
3. *Будущие военно-политические угрозы России. Прогноз до 2030 и 2050 годов [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/27668>*
4. *Оценка угроз внутренней безопасности государства до 2015 года [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.postsovet.ru/blog/russia/322702.html>*
5. *Путин: в случае внутренней стабильности России не страшны никакие угрозы [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aif.ru/politics/world/1491496>*
6. *Угрозы национальной безопасности России [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://orientir.milportal.ru/ugrozy-natsional-noj-bezopasnosti-rossii/>*
7. *У кого есть территориальные претензии к России [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian7.ru/2014/09/u-kogo-est-territorialnye-pretenzi/>*
8. *Что же будет с родиной и с нами: перспективы России в 2015 году [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/chto-je-budet-s-rodinoy-i-s-nami-perspektivy-rossii-v-2015-godu/ru>*

ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРВООСНОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сухарева А.М. (Санкт-Петербург)

Правовое государство является современной формой устройства и организации государственной власти на основе разделения властей и верховенства права как всеобщей и универсальной меры свободы, справедливости и формального равенства людей в обществе, гарантирующая и обеспечивающая посредством исполнения правовых законов последовательную защиту и реализацию фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, неукоснительное осуществление правовых законов во всех сферах общества. В нем правовой закон соответствует моральным нормам и естественному праву. Оно создает максимальную защищенность своих граждан от негативных влияний среды.

Взаимодействие между государством и обществом может носить двоякий характер. Если оно принимает форму плодотворного сотрудничества, то это свидетельствует о позитивных социальных процессах. В таком обществе высоко доверие граждан к закону, к государству. Именно такой тип сотрудничества и имеет место в случае, если в обществе действует правовое государство. Поэтому можно сделать вывод о том, что правовому государству присущ определенный ряд первооснов (принципов) его построения и функционирования:

- 1) Верховенство правового закона;
- 2) обеспечение прав и свобод человека и гражданина;
- 3) разделение властей;
- 4) высокий уровень правосознания и правовой культуры;
- 5) наличие гражданского общества.

Современная Конституция провозглашает Российскую Федерацию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Поэтому современный уклад жизни российского общества должен, в первую очередь, базироваться на всех вышеперечисленных принципах. Обращение к рассмотрению первого из них - верховенству правового закона – показывает, что положение дел в России в этом отношении оставляет желать лучшего. Так, социологи фиксируют существование в стране частных механизмов - различного вида «крыш» и иных теневых структур. Прежде всего, эта сила представлена коррумпированным чиновничеством. Исследования Фонда общественного мнения выявили, что в случае если должностное лицо не даёт просителю то, что ему положено по закону, 43% респондентов допускают дачу взятки чиновнику, от которого зависит решение вопроса. В результате жизнь российского общества регулируется не столько законом, сколько лоббистскими и иными «понятиями».

В отношении наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина уместно сказать, они в нашей стране ещё в недостаточной степени обеспечиваются со стороны государства. В равной степени это касается принципа взаимной ответственности государства и личности. В особенности сказанное касается привлечения служащих государственных органов и должностных лиц к ответственности, которые своими действиями (бездействиями) нарушили права и свободы граждан.

О разделении властей в условиях всесилья вертикали исполнительной власти не приходится даже говорить. Как известно, разделение властей не допускает сосредоточения власти в руках одного лица или небольшой группы лиц, обеспечивает подлинную демократию общества. В современной России вертикаль исполнительной власти и разделение властей друг с другом не сопрягаются.

Также о достижении высокого уровня правосознания и правовой культуры в современной России остаётся только мечтать. В настоящее время существуют проблемы в процессе формирования гражданско-правовой культуры. Это, в первую очередь, правовая безграмотность населения, нередкое противоречие нормативно-правовых актов реальной действительности, правовой нигилизм и отрицание нравственных принципов. Для разрешения этих и других проблем необходимо целенаправленная политика государства на повышения уровня правовой культуры общества через процессы правотворчества, законодательного процесса, а также средств массовой информации, художественной литературы, кино и искусство. Формирование позитивного отношения к закону, праву, знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом является основными задачами в процессе формирования гражданско-правовой культуры.

Наконец, относительно гражданского общества говорить о его существовании в нашей стране могут только люди с сильно развитым воображением. Правда, такое мнение не разделяют лидеры реально действующих в России независимых общественных организаций. Сферы и направления деятельности гражданских организаций в России чрезвычайно многообразны. Речь идёт о защите прав граждан и правовом просвещении, охране природы и экологическом просвещении, добровольных спасательных отрядах, помощи инвалидам, больным детям, одиноким старикам и многом другом. Вместе с тем, как отмечается в публикации ФОМ по данным проведенного специального опроса, российские граждане в большинстве своем продолжают видеть в общественных организациях номинальные структуры, а не реально действующие социальные институты: 70% респондентов или вообще ничего не знают, или лишь «что-что слышали» об этих организациях; почти столько же (73%) ответили отрицательно на вопрос, хотели бы они участвовать в деятельности одной из них. И даже те, кто осведомлен о деятельности таких организаций, часто не верят в их эффективность. Слабость наших организаций общественных в том, что они не могут защитить именно права человека. У нас альтернативы государственным органам власти по большому счету нет.

Неосведомленность населения о существующих в стране гражданских организациях и недоверие к ним, неверие в результативность их деятельности обусловлены несколькими обстоятельствами. Действительно эффективные гражданские организации содействуют решению проблем конкретных групп населения в масштабах городов и регионов, а точнее говоря, оказывают помощь конкретным людям, в эти группы входящим. Людей, такой помощи не получивших и вообще с гражданскими организациями непосредственно не контактировавших, в стране, естественно, подавляющее большинство.

В целом факт существования в России множества активно действующих гражданских организаций сочетается со слабостью их общественного влияния, неразвитостью практически-деятельных и информационных связей с основной массой граждан. Столь противоречивая ситуация не позволяет говорить о безусловно позитивном влиянии гражданского общества на обеспечение стабильности в стране.

Проанализировав особенности эволюции первооснов (принципов) развёртывания правового государства в реалиях современной России, можно сказать, что хотя нормативно (согласно действующей Конституции) Российская Федерация декларируется правовым государством, в действительности оно только стремится к этой цели.

1. Давыдов, А. А. К вопросу об определении понятия «общество» // Социологические исследования 2004. № 2. С. 14.
2. Самсонова Е. А. Исполнительная власть в постсоветских государствах (На примере России, Эстонии и Кыргызстана) // Политические исследования 2003. № 3. С. 87.
3. Беседина, В.А. Социально-правовые институты современного российского общества: особенности формирования и развития : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Беседина Валентина Алексеевна; [Место защиты: ГОУВПО «Санкт-Петербургский госуда
4. Сироткин, О.Е. Проблемы формирования гражданско-правовой культуры современного российского общества // сибирский педагогический журнал. 2010. №3. С.217.
5. Орлова, И.В. Социально-философский анализ гражданского общества как формы бытия современной демократии : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.11 / Орлова Ирина Викторовна; [Место защиты: Рос. гос. социал. ин-т] - Москва, 2007. С. 112.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ТУВЫ

Тезич М. (Анкара, Турция)

С катастрофическими последствиями глобальной политики, которая производит микро национализм против гражданского единства вынуждают нас задуматься о проблеме усиления общественного единения в территории государства.

Общественными организациями на различных мероприятиях используются особые обороты речи, которые эффективно способствуют укреплению национальной солидарности в душах граждан.

По этому, взаимоотношение между символами и разнообразными видами национализма нужно понимать.

В литературе существуют две основные школы – немецкая и французская. Каждый подход использует разные инструменты для того, что бы укреплять социальную солидарность и идентичность в рамках определенной территории.

Немецкая школа объясняет феномен – "нация" - на основе понятия крови (*Jus sanguinis*). Принадлежность группы осуществляется в рамках единой культуры, родного языка или этнической группы.

А французское понимание рассматривает "единство нации" в рамках (*Jus soli*) рождения в политической территории, которая формировалась через конституцию и гражданство. В этой школе, солидарность группы усиливается через изучение национальной истории и государственного языка.

В рамках укрепления гражданского общества или общероссийского патриотизма в условии многонациональной России, следует особенно выделить утверждение В. Тишкова о том, что "В России речь идет о российской идентичности, об общероссийском патриотизме. Здесь формула не "или - или" (или ты русский, или ты россиянин; или ты чеченец, или ты россиянин), а "и - и" [1].

В подтверждение мнению сформированному В. Тишковым, на общественных мероприятиях формула «и - и» проявляется в выражениях об общем историческом наследстве, такие как: великая победа, любовь к отечеству, защита родины, предки нашей страны, великая страна ... и т.д.

В 2010 году мы проводили исследование в республиках Бурятия и Тува. Результаты опросов молодежи отчетливо выявили, что общая историческая память о Великой Отечественной войне является "живой" и в настоящее время. На основе данных нашего исследования мы написали несколько статей, в которых подтверждается, что такое историческое событие как Великая Отечественная война – может играть роль в усилении общероссийского патриотизма или гражданского общества [2; 3].

В рамках этого исследования, мы наблюдали применение особых выражений и стилей речи в разных общественных мероприятиях в республике Тува. Анализируя эти выражения, мы надеялись обнаружить параллели существующие между исторической памятью о Великой Отечественной войне и нынешним общественным восприятием.

Для того, чтобы проанализировать эту проблему мы выбрали некоторые мероприятия, которые были организованы общественными движениями, и проанализировав выражения, исследовали общественное восприятие в этих действиях через новостные сайты.

В первую очередь мы рассматривали общественные мероприятия, которые были организованы общественными организациями об украинской и крымской ситуациях в прессе Тувы. Исследуя новости освещенные в прессе, можно заметить параллели существующие между исторической памятью о Великой Отечественной войне и нынешним общественным восприятием.

В этих рамках, для того чтобы выразить свое отношение к украинским событиям, в Туве были организованы разнообразные митинги. На этих мероприятиях общественные организации, а так же политические и общественные деятели выражали своё мнение.

16 февраля 2014 года президент республики Тува Шолбан Кара-оол выразил своё беспокойство о безопасности памятников и документов, относящихся к тувинским воинам-добровольцам, участвовавшим в освобождении ровенской земли от немецко-фашистских захватчиков. Шолбан Кара-оол отметил что, в городе Ровно существует много памятников, служащих символами единения народов, и сохраняются архивные документы о тувинских воинах-добровольцах, но из-за войны сегодня все эти материалы могут понести убытки. Шолбан Кара-оол отметил что "... мы обеспокоены общей ситуацией в Украине и сохранностью бесценных для Тувы реликвий. Все-таки мы очень надеемся на нормализацию обстановки и на то, что дальнейшие события будут развиваться в цивилизованных рамках, с уважением к исторической памяти" [4].

Так же как и глава республики Тува Шолбан Кара-оол, разные общественные организации, подчёркивая и утверждая такие символы как народ, родина, традиция отцов, дружба народов ..., выразили свое мнение о политических беспорядках в Украине. На пример: 6 марта 2014 г. на ассамблее народов Тувы был организован митинг в Кызыле.

Наблюдая за событиями на этом митинге можно четко увидеть, что историческая память о Великой Отечественной войне является актуальной, то есть "живой". Единение с украинским народом было выражено следующим образом: "...У России и Украины – общие исторические корни, общие культурные ценности. Многих из нас связывают с этой землей семейные узы, дружеские связи. Там живут друзья и родственники. Во многих семьях жителей Тувы хранят память об отцах и дедах, сложивших свои головы в боях за освобождение Украины от фашистов, среди них – тувинские добровольцы, освобождавшие города и села Ровенщины. Поэтому сегодняшние события не могут нас не беспокоить ..." [5].

Аналогично, 14 марта 2014 г. в Кызыле более четырех с половиной тысяч жителей Тувы приняли участие в акции «Народный сход за братский народ!» в поддержку многонационального населения Украины. На митинге демонстрировались такие лозунги, как: "фашизм, не пройдет!" , "Ровно, держись – Тува с тобой!". Об особенной связи России, Тувы и Украины говорили все выступающие, особо выделяя, что во многих тувинских семьях хранят память о героических подвигах тувинских добровольцев, освобождавших города и села Украины и отдавших за них свою жизнь.

Представитель молодежи Аюхан Кол обратил внимание на то, что “ жители России и Украины – это люди одной крови, с общей историей, общими духовными ценностями. И эту кровную связь очень сложно понять тем, кто пытается посеять раздор между Россией и Украиной”. Подобный подход так же был отмечен в речи председателя республиканской общественной организации «Потомки тувинских добровольцев» Алексея Сундуй. Он сказал о том, что “потомков тувинских солдат связывает многолетняя дружба с жителями города Ровно, где хорошо знают, как сражались с фашистами солдаты из загадочной Тувы” [5].

Так же, в речи главы города Кызыла Дины Оюн, посвященной 70-летию освобождения Ровенщины от немецко-фашистских захватчиков, было отмечено следующее:

“... Сегодня, несмотря на то, что пережил украинский народ, там поднимают голову фашистские молодчики. Мы должны дать отпор фашизму во всех его проявлениях в любой точке мира и поддержать братский народ в этой непростой ситуации” [5].

Параллели, существующие между исторической памятью о Великой Отечественной войне и современностью Тувы можно обнаружить в разных сферах жизни. Сегодня в Туве героическое прошлое Великой Отечественной войны сохраняется в памяти людей, и история о героических подвигах тувинских добровольцев передается новым поколениям, благодаря чему символ Великой Отечественной войны и сейчас является средством общей гражданской солидарности.

1 сентября отмечается День памяти добровольцев тувинской народной республики. В этот день во всех школах Тувы были организованы тематические торжественные линейки и прошли «Уроки мира» с участием потомков бойцов Великой Отечественной войны из Тувы. На этих уроках, дети добровольцев рассказывали о своих дедах и отцах, отдавших свои жизни и силы победе над фашизмом [6]. Кроме лекций, были организованы разнообразные мероприятия: организованы праздничные концерты, показаны культурно-образовательные телепередачи, такие как «Салют Победы!», «Тува – все для общей Победы!», «День Победы!» , в государственном архиве РТ был организован "круглый стол" на тему участия тувинских добровольцев в Великой Отечественной войне, а так же прошла выставка с демонстрацией фильмов, хроник и фотографий из архивных документов [6]. И другие важные мероприятия, посвященные этому историческому событию, прошли на всех 13 улицах столицы, названных в честь тувинских воинов, например, на площади Тувинских добровольцев, получив поддержку власти, был установлен памятник тувинским добровольцам [7].

Таким образом; почитая и сохраняя в памяти героические подвиги добровольцев, прививается знание и уважение к истории российского государства и родной республики,

воспитывая в подрастающем поколении патриотизм, ответственное и бережное отношение к своей семье, селу, Отчизне [6].

В итоге, можно утверждать что, у памяти Великой Отечественной Войны есть сила для того, что бы укреплять общественную солидарность в Российской Федерации.

1. Тишков В. XXI век признает права большинства // Русский журнал. <http://actualcomment.ru/news/29476>
2. Тезич М. Дж. Может ли понятие «единого отечества» быть основой гражданской идентичности «россиян»? // Общество: социология, психология, педагогика. Краснодар. 2012. № 3. С. 39-45.
3. Тезич М. Дж. Формирование определения российской нации в примордиальном конструктивизме (на примере Бурятии и Тувы). // Вестник Российской Нации. Москва. 2013. №1-2 (27-28) С.259-269.
4. Глава Тувы обеспокоен судьбой документов о тувинских добровольцах, хранящихся в музеях Ровенщины (Украина) <http://www.tuvaonline.ru/2014/02/26/glava-tuvy-obespoen-sudboy-dokumentov-o-tuvinskih-dobrovolcah-hranyaschih-sya-v-muzejah-rovenschiny-ukraina.htm>
5. Тува, чьи солдаты в 1944 году освобождали города и села Украины, выступила против фашизма <http://www.tuvaonline.ru/2014/03/14/tuva-chi-soldaty-v-1944-godu-osvobozhdali-goroda-i-sela-ukrainy-vystupila-protiv-fashizma.html>
6. Тува готовится 1 сентября отметить День памяти добровольцев Тувинской Народной Республики <http://www.tuvaonline.ru/2015/08/27/tuva-gotovitsya-1-sentyabrya-otmetit-den-pamyati-dobrovolcev-tuvinskoj-narodnoj-respubliki.html>
7. Тува: Волонтеры убрали 13 улиц, носящих имя добровольцев-фронтовиков <http://www.tuvaonline.ru/2015/08/30/tuva-volontery-ubrali-13-ulic-nosyaschih-ima-dobrovolcev-frontovikov.html>

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ И ОПТИМИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Терешина О.В. (Москва)

Важнейшей областью использования социологического мониторинга является изучение отношения граждан к политическим движениям, партиям, к конкретным политическим деятелям. Оно может быть выявлено путем постановки прямых вопросов типа: «Каково Ваше отношение к каждой из перечисленных ниже политических движений и партий (или политических деятелей)?» или посредством косвенных подходов. В частности, задавая вопросы, за кого из предлагаемого списка политических деятелей или за представителей какой партии респонденты будут голосовать на очередных выборах или если бы выборы были в данный момент. Получаемая посредством мониторинга информация позволяет понять складывающуюся в обществе ситуацию и тенденции ее развития.

Политическая организация представляет собой самоуправляющуюся структуру и как в любой управленческой деятельности, для обеспечения ее эффективности необходимо получение информации о том, насколько успешно реализуются ее цели (занять как можно более влиятельное место во властных структурах или хотя бы иметь возможность оказывать воздействие на осуществление государственной власти). Для политической организации такая информация должна, прежде всего, содержать данные о том, насколько успешно формируется ее популярность. Эту задачу решают с помощью мониторинга, который выступает инструментом социального управления.

Политические мотивы оказывают наибольшее влияние на формирование стратегии политических организаций. Партии, политические деятели, предлагая свой «политический товар» потенциальным избирателям, руководствуются своими политическими предпочтениями и одновременно вынуждены учитывать мотивы, определяющие

поведение тех или иных групп населения. Качество политического товара зависит и от набора установок, и содержания ролей, которые исполняет политический деятель (партия), и от умения играть эти роли. Качество политического товара является основным фактором, формирующим имидж, т.е. образ, индивидуальную привлекательность участника политической жизни. Имидж политика является одним из основных факторов, формирующих его рейтинг.

Рейтинг определяется через замер предпочтений населения, отдаваемых тому или иному политику. Он может иметь различную форму отображения (в баллах, процентах, ранжированных списках, диаграммах и т.д.). Систематический замер этих предпочтений и представляет собой мониторинг отношения населения к политическим деятелям и объединениям.

В прессе регулярно появляются публикации рейтингов различных политических партий и лидеров. Такая информация дает возможность оценить степень влияния политиков на реальные процессы, происходящие в обществе. Одновременно обнародование рейтингов кандидатов на те или иные должности само представляет собой средство формирования имиджа политиков.

Основой опросного инструментария электорального поведения населения являются индикаторы постоянных блоков вопросов.

Индикаторы блока «Политические предпочтения россиян относительно президентства РФ»:

- оценка деятельности нынешнего президента РФ;
- отношение к досрочным выборам президента РФ
- рейтинг кандидатов на пост, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье;
- выявление перспективного политического деятеля.

Индикаторы блока «Политические предпочтения россиян относительно состава Государственной Думы»:

- оценка респондентами деятельности существующих на настоящий момент фракций Государственной Думы;
- рейтинг существующих политических партий и движений, если бы выборы в Государственную Думу состоялись в следующее воскресенье.

Индикаторы блока «Наиболее эффективные по воздействию на электоральное поведение источники информации»:

- предпочитаемый телеканал;
- предпочитаемое периодическое издание;
- предпочитаемая радиостанция.

Индикаторы блока «Степень социальной напряженности»:

- оценка респондентами частоты возникновения конфликтов в последнее время;
- настроение респондентов;
- допустимые, по мнению респондентов, формы протеста и защиты своих прав.

Индикаторы блока «Степень доверия населения различным политическим институтам»:

- оценка респондентами степени своего доверия к перечисленным политическим институтам;
- наиболее авторитетная личность.

Электоральный мониторинг чаще всего проводят методом опроса, дополняя его другим методом сбора информации, например, систематическим контент-анализом материалов СМИ о деятельности политических лидеров и партий. Исследователем производится стандартизованное выделение и подсчет интересующих элементов содержания текста. Единицами анализа являются выделяемые смысловые единицы -

упоминания о политических деятелях и политических партиях, движениях (фамилии, имена политиков и названия партий) и оценка политических партий и деятелей. В качестве фиксируемых признаков признаются различные прямые и косвенные, но по контексту относящиеся к объекту выделения формы упоминания (Путин, Владимир Владимирович, ВВП, Президент РФ и т.п.). Условно все упоминания о политических деятелях и партиях делятся на негативные, нейтральные и позитивные. Негативная информация, наносящая вред имиджу объекта выделения, это а) прямая негативная информация об объекте, б) информация негативная по контексту, в) информация, содержащая издевку, карикатуры. Нейтральная информация не несет в себе какие-либо оценки. Позитивная информация определяется как работающая на формирование положительного имиджа объекта выделения.

Электоральный мониторинг, позволяет, во-первых, оценить эффективность усилий, направленных на решение политических задач, и, во-вторых, на основе такой оценки выработать меры, направленные на более эффективное управление деятельностью организации. Нежелательные для политической организации результаты выборов являются не какой-то загадочной случайностью, а закономерным завершением процессов, развивающихся на протяжении продолжительного времени (постепенное нарастание недовольства в массах деятельностью этой организации, снижения к ней доверия). Если своевременно заметить эти процессы, можно выправить ситуацию, внося коррективы в деятельность данной организации.

Коррективы могут вноситься по двум направлениям. Во-первых, это изменения в отношениях с органами власти и другими политическими структурами, поскольку именно их характер (недостаточно решительно предъявляются требования к органам власти, не добиваются принятия нужных законов, блокируются с политическими структурами, негативно воспринимаемыми социальной базой партии и т.п.) вызывает недовольство у тех, кто поддерживал эту организацию. Этих изменений обычно бывает недостаточно. Поэтому, во-вторых, коррективы должны быть внесены в постановку политической работы данной организации. Должна быть усилена массовая работа среди своих сторонников (а также тех, кто потенциально может стать сторонником).

Данные электорального мониторинга позволяют увидеть тенденции падения популярности организации задолго до очередных выборов. Эта информация станет гораздо более полезной для совершенствования управления организацией, если вопросник мониторинга, пополнить еще некоторыми вопросами. Так, целесообразно предусмотреть для респондентов, выражающих негативное отношение к определенным политическим организациям, вопрос о его причинах. Если из ответов на упомянутый вопрос может быть сделан вывод, что недовольство граждан можно признать обоснованным, нужно изменить ситуацию. И обязательно провести широкую информационно-разъяснительную кампанию. Однако изменения могут не быть обязательными.

Дополнительная информация для управления политической организацией может быть получена на основе ответов респондентов о разделяемых ими социальных и политических ценностях, об их общественно значимых интересах, о видении ими путей решения стоящих перед обществом проблем и т.д. При этом данные ответы необходимо сравнить с отношением респондентов к политической организации. Например, ответы, показывают, что среди респондентов, для которых приоритетными являются такие ценности, как патриотизм, рейтинг политической организации низок. Руководство из таких данных должно сделать выводы об изменении пропагандистской работы.

В ряде случаев для политической организации может представлять практический интерес информация о рейтинге политических деятелей, не входящих в ее состав.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА БЕЛГОРОД

Трофимова Т.Б. (Орел)

Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества; современные возрастные границы от 14-16 до 25-30 лет [1].

Политическая активность - понятие, раскрывающее совокупность действий, выход энергии индивидов и социальных групп, направленные на изменение своего политического статуса и окружения. Политическая активность проявляется в политических деятельности, общении, поведении и может быть направлена как конструктивно-реформационное изменение политического качества, так и на деструкцию отживших политических форм.

Все это в совокупности, с одной стороны, отличает молодежь от других возрастных и социальных групп общества, а с другой, позволяет ей объективно занимать весьма своеобразное место во всех сферах жизнедеятельности общества.

Поэтому очень важно исследовать молодежь, ее направление мыслей, взгляды, не только в социальной, культурной сфере, но и главное в политической.

В итоге было проведено исследование в Белгородской области на тему: «Молодежь региона» [2]. Была опрошена молодежь в возрасте от 18 до 38 лет. Опрос проведен, чтобы узнать мнение молодого поколения об устройстве региона, есть ли в нём проблемы и возможные пути их решения. В результате можно наблюдать следующие результаты.

По степени удовлетворенности граждан личной жизнью можно судить об уровне доверия к правительственным органам, к направлению политики и т.д. Половину респондентов, их жизнь, скорее устраивает, чем нет (47%). Треть опрошенных устраивает полностью. И лишь 19% недовольны своим нынешним положением. Смотря на такую нестабильную ситуацию в стране, удивительно, что процент недовольных невысок. Но видя такие результаты, сразу возникает вопрос: интересуется ли молодежь политикой, чтобы понять устраивает жизнь или нет, почему так сложились дела в стране, такая ситуация?

В настоящее время, меньше половины опрошенных (44%) политикой интересуются, но не хотят вникать и пропускают детали. 6% вообще не интересуются происходящим, они не довольны положением дел в стране и в связи с этим, отстранились от всего, а очень интересуются и следят за всеми происходящими событиями 27% респондентов.

Последние несколько лет оказались сложными для нашей страны. Нынешняя ситуация с Украиной ввела Россию в вынужденные конфликты с другими странами. Это, естественно, сказывается на настроении граждан не только столицы, но и других регионов. В особенности Белгорода, так как они расположены близ государственной границы. Исходя из этого, представители Белгорода скорее согласны, чем не согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении (42%). Есть люди, которых политика не интересует в большой степени, соответственно и не осведомлены о деталях происходящего (14%). Напротив, 12% опрошенных заботит нынешний курс страны, выразили несогласие с ним.

Осведомленность положением дел в политике дает возможность молодежи строить свое мнение о положении дел в стране, регионе или муниципальных районах.

По результатам исследования можно вывести некую закономерность: чем меньше охват оценки положения в стране, тем уровень удовлетворенности делами молодого поколения выше. Например, на уровне страны положением дел довольны 30% респондентов, на региональном уровне 38%, а на местном 49%.

Это говорит о том, что отдельный регион страны не может принимать участие в управлении межгосударственных дел, на это просто не хватит ресурсов. Соответственно, на местном уровне, это сделать легче, так как территория меньше, население, все чиновники могут держать под контролем проблемы региона.

Направление мыслей человека зависит от его приверженности к определенной партии, так как она выражает его мнение, взгляды.

На вопрос «Как бы вы определили свои идейно-политические взгляды?» 35% молодежи Белгорода ответила, что она является сторонником самостоятельного русского пути развития. Немалый процент респондентов (26%) оказались сторонниками сочетания различных идей, но избегающих крайностей. 10% опрошенных вовсе не интересуются политикой, а 13% затруднились с ответом.

Что касается политических взглядов, то 35% женщин оказались сторонниками сочетания различных идей, но стремящихся избегать крайностей, что очень много в сравнении с мужчинами – 12%. Сторонниками самостоятельного русского пути развития стали преимущественно мужчины – 46%, тогда как женщин 28%. В итоге можно сделать вывод: мужчины являются более националистичны в выборе пути развития страны, нежели женщины.

Таким образом, молодое поколение Белгорода в целом довольно своей жизнью в стране и верит в светлое будущее. Несмотря на то, что большинство респондентов не вдаются в подробности политических дел страны, немалый процент (60%) считает, что Россия ведет правильный курс своего развития. Соответственно, и уровень доверия к правительственным органам высок.

В итоге можно сказать, что политическая активность современной молодежи Белгорода довольно высока, несмотря на то, что около половины склонны к национализму. Больше половины интересуются политикой, доверяют правительственным органам. Соответственно считают, что Россия ведет дела в правильном направлении.

Неудивительно, что есть люди, которые хоть и интересуются политическими процессами, но не хотят принимать в них участие, недовольны направлением дел в стране и уровень доверия невысок к правительству.

Хорошо, что процент данных граждан небольшой, ведь будущая судьба демократии, нашей страны зависит от вовлеченности граждан, а в особенности молодежи, в демократический процесс не только на уровне Белгорода, но и на федеральном уровне. Нежелание людей приходить к избирательной урне ведет к образованию большего числа недовольных политическим курсом. Поэтому очень важно воспитывать в молодом поколении патриотизм, направлять и развивать в них электоральное поведение.

1. *Современный толковый словарь [Электронный ресурс] // Молодежь [Сайт]. [2015] Url: <http://www.moderndictionary.ru/term/МОЛОДЕЖЬ> (Дата Обращения 30.09.2015).*
2. *Социологическое исследование на тему «Молодежь города Белгорода». Опрос проведен в июне-июле 2015 г. Руководитель – Проказина Н.В., доктор соц. наук, доцент. Объем выборки – 100 респондентов. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, месту проживания.*

СУПЕРТЕРРОРИЗМ: КАК ОБЕСПЕЧИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ?

Усенко Р.С. (Москва)

Супертерроризм – побочный эффект технологического прогресса, который существенно расширяет разрушительный потенциал традиционного международного терроризма за счет применения оружия массового уничтожения. В рамках представленного доклада автор делает акцент на ядерном терроризме как разновидности супертерроризма и риске попадания в руки террористических группировок ядерных

материалов. Также автор выводит тезис о неделимости мирового пространства ядерной безопасности через сущностный и количественный анализ процессов, призванных обеспечить безопасность ядерных материалов. Применительно к России проблема носит актуальный характер ввиду наличия на территории самой страны и территории соседних государств значительных объемов ядерных материалов, обеспечение безопасности которых требует принятия дополнительных мер.

Сегодня данной проблеме уделяется больше внимания в западной литературе, чем в отечественной. Это связано с исторически более активным участием США в проектах, связанных с обеспечением безопасности ядерных материалов во всем мире. Тем не менее, в последние два десятилетия Россия также принимает самое непосредственное участие в этих проектах, выступая в качестве инициатора и регулятора целого ряда программ, направленных на уменьшение числа государств, обладающих уязвимыми ядерными материалами, и уменьшение самого объема этих материалов. Такой рост российского участия в международном противостоянии новому вызову современности нашел отражение в работах О.А. Бухарина, А.С. Дьякова, Д.А. Ковчегина, А.В. Павлова, П.Л. Подвига, И.А. Сафранчука, А.В. Федорова. В зарубежной литературе по данной тематике следует выделить работы М. Банна, Ф. Блика, Ф. фон Хиппеля.

Обеспечение безопасности ядерных материалов – один из центральных элементов режима ядерного нераспространения. Этой цели, помимо безопасного хранения и перевозки материалов, служит сужение круга места обращения с ними (консолидация), а также переработка урансодержащих материалов с высокой степенью обогащения в продукты с содержанием низкообогащенного урана (конверсия) [1].

Почему наибольшие риски связаны с высокообогащенным ураном (ВОУ)? Основных причин две: высокая доступность, вытекающая из широкой применимости, и уязвимость в плане утечки (низкая вероятность обнаружения вкупе с человеческим фактором) [2].

Ни одно государство не заинтересовано в том, чтобы какой-либо другой актор получил доступ к его ядерным материалам. И все же запасы, хранящиеся на мирных объектах, не всегда удостоиваются должного внимания со стороны правительств. В силу сравнительно небольших объемов используемых ядерных материалов большинство реакторов в мире обладают минимальными мерами безопасности [3, с.38]. По этой причине именно эти объекты могут являться наиболее желанной целью террористических группировок.

Перемещение похищенного материала отследить достаточно сложно, а изготовление из него простейшего ядерного оружия не требует наличия новейших технологий. Из этого следует, что полностью исключить риск кражи с объекта возможно, лишь сократив до нуля объем материалов, представляющих интерес для террористов.

Каково политическое измерение рассматриваемых процессов консолидации и конверсии? Если рассматривать террористические группировки как общего врага мирового сообщества, то этот общий враг может и должен сплотить тех, кто поставил себе целью борьбу с угрозой ядерного терроризма. И все же политика может ставить вполне ощутимые барьеры перед международной кооперацией в этой сфере, поскольку сотрудничество не всегда является самоцелью и в некоторых случаях используется для достижения иных целей. Кроме того, наблюдается стойкая зависимость динамики этих процессов от наличия твердой политической воли в странах-участницах. Наконец, именно в сфере политики задаются рамочные положения совместной работы на международном уровне, которые затем детализируются в соответствии с конкретными нуждами.

Пройдя через Вторую мировую войну, человечество успело узнать разрушительную силу ядерного оружия. С этого момента вопрос ядерной безопасности занял место в мировой повестке дня [4]. Однако динамика процессов консолидации и конверсии переживала как спады, так и подъемы. Предпосылки активизации этих процессов можно условно разделить на три хронологических этапа: 1. Рубеж 70-80-х гг.

XX века (рост обеспокоенности проблемами ядерного нераспространения) 2. Начало 90-х гг. (распад СССР и последовавший за ним дефицит безопасности на ядерных объектах постсоветского пространства) 3. Начало XX в. (мир после терактов 11 сентября 2001 г.)

Наиболее масштабным проектом по обеспечению безопасности ядерных материалов с участием России стало Соглашение ВОУ-НОУ от 1993 г. (с США), рассчитанное на 20 лет и предполагавшее передачу американской стороне не менее 500 тонн ВОУ с последующим его разбавлением [5]. Главными мотивами к подписанию договора стали обеспокоенность уровнем безопасности ядерных объектов после распада СССР, необходимость реализации положений договора СНВ-1, а также непростая экономическая ситуация в России в начале 1990-х гг.

По мере роста своего реального суверенитета Россия стала принимать участие в подобных проектах и в качестве стороны, принимающей ВОУ. К числу таких инициатив можно отнести проекты «Сапфир» (с Казахстаном), «Олимп» (с Грузией) и «Винча» (с Сербией) [6, с. 3-10].

Несмотря на наличие широкой международно-правовой базы сотрудничества, процессы консолидации и конверсии до сих пор не затрагивают Израиль и Пакистан. Это говорит о том, что территориальный охват процессов, в отличие от их количественной динамики, пока оставляет желать лучшего. На фоне этого следует помнить о том, что террористы всегда будут пытаться заполучить нужный материал не там, где его больше всего, а там, где это сделать легче всего, и что даже одна ядерная бомба в руках террористической группировки будет представлять огромную угрозу для всего мирового сообщества. По этой причине следует стремиться к неделимости мирового пространства ядерной безопасности.

1. *Евпланов И.В. Реализация программы консолидации и конверсии невостребованных урансодержащих материалов в современных рыночных условиях. / С.В.Алексеев, И.В.Евпланов, П.П.Мизин // Проблемы современной экономики. – 2007. - №4 (24).*
2. *Ковчегин Д.А. Физическая защита, учет и контроль ядерных материалов: новые условия. / Д.А. Ковчегин // Индекс безопасности. – 2014. - №1 (108). Т.20.*
3. *Wier A. Securing the Bomb: An Agenda for Action. / M. Bunn, A. Wier// Cambridge, MA: Harvard University. - May 2004.*
4. *Address by Mr. Dwight D. Eisenhower, President of the United States of America, to the 470th Plenary Meeting of the United Nations General Assembly. Tuesday, 8 December 1953, 2:45 p.m.*
5. *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия. Вашингтон, 18 февраля 1993 г.*
6. *Bleek Ph. Global Cleanout: An Emerging Approach to the Civil Nuclear Material Threat. / Philipp C. Bleek // Harvard University. - September 2004.*

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Фаустова Т.С. (Орел)

В современном российском обществе наиболее восприимчивой к нововведениям социальной группой является молодежь, которая формирует свое мировоззрение и способна скорее других усвоить новые взгляды, однако российская политическая культура обращена в будущее при недостаточном внимании к прошлому, при отсутствии осознанного следования традициям, чувствительности к новым веяниям. В России сегодня проживает 39,6 млн. молодых граждан, что составляет 27 % от общей численности населения страны[1]. По данным исследований НИИ при Институте молодежи, большинство юношей и девушек считают своей родиной Россию. Молодое поколение

видит себя главным фактором устойчивости и развития своей страны (68,4 %), движущей силой коренных преобразований в обществе. Директор Российского научно-исследовательского центра Б.А. Ручкин считает, что молодежь - это не только будущее, она «живое настоящее и важно понять, насколько уже сегодня молодое поколение определит содержание и характер своего будущего» [2].

Формирование жизнеспособного подрастающего молодого поколения становится одной из главных стратегических задач развития страны. В этом смысле молодежь - объект национально-государственных интересов, один из главных факторов обеспечения развития государства и общества. Политика по отношению к молодежи формируется на уровне общества и государства. Государство обладает наибольшими ресурсами для проведения целостной молодежной политики.

В данном контексте целесообразно исследовать способности молодого поколения выполнять гражданские обязанности и участие молодежи в общественной и политической жизни общества. Изучение данных европейских исследований о формах участия молодежи в жизни общества, а тем самым активной гражданской позиции (в плане вклада, который она вносит в общество, в той или иной форме), указывает на происходящие изменения этих форм. А именно, отдаление молодых людей от формальных групп, таких как политические партии и членство в молодежных организациях, и становление временных неформальных объединений молодых людей по принципу общности интересов или общих дел. Многие назвали бы это уходом из общественной сферы жизни, политики, обсуждений и дебатов в сферу гражданского общества или личную сферу жизни [3]. В России неучастие молодых людей в сфере общественной жизни во время переходного периода и их уход от политической активности в 1990-е гг. вызвал всеобщую озабоченность. Государственные деятели высокого уровня выражали тревогу, каким образом столь апатичное, равнодушное, политически и социально некомпетентное поколение будет выводить нацию,

государство из бедности и вести к процветанию [4]. В 2000-х гг. картина кардинально изменилась. Неожиданно молодые люди заполнили политическую жизнь. Появилась молодежь, активно стремящаяся в политику, в систему принятия политических решений. Усилились политические организованные действия молодежи, ориентированной на оппозиционные партии. Повысился интерес молодого поколения и к общественным организациям [5]. Хорошо известно, что внутри российского гражданского общества существует множество организаций, которые занимаются социальными вопросами или благотворительностью, и многие из этих организаций возглавляет молодежь. В то же время при опросах молодые люди заявляют об отсутствии интереса к политике или вступлению в ряды каких-либо организаций [6].

Согласно опросу, проведенному кафедрой «Социологии и психологии управления» Орловского филиала РАНХиГС на тему «Молодежь г. Орла» [7], орловская молодежь в целом довольно аполитична, что неизменно подтверждают любые выборы - молодые избиратели участвуют в них гораздо реже, чем представители старших поколений. В ходе исследования лишь 33% молодых респондентов заявили, что интересуются политикой. Респонденты в возрасте 23-26 лет почти столь же часто, как и россияне в целом, утверждают, что многие из их ровесников интересуются политикой (27 % и 30 %, соответственно), а более молодые участники опроса - гораздо реже (всего 18 %). Причем 69 % представителей этой младшей группы определенно заявляют, что среди их сверстников ею интересуются лишь немногие. Между тем, большинство орловчан считают нужным, чтобы люди, не достигшие 25 лет, занимались политикой (61%). Многие говорят о достоинствах молодежи, предуготовляющих ее к занятию политикой: склонности к новым идеям, свежести мысли, образованности, энергии, прагматизме, смелости (9%), а также о необходимости обеспечить преемственность поколений в политике (5%). На разные лады формулируется и мысль о полезности занятия политикой для самой молодежи: респонденты считают, что это позволит молодому поколению

отстаивать свои интересы (7%), будет содействовать личностному росту, взрослению молодых, их самореализации (5%), приобщать к жизни страны, знакомить с ее проблемами (4%), наконец - оберегать молодежь от деградации и разложения, давать ей конструктивные цели и идеалы, отвлекать от пьянства и наркотиков (4%). Но в целом, как видим, в Орле определенно превалирует мнение о необходимости участия молодежи в политике. Однако стоит отметить, что именно в среде молодежи - несмотря на очевидные свидетельства аполитичности молодого поколения - оказалось гораздо больше людей, которые в принципе хотели бы вступить в какую-либо политическую организацию, чем в иных возрастных группах.

Ощущаемый недостаток информации об участии молодежи в общественной жизни может быть объяснен тем, что многие организации работают на сугубо местном уровне и редко попадают в сферу внимания исследователей, интересующихся более широкими общественными тенденциями. В то же время развитие такой «гражданской инициативы» - общественной активности неформальных групп или ассоциаций молодежи на местном уровне - явно выступает задачей для российского правительства в области молодежной политики.

1. *Молодежь в условиях политической модернизации современной России. Известия СГУ - Политология. URL: <http://www.poliz.ru>*
2. *Молодежь в России. Обзор литературы - Москва, 2010*
3. *Дентон А. Русская политическая культура // Вестник. 2006. № 5.*
4. *Луков Вал.А., Миневиц Я.В. Будущие политики: Социализация студентов, ориентированных на профессиональную политическую деятельность. М., 2010.*
5. *Исследовательская группа ЦИРКОИ Социальнополитическая активность молодежи (некоторые результаты социологического исследования к заседанию семинара «Полития» 25 мая 2012 г.).*
6. *Официальный сайт ФОМ. Социологическое исследование на тему: «Политическая культура молодежи» [Электронный ресурс]//[сайт]. [2014] URL: <http://fom.ru/index.php?id> (дата обращения: 17.09.2015).*
7. *Социологическое исследование на тему «Молодежь города Орла». Опрос проведен в июне-июле 2015г. Руководитель – Проказина Н.В., доктор соц. наук, доцент. Объем выборки – 400 респондентов. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, месту проживания.*

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Февральская М.А. (Оренбург)

Электоральный процесс включает в себя всю политическую действительность, связанную с выборами и обретающую смысл благодаря им (избирательные кампании, политическая конкуренция и нормы, отражение результатов выборов в политическом процессе и т. п.). Электоральный процесс включает в себя институциональный и поведенческий аспекты, первый связан с нормативным регулированием выборов, а второй с особенностями поведения избирателей, их активности и т.д. Данный процесс охватывает как предвыборный, так и избирательный период.

Особенностью электорального процесса в России является его изменчивость. Это проявляется в различных аспектах, например процедура выборов глав субъектов РФ, которая претерпевала изменения - так с 1996 по 2004 г. глава субъекта выбирался прямыми выборами, с 2005 по 2012 назначался Президентом РФ, с 2012 г. была вновь возобновлена практика прямых выборов. Подобная практика связана и с выборами в Государственную Думу, когда со сменой требований, предъявляемым к политическим партиям изменился их количественный состав. Например, на думских выборах в 1995 г. количество зарегистрированных партий, объединений и блоков дошло до 43. Однако в

2011 г. их количество сократилось до 7. Тем не менее, впоследствии это число вновь увеличилось до нескольких десятков, что в первую очередь связано со смягчением требований – в декабре 2011 Президент РФ снизил минимальную численность членов политических партий до 500 человек.

Эта особенность проявляется как на самом высшем уровне – например, изменение срока полномочий президента РФ с 4 до 6 лет, так и на региональном и местных уровнях. Так при выборе депутатов в местные органы власти изменения претерпевают вид избирательной системы и способ их избрания – по одномандатным округам или партийным спискам. В конце 2014 г. изменения процедуры выборов коснулись и Оренбургской области: в ней были отменены прямые выборы глав городов. Теперь граждане будут голосовать за депутатов, которые из своего числа выберут градоначальника, а специальная конкурсная комиссия назначит сити-менеджера. Похожая схема принята и в районах. Здесь разработали «трехступенчатую» схему. Жители выбирают депутатов от сельских поселений. Затем народные избранники должны пройти в райсовет. Из такого же списка определяют и главу района [2].

Частые изменения процедуры выборов не добавляют государству стабильность, однако они вызваны объективными причинами, главная из которых – относительно недавняя смена политического режима. Со времени отмены 6 статьи Конституции СССР о доминирующей роли коммунистической партии и перехода к демократизации общества прошло всего 25 лет, что является небольшим периодом в истории государства. Таким образом, в современной политической России существует либеральный политический режим, который является переходной формой, при которой в политической системе и обществе формируются основы демократического режима. Для него свойственна нестабильность, которая проявляется и в электоральном процессе.

О том, что Россия далека от развитой демократии, говорят результаты нескольких последних выборов в Государственную Думу, на которых с большим перевесом победу одерживала партия власти – «Единая Россия». Тем самым в России существует политическая система с доминирующей партией, в которой, несмотря на то, что существует легальная оппозиция, она не имеет заметной силы в государстве. Слабость оппозиции отрицательно сказывается на общем развитии государства и общества, так как именно в процессе конкуренции между оппозицией и действующей властью лучше всего решаются проблемы общества, и функционирует государство. Результаты опросов всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) показывают, что деятельность оппозиции в России имеет больше неодобрительных оценок, чем одобрительных. Слабость оппозиции влияет и на поведение избирателей в процессе выборов. Некоторые люди, голосующие за правящую партию имеют к ней немало претензий, но ввиду отсутствия хорошей альтернативы вынуждены следовать принципу «выбирать наименьшее из двух зол» [4].

Либеральный режим отличается наличием у граждан либерального сознания, которое детерминирует их поведение на выборах. Основными признаками либерального сознания являются: критическое отношение общества к власти и недоверие к ней; высокий уровень политической активности общества; большой быстропроходящий интерес к политике; низкая степень ответственности власти и граждан.

По мнению С. Уайта, Р. Роуза и М. Алистера, у современного российского избирателя еще не завершен процесс формирования политической / партийной идентификации, в соответствие, с чем программы и идеологические установки политических партий не играют определенной роли при осуществлении электоратом политического выбора [5].

Следующей особенностью электорального процесса в России является большое значение личного фактора. Особенно ярким примером является тот факт, что именно личность В.В. Путина, по мнению многих аналитиков, обеспечивает и поддержку «Единой России» на парламентских выборах, несмотря даже на то, что различные

социологические опросы, мониторинг Интернета свидетельствуют о весьма невысокой популярности данной политической партии среди российских граждан. Схожая тенденция существует и в других крупных политических партиях – многие граждане имеют хорошее представление лишь об их лидерах.

В партийных системах большинства стран Западной Европы классовая принадлежность играет важную роль в голосовании на выборах. Так в Германии более обеспеченные люди (особенно верующие) голосуют за христианских демократов, а менее обеспеченные – за социал-демократов. В Великобритании рабочий север поддерживает лейбористов, а буржуазный юг – консерваторов. Во Франции схожие классовые линии разделяют социалистов и правых. Даже в США, в истории которых классовые различия занимали более скромное место, богатые более склонны голосовать за республиканцев, а не за демократов. Для российского электорального процесса характерна слабая дифференциация электората по классовому фактору у различных политических партий и их лидеров.

Это подтверждают результаты статистического анализа опроса о партийных предпочтениях россиян, проведенного Фондом общественного мнения (ФОМ). Странники четырех самых больших партий в России («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия») показывают удивительное отсутствие различий с точки зрения дохода, образования, места жительства и рода занятий.

Единственные различия, существующие в электоратах различных партий заключаются в половозрастном характере. Так, среди пожилых россиян заметно меньше приверженцев «Единой России», чем среди молодых. В то же время пожилые люди значительно чаще голосуют за КПРФ. Женщины поддерживают «Единую Россию» больше, чем мужчины, которые более склонны к голосованию за оппозиционные партии (особенно ЛДПР) или чаще говорят, что вообще не примут участие в выборах.

Данная закономерность подтверждает идею о том, что многие россияне голосуют не за программу политической партии, а за ее лидера. Возможно, с этим связана популярность поддержанной Путиным «Единой России» среди женщин, а ЛДПР с ее эксцентричным лидером Жириновским – среди мужчин. Другим способом сложно объяснить разницу в голосовании между мужчинами и женщинами. Единственный серьезный социальный разрыв, который разделяет российский электорат, носит возрастной характер и связан с ностальгическим голосованием за КПРФ пожилых людей [1].

Также различия в ходе выборов связаны с особенностями субъектов Российской Федерации. Особенно хорошо различия заметны в явке избирателей. Традиционно высокая явка избирателей характерна для регионов Северного Кавказа России – например, на выборах президента России в 2012 г., в Чечне явка составила более 99%, в Дагестане – свыше 91%. В то же время ряд регионов отличается низкой явкой – Приморский край – 46,6%, Владимирская область – 53%. Такая разница может зависеть от разных факторов: отношением избирателей к существующей власти в регионе, а также исторически сложившимися особенностями, традициями и др.

Однако, несмотря на существующие недостатки, существуют и положительные тенденции, связанные с организацией и проведением выборов в России. В частности использование на последних выборах видеокамер на избирательных участках и трансляция происходящего в Интернете. Данное нововведение позволяет любому гражданину следить за происходящими выборами на любом участке, а также позволяет выявлять различные нарушения при этом, не нарушая принципа тайности голосования. Это позволяет повысить прозрачность процедуры выборов, что имеет большое значение. Так инициативный опрос ВЦИОМ 11.12.2011 «Если Вы не участвовали в выборах, то почему?» показал, что 20% избирателей, не участвовавших в выборах, сказали, что не принимают участие в выборах, так как они считают, что выборы все равно будут

сфальсифицированы, и от их участия в них ничего не зависит. Следовательно, повышение доверия к выборам и их результатам важный аспект электорального процесса [3].

Таким образом, анализ различных особенностей электорального процесса в России свидетельствует о том, что Россия далека от стран с развитой демократической системой, где процедура выборов оформилась намного раньше, а уровень взаимной ответственности общества и государства выше и ей предстоит ещё немало сделать по улучшению электорального процесса.

1. Бессуднов, А. 9 графиков: кто голосует за «Единую Россию», коммунистов и ЛДПР?. [Электронный источник] URL: http://slon.ru/russia/sotsiodemograficheskoe_issledovanie_karty_vyborov-684349.xhtml (дата обращения 28.06. 2015 г).
2. Золотова, А. В Оренбургской области отменили прямые выборы глав городов [Электронный источник] URL: <http://www.ural56.ru> (дата обращения 26.06. 2015 г).
3. Мамонов, М. В. Электоральные предпочтения россиян: семь пятниц на неделе? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (114) / 2013.
4. Одобрение деятельности общественных институтов [Электронный источник] URL: <http://wciom.ru> (дата обращения 28.06. 2015 г).
5. Савченко, С. М. Особенности электорального поведения граждан современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. № 2 / 2012.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И.А. ИЛЬИНА

Фёдорова Е.В. (Москва)

Современные общемировые процессы, а также социально-политические и экономические события, происходящие в России, свидетельствуют о ее возрастающей роли на мировой арене. В связи с этим, особую значимость приобретают взаимоотношения России со странами Запада как наиболее влиятельного субъекта международной политики, экономики и культуры. Ситуация на Украине, антироссийские санкции, участие российского государства в антитеррористической операции в Сирии – всё это привело, с одной стороны, к усилению политического и экономического давления на Россию, а также к увеличению внешних и внутренних угроз. Но с другой стороны, данные события способствовали появлению уникальной возможности переосмыслить российско-западные отношения, повысить свой международный авторитет и занять более прочные позиции. Для этого России необходимо обратиться к источникам формирования исторически складывающихся взаимоотношений с Западом, понять свои особенности и соотнести их со спецификой западной политики, экономики, культуры и образа жизни. И наконец, на основании данного анализа определить наиболее адекватную модель поведения по отношению к западным державам, сочетающую и партнерские ориентации, и собственные национальные интересы.

Проблема взаимосвязи России и Запада всегда была одной из центральных и наиболее дискуссионных тем на протяжении всей истории развития русской мысли. Немаловажный вклад в ее разработку внес и социальный философ, государствовед, правовед, а также религиозный мыслитель эпохи Русского Серебряного века Иван Александрович Ильин (1883 – 1954 гг.). Наблюдая трагические события русской и мировой истории конца XIX – первой половины XX века, он полагал, что единственно верным и спасительным путем дальнейшего развития российского общества должно стать освобождение от воздействия западной цивилизации и поиск своих собственных смыслообразующих корней. По мнению И.А. Ильина, культуры России и Запада совершенно различны, они не могут быть сведены одна к другой, поэтому слепое

копирование западных ценностей, образа жизни, политических и экономических моделей может стать для российского общества роковой ошибкой.

Он полагал, что «Россия не спасется никакими новыми видами западничества... всякое давление с Запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не интерес русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации» [6, с. 489]. Т.е. в лице западного мира И.А. Ильин видел, отнюдь не союзника, а коварного врага, стремящегося ослабить и подчинить себе российское государство. В своей работе «О национальном призвании России» (1940 г.) мыслитель излагает сформировавшееся на Западе ещё в начале XX века мнение о российском обществе, народе и культуре, которые воплощают в себе «символ духовного бесплодия, изначального и конечного» [1, с. 376]. Но именно Россия, возражает И.А. Ильин, всегда оказывала на Запад огромное влияние как самый крупный поставщик ресурсов, как опасный и в то же время перспективный союзник, которого за всю историю так никто и не смог завоевать.

По глубокому убеждению мыслителя, Запад боится и отчасти презирает Россию, потому что не знает и даже не стремится узнать, а также понять ее национальные особенности и культуру. Прежде всего, западному человеку не доступен русский язык, который И.А. Ильин считал одной из ключевых национальных черт. «Наш дивный, наш могучий, наш поющий язык» мог бы открыть для западного человека всю глубину русской жизни, если бы он только захотел его по-настоящему изучить, ведь «в нем вся она, – наша Россия» [3, с. 17]. Запад также не понимает традиционной для российского общества православной религиозности. И.А. Ильин указывал на фундаментальные различия между Православием и Католицизмом, сформировавшие совершенно противоположные установки на жизнь у российских и западных народов. Католическая Церковь всегда искала власти, стремилась быть безусловным авторитетом для людей, контролировать их души, в то время как Православная Церковь обращалась к сердцу, призывала принять веру свободно через созерцание и любовь. И.А. Ильин был убежден, что «вся русская культура слагалась, крепла и расцветала в духе Православия» [2, с. 412], в лоне которого испокон веков формировался русский национальный быт.

В связи с этим, мыслитель заключает, что Россия не Запад, у нее свой исторический путь, свои задачи и должны быть свои способы их решения. И, прежде всего, это касается выбора государственной формы. И.А. Ильин критиковал западную формальную демократию, а также свойственную ей систему выборов, полагая, что ее суть можно описать следующим утверждением: «все формально свободны, все формально равны и все борются друг с другом за власть ради собственных интересов, прикрываемых общей пользой» [4, с. 394]. Но даже к очищенной от этих недостатков зрелой демократии Россия еще должна подготовиться, т.к. в ней до сих пор нет прочных основ гражданского общества и правового государства, здорового правосознания и высокого уровня политической культуры. И.А. Ильин был убежден, что и национальные особенности россиян не располагают к демократии в чистом виде, поскольку исторически у нас сложилось монархическое правосознание, а также склонность к авторитаризму. Вот почему России необходима творческая и десятилетиями подготовленная комбинация монархической и республиканской форм правления.

И наконец, И.А. Ильин призывал отказаться от тотального отрицания всего западного, напротив, он считал, что России есть чему поучиться у представителей данных стран, но не «внутренним» духовным основам культуры, а «внешним» качествам жизни, которые в западном мире развиты намного лучше (например, хозяйственный быт, основы гражданственности и т.д.). Мыслитель приводит пример Петра I, который «постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир, с тем чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между Православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой – с другой стороны» [5, с. 388-389].

Взгляды и идеи И.А. Ильина на сложные российско-западные отношения находят поддержку и в современной России. Так, согласно данным социологических исследований, проведенных Левада-Центром в 2014 году, 79% россиян полагают, что крупнейшие страны Запада – это противники России, которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам [7, с. 201], а среди союзников они называют такие страны СНГ и азиатские государства, как Беларусь, Китай, Казахстан, Армения и Индия [7, с. 199]. Таким образом, жители России ощущают все большую потребность в поиске собственной национальной идентичности и основанных на ней экономики, политики и культуры. Но в то же время, россияне понимают, что в стране необходимо улучшать уровень и качество жизни, опираясь преимущественно на опыт западных стран. Все это делает идеи И.А. Ильина актуальными и ценными, способными указать верный вектор становящихся все более противоречивыми взаимоотношений России и Запада.

1. Ильин И.А. *О национальном призвании России* // И.А. Ильин. *Собр. соч. в 10 тт.* – Т. 7. – М.: Русская книга, 1998. С. 373 – 415.
2. Ильин И.А. *О Православии и Католичестве* // И.А. Ильин. *Наши задачи. Статьи 1948 – 1954 гг. В 2 тт.* – Т. 1. – М.: Айрис-пресс, 2008. С. 402 – 413.
3. Ильин И.А. *О России. Три речи* // И.А. Ильин. *Собр. соч. в 10 тт.* – Т. 6. – М.: Русская книга, 1996. С. 7 – 34.
4. Ильин И.А. *О формальной демократии* // И.А. Ильин. *Наши задачи. Статьи 1948 – 1954 гг. В 2 тт.* – Т. 1. – М.: Айрис-пресс, 2008. С. 393-397.
5. Ильин И.А. *Опасности и задания русского национализма* // И.А. Ильин. *Наши задачи. Статьи 1948 – 1954 гг. В 2 тт.* – Т. 1. – М.: Айрис-пресс, 2008. С. 385 – 393.
6. Ильин И.А. *Основы государственного устройства* // И.А. Ильин. *Собр. соч. в 10 тт.* – Т. 7 – М.: Русская книга, 1998. С. 488 – 508.
7. *Общественное мнение – 2014. Ежегодник.* М.: Левада-Центр, 2015. 234 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2014> (дата обращения: 07.10.2015).

К СТРУКТУРЕ ДОКУМЕНТОВ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фостийчук В.В. (Ейск)

Система национальной безопасности России сложно структурирована и входит в системы более высокого порядка. Как функциональная система, она отражает процессы взаимодействия национальных интересов и угроз разного порядка. Система напрямую связана с системой обеспечения национальной безопасности, являющейся организационной системой органов, сил, средств, организаций, решающих задачи по обеспечению национальной безопасности. Государственная и общественная (негосударственная) система обеспечения национальной безопасности являются составной частью единой системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Политика органов, организаций, сил системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации должна носить не реактивный, а активный (преактивный, проактивный, интерактивный) характер. Это позволит прогнозировать и предугадывать возможные угрозы России в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном будущем. Следует подчеркнуть, что политика современной России в области обеспечения национальной безопасности носит преимущественно реактивный характер. Это характерно для политики по обеспечению как внутренней, так и внешней национальной безопасности. Примерами недальновидной политики, приведшей к негативным последствиям являются события в странах, входящих в зону геополитических

интересов России – Украине, Сирии, ранее – в Ливии и ряде других государств. Расчёты на высокие цены на нефть, заложенные в бюджет страны и использовавшиеся при составлении прогнозов развития Российской Федерации, вплоть до 2030 года не оправдались. Против России развернулась широкомасштабная информационная война, введены санкции. Разговоры о развитии экономики, сельского хозяйства, об опоре на инновации таковыми и остались. В итоге новые опасности и угрозы для национальной безопасности России.

Следует отметить, что существующая в нашей стране структура документов, регламентирующих обеспечение национальной безопасности далека от идеальной. В Конституцию Российской Федерации не заложено положение, чётко формулирующее миссию государства в сфере обеспечения национальной безопасности. Несомненно, это является одной из причин того, что из-за этого в нашей стране появился огромный массив документов, которые регулируют вопросы обеспечения отдельных видов безопасности. В целом насчитывается более семидесяти федеральных законов, двухсот Указов Президента России, более пяти сотен постановлений Правительства РФ и значительного числа подзаконных актов. Эти документы касаются военной, информационной, экологической, морской, продовольственной безопасности, общественной безопасности и безопасности личности, других видов безопасности.

Анализ этих документов, в частности, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, доктрин и основ (основных направлений) государственной политики в различных сферах обеспечения национальной безопасности (Концепции внешней политики Российской Федерации, Военной доктрины Российской Федерации, Доктрины информационной безопасности Российской Федерации и др.), а также прогнозов позволяет сделать неутешительный вывод: ведомства и лица, ответственные за подготовку вышеназванных документов действуют разрозненно, не сотрудничают, не осуществляют комплексную деятельность по реализации национальных интересов России, не используют готовые модели мониторинга национальной безопасности Российской Федерации и другие наработанные научным сообществом подходы к обеспечению национальной безопасности России.

Представляется важным обратить внимание на несвоевременность появления в нашей стране той или иной доктрины (концепции) безопасности. Вот один пример. Так, в 2000 г. Президентом России была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. На начало третьего тысячелетия доктрина была актуальна. Доктрина применительно к информационной сфере развивала Концепцию национальной безопасности Российской Федерации 2000 г., являющуюся на тот момент основополагающим документом, в котором были сформулированы важнейшие направления государственной политики России по обеспечению в стране безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. К моменту появления в России очередного документа – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года в 2009 г. Доктрина информационной безопасности РФ морально устарела. Нет нового документа по обеспечению информационной безопасности и предотвращению, недопущению и минимизации опасностей и угроз в информационной сфере по настоящее время. Это непозволительно – информационное противоборство в современном мире становится всё более ожесточённым. Появится или нет доктрина информационной безопасности в 2016 г. – это будет несвоеременно.

Необходимо остановиться ещё на одной проблеме. В 2000 г. базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности России, в котором излагался порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности была Концепция национальной безопасности. В 2008 г. появляется Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утверждённая распоряжением Правительства РФ, а концептуальные положения в

области обеспечения безопасности Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2009 г. базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости с ней. Если такое решение правильное, то в 2008-2010 гг. должны были появиться новые доктрины по обеспечению безопасности во всех сферах. Однако Концепция внешней политики появилась раньше – в июле 2008 г., в начале 2013 г. была утверждена новая Концепция. Военная доктрина РФ была утверждена в 2010 г., а в декабре 2014 г. утверждён её новый текст, учитывающий современные реалии. Экологическая доктрина РФ была утверждена распоряжением Правительства России в августе 2002 г. и по настоящее время не подвергалась изменениям.

Из анализа автором документов стратегического планирования обеспечения национальной безопасности следует вывод, что в Российской Федерации не создано стройной структуры документов, определяющих направления деятельности по обеспечению национальной безопасности в целом, по её уровням и по отдельным её видам. Нет приведённой в порядок иерархии документов и должностных лиц, вправе утверждать их.

Из вышеизложенного следует вывод, что единому центру в нашей стране, координирующему политику в области обеспечения национальной безопасности и реализации национальных интересов – Совету Безопасности Российской Федерации во главе с Президентом Российской Федерации, необходимо утвердить строгую иерархию документов, регламентирующих обеспечение внутренней и внешней национальной безопасности на всех уровнях и во всех сферах. Эти документы должны быть устремлены в будущее, а не констатировать прошлое и настоящее.

ГЕОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОСТИ И СУДЬБА РОССИИ

Харыбин А.Н. (Волгоград)

Как отмечал еще в начале XX века Х. Маккиндер, отличительной особенностью России является то, что «она может наносить удары по всем направлениям, но и сама получать удары со всех направлений»[1, с.40]. Данное высказывание является актуальным и сейчас, так как на всем периметре границ России имеются неурегулированные территориальные конфликты с сопредельными странами (Украина, Грузия), способные при негативном сценарии перерасти в полномасштабные войны. Имеются и другие спорные участки границ (Эстония – Печора, Китай – ряд территорий в приграничном районе Алтая, Япония – Южные Курильские острова), которые в перспективе могут перерасти в геополитические конфликты.

Если проанализировать внешнюю политику США и Великобритании как доминирующих в мире стран, то можно заметить, что внешнеполитическая активность этих государств все еще использует базовые принципы теории морского могущества А. Мэхана:

- 1) препятствовать германским морским претензиям;
- 2) бдительно следить за экспансией Японии в Тихом океане и противодействовать ей;
- 3) координировать вместе с европейцами совместные действия против народов Азии;
- 4) не допустить создания морской мощи у противников (Россия, Китай)[2, с.157].

При этом советские и российские ученые не создали полноценных геополитических концепций, способных претендовать на универсальность, поэтому

руководство РФ не может опираться на теоретические основы, отсюда и непоследовательная внешняя политика, неопределенности с внешнеполитическим курсом (Запад или Восток?), значительные дипломатические просчеты, с точки зрения геополитики

Современные межгосударственные территориальные конфликты имеют ряд особенностей, кардинально отличающих их от противостояний предшествующих эпох, однако в целом можно констатировать, что основной целью в различных конфликтах по-прежнему является контроль над территорией оппонента, установление лояльного политического, экономического режима.

Основные геополитические конфликты на современном этапе это борьба Хартленда и Внешнего полумесяца, а так же Внешнего полумесяца и Римленда. При этом страны Запада ведут наступление на исламскую и русскую цивилизации, тогда как они не могут выработать адекватные ответные меры.

На данный момент РФ имеет на своих границах несколько неразрешенных территориальных проблем, наиболее «проблемными» являются украинский и грузинский участки границы.

Во всех конфликтах по периметру границ России прослеживается роль США, в случае негативного сценария развития отношений между Россией и Западом, конфликты могут превратиться в полномасштабные войны, локального или регионального характера, как результат Россия будет вынуждена воевать на несколько фронтов. Что бы ни допустить эскалации насилия Россия должна четко разграничить сферы своего влияния в спорных регионах, установить со всеми странами добрососедские отношения, не провоцировать руководство стран, а так же радикально настроенную часть элиты, использовать «мягкую силу» в решении проблем.

Противостояние России и Запада не просто соперничество, сохраняющееся со времен холодной войны и не противостояние двух цивилизаций (по С.Хантингтону[3, с.196]), это противоборство двух основных мировых систем, от результата противостояния которых зависит развитие всего человечества. При этом не совсем верно сводить именно к дуализму Россия и Запад, так как если границы России более менее ясны, то категория «Запад» довольно абстрактна и размыта. Например, «Запад» ли Украина? Турция? Япония? Греция? Венгрия? Германия? Австралия? Более верно использовать термины из геополитики: «Хартленд» и «Внешний полумесяц» или «Суша» и «Море».

Представляется уместным выдвинуть гипотезу, что первым конфликтом между Сушей и Морем были греко-персидские войны. Следующий значимый конфликт моря и суши: войны Рима и Карфагена. Причины того, что Россия стала Сушей, кроются в двух основных факторах: преемственность от Римской империи и географическое месторасположение. Если вспомнить историю, то на протяжении 400 лет Третий Рим стремился воссоединиться со Вторым[5, с.218]. В результате петровских реформ Россия получила возможность осуществлять экспансию на Запад, однако вместе с тем Россия стала «разорванной страной»[3, с.137], элита разделяется на две части: продолжающуюся придерживаться политики Суши и стремящуюся сделать Россию частью Европы. В идейном плане это приводит к расколу на западников и славянофилов. При этом в самосознание русского народа, его продвижения по всем направлениям ситуация не изменилась, русские остаются чисто сухопутной силой на протяжении всех 200 лет императорской России.

Серьезнейшим геополитическим вызовом для современной России является вооруженный конфликт на востоке Украины – боевые действия на территории Донецкой и Луганских областей с 7 апреля 2014 года по сегодняшний день.

Границы существующего на текущий момент раскола Украины, есть границы исторические, Украина никогда не была в границах на начало 2014 года единым государством и почти никогда не контролировалась одним государством, а была

разделена между двумя-тремя странами, находившимися в состоянии перманентной войны. На современном этапе существования Украины фактически 25 лет независимости страна находилась в состоянии кризиса. То, что данный конфликт обладает именно цивилизационной природой, наглядно демонстрирует отношение различных стран к событиям на территории Украины: страны Западной цивилизации поддержали действующую власть, страны православной цивилизации - повстанцев (пример: позиция Сербии, отказавшейся поддерживать санкции), не затронутые в конфликте цивилизации фактически заявили о нейтралитете. После того как западная цивилизация свергла законно выбранного президента, представляющего интересы другой цивилизации, аналогичные меры были приняты на территории православной цивилизации.

Можно сделать вывод, что перемирие на востоке Украины временное, так как у власти обеих сторон конфликта «партии войны», фактически готовность пойти на перемирие была обусловлена с одной стороны из-за значительных потерь, а с другой под нажимом России, обе стороны недовольны текущим положением. Однако, данный вариант является наиболее выгодным для крупных акторов: для Запада как способ давления на Россию, уважительная причина для того чтобы не принимать Украину в ЕС и НАТО, плюс дополнительно очаг напряженности у границ России, который при определенных усилиях можно превратить во второй Афганистан или Чечню, для России как возможность увеличить зону влияния, отвлечь население от внутренних проблем. Так же данный конфликт, как и любой цивилизационный конфликт, позволяет странам выплеснуть из своих рядов радикалов.

Сфера влияния России отодвинулась на восток, жители Украины не простят потерю Крыма и восточных регионов, поэтому правительство Украины будет настроено к России враждебно в любом случае, ярко иллюстрирует данную ситуацию пример Грузии. Непризнанные республики, смогут же сыграть роль буфера, который играют Абхазия и Южная Осетия. Как итог данной войны уже можно отметить сокращение территории православной цивилизации, однако с другой стороны Россия укрепила связи с наиболее важными регионами Украины, за исключением Одессы, западная Украина же станет в будущем аналогом Польши.

1. Дугин А. *Основы геополитики [текст]: учебник / А.Дугин – Москва: Арктогея, 2000.*
2. Мэхэн А. *Влияние морской силы на историю 1660-1783. / А. Мэхэн - СПб.: Terra Fantastica, 2002.*
3. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций [Текст] / С.Хантингтон. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.*
4. Дандамаев М. А. *Политическая история Ахеменидской державы [Текст] / М. А. Дандамаев — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.*
5. Морозов И. Л. *Имперская традиция как основа эффективности национальной политики России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. - С. 217-220.*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ

Цыплакова О.Г. (Санкт-Петербург)

Исследование эффективности демографической политики в целом и ее отдельных составляющих в частности актуализировалась в связи с дискуссией о прекращении или продолжении реализации программы «материнского (семейного) капитала» в нашей стране.

Реализация программы материальной поддержки семей, родивших второго ребенка, началась в 2007 году, и изначально срок ее действия ограничивался десятью годами, которые истекают в конце декабря текущего года. Закономерно встает вопрос – что дальше? Будет ли эта программа пролонгирована, изменена или на смену ей придут иные меры, направленные на стимулирование рождаемости в нашей стране?

Также немало вопросов связано с оценкой эффективности этой программы. Часть исследователей и представителей властных структур отмечают некоторое повышение уровня рождаемости по сравнению с концом 1990-х началом – началом 2000-х годов (за период с 2006 по 2013 годы суммарный коэффициент рождаемости в РФ увеличился на 30,8 % и достиг 1,75; в 2013 году впервые за 20 последних лет в России наблюдался естественный прирост населения), связывая эту тенденцию с внедрением подобной меры стимулирования. Другая категория аналитиков связывает этот относительный прорыв в области рождаемости не с увеличением числа детей, а со сдвигом в календаре рождений: то есть некоторые семьи просто решились на рождение еще одного ребенка раньше, чем планировали.

Возникает необходимость обратиться к концептуальным научным разработкам в области исследования репродуктивного поведения и реальной практике реализации демографической политики в других странах, с тем, чтобы осуществить объективную оценку сложившейся ситуации в этой сфере в современной России.

Существующие теоретические концепции детерминации рождаемости можно разделить на две большие группы: к первой относятся так называемые «факторные» теории, которые предполагает выявление факторов, прежде всего экономических, влияющих на динамику рождаемости. Основоположителем этого подхода считается Т.Р.Мальтус, в дальнейшем похожей точки зрения придерживались Х. Бешлоу, Х. Лейбенштейн, Р. Нельсон, Э. Коул и ряд других авторов. Все они осуществляли поиск причинно-следственных связей между рождаемостью и различными экономическими факторами. [3]

Вторая группа теорий подразумевают комплексное изучение репродуктивного поведения, и связывает его трансформацию с общим изменением образа жизни в современных обществах в процессе их модернизации. К категории теорий второго типа можно отнести концепцию «рефлексивной модернизации» У.Бека, Э.Гидденса, П.Макдональда. Суть их взглядов сводится к тому, что в обществе предшествующей «простой» модернизации существовало нечто, что рассматривалось как предзаданное, надындивидуальное, к чему можно было отнести его поло-возрастную структуру, общественное разделение труда, семейные функции, зачастую этническую и конфессиональную принадлежность личности, и многое другое. [3]

Исход 20 столетия, как полагают многие социальные теоретики, нарушает именно эти базовые константы, предоставляя индивиду самые широкие возможности в плане свободы его жизненного выбора. Человек постсовременный в этом смысле становится человеком рефлексии и выбора своей социальной самостности, включая степень его вовлеченности в социальную жизнь, семейные функции, сексуальную идентичность и многое другое. Само же постсовременное становится терпимым и толерантным к этой свободе личности, а тем самым само становится обществом рефлексиирующим, в широком смысле обществом свободного выбора.

Наиболее важными чертами рефлексивной модернизации можно считать реализацию требований женщин, касающихся оплачиваемого трудоустройства, уровня образования; расширения возможностей контролирования своей фертильности. Вместе с тем, в результате рефлексивной модернизации женщины столкнулись с противоречием между возможностями и рисками, связанными с созданием семьи и оплачиваемой работой. При этом ответственность за свои поступки, и связанные с этим риски в большей мере, чем раньше, перешла на отдельного индивидуума.

В подобном же духе рассуждают авторы концепции второго демографического перехода (Р. Лестег, Д. Ван де Каа, А.Вишневыский). Если первый демографический переход сопровождал модернизацию общества на этапе расширения возможностей для удовлетворения базовых, материальных ценностей, то для второго демографического перехода характерно то, что «все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии и индивидуальном стиле жизни, эмансипации, и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства».[1]

Стержнем новейших тенденций рождаемости выступает поиск оптимальной модели жизненного цикла человека, отвечающей реалиям современного бытия, среди которых: высокие требования к образованию и уровню материального благосостояния, взаимное участие супругов в формировании семейных доходов и выполнении семейных обязанностей, повышение контроля над плодотворностью человека и пр. Современный человек настраивает календарь важнейших событий в своей жизни все более сообразуясь с индивидуальными склонностями и возможностями, согласует их с конкретными обстоятельствами своей личной жизни и экономической ситуацией в стране, все менее оглядываясь на традиционные представления и нормативные ограничения. [2]

Опыт реализации демографической политики должен основываться на концептуальных теоретических положениях и не ограничиваться факторным (экономическим) подходом, а исходить из наличия тех фундаментальных изменений, которые коснулись современных обществ в последние десятилетия, а, следовательно, носить комплексный характер.

Осуществление программы материнского капитала, тем самым, можно рассматривать, как одну из мер демографической политики, внедрение которой обосновано влиянием материальных факторов на репродуктивное поведение. Но материальное стимулирование рождаемости не дает долгосрочного эффекта.

Сугубо материальные меры воздействия способствуют лишь досрочной реализации уже сложившихся планов относительно числа детей в семье, изменяют «тайминг» рождений, но не могут заставить пересмотреть эти планы, существенно не влияют на итоговую рождаемость в реальных поколениях. Для изменения норм детности в сторону существенного повышения нужно добиться фундаментальных сдвигов в существующей системе ценностей на уровне не только отдельной личности, семьи и брака, но и общества в части расширения и реализации, личных прав и свобод.

Современная семья изменением установок на детность лишь отвечает на изменение структуры общественных ценностей и приоритетов, приспособляясь к меняющимся и постоянно возрастающим требованиям постиндустриального общества.

Опыт государственной демографической политики ряда Европейских стран наглядно показывает, что попытки прямого стимулирования рождаемости если и давали кратковременный эффект, то в последующем он компенсировался дальнейшим снижением числа рождений.

Универсального способа решения демографических проблем не существует. Перед каждой страной открывается коридор возможностей формирования демографической политики, границы которого определяются институциональной структурой общества, ресурсной базой социально - демографической политики и т.д.

Уже в ближайшие годы Россия столкнется с последствиями катастрофического спада рождаемости конца 1980-х – начала 1990-х годов («демографической ямы 90-х»). Через 10 лет численность женщин в активном репродуктивном возрасте (20–29 лет, на которые приходится почти 2/3 рождений) сократится почти вдвое, что неминуемо приведет к сокращению числа рождений. Несмотря на рост суммарного коэффициента рождаемости – до 1,75 ребенка на женщину, рождаемость все еще остается ниже уровня простого воспроизводства. [4] А потому следует признать, что целевые показатели и меры, предусмотренные в Концепции демографической политики Российской Федерации

на период до 2025 года, недостаточны для преодоления демографического кризиса и должны быть пересмотрены.

Поколения, которые только вступают в репродуктивный возраст, имеют право на новый взгляд на роль семьи, детей в жизни конкретной личности, семейной пары. Формирование этих новых взглядов – главная задача демографической политики, ориентированной на преодоление депопуляции и на демографическую стабильность России в ближайшей исторической перспективе.

1. *Демографическая модернизация России 1900–2000.* / Под ред. А. Г. Вишневецкого. - М.: Новое издательство, 2005.
2. *Захаров С. В. Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости.* [Электронный ресурс] /Электронная версия бюллетеня «Население и Общество» «Демоскоп Weekly». — 2012. — №495–496. — Режим доступа: <http://demoscope.hse.ru/zaharov>
3. *Фахрисламова Р.Т. Низкая рождаемость: теории и подходы к объяснению.* / Вестник ЮРГТУ (НПИ). - 2015.- № 2.
4. *Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии.* - 2013. [Электронный ресурс] / - Режим доступа: http://www.oprf.ru/files/Doklad_cherez_10 лет_budet_pozdno.pdf

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Чемакина А.С. (Тюмень)

Профсоюзное движение на протяжении своей истории испытывало подъемы, обусловленные увеличением числа членов и их забастовочной деятельности, возрастанием роли влияния на регулирование социально-трудовых отношений. При этом зачастую мировое профсоюзное движение испытывало кризисы реализации собственной деятельности, общими чертами которых можно обозначить спад количества членов, снижение активности членов, а так же на сегодняшний момент устаревающие практики деятельности и изменение конъюнктуры рынка.

В настоящее время рынок стремится к увеличению количества частично занятых, однако это грозит существенными проблемами, так как работники становятся все менее социально-защищенными, а профсоюзам труднее отстаивать их права. Особо актуальна тема неполной занятости для немецкого общества, так как в 2014 году 22,6% занятых работают неполный рабочий день, в России данный показатель значительно ниже и составляет 2% трудящихся, однако данный показатель растет [1]. На первый квартал 2013 года численность занятых, работавших неполный рабочий день по соглашению с работодателем составила 606,4 тысяч человек, в первом квартале 2015 года это количество увеличилось на 102,5 тысяч человек. Особо затруднительным становится положение работников, которые трудятся на дому, снижая издержки для предприятия, они во многом лишаются прав и гарантий со стороны законодательства, а так же если удаленная работа применена к работникам, не опираясь на их географическое положение, - это осложняет деятельность по защите их прав.

Основным представителем профсоюзного движения в России является Федерация независимых профсоюзов, в которую входит более 90% членов профсоюзов. Из выступления Председателя ФНПР М.В.Шмакова общая численность членов профсоюзов уменьшается ежегодно на 3 - 5%, количество первичных организаций – на 3% [2]. В 2015 году ФНПР объединяет более 21 миллион членов, по сравнению с 2009 годом количество членов составляет более 24,7 миллионов человек [3]. В Германии так же

отмечается падение количества членов профсоюзного движения, однако не такое существенное, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2009 году количество членов профсоюзного движения составило 6,4 миллиона человек, в 2013 году – 6,33 миллиона человек [4]. **Уменьшение численности профсоюзного движения говорит о снижении его популярности в обеих странах, однако в Германии мы видим, что уровень доверия к профсоюзам достаточно высок, согласно индексу доверия работников, составленного GI-Group, который составляет 52,93 пункта, в то время как партиям доверяют только на 36,59 пункта [5]. Наоборот для профсоюзного движения в России отмечается низкий уровень доверия к профсоюзным организациям как реальной силе в помощи решения возникающих трудовых споров. По опросу ВЦИОМ, проведенному в 2014 году, 68% россиян низко оценивает роль профсоюзов, в сравнении с 1989 годом, этот показатель вырос на 18%. При этом 5% опрошенных утверждают, что за последние 3-5 лет значимость профсоюзных организаций возросла, и в сравнении с 1989 годом количество опрошенных, убежденных в их значимости существенно сократилось на 24%. В настоящее время 42% россиян отмечают ослабление профсоюзного движения. А так же сократилось количество людей с 23% в 1989 году до 12% в 2014 году, кто считает профсоюзы крайне важным и действенным органом по защите прав трудящихся. Все это свидетельствует о заметном снижении уровня влияния профсоюзного движения среди населения и негативно влияет на их фактическую деятельность [6]. По данным другого опроса ВЦИОМ в случае возникновения проблем на работе, за защитой своих прав трудящиеся чаще всего идут к начальству – об этом сказали 14% работающих респондентов. 7% опрошенных решали вопрос радикально – сменив место работы, 6% работников прибегали к деятельности профсоюзных организаций. 17% трудящихся отмечают, что за соблюдением их прав на предприятии следит дирекция, по 13% респондентов считают, что это непосредственные начальники и профсоюзные организации. И при этом 45% работников не наблюдают реальных действий по защите своих прав в компании [7]. Тем самым фактически можно отметить, что россияне не доверяют профсоюзному движению и не готовы в большинстве своем решать собственные проблемы по средствам помощи профсоюзов. В связи с этим встает вопрос о соотношении реальных и декларируемых функций, а так же о потребности общества в их работе.**

Одним из методов взаимодействия профсоюзов с государством и предпринимателями, обозначающий переход к практикам неконфронтационного регулирования социальных отношений, стало социальное партнерство. В западных странах, профсоюзное движение сделало определенный прорыв в этой области, в частности особый интерес вызывает немецкий опыт, где стороны социального партнерства решают проблемы сокращения или создания рабочих мест, переноса производства, приема на работу и т.д. Одним из уровней партнерства в Германии является тарифные коллективные договоры союза работодателей и профсоюза наемных работников без участия государства, а так же специальные коллективные договоры. Не смотря на то, что активно ведется работа по неконфликтному решению возникающих противоречий, в немецком обществе очень высока забастовочная активность. В уставах многих профсоюзов мы наблюдаем положение о тайном голосовании всех членов профсоюзов о забастовочной борьбе. По данным на 2014 год в 214 забастовках приняло участие 345 тысяч жителей Германии. По нашему мнению, подобная активность забастовочной деятельности является массовой, не только потому что государство занимает нейтральную позицию, а так же она связана с тем, что отстраненным от работы членам профсоюзных организаций выплачиваются пособия из профсоюзных забастовочных фондов. Данный аспект является актом стимуляции к протестной активности. При этом стоит отметить, что большое количество забастовок мешает нормальному функционированию текущей жизнедеятельности остальных людей. В России забастовочная деятельность существенно ниже и по данным Росстата составила в 2014

году: 2 забастовки с участием 461 человека, однако данная низкая забастовочная активность стоит рассматривать во взаимосвязи с уровнем доверия к профсоюзному движению среди граждан. Кроме этого, **в социальном партнерстве существуют особые проблемы, в частности ущемление прав профсоюзного движения как одного из партнеров, когда нормативные акты не направляются на рассмотрение Российской трехсторонней комиссии, что соответственно является нарушением, так как фактически их рассмотрение законодательно закреплено в Трудовом кодексе РФ.** А так же наблюдается сокращение по сравнению с 2011 годом количества заключенных отраслевых соглашений на всех уровнях социального партнерства.

В результате стоит отметить, что Германия стабильно развивает социальное партнерство, до сих пор уровень забастовочной активности остается достаточно высоким, в данном случае невозможно однозначно оценить является ли последняя характеристика сугубо положительным фактором в движении профсоюзов, так как данные акции блокируют повседневную жизнедеятельность остальных граждан. При этом российское профсоюзное движение показывает обратную сторону забастовочной активности, проявляющуюся в редких протестах, однако, в дополнение не реализуя достаточно принцип социального партнерства. Одним из важных выводов является, что в обеих странах идет сокращение количества профсоюзных активистов, что является тревожным сигналом, однако, в Германии данный показатель не снижается резко, как в российском движении, в связи с тем, что уровень доверия к профсоюзному движению в немецком обществе остается на высоком уровне.

1. *Economic short time workers» [Электронный ресурс] // OECD - 2014. - URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=ECONSH_D*
2. *Шмаков М.В. Доклад Председателя ФНПР на VIII (внеочередном) съезде ФНПР в Санкт-Петербурге 29 октября 2013 года «О внесении изменений в Устав Федерации Независимых Профсоюзов России, об основных положениях Устава всероссийского межрегионального профсоюза и о порядке проведения отчетно-выборной кампании Федерации Независимых Профсоюзов России» [Электронный ресурс] //ФНПР - 2013. - URL: <http://www.fnpr.ru/n/2/15/302/8729.html>*
3. *25 лет на страже интересов трудящихся [Электронный ресурс] //ФНПР - 2015. - URL: <http://www.fnpr.ru/n/241/11384.html>*
4. *Trade Union Density [Электронный ресурс] //OECD and J.Visser, ICTWSS database (Institutional Characteristics of Trade Unions, Wage Setting, State Intervention and Social Pacts, 1960-2010) - 2013. - URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=UN_DEN*
5. *Employees' low trust in re-employment: in Europe, it takes 11 months on average to find another job, in Italy 15... twice as long as in Germany// GiGroup. - 2012. - URL: https://www.gigroup.com/it/pics/121105-CS-ELTI_en.pdf*
6. *Профсоюзы в России: вчера и сегодня [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. - 2015. - URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115119>*
7. *Права трудящихся - и защищены ли они? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. - 2014. - URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115092>*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

Черезов Д.Н. (Санкт-Петербург)

Демократические преобразования, становление и развитие гражданского общества в Российской Федерации предполагают расширение и укрепление общественных структур, важнейшими из которых являются общественные объединения. Именно

общественные объединения помогают обществу стать гражданским, а государству – правовым.

Особенностью современного общества является появление общественных движений, позволяющих сочетать свободу и интересы индивидов с общими принципами, регулируемыми их совместную деятельность.

Что же такое гражданское общество? Принято считать, что три основных начала формируют гражданское общество: индивид, коллектив и власть или говоря иначе - личность, общество и государство.

Изучая взаимодействие политической и социальной сфер, политическая социология рассматривает гражданское общество как одну из центральных, основополагающих категорий. Нельзя не отметить, что в настоящее время существует множество определений данного понятия.

Гражданское общество — понятие, обозначающее специфическую совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, социальных институтов и социальных ценностей, главными субъектами которой являются гражданин со своими правами и гражданские (не государственные) организации, ассоциации, объединения, общественные движения и гражданские институты.

Гражданское общество - это совокупность тех межличностных, семейных, общественных, экономических, культурных, религиозных отношений и структур, которые развиваются в обществе вне рамок и без непосредственного вмешательства и помощи государства.

Таким образом, гражданское общество – это такое состояние общества, когда человек является высшей ценностью, признаются и защищаются его права и свободы, государство способствует динамичному развитию экономике и политической свободе, находится под контролем общества, государственная и общественная жизнь основывается на праве, идеалах демократии и справедливости.

Впервые, в законодательстве современной России понятие "общественное объединение" как добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов, появилось в Законе СССР "Об общественных объединениях" от 9 октября 1990 г.

В число общественных объединений включались: политические партии, массовые движения, профессиональные союзы, женские, ветеранские организации, организации инвалидов, молодежные и детские организации, научные, технические, научно-просветительские и иные добровольные общества, творческие союзы, землячества, фонды, ассоциации другие объединения граждан.

Согласно ст. 117 ГК РФ "общественными и религиозными организациями (объединениями) признаются добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей.

Формулировку данной нормы нельзя считать совершенной, потому что общественное объединение - понятие собирательное. Оно охватывает несколько организационно-правовых форм.

Правовое положение общественных движений в Российской Федерации закреплено Федеральным законом «Об общественных объединениях». В целом правовой статус общественного движения идентичен статусу общественной организации, за исключением отсутствия членства: вхождение лиц в участники общественного движения может не оформляться индивидуальными заявлениями или иными документами (если иное не определено уставом конкретного движения).

В связи с этим Федеральный закон "Об общественных объединениях" не только дает общее определение общественного объединения, но и раскрывает организационно-правовые формы, охватываемые этим понятием.

В соответствии со ст. 5 названного Закона "под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общностей интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения".

Общественные движения - это формы объединения людей, характеризующие их совместные стремления к осуществлению общих целей. Обретая определенные структуры, они перерастают в организации.

Общественно-политические движения и организации, в зависимости от их связи с политической системой, могут быть институционализированными (формальными) и неинституционализированными (неформальными).

Общественные движения различаются по многим другим признакам: по своим целям, функциям, которые они выполняют по отношению к интересам своих членов, а также по отношению к государственной власти по месту деятельности; по видам и методам деятельности; по характеру возникновения, по способам организации и т.д.

Виды общественных объединений согласно ФЗ.

Общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм:

- общественная организация,
- общественное движение,
- общественный фонд,
- общественное учреждение,
- орган общественной самодеятельности,
- политическая партия, (ст. 7 указанного Закона).

Каждая из названных организационно-правовых форм имеет свои особенности.

Общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан.

Общественное движение - это состоящее из участников и не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения.

Разнообразие типов общественных движений и большое их количество предопределило существование различных типологий:

- Политические (те, которые преследуют явно политические цели – антивоенное движение, движение за разоружение, движение в защиту прав человека) и неполитические (непосредственно с политикой не соприкасаются – движение в защиту памятников культуры, «Красный крест» и др.). Грань между ними условна и подвижна.

- В зависимости от долговременной ориентации:

а) консервативные (выступают за сохранение сложившегося порядка, поддерживают власть, опираются на нее);

б) реформаторские (выступают за постепенные перемены, но действуют в рамках установленного порядка);

в) движения протеста (резко протестуют против существующего порядка вещей, критикуют власть).

- По способам и методам действий:

а) насильственные (допускают применение насилия и террора для достижения своих целей);

б) ненасильственные (избегают силовых методов, предпочитая пассивное сопротивление и привлечение внимания общественности).

- Половозрастная типология:

а) женские;

б) молодежные;

в) детские;

- г) ветеранские организации и т.д.
- По социальной принадлежности:
  - а) рабочие;
  - б) крестьянские;
  - в) дворянские движения и т.д.
- По профессиональному признаку.
- По целям и задачам.

Общественный фонд - один из видов некоммерческих фондов и представляет собой не имеющее членства общественное объединение, цель которого заключается в формировании имущества на основе добровольных взносов, иных не запрещенных законом поступлений и использовании данного имущества на общественно-полезные цели.

Общественным учреждением является не имеющее членства общественное объединение, ставящее своей целью оказание конкретного вида услуг, отвечающих интересам участников и соответствующих установленным целям указанного объединения.

Орган общественной самодеятельности - не имеющее членства общественное объединение, цель которого состоит в совместном решении различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы или учебы, направленное на удовлетворение потребностей неограниченного круга лиц, чьи интересы связаны с достижением уставных целей и реализацией программ органа общественной самодеятельности по месту его создания.

Политическая партия - это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления (в соответствии с ФЗ «О политических партиях»).

В качестве основных отличий общественных движений от политических партий можно выделить отсутствие стремления к завоеванию политической власти и широкую социальную базу.

В становлении и развитии общественных движений можно выделить несколько стадий:

- стадия создания предпосылок движения;
- стадия разработки и формулирования целей и задач;
- стадия агитации;
- стадия развернутой деятельности;
- стадия затухания движения;

В своей деятельности общественные движения выполняют ряд функций:

- представительства и защиты интересов граждан;
- объединения граждан;
- мобилизации действий;
- посредничества;
- формирования общественного мнения. [6, с. 137].

Переход от индустриального к постиндустриальному информационному обществу, для которого характерны деидеологизация и фрагментация интересов, преобразование коллективных ценностей и их замена индивидуальными приоритетами, падение значимости любых видов власти, ведет к трансформации политических институтов. В настоящее время политические партии, являющиеся во всех обществах главным связующим звеном между населением и властью, вынуждены делить свое влияние с другими социальными субъектами, прежде всего, общественными движениями.

Различные общественные движения служат ключевой характеристикой современного общества, являются формой участия граждан в общественной жизни и не

должны противопоставлять себя политической системе. Общественные движения не выступают в качестве прообраза формы гражданского участия, призванной заменить собой институциональные структуры представительной демократии. Они призваны обеспечивать жизнеспособность демократической политической системы посредством привнесения в публичную сферу новых тем для обсуждения на основе изменяющихся интересов и новых ценностей, способствуя воспроизведению консенсуса.

В России общественные движения переживают настоящий бум. В стране существуют и конструктивно работают тысячи общественных объединений и союзов. Возникают все новые профессиональные, молодежные, экологические, культурные и иные объединения; однако их количественный рост опережает рост качественный. Далеко не все они ориентированы на отстаивание реальных интересов людей. Для части организаций в России приоритетной задачей стало получение финансирования от влиятельных зарубежных фондов, для других - обслуживание сомнительных групповых и коммерческих интересов. Некоторые организации появляются как ответ на сиюминутные проблемы (например, союзы обманутых вкладчиков, дольщиков), другие с самого начала носят открыто ангажированный политический характер («Женщины России», партия пенсионеров). Контроль над подобными объединениями со стороны государства значительно облегчается, а многие из гражданских инициатив, становясь предметом политического торга, утрачивают свою альтернативность и общезначимый характер. Тем самым нивелируются основные черты гражданского общества: неполитический характер, противоречивость и альтернативность политической системе. Самоуправляющиеся структурные элементы начинают строиться по принципу все расширяющего свои функции государства - иерархии.

ЛИБЕРАЛ-ДЕМОКРАТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Чойропов Ц.Ц. (Улан-Удэ)

В 40-е годы XIX в., как известно, возникли два основных течения русской идеологической и общественной мысли – славянофильство и западничество. Вся история их в 1840-х и частью в 1850-х гг. была сплошным спором и непрерывной враждой. Искать причин этих перепалок в общих философских предпосылках нельзя, потому что оба направления черпали их из одного и того же источника – из классической немецкой философии: большинство из них были гегельянцы. Враждование было обусловлено различным пониманием русской истории, национальных особенностей русского народа и его призвания в будущем. Западники были патриотами не меньше славянофилов, но они не идеализировали Московскую Русь, как это делали славянофилы, прославляли Петра, которого славянофилы ненавидели, и, наконец, расходились с ними по религиозному и вероисповедному вопросу.

Наиболее приметными представителями западнического направления в русской культурной сфере считаются П.Я. Чаадаев, В.С. Печерин, И.А. Гагарин, Е.Ф. Корш, К.Д. Кавелин, Т.Н. Грановский, В.П. Боткин, позднее В.С. Соловьёв и Б.Н. Чичерин, писатели и публицисты В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, Н.Х. Кетчер, П.В. Анненков. К западникам примыкали также Н.А. Некрасов, И.А. Гончаров, Д.В. Григорович, И.И. Панаев, А.Ф. Писемский, М.Е. Салтыков-Щедрин.

Претензии славянофилов были едко осмеяны в особенности П.Я. Чаадаевым. Славянофильская философия истории казалась ему реакционной. Известно следующее высказывание Чаадаева: «Одинокие в мире мы (русские), ничего не дали миру, мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу

человеческого разума и все, что нам досталось от этого прогресса, исказили... Нам, русским, не достает последовательности в уме и мы не владем силлогизмом Запада... Мы растем, но не созреваем, движемся вперед, но по кривой линии, которая не ведет к цели, мы подобны детям, которых не приучили правильно мыслить». «В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс» [1].

Западников объединяло убеждение в необходимости приобщения России к западноевропейской цивилизации и к общечеловеческому просвещению. Объединяла их, по утверждению приверженцев этой идеологии, также и ненависть к застою, мракобесию, невежеству, диким нравам и варварским порядкам. Задачей интеллигенции была выработка не столько общественного, сколько национального самосознания. Оттуда видное место, какое в воззрениях мыслящих людей того времени, занимали исторические понятия, – то, что можно назвать философией русской истории в ее отношениях к истории западноевропейских народов. Это и было центральным пунктом построений Чаадаева, и это же послужило яблоком раздора между западниками и славянофилами. Сравнительно с системой идей Чаадаева, которая претендовала на мировое значение и образовала замкнутый круг, откуда нет выхода, а были только лазейки, идеологии славянофилов и западников представляют собой значительный прогресс – в смысле разумного ограничения задачи и ее постановки на почву научных исследований (преимущественно в области русской истории).

И эти два направления, в практических требованиях сходящиеся, стремившиеся к одному и тому же, стояли друг против друга в постоянной боевой готовности как две секты, исповедующие одного и того же Бога, но различно истолковывающие известные догматы и придерживающиеся разных обрядов.

Славянофилы, поддерживая коренные устои существовавшего тогда российского уклада жизни, отказывали в «патриотичности» и «почвенничестве» радикальным представителям западников, пренебрежительно относящихся к историческому прошлому родины.

В тургеневском романе «Дворянское гнездо» нарисован весьма противоречивый облик «беспочвенного» либерала-западника. Он недурен собой, получил университетское образование, говорит на французском, английском, немецком языках, поет, рисует, пишет стихи, прекрасно держится среди различных людей. Вместе с тем он холоден душой и хитер, карьерист, эгоист, далекий от простых людей.

...С тех пор произошло немало изменений на общественно-политическом поле России. В конце XX века противостояние западников и славянофилов трансформировалось в идеи и практику борьбы между консерваторами и реформаторами, между государственниками и рыночниками в широком смысле этого слова. Результат этого противостояния известен – победили реформаторы в лице его наиболее радикального крыла – либерал-демократов. Они и задают тон развитию страны на протяжении вот уже четверти века.

«Внутренне противоречивая сущность личности кентавристого типа, – пишет Ж.Т. Тощенко, – как оказалось, особенно характерна для либералов-реформаторов ельцинских времен» [2]. Поэтому вполне логично дать анализ тех, кто в России в «лихие 1990-е» руководил разгромом «прогнившей социально-экономической системы» и возводил радужные мосты свободной рыночной экономики. В результате жажда власти и кардинальных изменений породила еще один удивительнейший феномен – на историческом поприсе появилось группа (команда?) лиц, ввергшая страну в неисчислимыя бедствия и потрясения, от которых она не очнулась до сих пор.

Российские либералы-«западники», олицетворением которых стали творцы, руководители и организаторы экономических реформ Егора Гайдара и всей его команды, пытались предложить «новшества», часто из зарубежного опыта, но не совладали с обрушившейся на них ответственностью в силу примитивизма и ограниченности

мышления. Они в 1992 г. ввергли народ в нищету, в 1993 г. приветствовали расстрел российского парламента, в 1998 г. устроили дефолт, в очередной раз ограбив народ.

Как назвать тех, кто задал вектор общественных преобразований и безраздельно и в то же время бесконтрольно правил страной, прямо или косвенно воздействовал на ход развития страны? В политической лексике, публицистике, а потом научной литературе их сначала называли демократами, противопоставляя советским консерваторам, сторонникам тоталитаризма. Затем в общественно-политическую риторiku вошло слово «либерал», которым обозначали не просто сторонника демократии, а тех из них, кто безоговорочно поддерживал идеи свободного рынка, придерживался концепции монетаризма. Затем, подчеркивая молодость тех, кто проводил рыночные реформы в России, их нередко стали называть «младореформаторами». Со временем их стали называть либерал-демократами, радикал-демократами и все чаще просто либералами.

Сегодня против России нашими «доморощенными» либералами с новой силой развязывается информационная война. Задача ее организаторов всеми способами склонить общество в сторону западных взглядов, на те или иные события глобального и внутрироссийского масштаба. Посмотрите из кого состоит относительно недавно созданный «Конгресс интеллигенции», там много знакомых фамилий: Владимир Войнович, Андрей Липский, Людмила Алексеева, Лия Ахеджакова, Андрей Макаревич, Людмила Улицкая, Ирина Прохорова, Лев Пономарев, Виктор Шендерович, Алексей Венедиктов, Станислав Белковский, Алексей Навальный, Матвей Ганапольский, Евгения Альбац и др. Эти люди - откровенные недруги России. Тот же Лев Пономарев слыл активным получателем американских грантов и сторонником возвращения Курильских островов Японии. Деньги затмевают не только разум, но и совесть!

Развязанная ими информационная война – это скрытная (от обывателей любого уровня!) аксиономическая война (по подмене ценностей народов на самых глубоких слоях их сознания, граничащих с их подсознанием и надсознанием, и поэтому -- не контролируемых сознанием "заговоренных" человекoв!) ... это война людей с отталкивающими качествами против естественных народов дьявольскими средствами, как, например, внедрение гей-"культуры" и т.п. мерзостей! Это надо осознать и перестать бороться только с тенями, да и то только в сумерках, не позволяющих без адекватных теоретических усилий различать тень от самого предмета, как до сих пор!

1. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. - Том 1. – М.: Изд-во «Наука», 1991. - С. 330.
2. Тоценко Ж.Т. Фантомы российского общества. - М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — С. 602.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕТИЦИЙ

Чупракова А.В. (Тюмень)

Информационно-коммуникационные технологии современного общества развиваются стремительными темпами, порождая собой новые сложности, но в тоже время, открывая новые возможности для общества, для граждан.

Под понятием гражданская активность мы понимаем разновидность социальной активности, обусловленной равнодушным отношением к проблемам социума. Активная гражданская позиция предполагает вовлеченность человека в жизнь общества и его составляющих, отражающую его сознательные реальные действия по отношению к

окружающему в личном и общественном плане, которые устремлены на реализацию общественных ценностей при сопоставлении собственных и общественных интересов [3, 40].

Развитие информационных технологий может способствовать росту гражданской активности, инициативности. С формированием информационно-коммуникационных технологий появляется всё больше средств реализации гражданских инициатив. При помощи информационно-коммуникационных технологий граждане создают электронные петиции, посредством которых стараются привлечь неравнодушных граждан и коллективными усилиями решить некоторые социальные проблемы, занимаются организацией разного рода мероприятий и акций, в т.ч., посвященных Великой Отечественной Войне (бессмертный полк), устраивают благотворительные марафоны и т.п.

Один из наиболее известных порталов электронных петиций «Change.org». Петиция представляет собой публичное обращение к одному либо нескольким адресатам с конкретно определенной решить ту или иную проблему. Алгоритм действий несложный. Для начала необходимо определить, кому будет адресована Ваша петиция. В качестве адресата может быть отдельное лицо или организация. Далее определяется та проблема, которая требует решения, то есть необходимо сформулировать основные требования к адресату петиции в форме прямого обращения, например, «Остановите строительство Радиоактивного завода, близ Священного Байкала! Затем автор петиции должен аргументировать свои требования, разъяснить, почему это важно, описать суть проблемы, для чего создается петиция, как она может изменить ситуацию, а также для чего людям необходимо поддержать данную инициативу. При необходимости существует возможность дополнить своё обращение фото и видео, что способствует привлечению большего внимания к проблеме. После того, как необходимая для петиции информация собрана и готова к публикации, остается только зарегистрироваться (ввести в поле имя, фамилию, адрес электронной почты, пароль) и опубликовать электронную петицию.

В чем же эффективность таких обращений? По словам руководителя русскоязычного сегмента «Change.org» Дмитрия Савёлова, «петиции не только позволяют собрать подписи, но делают нечто более важное – они объединяют в одном месте людей, которым небезразлична какая-то общая проблема. После эти люди могут работать вместе, договариваться о том, как они смогут добиться нужного внимания от адресатов петиции (властей, компаний, организаций) [7].

В целом, сбор подписей является первым шагом, после осуществления которого, следует работа с подписчиками, которую осуществляет автор петиции, организуя различные онлайн и другие акции, общаясь с средствами массовой информации и т.п.

Кроме того, с помощью информационных технологий стало возможным взаимодействие человека и государства, человека и различных общественных институтов на расстоянии, притом оно имеет двусторонний характер, реализуется обратная связь. Отношения между обществом и государством становятся наиболее открытыми. С помощью электронных технологий люди выражают свое мнение, принимают активное участие в общественных делах, реализуют свою гражданскую позицию, отстаивают свои права, решают как личные, так и проблемы, касающиеся общества и государства и многое другое. К примеру, в России свою гражданскую активность можно реализовать посредством Портала государственных услуг (Электронное правительство), также реализовывается электронная запись в учреждениях здравоохранения, есть возможность связаться практически с любым государственным и общественным деятелем с помощью электронных технологий и многое другое.

С одной стороны, появившаяся возможность электронного взаимодействия человека государственных, общественных и иных структур устраняет барьеры, которые в обыденной жизни не позволяют гражданину реализовать свои социальные потребности,

мешают реализовать свое гражданское «я», а с другой стороны развитие данного феномена ставит новые препятствия для некоторых категорий граждан.

Существенными препятствиями для реализации данной тенденции может стать угроза того, что вместо таких целей, как активизация гражданской инициативности, будет достигнут эффект роста неравенства и дальнейшей поляризации, а также проблема информационного неравенства, которая является не только и не столько проблемой доступа к использованию информационных технологий, сколько проблемой электронной вовлеченности граждан [1].

В целом, электронное участие может являться воплощением идей и ценностей гражданского участия, при этом информационные технологии можно считать инструментом, который позволяет избежать ограничений и недостатков участия, а также дать возможность тем группам, что остаются за бортом политических и общественных процессов, стать вовлеченными в качестве участников в принятие решений. Информационно-коммуникационные технологии должны быть элементом реального и эффективного участия граждан, гражданских инициатив, но не подобием такого участия или манипулирования гражданами со стороны властных структур.

1. *Бронников И. А. Будущее политических интернет-технологий: два сценария развития // Власть. 2014. - №1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/budushee-politicheskikh-internet-tehnologiy-dva-stsenariya-razvitiya> (дата обращения: 2.09.2015).*
2. *Дрожжинов В.И. Мониторинг услуг электронного правительства. // Социс, 2008, - № 5.*
3. *Глобальная платформа для ваших кампаний: [Электронный ресурс].-2015. – Режим доступа: <https://www.change.org/start-a-petition> (дата обращения: 4.05.2015)*
4. *Новек Б. Wiki - правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию — сильнее, а граждан — влиятельнее. — М. : Альпина Паблшер, 2012. - С. 40.*
5. *Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / под ред. А.Н. Аринин. - М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. - 320 с. - ISBN 978-5-8243-1496-0 ; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?>*
6. *Сединкин М. А. Электронное участие как диалог власти и общества в России /М.А. Сединкин // Рубрика: Социологические науки. - 2013.- №1 (31). - С. 114*
7. *Социо Гид [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socioguru.ru/sgurus-665-1.html> (дата обращения: 2.09.2015).*

ТЕРРОРИЗМ КАК ВНУТРЕННЯЯ УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ

Чурина Р.С. (Санкт-Петербург)

ТЕРРОРИЗМ КАК ВНУТРЕННЯЯ УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ

В нынешнем веке терроризм представляет собой одну из наиболее серьезных угроз мирового масштаба. Тем самым он является фактором, нарушающим внутреннюю стабильность государств. Действующее законодательство Российской Федерации под терроризмом понимает «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [1].

Российское руководство осознает необходимость противостоять данной угрозе, для чего разработана широкая правовая база, которая включает в себя не только

Конституцию РФ и УК РФ, но и Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О противодействии терроризму", Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. N 56-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма», Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. N 116 "О мерах по противодействию терроризму", Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 29.06.2015) "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) и др.

В 2009 году в Российской Федерации была утверждена «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», в которой уточнены основные тенденции эскалации терроризма на современном этапе:

- интернационализация терроризма;
- развитие организационных основ террористической деятельности;
- широкие возможности финансирования террористической деятельности;
- использования терроризма в качестве политического инструмента для оказания влияния на отдельные государства;

и факторов на него влияющих, среди которых особенно выделяются различные социальные противоречия, благоприятные условия для деятельности лиц, настроенных террористически, очаги террористической активности на территории и вблизи границ Российской Федерации, наконец, свободное распространение идей терроризма через сеть Интернет[2].

Терроризм является дестабилизирующим фактором для государства. Его смысл состоит в широкой огласке, массовом запугивании, создании обстановки напряженности и страха. При совершении террористического акта насилие при принятии решения носит опосредованный характер в силу того, что общее опасное насилие применяется в отношении одних лиц или имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц (представителей власти, международные организации, физических, юридических лиц или группы лиц) [3].

Ярким примером может служить террористический акт на Дубровке (Норд-Ост), длившийся с 23 по 26 октября 2002 года. 23 октября 2002 года в 21:05 к зданию театрального центра на Дубровке подъехали 3 микроавтобуса, из которых выбежали люди в камуфляже и с оружием. Они обезвредили охранников, вошли в зал и объявили о захвате зрителей и сотрудников театра в заложники, не выдвинув при этом своих требований. Далее они приступили к минированию помещения[4]. Организаторами были Мовсар Бараев — главарь группы, Абу-Бакар — заместитель главаря. Ответственность за террористический акт взял на себя Шамиль Басаев. Общее число заложников составило 916 человек, погибших по официальным данным было 130, раненых - более 700. Целью террористической акции было нарушение общественной безопасности, устрашение населения и оказание воздействия на органы власти Российской Федерации по принятию решения о выводе войск с территории Чеченской Республики[5]. В истории Российской Федерации это был террористический акт таких масштабов, который смог оказать сильное воздействие на население и вселить страх и недоверие к государству.

Ключевым при рассмотрении категории терроризма как угрозы является его субъектный состав. Первым и наиболее опасным субъектом являются государства, поддерживающие отдельные террористические организации и использующие террористические акты в своих целях, например, для политической дестабилизации в недружественном государстве. К ним относятся в первую очередь Афганистан, правительство которого фактически организовало и финансировало Аль-Каиду, а так же Катар. По заявлению министра информации Сирии Омрана аз-Зоуби, Катар является государством, поддерживающим террористическую деятельность.

К следующей группе субъектов относятся спецслужбы некоторых иностранных государств и их подразделения, предназначенные для совершения террористических акций (такое подразделение в начале 60-х годов, например, было создано в ЦРУ, а в израильской разведке "Моссад" - с самого начала ее существования).

Далее следуют международные террористические организации. Крупнейшей из них является «Братья-мусульмане» (Аль-Ихван аль-Муслимун), созданная еще в 1928 году Хасаном аль-Бенной. Существует по всему миру. Основной целью эта организация считает установление единого всемирного исламского государства, живущего по законам шариата. Она насчитывает более 1 миллиона человек. Известнейшая террористическая организация - Исламская армия, она же Армия освобождения исламских святынь или Интер-национальный фронт борьбы с евреями и крестоносцами (al Qaeda), основанная в 1990 году Усамой бен Ладеном. Её цель - создание мирового исламского государства. Общая численность организации – не менее 20000 человек по всему миру. Далее следуют правые террористические организации профашистской, расистской и иной реакционной направленности: "Серые волки" (Турция), "Союз офицеров, борющихся за национальную идею" (Греция), "Военно-спортивная группа Гофмана" (Германия), "Расистский национальный фронт" (Англия) и многие другие. За ними следуют левые псевдореволюционные террористические организации: "Фракций Красной Армия" (Германия), "Прямое действие" (Франция), "Красные бригады" (Италия), "Девсол" (Турция) и т. д. Нельзя не упомянуть также о националистических сепаратистских организациях: "ИРА" - ирландская, "ЭТА" - баскская, "Усташи" - хорватская, "Черный сентябрь" - палестинская, "Кава" - курдская и др.

И, конечно, следует назвать религиозно-террористические организации, которые в настоящее время представлены прежде всего многочисленными структурами, действующими на основе исламского фундаментализма: "Джихад ислами" в Турция, "Хезболлах" в Ливане, "Ал Джихад" в Египте, "Братья-мусульмане" в Сирии, Саудовской Аравии и др. Указанные разновидности международных и национальных террористических организаций часто взаимодействуют между собой, нередко тесно связаны с реакционными политическими кругами своих государств и в большинстве случаев действуют именно тогда и в том направлении, когда и как это отвечает политическим интересам этих кругов. Поми-мо выше перечисленных следует упомянуть преступные мафиозные организации между-народного и национального уровня, которые занимаются поддержкой террористических структур и нередко самостоятельно осуществляют террористические акты. В настоящее время к числу наиболее влиятельных из них относятся итальянские "Камора", "Ндрагета" и японская «Якудза».

Угроза терроризма возрастает с появлением новых субъектов - отдельных лиц, не принадлежащих к какой-либо организации. Их действия внезапны, из-за чего противостоять такой угрозе достаточно сложно. Самым обсуждаемым среди таких террористов стал Брейвик, Андерс Беринг, который 22 июля 2011 года совершил серию террористических актов в Норвегии, в результате которых 77 человек погибли и 151 получили ранения. Мотивом совершения преступления было несогласие с иммиграционной политикой правительства Норвегии, а целью, по словам самого Брейвика, «казнь культурных марксистов и мультикультуралистских предателей категории А и Б».

В Российской Федерации существует единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. Последняя его версия была опубликована на официальном сайте ФСБ РФ и содержит перечень организаций, признанных террористическими в России по решениям судов с февраля 2003 по декабрь 2014 года.

К ним относятся:

- «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахе-дов Кавказа»

- «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»
- «База» («Аль-Каида»)
- «Асбат аль-Ансар»
- «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»)
- «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»)
- «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»)
- «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)
- «Лашкар-И-Тайба»
- «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»)
- «Движение Талибан»
- «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»)
- «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»)
- «Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»)
- «Дом двух святых» («Аль-Харамейн»)
- «Джунд аш-Шам» (Войско Великой Сирии)
- «Исламский джихад – Джамаат моджахедов»
- «Аль-Каида в странах исламского Магриба»
- «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»)
- «Синдикат «Автономная боевая террористическая организация (АБ-ТО)»
- «Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама»)
- Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) (другие названия: «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам» (Фронт поддержки Великой Сирии) [6].

Включить в такой список террористов-одиночек не представляется возможным.

1. *Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О противодействии терроризму"* // СПС КонсультантПлюс
2. *«Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» // Российская газета № 5022 от 20 октября 2009 г.*
3. *Емельянов В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом// Государство и право. 2000. № 3. С.86]*
4. *Н. Скорлыгина. Те, кто не ставил и не смотрел «Норд-Ост» // «Коммерсантъ», № 196/П (2565), 28.10.2002.*
5. *Верховный суд Российской Федерации. Кассационное определение от 9 сентября 2003 года. Дело N 5-о03-149// СПС КонсультантПлюс*
6. *<http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>*

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ

Шавырина И.В. (Белгород)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант "Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества" №5-03-00378 (рук. – Е.В. Реутов).

Одной из основных стратегических задач, стоящих перед российским обществом, является всесторонняя модернизация. Она может быть успешной только при условии

полноценного использования не только материально-технических, но и, в главной степени, человеческих ресурсов, социального потенциала российского общества.

Нормативно-правовое закрепление формирования социальной солидарности в Белгородской области получило в Концепции программы «Формирование регионального солидарного общества», утвержденной распоряжением губернатора области от 3 мая 2011 года № 305-р. Несколько позже она была трансформирована в Стратегию «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы, утвержденную постановлением правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 года № 435-пп.

В соответствии со Стратегией «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы, социальный потенциал рассматривается как реальные и потенциальные возможности людей, используемые ими для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества и формирующиеся вследствие включения человека в прочные коллективистские связи, установления и выполнения взаимных обязательств между людьми, укрепления между ними отношений ответственности и солидарности [1].

Таким образом, региональное солидарное общество представляет собой систему межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанную на осознании их участниками общности идеологии, ценностей и жизненных смыслов, интересов, взаимной поддержке, сотрудничестве и лояльности в достижении наиболее важных общественно значимых целей.

Базисом для формирования солидарного общества является духовность, нравственность, доверие и солидарность. Духовность рассматривается как определенное внутреннее состояние человека и общности (например, присутствие духа, боевой дух, духовная стойкость); как деятельность сознания, направленная на понимание того или иного смысла жизни и своего места в ней; как склад личности, предполагающий сочетание нематериальных и материальных интересов, способность к самоизменению; возрождение в человеке утерянного образа Идеала. Нравственность представляет собой систему правил, норм, оценок, требований, которыми реально руководствуется личность в соответствии со своими внутренними установками, внутреннее самопринуждение, самоосознание и самовыражение личности, проявляющиеся в ее выборе (принятии, развитии или отвержении) своих мыслей, желаний и поступков, формировании своих привычек, способностей и характера. Доверие выражается в установке людей на открытые, конструктивные взаимоотношения, основанные на позитивном жизненном опыте, реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций. Солидарность рассматривается как деятельное сочувствие интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей, единомышленников с ними.

Необходимыми и существенными характеристиками регионального солидарного общества в современных условиях являются:

- формулировка и принятие идей, идеалов, общей цели развития, ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения области и основаны на позитивных духовно-нравственных и культурно-исторических традициях;
- обеспечение открытого, честного диалога между органами власти и населением;
- формирование ответственности власти за эффективность, законность и безопасность своей деятельности;
- утверждение идеи социального единства, справедливости и милосердия как ведущих принципов взаимоотношений между людьми;
- формирование духовного и психического здоровья, высокой позитивной нравственности, патриотизма, гражданственности, правосознания, оптимизма, позитивно ориентированного мышления;

- наличие четкой позитивной общественной морали и норм во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;
- социальная активность, созидательность, готовность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем, вопросов местного значения, в том числе жертвывая собственными интересами;
- акцент на взаимной ответственности (власти и граждан, граждан по отношению друг к другу);
- постоянный и конструктивный диалог государственной власти и гражданского общества [1].

На наш взгляд, общественный активизм – при всех его издержках, связанных с дестабилизацией привычного порядка управления – наиболее оптимальный метод формирования общественного доверия, личной и коллективной ответственности.

Между тем, основной проблемой функционирования общественных организаций в российском обществе, в особенности, в российской провинции является формальный и даже имитационный характер их деятельности. Объединяя зачастую большое количество участников, общественные организации не являются институтом представительства массовых социальных интересов, поскольку членство в них является своего рода ритуалом. Особенно это характерно для профсоюзов, а также для ряда других организаций, ведущих начало своей деятельности с советских времен.

Тем не менее, именно общественные объединения представляют собой основной элемент в выстраивании системы социального партнерства при ведущей роли органов власти. Соответственно, выявление, с одной стороны, имитационного компонента в функционировании общественных организаций и, с другой, их реальной способности организовать коллективные действия необходимо для получения целостного представления о потенциале гражданских ассоциаций в контексте социальной солидарности. Вместе с тем, не следует полагать, что локальные формы самоорганизации при их количественном приращении автоматически приводят к солидарности на мезо- и макросоциальном уровне. Превалирование корпоративных и групповых интересов в деятельности общественных организаций может привести к возникновению новых разрывов в социальной ткани. Ориентированные на краткосрочный эффект коллективные действия в долгосрочной перспективе могут оказаться деструктивными.

1. *Постановление правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 года № 435-пн "Об утверждении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы.* URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW404;n=25>

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Шакуров А.Ф. (Казань)

Этническая политика, ориентированная на интеграцию и участие всех проживающих на территории страны этнических групп, конструктивную реакцию на существование феномена культурного многообразия, – значимая составляющая государственной стабильности. Профессор Лондонской школы экономики Ч. Кукатас выделил следующие разновидности этнической политики: ассимиляторство, метекизм, мягкий мультикультурализм, жесткий мультикультурализм, миллетизм, изоляционизм и апартеид [1]. Ф. Бок, перечисляя способы разрешения культурного шока [2, с.16], называет геттоизацию, частичную и полную ассимиляцию, что также может быть

разновидностями этнополитики. Данные типологии, хотя возможные виды этнической политики не ограничиваются только ими, помогают понять общую совокупность видов этнической политики и разобраться в их проявлениях.

Федеративное устройство России дает возможность для республик в ее составе выстраивать собственную этническую политику. Это означает наличие двух уровней этнической политики – федерального и регионального, что отличается от ситуации, существовавшей в предыдущие периоды развития российского государства. Республика Татарстан (далее РТ) является примером субъекта с собственной ярко выраженной этнической политикой. Так, «Концепция государственной национальной политике в РТ» гласит, что «государственная политика в РТ строится на двух фундаментальных приоритетных положениях: необходимость всестороннего развития татарского народа и укрепления РТ как исторически сложившейся формы его государственности и обеспечения равных условий жизнедеятельности представителям всех народов, проживающих в РТ» [3]. Для понимания современного положения дел в республике целесообразно рассмотреть этническую политику, проводимую в отношении региона со стороны российского государства в предшествующие периоды.

Какие разновидности этнической политики практиковались в Российской империи относительно Казанской губернии? Можно выделить два основных подхода. Первый — геттоизация и как следствие появление этнических анклавов (Татарская слобода). Второй — ассимиляция, проявлявшаяся в поощрении христианизации и русификации. Особо интенсивно ассимиляторская политика проводилась в первой половине XVIII века, начиная с Петра I и заканчивая Елизаветой. Так, в начале 1740-х годов на территории Казанской губернии было 536 мечетей, а в конце 1750-х - только 136. Как результат подобной политики вспыхнуло крупное народное восстание под предводительством Батырши. Ситуация относительно изменилась в 1762 г., с приходом к власти Екатерины II, когда была провозглашена религиозная терпимость: в конце XIX в. в Казанской губернии было уже 6136 мечетей.

Начало советского периода отмечено поворотом власти в сторону этнических меньшинств. В 1917 г. была принята «Декларация прав народов России», а в 1920 г. была создана ТАССР. Провозглашается курс на коренизацию, заключавшийся в выдвижении на местные руководящие посты представителей коренных народов и попытке заставить уже действующие кадры освоить язык местного населения. Но во второй половине 1930-х политика коренизации сворачивается. В 1939 г. татарский алфавит переводится на кириллическую основу. В 1950-е – 1960-е гг. – продолжение вытеснения татарского языка в бытовую сферу, продолжение закрытия школ с татарским языком обучения, увеличение количества смешанных браков. Этот период развития уместно назвать ассимиляционным, когда совершалась попытка сконструировать доминирующую надэтническую идентичность – «советский народ».

В целом этническую политику, проводимую Российской Федерацией с 1990-х гг., можно назвать политикой мультикультурализма. При этом в начале 1990-х гг. были явственнее выражены центробежные тенденции, в 2000-е гг., напротив, центростремительные. Об успешности строительства общегражданской идентичности говорят данные исследования 2010 г., показывающие, что количество людей в РТ, считающих себя исключительно татарстанцами, значительно уменьшилось, уступив место преобладанию двойной идентичности – татарстанец-россиянин [4, с.95].

Этническую политику Татарстана в 1988 – 1990-е гг. называют политикой реассимиляции [5, с.190] (данный этап являлся своеобразным антитезисом периоду ассимиляции), особенность которой заключается в том, что ее инициатором является скорее непосредственно Татарстан, нежели центральные звенья СССР или РСФСР. В РТ начались процессы, вследствие которых был взят курс на восстановление и укрепление роли татарской культуры в регионе, расширение политических свобод и возможностей республики. Данные процессы происходили в условиях распада СССР и «парада

суверенитетов» автономных республик в составе РСФСР, поэтому одной из важнейших задач федеральных властей являлось недопущение потенциальных сепаратизма. Властям приходилось делать уступки в сторону претензии республик, желавших большего суверенитета. В 1990 г. была принята декларация о государственном суверенитете Татарстана, в которой отсутствовало упоминание о нахождении ТССР в составе РСФСР или СССР, в 1992 г. проводится референдум о суверенитете Татарстана и принимается Конституция РТ. Одним из главных результатов курса властей РТ на суверенизацию стало подписание договора «О разграничении предметов ведения...» (1994), что означало получение относительной самостоятельности в политическом, экономическом и культурном аспектах. Таким образом, республика получила особый статус, дававший больше привилегии по сравнению с другими субъектами РФ. В 2000-е гг. многие крайности реассимиляции в РТ исчезают. Главный вектор развития смещается в сторону мультикультурализма, при сохранении некоторых проявлений политики реассимиляции.

Одним из спорных проявлений реассимиляции выступает так называемый «этнолингвистический конфликт» [6, с.180], суть которого заключается в недовольстве некоторых представителей русской общественности равным распределением часов русского и татарского языков в школах республики.

Стоит отметить, что в РТ успешно функционирует ряд организаций, способствующему межкультурному диалогу и стабильности. Например, Ассамблея народов Татарстана, состоящая из 85 национальных общественных объединений, представляющих 35 народов, способствующая укреплению межнационального согласия. Следует также назвать Дом дружбы народов Татарстана, цель которого – «оказание государственной поддержки общественным национально-культурным организациям по сохранению и развитию культур народов Татарстана» [7].

Таким образом, как этническая политика центральной власти, так и региональная этническая политика периодически изменялись. Попытки ассимиляции этнических групп сменялись мультикультуралистским подходом. Этническая политика, ориентированная на подавление и уничтожение этнической идентичности коренных народов носит потенциально деструктивную направленность. Более целесообразным видится современный подход, где при сохранении и развитии этнической идентичности над ней надстраивается общегражданская. Сегодня Татарстан – это пример успешного во многих планах региона, где гармонично проживают представители различных этнических групп, связанных, помимо всего прочего, надэтнической гражданской идентичностью.

1. ЧАНДРАН КУКАТАС: Теоретические основы мультикультурализма // ПОЛИТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/> (Дата обращения: 10.09.2015).
2. Ионин Л.Г. Социология культуры: : учеб. пособие для вузов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
3. "О Концепции государственной национальной политике в Республике Татарстан" // Российская Газета [Электронный документ]. URL: <http://cdnimg.rg.ru/pril/82/90/66/pril.pdf> (Дата обращения: 10.09.2015).
4. Макарова Г.И. Конструируя национально-гражданские идентичности: этнокультурные политики федерального центра и регионов России (на примере Республики Татарстан) в 1990-2000-е годы // Новейшая история России. – 2013. - № 3. – С. 84 – 97.
5. Сергеев С.А. Этнокультурная политика и этнический национализм в Татарстане // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен. – 1999. – С. 187 – 198.
6. Салагаев А.Л. Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан / А.Л. Салагаев, С.А. Сергеев, Л.В. Лучшева. – Казань: КНИТУ, 2011. – 252 с.
7. Дом Дружбы народов Татарстана // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана [Электронный ресурс]. URL: <http://addnt.ru/house/> (Дата обращения: 10.09.2015).

ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ АРКТИКИ

Шапаров А.Е. (Архангельск)

Арктическая зона РФ охватывает территории с различным этническим и конфессиональным составом, экономической специализацией и формами организации региональной политической власти. Несмотря на существенные различия, Российскую Арктику следует рассматривать как единый макрорегион в составе России, вследствие безусловного преобладания в его населении русского мегаядра, а также, общероссийского самосознания, доминирующего над этническим и региональным у большинства жителей северных территорий РФ.

В современной России сформировались два противоположных управленческих подхода к формированию политики по освоению территорий Крайнего Севера. Обозначим их как экономико-технократический и политико-гуманитарный.

Идеологическим основанием экономико-технократического подхода выступают либеральные ценности - конкуренции, равенства возможностей, современные варианты принципа *laissez-faire*. В русле экономико-технократического подхода стал популярным «вахтовый» метод к освоению природных богатств Арктики. Его сторонники апеллируют к необходимости снижения издержек по поддержанию инфраструктуры в суровых климатических условиях, оптимизации расходов и других экономически обоснованных заключений, призванных увеличить эффективность затрачиваемых государством и компаниями средств. В принятых за последнее десятилетие программных документах «Арктика», а не «Север» выделяется в качестве стратегического объекта государственной политики. Закрепление тенденции повышения роли Арктики в ущерб развитию Севера в российском законодательстве негативно воспринимается в экспертном сообществе. Власти ряда северных регионов выступают с предложениями по расширению Арктической зоны.

Второй, политико-гуманитарный подход, заключается в необходимости комплексного развития территорий Севера, создания комфортных условий для проживания населения. Речь идет о расширенном толковании АЗРФ, включающим большинство северных территорий, и о необходимости целенаправленной государственной политики по Арктике и Северу, в частности, разработку нормативно-правовой базы, включающей специальный закон об Арктике. По нашему мнению, решение демографических проблем, закрепление населения, прежде всего трудовых ресурсов, на территориях Крайнего Севера выступает важнейшей государственной задачей, особенно актуальной в условиях современной геополитической ситуации. Обезлюдение северных территорий, конечно, не грозит напрямую утратой государственного суверенитета АЗРФ. Однако продолжение данной тенденции в среднесрочной перспективе порождает серьезные риски геоэкономического и геополитического характера. Местное коренное население помимо адаптации к климатическим условиям, обладает особыми императивными характеристиками – чувством Родины, восприятием территории в качестве «своей», что подразумевает широкий спектр социогуманитарных характеристик - от бережного отношения к хрупкой природе Арктики (малая родина), до осознания единства своей судьбы с большой Родиной – Россией. Опустынивание пространства АЗРФ будет означать слом многовекового цивилизационного усилия русского народа по колонизации территорий Севера.

Экспертами отмечается отсутствие единого императивного подхода в нормативно-правовом регулировании отношений в АЗРФ, отражающих специфику этого макрорегиона. По мнению директора Центра экономики Севера и Арктики А.Н. Пилясова,

идеологическим стержнем федерального законодательства об Арктической зоне должна стать нацеленность на решение проблем безопасности в их расширенной трактовке, включающей как проблемы национальной безопасности, так и проблемы безопасности человеческой жизни, экологической безопасности и безопасности местных сообществ. Такая точка зрения представляется обоснованной и в плане регулирования межнациональных отношений в Арктике.

При формировании этнонациональной политики России необходимо учитывать региональную специфику межэтнических отношений. В частности, замещение старожильческого населения в результате миграционного обмена, притока неадаптированных к условиям Севера мигрантов, не нацеленных на долговременное проживание, влечет риски роста межэтнической напряженности в чувствительной в геополитическом плане территории России. С одной стороны, неконтролируемая миграция, лоббируемая недобросовестными работодателями, выступает доминирующим фактором, негативно влияющим на межнациональные отношения. С другой стороны, на миграционные установки жителей территорий Крайнего Севера определяющее влияние оказывают факторы комфортности и безопасности проживания в регионе. Отток старожильческого населения и замена его на временных мигрантов в среднесрочной перспективе создает угрозу утраты населением регионов Крайнего Севера национально-государственной идентичности.

Этнонациональная политика России в Арктике должна быть реализуема через два основных направления. Первое заключается в создании условий для сохранения и развития народов, традиционно проживающих в регионе, содействия их культурному многообразию, повышению уровня жизни. Достижение этнополитической стабильности, формирование межэтнической, межконфессиональной толерантности возможно на принципах эффективного взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций, и, что крайне важно, на основе экономического роста.

Второе направление этнонациональной политики в Арктике – интеграция в общество внутренних и внешних мигрантов, переехавших из регионов и государств с отличающейся этнокультурной, конфессиональной или языковой спецификой. Привлечение и закрепление трудовых ресурсов выступает значимой составной частью государственной миграционной политики в АЗРФ. При этом эффективность миграционной политики должна определяться через ее влияние на уровень межэтнической и межконфессиональной напряженности.

Таким образом, реализация экономико-технократического подхода в практике государственной политики России в Арктике может достичь временных эффектов, однако, в средние и долгосрочные периоды порождает значительные риски геополитического характера. Устойчивое развитие территорий АЗРФ возможно лишь при условии, что интересы проживающего на них населения будут учтены как в программно-директивных документах, так и в практике государственной политики России в Арктике. Критериями эффективности этнонациональной политики выступают формирование российской Арктики как территории мира и согласия, гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений, как условий развития этого важного в геополитическом плане макрорегиона России.

1. Антюшина Н.М. *Арктический вызов для национальной и международной политики.* – М.: Ин-т Европы РАН, 2012. – 134 с.
2. Лукин Ю.Ф. *Великий передел Арктики.* Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – 400 с.
3. Пилясов А.Н. *Контуры стратегии развития Арктической зоны России // Арктика: экология и экономика.* – 2011. – № 1. – С. 38-47.

4. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Правовое обеспечение социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации» 29.11.2013. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/36225>
5. Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. Copenhagen: TemaNord, 2014. – 507 p.

«СОМНИТЕЛЬНЫЕ» СПОСОБЫ ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Шевцов А.В. (Санкт-Петербург)

Надо ли обосновывать актуальность заявленной темы? Вопрос чисто риторический. Российское профессиональное сообщество уже третье десятилетие сотрясают дискуссии о достижимости идеала «честных и ответственных выборов» в стиле кантианско-бернштейнианского тезиса: «цель ничто – движение всё». Так, в последние годы социологи обрушили свой праведный гнев на недочеты деятельности неразлучной пары – ВЦИОМа и Левада-центра.

Разумеется, в рамках небольшого по объему доклада сложно детально рассмотреть вечную проблему неосуществимости идеала. Поэтому ограничимся рассмотрением социальных основ существования т. н. «сомнительных» (не вполне «честных») способов ведения предвыборной борьбы.

Парфразировав известное выражение Ш.-М. Талейрана, можно утверждать, что «выборы слишком серьезная вещь, чтобы доверять их избирателям». Слишком много профессионалов заинтересованы в правильном исходе данного действия. Так, С. М. Воробьев и А. А. Ливеровский сделали расчет в 2002 г. по выборам в Законодательное собрание Петербурга. Было выдвинуто около 500 кандидатов. На каждого из них – два-три члена семьи, близкие родственники, с десятком друзей, около 50 агитаторов, 5-10 штабистов и полит-консультантов. Сюда добавляются члены и активисты политических партий, общественники ветеранских и подобных организаций, носители административного ресурса в лице работников территориальных управлений, обслуживающие выборы журналисты, полиграфисты, тысячи членов избирательных комиссий. Таким образом, насчитывается минимум 150000 человек, участвующих в выборах на платной основе. И это не считая лоббистов.

«Вряд ли кто-либо серьезно полагает, что народные избранники действуют исключительно или хотя бы преимущественно в интересах избирателей. Народный избранник отстаивает интересы в лучшем случае небольшой части электората своего округа, а также своих спонсоров (финансовых, организационных), своей профессиональной группы и, безусловно, свои личные интересы (в частности, чтобы переизбраться). При этом он должен идти на уступки, искать компромиссы, заключать соглашения, о которых избиратель практически ничего не знает. Правовые же ограничения возможного отступления от заявленных кандидатом в депутаты во время выборов намерений практически отсутствуют, так же как и санкции за невыполнение предвыборных программ.

Время альтруистов в органах законодательной власти закончилось, практически не начавшись. Лоббизм того или иного рода или вида – вот основа деятельности представительного органа власти» [1, 116-117].

Утвердившийся у власти субъект (личность, группа или организация) вовсе не заинтересованы терять ее (во-всяком случае, надолго). Использование же «административного ресурса» нарушает как минимум два принципа т. н. «честной игры». 1) Кандидаты на выборный пост, выступающие в роли субъекта управления, «де-юре» лишены права диктовать «правила игры», т. е. создавать нормы, обязательные для объекта своего воздействия. Ни один кандидат или избирательное объединение не может издать

распоряжение или указ, предписывающие массам модели электорального поведения. 2) Кандидат как субъект управления лишен возможности опереться на право легитимного насилия, на применение санкций и иных мер воздействия на потенциальных избирателей [См.: 6, 21].

Под административным ресурсом, как указывает В. Б. Звоновский, «понимается совокупность возможностей влиять на мнение и поведение избирателей, которые имеются в распоряжении руководителей предприятий, территориальных образований (районов, городов). Использование властных рычагов является одним из важнейших инструментов ведения предвыборной борьбы и агитации. Однако их не следует сводить, как это часто делается, к прямому воздействию на избирателя, принуждению его к какой-то форме поведения на выборах или к манипуляциям с избирательными бюллетенями в ходе подсчета голосов. Не следует также, и переоценивать возможность такого влияния на избирателей» [3, 35].

«По сути дела, А-ресурс – это степень готовности избирателя уступить свой политический выбор местному нотабилитету или, иначе, возможность сформировать выбор избирателя при более или менее выраженном согласии последнего» [2, 116].

Четырех основных формы: 1) интериоризированная (внушенная, усвоенная) в ходе социальной коммуникации установка («председатель нам столько хорошего о нем рассказывал»); 2) передача ответственности за выбор («Кузьмич, голосуй за кого хочешь, мы тебе доверяем»); 3) «помощь» со стороны членов избирательной комиссии, подсказывающих гражданам, пришедшим на избирательные участки, за кого голосовать; 4) подкуп, запугивание, фальсификация бюллетеней и другие нелегитимные способы воздействия на результаты голосования.

Способы фальсификаций все время совершенствуются. Как отмечал И. В. Леснин, «время политических побед, которые в середине 1920-х гг. одержал один из представителей семейства Ротшильдов, когда было достаточно разослать несколько тысяч 50-франковых билетов потенциальным избирателям, прошло. Теперь эта тема настолько обширна, что требует определенных ограничений при ее описании» [4, 31]. Он выделяет два блока, которые непосредственно связаны с местными выборами: 1) компромат и провокации; 2) механизм изменения результатов выборов. Последний блок, в свою очередь, содержит две группы методов: 2.1. Используемые во время процесса выборов (помощь в определении кандидата пришедшим на выборы малограмотным или неустойчивым избирателям; голосование вместо умерших или нетранспортабельных больных; опускание бюллетеней с именем заказанного кандидата в урну; махинации с выездным голосованием и т. д.). 2.2 Применяемые при подсчете голосов по итогам выборов (неправильный первичный подсчет бюллетеней за обычных кандидатов и заказанного претендента; нужные поправки в итоговом протоколе за счет других кандидатов и т. д.).

Впрочем, определенные сомнения возникают уже при перечислении вполне легальных методов. Так, по версии В. В. Полуэктова полноценная избирательная кампания предполагает ведение полевых работ как минимум по восьми направлениям: 1) сплошные и выборочные обходы квартир избирателей; 2) телефонная агитация (прямая и косвенная – «зомбирующая»); 3) пикеты; 4) распространение агитационных материалов по месту жительства избирателей; 5) расклейка листовок и плакатов, «наскальная живопись»; 6) организационно-агитационная поддержка кандидата во время встреч с избирателями и контактов со СМИ; 7) организационная поддержка общественных приемных кандидата; 8) обеспечение интересов кандидата в день выборов. «Направления оргмассовой работы, которые сейчас перечислены, можно назвать классическими типовыми полевыми технологиями. И еще – это корректные (или если хотите – чистые, белые) технологии» [5, С. 16-17].

Как видим, и здесь уже появляются вызывающие сомнение приемы, типа «зомбирования» телефонных абонентов или порчи стен и заборов («наскальная живопись»).

Таким образом, «передергивание карт» в процессе избирательной игры неизбежно, какие бы процедурные препоны не выставляли бы законодатели и гражданские активисты, сами мечтающие о месте «банкомёта». Максимум возможного – снижение издержек в том же кантианско-бернштейнианском стиле, завяленном в начале доклада.

1. Воробьев С. М. Рисунок эволюции избирательных кампаний / С. М. Воробьев, А. А. Ливеровский // *Выборы в Российской Федерации: Материалы науч.-практ. конф. 16-17 марта 2002 г.* / Под ред. М. Б. Горного. СПб., 2002. С. 114-118.
2. Воронцова А. Б. Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса / А. Б. Воронцова, В. Б. Звоновский // *Полит. исслед.* 2003. № 6. С. 114-124.
3. Звоновский В. Б. Административный ресурс: вариант исчисления объема // *Мониторинг общественного мнения: экон. и социал.* 2000. № 1 (45). С. 35-37.
4. Леснин И. В. Технология политического успеха, или как победить на местных выборах. Волгоград: Перемена, 1999. 79 с.
5. Полуэктов В. В. От двери к двери: Полевые технологии в избират. кампаниях / *Ин-т избират. технологий.* М.: Рус. панорама, 2002. 233 с. (Профессионалы: просто о сложном).
6. Попова И. В. PR-технологии в избирательных кампаниях / *Моск. открытый социал. ун-т. Социал.-психол. фак. Каф. полит. психологии.* М., 2003. 133 с.

МОЛОДЕЖНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА: ПРЕДСТАВИТЕЛИ КАВКАЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Шекера Е.А. (Санкт-Петербург)

Полиэтническое население Санкт-Петербурга является уникальным социальным организмом, развитие единства и многообразия которого детерминирует успешное функционирование города, поэтому необходимы высокоэффективные инструменты согласования интересов всех проживающих многочисленных этносов. По данным Всероссийской переписи населения, проводившейся в 2010г., численность населения Санкт-Петербурга составляет 4 879 566 человек, этнический состав которого крайне разнообразен. [1] Стоит отметить, что в Санкт-Петербурге отмечается один из самых высоких показателей миграционного прироста населения в Российской Федерации (в 2011г. на Санкт-Петербург приходилось 18,3% общего миграционного прироста Российской Федерации). В 2011г. миграционный прирост составил 58632 чел. по сравнению с 2010г., таким образом он увеличился в 1,6 раза, при этом миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль населения (4757 чел.), превысив ее в 12,3 раза. [3]

Как отмечено в Докладе к заседанию Координационного совета по культуре при Министерстве культуры Российской Федерации по вопросу: «О формировании толерантности в обществе, развитии межнационального общения и борьбе с ксенофобией средствами культуры» от 24.08.2009г., ксенофобия становится одной из гнетущих проблем современного российского общества как неприязнь к чужакам - иным этносам, религиозным меньшинствам, к специфическим, заметно отличающимся от большинства общества по целям, по интересам, по взглядам социальным группам. Нередко ксенофобия проявляется как закономерная реакция отторжения коренным населением приезжих, не нашедших путей интеграции в новое общество, в новую культуру. Сохранение ксенофобских тенденций можно объяснить несовершенством демократии в России,

отсутствием либеральных традиций, отсутствием нормального гражданского общества, которому присуща терпимость и в котором действуют механизмы предотвращения ксенофобии и противостояния ей. [2]

Таким образом необходимо создание эффективной системы мер для борьбы с ксенофобией, составляющим компонентом которой является пропаганда межнационального общения, важную роль в которой играют молодежные движения, созданные представителями различных этнических групп. Конечно, в Санкт-Петербурге действуют государственные структуры, занимающиеся межнациональной политикой, например, в период с 2006 по 2010 годы в Санкт-Петербурге была реализована «Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности на 2006 - 2010 годы» (Программа "Толерантность", общий объем финансирования – 363,3 млн. руб.) непосредственными исполнителями которой являлись: Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Комитет по внешним связям, Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности, Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями, Комитет по образованию, Комитет по печати и взаимодействию со средствами массовой информации, Комитет по социальной политике. [2] Но для более эффективного взаимодействия этнических групп необходимо, чтобы инициатива исходила не только от государственных учреждений, но и от самых граждан, а именно от общественных объединений, особенно молодежных, т.к. они способны проводить более мобильные мероприятия, которые гибко и оперативно реагируют на различные социальные «вызовы». Молодежные движения эффективно функционируют в условиях зарождающегося гражданского российского общества, основная задача которого обеспечить единство между различными социально-политическими, социокультурными или иными силами и интересами и направить противоборствующие силы в одно созидательное русло для формирования системы позитивных ценностей.

С 2013 года в Санкт-Петербурге проводится молодежный форум «Многонациональный Петербург: территория национального согласия», организатором которого является Санкт-Петербургский Дом национальностей при информационной поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации. На данном форуме достаточно большой сегмент занимают представители кавказской молодежи. Также в Петербурге активно функционирует Общероссийское общественное движение «Российский конгресс народов Кавказа», инициирующий проведение молодежных фестивалей, научно-практических конференций, «круглых столов», семинаров, дней культуры и т.д.

Необходимость активного привлечения молодежи в межкультурную коммуникацию также обозначена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, поскольку выделяются новые явления: отмечается возрастающая роль таких трансляторов культуры как Интернет, общественные организации, молодежные движения, средства массовой коммуникации, средства искусства: музыка, кино, видео и т.д. [2]

Таким образом, перспективность молодежных этнических движений отмечается органами государственной власти, поскольку они более мобильны, и более чутко реагируют на текущие события, также возрастает количество кавказских молодежных движений, что говорит о созидательной направленности молодежи, гармонизации совместного проживания разных этносов в условиях большого города.

1. *Всероссийская перепись населения 2002.* URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. *Доклад к заседанию Координационного совета по культуре при Министерстве культуры Российской Федерации по вопросу: «О формировании толерантности в обществе, развитии межнационального общения и борьбе с ксенофобией»*

средствами культуры» от 24.08.2009г. URL:
<http://mkrf.ru/ministerstvo/sovet/detail.php?ID=75214>

3. Информация о демографической ситуации в Санкт-Петербурге, 2011г. URL:
gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2013/.../DEMOGRAFIJA.ppt

ПОЗИЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Щанина Е.В. (Пенза)

Для современного российского общества люди пожилого возраста являются важнейшим элементом его социальной структуры, поскольку их поведение, социальные статусы, экономическое положение, а также темпы роста данной социально-возрастной группы оказывают влияние на социальные, экономические и политические процессы в обществе, на взаимодействие различных социальных институтов и жизнедеятельность общества в целом. Поэтому изучение данной группы остается актуальным и востребованным в современной науке. В рамках работы над научно-исследовательским проектом РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а в 2015 году было проведено исследование, одним из аспектов которого явилось изучение позиции пожилых людей по отношению к блоку ценностей, характеризующих уровень демократии современной России и связанные с ней проявления социально-политической активности населения. В ходе исследования, было опрошено, по квотной выборке, 1350 человек (в т.ч. 501 человек в возрасте старше 55 лет), проживающих в Пензенской и Ульяновской областях.

Проведенное исследование позволило проанализировать отношение пожилых людей к политике, закону и законности, присутствующей в обществе, к восприятию прав и свобод человека и гражданина и как следствие к собственной социальной активности. Социальная активность – это повышенное по сравнению с принятым в обществе той или иной социальной группой участия в различных социальных практиках, направленных на общественное благо. Среди факторов, оказывающих влияние на социальную активность различных социальных групп большую роль, прежде всего, играет политическое сознание. Политическое сознание представляет собой систему взглядов, представлений и установок, которые выражают субъективное отношение к политике и политическим явлениям. Для выявления степени участия пенсионеров в социально-политической жизни общества респондентам был задан вопрос: «Каково Ваше отношение к политике?». Ответы на вопрос анкеты показали достаточно высокую степень интереса опрошенных пенсионеров к политике. Постоянно интересуются политической информацией 49,5% респондентов (что выше, чем в целом по выборке - 35,7%), 24,5% респондентов интересуются политической информацией от случая к случаю. В целом, можно сказать, что равнодушных к политике среди опрошенных пожилых людей большинство – 74% от общего числа опрошенных. Только 9,9% респондентов указали, что политикой не интересуются.

При такой достаточно высокой степени интереса пожилых людей к политической информации, к политике представляется важным анализ того насколько эта позиция подкрепляется личным участием в политической жизни общества. В 2014 году было проведено исследование на тему «Исследование социально-экономического положения пожилых людей в современном российском обществе», одним из аспектов которого явилось изучение отношения пожилых людей к политическим процессам современной России (было опрошено 294 респондента пенсионного возраста, проживающих в Пензенской области). Так на вопрос: «Участвуете ли Вы в политической деятельности» респонденты ответили: 71,67% опрошенных пожилых людей участвуют в выборах как

избиратели, 5,12% являются активистами политических партий и движений. Ответы респондентов подтвердили, что старшее поколение не только интересуется политикой, но и активно участвует в ней.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в последнее время в отношении пожилых людей к политике наблюдается снижение интереса к политической жизни. Так 14,33% пенсионеров в выборах не участвуют, т.к. считают, что от их голоса ничего не зависит, а 23,89% не принимают участия в политических партиях и движениях. Вместе с тем, пока сохраняется такая ситуация, когда пожилых людей, интересующихся политикой значительно больше, чем тех, кто не проявляет интереса к политике. Поэтому в целом сегодняшнее отношение к сфере политики и политическому действию старшего поколения можно охарактеризовать как заинтересованное, что проявляется в высокой активности во время избирательных компаний. Анализируя отношение к политике, к участию в политической жизни пожилых людей правомерно определить их отношение к закону и законности в нашей стране.

Определяя свою позицию в отношении к закону, к законности в нашей стране, пожилые люди высказали различные точки зрения. Данные проведенных исследований показали, что достаточно большой процент респондентов согласны сделать выбор в дилемме «порядок, безопасность – законность» в пользу общественного порядка. Так 23,08% респондентов считают, что букву закона следует соблюдать, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям. Утверждая, что закон необходимо соблюдать, 24,8% респондентов считают, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо. Характерно, что почти половина опрошенных пожилых людей – 49,6% - необходимость соблюдения законов поставили в зависимость от соблюдения законов представителями власти.

В русле понимания справедливости для пенсионеров четко представляются ценности, характеризующие права и свободы человека и гражданина в обществе. Среди них наивысшее право занимает жизнь. Так право на жизнь как наиболее важное указали 75,77% респондентов.

Столь значительным правом является для пенсионеров право на охрану здоровья. Определили это право, как важное проявление прав и свобод человека и гражданина 60,41% респондентов. Весьма ценным правом для пенсионеров является право на охрану здоровья (60,4%), на свободу (33,45%), право на труд (27,30%), право на образование (22,53%). Кроме того, важными для осуществления прав и свобод человека и гражданина, с точки зрения пенсионеров, являются свобода мысли и слова (16,72%). Особое внимание заслуживает отношение пенсионеров к праву избирать и быть избранным. Как важный показатель для проявления прав и свобод человека и гражданина указали всего 3,07% респондентов, что вызывает определенную настороженность. Сравнение этого показателя с ответами респондентов по поводу отношения к политике и участия в политической жизни может быть подтверждением того, что в отношении к политике, к политической жизни у пенсионеров наблюдается снижение интереса. В связи с этим возникает вопрос о том стали бы бороться представители старшего поколения за свои права. Больше половины опрошенных пенсионеров (51,5%) утверждают, что лично стали бы отстаивать свои права, бороться за них. Сомневаются по поводу отстаивания своих прав и борьбы за них 26,62% ответивших пенсионеров, так как они не думали об этом. С твердой позицией, что не стали бы лично отстаивать свои права, бороться за них только 6,83% респондентов. Кроме тех, кто не знает, не задумывался о своем личном участии в борьбе за свои права, есть и те, кто затруднился ответить на этот вопрос (13,65%). Иными словами, по мнению большинства ответивших респондентов в случае необходимости они проявили бы в отстаивании своих прав и борьбе за них достаточно высокую активность. При такой позиции респондентов правомерно возникает вопрос о том, какими методами они отстаивали бы свои права. Как показали результаты исследования, прежде всего, в отстаивании своих прав большинство респондентов (71,67%) избрали бы участие в

выборах, 3,41% опрошенных наиболее приемлемым методом борьбы за свои права считают свое участие в работе политических партий и движений. Вместе с тем, 18,77% респондентов наиболее действенным методом, который они выбрали бы в борьбе за свои права – это участие в демонстрациях, митингах.

Таким образом, анализ результатов проведенного исследования позволил выявить достаточно активную позицию пенсионеров в отношении к политике, закону и законности, к восприятию прав и свобод человека и гражданина и как следствие к собственной социальной активности.

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Яныкина А.Н. (Казань)

Актуальность изучения на новой аксиологической основе такого феномена современности как неоклассический гуманизм обусловлена особенностями развития духовной реальности человека в XXI веке. Среди наиболее значимых тенденций, влияющих на становление неоклассического гуманизма, условно можно выделить те из них, которые формируют не только жизнедеятельность людей, но и создают идеальный образ предполагаемого планетарного будущего.

Во-первых, постнеклассическая картина мира, которая сформировалась на рубеже третьего тысячелетия, предъявляет новые требования к антропологической проблематике, к пониманию человеком самого себя и своего места в окружающем глобализирующемся мире. По мнению профессора Тульчинского Г.Л. «такого острого напряжения между претензиями разума, науки - с одной стороны, и срывами общественного сознания в иррациональную стихию насилия, мистицизма - с другой, человечество, пожалуй, еще не знало».[5] Оказавшись перед лицом «зияющих истин», большинство людей не осознают всю трагичность своего положения, когда человек не отдает себе отчета, где он на самом деле находится и какова динамика путей, которым он должен следовать, чтобы состояться в «вечно настоящем» человеческого становления».[3, с.86] Переход от антропоцентризма к антропному принципу, отказ от безусловного признания человека как очередного этапа эволюции живой природы, способствовал рассмотрению человека, в рамках неоклассического гуманизма, как существа непрерывно создаваемого и возобновляемого.

Во-вторых, эйфория консюмеризма на фоне гуманистических идей, их декларативного характера, обесценивает содержательную сторону существующих видов и форм гуманизма, последовательно формирует доминирующие в социуме идеологические и психологические установки на нигилизм и инфантилизм. Нигилизм – это всегда недопонимание того, как устроена социальная жизнь, как устроены мы сами, наша нравственность. В сочетании с инфантилизмом, который может быть интерпретирован как «застывание» в подростковом возрасте, отсутствие внутренней мотивации на процесс взросления, не позволяет человечеству, вновь обратиться к абсолютным всечеловеческим ценностям и жизнеутверждающим принципам «самостоянья человека как человека». [3, с.110]. Размышляя о человеческом бытии, российский философ Губин В.Д. считает, что «человека нет в этом мире, нет как части мира; человек вообще не является частью какого-либо целого – общества, вселенной, он может соотноситься с ними как целое с целым, как микрокосм с макрокосмом» [1, с.16].

В-третьих, неоклассический гуманизм, который базируется на принципах гетерархичности мышления, фрактальном детерминизме, синергичности, имеющий глубокую духовно-культурную основу, является той мировоззренческой компонентой,

которая способна на активный поиск с целью осуществления качественного прорыва к новой целостности бытия. «Выявился своеобразный шок гуманитарной интеллигенции перед новой цивилизацией, требующей соответствующих изменений в духовном опыте, мировоззрении, метафизике, нравственности, художественной, научной, политической практике. Стали ясными как переходный характер деконструктивизма и постмодерна в целом, так и осознание необходимости нового сдвига гуманитарной парадигмы, который стал бы, одновременно, развитием и преодолением деконструктивизма».[5] Неоклассический гуманизм обращается к изначальным надындивидуальным смыслам и ценностям и стремится преодолеть «феномен многих вариаций одного и того же». Известный российский философ Каган М.С. считал, что «выработка общечеловеческих ценностей становится условием выживания людей на Земле», а всеобщность ценностей заключается в единстве человечества, которое готово «действовать в соответствии с обретаемым общечеловеческим сознанием». [2]

В современном обществе все чаще встречаются индивиды с дезорганизованным сознанием, тотальной завистью, склонностью к жестокости, проявлению насилия. Таких людей, весь образ жизни которых характеризуется некрофильной направленностью, называют «нелюдями», «иносущностями», «негантропами», подчеркивая их отличительное свойство - бесчеловечность человека. Данный процесс распада обусловлен сужением границ свободы и ответственности. Вместо третьей формы бытия – био-социокультурного существа, каковым является человек, образуется множество отдельных сущностей – биологическая, психологическая, религиозная, социальная и др., которые не способны интегрироваться в целостность. Поиск самого себя полностью утрачивает смысл и отождествляется с «сизифовым трудом» - человек находит только узнаваемые свойства, модели поведения, роли, но не приближается к постижению самого себя, утрачивает свою субъектность.

Перефразируя знаменитые вопросы И.Канта, неоклассический гуманизм в условиях постнеклассической культуры актуализирует проблему самоидентичности. Вместо кантовского «что я могу знать? что я должен делать? на что я могу надеяться?» предлагается, в первую очередь, ответить на вопрос «кто?» - кто может знать, кто должен действовать, кто может надеяться. Новое осмысление феномена человека в общечеловеческом, планетарном масштабе, приводит к необходимости восприятия «человека как человечество». Неоклассический гуманизм предполагает основной акцент перенести не на естественно-научное, не на социально-организационное объяснение смыслообразующей деятельности людей, а на аксиологическое, в контексте которого человек рассматривается как носитель «единых, фундаментальных ценностей, объединяющих землян в одно целенаправленно действующее целое, при всех различиях частных ценностей отдельных народов, слоев общества, религиозных культов, профессиональных групп, поколений и полов».[2] Происходит отождествление двух тотальностей – уникальной тотальности человечества и непосредственной тотальности каждого человека, что порождает множество противоречий и, в первую очередь, в системе ценностей.

В отличие от предыдущих видов гуманизма – классического, неклассического – неоклассического гуманизм в аксиологическом аспекте предлагает рефлексию существовавших и существующих в социуме гуманистических ценностей. Неогуманистические ценности формируются на постнеклассическом социокультурном базисе, который новоевропейские ценности техногенной культуры коррелирует с ценностями традиционных восточных культур. По мнению академика В.С. Степина «западная идея о доминирующей самоценности истины начинает согласовываться с древневосточными идеями о нравственности как необходимой предпосылке истины». [4, с.295] Вместо строгой иерархии ценностей предлагается гетерархия, вместо неклассического детерминизма - постнеклассический фрактальный детерминизм.

В соответствии с представлениями австрийского психолога и философа В.Франкла ценности всегда притягивают человека, но, в каждой жизненной ситуации существует множество видов ценностей, которые создают силовое поле воздействия на индивида. Эксплицируя ценности в ситуации выбора человек берет на себя ответственность, преодолевая механизм отчуждения от социума. Вместо индивида как транслятора социальных практик появляется активный субъект коммуникативной деятельности, способный нести ответственность не только за свои поступки, но и за общество в целом.

1. Губин В.Д. Жизнь как метафора бытия / В.Д. Губин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. – 205 с.
2. Каган М. С. Философская теория ценности / М.С. Каган. - СПб., 1997. С. 259.
3. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация: Выступления и доклады / М. Мамардашвили. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. – 384 с.
4. Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. – 672с.
5. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности / Г.Л. Тульчинский. – СПб.: «Алетейя», 2002. – 677с.

СЕКЦИЯ 3: ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

СПЕЦИФИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОТРЕБНОСТИ В ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТАХ, ОСВОИВШИХ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Артем О.Я. (Екатеринбург)

После распада СССР и создания нового государства Российской Федерации[2,665], социально-экономическая ситуация в стране сильно поменялась. Переход от плановой экономики к свободным рыночным отношениям привел к тому, что многие заводы, фабрики стали закрываться. Это повлекло за собой сокращение рабочих кадров, имеющих достаточно высокую квалификацию. На рынке труда стали безработными тысячи технологов, инженеров, конструкторов. В связи с этим, произошли изменения в потребностях в специалистах с техническим образованием.

В 90-х годах многим вузам с трудом удавалось найти желающих учиться на металлурга, технолога силикатов, инженера-электрика и т.п. Утвердился имидж выгодности экономического, юридического, медицинского образования. Большинство выпускников после школы пытались поступить как на бюджет, так и на коммерческую форму обучения на гуманитарные специальности, о чем свидетельствует сокращение конкурса на инженерные специальности в 90-х годах прошлого века. Это сказалось на числе выпускников, окончивших технические вузы: в 1990 годах таких, было 36,4% к общему числу выпускников, а к 2000 году их стало 22,6%[1].

Кроме того, произошло значительное обесценивание высшего профессионального образования. Важно стало лишь его наличие, независимо от той специальности, по которой его получает студент. Поэтому исчезла обязательность работать по специальности и заниматься высококвалифицированным трудом после окончания вуза. Можно трудиться менеджером по продажам имея диплом специалиста по металлургии, экономике и т.п.

Скорее это объясняется тем, что государство отказалось от целевого распределения выпускников вузов для промышленных предприятий региона, страны. К тому же это сделать очень сложно, когда отсутствует долговременный заказ на инженера, технолога от крупного, среднего бизнеса. Большинство отечественных предприятий работают на основе той потребности в специалистах, которая у них существует на сегодняшний день. Они не знают, что будет с нашей экономикой через 2-3 года, а подготовка инженера на бакалавриате в вузе ведется минимум 4 года. Данная ситуация влияет и на обоснованные представления выпускников школ о том, где они будут конкретно востребованы после окончания обучения.

Стала девальвироваться ценность труда в соответствии с имеющимся уровнем образования.

Выпускник вуза может активно заниматься поиском работы по специальности, но гарантий ее получения ему никто не дает. Некоторые вынуждены соглашаться на ту работу, которую им предлагают работодатели, хотя она не всегда требует высшего образования. На рынке труда отмечается дефицит рабочих мест, в частности, востребованы рабочие различных специальностей, а не технологи, инженеры.

Далее размеры оплаты труда перестали связываться с наличием соответствующего высшего образования, квалификации. В наше время менеджер по продажам может иметь более высокий заработок, чем учитель, врач, преподаватель вуза. Это не характерно для большинства развитых стран, указывая на экономические деформации в процессе становления рыночных отношений в нашей стране в течение двух десятилетий.

Со временем государство стало ощущать опасность превращения России в сырьевой придаток, занимающейся лишь добычей и продажей полезных ископаемых: нефти, газа, цветных металлов. Оборудование для соответствующих отраслей производства закупалось за границей, что привело, во-первых, к тому, что новые собственники этих предприятий покупали не самое современное оборудование. Потому как никто не продавал его России, чтобы не сделать страну вновь сильным конкурентом в сфере промышленности. Во-вторых, существовала угроза санкций на поставку нужного нашим заводам оборудования. Они были введены в прошлом году. Некоторые проекты, связанные с дальнейшим поиском и добычей нефти и газа на сегодняшний момент заморожены из-за отсутствия соответствующего оборудования.

Курс на реиндустриализацию страны начался с начала 2000-х годов путем существенного увеличения количества бюджетных мест на технические специальности, что было обусловлено возникновением потребности в высококвалифицированных специалистах, освоивших техническое образование. В настоящее время до 70% всех бюджетных мест связаны с этими профессиями. Безусловно, это стало привлекающим фактором для определенной части выпускников школ. Однако общественная потребность в существенном росте квалифицированных специалистов технического профиля решается механическим увеличением бюджетных мест в техникумах и вузах. О том, какова доля тех, кто имеет реальную возможность стать настоящим специалистом из всей массы обучающихся технической специальности, никто не выясняет.

Также стали создаваться специальные стипендиальные программы, гранты в высших учебных заведениях. Например, «Стипендия Правительства РФ по приоритетным направлениям модернизации и технологического развития экономики России»[3]. Стоит отметить, что реализация данной именной стипендии связано с 5 приоритетными направлениями, которые были определены Президентом РФ в 2009 году. Получается, что помимо увеличения количества бюджетных мест за счет средств федерального бюджета, с 2012 года стала действовать и стипендиальная программа для поддержки талантливой молодежи по техническим направлениям подготовки. Для многих выпускников школ, это стало стимулом поступления именно на эти специальности в вуз.

В 2014 году в Уральском федеральном университете были проведены следующие социологические исследования: первое, изучение потребностей работодателей, преподавателей и студентов с целью обеспечения качества профессиональной подготовки

выпускников УрФУ; второе, исследование среди первокурсников, поступивших на технические направления подготовки, целью которого является анализ престижности Уральского федерального университета.

Социологические исследования показали, что студенты 1 года обучения отмечают значимость собственного решения о поступлении на конкретную техническую специальность – 84%. Однако мы предполагаем, что сам выбор мог быть вызван не только осознанием природной предрасположенности к работе с техникой, но и стремлением выделить свою самостоятельность, независимость от позиций родителей и друзей.

Было выяснено, что после первого года обучения в вузе только 54% респондентов указывают на наличие способности к изучению предметов, связанных с приобретаемой специальностью.

Результаты показали доля тех, кто выбрал техническую специальность фактически перед подачей документов или в последние 1-2 года обучения значителен по сравнению с определившимися в детстве и средних классах. Данная ситуация указывает на то, что выпускники школ не были ориентированы на получение конкретной технической специальности в процессе обучения в школе. Этот вывод подтверждается тем, что рассматривали альтернативные специальности 46% респондентов. При этом, оказывается, что содержанием программы по выбранной специальности интересовались – 67%. С одной стороны, это безусловно важный фактор выбора профессии. Имеются какие-либо базовые знания о ее содержании. С другой стороны, доля тех, кто не интересовался тем, чему придется учиться, составляет более трети первокурсников.

Мы приходим к следующему выводу: с одной стороны, государством предпринимаются меры, направленные на повышение престижности технического образования, уровня организации работы вузов по улучшению его качества, создание системы стимулирования тех, кто учится на инженера, технолога, конструктора. С другой стороны, одними материальными стимулами эту задачу не решить. Нужна постоянная работа по выявлению в школе, учреждениях дополнительного образования тех, кто имеет склонность к изучению технике, может стать в будущем изобретателем, рационализатором, создателем инновационных устройств.

Поэтому для того, чтобы общественная потребность в высококвалифицированных специалистах с техническим образованием могла быть воспринята и реализована, необходимо взаимодействие государства, семьи, бизнес-сообщества, преподавателей вузов.

1. *Арефьев А.Л., М.А. Арефьев Об инженерно-техническом образовании в России. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Inkzenerno_tehnicheskoe.pdf (дата обращения: 08.10.2015).*
2. *Батенев Л. История России с древнейших времен до начала XXI века. 2-е изд. Екатеринбург: УГГУ, 2008. 719 с.*
3. *О назначении стипендий Правительства Российской Федерации для студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования и аспирантов образовательных учреждений высшего профессионального образования, образовательных учреждений дополнительн*

ТРУДОУСТРАИВАЕМОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ИХ ПОДГОТОВКИ

Болотин И.С., Михайлов А.А. (Москва)

Социально-экономические условия формирования рынка труда сегодня, а также сложная демографическая ситуация в России, обострили проблему качества работников. Она обостряется неадекватной оценкой ситуации как многими опантами (соискателями

рабочих мест), так и некоторыми работодателями. Кроме того, на нее значительное влияние оказывает динамика рынка труда, которая часто меняет вектор.

Эта проблема стала осознаться обществом и государством в последние 10-15 лет. Одним из способов ее решения стало создание вузовских Центров содействия занятости и трудоустройству выпускников и временной (вторичной) занятости студентов. Начиная с 2013-2014 учебного года Минобрнауки усилило контроль за их деятельностью.

Трудоустройство выпускников вузов становится не просто одним из важнейших показателей, но и, начиная с 2013г., включается в оценку деятельности вузов. В Федеральной целевой программе развития на 2011-2015гг., утвержденной Правительством Российской Федерации от 7 февраля 2011г. №61, большое внимание уделяется проблеме взаимосвязи системы образования и рынка труда. В качестве одной из задач, сформулированных в Программе, называется такая из них, как приведение содержания и структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда [1, 22-23].

Рост безработицы и проблемы с трудоустройством выпускников вузов обостряется в период кризиса. Объективно снижение занятости – это запаздывающий индикатор вслед за ухудшением ситуации с экономическим положением. Не сразу, но занятость начинает тоже сокращаться. Это естественно, поэтому было бы правильно готовиться к тому, что занятость будет сокращаться.

В данной ситуации целесообразно объединить усилия, с одной стороны, традиционных предприятий, возникающих общественных структур (ассоциаций, гильдий и др.), а также, вузов, исследовательских структур и специалистов с другой. В это объединение целесообразно включить и рекрутинговые агентства. При этом целесообразно решить две задачи.

Во-первых, следует проанализировать существовавшие в прошлом формы связи предприятий и высших учебных заведений и определить возможность их применения в современных условиях, а также предложить новые эффективные способы развития их сотрудничества.

Во втором случае, необходимо разработать и предложить потребителям не традиционные модели. Это обусловлено тем, что возникающие малые и средние предприятия нуждаются как в специалистах соответствующего профиля подготовки, так и в кадрах для управления организацией. Но их ежегодная потребность в них невелика, а предъявляемая ими к профессиональной подготовке выпускников часто значительно отличается. Вкладывать средства в поиск, а тем более подготовку необходимых специалистов, дело затратное и долговременное.

Данная модель взаимодействия вузов с предприятиями и организациями основана на взаимном активном обмене информацией, которой они обладают, о состоянии и перспективах развития рынка труда, требованиях к фундаментальной и профессиональной составляющей подготовки специалистов, их ценностных ориентациях, о развитии в вузе разнообразных форм дополнительного профессионального образования.

В настоящее время особое значение приобретают знание по проблемам трудоустройства, поведения студентов и выпускников вузов на рынке труда, трудоустраиваемости. Термин «трудоустраиваемость» подчеркивает актуальность учебных программ для рынка труда, что выпускники вузов должны обладать необходимыми знаниями и умениями и быть в состоянии мобилизовать общие компетенции и навыки, позволяющие им воспользоваться возможностями на рынке труда [2, 73].

Успешность поведения на рынке труда зависит как от личных свойств и профессиональной компетенции, так и от социальной, экономической и политической ситуации в обществе. Это в частности, проявилось после подписания Россией Болонской Декларации в 2003 году и перехода на двухуровневую подготовку специалистов в области техники и технологии, что не повлекло действий, направленных на регламентирование

деятельности бакалавров и магистров, а также не дало им необходимых знаний и умений поведения на рынке труда. Производственники, ранее хорошо знавшие, как использовать выпускника вуза, имеющего, в частности, квалификацию «инженер» оказались не готовыми использовать выпускников вузов, имеющих степень бакалавра или магистра. Более того, бакалавров в вузах и в производственной среде начали называть «недоученными инженерами», что привело к еще большему снижению престижа инженерной профессии в обществе [3, 20].

Подобное понимание бакалавриата и отношение к нему распространяется и на другие направления. Согласно опросу, проведенного в 2009 г. Исследовательским центром рекрутингового портала SuperJob.ru среди 1000 представителей отечественных организаций и предприятий 35% работодателей приравнивает кандидатов со степенью бакалавра к претендентам, имеющим неполное высшее образование. По их словам, «едва ли и магистры будут принципиально отличаться от бакалавров уровнем подготовки». Некоторые респонденты высказывались более резко, утверждая, что «бакалавр – это недоделанный специалист». 8% компаний приравнивают бакалаврское образование к среднему специальному. Кроме того, значительная часть работодателей не отличает бакалавра от магистра [4].

В целях решения возникших проблем Минобрнауки издало приказ от 19.11.2004 №114 «О создании межведомственной комиссии по разработке плана мер, концепции и программы внедрения системы содействия трудоустройству выпускников вузов и временной занятости», в котором была разработана концепция молодежной политики в РФ, включающая в себя и меры по трудоустройству выпускников вузов.

В частности в ней предполагается создание таких объединений, которые способствуют повышению уровня конкретно способности выпускников на рынке труда, является организация временной (вторичной) занятости студентов и стажировок в свободное от учебы время.

Кафедра социологии и управления персоналом МАТИ располагает определенным опытом такой работы. На протяжении ряда лет кафедра изучала жизненные планы студентов, и реализацию и развитие профессиональной карьеры молодых специалистов.

В 2008 г. при кафедре была создана Лаборатория «Карьера», которая отслеживала становление молодых специалистов и развитие их карьеры на примере выпускников МАТИ. На протяжении ряда лет (2008-2013гг.) Лаборатория проводила конференции выпускников университета, посвященные их адаптации, перемещениям и развитию карьеры. В настоящее время кафедра подготовила и читает курс «Трудоустройство и трудоустраиваемость». Кроме того, кафедра участвует в ярмарках вакансий молодых специалистов и т.п.

Начиная с 2007 г. (год второго выпуска менеджеров по управлению персоналом) студенты готовят дипломные работы, посвященные адаптации выпускников в трудовой организации и развитию их профессиональной карьеры.

Высокий уровень трудоустройства выпускников делает привлекательной кафедру, специалистов и весь вуз. Кафедра СиУП готова адаптировать курс трудоустраиваемости к нуждам других специалистов и предложить его соответствующим вузам и кафедрам.

1. Болотин И.С., Михайлов А.А., Сорокина Н.Д. Конференция «Роль гуманитарных и социально-экономических дисциплин в трудоустройстве выпускников вузов и развитии их профессиональной карьеры» // Социология образования №9, 2013. С. 23-56.
2. Болотин И.С., Басалай С.И., Пугач В.Ф., Михайлов А.А. Социологическое обеспечение студентов и выпускников вузов: МАТИ – Российского государственного технологического университета имени К.Э. Циолковского // Социология образования №9, 2012. С. 71-86.
3. Огородова Л.М., Кресс В.М., Похолков Ю.П. Инженерное образование и инженерное дело в России: проблемы и решения // Инженерное образование №11, 2012. С. 18-23.

ВЫСТРАИВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИИ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ПОТРЕБНОСТЬ В ИНТЕГРАЛЬНОМ ПОДХОДЕ

Бондарев М.Д., Гришин А. В., Дементьев Е. А. (Москва)

Западные санкции, как это ни парадоксально, дали толчок развитию деловых отношений в современной России. Судя по всему, одним из важных факторов выживания частного сектора в рыночной среде в данных условиях стало выстраивание доверительных и взаимовыгодных отношений с органами государственной власти. На практике компании выстраивают применяя различные методики выстраивания отношений с органами государственной власти, основываясь исключительно на собственном опыте. В связи с этим накопился обширный эмпирический опыт, который, нуждается в теоретизации и обобщении.

Среди отечественных исследователей данного вопроса следует отметить А.Автомова [1], который предложил проектную модель лоббистской кампании, М. Левину [2], которая проанализировала парламентский процесс в России с точки зрения точек доступа для соответствующих специалистов и И.Минтусова [3], который рассмотрел ряд лоббистских кейсов и предложил общую модель их анализа, основанную на сетевом подходе. Среди зарубежных исследователей можно отметить W.Pelfrey [4] и C.Westermeier [5], однако в своих работах они также детально разбирают практические кейсы, не делая попыток их обобщения.

Данный доклад фокусирует внимание на проблеме комплексного моделирования подобного рода отношений на основе междисциплинарного анализ. Большинство исследований отношений между бизнесом и властью концентрируют внимание на отдельных аспектах этого процесса, возможно, упуская из виду его комплексность. Как следствие, одномерные модели таких отношений не обладают необходимыми объяснительными и прогностическими характеристиками.

Доклад представляет результат применения комбинации качественных и количественных методов. При описании процессов среды бизнес-организации авторы применяли контент-анализ документов (нормативно-правовых актов и бизнес-стратегий), а при построении моделей их временного расположения – метод анализа временных рядов. Для описания границ применимости модели применяется логический метод. При выделении упомянутых процессов на конкретных кейсах и проверке предлагаемой модели будет использован метод экспертной оценки, метод case-study, статистические методы и анализ документов.

Междисциплинарный подход позволяет детально рассмотреть как внутреннюю, так и внешнюю среды бизнес-организации [6]. При анализе отношений между бизнесом и властью авторы выделяют четыре попарно зависимых процесса (процессы содержания и процессы формы): процесс принятия политических решений (содержательный) и процесс правотворчества (формальный) для внешней среды бизнес-организации; процесс корпоративного управления (содержательный) и процесс лоббистской деятельности для внутренней среды бизнес-организации. Наложение данных процессов на временную шкалу позволяет получить две различные модели политико-управленческих ситуаций: опережение процессом принятия политических решений процесса корпоративного управления обуславливает ситуацию отставания, которой соответствует реактивная стратегия проведения лоббистской кампании; опережение процессом корпоративного

управления процесса принятия политических решений обуславливает ситуацию опережения, которой соответствует проактивная стратегия проведения лоббистской кампании. При этом формальные процессы (процесс правотворчества и лоббистской деятельности) являются отражением ключевых процессов во временной области, что позволяет сопрягать их в ключевых точках доступа.

В исследовательском проекте были проверены гипотезы о зависимости возможностей обеспечения эффективности лоббистской кампании в различных типах политико-управленческих ситуациях от степени «опережения/отставания» процесса корпоративного управления и цикла лоббирования по отношению к процессам государственного управления. По результатам, полученным в данной работе, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, «опережение» процессом корпоративного управления и циклом лоббирования государственно-управленческих циклов позволяет выбрать проактивную стратегию проведения лоббистской кампании (стратегию навязывания государству своей линии).

Во-вторых, ситуация, когда процессы внутренней среды отстают от процессов внешней среды, напротив, говорит в пользу выбора реактивной стратегии (стратегии приспособления к меняющимся условиям).

При этом, чем больше «опережение» / чем меньше отставание процесса корпоративного управления и цикл лоббирования по отношению к процессам государственного управления, тем больше точек доступа имеют в своем распоряжении лоббисты, и тем эффективнее, при прочих равных, проведение лоббистской кампании.

В ходе работы была осуществлена попытка получить аналитическую модель расположения процессов среды бизнес-организации во временной области, которая позволит частично рационализировать этап планирования лоббистской кампании в части выбора стратегии ее проведения. Данная модель была проверена на двух кейсах (кейс продвижения проекта закона о защите интеллектуальной собственности и кейс блокирования закона о техническом регламенте на кондитерскую продукцию). В обоих случаях с опорой на данный инструмент можно было сделать вывод о необходимости выбора проактивной или реактивной стратегии проведения GR-кампании соответственно, что свидетельствует о возможности его применения в практической деятельности специалистов в области выстраивания отношений бизнес-организации с органами государственной власти.

Также были выделены и обоснованы границ применимости предлагаемой модели временного взаиморасположения процессов среды бизнес-организации: равные конкурентные преимущества у всех игроков на рынке, находящаяся на подъеме рыночная экономика, политическая стабильность, промежуточный период (середина) электорального цикла (власть уже выбрана, и она уже приняла запланированные на начало срока правления неприятные для общества и бизнеса решения, а следующие выборы еще не скоро). и т.д.

1. Автономов А.С. *Легальное лоббирование как антикоррупционная технология // Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия / Под ред. П.А. Толстых. М.: Изд-во РАГС, 2010. – 109 С.*
2. М.И. Левина. *Модели процесса принятия решений и парламентский процесс / Левина М.И. // Ежегодник сравнительного правоведения, 2002. – М.: Норма, 2003. - С. 274-291.*
3. *GR: теория и практика: учебник /под ред. И.Е. Минтусова, О.Г. Филатовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2015. – 180 С.*
4. Pelfrey W.V., Jr. *Cigarette Trafficking, Smurfing, and Volume Buying: Policy, Investigation, and Methodology Recommendations From a Case Study // Criminal Justice Policy Review, October 2015; vol. 26, 7: pp. 713-726. Режим доступа: <http://cjp.sagepub.com/>*

5. *Westermeier C. When Finance became Politics – The Relations of Politics and Financial Markets following the Financial Crisis. – P. 409. Режим доступа: http://esa12thconference.eu/sites/esa12thconference.eu/files/esa_2015_book_of_abstracts.pdf (дата обращения)*
6. *Виханский О. Стратегическое управление: учебник / О. Виханский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Гардарики, 1998. — 164 С.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОВОРКИНГ КАК ФОРМА ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО БИЗНЕСА

Борисенко Е.В. (Волгоград)

В условиях современной рыночной экономики очевидным и закономерным является процесс развития различных форм предпринимательской активности. Поддержка бизнеса, в частности малого предпринимательства, как самостоятельного сектора экономики, конструктивно влияет на социально-экономическое развитие общества. Поскольку малый бизнес «способствует ускорению рыночных преобразований и проявляется в организационной и технологической мобильности, поддержке конкурентной среды, быстрой реакции на потребности рынка, увеличении налоговых поступлений в бюджет всех уровней, в возобновлении социальных ресурсов, изменении уровня жизни населения, снижении социальной дифференциации и т. д.» [2, с. 94]. Традиционных видов государственной поддержки малого бизнеса (субсидии, льготы, кредиты) оказывается недостаточно, поэтому государством изыскиваются её альтернативные формы. Одной из новых форм поддержки малого предпринимательства стало участие государства в развитии рынка коворкинг-услуг.

Коворкинг является новой практикой для нашей страны, которая активно институционализируется во всем мире. Это особая форма организации труда, где независимые друг от друга участники работают в одном коллективном офисе и имеют возможность формировать сеть социальных связей, коммуницируя с другими профессионалами. Коворкинг является тем пространством, которое может эффективно использоваться представителями фриланса, а также сотрудниками организаций, которые вынуждены работать в удаленном режиме от стационарного рабочего пространства. Другую часть участников коворкинг-пространств составляют именно начинающие предприниматели и так называемые стартаперы (start up) у которых нет возможности иметь свой собственный офис и штат сотрудников, но есть определенная бизнес-модель, которая нуждается в реализации и продвижении.

Поэтому, коворкинг как интересная частная инициатива и набирающая популярность практика привлекла к себе внимание со стороны государства. Интерес государства к этому явлению реализовался в создании государственных коворкингов, которые в определенных аспектах являются альтернативой частным коворкинг-центрам. Как правило, государственные коворкинги вмещают в себя не только организованное рабочее пространство, но и отделы, где любой посетитель может получить консультацию по вопросам открытия, регистрации и развития собственного бизнеса. Если частные коворкинги можно рассматривать как инвестиционный проект, то государственные скорее являются социальным проектом, который направлен на развитие рынка коворкинг-услуг с целью поддержки малого и среднего бизнеса.

Существует большое количество примеров успешной реализации государственной инициативы поддержки и создания коворкинг-центров во многих европейских странах, поскольку государственный сектор оказывается крайне заинтересован в инвестировании и долгосрочном партнерстве в этой области. Европейский опыт государственной поддержки стал активно внедряться и в российскую практику [1, с. 110,111].

Однако, создание и развитие как государственных, так и частных коворкингов сопряжено с некоторыми трудностями. Поскольку на практике не все коворкинги оказываются эффективно функционирующими пространствами. Поэтому, прежде всего, возникает необходимость анализа зарубежного и российского опыта реализации частных и государственных инициатив по созданию коворкинг-пространств. А также, необходим основательный подход к исследованию структурных особенностей и изменчивых границ этого нового, еще мало изученного феномена. В связи с этим, государственная инициатива поддержки коворкинг-пространств как инструмента экономического развития требует дополнительного сопровождения, так как успех реализации данной инициативы зависит от многих факторов.

1. *Полтавская, М.Б. Институционализация новых форм социального взаимодействия: пространство коворкинга / М.Б. Полтавская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. - № 3 (23) – С.*
2. *Ромашова, Л.О. Тенденции развития малого предпринимательства в России / Л.О. Ромашова // Знание. Понимание. Умение. - 2011. - №2. - С. 94 - 99.*

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КРИЗИСА

Васильев В.П. (Москва)

Экономическая нестабильность развития России минувших семи лет ставит целый ряд вопросов о причинах рецессий в экономике, их социальных последствий и рисков для долгосрочного социально-экономического развития. При этом следует систематизировать причины кризисов, их особенности в российских социальных практиках.

Мировой экономический кризис 2008-2009 гг. по своему механизму воздействия на Россию внешне похож на происходящие процессы в 2014-2015 гг. – падение мировых цен на энергоносители, обострение проблем валютного курса, сокращение бюджетных доходов и др. Для социальных следствий многих развитых стран этот период можно охарактеризовать как новый этап кризиса социального государства, новой «перегруженностью» бюджетов социальными расходами и их сокращениям по всем параметрам: сокращение программ помощи, сокращением расходов на образование и здравоохранение, повышением пенсионного возраста. Как неизбежный феномен кризиса значительно повысился уровень безработицы со всеми вытекающими социальными последствиями. Один из первых проявлений кризиса – банкротство ряда элементов банковской системы, разорение компаний через механизмы падения фондовых рынков, что имело негативные последствия для среднего класса. Обострились противоречия между современным либеральным государством и его демократическими принципами[1].

Несмотря на все экономические сложности российская социальная сфера практически не понесла потерь. Социальные программы не сокращались, были выполнены известные майские Указы Президента РФ. Более того имеющиеся ресурсы и экономические прогнозы мировой и российской динамики обусловили в стратегии до 2030 года наметить серьезные целевые ориентиры развития социальных отношений, доминантой которых должно стать формирование человеческого капитала.

В отраслях социальной сферы определены направления долгосрочного развития, намечены основные индикаторы достижения целей. Впервые за долгое время эти отрасли стали реально рассматриваться как сферы создания человеческого и социального капитала, который не только значим для развития человека, но и дает существенный экономический эффект. Укрепляется принципиальный поворот от рассмотрения

социально-культурных отраслей как затратных для экономики к пониманию их роли в создании добавленной стоимости, экономического роста.

Однако, являясь, в основном, отраслями бюджетного финансирования эти отрасли во многом зависят от трендов общеэкономической динамики. Прежде всего – это темпы ВВП, инфляции, мировых и внутренних цен на энергоносители динамики валютного курса. Известно, что, по мнению ряда экспертов, выполнение майских 2012 г. Указов Президента РФ коррелируется с 5% ростом ВВП. [2].

Однако, преодолев кризис, экономика России в 2010-2013 гг. не достигла устойчивого развития, темпы прироста ВВП стали затухать. Рецессия в экономике России 2014-2015 гг. оказалась напрямую связана с экономическими санкциями западных стран и ответным эмбарго по ряду статей импорта. Проблема в том, что российский бизнес был лишен притока инвестиций и, одновременно, вследствие масштабных долгов на западных финансовых рынках вынужден тратить собственные средства на выплату процентов по кредитам, так как расчет на перекредитование не оправдался. Итог - сокращение инвестиций, сокращение рабочих мест, девальвация национальной валюты, инфляция, сокращение реальной заработной платы

Некоторые кризисные обстоятельства 2014 г. были инициированы неумелыми действия ЦБ РФ/, которые обусловили значительную и неуправляемую девальвацию национальной валюты. С одной стороны, девальвация принесла дополнительные и не малые доходы бюджету. Но одновременно поставила ценовые барьеры импорту лекарств, медтехники, научного оборудования. Неизбежным оказалось повышение цен на импорт продуктов питания (15% всего российского импорта). Экономическая рецессия и инфляционный шок обострили застарелые проблемы социально-экономических отношений определили и сгенерировали новые вызовы. Ранее не решенные проблемы – МРОТ ниже прожиточного минимума, значительное расслоение общества по критерию получаемых доходов, экономический критерий бедности основан на поддержании физического выживания человека, а не достижении социетально приемлемого уровня жизни. Новые – падение реальной оплаты труда/, пенсий и пособий, риски увеличения безработицы, торможение выполнения целевых ориентиров развития социальной сферы. При всей экзотичности предложений по переводу экономики России на путь мобилизационной экономики «мобилизация» бюджетных средств социальной сферы правительством РФ разработана и, видимо, поэтапно будет вводится разными способами – от незначительного ежегодного увеличения пенсионного возраста до статистических методик оплаты труда в образовании и здравоохранении с тем, чтобы своевременно выполнить известные майские Указы Президента РФ. В принципе разумное требование перехода к адресной социальной помощи воспринимается как риск, так как порог нуждаемости может отменить всякую помощь. Хитроумные способы сокращения социальных расходов не учитывают одну принципиальную позицию: рост зарплаты в бюджетных отраслях и демографические выплаты вводились как стимулирующая мера, призванная стимулировать качественный труд и сохранность и рост населения страны.

Экономическую динамику ее устойчивость часто отождествляют с судьбами производства и экспорта энергоносителей и их мировыми ценами. Действительно здесь есть проблема, но не самая главная. В условиях мировых кризисов падают рынки всех товаров и услуг, включая ценные бумаги высокотехнологичных компаний. Скорее вопрос заключается в решении широкого круга вопросов эффективности и механизмов использования результатов получения природной ренты. Главной проблемой долгосрочной динамики выступает сбалансированность формирования человеческого и социального капитала общества с экономическими механизмами экономического роста, инвестиционной деятельности, инфляции.

На протяжении целого ряда лет не реализуются ожидания общества по внесению изменений в распределительные процессы. Россия единственная из развитых стран, где существует плоская шкала подоходного налога. Более того в области социального

страхования реализуется регрессивная шкала, снижающая выплаты в социальные фонды высокооплачиваемых слоев населения. По разработкам Минфина создается впечатление, что главной статьёй расходов консолидированного бюджета является социальная политика и отрасли формирования человеческого капитала- образование и здравоохранение. Именно эти расходы под разным предлогом предлагается сокращать. Однако объективные данные показывают, что самый большой удельный вес в бюджете занимают расходы на содержание органов власти и оборонные расходы. Понятно, что расходы на перевооружения армии в серьезных масштабах необходимы, но их доля после 2025 г. будет сокращаться. Но содержание органов власти требует серьезной оптимизации, которую следует проводить в рамках всестороннего реформирования прежде всего исполнительной власти, направленной на повышения ее качества и повышения доверия населения.

Один из путей решения социальных задач российского общества – повышение оплаты труда. При всех дискуссиях в этой области понятно, что необходим рост производительности факторов производства. Необходимо замена физически и морально устаревших основных фондов, создание высокопроизводительных рабочих мест.

Принципиальная долговременная тенденция создания высокопроизводительных мест определена в Прогнозе социально-экономического развития РФ до 2030 г., где существенный рост таких рабочих мест предусмотрен для сфер образования и здравоохранения [3].

На первый взгляд этот стратегический план предусматривает именно инновационное переоснащение отраслей на основе новых технологий и эффективных средств лечения и обучения человека. К сожалению, текст Прогноза, а главное, заложенный там критерий оценки высокопроизводительных мест вызывает разочарование и удивление. Оказывается, что, фактически из объявленных 25 млн. таких рабочих мест 18 млн. уже существовали в 2011 г., осталось создать 8 млн. Рост таких мест будет определяться ростом оплаты труда в расчете на рабочее место, т.е. вся задача может быть решена повышением зарплаты. А поскольку такой рост для образования и здравоохранения запланирован, то по логике этого документа рост в этих отраслях высокопроизводительных рабочих мест неминуем. Представляется, что названный критерий необходимо изменить на соответствующий здравому смыслу.

В РФ существует, хотя и довольно подвижная институциональная основа развития социально-культурных отраслей. Однако и здесь необходим новый подход к функционированию некоторых институтов, а скорее к их развитию.

В последние годы реформирование происходит в таких социально значимых сферах как пенсионная, социального страхования, образование, где заданы тренды развития, пусть и не всегда бесспорные. Вместе с тем институт обязательного медицинского страхования многие годы в своей основе неизменен. Сюда не проникли новые общие подходы к страхованию. Общий механизм страхования, ответственность страховщика перед застрахованным лицом, механизмов взаимосвязи страховщиков разных уровней между собой и медицинскими учреждениями и др. ждут своего законодательного решения.

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003
2. Стратегия-2020: новая модель роста-новая социально-экономическая политика. Под ред. В.А.Мау, Я.И.Кузьмина. М., 2013
3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.М., 2013

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ВЫСШАЯ ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Васильева Е.Н. (Волгоград)

Исследование экономической активности молодежи поднимает целый комплекс теоретических вопросов, которые исследованы автором при финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Волгоградской области (проект № 14-13-34016 а(р)) «Социально-экономическая и инновационная активность молодежи: критический дискурс-анализ и социологическое исследование факторов формирования». Во-первых, что является экономической активностью. Проанализировав современные работы, описывающие понятие мы выделили следующие направления.

Первое направление можно назвать инструментальным, так как понятие экономической активности используется в статистике как показатель соотношения занятых и безработных трудоспособного возраста в различных слоях населения, такой подход позволяет анализировать большой пласт данных, описывающих рынок труда, уровень занятости и безработицы. Такая методологическая установка не позволяет говорить о формировании, речь идет лишь о точной фиксации данных.

Второе направление полностью противоположное первому – социально-психологическое, определяет экономическую активность как сложное многокомпонентное образование, самовыражение личности в экономических отношениях.

Третье направление – эконом-социологическое, в них экономическая активность определяется макро-экономическими показателями и микро-ситуацией на рабочих местах, в этой же парадигме лежат работы, исследующие человеческий капитал РФ и регионов, социальный капитал. Это обоснованная точка зрения, так как экономическая политика российского государства направлена на формирование условий реализации экономических интересов населения, в том числе развития предпринимательской деятельности, что снижает нагрузку на бюджет, уменьшая показатели безработицы.

Условия предпринимательской деятельности не могут быть идеальными, так как рынок регулируется законами конкурентных отношений. В данной ситуации предприниматели являются, с одной стороны, необходимым ресурсом развития экономики, с другой стороны, недостаточно прогнозируемым слоем общества, так как в погоне за конкурентными преимуществами часть предпринимателей уходит в тень. Работы В. Волкова подробно раскрывают аспекты данной проблемы.

Снижая издержки, предприниматели не обеспечивают наемным работникам удовлетворительных условий – низкий уровень оплаты труда, организации рабочего места и т.д. – это объясняет низкую мотивацию работников к результатам труда, как следствие – трудовая активность падает. В этих условиях экономическая мобильность, частая смена рабочих мест, может говорить об эффективной активности – приводит к улучшению качества жизни путем смены рабочего места или поиска второго места работы, и неэффективной – низкая компетентность не позволяет найти рабочее место с лучшими условиями.

Оба варианта, ведущие к повышению эффективности, свидетельствуют о том, что акторы вынуждены повышать экономическую активность, реагировать на неблагоприятные рыночные условия, то есть действовать в институциональной среде по экономическим законам конкурентной борьбы. Данная ситуация в экономических работах рассматривается как норма, но ресурсы акторов быстро истощаются при напряженном графике работы и потенциально эффективный работник попадает в условия депривации, что увеличивает нагрузку на бюджет. Данная ситуация анализировалась исследовательской группой под руководством Лазарсфельда. Было выявлено, что безработные, оставшиеся в этом статусе длительное время, становятся апатичными,

пассивными, для стабилизации их социальных практик необходимо включить их в социальную жизнь, оказать комплексную помощь, таким образом, практики экономической пассивности будут соотнесены с практиками экономической активности. Следовательно, эконом-социологическое направление не всегда учитывает социальные компоненты экономических отношений.

В то же время, эти компоненты проявляются хотя бы в том, что заинтересованное отношение предпринимателей к оптимизации конкурентного рынка, определяющее их экономическую активность превращается в индифферентное отношение к развитию макроуровня экономики, т.к. их интересы проявляются больше к условиям своей хозяйственной жизни, а экономическая активность разворачивается в узком пространстве закрытой системы. Интересы же населения в отличие от предпринимателей воплощаются в экономическую активность, направленную, с одной стороны, на улучшение своей материальной жизни, а, с другой, на развитие государства, т.к. от его состояния зависит его благосостояние. В связи с этим, в макроэкономике экономическая активность субъектов распространяется как на индивидуальные, так и институциональные субъекты. Возникает необходимость постоянного диалога государства, институциональных субъектов и индивидов, поскольку они образуют социальный механизм развития экономики и экономической активности.

Четвертое направление частично вытекает из третьего и представлено работами, в которых акцент делается на формирование условий развития экономической активности молодежи, как, во-первых, перспективной группы, во-вторых, требующей социальной защиты, в-третьих, наиболее адаптивной к социальным изменениям.

В ходе своей деловой активности предприниматель как организатор собственно бизнеса зачастую выступает в качестве носителя нескольких ролей: роли предпринимателя как профессионально-должностной характеристики и роли личности, обладающей социально-демографическими, образовательными и прочими качествами. Понимание и соответствующее ему выполнение этих ролей определяет специфику организации делового пространства предпринимателя, а значит и делового габитуса, формирующего ценностный смысл и направленность своей активности. Таким образом, основным носителем экономической активности является предприниматель, который в ходе своей деловой активности выступает как организатор собственно бизнеса и выполняет несколько ролей: предпринимателя как профессионально-должностной характеристики и личности, обладающей социально-демографическими, образовательными и прочими качествами. Понимание и соответствующее ему выполнение этих ролей определяет специфику организации делового пространства предпринимателя, а значит и делового габитуса, формирующего ценностный смысл и направленность своей активности.

Для комплексного исследования необходимо ответить на вопрос – возможно ли формирование экономической активности населения? Любая экономическая активность является результатом взаимодействия социальных субъектов индивидуального и институционального уровня, а в случае предпринимательства эти два аспекта переплетаются воедино, создавая соответствующие условия для организации бизнеса.

Опираясь на ряд исследований, мы приходим к выводу, что формировать активность можно в процессе социализации, поэтому необходим анализ институтов экономической социализации молодежи. В поле нашего интереса находятся следующие институты формирования экономической и инновационной активности: бизнес и образовательные учреждения, которые, в свою очередь создают или курируют институты поддержки инновационных или высокотехнологичных бизнес-проектов разных стадий. Следовательно, комплексное исследование предпринимательства как формы экономической активности должно включать в себя исследование процесса структурирования новых практик и институтов в процессе согласования интересов в классической модели «тройной спирали». Необходимо ответить на вопрос как

согласуются усилия: государства, бизнеса, образования и социальных акторов для формирования экономической и инновационной активности молодежи.

1. Василенко, И.В. Волгоградское малое предпринимательство: тенденции развития делового пространства / И.В. Василенко // Вестник ВолГУ. Сер. 7. Философия, Социология и социальные технологии. – 2012. - № 1 (16). – С. 90-99.
2. Волков, В. Силовое предпринимательство / В. Волков // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – № 2. – С. 52-62.
3. Ротманова, Н.В. Экономическая активность как системообразующий фактор интегральной индивидуальности / Н.В. Ротманова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2011. – № 9. – С. 43-44.
4. Фаузер, В.В. Экономическая активность и занятость населения в северных регионах России / В.В. Фаузер, Г.Н. Фаузер // Часопис економічних реформ. – 2014. – № 1. – С. 88-94.
5. Шашнов, С.А. Экономическая активность работников и условия ее реализации / С.А. Шашнов // Социология власти. – 2003. – № 3. – С. 59-68.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕРСПЕКТИВ ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ (НА ПРИМЕРЕ МГИМО МИД РОССИИ)

Голоухова Д.В., Костина К.А., Рудковская А.В. (Москва)

В условиях экономического кризиса проблема занятости и трудоустройства молодежи с высшим образованием встает особенно остро. Выходя на рынок труда, выпускник сталкивается с трудностями, свидетельствующими о структурных проблемах в области профессионального образования. Это, в частности, проявляется в том, что значительная доля молодых специалистов испытывает сложности при поиске работы, связанные с недостатком опыта, работает не по специальности, а также не соответствует потребностям работодателей с точки зрения имеющихся профессиональных навыков и компетенций.

Другой проблемой для российского рынка труда в кризисных условиях становится эмиграция. По данным всероссийского опроса, проведенного Левада-центром в марте 2015 года, 25% опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет хотели бы уехать за границу (за пределы бывшего СССР) на постоянное место жительства (в сравнении с 12% по общей выборке). При этом 51% из них отметили, что об эмиграции их заставляет задуматься возможность улучшить условия жизни за рубежом, а 26% – нестабильная экономическая ситуация в России. Эксперты отмечают, что прежде всего и чаще всего задумываются об отъезде респонденты, «относящиеся к группе образованных, успешных молодых людей до 35 лет, живущих в мегаполисах», те, кто уже имеют положение в обществе, приличный заработок, какую-то собственность. Другими словами, это те, «кто сильнее включен в рыночную экономику, кто меньше зависит от государства, кто полагается главным образом на самих себя, на свою квалификацию, свою голову, кто располагает ресурсами молодости, компетентности и инициативы» [1].

Названные проблемы свидетельствуют о необходимости проведения комплексного социологического исследования, которое позволило бы оценить перспективы занятости молодежи с высшим образованием, сравнив карьерные ожидания выпускников вузов и потребности потенциальных работодателей. Анализ полученных данных дал исследователям возможность выработать рекомендации для руководителей вузов с тем, чтобы улучшить качество образования и подготовить выпускников к профессиональной деятельности.

Предлагаемое социологическое исследование изначально разработано для изучения карьерных перспектив выпускников МГИМО МИД России. В качестве объекта исследования выступают карьерные ориентации выпускников МГИМО. Предмет исследования – российский рынок занятости. Соответственно, целью исследования авторы ставят раскрыть влияние объективных факторов рынка труда на выбор карьерных стратегий выпускниками МГИМО.

Структурно заявленное исследование предполагает несколько блоков. На первом этапе осуществляется анализ имеющихся вторичных данных. В частности, используются результаты исследования карьерных ожиданий студентов МГИМО, проводившегося в 2012 году. Кроме того, проводится анализ вакансий, размещенных на сайтах по поиску работы и подбору сотрудников. Изучение вакансий позволяет выполнить несколько исследовательских задач:

- оценить потребности современного рынка труда, спрос и предложение в различных отраслях;
- выявить основные сферы занятости выпускников МГИМО;
- определить конкретных работодателей, отдающих предпочтение выпускникам МГИМО по сравнению с выпускниками других вузов;
- описать условия труда, на которые может рассчитывать выпускник МГИМО при устройстве на работу;
- выявить основные требования, предъявляемые к соискателям вакансии (опыт работы, профессиональные навыки, личностные качества);

Второй этап исследования заключается в проведении экспертного опроса с потенциальными работодателями из бизнеса и государственных структур. Экспертный опрос позволяет составить социальный портрет работодателя, выявить ожидания, предъявляемые к выпускникам МГИМО с точки зрения знаний, навыков, компетенций, личностных качеств. Другой задачей экспертного опроса является описание условий труда, предлагаемых работодателями: уровень заработной платы, социальный пакет, возможности карьерного роста, обучения и повышения квалификации.

На третьем этапе проводится анкетный опрос среди студентов последних курсов бакалавриата и магистратуры. Основная задача на данном этапе – выявить карьерные ожидания выпускников. Изучаются предпочитаемые сферы деятельности, факторы, влияющие на выбор профессии и являющиеся решающими при трудоустройстве, анализируется уровень зарплатных ожиданий и требования, предъявляемые к работодателю. Кроме того, на этапе анкетного опроса выявляются миграционные настроения выпускников МГИМО, их готовность переехать за границу и факторы, влияющие на принятие подобного решения.

На финальной стадии исследования были обобщены данные, полученные в ходе предыдущих этапов исследования. По результатам исследования были сопоставлены данные, полученные с помощью экспертного опроса работодателей и анкетного опроса студентов. Противоречия, найденные в результате такого сопоставления, позволят выявить структурные проблемы подготовки специалистов с высшим образованием. Полученное знание может быть использовано при разработке рекомендаций по модернизации образовательных программ, ориентации их на потребности рынка труда и практическую деятельность. Полученные данные также могут быть использованы руководством вуза для разработки стратегии сотрудничества с работодателями в области трудоустройства выпускников, что приведет к повышению качества и эффективности их профессиональной подготовки.

Таким образом, предлагаемый комплексный подход к исследованию перспектив занятости выпускников российских вузов дает исследователям возможность взглянуть на проблему с различных точек зрения. Он позволяет составить и сравнить портреты выпускника-соискателя вакансии и работодателя; описать факторы, влияющие на желание трудоустройства в определенной отрасли; выявить карьерные ожидания соискателя,

сопоставив их с реальными условиями на рынке труда; описать основные цели миграции и факторы, влияющие на желание переехать за границу. Авторы полагают, что применение данного социологического инструментария к исследованию карьерных стратегий выпускников вузов позволит повысить качество образовательных программ, сделав выпускаемых специалистов более конкурентоспособными на рынке труда.

1. Лев Гудков. *Россия может лишиться самых успешных и креативных граждан* // *Независимая газета*. 24.03.2015. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-03-24/9_migration.html (дата обращения: 07.10.2015)

ЛОГИКА И СТРУКТУРА КОРПОРАТИВНОГО ДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Голохвастов Д.В., Микляев В.А. (Санкт-Петербург)

Корпоративное доверие является одним из важнейших факторов формирования конкурентных преимуществ компаний на рынке. В условиях кризиса доверие потребителей и работников является надежным нематериальным ресурсом, способным приносить доход компании в условиях, когда другие компании сталкиваются с уходом клиентов и с демотивацией сотрудников.

Доверие понимается как «универсальный социальный институт, существующий в течение всей истории человеческого общества» [1, с. 49]. Доверие как социальный механизм способствует организации коллективной жизни в отсутствие внешних источников управления и принуждения, таких как государство и закон. Доверие обеспечивает совместную деятельность и предполагает минимум затрат времени и сил на согласование действий, выполняет функцию социальной интеграции и поддержки социальной стабильности, лежит в основе социального и культурного разнообразия [2, с. 81], солидарности и групповой идентичности, повышая ресурсы рационального диалога.

Усложнение структуры экономических субъектов и рациональных правил взаимодействия приводит к развитию системы контроля, что не заменяет доверие. Политические отношения отражают распределение власти по реализации целей участников взаимодействий. В современном обществе ее основанием выступала собственность, в постсовременном власть основана на доступе к информационному ресурсу и на способности создавать идеи. Уровень общественного доверия и этики прямо пропорционален справедливому распределению общественного продукта между членами общества. Ф. Фукуяма писал: «в любом экономически успешном обществе жизнеспособность хозяйственных объединений зависит от их уровня внутреннего доверия» [3, с. 24]. Доверие между участниками снижает зависимость от управленческого воздействия государства (на макро-уровне) или руководства компании (на микро-уровне), поэтому управляющая надстройка, парадоксальным образом, заинтересована в снижении доверия между участниками для повышения управляемости и подчинения центральной власти. Государственные органы замещают систему общественного доверия правовым регулированием экономических отношений, но легитимность их действий также опирается на «убежденность в компетентности, добросовестности, честности, правдивости, бескорыстии политических элит, правительства, государственных учреждений» [4, с. 8].

Доверие является ожиданием благоприятных или нейтральных действий [5] со стороны других лиц, организаций, групп. Высокая вероятность совершения благоприятных действий или «безопасного» недеяния обусловлена опытом и предположениями об объекте доверия. В этом смысле, по своему смыслу и механизму формированию доверие близко к верованию, которое также основано на повторяющемся опыте и умозаключении о возможности экстраполировать поведенческую модель на

последующие события. Но доверие при этом нуждается в совпадении и более глубоких, ведущих ценностных систем [6] взаимодействующих субъектов.

Ситуативные факторы доверия могут приводить к рационализации [7] и инструментализации доверия [8] в процессе деловых взаимодействий. Так, создание неформальной обстановки для обсуждения и достижения договоренностей по сложным вопросам опирается на тщательное планирование процесса взаимодействия («встречи без галстуков», «деловой ужин» и т.п.), включая отбор тем для дискуссии, подготовку тона общения, выбор участников доверительного общения. Организационное доверие включает в себя не только межличностные отношения между участниками организационных процессов. Выделяют институционально-нормативную, культурно-поведенческую (содержательную и феноменологическую) и структурную составляющие доверия.

Ряд исследований позволяют отнести доверие к факторам, формирующим организационные неосязаемые активы (goodwill) [13; 14], обеспечивающим рост эффективности функционирования предприятий и проектных команд. Наличие доверия снижает транзакционные издержки, в частности, необходимость осуществления детализированного контроля и отчетности. Но В.Н. Минина [11] показывает, что доверие не является социальным капиталом, ссылаясь на исследование 2006 г. [12], в котором была выявлена роль доверия и ряда других факторов на повышение эффективности групповой деятельности, в частности, доказано, что на обмен знаниями в проектной команде большее влияние оказывает принадлежность группе, лояльность и приверженность ей, чем доверие.

Вместе с тем, доверие обеспечивает стабильность общества на основе поддержания тех форм взаимодействия, которые включены в содержание ожиданий. Вместе с тем, можно заметить, что этот механизм включает в себя не только рациональный (рефлексивный, когнитивный) компонент, но и более сложные и тонкие механизмы эмоциональных (аффективных) явлений, которые обеспечивают готовность доверять «несмотря на» и «вопреки», и напротив, относиться с недоверием и подозрительностью, когда объективный анализ фактов, на первый взгляд, позволяет обосновать доверительное отношение.

Как инструмент упорядочивания отношений, поведенческая норма доверия снижает неопределенность среды, повышает предсказуемость и прогнозируемость поведения экономических агентов. Механизм принуждения обеспечивается прямым воздействием рыночных и государственных институтов, но может и «быть следствием невозможности другого поведения в данной ситуации, обусловленной деятельностью других рыночных агентов» [13], тем самым воплощая в реальных экономических решениях интерпретацию доверия как коллективной памяти общества. Доверие выступает, таким образом, специфическим механизмом адаптации [14] к заданному социальному пространству с существующими в нем нормативными ожиданиями и поведенческими моделями.

Успешные институты производят обратную связь: они имеют значение для субъектов, поэтому субъекты будут поддерживать их и подчиняться предписаниям институционально определенного порядка [15]. В условиях инновационной экономики предприятия нуждаются в оптимизации управления человеческими ресурсами, расширении простора творчества и усилении мотивации для повышения качества и стремления к инновациям, основанные на индивидуальном разнообразии и инициативе.

В современном менеджменте доверие анализируется в контексте оценки рисков человеческих ресурсов, что выражается в подходах к расчету оптимальной степени доверия, способствующей снижению потенциальных угроз для эффективной деятельности предприятия. Это приобретает особую актуальность в период подготовки и проведения организационных изменений, поскольку атмосфера взаимности, поддерживаемая и оберегаемая менеджерами и подчиненными, способствует оптимальному использованию имеющегося потенциала организации, особенно в условиях кризиса и нестабильной среды.

Доверие к нормам, моральным принципам общества и др. социальным регуляторам отражает признание их значимости и смысла, а следовательно, активные действия людей поддерживают осуществление институциональных правил и требований. Доверие обеспечивает более высокий уровень специализации и кооперации, что приводит к более эффективному распределению доступа к ресурсам между членами общества. Доверие сотрудников к администрации означает доверие и готовность исполнять решения и распоряжения руководства, что обеспечивает управляемость предприятия.

1. Глушко И.В. Диалектика доверия и согласия в социальном дискурсе // Теория и практика общественного развития. – 2010. № 2. – С. 44-52.
2. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестн. РУДН. Сер.: Социология. 2003. № 4-5. С. 79-85.
3. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.
4. Штомпка П. Доверие в эпоху глобализации // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 8-15.
5. Шушпанов С.С. Доверие и справедливость: зависимость формирования представлений о справедливости от общественного доверия // Известия ВГПУ. – 2014. №3 (88). – С.9-13.
6. Покровская Н.Н. Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики / Н.Н. Покровская // Вестник СПбГЭУ. Серия «Экономика». Выпуск 2 (69). – 2014. – с. 100-108.
7. Покровская Н.Н. Рациональность экономического поведения // СПб.: Известия РГПУ: Общественные и гуманитарные науки, 2007, №12. – С. 128-137.
8. Калинин И.В., Ашлапова Е.В. К вопросу о проблематике психологии доверия в системе внутриорганизационных отношений // Рыночная психология в контексте русской ментальности (Региональный аспект) / По ред. Д.С.Точеного. – Ульяновск: УлГУ, 2000. С. 181-191. /
9. Smyth H. J., Edkins A. J. Relationship Management in the Management of PFI/PPP Projects in the UK // International Journal of Project Management. 2007. Vol. 25. N 3. P. 232–240.
10. Edkins A. J., Smyth H. J. Contractual Management in PPP Projects: Evaluation of Legal versus Relational Contracting for Service Delivery // Journal of Professional Issues in Engineering Education and Practice. 2006. Vol. 132. January. N 1. P. 82-93.
11. Минина В.Н. Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблема измерения // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. Менеджмент. 2012. Вып. 2. – С. 107-130.
12. Bakker M., Leenders R.Th.A.J., Gabbay Sh. M., Kratzer J., Van Engelen Jo M.L. Is Trust Really Social Capital? Knowledge Sharing in Product Development Projects // Learning Organization. 2006. Vol. 13. N 6. P. 594–605.
13. Rothstein B. Trust, social dilemmas, and the strategic construction of collective memories / [Электронный ресурс] URL: <http://www.russellsage.org/publications/workingpapers> (дата обращения 24.04.2015).
14. Покровская Н.Н. Регулятивные механизмы в социальном управлении: структурирование социального пространства и динамика адаптационных стратегий. – СПб: ЗАО «Гуманитарный фонд», 2011.
15. Offe C. How Can We Trust Our Fellow Citizens? // Democracy and Trust / M. E. Warren (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – Pp. 42–87.

ЦЕННОСТЬ ДЕНЕГ В ГЛАЗАХ МОЛОДЕЖИ.

Голубкова О.А., Назарова Е.В. (Санкт-Петербург)

Современный кризис в России вызван не только кризисом мировой экономики, но и неблагоприятными внешнеполитическими факторами, которые существенно осложнили экономическое положение нашей страны экономическими санкциями как со стороны стран ЕС, так и симметричным ответом российского правительства на фоне

капиталододефицитной экономики России и отсутствием четкой государственной стратегии ее развития. В такие периоды сложного внешнеполитического и экономического положения страны исследование отношения людей к деньгам, особенно у молодого поколения, позволяет получить необходимую информацию о том, как меняются жизненные стандарты и характер потребления в обществе.

Отношение к деньгам является важным компонентом сознания, как индивида, так и группы индивидов и влияет на экономическое поведение членов общества. Данный показатель играет важную роль в становлении нации, её экономическом развитии. Именно поэтому он учитывается Всемирным банком реконструкции и развития при выделении финансовой помощи развивающимся странам.

Согласно современным научным источникам деньги играют доминирующую роль в подкреплении желательного поведения не только у работника какого-либо предприятия, но и в обществе в целом. Многие авторы отмечают, что ценность денег для человека определяется не только возможностью удовлетворения его потребностей, жизнеобеспечения и приобретения необходимых товаров и услуг, но и деньги обеспечивают статус в обществе, власть и могут быть мерой успеха.

При этом степень валентности денег зависит не только от системы ценностей самого работника, его индивидуальных качеств, опыта работы, потребностей, от окружающих его людей, но и от состояния, уровня развития общества и государства в целом. Таким образом, следует отметить, что денежные отношения играют большую роль в формировании экономического сознания и поведения всех членов общества и не только в отдельно взятой стране.

Наше исследование отношения к деньгам среди молодежи было проведено в рамках студенческого исследовательского проекта Назаровой Е.В. весной 2015 года. С помощью анкетирования было опрошено 70 студентов первого курса экономического факультета НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург.

Анализ ответов опроса студентов позволил выделить шесть смысловых значений денег: гарант безопасности, престиж, независимость, удобства, возможность осуществления всех желаний, возможность делать новые деньги и стать богатым.

Так, треть респондентов рассматривала значимость денег как возможность осуществления всех желаний (34%), ещё треть – как фактор независимости (31%). 14% опрошенных рассматривали деньги как средство делать новые деньги, 13% - как гарант безопасности, 6% - как престиж и 2% как возможность дополнительных удобств.

Помимо исследования смыслового значения денег по десяти балльной шкале наши респонденты оценивали значимость денег для себя. Разброс оценок значимости денег по всей выборке варьировал от 5 баллов до 6,5. Среднее значение данного показателя по выборке составило 5,8 баллов. Такие данные опять-таки позволяют отметить, что молодежь не склонна рассматривать деньги как смысл жизни, и больше рассматривает их как средство для возможности осуществления своих желаний.

При анализе ответов респондентов были выявлены также и гендерные различия. Так юноши оценивают значимость денег на 1,2 балла больше, чем девушки. Причем, из шести смысловых значений денег девушки чаще рассматривают ценность денег как возможность осуществления желаний (37%), то для юношей деньги чаще означают возможность получения независимости(31%).

Таким образом, деньги в среде молодежи в первую очередь рассматриваются с позиции потребительских желаний (65%). Как выполнение социальной функции деньги рассматриваются только 19% респондентами. А это означает, что снижение уровня жизни населения и его покупательской способности будет вполне ощутимо также и для молодежных слоев общества.

Кроме того, следует отметить и такой факт: Россия живет в рыночных условиях уже около двух десятилетий, и, тем не менее, только 14% респондентов (будущих специалистов в области экономики и бизнеса) рассматривают деньги как возможность

делать новые деньги и в будущем открывать свой бизнес. Такое экономическое поведение формируется, скорее всего, из-за ощущения нестабильности экономики в стране и неуверенности в том, что государственная политика носит долгосрочный характер, и, как отмечают российские аналитики, без этой уверенности никакие инструменты поддержки бизнеса государством не будут работать.

1. *Россия и Германия: экономика регионов после санкций.* \\ Под редакцией Л.П. Совершаевой.-СПб.: Скифия-принт, 2015. - 250с.
2. *Культура и экономическое поведение: Сборник научных статей/Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко.* - М.: МАКС Пресс, 2011. - 544 с..

РЕГИОН КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Деханова Н.Г. (Москва)

Неравенство является тем явлением, которое существовало на всех этапах развития человечества. Однако, как известно, когда социальное неравенство достигает определённой критической точки, когда профиль стратификации становится слишком высоким, уровень социальной напряжённости в обществе нарастает, а уровень доверия населения органам власти значительно падает. Более того, как показывают в очередной раз исследования, проведённые Организацией экономического сотрудничества и развития, существует чёткая корреляция между социальной дифференциацией и экономическим ростом. По данным экспертов ОЭСР увеличение социального неравенства за последние двадцать лет стоило развитым странам 8,5% потери ВВП.[1]

Несомненный интерес в данном контексте представляют исследования, проводимые Институтом социологии РАН в 2006 и 2013 гг. под руководством Горшкова.М.К.[2] Так, согласно полученным данным, наиболее резкий протест у россиян вызывают чрезмерная глубина неравенства в распределении собственности и доходов (приемлемым большинством опрошенных считается разрыв в доходах между руководителями и высококвалифицированными специалистами, с одной стороны, и средними доходами по стране, с другой, в 4-5 раз). При этом всё более значимым фактором, особенно в условиях кризиса, становится неравенство возможностей получить работу, обеспечивающую достойный уровень жизни. И, что важно, существующие социальные неравенства в современном российском обществе, не сводятся только к неравенству доходов, а проявляются и в принципиально разном качестве жизни, выражающихся в различном социально-психологическом состоянии, здоровье, открывающихся возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в качестве трудовой жизни, восприятии жизни в целом.

В данной связи представляется недостаточно изученной отечественными социологами роль региональной составляющей в общей картине изучения неравенства. Наличие большого числа факторов, определяющих социально-территориальное неравенство, приводит к значительной теоретической сложности в интерпретации показателей и определении реального статуса той или иной территории. Одна из наиболее сложных для научного анализа проблем состоит в многомерности и многоуровневости социокультурных и политико-экономических показателей социально-территориального неравенства. Причем эта многомерность носит явно нелинейный характер: одна и та же территория (регион) может по одним показателям занимать ведущее положение в стране или мире, а по другим – существенно отставать. Это касается не только заведомой «периферии», но и «центра». Так, например, применительно к России, регионы могут быть: богатыми и освоенными, богатыми и слабо освоенными, бедными и освоенными, бедными и слабо освоенными.

Социальное неравенство населения территорий разного уровня – факт эмпирически наблюдаемый и потому бесспорный. Однако, сильная дифференциация социально-экономического развития регионов опасна не только как фактор социальной напряжённости, причина перекоса в развитии человеческого капитала, но и тем, что как писали ещё классики теории функционализма, может привести к распаду всей системы. Такое положение дел является реальной базой (питательной средой) сепаратизма как наиболее отсталых, так и наиболее преуспевающих регионов приграничья. Для первых это иллюзии эффективности «самостийности», т.е. самостоятельного определения ведущего партнера внешних для региона экономических и политических контактов как направления и инструмента их более эффективного, нежели в настоящее время развития, а для вторых – регионов доноров – нежелание делиться с другими субъектами федерации зарабатываемым ими пирогом валового регионального продукта. Отсюда возникает насущная необходимость, во-первых, мониторинга динамики межрегиональной дифференциации уровня социально-экономического развития регионов России; во-вторых, анализа динамики дифференциации социальной структуры в каждом из регионов, в-третьих, приведения социальной структуры регионов к заданному в рамках общенациональной социальной политики общему знаменателю, по крайней мере, преодоления отрицательной динамики углубления межрегиональной дифференциации уровней социально-экономического развития регионов России. Конечно, повлиять на так называемые факторы «первой природы» (природные ресурсы и географическое положение) государство не может. Но воздействие на факторы «второй природы» (агломерационный эффект, человеческий капитал и институты) – основная задача государственной региональной политики.

Необходимо также подчеркнуть, что одних статистических данных (даже если не брать во внимание их некорректность), явно недостаточно для определения степени региональных диспропорций. Как справедливо отмечают ряд исследователей,[3] необходима субъективная оценка самих жителей регионов об уровне их жизни, прежде всего, в связи с различными стандартами потребления, сложившихся в столице и малых городах, сельской местности.

Научно-социологический анализ социально-территориального неравенства и выработка практических рекомендаций, так же как практическая политика центральных и региональных властей должны проводиться с учетом дилеммы «равенства – эффективности». Суть её состоит в том, что достижение устойчивого регионального развития возможно лишь на основании динамического баланса между действиями, направленными на выравнивание социально-экономического положения регионов, с одной стороны, и обеспечение эффективности общественного производства – с другой.[4]

Практика показывает, что когда делается упор на одном из этих двух аспектов, в обществе возникают и усиливаются деструктивные процессы, которые рано или поздно приводят к катастрофической ситуации, чреватой социальным взрывом и/или глубоким экономическим кризисом.

Происходит это потому, что максимальная экономическая эффективность объективно предполагает рост социального неравенства регионов (успешные «ядерные» регионы развиваются за счет «периферийных», перманентно увеличивая дистанцию между их социально-экономическими показателями и, соответственно, уровнем жизни населения; это приводит к обострению межрегиональной напряженности и чревато массовыми беспорядками либо акциями гражданского неповиновения на «периферии»). Наоборот, стремление к максимальному равенству регионов неизбежно оборачивается экономическими потерями, связанными с неэкономическим перераспределением богатства от экономически успешных регионов к депрессивным. Следствием этого становится, с одной стороны, снижение общих социально-экономических показателей, с другой – нарастание недовольства в «ядерных» регионах, хотя и менее острое, чем в

первом случае. В этой связи задача стоит более скромная – создание равных возможностей при сохранении социально-экономической асимметрии регионов.

1. *Социальное неравенство: взгляд ОЭСР. Focus on Inequality and Growth/ Embargo: 9 December 2014/ <http://www.oecd.org/els/soc/Focus-Inequality-and-Growth-2014>*
2. *9 December 2014/ <http://www.oecd.org/els/soc/Focus-Inequality-and-Growth-2014> 2. Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад Институт социологии РАН. http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html*
3. *Зубаревич Н.В. Мифы и реалии пространственного неравенства// Общественные науки и современность, 2009, №1.*
4. *Васильев В.П., Деханова Н.Г., Лось Н.А., Холоденко Ю.А. Государственное и муниципальное управление. М.: Дело и сервис, 2014.*

ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Дудина И.М. (Ярославль)

В настоящее время наблюдается увеличение объемов потребительского кредитования. Так, на сегодняшний день, каждый экономически активный россиянин должен кредитным организациям в среднем около 146,3 тыс. рублей. В 2014 году этот показатель был на уровне 120 тыс. рублей, а в 2011 году – 60,8 тыс. рублей. Таким образом, за последние 5 лет кредитная нагрузка на граждан выросла практически в 3 раза [1].

Обозначенная проблема является актуальной, так как расходы граждан на платежи по кредитам в первом квартале 2015 года выросли в среднем до 41% от доходов. Еще год назад на обслуживание долга перед банками у россиян в среднем уходило 39% от доходов. В среднем на российского заемщика приходится 1,8 кредита, показатель долговой нагрузки (соотношение ежемесячных платежей по всем кредитам к доходу) является довольно высоким, по банковской классификации хорошим считается соотношение 30–35% и меньше. Таким образом, растет не только долг россиян, но и количество заемщиков с двумя и более активными кредитами. Данные кредитных организаций свидетельствуют о том, что за 1,5 года количество таких заемщиков выросло с 30% до 50% (прирост составил 66%), доля заемщиков с четырьмя и более кредитами выросла с 4% до 9% - прирост составил 125%[1].

Экономическая ситуация, сложившаяся в стране, отрицательно сказывается на уровне жизни населения в целом, и как следствие, доля кредитов, платежи по которым не вносятся вовремя, в первом квартале 2015 года выросла на 0,9 п.п., до 6,5%. Просроченная задолженность за год выросла почти на треть, что также является рекордным показателем[2].

Все выше обозначенное вызывает ряд вопросов, которые требуют ответа. В частности, что заставляет население брать кредиты, которые с высокой долей вероятности не будут обеспечены? Какие факторы оказывают влияние на обращение человека к кредитной практике?

С одной стороны это связано с экономическими причинами, такими как низкий уровень дохода населения, снижение уровня жизни в целом, растущие темпы инфляции и т.п., с другой стороны, на увеличение количества потребителей кредитов влияют причины социальные. На наш взгляд, в большинстве случаев, социальные факторы имеют определяющее значение при принятии решения индивидом стать потребителем кредита. Обусловлено это, прежде всего, переходом государства на новую стадию экономического развития, которая характеризуется изменением роли и места индивидуального

потребления в процессах формирования и воспроизводства социально-экономических структур в обществе, появляется необходимость не просто удовлетворять базовые потребности, но поддерживать социальный статус, подтверждать свою идентичность. Потребление становится одним из способов конструирования социальной идентичности, а также социокультурной интеграции в общество. Подобные социальные потребности также могут мотивировать кредитное поведение.

В целом, на наш взгляд, кредитное поведение индивида может быть обусловлено совокупностью взаимосвязанных друг с другом социальных факторов, среди которых установки по отношению к кредитной практике, склонность к демонстративному потреблению, мотивы демонстративного потребления.

При обращении к влиянию демонстративности на кредитное поведение, интерес вызывают работы О.С. Посыпановой. Автором выделено три степени демонстративного потребления: умеренно-демонстративное, сверхдемонстративное и отсутствие демонстративности[3, с. 34]. При умеренно-демонстративном потреблении, демонстративность является средством для привлечения внимания со стороны значимых людей, через качество и стоимость вещей, которые, по мнению индивида, подчеркивают индивидуальность. В таком случае, потребление скорее является «показателем стремления к личностному, социальному и экономическому росту»[3, с. 50]. При сверхдемонстративном потреблении цель определяется иначе, в ее качестве выступает сама демонстративность, которая и является смыслом при таком потреблении.

С целью определения влияния взаимосвязи социальных факторов на кредитное поведение нами было проведено социологическое исследование, направленное на изучение отношения населения к кредитам, определение уровня их демонстративного поведения и его видов.

В опросе приняли участие 713 жителей города Ярославля в возрасте от 30 до 45 лет. Возраст был выбран на основе определенного банками портрета потенциального получателя кредитов. 54% участников опроса являлись или являются заемщиками, у оставшихся 46% - кредитный опыт отсутствует. Тип выборки - квотный, генеральный параметр квоты – возраст.

Подводя итоги по результатам проведенного эмпирического исследования можно сказать следующее.

Доля респондентов склонных к демонстративному потреблению, как с кредитным опытом, так и без, примерно одинакова. Так, большинство респондентов, у которых отсутствует кредитный опыт, не склонны к демонстративному потреблению, они составляют 70% опрошенных. Чуть меньше респондентов не склонных к демонстративности, 67%, среди заемщиков. Для 30% опрошенных заемщиков и для 27,5% тех, у кого отсутствуют кредиты, характерно умеренно-демонстративное потребление. У большинства из них преобладает умеренная степень демонстративности. Среди опрошенных есть и те, 2,5% и 3% респондентов без кредитов и заемщиков соответственно, для кого характерно сверхдемонстративное потребление. На наш взгляд, это обусловлено тем, что при обращении или не обращении к кредитной практике в основе лежат все же экономические причины.

Однако, распределение респондентов по типам демонстративного потребления позволяет сделать выводы относительно того, какая демонстративность преобладает у потребителей кредитов и респондентов с отсутствием подобного опыта. Так, мы выяснили, что у большинства людей с типом демонстративность-творчество (51,6%) кредитный опыт отсутствует. Среди заемщиков процент людей с таким типом демонстративности достаточно низок – 16,4%. Обусловлено это тем, что такие люди склонны к самореализации через творчество, творческую деятельность. Кредитная деятельность к творческой не относится.

Другая ситуация с потребителями кредитов, для большинства из них характерен тип демонстративность-индивидуальность (25%), особенностью которого является

привлечение внимания к себе через вещи. Среди респондентов с отсутствием кредитного опыта, доля людей с таким видом демонстративности – 17,6%. Поскольку темп жизни увеличивается, маркетологами и СМИ создаются некие механизмы, заставляющие приобретать те или иные товары, такие индивиды вынуждены брать вещи в кредит, чтобы поддерживать свою индивидуальность на определенном уровне.

Анализируя уровень дохода респондентов с кредитным опытом и без, мы пришли к выводу, что разница незначительна. Демонстративность наблюдается в основном у людей со средним уровнем дохода, когда «на крупную бытовую технику хватает, но новую машину купить не могут».

Важным является то, что уровень долговой нагрузки по кредитам связан со степенью демонстративности. На наш взгляд, долговая нагрузка больше у тех потребителей кредитов, которые склонны к демонстративному потреблению. Результаты исследования данное предположение подтвердили. До 50% дохода на погашение долга наблюдается у респондентов примерно в одинаковой пропорции. Однако, по мере увеличения выплаты кредитных платежей доля заемщиков склонных к демонстративному потреблению растет, в то время как доля тех у кого отсутствует демонстративное потребление снижается. Те же, кто тратит на кредиты больше 75% своего дохода, представлены только среди респондентов склонных к демонстративному потреблению.

1. <http://www.klerk.ru/bank/news/418560/>
2. <http://top.rbc.ru/finances/15/05/2015/5555f3d59a794710c362a71d>
3. *Посыпанова О.С. Экономическая психология: экономические аспекты поведения потребителей. - Калуга, 2012. - С. 34*

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РЕГИОНАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Ельшин Л.А., Прыгунова М.И. (Казань)

Малое предпринимательство обеспечивает мобильность в условиях рынка, создает глубокую специализацию и кооперацию, без которых немислима его высокая эффективность. Оно способно не только быстро заполнять ниши, образующиеся в потребительской сфере, но и сравнительно быстро окупаться, создавать атмосферу «прозрачной» конкурентной среды, чем больше людей, включены в малый бизнес, тем устойчивее и здоровее экономика России. По количеству малых предприятий в том или ином регионе страны можно оценить качество работы региональных органов власти.

При этом большинство субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляют свою хозяйственную деятельность на локальных (местных) рынках, что усиливает необходимость совершенствования инструментария оценки результативности государственной поддержки не только на общероссийском, но и на региональном, в том числе, местном уровнях. Это повышает эффективность механизма государственной поддержки, реализация которой должна быть основана на системе организационно-управленческих отношений, обеспечивающих ей высокую результативность.

Оценивая эффективность развития малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан на основе показателей макроэкономической статистики можно выделить основные слабые и сильные стороны результативности и эффективности их деятельности (таблица 1). При выявлении положительных и отрицательных трендов развития малого и среднего предпринимательства за базисный период был выбран

посткризисный 2009 год с целью выявления динамики роста основных показателей и индикаторов относительно низкой базы.

Таблица 1 - Основные характерные особенности развития малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан и его влияние на структурные сдвиги в экономике

№	Характеристика развития малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан	Да/нет (комментарий)
1	Преобладание интенсивного типа экономического роста в секторе малого и среднего предпринимательства	✓ За период с 2009 по 2013гг. наблюдается существенное опережение динамики объема оборота малого и среднего предпринимательства в расчете на одно предприятие малого и среднего предпринимательства (+73,8%) по отношению к динамике роста численности работников на предприятии малого и среднего предпринимательства (+10,3%).
2	Рост производительности труда	✓ За период с 2009 по 2013гг. прирост производительности труда в секторе малого и среднего предпринимательства составил 75,8%
3	Эффективный тип экономического развития малого и среднего предпринимательства (опережающая динамика производительности труда относительно темпов роста заработной платы работников)	✓ Динамика прироста производительности труда более чем на 10 процентных пунктов опередила динамику прироста заработной платы за анализируемый период (2009-2013гг.)
4	Высокая инвестиционная активность	✗ Общий объем инвестиций малого и среднего предпринимательства в основной капитал снизился за период 2009-2013гг. на 39,1% (в действующих ценах).
5	Малое и среднее предпринимательство активно генерирует постиндустриальный тип экономического развития, предполагающий переход экономики на пятый и шестой технологические уклады	✗ Доля малых и средних предприятий, являющихся основными генераторами спроса на инновации, в общем количестве предприятий региона снизилась за рассматриваемый период времени (2009-2013гг.) на 2,6%.

№	Характеристика развития малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан	Да/нет (комментарий)
6	Малое и среднее предпринимательство формирует устойчивый рост налоговых доходов бюджетов всех уровней	✗ В 2013 году прирост поступлений налоговых платежей от субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Татарстан составил +7,5%, что соответствует индексам-дефляторам. В пересчете в цены предшествующего 2012 года динамика прироста носит нулевой характер.
7	Малое и среднее предпринимательство наиболее привлекательный сектор экономики Республики Татарстан по уровню материального вознаграждения	✗ Соотношение уровня заработной платы на предприятиях малого и среднего предпринимательства к уровню заработной платы в РТ составило по итогам 2013 года 90,3%. Прирост рассматриваемого соотношения составил к 2009 году – (минус) 4,7%

Несмотря на ряд выявленных негативных тенденций в сфере развития малого и среднего предпринимательства крайне важным является то, что наблюдается рост эффективности реализации программ поддержки предпринимательства в сфере повышения инвестиционной активности субъектов малого и среднего предпринимательства. При этом реализация программ субсидирования и поддержки бизнеса во многом этому способствует.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-32-01353.

1. Мукосеев Д.В. Экономическая сущность и критерии определения малого предпринимательства // *Современные научные исследования и инновации*. 2012. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/05/11995> (дата обращения: 09.05.2015).

О ДИНАМИКЕ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ В РОССИИ

Зеленев И.А. (Москва)

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14 03 00338 «Особенности социального капитала в регионах России: возможности эмпирического анализа».

В последнее время особенно заметно стремление разных социогуманитарных дисциплин количественно оценить социальные и психологические характеристики общества, которые традиционно оценивались либо качественно, либо вообще не оценивались. Представляя данные характеристики в виде количественно зафиксированных тенденций – можно с большим эффектом акцентировать для власти и общественного сознания значимость полученных результатов [4].

Доверие – это системообразующий компонент общности «мы», которая предполагает психологическую близость и доверительность. В основе возникновения общности лежит позитивное принятие и взаимопонимание [3]. Во многом сказанное

можно отнести и к макрогруппам или к макросоциальной общности, например, к жителям страны. В ряде исследований последних лет констатируется высокая степень психологического взаимоотношения в российском обществе. В восприятии нашими соотечественниками своего социального окружения – это окружение весьма специфично. Выходя за круг привычных, немногочисленных групп «своих», россияне оценивают «других», преимущественно, как «потенциально чуждых» [1], [2].

Для анализа динамики восприятия социального окружения в России и для сравнения ситуации с другими европейскими странами, обратимся к материалам «The European Social Survey» (ESS). «Европейское Социальное Исследование» – проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы. Социологические опросы проводятся каждые два года в трех десятках европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). Выборка: более 50 тыс. интервью во всех странах в каждую волну, 1,5–3 тыс. интервью в каждой стране. Из базы данных ESS с результатами опросов, проведенных в 2006–2012 г.г., нами были взяты для обработки ответы респондентов на три следующих вопроса.

1. Скажите, пожалуйста, вы считаете, что большинству людей можно доверять или вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает? (Шкала ответов от 0 до 10: «0» означает «Даже излишняя осторожность не помешает», «10» – «Большинству людей можно доверять»)

2. Как вы думаете, большинство людей постарались бы вас использовать, если им представилась такая возможность, или же, на ваш взгляд, люди постараются вести себя с вами честно? (Шкала ответов от 0 до 10: «0» означает «Большинство людей постарались бы меня использовать», «10» – «Большинство людей постараются вести себя честно»)

3. По вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся только о себе? (Шкала ответов от 0 до 10: «0» означает «Чаще всего люди заботятся только о себе», «10» – «В большинстве случаев люди стараются помогать друг другу»)

Был проведен факторный анализ ответов на эти вопросы (анализ методом главных компонент; извлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера–Мейера–Олкина = 0,7; объясненная дисперсия – 69,7%): при факторизации три переменные сгруппировались в один главный фактор.

Этот же фактор был получен и проинтерпретирован ранее, в публикации результатов обработки некоторых данных социологических опросов, проведенных в 2008 и 2010 г. (ESS–2008, ESS–2010). У полученного фактора отрицательный полюс («недоверие») – объединяющий три, расположенные слева, полюса шкал ответов на данные вопросы – был назван «Большинство других людей потенциально “чуждые”». А положительный полюс («доверие») – объединяющий три, расположенные справа, полюса шкал ответов на эти вопросы – «Большинство других людей потенциально “свои”» [2].

Далее, все 29 стран, из базы данных ESS-2012, были проранжированы в порядке возрастания их среднего значения по полученному фактору (то есть, чем больше показатель страны – тем выше ее ранг).

Полученный для России ранг = 11; по величине соответствующего ранга, сразу перед нашей страной – Чехия (ранг = 10), а сразу после – Венгрия (ранг = 12).

Следующие процентные распределения иллюстрируют, что полученный, в результате ранжирования средних факторных значений, ранг России нельзя, к сожалению, назвать социально-благополучным. (Шкалы нормализованных значений, в данном случае, преобразовывались в четырехбалльные путем разделения респондентов, после ранжирования, на четверти: в первый квартиль попадают 25% респондентов – с минимальными значениями по характеристике, а в четвертый квартиль – 25% с максимальными).

В Болгарии (ранг = 01): респондентов, для которых «Большинство других... чуждые» – более половины (55%); «Скорее, большинство других... чуждые» – 26,1%;

«Скорее, большинство других... свои» – 12,4%; «Большинство других... свои» – только 6,5%. Здесь очевидна закономерность: чем сильнее недоверие респондента к «большинству других людей в большинстве случаев», тем больше таких респондентов в стране.

В России (ESS-2012: ранг = 11; ESS-2010: ранг = 10) подобная закономерность сохраняется в чуть смягченном варианте. Респондентов, для которых: «Большинство других... чуждые» – 32,1% (ESS-2010: 34,3%); «Скорее, большинство других... чуждые» – 29,4% (ESS-2010: 27,2%); «Скорее, большинство других... свои» – 19,8% (ESS-2010: 21,5%); «Большинство других... свои» – 18,7% (ESS-2010: 17%).

Дания (ранг = 29) демонстрирует «позитивную» закономерность: чем больше доверие респондента «большинству других людей в большинстве случаев», тем больше таких респондентов в стране. Среди датчан тех, кто считает, что «Большинство других... чуждые», – лишь 3,1%; «Скорее, большинство других... чуждые» – 10,8%; «Скорее, большинство других... свои» – чуть менее четверти (23,2%); «Большинство других... свои», – существенно больше половины – 62,9%!

Судя по результатам факторного анализа для объединенных массивов данных ESS-2006 – ESS-2012, можно говорить о небольшой положительной динамике (по рассмотренному фактору) с 2006 по 2012 год в нашей стране. Улучшение ситуации «от волны – к волне»: ESS-2006 – ESS-2008 и ESS-2008 – ESS-2010 – сопоставимо с представленным выше (в виде процентных распределений для России-2010 и России-2012), для интервала ESS-2010 – ESS-2012. Но Россия по-прежнему – во второй, скорее неблагоприятной, «семерке». Очевидно, что вследствие геополитических и экономических событий, начиная с 2014 года, макросоциальная ситуация в нашей стране, явно, не улучшилась.

1. Донцов А.И., Зеленева И.А. Человек публичный: оценивающий и оцениваемый // Развитие личности. 2009. № 4. С. 40–55.
2. Зеленева И.А. Восприятие социального окружения и оптимизм/пессимизм в России и других европейских странах // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 52–64.
3. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000.
4. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Макропсихология как новая область психологических исследований // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 3–15.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛА (НА ПРИМЕРЕ П. КРАСНОЧАБАНСКИЙ ДОМБАРОВСКОГО РАЙОНА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Зильмухамедова А.Н. (Екатеринбург)

История Российского государства это совокупность развития наций и народов, отличающихся друг от друга культурой, религиозными воззрениями, особенностями быта. На протяжении всего существования государства жители села составляли подавляющее большинство населения, деревня всегда являлась поставщиком жизненно-необходимых ресурсов. Поэтому усовершенствование села всегда было одним из приоритетных направлений государственной политики. Несмотря на развитие современного государства, как индустриального и постиндустриального общества, деревня по-прежнему остается важнейшим источником многих государственных благ, что определяет ее важность в контексте развитого государства.

Актуальность темы определяется тем, что современная российская деревня испытывает значительные трудности в прогрессивном развитии в связи с недостаточным вниманием со стороны государственной власти.

Гипотеза исследования: противостояние традиционной и модернизированной культур все более превращается в фундаментальную проблему современной эпохи и оказывает влияние на развитие села.

Объект исследования: проблема модернизации села.

Предмет исследования: п. Красночабанский Домбаровского района Оренбургской области

Целью моей работы является выявление основных закономерностей и проблем развития села. Цель определила задачи:

- изучить исторический аспект аграрной цивилизации в России;
- исследовать особенности модернизационных процессов в России;
- выявить основные методы государственной политики на селе;
- проанализировать социально-экономическую и демографическую ситуацию

развития п. Красночабанский Домбаровского района Оренбургской области

Методика проведения исследования: В ходе исследования использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а так же описательный метод исследования и методы статистического анализа.

Практическая значимость: продуктом нашего исследования стал сборник с предложениями по модернизации поселка Красночабанский. Данный проект может быть использован в каждой глубинке России. Нами был разработан сайт, который будет функционировать в качестве форума, где люди могут делиться своими идеями, а также комментировать наши предложения по развитию сельской местности.

1. Изучив научную литературу, мы выяснили, что модернизация — это особая форма развития, сутью которой является переход из традиционного общества к современному. Это понятие можно рассматривать как сложный и противоречивый социокультурный процесс, в ходе которого формируются институты и структуры современного общества. Для анализа проблем модернизации потребовались специальные термины. К их числу относятся понятия “традиционное общество” и “современное общество”. Нами была подобрана и изучена литература, позволившая изменить взгляд на исторический аспект развития села в России.

2. На примере раскопок древних поселений можно проследить ход эволюции человеческого общества, понять законы его формирования.

Малозаселенная и слабоосвоенная территория царской России развивалась

Издержки модернизации особенно ярко проявились в аграрном секторе экономики, социальной сфере современного российского села. Уровень жизни сельского населения остается крайне низким, увеличивается разрыв между городом и селом по уровню доходов, возрастает процент урбанизации в стране. Сельские территории как социально-территориальная подсистема общества выполняют важнейшие общенациональные функции. Развитие агропромышленного комплекса рассматривается в качестве одной из приоритетных задач в рамках общей модернизации страны. Исторические вехи развития сельского хозяйства позволяют увидеть просчеты, повлекшие необратимые процессы «раскрестьянивания» села, главного гаранта продовольственной безопасности России.

3. Нам удалось выявить основные проблемы села на примере поселка Красночабанский Домбаровского района Оренбургской области.

Который, является сельским поселением, образованным в 1925..

4. В рамках исследования нами был проведен социологический опрос среди населения поселка с целью выяснения интереса к проблеме. Было опрошено 250 респондентов в возрасте старше 15 лет. Всего задано два вопроса, результаты вы видите на слайде.

Апеллируя полученными в ходе исследования данными, мы можем сделать вывод: современное состояние аграрного сектора страны можно оценить как неудовлетворительное. А это значит, что принцип государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий нарушен. Со стороны государства нет четких

действий, которые способствовали бы демографическому росту и созданию условий для переселения в сельскую местность.

Подводя итог, можно сказать, что в процессе исследования цель была достигнута, также были реализованы поставленные перед нами задачи.

Показатели воспроизводства населения, представленные в исследовании, выступают своеобразным прогнозом-предупреждением, который позволяет увидеть, что будет с населением, если демографические тенденции не изменятся. Государство должно создать современную инфраструктуру в сельской местности.

1. Глов О.А. *Организационные структуры модернизации сельского хозяйства*//Электронная библиотека: Научные статьи. 2011. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-struktury-modernizatsii-selskogo-hozyaystva>
2. Лейбович О.Л. *Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993.*
3. Нечаев В.Д., Жиряков И.Г., Леонов С.В. *Новейшая история России, учебник для гуманитарных специальностей в системе высшего профессионального образования. - М: МГГУ, 2010. – С.465*
4. *Состояние и меры по развитию аграрного производства Российской Федерации: Ежегодный доклад. 1999 год/Минсельхозпрод РФ. М., 2000. С. 78-80.*
5. Орлов А.С., Георгиев В. А., Георгиева Н.Г. *История России, – П.,2013. – С.350.*

ДОВЕРИЕ КАК НЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК В СИТУАЦИИ РИСКА

Зорина А.Е. (Москва)

Концепция устойчивого развития, являясь общеметодологической, носит слишком абстрактный характер для изучения научных проблем и решения управленческих задач на локальном уровне, в территориальных сообществах. Более адекватным и продуктивным для подобных исследовательских и практических проблем представляется методологический потенциал концепции ответственности, в которой проявляется прикладное значение идеи устойчивого развития посредством совмещения экономических, экологических и социальных интересов таких субъектов как предпринимательство и местное сообщество. Особенно актуальна концепция ответственности при разработке исследовательских проектов, направленных на изучение процессов, имеющих место в сообществах, проживающих в непосредственной близости от предприятий, производственный процесс которых характеризуется технологическими рисками.

Последние политические и экономические события (присоединение Крыма, вооруженный конфликт на Донбассе, введение Западом антироссийских санкций и ответные действия России) обострили такие социальные ситуации, которые имеют в своей основе эколого-экономическое противоречие [1].

Эколого-экономическое противоречие формируется вследствие несовпадения логики развития экономической сферы той или иной территории и интересов сохранения здоровья населения и окружающей природной среды[1]. Проявляется оно через конфликт таких базисных ценностей как право граждан на благоприятную окружающую среду и охрану здоровья и стремлением отдельных лиц и групп населения к экономической выгоде любой ценой. Предприятие в таких ситуациях становится субъектом – производителем риска, а сообщество – потребителем риска. Чаще всего такая ситуация складывается в так называемых моногородах, причем острота ситуации зависит от целого ряда обстоятельств.

Сама же концепция устойчивого развития, сущность которой состоит в признании принципиальной необходимости обеспечить баланс между экологической и экономической сферами общественной жизнедеятельности, при изучении процессов на уровне общности преломляется через инструментальный потенциал концепции ответственности, через повседневные нормы, стереотипы, установки, механизмы жизнедеятельности.

Эксперты Левада-центра отмечают, что замедление темпов роста российской экономики возобновило интерес к проблематике доверия, повышение которого может рассматриваться как условие, ресурс, в том числе и экономического развития [2].

Также в исследовании отмечается, что кроме понятия «доверие» при изучении неэкономических факторов формирования поведения населения часто используются такие понятия, как «контроль» и «адаптация». «Доверие» предполагает тот или иной уровень ожиданий добросовестного выполнения функций, обязанностей либо обязательств другими сторонами процесса — как людьми, так и социальными институтами, или обществом в целом. Понятие «контроль» отражает уровень влияния индивида на осуществление другими акторами их обязательств, и является показателем степени ответственности. «Адаптация», в свою очередь, показывает степень социализации членов общества и уровень отлаженности их взаимодействий [2, С. 3].

Неэкономические факторы формирования поведения населения имеют не менее важное, чем материальные факторы, значение и в формировании и воспроизводстве мировоззренческих установок, влияющих в частности на отношение к собственному ответственному поведению и ожиданиям ответственности от других участников отношений как межличностных, так и социальных. Такими неэкономическими факторами выступают доверие, контроль, адаптация. Доверие соответствует ожиданиям ответственного поведения — выполнения обязательств индивидами, социальными институтами; контроль отражает уровень влияния на осуществление обязательств социальными субъектами; адаптация показывает степень социализации и уровень включенности в социальное взаимодействие. Уровень контроля и адаптации можно рассматривать как производные от показателя доверия участникам социального взаимодействия.

Объектом для анализа было выбрано население территориальной общности с крупным градообразующим предприятием ядерного комплекса страны, в котором эколого-экономическое противоречие отличается управляемостью, явного конфликта нет, ситуация характеризуется повседневными рисками, по отношению к которым население демонстрирует ту или иную степень «привыкания». Для анализа используются данные опросов населения, выпускников средних школ и работников градообразующего предприятия, а также доступные документы этого предприятия.

Анализ документов, в том числе сайта предприятия, показал, что руководство декларирует обеспечение экологической безопасности и охраны окружающей среды как «один из высших приоритетов деятельности, осознанную обязанность каждого работника». Анализ эмпирических данных опросов, проведенных исследователем, показывает следующее.

Контроль как показатель уровня влияния на осуществление социальными субъектами своих обязанностей по отношению к охране здоровья и окружающей среды крайне низкий. Так, более 60% населения слабо осведомлены о своих законных правах на благоприятную среду и участие в отстаивании своих прав. Обращаемость в соответствующие инстанции по проблемам охраны окружающей среды от вредного воздействия предприятия — низкая, а обратная связь практически нулевая. При этом до 80% населения декларируют необходимость участия граждан в защите окружающей среды, отмечают связь плохого самочувствия и ухудшения состояния здоровья с неблагоприятным воздействием окружающей среды. Более того, почти половина населения (46%) считают, что вполне возможно хозяйствовать без вреда окружающей

среде и здоровью населения, хотя 48%, считая это возможным, полагают, что в России это невыполнимо, что в частности свидетельствует о низком уровне доверия контролирующим органам страны.

Заинтересованность в информации о состоянии окружающей среды у всех групп населения очень высокая, а уровень информированности по самооценкам – низкий, уровень доверия всем источникам такого рода информации – низкий.

Так, до 70% респондентов считают, что деятельность градообразующего предприятия связана с экологическими рисками; 66% не доверяют мерам предприятия по обеспечению приемлемого уровня риска. Более 65% опрошенных уверены, что ни граждане, ни общественные организации не могут реально повлиять на деятельность предприятия. При этом заинтересованность всех социальных субъектов и институтов в защите окружающей среды, кроме граждан и ученых-экологов, население оценивает очень низко.

Доверие как показатель ожидания выполнения социальными субъектами и социальными институтами своих обязанностей в области охраны здоровья населения и окружающей среды также у всех групп населения крайне низкий.

Налицо социальная ситуация, суть которой состоит в том, что социальное партнерство населения, представителей власти и градообразующего предприятия в вопросах охраны окружающей среды существует только как декларация.

1. Мозговая А.В., Комарова В.А. Социологическое обеспечение рискованной коммуникации // Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление / Отв. ред. Мозговая А.В. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2004. С.143-156.
2. Потребительское поведение через призму доверия и ответственности. Исследование Левада-Центра по заказу ЦМИ Сбербанка // Центр макроэкономических исследований // февраль 2013. [электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/files/news/5390/Consumer_Behavior_Trust_and_Responsibility_of_Russian_Society_February_2013.pdf (дата обращения: 20.01.2014)

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Иванова Е.И. (Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 14-18-02016

Глобальные изменения последних десятилетий коснулись всех сфер жизни, затронули они и сферы социально-трудовых отношений. Современная социально-профессиональная структура сформировалась под воздействием межпоколенных и внутрипоколенных карьерных, социально-профессиональных перемещений.

1. Анализ данных социологического опроса RLMS - ВШЭ на основе классификатора ISCO-88 за период 1994-2013 гг. позволяет выделить следующие особенности воспроизводства социально-профессиональной структуры:

если большую часть занятых в стране в 1994 г. составляли промышленные рабочие (21% из числа всех занятых в народном хозяйстве) и работники ручного труда (16,7%), то через двадцать лет - полупрофессионалы (19%) и профессионалы (17,4%);

доля руководителей и предпринимателей возросла, но осталась низкой (4% в 1994 г. и 6,2% в 2013 г.);

заметный рост числа простых работников торговли и бытового обслуживания (с 8,2% до 12%);

сокращение занятых неквалифицированным трудом (с 14,5% до 11,4%).

2. Отмеченные изменения затронули различные поколения, что следует из анализа динамики профессиональной структуры трех социально-демографических поколений, активных сегодня на рынке труда (поколения 1985-1998 гг., 1970-1984 гг. и 1945-1969 гг.

рождения). Как видно из таблицы 1, к 2013 происходит перераспределение поколенческого состава всех профессиональных групп. Особенно наглядно оно среди полярных групп: управленцев (в 2013 г. среди мужчин половину составляют представители поколения 1970-84 гг. рождения), профессионалов (41% в отмеченной группе), как представителей высшего уровня квалификации, и рабочих – как представителей низшего уровня (свыше 40 % у мужчин и женщин). Среди группы низшей квалификации наиболее многочисленны женщины 1945-1968 гг. рождения.

Таблица 1. Доля представителей различных поколений в профессиональных группах

	Профессиональные группы	Мужчины						Женщины					
		1985-1998 г.р.		1970-1984		1945-1969		1985-1998		1970-1984		1945-1969	
		2008	2013	2001	2013	2001	2013	2008	2013	2001	2013	2001	2013
0	военнослужащие	5	26,3	40,9	58	59,1	15,8						
1	управленцы и предприниматели	1,7	7,9	15,4	49	79,2	42,5	2	9	8,5	43,8	89,2	45,8
2	профессионалы	9,3	26,1	27,5	41	55,6	29,6	6,2	16,3	22,7	42,1	68,9	40,3
3	полупрофессионалы	12,1	30,5	33,3	44	58,5	25,3	11,9	24,5	29,9	44,6	66,5	30,1
4	офисные работники	15,2	43,5	19	40	71,4	16,5	0,9	24,7	29,1	40,4	64,8	34,1
5	простые работники в сфере торговли и быта	18,1	37,7	50	48,1	45,7	13,8	18	24,9	40,2	39,5	57	35,1
6	квалифицированные рабочие	5,9	14,3	10	38	90	47,6						
7	работники ручного труда	10,9	23,2	25,2	40	66,3	36,5	8,2	13,2	24,4	43,1	73,2	43,1
8	промышленные рабочие, водители	9	18,2	30,1	42	65,6	39,2	6,6	13,1	20	41,4	76	43,7
9	неквалифицированные работники	20,7	20,7	35,8	34,4	53,9	43,7	5,3	10	22,9	27,7	70,1	59,2
	Всего	11,6	22,6	28,9	41,7	63,5	34,9	8,9	19,4	26,5	40,9	68,3	38,6

Сравнение профессиональных предпочтений среди представителей старшего поколения, родившихся в 1960-1964 гг. и представителей молодого поколения, родившихся 1980-1984 гг., позволяет выявить следующие особенности (таблица 2). Во-первых, старшее поколение более представительно среди управленцев и предпринимателей; в то же время, в поколении 1980-84 гг. рождения наблюдаются высокие темпы прироста доли занятых в этой сфере. Во-вторых, доля профессионалов в старшем поколении имеет тенденцию к сокращению, в то время как в младшем – к росту. В-третьих, в поколении 1980-84 гг. рождения доля работников сферы торговли и бытового обслуживания существенно выше, в то время как среди поколения 1960-64 гг. рождения выше доля промышленных рабочих и водителей.

Таблица 2. Профессиональные предпочтения для родившихся в 1960-1964 гг. и 1980-1984 гг. (% , мужчины и женщины, база данных RLMS ГУ ВШЭ)*

Профессиональные группы	1960-1964				1980-1984			
	1994	2001	2008	2013	2001	2008	2013	
0	военнослужащие	3	2,6	1,5	0,4	0	1,2	1,1
1	управленцы и предприниматели	1,4	9,9	6,4	8,6	1,1	2,3	6,2

2	профессионалы	12,3	9,9	6,4	7	3,4	11,9	10,4
3	полупрофессионалы	5,5	7,9	7,1	8,4	10,3	20,4	14,2
4	офисные работники	0	0,7	0	0,4	0	3,8	2,3
5	простые работники в сфере торговли и бытового обслуживания	5,2	3,6	3,8	2,9	5,7	8,8	6,5
6	квалифицированные рабочие с/х, рыболовства и лесного хоз-ва	1,1	1,6	1,1	1,2	0	0	0,3
7	работники ручного труда, ремесленники	31,4	24,3	32,7	26,2	34,5	24,6	26,2
8	промышленные рабочие, водители	31,7	31,3	32	34,8	24,1	18,8	23,8
9	неквалифицированные работники	8,5	8,2	9	10	20,7	8,1	8,9
	Всего	100	100	100	100	100	100	100

*Расчеты автора

3. Изменения профессиональной структуры отражают неравномерное соотношение занятых и находящихся за пределами трудоспособного возраста среди отмеченных выше поколений. Этот чисто демографический фактор усиливается наличием гендерных и межтерриториальных диспропорций в возрастной структуре общества. Так, наблюдается сокращение доли мужчин среди работников высшего и низшего уровней квалификации. Уменьшение численности населения в трудоспособном возрасте наиболее интенсивно протекает в Приволжском, Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах.

Социально-экономические факторы изменения профессиональной структуры действуют как на этапе экономического роста, так и в период экономического кризиса. Структура занятого населения по видам экономической деятельности претерпевает значительные изменения. В одних видах экономической деятельности численность занятого населения заметно падает, в других - растет. Предприятия реального сектора ощущают дефицит квалифицированных кадров, как рабочих, так и управленческих. Нехватка рабочей силы входит в число наиболее актуальных проблем макроэкономического характера.

4. Другая важная тенденция заключается в том, что в современном обществе зарождается тенденция к сохранению и воспроизводству классовых позиций в последующих поколениях. Рыночные отношения способствовали классовому расслоению, появлению нового высшего класса, который к настоящему времени обладает развитой системой организации жизни собственных членов, что способствует созданию уникального стиля и образа жизни, специфической социализации молодого поколения, [Domhoff, 2002]. Отличительной особенностью высшего класса является получение качественного образования в частных школах, частных колледжах и крупных университетах. Полученное образование оказывает влияние на будущую профессиональную деятельность индивидов: *большинство выпускников частных школ строят карьеру в бизнесе, финансовой и банковской сферах, в юриспруденции.*

Воспроизводится новое поколение «элиты» с характерными для нее образовательными и профессиональными характеристиками. В то же время, происходит углубление неравенства, по сравнению с низшими слоями, не имеющими возможности получить даже среднего образования (см. материалы переписи 2010 г.). Деление на классы становится следствием различий в располагаемых людьми социальных ресурсах, в их жизненных шансах.

5. Изменения профессиональной структуры являются закономерным следствием постиндустриального этапа развития общества, в котором возрастает роль знания и

информации, происходит выделение интеллектуальных услуг. Согласно прогнозам, в новом поколении профессионалов наиболее востребованными и высокооплачиваемыми профессиями будут являться профессии, основой которых являются программы в Science, Technology, Engineering, Math. STEM образует базовый фундамент для науки, экономики, бизнеса и производства. Означает ли отмеченная тенденция возврат к структуре поколения «дедов» или формирование нового класса мы увидим уже в недалеком будущем.

1. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. – 2007. Т. XVI. – № 3.
2. Domhoff G.W. Who Rules America? New York: McGraw-Hill, 2002.

ДОВЕРИЕ К ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫМ ПРОДУКТАМ ПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Иванова М.С. (Санкт-Петербург)

Сегодня доверие играет важную роль во всех областях общественной жизни. Однако особенно актуальным данный вопрос становится, когда мы касаемся сферы питания. Именно здесь, как нигде больше, доверие выступает ключевым фактором, который обеспечивает функционирование всей продовольственной системы в целом. В настоящее время культура питания претерпевает глобальные трансформации. Роль гастрономических практик в формировании человеческой идентичности становится всё более очевидной. Люди не просто хотят приобретать качественные товары, они переходят на новый уровень потребления, а именно, активно растёт спрос на экологически чистые продукты питания.[1] Производство подобной продукции в России постепенно становится всё более востребованным, что ведёт к появлению всё новых и новых игроков на рынке.

Особо следует отметить, что в условиях продуктового эмбарго, когда большинство импортных экопродуктов было включено в списки запрещённых к ввозу в Россию, перед отечественными производителями открываются прекрасные возможности для развития данного сегмента производства. Однако, для того чтобы грамотно воспользоваться такими возможностями, необходимо располагать информацией о том, как функционирует данная сфера. Что касается рынка экологически чистых продуктов питания, то здесь необходимо учитывать тот факт, что товары, предлагаемые покупателям, довольно специфичны по своей природе. Более того, цены на товары категории «органик» значительно превышают цены на их обычные аналоги. Поэтому и заслужить доверие покупателя здесь гораздо сложнее. В отличие от обычных продуктов питания, доверие к которым во многом формируется на основе государственно закреплённых стандартов, на рынке биопродуктов доверие носит скорее межличностный характер. Это связано, в первую очередь, с отсутствием каких-либо нормативно-правовых актов в сфере регулирования органического сельского хозяйства. Получается, что написать на продукте «эко» может любой изготовитель, а проверить это никак невозможно. По-настоящему серьёзной проверкой и сертификацией сейчас занимаются только частные фирмы.[2] Тем не менее, люди верят и не готовы отказываться от органической продукции. Возможно, будет произведена замена более дорогих товаров на менее дорогие, но полного отказа не будет.[3]

Это свидетельствует о том, что даже в условиях кризиса, люди не готовы отказываться своим привычкам и продолжают покупать экопродукты. В связи с этим, доверие потребителя, особенно новым игрокам на рынке, заслужить гораздо сложнее. Поэтому необходимо знать, как правильно осуществлять свою деятельность, чтобы сохранить

существующих и привлечь новых потребителей. Так, с помощью проведённого исследования, целью которого было узнать, как именно формируется доверие на российском рынке экологически чистых продуктов питания, нам удалось узнать, что источником доверия к таким продуктам являются персональные контакты потребителей. Это означает, что шансы покупки возрастают в разы, если среди ближайшего окружения потенциального потребителя есть люди, которые уже покупают подобную продукцию. Рекомендации родственников, друзей и знакомых становятся решающим фактором при принятии решения о приобретении таких продуктов. Более того, покупка скорее всего будет совершена у того же производителя, предпочтение которому отдают те, от кого будущие покупатели получают рекомендации. Таким образом, доверие к экопродукции исходит от доверия к тому, кто их рекомендует. Более того, очень важным становится личный контакт производителя и потребителя, когда последний может сам лично познакомиться с производством, посмотреть в каких условиях содержатся животные или как выращиваются овощи и фрукты. Помимо этого, люди могут искать интересующую их информацию в интернете, например, в различных группах в социальных сетях или на всевозможных форумах. Такая коммуникация позволяет потребителям обмениваться полезной информацией, получать необходимые им сведения о том или ином производстве, а также делиться своим собственным опытом и мнением. А присутствие в таких сообществах представителя от производства, готового ответить на возникающие вопросы, оказывает ещё более положительное впечатление на потенциального покупателя и говорит о действительно серьёзном отношении к клиенту и своему делу. А это позволяет людям быть более уверенными в том товаре, в который они вкладывают свои средства. Таким образом, подобные результаты позволяют нам утверждать, что уровень доверия необходимо поднимать не через различные институты, например, через рекламу или государственные стандарты, а непосредственно через увеличение числа личных контактов между участниками рынка, проведение политики открытого производства и т.д.

Результаты, которые нам удалось получить, являются очень важными, так как те механизмы, которые лежат в основе функционирования рынка биопродуктов, возможно, применимы, и к другим рынкам, и в целом к экономике. Более того, эти данные говорят о том, что формирование общественного доверия в кризисной ситуации во многом основывается на развитии сетевого взаимодействия между людьми. Это свидетельствует о том, что уровень межличностного доверия становится выше, чем уровень доверия институционального, а это должно вести к определённым изменениям в функционировании всех экономических институтов.

1. <http://marketing.rbc.ru/>
2. <http://foodmarkets.ru/>
3. <http://www.retail.ru/>
4. <http://www.the-village.ru/>
5. <http://ecsoc.hse.ru/>

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Ишмухаметов Н.С., Аллагулов Р. Х. (Уфа)

Проблемы устойчивого развития регионального рынка труда затрагивают вопросы регулирования ключевых индикаторов его развития – занятости и безработицы. Положение в сфере трудовых отношений потеряло традиционную для командно-административной системы стабильность еще с начала перехода к рыночной экономике. Рынок труда как России в целом, так и ее отдельных регионов испытывает на себе

влияние не только со стороны меняющихся социально-экономических отношений, но и с точки зрения кризисных ситуаций и их проявлений: усиление дифференциации доходов; существенное снижение экономического потенциала и конкурентоспособности страны и др.

Сегодня важнейшие функции рынка труда не проявляются в должной мере. Это, например, относится к социальной функции рынка труда, которая заключается в обеспечении достойных условий труда, нормальных уровней доходов и благосостояния людей, воспроизводства их человеческого капитала. Современные воззрения ученых все больше концентрируют внимание на человеческом развитии, накоплении человеческого капитала, что, по нашему мнению, связано с возникновением во второй половине XX века в развитых странах мира тенденций небывалого роста сферы услуг и нематериального производства, то есть формирования нового, постиндустриального типа хозяйства.

Важнейшей особенностью человеческого капитала является то, что его реализация в значительной мере осуществляется через рынок труда, через занятость. В условиях кризиса основной целью политики занятости, направленной на успешную реализацию человеческого капитала, является достижение таких характеристик современного типа занятости, как полнота, рациональность структуры, эффективность, увязанность с человеческим развитием, динамичность, интегрированность в мировую систему занятости.

Опыт отечественных исследований воспроизводственного потенциала региональной экономики свидетельствует о недостаточном внимании ученых к анализу взаимосвязи и взаимовлияния регионального рынка труда, с одной стороны, и человеческого капитала региона, с другой стороны, а также их динамичного характера: как рынок труда, так и человеческий капитал «не стоят на месте», они находятся в состоянии перманентного развития.

По вопросу взаимосвязи рынка труда и человеческого капитала, следует отметить, что все компоненты человеческого капитала так или иначе связаны, во-первых, с трудом, а во-вторых, с рынком труда. Традиционно выделяемые компоненты человеческого капитала (компонента образования, компонента здоровья, компонента мобильности, компонента экономически значимой информации) показывают, что образование потенциально повышает ценность индивида как работника, предлагающего услуги своего труда, здоровье дает возможности работать интенсивнее и дольше, сохраняя трудовой потенциал на достаточно высоком уровне. В свою очередь запасы мобильности и экономически значимой информации по большей части улучшают условия реализации работника на рынке труда.

Все это, несомненно, говорит о необходимости исследования регионального рынка труда и человеческого капитала региона не только как самостоятельно существующих институтов, но и взаимодействующих между собой, оказывающих взаимное влияние.

Формирование и развитие регионального рынка труда происходит под влиянием различных факторов и условий, и включает в себя воспроизводство и совершенствование демографических, социально-экономических и психофизиологических характеристик человеческого капитала данного региона. Рассмотрим некоторые демографические и социально-экономические характеристики рынка труда Республики Башкортостан (РБ).

Изучение демографических характеристик человеческого капитала населения предполагает анализ естественного движения населения (воспроизводства носителей человеческого капитала), а также миграции населения (трудовой и территориальной мобильности человеческого капитала). При анализе социально-экономических характеристик необходимо учитывать особую роль факторов, влияющих на экономическую активность населения, его здоровье и образовательный, профессионально-квалификационный уровень (важнейшие компоненты человеческого капитала).

Население РБ сегодня характеризуется следующими основными показателями:

- общая численность населения региона (по состоянию на 1 января 2015 г.) – 4072 тыс. чел. За январь-август 2015 г. отмечается естественный прирост населения (+1772 человека), а также миграционный прирост (+153 человека).

- трудоспособное население (в трудоспособном возрасте) в 2013 г. – 2427,8 тыс. чел. Оно составляет основу трудового потенциала РБ и включает в себя людей по возрасту и состоянию здоровья способных работать.

- экономически активное население – 1979,5 тыс. чел. Экономически активное население, в свою очередь, можно разделить на занятых и безработных. Отметим, что особенностью РБ по сравнению с другими субъектами Федерации в 90-е годы XX века являлось то, что к занятым здесь относились и безработные граждане, имеющие 25 соток земли. Численность занятых в 2015 г. составила 1851,5 тыс. человек, что соответствует уровню занятости населения 61,2%. Занятых граждан, в свою очередь, можно разделить на наемных работников (примерно 87%) и тех, кто сам обеспечивает себя и других работой (работодателей, самозанятых и др.). Численность безработных по методологии Международной организации труда составила 128 тыс. человек.

За последние 25 лет население республики увеличилось в целом незначительно (менее 3 %). Обратим внимание, что население России за этот же период уменьшилось примерно на 1,5 %. Однако в целом относительно равномерная динамика численности населения РБ, начиная с 2001 г., приобрела циклический характер: падение – в 2001-2007 гг.; рост – в 2008-2010 гг.; падение – в 2011-2013 гг.; рост – в 2014-2015 гг.

Наблюдаемая в регионе динамика численности постоянного населения слабо коррелируется с «демографической волной», с экономической ситуацией в стране и, в частности, может быть объяснена воздействием следующих факторов [1, С. 203]:

1) коэффициенты рождаемости в Башкортостане пока еще превышают средние величины по России, но негативное развитие их динамики определяет дальнейшее сокращение общего прироста;

2) рождаемость в городе ниже, чем на селе, но возрастно-половые диспропорции, сложившиеся в результате многолетней миграции молодежи в города, а также сама эта миграция уменьшают численность сельского населения;

3) усиливается сознательное ограничение рождаемости, обусловливаемое, как объективными, так и субъективными обстоятельствами.

В результате действия этих и других факторов в последние 25 лет в республике Башкортостан сложилась непростая (с точки зрения экономического роста) демографическая ситуация, характеризующаяся выраженной тенденцией к простому воспроизводству постоянного населения. Такая ситуация, очевидно, отрицательно влияет на экономический рост. Напомним также, что в прошедшее двадцатипятилетие для России в целом было характерно суженное воспроизводство населения. Уменьшение населения в трудоспособном возрасте, хотя и снижает напряженность на республиканском рынке труда (способствуя сокращению предложения рабочей силы), в целом также является неблагоприятным фактором, поскольку в перспективе уменьшение трудоспособного населения становится существенным «тормозом» экономического роста.

1. Аллагулов Р.Х., Ишмухаметов Н.С. Трудовой потенциал и человеческий капитал в Республике Башкортостан: состояние и воздействие на региональный рынок труда // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 6 (ч.2). – С. 200-205.

КРИЗИС ЦЕНЫ ТРУДА В ЗЕРКАЛЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Карапетян Р. (Санкт-Петербург)

Экономические и социальные проблемы, возникшие в современной России в результате новой волны кризиса, наложили свой отпечаток на сферу труда. Сегодня становится все более очевидным, что она также испытывает серьезные потрясения и ищет пути приспособления к перманентным условиям кризиса. С другой стороны нельзя не

упомануть о политической воле государства, направленной на проведение мероприятий, обеспечивающих стабильность функционирования трудовой сферы. И хотя эти мероприятия лишь отчасти можно назвать системными, возможно все же наблюдать достаточное количество разовых инициатив, периодически заявляемых и проводимых правительством.

Вместе с тем кризис диктует свои условия, и в отношении сферы труда они традиционно выглядят как снижение спроса на труд, падение реальных доходов населения, сужение круга потребительских предпочтений, рост дифференциации по оплате труда и проч.

Государство в своей политике стремится к разрешению всех данных негативных тенденций. Но все же, как представляется, имеет одно стратегическое предпочтение, которое состоит в искусственном сдерживании безработицы на сравнительно низком уровне.

Следует заметить, что подобная политика не проводится исключительно в кризисные периоды, а является постоянно действующей стратегией государства, начало которой обнаруживается еще в 90-е годы XX века. Можно по-разному оценивать и определять причины таких предпочтений. Это может быть связано со стремлением нивелировать политическую напряженность, поскольку чаще других не имеющие постоянной работы становятся постоянными активными противниками существующей системы власти. Это может быть определено стремлением сэкономить на издержках на содержание безработных, поскольку выплаты последним осуществляются за счет государственного бюджета. Нежеланием тратиться и развивать социальные институты вспомоществования, службы занятости, организации, занимающиеся переквалификацией. Как вариант можно рассматривать политику воспроизводства уравнивающей системы, доставшуюся в наследие от социалистического строя.

Одной из знаковых причин может быть искусственное занижение цены труда с целью распределения финансовых остатков на потенциально невостребованную экономикой рабочую силу. Т.е., распределение совокупных издержек на труд на максимально возможное количество работников. Данный механизм используется для сдерживания роста безработицы и, следует заметить, удовлетворяет подавляющее большинство населения.

Причины этого лежат как в экономической, так социальной плоскостях. В экономическом плане занятость, пусть и с низкой оплатой труда (как основном показателе цены труда), есть определенная гарантия выживания и удовлетворения базовых потребностей. Пособие же по безработице в России ничтожно мало и установлено на 2015 г. в размере от 850 до 4900 рублей, т.е. не дотягивает до прожиточного минимума, составившего в том же году 9662 рубля. По всей вероятности, это объясняет причину, по которой обратившиеся в службы занятости составляют лишь четверть от общего числа безработных. Кроме того, постоянная работа предполагает пенсионное обеспечение. Социальный аспект сопряжен с подражательными стереотипами, со статусностью и с «выбором из худших зол лучшего». Это своего рода ментальная зависимость общинного сознания, когда распространенный стереотип «главное, чтобы не было хуже» становится в лице народа главным оправданием необоснованно заниженных заработных плат и нищенского существования значительной части населения РФ.

Если провести параллель между ценой труда и уровнем безработицы в России, нетрудно определить, что между ними существует прямая взаимосвязь, а именно: занижение цены труда обеспечивает снижение численности безработных или позволяет ее сохранять на приемлемом для государства уровне.

Также и в условиях кризиса политика занятости продолжает оставаться неизменной. Низкий уровень безработицы достигается за счет снижения реальной заработной платы. Если год назад по данным Федеральной службы государственной статистики средняя заработная плата колебалась в пределах 30 тыс. руб., что было

эквивалентно 950 долларам США, то в августе 2015 г. она составила 31.870 руб. [1], что приблизительно соответствует 470 долларам США. Если же представить эту цифру по курсу 2014 г., то мы имеем в настоящее время плату за труд в размере 15.232 рублей, т.е., по сути, в два раза меньшую, чем номинальная. Можно предположить, что политика государства по девальвации рубля определена помимо снижения цены нефти и международных санкций, в том числе стремлением занизить цену труда. Такой подход обеспечивает решение многих проблем, например, сдерживание инфляции, вложение высвобожденных финансовых средств в политические проекты и обеспечение растущих прибылей монополий. Не в последнюю очередь это касается уровня безработицы, который по данным все той же Федеральной службы государственной статистики в августе 2015 г. составил 5,3% от общей численности трудоспособного населения, тогда как в августе 2014 г. он был порядка 4,8% [2], т.е. серьезнейший кризис, продолжающийся без малого год, привел к росту безработицы лишь на 0,5%. К примеру, в США в период кризиса 2008-2011 года численность безработных выросла в два раза, с 4,7% до 10%.

Сохранение низкого уровня безработицы достигается за счет снижения цены труда подавляющей части наемных работников, т.е. их абсолютного обеднения, состояния, названного Р. Дарендорфом, «на границе общества». Подтверждением этому является также увеличивающаяся разница между доходами и уровнем инфляции.

Согласно данным исследования, проведенного порталом HeadHunter, большинство компаний РФ (45%) не предполагают изменять зарплаты сотрудников, увеличение планируют 13%, снижать 5%. В то же время Минэкономразвития прогнозирует инфляцию к концу 2015 г. на уровне 12%-12,4% [3]. По данным бывшего министра финансов РФ А. Кудрина, озвученным на Петербургском экономическом форуме в июне 2015 года, реальные зарплаты россиян упали на 10%, а реальные доходы — более чем на 4% [4]. Об этом свидетельствуют и прогнозы Минэкономразвития, согласно которым реальные доходы населения в 2016 году продолжат падать.

Эти тенденции привели к снижению объема розничной торговли в июне на 9,4% и снижению покупательной способности населения РФ, по данным Росстата за первое полугодие на 20% [5], которая, по всей вероятности, продолжит падать. Получается примечательная картина, когда ценой сохранения максимального числа занятых, государство будет продолжать обесценивать труд людей. В этих условиях правительству остается только одно: готовить новый идеологический пирог, чтобы накормить им доверчивое трудолюбивое население РФ.

1. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/rates/3aaf0b00420c9778bf91ff2d59c15b71
2. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/195.htm
3. <http://top.rbc.ru/economics/04/03/2015/54f706b39a7947103b521853>
4. <http://top.rbc.ru/economics/04/10/2015/561133119a794768fe056c76>
5. <http://top.rbc.ru/economics/08/10/2015/5615b4549a79476fefe61907>

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ АКТИВЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Карасева К.С. (Санкт-Петербург)

Исследование интеллектуальных активов современных компаний во многом основывается на изучении влияния социокультурных трансформаций на процесс накопления интеллектуального капитала [1]. Кризисные явления в глобальной и национальных экономиках разных стран подталкивают бизнес к поиску новых ресурсов

повышения эффективности производств, производительности труда и конкурентоспособности предприятий. Долговременные тенденции социально-экономического развития глобальной мирохозяйственной системы все больше ориентируют крупные корпорации (а вместе с ними и другой, менее крупный бизнес) к более эффективному использованию социальных ресурсов – знаний и опыта персонала, умения работать с постоянными клиентами, культурного капитала [3, 176-177]. Кроме того, от возможностей использования, накопления, развития социальных ресурсов компаний и национальных экономик в целом зависит и возможность поддержания экономического суверенитета в условиях усиления глобальной конкуренции [2, 81-99]. Структурирует социальные ресурсы компаний и национальных экономик, во многом определяя направление их развития, культура труда, как специфический символический ресурс, совокупность норм, ценностей, санкций, символов, задающих рамки (порядки) социальных коммуникаций в организациях и национальных производственных системах. Именно поэтому исследования корпоративной культуры труда становится все более популярным и быстро развивающимся направлением современных исследований по экономической социологии. Теоретическими основами этих исследований являются как уже ставшие традиционными социально-управленческий и психологический подходы (представленные трудами К. Камерона, Р. Куинна, Э. Шейна, Т. Питерса, Р. Уотермена, Г. Хофстеде), так и формирующийся экономико-социологический подход. Его особенностью является ориентация исследователей не только и не столько на изучение возможностей повышения управленческого, «программирующего» воздействия искусственно формируемой организационной культуры на сознание персонала, сколько изучение влияния естественным образом формирующейся трудовой культуры на особенности корпоративных социальных коммуникаций, уже имеющуюся организацию социально-трудовых отношений, производительность труда и стремление персонала к самореализации в труде (именно в рамках данной социокультурной системы) [5, с. 87-89].

Структурным контекстом указанных изменений являются современные глобальные трансформационные процессы в экономике и культуре. Именно эти трансформации определяют как формирование специфических структурных факторов, определяющих, в свою очередь, развитие культуры труда в постиндустриальном обществе, так и возможности эффективного использования социальных ресурсов современных компаний для адаптации к быстро меняющимся условиям ведения бизнеса (на разных рынках и в разных социальных, культурных, политико-экономических условиях). В качестве таких структурных факторов, во многом определяемых современными глобальными социокультурными трансформациями, следует назвать: существенный рост интеллектуализации труда (повышение роли интеллектуального капитала и всех его составляющих в эффективной реализации стратегий корпоративного экономического развития), повышение роли социального доверия к имиджу корпораций и даже национальных производственных систем в целом (речь идет не только об учете неформальных гарантий качества и добросовестности, как было ранее, но и о формировании, поддержании максимально позитивной оценки корпоративной экономической деятельности разными социальными группами), создание благоприятных возможностей для воспроизводства и накопления клиентского капитала (на основе тонких технологий маркетинга устойчивых взаимоотношений с потребителем, успешность применения которых зависит от корпоративной культуры труда), корпоративную социальную ответственность, проявляющуюся, в том числе, и в расширении возможностей трудовых коллективов приобщаться к структурам и институтам общества непрерывного обучения [4, с. 72-76].

Указанные структурные факторы определяют возможность реализации основных функций современной корпоративной культуры труда, каждая из которых обеспечивает эффективную адаптацию, а вернее: включение любой корпорации в существующие социально-экономические и социокультурные условия, как систему социальных порядков

(также определяющуюся долговременными структурными трансформациями, в том числе глобальной экономики и культуры). Это такие функции, как: корпоративная социальная интеграция, стремление персонала к творческой самореализации в труде, поддержание и развитие трудовой солидарности и стремление работников к постоянному саморазвитию. Безусловно, успешная реализация этих функций зависит как от усилий менеджмента компаний, так и от настроения трудовых коллективов принимать активное участие в реализации этих естественным образом формируемых функций. И социальные особенности любой компании будут зависеть от успешности реализации этих функций корпоративной культуры труда.

Для современной экономической социологии учет таких структурных факторов и функций может создать благоприятные теоретико-методологические условия как для формирования единого подхода к изучению современной культуры труда, так и для изучения особенностей реакций разных хозяйственных систем разных стран на глобальные социально-экономические и социокультурные трансформации, в том числе и для лучшего понимания роли российской экономики в современной мировой хозяйственной системе [6, с. 746-756].

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-37-01200
2. Петров А. В. Глобализация и социальные основы экономического суверенитета России // *Общество. Среда. Развитие*. 2009. № 1. С. 81-99.
3. Петров А. В. «Глобализация» экономики: социальные и политические аспекты. Монография / А. В. Петров; Санкт-Петербургский гос. ун-т, Фак. социологии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. – 198 с.
4. Петров А. В. Организационная культура и развитие системы непрерывного обучения в современных компаниях // *Общество. Среда. Развитие*. 2014. № 3 (32). С. 72-76.
5. Петров А. В., Карасева К. С. Основные теоретические подходы к исследованию современной корпоративной культуры труда // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2015. Сер. 12. Вып. 2. С. 86-92.
6. *Экономическая социология: теория и история* / под ред. Ю. В. Веселова, А. Л. Кашина. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 760 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Кармаева Н.Н. (Санкт-Петербург)

Сложная ситуация преподавателей в Российских высших учебных заведениях обусловлена несколькими факторами. Во-первых, неблагоприятная демографическая ситуация, которая приводит к уменьшению количества студентов и, соответственно, сокращению бюджетного финансирования. Во-вторых, реформы в высшем образовании, нацеленные на внедрение новых принципов оценки труда преподавателей, повышения конкуренции. В-третьих, сложная экономическая ситуация, снижение реальных заработков сотрудников высшей школы и сокращение возможностей получить российские и зарубежные гранты.

Роль государства в российском высшем образовании была традиционно высокой [Kitaev, 2004]. Однако, в начале 1990х годов, вузы получили хозяйственную автономию, что привело к значительному росту платного образования, и к росту преподавательской нагрузки. Как ВУЗы, так и преподаватели, могли преследовать предпринимательские стратегии, в том числе, совмещать преподавание в различных вузах. Эта деятельность регулировалась слабо.

Происходящие в последние годы в России системные изменения в высшем образовании, были инициированы именно государством. Они основаны на принципах

нового государственного управления: основное внимание уделено количественным системам оценки, достижению показателей результатов в краткосрочной перспективе в условиях экономии бюджетных средств. Они сопровождаются усилением внешней подотчетности вузов по набору формальных (количественных) критериев перед их учредителями и гиперрегулированием [Бляхер, 2013].

Проводимые преобразования связаны с: а) поддержкой сильных вузов и преподавателей (повышение оплаты труда одновременно с усилением индивидуальной ответственности за результаты (введение «эффективного контракта»)); б) ликвидацией слабых организаций; в) дифференциацией вузов и усилением позиций некоторых российских университетов в международных рейтингах. Проводится оптимизация численности профессорско-преподавательского состава в связи с сокращением численности студентов. Преподаватели негативно относятся к нововведениям, которые, как они отмечают, «внедряются вопреки мнению педагогического сообщества» [Хагуров, Остапенко, 2014: 103].

Это приводит к повышению административно-бюрократической нагрузки на преподавателей, растут требования к научной деятельности и публикационной активности, а также преподавательская нагрузка, особенно по гуманитарным направлениям подготовки. Таким образом, принципы нового государственного управления становятся важным фактором регулирования труда преподавателей и в России. В России, в результате коммерциализации высшего образования, произошло усиление преподавательской нагрузки [Kitaev, 2004], которая сейчас может достигать 900 академических часов в год и выше. В то время как внедряемые показатели производительности во многом ориентированы на усиление исследовательской функции вузов. Все это делает ситуацию, в которой находятся преподаватели, отличной от ситуации в 1990е годы: появилось больше бумажной работы, «отчетности», требования для продления трудового договора становятся более строгими, спрос на преподавательские услуги падает.

Цель доклада - выявить разнообразные стратегии поведения преподавателей на академическом рынке труда в условиях усиления бюрократического регулирования и усложняющейся экономической ситуации, в том числе на уровне семей преподавателей.

Доклад основан на эмпирическом исследовании, проведенном авторами в 2015 году с использованием качественных методов, а именно, принципов кодирования укорененной теории [Страусс А., Корбин Дж. 2001]. Были проведены интервью с 16 молодыми преподавателями в трех российских вузах.

Были выявлены следующие стратегии: адаптивная и проактивная.

В рамках первой стратегии, преподаватели стремятся вписаться в возникшие рамки и стремятся преуспеть в созданной системе поощрений: это происходит за счет наращивания публикационной активности, интенсификации преподавания. В этом контексте растет отчуждение труда, поскольку преподаватели рассматривают свой труд как работу по найму для зарабатывания денег. Противоречие возникает тогда, когда следование формальной системе поощрений в условиях нехватки финансирования оказывается недостаточным. Чтобы минимизировать риски, преподаватели вынуждены поддерживать социальные связи – «входить в доверие» лиц, от которых зависит получение надбавки, продление контракта.

Проактивный тип стратегии представляет собой формы поведения, основанные на предпринимательстве и совмещении разнообразных форм деятельности в разных контекстах, в ВУЗах и вне. Это организация различных программ повышения квалификации, консультирование, журналистика, исследовательская деятельность для различных организаций. Эти виды работ оказываются взаимодополняющими для преподавателей. Однако, рост формальных требований в вузах затрудняет подобное совмещение. Некоторые преподаватели полагаются на неформальные отношения в рамках кафедры для защиты от подобных внешних воздействий.

Итак, в новых условиях роль неформальных связей растет, однако, все чаще молодые преподаватели задумываются о переходе в другие сферы занятости.

Это приводит к повышению административно-бюрократической нагрузки на преподавателей, растут требования к научной деятельности и публикационной активности, а также преподавательская нагрузка, особенно по гуманитарным направлениям подготовки. Таким образом, принципы нового государственного управления становятся важным фактором регулирования труда преподавателей и в России. В России, в результате коммерциализации высшего образования, произошло усиление преподавательской нагрузки [Kitaev, 2004], которая сейчас может достигать 900 академических часов в год и выше. В то время как внедряемые показатели производительности во многом ориентированы на усиление исследовательской функции вузов. Все это делает ситуацию, в которой находятся преподаватели, отличной от ситуации в 1990е годы: появилось больше бумажной работы, «отчетности», требования для продления трудового договора становятся более строгими, спрос на преподавательские услуги падает.

1. Бляхер В. Гиперрегулирование в системе высшего образования // Отечественные записки. 2013. № 4 (55). URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/4/giperregulirovanie-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения 18.06.2015).
2. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. Пер. с английского и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. Хагуров Т.А., Остапенко А.А. Реформа образования глазами учителей и преподавателей // СоцИс. 2014. № 11. С. 103-107.
4. Kitaev I. University funding by the central Russian government: where the ends meet? // in M. Shattock, Entrepreneurialism and Transformation of Russian Universities, IIEP, Paris, (2004) Pp: 36-56. Retrieved on 01.05.2015 from <http://www.unesco.org/iiep>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Корастылёва А.С. (Москва)

В современном глобальном мире одно из важнейших условий эффективного экономического взаимодействия стало понимание своей деловой культуры и деловой культуры иностранного партнера. Знание деловой культуры позволяет иметь конкурентное преимущество на всех этапах деловых отношений. Оно позволяет построить продуктивное сотрудничество, избежать досадных ошибок и разрыва деловых отношений.

Существует множество определений понятия "деловая культура":

1. Деловая культура как сложная система, состоящая из четырех образующих базовых подсистем: норм, ценностей, знаний и символов.
2. Деловая культура как совокупность норм и правил ведения бизнеса, которые включают в себя деловую этику и деловой этикет [1].
3. Деловая культура как совокупность основных принципов взаимодействия, представлений о возможных подходах к решению тех или иных проблем и задач, к построению деловых отношений с другими людьми [2, 226].
4. Деловая культура как устоявшаяся совокупность ценностных ориентиров и поведенческих стереотипов, используемых в стране или организации при ведении бизнеса и усвоенных личностью [3, 346].

Таким образом, деловая культура представляет собой правила поведения в бизнесе среде общества. Она включает деловую этику и деловой этикет.

В теоретическом плане существует много подходов к разрешению проблемы нахождения универсальных критериев для сопоставления различных деловых культур.

Наибольшую известность получили следующие модели межкультурных различий: модель национальных культурных различий Ф.Тромпенаарса и Ч.Хемпден-Тернера; модель культурных ценностей "4+1" Г.Хофштеда; модели Р. Льюиса, Э.Холла, Ф. Клакхон и Фреда Стродтбек; теория культурной грамотности Э. Хирша; модель «формальная - неформальная культура».

К факторам формирования российской деловой культуры, определившие ее уникальные черты, можно отнести следующее.

1. Географический, или природно-климатический фактор: Р.Д.Льюис выделяет огромную территорию страны и суровый климат [4]. Согласно концепции Л.В.Милова, природно-климатические условия стали предпосылкой для формирования режима крепостничества, который с объективной необходимостью усиления эксплуатации стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти - российского самодержавия.

2. Геополитическое положение страны. Оно обусловило специфичное сочетание черт восточной цивилизации (коллективизм, ценность семьи и зависимость от нее, иерархичность отношений и др.) и черт западной цивилизации (активность, предприимчивость и самостоятельность).

3. Маятниковое развитие. Эта черта выражается в изменении системы управления: движение от наращивания централизации и ограничения использования зарубежного опыта к децентрализации и активному использованию зарубежного опыта.

4. Рыночная трансформация экономики страны. Рыночная инфраструктура развита слабо в связи с поздним вступлением страны на путь формирования рыночной экономики, долгой изолированностью от мировой экономики.

5. Отсутствие традиции у предпринимателей строго следовать правовым нормам приводит к развитию теневого сектора экономики, к созданию крупной сети неформальных связей и "круговой поруке".

Отличительной чертой российской деловой культуры является иерархическое мышление. Действительно, приказы на предприятии отдаются сверху, что влечет развитие пассивности у подчиненных. Это ведет к отторжению инициативы и, следовательно, отсутствию желания брать ответственность на себя. Россия остается централизованной и построенной по иерархическому принципу.

Исследователи отмечают "крайности" русского характера, которые заключаются в сочетании противоречивых черт: упорный труд и безделье, любовь к "царю-батюшке" и революционные выступления, коллективизм и индивидуальная активность и др.

Можно сделать вывод, что, согласно Р.Д.Льюису, Россия по типу делового поведения ближе к латиноамериканской, т.е. к полиактивной, кроме того, "отношенческой", ориентированной скорее на создание и сохранение хороших отношений с партнером как гарантии успешной сделки, нежели на конечный результат и эффективность. Автор указывает на иерархию власти и высокую дистанцию. Он подтверждает идею маятникового развития.

Согласно модели Э.Холла, Россия является высококонтекстной культурой. На шкале положение российской деловой культуры приближается к середине, что свидетельствует о высокой эмоциональности.

Россия, по Ф.Тромпенаарсу, относится к коллективистским культурам. Это подтверждают и исследования: только 14% опрошенных среди немцев считают, что их работа соответствует критериям работы в группе, в то время как среди опрошенных россиян такой точки зрения придерживаются 48% [5, 205]. Действительно, российские компании большее внимание уделяют формированию условий для проявления сильных сторон работника и созданию климата, где такое проявление поддерживалось.

Высокая формализация располагает к достаточно строгому соблюдению правил, законодательств и других ограничений. Однако, принадлежность России к коллективистской культуре, то есть преобладание неформальных связей, ориентация на ценность личных отношений в компании, высокий приоритет семейных традиций, делает следование формализации более мягкой.

Наибольший интерес представляет этнометрия и метод кросскультурного "картографирования" нидерландского социолога Гирта Хофштеда. Согласно методике Г.Хофштеда Россия имеет следующие особенности [6, 37]:

1. Высокая дистанция власти (93%): это подчеркивается централизацией власти в Москве (2/3 иностранных инвестиций и 80% финансовых возможностей концентрируются в столице [7]);

2. Коллективистская культура со сдвигом индивидуализма (61%) - это означает, что общественное мнение для русского человека важнее личного, группа поддерживает члена в обмен на лояльность;

3. Женственность (64%) - забота о качестве жизни, поддержание доброжелательных отношений, ценится скромность - все это вызвано высокой социальной дистанцией;

4. Высокая степень избегания неопределенности (95%) говорит о низкой инициативности людей на работе, о восприятии конфликта как угрозы для отношений, риск воспринимается как беспечность;

5. Долгосрочная ориентация (81%) - бережливость и высокая оценка прошлых заслуг. Автор называет Россию страной с "прагматичным мышлением". В обществах этого типа люди считают, что многое зависит от ситуации, контекста и времени. Высоко развита способность адаптировать традиции к изменяющимся условиям, сильна склонность к сбережению и инвестированию, большая настойчивость в достижении результата.

6. Снисходительная культура (20%) - существует тенденция к цинизму и пессимизму, акцент делается на контроль своих желаний. По определению Хофштеда, люди с такой ориентацией считают, что их действия сдерживаются социальными нормами.

Таким образом, оценка российской деловой культуры по Гирту Хофштеду - "традиционная бюрократическая пирамида людей".

На основании этих данных можно выделить следующие особенности российской деловой культуры:

1. Отсутствие четкой установки следовать правовым нормам и законам;
2. Усиление роли неформальных экономических связей и отношений;
3. Зависимость бизнеса от власти, что влечет развитие института лоббирования и коррупции;
4. Высокая степень адаптации и быстрота реакции на изменения внешней среды;
5. Склонность к риску в условиях неопределенности;
6. Высокая дистанция власти и коллективизма;
7. Привычка к авралам и к мобилизации в кризисные ситуации;
8. Настороженное отношение к иностранцам и гостеприимство, выходящее за рамки необходимости;
9. коллективизм;
10. андрогинность как смешение мужской и женской культуры;
11. эмоциональная и статусная культура;
12. высококонтекстная культура.

Российская деловая культура находится на стадии становления. Объединяя противоречивые черты Восточной и Западной цивилизаций, сохраняя пережитки советского времени, заимствуя современный опыт, она формирует свой специфичный образ. Это увеличивает познавательный интерес к данной проблематике.

1. Гавриленко О.В. Российская деловая культура: тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. №1, 2011.
2. Вавакина Татьяна Сергеевна Деловая культура, нормы и принципы делового партнерства в среде российских предпринимателей // ЗПУ. 2013. №4.
3. Таратухина Ю.В. Когнитивные ценностные, поведенческие различия в деловой межкультурной коммуникации// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.-2010.-№ 10.
4. Льюис Ричард Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ. 2-е изд. - М.: Дело, 2001.
5. Kursell, G.: *Respekt, Überheblichkeit und Klischees – wie Deutsche und Russen einander sehen (Erfahrungen aus dem interkulturellen Training und dem Geschäftsalltag)* – In: Rösch, O. (Hrsg.) : *Interkulturelle Kommunikation; Stereotypisierung des Fremden – A*
6. Мясоедов. С. П., Колесникова. И.В. Борисова. Л. Г. Российская деловая культура. Воздействие на модель управления . М.: Дело – 2011.
7. The Hofstede centre [Офиц. сайт]. URL: <http://geert-hofstede.com/> (дата обращения: 12.03.2015).

ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА У СЛОВИЯХ КРИЗИСА

Кофтункин Д.Э. (Москва)

Банковский бизнес в России со времени кризиса 2008-2011 гг. и разразившегося шторма в декабре 2014 года наряду с глубинными проблемами в национальной экономике находится в непростой ситуации. Происходит новый виток консолидации, с рынка уходят мелкие игроки, ЦБ отзывает лицензии у ненадежных кредитных организаций. Рынок банковских услуг значительно сузился и окончательно монополизировался в лице финансовых гегемонов с государственным участием. Остальные игроки подстраиваются под формируемые ими тренды. По причине сокращения конкуренции и снижения спроса на банковские услуги вследствие кризиса, набор предлагаемых розничных банковских услуг в настоящее время значительно упростился: в линейке депозитных продуктов большинства банков представлено три-четыре вклада с несколькими опциями, два-три вида потребительского беззалогового кредита, два основных варианта ипотеки (первичный, вторичный рынок) с минимальными вариациями, автокредиты, дебетовые и кредитные карты, интернет-банкинг. Клиентоориентированный подход в обслуживании и широкий выбор услуг в полной мере остался для обеспеченных клиентов, т.е. для тех, кто может и хочет платить за сервис. Для остальных банки предлагают минимально необходимый набор услуг, используя низкокзатратную модель обслуживания, внедряя дистанционные услуги для сокращения издержек на персонал, запуская новые форматы офисов, что с некоторым опозданием вторит тенденциям современного банкинга развитых стран.

Сегментация клиентов по категориям проводится не с помощью сложно структурированных исследований в виде закодированных анкет со «шкалами лжи», определением потребностей и т.д. Основным критерием для дифференциации является лишь уровень дохода (зарплаты). В настоящее время российских потребителей банковских можно сегментировать, используя международную практику таких классификаций [1]. Наиболее многочисленная группа – это так называемый «массовый клиент» (Mass Market), представленный самыми разными возрастными группами, но объединенный невысоким уровнем совокупного дохода семьи, несколько превышающим уровень прожиточного минимума. Базовый набор массового клиента может включать в себя потребительский кредит, небольшой депозитный вклад, автокредит, ипотека (как правило, оформляется на

3-4 со-заемщика в связи с тем, что дохода одного или нескольких членов семьи недостаточно для получения требуемой суммы).

Следующая категория потребителей – «массовый обеспеченный клиент» (Mass Affluent), объединяющий мелких предпринимателей чаще всего молодого и среднего возраста. Данная категория потребителей интересуется кредитами для начала бизнеса, чаще оформляет автокредит и ипотеку.

«Обеспеченный клиент» (Affluent) – желанная категория для всех банков, начиная с обслуживания которой, финансовые институты выходят на точку безубыточности и начинают получать реальную прибыль. Обеспеченных клиентов ранжируют по следующим критериям: по высокому доходу на работе по найму или, чаще, по доходам от собственного бизнеса и по обороту на счете. По возрастному критерию данная группа как правило представлена людьми среднего возраста, находящимися на пике профессиональной карьеры. Степень вовлеченности данной группы во взаимоотношения с банковским сектором высока, она представлена наличием крупных вкладов (в том числе – в иностранной валюте) и крупными кредитами для бизнеса.

Так называемые «состоятельные клиенты» (Top Affluent) – это представители уже совершенно иного класса общества, с другой ментальностью и отношением к деньгам. Состоятельные клиенты – это чаще люди среднего или чуть старше среднего и близкого к пожилому возрасту, основными драйверами мотивации которых является забота о семье и здоровье, высокие требования к соблюдению конфиденциальности, сопутствующие атрибуты обеспеченности – загородные дома, квартиры в элитных жилых комплексах, счета за рубежом, финансовое планирование старости и т.д. Для этой категории потребителей банки готовы предложить особые условия обслуживания не только в России, но и за границей.

И наконец, исключительная категория – «богатый клиент» (High Net Worth Individuals) – это единичные персоны, занимающие строчки различных финансовых рейтингов. Для каждого из них банки стремятся предоставить беспрецедентно высокий уровень сервиса. Это клиенты, жизнь которых (а также нескольких поколений их династии) является суперобеспеченной вне зависимости от количества членов семьи и страны проживания. Многие из них являются представителями политической и финансовой элиты России, сформировавшейся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В отличие от предыдущих четырех категорий, где переход возможен от одной потребительской прослойки к другой, богатейшие клиенты банков представляют собой особую касту, стать частью которой фактически уже невозможно в связи с отсутствием социальных лифтов и несменяемостью элит в течение последних пятнадцати лет. Исследование того, какие потребности мотивируют данную категорию клиентов, затруднено в связи с отсутствием возможности проведения каких-либо исследований этой закрытой прослойки граждан.

По результатам исследования, проведенного авторами в одном из крупных банков – ПАО РОСБАНК – в форме опроса клиентов, анализа документов и глубинных интервью с экспертами, основные группы российских потребителей имеют характерные черты, которые определяют потребительские настроения и модели финансового поведения населения России. При всем разнообразии социальных и возрастных групп в России, банки рассматривают население с точки зрения их приближения к одному из составляющих статуса – блага (доход/зарплата), предлагая разный набор услуг в зависимости от платежеспособности клиента. На особых условиях обслуживаются известные персоны, представители властных структур, которые в свою очередь рекомендуют банк своему ближнему кругу и тем самым формируют добавочную стоимость. Тенденция сегментации клиентов по признаку дохода является очевидным следствием происходящих социальных процессов. Массовому клиенту, например бюджетнику, нет необходимости открывать счета во Франции или других странах Запада. Хеджирование рисков в России, вложения в зарубежную недвижимость, получение

дохода рантье от ее сдачи в аренду не входит в его финансовые приоритеты, более того, как показало исследование, в этом нет осознанной потребности. Усиление акцента на индивидуальное обслуживание для богатых и на финансовый минимум для средне- и низкообеспеченных окончательно утвердилось после 2011 года, и при кризисном состоянии экономики будет укрепляться уже не только в банковском секторе, который является своего рода индикатором состояния социальных процессов, но и других сферах потребительского обслуживания.

1. *Blitz D., Binstock A. Retail Customer Segmentation in Worldwide Banking. – URL: <http://thefinanser.co.uk/files/adkit---retail-customer-segmentation-in-worldwide-banking-1.pdf> (свободный. Дата обращения: 28.06.2015 г.).*

РАБОТАЮЩИЕ БЕДНЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кошарная Г.Б., Каримова Л. Ф. (Пенза)

В последние годы в России изменилась модель социальной структуры современного общества. Значительно увеличился низший класс населения за счет особой категории бедных – новые или работающие бедные. К работающим бедным относятся сотрудники предприятий различных форм собственности, занятые квалифицированным трудом: учителя, воспитатели, врачи, рабочие крупных промышленных предприятий и другие; они состоят в штате организации и имеют полную ставку. Но, как правило, труд их низкооплачиваемый и денег хватает лишь на удовлетворение первостепенных потребностей. При этом по разным причинам новые бедные не стремятся уйти на другую работу. Одной из основных причин бедности в кризисной ситуации является то, что работающие не могут уйти с работы, так как найти высокооплачиваемую занятость практически невозможно.

Анализируя результаты проведенного при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России» (проект № 15-03-00382 а) исследования, следует отметить, что по мнению опрошенных в регионе большинство из них (54,7%) относятся к категории бедных. Из них 8,0% относятся к крайне бедным у которых не хватает денег даже на самые необходимые продукты питания. Значительная часть собственно бедных (46,7%) живут от зарплаты до зарплаты, покупая самое необходимое, но покупка одежды вызывает затруднения. Таким образом, результаты исследования показывают, что большая часть регионального социума состоит из бедного и малообеспеченного населения.

Как отмечает директор центра анализа доходов и уровня жизни Л. Овчарова, реальная зарплата новых бедных период кризиса (май 2015 года) составила 86 % по сравнению с маем 2014 года. Такого падения не наблюдалось в России с 1998 года. Причем зарплата начала снижаться еще в 2014 году — минус 10 процентов к 2013 году. А доходы домохозяйств сохранялись на прежнем уровне и в 2014 году, и в первые три месяца 2015 года. Но уже в апреле доходы домохозяйств тоже начали сокращаться, в мае 2015 года возникла критическая ситуация — минус 8 процентов по сравнению с маем 2014 года [1]. В современном обществе большую часть новых бедных составляют работники низкооплачиваемых секторов экономики. Прежде всего к ним относятся работники общественного питания, торговли, а также сельское хозяйство. Таким образом,

наличие работы в современном обществе не дает гарантии, что работающее население при сложившихся обстоятельствах не попадет в категорию бедных.

Работающие бедные сталкиваются со многими жизненными трудностями. Материально-бытовые трудности проявляются в недостатке средств к существованию. Низкое материальное положение связано с задержкой и снижением уровня заработной платы. Одни не могут поддерживать привычный для них образ жизни, а другие испытывают недостаток денег на покупку еды, одежды, лекарства. Задержки заработной платы приводят к тому, что бедные слои не могут планировать покупки, отдых, учебу и в целом свою жизнь. Как правило, бедные испытывают трудности, связанные с утратой чувства безопасности и стабильности в жизни. Наиболее значимыми для работающих бедных являются проблемы, связанные с профессиональной самореализацией. Можно выделить несколько профессиональных стратегий преодоления материальных трудностей бедными слоями населения в зависимости от выбора трудовой деятельности: Первый тип стратегии – предпочитающие не предпринимать никаких усилий для улучшения своего материального положения характерна для занятых на промышленных предприятиях женщин со средним уровнем образования. Данная категория бедного населения не собирается менять работу, несмотря на низкий уровень заработной платы. Второй тип стратегии включает всевозможные способы улучшения уровня жизни – подработки, поиск новой работы и даже работу в подсобном хозяйстве. Эту стратегию используют лица, которые понимают, что их материальное положение находится в критическом состоянии. Однако применение таких активных действий не всегда дает желаемого результата и зачастую приводит к плохому самочувствию. Третий тип стратегии – полностью ориентирован на подсобное хозяйство. Его чаще всего использует пожилое население со средним образованием. Выбор стратегии самообеспечения продуктами питания прежде всего связан с ограниченностью таких ресурсов как высокий уровень квалификации, хорошее здоровье. Стратегия поиска новой работы или дополнительной работы характерна для работающих среднего возраста, занятых в сфере образования. Как правило, такие работники имеют постоянные приработки. В результате средний доход увеличивается, и данная стратегия оказывается наиболее эффективной.

Анализ основных адаптационных стратегий бедного населения в современной России показывает, что для преодоления состояния бедности следует сочетать несколько типов адаптационных стратегий. Перечисленные выше типы стратегий ориентированы на сохранение или лишь минимальное улучшение материального положения работающих бедных. Достичь материального положения в обществе работающим бедным может помочь и переход на менее квалифицированную, но высокооплачиваемую работу в частном секторе, при этом социально-профессиональный статус зачастую резко снижается.

Анализируя адаптационные стратегии бедного населения в период кризиса, можно отметить негативные последствия для общества некоторых стратегий выживания работающих бедных:

Депрофессионализация. Отказ от квалифицированного труда в пользу неквалифицированного. Массовый отказ от квалифицированного труда может решить проблемы отдельных семей в краткосрочной перспективе, но для общества в целом в долгосрочной перспективе он опасен, так как это может привести к тому, что экономика страны станет неконкурентоспособной.

Переход к натуральному хозяйству. Для увеличения дохода работающим бедным в свободное от основной занятости время приходится работать ещё и на приусадебных участках, выращивать продукты, а потом реализовывать товар на рынке. В результате у бедного населения практически не остается времени на отдых и впоследствии снижается эффективность и производительность труда.

Поиск дополнительного заработка среди бедных. Очень часто встречаются люди, работающие на двух, а иногда даже на трех работах, лишаящие себя отпуска и возможности поддержать здоровье.

Основной причиной существования слоя работающих бедных является отсутствие реальных реформ в социально-экономической сфере. Для устранения данной проблемы необходимо решить задачи в области финансовой и промышленной политики, чтобы развивались предприятия, и выросла заработная плата, так как повышение уровня и качества жизни бедного населения имеет важнейшее значение для современного российского общества.

1. Овчарова, Л. Бедность как порог / <http://www.kommersant.ru/doc/2767503>

БИЗНЕС КАК АГЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Кубикова Н.В. (Курск)

«Мы живем сегодня в эпоху ошеломляющих социальных изменений, отмеченных трансформациями, которые радикально отличаются от трансформаций прежних периодов. Коллапс социализма советского образца, исчезновение глобального биполярного распределения власти, формирование мощных коммуникационных мировых систем, явный триумф капитализма во всем мире...», – с этим высказыванием Э. Гидденса нельзя не согласиться [1].

Бизнес как неотъемлемая часть капитализма может изменить поведение людей на благо общества и окружающей среды. Такая социальная инновация способствует доброй воле сотрудников, клиентов и всего общества в целом в создании новых продуктов, отраслей промышленности и новых рынков. Предпринимательство является агентом социальных изменений. Все большее количество руководителей бизнес-организаций осознает, что для устойчивости им необходимо выполнять потребности гражданского общества, что они не могут быть на высоте, если устойчивыми их клиенты не являются. Государство, следуя данной модели, играет активную роль в инициировании изменений. Существуют программы микрофинансирования поддержки самозанятости, проводятся конкурсы для молодежи, чтобы мотивировать предпринимательство среди данной возрастной группы населения, генерировать новые бизнес единицы и бизнес идеи. Многие полагают, что бизнес-сообщество имеет уникальную возможность изменить поведение людей, но здесь важно не ошибиться. Следует понять, что бизнес-сообщество, в первую очередь, стремится к увеличению ценности своей компании, привлечению новых клиентов, расширению рынков и возможностей, но при этом далеко не всегда к благотворительности по отношению к обществу.

Задачей данной работы стоит рассмотрение инструментов повышения эффективности изменений, предлагаемых бизнесом, объяснение условий и действий, ведущих к конструктивным изменениям. В частности, эта работа нацелена на то, чтобы указать на основные сферы социальных изменений, а также раскрыть характеристики превращения организационных мероприятий в социальные перемены.

Анализ социологических теорий изменений и их аргументация сосредоточена в основном на уровне концепций и взглядов. Основателями эволюционистской теории являются О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, теории циклического развития – О. Шпенглер, А. Тойнби, функциональной теории – Т. Парсонс, У.Ф. Огборн. Среди современных авторов, обращающихся к данной теме, следует назвать П. Штомпку, Р. Коллинза, В.А. Ядова и ряд других.

Можно указать на множество позитивных примеров социального взаимодействия бизнеса и общества. Наша работа состояла в том, чтобы в контексте такого взаимодействия идентифицировать условия и возможности изменения поведения людей, способствующие повышению уровня развитости общества. Бизнес часто негативно оценивается в средствах массовой информации, указывается на его негативное влияние на

окружающую среду и общество. Вместе с тем существуют множественные свидетельства того, что бизнес оказывает позитивное социальное воздействие, приводит к осознанию того, что бизнес может быть силой добра. Так, многочисленные примеры показывают, что когда предприятия инвестируют в социальную ответственность, они тем самым улучшают свои показатели. Крупный бизнес, обладая существенным властным ресурсом, имеет возможность создания устойчивости не только за счет улучшения своих продуктов, услуг и обслуживания, но и за счет положительного социального эффекта. Также мы находим немало примеров позитивного бизнес-партнерства среди социальных предпринимателей и НКО, сочетающих бизнес и социальные цели.

Тем самым можно утверждать, что социальные изменения относятся к изменениям социального порядка, которые описываются как системное преобразование социальной структуры с течением времени в моделях мысли, поведения, социальных отношений и институтов. Социальные перемены могут принять либо форму формальных политических изменений, которые влияют на группу людей, или неформальных изменений социальной целостности статуса группы или власти. Изменения могут быть быстрыми при кризисе или технологическом прорыве, или могут разворачиваться медленно, отражая изменения в поколениях. Таким образом, социальные изменения в значительной степени понимаются как изменения, которые «происходят» с людьми.

Социальные изменения являются сложными, они требуют одновременных и скоординированных мер. Обратимся к механизмам, которые предприятия могут использовать для осуществления социальных перемен. Мы обнаруживаем при этом, что социальные изменения требуют больше, чем применение некоторых таких механизмов. Наша работа сдвигает перспективу к вопросу о том, как малые и большие организации могут эффективно создавать социальные изменения. Мы ориентируемся на позитивные социальные изменения, то есть изменения, которые приводят к положительным воздействиям на граждан, общество и окружающую среду, на изменения в поведении, то есть материальное изменение, в отличие от изменений в мыслях или отношениях, которые не всегда приводят к изменению поведения.

Создание социальных изменений является процессом решения проблем. Это требует понимания общества как сложной, саморегулирующейся системы, которая динамически реагирует на вмешательства. Люди не просто реагируют механически, они действуют порой преднамеренно и иногда нерационально. Укажем на четыре основные характеристики социальных изменений: сложность, неопределенность, нелинейность и динамизм, долгосрочная перспектива.

Сложность. Создание социальных изменений требует вмешательства в сложную систему, где многие вопросы, или переменные, тесно взаимосвязаны через петли обратной связи. Неопределенность. Социальные изменения являются неопределенными, в связи со сложностью и множеством вопросов, на которые часто не бывает ответов. Нелинейность и динамизм. Большинство процессов в сложных системах являются нелинейными и динамичными. То есть отдельные лица, группы и общества отвечают на интервенции иногда только после задержки. Таким образом, последствия вмешательства социальных изменений трудно прогнозировать. Долгосрочная перспектива. Социальные изменения вряд ли произойдут быстро, за исключением природных катастроф или прорывных технологий. Таким образом, требуется долгосрочная приверженность действий и ресурсы, направленные на достижение результата.

Следующей нашей задачей выступает выявление разнообразных сторон жизни человека и групп, которые могут касаться изменений. Тем самым мы подтверждаем, что изменение является сложной задачей. Укажем на ключевые характеристики областей социальных изменений, объединим их условно в три группы. Первая группа – экологическое поведение как активность лиц или организации, которые либо защищают естественную окружающую среду, или способствуют здоровой окружающей среде. Данная группа включает изменения в области энергосбережения и

альтернативной энергии, утилизации отходов, сокращении автотранспорта, сохранении флоры и фауны, «здоровой» пищи.

Вторая группа «Здоровье» отражает действия людей, препятствующие развитию болезней, содействующие продлению жизни, физическому и психическому здоровью и благополучию; к ней относятся следующие изменения: снижение рискованного поведения, профилактика заболеваний, доступ к здравоохранению, разработка лекарственных средств и методов диагностики и лечения.

К третьей группе, которая определяет социальную и экономическую интеграцию, относятся изменения, связанные с расширением прав и возможностей уязвимых групп и людей: волонтерство, благотворительность, снижение уровня бедности, защита детей, снижение социального напряжения, насилия.

Данные изменения возможны при выполнении необходимых условий, которые мы определяем как мотивацию, способность и возможность. Таким образом, эти три условия являются определяющей структурой реализации изменений.

Тем самым в результате мы получаем основу для создания социальных изменений. Мы приходим к выводу о том, что для реализации успешного социального изменения, направленного на определенную сторону жизни человека, требуется нахождение в одно время и в одном месте трех компонентов: мотивации, способности и возможности. Таким образом, бизнес-организация должна подготовить динамичный план изменения, распределенный во времени, в котором четко определяются область социального изменения, само изменение, а также способности и возможности его осуществления. Соответственно, меры, направленные на успешное социальное изменение, должны учитывать все составляющие изменения поведения.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00506.

1. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. – М., 1996. – 416 с.
3. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Перевод с английского Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. – 1280 с.

ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА НА ПРИМЕРЕ ООО "АЛЬТЕРНАТИВА"

Лаврова З.И., Шишкина Е.В. (Санкт-Петербург)

Жизненный стандарт – это желаемый уровень потребления определенных товаров и услуг в конкретном обществе, который отличается от фактического уровня потребления. В условиях нынешнего кризиса в России снижение покупательной способности населения привело к уменьшению потребления товаров и услуг населением по сравнению с докризисным состоянием.

С изменением экономической ситуации многие люди начали сокращать свои расходы. В период снижения курса отечественной валюты в действиях потребителей наблюдалась некоторая хаотичность: кто-то пытался купить все, что запланировал, предполагая, что цены на эти товары поднимутся, а кто-то, напротив, отложил крупные покупки до стабилизации ситуации и предпочел экономить.

В связи с этим изменилась структура потребления товаров и услуг, существенно поменялись приоритеты.

Во время кризиса многие сократили использование таких услуг, как парикмахерские, услуги маникюра, косметических процедур, отказались от услуг клининговых компаний или выбрали только необходимое (например, только мытье окон).

Положительным фактором для экологии является то, что люди начали экономить на бензине и чаще пользоваться общественным транспортом, то есть меньше загрязнять окружающую среду. Следует заметить, что при сезонном повышении инфекционных заболеваний, никто из опрошенных, кто проходил лечение, не решился отказаться от дорогого лечения, и никто не решился экономить на своем здоровье.

Многие потребители услуг постарались сменить тариф мобильной связи на более экономичный, решились на установку счетчиков воды, газа, если не сделали этого ранее. При покупке продуктов питания многие стараются соблюдать принцип сезонности, а также постарались отказаться от вредных продуктов. Сейчас недавние завсегдатаи кафе и ресторанов отдают предпочтение домашней пище. Можно отметить, что увеличилось количество тех, кто старается не «перекусывать» на работе в близлежащих кафетериях, предпочитая приносить с собой в офис домашнюю еду в контейнерах. Многие отложили покупку сезонной одежды и обуви (без распродаж) и приняли решение отремонтировать имеющуюся одежду и обувь.

Обозначилась тенденция планирования расходов и семейного бюджета, при этом многие склоняются к распределению имеющегося дохода на несколько частей, которые предназначаются для покупки определенных продовольственных или непродовольственных товаров.

Некоторая часть населения предпочла сэкономить на привычных расходах, и разместить оставшиеся деньги на пополняемый депозит в банке с целью компенсировать инфляцию путем получения процента по депозиту, что позволяет хотя бы отчасти сохранять покупательскую способность на докризисном уровне.

Авторами было проведено исследование изменения уровня потребления, жизненных стандартов и приоритетов в условиях кризиса и сравнение с докризисным уровнем. Исследование проводилось в Санкт-Петербургской компании ООО «Альтернатива» и включало себя опрос 27 человек по анкете составленной авторами, а также анализ результатов проведенного анкетирования.

На рисунке 1 представлены результаты опроса относительно того, насколько ощутимо кризис сказался на потреблении и изменении жизненных стандартов.

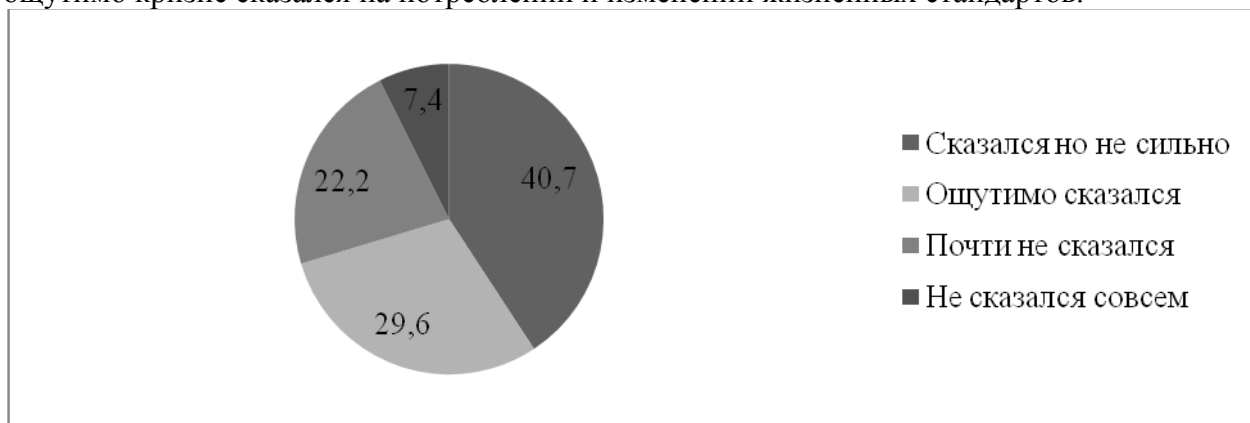

Рисунок 1 – Анализ изменения покупательной способности и степени влияния кризиса на опрошиваемых

Большинство опрошенных (40,7 %) не ощутили сильного влияния кризиса. На более чем четверть опрошенных кризис не сказался вообще или почти не сказался, в то время, как 29,6 % опрошенных сочли, что кризис сказался на них и их покупательской способности ощутимо.

77,8 % опрошенных признали, что начали больше экономить, но, несмотря на это, почти 60 % опрошенных не отменили свои планы насчет отпуска за границей. 63 % опрошенных предпочли экономить на проведении своего досуга, заменяя его более экономичными вариантами или стараясь найти билеты на различные мероприятия со скидкой.

66,7 % опрошенных предпочли покупать новую одежду и обувь реже, 55,6 % признались, что не собираются экономить на коммунальных услугах и походах к частным врачам (70,6 %), и только 11,1 % решили отказаться от услуг частных клиник.

33,3 % опрошенных начали планировать и рассчитывать свои расходы заранее. При этом 51,9 % и ранее планировали свой бюджет, они продолжили так поступать и не меняли своих привычек с наступлением кризиса.

В вопросе поиска товаров и услуг с теми же потребительскими свойствами, но по более низкой цене, мнения разделились. Треть опрошенных решила, что в этом есть смысл и они прибегнут к такому варианту. Еще треть тех, кто участвовал в опросе, отметили, что не готовы отказаться от привычных товаров даже в условиях кризиса. Наконец, последняя треть анкетированных так и поступала до наступления кризиса, во время него, и никак не изменила своих потребительских привычек.

Особых изменений не было обнаружено при опросе об использовании скидок, купонов для скидок и карт постоянного покупателя. Почти 60 % опрошенных пользовались ими и до кризиса и только 18,5 % ответили, что начали пользоваться интернетом для покупки товаров и услуг, так как считают что посредством интернет-магазинов можно приобрести товары по более низкой цене.

Анализируя собственную структуру расходования денежных средств, 51,9 % опрошенных ответили, что они откладывали деньги до кризиса и продолжили эту практику и по сей день, 33,3 % ответили, что начали откладывать деньги только сейчас и 14,8 % поделились, что не имеют возможности откладывать деньги в данный момент. Почти у половины опрошенных нет кредитных обязательств перед банками, а из тех, кто все-таки имеет кредит, 4/5 опрошенных решили не пытаться ликвидировать имеющиеся кредиты как можно быстрее и только 1/5 предпочла расстаться с кредитными обязательствами перед банком в кратчайшие сроки.

На рисунке 2 показана оценка уровня жизни опрошенных по 10-ти балльной шкале до кризиса и в настоящее время.

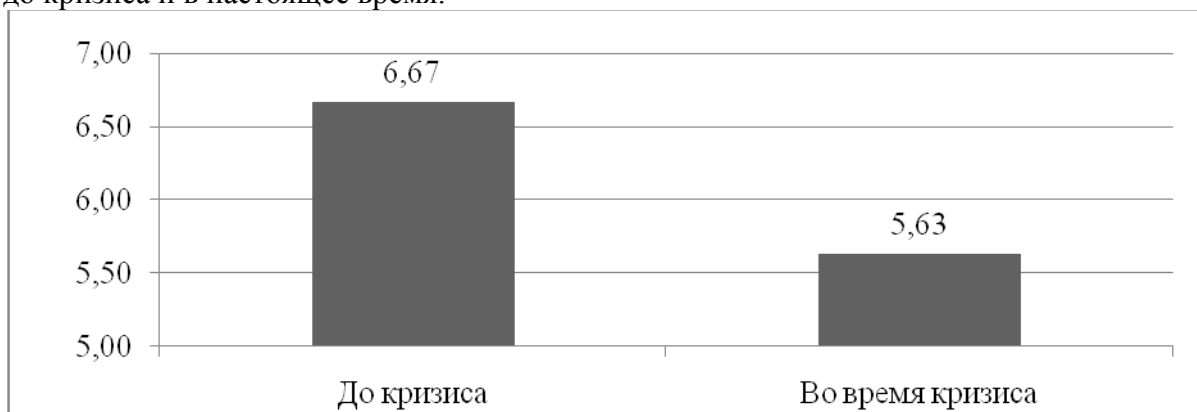

Рисунок 2 - Средняя оценка уровня жизни

Как видно из рисунка 2, жизненные стандарты анкетированных изменились не в лучшую сторону.

Кризис, изменение жизненных стандартов и потребления подталкивают людей искать дополнительные источники увеличения доходов, повышать свою производительность и еще более ясно осознавать влияние каждого работника на выживание и успех компании в целом во время кризиса.

По данным проведенного ранее опроса с применением авторской анкеты на выявление профессиональной ответственности можно отметить, что в период кризиса ответственность сотрудников за результаты их деятельности, ответственность перед коллегами и руководством компании, возрастает.

По итогам опроса из 27 человек 5 сотрудников показали себя как взрослые зрелые личности, которые понимают связь между собственной деятельностью, деятельностью их коллег и успехом компании. 18 человек осознают свою ответственность перед коллегами и осознают ответственность за то, что результаты их деятельности скажутся на коллегах. Еще 4 человека считают, что достаточно нести ответственность за то, что они делают и за результат своей деятельности.

Подводя итог можно отметить, что все работники исследуемой компании, кто ощутил на себе изменения жизненных стандартов в условиях кризиса, прикладывают все

усилия для минимизации отрицательных последствий и поиска способов вернуть свой уровень жизни к докризисному времени.

СИСТЕМНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

Лещенко Л.А. (Волгоград)

На современном этапе развития общества человек начинает рассматриваться не только как природное и политическое существо, но и прежде всего как субъект экономических отношений. Современные рыночные отношения требуют от человека высокой экономической эффективности и планирования стратегии самореализации в экономической сфере. В социологии под процессом позволяющей индивидам ставить перед собой экономические цели и задачи, реализовывать их в практической деятельности следует понимать экономическое поведение. При рассмотрении основных компонентов формирования экономического поведения в научной литературе авторами освещаются различные аспекты. Так, по мнению Соколовой Г.Н. основополагающим компонентом формирования экономического поведения выступает экономическое мышление, при этом Корошко И.О. в своей работе отмечает, что экономическое поведение формируется под влиянием экономического сознания.

Вопрос, связанный с изучением общественного сознания и мышления в течение длительного периода времени изучался философами и психологами для социологов данная тема становится актуальной в XIX в. Особое внимание социологи акцентируют на изучении формирования экономического мышления и сознания у индивидов; выявлении основных агентов оказывающих влияние на данный социальный процесс. В свою очередь экономическое сознание рассматривается как форма общественного сознания, которая направлена на формирование социальных представлений, установок, отношений, оценок, мнений личности или социальных групп о различных явлениях экономического содержания [1, С.170]. При этом экономическое мышление представляет собой совокупность взглядов и представлений, способов подхода к оценке экономической деятельности и принятие решений, которыми люди непосредственно руководствуются в своей хозяйственной деятельности [2, С.122].

На процесс формирования экономического сознания и экономического мышления оказывают влияния общественные институты, к которым можно отнести: институт семьи и брака, образования, средства массовой информации и т.д.

В свою очередь тема, касающаяся изучения экономического мышления нашла свое отражение в работах экономистов. В работе Борисова В.С, Оганесян Л.О и Гуценой И.А экономическое мышление рассматривается как человеческий капитал [3, С.128]. По их мнению, полноценное экономическое мышление формируется на базе высокой общей культуры и может быть сформировано только в процессе изучения системы дисциплин, как экономических, так и не экономических, так и в результате хозяйственной деятельности. Индивиды, как известно, так или иначе, мыслят экономически, это означает по мнению авторов статьи, что, принимая решения, приступая к тому или иному действию, индивиды соизмеряют выгоды и затраты, связанные с принятым решением и осуществленным действием.

В ходе проведенного анализа автором статьи было установлено, что в научной литературе экономическое мышление рассматривается, во-первых, как компонент экономического сознания. Так, например, Дайнека О.С. включает в структуру экономического сознания следующие компоненты: экономические эмоции и чувства, экономические представления и экономическое мышление, экономические мотивы,

экономические нормы и интерес [4, С.11-38]. Во-вторых, анализируя основные функции экономического сознания, было отмечено, что ряд ученых (К. Улыбин, В. Мирошников) рассматривают экономическое мышление как функцию экономического сознания, которая направлена на воспитание в сознании и образе жизни людей определённых социально-психологических качеств, обусловленных требованиями экономических законов. Подводя итог всему выше сказанному необходимо еще раз подчеркнуть, что тема, касающаяся изучения экономического сознания и мышления остается актуальной и на современном этапе. В научной литературе существуют различные мнения, идеи в понимании и интерпретации экономического сознания и экономического мышления. С одной стороны экономическое мышление рассматривается как компонент, а с другой как функция экономического сознания. При этом экономическое научное знание в отличие от социологического знания рассматривает экономическое мышление как человеческий капитал и выделяет основные факторы оказывающие влияние на процесс формирования экономического мышления.

1. Журавлев, А.Л, Купрейченко, А.Б. *Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования [Текст] / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко.- М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.- 480 с.*
2. Канина, Н.П. *Формирование экономического мышления в процессе подготовки студентов экономических специальностей [Текст] / Н.П. Канина // Вестник Московского государственного университета.-2010.-№2.- С. 121-125.*
3. Борисов, В.С, Оганесян, Л.О, Гуцина, И.А. *Формирование современного экономического мышления в условиях институциональных изменений [Текст] / В.С. Борисов, Л.О. Оганесян, И.А. Гуцина // Теория и практика общественного развития.- 2014.-№6.- С. 127-131.*
4. Дайнека, О.С. *Экономическая психология: социально-политические проблемы [Текст] / О.С. Дайнека.- СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.- 160 с.*

НЕКОТОРЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАЦИЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Лещинская С.Н. (Сочи)

Одним из наиболее негативных социальных отклонений от установленных норм поведения, как между личностями, так и социальными группами в современном обществе является девиация. Характерной чертой социальной действительности современности является значительное увеличение масштабов и разновидностей девиаций в различных сферах российского общества. Социальная фактография, которая только подтверждает данный, тезис значительно выросла за последнее десятилетие.

В то же время современное российское общество представляет собой многофункциональную систему, осуществление работы которой определяет устойчивое, прочное развитие целостной системы, но, возникновение в этой системе различных девиантных практик может способствовать и провоцировать различные негативные последствия.

Поскольку любое девиантное поведение – это отклонение от общепризнанной, неоднократно проверенной практикой нормы поведения, оно всегда несет в себе элемент непредсказуемости, неизвестности, возможной опасности. Поэтому девиация и риск – стороны одной медали, социальной мутации. Состояние риска – своего рода граница, черта, разделяющая хаос и порядок, инновацию и устоявшуюся нормативно-ролевую форму поведения. Чем меньше риск, тем вероятнее действие индивида, более предсказуемо поведение системы в целом[1].

При изучении сферы социального управления, различные отклонения, проникающие в эти системы, наиболее опасны для всего общества. В настоящее время при исследовании отклонений в системах социального управления используется

криминологический подход, который представляет эти отклонения как преступления и методом борьбы с этими отклонениями выступает система наказаний, предусмотренная уголовным правом РФ, то есть, меры принимаются только после того, как преступление уже совершено.

Обратимся непосредственно к причинному комплексу девиантного поведения на предприятиях, что же способствует росту преступности на российских предприятиях и организациях:

1. несправедливая оплата труда и непонятная сдельно-премиальная оценка работы сотрудников. При такой форме расчетов, персонал зачастую пытается восстановить справедливость путем различных приписок (например, невыполненных перевозок или приписок в платежных ведомостях) и хищений денежных средств или товара;
2. малопонятность в правах собственности, что предполагает различные девиантные действия менеджеров высшего звена;
3. многофункциональная и сложная структура предприятий, организаций, различных автономных подразделений;
4. многосложная и неясная система учета;
5. неудовлетворительное качество должностных инструкций на предприятии;
6. неаргументированная система аттестации и подбора персонала.

В сущности девиантному поведению на предприятиях способствует некая отстраненность, и в микроклимате коллектива усиливается отчуждение персонала, что способствует значительному разрыву в доходах менеджеров высшего звена и основного персонала. Так, во избежание и предупреждения различных экономических преступлений следует совершенствовать систему внутреннего аудита и систем учета, производить отбор персонала не только исходя из профессиональных качеств, но и личных (моральных). Следует минимизировать возможности для преступных действий, производить на предприятиях дублирование и контроль бухгалтерских операций, упростить организационные структуры, систематизировать оценку персонала.

Фактически, мы наблюдаем глубокий кризис, именно в системе управления, слабую работу социальных регуляторов и социального контроля. Соответственно в системе социального контроля необходим четкий отлаженный механизм правовых, финансовых и профилактических регистров. Разумеется, что теоретические подходы к изучению девиации в системе социального управления не сводятся только производственным предприятиям, либо коммерческим организациям, так, другим мощным направлением в рассмотрении девиации в системе управления, является структура исполнительной власти. Исходя из системного подхода, можно выделить такие формы, как коррупцию, бюрократизацию и лоббирование.

Два десятилетия проведения активных системных реформ российского общества сопровождалось нарастанием преступности в обществе, изменением ее структуры, распространением на все социальные слои, усилением влияния на изменение ценностного сознания [2]. Преступность проявлялась как способ адаптации индивида к быстро меняющимся условиям, приобретала характер социальной инновации. В результате в обществе актуализировались процессы легитимации и ритуализации коррупционных практик, которые были симулированы и эмитированы под формальные социокультурные практики. Впоследствии настоящих изменений, коррупция выступила регулятором социальных отношений в обществе. Специфика социальной психологии российского общества и его кадрового потенциала характерна тем, что коррупция становится элементом (компонентом) ценностно-нормативного пространства, образуя своего рода коррупционную культуру, основанную в условиях аномии ценностного пространства и являясь определенной формой социальных отношений.

Исходя из данного тезиса, можно сделать вывод, что каждый индивид следует реализации формальных социокультурных практик посредством своих

собственных методов – коррупционных или легитимных. С учетом теоретического подхода к системе социального управления, бюрократия не будет являться девиацией в обществе, она понимается как процесс роста социального слоя профессиональных управленцев, включенных в организационную структуру, а также усложнение ее организационно-политической деятельности. Одной из основных черт бюрократии - это безличностные отношения, то есть не отношения людей между собой, а только исполнение своего круга обязанностей[3]. Бюрократия в системе управления является важным и эффективным ходом ее развития и функционирования, но порождение излишней бюрократии будет провоцировать управленцев к использованию своих возможностей и полномочий исключительно в личных целях.

Переходя к следующему виду девиации, внимания несомненно, заслуживает лоббизм. К понятию лоббизм российское общество начинает привыкать, все чаще этот термин можно встретить в российских политических словарях. Теневое влияние, продвижение «своих людей», «телефонное право» все это характеризуется как лоббизм. Используя теоретический подход к изучению лоббизма как формы девиации в системе социального управления, по сути, представляет собой коррупцию, ведь для достижения поставленной цели, продвижения своих интересов имеет место дача взяток. Лоббизм наносит значительный ущерб российской экономике, тем самым превращаясь в дестабилизирующую коррупцию; характерен следующим:

1. может стать инструментом удовлетворения зарубежных компаний в ущерб интересам национальным;
2. оказывает теневое влияние на принятие управленческих решений;
3. может служить фактором развития и защиты ведомственности, национализма, укрепить крайние формы удовлетворения «специальных интересов»;
4. зачастую блокирует управленческие решения, препятствует удовлетворению общественно ценных интересов, сопутствуя осуществлению интересов власти;
5. может использоваться как инструмент обогащения отдельных слоев, элит.

Исходя из исследования проблемы девиации в системе управления, следует понимать действия групп людей, которые не соответствуют общепринятым нормам поведения, в результате размытых обществом способов достижения целей при переходном периоде развития государства.

1. Моруга А.В. Девиации в системе социального управления в России: автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Моруга Алексей Владимирович. - Москва, 2011. - 30 с. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com>
2. Кулешова С.Н. Криминализация молодежной среды российского общества: социокультурный аспект. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2009. - 17с.
3. Тощенко Ж.Т. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2014. – 560 с.

ВЛИЯНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Логинова Л.В. (Саратов)

Внутренняя трудовая миграция оказывает влияние не только на соотношение городского и сельского населения, плотность населения, половозрастную структуру, национальный состав, но и состояние рынка труда. Поэтому, изменения, происходящие во внутрироссийских трудовых миграционных потоках, вызванные растущими масштабами перемещения населения из периферийных территорий в столичные центры, а также из сельской местности, малых и средних городов в крупные города, ставят перед

необходимостью по-новому посмотреть на рынок труда с учетом проблем внутренней трудовой миграции [7, с. 67].

Внутренняя трудовая миграция населения по-прежнему остается важным компонентом демографического и социально-экономического развития страны в целом и отдельных её территорий [11]. По оценке Н.В. Мкртчяна в среднем за период 2000-х гг. во внутренней миграции ежегодно участвовало примерно 2 млн россиян, что свидетельствует об относительно невысоком уровне миграционной мобильности. Например, в 1989 г. число внутренних мигрантов составляло 4,7 млн. Эксперты объясняют это недостатками статистического учета внутренней миграции, а также ростом временных форм внутренней миграции (без смены места жительства), замещающих постоянную форму миграции (со сменой места жительства) [6, с. 149].

В 2011 г. произошли изменения в порядке учета миграции. Росстат стал учитывать в данных о мигрантах не только тех, кто зарегистрировался по месту пребывания на срок более 1 года, но и на срок 9 месяцев и более. В результате масштабы межрегиональной трудовой миграции в России резко выросли. Так, если в 2010 г. численность населения, выехавшего за пределы своего субъекта в поисках работы, достигла 1,8 млн человек, то в 2011 г. – 3,1 млн, а в 2012 – 3,8 млн человек [3].

В условиях естественной убыли трудоспособного населения страны внутренняя трудовая миграция обостряет противоречие на российском рынке труда.

С одной стороны, нарастает дефицит рабочей силы в динамично развивающихся территориях и больших городах, который не удастся решить за счет использования собственного трудового потенциала. Требуется привлечение дополнительных трудовых ресурсов, например, из трудоизбыточных территорий. Для этого предлагается стимулирование внутренней миграционной мобильности рабочей силы. Некоторые крупные компании прибегают к практике командирования менеджеров по персоналу в депрессивные трудоизбыточные регионы страны для вербовки трудовых кадров.

С другой стороны, возникают проблемы, связанные с углублением межрегионального неравенства. В «принимающих» регионах концентрируются социально-экономические преимущества, а в «отдающих» происходит «старение» населения, снижение общего образовательного уровня, снижение конкуренции на рынке труда, «вымывание» с рынка труда квалифицированных кадров. По сути, происходит истощение периферийных территорий, как демографическое, так и кадровое. Так, в настоящее время растет дефицит медицинского персонала в областных и районных больницах в регионах, приграничных с Москвой. Врачи и медсёстры предпочитают работать в столичных учреждениях в маятниковом режиме. Это происходит и с учителями школ. И по мере нарастания масштабов межрегиональной трудовой миграции межрегиональная конкуренция за качественные трудовые ресурсы будет ужесточаться, побуждая применять новации в найме труда, вводить новые прогрессивные формы занятости [4, с. 79].

Поскольку спрос на рабочую силу растет в крупных городах, то они становятся центрами притяжения населения из депрессивных сельских территорий, малых и средних городов. В результате экономически активное население сосредоточивается на относительно небольшой территории Центральной России. Только в трех федеральных округах – Центральном (26%), Приволжском (22%) и Южном (16%) – сконцентрировано более 60% населения страны. Дальневосточный федеральный округ является самым малочисленным (4,6% жителей). Треть городского населения России сконцентрирована в городах-миллионниках – Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Самаре, Омске, Казани, Челябинске, Ростове-на-Дону, Уфе. Это не только свидетельствует о расширении процессов урбанизации в стране, но и указывает на обезлюдивание огромных территорий России. Так, ежемесячно с карты страны в среднем за 1989–2005 гг. исчезали четыре поселка городского типа. Ежемесячно в среднем за 1989–2002 гг. населения лишились 22 сельских поселения [8, с. 1984].

Ряд специалистов считает, что межрегиональная трудовая миграция населения в России не может стать фактором, сглаживающим диспропорции в спросе и предложении на региональных рынках труда, как это происходит в зарубежных странах [1, с. 49]. Все попытки государственного регулирования внутренних миграционных потоков проваливаются. Начиная с кризиса 2008 – 2009 гг. стали предлагаться различные программы по активизации миграционной мобильности россиян с тем, чтобы использовать трудовые резервы трудоизбыточных регионов и переориентировать миграционные потоки с центра в другие регионы, в первую очередь, на Дальний Восток. Предполагаются компенсационные выплаты предприятиям за привлечение работников из других регионов [2]. В 2015 г. ожидается переезд 15 тыс. человек, на что предполагается потратить из федерального бюджета 2,25 млрд. руб. [10]

Данные меры носят в основном декларативный характер, поскольку государство не располагает значительными финансовыми ресурсами для того, чтобы оказать существенное содействие повышению миграционной активности населения и перенаправить трудовые миграционные потоки на стратегически и геополитически важных для страны направлениях. Попытки реализации таких программ остаются неудачными. Российские граждане, которым предлагалось поучаствовать в миграционной программе, не спешат соглашаться. Готовность россиян работать в других регионах страны практически не связана с безработицей и неудовлетворенностью имеющейся работой. Это показали, проведенные исследования внутренней мобильности безработных регионов России в 2008 и 2009 гг. Готовность работать в другом регионе продемонстрировало лишь 4,2% респондентов до кризиса и 4,4% в период кризиса [3].

Поэтому, при формировании внутренней миграционной политики важно учитывать факторы внутрироссийских миграционных потоков. Как показывают результаты Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) [9], проводимые в России, главной причиной, побуждающей межрегиональную миграцию, являются семейные и личные причины (58%), а так же стремление возвратиться на прежнее место проживания (16%). Немаловажным «притягивающим» фактором для миграции выступает наличие родственных и дружеских связей, «столичный статус региона». К трудовой миграции побуждает поиск благоприятных экономических условий: возможности для эффективной занятости (более высокой оплаты труда, реализация личностного потенциала) (11%), возможности получить образование (9,3%) и в перспективе повысить статус за счет получения новой профессии или повышения квалификации. Потенциал межрегиональной миграции в стране существенно ограничивает российский феномен «ловушки бедности».

При формировании внутренней миграционной политики необходимо проводить мониторинг миграционной ситуации в стране и её регионах, который предполагает изучение миграционного потенциала трудоспособного населения региона, переселенческого поведения мигрантов, возможности приживаемости на новом месте.

Региональные власти должны осознать, что межрегиональная трудовая миграция – это не только перемещение человеческого ресурса из одной территории в другую, а также перемещение человеческого капитала, особого интеллектуально-информационного ресурса, потери которого дорого обходятся региональной экономике. В таком понимании одной из задач внутренней миграционной политики региона должно стать сохранение, развитие и эффективное использование собственного человеческого потенциала [5, с. 110]. Этому будет содействовать создание новых более качественных рабочих мест, расширение возможностей получения высшего образования, относительно высокий уровень заработной платы, оказание помощи молодым семьям. От миграционной политики регионов можно ожидать положительных результатов только при условии создания лучших условий для труда и жизни по сравнению с соседними регионами.

1. Борисова Л.М., Ионикан Н.В., Нехорошев Ю.С. Межрегиональные миграционные потоки: эмпирический анализ // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6.
2. Голова И. Сотрудники будут привлекать в приоритетные регионы // Российская Бизнес-газета – налоговое обозрение № 967 (38). 24 июня 2015 года. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/30/trud.html> (Дата обращения: 15.06.2015)
3. Денисенко М.Б., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Готовы ли российские безработные ехать за работой // Демоскоп Weekly. 2014. № 445-446. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0445/tema01.php> (дата обращения 27.06.2015)
4. Логинова Л.В. Региональные диспропорции на рынке труда и задачи политики занятости // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2013. № 1 (19).
5. Логинова Л.В. Миграция и рынок труда Саратовской области // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2014. № 1 (1).
6. Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11.
7. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004.
8. Национальная идея России. В 6 т. Т. III. М.: Научный эксперт, 2012.
9. Обследование населения по проблемам занятости (ОМПЗ) – 2014г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm (Дата обращения: 14.06.2015)
10. Предприятиям доплатят за иногородних сотрудников // Экономика и бизнес Поволжья URL: <http://www.business-vector.info/?p=16027#more-16027> (Дата обращения: 15.06.2015)
11. Рыбаковский Л.Л. Демографические контуры регионов России. М.: Экон-Информ, 2011. URL: <http://rybakovsky.ru/demografia2a.html> (дата обращения: 11.04.2015)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТАНДАРТОВ.

Малинина Т.Б. (Санкт-Петербург)

Угроза для безопасности и комфортного существования и развития человека начинает исходить от кризисной ситуации в различных сферах нашего общества: экономической, политической, социальной, экологической, финансовой. Неблагоприятное состояние окружающей среды зависит от процесса взаимоотношения природы и общества, степени воздействия на среду определенных видов деятельности человека. Все это приводит к изменению жизненных стандартов (life standard) и потребления, которое мы рассматриваем как социальное развитие человека и общества [1]. Под жизненными стандартами понимаем качество жизни, критерием которого выступает средняя продолжительность жизни, средняя заработная плата, уровень образования, уровень здравоохранения, размеры свободного времени. Таким образом, жизненные стандарты всегда связаны с уровнем потребления товаров и услуг в обществе, с удовлетворением возрастающих потребностей человека.

Вопросы экологической безопасности затрагивают все страны мирового сообщества. В настоящее время экологическое состояние нашей страны близко к кризисному. Приведем несколько цифр: на 35 % территории в РФ природные экосистемы оказались практически разрушенными; на одного человека приходится более 4 га деградированных земель, в то время как в Европе менее 1 га, в Китае менее 0,6 га, в Японии – 0,3 га. Сейчас около 90 % территории РФ, где проживает около 1/3 населения, можно отнести к зоне экологического неблагополучия. Более 50 % населения имеет ослабленное здоровье, и в результате средняя продолжительность жизни мужчин оказывается ниже пенсионного возраста [2]. Каждый десятый ребенок рождается генетически неполноценным, у 45 % призывников выявлены нарушения психики. Около 70% населения России живет в состоянии затяжного психо-эмоционального и социального стресса, истощающего приспособительные и компенсаторные механизмы, поддерживающие здоровье. Отсюда вытекает необходимость изменения экологической

ситуации, путем переориентации социально-экономического развития страны, пересмотра приоритетов и способов деятельности человека, подразумевающих комплекс радикальных мер: правовых, политических, социальных, экономических, финансовых, технологических.

Существующая в РФ концепция устойчивого развития соответствует международным требованиям экологической безопасности и предполагает такое развитие, которое обеспечивает удовлетворение потребностей настоящего времени без ущерба основополагающим параметрам биосферы и не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Стратегические цели концепции основаны на рациональном взаимодействии производства и потребления, в частности рационального природопользования (улучшение качества среды обитания, не нарушающего генетического здоровья населения; восстановление и сохранение биосферного равновесия на всех уровнях организации жизни). Заметим, что экологическая безопасность - это часть национальной безопасности страны. Обеспечение экологической безопасности государством состоит в охране жизни, здоровья и условий жизнедеятельности человека, в защите общества, его материальных и духовных ценностей, окружающей природной среды, в том числе атмосферы и космического пространства, водных объектов, недр, земельных и лесных ресурсов, почв, ландшафтов, растительного и животного мира от угроз, возникающих в результате взаимодействия природы-человека-общества, отражающегося на окружающей природной среде. Можно назвать ряд регионов, более других подверженных экологическим проблемам: Забайкалье, Московский регион, Поволжье и Урал. Ситуация в области охраны окружающей среды оценивают по показателям объемов капиталовложений на мероприятия по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. Ученые подсчитали, что на охрану природы в Российской Федерации выделяется всего 0,3-0,4% валового внутреннего продукта. Этого явно не достаточно для экологической опасности, которая сложилась сегодня в стране. Открытия в науке и технике должны быть направлены на обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, их психологического комфорта и эстетических потребностей [3]. В мае 2015 года в Санкт-Петербурге прошел Седьмой Невский международный экологический конгресс, на котором обсуждался проект Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Проект Стратегии подробно анализирует все вызовы и угрозы жизненным стандартам и национальной экологической безопасности, а так же содержит способы и меры по их устранению или минимизации. Этот документ является основой для обеспечения защиты среды обитания человека и его жизненно важных интересов от возможного отрицательного воздействия хозяйственной деятельности.

1. *Малинина Т.Б. Меры труда и меры потребления с точки зрения развития человека и общества.//Наука и бизнес: пути развития. 2013. № 4, С.76-80.*
2. *Федеральная служба государственной статистик: <http://www.gks.ru>*
3. *Водопьянов П.А. Экологическая безопасность как важнейший фактор достижения стабильного будущего //Социология безопасности: проблемы, анализ, решения: Материалы Международной научной конференции – пятых Санкт-Петербургских социологических чтений. Ч.1. Санк*

РЫНОК ТРУДА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Малолетнева И.В. (Москва)

Видоизменения конфигурации рынка труда напрямую зависят от общеэкономических тенденций и специфических воздействий внешних факторов. Новые реалии геополитики — переход к модели экономики, ориентированной на отечественное производство, диктуют необходимость более внимательного отношения работодателей к персоналу, его количественным и качественным показателям.

В целом по России картина соотношения «спрос/предложение», согласно исследованиям аналитического отдела компании SuperJob.ru, выглядит довольно ровной, демонстрируя относительно невысокий всплеск активности к апрелю текущего года. Однако, на региональном уровне динамика проявляется наиболее ярко. В 2015 году во всех городах-миллионниках зафиксирован рост соотношения «предложение/спрос». Отдельные промышленные регионы, как видно из представленной ниже таблицы, демонстрируют ярко выраженную тенденцию роста.

Соотношение «предложение/спрос» в регионах

Регион	Апрель 2013	Апрель 2014	Апрель 2015
РФ	2,3	2,1	2,9
Москва	3,2	3,2	5,4
Санкт-Петербург	4,0	3,9	5,5
Волгоград	4,0	3,6	4,9
Екатеринбург	1,7	2,0	3,3
Казань	3,2	2,7	3,4
Нижний Новгород	2,4	2,5	4,6
Новосибирск	1,7	2,5	4,2
Ростов-на-Дону	3,3	2,9	4,3
Омск	3,6	3,3	6,1
Пермь	1,8	1,7	3,1
Самара	2,7	2,3	3,4
Уфа	4,4	3,6	5,1
Челябинск	1,8	1,8	2,2

Наибольшее соотношение предложения и спроса в промышленности зафиксировано в Омске (6,1 резюме на одну вакансию), Санкт-Петербурге (5,5 резюме на одну вакансию), Москве (5,4 резюме на одну вакансию) и Уфе (5,1 резюме на одну вакансию). Самый низкий конкурс зафиксирован в Челябинске (2,2 резюме на одну вакансию).

Серьёзное увеличение спроса на вакансии (в 2 раза и более за последние два года) демонстрируют: Новосибирск (от 1,7 до 4,2 резюме на одну вакансию); Екатеринбург (от 1,7 до 3,3 резюме на одну вакансию); Омск (от 3,6 до 6,1 резюме на одну вакансию) и Нижний Новгород (от 2,4 до 4,6 резюме на одну вакансию).

На крупных передовых предприятиях вопрос с инженерными кадрами стоит особенно остро, однако у нас есть сегодня, и потребность в инженерных кадрах, и возможность их подготовки, как отметил В.В.Путин на заседании Совета при президенте РФ по науке и образованию [2]. Действительно, как показывают данные мониторинга, проведённого аналитиками портала SuperJob.ru, наиболее активно привлекают инженеров крупные предприятия численностью более 500 человек (41% вакансий).

Распределение вакансий по численности персонала компаний

Инженерные вузы активизируют обучение, так называемых, «целевиков». Подготовка этих специалистов, ориентированных изначально на конкретное предприятие или организацию, осуществляется на принципах партнёрства работодателей и государства. Министерство образования выразило готовность финансировать до 50% затрат работодателей на обучение инженеров и выделило на эти цели из своего бюджета 350 млн.руб. в 2013 году и до 200 млн.руб. в 2014 году [1].

В современных условиях работодатели вынуждены экономить средства, и предпочитают самостоятельно выходить на рынок труда, а не пользоваться услугами посредников. Доля вакансий, размещенных к настоящему моменту прямыми работодателями, согласно аналитическим данным портала SuperJob.ru, составила 84%, остальные 16% вакансий разместили посредники (кадровые агентства, аутсорсинговые компании).

ТОП-10 запросов прямых работодателей на поиск инженерных кадров

Позиция	Май 2013	Май 2014	Апрель 2015
Инженер-технолог	21,7%	17,3%	28,8%
Инженер-конструктор		16,8%	18,9%
Инженер-проектировщик	4,0%	5,0%	7,4%
Главный технолог	2,7%	4,2%	4,4%
Главный инженер	3,3%	5,9%	2,5%
Инженер-электронщик		2,0%	5,7%
Инженер-программист		2,5%	4,2%
Инженер по охране труда		3,2%	4,3%
Сервисный инженер	4,2%	4,8%	1,9%
Инженер-механик	4,3%	2,9%	1,8%

Инженеры-технологи, как видно из приведённой выше таблицы, удерживают верхние строчки рейтинга востребованности на протяжении последних лет. В настоящее время на них приходится 29% вакансий для инженерных кадров. Причем отрыв от инженеров-конструкторов стал гораздо существеннее, чем в предыдущие два года. С 2013 года отмечается рост востребованности инженеров-проектировщиков (с 4% вакансий до 7% в 2015 году). Инженеры-механики и сервисные инженеры, которые в 2013 находились в середине рейтинга, сейчас замыкают десятку самых востребованных специальностей.

Каков же социальный портрет соискателя инженерной должности? По данным SuperJob.ru, как правило, это чаще всего мужчина (77,7%), преимущественно с высшим техническим образованием (92%, остальные 8% имеют неоконченное высшее образование), при этом доля молодых соискателей относительно невысока – только 27% находятся в возрасте 25-29 лет и имеют, как правило, небольшой или минимальный стаж работы.

Что касается уровня зарплатных ожиданий, то в Москве соискатели с высшим образованием претендуют на зарплату на 25% выше, чем кандидаты с неполным высшим образованием. В регионах разрыв в зарплатных ожиданиях составляет 50%. При этом в Москве на максимально высокий доход претендуют соискатели в возрасте от 40 до 44 лет (70 тыс. руб.) В регионах максимум достигается к 35 годам, после чего планка средних зарплатных ожиданий не меняется.

Одним из важнейших факторов успешности в современном постиндустриальном обществе является социальная мобильность. В России этот показатель в сфере производства и промышленности в настоящий момент составляет в среднем порядка 30%. Именно такое число соискателей в сфере производства и промышленности, по данным портала SuperJob, готовы поменять место жительства ради работы.

Более других расположены к переезду в другой город соискатели из Омска (здесь таких 59%, причем за 2 года доля их выросла на 4 п.п.), Челябинска (39%), Новосибирска (36%) и Волгограда (35%). Самый низкий процент готовых к переезду специалистов зафиксирован в Санкт-Петербурге (16%) и Москве (18%).

Горизонтальная мобильность специалистов

Город	% соискателей, готовых к переезду	% вакансий для иногородних сотрудников
Москва	18%	39%
Санкт-Петербург	16%	12%
Волгоград	35%	65%

Екатеринбург	33%	64%
Казань	30%	63%
Нижний Новгород	22%	66%
Новосибирск	36%	52%
Ростов-на-Дону	31%	66%
Омск	59%	68%
Пермь	33%	62%
Самара	30%	60%
Уфа	31%	67%
Челябинск	39%	73%

Следует также отметить, что всего 62% вакансий предусматривают возможность трудоустройства, в том числе и иногородних кандидатов. Чаще других готовы рассматривать сотрудников из других городов работодатели Челябинска (73%) и Омска (68%).

Традиционно очень низкая доля вакансий для иногородних соискателей в Санкт-Петербурге и Москве. При этом в Санкт-Петербурге за 2 года показатель снизился в 2 раза и составляет всего 12%. Это говорит о том, что питерские работодатели не только имеют возможность закрывать вакантные места силами местных инженеров, но и о том, что они в принципе не готовы рассматривать иногородних кандидатов.

В долгосрочной перспективе, как отмечают многие аналитики в сфере рекрутмента, будущее рынка рабочей силы представляется оптимистичным. Потребность в персонале будет расти, особенно в сфере информационных технологий и телекоммуникаций (беспроводные технологии, внедрение и развитие ERP-систем и др.), финансов и инвестиций (ПРО, банковская розница), медицины (включая специалистов по биотехнологиям и генной инженерии), промышленного производства и энергетики (инженеры и технологи, в т.ч. в сфере нанотехнологий), строительства (инженеры-проектировщики).

Для повышения престижа инженерной специальности работодателям необходимо обращать внимание на уровень оплаты труда специалистов и его соответствие условиям труда и сложности профессиональной подготовки, необходимой для получения квалификации инженера.

1. *России требуется дополнительная подготовка инженерных кадров* // <http://www.vedomosti.ru>.
2. <http://www.mk.ru/sources/ria-novosti/>
3. *Малолетнева И.В., Чекалдина О.В. Современные тенденции рынка труда инженерных кадров* // «Кадровик», 2015, № 10, С.111-122.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мальцева Н.В. (Тюмень)

В современных социально-экономических условиях потребление как индикатор качества жизни населения и показатель социальной дифференциации общества требует всестороннего анализа и подробного исследования. Потребление сегодня – это не столько процесс использования полезных свойств того или иного блага с целью удовлетворения насущных потребностей, сколько средство формирования, поддержания и выражения собственной идентичности и стиля жизни человека. Особенно это важно для молодежи, ориентированной на высокий уровень образования, карьерный рост и повышение уровня жизни. Студенчество, являясь наиболее мобильной частью общества, весьма

восприимчиво к изменениям и инновациям, что находит отражение в потребительских практиках.

Потребительское поведение молодежи складывается под влиянием множества разнообразных факторов, среди которых в качестве наиболее значимых можно отметить следующие: уровень, образ и стиль жизни, социальное окружение, референтные группы (их установки, ценности, нормы), культурный потенциал, культурная идентичность, мода, реклама, а также социально-демографические характеристики (возраст, пол, семейное положение).

Потребительское поведение зависит и от чисто экономических факторов, таких как насыщенность рынка товарами и услугами, уровень цен, валютные курсы, процентные ставки по кредитам, инфляционные ожидания и т.д. Неблагоприятная экономическая ситуация, сложившаяся в стране в последнее время, привела к снижению уровня и качества потребления у всех групп населения. По данным опроса, проведенного Фондом Общественное Мнение в марте 2015 года, половина россиян в возрасте от 18 лет и старше за истекшие полгода стали больше экономить на продуктах питания: 39% респондентов перешли на продукты более дешевых марок, 31% отказались от покупки некоторых продуктов, 29% уменьшили объемы потребления. Сейчас потребители выбирают товары в первую очередь по цене и только потом по их потребительским свойствам (30% опрошенных) или покупают самое дешевое (24%).

Экономический кризис отрицательно сказался на приобретении дорогостоящих товаров и планировании крупных покупок. Расходы на непродовольственные товары и услуги сократились у 43% граждан, в первую очередь, за счет снижения потребления одежды и обуви (24% респондентов), парфюмерно-косметической продукции (14%), развлечений (14%), туристических услуг (10%), посещения кафе и ресторанов (10%). Согласно результатам опроса ФОМ, ограничение денежных расходов коснулось именно тех категорий товаров и услуг, основными потребителями которых выступает молодежь [1].

Потребление можно рассматривать как одну из сфер социализации молодежи, способствующей формированию определенного отношения к окружающей социальной реальности. Анализ потребительских практик молодых людей позволяет прогнозировать их социальное поведение и выявлять специфические характеристики молодого поколения. С целью изучения потребительского поведения молодежи в мае 2015 года нами было проведено социологическое исследование. Выборочную совокупность составили студенты четырех тюменских вузов. В ходе обработки данных анкетного опроса получены следующие результаты.

Опыт эмпирических исследований отечественных ученых, позволил предположить, что в потребительских практиках студентов доминирует желание удовлетворить потребности в переживании положительных эмоций (радости и удовольствия от совершения покупки). Однако данная гипотеза не подтвердилась: 40% респондентов утверждают, что крайне редко проводят свое свободное время в крупных торговых центрах, 34% никогда этого не делают. Более половины опрошенных утверждают, что не посещают магазины с целью получения эмоций от приобретения товара. Кроме того, 76% отрицательно относятся к шопингу.

При выборе продукта студенты руководствуются его ценой (72%), ценой и внешним видом (62%), что, по всей видимости, продиктовано необходимостью экономить в условиях кризиса. В числе факторов, влияющих на процесс потребления, на первом месте находятся рекомендации ближайшего окружения - друзей и знакомых (50% респондентов), на втором - качество товара (38%), на третьем - его реклама и бренд (28% и 22% соответственно). Чаще всего источником сведений о товарах выступают интернет-реклама, к ней обращается 70% опрошенных, и телевизионные рекламные сообщения (57%).

Большая часть студенческого бюджета расходуется на питание (58%), остальные денежные средства тратятся на покупку вещей (22%) и развлечения (19%). При этом для девушек в приоритете – приобретение одежды и обуви, для юношей – услуги развлекательных заведений (кинотеатров и клубов). Сокращение расходов молодежи в настоящее время наблюдается по нескольким статьям: бытовые услуги (28% респондентов), путешествия (26%), предметы домашнего обихода (25%), медицинское обслуживание (13%).

В потребительском поведении студенчества важную роль играют ценностные ориентации. Как показало исследование, большинство студентов (70%) не согласны с утверждением: «бренд диктует стиль жизни». Тем не менее, 60% опрошенных подтвердили, что в настоящее время товарные знаки выступают средством идентификации и дифференциации потребителей, указав на стремление своего ближайшего окружения выделиться за счет брендовой одежды. Бренд является символом престижа и высокого качества жизни, а также выразителем социальной группы с общими интересами для 30% респондентов.

Сложившиеся образы торговых марок в сознании студентов отражают ценности, лежащие в основе потребительского поведения. По результатам исследования выявлены два самых популярных бренда, которые наибольшим образом отвечают притязаниям молодежи – это Adidas и Mango (их отметили более 50% респондентов). Концепции данных брендов строятся на принципах демократичных цен, «мгновенной моды», частого обновления коллекций, ориентации на спорт, сочетания классики и молодежной стилистики (оригинального кроя, ярких цветов и необычных фасонов).

Данные опроса свидетельствуют, что 66% студентов рационально подходят к оценке бренда, в то время как треть респондентов фиксирует его символические составляющие. Более 10% опрошенных хотели бы видеть в бренде отражение специфики той возрастной группы, к которой они относятся. Наиболее популярными характеристиками хорошего бренда среди юношей являются оптимальное соотношение цены и качества (60%), популярность (48%) и оригинальность (48%). Девушки также отдают предпочтение соотношению «цена-качество» (72%) плюс отмечают престижность марки (54%).

Современные российские студенты относятся к низкодоходной группе населения, поэтому часто сталкиваются с нехваткой денег на приобретение товаров (66% респондентов). Для решения этой проблемы большинство опрошенных обращаются за материальной помощью к родителям (81%), самостоятельно заработать пытается лишь треть студентов.

Приоритетными направлениями денежных трат для студенческой молодежи, при условии достаточного количества финансовых средств, являются помощь семье, родственникам (50%) и улучшение жилищных условий (25%).

В исследовании также была предпринята попытка выявить возможности студентов делать сбережения. Как показали результаты опроса, 56% респондентов не имеют такой возможности, 18% откладывают деньги «на всякий случай», «про запас», 15% - на поездки и путешествия и только 4% - на образование. При этом девушки гораздо чаще делают сбережения (26%), чем юноши (18%).

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что тюменские студенты отличаются большей консервативностью потребительского поведения, чем, например, их европейские сверстники. Целевые ориентиры молодежи носят, как правило, материальную составляющую. Для студентов важны низкие или средние ценовые категории, стиль и комфорт, соответствующие жизни в большом городе. В процессе покупки товаров молодым людям свойственен вдумчивый выбор, долгие поиски подходящего варианта. Развлекательный характер потребления характерен лишь для небольшой части студенчества. Основными агентами воздействия на потребительское поведение студентов выступают их друзья. Очевидно, что экономическая обстановка в

стране серьезным образом влияет на повседневные потребительские практики студенческой молодежи.

1. *Потребительское поведение россиян в условиях кризиса // Режим доступа: <http://fom.ru/Ekonomika/12100>*

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ.

Маракуева Н.В. (Санкт-Петербург)

Изменениям в обществе, которые происходят каждый день, подвержена любая сфера нашей жизни. Экономическая сфера не является исключением, более того, даже в большей степени, чем другие, изменяется сама и влияет на общество в целом. Не последнюю роль играет трудовая занятость населения, где проблемы социально-экономического положения мужчин и женщин, гендерные особенности экономического развития уже давно находятся в сфере внимания общества. Говоря о неравенстве в сфере труда, нужно обозначить, что это неравенство обусловлено, прежде всего, общественными стереотипами о роли женщин и мужчин в профессиональной деятельности.

Но как в современном обществе выражается неравенство в сфере труда в профессиональной деятельности? Если сравнивать в динамике с 2004 по 2013 год, области "женских" и "мужских" профессий в России распределялись следующим образом: отраслями в которых "доминирует" мужчина являются: специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности (инженеры), рабочие, занятые на горных, горно-капитальных, строительно-монтажных, ремонтно-строительных работах (горнодобывающая промышленность и строители), а также водители и машинисты подвижного оборудования. Мужской процент в данных областях превышает женский более, чем в 5 раз. Отрасли, в которых доминируют женщины следующие: специалисты среднего уровня квалификации и вспомогательный персонал естественных наук и здравоохранения, продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды, процент женщин в этих отраслях превышает в 6 и более раз. [1]

Необходимо заметить, что на наши полоролевые установки и формирование гендерных стереотипов влияет очень много различных факторов: социализация в семье, в школе, окружающие нас люди, различные СМИ - все это, несомненно, формирует наше мировоззрение касательно ролей женщины и мужчины. Позже это приводит к возникновению стереотипов во взрослой жизни, что отражается и на профессиональной деятельности в частности.

Сейчас кризисные явления, происходящие в экономической сфере, определяют изменения в профессиональной сфере, в том числе в отношении гендерных предпочтений, усиливая гендерную сегрегацию. Если в условиях стабильного состояния экономики и общества сформировавшиеся стереотипы меняются медленно, а их изменения практически незаметны, то с приходом и распространением кризиса ситуация меняется, происходит сокращение рабочих мест, наступает череда увольнений и встает вопрос: кого же уволить первым, мужчину или женщину? То есть того, кто наименее ценен как специалист, кто наименее профессионален. По статистике женщин, имеющих высокую квалификацию меньше, чем мужчин. Также большее количество женщин вовлечено в сферу низкоквалифицированного труда. Объясняется это многими причинами, в том числе их физиологическими особенностями.

Поэтому, женщина оказывается менее защищена, особенно в ситуации кризиса. При этом женщина, по своей психологии и уже сформированными в период социализации гендерными установками, нуждается в больше стабильности своего положения. Так

женщине часто приходится заниматься низкоквалифицированным трудом, лишь бы обеспечить себя, или же быть в такой сфере, где происходит большая текучесть кадров, где люди легко заменяются друг другом, например, в обслуживающей сфере, где женщин гораздо больше, чем мужчин (на 2013 год количество женщин в этой сфере от общего количества занятых в экономике составляло 12%, в то время как мужчин только 2%) [2].

Так же, нужно сказать, что за последние несколько лет в сфере управления количество женщин, уволенных не по собственному желанию составляло 37%, мужчин же на 11% меньше.[3] Таким образом, для женщин кризис оказывается более болезненным, нежели для мужчин. Статистика показывает, что мужчины реже обращаются в службы занятости в поисках работы, чем женщины (соответственно 27,4% против 32,8, на апрель 2015 года), так как для мужчин более приемлемо опираться на общественные стереотипы и искать работу либо среди друзей и знакомых, либо в Интернете. [4]

Таким образом, можно утверждать, что в условиях кризиса в РФ гендерные отношения в сфере профессиональной деятельности приобретают совсем другие качества, они неизбежно меняются и влекут за собой переосмысление гендерных ролей в обществе. Это проявляется, например, в том, что ожидание от поведения женщины становится совсем другим: в контексте гендерных стереотипов женщине предполагается быть зависимой, спокойной, в то время как в условиях кризиса, из-за большого количества увольнений и сокращений, женщина вынуждена становиться агрессивной, активной, что больше присуще мужчине, таким образом доказывая, что и она может составить конкуренцию мужчине. Представляется чрезвычайно важным и актуальным провести социологическое исследование, затрагивающее влияние кризисной ситуации в РФ на трансформацию гендерных стереотипов в сфере профессиональной деятельности.

1. *Перечень группировок занятий приведен в соответствии с Общероссийским классификатором занятий. Росстат.*
2. *Росстат, Трудовые ресурсы: Занятое население по полу и занятиям за 2013 год.*
3. *По данным консалтинговой компании Strategy& Russia.*
4. *http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/99.htm*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ТРУДА МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Никифорова О.А. (Санкт-Петербург)

Город Санкт-Петербург традиционно является одним из крупнейших центров Российской Федерации. Он входит в число двенадцати основных агломераций страны, среди которых Санкт-Петербургская агломерация (включающая помимо Санкт-Петербурга прилегающие районы Ленинградской области) является второй по величине. Как и другие российские агломерации, Санкт-Петербург является индустриально развитым регионом, где важнейшим звеном экономики является промышленность. В городе представлены такие отрасли как военно-промышленный комплекс, судостроение, автомобилестроение, приборостроение и электротехника, а также химия, деревообработка, пищевая отрасль.

Однако, как отмечает Н. А. Трунова, в современном экономическом развитии российских агломераций наблюдается тенденция к переходу на инновационный тип развития. В частности, происходит развитие таких секторов экономики как сервисные услуги (включая туристические, логистические и транспортные), высокотехнологичные производства, интеллектуальные услуги (управленческие, консалтинговые, образовательные). Особенно ярко эта тенденция проявляется в экономике такой крупной агломерации как Санкт-Петербургская, что отражено в Проекте Концепции

Совершенствования региональной политики в Российской Федерации: «Санкт-Петербург обладает потенциалом развития как центра инноваций, информационных технологий, научных разработок и прикладных исследований, высокотехнологичных производств; в нем усиливается концентрация финансовых, банковских и образовательных услуг». Кроме того, наряду с Москвой Санкт-Петербург является одним из крупнейших потребительских рынков в стране.

Перечисленные особенности города и, в частности, структуры его экономики, увеличивают привлекательность региона для жителей страны в целом. В Санкт-Петербург приезжают не только мигранты из стран ближнего зарубежья, но и жители других регионов России. Последний процесс характеризуется важной особенностью, отмеченной сотрудником Российской Академии Наук Н. Е. Чистяковой. За последнее десятилетие в Санкт-Петербурге стали заметны изменения в миграционной активности лиц с высоким уровнем образования, а именно, заметно повысился приток образованных мигрантов в город при одновременном снижении размеров их выезда. Это подтверждают, например, исследователи Института экономики Карельского научного центра РАН, заявляющие о проблеме оттока молодежи из регионов в процессе трудовой миграции. Они отмечают среди прочего, что основной поток межрегиональной трудовой миграции из Карелии направлен в ближайшие крупные города (Санкт-Петербург и Москву). При этом в основном мигрируют молодые работники с высшим образованием и представители рабочих специальностей.

Как показывают исследования, установка на переезд в Санкт-Петербург распространяется не только на лиц, обладающих средним специальным или высшим профессиональным образованием, но и на тех, кому предстоит его получать. Н.А. Несевря утверждает, что миграция в целом является молодежным явлением, поскольку молодежь - наиболее активная и мобильная социально-демографическая группа. При этом исследователь связывает мобильность молодых людей именно с процессом получения образования как одним из основных жизненных этапов представителей этой возрастной группы. Исследование Н.А. Несевря миграционных намерений студентов Перми показывает, что большинство студентов, поступивших в вузы региональных центров из малых городов, не планируют возвращаться на родину. Именно так ответили 65% иногородних студентов из числа опрошенных в рамках исследования. Наиболее распространенной причиной подобного решения является недостаточный уровень качества жизни и досуга в малых городах, следующей по популярности причиной - недостаточные условия для профессионального развития выпускников вузов.

Похожие результаты показывают и исследования миграционных установок в других регионах страны, например, исследование уровня миграционной мобильности молодых жителей малых городов республики Татарстан, Ставропольского края, а также Владимирской, Смоленской и Костромской областей. Его результаты показывают, что 64% выпускников средних школ намерены покинуть родной город, и лишь 14% этого делать не собираются.

При подобной ситуации в сфере миграционных установок молодежи важное влияние на особенности формирования рынка труда такого крупного города как Санкт-Петербург оказывают реформы в сфере образования. В частности, введение Единого государственного экзамена в определенной мере облегчает выпускникам школ поступление в вузы других городов. Как отмечает А. Д. Проколова, введение в России ЕГЭ повысило образовательную мобильность молодёжи, вследствие чего наблюдается рост числа иногородних студентов. В связи с введением ЕГЭ в региональных центрах заметными стали такие последствия как приток иногородних абитуриентов, рост конкурса на престижные специальности и проблема нехватки мест в общежитиях. Другие данные позволяют сделать сходные выводы не только о ситуации в региональных центрах, но и в более крупных городах, в том числе, Санкт-Петербурге. Так, сотрудники Института социально-экономического развития территорий РАН в Вологде М.А. Головчин и

Т.С.Соловьева говорят о проблеме «оттока талантливых абитуриентов в более престижные учебные заведения столичных городов (Москва, Санкт-Петербург)».

Говоря о положении выпускников вузов на рынке труда, необходимо рассмотреть и соотношение спроса и предложения в разных секторах рынка. С одной стороны, общий кризис российской экономики в последние десятилетия сильно затронул промышленные предприятия. Не имея достаточно средств, далеко не все предприятия создают необходимые условия для привлечения молодых работников. Кроме того, работа на заводах и фабриках стала менее престижной, привлекательной для молодого поколения, так что даже выпускники технических специальностей стараются найти работу в непромышленном секторе, сфере услуг и торговле. Вследствие этого предприятия испытывают дефицит молодых рабочих. С другой стороны, в последние годы среди молодых людей появилась тенденция к овладению профессиями, для которых в российской экономической системе было слишком мало рабочих мест. Прежде всего, это касается таких направлений, как экономика, менеджмент, юриспруденция. Именно на эту сферу были ориентированы первые появившиеся в России негосударственные ВУЗы. Практически все технические и педагогические государственные ВУЗы также создавали программы по непрофильным специальностям. В результате количество учебных мест по экономике, менеджменту, юриспруденции, возросло непропорционально потребностям в них. Резкий рост числа специалистов привел к усилению конкуренции при приеме на работу.

Существует также и проблема, заключающаяся в том, что определяющими преимуществами на рынке труда являются опыт работы, навыки, которыми выпускники учреждений профессионального образования, особенно высшего, часто не обладают. Как отмечают Н. Р. Кельчевская и И. М. Черненко, для работодателей важен не только опыт работы по определенной специальности, но и опыт узкоспециализированной работы, требующей специфических навыков. Это является фактором, существенно снижающим конкурентоспособность молодых специалистов при поиске работы, поскольку работодателям намного выгоднее принять на работу опытного сотрудника, чем «выращивать» и обучать неопытного. С этим связана и проблема «старения» персонала, в особенности, на промышленных предприятиях.

Анализ особенностей рынка труда показывает уязвимость молодых специалистов как экономически активной группы. Это объясняется недостатком опыта работы, отсутствием навыков, необходимых работодателям, несоответствием подготовки выпускников системы высшего образования потребностям рынка (как относительно необходимых знаний и навыков, так и в плане непропорционального распределения выпускников между производственной и непромышленной сферами рынка труда). Усиливается проблема конкуренции на рынке труда молодежи и за счет экономической активности других социальных групп, часто более привлекательных для работодателей.

При этом разнообразие возможностей, предоставляемых экономикой Санкт-Петербурга, является привлекательным для молодежи как одной из наиболее активных социально-демографических групп, с одной стороны, и в силу тенденции к образовательной миграции, с другой. Усилению этой тенденции способствуют недавние образовательные реформы, связанные с введением Единого государственного экзамена, предоставившим абитуриентам больший, чем прежде, выбор вузов и направлений подготовки. Другим важным изменением, оказывающим влияние на рынок труда, в последние годы стал переход на двухуровневую систему образования (бакалавриат - магистратура). Эта мера была в большой степени ориентирована на установление новых отношений между образовательной системой и рынком труда и предполагает подготовку «гибких» специалистов, наделенных универсальным набором компетенций.

2. *Экономическая социология: теория и история / Веселов Ю. В., Капусткина Е. В., [и др.] / под ред. Ю. В. Веселова и А. Л. Кашина. - СПб.: Нестор-История, 2012. - 759 с.*
3. *Кельчевская Н. Р., Черненко И. М. Формирование человеческого капитала промышленного предприятия в условиях реформы системы образования в России // Университетское управление. 2012. - № 2. - С. 38-42.*
4. *Прокопова А.Д. Роль образовательной миграции в демографическом развитии Томской области // Особенности миграционной политики. Проблемы, поиски, решения: сборник научных трудов Международной молодежной конференции / под ред. Г.А. Барышевой. Томский пол*
5. *Таюрская И.С. Проблемы и перспективы инновационного развития Санкт-Петербурга // Евразийская интеграция: экономика, право, политика 2013 № 13 с. 110-117*
6. *Трунова Н. А. Особенности социально-экономического развития городских агломераций в Российской Федерации // Мир экономики и права. - 2010. - №4. - с.4-8*
7. *Чистякова Н. Е. Миграция в Санкт-Петербурге: демографический аспект // Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова - СПб.: Бильбо, 2008. - с. 120-128*

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА МОТИВАЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Ординарцева Г.П. (Москва)

Ухудшение экономической обстановки в России в 2015 году повлекло за собой значительное снижение курса рубля относительно иностранных валют, увеличение инфляции, уменьшение реальных доходов населения и значительное ухудшение ситуации в ряде отраслей российской экономики, и, что очевидно, серьезные изменения на рынке труда.

Общее число безработных в России, по итогам обследования Росстата, в августе 2015 года выросло до 4,1 млн.человек. Это 5,3% экономически активного населения страны, сообщается в данных, опубликованных на сайте Росстата. По сравнению с августом

2014 года безработица в России выросла - на 13,5%. [1]

И ситуация не улучшается. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на сегодняшний день у каждого четвертого опрошенного (27%) есть знакомые и близкие, потерявшие работу в последние несколько месяцев, каждый пятый откладывает денежные средства на случай потери работы (22%). [2]

Кризис сказался на всех сферах бизнеса без исключения, но в разной степени. Какие-то компании действительно находятся на грани выживания, какие-то потеряли в оборотах. Практически все компании начали активно сокращать расходы, в том числе и на персонал. Сокращение расходов коснулось оплаты труда, бюджетов на премии, корпоративные подарки, социальный пакет, тренинги и обучение персонала и т.д. Сегодня практически любое повышение будет восприниматься сейчас скорее как насмешка - падение реального дохода в любом случае будет невозможно перекрыть. [3] И нет возможности нанимать персонал для его последующего развития и содержать малоэффективных сотрудников.

В нашумевшем бестселлере бывшего руководителя «Евросети» Сергея Фоменкова рассказывается о случае вынужденного избавления от пассивных, недисциплинированных сотрудников в одном из филиалов Воронежа. Из 250 сотрудников осталось два десятка, которые и поныне успешно трудятся. [4]

Прогнозы на рынке труда неутешительны. По результатам проведенного опроса среди работодателей 38% опрошенных компаний уже провели или планируют

сокращения, 49% компаний уже приостановили поиск новых кадров или планируют это сделать в ближайшее время. [5]

В условиях кризиса с одной стороны, оставшиеся сотрудники вынуждены работать на «износ», сохраняя за собой рабочие места. А компании стали осознавать важность длительного сотрудничества и хорошей репутации как работодателя, а также оценили преимущества этих факторов по сравнению с быстрыми результатами, которые часто приводят к «выгоранию» людей и тяжелым репутационным последствиям. [6] Стратегию нематериального стимулирования необходимо выстраивать так, чтобы люди чувствовали себя ценной частью слаженного механизма без страха неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне. [7]

Но следует особо отметить, что если во время предыдущих кризисов в России резко увеличивалось количество протестов разгневанных граждан, люди выступали против власти, которая довела народ до состояния безысходности, в 2015 году российское общество в проблемах экономики не винит ни Президента, ни Правительство, ни Госдуму. Более того, люди поддерживают направление страны и готовы всячески помогать для того, чтобы «всем миром» выйти из тяжелой экономической ситуации.

Рассмотрим ряд способов нематериальной мотивации персонала, которые обеспечат поступательное движение компании для реализации ее стратегии и упрочения положения на рынке.

Участие сотрудников в реализации антикризисной стратегии увеличивает их обязательства перед компанией, помогает упростить осуществление идей организационных изменений, так как сотрудники понимают смысл перемен и поддерживают их. Оценив собственную значимость, сотрудник способен совершенно иначе организовать свой труд, порой многократно увеличив его отдачу.

Регулярное информирование сотрудников о текущей ситуации в компании и этапах плана выхода из кризиса повышает степень лояльности работников. Сообщения о неудачах заставляют задуматься о новых способах решения возникающих проблем, а новости о положительных результатах совместных усилий и антикризисных мер мотивируют людей на дальнейшее преодоление сложностей.

Предоставление возможности высказать свое мнение и быть услышанным. Например, соучредитель сети «Тонус-клуб» Ирина Чирва предлагает своим работникам самим определить 3 показателя, по которым будет оцениваться конкретно их работа. На основе полученных ответов и формируется система оценки сотрудников в компании. [8]

Создание банка идей, в котором будут фиксироваться идеи сотрудников, которые часто оказываются действительно актуальными, полезными и эффективными, так как исходят от непосредственных участников производственного процесса. Сотрудники должны видеть заинтересованность в них.

Использование в подразделениях мотивационной доски, которая фактически является стандартной маркерной доской, представляющей собой схему наглядных динамических показателей уровня результатов деятельности на текущую дату у каждого исполнителя, и становится отражением личного вклада сотрудника в общее дело.

Если компания имеет большой опыт работы, то можно напомнить сотрудникам «героическое прошлое». Рекомендуется опираться на верных и преданных специалистов, показавших свою лояльность компании в период кризиса 1998 года. Пример коллеги воодушевляет! [10]

Публичное признание заслуг повышает заинтересованность работника, так как позволяет сотрудникам чувствовать свою ценность для компании как профессионала. Оно может быть осуществлено в различных формах, в частности в виде издания буклетов о компании с размещением фотографий лучших сотрудников компании; выпуска внутрифирменной газеты с описанием результатов работы и размещением в ней фотографий лучших сотрудников и информационных заметок о них и т.п.

Доска почета как признание результатов и достижений сотрудника за определенный период. В частности, Макдоналдс известен своими стендами «Лучший работник месяца», а сеть «Фитнес-центр 100%» называет лучших работников по внутреннему радио. К тому же, ставший лучшим работник стремится сохранить свое лидерство, а другие будут стремиться навязать конкуренцию и превзойти победителя.

Личный контакт с руководством компании. К такому подходу прибегают многие известные предприниматели, успешные бизнесмены. К примеру, легенда мирового бизнеса Ричард Брэнсон всегда отвечает на письма своих сотрудников лично. В своей работе Стив Джобс приглашал подчиненных на продолжительные пешие прогулки, во время которых у него была возможность обсудить возникшие вопросы или проблемы в непринужденной обстановке.

Предоставление дополнительного отдыха в виде предоставления отгулов, возможности приходить попозже либо уходить с работы пораньше. Подобные привилегии предлагаются не всегда и не каждому – нужно заслужить такое право. К примеру, редакция журнала «Генеральный директор» позволяет в пятницу пораньше уйти автору самой популярной за неделю заметки в Facebook. Подобная мотивация персонала отлично зарекомендовала себя на практике. [8]

Возможность работать дома. Лишь четверть руководителей и предпринимателей в нашей стране предоставляет сотрудникам возможность работы по гибкому графику либо удаленно. [8] Но опыт подсказывает – у работающих дома сотрудников производительность труда возрастает на 15%.

Организация экономных по затратам «корпоративных» мероприятий (День рождения компании, 8 марта, 23 февраля и т.д.) силами самих сотрудников.

Предоставление скидок на товары-услуги. Это особенно актуально в условиях кризиса, так как помогает не только дать возможность сэкономить сотрудникам на каких-либо товарах и услугах, но и позволит наладить партнерские отношения с компаниями-поставщиками услуг, путем расширения их рынка сбыта, пусть даже и с минимальной прибылью.

Перечисленные способы нематериальной мотивации не являются исчерпывающими. Каждая компания может использовать и другие способы в зависимости от выбранной антикризисной стратегии и кадровой политики. Дальнейшие изменения на рынке труда, вероятно, будут вносить всё новые коррективы в мотивационные программы компаний. Важно то, что каждый руководитель должен знать - мотивированный персонал является залогом успешной работы и конкурентоспособности компании.

1. *Официальная статистика. Трудовые ресурсы // Опубликовано 29 сентября 2015 года на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики в отчете за январь-август 2015 года, [Электронный ресурс], http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/IssWWW.exe/Stg/d*
2. *Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 23 сентября 2015 года. опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.*
3. *Н.Дьяконова, «Советы консультанта: Деньги отменяются», «Ведомости» № 3743 от 23 декабря 2014 года*
4. *С.Фоменков, «Порвать всех: Как построить большой бизнес в России», М.:Альпина Паблшер, 2015.*
5. *В опросе, проведенном кадровым агентством Antal Russia, приняли участие 105 российских и международных компаний, работающих в сфере финансовых услуг, ИТ и телеком, производства, строительства и недвижимости, фармацевтики и розничной торговли, [Электронный*
6. *«HR в кризис: шесть главных трендов 2014 года», [Электронный ресурс], интервью О.Овчинниковой, операционного директора Wyser Russia, <http://www.e-executive.ru/career/adviser/1948535>*

7. *«Мотивация персонала. 24 «вечных» способа, которые работают всегда», «Генеральный директор», 24 ноября 2014 года, [Электронный ресурс], <http://www.gd.ru/articles/3723-motivatsiya-personala/#ixzz3XtopKQWi>*
8. *И. Багирова, «Мотивация персонала в условиях кризиса», УДК 331.101.3, Экономика №4(16), 2011*

ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ РОССИЯН

Орлик Е.Н. (Владимир)

В основе развития социального доверия россиян лежит целый ряд институциональных и культурных факторов, порождающих сложную мозаику интеракций, в которых оно находит разную степень выражения.

Если исходить из социологической традиции определения самого понятия «доверие», восходящих от Э. Гидденса и Н. Лумана, то, с одной стороны, мы должны говорить о чувственном освоении социального опыта, а с другой – его рационализации, с упором на целерациональное социальное действие в веберовском его понимании.

Динамика развития социального доверия преломляет оба эти подхода, обнаруживая их диалектическое единство в хозяйственных и социальных практиках россиян.

Трансформация российского общества сопровождается перестройкой и дисфункциями его базовых институтов, что не могло не сказаться на процессах переформатирования и развития социального доверия в принципиально новых социально-экономических условиях. Замеры состояния последнего с помощью инструментов прикладной социологии демонстрируют широкий спектр состояния социального доверия от отчужденного, отстраненного отношения к окружающим и социальным институтам их представляющим до основанного на знании доверии с просчетом возможных - и иногда неизбежных - рисков.

Особенно явно эти процессы прослеживаются в динамике изменений семейных ценностей, проявляющихся в росте числа разводов, неполных семей, матерей - отказниц, а также сознательно выбранных стратегий гедонизма и карьерного роста, в том числе вне семейных уз. Кроме того, при сохранении традиционных семейных отношений, основанных на браке, появляются новые модели семьи, как то: «пробные семьи», освобождающие партнеров от серьезных и длительных отношений и насаждающих иные, квазисемейные ценности; гражданские браки, в которых уровень доверия между партнерами не исключает оппортунизма во взаимоотношениях.

Все это на уровне общества приводит к старению населения из-за суженного его воспроизводства, а на уровне личности – к неудаче ранних этапов социализации, которые порождают деформацию воспроизводства личностью успеха и доверия в социальных и экономических практиках. Напомним: в эпигенетической теории социализации личности Э.Эриксона, которая утвердила социализацию в качестве константы социальной жизни личности, первый этап социализации личности как бы «разветвляется» между доверием (успех) и недоверием (неудача), закладывающих диаметрально противоположные возможности личности к самореализации и накоплению социального капитала.

За последние двадцать лет жизнь россиян стабилизировалась и стала в экономическом смысле богаче: в прошлое ушли дефицит, эгалитаризм в оплате труда, идеологический идиотизм и закрытость общества. Россияне стали лучше питаться и одеваться, путешествовать, приобретать недвижимость и автомобили, в том числе за счет заемных средств у коммерческих банков. Однако, эти трансформации не обошлись без оппортунизма, нарушения равновесных, доверительных отношений как со стороны получателей товаров и услуг, так и их производителей: миллиардные и необеспеченные реальными доходами суммы потребительских кредитов граждан; выкладывание в торговых сетях на прилавки продуктов с просроченным сроком годности; контрафактной продукции; товаров, имитирующих торговые марки мировых брендов; обвал рынка

туристических услуг, банкротства фирм авиаперевозчиков; пополнение сферы услуг коллекторскими агентствами. Умолчим о мелких предпринимательских аферах и мошенничествах, которые корнями произрастают из неформальной эконо-мики.

Однако, в силу предсказуемости вектора социальных трансформаций в пореформенной России, в целом окрепло доверие граждан к власти. При этом уровень этого доверия неравномерно распределился между ветвями власти, Центром и регионами. Как показывают опросы общественного мнения, россияне больше склонны доверять Президенту и правительству, чем губернской или районной власти. Косвенным свидетельством данного положения дел можно считать низкую электоральную явку на недавно прошедших сентябрьских выборах в регионах. Как тут не вспомнить великих русских поэтов Н. Некрасова и А. Тютчева, подметивших такие черты менталитета российского человека, как чувственная иррациональность и патернализм.

Примечательно, что даже ухудшение экономической ситуации в стране, в связи с экономическими санкциями Запада и стагнацией производства, россияне, несмотря на вынужденный переход на менее качественные продукты питания, подорожание продуктового ряда товаров и ухудшение его ассортимента, не связывают с внутренней политикой государства. Это вопреки тому, что в условиях падения курса рубля и роста цен многим россиянам придется потуже затянуть пояса и отменить запланированные ранее поездки на отдых в зарубежье, планы на покупку жилья и крупной бытовой техники.

Более того, многие перекосы в социальной сфере, как показал недавний форум Народного фронта по проблемам отечественного здравоохранения, россияне связывают с нераспорядительностью местных властей или руководителей конкретных учреждений и организаций, но никак не с просчетами правительства.

Богатый спектр форм проявления социального доверия вырисовывается и в сфере социально-трудовых отношений. Так, многие руководители крупных национальных корпораций и местных предприятий идут по пути развития социально ответственного бизнеса, работая над улучшением условий труда и социальной поддержки персонала, формированием и развитием систем корпоративных ценностей, усилением участия в общенациональных и местных программах по поддержке среды обитания, детства, материнства, развитию спорта и массовой физической культуры. В подобных случаях формируется лояльное, доверительное отношение к фирмам и их руководителям.

Добавим, что практика отношений производителей и потребителей также обогащается за счет переноса в них элементов доверия из сферы деловых партнерских отношений путем выпуска торговыми и сервисными центрами так называемых карт лояльности, дисконтных карт, которые на определенных условиях предоставляют денежные бонусы постоянным клиентам.

Вместе с тем повсеместное распространение получила практика уклонения бизнес - структур от уплаты налогов, что, безусловно, деформирует отношения между политическими институтами общества и бизнесом, негативно сказываясь на социальной сфере общества.

К тому же нередко работодатели для сокращения налогооблагаемой базы своего бизнеса предлагают соискателям на рабочие места работать без оформления трудовых отношений или на таких же условиях предлагают пройти обучение, даже если работник имеет опыт по профилю будущей профессиональной роли. Подобная практика укоренилась в строительстве, сельском хозяйстве, сфере услуг, торговле. Во всех перечисленных случаях мы имеем дело не только с нарушением законодательства, но и с нарушением доверительных полновесных взаимоотношений работодателей с персоналом. Сюда же можно отнести распространение практики некомпенсируемых переработок наемных работников и специалистов, а также свертывание социальных программ, замораживание заработной платы в стабильных и с прибылью работающих компаниях, введение системы административных штрафов, депремирования, нарушение санитарно-гигиенических условий труда и т.п.

Во всех подобных случаях протестный потенциал наемных работников против вышеозначенных порядков в бизнесе проявляется в недобросовестном выполнении

принятых на себя обязательств, распространении компрометирующей фирму и репутацию ее руководителей информации. Порой сформировавшееся таким образом недоверие переносится россиянами в другие сферы жизни социума.

1. Веселов Ю.В. *Доверие и справедливость*. М.: Аспект Пресс, 2011
2. Орлик Е.Н. *Нравственная компонента социально-трудовых отношений. Сборник материалов научно-практической конференции VII Ковалевские чтения 15-16 ноября 2012 г.* / отв. редактор: Ю.В. Асочаков. Спб, 2012

МОДАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОПТИМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Пасовец Ю.М. (Курск)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01208 а2 «Адаптационный потенциал населения в условиях трансформации российского общества»

В условиях ограниченности экономических ресурсов оптимизация потребительских расходов оказывается одним из ключевых способов адаптации населения к изменениям в экономической сфере жизнедеятельности: она позволяет обеспечить устойчивость баланса доходов и расходов, баланса между экономическими возможностями и потребительскими притязаниями индивидов, наряду с этим удовлетворять их потребность в необходимых товарах и услугах и максимизировать полезность потребительского поведения [2]. Оптимизация потребительских расходов предполагает выбор наиболее выгодного варианта расходования имеющихся средств; может проявляться, как минимум, в двух формах: осуществлении затрат в соответствии с экономическими возможностями индивида и экономии как бережливом расходовании имеющихся средств, ориентированном на получение определенной выгоды или неизрасходованного остатка средств, полученного за счет расчетливого их расходования.

Вместе с тем необходимо учитывать, что использование этого способа социально-экономической адаптации и определенных практик в рамках него обусловлено ограниченностью располагаемых экономических ресурсов (денежных доходов, сбережений и др.), для необеспеченных слоев населения следует говорить о низком уровне этих ресурсов или даже их дефиците. В свою очередь, ограничение потребительских расходов ведет к снижению уровню потребления и уровня жизни в целом. В связи с этим, полагаем, при характеристике степени распространенности среди населения тех или иных способов оптимизации потребительских расходов нужно обращать внимание на социально-экономический статус потребителей, которые используют эти практики.

Определить модальные, то есть наиболее распространенные среди населения, практики оптимизации потребительских затрат в современных российских условиях позволяют результаты социологического опроса населения, проведенного нами в 2014 г. на территории Курской области (N=500 человек) с помощью метода стандартизованного (формализованного) интервью. В целом выборочная совокупность исследования в достаточной мере репрезентирует население Курской области (в возрасте 18 лет и старше): ошибка выборки по одному контролируемому признаку не превышает 3%.

Как показывают результаты опроса населения, практика экономии потребительских расходов характерна для 70,6% жителей региона: они стараются экономить на покупке продуктов и товаров, приобретении услуг (парикмахера, стоматолога, ЖКХ и др.). Данную категорию населения условно можно назвать «экономными» потребителями. Вместе с тем около трети населения (29,4%) обычно не

сокращают затрат на приобретение товаров и услуг, в своих расходах они не ориентированы на достижение баланса доходов и потребления, даже при наличии лимита экономических возможностей.

Одной из самых массовых практик снижения населением своих потребительских расходов является приобретение товаров и услуг в низком ценовом сегменте. Более половины (55,8%) из категории «экономных» потребителей уменьшают свои расходы посредством покупки более дешевых продуктов и товаров на ярмарках, распродажах, акциях и т.п., приобретения более дешевых услуг по сравнению с их возможными ценами у других продавцов и производителей. Многие потребители воспринимают приобретение товаров в рамках стимулирующих акций, предполагающих покупку двух товаров по цене одного, как получение дополнительной выгоды от покупки. Обращает на себя внимание тот факт, что данная практика экономии используется представителями разных имущественных страт, выделенных на основе самооценки уровня потребления, и вне зависимости от возраста, что во многом и обуславливает ее массовый характер. При этом в нее в большей степени включены женщины (такой способ экономии характерен для 60,6% всех женщин) и городское население: 61,0% всех проживающих в городах и поселках городского типа.

Другой наиболее распространенной практикой потребительской экономии выступает приобретение более дешевых товаров и услуг при наличии альтернативы выбора из нескольких объектов, различающихся по стоимости. По данным опроса населения, 54,4% из числа «экономных» потребителей покупают более дешевые продукты и товары в магазинах с товарами разной цены или заказывают более дешевые услуги у тех же специалистов или учреждениях, где есть и более дорогие услуги. В целом распространенность этого способа экономии среди представителей имущественного слоя снижается с повышением места этого слоя в социально-экономической структуре: он присущ 78,6% «нищих», 60,0% «бедных», 65,8% «необеспеченных», 50,0% «обеспеченных», 38,5% «зажиточных» и 33,3% «богатых». Здесь отметим, что статус респондента определялся, исходя из его уровня потребления, когда он относил себя (свою семью) к одной из шести условно выделенных страт, выбирая определенный вариант ответа: «нищие» (вариант ответа: «Денег не хватает на повседневные затраты»), «бедные» («На повседневные затраты уходит вся зарплата»), «необеспеченные» («На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна»), «обеспеченные» («В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг»), «зажиточные» («Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи»), «богатые» («Практически ни в чем себе не отказываем») [1].

На первый взгляд, эти две наиболее массовые практики экономии потребительских расходов являются идентичными, однако между ними имеются существенные различия, касающиеся возможности минимизации денежных затрат, издержек времени и сил на поиск наиболее выгодного предложения. В случае приобретения более дешевых товаров и услуг при наличии альтернативы выбора из нескольких аналогичных объектов, но по разной цене, стоимость приобретаемых товаров и услуг оценивается относительно их предложения, имеющегося у одного продавца или производителя, а они могут работать в разных ценовых сегментах. При этом снижаются издержки потребителя, связанные с поиском продавцов и производителей с более низкими ценами на их продукцию, оценкой выгоды такого предложения и т.д., потребитель приобретает необходимые ему товары и услуги в более удобном для него формате (привычка посещать именно этот магазин, его близость к месту проживания и др.). В этом плане оптимизация потребительских расходов будет осуществляться по отношению к товарам и услугам в определенном ценовом сегменте. Если для большинства потребителей из низших имущественных страт она выступает средством строгого поддержания равновесия между доходами и расходами, позволяющим не выходить за пределы получаемых доходов, то для многих представителей более обеспеченных слоев населения это способ избежать ненужных трат.

Этот факт объясняет достаточную распространенность этих практик оптимизации потребительских расходов среди социально-экономических страт «обеспеченных», «зажиточных» и «богатых».

Таким образом, к числу модальных практик оптимизации россиянами своих потребительских расходов относятся приобретение товаров и услуг в низком ценовом сегменте, а также приобретение более дешевых товаров и услуг при наличии альтернативы выбора из нескольких объектов, различающихся по стоимости (или, иными словами, выбор более дешевых товаров и услуг в разных ценовых сегментах).

1. *Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 52–63.*
2. *Пасовец Ю.М. Оптимизация потребительских расходов как способ адаптации населения к социально-экономическим изменениям // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2015. – №2 (79). – С. 144–153.*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ КАК ОСНОВНОЙ РЕСУРС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Петров А.В. (Санкт-Петербург)

Исследования процессов развития человеческого капитала в нынешних не простых условиях глобального экономического кризиса является одним из направлений экономической социологии [1]. Глобальный экономический кризис середины 2000-х – начала 2010-х гг., оказавший существенное негативное влияние на перспективы роста глобальной экономики, национальных экономик развитых и развивающихся стран, обострил все негативные структурные тенденции в сфере организации труда, занятости и возможностей для повышения заработной платы, которые накапливались в мировом хозяйстве последние несколько десятилетий, окончательно рассеяв большинство иллюзий на счет позитивности процессов «экономической глобализации». Особенно сложная ситуация в современной мировой экономике сложилась с трудоустройством и уровнем доходов молодежи. Специалисты отмечают, что глобальная экономика столкнулась к началу второго десятилетия XXI в. с существенным «вызовом»: из 3,3 млрд. работников 200 млн. не имеют работы, а 900 млн. существуют вместе со своими семьями на сумму ниже 2 долл. США в день. Таким образом, один из трех работников в мире — либо безработный, либо живет в крайней нищете, при том, что имеющиеся данные не включают увеличивающееся число работающих бедных в развитых странах, иначе ситуация выглядела бы еще более удручающей. Уровень глобальной безработицы составляет почти неизменные за четыре года кризиса 6%, несмотря на некоторое оживление мировой экономики в 2010 г. — рост 5,1%, а 2011 г. — 4% [3, р. 31]. Причем, по имеющимся прогнозам он сохранится на уровне 6% по крайней мере до 2017 г. [4, р. 31] Следует отметить, что важно, на протяжении последних 15 лет развития глобальной экономики специалистами фиксировался рост низкооплачиваемого труда, при том, что риск получения низкой заработной платы и в развитых, и в развивающихся странах гораздо выше среди молодых работников, чем среди работников старшего возраста [2, с. 34, 42-43]. Эксперты указывают на то, что масштабы распространенности низкооплачиваемой занятости в развивающихся странах имеют тенденцию к повышению. Кроме того, еще в «докризисный» период эксперты МОТ отметили наличие долговременной тенденции отставания роста реальной заработной платы от темпов экономического роста. В среднем за весь период с 1995 по 2007 гг. ежегодное увеличение

ВВП на душу населения на 1% сопровождалось лишь 0,75% увеличением ежегодного роста заработной платы, а в около трех четвертей стран доля заработной платы в ВВП вообще сократилась. И это при том, что в период с 2001 по 2007 гг. уровень инфляции в мировой экономике был низким, а ежегодные темпы экономического роста составляли 4%. В подобных сравнительно благоприятных экономических условиях реальная заработная плата выросла всего лишь на 1,9%. Причем, подчеркивают эксперты МОТ, эта явно негативная тенденция наблюдалась на фоне существенного роста глобальной экономической интеграции, характеризовавшейся увеличением миграционных потоков, движения товаров, услуг и капитала [5, р. 14, 19, 59]. Стоит ли удивляться, что «Великая рецессия» существенно ухудшила положение многих (особенно не- и низкоквалифицированных) наемных работников по всему миру. Глобальное увеличение дифференциации в оплате труда сопровождалось в 1990-е – 2000-е гг. воспроизводством различных видов трудовой дискриминации, ярким примером которой стала дискриминация в зависимости от пола. По данным экономической статистики женщины составляют более 40% глобальной рабочей силы, 43% от всех занятых в сельскохозяйственном производстве и более 50% от числа студентов [6, р. 3]. В «эпоху глобализации» существенная разница в оплате труда женщин и мужчин сохраняется, почти не меняясь. Хотя, если исходить при анализе развития современных мирохозяйственных отношений из основных постулатов теории сравнительных издержек и основной доктрины экономической глобализации — доктрины фритредерства, процессы «глобальной унификации» и «экономической интеграции» (набиравшие «обороты» в течение последней трети XX – начале XXI вв.) должны вести к выравниванию цены на труд работников мужчин и женщин, ведь от этого зависит эффективность использования имеющихся у разных стран трудовых ресурсов и, следовательно, повышение их конкурентоспособности на мировом рынке.

Однако, проблема заключается не только в том, что застойная безработица, бедность и разные виды дискриминации не позволяет эффективно использовать имеющиеся в глобальной экономике трудовые ресурсы, воспроизводить человеческий капитал развитых и развивающихся стран. Она лишает будущего миллионы молодых людей. Последствием негативных тенденций в сфере занятости молодежи стал существенный рост социальной напряженности во второй половине 2000-х гг. как в развивающихся, так и в развитых странах. Но рост социальной напряженности не единственное существенное следствие указанных выше негативных тенденций развития глобальных социально-экономических отношений. Важным следствием является деформация отношения к труду как способу самореализации человека в индустриальном обществе, особенно в молодежной среде. Человеческий капитал компаний и национальных экономик – это не только работники с их умениями, навыками и опытом, это еще и желание трудиться в существующих далеко не благоприятных социально-экономических условиях. Причем не просто прилежно выполнять сформулированные менеджментом производственные задания, но и проявлять интерес к работе, творческий подход к выполнению этих заданий. Современная структура социально-трудовых отношений, превращающая стремление к творческой самореализации в новый товар на рынке труда способствует деформации представлений о творческой сущности труда, формализуя этот важный процесс, превращая его в один из примитивных организационно-производственных процессов искусственного поддержания необходимого фона организационной креативности персонала. В этой связи возможная утрата большинством работников стимула трудовой деятельности в виде творчества может существенным образом сказаться на культуре труда и качестве человеческого капитала компаний и национальных экономик в целом.

2. Доклад «Заработная плата в мире в 2010–2011 гг.: политика в области заработной платы в период кризиса». М., 2010.
3. *Global Employment Trends 2012: Preventing a Deeper Jobs Crisis*. Geneva, 2012.
4. *Global Employment Trends 2013: Recovering from a Second Jobs Dip*. Geneva, 2013.
5. *Global Wage Report 2008/09: Minimum Wages and Collective Bargaining: Towards Policy Coherence*. Geneva, 2008.
6. *World Development Report 2012: Gender Equality and Development*. Washington, DC, 2011.

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Пимахова М.Э. (Курск)

Переход отечественной экономики на инновационный путь развития сопровождается рядом трудностей. И эти трудности затрагивают самые разные ее уровни: уровень предприятий, региона, отрасли, экономики в целом. Особо важную роль играет при этом региональный уровень, поскольку именно здесь отражается отраслевая и территориальная специфика, определяющая уровень развития местной инфраструктуры, что во многом способствует формированию «тренда» будущего состояния региона.

Рассматриваемая нами проблема является актуальной, так как инновации являются ключевым источником превращения знаний в благосостояние и представляют собой ключевую характеристику формирования экономического развития, основанную на знании. Как показывают исследования экономистов, инновации сегодня – основной источник экономического роста и важнейший фактор конкурентоспособности предприятий, регионов и национальных экономик. Подсчеты экспертов ОЭСР показывают, что экономический рост развитых стран в последние два десятилетия более чем наполовину обусловлен инновациями [1]. Новая экономика требует новых подходов, в связи с чем можно утверждать, что движущей силой является не просто информация и знания как таковые, а инновационные знания.

В современных условиях глобализации мировой экономики, резкого возрастания конкуренции, изменилось отношение к главной производительной силе общества – человеку, который представляет, в свою очередь, кадровый потенциал, являющийся системообразующим элементом инновационного развития экономической системы региона [3].

Цель нашей работы – уточнение количественных и качественных показателей человеческих ресурсов регионов Центрального Черноземья (на примере Курской области), а также выявление условий для повышения уровня кадрового потенциала инновационного развития региона. Методами сбора информации стали анализ статистических материалов, а также вторичный анализ данных полевого социологического исследования.

Анализ статистических показателей развития Курской области свидетельствует о том, что в регионе по-прежнему остается невысоким уровень развития промышленного производства, вместе с тем наблюдается рост строительной отрасли и в рамках реализации «национального проекта» – развитие сельскохозяйственного производства.

По данным Курскстата, объем инвестиций в основной капитал производственной и социальной сферы Курской области за первое полугодие 2015 года составил 23,4 млрд. рублей (81,1% к январю-июню 2014 г.) [1]. Это свидетельствует о некотором снижении инвестиционного потенциала региона, что характерно и для других российских регионов.

Вопросы кадрового потенциала региона являются важными для представителей органов власти, руководителей предприятий, а также для исследователей. Так, в ходе проведенного полевого социологического исследования в Курской области под руководством Е.В. Дуданова в 2009 году (N=817), было выявлено, что реализация

кадрового потенциала региона сопровождается рядом трудностей социально-экономического характера. Эти трудности проявляются, прежде всего, в высоком уровне текучести работников на производстве; несоответствии квалификации работников требованиям производства; недостаточном внимании к подготовке и переподготовке сотрудников; отсутствию научно обоснованного нормирования и эффективной системы стимулирования труда; разобщенности служб, занятых управлением персоналом, их слабой скоординированности. Все это неизбежно затрудняет эффективную реализацию кадрового потенциала региона. Эмпирическое исследование выявило также отрицательные значения индексов удовлетворенности рядом элементов системы трудовой мотивации в зависимости от уровня образования и стажа работы. Респонденты с высшим образованием в большей мере не удовлетворены системой развития трудовой деятельности. Результаты социологического исследования свидетельствуют о необходимости совершенствования социальных условий реализации кадрового потенциала в рамках разработки и реализации комплексных программ развития, оценки, стимулирования кадров.

На наш взгляд, важными факторами, определяющими инновационный потенциал развития региона, являются: наличие на территории региона учреждений по качественной подготовке научных кадров; существование на территории региона научно-производственного и образовательного комплексов, имеющих возможности для разработки современных наукоемких технологий; наличие на территории региона промышленных предприятий, способных воспринимать наукоемкие технологии и выпускать конкурентоспособную высокотехнологичную продукцию; размещение на территории региона потенциальных потребителей наукоемких технологий.

Основные показатели деятельности по подготовке научных кадров на территории региона свидетельствуют о незначительном их количестве и проявляют тенденцию к снижению. Так численность аспирантов на период 2010 года в регионе составляла 1242 человека, к 2014 году их количество сократилось до 937 человек. Выпуск из аспирантуры на период 2014 года составил 276 человек. Численность докторантов к 2014 году составила 20 человек, при этом выпуск из докторантуры – 8 человек [2].

В проведенном нами исследовании приняли участие 9 ВУЗов региона, с которыми сотрудничают 1763 предприятия Курской области. По итогам данного исследования было выявлено, что лидирующую позицию по приему выпускников Курских вузов на постоянную работу по специальности занимает Комитет образования и науки курской области, а именно, 139 выпускников. Курский областной союз потребительских обществ принял на постоянное место работы 57 выпускников, 33 выпускника трудоустроены в ФГУП «Ростехинвентаризация» Федеральное БТИ. Предприятия тесно сотрудничают с Курскими Вузами и постоянно получают повышение квалификации на базе корпоративных учебных центров, реализующих программы дополнительного профессионального образования. Профессиональную переподготовку кадров на базе Курского Государственного Университета получают такие предприятия, как ОАО «Фармстандарт-Лексредства», ООО Предприятие «Конкур», ОБУ «Курскгражданпроект», Межрайонные ИФНС России по Курской области, Комитет образования и науки Курской области и многие другие. На базе Курского Государственного университета было проведено 3 научно-исследовательских работы за счет средств финансирования Федерального государственного бюджетного учреждения "Центрально-Черноземное управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды", на базе Юго-западного Государственного Университета было выведено расчетное обоснование для продления срока службы строительных конструкций предприятия АО "ВНИИАЭС", г. Москва, обследование технического состояния фундаментов для предприятия ЗАО "Корпорация ГРИНН", г. Орел. Юго-западным государственным университетом осуществляется совместное участие в федеральных целевых программах, а именно, «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-

технологического комплекса России на 2014-2020 годы» совместно с предприятием ОАО «НИИСТА». Эти показатели свидетельствуют о достаточно налаженном уровне подготовки сектора науки и высшего образования.

Становление региональной системы подготовки кадров – это создание регионального образовательного кластера, способного на основе интеграции образования, науки и инновационной деятельности обеспечить региону эффективную конкурентоспособность на рынке. При этом инновации в региональной системе подготовки кадров приобретают самовоспроизводящийся характер, когда взаимодействие между участниками выступает как ресурс инновационного развития, связанного с непрерывным обменом информацией, знаниями, опытом. Важным обстоятельством является то, что вновь созданные инновационные проекты становятся продуктом творчества и инициативы научных коллективов [5].

В процессе функционирования системы подготовки кадров для инновационного производства, должны быть достигнуты цели обеспечения информационной поддержки образовательного процесса, научной, инновационной и методической работы педагогического сообщества; повышения эффективности использования образовательных ресурсов; обеспечения равных возможностей пользования ресурсами всех субъектов образовательного процесса, научно-методической деятельности, осуществляемой в рамках регионального взаимодействия; расширения возможностей повышения квалификации работников в соответствии с потребностями развивающегося производства; объединения усилий образовательных учреждений, государства и бизнеса по использованию в своей деятельности современных информационных технологий; повышения эффективности инновационных технологий за счет взаимодействия образовательных учреждений и производства[4].

Показатели региональной системы подготовки кадров для инновационного производства, занимающиеся инновационной деятельностью в секторе науки и высшего образования, демонстрируют важную роль в формировании кадрового потенциала региона, а также формировании инфраструктуры инновационного общества.

1. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Курской области (Курскстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kurskstat.gks.ru> (дата обращения – 24.09.2015 г.)
2. Основные показатели деятельности аспирантуры и докторантуры. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по курской области (Курскстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kurskstat/resources/5f8f780041fae9a2be b1fe2d59c15b71/Основные+показатели+деятельности+аспирантуры+и+докторант уры.pdf (дата обращения – 25.09.2015 г.)
3. Хохлов Ю.Е., Шапошник С.Б. Экономика, основанная на знаниях: социально-экономические тенденции и политические цели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etmag.iis.ru/arc> (дата обращения – 25.09.2015 г.)
4. Ложко В.В. Стратегические инновационные приоритеты региональной экономической политики / В.В. Ложко // Экономика и управление. №2(34). 2008. С. 55-58.
5. Егорова М. В. Модель региональной инновационной системы: теоретико-методологический аспект / М. В. Егорова, В. В. Авилова // Инновации. – 2007. – №6. – С. 66-69.

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Пятова А.С. (Иркутск)

Общеизвестно, что важнейшим элементом национальной безопасности государства выступает безопасность экономическая, которая представляет собой обеспечение устойчивого экономического развития страны и состояние защищенности от внутренних и внешних угроз. В настоящее время в условиях кризисной ситуации и западных санкций как никогда остро встал вопрос не только о конкурентоспособности нашей экономики, о её дальнейших путях развития, но и об экономической безопасности в целом. Нынешняя ситуация явно показала насколько жизненно важные экономические отрасли России зависимы сегодня от западных технологий. Так, по оценкам Минпромторга Россия импортирует в гражданском самолетостроении более 80% комплектующих, в тяжелом машиностроении – порядка 70%, в нефтегазовом оборудовании – 60%, в энергетическом оборудовании – около 50%, в сельхозмашиностроении в зависимости от категории продукции – от 50% до 90% деталей [1, с.4]. Не представляется возможным говорить сегодня о самодостаточности и диверсифицированности нашей экономики, хотя, безусловно, обширный ресурсный, кадровый и научный потенциал раскрывает широкие перспективы для этого.

Обнажение данной проблемы стало спусковым крючком к принятию Правительством РФ необходимого и своевременного решения о курсе на импортозамещение в начале 2014 года. Научное сообщество, бизнес структуры, специалисты различных сфер экономики присоединились к обсуждению успехов и неудач новых преобразований. Определение дальнейших перспектив развития отечественной промышленности, роли государства и общества в этом процессе и стало целью нашей работы.

На заседании комиссии по импортозамещению премьер-министр РФ Д.А. Медведев заявил, что нам «надо замещать важнейшие сегменты того», что «критически важно производить в нашей стране». Таким образом, сегодня речь не идёт о том, чтобы заместить у нас всё и вся как многие себе пытаются представить. Напротив основной упор должен быть сделан лишь на ключевые точки, которые в дальнейшем смогут стать той необходимой базой для поднятия российской экономики. Минэкономразвития уже определило 18 приоритетных отраслей для импортозамещения. Среди них можно выделить фармацевтику и медицинскую промышленность, оборудование для пищевой промышленности, гражданское авиастроение, судостроительное оборудование, двигателестроение, станкоинструментальную промышленность, электрохимическую, кабельную, радиоэлектронную промышленность, химическую и нефтехимическую промышленность, нефтегазовое машиностроение [4]. В каждой из перечисленных отраслей Россия имеет немалые проектные практические разработки, которые необходимо не только воплотить в жизнь, запустив серийное производство, но и следуя за прогрессом поставить целью их совершенствование. Вице-премьер правительства Аркадий Дворкович говорит: «Речь идет не о создании аналогов, а об инновационных товарах с улучшенными характеристиками». Действительно, нет смысла в некоторых сферах направлять все силы и средства на внедрение уже существующих технологий, так наше производство никогда не станет конкурентоспособным. «Наша цель не догонять и не только идти в ногу, но и продвигаться вперед» - подтверждает министр промышленности Денис Мантуров.

Не стоит думать, что во всех без исключения сферах мы далеко и надолго отстали от развитых стран, в России есть отрасли, которые развиваются особенно динамично. В энергетике мы производим приборы энергетического оборудования [3], в электронике - RFID-чипы, микропроцессоры, цифровые фотоаппараты и принтеры и т.д. В производстве спецтехники - деревообрабатывающее оборудование, технологические роботы, подъемно-транспортное оборудование, и др. На этой уже существующей технологической базе и должны строиться сегодня новые проекты импортозамещения.

На уровне законодательства в рамках процесса импортозамещения 1 июля 2015 был принят закон № 488-ФЗ «О промышленной политике», создавший единую правовую базу, которая четко определяет правила, принципы и механизмы государственного

стимулирования развития промышленности. Был утвержден (01.10.2014) «План мероприятий по содействию импортозамещению в промышленности», основной задачей которого стала разработка отраслевых планов с перечнями приоритетных и критических видов продукции и технологий, подлежащих импортозамещению в первую очередь. В качестве государственной информационной системы промышленности был создан Национальный центр поддержки импортозамещения, который будет иметь базу данных поставщиков, заказчиков и возможностей, которые они предоставляют. Кроме этого в конце 2014 года был создан Фонд развития промышленности для предбанковского финансирования (было выделено 20 млрд. руб.) крупных долгосрочных проектов, направленных на разработку новых технологий, высокотехнологичных производств и продуктов [2].

Программа импортозамещения уже начала давать свои результаты, и вместе с тем были выявлены многочисленные трудности, с которыми столкнулось государство в ходе проведения данной политики. Во-первых, сегодня многие отечественные поставщики продукции не знают своих потенциальных заказчиков, и наоборот заказчики, привыкшие сотрудничать с зарубежными предприятиями, не задумываются о возможной альтернативе, а если задумываются, то делают выбор в пользу последних. И дело даже не в соотношении цены и качества продукции, российские промышленные товары зачастую не уступают в этих показателях иностранным, а иногда и превосходят. Сегодня в обществе не сформировано на должном уровне отношение доверия к отечественной продукции, «западные товары – лучше и качественнее» - так считает большинство потенциальных потребителей. На наш взгляд проблема заключается в укоренившихся взглядах общества на российское и западное качество, идущее еще с советских времен. Она усугубляется недостаточным информированием населения о достижениях отечественной промышленности: СМИ большей частью рекламирует зарубежные товары. Вместе с тем, импортозамещение будет полноценно развиваться, только в условиях спроса на российскую продукцию среди предпринимателей касательно производственных технологий, оборудования и среди населения касательно товаров массового потребления. Поэтому важнейшей задачей на данном этапе для государства должно стать формирование многосторонних связей между бизнесом (поставщиками и заказчиками) и властью. Необходимо перейти от ручного управления взаимоотношений к системной работе с профильным предпринимательским сообществом. Необходимо повышать конкуренцию на внутреннем рынке, снижать стоимость продукции, используя различные административные рычаги для того, чтобы позволить отечественному производству занять выгодную нишу на российском рынке. Кроме этого государству важно обеспечить поддержку и доверие населения в области российского машиностроения, электроники, IT-технологий и для этого освещать все ключевые моменты их достижений с помощью официальных Интернет-ресурсов и телевидения. Во-вторых, внедрение новых технологий для предпринимателей всегда сопрягается со значительным риском и не многие компании готовы пойти на это, предпочитая стабильно получать прибыль старым способом. Конечно, количество заявок по конкурсу Фонда развития промышленности уже давно превысило сумму, выделенную ему государством на эту поддержку, однако многие из заявок отсеиваются еще до первоначальной стадии отбора по различным несоответствиям. Принятые же проекты будут лишь точно заниматься импортозамещением в той или иной отрасли. И здесь мы опять возвращаемся к вопросу о системности.

К настоящему моменту наше государство вплотную подошло к необходимости производства собственных конкурентоспособных технологий и оборудования в ключевых отраслях промышленности. В первую очередь сегодня это становится одним из условий экономической безопасности нашего государства и общества. Государству необходимо системно на уровне законодательства заинтересовать и мотивировать предпринимателей внедрять инновационные технологии. Обществу в целях своей экономической безопасности нужно изменить мнение к своей же продукции. И наконец, все имеющиеся

отдельные успехи и достижения нашей промышленности сегодня необходимо укреплять и умножать с тем, чтобы сформировать самодостаточную систему производства в наиболее важных отраслях экономики.

1. Неёлов Ю.В. *Перспективы импортозамещения в Российской Федерации* / Ю.В. Неёлов // *Аналитический вестник № 27 «О мерах по реализации импортозамещения в гражданских отраслях промышленности в интересах укрепления национальной безопасности»*. – Москва, 2014.
2. *Импортозамещение без денег умрёт, не родившись* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/business/2015/02/12/6410281.shtml> (дата обращения: 03.10.15)
3. *Сделано в России* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/2838> (дата обращения: 03.10.15)
4. *Чиновники определили приоритетные отрасли для импортозамещения* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://projecthunting.ru/chinovniki-opredelili-prioritetnyie-otrasli-dlya-importozameshheniya> (дата обращения: 03.10.15)

ПРОБЛЕМЫ ПОЖИЛЫХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рахматуллина З.Б. (Уфа)

И если молодость – стихия страстей и эмоций, то старость – стихия мысли, творчества и разума.

Джордж Бернард Шоу,
английский писатель

В последние десятилетия активно ведутся исследования системы социальной защиты населения, среди которых ведущее место занимают работы: Л.Г. Гуслияковой, В.И. Жукова, И. Г. Зайнышева, И.А. Зимней, П.Д. Павленка, А.М. Панова, З.М. Саралиевой, В.Н. Смирновой-Ярской, Т.В. Шеляг, Н.Б. Шмелевой и др. В них анализируются вопросы взаимосвязи социальной работы и социальных проблем общества, социальной защиты различных категорий населения, вопросы формирования и финансирования отечественной системы социального обслуживания и др.

Как известно, социальная защита населения тесно связана с соблюдением прав и свобод человека и традиционно направлена на поддержание достойного уровня жизни для всех категорий населения. В настоящее время особенности социально-экономической ситуации таковы, что в стране сохраняется целый ряд проблем: замедление экономического роста, бедность, усиление социального расслоения.

В очередном опросе Левада-Центра граждан нашей страны спрашивали, что, по их мнению, сейчас более всего угрожает России. На первом месте в списке угроз оказался «рост цен, обнищание населения». Такой ответ выбрали 54% населения (среди домохозяек и безработных его выбирали намного чаще). Далее идет «экономический кризис» (49%), собственно являющийся причиной роста цен [1].

Ситуацию ухудшает то, что доходы сокращаются не только у трудоспособного населения. Трудно приходится пожилым людям, которых в настоящее время в России проживает более 33 млн., что соответствует 23% населения нашей страны [2].

Говоря об уровне жизни пенсионеров, директор Центра анализа доходов и уровня жизни НИУ «Высшая школа экономики» Лилия Овчарова отмечает, что если в 2008–2009 годах пенсии в России росли ускоренными темпами, препятствуя расширению бедности среди пенсионеров, то сейчас в реальном выражении они оказались ниже уровня 2014 года [3].

Финансовое положение россиян подрывает и сокращение региональными бюджетами программ адресной поддержки населения. «Все регионы — а большинство

выплат осуществляется за счет региональных бюджетов — встали на путь сокращения расходов на социальные выплаты населению, где возможно», — отмечает Лилия Овчарова. Касаясь вопроса адресной поддержки населения, отметим, что в системе социального обслуживания Республики Башкортостан функционирует 89 учреждений. Социальные услуги в форме социального обслуживания на дому в 2013 году получили 30458 человек, в 2014 году - 34289 человек, среди которых большинство составляют пожилые. С 2010 года ежегодный рост получателей услуг на дому в республике составляет в среднем 12%. В связи с этим за последние 2 года нагрузка на одного социального работника возросла на 62%, с 8 до 13 обслуживаемых человек. При этом получение услуг на дому является самой востребованной формой обслуживания у пожилых граждан. Это доставка продуктов питания, воды (в сельской местности), лекарств, уборка квартир, приготовление пищи, общение с подопечным и другие услуги. Учитывая мировую и общероссийскую тенденцию старения населения, можно с уверенностью предполагать, что численность пожилых людей, нуждающихся в получении социальных услуг будет увеличиваться с каждым годом [4].

Нуждаемость в социальной защите пожилых людей обусловлена, как видим, низким уровнем жизни и социальной незащищенностью, причем социальный статус пожилых людей в России не соответствует общемировым нормам и стандартам. Это выражается в том, что ограничен набор социальных ролей и форм активности, доступных пожилым людям, сужены рамки их образа жизни. Выбор социально санкционированных возможностей в сферах жизнеобеспечения, коммуникации и рекреации лица третьего возраста имеют ограниченный диапазон. К этому следует прибавить, что объективные данные о состоянии здоровья лиц пожилого возраста не дают достаточных оснований для оптимистических прогнозов относительно возможностей пожилых людей собственными силами поддерживать свою самостоятельность в течении позднего периода жизни.

Более того люди старшего поколения относятся к той категории населения, которая имеет ограниченный доступ к информации о предоставляемых социальных услугах и в целом к современным информационным ресурсам. Это зачастую порождает ситуацию информационного вакуума и ущемленного положения ввиду того, что большинство пожилых не успевает приспособиться к одним изменениям, как появляются новые. В результате большая часть пожилых не имеет доступа к современной информационной среде.

Многообразие и сложность социальных проблем пожилых людей (одиночество, болезни, бедность и т.д.), прогнозные предположения о сохранении сложившихся тенденций требуют проведения адекватных мероприятий, принципиальных решений и целенаправленных действий в интересах граждан старших возрастных групп по поддержанию их социальной защищенности, созданию условий для реализации личностного потенциала в старости. Ведь как справедливо замечал немецкий писатель Томас Манн «...старость не должна быть процессом упадка...».

1. *Бедность хуже диктатуры: чего боятся сейчас россияне*//РБК: <http://www.rbc.ru/opinions/society/26/02/2015/54edb8ac9a79476ed7b23169476ed7b23160>
2. <http://www.rg.ru/2014/10/01/topilin.html/> Официальный сайт "РГ" (дата обращения 26.04.2015).
3. *Число бедных россиян выросло за год почти на 3 млн. человек* //РБК: <http://www.rbc.ru/society/08/09/2015/55ef00b09a79476296ba24b3>
4. <http://mintrudrb.ru/press/reports/9615/>Выступление министра труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан Л. Х. Ивановой на Всероссийском форуме социальных работников 27 марта 2015 г. г. Ярославль (дата обращения 28.04.2015).
5. *Рахматуллина З.Б. ОБУЧЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ*//Актуальные проблемы социокультурного знания Сборник научных трудов. Ответственный редактор: Б.Г. Акчурин. Уфа, 2015. С. 62-67.

ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

Резанова Е.В. (Минск, Республика Беларусь)

В современных социально-экономических условиях является весьма актуальным изучение концепции доверия в организациях, как государственных, так и коммерческих. Закон, договор, экономическая целесообразность с необходимостью опираются на такие вещи как взаимодействие, моральные обязательства, ответственность и доверие, которые в свою очередь живут традицией, а не рациональным расчетом, поскольку дух общности и экономическая эффективность не существуют за счет друг друга.

Доверие в организации П.Н. Шихирев определяет как «оптимистическое ожидание человека, группы или фирмы, находящихся в условиях уязвимости и зависимости от другого человека, другой группы или фирмы в ситуации совместной деятельности или экономического обмена с целью способствовать, в конечном счете, взаимовыгодному сотрудничеству сторон» [4, с.20]. В свою очередь Т.А. Нестик исследует различные виды доверия в организации и этапы его развития, в частности выделяет рациональное и эмоциональное доверие по характеру взаимоотношений между сотрудниками.

Рациональное доверие – это уверенность в том, что коллега, руководитель или подчиненный способен выполнить взятые на себя обязательства. Рациональное доверие основывается на оценке компетентности, результативности труда, а также последовательности, предсказуемости поступков. Доверяющий полагается на партнера, ожидая, что тот не обманет, не подведет, не нарушит своего обязательства по отношению к доверяющему. В обмен на эту гарантию он берет на себя обязательство вернуть долг в случае необходимости. Взаимность обязательств становится морально-психологической основой для прочного, взаимовыгодного и долгосрочного сотрудничества, обеспечивает развитие социального капитала в организации [2]. Роль рационального доверия в развитии организации становится все более ощутимой. По мнению Ф. Фукуямы, «если люди, работающие вместе в одной команде, доверяют друг другу, то издержки производства будут меньше. И наоборот, люди, друг другу не доверяющие, в конце концов, смогут сотрудничать лишь в рамках системы формальных правил и регламентаций – системы, требующей постоянного переписывания, согласования сторон» [3, с.189].

Эмоциональное доверие – доверие, которое основано на оценке общности ценностей и мотивов: доброжелательности, открытости для успешного решения проблем, мотивированности на достижение общей цели, порядочности [2]. По мнению П.Н. Шихирева, можно выделить следующие необходимые характеристики человека, заслуживающего доверия: порядочность (репутация честного и верного своему слову человека); последовательность (надежность, предсказуемость и здравый смысл в различных ситуациях); лояльность (доброжелательность как готовность защитить и подбодрить партнера); открытость (психологическая доступность и готовность свободно делиться идеями и информацией) [4].

По направленности взаимоотношений можно выделить горизонтальное и вертикальное доверие. Горизонтальное доверие – это доверительные отношения, которые формируются между сотрудниками, находящимися на одном иерархическом уровне в организации. В развитии доверия между сотрудниками Т.А. Нестик выделяет несколько стадий: расчет, опыт и тождество. Стадия расчета основана на своеобразном балансе всех «за» и «против», которые сотрудники мысленно подсчитывают в случае нарушения другими сотрудниками взятых обязательств. Для развития доверия на данной стадии принципиально важны частота контактов в команде, соблюдение договоренностей в мелочах. На стадии опыта различные гарантии и противовесы в значительной степени теряют свой смысл, и возрастает значение эмоциональной составляющей доверия – доброжелательности и открытости в обсуждении проблем. На стадии тождества члены

команды являются группой с единой системой ценностей. Они настолько хорошо понимают друг друга и схожи в оценках происходящего, что вполне могут доверять друг другу представление взаимных интересов в отношениях с остальными людьми [2].

Вертикальное доверие – это доверие руководителя своим подчиненным, которое является важнейшим организационным ресурсом, т.к. вызывает ответный отклик в виде желания оправдать доверие, мобилизует все возможности работников и на порядок повышает уровень проявляемой ответственности. Вместе с тем такое доверие освобождает организацию от многочисленных проверок и делает ее развитие более эффективным. Вертикальное доверие выражается, прежде всего, в делегировании полномочий. По мнению В.В. Вольчика, «делегирование – технический прием, при котором компетенции и ответственность за действия передаются, насколько это возможно, сотрудникам, которые принимают и реализуют решения» [1, с.36]. Делегирование может быть направлено на любое поле деятельности предприятия. При делегировании полномочий снимается нагрузка с руководителя, поддерживается собственная инициатива работников, усиливаются их трудовая мотивация и готовность нести ответственность.

Эмпирическое изучение способности руководителей госорганов разумно делегировать свои полномочия, позволило сделать некоторые заключения (исследование проводилось Центром исследований государственной кадровой политики НИИ ТПГУ Академии управления при Президенте Республики Беларусь в 2015 года). Подавляющее большинство руководителей (67,7%) в коллективах государственных органов управления, доверяет выполнение ряда функций только узкому кругу работников, и лишь треть респондентов (29,6%) согласилась с тем, что руководитель должен делегировать полномочия разным сотрудникам коллектива, предоставляя возможность каждому проявить инициативу. По характеру делегирования полномочий мнения государственных служащих оказались равными: половина (50,5%) из них отметила, что при делегировании полномочий упор делается на инструктаж, ожидается четкое выполнение алгоритма; а вторая половина (47,3%) заявила, что при делегировании полномочий упор делается на ожидание инициативы в решении задач.

Регулярное проведение открытых дискуссий работников и руководителей, повышающие взаимное доверие и сплоченность коллектива, констатировал каждый второй государственный служащий, а треть респондентов отметили, что такие дискуссии проходят редко и спонтанно, только по мере возникновения какой-либо проблемы. При этом важность и значимость принятия данных решений подтвердило большинство респондентов. Треть респондентов отметили, что участие в принятии решений повышает самооценку подчиненных, а каждый четвертый заявил, что совместное принятие решений – это эффективный способ коммуникации. Положительное влияние совместных дискуссий на формирование благоприятного климата в коллективе подтвердили 36,4% государственных служащих. Таким образом, руководители не уделяют достаточно внимания открытому информационному обмену, сопровождающемуся дискуссиями, спорами и дебатами, в результате чего вырабатывается командный дух и повышается рациональное доверие сотрудников друг к другу.

Условием эффективности функционирования организации является то, как индивиды взаимодействуют между собой, умеют ли они работать в команде, могут ли доверять партнерам и коллегам или будут проводить дорогостоящие проверки. Вследствие этого, исследование доверия в организации является актуальным как для государственных, так и для коммерческих организаций.

1. Вольчик, В.В. Роль социального капитала и групп интересов при формировании института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка / В.В. Вольчик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006. – Т.4. – №2.
2. Нестик, Т.А. Доверие в команде: преимущества, риски, методы развития / Т.А. Нестик // Технологии корпоративного управления [электронный ресурс]: режим

доступа http://www.iteam.ru/publications/human/section_87/article_2686/ – Дата доступа: 15.05.2015

3. Фукуяма, Ф. *Доверие: социальные добродетели и пути к их процветанию: пер. с англ. / Ф.Фукуяма – Москва: АСТ: Ермак, 2004. – 730с.*
4. Шихирев, П.Н. *Природа социального капитала: социально-психологический подход / П.Н. Шихирев // Общественные науки и современность. – 2003. – №2. – С.17-31.*

ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСНОЙ ЭКОНОМИКИ

Рожнова А. (Волгоград)

Кризисные явления в экономике имеют место на сегодняшний день во многих странах мира, в том числе – в России. Кризис был порождён осложнением геополитической обстановки, а также взаимными экономическими санкциями, что повлекло непреодолимые последствия.

Логическим следствием кризисных явлений можно считать сокращение уровня товарооборота между странами, ослабление международной специализации, повышение уровня цен на продукцию и снижение интенсивности сырьевой торговли. Кроме того, ослабление испытала социальная сфера жизни многих стран, в том числе – в области медицины, здравоохранения, культуры.

Важным аспектом в решении кризисной ситуации можно считать анализ концепции устойчивого развития, которая оказывает влияние не только на развитие мировой экономики, но и других отраслей мирового хозяйства.

Концепция устойчивого развития по определению является механизмом снижения неблагоприятных факторов и явлений, поскольку направлен на предупреждение истощения ресурсов, минимизацию отходов, обеспечение системности производства и потребления. Так, устойчивость потребления основана на достижении «качественного улучшения состояния окружающей среды за счет перехода к потреблению более «экологичных» товаров и услуг (качество потребления), а не за счет общего снижения объемов потребленных товаров и услуг (уровня потребления)» [2, с.128]. При этом наряду с экологичностью должны соблюдаться разумность, целесообразность потребления и соотношение потребительских запросов с возможностями окружающей среды.

В условиях кризиса для целей применения концепции на первый план выходит система оценки устойчивости, а именно – индикаторы устойчивого развития, анализирующие потребление и определяющие направления выхода из кризиса.

«Индикаторы устойчивого развития должны служить для различных структур власти, лиц, принимающих решения, широкой общественности своеобразным барометром экологического состояния мира, стран и регионов, происходящих в них процессов и тенденций развития» [4, с.4].

После проведения конференции ООН в Рио-де-Жанейро многие международные агентства и отдельные страны начали разработку системы индикаторов с целью оценить происходящие в области экологии и экономики процессы и выдвинуть идеи изменений для достижения положительного эффекта. Первой комплексной разработкой стала система индикаторов устойчивого развития, предложенная Комиссией по устойчивому развитию ООН в 1996 году. На сегодняшний день официальные системы индикаторов устойчивого развития имеют фактически все крупнейшие международные организации (ООН, Всемирный Банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейское сообщество и др.) и развитые страны.

Необходимо отметить, что указанные системы индикативных показателей основаны как на общих социально-экономических категориях, так и на частных. Например, экология и экономика подлежат измерению на основе взаимовлияния, учёта

экологического фактора с масштабах экономики и экономических процессов в экосистемах. «Характерным в этом отношении документом является последний доклад Европейского экологического агентства (2007), где широко используются индикаторы для анализа и прогноза экологической ситуации в Европе» [1].

Для России разработка индикаторов также является актуальной, однако уровень эколого-экономических показателей в программных и нормативных документах гораздо ниже, чем в странах Европы.

Так, С.Н. Бобылёв на основе анализа ряда документов (система показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, сводный доклад Правительства РФ «Цели, задачи и показатели деятельности субъектов бюджетного планирования (федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации)», список Министерства экономического развития «Показателей эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации») пришёл к выводам, что в перечисленных российских документах упоминание экологических проблем и представление соответствующих индикаторов минимально [4].

Разработка индикаторов устойчивого развития является комплексной и дорогостоящей процедурой, требующей большого количества информации, получить которую сложно или вообще невозможно (например, по многим экологическим параметрам). Обобщение мирового опыта в этой области предоставляет два подхода к разработке индикаторов:

1. Построение интегрального (агрегированного) индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Показатель основан, как правило, на основе трех групп показателей: эколого-экономических, экологических, эколого-социально-экономических.

2. Построение системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. В рамках общей системы выделяются такие подсистемы показателей, как экономические, экологические, социальные, институциональные.

Значение систем индикаторов для целей решения кризисных ситуаций в современной экономике сводится к тому, что именно на их основе возможно производить мониторинг развития окружающей среды, производства, экономики стран и соотносить потребности общества с ресурсной базой. Устойчивость развития предполагает стабильность мирового развития и отдельно взятых стран, что позволяет сглаживать последствия кризисных явлений и решать возникшие на их фоне проблемы.

Важность применения данной концепции определяется тем, что она «объединяет в себе три основных аспекта: экономический, социальный и экологический» [5, с.12].

«Экономическая составляющая подразумевает оптимальное использование ограниченных природных ресурсов и применение экологичных природо-, энерго-, и материалосберегающих технологий» [5, с.12]. Социальная составляющая устойчивости направлена на «сохранение стабильности существующих социальных и культурных систем и сокращение числа разрушительных конфликтов между людьми» [5, с.12].

Экологический аспект обеспечивает целостность и жизнеспособность биологических и физических природных систем, прежде всего тех, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы.

Таким образом, устойчивое развитие общества и его отдельных сфер жизнедеятельности приобретает всё большую значимость в аспекте кризисных явлений. Кризис необходимо ликвидировать и снижать вредные проявления, ввиду чего устойчивость может служить значимым инструментом. Устойчивое развитие целесообразно оценивать на основе индикаторов, которые позволяют сделать вывод о возможностях, приоритетах экономики, а также текущем состоянии.

Индикативное мышление способно не только синтезировать имеющуюся информацию, но и обозначить вектор общественного развития на основе произведённых расчётов.

1. *Economic Instruments for Pollution Control and Natural Resources Management in OECD Countries: a Survey.* // OECD, Paris, 1999.
2. А. П. Амышнинов, В. А. Щерба. Понятие и сущность национальной безопасности в экологической сфере // *Проблемы региональной экологии.* – 2014. - № 2. – с.127-133
3. Аннан К. Мы, народы: роль Организации Объединённых Наций в XXI веке // *Безопасность Евразии.* - 2000. - № 1. - С. 232-233.
4. Бобылёв, С. Н. *Индикаторы устойчивого развития России [Текст] / С.Н. Бобылёв / Москва: ЦППИ, 2001.- 220 с.*
5. Интрилигейтор, Майкл Д. Сущность наших текущих экономических проблем в глобальном мире [Текст] / Майкл Д. Интрилигейтор // *Международная экономика.* - 2011. - № 9. - С. 11-14.

РЫНОК ПРАЗДНИКА: СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ НА РЫНКЕ СВАДЕБНЫХ УСЛУГ

Рубцова Т. (Санкт-Петербург)

Вопрос о социальном конструировании рынков, равно как и вопрос о роли государства в возникновении рынков, в создании и поддержании институциональных рамок взаимодействия участников и рыночного механизма координации их деятельности в числе прочих вопросов о социальной «укорененности» [12], [10] экономической деятельности формируют основу экономсоциологической проблематики. Кризис, в том числе и «экономический кризис» часто понимается как ситуация аномии [5], [6], когда прежние нормы уже не эффективны, а новых еще нет. Изучение находящегося вне сферы непосредственного институционального контроля государства «свадебного рынка», который демонстрировал развитие и расширение в период, за который российская экономика пережила уже не один кризис, представляет в контексте нынешних кризисных явлений особый интерес.

В начале 1990-х годов в России, особенно в крупных городах (Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге), начинает складываться своеобразный «рыночный дискурс» относительно празднования свадеб. Организуются выставки, начинают издаваться тематические журналы и каталоги, в прессе появляются публикации об этой сфере деятельности, интервью с её активными участниками. В середине 90-х появляются свадебные агентства, которые начинают предлагать услуги по организации «свадьбы под ключ».

Обрядовая сторона городских свадеб также существенно меняется. Об этом свидетельствует словосочетание «современная европейская свадьба», которое становится устойчивым в речи горожан, так или иначе затронутых свадебным событием.

Что способствовало возникновению рынка свадебных услуг и что позволяет ему продолжать функционировать? Исследование рынка свадеб в Санкт-Петербурге дает основание поместить в центр анализа встречу, на которой происходит взаимодействие поставщиков услуг с их потенциальными клиентами. В контексте практически полного отсутствия государственного регулирования (в подавляющем большинстве случаев деятельность по организации свадеб никак не регистрируется), равно как и отсутствия имеющих реальное влияние профессиональных ассоциаций, роль этой «рыночной встречи» представляется основополагающей в формировании базового условия и главного ресурса рыночной координации – доверия между участниками рынка [1], [7], [13].

Анализ собранных в ходе исследования материалов показывает, что празднование свадьбы становится товаром через некоторое переопределение культурных смыслов этого «обряда перехода» [8]. И это переопределение происходит посредством «социального перформанса» [3], который реализуется актерами предложения в рамках их встречи с актерами спроса.

«Социальный перформанс» опирается на изменения в коллективных представлениях относительно семьи и брака. Уменьшается зависимость (в институциональном смысле) супругов от родительских семей. Также происходит индивидуализация брачного союза: под его целью и смыслом начинает пониматься раскрытие потенциала личности вступающего в брак партнера. Эти процессы способствуют появлению нового ритуального обрамления свадьбы. «Хороший», «правильный» обряд должен вести к «хорошему» браку, должен сделать его действительным, а поэтому должен соответствовать ожиданиям относительно самого брачного союза. Выбор деталей празднования становится индивидуальным (осуществляется конкретной парой), и родственники (особенно родители) и близкие будущих супругов отстраняются, по крайней мере, от активного участия в подготовке праздника. И таким образом высвобождается место для «внешнего» специалиста.

Персонализированный характер новых свадебных ритуалов (в которых главным становится не повторить, но успешно выразить желаемый новобрачными образ их союза) усложняет организацию празднования и способствует распространению представлений о необходимости привлечения профессионала, специалиста по организации праздников. Всё это, в свою очередь, стимулирует возникновение отношений услуг между профессионалом и парой, которая получает статус клиента.

В «социальном перформансе», который составляют множество «рыночных перформансов», реализуемых поставщиками свадебных услуг перед своими «зрителями» (потенциальными клиентами), развиваются три основных сюжета. Это – необходимость привлечения к организации свадьбы профессионалов, неуместность присутствия на празднике тамады и акцент на успешном проведении свадьбы («чтобы праздник удался»). Эти три сюжета представляют «современную европейскую свадьбу», как объект купли-продажи на рынке праздничных услуг. Представляется, что данный «социальный перформанс» реализуется вполне успешно, т.к. «современная европейская свадьба» стала ориентиром для целевой аудитории – будущих молодоженов.

Доверие, один из основных ресурсов координации на рынке персонализированных услуг, реализуется как вера в профессионализм поставщиков услуг. Занятия, связанные с организацией свадеб, не формируют профессию в институциональном смысле. И «профессионалы праздника» не обладают деперсонализированными инструментами (диплом, сертификат, членство в ассоциации, гильдии и т.п.) уверения клиентов в своем профессионализме. Эту задачу поставщики решают в процессе взаимодействия с клиентами в рамках «рыночных встреч». С помощью символического аппарата [9, 29-36] они реализуют «представление себя как профессионалов». В этом представлении, исполненном актерского мастерства, дружеский регистр общения играет исключительно важную роль, а образ свадебного организатора-профессионала конструируется как «лучшая подруга невесты». Таким образом, рынок свадебных услуг возникает во многом благодаря тому, что он успешно «сыгран».

Рынок услуг по организации свадеб представляет собой рынок единичных благ [11], [4], существованию которого угрожают непрозрачность (в основе которой лежит многомерность и радикальная неопределенность качества услуг [2]) и оппортунистическое поведение его участников. Однако свадебный рынок представляет собой рынок-сеть [11, 229-235], сочетающий несколько типов экономической координации, поддерживающей его функционирование. Одним из режимов координации является поиск специалиста-«чудотворца» [11, 240-245] посредством «сарафанного радио», а именно рекомендаций исходящих от источников, заслуживающих доверия:

друзей, родственников, знакомых потенциальных клиентов. Основопологающим здесь является убеждения, что такой специалист существует, и есть те, кому он знаком.

Другой тип координации представлен режимом межфирменного взаимодействия, основанным на партнерстве и отношениях субподряда. В данном случае один специалист (или свадебное агентство) привлекает другого специалиста, рекомендуя (или навязывая) его своему клиенту, тем самым производя некоторый отбор поставщиков услуг.

Необходимо также отметить, что инструменты, предоставляющие возможности вынесения суждения и обретения доверия, предлагаемые поставщиками услуг, опираются на расположенность к доверию исходящую от самих потенциальных клиентов. Основная характеристика такой склонности доверять свадебным специалистам коренится в том, что клиенты в некотором смысле сами ищут быть «очарованными» [14]. «Очарование» в их представлениях является неотъемлемой потребительской характеристикой праздничных услуг. И они готовы доверять, даже если качество услуг вызывает сомнения. Более того, способность очаровать расценивается ими как профессиональная компетенция: свадебных организаторов (в подавляющем большинстве случаев это молодые женщины) часто называют «свадебными феями».

Межфирменный режим координации, подразумевающий создание некоего «квази-рынка» на основе кооперации поставщиков услуг, оказывается довольно эффективным для сегмента высокобюджетных свадеб. Качество услуг обеспечивается личными отношениями в рамках партнерских сетей. Вопросом, заслуживающим отдельного исследования, является выяснение роли мероприятий («рыночных ивентов»), таких как свадебные выставки, конкурсы красоты, семинары для невест и т.п., в образовании подобных сетей и развитии инструментов вынесения суждения и доверия, функционирующих по типу «репутации».

1. ВЕСЕЛОВ Ю. *Доверие и справедливость*. Москва, Аспект-Пресс, 2011
2. AKERLOF G.A., « *The Market for « Lemons »: Quality Uncertainty and the Market Mechanism* », in *The Quarterly Journal of Economics*, 84-3, 1970, pp. 488-500. <http://links.jstor.org/sici?sici=0033-5533%28197008%2984%3A3%3C488%3ATMF%22QU%3E2.0.CO%3B2-6>
3. ALEXANDER J.C., « *Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy* », in ALEXANDER J., GIESEN B., MAST J.L. (dirs.), *Social Performance : Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*, New York, Cambridge University Press, 2006, pp.
4. BANDT, J. (de), GADREY, J. (dirs.). *Relations de service, marchés de services*, Paris, CNRS Éditions. 1994.
5. DURKHEIM E. *De la division du travail social*, Paris, Félix Alcan, 1893; réimpression Paris, PUF, 1967 (http://classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/division_du_travail/division_travail.html)
6. DURKHEIM E. *Le suicide. Étude de sociologie*. Paris, PUF, 2e édition, 1967 (http://classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/suicide/suicide.html).
7. FRANÇOIS P, *Sociologie des marchés*, Paris, Armand Colin, 2008
8. GENNEP van A., *The Rites of Passage*, (1909). University of Chicago Press, 1960
9. GOFFMAN E., *La mise en scène de la vie quotidienne. 1. La présentation de soi*, Paris, Minuit, coll. « *Le sens commun* », 1973(1956)
10. GRANOVETTER M., « *Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness* », *The American Journal of Sociology*, 91(3), 1985, pp. 481-510
11. KARIPIK L., *L'Économie des singularités*, Éd. Gallimard, 2007
12. POLANYI K., *The Great Transformation – The Political and Economic Origins of Our Time*. 2nd ed. Boston: Beacon Press, 2001
13. STEINER Ph., VATIN F., *Traité de sociologie économique*, PUF, 2009
14. WINKIN Y., « *Propositions pour une anthropologie de l'enchantement* », in RASSE P. (dir.), *Unité-Diversité. Les identités culturelles dans le jeu de la mondialisation*, Paris, L'Harmattan, 2001, pp. 169-179

ОПИСАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ И ИЗМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССОВ: ТЕХНОЛОГИИ РЕШЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАДАЧ

Сазонов А.А., Сазонова М. В. (Москва)

Современное производственное предприятие - это предприятие со всевозможными процессами, с помощью которых сырье, материалы и заготовки преобразовываются в готовую продукцию или услугу, удовлетворяющую потребностям рынка.

Действующее производство невозможно представить без разного рода проблем, решение которых имеет массу рациональных вариантов. Принятие нужного решения возможно только посредством выбора из всего их многообразия. По существу процесс решения задач производства – это рабочий процесс в руководящей сфере предприятия или организации, который проводится управляющим органом от отделов до вышестоящих руководителей.

Разделение решения производственных задач возможно с учетом следующих их признаков:

- с учетом уровня, по которому принимаются решения;
- с учетом характера принятия решений;
- определения категории задач, которые необходимо решить;
- выбор метода, по которому должно быть принято правильное решение;
- с учетом достоверности исходной информации;
- с учетом руководителя, принимающего решение.

Эффективность принятия решений во многом зависит от качества и своевременности исходной информации. Технология решения производственных задач подразумевает, что исходная информация должна быть предоставлена в полном объеме; проверенной; необходимой и оперативной; достаточно актуальной и не имеющей противоречий; имеющей многократное применение.

Принятые решения должны быть эффективными, целенаправленными, аргументированными, конкретными, быть правомочными, прозрачными и понятными в исполнении.

Решение производственных задач циклично и его можно представить поэтапно:

- 1 этап – определение и постановка возникшей проблемы;
- 2 этап - определение возможных решений;
- 3 этап - выбор верного решения;
- 4 этап - воплощение решения;
- 5 этап - контроль результатов устранения проблемы.

На сегодняшний день известно несколько научных определений

формирования системы инструментов для диагностики и изменения процессов, так сказать обобщенного описания приемов и способов технологии решения производственных задач. Под инструментами менеджмента необходимо подразумевать совокупность моделей и методов, применяемых для решения задач производства и их информационного, организационно-методического сопровождения.

Исследования показывают, что ряд инструментов менеджмента постоянно увеличивается, что вызвано необходимостью осуществления

эффективного управления предприятием и его непрерывного совершенствования.

Инструменты, которыми располагает менеджмент чрезвычайно многообразны. Данные инструменты значительно разнятся по степени сложности, по своему практическому назначению, по условиям непосредственного применения и по другим их признакам, – от систем установленных норм до систем функционально руководства различных типов.

Для диагностики и изменения процессов: технологии решения производственных задач используются определенные инструменты, в качестве которых выступают модели и методы.

Модель - это представление чего-либо в упрощенном виде. Определяют модели физические, схематические и математические.

Например, при необходимости моделирования экономических процессов и явлений используются математические и модели в виде схем (графиков).

Схематические модели нужны для практического представления и воспроизведения технических и производственных процессов, обозначения направлений материальных линий, планов размещения рабочего оборудования, организационных и функциональных структур производственных подразделений предприятий.

Можно сказать, что математические модели более отвлеченные, чем физические и схематические. Они не представляют наглядного воспроизведения явлений и операций. Но их преимущество состоит в том, что в виде формул описаны действия в динамике. Правильное моделирование процессов производства и управления позволяет определить наиболее первостепенные факторы и исключить из рассмотрения второстепенные, не имеющие существенного значения. Это приводит к тому, что при принятии решений производственных задач особое внимание будет направлено на самые важные аспекты возникшей проблемы, что приведет к быстрому и правильному варианту ее разрешения.

Преимущество использования моделей, как инструментов для диагностики и изменения процессов, состоит в том, что:

- при верном составлении моделей создается более точное понимание проблемы;
- модели дают возможность реально представить поведение производственной системы в зависимости от перемен в тех или иных факторах производства, при этом не требуется дополнительных материальных вложений;
- модели – это эффективный инструмент для оценки итоговых показателей деятельности предприятия;
- обеспечивают общий подход к анализу решаемых проблем.

Однако, нужно понимать, что положительных результатов можно достичь, если модель соответственно отражает объект моделирования и происходящие в нем изменения и процессы.

Технология решения производственных задач предполагает анализ всех возможных вариантов решений и выбор наиболее приемлемого из них.

По сути, методы имеют только практическое приложение, так как с их помощью происходит воздействие на объект управления с целью перевести систему производства из первичного состояния в необходимое. Они делятся на три группы:

- 1) интуитивные;
- 2) основанные на знании и практическом опыте;
- 3) обоснованные научно.

Первые две группы решений не подлежат исчислению и, не смотря на то, что принятие решения вырабатываются на основе объективной информации, результат их в большинстве своем зависим от опыта и интуиции конкретного руководителя, то есть от субъективного фактора.

Обоснованные научно методы решения производственных задач основываются на большем представлении процессов производства и управления ими. Научно обоснованные формализованные методы по своему содержанию количественные, экономико-математические.

Выделяют четыре группы экономико-математических методов. Аналитические методы подразумевают существование некоторых аналитических связей в производственной системе. Использование статистических методов предполагает принятие решения, которые основаны на анализе большого объема информации. Методы математического программирования (линейного, динамического) выступают способом

средством самого лучшего решения по заданному критерию из массы вариантов. В обстоятельствах риска и большой неоднозначности жизнедеятельности производственной системы предприятия для решений производственных задач также часто прибегают к методам теории игр.

Использование количественных методов в производственном менеджменте позволяет найти самое оптимальное решение задачи математическим способом.

Анализ (диагностика) — это действие комплексного анализа внутренних и внешних ресурсов и возможностей предприятия, направленный на оценку его сильных и слабых сторон, выявление главных проблем, носящих стратегический характер

Управленческое обследование - метод, используемый для диагностики внутренних проблем производства. При обследовании рассматривается только пять функциональных зон — маркетинговая, финансовая (управленческий и бухгалтерский учет), производственная (операционный менеджмент), персонал, а также организационная культура и имидж фирмы, однако стратегические перемены могут касаться и других сфер деятельности организации.

Внутренняя диагностика проводит не только анализ внутренней ситуации, имеющей место в настоящем времени, но и анализ того насколько параметры, присущие сильным и слабым сторонам организации стабильны в перспективном направлении. Также внутренняя диагностика предполагает оценку последствий грядущих стратегических изменений.

Определив приоритетные и слабые стороны, оценив факторы по степени важности, руководство может выделить те производственные зоны, которые требуют оперативного вмешательства.

Итоги анализа сильных и слабых сторон предприятия в последующем включаются в SWOT-анализ — один из главных инструментов аналитики стратегического менеджмента.

SWOT– анализ - это оценка внутренней среды фирмы, а также внешних возможностей и угроз. Целью SWOT-анализа является определение основ развития предприятия, систематизация полученной аналитической информации о сильных и слабых сторонах фирмы, а также о вероятных возможностях и угрозах.

Часто применяемыми инструментами для диагностики и изменения процессов: технологии решения производственных задач являются:

- система управления по целям (MBO - Management By Objectives);
- система и методики ПАТТЕРН (PATTERN) для решения задач целеопределения, планирования, регулирования и контроля;
- система и методики ПЕРТ (PERT) для решения задач планирования целевых комплексных программ и проектов;
- экспертизы и др.

Как инструмент решения производственных задач, система управления по целям (MBO) – система управления предприятием, которая направлена на итоговые результаты деятельности и основана на использовании творческого потенциала трудового коллектива, а также применение новых методов руководства.

Основным понятием данной концепции является понятие "итоговый результат". Различают итоговые результаты следующих трех типов:

- итоговый результат коммерческой деятельности предприятия (оборот, покрытие издержек, расходы постоянные и переменные, прибыль (рентабельность) и т. п.);
- итоговые результаты основной деятельности (данные объема и качества производимой продукции, объем использование производственных мощностей, сырья, материалов, энергии, рабочей силы и т. п.);

- итоговые результаты, стимулирующие достижение коммерческих и функциональных результатов (мотивация работающего персонала, психологическая атмосфера в коллективе, рациональность использования рабочего времени и т. п.).

Методика ПАТТЕРН (PATTERN – Planning Assistance Through Technical Evaluation Relevance Number) применяется в качестве инструмента для установки и оценки структуры целей, создана и воплощена фирмой "Хониуелл Инк" корпорации РЕНД.

Экспертиза – это исследования, которые проводят эксперты, для определения групповой оценки по проблемам, не объединенным в единую структуру

Сложность объектов оценки может быть затруднительна для экспертов. Чтобы избежать сложностей, исходную задачу экспертам часто замещают типом задачи экспертного оценивания, представленной в более удобной постановке. Данная задача, после обработки экспертами полученной информации, неизбежно приводит к решению исходной задачи.

Классифицируют следующие виды задач экспертного оценивания:

- парных сравнений;
- ранжирования;
- классификации;
- численной оценки.

Формирования групповой оценки экспертов производится с помощью следующих методов:

- метод "круглого стола", предполагает свободный и полный обмен полученной информацией между экспертами;

- метод "мозговой атаки", предполагает неполную (частичную) регламентацию общения экспертов;

- метод Дельфи с применением обратной связи при обсуждении;

- методы формирования групповой оценки, которые применимы в условиях полной изолированности экспертов друг от друга.

Для обработки экспертной информации и получения итоговой результативной оценки используются: методы статистики и шкалирования.

Использование инструментов для диагностики и изменения процессов при решении производственных задач приводит к повышению производительности труда; мотивации трудового коллектива; повышению прибыли предприятия; повышению заработной платы; снижает число ошибок в технологическом процессе производства,

Таким образом, рассмотренные инструменты для диагностики и изменения процессов: технологии решения производственных задач, позволяют раскрыть потенциал финансовых и организационных изменений предприятия, перспективу его экономического развития и управления.

1. Мельникова Т.А. Теория управления производством.– М., 2014. – 342 с.
2. Менеджмент: учебник / под ред. М.М. Максимцова, М.А. Комарова. - Юнити-Дана, 2012. – 343 с.
3. Производственный менеджмент: учебник для бакалавров / И. Н. Иванов, А. М. Беляев [и др.] ; под ред. И. Н. Иванова. — М. : Издательство Юрайт, 2013. – 574 с.
4. Формирование инструментария управления предприятием в современных экономических условиях // Е.В. Рябова, УДК 338.2, 2011

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ УСЛУГ АВИАПЕРЕВОЗЧИКОВ

Сергеева Д.Д. (Санкт-Петербург)

В настоящее время проблема доверия становится одной из самых актуальных проблем общественной жизни. Н. Луман, Дж. Коулмен и П. Штомпка считают, что доверие является современным феноменом, а, следовательно, продуктом рационализации общества, основанным на расчете. Луман рассматривает доверие как определенную стратегию совершения выбора в условиях нехватки информации. Это же положение поддерживает и Дж. Коулмен[2]. П. Штомпка замечает, что доверие определяется как «залог на будущие неуверенные действия других людей»[7]. Действительно, для эффективного функционирования современного общества в условиях высокого уровня неопределенности необходимо доверие для регулирования общественных отношений. Важно отметить, что существование рынков возможно только тогда, когда каждый ожидает, что его не обманывают. Современный российский рынок услуг компаний-авиаперевозчиков – один из наиболее нестабильных секторов экономики страны в условиях кризиса: долги компаний увеличиваются, основные игроки уходят с рынка, цены на авиабилеты постоянно растут. В такой ситуации возникает вопрос: доверять или нет, а если доверять, то кому.

Сформировавшись сравнительно недавно, рынок услуг авиакомпаний всё ещё продолжает своё становление: формируется состав игроков, создаются или изменяются правила поведения, проявляется всё большая активность государства. По данным The Global Competitiveness Report 2014 – 2015[8], отечественный рынок пассажирских авиаперевозок занимает 11-е место в мировой высшей лиге. Главной его особенностью является то, что практически все существующие авиакомпании образовались вследствие распада единственной авиакомпании во времена СССР – «Аэрофлот – Советские авиалинии» [1]. На 2015 год в Российской Федерации зарегистрировано 119 авиакомпаний-перевозчиков. Крупнейшими из них по количеству перевезенных пассажиров за 2014 год являются: Аэрофлот, Трансаэро, ЮТэйр, Сибирь/S7 Airlines и Россия. Необходимо отметить, что основная доля рынка принадлежит группе компаний «Аэрофлот» (37% рынка по пассажиропотоку и 38% рынка по пассажирообороту)[5]. На сегодняшний день в эту группу входят 5 дочерних компаний «Аэрофлота»: ООО «Авиакомпания «Победа»», ОАО «Авиакомпания «Россия»», ОАО «Авиакомпания «Аврора»», ОАО «ДонАвиа» и ОАО «Оренбургские авиалинии»[1]. Таким образом, рынок услуг авиаперевозчиков можно рассматривать в рамках неоинституционального подхода и теории организационных полей Н. Флигстина[6]. Следовательно, «Аэрофлот» является доминирующим игроком и способен влиять на организационную среду, создавая свои правила поведения, формируя основные институциональные порядки, одним из которых является доверие.

Необходимо отметить, что важная роль на рынке услуг авиаперевозчиков принадлежит государству. Именно оно устанавливает барьеры для входа на рынок, осуществляет субсидирование авиаперевозок, оказывает государственную поддержку авиакомпаниям[4]. Тем самым, государственное участие в жизни определенных компаний формирует определенный уровень доверия к ним со стороны потребителей. В свою очередь, авиакомпании, их политика и результаты деятельности оказывают влияние на доверие к ним со стороны государства. Таким образом, говоря о доверии на рынке услуг авиаперевозчиков, прежде всего, стоит обращать внимание на организационный, системный и потребительский уровни доверия.

Современное состояние российского рынка авиаперевозок ставит перед потребителями проблему выбора наиболее надежной авиакомпании, которая выполнит перед ним свои обязательства. Зачастую, приобретая билет, потребитель не может быть полностью уверен в том, что перелет будет осуществлять заявленная компания. Вследствие код-шэринга, то есть выполнения одного рейса разными авиакомпаниями в целях расширения своей маршрутной сети, перелет может быть выполнен компанией-партнером на ее воздушном судне, с соответствующим уровнем и качеством сервиса. Кроме того, на формирование доверия на потребительском уровне влияет то, как часто

происходят отмены или задержки рейсов авиакомпании, насколько они продолжительны, какие трудности возникают у потребителя с возвратом билетов или получением компенсаций. Еще одним из факторов, влияющим уровень доверия потребителя, является обеспечение и гарантия авиакомпанией безопасности полета.

Согласно опросу, проведенному компанией Oneroll в апреле 2013 года по заказу туристического поисковика Skyscanner [8], первое место у «Аэрофлота». Его предпочли 56% респондентов, большинство из которых мужчины старше 55 лет, отметивших стабильность, как одну из главных характеристик компании. Второе место в рейтинге занимает «Трансаэро» (20% респондентов), третье – у «S7» (12% респондентов). Четвертое место и пятое место у «UTair» и «России» соответственно. Важно отметить, что при наличии выбора между российскими и зарубежными перевозчиками, 48% респондентов предпочли бы европейские авиакомпании. Следовательно, можно сделать вывод, что уровень потребительского доверия отечественным перевозчикам ниже, чем зарубежным.

Таким образом, доверие на рынке услуг авиакомпаний является одним из основных институциональных порядков, регулирующих рыночные отношения. На данном рынке взаимодействие имеет трехсторонний характер «государство-авиакомпания-потребитель», поэтому необходимо, чтобы доверие, оказываемое каждой из сторон, имело высокий уровень, а также, подтверждение действиями того рыночного агента, кому оно оказано.

1. *Аэрофлот – Российские авиалинии [Официальный сайт] URL: <http://www.aeroflot.com> (дата обращения: 09.05.2015)*
2. *Веселов Ю. В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2011*
3. *Отечественные авиакомпании, которым доверяют россияне [Электронный ресурс] // Skyscanner [Интернет-портал] URL: <http://www.skyscanner.ru/> (дата обращения: 03.10.2015)*
4. *Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Министерство транспорта РФ [Официальный сайт] URL: http://www.mintrans.ru/Trans_Strateg_12052005%282%29.doc (дата обращения: 09.05.2015)*
5. *Федеральное агентство воздушного транспорта [Официальный сайт] URL: <http://www.gsga.ru> (дата обращения: 09.05.2015)*
6. *Флигстин Н. Государство, рынки и экономический рост // Анализ рынков в современной экономической социологии / отв. ред. Радаев В. В. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008*
7. *Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012, с. 80*
8. *The Global Competitiveness Report 2014 – 2015 [Электронный ресурс] // World economic forum [Официальный сайт] URL: <http://www3.weforum.org> (дата обращения: 06.05.2015)*

ДИАЛЕКТИКА КРИЗИСА И ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ.

Синютин М.В. (Санкт-Петербург)

В первом приближении кризис всегда представляется чисто внешне, чаще в виде стихийного бедствия обрушившегося на внутренне спокойное и благополучное общество. При этом теряется из виду главное – что именно само общество и произвело этот кризис, и что кризис является такой же его чертой, как и предшествовавшее ему кажущееся благополучие. Но поверхностный взгляд, предпочитает упрощенно смотреть на кризис как на причину, упорно ищет в обществе лишь ее последствия. Установление этой связи и представляется в таком случае искомым решением. Познание проблемы оказывается в плену у абстракций, случайно выхваченных из действительной жизни. Поэтому, вполне оказывается достаточным показать, скажем, тенденции снижения доверия, увеличения

предпринимательских рисков, падения производства, роста безработицы, уменьшения рождаемости, и т.п., что бы считать задачу исследователя выполненной. Остается только составить идеальный план адаптации к факторам кризиса и исследователь испытывает гордость за ясную конструкцию своей мысли.

Однако совершенно другим путем происходит диалектическое рассмотрение проблемы кризиса. Тут исследователь исходит из того, что кризис представляет собой момент внутренне-необходимого самодвижения данного общества. Кризис в таком понимании является выражением противоречия, укорененного в обществе и служащего импульсом его развития. И задача его изучения сводится к раскрытию диалектического перехода и тождества в различии сторон самого кризиса как кризиса общества в целом. «Признание определяющей роли целого по отношению к его частям – точка зрения, исходящая из целого и приходящая затем к пониманию частей этого целого, - и было всегда той почвой, на которой вырастала диалектика» (1). Отдельные процессы рассматриваются не только в качестве последствий кризиса, но переходят в его факторы, определяя характер его протекания.

Диалектическое рассмотрение кризиса руководствуется его конкретной социально-исторической природой. Современный кризис общества является кризисом капиталистического общества, а поэтому капиталистическим кризисом общества. Условием его возможного возникновения выступает товарный характер производства. «Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификаций вещей и овеществления лиц – это имманентное противоречие получает в противоположностях товарной метаморфозы развитые формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность – однако только возможность – кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целой совокупности отношений, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют» (2). Таким образом, капиталистические кризисы проистекают из капиталистического характера процесса производства, являющегося наиболее развитой формой товарного производства.

Хотя кризис заложен в природе капиталистического общества, он выражается в периодических особенных кризисных процессах. Те процессы, которые наблюдаются сегодня, имеют корни в гораздо более длительных и глубоких социальных тенденциях. Поэтому важно разглядеть существенные связи. Клайман доказал, что понимание нынешних кризисных явлений нужно выводить из тех тенденций капиталистического производства, которые начались в 1970-е годы и продолжают развиваться до сих пор (3). Более поверхностный взгляд Болтански и Кьяпелло признавая важность данных перемен, избегает называть это кризисом и характеризует их как «грандиозную передислокацию сил капитализма» (4). Однако, задумываться о кризисной природе изменений в производстве многих заставляет лишь их проявления в виде, например, финансовых кризисов.

Глобальный капиталистический кризис на рубеже XX и XXI столетий настолько силен, что затронул гигантские массы населения, перемещая их согласно потребностям производства в невиданном прежде масштабе. Дирижировать таким стихийным движением стали крупнейшие капиталистические центры мира, и прежде всего американские и европейские корпорации. Не случайно решающую роль в данном дирижировании играют интересы финансового капитала, обнажая свое противостояние не только с наемным трудом, но порой и с промышленным капиталом (5; 6). Двойственность интересов капитала специфически высветила положение в отдельных странах.

Текущие проблемы России объяснимы только с позиций диалектики кризиса глобальной капиталистической системы. Особенности положения страны в мировом

сообществе раскрываются через свойственные ей пути развертывания всеобщего кризиса. Как поясняет Путин, «корень проблем в накопившихся дисбалансах» и неравномерном распределении благосостояния (7). Однако за дисбалансами, которые видны действующим политикам, скрываются противоречия социальной системы. Неравномерное распределение прямо связано с социальной структурой производства, с тем, насколько трудящиеся вовлечены в организацию производства, насколько они влияют на процессы распределения, и прежде всего производственного распределения, т.е. распределения людей по отношению к процессу производства и в самом процессе производства, распределения прав собственности и контроля над средствами и продуктами производства. Доверие и инициатива граждан, которых так ждут политики, должны исходить именно с уровня производства, ибо невозможно говорить о гражданском единстве между теми, кто разграничен в производстве отношениями господства и подчинения на собственников и наемных работников. Такое положение объясняется товарным характером производства, тем, что человеческая рабочая сила выступает в производстве товаром. Именно это положение проявляется в феномене бедности работающих (8). И оно не исчезнет иначе, чем с переходом общественной системы в принципиально новое качество. Выход из капиталистического кризиса состоит в снятии противоречивого характера всей социальной системы.

Диалектика капиталистического кризиса раскрывает невозможность его полного преодоления без разрешения противоречия товарного характера производства. Такая перспектива не кажется невозможной даже в США, как свидетельствуют современные публикации (9; 10). Но решение такого противоречия представляется уже не делом отдельно взятой страны, а всего мирового сообщества, охватывающего глобальные ресурсы человеческой рабочей силы в целом. Такая перспектива затрагивает работу всей политической системы современного общества. Кризис государства свидетельствует именно об этой развивающейся проблеме. Крупный капитал, используя силу ряда ведущих мировых государств, уже не считается со сложившейся политической конфигурацией более слабых держав, лишая трудящиеся массы этих стран унаследованных от прошлого инструментов политической защиты. Кроме того, обострение борьбы промышленного и финансового капитала привело к созданию новых политических блоков и союзов. Место России в союзе стран БРИКС демонстрирует ее усилия по противостоянию с финансовым капиталом западных стран. Но и это противостояние ограничено рамками капитализма, внутри которого оно часто ограничивается формами финансового кризиса.

Чтобы сохранить целостное понимание кризисных проблем современной России требуется не просто связать их с мировой капиталистической системой, но и распознать их отношение к исторической тенденции понижения нормы прибыли. Это означает, что российские проблемы будут зависеть от такого развития общественных производительных сил, которое, с одной стороны увеличивает прибавочный труд, только снижая численность участвующих в нем людей, а, с другой стороны, неуклонно увеличивает стоимость капитала всевозможными средствами (11). Именно тенденция понижения нормы прибыли при капитализме служит наиболее полным выражением диалектики современного кризиса. Без ее понимания сложно дать объяснение имеющимся в России проблемам, начиная от демографических проблем и проблем организации производства, и заканчивая проблемами доверия и активной жизненной позиции.

1. Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М.: Политиздат, 1991 – с. 281.
2. Маркс К. *Капитал*, т. 1, М.: ГИПЛ, 1949 - сс. 120-121.
3. Kliman A. *The Failure of Capitalist Production. Underlying Causes of the Great Recession*. Pluto Press, 2011.
4. Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2011 – с. 299.

5. Varoufakis Y. *The Global Minotaur. America, the True Origins of the Financial Crisis and the Future of the World Economy*. London: Zed Books, 2011.
6. Foster J., Magdoff F. *The Great Financial Crisis: Causes and Consequences*. NY: Monthly Review Press, 2009.
7. Путин В.В. Россия рассредотачивается – вызовы на которые мы должны ответить. // *Известия*, 16 января 2012. <http://izvestia.ru/news/511884>.
8. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. // *Сетевой научный журнал «Вестник института социологии»*, М., 2013 – с. 159.
9. Wolff R. *Democracy at Work: A Cure of Capitalism*. Chicago: Haymarket Books, 2012.
10. Goldin F., Smith D. and Smith M., eds., *Imagine Living in a Socialist USA*. New York: Harper Perennial, 2014.
11. Синютин М.В. Диалектическое противоречие исторической закономерности снижения нормы прибыли при капитализме. // в: *Актуальные проблемы развития России и социальной философии*. СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2015 – сс. 66-78.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ К НАКОПИТЕЛЬНОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЕ В РОССИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Смелова А.А. (Санкт-Петербург)

Динамика развития накопительной пенсионной системы в России ставит всё новые теоретические и практические вопросы для общественного обсуждения. По данным Фонда общественного мнения за 2014 г. [1], большинство граждан РФ (64%), не способны выразить свое отношение к отмене обязательной накопительной части пенсии, с одной стороны, по причине недостатка информации о результатах публичных выступлений; с другой стороны, по причине общего недоверия государству и опасений потерять всю пенсию. Также многие просто не знакомы с механизмом функционирования накопительной пенсионной системы. Граждане не готовы самостоятельно формировать дополнительную пенсию (43%), за исключением обеспеченных и образованных людей, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге. Только эта часть населения готова нести финансовую ответственность за свое будущее (4%), в силу большого недоверия государственной пенсионной системе. Еще 32% планируют начать формировать дополнительную пенсию в ближайшем будущем.

Вместе с тем появляются все новые вызовы для теоретического осмысления и обоснования. Так, почему граждане игнорируют переход от солидарной пенсионной системы и ее финансовых институтов к накопительной? Какие причины объясняют такое поведение населения? Должны ли пенсионные инвестиции отвечать требованиям доходности, чтобы привлечь внимание населения, или быть ориентированными на достижение социальных целей? Не кроется ли причина недоверия граждан пенсионной системе в несоответствии ее высшего принципа критерию справедливости, принятому в обществе? Наконец, может ли социальное инвестирование пенсионных средств стать экономически эффективной и социально легитимной практикой в России, которая способна обеспечить альтернативный путь институциональных изменений в пенсионной системе?

Чтобы объяснить проблему недоверия граждан пенсионной системе, необходимо обратиться к теории конвенций [2]. Современная пенсионная система функционирует на границе логик двух миров - домашнем мире и рыночном мире, которые находятся в противоречии. Модель домашнего мира основывается на принципах стабильности и низкой изменчивости, ориентации на прошлом. Высший общий принцип заключается в поддержании традиций, сохранении солидарных связей в обществе. Напротив, модель рыночного мира основывается на конкуренции за редкие блага, фокусируется на краткосрочных интересах, игнорирует временную и пространственную перспективу.

Конкуренция между людьми разрешается благодаря ценовому механизму. Поэтому высший принцип рыночного мира - это конкуренция.

Парадигма распределительной экономики (рынка-раздатка) [3] – это пример компромисса логик домашнего и рыночного миров. В рамках данной парадигмы, институциональная структура российской экономики включает два типа распределительных экономик: раздаточную и рыночную. При этом основным типом выступает раздаток. А рыночные институты являются поддерживающими, они появляются в переходные периоды, когда экономика сталкивается с проблемами и находится в поиске альтернативного пути. В своем экономическом развитии Россия прошла три периода раздатка и находится на грани четвертого. Каждый период содержит элементы, достигнутые в предыдущем периоде, но на новой ступени экономической эволюции. Поэтому, накопительный элемент в реформированной пенсионной системе должен быть сохранен (как элемент переходного периода), но органически интегрирован в новый либеральный тип раздатка с многогранными социальными контрактами. Институты этих распределительных экономик дополняют друг друга и придают системе устойчивость. Более того, они служат основой формирования пенсионной системы на принципах солидарности и конкуренции за инвестиционные ресурсы.

Сегодня главным критерием размещения пенсионных накоплений является максимальный доход при адекватном риске. Таким образом выполняются условия по достижению экономической эффективности и высокой доходности. Однако, существуют и другие критерии – социальные. Основой для выбора критерия служат цели общества, которые, в свою очередь, задаются его ценностями и нормами.

Гарантированная средняя пенсия – это привилегия работников бюджетных организаций с постоянным трудовым договором. Остальное экономически активное население вынуждено адаптироваться к реальности временной занятости и волатильности доходов. Получение высоких доходов в определенные периоды трудовой карьеры не означает их сохранения и получения высокой пенсии в будущем. Существует временной разрыв в создании материальных благ (и их превращении в пенсионные финансы) в настоящем и их потреблении в будущем. К примеру, уровень инфляции в России с мая 2000 по май 2015 составил 414,01% [4].

Пенсионные сбережения – это большой поток обезличенных финансовых средств, который может быть направлен на осуществление финансовых спекуляций на мировом финансовом рынке или инвестирован в социальные проекты для решения конкретных социальных проблем на территории России. Доходность от социальных инвестиций ниже, чем от финансовых инвестиций, однако и риски ниже, благодаря комплексной системе страхования социальных инвестиций, а также требованию по размещению социальных отчетов организаций до начала заключения контрактов. Финансирование получает тот социальный проект, который уже показал результаты («pay-for-success»). Пенсионные средства важнее сохранить, чем преумножить. В связи с этим, инвестирование пенсионных средств в социальные проекты, направленные на развитие экономики России, является хорошей альтернативой сохранения накопленных средств.

Для выявления мнения жителей Санкт-Петербурга о перспективе социального инвестирования пенсионных средств было проведено исследование в феврале/марте 2015 г. среди официально трудоустроенного экономически активного населения в возрасте от 18 до 60 лет. Объем выборки составил 764 респондента, погрешность выборки составляет не более 5% [6]. В целом, образованные и финансово грамотные граждане, работающие в Санкт-Петербурге настроены пессимистично по отношению к эволюции пенсионной реформы в России. Проблема недоверия пенсионным институтам в российском обществе является ключевой, и она имеет несколько измерений. Оно проистекает из недоверия к главным функциональным подсистемам общества – политической, правовой, экономической. Как известно, разрушение доверия хотя бы к одной из систем неизбежно приводит к разрушению к другой [7].

Респонденты скептически относятся к обязательной накопительной пенсии (как к еще одному налогу). Основной стратегией по достижении пенсионного возраста является получение государственной трудовой пенсии при сохранении трудовой карьеры. Менее $\frac{1}{2}$ респондентов считают себя финансово грамотными и оценивают свой уровень как удовлетворительный, но не достаточный для того, чтобы осуществлять финансовые манипуляции со своими пенсионными средствами. Более $\frac{1}{2}$ респондентов не доверяют финансовым институтам, т.к. на собственном опыте сталкивались с мошенничеством. Наиболее распространенным инструментом сбережений выступает депозитный вклад, который позволяет немного уберечь деньги от инфляции. В отличие от других финансовых продуктов (кредитов и страхования), логика банковских депозитов понятна большинству респондентов, поэтому часто используется ими в качестве ориентира для принятия финансовых решений. Обменные курсы валюты и цены на нефть являются для них индикаторами экономических изменений. В Санкт-Петербурге зафиксирован интерес к социальному инвестированию пенсионных средств. Почти $\frac{1}{4}$ опрошенных допускают возможность инвестирования пенсионных средств в случае, если доход будет не ниже процента по банковскому депозиту. (В мае 2015 г. средняя процентная ставка по депозиту составила 12,98% в рублях, 4,23% в американских долларах и 3,7 % в евро). Направления социального инвестирования отражают ценности будущих пенсионеров. В целом, ценности соответствуют домашнему миру (семья, здоровье и любовь (личное счастье)). Однако, в большом и, как правило, чужом мегаполисе, патриархальные ценности претерпевают изменение в свете индивидуализма. Проблема ответственного инвестирования в социальном государстве бросает вызов эгоистичным интересам. Поэтому инвестирование пенсионных средств в инфраструктурные проекты является не популярным вариантом, согласно полученным данным, несмотря на экономически обоснованную доходность [например, см. 8]. Респонденты не готовы пожертвовать для социального инвестирования даже часть своих пенсионных средств, если это не будет способствовать их личному благосостоянию. Большинство опрошенных чувствуют сострадание к нуждающимся, но они не готовы инвестировать в социальные проекты для предотвращения социальных проблем.

В действительности, социальное инвестирование пенсионных средств предполагает сложную архитектуру социального порядка, которая будет сочетать доминирование принципов домашнего мира с элементами гражданского и индустриальных миров. Новый порядок может быть достигнут благодаря сочетанию ценностей домашнего мира и конкуренции за пенсионные инвестиции, их временной и пространственной привязке, а также фокусе на результатах. Логика гражданского мира подразумевает достижение общего блага через механизм коллективного инвестирования индивидуальных пенсионных средств, в соответствии с правилами, нормами и ценностями участников проекта. Логика индустриального мира воплощается в эффективном управлении этими проектами. Это, в свою очередь, включает использование инструментов финансового учета, чтобы предвидеть развитие экономической ситуации и рассчитать риски и возможную прибыль во времени. Эффективность в сочетании с динамизмом и ориентацией на будущее позволяет разрабатывать новые направления в социальном инвестировании.

Так, важными факторами привлечения пенсионных средств в социальные проекты являются: локальный характер инвестиционных проектов, ориентация на краткосрочное и индивидуальное потребление, государственное регулирование рынка социальных инвестиций. Внешней силой, способной сохранить легитимность нового порядка являются государственные финансовые институты, в частности, Пенсионный Фонд РФ (уровень доверия ему в 3 раза выше, чем негосударственным пенсионным фондам). Это объясняется традиционными представлениями о месте хранения и управления пенсионными средствами. Другими словами, доминированием логики домашнего мира.

Таким образом, финансы являются мощным инструментом решения проблем в обществе и увеличения общего благосостояния [9]. Через ответственное инвестирование пенсионных средств можно создать социо-экономическую среду социальных государств, в соответствии с имеющимися ресурсами и потребностями общества.

1. Преснякова Л. (2014). Дебаты об обязательной накопительной пенсии. Фонд общественное мнение. URL: <http://fom.ru/special/pensija.html> (дата обращения 04.10.2015).
2. Boltanski, L., & Thévenot, L., (2006 [1991]). *On justification. The economies of worth.* Princeton: Princeton University Press.
3. Бессонова О.Э. (2013). Рыночно-раздаточная парадигма. Личность и культура. 1, 50-54.
4. The inflation rate in Russia. URL: http://уровень-инфляции.рф/инфляционные_калькуляторы.aspx (дата обращения 04.10.2015).
5. Smelova A. (2015). *Social investment of pension funds perspective: The case of Russia.* *Mediterranean Journal of Social Sciences.* 6, 6. (in print).
6. Rose-Ackerman, S. (2001). *Trust and honesty in post-socialist societies.* *Kyklos,* 54, 415-444.
7. Kalmykov, V.Y. (2015). *Investment mechanism of pension insurance and their role in the development of national economy.* *Mediterranean Journal of Social Sciences.* 6,1, S.3. 50-54.
8. Shiller, R. J. (2012). *Finance and the Good Society.* Princeton: Princeton University Press.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЮДЕЙ НА ПРИМЕРЕ ПОЛУЧЕНИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ЗАНЯТОСТИ НА РЫНКЕ ФОРЕКС В РОССИИ.

Смирнова Л.Н. (Санкт-Петербург)

В последние годы все больше людей рассматривают валютный рынок Форекс (Forex, от англ. FOReign EXchange - «зарубежный обмен» — рынок межбанковского обмена валюты по свободным ценам [1, с. 21-23]) как возможный способ получения новых знаний, профессии и соответственно заработка. Этому способствует не только сложная экономическая ситуация в нашей стране, но и реклама в интернете, на радио и телевидении и даже в общественном транспорте, обещающая успех и высокую прибыль. Бесплатные курсы по обучению и различные материалы о торговле, которые предоставляют многие компании для всех желающих стать профессиональным трейдерами, делают эту сферу максимально доступной для любого физического лица, все зависимости от его места проживания, образования и предыдущего опыта работы. На этом фоне особую актуальность приобретает социологическое изучение специфики работы и подготовки трейдеров валютного рынка Форекс в России и вовлечения людей в сферу спекулятивной торговли валютой в целом.

Для того чтобы оценить эффективность рынка Форекс как источника дохода необходимо понять основные принципы работы данной системы. Итак, «Форекс — это рынок межбанковского обмена валюты, возникший в семидесятых годах XX века в связи с отменой фиксированных курсов валют и при переходе к плавающим курсам, главный принцип действия которого заключается в обмене одной валюты на другую.

Основными участниками валютного рынка являются: центральные и коммерческие банки, валютные биржи, инвестиционные фонды, брокерские компании, дилинговые центры и частные лица. Однако Форекс все же не является «рынком» в традиционном смысле этого слова: он не имеет единого центра и конкретного места торговли. Следует добавить, что в некоторых странах данный вид деятельности законодательно запрещен или приравнен к гэмблингу» [2].

В современных условиях, частные лица могут воспользоваться возможностью онлайн-торговли через интернет, который сделал этот рынок доступным для большого количества новых клиентов. Для начала торговли достаточно скачать торговую программу, зарегистрировать торговый счет и внести деньги на счет.

Несмотря на то, что заработок на Форексе является высокорискованным вложением, наблюдается рост интереса к торгам среди частных лиц. Компании, предоставляющие свои услуги для проведения торговых операций, получили название - Форекс брокеры или дилинговые центры. При этом некоторые компании данного сегмента, апеллируя терминами «международный банковский рынок» и предлагая сверхвыгодные условия для торговли, часто принимая на себя все торговые риски фактически, не выводят сделки на глобальный рынок Форекс. Не обладая значительными собственными средствами, такие компании будут на грани разорения в случае, если часть клиентов начнет регулярно выигрывать. И если отсутствуют средства для выплат прибыли по клиентским позициям, соответственно, расчет с такими клиентами производится за счет средств других клиентов. В данной ситуации брокер заинтересован в проигрыше клиента, поскольку любую прибыльную сделку трейдера Форекс брокеру придется оплачивать из средств компании. Если же брокер реально выводит ордера трейдеров на международный банковский рынок, то данная технология сопровождается иными условиями трейдера – большим начальным депозитом и минимальным размером сделки и более длительными сроками исполнения ордеров. Но в таком случае у клиентов брокера не возникает конфликта интересов, так как брокер зарабатывает на комиссии вне зависимости от результатов торговли клиента.

По данным Центра регулирования внебиржевых финансовых инструментов и технологий (сокращенно ЦРФИН), саморегулирующейся организации, которая объединяет брокерские компании, являющиеся резидентами РФ «в 2013 г. услугами Форекс-брокеров в России пользовались около 400 000 клиентов, их среднемесячный оборот составил примерно \$440 млрд. При этом клиенты внесли на депозиты \$500 млн. своих средств» [3]. Но ЦРФИН не предоставляет информацию о том, сколько клиентов реально получили прибыль от торговли и смогли вывести свои средства. Есть основания полагать, что даже приведенная статистика не отображает всей ситуации, из-за того, что пока данная организация объединяет не всех участников рынка Форекс осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации.

Во многом это связано с тем, что закона, регулирующего деятельность Форекс-компаний, в России, нет. Поскольку нет регулирующих органов и обязательств по раскрытию информации и вступлению в саморегулирующиеся организации, в данном сегменте рынка возникает возможность для злоупотреблений. Формально, сделки, заключаемые на рынке Форекс, совершаются не в России и клиентские договоры заключаются с оффшорными компаниями. Причем это касается практически всех Форекс брокеров, в том числе лидеров рынка. Так же довольно часто можно встретить сайты компаний без контактной информации и указаний физического и юридического адреса. Фактически это означает, что если у клиента возникнут претензии к деятельности таких компаний, он захочет оспорить результаты торговли или качество предоставленного обучения, то ему придется ему подавать иск не в российский в суд, а по адресу регистрации компании (например, в суд Карибского государства Сент-Винсент и Гренадины).

Так же следует отметить саму специфику работы в данном сегменте: необходимо постоянно работать с графическими таблицами в специализированных терминалах, большим количеством аналитических материалов, а так же изучать литературу, посвященную Форекс рынку и экономические новости, для того, чтобы иметь шансы на получение прибыли. С одной стороны, эта деятельность развивает высокий уровень мыслительной активности, но с другой стороны, требует колоссального внимания и напряжения. При этом гарантии стабильного и регулярного заработка не сможет дать ни

одна, даже крупная брокерская компания. Треjder может за день несколько раз купить и продать валюту на Форексе, пытаясь заработать на колебаниях курсов, которые часто сложно предсказать. К тому же существует риск, что неопытный трейдер выберет компанию, рекламные слоганы которой обещают высокую прибыль при минимальном депозите. Т.е. компанию, которая вряд ли использует технологию выхода на международный банковский рынок, что может привести, как уже упоминалось ранее, к дополнительным рискам потери вложенных средств из-за недобросовестных действий самого брокера.

При этом, несмотря на небольшое количество специализированных форумов, как таковой социализации на «новой работе» и приобретения новых социальных связей не происходит. Новых коллег у трейдеров нет, работа ведется на торговой платформе, войти в которую можно после указания номера своего счета и пароля. Консультации у брокерской компании можно получить зачастую 24 часа в сутки, но только относительно услуг компании. На обучающих курсах или конференциях, где можно познакомиться с другими начинающими или уже опытными трейдерами, не предполагается формирование как такового сплоченного коллектива. К тому же сам процесс обучения занимает большое количество времени и предполагает помимо изучения теории практику на демо-счетах. К тому же формально являясь не сотрудником, а клиентом компании, трейдер не может рассчитывать на социальные гарантии, заключение трудового договора, оплачиваемые отпуска и больничные, добровольное медицинское страхование, выплаты налоговых отчислений и т.д.

В итоге при непрозрачности и неоднозначности деятельности брокерских компаний в России, сложно оценить, насколько этот вид заработка является прибыльным и безопасным. Безусловно, нельзя исключать возможность заработать на разнице курса валют, но перед тем, как принимать решение о начале торговли на рынке Форекс, каждому человеку необходимо ознакомиться с предупреждением о рисках, и оценить целесообразность такого вида деятельности в качестве возможности для заработка.

1. Лука К. *Торговля на мировых валютных рынках* // М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. с. 716.
2. Некрасов Ю. В. «На Форексе — не заработаешь» // журнал «Банковские технологии», 2007. № 05, с.54.
3. *Россияне стали вдвое активнее торговать на форексе* // Пресс-центр СРО ЦРФИН. 2014. Режим доступа: <http://www.crfin.ru/ru/publication/rossiyane-stali-vdvoe-aktivnee-torgovat-na-forekse> (дата обращения: 26.09.2015).

ТРУДОВОЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Соболева А. (Нижний Новгород)

Российская социальная практика характеризуется наличием разнообразных проблем и острых противоречий во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере экономики. Это обусловило широкое распространение такого вида социального конфликта, как столкновение интересов различных групп организованных участников в сфере социально-трудовых отношений. Данное конфликтное взаимодействие детерминирует разнообразные социальные последствия как в границах отечественных организаций и предприятий, так и за их пределами – в масштабах всего российского общества.

Современные тенденции развития трудовых конфликтов, включая разнообразные проявления их последствий на всех уровнях жизни российского общества, в том числе формирование разнообразных моделей девиантного поведения их участников, поставили учёных-теоретиков и специалистов-практиков перед объективной необходимостью

решения сложной триединой задачи. Её составными частями являются: во-первых, осуществление системного и комплексного социологического исследования генезиса социально-трудовых конфликтов; во-вторых, разработка эффективных механизмов управления конфликтами в сфере трудовых отношений на основе полученных результатов социологических исследований; в-третьих, организация и осуществление постоянного мониторинга разнообразных проявлений трудовых конфликтов и учёта полученных результатов в интересах совершенствования механизмов управления ими в условиях изменения внешней и внутренней социальной среды их генезиса.

Всестороннее изучение особенностей трудового конфликта предполагает, прежде всего, изучение различных характеристик участвующих в нём сторон. По сути, это характеристики субъективных факторов, влияющих на генезис трудовых конфликтов. Они включают: а) статусно-ролевые позиции конфликтующих субъектов; б) их промежуточные цели и стратегические интересы; в) наличие того или иного количества и качества ресурсов, которыми обладают участники конфликта, что определяет возможности их использования в конфликте; г) способы и средства противоборствующих сторон применять ресурсы, которыми они располагают, в процессе конфликта.

Результаты анализа мотивации и моделей поведения субъектов конфликтного взаимодействия в сфере трудовых отношений, прежде всего их основных и непосредственных участников - работодателей (собственников) и наёмных работников, предоставляют возможности условного разделения происходящих в России трудовых конфликтов на три основные группы:

во-первых, конфликты, в основе возникновения которых, с одной стороны, положены стремления работодателей различными методами навязать работникам экономически необоснованную заработную плату, неоправданно сильно заниженную по сравнению с долей живого труда и стоимостью производимых товаров или услуг, а с другой - усилия работников добиться оплаты своего труда, адекватной его количеству и качеству;

во-вторых, так называемые «вторичные» трудовые конфликты, причиной которых выступает недобросовестное поведение работодателей, выражающееся либо в обмане ими работников при реализации подписанных трудовых соглашений, либо в полном невыполнении требований этих нормативно-правовых актов, либо в нарушении устных договорённостей, осуществлённых на основе межличностных взаимоотношений между работодателем и работниками;

в-третьих, конфликты, возникшие на нравственно-психологической основе, проявляющейся в резких взаимных претензиях руководителей и работников по поводу личного непристойного поведения, не соответствующего социально-нравственным или организационным нормам.

Российские учёные неоднократно подчёркивали, что работники отечественных предприятий и организаций чаще всего демонстрируют приоритет личностно-психологических причин своего недовольства деятельностью управляющих структур, что значительно чаще выливалось в конфликт, в сравнении с протестами против нарушения руководителями правовых норм трудовых отношений. Наиболее явно эта особенность проявляется в устойчивом стремлении значительной части работников строить свои отношения с работодателем как неформально-межличностные, а не как системные и формально-нормативные.

Один из вариантов анализа процессуальных проявлений действия фактора трудовых конфликтов на генезис девиантного поведения его участников предполагает: во-первых, изучение фрустрационного этапа этого процесса; во-вторых, выявление особенностей формирования и развития стрессовых состояний на втором этапе процесса воздействия конфликта на психо-эмоциональное состояние его участников; в-третьих, рассмотрение процесса формирования собственно девиантного поведения.

Как правило, разнообразные проявления девиантного поведения участников конфликтующих групп в организации или предприятии продолжают, проецируются во внешнюю среду, проявляясь в их обыденно-повседневной социальной деятельности.

В качестве теоретических выводов отметим следующее:

во-первых, трудовые конфликты были, есть и будут атрибутом трудовых отношений, сравнительный анализ которых необходимо постоянно осуществлять для выявления новых тенденций и развития и определения наиболее эффективных средств и методов управления ими;

во-вторых, трудовые конфликты, воздействуя как сильный социальный и организационный фактор на всех своих участников, а в особенности на тех из них, кто проиграл конфликт, определяют развитие их поведенческих моделей по схеме: трудовой конфликт – фрустрация – стресс – девиантное поведение;

в-третьих, необходимо постоянно осуществлять систему мер профилактики и противодействия отклоняющемуся поведению участников трудового конфликта, начиная от социологических исследований данного явления и до разнообразных форм недопущения перехода от девиантного к делинквентному поведению;

в-четвёртых, субъекты девиантного и делинквентного поведения постоянно рекрутируются в группы риска, дестабилизируя не только организации и предприятия, но и общество в целом.

Безусловно, помимо трудовых конфликтов существуют и другие мощные факторы формирования девиантного поведения в нашей стране. Тем не менее, минимизация действия хотя бы одного из этих факторов, имея в виду воздействие трудовых конфликтов, облегчит задачу противодействия социальным девиантным проявлениям, повысит эффективность этого противодействия.

Поэтому мы предлагаем к решению и реализации некоторые следующие задачи и направления в контексте исследования проблемы, которой посвящена наша статья.

1. Осуществлять постоянный мониторинг причин трудовых конфликтов для выявления новых тенденций в их генезисе.

2. Разнообразными средствами и методами повышать уровень социализации и рационализации настоящих и потенциальных участников трудовых конфликтов.

3. Развивать конструктивные и минимизировать деструктивные функции трудовых конфликтов.

4. Организовывать, то есть осуществлять профилактику дискриминационных трудовых конфликтов.

5. Добиваться повседневной реализации внутриорганизационной, межорганизационной и социальной справедливости.

6. Сформировать службу социологических и психологических исследований (социально-психологических исследований) в структуре службы занятости или социальной защиты населения.

7. Добиваться пропорциональности в соотношении нормативно-правовых формальных и неформальных элементов во взаимодействии работников в организации и в обществе.

8. Выявлять реальных и потенциальных субъектов девиантного поведения и участников групп риска не только в обществе, но уже по месту профессиональной деятельности и осуществлять работу с ними специалистам службы социальной защиты населения и руководства организации или предприятия.

9. Министерство труда и социальной защиты РФ, администрации субъектов РФ, органы местной и муниципальной власти, инспекции по труду должны разработать и реализовать программы по изучению трудовых конфликтов, обобщению полученных результатов и их внедрению в организационную и социальную практику.

10. На всех уровнях власти отработать правовые нормы и инструменты регулирования поведения участников трудовых конфликтов, используя реальный опыт экономически развитых стран.

1. Таскаев Г.С. Социально-трудовой конфликт на предприятии: экономико-социологический анализ. Автореф. диссерт. канд. социол. наук. – М.: МГУ, 2008.
2. Соловьёв А.В. Коллективные трудовые конфликты: сущность, формы и способы преодоления в современной России. Автореф. диссерт. докт. эконом. наук. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2010.
3. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога: 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006.
4. Климова С.Г. Стратегии сторон трудовых конфликтов // *Общественные науки и современность*. - 1997. - № 2. - С. 61 - 64.
5. Дмитриев А. Всё для себя любимого: зарплаты быстро растут у тех, кто их устанавливает. // *Труд*. – 2012. – 3 октября.
6. Аналитический отчёт трудовые протесты в России в 2008-2012 гг. (по результатам мониторинга трудовых протестов Центра социально-трудовых прав). Составитель Бизюков П.В. – М.: ЦСТП, 2012. – С. 3. – <http://trudprava.ru/print.php?228/> - 17.06.2013.

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА РОССИИ В УСЛОВИЯХ БЮДЖЕТНО-ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Соловьёв А.К. (Москва)

В нашей стране несмотря на систематические реформы пенсионная система по-прежнему остается нестраховой и все более зависимой от государственного бюджета. Причины этого заключаются в том, что все номинально-радикальные реформы не затрагивают изменение институциональной сущности пенсионного процесса.

Многочисленные пенсионные реформы в нашей стране были направлены на перестройку тех или иных отдельных элементов исключительно самой пенсионной системы, в то время как пенсионная система – это абсолютная производная часть экономики, демографии и рынка труда, и соответственно все ее социальные и экономические параметры должны быть обусловлены современным и будущим состоянием указанных общественных институтов.

Современный бюджетный кризис в России потребовал окончательного приведения отечественной пенсионной системы к объективной реальности – создание реального дееспособного экономического механизма взаимоотношений участников пенсионной системы, непосредственно вытекающих из ее целевой функции – достойное материальное обеспечение человека, утратившего трудоспособность (по старости, инвалидности или потери кормильца).

При этом, должен быть решен институциональный вопрос о «страховом» или «нестраховом» механизме формирования пенсионных обязательств государства, т.е. в какой степени и в какой форме каждый человек должен участвовать в формировании собственных пенсионных прав. В цивилизованных западных пенсионных системах, основанных на страховых принципах, ответственность всех участников пенсионной системы четко определена и нормирована.

В условиях углубления бюджетного дефицита на предстоящий плановый период 2016-2018 г. одной из главных его причин называется «неоправданный рост государственных социальных расходов», обусловленных накопленными государственными обязательствами. На первом месте среди потребителей «завышенных» гособязательств традиционно находятся пенсионеры, которые с каждым годом требуют все больше денег на выплату своих пенсий, поскольку их численность ежегодно

увеличивается, а галопирующая инфляция подталкивает номинальный рост размеров пенсии.

Действительно расходы государственной системы обязательного пенсионного обеспечения растут из года в год в номинальном выражении.

Наряду с демографическими и институциональными факторами пенсионной реформы необходимо особенно аргументировано отнестись к двум, по сути, целевым критериям:

- влияние возраста на уровень материального обеспечения пенсионеров, т.е.: при каком периоде получения страховой пенсии, каждый застрахованный получит максимально возможный результат;

- влияние возраста на финансовую обеспеченность государственных пенсионных обязательств, т.е.: при каком периоде выплаты пенсионная система обеспечивает максимальную актуарную (долгосрочную) устойчивость (сбалансированность прав и обязательств), и по возможности – экономию финансовых ресурсов.

Очевидно, что экономические критерии являются альтернативными, поскольку поддержание, а тем более повышение уровня материального обеспечения пенсионеров требует увеличения финансовых расходов. В то время, как любая «оптимизация» госбюджетных расходов неизбежно сопряжена со снижением размера пенсий в настоящем или будущем периоде. Поэтому рассмотрение выделенных выше экономических аспектов проблемы пенсионного возраста необходимо начинать с обоснованного выбора точки равновесия – сбалансированности экономических и социальных интересов. Нарушение этого равновесия в любую сторону приведет в дальнейшем к негативному результату.

При определении показателя, отражающего эквивалентность прав и обязательств, необходимо исходить из признания первичности государственных обязательств, для получения которых каждый застрахованный должен иметь к моменту наступления страхового случая необходимый объем страховых прав. На этот вопрос дается четкий, хотя и предельно скромный (по современным международным нормам) ответ – наше государство материально может обеспечить пенсионеров на уровне – 2.5-3.0 ПМП к 2030 г. при условии уплаты страховых взносов с зарплаты, соответствующей среднему статистическому уровню в течение трудового стажа - 30 лет (при сохранении тарифа 26%), но во всех случаях в размере – не менее федерального или регионального ПМП путем социальной доплаты к страховой пенсии при условии продолжительности трудового стажа – не менее 15 лет (с переходным периодом).

Демографических предпосылок к повышению пенсионного возраста в нашей стране, по крайней мере, для мужчин нет, что четко видно из данных по ожидаемой продолжительности жизни после достижения пенсионного возраста и соотношения между периодами накопления пенсионных прав и их реализации

Ни в одной из стран Западной Европы, повысивших пенсионный возраст, нет столь высокого, как в России, соотношения между периодом, в течение которого человек накапливает свои права (трудоспособный период жизни - до пенсионного возраста), и периодом, когда он получает пенсию (т.е. ожидаемой продолжительностью жизни – после назначения пенсии).

Если бы в нашей стране сейчас был установлен пенсионный возраст 65 лет, то женщины работали бы в 2,5 раза дольше, чем получали пенсию, а мужчины – в 3,5 раза. Несмотря на то, что демографические условия в нашей стране не могут служить объективным основанием для повышения пенсионного возраста в условиях развития страховой модели формирования пенсионных прав именно низкий пенсионный возраст является одним из тормозов для «зарабатывания» страховой пенсии в достойном размере.

В таком – собственно балансово-страховом – контексте проблема пенсионного возраста никогда и никем не рассматривалась. Институциональная особенность страхового подхода (как альтернатива - демографическому) к пенсионному возрасту

заключается в том, что застрахованное лицо обязано сформировать необходимый объем своих пенсионных прав на весь период их реализации (период получения пенсии). Только на этой основе можно добиться долгосрочной (актуарной) устойчивости и бюджетной независимости пенсионной системы.

Таким образом, страховой подход к проблеме пенсионного возраста делает его одним из факторов управления пенсионной системы. Это отнюдь не означает, что надо установить возраст сто лет для того, чтобы добиться бюджетной сбалансированности, поскольку не будет выполнен основополагающий принцип страхования – эквивалентность пенсионных прав и обязательств, т.е. застрахованное лицо при столетнем возрасте вообще не сможет реализовать свои пенсионные права.

1. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса. // Вопросы экономики. 2012. № 3 С. 52—79.
2. Назаров В. Будущее пенсионной системы России: параметрические реформы или смена парадигмы? // Вопросы экономики 2012 № 9. С.67-87.
3. Соловьев А.К. Макроанализ пенсионной системы России // Вопросы экономики 2013 № 4. С.82-93.
4. Вишневский А., Васин С., Рамонов А. (2012). Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. № 9. С. 88-109.
5. Соловьев А.К. К вопросу повышения пенсионного возраста // Финансы. № 6. С.58-64.

УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ НА СЕЛЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИК БУРЯТИЯ И ТЫВА)

Татарова С.П., Затеева Н. А. (Улан-Удэ)

Образ жизни сельских жителей, их уровень жизни и менталитет, а также развитие социальной инфраструктуры во многом определяют рынок труда на селе. От решения вопросов интенсификации сельского хозяйства происходит разрешение не только сугубо производственных задач, но и широкий спектр других проблем — демографических, трудоворесурсных, экологических, природоохранных и др.

Опираясь на данные органов российской статистики, а также на авторские социологические исследования, проведенные в двух национальных республиках - Республике Тыва и Республике Бурятия (в период сентябрь 2014 - май 2015 гг.), рассмотрим какова динамика решения вопросов занятости-безработицы в сельских поселениях этих республик.

Целый спектр возникших весной 2014 г. экономических и политических проблем в стране, вновь поставил вопросы безработицы в разряд наиболее актуальных. Первые предпосылки к ухудшению ситуации в экономике страны проявились летом 2014 г. Началось колебание рубля, повышение цен на продукты питания, и уже с сентября этого года начинается рост безработных. Росстат зафиксировал заметный всплеск безработицы в октябре 2014 года. За один месяц работу потеряло около 151 тысячи человек. В сентябре безработица составляла уже 4,9%, а в октябре ее уровень поднялся до 5,1% от экономически активного населения [1].

При совпадении общих тенденций динамики безработицы, тем не менее, на селе ее показатели остаются в 1,5 раза большими, нежели в городе. Так, при наименьших августовских значениях безработицы ее уровень для села составил 7,3%, к январю 2015 года достигнув 8,2% (при городских значениях на этот же месяц - 5,5%). Превышение показателей сельской безработицы в 1,5 раза продолжает оставаться и в июле 2015 г. Начавшееся было снижение показателей в мае - июне вновь изменяет свой вектор. К 1 августа в учреждениях службы занятости населения в качестве безработных

зарегистрирован 1 млн. человек, в том числе 800 тыс. человек получали пособие по безработице [2].

Те регионы, в которых доля сельского хозяйства велика, где промышленность и производство в последние десятилетия оказались в кризисном состоянии, проблемы занятости обнажились наиболее остро. Банкротство колхозов и совхозов, разрушение социальной инфраструктуры, отсутствие целенаправленной политики по решению проблем села привели к распространению на селе долговременной застойной безработицы.

Стоит отметить, что уровень безработицы несколько территориально разнится. Рассматривая ситуацию в регионах Сибирского федерального округа, отметим, что самый высокий уровень безработицы отмечен в Республике Тыва. Затем по убывающей в пятерку лидеров входят: Забайкальский край, Республика Алтай, Республика Бурятия, Кемеровская область.

Высокая безработица неминуемо влияет и на уровень бедности населения республик (численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума). Так, при сравнении показателей долей населения находящихся за чертой бедности за 2013 и 2014 годы, обнаруживаем рост в обеих республиках. В Республике Бурятия рост произошел с 15,9% до 17,0%, в Республике Тыва с 33,4% до 35,2%.

Стоит отметить, что при значительной дифференциации заработной платы по видам экономической деятельности, в обеих республиках отмечаются значительно более низкие показатели заработной платы в сельском хозяйстве по сравнению со среднереспубликанскими значениями. Так, в Республике Бурятия за период январь-июль 2015 г. этот показатель составил 37,9%. В Республике Тыва заработная плата в отрасли сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства составила 43,7% к уровню среднемесячной заработной платы по республике. Причем ситуация более низкой заработной платы по сравнению со среднереспубликанскими показателями отмечается абсолютно во всех сельских районах республики.

Последствия процессов безработицы неминуемо сказываются и на показателях миграции. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, очевидно, что за прошедший 2014 г. убыль населения в Республике Бурятия составила 1276 человек, в Республике Тыва - 2486. Анализируя динамику этих процессов в каждой из них, отметим, что миграционные потоки отмечаются из сельских районов республик. Так, миграционный коэффициент в целом по Республике Тыва за период 2010 – 2014 гг. увеличился с 5,7 до 11 человек на 1000 населения, а процентная доля сельского населения за аналогичный период по республике уменьшилась с 46,9 до 46,1%. В Республике Бурятия по данным органов государственной статистики за период 2010-2013 гг. произошел рост числа выбывших с 11251 до 19427 человек, причем убыль составила практически во всех сельских районах республики. Учитывая тот факт, что выезжает, как правило, наиболее активная, образованная часть населения, происходит все большее выхолащивание культурного, социального, экономического потенциала села.

Важным и эффективным способом решения проблем безработицы является развитие среднего и малого бизнеса. У местных органов власти есть большая надежда, на активность самого населения в организации самозанятости, по крайней мере, наиболее продвинутой части населения и создании новых рабочих мест для односельчан. В определенной степени ожидания оправдываются, правда, лишь отчасти.

Как же население отмечает динамику происходящих перемен с развитием предпринимательства на селе. Так, 39,0% опрошенных сельчан Тывы отмечают, что в их населенном пункте предпринимательство достаточно распространено. При этом 23,2% тувинцев отмечают, что функционируют в основном созданные прежде частные предприятия, новые же появляются редко. «Частный бизнес представлен единичными случаями» - 20,7%, «мелкий бизнес, а тем более крупный в нашем селе никогда не существовал» – 11,4%, «частный бизнес в связи с ужесточением налоговых выплат в

последние годы все больше сокращается» - 10,6%, «малые предприятия в последние годы стали все чаще появляться» – 15,4%. Таковы варианты ответов респондентов Тывы.

Несмотря на раздвоение мнений, в республике Тыва в связи с реализацией проекта «Одно село – один продукт» активно появляются коммерческие организации, создаются новые рабочие места. Большинство опрошенных респондентов Тывы отмечают, что предпринимательство в основном реализуется в сфере торговли – 82,5%. Также отмечают производство (22,4%) и переработка сельскохозяйственной продукции (18,3%), гостиничный и туристический бизнес (2,4%), автосервис (1,6%). В варианте «другой ответ» (5,7%) респонденты указали такие виды деятельности как: работа в лесной промышленности, изготовление изделий из кожи, пошив тувинской обуви и национальной одежды.

Для сравнения представим ответы, полученные от сельских жителей Республики Бурятия. Оценивая ситуацию в своих населенных пунктах, 53% опрошенного сельского населения Бурятии отметило распространение предпринимательства. При этом 18% считают, что продолжают работать частные предприятия, созданные ранее, в то время как новые не создаются, по мнению 13% респондентов, в их селе не существовал ни мелкий, ни крупный бизнес. Напротив, 7,2% замечают, что малые предприятия в последние годы стали появляться чаще, 19,5% считают, что частный бизнес представлен единичными случаями, 9,4% отмечают, что ужесточение налоговой политики приводит к сокращению предпринимательства. Ответы жителей Бурятии свидетельствуют, что одним из самых распространенных видов предпринимательской деятельности на селе является торговля, данный вариант предпочло 85,9% опрошенных. Остальные направления значительно уступают, так, сферу бытового обслуживания населения указали 15,1%; гостиничный и туристский бизнес – 11,9%; автосервис – 8,3% респондентов. Потенциал сельского хозяйства, согласно оценкам жителей Бурятии, реализуется слабо, о чем свидетельствуют варианты «производство сельскохозяйственной продукции» - 9% и ее переработка – 2,5%. В Республике Бурятия в качестве вариантов решения проблемы самозанятости в разных районах республики пока единично используются такие варианты: развитие различных видов экологического туризма (пешего, водного, конного, вело- и т.д.); прокат туристического оборудования, сбор дикоросов и их переработка (ягод, орехов, лекарственных трав и т.д.); организация ягодных фестивалей и т.д. Отражением распространения негативных тенденций стали уточнения ряда респондентов, что сельчане нелегально продают алкоголь на дому, в магазинах в ночное время.

Результаты опроса в Тыве и Бурятии свидетельствуют, что сельское население занято самообеспечением и выживанием, оно слабо интегрировано в современные рыночные отношения и решение социально-экономических задач государства.

Таким образом, безработица – одна из главных социально-экономических проблем государства в целом и национальных республик в частности. Безусловно, высокий уровень безработицы наносит значительный урон жизненным интересам людей, не давая им реализовать собственный профессиональный потенциал, сдерживая возможности человека в применении умений, опыта, проявлении себя, снижает самооценку безработного человека. Следствием слабой занятости населения становится ухудшение и без того невысокого материального положения сельского населения, обостряется социальная напряженность, растет миграция.

1. *Безработица 2015 в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.garagebiz.ru/view/bezrabotica_2015_v_rossii/career (дата обращения: 05.10.2015)*
2. *Росстат: доходы россиян падают, безработица растет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/61413> (дата обращения: 05.09.2015)*

ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.

Уразгалиев В.Ш. (Санкт-Петербург)

Наиболее полным и обобщающим показателем качества и уровня жизни в международных сопоставлениях являются индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП, Human Development Index).

ИРЧП – суммарный показатель, определяющий средний уровень достижений страны (региона) по трем главным показателям: здоровью и долголетию, доступу к знаниям и достойному уровню жизни. Данные индексы рассчитываются на основе следующих составляющих. [1, с.116]

1. Доход на душу населения: ВНД – валовой национальный доход на душу населения (GNI – gross national income per capital) – сумма стоимости, добавленной всеми производителями-резидентами в экономике, плюс налоги на продукцию (минус субсидии), не включенные в стоимость продуктов, плюс чистые поступления первичного дохода, компенсации наемным рабочим и доход от собственности из-за рубежа, деленные на численность населения по состоянию на середину года. Добавленная стоимость – чистый результат деятельности промышленности, получаемый в результате суммирования всех результатов и вычитания промежуточных вложений. Когда данный показатель выражен в долларах США по паритету покупательной способности (ППС), он конвертируется в международные доллары с использованием коэффициентов ППС. Международные доллары обладают такой же покупательной способностью в отношении ВВП, как доллар США в Соединенных Штатах.

2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (Life expectancy at birth) – количество лет, которое может прожить новорожденный младенец, если существующие на момент его рождения преобладающие тенденции в области показателей смертности для конкретных возрастных групп останутся без изменений на протяжении всей его жизни.

3. Сводный индекс образования состоит из двух показателей: ожидаемой продолжительности обучения (Expected years of schooling) – количество лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области показателей охвата населения образованием, и средней продолжительности обучения (Mean years of schooling) – среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше в течение жизни, основанного на показателя образовательного уровня населения, пересчитанном в количество лет обучения на основе теоретической продолжительности каждого уровня полученного образования.

При расчете каждого показателя ИРЧП сначала создаются субиндексы. Для преобразования показателей в субиндексы со шкалой от 0 до 1 устанавливаются минимальные и максимальные значения или целевые ориентиры.

После выявления минимальных и максимальных значений субиндексы рассчитываются по формуле:

Уравнение 1 для сферы образования «применяется к обоим субкомпонентам, в результате чего рассчитывается их среднее геометрическое, после чего уравнение 1 используется вторично. Это эквивалентно применению уравнения 1 непосредственно к среднему геометрическому этих двух субкомпонентов. Для расчета дохода используются натуральные логарифмы от минимального значений».[1, с.117]

Для расчета ИРЧП агрегирование субиндексов представляет собой среднее геометрическое 3-х индексов измерений:

Поскольку в России ИРЧП официальной статистикой не определяется, то эксперты, используя данные ПРООН, самостоятельно определяют ИРЧП для российских регионов.

Абсолютная бедность по доходам – это численность населения со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума (официальная черта бедности в России).

Относительная бедность по доходам отражает долю населения со среднедушевыми доходами ниже 60% медианного дохода (дохода, делящего население страны пополам) – черта бедности, принятая в международных сопоставлениях, в том числе проводимых Всемирным банком и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Российские регионы можно следующим образом классифицировать по уровню бедности [2, с.317-319]:

- с относительно низким уровнем бедности по доходам — в 1,5 раза и более ниже среднего российского значения;
- со средним отклонением уровня бедности по доходам — в пределах 1,5 раза выше или ниже среднего российского значения;
- с относительно высоким уровнем бедности по доходам — в 1,5 раза и более выше среднего российского значения.

Коэффициент Джини характеризует степень отклонения фактического распределения общего объема доходов от их равномерного распределения.

Применяются следующие стандарты допустимых значений коэффициента Джини, разработанные во Всероссийском центре уровня жизни (ВЦУЖ):

- ВРП по ППС менее 10 тыс. долл., коэффициент Джини не более 0,36;
- ВРП по ППС от 10 до 20 тыс. долл., коэффициент Джини не более 0,38;
- ВРП по ППС от 20 до 30 тыс. долл., коэффициент Джини не более 0,36;
- ВРП по ППС более 30 тыс. долл., коэффициент Джини не более 0,33.

Коэффициент фондов характеризует степень экономического расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами.

По аналогии с уровнем бедности российские регионы целесообразно следующим образом классифицировать по стандартам коэффициента фондов:

- 1 - с относительно низким коэффициентом фондов — в 1,5 раза и более ниже среднего российского значения;
- 2 со средним отклонением коэффициента фондов — в пределах 1,5 раза выше или ниже среднего российского значения;
- 3 с относительно высоким коэффициентом фондов — в 1,5 раза и более выше среднего российского значения.

Покупательная способность денежных доходов населения — количество модельных наборов товаров и услуг, входящих в бюджет прожиточного минимума (БПМ), которое можно купить на среднедушевые денежные доходы.

Применяется следующая классификация регионов по покупательной способности денежных доходов населения (ПС), разработанная во ВЦУЖ:

- с относительно высокими значениями ПС (от 11 БПМ (бюджет прожиточного минимума) и выше);
- со средними значениями ПС (от 7 до 11 БПМ);
- со значениями ПС ниже среднего (от 3 до 7 БПМ);
- с низкими значениями ПС (от 1 до 3 БПМ);
- с наиболее низкими значениями ПС (менее 1 БПМ).

Душевой валовой региональный продукт (ВРП) — обобщающий показатель экономической деятельности региона, представляющий собой валовую добавленную стоимость товаров и услуг, созданную резидентами региона и характеризующий

возможности накопления и потребления, В официальных источниках его называют также обобщающим показателем уровня жизни.

К российским регионам можно, с определенными оговорками, применить следующую классификацию по стандартам ВРП по паритету покупательной способности (ППС):

- с высоким доходом — от 10 тыс. долл. и выше;
- со средним доходом — от 1 тыс. долл. до 10 тыс. долл.;
- с низким доходом — менее 1 тыс. долл.

По итогам 2014г. количество граждан России с доходами ниже прожиточного минимума (в среднем 8234 руб.) выросло с 15,5 до 16,1 млн. человек. Начавшееся падение в 2015 г. реальных доходов населения только усугубляет проблему бедности. Согласно данным Центра стратегических исследований Росгосстраха по итогам первого квартала 2015г. доля бедных в стране выросла до 12% против 10% в 2014г. Доля малоимущих поднялась до 54% населения по сравнению с 48% в среднем за 2014г и 46% - за 2013г.

Решить проблему снижения уровня бедности и неравенства только путём значительного увеличения бюджетных расходов невозможно, особенно в условиях современного кризиса, когда правительство наоборот ограничивает рост государственных расходов на социальные нужды. Для этого, помимо изменения механизма денежной эмиссии и системы кредитования, реальной борьбой с немонетарной инфляцией, подавлением основных проявлений коррупции и теневой экономики, необходимо активно задействовать методы перераспределения доходов в интересах большинства населения, успешно применяемые в большинстве стран мира. Одним из самых действенных таких методов является введение прогрессивной шкалы налогообложения, а также значительных налогов на богатство и роскошь. Так, по расчётам экспертов института социально-экономических проблем народонаселения РАН, только введение прогрессивной шкалы на совокупные доходы со ставками налогов в пределах, принятых в Европе, позволит увеличить пенсию в 4 раза, минимальную зарплату в 3,5 раза, зарплату бюджетникам в 2,5-3 раза.

1. Подберёзкин А.И. *Национальный человеческий капитал. В 4 т. Т. 3. Идеология русского социализма. М.: МГИМО-Университет, 2011*
2. *Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития: монография/Отв. ред. Р.С. Гринберг и П.В. Савченко. М.:ИНФРА-М, 2014*

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЙ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Уткина Н.Ю. (Санкт-Петербург)

В современном обществе развитие новых форм занятости тесно связано с таким явлением как социальное предпринимательство, которое при эффективном функционировании во многом может ослабить риск безработицы.

Существование и рост безработицы помимо чисто экономических причин определяются следующими социальными факторами:

Наличие структурной безработицы, всегда находятся люди, профессиональная квалификация которых не востребована на рынке труда. Это в свою очередь говорит о низкой и хаотичной мобильности работников по признакам территориальности и отраслевой принадлежности. Еще большая проблема возникает в ряде отраслевых рынков. Как отмечают эксперты, положение представителей различных профессий в отраслях неодинаково [2]. Например, представители так называемых «сквозных профессий» (например, работники транспорта) способны найти работу в другой отрасли. Другим же

(например, учителю), устроиться на другую работу труднее. В итоге они и увеличивают количество безработных. Кроме того, отсутствие системы профессионального образования без учета динамики спроса экономики на рабочую силу ведет к тому, что существующие на рынке труда вакансии плохо соотносятся с отраслевой принадлежностью квалифицированных специалистов.

Проблема омоложения кадрового состава. Обеспечение сотрудников «родной» квалификации в совокупности с достойным уровнем социальной защитой, сталкивается с проблемой «наследственности» поколений в том или ином сегменте экономики в тех местностях, где региональный аспект имеет важное значение.

Решению данных проблем может помочь социальное предпринимательство, которое будучи основой инновационного характера экономики, играет важную роль в достижении экономического роста и высоких показателей в сфере промышленного производства. Как отметил депутат Государственной Думы Российской Федерации от партии «Единая Россия» Виктор Зубарев, «активное обсуждение темы социального предпринимательства в последние годы, на мой взгляд, не случайно. В Конституции нашей страны Россия провозглашается социальным государством. В нашей стране вопросы социального обеспечения, социальной ответственности и солидарности всегда имели особое звучание. Но времена меняются, мир становится более динамичным, структура общества усложняется и рассчитывать, что государственные институты в одиночку справятся с проблемами социальной заботы — опрометчиво» [3].

Однако в перспективе социальное предпринимательство может столкнуться с проблемой нехватки производственных мощностей. В данном случае необходимо более тесно сотрудничать малым и крупным предприятиям, в частности можно использовать незадействованные мощности других предприятий. На это обращают внимание Малышев О.М., Соломонов А.П., когда пишут, что «нужно создать такие условия, которые простимулируют сотрудничество, т. е. опять же улучшение правовой базы, поддержка государства» [4].

В настоящий момент в России социальным предпринимательством заняты только около 1% из всех зарегистрированных компаний и индивидуальных предпринимателей [9]. Однако и сама группа предпринимателей не так уж велика. По данным APS Russia, в России в 2014 г. было выявлено 7,78% потенциальных предпринимателей от общего числа населения - как правило, в возрастном диапазоне от 18 до 44 лет. Средний возраст потенциальных предпринимателей составил 37 лет. Существенных гендерных различий в этой группе обнаружено не было. Однако процент мужчин (8,54%) превышал аналогичный уровень для женщин (7,09%)[1].

Общественные блага, которые не касаются только финансовых и экономических преимуществ для субъектов, являются основными результатами проектов социального предпринимательства. Именно поэтому было бы нецелесообразно применять такие индикаторы эффективности, как например, чистый дисконтированный доход или внутренняя норма доходности. Финансовая эффективность же является показателем успешности как правило для коммерческих проектов. В социальных проектах некоммерческого характера созданный тот или иной экономический результат не является основным и определяющим.

Достижение положительного социального эффекта является основной целью социального предпринимателя

Инвесторам необходимо оценить социальные последствия, как своего рода «возврат инвестиций»

Рис. 1. Факторы, определяющие проблему измерения воздействия в рамках социального предпринимательства

Что касается перспектив развития социального предпринимательства, то оно является ключевым направлением для разрешения социальных проблем в крупных городах России.

Опыт развития данного социально-экономического института убедительно показывает эффективность социального предпринимательства в решении проблем рынка труда. Более того, как страны с развитой экономикой, так и динамично развивающиеся экономики ряда государств, с успехом реализуют проекты в рамках социального предпринимательства.

Это объясняется следующими обстоятельствами:
особенности организации деятельности «социальных» предпринимателей;
их принципиальная нацеленность на качество производимых товаров (оказываемых услуг);
самоокупаемость и безубыточности «социальных» предприятий;
готовность к расширению бизнеса и смягчению решений тех или иных социальных проблем.

Кроме того, решая актуальные социальные проблемы, предприниматели облегчают нагрузку на социальную часть бюджета и «элиминируют» зависимость между вероятностью решения конкретной социальной проблемы, конъюнктурой доходов и состоянием бюджета в целом.

Таким образом, социальное предпринимательство выступает в качестве эффективного и перспективного механизма развития социальной сферы в России, поддержка которого должна стать одним из приоритетов деятельности российского государства.

1. Кашина М. А., Уткина Н. Ю. Социальное предпринимательство как бизнес, «подходящий» женщинам // *Управленческое консультирование*, № 8, 2015, с. 128
2. Кузьмин С.А. *Занятость: стратегия России*. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. URL: <http://www.pnp.ru/news/detail/54163> (дата обращения 9.10.2015 г.)
4. Малышев О.М., Соломонов А.П. Развитие предпринимательства в современной России: проблемы и перспективы // *Социально-экономические явления и процессы*, № 6 (022), 2010, с. 139.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, КАК ДВИГАТЕЛЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СУБЪЕКТА

Фатыхова Г.И. (Казань)

Может ли Татарстан стать конкурентоспособным, независимо от политической и экономической ситуации в России в связи со сложившимися ситуациями? В работе экономиста Майкла Портера «Международная конкурентоспособность» дан ответ: «Да! Отдельный регион может стать конкурентоспособным на мировом уровне!», хотя немало теоретиков, которые не согласны с этим мнением. Значит, есть и надежда Татарстана [Хакимов,2011, с. 41].

Рост потенциала субъекта или отдельного города и экономического составляющего зависит в большей степени от развития малого и среднего бизнеса. Но введение санкций зарубежными странами, затем рост курса доллара первую очередь повлиял на развитие предпринимательства. Представители малого и среднего бизнеса Татарстана испытывают нарастающее воздействие негативных факторов: сегодня отмечены факторы сокращения доходов, спроса, снижение объемов выручки, задержки платежей по кредитам, сокращение персонала, приостановки деятельности малого и среднего предпринимательства в отдельных муниципальных районах РТ со всеми экономическими и социальными последствиями. Рост числа банкротств и предприятий, приостановивших свою деятельность способен оказать самое разрушительное влияние на доходную часть бюджета субъекта, или отдельного города. Учитывая, что малое предпринимательство является фактором стабилизации экономики, особенно в условиях кризиса, должны консолидироваться с помощью бизнес-сообществ и органов власти для решения проблем и последующего развития малого и среднего бизнеса. Решая проблемы предпринимательства, и повышая их конкурентоспособность, сможем говорить о конкурентоспособности Татарстана, как отдельного субъекта.

Очевидно, что влияние кризисных явлений может быть не равномерным по отраслям и категориям малого и среднего предпринимательства и иметь различную глубину и продолжительность. Разрабатывая программы решения каких-либо проблем предпринимательства, надо учитывать отрасль, ресурсы, даже потребителей. Например, если взять отдельную отрасль малого бизнеса, как легкую промышленность, то рассмотрение проблем и выработка ряда рекомендаций облегчится.

Сегодня, объем продаж легкой промышленности составляет 2-е место на рынке, причем весь рынок задействован не отечественными и не Татарстанскими товарами. Большое количество рынка занимает товары из Восточных стран, таких как Китай, Таиланд, Вьетнам и др, Вторая проблема для предпринимателей текстильной и легкой промышленности это - ввод сырья для изготовления товаров, и утилизация отходов, третья – структура производства, туда же входит логистика, отсутствие ценного персонала, четвертая – привлекательность рабочих кадров, и пятая проблема – это пассивный уровень задействованности государственных органов в поддержке легкой промышленности[Республиканская Конференция, 2014].

Также проблема не хватки квалифицированных кадров, которые могли бы хорошо и качественно выполнять свою работу, работать в качестве рабочего персонала на заводах, фабриках, где не требуется высшего образования, а средне-техническое или средне-специальное образование рабочих профессий.

Сами предприниматели текстильной и легкой промышленности во время круглого стола в ТПП озвучивали следующие проблемы:

1. Проблема сезонности их продукции;
2. Нехватка рабочих рук, квалифицированных кадров, не управленцев, а именно швей и портных и тд;
3. Налоги, таможенные пошлины;
4. Энерго-затраты, дорогие ресурсы, дорогая аренда;
5. Невозможность получить государственные заказы, так как получают более дешевые производители с низким качеством продукции. Эта проблема озвучивается во всех конференциях, круглых столах предпринимателей, так как главным условием

получения государственного заказа является низкая цена, а не качество продукта [ТПП, 2014].

Такие же проблемы существуют не только у предпринимателей текстильной и легкой промышленности, так же и на многие другие проблемы жалуются предприниматели малого и среднего бизнеса. Сегодняшняя ситуация в стране для многих предпринимателей является естественным колебанием рынка(56%), несмотря на это кризис в стране сказался на спрос. Предприниматели отмечают, что спрос на продукцию и услуги уменьшились(40%), также изменились в худшую сторону поставки сырья(52%).

Во время кризиса предприниматели малого и среднего бизнеса изыскивают средства для погашения задолженности(52%), также некоторые сокращают работников, меняют режим работы, некоторые мелкие организации изыскивают дополнительные виды деятельности и средств выхода из ситуаций. Сокращая работников в стране повышается уровень безработицы, таким образом, проблемы предпринимателей пусть даже и с косвенной стороны, соприкасается с социальной сферой - занятости населения.

Проблемы, связанные с кризисом, усугубляются в сотрудничестве с банками. Сами предприниматели готовы кредитоваться до 10% максимальной ставке (отмечают – 84% предпринимателей), а банки готовы предоставить кредиты не меньше 21% годовых, а то и больше, причем не больше чем на 3-4 года. Это повышает потребность в возобновлении городской программы субсидирования процентной ставки по кредиту или система грантовой поддержки предприятий государством, но не на безвозмездной основе. Грантовые деньги через истечения срока возвращали государству. Так как кредитоваться в банках под высокие процентные ставки будут выгодны только самим банкам.

Для выхода из кризиса и повысить конкурентоспособность Татарстана возможны следующие меры для государственных органов и представителям малого и среднего бизнеса:

- Разработать и утвердить план мероприятий по расширению доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к закупкам инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием в Республике Татарстан;

- Создать и обеспечить ведение реестра республиканских производителей товаров, работ и услуг для целей исполнения норм Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд", функционирования системы локализации и импортозамещения и обеспечения субъектов малого и среднего предпринимательства заказами крупных предприятий на производство продукции (работ, услуг), в последующем осуществлять мониторинг закупок регулируемых заказчиков в части учета предложения республиканских производителей при согласовании документации о закупках.

- Внести предложения по закреплению в организационно-распорядительных документах крупных торговых сетей доли продукции местных товаропроизводителей в обороте торговой сети в целях обеспечения субъектов малого и среднего предпринимательства торговыми площадями

- Обеспечить аудит и экспертизу объектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях (промышленных, индустриальных, логистических, агропромышленных парков, технопарков);

- Внести предложения по уменьшению размера потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода в рамках патентной системы налогообложения и по дифференцированным величинам базовой доходности в рамках патентной системы налогообложения для различных муниципальных образований (в зависимости от численности работников предпринимателя и от численности населения, по которым возможно установление различных размеров подлежащего налогообложению дохода)[Республиканская Конференция, 2014].

1. *Данные с III Республиканской конференции предпринимателей «Взаимодействие бизнеса и власти: современные вызовы и выбор пути развития предпринимательства в РТ» 22.12.2014*
2. *Круглый стол ТПП «Текущее состояние и проблемы развития легкой промышленности и Республике Татарстан» 27.11.2014*
3. *Р.С.Хакимов, Наука управления. – Казань: Институт истории АН РТ, 2011. – 220с.*
4. *ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"*

РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Холоденко Ю.А. (Москва)

Современная российская экономика находится в глубоком кризисе. К сожалению, это надолго. Падение ВВП, рост потребительских цен, снижение реальных доходов населения, застой в сфере занятости – факты, которые трудно оспаривать. Очевидно, что палочка-выручалочка – благоприятная конъюнктура глобального нефтяного рынка – вряд ли придет на помощь россиянам, о чем говорит большинство специалистов. Следовательно, предстоит кропотливая работа, направленная на формирование новой социально-экономической модели, базирующейся на инновациях.

Переход к новой модели обусловлен прежде всего внутренними факторами. Устаревшая структура экономики, деиндустриализация, невосприимчивость к инновациям и неспособность их генерировать, дефицит экономической свободы на фоне всевластия отечественной бюрократии – вот далеко неполный перечень причин, сдерживающих развитие экономики нашей страны.

Между тем именно в экономической сфере формируется материальная база социального государства. Как результат общественного компромисса, оно создавалось для сглаживания социальных противоречий западного общества, оказав значительное влияние на решение острых социальных проблем. Однако сейчас оно переживает глубочайший кризис. Кризис настолько серьезен, что высказывается мнение о грядущем демонтаже государства всеобщего благосостояния.

Российское социальное государство де-юре возникло с принятием действующей Конституции. Первоначально оно носило нормативный, во многом декларативный характер, став идеологией широких социальных слоев, стремившихся к социальной справедливости. Однако экономический рост, вызванный в первую очередь благоприятной внешнеторговой конъюнктурой, сформировал материальные предпосылки для практического воплощения принципов социального государства. Были разработаны основные направления социального развития и механизмы их реализации, сформулированы приоритетные национальные проекты с очевидной социальной направленностью, реализован ряд мер в сфере демографической политики, защиты семьи, материнства и детства. Заметно вырос уровень и качество жизни россиян. Таким образом, в нашей стране появились основные атрибуты социального государства, в том числе механизмы обеспечения основных социальных прав и свобод граждан. Активная государственная социальная политика позволила значительной части нашего общества пережить кризис 2008-2009 г.г. без серьезных потрясений.

В настоящее время российское социальное государство вновь переживает непростые времена. Представляется, что современный кризис в российской экономике является значительно более глубоким, нежели в 2008-2009 г. Это обусловлено сочетанием внешних и внутренних, политических и фундаментальных факторов. Утяжеленная структура народного хозяйства, ее невосприимчивость к инновациям, зависимость от импорта новой техники и технологий, продовольственных и промышленных

потребительских товаров в условиях санкций и антисанкций, изолированности от ведущих зарубежных финансовых рынков, ухудшения внешнеторговой конъюнктуры усложняют задачу преодоления кризисных явлений в экономике и социальной сфере.

Очевидно, что социальные проблемы будут нарастать. Солидарность и сплоченность российского общества сейчас базируются на двух «китах»: доверие к действующему Президенту РФ и неприятие политики Запада в отношении нашей страны. Ресурс значительный, но безграничный в условиях роста масштабов и значительного снижения реальных доходов. Кризис угрожает социальной стабильности, не замечать этой угрозы нельзя.

Возникает извечный русский вопрос: что делать? Косметическими мерами, на наш взгляд, ограничиться невозможно. Предстоят глубокие, болезненные социально-экономические преобразования. Западные санкции дали нашей стране уникальный шанс – развивать промышленность и сельское хозяйство вопреки членству в ВТО. Однако для решения этой задачи необходима хорошо продуманная долгосрочная политика импортозамещения. Нужны соответствующие государственные программы с четко сформулированными целями, механизмами их достижения и сроками реализации. Очевидно, что без поддержки государства развивать производство в условиях ограничения доступа к зарубежным финансовым рынкам, сверхдорогих кредитных ресурсов и отсутствия гарантий не представляется возможным.

Программы импортозамещения – проект недешевый, требующий значительных ресурсов. Когда ограничен доступ к внешним источникам заимствований, выбор невелик: собственные средства компаний, кредитные ресурсы российской банковской системы, средства государства. Россия сталкивается с серьезной дилеммой: как выполнить социальные обязательства в условиях сокращения ресурсной базы и обеспечить баланс экономических и социальных интересов? Ведь главный источник благосостояния граждан – экономика. Экономика – кладовая ресурсов социального государства. В случае успешной реализации политики импортозамещения, активного внедрения инновационных технологий будут созданы сотни тысяч новых высокооплачиваемых рабочих мест, расширится налогооблагаемая база. Но это все-таки отдаленная перспектива. А что делать здесь и сейчас, чтобы обеспечить социальный мир, необходимый для реализации масштабных экономических преобразований. Выбор конкретных мероприятий ограничен. Главное: новые реформы не должны проводиться за счёт социально уязвимых слоёв: пенсионеров, семей с детьми, инвалидов. Нельзя рушить и позитивные тенденции, наметившиеся в образовании и здравоохранения, иначе у России нет будущего.

В обозримой перспективе три понятия должны стать ключевыми для российской правящей элиты: «эффективность», «скромность» и «адресность». Эффективность бюджетных расходов, неразрывно связанная со скромностью и самоограничениями государственной власти позволит получить дополнительные ресурсы для проведения социальной политики, которая, в свою очередь, нуждается в усилении адресности.

В это сложное время следует обеспечить поддержку наиболее нуждающимся. Это продемонстрирует социальный характер современного российского государства, позволит ему найти достойный ответ на внутренние и внешние вызовы, обеспечит поступательное стабильное развитие российского общества.

1. *Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы. – Вопросы экономики, 2015, №10*
2. *Васильев В. П. Целевые ориентиры социальной политики. - Вестник Московского Университета, Серия 18, Социология и политология, 2015, №3*
3. *Государственное и муниципальное управление. Под ред. Васильева В. П. – М. ДиС. 2014*
4. *Холоденко Ю. А. Модернизация социальной политики современного российского государства. - Вестник Московского Университета, Серия 18, 2014, №4*

О ПРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ В ЭКОНОМИКЕ

Цветкова Г.А. (Москва)

2014 год в России был официально объявлен годом культуры, на всех территориальных уровнях разрабатывались и реализовывались культурные мероприятия [1]. Отсюда были определенные ожидания общественности и представителей органов власти на качественные подвижки в положительном направлении или хотя бы на стабилизацию процессов в области нравственности. Однако, что на самом деле происходит в области морали? Какие факторы влияют на соответствующее положение дел? Кто и как воздействует на поведение россиян? Ответы на эти и многие другие вопросы были получены при подведении результатов всероссийского опроса «Человек и нравственность», выполненного в конце 2014 года [2]. Данные этого исследования и положены в основу настоящей публикации.

Как же оценивают эксперты моральное состояние общества? Есть ли изменения? Результаты получены неоднозначные, поскольку лишь 10% из опрошенных заявило, что нравственное поведение людей за последние годы улучшилось. 37% - осталось таким же, а 40% настаивали на ухудшении. Хотя на вопрос: «Есть ли в Вашем окружении люди, о которых можно рассказать, как о нравственном примере?», 79% опрошенных дали утвердительный ответ, 9% сообщили об обратном, 12% затруднились ответить. И это радует, ибо, значит еще не все потеряно: если есть пример, значит, есть на кого равняться.

При этом большинство опрошенных (от 60 до 70%) часто видят проявление негативных качеств: несправедливость, равнодушие и грубость. Отсюда и аморальное поведение: пьянство, стремление взять больше, чем дать обществу, использование «блата», связей с нужными людьми.

Заставляет задуматься и то, что каждый второй из респондентов считает, что только владение деньгами, материальными или другими ценностями определяют сегодня социальное положение и престиж человека в обществе. В рамках данного аспекта эксперты указали на частые злоупотребления служебным положением и на взяточничество. Подтверждением этому могут служить данные об экономических преступлениях, которые по официальным данным сокращаются: 2000 г. – 322000, 2014 г. – 107797, т.е. на 214 тыс. преступлений. Однако, социологические опросы выявили несколько иную ситуацию: свыше 56% опрошенных заявили об увеличении экономических преступлений.

Общественное восприятие процессов в экономике далеко от устойчивости. Если в конце 80-х гг. удельный вес негативных оценок экономического положения в стране был в 2-3 раза меньше по сравнению с результатами опроса 1990 г., то в настоящее время опрошенные в оценках разошлись: 46,1% утверждают, что положение «хорошее», а 46,4% респондентов заявили об обратном. Только представители столичных, краевых или областных центров сообщили о некотором приоритете положительной ситуации над негативной (51,7% и 50,6%). Опрошенные в других типах населенных пунктов убедительно свидетельствуют об обратном. У них преимущественное значение в ответе на данный вопрос заняло суждение «скорее плохая, чем хорошая» ситуация. В негативных красках видят состояние экономики 49,6% селян против 41,2% опрошенных, считающих положение хорошим. Практически аналогичный перевес негативных над позитивными оценками выявлен среди опрошенных не краевых и областных центров: соответственно 44,5% против 38,5%.

Интересно, что восприятие состояния дел на собственных предприятиях оказалось более оптимистическим, чем на предприятиях страны в целом. Что касается различных уровней территорий, то сегодня экономическая ситуация в местах проживания

рассматривается более критично чем в стране. Хотя ранее пессимизм увеличивался по мере отдаления предмета оценки от его непосредственной деятельности и жизни. Исключение составляли жители столичных городов. Из них более 40% считали, что экономическое положение в их населенном пункте сложное. В то время как ситуацию в России негативно воспринимали 46% опрошенных.

Хочется подчеркнуть, что отмеченные выше данные отражают точку зрения экспертов, которые с негативными фактами встречались часто. Но если к ним добавить еще тех, кто редко, но сталкивается с соответствующими отрицательными явлениями, то ситуация, на наш взгляд, выходит из-под контроля. Ибо в целом с грубостью, равнодушием и несправедливостью встречалось 96% экспертов. И это естественно сказывается на поведении людей, принося массу негативных последствий. К примеру, 88% опрошенных указали на случаи плохого отношения к природе, 87% - о злоупотреблениях служебного положения, 86% - о хулиганстве, 85% - о блате, 68% - об использовании наркотических средств и пр.

Культура поведения зависит от воспитания и образования, на это в свое время указывал еще Аристотель. Как же оценивают эксперты их влияние на состояние нравственности в обществе? Судя по данным опросов, фактор образования срабатывает, к примеру, на отсутствие мнимой занятости у работников, имеющих высшее образование, указали 39,7%. У работников со средне специальным 36,6% и полным средним 36%, т.е. разница есть, хотя и небольшая (на уровне 3%). Зависимость нравственных качеств от образования подтверждает и другой факт: чем ниже уровень образования, тем выше деление работников на «своих» и «чужих», что не способствует гармоничному развитию членов трудового коллектива.

Более 40% экспертов заявило об участившихся случаях плохого отношения к людям другой национальности и соответственно к хулиганству. Очень критично люди относятся и к легкомысленному отношению в вопросах воспитанию детей (88%), т.е. в настоящее время родители не в должной мере выполняют свои функции. И как результат, современная система нравственных ценностей и норм юношей и девушек лишь отдаленно напоминает ту, к которой стремились их родители. Происходит "вымывание" норм и принципов коллективистской морали, которая уступает место индивидуалистической морали, базирующейся на совершенно иной системе ценностей. К примеру, многие молодые люди даже не слышали о коллективных договорах на своих предприятиях. В то же время данный документ способствует трудовой активности, повышению правовой и финансовой грамотности, создает возможности для сплочивания коллектива при решении проблем с позиций справедливости.

Каков же в этих условиях уровень материального положения россиян? Как они воспринимают собственное благополучие? В иерархии материальной обеспеченности работников лидирующее место занимают те, у кого денег хватает лишь на основные продукты и одежду. С ним соотнесли свой достаток более 57,0% опрошенных, т.о. основой благосостояния большинства работников является средний уровень их материального положения. Тех, кто не испытывает никаких материальных затруднений в жизни оказалось всего 5,6%. Среди тех, кто отнес себя к бедным, обнаружена значительная дифференциация по месту их жительства (город, село). Если о тяжелом положении в столичном, краевом или областном городе заявило 6% респондентов, им денег не хватает даже на продукты и одежду, т.е. люди живут в крайней нужде, то в селе к данной категории отнесли себя свыше 12% опрошенных, т.е. в 2 раза больше. Подтверждением проблемности финансового положения на личностном уровне служит и то, что в случае потери работы почти каждый второй респондент (46%) предпочел бы трудоустройство в любом месте, но за хорошую зарплату.

Заставляет задуматься и то, что работа на предприятиях различных форм собственности не изменяет материального положения, а, следовательно, и поведения работников. Ибо, как указывают опрошенные, ситуация на всех предприятиях схожая.

Высокий уровень негативных оценок нравственного сознания и поведения людей вызывает необходимость обратиться к условиям их жизнедеятельности. Но здесь данные опроса зарегистрировали несколько иную ситуацию. Более 50% экспертов посчитали, что их жизнь за последние пять лет изменилась к лучшему. Почти 40% опрошенных заявили, что живут в достатке, т.е. наблюдается противоречивость экономического сознания, что и вызывает перекосы нравственного поведения.

Однако, на наш взгляд, опасным стало и укоренение в общественном сознании подавляющего большинства граждан страны (около 80%) мысли о том, что демократические процедуры - выборы, парламент, свобода печати - все это пустая видимость, т.к. страной управляют те, у кого больше богатства и власти. Их деятельность не соответствует потребностям и интересам народа. Отсюда отчужденность, агрессивность и апатия.

В рамках заявленной проблемы, нельзя не обратиться и к базовому блоку исследований. С какими общественными силами связывают люди надежды на укрепление нравственности, которое напрямую связано с выходом России из кризиса, к примеру, в 1993 г.? Ведущая роль отводилась рабочему классу (22%), Президенту Российской Федерации (11%), бизнесменам (9%) и интеллигенции (8%). На крестьянство и военных надеялось по 5% опрошенных, на политиков 3% и на директоров предприятий 2% респондентов. По сути, основными субъектами данной социальной структуры, по мнению респондентов, являлись участники экономической сферы (38%), а не политической сферы (14%) [3]. Исходя из этих результатов, можно сделать вывод, что россияне в массе своей на власть в лице президента страны и политиков не надеялись.

Важно, что и в настоящее время основными силами, способными обеспечить прогрессивное развитие России, выступают рабочие и крестьяне (83 и 73% опрошенных соответственно). И это, как подчеркивает С.Г. Кара-Мурза, позиция консенсусная для всех социально-профессиональных, возрастных и пр. групп [4].

Нравственные проблемы в экономике охватывают широкий спектр направлений. Для исключения многих из них, на наш взгляд необходимо, прежде всего, тщательно проанализировать ситуацию в экономике в целом. Ибо приоритетным истоком нравственных проблем россиян служит их финансовое положение, вызывающее массу нареканий и забот. Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом, и при этом учитывались его профессиональная компетентность, квалификация, опыт, а не только близость к власти или к большим деньгам. Пока зависимость уровня заработной платы от вклада работника в производство остается формальной. За исключением столичных городов ни в одном из типов населенных пунктов влияние оплаты труда на стремление работать с большей отдачей сил на основной работе не зарегистрировано. За годы реформ уровень заработной платы сокращен на более чем 50%. В то время как цены на товары и услуги (1990—1997) выросли более чем в 6,0 тыс. раз, а заработная плата — лишь в 3,2 тыс. раз. И данная тенденция сохраняется. При определении прожиточного минимума государство в свои расчеты закладывает нормативы биологического выживания одинокого человека в экстремальных условиях.

Необходимо обратить внимание и на взаимоотношения работников и работодателей. Работник со своими проблемами остался один на один. Ситуацию усугубляет и то, что страна находится в условиях постоянных реформ. Социальные перемены в экономике происходят одновременно очень быстро и очень медленно. Экономическое сознание россиян доминирует над другими формами общественного сознания, что и предопределяет нравственные проблемы в экономике.

1. *Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект №14-18-02016) «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2010-е годы)».*

2. *Результаты всероссийского социологического исследования «Человек и нравственность» (25-30 октября 2014 г.). Опрошено 1750 чел. Экспертный опрос: руководители предприятий и отдельных подразделений, лидеры партий и общественных движений, руководители органов государственной исполнительной власти и местных органов самоуправления. Исследование проведено в 18 регионах страны. Выборка: пол, образование, семейное положение, место жительства, формы собственности и трудовому стажу. Опросы поведены во всех экономических районах, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг Страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса - Москву и С-Петербург.*
3. *СОЦИОЭКСПРЕСС № 2, март 1993. М.: Луч, 1993. – 8 с. Исследование проведено Институтом прикладной политики зимой 1992-1993 гг. в 4-х регионах России. Массив опрошенных = 1500 чел.*
4. *Кара-Мурза С.Г. Выбор стратегии развития - исторический выбор. //Развитие экономики, июнь 2013.С. 162.*

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Цзи Х. (Санья, КНР)

Актуальность -- старый шелковый путь сыграл значительную роль в углублении обменов между Востоком и Западом, в наши дни в него вкладывает новый смысл. Поспособствует развитию в разных сферах, углублению сотрудничества и взаимному доверию, стабильности и миру в регионах, и затем осуществлению мечты разных народов. Китай и Россия, как соседние, имеют крепкую дружбу, контакт между двумя странами начался несколько столетий назад. Как две державы, в наши дни, несут ответственность за развитие и стабильность мира. К тому же, западный лагерь под руководством США интенсивно сдерживает развития России и Китая. В соответствии с этим данные страны вынуждены упрочить сотрудничество в разных областях, чтобы достичь обоюдного выигрыша и увеличить право голоса и влияния в мире.

Задачи -- объяснить шелковый путь(старый и новый), истоки, связь анализировать структуру и функции сотрудничества выявить проблемы (барьеры) и принять меры

Цель -- определить роль и доказать важность сотрудничества и затем повысить отношения на наивысший уровень

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ БАЛАНСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Шведовский В.А. (Москва)

Теоретическим фундаментом рассмотрения названных в заглавии понятий является обобщение концепции общественного воспроизводства [1, 2]. Одним из планов рассмотрения системы общественного воспроизводства является её рассмотрения с позиции совокупного эволюционного потенциала [3]. В нём обычно выделяют две группы потенциалов:

1) традиционные: экономический; демографический; научно-технический; производственный; военный;

2) «гуманитарная группа»: интеллектуальный; информационный; культурный; морально-политический (социально-психологический).

О методологической роли понятия социального неравенства в моделировании общественного воспроизводства

Решение проблемы вывода модельных уравнений системы общественного воспроизводства [4], обобщающих вывод уравнения Кондратьева Н.Д. для производственной функции на основе самого общего функционального уравнения баланса факторов в частных производных первого порядка - ч.п.п., заданного в неявной форме:

$$\Phi(K, L, I, F(K, L, I), pK, pL, pI) = 0 \quad (1)$$

с неизбежностью в силу требования выполнения теоремы о неявной функции $\partial\Phi/\partial F \neq 0$ приводит к выводу о необходимости учёта в моделях такой социальной переменной как социальное неравенство, ибо $\partial\Phi/\partial F=0$ означает социально-однородное, т.е. «уравнительное» общество, но и ведущее, как показал опыт, к неэффективной экономике.

И тут же возникает проблема: до какой меры допустимо социальное неравенство? Общий ответ: до неубывания меры социальной справедливости (сосп).

Определения социальной справедливости

Сосп (Аристотель) – отношение к другому справедливое, если это равенство, ибо все от природы равны.

Сосп (Платон) – социально-согласованное неравенство: все люди по природе не равны и справедливость в том, чтобы каждый человек имел своё (по потребностям) и исполнял тоже своё (по способностям).

Сосп – состояние общества, в котором общественная функция благосостояния, если она существует, достигает максимума. Её вид определяет теории вэлфаризма, утилитаризма, оптимальности по Парето, эффективности (А.Сен).

Сосп (Ефимов-Кирута-Шевяков) – состояние общества, в котором ни один из участников не испытывает социальной напряжённости, вызванной завистью, экономическим неравенством или изменением социально-экономических норм [5].

Ключевой гипотезой укрепления доверия – основы стабильности - общества к власти является последовательное снижение избыточного социального неравенства [6].

Для количественного решения сформулированной в заглавии проблемы был применён метод неопределённых множителей Лагранжа к некоторой функции благосостояния российского общества и ограничениям к ней, вытекающим из сформулированного выше уравнения в ч.п.п. для описания эволюции системы общественного воспроизводства России на современном этапе, т.е. в условиях мирового кризиса, западных санкций и перехода от сырьевой модели развития к инновационной.

При формулировании функции благосостояния были учтены приведённые выше определения социальной справедливости, начиная с Платона и кончая последними из указанных авторов.

При этом в подходах к построению функции благосостояния учитывалось, что:

Самый распространённый – это подход в рамках формата потребления, т.е. рассмотрения распределения потребительских благ по членам общества с учётом разных стратегий распределения;

существует альтернативный подход – в учёте возможностей распоряжаться ресурсами в производительном труде.

Основная методическая идея

Искомое решение проблемы находится на пучке интегральных решений уравнения в ч.п.п. в неявной форме [2]:

$$\Phi(K, L, I, F(K, L, I), pK, pL, pI) = 0 \quad (1)$$

Этим выбором задаётся масштаб агрегирования. Постулат: любое изменение социально-экономических переменных а) требует ресурсной поддержки и б) придаёт смысл уравнению (1) в качестве баланса факторов воспроизводства.

Список обозначений.

K – капитал; L – труд; I – знание;

F = F(K, L, I) – национальный доход;

$\partial F/\partial K = pK$ – ставка % на кредит в банке;

$\partial F/\partial L = pL$ – средняя зарплата;

$\partial F/\partial I = pI$ – усреднённая цена ПК;

I – годовой объём обрабатываемой машиночитаемой информации на СВТИ России. При этом предполагается справедливое выполнение соотношения [7]: $\partial F/\partial I = 1$.

К методу множителей Лагранжа - выбор функции благосостояния общества Z (1 шаг)

Этот выбор зависит от адекватного выбора масштабов агрегирования и времени.

В концепции подхода к системе общественного воспроизводства высшим уровнем агрегирования являются потенциалы, компоненты совокупного эволюционного потенциала. Для технологичности и наглядности решения проблемы выбираем по одному потенциалу из каждой группы: экономический и социально - психологический потенциалы.

Выбор функции благосостояния общества Z (2 шаг).

Формальными претендентами могут быть

$Z=f(F, L)$, $Z=f(G, L)$, $Z=f(I, L)$, $Z=f(F, I)$, $Z=f(F, G)$, $Z=f(I, G)$. При этом каждый аргумент привязан к названным потенциалам.

Из теоретических соображений наиболее адекватными функциями для текущей ситуации являются функции, содержащие в качестве аргумента L – варьирование занятостью, т.е. первые 3 данного ряда. Тогда естественным дополнением в управлении двухчастной моделью (трудящиеся – элита) социума оказывается аргумент G – для варьирования степенью социального неравенства.

Конструирование функции $Z=f(G, L)$ – 3 шаг

После проведения согласно стандартной методике выкладок была получена адекватная высказанным выше теоретическим посылкам система уравнений. Она есть выражение необходимых условий наличия условного экстремума функции Лагранжа на базе построенной $Z=f(G, L)$. Её решение позволило определить координаты стационарных точек значения множителей Лагранжа - λ .

Определение достаточных условий характера экстремума – max или min (4 шаг)

После построения матрицы Лагранжа для неё вычисляется знак гессиана при найденных значениях координат стационарных точек и множителей λ . Если он больше 0, то экстремумом является максимум, что и оказалось в данном случае.

Выводы и заключение

- При выводе системы дифференциальных уравнений модельной эволюции экономики с необходимостью появляется требование имманентного учёта в модели социальной переменной – уровня социального неравенства.

- Из шести функций благосостояния общества для применения метода неопределённых множителей Лагранжа были выбраны две $Z = f(F, L)$, $Z = f(G, L)$. Для первой из них попытка получить достаточные условия максимума оказалась неудачной.

- Получены достаточные условия максимума для $Z = f(G, L)$, т.е. укрепления доверия большинства населения к институтам власти посредством вариаций G и L, заключающиеся в реализации 2-х стратегий управления: 1) снижения социального неравенства на 5ую долю % и увеличения занятости на 9%, 2) снижения социального неравенства на 1% и снижения занятости на 2% .

- Имеется точка роста данного подхода, заключающаяся в анализе остальных 4-х функций $Z = f(I, L)$, $Z = f(F, I)$, $Z = f(F, G)$, $Z = f(I, G)$ и построении функции Лагранжа для трёх управляющих параметров, например, для $Z = f(G, L, kI)$.

- Такие решения позволяют найти оптимум искомого баланса для конкретного этапа развития российской системы общественного воспроизводства, т.е. в условиях мирового кризиса, западных санкций и перехода на новую не сырьевую модель развития.

1. Гребнев Л.С. *Философия экономики (старые истины и новое мышление)*. М.: «Луч», 1991.
2. Шведовский В.А. *Особенности социолого-математического моделирования в исследовании социальных процессов*. - Монография, Москва, АCADEMIA, 2009.

3. Федоренко Н.П., Дементьев В.Е., Львов Д.С., Макаров В.Л. Глазьев С.Ю. и др. *Общественное богатство: проблемы эффективной реализации экономического потенциала*, ЭиММ, т.27, вып.2, Март-Апрель, 1991, стр.229.
4. Арнольд В.И. *Геометрические методы в теории обыкновенных дифференциальных уравнений*. – Монография, Ижевск, Ижевская республиканская типография, 1999. ISBN: 5-89806-028-4
5. Ефимов Б.А. *Социальная справедливость, общественное благосостояние и взаимность // Математическое моделирование социальных процессов*, МГУ Социологический ф-т, вып.9., М., 2007.
6. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. *НЕРАВЕНСТВО, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ДЕМОГРАФИЯ: НЕИССЛЕДОВАННЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ*. - Научная монография, Москва, М-Студио, 2009.
7. Попов Е.В., Власов М.В., Симарина М.О. *Экономика знания: институт регионального развития // Журнал экономической теории*. 2009. № 3, с. 5-12.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ТРУДА И ЛИЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Шипелик О.В. (Таганрог)

В современной научной литературе исследованы многочисленные виды отчуждения человека: социально-экономическое, политическое, этническое, духовное. Для всех видов отчуждения характерно властвование над человеком сил, созданных им самим в товарном производстве. В наибольшей степени отчуждение свойственно капитализму, где оно приобретает характер "вещного" отчуждения. Переход России в начале 90-х гг. XX в. к капитализму породил негативные трансформации (отчуждение) во всех областях общественной жизни, особенно затронув сферу трудовой занятости и личного (физиологического) потребления. Каковы причины и особенности данных видов отчуждения? Причины заключаются в неолиберальных реформах, которые привели Россию к регрессу, а с 2008 г. - к кризису. Следствием неолиберальных реформ явилось социальное расслоение общества, отчуждение групп населения с наименьшими доходами от групп населения с наибольшими доходами. По уровню потребления разрыв между наиболее и наименее обеспеченными регионами России составляет 30-ти кратную величину. Население так называемой "первой" России имеет численность 15% и аккумулирует в своих руках 85% всех сбережений, 57% - денежных доходов, 92 - доходов от собственности и 96% всех средств, расходуемых на покупку иностранной валюты"[1, с.3]. Данное обстоятельство явилось, в свою очередь, стартовым для отчуждения в сфере трудовой занятости и личного (физиологического) потребления. Рассмотрим отчуждение в сфере трудовой занятости.

Отчуждение в сфере труда предполагает массовые увольнения и сокращения, но не в связи с реорганизацией или расширения производства, а по причине его банкротства или остановки. Отчуждение в сфере личного (физиологического) потребления является следствием бедности или нищеты, когда человек балансирует на грани выживания, отказывая себе в необходимых продуктах питания или заменяет их суррогатами. Общество живет до тех пор, пока производит необходимые ему средства к жизни. Производство и потребление, как производительное, так и непроизводительное диалектически взаимосвязаны. Зависимость между ними прямо пропорциональная: во сколько раз сокращается производство, настолько же сокращается потребления, в том числе личное (физиологическое). В ходе реформ, деиндустриализации "контингент промышленных рабочих сократился вдвое на 10 млн. человек. Значительная часть их опустилась на "социальное дно"[2, 11]. Также в 90-е гг. XX в. были разрушены колхозы и совхозы.

С 2013 г. в России происходят процессы, которые можно назвать "деинтеллектуализацией". Глава Министерства науки и образования Д. Ливанов проводит политику сокращения (или "оптимизации") преподавательского состава вузов. В сфере

высшего образования разработан способ снижения зарплаты под тем же названием "оптимизация". В вузах руководство увеличивает "горловую" нагрузку преподавателя за счет ликвидации других нагрузок (индивидуальных занятий, контрольных работ и др.). В результате количество часов у преподавателя сокращается и его переводят на долю ставки (0,1, 0,25, 0,5, 0, 75). Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 гг. требует закрыть 40% российских вузов и 80% их филиалов, сократив количество вузов до 150-200. Для сравнения: в 1970 г. в России было 475 вузов. Однако сфера образования в условиях снижения занятости в других секторах могла бы взять на себя "высвобождающуюся из материального производства часть работников, обеспечивая им современные качественные рабочие места" [3,41]. Поскольку средства, выделяемые Правительством России на образование, неуклонно сокращаются, то тормозится формирование человеческого капитала, а, следовательно, и экономического развития. Отсутствие технологического прогресса закономерно приводит к уменьшению жизненных стандартов и потребления. По этой причине население России беднеет. Денежные доходы первой группы населения (с наименьшими доходами) в 1995 г. имела 6,1% дохода, а в 2012 г. - только 5,2%. Вторая группа соответственно - 10* % и 9,8%, третья группа 15,2% и 14,9%. Рост доходов наблюдался только у четвертой группы населения - от 21,6% до 22,5% и в пятой группе (с наибольшими доходами) 46,3% и 47:% соответственно [4]. Среди бедных семей высок уровень наемных работников. "В 2003 г. занятые в экономике составляли 58,2% бедного населения" [5, с. 56]. Что представляет собой отчуждение в сфере личного (физиологического потребления)? Согласно Государственной политике сокращения бедности в России границей бедности является уровень прожиточного минимума. Критерий этот безусловно не совершенен, но он используется на практике. Сравним потребительские корзины по основным продуктам питания в 1990 г. и в 2015 г. и соотнесем их с рекомендуемыми нормами потребления. В 1990 г. потребительская корзина допускала употребление в год хлеба и хлебобулочных изделий 119 кг. в год, а в 2015 – 126,5 кг. Рекомендуемая норма потребления хлеба составляет 117 кг. В 1990 г. картофеля можно было употреблять 106 кг в год, в 2015 г. норма снизилась до 100,4 кг. Рекомендуемая же норма употребления картофеля такая же, как у хлеба – 117 кг. в год. Поэтому хлеба мы переедаем, картофеля недоедаем. Следует отметить, что хлеб и изделия из него часто не отличаются качеством (длительные сроки хранения, наличие многих консервантов и др.). Сахара и кондитерских изделий в 1990 г. в потребительской корзине было 47 кг. в год, а в 2015 г. только 23,8 кг. при норме 47 кг. В 1990 г. мясopодуKтов в потребительской корзине было 72 кг, в 2015 – только лишь 58,6 кг. при рекомендуемой норме 78 кг. Из этих данных можно сделать вывод, что рацион большей части населения не отвечает потребностям в биологически активных веществах. Попросту говоря, человек недоедает, именно потому, что беден. Таким образом, отчуждение в труде порождает отчуждение от индивидуального (физиологического) потребления. Потребительская корзина не учитывает питание иждивенцев семье. Поскольку почти в каждой семье есть дети (иждивенцы), то отчуждение от личного потребления только усиливается. Следовательно, стандарты потребления продуктов питания в России ухудшились, а учитывая нарастающую безработицу (увольнения, «оптимизацию») в дальнейшем диспропорция в питании между стандартом потребления, реальным потреблением и рекомендуемым потреблением будет только нарастать. Поэтому справедлив вывод автора, что поддерживать «достигнутый в советские времена достаточно приемлемый уровень жизни населения российскому государству оказалось не под силу»[6, с. 18.]

Рассмотренные виды отчуждения имеют, в конечном счете, экономические причины. Но не следует забывать, что политика, как составляющая общественного сознания обладает относительной самостоятельностью и активно воздействует на экономику. Пока в России сохраняется двухслойная экономика, а она будет сохраняться при условии либеральной политики, до тех пор будет существовать и развиваться отчуждение и в труде, и в личном (физиологическом) потреблении. Выход только один – отказ от политики, приводящей общество в состояние стагнации.

1. Львов Д. О стратегии развития России // *Экономист*. - 2007. - № 2. - С. 3-10.
2. Кара-Мурза С.Г. Кризис мировоззренческой основы общества // *Социально-гуманитарные знания*. - 2008. - № 5. С. 3-16.
3. Садовая Е. Новые тенденции в социально-трудовой сфере: институциональный аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. - 2013. - № 11. - С. 29-43.
4. Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // *Социологические исследования*. - 2014. - № 1. - С. 7-19.
5. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) // *Социологические исследования*. - 2006. - № 9. -
6. Роик В. Бедность: причины, следствия, пути преодоления // *Человек и труд*. - 2010. - № 1. - С. 17-21.

АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ СТАНДАРТОВ НАСЕЛЕНИЯ В НЕСТАБИЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ РЫНКА ЖИЛОЙ ЭЛИТНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Шоцкая А.А. (Санкт-Петербург)

Рынок элитной недвижимости- явление для России относительно новое, ему чуть более двадцати лет. Это создает такую ситуацию, когда рынок исследован только маркетологами и экономистами, а отечественных социологических исследований по данной теме нет. Однако данный сектор рынка недвижимости является одним из наиболее динамично развивающихся. Этим и обуславливается актуальность исследований в данной области. Следует отметить ряд особенностей квартир данного класса. Покупка квартиры элитного класса не относится к удовлетворению потребности человека в жилище, она имеет свойства сообщения, транслируемого другим, о своем социальном статусе. Это относится как к причислению себя к элите не будучи ею, так и к отнесению себя к локальной элите при покупке недвижимости в данном месте. Данный феномен в Санкт-Петербурге отражается в том, что квартиры в центре Петербурга и элитное жилье Крестовского острова имеют разные группы покупателей, несмотря на равный уровень цен. Так Крестовский привлекает тех, кому важна функциональность и комфорт (в центре часто нет подземных паркингов и частной территории), Центральный район выбирают ценители места, старины и духа северной столицы.

Изменение потребления на данном рынке отследить за год- полтора (продолжительность настоящего кризиса) представляется затруднительным, так как это рынок крупных инвестиций и долгосрочного пользования продуктом, а кроме того, срок ввода некоторых объектов в эксплуатацию превышает срок кризисного состояния. Однако можно отметить ряд тенденций, которые замечены за 2014-2015 год.

Существует несколько аспектов влияния кризиса на рынок: политический, социокультурный и экономический.

Говоря о политическом измерении влияния на рынок, то можно говорить о рынке элитной курортной недвижимости. Так в период кризиса прослеживается рост спроса на недвижимость Краснодарского края. Это обусловлено запретом европейских государств на въезд числа российских политиков и предпринимателей. Лишившись возможности посещать свою заграничную недвижимость, они в качестве альтернативного варианта обратились к отечественному предложению.

Политические аспекты кризиса отразились и на рынке аренды элитной недвижимости- российские бизнесмены не готовы платить за переоцененную недвижимость, а множество иностранных компаний закрывает свои офисы и иностранные наемные работники уезжают из страны, прерывая договорные обязательства. Это провоцирует спад интереса к покупке элитной недвижимости с целью инвестиций и сдачи в аренду.

С социо-культурной точки зрения можно отметить ситуацию, когда дома постройки 2000-х годов перестают соответствовать требованиям современного элитного жилья, что ведет к «понижению класса» отдельных домов. Это дает возможность покупателям с более низким достатком через покупку квартиры в номинально элитном доме причислять себя к городской экономической элите.

Сегодняшние предложения на рынке в элитном сегменте предлагают не просто квадратные метры, но особую философию и мировоззрение, таким образом формируя своего рода сообщества среди жильцов: дома с однокомнатными квартирами позиционируются как жилье для успешных и молодых, дома с рекламным слоганом «мы чтим традиции»- для семей с детьми.

Это говорит о том, что сегодня конкуренция на данном рынке выходит за рамки ценовой, и переходит в область социального, культурного дифференцирования, так как по своим качествам объекты почти одинаковы. Данная тенденция видна еще и в том, что еще до кризиса начался спад спроса на квартиры, площадь которых превышает 300 метров квадратных- теперь покупателям нужны не избыточные метры, а функциональные планировки квартир. Это объясняется тем, что, хотя экономический кризис не сильно ударил по потребителям данного сегмента- лишь 10% сделок проходило с привлечением кредитных средств -однако теперь отношение к инвестированию стало более осторожным и рационально обусловленным.

Также несомненной тенденцией 2015 года является стремление покупателей приобрести квартиру в сданном или близком к сдаче доме- это объясняется страхом «заморозки» проектов.

На самом рынке за последние 5 лет произошли структурные изменения- Крестовский остров постепенно теряет свой статус локуса элитарности- лишь 37% всех новостроек элитного класса находятся там, а доля элитных домов в районе Литейного проспекта и Таврического сада составляет уже 35% .

Популярность набирают Адмиралтейский, Василеостровский и Московский районы, которые еще несколько лет назад не могли бы считаться элитными. Но с приходом одного из ведущих девелоперов в район, за ним тянутся остальные, растет арендная плата в коммерческих помещениях по соседству, и, как следствие, изменяется инфраструктура района. В сознании людей район становится более престижным, что можно увидеть на примере квартала на пересечении Московского проспекта и Обводного канала.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на большую стабильность исследуемого сегмента рынка, кризис сказался на поведении потребителей: изменились объекты потребления (более скромные по метражу квартиры, недвижимость на юге России), а также покупательские стратегии поведения на рынке- люди в ожидании новых кризисных изменений. Однако положительным результатом кризиса, если судить на данный момент, является снижение ставки арендной платы на элитную недвижимость, что впоследствии должно благотворно сказаться на ценах при покупке. Если учитывать завышенные цены в докризисный период, в перспективе можно ожидать установления более справедливой цены и приток покупателей.

1. Аналитический отчет Knight Frank "I Полугодие 2015 года Рынок элитной жилой недвижимости Санкт-Петербурга"

УНИВЕРСИТЕТ КАК АКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Яцкова Д.С. (Москва)

Без осмысления сущностных основ модернизации, базовых условий, этапов реализации данного процесса невозможен переход экономики регионов к инновационному развитию. Модернизация в широком смысле выступает комплексом экономических, социальных, политических, культурных преобразований, на основе которых общество подвергается трансформации и переходит на качественно новую стадию развития. Востребованным здесь является привлечение различного рода ресурсов, повышение эффективности государственного регулирования процессов. В узком смысле, являясь процессом технологических и институциональных преобразований для повышения уровня развития и конкурентоспособности какой-либо отрасли, региона или в целом страны, модернизация подвергает изменениям общественные институты.

Социально-экономическое развитие регионов приобретает первостепенное значение при модернизационных процессах, обеспечивающих создание и внедрение наукоемких технологий, влияющих на развитие национальной инновационной системы. Особая роль в этих процессах у вузов, так как они являются площадкой для интеграции науки и образования и влияют на социально-экономическое развитие регионов. В связи с этим вузам надо повышать свою конкурентоспособность за счет качества образования и подготавливать инновационно активные кадры.

Стремление к новому – одна из специфических черт молодого человека. Инновационная деятельность направлена на развитие социальной активности молодых людей, их самореализацию, проявление индивидуальности. В связи с этим мотивирование студентов к участию в создании самостоятельных инновационных проектов, востребованных на рынке, является одним из приоритетов государственной молодежной политики. Развитие инновационной деятельности образовательного учреждения является наиболее перспективным решением экономических и социальных задач в условиях развития современного общества. Соответственно актуальной исследовательской задачей является изучение механизмов формирования и развития региональной инновационной деятельности, влияющих на повышение эффективности научно-производственной деятельности, на её адаптацию к условиям рыночной экономики.

Предметом нашего исследования стало изучение включенности молодежи регионов Центрального Черноземья в инновационные процессы, а также затруднений, которые она в связи с этим испытывает. Исследование было проведено в мае-июне 2015 года в вузах Курской и Воронежской областей, участие в исследовании приняли 440 студентов (по 220 из каждого обозначенного региона).

Прежде всего, мы обратились к студентам с вопросом об их понимании инноваций. Большинство охарактеризовали инновацию как уже внедренное новшество, как что-то новое, нововведение в какой-либо сфере, обеспечивающее рост (54%), введение/внедрение чего-то нового (18 %), обеспечивающего рост и усовершенствование. При этом 82 % опрошенных студента Курской области определили значение инноваций, в то время как в Воронежской области с данным вопросом справились 75 %. Мы полагаем, что инновационная информированность студенческой молодежи зависит в определенной степени от разработанности соответствующей политики в регионе, а участие в инновационной деятельности следует связывать с наличием соответственной ресурсной базы. Анализ данных рейтинговых агентств показывает, что по подрейтингу «Научные исследования и разработки» и «Инновационная деятельность» Курская область уступает Воронежской по ряду параметров, включая количество развитых и оснащенных технопарков, научно-технический потенциал, количество молодых ученых и т.д. Контент-анализ материалов электронных СМИ также свидетельствует о том, что студенческая инновационная активность в Воронежской области освещается в прессе гораздо чаще, чем в Курской области. При этом в обеих областях администрацией проводятся конкурсы научно-инновационных работ «УМНИК» и другие региональные мероприятия для одаренной и заинтересованной в науке молодежи.

Как показывают данные полевого исследования, проявление инновационной активности студентов в вузах сталкивается с рядом препятствий. Это, прежде всего, экзогенные факторы: отсутствие материальных стимулов, недостаточная поддержка научных исследований в общественном сознании в целом, незаинтересованность в них. Для курских студентов проблемой также является финансирование инновационной деятельности (42 %), в то время как для воронежских – сложные условия жизни и учебы (37,3 %). К факторам эндогенного характера следует отнести мотивированность студентов к участию в научно-инновационных исследованиях. Люди развивают и реализуют те качества, которые соответствуют их мотивам занятий научно-инновационной деятельностью. Наиболее важным для курских студентов является углубление базовых знаний по специальности (65,5%), для воронежских – развитие навыков применения профессиональных знаний в производстве (59,5%). Отметим, что развитие этих параметров порождает такие мотивы занятия НИР, как интерес к изучению нового и расширению уже изученного, самообразованию, к реализации своих сил и способностей. Последние мотивы также могут быть выявлены через возможность в инновационном проекте научиться аккумулировать свой творческий потенциал через самообразование, а, следовательно, и применять, его во всех сферах жизнедеятельности.

Отметим, что среди воронежских (34,9%) и курских студентов (36,6%) выделяется категория творческих лиц, которые считают, что с помощью научно-исследовательской деятельности смогут реализовать свой творческий потенциал, создать новое, и, таким образом, приобрести новый социальный статус. При их активной взаимной работе с группами людей, углубленно изучающих развитие профессиональных возможностей в инновационной работе, получится сообщество новаторов, которые творчески и профессионально смогут создать и развить новое, а впоследствии при должной поддержке его реализовать.

На сегодняшний день мы фиксируем довольно высокую информированность студентов обеих областей об инновационной деятельности вуза и о возможности участия в такой работе, а также «средний» уровень включенности студентов в научно-инновационную деятельность: курских – 42,7%, воронежских – 31%. Отметим, что научно-исследовательская работа требует развитых аналитических навыков, хорошего систематичного мышления и владения высокой информированностью по заданной теме, что свойственно, прежде всего, студентам старших курсов и последующих ступеней высшего образования (магистратуры, аспирантуры). Именно это, по нашему мнению, объясняет «среднюю» включенность студентов (в опросе приняли участие студенты всех курсов) в такие виды научно-исследовательской работы, как дискуссионные клубы и конкурсы научных работ.

Мы полагаем, что трудности включенности в инновационную сферу студентов изначально зависят от развитости инновационной политики в вузах регионов: проработанности информированности и программ стимулирования включения и участия в научно-инновационные проекты. При этом региональная политика также является ключевым звеном в увеличении количества различных студенческих проектов, так как подготовленный вузовской средой проект впоследствии может выйти на региональный уровень с должной поддержкой и финансированием, и этому может поспособствовать региональный бизнес.

1. Когай Е.А., Пасовец Ю.М., Когай А.А., Яцкова Д.С. Курская область на социокультурной карте России. – Курск: МУП «Курская городская типография», 2015. – 236 с.
2. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 2/ под ред. Л.М. Гохберга. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2014. – 88 с.

СЕКЦИЯ 4: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО, МУНИЦИПАЛЬНОГО И КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ БЕНЕФИЦИАРОВ (ПОЛУЧАТЕЛЕЙ) В УПРАВЛЕНИИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: НОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ИНДИИ И РОССИИ

Yesudhas R., Рубцова М. В. (Мумбаи, Индия)

Развитие неправительственных организаций может рассматриваться не только как средство решения социальных проблем, но и как способ развития новых управленческих практик. От некоммерческих организаций ожидается, что их деятельность обусловлена социальными ценностями и гуманитарными принципами (Bhose, 2003). Доллери и Уоллис (Dollery and Wallis, 2003) утверждают, что НПО, являясь по сути организациями, движимыми ценностями, стремятся скоординировать противоречивые интересы и неравноправные отношения с целью достижения общего видения. В связи с этим, НПО должны быть основаны на приверженности и активном участии их членов (Elson, 2006).

Элсон (Elson, 2006) настаивает на том, что именно ценности пронизывают действия учредителей, доноров, волонтеров, менеджеров и попечителей, и в этом плане они должны выступать в качестве руководства для выполнения целей организации. Ценности являются неотъемлемой частью самоидентичности НПО, которая отсутствует в частном секторе (Jakimow, 2010). НПО производят некоммерческие общественные блага, которые не могут быть предоставлены на рынке (Вайсброд, цитируется в Hansman 1987:28).

Социальная природа НПО предполагает высокий уровень доверия к ним, который важно поддерживать для легитимации их действий в обществе. В связи с этим возрастает роль подотчетности (Cheung-Jugde and Henley, 1994), коммуникабельности, равенства, отсутствия иерархии и участия (Leat, 1995). Неспособность НПО сформулировать и осуществлять на практике основные ценности подрывает доверие (Elson, 2006). Будучи нарушенным, доверие поддается восстановлению с трудом (Anheir and Kendall, 2000).

В последнее время нарастает скептическое отношение к характеру управления в неправительственных организациях. Утверждается, что, хотя многие организации придерживаются демократическую децентрализацию, реальная работа может осуществляться одной харизматической фигурой основателя организации (Baviskar, 2001:10). Возникает кризис глобального доверия к сектору НПО, связанный с закрытым (эксклюзивным) характером принятия решений и наличием управленческих структур, которые редко могут рассматриваться как демократические (Jakimow, 2008). Со своей стороны, НПО пытаются возродить «дух добровольчества» путем повышения роли инициатив в управленческих практиках, преодоления противоречия подотчетность/авторитет (Jakimow 2008; Baviskar, 2001) и мобилизации этические ресурсы (Jain, 1997).

Участие, в том числе в управлении является ключевой ценностью НПО, что редко отражается в научных работах. Цель данной работы состоит в обосновании необходимости участия бенефициара (получателя) в управлении НПО.

В качестве примера приведем случай медицинского информационного центра, который является ведущим НПО из возникших на основе медицинских сообществ в Индии. Его основатель отказался от успешной карьеры в СМИ. Ему также удалось сделать единомышленниками активных молодых людей из всех слоев общества, которые присоединились к его команде, вначале как сообщество волонтеров и позже в качестве членов Совета. Таким образом с 1989 по 2004 организация превратилась одно из ведущих медицинских НПО в Индии.

В настоящее время Совет НКО собирается один раз в четыре месяца. Генеральный директор сообщил, что в редких случаях бенефициары приглашаются на заседания Совета. Решения Совета, для всех заинтересованных лиц распространяются через все возможные источники, например, группы Google. Однако неизвестно, сколько получателей, заинтересованных в этой информации, получило ответы на свои вопросы, потому что учет распространения этой информации не ведется, и обратная связь с бенефициарами отсутствует.

Концепция организации предполагает учет мнения бенефициаров на начальных этапах стратегического планирования при создании целей и задач социальных программ. Для этого проводятся специальные консультации. Однако в дальнейшем получатели услуг практически не участвуют в этом процессе и не контролируют его. Лишь иногда они могут быть вовлечены в процесс, однако не имеют права официальной и формальной оценки.

В качестве российского опыта мы можем привести пример организации, которая с 1996 года оказывает помощь семьям, имеющих детей с тяжелыми формами инвалидности, а также детям-инвалидам в детских домах. Организация находится в Санкт-Петербурге. НПО имеет свой сайт, на котором размещена информация о деятельности организаций, юридические документы и необходимая отчетность.

Однако сайт не содержит никаких форм обратной связи. Несмотря на обилие PR информации нет ни одного сообщения от бенефициариев. Наличие групп в социальных сетях не решает проблему: все форумы закрыты и заблокирована возможность добавить информацию или оставить свое мнение.

Несмотря на то, что в деятельность организации вовлечено несколько сотен (а может и тысяч) человек, включая волонтеров, персонал, родителей детей инвалидов, общее собрание членов организации, правомочное решать все вопросы, состоит только из пяти членов. Никакая публичная статистика не ведется, время и место проведения собраний не сообщается. Предоставлена только информация, что общие собрания проводятся «в офисе за чашкой чая».

В нескольких разделах сайта представлена информация о том, как сделать пожертвование, однако нет публичных сообщений о том, сколько средств было собрано и на какие цели они были потрачены. Часть этой информации можно обнаружить только в документе с названием «Отчет в Минюст». Однако эта информация представлена в крайне обобщенном виде.

Можно сделать вывод, что данное НПО не сообщает о себе никакой информацией кроме по сути рекламной и юридической и не имеет стремления организовать и получить обратную связь, несмотря на активные попытки сбора финансовых средств и призывы к волонтерам. В отличие от опыта Индии, в России мы не видим даже формального стремления уточнить направления и средства предоставления помощи на этапе стратегического планирования. Сайт НПО прямо утверждает, что все решения принимают пять человек.

Опыт обеих стран показывает, что вопреки теории добровольческих действий НПО предпочитают быть замкнутыми иерархическими организациями, возглавляемыми харизматическим лидером или узкой группой лиц и неохотно делящимися информацией о достигнутых результатах. «Поразительным откровением» на фоне теоретических

положений оказывается нежелание НПО измерять эффективность своей деятельности путем привлечения бенефициариев в процесс, отсутствие прозрачности и подотчетности.

На наш взгляд, участие бенефициариев является необходимым элементом оценки НПО и должно быть востребовано самой организацией. Совместное достижение программных целей с бенефициарами поможет не только улучшить понимание, но и повысить уровень доверия, которое в настоящий момент скорее утрачивается. Бенефициары должны участвовать не только во «внутренней» оценке, но и во всех видах официального мониторинга эффективности, который пока полностью осуществляется сотрудниками. Необходимо создание институциональных механизмов, позволяющих услышать голос бенефициаров.

Примечание ** Имена и названия организаций изменены в соответствии с «Этическим протоколом и соглашением о процесса исследований НПО» (Индия). Подтверждение Данные и выводы в отношении индийского опыта, представленные в данной работе являются частью докторского исследования первого автора, защищенного в Tata Institute of Social Sciences (TISS), Индия.

1. Anheir, Helmut, K and Jeremy Kendall. 2000. *Trust and Voluntary Organisations: Three Theoretical Approaches. Civil Society Working Paper 5. London: Centre for Civil Society, LSE*
2. Baviskar, B.S. 2001. 'NGOs and Civil Society in India'. *Sociological Bulletin*, 50(1):3-15
3. Bhose, Joel, S.G.R. 2003. *NGOs and Rural Development: Theory and Practice. New Delhi: Concept Publishing Company*
4. Cheung-Jugde, M.Y and A. Henley (1994). *Equality in Action. London: NCVO*
5. Dollery, Brain.E and Joe.L.Wallis. 2003. *The Political Economy of Voluntary Sector: A Reappraisal of Comparative Institutional Advantages of Voluntary Organisations. UK: Edward Edgar Publication Ltd.*
6. Hansman, H. 1987. 'Economic theories of Non Profit Organisations' in W. W. Powell (eds.): *The Non-Profit Sector: A Research Handbook. London: Yale University Press*, 27-42.
7. Elson, Peter, R. 2006. *Ties the bind? An empirical exploration of values in voluntary sector: value importance, heirarchy and consensus in independent hospices in the UK. Voluntary Sector Working Paper 2. London: Centre for Civil Society, LSE.*
8. Jain, R. 1997. 'NGOs in India: Their Role, Influence and Problems', in N Bava (eds.): *Non-Governmental Organisations in Development: Theory and Practice. New Delhi: Kanishka Publishers*, 125-49
9. Jakimow, Tanya. 2008. 'Voluntary Sector: Complementing or Replicating the State?' *Economic and Political Weekly*, 43(16):80-85.
10. Jakimow, Tanya. 2010. 'Nogotiating the boundaries of Voluntarism: Values in India NGO sector'. *VOLUTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 21: 546-68
11. Korten, David, C. 1990. *Getting to the 21st Century: Voluntary Action and the Global Agenda. Connecticut: Kumarian Press*
12. Leat, D. 1995. *Challenging Management: An Exploratory Study of Perceptions on Managers moving from For-Profit to Voluntary Organisations, London: City University Business School*
13. Resete, David. 2006. 'Impact of organizational values and performance management congruency on satisfaction and commitment'. *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 44:7-24
14. Tonkiss, Frank and Andrew Passey. 1999. 'Trust, Copnfidence and Voluntary Organizations: Between Values and Institutions', *Sociology* 33(2): 257-74.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «АКТИВНЫЙ ГРАЖДАНИН»).

Ананьева Е.Е. (Волгоград)

По мере развития демократического государства расширяются контакты между гражданами и властью, что предполагает поиск новых моделей взаимодействия между ними. Сегодня существует ряд проблем, связанных с участием граждан в осуществлении власти. Согласно ст. 3 Конституции РФ «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

Для государства одной из важнейших задач является необходимость налаживать контакт с населением. В новых технологических условиях, наличия Интернет, расширяются возможности взаимодействия граждан и власти. Особую актуальность приобретают интерактивные формы, весьма удобные и для власти, и для граждан.

В связи с этим, особый интерес представляет, опыт столичных властей. Для активного вовлечения москвичей в управление регионом был создан проект «Активный гражданин» – система электронных референдумов. Целью проекта было формирование интереса жителей к проблемам города и обеспечение их участия в их решении. Масштаб данного проекта огромны и он оказался самым популярным проектом Москвы, участниками которого стали более миллиона жителей.

Практическими задачами проекта были, декларируемая — создание возможности принятия решений и недеклаируемая — повысить исполнительскую дисциплину в самих департаментах и комитетах. Департаменты предпочитают решать вопросы аппаратными методами, решение может быть изменено в последний момент, поэтому его не публикуют раньше времени. Тогда как в «Активном гражданине» приходится спрашивать мнение москвичей. А за полученный в результате голосования ответ необходимо отвечать. То есть проект гарантирует гражданам исполнение их идей. Более того, существует обратная связь, и население может получать отчет о проделанной работе властей.[2]

Система построена так, что любой желающий может, воспользовавшись интернетом, зайти и зарегистрироваться на сайте и голосовать за понравившиеся ему идеи, которые в дальнейшем реализовываются властями города. За время существования «Активного гражданина» на голосование было вынесено 580 вопросов, принято более 250 управленческих решений. Среди них были действительно масштабные проблемы: например, запрет продажи алкогольных энергетиков, введение видеонаблюдения в детских садах и так далее.

Выяснилось, что рекордом по числу откликнувшихся можно считать опрос о едином времени начала каникул. Далее по степени вызванного интереса следуют: благоустройство города, градостроительная политика, внешний вид вестибюлей метро, транспорт, парки и озеленение, а также все, что относится к проведению мероприятий. Все эти аспекты важны в повседневной жизни граждан и требуют корректировок. И на самом деле, такие вопросы очень важны для любого региона. Также считается, что одним из наиболее интересных обсуждений является вопрос о предъявлении паспорта при покупке «Coca-Cola». В магазинах Москвы и Подмосковья стали требовать паспорт при покупке газировки, в том числе «Coca-Cola», объяснив это законом об ограниченной торговле. Также существует накопительная система баллов, и каждый активный участник может обменивать их на зонтики, сумки и иную брендированную атрибутику. Потом акцент решили сместить на мероприятия. Пользователей стали награждать встречами с известными спортсменами, походами в театр, а накануне 9 мая тысяча человек получила приглашения на парад Победы на Красной площади. Город выделяет определенную квоту на посещение и других крупных городских мероприятий, от фестиваля света и елки мэра до Дня города. [4]

Помимо «Активного гражданина» также существует довольно известный интернет ресурс, как РОИ – Российская общественная инициатива, где граждане могут размещать свои инициативы и голосовать за них. Инициатив на голосование выставлено около 6 000 и их количество неуклонно растет, что показывает активность и заинтересованность

населения в управлении страной. Одним из плюсов такой системы является то, что это всероссийский ресурс.[3]

Проект «Активный гражданин» руководствуется законодательством РФ, а также существует публичная оферта проекта. Организатором мероприятий в рамках проекта является ОАО «Электронная Москва», а Днем активного гражданина, который проходит в Москве как праздник, считается 23 мая.[5]

«Активный гражданин» крайне заинтересован в дальнейшей монетизации, следует из стратегии развития проекта. Так, среди вариантов называются: продажа «Активного гражданина» в другие регионы, использование ресурсов портала для «социологических и исследовательских вопросов», интеграция проекта с системами лояльности коммерческих компаний, а также продажа товаров и услуг коммерческих компаний за заработанные в «Активном гражданине» баллы. Кроме того, возможен вариант «вымывания баллов за счет благотворительности», когда пользователь тратит баллы, а компании — деньги на благотворительность. Это было бы огромным шагом вперед на пути развития взаимоотношений между властями регионов и населением. Также проект планирует сотрудничать не только с коммерческими, но и с государственными компаниями. Среди потенциальных партнеров — Ростелеком, Сбербанк, РЖД, Мосгаз и Мослифт. К примеру, на суд граждан будут выноситься такие вопросы, как «отменять ли обеденный перерыв в «Почте России», переход на онлайн-оплату счетов за домашний телефон и т.п.

Создатели проекта намерены использовать все способы, чтобы увеличить аудиторию. Так, в декабре 2016 года планируется достичь показателя в 2 миллиона зарегистрированных пользователей, в два раза увеличить количество пользователей, заходящих на сайт хотя бы один раз в месяц. В дальнейшем тот же проект может быть использован для того, чтобы проводить виртуальные собрания собственников многоквартирных домов, что весьма актуально в связи с высоким ритмом жизни в Москве общие собрания провести сложно — кворум никак не собирается, потому что всем удобно разное время, а многие и вовсе не хотят свое время на это тратить. Предполагается что результаты будут учитываться так же, как и итог, полученный на «живом» собрании.

Самым трудоемким пока выглядит проект «Публичные слушания» — по сути, перенос формата из офлайн-встреч в районных управах в виртуальное пространство. Как сказано в стратегии, основная цель сервиса — «возможность принимать необходимые городу решения». Чтобы слушания были полноценными, необходимо, чтобы пользователи указывали больше своих персональных данных, а для их обработки нужна отдельная сертификация. Помимо прочего, для запуска сервиса требуется в том числе изменение федерального законодательства.[4]

«Активный гражданин» — это первый экспериментальный проект в России, благодаря которому граждане получили новую возможность участвовать в жизни своего региона и реализовывать свои идеи. Если применять такой опыт на Волгоградской области, то возможны два исхода: 1) Либо регион «покупает» данный проект и пользуется им в таком виде, в котором он существует; 2) Либо регион перенимает какие-то механизмы и принципы такой системы референдумов и создает свою модель для участия граждан в осуществлении власти. Конечно более правильным и реалистичным можно считать второй путь, так как в Волгограде, в городе с менее быстрым и насыщенным ритмом жизни, а также весьма отличающейся от Москвы инфраструктурой, развитием и масштабами, воплотить в реальность такой проект невозможно. И в большинстве других регионов страны, из-за их специфики, данная форма взаимодействия власти и граждан во многом неосуществима, но опираясь на опыт применения такого проекта в Москве, необходимо создавать свои модели взаимодействия. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что такая система, как «Активный гражданин» очень полезна для коммуникаций, для населения, для государства, для осуществления их контакта и нахождения такого баланса между ними, который бы помог улучшить понимание проблем повседневной жизни с обеих сторон.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)
2. Хоконов А. А., Правовое государство и гражданское общество: некоторые аспекты взаимодействия // Армия и общество. 2009. № 3. 87-90 с.
3. <https://www.roi.ru> (дата обращения 30.09.2015)
4. <http://ag.mos.ru>
5. <http://www.e-moskva.ru/default.aspx>

ПОТЕНЦИАЛ САМООРГАНИЗАЦИИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Антипов К.А. (Пермь)

В последнее время из-за внешнеполитической ситуации складывается впечатление об отсутствии каких-либо существенных событий внутри страны. В последние два года мы уже не видим крупных протестных движений, иных значимых действий системной и несистемной оппозиции, создаётся впечатление, что политическая жизнь угахла. И тем более всё реже внимание учёных, публицистов обращается на реформирование местного самоуправления, на анализ процессов протекающих на местном уровне. Однако именно на этом уровне ещё сохраняются элементы демократических институтов, происходят протестные действия, проявляются общественно-политические инициативы граждан. Институт местного самоуправления, так и не развившись в полноценный демократический институт, демонстрирует высокую адаптивность и живучесть.

Местное самоуправление пока ещё остаётся единственным уровнем, где возможна хоть и умеренная, но политическая конкуренция, появление новых «игроков» не обладающих большими финансовыми и административными ресурсами. На местном уровне существуют и возможности для большого числа возникших непарламентских партий, под эгидой которых местные лидеры могут пробовать свои силы в политической деятельности. Самоорганизация граждан также происходит, прежде всего, на уровне местного самоуправления, там, где конкретные проблемы задевают жизненные интересы граждан. Во многом эта самоорганизация носит неполитический характер, но в случае крайних обострений может приобретать и политические формы.

Раскрытие социального потенциала самоорганизации местного сообщества, по нашему мнению, возможно, прежде всего, в условиях, когда тот или иной вопрос местного значения затрагивает непосредственные интересы представителей местного сообщества. Это могут быть не столько проблемы общего характера, как например, падение уровня жизни местного сообщества, вызванного проблемами в экономике. Данная проблема будет переживаться местными жителями индивидуально, члены местного сообщества будут искать из неё индивидуальные выходы: смена места жительства, работа вахтовым методом, сокращение расходов. Так, во время экономического кризиса 2008 г., ряд предприятий Пермского края и других регионов переходили на сокращённую рабочую неделю, сокращения заработной платы, но это не привело к усилению солидарности в местном сообществе, совместным действиям. Так как существовало понимание, что кризис не имеет отношение ни к местным властям, ни к иным властным структурам. Многие граждане готовы к действиям индивидуального характера, но не готовы к действиям совместного, коллективного характера. Но осознание того, что проблему невозможно решить индивидуальными усилиями, индивид обращает внимание на своё социальное окружение, имеющее потребность решить такую же проблему.

Когда же происходит влияние негативных факторов на уровне локального сообщества, это может стать поводом к усилению солидарности местных жителей и их складыванию в полноценное сообщество, способное самостоятельно или во взаимодействии с властями решать проблемы местного значения. Известен случай, что когда в Москве террористами производились взрывы жилых домов, то ранее незнакомые или поверхностно знакомые соседи, организовывали проведение собраний граждан, проводили патрулирование территории, устанавливали дежурства во дворах, чтобы обезопасить себя от злоумышленников. Или жители населённых пунктов, попавших в зону лесных пожаров, самостоятельно организовывали противопожарные бригады, распределяли обязанности, устанавливали дежурства. Подобные кратковременные, эпизодические действия могут перерасти и в более устойчивые формы, когда сообщество осознаёт собственные возможности, когда выделяются лидеры. Осознание возможности решения той или иной насущной проблемы посредством самоорганизации подталкивает местное сообщество к более активным действиям. Это касается, прежде всего, крупных городов, где в период отсутствия реальной или потенциальной угрозы, граждане не склонны устанавливать горизонтальные связи.

Какие же местные проблемы могут объединить граждан в местное сообщество, раскрыть их социальный потенциал? Очевидно, что общими для всех членов местного сообщества являются потребности в экологически благоприятной окружающей среде, в безопасности и правопорядке, в соблюдении гражданских прав и свобод, в комфорте проживания, в доступности здравоохранения, образования, жилья, качественных товаров и услуг. Также у разных слоев населения и групп жителей имеются и свои определенные специфические нужды, связанные с их особым статусом: К ним можно отнести соблюдение прав инвалидов, этнических меньшинств, многодетных семей, которые также могут удовлетворяться совместными усилиями местного сообщества. Наиболее значимыми из проблем, способных объединить граждан являются проблемы ЖКХ, благоустройства, муниципального образования и здравоохранения, то есть те проблемы, которые непосредственно воздействуют на качество среды, в которой находится местное сообщество. Основой усиления социальных взаимодействий на местном уровне может послужить то, что эти проблемы касаются и отдельных личностей и местного сообщества в целом.

По данным Общественной палаты РФ (2012 г.) тематика обращений граждан по вопросам местного значения в основном касается проблем ЖКХ (49,2%), решения жилищных проблем (23,1%), использования придомовой территории (9,3%). То есть это проблемы максимально приближенные к гражданам и ими осознаваемые как проблемы значимого характера.

Доверие в местном сообществе базируется на горизонтальных связях и взаимной зависимости в отношении членов местного сообщества. Проблема доверия актуальна в российском обществе не только по отношению к власти, но и по отношению друг к другу, близкому окружению.

Доверие соседскому сообществу, остаётся достаточно высоким, несмотря на проживание в большом городе, горизонтальные связи с соседями окончательно не ослабевают. По отношению к другим субъектам граждане демонстрируют устойчиво меньший уровень доверия. А. Кокарев отмечает, что неформальные группы и объединения соседей, являются основными формами, в рамках которых функционирует местное сообщество. То есть первичная самоорганизация граждан возможна именно на соседском уровне, где осознание интересов сильнее, как и идентификация себя с определённой территорией и группой людей. Соседские сообщества можно рассматривать как часть местного сообщества. Подобные сообщества были развиты и в советский период, когда в один дом заселялись представители одного предприятия или организации. Сейчас они более разнородные, ослабленные, но, способные потенциально к совместным действиям, например, в случае общей угрозы.

Таким образом, потенциал самоорганизации на уровне местного самоуправления остаётся существенным, но, не всегда власти заинтересованы в его раскрытии. С активными гражданами приходится работать, учитывать их мнение, испытывать контроль с их стороны. Раскрытие потенциала местных сообществ возможно при установлении горизонтальных связей между местными жителями, усиливающимися в случае возникновения общей значимой проблемы.

1. *Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год.* – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2012.
2. *Кокорев И. Соседские сообщества: путь к будущему России.* М.: Прометей. 2001.

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ КАК «CAMERA OBSCURA» РОССИЙСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ VS ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Баранец С.Н. (Гатчина)

Идея местной власти – в широком значении – амбивалентна. С одной стороны, это власть на месте, то есть в некоей точке социального пространства, предполагающая носителя власти, распространенная на предмет властвования и длящаяся определенное время. С другой стороны, это власть одомашненная, прирученная, власть, подвластная внешним и внутренним обстоятельствам, не самодовлеющая и не самодостаточная. Власть – это несвобода. Власть старше государства и перестанет быть позже времени исчерпания государством своего предназначения. Власть, рождаясь как власть одного над самим собой, распространена общественной эволюцией на все и всякое, имеющее социальную природу и полагающее себя «естественной социальностью», причиняющей самое себя.

Высший расцвет социального властительства – это государственная власть, наследующая родоплеменные зависимости, развивающая себя как универсальный субъект истории, учреждающий и низвергающий отчуждение человека от собственной природы путем организации природы внешней, разграничения пространства, пригодного для проживания, на подпространства, пригодные для управления (в классическом виде – полис). Но в государственном средоточии зарождается ее конечный предел: на некоей точке своего развития государство порождает идею самоуправления народа посредством самого народа, которое снимает ограничения внешнего принуждения субъекта к деланию своей истории ради воспитания способов самосуществования и самоосуществления индивидуальностей в свободном союзе с другими. В этой социально-исторической концепции место политики и политического определено и ограничено, оно актуализировано потребностями самоорганизации на почве традиции ради осуществления избранных общественных целей и идеалов, однако объективная диалектика претенциозности замыслов и вечной недостаточности средств заставляет соглашаться на возможное в пределах достигнутого уровня мастерства. Еще более определенно континуальное ограничение самодеятельного политического творчества: в каждый период исторического цикла любого значимого социального явления оно выступает источником, основой, целью и критерием политического успеха философско-концептуальных установок субъектов политического действия, наделенных властью для легитимного принуждения к реальности того, что замыслено или вымыслено как общее благо. Местная власть, способная управлять, может это делать, не ставя в известность иные власти: ей принадлежит в идеале исчерпывающее знание о каждом индивидуально дееспособном субъекте, причем в контексте его бытового, повседневного, приватного существования. Этический потенциал местного сообщества становится его главным

политическим достоинством с точки зрения операционности и инструментальности, и единственным достоянием народовластия, когда оно еще не обретено или уже потеряно. Местная власть ограничена близкодействием, но именно в силу такой своей природы почти всемогуща. Она заставляет с собой считаться авторитетностью, а не авторитарностью: она, эта власть, авторизована и потому занята по-преимуществу обустройством тех точек и слоев ойкумены, которые являют собой предел самоутверждения власти государя (самовластья) и государства (народовластия).

Местная власть – маленькая власть маленьких людей над своей малостью – тем немногим, что не может быть отнято, но не отчуждено, то есть своей жизнью. Местная (повсеместная) власть, угрожаемая государственностью, мимикрирует и приспособливается к последней, но это приспособление означает то самое освоение своих самостей (самоуправление), ради которого научно организованная государственная власть, в конечном счете, и подвергает себя эволюционным трансформациям, стремясь к самоуничтожению через саморазвитие. Само существование государственной власти, рассмотренное через предложенную концептуальную призму, воспроизводится ради свободного развития всех своих подвластных, а также большинства субъектно-ориентированных субстратных, субстанциональных и атрибутивных свойств неиндивидуализированной (объективной и объективируемой) социальной реальности. Идея местной власти умирает в процессе и в результате труда по преобразованию изобретенной человеком политической сингулярности, а также совершенствования соответствующего инструментария. Homo Politicus конструируется ради такого очеловечивания потребностей, интересов и целей общества, в котором свободное властвование каждого над самим собой есть условие такого же властвования всех ради свободы каждого, кто склонен быть свободным и в силу этого уже готов и может нести бремя свободы, оставаясь собой под любым давлением обстоятельств.

Воплощение идеи, равно как ее рождение, изменение, извращение и вырождение, всегда контекстуально, локализовано конкретно-исторически и осуществляется субъектно, субъективно и субъектологически. Последнее означает понимание субъектом пределов своей субъективности и постепенное (градуированное) усвоение им регулярностей, а потом и правил взаимодействия с миром (мирами) идей в мире (мирах) вещей, предметов и процессов. Жизнь как субстрат социального безыдейна, а жизнь идей возможна только как социальное обстоятельство взаимодействия субъектов в процессе объектно ориентированной и субъектно организованной деятельности. Воплощение идеи местной власти изначально деформировано: родовая травма отчуждения атрибутивно присуща местному началованию тем, что проросшая сквозь нее в предклассовом обществе государственная власть питается соками общественного созерцания несправедливого устройства социального мира (особенно на фоне упорядоченности природного мира, где справедливость попросту никому не нужна).

Именно в силу этой изначальной порочности государственных форм организации социального пространства и времени местная власть раздираема противоречивыми тенденциями осуществления себя как части власти государственного порядка и избывания своего потенциала в борьбе за право делать все по своему хотению. Логический круг разрывается практикой подчиняющего (по отношению к местному населению – автохтонам и резидентам) и подчиняющегося (по отношению ко всему остальному, что объявляется признаком существования государственности и/или объявляет себя представителем государства) существования власти местных, местного и местнического (местечкового в особенности). Местная власть помещена в социальность так, что модус ее существования каждый раз не поддается в полной мере какому-либо (управленческому в особенности) захватывающему (с усекновением вольности) движению неместной (запредельной, тамошней, где-то-там-существующей) власти. Ее социальное пространство не-при-лично, но и не обезлично, оно промерено и маркировано во всех слоях и измерениях, вплоть до околицы-границы. Ее социальное время циклично, но не всегда

ритмизировано – за пределами организации и управления остается хотя бы сон – а потому, в какое время и кем проснется резидент, равно как и то, в каком качестве он отойдет в царство изоморфической свободы, для остальных неважно и несущественно. Однако значимость местоватости и местовременения может быть открыта в более широком контексте, за пределами данности оместественного юнитиарного со-бытия. Без местной власти можно обойтись, но ее невозможно обойти: ее все равно придется либо приручать, либо гнобить, либо распылять. Повсеместное уничтожение местного самовластительства неразумно и невыгодно, подобным образом невыгодно и неразумно культивировать независимость данного конкретного места, населенного людьми, от всех других мест не в качестве временной меры, а на постоянной основе. Отсюда внутренне противоречие отношения государственности как меры политических вещей к тому, что входит в сферу ведения государства, но ему не принадлежит – и не потому, что не желает, а исключительно в силу того, что не может. Ну, не может местная власть перестать быть властью по месту жительства (а также пребывания как прибытка и убытка новых потенциальных резидентов). И хотя местная власть не сводится к сумме властных прерогатив владельцев составляющих местность человечески обустроенных (одомашненных) пространств (хозяйств), именно хозяйственный подход объявляется предпочтительным тогда, когда (как например, на некоторых административных территориях современной России) надо сделать местную власть инфантильной, зависимой и готовой изыскать себе любого, кто согласен олицетворять (нести на себе) признаки способного принуждать к повиновению и порядку.

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА ТОЛЬЯТТИ

Батраева Г.В. (Тольятти)

Участие молодежи в инновационном развитии города Тольятти

Мировой экономический кризис заставил обратить внимания на ряд сложных проблем российских монопрофильных городов и поселков городского типа. Проблемы безработицы, снижения уровня жизни, старения населения, усиления эмиграции местного населения, особенно - среди молодежи - назревали уже давно. Однако в условиях финансового кризиса данные проблемы приобрели особую остроту в связи с усложнением условий работы градообразующих предприятий. На сегодняшний день они зависят от политики собственника предприятия в отношении своего бизнеса, с одной стороны, и с другой - от политики, которую проводит государство в отношении моногородов. Местная муниципальная власть не имеет официальных рычагов влияния на судьбу градообразующего предприятия.

В настоящее время ситуацию в моногородах можно охарактеризовать как кризис самоопределения: с одной стороны, город несомненно представляет для его жителей некую ценность, ему можно и должно помогать, с другой стороны, все чаще проявляется позиция личного неучастия. Горожанин, как бы еще повернут лицом к городу, но уже отстранен от него.

Проблема поиска способов изменения ситуации в моногородах, адекватных рыночным условиям хозяйствования и обеспечивающих возможность саморазвития городов монопрофильного типа, а также выработку у них адаптивности к трансформациям внешней среды без федеральной ресурсной поддержки, сводится к разработке качественно новых подходов как к методологическим проблемам анализа социо-эколого-экономического положения моногородов, так и к совершенствованию механизмов

управления процессом устойчивого развития моноспециализированных городов, что выступает одним из главных условий обеспечения устойчивого развития российской экономики в целом.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что изучение перспектив развития моногорода – одна из самых актуальных и важных проблем современности.

Поэтому целью данного социологического исследования стало определение перспектив развития моногорода в оценке горожан на примере г. о. Тольятти.

В соответствии с целью поставлена задача: изучить проблемы, которые препятствуют участию молодежи в инновациях.

Объект аналитического исследования состоит из двух групп. Первая группа – это молодежь от 18-30 лет. Вторая группа – от 40-55 лет, имеющие постоянное место работы.

Предмет изучения состоит в анализе и оценке перспектив развития г. Тольятти представителями двух групп респондентов по возрасту (молодого и среднего возраста).

Социологическое исследование основывалось на количественном и качественном методах. Статистические данные были получены путем опроса (анкетирование) 100 респондентов в двух возрастных категориях: от 18 до 30 (молодое поколение) и от 41 до 55 лет (старшее поколение).

Итак, перейдем к описанию социально-демографических характеристик респондентов, которые приняли участие в социологическом опросе.

В ходе исследования в обеих группах было опрошено ровно по 50% мужчин и женщин. По роду деятельности опрошенные явились представителями тринадцати социальных категорий: педагог, работник культуры, науки (15%), менеджер (14%), работник здравоохранения (3%), инженер, конструктор, программист (8%), предприниматель (6%), служащий в офисе (8%), квалифицированный рабочий на производстве, в строительстве, на транспорте (7%), работник сферы обслуживания (5%), торговли (продавец) (8%), водитель (3%), неквалифицированный рабочий (3%), работник правоохранительных органов, охраны (4%), работник ВАЗа (8%).

В исследовании отношение к инновационной деятельности респондентов измерялось вопросом: «Используете ли Вы в своей профессиональной деятельности новые методы и подходы (инновации)?». 82% респондентов разработкой инноваций не занимаются, 2% являются разработчиками научного проекта, который может дать инновационный эффект, 10% являются работниками инфраструктуры, которая внедряет инновации, 5% опрошенных занимаются изобретательством, рационализацией, 1% участников опроса являются руководителями научного коллектива, который занимается разработкой инноваций. Среди представителей молодого поколения 86% разработкой инноваций не занимаются, а среди старшего поколения 78%.

Поэтому распределение ответов на вопрос «Используют ли в своей профессиональной деятельности новые методы и подходы (инновации) население г. Тольятти?», показал, что инновационной деятельностью занимаются те респонденты, которые работают в организациях, связанных с нововведениями или научной работой.

Так, 10% ответивших отметили, что они являются работниками инфраструктуры, которая внедряет инновации, но 82% респондентов сказали, что разработкой инноваций не занимаются.

Тем не менее, в данных результатах можно увидеть, что старшее поколение более привержено к инновационной деятельности. Среди них 10% респондентов занимаются изобретательством и рационализацией, являясь, по сути двигателем инновационного процесса в городе.

Впрочем, еще 12% респондентов старшего поколения отметили, что являются либо разработчиком научного проекта, который может дать инновационный эффект, либо участвуют по роду занятий во внедрении инноваций.

Насколько активно городское сообщество участвует в разработке инновационных проектов развития городской среды?

Сравним мнения молодого и старшего населения г. Тольятти о готовности внести личный вклад в развитие своего города. Больше четверти опрошенных готовы предложить интересные идеи по развитию города и принять участие в благоустройстве города на добровольной основе.

Что касается молодого поколения, то 16% респондентов предложили бы интересные идеи по развитию города, 12% приняли бы участие в благоустройстве города на добровольной основе, десятая часть опрошенных – организовали бы обучающие и культурно-массовые мероприятия и 56% никакого вклада в развитие своего города не готовы внести. У участников опроса старшего поколения получились иные результаты: 40% опрошенных предложили бы идеи по развитию города, 36% приняли бы участие в благоустройстве города на добровольной основе, пятая часть респондентов приняли бы участие в охране общественного порядка, 4% организовали бы обучающие и культурно-массовые мероприятия и 6% никакого вклада в развитие своего города не готовы внести. Таким образом, рассмотрев мнения респондентов о внесении вклада в развитие города, следует отметить, что молодое поколение пассивнее, чем старшее. Среди молодого поколения 56% не готовы вносить личный вклад в развитие города, тогда как среди респондентов старшего возраста таких всего 6%, это говорит нам о том, что молодежь больше заинтересована в личном развитии и меньше всего их интересуют общественные дела, то есть старшее поколение более общественное, а молодое придерживается индивидуализма.

В данном случае, очевидно сказалась сложная ситуация в городе, побуждающая население к напряженному поиску выхода.

Выяснение отношения к перспективам развития города определялось прямым вопросом: «В каких сферах горожане видят перспективы развития моногорода?», а также косвенно через удовлетворенность условиями жизни в моногороде и удовлетворенностью выбранной профессией.

О готовности респондентов к миграции мы попытались узнать, задав вопрос: «Хотели бы Вы переехать жить в другой город?». Нами было получено следующее распределение (таблица №9): 54% опрошенных не желают покидать г.Тольятти, 35% переехали бы жить в другой город и 11% затруднились ответить. Среди старшего поколения их количество, несомненно, больше — 62%, что объясняется низкой адаптацией к новым условиям социализации и нежеланием менять привычный уклад жизни.

Молодое поколение, настроенное на высокую социальную мобильность, в своих ответах разделилось практически поровну: 48% хотели бы переехать жить в другой город, однако 46% вполне устраивает город Тольятти.

Впрочем, на неудовлетворенность условиями жизни сказывается и неудовлетворенность выбранной профессией.

В исследовании, мнения респондентов о стремлении к повышению квалификации мы попытались узнать, задав вопрос: «Хотели бы Вы сменить профессию, сферу деятельности?» нетрудно заметить, что желающих сменить профессию и среди молодого, и среди старшего поколения одинаковое количество (46%).

62% среди молодых респондентов допускают возможность получить работу в другом городе или заинтересованы уехать из Тольятти. Среди старшего поколения также 48% положительно бы рассмотрели подобное предложение. 32% респондентов молодого возраста и 26% старшего возраста скорее не сменили бы профессиональную деятельность.

Анкетирование показало, что молодежь недостаточно активно участвует в инновационных проектах.

Включенность в инновационная деятельность горожан заключается в разработке методических и практических рекомендаций по управлению инновационной средой моногорода, основанных на эффективном использовании имеющегося потенциала на базе

скоординированного взаимодействия органов власти, бизнес-сообществ и населения, обеспечивающих диверсификацию производства, повышение конкурентоспособности, уровня и качества жизни населения.

Мэрия городского округа Тольятти утвердила муниципальную программу «Повышение инвестиционной привлекательности и создание условий для инновационного развития городского округа Тольятти на 2014 - 2016 годы», в целях формирования благоприятных условий для повышения инвестиционной привлекательности и создания необходимых условий для развития инновационной сферы г. Тольятти.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ – НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Блохин В.Н. (Горки, Республика Беларусь)

С момента распада Советского Союза в российском и белорусском обществах происходили значительные трансформации. Этот процесс характерен и для сельских территорий. Приграничные регионы России и Беларуси столкнулись с серьезными проблемами, что отразилось на их месте в экономической и социальной жизни своих стран [3].

Целью исследования является разработка рекомендаций по управлению социально-экономической динамикой сельских территорий российско-белорусского приграничья.

Задачи исследования:

- оценить социально-экономическую динамику сельских территорий России и Беларуси в 1990-е гг. и в начале XXI в.;
- проанализировать влияние целевых программ на развитие сельских территорий;
- определить факторы, которые сдерживают социально-экономическую интеграцию в приграничье.

В настоящее время в России и Беларуси продолжается реформирование села. Повышение эффективности аграрного сектора признается в качестве одного из приоритетов управленцами обеих стран. В то же время, стратегия проведения данных преобразований в значительной степени отличается.

В России в 1990-е годы была взята на вооружение политика стихийных рыночных реформ. Произошло фактическое уничтожение командно-административной системы управления аграрным сектором, в то же время не получили достаточного развития фермерские хозяйства. Такая управленческая политика привела к тяжелым социально-экономическим последствиям для сельских территорий, снижению качества и уровня жизни, падению производства, деградации инфраструктуры села, увеличению миграционных потоков в города. Сельские территории оказались в состоянии затяжного системного кризиса.

В советский период аграрный сектор Беларуси занимал лидирующие позиции. Но с начала 1990-х годов сельские территории оказались в тяжелейшем положении. В ходе либеральных реформ произошло разрушение прежней системы государственных дотаций сельскому хозяйству и рост нерентабельных сельскохозяйственных организаций.

С 2000 года начал осуществляться новый комплекс организационных, экономических, социальных мер. Была принята программа совершенствования агропромышленного комплекса. Целью этой программы стало создание экономического механизма, основанного на сочетании государственного регулирования и рыночных

принципов, развитие всех форм собственности, либерализация ценообразования, переход к единому сельскохозяйственному налогу и т.д. [4].

В аграрной сфере Беларуси до сих пор не преодолена сложившаяся за многие годы деформация отношений между командно-административной системой управления и общественной самоорганизацией жителей села. В итоге продолжает действовать низкоэффективный тип организации сельхозпроизводства. Сохраняется низкий уровень индивидуальной мотивации в общественном секторе, постоянно требуется приток материальных и финансовых ресурсов, которые часто нерационально используются.

Развитие сельских территорий прежде всего зависит от успешного осуществления важных направлений, мер и механизмов агропродовольственной политики государства, и в этом большую роль играет эффективное применение целевых программ.

Целевая программа является управленческим инструментом и позволяет определить основную цель, описать все уровни решения проблемы и требуемые для этого ресурсы, проконтролировать расходование выделенных средств и степень достижения поставленной цели.

В России реализуется приоритетный национальный проект «Развитие АПК», федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» (от 29.12.2006) включающий Доктрину продовольственной безопасности и концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. В Беларуси действует «Программа устойчивого развития села», Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.

Оценки успешности проекта «Развитие АПК» в общественном мнении сильно различаются: опросы по общероссийской выборке свидетельствуют о крайне скептическом отношении людей к задачам и результатам проекта. Опросы сельских жителей рисуют более оптимистическую картину. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2006 г. только 1% россиян считал реализацию этого нацпроекта безусловно успешной, еще 11% – скорее успешной. При этом почти половина респондентов затруднилась оценить успешность аграрного проекта (44%) [1].

Настроения работников аграрного сектора Беларуси были изучены автором в 2015 г. в ходе проведенного социологического исследования по методу анкетного опроса на тему «Динамика агропромышленного комплекса Беларуси».

В исследовании приняли участие 310 человек – сотрудники аграрных предприятий Могилевской и Витебской областей.

55% работников АПК оценили современное положение отрасли как сложное. Почти 23% назвали положение катастрофическим.

Более 71% участников анкетирования уверены, что сельское хозяйство Беларуси нуждается в реформировании.

60% респондентов думают, что нужно реформировать, прежде всего, систему управления АПК. 26% убеждены, что необходим переход к частному сельскому хозяйству.

В итоге можно сделать вывод, что большинство жителей сельских территорий Беларуси стремятся к улучшению своего уровня жизни и позитивно оценивают продолжение реформирования АПК, в то же время абсолютное большинство до сих пор не готово к радикальным рыночным преобразованиям. Подобную специфику мировоззрения сельчан необходимо учитывать в дальнейшем при разработке аграрной политики.

В развитии межрегионального экономического сотрудничества России и Беларуси имеются серьезные проблемы, не в последнюю очередь связанные с различиями в экономических моделях, используемых государствами. Можно выделить несколько групп «факторов-ограничителей» межрегиональной интеграции.

1. Отсутствие специальных целевых программ на областном уровне для приграничных районов.
2. Недостаточное внимание, уделяемое развитию приграничных регионов на межгосударственном уровне в рамках Союзного государства России и Беларуси.
3. Неэффективное управление и дефицит инициативы местных властей.
4. Нехватка инвестиционных ресурсов.
5. Коррупция и криминализованность, деформирующие все хозяйственные отношения.

Однако приграничные территории России и Беларуси должны максимально использовать т.н. эффект приграничного соседства. Этот эффект обусловлен не просто исторически сложившимися однотипными культурно-цивилизационными комплексами, но и прагматически – отсутствием языковых барьеров; наличием у деловых кругов ближних стран большей информации о возможностях сотрудничества по сравнению с удаленными регионами; возможностью экономии на транспортных издержках и координации производственных цепочек [2].

Одной из важнейших задач местного управления должно стать эффективное использование многофункциональности сельской местности, предполагающее диверсификацию рынка труда, обучение сельчан новым технологиям, развитие социальной инфраструктуры и несельскохозяйственных предприятий.

Подводя итог, можно констатировать, что для улучшения социально-экономического положения сельских территорий России и Беларуси необходима существенная реформа системы местного управления. Органы местной власти в обоих государствах должны иметь максимально широкие полномочия в решении локальных вопросов социально-экономического развития. В настоящее время, таких полномочий у системы местного управления не достаточно ни в России, ни в Беларуси.

1. Барсукова С.Ю. Вехи аграрной политики России в 2000-е годы // *Мир России*. – 2013. – № 1. – С. 3–28.
2. Гусаков В.Г. Основные концептуальные подходы перспективной организации сельского хозяйства хозяйств // *Вестник НАН Беларуси*. – 2008. – № 4. – С. 12–19.
3. Катровский А.П., Ковалев Ю.П. *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен*. Смоленск: Универсум, 2012. 288 с.
4. Пролесковский О.В., Криштапович Л.Е. *Белорусский путь*. Минск: ИАЦ, 2009. 416 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ УПАКОВОЧНОЙ ОТРАСЛИ

Бокарева В.Б. (Дзержинск)

Важнейшей составляющей современной рыночной экономики является отрасль упаковки, поскольку она взаимодействует практически со всеми другими сферами.

Российский упаковочный рынок, в результате интенсивного развития, продолжавшегося на протяжении последних 15 лет, по итогам 2014 года вошел в число 8 крупнейших мировых упаковочных рынков. В производстве упаковочных материалов, по экспертным данным, изделий и оборудования в России, по некоторым данным, занято от 3-х до 5 тыс. предприятий.

К основным проблемам, связанным с неэффективным социальным управлением развитием упаковочной отрасли, относится отсутствие систематических научных исследований и соответствующей единой теоретической базы. К примеру, в ходе конференции, посвященной проблемам подготовки кадров для упаковочной индустрии,

было отмечено, что, к примеру, за 25 лет в России было издано небольшими тиражами всего две монографии по проблемам упаковки из ПЭТ [1].

С развитием упаковочной отрасли, на бирже труда увеличивается потребность в квалифицированных специалистах, преимущественно производственного, лабораторного, и научно-исследовательского направлений [2, с. 36]. По утверждению экспертов, нехватка специалистов обусловлена малым количеством специализированных учебных заведений, отсутствием механизмов взаимодействия высших, средних специальных учебных заведений, НИИ и работодателей. Наряду с этим, для системы социального управления предприятием упаковочной отрасли характерно: отсутствие централизованной координации работы профильных кафедр, отсутствие вовлеченности заинтересованных сторон в этот процесс, слабая поддержка со стороны СМИ и общественных организаций.

В решении этих проблем возрастает значимость социального управления. Это управление социальными системами, особое проявление сознания и устремления людей, выражающееся в системно организованной совокупности человеческих знаний и деятельности. Его значимым элементом является социальная технология – формализованная алгоритмизированная процедура воздействия на социальные объекты, процессы, отношения и явления в соответствии с заранее разработанным планом с целью приведения социального объекта в определенное состояние [3].

Как показывает проведенный комплексный анализ, для повышения эффективности системы социального управления этой отраслью необходимо реализовать следующие пути:

1. Во всех отраслевых НИИ промышленности возродить работу отделов тары и упаковки, в тесном тандеме с отделами логистики и маркетинга;
2. Создать федеральный центр исследований, координирующий совместные исследования учащих вузов, коммерческих предприятий и отраслевых НИИ;
3. Организовать на базе центров занятости населения и специализированных ассоциаций постоянно действующие курсы повышения квалификации в области тары, упаковки, дизайна и маркетинга;
4. Привлечь к исследовательской и прогностической деятельности профильные кафедры, научные лаборатории университетов и колледжей, коммерческие организации, специализированные издания.

Генеральной целью деятельности предприятия упаковочной отрасли, помимо получения прибыли, является разработка и создание уникальных, конкурентоспособных товаров и услуг. Возрастает значимость социально-управленческих проблема: развитие личности, инвестиций в человеческий капитал, укрепление и совершенствование социальных институтов.

Актуальны данные из проведенного в январе-марте 2015 года исследования среди руководителей предприятий упаковочной отрасли России. (Москва, ЦФО, ПФО. Кластерная выборка с применением квотного отбора. Генеральная совокупность - 332000 человек; объем выборки – 384 человек, ошибка выборки – в пределах 5%).

Итак, большая часть руководителей предприятий упаковочной отрасли (76%) считают, что работники этой сферы в обществе не ассоциируются с набором определенных профессиональных и личностных качеств. В связи с чем, посредством социальной технология формирования положительного имиджа будет вестись целенаправленная выработка положительного образа работника из данной отрасли. Важно расставить акценты на высоком качестве и значимости для общества производимых им товаров, услуг. Имидж работника упаковочной отрасли имеет две составляющие: образ профессионала, представление о нем, складывающееся у окружающих, репутация; образ фирмы, товара, услуг, в которой он трудится.

Наряду с этим, 85% руководителей предприятий упаковочной отрасли не интересуются деятельностью специализированных ассоциаций. Следовательно, необходимо создание информационной базы для бизнес-сообщества, с помощью которой

в свободном доступе руководители предприятий, учащиеся и представители других социальных организаций смогут получать обновленную и достоверную информацию о законодательстве в сфере упаковочной отрасли, о деятельности ассоциаций, организаций, о конкурсах и тендерах и прочую. Тем самым будет реализована социально-коммуникативная технология - системно организованная деятельность по управлению коммуникацией коммерческих предприятий упаковочной отрасли, вузов, ассоциаций и СМИ, направленная на решение социально-управленческих задач.

В виду чего, актуальна технология мониторинга деятельности предприятий упаковочной отрасли - процесс систематического изучения этой группы как социального объекта, анализа и оценки его состояния, прогнозирования и контроля их деятельности, ее изменений. Для оценки развития предприятий упаковочной отрасли наиболее распространены следующие группы показателей: стратегического анализа (независимые экспертные оценки, сравнительный анализ); внешние, определяющие рейтинг предприятия с точки зрения партнеров и потребителей; внутриорганизационные (численность штата, уровень компетентности персонала и т.п.); обеспеченности ресурсами; степени технологической оснащенности.

Технологизированный процесс социального мониторинга включает в себя следующие направления: выработка стратегии и плана действий, определение проблем, ключевых точек мониторинга, проведение замеров с определенной периодичностью, фиксацию результатов, разработку рекомендаций.

Вместе с тем, 72% респондентов при наличии своевременного получения информации приняли бы участие в специализированном конкурсе для предприятий упаковочной отрасли с возможностью получения денежного приза либо налоговых или иных привилегий. Что свидетельствует о высоком потенциале конкурсно-сопоставительной социальной технологии, которая являются организованными соревнованиями за достижение лидирующей позиции в чем-либо. С точки зрения функционального подхода, эта технология укрепит внутриотраслевое взаимодействие, повлияет на повышение качества производимой продукции.

Таким образом, реализация социальных технологий формирования положительного имиджа работника упаковочной сферы, мониторинга деятельности предприятий этого сектора, социально-коммуникативной и конкурсно-сопоставительной повысит эффективность системы управления предприятием упаковочной отрасли.

1. *Преподаватели и предприниматели обсудили проблемы подготовки кадров для упаковочной индустрии в ЦНСХБ [Электронный ресурс] <http://article.unipack.ru/55512/>*
2. *Шавырин В., Тарасюк В., Мясенко Д.. Подготовка молодых ученых для упаковочной индустрии и возможность трудоустройства [Текст] // Тара и упаковка. № 3, 2015. С.36*
3. *Бокарева, В.Б. Социальные технологии в системе управления малым бизнесом [Текст] / В.Б. Бокарева. - М.: ООО «Спутник+», 2013*

ОБЩЕСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

Бондалетов В.В. (Москва)

В рамках традиционных представлений проблематика управления и управляемости чаще всего рассматривается в контексте «доминирование-подчинение», «пассивность-активность» и непосредственно, связана с субъектно-объектным подходом в управлении. То есть «управление» предполагает наличие субъекта и объекта управления, благодаря

чему становится возможным реализация отношений доминирование-подчинение и контроля, при этом субъект занимает активную позицию по отношению к объекту.

Несмотря на превалирование данного подхода в управленческой практике, необходимо отметить, что в условиях либерально-демократических традиций он является малоперспективным.

По этой причине, в современных условиях с особой остротой стоит задача поиска новых подходов к расширению возможности науки управления. Такой подход, прежде всего, связан с переносом акцента в управлении с доминирования и подчинения на сам процесс управления, как процесс совместного целеполагания и целедостижения. В связи с этим управление, в социальных науках, все чаще рассматривается не как воздействие, а как взаимодействие, а граждане не как объект управления, а как полноценный активно действующий субъект.

То есть, применительно к процессу самоорганизации, речь идёт не о кибернетическом управлении данным процессом или о навязывании форм самоорганизации как структурных единиц организациям, территориям или обществу в целом. Речь идёт о генерировании самоорганизующихся образований на различных уровнях социального взаимодействия, о способах вывода на желательные пути развития. Мы говорим о «мягком» управлении данным процессом, согласно которого, организационные агенты создают в социальном пространстве условия, регулирующие поведение взаимодействующих субъектов и детерминирующие процесс самоорганизации.

В данном контексте управляемость общественной самоорганизации, выступает качественной характеристикой взаимодействующих субъектов, и определяется наличием определенных социальных условий. Одним из важнейших таких условий является - готовность окружающего социального пространства к восприятию управленческого воздействия. Не менее важными компонентами этих условий, являются источники, составляющие управляемость самоорганизации. Дедуктивно можно предвидеть, что таких искомым источников будет множество, но мы выделим лишь только три, которые по нашему мнению, в большей степени, обуславливают данный процесс:

Первый источник – общественная инфраструктура.

Второй источник – наличие субъектов, стремящихся к взаимодействию

Третий источник – наличие подкрепления или социальной поддержки.

Развитая общественная инфраструктура, готовность субъектов и социальная поддержка способствуют процессу самоорганизации, являются её внутренними источниками и определяют ее управляемость. Внутренние источники поддерживают процесс самоорганизации, делают его возможным, но возникает вопрос: «Будет ли их наличие достаточным для возникновения и существования устойчивых форм самоорганизующихся образований?». Устойчивая самоорганизация является системной самоорганизацией, она представляет собой образование устойчивых структур. Они начинают воспроизводиться при длительных взаимодействиях коллективных субъектов, ориентируясь, не на индивидуальные особенности участвующих акторов, а на ресурсную поддержку системы (внешнюю поддержку), которая обеспечит устойчивое существование и длительное функционирование структур в соответствии с их предназначением. Такая поддержка может осуществляется в форме социального заказа (поддержка органов власти), социального партнерства (поддержка бизнеса), частно-общественного партнерства (совместная поддержка органов власти и бизнеса).

Если принять данную точку зрения, то организационные агенты должны постоянно поддерживать источники самоорганизации и создавать условия, стимулирующие данный процесс в нужном для них направлении. В этом и заключается суть управления процессом самоорганизации. При этом управляемость процесса самоорганизации выступает как качественная характеристика социального пространства, позволяющая

активно действующим субъектам, посредством взаимодействия друг с другом устанавливать и достигать общие цели.

Во многом это достигается применением в управленческой практике технологий, учитывающих состояние источников самоорганизации. В зависимости от состояния, уровня развития этих источников можно выделить несколько типов таких технологий:

первый тип, это технологии запуска, данный тип технологий применяется в случае отсутствия каких-либо правовых норм регламентирующих процесс самоорганизации и формирования институтов гражданского общества. В основном, данный тип технологий реализуется политической подсистемой и направлен на установление правил взаимодействия между подсистемами посредством изменения нормативно-правового и институционального порядка. Принимая новые законы, меняя правила игры, политическая подсистема стремится к изменению поведения людей в обществе, повышению общественного интереса, активации и расширению гражданского и общественного участия в системе государственного управления, становлению общественного контроля со стороны гражданского общества;

второй тип, технологии поддержки – выражаются в сбалансированном сочетании правовых, экономических, социальных и организационных норм регулирующих деятельность общественных объединений и обеспечивающих эффективное функционирование институтов гражданского общества. Данный тип технологий, также как и технологии запуска, реализуются через нормативно-правовой механизм и направлен на финансовую, имущественную, информационную, консультационную, социальную и другие виды поддержки общественных объединений. Применением технологий поддержки предполагается добиться улучшения интеграционной среды для общественного партнерства (партнерства органов власти, гражданского общества и бизнеса, благотворительности, социального заказа и пр.);

третий тип, технологии развития – реализуются посредством социокультурных процедур (расширение и распространение гуманитарного знания, гражданского образования; развитие общественного участия и общественной деятельности; развитие гражданского общества и общественного партнерства; и других образовательных и просветительских технологий), обеспечивающих эффективное освоение социального пространства, усвоение коллективных ценностей и моделей поведения, формирование гражданственности, развитие мотивации, возможностей и способов общественного участия граждан, а также представителей общественности в принятии властью управленческих решений.

Обобщая выше представленный материал, необходимо отметить, что по своему содержанию вышеупомянутые технологии являются практико-ориентированными технологиями, которые предполагают: создание благоприятных экономических, политических и социокультурных условий для обеспечения процесса формирования общественных структур, институтов, форм и способов социального взаимодействия, которые бы своим потенциалом дополняли функциональную недостаточность властных структур; разработку и поиск новых, наиболее эффективных приёмов и способов вовлечения в данный процесс всех членов общества, его социальных организаций и институтов; перевод этих технологий из состояния дескриптивного (описательного), в состояние реального практического использования.

По сути, речь идёт о специфических социальных технологиях, в авторской интерпретации получивших название - технологии общественной самоорганизации. Применение данных технологий и соблюдение выше перечисленных принципов позволит снизить вероятность повторения выше рассмотренных ошибок субъектами технологического процесса.

По мнению автора, именно такая точка зрения в большей степени соответствует современному этапу общественного развития, который характеризуется переходом от административно-командной системы управления к созданию принципиально новой

системы регулирования общественных отношений, основанных на широком и комплексном внедрении в социальную практику технологических знаний, опирающихся на достижения фундаментальных и прикладных выводов гуманитарных наук.

1. Мысин Н.В. *Теория и история социального управления: Опыт России и зарубежных стран.* СПб., 2000. С. 476.
2. Акофф Р., Эмери Ф. *О целеустремленных системах.* М., 1974. С. 54.
3. Рубцова М.В. *Концептуальные основания исследования феномена управляемости в социологии управления. Дис. на соиск.уч. ст. д. социол. н. – СПб, 2010 – С.53.*
4. Иванов В.Н., Пахрушев В.И. *Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2001. – С 26.*
5. Апресян Р. Г.. *Гражданское общество: участие и ответственность* Неконцептуальный сборник / Отв. ред. Р. Г. Апресян. - М.: Аслан, 1997. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/biblio/GU/4.html> (дата обращения: 31.08.14).
6. Бондалетов В.В. *Эволюция идей самоорганизации. Социологические исследования.* 2015. № 3. С. 132-139

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Брук С.А. (Санкт-Петербург)

В ходе большинства современных исследований в социальных науках, посвященных изучению феномена управления, профессионализм часто упоминается как одно из необходимых качеств, присущих индивиду или группе лиц, допущенных к управлению живыми или неживыми системами: организацией, городом, государством, сложным технологическим или операционным процессом, системой или аппаратом.

В ходе проведения социологических и экономических исследований рынков труда профессионализм все чаще предстает как основополагающая черта для подбора кадров на ключевые, динамичные позиции в крупные международные компании.

Профессионализм сотрудников является важным аспектом функционирования любой организации, он является фундаментальным и основополагающим принципом, по которому осуществляется подбор работников, занимающих ответственные позиции, занимающихся деятельностью, требующей ответственного отношения, управляющих сложными технологическими процессами. Во многих сферах жизни общества отсутствие профессиональных навыков может иметь негативные последствия, причем масштабы отрицательного влияния на общество и соотношение роли человеческого фактора могут быть непропорционально велики.

В условиях современного мира, представляющего собой симбиоз социальной, экономической, политической реальностей, а также сложных неживых технологических систем, созданных человеком и обществом, где практически каждый индивид вовлечен в тот или иной управленческий процесс, профессионализм как категория является неотъемлемым, обязательным гарантом эффективного, гармоничного и безопасного функционирования общества на всех его уровнях: от государства, до компании.

При этом профессионализм является широкой категорией, которая еще недостаточно хорошо изучена социологией, методологический аппарат которой, ее методы и инструментарий, позволяют фундаментально изучить природу данного понятия, его место в системе управления, а также выработать критерии оценки профессионализма, которые могли бы быть экстраполированы на все сферы жизни общества.

Изучение профессионализма с помощью социологического методологического аппарата могло бы быть крайне эффективно и позволило бы выработать универсальные критерии оценки профессионализма, что, в свою очередь, могло бы обеспечить эффективное, гармоничное и безопасное развитие социума.

Современное общество окружило себя сложными социальными системами: государствами, социальными институтами, различными регуляторами экономической, политической и социальной деятельности, а также сложными технологическими устройствами и производственными процессами, требующими строгого соблюдения стандартов управленческого процесса. Как показывает история человеческого общества, в большинстве общественных, социальных, политических, экономических и техногенных негативных инцидентов и катастрофах ключевую роль играет именно человеческий фактор. Практически все, что сегодня окружает каждого индивида, есть производная человеческого общества, а, следовательно, человеческий фактор. Всё это часто является главной причиной положительных и отрицательных изменений в функционировании общества. Помимо человеческого фактора следует отметить, что в основе жизни общества лежит также множество управленческих процессов различного уровня. От многих из них, и именно от профессионализма управляющего зависит эффективное и гармоничное функционирование общества. Изучение профессионализма с помощью социальных наук позволило бы обществу выработать особую парадигму оценки индивидов и социальных групп на предмет соответствия общественным критериям профессионализма, что в свою очередь, повысило бы эффективность общественной деятельности.

Профессионализм может и должен быть изучен с помощью социальных наук. Могут быть выработаны единые критерии понимания профессионализма как социального феномена, на основе которых могла бы быть создана система оценки специалистов, применимая на различных уровнях управленческой деятельности: от оператора сложной технологичной машины, до руководителя крупной компании, принимающего управленческие решения, или государственного деятеля, разрабатывающего концепцию развития общества.

Прикладная социологическая наука достигла ряда успехов в области исследования особенностей профессиональной деятельности. Одним из наиболее перспективных исследовательских направлений являются исследования профессиональной репрезентации специалистов.

Само понятие репрезентации, в широком смысле, в социальных науках трактуется как некое представление субъектом какого-либо объекта, через призму собственного опыта. В контексте исследования репрезентации профессиональной деятельности специалиста, под репрезентацией понимается осмысление работником собственного профессионального опыта: степень овладения профессиональными навыками, уровень квалификации, уровень профессиональной компетенции, характер деловых и личностных качеств, характер взаимодействия с коллективом, достижения и результаты профессиональной деятельности.

Подобный «профессиональный портрет», составленный самим работником, и потому играющий особую важность для организационного исследователя, может быть эффективно изучен социологической наукой, с помощью целого комплекса ее качественно-количественных методов.

Наиболее эффективным методом, в проведении подобных исследований, выступает контент-анализ документов. Как-правило, максимально полно раскрыть собственные профессиональные достижения, отразить собственный профессиональный опыт, специалист способен при написании свободного эссе. Дополнительным источником информации могут служить результаты персональных собеседований и серии интервью. Контент-анализ позволяет эффективно анализировать подобные текстовые данные и выявлять имплицитные, не выявленные ранее, критерии оценки профессиональной деятельности.

Особенно эффективным, является проведение подобных исследований в организациях, работники которых относятся к, так называемым, “бюрократам уличного уровня”. Такими являются всевозможные организации, являющиеся подведомственными государству, и занимающиеся непосредственной реализацией государственной политики во всех сферах жизни общества: в образовании, в здравоохранении, в правовых органах, социальных сервисах и т.д.

Например, исследование профессиональной репрезентации руководителя сферы образования, позволило бы создать более совершенные механизмы аттестации руководителей данной сферы, базирующиеся на критериях, которые сами руководители считали бы значимыми индикаторами наличия у специалиста должной профессиональной компетенции. Подобные социологические исследования могли бы вскрыть скрытые, неявные проблемы, такие как вопрос «качества-количества» в работе государственных образовательных органов, вскрыть причины ряда латентных организационных конфликтов, имеющих место быть в системе образования Российской Федерации.

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. (С учётом поправок от 21.03.2014 ФЗ № 6). – [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vladrieltor.ru> (дата обращения: 29.09.2015).
2. Гражданский Кодекс РФ. Принят Государственной Думой РФ 21 октября 1994. (С учётом поправок от 02.11.2013). – [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2015).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой РФ 21 декабря 2001 года (С учётом поправок от 02.04.2014). – [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.15).
4. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / 8-е изд. / пер. с англ. под ред. С.К. Мордовина. – СПб.: Изд-во: Питер, 2008.
5. Белухин Д.А. Становление профессионала и рождение профессионализма. – М.: Изд-во: МПСИ, 2006.
6. Вебер М. И. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. – М.: Изд-во: Прогресс, 1990.
7. Гелих О.Я. К феноменологии власти и управления в современном российском обществе // Научное мнение. Философские и филологические науки: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2015. – № 7.
8. Гелих О.Я. О междисциплинарных исследованиях управления // Научное мнение. Философские и филологические науки: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2015. – № 5.
9. Гидденс Э., Социология: / при участии К. Бердсолл: пер. с англ. 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
10. Дафт Р. Менеджмент / 10-е изд. / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2013.
11. Друкер, П., Макьярелло, Джозеф А. Менеджмент / пер. с англ. – М.: Вильямс, 2010.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Изд-во: Прогресс, 1990.
13. Майстер Д. Истинный профессионализм / пер. с англ. – М.: Изд-во: Альпина Бизнес Букс, 2004.
14. Социология управления / под ред. А.В. Тихонова. – М.: Канон+, 2010.
15. Социология управления / под ред. А.В. Тихонова. – М.: Канон+, 2014.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Бурмыкина И.В. (Липецк)

Масштабная нелинейная трансформация мирового социума ставит перед управлением социальными процессами цели и задачи, значительно превышающие по своим масштабам, сложности и комплексности выполняемые ранее. Однако уровень управления зачастую не отвечает новым требованиям, «вызовам» времени.

Широко распространенный в системе государственного управления постсоветских государств программно-целевой подход не решает всего комплекса задач социально-экономического развития территорий. На сегодняшний день программно-целевое управление развитием социально-экономических систем является наиболее универсальной и практически единственной категорией в системе целеполагания при реализации стратегических задач функционирования национальной и региональной экономики. Подавляющая часть расходов государственного и региональных бюджетов направляется на финансирование целевых программ федерального и субфедерального развития.

Преимущество программно-целевого управления состоит в определении целей, разработке программ для оптимального достижения поставленных целей, выделении необходимых ресурсов для осуществления программ и формирования организаций, осуществляющих руководство их выполнением. Программно-целевой подход позволяет сгладить существующую асимметрию в развитии отдельных территорий, перераспределяя ресурсы в зависимости от типов и категорий регионов по социально-экономическому состоянию; предполагает комплексность решения проблем территории, заложенных в программу за счет реализации экономических, социальных, экологических, научно-технических и иных мероприятий в рамках одной программы и, наконец, дает возможность долгосрочного планирования приоритетов развития страны, отдельных регионов и муниципальных образований [1]. Однако, практика показывает, что далеко не все программы осуществляются в полном объеме и в установленные сроки.

Причины невыполнения заданий программ можно разделить на методические, связанные с недостаточно проработанными вопросами методологии программно-целевого подхода и организационно-кадровые, связанные с недостаточной квалификацией регионального менеджмента. Нам, в первую очередь, интересуют первая группа проблем специфического характера, поскольку вторая носит универсальный характер. Среди методических проблем программно-целевого подхода наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие: несовершенство инструментария реализации комплексных программ; целевая разобщенность проблем территориального образования и реализуемых программ его развития; отсутствие эффективных методических подходов к установлению целевых параметров программы и невозможность вследствие этого расчета экономической и социальной эффективности программных мероприятий; недостаточная оперативность программно-целевого подхода.

Кроме того, существующие методики оценки эффективности реализации программ в большинстве своем содержат лишь общие принципы и рекомендации, обладая, на наш взгляд, рядом существенных недостатков. Во-первых, единственным измеримым критерием эффективности целевых программ является изменение непосредственных статистических показателей — объемов выполненных работ, оказанных услуг, поставленной продукции в натуральном или стоимостном выражении. Во-вторых, не учитывается влияние изменения этих показателей на основные индикаторы социально-экономического развития региона, то есть не выявляется количественный и качественный общественно значимый результат. В-третьих, упор, в основном, делается на экономическую или бюджетную эффективность программ, а не на социальную, в то время как большинство региональных целевых программ имеет социальный характер.

Эти недостатки и позволяет преодолеть социально-технологический подход в государственном управлении. Социально-технологический подход в управлении — вид организации научно-практической деятельности в управлении, предполагающий реализацию идеологии проектирования и внедрения социальных технологий, такого порядка действий, который нацелен на оптимизацию управленческого процесса. В основе подхода — системная методология, которая реализуется в разделении процесса, деятельности на внутренне взаимосвязанные этапы, операции, разрабатываемые

предварительно, сознательно, планомерно, на основе и с использованием последних достижений науки и практики и выполняемые однозначно [2].

В соответствии с этим подходом на первом этапе управленческой деятельности – государственной, региональной или на уровне организаций – конструируется научно обоснованная социально-технологическая модель управления, отражающая процесс целенаправленного преобразования определенного общественного явления или процесса. Такая модель включает: определение объекта технологизации; анализ внутренней логики его функционирования и развития; операционализацию на составляющие и выявление связей между ними; диагностику управляемости взаимодействующей совокупностью методов различных наук, в том числе социологическое изучение объекта технологизации; прогноз возможных путей развития, потенциала самоорганизации; разработка нормативной (близкой к оптимальной) модели его развития; формулирование конечной цели технологизации. Чем точнее степень соответствия социально-технологической модели объективной логике функционирования социума, тем реальнее возможность достижения высокого эффекта технологического решения государственных и региональных проблем. Все эти действия в определенной мере сходны с процедурами целеполагания, применяемыми в программно-целевом подходе, однако преимущество заключается в том, что социальные аспекты управления не просто учитываются, а становятся ключевыми.

Целью создания социально-технологической модели является: во-первых, выявление и использование потенциала социальной системы, «человеческого ресурса»; во-вторых, распознавание, предвидение проблем, которые могут возникнуть при реализации управленческого действия до его осуществления, изучение динамики общественного мнения по поводу его реализации, в-третьих, снижение затрат на управление посредством исключения операций, которые не являются необходимыми для получения социального результата [3]. Это чрезвычайно интеллектуально и наукоемкий этап, во многом определяющий успешность последующих, однако его осуществление позволяет обеспечить усилить научную базу, социологическую обоснование и легитимацию принимаемых государственных решений.

На втором этапе осуществляется собственно разработка социальной технологии, то есть такой последовательности действий, которая приведет к заранее намеченной цели, конечному результату. Этому служат формализация, стандартизация и рационализация государственного управления, способов регулирования, контроля и управления взаимодействием между объектом и субъектом технологизации. Стандартизация создает возможность тиражировать приемы и методы социальной технологии, применять их на субфедеральном уровне.

На третьем – осуществляется контроль за реализацией социальной технологии. Главная задача на этом этапе – своевременное выявление отклонений от заданной технологии и их коррекция. Для реализации социально-технологического подхода требуются соответствующие объективные условия (в том числе материально-технические средства) и достаточно зрелый субъективный фактор. Речь идет о высоком уровне экономического, нравственного и политического сознания людей, трудовой и исполнительской активности, дисциплине и инициативе.

Социально-технологический подход позволяет реализовать настоящую потребность в повышении эффективности государственного, регионального, корпоративного и организационного управления, обусловленную возрастанием сложности, комплексности и динамизма проблем социально-экономического развития. Обеспечивает решение конкретных задач в области государственно-федеративного строительства, научно-технического, социально-экономического, регионального инновационного развития. Внедрение социально-технологического подхода позволит создать системно-мультипликационный эффект: нововведения в одной области

деятельности с учетом социального фактора вызывают эффекты в смежных сферах и таким образом суммарный эффект увеличивается многократно.

1. Райзберг Б.А., Лобко А.Г. Программно-целевое планирование и управление. — М.: ИНФРА-М, 2002 — 428 с.
2. Иванов, В.Н., Патрушев, В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. — М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2001. — 327 с.; Бабинцев В.П., Дятченко Л.Я. Формирование социально-технологической культуры как теоретическая и праксеологическая проблема // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 65-70; Тощенко Ж.Т. Социология управления. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. — 300 с.
3. Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий. — К.: МАУП, 2004. — 608 с.

ОСОБЕННОСТИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК ИССЛЕДОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАН И РЕГИОНОВ

Валитова З.Х., Есимова А.Б. (Караганда, Казахстан)

Современная/информационная эпоха породила новый феномен - общество потребления. Данный тип общества привел к актуализации проблемы имиджа как виртуального капитала, который оказывает влияние на политическую, экономическую и культурную сферы развития социума. Территория стала таким же продуктом, зависящим от степени привлекательности и потребности. Такие эффекты общества потребления приводят к активизации научных исследований в области маркетинга, политологии, географии, экономики и социологии.

Одним из ведущих мировых специалистов в области исследования имиджа стран, городов, регионов является британский социальный ученый Саймон Анхольт. Он значительно продвинул теоретическую и эмпирическую методологию имиджевых исследований. Им создана концепция национального бренда и «конкурентной идентичности» (competitive identity), разработана собственная методика индексирования территорий по имиджевым показателям. В 1996 г. С.Анхольт ввел термин «национальный брендинг» (nation branding), в 2005 году разработал Nation BrandsSM Index (NBI) – Индекс национального бренда – способ измерения имиджа и репутации страны [1].

С 2008 года ежегодно проводится исследование «Индекс бренда страны» (Anholt-GfK Roper Nation Brands Index, NBI), созданное С.Анхольтом. В NBI измеряется глобальный имидж 50 стран мира по шести параметрам: экспорт, правительство, культура, люди, туризм, иммиграция/инвестиции. Исследование проводится в 20 странах мира, в каждой из которой интервьюируется тысяча респондентов в возрасте от 18 лет и старше.

По мнению С.Анхольта «страны способны в значительной степени влиять на восприятие собственного бренда, если у них есть действенная, ясная, внушающая доверие идея о некоей высшей их цели и если послания на эту тему поступают четко и бесперебойно» [2].

Исследования имиджей регионов в мире становятся настолько востребованными, что выходят далеко за пределы академических границ и представляют интерес для политиков, экономистов и бизнесменов.

Известной организацией в области изучения территориального имиджа является Pew Research Center (США). Данная организация в рамках проекта Global Attitudes Project с 2000 года проведены международные опросы с целью мониторинга имиджа страны. Уже проведено около 300 тысяч интервью в 59 странах [3].

Транснациональное рекламное агентство Future Brand имеет собственную методологию изучения Индекса бренда страны (The Country Brand Index, CBI) – Hierarchal Decision Model (HDM) [4]. В 2010 году агентство совместно с BBC World News провели опрос 3400 туристов в 102 странах мира, а также фокус-группы с экспертами с целью измерить «нематериальные активы» страны – как страну воспринимают представители бизнеса, туристы, эксперты в области национального брендинга.

Необходимо также отметить группу исследователей, куда входят специалисты из Сербии и Словении, изучающие имидж Средиземноморского региона. Актуализация данного региона обуславливается тем, что «разработка стратегии брендинга территории между Севером (Европейский Союз) и Югом (страны Средиземноморья, которые не принадлежат к Европейскому Союзу и не являющихся членами «северных» стран - Балканы) в период глобального экономического кризиса будет иметь решающее значение в новом глобальном геостратегическом положении». В проведенном социологическом опросе приняли участие молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, проживающие в Италии, Сербии и Ливане. Целью опроса было выявление основных атрибутов имиджа Средиземноморского региона как туристической территории; различий в ответах респондентов; анализ способов туристической коммуникации, которые предпочитают молодые люди. В данном исследовании использовался метод тест-ассоциаций, когда респонденты пишут первые слова-ассоциации, которые приходят в голову при упоминании определенного слова/значения. Исследовательская группа пришла к выводу, что согласно ответам большинства респондентов средиземноморский регион ассоциируется с морем, а также с такими странами как Греция и Ливан. Парадоксальным является то, что только каждый пятый респондент из Ливана отметил, что их страна относится к средиземноморскому региону, а среди итальянцев, прославивших средиземноморскую кухню, оказалось меньше слов-ассоциаций, связанных с ней [5].

Вышеуказанные исследования носят международный характер и направлены преимущественно на изучение страновых имиджей, составление собственных методологий ранжирования и своеобразных рейтингов стран. Вместе с тем в течение последних лет также возрос интерес к изучению имиджевых характеристик территорий локального значения, осуществляемых отдельными исследователями, использующих различные эмпирические методики.

Польские исследователи Е.Клима и М.Росинска-Буковска осуществили SWOT-анализ имиджевой программы «Стратегия бренда Лодзь и его продвижение в 2010-2016 годах», разработанной компанией Demo Effective Launching [6]. Они проанализировали слабые и сильные стороны, возможности и угрозы данной программы в рамках четырех элементов восприятия города: экономика, культура, образование и туризм.

Целью программы «Стратегия бренда Лодзь и его продвижение в 2010-2016 годах» являлось формирование позитивного бренда/имиджа города Лодзь, квинтэссенцией которого стал лозунг «Лодзь - культурная столица Европы». Однако, SWOT-анализ программы продемонстрировал недостижимость обозначенной цели, поскольку в программе оказалось значительно больше слабых сторон и рисков.

Австралийские эксперты Ю.Катиапонпон и Д.Нелл изучали региональный бренд/имидж, используя качественную и количественную исследовательскую методологию [7]. Цель проекта заключалась в выявлении связи между коммуникационными усилиями маркетинговых организаций и перспективами туризма в Австралии. Исследование состояло из трех этапов: контент-анализ содержания веб-сайта государственной службы туризма с помощью программы Leximancer; анализ вторичных данных Roy Morgan Research Centre (RMRC) в SPSS – результаты анкетного опроса 46 тысяч австралийцев, опрошенных в 2006, 2007 году; сравнительный анализ результатов двух предыдущих этапов.

Авторы исследования пришли к выводу, что разработанные государственной службой туризма слоганы большинства штатов слабо запоминаются и используются

потребителями вследствие несоответствия официального слогана с контентом веб-сайтов. Они подчеркивают, что государство использует различные образы для восприятия объектов туризма, мало согласованности между лозунгами, которые позиционирует государство и содержанием веб-сайтов.

Также проводились исследования, направленные на выявление роли маркетинга формирования позитивного имиджа в муниципалитетах с неблагоприятным имиджем и низкими показателями экономического развития. Исследователь С.Хелд Кассель применила метод кейс-стади в изучении результатов имиджевых проектов в шведском регионе Бергслеген [8]. Бергслеген является одним из депрессивных регионов в Швеции, вследствие чего усиливается миграционный отток экономически активного населения. С.Хелд Кассель отметила некорректность имиджевой политика региона, которая выражается в акцентировании внимания на коренных жителей и туристов. Тогда как, по мнению исследователя, в случае Бергслегена целевой аудиторией имиджевой политики должны быть непременно и потенциальные переселенцы из других регионов Швеции.

Чешские эксперты Я.Спилкова и Д.Фиалова в своем исследовании рассмотрели инициативу создания регионального бренда как сертификата качества [9]. Эмпирическая часть исследования состояла из анкетирования производителей сельско-хозяйственной продукции и проведения полуструктурированных интервью в регионе Высочина с предпринимателями из сферы кулинарного туризма с целью анализа их участия в создании регионального бренда. Чешские исследователи пришли к выводу, что необходимо эффективное взаимодействие между организаторами сельского туризма и производителями местной продукции.

Перечисленные исследования – небольшая часть огромного массива зарубежных исследовательских практик. Их особенностью является то, что они выходят за пределы академических границ и зачастую направлены на рейтинговое измерение имиджа стран и регионов. Эти исследования имеют практическую значимость и представляют интерес для политиков, экономистов и бизнесменов.

1. GfK Custom Research// С сайта www.gfkamerica.com/about_us/index.en.html
2. Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М. - 2010, С.20
3. С официального сайта Pew Research Center. <http://www.pewglobal.org/>
4. С официального сайта агентства Future brand. www.futurebrand.com
5. Damnjanovic V., Kravic M., Abdul Razek Tarek. *Tourism Branding Strategy of the Mediterranean Region // The International Journal of Mediterranean Study. Vol. 2 No. 1, p.115*
6. Klima E., Rosińska-Bukowska M. *Brand as an Important Element of Regional Development Strategy at the Example of Łódź // Global, Continental, National and Regional Conditions of Local Development, Michalski T., Radczenko A. (eds.), Publishing House "ADNDU"*
7. Kattiyapornpong U., Nel D. *Regional branding: perspectives of tourists in Australia // Regional branding: perspectives of tourists in Australia. Proceedings of the Australian and New Zealand Marketing Academy Conference, ANZMAC. – 2009. pp. 1-8*
8. Heldt Cassel S. *Trying to be attractive: Image building and identity formation in small industrial municipalities in Sweden// Place Branding and Public Diplomacy (2008) 4, pp.102–114*
9. Spilkova J., Fialova D. *Culinary Tourism Packages and Regional Brands in Czechia// Tourism Geographies, 2013.Vol. 15, No. 2, pp.177–197*

ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ЗАСТРОЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ «ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ»

Васильева Е.И. (Екатеринбург)

В последние годы наблюдается недостаток финансирования и инвестирования в проведение строительных работ, связанных с реконструкцией зданий и сооружений. Это приводит к интенсивному росту фонда ветхого и аварийного жилья, непригодного для дальнейшей эксплуатации и проживанию граждан в таких постройках. Несмотря на проводимые муниципальными властями мероприятия и существующие муниципальные программы по переселению граждан из ветхого и аварийного жилья, суммарная площадь непригодного для проживания жилищного фонда только увеличивается в связи с ежегодным обветшанием и износом жилых домов. По состоянию на 01.01.2013 суммарная площадь ветхого и аварийного жилищного фонда в Екатеринбурге составила 348,6 тыс. кв. м.[1] Одним из современных и эффективных средств решения проблемы ветхого и аварийного фонда является практика развития застроенных территория.

Развитие застроенных территорий направлено на обновление устаревшего фонда, инженерной инфраструктуры, благоустройство прилегающей территории и обеспечение ее объектами социально-культурного назначения. Данный процесс должен реализовываться, основываясь на потребностях населения в современном жилье, и распределяться между его участниками, согласно нормативно-правовой законодательной базе, регулирующей правоотношения в области строительства. Это позволит повысить градостроительный, социальный, экономический уровень территорий городского округа.

Институт развития застроенных территорий в практике применения муниципальных образований Российской Федерации получил широкое распространение сравнительно недавно, около пяти лет назад. Таким образом, изучение правового механизма управления развитием застроенных территорий является особо актуальным в связи необходимостью выяснения существующих проблем его реализации как с нормативно-правовой, так и с административной сторон.

Развитие застроенной территории - это осуществляемая лицом, с которым Администрацией города Екатеринбурга по результатам проведенного аукциона заключен договор о развитии застроенной территории, деятельность, включающая в себя в том числе подготовку документации по планировке территории, предоставление жилых помещений в целях расселения жителей аварийных жилых домов, уплату выкупной цены за изымаемые жилые помещения в аварийных домах и за земельные участки, а также осуществление строительства, в том числе строительства и (или) реконструкции объектов инженерной, социальной и коммунально-бытовой инфраструктур [2].

Институт развития застроенных территорий является одним из механизмов, с помощью которого осуществляется комплексное развитие территории и одновременно решаются следующие проблемы:

- переселение жителей ветхих домов в новые здания;
- снос или ликвидация домов ветхого и аварийного фонда;
- смена жилья старого поколения путем строительства нового;
- перестройка планировочной, транспортной и инженерной инфраструктур;
- проведения работ по реконструкции и реставрации с целью сохранения памятников архитектуры;
- проведение работ по модернизации для смены архитектурных стилей путем изменения ансамблей зданий в пределах развиваемой территории;
- изменение социально-экономической структуры территории, согласно расчетным показателям обеспеченности объектами социально-культурного и бытового назначения.

Процесс развития застроенных территорий включает в себя несколько этапов:

1 этап. Формирование площадки, подлежащей развитию и подготовка к проведению аукциона;

2 этап. Проведение аукциона и заключение договора;

3 этап. Исполнение обязательств, предшествующих новому строительству и новое строительство;

4 этап. Контроль со стороны органов власти за реализацией договора и исполнением обязательств инвестором до момента завершения строительства.

На основе экспертного интервью были выявлены и проанализированы проблемы, являющиеся препятствием для успешного функционирования института развития застроенных территорий в городе Екатеринбурге, а именно:

1. Отсутствие нормативно закреплённого порядка осуществления контроля процесса строительства на выделенной территории Главархитектурой Администрации города после предоставления площадки под развитие застроенной территории по результатам проведения аукциона и заключения договора с инвестором. Нерегламентированный контроль органов власти за деятельностью застройщиков и нестабильная экономическая ситуация приводит к тому, что инвестор не выполняет свои обязательства в срок. Застройщики объявляют себя банкротом и не исполняют обязательство по перечислению денежных средств в бюджет на начальном этапе, органы местного самоуправления вынуждены в этом случае повторно размещать заказ.

2. В соответствии с Градостроительным Кодексом, на инвестора накладываются огромные затраты, риски и обязательства при развитии застроенной территории, связанные с необходимостью переселения граждан из ветхих домов, дальнейшим сносом этих зданий и дорогостоящим строительством на освободившемся месте новостроек. Данные обстоятельства приводят к небольшому количеству претендентов, участвующих в аукционах на получение права по развитию застроенных территорий (а иногда и их отсутствию).

3. Администрация совместно с инвесторами сталкиваются с трудностями при расселении жителей из ветхих и аварийных домов, так как собственники жилых помещений не соглашаются на предлагаемые им условия переселения, в связи с чем процесс развития застроенных территорий продлевается на неопределённый срок;

4. Недостаточная информированность застройщиков о проведении аукционов. Проблема имеет место в связи с тем, что Администрация города несвоевременно и не в полном объёме обнародует информацию по развитию застроенных территорий. Кроме этого существующий срок (один месяц) для подачи заявок на участие в аукционе значительно ограничивает количество участников и вовлечение в данный процесс новых застройщиков. Это происходит в связи с тем, что инвесторы не успевают проанализировать возможные доходы и расходы от участия в аукционе и дальнейшем развитии застроенной территории.

5. Отсутствует общепринятая и законодательно закреплённая прозрачная методика определения первоначальной цены аукциона на право заключить договор о развитии застроенной территории, что ставит под сомнение справедливость оценки цены того или иного участка. Практика показывает, что данная цена формируется эмпирическим путем и полностью соответствует интересам муниципалитета, однако совершенно не учитывает риски инвестора, который не имеет информации о возможности реализации проекта по разработанной им концепции.

1. *Российский статистический ежегодник - 2014 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm (дата обращения 19.09.2015).*
2. *Об утверждении Административного регламента исполнения муниципальной функции «Организация и проведение аукциона на право заключить договор о развитии застроенной территории»: Постановление Администрации г. Екатеринбурга от 25 сентября 2014 г. № 2859 (в ред. от 18 декабря 2015 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Государственная служба в Российской Федерации в течение XX – начала XXI в. прошла масштабную трансформацию, цель, содержание и итоги которой до настоящего времени не осмыслены. Ко времени революции 1917 г. государственная служба Российской империи представляла собой институт, основанный на принципах профессионализма, иерархии, кастовости, служения государю и отечеству, но в то же характеризующийся такими качествами, как закрытость, патернализм, родственность и приоритет неформальных норм. Работники государственных органов воспринимали себя как элитарную касту, они противостояли враждебному внешнему окружению, а потому вынужденно ограничивали доступ к государственной службе «чужакам», они стали не просто профессиональной прослойкой, но настоящим сословием, занимавшим место отсутствовавшего в государстве среднего класса [1, 47]. Подобное поведение способствовало сохранению сложившихся ценностей и норм, практически все начинания правительства, которые должны были ограничить интересы этого слоя российского общества, погрязали в рутине, а то и просто игнорировались. Российский чиновник стал предметом насмешек и отрицательным литературным героем, и в то же время это была одна из наиболее влиятельных сил в обществе.

Революция кардинально изменила как статус государственного служащего в обществе, так и смысл понятия «государственная служба». Еще во время гражданской войны началось формирование государственных органов РСФСР, и в 1924 году сложилась более или менее стройная система народных комиссариатов, разделенных по функциям. Началось становление социалистического государства, которое не признавало государственной службы, на место которой становилась партийная номенклатурная элита [2, 47]. Произошло сращивание партийных и государственных органов; служащие, обязанные обеспечивать исполнение целей государства, были полностью выведены из-под контроля общества.

После распада советской системы государственного управления, сопровождавшейся масштабным социокультурным кризисом, статус государственной службы существенно изменился, но ее институциональные нормы остались прежними. Построение нового демократического государственного аппарата осуществлялось без целенаправленного руководства, стихийно. Основная задача заключалась сначала в изменении экономической политики, а затем в решении насущных социальных проблем. В процессе демократических реформ началось осмысление роли государственной службы как основного субъекта государственного управления. В ст. 7 Конституции Российской Федерации было провозглашено, что она представляет собой «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Это выдвинуло новые требования к государственной службе, что усугублялось делегитимизацией советской государственной структуры. Повторялась ситуация после революции 1917 г. – работники, имеющие опыт государственного управления, стали нелегитимными, но полностью заменить их было невозможно, в результате нормы и ценности государственной службы как социального института сохранились.

Административная реформа, целью которой являлась управляемая трансформация ценностной структуры государственной службы, началась в 2003 г. Результатом первого этапа административной реформы стало омоложение кадрового состава государственной службы и повышение образовательного уровня чиновников, что позволило говорить о повышении трудового потенциала органов исполнительной власти. Однако последующее реформирование, строившееся на основе практики «нового государственного менеджмента», а также ее модификация, получившая название «активизирующего государства» не были столь успешны [3, 181-183].

Суть трансформации заключалась в формировании системы управления государственной службой на основе принципов повышения экономической эффективности и результативности, основной целью чиновников должно было стать удовлетворение потребностей граждан посредством внедрения системы «государственных услуг». Для оценки эффективности разрабатываемой системы планировалось привлечение субъектов гражданского общества для мониторинга и контроля оказания государственных услуг, а также внедрение методов аутсорсинга для снижения административных барьеров. Но на практике усиление формализации управленческого процесса – многочисленные инструкции, регламенты и информативные письма, полностью ограничивающие инициативу на низших уровнях государственной службы – фактически исключило человеческий фактор из процесса принятия решений чиновниками низшего уровня. В качестве компенсации за лишение властных полномочий им было предоставлено право безответственности: следуя инструкциям они полностью ограничены от преследования за ошибку, взыскание обращается на того, кто разработал эти инструкции. В результате, несмотря на все усиливающиеся санкции и постоянные кампании по реорганизации органов государственной власти, сопровождающиеся увольнениями, а иногда и громкими скандалами, готовность чиновников воспринимать изменения, осталась неудовлетворительной, о чем свидетельствует, в частности, уровень исполнения государственных решений (например, «майских указов» Президента РФ).

Причинами этих затруднений, по нашему мнению, являются следующие:

1. Исследования ценностной структуры государственных служащих отсутствуют;
2. Мотивация государственных служащих производится только на основе материальных стимулов, которые связываются не с результатом их деятельности, а с соблюдением формального процесса;
3. Декларируемые и реальные цели государственной службы разнятся: в соответствии с законом чиновники должны осуществлять государственное управление, а в соответствии с задачами реформы – предоставлять государственные услуги;
4. При взаимодействии с гражданами государственные служащие должны исполнять взаимоисключающие роли – при предоставлении государственных услуг как обслуживающий персонал, а при участии в подготовке нормативных правовых актов как управляющий субъект;
5. Высший уровень чиновничества не является объектом реформирования, что способствует сохранению у них патриархальной бюрократической модели мышления.

Таким образом, трансформация государственной службы как социального института в настоящее время проходит только первый этап – нормы традиционной патерналистской государственной службы в обществе дискредитированы, растет потребность в клиентоориентированной государственной службе, сформирован запрос на институты, которые могли бы обеспечить реальный эффективный контроль ее деятельности. Однако идеология административной реформы встречает противодействие со стороны всех уровней этой системы: высший уровень продолжает разделять ценности централизованного иерархического государства, средний уровень, мотивированный на личные достижения, заинтересован в сохранении патрон-клиентской модели государственной службы как сети, а низший уровень демотивирован из-за чрезмерной регламентации своей деятельности, сопровождающейся уменьшением объема властных полномочий и возможностей проявления инициативы.

Исследование мотивации государственных служащих показывает, что в Республике Саха (Якутия) большинство чиновников разделяют ценности традиционной рациональной бюрократии. Они полагают, что их основной задачей является выполнение функций государства, себя относят к аппаратным работникам, в работе ориентируются на инструкции и указания руководства, то есть им свойственна формализация и бюрократизм. Ожидания государственных служащих связаны в основном со

стабильностью трудоустройства и карьерными перспективами, материальное благосостояние их устраивает. Основными демотиваторами выступают высокий уровень стресса и напряженность работы, а также отсутствие возможности самореализации. Молодые работники, недавно пришедшие в систему государственной службы, более склонны к принятию новых ценностей, но в течение 5 лет работы испытывают разочарование и принимают общепринятые установки.

Успешность дальнейшей трансформации государственной службы будет зависеть от ценностно-ориентированного целеполагания в этой системе, легитимации новых образцов поведения и закреплении тех чиновников, которые разделяют нормы социального государства и их успешного продвижения до среднего уровня. Однако для этого нужно исключить двойственность в законодательно закрепленных определениях целей, задач и принципов государственного управления.

1. Крыштановская, О.В. *Анатомия российской элиты* / О.В. Крыштановская. – М.: Захаров, 2004. – 381 с.
2. Джавланов, О.Т. *Номенклатура: эволюция отбора (историко-политологический анализ)* / О.Т. Джавланов, В.А. Михеев. - М.: Луч, 1993. - 138 с.
3. *Публичные ценности и государственное управление* / под ред. Л. В. Сморгунова, А. В. Волковой. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 398 с.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Васильева О.В. (Санкт-Петербург)

Особенности организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге позволяют сформулировать ряд принципов его организации, учитывающих специфику организации городского хозяйства и жизнедеятельности населения города.

При этом муниципальные органы управления должны стремиться к обеспечению услуг, которые отвечали бы требованиям потребителей (населения). Способность муниципальных организаций обеспечивать услуги, которые полностью отвечали бы требованиям потребителей, означает их способность обеспечивать услуги высокого качества... Необходима организации четкого и постоянного взаимодействия общегородских и муниципальных органов.

Развитие муниципального хозяйства, как любая деятельность, должно опираться на наличие вполне определенных ресурсов. Традиционно ресурсами считается некая совокупность возможностей той или иной территории применительно к хозяйственным отношениям. Под ресурсами, как правило, понимаются материальные и нематериальные показатели территории, которые могут быть использованы в хозяйственной деятельности.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СИСТЕМУ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Волчкова Л.Т. (Санкт-Петербург)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СИСТЕМУ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Современное Российское общество переживает кризис трансформации, перехода из иррационального в рациональное, способное к добрососедским партнерским взаимоотношениям в международных взаимодействиях в рамках международного правового по-

рядка. Российское общество – на пути к успешному обществу. Ставится задача выхода на такой уровень экономического и социального развития, который бы соответствовал статусу России как ведущей мировой державы, граждане которой гордятся за свою страну, своим трудом делают вклад в успехи социально-экономического развития. Ключевым условием успеха выхода на передовые позиции является повышение качества системы государственного муниципального управления.

Успешное общество во многом определяется качеством его государственного муниципального управления. Под качеством государственного муниципального управления мы понимаем интегральную характеристику управленческой деятельности и ее результатов - принятие и реализацию управленческих решений, способность государственных органов, властных структур на муниципальном уровне организовывать упорядочивать взаимодействия субъектов управленческих практик. Современная практика государственного муниципального управления подвергается острой критике ввиду его низкой способности управлять, упрощенного понимания процесса управления, отсюда низкая эффективность, немобильность, неспособность к новациям, подмена реальной управленческой деятельности, принятия управленческих решений некими мероприятиями типа улучшить, повысить качество. Нужно учиться государственному муниципальному управлению и вообще управлению.

Научное осмысление теоретических подходов к исследованию государственного управления позволяет нам определить его, с одной стороны как субъектно-объектное воздействие, а именно как целерациональное, ценностноориентированное воздействие субъекта, обладающего властными полномочиями - органа-представителя власти на расширенное социальное производство для проведения в жизнь государственное политики. С другой стороны, или в то же время государственное управление можно определить как механизм своеобразной саморегуляции, т.е. как субъектно-субъектное взаимодействие и отношение, подчиняющее взаимодействия между акторами управленческих практик сложившимся при данном уровне культурного, социально-экономического развития ценностям, общественно признанным нормам и практикам. Публичное управление, как мы отмечали, в предыдущих наших публикациях - это этап в развитии науки о государственном управлении, на котором проводится в жизнь его социальная ориентация. Публичное управление выкристаллизовывается из государственного муниципального управления как результат его трансформации, Трансформация – это сложный социальный процесс, преобразования уже сложившихся ценностей, норм, правил и управленческих практик. Для этого нужна политическая воля властных структур на всех уровнях ее иерархии, нужны общественная рекламация, провозглашение, заявление о трансформации государственного управления в публичное управление как систему социальных взаимодействий. В этом призваны сыграть главную роль средства массовой информации, печать, телевидение. Это должно прозвучать из уст политических лидеров главных управленцев, президента, главы правительства, лидеров конкурирующих партий и общественных движений.

Государственное управление, по В.Вильсону, родоначальника теории государственного управления, – это правительство в действии, продолжим во взаимодействии с другими участниками управления общественными делами В.Вильсон, пишет о необходимости четко выверенных политических стандартов. На наш взгляд, эти политические стандарты в качестве норм выступают регуляторами социальных взаимодействий. Идея совестливости государственного аппарата, по В. Вильсону, видеть каждый день то новое, что должен сделать государственный аппарат, а может он это сделать, на наш взгляд, во взаимодействии с акторами ассоциированного субъекта публичного управления.

Итак, публичное управление – это не централизованное не единоличное, некулаурное управление, не иерархичное, субординированное управление. Это система социальных взаимодействий, формирующая современную управленческую практику.

Такая трактовка публичного управления и его понимания нова, при ее осознании возникает масса вопросов между кем возникают взаимодействия, кто их инициирует и по поводу чего складываются взаимодействия, каков их характер? К такой трактовке публичного управления привело нас осознание авторской концепции корпоративного управления как системы социальных взаимодействий Челенковой И.Ю., аспирантки кафедры социального управления и планирования, которая успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Корпоративное управление как система социальных взаимодействий» (см. автореферат дис. на соискание уч.ст. к.соц.н. СПб 2014. С.12-13).

Как субъектнообъектное отношение с точки зрения социологии управления, изучающей социальные предпосылки, социальное содержание и социальные результаты управленческой деятельности публичное управление – это, с одной стороны, воздействие ассоциированного субъекта как сложного собирательного субъекта, который включает в себя взаимодействия между профессиональными чиновниками и гражданами как представителями конкурирующих партий, экологических движений и общественных некоммерческих организаций, на важнейшие стороны социального воспроизводства для достижения общих целей и решения общественно значимых проблем. Поскольку ассоциированный субъект публичного управления представлен различными акторами, агентами. Публичное управление можно трактовать как систему социальных взаимодействий. Для углубленного понимания что значит публичное управление – система социальных взаимодействий остановимся на социологической трактовке действия и системы социальных взаимодействий, представленной классиками социологии М.Вебером, Т.Парсонсом, П.Сорокиным, Ю.Хабермасом.

Главное в социологической трактовке социального действия, по М.Веберу, его осмысленность, наличие субъективного смысла и ориентация на других. Предлагая типологию социального действия, Вебер вводит понятие ценности. В социальном действии Вебер предполагает рационализацию, т.е. определенный расчет и ориентацию на ценности, что служит основанием для управления.

Т.Парсонс вводит понятие система действия как структурированный набор единичных актов. В системе социальных взаимодействий, по мысли Парсонса, агенты, субъекты стремятся к максимальному удовлетворению, своих потребностей, реализации своих социальных ожиданий. Социальное действие как единичный акт отдельного агента характеризуется Парсонсом состоянием напряженности между нормативными элементами и элементами условий. В соответствии с теорией Парсонса социальные взаимодействия субъектов и участников публичного управления осуществляются исходя из занимаемых ими социальных позиций, исходя из ценностей, носителями которых они являются. Социальные взаимодействия осуществляются под воздействием социальных ожиданий, которые формируются социальным статусом, социальной позицией агента, актора, субъекта взаимодействий. Различные социальные статусы, социальное положение ведут к противоречиям в интересах субъектов социальных взаимодействий. Возникает необходимость восстановить связанность социальной сферы как системы социальных отношений. Система социальных взаимодействий, это, по мысли Парсонса, структурированный набор единичных актов, это обмен единичными актами, складывающимися в систему как модель организации элементов действия, соответствующих последовательности или упорядоченному набору социальных изменений. Система взаимодействий включает в себя отдельных акторов с их социальной позицией, ролью, которую они играют во взаимодействии, с их целями, а также социальную ситуацию, представленную средствами и условиями, нормами и ценностями, в соответствии с которыми формируются цели и социальные ожидания.

Согласно воззрениям П.Сорокина социальные взаимодействия обладают психическим характером, значит, характер взаимодействий зависит от психических типов индивидуальных агентов, акторов, что следует, на наш взгляд учитывать в трактовке публич-

ного управления как системы социальных взаимодействий. По мысли Сорокина, практическая социология изучает взаимодействия с точки зрения должного, а значит должна давать рецепты для улучшения социальной реальности.

По логике П.Сорокина, индивидам, вступающим во взаимодействия присущи свои потребности, переживания, они способны реагировать на стимулы, обладают собственной мотивацией. Поэтому взаимодействия могут быть однонаправленными, солидарными характеризоваться общностью в потребностях, интересах и ценностях, иметь характер кооперации. Вместе с тем социальные взаимодействия как содержательная характеристика публичного управления могут иметь разнонаправленный, конкурентный характер, и это связано с разным отношением к власти, к собственности на общественные ресурсы, характер состязательности, даже враждебности.

Ю.Хабермас в своем классическом труде «Теория коммуникативного действия» вводит понятие «жизненного мира». Жизненный мир индивида становится основой жизненного опыта. Для Хабермаса рациональным является всякое действие, относительно которого каждый участник может выдвинуть рационально оправданные суждения. Стратегическое действие рационально в той мере, в какой субъект выбирает наиболее эффективные средства достижения желаемого. При нормативном действии цель взаимодействия подчинение своего действия разделяемым другими участниками интеракции ценностям и нормам, а это сущностная характеристика публичного управления – добиться поставленных желаемых общенациональных целей, используя труд, интеллект людей, взаимодополняющих друг друга, базируясь на их потребностях, интересах и ценностях. По логике Хабермаса, нормативное действие рационально настолько, насколько оно соответствует общепринятым стандартам поведения. Этим нормативным действиям соответствует такая ситуация, при которой наличные стандарты поведения развивают общие интересы у участвующих.

Коммуникативное действие, по Хабермасу, направлено на сообщение соглашения участников для достижения совместных результатов в определенной ситуации. Хабермас указал, что социальный прогресс связан с развитием познавательных способностей индивидов. Поэтому развитие познавательных способностей участников социальных взаимодействий архиважно для выработки общезначимых, общенародных национальных целей и продуктивных способов их достижения. Итак, опираясь на рассуждения на типологию социальных действий Хабермаса, мы можем заключить: лица, действующие стратегически, могут заставлять других, способствовать достижению своих целей, используя силу, власть, деньги и другие манипуляции. И это важно для понимания публичного управления как системы социальных взаимодействий.

Обобщая вышеизложенное, опираясь на теоретические положения системы социальных взаимодействий, мы можем сформулировать еще одно определение публичного управления, подчеркивая этим, что оно, публичное управление – сложный социальный феномен, и его нельзя определить одной дефиницией.

И так, публичное управление – это императивно координированная система социальных взаимодействий государственных чиновников как представителей власти и организованных групп граждан, образующих гражданское общество, это отношения управления, связывающее противоположные группы людей, обладающих властью, наделенные правом распоряжаться национальными ресурсами, умеющие договариваться при формировании национальных целей и способов их достижения. Этому нужно учиться, и эту функцию обучения призваны восполнять социальные науки, прежде всего социология.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время развитие технологического подхода в практике социального управления связано с расширением масштабов использования социальных технологий и провозглашаемой необходимостью повышения их эффективности. Социальные технологии сегодня – это и динамично развивающаяся отрасль знаний, и выделенная область социальной практики. Социальные технологии как инструмент социального управления способствуют целенаправленному воздействию на социальные системы (институты, организации) и процессы их развития. Актуальным направлением становится разработка и практическое внедрение принципов регулирования социальных взаимодействий и процессов, технологизации (например, в области промышленного производства, массового потребления, образования и т.д.) широкого спектра социальных структур и отношений, а также учет их возможных социальных последствий, многопрофильный контроль над общественными преобразованиями. Социальные технологии выступают связующим звеном между социологической теорией и социальной практикой, обеспечивая более эффективное воздействие субъектов управления (государственных институтов, крупных корпоративных игроков) на управляемый социальный «объект» (те или иные социальные структуры, процессы, организации, практики и социальные группы).

Как правило, основными характеристиками социальных технологий как способов упорядочивания социальных взаимодействий и процессов называют их рационализацию, стандартизацию, функциональную расчлененность и оптимальную координацию действий, воспроизводимость, легитимацию через апелляцию к науке. Технологизация социальных практик – это сложный исторический процесс, вехами которого были, например, рождение социальной медицины как формы социального управления, политическая кодификация национальных языков и административное упорядочивание национальных территорий, введение социального страхования и всеобщего среднего образования, фордистская революция промышленного производства, тейлоризм, современные изощренные маркетинговые стратегии и политические технологии. Самой социологии есть, что сказать об этих процессах (ср. теорию идеальной бюрократии Макса Вебера, концепции дисциплинарного порядка и биовласти Мишеля Фуко или социологию модернизации и государственных техник управления Джеймса Скотта).

Но нельзя не указать на ограниченность технологизации социального мира, что проявляется в ограничении рационализации как технологически организованного проекта (ограничения информации, отказ от работы с альтернативными стратегиями, дефицит времени и т.д.), о чем говорит опыт краха многих модернизационных проектов. Это и не принятие во внимание локальных социальных условий и культурной среды реализации различных социальных проектов; множество побочных эффектов технологизации; проблема стандартизации, которая по определению не работает с различиями, стремясь их устранить. Так как объектом социальных технологий являются люди, мы не можем говорить о полной предсказуемости результата технологизации, потому что невозможно окончательно спрогнозировать поведение людей. Социальные технологии не могут быть в точности воспроизведены в любое время в любом месте в заданных условиях. При этом сам объект применения социальных технологий не является пассивным и результат технологизации будет зависеть от поведения социального объекта.

Глобализация и интернационализация бизнеса радикально умножают количество объектов управленческих технологий, т.е. то, чем нужно управлять и с чем управление вынуждено соотноситься, на что нацелено управление и чем оно контекстуализируется. Связь управления и культуры двоякая: 1) культурные «объекты», характеристики, «свойства» являются точками приложения управленческих технологий, манипуляций; 2) культурные порядки являются неустранимым контекстом технологий управления.

На уровне технологий управления это ставит вопрос о различных, говоря словами Б.Латура, сборках, которые должны содержать и координировать разнородные компоненты (в том числе, и так называемые «культурные»), делающие возможным само существование организаций. Ведение бизнеса предполагает на управленческом уровне работу с неоднородными элементами, сводимыми (по крайней мере, в идеале) в единые системы, где сама неоднородность (социальная, историческая, культурная) является одной из основных управленческих проблем, требующих разработки и применения порой весьма нетривиальных управленческих технологий. Это управление представлениями и верованиями (например, техники формирования лояльности), управление карьерными траекториями, управление организацией пространства и времени (организация рабочего места, временных регламентов, регламентов перемещений, нормирования рабочего дня) и др.

Практика показывает, что те технологии управления корпорациями, которые демонстрируют свою эффективность в одних странах, становятся абсолютно бесполезными в других. Система мотивации персонала, стили принятия управленческих решений, практика управления, корпоративная культура не могут не учитывать национальную специфику организации. Так, с точки зрения параметров деловой культуры, американские организации отличаются рядом характеристик: универсализм (четкое исполнение правил, соблюдение законов, равенство перед законом), индивидуализм, низкая дистанция власти, ориентация на достижения (акцент на личный вклад), внутренняя управляемость (интернальность, привычка рассчитывать на себя и отвечать за решения), низкое избегание неопределенности, низкоконтекстность, моноактивность (по Р. Льюису). В то время как японским организациям свойственен партикуляризм (особое внимание к связям, личным отношениям, различные правила для своих и чужих, обстоятельства и ситуация диктуют правила), коллективизм, высокая дистанция власти, аскриптивность, внешняя управляемость, высокое избегание неопределенности, высококонтекстность, реактивность. Японские клановые организации всегда отличались сплоченностью, «чувством мы», лояльностью, особым вниманием к человеческому фактору, выстраиванию неформальных связей и отношений. Американские компании культивируют жесткую рыночную корпоративную культуру, стимулируют внутреннюю конкуренцию, атомизацию сотрудников, делают акцент на индивидуальные успехи, решения и межорганизационную карьеру. Разрабатывая управленческие технологии формирования лояльности и вовлеченности, способы мотивации персонала и др. данный социокультурный контекст нельзя игнорировать.

Если говорить о специфике российской модели управления, можно отметить двойственность системы ценностей. Двойственность связана, прежде всего, с тем, что Россия – евразийская страна, которая занимает пограничное положение между Европой и Азией, Западом и Востоком. Несмотря на промежуточное положение России между западной и восточной цивилизациями, она по ряду параметров чуть ближе к восточной (хотя идеологически мы чаще слышим о необходимости заимствования западных ценностей и моделей). Российской деловой культуре свойственен партикуляризм, высокая дистанция власти, тяготение к коллективизму, высокое избегание неопределенности, внешняя управляемость, высококонтекстность, полиактивность (не ярко выраженная) и т.д. Эксперты, анализируя российскую деловую культуру, отмечают также силу неформальных отношений в бизнесе, необходимость «дружить» с властью, привычку к аврамам, высокую адаптацию и быстроту реакции на изменения внешней среды, наличие взаимовыручки и круговой поруки и др. Все это в целом создает социокультурный контекст для выстраивания эффективных тактик и технологий управления.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ

Гилязова О.С. (Екатеринбург)

За последнее время Свердловская область в рамках развития местного самоуправления пережила много перипетий. Все дело в том, что согласно п. 1 ст. 130 Конституции РФ «местное самоуправление Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью» [1].

Но за последние пять лет в связи с изменениями в Федеральном законе РФ от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], а именно в ст. 36 «Глава муниципального образования» данного закона, где были предусмотрены новые формы волеизъявления населения муниципальных образований по вопросу выбора высшего должностного лица МО, получилось так, что население городских и муниципальных округов почувствовало свою отстраненность от участия в местном самоуправлении. Введение в ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ дополнений, регламентирующих, что глава муниципального образования может быть избран представительным органом МО из его состава, а глава администрации назначается по конкурсу послужило первым и основным катализатором.

Необходимо уточнить, что в мае 2014 года были внесены изменения о порядке формирования конкурсной комиссии, выбирающей нового главу администрации. Если до этого 2/3 состава комиссии формировалось из числа местного представительного органа, то с мая 2014 года 50% конкурсной комиссии формируется высшими должностным лицом субъекта РФ, что способствовало заметному обесцениванию самой процедуры конкурсного отбора т.н. «хозяйственника» МО (все дело в том, что согласно Федеральному закону № 131-ФЗ в круг вопросов местного значения, решение по которым может принимать глава администрации МО, фактически входят только хозяйственные вопросы, но вместе с тем именно глава администрации МО является главным распорядителем всех бюджетных поручений, ответственным лицом по наполнению и расходованию бюджета). Все это приводит к тому, что именно главам администрации МО население и предъявляет наибольшее количество замечаний и претензий по решению вопросов местного значения (уборка улиц, освещение, обеспечение водо-, теплоснабжения и т.п.). Вместе с тем само население даже через своих представителей (депутатов) фактически не может повлиять на выбор главы администрации.

Еще больше эта ситуация усугубилась в 2015 году, когда была введена т.н. «пятая» или «советская» система, при которой глава городского округа одновременно является главой администрации ГО (МО) и не проходит через сито муниципальных выборов, а только – формальную комиссию и последующее, не менее формальное, утверждение представительным органом МО.

В Свердловской области в некоторых МО И ГО сложилась ситуация, позволяющая населению предъявлять вполне обоснованные претензии на счет того, что они отстранены от участия в местном самоуправлении. Все дело в том, что на данный момент губернатор Свердловской области, высшее должное лицо субъекта РФ, не прошел сквозь сито прямых выборов населением, а просто был предложен Президентом РФ и прошел процедуру утверждения Заксо СО. Развитие современной нормативно-правовой базы показывает, что высшие должностные лица субъекта РФ должны получить прямую поддержку через голосование со стороны населения субъекта (отмена назначений губернаторов, прямые конкурентоспособные выборы осенью 2015 года). В Свердловской области ничего подобного не произошло. Однако в 2014 году, когда появился т.н. институт «сити-

менеджерства», губернатором Свердловской области были предприняты активные попытки по распространению данной новой практики на большинство муниципалитетов Свердловской области. При этом не учитывалось мнение населения, озвученное в процессе общественных слушаний (г.Екатеринбург, г.Асбест, г.Артемовский и т.д.). Очень многие МО и ГО перешли на систему, при которой высшее должное лицо МО избирается представительным органом из своего состава, а глава администрации фактически назначается администрацией губернатора; благодаря этому из избирательной практики данных МО исчезли прямые выборы первых лиц МО. Когда в 2015 году появилась система, при которой и глава МО, и глава администрации МО фактически назначаются администрацией губернатора, то все предыдущие «достижения» по внедрению института сити-менеджерства были нивелированы и, начиная с лета 2015 года местные представительные органы, по сути, заставляют переходить на новую, т.н. «советскую» систему организации муниципального управления.

И если при внедрении института сити-менеджеров соблюдалась хоть какая-то видимость участия населения в выборе способов местного самоуправления, то сейчас администрация губернатора и Заксо СО реально присвоили себе императивное право определять вид организации местного самоуправления. Достаточно привести один пример: в августе 2015 года Дума Асбестовского ГО решила обратиться в Законодательное собрание с письмом-обращением о внесении изменений в Областной закон Свердловской области от 10 октября 2014 г. № 85-ОЗ «Об избрании органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области», причем во время прямой официальной трансляции было заявлено, что данное обращение делается в рамках консультации, однако 6 октября сего года Законодательное собрание расценило данное обращение в качестве официальной просьбы внести изменения в данный Областной закон и ввести т.н. «советскую» систему. Действующие положения Федерального закона № 131-ФЗ прямо предусматривают, что после внесения изменений в закон субъекта РФ, Устав соответствующего МО подлежит введению в соответствие с данным законом. Вместе с тем Федеральный закон № 131-ФЗ устанавливает, что подобного рода изменения в Устав МО возможны только после проведения публичных слушаний. В данном случае публичные слушания назначены не были, однако обязанность внесения изменений в Устав МО возникла. Тем самым значение и роль института публичных слушаний, предусмотренных законом о местном самоуправлении, девальвируются. В подобного рода ситуациях только этой осенью оказались 16 МО Свердловской области (это только во время первых заседаний Заксо СО после летних каникул).

На данного рода положение обратили внимание и эксперты Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ, подготовившие ответ по запросу судьи Конституционного суда Николая Бондаря. По мнению экспертов, «увеличение числа вариантов формирования органов МСУ должно было привести к гибкой законодательной регламентации этой сферы с учетом местных традиций и особенностей, но вместо этого появились одинаковые безальтернативные правила, направленные обычно на ограничение прямых выборов. Это приводит к колебанию конституционной сущности МСУ...» [3]. Они поясняют, что «императивное право региональных заксобраний устанавливать схему избрания первых лиц муниципалитетов нарушает избирательные права рядовых граждан. К процедуре выборов мэра конкурсной комиссией нужно установить ограничительные критерии, поскольку это лишает население избирательного права» [3].

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) / [Электр

2. *Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями на 29 июня 2015 года) (редакция, действующая с 15 сентября 2015 года) / [Электронный ресурс] // ЗАО «Кодекс». Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901876063>, свободный.*
3. *Правительственные эксперты осудили практику насильственной отмены выборов мэров / [Электронный ресурс. Дата публикации: 09.10.15] //© РИА «Новый День – Новый Регион». Режим доступа: <http://urfo.org/ekb/545866.html>, свободный*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ Д

Госсельбах Л.Н. (Орел)

Социальное назначение органов внутренних дел Российской Федерации вытекает из положений статьи 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» закрепившей, что полиция, как составная часть системы ОВД, предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности [1].

Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств. Оказывает содействие государственным, муниципальным органам, общественным объединениям, организациям, должностным лицам этих органов и организаций в защите их прав.

Реализация поставленных перед ОВД задач находится в прямой зависимости от профессионализма, уровня правовой культуры, культуры управленческих решений, личностных морально-психологических, коммуникативных качеств и деловых способностей каждого сотрудника, проходящего службу.

Эффективная работа ОВД это базовое условие социального доверия. Формированию отношений сотрудничества должностных лиц органов внутренних дел с населением способствуют оперативность, доступность и качество выполнения возложенных на ОВД задач.

Образ результативно действующих органов внутренних дел складывается из стабильных показателей оперативно-служебной деятельности характеризующихся защищенностью граждан от противоправных деяний

высоким уровнем общественной безопасности и правопорядка в государстве в целом.

Оценка и удовлетворенности обществом работы органов правопорядка заслуживает особого внимания, так как является одной из ключевых целей, на которые направлено реформирование всего МВД России [3].

Среди основных способов контроля над работой органов внутренних дел следует считать общественное мнение. Контроль над деятельностью органов внутренних дел предполагает подотчетность обществу, способную искоренить избыток власти, создающий предпосылки для злоупотребления служебным положением. «Народный контроль» позволит получить достоверную информацию о деятельности органов внутренних дел, обеспечит открытость ее перед гражданами, создаст условия для укрепления партнерских отношений.

В этой связи оправдано предложение Н.В. Егорышевой о проведении «социального аудита органов внутренних дел» что позволит:

во-первых, обеспечить возможность гражданского общества и его институтов влиять на государственную деятельность включая, правоохранительную.

во-вторых, привлечь общественность через институты гражданского общества и непосредственно через органы внутренних дел к обеспечению правопорядка и профилактике преступности, что выведет это взаимодействие на уровень социального партнерства, которое предполагает не только уважение и поддержку друг друга, но и взаимный контроль;

в-третьих, будет способствовать избавлению от тех негативных явлений, которые в ходе рыночных реформ поразили эти органы внутренних дел и которые, к сожалению, продолжают проявляться, несмотря на усилия по их преодолению. В этой связи меры внешнего контроля, должны сыграть свою положительную роль в преодолении пороков, свойственных сегодня реформируемым органам внутренних дел [2].

Опросы общественного мнения последних полутора лет проводимые Левада-центр совместно с Фондом «Общественный вердикт» о деятельности правоохранительных ведомств Российской Федерации показали, что, несмотря на резко возросшее доверие населения ко всем государственным структурам полиция осталась на последнем месте. Поскольку органы внутренних дел являются наиболее близкими к повседневной жизни россиян, оценка их деятельности больше связана с реально происходящими изменениями в сфере охраны общественного порядка и состояния общественной безопасности.

Адекватное и своевременное реагирование должностными лицами органов внутренних дел на критические замечания и рациональные предложения, высказываемые представителями гражданского общества в связи с их деятельностью, поспособствует своевременному устранению ошибок и недостатков, предупреждению их нежелательных последствий, укрепят служебную дисциплину и законность среди лиц, проходящих службу. Объективный общественный контроль в конечном итоге, создаст условия для плодотворного сотрудничества с населением, результатом которого станет формирование позитивного отношения граждан к органам внутренних дел.

1. *Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, N 7, ст. 900.*
2. *Егорышева Н.В. О практике социального аудита органов полиции // Вестник ВЭГУ №5 (61) 2012. С. 34-39.*
3. *Горшенева И.А. Полиция в механизме современного демократического государства. - М., 2004. С.27-31*

КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Грошев И.Л. (Тюмень)

Подавляющее большинство мероприятий, связанных с противодействием коррупции в системе управления, направлены на совершенствование существующих государственных механизмов, находящихся под полным патронажем субъектов управления (чиновников). Попытки рассмотрения и разработки альтернативных вариантов, к сожалению, не воспринимаются всерьез и чаще всего оказываются нежизнеспособными, усугубляя при этом управленческий кризис.

Эффективность государственного управления (governance) на международном уровне, согласно методике Всемирного банка, включает в себя оценку деятельности институтов и традиций, на основе которых в стране осуществляется власть. Сюда можно отнести процесс, посредством которого выбираются правительства, мониторинг его деятельности и способы ротации кадров; способность правительства эффективно разрабатывать и осуществлять разумную политику; уважение граждан к государству и к институтам, которые регулируют экономические и социальные взаимодействия между

ними. Показатели эффективности государственного управления (WGI) позволяют обобщить ряд совокупных и индивидуальных показателей для 215 стран за период 1996-2012, по шести аспектам: 1) право голоса и подотчетность, 2) политическая стабильность и отсутствие насилия, 3) эффективность работы правительства, 4) качество регулирования, 5) верховенство закона, 6) борьба с коррупцией [1].

Согласно методике Всемирного банка, индекс «Борьба с коррупцией» показывает, в какой степени государственная власть используется в целях получения личной выгоды. Учитываются, в том числе, мелкие и крупные формы коррупции, а также «захват» государства элитой и частными интересами. Основывается на данных, полученных из двадцати одного источника, призванных показать в какой степени коррупция влияет на политику, насколько коррупция распространена в бизнес-среде и других сферах общества, количество и объем неофициальных платежей со стороны бизнеса в различные инстанции, какие антикоррупционные меры принимаются [2]. В российской практике представляют интерес исследования Фонда ИНДЕМ, осуществляемые под руководством Г. Сатарова [3]. Но в целом изучение коррупции в подобном масштабе не осуществляются. Имеются единичные практики исследования бытовой коррупции в рамках инициативных проектов, но не более того.

В системе российского государственного управления борьба с коррупцией, имеет циклический характер. Получаемый выборочный эффект в конечном счете не решает проблему, но порождает своеобразную «волну», прокатившуюся по всей социальной системе и дающую прямо противоположный результат. Публично разрекламированные примеры поимки с поличным взяточников самых высоких уровней не имеют воспитательного эффекта, но создают опасный прецедент безнаказанности в сознании индивида. Иначе как можно объяснить, что за период с 01 сентября 2014 года по 31 августа 2015 года, средний размер взятки в России увеличился по сравнению с предыдущим периодом на 40,7% и составил 613 000 рублей или 9 440 долларов США (за прошлый отчетный период средний размер взятки составлял 218 400 рублей или 5600 долларов США). Специалисты отмечают рост коррупционного оборота впервые с 2012 года: в 2012 году 52,6% ВВП, за отчетный период 2013-2014 гг. – 46% ВВП находились в коррупционной тени, за 2014-2015 гг. – 54% ВВП [4, с. 43].

Отсутствие страха наказания приводит к тому, что федеральные и региональные чиновники не только активно участвуют в коррупционных сделках, но и создают коррупционные механизмы, практически в открытую популяризирующие их, вовлекающие в эти процессы такое количество участников, что априори предполагает встраивание в описываемые механизмы те самые свойства, без которых социальная система теряет равновесие и, соответственно, становится нежизнеспособна. Очевидно, что применяемая тактика противодействия коррупции на современном этапе общественного развития, не достигает и объективно не может достичь поставленных перед исполнителями задач, но увеличивает вероятность их вовлечения в коррумпированную деятельность. Попытки же надстраивать структуру контролирующих органов, делает сам аппарат настолько громоздким и затратным, что получаемые промежуточные результаты оказываются существенно ниже в сравнении со стоимостью производимых работ. Это, пожалуй, главная проблема – проблема неэффективности контроля. Специалисты Всероссийской Антикоррупционной Общественной Приемной ЧИСТЫЕ РУКИ получили за период с 01 сентября 2014 года по 31 августа 2015 года 10 220 обращений с жалобами на коррупцию (за прошлый период – 9925), отмечая при этом, что ситуация с коррупцией в судах и полиции по сравнению с прошлым отчетным периодом не изменилась, они также занимают первое и второе места соответственно. Однако за настоящий период количество жалоб на коррупцию в судах существенно выросло: если за прошлый отчетный период жалобы составили 28,5%, и это было самым низким показателем по сравнению с предыдущими периодами, за настоящий период их количество стало

рекордно высоким – 61,25% [4, с. 4]. Коррупционные схемы в полиции остались без изменений, участились случаи вымогательства взяток с нелегальных мигрантов.

В ходе анализа имеющихся антикоррупционных программ, инициированных властью, автор статьи считает возможным выделить следующие положения, свидетельствующие о кризисе в системе государственного управления в области борьбы с коррупцией:

1) упорное стремление облачить процесс противодействия коррупции в правовые формы, регламентирующие факт события, величину ущерба и соответствующую величину наказания;

2) безусловное апеллирование к страху перед наказанием лиц, признанных судом виновными в коррупционной деятельности при существующем правовом неравенстве различных слоев российского общества;

3) отсутствие конкретных показателей – критериев эффективности разрабатываемых программ, вследствие чего нет возможности оценки их «работоспособности» на начальной стадии проекта;

4) изначальное отстранение общественности от участия в определении степени вины и величины ущерба, наносимого коррупционными действиями высших должностных лиц, что формирует предпосылки для отторжения общественного мнения и мнения правосудия, находящегося в руках правящего класса;

5) отсутствие ясной для понимания и прозрачной для оценки стратегии противодействия, т.е. создание некой совокупности условий, при которых коррупция потеряет свою практическую ценность;

6) превращение «борьбы с коррупцией» в самостоятельный раздел политической и экономической деятельности органов государственного управления с выделением специализированных подразделений, служб, отделов и т.д., что воплощается в виде: а) отчетов о проделанной работе; б) демонстраций фиктивных успехов на конкретных примерах (дело «Оборонсервиса»); в) прямой фальсификации статистических и социологических данных и др.

Основополагающим принципом оценки эффективности государственного управления является наличие «осязаемых индикаторов», которые в рассматриваемой тематике, в текущей ситуации, отсутствуют. По мнению автора статьи, представляется перспективным измерение коррупционного потенциала как показателя реальной динамики социальных процессов.

1. *Worldwide Governance Indicators.* URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp> (дата обращения 01.09.2015)
2. *Worldwide Governance Indicators.* URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/cc.pdf> (дата обращения 10.09.2015 г.)
3. *Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа / Под ред. Г.А. Сатарова.* – Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2013.
4. *Коррупция в России: независимый годовой доклад всероссийской антикоррупционной общественной приемной ЧИСТЫЕ РУКИ. 01 сентября 2014 г. – 31 августа 2015 г.* // Ассоциация Адвокатов России за Права Человека – Москва, 2015. URL: <http://www.rusadvocat.com/node>

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Грошева И.А. (Тюмень)

Отсутствие механизма партнёрского взаимодействия власти и общества, вызванного спецификой российской государственности, формированием патерналистских

установок в течение длительного периода времени привело к тому, что в условиях построения демократического общества возникла необходимость в дополнительном законодательном оформлении общественного (или гражданского) контроля за деятельностью власти. В 2014 году был принят соответствующий Федеральный Закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [1]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в зарубежных странах не имеется подобных законов, регламентирующих гражданский или общественный контроль. Причины такого положения дел кроются в условиях формирования государственного управления.

В мировой общественно-политической практике предпосылки возникновения гражданского контроля за деятельностью субъектов государственного управления сложились на основе философского и политологического наследия и развивались в двух направлениях формирования парламентаризма: англо-американском и континентально-европейском.

В англо-американской модели был признан приоритет свободы, партнёрских отношений государства и гражданского общества при доминировании последнего. В континентально-европейской модели в сфере внимания оказалось формирование правового государства при доминировании государства над индивидом. Проблема сопротивления централизованной власти установлению горизонтальных связей в обществе была решена конституционно-правовым путём, что привело к возникновению парламентского контроля.

В европейских странах появилась система сдержек и противовесов, позволявшая осуществлять взаимный контроль всех ветвей власти, включая и судебную. Этот факт представляет особую важность для построения социологической концепции гражданского контроля. В России фактически президент и Верховный суд выведены за рамки ответственности. В отношении президента практически невозможно применить процедуру импичмента, нет фактической возможности осуществления проверки деятельности судебной системы на уровне парламента, так как она считается независимой. Парламент практически самоустранился от проведения парламентских расследований, а парламентские слушания имеют ритуальный характер. Например, в зарубежной европейской парламентской практике принято публично, т.е. в открытом доступе представлять отчёты о выявленных в правительстве нарушениях и способах их устранения. Отчёт об исполнении бюджета в некоторых странах проверяется двумя независимыми комиссиями с заслушиванием полных отчётов каждой из них.

Спецификой зарубежного законодательства является системное интегрирование гражданского контроля в нормативно-правовую базу и, таким образом, отпадает необходимость в непрерывной корректировке процедур, форм и методов контроля за деятельностью органов власти. Ключевым аспектом выступает многоплановость (широта охвата объектов) контроля, наличие механизма, обеспечивающего гарантии независимости, объективности и непредвзятости лиц, осуществляющих контролирующие функции, а также доступность и оперативность информационного обеспечения деятельности указанных структур. Напротив, российская нормативно-правовая система обречена на регулярное реанимирование контролирующих органов по инициативе тех государственных структур, которые, собственно, и должны быть подвергнуты контролю.

Также следует отметить, что гражданский (парламентский) контроль в зарубежных европейских странах опирается на достаточно высокий профессионализм парламентариев и привлекаемых экспертов, что, в конечном счёте, позволяет им решать не только текущие, но и стратегические задачи. Это позволяет повысить доверие со стороны гражданского общества и, таким образом, осуществляется естественное согласование интересов власти, общества и организаций, осуществляющих гражданский контроль.

Например, с 1995 г. в Швеции получил широкое распространение социальный аудит. Дважды важнейшими требованиями к нему выступают: опора на солидные научные исследования, эмпирическую базу и доступность результатов социального аудита

широкой общественности. В исследовательский коллектив должны входить юристы, политологи, социологи, экономисты. Причём шведская организация «Центр экономических и политических исследований» (SNS) может приглашать для объективности учёных из других стран: Норвегии, Финляндии, Дании и др. [2, с. 37-38]. Через научные фонды осуществляется финансирование таких исследований. В Конституции Швейцарии есть норма, устанавливающая тот факт, что народная инициатива может быть осуществлена на национальном уровне. Народный проект выносится на голосование кантонов и граждан Швейцарии, а Союзное собрание может рекомендовать или отклонить выдвинутую инициативу, но при этом аргументированно выдвинув при этом свой проект [3, с. 563-564].

В США и Канаде идея введения омбудсмана на федеральном уровне не получила поддержки и осталась на уровне штатов. Но если в России существует государственная и муниципальная служба, то в Америке – это общественная администрация (public administration). Для определения понятия, отражающего активность граждан в принятии управленческих решений, в настоящее время используется понятие civic engagement («гражданское участие»). Отмечается, что гражданское участие – это отнюдь не продажа идей, программ или политики для общественности: не реклама облигаций, не голосование за корректировку налогов; не убеждение людей в поддержке планов руководства; «это нельзя понимать как встречу, на которой люди собираются для того, чтобы ругать, обвинять или жаловаться или дискутировать о вечном» [4]; это не собрание, где всегда известен исход; это не лоббирование в выборные органы. Преимущества использования гражданской активности проявляются в случае отзыва выбранных чиновников; рассмотрения судебных исков; на выборах в структуры управления; установления доверия между гражданами и правительством; достижение успешных результатов при отмене непопулярных управленческих решений; разработке творческих идей; обеспечивает скорейшую реализацию идеи; создание активных сообществ в городе. На эмпирическом уровне проявились следующие корреляционные зависимости: чем меньше степень представления граждан в системе управления, тем выше риск кризиса управления; чем больше степень разрыва между ожиданиями граждан и контролем за действиями управленцев, тем выше степень риска возникновения кризиса в управлении [5].

Исторически сложившиеся взаимоотношения между обществом и властью в европейских странах, привели к тому, что основные формы взаимодействия двух субъектов были гармонично встроены в существующее законодательство. На уровне государственного управления гражданский контроль осуществляется в рамках парламентского, а на уровне муниципального – в рамках общественного администрирования. К тому же существуют отдельные формы гражданского наблюдения за закрытыми структурами: пенитенциарная система, военная сфера, полиция. В российской системе управления доминирует юридический редукционизм, оставляющий за субъектами контроля право консультационно-совещательного органа с результатами, носящими рекомендательный характер.

1. *Федеральный Закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 24.03.2015 г.)
2. *Антюшина Н.М. Шведская модель: из прошлого в будущее. Доклады Института Европы. №213. – М., 2008.*
3. *Союзная конституция Швейцарской конфедерации / Конституции государств Европы: В 3 т. Т.3 / Под общей ред. Л.А. Окунькова. – М. 2001.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

С каждым годом сельские территории теряют свою привлекательность, в особенности, в глазах молодежи. В последнее время миграционные потоки, имеющие направленность из сел в города, усиливаются, что ставит под угрозу упадка и, как следствие, исчезновения сельские территории. Безусловно, современный город имеет большую силу притяжения и влияния по сравнению с сельскими территориями. Однако важно осознавать, что без поддержки и устойчивого сельского развития, России, как и региональным субъектам, невозможно развиваться. В связи с этим уже более 10 лет в стране реализуются федеральные целевые программы и различные региональные концепции по устойчивому развитию сельских территорий.

Решение о запуске первой такой программы было принято Правительством Российской Федерации от 3 декабря 2002 года. Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года» была создана в целях обеспечения высокого качества уровня жизни сельского населения, на основе повышения уровня развития социальной структуры и инженерного обустройства сельских населенных пунктов. Основной качественный скачок приходится на двухлетний период 2006-2008гг. За этот период показатели некоторых направлений программы увеличились в 1,5-2 раза. Более чем в 2 раза сократилось лишь количество клубных учреждений. Число мест в образовательных учреждениях за год резко возросло, далее – значительно сократилось, если сравнивать показатели на момент начала отчетного периода. Такая же ситуация случилась с номерами автоматической телефонной станции. Однако это можно объяснить стремительным распространением мобильной и сотовой сети, которая оказалась удобнее и практичнее в применении, чем стационарная телефония. Увеличилось число мест в дошкольных учреждениях, а также автомобильных дорог и водопроводных сетей. Тем не менее, объем жилых площадей продолжал расти на протяжении трех лет отчетного периода. Около половины сельских домов обеспечены водопроводом и центральным отоплением. Данная целевая программа оказалась весьма эффективной на стартовом этапе, однако, этого не достаточно для устойчивого развития территории, нужно друг за другом разрабатывать программы и концепции, которые учитывали бы новые проблемы и решали бы их с большей эффективностью. В особенности, это касается таких аспектов, как канализация (32%) и горячее водоснабжение (20%). Необходимо рассмотреть меры по увеличению продолжительности жизни, снижению смертности, а также регуляции миграционных потоков населения.

В настоящее время реализуется вторая программа, которая, по сути, является продолжением ФЦП «Социальное развитие села до 2013 года». Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 598 была утверждена новая федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года». Основной целью данной программы является улучшение качества и повышение уровня жизни сельского населения. В ходе реализации данной ФЦП планируется создать комфортные условия жизнедеятельности в сельской местности; увеличить инвестиционную активность в агропромышленном комплексе путем создания благоприятных инфраструктурных условий в сельской местности; содействовать созданию на селе высокотехнологичных рабочих мест; привлечь к участию в реализации значимых проектов граждан, проживающих в пригородной зоне; наконец, сформировать позитивное отношение к сельской местности и сельскому образу жизни.

Если обратиться к зарубежному опыту, можно увидеть, что подобного рода программы в европейских странах стали внедряться гораздо раньше отечественных. Одной из таких частей аграрной политики, которая применялась в странах-членах Европейского Союза, является программа LEADER, действующая с 1991 года. В частности, на территории земли Баден-Вюртемберг, ее основные направления были

намечены на период 2007-2013 годов. Прежде всего, данная программа была направлена на повышение качества жизни на селе и сохранность окружающей среды. Финансирование осуществлялось при поддержке Европейского сельскохозяйственного фонда развития сельских территорий ELER. Главное отличие данной программы от российской ФЦП состоит в том, что реализация программы происходила не «сверху», а «снизу», поскольку участниками являлись не муниципальные образования и управления, а непосредственно население неурбанизированных территорий.

Еще одним способом успешной реализации социально-экономической политики зарубежных стран является сельскохозяйственная перепись, которая систематически ведется в ряде стран Западной Европы (Великобритания, Германия, Греция, Франция), в некоторых странах североамериканского континента (Канада, США), в азиатских странах (Иран, Китай, Япония), а также в нескольких странах Восточной Европы (Болгария, Венгрия, Польша). Во многих из них подобная перепись является международным обязательством перед Евросоюзом и регулируется соответствующим законодательством. Суть ее состоит в том, чтобы одновременно собрать сразу в нескольких странах наиболее точные, достоверные и валидные данные для дальнейшего формирования эффективной аграрной и продовольственной политики. Данный метод дает возможность получить наиболее полный срез состояния аграрной структуры, однако не все страны (например, развивающиеся) могут себе позволить проводить перепись по ряду причин.

Наконец, следует рассмотреть возможность и практику применения зарубежного опыта формирования политики сельских территорий в России. Проведенный анализ позволил выделить 3 концепции сельского развития:

1. Сельское развитие с модернизацией сельского хозяйства и агропродовольственного комплекса;
2. Сельское развитие с сокращением различий между отсталыми сельскими районами и остальными отраслями экономики;
3. Сельское развитие с развитием сельских районов в целом, при помощи использования всех имеющихся ресурсов.

Кроме вышеуказанных концепций, существуют также 3 модели развития сельских территорий: отраслевая, перераспределительная и территориальная. На современном этапе реализации социально-экономической политики зарубежных стран, наиболее эффективной признана территориальная модель развития, поскольку сочетает в себе оптимальные положения отраслевой и перераспределительной моделей в сочетании с инновационными принципами. Ключевой целью данной модели является бережное использование внутренних ресурсов территории с минимальными издержками в сочетании с несельскохозяйственными видами деятельности (ремесло, промышленность и др.). Центральное место здесь занимает партнерство и развитые социальные связи, которое будет регулироваться путем многоуровневого управления направлениями развития. Сегодня данная модель достаточно успешно используется в странах Евросоюза и США.

На основе анализа зарубежной государственной социально-экономической политики в отношении неурбанизированных территорий, считается целесообразным предложить ряд рекомендаций, применительных к российской политике по развитию сельских территорий:

1. Необходимо увеличить количество реализуемых программ, которые были бы направлены на развитие различных отраслей сельской местности;
2. Использовать по возможности опыт стран Евросоюза по планированию сельского развития;
3. Возобновить практику применения сельскохозяйственных переписей;
4. Создать при Министерстве сельского хозяйства агентства по отдельным отраслям социально-экономического развития неурбанизированных территорий.

1. Доклад об устойчивом развитии сельских территорий Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/26308.htm> (Дата обращения: 21.09.2015г.)
2. Баландин, Д.А. Реализация социально-экономической политики в отношении сельских территорий / Д.А. Баландин // Российское предпринимательство. – 2012. – № 15 (213). – С. 102-106.
3. Овчинцева, Л.А. Зарубежный опыт поддержки инициатив сельских сообществ. Реализация программы LEADER в регионе Баден-Вюртемберг (ФРГ) / Л.А. Овчинцева // Тренинг: «Устойчивое развитие сельских территорий: подходы для разработки региональных и муниципальных»
4. Зарубежный опыт проведения сельскохозяйственных переписей. [Электронный ресурс] // URL: www.chelagro.ru/more/census/foreign_experience/ (Дата обращения: 26.09.2015г.)
5. Автайкина, Е.В. Применение зарубежного опыта формирования политики развития сельских территорий для Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: www.scienceforum.ru/2013/pdf/3560.pdf (Дата обращения: 27.09.2015г.)
6. Вовлечение населения в развитие сельских территорий / О.И. Пантелеева [и др.]; Под. ред. Пантелеевой О.И. Серия обучающих пособий «RUDECO Переподготовка кадров в сфере развития сельских территорий и экологии». – М., 2012. – 116 с. [Электронный ресурс]. –

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Демчук Н.В. (Новокузнецк)

Особенностью современного этапа развития общества является взаимопроникновение процессов глобального и локального (местного) характера. В основе этих процессов лежат социокультурные изменения, связанные с усилением роли местного сообщества в системе общественных связей. Предназначение местных сообществ – соединять индивидуальную инициативность людей и общественные формы решения проблем.

Современное местное сообщество возникает тогда, когда отдельные его представители и группы населения начинают действовать, решая какие-то местные проблемы. У отдельных жителей конкретной территории появляется какая-то общественная инициатива, направленная на решение определенной и важной для инициаторов задачи. Пытаясь организовать, инициаторы проходят определенный путь от ощущения проблемы до идеи, направленной на ее решение, затем до создания на основе идеи соответствующей организации (общественного объединения), обеспечивающей решение проблемы.

Изучение опыта самоорганизации граждан в современном российском обществе показывает, что таких примеров много [4]. В то же время исследования показывают, что у большинства населения нет традиций и желания самостоятельно решать вопросы местного значения. Объединившись, например, в товарищества собственников жилья, жители сталкиваются с рядом таких проблем, что у другой части населения уже и не возникает мысли самостоятельно осуществлять решение местных задач [3, 10].

В рамках деятельностно-конструктивистской парадигмы [1; 2] местное сообщество рассматривается не как совокупность жителей муниципального образования, а как часть социального пространства, как социокультурное поле. Местное сообщество представляет собой социокультурное поле – часть социального пространства, характеризующаяся интенсивным взаимодействием между людьми на основе общих интересов проживания на одной территории, это определенная конфигурация социокультурных процессов, практик. Местное сообщество – результат социального конструирования социального пространства индивидами посредством выделения в нем групповых статусных позиций по критерию членства в местном сообществе. Единицей пространства местного сообщества является

статусная позиция – члена местного сообщества, представляющая совокупность прав и обязанностей, устойчивых форм поведения, социальных ожиданий.

Конструирование социокультурного поля местного сообщества проходит ряд стадий. Стадии конструирования социокультурного поля местного сообщества: создание статусной позиции субъекта местного сообщества (жителя муниципального образования), создание границы (фильтров), регулирующих доступ к конкретным статусным позициям, создание и распространение культуры (идеологии) местного самоуправления в обществе, формирование содержания статусной позиции (прав и обязанностей), реализация социальных практик по решению проблем жителей и территории, контроль и регулирование сформированности сообщества.

Исходной точкой процесса конструирования социальных отношений местного сообщества является создание на территории населенного пункта системы местного самоуправления или признание населенного пункта муниципальным образованием. В результате данного правового решения у всех жителей территории появляется статусная позиция члена местного сообщества.

Все жители муниципального образования формально имеют статус члена местного сообщества. Но статус члена местного сообщества остается нереализованным до тех пор, пока жители не начинают осуществлять деятельность по реализации своих прав и обязанностей, включенных в статус члена местного сообщества, и не начинают идентифицировать себя как члена местного сообщества. Жители муниципального образования должны превратиться в своеобразный коллектив, который называется местное сообщество.

Идентификация себя как члена местного сообщества начинается с интерпретации ситуаций взаимодействия с другими людьми как взаимодействий соседства и принятия принципов местного самоуправления. Отношения соседства должны быть распространены на всех жителей муниципального образования.

Основа самоидентификации - самоназвание - для местного сообщества не составляет затруднений. Обычно это идентификация себя с жителями своего населенного пункта. Самоназвание себя по месту своего проживания соединяет человека с определенной культурной и исторической общностью людей. Границы местного сообщества в данном случае связаны с пониманием общности проблем, которые стоят перед всеми жителями муниципального образования.

Формирование местного сообщества как коллектива жителей начинается с формирования определенной идеологической картины мира. Культура местного сообщества представляет собой активную политическую культуру – культуру участия. При этом субъектами гражданской культуры участия в местном сообществе являются люди, которые в определенной мере овладели опытом участия в деятельности местного самоуправления, нормами и целями деятельности в этой сфере, языком гражданского общения, категориями местного самоуправления и выработали собственную систему убеждений, ценностей, ориентаций и установок по отношению к системе местного самоуправления. Это жители, которые принимают ответственность за решение проблем места и своих собственных проблем на себя.

Местное сообщество конструируется и воспроизводится каждым жителем муниципального образования в процессе социальных практик. Социальные практики местного сообщества - это действия, направленные на создание блага для других людей. Это гражданские поступки в широком значении данного термина. Для обозначения социальных практик местного сообщества в муниципальной теории часто используется понятие - общественное участие. Под общественным участием понимается участие отдельных людей в деятельности органов местного самоуправления, в некоммерческих организациях, в инициативных группах по решению местных проблем. К категории общественного участия можно отнести и вовлеченность граждан в саму деятельность

общественных организаций, в рамках которых возможны решение проблем и реализация интересов многих людей и без всякого участия власти» [5].

Главным признаком сформировавшихся отношений местного сообщества является появление у его субъектов чувства сообщества: осознания коллективного интереса всех жителей территории и сознательных коллективных действий в целях удовлетворения этого интереса.

Традиционно органы государственной власти слабо заинтересованы в увеличении самостоятельности местных сообществ. Самостоятельность людей в решении собственных проблем неизбежно ведет к ослаблению влияния на них органов власти. Это приводит к размыванию границ, структуры сообществ, к потере наиболее важных признаков сформированности местного сообщества. В то же время исторический опыт показывает, что подавление государством самостоятельности местных сообществ неизбежно приводит к государственному кризису. Развитие местного самоуправления становится наиболее актуальной формой сохранения стабильности в современном обществе, т.к. позволяет человеку сохранять и реализовывать гражданские права, свободы и обязанности.

1. Ильин В.И. *Драматургия качественного полевого исследования*. - СПб: Интерсоцис, 2006. - 256 с.
2. Ильин В.И. *Социальная стратификация*. – Сыктывкар, 1991. - 221 с.
3. *Проблемы и перспективы социально-экономического развития муниципальных образований Южного Кузбасса: коллективная монография /науч.ред. Р.В.Бабун. – Кемерово: Кузбассвузидат, 2008. – 358 с.*
4. *Сборник лучших практик взаимодействия населения и власти в решении местных проблем* Под ред. К.В.Малова. – Новосибирск: АСДГ, 2009 – 222 с..
5. Сунгуров А. *Общественное участие как условие формирования гражданского общества [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/confD5.htm>. (дата обращения- 14.04.10)

НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОРПОРАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ.

Денисова Ю.В., Храмушина А. С. (Санкт-Петербург)

Межфирменное сотрудничество является одной из ключевых инновационных социальных управленческих практик, и может анализироваться по трем направлениям. Микроуровень- сотрудничество в рамках организации- между работниками. Ключевая проблема здесь- доверие, ибо единоличное право на ключевые компетенции усиливает конкурентные преимущества по заработной плате и рабочим местам. Мезоуровень- сотрудничество между организациями, формирование сообществ фирм. Сообщества для сотрудничества более подробно представлены ниже. Макроуровень- сотрудничество государства и бизнеса. С точки зрения такого сотрудничества следует рассматривать производственную организацию как недетерминированную социальную систему, основным системообразующим фактором которой являются люди, вступившие в процессе трудовой деятельности в организационные, управленческие и межличностные отношения.

Вхождение в мировое экономическое пространство, формирование единого рынка, дают организациям поистине безграничные возможности. Однако эти возможности не могут быть реализованы, если компания не готова к действиям в новых условиях. Инновационной практикой управления компанией является сообщество фирм для сотрудничества (collaborative community). Появление этой практики связано с глобализацией экономики и рынка, и позволяет компаниям совместно реализовывать

открывающиеся возможности, которые они не смогли бы реализовать в одиночку. Такие сообщества выступают моделью адаптации компаний к вызовам глобальной экономики.

В сотрудничестве между фирмами можно обнаружить ряд социально-экономических преимуществ.

1. Повышение эффективности. Организация может сконцентрировать усилия на реализации своих ключевых компетенций, оставив второстепенные вопросы партнерам.

2. Снижение транзакционных издержек. Исследование и развитие становятся все более дорогими направлениями деятельности, обмен передовыми знаниями и опытом в рамках сотрудничества снижает их стоимость.

3. Обмен информацией о рынках, бизнес-процессах и товарах позволяет уменьшить объем необходимых данных.

4. Повышается общая производительность.

5. Снижение степени риска и неопределенности, позволяющее компании развивать новые направления деятельности, чего она не смогла бы себе позволить в одиночку.

Однако при критическом рассмотрении, межфирменное сотрудничество имеет и свои недостатки. Так, компания вынуждена делиться информацией с партнерами. Это частично лишает ее конкурентных преимуществ. Важным социальным последствием сотрудничества является снижение контролирующего потенциала менеджмента компании. так как управленцам часть времени приходится тратить на дела сообщества.

Усиливается зависимость компании от внешних партнеров. так как те бизнес-процессы, которые ранее выполнялись в рамках фирмы могут быть переданы другим компаниям [2].

Увеличивается продолжительность принятия решений, ибо они нуждаются в согласовании со всеми членами сообщества.

Компании может быть сложно организовать взаимодействие с фирмой- не членом сообщества, если это не предусмотрено правилами сообщества.

Социально-экономические основания межфирменного сотрудничества могут быть различны. наиболее популярными являются следующие. Во-первых, сотрудничество на основе волевого, сознательного решения. Возникает между индивидами или организациями, видящими необходимость объединения усилий с другими индивидами или организациями. Толчок такому сотрудничеству дает обычно один из потенциальных участников взаимодействия. Такое сотрудничество чаще носит долгосрочный, стратегический характер. Имеет добровольную основу. В англоязычной литературе подобная форма получила название "стратегического альянса" (strategic alliance). Некоторые авторы понимают ее как кооперацию между двумя или более независимыми фирмами, включая совместный управленческий контроль и обмен ресурсами. Другие указывают, что цель альянса- получение информации о продуктах и процессах. используемых партнерами. Акцент на сотрудничестве для совместного производства товара или услуги. Обобщая данные точки зрения, можно сказать, что в результате сотрудничества создается некая новая хозяйственная сущность, управляемая участниками взаимодействия. Это позволяет снизить степень риска для каждого индивидуального участника и позволяет достичь целей, которые поодиночке труднодостижимы.

Во-вторых, сотрудничество может возникать на базе принуждения. В этом случае некая внешняя сила побуждает фирмы вступать во взаимодействие, координируя и направляя такое сотрудничество. Этой силой может выступать как лидирующая организация сообщества, так и внешнее институциональное окружение.

Синергетический эффект достигается в результате "групповой компенсации индивидуальных неспособностей". Разделение труда принимает иные формы, чем в обычной организации. Свои профессиональные обязанности члены коллектива распределяют между собой сами в зависимости от складывающихся условий деятельности. В каждой проблемной ситуации выполнять рабочие операции поручается тому, кто способен сделать это наилучшим образом. Неумение одного совершать какие-

либо работы или операции компенсируется навыками и сноровкой другого. В результате первичный коллектив становится первоклассной командой.

Другое важное условие успешности командообразования – конгруэнтность структур коллектива, т.е. совпадение канонической организационной структуры управления с неформальной структурой деловых межличностных отношений. Согласно некоторым определениям, сотрудничество это процесс, в ходе которого стороны, обладающие разным видением проблемы, могут конструктивно использовать свои различия, чтобы найти решение проблемы, выходящее за рамки их индивидуального, ограниченного представления о возможных решениях.

1. Денисова Ю.В., Меньшикова Г.А. Управление рейтинговым поведением научных организаций и вузов России // Национальная ассоциация ученых. 2015. N2(7). С.134-136.
2. Якокка Ли. Карьера менеджера. М.: Попурри, 2012, 528 с.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: УРОВНИ КОРПОРАТИВИЗАЦИИ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Диденко И.В., Диденко А. А. (Новочеркасск)

Военная организация является важной составляющей современного общества, обеспечивая его стабильность и независимость. При этом сам термин военная организация можно понимать как в широком, так и в узком смысле этого слова. В данном случае аспект рассмотрения обусловлен тем, что является предметом анализа: организация как совокупность человеческих (военнослужащие), материально-технических ресурсов и органов военного управления, направленных на обеспечение внутренней безопасности и/или вооруженной защиты РФ; или же организация как орган исполнительной власти с соответствующими характеристиками: формализованность, иерархичность, нормативность регуляции и т.д. В любом случае эффективность выполняемых функций военной организации зависит от целерациональности внутриорганизационных отношений субъектов военно-профессиональной деятельности, во взаимодействии которых и порождается феномен корпоративизма. Данный постулат является значимым в понимании всего спектра внутриорганизационных корпоративных отношений, являющихся предметом рассмотрения данной статьи.

Здесь следует сослаться на существующий тренд современных исследований корпоративизма в военной среде связанный как к положительным, так и отрицательным аспектами данного феномена. В первом случае корпоративизм выражается в таких понятиях как «корпоративная культура» [1], «корпоративная этика» [2, 3, 4] «корпоративная идентичность» [5, с. 17], а в некоторых работах корпоративность логично предстает как следствие «синергичности социального порядка» [6]. Во многом это связано, и мы разделяем это мнение, с пониманием корпоративизма как внутреннего единства, консолидации военнослужащих как социально-профессиональной группы на всех уровнях (в противовес отрицательного понимания корпоративизма как «круговой поруки» привилегированной ее части), чей профессионализм непосредственным образом влияет на безопасность личности, общества, государства. Эта мысль в равной степени прослеживается как в диссертациях молодых исследователей, так и в трудах военных мыслителей [7]. Однако с точки зрения уровней внутриорганизационных отношений, указанные работы охватывают межличностный и межгрупповой уровни взаимодействия в военной организации, оставляя за пределами своего исследовательского внимания не менее важные, а с точки зрения социального анализа – ключевые в понимании военного корпоративизма как социологической проблематики уровни. А именно. Опора на базовые

теории социальной психологии и социологии позволила определить следующие уровни формирования корпоративизма в военных внутриорганизационных отношениях.

Первым уровнем формирования корпоративизма во внутриорганизационных отношениях можно по праву считать уровень межличностного взаимодействия, широко исследованный в социальной психологии. На этом уровне, где субъектами взаимодействия выступают отдельные военнослужащие, значимым для формирования корпоративизма становится качество межличностных отношений в воинском коллективе (положительные/отрицательные), сплоченность микро-коллективов, удовлетворенность членством в военно-профессиональном сообществе, а также ценностно-ориентационное единство. В своей совокупности составляющие канву социальных (внутриорганизационных) отношений, реализуясь в формальных и неформальных практиках взаимодействия по вертикали и горизонтали, указанная группа отношений создает так называемую атмосферу повседневности. В целом военные социологи констатируют наличие оптимального уровня морально-психологического состояния военнослужащих, проходящих службу по контракту, приоритета военно-корпоративных ценностей и активной жизненной позиции [8, 9], что позволяет предположить наличие достаточного основания для формирования корпоративности на уровне межличностного взаимодействия. В тоже время результаты авторского эмпирического исследования показывают, что доминирование военно-корпоративных ценностей в структуре профессиональных ценностей военной службы носит скорее идеальный, нежели реальный характер [10, с. 121]. Другими словами, в условиях обыденности даже на этом уровне военный корпоративизм не проявляется в достаточной степени.

Вторым уровнем формирования военного корпоративизма является лично-групповое взаимодействие воинских коллективов. Однако данный уровень влияет на корпоративизм в наименьшей степени, поскольку все феномены, относящиеся к основам этого взаимодействия и широко описанные в социальной психологии элиминируются спецификой воинской деятельности: экстремальными условиями, сложностью, высокими нормативными требованиями, предъявляемым ко всем участникам военно-профессионального взаимодействия и т.д.

Третий уровень формирования корпоративизма во внутриорганизационных отношениях – межгрупповой - основан на взаимоотношениях субъектов взаимодействия исходя из межродовой, внутри-профессиональной (более или менее привилегированные военные специальности) дифференциации. В данном случае барьерами в консолидации военно-профессионального сообщества становятся горизонтальный антагонизм отношений, изначально присущий военной службе (между родами войск), а также вертикальный антагонизм, изменивший свое направление с восходящего на нисходящий. К примеру, одним из проявлений нисходящего антагонизма является пренебрежительное отношение офицеров вышестоящего штаба к офицерам, проходящим службу непосредственно в войсках.

Четвертый - организационно-групповой уровень взаимодействия в формировании военного корпоративизма имеет наибольшее значение в современных условиях развития общества и армии, поскольку один из субъектов – военная организация, является частью государственной власти и управления, а второй – непосредственно военнослужащие, олицетворяющие собой коллективного субъекта военно-профессиональной деятельности, а само взаимодействие происходит в рамках организационной структуры. На этом уровне также существуют проблемы в формировании корпоративизма связанные как с недостатком идеологических оснований военной службы, адекватностью используемых внутренних механизмов формирования корпоративности, а также соблюдение «правил игры». Анализируя меры государственной поддержки военнослужащих за последние пять, можно сказать, что военная организация удовлетворила ряд ожиданий военнослужащих в части материального и жилищного обеспечения, а также различного рода компенсаций и социальных льгот. Но повлияли ли предпринятые меры на уровень корпоративизации

внутриорганизационных отношений? Думается, что незначительно. И дело здесь не только в том, что военнослужащие не в полной мере воспринимают себя как единое профессиональное сообщество (чему, безусловно, способствовала общая нестабильность в конце 90-х начале 2000-х годов), но и уровне доверия между субъектами взаимодействия на организационно-групповом уровне. Поскольку ежедневные практики взаимодействия зачастую подрывают эти отношения. Речь идет не только о «выходе за пределы» формальных отношений во взаимодействии начальников и подчиненных, справедливости служебного повышения, но также о разрыве в реализации между правовой и корпоративной защищенностью [11]. Последняя проявляется в поддержке со стороны большинства военно-профессионального сообщества при отстаивании объективно нарушенных прав, чести и достоинства отдельных военнослужащих вне зависимости от должности и звания.

К сожалению, на сегодняшний день, для среднестатистического военнослужащего корпоративная защищенность (как одно из проявлений военного корпоративизма на всех уровнях) остается лишь виртуальным, но не реальным феноменом, на основе чего девиз «один – за всех, все – за одного» в теории отражающий суть военного корпоративизма, так необходимого для эффективного выполнения военной организацией своих функций, к сожалению, на практике выражается в формуле «каждый за себя».

1. Гольев С.А. Развитие корпоративной культуры военной организации в условиях реформы: автореф. дисс. ... канд. психол. н. М., 2011.
2. Домнин И.В. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции / Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания / Военный сборник / Под общ. ред. И.И. Ефремова. М.: Изд-во «Военный университет», 2000. вып.17. С. 268-284.
3. Португалов Н. Этика офицера / Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания / Военный сборник / Под общ. ред. И.И. Ефремова. М.: Изд-во «Военный университет», 2000. вып.17. С. 180-182.
4. Рытенков С. Этика корпоративных отношений // Российское военное обозрение. 2009. № 11 (70). [Электронный ресурс]. Дата обращения: 02.09.2015. URL: <http://www.coldwar.ru/rvo/112009/etika-korporativnih-otnosheniy.php>.
5. Кучеров А.В. Особенности политической идентификации военнослужащих в современной России: автореф. дисс. ...канд. политич. наук. Саратов. 2011.
6. Григорьев А.А. Социальный порядок и военная организация // Социология власти. 2004. № 4. С.44-58.
7. Каменев А. Офицер – профессия идейная / Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания / Военный сборник / Под общ. ред. И.И. Ефремова. М.: Изд-во «Военный университет», 2000. вып.17. С. 241-268.
8. Морально-психологическое состояние военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах // Официальный сайт Социологического центра МО РФ. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 20.09.2015. URL: <http://ens.mil.ru/science/sociological>
9. Состояние межличностных отношений в воинских коллективах Вооруженных Сил РФ // Официальный сайт Социологического центра МО РФ. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 21.09.2015. URL: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?i
10. Диденко А.А. Динамика профессиональной структуры внутренних войск МВД России: дисс. ... канд. соц. н. Ростов-на-Дону, 2013.
11. Диденко И.В., Диденко А.А. Корпоративизм в военной организации // Социологический журнал. 2015. №1. С.34-46.

**ПОРТАЛ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ РФ:
ЭЛЕКТРОННЫЕ УСЛУГИ ДЛЯ «СРЕДНЕГО КЛАССА»**

Дьякова Е.Г. (Екатеринбург)

Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ) www.gosuslugi.ru является основной площадкой для предоставления гражданам услуг всех уровней. Он был введен в публичную эксплуатацию в конце 2009 года, и с тех пор его востребованность постоянно растет. Во многом благодаря наличию «очень солидного и репрезентативного портала» [3, с.39], Россия в 2012 году поднялась с 69 на 27 места в международном рейтинге развития электронного правительства, который каждые два года публикует Департамент ООН по социальному и экономическому развитию (в рейтинге 2014 года Россия сохранила 27 позицию).

Количество граждан, зарегистрированных в Единой системе идентификации и аутентификации пользователей (ЕСИА), т.е. имеющих личный кабинет на ЕПГУ, в конце 2014 года составило 13 миллионов человек. В 2014 году пользователи заказывали услуги в электронном виде 16,8 миллиона раз. В первом квартале 2015 года было заказано еще 4 миллиона услуг.

Однако если перевести абсолютные цифры в относительные, выяснится, что имеют личный кабинет на портале www.gosuslugi.ru 11,7% жителей России. Между тем согласно указу Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в соответствии с которым доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, должна к 2018 году должна достичь не менее 70%, при этом уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг должен составить не менее 90%.

Для того, чтобы достичь этого показателя, необходимо четко представлять качественный состав как реальных, так и потенциальных пользователей ЕПГУ. С этой целью в рамках количественного социологического исследования, которое прошло в Свердловской области в июне 2015 года, был проведен анализ социально-демографической структуры пользователей Портала. Объем выборки – 350 человек, выборка носила вероятностный стратифицированный характер, опрос проводился методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов.

На момент опроса слышали о самом факте существования Портала государственных и муниципальных услуг 48,7% опрошенных жителей Свердловской области. Что касается посещаемости Портала, то 14,7% опрошенных бывали на нем неоднократно, 6,3% - однажды, а 28,0%, хотя и слышали о Портале, ни разу его не посещали.

Для сравнения укажем, что, согласно официальной статистике, доля жителей Свердловской области, не просто побывавших на Едином портале, но получивших код идентификации и зарегистрировавших на нем Личный кабинет, составляла на 15 июня 2015 года 10,02% от общего числа жителей [2].

Постоянные посетители Портала государственных и муниципальных услуг обладали целым набором социально-демографическим характеристик, которые отличали его от остальных потенциальных пользователей. Особенно резкие различия были зафиксированы между постоянными посетителями Портала и теми, кто вообще не слышал о его существовании.

Среди тех, кто посещал Портал неоднократно, явно преобладали представители младших возрастных групп, в то время как среди тех, кто не слышал о Портале – старших. Аналогичная тенденция прослеживалась, когда речь идет об образовании: доля лиц с высшим образованием среди постоянных пользователей ЕПГУ составляет 47,7% (что существенно выше среднего по области), в то время как среди тех, кто вообще не знает о таком информационном ресурсе – всего 9,2%.

Если в группе неоднократных пользователей почти половину (47,6%) составляли руководители различного уровня и специалисты, занятые умственным трудом, то в группе неосведомленных о Портале респондентов высока доля служащих и работников,

занимающихся физическим трудом (38,6%). 41,2% опрошенных в группе составили пенсионеры, в то время как в группе неоднократных пользователей их оказалось всего 2,3%.

Таким образом, по отношению к Порталу государственных и муниципальных услуг, несмотря на то, что представленные на нем услуги рассчитаны на все слои населения, воспроизводится «информационное неравенство». Активными пользователями Портала, успешно применяющими при взаимодействии с органами власти новые возможности, являются молодые, хорошо образованные, занимающиеся престижными видами деятельности группы населения. Об этом свидетельствует и перечень наиболее востребованных электронных услуг. Среди них - проверка штрафов ГИБДД (означающая, что у пользователя имеется в собственности автомобиль), налоговой задолженности (предполагающей, например, наличие недвижимости), наличия исполнительных производств в Федеральной службе судебных приставов, а также оформление загранпаспорта (возможность совершать поездки за границу также является маркером социального благополучия) [1].

Социально-демографическая структура пользователей Портала государственных и муниципальных услуг типична для ранних этапов адаптации социальных инноваций, когда выгоду из их появления извлекают наиболее активные и успешные пользователи. Для того, чтобы пользование Порталом стало действительно массовым, необходима целенаправленная политика, направленная на широкое информирование и обучению пользованию электронными государственными услугами, представителей менее успешных групп населения.

1. Воронина Ю. Быстро и без бумаги: Госорганы расширяют предоставление электронных услуг. «Российская газета», 12 мая 2015 года. № 997 (18). [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/05/12/gosuslugi.html>. Проверено 10.09.2015.
2. Министерство транспорта и связи Свердловской области. Динамика регистрации жителей Свердловской области в ЕСИА. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://mtis.midural.ru/article/show/id/102>. Проверено 10.09.2015.
3. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the People. UN, 2012. 142 p.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В МЕГАПОЛИСАХ: УПРАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ СООБЩЕСТВА

Единова М. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Сетевые практики в публичной политике как фактор совершенствования современного городского управления», проект № 14-33-01356

На карте современного мира нет мегаполисов с гомогенным, моноэтническим составом населения, поэтому крупные города постоянно сталкиваются с этническими конфликтами. Соответственно в политическом процессе появляются новые подходы к управлению, акцентирующие внимание на активном и осознанном взаимодействии различных акторов, формирующих политические решения и идет поиск новых более результативных методов решения проблем и конфликтов.

В большинстве случаев конфликты возникают из-за недостатка знаний, и, соответственно, доверия, по отношению к другим этническим группам. Сетевое взаимодействие различных диаспор разрушает замкнутые границы. Это особенно важно в том случае, «когда иммигрантские группы хорошо сплочены, демонстрируют чувство

превосходства по отношению к «местным» и не обнаруживают сколько-нибудь заметного стремления к тому, чтобы интегрироваться в принимающую среду»[1]. Одной из задач политики интеграции мигрантов является преодоление противопоставления индивидом своей групповой этнической идентичности и национальной. Р. Брубейкер писал, что «этнические сети могут воспроизводиться и без высокой степени групповости главным образом благодаря самой логике сетей общения и структур возможностей и вытекающей отсюда умеренно высокой степени этнической эндогамии»[2].

Диаспоры могут рассматриваться как сообщества (в терминах Э. Остром), обладающие определёнными инструментами для управления «общими ресурсами» и решения проблем в рамках общины. Для реализации эффективной миграционной политики необходимо стимулировать взаимодействие и коммуникацию не только между сообществами и правительством, но и диалог между различными общинами. Программы и стратегии, направленные на гармоничное проживание этнических сообществ в мегаполисах должны приобрести поддержку непосредственно у данных групп. «Разработка программ и стратегическое планирование подразумевают творчество. Таким образом, жесткие иерархические коммуникационные связи в отличие от сетевых структур взаимодействия не стимулируют, а порой и исключают творческий подход»[3].

Городское правительство, оптимизируя диалог с мигрантскими сообществами, разрабатывает различные структуры и институты с целью привлечь членов диаспор в процесс принятия решений. Можно выделить следующие возможные консультативные органы:

1. Контактные и координационные группы (значительное представительство членов мигрантских сообществ).
2. Рабочие и координационные группы (в большинстве своем состоят из членов правительственных департаментов).
3. Парламенты рабочих мигрантов (в структуре представлены только представители диаспор).
4. Консультативные советы (состоят как из представителей правительства, так и из представителей этнических сообществ).
5. Комитеты по взаимодействию с сообществами (организованы как правительственные департаменты).

1. Ачкасов В.А. *Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия*//Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 3, с. 81-89
2. Брубейкер Р. *Этничность без групп*/М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с
3. Шерстобитов А.С. *Коммуникационные механизмы взаимодействия федерального центра и регионов и эффективность административной реформы*//Современный федерализм: Российские проблемы в сравнительной перспективе. Труды Всероссийской научно-практической конференции СПб 21-22 ноября 2008/Под ред. Солонина Ю.Н., Сморгунова Л.В., СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2008

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УСЛУГ В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ В МНЕНИЯХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (КЕЙС РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Ермолаева П.О. (Казань)

На сегодняшний день культурные практики и институциональные нормы динамично изменяются: происходит переосмысление старых форм и практик работы и

формулирование новых целей, адекватных мировым тенденциям и новым вызовам, запросам различных стейкхолдеров. В мировой практике растет интерес к анализу эффективности деятельности учреждений культуры.

Основная цель, которая стояла перед нами в исследовании заключалась в оценке качества деятельности культурных учреждений Республики Татарстан через оценку удовлетворенности потребителями. Исследование проводилось нами по ряду параметров, которые отразились в исследовательских задачах. К основным можно отнести следующие: общая оценка удовлетворенности качеством оказываемых услуг, оценка основных качественно-количественных параметров учреждений культуры Республики Татарстан (уровень компетентности педагогов, условия обучения, степень информированности о приеме, уровень компьютеризации и т.д.), оценка уровня компьютеризации учреждений образования, оценка технико-гигиенических условий учреждений образования, оценка трудоустройства потребителями учреждений культуры, общие проблемы в работе учреждений культуры в республике. Исследование проводилось по заказу Центра экономических и социальных исследований Кабинета Министров Республики Татарстан.

Объектами исследований выступили потребители услуг учреждений культуры. Опрос был осуществлен в форме индивидуального стандартизированного интервью по месту фактического жительства респондента. Выборка – целевая многоступенчатая стратифицированная (n=806).

Анализ данных производился при помощи статистического пакета SPSS (версия 21.0). Были использованы «жесткие» методы обработки информации: одномерные и двумерные распределения, построение индексов.

Анализ показал, что больше всего опрошенные нами жители Республики Татарстан ощущают недостаток мест, где можно провести время на открытых площадках, таких как парки, скверы (32,6%), а также музеев-заповедников (28,9%), парков культуры и отдыха (27,8%). Также недостаточно музеев (26,0%) и концертных залов (25,5%). Татарстанцы в наибольшей степени довольны количеством домов культуры (68,2%), кинотеатров (63,6%) и библиотек (62,0%).

«Довольно часто» посещают культурные мероприятия, такие как театральная постановка, концерт, цирковое представление и другие, 20,4% ответивших, «не очень часто» - 30,6%, «не часто (раз в год)» - 24,5%, «редко (реже одного раза в год)» - 24,6%.

Более половины опрошенных (54,9%) посещают музеи реже одного раза в год, одна пятая часть – не очень часто (19,4%), раз год (19,1%). Лишь 6,5% бывают в музеях довольно часто. Жители городов посещают музеи чаще, чем сельчане. Так, довольно часто бывают в музеях 8,7% горожан и 1,1% - сельчан.

Больше половины опрошенных (55,4%) не любят читать книги. Несмотря на развитие технологий и всеобщей компьютеризации больше половины респондентов (58,4%) предпочитают читать книги в печатном виде. Это сказывается на посещении библиотек: «довольно часто» и «не очень часто» в данных учреждениях бывает 48,8%, «раз в год» и «реже одного раза в год» - 51,2%.

По пятибалльной шкале наиболее высокие оценки посетителей (4,5) получили концертный зал, парк культуры, кинотеатр и детская библиотека. Наименее высокие оценки (4,2) – цирк и детский театр.

Оценки материально-технической базы учреждений и различные аспекты обслуживания в них в целом колеблются в пределах интервала от 3,3 до 4,9 балла. Наиболее высокие средние оценки были выставлены относительно таких параметров, как удобство режима работы и расположения учреждения, интерьер и комфортабельность, компетентность и вежливость работников учреждения. Наиболее низкие оценки наблюдаются в оценке доступности услуг (по цене) и в отношении обеспечения условий для лиц с ограниченными физическими возможностями, а также материально-технической базы.

Наиболее высокие средние оценки по предложенным параметрам были выставлены респондентами относительно оперного театра, кинотеатра и концертного зала.

Наименее высокие средние оценки по параметрам были получены такими учреждениями, как дом культуры и библиотека. Наименьший средний балл был получен по параметрам «обеспечение условий для лиц с ограниченными физическими возможностями» (3,4 и 3,6 соответственно) и «доступность информации о работе учреждения в сети Интернет, справочниках» (3,7 и 3,9 соответственно).

В целом библиотеки по большинству параметров более высоко оценены жителями села. Так, респонденты отметили вежливость, тактичность, доброжелательность работников учреждения (4,7) и чистоту в помещениях (4,7).

Большинство посетителей театральнo-зрелищных учреждений культуры отметили, что у них не возникло каких-либо проблем при обращении в большинство из приведенных в анкете учреждений. По разным учреждениям доля таковых составляет от 32,9% (дом культуры) до 53,0% (филармония).

В целом, жители республики чаще всего отмечали проблему «высокой стоимости билетов» (оперный театр – 30,7%, кинотеатр – 27,7%, концертный зал – 27,1%, цирк – 22,6%, драматический театр – 20,6%, филармония – 14,5%, детский театр – 11,4%). Однако посещающие дом культуры в качестве основной проблемы выделили слабую материально-техническую базу (24,1%) и некомфортные условия в залах (14,5%).

42% посетителей музеев и 31,2% посетителей музеев-заповедников (чуть более 40,0%) отметили, что у них не возникло каких-либо проблем в данных учреждениях. Остальная часть обозначили такие проблемы, как «сложность добраться до учреждения, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры рядом с учреждением», «слабую материально-техническую базу» и «высокую плату за посещение». Горожане, чаще сельчан отмечали такие проблемы при посещении музеев, как «слабая материально-техническая база».

Около трети респондентов сообщили, что у них не возникло каких-либо проблем при посещении библиотеки (31,2%), детской библиотеки (35,4%). Взрослая библиотека вызывает больше нареканий у посетителей, чем детская. Так, в библиотеке опрошенные в первую очередь сталкиваются с нехваткой современной литературы и отсутствием капитального ремонта (по 18,1%), в детской с отсутствием нужной книги (10,2%).

Состояние парков и скверов, расположенных в их городе или районе опрошенные жители республики оценили, как «хорошее» - 26,1%, «удовлетворительное» - 19,5%, «прекрасное» - 10,9%, «запущенное» - 8,4%, «крайне запущенное» - 3,7%. 6,8% отметили, что в их городе (районе) нет парков и скверов, а 9,9% их не посещают. 14,6% затруднились ответить.

В наибольшей степени, опрошенные поддержали следующие утверждения: «в парках и скверах есть асфальтированные дорожки для пеших прогулок» (4,1) и «в парках и скверах достаточно деревьев, кустарников и цветов» (4,0). Наименьшую поддержку получили такие утверждения, как: «в парках и скверах есть водоемы» (3,2) и «парки и скверы оборудованы пандусами» (3,2). Более высокие оценки относительно большинства суждений были выставлены жителями городов по сравнению с сельчанами.

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ В КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ефимова Е.Д. (Санкт-Петербург)

В данной работе рассматривается управление знаниями в коммерческой организации. Для этого мы сначала опишем основные положения социологии знаний,

затем сформулируем определение процесса управления знаниями, выявим его составляющие и приведём примеры использования сетевого подхода для данного процесса.

Социология знаний начала развиваться в первой половине 20-го века [1,2] и стала особенно актуальной в наше время. Её основная задача - описание взаимодействий человеческого мышления и социального контекста, в котором это мышление существует. Существуют две традиции в социологии знания, которые различаются по соотношению знания и социального порядка, а именно по тому, что из них является первичным элементом. В первой знание рассматривается как первичный элемент (см. П. Бергер и Т. Лукман «Социальное конструирование реальности», Т. Кун «Структура научных революций»), то есть считается, что оно объективно, существует независимо от человека и социального устройства общества. Люди получают знания, не зависящие от их индивидуальных характеристик, и являются пассивным элементом в этом процессе. Приверженцы второй традиции признают доминирование социального порядка над знанием (см. Э. Дюркгейм «Самоубийство», К. Маннгейм «Эссе по социологии знания», К. Маркс «Немецкая идеология»). Знание всегда имеет некий субъективный смысл, так как одни и те же вещи в природе рассматриваются сообществами под разным углом. Наши знания в основе имеют мировоззренческую картину, приобретаемую человеком вследствие его нахождения в том или ином сообществе, в разное время его существования.

Одним из центральных понятий в социологии знаний является само знание. Обычно оно определяется как результат познания человека, то есть любые теории, убеждения, навыки, идеологии, воспринятые человеком, осмысленные им и принятые как достоверные. В социологии делается акцент на социальную сторону: общественное признание [5,5], возможность передачи из поколения в поколение [7,23], значимость для общества и т.д. Тем самым, знание определяется как определённые факты, суждения, верования, убеждения, полученные человеком в ходе его познавательной деятельности, признанные достоверными в определённой общественной группе, доступные и способные передаваться от человека к человеку.

Социология знаний послужила основой для развития некоторых смежных дисциплин, в частности, управления знаниями (knowledge management). Это направление набирает популярность в наше время, когда организации стали нуждаться в модернизации процессов, связанных со знаниями. По данным исследования Conference Board и Pricewater House-Coopers видно, что более 80% из 158 крупных корпораций ввели систему управления знаниями, а по данным Meta Group вопросом использования специальных методов управления знаниями активно занимаются более 75% из 2000 крупнейших корпораций в мире [8].

Существуют разные подходы к определению понятия управления знаниями. Их можно свести к следующим трём типам [4]. Первый - техноцентрический, то есть делающий акцент на информационные технологии, их возможности и использование для передачи знаний внутри организации. Второй - организационный, то есть сосредоточенный на создании и описании в структуре организации определённых компонентов, способствующих управлению знаниями. Третий - социальный, то есть рассматривающий человеческий фактор как основной инструмент для передачи знаний. Мы считаем, что данная классификация отражает стороны одного и того же процесса. Поэтому будем понимать под управлением знаниями формирование процесса получения, сохранения и передачи знаний внутри организации с использованием информационных технологий и созданием специальных отделов или должностей, занимающихся организацией данного процесса.

Дадим краткое описание отдельных задач процесса управления знаниями. Основными из них являются получение, сохранение и передача знаний. Под получением подразумевается сбор определённой информации, которая может быть полезна

сотрудникам организации и доступ к которой они в будущем могут получить. Сохранение знаний служит для того, чтобы информация была представлена в определённом виде (документация, пособия, инструкции и т.д.), и сотрудники при желании могли сами её найти. Наконец, необходима передача знаний, то есть донесение определённой информации до сотрудников. Это могут быть как формализованные процессы (например, в виде тренингов и обучающих курсов), так и неформализованные – в виде общения сотрудников между собой. Данные процессы описывают все три выделенные стороны управления знаниями. Так же сюда можно добавить другие процессы, например хранение, диффузия, аренда (приглашение специалистов извне), развитие знаний и т.д.

Знания, существующие в организации можно классифицировать по разным параметрам: по уровню спецификации (специфические и общие), по степени формальности (формальные и неформальные), по области применения (организационные, маркетинговые, экономические и т.д.). Так же их можно различать по предмету – знание рынка, товаров, потребителей, поставщиков, производства и т.д. Важно выделить необходимое соотношение разных групп знаний для каждой позиции, которые позволят работнику успешно справляться со своей задачей.

Любая организация имеет соответствующую формальную структуру, то есть определённое, иерархически структурированное взаимоотношение между её элементами. Они отличаются между собой разными иерархическими схемами и разделением функций между элементами организации. Существующие в них связи отношений и взаимодействий можно отобразить в виде сети. Основой для такого выделения может стать концепция М. Грановеттера о сильных и слабых связях. В данной теории он говорит не только о важности слабых связей человека (например, при поиске работы), но и том, что каждый человек встроен в определённую сеть взаимоотношений с другими работниками [3], например, при процессе передачи знаний от одних работников к другим. Чем шире такая связь человека, тем больше различных знаний о специфике функционирования организации он получает в течение своей работы.

Передача знаний между сотрудниками внутри организации так же может быть отражена в виде сети, так как знания содержат человеческий и социальный капитал. Здесь мы принимаем определение социального капитала П. Бурдье, который отражает социальные связи человека, используемые им для повышения своего статуса. «Объём социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объёма капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан» [2,66].

Рассматривая знания как составляющую социального капитала, можно использовать сетевой подход для изучения работников в организации. Построение сети взаимоотношений между сотрудниками внутри компании, и, если это необходимо, за её пределами, позволяет улучшить процесс управления знаниями. Благодаря сети мы выявляем наиболее ценных сотрудников, которые могут передавать свои знания другим. Кроме того, изучение сильных сторон ключевых сотрудников и включение их в необходимые компетенции способствует более эффективному выявлению стратегических направлений обучения персонала, так и для поиска и найма новых сотрудников. Так же будет нежелательным терять таких сотрудников, так как при их уходе организация лишится важных знаний. Этот вопрос включает в себя такое понятие, как корпоративное управление. Руководящие сотрудники в компании должны способствовать сохранению ценных кадров и мотивировать их не менять место работы. Кроме того, знание сетей отношений можно использовать для улучшения климата в организации, что является одной из определяющих мотивирующих сторон любого сотрудника.

2. Бурдьё П. *Формы капитала*//*Экономическая социология*. Том 6. №3, 2005
3. Грановеттер М. *Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоконструктивный взгляд*. URL-адрес: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/09/17/1215001435/Granovetter_labour_markets.pdf (дата обращения 15.08.2015)
4. Духнич Ю. *Управление знаниями*. URL-адрес <http://www.smart-edu.com/upravlenie-znaniyami.html> (дата обращения 23.08.2015)
5. Barnes V. *Interests and the growth of knowledge*. New-York: Routledge, 2015
6. Dubois. D. *Competency-based human resources management*, 2004.
7. Mccarthy E. *Knowledge as culture*. New-York: Routledge, 1996.
8. URL-адрес <http://hrm.ru/db/hrm/AC09CFE8A92DD7E9C3257718004F1C82/print.html> (дата обращения - 25.08.2015)

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Желнина Е.В. (Тольятти)

В современной науке зачастую мы можем встретить двухмерные иллюстрации жизненного цикла какого-нибудь социального объекта или явления, где по оси абсцисс указано системное время (то есть чередование фаз жизненного цикла), а наименование оси ординат, как правило, не уточняется. Предполагается, что график изображает некую «линию жизни» объекта, которая проявляет себя в большей степени гладко и монотонно в границах одной фазы. Если удаётся осуществить попытку связать системное время (по оси абсцисс) с календарным, а ось ординат обозначить как значение какого-либо показателя, характеризующего функционирование системы, то в этом случае упоминаемая нами «линия жизни» превратится в главную тенденцию, тренд. Часть полученных флуктуаций может быть вызвана случайными причинами. Если есть возможность выделить среди полученных колебаний цикл (достаточно регулярно повторяющийся параметр, составляющую), то достижение данного показателя можно объяснять и прогнозировать. Модели этого типа относят к различным типам моделей волновой динамики.

Важная задача в процессе построения модели волновой динамики – выявление причины периодических повторений процессов социокультурной сферы. Можно определить как внешний (экзогенный), так и внутрисистемный (эндогенный) характер факторов, которые обуславливают рекуррентный повтор одних и тех же состояний социальной системы (объекта моделирования).

Значительный интерес для нашего исследования представляет теория инноваций как некая концепция, объясняющая цикличность социально-экономических процессов. «Циклический характер обосновывается использованием в производстве нововведений. Экономический рост представляет собой циклический процесс, обусловленный скачкообразным характером осуществления технических инноваций и нововведений» [1].

В рамках нашего исследования мы будем выстраивать модель инновационной активности промышленного предприятия по принципу волновой динамики. Моделирование инновационной активности современного промышленного предприятия мы будем проводить с учётом четырёх ключевых факторов, оказывающих влияние на функционирование социального объекта: управление; отношения; знания; технология.

Фактор «управление» определяется такими показателями, как стиль руководства (жесткий/мягкий), стиль принятия решений (централизация/децентрализация). В соответствии с выделенными показателями в рамках декартова поля мы можем определить пять стадий: начало, нормализация, в потоке, самотёчность, спасение. Необходимо отметить, что наиболее благоприятными периодами для интенсификации инновационной активности промышленного предприятия относительно фактора «управление» являются первый, второй и пятый. Для проведения диагностики стадий

фактора «управление» происходит посредством ответов на вопросы, касающиеся: 1) стиля руководства, характерного для данного промышленного предприятия, либо для конкретной стадии развития и функционирования промышленного предприятия; 2) стиля принятия решений, используемого на предприятии как правило, или в изучаемый временной период.

Следующим ключевым фактором, оказывающим определяющее воздействие на инновационную активность промышленного предприятия, является фактор «отношения», который включает следующие показатели: социально-психологический климат (СПК), ориентация коллектива (индивидуализм/коллективизм). Необходимо отметить, что наиболее благоприятные периоды для интенсификации инновационной активности промышленного предприятия относительно фактора «отношения» являются первый, второй и четвёртый. Наиболее благоприятными периодами для интенсификации инновационной активности промышленного предприятия являются первый, второй и четвёртый. Для проведения диагностики стадий фактора «отношения» происходит посредством ответов на вопросы, касающиеся: 1) ориентации работников; 2) социально-психологического климата в коллективе. В данном случае сотрудники предприятия выступают как «механизированное общество» [2].

Фактор «технология» зависит от уровня наукоёмкости производства и сложности технологического процесса. Необходимо отметить, что наиболее благоприятными периодами для интенсификации инновационной активности промышленного предприятия являются первый и пятый. Для проведения диагностики стадий фактора «технология» происходит посредством ответов на вопросы, касающиеся: 1) наукоёмкости производственного процесса, принятого на промышленном предприятии; 2) времени использования доминирующей технологии в рамках производственного процесса.

Фактор «знания» составляют такие показатели, как обучаемость работников, наличие действенной системы профессиональной подготовки на предприятии. Необходимо отметить, что наиболее благоприятными периодами для интенсификации инновационной активности промышленного предприятия являются первый и пятый. Для проведения диагностики стадий фактора «знания» происходит посредством ответов на вопросы, касающиеся: 1) имеющейся на предприятии системы профессиональной подготовки персонала и её качества, действенности [3]; 2) обучаемости работников, сложности материала, необходимого для усвоения работниками.

Модель представляет собой структурированную, упорядоченную совокупность параметров указанных факторов, показывающих такие периоды в жизнедеятельности промышленного предприятия, которые в наибольшей или наименьшей степени благоприятствуют инновациям.

Явную синергетичность модели мы получаем посредством соединения в единое целое четырёх важнейших сфер жизнедеятельности и функционирования современного промышленного предприятия: системы управления, отношений, применяемых технологий и совокупности знаний и информации. Сложность интенсификации процессов инновационной активности заключается в том, что каждый из этих факторов развивается в своём собственном режиме, со своей скоростью смены фаз. Задача состоит в том, чтобы добиться соединения благоприятствующих инновациям фаз каждого фактора в одном временном интервале.

В обобщённой модели инновационной активности промышленного предприятия отражены основные периоды функционирования промышленной компании в контексте циклов; показаны периоды наибольшего и наименьшего благоприятствования инновациям; показаны тесные взаимоотношения между факторами инновационной активности, их причинно-следственные связи.

Особенностями разработанной модели инновационной активности промышленного предприятия являются:

- учёт специфики функционирования промышленного предприятия;

- многофакторность модели, обусловленная необходимостью параллельного координирования четырёх ключевых факторов, оказывающих определяющее влияние на инновационную активность промышленного предприятия;
- иллюстрация управляемости (контролируемости) этих факторов;
- цикличность модели, выражающаяся в последовательной смене периодов функционирования промышленного предприятия; каждый новый цикл повторения этапов является качественно более совершенным по сравнению с предыдущим, так как проведение периодической оценки качества и эффективности социальных технологий (реализации модели инновационной активности и профессиональной подготовки персонала) позволяет выявлять и своевременно исправлять возникающие ошибки и недостатки, корректировать воздействие ключевых контролируемых факторов на функционирование промышленного предприятия;
- возможность сбалансированного контроля над ключевыми факторами, оказывающими определяющее влияние на инновационную активность промышленного предприятия.

В процессе создания модели инновационной активности промышленного предприятия мы используем продольные волны – волны, в которых частицы среды колеблются вдоль направления распространения волны. Фактором выявления направления распространения волны мы выбрали время. При составлении модели был использован принцип суперпозиции волн – при распространении в среде нескольких волн каждая из них распространяется так, как будто другие волны отсутствуют. В соответствии с ним четыре фактора, влияющих на инновационную активность (управление, отношения, технология, знания), развиваются по своей собственной траектории, по своему сценарию и темпу.

Максимальной эффективности в процессах освоения инноваций можно добиться при совпадении наиболее благоприятствующих стадий всех четырёх факторов (управление, отношения, технология, знания). Предложенная нами теория фрагментарного реконструирования социальной реальности нацелена на подробное изучение значимости каждого фактора в процессах инновационной активности и предложение наиболее благоприятных соотношений стадий для проведения процессов интенсификации инновационной активности или освоения инноваций.

1. Попов, А. И. *Экономическая теория: Учебник для вузов* / В. С. Артамонов, А. И. Попов, С. А. Иванов; под ред. В. С. Артамонова. – СПб.: Питер, 2010. – С. 472.
2. Староверов, В. И., Левашов, В. И. *Манипулирование общественным мнением: социологические аспекты анализа* // *Социология власти*. – 2009. – № 4. – С. 28-42.
3. Волов, В. Т. *Основы фрактально-кластерной методологии исследования системы образования* // *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*. – 2008. – № 2. – С. 20 – 32.

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И НАСЕЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ.

Ильдарханова Ф.А. (Казань)

Местное самоуправление – важнейший структурный элемент гражданского общества. Именно местное самоуправление является более гибким, эволюционным, соответствующим объективному ходу развития, способным воспринимать качественно новое, открытым для самосовершенствования.

Местное самоуправление в настоящее время эволюционирует достаточно быстро. Его эволюция неотделима от изменения управления «сверху», из центра и снизу от широких демократизирующихся слоев населения [1].

«Принудительность свойственна большинству организованных коллективных единств», – декларирует известный социолог Питирим Сорокин, – «Общество свободных людей», обходящихся без принуждения, пока является большой редкостью».

«Единственным отличительным признаком государства является суверенность государственной власти или первичность, самоуправомоченность последней» [2]. К «самоуправомоченности последней» мы и отнесем органы местного самоуправления.

Республика Татарстан состоит из следующих административно-территориальных единиц – это 2 городских округа, 43 муниципальных района, 39 городских поселений, 872 сельских поселения, всего 956 муниципальных образований республики. Структурные подразделения района являются подведомственными единицами Правительства республики Татарстан и местного самоуправления. Каждый отдельный орган муниципальной власти выполняет свою определенную функцию: экономическую, социальную, экологическую, политическую, налогообложения и финансового контроля, охраны прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка.

Обратимся к данным, полученным в ходе социологического исследования, охватившего 24 республики (в том числе Татарстан), проведенного Тощенко Ж.Т., доктором философских наук и Цветковой Г.А. по проблемам становления органов местного самоуправления [3].

Для органов местного самоуправления наиболее актуальными проблемами являются – организация экономической жизни (мнение 78% опрошенных), обеспечение общественного порядка (72%), поддержание здравоохранения (70%) и решение жилищных проблем (66%). Это достаточно рациональная, исполненная здравого смысла позиция. Она показывает верный вектор сосредоточения сил местного самоуправления на вопросах, которые являются предметом основного внимания органов народовластия, что подтверждает и мировой опыт.

Исследования, проведенные А.А. Хагуровым, показывают, что на районном уровне более 90% опрошенных тратили рабочее время на отчеты и другие работы с бумагами, в поселении этим занимаются более 80 % [4]. На втором месте по затратам времени – участие во всякого рода заседаниях, собраниях (более 60%). Первоочередные заботы местных управленцев четко просматриваются в порядке их значимости при ответах на вопрос «На что в первую очередь расходовали бы финансовые средства, при их наличии?»:

- На ремонт дорог;
- На ремонт и благоустройство домов культуры;
- На спортивные сооружения, то есть на социальные нужды.

Председатель Комитета Госсовета РТ по государственному и местному самоуправлению Липужина В., рассуждая об управленце на селе, отмечает: «Если сравнить ситуацию с той, что была десять лет назад, то можно сказать: большинство нынешних глав поселений – это люди, которые являются именно менеджерами, то есть умеют мыслить экономическими категориями, находить источники финансирования. На последних выборах в 2010 году сменились шестьдесят процентов глав поселений, Пришли новые кадры – молодые, современно мыслящие. Это люди, которые понимают: никто им хорошую жизнь на блюде не преподнесет, надо учиться зарабатывать, находить источники доходов на территории своего поселения, организовывать здесь хозяйственную деятельность».

Участие населения в принятии решений и их реализации всегда было достаточно актуальной проблемой, которая ведет отсчет с тех пор, как голосование становилось нормой общественной и политической жизни.

Местное самоуправление занимает особое место в демографическом механизме управления обществом и государством. Местное самоуправление определяет баланс в отношениях между государственным управлением и самоорганизацией граждан. Отношение сельского населения к местной власти проявляется в его фактическом участии в различных организационно-правовых формах самоуправления муниципального района.

Модель формирования представительных органов муниципальных районов реализована в Татарстане.

Обновляется материально-техническая база муниципальных образований, уже практически все сельские поселения имеют свои автомобили - в рамках республиканского конкурса было выделено восемьсот машин. В минувшем году сельским поселениям дали дополнительно еще по одному компьютеру, это связано с тем, что им необходимо вести хозяйственные книги. Кроме того, оказываются бесплатно юридические услуги для муниципальных образований.

Татарстан - единственный регион России, где награждают медалью за развитие местного самоуправления. Ежегодно проводятся конкурсы для муниципальных образований по пятнадцати номинациям. При поддержке Президента республики введены гранты для сельских поселений в размере миллиона рублей.

Специфика местного сообщества состоит в том, чтобы соответствующие связи, взаимоотношения между людьми возникают по территориальному принципу, муниципальная власть, вся ее структура формируется из ресурсов местного сообщества и самим населением, в соответствии с принятым в стране законодательством. Вступивший в силу с 1 января 2006 года Федеральный закон РФ №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определяет местное самоуправление как «форму осуществления народом своей власти... самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций».

Из отчетов глав поселений видно насколько многообразна их деятельность, насколько они взаимосвязаны с населением, с руководителями различных организаций, с районной властью.

Проблема заключается в том, насколько органы местного самоуправления, точнее, лица, осуществляющие их функции и население осознают необходимость активного взаимодействия друг с другом во имя общих целей, и насколько они готовы к этому взаимодействию.

Об этом хорошо свидетельствуют сходы, или собрания граждан, которые проходят в сельских поселениях по итогам года, на которых население высказывает актуальные насущные проблемы жизнедеятельности села.

Центр семьи и демографии АН РТ изучил и обобщил опыт работы местного самоуправления трех районов: Дрожжановского, Кукморского, Высокогорского [6,7,8], где показаны лучшие социальные практики взаимодействия местного самоуправления, населения и власти по развитию современного сельского социума.

Местное самоуправление – это власть населения, а уже потом эта власть осуществляется через демократические сформированные органы, которая отражает интересы местного населения с учетом исторических и этнокультурных традиций.

Сельские граждане в последние годы активно участвуют в развитии родного села: возрождают родники, стоят церкви, мечети, дороги.

Заслуживает особого внимания референдум по самооблажению граждан, который состоялся в 658 поселениях Татарстана. В бюджеты поселений дополнительно поступило более 30 миллионов рублей. К каждому рублю, вложенного жителями сельского поселения в общую кассу, республика добавляет четыре. Полученную таким образом сумму совет поселения волен тратить на собственные нужды - с согласия народа. Для местных сельских властей, у которых, как известно, полномочий куда больше, чем

«налички», система самооблажения очень серьезное подспорье в работе. В соответствии с распоряжением Кабинета Министров РТ из республиканского бюджета выделено 300 миллионов рублей. Из республиканского бюджета на поселенческий уровень поступила сумма четырехкратно превышающая собранную гражданами. 40,7% поселений, в которых прошли референдумы, решили направить деньги на ремонт и содержание дорог внутри населенных пунктов, в том числе мостов. 19% - на ремонт и содержание кладбищ. 17,5% - посчитали наиболее нужным благоустройство территории поселения, 12,3% - решить вопросы, связанные с водоснабжением, благоустройством родников, 4,4% направили средства на установку и реконструкцию памятников.

Интересен опыт грантовой поддержки гражданских инициатив по обустройству села. Механизм грантовой поддержки гражданских инициатив на условиях финансирования активно внедряется при решении местных проблем и способствует обустройству территорий сельских поселений, повышению социальной активности граждан, проживающих в сельской местности.

Эффективность власти зависит от ее умения выстраивать взаимодействие с населением, получать его поддержку.

Власть, чтобы быть эффективной в современных условиях, вынуждена брать на себя функцию стимулятора гражданского общества, привлекая население к принятию решений. Цивилизованное взаимодействие власти и населения должно строиться на основе партнерских отношений, с соблюдением прав и интересов всех участников партнерства.

Повышение качества жизни муниципальных сельских территорий зависит в первую очередь от активности самих жителей. Именно население решает, какие проблемы, проекты они будут реализовывать и какие усилия необходимо приложить для развития родного села. Обратимся к трудам П. Сорокина:

«Жизнь в одном месте вызывает особый местный солидаризм, «местный патриотизм», особое коллективное единство, основанное на общности территории постоянного местопребывания».

1. Еришов А.Н. Социальные ресурсы местного самоуправления. Казань: ГУП «Идель-Пресс», 2001. – 320 с.
2. Сорокин П.А. Система социологии, Москва: Астрель, 2008, – 447 с.
3. Тоценко Ж.Т., Цветкова Г.А. Местное самоуправление: проблемы становления (опыт социального анализа) // Социс, 1997 – №6 – 109 – 119 с.
4. Социология российского села: монография / А.А.Хагуров, – 3-е издание, переработанное и дополненное – Москва, 2012. – 91 с.
5. Население и инфраструктура Кукморского муниципального района РТ: конструирование локального социума, Казань: Отечество, 2014.
6. Инновационные тенденции развития сельского социума. Дрожжановский муниципальный район РТ, Казань: Отечество, 2014.
7. Демографические ресурсы модернизации села, Казань: Академия наук РТ, 2015.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Ишкинеева Г.Ф. (Казань)

Активные урбанизационные процессы, чрезмерная плотность городского населения и обострение экологических проблем и социального неравенства актуализируют поиски новых направлений городского развития и реформирования территорий.

Проблема поиска облика и структуры города будущего не нова, так в начале советского этапа существования России велись бурные споры урбанистов и

дезурбанистов, которые породили проекты «города-сада», «города-микрорайона», «оптимального города», «города направленного развития», которые хотя и обладали рациональным зерном, вместе с тем не учитывали глубинные процессы, формирующие города и системы расселения [1].

Все это актуализирует необходимость пересмотра многих теоретических и практических установок и поиск новых идей и путей решения городских проблем, способных обеспечить гармоничное развитие его жителей.

Процесс проектирования новых и реформирования существующих городов привел к смене парадигмы городского развития, произошел переход от концепции индустриального города к принципиально новому городскому решению.

Так, сегодня ключевым вектором развития становится экология и качество жизни. Ориентация городских поселений смещается в сторону креативного, интеллектуального класса, наблюдается конкуренция за талантливых людей, для привлечения которых города стремятся создать максимально благоприятные условия.

Российская практика реформирования территорий предоставляет достаточно много примеров строительства новых городов и модернизации существующих. Среди них можно отметить города, строительство которых ведется исключительно на частные инвестиции, проекты государственно-частного партнерства и преимущественно государственные проекты. В большинстве случаев, города, строящиеся с нуля, возводятся около мегаполисов, являются привлекательными с точки зрения экологии, развитости городской инфраструктуры и применения новейших технологий.

Один из примеров проекта, реализация которого осуществляется полностью за счет частных инвестиций - «Гудвил» расположен на территории Владимирской области. В отличие от Нового Ступино, целевой аудиторией проекта является преимущественно обеспеченное население, которому предоставляется качественная городская инфраструктура на собственной закрытой территории. Проектной документацией закреплено предоставление социальных и образовательных услуг населению с высоким уровнем достатка – частные школы, детские сады, Спа-процедуры, дорогостоящие фитнес-центры [2]. На территории города осуществляется планомерная застройка жилого сектора и инфраструктурных объектов, к сданным домам подведены все необходимые коммуникации, применены современные технологические решения. Девелоперы позиционируют «Гудвил» как город для жизни, город, способный освободить жителей от лишних забот и обеспечить комфортное проживание.

Не последнюю роль в успешности реализации проекта играет выгодное географическое расположение города, экологически-чистая территория с одной стороны и относительная близость федеральной трассы с другой, что определяет транспортную доступность крупных городов (Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода). После строительства высокоскоростной магистрали Москва-Казань, можно будет добраться из Москвы до «Гудвила» за 55 минут [3].

Кроме того, в рамках развития территории запланирован запуск IT-Парка, который станет центром привлечения специалистов IT-индустрии, обеспечивая комфортные условия для бизнеса и проживания.

Градостроителями предусмотрено создание развитой спортивной инфраструктуры на территории, где помимо стандартных фитнес-центров запланировано строительство спортивного курорта, с возможностью занятия 44 видами спорта. Предполагается, что данный спортивный курорт будет привлекать как жителей ново-построенного города, так и жителей близлежащих территорий.

Таким образом, разработчики «города для жизни» предусмотрели многоаспектное развитие территории, предполагающее вложение инвестиций в отдельные самостоятельные направления – элитное жилье, спортивный курорт, IT-Парк, многопрофильный медицинский центр. На данный момент сложно судить об успешности данного проекта для горожан, девелоперы предусмотрели несколько точек роста с точки зрения максимальной окупаемости, однако вопрос определения данной территории в качестве полноценного города, а не просто элитного поселка городского типа пока остается открытым.

Среди проектов по модернизации существующих территорий можно отметить стратегию интенсивного развития Первоуральск-300 [4]. В рамках реализации стратегии запланировано расширение городской территории и увеличение населения города.

Городской администрацией предусмотрено создание агропромышленного комплекса, который будет решать задачи импортозамещения и обеспечения жителей города рабочими местами, а городской бюджет налоговыми поступлениями. Предполагается, что с созданием агропромышленного комплекса увеличится количество собственной отгруженной продукции Первоуральских предприятий и улучшится экономическое благосостояние региона. При разработке стратегии развития, администрация города ориентируется на близлежащую агломерацию Екатеринбург, рассматривая в качестве позитивного проживание в Первоуральске людей, трудоустроенных в Екатеринбурге [5].

Кроме того, запланировано привлечение частных инвестиций на реализацию коммерческих проектов на территории города.

Несмотря на то, что в рамках реализации проекта запланирована модернизация городской инфраструктуры, оптимизация жилищного фонда и улучшение образовательной сферы, проект вызывает неоднозначные оценки местных жителей и представителей бизнеса [6]. Основной причиной критики явился недостаточный уровень осведомленности жителей о перспективах реализации программы, ее потенциала и степени влияния на городское пространство. Очевидно, ни одна программа развития и привлечения инвестиций не может быть осуществлена исключительно силами городской администрации и представителей власти, необходимо активное включение горожан и предпринимателей города в процессы принятия управленческих решений, разработки стратегии и ее реализации. Это позволит избежать недовольства со стороны населения и использовать человеческий потенциал для развития территории и реализации амбициозных стратегий.

В России существуют разные виды расселения, успешность реализации градостроительных проектов детерминирована в первую очередь ожиданиями и предпочтениями населения. Зачастую недостаточная прозрачность в описании проектов и недостаточное информирование населения о планах по реорганизации территории влекут за собой недовольство населения, могут стать препятствием успешного развития проекта. С другой стороны, очевидно, что основным адресатом и потребителем градостроительного проекта являются люди, сложно представить город без людей. Существует много возможностей вовлечения населения в процессы разработки управленческих решений и выстраивания облика города. Так, в Европе активно используется механизм краудсорсинга [7], предполагающего использование интеллектуального потенциала населения с целью выработки оптимальных управленческих решений по различным вопросам.

Таким образом, только на базе системного комплексного подхода при разработке градостроительных проектов, с учетом специфических особенностей и потенциала развития территории, потребностей местного населения и имеющегося опыта можно говорить об успешном развитии территории и строительстве города.

1. Ишкинеева Ф.Ф. Социально-стратификационные процессы в постпромышленном городе в условиях трансформационного общества (на примере города Набережные Челны Республики Татарстан). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Казань,
2. Город-спутник Новое Ступино [Электронный ресурс] // GDP Industry, technology, development [Интернет-портал]. URL: <http://gdpquadrat.com/gorod-sputnik-novoe-stupino/> Город Гудвил. [Электронный ресурс] // Официальный сайт проекта Город Гудвил [Интернет-портал]. URL: <http://goodwill-city.ru/o-proekte/>
3. Губернатор оценила перспективы городского жилищного комплекса в городе Гудвил [Электронный ресурс] // Askona invest [Интернет-портал]. URL: <http://askonainvest.ru/novosti/189-gubernator-otsenila-perspektivy-zhilishchnogo-stroitelstva-v-gorode-gudvil>

4. *Стратегия развития Первоуральск 300 [Электронный ресурс] Стратегия развития Первоуральск 300// [PDF-документ].URL: <http://sospp.ru/wp-content/uploads/%D0%94%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2-%D0%90.%D0%98..pdf>*
5. *Развитие территории совместными усилиями РФ [Электронный ресурс] // Городской округ Первоуральск [Интернет-портал].URL: <http://www.prvadm.ru/news/newsadm/482-razvitie-territorii-sovmestnymi-usiliyami.html>*
6. *Программа Первоуральск 300 и это все? [Электронный ресурс] // Городские вести [Интернет-портал].URL: <http://www.gorodskievesti.ru/2015/04/14/programma-pervouralsk-300-i-eto-vse/>*
7. *Daren C.Bradham Crowdsourcing the Public Participation Process for Planning Projects [Электронный ресурс] // Planning theory. Sage journals [Интернет-портал].URL: <http://plt.sagepub.com/content/8/3/242>*

ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМЫ СИТУАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Каира Ю.В. (Орел)

За годы информатизации государственных органов было создано множество информационных систем, обеспечивающих решение локальных и узкоспециализированных задач. Созданные системы постоянно развиваются и помогают при работе с населением, в сборе большого объема данных, упрощают работу самих органов власти и их структурных подразделений. Однако аппаратно-программная разобщенность информационных систем вынуждает государственных и муниципальных служащих прибегать к ручному труду в большом объеме при интеграции данных из различных систем. Частично преодолеть указанную проблему, тем самым, повысив эффективность и рациональность использования государственных ресурсов управления, может ситуационный центр.

Существенную роль в системе (инфраструктуре) информационного обеспечения деятельности органов государственной власти играет система ситуационно-аналитических центров органов государственного управления, которые являются местом консолидации всех видов мониторинговой информации. Построенные по единому регламенту ситуационные центры позволяют визуализировать обобщенную информацию в соответствии с унифицированной системой параметров и показателей, проводить обмен такой информацией между ситуационными центрами разного уровня, доводить информацию до конкретных исполнителей и контролировать выполнение принятых решений.

Ситуационно-аналитический центр состоит из четырех основных подсистем:

- аппаратно-программная среда общего назначения;
- подсистема методического обеспечения;
- комплекс средств специального обеспечения;
- объединенная подсистема баз данных и знаний.

Интеллектуальным ядром ситуационно-аналитического центра является комплекс взаимосвязанных моделей, основными из которых являются:

- динамическая модель социально-технического или природного образования, решающего задачу собственного выживания и развития в окружающей его социальной и природной среде и способного не только адаптироваться к требованиям внешней среды, но и целенаправленно воздействовать на нее;

- индикаторные модели критериального пространства, с которым взаимодействуют через свои входные и выходные информационные потоки все остальные модели ситуационного центра;

- модели выявления проблемных ситуаций, раннего предупреждения и разработки мероприятий по их парированию и ликвидации негативных последствий;

- информационные модели объектов управления на основе интерактивных баз знаний, которые представляются в ориентированном на руководителя виде и позволяют моделировать ситуацию, вырабатывать и представлять варианты оперативных решений и протоколов их разработки, осуществлять доведение принятых документов до руководителей и исполнителей, участвующих в решении конкретной проблемы, а также осуществлять текущий контроль за ходом выполнения программ;

- система искусственного интеллекта для поддержки принятия долгосрочных и оперативных решений различного уровня на основе многосторонней стратегической компьютерной информации, как средства поиска оптимального решения для всех заинтересованных сторон, в соответствии с имеющимися у них ресурсами, возможностями и складывающимися условиями;

- модель гибкого социально-экономического мониторинга, способного адаптироваться к динамике развития проблемной ситуации;

- модель управления психической и физической активностью населения, способная оперативно представлять поведение людей, в зависимости от сложившейся ситуации, с учетом их психофизиологических особенностей [1].

Для создания ситуационного центра необходима технологическая основа, обеспечивающая сопоставимость информационных ресурсов, накопление получаемых данных, а также инструментальные средства для интеграции различных компонентов. В этом и заключается главная особенность подобных систем, создание которых основывается на принципах системной интеграции существующих и разрабатываемых решений в единый программно-аппаратный комплекс, использующий современные средства приема, обработки и представления информации.

В России одним из первых прообразов СЦ стал оперативный штаб по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы в 1986 году. На основе отработанных в нем решений был создан ситуационный центр руководства Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Еще один ситуационный центр был создан в 1994 году в Совете безопасности при президенте. Он достаточно успешно функционирует по сей день. Этот центр позволяет осуществлять мониторинг, моделирование последствий, анализ событий, которые происходят в экономике, социальной сфере, в области национальной безопасности, помогая, таким образом, вырабатывать решения.

В феврале 1996 года был введен в строй ситуационный центр в резиденции президента. Это достаточно сложный программно-мультимедийный комплекс: три экрана размером 1,5x2 м, более десятка рабочих станций (студий нелинейного монтажа, графических станций, компьютеров для подготовки презентаций), мощный сервер, который хранит огромные объемы информации, а также набор различных инструментальных средств, позволяющих обрабатывать информацию и представлять ее президенту. При анализе ситуации президентом материал оперативно дополняется новыми данными, компьютер обрабатывает информацию и визуализирует на экране результаты моделирования. На их основе вырабатываются решения, которые доводятся до исполнителей средствами того же ситуационного центра.

Органы государственного управления накопили значительный опыт в создании и эксплуатации ситуационных центров, оснащенных современной вычислительной техникой, принципиально новыми технологиями обработки информации и средствами телекоммуникаций. В настоящее время в стране насчитывается более 20 ситуационных центров, развернутых в органах государственной власти, при этом наблюдается устойчивая тенденция и возрастающие темпы создания ситуационных центров в органах регионального управления[2].

Важнейшими факторами, обеспечивающими активное внедрение ситуационных центров в практическую деятельность органов государственного управления, являются:

– необходимость совершенствования управленческих процедур путем включения в них экспертов не только на этапе принятия, но и при выработке решения;

– возможность оптимизации принимаемых решений путем их экспертной оценки и моделирования ситуации в реальном масштабе времени;

- возможность повышения качества предварительного анализа информации и вырабатываемых решений путем использования современных информационных технологий, обеспечивающих интеграцию результатов аналитической обработки с полиэкранной формой визуализации информации;
- необходимость обеспечения лиц, вырабатывающих и принимающих решения, достоверной и полной информацией, представляемой в оперативном режиме;
- возможность оперативного доступа первого лица в сжатые сроки ко всей информации, относящейся к проблеме, требующей решения.

1. <http://www.geos-inform.com>
2. Проказина Н.В., Пашин Л.А. Практика потребления социологической информации государственными гражданскими служащими // *European Social Science Journal*. 2012. № 7. С.365 – 369

ЭВОЛЮЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ И ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДА 3D-МЕНЕДЖМЕНТА

Капица С.И. (Санкт-Петербург)

Кризисный период от мирового кредитно-финансового коллапса 2007-2009 гг. и до введения США и ЕС экономических санкций против России продемонстрировал необходимость пересмотра классических моделей управления российскими компаниями.

Как правило, управленческая система российских предприятий построена на авторитарных принципах. Кризисные условия показали, что воли одного человека, даже чрезвычайно умного и опытного, харизматичного руководителя, недостаточно для эффективной организации деятельности. Если в условиях экономического роста и даже стагнации авторитарный стиль еще работал, то в условиях спада и давления разнообразных внешних факторов стало особенно заметно, что конкурентными преимуществами с точки зрения корпоративного управления стали западные компании, работающие на российском рынке. При этом не составили исключения и те российские предприятия, управление в которых было построено на основе демократического подхода. Обнаружилось, что если в авторитарном стиле люди не понимали и не следовали решениям руководителя, то в демократическом стиле люди так же не понимали друг друга и не умели договориться.

В результате, можно выделить два основных подхода, которые российские компании применяют в кризисных условиях для того, чтобы справиться с проблемами рынка и внешней среды:

1) ориентация только на результат, что приводит к постоянному перенапряжению сил либо к неоптимальной аллокации ресурсов на те направления, которые представляются важными с учетом только одного параметра – целевого результата;

2) ориентация на результат и на процесс, совершенствование деятельности, но при этом решения по развитию процессов в направлении целевого результата по-прежнему не доводятся до людей, т.е. те движущие силы (человеческие ресурсы), которые только и способны преодолеть кризис, выпадают из процесса принятия решений. Задачи спускаются сверху, но они недостаточно скоординированы, линейные менеджеры видят лишь свою узкую область работы и не понимают роли своих целевых показателей и своих процессов в достижении общей цели компании.

Все это отражается в раздробленности действий, в дублировании функций или в пассивном саботаже и даже сопротивлении реализации задач, бессмысленных с точки зрения исполнителей и линейных руководителей.

В связи с этим, в условиях модернизации корпоративного управления в России [1] необходимо предложить в качестве развития управленческих инструментов и методов, применяемых российскими компаниями, своего рода импортозамещение. Если российские предприятия в самых различных отраслях способны эффективно заместить зарубежные инженерные технологии своими отечественными НИОКР и решениями, то можно предложить и в области управления попробовать не просто пытаться слепо копировать западные образцы менеджмента, но воспользоваться уже существующими разработками, созданными на основе 20-летнего опыта бизнеса в рыночной экономике.

В России уже более 10 лет проводятся семинары по активному распространению идей концепции 3D-Менеджмента, который добавляет к указанным двум ориентирам еще одно измерение – человеческое. В качестве основного ресурса в условиях инновационной экономики знаний [2] выступает талант и компетентность конкретных людей, вовлеченных в процесс создания ценности [3], их способность договариваться между собой, согласовывать свою деятельность на основе синергии и поддерживать мотивацию и нацеленность на достижение согласованных целевых результатов.

Достаточно популярные в российской бизнес-среде концепции тим-билдинга и управления на основе команд, нередко опираются либо на ошибочные представления, анализ которых уже достаточно давно проводится и в западной литературе [4], либо на прямой перенос западных инструментов на российскую почву, что также не всегда приводит к положительным результатам, учитывая существенные различия в социокультурных и ценностных основаниях экономического, трудового, организационного поведения [5]. В связи с этим, адаптированные к российской среде подходы 3D-Менеджмента показывают более высокую эффективность, особенно в условиях, когда необходимо проводить организационные изменения и выводить предприятие из сложных кризисных условий. Лидеры экономической системы российского общества формируются на основе комплекса 3 основных измерений – или 3D-модели менеджмента [6], которая включает в себя способность эффективно сочетать работу в основных направлениях достижения целей [7]: постановка задач, оптимизация ресурсов и обеспечение эффективного взаимодействия с людьми.

При этом следует разделять понятия “цель” и “результат”, что помогает лучше понять:

- а) что собственно мы хотим получить на каждом этапе работы (вопрос “что?”) и
- б) какая стратегия, последовательность шагов будет наилучшей для этого (вопрос “как?”).

Вместе с тем, подход 3D-Менеджмента ставит и еще один вопрос – кто будет это делать? И в этом вопросе соединены несколько ключевых позиций: наличие квалифицированных и мотивированных человеческих ресурсов, которые готовы, способны и хотят выполнять поставленные задачи, вкладывая в них свои творческие силы [8; 9], которые реально работают вместе в согласованной системе, а не разрозненными участками работы, слабо увязанными между собой. Понятие стратегического развития компании приобретает более сложную конфигурацию: необходимо не только поставить цели и задачи, но и довериться компетентности работников. Нередко после постановки задачи следует пауза в управленческой деятельности, за которой затем идет контроль, нередко количественный, состоящий прежде всего, в бинарном анализе: сделано или провалено? Наименее эффективные руководители после такого анализа не задаются иными вопросами (почему не сделано, или сделано с привлечением каких ресурсов, и т.п.), а сразу переходят к фазе награждения или порицания (премий и штрафов). И сотрудники ощущают всё более глубокое отчуждение своей непосредственной живой деятельности от функционирования предприятия в целом, выделяя на предприятии Администрацию, которая противостоит им, работникам, реальным исполнителям.

В условиях кризиса, такая ситуация более не может удерживаться на предприятиях с помощью резервов финансирования или с помощью привлечения новых и новых

ресурсов на рынке труда. В связи с этим, по сути, каждая компания в российском экономическом пространстве, которая намерена продолжать свою деятельность после кризиса, вынуждена учитывать в своей деятельности все основные составляющие 3D-Менеджмента – цели, процессы и вовлеченных в эти процессы людей, которые образуют ключевой в эконмоике знаний ресурс.

Если в качестве лидера руководитель видит будущее и вовлекает в него сотрудников, то как менеджер, он видит последовательность шагов и подыскивает подходящую сотруднику мотивацию для выполнения этого шага [5]. Мотивация для выполнения шага может не иметь ничего общего с подходом лидера, но является необходимой для формирования у сотрудника его интереса, его личной мотивации.

Умение и способность вовлечь индивида в процесс деятельности и в достижение поставленной цели, заинтересовать его в процессе освоения того или иного знания, приобретения той или иной компетенции и реализации той или иной общей для всей команды целевой модели является задачей руководителя.

1. Дорошенко Н.Н., Капица С.И., Покровская Н.Н. Модернизация социальной политики государства и реформирование социально-управленческих технологий // *Социология и Право*. 2013. №4 (21). С. 20-35.
2. Polanyi M. *Personal Knowledge*. Routledge, Kegan Paul, 1958.
3. Снисаренко С.О., Покровская Н.Н. Искусство и ремесло управления персоналом: практическое администрирование и социальная наука. Монография. СПб.: ЗАО «Гуманитарный фонд», 2013. 128 с.
4. Hackman, J. R. (Ed.). (1990). *Groups that work (and those that don't)*. – San Francisco: Jossey-Bass.
5. Покровская Н.Н. Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики // *Вестник СПбГЭУ. Серия «Экономика»*. Выпуск 2 (69). – 2014. – с. 100-108.
6. Капица С.И. Решения 3D-менеджмента для управления компанией: 15-летний опыт управленческого консультирования. СПб.: ЗАО «Гуманитарный фонд», 2008. 132 с.
7. Покровская Н.Н. Рациональность экономического поведения // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки*. 2007. №12. С. 128-137.
8. Florida R. *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. – Basic Books, 2002.
9. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ.* – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2005. – 421с.

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ

Касаткина В.А. (Волгоград)

Обращение к понятию социальный имидж организации связано с нарастающим интересом к проблеме корпоративного имиджа в целом. Рассмотрев основные подходы к определению понятия социальный имидж организации, мы смогли сделать вывод о том, что выделение социального имиджа в структуре имиджа организации основывается на принципах следования организации потребностям общества, соблюдения признанных общественно-этических норм, открытости и ответственности бизнеса.

Данный подход приводит нас к исследованию понятия социальный имидж организации в тесной связи с концепцией социальной ответственности бизнеса (КСО), что обусловлено наличием их схожих оснований. Во-первых, по самой своей сути КСО - это концепция, согласно которой организация берет на себя ответственность за влияние ее деятельности на потребителей, поставщиков, сотрудников, акционеров, местное население и прочие заинтересованные стороны общественной сферы. Иными словами, организация «учитывают интересы общества» [1, с. 115-117]. При этом социальная ответственность

может быть направлена на продуктивное взаимодействие с внешней средой и на оптимизацию внутренней среды организации за счет профессионального развития сотрудников, повышения их мотивации к реализации своей квалификации в процессе труда. Результатом первого аспекта является повышение рентабельности и внешней привлекательности компании, второго – увеличение степени эффективности внутренних бизнес-процессов. Во-вторых, социальный имидж организации является явлением социальным, а значит, его следует изучать в большей степени с точки субъекта восприятия. Концепция КСО в данном случае дает возможность рассматривать среду функционирования организации как совокупность субъектов восприятия. В-третьих, основные принципы КСО соответствуют критериям значимости и публичности имиджевого объекта [1, с. 118]. На основании вышеизложенного можем сделать вывод о том, использование КСО является целесообразным в рамках данного исследования.

Согласно Международному стандарту ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности», основному документу, регламентирующему КСО, «организации следует понимать три взаимосвязи: между организацией и обществом, между организацией и ее заинтересованными сторонами, между заинтересованными сторонами и обществом» [1, с. 120]. В рамках исследования социального имиджа организации общество и заинтересованные стороны являются субъектами имиджа, обладающими личными ожиданиями и интересами. В процессе взаимодействия с организацией эти ожидания и интересы сопоставляются с результатами ее деятельности, на основании чего формируется имидж организации.

Определенный интерес в рамках нашего исследования представляет позиция С.В. Братюшенко, утверждавшего, что социальная ответственность бизнеса отражает определенный уровень развития организации и подразумевает ее добровольный отклик на социальные проблемы общества [2, с. 170-171]. В рамках КСО организация соблюдает законодательно установленные нормы и правила и осуществляет деятельности сверх них. Соответственно, социальная ответственность - это своеобразный договор между организацией и обществом, в котором она функционирует. Данный договор может трактоваться по-разному, и С.В. Братюшенко приводит четыре основных подхода к определению ответственности бизнеса [2, с. 173-176]:

1. Юридический: действия, отвечающие требованиям закона, считаются социально ответственными.
2. Профессиональный: действия, направленные на следования интересам организации и ее собственников, признаются социально ответственными.
3. Экономический: действия в рамках социальной ответственности должны вести к достижению организацией успеха и его сохранению.
4. Морально-этический: социально ответственной может считаться та организация, которая ведет себя морально ответственно как перед своими сотрудниками, так и перед всеми, на кого оказывает влияние ее деятельность.

Вышеизложенные подходы отражают эволюционные стадии развития социальной ответственности организации. Можем сделать вывод о том, что уровень социальной ответственности определяется набором требований и ожиданий к организации со стороны общества и государства, а также выгодностью либо невыгодностью социальной активности для компании. Существует закономерность: чем выше уровень социальной ответственности у организации, тем больше обязательств она добровольно на себя принимает. В связи с этим, социальную ответственность можно представить в виде пирамиды, состоящей из трех уровней. Первый, базовый и неотъемлемый уровень - это соблюдение норм и правил законов, регламентирующих деятельность организации. Второй уровень подразумевает реализацию социально ответственного поведения с целью получения экономической выгоды. Третий уровень – это виды социально ответственного поведения, которые не имеют своей целью получение экономической выгоды [1, с. 118-119]. Второй и третий уровни являются добровольными составляющими социальной

ответственности и отличаются мотивами реализации социально ответственного поведения.

По результатам рассмотрения КСО можем сделать ряд выводов. Существует три уровня социальной ответственности: законодательная, экономическая и социальная. Данные уровни отличаются мотивацией, но все они отражают социальную направленность действий организации. Таким образом, в рамках КСО все действия компании обладают социальной составляющей и должны рассматриваться через призму социума. При этом все факторы внешней и внутренней среды организации есть не что иное, как части этого социума, группы общественности.

1. *Опокин, В.В. Социальный имидж в структуре имиджа организации / В.В. Опокин // Научное обозрение: экономика и управление. - 2012. - № 4. - С. 115-122.*
2. *Братющенко, С.В. Социальная ответственность предпринимательства / С.В. Братющенко // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. № 1. – С. 166-178.*

КОРПОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ФОРМА ПОДГОТОВКИ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОРПОРАЦИИ

Костина Н.Б., Климан С.В. (Екатеринбург)

Одним из условий эффективной работы российских крупных промышленных предприятий является создание такой системы подготовки работников разных уровней, статусов и профессий, которая решит задачу по формированию у сотрудников особого типа компетенций – специфических. Это связано с тем, что:

- в современном обществе, в том числе, и в промышленном производстве, инновации приобретают роль ключевого конкурентного преимущества;

- способность и готовность как руководства предприятия, так и его сотрудников накапливать и развивать специфические компетенции быстрее, нежели это сделают конкуренты, - ключевой фактор повышения конкурентоспособности промышленного предприятия;

- мировой финансовый кризис актуализировал для крупных промышленных предприятий России задачу по принятию решений для повышения эффективности и конкурентоспособности.

Наиболее значимой формой корпоративного образования в 21 веке становятся корпоративные университеты, что обусловлено повышением роли знаний и НИОКР в процессе производства, развитием специфических компетенций как условий корпоративного роста и т.д. Обобщение накопленного опыта в этой сфере позволяет выделить реальные проблемы при создании корпоративных университетов, выявить возможности, которые не просматриваются с теоретической точки зрения.

Создание системы подготовки, обеспечивающей предприятие сотрудниками с особым типом компетенций – специфических, позволяет корпорации в стратегической перспективе обеспечить должный уровень организационного развития и конкурентоспособности. В рамках социолого-управленческого знания актуализируется задача определения типа компетенций, формируемых в корпоративном университете, форм взаимодействия между основными субъектами корпоративного образования, обеспечивающими формирование этих компетенций и их последующую трансляцию. Внимание заслуживает и выявление связи между стратегическим управлением на уровне промышленного предприятия - и ролью в этом процессе современного корпоративного университета. К проблемам, препятствующим формированию и эффективному функционированию корпоративных университетов, являются: 1) отсутствие нормативно-

правового комплекса, регулирующего работу корпоративных университетов, при их институционализации в крупных российских корпорациях за последние десять-пятнадцать лет; 2) ориентация корпоративных университетов на традиционное обучение работников (как по содержанию, так и по формам), а не на подготовку специалистов с компетенциями, необходимыми работникам корпорации (специфическими); 3) недостаточное финансирование, препятствующее внедрению университетского корпоративного образования на крупных предприятиях; 4) отсутствие обобщения опыта организации корпоративных университетов.

Структуры, которым придается статус корпоративных университетов, организованы сегодня в таких крупных российских корпорациях как Уральской горно-металлургической компании, НПК «Уралвагонзавод», компаниях Газпром, Русал, Норильский никель, ОАО «РЖД» и др. Но далеко не всегда они выполняют свое предназначение должным образом даже с позиций требований сегодняшнего производства, не говоря уже о ситуациях ближайшего будущего.

Социологическое исследование корпоративных университетов позволит: определить: сущность управления подготовкой работников в рамках корпоративного университета, выработать комплекс показателей оценки эффективности их функционирования, предложить корпорациям рекомендации по совершенствованию корпоративного образования.

Мы считаем, что корпоративный университет представляет собой организацию (подразделение в составе предприятия), в которой необходимо выделять управляющую и управляемую подсистемы. Последняя включает в себя такие всеобщие элементы как цель, технологии, человеческие ресурсы, в первую входят две составляющие - управление промышленным предприятием и управление корпоративным университетом. В качестве особенностей корпоративного университета выделим следующие: 1) его целью является формирование и распространение специфических компетенций, 2) работники корпорации выступают одновременно и в качестве преподавателей, и в качестве слушателей корпоративного университета, 3) система управления корпорацией обеспечивает связь между стратегическими планами и направлениями обучения в корпоративном университете.

Корпоративный университет играет одну из определяющих ролей в системе корпоративного образования, под которым мы понимаем систему подготовки корпоративных работников их собственными силами, нацеленную на формирование и передачу специфических компетенций, создающих уникальные конкурентные преимущества компании на рынке как в настоящем, так и в будущем. Связь между внутриорганизационными инновационными циклами и функционированием корпоративного университета заключается в том, что последний транслирует инновации в рамках промышленного предприятия, участвует в их формировании.

Организация корпоративного университета позволяет промышленному предприятию стать самообучающейся структурой, самостоятельно проектирующей и реализующей образовательный заказ по обучению общим и специфическим компетенциям, формируемым на основе принятых стандартов, а также внутрифирменных открытий и инноваций. Действуя сообща с топ-менеджментом предприятия, корпоративный университет способен участвовать в разработке инноваций, планировать и координировать данный процесс, оценивать результаты, привлекать внешние ресурсы.

Корпорация, создающая, приобретающая, передающая и сохраняющая знания, способна успешно изменять формы своего поведения, отражающие новые знания или проекты. Иными словами, самообучающаяся организация способна генерировать и использовать новые знания.

Для определения качественных и количественных параметров подготовки работников в корпоративном университете НПК «Уралвагонзавод» нами был проведен ряд эмпирических исследований в 2012-2014 гг. методами анкетного опроса (опрошено

200 менеджеров корпорации), экспертного опроса. Опрошено 15 экспертов методом личного полустандартизированного интервью. Отбор экспертов осуществлялся способом документального подбора, основанного на анализе двух групп характеристик экспертов: объективных параметров (опыт управленческой работы, наличие научных трудов, рацпредложений, изобретений и т.п.) и целевых качественных признаков (опыт работы в корпоративном университете Уралвагонзавода, наличие сформированного экспертного мнения о кадровой и инновационной политике корпорации и т.п.). На основании полученных данных был выявлен инновационный потенциал работников корпорации, принимающих управленческие решения, проведен анализ реального положения корпоративного университета Уралвагонзавода, осуществлена диагностика проблем его функционирования и направлений развития.

Для успешного внедрения инноваций необходимы: готовность работников к их восприятию, умения адаптироваться к турбулентным условиям внешней и внутренней сред.

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Кравцова К.Г. (Москва)

Особенности корпоративной культуры дошкольного образовательного учреждения.

Корпоративная культура является основой жизненного потенциала организации. Особенности отношений между людьми, устойчивые нормы и принципы жизни и деятельности организации, образцы положительного и отрицательного поведения и многое другое, что относится к ценностям и нормам, имеют важное значение для эффективного управления. Если можно говорить, что организация имеет «душу», то этой душой является корпоративная культура.

На небольшой промежуток времени обращения к этому феномену еще не накоплено достаточной информации о содержании и специфике корпоративной культуры предприятий, а тем более корпоративной культуры в образовательных учреждениях. Так что же такое корпоративная культура? И как она проявляется в дошкольных образовательных учреждениях?

Термин «корпоративный» возник от латинского *corporatio* - объединение, сообщество, а не от «корпорации» как организационно-правового типа предприятия. Известно, что наличие в организации «корпоративного духа» обсуждалось еще в XIX веке, и А.Файоль назвал укрепление и поддержание корпоративного духа одним из базовых принципов управления предприятием, определяя его как союз: «Союз - это сила. А она результат гармонии персонала».

Корпоративная культура в организации определяет ее успешность, имидж и репутацию в общественном сознании, сплачивает коллектив, обеспечивает благоприятный климат внутри организации. Культура, понимаемая как «особое общественное явление, оперирующее символами». Понятие «корпоративная культура» определяют как систему формальных, неформальных правил и норм деятельности, традиций, интересов, особенностей поведения организации, стиля руководства, показаний удовлетворенности работников условиями труда, уровня взаимного сотрудничества.

Исследования в области управления дошкольным образованием позволяют прийти к выводу о том, что коллективное взаимодействие педагогов обеспечивает максимум творчества в профессиональной деятельности, если в коллективе имеется взаимопонимание, единство целей, доверие друг к другу, при этом цели каждого члена

коллектива, связанные с его трудовой деятельностью, совпадают с целями дошкольного образовательного учреждения в целом .

Коллектив единомышленников, готовых интегрировать свои усилия в направлении достижения целей дошкольного образовательного учреждения, обладает единым видением будущего, пониманием настоящего, осознанием необходимости изменений и наличием сформированной корпоративной культуры. Несмотря на различие этих определений, есть общие, присущие только корпоративной культуре элементы: философия организации, миссия организации, история, мифы и легенды организации, ритуалы и традиции. Это так называемые артефакты, а также условия и ценности организации. Конечно, элементы корпоративной культуры есть в каждой организации, но наличие целостной структуры позволяет добиться высокого результата работы учреждения. Это в свою очередь создает положительное отношение общественности и желание сотрудничать именно с этим учреждением. Как показывает практика, большинство сотрудников понимают под корпоративной культурой лишь традиционные празднования и форму одежды.

Поэтому рассмотрим каждый элемент и попробуем определить его место в дошкольном образовательном учреждении.

Философия организации не обладает конкретностью, но является отправной точкой для их определения. В дошкольном образовательном учреждении выделяют основные философские принципы:

- добросовестность в работе;
- открытость и честность взаимоотношений внутри коллектива;
- предоставление качественных образовательных услуг;
- использование в работе инновационных технологий обучения;
- создание комфортных бытовых условий в детском саду и высокий уровень обслуживания;
- педагогически целесообразное отношение персонала к воспитанникам;
- стимулирование и устанавливание добрых человеческих отношений с родителями, поставщиками, населением района, где располагается детский сад.

Миссия (назначение) организации есть ее предназначение, то есть то, ради чего она существует, каковы ее основные отличия от окружающих ее организаций. То есть это цель или несколько главных целей существования организации, вырабатывающие коллективное сознание, устанавливающие ориентиры взаимоотношений между работниками, образцы поведения по отношению к объектам интереса организации, мобилизующие на достижение корпоративных целей и задающие значимость деятельности организации в социальном аспекте.

История, мифы и легенды организации. Это вся история создания и развития организации со дня ее основания до настоящего момента работы. Здесь необходимо выяснение того, что именно знают сотрудники о ее развитии, какие истории стали наиболее распространенными. Посредством этого определяется, какие ценности поддерживаются этими историями и почему доминируют именно эти ценности.

Традиции организации. Под традициями обычно понимают систему повторяющихся символических мероприятий, призванных удовлетворить потребность в признании и закрепить ценности в организации. С помощью различных традиционных форм взаимодействия можно сформировать корпоративный дух и единство всех сотрудников. Традиции обеспечивают преемственность между поколениями персонала учреждения и позволяют передавать традиции через символы в неформальной, отличной от будничных дней обстановке.

Условия и ценности. Правомерно говорить о корпоративной культуре только в том случае, когда выполняются несколько условий работы персонала, в частности, когда работники удовлетворены работой в целом, удовлетворены условиями труда, отношениями в коллективе, заработной платой, обеспечением социальными благами,

когда обстановка в коллективе миролюбивая. Корпоративная культура не может существовать на предприятии, борющемся за экономическое выживание. Только удовлетворив свои базовые материальные потребности, работники могут обратиться к ценностям корпоративной культуры. Моральные принципы работников должны быть так близки системе ценностей организации, чтобы не вызывать конфликтов. Иначе работника ждет разочарование, и он не сможет эффективно трудиться. В качестве ценностей, на которых может основываться «идеальная» корпоративная культура, предлагаются преимущества работы на этом предприятии - хороший коллектив, доверие к руководству, умение работать в команде и вера во взаимопомощь, чувство сопричастности общему делу.

В дошкольном учреждении, прежде всего это моральные ценности - гуманность, справедливость, человечность, сопереживание, взаимопомощь. Высокий уровень самоконтроля педагогов позволяет руководителю делегировать полномочия и быть полностью уверенным в качественном и своевременном выполнении поручений. Взаимопомощь объединяет и сплачивает сотрудников детского сада и вызывает чувство сопричастности к общему делу. Организация рабочих мест, современное оборудование детского сада, доступность работы с ним и обеспечение сотрудников необходимыми материалами делают труд педагога комфортным, облегчают его. Знание деловой этики определяет уважительные, тактичные взаимоотношения внутри коллектива.

Создание этического кодекса и правильный выбор стиля руководства создают у сотрудников чувство принадлежности к детскому саду, чувство гордости за него. Из разрозненных людей сотрудники превращаются в единый коллектив - команду.

Подводя итог, можно сказать, что наличие корпоративной культуры в дошкольном образовательном учреждении необходимо, так как она создает имидж организации, делает из коллектива единую команду. Взаимодействие всех элементов корпоративной культуры повышает качество работы детского сада, делает дошкольное учреждение конкурентоспособным на рынке образовательных услуг. Методы поддержки и стимулирования потребностей педагогов в проявлении индивидуального стиля профессиональной деятельности и формировании общего корпоративного имиджа образовательного учреждения, которые особенно актуальны в ситуации экономического кризиса, поиска инновационных направлений деятельности дошкольного образовательного учреждения, в развитии конкурентоспособности.

1. Дугина О. Корпоративная культура и организационные изменения // Управление персоналом. - 2000 - № 12.
2. Спивак В.А. Корпоративная культура: Теория и практика СПб. [и др.]: Питер, 2001.

РЕФОРМЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РФ И ИХ ОЦЕНКА ГОССЛУЖАЩИМИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Кузеванова А.Л. (Волгоград)

В последние годы в целях обеспечения эффективного функционирования государственной гражданской службы были приняты меры по оптимизации кадрового состава, совершенствованию кадровой работы, по разработке эффективных механизмов реализации кадровой политики в органах государственной власти. В частности, в 2010 г. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции был одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, который представляет собой «свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться

государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности» [1]. Кодекс был принят в целях повышения эффективности работы госслужащих, формирования должной морали в сфере государственной и муниципальной службы, установления этических норм и правил служебного поведения. Другим вектором реформирования системы госслужбы стало принятие президентского указа от 1 июля 2010 г. № 821 о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, задачей которых стало обеспечение соблюдения федеральными государственными служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, а также исполнения ими служебных обязанностей [2].

Изучение оценки госслужащими перечисленных выше реформ осуществлялось нами на основе данных социологического исследования, проведенного автором с применением метода анкетирования в марте-апреле 2015 года среди федеральных государственных гражданских служащих г. Волгограда (N=475, тип выборки – двухступенчатая случайная с квотным отбором респондентов на последнем этапе, квота по полу). Распределение респондентов по полу и возрасту выглядит следующим образом: 23,2% мужчин и 76,8% женщин; 9,9% опрошенных находятся в возрасте от 21 до 24 лет, 19,7% - в возрасте от 25 до 30 лет, 29,2% респондентов относятся к возрастной группе от 31 до 40 лет, 22,3% государственных гражданских служащих в возрасте от 41 до 50 лет, 16,5% респондентов в возрастной группе от 51 до 60 лет, 2,4% участвовавших в анкетировании старше 61 года. Исследование проводилось в соавторстве с аспирантом кафедры философии и социологии Волгоградского филиала РАНХиГС Катренко Е.В.

С момента принятия упоминавшегося выше Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих прошло почти 5 лет, однако, как показывают результаты нашего исследования, 43,3% участников опроса лишь отчасти знакомы с его содержанием. Особенно показателен тот факт, что среди опрошенных руководителей 40% так же не считают себя хорошо осведомленными о сути положений этического кодекса. Эти показатели косвенно указывают на недостатки в работе кадровых отделов в системе государственной гражданской службы, в обязанности сотрудников которых входит ознакомление госслужащих с нормативными документами. Высокие процентные показатели, свидетельствующие о фрагментарном характере информации о содержании кодекса, которой располагают госслужащие, явно противоречат декларируемым в регламентирующих документах указаниям на то, что соблюдение положений Типового кодекса учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий.

В анкету исследования был введен вопрос о значении принятия и утверждения Типового кодекса этики и служебного поведения госслужащих. В ходе анализа полученной социологической информации выяснилось, что на первом месте по популярности оказался вариант ответа о том, что кодекс служит основой для формирования системы профессионально-нравственных качеств государственных служащих. По мнению 37,1% опрошенных Типовой кодекс является институтом этического самоконтроля для госслужащих, и 34,5% участников опроса уверены, что принятие кодекса способствует повышению эффективности выполнения госслужащими своих должностных обязанностей. Подчеркнем, что особую позицию в оценке значимости этического кодекса заняли обеспечивающие специалисты, каждый четвертый из которых полагает, что принятие кодекса – пустая формальность, и до его появления было достаточно различных регламентирующих документов об этике и служебном поведении государственных служащих. Если в группах респондентов, являющихся руководителями, помощниками и специалистами, доля тех, кто считает, что благодаря принятию кодекса повысится уровень эффективности работы госслужащих, колеблется от 32,4% до 45,5%,

то среди обеспечивающих специалистов согласных с такой точкой зрения оказалось гораздо меньше – всего 19,4%.

В задачи нашего исследования входило выяснение того, как утверждение Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих отразилось на профессиональной деятельности респондентов. 35,7% опрошенных выразили убежденность в том, что введение в действие кодекса положительно повлияло на характер выполнения госслужащими своих профессиональных обязанностей, 32,5% респондентов придерживаются сходной позиции, выбрав вариант ответа «скорее положительно, чем отрицательно». При этом анализ социологической информации показал, что достаточно велик процент тех, кто указал на отсутствие какого-либо влияния принятия кодекса на характер реализации их профессиональной деятельности: почти каждый третий из опрошенных отдал предпочтение варианту ответа «никак не отразилось». Распределение ответов респондентов с учетом их должностного статуса показывает, что специфическую позицию заняли респонденты, занимающие должности помощников: в их группе оказалось 60% тех, кто убежден в положительном влиянии принятия кодекса на характер служебного поведения госслужащих (в иных группах респондентов доля выбравших аналогичный вариант ответа колеблется от 31,4% до 44,4%).

Большинство участников опроса (63,4%) продемонстрировали осведомленность о принятии в государственном органе, в котором они работают, аналога Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Примечательно, что в группе респондентов-руководителей доля тех, кто располагает подобной информацией, оказалась меньше, чем в группе участников опроса, работающих на должностях помощников (советников) (63,5% и 72,7% соответственно).

В тексте Типового кодекса отмечается, что нарушение государственным служащим положений кодекса подлежит моральному осуждению на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, нарушение положений кодекса влечет применение к государственному служащему мер юридической ответственности» [1]. С целью выяснения уровня осведомленности участников опроса о подобной ответственности в инструментарий исследования был введен вопрос «Знаете ли Вы, какую ответственность несут государственные гражданские служащие за нарушение положений Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих?» Выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных (91,4%) располагают исчерпывающей информацией по этому вопросу. О создании комиссий по соблюдению требований к служебному поведению госслужащих и урегулированию конфликта интересов в государственных органах для контроля исполнения положений Типового кодекса знают 85,8% респондентов, при этом менее информированными в этом плане оказались участники опроса, занимающие должности помощников (если среди руководителей и обеспечивающих специалистов доля осведомленных о работе этических комиссий составила более 90%, то в группе советников лишь 72,7%).

Более 60% государственных гражданских служащих, принявших участие в нашем исследовании, положительно оценивают деятельность комиссий по соблюдению требований к служебному поведению госслужащих и урегулированию конфликта интересов, 35,4% респондентов заняли несколько двойственную позицию, выбрав вариант ответа «скорее положительно, чем отрицательно». Анализ анкетных данных с учетом стажа работы респондента на государственной службе показал, что доля тех, кто однозначно позитивно относится к деятельности этических комиссий, меньше среди участников опроса, чей стаж более 25 лет (42,9%), в то время как в иных группах респондентов эта доля составила от 59,5% до 68,4%. Вероятно, подобная позиция

объясняется возрастными особенностями респондентов, обуславливающими нежелание позитивно воспринимать нововведения, внедряемые в системе государственной службы.

Участникам анкетного опроса было предложено оценить эффективность мер, предлагаемых экспертным сообществом и представителями соответствующих ведомств по регулированию системы профессионально-нравственных качеств гражданских государственных служащих. В ходе анализа полученных социологических данных выяснилось, что наиболее эффективными мерами респондентами были признаны такие, как: регламентация вопросов, касающихся повышения денежного содержания и оптимизации пенсионного обеспечения, создание адекватных материальных стимулов в зависимости от объема и результатов работы в целях повышения мотивации государственных гражданских служащих, внедрение эффективных технологий и современных методов кадровой работы, направленных на обеспечение условий для увеличения результативности их профессиональной служебной деятельности, разработка и введение антикоррупционных стандартов в виде установления для государственной службы единой системы запретов, ограничений, обязанностей и дозволений, направленных на предупреждение коррупции, усиление ответственности за несоблюдение норм этики и служебного поведения госслужащих, внесение изменений в образовательные программы профессиональной подготовки госслужащих в части увеличения количества часов на дисциплины, связанные с этикой и правилами служебного поведения.

1. *Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)*
2. *Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. N 821 "О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов" [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/07/07/prezident-komissii-dok.html>*

ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ ОРГАНЫ ПРИ ОРГАНАХ МСУ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

Кузнецова П.Ю. (Пермь)

Местное самоуправление в современной России является не только институтом публичной власти на низовом территориальном уровне, но и важнейшим институтом гражданского общества, обеспечивающим возможность гражданам участвовать в принятии и реализации решений, затрагивающих интересы местного сообщества. Вместе с тем, публично-властная составляющая местного самоуправления, выражающаяся в монополии органов местного самоуправления на реализацию нормотворческих и исполнительно-распорядительных функций, одновременно с ограничением участия граждан в формировании данных структур, приводят к возникновению существенного разрыва между муниципальной политикой и реальными потребностями местного сообщества. Следовательно, возникает необходимость в формировании и функционировании механизмов, позволяющих создать каналы взаимодействия между населением и муниципальной властью. Ведущими из них являются общественно-консультативные органы, которые включают как представителей институтов гражданского общества, общественности, бизнеса, так и органов публичной власти, которые призваны на основе консолидации общественных интересов осуществлять обсуждение общественно значимых вопросов, разрабатывать рекомендации по принятию органами власти решений и осуществлять общественный контроль.

Анализ создания и деятельности общественных советов на примере городского округа «Пермь» позволил выделить три ключевых этапа в развитии данной формы взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества.

1 этап (1999 – 2007 гг.) – совещательные органы создавались при администрации города Перми для коллегиального обсуждения вопросов в пределах компетенции администрации. Так были созданы: Консультативный совет при главе администрации города, Городской Совет по рекламе, Пермский городской координационный совет. Также был сформирован Совет по промышленной политике при главе администрации г.Перми, который не провел ни одного заседания.

В состав совещательных органов преимущественно входили муниципальные служащие функциональных и территориальных подразделений администрации города Перми, а также, члены общественных объединений, политических партий и иных организаций. Анализ целевого назначения и практической деятельности совещательных органов позволяет сделать вывод о том, что создавались они с целью определения направлений муниципальной политики и согласованного функционирования подразделений администрации, вместе с тем, участие общественных структур в их деятельности носило очень ограниченный характер, а состав не отражал интересы населения муниципального образования.

2 этап (2007 – 2011 гг.) - создание консультативных совещательных органов при главе муниципального образования. В этот период общественно-консультативные органы имели преимущественно отраслевой характер и создавались по конкретным направлениям муниципальной политики с целью информирования главы города по наиболее важным вопросам и коллективного обсуждения проектов решений. Так были созданы: Общественный совет по вопросам образования в г.Перми, Общественный совет по топонимике при главе г.Перми, Совет по спорту при главе г. Перми, Совет по культуре при главе г.Перми, Совет по развитию малого и среднего предпринимательства при главе г.Перми, Градостроительный совет при главе г.Перми.

Следует отметить доминирующую роль главы муниципального образования как при формировании, так и в организации непосредственной деятельности общественно-консультативных органов. Глава муниципального образования руководил и координировал деятельность Советов, утверждал повестку и определял порядок проведения их заседаний, а также утверждал количественный и персональный состав Советов.

Состав общественно-консультативных органов также преимущественно формировался из представителей органов местного самоуправления (51%). Но при этом значительное число членов представляли общественные организации (20%), научное сообщество (19%), эксперты (7%), представители СМИ (3 %). Деятельность общественно-консультативных органов носила информационно-аналитический характер и заключалась лишь в обсуждении выносимых на их заседания проектов муниципальных нормативно-правовых актов и выработке рекомендаций органам местного самоуправления по их принятию.

3 этап (2011 г. – настоящее время) – создание консультативных совещательных органов при представительном органе МСУ - Пермской городской Думе. На данном этапе при создании общественно-консультативных органов были совмещены два подхода – формирование органов общей компетенции (Общественный совет при Пермской городской Думе) и отраслевого назначения (Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям при Пермской городской Думе, Совет по топонимике при Пермской городской Думе, Градостроительный совет при Пермской городской Думе, Молодежный совет при Пермской городской Думе). Данные советы имеют статус совещательных и координирующих органов при Пермской городской Думе, которые создаются с целью выявления мнения общественности в отношении проводимой

муниципальными органами власти политики, а также для решения наиболее значимых для общества проблем [2].

Однако, глава города – председатель представительного органа, - по-прежнему определяет количественный и персональный состав советов, организует их заседания [2]. Отличительными особенностями социального состава советов при Пермской городской Думе являются сокращение представителей органов местного самоуправления (21%) и увеличение представителей общественности (79%) [3].

Анализ проблематики вопросов, выносимых на заседания общественно-консультативных органов, демонстрирует расширение их характера по сравнению с предыдущими этапами. Вместе с тем, по-прежнему, решения общественно-консультативных органов носят рекомендательный, информационный характер для органов местного самоуправления и не в полной мере учитываются при определении основных направлений муниципальной политики и разработке муниципальных нормативно-правовых актов. Так, анализ протоколов заседаний Общественного совета при Пермской городской Думе за 2013 – 2015 гг. показал, что ряд проектов ключевых решений представительного органа местного самоуправления не был вынесен на предварительное обсуждение Общественным советом, в том числе: «Об утверждении Перечня услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления муниципальных услуг функциональными и территориальными органами администрации города Перми», «О внесении изменений в Устав города Перми», «О внесении изменений в решение Пермской городской Думы от 28.08.2007 № 185 «Об утверждении Положения о бюджете и бюджетном процессе в городе Перми [1]. Не все направления деятельности Общественного совета при Пермской городской Думе реализуются в полной мере, в том числе: проведение гражданского мониторинга, общественного контроля и независимой общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов органов местного самоуправления г.Перми, планов, программ развития города.

Для решения вышеуказанных проблем необходимо, во-первых, внести изменения в «Положение об Общественном совете при Пермском городской Думе», представив возможность его членам вносить предложения по формированию повестки заседаний. Во-вторых, необходимо активизировать реализацию общественного контроля со стороны Общественных советов при Пермской городской Думе, который должен представлять собой деятельность по проверке соответствия действий органов МСУ потребностям и интересам местного сообщества, а также по оценке эффективности реализации органами МСУ правовых актов.

1. *Официальный сайт Пермской городской Думы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.perm.ru> (дата обращения: 25.09.2015).*
2. *Положение об Общественном совете при Пермской Городской Думе [Электронный ресурс]: приложение к решению Пермской Городской Думы от 30.08.2011 № 184. Режим доступа: <http://duma.perm.ru> (дата обращения: 25.09.2015).*
3. *Постановление Главы города Перми – председателя Пермской городской Думы от 27.12.2013 №236 «Об утверждении состава Общественного совета при Пермской городской Думе» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.perm.ru> (дата обращения: 25.09.2015).*

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ.

Лановая В.М. (Волгоград)

В настоящее время существует множество интерпретаций слова «управление». Так в словаре А. И. Фоменкова в качестве наиболее точного толкования этого термина мы находим следующее: «Управление — специализированная деятельность, направленная на

упорядочение отношений между людьми в процессе их совместной деятельности в соответствии с определенным замыслом и волей доминирующего субъекта.» [6]

С древних времен практически каждый индивид, желающий улучшить своё благосостояние и положение в обществе, значительное внимание уделял тому, как приобрести большую власть, которая как раз и является первым и незаменимым атрибутом управления. С момента получения каким-либо индивидом властных полномочий жизнь каждого человека начинает существенно зависеть от его мудрости и от принимаемых им решений. Очевидно, что эти решения должны быть максимально объективными и научно обоснованными. Однако не всегда человек, находящийся у власти, проводит политику, направленную на улучшение благополучия всего общества. Более того порой он преследует свои личные и корыстные цели. И в этой связи для организации стабильной жизни в обществе необходимо прислушиваться к общественному мнению. Таким образом, важность муниципального управления для всего социума сложно переоценить поскольку именно с помощью такой территориальной самоорганизации население может заявлять о своих интересах и самостоятельно решать вопросы местного значения.

Всё началось ещё в V-VI вв., когда основу институционального управления составляли общины, которые были подчинены княжеской власти. В процессе неолитической революции власть начала неравномерно распределяться и появилось иерархически структурированное управление. При этом произошло формирование разных институтов муниципального управления: вече, совет старейшин. Постепенно государственный контроль над общиной усиливался и помимо выборных старост появляются приказчики и другие должностные лица, назначенные князем. Тем не менее, община в Древней Руси можно считать автономным образованием с собственными суверенными правами.

Вторым периодом в истории развития местного самоуправления принято считать раннее средневековье. Именно в этот этап появились новые институты городского управления, а в древнерусских городах возникли купеческие и ремесленные организации, которым были предоставлены права на управление. Однако город не приобрёл имущественных прав на владение и распоряжение городской собственностью, а только лишь получил свои права на движимое и недвижимое имущество при этом городское сообщество не сформировалось, как субъект муниципального управления. Таким образом, сословное управление считается наиболее развитой формой управления в данный период.

Период становления Русского централизованного государства в XV-XVI вв. по праву можно считать началом развития муниципального управления поскольку именно тогда город сформировался как экономическая система. Это обуславливается реформами Петра IV и нарастанием острой экономической и политической борьбы, что послужило в свою очередь поводом для создания губных и земских органов местного самоуправления. Так в результате проведения губной и земской реформы население постепенно включалось в процесс формирования выборных органов муниципального управления. [5]

Самым значимым на наш взгляд является XVIII в. В соответствии с реформами 1718-1724 гг. появились органы управления городом – магистраты. Магистратом избирался человек из «гостиной сотни...первостатейных, зажиточных и умных граждан». [3] В свою очередь эти управленцы подчинялись воеводам и губернаторам. Важным событием было также получение городом статуса юридического лица, что позволяло им разграничить полномочия органов власти и добиться экономической самостоятельности.

Во второй половине XVIII в. существовало множество проектов государственного переустройства и в этих условиях происходило формирование органов муниципального управления. Именно в этот период получила развитие теория муниципального управления.

Весь этот процесс привёл к тому, что уже в XIX в. в России сформировались прочные традиции местного самоуправления. Характерной особенностью развития муниципального управления в этот период было делегирование отдельных полномочий институтам управления низшего иерархического уровня. Примечательно, что свою реформаторскую деятельность Александр II начал именно с муниципального управления, подписав Манифест 1861 г., который в дальнейшем изменялся и конкретизировался в различных указах российского императора.

Нельзя обойти стороной историю Городских Дум и земств. Ведь создание российского земства было результатом долгих обсуждений вопросов реформирования государственного механизма в целом. При этом земство, будучи системой, не включалось в структуру государственных органов и в положения «О земских и губернских учреждениях» не были выделены его государственно-властные полномочия. Однако участие в решении местных вопросов всех сословных групп является главной чертой становления земского и муниципального управления как основной формы местного управления во второй половине XIX в. Этот период в истории России был весьма кратковременным, но начало XX в. предвещало благоприятные перспективы.

В своей реформаторской деятельности Столыпин большое внимание уделял развитию местного самоуправления. Вопросы совершенствования земского и муниципального управления были включены в программные требования всех ведущих политических партий, в том числе в партии социал-революционеров.

Следующий период относится к эпохе социализма, принципами которого были: авторитарность в управлении государством; проявление функций государства как инструмента политической мобилизации и регулятора социальных отношений; иерархичность социальных отношений в стране. Негативным последствием этого этапа можно считать утрату экономической базы для функционирования муниципальных образований. [4]

В конце XX в. начался современный период в эволюции муниципального управления. Изначально большим событием стало принятие в 1990-1991 гг. закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства СССР» и закона «О местном самоуправлении в РСФСР». Однако принятие данных законов не привело к формированию полноценной, направленной на интересы населения системы муниципального управления. Хотя и произошло закрепление статуса муниципального управления как самостоятельной системы управления, на местном уровне кризис власти продолжал прогрессировать. Затем происходит становление систем муниципального управления, фундаментальные основы которых были определены Конституцией Российской Федерации 1993 г., в которой отдельная Гл. 8 содержит основные параметры правового пространства организации и деятельности этого управления в нашей стране. [1] Помимо это был принят федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с ним система муниципального управления включает главу местной администрации, а также представительные и исполнительно-распорядительные органы местного управления. [2]

Таким образом, на основе анализируемых автором данных можно сделать вывод, что муниципальное управление в России за весь период истории своего развития претерпело значительные изменения, а преобразования, проведённые уже на современном этапе, возродили систему муниципального управления.

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации - 6 октября 2003 г.

3. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. Кн. 1 / Н. И. Костомаров. – М.: Книга, 1990. – 779 с.
4. Подберезкин А. Н. Национальный человеческий капитал. Т. III. Идеология русского социализма. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 850 с.
5. Романов В.Н., Кузнецов В.В. Система государственного и муниципального управления: учебное пособие. - Ульяновск: УлГТУ, 2008. – 153 с.
6. Фоменков А.И. Социология организаций и управления: словарь основных понятий. Смоленск: СГПУ, 2005. – 168 с.

ВНУТРИФИРМЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ ПЕРСОНАЛА В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Ларина И.С. (Волгоград)

Экономический кризис в России заставил многие компании сокращать внутрифирменные программы обучения, но не свел на нет заинтересованность в развитии управленческих кадров. Все чаще ставится под сомнение роль прибыли в качестве основной цели деятельности организации. В то же время по-прежнему остро ощущается дефицит высококвалифицированных кадров. В связи с этим компаниям предстоит уделять повышенное внимание бизнес-обучению и повышению квалификации своих сотрудников.

Сущность обучения персонала заключается в долгосрочном инвестировании, требующего временных инвестиций, управленческо-организационных затрат и существенных финансовых расходов [3]. Сегодня специалистами в области внутрифирменного обучения, предлагаются различные классификации организационного обучения: по отношению к процессам функционирования и развития; по способу организации; по характеру обучения; по степени охвата [2].

Д. Тис [1] различает два вида обучения - аналитическое и экспериментальное. Аналитическое обучение позволяет подготовиться к новым видам деятельности, например при реализации фирмой стратегии диверсификации. Экспериментальное обучение по характеру является эмпирическим и позволяет на основе деятельности более точно определить, чему необходимо учиться. Это обучение создает предпосылки для формирования собственных личностных и организационных знаний. Именно поэтому, одним из самых перспективных в настоящее время является метод активного обучения, называемый «обучение действием», при котором эффективны такие активные формы обучения, как ролевые и деловые игры, кейсы, тренинги.

Многие компании, используют в качестве активного обучения тренинги. Основу тренингов составляют целенаправленные упражнения, перекликающиеся с типовыми профессиональными ситуациями. Возможно несколько назначений такой формы обучения: теоретическое и практическое обучение персонала; адаптация сотрудников к новым рабочим условиям; оценка и самооценка персонала; мотивация работников; активизация скрытых резервов человека; выявление новых знаний и взаимообмен знаниями; решение организационных проблем.

В условиях финансового кризиса компании вынуждены пересматривать свои внутрифирменные программы обучения. Расходы по данным статьям должны планироваться как часть корпоративной стратегии, а не как дополнительное обременение. Поэтому, развивая социальную ответственность компании через внутрифирменное обучение, важно отказаться от разовых мероприятий. Ведь сегодня чаще всего тренинги применяются как разовые мероприятия и ориентируются на практическое обучение (тренинг продаж) и активизацию скрытых резервов. Гораздо более серьезную отдачу от вложений в обучение позволят получить системные программы, которые необходимо расширять за счет применения различных видов обучения, методик. Помимо тренингов,

можно использовать наставничество (коучинг), стажировки, консультации, сертификационные курсы, E-learning и т.д. Необходимо развивать системный подход и формулировать политику обучения.

Задача исследования на примере ООО «УК «Волма» заключалась в выявлении существующих проблем внутрифирменного обучения персонала в кризисный для компании период и разработка мероприятий по совершенствованию системы обучения. В качестве основного социологического метода применялся метод анкетирования, в котором приняло участие 50 человек.

Результаты анкетирования показали, что существует психологическая неудовлетворенность персонала рабочей обстановкой, связанная с недавними сокращениями и сменой власти, которая привела к напряженности и конфликтным ситуациям. Сокращение было вызвано не только по причине смены власти, а также из-за нестабильного финансового положения УК «Волма», расходы на содержание персонала и внутрифирменное обучение уменьшились. В связи с чем компанией было принято решение о том, что наилучшим выходом из кризисной ситуации является сокращение штата.

Однако, проблема от принятых мер компанией не решилась, поскольку объем работ не уменьшился, а наоборот, увеличился. В данной ситуации сотрудникам приходится больше работать, чем раньше, а также выполнять обязанности уволенных сотрудников не имея специальной подготовки. Таким образом объем производства продукции и оказания услуг остался неизменным. Если же не поддерживать персонал в сложившейся ситуации, это приведет к демотивации сотрудников, а также к снижению качества работ, что скажется на деятельности компании в целом.

Улучшение профессиональной подготовки кадров является одним из главных ресурсов выживания компании в кризисные для нее времена. УК «Волма» необходимо проводить обучение, во-первых, для сотрудников, выполняющих новые функции; это обучение впоследствии сформирует необходимые профессиональные умения и знания, вследствие чего сотрудники смогут эффективно и качественно выполнять свои должностные обязанности. Во-вторых, обучать менеджеров среднего звена и специалистов по программам повышения квалификации. Что приведет к росту реально работающих механизмов карьерного развития и формирования у линейных руководителей навыков управления командой, мотивации подчиненных на саморазвитие и более ответственного отношения к своему делу. Таким образом, компания осуществит инвестиции в систему управления, но в итоге это положительным образом скажется и на развитии персонала в целом. В-третьих, проводить комплексную программу развития менеджеров высшего звена и руководителей. Так как расширение их профессиональных навыков в смежных областях будет способствовать выходу компании из кризисной ситуации, а также сделает их более конкурентоспособными.

На наш взгляд, компании, особенно в кризисный период обязательно должны заниматься поддержанием и развитием своих сотрудников, иначе они могут потерять высококвалифицированных специалистов, что неблагоприятно повлияет на производственные показатели, а также на имидж и репутацию компании.

1. Воротынцева Т., Неделин Е. *Строим систему обучения персонала* / Т. Воротынцева, Е. Неделин - СПб.: Речь, 2008. - 128 с.
2. Дресвянников В.А. *Построение системы управления знаниями на предприятии* / В.А. Дресвянников - М.: КНОРУС, 2006. - 344 с.
3. Магура М.И. *Организация обучения персонала компании* / М.И. Магура – М.: Бизнес-школа «Интел –Синтез», 2006. – 264 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ "КОНТРОЛЛИНГ"

В современном мире понятие «контроллинг» получило широкое применение в различных сферах управления многих стран мира. Но в соответствии с законодательством страны, ее менталитетом, уровнем (или качеством) жизни населения на сегодняшний день существует множество операционализаций данного термина, так как ученые определяют контроллинг, учитывая разнообразные аспекты и специфику сферы деятельности его применения. Например, Л. А. Малышева считает, что контроллинг – это отдельная теория, которая координирует процессы менеджмента, занимается планированием, а также организацией и координацией деятельности предприятия [8].

Д. Хан и Х. Хунгенберг понимали под контроллингом систему информационного обеспечения, которая ориентирована на результат управления предприятием [3]. Ю.И. Башкатова предлагает рассматривать контроллинг как комплексную систему, включающую в себя управленческий учет, планирование, анализ и контроль результатов деятельности, разработку бюджета [1].

Чтобы определить сущность контроллинга необходимо обратиться к его истории. Само слово контроллинг произошло от английского «to control», что означает наблюдение, управление. Истоки данного понятия исходят из Великобритании XV века, где появилась должность «countrollour», функции которой определялись контролем и документированием денежных и товарных потоков. Следующие признаки контроллинга появляются уже в США в конце XIX – начале XX вв., где функции (или обязанности) контроллеров сводилась к проведению ревизий, управлению финансовыми вложениями и основным капиталом, а также разработке и анализу производственной деятельности предприятия с ориентацией на будущее развитие. Дальнейший импульс к развитию контроллинг получил в Германии в середине XX века, где уделялось большое внимание созданию теоретически целостной концепции. В России интерес к контроллингу стал появляться только лишь в конце XX века, когда появилась необходимость в специализированном учете затрат, результатов, а также оперативном планировании и бюджетировании.

Таким образом, появление контроллинга в странах происходило в разные периоды времени, чему способствовали многообразные факторы. На каждом этапе своего развития, как за рубежом, так и в России контроллинг имел различные сущностные характеристики, трансформация которых представлена на рисунке 1.

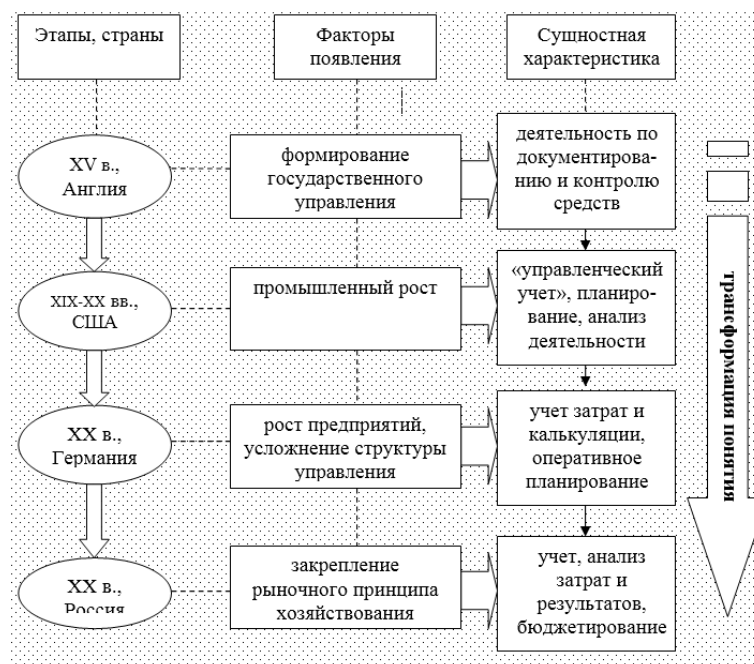

Рисунок 1. - Развитие контроллинга под влиянием факторов

Проанализировав историю становления контроллинга и существующие подходы в его определении, автором разработана теоретико-методологическая модель контроллинга, представленная на рисунке 2.

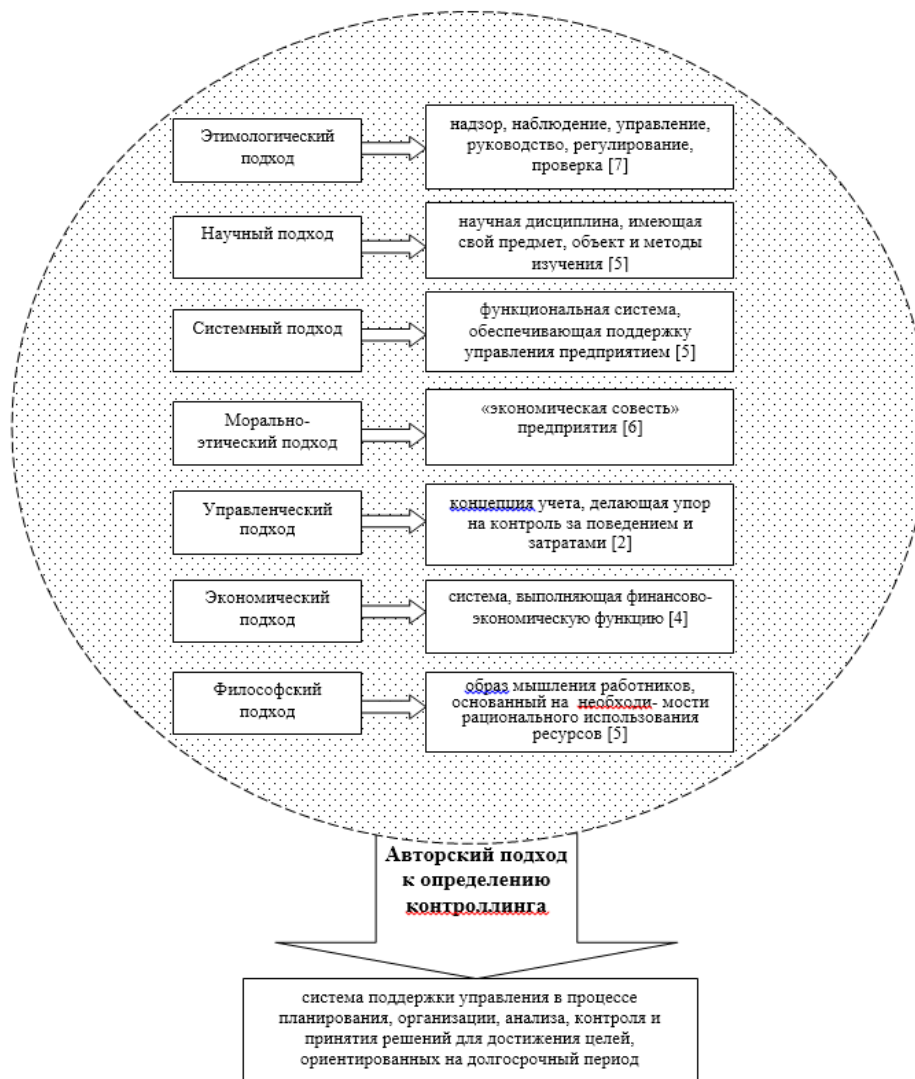

Рисунок 2. Основные подходы к определению контроллинга

Таким образом, контроллинг, несмотря на все многообразие определений и долгую историю развития, представляет собой комплексную систему управления предприятием. Он занимает особое место в управленческой деятельности, так как содержит в себе функции контроля, учета, анализа и координации работы предприятия. Поэтому залогом эффективного развития организации должен служить контроллинг.

1. Башкатова Ю.И. *Контроллинг: учеб.-метод. комплекс*. М.: ИЦ ЕАОИ, 2009. 104 с.
2. Волкова О.Н. *Управленческий учет: учебник / О.Н. Волкова*. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 472 с.
3. Диттер Хан, Харальд Хунгенберг *Планирование и контроль – стоимостно-ориентированные концепции контроллинга: Пер. с нем. / под ред. Л.Г. Головача, М.Л. Лукашевича и др.* – М.: Финансы и статистика, 2005. – 928 с.
4. Попова Л.В. *Контроллинг: учебное пособие / Л.В. Попова, Р.Е. Исакова, Т.А. Головина*. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2003. – 192 с.

5. Фалько С.С. *Контроллинг в России: современное состояние и перспективы*
6. Хан, Д. *Планирование и контроль: концепция контроллинга: пер. с нем. / Д. Хан; под ред. и предисл. А.А. Турчака, Л.Г. Головача, М.Л. Лукашевича. – М.: «Финансы и статистика», 1997. – 800 с.*
7. Комлев Н.Г., 2006 «Словарь иностранных слов» <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-foreign2-term-18476.htm>
8. Малышева Л.А. *Какой контроллинг нужен предприятиям? [Электронный ресурс] // Директор информационной службы (CIO.RU): [сайт]. – М.: Открытые системы, 2002. – URL: <http://www.osp.ru/cio/2002/07-08/172241/> (дата обращения: 15.09.2015).*

РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПОДДЕРЖАНИИ ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

Лесина Л.А. (Екатеринбург)

Проблема формирования, сохранения и укрепления здоровья работающего населения представляет собой многоплановый всеобъемлющий социальный, политический, экономический комплекс, поскольку ответственность за здоровье населения законодательно возложена на федеральные органы государственной власти, органы власти субъектов Федерации и местного самоуправления. Между тем, имеющийся в их распоряжении арсенал методов, средств и механизмов реально не позволяет решать проблему охраны общественного здоровья в полном объеме.

В современных гуманитарных науках существуют разнообразные трактовки понятия «здоровье», что приводит к некой размытости и неопределенности границ рассматриваемой категории. Понятие "здоровье работника" с точки зрения трудового права - это нормальное функционирование его организма или отдельных его частей, влияющих на выполнение им трудовой функции. Состояние здоровья является важнейшей составляющей трудового потенциала и входит в состав профессионально важных качеств работника, оказывая непосредственное влияние на эффективное выполнение трудовых функций. В ряде профессий существуют нормативно-правовые акты, предъявляющие требования к состоянию здоровья работников.

Здравоохранение изначально представляло собой одну из сфер жизнедеятельности, наиболее жестко регулируемых государством, включая вопросы управления и ценообразования. Это обусловлено тем, что услуги и программы, реализуемые в системе здравоохранения, напрямую связаны со здоровьем и жизнью человека. Конституция РФ (ст.7, 8, 41, 42, 74) закрепляет государственную, муниципальную и частную систему здравоохранения, а также право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантии реализации этого права [1].

Многими учеными доказано, что здоровье на 50-55 % зависит от здорового образа жизни человека, в изучении которого социология занимает ведущее место. Социологическое осмысление данного феномена имеет ряд специфических особенностей, поскольку особое внимание уделяется изучению влияния социокультурных и социально-экономических факторов на формирование стратегий поведения в сфере здоровья, на отношение к нему. Охрана здоровья не должна ограничиваться диагностикой, лечением болезней или внедрением новых медицинских технологий, созданием медицинских центров, изменением объемов финансирования. Необходимо осуществлять социологический мониторинг, включающий в себя подбор и анализ надежной, достоверной и разносторонней информации о закономерностях формирования здоровья и потребности в медицинской помощи населения, как на федеральном, так и на региональном уровне. Это обеспечит научную базу для разработки и осуществления

государственной политики здравоохранения, для создания региональных, муниципальных оздоровительных программ.

На основе изучения теоретических подходов к формированию здорового образа жизни населения была разработана эмпирическая модель социологического исследования представленного феномена. В качестве объекта прикладного изучения была выбрана работающая молодежь 18-34 лет, проживающая в г. Екатеринбурге. Исследование проводилось в 2014г, одной из задач являлось изучение возможностей поддержания личных ресурсов и сохранения здоровья работающей молодежью.

Тип поведения работающей молодежи в сфере здоровья определяется местом здоровья в системе жизненных ценностей. Традиционно здоровье наряду с работой, отдыхом и учебой занимает достаточно высокую позицию в системе социокультурных ценностей молодежи. Хотя ценность здоровья воспринимается молодежью в большей степени инструментальной. Здоровье как важнейшая предпосылка успешной деятельности отмечается 84% ответивших на вопросы анкеты.

Здоровье понимается как личный ресурс, повышающий конкурентоспособность на рынке труда, обеспечивающий поддержку социальной активности личности и высокий уровень работоспособности, причем ресурс воспринимается как почти неисчерпаемый. Это заблуждение приводит к негативным социальным последствиям. Стремление к достижению других социально-значимых целей зачастую приводит к саморазрушительному поведению в отношении собственного здоровья. В медицинской статистике отмечается сложившаяся устойчивая тенденция к ухудшению здоровья населения, увеличению хронических заболеваний, росту количества людей с отклонениями в физическом и психическом развитии. Тип поведения в отношении собственного здоровья может быть как негативным, так и позитивным, что находит отражение в выборе средств, которые использует личность для достижения поставленной цели.

Большинство работающих молодых людей осознают важность, личностную значимость проблемы, необходимость ведения здорового образа жизни, однако зачастую это не приводит к позитивному поведению в сфере здоровья, не выражается в активной позиции в отношении заботы о своем здоровье. В исследовании четко зафиксирована ориентация на поддержание своего здоровья, оценка здорового образа как обязательного условия своей жизнедеятельности. При этом понятие здоровья традиционно соотносится с лечением болезней, а не с их профилактикой, что должно являться перспективным ориентиром системы здравоохранения.

Здоровый образ жизни ассоциируется, прежде всего, с правильным, полноценным питанием, с регулярными физическими нагрузками, занятием спортом, рациональным режимом труда и отдыха, отсутствием вредных привычек. Совершаемый молодыми людьми выбор в пользу здорового образа жизни предполагает высокий уровень осознанности, мотивированности, заинтересованности поведения в сфере здоровья.

Однако активность в отношении заботы о собственном здоровье, в его сохранении и поддержании на должном уровне, не является высокой, так как значительная группа опрошенных осуществляют действия, которые ведут к разрушению здоровья (наличие вредных привычек, нерациональное питание и т.п.). В основном молодые люди оценивают состояние своего здоровья как хорошее, но при этом не информированы о реальной ситуации, касающейся собственного здоровья (не знают о наличии хронических заболеваний, обращение за квалифицированной медицинской помощью носит экстренный характер в случае обострения заболевания, мало информированы о профилактике заболеваний). Преувеличенная роль в отрицательном влиянии на состояние здоровья отводится внешним факторам: ситуации в системе здравоохранения, экологической ситуации. Менее выражена роль субъективных факторов: уровень физической активности, привычки питания. Признание здоровья важнейшей жизненной ценностью далеко не

всегда воплощается в здоровом образе жизни. Здоровье остается пока вербальной ценностью, а не регулятором реального поведения.

Развитие федеративных принципов государственного устройства привело к тому, что решение многих проблем здравоохранения осуществляется на региональном уровне. Законы РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5], «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [4], «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] и другие нормативные акты открыли возможность для формирования территориальных и муниципальных систем здравоохранения. В условиях реформирования здравоохранения проведение профилактики заболеваний возложено, в первую очередь, на муниципальную систему здравоохранения, в том числе на муниципальные органы самоуправления, муниципальные лечебно-профилактические и аптечные учреждения. Вместе с тем, ведомственная разобщенность, специализированные задачи и интересы не позволяют этим учреждениям системно заниматься профилактической работой.

Любые позитивные изменения в охране индивидуального здоровья невозможны без личностного понимания важности здоровья, без активного, ответственного, созидательного отношения к собственному здоровью, без формирования установки на здоровый образ жизни и ответственности за построение и развертывание своих жизненных стратегий. Поэтому необходимо объединить усилия государственных и муниципальных органов власти и самой работающей молодежи в решении задач, связанных с обеспечением здорового образа жизни.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/cons/>.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/tkrf/>.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 06.10.2003г. № 131-ФЗ. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/>.
4. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.11.2010г. № 326-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171752/.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.11.2011г. № 323-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/zdorovia_grazhdan/.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРСОНАЛА КАК УСЛОВИЕ ВЫХОДА ОРГАНИЗАЦИИ ИЗ КРИЗИСА

Магомедова Э.Ш. (Волгоград)

В бизнесе под кризисом понимается период нестабильности, ситуация, которая может помешать, а иногда даже сделать невозможным функционирование предприятия. Любой кризис представляет собой угрозу выживания предприятия. Однако результаты перемен, вызванных кризисом, могут быть, как неблагоприятными, так и положительными.

Как правило, в случае, когда предприятие переживает кризис, основное внимание уделяется финансовым и правовым вопросам, а в отношении персонала проводится единственное мероприятие – высвобождение, с целью уменьшения затрат [6]. На наш взгляд, такое решение является непрактичным и дает результат только в краткосрочной перспективе, и, как правило, не способствует выходу организации из кризиса.

В настоящее время ситуация на рынке складывается таким образом, что конкурировать организации могут только за счет знаний, умений и навыков сотрудников. Это связано с тем, что продукция предлагаемая потребителю, в целом одинакова, и выбирают продавца (провайдера услуг) за счет лояльности к потребителю, эффективных коммуникаций [5]. В связи с чем, особенно важно в кризисных ситуациях уделять внимание развитию персонала, как наиболее ценному и важному ресурсу организации. Высокий уровень интеллекта, образования, инновационный потенциал сотрудников является ресурсом, который целесообразно использовать для адаптации организации к кризису [2].

На сегодняшний день существует множество подходов к определению инновационного потенциала персонала. Так, Лега К.А. определяет сущность инновационного потенциала персонала как меру его готовности к реализации комплекса задач, обеспечивающих функционирование предприятия в условиях инновационной деятельности, а так же способность выполнять инновационные преобразования [3, с. 78]. Грошенин В.П. предлагает определять инновационный потенциал персонала как интегрирующую совокупность инновационных способностей и возможностей персонала осуществлять устойчивое развитие организации на основе научно-технического процесса [1, с. 36]. Изучив различные подходы к определению «инновационный потенциал персонала», мы пришли к выводу, что под ним понимается совокупность знаний, умений, способностей, личностных характеристик, определяющих меру готовности персонала к восприятию новой информации, углублению профессиональных знаний, выдвижению новых конкурентоспособных идей, нахождению решения нестандартных задач и новых методов решения стандартных задач, позволяющих обеспечить эффективное функционирование организации в условиях активно изменяющейся внешней среды.

Развития инновационного потенциала, как предприятия в целом, так отдельно взятых сотрудников является залогом стабильной работы организации. Это особо актуально в условиях кризисной ситуации, когда необходима максимальная реализация способностей работников. Поэтому для эффективной деятельности организации необходима хорошо продуманная и выстроенная программа развития инновационной системы управления персоналом [4]. Данная программа должна быть спланирована таким образом, чтобы предприятие имело возможность снижения трудоемкости выполнения операций и увеличение производительности труда в условиях кризиса.

В рамках авторского исследования, нами разрабатывается программа внедрения инновационной системы управления персоналом. Мы полагаем, что развитие инновационного потенциала сотрудников возможно за счет внедрения данной программы, которая предполагает решение таких задач, как определение места организации в системе социальных связей и выявлении достигнутого уровня ее развития; описание образа желаемого будущего состояния организации с выявлением особенностей организационной структуры и ее функционирования; разработка стратегии перехода организации из существующего состояния в желаемое, подготовка конкретного плана такого перехода. В качестве основных направлений внедрения инноваций мы рассматриваем систему развития персонала и управление деловой карьерой, систему мотивации, формирование корпоративной культуры, разработка моделей компетенций, компьютерные технологии в управлении.

Разрабатываемая автором программа внедрения инновационной системы управления персоналом будет иметь следующую структуру: аннотация программы, информационная справка об организации, обоснование программы, концептуальный проект желаемого будущего состояния организации как системы, стратегия перехода организации в новое состояние и показатели эффективности реализации программы в организации. Внедрение данного документа позволит преодолеть высокую степень неопределенности и непредсказуемости внешней среды, а так же недостаточность и нестабильность ресурсного обеспечения.

И так, данная программа позволит стабилизировать состояние организации в период кризиса, повысить уровень конкурентоспособности и результативности. Поэтому развитие инновационного потенциала сотрудников, за счет внедрения инновационной системы управления персоналом является одним из ключевых условий выхода из кризиса и долгосрочного экономического роста компании в целом.

1. Горшенин В.П. *Управление инновационным потенциалом персонала корпорации* / В.П. Горшенин. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – 289с.
2. Кузьмина М.И., Китов А.В. *Инновации и их особенности в системе управления персоналом предприятия [Электронный ресурс]* / М.И. Кузьмина, А.В. Китов // *Креативная экономика*. – 2010. - № 6. - URL: <http://old.creativeconomy.ru/articles/3599/>
3. Лега К.А. *Формирование механизма управления инновационным потенциалом персонала корпорации: Дис. ... канд. экон. наук.* – Челябинск, 2008. – 194с.
4. Маслова Н.В. *Инновационная модель управления трудовыми ресурсами организации [Электронный ресурс]* / Н.В. Маслова // *Научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации»*. – 2014. - №6. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/35827>
5. Плотова Т.Ф. *Управление инновациями в кадровой работе [Электронный ресурс]* / Т.Ф. Плотова // *Клуб руководителей*. – 2009. – № 5-6. - URL: <http://www.sphinx.su/node/1520>
6. Разумова Е. *Инновации в HR. Аналитическая статья по результатам исследования [Электронный ресурс]* / Е. Разумова // *Компетенции*. – 2015. – № 4. - URL: <http://hr-media.ru/innovatsii-v-hr-analiticheskaya-statya-po-rezultatam-issledovaniya/>

ЭТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ% ПОНЯТИЕ, ОЦЕНИВАНИЕ СИТУАЦИИ В РФ

Меньшикова Г.А. (Санкт-Петербург)

Причиной относительной неудачности административных реформ, справедливо заявленной их исследователями на момент конца XX в., называется личностный фактор. Преодоление нарушений норм этики рассматривается учеными как центральная проблема реформ XXI в, а сам период как этическая эра государственного управления.

Этические проблемы государственного управления присущи всем странам мира. Уточним, что требования этики включают не только не коррупционное поведение, но и дисциплину труда, культуру поведения на заседаниях и в общении с клиентами (населением) и т.д. Многообразие требований нашло отражение в системности оценочных критериев этических институтов, что получило название этического режима.

Это понятие является относительно новым, но уже достаточно распространенным. Его используют для выявления элементов и сравнения национальных систем контроля за соблюдением этических норм. В рамках регулятивного менеджмента система Public Administration разработала 10 структурных элементов или направлений оценивания.

Сам термин возник в англоязычной политической литературе 90-х годов XX в. Российские авторы, например А.В. Оболонский и другие используют его, цитируя текст одного из ежегодных докладов председателя «Тайной комиссии» (так в Канаде называется комиссия по контролю за соблюдением этических норм) Премьер-Министру страны.

А.В. Оболонский, вводя термин в российское научное поле, предупреждал о его неблагозвучности, вызванной негативными ассоциациями россиян, связанными с режимами. Он же, однако, ратовал, и с этим нельзя не согласиться, за необходимость применения общепринятой терминологии. Таким образом, этический режим никак не следует воспринимать негативно. Это - не институт (совокупность институтов) наказания

или прямого административного воздействия на гос. служащих, а в большей мере - интенция к профилактике возможных нарушений, поощрение правильного поведения.

По канадскому списку, он состоит из 10 позиций: этическая оценка деятельности, особенно высших руководителей, как основа их кадрового перемещения (1); наличие особого документа, фиксирующего этические нормы (2), оценка статуса документа, за самый высокий принимается Этический Кодекс (3); учет этических норм в оперативной деятельности (трудовых контрактах, профсоюзной работе и т.д.) (4); адаптация актов к структурам и уровням гос. управления (5 и 6); легитимация наказаний за нарушения (7); наличие советника по этике, обладающего консультативными навыками (8), обучение нормам этики, включая собеседование при приеме на работу (9); этический аудит (10).

Попытаемся оценить уровень «этического режима» в нашей стране, ориентируясь на доступные публикации и сайты Интернет. Понятно, что, находясь вне системы гос. служб, трудно однозначно оценивать действующую там практику, т.е. нами представлена лишь видимая или легитимно оформленная часть внутреннего этического контроля.

- этическая оценка деятельности, особенно высших руководителей, как основа их кадрового перемещения (1). Данное направление оценивания, конечно, трудно проверить в силу закрытости информации о кадровых перемещениях. Известно, что в целом в стране доминирует принцип личной связи и Президент страны, а вслед за ним и руководители среднего и низших звеньев управления подбирают персонал исходя из личного знакомства и совместной деятельности в прошлом. Более того, степень неотвратимости наказаний за нарушения также предопределена близостью к «первым лицам». Известны факты, когда личности, находившиеся в центре крупнейших коррупционных скандалов, не были подвергнуты достойному наказанию из-за личных связей с Президентом страны. При этом нельзя не отметить появления и публичной открытости так называемых списков кадрового резерва. Другим аргументом в пользу роста открытости назначений является обязательный для гос. организаций сайт вакансий.

- наличие особого документа, фиксирующего этические нормы (2) и выбор Кодекса этики как наилучшего типа текстового оформления (3);

В этих двух положениях оценивается уровень легитимации этических норм (1), глубина требований, которые предъявляются в стране к чиновникам (2), сопровождение этих требований так называемыми «дорожными картами» или документами, в которых прописываются правила поведения работников при столкновении с ситуацией конфликта его личной заинтересованности с общественной пользой (3), а также наличие Акта, фиксирующего перечень наказаний за совершение этических правонарушений (4).

Трудно назвать развитую страну мира, в которой это направление контроля не было бы представлено развернутой и постоянно совершенствуемой системой законов. Так, считается, что первый Кодекс этики был разработан в Японии принцем Ситоку еще в УП в. (604г.). Уже тогда в разработанном им проекте Конституции страны подчеркивалась обязанность чиновников служить государству и обществу в духе всеобщего согласия, на основе законов и выполняя положенные ритуалы.

Этические законы за рубежом стали приниматься на волне административных реформ во второй половине XX в. Возникали два варианта, из которых, как правило, более ранним был этический Кодекс (Code of Ethics или закон об этических нормах, которые нужно соблюдать чиновникам). Позднее появились Кодексы поведения (Codes of Conduct), т.е. правила поведения. Первый вариант – декларировал требования, второй прописывал правила поведения, что более конкретно и содержательно целесообразнее.

В нашей стране правила служебного поведения и требования к нему закреплены в УП РФ от 12.08. 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» (с редакцией от 16.07. 2009 г. N 814). В нем можно выделить 18 позиций, характеризующих общие обязанности и нравственные принципы: служения государству и обществу; законности; гуманизма;

ответственности; справедливости; лояльности; политической нейтральности; честности и неподкупности. Понятно, что документ, функционирующий в статусе Указа Президента (не Закона РФ), содержащий не более 3-х страниц текста, объединивший этические нормы и профессиональные обязанности, не раскрывающий «дорожной карты» правильных действий чиновника, так и системы наказания за поступки - не может считаться удовлетворяющим современным требованиям. Закон РФ «О государственной гражданской службе в РФ» (2004) не меняет ситуации, поскольку он только обозначает служебные обязанности гос. служащих.

- включение Этических законов в общую систему трудовой деятельности (4); Деятельность комиссий по этике, которые с 2007г. в соответствии с Указом Президента страны стали обязательными для учреждений гос. власти и управления, как указывается, учитывается в работе организации нанимателя (отделом кадров). Что касается профсоюзных комитетов, то думается, что защита отдельных личностей ими мало реализуется, что, однако, мало значимо для РФ в силу слабости этого института.

- адаптация этических законов к уровням/ учреждениям гос. управления (5-6). Все государственные организации в соответствии с указом Президента РФ обязаны иметь Кодексы этики. Содержательно они отличаются, что естественно отражает их специфику.

- легитимация наказаний за нарушения (7)

Зарубежные исследователи справедливо обращают внимание на то, что сам по себе Кодекс этики без прописанных наказаний за его несоблюдение, мало что дает обществу. В российских законах ни проступки, ни наказания за них практически не прописаны. Отдельные указания на формы наказания содержатся в региональных и локальных актах, но отсутствуют в национальном законе РФ. Приведем для примера выдержку из канадского Кодекса по поводу принятия подарков: «Каждый служащий, который требует, принимает или соглашается принять, прямо или косвенно, лично или через членов семьи...особое вознаграждений совершает тем самым преступление, причем доказательство невиновности в этом случае лежит на нем самом». В отличие от Канады, где этические нарушения наказываются уголовным правом, в РФ – административным.

- наличие специального советника по этике, обладающего консультативными навыками (8). Сколько не говори о нормах, они не станут реальностью пока не будет создана система, их защищающая, например, в лице омбудсмена, к которому граждане (чиновники) могут обратиться для защиты своих прав. За рубежом такие советники называются по-разному: «Тайный советник» (в Канаде), «Этический Контролер» (в Великобритании) и т.д. В России такая защита отсутствует. Обязанности по этическому контролю возложены на заместителей руководителя учреждения и этические комиссии.

- обучение нормам этики, включая собеседование при приеме на работу (9);

Система национального образования справедливо рассматривается как способ основного разрешения конфликта между этикой предпочтения и этикой ограничения. Большинство российских гос. учреждений в той или иной форме проводят обучающие семинары или разрабатывают материалы для самостоятельного изучения .

- этический аудит (10)

Важнейшей целью Актов об этике является не только неукоснительное исполнение правил поведения (конкретных юридических и морально-этических требований) государственными служащими, но стремление добиться убежденности населения в честности и искренности усилий федерального правительства. Отметим, что уровень доверия россиян соответствует мировым критериям, т.е. примерно 2\3 населения доверяет правительству (его лидерам)

Итак, 1. применительно к РФ можно говорить о профессиональной этике, т.е. нормах поведения, защищающих в первую очередь государственные интересы. Интересы населения учитываются, но в гораздо меньшей степени. 2. В целом система этических законов не соответствует требованиям времени. Проект Этического Кодекса разработан, но так и не принят Государственной Думой. 3. В законах не упоминаются принципы

прозрачности и подотчетности, соответственно и реализация этих требований, особенно второго отсутствуют. 4. В стране практически отсутствует система этического воспитания: в школах, вузах, СМИ, учреждениях культуры. Несмотря ни на что, россияне отличаются высоким доверием к Президенту и институтам власти и управления.

СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫМИ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Миллер Н.В., Давиденко Л. М. (Омск)

Эффективное управление промышленными предприятиями зависит от благополучного взаимодействия факторов внешней и внутренней среды. Российские, казахстанские промышленные предприятия реализуют на своих площадях все производственные процессы мировой экономики. Основная предпосылка диверсификации производства состоит в том, что соотношение технологических процессов от добычи сырья до переработки и производства продукции более высокого класса значительно отличается от мировых показателей.

Анализ интеграции бизнеса мировых лидеров нефтегазовой отрасли, таких как Exxon Mobil Corporation, Chevron Corporation, BP p.l.c., Royal Dutch Shell plc.com, Petróleo Brasileiro S.A. - Petrobras, ConocoPhillips Company, TOTAL S.A., Statoil ASA, PetroChina Company Limited, Eni S.p.A. показал, что все корпорации имеют налаженные производственные и экономические связи с малыми и средними предприятиями, обладающими инновационной базой, находящимися в единой производственно-технологической и сбытовой цепочке практически во всех направлениях вертикальной и горизонтальной интеграции [1].

На наш взгляд, кризисные изменения макроэкономики, геополитической ситуации способны создать условия, в которых предприятия смогут реализовать потенциал роста посредством сочетания социальных и экономических резервов, в частности:

- возможность реализации инновационных идей;
- оптимизация бизнес - процессов с привлечением высококвалифицированных кадров;
- синергия от интеграции крупных предприятий и субъектов малого, среднего бизнеса.

Возможность реализации инновационных идей. В настоящее время крупные промышленные компании приобретают черты ключевых участников процесса «генерации прорывного знания». Исследования российских ученых показывают, что этому способствуют следующие предпосылки [2]:

- целевой ориентир инновационного развития крупных промышленных предприятий сосредоточен на получении прототипа востребованного на рынке продукта;
- сохранение жестких временных рамок в пределах от одного года до трех лет, что в корне отличается от программ исследований традиционной академической среды, которые могут проводиться пять - десять лет;
- достаточное ресурсное обеспечение инновационных проектов;
- экономия на создании инфраструктурных объектов, необходимых для реализации инновационных проектов;
- формирование интегрированных связей с применением схем аутсорсинга на отдельных этапах инновационного проектирования.

Оптимизация бизнес - процессов с привлечением высококвалифицированных кадров. Структурная модернизация экономики, инновационная и интеграционная активность хозяйствующих субъектов могут и должны быть действенными мерами для преодоления сложившейся кризисной экономической ситуации [3]. Одним из шагов к технологическому прорыву является оптимизация бизнес - процессов. Критериями оптимальности можно назвать восприимчивость системы к изменениям, гибкость процесса, дифференцированный выпуск продукции, экономическую эффективность и длительность процесса, загрузку оборудования, затраты на единицу продукции, объем капиталовложений [4]. Социальной составляющей оптимизации является раскрытие потенциала использования человеческих ресурсов, т.е. четко продуманный комплекс мероприятий по подготовке востребованных кадров с заранее определенными компетенциями. В дальнейшем именно это будет определять эффективность реализации мер по построению технологического процесса, обеспечит положительную динамику роста производительности труда.

Приведем пример из практики. Крупные промышленные предприятия функционируют в нефтедобывающем и нефтеперерабатывающем секторах экономики. Изменение макроэкономической ситуации выразилось в снижении рыночных цен на нефть, колебаниях курса национальной валюты к доллару США, повышении тарифов на транспортировку нефти и нефтепродуктов, преобразованиях в системе налогообложения. В конечном итоге произошло повышение цен на готовую продукцию, возросла стоимость оказываемых услуг. Важно, чтобы система налогообложения строилась в пределах вновь создаваемой стоимости [5].

С целью сокращения затрат и обеспечения эффективности производства, а также реализации продукции крупные компании оптимизируют бизнес-процессы. Например, ОАО «Газпром нефть» создало отдельные бизнес - единицы, отвечающие за реализацию авиакеросина, бункеровку судов, продажи смазочных материалов, битумов, продуктов нефтехимии. Несмотря на специфику производственной деятельности подразделений, каждое из них преследует цели повысить эффективность продаж, увеличить долю в премиальных сегментах рынка и расширить географию ведения бизнеса.

Синергия от интеграции крупных предприятий и субъектов малого, среднего бизнеса. Интегрированные хозяйственные связи объединяют различные по масштабу предприятия. Сложность достижения синергетического эффекта от интеграционных процессов заключается в умении объединить производственные процессы, финансово - экономические, человеческие ресурсы, нематериальные активы в единое целое. Интеграция крупного и малого бизнеса сопровождается преодолением барьеров: невыгодные условия оплаты, нарушение сроков платежей за предоставленные услуги; отсутствие гарантии долгосрочных отношений; возникновение случаев, когда цена за предоставленные услуги и продукцию снижалась по требованиям крупных компаний, опускаясь ниже ранее установленных договором цен [6].

Выход из сложившейся ситуации видится в повышении уровня организационного взаимодействия, объединении корпоративных культур, вовлечении сотрудников предприятий в процесс интеграции. В данном случае особое значение имеет человеческий фактор. Многие компании его недооценивают и относятся к процессу интеграции как к разовому мероприятию, которое «надо просто пережить». Интеграцию компаний целесообразно рассматривать как управляемый процесс, содержанием которого должно стать заблаговременное начало интеграции людей, чем будет обеспечена высокая скорость всех необходимых организационных изменений.

1. Miller A.Ye., Miller N.V., Davidenko L.M. FORMATION OF INTEGRATED INDUSTRIAL COMPANIES UNDER CURRENT CONDITIONS // *Asian Social Science*. - 2015. Т. 11. - № 19. - С. 70-81. DOI: 10.5539/ass.v11n19p70.

2. Куракова Н.Г., Зинов В.Г., Цветкова Л.А., Еремченко О.А., Комарова А.В., Комаров В.М., Сорокина А.В., Павлов П.Н., Коцюбинский В.А. Национальная научно-технологическая политика «быстрого реагирования»: рекомендации для России: аналитический доклад. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. -160 с.
3. Давиденко Л.М. Интеграция с участием предприятий ТЭК и нефтехимии как фактор устойчивого развития экономики. // Стратегия развития Северного Кавказа: новый взгляд на решение проблем. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, магистрантов
4. Курченков В.В., Овшинов С.А. Определение оптимального варианта модернизации производства на промышленном предприятии. // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2011. -№3(16).- С.43-50.
5. Миллер А.Е., Богославец Т.Н., Миллер Н.В. Влияние принципов налогообложения на формирование налоговой культуры. // Омский научный вестник. – 2015. - №3(139). – С.194-199.
6. Калинин А.С. Малый и крупный бизнес. Как наладить взаимодействие? – Материалы международного инвестиционного форума «Сочи-2015».- 01-04 октября 2015 года. – Электронный ресурс: Официальный сайт Международного инвестиционного форума «Сочи-2015» - URL: <http://www.sochi2015.ru/>

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВОЛГОГРАДА)

Назаретян Д.Г. (Волгоград)

Показателем успешной деятельности органов муниципальной власти является высокий уровень доверия населения. Укрепление авторитета муниципальной власти связано с определенными факторами. Один из таких факторов является способность системы муниципального управления адекватно и быстро ориентироваться в непрерывном потоке информации, принимать взвешенные управленческие решения, обеспечивать их своевременную реализацию.

Быстрота и оптимальность выбора управленческого решения, доведение его до исполнителя, своевременный контроль исполнения решений во многом зависит от наличия и использования в ней рациональной системы делопроизводства. Создание в администрации муниципального образования единой системы делопроизводства является основой для обеспечения действенности и многофункциональности служебных документов.

В Национальном стандарте Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 управление документами определяется как совокупность планомерных и эффективных действий по созданию, использованию, хранению и уничтожению документов в организациях с целью доказательства проведения деловых (управленческих) операций.[1] Система управления документами позволяет создавать информационный ресурс, который в функционировании организации может поддерживать ее последующую деятельность и отдельные решения, а также обеспечивать отчетность. Стандарт подчеркивает многозначность документов в управленческой деятельности. Документы позволяют организациям: осуществлять свою деятельность упорядоченно, эффективно и ответственно; предоставлять информацию последовательно и объективно; обеспечивать информационную поддержку при принятии управленческих решений; обеспечивать согласованность и непрерывность управленческой деятельности; повышать эффективность деятельности всей организации; обеспечивать бесперебойность деятельности в случае чрезвычайных ситуаций; обеспечивать защиту и поддержку в судебных делах, включая риски, связанные с наличием или отсутствием документальных доказательств, содержащих сведения о деятельности организации; защищать интересы

организации и права сотрудников, а также всех заинтересованных сторон; предоставлять документированные доказательства личной, общественной и деловой деятельности. [2]

Основополагающими принципами управления документами в современной организации являются: законность, ответственность, унификация, создание единой системы документирования и организации работы с документами, применение информационных технологий и т. д. Для этого внедряются автоматизированные системы электронного документооборота (далее АСЭД), которые должны обеспечивать снижение затрат, ускорение и прозрачность управленческих процессов.[3]

Практика внедрения АСЭД в органах муниципального управления показывает, что здесь существует целый ряд проблем. Переход на электронный документооборот является сложным, многоступенчатым процессом, охватывающим все уровни власти и подразделения. Для федеральных органов исполнительной власти разработан и реализуется план мероприятий по переходу на безбумажный документооборот, при организации внутренней деятельности (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2011 г. № 176-р). В плане содержатся такие мероприятия, как внесение изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2009 г. № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти», определение требований к информационным системам электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти и т.д. Таким образом, переход на электронный документооборот на федеральном уровне налажен.

Для администраций муниципальных образований в настоящее время уже разработаны нормативные документы, организующих деятельность по переходу на безбумажный документооборот. Таковыми являются Постановление Правительства Волгоградской обл. от 24.03.2014 N 144-п "О внесении изменения в постановление Правительства Волгоградской области от 26 февраля 2013 г. N 78-п "Об утверждении Положения о межведомственном электронном (безбумажном) документообороте в органах исполнительной власти Волгоградской области".

Анализ ситуации внедрения АСЭД в администрации города Волгограда в ходе прохождения учебно-ознакомительной практики в Комитете по делам национальностей и казачества Волгоградской области города Волгограда позволяет свидетельствовать о существовании проблем в данной сфере. Основной и самой главной проблемой является, неготовность муниципальных служащих работать в автоматизированном режиме т.е. наблюдается зависимость перехода на АСЭД от человеческого фактора.

Руководство администрации должно инициировать и поддерживать переход на электронный документооборот, а у муниципальных служащих наблюдается отсутствие опыта и навыков работы с техническим оборудованием и имеющимся программным обеспечением, а также неготовность и нежелание обучаться или менять привычный стиль работы. Необходима колоссальная работа по организации и координации деятельности с целью внедрения информационных технологий в практику управленческой деятельности.

Существуют также технические проблемы внедрения АСЭД, связанные с отсутствием оборудования (компьютеров поддерживающих необходимое программное обеспечение, интернета, локальной сети). Решение данной проблемы является затратным и довольно долгим процессом, поэтому для эффективной организации электронного документооборота необходимо создать рабочую группу из специалистов разных структурных подразделений непосредственно связанных с организацией делопроизводства администрации. Комиссия должна принять участие в разработке организационных документов, регламентирующих применение системы электронного документооборота и подготовить предложения по обучению сотрудников работе в электронной системе.

Таким образом, осознание необходимости внедрения АСЭД и его достоинств перед бумажным документооборотом недостаточно. Необходимо обеспечить условия для ее

эффективной работы и прежде всего решить кадровую проблему через обучение муниципальных служащих и их подготовки к адаптации в условиях постоянных изменений. Для этого сотрудники должны быть информированы об организационных вопросах обучения, о внедрении АСЭД; о функциях, значимости и перспективах её внедрения. Важно обеспечить психологическую адаптацию сотрудников к предстоящим изменениям в работе через убеждение в необходимости изменений, демонстрация преимуществ системы для каждого сотрудника, снятие возражений по вопросам использования АСЭД и пр. [4]

1. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами.
2. Басаков М.И. Современное делопроизводство (документационное обеспечение управления), М., Феникс, 2009. С. 13-47
3. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения
4. Федченко К.С. Психология внедрения: как найти подход к каждому сотруднику?// Современные технологии делопроизводства и документооборота. - 2015. - №4. С. 9

РАЗРАБОТКА МЕР ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ДЕСТРУКТИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

Нарожная Д.А. (Москва)

В современном обществе персонал представляет собой главный ресурс и социальную ценность организаций. Опыт истории убедительно свидетельствует, что мотивация сотрудников, в том числе руководителей, их стремление к добросовестному и инициативному труду является одним из ключевых факторов успеха и неудач любой деловой организации. Особое значение эти факторы имеют в кризисный период.

До недавнего времени основное внимание ученых и практиков-руководителей уделялось проблемам конструктивной мотивации, ее повышению и не уделялось должного внимания мотивации деструктивной, препятствующей достижению целей организации. А между тем этот тип мотивации причиняет огромный вред организации, порождает такие негативные явления, как коррупция, злоупотребление должностным положением, воровство, протекционизм, nepотизм, внутреннее увольнение работника, саботаж и т.п.[1 С.36.]

Деструктивная мотивация персонала – это результат взаимодействия личностных качеств работника, а также факторов внутренней и внешней среды организации, обуславливающий деятельность или бездействие работников, наносящие урон организации. Она возникает как незапланированный, отрицательный, побочный и непредвиденный эффект от сознательных действий с заданным результатом, который обычно сосуществует с нейтральным и общим позитивным с точки зрения функционирования системы итогом.

Существует три основных уровня формирования деструктивной мотивации: макроуровень – уровень всего общества как социальной системы, содержащий в себе общие объективные предпосылки деструктивной мотивации[3]; мезоуровень – уровень организации, представляющий собой конкретные характеристики организационных подсистем, которые взаимодействуя с причинами микроуровень – личностные качества работника, детерминирующие деструктивное организационное поведение. Важнейшими макроуровневыми предпосылками деструктивной мотивации персонала в РФ являются: высокий уровень разрыва в доходах предпринимателей и наемных работников; высокий уровень безработицы; слабая социальная защита работающих; несоблюдение

работодателями трудового законодательства; состояние неопределенности социального положения граждан, рассогласование культурно предписанных целей и социально структурированных средств их реализации; ослабление механизмов социального контроля; «социальные болезни»; «потребительская культура»; «короткие жизненные проекты».

Важнейшими причинами деструктивной мотивации на мезоуровне являются: несовершенство организационной структуры, выражающееся в ее забюрократизированности, нечетком разделении функций, ответственности и полномочий, несправедливость системы вознаграждений; отсутствие возможностей карьерного роста; патологии организационной культуры; нарушения в работе группового взаимодействия, в частности в сфере распределения ролей в коллективе; деструктивные особенности личности руководителя[4].

Причинами деструктивной мотивации на микроуровне являются:

- ярко выраженная в системе ценностей работника ориентация преимущественно на ценности материального благополучия.
- Низкий нравственный уровень работника, отсутствие устойчивых этических ценностей,
- Ориентация смыслообразующих мотивов работника на удовлетворение исключительно личных, преимущественно эгоистических интересов, не связанных с интересами организации.
- Личностные диспозиции, имеющие в целом деструктивную по отношению к организационным целям и ценностям, направленность.
- Установки на реализацию деструктивного организационного поведения, сформировавшиеся на основе удачного прошлого опыта.
- Наличие определенных отклонений в личностном развитии.
- Индивидуальные свойства личности: склонность к риску и авантюризму; вкрадчивость; достаточно развитые интеллект и самосознание; индивидуализм и эгоизм [2].

Содержание предпосылок деструктивной мотивации во внешней среде организации обуславливает необходимость разработки мер по их ограничению, на уровне всего общества. Важнейшими из них являются:

- усиление целенаправленного влияния государства на формирование конструктивных трудовых ценностей;
- переориентация существующих юридических, социальных и политических норм и институтов на уменьшение конфликтности среди потребностей и целей сотрудников и организаций;
- формирование и контроль за исполнением системы санкций за нарушения в сфере трудового права.

На уровне внутренней среды организации комплекс рекомендаций по ограничению деструктивной мотивации мы распределили по группам в соответствии с подсистемами организации, выделенными в теоретической части и использованными в разработанной диссертантом модели воспроизводства деструктивной мотивации персонала.

Так, на уровне организационной структуры ключевыми рекомендациями по ограничению деструктивной мотивации персонала являются:

- формирование научной базы для нормирования труда;
- совершенствование разделения и организации труда за счет точного определения состава выполняемых функций и их последующего перераспределения;
- повышение разнообразия труда, самостоятельности, дополнительной ответственности,
- установление профессиональных и личностных требований к работнику со стороны рабочего места: выбор существенных и несущественных качеств,
- улучшение условий труда;

- постоянное обновление техники и технологий труда.

В рамках подсистемы контроля за деятельностью работников рекомендуется:

- усовершенствование документов по трудовым отношениям, таких как положения о подразделениях и должностные инструкции;
- установление, донесение до всех уровней персонала и контроль за выполнением санкций за различные формы деструктивного организационного поведения.

Наибольшее влияние следует уделить рекомендациям по ограничению причин деструктивной мотивации, выделенных в подсистеме льгот и компенсаций труда и карьерных возможностей. Ключевыми среди них являются:

- выявление мотивов и индивидуальных мотивационных механизмов сотрудников организации;
- грамотное и комплексное применение материальных и нематериальных поощрений с учетом выявленных мотивационных потребностей работников;
- широкое применение техники «управление по целям», постановка работниками индивидуальных целей и задач, вытекающих из целей и отдела и организации в целом, имеющих, количественные и качественные показатели результативности;
- привязывание размера вознаграждения к системе достижения ключевых показателей эффективности;
- прямая связь оценки результативности деятельности и карьерного роста;
- рациональная справедливость уровней окладов, их строгое соответствие кругу выполняемых обязанностей, их сложности и ответственности, а также стажу работы;
- соблюдение сопоставимости уровней окладов различных категорий персонала;
- желательность превышения среднерыночного уровня оплаты труда до 30%;
- осуществление выплат своевременно;
- предоставление некоторым категориям работников участия в прибыли.

На уровне подсистемы организационной культуры ключевыми рекомендациями являются:

- составление и внедрение в деятельность организации этического кодекса;
- формирование путем формальных средств и неформальных каналов конструктивной организационной культуры, максимально отвечающей фазе жизненного цикла организации;
- формирование среди работников чувства вовлеченности и сопричастности;
- создание внутренних информационных каналов (сообщения по электронной почте, сайт компании, издание информационных брошюр, корпоративная пресса).

В рамках подсистемы групповых коммуникаций для ограничения причин воспроизводства деструктивной мотивации рекомендуется:

- учет руководством личных мнений работников;
- создание атмосферы взаимовыручки и поддержки;
- совместное принятие решений;
- проведение совместных мероприятий и праздничных церемоний.

Таким образом, эффективная борьба с деструктивной мотивацией персонала возможна только на основе системного подхода, учитывающего причины воспроизводства данного негативного явления, существующие во всех ключевых подсистемах внешней и внутренней среды организации.

1. Martinko M.J., Gundlach M.J., Douglas S.C. *Toward and integrative theory of counterproductive workplace behavior: a causal reasoning perspective // International journal of selection and assessment. 10. 2002. P. 36*

2. Лысак И.В. *Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен*. Таганрог, 1999.
3. Вершинин С.Е., Борисова Г.А. *Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы: историко-философский анализ*. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО "Рос. гос. проф.-пед. ун-т", 2009.
4. Kerstensen E.L. *The art of demotivation*. – *Despair inc.*, 2005.
5. Белкин В.Н., Белкина Н.А. *Демотивация труда и оппортунизм работников организации*. Челябинский гуманитарный научный журнал. 2009. № 1(7). С. 37-46.
6. Шпренгер Р. *Восстание индивидуума. Почему мы обязаны полностью заново обдумать сущность управления*. / Перевод с нем. – «Духовное познание», Калуга, 2007.;
7. Щербина В. В., Садовникова Л. Б. *Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами*. // Кишинев, Штиинца. 1989.

ГОД ПАРКОВ И СКВЕРОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ОПЫТ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Носкова Е.П. (Казань)

Взаимодействие городской и природной среды всегда носило неоднозначный характер. На современном этапе урбанизации крупный город представляет собой сложный организм, среда его дифференцирована, культурно неоднородна и состоит из ряда элементов – зон, отличающихся друг от друга исторической глубиной и интенсивностью использования горожанами. Парки и скверы, а также другие проявления природной среды являются неотъемлемым и необходимым элементом городских пространств. Природные элементы выполняют рекреационную функцию: современному горожанину парки, скверы, водные объекты необходимы для полного воспроизводства его физических и социальных потенциалов [1].

Общество потребления откладывает свой отпечаток на досуговые практики горожан: распространение шопинга как вида проведения досуга, «семейного отдыха» в торгово-развлекательных центрахстораживает многих ученых, общественных деятелей. Осознание на государственном уровне недочетов в существующей досуговой культуре, необходимости привлечения общественного внимания к вопросу развития территорий, их озеленения и благоустройства, создания комфортных условий для населения городов привело к тому, что 2015 год был объявлен в Республике Татарстан Годом парков и скверов (Указ Президента Республики Татарстан № УП-837 от 04.09.2014) [2]. Работа по проведению работ была распределена на уровне муниципалитетов.

Всего в рамках программы «Парки и скверы» в Татарстане задействовано 140 «зеленых» территорий (парков и скверов, других зеленых зон) в 45 муниципальных образованиях. В целом на благоустройство парков и скверов выделен 1 млрд. рублей, в том числе в Казани – 310 млн. рублей. В программу возрождения казанских городских парков и скверов вошли 29 объектов общей площадью 150 га.

Отметим, что работы, проводимые в рамках Года парков и скверов РТ нашли активный общественный и медийный отклик. Многие ведущие издания – региональные и локальные – регулярно публикуют информацию о ходе реализации проектов, многие ведут специальные колонки. Кроме того, для популяризации среди населения республики (и, в частности, ее столицы) культуры проведения свободного времени в городских парках в обновленных парках и скверах проводятся культурно-массовые мероприятия для различных социально-демографических групп горожан. Так, например, по распоряжению Кабинета Министров РТ, 5 и 6 сентября 2015 года были объявлены в республике Днями парков и скверов.

Отметим, что работа по благоустройству природных элементов городского пространства не закончится вместе с 2015 годом: следующий 2016 год планируется в республике как Год водных объектов. «В следующем году мы не только упорядочим землепользование, но и создадим новые прибрежные рекреационные зоны, – отметил Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов в своем Послании к Государственному Совету республики (28 сентября 2015 г.). – В дальнейшем мы планируем адресно подойти к теме городских лесопарков, обустройству объектов зимнего отдыха, созданию пешеходной и велосипедной инфраструктуры и другим актуальным вопросам. Все эти мероприятия позволят не только преобразить наши населенные пункты внешне, но и сформировать новую культуру общения и отдыха наших граждан. Соответствующие меры следует предусмотреть в рамках реализуемых нами программ» [3].

В русле волны активного общественного внимания к проблемам парков и скверов казанскими социологами при участии автора статьи было проведено социологическое исследование с целью выявления степени удовлетворенности граждан состоянием парков и скверов, а также водных объектов Республики Татарстан (исследование проведено июле-августе 2015 года в 14 городах республиканского значения по заказу Министерства экологии и природных ресурсов РТ, n=1500). Объектом исследования выступило население городов Республики Татарстан в возрасте от 18 лет и старше. Предмет исследования – выявление уровня удовлетворенности населения городов Республики Татарстан состоянием парков, скверов и зон отдыха вблизи водных объектов.

Согласно данным исследования, более половины опрошенных в той или иной степени удовлетворены количеством парков и скверов в их населенных пунктах (55,4%). Большинство опрошенных посещают парки и скверы во время прогулок (59,5%), причем среди казанцев доля таковых значительно выше, чем среди жителей других городов (68,9% и 51,8% соответственно).

Большинство опрошенных горожан (58,9%) довольны благоустройством парков и скверов, лишь 7,7% респондентов выражают неудовлетворённость их состоянием. Большинство также положительно оценили работу районных администраций города по благоустройству парков и скверов (в целом – 58,1%, в Казани – 51,2%, в других городах – 64%).

В целом, налицо положительные оценки жителей республики относительно деятельности муниципальных властей по благоустройству парков и скверов, что объясняется положительным общественным фоном, создаваемым преимущественно средствами массовой информации. Кроме того, общественное одобрение вызывает тот факт, что благоустройство и реставрация «зеленых» территорий осуществляется с учетом мнений жителей городов и экспертных оценок. Яркий тому пример – парк «Озеро Харовое» в г. Казани. В 2012 году, когда данная территория оказалась под угрозой застройки, местные жители создали инициативную группу и смогли привлечь к проблеме внимание властей. В результате в мае 2013 года на месте данной территории было предложено организовать сквер. Получился настоящий «народный проект благоустройства», который был реализован в рамках Года парков и скверов [4].

Удовлетворенность деятельностью муниципальных властей отражается и на социальных настроениях татарстанцев. Отчасти, именно успешная реализация программы парков и скверов определяет стабильный рост оценок индекса оценки власти [5]. Отметим, однако, что отмеченные успехи муниципалитетов, широко освещаемые в СМИ, отвлекают внимание жителей республики от более существенных проблем, что может стать причиной «искаженного» социального самочувствия.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-32-01353.

1. *Масталерж Н.А. Формирование концепции общественного пространства как структурного элемента городской среды [Электронный ресурс]. – Архитектон: известия вузов. – 2013. – № 43. URL: http://archvuz.ru/2013_3/6 (дата обращения: 23.07.2015)*
2. *Указ Президента РТ № УП-837 от 04.09.2014 Об объявлении 2015 года в Республике Татарстан Годом парков и скверов. - Электронный ресурс. URL: http://sovmo.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_264083.pdf (дата обращения: 01.10.2015)*
3. *Рустам Минниханов обратился с посланием к Госсовету РТ. - Сайт Правительства Республики Татарстан. - Электронный ресурс. URL: <http://prav.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/479503.htm> (дата обращения: 01.07.2015)*
4. *Фишман Н. 13 обновлённых казанских парков. - Электронный ресурс. URL: <https://localway.ru/kazan/guide/254> (дата обращения: 01.10.2015)*
5. *Индекс социальных настроений. - Сайт ГБУ "Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан". - Электронный ресурс. URL: <http://cpei.tatarstan.ru/rus/indeks-sotsialnih-nastroeniy.htm> (дата обращения: 01.10.2015)*

СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К.М. ТАХТАРЕВА

Оганян К.К. (Санкт-Петербург)

В современных условиях дисфункции в управлении становятся частым явлением в бюрократической системе нашей страны. Эти дисфункции проявляются в различных нарушениях административно-правового характера, недостаточном внимании к социально-психологическому фактору в управлении, отсутствии гибкости, изменчивости в стиле управления и других соответствующих качественных характеристик руководителя. Поэтому повышается необходимость в грамотных, высококвалифицированных руководителях, обладающих лидерскими качествами и способных эффективно управлять организацией. Вследствие этого, особую актуальность представляет создание социальных технологий формирования лидерских качеств у руководителей, в основе которых лежит сотрудничество как одна из базовых характеристик эффективного стиля управления [2].

Реализация такой задачи невозможна без выявления особенностей понимания категории сотрудничества, ее роли в развитии личности и общества в историческом наследии социологической отечественной мысли как основы для формирования будущих поколений.

Обращаясь к анализу общества, К.М. Тахтарев подчеркивал важную роль различных форм общения, которые, по его мнению, придают жизни людей социальный и политический характер и служат необходимым условием формирования человеческой личности.

В связи с этим, утверждает К.М. Тахтарев, должен быть проанализирован и сам человек как живой, деятельный участник общественной жизни и самых различных видов общения, то есть, «как общественный человек, как сообщественник» [3, С. 72].

Человек как сообщественник - это результат всестороннего общения личностей, которое проявляется во всех областях его жизни, в особенности в совместном обеспечении ее и упорядочении в правовой и в политической сфере.

В этом контексте основой понимания человеческого общества служит самая широкая и всеобъемлющая форма самодостаточного общения людей - общественное сотрудничество.

По К.М. Тахтареву общение с другими является первым и необходимым условием существования и развития человеческой личности и удовлетворения любой человеческой потребности. Основой любого человеческого общества служит общественное

сотрудничество его членов, достаточное для обеспечения всех их жизненных потребностей и стремлений к более совершенной жизни.

Рассматривая общественное сотрудничество, К.М. Тахтарев уделяет особое внимание анализу личности в этом контексте как «неизбежному» участнику различных видов общения и главному элементу сотрудничества.

Двигателями, факторами, творцами общественной жизни являются не только общественные группы, но и отдельные личности. К.М. Тахтарев считал, что понимание общественной жизни, не может быть полным и правильным без должного выяснения того значения, какое имеет личность для общественной жизни и для существования самих общественных групп. Это значение проявляется в творческой и общественной деятельности личности. Открытия и изобретения являются результатом жизнедеятельности личности, личного опыта и творческого воображения и имеют важное социологическое значение.

Для успешной творческой деятельности личности необходимо иметь определенные качества и способности, отличающие ее от других. Одного такого развития недостаточно для того, чтобы личность стала великой в глазах других. Она достигает этого только посредством деятельности, труда, общения и борьбы. Следовательно, жизнедеятельность - это первое условие действительного «величия» каждой личности. Только в ее деятельности и общении с другими людьми и может проявиться «величие» и сила.

Исходя из этого, «величие» личности создается ее творческой деятельностью, которая одинаково может проявляться и в новых открытиях и изобретениях, и в новом сочетании старых. Обобщая вышесказанное, в основании всякой творческой деятельности лежит труд. А творчество - это высшее проявление труда.

С целью актуализации социологического наследия К.М. Тахтарева, в данной работе остановимся на соучастующем подходе к управлению, поскольку в его основных характеристиках сотрудничество выступает как стержневая основа эффективного стиля руководства. Однако, стоит заметить, что сотрудничество, также, как и общение является одним из ключевых условий любой управленческой деятельности.

Единой теории соучастующего управления пока не существует. Сущность подхода заключается в том, что управление становится более эффективным, когда сотрудников привлекают к постановке и решению управленческих задач, – то есть при условии их соучастия. Соучастующее управление это своеобразный тип руководства. Его основные черты. Это: а) регулярные совещания руководителя с подчиненными; б) открытость в отношениях между руководителем и подчиненными; в) вовлеченность подчиненных в разработку и принятие организационных решений; г) делегирование подчиненным ряда полномочий руководителя; д) участие рядовых работников в планировании и осуществлении организационных мероприятий; е) создание микрогрупп с правом самостоятельно разрабатывать и предлагать варианты решения проблем.

С целью расширения исследовательского поля, актуализирующего социологические идеи К.М. Тахтарева, проанализируем применение концепции динамической структуры личности советского психолога - К.К. Платонова в рамках теории соучастующего управления. Выделим необходимое и достаточное число подструктур личности. В концепции динамической функциональной структуры личности таких подструктур выделено четыре. В таблице 1 рассмотрена иерархия основных подструктур личности по К.К. Платонову [1].

Таблица 1

Иерархия основных подструктур личности (по К.К. Платонову)

Наименование подструктур	Подструктуры подструктур	Соотношение биологического и социального	Связь с активностью	Виды формирования
Направленность личности	Убеждения, мировоззрение, идеалы, стремления, интересы, желания	Биологического почти нет	Через убеждения	Воспитание
Опыт	Привычки, умения, навыки, знания	Значительно больше социального	Через волевые навыки	Обучение
Особенности психических процессов	Воля, чувства, восприятие, мышление, ощущения, эмоции, память	Чаще больше социального	Через волю и эмоции	Упражнение
Биопсихические свойства	Темперамент, половые, возрастные свойства	Социального почти нет	Через особенности нервных процессов	Тренировка

Для реализации соучаствующего стиля управления руководитель-лидер должен обладать определенными профессионально важными качествами, которые формируются в 4 подструктурах его личности.

В этом контексте, основные категории анализа, характеризующие личность в социологической концепции К.М. Тахтарева: общение, сотрудничество, труд, творчество – проявляются в подструктурах направленности личности и опыте (по Платонову К.К.).

Анализ социологических идей К.М. Тахтарева в контексте современной управленческой проблематики и в сопоставлении с концепциями отечественных социологов, психологов и зарубежных исследователей позволяет убедиться в оригинальности и актуальности творческого наследия этого великого российского социолога. Его социологические работы выполняют три функции: ретроспективную, прогнозирующую и учебно-образовательную, что способствует расширению возможностей их актуализации в различных отраслях социологической науки.

1. Куликов Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов/Л.В. Куликов. – СПб.: Питер, 2002.
2. Оганян К.К. Социальные технологии формирования лидерских качеств у будущих руководителей в вузовской среде. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 140 с. - (Научная мысль).
3. Тахтарев К. М. Социологические труды [Текст] / К.М. Тахтарев ; Под ред. А.О. Бороновой, Санкт-Петерб. гос. ун-т, Междунар. ин-т П. Сорокина - Н. Кондратьева. - СПб. : РХГА, 2006.

ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ИМИДЖА ГОРОДА ЯКУТСКА

Сегодня столица Республики Саха (Якутия) город Якутск – крупный административный, индустриальный, культурный, финансовый и научный центр с населением почти 300 тысяч человек. Якутск является крупнейшим населенным пунктом на северо-востоке страны и самым большим городом в мире, построенным на вечной мерзлоте.

Мнение о городе оказывает существенное влияние на состояние муниципального бюджета, объем экспорта и динамику валового городского продукта. Отсюда появляется необходимость продвижения благоприятного имиджа отдельных территорий.

Для анализа влияния политики властей на формирование имиджа города было проведено пилотажное социологическое исследование, для его проведения были выбраны жители и гости города Якутска.

Целью данной работы являлось выявление факторов, влияющих на имидж города. В качестве метода исследования выбран формализованный устный опрос, который позволяет охватить достаточное число респондентов и с необходимой степенью глубины выяснить их мнение по поставленным вопросам.

Опросный лист включает в себя 4 вопроса, определяющих мнение жителей, в частности: что влияет на формирование имиджа города, насколько эффективна деятельность руководства города, оценка управленческих процессов, а также предложения респондентов по улучшению жизни в городе.

Общее количество опрошенных составило 50 жителей и гостей города Якутска. Отбор респондентов проводился случайным образом, путем устного опроса среди случайных прохожих. В выборке соблюдалась сопоставимость числа респондентов по полу и возрастным категориям: 50% - женщины и 50% - мужчины, до 20 лет – 20%, 21-30 лет – 20%, 31-40 лет – 20%, 41-50 лет – 20%, свыше 50 лет – 20%.

Опрос проводился в июне-августе 2015 г. в городе Якутск.

По мнению респондентов, большое влияние на формирование имиджа города оказывает администрация (34%), немного отстает пункт сами жители города (32%). Учитывая полученные данные, оценить влияние власти на формирование имиджа города представляется возможным и целесообразным.

Понимание значения имиджа нацеливает местные органы власти на пропаганду конкурентных преимуществ и привлекательных сторон города с целью привлечения на его территорию инвестиций, способствующих решению актуальных социально-значимых и экономических проблем.

42% респондентов считает деятельность руководства города по формированию и продвижению положительного имиджа Якутска «скорее эффективной»; 16% ответили: «скорее неэффективна»; 28% считают деятельность руководства «эффективной»; 6% – «неэффективной». По полученным результатам очевидно, что деятельность руководства города по формированию и продвижению положительного имиджа преимущественно эффективна. Это говорит о том, что в руководство Якутска достаточно хорошо понимает важность и значение имиджа территорий.

На формирование имиджа Якутска, по мнению респондентов, в основном, влияет проведение крупных спортивных и социально-культурных мероприятий, а также непосредственно управленческая деятельность мэра, развитие туризма, социально-экономическая ситуация в городе, научные достижения и развитие инфраструктуры выбрало только 8% респондентов.

Для выявления отраслей, по которым властям необходимо усилить позиции, респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Куда, на Ваш взгляд, должны, в первую очередь, инвестироваться средства (государственного и частного капитала)?» Ответы демонстрируют, в первую очередь, необходимость инвестировать средства в доступное жилье, обеспечение рабочих мест и строительство дорог.

Опыт показывает, что регионы, в которых руководство понимает важность имиджа и принципы его построения, получают большую заинтересованность со стороны партнеров, инвесторов при условии, что имидж несет объективную, положительную окраску.

Исходя из этого, рассмотрим, что предпринимается администрацией города и мэром Айсенем Сергеевичем Николаевым для формирования имиджа Якутска, а также какие позиции на сегодняшний день занимает город.

Город связан деловыми, торговыми и производственными отношениями со многими предприятиями России и зарубежными компаниями. Широко развиты и функционируют торгово-закупочные предприятия, вещевые и пищевые рынки, туристические фирмы, рестораны, кафе, организации бытового обслуживания населения. Активно возводятся жилые дома, торгово-офисные здания, детские сады, спортивные сооружения, строятся дороги. Успешно реализуются программы жилищного строительства. В 2011 году введено в эксплуатацию почти 115 тысяч квадратных метров жилья в многоквартирных домах и 55 095 тысяч квадратных метров в индивидуальном жилищном строительстве.

В мае 2010 года Якутск попал в список 20 лучших городов для бизнеса, составленный журналом «Форбс», где занял 13 место.

Якутск по праву считается культурным и научным центром. Якутский научный центр и Академия наук республики объединяют 14 научно-исследовательских института академического профиля, кроме того работают 7 институтов отраслевого профиля и другие научные организации.

Развитию физической культуры и спорта уделяется большое внимание. В городе имеются современный ледовый дворец «Эллэй Боотур», крупные стадионы с искусственным покрытием «Туймаада» и «Юность», Дворец спорта имени «50 лет Победы», спортивный комплекс национальных видов спорта «Модун» и другие спортивные сооружения. Ведется строительство нового бассейна, стадиона, футбольного манежа.

Создание условий для массового занятия спортом - остается в числе главных приоритетов городских властей. В столице регулярно проводятся соревнования, олимпиады по различным видам спорта. В 2011 году в Якутске было дополнительно введено 20 новых спортивных площадок с искусственным покрытием. Число горожан, занимающихся на постоянной основе физкультурой и спортом, превысило 24 процента от всего населения городского округа.

Одним из значимых мероприятий считаются международные спортивные Игры «Дети Азии», которые проводятся один раз в четыре года. В 2016 году состоятся VI Игры «Дети Азии».

Как признание устойчивого и стабильного развития города Якутска Президентом РФ Дмитрием Медведевым принято решение о проведении в рамках Саммита АТЭС в Якутске в 2012 году Международного спортивного форума «Россия - спортивная держава», заседания Совета при Президенте РФ по развитию физической культуры и спорта.

В 2011 году городу Якутску вручена почетная грамота ООН - Хабитат («Habitat Scroll of Honour») за проект «Реализация программы «Комплексное развитие территорий города Якутск» в условиях Крайнего Севера». Тем самым мировое сообщество признало достижения нашего города в области экономического развития, городского управления, улучшения дорожного строительства, реконструкций зданий, строительства социального жилья.

Таким образом, рассмотрев нынешнюю ситуацию с имиджем города, что проводится для его формирования и улучшения, можно сделать вывод, что администрация города прилагает все усилия для формирования благоприятного имиджа

города Якутска. Так как, город занимает хорошие позиции не только на федеральном уровне, но и на международном.

1. *Важенин С.Г. Контуры территориальной конкуренции // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 271–288.*
2. *Акулич Е.М., Коновалов В.В. Муниципальная политика формирования имиджа города: накопление социального капитала // Вопросы управления. Уральский институт управления - филиал РАНХиГС. 2013. №23.*
3. *якутск.рф Окружная администрация города Якутска, официальный сайт*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ГОРОДОВ РОССИИ – ЗАДАЧИ И ОСНОВНЫЕ ОТРАСЛИ

Першин Г.В. (Санкт-Петербург)

Социальный комплекс города, часто называемый экономистами, и социологами социальной сферой города [См. напр. Habermas J., 1962], охватывает в основном отрасли, оказывающие всевозможные услуги городскому населению. Такие отрасли городского социального комплекса традиционно представлены такими его составляющими, как производство товаров народного потребления, имеющее место, в основном, в легкой и пищевой промышленности, и сфера обслуживания. Однако, поскольку современный социальный комплекс города – это не механическая совокупность социальных отраслей, состоящих из производств, организаций и учреждений, а скорее их системное соединение, основанное на общих задачах социальной деятельности, многие исследователи рассматривают их вкуче с основными условиями динамичного развития городского социального комплекса.

Городу свойственно действие: «город растет, если, вбирая потоки желания [населения], становится перекрестком торговых и финансовых путей» [Теребилова Е.Ю., С., 2011, 171]. Иными словами, он преумножает свой масштаб и потенциал. Если город сам производит что-то – товары, услуги – то он растет вместе с объемом производимого и в перспективе становится большим моно- или поли-городом со своей социальной сферой, и, в некоторых случаях, может разрастаться до размеров мегаполиса. В исторической интерпретации выделяют «полис», который, как известно, был «городом», как Афины, и «мегаполис», или союз «деревень», как Спарта [Mumford L., 1961, P. 96 –104]. В современной России существует два мегаполиса – Москва и Санкт-Петербург с десятками населенных пунктов вошедших в черту города и пригородными городами-спутниками, и поселками, с населением примерно 10 млн. жителей. Остальные муниципальные образования относят к категории городов.

Город подвержен воздействиям: он зависит от конъюнктуры – политической или экономической: если конъюнктура не способствует росту города, то объем удовлетворяемых в нем желаний или потребностей населения сокращается, и тогда город пустеет. Однако, необходимо учитывать, что рост, измеряемый в масштабе «города», несоразмерен «мегаполису». Для города рост – это свидетельство «социального здоровья», для мегаполиса – «социальная угроза, хроническая болезнь» [См. Джекобс Д., 2011, С. 254-255; Рубл Блэр А., 2004, С 321 – 351). В отличие от города, мегаполис не подвержен воздействиям внешних конъюнктур, поскольку последние обусловлены процессами, происходящими внутри него. В связи с этим, можно предположить, что мегаполис не подвержен росту подобно, скажем, моногороду: просто заложенная в нем «... система массового обслуживания потока желаний непрерывно усложняется [внутренней] текущей конъюнктурой...» [Теребилова Е.Ю., С., 2011, 174].

Рост города обусловлен развитием его социального комплекса. К основным условиям развития городского социального комплекса исследователи городской социальной сферы относят социально-экономические, социально-демографические, социально-бытовые, социокультурные [Иванов В.В., Коробова А.Н., 2006] и другие условия. В связи с этим, и городской социальный комплекс логично было бы рассматривать как социальную сферу, состоящую из отраслей социально-экономического комплекса (например, производства товаров народного потребления, служб занятости), отраслей социально-демографического комплекса (например, системы социальной защиты, системы здравоохранения), отраслей социально-бытового комплекса (например, социальной инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства, пассажирским транспортом), отраслей социально-культурного комплекса (образования, науки, средств массовой информации и коммуникации, культуры, спорта, туризма и др.).

Большая часть авторов, занимающихся исследованиями в области городской социальной сферы, сходятся в том, что производство товаров народного потребления относится скорее к промышленному комплексу, чем к социальному комплексу города, и рассматривают последний в рамках задач оказания различных социальных услуг населению [См. Особенности реализации социальной политики в отраслях социальной сферы различных регионов; Комплекс социальной сферы города Москвы]. Вполне логичный подход. Если сравнить, например, труд рабочих на предприятии по производству очков и тех, кто ремонтирует очки в мастерской, то в первом случае результатом работы становятся материальные блага – очки, а во втором – никаких новых материальных благ не производится: оказывается лишь услуга владельцу очков. Из этого можно заключить, что предприятие по производству очков – часть промышленного комплекса, а их ремонт – часть сферы обслуживания или социального комплекса.

В нашем докладе мы будем рассматривать социальный комплекс городов России в рамках задач оказания социальных услуг населению. Услуга, приведенная в качестве примера с очками, может «существовать отдельно» от её исполнителя: нам не обязательно присутствовать при ремонте, более того, мы даже можем не видеться с мастером. Но есть другой вид услуг – это те услуги, которые не могут «существовать отдельно» от их исполнителя. К ним относятся услуги артиста, преподавателя, врача. Такие услуги представляют собой «полезный эффект труда, потребляемого в самом процессе труда» [См. Особенности реализации ...].

Данное различие имеет важные последствия для такой задачи сферы обслуживания, как размещение той или иной услуги в городе. В случае с услугой, связанной с ремонтом какой-то вещи, место оказания услуги может быть географически удалено от клиента. К таким же услугам можно отнести заказы с доставкой на дом. Однако, чтобы пройти обследование у врача, клиенту непременно нужно прийти к нему на прием. Поэтому услуги такого рода должны размещаться таким образом, чтобы горожанам удобно было бы ими воспользоваться.

К группам отраслей российского городского социального комплекса, заслуживающих повышенного внимания муниципальных властей, в связи с проблемой их наиболее удобного размещения в городе, относятся, например, следующие сферы услуг:

- жилищно-коммунальное хозяйство, ответственное за обеспечение водо-, газо-, электроснабжением, горячей водой и отоплением, исправными лифтами и пр.;
- медицинское обслуживание населения, обеспечивающееся поликлиническими учреждениями; больницами; родильными домами; аптечными учреждениями и др.;
- услуги по социальному обеспечению, предоставляемые организациями пенсионного обеспечения и социального страхования; домами для инвалидов и престарелых, детскими домами и интернатами;
- пассажирский транспорт, имеющий особый статус в сфере обслуживания: к нему прибегают и для поездок в различные учреждения сферы обслуживания, и для доставки услуг на дом;

Эффективное решение задач социальной сферы российскими городскими властями может последовать только после тщательного изучения ими территориальных систем в географии обслуживания, а именно, её отдельных отраслей, начиная с вышеупомянутых отраслей городского социального комплекса, а также их сочетаний – например, многофункциональных центров обслуживания. В последних с успехом воплощается во многих городах России идея использования государственно-частых партнерств [Creative industries in the modern city..., 2002].

Пренебрежение такими задачами социальной сферы часто приводит к тому, что многие города постигает участь либо пустеющих вследствие неблагоприятной конъюнктуры городов, либо «хронически больных» мегаполисов. Ярким примером проблемы неблагоприятной конъюнктуры моногородов является Пикалево в Ленинградской области, где возникла тяжелая социально-экономическая ситуация, в связи с остановкой производства на трех предприятиях города. Очень часто проблемы с мегаполисом связаны с растущими рядом с ним городами-спутниками. Так, «развитие массового жилищного строительства на сопредельных с Санкт-Петербургом территориях порождает деформации в их развитии. Простой пример – покупатели пригородной недвижимости живут (а значит, получают социальные услуги) в Ленобласти, а работают (а значит, и платят налоги) в Петербурге» [Зарубина О. Города-спутники в Ленобласти, 2015 http://top.rbc.ru/spb_sz/02/09/2015/55e6fe6b9a7947d03624790f]

1. Джекобс Д. *Смерть и жизнь больших американских городов* / Пер. с англ. - М.: Новое издательство, 2011. – 460 с. (Библиотека свободы).
2. Зарубина О. *Города-спутники в Ленобласти: орбита не найдена, поиск продолжается*, http://top.rbc.ru/spb_sz/02/09/2015/55e6fe6b9a7947d03624790f (Проверено 03.09.15)
3. Иванов В.В., Коробова А.Н. *Муниципальное управление*. – М.: ИНФРА-М, 2006
4. *Комплекс социальной сферы города Москвы*. - http://www.mosgorzdrav.ru/mgz/komzdravsite.nsf/va_WebPages/page_kompleks_socsfera?OpenDocument (Проверено 08.06.15)
5. *Особенности реализации социальной политики в отраслях социальной сферы различных регионов*. - <http://studopedia.org/9-20899.html> (Проверено 08.06.15)
6. Рубл Блэр А. *Стратегия большого города. Прагматический плюрализм в Чикаго «позолоченного века, Москве серебряного века, в Осаке эпохи Мэйдзи* - М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 456 с.
7. Тербилова Е.Ю. *Социология сознания*. – СПб.: Реноме, 2011. – 216 с.
8. *Creative industries in the modern city, encouraging enterprise and creativity in St. Petersburg, Tacis Cross Border Cooperation, Small Projects Facility St. Petersburg, Helsinki, Manchester, September 2002*. - <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/cr>
9. Habermas J. 1962. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, Cambridge: Polity Press.
10. Mumford L. *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Processes*. – New-York: Harcourt Brace and World Inc., 1961. – 657 P.

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Петельчук Е.А. (Санкт-Петербург)

Корпоративная социальная ответственность в 21 веке - это не абстрактная социально-экономическая категория, а вполне конкретная реакция бизнес - сообщества на происходящие изменения в трудовых коллективах, окружающем сообществе, национальном и международном развитии.[1] Совершенно естественно, что политические и экономические сложности России последних лет не могли не повлиять на реализацию

концепций корпоративной социальной ответственности, в первую очередь на финансирование предприятиями социальных программ.

Большинство Российских компаний находятся в условия вынужденной экономии, рационализации расходов, а некоторые из них столкнулись с неизбежностью сокращения персонала, объемов производства и т.д. Вполне вероятно, что эти условия крайне негативно отражаются на социальной активности Российских предприятий. Однако следует разобраться, как сильно кризис повлиял на совсем начавшую зарождаться и практически и академически культуру и концепцию социальной ответственности.

Существует два противоположных взгляда на ситуацию. Согласно исследованиям Международной аудиторско-консалтинговой сети Grant Thornton,[2] предприятия стали меньше, чем три года назад, уделять внимание благотворительности, участию в общественных объединениях, экологии, как следует из опроса, среди 7,7 тыс. компаний в 39 странах мира. Россия, согласно опросу, заняла предпоследнее место среди этих стран, применяющих на практике принципы КСО, обогнав только Турцию.

Исследователями отмечается, что до сих пор у российского бизнеса нет единого мнения, что должны представлять собой общепринятые принципы КСО. Наибольшую поддержку в условиях кризиса получили направления КСО, связанные с непосредственной деятельностью предприятия: инвестиции в производство, в развитие персонала и социальные гарантии сотрудникам, выплата легальных высоких зарплат, соблюдение требований трудового и налогового законодательства, улучшение условий труда, честность, прозрачность отчетности. Таким образом, по мнению исследователей Grant Thornton, главные мотивы, заставляющие российских предпринимателей следовать политике КСО, ориентированы на собственные интересы. Так, 63% компаний внедряют КСО для привлечения и удержания ключевых сотрудников, 60% компаний — чтобы сократить затраты. Половина компаний осуществляют практику КСО для снижения давления властей на бизнес, для 55% — это способ снизить налоговую нагрузку, усилить бренд и повлиять на общественный настрой.

С существенным отставанием располагаются те направления КСО, которые затрагивают интересы не самого предприятия, а внешних стейкхолдеров: природоохранная деятельность и ресурсосбережение (27,7 %), благотворительность и филантропия (23,1 %), поддержка уязвимых социальных сфер общества (13,0 %) и помощь регионам присутствия (8,0%).

Однако 18 сентября 2015 года состоялась конференция «Корпоративная социальная ответственность: лишний балласт или спасательный круг», организованная РБК. Организаторы которой считают, что КСО занимает устойчивое место в повестке бизнес-мероприятий и даже сейчас, в кризисное время, тема КСО не отходит на второй план.

Одной из тем для докладов стало взаимодействие бизнеса, власти и НКО. по мнению представителей компаний- проблема заключается в недостаточном профессионализме и управленческих навыках представителей НКО. Однако использование ресурса корпоративной социальной ответственности выступает в качестве как нового инструмента социальной поддержки, так и инновационного метода работы с персоналом, которое дает участникам взаимодействия обширное поле для возможностей решения многих социальных проблем наиболее эффективно: быстро, целенаправленно и наименее затратно.

Сессия «Корпоративные социальные проекты: лучшие кейсы», на которой компании представляли свои успешные практики социальных проектов, представляет собой особенный интерес для анализа развития КСО в условиях кризиса. Особенно стоит отметить переориентацию на вовлечение с сотрудников в программы корпоративной благотворительности, что характерно, так как это один из механизмов КСО во время кризиса, который успешно используется как российскими, так и зарубежными компаниями. Успешные примеры организации волонтерских мероприятий и вовлечения

сотрудников представили компаний — Deloitte, ПАО «Русгидро», JTI Россия, БФ «Система», МТС, Мегпфон. Samsung. Помимо участия сотрудников, отмечается переход социальных программ, реализуемых компаниями на качественно новый уровень. Это и программы дополнительного образования, и разработка специальных мобильных приложений, и внедрение абсолютно нового для Российских условий, структурированного подхода к вовлечению сотрудников, партнеров и покупателей в единую систему социальной ответственности.

Таким образом, даже при том, что реализация принципов корпоративной социальной ответственности в России на практике пока ниже мировых стандартов, в целом, уровень осознания бизнесом феномена социальной ответственности повышается даже в условиях кризиса. Несомненно, на часть Российских компаний кризис может влиять на развитие и в негативном ключе, но для компаний, пытающихся рационализировать свою корпоративную ответственность, кризис это еще и вызов, это новые возможности. Для того, чтобы адекватно отвечать изменяющимся условиям общества, необходим переход, от «КСО-интеграции» к «КСО-инновациям» [3]. Определенные трудности политического, социально-экономического характера, заставляют компании менять модели поведения, экономия средств часто приводит к более глубокому анализу действительных запросов общества. В данный момент можно отметить, что есть компании, достойно принявшие вызов кризиса, дифференцируя свой подход к социальной ответственности.

1. Кричевский Н.А., Гончаров С.Ф. *Корпоративная социальная ответственность* // Москва: Дашков и Ко, 2006. - 195с
2. *Корпоративная социальная ответственность: Необходимость, а не выбор.* Grant Thornton. *Международное исследование бизнеса 2008*
3. Благов, Ю. Е. *Корпоративная социальная ответственность бизнеса как инновационная стратегия: — СПб.: СПбГУ, 2010*

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Подпоринова Н.Н., Братищева Е. (Белгород)

Управление социальной работой является на сегодняшний день активно развивающейся сферой, определяющей приоритеты социального развития и механизмы достижения социальной безопасности, получения экономического результата социальной работы. Поэтому специалисты и линейные руководители социальных служб и учреждений должны владеть эффективными технологиями управления персоналом, осознавая специфику становления, развития и актуального состояния системы социальной защиты населения в России.

Управление социальной работой представляет собой сложную социальную систему, которая, с одной стороны, характеризуется целостностью, с другой, — открытостью. К основным элементам системы управления социальной работой относятся субъекты, функции, методы, принципы и законы социального управления, уровни управления, организационная структура, кадры, социальные организации, управленческий процесс.

В управлении социальной работой можно выделить несколько компонентов. Первый — организационно-структурный. Управление социальной работой организуется на нескольких уровнях и имеет соответствующие организационные структуры. Ключевые вопросы: «Кто выполняет социальную работу?»; «Какие органы, подразделения этим занимаются?»; «Какова эффективность их деятельности, функционирования?».

Второй – функциональный. Управление социальной работой выполняет как общие, так и частные функции. Общими, независимо от уровня, субъекта, его компетенции являются функции прогнозирования, целеполагания, организации, координации, стимулирования, маркетинга, учета и контроля. Частные функции управления – это виды управленческой деятельности, исходя из должности (обязанности и права), подразделения, в котором работает специалист (функции подразделения), специфики деятельности учреждения.

Третий связан с индивидуальным стилем деятельности руководителей разных уровней в системе социальной защиты населения. Руководители выступают движущей силой, «локомотивом» в процессе управления персоналом. От профессионализма руководителей во многом зависят качество организации управления и его результативность. Поэтому важной проблемой остается развитие профессиональной компетентности руководителей, а в случае перехода специалиста в ранг руководителя – приобретение необходимых профессиональных качеств и навыков.

Анализ отечественной практики управления персоналом в учреждениях социальной защиты позволил нам выявить некоторые особенности:

- персонал социозащитного учреждения специализируется на предоставлении определенного набора социальных услуг различным категориями населения;
- в учреждениях социальной защиты большую часть персонала составляют женщины, включая первых лиц (директоров) и руководителей подразделений. Это накладывает отпечаток на стиль и методы управления, психологию взаимоотношений, психологический микроклимат в коллективе и т.д. Гомогенность коллектива с точки зрения гендерного состава может порождать серьезные проблемы, решение которых необходимо искать в психологии управления;
- работники учреждений социальной защиты в профессиональной деятельности подвержены «эмоциональному выгоранию». В связи с этим в управлении персоналом существует «фасилити-функция», т.е. предоставление защитных услуг своим работникам, например, создание комнаты психологической разгрузки, проведение тренингов, обучающих методам самозащиты и самопомощи.

Таким образом, управление персоналом в социозащитных учреждениях – это искусство, требующее хорошего знания психологии людей, их потребностей, индивидуальных способностей и мотивов их поведения. Последнее может быть обусловлено особенностями содержания и организации труда, желанием достичь определенного уровня благосостояния, реакцией на применение различных видов стимулирования, стремлением изменить свое положение в организации, приспособиться к новым условиям, личными особенностями.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РФ

Подъячев К.В. (Москва)

Сегодня роль политических партий и различных общественных движений в России часто представляется несущественной. И проблема не в том, что политические партии в России якобы стали «декоративными», и либо зависимы от Кремля, либо систематически отстраняются от выборов с помощью «административного ресурса». Суть ситуации состоит в том, что органы власти, формируемые на партийной основе, стали маловлиятельны, так как центр принятия решений находится не там. Даже такая многочисленная и могущественная партия как «Единая Россия» на деле оказалась

выключена из политико-управленческого процесса. Не власть принадлежит данной партии, но партия «принадлежит» власти, что радикально отличает её от ВКП(б)/КПСС. Такая ситуация часто интерпретируется как «симуляция демократии» и даёт основание ряду авторов утверждать, что российские политические партии, включая «Единую Россию», вовсе не являются политическими партиями [5]. На это положение давно уже обращают внимание многие исследователи российской политической системы [8]. Но надо отметить, что в развитых демократиях Запада ситуация обстоит едва ли не хуже. Там при наличии гораздо более отлаженных демократических институтов и процедур, центр принятия решений переместился из публичных и легальных структур в спецслужбы, лоббистские объединения, а часто вообще за пределы государств – в наднациональные организации и головные офисы крупнейших корпораций. Вследствие этого смысл демократических процедур пропадает. Политическая конкуренция в этих условиях существует лишь между персоналиями, но никак не между стратегиями.

Парламентаризм западного образца и связанная с ним многопартийность, являются для России явлениями привнесёнными, неорганичными. Современная российская многопартийность, возникшая только в 1990-х, не имеет собственной сложившейся традиции, поскольку никак не связана генетически с многопартийностью 1905–1917 гг. Однако история человечества знает множество примеров, когда привнесённые извне или искусственно сконструированные институты, встраиваясь в социальную среду, трансформировали её, и, одновременно трансформируясь сами, становились её органичной частью. Тем не менее, всякий раз процессы адаптации привнесённых институтов разворачиваются по-разному, и приводят к разным результатам. В одном случае заимствованный институт становится частью среды, и уже изъятие его становится для системы опасным; в другом – адаптация не удаётся.

Потому очень важным для отечественной социальной науки является анализ адаптации привнесённых институтов к существующей институциональной среде. Поэтому мы намерены показать, как именно в сложившихся условиях действуют российские политические партии и общественные движения на трёх уровнях: региональном (уровень субъекта РФ), муниципальном и локальном (уровень городского и сельского поселения) и проанализировать, насколько российские политические партии адаптированы в местной институциональной среде, в какой степени их можно считать симуляционными структурами, а в какой – реальными действующими субъектами.

Данный доклад основан на анализе данных, собранных в 2012 – 2015 годах в некоторых российских регионах (Московская, Ивановская, Смоленская, Тамбовская, Курская, Орловская, Псковская, Нижегородская, Свердловская, Воронежская, Архангельская, Калужская области; а также Республика Крым и г. Севастополь). Основным методом сбора данных послужили глубинные интервью с чиновниками региональных администраций, отвечавшими за взаимодействие с политическими партиями, с партийными активистами и с представителями общественных организаций. Анализ проведённых интервью был дополнен данными, полученными в ходе изучения местной прессы, веб-сайтов партий и нормативно-правовых актов, а также прямого визуального наблюдения в соответствии с принципами «третьей социологии» [9].

Насколько мы можем судить на основании собранных данных, большого интереса к выборам, к избирательной кампании, население не испытывает. Более того, сами партии в регионах не преследуют цели получения власти. Все они, за исключением КПРФ, декларирующей радикальную смену политического курса, не пытаются оспорить гегемонию Единой России. Основной задачей участия в выборах для них является получение некоторого количества мест в региональных и муниципальных представительных органах с целью использовать их в дальнейшем как определённый козырь в переговорах с администрацией. Не следует думать, однако, что это сводится исключительно к защите интересов бизнесменов-спонсоров партии. Наличие своей фракции в региональном парламенте, своих депутатов в муниципальных образованиях

позволяют партии лучше контролировать ситуацию на местах и обеспечить положительный электоральный результат своим кандидатам на федеральных выборах.

Но сами партийные активисты на местах, понимая, что партии создаются всё-таки для борьбы за голоса избирателей, часто свою личную задачу видят в том, чтобы помогать людям, изменяя социальную реальность своего региона. Выборы для этого лишь средство, но не цель. Это показывает, что политические партии в регионах выступают в большей степени как субъекты не власти, а влияния [4, 610].

На уровне муниципальных образований и локальных административно-территориальных единиц (городских и сельских поселений) политические партии почти незаметны. Вне собственно предвыборной борьбы их словно бы и не существует, но эта тишина обманчива. На самом деле, как показали наши исследования, они ведут активную работу и вне предвыборных кампаний. Но работа эта по большей части не связана с узкополитическими, электоральными целями, а обращена преимущественно в социально-благотворительную и гуманитарную сферу.

Но наиболее существенно то, что на региональном, и особенно муниципальном и локальном уровнях определяющую роль в формировании социальной среды играют не институты, а акторы [6, 89]. Локальные акторы - это далеко не всегда люди, формально являющиеся «начальством». Часто это директора школ, музеев, клубов; подчас просто инициативные граждане. Их «проекты» - некоммерческие и часто имеющие большое социальное значение, для реализации которых, они, однако сотрудничают с властями и/или политическими партиями. К примеру, авторитетный, уважаемый директор школы хочет открыть при школе творческий центр. Денег на это ни в районном, ни в областном бюджете нет – и он идёт в Единую Россию, чтобы с её помощью добыть средства в федеральном центре. С таким явлением мы постоянно сталкивались в исследуемых регионах. Электоральные достижения политических партий в большой степени связаны с привлечением таких акторов к партийной деятельности. Для партий же непарламентских участие локальных акторов является единственным основанием хотя бы минимального электорального успеха.

Таким образом можно сделать вывод, что на партийная система в России вполне сформировалась. Хотя партии мало соответствуют классическим представлениям, в регионах они играют существенную роль. Главная же их функция – медиация общения между властями разных уровней и локальными акторами, реализуется вполне успешно.

(данный доклад подготовлен при поддержке РФФИ – проект 13-06-00314А «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества»)

1. Аристотель. *Политика. Афинская полития*. М.: Мысль, 1997.
2. Галкин А.А. *Индивид, общество и структуры власти. Размышления о политике и политической науке*. М.: ИСП РАН. 2004
3. Дойч К. *О политической теории и политическом действии*. Пер. с англ. *Политическая теория в XX веке*. М., Территория будущего. 2008
4. Коэн Д.Л., Арато Э. *Гражданское общество и политическая теория*. Пер. с англ. М.: Весь мир. 2003
5. Кынев А.В., Любарев А.Е. 2011. *Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция*. М.: Фонд «Либеральная миссия»; *Новое литературное обозрение*
6. Подъячев К.В. *Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремёсел* // *Вестник Института социологии*. 2013. № 2 (7). URL: <http://www.vestnik.isras.ru/article/240>
7. Подъячев К.В. *Обращения граждан в органы власти и гражданское участие в России: взгляд политолога*. Saarbrücken, L.A.P. 2011
8. Соловьёв А.И. *Российская правящая элита как стратегический проектировщик* // *Элитология России: современное состояние и перспективы развития*. Т.1. Ростов-на-Дону: ИРИФ РАНХиГС. 2013
9. Штомпка П. *В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии* // *Социологические исследования*. 2009. № 8

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Проказина Н.В. (Орел)

Общероссийские исследования [1; 55] кадров органов местного самоуправления свидетельствуют о том, что существует кадровый парадокс: все вакансии заняты, и тем не менее, ощущается «кадровый голод».

Причина – нехватка квалифицированных специалистов. Эксперты подчеркивали, что в муниципальные структуры должны идти специалисты такой же квалификации, как и в органы государственного управления. Но этого, к сожалению, не происходит, так как авторитет муниципальной службы гораздо ниже, чем государственной.

Показательными, при определении причин и предпосылок кадрового парадокса, являются и результаты исследований основных мотивов поступления граждан на работу в местные органы власти. Вопрос мотивации является одним из ключевых, так как от того какие мотивы преобладают, зависит прежде всего качество кадров муниципальной службы.

Проведенные всероссийские опросы показали, что отчетливо выделяются две главные группы мотивов:

1. Материальная заинтересованность, граничащая с ожиданием личной корыстной выгоды от работы в местных органах власти.

2. Социально-статусные ожидания от профессии муниципального служащего..

Интересно, что гражданский мотив (служение обществу, государству) для поступающих на должности муниципальной службы в общественном мнении оценивается очень слабо.

Напротив, сами муниципальные служащие гражданский мотив выдвигают на одно из первых мест, хотя их в большей степени интересуют социально-статусные и социально-профессиональные ожидания от работы в местных органах власти [2; 188].

Сформировавшиеся установки населения оказывают влияние и на характер взаимоотношений населения и местных органов власти. Одним из показателей сложившихся взаимоотношений является частота обращений граждан в органы местного самоуправления для решения своих проблем. Общероссийские исследования свидетельствуют, что подавляющее большинство граждан обращаются в местные органы власти достаточно редко, при необходимости (39,1%), либо почти никогда не обращаются (43,4%). Постоянно обращаются всего 4,7% опрошенных и еще 12,8% делают это достаточно часто [2; 165].

Вряд ли можно утверждать, что у более чем 80% граждан нет существенных проблем, которые можно решить обращением к местной власти, либо такие проблемы возникают крайне редко. Вероятно, это указывает на то, что население пока еще не видит в местной власти своего полноценного социального партнера. Следовательно, и уровень доверия к местным органам власти у населения не очень высок, что и подтверждают результаты опросов.

В целом 53,3% опрошенных считают степень доверия низкой, 37,3% - средней и только 2,3% - высокой.

Интересно, что сами муниципальные служащие – участники экспертного опроса, достаточно критично относятся в своих оценках к тому мнению, которое сложилось у населения об их коллегах. В некоторой степени более критично, чем население.

Рассмотрим результаты социологических исследований, проведенных в Орловской области кафедрой социологии и психологии управления РАНХиГС под руководством автора в 2012 и 2014 годах.

Подавляющее большинство опрошенных считает профессию государственного гражданского служащего более престижной (54,1%) и привлекательной (28,4%). Оценка

престижности профессии муниципального служащего несколько ниже: считают профессию муниципального служащего престижной – 37,9%, считают профессию муниципального служащего привлекательной – 32,1%.

Следует отметить незначительную динамику в сторону повышения престижности профессии государственного и муниципального служащего в Орловской области.

Оценка престижности профессии государственного и муниципального служащего частично связана с общим уровнем оценки профессионализма служащих.

С одной стороны, следует отметить положительную динамику, характерную для оценки уровня профессионализма государственных и муниципальных служащих Орловской области в 2012 и 2014 году.

С другой стороны, оценка профессионализма государственных гражданских служащих существенной выше, чем оценка профессионализма муниципальных служащих.

Уровень профессионализма в общественном мнении непосредственно связан с оценкой профессиональных и личностных качеств.

Негативными качествами, присущими государственным гражданским и муниципальным служащим, население Орловской области считают использование служебного положения в личных корыстных целях (43,6%), безответственное отношение к своим служебным обязанностям (40,5%), безразличное, неуважительное отношение к людям (38,7%) оказание предпочтения отдельным гражданам, социальным группам и организациям, безразличное, неуважительное отношение к людям.

Сравнение качеств реальной власти с идеальной моделью приводит к неутешительному выводу - больше всего российской власти не хватает как раз тех качеств, которые в наибольшей степени определяют «высококачественную» власть.

Наибольшие расхождения между идеалом и реальностью наблюдаются по следующим характеристикам: забота о народе, справедливость, компетентность [3].

Количество респондентов, относящих эти качества к идеальной модели, существенно опережает число тех, кто указывает на нехватку этих качеств у современного российского руководства. Исходя из этого, можно сделать условное предположение, что именно эти качества как раз и образуют основу модели «идеальной власти» в глазах россиян. Наличие в топе таких качеств, как некоррупционность, законность, честность, слишком зависит от текущей политической конъюнктуры и указывает на острейший дефицит этих качеств у реальной власти. А вот восприятие общественным мнением таких характеристик, как забота о народе, справедливость и компетентность, как раз в меньшей степени зависит от текущей политики и больше отвечает базовым представлениям россиян об идеальной власти.

Следует отметить и еще один вывод - что качествам, которые власть уделяет большое внимание при формировании собственного имиджа в СМИ, оказываются, на самом деле, не столь востребованы населением. Четыре характеристики из числа входящих в топ пяти качеств, присущих российской власти, как раз являются наименее важными с точки зрения идеальной модели власти (входят в топ-5 наименее важных). Речь идет о таких чертах, как сила, современность, активность, демократичность [3].

Проводимые исследования были направлены не только на изучение общественного запроса к власти, но и определением мер, которые респонденты связывали с повышением качества власти.

Среди предложенных мер наибольшей популярностью пользуется усиление подотчетности субъектов управления, т.е. ответственности властных органов перед вышестоящими должностными лицами и организациями, а также перед народом. За эти идеи высказались соответственно 61% и 47% опрошенных. Выбирая в первую очередь именно эти позиции, россияне акцентируют внимание на непрозрачности функционирования властных структур и отдельных представителей власти, на отсутствии обратной связи между властью и населением. Это вновь возвращает нас к проблеме всеобщего недоверия власти (за исключением первых лиц), а также широкого

распространения в общественном мнении установок о массовой коррумпированности верхов.

Определенные надежды россияне возлагают на совершенствование процедуры выборов и повышение уровня профессиональной подготовки представителей власти. Однако на это полагается лишь около трети опрошенных, что, скорее всего, говорит о недоверии выборным процедурам со стороны остальных россиян. Четверть респондентов высказались за повышение профессиональной квалификации представителей власти. Еще около 15-20% респондентов проголосовали за обновление управленческих кадров за счет ученых и молодежи.

Таким образом, подведем основные итоги:

1. Сфера муниципального управления требует новых подходов к решению кадровых вопросов. Объединение усилий ученых и практиков могло бы стать надежным подспорьем для выработки адекватного современным требованиям подхода.

2. Существует объективная потребность в специалистах нового типа, способных не только подбирать адекватные и приемлемые методы решения возникающих проблем, но и принимать ответственные и компетентные решения на основе анализа и прогноза. Переподготовка и повышение квалификации муниципальных служащих выступают необходимым условием для формирования специалистов нового типа.

3. Необходимо расширять социальные представления о сотрудниках муниципальных органов власти. Сегодня наиболее актуальной является задача популяризации профессии муниципального служащего, повышения ее престижности в общественном сознании [4].

1. Боков М. Б. *Кадры местного самоуправления: настоящее и будущее // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 3 (91).*
2. Магомедов К. О., Турчинов А. И. *Государственная служба и кадровая политика: теория и практика. Информационно-аналитические материалы по результатам социологических исследований, проведенных кафедрой государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте РФ. – Ульяновск, 2007.*
3. http://www.zircon.ru/upload/iblock/21f/Kachestva_vlasti-2011_Analiticheskij_otchet_01.11.2011.pdf
4. Проказина Н. В. *Социальный портрет муниципального служащего: общественный вызов и социальная практика // Образование и общество. 2015. Т 2. № 91. С.95-100.*

СОДЕЙСТВИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ И ПОДОТЧЕТНОСТИ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ЭЛЕМЕНТОВ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Романенко Е.Н. (Санкт-Петербург)

За последние годы заметно развилась отрасль связи граждан и государства в пространстве Интернет. Система электронного правительства внедряется во многих развитых странах, и Россия не является исключением. Электронные каналы коммуникации становятся все более востребованными как со стороны населения, так и со стороны представителей городской власти. Развитие Веб 2.0 в качестве интерактивной среды online-коммуникации в рамках публичной сферы политики повысило интерес к концепции электронной демократии и модели правления в сотрудничестве, которая получила воплощение в инициативе «Открытое правительство».

Целью данной работы является изучение и анализ путей применения в сфере городской политики социальных медиа и информационных коммуникационных технологий (ИКТ), а также инициатив в области электронного правительства для достижения прозрачности и подотчетности. Также изучение и применение новых

технологий можно назвать одним из ключевых факторов для развития сотрудничества с членами общественности, выполняющей функцию контроля над деятельностью властей по городскому управлению.

Исследование на основе сетевой методологии показывает основные инициативы, потенциальные последствия и будущие задачи использования электронного правительства как средства повышения прозрачности городского управления, а также определяет способы, в которых эти технологии облегчают сотрудничество между представителями городской власти и общественности с целью обеспечения продуктивной двусторонней коммуникации.

Внедрение ИКТ в городское управление способствует успешному развитию горизонтальных связей между уровнями государственной власти, так как может применяться для взаимодействия не только с населением, но и для двусторонней коммуникации и документооборота как между представителями органов местной и региональной власти, а также федеральной.

Стоит отметить, что политика на городском уровне является одним из ключевых звеньев власти, в которых могут быть активно внедрены элементы электронного управления. Вместе с тем, именно региональному и городскому уровням свойственно включение большого числа политических акторов: органов государственной власти, институтов местного самоуправления, бизнеса, некоммерческих организаций, гражданских инициатив. Все эти субъекты активно вовлекаются в поле публичного взаимодействия в процессе решения целого ряда локальных проблем. Для граждан вопросы городского управления также являются наиболее приоритетными, так как ответы на них определяют качество повседневной жизни населения. В связи с этим возникает очевидная необходимость поиска оптимальных стратегий взаимодействия акторов (горожан, органов власти, предпринимателей, представителей гражданского общества, политических партий, экспертов) и повышения эффективности и результативности городской публичной политики.

В настоящее время наблюдаются большие различия в развитии элементов электронного правительства в субъектах Российской Федерации: на уровне мегаполисов, средних и малых городов, что указывает на актуальность равномерного внедрения ИКТ в управление.

Рассматривается идея создания системы универсальных критериев для виртуальных платформ городской администрации на основе Веб 2.0 с целью повышения качества диалога власти и общества. Среди данных критериев можно отметить регулярность обновления контента, своевременность ответа на запросы обратившихся граждан, наличие возможности оценить работу портала online и другие. Данная идея считается перспективной, так как сайты Веб 2.0 позволяют свободно добавлять информацию по различным проблемам без ущерба для достоверности исходных данных.

Использование современных информационных технологий открывает большие возможности для благополучного развития городов РФ, так как гарантирует наличие связи напрямую, как с общественностью, так и с органами государственной власти. Помимо этого, представители общественных инициатив могут взаимодействовать между собой, осуществляя успешный поиск союзников и перспектив развития, что также является залогом эффективности и демократичности политической системы.

Система электронного правительства внедряется во многих развитых странах, и Россия не является исключением. Развитие платформы Веб 2.0, то есть методики проектирования систем, которые путём учёта сетевых взаимодействий становятся тем полнее, чем больше людей ими пользуется, в качестве интерактивной среды online-коммуникации в рамках публичной сферы политики, повысило интерес к концепции электронной демократии и модели правления в сотрудничестве, которая получила воплощение в ряде инициатив. Особенностью веб 2.0. является принцип привлечения пользователей к наполнению и многократной выверке информационного материала.

Изучение и применение новых технологий служит важным фактором для развития сотрудничества с обществом, которое выполняет функцию контроля над деятельностью властей по городскому управлению.

Использование современных медиа открывает большие перспективы для благополучного развития. Оно дает возможность связи как по отношению с общественностью, так и с органами государственной власти. Помимо этого, представители общественных инициатив могут взаимодействовать между собой, осуществляя успешный поиск союзников и перспектив развития.

В рамках темы рассмотрим два примера организации двустороннего диалога населения и органов власти Санкт-Петербурга, а именно порталы «Наш Санкт-Петербург» и «Красивый Петербург». Выбор этих объектов исследования не случаен.

Основной функцией обеих ресурсов является возможность отправить сообщение по вопросам благоустройства городской среды и жилищно-коммунального хозяйства, по проблемам незаконных объектов торговли, нарушению земельного законодательства. Данное сообщение о проблеме попадет к чиновникам, отвечающим за решение вопроса. Для ответа установлены максимально сжатые сроки. Дополнительная ответственность за работу с сообщениями граждан достигается за счет публичности – сообщения граждан и ответы на них размещаются на портале в открытом доступе. Разницей между порталами является то, что портал «Наш Санкт-Петербург» разработан по инициативе Губернатора Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко, и является частью каталога государственных сайтов города, в то время как портал Красивый Петербург создан волонтерами и поддерживается неравнодушными гражданами.

Портал предоставляет возможность:

- сообщать о городских проблемах и осуществлять контроль проводимых работ;
- получать информацию об объектах городской инфраструктуры.

«Наш Санкт-Петербург» открыт диалогу с горожанами. На портале присутствует ссылка для обратной связи, с помощью которой можно высказать свое мнение о работе Портала или задать вопрос.

Удобная Навигация по сайту.

Приветливый интерфейс.

Рейтинговая система управляющих компаний.

Красивый Петербург:

Подача обращения в 2 шага.

Проблемы по категориям

Карта обращений.

Есть уже в 45 городах РФ. То есть может быть

Функции:

Помимо основной своей функции, то есть осуществление диалога с властью, данные ресурсы выполняют очень важную роль: повышают политическую культуру и грамотность населения.

Исследование показывает основные инициативы, потенциальные последствия и будущие задачи использования электронного правительства как средства повышения прозрачности городского управления, а также раскрывает способы, в которых эти технологии облегчают сотрудничество между представителями городской власти и общественности с целью обеспечения продуктивной двусторонней коммуникации.

1. Л.В. Сморгунов, Л.Н. Тимофеева, *GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством*
2. Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов, *Политические сети. Теория и методы анализа*
3. И.Е. Минтусова, О.Г. Филатова, *GR: Теория и практика.*

ПЕРЕВОД ГОСУСЛУГ В ЭЛЕКТРОННЫЙ ВИД КАК НАПРАВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рыцева Т.О. (Иркутск)

Развитие информационных технологий в современном мире достигло высоких показателей. Такие технологии уже давно стали массовыми, в том числе, благодаря упрощенности интерфейсов и приемлемым ценам. Массовость технологий распространяется на развитые и развивающиеся страны, и охватывает население: от маленьких детей до лиц пожилого возраста. Но самые главные их преимущества – это удобство применения и экономия времени. Использование информационных технологий позволяет совершать покупки, переводить денежные средства, оплачивать коммунальные счета. Именно преимущества этих технологий позволяют внедрять их при оказании государственных и муниципальных услуг. Здесь, на мой взгляд, можно сказать: спрос рождает предложение. Действительно, получение какого-либо вида государственных услуг ассоциировалась с длинными очередями, потерей времени. Ситуация начала меняться в положительную сторону, с выходом Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»[2]. Хотелось бы обратиться к опыту предоставления электронных государственных услуг в Канаде, так как существует определенная схожесть условий (территории, населения) между этим государством и РФ. И впоследствии привести результаты опроса общественного мнения по данному вопросу и узнать процент населения, который пользуется электронными государственными услугами, в том числе и среди жителей Иркутской области.

Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде было нормативно закреплено в Федеральном Законе Российской Федерации от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», который стал частью федеральной программы «Электронная Россия (2002-2010)»[3]. В данном законе были обозначены понятия многофункциональных центров, предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, «портал государственных услуг» [1]. Среди функций и обязанностей МФЦ выделяются: прием запросов заявителей о предоставлении государственных услуг, а также представление интересов заявителей при взаимодействии с органами и представлении интересов органов при взаимодействии с заявителями. То есть это механизм связи, обладающий абсолютным нейтралитетом, но который обязан удовлетворить интересы обеих сторон. В законе также указаны права МФЦ и обязанности органов, которые предоставляют свои услуги. Кроме того, должен быть создан портал государственных услуг, на котором также возможно оказание услуги в электронной форме, и который требует официальной регистрации с подтверждением.

Позднее данный Закон будет считаться инициированием процедуры, начальным этапом, а основное, масштабное развитие проекта связано с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года N 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления"[2]. Данный Указ является одним из «майских» Указов, которые были подписаны в день инаугурации Президента РФ В.В. Путина. В Указе обозначались показатели, которые должны быть достигнуты при предоставлении электронных государственных и муниципальных услуг. Кроме того, в Указе прописывается создание официального портала «Российской общественной инициативы», который позволит гражданам инициировать законопроекты. Также предоставление электронных госуслуг закрепляет государственная программа

«Информационное общество (2011-2020)[4]. Эти правовые документы явились нормативной базой, на которую опираются МФЦ.

Существует определенное сходство между функционированием МФЦ в России и в Канаде. Но в Канаде подобная программа начала реализовываться в 1999 году в качестве пилотного проекта, и закрепилась на постоянной основе. «Service Canada» предложила гражданам возможность выбора между самообслуживанием и помощью государственных служащих, а в наши дни документы можно предоставить несколькими способами[9]. Кроме того, система МФЦ реализуется на различных уровнях государственного управления: в провинциях, сельских территориях. У них также есть свой сайт и страница в Твиттере, выступающая элементом рекламы и информирования населения. Услуги МФЦ включают заявки на страхование служащих, на получение паспорта, на поиск работы или получение номера социального страхования и многие другие. За функционирование МФЦ в Канаде отвечает Министерство людских ресурсов и социального развития, что свидетельствует о социальной ориентированности программы[9]. Сотрудники МФЦ обучаются как «поисковики», умеющие быстро работать с информацией.

В России МФЦ открываются как в крупных городах, так и на территориях сельских поселений. По состоянию на середину августа на территории Российской Федерации было 1926 МФЦ, показатель охвата населения "одним окном" достиг почти 69% хотя по Указу Президента такая доля граждан к 2015 году должна составлять не менее 90 %. В России МФЦ курирует Минэкономсвязи РФ. Из последних новостей известно, что Москва вошла в число мировых лидеров по развитию госуслуг[8]. Всего в рамках исследования сравнение проводилось по 22 показателям, которые были разделены на четыре категории: доступность услуг, комфортность, управление очередями, обратная связь с гражданами. Ни по одному из параметров Москва не оказалась ниже мировых стандартов, а по 6 она выше мировых стандартов. На мой взгляд, это свидетельствует о не только количественном, но и качественном выполнении программы. Для того чтобы выявлять лучшие практики и наиболее эффективных работников, ежегодно организуется сначала на региональном, а затем на федеральном уровне конкурс «Лучший МФЦ России». Это позволяет контролировать работу МФЦ, поощрять лучших специалистов в своем деле.

По данным исследования, проведенного Федеральной службой государственной статистики, доля граждан, использующих электронные госуслуги, по итогам 2014 г. составила 35,2%. Среди субъектов лидируют Ямало-Ненецкий автономный округ (66,3%), Приморский край (66,1%), Республика Татарстан (63%), Ханты-Мансийский автономный округ (62,3%) и Республика Мордовия (60,7%). Доля граждан, удовлетворенных работой портала «Госуслуги» составила 57,5 %[6].

В целом же, согласно опросу ВЦИОМ в январе 2015 года 82 % респондентов считают, что МФЦ позволяют экономить время. Также 88 % отмечают комфорт в помещениях, 85 % компетентность и 84 % - вежливость. Однако 52 % впервые узнали об МФЦ, а воспользоваться услугами сумели 17 % (каждый 6 респондент). В опросе ВЦИОМ 6-7 декабря участвовали 1600 человек в 46 субъектах РФ[10].

Что касается Иркутской области, то на ее территории функционируют 88 офисов МФЦ, и планируется к открытию еще 24 центра, а первый центр был открыт в городе Шелехове в декабре 2007 года, в рамках административной реформы, проводимой Правительством Иркутской области[5]. В сентябре 2015 года охват населения составил 60, 7%, а к январю 2016 планируется уже 91,96%. По данным отчета Министерства экономического развития Иркутской области за 2014 год, качеством предоставления услуг в МФЦ удовлетворены 97,3 % респондентов[7].

Таким образом, можно сделать вывод, что одно из направлений административной реформы, а именно повышение качества предоставления государственных услуг активно реализуется за счет создания многофункциональных центров и электронного документооборота. Возникают перестраивание бюрократической системы и принцип «одного окна», так несвойственный бюрократизму. Кроме того, предоставление госуслуг

в электронном виде, действительно, экономит время, однако, порождает другие нюансы на законодательном уровне. В первую очередь, необходимо проходить процедуру регистрации, создавать электронную подпись. Пока еще существует определенная доля недоверия, неуверенности в получении документов адресатом. Но если вернуться к результатам опроса, то можно увидеть, что процент респондентов, удовлетворенных качеством с каждым годом растет. Значит, появляется определенный опыт, познаются новые процедуры получения госуслуг, и хочется верить, что уровень бюрократизма от этого становится меньше.

1. *Федеральный закон от 27.07.2010 г. №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. – 2010. - №31. – Ст. 4179*
2. *Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 года N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства РФ. – 2012. - № 19. - Ст. 2338*
3. *Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2002 г. №65 «О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002-2010 годы)"» // Собрание законодательства РФ. – 2002. - №5. – Ст. 531*
4. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2010 г. №1815-р «О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество (2011-2020 годы)"» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – №46. – Ст. 6026*
5. *Государственное Автономное Учреждение «Иркутский областной многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» [Официальный сайт]. – Режим доступа: <http://www.mfc38.ru/news-item/51-news-item/407-2-goda-effektivnoj-raboty>*
6. *Доля граждан, воспользовавшихся электронными госуслугами в 2014 г., превысила 35% // Минкомсвязь [Официальный сайт]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33138/> (дата обращения 30.09.2015)*
7. *Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе на базе МФЦ за 2014 год // Министерство экономического развития Иркутской области [Официальный сайт]. – Режим доступа: http://irkobl.ru/sites/economy/zakon_210_fz/moni*
8. *Москва вошла в число мировых лидеров по развитию центров госуслуг // Интерфакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/moscow/460717> (дата обращения 01.10.2015)*
9. *МФЦ. Международный опыт // Государство. Бизнес. ИТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru> (дата обращения: 04.10.2015).*
10. *Россияне довольны работой многофункциональных центров госуслуг – ВЦИОМ // Минкомсвязь [Официальный сайт]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/events/32502/> (дата обращения 30.09.2015)*

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ АКТИВНОСТИ УЧАСТИЯ ЖИТЕЛЕЙ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВОЛГОГРАДА)

Салажиева А.Ш. (Волгоград)

Основной проблемой функционирования местного самоуправления в России сегодня является пассивность самого населения, которая тормозит реформы местного самоуправления. Данная ситуация сложилась в результате отсутствия реальной ответственности местной власти перед населением и недоверия граждан к ней. Дефицит информации о полномочиях органов местного самоуправления и отсутствие диалога между властью и жителями. Иными словами, они ждут в вопросе сотрудничества с органами местного самоуправления первого шага со стороны власти. Социальная активность и гражданственность местного сообщества является важнейшим фактором повышения

эффективности местной власти. Население России чаще всего не участвует в жизнедеятельности своих поселков и районов.

С целью изучения степени информационной открытости органов местного самоуправления в процессе взаимодействия с населением города Волгограда в феврале 2011 года было проведено социологическое исследование в форме опроса. Были опрошены представители волгоградской молодежи (студенты городских вузов), а также эксперты (представители органов местного самоуправления Волгограда и руководители молодежных организаций города в возрасте до 30 лет). Целевую аудиторию исследования составила молодежь Волгограда в возрасте от 16 до 30 лет.

Анализ полученных данных, показал довольно низкий уровень доверия молодежи Волгограда к местной власти. Полностью доверяют всего 2,6%. 5,4% респондентов скорее доверяют, чем нет. В то же время, 92% участвующих в опросе либо, в большей степени не доверяет (29,0%), либо не доверяет совсем (63,0 %). При этом, 44,8% опрошенных считают, что степень открытости волгоградских институтов власти за последнее время не изменилась, напротив, 26,3 % респондентов отметили улучшение степени открытости органов местного самоуправления. Отсутствие динамики показателей по данному вопросу позволяет сделать вывод о недостаточной информированности местного сообщества, а также о том, что, по мнению граждан, местная власть не считается с интересами основной части населения. Кроме того, большинство респондентов (79 %) считают, что деятельность местных органов власти освещена недостаточно.

В соответствии с действующим законодательством органы местного самоуправления имеют возможность открывать сведения о своей деятельности. Однако нежелание управляющих институтов предоставлять полную и правдивую информацию о своей деятельности приводит, как уже было выше сказано, к недоверию со стороны жителей. Недоверие, вытекающее из оценки реального и желаемого качества жизни, неэффективных коммуникаций в системе «власть-общество» порождает низкую легитимность органов самоуправления. В свою очередь, местное сообщество продолжает представлять органы власти как закрытые, коррумпированные образования. Для установления партнерских отношений и формирования полноценного диалога должны быть предприняты усилия с обеих сторон. Для этого необходимо:

1. Принимая во внимание популярность Интернета среди населения, представляется возможным создание административных социальных сетей, с модерированием для местного сообщества с целью учета мнения населения по тем или иным вопросам, обнаружения проблем, выявления потребностей общества. Обеспечение обратной связи с населением играет важную роль в управленческом процессе, так как сохраняет эффект присутствия в местной власти значительного числа членов территориального сообщества.

2. Обратит внимание на реальную возможность организации и проведения местных референдумов и опросов по наиболее значимым вопросам.

3. Создать условия для постоянного, реального функционирования института жалоб и обращений, информирование местного сообщества о наличии подобного института. Жалобы и обращения граждан представляют собой важнейший политический институт, регулирующий социальные отношения в сфере власти и формирующий основополагающую структуру принятия и контроля решений по всей властной иерархической вертикали органов регионального управления во главе с центром;

4. Проводить систематические встречи с местным населением в форме диалога;

5. Обеспечить поддержку обществом принимаемых муниципальных актов, планов и программ посредством предварительного обсуждения предполагаемых правовых актов или решений с использованием средств массовой информации и собрания граждан. По мнению, это выступает одной из самых трудных задач взаимодействия органов местного самоуправления с населением с данным субъектом. При этом выявляются различные

точки зрения, аргументы сторон, ведутся публичные дискуссии. Такое обсуждение позволяет принимать обоснованные решения;

6. Организовать и проводить мониторинг и социологические исследования для оценки состояния дел в конкретных отраслях городского хозяйства, а также исследования с комплексной многокритериальной оценкой деятельности органов местного самоуправления;

Таким образом, местное самоуправление, как часть гражданского общества включает в себя элементы самоорганизации населения для самостоятельного решения вопросов местного значения. Местное самоуправление обеспечивается во взаимодействии органов местного самоуправления с населением. Это взаимодействие является важным элементом системы социальных взаимодействий в рамках города как муниципального образования. Постоянное информационное взаимодействие органов местного самоуправления и местного сообщества является важным элементом организации эффективного взаимодействия, необходимого для успешного развития муниципального образования

1. С. Г. Лагутин к вопросу информационной открытости взаимодействия органов местного самоуправления с населением: социологический аспект//известия ВолгГТУ.-2012
2. Н.К. Миронов. Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества и повышении социальной активности населения//Практика муниципального управления .-2011.-№3

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Санжимитупова Т.А. (Санкт-Петербург)

Основной интерес представляют собой холдинги, деятельность которых связана со сферой общественного питания. В таком контексте возникает вопрос, что представляет собой холдинг. Термин «холдинг» происходит от английского слова *to hold* – держать. В законе о компаниях Великобритании 1989 г. холдинг определяется путем выявления оснований дочерности одной компании по отношению к другой.

Одна компания (А) является дочерней компанией другой компании (Б), являющейся по отношению к ней холдингом, если выполнено хотя бы одно из нижеследующих четырех условий:

Компания (Б) владеет большинством голосующих акций в компании (А);

Компания (Б) является одним из членов компании (А) и имеет право назначать (увольнять) какое-либо большинство членов совета директоров компании (А);

Компания (Б) является одним из членов компании (А) и контролирует самостоятельно или совместно с другими акционерами или членами в силу заключенного с ними соглашения какое-либо большинство голосов в компании (А);

Компания (А) является одной из дочерних компаний другой компании, которая, в свою очередь, является дочерней компанией компании (Б) [2, С. 203].

В российской практике нет четко сформулированного определения холдинга, а также холдинговой компании. Объяснение этому факту может послужить неопределенность в законодательной практике, что ведет к различному толкованию данного термина.

Примечателен тот факт, что холдинг, чьей деятельностью является сфера общественного питания, характеризует себя и как сетевая компания, так и ресторанный

холдинг. В связи с этим возникают проблемы в определении типа управления данными организациями.

Особенность ресторанных холдингов заключается во франчайзинге. Франчайзинг в настоящее время один из самых распространенных видов осуществления коммерческой деятельности. Востребованность его заключается в особом виде отношений между рыночными субъектами, где одна сторона (франчайзер) передает другой стороне (франчайзи) за определенную плату (роялти) право на определенный вид бизнеса по разработанной бизнес-модели. В 2012 г. холдинг Ginza Project предоставляла свою бизнес-модель в регионах за 350 тыс. евро, но в то же время не требовала выплаты ежегодных роялти. В таком случае можно говорить о том, что данный холдинг ставит своей целью развитие сферы общественного питания в регионах.

Суть корпоративного управления в ресторанных холдингах заключается в налаживании такой системы взаимоотношений между управляющей и управляемой подсистемами по поводу достижения субординации и гармонизации их интересов, обеспечения синергии, как их совместной деятельности, так и их взаимоотношений с внешними контрагентами в достижении поставленных целей [1, С. 17].

В российской практике существуют холдинги, где ресторанный бизнес является не основным видом деятельности, а второстепенным. В данной ситуации преобладает желание получать высокую прибыль и не навредить основному роду деятельности. В дочерних предприятиях, занимающихся разной производственной деятельностью необходима соответствующая организационная структура, способствующая наилучшему достижению поставленных целей.

1. Винслав Ю.Б. Становление отечественного корпоративного управления: теория, практика, подходы к решению ключевых проблем// Российский экономический журнал. 2001. № 2.
2. Федчук В.Д. *De facto* зависимость *de jure* независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М.: Волтерс Клувер, 2008.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ, В КОТОРЫХ УЧАСТНИКОМ (АКЦИОНЕРОМ) ВЫСТУПАЕТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Сибирев В.В. (Санкт-Петербург)

Государственное регулирование акционерных обществ, в которых участником (акционером) выступает Санкт-Петербург.

На сегодняшний момент в условиях кризиса можно отметить возрастающую роль государства во многих сферах экономической жизнедеятельности, в том числе и в корпоративном управлении акционерных обществ, деятельность которых связана напрямую с осуществлением общественных функций. В этом случае государство выступает гарантом защиты интересов общества в случае возникновения непредвиденных ситуациях, как социальных, так и экономических. Как правило, государство выступает акционером российских акционерных обществ в таких отраслях как транспортная, энергетическая, сырьевая, в культурных и спортивных сферах. В данной статье будет рассмотрено государственное регулирование корпоративного управления городом Санкт-Петербургом акционерных обществ, в котором он является участником (акционером).

В соответствии с п.1 ст. 2 Федерального закона "Об акционерных обществах" от 26.12.1995 N 208-ФЗ под акционерным обществом понимается «коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций,

удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу» [1]. Согласно ст. 10 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ государственные органы и органы местного самоуправления не могут выступать учредителями общества, если иное не установлено федеральными законами.

В Санкт-Петербурге деятельность акционерных обществ, в которых участником (акционером) выступает Санкт-Петербург, регулируется постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 29.07.2014 № 667 «О порядке представления интересов Санкт-Петербурга на общем собрании участников (акционеров), в совете директоров (наблюдательном совете) отдельных хозяйственных обществ, участником (акционером) которых является Санкт-Петербург». Согласно утвержденному постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 29.07.2014 № 667 перечню хозяйственных обществ, участником (акционером) которых является Санкт-Петербург, можно выделить следующие акционерные общества в соответствии с критериями участия в капитале и степени влияния на управление акционерным обществом [2]:

- акционерные общества, в которых до 100% капитала принадлежит Санкт-Петербургу (ОАО «Пулково», ОАО "Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга "Петроцентр" и т.д.);
- акционерные общества, в которых Санкт-Петербургу принадлежит контрольный пакет акций (ОАО «Петродворцовая электросеть»);
- акционерные общества, в которых Санкт-Петербургу принадлежит блокирующий пакет акций (25% плюс одна акция) (ОАО «Авиакомпания «Россия», ОАО «Ленэнерго»);
- акционерные общества, в которых государству принадлежит незначительный пакет акций (менее 25%) (ОАО «Метрострой»).

Основной целью постановления Правительства Санкт-Петербурга от 29.07.2014 № 667 является усиления контроля за деятельностью акционерных обществ, в которых участвует Санкт-Петербург по некоторым вопросам, требующих получения директивы от Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга. Директива выдается отраслевому органу как представителю Санкт-Петербурга, курирующего деятельность хозяйственного общества в соответствии с утвержденным постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 29.07.2014 № 667 перечня хозяйственных обществ, участником (акционером) которых является Санкт-Петербург. Например, Комитет по транспорту курирует

ОАО «Авиакомпания «Россию», и при получении уведомления о проведении Совета директоров или Общего собрания акционеров, в повестку которого входят директивные вопросы, Комитет по транспорту обязан направить в Комитет имущественных отношений Санкт-Петербурга письменный запрос с заключением на получение директив по голосованию по данному вопросу. Курирующий отраслевой орган вице-губернатор должен согласовать проект директивы, и только после этого Комитет имущественных отношений Санкт-Петербурга выдает директиву отраслевому органу.

К директивным вопросам в соответствии с приложением № 2 к постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 29.07.2014 № 667 относятся следующие [2]:

1. Об одобрении крупных сделок, сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Под крупной сделкой считается сделка, связанная «с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской отчетности» [1].

2. Об образовании и прекращении полномочий исполнительного органа хозяйственного общества.

3. О выдвижении кандидатур и избрании членов совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества.

4. Об увеличении или уменьшении уставного капитала хозяйственных обществ, за исключением случаев, когда необходимость принятия указанных решений предусмотрена требованиями федерального законодательства.

5. О распределении прибыли.

Таким образом, Санкт-Петербург регулирует с помощью изложенного нормативно-правового акта финансово-хозяйственную деятельность акционерных обществ. Это позволяет осуществлять контроль в сфере корпоративного управления, а также контролировать движение денежных средств акционерных обществ, что особо актуально становится в связи с кризисом, возникшим в стране. Поэтому одной из основных задач государства, в том числе Санкт-Петербурга является эффективное управление не только акционерными обществами, но и всеми предприятиями, связанными с федеральной, региональной и муниципальной собственностью.

1. *Федеральный закон "Об акционерных обществах" от 26.12.1995 N 208-ФЗ*
2. *Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.07.2014 № 667 «О порядке представления интересов Санкт-Петербурга на общем собрании участников (акционеров), в совете директоров (наблюдательном совете) отдельных хозяйственных обществ, участником (акционером) которых является Санкт-Петербург».*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПАТОЛОГИИ

Сидорова Р.А. (Якутск)

Аннотация: В данной работе рассмотрены проявления организационных патологий и способы борьбы с ними.

Ключевые слова: организационные патологии, организация, дисфункция, норма, процесс.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что любая организация подвержена организационным патологиям, ведущие к нарушению ее функционирования.

Целью является организационная диагностика компании, выявление патологий с последующей рекомендацией.

Задачи:

- Диагностика IT-компании, путем метода Пригожина А. И.;
- Обнаружение наиболее значимых патологий;
- Поиск способа борьбы с найденными патологиями.

Объектом данной работы является IT-компания в городе Якутске.

Предметом выступает организационная диагностика.

Организационная патология – это причины устойчивого целенедостижения организаций. [2, с. 96]

Термин «организационные патологии» впервые использован в 1972 году польским социологом, профессором Института социологии Варшавского университета, сотрудником Института политических исследований Польской академии наук Ядвигой Станишкис. [1]

Коротко о патологиях:

А. Патологии в строении организации.

1) Господство структуры над функцией – организационная структура становится замысловатой, отчего согласовать цели весьма проблематично;

2) Автаркия (обособленность) подразделений – замкнутость отделов на собственных задачах, в отрыве от целей компании в целом;

3) Несовместимость личности с функцией – способности работника не совпадают с возложенной на него ответственностью;

4) Бюрократия – искусственное завышение статуса путем злоупотреблением полномочиями по отношению к разным сотрудникам или клиентам.

Б. Патологии в организационных отношениях.

1) Конфликт – конфликты переходят «на личности»;

2) Неуправляемость – несогласованность целей и действий;

3) Бессубъектность – сотрудники не могут и не хотят делать что-то за пределами минимально предписанного;

4) Преобладание личных отношений над служебными – руководитель вынужден принимать во внимание не только соображения дела, но и привходящие сантименты;

5) Рассеивание целей – рассогласование целей в организации;

6) Клика – сговор работников организации.

В. Патологии в управленческих решениях

1) Маятниковые решения – структурные манипуляции из-за отсутствия системы принятия решений и плана;

2) Дублирование организационного порядка – приказы, которые повторяют служебные инструкции.

3) Игнорирование организационного порядка – нарушение принятых норм;

4) Разрыв между решениями и их реализацией – решения, принимаемые на высших уровнях, не выполняются или искажаются на низших;

5) Стагнация – уклонение от изменений;

6) Подавление развития функционированием – рост не равен развитию;

7) Демотивирующий стиль руководства – отсутствие поощрений;

8) Инверсия – результат оказывается противоположным цели. [2, с. 96-103]

Исследование проводилось 29 сентября 2015 года, на тему «организационные патологии».

Анкетирование проводилось с помощью сотрудников ИТ-компании. Респонденты для исследования были привлечены из числа сотрудников компании. Статистическая обработка проводилась с помощью пакетов прикладных программ Microsoft Office Excel. Величина статистической погрешности не превышает допустимую, и не может существенно влиять на достоверность проведенного исследования. Общий объем выборочной совокупности 10 человек, работающих в данной организации более 6 месяцев.

В исследовании был использован метод опроса А. И. Пригожина. Этот метод, рассчитан на коллективную саморефлексию, а в качестве проблематизирующего материала для этого используется список патологий организации. Интерпретация понятий патологий был размещен на обратной стороне анкеты. Анкета была полностью анонимной.

Анализ данного тестирования дан в процентном обобщенном виде. На гистограмме №1 изображены результаты ответов на первый вопрос «Выберите 3-4 вида организационных патологий, которые Вы считаете наиболее опасными для организаций вообще»

На гистограмме сразу видно, что преобладают ответы «демотивирующий стиль руководства» и «бюрократия», получившие оба по 18%.

Данный показатель говорит нам о том, что сотрудники категорически против упреков, замечаний, выговоров, вычетов и всех действий руководства, направленных на подавление инициативы работников, следовательно, работники данной организации весьма мотивированы и независимы.

Гистограмма № 1

На второй предложенный вопрос, респонденты ответили следующим образом:

«Выберите 3-4 вида организационных патологий, которые Вы считаете, особенно сильно проявляются в Вашей организации?»

По мнению сотрудников IT-компании, особо сильно проявляется патология «господство структуры над функцией» (19 %), на втором плане разделяют «рассеивание целей» (14 %) и «несовместимость личности с функцией» (14 %).

Гистограмма № 2

Рекомендации к «лечению» наиболее значимые патологии:

- Рассеивание целей: способ решения – согласование целей организации с целями подразделений и целями сотрудников компании. [3]
- Преобладание личных отношений над служебными: решить проблему можно, пригласив консультанта, либо же самим разобраться, применяя специальные технологии распределения обязанностей. Люди успокоятся и останутся довольны. [5]
- Несовместимость личности с функцией: способ решения – разделение функций. [1]
- Автаркия (обособленность) подразделений: ничто так не объединяет как общий враг или общая проблема. Участие в тренингах по командообразованию, бизнес-симуляциях. [4]
- Господство структуры над функцией: рекомендуется не создавать новых отделов для реализации поставленной задачи, лучше сформировать механизм решения проблемы. Либо уменьшить количество уровней структуры (отделов, ведомств, подразделений). [4]

1. Ануфриева Н. И. Патология организации // *Всероссийский экономический журнал*. Под рубрикой *Управление*. №12 2006 г.
2. Пригожин А. И. *Методы развития организаций*. - М.: МЦФЭР, 2003. - 864 с.
3. Тамара Михейчик [Электронный журнал]: *Организационные патологии - Кадровик. Управление персоналом* № 18/2012 - Режим доступа: <http://www.profmedia.by/pub/kadrovik/art/detail.php?ID=70695> (Дата обращения: 05.10.15.)
4. Татьяна Нечепуренко [Электронный ресурс]: *Восемь проблем российских организаций, или как избавиться от типичных патологий – Профессионалы.ру, Бизнес-клуб*. 14 сентября 2012 – Режим доступа: <http://professionali.ru/Soobschestva/biznes-klub/vosem-problem-ross>
5. Федор Сваровский [Электронный ресурс]: *Пороки и пороги управляемости – Ведомости* № 143 от 05.04.2000 – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2000/04/05/poroki-i-porogi-upravlyaemosti> (Дата обращения: 08.10.15.)

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СТОЛИЧНОМ ПЕРИФЕРИЙНОМ ГОРОДЕ: НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА

Симакова А.В. (Петрозаводск)

В законодательстве Российской Федерации декларирован широкий перечень институтов непосредственной и представительной демократии. Социальная активность населения сегодня является крайне низкой, за исключением участия в выборах только 25% граждан участвует в других формах самоорганизации населения, а $\frac{3}{4}$ граждан убеждены, что их активность ничего не изменит [1]. Проблема заключается в низком уровне социальной активности населения, несмотря на принятие властью и населением демократических ценностей, а именно социальный пессимизм граждан и неуверенность в своих силах, несоответствие объективной необходимости развития местного самоуправления и реальным уровнем активности граждан.

Целью нашего исследования является выявление типа социальной активности населения в отношении института местного самоуправления в городе Петрозаводске. Основная гипотеза заключается в исследовательской посылке, что «у населения города Петрозаводска преобладает «иждивенческий» тип социальной активности».

Исследование реализовано посредством очного и заочного анкетирования, как метода, позволяющего оперативно и статистически точно описать социальные характеристики исследуемого объекта – населения города Петрозаводска.

Выборка респондентов была выстроена с учетом задач исследования. В выборку включены респонденты в возрасте от 18 лет пропорционально половозрастной структуре населения Петрозаводска. Таким образом, в выборочную совокупность включены ответы 491 жителя города, из которых 45,6 % - мужчины, остальные – женщины. По возрастному составу респонденты распределены на 2 категории: трудоспособное население – 82,1% (в генеральной совокупности - 62%), и население старше трудоспособного возраста – 15% (в генеральной совокупности- 16 %).

Данное исследование носит разведывательно – описательный характер. В рамках исследования нами получены данные по таким показателям как:

- Представление и отношение населения об институте местного самоуправления;
- Имеющийся опыт самоорганизации населения;
- Мотивация населения в проявлении социальной активности на местном уровне;
- индекс социальной активности населения;
- тип социальной активности населения города Петрозаводска.

Согласно полученным результатам каждого второго жителя Петрозаводска интересует и скорее интересует информация о деятельности органов местного самоуправления, лишь каждый третий житель не проявляет к данной информации интереса.

Каждый второй житель города Петрозаводска отмечает, что точно знает в чем заключается основная сущность института, а приблизительно каждый третий примерно понимает, но не может сформулировать точно. Однако, не смотря на то, что большинство жителей утверждают, что знакомы с основами деятельности института местного самоуправления, каждый третий житель отмечает, что местное самоуправление – это представительство государственной власти на местах», также каждый третий отметил, что это форма самоорганизации местного населения для решения вопросов местного значения.

Каждый второй респондент (46,8%) Скорее не удовлетворен деятельностью органов местного самоуправления и четверть респондентов (21,8%) полностью не удовлетворены, доля тех, кого все устраивает, не превышает 4%.

Население Петрозаводска слабо вовлечено в различные формы самоорганизации граждан, так как население включается в основном в традиционные (субботники) и регулярные (мероприятия, собрания) формы организации, а участие в других коллективных действиях не носит массового характера (каждый десятый). Не смотря на то, что население декларирует позитивное отношение к проявлению активной гражданской позиции, готовность к участию в общественной жизни города нами отмечена как пассивная, так как каждый четвертый отметил, что будет участвовать, если его деятельность организуют активные социальные акторы.

В качестве основного мотива участия в общественной жизни населения Петрозаводска отмечена возможность улучшения качества жизни населения (каждый четвертый). Также важным стимулом для респондентов Петрозаводска является гарантия того, что деятельность окажется результативной, принесет реальные плоды (17,3%). Отдельно следует отметить, что каждый четвертый респондент примет участие, если представится возможность заработать, то есть не воспринимает участие в общественной

жизни как добровольную безвозмездную деятельность. Антистимулы активности населения: указание со стороны руководства, угроза порицания не способны подвигнуть население к участию в общественной жизни (отметили менее 1% респондентов).

Выявлен преобладающий тип социальной активности населения Петрозаводска с помощью отбора наблюдений по четырем показателям: участие в объединении жителей; участие за последний год в мероприятиях, требующих проявления активной гражданской позиции; участие в муниципальных выборах; готовность в моделируемой ситуации проявить организаторские способности.

Исходя из полученных данных, доля социально активных граждан в Петрозаводске составляет 12% от числа всех опрошенных: это те респонденты, кто отметили, что участвуют в объединениях жителей, заявили что за последний год принимали участие в мероприятиях, требующих активной позиции (митинги, пикеты, протесты и др.), принимают участие во всех муниципальных выборах, заявили, что в моделируемой ситуации готовы принять активную позицию (организовать соседей). То есть, те респонденты, которые отметили абсолютную качественную характеристику по четырем переменным (положительный ответ). Такие респонденты проявляют «конструктивный» тип социальной активности. Две трети респондентов проявляют «иждивенческий» тип социальной активности, которые в большинстве случаев носит ситуативный характер. Данные респонденты принимают участие в муниципальных выборах и готовы обратиться в решении местной проблемы в соответствующую инстанцию, но на этом остановиться.

Таким образом, в Петрозаводске преобладает «иждивенческий» тип социальной активности населения, которая в сравнении с результатами всероссийских исследований приближается к «конструктивному» типу, однако результаты по таким индикаторам как «мотивация населения», «стереотипы поведения населения в моделируемой ситуации», отражают пассивность населения в решении вопросов местного значения.

В рамках проведенного исследования рассчитаны индекс социальной активности населения города Петрозаводска. Индекс социальной активности рассчитывался как средневзвешенное арифметическое четверых переменных с весами, равными факторным нагрузкам с использованием программы SPSS и MS Excel по формуле $I = (d1*f1+d2*f2+d3*f3+d4*f4) / (f1+f2+f3+f4)$ [2].

Индекс социальной активности населения в городе Петрозаводске равен 68,3, что незначительно выше, чем представленный индекс в 2008 году, в целом по Республике Карелия (66) и выше среднего значения индекса в среднем по Северо-Западному Федеральному округу (48,6).

Таким образом, социальная активность населения города Петрозаводска приближается к «конструктивному» типу, что может послужить весомой отправной точкой социально – экономического потенциала развития муниципальных образований, так и развития гражданского общества, в целом. Однако, особую проблему и интерес представляет активность населения моногородов, районных и поселенческих муниципальных образований, где ситуация складывается не таким позитивным образом.

1. *Условия повышения социальной активности граждан в решении местных проблем: аналитический отчет о проведении количественного и качественного исследования / Всероссийский Совет местного самоуправления; руководитель проекта Разворотнева С.В. // Официальный п*
2. *Региональные индексы социальных настроений: процедуры построения индексов и итоговые результаты / Исследовательская группа «Циркон» // Официальный портал исследовательской группы «Циркон» [Электронный ресурс] / [М.]. – URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/891/080616.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. Рус. – (Дата обращения: 12.12.2014 г.).*

ЗАКУПОЧНЫЙ ПРОЦЕСС В РАМКАХ «ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 18 ИЮЛЯ 2011Г. №223-ФЗ «О ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ»

Ситникова А.А. (Екатеринбург)

Регулирование закупок отдельных видов юридических лиц на государственном уровне началось с 2012 года со вступлением в силу Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее по тексту – № 223-ФЗ).

№223-ФЗ устанавливает общие принципы и правила осуществления закупок лицами, так или иначе связанными с государством, но не являющимися государственными (муниципальными) заказчиками, в том числе указанный закон регулирует закупки субъектов естественных монополий, унитарных предприятий, автономных учреждений, хозяйственных обществ с долей государственного (муниципального) участия, превышающей пятьдесят процентов.

Заупочный процесс заказчика состоит из следующих этапов:

1. Планирование

Закон № 223-ФЗ предусматривает обязанность заказчиков планировать проводимые ими закупки. Такое планирование должно осуществляться заказчиками путем составления и утверждения планов закупок, форма, порядок и сроки размещения на официальном сайте которых определены постановлением Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2012 г. № 932 «Об утверждении Правил формирования плана закупки товаров (работ, услуг) и требований к форме такого плана» [2, с.21].

В план закупок должны включаться все планируемые заказчиком к проведению закупки, за исключением закупок, сведения о которых составляют государственную тайну, а также закупки, по которым принято специальное решение Правительства Российской Федерации согласно ч. 16 ст. 4 Закона № 223-ФЗ. Утверждаемый заказчиком план закупки может формироваться с учетом таких сведений, как курс валют, биржевые индексы и других сведений. Согласно ч. 1 ст. 4 Закона № 223-ФЗ план закупок должен формироваться заказчиком на один календарный год и размещаться в единой информационной системе. Вместе с тем из данного правила есть одно исключение. Оно установлено в отношении заказчиков, закупающих инновационную либо высокотехнологичную продукцию, а также лекарственные средства. Такими заказчиками должны формироваться отдельные долгосрочные планы закупок (до 3-х лет, от 5 до 7 лет).

2. Составление и подготовка закупочной документации

Согласно ст.2 №223-ФЗ Положение о закупке является документом, который регламентирует закупочную деятельность заказчика и должен содержать требования к закупке, в том числе порядок подготовки и проведения процедур закупки (включая способы закупки) и условия их применения, порядок заключения и исполнения договоров, а также иные связанные с обеспечением закупки положения. Положение о закупке, изменения, вносимые в указанное положение, подлежат обязательному размещению в единой информационной системе не позднее чем в течение пятнадцати дней со дня утверждения. Кроме этого, в единой информационной системе при закупке размещается информация о закупке, в том числе извещение о закупке, документация о закупке, проект договора, являющийся неотъемлемой частью извещения о закупке и документации о закупке, изменения, вносимые в такое извещение и такую документацию, разъяснения такой документации, протоколы, составляемые в ходе закупки.

3. Процедура закупки

I Размещения закупочной документации на официальном сайте zakupki.gov.ru.

II Прием, оценка и сопоставление заявок на участие в закупке по критериям, заявленным в закупочной документации.

III Выбор победителя по итогам рассмотрения заявок

Выигравшим торги признается лицо:

- которое на конкурсе предложило лучшие условия исполнения договора в соответствии с критериями и порядком оценки и сопоставления заявок конкурсной документации;

- которое на аукционе предложило наиболее низкую цену договора или, если при проведении аукциона цена договора снижена до нуля и аукцион проводится на право заключить договор, наиболее высокую цену договора.

В положении о закупке могут быть предусмотрены иные (помимо конкурса или аукциона) способы закупки. При этом заказчик обязан установить в положении о закупке порядок закупки указанными способами.

4. Заключение договора

Итоговый вариант договора = Проект договора в документации заказчика + Отдельные условия в заявке участника

5. Исполнение договора

Исполнение своих взаимных обязательств.

6. Отслеживание качества удовлетворения результатами закупок

Мониторинг и анализ результатов закупок не регламентирован №223-ФЗ. Однако заказчики практикуют отслеживание качества удовлетворения результатами закупок с целью повышения уровня их эффективности.

В дополнение к основным этапам закупочного процесса закон № 223-ФЗ предусматривает обязанность заказчиков отчитываться о проведенных ими закупках. При этом такая отчетность осуществляется в нескольких самостоятельных, друг от друга независимых формах [3, с.28].

I В соответствии с ч. 19 ст. 4 Закона № 223-ФЗ заказчик не позднее 10-го числа месяца, следующего за отчетным месяцем, размещает в единой информационной системе:

1) сведения о количестве и об общей стоимости договоров, заключенных заказчиком по результатам закупки товаров, работ, услуг;

2) сведения о количестве и об общей стоимости договоров, заключенных заказчиком по результатам закупки у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика);

3) сведения о количестве и об общей стоимости договоров, заключенных заказчиком по результатам закупки, сведения о которой составляют государственную тайну или в отношении которой приняты решения Правительства Российской Федерации в соответствии с ч. 16 ст. 4 Закона № 223-ФЗ;

4) сведения о количестве и об общей стоимости договоров, заключенных заказчиком по результатам закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства.

II В соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 396-ФЗ заказчики с 1 января 2016 года будут обязаны размещать в ЕИС информацию о годовом объеме закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства (не позднее 1 февраля года, следующего за прошедшим календарным годом). Планируется, что не размещение названного отчета будет влечь для заказчика нежелательные последствия.

III С 1 января 2015 года Федеральным законом от 28.12.2013 № 396-ФЗ также устанавливается обязанность заказчиков направлять сведения о заключенных ими договорах в реестр договоров.

1. Воробьева О.М. Вопросы привлечения специализированной организации организатора закупок) при осуществлении закупок отдельными видами юридических лиц в соответствии с Законом № 223-Ф.//Корпоративные закупки – 2013: практика применения Федерального закона №

2. Евсташенков А.Н. *Планирование закупок по Закону № 223-ФЗ.//Корпоративные закупки – 2014: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ. Сборник докладов.* – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – 208 с.
3. Евсташенков А.Н. *Отчетность по закупкам в рамках Закона № 223-ФЗ.//Корпоративные закупки – 2014: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ. Сборник докладов.* – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – 208 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ КОМПАНИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИЗНЕСМЕНА: КАК НАЙТИ ОБЩИЙ ЯЗЫК С ВЛАСТЬЮ?

Суслова Т.В. (Москва)

Введение.

В настоящее время значительно растет количество исследований, посвященных взаимодействию корпоративного бизнеса и политических субъектов, государственных и негосударственных организаций на территории России. Данная тема приобретает особую актуальность в периоды внутренних политических кризисов и напряженной геополитической ситуации. В сфере принятия политико-управленческих решений любой крупный бизнес встает перед необходимостью выстроить эффективные отношения с органами государственной власти, что требует привлечения компетентного политического консультанта или GR-аналитика (аббревиатура GR происходит от английского Government Relations – взаимодействие с органами государственной власти). В данном докладе рассматриваются особенности работы GR-аналитика (эксперта по вопросам взаимодействия с органами государственной власти, как правило, в определенной отрасли) в условиях принятия политико-управленческого решения, как части процесса взаимодействия бизнесмена с властью.

Возникает вопрос: какова роль анализа внешней политической среды для корпоративного управления и взаимодействия с органами власти в условиях кризиса? Внешняя среда бизнеса является источником, из которого компания получает ресурсы, необходимые для поддержания ее внутреннего и внешнего потенциала на должном уровне. Внешняя среда изучается для того, чтобы выявить те угрозы и возможности, которые бизнесмен должен учитывать при определении целей компании и при их реализации.

В течение года автор проводил прикладное исследование на тему «GR-анализ внешней среды ТНК и сетевое картирование стейкхолдеров при лоббировании отраслевых государственных решений на примере компании Mitsubishi». Автомобильная промышленность в современной России подвержена серьезному регулированию со стороны государственных органов, особенно в условиях наложения экономических санкций и проведения политики импортозамещения. Правительство увеличивает уровень регулирования отрасли в условиях растущей конкуренции и сложной экономической ситуации, что ведет к тому, что международным корпорациям и иностранным компаниям приходится приспосабливаться.

Описание эмпирического исследования.

В рамках представленного кейс-исследования была комплексно проанализирована методологическая база для изучения внешней политической среды бизнеса и проведен комплексный GR-анализ функционирования компании Mitsubishi на российском рынке в условиях наложения экономических санкций и политики импортозамещения (основные методы – сетевое картирование стейкхолдеров и оценка регулирующего воздействия госпроектов и законов на работу компании). Кроме того, в рамках эмпирического исследования был рассмотрен относительно новый в научной политической среде подход к изучению политических процессов – «сетевой». Теория внешней среды бизнеса, методы анализа внешней среды бизнеса, подходы к структуризации государственной и

негосударственной внешней корпоративной среды изучались как отечественными, так и зарубежными экспертами: Автономов А.С., Дегтярев А.А., Виханский О.С., Данн У., Зимин В.А., Коэн Д., Минтусов И. Е., Панеях Э.Л., Сморгунов Л.В., Томсон С., Уоткинс М., Фрай Т., Хасби Д., Эдвордс М.. Активную научную работу в этом направлении ведет Центр оценки регулирующего воздействия НИУ ВШЭ.

Результаты исследования.

В процессе исследования автором были разработаны несколько схем соотношения циклов работы GR-аналитика и цикла принятия политико-управленческих решений со стороны государства, оказывающих влияние на компанию.

Во-первых, результаты GR-анализа, проводимого политическим консультантом, должны соотноситься с такими тремя фазами реализации стратегии компании, как планирование стратегии, результаты реализации стратегии и оценка результатов. Каждая из фаз реализации стратегии характеризуется деятельностью определенных акторов: анализ – аналитик, разработка – советник, реализация – непосредственно коммуникатор с представителями органов госвласти. Таким образом, качественная работа политического консультанта обеспечивает необходимый эффект разрабатываемой стратегии компании по взаимодействию с представителями государственной власти. Несмотря на то, что ошибки, совершенные на фазе анализа политической среды, могут быть нивелированы бизнесменом непосредственно на стадии разработки или реализации GR-стратегии (стратегии компании по взаимодействию с органами власти), по мнению автора, наиболее эффективной методикой является комплексный учет всех факторов на первом этапе – GR-анализе среды.

Во-вторых, при разработке и реализации GR-стратегии необходимо сформулировать основные стратегические приоритеты компании, ее цели и ближайшие задачи, а также разработать программу действий и выработать общие представления руководства и сотрудников о перспективах развития компании. Кроме того, стратегическое планирование, в большинстве случаев, затрагивает проблемы, на которые воздействуют многочисленные внешние факторы, соответственно, руководство компании должно иметь углубленное представление не только о ее внешней среде, тенденциях ее развития и месте, занимаемом в ней организацией, но и социально-экономических процессах на уровне региона или страны. Соответственно, время от времени внешняя среда бизнеса может представлять угрозу или проблему для эффективного функционирования компании; в таком случае GR-департамент корпорации разрабатывает кампанию для разрешения проблемы или оказания влияния на процесс принятия политического решения.

В-третьих, реализация GR-анализа включает формирование карты стейкхолдеров, вовлеченных в процесс принятия конкретного политического решения как со стороны бизнеса, так и со стороны власти, и комплексный анализ их потенциала, а также проведение оценки регулирующего воздействия. Кроме этих двух методов, автор считает целесообразным использовать такие методы как сбалансированная система показателей эффективности. В рамках исследования также проводится изучение политико-управленческих сетей (policy networks), проблемных комплексов (policy issues) и влияние политической среды (policy environment) на их функционирование. Результат GR-анализа позволяет корпорации не только сформулировать план действий, но и в рамках корпоративного менеджмента учесть их, принять решение и составить план действий: прогибаться под условия внешней среды или пытаться их изменить? Таким образом, внешняя среда бизнеса и ее GR-анализ рассматриваются с двух точек зрения: с точки зрения бизнесмена (и GR-департамента компании) и с точки зрения GR-аналитика, работа которого помогает менеджерам компании ответить на вызовы внешней среды и сформулировать свой стратегический курс.

В-четвертых, работа, которую должен контролировать бизнесмен для нахождения общего языка с властью, включает в себя следующие виды деятельности: аналитическая

(GR-анализ) и прогнозная деятельность в области государственной политики в стране и развития отраслевого бизнеса; мониторинг законодательных инициатив, касающихся отрасли бизнеса; налаживание контактов с министерствами и различными ведомствами, с чиновниками; выстраивание эффективных отношений со средствами массовой информации; представительство интересов компании в общественно-государственных структурах; участие в организуемых органами государственной власти и общественными организациями конференциях, круглых столах, форумах и других мероприятиях. Эти виды деятельности GR-департамента корпорации не только реализуются на постоянной основе, но и должны соответствовать циклу GR-менеджмента (процесс осуществления GR-стратегии) компании. Итак, GR-кампания (конкретные шаги по реализации стратегии) состоит из следующих этапов: GR-анализ; прогнозирование, стратегирование и планирование GR-кампании, имплементация GR-технологий, анализ результатов GR-кампании. Затем при возникновении новых условий среды цикл повторяется.

В-пятых, что представляет собой непосредственно работа GR-аналитика? Структурирование проблемы, которая стоит перед компанией в условиях кризиса; прогнозирование; разработка рекомендаций; мониторинг действий; экспертиза результатов. В перечень факторов, которые необходимо учитывать политическому консультанту, входят: факторы и акторы (стейкхолдеры) политической среды, оказывающие влияние на функционирование компании (министерства и министры, депутаты и т.д.); правила и нормы правовой среды; условия экономической среды и конкретной экономической ситуации; выдвигаемые политическими государственными и негосударственными органами инициативы (как правило, законодательные), обсуждения инициатив на правительственных заседаниях и других встречах государственного уровня, публичные заявления, публикации законопроектов, издания федеральных законов и т.д.

Таким образом, в условиях экономического кризиса корпоративное управление должно включать GR-анализ внешней политической среды бизнеса, которое может осуществляться как силами GR-департамента самой компании, так и с помощью найма политического аналитика «со стороны». Авторское исследование, в свою очередь, представляет собой прикладной политический анализ внешней среды международной автомобильной корпорации на российском рынке, который проведен с учетом особенной лоббистской деятельности и взаимодействия государственных органов и бизнес-структур в нашей стране. Соответственно, результаты данной работы представляют научно-практический интерес для бизнесменов, GR-менеджеров компаний и корпораций, а также представителей органов государственной власти и общественных организаций, которые взаимодействуют с бизнесом на российском рынке.

1. *Беляев А.Н., Маршаков В.А. "Обзор международного опыта применения оценки регулирующего воздействия для анализа качества и эффективности регулирующих актов. Дата публикации: 14 марта 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politanaliz.ru/arti>*
2. *Зимин В.А. GR в России: горизонтальная «вертикаль власти». // Пресс-служба. – 2009. - № 11. – Ноябрь. - С. 32-40.*
3. *Зимин В.А. GR-стейкхолдеры: влияние на грани риска. GR-отношения с властью. // Пресс-служба. – 2010. - № 3. – Март. - С. 57-68.*
4. *Дегтярев А.А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте / А.А. Дегтярев // Государство, бизнес, общество: современные теории и российские реалии / Под ред. Л.Е. Ильичевой. - М.: Аналитик, 2012.*
5. *Киселева Е.Н. Оценка воздействия на конкуренцию и возможности использования некоторых методик измерения уровня конкурентности среды на рынках для целей оценивания. Политанализ.Ру. Дата публикации: 10 августа 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [htt](http://www.politanaliz.ru)*
6. *Отраслевое лоббирование в России (наиболее актуальные экономические законопроекты на начало работы Государственной Думы ФС РФ V созыва). По*

- версии Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти *Lobbying.ru* (Журнал о лоббизме и GR). Под научны
7. David Coen, Graham Wilson, Wyn Grant. *The Oxford Handbook of Business and Government*. Oxford University Press Inc., New York, 2010. 804 p.
  8. Dunn William N. *Public policy analysis: an introduction/William N. Dunn*. – 3rd ed. p. cm. Includes bibliographical references and index. ISBN 0-13-183993-4.
  9. *Harvard Business Review on Corporate Strategy*. Корпоративная стратегия: Пер. с англ. - М.: Альпина. - Бизнес Букс, 2008. - 266 с. - (Серия «Идеи, которые работают»). ISBN978-5-9614-0706-8
  10. Michael Watkins, Mickey Edwards, UshaThakrar. *Winning the Influence Game: What Every Business Leader Should Know about Government*. - John Wiley & Sons, Inc., 2001. 40 p.
  11. Richard Lehne. *Government and business: American political economy in comparative perspective*. Second edition. ISBN 1-933116-05-6.
  12. *GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством*. Учебное пособие / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. - 407 с. - (По
  13. Автономов А.С. *Легальное лоббирование как антикоррупционная технология // Бизнес и власть в современной России: Теория и практика взаимодействия / Ред. П.А.Толстых и др. М.: Gr.ru, 2010. С. 87.*
  14. Панях Э.Л. *Неформальные институты и использование формальных правил: Закон действующий vs закон применяемый // Куда идёт Россия: Формальные институты и неформальные практики / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002.*
  15. Хасби Д. *Стратегический Менеджмент*. Учебное пособие. – М.: Издательство «Контур», 1998. – 200 с. ISBN 5-86160-086-4.

ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Сычева А.А., Борисов А.Ф. (Санкт-Петербург)

Социальные активисты, создающие некоммерческие организации (НКО), общественные объединения или просто именующие себя «неформальными сообществами блогеров» являются ярким примером существования гражданского общества в современной России, а также драйвером дальнейших социальных изменений.

Их целью является поддержание общественной безопасности, решение актуальных социальных проблем, борьба с несправедливостью. Таким образом они решают социальные задачи и выполняют функции в системе социального управления городом. Вступить в ряды таких движений может практически каждый.

Проект «Брат за сестру» [1], распространившийся по различным регионам России, выполняет социальную функцию обеспечения безопасности девушек в темное время суток. Чтобы получить помощь девушкам достаточно написать координатору с помощью социальных сетей, и волонтер встретит ее в назначенном месте и проводит до дома. Добровольцы - волонтеры проходят обучение по рукопашному бою, координаторы также проверяют их на наличие судимости или иного криминального прошлого.

Еще одно общественное движение - «Общество синих ведерок» [2] нацелено на решение актуальной проблемы произвола на дорогах высокопоставленных лиц, незаконного использования проблесковых сигналов. Протест выражается использованием имитаторов мигалок. Как правило, используется детское синее пластмассовое ведёрко, которое наклеивается скотчем на крышу, либо помещается в салон автомобиля.

Еще два движения: «СтопХам» [3], «Хрюши против» [4] даже удостоились президентских грантов.

«СтопХам» - НКО (Некоммерческая организация), выступающая против нарушения правил дорожного движения, хамства и агрессии водителей транспортных

средств. Ее социальная функция в системе управления городом- обеспечение выполнения правил дорожного движения. Активисты снимают видеоролики с правонарушителями: парковка в неполюженном месте, езда по тротуарам. Вначале они просят перепарковать автомобиль в соответствии с правилами ПДД, в случае отказа или отсутствия водителя клеят наклейку на лобовое стекло автомобиля с надписью: «Мне плевать на всех, паркуюсь, где хочу», далее вызываются сотрудники ГИБДД, а позже видеозаписи с правонарушениями выкладываются в сеть. Такие инициативы уже послужили отставке ряда высокопоставленных чиновников [5].

По опросу, совершённом на территории России в марте 2014 года, около 52 % россиян в возрасте от 20 до 60 лет поддержали движение; ещё 24 % отнеслись к нему нейтрально, 17 % его не поддержали, и 6—7 % не знали о его существовании или же затруднились ответить [6].

«Хрюши против»- еще одна некоммерческая организация, выполняет функцию контроля за качеством продуктов в магазинах. Ее цель- борьба с недоброкачественным обслуживанием. Под недоброкачественным обслуживанием понимается наличие на прилавках продуктов с истекшим сроком годности, а также неправильное информирование покупателей о весе приобретаемого продукта. Активисты приходят в супермаркеты и на рынки с целью выявить данные нарушения в костюме свиней, далее ищут продукты с истекшим сроком годности и вызывают администрацию, все происходящее снимается на камеру.

Развитие и функционирование данных движений можно трактовать неоднозначно.

С одной стороны, эта общественная инициатива имеет положительные цели и видимый результат (сеть супермаркетов X5Trail Group даже заключила с движением «Хрюши против» договор по которому они просят активнее проверять и выявлять нарушения в их торговых точках).

С другой стороны, данные движения являются симулякрами, они перекладывают часть функций, которые должны выполнять органы государственной власти (Роспотребнадзор, СЭС, ГИБДД) на себя, тем самым снимая с них часть ответственности и внимания, кроме того, это может породить дальнейшее самоуправство со стороны граждан.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что урбанизация и новые информационные технологии увеличили возможность мобилизации людей в социальные движения. Одиночество и оторванность современного человека потребовали новой солидарности и сплоченности. Сетевые сообщества социальных активистов рожают такой новый тип социальной организации с высокой степенью сплоченности. Кроме того, демократические преобразования политической системы на макро и микроуровне открыли поле для коллективных действий больших масс людей. Также произошел поколенческий сдвиг- поколения Y и Z обладают большей степенью сознательности, воображения, душевного отклика, что способствует большему росту социальных движений. Наконец СМИ и социальные медиа предоставили новые инструменты для обращения к мнению, опыту социально удаленных групп, классов. Все это в конечном итоге привело к возникновению и бурному росту городских социальных движений активистов и изменило характер существующих ранее взаимодействий. Это еще одно свидетельство существования гражданского общества в современной России и контроля за качеством управления в городе.

1. Проект Брат за Сестру. МОСКВА - страница движения: [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/bratzasestrumsk> (дата обращения: 13.03.2015).
2. Общество Синих Ведерок - страница движения: [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-vederko.livejournal.com> (дата обращения: 13.03.2015).
3. СтопХам- страница движения: [Электронный ресурс]. URL: <http://stopham-video.net> (дата обращения: 13.03.2015).

4. Хрюши Против - страница движения: [Электронный ресурс]. URL: <http://hrushi-protiv.livejournal.com> (дата обращения: 13.03.2015).
5. РБК/ Р. Кадыров уволил чиновника за недостойный язык его жены: [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/society/05/05/2012/649453.shtml> (дата обращения: 13.03.2015).
6. СтопХам/ Форум: [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.info-lan.ru/lofiversion/index.php/t23829.html> (дата обращения: 13.03.2015).

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПРАКТИКИ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ»

Тарбеева И.С. (Екатеринбург)

В настоящее время в России осуществляется реформирование системы местного самоуправления, и одним из важнейших вопросов является вовлечение населения в процесс управления муниципальным образованием. Ведь именно человек является первичным субъектом местного самоуправления [1]. Согласно Конституции РФ местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью [2]. В качестве основного субъекта права на самоуправление признает население муниципального образования. В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определен перечень форм участия населения в осуществлении местного самоуправления [3], однако практика их применения показывает, что граждане не всегда в полной мере реализуют свое право на участие в решении вопросов местного значения.

Для изучения практики участия населения в осуществлении местного самоуправления на территории муниципального образования «город Екатеринбург» и получения компетентных оценок специалистов в этой области проведено экспертное интервью. Критериями отбора экспертов выступали место работы, занимаемая должность, стаж работы в сфере (или должности) и уровень образования. Всего было опрошено 5 экспертов: руководители структурных подразделений Администрации города, преподаватели ВУЗа и представители общественных объединений.

При ответе на вопрос «Как Вы оцениваете уровень участия населения в осуществлении местного самоуправления в Екатеринбурге?» эксперты высказали разные точки зрения. Большая часть экспертов уверена, что население скорее активно и принимает участие в осуществлении местного самоуправления. Эксперты отмечают, что многое зависит от личного интереса граждан к той или иной проблеме. Органы местного самоуправления, в свою очередь, стараются предоставить населению возможность реализовать свое право на участие в местном самоуправлении, создавая площадки для обсуждения общегородских вопросов, используя различные каналы связи с горожанами.

Эксперт 2: «Население участвует. К некоторым вопросам население действительно проявляет интерес и высказывает свое мнение. В целом стоит отметить, что в Екатеринбурге местные власти не идут в разрез с общественным мнением, а стараются прислушиваться к нему»

Эксперт 4: «На сегодняшний день, население скорее активно участвует в осуществлении местного самоуправления, особенно если на повестке дня какая-то актуальная проблема, которая затрагивает их интересы».

Эксперт 5: «Население однозначно пассивно»

При ответе на вопрос «Изменилась ли активность граждан за время работы в Вашей должности?» эксперты сошлись во мнении, что уровень активности населения в осуществлении местного самоуправления с каждым годом повышается. Это связано как с

работой органов местного самоуправления в этом направлении, так и с социально-экономической ситуацией в стране.

Эксперт 3: «Граждане всегда принимали активное участие в такой форме как обращения»

Эксперт 4: «Уровень личной активности граждан возрос в 2014 году, когда началась экономическая и социальная нестабильность, массовые сокращения. Люди принимали участие в обсуждении экономического кризиса».

Самой популярной формой участия населения в осуществлении местного самоуправления, при ответе на вопрос «Какая из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, по Вашему мнению, используется жителями города чаще остальных, и с чем это может быть связано?», эксперты назвали обращения граждан в органы местного самоуправления. Обращения в основном связаны с решением вопросов личного характера, поэтому они наиболее часто используются населением для взаимодействия с органами местной власти. Влияние также оказывает и результат решения вопроса, особенно, когда вопросы затрагивают интересы широкого круга граждан. Когда население видит изменение ситуации после обращения, то это вызывает доверие к такой форме участия в местном самоуправлении.

Эксперты считают, что основными источниками информирования населения о формах участия в осуществлении местного самоуправления являются газеты, радио и телевидение, и, конечно же, официальный и информационный порталы города Екатеринбурга. Эти источники предоставляют информацию по всем сферам жизни города, рассказывая о его успехах, перспективах и проблемах, которые необходимо решать совместными силами местной власти и горожан.

Эксперт 1: «Основными источниками информации являются местные газеты, телевидение, радио на волне «106.7 FM» и, конечно, официальный и информационный порталы города Екатеринбурга».

Именно Информационный и официальный порталы города Екатеринбурга эксперты признали наиболее эффективным источником информации. Прежде всего, это связано с тем, что сегодня население проводит много времени в Интернете, виртуальное пространство стало обыденной частью жизни городских жителей.

При ответе на вопрос «Как вы считаете, по каким причинам жители города не участвуют в местном самоуправлении?» эксперты выделили следующие причины: населению не интересны вопросы местного значения; население не верит, что сможет реально повлиять на решение местной власти; отсутствие заинтересованности в участии населения со стороны самих органов местного самоуправления.

Эксперт 1: «Население не интересуют проблемы общегородского характера».

Эксперт 2: «Что касается конкретно форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, то решение, которое примет население будет носить рекомендательный характер для органов власти. Поэтому граждане порой не видят смысла участвовать и посещать, например, те же публичные слушания. Они думают, что от них все равно ничего не зависит, и они лишь потратят свое время зря».

Эксперт 4: «Я считаю, что население хочет принимать участие в осуществлении местного самоуправления. Другое дело, что нет заинтересованности со стороны органов местной власти в таком участии»

Для повышения уровня участия населения в осуществлении местного самоуправления необходимо отказаться административного принуждения к участию и оказывать информационную поддержку населения по вопросам реализации их права на участия в управлении муниципальным образованием посредством форм участия.

Эксперт 4: «Прежде всего, должна быть заинтересованность органов местной власти в том, чтобы граждане проявляли активность и принимали участие в осуществлении местного самоуправления»

Эксперт 5: «Необходимо упростить процедуру участия населения в осуществлении местного самоуправления, механизмы участия должны быть доступны для понимания и реализации. Органы местного самоуправления должны оказывать содействие населению в этом вопросе».

Таким образом, по мнению экспертов, население достаточно активно принимает участие в жизни города. Однако проблемами остаются отсутствие интереса к общегородским вопросам со стороны горожан, рекомендательный характер решения населения по вопросам местного значения в рамках возможных форм участия для местных органов власти и отсутствие заинтересованности со стороны самих органов местного самоуправления в участии населения.

Для повышения уровня участия населения в осуществлении местного самоуправления на территории муниципального образования «город Екатеринбург» необходимо: повышать уровень информированности населения о формах участия в осуществлении местного самоуправления с помощью официальных информационных ресурсов в сети Интернет. Все местные средства массовой информации, в том числе и Интернет-ресурсы, должны освещать информацию о результатах взаимодействия населения и органов местной власти в рамках участия населения в осуществлении местного самоуправления. Также необходимо осуществлять информирование населения через официальное сообщество «ВКонтакте». Для того чтобы пользователи социальной сети проявляли интерес к сообществу, необходимо использовать приемы других популярных публичных страниц. Например, использование разного вида партнерства, сотрудничество с другими сообществами, которые освещают разные сферы жизни общества (публичные страницы культурных, образовательных учреждений; молодежных, спортивных объединений и т.д.). Размещение в сообществе фотографий, на которых себя могут найти подписчики, тоже будет способствовать привлечению внимания пользователей. Также важно использовать социальное взаимодействие населения с органами местного самоуправления. В рамках местной тематики можно провести молодежный форум по созданию модели города, где каждый участник является его жителем. Такое моделирование позволит жителям-участникам получить опыт участия в осуществлении местного самоуправления, повысить свой уровень правосознания в сфере местного самоуправления, познакомиться с вопросами местного значения и осознать свою роль в их решении. Управленцы-участники смогут изучить организацию местного самоуправления на территории города с позиции органов местной власти и получить опыт взаимодействия, как с отдельными жителями города, так и с общественными объединениями

Учитывая высокий уровень участия населения в различных конкурсах, можно провести конкурс среди видеороликов по теме «Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления». Все желающие смогут представить конкурсной комиссии видеоматериалы, демонстрирующие алгоритм участия населения в местном самоуправлении через конкретную форму. Видеоролики должны быть ориентированы на простых жителей города, которые не имеют специфических знаний в области местного самоуправления. Лучшие видеоматериалы будут размещены в метро, на городских экранах, по телевизору и на официальных информационных Интернет-ресурсах города. Таким образом, привлечение населения к участию в осуществлении местного самоуправления через социальное взаимодействие с органами местной власти не только способствует повышению имиджа органов местного самоуправления в глазах общественности и уровня привлекательности работы на муниципальной службе, но и повысит уровень правосознания граждан и понимания своей роли в сфере местного самоуправления.

Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // С

2. Яновский В.В., Кирсанов С.А. Государственное и муниципальное управление. М.: КноРус, 2013. 202 с.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 29 июня 2015 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.

Тартыгашева Г.В. (Улан-Удэ)

Реформа сферы культуры в России идеологически и институционально представляется как реализация рыночной концепции, основанной на идее партнерства и «экономической эффективности сферы культуры», а также опыта культурной политики либерально-демократических стран, охваченных административными реформами в духе «нового менеджизма» начала 70-х годов.

Идея децентрализации управления сферой культуры реализуется посредством взаимодействия множественности субкультур и многих субъектов культурной политики: регионов, муниципалитетов, частных инвесторов, общественных организаций и т.д. В большинстве западных стран основная поддержка культуры, а, следовательно, и основная культурная деятельность осуществляется на местном уровне. Подобная практика сложилась либо исторически (например, Германия, США), либо как следствие сознательной государственной политики децентрализации (Скандинавские страны, Великобритания). [1] Местные советы по культуре организуют основную досугово-рекреационную деятельность населения, соответственно основные средства на культуру расходуются на муниципальном уровне. Повсеместная деятельность многофункциональных культурных центров (музей, библиотека - это одновременно и клуб и спортивный комплекс и т.д.), а также образовательно-культурно-спортивных комплексов на базе общеобразовательных школ, осуществляется не столько в погоне за снижением издержек и экономической эффективностью, сколько в силу важной социальной миссии культурно-досуговых учреждений.

В деятельности учреждений культуры практикуется: осуществление основных услуг учреждениями культуры на бесплатной основе, широкое использование нематериальных стимулов деятельности, активное участие общественных организаций и ассоциаций в культурных мероприятиях, на добровольных, общественных началах, также повсеместная практика спонсорства и меценатства в осуществлении социально значимых проектов и инициатив в сфере культуры.[2]

Ключевыми задачами реформирования сети муниципальных учреждений культуры в Республике Бурятия были обретение юридической и финансовой самостоятельности учреждениями культуры, создание эффективной системы управления отраслью на муниципальном уровне путем передачи полномочий с уровня поселений на уровень муниципального района, либо концентрация ресурсов посредством создания многофункциональных центров и образовательно-культурно-спортивных комплексов в малых поселениях. Предложенные муниципальным образованиям варианты реформирования были выработаны на основе анализа зарубежного и российского регионального опыта, выявления наиболее жизнеспособных и эффективных форм деятельности муниципальных учреждений культуры. Богатый опыт создания культурно-спортивных комплексов и многофункциональных центров (например, Дворцы пионеров, Дворцы молодежи, Дворцы творчества и т.д.), существует и в нашей стране. [3]

По заказу Министерства культуры Республики Бурятия нами, в течение 3 лет проводится панельное социологическое исследование с целью получения информации о ходе реформирования муниципальных учреждений культуры Республики Бурятия в рамках реализации Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ и в связи с внесением изменений в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации реформирования сети муниципальных учреждений культуры в регионе». В рамках исследования, руководители муниципальных органов управления культурой и руководители муниципальных учреждений культуры должны были оценить изменения, которые произошли в их учреждении в результате реформирования.[4]

По мнению большинства экспертов, отрасль культуры на селе в республике, в целом, справляется с выполнением своих главных задач по обеспечению доступности качественных культурных услуг, потребности населения в культурном разнообразии и духовном развитии. 13,3% экспертов оценивают ситуацию в сфере культуры на селе как «стабильную», 33,3% считают, что «происходят положительные изменения». 26,6% экспертов считают, что сфера культуры на селе находится в состоянии «адаптации и неуверенности в будущем, связанной с неопределенностью в распределении полномочий и финансирования». Большинство экспертов считает, что уровень удовлетворенности населения качеством услуг, предоставляемых сельскими учреждениями культуры 50-70%.

Итоги реформирования муниципальной сети учреждений культуры, в целом, положительно оценивают большинство экспертов – 93,3%, что значительно превышает показатели 2012 года (51,1%) и результаты 2013 г. - (60,7%), снизилось число скептически настроенных экспертов, которые не отметили существенных изменений - с 20,1% опрошенных в 2013 году до полного отсутствия таких утверждений среди экспертов в 2014 году. Количество, тех же, кто считает, что «перемены несколько ухудшили положение дел» в 2012 году - 6,9%, в 2013 году – 7,1%, в 2014 г. – 6,7%, фактически не изменилось.

По мнению экспертов, в 2014 году заметно увеличились: количество мероприятий (37,8 -2012 г., 50,4% - 2013 г., 60% - 2014 г.) качество проведения мероприятий (43,5% - 73,3%) объем оказываемых услуг (в том числе платных) (41,2% - 54,9% -73,3%), степень свободы и самостоятельности в распоряжении финансовыми средствами (25,6% - 2012 г., 40% - 2014 г.), степень свободы и самостоятельности в принятии управленческих решений (29,4% - 66,7%).

Согласно мнениям экспертов, можно создать следующую модель оказания услуг культуры на селе: 1. Концентрация ресурсов и полномочий по управлению муниципальными учреждениями культуры на районном уровне, а еще лучше на уровне республики. 33,3% экспертов считают, что наиболее эффективный путь реформирования - передача полномочий с уровня поселений на районный уровень. Несмотря на то, что реформирование системы управления и финансирования муниципальных учреждений осуществляется полным ходом, 46,7% экспертов считают, что нужно восстановить централизованную сеть учреждений культуры и передать полномочия на республиканский уровень.

2. Основные статьи расходов сельских учреждений культуры (здания, материально-техническая база, зарплата, книжный фонд и т.д.) должны финансироваться государством. 33,4% экспертов отметили такой вариант ответа, 26,7% считают, что сельская культура вообще, должна полностью финансироваться государством.

3. Сокращение и прекращение финансирования учреждений культуры в малых селах совершенно нежелательно, поскольку это нарушает конституционные права населения и приведет к полной деградации и упадку национальную культуру и среду обитания народа. Более половины экспертов считают, что даже в населенном пункте с численностью населения до 200 жителей необходимы клуб (58% - 2013 г., 53,3%-2014 г.) и библиотека (57,1% - 2013 г., 60% - 2014 г.). Реально оценивая возможности содержания учреждений культуры в малых населенных пунктах с численностью населения от 1500

человек и ниже, эксперты предлагают использовать культурно-досуговые центры, образовательные культурно-спортивные и торговые центры, мобильные многофункциональные центры во взаимодействии с сельскими клубами на местах, деятельность ТОСов по сохранению и поддержанию деятельности местных учреждений культуры, т.е. по сути, эксперты предлагают использовать уже известные и апробированные в советское время, модели оказания услуг учреждений культуры на селе.

4. Для малых сел оптимально использование образовательных культурно-спортивных комплексов. В малых поселениях должны функционировать клубы, либо КДЦ, включающие библиотечное обслуживание, если невозможно их полноценное функционирование, тогда они должны существовать в качестве опорных пунктов для мобильных «агитбригад». Большинство экспертов (93,3%) положительно оценивает перспективы использования мобильных многофункциональных центров – библиобусов или автоклубов, как их называли во времена существования централизованной системы учреждений культуры.

Мнения экспертов по поводу возможностей местных сообществ самостоятельно поддерживать деятельность учреждений культуры в малых селах разделились. В целом, не отрицая такую возможность, и оценивая положительно подобную модель функционирования сельских учреждений культуры, эксперты считают, что ТОСы не в состоянии самостоятельно содержать учреждения культуры, в силу неплатежеспособности населения, невозможности постоянного содержания учреждений, а только использования такой формы поддержки для разовых мероприятий, а также в силу отсутствия профессионализма и т.д.

5. Возможности сельских учреждений культуры в привлечении внебюджетных средств и оказании дополнительных платных услуг, в данных условиях слабой материально-технической обеспеченности и малой платежеспособности населения в селах, эксперты оценивают как слабые. Но, в тоже время, все эксперты единодушны во мнении о том, что все зависит от кадров на местах, от их инициативы, профессионализма и желания работать. Главные проблемы выделили эксперты в качестве главных трудностей учреждений культуры при привлечении внебюджетных средств: 1.слабая материально-техническая база – 100%, 2. низкий уровень платежеспособности населения – 80%, 3.Отсутствие квалифицированных кадров – 53,3%,4. Неготовность работников культуры к деятельности в условиях рынка – 53,3%.

6. Необходимые шаги для улучшения качества предоставляемых услуг в сельской культуре, по мнению экспертов, по-прежнему, включают в себя: повышение заработной платы (80%), модернизацию материально-технической базы (93,3%) – это даже более необходимо, чем повышение зарплаты, внедрение соответствующих современным требованиям форм и методов работы (40%), привлечение к участию в конкурсе грантов коммерческие организации (индивидуальных предпринимателей) для повышения конкуренции в сфере оказания культурных услуг (33,3%), проведение обучения и переподготовки руководителей учреждений (40%) и т.д.

1. Тартыгашева Г.В., Цыбиков Т.Г. Модернизация деятельности муниципальных учреждений культуры (на примере Республики Бурятия) // Социс. №12/2014, с. 120-127
2. Компендиум «Культурная политика и тенденции ее развития в Европе». //http:www.culturalpolicies.net
3. Тартыгашева Г. В., Цыбиков Т. Г. Опыт реформирования муниципальных учреждений культуры в Республике Бурятия / // Вестн. Бурят. гос. ун-та. - Улан-Удэ, 2013. - № 14. - С. 162-168.
4. Аналитический отчет по изучению актуальных проблем реформирования сферы культуры в Республике Бурятия
5. Бороноева Д.Ц., Цыбиков Т.Г. Реформирование сети муниципальных учреждений культуры Республики Бурятия в свете реализации Федерального закона от

6. Тартыгашева Г.В. *Сельская интеллигенция и проблемы реализации новой государственной культурной политики.*// *Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. По*

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАН С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ: КАК ИЗМЕНЯЮТСЯ «ТАКТИКИ СЛАБЫХ»?

Трахтенберг А.Д. (Екатеринбург)

Информационные технологии в современном обществе выступают в качестве основного символа технического прогресса. Их внедрение в государственное управление используются для легитимации института государственной власти и концептуально оформляется в виде идеологии «электронного правительства». С помощью этого конструкта подчеркивается радикальный характер происходящих в государственном управлении изменений, принципиально изменяющий базовые характеристики взаимодействия граждан с органами власти. Утверждается, что переход к «электронному правительству» не просто позволяет повысить оперативность взаимодействия граждан с органами власти, но придать ему качественно иной характер, превратив государство в набор удобных в пользовании сервисов, а граждан – в потребителей этих сервисов.

В концепции «электронного правительства» взаимодействие граждан и органов власти понимается как симметричный обмен «запрос – услуга» (по схеме электронной торговли, послужившей одной из основ при формировании концепции; подробнее идеологические конструкты, связанные с понятием «государственная услуга», разобраны нами в [3]). Но любое взаимодействие граждан с органами власти принципиально ассиметрично: правила и порядок взаимодействия определяет власть, она же задает саму необходимость взаимодействия. Граждане вынуждены применять при взаимодействии с представителями власти т.н. «тактики слабых», под которым мы, вслед за М. де Серто, понимаем способы использования заданных правил в собственных нуждах/интересах путем рекомбинации предложенных элементов и импровизации новых форм. Потребители, в том числе потребители государственных услуг, отнюдь не пассивно следуют заданным правилам, а способны к творческим активным действиям, процедурам и уловкам, благодаря которым они могут извлечь выгоду из этих правил [2, с. 44].

Однако тактики строятся вокруг и задаются стратегиями: чтобы начать импровизацию, необходимо четко представлять себе, с какими элементами придется импровизировать и каковы наиболее эффективные способы их сочетания. При переходе к электронному взаимодействию пользователь не просто осваивает новый набор навыков, но вписывает их в уже имеющиеся у него стратегические представления о том, как правильно и эффективно взаимодействовать с органами власти. Тактический «бриколаж» одновременно и непредсказуем, и предзадан уже накопленным сообществом «слабых» (и его членами) опытом успешного и неуспешного взаимодействия с «сильными».

В отечественной традиции исключительная важность придается возможности личного взаимодействия с сотрудниками органов власти в обход и поверх бюрократической иерархии. Граждане с позиции «просителей» используют тактики, призванные вызвать неформальную реакцию на обращение и в силу этого ориентированные на максимально тщательное «считывание» эмоций собеседника и попытки манипулировать этими эмоциями. Именно личное обращение к представителям власти является формой «типового контракта Жителя с Властным Лицом» [1, с. 31].

Переход к электронным услугам, предполагающим анонимность взаимодействия, на первый взгляд требует кардинальной перестройки сложившейся модели. Концепция

«электронного правительства» как качественно нового способа организации государственного управления, предполагает противопоставление услуг, оказываемых гражданам в традиционной форме и электронных услуг, оказываемых дистанционно. Ситуация описывается таким образом, словно гражданин стоит перед альтернативой – или лично взаимодействовать с чиновниками, или предпочесть дистанционный, автоматизированный режим. На самом деле граждане воспринимают взаимодействие с органами власти как сложный, многоступенчатый процесс, в котором присутствуют как традиционные, так и дистанционные элементы.

Переход к электронному правительству воспринимается гражданами не как радикальная реформа в сфере государственного управления, а как появление новых возможностей, облегчающий традиционное взаимодействие. Об этом свидетельствуют данные количественного социологического исследования, проведенного нами в Свердловской области в июне 2015 года (объем выборки – 350 человек, выборка носила вероятностный стратифицированный характер, опрос проводился методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов). Количественное исследование было дополнено качественным – серией фокусированных интервью с гражданами, имевшими опыт взаимодействия с органами власти в электронном виде (дистанционно).

Результаты опроса и интервью показали наличие корреляции между позитивным отношением к получению услуг в электронном виде и частотой посещения государственных учреждений: если в группе респондентов, которые за последние полгода ни разу не бывали в государственных учреждениях, готовность взаимодействовать с органами власти в электронном виде выразили 30,4% опрошенных (остальные указали, что во всех ситуациях предпочли бы традиционное взаимодействие), то в группе тех, кому приходилось посещать такие учреждения неоднократно – 43,8%.

При этом только 5,7% опрошенных воспользовались электронной услугой, избавляющей как минимум от одного посещения органа власти: отправили заявления через ЕПГУ или региональные и муниципальные сайты/порталы. Остальные услуги носили подготовительный и сопроводительный характер: узнав, какие документы следует взять с собой (16,7%), предварительно заполнив заявление (16,3%) и записавшись на прием (7,3%), респонденты затем отправлялись в учреждение для традиционного личного взаимодействия (которое тем самым, безусловно, облегчалось, что они неоднократно признавали в ходе интервью). Характерно, что в ходе дополнительных фокусированных интервью респонденты в качестве примера электронной услуги охотно и с явным одобрением упоминали «электронные очереди» в самих государственных учреждениях – услугу, сопроводительный характер которой вполне очевиден.

Таким образом, если официальная идеология электронного правительства основана на противопоставлении новых и старых форм оказания услуг, то в реальности граждане используют те и другие формы ситуативно, в зависимости прежде всего от того, насколько значимой для них является та или иная услуга. Переход к использованию информационных технологий не воспринимается гражданами как процесс, требующий кардинального пересмотра сложившихся тактик взаимоотношения с властью. Они отмечают явные улучшения в работе органов власти (выражающиеся прежде всего в том, что «очереди стало меньше»), однако не видят никаких резких перемен. Электронные услуги в их глазах не вытесняют, а дополняют традиционные. В этом смысле концепцию «электронного правительства» можно назвать административной модернизационной идеологией, используемой для легитимации перемен, однако не проникающей за пределы государственного аппарата.

1. Лившин А.Я. *Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917 – 1932* гг. М.: *Российская политическая энциклопедия*; 2010. 347 с.

2. Серто М. де Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 204 с.
3. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: Состоится ли «изобретение государства заново»? // Научный ежегодник Института философии права Уральского отделения РАН. Вып. 12. Екатеринбург, 2012. С. 285 – 297.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Уржа О.А. (Москва)

Роль социологии в решении вопросов государственного и муниципального управления трудно переоценить. Более того, можно с горечью сказать, что она на сегодня ещё не получила должной оценки и не заняла своего места в системе управления. С помощью социологии мы получаем представление об объекте управления, можем оценить его состояния, через отраслевое поле внедриться в любые сферы человеческой жизнедеятельности, и на основе социоинженерных методов предложить технологии модернизации объекта или полного его преобразования.

Социология управления – это отраслевая (частная, специальная) социологическая теория. Исходя из этого, предметным полем социологии управления являются отношения, связи, взаимодействия в системах управления. Следовательно, она призвана изучать систему и процессы управления, субъекты управленческих отношений, их типологию и специфику; объекты управления различных предметных сфер и уровней жизнедеятельности; формы, методы и средства управленческих взаимодействий субъектов; отношения руководства-подчинения; стиль руководства; проблемы дисциплины, ответственности, исполнительности как проявление социальных отношений в процессе управления.

Изменения в обществе за последние десятилетия, дисбаланс основных сфер жизнедеятельности и институтов, трансформация социальной структуры, появление новых типов организаций и отношений в них, изменение соотношения "центра" и "регионов", образование новых социальных групп, высокая динамика процессов, требуют глубокого изучения механизмов построения управленческих отношений в социальных системах.

Построение управленческих отношений на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности общества во многом зависит от стиля управления на государственном уровне. Именно управление этого уровня определяет тип общества, его институтов и организаций, формирует социальную структуру, а значит потребности и интересы общества, его социальных групп. Деятельность субъектов управления на этом уровне в большей мере связана с разработкой концептуальных подходов, глобального видения способов реализации задач, вытекающих из конкретной цели - развития общества по определенной модели. Эффективность этой деятельности во многом зависит от четкого определения реального состояния общества и его элементов, характеристик создаваемой обновленной модели, а значит методов и технологий достижения новых характеристик.

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИМИ КОММУНИКАЦИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.

Ситуация активно углубляющегося экономического кризиса в стране и мире требует пересмотра политики управления всеми сферами жизнедеятельности организации.

Обеспечение эффективных внутренних коммуникаций особенно необходимо для выживания организации в условиях кризиса, поддержания оптимального уровня ее работоспособности в период спада производства и сохранение единства коллектива. В связи с этим, считаю необходимым, подробнее рассмотреть данный вопрос.

Внутренние коммуникации организации представляют собой особый инструмент управления организации, с помощью которого сотрудники вовлекаются в осуществление стратегии предприятия. Среди них выделяют формальные и неформальные, горизонтальные и вертикальные (которые, в свою очередь, подразделяются на восходящие и нисходящие) [1].

Во время кризисной ситуации обычно выплывают на поверхность и становятся наиболее острыми все замалчиваемые трудности и проблемы взаимоотношений

руководителя с сотрудниками компании. Так, исследователи выделяют следующие пять

разновидностей трудностей [3].

1. Неумение руководителей предприятий общаться с коллективом, незнание приемов эффективного общения и способов программирования настроения сотрудников. В российских организациях до сих пор используются анахронизмы стиля управления, доставшегося нам в наследство от СССР: преобладание директивных жестких методов, диктатура на производстве и отсутствие инвестиций в развитие персонала. А между тем именно этот ресурс может принести организации высокую производительность и максимальную прибыль.

2. Отсутствие заранее разработанной и четко прописанной программы как антикризисного управления организацией в целом, так и управления внутриаорганизационными коммуникациями.

3. Отсутствие единого понятийного аппарата и способа описания проблем, что порождает непонимание между руководством и персоналом.

4. Нежелание руководства озвучивать некоторую информацию, а также ознакомить персонал со своей программой антикризисного управления.

5. непрофессионализм службы по работе с персоналом, а также отдела по связям с общественностью, либо вообще отсутствие отдела PR. Зачастую, специалисты данных отделов не используют СПИН технологии и рефрейминг в работе с сотрудниками. А между тем, именно эти техники способны оказать огромное влияние в кризисной ситуации. Как правило, данная проблема вызвана несовершенствами в системе отбора кадров, когда на эти должности отправляют тех, кого «нельзя» уволить. В обычной рабочей ситуации они более-менее справляются, но когда наступает кризис, то любые просчеты и ошибки могут стать причиной корпоративного конфликта[2].

Недостаток информации о реальном состоянии компании и неопределенность будущего провоцируют возникновение слухов о предстоящем банкротстве фирмы и массовых сокращениях работников. Нельзя забывать о том, что каждый работник чувствует себя элементом единой организационной системы, причастным к ее нынешнему состоянию, поэтому проблемы организации считает своими. Сотрудников беспокоит возможность потери своего рабочего места в ней, определенного социального статуса и уменьшения постоянной заработной платы. Если вовремя не принять меры по сглаживанию данной ситуации, то она может перерасти в серьезную проблему: страшную панику в коллективе. Она развивается по нарастающей, поскольку чувства одного человека многократно умножаются при их совместном коллективном проживании. Это может привести к потере квалифицированных работников.

Порой, в связи с финансовыми трудностями компании, самые ужасные ожидания сотрудников сбываются. Руководителю приходится принимать болезненные решения об отмене запланированного повышения заработной платы, о ее снижении, и даже о сокращении штата сотрудников. В данной ситуации не следует использовать ложные причины для увольнения. Лучше честно и заранее сообщить об объективных обстоятельствах, вызвавших это событие, поблагодарить работника за труд и оказать всю необходимую моральную поддержку, а также материальную помощь, предусмотренную в законе.

Для решения вышеуказанных проблем, нужно вовремя удовлетворить неестественно повышенную потребность работников в информации о ситуации в организации. Для этого считаю необходимым использование в организации следующих современных инструментов:

- 1) внутренняя электронная почта;
- 2) доска объявлений;
- 3) внутренний Интернет-сайт (портал), который отличается от других источников информации в организации большей информативностью, неограниченностью географии компании и экономией человеческих ресурсов [4];
- 4) издание корпоративного журнала, который информирует сотрудников об успехах и достижениях организации и способствует формированию чувства сопричастности общему делу; этот инструмент применяет множество компаний, например DHL [5; 18];
- 5) введение корпоративного радио, которое взаимодействует с сотрудниками и информирует их об основных событиях; в России корпоративная радиосеть успешно функционирует на таких крупных предприятиях, как завод «Очаково», «Ростсельмаш», «Русал» и др. [5; 14];

6) совещание, планерки, встречи и личное общение с руководителем.

Особенно важным, на мой взгляд, является увеличение личного взаимодействия руководителя и сотрудников.

Также необходимо соблюдение следующих правил:

- 1) Обеспечение поддержки официальной информации.
- 2) Своевременное и оперативное сообщение информации о состоянии организации.
- 3) Использовать авторитет генерального директора (наличие открытого доступа к общению с ним, а также высокого уровня доверия).
- 4) Правильно сообщать плохие новости (об увольнениях, сокращении заработной платы и др.) чтобы моральный дух работников не пропал.
- 5) Формировать корпоративную культуру, которая способствует установлению более эффективных внутренних коммуникаций.

Таким образом, обеспечение эффективных коммуникаций долгий и сложный процесс, однако он жизненно необходим любой компании и в ситуации стабильности, и особенно в период кризиса. Причем в условиях кризиса важно уметь быстро ориентироваться, уметь проанализировать ситуацию и принять оперативное решение, подходящее к конкретной ситуации. Для повышения эффективности внутренних коммуникаций необходимо использовать следующие средства: внутренний Интернет – сайт; корпоративный журнал; корпоративное радио; встречи работников с генеральным директором.

1. Василек М.А. Основы теории коммуникации: учебник / М.А. Василек. - М.: Гардарики, 2003. - 615 с.
2. Гриффин Э. Управление репутационными рисками[Текст]: учебное пособие / Э. Гриффин. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2009 – 240 с.
3. Зуб А.Т. Антикризисное управление: учеб. пособие / А.Т. Зуб. - М.: Аспект Пресс, 2005. – 323 с.

4. Улина Е.Р. Внутрикorporативный портал как современный и эффективный инструмент HR- службы / Е.Р. Улина // Управление персоналом. - 2008.- № 17. - С. 70-71.
5. Чугунова А. Прочные связи / А. Чугунова // Справочник по управлению персоналом. - 2006. - №4. - С. 12-15.

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТКРЫТОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.

Черёмкина К.С. (Екатеринбург)

На современном этапе Россия - одна из немногих стран, в которой нет законодательно установленных процедур раскрытия и закрытия информации о деятельности государственных органов. Процесс получения информации сложен, значимая для общества информация предоставляется государственными органами зачастую несвоевременно либо вовсе недоступна. При этом практически любая информация по решению государственного органа может быть признана конфиденциальной и не подлежащей опубликованию. А реализация конституционного права граждан на получение информации в связи с этим чрезвычайно затруднительна.

Особое значение имеет Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления". ФЗ регулирует правоотношения, связанные с доступом к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, обеспечивая тем самым реализацию конституционного права граждан свободно искать и получать информацию. Закон закрепил понятие "информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" и обозначил его как информацию (в т.ч. документированную), созданную в пределах своих полномочий государственными органами, их территориальными органами, органами местного самоуправления или организациями, подведомственными государственным органам, органам местного самоуправления, либо поступившую в указанные органы и организации [1].

Кроме того, в указанном федеральном законе были впервые закреплены способы обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. В частности, интерес представляет следующие способы:

1) обнародование (опубликование) государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в средствах массовой информации;

2) размещение государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в сети Интернет.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления" [2] были предусмотрены организационные меры, направленные на повышение открытости органов исполнительной власти. Реализация организационных мер нашла отражение в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года, утвержденные Председателем Правительства РФ Д. Медведевым 31 января 2013 г. [3]. Направления были сформулированы в целях повышения открытости, качества и гражданского контроля функций государственного управления, процедур выработки и реализации решений органов власти, оказания государственных услуг будут внедрены принципы открытого правительства, включая систему общественных советов при федеральных органах исполнительной власти.

Как отмечает Г.Р. Камалова "на сегодняшний день во многих странах мира государственные органы власти имеют успешно функционирующие порталы открытых данных, которые востребованы гражданским обществом (США, Великобритания, Южная Корея, Саудовская Аравия, Республика Марокко, Албания, Таиланд, ОАЭ, Гонконг, Швеция, Финляндия, Дания, Северная Ирландия, Испания, Франция, Китай, Норвегия, Австралия, Канада, Бразилия и др.). Были выработаны мировые стандарты, требования и рекомендации по раскрытию данных и их представлению в публичных ресурсах (например, ИПДО - мировой стандарт, который обеспечивает прозрачность доходов от нефте-, газо- и горнодобывающей отраслей промышленности и др.)" [4].

В России основную роль в правовой регламентации открытых данных играет Открытое правительство. Так, на сайте Открытого правительства РФ отмечается, что "открытые данные являются фундаментом, на котором должна строиться вся система Открытого правительства. Открытые данные [5] - это не только раскрытие информации о деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти, это технологический инструмент, предоставляющий возможность, с одной стороны, активизировать общество и дать возможность некоммерческим организациям и просто активистам использовать эти первичные данные в рамках всевозможных общественных проектов и осуществления гражданского контроля за деятельностью власти. С другой стороны, это дает возможность бизнесу создавать полезные коммерческие продукты или улучшать уже имеющиеся. Наличие Открытых данных снижает барьеры для компаний на информационном рынке. Это позволяет небольшим компаниям, которые не имеют возможности покупать данные или обходными путями получать их от чиновников, получать эти данные свободно".

Так, 4 июня 2013 г. Правительственной комиссией по координации деятельности Открытого правительства были утверждены Методические рекомендации по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления и технические требования к публикации открытых данных [6].

Вместе с тем основным нормативным документом, регулирующим порядок размещения органами исполнительной власти и органами местного самоуправления открытых данных, является Постановление Правительства РФ от 10 июля 2013 г. N 583 "Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в форме открытых данных" [7]. 27 марта 2014 г. в России был запущен общероссийский портал открытых данных. Он был разработан Аналитическим центром при Правительстве РФ и открыт для публичного доступа по адресу: data.gov.ru. Главным архитектором единого портала данных выступает Минэкономразвития. Это же ведомство занимается разработкой методики работы с порталом и проводит мониторинг качества его инфраструктуры. Минкомсвязи отвечает за техническую реализацию портала. Правительственная комиссия и Совет по открытым данным при Открытом правительстве РФ отвечают за координацию проекта и за редактирование информации на сайте [8].

В настоящее время по результатам нашего исследования открытые данные (как полностью, так и частично) размещаются во многих субъектах РФ: более половины субъектов РФ либо приступили к реализации порталов открытых данных, либо находятся на стадии принятия решения и начала работы в этом направлении. Стоит отметить, что в настоящее время уже применяются некоторые механизмы Стандарта открытости федеральных органов исполнительной власти, в частности, в 2013 и 2014 гг. осуществлялись мониторинг и оценка открытости некоторых федеральных органов исполнительной власти. Исследование ВЦИОМ в 2014 г. проводилось в соответствии с Методикой мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Правительственной комиссией по координации деятельности Открытого правительства 26 декабря 2013 г.

Таким образом, в России наращивается работа по обеспечению открытости федеральных органов исполнительной власти, региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Важнейшей формой реализации открытости может считаться размещение открытых данных на соответствующих порталах (сайтах) государственных органов и органов местного самоуправления. Конечно же, вызывают обоснованные опасения темп работы по раскрытию данных и качество информации, размещаемой государственными и муниципальными органами. Вместе с тем это является очень позитивным явлением и способствует образованию в России информационного общества, основанного на демократических основах и современных информационных технологиях, что приближает нас к самым передовым и развитым западным государствам.

1. Ст. 1. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" // СЗ РФ. 2009. N 7. Ст. 776.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления" // СЗ РФ. 2012. N 19. Ст. 2338.
3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года. Текст опубликован не был. Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
4. Камалова Г.Р. Открытое государственное управление: российский и зарубежный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. N 1. С. 140 - 143.
5. <http://opendata.open.gov.ru/upload/iblock/0ca/0caf7775dbb5fd14f8d57feba6f29bf9.pdf>.
6. Методические рекомендации по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления и технические требования к публикации открытых данных. Текст опубликован не был. Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
7. Постановление Правительства РФ от 10 июля 2013 г. N 583 "Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в форме открытых данных"
8. <http://opendata.open.gov.ru/news/583/>.

КОРПОРАТИВНАЯ ГАЗЕТА КАК ИНСТРУМЕНТ ВНУТРЕННЕГО PR

Шавырина И.В. (Белгород)

Корпоративное издание является одним из самых мощных и эффективных инструментов формирования корпоративной культуры организации. Под корпоративной культурой мы понимаем совокупность норм, ценностей, которыми руководствуются члены организации. Она охватывает в себе иерархию принципов, вознаграждений, развития карьеры, лояльности и власти, взаимное деловое сотрудничество. Более того, это набор наиболее важных предположений, которые воспринимаются членами организации и получают выражение в заявляемых организацией ценностях, которые определяют людям ориентиры их поведения и их действий [1, с.9].

Одним из элементов формирования корпоративной культуры выступают корпоративные средства массовой коммуникации. Корпоративное издание – это достаточно удобный и действенный способ донесения информации до сотрудников организации, партнеров и клиентов компании. Собственная корпоративная газета эффективна не только как средство коммуникации и формирования корпоративной культуры, но и как эффективный PR- метод и способ создания позитивного имиджа организации.

Корпоративные издания, по мнению Т.А. Зарубиной, правомерно рассматривать как отдельную классификационную категорию в современной системе средств массовой информации. Специфическая инструментальная функция такой прессы – обеспечение особой формы коммуникаций, корпоративного управления и самоорганизации, формирования иерархии корпоративных отношений координационного и субординационного характера – позволяет говорить о существовании феномена корпоративной прессы, и требует, безусловно, комплексного изучения [2, с. 126].

Корпоративные издания представляют собой совокупность газет и журналов, выпускаемых организациями как на внешнюю, так и на внутреннюю целевую аудиторию. В целом, они являются действенным инструментом маркетинговой политики и PR любой развивающейся и развитой в экономическом и репутационном плане компании. Как отмечает Л.С. Агафонов, «корпоративная периодика становится выразителем культуры сообществ и играет значительную роль в выстраивании социальных связей в различных сегментах корпоративных отношений» [3, с. 26].

Между тем, в научном сообществе отсутствует однозначное понимание корпоративной прессы. Так, С. Блэк считает, что корпоративная пресса представляет собой некоммерческое издание, выпускаемое организацией для поддержания контакта с сотрудниками и с широкой общественностью за пределами организации [4, с.70]. М. Диканова отмечает, что это ресурс, который информирует о задачах, целях, новостях, успехах, услугах и продуктах компании, не содержащей в большинстве своем информации о других субъектах бизнеса, выходящий в свет на средства самой организации. По ее мнению, корпоративные издания предназначены в первую очередь для сотрудников компаний, ее клиентов и партнеров [5]. Есть мнение, что корпоративная пресса – это выходящие с определенной периодичностью (не реже одного раза в год) печатные издания, издаваемые за счет организации, предназначенные для конкретной целевой группы и отражающие интересы компании [6, с.89].

При определении сущностных характеристик корпоративной прессы следует отметить, что зарубежные и отечественные исследователи в области PR рассматривают корпоративную прессу с точки зрения эффективного инструмента связей с общественностью (С. Блэк, Ж. Шомели, Д. Уисман, Т.А. Зарубина, А.Д. Кривоносов, Е.В. Лапина, Е. А. Пахмутова, М.А. Шишкина). В то время как Д.А Мурзин утверждает, что понимание функций корпоративного издания исключительно как инструмента пиар, является одной из самых распространенных ошибок современной журналистики. Он рассматривает корпоративные издания как важный элемент системы бизнес-коммуникаций, как фактор повышения эффективности производства, инструмент управления персоналом и его самоорганизации в средних и крупных компаниях [7, с.12].

Для того, чтобы определить природу корпоративных изданий, на наш взгляд, следует выделить основные черты, которые отличают корпоративные СМИ от традиционных. В теории журналистики корпоративное издание рассматривается как одно из средств массовой информации, исходя, прежде всего, из «внешних» признаков: они, по сути, мало чем отличаются от традиционных. Корпоративные издания обладают и определенной периодичностью выхода в свет. Но, на наш взгляд, существуют и специфические отличия. Так, по мнению Д.Е. Филиппова, они лежат в дифференцированной природе журналистского и PR текста [8, с. 63]. По мнению А. П. Короченского, создание журналистского произведения инициируется самим журналистом либо редакцией исходя из присущих журналистике системно-нормативных установок и представлений об общественной ценности информации, добытой в ходе журналистского познания социальной действительности [9, с.118]. Иными словами, одной из задач традиционных СМИ при исследовании политических, экономических и других проблем современной жизни является представление различных точек зрения по актуальным вопросам.

Корпоративное издание, прежде всего, отражает и выражает корпоративную философию. Выражение корпоративных традиций и ценностей организации реализуется посредством информационного формата издания, которое реализующегося в системе постоянных рубрик, диктующих свои жанровые репрезентации; информирование в корпоративных изданиях ограничивается корпоративным полем [10, с.12]. При этом значительно меняется место и роль автора в издании. Если в традиционном СМИ – это журналист, то в корпоративном – это копирайтер (текстовик, который готовит статьи в сфере связей с общественностью) [11, с.282].

Анализ совокупности определений корпоративной прессы позволяет вычленить ее специфические особенности. Во-первых, корпоративные издания служат целям и интересам конкретной организации, способствуют достижению ее целей. Во-вторых, способствуют формированию и укреплению имиджа организации, формированию ее репутационного капитала. В-третьих, создаются на средства организации.

Корпоративная газета представляет собой, по сути, самый простой, привычный, бюджетный и демократический вид современного корпоративного СМИ, являясь при этом эффективным инструментом PR.

По мнению А.Ю. Горчевой, основная цель корпоративного издания в целом заключается в формировании имиджа компании, что и представляется инструментом внутреннего PR [12, с. 46]. В то время как Д.А. Мурзин утверждает, что формирование имиджа не может быть самоцелью [7, с. 26].

Основными целями корпоративной газеты, на наш взгляд, являются:

- управление отношением руководства с персоналом организации;
- создание общего информационного поля.

Наиболее важными задачами корпоративной газеты являются:

- управление процессом внутренних коммуникаций, информирование сотрудников о жизни организации, о принятых решениях руководства;
- пропаганда передового опыта, оценка и признание трудовых, спортивных и личных достижений сотрудников;
- вдохновение успехом;
- нематериальная мотивация коллектива в целом и каждого сотрудника в частности, поздравление персонала с личными, государственными и корпоративными праздниками;
- предупреждение кризисных ситуаций;
- транслирование миссии компании, принципов и стандартов ее работы, анализ актуальных вопросов развития организации;
- формирование и развитие корпоративной культуры;
- создание положительного имиджа организации;
- донесение до каждого сотрудника политики развития организации;
- консолидация персонала организации, поддержание чувства корпоративной общности, ощущения принадлежности у сотрудников к компании; развитие лояльности персонала;
- эффект обратной связи, получение обратной связи от работников о решениях и новациях ее руководства;
- публичный диалог между руководством, сотрудниками и внешним окружением организации;
- выработка положительного представления у работников об организации в целом и ее руководстве, внутренний PR;
- рекламные и маркетинговые задачи (в том случае, если корпоративное издание нацелено на клиентов компании) [13].

Таким образом, корпоративная газета представляет собой некую площадку для обмена инновациями и идеями. Будучи инструментом управления, она способствует сплочению коллектива, формированию корпоративного духа. Более того, при помощи

корпоративной газеты можно управлять любыми изменениями в организации, отслеживать инновационные предложения, внедрения различного рода проектов, а также формировать адекватное восприятие новшеств сотрудниками, способствовать оптимизации внутренних и внешних процессов организации.

1. Гулей, И. А., Смоленская, О. А., Шавырина, И. В. *Организационная культура : моделирование, формирование и развитие. Учебное пособие* / И.А. Гулей, О.А. Смоленская, И.В. Шавырина. – Белгород : БГТУ им. В.Г. Шухова, 2015. – 161 с.
2. Зарубина, Т.А. *Корпоративная газета как инструмент формирования новой модели массовых коммуникаций в университете* / Т.А. Зарубина // *Вопросы теории и практики журналистики*. – 2013. – № 2. – С. 126-131.
3. Агафонов, Л.С. *Корпоративная пресса: определения и функции* / Л.С. Агафонов // *Вестник Университета Российской академии образования*. – №5(43). – 2008. – С.75-83. Блэк, С. *Введение в паблик рилейнз [Пер. с англ.]* / С. Блэк. – Ростов н/Д Феникс, 1998. – 317
4. Блэк, С. *Введение в паблик рилейнз [Пер. с англ.]* / С. Блэк. – Ростов н/Д Феникс, 1998. – 317 с.
5. Диканова, М. *Корпоративные издания : многообразие и единство [Электронный ресурс]* / М. Диканова. Режим доступа к изд. : <http://www.gudym.ru/metodologiya/pressa.aspx>.
6. *Корпоративная пресса России : современный опыт и тенденции развития : Сборник статей и интервью* / Сост. Ю.Ч. Чемякин. – Екатеринбург : УрГУ, 2006. – 260 с.
7. Мурзин, Д.А. *Корпоративная пресса : современные типологические концепции : дис. ... канд. филол. наук* / Д.А. Мурзин. – Москва, 2007. – 182 с.
8. Филиппов, Д.Е. *Корпоративная культура как фактор формирования контента корпоративного СМИ (на примере газеты ЧелГУ «Университетская набережная»* / Д.Е. Филиппов // *Знак : проблемное поле медиаобразования*. – 2010. – Т. 2. - № 6. – С. 61-64.
9. Короченский, А. П. *Осторожно: пиарлистика!* / А.П. Короченский // *Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры : темат. сб. ст. и материалов ; под ред. профессора В. Ф. Олешко*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, Издат. дом «Филантроп». – 2
10. Кривоносов, А.Д. *Корпоративное издание в свете науки о связях с общественностью* / А.Д. Кривоносов // *Петербургская школа PR : от теории к практике. Вып. 2: Сб. статей* / Отв. ред. А.Д Кривоносов. – СПб., 2004. – С. 6 – 13.
11. Музыкант, В. Л. *Теория и практика современной рекламы* / В.Л. Музыкант. – Часть II : монография. – М. : Евразийский регион, 1998. – 328 с.
12. Горчева, А.Ю. *Корпоративная журналистика* / А.Ю. Горчева. – М.: Вест-Консалтинг, 2008. – 220 с.
13. Шахбазов, А.А. *Корпоративные СМИ как инструмент управления компанией* / А.А. Шахбазов // *Отдел кадров*. – 2008. – №6 [Электронный ресурс]. Режим доступа к изд. <http://www.hr-portal.ru/article/%20korporativnye-smi-kak-instrument-upravleniya-kompaniei>.

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СИНЕРГЕТИКИ

Шагиахметова А.Х. (Казань)

В условиях глобализации мировой экономики и усиления сложности общественных отношений необходимо по-новому взглянуть на особенности процесса управления. Социальное управление с точки зрения социальной синергетики не должно быть жестким, поскольку авторитарный стиль подавляет творческие новации. Для того чтобы управленческий механизм в бифуркационный период развития был эффективным, следует применять технологии, адекватные процессу социальной самоорганизации. Одним из элементов самоорганизации выступает лидерство, которое может быть как формальным, так и неформальным. В процессе управления неизменно присутствуют

элементы как порядка, как и творчества, что проявляется в дифференциации таких организационных феноменов, как руководство и лидерство. Лидерство, проявляясь на индивидуальном уровне, всегда связано с творчеством, изменчивостью и является отражением хаотического начала в мире, в противовес руководству, которое эффективно лишь в состоянии порядка и стабильности, и утрачивает контроль над ситуацией в состоянии неопределенности.

Сегодня активно обсуждается тема создания и поддержки малых инновационных предприятий, поскольку в информационном обществе, как пишет один из крупнейших современных социологов М.Кастельс, неизбежен «кризис корпорационной организационной модели, основанной на вертикальной интеграции и иерархичном функциональном управлении линейно-аппаратной системой строгого технического и социального разделения труда». То есть, при переходе к информационному обществу происходит отход от иерархического управления, жесткой системы административного воздействия, практически неограниченной исполнительной власти к взаимоотношениям, базирующимся на том, что главное внутри организации – работники, возрастает роль человеческого фактора в управлении, усложняется управление и усиливается его зависимость от факторов и ценностей человеческих отношений. Для подтверждения данного утверждения, обратимся к главе 3 книги «Информационная эпоха» М.Кастельса под названием «Сетевое предприятие: культура, институты и организации информационной экономики». Под организацией М.Кастельс понимает «специфические системы средств, ориентированные на выполнение специфических задач». То, каким будет управление, будет ли это просто руководство, или это будет умелое сочетание руководства и лидерства зависит от «культуры, воплощаемой в организационных логиках – это мыслительная база для институционализированных отношений власти». От этих «организационных логик и зависит, будет ли руководитель «автократом», либо «демократом», будет ли он прислушиваться к своим подчиненным или нет. Влияние руководителя и лидера основано на власти, только руководство скорее будет основано на авторитарных видах власти, таких как принуждение или вознаграждение, лидерство же скорее опирается на такие виды власти, как убеждение, вовлечение в принятие решений. Информационная экономика характеризуется «развитием новой организационной логики, соотношенной с текущим процессом, а не зависящим от него». То есть руководство предприятием предполагает использование ситуационного стиля руководства, что проявляется в «гибком производстве», ситуационное лидерство предполагает такое отношение к сотрудникам, когда четко учитываются все изменения в коллективе (например, повышение квалификации сотрудников), и в соответствии с этим лидер меняет свое поведение. Лидерство в рамках формальных организаций, можно рассматривать как специфический тип управленческого взаимодействия, основанный на наиболее эффективном сочетании различных источников власти и направленный на побуждение людей к достижению общих целей. Сегодня, когда гуманизация труда охватывает все больше стран, по мере развития информационного общества, можно сказать, что функции руководителя смещаются от администрирования к лидерству. Проявлением этого является развитие новых методов менеджмента, так «система снабжения канбан предполагает «плоскую иерархию менеджмента с уменьшением значения «символов статуса» в повседневной жизни предприятия». М.Кастельс пишет о «высокой жизнеспособности малых и средних фирм» по сравнению с крупными корпорациями. Быть одновременно руководителем и лидером в крупной корпорации намного сложнее, так как в сильно бюрократизированных организациях отсутствуют условия для личностного развития людей, для установления неформальных отношений между различными подразделениями, особенно между руководителями и подчиненными. Лидер выражает коллективные интересы, а лидерство – групповое явление, основанное на непосредственном общении лидера и группы, поэтому в малых организациях руководитель имеет больше возможностей быть лидером, и если он им является, то эффективность деятельности этой организации резко повышается. Еще в рамках «школы человеческих отношений» во время проведения Хоуторнских экспериментов было показано, что сама работа для человека

имеет меньшее значение, чем его социальное и психологическое положение на производстве.

Итак, высокая устойчивость малых предприятий связана с большими возможностями для эффективного руководства, в основе которых лежит лидерство. Лидерство позволяет найти оптимальное взаимодействие между субъектом и объектом управления, или вообще при необходимости стереть вертикальные границы между ними. При наличии управленческого лидерства малые предприятия способны продемонстрировать и стабильность, и творческую инновационную самоорганизацию.

1. *Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: перевод с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.:ГУ – ВШЭ, 2000. – 608 с.*

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Шаповалова Е.Б. (Санкт-Петербург)

Управление человеческими ресурсами организации: теоретические подходы

В эволюционном пути развития кадрового менеджмента XX века можно выделить два основных подхода:

1. технократический (рационалистический) - когда достижение стратегических целей организации обеспечивается гибкостью форм работы с персоналом, интенсификацией труда работников;

2. социальный (гуманистический) - при котором, обеспечивается активная вовлеченность сотрудников организации в реализацию ее бизнес - стратегии за счет таких факторов, как интеграция производственной и кадровой стратегии, эффективная корпоративная культура, высокая мотивация и гибкое руководство.

Этап технократического менеджмента, характеризуется введением рациональных процедур управления кадрами, усилением внешнего контроля, введением равной системы оплаты труда. Конкретный инструментарий реализации технократического управления был предложен школой научного управления, основоположником которой является Ф. Тейлор. Тейлористская концепция полагала, что труд - это, прежде всего, индивидуальная деятельность, и потому воздействие коллектива на рабочего носит деструктивный характер и делает труд рабочего менее производительным. От рабочего не требовались ни высокая квалификация, ни проявление инициативы, творчества на рабочем месте. Работники рассматривались как средство достижения организационных целей, подобно машинам, оборудованию, сырью. Поэтому на этом этапе формируется система управления кадрами, при которой вместо человека как личности рассматривается лишь его функция - труд, измеряемый через затраты рабочего времени. Кадровые службы выполняли в основном учетно- контрольные и административно-распорядительные функции.

С 1950-60 гг., когда технократический подход в управлении уступает свои позиции, на смену концепции управления кадрами приходит новая концепция управления персоналом. Различные теоретические аспекты этой концепции были разработаны М. Вебером, Э. Мэйо и многими другими исследователями. На практике этот подход появляется вместе с усложнением труда и бурным техническим развитием производства. Внедрение новой техники и технологии потребовали кардинальной перестройки организации и управления трудом: усложняется механизм трудовой мотивации с переориентацией его на творчество, повышение квалификации; создается система непрерывного профессионального образования; развивается социальное партнерство, повышается роль организационной культуры; пересматриваются принципы занятости с акцентом на гибкие и индивидуальные формы трудовой деятельности. В этих условиях

система управления персоналом охватывает широкий круг управленческих проблем: подбор и профессиональная адаптация новых работников, разработка социальных программ, вовлечение работников в управление предприятием, разработка системы стимулирования производительного и творческого труда. В данной концепции человек рассматривается не просто как исполнитель трудовой функции, а как элемент организации, субъект трудовых отношений. Вместе с тем, при реализации подхода управления персоналом сотрудник на предприятии персонифицировался через свою должность, а управление им осуществлялось в основном через административные механизмы (принципы, методы, полномочия, функции).

Категория «персонал предприятия» определяла некий, пусть формальный, но единый статус для всех наемных работников, независимо от их положения на уровнях служебной иерархии. Рационализация производственных и управленческих процессов нашла свое выражение в укреплении функционального разделения труда, в совершенствовании организационных структур управления, в более четкой регламентации деятельности руководителей и подчиненных им работников. В то же время личная инициатива, коллективное самоуправление, инновационная активность сотрудников еще не рассматривались в качестве базисных элементов системы управления персоналом. Эффективное управление связывалось в первую очередь со стремлением рационально регламентировать структуру организации, достичь долговременной стабильности и устойчивости ее деятельности.

Возникновение концепции «управление человеческими ресурсами» (HR - human resource) в теоретическом плане связано, в первую очередь, с именами А. Маслоу, Ф. Герцберга, Д. МакГрегора и других и является следствием происходящей в обществе научно-технической революции, соответствующего усложнения технологических процессов и роста интеллектуализации производства.

После экономического кризиса 1970-х гг. на предприятиях США, Западной Европы и Японии обострилось противоречие между бюрократической системой управления и ускорением научно-технического прогресса. В этот период активизировался пересмотр основных принципов традиционного технократического управления, который в 1980-х гг. завершился формированием научной концепции управления человеческими ресурсами (Human Resource Management), знаменующим переход от технократического к гуманистическому подходу в управлении персоналом. Роль функции управления человеческими ресурсами при таком подходе переместилась из области администрирования и базисного социального обеспечения в область стратегии и корпоративной политики.

Появление концепции управления человеческими ресурсами, обогатившей практику менеджмента прогрессивными методами, технологиями управления людьми в сложной инновационной среде, было вызвано следующими тенденциями 1970-80-х гг.: изменением массового характера производства на клиентоориентированное, индивидуальное; мировой глобализацией и распространением транснациональных корпораций; увеличением конкуренции на внутренних и международных рынках; возникновением понятия корпоративной (организационной) культуры как механизма управления предприятием.

Переход от технократического (рационалистического) подхода к социальному (гуманистическому), где персонал организации рассматривается как человеческий ресурс, означает: во-первых, его персонализацию и индивидуальный подход ко всем работникам в пределах совмещения интересов фирмы и работника. В случае же расхождения интересов фирма (компания) приводит в действие стимулирующие и мотивирующие рычаги воздействия на человека для того, чтобы он связал свою деятельность с интересами организации; во-вторых, такой переход признает осознание проблемы дефицита квалифицированного и высококвалифицированного персонала, что приводит к конкретной борьбе за знания, навыки, способности на рынке труда; в-третьих, переход к

управлению человеческими ресурсами означает отход от представлений о персонале как «даровом капитале», освоение которого не требует ни финансовых, ни трудовых, ни организационных, ни временных и других затрат со стороны работодателя.

В теории управления человеческими ресурсами ключевым является понятие «человеческие ресурсы» (от фр. *ressource* - резервы, запасы), которое не является новым понятием и обычно используется в двух основных контекстах — экономическом и социологическом. В экономическом контексте человеческие ресурсы представляют труд, как один из трех составляющих фактора производства. В социологическом контексте, человеческие ресурсы могут быть определены как способности индивида или группы индивидов к осуществлению трудовых функций в организации, имеющих для нее определенную ценность [1].

Категория «человеческие ресурсы» вплоть до конца XX века чаще всего отождествлялась с категорией «трудовые ресурсы» и трактовалась как имеющиеся в наличии люди, людские запасы (резервы) с их профессиональными и физическими способностями, предназначенными для обеспечения процессов общественного воспроизводства [2]. В такой трактовке, превалирует экономико-материализованный акцент, относящий человека к области пресловутого «винтика» производства, что сближает эту категорию с традиционной категорией «рабочая сила». Вместе с тем в последние годы, благодаря качественным изменениям взглядов на роль человека в системе общественного производства, смысловая нагрузка понятия «человеческие ресурсы» наполняется новым содержанием, акценты в котором смещаются в сторону более полного использования всех потенциальных (и, прежде всего, интеллектуальных) возможностей человека, т.е. человеческого потенциала организации.

В этом отношении, представляет интерес определение А.И. Кравченко, отмечающего, что понятие «человеческие ресурсы» содержит в себе совокупность социокультурных и социопсихологических характеристик. Их отличие от других видов ресурсов состоит, по мнению автора, в следующем: люди наделены интеллектом, следовательно, их реакция на внешнее воздействие эмоционально осмысленная; вследствие обладания интеллектом люди способны к постоянному совершенствованию и развитию, что является наиболее важным и долговременным источником повышения эффективности любой организации; индивиды выбирают определенный вид деятельности осознанно, ставя перед собой определенные цели; человеческие ресурсы являются конкурентным богатством любой организации [3].

Таким образом, в современном контексте человеческие ресурсы понимаются как актив организации, ее человеческий капитал, который имеет стоимостное выражение и способен принести организации конкурентное преимущество. В концепции «управление человеческими ресурсами» человек стал рассматриваться не как безликий элемент структуры организации, а как невозобновляемый ресурс, как элемент социальной организации. В современных условиях, исходя из мотивов и способностей человеческих ресурсов, в организации должны строиться как стратегия, так и система управления предприятием. В условиях социально-экономической трансформации, динамических изменений социальной среды организаций в практику управленческой деятельности необходимо вносить инновационные компоненты технологии управления человеческими ресурсами, направленными на организационное развитие и повышение эффективности.

1. *Статья «Человеческие ресурсы» Интернет-энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс] доступен на: http://en.wikipedia.org/wiki/Factors_of_production*
2. *Ткаченко А.А. Вопросы управления трудовыми ресурсами как системой // Вопросы теории и практики управления трудовыми ресурсами. - М.: ЦНИЛТР при Госкомитете РСФСР по труду, 1983. - С. 3.*
3. *Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления - М.: Академический Проект, 2004. - С. 710.*

ЦЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Шухно Е.В. (Минск, Республика Беларусь)

Организационная культура (или культура организации, корпоративная культура) представляет собой важный компонент существования организации, продуктивности и эффективности ее деятельности. Культурные образцы, принятые, усвоенные и культивируемые в организации, оказывают значительное влияние на различные стороны деятельности членов организации и, в частности, на властные отношения и отношения контроля; отношение к трудовой деятельности; межличностные отношения внутри групп; межгрупповые отношения; отношения с внешним окружением, а также на мотивацию и удовлетворенность трудом и т.д. Кроме того, культура определяет процессы интеграции сотрудников и структурных подразделений, а также адаптации организации к условиям внешней среды.

Изучение ценностей организационной культуры представляет собой важный практический интерес, так как, зная реально существующие ценности организации, возможна корректировка формализованных ценностей, таким образом, чтобы ликвидировать разбегку между последними и реально разделяемыми ценностями коллектива. Именно на ценностном уровне заложены значительные возможности по улучшению эффективности функционирования организации.

Ценности составляют основу организационной культуры, являются базисом, на которой выстраивается вся духовная составляющая культуры организации, так, в значительной, мере и ее материальная компонента. «Ценности обеспечивают сохранение целостности социальной системы (организации), в силу того, что в ценностях выражается особая значимость определенных материальных и духовных благ для существования и развития системы» [1, с. 15].

В трехуровневой структуре организационной культуры, предложенной Э. Шейном, «местом» существования ценностей является подповерхностный уровень, который, по мнению Шейна, и представлен провозглашаемыми ценностями, тем не менее представляется возможным рассмотрение существования ценностей (или скорее их влияния, проявления) не только на этом уровне, но и на двух оставшихся.

О ценностях на поверхностном уровне организационной культуры представляется возможным говорить лишь в том смысле, что из инкорпорированного состояния (своего рода духовного бытия) они переходят в формализованное состояние, объективируются (приобретают бытие материальное) посредством выражения на физических носителях («описание принятых ценностей»). То есть, из глубинных уровней культуры организации ценности переходят в уровень поверхностный, видимый, слышимый, тем самым получая в некоторых смыслах автономное существование: ценности и установки, «живущие» в сознании (индивидуальном и коллективном) индивидов, регулирующие их практики и воспроизводящиеся в них, формализуясь на поверхностном уровне как бы «застывают». При этом зачастую, «застывшие» декларируемые писанные ценности и установки могут существенно отличаться от «живущих» актуальных для индивидов и коллектива в целом, это и подразумевается под автономным их существованием на данном уровне. Однако именно из этого уровня официально заявляемые (и соответственно объективированные в различных корпоративных уставах, кодексах, правилах) могут продвинуться дальше и превратиться, в ценности и установки, действительно разделяемые сотрудниками. В этом заключается определенная двойственность этого уровня: с одной стороны, здесь могут инкорпорироваться объективированные ценности, правила, с другой, – здесь же могут объективироваться инкорпорированные ценности, правила. В первом случае, сотрудники начинают действовать (мыслить) в соответствии с формализованными ценностями и

правилами, в другом случае, уже усвоенные и применяемые ценности и правила (своего рода негласные правила) находят свое формализованное (письменное) выражение.

Э. Шейн характеризует подповерхностный уровень (провозглашаемые ценности) следующим образом: «Сохранение верности определенным ценностям приводит к их трансформации в самоочевидные представления, подкрепляемые набором вербализованных убеждений, норм и правил поведения. Соответствующие взгляды и моральные/этические правила остаются осознанными и четко сформулированными, они выполняют нормативную или моральную функцию, регулируя поведение членов группы в тех или иных ключевых ситуациях и приучая новых ее участников к тем или иным моделям поведения. Ценности этого уровня сознания во многом предопределяют поведение, наблюдаемое на уровне артефактов» [2, с 38-39].

Таким образом, Шейн указывает на влияние подповерхностного (ценностного) на поверхностный уровень (артефактов), в частности, на определенную обусловленность поведения сотрудников ценностями организации. Следует отдельно остановиться на том, что Шейн называет фундаментальными и провозглашаемыми ценностями. Фундаментальные ценности – это ценности, сформировавшиеся из предшествующего опыта, находящие воплощение в идеологии/философии организации и реально определяют практики, модели поведения индивидов. Тогда как, провозглашаемые ценности – декларируемые, но не обязательно реализуемые и воспроизводимые на практике, и в свою очередь, не обязательно определяющие модели поведения индивидов.

Что же касается глубинного уровня – базовых представлений, то, согласно Шейну, они являются для членов некой группы предельно очевидными и не требующими каких-либо доказательств. При этом, если группа разделяет свои определенные базовые представления, то поведение другой группы, придерживающейся иных базовых представлений, будет непонятным для первой группы. Ученый отмечает, что базовые представления не вызывают у людей возражений или сомнений, поэтому изменение их крайне затруднительно [2, с. 40].

Под базовыми представлениями возможно понимание также и различных ценностей. Ряд общечеловеческих абсолютных ценностей в большинстве случаев также являет собой своеобразное базовое представление. Практически всегда подобные ценности не оцениваются критически, а наоборот принимаются как данность. Иначе говоря, такие ценности не вызывают у людей каких бы то ни было сомнений, возражений, и в силу их абсолютизации и общечеловеческого масштаба принятия зачастую невозможным становится не только их изменение, но и корректировка этих ценностей. Подобная рамка рассуждений позволяет нам с определенным допущением отождествлять уровень базовых представлений Шейна с наиболее укоренными ценностями организации, в его терминологии зачастую с фундаментальными ценностями, так как последние не только являются формализованными, но и разделяемыми группой, организацией, зачастую они совпадают с общечеловеческими абсолютными ценностями.

Наибольшая эффективность организации достигается при совпадении провозглашаемых официальных ценностей и ценностей, разделяемых коллективом, в этом случае организация как единство руководства и коллектива движется слаженно в одном направлении. В случае же неподдержания работниками провозглашенных ценностей, последние так и остаются лишь официальными «писаными» ценностями, но реально не работающими, в лучшем случае сотрудники такие «квазиценности» игнорируют. В худшем же случае эти ценности вступают в конфликт с разделяемыми ценностями коллектива и могут оказывать серьезное негативное влияние на деятельность организации.

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Яценко Д.П. (Белгород)

Актуальность исследования особенностей принятия решений при управлении муниципальной собственностью обусловлена наличием целого ряда факторов.

Муниципальная собственность составляет социально-экономическую основу местного самоуправления. Максимальная отдача от имеющихся в распоряжении местных органов власти имущественных активов муниципального образования позволяет решать текущие задачи социально-экономического развития территории, планировать целевые показатели экономического развития муниципального образования в будущем. В связи с этим эффективное управление муниципальной собственностью является условием социально-экономического развития муниципального образования и представляет одну из важнейших задач органов местного самоуправления.

Кроме того, особые трудности в принятии решений при управлении муниципальной собственностью вызывают незавершенные процессы рыночных преобразований и необходимость следования общемировым тенденциям развития для обеспечения должного уровня жизни населения. Следование концепции устойчивого развития на местном уровне требует совершенствования управления развитием муниципального образования в целом и совершенствования управления муниципальной собственностью.

Вся совокупность видов деятельности при управлении муниципальной собственности, так или иначе, связана с принятием и реализацией решений. Тем не менее, данный процесс явно недостаточно исследован современной управленческой наукой.

Сегодня понятие «муниципальная собственность» имеет несколько трактовок. Так, под муниципальной собственностью принято понимать все имущество, находящееся в собственности муниципального образования □1□.

Бюджетный кодекс Российской Федерации в статье 215, пункт 1 дает свое определение данному понятию, которое звучит так: «имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям, является муниципальной собственностью» □2□.

В собственности муниципальных образований Российской Федерации могут находиться:

- 1) имущество, предназначенное для электро- и газоснабжения поселений в границах муниципального района;
- 2) автомобильные дороги местного значения вне границ населенных пунктов в границах муниципального района;
- 3) пассажирский транспорт и другое имущество, предназначенные для транспортного обслуживания населения между поселениями на территории муниципального района;
- 4) имущество, предназначенное для предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории муниципального района;
- 5) имущество, предназначенное для создания условий для оказания медицинской помощи населению на территории муниципального района и другое □3□.

Управление муниципальным имуществом □ это организованный процесс принятия и исполнения решений, осуществляемый органами местного самоуправления в области

учета муниципального имущества, контроля за его сохранностью и использованием по назначению, по обеспечению надлежащего содержания, а также по вопросам, связанным с участием муниципального образования в создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, обеспечением эффективной координации, регулирования и контроля за их деятельностью.

К решениям, принимаемым в области управления муниципальной собственностью, предъявляется ряд требований, к числу которых относят:

- всестороннюю обоснованность решения;
- своевременность;
- необходимую полноту содержания;
- полномочность;
- согласованность с принятыми ранее решениями.

Разработкой и принятием управленческих решений в Алексеевском районе Белгородской области в сфере управления муниципальной собственностью занимается комитет по управлению муниципальной собственностью, ЖКХ и архитектуры администрации Алексеевского района.

В состав комитета входят следующие отделы: отдел ЖКХ и транспорта, отдел архитектуры и отдел строительства, а также отдел по управлению муниципальной собственностью.

В своей деятельности отдел по управлению муниципальной собственностью пользуется «Положением об отделе по управлению муниципальной собственностью администрации Алексеевского района», утвержденным постановлением администрации Алексеевского района от 01.11.2011г. №1003 □4□. Штатная численность отдела – 3 человека (начальник отдела, главный и ведущий специалисты).

Для учета муниципальной собственности в Алексеевском районе Белгородской области ведётся Реестр муниципальной собственности, который ежегодно по состоянию на 01 января с учётом изменений за отчётный финансовый год, утверждается решением Муниципального совета Алексеевского района.

Чаще всего в сфере управления муниципальной собственностью принятие решения связано с продажей имущества, сдачей в аренду, передачей в доверительное управление, передачей муниципальной собственности в частную, отчуждением в порядке приватизации.

Для принятия управленческих решений, касающихся управления муниципальной собственностью в Алексеевском районе, существует определенный алгоритм, согласно которому и действует начальник отдела по управлению муниципальной собственностью. Данный алгоритм включает в себя семь последовательно, осуществляемых этапов: диагностика проблемы, формулировка ограничений и критериев принятия решения, определение альтернатив, оценка альтернатив, выбор альтернативы, реализация и обратная связь.

Решение проблемы при управлении муниципальной собственностью в Алексеевском районе предполагает как генерирование альтернативных вариантов решений, выбор наиболее предпочтительного альтернативного варианта решения, так и его реализацию. Кроме того, существует и обратная связь, позволяющая руководителю оценить последствия решения и в случае необходимости предпринять меры для корректировки ситуации.

В организации деятельности отдела по управлению муниципальной собственностью Администрации Алексеевского района при принятии управленческих решений существует ряд проблем, к которым можно отнести:

1. Сложность процедуры принятия и передачи объектов в муниципальную собственность.
2. Несвоевременное принятие управленческих решений при управлении муниципальной собственностью.

3. Трудности в отборе информации, необходимой для принятия эффективного управленческого решения.

К основным направлениям совершенствования процесса принятия решения при управлении муниципальной собственностью следует отнести:

- упрощение процедуры предоставления нежилых помещений в аренду;
- резервирование финансовых средств в местном бюджете для постановки объектов недвижимости и земельных участков на кадастровый учет;
- разработка системы критериев оценки информации, необходимой для принятия управленческих решений в сфере управления муниципальной собственностью в Алексеевском районе;
- оперативность в принятии решений, исключая «лишнее» документирование, затрачивающее большое количество временных ресурсов.

Подводя итоги, следует отметить, что системе муниципального управления, свойственен ряд проблем, в частности, это касается процессов принятия решений при управлении муниципальной собственностью. Проблемы имеются практически во всех звеньях муниципального управления, и их решение это важнейшая задача органов местного самоуправления. Новое время требует новых реформ, способных повысить эффективность деятельности органов местного самоуправления, выйти на новый уровень развития между муниципальными образованиями и, конечно же, повысить качество жизни населения отдельно взятого муниципального образования.

1. Балдаева, М.К. Использование экономического интереса в управлении муниципальной собственностью Текст / М.К. Балдаева, И.А. Шаралдаева // Наука и бизнес: пути развития. – 2012. – № 12 (18). – С. 142-147.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: от 26 декабря 2014 г. № 145-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Иформ.банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Иформ.банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».
4. Об утверждении Положения об отделе по управлению муниципальной собственностью (вместе с «Положением о комитете по управлению муниципальной собственностью и жилищно-коммунальному хозяйству администрации муниципального района «Алексеевский район и город Але

СЕКЦИЯ 5: РОССИЯ В МИРОВОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СМЫСЛОВЫЕ СНАРЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ВОЗМОЖНО ЛИ ИМ ПРОТИВОСТОЯТЬ?

Адамьянц Т.З. (Москва)

Термин «информационные войны» требует существенных уточнений. С одной стороны, это – противостояния в информационном пространстве посредством транслируемой информации, с другой же – само понятие «информация» в данном контексте оказывается настолько расплывчатым и неопределённым, что уводит от углублённого внимания к сущности анализируемого феномена.

Содержание информационных посылов, равно как использованные в них слова, фразы, дискурсы, кадры, звуки и т.д. здесь вторичны и являются, по сути дела, «строительным материалом» для создания целеориентированных смысловых конструктов (смыслов), посредством которых и ведутся современные информационные войны. Образно говоря, в современном информационном пространстве разыгрываются глобальные мистерии смысловых противостояний и смысловых атак.

Для создания смысловых конструктов используются информационные технологии, которые можно дифференцировать как те, что опираются на открытые средства убеждения, и те, что основаны на скрытых, манипулятивных приёмах и методах. И те, и другие предназначены для влияния на широкие массы аудитории/населения и, следовательно, апеллируют к одобряемым большинством людей ценностям: гуманизму, демократии, равенству, свободе слова, справедливости и т.д. Различия, следовательно, не в названиях, терминах, обозначениях, примерах и т.д., содержащихся в информационных посылках, а в способах смыслообразования. В первом случае это открытое убеждение, основанное на обоснованных логических связях и доказательствах, во втором – своеобразный ментальный трюк, цель которого – создать позитивный образ, набросить флер соответствия общечеловеческим ценностям и солидарностям на то, что таковым не является.

Одним из широко применяемых сегодня манипулятивных приёмов влияния на умы и «картины мира» людей, а, следовательно, и на социальные процессы, оказывается метафоричность, выражающаяся в распространении номинации одного смыслового конструкта на другой, близкий, но не тождественный первому. При этом переносится не только первоначальное обозначение, но и (присущие первому) психологические феномены доверия, одобрения, поддержки.

В результате первоначальное значение идеи «свобода слова как основа демократии» превращается фактически в утверждение «свобода слова как право на проявление неуважения», что вызывает, как показывает жизнь, ответную волну неуважения и даже террора. А первоначальное значение идеи «толерантность как дружелюбие, доброжелательность, терпимость» модифицируется, по сути, в побудительно-требовательный посыл «толерантность как терпимость к социально негативным и неоднозначным, с точки зрения общепринятой морали и общепринятых традиций, проявлениям» (что в результате, как показывает жизнь, также увеличивает раскол и недружелюбие в обществе) [1].

Искажённые по своей первоначальной сути номинации идей, заявленные как основные мотивы и цели, на самом деле скрывают, как за завесой, другие, подлинные цели и мотивы, направленные на достижение запланированных последствий глобального плана, которые готовят и пестуют годами, создавая и транслируя «промежуточные» смысловые конструкты, исподволь разрушающие прежние стереотипы, ценностные ориентации, модели поведения и создающие новые (технология длительного манипулятивного влияния, направленного на изменение ключевых для социума представлений, известна как «окно Овертона»).

«Зачарованная» авторитетом формулировок, левоверная и внушаемая часть аудитории, а таких большинство, не замечает того, что вместо идеи предлагается всего лишь её номинация, что внутренняя структура воспринимаемого материала «рассыпается», а примеры, что называется, «притянуты за уши». Не замечается в таких случаях и целеполагание всей информационной кампании, «проявляющееся» в последующих событиях, во всяком случае, не прослеживаются взаимосвязи между событиями и теми коммуникативными механизмами, которые стали их катализаторами.

Приведем пример. Значительную роль в утверждении враждебных настроений в умах части жителей современной Украины по отношению к России сыграл смысловой конструкт, названный «голодомором». Постепенно, поэтапно посредством этого смыслообразования возвращались из семян надуманной обиды реальные ростки

раздражения и агрессивности по отношению к братскому народу, который испытал не меньшие трудности и беды.

И всё же, как показывает жизнь, искусственно созданные смысловые конструкты деструктивной направленности, даже те, возвращение которых требуют от манипуляторов огромных средств и усилий, не всегда дают искомый эффект. Снова и слова «вбрасывается» в российское социокультурное пространство интенция «всё плохо», за которой, практически не скрываясь, маячит еще одно целеполагание: стимулировать негативные реакции россиян по отношению к существующей власти. В каком-то другом обществе, возможно, подобное давление привело бы к задуманному эффекту, но только не с россиянами, в особенностях национального характера которых дремлют и в особые моменты, как показывает жизнь, продолжают просыпаться свободолюбие, внутреннее ощущение справедливости, способность к жертвенности, потребность жить, по определению Л.Н. Толстого, «по совести». Как известно (согласно социологическим данным), власть не потеряла доверия и поддержки своих граждан.

Тем не менее, поскольку противостояния смыслов в современном мире продолжают и в обозримом будущем ситуация вряд ли кардинально изменится, в новую доктрину информационной безопасности России, которая разрабатывается в настоящее время, целесообразно включить комплекс мероприятий по мониторингу смысловых новообразований, «вбрасываемых» в отечественное социокультурное пространство.

Целесообразна также постоянно действующая система изучения и социальной диагностики смыслов, уже утвердившихся в социокультурной среде и в общественном мнении, в социальных представлениях разных социально-демографических, социально-психологических, социоментальных групп (имеются в виду те смыслы, которые оказываются катализаторами социальных, политических, социокультурных процессов).

Элементом работы по информационной безопасности могут стать также мероприятия, направленные на увеличение в обществе числа людей, не только владеющих информацией, но и способных к адекватному пониманию механизмов манипулятивных технологий: на понимающую личность манипуляции не действуют [2].

1. Адамьянц Т.З. *Осторожно: смысловые атаки!* // *Человек*. 2015. № 4. С. 77-83.

2. Адамьянц Т.З. *Массовое социоментальное развитие: миф или реальная возможность?* // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 27-38.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Червоный А.М. (Пятигорск)

Доклад выполнен при поддержке РГНФ (Проект №14-04-00029)

Политические институты, причастные к созданию тех или иных общественных когнитивных схем, должны нести полную ответственность за последствия формирования определенного ментального стереотипа, используемого ими в той или иной риторике. Временно усилившееся в Европе противостояние России и Запада подогревается дискриминационными дискурсами, во многом инспирированными некоторыми небезызвестными политическими акторами. В этой ситуации социологическая и политическая лингвистика, базирующаяся на социологическом интеракционизме, может диагностировать причины создавшейся обстановки информационно-политической конфронтации путем анализа сложившиеся концептуальных схем, через понимание их внутренней структуры и механики их формирования и функционирования. Непредвзятость научного подхода, провозглашаемая как норма в политлингвистике, «демифологизация» идеологических моделей политического дискурса, иногда, так или

иначе, сопровождается оценкой и выявлением в большей или меньшей степени эксплицитного выражения когнитивных «X-фобий», в том числе и в первую очередь ксенофобии как отторжения (социально-правовой негации) «чужих» (аут-группы). Такая позиция исследователя не имеет ничего общего с априорной предвзятостью, тем более, что, как заметил Л. Альтюссер, «лингвисты и те, кто призывает на помощь лингвистику с различными целями, чаще всего заходят в тупик из-за того, что они не учитывают игру идеологическими эффектами во всех типах дискурса, в том числе и в научном» [3,30]. При этом исследуется взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами не просто как «корреляционное или каузативное взаимодействие», а как «сложный социокогнитивный процесс, включающий в себя ментальные модели и другие когнитивные репрезентации» [1].

Трибуной «овеществления» дискурса элит традиционно выступают законодательные собрания, функция которых – возвести выражение политических интересов в ранг закона, освященного статусом «воли народа». Сегодня существование «единого» европейского политического пространства повышает политические ставки и амбиции, и в стенах Европарламента речь идет уже не о воле одного народа, а народов целого континента. Однако такое «народное единство» достаточно противоречиво, если не призрачно. Поиски «европейской идентичности» направлены в первую очередь против преодоления ксено-стереотипов, которые прочно закрепляются в когнитивном пространстве и языковой картине мира современной Европы. Однако не входит ли в противоречие панъевропейская идентичность с национальной идентичностью, которая не только не растворяется в заданном европейском формате, но с еще большей силой требует поиска национальных корней, самобытности и национального самосознания? Носитель определенной этнической и поведенческой культуры может осмыслить себя таковым только на фоне сопоставления себя с представителями другой культуры. В основе формирования концептуально-аксиологической системы восприятия «другого» лежат стереотипы сознания, представляющие собой когнитивные образцы категоризации мира. Стереотипы являются одним из проявлений и одновременно результатом социальной перцепции. Когнитивно-поведенческий стереотип как элемент языковой картины мира включает представления о ценностях, актуальных в определенной лингвокультуре, а также о наиболее типичных способах и формах вербализации данных ценностей. «Чужой» (в отличие от «другой») является крайне негативной категорией восприятия социальных объектов. Негативное отношение к иностранцам, к отдельным этносам и этническим группам представляет собой не просто особенность ментальности и поведения отдельных индивидов, но и является острой социальной проблемой на уровне формирования ментально-поведенческих стереотипов в национальном и общеевропейском масштабе. Язык, обладая кумулятивной способностью, фиксирует этнические гетеростереотипы, т.е. представления о другом этносе, в отдельных номинациях, во фразеологии и поговорках, в дискурсивных стратегиях, либо подчеркивающих ксено-нетерпимость, либо компенсирующих негативные коннотации тех или иных этно-номинаций (политкорректность). Среди социальных объектов, маркированных пометой «ксено» находятся, прежде всего, представители иных этнических, социальных и культурно-поведенческих групп. Сегодня ксено-стереотипные номинации табуируются в цивилизованном и цивилизационном дискурсе, что вполне естественно. Дискурсивной нормой в европейском дискурсе становится этническая, гендерная, классовая, профессиональная и т.д. толерантность, политкорректность, входящая фундаментальной составляющей в так называемую европейскую идентичность. Однако на что опирается эта новая европейская интегральность в наблюдаемом нами парламентском дискурсе? Оказывается, проще всего объединиться перед лицом какой-нибудь реальной или выдуманной опасности. Таким «реперным» ксено-концептом сегодня становится Россия, лидирующая в списке современных мировых «вызовов» и угроз. Этот ксено-стереотип не только не табуируется, но и кладется во главу политической и, в частности,

парламентской риторики ЕС. Европейские законодатели считают себя вправе осуществлять политический мониторинг не только стран ЕС, но и тех стран, которые не принадлежат к «элитному европейскому клубу» – этому «светлому будущему» всех «достойных» стран, которые пока находятся «в списке ожидания». И здесь в ход идут устаревшие стереотипы, такие как пресловутые «империя зла», «рука Кремля» и т.д. Например, 15 января 2015 года вместе с вопросом по украинскому кризису Европарламент рассматривает внутренние дела России, в частности, связанные с «делом Навального» [4]. Однако дискурс слушаний «по делу» вовсе не связан с обсуждением фактической базы рассматриваемого вопроса («The case itself is very clear»), он носит сугубо оценочный и риторический характер, причем, помимо эксплицитной оценки, его риторика опирается на пресуппозиции, которые приобретают доминирующую роль в воздействующем дискурсе. Так, член парламентской комиссии по международным делам ЕП, депутат от Венгрии Т. Мержерикс (Tamás Mesznerics) начинает выступление со слов: «Every time we discuss a case of human rights problems or a lack of the rule of law in Russia, we hope and wish that it will be the last such case we need to discuss in this Chamber. In this case too I hope it will be the last one, but I am very much afraid that our hopes will be betrayed yet again». За пропозицией, выражающей «добрую волю» парламентария, стоит пресуппозиция «Нарушения прав человека в России были, есть и будут», маркерами которой выступают определенная лексика (Every time we discuss; our hopes will be betrayed yet again). Однако, как известно, говорящего трудно «привлечь к ответственности» за скрытые смыслы. Пользуясь этим, выступающий продолжает настаивать на выражении доброй воли по отношению к России: «An autocratic government running on an extreme nationalistic ticket will most likely present all these charges as being basically anti-Russian. This is far from the truth. I know that there are many of us in this Chamber who love and admire the achievements of the Russian people and who wish for Russia the sort of future in which such cases will never be mentioned in this Chamber again because there will be no need to be looking for human rights violations in Russia». Здесь за эксплицитным выражением симпатии к русскому народу стоят некоторые маркеры (или дискурсемы – единицы дискурса), «реперные точки», рассчитанные на поддержание негативного стереотипа. Во-первых, это структура высказывания. Можно заметить что, в интенциональном фокусе высказывания-дискурса находится первая и последняя дискурсемы, занимающие наиболее конативные (воздействующие, фокусные) позиции, определяемые мнемоническими законами и свойствами тема-рематической организации дискурса: «максимально воздействуют на слушающего первый и последний дискурсивный элемент» – в нашем случае дискурсемы, создающие негативную пресуппозицию в формировании образа современной России (autocratic government; extreme nationalistic ticket; human rights violations in Russia). Во-вторых, тональность каждой из реперных дискурсем определяется статусом пресуппозиции, которую, как известно, нельзя отрицать. Поэтому указанные дискурсемы отрицательной оценки имеют статус «неоспоримого утверждения», в отличие от срединной дискурсемы с модальностью мнения «I know that», занимающей «слабую позицию» парантезы и снижающей аргументативную значимость последующего тезиса. К тому же, модальность личного знания (мнения) подразумевает, что пропозицию высказывания можно оспорить. К этому добавляется семантика оборота many of us, который предполагает оппозицию many / all («многие, но не все»). Совокупность указанных семантико-дискурсивных элементов создает тональность дискурса (о термине см. [2]), указывающую на негативную оценку России, характерную сегодня для Европарламента. Нужно заметить, что самим парламентариям такая стратегия не только ясна, но и для некоторых не приемлема. Например, депутат от Левого фронта (Front de Gauche) г-жа М.-К. Вержья (Marie-Christine VERGIAT) заявляет: «...nous allons voter aujourd'hui deux résolutions, l'une sur la Russie et l'autre sur l'Ukraine. Dans les deux, on trouve ce que j'appellerais volontiers les monomanies de certains membres de cette Assemblée, qui sont beaucoup plus prudents quand il s'agit, par exemple, de certains pays du Golfe dans lesquels on

peut condamner un jeune blogueur de trente ans à mille coups de fouet sans que cela ne suscite d'émotion. Que veut l'Union européenne? Faire plier la Russie ou œuvrer à une authentique amélioration de la situation?» (... мы будем голосовать сегодня за две резолюции – по России и по Украине. В обоих случаях мы видим то, что я могла бы прямо назвать мономанией (навязчивой идеей – авт.) некоторых депутатов, которые проявляют гораздо большую терпимость в оценке, например, некоторых стран Залива, в которых тридцатилетний блоггер приговаривается к тысяче ударам плетью, и это у них не вызывает никаких эмоций. Чего же добивается Евросоюз? Согнуть Россию или способствовать действительному улучшению ситуации?). Таким образом, европарламентский дискурс есть составляющая сегодняшней общеполитической коммуникации и не лишен влияния насаждаемых в европейском сообществе стереотипов, уходящих корнями в этнопсихологическое подсознательное, а чаще всего происходящих из давних геополитических «вожделений» некоторых политических акторов. Преодоление ксено-стереотипов, действительно, должно стать отличительной чертой не только дискурса, но и ментальности, не только национальной или европейской, но и просто человеческой идентичности. Парламентская практика является мощным инструментом формирования политического климата в межнациональном сосуществовании. Ксено-стереотипы, как эксплицитные, так и имплицитные, должны стать предметом деонтологии парламентского дискурса, возможно, не без помощи экспертного социально-лингво-интеракционного анализа.

1. Дейк ван Т.А. *Дискурс и власть*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
2. Кустова Е.Ю., Попова Г.Е., Червоный А.М. *Субъектность, тональность и релевантность французского парламентского дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2014. № 4. С. 104-107.
3. Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // La Pensee*, 1970, № 151.
4. *Parlement Européen*: URL <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20150115&secondRef=ITEM-009-01&language=FR> (06.08.2015).

ОБРАЗ ВРАГА В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аминова Ю.Р. (Новосибирск)

Работа посвящена рассмотрению образа врага в поколенческом измерении. Рассмотрены теоретические подходы к феномену образа врага, формирование, трансляция образа врага из поколения в поколение, средства массовой информации как значимый фактор актуализации образа врага в сознании поколений.

Ключевые слова: образ врага, поколения, идентификация.

Отношения России с Западом в последнее время существенно охладели на фоне событий в Украине, воссоединения Крыма, изменились и социально-экономические условия в самой России, – «обвал» рубля, падение мировых цен на энергоносители, кризис банковской системы.

Образ врага в общественном сознании формируется как комплексное представление, как собирательный образ, включающий в себя различные негативные явления. Важно подчеркнуть, что сложившийся образ врага обладает устойчивостью, становится стереотипом. Эти образы создают мировоззренческую систему и выражаются в их установках и предпочтениях, политических и социальных настроениях. Историческая память социума позволяет людям сохранять и передавать из поколения в поколение ранее сформированные образы врагов и механизмы их идентификации. Усвоенные ранее стереотипы легко воспроизводятся в общественном сознании и могут «переключаться» с одного объекта на другой. Поэтому, когда перед социальной общностью возникает та или иная опасность, народная память «воскрешает» соответствующий стереотип «образа

врага», и на его основе формируется обновленный образ врага. Не последнюю роль в актуализации образа врага в современных условиях играют СМИ, определяющие «повестку дня», отбирающие и интерпретирующие факты и события, предлагающие иллюстрации происков врага.

В нашем исследовании мы попытались с одной стороны, выявить образ врага, транслируемый в новостных роликах официальных и оппозиционных каналов российского ТВ, с другой определить доминирующий образ врага среди представителей разных поколений.

Актуализированный образ врага у разных поколений отличается: так, у пенсионеров вражеской страной\страной-соперником стали США(50%), у среднего поколения – Украина (36,4%), молодежь также указала на Украину (54,5%) как врага России, показательно, что Германия не ассоциируется с образом врага. Нынешнего президента США Б. Обаму поколения определили как врага - цифры расположились следующим образом: молодежь - 29,9%; среднее поколение - 27,6%; пенсионеры - 42,5%.

Президента Украины П. Порошенко все респонденты определили как врага, причем пенсионеры составили наибольшее число от общего количества респондентов (40,7%), молодежь (28,4%) и средний возраст (30,9%) соответственно. Канцлера Германии (или ФРГ) А. Меркель считают незначительным врагом: молодежь - 36,4%; среднее поколение - 48,5%; пенсионеры - 15,2% , возможно в связи с тем, что, СМИ акцентируют внимание на том, что ЕС принимает экономические санкции против России под давлением США.

Подавляющее число респондентов независимо от образования указывали на внешнего врага. Был всего лишь один ответ от респондента со средне-специальным образованием, о том, что России больше угрожает чиновничий беспредел и невнимание властей к нуждам граждан. И еще один ответ от студента ВУЗа – с Крымом можно было поступить так же, как с Северной Осетией или Абхазией.

В целом по результатам социологического исследования видно, что картина ответов выглядит соответственно тому, какие новостные каналы смотрят респонденты.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ

Антоненко В.И. (Королёв)

Информационная безопасность России - важнейший компонент ее национальной безопасности, под которой понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Обеспечение информационной безопасности во многом зависит от прогноза угроз. Прогноз - это суждение о возможном состоянии какого-либо объекта в будущем. В данной статье речь идет о прогнозе угроз информационной безопасности, то есть о том состоянии, которое может наступить через 10 и более лет. Это не просто теоретическая задача, но проблема государственной важности. Решить ее, значит ответить на вопрос: "К какой войне должна готовиться страна?"

Следовательно, тема статьи чрезвычайно актуальна, так как становится очевидным, что не только отдаленное, но и непосредственное военное будущее будет разительным образом отличаться от его настоящего и тем более от недавнего прошлого. Выяснение того, какими будут угрозы информационной безопасности Российской Федерации через 15 и в более далекой перспективе, отвечает жизненным потребностям нашей страны. Ведь многое из того, что предпринимается и делается сейчас, получит свое

завершение по истечении десятилетий и окажет огромное влияние на жизнь многих поколений граждан России.

Объектом данного исследования является информационная война и состояние информационной безопасности Российской Федерации в настоящем и будущем. Предметом выступает состояние угроз информационной безопасности на сегодняшний день и дальнейшую перспективу.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении состояния межгосударственных и внутригосударственных отношений Российской Федерации, в скрытии тенденций, связанных с реальным развитием информационного противоборства между Россией и враждебными к ней силами, установление степени готовности государств, террористических организаций к применению военной силы против нашей страны.

Цель данного исследования предполагает решение следующих задач:

- обоснование этапов поступательного развития информационной безопасности России, выявление характера наших знаний о непосредственном обозримом и отдаленном будущем угроз информационной безопасности;
- выявление основных факторов, определяющих военно-политическую обстановку в мире;
- выявление характера особенностей современной военно-политической обстановки как исходного пункта ее будущего состояния;
- анализ существующих и потенциальных угроз жизненно-важным интересам нашей страны;
- установление факторов способствующих возникновению военных угроз России в перспективе;
- оценка возможности возрастания ядерного давления на Россию в настоящее время;
- отслеживание тенденций, связанных с изменением вооружения, появлением высокоточного оружия, применяемого с помощью разведывательно-ударных боевых систем, информационного оружия и оружия, основанного на новых физических принципах.

Источниками исследования при решении задач данной статьи выступают материалы, разработанные такими военными специалистами и учеными, как М.А. Гореев, Ю.Н.Балуевский, А.В.Квашнин, В.Л.Махнин, В.И.Слипченко, С.Н.Родионов и др. Формированию концепции прогноза угроз военной безопасности способствовал анализ и обобщение материалов статей, помещенных в журналах "Военная мысль", "Вестник академии военных наук", "Ориентир", "Воздушно-космическая оборона". Идеи профессорско-преподавательского состава кафедры гуманитарно-социальных дисциплин Технологического университета Т.Ю.Кирилиной-6, В.А.Смирнова, Т.И.Бузмаковой, Н.В.Гайдабрус и др. способствовали выработке методологии исследования и раскрытию содержания данной работы.

Методологическая основа исследования формировалась с учетом того, что составление прогнозов и выявление перспектив развития информационной безопасности находится в русле футурологии (науки о будущем). Начавшийся в середине 60-х годов XX века (бум прогнозов) был продиктован стремлением предвидеть долгосрочные экономические и социальные последствия, развернувшейся к тому времени научно-технической революции. В нашей стране футурология, как до этого генетика и кибернетика, по идеологическим соображениям некоторыми учеными игнорировалась. Однако, в конечном итоге необходимость социального прогнозирования, особенно в военной сфере, стала очевидной. Надо при этом отметить, что прогнозирование стало за последние годы относительно самостоятельным, междисциплинарным исследованием и в военной науке. Ярким примером тому являются труды В.И.Слипченко-11, который еще в конце XX - начале XXI веков выступил с рядом статей и трудов, посвященных смене

поколений войн. Им были предложены некоторые научные критерии предвидения и применены определенные методы прогнозирования.

В исследовании будущего в настоящее время применяется обширный и многообразный арсенал научных методов, специальных методик, технических и логических средств познания. Применительно к данной статье наиболее плодотворными следует считать методы исторической аналогии, компьютерного моделирования, сценариев будущего, экспертных оценок, экстраполяции.

В связи с тем, что прогноз предполагает получение знаний о будущем, необходимо с помощью этих методов, прежде всего выяснить: в какой мере мы способны предвидеть военное будущее? Обладаем ли мы необходимыми для этого научными методами и средствами исследования? Военно-научное прогнозирование должно содержать в себе ответ не только на вопрос о том, что может реально совершиться в информационной области в будущем, но также и ответы на вопросы, когда следует ожидать перемен, какие формы должна обрести информационная безопасность в будущем.

Важной предпосылкой правильного ответа на эти вопросы и достижение главной цели данной статьи является адекватная периодизация военного будущего. Выделяя применительно к перспективам военного дела этапы его поступательного развития, правомерно говорить о непосредственном, обозримом и отдаленном будущем. Такая периодизация произвольна, а продиктована характером наших знаний о будущем. Специфика этих знаний такова, что по мере удаления от настоящего они становятся все менее конкретными и точными, все более общими и предположительными. Эта возрастающая неопределенность в предвосхищении военного будущего в конечном счете связана с самой природой развития войны как социального процесса.

Что же можно сказать о непосредственном обозримом и отдаленном будущем информационной безопасности Российской Федерации.

Относительно непосредственного будущего наука уже сейчас располагает многими конкретными данными, которые позволяют составлять обоснованные, весьма достоверные прогнозы на 15 лет вперед. Непосредственное будущее уже во многом содержится в настоящем, в таких приоритетных направлениях нового этапа НТР, как микроэлектроника, ядерная энергетика, аэрокосмическая промышленность, приборостроение, создание материалов с заранее заданными свойствами, биотехнология, робототехника, информатика и т.д.

Новый виток научно-технической революции, начавшийся в последней трети XX века способствовал появлению новых угроз и опасностей не только в военной, но и в других областях общественной жизни. Речь идет о том, что экологические катастрофы и последствия непродуманной промышленной деятельности некоторых стран приобретают все более угрожающие масштабы. Они стали представлять серьезную опасность не только для жизнедеятельности отдельных государств, но и для земной цивилизации в целом.

Изменение угроз информационной безопасности в обозримом будущем следует ожидать со стороны накопления стратегических вооружений в неядерном оснащении. До недавнего времени США имели подавляющее превосходство по количеству крылатых ракет морского базирования над армиями всех стран мира вместе взятых. В соответствии с концепцией глобального молниеносного удара США создают вооружения, способные, после того как они запущены с американской территории, достичь любой точки земного шара примерно за 1 час. В последнее время в нашей стране принимаются все необходимые меры для того, чтобы не допустить развязывания крупномасштабной войны.

В решении задач данной статьи были использованы достижения В.И.Слипченко. В ряде работ: "Войны будущего" М., 1999; "Бесконтактные войны" М., 2001; "Войны шестого поколения: вооружение и военное искусство будущего" М., 2002 и др. он разработал достаточно обоснованную концепцию. С точки зрения данной статьи интерес представляют следующие положения.

1. За последние десятилетия мир в военном отношении существенно продвинулся вперед. Человечество в настоящее время живет в условиях динамичной смены поколений войн, связанной с новым оружием и новыми способами вооруженной борьбы. Войной нового поколения стала агрессия в зоне Персидского залива - первая война, проведенная США дистанционным бесконтактным способом. Это прообраз войны непосредственного будущего. Гипотеза В.И.Слипченко получила подтверждение войнами США в Ираке (1996, 1998 гг) и войной в Югославии (1999г).

2. Изменился способ угроз информационной безопасности Российской Федерации. Новейшие боевые системы перемещаются в воздушно-космическое пространство. И удары оттуда будут наноситься высокоточным оружием не по вооруженным силам, а по экономике государств.

3. В последние десятилетия очень интенсивно начало разрабатываться и набирать мощь высокоточное оружие. Это оружие, у которого вероятность поражения цели на межконтинентальном уровне, даже в условиях помех и неблагоприятных климатических условиях, близка к 100%. США применяют это оружие не просто с помощью самолетов и кораблей, а и с помощью разведывательно-ударных боевых систем.

4. Важнейшей угрозой информационной безопасности Российской Федерации в непосредственном будущем является то, что Россия до последнего времени не имела опыта современной войны. Однако, применение Российской авиации в Сирии против террористических организаций будет способствовать преодолению этих недостатков.

5. США в Югославии уничтожали не только экономику и военную инфраструктуру, но и осуществляли операции против информационного ресурса этой страны. Население не могло получать информацию об истинном ходе войны. Прогноз угроз информационной безопасности Российской Федерации предполагает необходимость учета этого фактора.

6. США создала электронную карту нашей планеты с трехмерным объемным изображением. При помощи этой карты они могут наносить удар по стране, по отдельному городу, по отдельному зданию и даже отдельному окну. Высочайшая разрешающая способность позволяет очень точно обозначить то место, куда надо послать крылатую ракету. Это еще один аргумент в пользу того, что возникают новые стратегические варианты ведения войны уже в непосредственном будущем.

Один из таких вариантов связан с управлением информационными возможностями и ресурсами. В Доктрине информационной безопасности РФ утверждается, что информационная сфера, являясь системообразующим фактором современного общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности государства. С развитием прогресса эта зависимость будет возрастать. Переход информации в разряд важнейших ресурсов человечества вызывает к жизни проблему борьбы за обладание этим ресурсом.

В настоящее время в борьбе за сферы экономического и политического влияния в международных отношениях акцент с применением военной силы все больше смещается на использование скрытых и гибких форм, одной из которых является контроль и управление информационными ресурсами государств. Информационное воздействие в этой связи рассматривается как новый высокоэффективный вид оружия, которое уже в непосредственном будущем становится не менее эффективным средством воздействия, чем традиционное вооружение и военная техника.

Информационные технологии и связанная с ними информационная революция превратились в один из наиболее значимых факторов, способствующих динамичной трансформации общества, его переходу от общества постиндустриального к обществу информационному. В таком обществе разработки новых технологий будут непрерывно стимулировать информационную революцию. Информационная революция порождает новые модели войны, которые непосредственно трансформируют систему угроз военной безопасности.

Это связано с тем, что информационная война это широкомасштабная информационная борьба с применением способов и средств воздействия на психику людей, на их индивидуальное и общественное сознание, а также на функционирование технических средств в интересах достижения целей войны.

1. Алиев Ш.Ш. *Военная безопасность России и социальные конфликты*//Военная мысль.-2010.-№ 4. С.3-7.
2. Антоненко В.И. *Основы космоэнергоинформатики*.-Монино, ВУНЦ ВВС "ВВА", 2011.- с.290.
3. *Военная доктрина Российской Федерации об основных угрозах военной безопасности страны*//Ориентир, 2010.- № 10. С.50-55.
4. Кирилина Т.Ю. *Безопасность на транспорте в Крымском Федеральном округе в рамках исследовательской работы "Исследование общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации"*//
5. Кирилина Т.Ю. *Проблема управления процессом трансляции духовно-нравственных норм и ценностей в современном обществе* Материалы Афанасьевских чтений. 2015. Т. 1. № 13. С. 269-277.
6. Михалев Ю. *Система военных угроз безопасности Российской Федерации и ее обеспечение: Ориентир, 2010.-№ 5. С.49-52*

ОНЛАЙН-СМИ И ЛИЧНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Ануфриева Е.Р. (Екатеринбург)

Э. Тоффлер писал: «Нас настигает все новая информация, и мы вынуждены постоянно пересматривать картотеку образов. Старые, относящиеся к прошлой жизни образы должны заменяться новыми, иначе наши действия не будут соответствовать новой реальности, мы станем более некомпетентными» [4]. Автор «Третьей волны» объясняет перенасыщенность информацией тем, что ускоряется сам темп жизни. С невероятной скоростью продуцируются новые образы, и человек должен успевать их улавливать и декодировать, если не хочет оказаться в числе аутсайдеров. Для описания этой ситуации Тоффлер использует понятие «шок будущего». Есть основания полагать, что в наши дни, когда информация и, следовательно, масс-медиа, продуцирующие ее, сопровождают индивида повсюду, этот шок уже наступил. Но для человека постиндустриальной эпохи такой темп жизни привычен, современное общество к нему адаптировано, поэтому воспринимает как нечто естественное. Более того, офлайн-формы уже не могут удовлетворить его информационные потребности, мир XXI века - адресат онлайн-масс-медиа.

Современный человек ежеминутно находится в мощном, постоянно обновляющемся информационном поле, где информационно ценное перемежается с информационным мусором. С этим связана дискуссия о том, чему способствует современная массовая коммуникация: массивификации или демассивификации общества. Более традиционным можно назвать мнение, согласно которому масс-медиа ведут людей к массивификации. Эта идея высказывается европейскими интеллектуалами со второй половины XX века (например, Г. Маркузе). И такая точка зрения по-прежнему остается актуальной. Другой взгляд связан с альтернативной мыслью о демассивификации постиндустриального общества (например, Д. Белл, Э. Тоффлер). Исследователи объясняют процесс демассивификации тем, что новому обществу нужен человек нового типа: инноватор, обладающий уникальным знанием. Отсюда потребность в информационном разнообразии, способном удовлетворить нужды разных социальных, профессиональных, культурных и т.д. групп.

Наиболее существенным нам кажется то, что оба подхода обозначают общую проблему современного человека. Она заключается не в сложности поиска информации, а в необходимости приобретения навыка отсекающей лишнюю. Возникает потребность в формировании личного информационного пространства.

Наиболее адаптированными для этого процесса нам представляются онлайн-СМИ, которые обладают некоторыми специфическими особенностями, порожденными техническими возможностями Сети: гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность. Пользователь имеет возможность не только сформировать собственную повестку дня, но и выбрать наиболее удобную для себя платформу (стационарный компьютер, планшет, телефон и т.п.) и «упаковку» информации (текст, аудио-, видеоматериал и т.п.).

Также необходимо отметить особую роль мобильного Интернета, количество пользователей которого стремительно растет, о чем свидетельствуют следующие данные. В 2011 году в России число пользователей Интернетом превысило число пользователей персональным компьютером [1]. Это означает, что для выхода в Интернет начинают активно использоваться мобильные устройства. То есть мы можем говорить о том, что в России с 2011 года аудитория становится мобильной. Согласно данным TNS Web Index (январь-март 2015 года) 9% аудитории выходит в Сеть только с мобильных устройств [3]. По данным TNS Web Index за март 2015 года, пользователи проводят в Интернете в среднем 126 минут в день, в мобильно Интернете – 86 минут [3]. Из того же источника известно, что 80,4% Интернет-аудитории в возрасте 12-24 лет использует мобильный Интернет [3], который дает онлайн-СМИ аудиторию, включенную в процесс коммуникации практически круглосуточно. Соответственно, мобильный Интернет для онлайн-СМИ – привлекательный новый канал для распространения контента: у новостных сайтов появляются мобильные приложения. Установив его на своем телефоне, человек принимает решение о том, что именно это онлайн-СМИ станет его основным ежедневным «информатором».

Еще одна важная особенность онлайн-СМИ, дающая их аудитории преимущество в формировании личного информационного пространства, – это возможность интеграции с социальными сетями. Во-первых, здесь пользователь может подписаться на страницу того СМИ, от которого хочет регулярно получать информацию. В результате она будет транслироваться в личной новостной ленте этого пользователя, дополняя индивидуальную повестку дня. Во-вторых, новость, опубликованная в каком-либо онлайн-СМИ, может быть порекомендована кем-то, кто пользуется доверием/уважением/авторитетом у конкретного индивида.

Таким образом, сегодня онлайн-СМИ выступают важным фактором функционирования и развития информационного общества. Большой информационный поток, с которой сталкивается индивид в своих повседневных практиках, требует от него умелой ориентации. Это актуализирует проблему выбора информационных источников, которые составят личное информационное пространство. Как пишет М. Кастельс, «хотя СМИ действительно стали глобально взаимосвязанными, а программы и сообщения циркулируют в глобальной сети, мы живем не в глобальной деревне, но в построенных по заказу коттеджах, производящих глобально, а распределяемых локально» [2, 327]. То есть, несмотря на то, что информация в разных источниках может не отличаться или отличаться незначительно, в самом факте возможности выбирать и фильтровать информацию состоит ценность онлайн-СМИ для потребителей информационного продукта и их преимущество перед другими СМИ в современном обществе.

1. Волков Д., Гончаров С., *Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, интернет*. Июнь, 2014. ЛЕВАДА-ЦЕНТР. Аналитический центр Юрия Левады.
2. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под науч. ред. О.И. Шкаратана*. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. *Рунет сегодня. Аналитика, цифры, факты. РИФ + КИБ 2015. Российский Интернет форум*. 22-24 апреля 2015. // [Электронный ресурс]:

https://www.dropbox.com/s/wnpwokk9sc171o9/rif1205_presentation_1920x1080.ver11.pdf?dl=0

4. Тоффлер Э. Третья волна. 1999 // [Электронный ресурс]: http://sbiblio.com/biblio/archive/toffler_tretja/03.aspx - Библиотека учебной и научной литературы.

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ - КОНФЛИКТ ВОСПРИЯТИЙ, ИНТЕРПРЕТАЦИЙ, РЕАКЦИЙ.

Астахов А.М. (Ростов-на-Дону)

На сегодняшний день, современные международные взаимоотношения находятся в кризисном состоянии. Лидеры государств, исследователи, публицисты неоднократно обращали внимание на наличие серьёзных разногласий, которые не снимаются в поле международного права в соответствии с принципами, на котором оно основано [1].

Существует достаточное количество работ исследующих причины возникновения данной ситуации, рассматривающие её с точки зрения геополитики, конфликта интересов, столкновении политических и экономических блоков, элит и т.д [2,3]. Не отрицая наличие подобных факторов, необходимо обратить внимание на следующий аспект - конфликт на уровне восприятия и трактовки событий, действий и фактов.

Наличие данного конфликта легко проиллюстрировать, сравнивая высказывания, оценки, комментарии представителей стран, наиболее активно участвующих в международном противостоянии (страны ЕС, институты блока НАТО страны в него входящие, США, Россия, Китай.). В них фиксируется значительное расхождение во взглядах и оценках. Причём не только по отношению к украинскому противостоянию, но и по отношению к конфликтам в Сирии, Палестине, Ливане, Йемене, Египте и др.

Здесь следует отметить следующее:

1) Несмотря на то, что несогласие с деятельностью и оценками других государств является нормальной практикой, на сегодняшний день, очевидно, что это несогласие приняло крайне резкие и неконструктивные формы. В публичной сфере высказываются предположение о неадекватности партнёров, отражающие полное взаимное неприятие позиции [4,5,6].

2) В рамках данной работы признаётся, что высказывания произнесённые персонами - истины, полностью отражают позицию агента взаимодействия и не несут скрытых смыслов (не используются в качестве способа замаскировать истинное положение, позицию).

Исходя их вышеперечисленного, мы говорим о том, что действия группы партнёров по международному взаимодействию обоюдно трактуются с искажением, не так как изначально было заявлено, что приводит к ответной реакции ориентированной на эти ошибочно трактуемые формы взаимодействий, что в свою очередь приводит к конфликту. В качестве примера можно привести, события в Польше, когда экспедиция российских байкеров, была воспринята официальными властями как «вторжение».

Феномен специфического восприятия фактов, явлений, представителями одной национальной, культурной среды не является чем-то новым в науке. В данном случае он основывается на целой группе факторов, которые условно можно разделить:

Внутренние: особенности исторического развития; особенности ценностно-нормативной системы; особенности институциональной системы (как политических институтов, так и в целом социальных), особенности габитуса политической элиты, семиотической системы, стереотипов и т.д.

Внешние - накопление ошибок в рамках системы международных взаимоотношений, которое включает в себя: оценка значимости собственного государства его сил и возможностей; оценка возможностей партнёров; представление о

международном праве, его применения по отношению к своему государству и партнёрам, трактовка отдельных его положений, возможностей его нарушения, и применения санкций в случае его нарушения.

Основным следствием наличия подобного кризиса восприятия является заметное осложнение любых форм взаимодействия (увеличение издержек), в отдельных случаях полному прекращению контактов (как пример, мы можем привести практически полный отказ структур НАТО от взаимодействия с Россией в первые месяцы украинского конфликта).

Наиболее надёжным способом разрешения данного конфликта следует признать диалог на двух уровнях: - культурном и научном. В первом случае важнейшую роль наряду с классическими формами культурного обмена (выставки, конференции, проведение культурных массовых мероприятий и т.д.) является использование СМИ (в том числе электронных) для донесения своей позиции до граждан страны партнёра.

Научный диалог не менее важен. В условиях, когда посылаемые сигналы трактуются с искажением, работа на уровнях дипломатическом, культурном, межличностном сталкивается с очевидными проблемами интерпретации, и тогда «нормальный» процесс представления своего взгляда на мировые события оценивается как пропаганда, предложение о мире как слабость или агрессия.

В подобных условиях научный, позитивистский подход может стать той формой взаимодействия, который приведёт к общему знаменателю позиции сторон. На сегодняшний день, существует необходимость возвращения к истокам, то есть к необходимости формирования общего понятийного аппарата (принципов и критериев демократического государства, причин для нарушения суверенитета других государств и ограничений с этим связанных и т.д.), универсальных подходов, универсальных понятий, не дающих возможностей для субъективного (по отношению к государству) переосмысления.

1. *Президент Беларуси: мир стоит на грани новой войны // ООН [Электронный ресурс], 2015. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=24583#.VgprPivDT0U>, свободный — Загл. с экрана.*
2. *Вызовы для России в меняющемся мире. Мировое развитие. Выпуск 14. Отв. ред.: Ю.Д. Квашигин, Н.В. Тоганова, Е.В. Шумицкая. М.: ИМЭМО РАН, 2015, 160 с.*
3. *О. Г. Карпович, А. В. Манойло. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015.*
4. *Обама назвал мировыми угрозами Эболу, действия России и террористов ИГ // РИА [Электронный ресурс], 2014. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140924/1025469848.html>, свободный — Загл. с экрана.*
5. *Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // The New York Times [Электронный ресурс], 2014. — Режим доступа: http://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html?_r=0 свободный — Загл. с экрана.*
6. *Д.Рогозин уличил "миротворца" Б.Обаму во лжи и непрофессионализме// РБК [Электронный ресурс], 2014. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/19/06/2013/862509.shtml> свободный — Загл. с экрана.*

РОЛЬ САЙТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ЖИЗНИ МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Берденев С.В. (Барнаул)

В современном обществе люди, имеющие одинаковые взгляды, цели и мнения объединяются в малые социальные группы. Роль малых социальных групп в жизни

общества очень велика, ведь для достижения каких-либо целей гораздо проще объединяться в группы, чем действовать в одиночку среди огромного общества, которое не разделяет взглядов отдельной личности [1]. Отдельный вид малых социальных групп – неформальные. С развитием технологий неформальные социальные группы стали использовать сайты социальных сетей для взаимодействия. В данной работе будут рассмотрены различные неформальные малые социальные группы, а также их активность на сайтах социальных сетей.

В современном мире существует множество малых социальных групп, в том числе субкультур, называемых «неформальными» [3]. Для обозначения представителей данных субкультур в данной статье будет использоваться слово «неформалы». Неформалы в современном обществе делятся на несколько основных категорий: рокеры, панки, готы, эмо. Все эти направления объединяет одна общая тема: музыка в стиле рок. Рок для субкультур – это наивысшая форма свободы слова, мысли, сознания и чувств. Этим неформалы и отличаются от других субкультур. Все субкультуры вписываются в определенные рамки и границы.

Панки (от англ. – punk гнилой, гнилье, отбросы.) – возникли в 70-е годы в Великобритании. Мировоззрение панков ближе всего к анархизму. Эстетика панков ориентирована на освоение таких категорий, как безобразное, культ мерзости, агрессивность, «нецензурщина». Особое место в системе панк-ценностей занимает культ рок-музыканта Курта Кобейна.

Готы. Название «готы» происходит, вероятнее всего, от названия главенствующего в Европе в раннем средневековье стиля искусства готика. Сейчас, готические произведения вызывают мрачные ассоциации. Характерная одежда для готов: черная или очень темного тона одежда, макияж в стиле вампиров, бижутерия или татуировки с символикой смерти (например, череп).

Эмо (от лат. emotion – волнение) – молодежная субкультура. Характерная черта эмо это всегда грустные лица. Глаза – густо подведены черным карандашом. Они носят черно-розовую одежду и челки, скошенные набок. Парни красят ногти и волосы в черный цвет и худеют до, а девушки носят заколки и ободки в горошек и футболки с героями мультфильмов. Эмо свойственно часто кардинально менять настроение.

Наиболее удобной и подходящей для общения и обмена информацией для представителей неформальных малых социальных групп является российская социальная сеть «ВКонтакте». Данная социальная сеть также позволяет создавать сообщества пользователей. Неформальные малые социальные группы также создают сообщества в социальной сети для объединения представителей субкультур.

В рамках данной работы был проведен анализ сообществ социальной сети, а также пользователей, состоящих в этих сообществах. В рамках анализа был проведен поиск сообществ по следующим запросам: «неформалы», «готы», «эмо», «панки» и «рок».

При использовании функции поиска в социальной сети, был применен встроенный в программное обеспечение сайтов социальных сетей фильтр запросов «Безопасный поиск», который позволяет убирать из результатов запроса материалы, признанные администрацией сайта и самими пользователями нецензурными, либо из категории «18+». Анализ проводился по сообществам, допущенным фильтром «Безопасный поиск», однако, также приведено количество запросов без данного фильтра. По этому факту также был проведен анализ, результаты которого описаны далее в работе.

Первым запросом для поиска сообществ в социальной сети является запрос «неформалы». Данный запрос является общим, поскольку само понятие этого слова является общим и под эту категорию попадают представители всех субкультур, в том числе «панков», «готов», «рокеров» и других, менее распространенных субкультур [2]. По данному запросу было представлено 6 327 результатов поиска (10 241 без фильтра «Безопасный поиск»), что дает основание утверждать, что в социальной сети «ВКонтакте» существует как минимум 1 000 сообществ на неформальную тематику. Третьим

ключевым словом для поиска является слово «готы». Данный запрос показал 7 762 результатов (12 514 без безопасного поиска). Четвертым ключевым словом для поиска было слово «эмо». Данный запрос показал 21 796 запросов (38 188 без безопасного поиска). Последним ключевым словом является слово «панки». По данному запросу найдено 9 693 сообществ (16 772 без фильтра «Безопасный поиск»).

1. *Мальцева А.В. Методика и результаты изучения социальных сетей безработных//Философия социальных коммуникаций. 2010. №4. С. 7-15*
2. *Шилкина Н.Е. Анализ социальных сетей как метод исследования межэтнических отношений молодежи//Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2014. №2. С. 47-54*
3. *Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000*

ПРИРОДА МИРОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Бобылева Н.Ю. (Орел)

Как известно, кто владеет информацией, тот владеет миром. На данном этапе развития общества типичными являются информационные войны, то есть войны за информационные ресурсы и информационные потоки. Если раньше определяющим фактором могущества государства были военные и экономические ресурсы, то сейчас таким фактором является информация, способность государства иметь в своем распоряжении самые современные информационные технологии и средства, которые позволяют эффективно обрабатывать, хранить, передавать и распространять необходимую информацию [8].

С развитием информационного общества в России все больше специалистов обращают внимание на совершенствование формирования и использования информационных ресурсов. Появляются все больше публикаций в этой сфере, на государственном уровне разрабатываются проекты законов относительно совершенствования государственной системы информационных ресурсов и их более эффективного использования.

Но безусловно много вопросов остаются нерешенными и если разработка теоретического уровня является более-менее удовлетворительной, то практическая реализация задекларированных программ оставляет желать лучшего, в частности интеграция России в мировое информационное пространство.

Зарубежный взгляд на исследование проблемы интеграции России в мировое информационное пространство прослеживается в трудах Д. Белла, Дж.Гелбрейта, Дж.Мартина, И. Масуда, Ф. Полака, О. Тоффлера, Ж. Фурастье.

Информационное пространство имеет несколько определений:

- Информационное пространство - это система среды существования человека, который обеспечивает жизнедеятельность любой системы, в частности системы международных отношений [4].

- Информационное пространство - это система общего использования национальных информационных ресурсов за согласованными сферами и направлениями деятельности [7].

- Информационное пространство - это совокупность сложных информационных технологий, которые являются основой и определяющим компонентом промышленно-экономического комплекса транснациональных сообществ, которые влияют на формирование мировоззренческих процессов в обществе [2].

Международное информационное пространство определяется конституционными нормами отдельных государств, международными соглашениями и техническим обеспечением процесса информации. Оно состоит из государственных (национальных) информационных пространств, региональных пространств, а также пространств отдельных территорий.

Мировое информационное пространство - это многокомпонентная система, которая состоит из организационной, административной, творческой, материально-технической структур, отображает уровень интеллектуального обмена в мире, его направленность и динамику развития" [9]. Открытое общество с собственным информационным пространством неминуемо тяготеет к выходу в мировое информационное пространство.

Национальное информационное пространство, будучи составной частью мирового информационного пространства, хранит свою полнофункциональную автономность и присущую ему национальную самобытность.

Следовательно, развитие информационных технологий, которое привело к свободному потоку информации, подкреплено информационным могуществом, создало такую ситуацию в мире, когда культурная автономия многих наций все больше ликвидируется под давлением коммуникационных влияний извне, главным образом со стороны могучих экономик, которые контролируют информационный рынок [10]. Распределение информационных ресурсов между государствами является также глобальной проблемой, как и мировое распределение энергетических или продовольственных ресурсов.

Углублению информационного неравенства способствует практика, которая сложилась в отношениях между высокоразвитыми западными странами и менее развитыми в отрасли предоставления помощи в развитии национальных информационных ресурсов. Большие капиталовложения западных корпораций в информационные предприятия стран, которые развиваются поставили эти страны в еще большую зависимость от Запада [2]. Поэтому таким важным является вопрос преодоления цифрового разрыва и определения достойного места России в мировом информационном пространстве.

Современные тенденции развития международного информационного пространства позволяют утверждать, что:

- современные международные информационные потоки выделяются своей прозрачностью, открытостью, а также соответствием международным нормам и стандартам обработки и распространения информации;

- усилилось влияние "гражданской журналистики" на международном уровне благодаря новейшим видам коммуникации. Это объясняется тем, что темп повседневной жизни растет, при нехватке времени большинство информационных сообщений современный человек воспринимает через интернет, а также призму собственных фильтров: электронная почта, определенная выборка ссылок в интернете, специализированные порталы, сайты и тому подобное [1];

- трансформационным обществам (идет речь прежде всего о постсоветских странах), которые уже начали развивать собственные международные информационные потоки, присуще влияние моделей национальной идентичности [6]. Внешняя же политика стран, которые теперь владеют мощными информационными системами, направлена на обеспечение права на информацию каждого гражданина при условиях соблюдения этнотолерантности в обществе.

- бурное экономическое развитие повлекло интенсивную активизацию восточноазиатского информационного потока, который стал конкурентоспособным на уровне западноевропейского. Международный информационный поток из стран арабского мира также определен как приоритетный. Ученые видят перспективу развития этих направлений, которые должна обеспечить современная коммуникативная связь разных цивилизационных систем мира.

Главное задание, которое стоит перед Россией в этой сфере отношений - это стратегическая деятельность, ориентированная на адаптацию к новой среде, и вход в глобальное информационное пространство.

Для того, чтобы выходить на мировое информационное пространство мы должны обеспечивать удовлетворительные условия на уровне государства. Следует стимулировать обучение специалистов, финансирование учебных заведений соответствующего профиля, которые бы заняли существенное место в нише защиты информационных систем и информационной безопасности государства [3].

В данной сфере, к сожалению, имеет место несанкционированный исток информации относительно отечественных разработок; или что является еще типичнее и привычным, как и в других отраслях, - так называемый "утечка умов" в страны дальнего зарубежья, где условия для применения и развития их потенциала являются более благоприятными [5]. Таким образом наблюдаем парадокс: российские ученые разрабатывают новые технологии, а потом Россия их покупает.

Для того, чтобы ускорить качественные изменения в информационной сфере нужно осуществлять активное сотрудничество с международными организациями по вопросам информатизации общества в рамках международных договоров России относительно научно-технического сотрудничества.

Мы должны стать частью глобального информационного пространства, а не находиться на периферии его развития, самим пользоваться имеющимися информационными ресурсами и приложить максимум усилий, чтобы не стать объектами информационной экспансии со стороны более могучих государств.

1. Бондаренко С.В. Социальная система киберпространства. Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. -637 с.
2. Загладин Н.В. Информационное общество: основные параметры, национальные и глобальные аспекты // История и обществознание. №1, 2004. – С.21-29.
3. Зубалова О. Е. Понятие информационного пространства [Текст] / О. Е. Зубалова // Молодой ученый. — 2012. — №1. Т.2. — С. 89-91.
4. Исаев Б.А. Социология. Краткий курс. – СПб.: Питер, 2011. – 224 с.
5. Кравченко А.И. Социология. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2013. – 536 с.
6. Ожерельева Т.А. Об отношении понятий информационное пространство, информационное поле, информационная среда и семантическое окружение // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 10 – С. 21-24.
7. Цветков В.Я. Естественное и искусственное информационное поле// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 5, ч. 2. – С. 178–180.
8. Цветков В.Я., Чехарин Е.Е. Окружение информационных единиц // Вестник МГТУ МИРЭА. 2014 – № 2 (3) – С. 36–42.
9. Чехарин Е.Е. Информационная модель семантического окружения // Перспективы науки и образования- 2014. – № 4. – С. 20–24.
10. Юнь О. Возможности вхождения России в мировое информационное сообщество // Экономист. №12, 2001. – С.124-128.

СЕТЕВЫЕ СВЯЗИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ПРОЦЕССАХ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Бубнова М.И. (Москва)

Сетевые связи рассматриваются в отечественных и зарубежных исследованиях как разновидность социального капитала в различных формах институализации информационного пространства. В этом случае они характеризуются тремя принципиальными чертами, подчеркивающими их социальный характер:

- укорененностью;
- связанностью,
- реципрокностью.

Сетевой подход исходит из предпосылки о том, что хозяйственные агенты с большей вероятностью вступают в отношения с теми, с кем они имели какие либо социальные связи ранее, убедившись в надежности уже известных партнеров. С точки зрения данного подхода социальное поле в значительной мере складывается из действий не автономных по отношению друг к другу участников, а таких, которые находятся в отношениях связанности и взаимозависимости, причем именно эти качества делают его устойчивым. Например, организуя свою деятельность, участники рынка исходят не только из узкоэгоистического интереса, проявляющегося в ожидании возмещения затрат и получения выгоды по принципу «здесь и сейчас», но из принципов взаимности, когда выгода может быть получена в будущем, причем в иной, неэквивалентной, форме и, вдобавок, от других агентов сетевого сообщества [4.96-100].

Социальные связи помогают не только находить работу, но и успешно продвигаться по служебным лестницам, делать карьеру. При этом, чем более квалифицированными являются работники, тем вероятнее, что они прибегнут к такого рода личным контактам. Наконец, более эффективными оказываются не сильные связи с родственниками и близкими друзьями, а, напротив, слабые связи с коллегами и знакомыми. Слабые связи помогают не замыкаться в узком кругу, по которому циркулирует одна и та же информация. Они выводят на другие кластеры сети, пролагая путь к новым кон-тактам и дополнительным источникам информации.

Сходная идея развивается Н. Флигстином в отношении предпринимательской деятельности и понятия «структурных пустот». Структурная пустота образуется в том случае, когда контрагенты данного хозяйственного агента не связаны между собой [45-50].

Структурные основания действия даже и в более мягкой, сетевой форме не стоит абсолютизировать. Эмпирические исследования показывают, что наибольшего успеха достигают фирмы, использующие разумные сочетания случайных и укорененных связей между собой, т.е. принадлежат к разным сетям (или разным фрагментам одной сети) и связываются воедино посредством данного агента, занимающего центральную позицию.

По утверждениям Р. Берта, эффективность функционирования фирмы в значительной мере зависит от той степени, в какой этой фирме удалось максимизировать количество структурных пустот в структуре своих связей. Это порождено, как минимум, двумя обстоятельствами.

Во-первых, – каждая нередуцируемая связь выводит агента на какую-то другую сеть или на новый кластер взаимосвязей, в котором циркулирует иная информация, возвращаются дополнительные потенциальные и реальные ресурсы.

Во-вторых, – такая позиция позволяет агенту, находящемуся в центре несводимой связи, манипулировать действиями своих контрагентов, которые не имеют возможности прояснить отношения в ходе непосредственных контактов друг с другом.

Каждому порядку обоснования ценности соответствуют свои способы координации действий. Рыночное пространство представляет собой лишь один из возможных миров, которому противостоят также индустриальный, домашний, гражданский и другие социальные миры, оптимальную ориентацию в которых можно определить как часть социального капитала[1. 66-70].

Значение концепции социального капитала во взаимоотношенности сетевыми связями, прежде всего, заключается в том, что она идентифицирует определенные аспекты социальной структуры в соответствии с их функциями, несмотря на различия в форме и более подробного структурного содержания.

Функция, определяемая понятием «социальный капитал», представляет собой ценность аспектов социальной структуры для акторов как ресурсы, которые они могут использовать для достижения своих целей.

Дж. Коулман впервые интегрировал социальный и человеческий капитал, представив их в едином методологическом аспекте, характерном именно для экономической социологии. Он справедливо отметил, что существуют два научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение.

В рамках экономической теории, особенно в предпосылочной ее части, идет длительная дискуссия о природе, и даже допустимости применения понятия «социальный капитал» в модели «*homo economicus*».

Социальный капитал прочно встроен в повседневные жизненные процессы. В отличие от физического и человеческого капитала, - социальный капитал является наименее осязаемым и реализуется исключительно во взаимодействии и отношениях между людьми. Многими авторами подчеркивается «неуловимость» социального капитала по сравнению с другими формами капитала: экономический капитал лежит на банковских счетах; человеческий капитал сосредоточен в головах людей, социальный капитал внедрен в сеть социальной структуры и проявляется только во взаимодействии.

Эконом-социологи рассматривают актора как социализированный элемент, а его поведение, управляемое социальными нормами, правилами и обязательствами. Главное достоинство данного подхода в способности исследовать поведение актора в социальном контексте и объяснить, как оно трансформируется под влиянием и экономических процессов, и социальной среды[2. 123].

В соответствии с представителями французского институционализма Л. Болтански и Л. Тевено, социальный капитал в так называемой – «теории конвенций» состоит в том, что взаимосвязи между агентами могут иметь разное содержание и подвергаться различным интерпретациям. Существует множество порядков обоснования ценности, за которыми скрываются фундаментальные вовлеченности и социальные связи[3. 63].

С уточнением функции конкретных аспектов социальной структуры концепция социального капитала помогает просчитать различные последствия как на уровне отдельных акторов, так и на уровне микромакроперехода без обозначения тех деталей социальной структуры, с помощью которых это происходит.

Большинство эконом-социологов считают, что социальный капитал приобретает особую актуальность. Благодаря его развитию и укреплению можно добиться не только подъема экономики, но и увеличения общего уровня культуры за счет престижа образования, культуры экономического поведения и благосостояния общества. Социальный капитал воплощен в человеке и не может продаваться, передаваться, или оставаться в наследство по завещанию, как деньги и материальные ценности, но может всемерно продуцироваться в информационном пространстве.

1. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность № 3, 2001. С. 123.
3. Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69–84
4. Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. С. 47–95
5. Уайт Х. Рынки и фирмы: взаимообусловленное возникновение // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. - М: ОССПЭН, 2002. С. 96-118.
6. Флигстин Н. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 1. С. 45–63.

ФАКТОРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Буланова М.А. (Воскресенск)

Характерной чертой постиндустриального общества, общества информационного, является высокое значение информации и знания. Современный человек стремится обладать большим объемом информации и обладает огромным количеством каналов, с помощью которых он может удовлетворить свое стремление.

Информацию современный человек может получить из различных источников: телевидение, радио, пресса, Интернет. Так как информация становится одним из важнейших ресурсов для развития человечества, она становится также и каналом для его управления и манипулирования. По данным исследования ВЦИОМ, проведенного в мае 2010 года (опрошено по 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России) по уровню доверия среди россиян средства массовой информации занимают второе место (после президента РФ): одобряют их деятельность 53–55% [1] населения. Результаты исследования, проведенного в апреле 2015 года Фондом общественного мнения [2], показали: больше половины респондентов (57% - опрос граждан РФ от 18 лет и старше) считают, что российские средства массовой информации освещают события, происходящие в современной России, в целом объективно. Политическая жизнь в современной России во многом определяется высоким уровнем доверия к масс-медиа. Наряду с окружающей людей реальностью, на их настроения и мнения влияют массовые коммуникации. Современное социальное пространство характеризуется тем, что основные его институты гражданского общества (политические партии, профсоюзы, объединения по интересам) во многом заменяются масс-медиа. Реальное единство ценностного и информационного пространства россиян обеспечивается электронными средствами массовой коммуникации.

Следовательно, средства массовой информации обладают широким кругом возможностей для управления населением посредством информации.

Информационная война как средство воздействия на политические решения органов правящей власти - явление, по своей сути, не новое. Однако именно в контексте современной ситуации в обществе, понятие информационной войны приобретает ранее неизвестное содержание. Основным источником распространения нужной противникам информации является Интернет, телевидение, радио, пресса и прочие средства массовой информации. Следовательно, поглощение информации из массовых коммуникаций становится глобальным явлением, что облегчает ход и стратегию ведения информационных войн.

Возникновение и протекание информационных войн, опосредованных средствами массовой информации, являются предметом все расширяющегося фронта исследований специалистов-гуманитариев, в том числе социологов. Сущность понятия «информационная война» является предметом исследования следующих специалистов: Соколовой А. М., Расторгуева С. П., Михальченко И. А., Мелюхина И. С., Почепцова Г. Г. Выявлением теоретических и прикладных аспектов участия современных средств массовой информации в политическом процессе в различных странах занимаются Бедрицкий А. В., Кучумов Д. О., Иванников О. В., Чернышенко О. В., Идаятов А. К., Степанова Н. С. и др.

Информационная война – это инструмент скрытого информационного воздействия на различные сферы деятельности общества и государства, целью применения которого является получение определенного выигрыша в материальной сфере и овладение информационными ресурсами.

Говоря о факторах воздействия средств массовой информации на информационные войны, следует упомянуть условия, причины и показатели, при которых совершается это воздействие.

Так как именно люди являются потребителями информации, то именно их реакция, определенная реакция на освещенное в СМИ событие, необходима организаторам информационной войны. Таким образом, условием успешного ведения информационной войны, является уровень доверия граждан к средствам массовой информации и их восприимчивость к предлагаемым новостям.

Транслируя и массово тиражируя мнения лидеров в политической сфере средства массовой информации, несравненно усиливают их воздействие, расширяют диапазон и аудиторию, формируя в свою очередь общественное мнение и массовое сознание в заданном направлении.

Что касается причин воздействия массовых коммуникаций на появление и ход информационных войн, то здесь нужно говорить о следующем. На данном этапе развития человечества владение информацией является одним из ключевых факторов дальнейшего эффективного развития общества. Задачей всех войн было выведать, завоевать, расшифровать любую информацию о своем противнике. Знание – сила, это выражение как нельзя лучше характеризует значение информации не только в мирных целях, но и в военных операциях. Именно поэтому сегодня любые действия представителей развитых государств будут малоэффективны без специальной информационной подготовки.

Одной из целей государственной политики Российской Федерации, согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года»[3], является развитие информационно-коммуникативных технологий. Среди целевых ориентиров данной концепции повышение распространенности компьютеров, рост спроса на услуги мобильной передачи данных, распространение новых форм услуг в телевидении по мере по мере перехода к интерактивному телевидению занимают не последнее место. Данный пример показывает, что и для России стратегически важной целью для успешного ведения внутри- и международной политики является обеспечение информационной подготовки.

Таким образом, средства массовой информации во многом определяют результат информационных войн. Именно в этом видится причина их использования не только во время различных мирных политических процессах, но и во время вооруженных столкновений между различными современными государствами.

Следующим пунктом рассмотрения факторов является разбор показателей влияния медиа-коммуникаций на информационные войны. Когда говорят о показателях какого-либо явления, то обычно приводят данные, по которым можно судить о развитии этого явления.

Итак, показателем воздействия массовых коммуникаций на информационные войны является эффективность пропаганды в средствах массовой информации, которую можно проследить на конкретных исторических примерах.

Так, русско-грузинский конфликт в 2008 году, сопровождался не только боевыми действиями, но и масштабной информационной войной, развернутой против России странами Запада. В результате вооруженного конфликта Россия, которая своим вмешательством остановила войну и геноцид югоосетинского народа, приобрела в глазах населения стран Запада образ нового мирового агрессора, стремящегося к мировому господству. Во многом этот образ был искусственно сформирован западными и прозападными СМИ и опирался на укоренившиеся в сознании населения США и ЕС стереотипы, оставшиеся со времен холодной войны [4].

В результате информационной войны, развернутой США и их союзниками против России в рамках российско-грузинского конфликта 2008 года, Российская Федерация оказалась перед реальной угрозой политической изоляции и новой «холодной войны».

Анализ хода конфликта позволяет сделать вывод о том, что российская сторона не только не оценила события, предшествующие обстрелу Цхинвала, но и не сумела в первые дни конфликта обеспечить возможность трансляции собственной точки зрения. Запаздывание аргументов привело к укреплению единого видения причин противостояния у мирового сообщества, которые сводили на нет попытки Москвы оправдаться.

В рамках данного конфликта выявилась ограниченная способность России проводить глобальные информационные кампании с единой стратегией и необходимой последовательностью действий в условиях конфликта, а также в качестве ключевой проблемы обозначается отсутствие у России адекватных ресурсов в рамках глобальной медиа-политической системы для донесения собственных аргументов до мирового сообщества. Тогда как США в политических целях используют не только привычные СМИ, но и ресурсы развлекательного толка (youtube.com).

Анализ данного конфликта позволяет сделать вывод: использование СМИ в вооруженном конфликте эффективно для стороны, которая начинает информационную войну, но опасна для ее противника, которая не имеет достаточного количества ресурсов для ответа. Так, восприятие России как нового мирового агрессора во время русско-грузинского или грузинско-осетинского говорит о том, что динамика информационной войны напрямую зависит от участия в ней СМИ: та сторона, которая имеет возможности для привлечения масс-медиа в свою сторону, имеет все шансы для достижения успеха.

Таким образом, средства массовой информации - неотъемлемая часть мировых политических процессов на современном этапе, они отражают особенности того, как управляется современное общество, в котором манипулирование массовым сознанием сочетается с конструктивными технологиями информационного воздействия и навязыванием политическим деятелям возможностей и вариантов политического поведения.

Информационные войны как целостные стратегии пронизывают все коммуникативное пространство современной культуры. Они ориентируются на большое число факторов уязвимости, которые возникают из зависимости от информации, и на применение информации для создания различных конфликтов.

1. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №453 от 12.06.2010
2. ФОМ. Статья от 30. 04. 2015. <http://fom.ru/SMI-i-internet/12140#>
3. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (с изменениями и дополнениями).
4. Идаятов А. К. «Медиакратия и ее роль в урегулировании политических конфликтов (на примере российско-грузинского конфликта 2008 г.)». 2014 г. С. 18.
5. Почепцов Г. Г. Статья «Информационная война: определения и базовые понятия». 2014г.
6. Почепцов Г. Г. «Информационные войны». Серия: Образовательная библиотека. Издательство: Рефл-бук, 2001 г.
7. Расторгуев С. П. «Информационная война» — М: Радио и связь. 1999 г.

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Бушкова-Шиклина Э.В. (Киров)

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом и Правительством Кировской области проекта № 15-13-43002а(р) «Управление квалификационными ресурсами в контексте устойчивого развития региональных вузов».

За последние годы эксперты в области образования в России и за рубежом отмечают несколько сложившихся мировых тенденций, определяющих состояние системы образования [1].

1. Массовизация образования – в ряде развитых стран, включая Россию, процент людей с высшим образованием превысил 55%.

2. Интернационализация образования – включение образовательных учреждений в глобальное образовательное пространство и принятие международных норм в данной области.

3. Кризисность мировой экономики, формирование нового технологического уклада в промышленности, что сказывается на снижении объемов финансирования образования в развитых странах и поиске путей повышения эффективности вложенных в образование средств.

4. Более того, принципиально новые технологии формируют потребность в «принципиально новых профессиональных компетенциях» специалистов, и даже простых пользователей. Наблюдается «инфляция квалификаций». Привлекательность инвестиций в образование на данном фоне снижается.

5. Цифровая революция, развитие ИКТ-технологий способствуют появлению технологий on-line-образования. В свою очередь, это приводит к появлению специализированных образовательных «стартапов», более эффективно выполняющих традиционные функции университетов — преподавание, оценку результатов, формирование сообществ, создание и распространение инноваций и пр.

Как следствие, указанные тенденции формируют новую социальную и информационную среду, приводят к обострению конкуренции, в условиях которой образовательные учреждения вынуждены срочно перестраиваться. Возникает дискуссия по поводу новых моделей образования, в том числе высшего.

В соответствии с принятой Национальной доктриной образования РФ до 2025 года приказом Минобрнауки России от 11 февраля 2002 года №393 принята Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года [2], а позднее – 7 февраля 2011 года принята «Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 годы» [3].

В рамках данной Концепции проанализированы основные тенденции развития мирового сообщества, в частности, отмечается: необходимость подготовки населения к социальному и политическому выбору, расширение масштабов межкультурного взаимодействия, толерантности, возрастание потребности в повышении квалификации и профессиональной мобильности населения, возрастание роли человеческого капитала до 80% в развитых странах, и в целом, необходимость опережающего интенсивного образования.

Среди многочисленных задач Национальной доктрины образования в РФ одна из них отражает перечисленные тенденции и предполагает «подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий» [4]. В рамках Концепции модернизации российского образования также отмечается «кадровый голод» в сфере профессионального образования, связанный с новыми требованиями к квалификации работников данной сферы.

В Концепции модернизации российского образования создание условий для повышения качества профессионального образования становится приоритетной стратегической задачей. Согласно данной Концепции, реформирование высшего образования предполагается в следующих направлениях: формирование многоуровневости и открытости системы высшего образования широкой социальной среде, интегративности (интеграции университетской, академической и отраслевой науки) и междисциплинарности высшего образования, непрерывности (в плане оказания образовательных услуг населению, в том числе дополнительного, так и

профессионального развития кадров), согласованности с профессиональными стандартами и требованиями работодателей, усиления целевого финансирования (в том числе в виде грантов на конкурсной основе), информатизации образовательного процесса и пр.

Таким образом, очевидны объективные трансформационные процессы в системе высшего образования как в развитом мире в целом, так и в нашей стране, в частности. Они касаются, прежде всего, изменения функций социального института высшего профессионального образования, в частности, изменения задач, роли и образов университетов, и как следствие – социальных ролей и функций преподавателей вузов. С учетом задач нашего исследования остановимся на проблеме профессионального развития преподавателя вуза в условиях информатизации деловой и образовательной среды.

В условиях развивающегося информационного общества, где основным фактором развития организаций становится знание, актуализируется развитие менеджмента знаний, рассматриваемого как «совокупность процессов и технологий для выявления, создания, распространения, обработки, хранения, предоставления и использования знаний внутри организации» [1, с. 36]. Менеджменту знаний как направлению деятельности вуза посвящены работы Е.Ю. Игнатъевой, А.А. Грибаньковой, М.А. Мяминой, Т.Г. Уваровой и пр. [6–9].

Управление знаниями в вузе происходит на двух уровнях: на уровне вуза как организации и на уровне образовательного процесса в нем [6, 10]. Основной задачей менеджмента знаний при подготовке научных и научно-педагогических работников на уровне вуза становится формирование внутренней информационно-образовательной среды (собственно управление знаниями) и формирование инновационной культуры, способствующей обучению и инновациям. Первая задача решается посредством ряда мер: упорядочивания и систематизации информационных потоков; создания информационных «хранилищ», порталов знаний и баз данных; определения и развития стратегически важных знаний и направлений подготовки кадров; внедрения технологий информационной поддержки научных и образовательных проектов; оценки качества обучения. Вторая – за счет развития инновационной научно-педагогической культуры; формирования высококвалифицированного коллектива преподавателей и ученых; развития лидерства; развития технологий «отчуждения» знаний.

Для оценки сформированности информационно-образовательной среды как условия профессионального развития преподавателя в вузе проведено анкетирование всего штатного профессорско-преподавательского состава ФГБОУ ВО «Вятского государственного университета» (г. Киров) весной 2015 г.

Коммуникационно-информационные средства являются важнейшей, наравне с различными способами и методами организации корпоративного обучения, частью развития менеджмента знаний в вузе. Наиболее востребованными и популярными коммуникационно-информационными средствами в вузе явились электронная почта (72,5%) и внешние ресурсы сети Интернет (70,7%). В меньшей степени преподаватели используют другие указанные в списке источники: официальный сайт вуза (чуть больше половины преподавателей – 59,2%), электронные каталоги библиотеки (каждый второй – 47,9%), телефон (44%). Лишь каждый четвертый преподаватель (25,1%) пользуется базами консультативно-справочных материалов. Различий по возрасту и наличию ученой степени по данному вопросу не наблюдается ($p > 0,05$).

Показано, что рейтинг всех указанных средств как для преподавателей, так и руководителей структурных подразделений одинаков, но руководители чаще используют указанные коммуникационно-информационные средства, нежели преподаватели ($p = 0,001$). В первую очередь информационные источники в вузе служат для информирования преподавателей (83,5%). С помощью коммуникационно-информационных средств преподаватели узнают о мероприятиях в вузе, заседаниях Ученого совета вуза и кафедры, о курсах повышения квалификации, получают

информацию от студентов, коллег – тем самым повышается эффективность коммуникаций – это еще одна задача, которая решается с помощью информационных источников (41,5%). Каждый третий преподаватель (37,5%) отмечает, что данные средства способствуют повышению квалификации сотрудников и обмену знаниями, каждый пятый (21,4%) отмечает технологизацию управленческих процессов.

Менее всего, по мнению преподавателей, при помощи имеющихся в вузе коммуникационно-информационных средств решаются задачи формирования положительного имиджа вуза (16,9%) и мотивации сотрудников (8,8%). Различий по полу, возрасту, занимаемой преподавателями должности и наличию ученой степени по данному вопросу не наблюдается ($p > 0,05$).

Таким образом, в условиях сложившихся мировых тенденций (массовизации и интернационализации образования, кризисности и технологизации мировой экономики, трансформации сферы образования и пр). информатизация всех сфер жизни, в том числе деловой и образовательной, становится одним из ведущих факторов развития. В данных условиях в развитых странах формируются различные политики модернизации высшего образования. В частности, они направлены на решение проблемы «инфляции квалификаций» путем усиления профессионального роста и мобильности преподавателей вузов. Одним из способов становится формирование и развитие менеджмента знаний в вузе.

1. Эпоха «Гринфилда» в образовании // Центр образовательных технологий Московской школы управления СКОЛКОВО. – М., 2013. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/education_10_10_13.pdf (дата обращения: 12.04.2015).
2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Специализированный образовательный портал «Инновации в образовании» [Электронный ресурс]. – URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index1.htm> (дата обращения: 03.05.2015).
3. Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. N 61 "О Федеральной целевой программе развития образования на 2011 - 2015 годы" (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. – URL: <http://base.garant.ru/55170694/> (дата обра
4. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года // Специализированный образовательный портал «Инновации в образовании» [Электронный ресурс]. – URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm> (дата обращения: 03.05.2015).
5. Игнатьева Е.Ю. Компетентностный подход в менеджменте знаний вуза // Интеграция образования. 2007. №1.
6. Игнатьева Е.Ю. Менеджмент знаний в образовательном процессе высшей школы // автореф. дисс. ... докт. пед. наук. – Великий Новгород, 2008.
7. Грибанькова, А.А., Мямина, М.А. Организация научных исследований в вузе и «менеджмент знаний» // Высшее образование в России. 2011. №5. – С. 90-95.
8. Уварова, Т.Г. Проблемы развития человеческого потенциала вуза в системе менеджмента знаний // Современные наукоемкие технологии. 2008. №1. – С. 58–60.
9. Шорникова, Н.Ю. Мониторинг компетенций преподавателей высшей школы // Вестник РМАТ, 2012. №1(4). – С. 62–65.
10. Игнатьева, Е.Ю., Федотова, Г.А. Менеджмент знаний в развитии потенциала вуза // Вестник Новгородского государственного ун-та. 2010. №58. – С. 18–22.

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ЛИДЕРОВ G20)

Быков И.А. (Санкт-Петербург)

Исследования в области масс-медиа довольно давно обратили внимание на то, что современная политика все более и более опирается на средства массовой информации. Это процесс получил название медиатизации политики (См.: Мельник; *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*; Schulz; Stanyer). Этот термин обладает большей универсальностью, поскольку описывает процессы, которые происходят не только в странах, так называемой, развитой демократии, но и во всех остальных странах мира. Основная идея этой концепции заключается в том, что все функции современного общества не могут быть реализованы без медиа-сопровождения. В этом отношении термин медиатизация учитывает возросшую роль СМИ в жизни общества, но не абсолютизирует ее. Вот как определяет медиатизацию Мацолени и Шульц: «Процесс медиатизации политических процессов, политических событий и политического дискурса является основным трендом девяностых. Это феномен который уходит корнями к моменту появления телевидения, но достиг полного развития с момента глобальной экспансии и коммерциализации медиа-сферы... Однако, характеристика медиатизированной политики выходит за пределы простого описания системных требований. Медиатизированная политика это политика, которая потеряла автономность, стала зависимой в своих центральных функциях от масс медиа и создается в рамках взаимодействий с масс медиа. Это утверждение базируется на наблюдениях о том, как средства массовой информации производят политический контент и вмешиваются в политический процесс» (Mazzoleni, Schulz, p. 249-250).

Одним из важнейших проявлений медиатизации в последние пару десятилетий стала персонализация политического процесса, которая заключается в том, что индивидуальные политические акторы играют все более и более важную роль за счет уменьшения роли политических партий и других коллективных субъектов (см.: Van Eatst; Mc Allister). Это проявилось в первую очередь во время избирательных кампаний, когда поведению политических лидеров стало уделяться значительно больше внимания, чем деятельности партий, идеологическим вопросам, предвыборным программам и т. п. Очевидно, что тут существует прямая связь с тем, что массовой аудитории более понятны житейские вопросы, а не абстрактные понятия и концепции. Анна Лангер считает, что персонализация политики состоит из трех основных компонентов:

1) президентализация власти, то есть сдвиг власти к лидерам и связанное с этим усиление роли лидеров, проявляющееся в увеличенном информационном освещении их деятельности;

2) концентрация на лидерстве, то есть увеличенное подчеркивание лидерских качеств и умений, необходимых для компетентного государственного управления;

3) политизация частной жизни, то есть упор на особенностях политических лидеров в частной жизни, которые трактуют лидеров не как представителей определенной политической идеологии, партии и государства, а как «человеческих существ» (Langer, p. 373).

В этой связи, СМИ пестуют человеческие характеры в политике, а не политические программы и реальные проблемы. В тоже самое время, лидеры также играют активную роль в этом процессе, поскольку такой подход к политике требует меньше усилий по работе в области координации интересов. От политика требуется телегеничность и артистизм, а не стратегическое видение и тяжелый труд по урегулированию конфликтующих интересов. Современные политики превращаются в своего рода «знаменитостей» или «селебрити».

Для проверки этой гипотезы нами была предпринята попытка анализа персонализации политических лидеров стран, входящих в группу G20. В качестве исходной гипотезы нами выдвигалось предположение о том, что вне зависимости от культурного бэкграунда во всех странах G20 имеются признаки персонализации политической жизни. Мы решили проверить эту гипотезу, используя критерий «домашних животных». Использование домашних животных – это известный прием в PR-

технологиях, который позволяет добиться смягчения чувства отчуждения от политики и породить эмоциональный отклик в широких массах. Отчуждение возникает в результате массированного использования PR-технологий, которые по своей сути являются продуктом индустриального производства в медиа-пространстве. Бездушный и корыстный характер этих технологий порождает побочный продукт – чувство отчуждения. Именно с этим и призваны бороться такие приемы, как использование животных, семьи, детей и т. п.

Наше исследование показало, что в подавляющем большинстве стран G20 политические лидеры вне зависимости от культурной, политической и религиозной специфики используют домашних животных для политической персонализации. Существующая страновая специфика определяется особенностями местной культуры. Так, на пример, в Саудовской Аравии большую роль играют кони и верблюды. В Китае политическим лидерам не рекомендуется владеть домашними животными, так как это ассоциируется с коррупцией. В Японии большой популярностью пользуются аквариумные рыбки. Хорошо известно, что Президент России В. В. Путин неоднократно появлялся на телеэкранах и страницах печатных СМИ в компании с экзотическими животными и довольно крупными собаками. Очевидно, что выбор домашних животных соответствует политической культуре электората в каждой стране. В Европе и Северной Америке политическим лидерам приходится следовать демократическим стандартам и держать самых обычных животных: кошек и собак. Отмечены случаи, когда проблема ухода за домашними животными и решение проблемы бездомных животных становится одной из тем избирательной кампании (Канада). Наши результаты позволяют утверждать, что на примере домашних животных персонификация политики при помощи различных приемов стала глобальной тенденцией в современном информационном пространстве.

1. Мельник Г. С. *Mass media: психологические процессы и эффекты*. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1996. 167 с.
2. Langer A. *A Historical Exploration of the Personalisation of Politics in the Print Media: The British Prime Ministers (1945–1999)* // *Parliamentary Affairs*. 2007. Vol. 60 (3). P. 371–387.
3. Mazzoleni G., Schulz W. “Mediatization” of Politics: A Challenge for Democracy? // *Political Communication*. 1999. Vol. 16 (3). P. 247–261.
4. McAllister I. *The Personalization of Politics* // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by Russell J. Dalton & Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007.
5. *Mediatization: Concept, Changes, Consequences* / Ed. by K. Lundly. NY: Peter Lang, 2009. 316 p.
6. Schulz W. *Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept* // *European Journal of Communication*. 2004. Vol. 19. № 1. P. 87–101.
7. Staner J. *Modern Political Communication: Mediated Politics in Uncertain Times*. Cambridge: Polity Press, 2007. 222 p.
8. Van Aelst P., Sheafer T., Staner J. *The personalization of mediated political communication: A review of concepts, operationalizations and key findings* // *Journalism*. 2011. Vol. 13 (2). P. 203–220.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМИДЖА РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Ведерникова М.И. (Москва)

«Мягкая сила» играет все большую роль в международных отношениях. Позитивный имидж государства значительно содействует расширению его влияния в мире. Негативное же восприятие подрывает основы такого влияния, серьезно препятствуя проведению внешнеполитических инициатив и эффективному осуществлению экономических и социокультурных связей.

Плохой имидж уже давно является значимой проблемой России на мировой арене. Однако наибольшую актуальность этот вопрос приобретает применительно к европейским странам. Европа выступает приоритетным партнером России по широкому кругу вопросов, начиная от экономического сотрудничества и заканчивая отношениями в сферах науки, образования и культуры. Негативный имидж затрудняет, а иногда и сводит на нет подобное взаимодействие, нанося ущерб и России, и странам Европы. В связи с этим несомненную актуальность имеет исследование проблем имиджа России в европейских странах.

После распада СССР современная Россия преодолела два качественных этапа развития своего имиджа в Западных странах. На первом этапе был очень высок политический имидж России как результат её приобщения в 1990-х годах к либеральным ценностям. Однако в экономике на Западе был распространён имидж России как технологически неразвитой державы. США всячески поддерживали технологическое отставание России, сохраняя действие поправки Джексона-Вэника, принятой ещё в 1974 году. Поскольку 22 августа 2012 года после 18 лет переговоров Россия официально стала 156-й страной-членом ВТО, США вынуждены были отменить поправку. Однако в одном и том же законе от 20 декабря 2012 года об отмене поправки Джексона-Вэника они ввели «Список Магнитского», что негативно сказалось на международном имидже России, в том числе и в ЕС.

В начале 2000-х годов, когда Россия начала проводить независимую политику, со стороны стран Западной Европы началось целенаправленное ухудшение имиджа России во всех сферах. Окончательное ухудшение отношений произошло после речи В.В. Путина в Мюнхене о многополярном мире. Это бросало вызов лидирующему положению стран Запада.

Наиболее заметным интеллектуальным явлением в рамках разработки теории «мягкой силы» стала концепция Джозефа Ная, изложенная им в книге «Мягкая власть: Средство добиться успеха в мировой политике» [3]. В ней он обращает внимание на то, что помимо «жестких» ресурсов власти (принуждения и использования экономических рычагов) в современных условиях все более эффективными становятся «мягкие» формы влияния, которые реализуются посредством распространения культуры государства, его внешнеполитических ценностей и дипломатии. В последних своих работах Най использует концепт «умной власти», что подразумевает сочетание «жестких» и «мягких» ресурсов в рамках эффективной стратегии. Именно такими методами действуют страны Запада в мире и в отношении России.

Тема имиджа России, несмотря на её очевидную актуальность, изучена недостаточно. В научной литературе имеется некоторое количество работ по имиджу России как в целом, так и по отдельным его аспектам. В основном, были рассмотрены вопросы роли национального брендинга в создании имиджа страны и изучены образы России в конкретных государствах.

Однако отсутствуют исследования, в которых проблемы российского имиджа рассматривались бы в контексте их географической локализации, применительно к европейским странам.

Негативный имидж можно изменить, если комплексно воздействовать на него и всю систему коммуникаций выстраивать с расчётом на долгосрочную перспективу. Правильное понимание имиджевых проблем России в странах Европы откроит пути к их преодолению. Улучшение образа будет способствовать взаимовыгодному расширению и углублению контактов между Россией и европейскими государствами.

Объектом данного исследования является внешнеполитический имидж России, а предметом выступают проблемы формирования и эволюции имиджа России в европейских странах. Целью исследования является анализ проблем имиджа России в европейских странах и формулирование переложений относительно его совершенствования.

Рассмотрено и изучено становление, эволюция и современное состояние имиджа России в европейских странах. Отдельное внимание уделяется влиянию на имидж Российской Федерации различных организаций и политических блоков, к которым она имеет непосредственное отношение.

В современном мире и сложившейся политической ситуации заметно возросла роль международных политических организаций. Зачастую ценность того или иного альянса обуславливается не его реальным влиянием, а авторитетом стран или политических лидеров, входящих в данное объединение или тем, что название организации часто упоминается в прессе и ей приписываются огромные полномочия.

К примеру, Группа 8 (в России принято называть её «Большая восьмёрка») ошибочно считалась многими весомой политической организацией, хотя, на самом деле, это был неформальный форум лидеров восьми стран – практически, международный политический клуб, который не имел структуры и официального статуса международной организации. Можно говорить о том, что ценность многих международных альянсов, организаций и объединений создаётся именно благодаря маркетинговым методам и политическим коммуникациям лидеров различных государств.

Формирование имиджа политического альянса или международной политической организации – это определённая технология, и, как и любая технология, она имеет в своей основе определенные социально-психологические свойства, законы, тенденции. Определённый образ транслируется с помощью СМИ и Интернета, и именно глобальная сеть позволяет получить ответную реакцию от населения.

То, как будет воспринят образ международной организации, зависит от многих факторов. Нельзя исключать и сложившейся политической ситуации, но не последнюю роль здесь играет и то, какие механизмы восприятия будут задействованы у реципиента. Основные механизмы, которые мы рассмотрели в данном исследовании – это механизм стереотипизации, механизм категоризации, механизм идентификации и механизм атрибуции. Каждый из них играет определённую роль в восприятии.

При построении образа политической организации и его восприятии важную роль играет механизм стереотипизации. Это происходит потому, что сложившийся имидж – это уже определённый вид стереотипа. К такому выводу пришли ещё советские учёные [1]. Например, О. А. Феофанов писал о том, что имидж превращается в стереотип, «когда «имиджи» явлений в силу определенной стандартизации оказываются довольно близкими друг другу и позволяют вычленить одинаковое в своем содержании. Имидж стандартизуется, превращается в стереотип [2]». Понятия «имидж» и «образ», в данном исследовании, будем считать идентичными.

Механизм стереотипизации изучали многие исследователи в области политологии, социологии и психологии. Основную работу по разработке теории стереотипа и выделению самого понятия провёл в 20-х гг. XX века зарубежный ученый У. Липпман [4].

Нами были рассмотрены основные маркетинговые коммуникации и отмечены те, которые наиболее подходят для формирования имиджа и позиционирования международных политических организаций. Кроме того, были выявлены и рассмотрены политические и психологические инструменты, применяемые для создания имиджа международных политических организаций. Была проведена систематизация теоретических работ по различным психологическим механизмам восприятия и выявлено, как позиционирует себя каждая из рассматриваемых международных организаций и на чём делает акцент при построении имиджа. Позиционирование каждой из организаций можно выразить одним словом: Группа 8 – престиж, ШОС – расширение, БРИКС – развитие.

Несмотря на то, что в ШОС и БРИКС не входят европейские страны, членство в таких международных организациях благоприятно сказывается на имидже России, в том числе и на её восприятии в странах Европейского Союза. Стоит отметить, что основными

маркетинговыми коммуникациями, используемыми некоммерческими политическими организациями, являются: связи с общественностью (PR), брендинг и паблисити.

Подводя итог, можно сделать вывод, что улучшение имиджа является значимой проблемой России в Европейском Союзе. К тому же, как выразился древнегреческий лирик Симонид Кеосский: «Для полного счастья человека ему необходимо иметь славное отечество», - то есть проблема имиджа России имеет не только государственное, но и человеческое измерение.

1. Артемов В.Л. *Правда о неправде: критические очерки по современной империалистической антисоветской пропаганде.* -3-е изд., переработанное и дополненное. Минск: Университетское изд-во, 1985.
2. Феофанов О.А. *Стереотип и «имидж» в буржуазной пропаганде// Вопросы философии.* 1980. № 6. С.89-100.
3. Joseph S. Nye. *Soft Power. The Means to success in world politics//N.Y. Public Affairs,* 2004.
4. Lippmann, W. *Public opinion.* New York: Harcourt, Brace, Jovanovitch. 1922.

О ПРОТИВОРЕЧИИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕМ ЛОГИКУ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Владимирова Т.В. (Новосибирск)

Общеизвестно, что всякая социальная практика, особенно связанная с производством и управлением, в широком смысле этого слова, актуализирует определенный спектр информации. Информационное пространство можно представить как комплекс социальных практик, обусловленных ростом интенсивности коммуникации. В этом контексте одна из его характеристик заключается в потоковом характере и многообразии социального. Продуктивность социальной практики зависит от наличия/отсутствия необходимой информации и возрастающей скорости ее устаревания. Причиной тому и другому является рост интенсивности коммуникаций, определяющий во многом мировое информационное пространство.

Считаем, что осмысление и актуализация социального информационного пространства в его структурном многообразии связано с обострением противоречия между устойчивостью конституционных оснований социального субъекта и ростом вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих это пространство.

Для понимания этого утверждения важно обратиться к известной закономерности: чем более свободен субъект, тем большее количество девиации/инноваций (различного рода нарушений/изменений социального прядка) он способен осуществлять, тем проблематичнее его деятельность с точки зрения устойчивости социальных структур. Соответственно, тем более развитой, более адаптивной к подобному уровню свободы (масштабу вариативности коммуникации) в обществе становится система социального контроля, нормативно-правовая система, система власти, отслеживающая и защищающая социальный порядок. По сути, рост свобод в условиях системы общества означает для устойчивости порядка рост вариативности социальной коммуникации или девиации/инновации. Само общество, во избежание распада, вырабатывает новые механизмы регуляции социальных отношений и устойчивости порядка, появляются новые структуры накопления и ускорения девиации/инновации (Н. Луман). Такие социальные институты, как гражданские права и свободы, гражданская ответственность, правовое государство, гражданское общество, либеральная демократия, национальные интересы и национальная безопасность, являются новыми форматами упорядоченности возрастающей вариативности социальной коммуникации и становятся частью культуры современного общества.

Упорядоченность системы общества всякий раз затрудняет реализацию интересов различных субъектов, но одновременно является основанием их «онтологической безопасности» (Э. Гидденс). Поскольку в современном обществе, где приоритетной ценностью провозглашаются права и свободы личности, растет многообразие интересов различных субъектов, а нарушение нормы или «вариативность коммуникации» (Н. Луман) становится потенциально тотальным, говорить об устойчивости и упорядоченности социальных отношений (безопасности) становится все более проблематичным. [1]

Через призму системной теории это же противоречие между социальной упорядоченностью и ростом отклонения от нормы можно интерпретировать следующим образом. Рост информации как «различения различения» (Н. Луман), выраженный в росте социального многообразия, ведет к изменению социального порядка. Логику этого изменения мы бы выразили следующим образом: от стабильности порядка к его постоянному состоянию рестабиллизации; или от структуры порядка к постоянному состоянию реструктуризации как характерного состояния современности. Вариативность коммуникации (отклонение от того, что уже было), выраженная в новой информации, и есть девиация/инновация для социальной системы. Отклонение (или вариативность) коммуникации от должного, общепринятого возрастает с отбором из известного или неизвестного репертуара возможностей, при котором должно присутствовать несоответствие с утвердившимся пониманием (интерпретацией чего-либо) [2]. В этом смысле инновационность и девиантность являются двумя сторонами одной медали отклонения – вариативности коммуникаций.

Н. Луман объясняет социальную эволюцию как процесс возрастающей дифференциации коммуникации (соответственно социальных практик) с последующей рестабиллизацией социальных форм жизни. Рост вариативности коммуникации (девиации/инновации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада социальной системы. Он считает, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключается в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций, но всякий раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации опасность распада системы общества приближается. На наш взгляд, суть направления эволюции социального порядка можно выразить одной фразой Н. Лумана: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом» [3, с. 66]. Подобная потребность реализуется в виде роста информационных потоков – роста «различения различения». Противоречие, определяющее логику развития информационного пространства, – это противоречие между устойчивостью социального и ростом «различения различения» (информации), образующего информационное пространство. В таком событийном контексте информационное пространство можно интерпретировать как пространство «различения различения». Дальнейшее умножение и развитие информационного пространства – это дальнейшее умножение и развитие информационной событийности систем. Оно ведет к обострению рассматриваемого противоречия. Это обострение как следствие логики развития информационного пространства выражается в коллапсе дальнейшей дифференциации социальной системы между структурой как устойчивостью и различением различения как изменчивостью.

Уже отмечалось, что такие ценности современности как индивидуальная свобода, самореализация личности, инновационная деятельность, и наконец, становление и развитие сетевого принципа организации действий, в подобном контексте являются не чем иным как воплощением требований логики эволюции социального мира – его устремленности к Неотрицаемому [1]. Н. Луман указывал на это опасное движение в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования коммуникации («различения различения») и завещал для нас проблему поиска «формулы спасения» общества [3].

1. *Владимирова, Т. В. Социальная природа информационной безопасности / Т. В. Владимирова. – М.: АНО Изд. дом «Научное обозрение», 2014.*
2. *Луман, Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Н. Луман. – СПб.: Наука, 2007.*
3. *Луман, Н. Эволюция / Н. Луман, пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Логос, 2005.*

ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ: СЛУЧАЙ РОССИИ

Волченко О.В. (Санкт-Петербург)

Процессы производства и потребления информации в современном обществе (экспоненциальный рост объема, увеличение числа каналов передачи, диверсификация содержания) могут быть охарактеризованы как «информационный взрыв». Согласно теории Р. Белла информация приходит на место электричества и становится новым агентом, экономически, политически и культурно трансформирующим общественные устои [1].

В данном исследовании проводится анализ связи уровня доверия с вовлеченностью в информационные потоки. В работе используется информационный подход, согласно которому доверие тесно связано с неопределенностью и объемом доступной информации об окружающем мире. Основные идеи данного направления можно проследить в работах Н. Лумана [3], Э. Гидденса [2], П. Штомпки [4] и ряда других теоретиков.

Целью исследования является определение степени влияния информационного потребления на уровень генерализованного доверия населения европейских стран. В работе используется база данных European Social Survey (5 волна, 2010 год). Всего в данной волне исследования приняли участие 47717 респондентов из 27 европейских стран. Для измерения центрального конструкта исследования – уровня генерализованного доверия – используются три вопроса: «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?», «Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно?», «По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся только о себе?». На основе данных вопросов строится индекс, изменяющийся в диапазоне от 0 до 10, где 0 обозначает полное отсутствие доверия, а 10 – напротив, полное доверие.

Основной метод анализа данных – многоуровневое регрессионное моделирование, где в качестве объектов первого уровня выступают индивиды, а второго – страны. Зависимая переменная – индекс генерализованного доверия. Предиктором выступает частота использования индивидом различных источников информации (интернет, радио, телевидение, газеты). Также в модель включены контрольные переменные (возраст, образование, субъективное благосостояние).

Основные результаты

Модель позволила получить некоторые интересные выводы.

Во-первых, возраст оказывает положительное влияние на уровень доверия: пожилые люди более доверчивы, чем молодые. С каждым годом индекс доверия увеличивается на 0,01. Во-вторых, образование имеет значимый положительный эффект: каждый дополнительный год обучения добавляет к доверию 0,04. В-третьих, каждый балл индекса, измеряющего субъективное благосостояние, повышает доверие на 0,64.

Как и предполагалось, вовлеченность в информационные потоки положительно влияют на уровень доверия: пользование Интернетом повышает доверие на 0,39, а чтение газет на 0,1.

Наибольшее влияние на доверие оказывает субъективное благосостояние, но при этом значимо влияние чтения газет и использования Интернета.

Доверие на окраинах больших городов, в средних и малых городах выше, чем в мегаполисах (значение коэффициента 0,14), но еще более высокий уровень доверия показывают жители деревень (значение коэффициента 0,7). Это может быть связано с тем, что конструкт «большинство людей» для жителей мегаполисов связан с действительно обобщенными незнакомыми людьми, а для жителей небольших населенных пунктов с большинством людей в их городе/деревне.

На уровень доверия оказывают влияния не только установки человека, но и непосредственный жизненный опыт. Так, тот факт, что человек не был жертвой преступления за последние полгода, повышает его уровень доверия к людям на 0,15, а мигранты второго поколения меньше доверяют окружающим (коэффициент -0,11).

Характерно, что частота просмотра телевидения отрицательно влияет на доверие (коэффициент -0,03), в отличие от использования Интернета и радио, которые оказывают положительное влияние.

В целом, частота пользования Интернетом оказывает положительное влияние на уровень доверия, то есть люди, включенные в информационное потребление демонстрируют больший уровень доверия другим людям. Но данная связь прослеживается не во всех исследуемых странах. Так, в России доверие формируется достаточно нетипичным образом: частота использования Интернета оказывает отрицательный эффект на уровень генерализованного доверия. Опишем этот кейс отдельно (всего в рамках European Social Survey было опрошено 2595 респондентов из России).

При анализе России как отдельного случая частота использования интернета не оказывает значимого влияния на уровень генерализованного доверия, но при этом значимо влияние частоты прослушивания радио (отрицательный эффект) и частоты повседневной коммуникации (положительный эффект). Субъективное благосостояние (уровень счастья) положительно влияет на уровень доверия (результат аналогичен «всеевропейской» модели), но при этом доход влияет на уровень доверия отрицательно. Эту взаимосвязь можно проинтерпретировать на стыке теории рационального выбора и теории модернизации: в условиях низкой экзистенциальной безопасности более богатые люди оценивают доверие как нерациональную практику, так как в случае обмана их издержки будут слишком высоки.

Отдельное внимание стоит уделить отрицательному эффекту образования на доверие (для всеевропейской модели мы наблюдали обратную ситуацию), что может быть связано с определенной степенью скептицизма, свойственного образованным людям в России. На российских данных значимая связь была обнаружена с переменной «уровень религиозности», которая оказывает значимое положительное влияние на доверие. Данная взаимосвязь требует отдельного изучения, предположительно, это может быть объяснено неформальными связями в рамках религиозных сообществ.

Закключение. Основная модель данной работы предполагает, что генерализованное доверие формируется под влиянием вовлеченности в информационные потоки. В данном исследовании было установлено, что наряду с такими факторами как возраст, число лет обучения и субъективное благосостояние на доверие оказывает влияние частота использования Интернета, чтения газет, повседневного общения.

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
2. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford University Press, 1990
3. Luhmann N. *Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford: Basil Blackwell, pp. 94-107

4. *Sztompka P. Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society // Real Civil Society. Dilemmas of Institutionalization / Ed. by J. C. Alexander. - Guildford, Surrey: Biddies Ltd., 1998.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ.

Гаврильева А. (Якутск)

Российско-китайские отношения стратегического партнерства являются высокой динамикой развития. Россия и Китай одни из самых великих держав в мире. Сотрудничество этих стран принесет большой приоритет в международных отношениях, что позволит решить ряд проблем возникающих в мире.

В современном мире взаимоотношение этих стран принесет широкий спектр областей сотрудничества. Основные принципы российско-китайских взаимоотношений закреплены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанном Президентом В.В.Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином 16 июля 2001 г. в Москве. Практически во всех областях сотрудничества имеются межправительственные и межведомственные соглашения. Целью России в отношении с Китаем является наполнение конкретным содержанием и практическими делами принятого правительствами обеих стран курса на равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI веке. На современном этапе важным фактором становятся нефтяная и газовая промышленность. Торгово-экономическое сотрудничество Китая и России переживает сложный переходный период своего развития. В целом можно сказать, что Россия еще не готова выступать равноправным партнером. Для выхода из этого положения России нужно четко выделить основные приоритеты в торгово-экономических и научно-технических сферах с Китаем и выделить все средство на развитие энергооборудования, машиностроения, авиации, атомной и ракетной промышленности, так как это предоставляет интерес Китая к России.

Важным фактором удачного сотрудничества России и Китая стало поставка газа через Дальний Восток в КНР. Это послужило стартовой точкой успеха во взаимоотношениях. По поводу данного вопроса был проведен социологический опрос на тему «Перспективы российско-китайских взаимоотношений». Было проведено исследование в г. Якутске, опрошено 60 респондентов, возрастной категории от 35-60 в компании «Сахатранснефтегаз».

Стоит отметить, что все респонденты подчеркивают положительное влияние Китайского и Российского взаимосодействия. Многие утверждают, что Китай один из развивающихся стран в мире и такое сотрудничество очень хорошо повлияет на нашу страну. Следующий вопрос касался того, какая сфера начнет более развиваться в итоге такого сотрудничества. 70% респондентов считают, что в сфере строительства произойдут значительные изменения, а 30% респондентов – сфера торговли и продаж. Многие респонденты высказали свое мнение, о Российско-Китайских отношениях и выяснилось то, что следуя за Китаем Россия добьется успеха и эти две великие державы будут лидировать вскоре во всем мире. Так как с экономической, политической точки зрения этот союз приведет к высотам.

Важным подтверждением сохранения общих позиций стал подписанный в Москве новый российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Данное событие в мировой политике, оказалось довольно значительным. Договор подвел итоги десятилетнего сотрудничества между Китаем и Россией. Круг вопросов оказался довольно широк: проблемы стратегической безопасности и стабильности в мире, региональная безопасность, поиск новых резервов в развитии двусторонних связей.

Стоит отметить, что договор составленный в 2001 году оказал большое влияние на Россию, так и на Китай. Это стало началом всех сегодняшних изменений в различных сферах для развития нашего государства. Так как были проведены большие работы, которые преподнесли большой вклад. Итогом этого партнерского десятилетия стали, не только взаимовыгодные стратегические сотрудничества, но и выявления важных приоритетов для дальнейшего стратегического партнерства, и развитие стран. С подписанием нового договора Россия и Китай еще укрепят свой союз и будут достигнуты новые вершины, позволяющие дальше развивать наше будущее с новыми технологиями и инновациями.

1. *Новый российско-китайский альянс // Центральноазиатское агентство политических исследований от 17.07.01*
2. *Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. // Проблемы Дальнего Востока, 2000, № 5, стр. 7*

ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СМК

Галактионова Н.А. (Тюмень)

Бытовой этнонационализм, граничащий с расизмом, – реалии, с которыми сталкиваются не только работники правоохранительных органов, но и обычные граждане. Он не всегда и не обязательно проявляет себя в форме открытого противостояния или конфликтов. Автор на основании мониторинга СМИ и электронных новостных ресурсов, пришел к выводу, что СМК и СМИ искусственно подогревают интерес к теме межэтнической вражды. [2]

Исследование деструктивной роли СМИ относительно межэтнической стабильности – тема важная и практикоориентированная. По данным исследований Г.В. Кожевниковой, А.М. Верховского и О.А. Сибиревой, спад количества публикаций, заостряющих внимание на теме межэтнической вражды, снизился в начале – середине 2000 годов. [1]. Это период борьбы российского государства за целостность страны, было очевидным, что публикации экстремистского толка, эксплицирование этнической принадлежности преступности не снижает градус этноненавистничества в период кавказских конфликтов. Цензурная политика настойчиво не рекомендовала подчеркивать этничность, однако, предыдущие годы приучили читателя по нерусской фамилии участников конфликтных ситуаций делать выводы о «понаехавших».

Следует особо сказать, что актором внедрения негативных установок являются не собственно СМИ, а власть в лице конкретных чиновников, представителей органов правопорядка. Риторика правоохранителей ориентирована на «расистские» установки, их отмечали в заявлениях начальника управления Федеральной миграционной службы России по Московской области О. Молодиевского, руководителя ФМС К. Ромодановского и других [4]. В сфере правопорядка сложилась практика сегментирования криминального пространства по национально-этническому признаку. Как общее место, например, закрепилось представление о преобладании граждан стран Центральной Азии среди лиц, совершающих преступления, связанные с наркотиками [5, с. 103-124]. Для повседневной правоохранительной практики такое сегментирование – рабочий инструмент по раскрытию преступлений. В то же время существует реальная опасность выхода таких воззрений в широкий общественный обиход, что провоцирует их переход в устойчивые негативные стереотипы.

Журналисты используют информацию со специализированных ресурсов, пользуются данными, опубликованными на сайте Следственного комитета РФ, других сугубо профессиональных сегментах, транслируя эту информацию напрямую в общество. Таким образом, профессиональная характеристика криминальной сферы становится основой для обывательской стереотипизации, закрепляется в сознании граждан неизменно в отрицательном ключе: «кавказцы – члены организованных бандитских группировок», «мигранты – насильники и убийцы» и т.д.

Между тем, оценки потенциала человеческого развития, индексы инвестиционной привлекательности российских регионов, экономическая ситуация, структура занятости показывает заинтересованность в привлечении миграционных потоков. Миграция – важнейший ресурс экономического развития для модернизирующейся экономики.

Негативизм в отношении мигрантов стал нагнетаться с ухудшением экономической ситуации, спровоцированной глобальным кризисом, другими геолокальными причинами. Увеличение материалов с этноненавистническим подтекстом начался во время событий в Кондопоге, уральском селе Сагре, достигло кульминации после убийства болельщика Егора Свиридова в декабре 2010 года, участники нападения были отпущены и скрылись, что вызвало возмущение и выплеснулось в противостояние на Манежной площади. Это убийство породило цепь подобных, в резонансных столкновениях последних лет гибли именно футбольные фанаты, а, как известно, наиболее радикальная их часть – ультрас – хорошо скоординированная многочисленная группа, с разработанной тактикой и стратегией поведения, тренированная в уличных боях, поэтому их протестные выступления после очередного происшествия становятся массовыми, пользуются поддержкой блогосферы и СМИ.

Таким образом, с 2010 года идет рост публикационной активности, отмечается акцентирование этнического подтекста совершаемых преступлений, нагнетается истерия, связанная с мигрантофобией. В СМИ подчеркивается лояльность правоохранительных органов по отношению к преступникам либо их коррумпированность и близорукость в искоренении преступлений на этнической почве. Следователь по делу Свиридова объяснил, почему отпустил кавказцев... Шестерых кавказцев задержали, но потом отпустили всех, не считая 26-летнего уроженца Кабардино-Балкарии... Против следователей, отпустивших задержанных, о халатности (tver13.org); Кавказцы убили русского парня в Омске. Следователь их отпустил (gospil.info); Следователь Соколов, который отпускает убийц на волю: 24 декабря 2010 блогеры разыскали следователя Головинской прокуратуры, который отпустил соучастников драки кавказцев с футбольными фанатами (stringer-news.com); Правоохранители отпустили кавказцев, забивших до смерти москвича... (rupolitika.ru); Полиция отпустила кавказцев, жестоко избивших студента в московском метро (online812.ru).

Достаточно открыть любой поисковый браузер, и по тегу «убийство» возникнет множество публикаций ксенофобского содержания. Для интернет-источников, как и для других СМИ характерна ориентация на освещение национальной принадлежности преступника, описание жертвы как исключительно мирного, случайного прохожего, тональность публикаций подчинена логике мигрантофобии. Приведем перечень характерных публикаций: Убийство болельщика «Спартака» мигрантами в Пушкино. (РИА Новости); Убийство болельщика «Спартака» выходцами с Кавказа! (Вконтакте); Мосгорсуд сегодня, 3 ноября, приговорил уроженца Грозного Ахмедпашу Айдаева за убийство болельщика «Спартака», сотрудника ВГТРК Юрия Волкова, к 17 годам заключения в колонии строгого режима (piter.tv); Подозреваемый в убийстве болельщика ЦСКА в Подольске после преступления уехал в Азербайджан (lenta.ru); Мосгорсуд вынес приговор Ахмедпаше Айдаеву, обвиняемому в убийстве болельщика московского «Спартака» Юрия Волкова (news.bcm.ru); Обвиняемый в убийстве болельщика «Спартака» житель Нальчика Аслан... (karachays.com); Националистические беспорядки после убийства болельщика «Спартака» (regnum.ru); Убийство болельщика Волкова:

чеченцы начали драку на ножах, чтобы москвичи не сопротивлялись (zakon.kz); Новое убийство фаната: в Петербурге гастарбайтер... (newsru.com); Объявлен розыск обвиняемого в убийстве болельщика команды ЦСКА. Следственным комитетом России в федеральный, а также в международный розыск был объявлен Хосрувл Наила – уроженец Азербайджана (crims.ru); В убийстве болельщика ЦСКА в Подольске подозревается уроженец Дагестана (aksakal.info); Новое убийство фаната: в Петербурге гастарбайтер забил трубой болельщика «Зенита» (lenta.ru).

Подобные публикации нагнетают истерию и мигрантофобию. СМИ следует с осторожностью тиражировать такие характеристики криминальной среды, которые относятся исключительно к служебной сфере и допустимы в дискурсе работников правоохранительных органов. Использование этноориентированных фиксаций различного рода преступлений облегчает работу полиции, но при опубликовании в широком информационном пространстве может способствовать развитию этнонегативизма и ксенофобии.

Дискурс межнациональной розни в последние два года связан не столько с мигрантами из кавказских и азиатских республик, сколько с украинской тематикой для россиян и с неконтролируемой миграцией из охваченного войной Ближнего Востока для Европы.

Таким образом, в настоящее время в России актуальны проекты, способные снять межэтнические противоречия, снизить градус этнонегативизма. Необходима государственная идеология, призванная упорядочить систему гражданских ценностей, став пассионарной идеей, объединяющей общество на принципах общероссийского патриотизма вне этнической определенности. Центральные электронные СМИ во многом определяют общие для всей страны не только социально-политические, но и культурные установки. Именно электронные СМИ способствовали акциям, направленным против политики эстонских властей по переносу памятников российским воинам-освободителям, против агрессивной политики Грузии в отношении Южной Осетии. Но именно СМИ представили конфликт на Манежной площади, в Кондопоге в системе координат этнической розни. С 2010 года в электронных СМИ фиксируется наибольшее количество ультранационалистических воззваний, блогосфера активно используется в нагнетании истерии вокруг событий, связанных с межгосударственной и межэтнической политикой. С декабря 2013 года основная масса этнонегативизма связана с украинской тематикой, идет широкомасштабная информационная война. [3]

Для снижения числа этноориентированных публикаций необходимо выработать стратегию информационной ответственности СМИ, в которой бы были закреплены установки журналистской и редакторской этики.

1. Верховский А.М. *Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году* / Верховский А.М., Кожевникова Г.В., Сибирева О.А. М.: СОВА, 2008. 77 с.
2. Галактионова Н.А. *Особенности освещения криминальной хроники: ксенофобия как ориентир современных СМИ* / Н.А. Галактионова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (ТИПК). - 2014. - №2. С. 138 – 142.
3. Лисовский Ю.А., Самарин А.Н. *Украина и Крым сквозь дым информационной войны* / Ю.А. Лисовский, А.Н. Самарин // Конфликтология. - 2014. - №1. С. 57 – 76.
4. *От перемены мест считаемых* // Коммерсантъ Власть. 2009. № 5. С.20
5. Пядухов Г.А. *Преступность среди этнических групп внешних мигрантов* // Пядухов Г.А. *Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения*. Пенза: ПГАСА, 2003. 132 с.

РОЛЬ СЕТЕВЫХ РЕСУРСОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аудитория Интернета крайне разнообразна. Он необходим большому количеству людей вне зависимости от возраста, социального статуса, национальности. В настоящее время доступ в Интернет имеют более половины населения Земли. Интернет стал частью повседневной жизни, частью мировой культуры, он даёт знания и работу, доступ к услугам и развлечениям. Его роль в нашем обществе сложно преуменьшить.

Роль сетевых ресурсов в нашей жизни также неоспоримо велика. Сетевые ресурсы помогают делать многие сферы жизни более доступными, расширять возможности их использования не только для обычных людей, но и для людей с ограниченными возможностями.

Чтобы лучше понять роль сетевых ресурсов в современном обществе, рассмотрим отдельные сферы жизни, в которых они применяются, такие как: социальная сфера, сфера бизнеса, экономическая сфера и сфера образования.

Социальная сфера представляет собой наиболее обширную из перечисленных, но основное внимание стоит обратить на то, что сетевые ресурсы неоспоримо помогают людям с ограниченными возможностями. Наиболее часто сейчас обсуждается вопрос применения Интернет-ресурсов для оказания услуг детям-инвалидам, на этом примере роль сетевых ресурсов в данной сфере наиболее очевидна.

В первую очередь Интернет-ресурсы, содержащие информацию по проблемам детей-инвалидов, помогают информировать родителей таких детей, живущих на достаточно далёком расстоянии от крупных городов и не имеющих возможности личной консультации с высококвалифицированными специалистами. Чтобы родители могли найти достоверную и актуальную информацию по различным заболеваниям, которые коснулись их детей, государство берёт на себя разработку подобных ресурсов.

Материалы подобных сайтов крайне разнообразны и содержат как текстовую информацию, начиная от статей по темам, книг и журналов и заканчивая заметками самих родителей, так и видео, аудио и даже объёмные модели. Всё это крайне облегчает информирование родителей о проблемах их детей, о путях решения этих проблем наиболее современными технологиями. Также подобные ресурсы содержат режимы онлайн консультации, которыми может воспользоваться любой пользователь без предварительной регистрации на портале и получить интересующую его помощь. Большой вклад в улучшение психологического самочувствия самих родителей вносит форум, на котором родители могут обсуждать вставшие перед ними проблемы друг с другом, делиться успехами и неудачами, подсказывать решения в определённых ситуациях [1].

Немаловажно и то, что сетевые ресурсы, связанные с социальной сферой, помогают людям с ограниченными возможностями заранее записываться на консультации к врачам, привлечь внимание именно к своей проблеме, а также получить консультации не только по проблеме своего обращения, но и по правовой базе, позволяющей получить ту или иную помощь.

Не менее значимую роль играют сетевые ресурсы и в сфере образования. Интернет даёт большие возможности для развития образования в том числе – дистанционное образование и получение доступа к большому количеству информации.

Дистанционное образование обретает всё большую популярность, так как имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными формами обучения. Во-первых, дистанционное образование предусматривает индивидуальный план занятий. Во-вторых, все учебные материалы студент получает в электронном виде. В-третьих, студент может сам определить порядок изучения дисциплин. При этом дистанционное обучение нередко имеет более строгую форму отчётности, чем обучение в реальном ВУЗе, так как по завершению изучения каждого предмета студент должен написать он-лайн тесты, а также сдать ряд отчётных работ.

Другим значимым аспектом участия сетевых ресурсов в сфере образования является доступ к большому количеству информации. Так, Интернет даёт доступ к электронным библиотекам, чей фонд нередко значительно превышает фонды реальных библиотек. Кроме того доступ к большей части контента этих библиотек предоставляется бесплатно, что также снижает материальные затраты обучающихся.

Но, несмотря на значительные плюсы сетевых ресурсов для образования, они имеют и некоторые минусы. Так, Интернет отучает рассуждать над проблемой, думать своей головой, потому что при столкновении с любой сколько-нибудь сложной задачей обучающийся первым делом смотрит ответ в Интернете. Раньше студенты и школьники писали работу, изучая большое количество материала в библиотеке, выписывая самое основное, в настоящее время готовую работу практически на любую тему можно с лёгкостью скачать в Интернете, это, разумеется, ведёт к снижению качества знаний.

Немаловажно рассмотреть роль сетевых ресурсов в экономической сфере, в частности в бизнесе, так как это очень обширная сфера деятельности, которая постепенно увеличивается, в основном за счёт небольших предприятий и индивидуальных предпринимателей.

Интернет-технологии привели к формированию глобальной электронной среды для экономической деятельности. Это привело к возникновению сетевой экономики. Она подразумевает перенос в электронную среду различных видов социально-экономической деятельности. В настоящее время Интернет обладает огромными ресурсами для экономической деятельности. Помимо информации, которую могут использовать менеджеры для принятия важных управленческих решений, для анализа рынков сбыта и ресурсных рынков, Интернет предоставляет площадки для создания электронной коммерции, для распространения товаров и услуг.

Значение сетевых ресурсов для бизнеса неоспоримо. Создание качественного веб-сайта фирмы может внести огромный вклад в конкурентной борьбе за рынок сбыта и продвижение своих товаров и услуг. В данном случае важно, чтобы руководитель фирмы понимал значение создаваемого сетевого ресурса, так как созданный неправильно в будущем пришедший в запустение ресурс может сыграть отрицательную роль в развитии данной фирмы. Но грамотно организованный сайт фирмы позволяет не только продвигать собственные товары и услуги, опережая конкурентов, но и прослеживать статистику запросов, отслеживать аудиторию, которой интересны предложения данной организации и выходить на новый уровень производства.

Таким образом, роль сетевых ресурсов в информационном обществе значительна. Она может быть как положительной, связано с новыми возможностями, так и отрицательной, что связано с несовершенством Интернет-среды, большим количеством ненужной, негативной информации.

1. *Роль Интернет-ресурсов в оказании услуг детям-инвалидам. [Электронный ресурс]*
// *Интернет-телевидение общественной палаты.* – URL :
<https://www.oprf.ru/press/conference/1550>

ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Громова Н.С. (Екатеринбург)

Переход к информационному обществу закономерно привел к двум полярным тенденциям в жизни людей: повышению роли знания и развитию информационной зависимости. Первая – способствует совершенствованию информационных технологий, доступу к мировым информационным ресурсам, более эффективному взаимодействию

людей как внутри собственного социума, так за его пределами, облегчению коммуникации человека и государства. Вторая – ставит человека в зависимость от информационного потока и позволяет им манипулировать. Если классическим способом решения межгосударственных разногласий до конца XX века была кровопролитная война, неизбежно ведущая к серьезным потерям всех сторон-участниц, то в XXI веке потребность в потерях с обеих сторон исчезла: достаточно правильно отобрать и структурировать или даже сфальсифицировать информацию таким образом, чтобы нанести наибольший урон противнику, не прибегая к открытому столкновению.

С повышением роли информации в жизни общества информационные войны стали обычным делом для высокоразвитых государств. Основываясь на характеристике информационно-психологических войн А. В. Манойло, определим, что в процессе подобного противостояния «собственно боевые действия играют подчиненную сервисную роль, а план вооруженной кампании строится по правилам и в соответствии со сценарием пиар-воздействия на собственных граждан, на граждан политических союзников и оппонентов и на международное сообщество в целом» [4]. При реализации подобных стратегий опровергнуть любую сомнительную информацию практически невозможно, поскольку проверить реальность событий объекты манипулирования не могут, просто принимая как аксиому сообщения более авторитетного оппонента.

Верифицируемость передаваемых данных в условиях информационного манипулирования исчезает как категория, поскольку большой объем однотипных сообщений, представленных в разных источниках, способствует эффекту псевдоузнавания и принятия «нового» в качестве «известного». По результатам опросов молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, являющихся студентами вузов г. Екатеринбурга и Свердловской области, можно сделать вывод, что они большую часть информации о политической ситуации получают из Интернета – от 70 % до 95 % – не обращая внимания на источник сообщения. Стоит отметить, что опрашиваемая группа – студенты – имеет и другие источники информации, например, в лице преподавателей, в отличие от других категорий пользователей Интернета. В противовес молодежи пожилые люди (пенсионеры), участвующие в опросе, таким же бесспорным источником считают телевизионные передачи. При этом уровень доверия к получаемой информации значительно выше у второй категории опрашиваемых: 82 – 98 % (пенсионеры) против 40 – 60 % (студенты).

Так, можно утверждать, что в существующих социальных условиях создается благоприятная почва для манипулирования информационными потоками и, как следствие, воздействия на человека или целые группы людей. Это приводит к появлению новой категории правонарушений – речевых преступлений. Речевые (или вербальные) преступления могут угрожать интересам отдельных граждан (оскорбление, клевета) или государству и его гражданам в целом (вербальный экстремизм).

Определим экстремизм как деятельность субъектов (лиц или их объединений), основанную на приверженности к радикальным взглядам, сопровождающуюся противоправными действиями, направленными на умаление или отрицание конституционных принципов построения государства и организации общественных отношений. Под экстремистской деятельностью понимается достаточно широкий спектр действий от финансирования, публичных призывов, пропаганды до совершения насильственных действий (терроризм). С повышением роли информации и превалированием опосредованной коммуникации пересматриваются устоявшиеся технологии воздействия на граждан и используются ранее не существовавшие каналы массового распространения вредоносной информации и способы осуществления запрещенной деятельности. Лица, ведущие экстремистскую деятельность, активно пользуются различными приемами информационного воздействия от выражения речевой агрессии до речевого насилия над личностью. Вербальный экстремизм представляет особый вид преступлений – лингвоправовой [3]. Исследованию данного феномена

посвящены работы таких ученых, как М. В. Аблин [1], Е. И. Галяшина [2], Б. Н. Пантелеев [5] и др.

В современных условиях удаленного общения вербальный экстремизм, в основном, приобретает имплицитный характер – открытые призывы и агитация уходят в прошлое. Агитация встречается, как правило, только в виде креолизованных текстов, содержащих сочетание вербальных и невербальных компонентов. Доказать экстремистский характер передаваемой информации с помощью таких сложных текстов практически невозможно, а вот воздействовать на адресата – просто в силу рационального и эмоционального психологического восприятия поликодовой структуры. Экстремисты активно используют особенности человеческой природы, заменяя агитацию на латентную пропаганду, маскируемую под дискуссии, обмен личной информацией или философские рассуждения.

Таким образом, вербальный экстремизм, в отличие от стандартных его проявлений, наносит не единовременный ущерб обществу и государству, а является «бомбой замедленного действия». Опасность данного вида экстремистской деятельности состоит в том, что это социальное оружие, действие которого зависит от характеристик социума, на который оказывается воздействие. Вредоносная информация, распространяемая экстремистами, приобретает новые формы и новое социальное звучание в зависимости от специфики адресата. Каждый участник коммуникации может стать потенциальным каналом передачи экстремистской информации в силу того, что он не обладает необходимым уровнем знаний, чтобы понять истинное значение кодированного сообщения. Так, можно сравнить вербальный экстремизм с быстро распространяющейся смертельно опасной болезнью, носитель которой не знает, что он инфицирован. Воздействие на людей при вербальном экстремизме происходит с помощью людей, что не позволяет со стопроцентной уверенностью прогнозировать результат. Поэтому последствия запуска механизма распространения информации невозможно контролировать.

Вербальный экстремизм как вид социального оружия является одной из наиболее страшных угроз для современного мироустройства. Борьба с ним невозможна без формирования «социальной компетентности» [6] в двух направлениях: личностное развитие индивида и понимание основ построения социума. Только при взаимодействии всех участников социальных отношений можно нивелировать действие социального оружия в процессе информационной войны.

1. Аблин М. В. *Экстремизм и экстремистские материалы в юрлингвистике* // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 36 (290).
2. Галяшина Е. И. *Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам* / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Юридический Мир, 2006. 96 с.
3. Громова Н. С. *Свобода слова и вербальный экстремизм в России: лингво-правовой аспект: монография*. Екатеринбург: Уральский институт коммерции и права, 2015. 200 с.
4. Манойло А. В. *Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта: материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность»*. Киев, 2005. Вып. № 8. С. 73 – 80.
5. Пантелеев Б. Н. *Объективная критика или вербальный экстремизм* // ЭЖ-Юрист. 2011. № 29. С.1 – 3.
6. Шабатура Л. Н. *Онтогенез традиции: монография*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 264 с.

ПОДРОСТКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Губанова А.Ю. (Москва)

Интернет охватывает все основные сферы жизнедеятельности человека (экономическую, политическую, социальную и духовную) и играет всё большую роль в жизни людей различных возрастов и большинства существующих профессий. Новые технологии уже стали неотъемлемой частью повседневной деятельности современного человека и, конечно, частью жизни подростков и молодежи – наиболее активно осваивающих информационное пространство. Сегодня сложно отрицать значимость и важность Интернета в жизни современного подростка.

Исследования детской и подростковой аудитории Интернета в России, к сожалению, проводились крайне редко и нерегулярно: в 2008 [1] и 2009 [2] годах Фондом «Общественное мнение» были проведены всероссийские исследования. Компания «TNS Global» в январе 2007 года запустила проект «Web Index», целью которого является получение детальной информации об объемах и характеристиках интернет-аудитории в России, сбор проводится в рамках панельного исследования жителей России в возрасте 12-64 лет ежемесячно. Согласно данным этого проекта, среднегодовая подростковая аудитория Интернета в России в течение последних 5 лет снижается [3]. Тогда как, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения ежедневная «взрослая» аудитория Рунета постоянно растет [4]. Этот парадокс может объясняться двумя причинами. В настоящее время наблюдается так называемое «омоложение» Интернета, дети всё раньше начинают выходить во Всемирную сеть. Уже в 2011 году для всей страны возраст вхождения в Интернет составлял 10 лет, а для крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург – 9 лет [5]. Проведенное в 2013 году исследование Фонда Развития Интернет, Факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова и компании «Google» показало, что 89 % подростков в возрасте 12-17 лет пользуются Интернетом каждый день, всего 1 % выходит в Интернет реже 1-2 раз в месяц, а не пользующихся Интернетом среди подростков обнаружено не было [6].

Лонгитюдное исследование поведения подростков в информационном пространстве [7] (1997–2012гг.), проведенное Общероссийской общественной детской организацией «Лига юных журналистов», показало, что Интернет используется школьниками не только для отдыха и общения, но и для учёбы, с познавательными целями, для саморазвития. Согласно результатам, Интернет выходит на первое место как источник значимой информации (71%), тогда как от друзей и от родителей такую информацию получает чуть более половины опрошенных подростков – 57,5% и 55,7% соответственно. В то же время, использование Сети не обедняет досуговые практики подростков: 68,5% опрошенных ответили, что проводят время с друзьями, тогда как компьютерные игры и использование Интернета занимают 3 и 4 позиции соответственно (47,3% и 46,7%). Телесмотрение занимает 2 позицию (56,2%), не смотря на потерю 18% по сравнению с результатами исследования 2005 г., когда просмотр телевидения занимал первое место среди всех вариантов досуга. Наиболее активно пользуются Интернетом подростки в возрасте 12-14 лет: обмениваются информацией (51,1%) и путешествуют по Сети (34,9%).

Подростки, в большинстве своем, предпочитают выходить в Интернет, используя личный компьютер или ноутбук (63%), домашним (общим) компьютером пользуются лишь 39 % опрошенных, общественным компьютером (по месту учебы, в интернет-кафе, библиотеке) пользуется только 5 % подростков. Интересно, что с 2008 года доля тех, кто пользуется Интернетом осталась неизменной: по данным исследования «Подростки и Интернет» [8], проведенного Фондом «Общественное мнение» среди 1085 респондентов в возрасте 14-17 лет 39 % выходили в сеть, используя компьютер по месту учебы, ещё 11 % - в интернет-кафе.

Интересен тот факт, что подростки, пользующиеся Интернетом, значительно больше общаются со сверстниками: 70,0% против 49,1%. На степень общения с родителями и посещение кружков и секций использование Интернета не оказывает принципиального влияния: с родителями общаются 29,3% подростков, пользующихся

Интернетом против 27,3%, тех, кто им не пользуется; ходят в кружки и секции 34%, тогда как среди тех, кто не выходит в Интернет таких 29,1%. Интересно и то, что «интернет-дети» чаще ходят на свидания (25,0% против 9,1%); для них важнее информация о жизни друзей и знакомых (8,4% и 3,6%), о родных и близких (6,7% и 1,8%). На основании этого исследователями сделан вывод о том, что «интернет-общение развивает эмпатию, больше ориентировано на другого» [7].

Роль общения в жизни подростков очень велика и социальные сети [9], как средство, используемое для общения через Интернет, пользуются особой популярностью.

Согласно результатам исследования «Дети России онлайн» [10], проводившегося Фондом Развития Интернет в 2010 году, 78% российских школьников пользуются социальными сетями. По данным последнего исследования Фонда Развития Интернет «Цифровая компетентность подростков и родителей» [11], проведенного в 2013 году, уже 92% подростков предпочитали общаться в социальных сетях. Наиболее популярной среди подростков социальной сетью является сеть ВКонтакте (91%); на втором месте оказался сайт Одноклассники.ru (43%); наименьшей популярностью пользуются Facebook (20%), MySpace и МойМир (24%) [11, 41]. По данным исследования «Дети России онлайн», почти треть подростков имеет более одного открытого профиля в разных социальных сетях. Регистрируются в сетях под своим именем и указывают точный возраст и номер школы, в которой учатся, 60-80% российских подростков, каждый пятый подросток имеет более 100 друзей, а средний показатель равен 30 друзьям [10, 48-49].

Важно отметить, что до принятия в 2012 году закона № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [12] подростки не были склонны завышать свой реальный возраст в социальных сетях, что объясняется отсутствием каких-либо существенных возрастных ограничений в Рунете. В будущем ситуация может измениться – закон №436-ФЗ ограничивает свободу использования информации, распространяемой посредством сети Интернет, а значит у детей и подростков может появиться желание завышать свой реальный возраст ради доступа к недоступным для них ресурсам.

Исходя из описанных выше данных, представляется возможным составить описание типичного представителя современной подростковой аудитории Рунета – девушка 12-14 лет, выходящая в Интернет преимущественно из дома и проводящая в сети от трех до 8 часов в день в будни и от 5 до 12 часов в выходные дни.

1. *Подростки и Интернет. [Электронный ресурс], 2008.-URL: <https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=http://bd.fom.ru/pdf/podinte0801.pdf> (дата обращения 18.09.15).*
2. *Дети в информационном обществе, Информационный бюллетень от 26.08.2009. [Электронный ресурс].-URL: <https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=http://bd.fom.ru/pdf/int.b1.pdf> (дата обращения 18.09.15).*
3. *Проект Web Index. [Электронный ресурс].-URL: <http://tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/description/> (дата обращения: 25.05.2015).*
4. *Пресс-выпуск №2692 «Просторы интернета: развлечения, общение, работа...». [Электронный ресурс].-URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115018> (дата обращения: 24.01.2015).*
5. *Итоговый отчет исследования "Дети России онлайн" // Официальный сайт проектов Фонда Развития Интернет. [Электронный ресурс], М. 2011.-URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_05-29-11.pdf*
6. *Г. Солдатова. Они другие? // Дети в информационном обществе. - 2013. - № 14. - С. 25.*
7. *Цымбаленко С.Б., Шариков А.В., Майорова-Щеглова С.Н., Макеев П.С., Результаты социологического исследования «Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства» / Москва, 2012.-URL: <http://w>*

8. Ефим Галицкий «Подростки и Интернет» // Официальный сайт Фонда «Общественное Мнение» (ФОМ) [Электронный ресурс], М. 2012.-URL: <https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=http://bd.fom.ru/pdf/podinte0801.pdf> (дата обращения 27.02.2015).
9. Социальная сеть – сетевая услуга, которая позволяет частным лицам (1) строить общественные или полубытовые профили в пределах ограничений, наложенных системой, (2) определять список других пользователей, с которыми они могут общаться и делиться инф
10. Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю. Зона риска. Российские и европейские школьники: проблема онлайн-социализации // Дети в информационном обществе. - 2011. - №7. - С. 46-55.
11. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. – М: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.
12. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Официальный сайт издания «Российская газета». [Электронный ресурс], М. 2000.– URL: <http://www.rg.ru/2010/12/31>

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Демушина О.Н., Семикина Ю. Г. (Волгоград)

В современном информационном обществе характер взаимоотношений власти и средств массовой информации оказывает влияние на направленность и глубину социальных процессов, определяет качество социальных связей. Современные СМИ зачастую отражают государственную идеологию и способствуют "замещению" реальной действительности искусственной, а также содействуют формированию неомифологического сознания. Ряд исследователей полагает, что средства массовой информации конструируют социальную реальность, описывая события определённым образом и наполняя их новым смыслом [6, с. 71]. Можно сделать вывод, что посредством СМИ создаются социальные мифы, трактующие события определённым образом.

Вслед за Б.В. Бирюковым мы понимаем "идеологию" как систему превращенно-ложных представлений о некоем круге реалий. "Сразу же отметим и еще одно примечательное обстоятельство: родство идеологии (в рассматриваемом нами смысле) с мифологией. Речь идет не только о сходстве "идеологии" с так называемой социальной мифологией, определяемой как "особый тип духовной деятельности по созданию и распространению политических мифов", связываемой с идеологической практикой XIX – XX столетий" [2, с. 5].

Доминирующая в обществе элита, заинтересованная в определенной идеологии, создает или поддерживает систему идеологем, которые должны быть приняты и получить распространение в соответствующем социуме. Поскольку элита, обладающая позитивно-информационной, негативно-информационной и властной привилегиями, монополизирует право на интерпретацию основных положений идеологии, то она конструирует ирреальный мир и систему его внедрения в сознание членов социума, в коллективное подсознание [2, с. 5].

В современной идеологии создаются картины "светлого будущего", которые менее всего совпадают с обликом реальной жизни. Для виртуального восполнения и "маскировки" недостатков идеологии используются СМИ, сообщения в которых основываются на относительном "Реальном", участвующем в массовом производстве ценностных суррогатов. Этому в значительной степени способствует сама природа СМИ,

позволяющая создать референцию к вытесненной ценности. Информация, представленная с СМИ, функционирует в коллективном бессознательном как сложный механизм переноса ценности на новый субстрат» [8, с. 130].

СМИ способствуют конструированию различного рода ценностных субститутов. СМИ также являются своеобразным зеркалом эпохи, поскольку в них отражается (творится) реальность, созданная под воздействием социальной мифологии в угоду государственной идеологии.

Большинство СМИ в информационном обществе, несмотря на декларируемую ими независимость, являются основным инструментом формирования и поддержания социальной мифологии, а также средством формирования общественного мнения при решении политических, экономических, идеологических и других задач правящих элит государств.

Особенно значимой становится роль СМИ в периоды военной, политической, идеологической конфронтаций между странами и различными военно-политическими блоками, когда их задачи смещаются в сторону формирования общественного мнения, а не детального и подробного новостного информирования. Способы и средства воздействия при этом носят в большинстве случаев скрытый манипулятивный характер, что отличает их от открытой пропаганды и повышает эффективность воздействия.

Манипулятивное информирование на конечном этапе подготовки и трансляции новостных, аналитических и других материалов посредством печатных и электронных каналов ставит перед собой конкретную цель: стать для потребителя объективным, правдоподобным источником информации, заслуживающим доверия. Для достижения этой цели СМИ, обслуживающие государственную или иную идеологию, представляют аудитории материал, который выстроен в соответствии с определенными задачами манипулирования, средствами манипулирования, методами обработки и подачи информации и т.д.

Методы информационных войн 20 века позволяют в полной мере оценить действенность манипулятивных стратегий воздействия СМИ на общественное мнение.

Средства манипулирования, используемые в современных СМИ, определяют выбор адресантом коммуникативных стратегий в зависимости от поставленных целей коммуникации и особенностей лингвокультуры, обусловленность эффективности воздействия СМИ, применяемых манипулятивных стратегий в зависимости от целей коммуникации. Выбор стратегий манипулирования и вербальных средств, а также тематики рассматриваемого материала различается в различных лингвокультурах.

Использование технологий манипулирования в СМИ можно разделить на две составляющие: политолого-социологическую (политический процесс, политическая коммуникация, политические акторы, социальная мифология, реакция общества на манипулятивные действия СМИ) и лингвистическую (политический язык, политические тексты, лингвистические стратегии, лингвистические ресурсы, аксиологические средства воздействия на аудиторию).

Особую роль при создании социальной мифологии играет анализ языковых и неязыковых аксиологических средств, используемых при описании и комментировании событий и персоналий. Важным фактором оценки эффективности манипулятивного потенциала СМИ является определение степени воздействия этих средств на аудиторию.

Научным коллективом Волгоградского филиала РАНХиГС в настоящий момент проводится социолингвистическое исследование, цель которого – выявление и анализ манипулятивных средств воздействия, применяемых отечественными и зарубежными средствами массовой информации. Для этого апробируются методика и инструментарий исследования, разработанные участниками проекта. Анализ проводится на обширном языковом материале, включающем в себя тексты средств массовой информации трёх стран – России, Германии и США. Данные, полученные в ходе лингвистического и контент-анализа, планируется дополнить результатами социологического опроса,

выявляющего степень воздействия манипулятивных стратегий на различные социальные и возрастные группы, а также реакцию общества на это воздействие.

Исследование материалов печатных и электронных СМИ России, Германии и США, анализ общественного мнения позволят:

1) определить методы, а также описать и классифицировать средства манипулирования общественным сознанием, в том числе:

- методы и способы селекции информации,
- методы дезинформации реципиентов относительно сути, причин и последствий происходящих процессов и событий,
- приемы включения текстовых материалов в неадекватный им событийный дискурс,
- использование языковых/стилистических средств для достижения прагматических целей манипулирования и др.;

2) выявить специфику использования языковых и неязыковых манипулятивных средств в текстах СМИ разных стран;

3) сконструировать модель оценки эффективности прагматического воздействия манипулятивных технологий, используемых СМИ;

4) выработать рекомендации, направленные на противодействие и нейтрализацию манипулятивным приемам, используемым в информационном пространстве.

Изучение содержательных аспектов манипулятивных технологий будет способствовать преодолению мировоззренческих и методологических трудностей, связанных с взаимодействием культур. Разработка модели эффективности прагматического воздействия применяемых в современных СМИ манипулятивных технологий, внесёт вклад в конструирование системы средств реализации коммуникативных стратегий манипулирования.

Результаты подобного исследования дадут возможность выработки конкретных рекомендаций, направленных на противодействие манипулятивным приемам, используемым в информационном пространстве. Для представителей общественности подобные исследования позволяют сформировать более объективную картину мира, поскольку знание методов и приемов манипулирования позволит снизить уязвимость реципиента к воздействию манипуляторов.

1. Бергер, П. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания [Текст]* / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бирюков, Б.В. *Социальная мифология, мыслительный дискурс и русская культура* / Б. В. Бирюков. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusreadorg.ru/issues/hl/hl3-01.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Бурдьё, П. *Социальное пространство и символическая власть [Электронный ресурс]* / П. Бурдьё // Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 181-207 // Режим доступа: <http://www.mgimofp.narod.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
4. Грушин, Б.А. *Массовое сознание: Опыт определения проблемы исследования [Текст]* / Б. А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
5. Дебор, Г. *Общество спектакля [Электронный ресурс]* / Г. Дебор / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. – М.: Логос, 1999. – 224 с. // Режим доступа: <http://www.avtonom.org/lib/theory/debord>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Демушина, О.Н. *СМИ как инструмент легитимации институтов власти [Текст]* / О.Н. Демушина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 3. – С. 71-75.
7. Кастельс, М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст]* / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
8. Семкина, Ю.Г. *Феномен «государственного отцовства» в современной женской прозе [Текст]* / Ю.Г. Семкина // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. – 20013. – № 1 (76). – С. 129-133.

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА НЕЧЕТКОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Евсеев Е.А. (Санкт-Петербург)

Структура показателей, задействованных при социологическом анализе, как правило включает в себя не только показатели, имеющие естественное количественное измерение или представляемые в виде количественных значений, но и качественные показатели.

Традиционные количественные методы ограничены в возможности непосредственного включения в анализ таких характеристик, как, например, ценностные установки. Проблемы возникают и с формализацией экспертных оценок подобных показателей. Игнорирование подобных факторов может привести как к неудовлетворительному качеству моделей по формальным признакам, так и к снижению их объясняющей способности.

Одним из путей преодоления ограничений количественных методов в исследовании электорального процесса представляется применение возможностей нечеткой математики, имеющей дело с лингвистически неточной информацией. Именно на этой теоретической основе возможно построение моделей электорального поведения, учитывающих такие слабоформализуемые, нечеткие по своей природе факторы, как ценностные, культурные установки, уровень политического сознания.

За последнее десятилетие в различных областях — управлении техническими, организационными системами, экономическими и социальными процессами, разработано большое количество разнообразных моделей, в основе которых лежит нечеткая математика. Для социологических исследований особый интерес представляют такие практические методы анализа данных, как метод нечеткого качественного сравнительного анализа (fsQCA), предложенный С. Ragin [1]. Этот метод является развитием качественного сравнительного анализа и основан на описании причинно-следственных связей в виде соотношений между нечеткими множествами. Отметим основные шаги и особенности применения этого метода, реализованные в пакете fsQCA v.2.5 [2].

На первом шаге применения метода качественного сравнительного анализа с использованием нечетких множеств исходные данные (описания исследуемых объектов) преобразуются в нечеткие множества. Для этого, прежде всего, теоретически описываются интересующие нас явления (например, высокий уровень ксенофобии) и конструируется система индикаторов и шкалы, на основе которых можно оценить степень выраженности характерных для этого явления свойств. Полученная оценка (обычно число от 0 до 1) интерпретируется как степень принадлежности рассматриваемого объекта совокупности объектов с указанными свойствами и называется значением функции принадлежности. Совокупность объектов, каждому из которых сопоставлено значение функции принадлежности образует нечеткое множество. Следует подчеркнуть, что приписывание значения принадлежности не должно быть формальным процессом (например, механически соответствовать градациям шкалы Лайкерта), а должно опираться на содержательный анализ как свойств отдельных объектов, так и всей их совокупности. В пакете fsQCA значения принадлежности количественного показателя могут быть определены на основании процедуры калибровки, параметрами которой являются значения показателя, соответствующие 0,05, 0,5 и 0,95 степеням принадлежности. Выбор этих пороговых значений, опять же, целиком зависит от содержательной интерпретации исследователем рассматриваемых явлений.

Целью использования метода качественного сравнительного анализа является установление набора достаточных и необходимых условий изучаемого явления, т.е. причинно-следственной аргументации. На языке нечетких множеств это устанавливается

путем проверки того, что степень принадлежности объекта к одному множеству выше, чем к другому. Достаточные условия определяются на основе анализа таблицы истинности. На первом шаге этого анализа выбираются переменные (уже представленные в виде нечетких множеств), комбинации которых могут рассматриваться в качестве причин, т.е. достаточные условия для переменной, выбранной в качестве результата. В результате получается таблица, содержащая все 2^k комбинаций (где k — количество выбранных переменных-причин). Для каждой комбинации в таблице приведено количество наблюдений, соответствующих данной комбинации с принадлежностью не меньше 0,5 и кумулятивная доля таких наблюдений. На основании этой информации исследователь должен решить какие комбинации оставить для дальнейшего анализа: как правило оставшиеся комбинации должны покрывать как минимум 75% наблюдений. На следующем шаге (на основании дополнительных характеристик совместимости комбинаций-причин и исхода) необходимо выбрать комбинации признаков, для которых, по мнению исследователя, наблюдается проявление результативного признака.

На заключительном шаге выполняется процедура логической минимизации имеющихся комбинаций признаков-причин. В итоговом отчете приводится 3 варианта решения, отличающиеся алгоритмом обработки остатков. Для каждого варианта решения вычисляются коэффициенты покрытия и совместимости. Коэффициент покрытия можно интерпретировать как степень того, как полученное решение «объясняет» результат с точки зрения функций принадлежности. Коэффициент совместимости показывает насколько значение нечеткое множество решения является подмножеством нечеткого множества результата (т.е. «совместимо» или «непротиворечиво» с ним). Эти коэффициенты в совокупности характеризуют «качество» объяснения полученным решением предполагаемых причинно-следственных связей.

Метод качественного сравнительного анализа с использованием нечетких множеств представляет собой уникальный подход к анализу данных — он позволяет работать с небольшими по объему выборками, когда статистические методы неэффективны, закономерности в виде комбинаций значений признаков, предлагая различные причинные объяснения для одного и того же явления, конструируя так называемые причинные типологии. Проблемы при использовании этого формализованного (на первый взгляд) метода на практике состоят в том, что метод подразумевает содержательное обоснование выбора таких параметров как пороговые значения функций принадлежности, степени соответствия комбинаций-причин результативному признаку, что требует глубокого содержательного, качественного анализа рассматриваемых явлений и причинно-следственных связей.

1. C. Ragin. *Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond*. University of Chicago Press, 2008.
2. Ragin, Charles, and Sean Davey. 2014. *fs/QCA [Computer Programme]*, Version 2.5. Irvine, CA: University of California.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ РОССИИ

Егорова Ю.В. (Москва)

«Кто владеет информацией, тот владеет миром», - это крылатое выражение как нельзя точно описывает нашу эпоху. События последних лет (югоосетинский конфликт 2008 г., вхождение Крыма в состав России в 2014 г.), доказывают, что в современном мире мощным оружием стали слово и информация.

В новых международных условиях России необходимо формировать образ сильной, самостоятельной и целостной страны, в том числе, с помощью новых информационных технологий, средств массовой информации. Выполнению данной задачи мешает сильное информационное воздействие западных СМИ, в этой связи перед автором встают задачи объективного исследования информационной войны, анализа причин, закономерностей и последствий информационных атак. Тема информационной войны достаточно проработана на научном уровне и на уровне общественных дискуссий, однако отсутствуют данные о научном анализе методов ведения информационной войны России против ее соперников и социальных последствий информационного воздействия, влияющего, в том числе, на конструирование имиджа государства, в связи с чем данная работа приобретает особую значимость.

Теоретической основой данной работы служили труды военных классиков К. фон Клаузевица, Б.Г. Лиддел Гарта, Сунь-Цзы, которые одни из первых систематизировали военный опыт; также сделан упор на изучение трудов иностранных и отечественных специалистов, конкретно занимающихся информационными технологиями в мировой политике: Дж. Стейна, А. Даллеса, Дж. Ная, Г.Г. Поцепцова, А.В. Манойло, И. Панарина, С.П. Расторгуева, В.И. Слипченко, С.Н. Гриняева. В работах В.И. Слипченко и С.Н. Гриняева проведен глубокий анализ различных поколений войн, Г.Г. Почепцов, А.В. Манойло, И. Панарин и С.П. Расторгуев рассматривают роль СМИ и пропаганды в информационной войне, иллюстрируя теорию примерами, в первую очередь, американских военных операций. Концепция Дж. Ная полезна для анализа неформальных рычагов влияния в мировой политике, так называемой «мягкой силы», «умной силы», «киберсилы». Материалом для анализа также выступали обзорные публицистические статьи, интернет-источники (официальные сайты спецслужб и газет), особое внимание было уделено portalу информационного агентства «Россия сегодня».

Анализ методов ведения информационной войны позволяет говорить о высоком уровне манипуляции сознанием людей не только в современном мире, но и в прошедшие времена. События последних лет спровоцировали рост движения людей в защиту права частной жизни и тайны переписки, нарушаемые системами глобальной слежки, такие как «PRISM», «Эшелон», а также неизвестными общественности системами перехвата информации со средств мобильной и спутниковой связи.

Вторичный анализ статистики, собранной международным информационным агентством «Россия сегодня» о контексте упоминания России в зарубежных СМИ и представленной в виде 20 инфографик, доказал, что идет настоящая информационная война, в результате которой среди мировой общественности рисуется образ глубокого политического, экономического и духовного кризиса России, возглавляемой президентом-диктатором.

Наиболее информационно активными странами, регулярно попадающими в ТОП-3, являются наши западные партнеры – Германия (20 раз в ТОП-3, 17 раз на первом месте), Великобритания (16 раз в ТОП-3, 3 раза на первом месте), Франция и США (обе страны упоминались в ТОП-3 по 9 раз). Особо агрессивно настроены к нам следующие государства: Германия (13 раз попадала в ТОП-3 по индексу агрессивности), прибалтийские страны (Латвия, Литва, Эстония) (8 раз), США (6 раз), Польша (5 раз) и Украина (5 раз). Дружелюбными к нам (количество положительных публикаций превышает негативные) являются наши партнеры по БРИКС - КНР, Индия, Бразилия, страны Средиземного моря, такие как Италия и Испания, и Швейцария.

Учитывая географию наиболее агрессивных печатных изданий, под сомнение ставится возможность установления прочного франко-русского или германо-русского союзов, которые будут являться угрозой для американской гегемонии на европейском континенте.

После вхождения полуострова Крым в состав Российской Федерации в зарубежных средствах массовой информации можно наблюдать две альтернативных тенденции: запуск

в ход негативных имиджевых стереотипов в отношении России на Западе, где особо популярны были образы агрессивной имперской России, страны-захватчика, милитаристкой империи, которые традиционно вписываются в архетипическое противостояние «тоталитарной империи Востока» и «свободолюбивого демократического Запада». Дело не обошлось только моральными санкциями, после подписания Президентом РФ федерального конституционного закона о формировании новых субъектов РФ – Республики Крым и город федерального значения Севастополь, США и Европейский Союз ввели санкции против граждан РФ. Второй тенденцией является неожиданное опровержение стереотипов о России как об «отсталой стране»: проведение операции по присоединению Крыма «без единого выстрела» и «вежливые люди» поразили мировую общественность.

Успешное сопротивление негативному образу России оказывает деятельность телевизионная сеть Russia Today, представляющая собой три информационных канала, вещающих круглосуточно более чем в 100 странах на английском, арабском и испанском языках. Анализ сетки вещания RT показал, что телеканал ориентирован не только на отражение официальной позиции России, но и на актуализацию интересов протестных групп граждан в Европе и США.

Для проверки силы влияния российских СМИ на внутреннюю аудиторию было проведено пилотное качественное исследование «Влияние российских СМИ на представления россиян об украинском конфликте». Контент-анализ отечественных СМИ позволил выявить методы информационного воздействия на наших граждан: информационная перегрузка (в том числе увеличение длительности выпуска новостей, введение «Новостей часа»), дезинформирование, использование слухов, актуализация «военной» лексики. Контент российских СМИ насыщен информацией об украинском конфликте, обращение происходит к общей исторической памяти, формируется образ коллективного врага в лице Западной Украины, США и ЕС, акцентируется внимание на общем прошлом России и Украины (участие в Великой Отечественной войне), основными ценностями выступают поддержка славянского единства, укрепление русского языка, как скрепляющего начала.

Итак, анализ российской государственной информационной политики, имиджа России после присоединения Крыма и исследование деятельности средств массовой информации показывают, что российское государство может стать серьезным противником в информационной сфере, несмотря на значительное технологическое отставание от стран НАТО. Для этого необходимо развивать сеть российских СМИ, достойно представляющих Россию за рубежом, ликвидировать или стараться сократить технологическое отставание от западных стран. Констатировать можно одно: сегодня на международной арене появляется новый игрок – сильная, мощная, самодостаточная, умеющая защищать себя и свои интересы Россия.

Стоит отметить, что эти выводы не следует экстраполировать на текущую обстановку в информационном пространстве, очевидно, с меняющейся политической ситуацией меняется и характер подачи информации.

1. *Гриняев С.Н., Арзуманян Р.В., Карп Е.И. Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции, события, факты, комментарии. М.: 2014.*
2. *Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – М.: Горячая линия-Телеком, 2003.*
3. *Матишов Г. Украина и Россия. Книга иллюстраций, взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Южный научный центр РАН 2014 г.*
4. *Панарин И. СМИ, пропаганда и информационные войны. – М.: Litres, 2013.*
5. *Nye J. S. Soft power: The means to success in world politics. NY: PublicAffairs, 2004.*

6. *Образ России в мире: анализ зарубежных СМИ.* URL: <http://ria.ru/infografika/20150716/1130127964.html> [Дата обращения: 3.10.2015]
7. *Cyber Europe 2010 Exercise has started.* URL: <http://www.enisa.europa.eu/media/news-items/cyber-europe-2010-exercise-live> [Дата обращения: 3.10.15]

ЧЕЛОВЕК В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Жигулева А.В., Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург)

Сегодня мы все состоим в социальных сетях. Да, кто-то не использует виртуальные сети, но в реальности все люди так или иначе связаны друг с другом. Проблемой взаимодействия людей в сети, в целом сетевым подходом к изучению общества занимались такие известные ученые, как Мануэль Кастельс[1], Элвин Тоффлер[2], из отечественных: Владимир Яковлевич Ельмеев[3]. Поэтому вопрос изучения социальных сетей и взаимодействия людей внутри них является актуальным.

В своей предыдущей работе «Социальная сеть как объект исследования», я определила само понятие социальной сети, рассмотрела взгляды различных ученых на данное понятие, также кратко осветила работу Интернета, показала, каким образом Интернет как площадка для существования социальных сетей влияет на их специфику. Также было определено, что человек является субъектом социальной сети. Однако этот факт вызывает ряд вопросов, так как придает самой сети ряд дополнительных особенностей. Мы задумываемся о том, всегда ли человек существовал в социальной сети? И какие именно взаимоотношения людей мы считаем встроенными в социальную сеть, а какие нет?

Целью своей работы я вижу использование методологических основ авторов в качестве основы исследования, рассматривая воспроизводство общества, человека как субъект сетевых отношений, элемент сетевой структуры, причем не в статике, а с позиций постоянного воспроизводства. Для этого необходимо рассмотреть позиции различных авторов на развитие человека в рамках социальной сети, выявить механизмы социального воспроизводства человека и общества, определить характерные признаки социальной сети, которые могут обуславливать поведение людей внутри нее, а также рассмотреть социальную сеть как условие воспроизводства человека и общества.

Таким образом, объектом являются социальные сети во всем их многообразии, а предметом социальные сети, существующие в Интернет-пространстве. Исходя из задач, можно проследить и структуру моей работы. Мне видится целесообразным начать с вопроса о происхождении социальных сетей, о том, как и когда человек начал их конструировать, каким образом человек и общество социально воспроизводятся. Далее я считаю важным выявление особенностей социальной сети, ее функций, и, наконец, решение вопроса о роли сети в социальном воспроизводстве человека и общества.

Процесс воспроизводства общества это функционирование его элементов, первичными из которых являются человек. Их объединение в отдельные элементы приводит к образованию социальной структуры общества, которая регулируется социальными законами. Социальные законы это устойчивые повторяющиеся связи, отношения, которые образуются самой человеческой деятельностью. К анализу воспроизводства общества можно применить различные методологические основы, в частности: структурный функционализм, основателем и сторонником которого был Талкотт Парсонс, деятельностный, институциональный подходы. Я в своей работе использую сетевой подход.

В целом, рабочее определение: сеть – упорядоченная система взаимодействий между субъектами, образующими устойчивые сообщества, в основе которых лежит формирование общего ресурса, образуемого вкладами участников, и доступом участников к этим ресурсам для удовлетворения потребностей последних. Процесс воспроизводства

совершается в структуре сети, она динамическая, так как человек, действуя, участвует в сетевых отношениях, которые обеспечивают существование общества.

Сеть предполагает соответствующую систему коммуникаций, в наше время ее во многом представляет Интернет. При этом он во многом воздействует на изменение характера социальной сети. Но сеть сама по себе не работает, работают люди, для того, чтобы обеспечить свое воспроизводство и воспроизводство общества. В сетевую структуру объединяются люди, и, следовательно, рассматривая с позиций воспроизводства, сеть нужна, чтобы люди через нее выполняли функции. Таким образом, на мой взгляд, сеть служит:

1. Для расширения информационного и потребительского поля посредством технологий, компьютерных коммуникаций;

2. Для аккумуляции материальных и финансовых ресурсов, их эффективного использования. Например, сеть банков и наличие банковских карт.

3. Для аккумуляции культурных норм и образцов, обеспечения доступа к ним. Например, различные архивы и литература.

Сеть образуется для удовлетворения потребностей людей, следовательно, можно отметить, что одной из характеристик сети является направленность на удовлетворение потребностей, развитие взаимовыгодных взаимоотношений.

Люди сами конструируют социальные сети путем установления взаимных контактов, однако попадая в эту сеть и участвуя в ней, люди подчиняются ей и уже не могут активно менять условия функционирования данной сети. То есть человек несвободен, он находится в системе отношений, которую можно рассматривать как сетевую, но можно и иначе, например, как межличностные отношения, как статичную структуру.

В процессе исследования я проанализировала подходы к социальному воспроизводству общества и, на мой взгляд, наиболее удачным является подход, предложенный Василием Яковлевичем Ельмеевым, который заключается в том, что социальное воспроизводство есть воспроизводство человека и его потребностей и это воспроизводство регулируется социальными законами.

Также я исследовала эволюцию сетевого подхода к анализу общественного воспроизводства. Можно заметить, что от Я.Л.Морено до современных концепций произошли существенные изменения. От рассмотрения межличностных отношений в рамках малых групп наука дошла до введения нового аппарата в анализ связей, включая разделение связей на слабые и сильные. Информационное общество открывает для сетевого подхода большой простор в исследованиях и нами предлагается определение понятия социальная сеть, а также ее функции.

И, наконец, я изучила особенности социального воспроизводства человека и общества в условиях информационного общества. Главная особенность состоит в том, что информатизация создает принципиально новые возможности для формирования потребностей человека и их удовлетворения за счет нового типа социальных сетей.

1. *Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK:Blackwell,1996, 580 p*
2. *Тоффлер, Э. Третья волна, М.: АСТ, 2010. 784 с.*
3. *Ельмеев В.Я. Воспроизводство общества и человека.- М.:1988. 268 с.*
4. *Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ//Образовательные технологии и общество, 2014, т.17, выпуск 1.Стр. 655.*
5. *Садыгова Т. С. Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки ТГУ. – 2012. – №3 (10). – С. 192–194.*

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Концепция непрерывного образования в последнее время обретает все большую популярность в России в связи с трансформационными процессами в образовательной системе. Именно непрерывное образование может способствовать инновационному рывку России в условиях информационного общества. Рассмотрим, каковы перспективы развития непрерывного образования в России.

«Непрерывное образование - процесс роста образовательного (общего и профессионального) потенциала личности в течение жизни, организационно обеспеченный системой государственных и общественных институтов и соответствующий потребностям личности и общества. Целью н.о. является становление и развитие личности как в периоды её физического и социально-психологического созревания, расцвета и стабилизации жизненных сил и способностей, так и в периоды старения организма, когда на первый план выдвигается задача компенсации утрачиваемых функций и возможностей» [2, с.168].

Сама идея непрерывного образования не является новой. Существуют как минимум две версии ее происхождения [1, с.176]. Сторонники первой версии утверждают, что мысль о необходимости постоянного, перманентного состояния познания наблюдалась уже в работах античных философов и нашла свое развитие в работах мыслителей Нового времени. Приверженцы второй версии связывают «официальное» оформление концепции непрерывного образования с эпохой научно-технической революции (далее – НТР). Конечно, данная версия выглядит более убедительной, поскольку сама необходимость «легитимации» перманентного образования связана не только с изменением социальной роли образования, но и в целом, с изменением роли знания в обществе. «Научно-техническая революция определила быстроту морального старения знаний, т.к. темпы обновления средств и методов общественного производства, форм его организации, характера условий и содержания труда многократно ускорились» [1, с.176].

На сегодняшний день, в условиях роста значимости знания, а также изменения его функций, в связи с глобализационными процессами и, ввиду, безусловно возрастающей роли информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), вопрос о стратегии развития системы непрерывного образования в России обостряется. Ситуацию, сложившуюся сегодня, можно описать как ситуацию разрыва между требуемыми квалификациями и умениями, наличествующими знаниями с одной стороны, и «<...> ограниченными в любых «конечных» образовательных системах возможностями для овладения ими - с другой» [6, с.332]. Это одна из главных проблем, стоящих на пути инновационного рывка российской экономики. Причина этой проблемы кроется в преобладающем долгое время «фрагментарном образовании», которое «ограничивалось тем возрастным барьером, до достижения которого человек считался способным к обучению» [4, с.462]. Обсуждаемый вопрос не затрагивает советский период в истории страны, поскольку концепция жёсткого стандарта в образовательной системе и её взаимодействие с плановой экономикой, и вообще, сам характер социально-экономической формации, исключали наличие подобных проблем. Система непрерывного образования, по мнению Мангейма, должна была стать лекарством от фрагментарности, заполнив этот разрыв. Однако сегодня, оценивая российскую действительность, трудно согласиться с известным социологом.

Дело в том, что на пути развития практики непрерывного образования, отвечающего требованиям общества знания, неизбежно возникают преграды. Первая преграда – это собственно характер новых ИКТ. Их бурное развитие и повсеместное внедрение в образовательные процессы спровоцировали возникновение в конце 90-х годов прошлого века, так называемое дистанционное или электронное («удаленное») обучение [5, с.130-131]. Сегодня на Западе такое обучение крайне популярно и даже

начинает составлять конкуренцию традиционному университетскому образованию. Поскольку такой процесс получения знаний имеет существенные для современного человека преимущества (доступность, самостоятельный выбор графика, удобство), оно позволяет не прерывать свое обучение буквально на протяжении всей жизни. Благоприятные социально-экономические условия для высокой социальной мобильности, необходимость соответствовать конъюнктуре, сегодня все чаще побуждают некоторых индивидов к «продолжающемуся», перманентному процессу познания и самосовершенствования. Кроме того, «правильно» приобретенное знание не просто приносит моральное удовлетворение, но, главным образом, имеет практический смысл, то есть – коммерческий результат.

Однако в связи с тем, что сегодня наблюдается поливариативность способов организации учебного процесса фрагментарность в образовании, о котором мы упоминали ранее, не преодолевается, а скорее, наоборот, увеличивается. Хотя ИКТ обеспечивает человека свободой выбора и высокой способностью к трансформациям и изменениям, он скорее будет нацелен на получение знаний, руководствуясь материальными и практическими соображениями соответствия экономической среде, а не желанием «заполнить пробелы» школьного или университетского образования.

В России проблема заключается в восприятии самой концепции непрерывного образования. Несмотря на то, что сегодня совершаются шаги для создания условий профессионального роста и развития, большинство соотечественников относится к данной перспективе, как правило, с недоверием, либо вообще не задумывается о её необходимости. На смену привычному ощущению стабильности, неизменности, размеренности социально-экономической реальности должно придти осознание быстротечности, изменчивости, мобильности и гибкости. Однако, это длительный и многоступенчатый процесс.

В государственной программе «Развитие образования 2013-2020» декларируется «формирование гибкой, подотчетной обществу системы непрерывного образования, развивающей человеческий потенциал и обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации» [3]. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» дополнительное профессиональное образование описывается как вынужденная мера, необходимость. В самом названии этого вида образования изначально заложена компенсаторная, восполняющая функция, но отнюдь не обогащающая, дающая новый опыт и знания. До тех пор, пока остальные уровни российского образования сохраняют ориентацию на свою конечность, завершенность, послевузовское образование будет интерпретироваться как «дополнительное», но не как ступень, открывающая новые горизонты для познания и обучения.

Поэтому вторая преграда на пути формирования «образования через всю жизнь», а не «образования на всю жизнь» - это сама концепция отечественной системы образования, ее парадигмальная обусловленность. Внедряемые новые информационные технологии, как правило, отторгаются традиционализмом и консерватизмом преподавателей, подавляющее большинство которых представляют старшую возрастную категорию. В этом, конечно, нет ничего удивительного. Кроме того, опыт последних десятилетий в области реформирования системы образования с трудом можно назвать успешным, что также снижает стремление к новшествам. Гораздо важнее вопрос о том, как преодолеть разрыв между стабильным по форме и содержанию, а также ограниченными возрастными рамками традиционным образованием и динамично развивающейся социально-экономической, общественной российской действительностью. Без изменения подхода к образованию это сделать невозможно. Единственный вариант преодоления этого разрыва – формирование концепции изменяющегося образования. «Трансформация существующего образования в непрерывное означает поворот от сциентизма к гуманизму, от школоцентризма и авторитаризма к единству образования и самообразования, к

демократизму: от складирования информации и описательности к осмыслению связей и отношений действительности <...>, от эклектики к диалектике, к фундаментальности» [6, с.333]. Только такое образование будет считаться непрерывным – всеохватывающим и всеобщим, благодаря которому каждый сможет построить свою стратегию развития.

1. Аношкина В.Л., Резванов С.В. *Образование. Инновация. Будущее (методологические и социокультурные проблемы)*. Ростов-на-Дону: РО ИПК и ПРО, 2001.
2. Бим-Бад Б.М. *Педагогический энциклопедический словарь*. — М., 2002.
3. Государственная программа «Развитие образования 2013-2020». Система Гарант: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/70643472/#block_3. (Дата обращения: 10.08.2015).
4. Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. М., 1994.
5. Осипов Г.В., Степашин С.В. *Экономика и социология знания*. М.: Наука, 2009.
6. Смирнов А.В. *Концептуальные основы акмеологической стратегии развития системы непрерывного образования*. // Вестник ОГУ, 2011. № 2(121).

КОММУНИКАЦИЯ VS ИНФОРМАЦИЯ: КОНФЛИКТ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКАХ

Игнатьев В.И. (Новосибирск)

С середины XX века социум подвергается все более интенсивному и агрессивному воздействию информационно-коммуникационных технологий, что приобрело характер масштабного манипулирования массовым сознанием и наступлением эпохи информационных войн. Информационные технологии манипуляции опираются на возможность активизировать некоторые ментальные структуры человеческого поведения – ценности, смыслы и мотивы – заложенные в процессе приобретения индивидами коллективного опыта. Однако эти технологии, как правило, не затрагивали социетальной основы коллективного поведения. Ситуация изменилась после глобализации медиатехнологий, прежде всего, на основе Интернет. Направленные на индивидов информационные потоки переходят из режима диссонанса с ментальными структурами – что требует использования “технологий преодоления сопротивления” (манипулятивных практик) – к режиму резонанса, т.е. воздействию на сам социальный генотип, укорененный в культурных архетипах [1]. Моя гипотеза: на определенной стадии нарастания информационных потоков они перешли в режим “взламывания” социальной структуры и ее качественной трансформации. Это приводит не только к перекомбинации структур культурных образцов, но и к их мутации и формированию новой социальной реальности – социума постмодерна.

Главным итогом информационно-компьютерной революции было усовершенствование средств для увеличения объема хранимых сведений, скорости их передачи и распространения, т.е. удовлетворении потребности в безграничном коммуницировании. На втором плане было и остается содержание коммуницирования, наличие передаваемых сведений в форме либо необработанной информации, либо же информации осмысленной – знания.

Для передачи нужен получатель – другие субъекты, но если они не обладают потребностью в новых сведениях, они не будут коммуницировать. Именно здесь открывается социальная сторона природы роста информации. Перед нами разворачивается картина экспансии социальной, а не технической системы – системы социальных взаимодействий, и самого социального, поскольку социальное – это процесс информационных взаимодействий между людьми, потребляющими сведения о ресурсах и

способах овладения ими. Социальная система – это взаимодействие по форме выступающая как коммуникации, а по содержанию – информация. Именно обмен сведениями, завладение сведениями “другого” – и есть глубинный мотив нарастания коммуникаций и производства сведений [2].

Информационная перегрузка, информационный дефицит, рост невостребованных сведений – это реакция людей, основанная, как правило, на непонимании ими происходящего. Невостребованная информация это не проблема, а факт. Не проблема, которую непременно нужно решать не считаясь с затратами, поскольку человек отбирает только те сведения, которые ему нужны для решения конкретных повседневных задач. Остальные сведения – это “шум”, который отправляется на склады баз данных или уничтожается. Однако содержание (объем информации) влияет на форму – объемы, скорость, интенсивность и масштабы коммуницирования, которые действительно взрывным образом возросли для каждого конкретного индивида. Ему кажется, что проблема в росте сведений. На самом деле проблема в интенсивности и масштабах коммуницирования, которые ему предлагает и навязывает окружающий социальный мир. Он и искушает индивида, и задает императив: если ты современен – то должен подчиниться правилам жизни “коммуницированного” общества (а не только и не столько “информационизированного”). Ты должен согласиться быть полностью погруженным в постоянное коммуницирование, быть постоянно “подключенным”, стать “гаджетом”, иметь своего виртуал, всегда “быть на связи”.

И не информационная, а коммуникативная, прежде всего, перегрузка создает профессиональные и социальные проблемы. Гораздо в большей степени проблемой для современного человека является перегруженность его сознания и всего процесса общения с другими людьми непрекращающимся процессом роста числа символов, знаков, значений и смыслов, которые становятся барьером для взаимодействий, затрудняя, тем самым, социальную жизнь людей. Самое тревожное здесь – рост хаоса в индивидуальных картинах мира, распад знакомых образов и себя, и общества, и природной реальности. Растущая интенсивность коммуницирования “забрасывает” человека формами, не давая подсказки, каково их содержание.

Перегруженность каналов коммуникаций символическими артефактами, тотальное “засорение” симулякрами ведет к тому, что особенностью жизни современного человека стало глобальное и постоянное манипулирование им. Основной канал манипулирования это информационные потоки. Жить в современном обществе означает жить в толпе, но в исторически особой толпе, толпе глобальных информационно-коммуникационных потоков. Растворение в такого рода толпе означает попадание в социальный субстрат экзистенции современного человека. Это своеобразное “заражение” индивидуального от социального.

Эмпирически всеобщим, “тотальностью”, информация становится в период ее неограниченного роста, одновременно превращаясь в товар и сама являясь историческим модусом товара как эмпирически данной “клетки” капитализма. В основе этого превращения лежит процесс развертывания информации как единства смыслов и коммуникаций. Коммуникация как абстрактная и универсальная функция социального бытия знания способна безгранично возрастать (подобно капиталу как самовозрастающей стоимости) и безгранично потребляться, постоянно превращаясь в субстрат – новые смыслы. В информационно и коммуникационно насыщенном обществе смыслы производятся и потребляются без ограничения, теряя при этом само свойство быть смыслами (т.е. направленными на что-то и для чего-то), и, тем самым, превращаясь в функции коммуникаций. Происходит общение (коммуницирование) ради общения, обмен “бессмысленными смыслами”. В итоге потребление коммуникации ради коммуницирования без границ становится основным законом информационного социума.

В своем росте информация начинает подчиняться порождаемому ей самой системному качеству – тотальному процессу коммуникаций. В результате общество

переходит в состояние, когда индивиды коммуницируют ради коммуникаций, превращая коммуникации в фетиш, а информацию – в средство, служащее этому фетишу. Внешне мы наблюдаем буйство и торжество растущих потоков информации, однако это лишь видимость, за которой скрывается тотальное господство другого процесса – коммуницирования ради коммуницирования. В свою очередь, информационные технологии и техники по генерированию, обработке и передаче информации обслуживают процесс безграничного расширения пространства коммуникаций. Становится все более очевидным, что “Информационная эпоха” на самом деле это эпоха гонки за новыми эффектами растущей и разнообразной коммуникации. Одно без другого не существует: коммуникация так же полагает информацию, как информация коммуникацию. Связующим звеном (тождеством) этих противоположных сторон социального действия продолжают оставаться смыслы. Именно через коммуникации индивиды делают свою жизнь социально осмысленной, а через смыслы полагают и реализуют потребность в целеполагании и целерациональных действиях, что делает их собственно субъектами, а не только социальными акторами. Поскольку информация образует систему “квантов” информации (данных) как операционных схем действий, – постольку индивиды, будучи включенными в эту систему и обладая такими системными качествами как смысловые структуры (социальное качество первого порядка) и коммуникации (социальное качество второго порядка) приобретают новый класс качеств – сверхкачество – схемы социально генерированных схем действий. Так собственно социальное (как высшее интегративное качество) и полагает себя в действиях индивидов, и интегрирует приобретенные ими в индивидуальном опыте смыслы действий и средства коммуницирования.

1. *Игнатъев В.И. Информационный резонанс в социальной системе // Идеи и идеалы. – 2012. - №3(13), т. 1. – С. 92-103.*
2. *Игнатъев В.И. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И.Игнатъев, Т.В.Владимирова, А.Н.Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 308 с.*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Ильясова Е.В. (Оренбург)

Два века назад появилось известное высказывание «Тот, кто владеет информацией, то владеет миром». В современном XXI веке оно является очень актуальным, так как информация стала играть еще большую роль в обществе, чем раньше. В 1970-х гг., в разгар холодной войны появился термин «информационная война», который был придуман физиком Томасом Роном, обосновавшим, что именно информация является самым слабым звеном любой армии. Информационные войны по сравнению с обычными имеют следующие особенности:

1. Информационные войны не оставляют после себя следов. Человеку (или даже всему обществу) кажется, что он принимает решения самостоятельно, хотя на самом деле на него оказывается скрытое воздействие. Поэтому информационная война является особо опасной: ее очень трудно отразить, а также сложно подготовиться к ней.

2. Информационные войны очень выгодны с экономической стороны. Для их проведения не нужно больших материальных и человеческих ресурсов как для обычной «горячей» войны. Для того чтобы влиять на общественное мнение, достаточно минимума информации. Если она будет подана в нужном виде, то это даст необходимые результаты.

3. Информационные войны ставят перед собой цель изменить мировоззрение большой социальной группы или целого общества. Чтобы это добиться, «нападающей

стороне» необходимо вникнуть в представления о мире своего противника, став на его уровень мышления.

Информационные войны против России ведутся нередко. Главным информационным противником для России являются страны Запада, в первую очередь США. Информационная война между США и Советским Союзом, во 2-й половине XX века существенно повлияла на распад СССР, в котором были заинтересованы западные державы. В России большую известность получил «план Даллеса», направленный на уничтожение моральных ценностей с помощью информационной войны, однако его достоверность не доказана [4].

Несмотря на то, что холодная война осталась в прошлом, информационная война между Россией и западными странами не прекращается. Наибольшие обороты она набрала в связи с военными действиями на Украине. США стремятся всеми средствами убедить остальной мир в своей правоте, нередко подтасовывая факты и используя информацию далекую от реальности. Так, Издание Washington Free Beacon опубликовало фотографии, которые должны были доказать факт поставки Россией тяжёлого вооружения на Украину. На снимке запечатлена колонна российских танков. Однако вскоре после появления фото выяснилось, что на самом деле оно было сделано 6 лет назад в Южной Осетии. Схожая ситуация обстоит и с обвинениями России в авиакатастрофе над Украиной 17 июня 2014 года [3].

Механизм превращения России в глазах мировой общественности в агрессора заключается в том, что Запад демонстрирует свое желание всеми силами остановить кровопролитие на Украине, не забывая при этом показать, что Россия этому препятствует. Основным средством информационной борьбы с Россией выступают западные СМИ, глядя на которые создается впечатление, что все происходящее на Украине – дело рук российских спецслужб. Цель дезинформационной кампании, развернутой западными СМИ – как можно сильнее очернить Россию и не позволить ей предпринять какие-либо действия для предотвращения украинского кризиса.

В рамках информационной войны с Россией западные страны нередко искажают информацию с целью настроить мировое сообщество против России. Так в случае августовского вооружённого конфликта 2008 года между Грузией и Россией, США и ее союзники говорили о том, что агрессором является Россия, что не соответствовало действительности. Схожая ситуация происходит сегодня с конфликтом на Украине. Помимо этого искажению подлежат и факты минувшей истории, например событий связанных с Великой Отечественной войной. Так, под влиянием западной пропаганды многие страны, даже входившие в состав СССР перестали отмечать праздник 9 мая, а в странах Прибалтики даже стали проводиться парады с участием нацистов. Особенно показательна опасность переписывания истории, видна на примере Украины, где большинство националистов, агрессивно выступающих против России, являются представителями молодого поколения. Негативное отношение к России присутствует даже в школьной программе истории, а одним из главных героев считается Степан Бандера, который в январе 2010 года удостоился звания героя Украины, несмотря на то, что он был причастен ко многим убийствам и разделял некоторые идеи фашизма.

В связи с этим актуальной является идея единого учебника истории – инициативу создания линей учебников истории для средней школы, принадлежит президенту России В. Путину. Это необходимо, так как учебники истории должны иметь единую концепцию и официальную оценку происходящего.

Помимо этого США сами обвиняют Россию в информационных правонарушениях. Так Хиллари Клинтон в предвыборном выступлении в штате Айова обвинила Россию в финансировании хакерских атак на налоговое управление США. России важно не поддаваться на подобные провокации, жестко отстаивая свои позиции на международной арене. В то же время необходимо развивать сферу информационной безопасности для того, чтобы предотвратить возможную кражу секретной информации. О том, насколько

далеко способны зайти Соединенные Штаты в погоне за информацией показали разоблачения Эдварда Сноудена, согласно которым США нарушали не только права собственных граждан, собирая личную информацию, но и осуществляли слежку и прослушивание ведущих мировых лидеров. Для обеспечения безопасности в информационной сфере в России действует доктрина информационной безопасности Российской Федерации — совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Данная доктрина была утверждена В.В. Путиным 9 сентября 2000 года и включает в себя правовые, организационно-технические и экономические методы [2].

В современном обществе, где информация становится «оружием», особая ответственность ложится на средства массовой информации. За счет своей широкой аудитории и авторитета, СМИ оказывают большое влияние на общественное мнение населения, получив негласное название «четвертой власти». Поэтому СМИ должны объективно освещать события, происходящие в стране и мире, показывая их с разных сторон. Также необходима тщательная проверка информации, подвергаемой всеобщей огласке. Независимость СМИ является важным условием адекватности общества, правильного понимания и восприятия им современного положения дел.

В противном случае, когда СМИ не являются свободными, можно говорить о ведении информационной войны государства со своим же обществом. Такая война сейчас ведется на Украине, где СМИ подвергаются жесткой цензуре со стороны государства, любые пророссийские новости являются запрещенными. Помимо этого запрету подвергаются даже российские художественные фильмы. Также примером отсутствия свободы слова является КНДР, где под запретом даже Интернет.

2-3 мая Всероссийским центром изучения общественного мнения был проведен опрос на тему доверия россиян к СМИ. Его результаты показали, что доверие россиян к центральным российским СМИ является достаточно высоким. Так, центральному телевидению доверяют 75% россиян, центральной прессе – 54%, центральному радио – 52%. Данные показатели свидетельствуют о том, что российские СМИ достаточно объективны и отражают действительное положение дел. О наличии информационной войны России со странами Запада говорит тот факт, что недоверие к западным СМИ за последние 8 лет увеличилось более чем в 7 раз (7% в 2007 г., 50% в 2015 г.) [5].

Таким образом, угрозу информационной безопасности России представляют в первую очередь западные страны. России необходимо быть готовой защищать свои интересы в информационной сфере. Тема информационной безопасности является объектом обсуждения многих форумов и конференций. Так 28-29 мая 2015 года в Казани состоялась международная конференция IT&Security Forum, посвященная вопросам информационной и кибербезопасности [1].

1. 9-ая Всероссийская конференция ITSF [Электронный источник] URL:<http://itsecurityforum.ru/itsf-2015/>
2. «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 09.09.2000 N Пр-1895).
3. Запад доказывает участие России в украинском конфликте с помощью поддельных фотографий [Электронный источник] URL: <http://russian.rt.com/article/76129>
4. План Даллеса по уничтожению СССР (России). [Электронный источник] URL: <http://topwar.ru/6708-plan-dallesa-dlya-sssr.html>
5. СМИ в России: потребление и доверие. [Электронный источник] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115248>

СУБЪЕКТЫ ЛАТЕНТНОЙ ВЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВ

Информационное пространство бросает вызов глобальному обществу: информация сегодня превратилась в универсальный ресурс, в связи с чем, происходит усиление и увеличение экономических, политических, социальных, культурных изменений и изменений мира в целом. В таких условиях мощное воздействие на расширение социальной мысли, на сознание и поведение индивидов общества XXI века оказывает сеть Интернет.

Исследование специфики информационного пространства является одной из основных проблем современной науки, в частности, социологии. Изучение современного общества через призму данной проблемы позволяет социологам охарактеризовать влияние технологий на различные сферы социальной жизни и выявить латентные факторы и последствия такого влияния.

В частности, практические наблюдения Мануэля Кастельса убедили нас, что «существует сложное взаимодействие между технологией, обществом, экономикой, культурой и политикой, которое преобразует мир, но не обязательно к лучшему».[4, с. 11] Последствия такого взаимодействия зависят от общества и от того, как оно будет использовать технологии.

Проблема информационного пространства широко изучается в современной социологии. Для понимания сложности и многомерности данного вопроса, важно соотносить происходящие сегодня события с результатами подобных событий в прошлом, искать пути разрешения современных проблем в теориях постиндустриального, информационного общества, учитывая специфику современного мира и его ежесекундное усложнение.

В соответствии с рассуждениями М. Кастельса, воплощением информационного общества является Интернет, как «информационная технология и социальная форма, которая воплощает в себе информационную эпоху так же, как электрический двигатель был рычагом социальных и технических изменений индустриальной эпохи».[3, с. 2]

Социолог Р. Коэн приводит следующие рассуждения о современности: «Мы вправе допустить, что нынешние времена, по крайней мере, в двух важнейших отношениях отличаются от прошлого. Во-первых, определенный количественный рост достиг критической точки, за которой, как принято говорить, количество переходит в качество, рост вступает в некоторую новую фазу... Вторая жизненно важная характеристика нашего времени – это всемирный характер социальных и технических проблем».[5, с. 7]

Социологам XXI века при проведении исследований важно учитывать повсеместное влияние технологий и различных латентных факторов, сопровождающих эти технологии. Одним из таких факторов является латентная власть через интернет-пространство. Сложность изучения латентной власти заключается в отсутствии ее явных субъектов и объектов, а также в наличии многочисленных стереотипов, навязанных обществу Сетью Интернет, отстраненностью общества от других источников информации и, следовательно, от возможности распознать любые признаки латентной власти.

Не смотря на видимое отсутствие в нашей жизни латентной власти, мы можем наблюдать масштабные последствия ее влияния. Так, согласно исследованиям ВЦИОМ, сегодня наиболее активными пользователями гаджетов и Сети Интернет в России является молодежь, представляющая собой активный слой населения, легко поддающийся влиянию в следствие дезинформированности и отсутствия опыта. Молодежь легко настроить на определенную тенденцию, вызвать революционное настроение. Поэтому важно защищать общество от распространения этих тенденций, распространять культурные ценности, моральные принципы, вносить качественные изменения в сферу среднего и высшего образования.

С овременным условиям существования общества соответствует современное оружие его провокации, агитации, уничтожения. Латентная власть сегодня приобретает все более глобальный характер и используется уже не только на государственном уровне, но и на мировой арене. Следовательно, глобальной латентной власти необходимо глобальное противостояние. В таких условиях важно предпринимать всевозможные меры и попытки для объяснения странам-заложникам их непростого положения, раскрывать перед ними тайную власть и предоставлять им самим выбирать себе путь: самостоятельное и свободное развитие или развитие властного гегемона за счет себя и за счет уничтожения других стран.

1. Бард А., Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма* / Пер.с швед. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
2. Бурдьё П. *Начала*. / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
3. Кастельс М. *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе* / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
4. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Коэн Р. *Социальные последствия современного технического прогресса*. Пер. на русский язык: В. Н. Порус. *Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей*. М.: 1986
6. Маклюэн Г.М. *Понимание Медиа: внешние расширения человека* / Пер. с англ. В. Николаева; Зacl. Ст. М. Вавилова. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
7. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества* / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 526 с.
8. Ритцер Дж. *Макдональдизация общества 5* / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2011. 592 с.
9. Хоркхаймер М., Адорно Т. *Диалектика Просвещения: Филос. фрагменты*. М.: Медиум, 1997. 310 с.
10. *Публичная политика: от теории к практике* / сост. и науч. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. СПб.: Алетейя, 2008. 356 с.

СОВРЕМЕННОЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВО: ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ

Исаичкина Т.А. (Москва)

На сегодняшний день информационно-коммуникационные технологии проникают в новые сферы жизни, изменяя структуру информационного пространства, расширяя его и вовлекая в него все большее количество игроков. Поскольку применение ИКТ связано не только с увеличением возможностей, но и с определенными рисками, вытекающими из информационной открытости, государства стремятся обезопасить себя в киберпространстве. Тем не менее их возможности в этой области ограничены, поскольку интересы различных стран, а также и других акторов в киберпространстве, как правило, расходятся. Помимо этого, «дилемма безопасности» применима и к информационному пространству: наращивание оборонительного потенциала подрывает доверие между государствами и ведет к милитаризации киберпространства, под которой понимается придание киберпространству военного характера, увеличение доли вооруженных сил в нем, а также его преобразование в соответствии с нуждами военного использования.

В первую очередь, на милитаризацию киберпространства указывает политика государств в области модернизации оборонительного и наступательного информационного потенциала. Например, в США проводится реорганизация кибервойск,

и к 2016 году Пентагон планирует иметь на вооружении более 100 подразделений, разделенных на три категории: защищающие военные сети, атакующие информационные сети противника и обеспечивающие безопасность американской инфраструктуры. Эти мероприятия сопровождаются увеличением финансирования информационной безопасности: в 2014 году количество средств военного бюджета США, выделенных на проведение операций в киберпространстве выросло с \$3,9 млрд до \$4,7 млрд[1], причем значительная их часть пошла на развитие наступательного потенциала США, включая атаки на военные компьютерные сети. После скандала вокруг информации Сноудена в 2013 году создание кибервойск было форсировано в России[2], а с 2015 года наличие таких подразделений в своей армии признает и Китай[3].

Во-вторых, учащаются случаи враждебных действий государств в киберпространстве, направленных друг против друга. Наибольшую огласку получили кибератаки США на Иран, ставшие первым прецедентом целенаправленного и последовательного использования кибероружия США для нанесения ущерба инфраструктуре другого государства[4]. В первую очередь, речь идет о компьютерном черве Stuxnet, разработанном США и Израилем и поразившем ядерные центрифуги Ирана в 2009 и 2010 году. На заводе по обогащению урана в Натанзе были успешно заражены 1368 из 5000 центрифуг; сроки запуска ядерной АЭС в Бушере были сорваны. Червь был обнаружен, когда в результате ошибки в коде вирус Stuxnet заразил компьютеры Германии, Индонезии, Австралии, Великобритании, Малайзии, Пакистане, а также непосредственно в США. Помимо вируса Stuxnet, атаки осуществлялись при помощи кибероружия под названием Flame, разработанного в 2007 обнаруженного в 2012 году, основным назначением которого было похищение промышленных чертежей с компьютеров официальных лиц Ирана и ряда других ближневосточных стран[5]. Также в ходе киберкампании против Ирана были использованы вирус Wiper, уничтоживший в конце апреля 2011 года всю информацию на нескольких серверах одной из крупнейших нефтяных компаний Ирана, и вирус Duqu, предназначенный для незаметного сбора конфиденциальных данных. Последний был обнаружен и в компьютерных сетях ряда европейских организаций, однако правильно оценить масштабы заражения сложно, поскольку вирус самоуничтожается спустя 36 дней после проникновения в компьютер. По оценкам экспертов, все эти вредоносные программы имеют сходный код со Stuxnet, что может свидетельствовать о причастности США и Израиля к их созданию[6].

Наконец, безопасность в информационном пространстве подрывает деятельность организованных хакерских группировок. Например, в феврале 2012 года известной группировке хактивистов Anonymous удалось на пять часов вывести в оффлайн сайт ЦРУ, используя DDoS-атаки. За месяц до этого хакеры обвалили сайты министерства юстиции и ФБР, а также рассекретили сеанс многосторонней телефонной связи между ФБР и Скотланд-Ярдом, во время которого обсуждалась проблема хакерства[7]. Угроза также исходит от хакерских группировок, преследующих политические цели и способных вызвать панику посредством распространения информации провокационного характера. В апреле 2013 года хакеры «Сирийской электронной армии» взломали аккаунт новостного агентства Associated Press в сети Twitter и разместили сообщение о том, что Барак Обама был ранен в результате двух взрывов, прогремевших в Белом доме[8]. Эта информация моментально вызвала колебания на фондовой бирже. Схожие методы используют хакеры самопровозглашенного «Киберхалифата»: в 2015 году группировка взяла под контроль аккаунт объединенного центрального командования ВС США и распространили в Twitter сообщения в поддержку ИГИЛ от его имени[9].

Таким образом, расширение доступа к ИКТ приводит к постоянному увеличению как числа акторов в киберпространстве, так и их возможности успешно достигать в нем своих целей, как правило, за счет интересов других игроков. В то же время информационное пространство остается хаотичным по своей сути, поскольку в нем отсутствуют устойчивые правила игры, с которыми были бы согласны все игроки, а также

системы определенных санкций относительно акторов, отказывающихся следовать установленным правилам. В связи с этим учащаются случаи кибератак, а милитаризация киберпространства становится одной из его наиболее заметных тенденций.

1. Michaels, J. *Pentagon expands cyber-attack capabilities. April 21, 2013* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.usatoday.com/story/news/nation/2013/04/21/pentagon-expanding-offensive-cyber-capabilities/2085135/>
2. Салтыков Е. В России созданы кибервойска. - 12 мая 2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1573024>
3. Китай раскрыл подробности о своих кибервойсках. – 20 марта 2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.securitylab.ru/news/472080.php>
4. Stuxnet: война 2.0. – 12 октября 2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://habrahabr.ru/post/105964/>
5. Sanger D. *Obama Order Sped Up Wave of Cyberattacks Against Iran. June 1, 2012* [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.nytimes.com/2012/06/01/world/middleeast/obama-ordered-wave-of-cyberattacks-against-iran.html?pagewanted=all&_r=0
6. Hopkins N. *'New Stuxnet' worm targets companies in Europe. October 19, 2011* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.theguardian.com/technology/2011/oct/19/stuxnet-worm-europe-duqu>
7. Albanesius C. *Anonymous Takes Down CIA Web Site. February 20, 2014* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pcmag.com/article2/0,2817,2400140,00.asp>
8. Todd B., Brown F. *Syria's cyberattack: First wave of a bigger war? August 30, 2013* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2013/08/30/tech/syria-cyberattacks/>
9. Edmiston J. *U.S. Central Command tweets pro-ISIS messages after Twitter account taken over by 'Cyber Caliphate'. January 12, 2015* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://news.nationalpost.com/2015/01/12/u-s-central-command-tweeting-pro-isis-messages>

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ПРИМЕНИМА ЛИ АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ?

Исаичкина Т.А. (Москва)

В условиях стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий важным направлением деятельности России в киберпространстве выступает совершенствование электронного правительства, предоставляющего гражданам широкий доступ к информации, касающейся деятельности государственных структур. По состоянию на 2014 год страна занимает 27 место в мире по индексу развития электронного правительства EGDІ (E-Government Development Index)[1]. Хотя в 2012 году Россия совершила скачок в этой сфере, поднявшись с 59 места на 32 пункта, что было вызвано успешным запуском портала госуслуг ранее[2], за последние три года рейтинг страны не изменился. При оценке перспектив развития электронного правительства в России следует обратить внимание на опыт государств, которые одними из первых начали применять ИКТ для повышения эффективности работы правительства, в первую очередь, США.

Основные инициативы по развитию американского электронного правительства были выдвинуты в период нахождения у власти президента Джорджа Буша-младшего, особым вниманием среди которых заслуживает подписанный в 2002 году «Закон об электронном правительстве» (E-Government Act)[3]. На том этапе целью было повышение эффективности предоставляемых населению услуг путем внедрения передовых технологий. Для координации деятельности в этой сфере законом была

учреждена должность Федерального директора по информационным технологиям. Помимо этого, вводился целый комплекс мер по улучшению своевременного доступа населения к проверенным данным о деятельности правительства и обеспечению участия граждан в ней. Годом ранее необходимость развития электронного правительства была упомянута в Президентской инициативе по управлению (President's Management Agenda), нацеленной на повышение эффективности работы государственных ведомств и улучшению доступа граждан к открытым сведениям о работе правительства[4]. В документе поддерживались межведомственные проекты, нацеленные на автоматизацию работы государственного аппарата, а также ускорению передачи информации между ведомствами на федеральном, региональном и локальном уровнях.

При администрации Барака Обамы были продолжены усилия в области электронного правительства. О приоритетности развития этого направления говорит тот факт, что первым документом, подписанным Обамой в качестве президента Соединенных Штатов стал «Меморандум об информационной прозрачности и открытом правительстве» (Memorandum on Transparency and Open Government) в январе 2009 года. В документе перечислены основополагающие принципы электронного правительства США: прозрачность, вовлечение общественности в государственное управление и сотрудничество. Кроме того, была намечена цель усилить подотчетность деятельности государственных органов населению, в связи с чем особое внимание было уделено требованиям к соответствующей информации (она должна появляться в режиме онлайн на сайтах ведомств, реагировать на поисковые запросы и т.д.).

Одновременно с этим был издан меморандум «О свободе государственной информации» (Freedom of Information Act)[5], в соответствии с которым был расширен доступ граждан к государственной информации, а также провозглашен принцип преобладания открытости информации в спорных случаях. Также документ побуждает учреждения не ждать запросов со стороны населения, а незамедлительно приступить к принятию мер для того, чтобы сделать информацию доступной для общественности.

Помимо этого, в том же году была принята «Директива об открытом правительстве»[6], провозгласившая информационную открытость правительства США одним из ключевых принципов его работы и предписавшая органам исполнительной власти обеспечить применение сформулированных в президентском меморандуме принципов на практике.

В начале марта 2009 года Административно-бюджетное управление США предоставило доклад Конгрессу США, в котором было проанализировано исполнение «Закона об электронном правительстве» в 2008 году, после чего Обамой был учрежден пост федерального директора по информационным технологиям, ответственного за реализацию наиболее важных ИКТ-проектов, направленных на повышение уровня открытости работы правительства, общая стоимость которых оценивалась почти в \$80 млрд[7]. Самым заметным проектом стал план по реформированию использования ИКТ в федеральном правительстве (25 Point Implementation Plan To reform federal information technology management)[8], опубликованный Белым домом в декабре 2010 года. Главной целью плана провозглашалось сокращение расходов на использование ИКТ в результате повышения эффективности уже внедренных технологий. Среди основных задач выделялись более широкое использование федеральными ведомствами облачных технологий при хранении информации, сокращение финансирования ведомственных ИКТ-проектов, привлечение к ним бизнес-инвестиций, а также уменьшение числа центров обработки данных путем их слияния.

США продвигают идеи электронного правительства в том числе и за рубежом. В 2011 году по инициативе США и Великобритании учреждено межгосударственное партнерство «Открытое правительство» (Open Government Partnership, OGP), членами которого являются на сегодняшний день более 60 государств[9]. Участники обязуются предоставлять информацию о правительственной деятельности с помощью интернет-

инфраструктуры под наблюдением неправительственных организаций. США входят в Руководящий комитет партнерства, кроме того, организация финансируется не только государствами-членами, но и рядом американских IT-гигантов (Google, HP, eBay) и Фондов (Сороса, Форда).

В целом, американская модель предлагает ряд решений, актуальных для всех государств, стремящихся повысить эффективность электронного правительства, в том числе и России. Прежде всего, на себя обращает внимание широкая система законов и координирующих должностей, позволяющая максимально четко разграничить ответственность. Помимо этого, одним из принципов организации электронного правительства выступает продвижение межведомственного сотрудничества как на федеральном, так и на региональном и локальном уровнях, способствующее сглаживанию неравномерности охвата услуг электронного правительства и интереса населения к ним внутри государства. Наконец, США активно обмениваются опытом в области электронного правительства с другими государствами в рамках международных организаций. В целом, использование Россией этих методов позволило бы стране расширить поле деятельности открытого правительства, сократив издержки на применение ИКТ в государственном аппарате, не понижая качества предоставляемых услуг, как это удастся сейчас Вашингтону. В то же время, остается неясным, покажут ли себя американские методы столь же эффективными в современных российских реалиях. Ответ на этот вопрос потребует более глубокого анализа условий, формирующих среду для развития электронного правительства в России.

1. *UN E-Government Survey 2014. June, 2014.*
2. *Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству в России: нормативно-правовая база и социальный контекст. – Современные исследования социальных проблем. - №3. – Том 7. – 2011.*
3. *E-Government Act of 2002. December 17, 2002.*
4. *The President's Management Agenda. Fiscal Year 2002.*
5. *Executive Office of the President, Freedom of Information Act. January 26, 2009.*
6. *Open Government Directive. December 8, 2009.*
7. *Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции // М: Международные отношения, 2014. – С. 213*
8. *Там же. С.214*
9. *Цифровая дипломатия США. РИСИ, 8 декабря 2014.*

СООБЩЕСТВО «ХАЛЯЛЬ» В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Кардинская С.В. (Санкт-Петербург)

В марте-мае 2015 г. были проанализированы 11 мусульманских сообществ Санкт-Петербурга в социальных сетях «ВКонтакте» (9) и «Одноклассники» (2). Реклама представлена в них в виде баннеров, видеороликов, текстовых сообщений. Обобщив рекламные сообщения, можно разделить весь массив рекламы на коммерческую, социальную и религиозную. Однако, такое разделение будет условным, поскольку все рекламные сообщения соответствуют мусульманскому понятию «халяль» («разрешенное») и, в конечном счете, оказываются основанными на постулатах ислама.

Так, реклама продуктов питания, в основном, состоит из фотографий мяса, колбасы и кондитерских изделий. К особой группе можно отнести экзотические ягоды (например, джигду), а также специфические продукты из Азии и с Кавказа: урбеч, курут, суджук, масло загир, пекмез, дошаб и др. Такая реклама носит информационный характер и не претендует на что-то большее. Информационность текстовой рекламы, составляющей

половину контента паблика «Халяль Санкт-Петербург магазин» (ВКонтакте) выражается, в частности, в вопросительных предложениях, с которых она начинается, например: «А вы когда-нибудь пробовали лепестки чайной розы, джигду, курут, хлопковое масло, масло Загир, масло черного тмина, гранатовую и яблочную пастилу, ягоды тутовника, рис Девзира, рис Лазер, рис Узгенч, суджук, чужук, казы, конское варено-копченое филе, филе индейки, соусы ткемали, турецкий кебаб, сациви, сацибели, гранатовый соус, лезгинскую, азербайджанскую, армянскую аджики? Если Вы о таком и не слышали, приходите к нам, а мы Вам расскажем и покажем и поделимся секретами этих продуктов!!!».

Однако рекламируемые в мусульманских сообществах продукты и непищевые товары ценны не своей экзотичностью, а тем, что они принадлежат к категории «халяль». Это понятие означает, что данные товары не содержат запрещенных ингредиентов – свинины, алкоголя, наркотиков, а также не изготовлены на деньги, полученные в результате производства и продажи запрещенных товаров («харам»). Это предписание ислама обозначает различие «халяль / харам», предьявляющееся в России в виде процедуры сертификации, осуществляемой Международным центром стандартизации и сертификации «Халяль» при Совете муфтиев России. Характерно, что мусульмане, проживающие на территории России, долгие века обходились без специфической маркировки разрешенных религией продуктов. Закрепление «халяль» к качеству бренда происходит лишь в начале 2000-х гг. и означает экономическое и информационное включение «мусульманского мира» в процессы глобализации. «Халяль» становится своеобразным контуром, очерчивающим «мусульманский мир», выделяющим его из «безмирности» глобального универсума.

Поскольку понятие «халяль» является пространством, в котором пребывает мусульманин, оно предполагает всё необходимое для жизни: продукты питания, одежду, детские игрушки, предметы потребления, а также предписывает правила поведения, отношения к различным явлениям социального мира. Прочерчивая контур разрешенного, «халяль» дистанцирует себя от «харам». С развитием технологий пространство «харам» расширяется. Так, появляются пищевые добавки, красители, содержащие неразрешенные компоненты. Соответственно, реклама «халяль» оборачивается антирекламой «харам», которая составляет 65 % от общего количество рекламных баннеров, относящихся к халяльной продукции в мусульманских сообществах «ВКонтакте» Санкт-Петербурга. Большинство рекламных посланий предполагают высказывания, содержащие отрицание «не» и выражены в форме запретов. Такая специфика мусульманской рекламы определяется религиозными предписаниями, основанными на тексте Корана и хадисов, которые носят, в основном, запретительный характер. Для развития мусульманской рекламы становится существенным запрет на изображение людей и животных, а также запрещение пения и игры на музыкальных инструментах. Хотя эти запреты существуют с некоторыми оговорками (разрешено изображать одушевленные существа на плоской поверхности, которые не отбрасывают тени, без каких-либо частей тела и т.д.), также представленными в хадисах, мусульманская реклама, как правило, соблюдает предписания религии.

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Килимова Л.В. (Курск)

Коммуникация как особый вид социальных практик предстает в виде сложного процесса, организующего социокультурное пространство. Благодаря процессам коммуникации социум создает информационно-коммуникативное пространство, устанавливая границу между коммуникациями, с одной стороны, и социальными субъектами – с другой. Наиболее распространенным вариантом употребления термина «информационно-коммуникативное пространство» остается соотношение с физической пространственно-временной объективной реальностью, между точками которой возникают информационные отношения и коммуникации. Временное пространство позволяет представить социокультурную реальность в виде совокупности объектов, включенных в коммуникационный процесс, каждый из которых может быть удален на достаточно большие расстояния и характеризоваться различными необязательными параметрами. Пространственная (в физическом смысле) локализация информационно-коммуникативных объектов не определяет качества самих коммуникации и информации.

Социальная действительность предстает как множество практик, осуществляемых субъектами в определенных областях жизнедеятельности. Информационно-коммуникативные практики предстают как некое поле, суть которого можно наполнить смыслом полей практик рассматриваемых П.Бурдьё [1]. Поля формируются так называемыми агентами поля, оказывающими воздействие на поведение и сознание личности через информационно-коммуникативный образ какого-либо события. Понятие «поле» учитывает как пространственную определенность, так и качественную специфику создающих его и взаимодействующих в нем систем.

Стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий на основе глобальных компьютерных сетей порождают специфическое коммуникативное Интернет-пространство, один из вариантов определения которого позволяет его представить в виде установленной системы детерминант информационно-коммуникационных процессов, задающей систему координат для определения местоположения того или иного процесса. Следовательно, все, что размещено в Интернет может быть идентифицировано однозначно, однако при этом осуществляется нивелирование расстояния между двумя ресурсами, так как для пользователя не имеет значения, где физически находится информация, с которой он коммуницирует, поскольку связь происходит практически мгновенно. Эта особенность современных коммуникаций называется симультанность (единовременность события и его отражения) [2].

В современных условиях коммуникативные практики все чаще осуществляются в киберпространстве, приобретающем социальные черты. Складывающиеся в обществе реальные отношения отражаются в сети, при этом Интернет выступает каналом (средством) межличностной коммуникации. Следовательно, коммуникативное Интернет-пространство предстает как социокультурная среда, реализующая прямую и обратную связь реальных участников коммуникативных практик – носителей индивидуальности и коммуникативного потенциала.

Взаимосвязь субъектов межличностных отношений с коммуникативным Интернет-пространством выражается в постоянной зависимости, сказывающейся на качестве информации; развитии субъектов отношений благодаря их целенаправленному взаимному воздействию; возникновении противоречий при отсутствии возможности удовлетворения возникающих информационных потребностей; появлении механизмов регулирующих взаимопонимание между субъектами коммуникационных практик; динамике коммуникации как процесса и коммуникативного пространства, возникающей в результате взаимовлияния; противоречиях между субъектами коммуникативных практик и коммуникативным пространством в случае невозможности или низкой эффективности информационного обмена и взаимопонимания.

Коммуникативное Интернет-пространство обладает социокультурными свойствами такими, как субъективность информации; ценностно-нормативные системы, используемые в формировании представлений и образов участников практик;

собственную информационно-коммуникативную систему; позиции и диспозиции осуществляющих коммуникативные практики.

Возможности осуществления коммуникативных практик в Интернет-пространстве постоянно расширяются. Первой формой обмена сообщениями была электронная почта. Следующим этапом в развитии систем коммуникации стали телеконференции. Затем появился специализированный сервис Internet Relation Chat (чаты), позволяющий общаться в режиме online. С ростом числа Интернет-пользователей данных сервисов и удешевлением коммуникаций возникли Интернет-сообщества, объединяющие людей по интересам. Позже появились гостевые книги, форумы, блоги и, наконец, социальные сети [3, 52]. В 2010 году в российском сегменте коммуникативного Интернет-пространства относительное большинство (77,7%) использовало для общения электронную почту, чуть больше половины (55,7%) пользователей Рунета осуществляли коммуникативные практики по ICQ и десятая часть (11,7%) – писала в блогах и на форумах. Причем юные девушки предпочитали Vkontakte, а дамы чуть постарше – Odnoklassniki.ru. [4].

По данным ФОМ, в конце 2010 года доля Интернет-пользователей среди взрослого населения России составила 43% или 50 млн. человек. [4], а осенью 2014 года 62% или 72,3 миллиона россиян пользовались интернетом хотя бы раз в месяц, а почти 60 миллионов человек выходили в сеть ежедневно [5]. Рост численности Интернет-пользователей подтверждает, что на данном этапе развития социума коммуникативные практики в Интернет-пространстве становятся с каждым годом популярнее и охватывают все большее число субъектов. Среди коммуникативных практик, осуществляемых в современное время в Интернет-пространстве можно выделить: а) экономические – просмотр товара через социальные сети, поиск в соцсети продавца, договорился о покупке, переходил из соцсети на сайт магазина/продавца, общался в соцсети с продавцом, контакт, которого нашел вне соцсети; б) политические (электронная демократия) еще слабо развита в России и только начинает набирать обороты. Тем не менее, в мае 2014 года на базе «Российской общественной инициативы» состоялось первое легитимное голосование в Интернет-пространстве – голосование за кандидатов в члены Общественной палаты РФ. В целом за прошедший год данный Интернет-ресурс стал катализатором нескольких важных предложений. Среди них – отмена понижения таможенного лимита на Интернет-покупки за рубежом с 1000 до 150 евро, инициатива против введения дополнительных налогов на покупки в зарубежных Интернет-магазинах, заморозка законопроекта о налогообложении производителей софта, Интернет-выборы тренера национальной сборной по футболу и общественное голосование по предложениям Минкомсвязи РФ; в) духовные – просмотр видео/фильмов в соцсетях, прослушивание музыки, осуществление образовательных практик, сетевые игры.

Коммуникативное Интернет-пространство стало неоднородным благодаря бурному развитию мобильных устройств и их распространению среди субъектов коммуникативных практик. Различные мобильные устройства делают коммуникацию еще доступнее не зависимо от места нахождения субъекта. Абсолютное большинство (90%) пользователей Рунета являются субъектами коммуникативных Интернет-практик. Наиболее востребованными социальными сетями в российском коммуникативном секторе стали: Odnoklassniki.ru (60 млн чел), Vkontakte (55 млн чел.), Instagram – (7,5 млн чел.), Твиттер и Facebook (около 2 млн чел. в каждой), Livejournal (800 тыс чел.). В Интернет-пространстве существует 120 тысяч независимых блогов и форумов, отправляется 40 – 50 миллионов сообщений в день. Количество времени в социальных сетях проведенного посредством Интернет (Desktop) и мобильного Интернет (Mobile), на сегодняшний день практически одинаково и составляет четверть от общего времени пользования мобильными приложениями за месяц (26% и 25%, соответственно) [5].

Возрастная аудитория коммуникативных практик в Интернет-пространстве становится моложе. Дети с раннего возраста вовлекаются в сетевые коммуникации, благодаря чему открывают для себя новые виды общения. Родители и учителя, как

наставники молодого поколения, должны следить каким образом проводят время в Интернет-пространстве молодые пользователи. Взрослым следует постоянно повышать квалификацию, искать нравственно безопасные, полезные ресурсы, развивать внутренний мир. Духовные стремления, идеалы, принципы, нормы нравственности, относящиеся к области ценностей конкретной личности, способны стать «фильтром» при осуществлении коммуникативных практик в Интернет-пространстве.

В силу множественности черт и разнообразности виртуальных коммуникативных практик Интернет-общение крайне неоднозначно по своим последствиям. К позитивным последствиям виртуальных коммуникаций можно отнести: расширение познавательных практик, в частности, возрастание значения визуального мышления; преодоление коммуникативного дефицита и расширение круга общения; повышения информированности, защищенности от наиболее грубых манипулятивных действий, обмена ситуативными эмоциональными состояниями и настроениями. Среди негативных последствий коммуникативных практик в Интернет-пространстве отметим: сокращение социального взаимодействия face-to-face, сужение социальных связей (вплоть до одиночества), развитие депрессивных ситуаций, аутизация детей и подростков, формирование неадекватности социальной восприятия и так далее [6].

С развитием информационно-коммуникационных технологий меняется и средства коммуникации, Интернет и социальные сети становятся глобальными каналами межличностных отношений, превращая их в виртуальные. Коммуникативные практики, как наиболее ценная сущность человеческого бытия, оказалось под влиянием информационных технологий. С одной стороны, в коммуникативном Интернет-пространстве наблюдается тенденция максимально кратких, исключительно деловых и сухих контактов. С другой стороны, Интернет придает коммуникативным практикам открытость, доступность, снимает множественные барьеры, в том числе технические и психологические.

1. Бурдые Пьер, *Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко.* - СПб. : Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. - 576 с.
2. Килимова Л.В., Кравчук П.Ф. *Роль ценностей в коммуникативном пространстве межличностных отношений // Almanach Komunikacji Społecznej / Redakcją naukową A.Dabrowska. – Opole (Poland): Wyd. Uniwersytetu Opolskiego, 2011. - С.163-170.*
3. *Интернет в России: состояние, тенденции и перспективы развития / Отчет ОАО «НИЦ «Экономика»». URL: <http://www.docme.ru/doc/905040/internet-v-rossii.-sostoyanie--tendencii-i-perspektivy> (Дата обращения 8.10.2015).*
4. *Интернет в России: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Под общей редакцией Д.М.Чистова, К.Р.Казарьяна. М. 2011.*
5. *Интернет в России: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Под общей редакцией К.Р.Казарьяна. М. 2015.*
6. Килимова Л.В. *Виртуальная коммуникация как основа социокультурного пространства современного социума // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем: материалы международной научной конференции. - Минск: Право и экономика, 2013.*

ЗАДАЧИ О НАЗНАЧЕНИЯХ КАК МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОЦЕНОК РЕЙТИНГА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РАБОЧИХ КОЛЛЕКТИВОВ.

Кирилина Т.Ю., Рыбников К. К., Чернышова А. Г. (Королёв)

История развития математического моделирования социальных явлений располагает анализом опытов применения социологами математического аппарата

приблизительно с середины 60-х годов прошлого века. Именно в это время был основан Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР (1968г.), позднее переименованный в Институт социологии РАН. Ранее, в 1964 году, был создан НИИ комплексных социальных исследований. В этих коллективах появились группы математиков, приступивших к созданию математических моделей в социологии. Такая же группа была создана в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Большое внимание математическим исследованиям было уделено на Всесоюзной конференции по социологии в 1970 году в Новосибирске. Вышел в свет первый выпуск серии «Социология и математика» под редакцией академиков А.Г. Аганбегяна, Н.Н. Моисеева и других [1]. Тем не менее значительного продвижения в создании общего математического аппарата не было. Отражение этой ситуации было даже в редакционной статье[1]: «Пока в математике нет специального аппарата, которому бы подчинялся определенный класс задач социологии (быть может, он создан, но ему еще не нашли адекватного приложения в социологии)».

К сожалению, за полвека положение практически не изменилось. Наряду с моделями эмпирико-статистическими, встречающимися относительно часто, аналитические детерминированные математические модели получили слабое распространение. Основная причина – очевидна. В социологии анализ любого процесса связан, как правило, с формализацией качественных признаков, что является крайне трудной задачей.

В то же время, несмотря на кажущуюся парадоксальность приведенной выше цитаты, она является ключевой для понимания современного состояния оценки перспектив применения в социологии некоторых, достаточно хорошо известных в прикладной математике, моделей.

Авторы представляемой статьи предлагают рассмотреть в качестве таких моделей задачи о назначениях (см.напр. [2]).

Линейная задача о назначениях определяет проблему назначения n кандидатов на n должностей таким образом, чтобы суммарная цена назначений была бы максимальной (или минимальной). Задана матрица $C = \{c_{ij}\}_{n \times n}$ с неотрицательными элементами, соответствующими ценам назначений i – го кандидата на j –ю должность ($i \rightarrow j, c_{ij}$). Тогда $(0,1)$ – матрица $X = \{x_{ij}\}_{n \times n}$ определяет решение задачи:

$$\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n c_{ij} x_{ij} \rightarrow \max(\min) \quad (1)$$

при условиях

$$\sum_{i=1}^n x_{ij} = 1, \quad (j = 1, 2, \dots, n), \quad (2)$$

$$\sum_{j=1}^n x_{ij} = 1, \quad (i = 1, 2, \dots, n), \quad (3)$$

$$x_{ij} = 0 \text{ или } 1, \quad (4)$$

$$x_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если } i - \text{й кандидат получил назначение} \\ & \text{на } j - \text{ю должность } (i \rightarrow j), \\ 0 & \text{в противном случае } (i \nrightarrow j) \end{cases}$$

Линейная задача о назначениях может быть рассмотрена как задача линейного неотрицательности переменных $x_{ij} \geq 0$. Таким образом, задача (1) – (4) может рассматриваться как задача линейного программирования (см.напр. [2]). Однако, для этой задачи разработаны более эффективные методы, чем симплекс-метод, среди которых наиболее известны метод потенциалов и «венгерский метод» (см.напр.[5]).

Более тонкой моделью для решения управленческой задачи о расстановке кадров и соответственно рейтинговой оценки в коллективе является квадратичная задача о назначениях, где оптимизируется квадратичная функция

$$\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n c_{ij} x_{ij} + \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \sum_{k=1}^n \sum_{l=1}^n a_{ijkl} x_{ij} x_{kl} \rightarrow \max(\min) \quad (5)$$

при условиях (2), (3), (4), где кроме $(n \times n)$ – матрицы цен назначений C задана $(n^2 \times n^2)$

– матрица $A = \{a_{ijkl}\}$, элементы которой определяют цены совокупных пар назначений $(i \rightarrow j, k \rightarrow l)$.

Эта задача является значительно более сложной, чем линейная задача о назначениях. Сложность линейной задачи о назначениях определяется $O(n^3)$ элементарными операциями. Квадратичная задача о назначениях является NP – трудной задачей. Именно с этим связано обстоятельство, что точное решение квадратичных задач о назначениях до сих пор не было осуществлено для случаев относительно большого числа переменных $(n > 20)$.

В связи с этим некоторое развитие получили приближенные методы решения квадратичной задачи о назначениях (работы Лаулера, Хиллиера и Коннора – 1996г. [4]).

Авторы настоящей статьи полагают, что это направление наиболее перспективно. Приближенный метод, основанный на использовании алгоритмической схемы ветвей и границ, предложенный в работе [3] для решения ряда задач дал весьма высокую точность при $n \in (25, 30)$.

Реализация предложенных моделей, разумеется, возможна только при достаточно эффективных оценках, определяющих матрицы C и A .

1. *Моделирование социальных процессов. (Серия Социология и математика. Ред.коллегия А.Г. Аганбегян, Э.П. Андреев, Ю.Н. Гаврилец, Н.Н. Моисеев, Г.В. Осипов, В.А. Устинов). М.: Наука, 1970, 228с.*
2. *К.К.Рыбников. Введение в дискретную математику и теорию решения экстремальных задач на конечных множествах. М.: Гелиос АРВ, 2010, 320с.*
3. *К.К. Рыбников. Прикладные аспекты использования одного приближенного метода решения квадратичной задачи о назначениях. Обзорные прикладной и промышленной математики. т.11. вып.3, с.582-583, 2004.*
4. *Hillier F.S., Connors M.M. Quadratic assignment problem algorithms and the location of indivisible facilities. Management Science, 1966, 13, №1, p.42-57.*
5. *С.И. Зуховицкий, Л.И. Авдеев. Линейное и выпуклое программирование. М.:Наука, 1967, 460с.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ковалев И.В., Пушкова М.Д. (Санкт-Петербург)

Изменения, затронувшие в последние годы систему университетского образования, становятся важным объектом рефлексий со стороны профессионального сообщества. Одной из наиболее ярких тенденций является стремительное развитие технологий дистанционного обучения в различных проявлениях и формах. В экспертной среде распространение электронного обучения, предполагающего замену традиционных форм образования на дигитализированные, в большинстве случаев обозначается в терминах «революция», «переворот», а возможные последствия радикальных преобразований системы сравнивают с эффектом апокалипсиса [1; 2]. Современные исследователи отождествляют развитие информационных технологий не просто с совершенствованием форм обучения, рассматривая данный процесс как фактор, способный оказать воздействие на систему высшего образования, существенно изменив ее структуру [3; 4].

В задачи данной работы входит фиксация трендов в области образования и их возможных социальных последствий в условиях динамичного распространения электронных образовательных технологий.

Расширение доступа и массовизация университетского образования. Появление и последующий рост популярности массовых открытых онлайн курсов (англ., MOOC), наиболее яркими представителями которых являются проекты Coursera, EdX, Khan Academy, становится средством обеспечения демократизации образования и предоставления слушателю свободы выбора курсов. Основная особенность таких электронных платформ заключается в возможности открытого и бесплатного доступа к онлайн лекциям преподавателей ведущих университетов, а плата со студента взимается только за получение сертификата по итогам аттестации. Стоит отметить, что сегодня многие американские и европейские университеты признают результаты MOOC наряду с собственными экзаменами. В России реакцией на распространение зарубежных виртуальных образовательных ресурсов стало учреждение Национальной платформы открытого образования, объединившей 8 ведущих университетов и призванной генерировать высококачественный контент для последующего использования в обучении студентов других университетов.

Таким образом, университетское знание, ранее локализованное в границах образовательных организаций, с точки зрения потребителя выходит за их пределы, превращаясь в доступный источник формального и непрерывного неформального образования для максимально широкого круга лиц, включая взрослое население.

Институциональная трансформация системы высшего образования. Описанные в предыдущем пункте особенности ставят вопрос о будущем традиционных образовательных структур и сформировавшихся в течение столетий практик преподавания. Дорогостоящее содержание университетских комплексов становится нерентабельным при наличии более дешевых альтернатив, а постепенный отток слушателей в онлайн среду будет неизбежно приводить к перепрофилированию кампусов для иных целей. В равной мере прагматический аргумент выходит на первый план при оценке численности преподавателей, занятых в отрасли, так как постепенный переход на смешанные формы реализации образовательных программ будет приводить к сокращению числа лекторов. Кроме того, функция преподавателя – транслятора «сакрального знания» будет постепенно смещаться в сторону определенной формы тьюторства, предполагающей осуществление помощи студенту в поиске и отборе необходимой информации. Важно отметить, что описываемые процессы, с учетом динамичности развития электронной среды, с высокой долей вероятности затронут современное поколение профессиональных преподавателей. Отдельной и пока неразрешимой проблемой являются перспективы трудоустройства кадров, невостребованных новой системой.

Сокращение транзакционных издержек при получении образования. Сегодня для получения образования в традиционной *offline* форме человек затрачивает немало средств и времени на перемещение к месту учебы. Это своеобразные транзакционные издержки, которые обучающийся несет в связи существующей организацией процесса. Ощутимым последствием расширения электронного обучения станет высвобождение времени и сокращение затрат на физическое перемещение человека к месту обучения, а в перспективе предоставит возможность для начала трудовой деятельности значительно раньше, чем сегодня, что позволит полноценно совмещать занятость с образованием.

Процесс дигитализации образования способен оказать влияние на не только собственно на устройство университетской системы: в значительной мере происходящие сегодня процессы затрагивают рынок труда, привычные формы воспроизводства профессиональной структуры, а также сложившиеся повседневные практики индивидов и традиционные представления о модели жизненного цикла человека, укладывающуюся в

схему «школа-вуз-работа». Реальные социальные последствия развития электронного обучения предстоит осмыслить уже при жизни современного поколения.

1. Балацкий Е.В. Новые тренды в развитии университетского сектора / Мир России. 2015. №4
2. Кузьминов Я.И. Фактически мы имеем дело с революцией // Сайт Высшей школы экономики. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.hse.ru/news/105336334.html>
3. Будущее глобального образования / [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://map.edu2035.org/futuremap#sidr>
4. Отчет NMC Horizon. Высшее образование – 2015 / [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://cdn.nmc.org/media/2015-nmc-horizon-report-he-RU.pdf>

КАК ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ ОТНОШЕНИЕ К ИНТЕРНЕТУ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ В РОССИИ И НА ЧТО ЭТО ВЛИЯЕТ

Колозариди П.В., Шубенкова А. Ю. (Москва)

Развитие Интернета и в целом информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) происходит в контексте отношений общественных групп к этим технологиям. Это отношение выражается в том, как технологии регулируются, и обеспечивается их внедрение. Следуя теории социального конструктивизма [Bijker et al, 1987], мы предполагаем, что распространение и ограничение Интернета оказываются следствием общественных отношений. Одновременно и сами технологии становятся самостоятельным фактором, который влияет на формирование общественных отношений. Исходя из этого, мы исследуем трансформацию отношения к Интернету в России. Объектом исследования служат высказывания руководителей государства, стратегические документы, законодательные инициативы и публичные события, связанные с развитием Интернета в России..

В России, с одной стороны, государство последовательно финансирует и реализует национальные программы по строительству Интернет-инфраструктуры. ИКТ внедряется в государственное управление и предоставление государственных услуг (Госуслуги, образование, здравоохранение). Одновременно с этим, в России реализуется политика ограничения и цензурирования в Интернете: процедуры блокировки сайтов, системы слежения спецслужб за Интернет трафиком и др. Сочетание этих противоречивых направлений участия государства ставит практический вопрос, каково отношение государства к Интернету и на какие аспекты информационных технологий оно влияет?

Концептуально это ставит исследовательский вопрос: какие образы Интернета конструируются в дискурсе государства, и как они меняются на протяжении 20 лет.

В докладе освещаются теоретические и методологические основы этой темы и результаты контент-анализа официальных документов в России, касающихся развития Интернета.

Теоретические основания

Развитие технологий определяется тем, как формируются общественные отношения вокруг них [Bijker et al, 1987]. С другой стороны, и сами технологии влияют на общество. В случае с Интернетом речь идёт не только о технологии, но и об информационной и коммуникационной среде, которая возникает благодаря ему. Это влияние становится предметом государственного регулирования. Государственные органы власти принимают на себя роль посредников, которые могут влиять на “правила игры” и в некоторых случаях их устанавливать.

В разных странах регулирование может значительно отличаться. Например, преступления в интернете считаются разные явления [Gasser et al, 2015]. При этом существуют и глобальные направления, связанные с регулированием технологий, например, борьба с цифровым неравенством [DiMaggio, 2001].

Регулирующее вмешательство государства в процесс развития Интернета связано с двумя основаниями:

инструментально Интернет создает новые возможности для государства: электронное правительство, доступ к открытым данным, расширение функционала библиотек, образовательные возможности, экономические перспективы Интернет-бизнеса. Негативные стороны - похищение данных, хакерство, ненадёжность цифровой инфраструктуры.

политическая роль Интернета: Интернет расширяет перспективы, доступа граждан к политической деятельности, увеличивает возможности контроля, публичности и открытости. Негативные стороны - киберпреступность, возможность внешнего вмешательства [Wong et al, 2011, Franqс, 2014].

Методология и данные

В данном исследовании мы проводим историческую реконструкцию тех представлений и нарративов, которые создавались в российском публичном поле по отношению к ИКТ и Интернету в течение 1999-2014 годов. Мы используем метод контент-анализа и исторической социологии, рассматривая случай России как кейс и ориентируясь на макро-показатели, анализ документов и макро-показатели.

Мы разделили представления об Интернете и ИКТ на несколько групп:

Роль государства как актора регулирования, внедрения или контроля технологий: присутствует/отсутствует

Представление о развитии ИКТ как цели политики

Репрезентация ИКТ как блага/угрозы

Дополнительно в ходе исследования было выявлено представление об ИКТ как объекте угроз.

В первую очередь, мы изучаем хронологию развития Интернета и ИКТ в России. Мы выделяем нормотворческие инициативы и события, которые относятся к представлению об Интернете как об источнике блага или опасности. В свою очередь, это будет означать, что эти инициативы, а также реакция на них в виде различных дополнений и законодательных предложений, будет представлять Интернет как объект отношения.

Из всех документов мы выбираем те, которые можно проанализировать с помощью контент-анализа: это официальные документы долгосрочного планирования (программы, доктрины, стратегии) и послания президентов. Посредством контент-анализа этих документов мы выявляем различные аспекты отношения государства к ИКТ.

Результаты контент-анализа показали: :

с какой частотой в разные годы упоминается Интернет и связанные с ним технологии

через какие документы конструируется аргумент об Интернете как блага/опасности.

формируемые в общественно-политическом дискурсе роли Интернета .

Для анализа использована программа Nvivo 10.

Результаты и дискуссия

По мере становления Интернета в России формируется его репрезентация в официальном дискурсе власти. Происходит изменение государственного понимания Интернета. Оно отражается в дискурсе официальных документов и реализуется в принимаемых государственных решениях: документах долгосрочного планирования, публичных выступлениях и федеральных законах. Можно говорить о следующей периодизации:

Первый период (1993-1999) характеризовался низким вниманием государства к Интернету: Интернет распространялся в рамках общественного саморегулирования, а не объект госрегулирования. Государство выступало одним из активных агентов распространения инновации.

Во второй период (2000-2011) Интернет публично репрезентируется как общественное благо. В риторике периода понятие “информационного общества”, представляется в качестве ориентира развития ИКТ и связано с глобальными институтами. Государство в данном случае играет роль актора, обеспечивающего достижение социального блага.

Третий период (2011-2014) связан со сменой роли государства. Формируется риторика, в которой Интернет становится не самоценным явлением, а проводником для других благ или опасностей. Эти процессы сопровождаются репрезентацией Интернета как угрозы и угроз самому Интернету. Хотя в предыдущем периоде мы также наблюдаем прагматическое объяснение благ, связанных с Интернетом, в данном случае происходит усиление функциональной роли ИКТ. Государство реализует свое право решать, какие из функций Интернета необходимы для развития российского общества, а какие - нет. Таким образом, можно объяснить агрессивные со стороны государства законы о цензуре и ограничению распространения ИКТ.

В данный момент мы продолжаем исследование рецепции выявленных официальных представлений об Интернете на уровне индивидуальных пользователей Интернета и в российских СМИ.

1. *Bijker, E.; Hughes, T. P.; Pinch, T. The social construction of technological systems: new directions in the sociology and history of technology // Cambridge, Massachusetts 1987: MIT Press. ISBN 9780262022620*
2. *DiMaggio P. et al. From the 'digital divide' to 'digital inequality': Studying Internet use as penetration increases // Princeton University Center for Arts and Cultural Policy Studies, Working Paper Series number. – 2001. – Т. 15.*
3. *Franco P. et al. Neutrality in internet regulation: three regulatory principles. – UCL, 2014.*
4. *Gasser, Urs and Schulz, Wolfgang, Governance of Online Intermediaries: Observations from a Series of National Case Studies (February 18, 2015). Berkman Center Research Publication No. 2015-5. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=2566364> or <http://d>*
5. *Wong S., Altman E., Rojas-Mora J. Internet access: Where law, economy, culture and technology meet // Computer Networks. – 2011. – Т. 55. – №. 2. – С. 470-479.*

ВОПРОСЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАКЕРОВ С БЛАГИМИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ЦЕЛЯМИ

Корытникова Н.В. (Харьков, Украина)

За относительно недолгую историю своего существования сообщество хакеров оформилось в особую социальную группу, деятельность которой направлена на урегулирование глобальных социальных и информатизационных процессов. Благодаря тесному сотрудничеству хакеров между собой и информационной открытости и бескорыстности в процессе творческой деятельности происходит усовершенствование программного обеспечения и широкое внедрение их достижений в повседневную практику пользователей. Выполнение столь серьезных задач хакерами предполагает формирование у них специфических норм и правил взаимодействия, построение особой системы ценностей, создание внутригрупповой иерархии и выстраивание внешних социальных отношений. В предыдущей работе [1] были выделены некоторые групповые качества хакеров, проявляемые ими в своей работе:

- Любознательность и здоровый скептицизм – стремление докопаться до истины и перепроверить все, что кажется очевидным.
- Независимость и ответственность – каждый отвечает за свою самореализацию.
- Взаимопомощь и участие общества – человек не должен скрывать то, что он узнал.
- Эстетическая жизнь – стремление к хорошей жизни.

В настоящее время существуют достаточно противоречивые представления о том, кто такие хакеры, причем данные противоречия характерны не только для мнений в широкой общественности, но и для социологического сообщества. Многие российские социологи (Скородумова О., Букин М., Вершинин М., Осипов Е., Терин В.) рассматривают хакеров лишь как преступников и хулиганов, орудующих в Интернете. Немного другая позиция состоит в том, что поиском уязвимостей в компьютерных программах и осуществлением атак на операционные системы ("взломом") занимаются специалисты по информационной безопасности. В самом общем виде таких специалистов можно разделить на две группы: хакеры (hackers) и крэкеры (crackers). В обоих случаях деятельность носит противоправный характер, т.к. они проникают в защищенные компьютерные системы или сети с целью получения ценной информации, изменения программных кодов, нелегального копирования, внедрения в работу программы.

Самое главное и принципиальное различие между хакерами и крэкерами состоит в целях, которые они преследуют. Основная задача хакера заключается в том, чтобы обнаружить слабые места в системе безопасности компьютера; информировать пользователей и разработчиков системы с целью последующего устранения найденных уязвимостей; сформулировать необходимые требования и условия повышения уровня ее защищенности. Задача крэкера состоит в непосредственном осуществлении взлома системы для ее кражи, подмены или из хулиганских побуждений. Данное различие подтверждается стремлением хакеров составить для себя самих этический кодекс. Они признают законы и думают над тем, как придать своей деятельности нормативный характер, но пока легализовать несанкционированный доступ к чужой информации или взлом компьютерной системы с благими целями не представляется возможным.

Несомненно, необходимо принять специальные правовые нормы для легализации деятельности хакеров, направленной на благие общественные цели, а также для контроля за неправомерными поступками крэкеров. Но пока остается не выясненным, какие изменения для общества несет с собой деятельность хакеров, в каких случаях существует потребность ограничивать им доступ к информации, как широкое распространение открытой исходной модели отразится на стремлении людей развивать компьютерные программы и не приведет ли это к стагнации из-за отсутствия конкуренции и коммерческой выгоды. Чтобы понять, будет ли общество после популяризации хакерской культуры развиваться в сторону большей свободы, требуется обсудить целесообразность введения следующих принципов легализации деятельности хакеров:

- Доступ к компьютерам и программному обеспечению должен быть неограниченным и тотальным.
- Вся информация должна быть свободной с учетом сохранения конфиденциальности частной жизни.
- В сфере информационной безопасности необходимо поддерживать децентрализацию, т.е. избегать каких-либо ограничений, влекущих неравенство в доступе и использовании современных технологий по принципу языка, возраста, расы, социального положения и др.

В последние годы в Интернете для свободного доступа выложено множество хакерских программ (поиск незащищенных систем, получение к ним доступа, получение паролей, удалённое управление компьютером). Большинство из них имеют интуитивно понятный интерфейс и руководство к действию. Таким образом, легализация

деятельности хакеров позволит закрепить в правовых нормах отличие хакеров, имеющих конкретную идеологическую подоплеку своей деятельности, от крэкеров, которые осознанно нарушают закон ради собственной выгоды, и простых пользователей, которые порой не понимают, к чему может привести работа той или иной компьютерной программы. В то же время результаты исследования послужат основой для осуществления мониторинга правоприменения в области информационного права, а именно: порядка осуществления доступа к публичной информации; процедур обеспечения информационной безопасности на государственном и индивидуальном уровнях и т.п.

1. Корытникова Н.В., Чекалова Ю.В. Особенности хакерской культуры: анализ самовосприятия сообщества // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*, - Х: Видавничий центр Харківського національного університету

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА В.В. ПУТИНА В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Кузьмина О.Г. (Ростов-на-Дону)

Фигура В.В. Путина – центральная в российской политике, а от того всегда вызывает большой интерес и подвержена самым разнообразным оценкам. С самого начала его правления рейтинги росли очень быстро, а имиджмейкеры активно выстраивали образ сильной личности и сильного президента.

За время пребывания у власти в должности Президента РФ В.В. Путину удалось достичь довольно серьезных результатов, а имидж России на мировой арене претерпел существенные изменения: Россия вновь стала серьезным политическим игроком мирового масштаба.

В течение последних нескольких лет произошел ряд знаковых событий, которые существенно повлияли и на внутреннюю и на внешнюю политику РФ. Выход москвичей на Болотную, события на Украине, присоединение Крыма к России и вовлечение России в конфликтные ситуации на Донбассе и в Сирии не остаются без внимания общественности и не могут не влиять на восприятие личности и профессионализма человека, находящегося у руля власти в стране. Более того, эти же события изменили и отношение к В.В. Путину широкой общественности за рубежом: рейтинг Президента РФ в ряде стран Европы и в Америке существенно возрос.

По данным сайта putin-today.ru Президент РФ занял «11е место самых обожаемых людей в мире» еще в феврале 2015 года [2]. По данным ФОМ на конец сентября 2015 года политика, проводимая Президентом РФ поддерживали почти 75% населения РФ, а если бы выборы происходили в ближайшее воскресенье, то за него проголосовали бы не менее 71% населения [1].

В связи с чем нам представляется интересным проанализировать, как воспринимается образ Президента РФ россиянами и как он отражается на таких медийных площадках как социальные сети. Объем статьи не позволит описать все возможные варианты отношения населения к В.В. Путину, а потому мы остановимся на публикациях в социальной сети Фейсбук.

Сразу же стоит отметить, что нынешний образ Президента РФ переживает высокую степень идеализации. Возможно, самую высокую за весь период пребывания В.В. Путина у власти.

По результатам проведенного исследования можно сделать несколько выводов:

1. Президента РФ сравнивают с царём, вождём, а политику проводимую им, воспринимают восторженно. Личность президента характеризуется в высшей

положительными параметрами :настоящий герой, «государственный лидер со светлой головой». Пользователь Svetlana Juninger сделала Репост от имени пользователя Сергей Шойгу в Твиттере: «Звонят с ИГИЛ, спрашивают: вера в Путина – это какая религия?».

«На улице все радуются и говорят: «Великий Путин, Цезарь - Путин» - пост восторженно повествует о том, что в Сирии население радуется приходу российских войск в Сирию.

2. В группах и сообществах прослеживается четкая диада: герой – антигерой. В качестве героя предстаёт В.В. Путин. Он противостоит более многочисленной группе антигероев, в лице которых выступают П. Порошенко, Б. Обама, а также представители «враждебных» с точки зрения участников группы государств и коалиций. Пользователь Vigen Avetisyan: «Владимир Путин переиграл Барака Обаму и сорвал его планы...» Елена Соколова: «Если президент сказал, значит так и будет!» - реплика над постом «Меркель: Путин дал обещание по Донбассу на саммите в Париже»

«Глава государства — патриот, который мыслит исторически, стратегически, как преемник царей и СССР. .... И там, где наши правители-бомбардировщики видят гуманитарный коридор, торговый центр или такие милые их сердцу права человека, Владимир Путин видит надувательство и сговор. Он — и все люди правых взглядов его страны и не только» (репост статьи с сайта moiarussia.ru) [3, 5].

3. Группы и сообщества людей, склонных поддерживать Путина, более многочисленны по сравнению с группами тех, кто не поддерживает его политику. Такие группы объединяют, как правило, людей из России, стран и регионов переживающих сегодня трудные времена в экономическом и политическом отношениях: Сирии, Греции, Италии, Донбасса и т.п. Численное превосходство групп и поклонников страниц в социальных сетях, поддерживающих Президента РФ В.В. Путина, свидетельствует о том, что Россия и целый ряд стран нуждаются в сильном лидере, который способен составить альтернативу США и Европейскому Союзу.

4. Наибольший отклик и поддержку участников групп и подписчиков получают публикации, отражающие внешнеполитическую обстановку, а также публикации, отражающие действия Президента в военно-технической отрасли, нежели обстановку внутри России отражающую вопросы развития экономики и сельского хозяйства. Так, на странице «Vladimir Putin (Владимир Путин) Политик» фото Президента, сажающегося в военный самолёт (размещено 2 октября 2015 года) получило 15729 отметок «Нравится», 1017 репостов, больше 1000 комментариев: Диля Максудова «Самый лучший Президент в Мире!!! Гордимся от души!!!» Лусине Саргсян: «Герой нашего времени!!!» [4].

Фото на этой же странице В.В. Путина сидящего в самолёте в качестве пилота в полной экипировке набрало почти 25 000 отметок «Нравится» и почти 1500 публикаций. Под данным фото почти 1350 комментариев, среди которых Mohamed Abdelwahab Спасибо, Путин египтяне люблю тебя Русская армия русские люди жили жили жили сроком...

Пользователь Ashraf Talal AL-kaabi: «Председатель и Отважный командир», Олег Красный: «!!!))».

В то же время фото, демонстрирующее посещение В.В. Путиным фермерских хозяйств в рамках сельскохозяйственного форума в Ростовской области получило всего 4031 отметки «Нравится», 253 публикации и только 300 комментариев. Что интересно, то и в комментариях к данной публикации находятся отклики о действиях В.В. Путина во внешней политике. При этом явно «фейковых» комментариев, не имеющих отношения к делу под данной публикацией больше, чем под предыдущими. Если в публикациях, связанных с внешней политикой количество комментариев «боготворящих» Президента однозначно высокое, то данная публикация оставляет ощущение противоречивости мнений и комментариев: здесь можно встретить и «за» и «сильно против» и откровенный «стёб» на грани фола.

Изучение публикаций позволяет сделать следующий вывод: пользователи соцсетей выражают значительную поддержку действий В.В. Путина во внешней политике, симпатизируют простым «жизненным» фотографиям Президента РФ, демонстрирующим его обычную жизнь: занятия в спортзале, езду на велосипеде, симпатизируют образу улыбающегося президента, а также президента посещающего храм или просто пьющего кофе. Однако, вопросы внутренней политики, а также возможности их решения волнуют россиян и граждан других государств в меньшей степени.

5. Сторонники Президента РФ склонны отмечать себя и своих друзей на фотографиях Президента, что свидетельствует во-первых, о поддержке идей, высказываемых и проводимых в жизнь В.В. Путиным, а во-вторых, размывает барьер между властью и обществом, формируя своеобразный эффект синергии управления обществом. На той же странице на фото улыбающегося В.В. Путина, демонстрирующего на камеру поднятый вверх большой палец, как свидетельство того, что все хорошо, отмечены 29 подписчиков страницы. Фото набрало более 23000 отметок «Нравится», более 1400 публикаций и более 1500 комментариев, среди которых: Ben Sayadyan: «Самый лучший Президент в Мире..... Он наша гордость.....» Лариса Николаенко: «Так держать и таким путем идти во внешней политике!» Пользователь с арабским именем ابو ياسر منذ نظر пишет: «Иракцы утверждают, власть Путина, нашего президента Путина». Пользователь ال كريم عبد حيدر (Багдад) комментирует эту публикацию так: «Человек трудные времена».

Страницы и группы, направленные на поддержку В.В. Путина содержат множество публикаций с его фотографиями без каких-либо заголовков и подписей, или анонсов, содержащих Путина в так называемой неформальной обстановке. Напрашивается следующий вывод: для сторонников Путина его фото само по себе является информационным поводом для публикации в соцсетях. Можно ничего не писать и не давать никаких текстовых посылов. Достаточно опубликовать фото и получить массу «лайков». Это, на наш взгляд, подтверждает тезис, высказанный в начале статьи: В.В. Путин не просто имеет серьезную поддержку среди пользователей соцсетей. Он представляется единственно возможным лидером, возможно идеальным. Поддержка, которую выражают пользователи социальных сетей В.В. Путину, степень идеализации образа Президента РФ может быть охарактеризована как высшая, возможно, в самой её высокой стадии.

1. В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы / <http://jom.ru/politika/10946>
2. Путин вошел в рейтинг самых обожаемых людей мира / <http://www.putin-today.ru/archives/8507>
3. A group of fans Putin / Группа Поклонников Путина / <https://www.facebook.com/groups/m.m.nika/>
4. Vladimir Putin (Владимир Путин) Политик / <https://www.facebook.com/Vladimir.Putin.Page?fref=ts>
5. "Путин невыносим, он слишком силен" - французская газета о Путине / <http://moiarussia.ru/putin-nevynosim-on-slishkom-silen-frantsuzskaya-gazeta-o-putine/>
6. Гранатова Ю.В. Презентация образов Путина и Медведева на телеканале "Russia today" / [Электронный ресурс] Вестник Пермского университета. Серия "Политология". Выпуск №3 (11), 2010 / <http://www.polit.psu.ru/vestnik/granatova-tele.htm>

ИННОВАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИНТРАКОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Локотова-Терновая О.Ю. (Харьков, Украина)

Реалии сегодняшнего бизнеса таковы, что интракоммуникации как самостоятельная сфера деятельности в рамках организации с каждым годом приобретает все большее значение.

Усложнение рыночных процессов, развитие информационных технологий требуют трансформации бизнес-схем и принципиальных изменений коммуникаций. Данная тема вызывает особый интерес у представителей различных научных направлений и сообществ – социологов, психологов, экономистов, управленцев и др. Это связано не только с особым междисциплинарным положением данного круга вопросов, но и с высокой практической и экономической их значимостью, связанной со способностью создавать новые ценности, технологии, подходы к системе управления, коммерциализировать и продвигать любую организацию. Интракоммуникации сегодня выступают с одной стороны, тем «краеугольным камнем», который необходим для полноценного обмена, распространения, поточного циркулирования корпоративной информации и знаний. С другой – связующими нитями, объединяющими элементы организации в единое целое [1].

Гармонично сочетая традиционные инструменты построения и развития интракоммуникаций (корпоративные СМИ, доски объявлений, внутренний сайт, собрания, корпоративные мероприятия, тренинги и др.) с инновационными, наблюдается появление новых возможностей, позволяющих улучшить диалог в информационном пространстве любой организации.

К таким инновациям возможно отнести ряд инструментов, одним из которых, является сторителлинг (от англ. *storytelling* — рассказывание историй).

Сторителлинг – это способ эффективного распространения интеллектуальных знаний и эмоционального опыта через повествование историй (нарративов) [2]. При этом важно, чтобы нарративы апеллировали к нормам и ценностям внутренних стейкхолдеров, выделяли в их жизненном потоке определенные моменты, обладающие для них смыслом и оценочным значением, конструировали и поддерживали через истории их корпоративную идентичность [6, с. 73]. Правдивый, слегка преувеличенный, или же полностью вымышленный нарратив, способен не просто излагать корпоративные события, но и делать их доступными для понимания, систематизировать причинно-следственные связи и выступать в качестве фундаментального компонента социального взаимодействия между внутренними стейкхолдерами организации. Важно, что формы созданных корпоративных нарративов становятся тем прототипом, на основании которого, осознанно или неосознанно, участники выстраивают свои собственные жизненные истории, систематизируют свой жизненный и профессиональный опыт.

Сторителлинг, как «нарративная коммуникация», возникает в середине 1990-х годов в США, а к концу 2000-х гг. теория и практика сторителлинга прочно занимает свое место в инструментарии американских маркетологов и специалистов по коммуникациям [6, с. 75]. Позже, эта технология широко используется в отечественных организациях.

К основным задачам сторителлинга относятся: передача опыта, корпоративных ценностей и культурной идентификации, развитие корпоративной культуры; трансляция принятых норм и правил, стандартов, позволяющих вести бизнес успешно; оказание содействия в достижении стратегических целей организации, убеждая и воодушевляя на реализацию уже существующих и вновь созданных сложных проектов; развитие мотивации и обучения; повышение эффективности горизонтальных и вертикальных коммуникаций, снижения уровня формализации; формирование положительного имиджа организации как работодателя в глазах внутренних стейкхолдеров; развитие организационной приверженности на всех этапах становления и развития организации; управление внутренними конфликтами и сплочение коллектива; построение эффективного командного взаимодействия внутри организации.

Ключевой проблемой в сторителлинге становится проблема восприятия и понимания самого текста [4]. Нарративный анализ рассматривает текст в его конечной форме и пытается понять, что же этот текст сообщает и каким образом. В понятие, «каким

образом» входит не только понятие и структура сюжета самой истории, но и такие аспекты, как способ подачи и распределение повествуемых событий, времени, пространства и персонажей. Важно, чтобы текст был «расшифрован» и, являясь продуктом осмысления корпоративной реальности, позволил слушателю глубже понять и осмыслить свой собственный опыт, свою собственную роль в целой цепочке развития самой организации [6, с. 78]. Данный инновационный инструмент построения интракоммуникаций умело демонстрирует организацию интерактивного диалога в режиме реального времени.

К следующим инновационным инструментам построения интракоммуникаций можно отнести корпоративный краудсорсинг.

Краудсорсинг (от англ. crowdsourcing, crowd – толпа и sourcing – использование ресурсов) – передача некоторых производственных функций неопределённому кругу лиц, решение общественно значимых задач силами добровольцев, часто координирующих при этом свою деятельность с помощью информационных технологий [3, с. 233]. Термин впервые был введён писателем Джеффом Хау и редактором журнала Wired Марком Робинсоном в июне 2006 года.

В организациях суть корпоративного краудсорсинга заключается в том, чтобы из одной входящей идеи с помощью группы внутренних стейкхолдеров, объединенных общей целью, получить нужный для организации конечный продукт в виде решения, готового для реализации или внедрения.

Преимуществами такого инновационного инструмента интракоммуникаций, который позволяет с минимальными затратами корректировать развитие бизнеса, являются:

- вовлеченность всех участников бизнес-процесса в принятие управленческих решений с последующим обсуждением их последствий;

- быстрое и качественное решение задач любой сложности в организации, генерация идей для оптимизации деятельности, создания системы долгосрочного планирования, управления, разработки и внедрения инноваций в производственной деятельности, выбор идей для совершенствования внутренних нормативных документов;

- выбор наиболее эффективных и инициативных сотрудников, готовых реализовывать себя и использовать накопленные знания во благо развития организации, выявление новых лидеров для формирования кадрового резерва внутри организации;

- производство корпоративного контента (фотографии, видео, корпоративные нарративы успеха, общая база знаний и др.) для создания возможности отождествления внутренними стейкхолдерами себя как части организации, с признанием ее философии, ценностей и традиций;

- поддержка командообразования и повышение лояльности внутренних стейкхолдеров;

- простота внедрения.

Но наряду с множеством преимуществ данного инновационного инструмента, существуют и некоторые его недостатки, а именно: отсутствие значительного опыта среди украинских организаций внедрения и алгоритмизации самого процесса сбора идей, их структурирования, обсуждения и выбора наиболее оптимального решения для бизнеса; качество предложенных решений напрямую зависит от заинтересованности и компетенции добровольцев; предвзятая избирательность информации для проведения краудсорсинговых проектов из-за невозможности сохранения конфиденциальности некоторой внутренней информации, так как контакт происходит с широким кругом стейкхолдеров.

И все же, корпоративный краудсорсинг, несмотря на существующие ограничения и сложности применения, является «одним из важных инструментом интракоммуникаций, создающий эффект синергии таланта и знаний для достижения наибольших бизнес результатов при наименьших затратах» [7, с. 94].

Одним из наиболее заметных инновационных трендов по повышению вовлеченности внутренних стейкхолдеров в организации является «геймификация».

Геймификация (от англ. gamification, game – игра) – это использование элементов игр и игровых техник в не игровом контексте [1]. Другими словами, геймификация – это превращение реальных действий в игровой процесс с правилами, ролями, виртуальными наградами, миссиями, возможностью делать осмысленный выбор для достижения игроками своих целей и одновременно целей организации.

В организациях геймификация выступает важным инструментом, который позволяет создавать новые формы в решении кадровых задач (адаптация, подбор, обучение), создании благоприятного социально-психологического климата в организации (офисное пространство, корпоративные мероприятия, нематериальное стимулирование), запускать глобальные, стратегически важные процессы организации (корпоративная культура, системы KPI, внедрение инноваций и изменений); формировать позитивный опыт взаимодействий; поощрять инновационные решения. С помощью игровых технологий можно создавать уникальные методы развития, обеспечивающие компании и бизнесу весомое конкурентное преимущество и дополнительную ценность. Важно, что игровые технологии позволяют формировать команду единомышленников, способную реализовывать все поставленные цели. HR-игра разрабатывается исключительно под цели и задачи организации, существующую систему управления и структуру получения вознаграждений, которые напрямую зависят от хода игры и ее формата. При этом в основу сценария корпоративной геймификации включаются элементы поощрения и мотивации внутренних стейкхолдеров через систему баллов, значков-бейджей, уровней и таблицу рекордов. Ценно, что каждый элемент выступает грамотным соотношением конкуренции и сотрудничества [1].

Однако, будучи инновационным инструментом, геймификация имеет и ряд недостатков:

при частом и необдуманном использовании геймификации в организациях возможно смещение фокуса внимания внутренних стейкхолдеров с работы на игру, что может в значительной степени оказать неблагоприятное влияние на внутренние процессы организации;

какой бы интересной и захватывающей не была игра, частое использование данного инструмента во всех без исключения внутриорганизационных процессах становится навязчивым, стейкхолдеры начинают уставать от рейтингов, конкурсов и прочих технологий, используемых для того, чтобы поддерживать уровень их мотивации, и идея данного инструмента теряет свою силу;

возможен риск возникновения внутреннего конфликта при неумелом использовании данной технологии в управлении внутренней конкуренцией: вместо организации естественного соревнования в коллективе, способного развить организацию и удовлетворить потребности внутренних стейкхолдеров в признании, существует риск активного срыва сотрудниками результатов работы других стейкхолдеров и возникновения внутренних сопротивлений.

Несмотря на это, геймификация является мощным инновационным инструментом интракоммуникаций для решения бизнес-задач и поддержания корпоративной культуры организации. Геймификация представляет возможность использования игровых технологий, способных сформировать у внутреннего стейкхолдера внутреннее желание выполнить действия, которые предлагает игра без отрыва от производства, с последующим переносом наработанных в игре навыков из игровой реальности в рабочую.

Таким образом, система интракоммуникаций выступает одной из ключевых составляющих успеха функционирования любой организации, способной своевременно реагировать на все вызовы времени. Современные тенденции развития организации демонстрируют, что наряду с использованием стандартного набора инструментария интракоммуникаций, в последнее время активно стали появляться и использоваться

инновационные. Список инновационных инструментов интракоммуникаций возможно продолжать и далее. Чем очевиднее инновации в организации, тем выше вероятность организации выйти на качественно новый уровень и, возможно, стать лидером в своей области.

1. Аналитический обзор «Актуальные тенденции развития внутренних коммуникаций» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.incorpore.ru/files/IntraCom%202013_Incorpore%20review.pdf - 13
2. Герасименко О. Сторителлинг – эффективный вариант неформального обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=6330>, - Загл. с экрана.
3. Максимов Н. Н. Краудсорсинг как способ активизации развития персонала / Н. Н. Максимов, В. С. Паришина // Молодой ученый. – М., 2012. – №12. – С. 233-236.
4. Новичкова А. В. Сторителлинг как современный инструмент управления персоналом [Электронный ресурс] // А. В. Новичкова, Ю. В. Вокресенская // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2014. – ноябрь-декабрь (№ 6). – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/39EVN614.pdf>. - Загл с экрана.
5. Теория поколений в России: основы теории поколений [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rugenerations.ru>
6. Тужикова Л. В. Нарративная коммуникация в геобрендинге / Л. В. Тужикова // Малые и средние города России как проблемное поле геобрендинга. – Екатеринбург, 2011. – С. 73-79.
7. Джефф Хау. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса / Хау Джефф; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 288 с.

ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СРЕД В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Лонцов В.В., Прончев Г.Б., Третьякова И.В. (Москва)

В условиях глобального кризиса, охватившего практически все страны мира, и вызванного рядом причин, в том числе и так называемой «санкционной войной» против России, мировое информационное пространство активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. В настоящее время перед Россией стоит проблема перехода страны на путь инновационного социально-ориентированного развития, в течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми нефтегазовыми ресурсами, сколько интеллектуальной экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности.

С развитием виртуальных социальных сред сети Интернет и появлением новых сервисов возникают новые возможности для социальных коммуникаций, организации информационно-коммуникационной среды. Люди разделяются по интересам, принадлежности к учебному заведению, месту жительства и т.д. Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов личности в этой сфере, упрочении демократии, создании правового социального государства, достижении и поддержании общественного согласия, в обновлении России.

Виртуальные социальные среды сети Интернет – важнейший инструмент развития информационно-коммуникационной среды. Трудно переоценить их влияние на жизнь мирового сообщества. В настоящее время Интернет характеризуется как глобальная компьютерная сеть, призванная объединять Человечество в процессе обмена информацией. Число пользователей всемирной паутиной растет с каждым днем,

появляются все новые и новые технологии, упрощающие и ускоряющие передачу информации. От простых текстовых сообщений произошел переход к мультимедийным видеоконференциям, в которых могут принимать участие жители различных стран и континентов.

По данным компании TNS число пользователей Интернета в России по итогам первого квартала 2015 года выросло в годовом выражении на 5% и достигло 82 млн. человек, это 66% активного взрослого населения страны (в возрасте старше 18 лет) [1]. Число уникальных пользователей за год увеличилось на 30% за счет роста количества гаджетов и браузеров. При этом трое из каждых десяти пользователей составляют активную аудиторию – выходят в Интернет хотя бы раз в сутки. В конце августа 2015 года гендиректор социальной сети Facebook на своей странице в социальной сети сообщил, что число пользователей социальной сети за день достигло 1 млрд человек [2]. Впервые каждый седьмой человек на Земле пользовался социальной сетью Facebook для связи с друзьями и семьей.

Согласно данным ВЦИОМ [3], сегодня во всемирную сеть каждый день заходят 46% опрошенных, 19% пользуются интернетом несколько раз в неделю или в месяц, 1% граждан отвечают, что выходят во всемирную паутину крайне редко (менее одного раза в полгода). Интернетом не пользуются около 34% опрошенных. Наиболее активную аудиторию составляют пользователи в возрасте от 18 до 24 лет с хорошим образованием и материальным положением. Большинству россиян сегодня Интернет необходим, прежде всего чтобы быть в курсе последних новостей о событиях в стране и мире: 82% пользователей ищут в сети подобную информацию

Широкое распространение за последние годы получили такие социальные сервисы Интернета как форумы, блоги, гостевые книги и в наибольшей степени социальные сети. Согласно данным ряда исследований, виртуальные социальные среды – основная причина, по которой сегодня растет количество времени, проводимого пользователями в Интернете. Темпы, которыми развиваются социальные сети в России, бьют все рекорды. Социальные сети в Интернете уже сейчас играют роль социально-вспомогательного, регулятивного инструмента. Все чаще властные структуры, как федеральные, так и муниципальные, используют социальные сети в осуществлении социальной политики. Число Интернет-сообществ увеличилось, их тематика качественно расширилась. Состав участников Интернет-сообществ расширился. Появление специалистов и как следствие, возможность получения квалифицированного совета, вызвал приток новых участников Интернет-сообществ.

Следует отметить, что в условиях глобального кризиса рост количества и изощренности информационных атак на Россию не обходит стороной и информационную безопасность пользователей виртуальных социальных сред в Интернете. Многочисленные примеры показывают, что растущие возможности виртуальных социальных сред используются для ведения информационной войны со своими противниками во всемирном масштабе. Популярными становятся взломы аккаунтов пользователей сетей с целью размещения от их имени различной ложной и провокационной информации. Становится заметным рост интереса политических групп и административных органов власти к персональным данным участников виртуальных социальных сред, в том числе и к таким личным данным, которые сами пользователи удалили из доступа или ограничили возможности их распространения в социальных сетях. В современных условиях пользователи различных социальных сетей всё более теряют возможности управлять своими конфиденциальными данными. Одновременно с этим происходит и рост интереса пользователей к самим социальным сетям, что отражается как в заметном увеличении количества проводимого в сетях времени, так и в собственном росте количества пользователей социальных сетей.

1. Доля эксклюзивных пользователей мобильного Интернета в России 100 000+ за год выросла на 90% // Режим доступа: <http://www.tns-global.ru/press/news/344111/>
2. Режим доступа: <https://www.facebook.com/zuck>
3. Режим доступа: <http://wciom.ru/>

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТОВ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Львин Ю.М., Покровский Б.Н. (Санкт-Петербург)

Информационное общество ставит перед российским обществом новые задачи, решение которых связано с развитием социальных институтов передачи знаний и развития информационной среды. Институционализация и реорганизация модели производства и создания знаний связаны, прежде всего, с университетской и академической средой.

Предложения Президента В.В. Путина по реорганизации образовательной и научной системы затрагивают, прежде всего, вопрос адаптации системы подготовки человеческого ресурса для российской экономики: «Предлагаю в 2012-2014 гг. силами наших ведущих университетов с привлечением ученых РАН и международных экспертов провести аудит всех образовательных программ высшего профессионального образования. В первую очередь - по экономике, юриспруденции, управлению, социологии. Вузы, которые потеряли рынок труда для своих выпускников, которые не ведут серьезных исследований, будут присоединены к сильным университетам сложившимися коллективами и традициями» [1]. Это позволит максимально использовать человеческий капитал на национальном (макро) [2], региональном (мезо) и организационном (микро-) [3] уровнях: «Вокруг задачи развития человеческого потенциала России мы должны выстроить нашу социальную, экономическую, миграционную, гуманитарную, культурно-просветительскую, экологическую, законодательную политику» [1].

Концепции социокультурных оснований экономического поведения [4] и 3d-менеджмента [5] отражают заинтересованность реального бизнеса в прагматическом использовании всей системы знаний в ее полноте, включая как формальные знания (традиционно понимаемые как научные), так и неявные, или «живые» знания, существующие в форме осознаваемых или неосознаваемых практик мышления и действия, знания, рассеянные среди людей, эксклюзивные и рожденные благодаря предпринимательскому таланту, создавшему данную форму организационного процесса.

Учитывая роль фонового, контекстного знания, интерес к неявному знанию как элементу конкурентных преимуществ компаний был проявлен в японской управленческой литературе [6]. Так, неявное знание определяется как стратегический интеллектуальный капитал, который не формализован в документах, не описан вербально или визуально. Ключевые сотрудники представляют для компании значительную ценность не только в силу накопленной информации, например, о коммуникационных каналах и о реальных потоках информации внутри компании, но и в силу возникшего неявного знания о бизнес-процессах в целом.

Отчасти о формировании неявного знания говорит наличие опыта работы человека в отрасли, в фирме или в конкретном территориальном отраслевом кластере. С этих позиций, формирование кластера, т.е. географическая концентрация предприятий [8] отрасли в конкретной точке пространства, является конкурентоспособной формой ведения бизнеса не только с точки зрения логистики (стандартизация и сокращение расстояний поставок, и т.п.), но и с точки зрения социально-профессиональной и организационной мобильности людей, задействованных в деятельности компаний кластера.

Эти люди являются носителями постепенно формирующегося неявного знания в рамках кластера [8], что позволяет, с одной стороны, сокращать издержки (избегать повторения ошибок), а с другой, получать дополнительный выигрыш за счет увеличения производительности труда и сокращения адаптационного периода при переходе работников из компании в компанию. Модель перетока знаний внутри кластера опирается, в частности, на фактор локальной мобильности и социальной общности [9] людей, проживающих компактно на территории.

В условиях информационного общества формирование виртуальных сообществ в некоторой степени снимает географическую зависимость. Но парадоксальным образом, при снижении значимости пространственной близости, ускорение всех процессов передачи знаний и информации между любыми точками мира на основе телекоммуникационных технологий не приводит к снижению значимости темпорального фактора.

Временное измерение, напротив, оказывается более устойчиво в рамках процесса передачи и усвоения знаний. Прежде всего, это касается передачи имплицитных (неявных) знаний. Особенности неявного, или живого знания, опираются на тот факт, что эмпирическое, прикладное знание, чтобы стать формальным научным, должно быть отражено в языке, в явном вербальном социопрофессиональном нарративе [10] либо в целостной системе визуальных и динамических элементов, формирующей профессиональный дискурс. Таким образом, говоря о необходимой выраженности в языке [11], следует уточнить, что язык является второй сигнальной системой в том смысле, что позволяет передавать знание, а потому под языком, в данном случае, следует иметь в виду не только лингвистические, но и экстралингвистические элементы [12], т.е. прежде всего, визуальные и кинестетические элементы, «язык» движения и деятельности.

Если априорное знание позволяет в принципе начать действовать, составляя почву для совершения «шага», фундамент для выстраивания поведенческой модели, то апостериорное знание определяет, как действовать, какой поведенческий паттерн выбрать. Таким образом, «априорное» знание позволяет осуществить реальное развёртывание дальнейших познавательных актов по получению производного, «апостериорного» знания [13], т.е. предпосылочное знание опосредствует собой последующее развитие сознания, обусловленное дальнейшим приобретением и осмыслением опыта. С философских позиций, предпосылочное знание можно также назвать гносеологическим, оно логически структурировано, выполняя роль регулятива для дальнейшего функционального действия.

Для эффективной управленческой деятельности передаче знаний внутри компаний в форме наставничества или между компаниями, а также в условиях профессионализации высшего образования, необходимо осуществлять выявление и формализацию неявного знания [14]. Но в любом случае, необходимо не только учитывать, но и выдерживать определенный ритм и скорость обучения.

Время как составляющая часть пространственно-временного континуума, в условиях передачи знаний выступает более ригидной характеристикой в силу необходимости усвоения именно живого имплицитного знания.

Если к формальным фактическим данным и информации можно получить мгновенный доступ в условиях информационной среды, через сеть Интернет и через мобильные устройства, в частности, смартфон, то неформальные, имплицитные знания требуют фиксированного, несжимаемого времени.

Накапливая многообразие произвольно образующихся моделей мира и актуализируя эти модели, воспроизводя образ мысли и действия, личность формирует основу понимания происходящих процессов. Персональный опыт играет роль фундамента, на котором строится личностно-профессиональный рост и самореализация.

Функционирование человеческого потенциала определяет эффективность национальной и региональной экономики. Формирование личностных и профессиональных компетенций должно быть интегрировано в социализационный

комплекс. Занять лидирующие и выгодные позиции в глобальной хозяйственной системе страна может лишь вместе с лидерством в сфере институционализации передачи знаний в контексте информационного общества.

1. Путин В.В. *Строительство справедливости. Социальная политика для России* // Комсомольская правда. – 13.02.2012.
2. Shultz T. *Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research*, New York: Free Press, 1971.
3. Becker, G. S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. - Chicago, 1964.
4. Покровская Н.Н. *Концептуальные основы понимания культуры как базы трансформаций общества* // Личность и Культура. – 2000. – №1. – с. 14-15.
5. Капица С.И. *Решения 3D-менеджмента для управления компанией: 15-летний опыт управленческого консультирования*. – СПб.: ЗАО «Гуманитарный фонд», 2008. – 132 с.
6. Nonaka I. *The Knowledge-Creating Company: How Japanese companies create the dynamics of innovation* / Nonaka I., Takeuchi H. // Oxford University Press. - 1995.
7. Nick H. *Knowledge and Clusters* / Nick H., Pinch S. // *Clusters and Globalisation*. - 2006. - P. 114-132.
8. Evers H.-D. *Knowledge Hubs and Knowledge Clusters: Designing a Knowledge Architecture for Development* / Evers H.-D., Gerke S., Mollinga P., Schetter C. // *Munich Personal RePEc Archive*. - 2008. - P. 6.
9. Хасанов Р.Х. *Модель перетока знаний в кластере* // Креативная экономика. – 2009. – № 8 (32). – с. 80-84.
10. Покровская Н.Н. *Дискурсивно-регуляторные механизмы выстраивания поведенческого выбора и социопрофессиональный нарратив* // *Вестник Балтийской педагогической академии*, 2013. – Вып. 111. – 180 с. – С. 25-29.
11. Емельянова Е.А. *Передача неявных знаний как фактор формирования кластеров и повышения инновационной активности бизнеса* // *Современные проблемы науки и образования*. – 2012. – № 1.
12. Борисенков А.А. *Феномен неявного знания* // *Философия и культура*. – 2011. – №5.
13. Покровская Н.Н., Покровский Б.Н. *Проактивное инвестирование в человеческий капитал и управление талантами: Интерактивные и проектные образовательные технологии и методы обучения и выстраивание траектории формирования профессиональных компетенций в организ*
14. Polanyi M. *The Tacit Dimension*. – N.Y., 1967.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛАЙФЛОГГИНГА

Маркеева А.В. (Москва)

Современные информационные технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни человека. При этом они не только привнесли новое качество жизни, но и совершили «переворот» в мировоззрении современного человека, привели к переосмыслению базовых человеческих ценностей, связанных с семьей, работой, отношением к предметам физического мира, к изменению отношения человека к своей жизни и к самому себе. Всё становится временным: работа, дом, отношения. На первый план выходит – ежедневная генерация гигантского объема персональной информации, стремление заархивировать, оцифровать личные впечатления и опыт. Тем самым осознанно или нет, современный пользователь создает новую «онлайновую» личность. В этой связи способности человека по сбору и обработке информации в ближайшие годы будут столь же значимыми факторами формирования репутации человека, личностного бренда, как профессиональная занятость и доход. Это будет способствовать не только к активному распространению нового типа инструментов и технологий, позволяющих записывать и обрабатывать всю информацию на предмет распознавания объектов и

психологических реакций индивида, геотаргетирования объектов, но и оказывать влияние на популяризацию новых социальных практик, таких как ведение лайфлога.

Широкое распространение движения Quantified self позволило не только организовать сообщество пользователей со всех уголков мира, преследующих цель разработать, апробировать инструменты для получения полезной информации из количественных персональных данных людей, но и создало моду на распространение различных инструментов фиксации жизни в пользовательской среде [8].

Однако сугубо прагматичная цель, ставшая основой первых лайфлоггинговых систем и связанная с преодолением «слабости» человеческой памяти, под воздействием моды все чаще выносит на поверхность негативные аспекты новой социальной практики. Философы и социологи отмечают, что лайфлоггинг становится частью бесконечного «медийного спектакля», имеющего целью конструирование виртуального, далеко от реальности образа современного человека. Стремление документировать все детали своей жизни и предоставлять к ним доступ любому желающему связывают с потерей идентичности современного человека, с желанием заполнить пустоту и «экзистенциальную скуку» иллюзией динамики жизни [1; 2]. Сторонники набирающего в Интернет популярность движения цифровых отшельников (The Digital Nomad Movement) наоборот указывают, что полное перенесение жизни человека в онлайн открывает новые возможности для самореализации и повышения личной эффективности. Они полагают, что новые цифровые технологии предоставляют современному человеку свободу и время понять самого себя, выделить самое важное в жизни, избавиться от стереотипов, навязанных современным обществом потребления. По их мнению, лайфлоггинг становится «виртуальным зеркалом», позволяющим человеку посмотреть на себя со стороны, проанализировать свою жизнь, а также способом оптимизировать повседневную жизнь, найти необходимый баланс между разными видами активности, формировать новые паттерны поведения [8].

Несмотря на активное распространение практики, в научном плане лайфлоггинг, социальные последствия его распространения для развития человека и общества недостаточно полно изучены. При рассмотрении содержания лайфлоггинга исследователи делают акцент на отдельных составляющих новой социальной практики. Наиболее разработанными являются следующие аспекты: 1) исследование функций и возможностей лайфлоггинга в части устранения проблем забывания [3]; 2) изучение возможностей тотальной регистрации факторов внешней среды для создания оцифрованного контекста жизни человека [9]; 3) анализ направлений и разработка инструментов фиксации эмоциональных переживаний, ощущений человека с целью сделать цифровые архивы полными, лично окрашенными [6].

В последние несколько лет из-за активного совершенствования аналитических функций лайфлоггинг стал рассматриваться как эффективный способ цифрового самоанализа жизнедеятельности индивида. Специалисты все чаще говорят о появлении нового исследовательского метода, который может быть применен для различных целей (личностных, образовательных, управленческих, маркетинговых и т.д.). Особенностью метода является активный подход к получению и обработке информации. Он подразумевает большую, нежели раньше свободу в предоставлении персональной информации другим пользователям [7], а также создает специфическую исследовательскую ситуацию, когда субъект становится объектом собственного наблюдения.

Проблемы первоначального развития лайфлоггинга, связанные с доступностью и стоимостью технологии для пользователей, в настоящий момент решены. Стоимость гаджетов и программного обеспечения падает каждый год, позволяет удовлетворить потребности любой целевой группы. Проблемы развития лайфлоггинга в настоящий момент находятся в содержательной сфере. Во-первых, существующие системы часто из отсутствия апробированных принципов построения, не всегда эффективно решают поставленные задачи – например, связанные с поддержанием памяти [4, 46,47; 9, 75].

Лайфлоггинг является незаменимой технологией для ряда групп (например, людей, страдающих болезнью Альцгеймера), однако в других случаях, когда он применяется не для медицинских целей, возникают проблемы. Люди редко обращаются к сохраненным данным.

Во-вторых, проблема в том, что человек желает иметь не только архив фактов, событий, но чувств, переживаний, эмоций. Осмысления нашего прошлого – важный элемент человеческой жизни. Современные лайфлоггинговые системы пытаются решить эту проблему. Например, специалисты медиалаборатории Массачусетского технологического университета, пытаются интегрировать биосенсоры, отслеживающие физиологические реакции, дневниковые системы и цифровые инструменты для сбора психологических данных о повседневной жизни людей, для составления и визуализации их активности и психологических реакций. Уже сейчас любой человек на основе персональных данных, полученных с помощью лайфлоггинга, может составить собственные карту счастья и карту стрессовых ситуаций [5]. Также в рамках развития концепции интернета-вещей, ученые интегрируют отдельные функции лайфлоггинга в повседневные предметы интерьера, упрощая сбор данных, а также делая сам процесс сбора и извлечения информации более «человечным», понятным, удобным современному человеку. Развитие лайфлоггинга будет двигаться в направлении предоставления больших возможностей для рефлексии человеческого опыта, для определения связи физической и социальной активности людей с их эмоциональным состоянием, состоянием здоровья в различных жизненных ситуациях.

В-третьих, объем накапливаемой информации в условиях недостаточной технологической подстройки под персональную систематизацию, приводит к снижению мотивации пользования цифровыми архивами [4, 42,43; 9,75; 11]. Вероятно, принцип «больше информации – лучше», без должной технологической персонализации систем, не действует, а создает дополнительный информационный шум. В техническом плане упор в развитии лайфлоггинга будет сделан на легкость и простоту извлечения информации, нахождения ее в огромном массиве данных.

В-четвертых, большинство инструментов лайфлоггинга направлены на поддержку ретроспективной памяти, в то время как современный человек в условиях ускорения темпа жизни имеет больше проблем с тем, чтобы вспомнить то, что он хотел сделать. Сохранить в памяти намерения, вовремя получить напоминание о том, что хотел сделать человек, способствовать реализации этих намерений – технологическая задача для создателей лайфлоггинговых систем [9;10]. Её решение требует учета результатов социологических и психологических исследований при разработке лайфлоггинговых систем.

Развитие инструментов лайфлоггинга в настоящий момент идет в 3-х направлениях: 1) развитие специализированных мобильных приложений лайфлоггинга; 2) развитие носимых девайсов, встраивание функций лайфлоггинга в существующие устройства; 3) расширение функций социальных сетей. Будущее лайфлоггинга в технологическом плане связано с интеграцией всех трех представленных направлений, что будет приводить, с одной стороны, к активному использованию компаниями и организациями информации, получаемой с помощью лайфлоггинга, для модернизации существующих товаров и услуг, совершенствования организационных процессов (например, в области управления персоналом) и систем (в настоящий момент тестируются лайфлоггинговые приложения для совершенствования процесса обучения), с другой – будет способствовать наделянию существующих предметов, устройств функциями и возможностями, позволяющими человеку собирать, архивировать различные данные о своей жизни.

Помимо позитивных моментов, развитие лайфлоггинга будет сопровождаться негативными последствиями, связанными, прежде всего, с утратой конфиденциальности частной жизни. Такой объем хранимой личной информации и открытый доступ к ней

может быть использован как коммерческими организациями, так и государственными институтами для управления поведением людей, для усиления надзора над их трудовой деятельностью и личной жизнью. В этой связи обсуждение учеными, практиками и общественностью последствий популяризации лайфлоггинга для развития общества и человека становится как никогда актуальным.

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2009. – 260 с.
2. Яковлева Е. В поисках идентичности: эптатаж как след современности// Наукові записки Національного університету «Острозька академія», Серія «Культурологія», 2014, вып.14, ч.1, стр. 72-78.
3. Bell, G., & Gemmell, J. Total recall. New York, NY: Dutton, 2009.
4. Bergman O., Brockmeier J., Clough P., Kalnikaite V., Sellen A., Petrelli D., Whittaker S., Villar N. Socio-Technical Lifelogging: Deriving Design Principles for a Future Proof Digital Past// Human-Computer Interaction, 2012, Volume 27, pp. 37–62
5. Hernandez J., McDuff D., Fletcher R., Rosalind W. Picard. Inside-Out: Reflecting on your Inner State// Work-in-progress in Pervasive Computing, San Diego, CA, March 18-22, 2013. [Электронный ресурс] // <http://affect.media.mit.edu/pdfs/13.Hernandez.McDu>
6. Ivonin L., Huang-Ming Chang, Wei Chen, Rauterberg M. Unconscious emotions: quantifying and logging something we are not aware of// Personal and Ubiquitous Computing, 17,2013, pp.663-673.
7. Jones D. All the moments of our lives: self-archiving from Christian Boltanski to Lifelogging// Archives and Records: The Journal of the Archives and Records Association. Spring 2015, Vol. 36, Issue 1, pp. 29-41 <http://dx.doi.org/10.1080/23257962.2015.10>
8. The Quantified Self [Электронный ресурс] // <http://quantifiedself.com/>
9. Sellen A., Whittaker S. Beyond total capture: A constructive critique of lifelogging// Communications of the ACM, 53(5), 2010, pp.70–77.
10. Sellen A., Louie G., Harris J., and Wilkins A. What brings intentions to mind? An in situ study of prospective memory// Memory 5, July 1997, pp.483–507.
11. Whittaker S., Bergman C. and Clough, P. Easy on that trigger dad: A study of long-term family photo retrieval// Personal and Ubiquitous Computing 14, 1, 2010, pp.31–43.

ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ИКТ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монахов Д.Н. (Москва)

Информационные технологии являются одной из основных движущих сил в современном мире. Успешность как отдельного человека, так и целого государства во многом зависит от своевременного доступа к необходимой информации.

Информация – это стратегический ресурс общества. Доступность к объективной информации всех граждан России – важнейшая задача государства, которая помогает выигрывать, в том числе, и в непрекращающихся информационных войнах.

Цифровое неравенство - это новый вид социальной дифференциации, вытекающий из разных возможностей использования новейших информационных и телекоммуникационных технологий.

Цифровое неравенство в России преодолевается в следующих направлениях: 1) компьютеризации и цифровизации всех регионов, что обеспечивает доступность к своевременной информации через интернет; 2) подготовки и переподготовки россиян к использованию информационных технологий в социальной, профессиональной и образовательной деятельности.

Информационное равенство, на наш взгляд, это социальная ситуация, когда значительная часть населения получает возможность

- доступа к информации о деятельности публичных органов и публичным услугам,

- выражения своего мнения по тем или иным вопросам при помощи информационно-коммуникационных технологий.

Информационный разрыв сегодня – это не отсутствие компьютера, а несформированная потребность человека быть членом информационного сообщества. Пропаганда, обучение, воспитание первичных навыков электронных коммуникаций – вот задачи, решению которых в Российской Федерации уделяется пристальное внимание.

Подготовка кадров в области информационно-коммуникационных технологий определяется следующими факторами:

- универсальным характером информационно-коммуникационных технологий, масштабы применения и роль которых неуклонно возрастают во всех сферах жизнедеятельности, экономики и государственного управления;

- возрастающей зависимостью успешного развития всех отраслей экономики и государственного управления от своевременного овладения персоналом необходимыми наборами компетенций в области ИКТ;

- возрастающей зависимостью развития отрасли информационных технологий и связи, а также реализации государственной политики Российской Федерации от овладения компетенциями в области ИКТ максимально широкими слоями населения Российской Федерации;

- необходимостью упорядочивания овладения компетенциями в области ИКТ государственными служащими и работниками бюджетной сферы в целях повышения эффективности государственного управления и бюджетной сферы;

Одной из наиболее актуальной в современном образовании является проблема подготовки кадров к жизни и работе в мире, где процессы получения, преобразования, использования информации занимают главенствующее место, интеллектуальный труд становится основным видом труда, а готовность к использованию ИКТ ведущей частью деятельности личности.

Нами понимается понятие «готовность к использованию информационно-коммуникационных технологий в образовательной и профессиональной деятельности» как 1) цель и компонент педагогического процесса; 2) интегральное качество личности, состоящее из следующих компонентов: информационного, включающего владение теоретическими знаниями, необходимыми для применения ИКТ в образовательной и профессиональной деятельности; ценностно-мотивационного, отражающего побуждения обучающихся к совершенствованию в области ИКТ; операционного, отражающего развитую готовность к интегрированной деятельности в информационно-коммуникационной среде, возникающее в результате целенаправленной подготовки в вузе и самоорганизованного обучения [2, 3].

В сентябре 2013 года на базе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проводился веб-опрос студентов, в котором участвовало 916 респондентов. Анализ результатов данного опроса выявил необходимость подготовки студентов в области ИКТ [2, 4]. При существующих программах вузов студенты за период обучения не достигают того уровня сформированности ИКТ-культуры и готовности к использованию информационно-коммуникационных технологий в образовательной и профессиональной деятельности, который необходим для решения учебных и будущих профессиональных задач.

В январе-феврале 2014 года нами проводилось анкетирование («Оценка готовности к использованию средств ИКТ» [4]) слушателей курсов повышения квалификации, магистров при вступительном собеседовании и учителей общеобразовательных школ (324 респондента), то есть тех людей, которые имеют опыт работы в профессии. В анкетировании использовалась шкала Ликерта (шкала суммарных оценок), при работе с которой респондент оценивает степень своего согласия или несогласия с каждым суждением. Сумма оценок каждого отдельного суждения позволяет выявить установку испытуемого по какому-либо вопросу.

В результате анкетирования были получены следующие результаты
оценили на 5 баллов свою работу

- в текстовом редакторе 67%;
- с электронными таблицами - 31%;
- с компьютерной презентацией - 33%;
- общие навыки - 56%;
- создание и обработка изображений - 45%;
- компетенции в области установки необходимого программного обеспечения - 67%;

оценили частоту использования

- текстового редактора: часто (ежедневно) - 32%, средне (три раза в неделю) - 53%;
- электронных таблиц: часто (ежедневно) - 33%, средне (три раза в неделю) - 57%;
- презентации: часто (ежедневно) - 65%, средне (три раза в неделю) - 31%;
- Интернета в учебных целях: часто (ежедневно) - 89%, средне (три раза в неделю) - 10%;
- социальных сетей: часто (ежедневно) - 40%, средне (три раза в неделю) - 21%; редко (несколько раз в месяц) - 27%, никогда - 12%;

указали следующие причины, которые побудили бы применять ИКТ в учебном процессе и профессиональной деятельности:

- решение администрации - 1%;
- желание соответствовать статусу современного профессионала / студента - 100 %;
- эффективность работы коллег, использующих ИКТ - 89 %;
- поощрение в виде дополнительной оценки, повышенный балл на экзамене, добавка к заработной плате (для работающих) - 22%.

указали следующие причины, которые мешают использовать информационно-коммуникационные технологии в учебной и профессиональной деятельности:

- нет доступа к ИКТ - 0,2 %;
- не вижу необходимости - 0%;
- нет нужного программного обеспечения - 10%;
- нет времени для освоения - 23%;
- недостаточное материальное обеспечение - 3%;
- такие причины отсутствуют - 78%.

В образовательном процессе вуза сами информационно-коммуникационные технологии становятся средством обучения и формирования готовности их использования студентами. Сфера применения современных интерактивных технологий весьма широка. Это новая ступень организации учебного процесса, неотъемлемыми элементами которого выступают электронные образовательные ресурсы и технические решения.

Информационно-коммуникационные технологии в этом процессе применяются, прежде всего, для обеспечения интерактивной коммуникации между студентом и преподавателем. Это делает процесс обучения индивидуализированным, оно осуществляется через самостоятельную деятельность студента в его собственной среде обитания (по месту проживания, работы).

Обучающийся свободен в выборе сроков и темпов работы с мультимедийным учебным материалом.

Таким образом, современные образовательные информационные технологии позволяют на практике не только формировать готовность к использованию ИКТ студентами, но и осуществить переход:

- от синхронного процесса обучения к асинхронному;
- от статического представления учебного материала - к динамическому;

- от однонаправленного представления материала - к интерактивному;
- от мономедийного представления учебной информации - к мультимедийному.

Формирование готовности использовать информационно-коммуникационные технологии в образовательной, профессиональной и социальной деятельности позволит преодолеть одну из проблем, стоящих на пути к цифровому равенству в России.

1. Докторович А.Б., Монахов Д.Н., Монахова Г.А. Роль социальных сетей в развитии общества и экономики России // *Пространство и Время*. 2013. № 3 (13). С. 103-112.
2. Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Мультимодальные технологии в учебном процессе высшей школы // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 11. С. 158-160.
3. Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Компьютерные визуализации как средства формирования информационной культуры студентов // *Вопросы гуманитарных наук*. 2013. № 6 (69). С. 127-129.
4. Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Интеграционный подход к подготовке кадров экономического направления // *Экономика образования*. №1. 2014. С.90-100.
5. Режим доступа: <http://icttest.edu.ru/>(21.02.2014)
6. Режим доступа: <http://www.webground.su/>(02.01.2014)
7. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года // *Информационное общество*, 2000, вып. 3, С. 3-21.

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРАКТИКИ И РИСКИ

Муха В.Н. (Краснодар)

В настоящее время информация становится одним из основных ресурсов, который оказывает все большее влияние на происходящие в обществе социальные процессы и функционирование социальных институтов. Современный человек включен в многочисленные коммуникации, что непосредственно воздействует на структуру его идентичности, систему ценностей и установок. Особое место в новых коммуникационных технологиях занимает Интернет. Изначально пространство Интернет предназначалось для удовлетворения утилитарных потребностей, но компьютерная сеть изменилась и стала пространством, которое постепенно становится социальным. «Сеть Интернет является содержательно и функционально богатым средством информационной деятельности и коммуникации, которые всегда происходят в тех или иных социальных группах» [1, с. 92]. Общение в Интернете имеет свои особенности. Во-первых, создается так называемая «иллюзия свободы», поскольку Интернет-пространство свободное от пространственно-временных границ зачастую дарит ощущение безнаказанности. Во-вторых, анонимность, которая позволяет более раскрепощено себя вести, дает новые возможности самопрезентации. В-третьих, отсутствие невербальной стороны общения позволяет достаточно свободно манипулировать выражением эмоций. В-четвертых, восприятие партнера по общению имеет свои особенности: для построения образа партнера используется прошлый опыт пользователя, «дообраивание» образа при помощи имеющихся представлений, стереотипов [2, с. 6-8].

Интернет становится не только местом накопления информации, но и местом информационно-коммуникативным, где формируется новый язык, новые идентичности, меняется сама структура общения. Так социологическое исследование, проведенное в России в рамках Мирового Интернет-проекта (WIP), показала, что с одной стороны, Интернет-коммуникации для большинства российских пользователей (50-70 %) не являются основными и пока еще несущественно трансформировали интенсивность их общения с первичными (семья, друзья, коллеги) и вторичными (группами по интересам,

конфессиональными, политическими) референтными группами. Но, с другой стороны, есть определенный слой пользователей (30-40 %), для которых Интернет-коммуникации способствовали изменению коммуникативной динамики (стали общаться больше или меньше), что позволяет сделать вывод о существенном потенциале Интернета «многомерного социокультурного пространства формирования новых коммуникативных идентичностей» [3, с. 50].

Кроме того, Интернет как особая социальная реальность позволяет сменить идентичность при помощи самопрезентации. Причины смены идентичности могут быть самыми многообразными: начиная от компенсации не устраивающих индивида определенных сторон его реальной идентичности и заканчивая простым желанием пошутить. Но возможен и обратный процесс: когда самопрезентация в виртуальном пространстве формирует социальную идентичность путем противопоставления себя сообществу.

Еще одной проблемой является взаимосвязь и взаимовлияние виртуальной и реальной идентичности. Созданию виртуальной идентичности, отличающейся от реальной идентичности личности, может способствовать множество причин, основной из которых является неудовлетворенность своей реальной идентичностью: своим социальным положением, возрастом, образованием, полом и т.п., на основе этого возникает желание попробовать другую идентичность, тем более, что новые коммуникации позволяют это сделать. Как отмечает В.В. Пронин, виртуальный мир дает возможность трансформировать идентичность реальную, у человека появляется возможность выразить все стороны своего многогранного «Я» [4, с. 129].

Множественность виртуальных идентичностей определяется открытостью реальной идентичности. Отсюда возникает понятие, «коммуникативная виртуальная идентичность», которое характеризует не единичную и локальную идентичность, а интерсубъективную, включающую в себя и другие идентичности. То есть в общении с другими людьми человек сознательно или бессознательно соотносит себя, сравнивает, сопоставляет с кем-то или с чем-то, другими словами, человек берет из сети установки, стереотипы мышления, представления, мнения, суждения, оценки, приоритеты, образ жизни, вкусы, особенности деятельности и переносит их в свой мир. Формирование идентичности в новых условиях интерактивной среды определяет потребность в самоопределении в процессе коммуникации.

В связи с этим Фасслер выделяет следующие источники идентичности «коммуникация – самоорганизация – самоопределение» [5, с. 253]. Фасслер считает, что в конструировании идентичности самоопределение человека является главным фактором ее развития. Коммуникация в виртуальном социальном пространстве невозможна без «навигатора», человека, ищущего новое, без преобразования его идентичности. Человек конструирует свою реальность, он творец своего мира, а идентичность, это врожденное, уже данное ему от мира, от природы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что влияние новых Интернет-коммуникаций на формирование идентичности велико, идентичность подвергается множеству рисков, что ведет к формированию мозаичной, размытой, множественной, фрагментарной, открытой, текучей, коллажной личности.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №15-23-01005 а(м)

1. Римский В. Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей // Вестник общественного мнения. 2009. №1 (99). С. 86-96.
2. Антонова Н.В., Одинцова М.С. Интеграционная модель исследования идентичности в контексте Интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2010. № 2. С. 5-16.

3. Титов В.В. Интернет как пространство трансформации системы коммуникативных идентичностей российского общества: по материалам международного исследования worldinternetproject (wip) // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 3 (115). С.42-50.
4. Пронин В.В. Трансформация идентичности в пространстве Интернета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 4. С. 126-132
5. Фаслер М. Действительность компьютеризованных сетей // Философско-антропологические исследования. Курск, 2006. С. 253-261.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ АУДИТОРИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕКАНАЛОВ CNN И RUSSIATODAY)

Николаева А., Шангина В.В., Цховребова Н.В. (Москва)

Манипулирование сознанием аудитории усиливает свою актуальность в связи появлением новых лингвистических технологий, способных изменять массовое сознание в невиданных ранее масштабах. Другая сторона проблемы – это возросший интерес людей к воздействию на человека с помощью речи. Несмотря на большое количество работ, посвященных данной проблеме до сих пор феномен манипуляции недостаточно исследован. В этой связи в докладе излагаются лингвистические особенности манипулированием аудиторией в зарубежных и российских средствах массовой информации (на материале телеканалов CNN и RussiaToday).

Данная исследовательская работа посвящена феномену манипулятивного речевого воздействия в коммуникативно-прагматическом аспекте. Роль языка СМИ в манипулировании заключается в создании неадекватной информационной модели действительности. В рамках данного исследования была исследована проблема манипуляции общественным сознанием с точки зрения когнитивной лингвистики. Структурно-лингвистический анализ позволяет выделить следующие характерные особенности:

- эмоционально-оценочная лексика, в равной мере используемая двумя телеканалами: «пугало», «адвоката дьявола», «потерянный Советский Союз», «жесткий отказ» [CNN]; «натовский легион», «и их [украинских солдат* — прим. автора] — цап!» [RT];

- грамматические и морфологические средства выражения мнения редакции: «Судя по тем сведениям, которые мы получаем с места событий...», «Какую, по-вашему, конечную цель преследует Путин?» [CNN]; «Путин заявил, что...», «Президент считает, что...» [RT];

- сравнения с отрицательной коннотацией: «адвокат дьявола [Путина* – прим. автора]» [CNN]; «как пушечное мясо» [RT];

- гиперболы для увеличения воздействия на аудиторию: «достигли своего пика», «раз за разом» [CNN]; «...сначала правоохранительные органы использовали, потом службу безопасности, потом армию» [RT];

- метафоры, использующиеся в равной мере как телеканалом CNN, так и редакцией RussiaToday: «...он продолжает искушать судьбу», «человек старой школы» [CNN]; «беспощадное варварство», «смертоносная идеология» [RT];

- ирония для высмеивания действий российского президента: «Русь-матушка» [CNN];

Психолингвистический анализ позволяет выделить такие приемы как:

- для телеканалов CNN и Russia Today характерно использование метафорических оборотов для выражения приемазаражения: «...военные действия на Украине сейчас достигли своего пика» [CNN]; «...их [украинских солдат* – прим. автора] просто толкают туда, как пушечное мясо, под пули» [Russia Today];

- редакция CNN употребляет прием внушения путем использования частотных лексем с отрицательной коннотацией в отношении российского президента: «...он [Путин* – прим. автора] хочет продолжить попытки отрезать Донецк и Луганск от Украины. Его стратегия, план боевых действий, состоит в том, чтобы ...». Телеканал Russia Today также использует прием повтора различных эпитетов с отрицательным смысловым оттенком для внушения аудитории мысли о принадлежности украинской армии к легиону НАТО: «...по сути, это уже не армия, это иностранный легион, в данном случае иностранный натовский легион, который, конечно, не преследует целей национальных интересов Украины»;

- читателя в выгодной для телеканала информации используется редакцией CNN посредством употребления таких лексем, как «эксперт», «генерал», «официальный Киев», «командующий армией США в Европе», «главный военный аналитик CNN». Russia Today, в свою очередь, ссылается на речь президента Российской Федерации, тем самым указывая на авторитет мнения издания: «Президент считает, что...»; «...заявил президент РФ Владимир Путин»; «Президент России Владимир Путин заявил, что...»;

- общая черта исследуемых телеканалов – использование их авторами приема якорения в заголовках публикаций: «Путин: Россия была готова применить ядерное оружие», «Путин пойдет на все, чтобы не пустить Украину в НАТО и ЕС» [CNN]; «Владимир Путин: На Украине идет гражданская война, а ее армия, по сути, является легионом НАТО» [RT].

Нередки случаи, когда мнения редакций CNN и Russia Today рознятся по одним и тем же проблемам, что наглядно отражают выделенные фреймовые модели в исследованных статьях. Для достижения объективной точки зрения по обсуждаемым в СМИ проблемам читателю необходимо изучать публикации различных телеканалов, и на основании их прочтения делать субъективные выводы.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы обобщающего характера. Воспринимая социально-политическую действительность, люди исходят из принципа личностного предпочтения, который на уровне больших групп может быть объединен в понятие политической установки. Одной из ее составляющих являются когнитивные схемы. Использование данных схем в СМИ позволяет организовать подачу и восприятие аудиторией социально-политической информации, соотнести ее с определенными политическими категориями, классами и типами. Разнообразные виды и способы манипулирования массовым сознанием применяются сегодня в различных областях деятельности. В современном обществе манипулирование сознанием предстаёт как системное явление. На человека оказывает воздействие определённый манипулятивный комплекс, который складывается как на основе объективных процессов, так и субъективных целенаправленных действий. Сложившаяся система способов и технологий коммуникативно-информационного манипулирования оказывает на сознание людей как положительные, так и отрицательные воздействия.

Средства массовой информации прочно вошли в жизнь современного общества. Они являются мощным средством воздействия на поведение человека. Будучи динамичным по своей сути, язык средств массовой информации наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние последнего и влияя на его формирование.

Роль языка СМИ в манипулировании заключается в создании неадекватной информационной модели действительности.

В рамках данного исследования была исследована проблема манипуляции общественным сознанием с точки зрения когнитивной лингвистики и выявление

определенных механизмов манипулятивных приемов, используемых в СМИ. Проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы обобщающего характера.

Исследуемые тексты телеканалов CNN и RussiaToday обладают целым рядом особенностей:

- 1) высокой степенью стандартизации используемых манипулятивных средств;
- 2) экспрессивностью языка как способа привлечения внимания читателя, выражения отношения к передаваемой информации, расстановки оценочных акцентов;
- 3) насыщенностью разнообразными реалиями, аллюзиями и цитатами.

Манипуляция сознанием осуществляется чаще всего средствами языка, и когнитивный подход располагает научным инструментарием, позволяющим более глубоко и тщательно исследовать данный вопрос. Для достижения объективной точки зрения по обсуждаемым в СМИ проблемам читателю необходимо изучать публикации различных телеканалов, и на основании их прочтения делать субъективные выводы.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований особенностей влияния СМИ на восприятие окружающей действительности носителями языка и формирование языковой картины мира. Как нам представляется, одним из направлений может стать сопоставительное изучение влияния манипулятивных технологий на изменение сознания индивидов и последующее предотвращение главенствующей роли СМИ в информационных войнах.

Данную научную работу хотелось бы закончить цитатой, авторство которой приписывают американскому актеру Ричарду Гиру: «Ложь может быть очень разной. У Рене Магритта есть знаменитая картина. На ней с фотографической точностью изображена курительная трубка, а внизу написано «Это не трубка». Ты смотришь на эту картину и думаешь: как же так? Но если ты дашь себе пару минут, ты поймешь, что это действительно не трубка, а лишь ее изображение, и все, что хотел сказать Магритт своей картиной, — ложь может быть очень тонкой. Такой тонкой, что она почти перестает казаться омерзительной» [Интернет-журнал Esquire <http://esquire.ru/wil/richard-gere>].

1. Александрова, О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества [Электронный ресурс] / О.В. Александрова / Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. - М.: Изд-во МГУ, 2003.
2. Байков, В.Г. Манипулятивная семантика и пропаганда. Функционирование языка как средства идеологического воздействия [Текст] / В.Г. Байков. - Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1988.-С. 5-14.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция [пер. с фр. А. Качалова]. - М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. - 240 с. - (Технология свободы).
4. Будаев, Э.В., Чудинов, А. П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011, 252 с.
5. ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Издательство «Прогресс», 1989, 111-160.
6. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. М.: 2002.
7. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: (О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ) [Электронный ресурс] / М.Р. Желтухина. - 2003. - <http://elib.volbi.ru/index.php?a=1> (дата обращения 3 апреля 2015)
8. Зелинский, С.А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик [Текст] / С.А. Зелинский. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2008. — 248 с.
9. Каландаров, К.Х. Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов. - М.: Гуманитарный центр "Монолит", 1998г.
10. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием - [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. - М.: Эксмо, 2006. - 832 с.

ИНТЕРНЕТ БУДУЩЕГО РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ.

В современном мире жизнь имеет высокие темпы, а каждый дорожит своим временем. Все большей популярностью пользуется интернет и получение информации с помощью его. Исходя из исследования ФОМа весной 2015 года 53% (61,5 млн человек) хотя бы раз в сутки заходят в интернет. Во многих странах телевизионные каналы дублируют свои видеоматериалы на своих сайтах. Данная тенденция не может обойти стороной и Россию. Уже у всех центральных каналов России есть видеоматериалы в интернете. Так как они понимают, что в эпоху интернета невозможно поддержать свою аудиторию без его использования. А если учесть то, что аудитория местного телевидения меньше, чем центрального, то им следует быть «ближе народу».

В опросе участвовало 100 жителей города Иваново разных возрастов и представителей разных профессий.

В ходе исследования выяснилось, что 50% респондентов предпочитают интернет-ресурсы в качестве источника информации о новостях в регионе IvanovoNews, 1000inf.ru, chastnik.ru, ivanovolive.ru, 37.ru. Так же в социальных сетях Twitter, Вконтакте, скорее всего со временем данная цифра увеличится, из чего следует что местное телевидение, если рассчитывает продолжить свою работу, ему необходимо уделять больше внимания представленности в интернете.

80% респондентов относится к рекламе «определенно отрицательно», так же 37% респондентов пожелали установить длительность рекламной паузы в «0 секунд», это также дает сигнал о том, что людям удобнее посмотреть в интернете, данный эфир без рекламы.

70 % респондентов в качестве причины отказа от просмотра местных телеканалов указывают низкий уровень профессионализма телевидения.

В ходе исследования была выявлена не самая лучшая информированность респондентов по работе региональных телеканалов. Большинство опрошенных не представляет себе, какие передачи идут на телеканалах ивановского телевидения, а так же опрошиваемые не знали о том, что на ивановском телевидении закрылось 2 канала: ИВТ и 7*7.

Таким образом, телезрители местных каналов предпочитают в новостном обозрении интернет-ресурсы. Местное телевидение менее востребовано современным человеком в силу следующих причин. Во-первых, недостаточно зрелищный уровень подачи информационного материала. Во-вторых, отсутствие у жителей интереса к проблемам жизни региона. В-третьих, регламентированность и дозированность новостей, что на фоне доступности и мобильности интернет-ресурсов делает региональное телевидение менее востребованным.

Зафиксированные нами тенденции свидетельствуют о более глобальных изменениях в информационном пространстве современного социума. Можно предположить, что телевидение как элемент, обеспечивающий социальную коммуникацию, со временем теряет свою значимость, уступив место интернету.

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ)

Один из приоритетов развития современных городов – преобразование их в «умные города» (smart city). В широком смысле, вслед за Европейской Комиссией их можно определить, как место, где благодаря использованию цифровых и телекоммуникационных технологий традиционные сети и службы стали работать эффективно для пользы их обитателей и деловых организаций [1]. «Умный», а значит использующий передовые информационные и коммуникационные технологии, подход предлагается реализовывать в управлении, экономике, образовании, здравоохранении, организации транспортной системы, защите окружающей среды и проч. Воплощение отдельных элементов модели «умного города» уже сегодня можно наблюдать в городах по всему миру. (Одна из моделей «умного города» разработана на базе Венского технического университета. Исследовательская группа проекта публикует он-лайн результаты мониторинга развития «умных городов» в Европе и позволяет познакомиться с их профилями[2]).

Неотъемлемый элемент модели «умного города» – разработка нового более эффективного подхода к обеспечению безопасности горожан и объектов городской инфраструктуры. Он базируется на агрегировании большого массива информации о происходящем в городе, поступающей с многочисленных датчиков, сенсоров, камер и проч., алгоритмизированной автоматической обработке полученных данных. Ожидается, что автоматизированные системы позволят обеспечить постоянный мониторинг и оперативное реагирование на изменение ситуации. Новые интеллектуальные системы технологического контроля призваны поддерживать режим нормального функционирования различных городских пространств – дорог, улиц, дворов, торговых и развлекательных площадок, рабочих помещений и прочих публичных и частных территорий.

Новый информационный подход к обеспечению безопасности нашел отражение и в отечественной практике. С 2012 года в ряде российских городов начали работать программы «Безопасный город». Ключевую роль в обеспечении порядка на городских территориях они отводят интеллектуальным техническим системам, позволяющим осуществлять круглосуточный мониторинг ситуации, предотвращать акты нарушения порядка и отслеживать нарушителей. Анализ промежуточных итогов реализации программы в Москве[3] показывает наличие определенных элементов инфраструктуры умного города: 1) сенсоры, информационные и управляющие устройства, которые позволяют осуществлять круглосуточный контроль городских объектов и систем; 2) единая городская транспортная сеть; 3) центры обработки данных (которые приходят с датчиков или отдельных городских систем); 4) аналитические, информационные и управляющие приложения, оперирующие собранными данными.

Вместе с тем, для оценки состояния реализации «умного» подхода к безопасности необходимо, во-первых, сравнить уровень развития информационно-коммуникационных технологий, предпосылки становления и важнейшего инструмента развития «умных городов», в Москве и других городах мира. А во-вторых, оценить безопасность новых информационных систем, которые не только позволяют минимизировать угрозы, но и провоцируют их новые виды. В частности, речь идет о проблеме нерегулируемого распространения персональной информации и использовании ее злоумышленниками.

По данным за 2013 год, Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index) для России равен 6,70 [4]. В числе лидеров – Дания (индекс 8,86), КНДР (8,85), Швеция (8,67), Исландия (8,64), Норвегия (8,39). Россия не входит в топ-30, однако, за последние десятилетия ей удалось улучшить показатель почти в 2,5 раза (в 2002 году индекс России была равен лишь 2,71)[5].

Согласно сравнительному исследованию электронных сервисов и официальных порталов Москвы и Нью-Йорка, которое провело Аналитическое подразделение столичного Департамента информационных технологий, российская столица опережает крупнейший город США по проникновению персональных компьютеров, широкополосного доступа в интернет, покрытию метро сетями Wi-Fi и посещаемости

городских сайтов, но отстает по числу наборов открытых данных, количеству жалоб в электронном виде и парков с бесплатным беспроводным интернетом[6].

Москва динамично развивается в направлении информатизации и компьютеризации многих процессов. Однако вопрос безопасности использования информационно-коммуникативных технологий остается открытым. В рейтинге безопасных городов, учитывающем такие категории, как цифровая безопасность, сохранность здоровья, безопасность инфраструктуры и личная безопасность, Москва с 61,6 баллами занимает лишь 43 место (61,6)[7]. В лидерах рейтинга Токио (85,63), Сингапур (84,61), Осака (82,36), Стокгольм (80,02), Амстердам (79,19). Качество же цифровой безопасности оценивается в 51,54 балла – это 46 место из 50. При том, что число пользователей Интернета в России достаточно велико – 70,5 из 100[8], безопасных интернет-серверов на миллион человек приходится только 84 [9]. В то время, как в Лихтенштейне, занимающем в рейтинге первую позицию, таких более 9000.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-33-01036).

1. *Smart Cities // Официальный сайт Европейской Комиссии. – 2015. – 30 июля [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/digital-agenda/en/smart-cities> (дата обращения 09.09.2015).*
2. *Официальный сайт проекта «Европейская модель умного города» Венского технического университета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.smart-cities.eu/?cid=2&ver=4> (дата обращения 09.09.2015).*
3. *Государственная программа города Москвы «Безопасный город» на 2012-2016 годы. [Электронный ресурс]. URL: http://drbez.mos.ru/bezopasnyu_gorod/594_PP.pdf (дата обращения 24.05.2014).*
4. *Measuring the Information Society Report // ITU - the United Nations specialized agency for ICTs [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. - URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2014/MIS2014_without_*
5. *Measuring the Information Society Report // ITU - the United Nations specialized agency for ICTs [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. - URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2009/MIS2009_w5.pdf (*
6. *Уровень развития электронных сервисов в Москве и Нью-Йорке // Официальный сайт департамента информационных технологий города Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <http://dit.mos.ru/research/detail/2133698.html> (дата обращения 08.10.2015).*
7. *The Safe Cities Index: Assessing urban security in the digital age // [Электронный ресурс]. URL: https://safecities.economist.com/wp-content/uploads/2015/01/EIU_Safe_Cities_Index_2015_white_paper-1.pdf (дата обращения 08.10.2015).*
8. *Internet users (per 100 people) // The World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.P2/countries?display=map> (дата обращения 08.10.2015).*
9. *Secure Internet servers (per 1 million people) // The World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.SECR.P6?display=default> (дата обращения 08.10.2015).*

УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО

Окрушко Е.Ю. (Санкт-Петербург)

Обращение к проблеме информационной безопасности обусловлено, прежде всего, тем, что общество вступает в новый период развития, который характеризуется процессами информатизации и глобализации. Сегодня информация приобретает все большее значение в сознании людей. Информационные потоки трансформируют социальное пространство, в связи с этим человек включается в сложную систему

социальных взаимодействий. Он вынужден решать возникающие проблемы и принимать адекватные решения в условиях нестабильных социальных процессов, причем делать это как на локальном, так и на глобальном уровнях. Поэтому обращение к проблематике информационной безопасности, несомненно, важно в условиях сегодняшнего стремительного уровня информатизации. Стоит отметить, что в связи с массовым процессом компьютеризации, под информационной безопасностью чаще всего понимают защиту непосредственно компьютерных технологий, сетей и той информации, которая в них содержится. Да, действительно, такое определение существует, но это скорее определяет информационную безопасность в узком смысле и связывает ее с технической базой. Но ведь понятие информации не сводится только лишь к документам в персональном компьютере. И в этом мы сможем убедиться, детально проанализировав это понятие.

Угрозы информационной безопасности: их влияние на общество и место в системе информационной безопасности.

Главными целями деятельности по обеспечению информационной безопасности являются ликвидация угроз и минимизация ущерба, который может быть ими причинен. Поэтому правомерно определить угрозы безопасности информации, их источники и способы реализации.

Сама по себе угроза - это совокупность условий и факторов, создающих опасность нарушения информационной безопасности. Представим это схематично: в центре круга – человек, некое особое личное состояние. Это его установки, взгляды на жизнь, материальные и нематериальные ценности, оптимальные условия для его воспроизводства и многое другое. Иными словами, это то потребительское поле, которое образовалось в результате отсеивания ненужной человеку информации. Исходя из этого потребительского поля, человек выбирает необходимые для него способы удовлетворения своих потребностей, формирование целей и условий воспроизводства. Человек, как уже отмечалось, существо не только биологическое, но также и социальное, живет и взаимодействует с другими людьми в обществе, в котором, в свою очередь, передвигаются огромные информационные потоки. Было выяснено, что наличие информации потенциально несет в себе и наличие неких угроз, которые могут нарушить наше информационное поле. Эти угрозы бывают разного характера.

1. Институциональные угрозы: политические, экономические, правовые, социальные, духовные. Например, угрозу для человека со стороны такого экономического института, как деньги, может стать кризис денежной и финансово-кредитной системы, т.к. это может серьезным образом сказаться на достатке человека, с помощью которого он, возможно, удовлетворяет свои потребности. Или угрозы политического характера: институт президентства может сосредотачивать в своих руках много единоличной власти, что может привести к тоталитарному режиму, ограниченному участию человека в политической жизни общества. Бюрократия, например, при расширении зачастую обкрадывает население, воруя из бюджета, а это в понимании общества - лицо власти, значит, недовольство, неуверенность в обстановке, недоверие власти. Это затруднение для людей получить государственные услуги быстро, потому что людей много и каждый хочет что-то получить. Это в том числе коррупция.

2. Природно-климатические угрозы могут реализовываться как в масштабных, так и в повседневных природных явлениях. Природные катаклизмы могут в один момент лишить человека средств к существованию, что приводит к голоду, нищете и приводит к социальной напряженности в обществе, толкает людей на преступления, национальную и религиозную нетерпимость. Но даже простая смена погода может представлять угрозу для человека: понижение температуры приводит к гололеду, и возрастает риск получения травмы. Для человека что любой катаклизм, что обычный гололед являются угрозами природного характера.

3. Пространственные угрозы. К этой категории мы можем отнести, например, такой психологический симптом, как клаустрофобию. Для человека, обладающим таким страхом, любое замкнутое пространство представляет угрозу для его психического, эмоционального состояния. Сюда же можно отнести многие другие психологические симптомы.

4. Бытовые угрозы

5. Общественные угрозы

Угрозы независимо от того, к какой группе в классификации они бы не принадлежали, могут быть случайными и преднамеренными. Случайность стихийного бедствия хоть и можно спрогнозировать, но предугадать практически невозможно, и любой катаклизм может породить огромные стихийные информационные потоки, взрывы, потрясения. Преднамеренные же угрозы являются организованными, т.е. осознанно управляются со стороны каких-либо субъектов. Как правило, следствием реализации информационных угроз выступает политическое и социальное напряжение в обществе, девиантное поведение личности (социальной группы, класса), усиление национальных, этнических, демографических и других коллизий. Поэтому задачей информационной безопасности является недопущение реализации каких-либо угроз.

Но все ли слои населения одинаково защищены? Общество, в зависимости от целей, которые оно преследует, может обеспечивать безопасность лишь некоторых страт. Отсюда можно определять информационную безопасность следующим образом: "состояние защищенности информационной среды, соответствующее интересам государства, при котором обеспечивается формирование, использование и возможности развития независимо от воздействия внутренних и внешних информационных угроз" (Ю.А.Фисун).

Другая трактовка гласит, что информационная безопасность – это состояние защищенности информации, обеспечивающей жизненно важные интересы человека. Сторонники такого подхода понимают информационную безопасность как состояние, характеризующееся отсутствием опасности, т.е. факторов и условий, угрожающих непосредственно индивиду, сообществу, государству со стороны информационно-коммуникационной среды. Еще одно определение информационной безопасности включает в себя деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества по выявлению и изучению, а также ликвидации и устранению опасностей и угроз, способных лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития.

1. Ельмеев В.Я. *Воспроизводство человека и общества*. М. 1988г.
2. Митрохина Е.Ю. *Информационная безопасность личности как социологическая проблема. Автореферат*. Москва. 1999г.// Электронный ресурс: <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/informacionnaja-bezopasnost-lichnosti-kak-sociologicheskaja-problema.html>
3. Радаев В.В., Шкаратан О.И. *Социальная стратификация*. М.1995г.

СОЦИОНИКА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКРУТИНГА ПЕРСОНАЛА

Панова Е.С. (Санкт-Петербург)

Соционика, как понятие и как концепция типологизации личностей и особенностей взаимодействия выделяемых типов, была впервые сформулирована на рубеже 1960-1970-х годов литовским экономистом Аушрой Аугустинавичюте. В основу концепции были положены творчески переосмысленная типология личностей К. Г. Юнга и теория информационного метаболизма А. Кемпинского. Соционика выявляет наличие

зависимости вариантов обмена информацией между субъектами от свойственного им социотипа, именуемого также типом информационного метаболизма. Следуя концепции Юнга, соционика выделяет 16 таких типов.

В дальнейшем идеи соционики развивались по пути включения в качестве элементов в соционические модели помимо человека еще и малых групп, коллективов, а также различных социальных институтов. Отдельным направлением стало рассмотрение взаимодействия человека и технических устройств в процессе производственной деятельности.

В современном научном сообществе имеет место неоднозначность оценок соционики как самостоятельной науки, а также ее прикладных функций. Споры возникают как относительно наличия у соционики самостоятельного предмета, так и относительно научности применяемых методов. Основные претензии связаны с сомнением в возможности достоверно и точно определить соционический тип человека, а также верифицировать получаемые данные [1, 94].

Сторонники соционики в качестве сильных сторон отмечают ее междисциплинарность и значительный потенциал прикладного использования для гармонизации социальных отношений [2, 83].

В рамках данной работы мы не ставили задачи критического анализа соционики, как науки. Исследовательский интерес вызывают прикладные возможности соционики как социальной технологии. Предметной областью выбрано управление персоналом. Конкретно: насколько соционика эффективна в сфере подбора персонала.

Как правило, при поиске ценного сотрудника, особенно на позиции, связанные с высокими и специфичными требованиями к квалификации или творческому потенциалу, возникает ряд сложностей. Основными являются проблемы с мотивированностью сотрудника, его способностью адаптироваться к требованиям работодателя и нормам корпоративной культуры, а также позднее выявление несоответствия или неполного соответствия работника профессионально-квалификационным требованиям. Нерешенность этих проблем обуславливает неэффективность персонала, так называемую «текучку» кадров, разочарование работодателей в своих работниках и наоборот.

Сегодня соционика все чаще используется в качестве метода подбора персонала. На некоторых крупных предприятиях этот способ стал одним из основных. Например, руководство Deutsche Bank применяет методы соционики для оценки будущих сотрудников [3]. В последние годы соционический инструмент используется рядом компаний России, Украины и других стран, например, соционические модели используются в системе оценки персонала на предприятиях компании «Русский Алюминий»[4].

Компания «Завод готовых теплиц» использует данный метод для подбора персонала и работы с ним как основной. В ходе экспертного интервью с руководителем этого завода Иваном Марюковым автору удалось расспросить о преимуществах соционики в области подбора персонала. Основными обсуждаемыми вопросами стали причины выбора соционики, можно ли полностью полагаться на эту методику и бывают ли неточности в расчетах.

По мнению эксперта, соционика достаточно точный инструмент, для определения поведенческих особенностей и даже генетических способностей человека. Типы, в этой компании, определяются на основе физиогномики Духовского, кроме того, для определения отклонений от своего соционического типа используются тесты. Преимуществом физиогномики называется скорость получения результатов и то, что от неё трудно скрыться. Что касается неточностей в оценках, по мнению эксперта, они минимальны, несмотря на многогранность человеческой личности, влияния генетики, окружения, обстоятельств, социально значимых людей. По словам эксперта «соционика - это информационные блоки, расположенные в определенном порядке - сосуды, а чем вы

их заполнили ваш осознанный или неосознанный выбор, но общая стратегия поведения сохраняется у всех людей определенного социотипа».

Таким образом, мы можем наблюдать определенный интерес к соционике со стороны профессионалов-практиков, а также положительные примеры использования предлагаемых ею методов. С каждым годом все больше и больше крупных предприятий и кадровых агентств внедряют соционику в свой инструментарий.

На наш взгляд соционика имеет определенный потенциал для практического применения в различных сферах деятельности. Между тем на данный момент можно говорить о ряде нерешенных проблем, прежде всего в части формализации применяемых методов, разработки адекватных измерительных инструментов, их валидации и верификации. Определенные сложности есть и с теоретическим обоснованием базовых положений. Именно в попытках решения указанных проблем нам видится перспективное направление для дальнейших исследований.

1. *Монастырский Л. М. Роль научных и внеученных знаний в развитии концепций современного естествознания // «Успехи современного естествознания», № 11 2006 С. 94*
2. *Никонова М. А., Родина Е. Н. Перспективы соционики в современном обществе // Человек — Общество — Культура: сб. науч. тр. — Вып. 4. — Саранск, Мордов. гос. пед. ин-т, 2012. — 120 с. — С.82-85*
3. *Андрей Плужников, Deutsche Bank: Проектная ориентация в абсолютном смысле // Intelligent Enterprise, №3 (237), URL: <http://www.iemag.ru/interview/detail.php?ID=25314> (режим доступа 10.10.2015)*
4. *Иванов Ю.В. Деловая соционика. Второй изд., Перераб. и доп. - М.: Журн. Управление персоналом, 2004.*

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ МЕДИА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА

Привалов И.В. (Нижний Новгород)

С момента появления Интернета на просторах информационного поля различные ученые рассматривают глобальную сеть как особую, специфическую реальность. Деятельность участников интернета имеет важные общественно-политические следствия, так как характер информации, адресуемой аудитории, определяет её отношение к действительности. В настоящее время интернет-среда, отличающаяся от традиционных СМИ, постоянно развивается, предлагает новые возможности получить информацию о текущих событиях и формирует новые способы для участия в политических процессах. При попытке раскрыть роль Интернета как важнейшего источника информации в новой эре непреодолимо возникает пробел в теоретических знаниях.

В исследовании тематики влияния Интернета и новых медиа на политическую самоориентацию пользователей выделяются несколько авторов, цитирование которых происходит сравнительно чаще: это доктор Номега Gil de Zúñiga (Техасский университет в Остине) – признанный эксперт в области влияния новых медиа на демократию; Yongwan Kim (Университет Алабамы) – специалист по методам манипуляции через СМИ и Diana Mutz (профессор университета Пенсильвании) – директор института изучения общества и политики. Необходимо отметить, что в результате сетевого анализа не выявлены крупные исследовательские центры и авторы, что объясняется малой разработанностью темы.

Подробнее ознакомившись с работами найденных авторов, удалось выяснить, что активность населения имеет важное значение для демократического общества, ученые акцентируют внимание на том, как Интернет может способствовать информированности граждан, их политическому самоопределению или, наоборот, вредить этому.

На основании проработанных источников можно выделить несколько подходов к изучению Интернета как фактора формирования политических установок:

1. Интернет как канал, информирующий граждан о политике.

Учитывая, что активность граждан имеет важные последствия для демократического общества, ученые сконцентрировались на том, как Интернет может способствовать информированности пользователей и содействовать их политической вовлеченности[1]. Исследователи демократии американского общества М. Дели и С. Китер видят в Интернете огромный потенциал для повышения политической грамотности, поскольку она предоставляет гражданам удобный и менее дорогостоящий доступ к участию в политическом процессе путем потребления обширной информации о политике и новостей[2].

2. Интернет как доступная площадка для политических дискуссий.

Одна из наиболее заметных тенденций в Интернете – становление социальных сетей в качестве основного канала обмена сообщениями и получения политической информации особенно среди молодежи, Данное направления придерживается американский политолог Д. Матс. Всё большее число людей по всему миру получают информацию о ходе выборов, о событиях глобального масштаба и пр. из социальных сетей, таких как Twitter и Facebook[3]. Многие из традиционных газет и телевизионных каналов имеют собственные веб-сайты, так что потребление информации может идти не прекращаясь. В то время как политические дискуссии продолжают ассоциироваться с более традиционными их формами: телевизионные ток-шоу, страницы газет, дебаты. Форумы, чаты и сайты социальных сетей оказались новой формой обмена мнениями. Люди не ограничиваются традиционными площадками для политических дискуссий. Они могут обсудить политику в блогах, сервисах обмена мгновенными текстовыми сообщениями, посредством "хаштегов", "ретвитов", "лайков", все это выходит за рамки традиционного понятия "обсуждение". Однако, политические онлайн дискуссии примерно в половине случаев происходят там, где эта дискуссия – не основная цель. Таким образом, политические дебаты в современной Интернет-среде –, скорее, взаимодействие, которое генерирует обмен политическими сообщениями[4]. С помощью такого взаимодействия с политически ангажированными пользователями Интернета люди, не вовлеченные в политику, могут подвергать себя воздействию политической информации.

3. Интернет, негативно влияет на политическую вовлеченность пользователей.

Исследователи, придерживающиеся данной точки зрения утверждают, что Интернет имеет негативные последствия для демократии и существуют опасения, что Интернет может привести к политической апатии. Это обусловлено индивидуальным выбором онлайн контента, позволяющим сознательно избегать информации о государственной деятельности и политике. Другими словами, хотя Интернет содержит огромное количество информации, существует возможность делать выбор в пользу развлекательного контента и игнорировать новости политики, что приводит к снижению интереса к участию в политической жизни, а также информированности и активности граждан. Интернет, как предполагалось, предоставляет пользователям больше свободы в выборе информации в сравнении с телевизионными новостями, газетами и ток-шоу. У интернет-пользователей есть возможность контролировать содержание, но при наличии широкого выбора средств массовой информации, многие люди отказываются от новостного контента в пользу развлекательного просто потому, что это максимизирует их комфорт и доставляет удовольствие. Исследование Шойфеле и Нисбет[5] показало, что использование Интернета для развлекательных целей может снизить политическую вовлеченность по сравнению с теми, кто посещает Интернет для поиска информации, а

также может иметь негативное влияние на политическую образованность и явку избирателей.

Здесь имеется еще один любопытный взгляд, которого придерживаются специалисты по исследованию массовых коммуникаций Г. Х. де Сунига и Ю.В. Ким: при активном, целенаправленном поиске информации пользователи несут определенные информационные издержки (например: время, усилие и деньги), в то время как альтернативный путь получения информации – спонтанный просмотр новостей и различных данных – позволяет людям получать информацию, не затрачивая на это никаких ресурсов. Таким образом люди могут узнавать о деятельности государства через спонтанный просмотр новостей; и этот процесс принято называть случайным(побочным) обучением[6]. В самом деле, люди невольно потребляют информацию в Интернете, даже когда не ищут ее целенаправленно. Учитывая растущую возможность получения новостей и информации о текущих событиях в мире случайно, спонтанный просмотр новостей может способствовать повышению уровня вовлеченности в политическую жизнь, а информация, полученная таким образом, особенно актуализируется в период предвыборных кампаний.

1. Dahl, R. A. (1989). *Democracy and its critics*. New Haven, CT: Yale University Press.
2. Delli Carpini, M. X., & Keeter, S. (1996). *What Americans know about politics and why it matters*. Boston, MA: Yale.
3. The Pew Research Center For The People & The Press. (2008). *Social networking take off: Internet's broader role in campaign, 2008*. [online] docmyn чезез <<http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/384.pdf>>
4. Wojcieszak, M., & Mutz, D. (2009). *Online groups and political deliberation: Does the internet facilitate exposure to disagreement?* *Journal of Communication*, 59, 40–56.
5. Scheufele, D. A., & Nisbet, M. C. (2002). *Being a citizen online: New opportunities and dead ends*. *Harvard International Journal of Press/Politics*, 7(3), 55–75.
6. Kim, Y., Chen, H., & Gil de Zúñiga, H. (2013). *Stumbling upon news on the internet: Effects of incidental news exposure and relative entertainment use on political participation*. *Computers in Human Behavior* 29(6) 2607-2614.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Протасеня Е.А. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день можно наблюдать рост интереса к исторической памяти. Многие исследователи отмечают, что обращение к памяти, всплеск ее актуальности является закономерным и связан с рядом особенностей современного общества. К примеру, П. Нора отмечает, что для современного этапа характерно «ускорение истории» а также ее демократизация, что и способствует обращению к памяти, повышенному к ней интересу [1]. Среди исследователей также распространена и такая точка зрения, что наибольшую актуальность историческая память приобретает в кризисные эпохи, в переломные моменты истории, периоды социально-политических трансформаций, когда в обществе запрос на поиск и формирование новых идентичностей становится наиболее острым.

Стоит отметить, что историческая память представляет собой форму коллективной памяти, в которой фиксируется и хранится информация о значимых исторических событиях и деятелях, опыт, образы и образцы прошлого, с целью их передачи и воспроизводства в дальнейшем. Память о прошлом далеко не всегда несет объективную историческую информацию, а порой и вовсе может противоречить реальным историческим фактам. Такие авторы, как М. Хальбвакс [2], П. Нора [1], Ж.Т.

Тощенко [3], А.Ю. Клейтман и А.Л. Клейтман [4] и др. отмечают, что в исторической памяти имеются не только коллективные воспоминания, но и индивидуальные, которые проникают и встраиваются в ее содержание.

Мы бы хотели уделить внимание рассмотрению факторов и источников формирования памяти о прошлом. На историческую память, которая, в сущности, имеет конструируемый характер, оказывают влияние многие институты, такие как семья, школа, государство и т.д. Среди основных источников информации о прошлом, оказывающих воздействие непосредственно на коллективный компонент исторической памяти, можно выделить следующие: 1) уроки истории в школе и других учебных заведениях; 2) СМИ (телевидение, интернет, радио и т.д.); 3) художественная литература и фильмы; 4) документальные фильмы и специальная научная литература; 5) музеи, памятники и т.д.

На индивидуальную память о прошлом оказывает влияние личный опыт участия в тех или иных значимых событиях, в том числе, когда индивид является не только активным их участником, но и свидетелем, а также – пережитый опыт родственниками, который передается из поколения в поколение [5]. Ближайшие родственники, родители, бабушки и дедушки, выступают в роли трансляторов информации о событиях прошлого и оказывают воздействие на восприятие истории, оценку тех или иных ее событий у подрастающего поколения. Стоит отметить, что каждая семья, в которой воспитывается индивид, имеет некий свой пережитый исторический опыт, оценку различных исторических событий, в частности тех, свидетелями которых были члены семьи, родственники. Также каждая семья имеет определенную историю своего рода, «фамилии» и т.д., что откладывает отпечаток на историческую память [6].

Если обратиться к особенностям формирования памяти на современном этапе развития общества, то стоит отметить такую особенность информационного пространства: в нем представлено множество взглядов и мнений на одни и те исторические события, для него характерно существование множества альтернативных источников информации, а также перегруженность информационных потоков и т.д. Немаловажную роль в трансляции исторической информации играет и интернет, что создает определенную специфику, связанную с множественностью мнений и особенностью подачи информации, представленной в глобальной сети. Индивид в современном обществе находится под массивным влиянием информации из различных источников, которая может иметь весьма противоречивый характер. Человек постоянно находится в ситуации, когда ему необходимо делать выбор, какая информация является для него правдивой, а какая – ложной. В современном мире благодаря сети интернет в информационном пространстве все более размытыми становятся не только границы между странами, культурами, но и между различными социальными группами внутри государства, и даже между коллективным и индивидуальным.

А.Ю. Клейтман и А.Л. Клейтман отмечают такое явление, как «мозаичность» памяти. Они подчеркивают, что для современной эпохи характерно ускорение процессов, в том числе и запоминания, т.к. настоящее быстро устаревает и становится неактуальным, а память не может хранить в себе все, и часть информации из нее просто стирается. Это способствует тому, что теряются логические цепочки и связи, усиливается разорванность, обрывочность содержимого памяти, которое как бы состоит из обрывков, кусочков – названий, ярлыков и т.д. При этом ускорение истории порождает фрагментацию целостного восприятия времени, увеличивается значимость случайных и единичных явлений [4].

Стоит учитывать также и тот факт, что для современного мира характерно, в связи с деколонизацией, как пишет П. Нора, возникновение различных форм памяти этносов, народов, групп и даже отдельных личностей, т.е. так называемой «памяти меньшинств», для которых борьба за собственное прошлое – это необходимая составляющая для утверждения собственной идентичности [1]. Таким образом, закономерно предположить, что внутри одной общей коллективной памяти государства

может существовать множество памятей, в качестве носителей которых выступают различные социальные общности и группы. Эти памяти могут как встраиваться в некую общую историческую память, так и существенно отличаться и конфликтовать с ней.

Обобщая выше сказанное, стоит отметить, что особенности современного информационного пространства порождают следующие тенденции: 1) «мозаичность» исторической памяти, ее обрывочность; 2) противоречивость, разорванность информации, содержащейся в исторической памяти; 3) усиление роли «ложных воспоминаний» в исторической памяти (особенно под воздействием кинематографа и других визуальных источников); 4) высокая значимость случайных и единичных событий; 5) забывание и вытеснение из памяти информации о событиях прошлого в пользу событийно, информационно насыщенного настоящего. Также в рамках одной общей коллективной памяти могут сосуществовать или находиться с ней в конфликте множественные памяти различных социальных групп и общностей.

1. Нора П. *Всемирное торжество памяти*. // «Неприкосновенный запас». Ж-л. М.: «Новое литературное обозрение». 2005. №2–3 (40–41). С. 202–208
2. Хальбвакс М. *Коллективная и историческая память* // *Неприкосновенный запас*. Ж-л. М.: «Новое литературное обозрение». 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27
3. Тоценко Ж.Т. *Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния*. // *Новая и новейшая история*. № 4, 2000. С. 3–14
4. Клейтман А.Л., Клейтман А.Ю. *Историческая память и механизмы социокультурной преемственности* // *Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология*. № 2, 2010. С. 82–86
5. Вельцер Х. *История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы* // *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа*. М.: «Новое литературное обозрение». 2005. С. 51-64
6. Климов В.А. *Историческая память как фактор социализации (генеалогический аспект)*. // *Известия Саратовского университета. Том 7. Серия: Социология. Политология. Выпуск № 1, 2007. С. 8–13*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЕРОЯТНОСТНО- СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Ракачев В.Н., Халафян А. А. (Краснодар)

Сегодня в условиях глобальных перемен возрастает актуальность использования накопленного потенциала математических и информационных наук для решения социальных задач. Одной из таких областей, где успешно применяются современные компьютерные технологии, являются демографические процессы. В условиях массовой информатизации и компьютеризации возникают широкие возможности сбора, обработки и анализа демографических данных на основе классических статистических методов – аппарата временных рядов, построения регрессионных моделей, или посредством современных нейросетевых технологий.

Применение современных компьютерных технологий обработки и анализа данных в демографии позволит решить фундаментальную научную проблему – выявление демографических знаний в массивах числовых данных, прогнозирование развития демографических процессов.

Решение данной проблемы предоставляет возможность не только рассчитывать перспективные прогнозы, но и по новому оценивать и осмысливать историческую ретроспективу, разрабатывать на научной, валидной основе эффективные меры демографической политики.

Попытка применения математических и статистических методов при моделировании динамики демографических процессов в регионе, определении прогнозной численности населения, его структуры, в том числе этнической предпринята нами в рамках научного проекта № 13-01-96527, осуществляемого при финансовой поддержке РФФИ совместно с Администрацией Краснодарского края.

В ходе исследования осуществлялся прогноз динамики этнической структуры населения Краснодарского края с использованием методов статистического моделирования.

В качестве групп, по отношению к которым рассчитывались прогнозные данные были выбраны наиболее многочисленные народы: русские, украинцы, белорусы, адыгейцы, армяне, греки, немцы, грузины, татары, молдаване, евреи. Исходные значения были представлены данными всеобщих переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг.

Для того, чтобы можно было использовать инструментарий временных рядов при прогнозировании возможной численности населения на 2020 г. следовало заполнить пропущенные данные по численности населения с 1926 по 2010. Для решения этой задачи использовался модуль программы STATISTICA «Множественная нелинейная регрессия». Пропущенные значения рассчитывались посредством аппроксимации (интерполирования) эмпирических данных полиномами третьей или четвертой степени. В качестве аргументов x использованы номера дат (1, 2, ..., 85), y – расчетная численность населения. Допустимые при этом погрешности не больше ошибок, которые возможны при переписи населения.

Используя для прогнозирования метод экспоненциального сглаживания, отметим, что наиболее простая и ясная модель временного ряда имеет следующий вид: $X_t = \alpha + \epsilon_t$, где α – константа; ϵ_t – случайная ошибка. Константа α относительно стабильна на каждом временном интервале, но может также медленно изменяться со временем. Один из интуитивно ясных способов выделения α состоит в том, чтобы использовать сглаживание скользящим средним, в котором последним наблюдениям приписываются больший вес, чем предпоследним, предпоследним – еще больший вес, чем предпредпоследним и т.д. Простое экспоненциальное сглаживание именно так и устроено. Здесь более старым наблюдениям приписываются экспоненциально убывающие веса, при этом, в отличие от скользящего среднего, учитываются все предшествующие наблюдения ряда, а не те, что попали в определенное окно. Точная формула простого экспоненциального сглаживания имеет вид

$$S_t = \alpha X_t + (1 - \alpha) S_{t-1}.$$

Когда эта формула применяется рекурсивно, каждое новое сглаженное значение (которое является также прогнозом) вычисляется как взвешенное среднее текущего наблюдения и сглаженного ряда. Очевидно, результат сглаживания зависит от параметра α (альфа). Если α равно 1, то предыдущие наблюдения полностью игнорируются. Если α равно 0, то игнорируются текущие наблюдения. Значения α между 0 и 1 дают промежуточные результаты. Эмпирические исследования показали, что весьма часто простое экспоненциальное сглаживание дает достаточно точный прогноз.

Пользователь может задавать начальное значение параметров сглаживания, начальное значение тренда и (если требуется) сезонные факторы. Для тренда и сезонной составляющей могут быть заданы независимые параметры сглаживания. Для экспоненциального сглаживания использовали демпфированную модель без сезонной составляющей. Параметры модели определялись автоматическим поиском.

Прогнозные значения, полученные в результате расчетов, составили для русского населения края на 2015 г. – 4,630; 2016 г. – 4,645; 2017 г. – 4,659; 2018 г. – 4,673; 2019 г. – 4,687; 2020 г. – 4,700 млн. чел. Как видим динамика, обозначенная в прогнозе, носит положительный характер, однако темпы роста невелики.

Прогнозные значения для украинского населения в крае составили с 2015 по 2020 гг. соответственно по годам 117001; 116996; 116994; 116994; 116994; 116993 чел. Здесь наблюдаем медленное сокращение численности украинцев, но к концу прогнозного периода она стабилизируется.

Прогнозные значения для адыгейцев в крае составили на тот же период соответственно 17211; 17030; 16854; 16682; 16514; 16350; 16191; 16036 чел. Здесь наблюдается стабильное на протяжении всего периода сокращение численности представителей данной этнической группы.

Численности армянского населения в Краснодарском крае согласно прогнозам составит 298875; 301460; 303999; 306492; 308940; 311345; 313705; 316024 чел. Анализ динамического ряда позволяет говорить о возможном росте численности армянского населения Кубани. Причем вероятные темпы прироста у армян почти втрое выше, чем у русского населения.

Таким образом, согласно полученным прогнозам численность населения Краснодарского края в перспективе до 2020 г. продолжит расти, однако темпы прироста будут невелики. Для большинства народов наиболее вероятен вариант дальнейшего сокращения численности и доли в составе населения края. Исключением являются русские, армяне, татары у которых в соответствии с прогнозом ожидается положительная динамика общей численности. Однако темпы прироста у данных этнических групп существенно различаются.

Учитывая сложившуюся ситуацию и обозначившиеся тенденции, которые подтверждаются результатами прогноза, можно утверждать, что основой развития населения региона в ближайшем будущем будут миграционные потоки. Благодаря таким условиям как благоприятный климат, активные инвестиции, наличие сложившихся и институализировавшихся национальных общин и т.п. край будет оставаться привлекательным для мигрантов. Сокращение же численности и доли определенных народов в составе края вероятнее всего будет результатом ассимиляционных процессов. В то же время нужно отметить, что в ближайшее десятилетие кардинальных изменений в численности и структуре населения Краснодарского края в пределах прогнозного периода не произойдет.

ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНА

Семикин Д.В., Семикина Ю. Г. (Волгоград)

В современном информационном мире устойчивость государства и его регионов во многом зиждется на качестве доведения информации до общества. Очевидно, что эффективность взаимодействия органов исполнительной власти и средств массовой информации на региональном уровне является одним из основных условий успешной реализации государственной информационной политики, как ключевого фактора оптимизации государственного управления при трансформации Российской Федерации в современное открытое информационное общество.

К системе управления взаимодействием государственных органов и СМИ можно отнести такие компоненты, как Интернет, пресс-службы, телевидение, радио, печать и другие механизмы, которые вырабатывают, а затем и распространяют информацию. Изучение медийного поля в Волгоградском регионе показало, что на радио и телевидении существуют программы с обзором прессы. Большая часть СМИ выступают как неофициальный орган власти, выполняющий важные политические функции, такие как:

информационная, образовательная, критики и контроля, формирования массового сознания (общественного мнения) и другие. «Отличительной чертой СМИ как политического института является то, что они помогают гражданам приобрести новые знания и разобраться в политических процессах» [2, с. 337].

В повседневной жизни происходит внедрение демократических норм, заставляя представителей региональной исполнительной власти создавать свой механизм для влияния на общественное сознание в ответ на «желание большинства граждан узнать причины изменений всех сфер жизни, как в стране, так и в регионе, городе» [2, с. 339]. Этим политическим инструментом стали «пресс-службы, благодаря которым, взаимодействие власти и СМИ стало носить официальный и упорядоченный характер. Пресс-службы помогают органам власти повысить свою репутацию и проинформировать масс-медиа о своей деятельности. Также пресс-служба выступает фактором оптимизации взаимоотношений между властью и СМИ» [3, с. 55].

Региональные органы исполнительной власти в Волгоградском регионе строят медиаполитику через механизмы, стратегии и тактики взаимодействий с масс-медиа исходя из понимания «СМИ как канала информации, из целей которые преследуют власти» [2, с. 333]. По существу, целью медийной кампании органов исполнительной власти региона является создание медийных текстов с интерпретациями общественных ситуаций на подведомственных территориях, которые должны были бы формировать, а затем и развивать положительное мнение социума о деятельности органов исполнительной власти.

Сложившиеся отношения между общественным, политическим и медийным полями позволяют говорить, что медийное и общественное поле Волгоградского региона зависимо от политического поля, то есть медиаполитики органов государственной власти.

Изучение сложившейся ситуации показало, что зачастую взаимодействие органов государственной власти и СМИ носит бессистемный характер, так как органы власти, функционируя по установленному регламенту, усложняют процесс работы региональных средств массовой информации. В Волгоградском регионе уровень управленческого влияния на работу СМИ очень высокий. Благодаря развитию коммуникационно-общественных процессов одним из главных механизмов государственного управления становится информация. Поэтому органы власти вынуждены вовремя и в полном объеме информировать общественность о своей деятельности [1, с. 406].

Государственные органы власти пытаются влиять на деятельность и оргструктуру медийного предприятия, информационную политику, процесс аккредитации журналистов и так далее. Административные методы регулирования осуществляются органами исполнительной власти Волгоградского региона путем влияния на деятельность и руководство медийной структуры и тем самым способствуют формированию информационной политики. Это подтверждается наличием региональных СМИ, учредителями которых являются органы государственной власти (в целом такой опыт можно оценить как положительный, при условии их конкуренции с независимыми СМИ, работающими на том же информационном поле).

Экономические рычаги контроля проявляются в финансовой поддержке отдельных СМИ для оказания влияния на содержание публикуемых или передаваемых материалов, и создания псевдо конкуренции на информационном рынке. Добавим к этому, что коммуникативное взаимодействие между органами государственной власти Волгоградского региона и журналистами характеризуется высоким уровнем зависимости СМИ. Можно констатировать, что для Волгоградского региона типична модель, в которой существует контроль власти над основными региональными информационными ресурсами.

У региональных органов государственной власти возникают сложности во взаимоотношениях с общественностью и СМИ. Возникновение сложностей происходит по следующим причинам: из-за желания власти навязать свою линию поведения и

проконтролировать все сферы информационных потоков, из-за сбоев в работе пресс-служб, зачастую по причине нежелания представителей органов исполнительной власти идти на контакт со СМИ. Таким образом ущемляются права журналистов относительно доступа к информации вне плоскости, регулируемой законодательством.

Очевидно, что в современных условиях СМИ особенно сильно подвержены влиянию политических, экономических, социокультурных ситуаций, происходящих в мире, стране и в регионе в частности. Большинство средств массовой информации являются ангажированными, то есть находятся на службе политических региональных элит и становятся инструментом для создания политических образов.

Очевидно, что в процессе взаимодействия органов государственной власти со СМИ как на уровне Федерации так и на уровне региона возникает целый комплекс проблем, решение которых позволит оптимизировать систему взаимодействия государства, общества и СМИ. Оптимизация возможна, если на региональном уровне предпринять следующие меры:

1) повысить доступность органов государственной власти Волгоградского региона для СМИ, например, введя институт пресс-секретаря (по аналогии с МИД России);

2) на базе общественной палаты (или «Народного фронта») создать механизм, направленный на досудебное рассмотрение информационных споров, что способствовало бы сокращению количества нарушений и судебных разбирательств в сфере СМИ, а также в сфере взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации;

3) способствовать созданию независимых СМИ, что повысит объективность предоставляемой информации;

4) рассмотреть вопрос создания регионального информационного кластера, в котором элементы информационного поля, начиная с блогеров и заканчивая крупными медийными структурами, будут дополнять друг друга, находясь в конкурентной среде (создание кластеров требует углубленной проработки научных подходов к этому явлению в рамках устойчиво-динамического развития региона и новой концепции конкурентоспособности).

Применение предлагаемых управленческих мероприятий, направленных на решение сложившихся противоречий органов государственной власти со СМИ в Волгоградском регионе, приведёт к совершенствованию сложившегося гражданского общества и будет способствовать оптимизации системы взаимодействия государственных органов власти и СМИ.

1. Пенькова, Е.В. *Проблемы взаимодействия властных структур и российских медиапредприятий, пути решения данных проблем [Текст] / Е.В. Пенькова // Казанская наука. – 2010. – № 8. – С. 403-408.*
2. Пугачев, В.П. *Введение в политологию [Текст] / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007.*
3. Русаков, А.Ю. *Связи с общественностью в органах государственной власти [Текст] : учеб. пособие / А.Ю. Русаков. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2006.*

ДЕИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Серебрякова З.О. (Самара)

Журналистика – сложное и многостороннее явление. Как отмечал основатель советской и современной российской теории журналистики Е.П. Прохоров, журналистика начинается там, где осознается различие массового и специального сознания, поскольку продукты журналистского труда «обращены к массовой (притом не только по количеству,

но и по характеру) аудитории и затрагивают вопросы общественной жизни в широком и разнообразном спектре ее актуальных для массового сознания проблем и явлений» [1].

Российская журналистика, появившись как практика публичных переписок, в течение нескольких веков институционализировалась, создавая вокруг себя нормы, этические кодексы и другие механизмы собственного воспроизводства. Работ, которые были бы посвящены институционализации журналистики, в современной российской науке практически нет. Это значительно затрудняет схватывание момента полной институционализации журналистской профессии.

Если подойти к данному процессу с точки зрения общей теории институтов, то институционализация подразумевает определение и закрепление социальных норм, статусов, правил, ролей, а также приведение их в систему, которая способна действовать в направлении удовлетворения некоторой общественной потребности [2]. Например, по распространенному определению Дж. Тернера, социальный институт представляет собой комплекс позиций, ролей, норм и ценностей, существующих в конкретных видах социальных структур, а также организацию относительно стабильных направлений деятельности человека, способствующих решению фундаментальных проблем поддержания жизненных социальных структур в рамках данной среды [3].

Таким образом, журналистика как профессиональный социальный институт поддерживается работой институциональных СМИ – редакций газет, журналов, радиостанций, телеканалов, интернет-изданий. На воспроизводство институционального порядка в сфере массовой информации и журналистики работают нормативные документы, такие как закон «О средствах массовой информации» (от 27.12.1991), закон «Об авторском праве и смежных правах» (от 09.07.1993), а также надзорные органы, такие как Федеральное агентство по печати и массовых коммуникаций. Журналистика как профессиональная деятельность лицензируется Федеральным агентством по печати и массовых коммуникаций. На поддержание институциональной целостности журналистской профессии работает и система журналистского образования, представленная кафедрами и факультетами журналистики в учебных заведениях. Однако несмотря на постоянное воспроизводство журналистики как института, мы можем наблюдать и совершенно обратные контр-институциональные процессы, тем не менее имеющие отношение к существу журналистского дела, к производству журналистских текстов, хотя и проблематизирующие их идентичность.

Для социальной реальности 21 века характерна всеобщая логика разрушения старых социальных институтов. В последнее время много говорится о структурных изменениях института семьи, института образования, института здравоохранения. Аналогичные процессы, как уже было замечено, происходят и в сфере медиа.

Фактически деинституционализация журналистики – это разрушение институциональных рамок журналистики как деятельности, журналистики как профессии. Среди внешних проявлений деинституционализации такие уже закрепившиеся в нашей жизни процессы как развитие социальных сетей, появление блоггинга или «гражданской журналистики», а также такие относительно новые – потеря доверия к официальным, институциональным медиа. Среди внутренних проявлений деинституционализации журналистики – обозначенный К. Дернером [4] протест профессионалов против институциональной логики, попытка вернуть профессиональной деятельности ее изначальный смысл. В российской действительности проявления внутренней деинституционализации – массовые увольнения журналистов после смены главного редактора (как в случае с Лентой.ру в 2014 году) или же практика ведения журналистами личных блогов и страниц в социальных сетях, в которых они публикуют информацию, не вошедшую в финальную версию публикаций.

Деинституционализация журналистики – термин, охватывающий процессы и явления, отчасти описанные в теории новых медиа, пересекающийся с терминами «новые медиа»

[5], «альтернативные медиа» [6], «регуманизация медиа» [7], «медиаконвергенция» [8], а также коррелирующий с постулатами нового институционализма [9].

Процессы деинституциализации рассматриваются в работах теоретиков новых медиа, однако чаще всего они касаются только ее внешних проявлений, без укоренения изучаемого явления в теории постмодерна и без привлечения современных социальных теорий, которые могли бы объяснить сущность и причины деинституциализации медиа. Между тем, это обширное поле для исследований, которые не только помогут закрепить относительно новый для социальных наук (хоть и активно применяющийся в психиатрии) термин деинституциализации, но и детально описать актуальное явление, дать ему объяснение и найти возможные пути дальнейшего развития журналистики.

Особую актуальность исследованию придает тот факт, что сейчас мы увидели зарождение нового смысла деинституциализации как надежды. В условиях влияния на официальные СМИ, попыток использования их для пропаганды и продвижения позиций, которые выгодны элитам, деинституциональная журналистика видится как один из немногих каналов получения свободной, объективной информации. И здесь наука несколько отстает от социальной реальности – эмпирические исследования фиксируют не только появление надежды на деинституциональную журналистику, но и крах этой надежды, переход общества в эпоху тотального и априорного недоверия медийной информации.

К чему приведет это недоверие? Теоретики нового институционализма говорят, что вслед за разрушением старых институтов появляются новые, более приспособленные к выполнению функций, которые делегирует им общество. Качественное эмпирическое исследование это подтверждает – эксперты в области медиа также уверены, что впоследствии общество придет к новому синтетическому институту, который бы сочетал в себе авторитетность классической институциональной журналистики и мобильность, оперативность, вездесущность новой деинституциональной.

1. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – М: Аспект Пресс, 2009. – 351 с.
2. *Social Institutions* // *Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/social-institutions/> (дата обращения 16.09.2015).
3. Turner J. *The Institutional Order*. – N.Y.: Longman, 1997. – 306 p.
4. Дернер К. *Хороший врач. Учебник основной позиции врача* / Перевод И.Я. Сапожниковой и Э.Л. Гушанского под ред. М.В. Козырева. М., 2006.
5. Manovich L. *The language of New Media*. London, 2001.
6. Downing, J. *Audiences and readers of alternative media: The absent lure of the virtually unknown* // *Media, Culture and Society*, 25(5), 2003. pp 625-645.
7. Picard R.G. *The deinstitutionalization of journalism* // *The Media Business*. 17.12.2014. URL: <http://themediabusiness.blogspot.de/2013/12/the-deinstitutionalization-of-journalism.html> (дата обращения 04.10.2015).
8. Marinho S.P., Tarcia L. *Challenges and new ways of teaching journalism in times of media convergence* // *Brazilian journalism research*. Vol. 4. № 2, Semester 2, 2008. P. 29-53.
9. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. *Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории* / Пер. с англ. под ред. В.С. Катькало, Н.П. Дроздовой. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Сибирев В.А. (Санкт-Петербург)

Возможности вторичного анализа данных явно недооцениваются российскими социологами. Одна из главных причин такого положения – отношение к собранным данным. В отечественных исследованиях как правило исходя из цели проводится сбор

необходимых данных. На их основе пишется отчет и различные статьи. На этом все и заканчивается, так как собранные данные не выкладываются в открытый доступ. Осознание необходимости систематического сохранения и накопления эмпирических данных привело к признанию важности создания информационных систем социологических данных с применением новейших информационных технологий. С их помощью можно обеспечить необходимый потенциал развития социологической науки за счет совершенствования информационного обеспечения исследований.

К настоящему моменту архивы социологических данных, открытые для научного и экспертного сообщества, существуют практически во всех странах. Основным трендом их развития является их объединения в международные структуры, которые ставят своей целью создание единого информационного пространства, позволяющего социологу получить необходимую ему информацию дистанционно для своих исследований. Россия не является исключением. Можно отметить определенный прогресс в этой сфере благодаря усилиям Высшей школы экономики. В этой связи прежде всего стоит упомянуть Единый архив экономических и социологических данных ГУ-ВШЭ (<http://sophist.hse.ru>). Он предоставляет открытый доступ к результатам более 1100 исследований на безвозмездной основе, сгруппированных по тематическим основам.

Из исследований, которые проводит ГУ-ВШЭ наибольший интерес представляет «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) (<http://www.hse.ru/rlms>). Это лонгитюдное обследование домохозяйств, который ведется аж с 1995 г. по настоящий момент. Данные, начиная с 2010 года находятся в открытом доступе. Любому желающий их проанализировать с целью изучения динамики изменения социально-экономического положения в России может это сделать совершенно свободно.

Существует много международных проектов, связанных с созданием социологических баз данных. Наиболее интересной для российских социологов с нашей точки зрения является ESS (Европейское Социальное Исследование). Главной целью данного проекта является изучение изменений, которые происходят сегодня в социальном, политическом и моральном климате в Европе. Проект начали в 2001 г. В 2006 г. к нему присоединилась Россия. Репрезентативные опросы населения происходят каждые два года на основе единой методики построения выборки, организации сбора информации и обработки данных. Последняя 7-я волна проведена осенью 2014 года и данные будут доступны для всего исследовательского сообщества осенью 2015 года.

Данные к данным и всех исследователей без ограничений сразу после этапа сбора данных через электронный сайт <http://www.europeansocialsurvey.org>. Существует российский аналог, тесно связанный с ним <http://www.ess-ru.ru/>. Собранную информацию можно использовать двояким образом.

Во-первых, ее можно скачать в одном из трех форматов (SAS, SPSS или STATA), а дальше использовать возможности соответствующего программного обеспечения.

Во-вторых, можно воспользоваться встроенным в сайт блоком онлайн-анализа. Этот программный комплекс позволяет осуществлять следующие операции:

- построение линейных распределений и таблиц сопряженности;
- построение корреляционной матрицы;
- множественная регрессия;
- всевозможные статистические графические формы, в том числе привязанные к карте Европы..

Данное исследование носит междисциплинарный характер и интересно не только социологам, но и политологам и международникам.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ: СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ УГРОЗ.

Силаева В.А. (Москва)

Ключевым фактором, определяющим характер современного этапа международных отношений и международной среды, является форсированное развитие информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Данная тенденция не только открывает новые возможности для сотрудничества и совместного развития в самых разных областях, но и влечет за собой появление новых угроз безопасности. В рамках данного доклада представлены результаты анализа с позиций конструктивистской теории секьюритизации причин нарастания конфронтационности международного информационного пространства, а также невключенности России в формирующуюся систему международной информационной безопасности (МИБ).

Проблематика МИБ является относительно новым направлением как в плане теоретического осмысления международного социального пространства, так и в международно-политической деятельности. Ключевое влияние на формирование данной проблематики оказали работы и практическая деятельность спецпредставителя президента РФ по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности Крутских А.В. [Крутских], а также таких авторов, как сотрудник ПИР-центра Демидов О.В. [Демидов], сотрудник МГИМО Зиновьева Е.С. [Зиновьева]. Следует отметить, что отличительной чертой всех исследований, посвященных проблематике обеспечения МИБ, является их рационалистическая направленность. Чаще всего проблематика МИБ анализируется с позиций реализма, в категориях баланса сил, национальных интересов, распределения ресурсов и мощи. Однако, подобный подход способствует формированию конфронтационной внешней политики в информационной сфере, влечет за собой угрозы глобальной и национальной безопасности. В связи с этим необходимо рассмотреть проблематику формирования повестки дня по МИБ с принципиально новой позиции, в частности, автор предлагает анализ с позиций конструктивизма.

В рамках конструктивизма повестка дня – это не просто отражение реальности или набор фактов, это результат интересубъективных взаимодействий. То есть, формирование повестки дня происходит в ходе согласования интерпретаций. Результатом становится определение не только того, что станет вопросом обсуждения, но и как оно будет определено и истолковано. Разработанная Бузаном и Уэвером [Buzan, Waeuver] теория секьюритизации предлагает механизм привнесения некоего явления в политический дискурс и его переход в категорию угроз.

Проведенный автором анализ дискурсивных практик позволяет заключить, что на данный момент на конкурентной основе сосуществуют две дискурсивные практики в области обеспечения МИБ. Одну из них поддерживают развитые страны Запада во главе с США, вторую развивают Россия, Китай, некоторые страны Азии, Африки и Латинской Америки [Кунакова]. Для «западного» дискурса характерно рассмотрение информационной безопасности, сводимое к кибербезопасности, то есть к безопасности информационной инфраструктуры, а также самой информации. Дискурс, доминирующий в России и Китае, трактует ИБ более широко, включая в это понятие безопасность от враждебного информационного воздействия, то есть информационно-психологическую безопасность. В данных трактовках по-разному расставлены акценты. В рамках «пророссийского» дискурса акцент делается на незыблемости принципов суверенитета государств и невмешательства в их внутренние дела, «проамериканский» дискурс настаивает на необходимости соблюдения прав человека в сети. Однако подобная дихотомия не всегда существовала в неизменном виде.

С позиций теории секьюритизации проблематика МИБ прошла стадию политизации и стадию секьюритизации. Главными контрагентами в процессе формирования международной повестки дня по МИБ являются Россия и США.

Стадия политизации проблематики МИБ на международной арене проходила с 1998 по 2006 год. На данном этапе секьюритизирующим актором является Россия, референтным объектом – материальные информационные структуры, угрозами – киберпреступность, кибертерроризм, применение информационных технологий в военных целях. Основные характеристики стадии включают успешность речевых актов России в убеждении большинства стран мирового сообщества поддержать ее точку зрения, мирный характер переговорного процесса, однако, низкую продуктивность из-за серьезного противодействия США, а также из-за низкой степени концептуализации проблемы и размытости формулировок. Важной чертой стадии является плавный переход инициативы от России к США. Можно также проследить прямую взаимозависимость с изменением внешнеполитических доктрин России: от доктрины «демократической солидарности» 90-х годов до доктрины «приведения в соответствие» политического влияния России в мире с ее приобретенными экономическими возможностями 2006 года.

Переход к стадии секьюритизации произошел в 2009 году и сопровождался ростом напряженности в отношениях между Россией и США, что можно также проследить по доктринам внешней политики этих стран. Секьюритизирующим актором на данной стадии становятся США, референтными объектами – национальные интересы. Происходит переход к реальным действиям. Например, в 2010 году США первыми успешно применили кибероружие [Черненко], вирус Stuxnet, против ядерных объектов Ирана. Это продемонстрировало, что последствия кибератаки могут носить вполне реальный и разрушительный характер. В то же время, события Арабской весны 2011 года становятся поводом для институционализации социально-психологического аспекта МИБ в России. Именно на этой стадии происходит серьезная модификация дискурса, концептуальные разногласия закрепляются в современном виде. Кроме того, дальнейшие действия главных контрагентов, России и США, в области информационной безопасности носят характер ответных действий, своего рода гонки, что предопределяет переход к конфронтационной риторике.

Причины столь серьезных концептуальных разногласий России и США с точки зрения конструктивизма определяются сложившейся структурой ролей в международной системе, находящейся во взаимозависимости с восприятием идентичности в ключевых странах. В рамках конструктивизма идентичность представляется социальным конструктом, формирующимся в результате интерсубъективного взаимодействия с неким значимым Другим. Для России позицию Значимого Другого исторически занимают Запад и США. На данный момент можно говорить о том, что сложилась конкурентная система взаимоотношений России и стран Запада, функционирующая по «локкианской», а в некоторых случаях даже по «гоббсианской» логике. В терминах Вендта [Wendt], значимый Другой России представляется для нее на данный момент Соперником, а иногда и Врагом, но не Другом. Более того, по результатам анализа секьюритизация проблемы МИБ в полной мере удалась России на национальном уровне, где наблюдается поддержка большей частью населения выбранного внешнеполитического курса и существует убежденность в наличии информационно-психологической угрозы, и региональном уровне, где она пользуется поддержкой на уровне стран-членов ШОС, в частности, крупнейшего ее представителя, Китая [Цыганков]. Таким образом, наблюдается формирование альтернативного проекта обеспечения МИБ и размежевание России и ее значимого Другого.

Таким образом, повестка дня по проблеме МИБ находится в настоящий момент в стадии секьюритизации. Включение проблемы в орбиту дискурса безопасности означает, что ей приписывается наивысший приоритет, статус экзистенциальной угрозы, требующей чрезвычайных мер, выходящих за рамки стандартных политических процедур.

Сложившаяся ситуация чревата трансформацией информационных угроз в угрозы вполне реальные, что уже происходит в разных частях света. Для того, чтобы избежать подобных негативных сценариев и способствовать стабильному и мирному существованию международной системы, представляется обоснованным произвести переход к стадии десекуритизации, которая подразумевает возвращение обсуждения проблематики МИБ из чрезвычайного в политическое, институциональное, мирное и конструктивное русло.

1. Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // А.В. Крутских / Международные процессы. – Т. 5, № 1(13). – январь-апрель 2007. С. 28-37.
2. Демидов О. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. - № 1(104). – Т. 19. – 2013. С. 129 – 168.
3. Зиновьева Е.С. Международная информационная безопасность: монография / Е.С.Зиновьева; Моск. гос. ин-тмеждунар. Отношений (ун-т) МИД России, каф. мировых политических процессов. — М.: МГИМО-Университет, 2013. — 194 с. — (Серия «Научная школа МГИМО»).
4. Buzan B. Security: New Framework for Analysis / Barry Buzan, Ole Wæver, Jaap de Wilde // Lynne Rienner Publishers, 1998.
5. Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. - 2012. № 6 (61). С. 93-96.
6. Черненко Е.В. Холодная война 2.0? Киберпространство как новая арена противостояния / Е.В.Черненко // Россия в глобальной политике. - № 2, 2013. [Электронный документ] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kholodnaya-voyna-20-15874>
7. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics / Alexander Wendt // International Organization. - Spring 1992. - Vol. 46, № 2. Pp. 391-425.
8. Цыганков А.П. Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений / А.П. Цыганков // Россия в глобальной политике. – 2013. № 6. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vsesilno-ibo-verno-16251>

"НЕСИТЕ ВАШИ ДЕНЕЖКИ..."

Скитович В.В. (Санкт-Петербург)

В игровой зоне «Приморье» в пригороде Владивостока открылось самое большое в России казино «Хрустальный тигр» (Tigre de Cristal). Реклама повсеместно зазывает попытать свое счастье в торговле на бирже. Более азартных призывают делать ставки на тотализаторе. Издаются и распространяются в Интернете всевозможные пособия о том, как играть во все это и выигрывать. Нельзя утверждать, что это прямой обман населения. Однако, если рассматривать эти процессы с точки зрения теории игр, то кое о чем все же эти пособия умалчивают.

Так оказывается, что от действий игроков практически ничего не зависит, поскольку исход игры случаен. В отдельной партии, действительно, игроку может улыбнуться счастье. Однако, если разыгрывается достаточно значительная серия партий, то в силу вступают статистические закономерности, в частности закон больших чисел, в результате чего средний выигрыш будет близок к значению игры. Поэтому при игре в «орлянку» всю жизнь можно ставить только на «орла». Да, это повлияет на исходы отдельных партий, но не на общий итог, который будет определяться значением игры. Если значение игры равно нулю, то такую игру принято называть «безобидной», хотя на практике эта игра может оказаться далеко не безобидной, что будет показано ниже на примере азартных игр.

Если от действий игроков ничего не зависит, то чем тогда может определяться исход игры и само значение игры? Ответ на этот вопрос был получен 300 лет тому назад в ходе переписки между математиками Парижа и Санкт-Петербурга на основе анализа игры, получившей название «Санкт-Петербургский парадокс» [1]. Игра состоит в том, что бросается монета до первого появления «орла». Если это событие происходит при k -ом бросании монеты, то выигрыш первого игрока составляет $H(k)=2^k$. Ясно, что вряд ли найдется желающий выступить в роли второго игрока, который должен платить эту сумму. Сколько тогда первый игрок должен заплатить второму, чтобы игра стала «безобидной» и второй игрок дал согласие сыграть одну партию? Согласно понятию справедливости в теории игр эта сумма должна быть равна математическому ожиданию выигрыша первого игрока, которое в данном случае будет равно: $M[H]=\sum_{k=1}^{\infty} [2^k \cdot (1/2)^k = \sum_{k=1}^{\infty} 1 = \infty]$. Возник парадокс, состоящий в том, что игрок за право участия в игре, в которой его выигрыш всегда конечен, должен заплатить бесконечно много.

Качественное разрешение парадокса состоит в том, что второй игрок, соглашаясь принять участие в этой игре, берет на себя потенциально невыполнимое обязательство, а именно, выплатить сколь угодно большой проигрыш. Поэтому при попытке сведения игры к «безобидной» и первому игроку приходится брать на себя невыполнимое обязательство

– заплатить бесконечно много. Таким образом, чтобы разрешить парадокс, необходимо учесть реальные возможности второго игрока. Пусть $S=2^m$ максимальный проигрыш, который второй игрок может выплатить первому. Тогда монету можно бросать не более чем m раз и математическое ожидание выигрыша первого игрока (значение игры) будет уже конечным:

$$M[H]=\sum_{k=1}^{m-1} [2^k \cdot (1/2)^k + 2^m \cdot (1/2)^m] = \sum_{k=1}^{m-1} [1 + 2^{m-k}] = m + 2^m - 1 = v^*$$

где через v^* обозначено значение рассматриваемой игры. Учитывая, что $m = \lfloor \log_2 S \rfloor$ окончательно получаем связь между значением игры и капиталом второго игрока $v^* = \lfloor \log_2 S \rfloor + 1$, которая и объясняет возникновение парадокса. При определении игры мы неявно предположили, что второй игрок обладает неограниченным капиталом и поэтому значение игры также оказалось бесконечным. Однако для нас гораздо важнее тот факт, что значение игры может зависеть от капиталов противников, т.е. на исход игры влияют не действия игроков, а содержимое их кошельков. Чтобы убедиться в этом, обратимся к теории азартных игр.

Рассмотрим игру, в отдельной партии которой первый игрок с вероятностью p выигрывает некоторую единичную ставку и с вероятностью $q=1-p$ проигрывает. Отличительной особенностью азартных игр является необходимость игрокам перед каждой партией делать ставку. Если игрок не в состоянии сделать очередную ставку, то он выбывает из игры. Будем считать, что в начале игры первый игрок обладает капиталом в n единиц, а второй игрок в m единиц. Игра будет продолжаться до тех пор, пока один из игроков не разорится. Вероятность разорения для первого игрока q_n будет равна: $q_n = (p^{n+m} - p^n) / (p^{n+m} - 1)$, где $p = q/p$ ($p \neq q$). Если $p = q = 1/2$, то $q_n = m / (n+m)$. Вероятность разорить противника будет равна $p_n = 1 - q_n$. Значение этой игры будет равно $v^* = m \cdot p_n - n \cdot q_n = m - (n+m) \cdot q_n$. Можно показать, что $v^* = 0$ тогда и только тогда, когда $p = q = 1/2$. Это означает, что при указанных правилах, «безобидная» игра остается «безобидной», но никакая игра не являющаяся таковой, не может стать «безобидной».

Рассмотрим конкретный пример, когда два игрока, у первого 100 рублей, а у второго 1 рубль, играют в «орлянку» до разорения одного из них. Игра является «безобидной», однако при этом вероятность у первого игрока разорить второго равна $p_{100} = 100 / (100 + 1) = 0,99$, т.е. у второго игрока нет практически никаких шансов

сохранить свой рубль, играя в эту «безобидную» игру. Нечто подобное происходит и с игроками, пытающимися разорить казино.

Так может, вообще, лучше казино не посещать? Посещать можно, но при этом надо не забывать, что итог посещения зависит от содержимого вашего кошелька. Поэтому надо пытаться разорить не казино, а некоторого фиктивного игрока, чей капитал значительно меньше вашего. И если вы играете в «орлянку», то ваши шансы на успех будут равны $p_n = n/(n+m)$, где m – капитал фиктивного игрока. Более того, можно с успехом играть и в игры не являющимися «безобидными», надо только придерживаться некоторых правил:

Заранее определить величину выигрыша, которая вас устроит.

Ставки делать так, чтобы максимизировать вероятность выигрыша именно желаемого выигрыша.

Добившись цели, прекратить игру.

Последнее правило, к сожалению, наиболее трудно выполнимо.

1. Кудрявцев А. А. Санкт-Петербургский парадокс и его значение для экономической теории. *Вестн. С-Петербурга. у-та. 2013, вып. 3, стр. 41-55*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО РАСКОЛА

Сорокина Н.Д. (Москва)

В настоящее время мир переживает быстрые, радикальные изменения. Наблюдается постоянная социальная турбулентность, рост неопределенности, разорванность прежних социальных связей, кризис доверия, что, в конечном итоге, приводит к социальному расколу. Последний проявляется в том, что в условиях все большего разрыва между высшими и низшими слоями растет недовольство, происходит усиление социальной напряженности. Некоторые исследователи определили линию раскола, выделив такие социальные типы, как «потребители» и «воины». Так, А. Филиппов говорит о том, «как базовая концепция универсального потребителя, живущего от одного удовольствия к другому, замещается (или делается попытка ее заместить) на базовый концепт воина... Война может обезвкусить потребление: ананас съел, и на этом все кончилось, а упоение в бою так просто не проходит. Все те идеологические конструкты, которыми обвешано это упоение от боя, кажутся гораздо более важными. Никто из тех, кто сейчас где-то сражается, не скажет вам: я люблю битву ради битвы, я люблю битву ради ощущения боя. Он скажет: я сражаюсь с фашистами, я сражаюсь с интервентами, я сражаюсь с оккупантами, с нелюдьми в человеческом обличье, и там еще за что-то другое, и он не будет лгать. Просто это тот вид, который принимает его мотивационное устройство» [1].

Раскол в современном обществе все больше начинает носить культурно-цивилизационный характер. Это можно видеть на примере России и Украины. В условиях информационной войны, в которую оказалось так или иначе втянуто население обеих стран, мы видим, что нас разделяет. Несмотря на общую историю, есть коренные отличия по ряду существенных моментов. Исторически сложилось так, что Украина (особенно западная часть) больше тяготела к европейскому образу мыслей и жизни, разделяя тем самым ценности западного мира в большей мере, чем россияне в своей массе (либеральной части российской элиты традиционно ближе как раз образ жизни Запада). К тому же, Украина в современном виде представляет из себя «лоскутное одеяло», скроенное из разных кусков. Вот что пишет по этому поводу З. Сикевич: «собственно Украина никогда вплоть до 1991 года не имела своей государственности за исключением краткого периода гражданской войны... Судьба отдельных регионов Украинского

государства столь же различна, сколь не похожи исторические судьбы этих территорий: многовековая разделенность отдельных частей этой страны сформировала совершенно различные культурные модели и цивилизационные коды, условно говоря, Запада, Центра, Юго-востока и Юга Украины» [2, с. 96-97].

Это сказывается на ведении информационной войны. Анализ сообщений в социальных сетях, таких, как «одноклассники», фейсбук и др., где ведутся настоящие виртуальные бои, показывает непримиримость позиций сторон, использование оппонентами конфликтной риторики, переходящей границы не только простых правил общения, но и здравого смысла. Причем, стороны обвиняют друга что называется «во всех смертных грехах», используя различные оскорбительные выражения, а также часто ненормативную лексику, к примеру, называя друг друга «зомбированными овощами», «дебелоидами», «фашистами» и т.д. Демаркационной линией в данной информационной войне является отношение к тем событиям на Украине, которые обозначают как «майдан». Вот одно из описаний такого различия. «Что касается разделения людей. С начала Майдана мною прослеживались следующие различия во взглядах: за Евросоюз/против Евросоюза, за Майдан/против Майдана, против действия «Беркута»/за «Беркут», против аннексии Крыма/за присоединение Крыма к России, те, кто считали, что Россия вторглась в Украину/те, кто утверждали, что Россия такого не делала. У меня были друзья и знакомые с разными мнениями. Более-менее могли ужиться при любых расхождениях. Но трагедия в Одессе подвела черту. После этого люди разделились на тех, кто писал про «одесскую Хатынь», и тех, кто поддерживал патриотов. Меня из друзей в социальных сетях внезапно удалили даже те люди, кто во время Майдана и последующих событий такого не делал (хотя знали мою проукраинскую позицию). Друзья с противоположными взглядами, которые не удалили, на какое-то время прекратили общение» [3].

Здесь нужно остановиться на роли социальных сетей в информационной войне. Социальные сети являются важным инструментом завоевания симпатий граждан тех стран, где ведется информационная война, и важным инструментом социальной мобилизации. Это касается в данном случае Украины, России, стран, которые ввели санкции против России. Происходит таким образом легитимация действий властей, поскольку без одобрения граждан невозможно эффективно вести войну. Не случайно появляются сообщения об озабоченности, в частности, властей США о проигрыше России в информационной войне, особенно после присоединения Крыма, и призывов со стороны влиятельных американских политиков об увеличении средств на «борьбу с пропагандой Кремля».

Информационная война выполняет еще одну важную функцию – она затушевывает истинные причины войны, играя на чувствах людей, особенно таких чувствительных струнах, как национальное достоинство. Для успеха информационной войны должен создаться образ врага. Такой образ врага формируется пропагандой с помощью специальных приемов воздействия на сознание человека. Успех такой пропаганды заключается в формировании устойчивых стереотипов: кто такие свои и кто такие чужие (или «мы» и «они»). Психологи утверждают, что человек фиксирует окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые могут не точно либо вовсе неверно отражать действительность, окружающую его. При этом создаваемые в человеческом сознании образы в значительной степени определяют его поведение. Отсюда следует, что поведением человека можно управлять, формируя в его сознании нужные образы-представления, поддерживая одни, затеняя другие.

Ценностный раскол – это, к сожалению, примета нынешнего времени. Вот как это объясняет один из отечественных исследователей. «Мировоззренческая схизма пролегает не только и не столько между христианским (точнее, постхристианским) принимающим сообществом и иммигрантами-мусульманами, сколько между верующими и так называемыми практикующими материалистами. Иными словами, ценностное

размежевание упирается в секуляризацию европейских обществ и в порожденную секуляризацией культуру. Решительное вытеснение религии в частную сферу привело к торжеству агрессивно-материалистической консюмеристской культуры, не знающей иных ценностей, кроме безудержного потребления. Противостояние этой культуре сегодня – удел религиозно ангажированных людей не зависимо от конфессиональной принадлежности. В результате возникает контрверза: культура консюмеризма и гедонизма, с одной стороны, и культура, ориентированная на религиозные идеалы, с другой» [4, с. 166].

Конфликт на Украине обнажил в определенной мере различия и по таким социальным признакам, как имущественное положение, уровень образования. В этом отношении видим зеркальную ситуацию, имеются в виду российские протесты последних лет. Первое, что нужно отметить в этой связи: не наблюдается четко выраженных различий в том смысле, что в России условно на «Болотной» были сплошь более состоятельные граждане с высоким уровнем образованности, а на «Поклонной», напротив, больше малоимущие, с более низким уровнем образования. Это касается и сторонников «Майдана» и «Антимайдана» на Украине. В то же время у сторонников Майдана наблюдается стереотипное представление о «протестантах» Юго-Востока, что находит отражение в таких ярлыках, как «быдло», «ватники», «колорады» и др. В этой связи можно привести одно из характерных мнений одного участника АТО. «Никому на Донбассе нынешняя Россия, в которой я много раз бывал (мне уже просто нельзя туда ездить, потому что я с их точки зрения - фашист), по-настоящему не нужна. Они не в Россию хотели. Они совдепа хотели. Вот этого иждивенчества и жаждала вся эта люмпенская масса – прослойка, которая была очень мощна на Донбассе. На нее и была сделана ставка» [5].

В то же время, исследование, проведенное SEW (Центром Восточноевропейских Исследований Варшавского университета), Киевским Международным Институтом Социологии (под руководством В.Паниотто), Институтом Экономики и Прогнозирования НАНУ, Белорусской Аналитической Мастерской (период опроса: декабрь 2013 года, объем выборки: 354 респондента), показало, что «участники Евромайдана имеют очень высокий образовательный ценз, среди них до 66 процентов, то есть две трети, составляют люди с высшим образованием. Это не менее чем в три раза больше чем доля лиц с высшим образованием в целом по Украине. Очень большая доля предпринимателей – до 25 процентов, что выражает всплеск недовольства именно со стороны предпринимателей, недовольства тем, как грабительски обращалась администрация Януковича с малым и средним бизнесом» [6].

Подводя итоги, можно отметить, что социальный раскол будет только усиливаться. На этом фоне необходимо прекращение информационной войны. И хотя в социальных сетях время от времени раздаются призывы не участвовать в таких войнах, «перемирия» пока не наблюдается. Стороны не слышат друг друга, а это означает, что разрушительные последствия информационной войны будут только усиливаться. Гражданское общество как в России, так и на Украине пока недостаточно делает для прекращения конфронтации.

1. Подлинная политика — это противостояние врагов http://www.gazeta.ru/politics/2015/03/05_a_6440965.shtml
2. Сикевич З. Этнические парадоксы глобального общества». Прага, 2014.
3. Годовщина трагедии в Одессе: «Если бы не патриоты, тут была бы "Одесская народная республика" со всеми вытекающими последствиями» <https://openrussia.org/post/view/4605/>
4. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М, 2014.
5. Андреев А., Лазарянец Е. Украинский военный врач: главный страх – что все смерти окажутся напрасны. <http://lr4.lsm.lv/lv/raksts/den-za-dnem/ukrainskiy-voenniy-vrach-glavniy-strah-cto-vse-smerti-okazhutsj.a51670/>

ПРИРОДА МИРОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург)

Актуальность темы. Научно-технический прогресс создает предпосылки для перехода современного общества к качественно новому состоянию – к информационному обществу. Одной из его характеристик становится информационное пространство.

Не смотря на активное использование данного понятия в современном научном обороте, его содержание толкуется по-разному. В этой связи проблема выяснения природы информационного пространства на разных уровнях представляется чрезвычайно актуальной.

Разработанность проблемы. В исследование различных аспектов информационного общества большой вклад внесли А. Тоффлер, Д. Белл, И. Кастельс, В. Иноземцев. В их работах поднимаются не только технологические, но и социальные проблемы информатизации общественной жизни, возрастающей роли информации в общественном воспроизводстве.

В предлагаемом исследовании делается попытка осмысления связи результатов научно-технического прогресса с социальными последствиями, вызываемыми этими результатами. В исследовании информационного пространства как феномена, на наш взгляд, следует начинать с выяснения его функциональности в социальном воспроизводстве, т.е. определить, для чего оно необходимо социальному агенту соответствующего уровня общности.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу определения информации в качестве рабочего, будем использовать следующее: информация – это совокупность сведений, доступных (доводимых) социальному агенту. Из этого определения можно сделать вывод, что информационное пространство социального агента формируется совокупностью коммуникаций, в которых агент оказывается детектором, принимающим информацию.

Однако ни в технологии коммуникаций, ни, тем более, в социальном воспроизводстве этим процесс формирования информационного пространства не ограничивается, поскольку она выполняет промежуточную, опосредующую функцию. Для социального агента информационное пространство необходимо для организации целесообразной деятельности, для целеполагания. Последнее состоит в преобразовании информационного пространства в потребительское поле и выбора из него образов для организации своей деятельности уже в виде своих целей.

В процессе формирования информационного пространства социальный агент оказывается активно действующим, не только участвуя в выборе коммуникаций, но и сепарируя информацию в соответствии со своим уровнем культурного развития, отсекая ту, что для него оказывается информационным шумом.

В социальном воспроизводстве коммуникации, взаимодействия создаются самой деятельностью агентов. В зависимости от уровня их общности они существенно различаются. Для личности, включенной в социальные отношения, коммуникации оказываются внешними, но уже на уровне института они могут быть не только внешними, но и внутренними. Сам институт формирует свою структуру и закрепляет её посредством коммуникаций, обеспечивая производство и передачу соответствующей информации, её доведение до социального агента.

Информационное пространство института не составляет сумму информационных пространств социальных агентов, его составляющих. Его информационное пространство будет формироваться в соответствии с функциями данного института. В качестве примера

можно привести институты религии в обществе, их роль, место и особенности формирования информационного пространства.

Институционализация информационного пространства проявляется в том, что институт накладывает ограничения на технологические возможности состояния коммуникаций. Семья, трудовой коллектив, религия, поселения, государство: все институты без исключения участвуют в регулировании информационного пространства в соответствии со своими социальными целями.

Механизмы регулирования разнообразны: от принятия запретов, установления ограничений и контроля со стороны специальных институтов, до социализации морально-нравственных норм страта, общности, общества.

Информационное пространство как пространство действующих формируется действиями и определяет будущие действия. В этой связи для каждого социального агента можно выделить два уровня социального пространства: 1) потенциальное информационное пространство; 2) реальное информационное пространство.

Первый уровень отражает совокупность, включающую сведения об опыте функционирования социального агента и сведения об опыте функционирования других агентов.

Второй уровень – сведения, включенные в потребительское поле социального агента. Связь между первым и вторым уровнями обеспечивается посредством культурного развития. Структурирование информационного пространства – сложный и динамический процесс. Он отражает положение социального агента в структуре общества, его функциональность, эффективность и конкурентоспособность.

Информационное пространство общества многослойно. Для формирования целей общества его элиты формируют пространство принятия решений в виде целей общества на тот или иной период времени. Декомпозиция этих целей обеспечивает формирование исполнительских функций институтов и соответствующего информационного пространства. Их многообразие отражается в личных информационных пространствах.

Необходимо заметить, что выбор элит в целеполагании не гарантирует успешности в развитии общества, что хорошо подтверждается этапом отечественной перестройки. Но формирование информационного пространства – обязательный элемент общественного воспроизводства.

На примере информационного пространства общества можно заметить, сколь сложным является этот феномен. Многократно предпринимались и предпринимаются попытки создать единое информационное пространство в России. В этом видят пути для решения проблем развития страны разработчики специальной Концепции, это определено в качестве первой стратегической цели Министерства информационных технологий и связи Российской Федерации. К сожалению, само понимание единого информационного пространства строится на информационном обеспечении органов власти, что становится методологическим препятствием при разработке проблемы.

По мере повышения уровня общности информационное пространство все более усложняется. На мировом уровне в процессах его формирования участвуют не только национальные, но и интернациональные институты и форумы. Роль таких институтов как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация – значительна, но не всегда – главная.

Конкуренция в мировом информационном пространстве проявляется с той или иной степенью напряженности: от сотрудничества до информационных войн. В мировых взаимодействиях информационное обеспечение в подготовке и принятии решений – необходимое условие эффективной деятельности государства.

В свою очередь, технологическое развитие позволяет использовать хакерские атаки для реформирования информационного пространства. Особенности этого нового инструментария в коммуникативных практиках выступают: удаленный доступ к информации (базам данных); целенаправленное воздействие для достижения конкретных

результатов, разнообразии методов воздействия (взломы, вирусы, обрушение серверов и т.д.).

По сути дела, хакерские услуги становятся особым видом информационных услуг в конкурентной борьбе.

В США в 2009 г. Было создано Кибернетическое командование, объединяющее киберкомандование всех родов войск, ведется подготовка военных специалистов – киберофицеров, кибертехников и киберспециалистов. Наличие такого контингента позволяет в значительной степени контролировать или иметь возможность контролировать мировое информационное пространство. Информация Эдварда Сноудена о контроле за информационными потоками со стороны специальных служб США подтверждает прагматичность в функциональности информационного пространства. Контроль за ним – контроль за Миром.

В современном мировом информационном пространстве большую роль играют негосударственные институты, а порой и псевдогосударственные. К их числу можно отнести известное Исламское Государство Ирака и Леванта (ИГИЛ). Эта террористическая организация в полной мере использует технологические возможности в формировании информационного пространства, делает привлекательными для молодежи свои ценности и установки.

Россия в мировом информационном пространстве занимает известное место. Влияние нашего государства на формирование мировой политики значительно. Известны достижения России в области науки и культуры. Однако, по сравнению с советским периодом, позиции страны в мировом информационном пространстве ослабели. Даже роль СССР во Второй мировой войне подверглась ревизии. Такие информационные характеристики как гордость за страну, патриотизм в перестроечный период были отодвинуты на второй план, замещались критикой страны, русского этноса. В отношении России была развязана информационная война. Она продолжается до сих пор, и с не меньшей жесточенностью.

Перспективы развития информационного пространства, на наш взгляд, определяются: во-первых, технологическим развитием, доступностью информационных технологий и технических устройств всем слоям населения. Мобильная телефония, интернет-технологии позволяют использовать мировые достижения всем пользователям. Однако институт государства и другие институты общества берут на себя функции регуляторов информационных потоков. Здесь вероятны следующие варианты: 1) демократизация доступа к информационному полю; 2) ограничения доступа к информации со стороны институтов.

Примеров как первого, так и второго сценариев можно привести достаточно много. Очевидно, что первый является наиболее предпочтительным. Однако и второй сохраняет определенную функциональность для многих обществ, в том числе и для России.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭЛИТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Степашов А. (Санкт-Петербург)

Касаясь проблематики теоретического анализа элит, возникает необходимость прояснения основной терминологии ввиду междисциплинарности объекта исследования, разнообразия подходов и методов изучения элит и процессов их рекрутирования. Здесь можно говорить о наличии согласия среди исследователей лишь относительно самого

существования элиты, но использование самого термина «элита» весьма широко и не ограничивается ни сферой деятельности, ни местом элит в структуре общества.

Изначально данный термин являлся оценочным и обозначал применительно к обществу лучших его представителей независимо от сферы их деятельности. В дальнейшем сложилась традиция выделять два основных подхода к определению элит: меритократический (ценностный) и властный.

Согласно меритократическому подходу, элитой являются те, кто достиг наивысших результатов в сфере своей деятельности т. е. наиболее талантливые и достойные. Например, В. Парето дает следующее определение: «класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности, который мы назовем избранным классом, элитой»[1]. Как отметил Дж. Сартори, определение элиты у Парето дает ключ к пониманию его концепции «круговорота элит»: «когда заслуги и власть совмещены, мы наблюдаем состояние устойчивого общественного равновесия, порождающее круговорот: элиты «де-факто» т.е. альтиметрические, вытесняются элитами «по способностям» т.е. подлинными элитами»[2].

Властный подход заключается в том, что элитой являются все те, кто обладает в данном обществе право принимать решения, имеющие последствия. Наиболее показательным в данном случае будет определение элиты, данное Т. Даем: «Элита – это те немногие, кто обладает властью. Массы - это большинство, у которого ее нет»[3]. Как мы можем наблюдать, из определения ушла ценностная составляющая - теперь ключевым показателем принадлежности к элите остается обладание властью. Оно выражается в возможности «влиять на результаты государственной политики индивидуально, регулярно и серьезно»[4].

В обоих подходах термин «элита» применим к любому обществу, в котором есть соответственно: либо достойные, либо обладающие реальной властью в принципе. Однако некоторые исследователи не считают возможным широкое применение понятия «элита». Они придерживаются позиции исторической обусловленности существования элит: «...элита возникающего буржуазного (индустриального) общества, исследовавшаяся классиками, являет собой нечто совершенно иное, нежели элита современного развитого западного глобализирующегося общества. Иной контекст и иные социальные связи, структуры, институты, требующие другого теоретического инструментария»[5].

Таким образом, в контексте изучения Русской Православной Церкви, под религиозной элитой РПЦ мы будем понимать совокупность лиц, занимающих позиции лидерства и руководства в высших управленческих структурах РПЦ.

Современная структура управления РПЦ во многом сложилась в советский период, поскольку, в силу исторических и социально политических условий первой четверти XX века, решения Поместного Собора 1917-1918 гг.[6] не могли быть реализованы в полной мере. Ключевым событием, ознаменовавшим собой конец Синодального периода церковной истории, стало восстановление института Патриаршества в РПЦ.

События, связанные с архиерейским избранием патриархом Сергия и последующим внесением изменений в Положение об управлении Русской православной церкви (решение было принято на Поместном Соборе РПЦ 1945 г.), которые впервые закрепили фактический приоритет Архиерейского собора над Поместным, что передало реальное управление в руки епископата[7].

В связи с осуществлением курса советской власти в середине 1980-х гг., получившим название «Перестройка», Русская Православная Церковь, как один из крупнейших социальных институтов советского общества, активно вовлеклась в процесс социального преобразования. Решением Поместного собора, созванного в юбилейный год Тысячелетия крещения Руси, был утвержден «Устав об управлении РПЦ», руководство подготовкой которого осуществлял архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл, а сам документ предварительно был утвержден на Архиерейском предсоборном совещании 1988 г.

В 2000 г. по представлению уже митрополита Смоленского и Калининградского, а также главы Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Кирилла решением Архиерейского собора принимается ныне действующий документ - «Устав Русской Православной Церкви», закрепляющий «высшую власть в Русской Православной Церкви в вероучительных, канонических, богослужебных, пастырских, административных и иных вопросах, касающихся как внутренней, так и внешней жизни Церкви»[8] за Архиерейским Собором, а, следовательно, и за религиозной элитой РПЦ — епископатом.

Тем не менее, в том же документе постулируется необходимость существования т. н. органа «оперативного управления» Церковью в период между Архиерейскими соборами — Священным Синодом, подотчетному Патриарху и Архиерейскому собору. Синод состоит из 9 постоянных членов и 5 временных. К числу постоянных относятся: по кафедре — митрополиты Киевский и всея Украины; Санкт-Петербургский и Ладожский; Крутицкий и Коломенский; Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Белоруссии; Кишиневский и всея Молдовы; Астанайский и Казахстанский, глава Митрополичьего округа в Республике Казахстан; Ташкентский и Узбекистанский, глава Среднеазиатского митрополичьего округа; по должности — председатель Отдела внешних церковных связей и управляющий делами Московской Патриархии[9]. Временные члены вызываются для участия в заседаниях Синода по архиерейскому старшинству из каждой епархии в порядке очередности.

Таким образом, на современном историческом этапе, Русская Православная Церковь стала могущественным социальным институтом, в структуре управления которым выстроена жесткая иерархия и, как следствие, «вертикальный» принцип управления.

Особое место в управлении РПЦ играет Синодальный отдел внешних церковных связей. Исторически сложилось, что советское социальное пространство[10] не предоставляло возможности для интенсивного развития Церкви внутри страны, что в конечном счете привело к росту числа представителей высшего духовенства РПЦ с зарубежными православными общинами, а также иными церквями. Существование такой возможности, при условии сохранения Церкви и её высшего управления в правовом поле СССР, было возможно лишь при сотрудничестве с органами государственной власти. Нарботанный за годы взаимодействия опыт не был утрачен и в пост-советское время, а в некотором отношении был расширен — поиск общественного консенсуса привел к своеобразному религиозному ренессансу в виде участия высших должностных лиц государства в религиозных (не только православных) праздниках, включение в федеральный образовательный компонент предметов, связанных с преподаванием основ религиозных учений и т. д.

К настоящему времени, религиозная элита, в лице епископата, Русской Православной Церкви осуществляет управление на всей канонической территории РПЦ через органы высшего церковного управления: Священный Синод, Архиерейский Собор, Поместный Собор. Всесторонняя работа с обществом, важная социальная миссия церкви по оказанию помощи нуждающимся и поддержка деятельности РПЦ со стороны государства говорит об устойчивости сложившейся системы управления в Церкви.

1. Парето В. *Компендиум по общей социологии* // *Антология мировой политической мысли: В 5 т.* – М., «Мысль», 1997. – Т. 2. – С. 61.
2. Сартори Дж. *Вертикальная демократия* // *Полис.* 1993. №2. С. 85.
3. Дай Т. Р., Зиглер Х. Л. *Демократия для элиты: введение в американскую политику.* М., «Юридическая литература», 1984. С. 33.
4. Field G., Higley J. *Elitism.* London; Boston. Routledge and Kegan Paul, 1980. P. 20.
5. Дука А.В. *Теоретические проблемы в исследованиях властных элит* // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2008. Том XI. № 1; С. 54.

6. Хорхордина Т. И. *Документы Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* // http://rusarchives.ru/publication/publ_2014_N04_dokumenty-svjashhennogo-sobora.shtml
7. *Положение об управлении Русской Православной Церкви, принятое Поместным Собором Русской Православной Церкви 31 января 1945 года* // <http://drevo-info.ru/articles/17773.html>
8. *Устав Русской Православной Церкви. Глава III Архиерейский Собор* // <http://www.patriarchia.ru/db/text/133124.html>
9. *Устав Русской Православной Церкви. Глава V Священный Синод* // <http://www.patriarchia.ru/db/text/133126.html>
10. Бурдые Пьер - *Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. Ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко.* - СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. - 576 С.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ «БЕЗНАДЁЖНЫ»? ИСТИННЫЙ ГУРУ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Стрельцын М.И. (Санкт-Петербург)

Снижение нравственного потенциала современной молодежи – острая проблема. Каковы жизненные ценности сегодняшнего молодого человека? Сделать что-то полезное для своей страны или делать все равно что, но там, где больше платят? Создать семью и растить детей или развлекаться ежедневно и ежечасно в стремлении к фальшивым ценностям гламурной жизни? Стремиться стать профессионалом в своем деле или же искать те профессии, где есть большая возможность коррупции? Почему происходит трансформация ценностей молодых людей и где лежат её причины?

Мне представляется, что это следствие трансформации всего процесса воспитания в современном обществе. Если раньше воспитанием будущего члена общества занимались семья, школа и другие учебные заведения, церковь, то сейчас воздействие этих традиционных институтов не может, по сути дела, конкурировать с тем мощным воздействием, которое оказывает на сознание ребёнка, подростка или молодого человека СМИ. Ведь на телеэкране, на экранах компьютеров, в реальной действительности царят приоритеты, далекие от ценностей, которые проповедают педагоги и родители. Система образования сегодня очень далека от реалий современного информационного общества, от революционных изменений, которые в нём произошли.

Мы видим, что появился очень влиятельный субъект воспитательного и образовательного процесса: а именно масс-медиа, и в первую очередь телевидение и Интернет. Влияние телевидения на формирование ценностного мира личности объясняется тем, что наиболее значимую роль в развитии личности играют образцы для подражания [2, 67]. Интериоризуются, прежде всего, стереотипы поведения, которые опосредованы образом и эмоцией. Телевизионные же образцы, модели поведения и общения всегда эмоционально насыщены. В силу этого телевидение является теперь основным воспитателем в младшем школьном, подростковом и старшем школьном возрасте, а зачастую и в дошкольном.

Сегодня школа не в состоянии конкурировать с телевидением в плане воспитания, поскольку именно телевидение может обеспечить наиболее сильное эмоциональное воздействие на психику за счёт наличия образной подачи информации, обеспеченной его техническими возможностями. Вербальное обучение, которое осуществляется в школе и вузе, лишено этих преимуществ. Гораздо более сильное эмоциональное воздействие на молодежь оказывает видеоряд, экранные симулякры [2, 108]. Так устроена психика человека.

Однако, безусловно, компьютеризация школы, использование мультимедийных средств в процессах обучения сможет некоторым образом снять эту проблему. Но в любом случае сам стиль мышления молодого человека формируется сегодня за счёт постоянного общения с масс-медиа, и этот стиль можно охарактеризовать не только как образно-эмоциональный, но и как фрагментарный, мозаичный, при котором разнородная информация, попадающая в сознание, не связывается логически [1, 76]. В силу этого мышление современного человека все меньше способно оперировать абстрактными построениями, быть последовательным и непротиворечивым, следовательно, парадоксальным образом все меньше воспроизводится людей, способных к научному и техническому творчеству в наш век – век науки и технологий.

Человечество столкнулось с принципиально новой ситуацией, но государство и система образования недостаточно гибко реагируют на эти изменения. Ведь если масс-медиа обладает такой властью в формировании людей, то направленность такого влияния должна регулироваться как государством, так и обществом.

К перспективам подобного регулирования можно отнести:

- 1) отказ от развлекающей сущности СМИ и закрепление за ними таких основополагающих функций как развивающая и воспитывающая;
- 2) стандартизация структурирования и логической связи потока информации;
- 3) отказ от «готового продукта» и переход к развитию творческого потенциала.

Ещё в прошлом веке известный всему миру - Зигмунд Фрейд сказал: «Мы живем в очень странное время и с удивлением отмечаем, что прогресс идет в ногу с варварством» [3]. Текущее влияние СМИ на молодёжь можно справедливо назвать варварством. И если общественные институты будут по-прежнему «безнадёжны», а мы с Вами будем заботиться о насущных делах, то уже в последующем веке навряд ли кто сможет повторить заслуги Зигмунда Фрейда.

1. Грушко Н.В., Чернобровкина С.В. Творческий потенциал как фактор социально-психологической адаптации молодёжи в меняющихся экономических условиях // В сборнике: «Интеграция науки и практики». 2014.
2. Марасанов Г.И., Рототаева Н.А. Социальная компетентность: психологические условия развития в юношеском возрасте. Когито-Центр, 2013.
3. ItMyDream. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://itmydream.com/citati/progress> - Заглавие с экрана. - На рус. яз. Дата обращения 06.10.15.

ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНОМУ АУДИТУ ПРОГРАММ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Флягин А.А. (Санкт-Петербург)

Возникновение социального аудита как метода оценки и одновременно инструмента регулирования социальных отношений связано с изменениями, происходившими в 50-70-е годы в экономике наиболее промышленно развитых государств. В качестве основной предпосылки его возникновения чаще всего называют переход к так называемой постиндустриальной экономике и постепенному переходу в производственных отношениях от теории классовых антагонизмов к концепциям социального партнерства [1, 51].

Как во времена своего зарождения, так зачастую и на современном этапе развития данного направления, доминирует узкое понимание социального аудита как одного из прикладных инструментов управления человеческими ресурсами в процессе производства. Основным объектом интереса социального аудита были и остаются производственные отношения и процесс воспроизводства человека в качестве рабочей

силы. Соответственно и максимальный уровень обобщения результатов социального аудита редко выходит за рамки отдельного хозяйствующего субъекта.

Между тем, потенциал социального аудита значительно выше. Сужение его предметной области приводит к выводу из фокуса внимания вопросов, связанных с социальной политикой государства, устойчивостью развития общества и многих других.

Представляется, что любая управленческая деятельность государства, имеет социальные последствия, то есть влияет на уровень развития человеческого потенциала в данном обществе. Подобные последствия, в свою очередь, имеют принципиальное значение для устойчивости государства как системы и возможностей для его развития и поддержания конкурентоспособности на мировой арене во всех сферах. Этим фактом определяется необходимость подвергать социальному аудиту подготавливаемые и реализуемые управленческие решения государственной власти.

Стратегические цели в различных сферах жизни общества часто формулируются государством в виде долгосрочных программ развития. В большинстве своем они носят декларативный характер, тем не менее задают ориентиры для подготовки нормативных документов, определяют потенциальную ресурсную базу и в определенной мере являются инструментом формирования в обществе понимания приоритетов государства как управляющей системы.

Социальный аудит стратегических программ развития имеет ряд особенностей. Во-первых, мы имеем дело с оценкой образа будущего, то есть любые выводы носят нестрогий, вероятностный характер, основанный на понимании общих законов. Во-вторых, аудитор должен не просто фиксировать соответствие или несоответствие деятельности проверяемого субъекта неким закрепленным нормам, но и сам принимает участие в формировании данных норм. В-третьих, аудиторское сопровождение требуется не разово для фиксации состояния управляемого объекта и предоставления информации всем заинтересованным сторонам, а на всех этапах реализации программы для оперативной оценки состояния объекта и выдачи рекомендации по корректировке управленческих воздействий, позволяющих достичь целевое состояние.

В качестве примера, иллюстрирующего возможности социального аудита стратегических программ возьмем государственную «Программу патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» [2] (далее – Программа), являющуюся основным документом, регламентирующим идеологические основания и направления реализации государственной политики в области патриотического воспитания в Российской Федерации.

Субъектом и основным интересантом воспитания патриотизма у населения выступает государство. В данном случае речь идет о государственном патриотизме, который, если проводить аналогии с живыми организмами, является своего рода инстинктом самосохранения. Массовый государственный патриотизм граждан является важным фактором сохранения целостности и обеспечения устойчивого развития государства. Его отсутствие до некоторых пор может компенсироваться дополнительным принуждением к исполнению гражданских обязанностей со стороны институтов государства, однако, следует понимать, что подобное принуждение требует привлечения существенных ресурсов, отвлекаемых от обеспечения развития государства.

Формирование патриотизма возможно лишь в условиях согласования интересов различных общностей, существующих под юрисдикцией конкретного государства с целями и практикой государства, а также обеспечения государством условий воспроизводства данных общностей, соответствующих уровню развития их потребностей.

Социальный аудит Программы нам представляется целесообразным проводить по следующим направлениям:

- аудит целей, заявленных в Программе;
- аудит валидности целевых показателей реализации и их релевантности целям Программы;
- аудит состава мероприятий, заявленных в программе и их ресурсного обеспечения.

Формат данного текста не позволяет остановиться подробно на процедуре анализа Программы, поэтому ограничимся лишь основными выводами, полученными в ходе рассмотрения плана мероприятий программы.

Первое, на что можно обратить внимание – не вполне четкое определение понятия патриотизм. Не учитывается природа данного явления, что не может не сказаться на точности определения целей Программы. Патриотизм как особое свойство индивида или общности возникает как особая форма закрепления идентичности и только в условиях противопоставления идентичностей. Причем противопоставление обязательно носит дихотомический характер, выражающийся в простой оппозиции «свой-чужой», где более детальная дифференциация «чужого» не является значимой. В качестве оснований для формирования идентичности можно выделить этнонациональную принадлежность, отношение к религии и религиозную принадлежность, уровень культурного развития, идеологические установки и политические взгляды, территориальную закреплённость, место в профессионально-квалификационной структуре, государственную принадлежность или гражданство. Государство в современном виде представляет собой некую метаструктуру по отношению к общностям, сформированным по указанным выше основаниям идентичности. Говоря о государственном патриотизме, необходимо понимать, что его формирование невозможно в условиях конфликтного противоречия интересов государства интересам национальных, религиозных и прочих общностей, находящихся под его юрисдикцией. В Программе это обстоятельство учитывается в недостаточной степени.

Показатели выполнения Программы носят количественный характер и, как нам представляется, не отражают уровень патриотизма в обществе в конкретный момент времени.

Программа подразумевает в основном информационное обеспечение процесса формирования патриотизма, практически исключая иные формы воздействия. Как бы цинично это ни звучало, необходимо создавать условия, в которых патриотизм выгоден гражданину. Под выгодой подразумевается повышение уровня развития и удовлетворения всех форм его потребностей. Требуется находить институциональные формы связи интересов гражданина с поддержкой им интересов государства, ставить одно в пусть и опосредованную, но реально прослеживаемую зависимость от другого. Инструментарий может быть разнообразным: экономическим, культурным, социальным, даже административным.

В составе Программы велика доля мероприятий направленных на формирование положительного отношения к воинской обязанности и воинской службе, а также на подготовку к службе. Нам видится здесь некоторая подмена целей. Исполнение воинского долга является важной формой проявления патриотизма, однако, понятие патриотизма включает значительно более широкий набор ценностей и установок, не связанных с военной службой.

Образы исторической памяти, актуализация которых в сознании общества подразумевается мероприятиями программы, в подавляющем большинстве также связаны с вехами воинской славы. Ни в коей мере не оспаривая значимости данного направления, хотелось бы обратить внимание на необходимость соблюдения баланса внимания с иными значимыми достижениями страны в исторической ретроспективе.

Такими нам видятся основные недостатки и одновременно основные направления для работы по улучшению Программы.

Подводя итог, хочется отметить, что введение практики обязательного социального аудита стратегических программ развития, наряду с уже реализуемым в последние годы общественным обсуждением, может положительно сказываться на качестве принимаемых документов и, в конечном итоге, на социальных последствиях от их реализации.

1. *Социальный аудит: учебное пособие / под общ. редакцией д.э.н., проф. А.А. Шулуца, д.э.н., проф. Ю.Н. Полова. - М.: Издательский дом "АТИСО", 2008. - 620 с.*
2. *Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 - 2015 годы» URL:*

ЖИТЕЛИ ЕКАТЕРИНБУРГА О ПРОБЛЕМАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ.

Ханипова И.Т. (Екатеринбург)

С целью выявления проблем информационной открытости органов исполнительной власти было проведено пилотажное социологическое исследования деятельности органов в информационной сфере.

Актуальность проведенного исследования состоит в необходимости измерения эффективности информационной политики органов исполнительной власти Свердловской области, изучением возможности ее переориентирования в связи с развитием новых инструментов коммуникации и потребностей общества. Темой данного исследования стало изучение мнения граждан об информационной открытости деятельности органов исполнительной власти Свердловской области. Данное исследование позволило ответить на вопросы:

- Как оценивает население информационную открытость ОИВ?
- Какие функции ОИВ с точки зрения населения повышают информационную открытость?
- Какие каналы и механизмы информационной коммуникации являются для граждан наиболее удобными?
- Какие существуют возможности увеличения эффективности информационной политики в соответствии с последними тенденциями информационно-коммуникационного развития?

Объектом исследования стало население города Екатеринбург в возрасте старше 18 лет. Предмет исследования: мнения населения города Екатеринбург о деятельности органов исполнительной власти в сфере информационной политики.

Цель исследования: выявление мнения населения города Екатеринбург об информационной открытости органов исполнительной власти Свердловской области, проблем и возможностей ее улучшения. Всего было опрошено 100 жителей г. Екатеринбург.

Более половины опрошенных респондентов оценивают деятельность органов исполнительной власти в Свердловской области по информированию о своей работе, как удовлетворительную. Лишь 4% оценивают ее на «отлично». По критерию «открытости информации» 43% респондентов дают оценку удовлетворительно, однако по данному критерию больше положительных ответов, чем по критерию информированию о своей работе.

Большинство респондентов считают, что в Свердловской области не создан канал коммуникации населения и органов исполнительной власти Свердловской Области.

Посещаемость сайта Правительства Свердловской Области и Губернатора Свердловской области очень мала. 37% респондентов никогда не бывали на данных сайтах, 50% заходят 2 и менее раз в месяц, и только 13% посещают сайт 2 и более раз в неделю. Данными показатели говорят об отсутствии интереса граждан к информационной повестке органов исполнительной власти. Можно предположить причины данного явления:

1. отсутствие актуальной и удовлетворяющей ожидания населения информационной повестке;

2. использование сложного для восприятия метода представления информации;

3. инертность и безынициативность граждан.

Основными задачами органов исполнительной власти в сфере информационной открытости в Свердловской Области, по мнению респондентов, являются:

- 1) информирование общества о деятельности органа;
- 2) обеспечение открытости данных и комфортность получения информации;
- 3) создание эффективного канала коммуникации с населением;
- 4) формирование положительного имиджа органа власти.

Не важными, на взгляд респондентов, являются следующие задачи органов исполнительной власти в сфере информационной открытости в Свердловской области:

- 1) создание и распространение информационно-коммуникационных технологий;
- 2) обеспечение маркетинга целевых программ и проектов;
- 3) формирование положительного имиджа главы субъекта;

Такие задачи как информирование о деятельности органов власти, также PR и формирование имиджа государственных служащих и органов власти, по мнению жителей г. Екатеринбург, являются приоритетными для Администрации Губернатора Свердловской Области. Тогда как в практике в Администрации Губернатора основной задачей является формирование положительного имиджа главы субъекта, а формирование общекультурных ценностей у населения, обеспечивающих развитие человеческого капитала, формирующих комфортную среду обитания, социально-экономического развития страны в целом не является приоритетной, несмотря на то, что население считает эту задачу важной.

Информированность о мартовской программной статье Губернатора достигает 45%, однако о новой целевой программе «Новое качество жизни уральцев» знает лишь 13%. Узнаваемость программ развития Области говорит об отсутствии информирования или неэффективного продвижения целевых программ, что отрицательно сказывается на ее реализации и конечных результатах. Стоит отметить также, что такая форма предоставления информации как программная статья высшего должностного лица становится привычной для россиян. Население обращает внимание на данный вид коммуникации и проявляет интерес к такому способу изложения направлений развития региона.

Наиболее удобным каналом коммуникации с ОИВ, по мнению респондентов, является интернет сайт, на втором месте идут социальные сети, третье место занимают блоги, четвертое - «горячие линии». Наименее востребованными являются почта, личный прием и электронная почта.

При ответе на вопрос, должны ли органы государственной власти использовать социальные сети для информирования общества о своей деятельности и выстраивания канала обратной связи с населением, респонденты почти единогласно выбрали ответ «да».

Самыми популярными источниками информации, из которых респонденты получают информацию о деятельности ОИВ области являются:

- 1) Электронные издания СМИ
- 2) Социальные сети;
- 3) Телевидение;
- 4) Сайты органов исполнительной власти;
- 5) Печатные издания СМИ.

Не пользуются популярностью такой источник как радио. На основе пилотажного исследования были выделены следующие проблемы информационной открытости.

1. Информационные сообщения идут по каналам, которые являются стандартными для органов исполнительной власти – телевидение, печатные СМИ, радио. Новые каналы, востребованные в основном молодой целевой аудиторией, не

задействованы – социальные сети, блоги, электронные СМИ. Однако российское информационное законодательство только еще движется в сторону урегулирования отношений в виртуальном пространстве, что не даёт возможности и полномочий органам исполнительной власти задействовать данное пространство. Данная проблема может решаться путем инициативности Губернатора, который бы вменил как специальный проект создания таких каналов.

2. Отсутствие налаженного канала коммуникации между органами исполнительной власти и населения. Определенно данная проблема является следствием не только информационной политики, но и ряда факторов как отсутствие гражданской активности, отсутствия концепции информационной политики и стандартов предоставления информации разным целевым группам.

3. Доступность предоставления информации, наглядность, соответствие информационному запросу общества. Пилотажное исследование, проведенное автором, показало, что жители не часто заходят на официальные сайты Правительства РФ и Администрации Губернатора, так как им не интересна информация, которую предоставляют органы. Информационная повестка ОИВ не соответствует ожиданиям жителей.

ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РАМКАХ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Чупракова А.В. (Тюмень)

В современном обществе наряду с базовыми социальными институтами (государство, семья, школа и т.д.) появляются и новые, отвечающие современным потребностям населения социальные институты. Так с развитием информационных, телекоммуникационных технологий появляются новые структурные элементы такие, как интернет-сообщества и другие элементы, посредством которых повышается гражданская активность. Появляется новый формат взаимоотношений общества и государства.

Влияние информационно-компьютерных технологий становится всеохватывающим, и по словам экспертов, от них зависит технологический, социальный прогресс государства, роль и влияние в мировой экономике, а также экономическая конкурентоспособность страны, развитие демократических гражданских институтов. Важно понимать, что данные процессы сопровождаются становлением обновленных взаимоотношений государства и его граждан, нового мировоззрения, новой мировой культуры. Если в традиционном и даже индустриальном обществе место действия, временная перспектива и пространство социальных взаимосвязей были ограничены, то в современных условиях, человек, в результате активного взаимодействия разных культур, с помощью массовой информации определяет себя не только с общностями «здесь» и «теперь», но также и «там» – и в прошлом, и в прогнозируемом будущем. Личность включается в глобальную систему социального пространства [2].

В рамках структурно-функциональной парадигмы интернет-технологии могут выступать в качестве одного из основных социализирующих институтов, в качестве доступного и наиболее влиятельного механизма формирования личности, гражданина. По прогнозируемому глобальному воздействию информационных технологий на личность и формирование ее мировоззрения информационно-компьютерные технологии, в первую очередь интернет, можно сравнить с участием семьи в социализации и идентификации личности. Сеть для современного человека может являться практически основным

источником информации, познания окружающей действительности, порой конкурируя по своей значимости с межличностным общением, а иногда и заменяя собой семью и друзей.

Таким образом, речь идет о проблеме становления интернета как нового социального института.

Говоря о характерных чертах информационного общества, в первую очередь говорят об универсальном охвате информационными технологиями во всех его сферах – экономике, государственном управлении, здравоохранении образовании, быту. Сегодня сложно представить мир без глобальной сети интернет, без электронных поисковых систем, посредством которых человек имеет возможность активно участвовать в политической, государственной, экономической, социальной жизни общества.

Формирующееся единое информационное пространство выходит за пределы одного конкретного государства и носит глобальный характер во всех сферах жизни современного общества. Информация все чаще воспринимается как главный экономический и политический ресурс государства. В этом смысле можно говорить о приоритетности идеальных информационных ценностей над материальными. Роль средств массовой коммуникации уже вышла за пределы простого информирования и реализуется в общественной интеграции, социализации, управлении.

Исследователи перечисляют ряд функций, которые реализуются Сетью в современном обществе, и в первую очередь информационную, состоящую в получении и распространении потоков информации, их анализ и оценку.

Продолжением этой функции выступает образовательная, проявляющаяся в сообщении, оценивании и упорядочивании, полученных посредством всемирной паутины, знаний. Информационные, образовательные потоки транслируют социальные нормы, поведенческие установки, образцы социальных ролей, тем самым реализуя социализирующую функцию. В тесной связи с этой функцией стоит функция социальной интеграции и объединения людей вокруг общих интересов. Найдя свою группу, получив подтверждение правильности своей позиции, человек решает проблему личностного самоутверждения говорить об интернете как социальном институте, который займет в ближайшее время главенствующее место в системах формирования и обеспечения жизнедеятельности современного человеческого сообщества. «Здесь нет однозначной оценки глобальной роли информационных технологий, лишь констатация свершившегося и свершающегося явления в истории развития человеческой цивилизации» [3].

В современном мире посредством Интернет люди реализуют множество своих потребностей, в том числе социальных. Можно сказать, что интернет в данном случае выполняет интегрирующую и социализирующую функцию.

Отметим, что любой компонент, любая функция информационно-компьютерных технологий несет в себе позитивную и деструктивную составляющую, может способствовать как интеграции мирового сообщества, так и дезинтеграции. Несомненным является лишь то, что в глобальном информационном обществе именно интернет будет во многом определять характер социальных отношений, оказывать большое влияние на формирование и функционирование социальных институтов, а также на становление личности, гражданского участия.

В современных условиях Интернет становится одним из социальных институтов общества, выполняющим как общие, так и специфические функции. В свою очередь электронное взаимодействие общества и государства делает данные отношения более открытыми, позволяя не только заявить о своей позиции, но также получить обратную связь от объекта взаимодействия, дает возможность выразить свою гражданскую позицию.

1. Мартьянов Д. С. культурологические аспекты электронного участия // Вестник СПбГУКИ . 2014. №2 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-aspekty-elektronного-uchastiya> (дата обращения: 10.12.2014).

2. Сединкин М. А. Электронное участие как диалог власти и общества в России /М.А. Сединкин // Рубрика: Социологические науки. - 2013.- №1 (31). - С. 114
3. Соколов А. В., Маклашин И. С. Особенности интернет-пространства как площадки взаимодействия // Власть . 2013. №12. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-prostranstva-kak-ploschadki-vzaimodeystviya> (дата обращения: 10.12.2014).
4. Толочко А. В. Инновационные механизмы социально-политического взаимодействия государства и институтов гражданского общества в современной России // PolitBook . 2012. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-mehanizmy-sotsialno-politicheskogo>
5. Шестак Д. А. О Соотношении понятий «демократия», «публичное управление» И «гражданское общество» в современной России // Известия ВГПУ . 2014. №3 (88). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-demokratiya-publichnoe-upravlenie-i-grazh>
6. Шкундин, С.З. Теория информационных процессов и систем : учебное пособие / С.З. Шкундин, В.Ш. Берикашвили. - М. : Горная книга, 2012. - 475 с. - ISBN 978-5-98672-285-6 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=229031>

РЕГУЛЯЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Шахова Е.В. (Барнаул)

Россия – одно из крупнейших многонациональных государств мира. На территории нашей страны проживает более 160 народов, крупнейшими из которых являются русские (115 млн. человек, 80% населения страны), татары (5,5 млн. человек), украинцы (около 3 млн. человек), башкиры, чуваша, чеченцы и армяне, численность которых превышает 1 млн. человек. Алтайский край являясь один из субъектов Российской Федерации является полиэтничным регионом, на его территории проживают представители 142 национальностей. Согласно итогам переписи населения за 2010 год, которые приводит Алтайкрайстат, в Алтайском крае проживает 2 234 320 русских, что составляет 93,93% всего населения края. В состав остальных 6,07% входят другие национальности, среди которых немцы, украинцы, казахи, армяне, татары, белорусы, алтайцы, кумандинцы и другие.

Вместе с тем, современное многонациональное общество характеризуется рядом проблем, среди которых рост этнической напряженности, территориальные споры, международный терроризм, экстремизм, этнический сепаратизм, и другие межнациональные конфликты.

Вопросы межэтнического взаимодействия для современного социума являются достаточно актуальными, ведь с этническим фактором тесно связаны все стороны жизнедеятельности общества: социо-культурная, политическая, экономическая, духовная сферы. Конфликты, носящие этнический характер могут привести к дезинтеграции региона и страны в целом.

Освещение межэтнических и межконфессиональных отношений все более осознается и обществом, и журналистским сообществом как серьезная этическая проблема, требующая особой профессиональной рефлексии. С одной стороны, большинство СМИ воспринимают закрепляющиеся в обществе ценности толерантности и политкорректности и стремятся рассказывать о событиях таким образом, чтобы

минимизировать возможный вред от своих материалов, с другой – многие журналисты, выражая противоположные общественные настроения, намеренно или ненамеренно способствуют разжиганию межэтнической и межконфессиональной розни [1, с.3-4.].

В связи с этим нами проводится исследование, посвященное изучению деятельности медиапространства Алтайского края, направленной на развитие межэтнического взаимодействия.

Нами было проанализировано 15 интернет-ресурсов. При отборе источников информации для анализа выбирались наиболее влиятельные региональные интернет-ресурсы. Условием выбора ресурса являлся высокий индекс цитирования. Для отбора наиболее влиятельных интернет-ресурсов региона были использованы информационно-аналитическая система «Медиалогия» (<http://www.mlg.ru/>) и форма Яндекс-каталог (<https://yasa.yandex.ru/>).

Из полученных рейтингов были выбраны следующие источники информации: Sibinfo.su, ИА Амител, Kapitalist.tv, Altapress.ru, Bankfax.ru, ПолитСиб.Ру, Doc22.ru, ИА Атмосфера, Ngs22.Ru, Интерфакс Сибирь, News22, РИА Новости, Деловой Квартал, Тайга Инфо, Алтай Пост.

Кроме анализа новостей, публикующихся на информационных сайтах, были проанализированы также авторские колонки, блоги на данных сайтах (только там, где они представлены), с целью выявить в них интенсивность и периодичность сообщений, связанных с социальной интеграцией и развитием межэтнического взаимодействия.

Для выделения показателей, необходимых для проведения контент-анализа, были проинтерпретированы основные понятия (Этническая общность, национально-культурное объединение, социальные интеграция и дезинтеграция, национальная политика).

Данные понятия можно охарактеризовать через следующие индикаторы:

Этническая общность: Этнос, Нация, Национальность, Народ;

Этнические объединения: Диаспора, Национально-культурная/этнокультурная организация;

Социальная интеграция: Межэтническое сотрудничество, межэтническое взаимодействие, Диалог, Дружба, Мир/Согласие, Толерантность/терпимость, Единство;

Социальная дезинтеграция: Конфликт, Напряженность, Враждебность (вражда), Неприязнь, Ксенофобия, Экстремизм, Национализм;

Национальная политика: Государственная поддержка/содействие, Грант/субсидия, Государственная программа.

В зависимости от упоминания или не упоминания данных индикаторов в изучаемом источнике происходило кодирование.

В результате были получены следующие результаты:

С начала 2012 года в проанализированных интернет-ресурсах было выделено 757 материалов, затрагивающих тему Социальной интеграции и развития межэтнического взаимодействия в Алтайском крае и на федеральном уровне. Интенсивность и периодичность новостей на разных информационных сайтах различная.

Тема «Социальная интеграция и развитие межэтнического взаимодействия в Алтайском крае и на федеральном уровне» наиболее ярко представлена на порталах СибИнфо, Банкфакс, Амител, Атмосфера, ПолитСибРу. Данные материалы были чаще всего представлены в 2014 году.

На интернет-ресурсах новостей, характеризующих межэтническое взаимодействие намного больше, чем новостей, связанных с проявлением патриотизма в контексте социальной интеграции. Тем не менее, они встречаются, и это говорит о том, что они в определенной мере также влияют на процессы социальной интеграции и развития межэтнического взаимодействия.

Информационные поводы материалов, отобранных в результате контент-анализа интернет-ресурсов, посвящены в основном таким категориям, как:

- 1) Этнические общности;
- 2) Процесс дезинтеграции;
- 3) Процесс интеграции;
- 4) Патриотизм.

Новости, касающиеся критерия «этническая общность» в основном связаны:

- с освещением различных национальных праздников, фестивалей национальных культур, конференций, форумов, конгрессов, конкурсов, семинаров имеющих международный характер;
- со статистикой, характеристикой миграционных процессов региона, с указанием на самые многочисленные и малочисленные национальности, на количество представителей различных национальностей, проживающих в регионе;
- с рассказом о жизни и культуре какого-либо народа, об особенностях их поведения, о взаимодействии с другими;
- с деятельностью государства в рамках регулирования межэтнического взаимодействия, укрепления нации, регулирования деятельности СМИ в сфере межэтнического взаимодействия.

Новости, характеризующие процессы интеграции делают это с помощью анонсирования различных мероприятий: межнациональных молодежных форумов, спортивных праздников (например, "Наш общий дом – Земля"), фестивалей национальных культур ("Дружба народов – в единстве"), открытия центров различных культур (Центры кумандинской, казахской и старообрядческой культуры), регулярных уроков толерантности, других различных культурных мероприятий, проводимых ко Дню народного единства.

Значительное количество материалов посвящено процессу дезинтеграции. Большинство из них сообщают о том, что какой-либо материал носит экстремистский характер (тексты песен, стихотворения, речь известных людей, комментарии в социальных сетях, религиозные брошюры и пр.). Такие новости также призывают к борьбе с экстремизмом, и другими процессами, приводящими к разрушению, распаду нации и общества в целом.

Новостям, посвященным патриотическому воспитанию уделено большое внимание на новостных сайтах. Они рассказывают:

- о проведении в регионе различных патриотических конкурсов («Моя малая Родина», фотоконкурс «Милый сердцу уголок», «Узнай Алтай», конкурс молодежных авторских проектов «Малая Родина»);
- о патриотических акциях («Бессмертный полк», «Снежный десант», «Я горжусь тобой, Алтай!» и др.);
- о политике в сфере патриотического воспитания: подготовка программы патриотического воспитания россиян, создание управления патриотического воспитания в Кремле, открытие нового ведомства «Роспатриотизм», открытие центров патриотического воспитания, вручение наград и памятных медалей за патриотическое воспитание граждан и т.д.;
- о мероприятиях, проводимых ко Дню Великой Победы.

В результате контент-анализа блогов было выявлено, что материалы на тему «Социальная интеграция и развитие межэтнического взаимодействия в Алтайском крае и на федеральном уровне» наиболее часто появлялись в 2013 и 2014 годах. Новости, на эту тему разделились на две группы практически пополам:

- новости, связанные с межэтническим взаимодействием, национальной сферой;
- новости, связанные с проявлением патриотизма в контексте социальной интеграции.

Наиболее популярные материалы можно разделить на несколько тематических блоков:

- патриотизм (работы посвящены Великой Отечественной войне, Дню Великой Победы, Дню России и другим мероприятиям, воспитывающим патриотизм в жителях региона);
- этническая общность (материалы описывают праздники, имеющие национальный характер, жизнь и характер людей разных национальностей, их культуру общения и взаимодействия с другими);
- дезинтеграция (характеристика событий и процессов, связанных с конфликтами, неприязню в сфере межэтнического взаимодействия, призывы к борьбе с ними).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что деятельность региональных интернет-ресурсов играет значимую роль в социальной интеграции и развитии межэтнического взаимодействия региона, направлена на предотвращение разного рода межнациональных конфликтов, на стремление добиться согласия и мира между всеми нациями, проживающими в регионе. Однако, неприязнь к представителям других народов, непонимание культуры других, стереотипное мышление все еще характерно для жителей региона. Это является барьером во взаимопонимании и комфортной жизни жителей всех национальностей Алтайского края.

1. Назаретян, К. А. Проблемы этической регуляции журналистской деятельности (на примере освещения в СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений): Автореф. дис. ...канд. философ. наук. Москва, 2013. – 22 с.

ОПТИМИЗАЦИЯ БАЛАНСА МЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шведовский В.А. (Москва)

В настоящем исследовании опираемся на методологический тезис академика А.А. Самарского – отца советской и российской школы моделирования о математическом моделировании как третьем методе [1], помимо эмпирического и теоретического, познания окружающего мира, включая социум и социальные процессы.

Теоретическим фундаментом рассмотрения названных в заглавии понятий является обобщение концепции общественного воспроизводства [2, 3]. Одним из планов рассмотрения системы общественного воспроизводства является её рассмотрение с позиции совокупного эволюционного потенциала [4]. В нём обычно выделяют две группы потенциалов:

- 1) традиционные: экономический (K, L); демографический (L); научно-технический; производственный; военный;
- 2) «гуманитарная группа»: интеллектуальный; информационный (I); культурный; морально-политический (социально-психологический) (L, G).

О методологической роли понятия социального неравенства в моделировании общественного воспроизводства

Решение проблемы вывода модельных уравнений СОВ [5], обобщающих вывод уравнения Кондратьева Н.Д. для производственной функции на основе самого общего функционального уравнения баланса факторов в частных производных первого порядка - ч.п.п., заданного в неявной форме:

$$F(K, L, I, F(K, L, I), pK, pL, pI) = 0 \quad (1)$$

с неизбежностью в силу требования выполнения теоремы о неявной функции $\partial F / \partial F \neq 0$ приводит к выводу о необходимости учёта в моделях такой социальной

переменной как социальное неравенство, ибо $\partial\Phi/\partial F = 0$ означает социально-однородное, т.е. «уравнительное» общество, но и ведущее к неэффективной экономике.

И тут же возникает проблема: до какой меры допустимо социальное неравенство? Общий ответ: до неубывания меры социальной справедливости (сосп).

Определения социальной справедливости (их >10)

Сосп (Аристотель) – отношение к другому справедливое, если это равенство, ибо все от природы равны.

Сосп (Платон) – социально-согласованное неравенство: все люди по природе не равны и справедливость в том, чтобы каждый человек имел своё (по потребностям) и исполнял тоже своё (по способностям).

Сосп – состояние общества, в котором общественная функция благосостояния, если она существует, достигает максимума. Её вид определяет теории вэлфаризма, утилитаризма, оптимальности по Парето, эффективности (А.Сен).

Сосп (Ефимов-Кирута-Шевяков) – состояние общества, в котором ни один из участников не испытывает социальной напряжённости, вызванной завистью, экономическим неравенством или изменением социально-экономических норм [6]

Для количественного решения сформулированной в заглавии проблемы был применён метод неопределённых множителей Лагранжа к некоторой функции благосостояния российского общества и ограничениям к ней, вытекающим из сформулированного выше уравнения в частных производных первого порядка для описания эволюции системы общественного воспроизводства России на современном этапе, т.е. в условиях мирового кризиса, западных санкций и перехода от сырьевой модели развития к инновационной.

При формулировании функции благосостояния были учтены приведённые выше определения социальной справедливости, начиная с Платона и кончая последними из указанных авторов.

При этом в подходах к построению функции благосостояния учитывалось, что:

Самый распространённый – это подход в рамках формата потребления, т.е. рассмотрения распределения потребительских благ по членам общества с учётом разных стратегий распределения;

существует альтернативный подход – в учёте возможностей распоряжаться ресурсами в производительном труде.

Основная методическая идея

Искомое решение проблемы находится на пучке интегральных решений уравнения в ч.п.п.п. в неявной форме [8]:

$$\Phi(K, L, I, F(K, L, I), pK, pL, pi) = 0 \quad (1)$$

Этим выбором задаётся масштаб агрегирования. Постулат: любое изменение социально-экономических переменных а) требует ресурсной поддержки и б) придаёт смысл уравнению (1) в качестве баланса факторов воспроизводства, ПФ от них, как и любых комбинаций от ч.п. $dF/dK = pK$, $dF/dL = pL$, $dF/dI = pi$.

Список обозначений.

K – капитал; L – труд; I – знание;

F = F(K, L, I) – национальный доход;

$\partial F/\partial K = pK$ – ставка % на кредит в банке;

$\partial F/\partial L = pL$ – средняя зарплата;

$\partial F/\partial I = pi$ – усреднённая цена ПК;

I – годовой объём обрабатываемой машиночитаемой информации на СВТИ России.

При этом предполагается справедливое выполнение соотношения [7]: $\partial F/\partial I = 1$.

К методу множителей Лагранжа - выбор функции благосостояния общества Z (1 шаг)

Этот выбор зависит от адекватного выбора масштабов агрегирования и времени.

В концепции подхода к системе общественного воспроизводства высшим уровнем агрегирования являются потенциалы, компоненты совокупного эволюционного потенциала.

Для технологичности и наглядности решения проблемы выбираем по одному потенциалу из каждой группы: экономический и социально - психологический потенциалы.

Выбор функции благосостояния общества Z (2 шаг).

Формальными претендентами могут быть

$Z=f(F, L)$, $Z=f(G, L)$, $Z=f(I, L)$, $Z=f(F, I)$, $Z=f(F, G)$, $Z=f(I, G)$. При этом каждый аргумент привязан к названным потенциалам.

Из теоретических соображений наиболее адекватными функциями для текущей ситуации являются функции, содержащие в качестве аргумента L – варьирование занятостью, т.е. первые 3 данного ряда. Тогда естественным дополнением в управлении двухчастной моделью (трудящиеся – элита) социума оказывается аргумент G – для варьирования степенью социального неравенства.

Конструирование функции $Z=f(G, L)$ – 3 шаг

После проведения согласно стандартной методике выкладок была получена адекватная высказанным выше теоретическим посылкам система уравнений. Она есть выражение необходимых условий наличия условного экстремума функции Лагранжа на базе построенной $Z=f(G, L)$. Её решение позволило определить координаты стационарных точек значения множителей Лагранжа - λ .

Определение достаточных условий характера экстремума – $\max$ или $\min$ (4 шаг)

После построения матрицы Лагранжа для неё вычисляется знак гессиана при найденных значениях координат стационарных точек и множителей λ . Если он больше 0, то экстремумом является максимум, что и оказалось в данном случае.

Выводы и заключение

- Из шести функций благосостояния общества для применения метода неопределённых множителей Лагранжа были выбраны две $Z=f(F, L)$, $Z=f(G, L)$. Для первой из них попытка получить достаточные условия максимума оказалась неудачной.

- Получены достаточные условия максимума для $Z=f(G, L)$, т.е. укрепления доверия большинства населения к институтам власти посредством вариаций G и L , заключающиеся в реализации 2-х стратегий управления: 1) снижения социального неравенства на 5ую долю % и увеличения занятости на 9%, 2) снижения социального неравенства на 1% и снижения занятости на 2% .

- Имеется точка роста данного подхода, заключающаяся в анализе остальных 4-х функций $Z=f(I, L)$, $Z=f(F, I)$, $Z=f(F, G)$, $Z=f(I, G)$ и построении функции Лагранжа для трёх управляющих параметров, например, для $Z=f(G, L, kI)$.

- Такие решения позволяют найти оптимум искомого баланса для конкретного этапа развития российской системы общественного воспроизводства, т.е. в условиях мирового кризиса, западных санкций и перехода на новую не сырьевую модель развития.

- Данная разработка подтвердила продуктивность 3-го метода познания - математического моделирования - в социальных науках.

1. Самарский А.А. Неизбежность новой методологии. *Коммунист*, 1989, №1, с. 82-92
2. Гребнев Л.С. *Философия экономики (старые истины и новое мышление)*. М.: «Луч», 1991.
3. Шведовский В.А. *Особенности социолого-математического моделирования в исследовании социальных процессов*. - Монография, Москва, АCADEMIA, 2009.
4. Федоренко Н.П., Дементьев В.Е., Львов Д.С., Макаров В.Л. Глазьев С.Ю. и др. *Общественное богатство: проблемы эффективной реализации экономического потенциала*, ЭиММ, т.27, вып.2, Март-Апрель, 1991, стр.229.

5. Арнольд В.И. *Геометрические методы в теории обыкновенных дифференциальных уравнений*. – Монография, Ижевск, Ижевская республиканская типография, 1999. ISBN: 5-89806-028-4
6. Ефимов Б.А. *Социальная справедливость, общественное благосостояние и взаимность // Математическое моделирование социальных процессов, МГУ Социологический ф-т, вып.9., М., 2007.*
7. Попов Е.В., Власов М.В., Симарина М.О. *Экономика знания: институт регионального развития // Журнал экономической теории. 2009. № 3, с. 5-12.*

КРИЗИС ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК ТОЛЧОК К ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Щербакова Д.В. (Санкт-Петербург)

Многие люди живут иллюзией свободы выбора модели поведения. При этом, сравнивая жизнь людей в разных культурах, однотипность выбора способа удовлетворения потребностей приобретает разные формы в зависимости от принятой культуры. А значит, культура предопределяет выбор.

Культура потребления – это совокупность правил и норм, которые регулирует поведение индивида в сфере приобретения товаров и услуг. Она предписывает что, где, каким образом, в каком объеме, с какими затратами и зачем потреблять человеку, принадлежащему к определенной социокультурной группе.

Во многих источниках современное общество называют обществом потребления, то есть обращается внимание на принцип индивидуального потребления, где массово потребляются материальные блага и формируются соответствующие системы ценности и установки. Возрастает демонстративное потребление как способ занять более высокую позицию в социальной структуре группы.

Развитие современных технологий производства, позволившее снизить стоимость товаров, приводит к перенасыщению рынков. За последние десятилетия производители сделали все возможное, чтобы ремонт и продление эксплуатации обходились дороже (включая нематериальные издержки), чем покупка новых вещей. Другого способа сохранить прибыль на желаемых уровнях нет. В конце XIX века появляется идея, что даже исправные товары можно менять на новые. Появляется понятие «психологического устаревания».

Еще позднее появляется идея «планируемого устаревания». Впервые этот метод увеличения продаж попробовала американская компания Ingersoll, производитель карманных часов. В 1901 году она выпустила на рынок часы за \$1 — тогда это был заработок рабочего за день. Другие часы в то время стоили минимум \$10. Конечно, они не были надежными: после года службы часы начинали отставать. Причем, несмотря на то, что компания давала гарантию на год (нужно было отправить часы по почте и в течение шести недель получить их обратно), только 3% покупателей воспользовались этой возможностью. Остальные просто выбрасывали их в мусор и покупали новые.

При этом уже давно технологии позволяют увеличить срок службы многих приборов почти до бесконечности. Так произошло с нейлоном. Этот особо прочный изначально материал был «усовершенствован» в лабораториях DuPont. Что привело к тому, что женщины предпочитают не штопать колготки, а выкидывать их и покупать новые.

С появлением электронной техники устаревание стало заметнее как по объективным, так и по субъективным причинам. Во-первых, само развитие человеческой мысли делает некогда новые технические изделия – устаревшим. Во-вторых, благодаря усилиям производителей, старый софт перестает поддерживаться, сами изделия становятся все более хрупкими, а то и намеренно выводятся из строя. Производители,

например, стали чаще использовать чувствительные к нагреву материалы, а компании, выпускающие принтеры, даже встраивали специальный чип, который выводил из строя (или блокировал) устройство после определенного количества напечатанных страниц.

Вслед за производителями товаров массового потребления пошли автоконцерны. Нередко от владельцев новых автомобилей можно услышать, что качество автомобилей уже совсем не то. Нынешние автомобили служат очень мало, в то время как модели конца прошлого года еще до сих пор исправно «трудятся» в бедных развивающихся странах. Маркетологи много лет работали над тем, чтобы заставить клиентов менять автомобиль каждые три года. И им это удалось. Но в кризис стратегия меняется: все больше людей хотят держать автомобиль, что называется, до победного. То есть пока он более или менее исправно работает.

По данным Автостата, в 2015 году средний срок владения автомобилем в РФ увеличился на два месяца. "Показатель "Средний срок владения автомобилем" имеет инерционный характер,— говорит директор аналитического агентства "Автостат" Сергей Целиков.— Со временем он будет увеличиваться. Прибавка в два месяца — это только начало. Реально автомобили в связи с кризисом будут эксплуатировать на год-два дольше обычного. Тенденция уже наметилась, но в цифрах мы это сможем увидеть только тогда, когда автомобили с увеличенным сроком эксплуатации поступят на рынок и перейдут к новым хозяевам".

Еще один показатель изменений в сознании потребителей – возросший спрос на ремонт товаров. Если раньше починкой товаров, стоимость которых не превышала 5000 рублей, никто не интересовался, то сейчас и потребители, и специалисты сферы услуг готовы заниматься подобной деятельностью. На YouTube можно найти множество инструкций с "лайфхаками" о том, как самому починить не только смартфон, но и более сложную бытовую технику. Считается, что 3D-принтеры позволяют самостоятельно изготовить любую запасную деталь, которую производитель специально не выпускает.

В восемнадцати Европейских странах на сегодняшний день работает 830 «Кафе ремонта», где в определенные дни в арендованном кафе собираются те, кто умеют чинить, и помогают тем, кто хочет отремонтировать свою вещь. Все бесплатно. Организаторы этой идеи отмечают, что в большинстве своем те, кто умеет ремонтировать, или просто не боится заглянуть внутрь изделия – это люди старшего поколения, те, у кого отношение к вещам закладывалось в другую эпоху. Подобные кафе пользуются большим спросом у жителей европейских стран.

В информационных технологиях появляются хакерские разработки, борющиеся с насилием производителей, заключающемся в необходимости замены старой техники. Например, русские хакеры выпустили софт, который позволяет снимать заводскую блокировку с принтеров.

Еще один способ ухода от общества потребления заключается в развитии института аренды. Появление новых стартапов, таких как проект Аркадия Мешковского RentMania, позволяет обычным людям сдавать друг другу в аренду бытовые вещи, такие как инструменты, детские вещи, автодома и т.п.

Помимо гражданской активности в решении проблем современного потребительского поведения, становится заметно участие власти. Например, во Франции в марте 2015 года вышел закон, который обязывает производителей раскрывать, сколько прослужит товар, и гарантировать ремонт в течение как минимум двух лет с момента продажи. Основная проблема — экологическая. Ежегодно в мире выбрасываются на свалку миллионы тонн электроники, которая никак не перерабатывается. Более того, ее отвозят в страны третьего мира под видом секунд-хенда. Международные организации хотят заставить производителей закладывать в цены экологические риски, и тогда, считают чиновники, потребители снова получат "вечные" товары и право выбора.

Постепенно происходит отказ от престижных новинок в пользу практичных вещей. Может еще и рано говорить о трансформации общества потребления, но определенные

тенденции уже наметились. Все больше людей отходят от навязанной схемы "купил — использовал - выбросил".

У психически здорового человека внутреннее содержание меньше связано с внешними обстоятельствами. Чем инфантильнее общество, тем для него важнее новые вещи, престижные вещи. Но общество взрослеет, и человек начинает поворачиваться к себе: кто я, для чего живу. И это тоже тренд современного общества — люди начинают поворачиваться к себе. Сохраняют то, что было куплено, то, чем можно еще пользоваться, то, к чему привык.

Социологи говорят: то, что в обществе потребления начинаются изменения, - нормальный процесс. Ведь идет не бессмысленный отказ от товаров, а отказ от бессмысленных товаров. Происходит закономерное формирование культуры потребления.

1. *Социально-экономические проблемы обеспечения экономического роста России в условиях нестабильности глобальной среды /Ильинский И.В., Карасева Н.А., Плешакова Е.А., Шербакова Д.В., Селин А.П., Домбровская Н.В., Домбровский С.В., Баканова Е.С.; СПГУТД – Сан*
2. *Никитин, А. Самое время для шопинга / А. Никитин // Коммерсантъ. Деньги" - №33 от 24.08.2015 - с. 14*

СЕКЦИЯ 6: НЕКЛАССИЧЕСКИЕ АЛГОРИТМЫ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

СЕМЕЙНО-ДЕТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФАМИЛИЗМА

Антонов А.И. (Москва)

Никогда прежде в истории социальные изменения не ставили под сомнение само существование и сохранение общества (речь не идет об угрозе уничтожения жизни на земле по космическим причинам или вследствие ядерной войны). Здесь рассматривается перспектива медленного и постепенного элиминирования сугубо фамилистической культуры, возможность исчезновения семейной цивилизации, основанной на живорождении и семейном пополнении человеческих поколений. До конца XX - начала XXI века все социально-экономические, политические, демографические и технологические изменения в отдельных странах и в мире происходили в рамках фамилистической культуры, казавшейся неизменной данностью как воздух и вода.

Сегодня в семейной структуре населения большинства малодетных стран однодетность составляет свыше 60%, при этом в среднем на одну женщину репродуктивного периода жизни приходится 1.5 ребенка, что означает с демографической точки зрения убыль половины населения через 50 лет. Подобные семейные метаморфозы для маленьких стран с численностью до 10-15 млн. человек катастрофичны и грозят не просто потерей национальной идентичности, но и сходом с исторической сцены самих наций. Таков итог спонтанного принятия решений в брачно-семейной сфере – в малодетных странах все меньше семейного населения и все больше людей, не состоящих в легитимном браке и не имеющих хотя бы двух детей.

В совместном исследовании кафедры социологии семьи и демографии МГУ с институтом социологии РАН в 2014 г., изучение потребности в детях производилось посредством измерения установок к числу детей на основе техники семантического дифференциала СД. Метод СД позволяет измерять отношение респондентов к целым числам детей – к одному, двум и так далее детям. При использовании показателей идеального, желаемого и ожидаемого числа детей это невозможно, поскольку приходится иметь дело с дробными числами – со средними величинами.

К тому же эти средние выражают ориентацию на число детей в определенных условиях – в реальных, ожидаемых в ближайшее время или вообще в идеальных условиях человеческого существования. Поскольку все индикаторы предпочитаемого числа детей фиксируют уровень потребности в детях в зависимости от различий в условиях жизни семей, то возникает задача социологического измерения собственно установок детности в строгом смысле слова.

Метод СД позволяет измерить отношение к данному числу детей безотносительно к условиям жизни, позволяет сравнить различия отношений к самим по себе числам детей, позволяет зафиксировать разницу между ними, дифференциацию их. Особенности техники СД и производимые на этой основе процедуры позволяют приблизиться к измерению самих установок к числу детей, независимо от условий жизни семьи.

Если объекты СЕМЬЯ БЕЗ ДЕТЕЙ и ДЕТИ оцениваются по крайним градациям как очень пассивное (-3) и как очень активное (+3), тогда различие в оценках будет максимальным (6), и эти реакции по всем 6 шкалам дадут максимальную величину дифференциации между данными объектами около 15.0. Если один объект оценивается слева и справа от 0 на 3, а другой на 2, то разница оценок составит 5 по одной шкале и величина СД по 6 шкалам будет примерно 12.3. При различии оценок в 4 единицы (+2 и -2) величина СД окажется 9.9, при различии в 3 единицы 7.3, при 2 - 4.9, при 1 – 2.5.

Отсутствие различия вообще (когда оценки двух сопоставляемых объектов чисто теоретически могут совпасть по всем шкалам) означает полное сходство объектов по оценкам респондентов и выражается величиной СД равной 0. При заполнении респондентами бланков со шкалами СД, возможны любые комбинации оценок. Условно можно выделить 6 зон дифференциации различий между сопоставляемыми объектами по величине СД:

1. Минимальные различия от 0 до 2.49;
2. Небольшие различия 2.50 - 3.99;
3. Средние различия 4.00 - 4.99;
4. Большие различия 5.00 - 7.29;
5. Очень большие различия 7.30 – 9.99
6. Максимальные различия 10.00 – 15.00

В нашем распоряжении имеются данные исследований не только 2014 года, но также только что полученные данные опросов 2015 года в Уфе и Московской области, исследований в Москве и в Вильнюсе в 1976 г. Таким образом, можно проследить за изменениями семейно-детных ориентаций и установок на протяжении 1976-2015гг., т.е. в течение 40 лет.

Надо сказать сразу, что колоссальные изменения, судя по измерениям величин СД между оценками семей с разным числом детей, произошли в конце XX века – за 25 лет, с 1976 г. по 2000 г. В период между 2000-2015гг. направленность изменений сохранилась, но сами ориентации на семью и детей, судя по арифметическим значениям СД, варьировали незначительно. Господствующей тенденцией была следующая: репродуктивные установки на среднедетность и многодетность слабели, а на однодетность и бездетность – усиливались. Резко изменилась интенсивность всех семейно-детных ориентаций. Но самое заметное изменение связано с сокращением различия между положительным объектом ДЕТИ и отрицательным эталоном СЕМЬЯ БЕЗ ДЕТЕЙ (СД дети-0детей в 1976 г.14.39, в 2000 г.-8.60 т.е. в 1.7 раза меньше).

В исследовании Москва-1976 величина СД между ними равнялась 14.39 (при максимальном различии 21.5). Это значит, что ДЕТИ как позитивный объект получали много одобрительных оценок 3 и 2. Профиль этого слова тяготеет к положительному полюсу шкалы антонимов (теплое, активное, ближайшее, собственное, новое, одобряемое и т.д.). При этом профиль понятия «семья без детей» смещён в отрицательную сторону шкалы антонимов, оценочные баллы были 2 и 3, но с условным так сказать минусом.

Это явно контрастное, черно-белое так сказать мышление детоцентризма: положительный эталон Дети находится на позитивном полюсе оценок, а отрицательный эталон «семья без детей» - на противоположном негативном полюсе. Ничего хорошего в бездетной семье нет и быть не может, тогда как дети безусловно обладают сверхценностью.

Интересно, что именно у бездетных самая низкая величина СД между «Дети - 0 детей» -10.16. Они если и не занижают ценность объекта ДЕТИ, то, несомненно, с большим так сказать пониманием относятся к бездетности. У трехдетных респондентов наибольшее арифметическое значение СД -12.70. На континууме жизненных ценностей фамилизма бездетность дальше всех отстоит от позитивного образца ДЕТИ. Таким образом, различие между позитивным и негативным эталоном весьма большое, и оно уменьшается при снижении фактического числа детей в семье (у двухдетных СД -11.99, у однодетных -11.74). Об этом можно сказать иначе – чем сильнее фамилистическая направленность жизненных ценностей, тем больше контраст между эталонами позитивности и негативности, тем выше положительная значимость детей в семье и негативнее отношение к бездетности.

В выборке 2014 г. в два раза большей по своей численности (в сравнении с женской выборкой) величины СД оказались близкими при сравнении с негативным эталоном. Однако, цифровые расхождения есть и заметные (в пределах 0.5-0.6) по СД между числами детей 1-3 (5.00 -4.40), 2-3 (3.00-2.52) и 1-2 (3.90-3.43), но содержательно сохраняются те же тренды (СД 2-3 меньше СД1-2 и тем более 1-3). То же самое наблюдается и в 2015г. лишь арифметические значения СД несколько больше.

Сравнение с эталоном бездетности показывает некоторое сближение с этим эталоном двухдетности и большее увеличение дистанции между ним - соответственно и трехдетности и однодетности. Последнее обстоятельство вновь возвращает к проблеме противоречивости нынешнего малодетного сознания, когда репродуктивные ориентации не согласуются с фактической детностью. К сожалению программой исследования 2014 года не предусматривалась оценка объекта ДЕТИ. Поэтому сопоставление можно осуществить лишь с опросом 2000 г. и здесь полученный результат нельзя признать удовлетворительным. В 2000 г. разница между ДЕТИ-0 составляла 8.60 – в 2015 г. она снизилась до 8.40 т.е. негативная тенденция сближения противоположных полюсов продолжается.

При этом величина СД Дети-1 выросла с 4.27 до 5.76, тогда как значения Дети-2 и Дети-3 снизились соответственно с 5.49 до 4.54 и с 5.04 до 4.33. Налицо усиление ориентаций на два и три ребенка в семье, по-видимому, под влиянием политики материнского капитала и увеличения детских пособий, а также обсуждением этих мер в общественных дебатах разного рода.

Произошедший в последние годы небольшой рост коэффициентов рождаемости в связи с увеличением доли прежде всего первых и вторых рождений (см.гл.1 книги) обязан этому противоречивому, но все же усилению установок.

Распределения по идеальному и желаемому числу детей отчасти это подтверждают. В 2015 г. лишь 12.4% из 810 чел. считают идеальной однодетность, тогда как 50.5% -двухдетность и 37% трёх и более детей. Среднее желаемое число при всех необходимых условиях по давшим ответы (813 чел.) оказалось чуть меньше 2.48 (идеальное-2.49), при этом ориентированы на однодетность 15.9%, на двоих детей-49.9% и на трех и более детей 34.2%.

Вычисление величин СД между разными числами детей в зависимости от ориентаций на детность показало, что по идеальному числу (в целом по выборке) преобладает предпочтение трехдетной семьи Дети-3=4.26 (наименьшее СД в сравнении с Дети-2=4.49 и Дети-1=5.75, и одновременно наибольшее расхождение с негативным эталоном бездетности СД 0-3=8.32 в сравнении с 0-2=7.67 и 0-1=6.56. При этом наименьшая дифференциация с позитивным эталоном наблюдается у считающих идеальным однодетность Дети-1=5.08; у считающих идеальным двухдетность Дети-2=4.56, и также у считающих трехдетность Дети-3=3.82.

По желаемому числу сходная картина - в целом по выборке оказалась наиболее желаемой трехдетность Дети-3=4.29 в сравнении с Дети-2=4.52 и Дети-1=5.77. Этот тренд подкрепляется сопоставлением с негативным эталоном и тут наибольшее различие с ним у трехдетности (СД 8.32) в сравнении с двухдетностью (7.67) и однодетностью (6.56). Однако, желающие иметь двоих детей имеют наибольшую величину СД между Дети-2 (4.60) в сравнении со всеми остальными предпочтениями, где наименьшая величина у желающих трехдетность (4.28), у которых же и наибольшее расхождение с негативным эталоном (8.32).

Рассмотренные выше сопоставления данных по СД и по индексам предпочитаемых чисел в целом по всем опрошенным и отдельно по фактической детности, позволяя, исходя из принципа взаимной дополнительности этих переменных, расширить анализ установок и ориентаций на число детей в семье. Работа в этом направлении только началась, но понятно, что новые возможности корректировки индексов предпочитаемых чисел детей по данным о величинах СД между разными типами детности, позволяют точнее судить о перспективах изменения тенденций репродуктивных установок.

ПАРАДАНЫЕ В САPI НА ПЛАНШЕТНЫХ КОМПЬЮТЕРАХ

Аркин Г.О., Зотова В.А. (Москва)

Стремление использовать новые технологии для повышения эффективности рабочих процессов в настоящее время актуально для любой отрасли, в том числе и социологической. Более того, в последние годы в профессиональной среде социологов растет понимание необходимости совершенствования общепринятых исследовательских практик. Примером является снижение доверия к данным опросов общественного мнения, собранных с применением инструментария на бумажном носителе [1]. Основные причины низкого качества данных, полученных этим способом, сводятся, во-первых, к отклонению интервьюера от методических положений, во-вторых, к отсутствию рефлексии относительно особенностей работы отдельного интервьюера, в-третьих, к наличию возможности фальсификации данных. Развитие планшетных компьютеров позволяет заменить бумажный инструментарий на электронный, то есть применять автоматизированные опросные системы (САPI - Computer-assisted personal interviewing) в уличных и квартирных опросах. Это позволит регистрировать отклонения от заданной технологии (фиксация местоположения интервьюера, запрограммированная логика инструментария и т.п.), анализировать аудио- или видеозаписи общения интервьюера с респондентом, упростить процедуру контроля.

Внедрение технических решений приводит к тому, что увеличивается число типов параданных, генерируемых в процессе реализации метода, а главное расширяются возможности для их автоматической регистрации.

Категории параданных и их использование

Гео- и пространственные параданные в первую очередь регистрируются для обеспечения контроля местоположения интервьюера, контроля отклонения от заданного маршрута или точки опроса. Дополнительно эта информация может быть использована для сопряжения социологических данных с пространственными в геоинформационных системах (ГИС). Интеграция данных опросов с ГИС позволяет в первую очередь создать удобный инструмент визуализации результатов опросов. Это особенно удобно в тех случаях, когда необходим анализ территориального распределения ответов респондентов, например, в ходе проведения электоральных исследований регионального или федерального уровня. Кроме того, координаты места опроса каждого респондента могут выступать в качестве самостоятельной переменной для анализа для определения зависимости ответов респондентов от их территориального расположения. Очевидно, что для осуществления этой задачи соответствующие переменные для определения принадлежности респондента к той или иной территории вводятся еще на этапе разработки инструментария. Тем не менее, данные о точных координатах опроса респондента, регистрируемые автоматически, удобно использовать, например, при анализе совокупности наборов данных нескольких исследований (особенно, если пространственные переменные инструментария закодированы по разному) или в тех случаях, когда исследователя интересует более детальный анализ (например, если в инструментарии переменные закодированы на уровне населенных пунктов, а интересуется уровень районов или улиц).

Хронометрические параданные как правило регистрируются в целях обладания информацией о времени начала и завершения опроса респондента, продолжительности ответа на конкретный вопрос, общей длительности опроса и т.п. Анализ этой категории параданных позволяет, с одной стороны, делать выводы об эффективности работы интервьюеров (среднее время опроса одного респондента конкретным интервьюером, среднее количество опрошенных за определенный период времени и пр.). С другой стороны, появляется возможность на основании зарегистрированной информации оценить временные характеристики используемого инструментария (среднее время на опрос одного респондента, среднее время на ответ на конкретный вопрос инструментария и т.д.). Примером второго случая является, в том числе, анализ зависимости факта прерывания опроса (потеря контакта до завершения инструментария) от хронометража инструментария с целью расчета оптимального объема последнего. Дополнительно возможно использование хронометрической информации при анализе зависимости ответов респондентов от времени суток, например, при проведении экзит-поллов или опросах на мероприятиях.

Мультимедийные параданные, регистрируемые в процессе компьютеризированных интервью, как правило, представлены в виде аудио- и видеозаписей интервью, фотографий респондентов. Очевидно, что записи интервью могут использоваться не только для контроля работы интервьюера, но и как самостоятельные данные. Основной проблемой при этом является сложность обработки большого объема продолжительных аудиозаписей. Технологии преобразования цифрового сигнала в текст (распознавания речи) позволяют решить эту проблему с определенной погрешностью (ошибки распознавания), которую можно снизить за счет большого объема данных. Регистрируемые в процессе опроса фотографические и видеоматериалы могут использоваться для анализа реального поведения респондента, например, в процессе осуществления покупки товара или его осмотра, а также для анализа эмоций или внешнего вида респондентов в целом.

Метеорологические параданные практически не регистрируются в распространенных на сегодняшний день системах САРІ. Однако в некоторых случаях эта информация может быть необходимой для анализа, что диктует потребность в ее автоматизированной регистрации. Примером может выступать анализ поведения избирателей на выборах [2, 23] или массовых мероприятиях.

1. *Рогозин Д.М., Ипатова А.А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М.: Радуга, 2015*
2. *Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / пер. с англ. И.Кушнаревой; Гос. Ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2011*

МЕСТО КОМПЬЮТЕРНОЙ СИМУЛЯЦИИ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Григорьев В.Е. (Санкт-Петербург)

Под компьютерной симуляцией мы понимаем изучение поведения математических моделей в зависимости от заданных параметров. Ключевой термин здесь — изучение. Он предполагает, что мы не знаем заранее, как будет себя вести модель. Каким образом мы можем не знать поведение модели, если мы сами её специфицируем? Ответ заключен в сложности. Сложность - это результат взаимодействия нескольких (или многих), правил которые мы понимаем и задаем, но не можем предсказать результат одновременного их использования.

Симуляцию можно считать научным исследованием, если рассматривать как объект саму модель. Результатом исследования является описание поведения модели, которое не было заранее известно. Но ценность такого подхода выглядит небольшой. Зачем нужно изучать то, что мы создали с целью изучения? Конечно, легко просматривается аналогия с математикой. Хотя многие математические конструкции создаются без видимой пользы, такая польза может получена, если обнаружится естественное явление, обладающее свойствами сходными с математической моделью.

В отличие от математических моделей, мне неизвестны случаи, когда создавалась абстрактная симуляция, а затем находилось ей применение для описания реальных явлений. Симуляции создаются под конкретные явления. Поэтому, я буду рассматривать место симуляции в традиционном социологическом исследовании, объектом которого является социальное явление.

Метод симуляции состоит из следующих шагов:

1. Спецификация правил поведения модели.
2. Спецификация среды процесса, то есть диапазона и значений параметров модели.
3. Проведение компьютерного эксперимента с сохранением статистик, интересующих исследователя.
4. Анализ результатов.

Сегодня существует несколько уровней сложности построения симуляционных моделей.

Простейшей симуляцией является аналитическая симуляция. Правила в такой модели постоянны, пошагово меняются значения параметров в зависимости от состояния модели.

Более сложный вариант симуляции — агентская модель. В такой симуляции существует взаимодействие агентов, которые могут руководствоваться разными правилами.

Еще более сложный вариант — симуляция с генетическим алгоритмом. В таких симуляциях агенты могут менять свои правила поведения.

Я рассмотрю простейший вариант, поскольку он обладает наибольшей общностью. Если его использование предоставляет социологу какие-то возможности, то и более сложные варианты могут предоставить такие же возможности, по крайней мере.

В качестве примера я построил симуляцию научного прогресса. Правила были предельно просты:

1. Ученые стремятся выяснить правильный ответ у реальности, если существуют разногласия во взглядах.

2. Работа прекращается, если взгляды всех ученых совпадают.

Среда процесса:

1. Научные теории, состоящие из дискретного числа элементов, описывающих реальность.

2. Элементы теорий, которые находятся в одном из двух состояний: правда или ложь.

3. Уровень прозорливости ученых, определяет насколько начальное состояние теории отличается от реальности.

На каждом шаге эксперимента проверялось соответствие одного теоретического элемента реальности и корректировалось теоретическое знание, в соответствии с полученным результатом. Число шагов, таким образом, совпадало с числом элементов теорий.

Статистиками были: средний уровень совпадения правильности и медианный срок достижения согласия. Далее я остановлюсь только на первой статистике, поскольку этого достаточно для цели сообщения. Я хочу описать не свойства модели, а её возможности.

Статистики усреднялись по 100 экспериментам для каждого набора параметров.

Анализ результатов осуществлялся через анализ графиков.

Далее я приведу некоторые результаты в качестве иллюстрации.

Используемая модель показала, что возможно два типа результатов:

- практически полное установление истинного положения дел (все элементы теории совпадают с реальностью);

- стабилизация знания на определенном уровне соответствия действительности, отличающемся от истины.

Вариант к которому мы приходим зависит, главным образом, от соотношения числа теорий и элементов модели. Это значит, что увеличение числа теорий для объяснения ситуации сверх определенного разумного порога почти никак не влияет на скорость познания истины.

Если теорий мало мы можем не достигнуть желаемого результата (познания реальности), тогда вступает в дело другой параметр: прозорливость. Если представления ученых отличаются от реальности не более, чем на 80% то даже минимальное число теорий (2) обеспечивает надежное познание реальности.

Скорость познания практически линейна, а динамика развития удовлетворительно описывается прямыми отрезками (одним или двумя в зависимости от типа результата).

Индуктивное построение исследования (свободное от теорий) имеет преимущество только в случае существенно неправильных теоретических представлений и это преимущество пропадает по мере изучения реальности. На определенном этапе исследования, основанные на теории становятся более эффективными.

Хотя мы понимаем, что такая примитивная модель не может претендовать на реализм, однако она достаточна для того, чтобы увидеть преимущества компьютерной симуляции:

1. Мы можем использовать модель для получения плодотворных гипотез. Например, мысль о существовании оптимального соотношения объема теоретической и эмпирической работы для прогресса в какой-то научной области пришла мне в ходе изучения модели.

2. Упрощение модели исследования. В социальном мире все связано со всем, поэтому отбор переменных, контролируемых в исследовании, является нетривиальной задачей, влияющей на ценность результата. Мы повышаем наши шансы на успех, предварительно оценив значимость переменных. Например, если в реальном объекте

теорий много и они разнообразны, то прозорливостью ученых можно пренебречь при изучении роста знания.

3. Усложнение модели исследования. Поскольку кусочно-линейная динамика прироста знаний в симуляционной модели расходится, с полученной Прайсом эмпирически логистической моделью, можно предположить, что существуют важные параметры, которые наша модель не учитывает. Можно подумать об этом и изменить спецификацию модели планируемого исследования.

4. Прояснение представления об аналитической работе. Уже на этапе планирования, я могу предположить, что кусочная линейная регрессия может быть полезной при анализе данных эмпирического исследования. Что дает дополнительную уверенность в успехе и уменьшает шанс пропустить что-то важное.

5. Работа с моделью генерирует большое количество идей и способно повлиять на отношение исследователя к будущему исследованию. Скажем, если результаты моделирования вам кажутся банальными, возможно следует подумать о каком-то другом исследовании, а не двигаться в депрессивном направлении банального результата.

Симуляция не может отменить изучения реальности, но она делает его более эффективным. И делает процесс планирования исследования более занимательным.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОЦИОЛОГИИ И СОЦИОЛОГАХ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Демина Н. (Орел)

Наверно всем известно, что каждая из существующих на сегодняшний день отраслей науки имеет свой предмет, некие законы, теории, гипотезы, выполняет ряд соответствующих ей функций, исследует определенную сферу общественных отношений. Но общество, в котором мы живем, является целым, неделимым, неким живым организмом, который так же требует изучения. Но технические, естественные и гуманитарные отрасли науки не могут полностью изучить общество, они не могут описать то, чем наше современное общество сегодня дышит. Следовательно, возникает вопрос: «Какая все же наука поможет нам полностью сформировать представления о современном обществе?» Ведь нужна такая наука, которая изучает общество во всех его аспектах. Поверьте, такая наука, изучающая общество есть – это социология.

Сегодня предметом социологии является социальная жизнь общества, т.е. комплекс социальных явлений, вытекающих из взаимодействия людей и общностей, их социальных связей и социальных отношений, обеспечивающий удовлетворение всех основных потребностей.

Объектом социологии является общество в целом.

Одной из функций социологии является выявление и тщательное изучение социальных проблем.

На основе собранной объективной информации социологи вырабатывают предложения и пути их реализации на практике для устранения актуальных проблем в современном обществе.

В современном мире большинство людей даже и не знают, на что направлена деятельность такой профессии как «социолог».

Т.М. Дридзе в схеме «Коммуникативное пространство–время управления социально значимыми процессами» описывает миссию социолога (рисунок 1). На рисунке социолог изображен в виде «закрашенного» человечка. В квадрате слева нарисованы четыре субъекта ситуации: население, власть, эксперт/специалист и инвестор. Каждый

занимает отдельную ячейку и отделен от другого. Между ними – границы. Нарушена коммуникация. И только вмешательство социолога позволяет ее организовать. А общая стрелка указывает на возникающее в результате изменение ситуации и движение вперед. Таким образом, миссия социолога, по мнению Т. М. Дридзе, – не дать людям разрушить мир и организовать процесс коммуникации в совместном управлении жизнью, в социальном управлении.

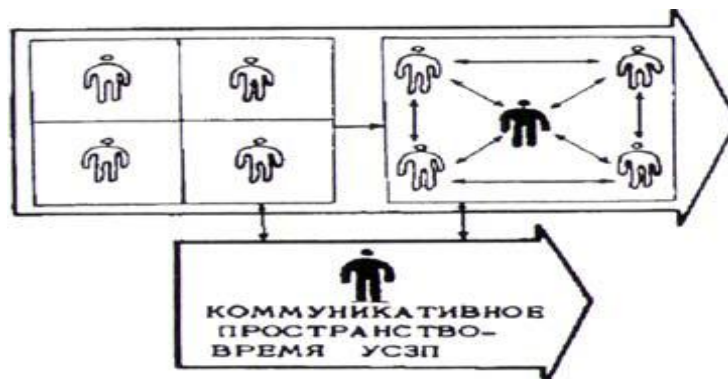

Рисунок 1 – Схема Т.М. Дридзе «Коммуникативное пространство–время управления социально значимыми процессами» [3]

Но как представляет наше современное общество социолога? Сравним результаты исследований 2010 и 2014 годов.

Кафедрой «Социологии и психологии управления» Орловского филиала РАНХиГС было проведено социологическое исследование на тему: «Уровень социологической культуры в регионе» (методом опроса, выборка репрезентативна по полу и возрасту).

В результате данного исследования, проведенного в городе Орле, удалось выявить, насколько профессия социолога известна обществу, уровень информированности о деятельности социологов, отношении к социологическим исследованиям, их результатам и к организациям, занимающимся социологическими исследованиями. Результаты данного исследования показывают, что в общественном сознании сформирован образ социолога, но учитывая отсутствие достаточной информации об этой профессии, этот образа не точный, либо ошибочный.

Вот некоторые данные проведенного исследования. В таблице №1 представлено распределение ответов на вопрос: «Знакомы ли Вы с деятельностью социологических организаций?»

Таблица 1– Распределение вариантов ответа на вопрос «Знакомы ли Вы с деятельностью социологических организаций?»

Варианты ответов	Результаты 2010г, %	Результаты 2014г, %
Да	5,0	8,9
Просматриваю в интернете	1,0	3,2
Что-то слышал	33,0	16,0
Нет	61,0	71,1

Сравнивая результаты социологических исследований 2010-2014 гг., следует отметить, что наблюдается снижение уровня информированности за последние несколько лет.

Респондентам был предложен список наиболее влиятельных социологических организаций (ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение», Левада-центр» и др.). Подавляющее большинство (71,7%) ни разу не слышали об этих организациях и не знакомы с их деятельностью; 8,9% знакомы с деятельностью этих организаций. И лишь 3,2% опрошенных просматривают результаты данных организаций в интернете.

Далее, рассмотрим таблицу № 2, где представлено распределение ответов на вопрос: «С кем ассоциируется у Вас образ социолога?».

Таблица 2 - Распределение вариантов ответов на вопрос: «С кем ассоциируется у Вас образ социолога?»

Варианты ответов	Процент опрошенных
с профессионалом, собирающим информацию	10,7
с профессионалом, собирающим информацию	6,1
с профессионалом, разрабатывающим теорию	8,1
с социальным работником	18,3
с социальным реформатором	5,5
с собирателем статистических данных о человеческом поведении	13,0
с беспристрастным наблюдателем, манипулирующим людьми	4,6
с собирателем данных об общественном мнении	24,3
с профессионалом, изучающим предвыборное поведение	8,6

Оказывается, что больше всего у респондентов образ социолога ассоциируется с собирателем данных об общественном мнении (24,3%). У 18,3% опрошенных - с социальным работником, что является грубой ошибкой. Социолог и социальный работник совершенно две разные профессии, чего, к сожалению, не понимает население.

По определённым позициям, за последние несколько лет изменились представления респондентов относительно вопроса «С кем ассоциируется у Вас образ социолога?». По сравнению с 2010 г. представление о социологе как о профессионале, разрабатывающем теорию значительно, снизилось (с 34,1% до 8,1%) [5]. Однако, возросло представление социолога как о беспристрастном наблюдателе, который манипулирует людьми (с 3% до 4,6%) [5]. Следует отметить, что представление респондентов о социологе, как о собирателе данных об общественном мнении почти не изменилось и занимает ведущую позицию (24,3%).

Таким образом, вторичный анализ результатов социологических исследований позволяет сформулировать два вывода. Во-первых, наблюдается относительно положительное отношение к опросам общественного мнения со стороны населения. Во-вторых, прослеживается слабый уровень информированности о деятельности организаций, которые занимаются социологическими исследованиями. В-третьих, к сожалению, современное общество имеет некорректное, ошибочное представление о профессии социолога, и даже о социологии в целом. А ведь, именно материалом, который предоставляет нам социология о тех или иных явлениях и процессах, происходящих в экономике, политике, в обществе, в мире пользуется почти все население нашего земного шара. Благодаря такой науке, как социология, человек может анализировать свою жизнь, поведение в контексте общественных явлений и событий. Именно социология добывает и накапливает знания об окружающем нас мире, обобщает и систематизирует их, стремясь составить наиболее полную картину современного общества, выявить закономерности его функционирования и развития.

1. <http://libsib.ru/sotsiologiya/sotsiologiya-i-izuchenie-obschestva/funksii-sotsiologii-v-sovremennom-mir> (дата обращения 24.09.2015)

2. Колбина Т.В. Роль социологии в современном мире // *Культура и образование*. – Март 2014. - № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/03/1543> (дата обращения: 26.09.2015).
3. Проказина Н.В. Роль социологии в современном обществе // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2012. № 1. С.47.
4. Проказина Н. В. Развитие массового уровня социологической культуры в регионе // *Регионоведение*. 2010. № 3. С. 178-182.
5. Проказина Н. В. Феномен социологической культуры в современной России. Монография. Орел. Изд-во ОРАГС. Орел, 2010.

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Дерюгин П.П., Шиляева А.С. (Санкт-Петербург)

Молодежное предпринимательство, являясь частью малого и среднего предпринимательства, обладает множеством особенностей, исключительных свойств и качеств, из-за чего его следует рассматривать по - особому, как явление, только опосредованно связанного с другими формами и видами предпринимательства, но при этом обладающее специфическими атрибутами, отличительным своеобразием и специфическими чертами. И если с точки зрения экономической науки на особенности, характерные черты и признаки, своеобразие и неповторимость молодежного предпринимательства не являются столь существенными, то для социологического исследования это своеобразие представляется как важный элемент.

Научное определение ценностей молодежного предпринимательства как объекта социологического исследования, его истории и возможных перспектив – это важная проблема нашей работы. Без характеристики этого базового исследовательского конструкта и обобщенного образа страты молодых предпринимателей, невозможно осуществить научный анализ и изучить молодежное предпринимательство как особую социальную общность, его особые социальные качества в системе предпринимательства, а также специфические ценности и ценностные ориентации, складывающиеся в этой среде. Для российской социологической науки это относительно новая задача, поскольку еще четверть века назад исследование ценностей и ценностных ориентаций молодежного предпринимательства не имело своей актуальности и только после вступления нашей страны на пути рыночных преобразований, когда вопросы о преимуществах и недостатках предпринимательства в стратегиях развития России стали для многих очевидными, эта проблематика получила свое освещение в научной социологической литературе. Еще раз подчеркнем актуальность и значимость настоящего вопроса. По - существу это вопрос о том, входит ли Россия в разряд стран, занимающих вершины мировой иерархии или оставаться зависимой метрополией или колонией, отставшей на несколько стадий мирового развития, - это во многом определится нынешним поколением молодежи, конкретнее, ее ценностями, потребностями и устремлениями участвовать в предпринимательстве.

В научном отношении тематика ценностей молодежного предпринимательства воспринимается противоречиво. Прежде всего, как показывает исследование А.Ю. Манохина, «в современной России не существует четко сформулированных понятий «молодежное предпринимательство» и «субъект молодежного предпринимательства»; нет четко сформулированной политики, определяющей цели и задачи поддержки и развития молодежного малого и среднего предпринимательства; не выражено взаимодействие государственных и общественных, негосударственных сегментов, ориентированных на поддержку молодежного малого и среднего предпринимательства; не эффективно

работают банковские институты, занимающиеся финансированием субъектов малого и среднего предпринимательства [1]. На это же указывают Жидикова А.О., Сентищева Е.Н.: «Постановления «О молодежном предпринимательстве» в субъектах РФ не дают полного определения понятия «молодой предприниматель» [2]. Сама эта категория трактуется многими социологами и экономистами, как несуществующая, не выделяя молодежное предпринимательство как отдельную целевую группу в малом бизнесе.

На наш взгляд такие заявления не отражают адекватно современную ситуацию в развитии и становлении молодежного предпринимательства. Прежде всего, по объективным данным, в строительстве современного предпринимательства в России молодые люди сыграли во многом решающую роль. По данным Комитета РФ по делам молодежи, в начале 1990-х гг. основная масса малых и средних негосударственных коммерческих предприятий, т.е. 70-80% этих предприятий, были созданы молодыми людьми в возрасте до 35 лет [3].

На наш взгляд в социологической науке к настоящему времени сложились практические, эмпирические и научные основания для выделения молодежного предпринимательства в особую социальную группу (кто-то ее называет «стратой», кто-то «общностью») со своими специфическими закономерностями и трендами развития.

В мире более 75 миллионов безработных молодых людей, и их количество растет с каждым годом, [4] и предпринимательство рассматривается существенным моментом в борьбе с молодежной безработицей. Предпринимательство молодых людей многими исследователями рассматривается как основной путь повышения занятости молодежи в кризисных ситуациях, когда среди уволенных сотрудников люди в возрасте до 30 лет составляют до 63% уволенного персонала [5]. Поэтому, прежде всего, в практическом смысле, молодежное предпринимательство имеет важное значение, что делает проблему научного осмысления молодежного предпринимательства особенно актуальной.

Как и во многих других странах мира, молодежное предпринимательство в России, составляет значительный процент участников предпринимательской деятельности. Более того, участие российской молодежи в предпринимательстве даже несколько выше, чем в странах Западной Европы и Японии, т.е. в странах со сложившимися традициями предпринимательства, но в 2–2,5 раза ниже, чем в странах, где социальная структура общества активно формируется под влиянием высоких темпов экономического роста, например, в странах БРИК; и в 2 раза ниже, чем в группе стран с сопоставимым уровнем душевого дохода (близко к уровню ЮАР, Мексики) [6]. Исследователи констатируют тот факт, что в «нулевые» годы экономический рост в России очевидно коррелировал с трендами развития молодежного предпринимательства. Что движет молодежь при выборе предпринимательства как способа своего существования? По данным ИКСИ 78% опрошенных респондентов считают открытие малого бизнеса отличным способом самореализации, 60% предпочитают собственный бизнес, рассчитывая на получения более высокого уровня дохода по сравнению с работой по найму.

В значительной степени этому положению способствовало активное участие государства в стимулировании предпринимательской активности молодежи. Действовала программа "Поддержки молодежного предпринимательства и содействие занятости молодежи", в рамках которой особое внимание уделялось развитию движения студенческих отрядов. За эти годы их численность выросла в пять раз и составила в 2004 г. 3,5 тыс. отрядов, в работе которых приняли участие 150 000 человек. [7] В области оказания помощи молодежи в вопросах трудоустройства и поддержки молодежного предпринимательства 48 региональным и межрегиональным программам соответствующей направленности были присуждены гранты различной степени. Созданы региональные системы молодежных бирж труда и молодежных агентств занятости, проведено более 5 000 ярмарок вакансий, во время которых было трудоустроено более 60 тыс. человек, а 200 тыс. молодых людей получили профессиональные консультации.

Однако, в последние периоды новейшей истории России степень активности молодежного предпринимательства снижается, как, впрочем, и во всем мире [8]. Еще десять лет назад Россия характеризовалась как страна, которая «по доле стартующих предпринимателей относится к странам со средним уровнем предпринимательской активности, несмотря на существующие преграды для развития» [6]. В тот период в предпринимательскую деятельность были включены почти 12% россиян (порядка 6,4 млн. человек, молодые предприниматели – лица, участвующие лично в бизнесе, возраст которых – не старше 35 лет), либо же собирались его открыть (латентные предприниматели) [6]. Теперь же доля молодых предпринимателей сократилась почти вдвое, и эта тенденция сохраняется как устойчивый тренд. К настоящему моменту по данным различных источников «только 3% молодых людей имеют собственных бизнес» [5]. Это просто несоизмеримые показатели, например, с США, где более 50% новых рабочих мест создается молодыми компаниями, существующими менее пяти лет. А 70% от общего количества рабочих мест приходится на сектор малого и среднего бизнеса. [9]

Эмпирическое исследование о ценностях современного молодежного предпринимательства в России проводилось в 2015 г. В форме глубинного интервью на Всероссийском молодежном образовательном форуме "Территория смыслов на Клязьме". В интервью приняли участие 30 респондентов. Возраст респондентов - от 21 до 32 лет, 12 мужчин и 18 женщин. Респонденты представили 18 городов России. Результаты этого исследования показали, что падение предпринимательской активности российской молодежи связано с множеством причин и носит комплексный характер. Эти причины связаны с пониманием роли предпринимательства и средств достижения целей, сложностями старта и выживания в кризисных условиях, особенностями молодежной среды и другими.

Литература

1. Манохин А.Ю. *Стратегия развития молодежного малого и среднего предпринимательства. Научные ведомости Белгородского государственного университета История. Политология. Экономика. Информатика.* 2012. №13 (132). Выпуск 23/1
2. Жидикова А., О.Сентищева Е. Н. *Направления совершенствования молодежного предпринимательства: региональный аспект. Современные наукоемкие технологии* № 7-3 / 2014
3. Староверов В.В. *Становление и функционирование российского молодежного предпринимательства. Мониторинг общественного мнения* № 2, апрель- июль 2004.
4. *Официальное коммюнике саммита молодых предпринимателей 2012 года в Мехико* http://www.cfe.ru/resource_center/press/1817.htm
5. *Аналитическая серия ИКСИ.* <http://www.icss.ac.ru/> Дата обращения 12.09.15
6. Чепуренко А.Ю., Алиева А. *Предпринимательский потенциал населения России. Экономическая социология.* 2007. Т. 8. № 2 <http://ecsoc.msses.ru> 112 Дата обращения 12.09.15
7. Балыхин Г. *Молодежь - стратегический ресурс государства. Россия 21 век* №21.
8. Романцова Д. В. *Проблемы развития молодежного предпринимательства [Текст] / Д. В. Романцова, Е. И. Денисевич // Молодой ученый. — 2015. — №8. — С. 614-618.*
9. Пащук А. *Как догнать Америку по уровню предпринимательства? Журнал «Свой Бизнес»* 2 июля 2008. http://www.cfe.ru/resource_center/press/647.htm Дата обращения 24.07.15

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»

Дудина В.И. (Санкт-Петербург)

В настоящее время в сфере прикладной социологии можно отметить нарастание нескольких тревожных тенденций. Первая из них связана с растущим недоверием к опросам общественного мнения со стороны общества. Поскольку в массовом сознании социология ассоциируется именно с опросами общественного мнения, то снижается престиж профессии социолога. Вторая группа тенденций наблюдается в области работы с информантами/респондентами, это и рост числа отказов от «сотрудничества» с социологами, который проявляется в форме отказа от участия в опросах со стороны респондентов и появление так называемых «профессиональных респондентов». Третья тенденция связана с низкой экономической эффективностью социологической работы – полевая работа в социологии слишком затратна и требует большого количества времени. Соответственно, социологи со своими данными и выводами часто отстают от быстрых социальных изменений. Кроме того, социологам приходится выбирать между «глубокой аналитикой» и «глубоким полем» - масштабный полевой этап работы часто не оставляет времени на глубокую аналитическую проработку полученной информации, особенно в заказных исследованиях с ограниченными сроками проведения. Еще один тренд связан с ростом числа институций и дисциплин, занимающихся сбором и обработкой социальных данных, помимо социологов. Так, например, растет количество социальных исследований, проводимых представителями компьютерных наук и специалистами IT-компаний, имеющими доступ к базам данных. Указанные тенденции вызывают необходимость пересмотра традиционных моделей проведения прикладных исследований, чему, в частности, способствует интенсивное развитие информационных технологий.

С развитием информационных технологий, представители разных наук получили возможность собирать и анализировать существенно большие объемы информации, чем раньше. Изменения в характере данных, связанные с ростом их объема и многообразия фиксируются термином «большие данные» (big data), который подчеркивает несколько аспектов кардинальных изменений в количестве и качестве данных. «Большие данные» часто описывают как комбинацию трех характеристик: объем (volume), скорость (velocity) и разнообразие (variety). Во-первых, появляется возможность анализировать большие объемы данных по определенной проблеме и использовать все имеющиеся данные по исследуемой проблеме, а не только лишь их часть (выборку), что позволяет выявлять значимые взаимосвязи даже в отсутствие каких бы то ни было гипотез и предположений. Во-вторых, возрастает как скорость прироста данных, так и необходимость их высокоскоростной обработки и оперативного получения результатов, отслеживания изменений в режиме реального времени. В-третьих, растет разнообразие и неструктурированность данных, что заставляет разрабатывать методы работы со слабоструктурированными данными.

Важной тенденцией в развитии прикладных исследований становится использование в качестве социологических данных, информации, произведенной пользователями социальных медиа, которая содержит не только простейшие данные о фактах поведения, но и описания личного опыта, визуальные образы, развернутые нарративы и комментарии по определенным темам. Особенностью данных, получаемых из социальных медиа, является их естественность и спонтанность, отсутствие искусственной ситуации опроса, устранение влияния интервьюера и его возможных ошибок. Использование такого рода данных также позволяет сократить полевой этап работы. Тем не менее, использование данных из социальных медиа в качестве замены «традиционных» данных, порождает ряд вполне обоснованных сомнений относительно их качества: сомнения в репрезентативности данных; отсутствие стандартизации; отсутствие гарантии получения информации по конкретным аспектам, интересующим социолога.

Развитие средств обработки больших массивов данных может в перспективе изменить саму логику прикладного исследования. Развитие методов «извлечения знаний из данных» (data mining), позволяет обнаруживать общие свойства или паттерны, в частности, на слабоструктурированных и неструктурированных данных. Логика

постепенного появления моделей в процессе анализа напоминает индуктивную логику качественных исследований, с той разницей, что в методах извлечения данных человеческая интерпретирующая способность заменяется математическими методами и алгоритмами, позволяющими находить паттерны путем перебора множества различных комбинаций.

Одним из важных средств анализа данных становится визуализация. Если в естественных науках визуализация всегда была важным компонентом исследования, то в социальных науках основное внимание, как правило, уделялось текстам и цифрам, а визуализация занимала достаточно скромное место в виде графиков и диаграмм, иллюстрирующих выводы исследователей. В случае, когда данные, относящиеся к изучаемой проблеме, очень многочисленны, возникает задача «свернуть» их до удобоанализируемого формата. С помощью визуализации, избыточная информация может быть организована в более компактную, доступную для последующего анализа и интерпретации, форму. Примерами подобных визуальных моделей в социальных науках могут служить, приемы визуализации социальных сетей, социальное картографирование, построение геодемографических профилей.

Постепенно утрачивает значение разделение методов исследования на качественные и количественные и происходит гибридизация методов. Противопоставление «глубоких качественных» и «поверхностных количественных» методов теряет актуальность в связи с изменением масштаба социальных данных. Развитие средств обработки больших массивов данных ведет к тому, что социологам больше не надо выбирать между глубокими данными, описывающими ограниченное число объектов и поверхностными данными, собранными на больших выборках. Детальное знание теперь может быть получено относительно гораздо большего количества данных, чем ранее. Другой аспект гибридизации методов исследования - попытки объединить качественные и количественные методы на новой основе, например, используя количественные методы анализа текстов в качественных исследованиях больших объемов текстовых данных.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-06-99519А

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Иванова А.А. (Санкт-Петербург)

В социологии интерес к сообществам уже не в новинку, однако, понимание сообществ как социальных единиц, имеющих возможность влиять на управленческие процессы, возможность становиться субъектами управления, стало развиваться относительно недавно в российской социологии. Зачастую сами сообщества не осознают свою силу в возможности изменения сложившейся ситуации, решения общих проблем и контроля над своей жизнью и окружающей средой. На помощь в осознании индивидами своей принадлежности к сообществу, интеграции индивидов в сообщество и развитии способностей сообщества управлять своими жизнями, решать общие проблемы и достигать общих целей приходят такие методы социальных технологий как развитие сообщества (community building) и организация сообщества (community organizing).

Сообщества могут быть территориальными, а также нетерриториальными, основанными на общности интересов или характеристик (таких как этничность, сексуальная ориентация, род занятий и т.д.) [4, с 244]. На ранних этапах развития community studies, а также в классической социологии сообщество неотделимо от

территории. Конструктивистский подход к сообществам показал механику конструирования сообществ заинтересованными группами. В процессе технологического и информационного прогресса территория и даже сами люди перестали являться аксиоматическими субстратами сообщества [1]. Вместо территориальных границ сообществ появляются «внепространственные «контейнеры» сообществ нового типа» [1] – пространства социальных сетей, коммуникации в блогах и т.д. Одним из основных условий существования «сообществ нового типа» – общность целей и интересов участников. Формирование виртуальных сообществ было продиктовано в первую очередь поиском новых форм использования компьютерной сети для коммуникации, потребностью в общении, самоцелью таких виртуальных сообществ являлись Интернет-коммуникация, удовлетворение потребности в общении. Однако вслед за такими виртуальными сообществами стали появляться онлайн-сообщества, виртуальная коммуникация которых стала инструментом организации и координации взаимодействия людей.

Социальные технологии рассматриваются в двух значениях: как термин, относящийся к социально-инженерной деятельности и как описание social software (такое понимание возникает в начале XXI века). Социальная технология как социально-инженерная деятельность устанавливает особые пути и методы трансформирования общества. Одним из главных преимуществ применения таких методов является изменение отношений силы, «переворачивание отношений силы между правителем и тем, над кем осуществляется управление»[3, с. 11].

Организация сообщества и развитие сообщества – методы социальной технологии, расширяющие возможности группы. В ходе организации или развития сообщества происходит вовлечение групп в управленческие процессы, реализуются возможности членов сообщества, сообщество фактически выступает инструментом реализации управленческих решений. В конечном итоге сообщества уже не столько объект управления, сколько субъект управления. Одной из главных целей применения таких методов – взамен чувства зависимости от сложившейся ситуации выработать у членов сообщества чувство самодостаточности, уверенности в своих силах и ответственности. Организация сообщества и развитие сообщества минимизируют пассивность самих людей в решении проблемы и вовлекают общественность в активное участие, направленное на реализацию своих потребностей и достижение поставленных целей. Организация и развитие сообщества нацелены на развитие в членах сообщества способности влиять на управленческие решения, проявлять свою субъектность в различных сферах жизни, проявляя при этом ответственность за свои действия и критическое сознание.

В начале XXI века появляется новое понимание социальных технологий. С помощью информационных технологий, стало возможным электронное взаимодействие для достижения совместных целей и задач. Такое взаимодействие получает название информационных социальных технологий. С помощью информационных технологий, стало возможным электронное взаимодействие для достижения совместных целей и задач. Такое взаимодействие – e-collaboration – считается наиболее современным пониманием социальных технологий [5]. Таким образом, социальные технологии в современном значении могут быть применены для разных целей, в том числе для совместного принятия решения, обмена знаниями и т.д. Социальные технологии в таком случае могут быть описаны в трех аспектах:

- наполнение (richness): возможность передавать вербальные и невербальные сигналы коммуникации, а также своевременно продвигать общий смысл
- согласованность: возможность быстрого отклика
- “социальное присутствие” (social presence) – члены виртуальной команды должны ощущать себя близкими друг к другу [5]

Информационные социальные технологии помогают преодолеть географический барьер между людьми, таким образом стирая территориальное ограничение сообщества.

Они делают возможным нахождение сообщества вне определенного физического пространства.

Тем не менее, одно понимание социальных технологий не исключает другое. Возможно применение социальных технологий как социально-инженерной деятельности с помощью информационных социальных технологий. Примером такого синтеза служит исследование, проведенное А. Coccio, С. Mineo и Е. Meier [2], в котором обсуждается эффективность организации онлайн сообщества в социальных сетях для борьбы с детским ожирением.

Отправная точка на пути конструирования сообщества – правильная и четкая постановка проблемы, понятной каждому члену группы. Поскольку сообщество виртуальное, необходимо определить информационную социальную технологию, позволяющую производить необходимые действия для поддержания сообщества и его функционирования. Кроме того, выбор и дизайн информационной социальной технологии должен соответствовать различным характеристикам группы (демографическим, культурным и т.п.). При этом возникает необходимость в профессиональной подготовке посредников программы для ее дальнейшего внедрения. Внедрение самой программы происходит на двух уровнях: внедрение информационной социальной технологии в жизнь индивидов и через face-to-face программу, обеспечивающую наиболее полное понимание программы членами группы.

Описанные процедуры осуществляются таким образом в двух направлениях: наполнение технической стороны конструирования виртуального сообщества (выбор информационной социальной технологии, ее проектирование, дизайн и разработка и т.д.) и применение стратегии организации сообщества/построения сообщества. Каждая из процедур имеет поле для творчества, однако существуют различные факторы, влияющие на успешность, эффективность виртуального сообщества.

Конструирование виртуального сообщества как разновидность социальной технологии имеет большой потенциал для решения проблем различных социальных групп. Поскольку в настоящее время нет единого мнения относительно факторов, влияющих на успешность виртуальных сообществ, факторы эффективности социальной технологии конструирования виртуального сообщества требуют дальнейшего изучения.

1. Вахитайн В. Производство сообществ: событие, язык, коммуникация // 60 параллель №2(41), 2011 с. 72-81
2. Coccio A., Mineo, C. & Meier, E. (2010). *Using Online Social Networks to Build Healthy Communities: A Design-based Research Investigation.* // In *Proceedings of World Conference on Educational Media and Technology 2010* (pp. 3107-3116). Association for the Advancement of Computing in Education (AACE).
3. Leibetseder B. *A Critical Review on the Concept of Social Technology / Social Technologies.* 2011, 1(1): 7–24.
4. Minkler M., Wallerstein N. *Improving Health Through Community Organization and Community Building // Community Organizing and Community Building for Health and Welfare.* Rutgers University Press, 2012
5. Skaržauskiene A., Tamošiūnaite R. and Žalėniene I. *Defining Social Technologies: evaluation of social collaboration tools and technologies // The Electronic Journal Information Systems Evaluation Volume 16 Issue 3 2013, (232-241) , available online at www*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИОЛОГА

Иванова И.А. (Барнаул)

Термин «информация» является одним из основополагающих в современной науке и происходит от латинского слова *informatio*, которое в переводе означает сведение,

разъяснение, ознакомление. Согласно вероятностному подходу, информация – это сведения об окружающем мире, которые уменьшают степень неопределённости и неполноты знаний о них.

Благодаря бурному развитию информационных технологий проблемы доступа к результатам прошлым исследований сегодня просто не существует. У современных социологов есть большое количество возможностей для поиска необходимых данных, результатов исследований. В число таких возможностей входят многочисленные профессиональные базы данных, в которых хранятся сведения о различных социологических исследованиях и статистические данные, которые существенно облегчают работу социолога. Они содержат исследования, затрагивающие все стороны жизни: политику, экономику, культуру, науку.

Тема применения архивов, баз и банков социологических данных при проведении исследований не нова, и ранее изучалась многими авторами. Например, в статье Стрельниковой [1] рассматриваются различные отечественные и зарубежные базы данных. Среди отечественных баз данных выделены наиболее крупные: Фонд Общественное Мнение, ВЦИОМ, Банк Данных Социологических Исследований ИНИОН РАН. Социологи всего мира проводят тысячи исследований в год, различные показатели, уже измеренные ранее, варьируются год от года, появляются новые источники и базы данных, которыми пользуются исследователи.

Использование профессиональных баз данных может быть актуальным и при применении метода вторичного анализа данных. Вторичный анализ социологической информации, которая хранится в базе данных, даёт возможность использовать методы обработки данных и задавать критерии отбора и способы группировки первичных данных. «Использование первичной информации, хранящейся в банке данных, представляет возможность повторного контроля оценки качества исходных данных в базовом исследовании» [2].

Под базой социологических данных будем понимать организованную по определённым правилам совокупность предназначенных для машинной обработки данных, которая служит для удовлетворения нужд многих пользователей в рамках одной или нескольких организаций.

Наиболее известной и богатой результатами исследований является база данных архива ЕАЭСД [3]. Своеобразным девизом этого архива является: «обеспечение сохранности эмпирических данных и организация свободного доступа». И архив с этой задачей успешно справляется. Несмотря на сравнительно недолгий срок его существования, ЕАЭСД был основан в 2000 году, в нём собраны порядка 1000 социологических исследований и, кроме того, более 125 временных рядов основных показателей российской экономики.

Не менее крупной и известной в России базой социологических данных является Банк данных социологических исследований Института социологии РАН (БДСИ) [4]. Он был основан в 1985 году. Первоначальной целью его создания было накопление и систематизация данных различных социологических исследований. Над разработкой этого архива трудилось большое количество сотрудников Института, среди которых В.Г. Андреенков, А.В. Жаворонков, М.С. Косолапов, А.О. Крыштановский, О.М. Маслова, В.Н. Шипилов.

Сегодня Банк является одним из ведущих центров по накоплению данных. Информация, собранная в нём за 30 лет его существования, представляет собой огромный научный и практический интерес для современников. В настоящее время здесь хранятся результаты 700 социологических исследований. Тематика исследований включает все стороны жизни общества: социальная и демографическая структура общества, национальные конфликты, социальные напряжённости, семья, политические и экономические процессы в обществе.

ВЦИОМ - одна из старейших исследовательских организаций, регулярно проводящих различные маркетинговые, социальные и политические исследования, которая была основана в 1987 году [5]. Исследования проводятся Центром как на региональном и федеральном уровнях, так и на международном. База данных ВЦИОМ включает в себя результаты всероссийских опросов общественного мнения начиная с 1992 года.

Не менее известной базой данных является база Фонда Общественное Мнение [6], который до 1992г. работал при ВЦИОМе, после чего стал полностью самостоятельной организацией. За годы своей работы ФОМ стал известен не только в России, но и за рубежом.

Сравнительно новой базой данных является база «Социологические центры и коллективы России» [7], расположенная на портале Социологос.ру, которая содержит информацию о коммерческих и научных центрах, проводящих социологические и маркетинговые исследования на российском рынке. База была создана в 2002г., а в онлайн-доступе она стала доступна с 2010г. На данный момент в базе содержится более 600 организаций, проводящих исследования. База данных постоянно пополняется и обновляется за счёт баз данных коллег.

Ведущей статистической службой в России является Федеральная служба государственной статистики. На Едином Интернет-портале службы размещены следующие базы данных: - центральная база статистических данных (ЦБСД); - единая межведомственная информационно – статистическая система (ЕМИСС); - показатели муниципальных образований; - список витрин данных.

ЦБСД содержит информацию по основным разделам статистики. База данных была создана в 1998г. К целям создания ЦБСД относится информационно-справочное сопровождение пользователей статистической информации, среди которых органы власти и управления различных уровней, а также обычные пользователи и автоматизация статистических работ [8].

ЕМИСС [9] содержит официальную статистическую информацию, которая формируется субъектами статистического учёта. База данных введена в эксплуатацию в 2011г. Система представляет собой государственный источник статистических данных, получаемых из ведомственных хранилищ данных. В открытом доступе на сайте размещено более 1700 результатов статистических исследований.

База данных показателей муниципальных образований содержит ряд статистических показателей, распределённых по муниципальным образованиям.

Витрина данных представляет собой некий срез базы данных, который содержит тематическую, узконаправленную информацию, ориентированную на пользователей портала Федеральной службы государственной статистики. Список витрин содержит основные экономические показатели России.

Помимо рассмотренных баз данных существует ещё большое количество различных баз и банков данных на региональном и муниципальном уровнях, содержащих статистическую информацию, отражающую различные сферы жизни общества. Они не такие крупные, поэтому неизвестны профессиональному сообществу социологов, но это не уменьшает их ценности.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

- 1) Сохранение и преумножение результатов эмпирических социологических исследований волновало учёных во все времена. Сегодня благодаря активному внедрению информационных технологий в сферу социологии эта проблема решена за счёт создания профессиональных баз и банков данных.

- 2) Профессиональные базы данных – направление сравнительно новое, но достаточно перспективное. На данный момент базы данных используются в различных сферах жизни общества.

3) Профессиональные базы данных в области социологии помогают исследователям как в поиске первичной информации, так и при применении метода вторичного анализа данных.

4) На сегодняшний день существует достаточное количество баз данных, посвящённых проблемам социологии, которые помогают исследователям в поиске необходимой информации.

1. Стрельникова Л.В. *Исследовательские архивы; расширение возможностей для вторичного анализа*/ Л.В.Стрельникова //Социологические исследования.-2005.-№1.
2. Сычёва В.С. *Метод вторичного анализа* //Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/961/889/1216/023Sycheva.pdf>. (Дата доступа: 7.10.2015)
3. Сайт ЕАЭСД. Режим доступа: <http://sophist.hse.ru> (Дата доступа: 7.10.2015)
4. Сайт БДСИ. Режим доступа: <http://www.isras.ru/sbdsi.html> (Дата доступа: 7.10.2015)
5. Сайт ВЦИОМ. Режим доступа: <http://wciom.ru/database/> (Дата доступа: 9.10.2015)
6. Сайт базы данных ФОМ. Режим доступа: <http://bd.fom.ru> (Дата доступа: 9.10.2015)
7. Портал Социологос.ру. Режим доступа: http://www.sociologos.ru/ispolniteli/_o_baze_dannyh_sociologicheskie (Дата доступа: 8.10.2015)
8. Сайт ЦБСД. Режим доступа: <http://cbds.gks.ru> (Дата доступа: 8.10.2015)
9. Сайт ЕМИСС. Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/about.do> (Дата доступа: 9.10.2015)

ВОЗМОЖНОСТИ НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКИ ELIBRARY.RU ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ВЫБОРКИ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Казаков С.В. (Санкт-Петербург)

Практика работы с базой данных научной электронной библиотеки eLibrary на современном этапе её совершенствования свидетельствует, что накопленный потенциал (массив информации) уже позволяет - на основе предлагаемых библиометрических показателей и аналитических инструментов - делать достаточно отчётливые обобщения. В частности, можно говорить о релевантности технических возможностей данной базы для многоступенчатого многопараметрического отбора субъектов научной публикационной активности при составлении модели выборки для изучения таковой активности. В рамках работы над проектом Центра социолого-научоведческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН по изучению мобильности научных кадров и включённости российских учёных в международные научные коммуникации был предложен и разработан (Н.А. Ащеуловой, С.А. Душиной и С.В. Казаковым) алгоритм построения выборки для осуществления данной исследовательской задачи (результаты опубликованы в монографии Н. А. Ащеуловой и С. А. Душиной «Мобильная наука в глобальном мире»). В данном случае схема отбора единиц анализа (российских научных организаций и представляющих их учёных) была выстроена по следующей цепочке: «регион РФ – система научных организаций – организации по отраслям науки – отраслевые организации-лидеры по отобранным критериям – высокоцитируемые учёные в данных организациях – организационная аффилиация данных авторов». Как можно видеть, схема достаточно универсальна, воспроизводима и представляется целесообразной в качестве модельной.

Основу выборки на этапе отбора региона и системы организаций составил размещённый на сайте Санкт-Петербургского научного центра РАН Перечень научных учреждений Российской академии наук, расположенных в Санкт-Петербурге и Ленинградской области [1].

При помощи опции научной электронной библиотеки eLibrary.ru «Сравнение библиометрических показателей организаций» («Референтная группа организаций» - «Научные организации, подведомственные ФАНО», т.е. входящие в систему РАН) был произведён отбор организаций-лидеров в своих отраслевых подгруппах по следующим трём основным параметрам, наглядно, в сравнении характеризующим результативность международной научной коммуникации: «Число публикаций с участием зарубежных авторов», «Доля публикаций с участием зарубежных авторов, %» и «Доля публикаций в зарубежных журналах, %». Перечислим эти организации:

1) Санкт-Петербургское отделение Математического института им. В.А. Стеклова РАН (Отделение математических наук РАН); 2) Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН (Отделение физических наук РАН); 3) Институт проблем машиноведения РАН (Отделение энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН); 4) Институт аналитического приборостроения РАН (Отделение нанотехнологий и информационных технологий РАН); 5) Институт высокомолекулярных соединений РАН (Отделение химии и наук о материалах РАН); 6) Зоологический институт РАН (Отделение биологических наук РАН); 7) Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН (Отделение физиологии и фундаментальной медицины РАН); 8) Институт озероведения РАН (Отделение наук о Земле РАН); 9) Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН (Отделение общественных наук РАН); 10) Институт истории материальной культуры РАН (Отделение историко-филологических наук РАН).

Путём анализа упорядоченного по убыванию цитируемости списка статей каждой организации с учётом фиксируемого в eLibrary библиометрического параметра «Число цитирований публикаций в РИНЦ» производилось выявление высокоцитируемых учёных в данных организациях. Все авторы статей с высоким показателем цитируемости «проверялись» на их «организационную принадлежность» (аффилиацию) и отбирались, собственно, те, у кого данная рассматриваемая организация указана в качестве их основного места работы (по 4-5 человек в каждом институте). При отборе авторов в расчёт принималось как «качество» (наличие статей с авторством учёного в «топе» данного списка публикаций организации), так и количество публикаций с указанием фамилии автора в данном «рейтинге» статей организации. О более активной включённости данных конкретных авторов в международные научные коммуникации свидетельствует указание их аффилиации также и с иностранными научными организациями (что в большинстве случаев говорит об их высокой научной мобильности).

По результатам данного отбора (выявления) высокоцитируемых авторов, имеющих зарубежную аффилиацию, лидерами по количеству таких авторов можно назвать Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН, Санкт-Петербургское отделение Математического института им. В.А. Стеклова РАН, Институт высокомолекулярных соединений РАН, Институт истории материальной культуры РАН и Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН. (Список данных авторов, полученный с помощью описанного алгоритма отбора, приводится в статье, опубликованной по результатам данного этапа исследования в журнале «Социология науки и технологий» - см. [2]).

1. *Перечень научных учреждений Российской академии наук, расположенных в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // URL: http://www.spbrc.nw.ru/ru/structure/scientific_institutions*
2. *Казаков С.В. Анализ публикационной активности и включённости в международные научные коммуникации с помощью библиометрических показателей электронной библиотеки eLibrary.ru (на примере научных организаций Санкт-Петербурга, подведомственных ФАНО) // Социология науки и технологий, №4, 2014 – С.96-104.*

Исследование посвящено анализу коммуникативных ситуаций «перехода от ссоры к примирению». «Перемирие» предлагается рассматривать как особый вид переходных ситуаций предполагающих соответствующее коммуникативное поведение с присущими именно ему речевыми и неречевыми ресурсами конструирования ситуаций данного вида. Социально-конструкционистский анализ коммуникационного содержания перемирия позволяет объяснить драматичный парадокс функционирования примирительных речей и практик, а именно часто фиксируемую неспособность примирения сторон посредством примирительной речи.

Исследовательские гипотезы сформулированы следующим образом:

- Ситуации перемирия структурно сходны с кризисными/стрессовыми ситуациями, т. е., согласно теории динамических систем, их отличает крайняя неустойчивость; относительно кратковременный характер такого состояния (система стремится к определенности); невозможность надежного прогнозирования их дальнейшего развития.
- Переходность и временный характер ситуаций перемирия порождают условия для эгоцентричного коммуникативного поведения вовлеченных сторон, подавления или подчинения как предпочтительных паттернов взаимодействия.
- Коммуникативное содержание примирительных речей ориентировано на приобретение ее адресантом доминирующего статуса по отношению к адресату, что приводит к борьбе за доминирование.
- Асимметричное взаимодействие в ситуациях перемирия усиливает недоверие между сторонами конфликта.
- Коммуникативное поведение при недоверии формирует опыт вынужденной и непрямой коммуникации, провоцирует квази и псевдообщение, «коммуникативное безъязычие».

Проведенный в рамках исследования эксперимент, содержанием которого стало восприятие респондентами «примирительных» текстов, позволяет утверждать, что заявленные исследовательские гипотезы находят свое подтверждение.

В ходе эксперимента 50 университетским сотрудникам (включая преподавателей, аспирантов, студентов, административных работников) было предложено оценить «примирительный» потенциал ряда текстов, в том числе: опубликованного 12 января 2015 г. в газете Le Monde открытого письма французского режиссера Люка Бессона молодым французским мусульманам в связи с терактом в редакции издания «Шарли Эбдо» и в ответ на массовые анти-исламские демонстрации и акции протеста, проходившие в те дни во Франции; тексты детских «примирялок», а также опубликованное на сайте «Петр и Мазепа», позиционирующего себя как ресурс русских интеллектуальных националистов в/на Украине, обращение к русскоязычным украинцам в связи с военным конфликтом на Украине.

Подавляющее большинство участников оценили как «низкую» возможность достичь примирения посредством рассмотренных текстов. К числу «блокирующих» речевых приемов в предложенных текстах были отнесены:

императивные конструкции в категоричной форме (например, «мирись и больше не дерись»; «разговаривайте с россиянами, которые не замечены в войне с Украиной, не как со смертельными врагами, а как с заблуждающимися родственниками»; «автомат стоит 250 евро, а ручка – всего 3 евро, но такой ответ будет иметь в тысячу раз большее влияние»);

условные конструкции, управляющие поведением адресата, включая угрозы в случае невыполнения условий (например, «если будешь драться, я буду кусаться»; «надо общаться с нашими братьями в России и говорить им о правде, иначе они никогда не

поймут, как Путин затыкает их трупами дыры в своей “вертикали власти”»; «если вы будете работать и учиться, возьмете в руки карандаш вместо автомата Калашникова, демократия предложит вам все инструменты для того, чтобы защитить себя»);

использование адресантом мета-конструкций, прежде всего обобщающих «мы-высказываний» (например, «кто не будет мириться, с тем не будем водиться»; «мы не можем строить свое счастье на несчастье других: это не по-христиански, не по-мусульмански и не по-иудейски»; «вызывайте жалость к нашей маленькой стране... “Мы так вам доверяли, а вы на нас напали”»).

Использование отмеченных речевых конструкций усиливает восприятие сообщений как асимметричных, конструирующих неравенство, принуждение, зависимость. В результате восприятие в целом эмпатического обращения Л. Бессона и откровенно манипулятивного текста на сайте «Петр и Мазепа» отличается незначительно.

Нарушение симметричности взаимодействия стимулирует обращение к процедурам проверки достоверности получаемой информации, что в свою очередь ведет к замедлению или полному прекращению коммуникации с теми, кому не доверяешь. Эффект «сокращения коммуникативного пространства», или «коммуникативного безъязычия», в ситуациях недоверия фиксируется как в проведенных нами опросах, так и во многих исторических, социологических, лингвистических исследованиях. Отвечая на вопрос нашей анкеты «Что вы делаете, если у вас возникает недоверие к партнеру по общению?», большинство респондентов выбирают ответы: «Сокращаю контакты (встречи, разговоры, совместные дела и пр.)». Соответственно вопрос-зеркало – «Сталкивались ли вы с проявлением недоверия к вам лично?» – у большинства вызывает затруднение или ответ «нет». Описанное поведение, на наш взгляд, содержит условия парадоксальной коммуникации, то есть невозможность преодолеть недоверие, обращаясь к приемам и процедурам его снижения. Иначе говоря, коммуникативное поведение в ситуации недоверия запускает порочный круг недоверия как в социальных, так и межличностных отношениях. На институциональном уровне недоверие сопровождается и проявляется в увеличении числа контролирующих организаций и процедур, которые одновременно его обслуживают и воспроизводят. На межгрупповом и межличностном уровнях, казалось бы, компенсирующие недоверие к социальным институтам межличностные и межгрупповые связи (интернет-сообщества, знакомые, друзья, родственники и т.п.) функционируют с использованием механизма негативной солидарности и как следствие запускают порочный круг утраты доверия прежним сообществам и бесконечный поиск тех, кому, кажется, еще можно доверять.

Необходимость поддерживать социальный контакт в условиях недоверия порождает коммуникативный феномен лицемерия. Потенциальная конфликтность данной коммуникативной практики поддерживается существующим в современном обществе социальным требованием маскировки истинных чувств и намерений во многих социальных ситуациях. В коммуникативном отношении наиболее разрушительным является поведение, которое в просторечии называется «двурушничеством» или «двойной игрой», когда актер, преследуя собственную выгоду, не поддерживает по-настоящему ни одну из сторон. Не случайно этот вариант лицемерия ассоциируется с коварством и предательством, провоцируя переход к паттерну недоверия. Близким по содержанию является лицемерие с целью завоевать чью-либо симпатию и доверие, чтобы использовать их в своих целях и (или) причинить вред.

Таким образом, сама структурная организация речевого сообщения в жанре «примирений» провоцирует недоверие и лицемерие между участниками речевой коммуникации, что может служить объяснением обсуждаемому парадоксу трудности примирения посредством примирительной речи.

ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГОВ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СРЕДАХ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЗИАТСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кузьмина О.В. (Санкт-Петербург)

Мировое образовательное сообщество все больше внимания уделяет феномену международных образовательных рейтингов. Важно отметить, что сами рейтинги появились совсем недавно. Первый образовательный рейтинг был составлен в 1983 году американской газетой US News & World Report. За 32 года существования международных рейтингов университетов появилось множество рейтинговых агентств в ведущих странах мира, были усовершенствованы критерии оценивания университетов и, наконец, позиция университета в мировом рейтинге стала отражением системы высшего образования в стране.

Появление рейтинговой системы оценивания университетов приверженцы направления “Новой социологии образования” считают обязательным аспектом прогресса национальных образовательных систем. Так Филип Векслер – профессор в области социологии образования Иерусалимского университета в своей статье “Социология образования” говорит о том, что важным изменением, внесенным в традиционную концепцию социологии образования, стало иное понимание явления “образование” и включение новых методов в оценку и контроль качества образования. Рейтинги - это не только маскировка идеологии групповых интересов в виде объективного знания, это также воспроизводство социальных образцов неравенства, которые проявляются в различиях индивидуальной успеваемости каждого университета [7]. Марейк ван дер Венде – ведущий профессор в области высшего образования в Европе в своей теории говорит о том, что рейтинги возникают в связи с процессом глобализации, который не оставил без внимания и институт образования. Рассматривает рейтинги как механизм, который стимулирует процессы модернизации в вузах. Говорит о том, что рейтинги “inevitable”, то есть неизбежны [5].

Одним из самых интересных аспектов мировых образовательных рейтингов является социальная среда, в которой был составлен международный рейтинг. Под социальной средой мы будем понимать – совокупность экономических, социальных, духовных и образовательных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп [3].

Социальная среда при конструировании международных рейтингов включает в себя 4 различных аспекта: экономический, социальный, духовный и образовательный. Синтезируя все аспекты, аналитики формируют критерии международных рейтингов, опираясь на сильные стороны своей социальной среды, чтобы в рейтинговой гонке, национальные университеты занимали лидирующие позиции.

3 декабря 2013 года Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала свой очередной отчет изучения национальных систем образования в мире. В нем ОЭСР исходила из простого положения, что современное развитие в основном определяется качеством национальных систем образования [1]. Таким образом, ОЭСР провела полноценное исследование и опубликовала результаты, в которых лидирующие позиции как по отдельным дисциплинам, так и с учетом всех критериев, занимают азиатские университеты. По направлению “математика” лидируют Шанхай (Китай), Сингапур, Гонконг (Китай), Тайпей (Китай), Южная Корея, Макао (Китай), Япония, Лихтенштейн и Нидерланды. По естественным наукам рейтинг ОЭСР выглядит следующим образом: Шанхай (Китай), Сингапур, Япония, Финляндия и Гонконг (Китай). На первом месте по чтению в мире идет Шанхай (Китай). За ним Гонконг, Япония и

Сингапур. Далее: Австралия, Бельгия, Канада, Финляндия, Франция, Ирландия, Южная Корея, Лихтенштейн, Новая Зеландия, Норвегия и китайский Тайпей [Там же].

Безоговорочное лидерство азиатской системы образования говорит о том, что социальная среда, в которой формируются рейтинги находится в гармонии с желаниями студентов, профессоров и национальных интересов. Сравнительный анализ азиатской социальной среды и европейской социальной среды поможет выявить как плюсы, так и минусы различных мировых культур в развитии национальных систем образования.

Азиатская социальная среда по праву может считаться самой интересной, потому что жизненный уклад абсолютно отличается от европейского, который считается более привычным для нас. Экономическая составляющая. Высокий уровень жизни в странах. Азиатские столицы занимают лидирующие места в рейтингах самых дорогих городов для проживания: Сингапур – 1 место, Токио – 8 место, Сеул – 11 место [9]. Важно отметить, что в целом, Азия не находится под американским влиянием. Они не нуждаются в американских и европейских гаджетах, потому что они способны конкурировать и производить свои электронные устройства, которые популярны по всему миру. Например, компания SAMSUNG, которая производит высокотехнологичные смартфоны, планшеты, ноутбуки, бытовую технику и электротехнику свободно конкурирует с американским производителем APPLE. Очень высокий уровень производства, начиная от косметики MISSHA, NATURE REPUBLIC, INNIS FREE, заканчивая автомобильным бизнесом KIA, MAZDA, LEXUS, INFINITI. Социальная сфера. Социальная сфера развита: борьба с нищетой, помощь незащищенным слоям населения, безопасность, регулирование процесса глобализации: сюда включается и туризм, и забота об окружающей среде, и инвестиции. Духовная сфера. Огромное разнообразие религий: Синтоизм – японская религия; Буддизм и Конфуцианство – Корея, Китай, Малайзия; Ислам – Малайзия, ОАЭ, Гонконг, Филиппины; Католицизм – Филиппины; Каодай – Вьетнам. Образовательная сфера. Наличие собственного ведущего международного рейтинга ARWU. Высокий уровень качества образования по рейтингам ОЭСР. Различные модели и системы образования в университетах. Образование в течение всей жизни. Развита материальная поддержка обучающихся: большое количество стипендий и грантов как для коренных жителей, так и для иностранных. Азиатская социальная среда по праву может считаться благополучной, самостоятельной и конкурентоспособной.

Европейская социальная среда. Экономическая сфера. Европейские страны находятся под прямым влиянием со стороны США. Сильно развито автомобильное производство: BMW, MERSEDEZ, VOLVO, VOLKSWAGEN. Социальная сфера. Социальная сфера развита: борьба с нищетой, защита прав человека, помощь незащищенным слоям населения, развитие социального предпринимательства, развитие туризма. Духовная сфера. По сравнению с азиатской духовной сферой европейская сфера уступает в количестве главенствующих религий в различных странах. Католицизм: Испания, Ирландия, Бельгия, Австрия, Монако, Андорра, Швейцария. Протестантизм: Англия, Норвегия, Швеция, Дания, Исландия, Финляндия. Ислам: Албания, Босния и Герцеговина, Македония. Образовательная сфера. Наличие британского образовательного рейтинга The Times Higher Education. Британские университеты конкурируют с ведущими американскими университетами за первую строчку в ТОП-100 мировых университетов. Образование в течение всей жизни только для высокообеспеченных людей. Получение грантов и стипендий затруднено.

Таким образом, рейтинговая система оценивания университетов набирает популярность на уровне ученых и аналитиков, но и на государственном уровне. Проанализировав различные социальные среды, можно сделать вывод о том, что чем развитее социальная среда, тем положение университета в международном образовательном рейтинге выше, потому что все системы жизнедеятельности общества находятся в гармонии, что в совокупности приводит к прогрессу.

1. Информационное агентство REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1741311.html>
2. Свободная энциклопедия Википедия https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_среда
3. Шаронова С.А. Из истории развития социологии образования зарубежом с. 119-126 http://ecsocman.hse.ru/data/712/876/1216/016_sharionova.pdf
4. Marijk van der Wende "Rankings and Classifications in Higher Education: A European Perspective"
5. Marijk van der Wende Rank or To be ranked: The impact of Global Rankings un Higher Education
6. Phillip Wexler "Social Theory in Education, 2008"
7. TheKoreaTimes http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2015/09/116_187112.html

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ДИЗАЙНЫ В СТРАТЕГИЯХ СМЕШИВАНИЯ МЕТОДОВ И ИХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Ларкина Т.Ю., Круглова К.Д., Балакирева М.С. (Москва)

В исследовательской деятельности общественных и даже гуманитарных наук мы прибегаем к разным методам. Какой метод лучше? Как объясняется логика обращения к определенному методу или же связки нескольких? В последнее время исследователи пытаются упорядочить стратегии выбора и реализации многометодных исследований. Обратимся к краткому обзору имеющихся методологических обобщений.

На выбор исследовательского дизайна, как говорит Джон Кресвелл, влияют философские парадигмы, методы и стратегии исследования. Кресвелл выделяет 4 философские парадигмы: (пост-)позитивизм, конструктивизм, критическая теория, прагматизм, – и 3 стратегии исследования: качественная, количественная смешанная (mixed methods) (таблица 1).

Безусловно, решение о проведении исследования с помощью дизайна mixed methods зависит от поставленного вопроса и обозначенных задач. Также Джон Кресвелл отмечает, что решение о выборе исследовательского дизайна должно исходить из учета навыков исследователя, существующих в его распоряжении ресурсов, в т. ч. временных, и аудиторию, заинтересованную в результатах. Mixed methods research также требует от исследователя навыков владения обоими техниками исследования – количественными и качественными и бóльший объем ресурсов.

Рассмотрим, какие дизайны исследований выделял Л.Морган и какие цели исследователя они могут удовлетворять (таблица 2).

Предложенные типы дизайнов в разной степени популярны среди исследователей. Мы хотели бы проиллюстрировать один из них – последующих качественных вкладов в количественный проект на примере проекта «Применение стратегии смешивания методов в изучении адаптивности городской среды для детей». Городское пространство создает ряд ограничений для эмоциональных и деятельных практик различных категорий граждан. Для совершенствования и конструирования комфортных городских пространств требуется детальное изучение опыта различных категорий горожан, так как каждая из них имеет свои особенности. Данное исследование сфокусировано на процессе освоения городского пространства родителями (преимущественно женщинами) с маленькими детьми.

В рассматриваемом проекте применяется многометодная стратегия как эффективная альтернатива монометодной; рассмотрены ее преимущества и познавательные возможности. Потребность в использовании такого рода стратегии вызвана характером предмета исследования: городское пространство представляет собой многогранный концепт. С одной стороны оно может рассматриваться как продукт и требует оценки потребительской удовлетворенности (отсюда потребность в количественном анализе). В то же время, качественный подход применен для более

детального изучения различных пространственных практик горожан с детьми, процессуальности потребления городского пространства, практик освоения пространств.

На первом этапе исследования выяснялся уровень удовлетворенности горожан различными аспектами городской среды. Респонденты для второго, качественного этапа отбирались исходя из модели выбора участников. С ними проводились глубинные интервью. Целью было прояснить и дополнить результаты первого этапа – особенности восприятия городского пространства родителями маленьких детей, определить типичные маршруты для различных категорий горожан с детьми (в зависимости от образа жизни родителей, возраста ребенка и пр.), средства освоения пространства, выявить наиболее значимые для горожан проблемы.

ОБ АЛГОРИТМАХ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В СФЕРЕ ТРУДА

Максимов Б.И. (Санкт-Петербург)

Как социолог-прикладник по прошлой работе и приверженец практического приложения социологии к жизни, с удовлетворением отмечаю появление на Ковалевских чтениях секции по прикладной социологии и даже высказываю пожелание сделать секцию постояннодействующей ввиду актуальности и значимости обозначенной социологии.

Прежде всего, о понимании прикладной социологии. Мы понимаем прикладную социологию не как отдельную отрасль социологического знания, а, в соответствии с одним из словарей, как «область социально-практических, управленческих приложений теоретического и эмпирического социологического знания, социологической методологии, информации (данных) и методов исследования [1, с. 246]. То есть прикладные исследования и прикладная социологическая деятельность не существуют сами по себе, а являются аспектами, продолжением нормальных (классических) исследований, в т.ч. теоретического знания, так же как неприкладные исследования без приложения в область практических приложений, можно назвать неполными. Такой подход и значение прикладной социологии мы неоднократно отмечали в публикациях [2].

По поводу неклассических алгоритмов прикладной социологии можно заметить, что они представляют как бы социологическую роскошь, своего рода изыски при наличии большого фонда классических алгоритмов, которые можно с успехом использовать, и которые недостаточно используются. Дело не в дефиците алгоритмов и даже их современности, а в их применении. Существует, как известно, целая социальная инженерия, в ней такие известные алгоритмы как социальное проектирование, социологическое сопровождение, моделирование и др. При их использовании (дело, повторяем, в этом) можно добиться хороших результатов. По крайней мере, в построении прикладной социологической деятельности.

Но если в программе Чтений обозначены «неклассические алгоритмы», то можно вести разговор и на эту тему, в том числе рассказать об одном практическом проекте из сферы социологии труда, реализованном автором еще тогда, когда российская социология была в значительной степени прикладной. Главная его отличительная черта, и которую мы считаем наиболее значимой, это полнота элементов (компонентов) исследования и всей прикладной социологической деятельности. Сразу назовем предмет, о котором идет речь, далее идет раскрытие шагов по реализации проекта. Эти шаги приложимы не только к данному проекту, мы рассматриваем их как типичные компоненты полного алгоритма. Речь идет об исследовании и внедрении управления внутризаводским движением кадров как способе решения нескольких проблем управления кадрами (снижение текучести, реализация продвижения, устройство на работу в соответствии с подготовкой

ориентациями и др.). Разработка была выполнена на одном из петербургских предприятий (Кировском заводе), но она приложима и к другим предприятиям (организациям), и в настоящее время, в качестве образца [3, 88 с.].

Первый этап полного алгоритма прикладной социологической деятельности – это выявление (наличие) и формулирование заказа на решение той или иной проблемы и, соответственно, заказчика. В стандартных случаях заказчиками выступают предприятия (организации), различные управленческие структуры, органы власти, общественные организации и т.п. В социологии известен и социальный заказ, который исходит как бы из общества, сферы его жизни, носится как будто в воздухе. Из всех значимых характеристик заказа и заказчика наиболее важной является... их наличие. С этого начинается полный алгоритм. В нашем случае потенциальным заказчиком была кадровая служба, но она не могла сформулировать заказ ввиду неспособности и негативной позиции к проекту. Это осложнило работу, роль заказчика приходилось брать на себя.

Далее был предпринят нестандартный ход – разработка заранее проекта, который должен быть создан в результате исследования, проектирования и внедрения. Разумеется, это было прогнозирование с элементами фантазирования. Создание этого компонента оправдало себя. Проект определяет, организует последующую деятельность, задает направления усилий и содержание работы. С внутризаводским движением кадров мы были уже знакомы (по исследованиям новосибирских социологов), на основании этого можно было построить модель использования движения для решения требующихся задач.

Этап исследования сам по себе – стандартный, но у нас он был нацелен не просто на изучение практической картины, а на обоснование проекта. Для чего, в частности, проводился опрос рабочих по поводу их установок на использование внутризаводских перемещений.

На следующем этапе, традиционно, социологи сдают заказчику результаты исследования, возможно в форме социологических рекомендаций, и считают свою работу выполненной. Аргументами при этом служат: управленцы – специалисты в исследуемой сфере, знают картину в целом и умеют применить социологические результаты; «им виднее, что надо делать». В публикациях автор опровергал такой подход. Если управленцы и специалисты в области управления, то они дилетанты в социологии, в человеческих отношениях, социальных сторон труда, производства. Кроме того, для них социологические разработки – чужие, нередко – чуждые, они смотрят на выводы, рекомендации социологов со скепсисом. Нередко им достаточно самого факта проведения исследования (для «галочки»).

Мы, в своем случае, представили, конечно, результаты и рекомендации. Но не ограничились этим, в частности, ввиду знания заказчика и возможности им испортить деликатное дело грубыми методами работы с кадрами. Имея необходимые данные, мы разработали проект (конструкцию) системы управления внутризаводским движением кадров, теперь уже такой, который должен работать в практике, расписав действия кадровиков, самих работников, составив формы документов, процедуры, начиная с подачи заявления, заканчивая реальным переходом работника на другое место.

Мы не остановились и на этом, имея ввиду возможность бездеятельности, или «изображения» деятельности кадровиков. Был подготовлен и издан организующий документ – приказ генерального директора со всеми соответствующими приложениями. Приказы, в отличие от рекомендаций, подлежат выполнению. И практическая работа началась, с организационными и социально-психологическими трудностями, была, по крайней мере, непривычной. Ведь до того существовали не только негативное отношение к «беганию внутри завода», но и прямой запрет на внутризаводские переводы. Их можно было осуществить только через увольнение. Рабочий оформлял увольнение, тут же подавал заявление на поступление – на то место, куда он хотел перевестись. Так они осуществляли переход внутри предприятия. Кроме высказывания кадровиков: «Разрешите одному – все начнут бегать», серьезных отрицательных аргументов не было.

Заключительным компонентом полного алгоритма у нас было известное социологическое сопровождение, которое выполнило свою важную роль. Мы наблюдали, как осуществляются перемещения, следили за выполнением процедур и в случае обнаружения недоработок, вносили коррективы. Теперь можно было быть уверенным, что проект работает (под нашим контролем).

Мы написали о нашей разработке брошюру, издали ее в Лениздате и выставили на продажу в заводском книжном киоске. К удивлению даже нас самих, тираж в 5 тыс экземпляров быстро разошелся, велся разговор о втором издании. Это значит, что целостная разработка была воспринята работниками, в т.ч. рядовыми, у которых и были потребности в перемещениях.

Финал дела, однако, не оптимистический. Пока существовало социологическое сопровождение, система работала. Потом грянула перестройка. Одной из первых жертв пала заводская социологическая служба. Затем наступил кризис производства. Главной заботой кадровиков стало «избавление от излишней численности». В этой ситуации не до внутризаводского движения кадров. Кризис., как известно, затянулся....

1. *Краткий словарь по социологии / Под общ. Ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. Политиздат, 1988. С. 246.*
2. *Максимов Б.И. Четыре ступени движения социологии к жизни // СОЦИС, 2008. № 7.*
3. *Максимов Б.И. Как управлять перемещением кадров в объединении. Письма с Кировского завода. Лениздат, 1979. 88 с.*

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ МОТИВОВ ВЫБОРА ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖЬЮ

Наумова Е. (Новочеркасск)

Современное российское образование выступает стратегически важной сферой человеческой жизни молодых людей, поскольку оно формирует интеллектуальный потенциал общества. Образовательная среда формирует устойчивость личности в выборе жизненного и профессионального пути, не смотря на трудности в адаптации к ней, заключающейся в росте числа лиц, ощущающих одиночество особенно на первых двух курсах обучения [1,2]. Выбор будущей профессии, выступает важным моментом самореализации молодых людей, выпускников школ, которые становятся самостоятельным субъектом жизненного самоопределения, а желание получить престижную, хорошо оплачиваемую работу является одной из главных характеристик будущей профессиональной карьеры.

Как отмечает Семенова Л.А., на основе проведенных социологических исследований, мотивы профессионального выбора молодежи самые разнообразные и зачастую совершенно не связаны с выбором конкретной профессии. Специальность выбирается стихийно, в значительной степени под влиянием внешних факторов, при этом не обращается внимание на её востребованность на рынке труда [3]. Молодежь испытывает значительные трудности при выборе профессии вследствие крайне низкой информированности в отношении существующих специальностей, инженерных образовательных программ.

Как отмечает В.А. Ядов в своей книге «Стратегия социологического исследования», анкетный опрос это незаменимый прием получения информации о субъективном мире людей, их склонностях, мотивах деятельности, мнениях [4]. С целью получения достоверной и обоснованной социологической информации о мотивации выбора инженерного образования учащейся молодежи применим в комплексе

социологические методы и психологические методики. Социологические методы позволяют фиксировать мнение молодых людей о престижности высшего образования, профессиональных предпочтений, оценку ожиданий от выбранной специальности. Психологические методики направлены на выявление способностей к определенному виду деятельности.

Определимся с содержанием понятия «мотивация выбора инженерного образования». Под мотивацией выбора инженерного образования будем понимать совокупность побуждающих факторов (объективных и субъективных), которые стимулируют и поддерживают поведенческую активность и определяют направленность профессиональных предпочтений учащейся молодежи в соответствии с выбором высшего инженерного образования.

Понятие «мотивация выбора инженерного образования» состоит из следующих компонентов, каждый из которых можно измерить: индивидуальные склонности (способности), интерес к профессии (призвание), подготовленность к поступлению, стремление овладеть желаемой профессией, установка на получение определенной профессии.

Для апробирования эффективности использования выбранных методов для социологического анализа мотивов выбора инженерного образования было проведено авторское социологическое исследование, методом которого выступил анкетный опрос. Выборочная совокупность составила 40 обучающихся.

Результаты авторского социологического исследования выглядят следующим образом:

- на вопрос «Собираетесь ли Вы после окончания школы получать высшее образование?» 87% респондентов ответили, что хотят поступить в высшее учебное заведение после окончания школы, 10 % ответили, что хотят продолжить обучение в средних специальных учреждениях. Только 3% респондентов не определились с выбором;

- на вопрос «Укажите факторы, которыми руководствуетесь при выборе высшего учебного заведения?» были получены следующие данные. Относительное большинство учащихся при выборе высшего учебного заведения ориентируются на «престижность вуза» (56%), «конкурентоспособность выпускника на рынке труда» (48%), «наличие общежитий» (36%), «наличие бюджетных мест» (36%), «низкая стоимость обучения» (36%). Данные критерии составляют основные требования, предъявляемые абитуриентами к выбору высшего учебного заведения. Таким образом, по мнению респондентов, выбираемый вуз должен быть престижным;

- на вопрос «Назовите мотивы выбора данного направления подготовки?» были получены следующие результаты: 53% опрошенных в качестве мотивов выбора направления подготовки отметили «интерес к специальности», 45% «материальное благополучие, связанное со специальностью», 41% «конкурентоспособность на рынке труда». Наименьшие ответы распределились следующим образом: «советы близких людей, желание родителей», «низкая стоимость обучения», «такая специальность у моих родителей»;

- оценка уровня престижности инженерного образования в сознании учащейся молодежи выглядит следующим образом: оптимистические оценки продемонстрировали 12 % и 11% опрошенных, определяя уровень престижности инженерного образования как высокий и выше среднего. Значительно больше среди наших учащихся пессимистов, 14% и 47 % опрошенных оценивают ниже среднего и низкий. Удельный вес респондентов, квалифицирующих престиж инженера на среднем уровне-16%.

Таким образом, продуктивным в оценке мотивов выбора инженерного образования выступает комплекс социологических и психологических методов. На уровне вуза необходимо уделять больше внимания профориентационной работе в школах, а также предпринимать меры, направленные на повышение престижности инженерных специальностей. К данным мерам можно отнести: издание в вузах

справочной литературы: книги, рекламные проспекты, красочные плакаты, фотоальбомы, демонстрирующие историю вуза, о его выпускниках, о содержании профессии, о жизни и быте студентов; создание в вузах работниками телевидения и педагогами профориентационных фильмов, формирующие профессиональную направленность.

1. Климентьева Е.Н. *Одиночество как стратегия поведения в условиях социальной неопределенности*//Система ценностей современного общества. 2010. № 10-2. С. 134-136.
2. Климентьева Е.Н. *Одиночество как социальная проблема современной России*// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3. С. 97-101
3. Семенова Л.А. *Особенности профессионально-трудового самоопределения молодёжи* // Вестник Института социологии РАН.-№2 (апрель). 2011. С.87-105
4. Ядов В.А. *Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности*/ В.А. Ядов. - 3-е изд., испр. - Москва: Омега-Л, 2007. - 567 с.

СКРЫТАЯ УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА И ПРИЕМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Нечитайло И.С. (Харьков, Украина)

Образование – социальный институт, направляющий процессы социализации и идентификации, что делается, помимо прочего, и с помощью учебных программ. Задачей социологии является не просто критика результатов такой «направляющей» деятельности, а поиск механизмов, с помощью которых эту деятельность можно сделать более эффективной, социально полезной. Кризис образования ставит перед специалистами проблему не косметических правок учебных программ, стандартов образования и другого формального антуража, он требует выстраивания новой модели образования, целостной и гармоничной, основанной на полноценном, всестороннем развитии личности, расширении границ ее мировоззрения, ценностях гуманизма. Для этого необходим капитальный ремонт не только содержания образования, но и механизмов передачи этого содержания, в частности, за счет изменения педагогических практик, основанного на рефлексии «секретов» процесса образования, не лежащих на поверхности, не видимых невооруженным глазом. Такие «секреты» содержит в себе скрытая учебная программа. Именно она всегда привлекала внимание социологов [1; 2; 3; 6].

Скрытая учебная программа, не будучи формально отраженной в официальной документации образовательного учреждения, воплощается во всем многообразии взаимодействий субъектов образовательного процесса, в отношениях, привычках, ценностях и традициях и в действительности оказывает сильное воспитательное воздействие, существенно влияя на процесс становления личности, социализации и идентификации. Современным реалиям образования в наибольшей степени соответствует определение скрытой учебной программы как совокупности культурных смыслов и моделей, которые спонтанно транслируются образовательной средой – системой взаимосвязей и отношений, образцами коллективного действия, складывающимися в процессе образовательной коммуникации, реально реализуемыми в этой среде ценностями и нормами [3, с. 96; 4, с. 179; 5, с. 6-7].

Скрытая учебная программа инкорпорирована: 1) в практики агентов образовательного процесса; составляет часть габитусов обучающихся; следовательно, ее можно рассматривать как структуру, формирующую габитусы обучающихся; 2) в образовательную среду учебного заведения, через предметную область которой могут манифестироваться скрытые смыслы, в частности, связанные с нормами и ценностями, поддерживаемыми как на уровне конкретного учебного заведения, так и на уровне института образования, государства и общества в целом; 3) тексты образования (как устные, так и письменные), являющиеся результатом кодификации знания и средством его трансляции, от содержания и формы которых во многом зависит «развивающая» результативность образовательного процесса.

Какими бы продуманными не были учебные программы, какими бы разнообразными не были методы обучения, все это приводится в движение действиями педагога, в частности его речью, а точнее дискурсом. По сути, образовательный (а особенно, аудиторный и педагогический) дискурс является важнейшим средством, обеспечивающим действие скрытых учебных программ. Как известно, одной из форм институционализации образовательного и, в частности, педагогического дискурса является лекция. В текстах лекций можно обнаружить те дискурсивные практики, которые свидетельствуют о целях дискурса, отражают его культурные смыслы, транслируемые предубеждения и образы (как объекты идентификации). Лекционный материал может содержать целую цепочку таких смыслов. Следовательно, для того, чтобы определить совершает ли лекция как дискурсивное событие работу по закреплению определенных идей и предубеждений, необходимо рассмотреть, как ее текст конструируется самим автором (обучающим) и как интерпретируется обучающимися. С этой целью нами было проведено исследование, с применением авторского метода, условно обозначенного как «экспериментальная лекция».

Вся структура педагогического дискурса: лексическая структура текста, заголовки, подзаголовки, выбор метафор, смысловые акценты и т. п. – может быть смещена в сторону доминирования определенной идеи. Тексты экспериментальных лекций, подготовленных преподавателями, должны быть структурированы так, чтобы косвенно воспроизводить определенную систему взглядов и идей. Анализ студенческих парафраз этих лекций позволит обнаружить «задержавшиеся смыслы», внесенные в сознание педагогическим дискурсом и провести параллели с конкретными дискурсивными практиками преподавателя. С помощью метода экспериментальной лекции нами было проведено исследование, результаты которого оказались весьма интересными.

Цели исследования состояли в следующем: 1) апробировать некоторые приемы неявной педагогики, внедрения скрытой учебной программы; 2) определить результативность этого внедрения и 3) выявить условия и способы сопротивления неявной педагогике и скрытой учебной программе.

Гипотеза: на формирование мнения обучающихся о предмете лекции, существенно влияет структура и стратификация ее содержания, а также специфика аудиторного дискурса (монологичность/диалогичность) и педагогического дискурса (авторитарность/демократичность).

В трех студенческих группах (2-х экспериментальных и 1-й контрольной, по 7–8 человек) читалась лекция на тему: «Гендерное неравенство и дискриминация». Такая тема была выбрана не случайно. Как на уровне массового, обыденного сознания, так и в научном сообществе, имеет место поляризация точек зрения по поводу существования гендерной дискриминации в современном обществе. одни считают, что дискриминация существует, другие убеждены в обратном.

Результаты эксперимента подтвердили гипотезу. Основные выводы, сделанные на основе этих результатов, представим согласно содержанию поставленных целей: 1) были апробированы такие приемы и способы реализации неявной педагогики и скрытой учебной программы как: фрагментированная подача и умалчивание информации,

монологичность дискурса, давление авторитетом (со стороны обучающего); 2) эти приемы весьма эффективно срабатывают, в результате их применения обучающимися улавливаются и усваиваются именно те смыслы, которые хочет передать (навязать) обучающий. Причем, обучающиеся не ощущают этого навязывания и в итоге имеют стойкую убежденность, что тот вывод, к которому они пришли, является именно их собственным (не навязанным) мнением; 3) навязывание становится малоэффективным в условиях диалога и дискуссии между всеми участниками образовательного события (в нашем случае – лекции). Соппротивление навязыванию становится возможным, если сам обучающийся, а не только обучающий, является носителем знания по рассматриваемой теме, а точнее: а) знания полученного из личного жизненного опыта; б) углубленного научного знания, полученного из достоверных научных источников; 4) именно за счет поддержания диалоговой, дискуссионной формы занятия становится возможной полноценная реализация модели субъект-субъектного и личностно-ориентированного образования, развивающего критическое мышление, дающего выход индивидуальным, а возможно и творческим проявлениям личности обучающегося.

1. Бернстайн Б. *Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса* / Б. Бернстайн. – М.: Просвещение, 2008. – 272 с.
2. Бурдые П. *Университетская докса и творчество: против схоластических делений* / П. Бурдые ; [Пер. с фр. Н. А. Шматко] // *Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук.* – 1996. – С. 8–31.
3. Дудина В. И. *Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании* / В. И. Дудина // *Журнал социологии и социальной антропологии.* – 2005. – Т. VIII, № 2. – С. 93–109.
4. Тубельский А. Н. *Уклад школьной жизни – скрытое содержание образования* / А. Н. Тубельский // *Вопросы образования.* – 2007. – № 4. – С. 177–180
5. Фруммин И. Д. *Тайны школы* / И. Фруммин // *Директор школы.* – № 7. – 1999. – С. 3–11.
6. Apple M. W. *The hidden curriculum and the nature of conflict* / M. W. Apple // *Interchange.* – 1971. – № 2(4). – Pp. 27–40.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КИБЕРКОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ ДАУНШИФТЕРОВ

Овечкина Я.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Явление дауншифтинга или добровольной нисходящей вертикальной мобильности получило распространение в современном российском обществе в последнее десятилетие. Не смотря на то, что в последнее время появилось большое количество публицистических и научных статей, посвященных данному явлению, комплексное социологическое исследование феномена дауншифтинга и его распространённости на территории России отсутствует. Это можно объяснить сложностями с которыми сталкивается исследователь в процессе изучения этого явления: описание группы достаточно проблематично, дауншифтинг является трудной категорией для страфикационного анализа, многие представители данного явления не идентифицируют себя с понятием «дауншифтер» хотя являются «дауншифтерами» в действительности, труднодоступность объектов исследования (многие последователи дауншифтинга переселяются в страны Азии, в сельские местности, отказываются от средств связи и т.д.). Не смотря на препятствия, возникающие при изучении этого нового явления в российском обществе, изучении новых «стандартизированных» моделей жизненных практик является крайне важным для понимания процессов, происходящих в обществе.

Интернет-пространство является перспективной площадкой для изучения стиля жизни дауншифтеров, представители данного явления являются активными интернет-

пользователями. Интернет- пространство является местом для выражения своего мнения, описания личного опыта дауншифтинга, описания жизненных практик, полем для дискуссий. На данный момент мы можем выделить следующие площадки содержащие наибольшее количество активных зарегистрированных пользователей (по данным на 10.09.2015): «Сообщество дауншифтеров»[6] , «сообщество ушельцев»[7], сообщество «Новости экопоселений и родовых поместий»[5] , форум «Помещик.ru: Дом в деревне» [10], существует также некоторое количество популярных блогов, описывающих личный опыт сознательного спуска вниз по социальной лестнице [4,3,2,8].

Киберкоммуникация (компьютеро-опосредованная коммуникация) обладает специфическими особенностями, которые необходимо учитывать при выборе метода социологического исследования этого феномена: сообщения представлены преимущественно в текстовой форме [1]. Поскольку киберкоммуницирование представлено в текстовой форме и имеет акциональную природу (в нём реализуются action-in-text [11]), то для его анализа следует выбирать методы, имеющие своей целью, с одной стороны, анализ текста, а с другой – анализ социальных акций. Очевидно, что наиболее социологизированной методологией является этнометодологическая парадигма, предполагающая проведение включённого наблюдения, глубинного интервьюирования, «кризисных экспериментов».

Анализ интернет-сообщений показывает, что дауншифтинг в России имеет свои особенные, характерные черты. В нашей стране на данный момент дауншифтеров значительно меньше, чем в странах Запада, это связано, в первую очередь, с социально-экономическими причинами, но их количество может увеличиваться в ходе трансформации общественного устройства. На основании анализа интернет-дневников участников интернет-сообществ нами выявлены основные темы «постов» (записей в интернет-дневниках). Тематический анализ показал, что среди тем, интересующих членов интернет-сообществ, на первое место выходят темы жизни в деревне и сельского быта. В данных постах авторы поднимают вопросы, связанные с обустройством жизни в деревне, такие как: вопросы земледелия и животноводства, «как построить дом», «как построить печку», «методики земледелия», «простые способы сделать незаменимые в хозяйстве вещи своими руками», взаимодействие с сельскими жителями «трудности сельской жизни», «из- нанка жизни на селе» и т. д. Тема эко-поселений- поселения, созданные для организации экологически чистого пространства для жизни группы людей (одна из форм общины), оказалась на втором месте среди вопросов, интересующих современных российских дауншифтеров. В рамках этой категории авторы пишут на тему создания новых экопоселений, правилах жизни в них, делятся опытом жизни в таких общинах и т. д. Сюда же примыкают посты, посвященные экологии и здоровью: сбережение энергоресурсов, производство экологически чистых продуктов питания, темы вегетарианства и «разумного» потребления. Как показывает анализ, определенное место авторы живых дневников посвятили вопросам «миро- устройства»: посты были посвящены проблемам общества потребления, строительству «другого общества», «мои представления об ответственной, естественной жизни», «проблемы современности и мои предложения по их решению», «бегство от потребительства к счастливой жизни», «город как черная дыра человечества» и т. д. Из этих показателей можно сделать вывод, что русский дауншифтинг в определенной степени носит идеологический характер. Наиболее интересным для нашего исследования был вопрос о причинах дауншифтинга, так как личные истории каждого дауншифтера помогут глубже охарактеризовать и понять явление дауншифтинга в целом. Участники интернет-сообществ активно рассказывают о том, почему предпочли вариант «опрошения» собственной жизни, пожертвовав карьерой, социальным статусом и жизнью в мегаполисе. Побудительными мотивами для дауншифтинга могут стать:

-Общая неудовлетворенность собственной жизнью;

- Недостаток свободного времени для проведения его с семьей, занятий творчеством, хобби и т.д.;
- Ухудшение физического и эмоционального здоровья, общая усталость;
- Переоценка ценностей;
- Ощущение «потери контроля» над собственной жизнью, следование «чужим ценностям и идеалам»;

Также авторы дневников приводят в пример и описывают дауншифтинг своих западных единомышленников. Участников интернет-сообществ интересуют также проблемы альтернативной занятости и организации труда: поднимаются вопросы «фриланса». Рассматриваются такие темы, как: «альтернативная занятость в сельской местности», «работа в деревне» и т.д. Описывается опыт дауншифтинга в странах третьего мира (организационные вопросы, организация быта и проч.). Есть несколько постов, посвященных обсуждению фильмов и телепередач о дауншифтинге. Можно сделать вывод: основной чертой российского дауншифтинга является пространственное перемещение (переезд в деревню или экопоселение, смена жизни в мегаполисе на более «экологичный» образ жизни). Важно подчеркнуть, что российские дауншифтеры предпочитают переезд в российские деревни, эко-поселения, посты с описанием опыта переезда в страны третьего мира оказались в меньшинстве. Русский дауншифтер стремится к более спокойной, размеренной жизни, к сохранению психического и физического здоровья. Проблемы образования и социализации детей практически не затрагиваются, причиной подобной ситуации является «инфантилизация» дауншифтеров, ибо такой дауншифтер стремится уделять большее внимание видам деятельности, доставляющим удовольствие (что характерно для детей).

При исследовании жизненных практик дауншифтеров, мы сталкивались с дауншифтерами от 25 до 40 лет. Анализируя случаи дауншифтинга, можно разделить мотивы молодых дауншифтеров 25-30 лет, которые, получив образование, только стоят на пороге своего профессионального пути и мотивы дауншифтеров 31-40 лет, которые успели построить карьеру, подняться по социальной лестнице. Для молодых дауншифтеров, главным толчком становится разочарование в ценностях, навязанных обществом, еще не успев начать свою карьеру, они уже чувствуют себя усталыми и обманутыми, ценности общества потребления не приносят радости и не делают их жизнь счастливой, между бегом в колесе «заработок-траты» и формированием своего собственного стиля жизни, выходящего за рамки корпоративных ценностей и «успешности» в традиционном понимании, молодёжь выбирает свой собственный путь, жертвуя хорошим заработком в пользу занятия любимым делом, сохранения физического и душевного здоровья. Побудительным мотивом 30-40 летних дауншифтеров является также разочарование в выбранном стиле жизни. В отличие от молодых, они уже успели построить свою карьеру, организовать свой собственный бизнес, создать семью, осознать цену материального благополучия. Недостаток времени для проведения его с семьёй, близкими, проблемы со здоровьем, ощущение «пустоты» и «рамок» существования, потеря контроля над собственной жизнью делает человека несчастным.

Опираясь на проведенный анализ интернет-сообщений, а также учитывая результаты исследований российских коллег по данной тематике, мы можем нарисовать портрет современного дауншифтера: российский дауншифтер это житель мегаполиса, имеющий высшее образование, человек у которого был опыт работы в крупной компании или опыт ведения собственного бизнеса, был стабильный заработок, чаще всего имеется собственное жильё, возрастной диапазон от 26-40 лет. С психологической точки зрения, можно прийти к выводу, что все эти люди пережили в той или иной форме кризис, пик эмоционального напряжения, страдали от «синдрома эмоционального выгорания» [10], чувствовали себя «не счастливыми» после которого решили резко сменить направление жизненного пути. При дальнейшем изучении «особых» групп и в частности группы

дауншифтеров анализ интернет-сообществ и киберкоммуникации в сети интернет является перспективным источником социологических данных.

1. Батаева Е. Социальные акции и интеракции в виртуальных сообществах // *Социологический журнал*. 2011. № 3. С. 50–71
2. Блог Инны Шукшиной [Электронный ресурс] // *LiveJournal*. URL: <http://desinly.livejournal.com> (дата обращения 21.09.2015)
3. Как все начиналось или путь одиночки [Электронный ресурс] // *LiveJournal*. URL: <http://connvalia.livejournal.com/> (дата обращения 21.09.2015)
4. Мустафа Ибрагим [Электронный ресурс] // URL: <http://mustafaibrahim.ru/about53>. (дата обращения 21.09.2015)
5. Новости экопоселений и родовых поместий [Электронный ресурс] // *LiveJournal*. URL: <http://eco-digest.livejournal.com/profile> (дата обращения 21.09.2015)
6. Сообщество дауншифтеров [Электронный ресурс] // *LiveJournal*. URL: <http://simple-life-ru> (дата обращения 21.09.2015)
7. Сообщество ушельцев [Электронный ресурс] // *LiveJournal*. URL: <http://usheltzy.livejournal.com/> (дата обращения 21.09.2015)
8. Усадьба Кулагиных [Электронный ресурс] // *LiveJournal*. URL: <http://usadba-cool.livejournal.com> (дата обращения 21.09.2015)
9. Форум «Помещик.com» [Электронный ресурс] // *Помещик.com: Дом в деревне*. URL: <http://xn--e1aggfj7e.com> (дата обращения 21.09.2015)
10. Herbert J. Freudenberger. Staff burn-out // *Journal of Social Issues*. 1974. Vol. 1. P. 159–165.
11. Nocera A. J. L. *Ethnography and Hermeneutics in Cybercultural Research Accessing IRC Virtual Communities* // *Journal computer-mediated communication*. 2002. Vol. 7. № 2. URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol7/issue2/nocera.html> (12.11.2010).

ПОСТРОЕНИЕ ВЫБОРКИ МЕТОДОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА

Овсянников В.Г. (Санкт-Петербург)

Как правило, в качестве модели некоторого значительного по своему объему массива случайных событий выступает выборка, т.е. лишь часть моделируемого объекта. Можно ли рассматривать выборку именно как материальную модель и о какой детерминации здесь может идти речь? Можно ли применительно к выборке говорить, что в эксперименте над ней мы изучаем причинно-следственные связи? Если под материальной моделью понимать реальный, объективно существующий предмет (множество предметов), изучение которого позволяет получить информацию о моделируемом массиве случайных событий, то ответ на первый вопрос однозначен: выборка представляет собой материальную модель. Выборка является материальной моделью, так как состоит из материальных объектов, в том числе людей, принадлежащих к той или иной интересующей нас социальной группе (коллектив предприятия, жители города, студенты, молодые рабочие и др.), и присущих им свойств (их мнений, отношений, ориентации).

При этом независимо от того, сконструированы модели искусственно или же в качестве моделей использованы существующие в природе социальные процессы или предметы, их отношения сходства к объекту, равно как и все изменения в них, существуют объективно, независимо и вне сознания человека. Сознание и сознательность субъекта ограничиваются лишь выбором подходящей модели, знанием условий сходства и использованием этого знания при создании или выборе модели. После того как такая модель стала объектом изучения, она функционирует как любой материальный объект по объективным законам общества. Именно поэтому такие модели и могут быть средством научного эксперимента, являющегося формой предметно-материальной деятельности (т.е. практики).

Выборка как модель должна быть также обозримой во времени и пространстве и относительно легко поддающейся эмпирическому исследованию наличными, имеющимися у социолога надежными методами. Проблема адекватности модели тождеству социальных объектов, или-иначе-проблема репрезентативности выборки и экстраполяции результатов, полученных при исследовании выборки, на это множество, решается обычно применением теории выборочного метода, которая опирается на теорию вероятностей и закон больших чисел. Однако следует отметить, что теория выборки в общем виде разработана практически безотносительно к специфике содержания предмета изучаемых социальных областей.

Если в естественных науках и в таких, как экономические и ряд биологических наук, общая теория статистики обеспечивает построение адекватных моделей для проведения эксперимента, то для социологического исследования социальных объектов необходима более глубокая разработка принципов построения модели на основе социологической теории объекта. Практика социологических исследований свидетельствует, что выборочные модели, построенные без учета специфики задач и объекта исследования, далеко не достаточны. Обычно вопросы построения моделей социальных явлений разрабатываются независимо от проблем построения выборки. Именно этим, в частности, можно объяснить недооценку роли научного обоснования в построении выборочной модели современными социологами в нашей стране.

Методологическая нерешенность этих вопросов вызвала необходимость разработки методики формирования выборки в соответствии с социальными закономерностями, социологическим знанием. Первые попытки разобрать методологические принципы выборочного метода в социологии на основе целей и задач исследования были предприняты еще у истоков современной отечественной социологии[1]. В дальнейшем в рамках этого подхода были проведены крупные социологические исследования, использующие методику социологического отбора[2]. Однако репрезентация на основе социологического знания осуществляется в настоящее время скорее интуитивно, чем сознательно и методологически обоснованно. Не случайно в зарубежной литературе применение подобного метода обозначается термином "выбор по усмотрению", согласно которому, исходя из знания генеральной совокупности, выбираются типичные элементы для построения ее модели. Причем отбор элементов "составляется на усмотрение обследующего" и "происходит более или менее субъективно". Метод применяется "легко": "Большая опасность<...> состоит в субъективизме".[3]

Представительную модель объекта по социальным закономерностям строить сложнее, чем представительную модель объекта по статистическим закономерностям. Первое, с чем сталкивается социолог, - это конкретизация объекта исследования, применение методологических правил перехода от исходных теоретических представлений об объекте к его типологическому описанию. Подчеркнем еще раз, что при построении выборки методом социологического отбора (целевого) следует исходить не только из генеральной совокупности, но и в первую очередь из знания факторов, детерминирующих социальный объект в содержательном смысле. Для этого требуется, конечно, развитое социологическое знание об изучаемом явлении, в частности в конкретно-историческом смысле. Действия такого рода могут быть успешными лишь при хорошо выполненной методологической конкретизации и типологизации объекта.

1. *Человек и его работа/ Под ред. А.Г.Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.,1967; Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М., 1967*
2. *Проектирование и организация выборочных социологических исследований/ Под ред. Т.М. Дридзе. М., 1977; Жабский М.И. Обоснование репрезентативности социологического исследования// Социологические исследования. 1983. №2; Чурилов*

Н.Н. Проектирование выборочного социологического исследования: Методологические и методические проблемы. Киев, 1986

3. *Процесс социального исследования/ Под общ. ред. Ю.Щ. Волкова. М., 1975, С.111-112*

ТИПОЛОГИЯ ЛИДЕРСКИХ ПОЗИЦИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ В ПРОФЕССИИ.

Пашков М.В., Смирнова Е. Э., Дубровская С. Е. (Санкт-Петербург)

Профессия научно-педагогического работника высшей школы существует давно. В своей эволюции она прошла несколько этапов: от модели мастера, осуществляющего передачу ученикам знаний и умений, развитие их мировоззренческих ориентаций и адаптацию к широкому спектру социальных практик, до специалиста, работающего по стандартам, которые задает государство, общество и профессиональное сообщество. Преподаватели высшей школы образуют значимую социально-профессиональную группу (сообщество), социальные рамки деятельности которой сопрягаются как с научными достижениями, так и с феноменом педагогического мастерства – той составляющей, которая не всегда формализуется, т.е. остается индивидуальной скрытой программой. Процесс подготовки преподавателей высшей школы, как известно, до сих пор не институализирован в той мере, как многие другие профессии. Современный выпускник становится преподавателем, часто не имея опыта, ситуативно, индивидуально. В лучшем случае выпускник-бакалавр может получить диплом и статус преподавателя в системе магистратуры после прохождения соответствующего обучения, но для большинства современных выпускников этот путь «случаен» и малодоступен.

В этой ситуации изучение потенциала преподавателя, востребованного его профессией для решения значимых социальных задач, является важной исследовательской задачей для многих наук, в том числе и социологии. Несмотря на то, что административные рамки задают, а профессиональное сообщество вырабатывает достаточно серьезные критерии отбора преподавателей и оценки их деятельности, тем не менее, уровень их современной квалификации не всегда соответствует требованиям времени, занимаемым ими лидерским позициям и соответствующим амбициям.

Известно, что модернизация российского образования способствовала активизации таких исследований, как качество преподавания, эффективность педагогического труда, компетентность преподавательских кадров, их соответствие существующим нормативным моделям. Однако результаты научно-педагогической деятельности, которые качественно отличны от сложившихся и установленных норм и стандартов и имеют новаторский потенциал, позволяющий отнести их к феномену высоких достижений, изучены мало.

Феномен высоких достижений как эмпирический индикатор достижений ведущих специалистов в области научно-педагогической деятельности (кроме выдающихся достижений Нобелевских лауреатов) выступает для преподавателей в качестве «ориентира-идеала», «достижимой нормы», «индикатора», определяющего вектор продвижения в профессии. Этот феномен интересен и эмпирически эффективен тем, что соединяет в себе все то, что актуально, воспринято (аккумулировано) системой высшего образования, интернализировано ею и закреплено в современных образовательных практиках. Он может рассматриваться в различных аспектах: организационно-управленческом (преподаватель-руководитель), научном (преподаватель-ученый), педагогическом (преподаватель-педагог), общественном (преподаватель-публицист и общественный деятель).

Изучение феномена высоких достижений представляется актуальным, прежде всего, с точки зрения понимания данного феномена как кумулятивного (накопленного) потенциала современного преподавателя, «отшлифованного» социальной средой с ее нормативными практиками, ограничениями, ожиданиями и возможностями. В окончательном (сложившемся) виде феномен высоких достижений отражает все успехи и

проблемы, как современного высшего образования, так и той социальной среды, в рамках которой оно функционирует. Его изучение позволит:

1. показать связь феномена высоких достижений с административным, финансовым, нравственным, педагогическим и другими ресурсами общества и государства;
2. зафиксировать сложившуюся научную, преподавательскую, организационную норму и дать описание и понимание ценностных и профессиональных возможностей и устремлений современного преподавателя;
3. выявить его связь с лидерскими позициями в профессиональном сообществе
4. выявить, какие факторы и обстоятельства дают возможность выйти на лидерские позиции.

Внимание к феномену лидерских позиций в современном динамичном мире связано с востребованностью нововведений, конкуренцией во всех областях человеческой деятельности, а в высшей школе – с созданием специалиста будущего – активного, восприимчивого к нововведениям, оперативного. Лидерские позиции ассоциируются с прорывом, перспективами развития, в конечном счете – с успешностью

Лидерские позиции фиксируются в ситуации, когда преподаватель (коллектив) выходит за границы освоенного, принятого и выдвигает и реализует в деятельности новые идеи, приемы, технологии. Речь идет не о традиционном понимании лидера как ведущего, организатора или руководителя. Ключевым в понимании термина «лидерская позиция» являются результаты, качественно отличные от сложившейся нормы и имеющие новаторский потенциал, т.е. относящиеся к высоким достижениям. Именно они ориентируют и стимулируют научно-педагогических работников, становятся «локомотивом», который обеспечивает тренды, движение и развитие.

Лидерские позиции заметно отличаются от типичных, характерных для данного вуза и в целом для данной отрасли подготовки специалистов. Они возможны лишь при наличии высоких достижений в профессии. Поэтому их выделение вполне доступно экспертным методом, поскольку в вузовской среде, которая достаточно стабильна, эти позиции просматриваются (спорные оценки могут быть исключены). Выявление лидерских позиций методом экспертного отбора связано с невысокой формализованностью преподавательского труда, наличием в нем тех составляющих, которые актуализируются при наличии личностных ресурсов/потенциала и востребованности средой определенных идей, практик, активности, предвидения. Связь между феноменом высоких достижений и лидерскими позициями пока не изучена. Вопрос: «Почему наличие высоких достижений не всегда связано с высокой лидерской позицией, как и наоборот?», - является одним из тех., который не имеет однозначного ответа.

Новизна подхода состоит в обращении к феноменам, отражающим сложившуюся в последние десятилетия картину реальных достижений, в которой соединены факторы личностного потенциала (разнообразного по составу и интенсивности) и условия социальной среды (поощряющей или отвергающей усилия личности) Важным моментом этой картины выступает связь (временами детерминированность) высших достижений и достигаемых (далеко не всеми) лидерских позиций. Изучение этой связи позволит выявить важные для всех отраслей знания точки «прорыва», движения и развития высшей школы России, именно:

1. выявить степень и принципы внутреннего единства преподавательского корпуса высшей школы, его социальной сплоченности и однородности;
2. оценить личное и корпоративное достоинство педагогических кадров;
3. выяснить в какой мере лидерство в высшей школе предполагает существование маргиналов или «неполноценных людей»;
4. как оценивают лидерство мужчины и женщины, каким аспектам лидерства отдают предпочтение.

Сам феномен высоких достижений фиксируется экспертным методом и связан с высоким статусом в вузе: должность профессора, руководителя центра, научных направлений, проректора и т.д.. Носители высоких достижений как информанты дают

общее представление о том, какие достижения сегодня воспринимаются профессиональным сообществом и руководством как высокие, являются востребованными, поощряются и являются своеобразными ориентирами для остальных. Важным моментом выступает профессиональный путь, на котором фиксируются точки сочетания личностного потенциала индивида (целеполагание, лидерство, ресурс знаний) и параметров среды (стимулы и барьеры). Одним из ключевых вопросов выступает фиксация лидерских позиций в сфере образования, их выявление, оценка, перспективность и связь с высокими достижениями в научно-педагогической деятельности.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО МОНОГОРОДА

Платонов К.А. (Санкт-Петербург)

Промышленный моногород – уникальное явление, длительное время привлекающее исследователей, представляющих самые разные научные направления, в первую очередь, это географы, экономисты и теоретики государственного и муниципального управления, которым приходится иметь дело с проблемами территориального планирования и управлением развитием социального капитала. Сегодня значительная часть этих учёных может быть причислена к плеяде урбанистов, которые при первом приближении, как правило, оказываются философами, социологами и архитекторами.

Промышленный моногород является своеобразным наследием советского прошлого и интересен тем, что, по сути своей, остаётся феноменом, который несёт в себе не только экономическое содержание, но и мощный социокультурный контекст. Российский промышленный моногород может претендовать на аутентичность по ряду причин: с одной стороны, во многих, к примеру, европейских странах таких населённых пунктов просто нет, с другой – в связи с огромными масштабами территории в каждом субъекте федерации многие города, в своё время созданные «на пустом месте», обрели исключительную самостоятельность и включились в собственную сеть центров крупных производств, охватывающую всю страну.

Развитие и рост (в ряде случаев управляемое сжатие) моногородов оказываются важной стратегической задачей, многолетний отечественный и мировой управленческий опыт в этой сфере показывает, что все существенные решения на высоком властном уровне должны приниматься на основе продуманной стратегии и получения обратной связи от населения. Следует понимать, что монопрофильность, так или иначе, даёт свои преимущества, однако, далеко не все группы населения будут воспринимать их. Обобщая данные аналитики, коллектив Финансового университета приходит к выводу о том, что базовые факторы развития моногородов – человеческий капитал и инфраструктура. Как отмечают А. Н. Пыткин, И. Ю. Загоруйко, одним из наиболее мощных рычагов для модернизации моногородов является практика совершенствования территориального планирования и редулопмента. Подобные меры, безусловно, не могут быть реализованы без учёта общественного мнения. В этом контексте исключительную прагматическую ценность обретают социологические методы, реализованные в программных эмпирических исследованиях.

Далеко не каждая исследовательская стратегия способна не только описать проблему и определить её причины и последствия, но и предложить в результате обоснованный материал, готовый стать базой для принятия управленческих решений. Наиболее перспективные форматы исследований в этой сфере немногочисленны, имеют существенные преимущества и ограниченную (в той или иной степени) сферу применения. Важно, что социологическое исследование моногорода имеет несколько

иные нюансы в вопросах квалиметрии: универсальные факторы здесь не всегда подходят, поскольку такие исследования, в отличие от многих других, чаще всего, не теряют в качестве от междисциплинарности или, например, обзорного характера, а приобретают преимущества в виде оригинальности и глубины, что объясняется сложностью объекта.

Первый тип исследования – частное конкретное исследование одного или нескольких моногородов с акцентом на одной социальной проблеме и опорой на эмпирические данные опросов либо экспертных оценок, фокус-группы, контент-анализа и официальную статистику. Такие проекты обычно интересны за счёт конкретики и детального ёмкого анализа объекта. Практически всегда они ограничены в своих изысканиях конкретной территорией, поэтому представляют исключительно ценный материал для местной власти, сталкивающейся с проблемами принятия тех или иных серьёзных управленческих решений. Очевидно, чиновники далеко не всегда прислушиваются к рекомендациям исследователей, однако, практика научного управления, когда проекты создаются под конкретную задачу в поисках оптимального решения, развивается и постепенно становится социально одобряемой и понятной в эшелонах власти. Ограниченность таких исследований проявляется в их концентрации на отдельных случаях и инициативных эмпирических замерах, а не программных мониторингах, технические такие проекты обычно презентуются в виде отчёта или статьи. Выводы по таким проектам, как правило, немногочисленны, нужно признать, плохо выходят на глобальные обобщения проблематики, с трудом экстраполируются на другие территории. В контексте моногородов эта характеристика обретает уникальные черты: тренды развития социальной сферы в одном моногороде могут быть несопоставимы с аналогичными процессами в другом. Эти несоответствия приводят к пониманию необходимости учёта иных факторов помимо монопрофильности: в данном случае это, в первую очередь: численность населения, географическое положение города и степень диверсификации экономики. Существуют и иные факторы, но эти проявляют себя в наибольшей степени, такие отправные точки помогают легко перейти на качественно новый уровень.

Второй тип исследований был бы невозможным без первого, поскольку является следующей стадией развития комплексного социологического изучения моногородов. Такие исследования чаще всего обретают облик монографий и за счёт анализа большого количества эмпирических данных и разных кейсов способны выходить на более широкие обобщения. Несколько отраслевых проблем в таких проектах рассматриваются как взаимозависимое единство, что позволяет проследить общие тенденции и выйти на расстановку стратегических приоритетов. Существенное значение для моногородов обретает социологический мониторинг, позволяющий получить временной срез изменения общественного мнения по определённой проблеме. Ценными дополнениями к социологической методологии в таких крупных исследованиях являются исторический анализ феномена моногорода, обращение к зарубежному опыту управления развитием территорий, вопросы миграции, демографии населения и структуры занятости. Практическое значение таких проектов объясняется значительной глубиной выводов, дающих толчок к пониманию города как комплексного единства, где проблемы роста и диверсификации имеют своё происхождение и неизбежно замыкаются на население и экспертные сообщества.

Оба типа исследований характеризуются проблемным характером, междисциплинарностью (даже отдельные опросы и интервью с небольшой выборкой обычно не обходят вниманием экономический и социокультурный контекст) и концептуальной ориентацией на вопросы развития. Именно эти условия помогают сделать прикладное исследование цельным, а полученные выводы содержательными и полезными для управленцев разных уровней.

1. *Холдинг «Базовый элемент». Моногорода: Перегрузка. Отчёт об исследовании.*
URL: <http://www.basel.ru/monogoroda/>

2. *Развитие моногородов России: монография / колл. авт. под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с. 48*
3. *А. Н. Пыткин, И. Ю. Загоруйко. Концептуальные аспекты реформирования промышленных моногородов. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 6 (221). Экономика. Вып. 31. С. 83–86*
4. *А.В. Кармакулова, А.А. Проворова, Л.В. Воронина. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6 (124). С. 90-97.*
5. *Платонов К.А. Экологические риски глазами жителей Череповца. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. No 8 (58): в 3-х ч. Ч. I. С. 143-145.*
6. *Моногород: управление развитием. Т.В. Ускова, Л.Г. Иогман, С.Н. Ткачук, А.Н. Нестеров, Н.Ю. Литвинова; под ред. д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 220 с.*

СОЦИЕТАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И АНАЛИЗ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ТРАЕКТОРИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ BIG DATA

Покровская Н.Н. (Санкт-Петербург)

Маркетинговая аналитика потребительского поведения, основанная на больших данных (Big data), поставила перед социологами новые вопросы, связанные с возможностью выведения не только статистически усредненных показателей, но и индивидуальных поведенческих моделей. Вызов для социологии состоит в индивидуализации аналитики, что составляет предмет экономики, психологии или управления и, на первый взгляд, исключает групповой и социальный аспект поведения индивида, а значит, устраняет предмет социологии.

Телекоммуникационные информационные технологии позволяют определить траекторию потребления индивида или малой группы (обладателя IP-адреса или пользователей общего компьютера и смартфонов с общим подключением к интернету). Хотя невозможность выявить связи между запросами и покупками в некоторых случаях приводят к анекдотическим ситуациям («маркетологи вычислили, чего хочет женщина, но она уже передумала»; «по результатам запроса "красная сумочка", были приобретены зеленые туфли и серый плащ»), эти парадоксы приводят лишь к разработке несколько более сложных алгоритмов прогнозирования покупательского поведения. Подобные парадоксы не нарушают общей логики маркетингового подхода к изучению потребительских предпочтений в их логике и последовательности на основе big data.

Вместе с тем, маркетинговые исследования показали два типа покупательского и потребительского поведения, которые несут на себе явный социальный характер.

Первый тип – гламурный, трендовый покупательский выбор. Гламурное потребление связано не с характеристиками товара, а со следованием узкоспециализированной «толпе», определяемой на основе разнообразных категорий и отражающей идентификацию. Например, адепты айфонов отличаются от пользователей самсунгов, выбор смартфонов htc характеризует пользователя как отличающегося от двух указанных групп в сторону более высокого качества и инновационной сложности, а потребители китайской продукции позиционируют себя и воспринимаются как «традиционные» представители индустриального общества массового потребления, ценящие не имидж или репутацию марки, а возможность быстро и легко менять сравнительно дешевый продукт на новый, обладающий теми же или слегка обновленными характеристиками.

Вторая особенность поведения, вычисляемая на основе Big data, показала возможность манипулятивного воздействия на поведение клиентов отдельных товаров и

услуг на основе формирования группового мнения или в целом общественных движений. С одной стороны, изменчивость системы ценностей была свойственна всему XX веку, что привело к определенной ревитализации общинных и гуманитарных ценностей в сознании человека, живущего в начале века XXI, что нашло отражение и в его поведении. С другой стороны, анализ Big data позволяет социологам выявлять те ценности, которые оказываются ведущими для сознания постсовременного потребителя, например, предпочтение семейных ценностей в ущерб сексуальной привлекательности, предпочтение безопасности (органических продуктов питания, сложной бытовой техники, автомобилей, квартир в более благополучных и безопасных районах с более развитой инфраструктурой) – в ущерб риску или гламуру (трендовому потреблению). Так, анализ трудового поведения показывает, что мотивация [1] и экзистенциальный смысл совершаемых действий [2] по-прежнему составляют суть стимулирующего труда [3], в рамках (а не вопреки) развития экономики знаний [4], фанки-бизнеса [5] или креативного создания ценности [6] на основе развития человеческого капитала [7] и наиболее полного вовлечения личностных компетенций в созидательный процесс [8]. Еще одним примером является значимость впечатлений и ощущений в большей мере, чем приобретаемых благ [9]. Ценностные аспекты вышли на первый план с накопленным опытом и одновременно, с развитием более зрелого рынка [10], приближающегося к западным образцам рыночной структуры.

Наконец, можно выявить и третью особенность, отражающую групповое экономическое поведение, выстроенное в иной, долгосрочной логике устойчивого развития. Так, в бихевиористской экономике описывается метод отложенной покупки как способ противостояния импульсивному потребительскому выбору. Этот метод дает основания для развития регулятивного подхода к индивидуальному поведению клиентов в малой группе (например, когда покупка откладывается при помощи подруги или супруга, который отговаривает от немедленной сделки). Одновременно, интересен анализ управленческих решений крупных торговых комплексов, которые в 1960-1980-е годы научились использовать разнообразные психологические методы для манипулятивного «принуждения» к покупке, в результате чего в 1990-е годы покупатели в своей массе спонтанно ответили на эти социальные техники «выживания денег» резким сокращением посещений торговых комплексов. В ответ на сокращение визитов покупателей, торговые комплексы начали контролировать объем используемой рекламы и иных способов продвижения и стимулирования сбыта, для того чтобы вернуть покупателей из небольших магазинов шаговой доступности, в которых клиенты совершают покупки со средним чеком, в несколько раз меньшим по сумме, чем в торговых центрах.

С этой точки зрения, предметом социологического анализа становятся регулятивные механизмы согласований и моделирования поведения экономического содержания, учитывающие результаты исследований в рамках таких направлений, когнитивная [11], бихевиористская [12] и экспериментальная экономика. Начиная от Аристотелевской политики как науки согласования интересов свободных граждан («тех, кто носит тяжелое оружие») в (мега)полисе [13] и вплоть до исследований начала 2000-х гг. по «новому патернализму» [14], необходимость выработки социальных механизмов в форме «надстройки» отражает эффективность и стабильность самих регулятивных механизмов.

С одной стороны, регуляция эффективна при воздействии «извне», как источник ограничений. Так, например, в мотивационном менеджменте отмечается важность закрепления целевых значений показателей не только «в уме», но и на внешнем носителе, когда работник сам фиксирует целевые уровни, которых он должен достичь, в той или иной физической форме (письменно в сообщении руководству, на общем информационном стенде бригады, и т.п.).

С другой стороны, даже в виртуальных сообществах очень быстро возникает осознание роли модератора, который обеспечивает определенный общий контекст для всех участников условно «полностью свободного» общения в сети интернет.

Таким образом, социологический анализ при помощи технологии big data дает углубление знаний по нескольким уровням социальных регулятивных процессов:

- 1) выстраивание индивидуальной поведенческой модели и логики выстраивания траектории поведенческих актов;
- 2) выявление ценностной составляющей в сходных поведенческих траекториях;
- 3) определение механизмов согласования интересов участников сообществ и формирования долгосрочного проектирования устойчивого развития;
- 4) анализ действия социетальных регулятивных механизмов на уровне социума в целом.

Таким образом, социологический анализ регуляции социально-экономического поведения может опираться как на изучение общих процессов в обществе, так и на исследование индивидуальных траекторий поведенческого выбора.

1. Maslow, A (1954). *Motivation and personality*. New York, NY: Harper.
2. Сартр Ж.-П. Трансценденция эго: набросок феноменологического описания / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Модерн, 2012.
3. Захаров Н.Л. Регуляторная теория мотивации: Монография – Прага: ЧТУ, 2009.
4. Branscomb L., Kodama F., Florida R. *Industrializing Knowledge: University-Industry Linkages in Japan and the United States*. – MIT Press, 1999.
5. Нордстрем К., Риддерстрале Й. *Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта* - СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002.
6. Florida R. *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. – HarperBusiness, HarperCollins, 2005.
7. Becker, G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis*. – Chicago, University of Chicago Press, 1964.
8. Капица С.И. *Решения 3D-менеджмента для управления компанией: 15-летний опыт управленческого консультирования*. – СПб.: ЗАО «Гуманитарный фонд», 2008.
9. Пайн II Б.Дж., Гилмор Дж.Х. *Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена*. – М.: Издательство «Вильямс», 2005. – 304 с.
10. Florida R. *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. – Basic Books, 2002.
11. Bourguin P., Nadal J.-P. *Cognitive Economics An Interdisciplinary Approach*. – Springer, 2004. – 479 p.
12. Arthur W. B. *Designing Economic Agents that Act like Human Agents: A Behavioral Approach to Bounded Rationality // The American Economic Review*, 81, 1991 pp. 353-391.
13. Аристотель. *Политика / Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4*. – М., 1983. – С. 375-644. – С. 379-384 (1253a - 1265b).
14. Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. - Yale University Press, New Haven, CT, 2008. - 293 pp

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТЕВОГО ПОДХОДА

Сидорова А.Н., Петрова Я.В. (Санкт-Петербург)

Организация, как важная составляющая системы современного общества, давно находится в поле интереса представителей различных научных отраслей. Социология организаций как отдельная дисциплина и организационные исследования в целом существуют довольно давно. За это время накоплен колоссальный объем теорий, концепций и подходов к исследованиям проблем организаций. В этом есть заслуга как зарубежных, так и отечественных ученых.

Теоретические выкладки по организационным исследованиям в публикациях можно встретить достаточно часто, тогда как результаты прикладных исследований встречаются редко. Это обусловлено тем, что социологические исследования в организациях проводятся силами самих организаций, за их счет и, как правило, их результаты носят конфиденциальный характер. В этом нам видится существенное упущение и пробел, поскольку без практического использования и подтверждения современными условиями теории, концепции и подходы не могут быть приняты как актуальные.

Существует множество классификаций организационных исследований. Выделяются, например, внутриорганизационные и внешнеорганизационные исследования. Первый блок затрагивает процессы и проблемы, имеющие место во внутренней среде организации. Второй же блок посвящен взаимодействию организации с внешней средой. Также исследования могут быть проклассифицированы исходя из целей их реализации: имеют место исследования персонала, исследования по оценке эффективности принимаемых управленческих решений и т.д. Однако любая классификация будет носить условный характер, поскольку чаще всего исследовательские области взаимопроникают друг в друга.

Какие социологические подходы используются в исследованиях организации? Уже классическими стали структурно-функциональный, системный и сетевой, которые в целом не противоречат друг другу, но акцентируют внимание на специфических аспектах организации.

Наибольший интерес для нас представляет сетевой подход. Не смотря на его широкое использование на протяжении последних 10 лет, по нашему мнению, он несет в себе огромный потенциал и еще способен внести ряд новаций в социологические исследования организаций.

Сетевой подход уходит корнями в работы Я. Морено, Б. Уэллмана, Л. Фримана, П. Лазарсфельда, М. Грановеттера. и других. Данный подход базируется на идее о том, что основой социума являются социальные отношения и паттерны, которые ими создаются. Наиболее широко социальная сеть трактуется, как совокупность узлов или членов сети, связанных друг с другом различными видами отношений. В противовес индивидуализму, сетевой подход рассматривает сети как блоки или, можно сказать, элементарные частицы, из которых строится социальный мир.

Социальный сетевой анализ подразумевает исследование социальной структуры и ее смысла, прежде всего, акторов и их отношений. В качестве акторов или членов сети могут выступать отдельные индивиды, группы, организации или даже государства. Под отношениями понимаются «потoki ресурсов, которые отражают связи контроля, зависимости и сотрудничества». [2] Соответственно сетевой анализ изучает, как социальные структуры способствуют созданию и поддержанию связей внутри сети.

Важнейший вопрос в исследовании сети, какую именно социальную сеть в изучаемом поле выбрать, и каких акторов в нее включать. Можно выделить три подхода к изучению социальной сети в зависимости от их позиций по отношению ее членов в ней [1]:

1. Position-based approach (исследование, основанное на позиции). Изучение членов организации, где позиции акторов формально закреплены. В таком случае изучается сеть, состоящая из всех членов организации, отделенные от всех остальных.
2. Event-based approach (исследование, основанное на событии). Изучение индивидов, принявших участие в ключевых для исследователя событиях.
3. Relation-based approach (исследование, основанное на отношении). Изучение индивидов, составляющих сеть вокруг одной сферы интересов (например, соавторы научной статьи), которая впоследствии расширяется за счет аналогичных связей этих индивидов.

Следующим важным шагом в сетевом исследовании является определение типа связи между членами выбранной для исследования сети. Это могут быть дружеские, деловые, торговые, виртуальные связи, связи сослуживцев или сокурсников. Выделяют четыре типа связей в социальной сети [1]:

1. Similarities (подобия). Связи, устанавливающиеся на основе схожести таких общих атрибутов, как демографические характеристики, географическое положение, принадлежность к группе. Из них в сетевом анализе исследуются только последние.

2. Social relations (социальные связи). Связи, включающие в себя все виды ролевых отношений, отношения, основанные на чувствах и знании. Эти связи исследуются в основном в анализе персональных сетей.

3. Interactions (интеракции, действия). Связи, основанные на поведении, на действии. Чаще всего они рассматриваются в контексте социальных связей (social relations).

4. Flows (потoki). Связи, основанные на взаимных обменах индивидом ресурсами, информацией или влиянием. Они также исследуются в контексте социальных связей.

Возникновение интереса к социальным сетям в социальной науке дало толчок к развитию карт межличностных отношений и других методов для описания их паттернов. В социометрии начали использоваться специальные диаграммы, которые демонстрируют связи в малых группах. Структурный анализ начал использовать терминологию элементарной теории графов (области математики, изучающей системы точек и прямых) для описания контактов между членами социальной системы. Однако такой метод подходит только для изучения малых групп, так как для больших групп подобного рода графики будут слишком нагромождены и непоказательны.

Сетевые исследования организаций могут быть использованы для различных целей: от определения перспективных направлений развития организации до вопросов управления персоналом. Применительно к исследованиям организации сетевой подход дает возможности изучения большей части существующих взаимодействий и отношений, как внутри организации, так и с внешней средой.

1. Marin A., Wellman B. *Social Network Analysis: An Introduction // The SAGE Handbook of Social Network Analysis. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011.*
2. Tindall D., Wellman B. *Canada as social structure: Social Network Analysis and Canadian Sociology // Canadian Journal of Sociology. 2001. № 26 (3).*

СЕТЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ

Суслов С.И. (Санкт-Петербург)

Мы живем в эпоху сетей. Возникновение и развитие web-технологий создали фундамент для социологических и политологических Интернет-исследований, а также изучения виртуальных сообществ.

Хотя последние 20 лет показывают стремительное развитие сетевого анализа, история методологии сетевого анализа имеет долгую традицию, восходящую к 1930 г. [Moreno J., Annings H.. *Statistics of Social Configurations, Sociometry 1: 342-74, 1938*] На сегодняшний момент эта методология пережила значительные улучшения и изменения как за счет адаптации математического и статистического аппарата к общественных наукам, так и за счет достижений в сфере техники и коммуникации. Из того, что развило методологию сетевого анализа, можно назвать теорию графов, компьютеризацию и распространение в последние десятилетие социальных сетей в Интернете. Последние и стали объектом пристального внимания исследователей как

огромного «хранилища фактов» об обществе. Если попытаться коротко выразить сетевую методологию, то главный интерес представляют связи или отношения, возникающие между акторами, на основании характера которых определяется роль актора. Derek Hansen, Den Shneiferman и Marc A. Smith определяют главный интерес ученых сетевиков как изучение моделей коммуникации в физических и социальных явлениях. [Hansen D., Shneiferman D., Smith M.A. Analyzing Social Media Networks with NodeXL: Insights from a Connected World. Morgan Kaufmann; 1 edition, 2010. P. 3]

В основе сетевого анализа лежит математическое моделирование, заключающееся в построении матрицы смежности и графа. Вершинами графа обозначаются любые интересующие нас объекты, а ребрами — любые отношения между ними. Вершины на основании своих связей характеризуются рядом параметров: количество связей (degrees) для ненаправленного графа, а для направленного количество исходящих (out-degrees) и входящих связей (in-degrees), центральность (centrality) и её различные меры: betweenness centrality, closeness centrality, eigenvector centrality и другие.

В нашем исследовании объектом являются коммуникативные отношения между пользователями социальной сети Вконтакте и политическими сообществами. Предметом исследования являются коммуникативные отношения между подписчиками политических сообществ Санкт-Петербурга. Таким образом, единицами анализа выступают с одной стороны — пользователи социальной сети ВКонтакте, а с другой стороны — политические сообщества. В нашем исследовании они понимаются как вершины графа. Коммуникативные отношения понимаются как связи между вершинами. Они — это факт подписки на сообщество, после чего пользователь получает в свою ленту новостей публикации от имени сообществ. Таким образом, мы строим двуглавый граф, где в одной колонке присутствуют политические сообщества Петербурга, а в другой — их подписчики. В то же время, факт подписки (он может быть не один) является отношением между двумя разными вершинами.

Первым этапом выступал сбор массива политических сообществ Петербурга методом снежного кома. Были выбраны три основных идеологических направления: либеральное, националистическое и социалистическое. Метод снежного кома означает, что в сообществах находились ссылки или перепосты других сообществ. Такой метод имеет и плюсы и минусы. Ошибкой такой выборки является то, что так можно найти только связанные сообщества. Таким образом, часть сообществ остается вне поля зрения исследователя, а в выборку могут попасть и не отвечающие по заданным свойствам территориальности, которую невозможно проверить без сетевого анализа.

В выборку либералов вошли 49 сообществ, в которой оказались также и сообщества ЛГБТ, так как в большом количестве присутствовали ссылки и перепосты. Таким образом, количество вершин «либерального графа» составило 70040, а ребер — 92336. Количество вершин, имеющих более одной связи, то есть грубо говоря персон, подписанных на два и более сообществ, — 10222. Образно можно назвать это «коммуникативным ядром» данной либеральной выборки, что составляет 14,6%. Средняя длина пути является одной из самых надежных мер для изучения топологии сети. Она означает среднее число связей между одной вершиной и другой. Средняя длина пути для «либерального графа» равняется 8.51. Пока что эти данные не говорят ровным счетом ничего, потому для представления целостной картины, необходимо привести данные других идеологических сообществ.

В выборку националистов вошло также 49 сообществ. Сказать, что они подлинно националистические довольно трудно, так как встречаются и откровенно нацистские. Количество вершин «националистического графа» составило 311586, а ребер — 424175. «Ядро» этой выборки составляет 58261, что есть — 18,7%. Средняя длина пути составляет 170.85.

В выборку социалистов вошло лишь 27 сообществ. Количество вершин «социалистического графа» составило 27749, а ребер — 33154. «Ядро» этой выборки составляет 3125, то есть — 11,2% от общего числа подписчиков. Средняя длина пути составляет 3.64.

Таким образом, сравнивая основные параметры этих трех графов можно сделать некоторые выводы. Первое, что бросается в глаза — это большое количество «националистов». К сожалению, пока что существуют методические трудности в проверке подлинности аккаунтов и принадлежности их к Санкт-Петербургу. Кроме того, метод снежного кома не дает гарантии, что выбранные сообщества будут принадлежать точно также к Санкт-Петербургу. Более того, есть опасность того, что многие сообщества будут скрыты от глаз исследователя, так как никак не связаны с другими.

Второе, что бросается в глаза, что «националисты» в сравнении с другими сообществами обладают более распространенным «ядром» – 18,7%, то есть количество пользователей, подписанных одновременно на два и более сообществ из среды «националистического дискурса» больше. На втором месте по количеству пользователей в «ядре» от общего количества подписчиков находятся «либералы» – 14,6%, а у «социалистов» этот показатель небольшой – 11,2%.

Третье — средняя длина пути в «националистическом графе» выглядит слишком большой по сравнению с «либералами» и «социалистами». Это с одной стороны, может говорить о наличии сильных расколов в дискурсивном поле, так и о том, что средняя длина пути требует поправок в сравнении графов разной размерности (так «националистический граф» в 4 раза превосходит «либеральный») или чувствительна к достоверности уникальности пользователей социальной сети. Так, мы встретили множество крупных сообществ в «националистическом сегменте», что также может говорить о наличии инструментальных страниц (ботов, фейков) внутри сообществ. С другой стороны, размерность графа «либералов» превосходит размерность графа «социалистов» в 3 раза и мы не встречаем такой разительной разницы в средней длине пути.

1. Newman, M.E.J. 2010. *Networks: An Introduction*. Oxford, UK: Oxford University Press
2. Moreno J., Annings H.. *Statistics of Social Configurations, Sociometry 1: 342-74, 1938*
3. Hansen D., Shneiferman D., Smith M.A. *Analyzing Social Media Networks with NodeXL: Insights from a Connected World*. Morgan Kaufmann; 1 edition, 2010.
4. Robbins G., Lewis J.M., Wang P. *Statistical Network Analyzing Policy Networks. The Policy Studies Journal, Vol. 40, No. 3, 2012.*
5. Bonacich, Phillip (1987). "Power and Centrality: A Family of Measures". *American Journal of Sociology (University of Chicago Press) 92: 1170–1182.*

BIG OPEN DATA ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Хабибулина В.М. (Санкт-Петербург)

Проблема создания баз данных общероссийского уровня и предоставления их в открытом доступе для анализа в академическом и прикладном аспектах является актуальной и малоизученной. Данная работа изучает данные государственной статистики РФ по медицинскому тестированию на ВИЧ-инфекцию для иностранных граждан, в первую очередь, при их обращении за разрешением на работу. Целью работы является сопоставительный анализ первичных данных госстатистики с публичным дискурсом о вреде общественному здоровью России со стороны трудовых мигрантов. На примере данных Республики Татарстан я пытаюсь ответить на актуальный социальный вопрос, насколько валидны доступные медико-статистические данные, используемые для политического дискриминационного дискурса?

Методология. После длительного поиска доступных полных данных среди нескольких заболеваний самым валидным источником сравнения стала Информация из Федерального Центра СПИД [1]. Для сравнения регионов и проверки выводов чиновников необходимо было иметь данные за год, согласно биостатистическим критериям. Субъект РФ были выбран потому, что Республика Татарстан отличается созданием первого

единого центра медицинского освидетельствования трудовых мигрантов, что является критическим для популяционных оценок риска.

Результаты. Рассмотрим тезис казанских чиновников «Показатели заболеваемости иностранных граждан ... выше среднереспубликанских: ... по ВИЧ-инфекции в 2,5 раза.... (в 2009 г называлась цифра в 6,8). За 11 месяцев 2013г. было обследовано 11429 иностранных граждан, выявлено ... 7 случаев ВИЧ-инфекции...» (<http://opr.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/252642.htm>). Согласно таблицам на стр. 8, 9, 41, 42 [1] понятие 'заболеваемость' согласуется с принятым в международной биостатистике. В РТ это 32,1 ВИЧ+ на 100000 всего населения. Нет никаких данных по «мигрантскому» населению в РТ, что не аналогично российскому по полу-возрастному составу. Поэтому, как возможно реконструировать «выше в 2,5 раза» согласно выводам чиновников из Казани?

Возможен следующий расчет: $7 / 11429 = 61,3$ на 100 000 «трудовой» популяции. 32,1 (РТ) и 49, 2(РФ) сравниваются с 65,1 (что само по себе меньше двух раз). Таким образом, налицо нарушение расчета показателя Заболеваемости по международной биостатистике и основание для дискриминационного дискурса. А по имеющимся данным надо было бы сравнивать:

- по абсолютному количеству серопозитивных в РТ за 2012 год 21 (иностранцы, т.4) и 1253 (граждане, т.1);
- показатели персонифицированных ВИЧ+ в РТ 101 (иностранцы, т.4) и 116 (граждане РФ, т.1) на 100000 обследованных сывороток.

Если 125-135 тыс. трудовых мигрантов иностранцев приезжает ежегодно в РТ, и это 3,5% от населения, то если бы «мигрантское» население было как в РТ, то было бы в 2 раза выше выявлено новых случаев ВИЧ+ (44 вместо 21 по т.4). По экспертной оценке из 21 ВИЧ-инфицированного иностранца в 2012 в РТ максимум 11 было определено в Казанском Едином центре, что подтверждает healthy migrant effect на начало иммиграции [2].

Согласно мониторингу ВИЧ-инфекции на территории РТ за период с 1987 по 2013 г выявлено 16723 случаев, из них 1240 чел прибыло из других регионов с уже установленным диагнозом ВИЧ – инфекция. Что дает нам основание утверждать, что внутренние российские мигранты с ВИЧ (=7,4%) значительно больше привнесли ретровирус в популяцию РТ по сравнению с внешними мигрантами ($21/1274=1,6\%$) на примере одного 2012 года. Кроме того, трудовые мигранты могли быть инфицированы уже после приезда в Россию. Как совершенно справедливо замечает даже социолог государственного научного учреждения, в большинстве своем они едут из стран с более низким уровнем распространения ВИЧ-инфекции [2].

Для методически аккуратного сравнения российского населения с иностранным возможно использовать показатель «серо+ на 100000 обследованных сывороток» (см Приложение, т.1 – т.4). По всей России в 2012 г. 270,6 впервые выявленных ВИЧ-позитивных, что выше, чем в 2011 г. (252,2). Среди иностранных граждан частота выявления ВИЧ-инфекции была значительно ниже, чем среди россиян (155 и 144 соответственно). В целом у иностранцев данный показатель уменьшается от 2006 к 2012 (168,6 к 155,1). Меньше в России он только у медиков (36,1), доноров (28,3) и беременных (126,4).

Вслед за экспертами в матмоделировании при решении социальных проблем в здравоохранении я призываю развивать в социологии социальных проблем методологический подход на основе доступа ко всем отраслевым данным, например, по медицинскому обслуживанию в данном кейсе. Ведь, как известно, любой стационар в РФ должен подать сведения в УФМС о поступившем пациенте-иностранце в течение 24ч. Кроме этого, невозможно проводить оценки риска «привносимой инфекции» без проведения масштабных популяционных исследований по примеру западных стран с использованием опросных технологий.

1. ВИЧ-ИНФЕКЦИЯ. Федеральный Центр СПИД, бюллетени № 38, № 39 .- М., 2013, 2014.
2. Иванова Л.Ю. Социальные риски для здоровья мигрантов // Вестник Института Социологии.- 2013, № 6, с.131-145.
3. Карпенко Оксана. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в "гостей с юга" и их последствия // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 62-84.

СЕКЦИЯ 7: КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТАХ МОБИЛЬНОСТИ

FROM ASPIRATIONS TO NECESSITY: ANALYSIS OF POST- VERSUS PRE-CRISIS MIGRATION IN LATVIA

Sechi G., Apsite-Berina E., Krisjane Z., Verzins M. (Рига, Латвия)

Introduction

The EU enlargement and recent economic crisis has increased interest in the pattern of labour migration in transition economies of Central Eastern Europe. Enlargement of the EU in May 2004 was followed by an increase in migration from new to old Member States. The 2008 financial and economic crisis hit the Baltic States particularly hard in terms of declining exports and foreign capital inflows, reduction of public spending, and overall decline of domestic consumption. In addition, the high unemployment rate is one of the factors leading many Latvians to consider moving abroad. The current evidence suggests that many mortgage borrowers cannot handle the monthly payments and chose to leave the country, as they are not able to find an appropriate job in Latvia. Thus, the desire to leave the country is strongly accelerated by the economic recession. However, even before the crisis, intentions for transnational migration of Latvian citizens were strong in comparison to other new member states.

Previous studies in Latvia have focused on migration flows and the characteristics of migrants before and after Latvia's accession to the EU. There has been only fragmentary evaluation of the so-called crisis phase migration flow and the groups that have been involved therein (McCullum et al., 2013). The recession has contributed out-flows of economic migrants from Latvia. However, we knew little about the effects of the crisis on the changing characteristics and motives of migrants and their families. The main aim of this paper is to compare the features of migrant groups before and during the recent economic crisis.

Data and Methods of Analysis

The empirical analysis presented in this paper is based on Internet survey data which was conducted with Latvian nationals living in key destination countries – the UK, Ireland, Germany, Sweden and Norway. The data obtained via social network sites (SNS) is used in order to complement available statistical data on contemporary migration. The use of internet-based research tools has the benefit of being a versatile and relatively inexpensive means of collection of a large quantity of primary data, especially over geographically dispersed areas. McCullum and Apsite-Berina 2015

The survey was conducted in year 2012 and administered through SNS (www.draugiem.lv), a social networking service that holds high popularity among Latvians and proven to be highly valuable, based on previous research studies (McCullum and Apsite-Berina

2015). The questionnaire was individually posted to the registered site users based on their IP address geographical location and contained 40 questions on respondents' demographic features and socio-economic status, geographical distribution, migration-related particularities and reasons for emigration.

The research population consists of 2,565 respondents. Acquired dataset correspond to the countries where the largest numbers of Latvian emigrants are concentrated. The respondents were aged between 16 and 73, although the highest share was observed in the 16-30 years old age group. Overall, 1,036 males and 1,529 females participated in the questionnaire survey.

Descriptive statistics

The main causes for migration identified by respondents were failure to cover mortgages (over 20%), uncertainty about future, and unemployment. Age groups differed with regard to expenditures of money earned abroad, with younger migrants spending mainly for education and buying furniture, and elder migrants mainly spending for repaying loans.

Inferential analysis

Bivariate logistic regression analysis was carried out in order to identify peculiar factors behind crisis migration, and behind remittance behaviour among Latvian migrants.

According to the results, crisis migrants tend to be high skilled, inactive or unemployed, young males with up to secondary education, willing to send money back home, migrating for the first time, and being employed in low skilled jobs in host countries.

Such factors differ to a large extent from those which were observed among pre-crisis groups. Before the crisis, low wages were the dominant motivation for emigration from Latvia in all groups (age, gender, geographical origin). Before the crisis, only few migrants mentioned unemployment as main emigration reason, whereas the attractiveness of higher living standards abroad seemed to be the main factor behind migration. Crisis migrants are mainly male, aged 16 to 25. Higher probability of male crisis migrants could be linked with their concentration in branches mostly affected by the recession. These findings are in line with results from other new EU member states, that young males are the largest share of all migrants (Kahanec et al. 2010; Apsite-Berina, 2013).

Conclusions

Paper provides valuable information comparing post and pre-crisis migrants from Latvia to top destination countries. It also gives short description of current migrants identifying groups of people who in their specific conditions choose to migrate from the previous aspiration to do so.

With regard to the former issue, very specific features of crisis migrants' profiles have emerged. Contrarily to pre-crisis trends – which were not specifically characterized in terms of age and gender, and were mainly influenced by the search for higher wages and improved life conditions – crisis migrants tend to be male, young, and inactive or unemployed.

1. Apsite-Berina, E. (2013), *Starpvalstu migrācija Eiropas Savienībā: Latvijas iedzīvotāju migrācija uz Lielbritāniju. PhD-Thesis University of Latvia, Riga. (International Migration in the European Union: Emigration from Latvia to UK)*
2. Kahanec, M., A. Zaiceva & K. F. Zimmermann (2010), *Lessons from migration after EU enlargement, in M. Kahanec & K.F. Zimmermann (eds.), EU labor markets after post-enlargement, 3-45. Berlin/Heidelberg: Springer-Verlag.*
3. McCollum, D., Apsite-Berina, E. (2015). *Recruitment through migrant social networks from Latvia to the United Kingdom: Motivation, Processes and Development. Migration Letters, Volume 12, No:1. 50-65.*

ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫЕ БРАКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Абрамова М., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. (Новосибирск)

Для полиэтничной и поликонфессиональной России чрезвычайно важно сохранение мирных, равноправных взаимодействий между народами как на межгрупповом, так и на межличностном уровнях, связующую роль в которых играет семья. В семье, как элементарной ячейке общества, начинается формирование человека и его идентичностей – этнической, гражданской, профессиональной, ценностных ориентаций личности в сферах морали, политики, межличностных и межэтнических отношений. Конкретные исследования [Абрамова и др. 2014; Арутюнян и др. 1999; Гончарова, 2014; Социокультурный подход... 2013] показали, что для понимания роли семьи в социальных (в том числе этносоциальных) процессах важно исследовать не только семью вообще, но и ее определенные типы, выделенные по различным, важным в том или ином отношении, основаниям: этничности, социальном статусе членов семьи, традициям и т.п.

В нашем исследовании социокультурных типов семей, проведенном по гранту РГНФ (проект № 15-03-00194а), осуществлен анализ динамики соотношения этнически однородных и этнически смешанных семей в контексте характера межэтнических взаимодействий в регионах России в постсоветский период. На основе методики, разработанной авторами, впервые проведено сравнение данных переписей 1989, 2002, 2010 годов и микропереписи населения 1994 года по четырем типам этнически смешанных семей в субъектах РФ, выделенных по национальному признаку (республики, автономные округа, автономная область). Несмотря на все трудности методического и научно-организационного плана, были приведены в систему данные переписей населения, проводимых, начиная с 1994 г., по единицам наблюдения не семей, а домохозяйств. Не имея возможности в статье привести детальное описание методики анализа, отметим лишь, что она в целом адекватно отражает реальные процессы, что подтверждается и другими исследованиями по данной теме в отдельных регионах.

Для анализа процессов межэтнических взаимодействий в национально-территориальных автономиях России выделено 4 типа этнически смешанных семей: 1) семьи, состоящие из представителей русской и титульной (дающей название автономии) национальностей; 2) семьи из представителей русской и иной (не титульной) национальностей; 3) семьи из представителей титульной и других (не русской) национальностей; 4) иные семьи (без представителей русской и титульной национальностей). Сравнивалась динамика этих 4-х типов этнически смешанных и 3-х типов этнически однородных семей: русских, титульной национальности, иной национальности.

Наиболее проблемным в плане межэтнических отношений в данный период был регион Северного Кавказа. Из-за разделения Чечено-Ингушской АССР в постсоветской период на Чеченскую и Ингушскую республики и связанные с этим технические сложности с анализом данных переписей 1989 г. и переписей последующих лет нам не удалось получить деление по этническим типам семей в этих республиках. Но, судя по сравнению данных переписей 2002 г. и 2010 г., в Чечне и Ингушетии произошла заметная гомогенизация: доля чеченцев в Чеченской Республике возросла с 93,5 до 95,3%, а доля ингушей в Республике Ингушетия – с 77,3 до 94,1%. В то же время доля русских, и ранее бывшая крайне незначительной, уменьшилась до 1,9% – в Чеченской Республике и до 0,8% (или до 3,2 тыс. чел.) – в Республике Ингушетия. То есть, резко снизились ресурсы для создания этнически смешанных семей.

В тех же республиках Северного Кавказа (Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Адыгея), где процент русских ранее был высок (30 и более), и которые в меньшей степени были вовлечены в военные действия, этнически смешанных семей не стало меньше, а в некоторых республиках даже заметно больше, в Республике Северная Осетия-Алания увеличилось количество с 17,6 до 19,9%, а в Карачаево-Черкесской Республике – с 15,7 до 16,7%.

Следует отметить, что процесс суверенизации в постсоветский период в республиках Северного Кавказа повлиял на заметное увеличение доли однородных семей титульных этносов не только в Кабардино-Балкарской Республике – с 47,8 до 58,7% всех семей, в Республике Калмыкия – с 40,7 до 51,5%, Карачаево-Черкесской Республике – с 32,6 до 42,3%. В меньшей степени – в Дагестане (с 40,2 до 43,0%) и Адыгее (с 18,2 до 20,9%), но и в республиках Сибири и Дальнего Востока – Саха (Якутия), Тыва, Бурятия, Алтай, Хакасия.

Так, в Республике Тыва за последние 20 лет (1989 – 2010 гг.) произошла сильная этническая гомогенизация населения. Численность жителей республики осталась практически постоянной (около 300 тыс. чел.), тувинцев стало больше на 25% (около 250 тыс. в 2010 г.), а русских – вдвое меньше (49 тыс. чел.). Доля тувинцев в населении возросла с 64 до 81%, а доля русских уменьшилась с 32 до 16%. Соответственно, почти вдвое (с 8,6 до 4,4%) упала в республике доля этнически смешанных семей, в том числе и семей тувинско-русских (с 2,06 до 1,78%). При этом существенно (с 56 до 76%) повысилась доля однородных тувинских семей, а доля русских однородных семей снизилась почти вдвое (с 34,3 до 18,4%).

Качественно такие же процессы, хотя и с меньшей интенсивностью, происходили в Республике Саха (Якутия). В результате миграции славянского населения бывшее соотношение «саха – русские» поменялось на обратное: было 33,4:50,3, а стало 49,9:37,8%. Возросшая численность представителей народностей Севера и «новых мигрантов» (армян, киргизов и др.) не смогла существенно повлиять на динамику этнически смешанных семей. Процент «других смешанных семей», неуклонно снижается (с 43,6 до 39,2% в группе смешанных семей), как и процент семей «русские с представителями других национальностей (не включая саха)» (с 29,5 до 26,8%), зато резко увеличилась доля однородных семей саха (с 27,0 до 41,5%), т.е. в Республике Саха (Якутия) наметилась тенденция к этнической гомогенизации в сфере семейно-брачных отношений, и ее сдерживает только инерция достаточно высокого уровня этнического разнообразия в предшествующий период.

Самая высокая доля (свыше 30%) этнически смешанных семей была ранее и осталась сейчас в северо-западном регионе России – республиках Карелия, Коми, в Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Многовековые контакты русского и автохтонных этносов, сохранение высоких темпов экономического развития региона обеспечили относительную гармоничность межэтнических взаимодействий, что проявляется и в высокой доле русско-титульных семей: русские–коми – 14,38%, русские–карелы – 9,32%. Отсутствие в регионе проявлений этнократизма и сепаратизма, межэтнических конфликтов, массового «исхода» русского населения повлияли на увеличение доли русского населения.

Анализ динамики соотношения этнически однородных и этнически смешанных семей в национально-территориальных субъектах Российской Федерации в 1989–2010 годах позволил сделать вывод, что позитивная динамика доли этнически смешанных семей, благоприятствующих межэтнической интеграции, характерна для регионов с этническим разнообразием, не претерпевших серьезных политических и социально-экономических трансформаций и конфликтов. В то же время в регионах, где имели место рост этнократии, конфликты, отток славянского населения, преобладает тенденция к увеличению доли этнически однородных семей, этническая гомогенизация.

1. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014.*
2. *Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.:Аспект Пресс, 1999.*

3. *Всероссийская перепись населения 2010.* URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата просмотра 10.07.2015)
4. Гончарова Г.С. Динамика и факторы формирования этнически смешанных семей у народов южной Сибири //Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия Философия. 2014. Т.12. №1: 98 – 107.
5. *Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. /Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.*
6. *Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / Под ред. Ю.В. Попкова, В.Г. Костюка. Новосибирск: ООО «Манускрипт», 2013*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ И ИЗМЕНЕНИЕ КОНТУРОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Анисимова В.А. (Москва)

Вместе с изменением контуров и видов человеческой деятельности, диверсификацией социально-пространственных отношений и разрушением прежнего изоморфизма между обществом, пространством и политикой, образовавшегося в результате территориализации национальных государств, обострился «вопрос о пространстве». Неслучайно в период глобальных структурных трансформаций в обществе, названного М.Бубером «эпохой бездомности», пространство из стандартной «темы» вдруг превратилось в проблему, являющуюся вызовом для социальных наук.

За необходимостью разработки новых концепций пространства, обычно скрывается стремление обрести такую оптику для его анализа, которая позволила бы увидеть особенности не только прежних, но и новых образцов социально-пространственных отношений. Если раньше базовой моделью организации общества было национальное государство, то в условиях глобализирующегося мира в этой роли выступает модель мегаполиса, структурными характеристиками которой являются гетерогенность, гибридность, децентрированность и контингентность.

Социокультурная мобильность – это интегративное качество, объединяющее в себе развитые когнитивные способности, знания особенностей и ценностей национальной культуры и культуры других стран, осознанную потребность и мотивацию в самосовершенствовании, проявлении социальной активности и повышении своего культурного уровня, умения и личностные качества, которые обеспечивают возможность эффективных действий при возможных социокультурных изменениях. Развитие социокультурной мобильности является одним из результатов социокультурного становления личности, которое реализуется в социокультурном пространстве общества.

Значительным потенциалом в развитии социокультурной мобильности личности обладают общественные организации, деятельность которых позволяет включать участников данных организаций в систему общественных отношений и формировать не только активную жизненную позицию, но и социальную ответственность за процессы, которые происходят в различных сферах жизни, содействуя формированию мотивов, ценностей, установок.

Говоря о социокультурной мобильности, необходимо также отметить некоторые качества личности, которые определяют сформированность данного вида мобильности: нравственную репутацию поведения, духовность, экологическую культуру, коммуникативность, социальное творчество, способность к сотрудничеству, самоконтроль и рефлексии. Снижение уровня социокультурной мобильности, недовольство жизненными условиями порождают массу конфликтных ситуаций. Чем выше уровень мобильности, тем легче преодолевать конфликты.

Социокультурная мобильность также способствует снятию «культурного шока». Авторство термина «культурный шок» принадлежит К.Обергу, который руководствовался

тем, что вхождение в новую культуру сопровождаются неприятные чувства (потеря друзей и статуса, отверженность, удивление и дискомфорт при осознании различий между культурами), путаницей в ценностных ориентациях и в собственной личностной идентичности.

Опыт экспликации новых форм социально-пространственных отношений в различных исследовательских областях подсказывает, что связь пространства и общества становится узловым пунктом в формировании современных концепций социального. Одновременно в нескольких исследовательских дискурсах возникает необходимость в редефиниции пространства с целью объяснить, почему изменение контекста опыта, вызванное процессами социальной мобильности, связано с формированием новой «пространственной логики»¹. (анализ пространственного измерения человеческой жизни прослеживается в работах М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Б. Вальденфельса, Х. Плеснера, А. Гелена, А. Лефевра, М. Фуко, Э. Соуджея, Э. Гидденса, Б. Верлена). Эти концепции можно назвать перформативистскими, поскольку в них пространство рассматривается как динамическая структура (перформанс), которая обнаруживается в процессе формирования (воплощения) повседневного «репертуара» социальных практик. Конечно, речь идет скорее о некоей общей тенденции (интуиции) в исследовании пространства, нежели о единой теории с четкими контурами и общей методологией. Однако практико-центрированный характер этих концепций – ориентация на действие и повседневность – позволяет, несмотря на имеющиеся между ними расхождения, говорить о комплементарности, а также о возможности построения единой перформативистской теории пространства.

В настоящее время процессы миграции являются важнейшим фактором, влияющим на преобразование пространственных социальных отношений. Социальные изменения на макро- и микроуровне, происходящие под влиянием миграционных процессов, можно определить как преобразования в социальной структуре принимающего сообщества, перемены в социально-ролевых и социально-культурных структурах общества иммигрантов.

Так, Германия и Франция в конце XX – начале XXI в. столкнулись с мощным миграционным потоком, обусловленным новой политической и социокультурной обстановкой: окончание Второй мировой войны, финансовый и экономические кризисы, усиление процессов глобализации. Германия как одна из «принимающих» мигрантов страна может выступать репрезентативной исследовательской площадкой (пространством) для рассмотрения проблем специфики процесса социокультурной мобильности мигрантов, прибывающих преимущественно из стран Ближнего Востока и Африки. Наблюдая недавние процессы — массовую волну беженцев в Евросоюз, в частности во Францию и Германию, именно диаспоральные сообщества мигрантов, оформленные в статусе национально-культурных автономий, выступают в качестве структур коммуникации. Наиболее характерными адаптивными стратегиями, выбираемыми мигрантами, являются геттоизация и интеграции (аккультурации). Причем стратегия геттоизации в большей степени характерна для выходцев из стран Ближнего Востока и Африки, что опровергает «миф о засилии мигрантов».

Можно выделить несколько причин выбора мигрантами подобной стратегии. Во-первых, экономическая: они приезжают лишь на сезонные работы, зарабатывают на год и уезжают к семье. Во-вторых, принимающий социум и идентичность не всегда привлекательны для мигрантов из-за общей социально-экономической нестабильности, размытости ценностных ориентиров. В таких условиях ценности «своей» (традиционной) культуры и общества являются для приезжих более предпочтительными.

Основные проблемы социокультурной мобильности мигрантов можно ранжировать следующим образом: 1) проблемы в правовом и экономическом поле; 2) проблемы в культурно-коммуникативном пространстве; 3) проблемы физиологической адаптации. Однако существуют и проблемы принятия мигрантов, которые выражаются в обострении

социальной конкуренции, а также в повышении уровня интолерантности в принимающем сообществе. В настоящее время диаспора выступает основным инструментом, помогающим мигрантам решать указанные проблемы. Свою деятельность в решении указанных проблем она осуществляет в нескольких направлениях: экономическом, правовом, образовательном, культурном и информационном.

Проанализировав текущую ситуацию в Германии и Франции можно выделить две тенденции: сохранение и трансформация национальной идентичности различных типов мигрантов. Первая тенденция характерна для новых поколений мигрантов из Ближнего Востока. Количественно мощный приток трудовых мигрантов увеличивает размер диаспоры, в результате чего вновь прибывшие замыкаются на общении с соплеменниками. В итоге растет культурная дистанция между мигрантами и местным населением. Мигранты все хуже знают язык и культуру, снижаются образовательный уровень трудовых мигрантов и их способность к интеграции и социальной мобильности. Возрастают социокультурный изоляционизм и ценностно-мировоззренческая отчужденность местного и пришлого населения. Вторая тенденция – трансформация национальной идентичности. Она проявляется в постепенном размывании идентичности укоренившихся мигрантов, которые сохраняют чувство принадлежности к своему народу, но в то же время утрачивают национальный язык, культуру и образ жизни. Обе выделенные тенденции влияют, в свою очередь, и на идентичность регионального социума, трансформируя ее.

На примере Франции и Германии видно, что современное социокультурное пространство основано на взаимном сосуществовании духовного и материального мира, характеризующемся комплексом социально-культурных условий для творческого развития и становления личности. Реалии современного общества ставят перед человеком новые требования, в соответствии с которыми он должен обладать совокупностью качественных характеристик, способствующих свободному перемещению человека внутри социокультурного пространства общества: способность активно и гибко адаптироваться к происходящим социокультурным изменениям, самостоятельность, активность в действиях, умение принимать решения, налаживать взаимоотношения с различными людьми, в том числе других национальностей и вероисповеданий, самостоятельность и инициативность, которые в совокупности свидетельствуют о наличии у человека социокультурной мобильности.

1. Юдина Т.Н. Миграция: Словарь основных терминов. М.: РГСУ, 2007
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000 (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php).
3. Бродель Ф. Что такое Франция? Люди и вещи. Т. 1. М., 1995.
4. Любарт М.К. Арабы-мигранты в современной Франции// Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2009
5. Стрельцова, Я. Франция и проблема интеграции иммигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №9.
6. Аваков Р. М. Французский монополистический капитал в Северной Африке. М.: Издательство академии наук СССР, 1958.
7. Пономаренко А. В. Африка и Франция: взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций. М.: Издательство российского университета дружбы народов, 1997.

ОДИНОЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ УРБАНИЗАЦИИ

Арефьева А.В. (Москва)

Число одиноких людей в России, как и во всем мире, меньше не становится. По данным Росстата за 2013 год, на каждые два заключенных брака приходится один развод.

По неофициальным данным, 40% россиян среднего возраста одиноки. По результатам социологического исследования «Москва и москвичи», 18% женщин, рожденных в 1970-80-х годах и живущих в Москве, сознательно выбирают жизнь без детей.

Однако, институт семьи невыгоден маркетологам. Недавнее исследование Мичиганского университета показало, что одинокий человек потребляет на 38% больше продуктов, на 42% больше упаковочного материала, на 55% больше электричества и на 61% больше газа по сравнению с семьей из четырех человек.

Именно поэтому в рекламно-информационном потоке, который имеет большое влияние на психику человека, практически нет элементов, которые представляли бы семью с выгодной – как материальной, так и эмоциональной – точки зрения.

Все чаще стали говорить о том, что институт семьи в современных условиях и темпах развития общества претерпевает существенные трансформации. Стало меньше семей, которые могут служить образцом для подражания. А без достойного примера молодое поколение утрачивает ориентиры и, в свою очередь, не способно понять, почему нужно прикладывать усилия, чтобы построить здоровые, крепкие отношения.

Говорить о том, что интерес к семье угас совсем, неправильно. Как свидетельствуют социологические опросы, и мужчины, и женщины среднего возраста хотели бы создать крепкую семью. Среди причин, которые мешают создать нормальные отношения, респонденты называют нехватку времени, перегруженность работой, отсутствие рядом достойных партнеров.

В настоящее время не существует каких-либо долгосрочных проектов, призванных помочь как в создании семьи, так и поддержании ее авторитета. Так, по данным ВЦИОМ за 2014 год, 59% россиян хотели бы, чтобы пропаганде семейных ценностей и информационной поддержке крепких традиционных семей уделялось бы больше внимания.

1. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. - М.: Асадемия, 2004.
2. *Демографический Кризис в России: кто виноват и что делать?* - М.: ВЦИОМ, пресс-выпуск 344, 2005.
3. *Москва и москвичи*. – М.: монография «Археология периферии», 2013. (Исследование проводил осенью 2013 г. Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр) в интересах Московского Урбанистического Форума)
4. Мустакас К. *Большие проблемы маленьких детей*. - М.: Апрель Пресс, Изд-во Эксмо, 2003.
5. Мустакас К. *Игровая терапия*. - СПб.: Изд-во «Речь», 2000.
6. Роджерс К. *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. М.: "Прогресс", 1994
7. Фрейд З. *Массовая психология и анализ человеческого «Я»*. М.: Азбука-Классика, 2006.
8. ЦзяньгоЛю. *Проблемы потребления*. – Мичиган: Исследование из Мичиганского университета, 2013.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ПРАВОСЛАВНЫХ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Балич Н.Л. (Минск, Республика Беларусь)

С целью изучения религиозных практик православных в рамках совместного проекта «Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в Союзе Беларуси и России» при поддержке БРФФИ и РГНФ в 2013 г. был проведен массовый опрос населения Беларуси и жителей Краснодарского края. Полевой этап исследования был реализован на базе Института социологии НАН

Беларуси и Кубанского государственного технологического университета. Для отбора респондентов использовалась репрезентативная квотная выборка с элементами случайного отбора (объем белорусских респондентов – 1589 чел., российских - 1200). Ошибка выборки $\pm 5\%$.

В рамках исследования ставились задачи измерения конфессиональной самоидентификации, уровня религиозности и воцерковленности православных по критериям участия в культовой практике, ориентации на религиозные ценности в повседневной жизни и др.

Конфессиональная самоидентификация населения Беларуси и жителей Краснодарского края имеет общие характеристики и отличия. Православные преобладают в обеих группах. Среди белорусских участников опроса отмечены представители трех основных направлений христианства, российских – католики отсутствуют. В группе россиян больше православных, протестантов и мусульман, нет иудеев; меньше тех, кто не пожелал отнести себя к какой-либо религии (табл.1).

Табл. 1. Конфессиональная самоидентификация населения Республики Беларусь и жителей Краснодарского края, %

Конфессиональная принадлежность	Республика Беларусь	Краснодарский край (Российская Федерация)
Православие	81,8	88,4
Католичество	10,2	–
Протестантизм	0,5	2,7
Старообрядчество	0,6	0,7
Ислам	0,1	3,0
Буддизм	0,3	0,4
Иудаизм	0,1	–
Другое	0,7	0,9
Ни к какой себя не отнесли	5,7	3,9

Конфессиональная самоидентификация православных не всегда в полной мере соответствует религиозной самоидентификации (вере в Бога). В обеих группах представлены верующие, склоняющиеся к вере и неверию, затруднившиеся с религиозным самоопределением, неверующие. Выше уровень религиозной самоидентификации (верующих) в группе белорусов, среди «скорее верующих» больше россиян. В то же время в группе белорусов больше затруднившихся со своим религиозным самоопределением, а также неверующих (табл.2).

Табл.2. Религиозная самоидентификация православных (население Республики Беларусь и жителей Краснодарского края), %

Респонденты	Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим?»				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Республика Беларусь	34,5	41,0	9,7	2,9	11,9
Краснодарский					

край, РФ	31,9	55,8	8,9	1,3	2,2
----------	------	------	-----	-----	-----

Это говорит о значимости религиозно-культурной традиции, которую олицетворяет православие. Человек может не разделять вероучение в полной мере, нерегулярно участвовать в обрядах, не посещать церковь. Но сам факт принадлежности к религии важен для мировоззренческой, культурной, нравственной ориентации человека. Это объединяющий фактор с другими людьми, который имеет значимую с другими жизненными установками ценность.

Подтверждением тому служит выявленное противоречие между каноническими требованиями религии о необходимости культовой практики и мнением православных о значимости ее соблюдения (только белорусская сторона). Большинство участников опроса считает, что можно быть верующим, но не участвовать в деятельности церкви. Такую возможность допускают 36,9 % опрошенных, скорее допускают 33,3 %. Значительно меньше православных заявило о недопустимости (7,9 %) и скорее недопустимости (12,0 %) такого неучастия, затруднились ответить 9,9 % респондентов.

В отправлении культовой практики (посещение богослужений, участие в обрядовой деятельности) ниже уровень церковной дисциплины демонстрируют российские участники опроса. Среди них меньше участвующих в богослужениях каждую неделю (3,9 %) и ежемесячно (8,9 %). Подавляющее большинство православных двух стран наиболее активны в дни церковных праздников или посещают богослужения с неопределенной периодичностью «от случая к случаю». Есть те, кто в отправлении религиозных обрядов не участвует (11,9 % белорусов и 9,9 % россиян) (табл. 3).

Табл. 3. Посещение церкви и участие в культовой деятельности, %

Частота участия	Республика Беларусь	Краснодарский край (РФ)
Каждую неделю	6,5	3,9
1–2 раза в месяц	12,1	8,9
По церковным праздникам, от случая к случаю	69,6	77,3
Не участвуют	11,9	9,9

К молитвенной практике православные россияне обращаются значительно чаще. Из них 13,8 % молятся ежедневно, 8,1 % – несколько раз в неделю. С неопределенной периодичностью обращаются к молитве 43,0 % опрошенных, только в критических ситуациях – 22,6 %, никогда – 12,5 % россиян.

При этом многие единодушны в том, что верующий должен знать вероучительные основы своей религии, иметь религиозную символику, молиться, соблюдать религиозные предписания и практики (белорусские участники опроса) (табл. 4).

Табл. 4. Мнение православных о значимости вероучительных основ и практик для верующих, %*

Что наиболее важно для верующего	%
Молиться	62,4
Посещать службы в храме	47,0
Соблюдать религиозные обряды и праздники	42,8

Пройти обряд посвящения в религию (крещение и т. п.)	33,5
Исповедоваться и причащаться	31,2
Иметь религиозную символику (иконы, нательные кресты и др.)	24,2
Соблюдать посты	17,1
Знать Священные тексты своей религии	16,7
Читать религиозную литературу	8,4
Другое	7,2

* Сумма процентов превышает 100, т.к. респондент мог выделить несколько вариантов ответов

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Большинство населения Республики Беларусь и жителей Краснодарского края идентифицирует себя с православием. Однако конфессиональная самоидентификация православных не всегда соотносится с убежденной религиозностью (верой в Бога). В группе белорусских и российских участников опроса представлены лица с разным типом религиозного мировоззрения: верующие, склоняющиеся к вере и неверию, затруднившиеся с религиозным самоопределением, неверующие. Выше процент назвавших себя верующими в группе белорусов, среди «скорее верующих» больше россиян. В то же время в группе белорусов больше затруднившихся со своим религиозным самоопределением, неверующих.

2. Сравнительные характеристики фактического участия в религиозных практиках православных отражают невысокий уровень церковной дисциплины белорусских и российских участников опроса, наиболее активных в дни церковных праздников и от случая к случаю. Лишь малая часть следует церковным правилам, участвуя в обрядах регулярно (каждую неделю). Белорусские участники опроса проявляют большую активность по сравнению с жителями Краснодарского края. При этом россияне к молитвенной практике обращаются чаще посещения богослужений.

3. Исследование выявило противоречие между каноническими требованиями религии о необходимости культовой практики и мнением православных о значимости ее соблюдения. Большинство респондентов допускает, что можно быть верующим, но не участвовать в деятельности церкви. При этом знание вероучительных основ своей религии, молитв, посещение церковных служб, соблюдение обрядов и праздников является, по их мнению, важным. Все это свидетельствует о том, что православие воспринимается как привычная культурная среда в традиционном образе жизни белорусов и россиян. Поэтому в мировоззренческих установках православных заметно превалирование социокультурных традиций над религиозными практиками.

РАЗВИТИЕ СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕКОНФИГУРАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СПОРТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Билогур В.Е. (Мелитополь, Украина)

Развитие спортивной культуры личности в контексте реконфигурации социокультурного спортивного пространства можно эксплицировать как выражение родовой сущности соревновательности в мире спорта, что представляет собой не только трансляцию мира спортивной культуры, но и приемов технологического отношения к

спорту, спортивных ценностей и образцов поведения, а также межкультурное взаимодействие в мире спорта и мобильность спортсмена. В мире спортивной культуры происходит культивирование целостной личности благодаря соревновательности в спорте как субстанциональной основы формирования личности. Не случайно Н.Н.Визитей определяет соревновательность как один из базовых моментов самоидентификации человека. По его мнению, «соревновательность универсальна. Человек постоянно вовлечен в соревновательные отношения. Соревновательность есть одна из форм, в которой реализуются наиболее глубокие потенции человеческого бытия [1, с.83].

Среди всевозможных определений человека, существующих в современной философии, отсутствует такая его характеристика, как становление спортивной личности, формирование спортивной культуры как выражение взаимодействия культуры, образования, спорта, культурные изменения в контекстах спортивной мобильности. Спортивная культура – часть культуры, в основе которой взаимодействие образования, спорта, культуры, которые представляют интеллектуальную, духовную, физическую деятельность человека по развитию целостной личности, которая включает результаты деятельности, обеспечивающие базовое стремление человека к игре, соревнованию, творчеству в конкретно-наличной реальности. Философия спортивной культуры личности как выражение взаимодействия культуры, образования, спорта в силу своей специфики как формы единства духа и тела выражает собой уникальность данной системы императивов. Спортивная культура как генерально-субстанциональная категория человеческой экзистенции уникальна, так как включает для подражания все императивы. Спортивная культура противопоставляется природе, она связывается с процессом достижения человеком более совершенного, физически устойчивого бытия, в основе которой функции культуры [2, с.91]. Развитие спортивной культуры личности в контексте реконфигурации социокультурного пространства следует трактовать как выражение родовой сущности соревновательности в мире спорта - это отражение всего многообразия

отношений человека, обращенного к миру природы, общества, человеку, которые культивируют гуманистический интеллектуальный аспект социоотношений, связанных со становлением самоценных, смысловых способов существования человека. Спорт как субстанциональная матрица развития личности отражают внутреннее положение бытия человека как творца своей судьбы и продуцируются миром спорта, акцентирующем внимание на самоценности спортивной личности. Спорт как продукт-программа деятельности – это выражение эмоционального, интеллектуального и чувственного действия, благодаря которым сознание спортсмена и его самосознание, находясь постоянно в состоянии стресса, еще более укрепляется. Не случайно спортивная деятельность направлена на культивирование результатов для достижения своих спортивных целей. В основе спортивной культуры в контексте реконфигурации социокультурного пространства мы наблюдаем выражения родовой сущности соревновательности в мире спорта дискурсомысливается развитие всех задатков личности, которые трансформируются в тех или иных видах спортивной практики и выступают элементом жизненного процесса индивида. Спортивная соревновательность как индивидуальное и общественное взаимодействие в конечном счете зависят как от самого человека, так и от условий, которые создает общество в виде социокультурных детерминант для развития мира спорта, от способности человека к саморегуляции своей родовой сущности и раскрепощению своих потенциальных возможностей стать личностью в результате потенциальной соревновательности, которая заложена в человеке от природы [3].

Среди всевозможных определений человека, существующих в современной философии, отсутствует такая его характеристика, как спортивная личность и выражение ее социокультурной мобильности. В основе развития спортивной культуры личности как выражения родовой сущности соревновательности в мире спорта - взаимодействие образования, спорта, культуры, которые представляют интеллектуальную, духовную,

физическую деятельность человека по формированию целостной личности, которая включает результаты деятельности, направленные на культ спортивных побед, включая биогенетико-психофизиологические феномены человека. Духовные ценности в совокупности с физическими составляют спортивную культуру человека, поскольку она есть формой существования индивидуального и человеческого в контексте взаимодействия культуры, образования, спорта, нацеленных на формирование целостной личности [4]. В современных условиях происходит глобализация инноваций, миграционных процессов, науки и образования, политических институтов, культуры и спорта. Глобализация в спорте – это превращение спорта в явление глобального,

общечеловеческого плана, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни людей. Спортивная глобализация способствует осознанию взаимозависимости мира как единого целого. Глобализация миграционных процессов приводит к растущему числу беженцев, масштабной нелегальной миграции, различным формам перемещения людей, повышенному спросу на высококвалифицированную рабочую силу, мобильности. Глобальность представляет сегодня качественную характеристику спортивного мира, которая раскрывает движение к интегрированности и целостности, проявляется во всех измерениях бытия и человеческого сознания, означает формирование общности социальных, экономических, политических, правовых, спортивных отношений. В разных уголках мира люди по-разному реагируют на глобальные изменения: глобализация способна не только объединять, но и разъединять народы. – и даже через спорт. Все выше изложенные процессы свидетельствуют, что глобализация превращается в главную парадигму общественного развития [5].

Развитие спортивной культуры личности в контексте реконфигурации социокультурного пространства сводится к тому, что:

1. Развитие спортивной культуры личности как выражение родовой сущности соревновательности в мире спорта включает анализ спорта как субстанциональной основы развития личности и ее родовых черт, благодаря которым личность себя самореализует в мире спорта, а также благодаря собственному самостроительству, который представляет свободный выбор человеком своего развития саморегуляции личности в спорте. 2. Спорт как онтологическая и аксиологическая реальность кристаллизуется в сознании и самосознании личности спортсмена, рефлексии своих человеческих качеств. Поэтому спорт как соревновательное взаимодействие выступает как необходимый этап становления индивидуальности. 3. Сегодня мир спорта не обходится без коммерциализации, то и закономерно возникает вопрос: как влияет коммерциализация на изменение мира спортивной личности, не вредит ли коммерциализация развитию спортивной культуры и гармоническому развитию личности. Коммерциализация, законы рынка должны соединяться с культурой и образованием, базироваться на гуманистических ценностях образа спортивной жизни, стремиться к получению радости от достижения спортивных успехов, воспитываться на хороших спортивных примерах и уважении к всеобщим принципам этики и моральности в мире спорта. 4. Есть и другое мнение. К. Volkwein считает, что лозунги и призывы придерживаться принципов морального поведения в спорте вряд ли принесут изменения в мире современного спорта в условиях глобализации, где царит лозунг: «победа любой ценой». 5. Соревновательность человека в мире спорта как выражение родовой сущности человека развивает

целеустремленность, комплекс волевых чувств, морально-этические нормативы. В условиях глобализации мир спорта становится все более мобильным, квалифицированным.

1. Визитей Н.Н. *Социология спорта: курс лекций.* - К., 2005.- 248 с.
2. R. Scott Kretchmar. *Practical philosophy of sport and physical activity.* Champaign, IL : Human Kinetics, 2005.- P. 91.

3. Edensor, T. *National Identity. Popular Culture and Everyday Life. Oxford –New– York, 2002.* – С. 74.
4. Білогур В.Є. *Формування концепції цілісної особистості: теоретико-методологічні виміри* / Білогур В.Є. // *Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії: [зб.наук.пр.] – Запоріжжя: Вид-во ЗДІА, 2014.- №59.- С.192-203.*
5. Воронкова В.Г. *Філософія глобалізації: соціоантропологічні, соціоекономічні та соціокультурні виміри: [Монографія] / В.Г.Воронкова. - Запоріжжя: Видавництво ЗДІА, 2010.- 272 с.*

ГОРОДСКИЕ САУНДСКЕЙПЫ В КОНТЕКСТАХ МОБИЛЬНОСТИ

Васильева Д.А. (Санкт-Петербург)

Звуки во всем своем многообразии, от технических и природных шумов до музыки и тональности человеческой речи, – это непосредственные участники социальной жизни города. Они становятся основой для идентификации в пространстве города, «ресурсом для формирования городских локализации» [1], дают импульсы запуская характерные для того или иного локуса городского пространства цепочки действий, задают границы взаимодействия, становятся своеобразным социальным фильтром, способствуют смещению фокуса интерпретации различных социокультурных процессов.

Наше взаимодействие с городской средой имеет в своей основе мультисенсорное восприятие. Звуки, запахи, тактильные ощущения играют не менее значимую роль, чем визуальные сигналы – они задействованы в создании среды, где возможны определенные формы взаимодействия. Звуковые ландшафты или «саундскейпы» (как обозначил культурно-символические формы опосредования восприятия звуков и шумов города Фрик Коломбьян) не прозрачны [3]. Воспринимаемые нами звуки состоят в индексальном отношении к тому, что репрезентируют. Саундскейп как репрезентация городской реальности подвержен влиянию социального, культурного и исторического контекстов.

Звуковое пространство города всегда было дискретно и изменчиво. Характеристики городских саундскейпов, с одной стороны, определялись особенностями инфраструктуры того или иного места и деятельностью различных социальных агентов, распределенной во времени [1, 262]. С другой стороны, ресурсом для конструирования скейпа становится ситуативная реификация культурного опыта агентов, завязанного на восприятие звуков, - она просходит за счет концентрации глобальных культурно-символических потоков, направляемых культурными практиками [4, 54].

Так, например, модификация акустической ситуации возможна в контексте переосмысления звуков, как носящих ретроспективный характер. Трансляция записей звуков войны в мемориальных комплексах, воспроизведение образа танцплощадки в городских садах, использование виниловых проигрывателей в кафе с отсылкой к ушедшей в прошлое практике коллективного прослушивания пластинок во дворах [1], использование записей джазовой музыки в местах публичного общения, - все это создает плотную символическую сеть и дает импульс к многослойному использованию городского пространства за счет различных стратегий «прочтения» звуков. Многоголосие рынков, звуки клаксонов и рокот машин на проезжей части, назойливые рекламные сообщения, колокольный звон, бой часов, звонки трамваев и велосипедов, шуршание скейтов и роликов в парках, техноритмы дискотек, уличные музыканты с вечной «Stairway to Heaven» - звуки, которые формируют мировую глобальную городскую сеть.

Концентрация символического ресурса в публичном городском пространстве (к примеру, при помощи музыкальных звуков определенного стиля, а также использования того или иного типа звуковоспроизведения), с одной стороны, играет роль фильтра, «пропускающего» только определенные группы и задающего четкую стратегию взаимодействия, а с другой – дает возможность использования музыки как

символического капитала и, соответственно, включения в городское пространство посредством использование ресурса глобального символического потока, сформированного музыкальным стилем. Ярким примером сосуществования этих двух тенденций является музыкальный туризм, где поток туристов разделяет «рок-н-рольная мекка» Хард-Рок кафе, знаменитые оперные театры и фестивали этнической музыки.

Технологии звуковоспроизведения также неразрывно связаны с процессами, протекающими в городе. Если изобретение нотной записи, влекущее за собой обособленную виртуозность голоса и инструментов, шло рука об руку с кооперацией и специализацией в городской среде [5, 312-322]; не предполагающие диалога радио и репродуктор, создающие общий темп и настроение на улицах, с становлением социализма, то портативные звуковоспроизводящие устройства в современном городском пространстве создали совершенно особый уровень фрагментации городского ландшафта [2]. Если исполнение вальса с сопровождавшим его единообразным и свободным движением в любой части зала казалось избавлением от феодальных рамок, то джаз и регтайм сломали ритм и социальные стены, знаменуя культурное смешение, спонтанность ситуативных рамок действия и импровизацию. [5, 312-322] Пластинка, кассетная лента, музыкальный плеер «Walkman» последовательно вынесли эту тенденцию за локальные пределы сообщества и клуба.

Процессы формирования, изменения и переосмысления городских саундскейпов сегодня неразрывно связаны с постоянным пересечением национальных, социальных и культурных границ акторами разного уровня, со структурной диффузностью и социальной фрагментацией городской жизни. Возникновение новых социальных форм мобильности определяет основные характеристики звукового ландшафта города.

1. Бунич Е. *По городу с плеером: как музыка меняет наше восприятие окружающего мира / Микроурбанизм. Горд в деталях.* – М., 2014 – с. 94-110.
2. Возьянов А. *Винил в большом городе: между звуком и зрением / Визуальная антропология: городские карты памяти.* – М., 2009 – с. 259-274.
3. Colombijn C. *Tooooot! Vroooooom! The Urban Soundscape in Indonesia | Journal of social History.* 2007. №3 – p. 859-894.
4. Appadurai A. *Disjunction and Difference in the Global Cultural Economy. // The Anthropology of Globalisation: A Reader.* / ed. by Xavier Inda, Renado Rosaldo – Blackwell Publishing, 2008.
5. Маклюэн М. *Понимание медиа.* – М., 2011.

НОВЫЕ МОБИЛЬНОСТИ XXI СТОЛЕТИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Вершинина И.А. (Москва)

Французский социолог А. Турен пишет о том, что социология должна признать необходимость трансформации предметного поля науки. Социология традиционно изучала функционирование промышленного общества, характеристики которого существенно отличаются от современного информационного [8, 126-128]. Может случиться, по мнению А. Турена, что социологии придется работать «без обществ». Британский социолог Дж. Урри также полагает, что социология XXI столетия должна выйти за «пределы обществ», ее главной задачей должно стать изучение социальной мобильности [6, 302]. Таким образом, Дж. Урри предлагает пересмотреть категориальный аппарат социологии и выдвинуть в качестве основной категории социологии понятие «мобильности», которое должно прийти на смену понятию «общество».

Британский социолог указывает на то, что мобильность при этом меняет свое содержание в современном мире: на смену вертикальной мобильности в обществах начала XXI столетия приходит горизонтальная мобильность, которая интенсифицирует циркуляцию людей, объектов, образов, информации и даже отходов [6, 9]. Дж. Урри призывает к созданию более широкого проекта социальной науки, ориентированной на изучение движения; парадигма мобильностей, по его мнению, не только серьезно трансформирует социальную науку, но и предлагает альтернативную теоретическую и методологическую перспективу [7, 90].

Мобильности XXI столетия приводят к серьезным трансформациям социальной структуры и городского пространства. Л. Вакан говорит о появлении нового режима городской маргинальности вследствие завершения фордистской эпохи: город, по его словам, становится местом зарождения новой бедности, которая становится все более длительной, если не постоянной [2, 265-266]. Новая городская маргинальность оказалась связана, в том числе, и с проблемами интеграции мигрантов и беженцев, количество которых в Европе катастрофически растет. Даже странам с сильным социальным государством и более или менее сегрегированными городами лишь частично удалось победить феномен маргинальности, но не уничтожить его полностью. Кроме того, наблюдается постоянное углубление пропасти между неблагополучными районами и теми, где живут более успешные социальные группы.

В современных городах активно формируются параллельные пространства, жители каждого из которых характеризуются своим собственным жизненным миром. Структурные позиции в системе производства и потребления, связанные с определенным образом жизни, предполагают кардинальные отличия в финансовых средствах и социокультурных навыках. Это ведет к формированию дуального города, в котором активно идет процесс пространственной сегментации.

Те, кто принадлежит к привилегированному слою, обладают широкими возможностями и правом выбора. Их свобода самостоятельно решать свою судьбу, в частности, выбирать место проживания, ослабляет связи с городом, лишает их привязанности к нему. Как констатирует З. Бауман, «люди “высшего слоя” явно не принадлежат месту, в котором они проживают. Мысленно они находятся (или, скорее, плавают) в другом месте. Можно предположить, что, помимо того, что их никто не трогает, что они вольны сами распоряжаться своим временем и что они гарантированно получают услуги, необходимые для (все же определенного) жизненного комфорта, у них нет никаких иных интересов в городе, где находится их место жительства» [1, 35]. Таким образом, высшие слои общества постепенно «отрываются» от городов, в которых они живут, чтобы стать частью глобального пространства. Имеющиеся возможности для пространственных перемещений способствуют утрате чувства принадлежности определенному городу и способствуют развитию космополитизма.

Те, кто не смог стать частью глобальной космополитичной элиты, в полной мере испытывают на себе все негативные последствия глобализации. Одна из главных тенденций последних десятилетий – расширение возможностей работы по гибкому графику, которая дает возможность работодателю избежать долгосрочных обязательств по отношению к своим сотрудникам и оптимизировать издержки на заработную плату. Г. Стэндинг говорит о том, что в новой мировой классовой структуре стремительно растет прекариат, ставший, в первую очередь, следствием расширения гибкой занятости. Прекариат – это «новый опасный класс», который лишен гарантий занятости и ряда социальных льгот; прекаритизироваться – значит переходить к нестабильному существованию, когда человек живет сиюминутным, не имеет четкой самоидентификации или ощущения, что он может добиться большего [5, 36].

Гибкий капитализм оказался гораздо жестче традиционного: если в традиционном веберовском треугольнике бюрократии вознаграждение предоставляется за работу, которую работник выполняет лучше всего; в гибкой корпорации оно предоставляется

командам, которым удастся обыграть другие команды, то есть победитель получает все, а усилия проигравших участников больше не вознаграждаются [4, 100]. Таким образом, неравенство в доходах стремительно растет. Одновременно с этим тает уверенность в завтрашнем дне, так как в условиях участвовавших экономических кризисов многие компании действуют вполне рационально и легко сокращают «лишних» сотрудников, перекладывая заботу о них на социальные службы.

Гибкий капитализм признает только взаимовыгодное сотрудничество, то есть использование окружающих для достижения собственных целей. Мир вокруг нас проникается все большим безразличием. Индифферентность характерна не только для сферы трудовых отношений, она довольно быстро проникает в область межличностных взаимодействий и даже затрагивает институт семьи. Диалектика гибкости и безразличия, по мнению Р. Сеннета, проявляется в городском пространстве в трех формах: во-первых, в утрате физической связи с городом, во-вторых, в стандартизации городской среды и, в-третьих, в рационализации семейных и межличностных отношений [4, 101].

Высокая мобильность разрушает установившийся порядок жизни, меняет отношение к собственности, общественным пространствам и исторической памяти, поскольку в жертву мобильности приносятся дружеские и семейные связи, а в конечном итоге, и гражданское общество [3, 314]. Мы наблюдаем серьезную трансформацию идентичности, спровоцированную гибкостью и подвижностью социального пространства. Социальные отношения, пронизанные рациональностью, а следовательно, безразличием, с одной стороны, способствуют расширению сети контактов и росту интенсивности мобильности; но, с другой стороны, мы наблюдаем, что «личность размазывается, или делается мобильной, как цепочка следов» [7, 145].

1. Бауман З. *Город страхов, город надежд* // *Логос*. 2008. № 3.
2. Вакан Л. *Городская маргинальность грядущего тысячелетия* // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2 (70).
3. Вендина О.И. *Можно ли увидеть четкие перспективы в туманном будущем городов?* // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2 (70).
4. Сеннет Р. *Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие* // *Логос*. 2008. № 3 (66).
5. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем, 2014.
6. Урри Дж. *Мобильности*. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.
7. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
8. Touraine A. *Sociology without Societies* // *Current Sociology*. March 2003. Vol. 51(2): 123–131.

ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Власова И.В. (Санкт-Петербург)

Глобализация – феномен современной жизни, проявляющийся в экономике, политике и культуре. В современном мире наряду с процессом глобализации параллельно идет процесс обособления. Культурная картина XXI века включает в себя чувственное и ментальное освоение человеком своей культуры, его идентичность. Тема объединения в научной литературе соседствует с вопросами сохранения национально-культурных особенностей народов и этносов.

Следовательно, особенность современной культурной картины мира определяется противоречием между глобализацией, и стремлением культур сохранить свою идентичность. Реконфигурация социального пространства связана с тенденцией к завершению господства монополярного мира. Основными проблемами XXI века являются

распространение терроризма, миграционный вопрос, кризис Евросоюза, прежде всего экономического толка: европейские ценности - свобода, собственность, общественный долг, в современном мире подвергаются внешней и внутренней угрозам. Особое место занимает решение «германского вопроса» (статус Германии в рамках Евросоюза) [1].

В научной литературе тема реконфигурации социального пространства связана с рассмотрением вопроса межкультурной коммуникации в целом, и диалога культур в частности.

Диалог, как неотъемлемая часть социальной и индивидуальной жизни человека, приобретает особое значение в связи с рассмотрением проблемы изменения социального пространства. Первооткрывателем диалогического подхода к личности считают М.М. Бахтина [2].

Диалог рассматривается как естественная форма межличностных отношений, неотъемлемый фактор человеческого общежития, проявляющийся в соблюдении определенных принципов. Цель диалога – понимание другого и самого себя без предубеждений.

Диалог – это особый уровень общения, на котором достигается известная свобода от стереотипов при оценке «другого»; это особый вид общения, для которого характерно отношение к «другому» как самодостаточной личности и стремление к достижению взаимопонимания» [3, с. 5].

В современном стремительно изменяющемся социокультурном пространстве необходим переход от логики конфликта к логике диалога.

Методы разрешения конфликтов на современном этапе развития общества в основном силовые, но сегодня не обойтись без глубинного анализа причин ментальной несовместимости социума. Значение ментальности в рамках исследования диалога культур выделяют современные западные и отечественные ученые (Ю. Хантингтон, Б.С. Гершунский, В.А. Тишков, А.В. Перцев и др.), подчеркивая, что именно на основе исследования ментальности можно найти эффективные средства предупреждения конфронтационных ситуаций [4, с. 3]. «Исследования культурной антропологии, философии, этнопсихологии, социологии показывают, что культурная самобытность любого народа неотделима от культурной самобытности других народов, что все большее значение в наши дни приобретают способности к пониманию чужой культуры, признание чужой культурной самобытности, умение строить диалогические отношения и идти на разумный компромисс» [5, с. 295].

Основными составляющими эффективного межкультурного взаимодействия, являются межкультурная коммуникация и историко-культурная компетентность.

Важнейшие аспекты межкультурной коммуникации связаны с культурно обусловленной деятельностью человека как субъекта познания и общения, предполагает навыки успешного межкультурного общения, знание и уважение традиций других культур и т.п.

На межкультурном уровне цель диалога - установка на взаимодействие и взаимопонимание между людьми. Он способствует приобщению к ценностям и достижениям иной культуры, познанию неповторимости и уникальности другой культуры. Смысл межкультурного диалога в сближении различных культур.

Основой диалога культур является идея сотрудничества, партнерские отношения в различных сферах жизни. Культура, соприкасаясь с другой культурой, на основе ментальности, определяет в ней «свое», пытается понять «чужое» [5, с. 5].

Следовательно, развитие способности к диалогу - важный шаг на пути межкультурного взаимодействия.

Межкультурная коммуникация – информационное взаимодействие культур в процессе и в результате прямых или опосредованных контактов между разными этническими или национальными группами. [6, с. 317, 319],

Основной функцией межкультурной коммуникации является – установление отношений между странами и этносами, национальными группами, классами, слоями, и т.д. Цель – поддержание динамического единства и целостности социокультурной структуры [6, с. 322].

Историко-культурная компетентность выражает степень сформированности широты знаний, отражает способность индивида представлять себе исторические процессы, проявлять ценностное отношение к прошлому, историко-культурному наследию своего региона, страны.

Её основная функция – социализация личности на примере конкретного региона. Она осуществляется благодаря усвоению его своеобразия и историко-культурного наследия.

Таким образом, реальностью нашего времени влияющей на реконфигурацию социокультурного пространства является культурный плюрализм: монополярный мир заканчивает существование в мировом пространстве. Согласованность, диалог и разрешение конфликтных вопросов различных стран в дискуссии, поможет в решении проблемы сосуществования в общем жизненном пространстве разных культур, и ценностных ориентаций.

1. Плотников Н.С. *Реконфигурация публичного пространства* file://localhost/
2. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества* / Состав. С.Г. Бочаров. □ М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Валитова Р.Р. *Толерантность как этическая проблема. Автореф. на соис. учен. степен. к.п.н.* □ М., 1997. □ 23 с.
4. Гершунский Б.С. *Готово ли современное образование ответы на вопросы XIX века* // Педагогика, □ 2001. □ №10, С. 9 – 13.
5. *Толерантность и интолерантность в современном обществе. Материалы международной научно-практической конференции* / Ред. И.Л. Первой. □ СПб.: Из-во. СПб. Университета, 2008. – 410 с.
6. *Теория культуры. Учебное пособие* / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с.

ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону)

В условиях интенсификации миграционных процессов в пространстве современной Европы особенно актуальным становится изучение успешных институциональных практик регуляции уровня миграции и адаптации иммигрантов к новой для них социокультурной среде. Для анализа практик подобного рода мы выбрали ФРГ как экономически развитую страну, привлекательную для иммигрантов. Современная Германия представляет собой государство со сложной этнокультурной структурой, а значит там можно обнаружить позитивные механизмы гармонизации отношений между принимающим обществом и прибывающими мигрантами. С учетом региональной специфики эти механизмы и инструменты государственной политики можно имплементировать в российскую правовую и социокультурную реальность.

Особенности интеграционного процесса и аккультурации в немецкое общество (на примере русскоязычной молодежи г. Берлина) рассматривает Е.В. Казарцева [1]. Критериями тех или иных стратегий аккультурации, по мнению Е.В. Казарцевой, являются: этническая самоидентификация, интенсивность контактов со своей этнической группой и коренным населением; степень культурной утраты и культурного научения; установка на реэмиграцию. Важными, с методологической точки зрения, представляются

выделенные Е.В. Казарцевой факторы группового и индивидуального уровня, влияющие на выбор аккультурационных стратегий: «К факторам группового уровня относятся проблемы этнической и интеграционной политики Германии, принадлежность иммигрантов и представителей коренного немецкого населения к различным типам культуры. Правовое неравенство (например, различный порядок предоставления немецкого гражданства для разных категорий иммигрантов) не оказывает существенного влияния на выбор стратегий. На индивидуальном уровне выделяются такие факторы, как возраст при эмиграции, социокультурная изоляция от общества происхождения, мотивация к эмиграции, культурная и аккультурационная трансмиссия, социальная и экономическая активность старших членов семьи, а также культурный капитал, накопленный в предэмиграционный период» [1].

По словам Дж. Фридмана, шестьдесят пять лет после завершения Второй мировой войны Германия отчаянно старалась не затрагивать «национальный вопрос», однако с каждым годом становится очевидно, что политика мультикультурализма в Германии провалилась, и это признают на уровне германского правительства [2]. Политика мультикультурализма, которая была принята в конце 80-х гг. XX в., не требовала от мигрантов, к примеру, от турецких мусульман «ассимиляции в германскую культуру. Скорее, она предлагала им сохранить свою культуру, включая язык и религию, чтобы она сосуществовала с германской культурой» [2].

Мультикультурализм стал не столько политикой уважения и признания многообразия культур, сколько маркером национальной идентичности – «немец» и «не немец», т. к. мигрантам не обязательно было даже знать немецкий язык, а значит, и разделять германские и общеевропейские ценности. М.В. Безрукова отмечает, что между иностранцами, особенно мусульманским населением, и немцами расширяется пропасть взаимной отчужденности: «... турки, как и другие национальные меньшинства в Германии, склонны к самоизоляции в своего рода этнических гетто, распространяющихся на все сферы жизни» [3]. Ситуация осложняется тем, что мусульманские диаспоры могут быть потенциальным центром экстремизма, а не просто параллельным миром по отношению к германской культуре.

По данным Федерального статистического ведомства Германии, в республике проживает около 16 млн. человек с миграционными корнями. Получается, что примерно каждый пятый житель 82-миллионной Германии – либо иностранец, получивший гражданство ФРГ, либо выходец из семьи мигрантов, либо и вовсе гражданин другого государства [4, с. 74].

В январе 2005 г. в Германии был принят новый иммиграционный закон. Изменения по сравнению с предыдущим иммиграционным законодательством заключаются в следующем:

1. Облегчение въезда в страну с правом постоянного проживания для определенных профессионалов, ученых и высококвалифицированных рабочих.
2. Существует определенная квота для иммигрантов, которые могут въехать в страну по балльной системе. Также Закон одобряет работающих не по найму предпринимателей, которые соглашаются инвестировать минимум 1 млн. евро и создать 10 новых рабочих мест [5, с. 87].
3. Облегченный въезд для определенных категорий беженцев, которые являются жертвами негосударственных и гендерных преследований и которым нужно убежище.

Важное положение закона ФРГ о миграции относится к иностранцам, которые обучаются в немецких вузах: по завершении учебы «дипломированные специалисты имеют возможность минимум на год продлить пребывание в Германии с тем, чтобы заняться поисками работы или работать. Высококвалифицированным выпускникам вузов может быть предоставлена возможность приобретения немецкого гражданства» [6].

Таким образом, важнейшим критерием отбора новых резидентов является образовательная квалификация и «лояльность» мигрантов к немецкой культуре. Так,

претенденты на проживание проходят обязательную проверку спецслужбами. Кроме того, важным условием является прохождение программ ассимиляции, например, изучение немецкого языка, национальной культуры, истории государства на специальных курсах.

С.В. Творогова пишет, что ключевой задачей интеграционной политики является распространение положительных социокультурных паттернов поведения. Например, на федеральном уровне изыскиваются возможности расширения дошкольной языковой подготовки детей с миграционной историей, увеличивается число мест в детских садах, где дети из любых семей получают возможность общаться друг с другом и осваивать язык страны своего проживания на уровне, необходимом для дальнейшего обучения в школе [7, с. 18].

Однако, несмотря на формальное и реальное наличие институциональных практик регулирования межэтнических отношений, в ФРГ до сих пор остро стоит проблема интеграции мигрантов, особенно мусульманских общин и диаспор, в немецкое общество. Программы и современное законодательство ожидаемых результатов не приносят ввиду высокого уровня иждивенческих настроений и культурной замкнутости общин и диаспор. До сих пор болевой точкой в сфере иммиграционной политики и регуляции межэтнических отношений остаются ошибки прошлого Германии, за которые теперь вынуждено расплачиваться новое поколение. Неоднозначным моментом межэтнической политики ФРГ является противоборство концепции мультикультурализма и идеи сохранения наследия немецкой культуры, германской национальной идентичности.

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях» (руководитель: проф. Волков Ю.Г.).

1. Казарцева Е.В. *Иммигранты в Германии: особенности социокультурной интеграции русскоязычной молодежи в немецкое общество* : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Спб., 2013.
2. Фридман Дж. *Германия и провал мультикультурализма* / пер. А. Маклакова // Независимый информационно-аналитический ресурс «Диалог.UA». 11.09.2012. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page27174.html>.
3. Безрукова М.В. *Этнический конфликт в Германии как одна из проблем немецкой молодежи в XXI веке* // Интернет-портал Мир и политика. 30.01.2013. URL: <http://mir-politika.ru/3361-etnicheskij-konflikt-v-germanii-kak-odna-iz-problem-nemeckoy-molodezhi-v-xxi-vek>
4. Петелин Б.В., Кожевников В.В. *Особенности миграционной политики ФРГ* // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2014. № 4.
5. Садыкова Л.Р. *Исторические предпосылки формирования мусульманской общины в Германии и ее характеристика в XXI веке* // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства
6. Корнилов А.А. *Политика стабилизации межэтнических и межконфессиональных отношений: опыт современной Германии*. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/2/world_kornilov.htm.
7. Творогова С.В. *Трансформируя пространство различий. Опыт интеграции этнокультурных меньшинств в Германии* // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. XV. № 1 (60).

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ТАТАР В ПОВОЛЖЬЕ

Габдрахманов Н.К. (Казань)

География татарских поселений имеют особенности на территории Республики Татарстан. Даже в 20-х годах XX века невозможно было найти татарские поселения в бассейне реки Волги и в городах, расположенных в пределах территории края. Объяснение исходит из исторических событий, происходивших после присоединения Казанского ханства к Российскому государству в 1552 г. Указом Ивана Грозного для обеспечения безопасности завоеванных земель татары были высланы на 50 вёрст вглубь края [15].

В этот период существовало 3 основных ареала расселения, или территориальной концентрации населения. Во-первых, это Заказанье которое является исторической территорией татарского народа, ареной формирования её национальной общности. Во-вторых, в западной части Предволжья татары живут тоже издавна. Поэтому, эту территорию рассматривают, как крупный второй массив расселения татарского населения. С исторических времен основная полоса расселения татар – Заказанье, Предкамье (малоплодородный район республики) – сложилась в период – XV - XVI вв [9, с.10 -11].

Третий массив расположен в крайней восточной части Республики Татарстан. Кстати, и в настоящее время во многих административных районах этих регионов численность татар превышает 90%. Скопление сети поселений татарского населения на востоке республики связано со стихийным переселением татар из районов Заказанья и Предволжья после присоединения Казанского ханства к Русскому государству.

Даже через несколько столетий, закономерности расселения населения в зависимости от национального состава сохранились. Например, в конце XVIII века размещение населенных пунктов в зависимости от геоморфологических особенностей рассматриваемой территории имело этнические различия. Так, в Свияжском уезде 69 % русских сельских поселений, 50 % чувашских и лишь 26 % татарских поселений находились на берегах, 26% – у ключей, колодцев, и болот, 5 % у оврагов. В большинстве татарских деревень протекали небольшие реки или ручьи. Некоторые этнологи указывали, что татары не любили копать колодцы [15,с.175].

Важнейшим событием 20-ых годов XX века, несомненно, следует назвать голод 1921–1923 г.г., который в территориальном плане наибольший урон нанес населению и его расселению в Калмыкской и Татарской республиках, Чувашской и Марийской областях, Челябинской губернии, где пострадало 90 % населения. В республике Башкирия голодало от 70 до 90 % населения.

Как было отмечено, среди наиболее сильно пострадавших регионов оказалась и Татарская республика. В связи с убылью огромного числа населения в период между двумя переписями национальный состав населения претерпел большие изменения.

В первую очередь наше внимание было обращено на 1921 год, т.е. времени массового распространения засухи на изучаемой территории. Согласно статистическим материалам, сельское население Татарстана, которое составило преобладающую часть жителей республики в период с 1920 по 1926 годы, благодаря росту смертности во всех возрастах сократилось на 326,1 тыс. чел. Из этого числа 77,7 % приходилось на татар, 16,9 % – русским и 5,4 % на национальные меньшинства. Благодаря географическому фактору, в связи с особенностью национального расселения (очень низкая доля татар в городах и в примыкающих к ним территориях, получавших продовольственную помощь) и экономическим показателям (отсутствия материальных запасов и меньшего развития огородничества) численность татар сократилась на 17,5 % (253,5 тыс.чел.), русских – на 5,7 % (55,3 тыс.чел), а национальных меньшинств на – 8 % (17,3 тыс.чел.).

Особенно сильно пострадало население, проживающее в южных регионах республики. При большом отличии по районам максимальный рост смертности татар составил в Спасском кантоне на юге РТ (35,7 %) [6]. Около 300-500 тыс. голодобеженцев выехало за пределы республики. Эти цифры значительно опережают потери во время Второй мировой войны (450 тыс. чел.). В 1941-1945 годы такая высокая степень национальной дифференциации демографических данных отсутствовала [7,с.52].

Меньшее развитие овощеводства у татар в значительной степени объясняется малым употреблением овощей в пище; например, татарские крестьяне почти не варили щи, засолка огурцов отсутствовала. Кроме того, удаленность большинства татарских районов от городов делала товарную продукцию нерентабельной [6,с.8].

Рассматривая демографические показатели Республики Татарстан, на примере двух основных наций республики можно отметить, что рождаемость среди татар в течение многих лет была в 1,4 раза выше, а смертность, наоборот, в 1,5 раза ниже, чем русских. А различия в уровне смертности в городах у русских в 1,8 раз превышали аналогичные показатели городских татар. Наблюдались отличия и в показателях брачности и разводимости. Так разводимость у татар была ниже в 1,7 раза, чем у русских. В сальдо миграции на различных этапах развития республики сложились существенные этнические различия в основном в пользу татар. Например, в 1992 г. сальдо миграции татар в 4,7 раза превышала этот показатель у русских.

Эти преимущества в этнодемографическом развитии татар сыграли свою компенсирующую роль как ответ крайне негативным последствиям засухи, и даже последствиям событий, происходившим в 1552 году. Татары начали расселяться везде. С 20 - х годов XX века и до наших дней непрерывно росло число населенных пунктов со смешанным населением. Например, в 1948 году только в Предволжье зафиксировано 55 населенных пунктов со смешанным населением (7,6 %). В основном это были рабочие поселки.

За годы советской власти в долине реки Волги и Камы, возрождая историческую картину, образовался целый ряд новых татарских поселков, например: Ватан, Идель, Нариман, Кзыл Байрак, Бахча-Сарай.

Вариантов изменения национального состава всего 19. Предлагаем наиболее распространенные:

Русские → Чуваши + Русские (6 - количество насел. пунктов)

Чуваши → Русские + Чуваши (6)

Чуваши → Татары (3)

Самое большое число населенных пунктов, подверженных изменению в варианте русские – татары (12), имеют численность населения 200- 500 чел (27,3 %), в варианте татары – русские (5) от 100- 200 чел.(33 %), в случае русские – татары максимум прироста численности населения приходится на II вариант (50- 100 чел.), где увеличение происходило в 2 раза, максимальное снижение населения характерно для II варианта (0-50) чел., здесь численность населения уменьшилась в 4,5 раза. В случае татары – русские, максимум (500-1000 чел.) в 1,07 раз, а минимум (50-100) -2,59 раз.

В результате данного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Урбанизированность татар и дальше будет происходить быстрыми темпами, причем местами их расселения все чаще будут выступать более крупные города и агломерации. Прогнозируется существенный рост численности татар в наиболее крупных городах и регионах с относительно высоким уровнем жизни населения.

Если сравнивать данные 1989 и 2002 годов в пределах Татарстана, то доля горожан увеличилась среди татар на 3,5%, а русских только на 0,5%.

2. Русские в своем демографическом поведении менее инерционны, чем татары. На формирование новых тенденций в демографическом развитии населения республики больше оказывает влияние татарская часть республики. У нового поколения татар, с одной стороны, все еще слабо выражено национальное самосознание, а, с другой стороны, популяризация ислама и поддержка со стороны мусульманского мира может сыграть решающую роль в укреплении тюрко-мусульманской идентичности у татар.

3. Для татар более благоприятными для повышения численности населения следует считать населенные пункты с численностью (50-100 и 200-500 чел) и те, где численность превышает 1000 чел. Для русских именно эти группы по людности интервалы населения наоборот имеют отрицательные показатели. Для русских благоприятным для роста их

доли выступает только один тип поселений, где численность населения находится в интервале 500 - 1000 чел.

4. Расселение населения на территории современного Татарстана в течение многих лет носило этническую обусловленность. Исследования изменений национального состава сельских населенных пунктов Татарстана за 1970-1989 годы, показывают тенденцию возрождения исторической картины расселения, путем создания целого ряда новых татарских поселений на месте русских.

1. *Абрамов, П.В. Татарская АССР (экономико-географический очерк) / П.В.Абрамов. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1960. – 232 с.*
2. *Биктимиров, Н.М. Этнодемографическое развитие населения Республики Татарстан в XX веке. Монография / Н.М.Биктимиров. – Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2011. – 195 с.*
3. *Бондарская, Г.А. Рождаемость в СССР: Этнодемографический аспект / Г.А.Бондарская. – М.: Статистика, 1977. – 128 с.*
4. *Габидуллин, Х.З. Татарстан за семь лет (1920–1927 гг) / Х.З.Габидуллин. – Казань: Татиздат, 1928. – 92 с.*
5. *Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н.Гумилев. – Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. – 640 с.*
6. *Ермолаев, В.М. Сравнительная характеристика татарского, русского и нацменовского хозяйства ТР/ В.М.Ермолаев, Г.Ш.Шараф // Труд и хозяйство - №11-12. – Казань: Татполиграф, 1927. – 16 с.*
7. *Ермолаев, В.М. Очерки по экономгеографии ТР. / В.М. Ермолаев, Г.Ш. Шараф, М.А. Хасанов. – Казань: Татполиграф, 1931. – 317с.*
8. *Исхаков, Д.М. Татары к 2025 г: демографический прогноз. Научно-исследовательская работа / Д.М. Исхаков, М.Р.Мустафин, Н.М. Биктимиров. Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 92 с.*
9. *Ляликов, Н.И. Поволжье (Среднее и Нижнее) / Н.И.Ляликов. – М.: Центр.тип. им. Ворошилова, 1946. – 43 с.*
10. *Национальный состав населения РТ: По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. Гос. ком. РТ по статистике, 1971.*
11. *Национальный состав населения РТ: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Гос. ком. РТ по статистике, 1990.*
12. *Новая Российская энциклопедия: В 12т / Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян, В.М. Карпов и др. – М.: ООО Изд-во «Энциклопедия». – Т.1: Россия, 2006. – 960 с.*
13. *Статистический сборник Республики Татарстан (в цифрах). – Казань: Госкомстат РТ, 2004. – 233с.*
14. *Татары. – М.: Наука, 2001. – 583 с.*
15. *Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967.*

ОНЛАЙН СЕТИ КАК ПРОСТРАНСТВО ИДЕНТИФИКАЦИИ

Гвоздиков Д.С. (Санкт-Петербург)

В последнее время все активнее обсуждаются такие вопросы теории социальных сетей, как культурная диффузия и сетевое поведение акторов. Предлагается вести речь о формировании и распространении: конвенционных норм, инноваций, каскадов «состояний», социальных норм и т.п. При всем разнообразии направлений в сетевых исследованиях, концепции различных авторов можно обобщить, говоря о формировании культурных установок в социальной сети.

При этом археологический и этнографический материал подсказывает нам, что проблематика распространения «репертуаров», «мотивов», «стилей», как системы символической кодификации лежит в той же плоскости, что и проблематика выработки культурных установок и формирования конвенции в сети. Таким образом, классическая

область исследований в социокультурной антропологии, культурная диффузия, обретает новые перспективы.

Очевидно, что онлайн сети являются прекрасным проводником социокультурных установок. Одновременно, онлайн-среда становится пространством идентификации, позволяя индивидам ориентироваться, формировать связи и координировать свое поведение исходя из социокультурного окружения. Речь идет не только о разделении отдельных установок или принятии норм. Можно говорить о выработке жизненных стратегий, формировании мировоззрения и выборе определённого социокультурного поля.

1. *Barth F. (1978). Scale and network in urban western society / Scale and Social Organization. Oslo: Universitetsforlaget, p. 163–183.*
2. *Borck L., Mills B.J., Peeples M.A., Clark J.J.. Are Social Networks Survival Networks? An Example from the Late Pre-Hispanic US Southwest. -Journal of Archaeological Method and Theory, 2015; 22 (1), pp 33-57.*
3. *Centola D., Baronchelli A. The spontaneous emergence of conventions: An experimental study of cultural evolution. -Proceedings of the National Academy of Sciences, 2015, vol,112, N.7, pp.1989-1994.*

О ПРАКТИКЕ НИВЕЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Горелова И.В. (Волгоград)

Все активнее в научную жизнь входит понятие «дискурс». Как все слова, которые претендуют на концептуальность, оно проходит в обществе своеобразный тест-контроль: использующие в своих рассуждениях, делающие ставку на термин, как бы испытывают терпение общества своим провокационным модернистским его применением. Эта полифоничность смыслов приводит либо к деградации его использования, либо к выводу на новую орбиту и созданию той самой концептуальности звучания. Однако этап выбора одной из двух предлагаемых траекторий приводит к кризису как внутри самого понятия, так и к кризису внеконтекстуального использования. Дискурс как «речь, погруженная в жизнь», может ее, эту жизнь, качественно и оценить.

Предметом исследования в предлагаемом контексте выступает образ семьи в российском налоговом законодательстве. В Налоговом кодексе РФ можно увидеть практически всех представителей стандартной семьи в России – супругов, родителей, детей, бабушек, дедушек, братьев и сестер. В хитросплетениях 23 главы Налогового кодекса РФ «Налог на доходы физических лиц», в письмах Минфина РФ и ФНС России, по – новому расставляются приоритеты в семейных ценностях россиян.

Определение детей косвенно дано в статье 218 Налогового кодекса РФ, регулирующей предоставление стандартных налоговых вычетов. Для признания ребенка таковым в целях налогообложения, необходимо учитывать месяц рождения. Часто фразу в Налоговом кодексе РФ о факте признания ребенка «...с месяца рождения...» воспринимают буквально как «с того момента, когда ребенок достигнет одного месяца от роду».

На практике получается, что «в выигрыше» оказываются родители - налогоплательщики, чьи дети родились в начале налогового периода. Так, на ребенка, рожденного в январе, родителям будут предоставляться соответствующие налоговые вычеты на 11 месяцев больше, чем тем, у которых ребенок родился в декабре. Стоит учесть и тот факт, что доходы для целей налогообложения считаются в течение налогового периода нарастающим итогом. И вполне возможна ситуация, когда налогоплательщики - родители детей, рожденных в конце налогового периода, в принципе

не смогут претендовать на получение вычетов вследствие превышения «лимита» по доходам в 280 тысяч рублей.

В США проблема решается просто: ребенок признается по факту своего существования на конец года. 31 декабря американский родитель (в случае появления в его семье ребенка в этот день) - налогоплательщик будет рад вдвойне – и тому факту, что он стал родителем, и тому факту, что появилась возможность воспользоваться вычетом «в связи с открывшимися обстоятельствами» по доходам за календарный год.

В США факт уменьшения налоговой базы по налогу на доходы физических лиц определяется на 31 декабря, а размер уменьшения этой базы зависит от количества детей и наличия брачных уз. Вот такой пример стимулирующей функции налогообложения, описанной в классических трактатах о налогообложении.

В России институт брака все чаще воспринимается как рудимент. Состояние сожителства называют «гражданским» браком, хотя на практике учреждение, в котором скрепляют печатью брачные узы, называют отделами записи актов гражданского состояния. Мы же можем вспомнить о парадоксальной трактовке стимулирующей функции налогов в России, когда одинокие родители, в число которых попадали и разведенные родители-налогоплательщики, могли воспользоваться правом на стандартный налоговый вычет в двойном размере (положение действовало до 2009 года). Такое вот своеобразное стимулирование разводов и официально не зарегистрированных браков. И это все на фоне непрекращающихся разговоров о необходимости повысить госпошлину за регистрацию расторжения брака.

В действующей редакции Налогового кодекса РФ есть понятие «единственный родитель» - ситуация отсутствия в семье второго родителя. Случаи отнесения на практике родителей к таковым до сих пор прописаны исключительно в письмах Минфина РФ, в Налоговом кодексе РФ их нет. При разводе сторона (родитель), ушедшая из семьи, имеет право на получение стандартного вычета (стандартных вычетов) при условии содержания ребенка (детей), то есть имеет значение факт уплаты алиментов. При этом родитель, на чьем иждивении остался ребенок, не получая помощь на содержание ребенка, оказывается в худшем положении, чем матери одиночки и вдовы, получая вычет в одинарном размере. Решая одну задачу, законодатель обретает много новых. А как же принцип равенства, прописанный в Конституции РФ?

В связи с рассуждениями на тему брака в контексте налогового законодательства, стоит обратить внимание на письмо Минфина РФ от 17 апреля 2013 г. N 03-04-05/12978 по вопросу предоставления стандартного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц новому супругу налогоплательщика в отношении детей (ребенка) от предыдущих браков. Смысл письма состоит в следующем. Родитель, проживающий отдельно от детей, свое участие в их содержании подтверждает фактом уплаты алиментов. Согласно ст. 256 Гражданского кодекса РФ и ст. 34 Семейного кодекса РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Поскольку в рассматриваемом случае к имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов, в том числе и та часть доходов, которая затем перечисляется в виде алиментов на обеспечение ребенка, то супруга имеет право на получение стандартного налогового вычета на ребенка родителя». Своими словами, новый супруг (супруга) в новом браке (факт брака обязателен) имеет право на стандартный вычет на ребенка от предыдущего брака своей второй половины.

Далее поговорим о другой стороне семейных отношений – бабушки, дедушки, братья и сестры. Речь пойдет о положениях ст. 219 Налогового кодекса РФ «Социальные налоговые вычеты». Дело в том, что налогоплательщик может воспользоваться социальным налоговым вычетом на лечение, оформив соответствующие документы на себя, супругу(а), родителей и детей до 18 лет. Получается, что налогоплательщик среднего возраста, имеющий ребенка 20-ти лет, который учится на дневной форме обучения и не

работает, может воспользоваться указанным вычетом, оформив соответствующим образом документы на работающих родителей и супруга (у), которые могут это сделать самостоятельно в отношении получаемых ими доходов (или не могут воспользоваться вычетом вследствие применения специальных налоговых режимов). А на ребенка нет. И даже не поможет очная форма обучения. А если речь идет о ситуациях, связанных с дорогостоящим лечением?

То же можно сказать о братьях и сестрах налогоплательщика. При обучении указанных лиц по очной форме максимальный размер социального налогового вычета в соответствии со статьей 219 Налогового кодекса РФ составит 120 тысяч рублей. Тогда как на детей налогоплательщика ограничение по такому вычету составляет 50 тысяч рублей в налоговом периоде.

Вывод по тезисам напрашивается следующий: противоречивость дискурса в зависимости от точки его практического приложения может нивелировать собой все декларируемые в обществе ценности. О последствиях говорить не приходится...

1. Налоговый кодекс РФ

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

Данилова А. (Санкт-Петербург)

Социальные, экономические изменения, с которыми столкнулось российское общество на рубеже XX-XXI вв. неизбежно привели и к изменениям в системе ценностей. Вместе с этим претерпевает изменения и праздничная культура. Анализ праздничной культуры как необходимого условия стабильности общества позволяет проследить изменения и в других сферах.

Мы предполагаем, что современная Россия испытывает определенный подъем традиционализма. Это проявляется и в появлении или «вспоминании» некоторых условно традиционных праздников. П. Нора пишет об этом как о моменте «обретения памяти». Э.А. Паин, используя концепцию «обратной волны» демократизации С. Хантингтона, который сравнивает этот процесс с морскими приливами и отливами. Идея Хантингтона состоит в том, что процесс демократизации не односторонне направлен, есть определенные закономерные периоды отступления под давлением более привычных для общества недемократических порядков. «Обратной волной» можно объяснить и еще один парадоксальный феномен, свойственный глобализации: с одной стороны, определенному сближению разных этнических групп, образованию некой общей культуры, а с другой стороны - нарастание интереса к этнической, религиозной и другим формам идентичности. Э.А. Паин полагает, что после распада СССР и после либеральных реформ 90-х в 2000-х последовательно наступила «обратная волна», этим и вызван спрос на традиционализм в России.

Предполагается также, что в отношении некоторых российских праздников возникает то, что Э. Хобсбаум назвал «изобретением традиций». Термин «изобретенная традиция» включает действительно изобретенные, сконструированные и формально установленные традиции и те, которые прослеживаются менее легко, которые появились, может быть, несколько лет назад и быстро развиваются. Понятно, что все эти традиции относительно временные, однако Хобсбаума интересует процесс их появления и установления, а не шансы на выживание. «Изобретенная традиция» означает набор практик открыто или негласно принятых правил, ритуалов или символов, которые поддерживают определенные нормы и ценности при помощи повторения. Изобретенная

традиция пытается установить связь между пошлым и настоящим при помощи конструирования таких практик и правил. Хобсбаум отличает традиции от обычаев, которые он приписывает т.н. традиционным обществам. Традиция в отличие от обычая не вариативна. Для простоты объяснения различия между традицией и обычаем Хобсбаум приводит пример: обычай – это то, чем занимается судья, традиция – это мантия, парик и прочие атрибуты. Изменение обычая неизбежно приводит к изменению традиции. Еще одна важная особенность: какая-нибудь небольшая рутинная деталь может вдруг приобрести символическое значение практически случайно.

Различные элементы праздников воспринимаются массовым сознанием как традиция, в то время как на самом деле являются «новоделами». «В современных же условиях в качестве традиций чаще всего воспринимаются не столько аутентичные трансляции прошлого опыта, сколько его интерпретации и селекция – то, что известный методолог исторической науки П. Нора назвал «воображаемым прошлым».

Россия все еще в процессе внедрения новой праздничной культуры. Здесь можно выделить два направления развития. С одной стороны, некоторые старые советские праздники никуда не уходят, они лишь обретают новый смысл (8 марта, 23 февраля, 1 мая). Как это было 20-е годы в СССР, Россия присваивает себе праздники, меняя праздничный календарь, и наполняет эти праздники иным символическим значением. В случае с 9-м мая происходит выдвигание его на роль чуть ли не главного российского праздника, вокруг которого конструируется целый комплекс традиций.

Второй момент – огосударствление православных религиозных праздников, превращение их в общенациональные. Это касается Рождества и Пасхи. Несмотря на конституционное равенство религий, православие кажется «равнее» остальных. Крупные православные праздники превращаются в зрелищное мероприятие с непременным участием первых лиц государства, освещением СМИ и телевизионными трансляциями по крупным каналам. Здесь интересное место занимает Масленица, которая заняла почетное место в православном календаре, что довольно иронично, учитывая происхождение праздника.

1. Нора П. *Всемирное торжество памяти* [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения 06.10.2015).
2. Паин Э.А. *Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX – XXI веков* // *Общественные науки и современность*, 2011, №2 – С. 43-56.
3. Хантингтон С. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М., 2003.
4. Хобсбаум Э. *Изобретение традиций* // *Вестник Европы*, 2000, №1 – С. 47-62.

ГРАНИЦА КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Демин Т.С. (Санкт-Петербург)

Одно из наиболее интересных достижений Акторно-сетевой теории – пересмотр статуса того, что представляют из себя границы. Социология ассоциаций целенаправленно рушит границу между природой и культурой, реальным и воображаемым, субъектом и объектом действия. Граница становится не некой самодостаточной формой, но постоянно пересматриваемым результатом деятельности многих акторов среди вещей и людей. На существование границы группы или институции требуется огромное количество усилий. «Групп нет, - гласит один из тезисов Латура, - есть группобразование» (Латур, 2014). Подвергается сомнению границы самих объектов. Один из основателей АСТ - Джон Ло, распространяет на сеть «релятивистскую логику рассуждений», где объекты – результат самих сетей (Ло, 2006: 30). Они сохраняют свою целостность, пока отношения в которых они участвуют, устойчивы. Объект стабилен

благодаря сетям, в которые он включен (Там же: 34). Если корабль останется без команды или обшивки, то его ждет лишение собственной объектности. Чтобы объект стал «полноценным», необходимо создать отношения, которые: 1) отделят объект здесь-внутри, то что в нем присутствует (корабль со всем необходимым), 2) то что отсутствует, но это отсутствие явлено с объектом (недостроенный корабль на верфи отличен от корабля в гавани), и 3) инаковость, присутствие которой нам не явлено (опасность цинги, алкоголизм одного из плотников, строящих корабль; любые контексты которые оказались не существенными или спрятанными). Создание присутствия, явленного отсутствия и инаковости, которые учреждают объект, Ло назвал метод-сборкой (Ло, 2014: 176).

Другое дополнение ланкастерского теоретика заключается в добавлении топологической метафоры и особом акценте на множественности пространств (Вахштайн, 2006: 27). Сеть существует в топологической «форме пространственности» и трансформация сетей отношений влечет изменение форм пространственностей. Объекты и пространства создаются вместе (Ло, 2006: 35) и таким образом, оказываются топологически взаимосвязанными. Используя это решение, Ло раскрывает Латуровский термин «неизменные мобильности» через два пространства: для того, чтобы корабль был неизменен, необходимо, чтобы сеть, в которую включен корабль сохраняла свою устойчивость, и это позволит кораблю быть мобильным, то есть перемещаться в физическом, евклидовом пространстве. Форм пространственностей может быть столько же, сколько существует отношений (Latour, 1997: 174). Объект находясь в сети отношений сохраняет себя до тех пор, пока его «ядро устойчивых отношений» неизменно. Совсем иначе обстоят дела в «пространстве потоков», где постоянные разрывы и трансформации отношений – способ существования объекта. Если объект постоянно изменяется, теряет свою форму в сетевом пространстве, о нем следует мыслить в пространстве потоков. Примером такого объекта является втулочный насос, распространяемый правительством Зимбабве (de Laet and Mol, 2000). Границы насоса трудно определимы (в зависимости от описания в его состав могут включаться разные элементы от гидравлической системы до скважины и местных сообществ). Обеспечение его работы контролируется разными типами групп людей, существуют самые разные конфигурации составных элементов насоса. Так, кожаная изоляция может заменяться старой крышкой. При этом добываемая насосом вода практически всегда оказывается чистой. Де Лэт и Мол приходят к выводу, что высокая эффективность втулочного насоса кроется в текучести его формы: в каждой ситуации выстраивается своя оптимальная сборка. Границы технологии приобретают уникальные конфигурации в каждом отдельно взятом случае.

Такие термины как структура или система проблематизируются: если четких границ нет, они постоянно нарушаются и заново собираются, то на какой предмет указывают эти термины? Как понимать и исследовать границы? И почему мы их неустанно создаем?

1. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 384 с
2. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. No 1. С. 30 – 42
3. Ло, Джон После метода: беспорядок и социальная наука /пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
4. de Laet M. and Mol A. The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology, *Social Studies of Science* 30: 225-63, 2000
5. Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension // *Common knowledge*. 1997. № 6/3.

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ ЗА РУБЕЖОМ

Миграция молодежи из России в постсоветское время стала постоянным явлением. Несмотря на то, что общее число мигрантов в зарубежные страны существенно сократилось (в четыре раза с 1900 по 2013 гг.), изменились причины миграции, выезд молодых людей, окончивших российские вузы, на постоянное место жительства за рубежом не уменьшается [1]. Наиболее привлекательной страной для российской молодежи остается Германия.

Вышло достаточно много публикаций по вопросам мотивации миграции, факторов адаптации и социальной мобильности молодых мигрантов из России [2]. Однако нам представляется актуальной тема изучения трансформации или сохранения русскоязычными мигрантами своей этнокультурной идентичности, которая может выступить основой консолидации русской диаспоры, лояльности и культурной привязанности к своей исторической родине – России.

Объектом прикладного исследования выступила российская русскоязычная молодежь, в основном эмигрировавшая в Германию, имеющая высшее образование и/или небольшой опыт работы на родине. Предмет исследования – формы, способы осознания и сохранения своей этнокультурной идентичности даже при отсутствии мотивации возвращения на родину. В рамках исследования были проведены интернет-анкетирование (23 респондента) и три фокус-группы (общее число участников 28 человек, из них 5 мужчин, возраст от 22 до 35 лет).

Мониторинг миграционных настроений соотечественников, проживающих за рубежом, осуществленный по заказу МИД РФ в 2012 году, показал, что российские мигранты в Германии рассматривают страну проживания не как свою родину, а прежде всего как страну, комфортную для проживания сейчас. Подавляющее большинство из них продолжают активно следить и интересоваться событиями в России и в основном положительно оценивают происходящие в стране изменения. Низкий процент межнациональных браков косвенно подтверждает то, что внутрироссийская диаспора в целом сохраняет свою монолитность, не наблюдается разрыва или предпосылок к существенному разрыву с русской культурной средой. Однако в условиях конкурентного образования и трудоустройства увлечение Россией и русским языком для них является своего рода роскошью.

Мы предположили, что причины эмиграции влияют на мотивацию сохранения культурной идентичности. Те, кто планирует уехать навсегда из России, настроены на сохранение и защиту своей культурной идентичности. Те, кто первоначально планирует лишь временное пребывание за границей, не имеет мотива заботиться о сохранении своей этнокультурной идентичности. Культурная дистанция русской культуры и страны проживания препятствует культурной ассимиляции и стимулирует интерес к своей культуре, истории, языку.

Вторая гипотеза: бытовые контакты с местным населением стимулируют адаптацию и культурную ассимиляцию, а не сохранение своей культурной идентичности.

Данные анкетирования и проведенных фокус-групп показали, что гипотезы не получили полного подтверждения. Русская молодежь, проживающая в Германии (в фокус-группах участвовали молодые люди из нескольких городов как западной, так и восточной части страны) в большинстве ответов высказала, что не испытывает культурной изоляции, культурная дистанция между странами не мешает им адаптироваться в немецком обществе. При этом, следует заметить, что есть личные психологические особенности характера личности, препятствующие более успешной интеграции в иностранном социуме. Проживание в немецкой семье или в браке с иностранцем зачастую выявляет данные культурные различия для респондентов, но они не препятствуют культурной ассимиляции и лишь в редких случаях стимулируют повышение интереса к своей родной культуре, истории, языку. Большинство респондентов считают свою адаптацию

успешной. На наш взгляд, те возможности, которыми они могут пользоваться в Германии, позволяет говорить о том, что желание более углубленно изучать русскую культуру, читать литературу, смотреть фильмы возникает только после продолжительного (более 3-х лет) проживания за границей.

Исходя из высказываний респондентов, можно выделить следующие группы по отношению к своей этнокультурной идентификации в иной социокультурной среде:

Первая группа молодежи сохраняет русскую культуру, но не демонстрирует ее. Они соблюдают нормы немецкого общества, при этом не стремятся в большинстве случаев быть похожими во всем на немцев. Не считают нужным общаться только с представителями своей этнической группы, в основном негативно относятся к русской, более взрослой по возрасту, диаспоре, считая себя «вне ее»; идентифицируют себя с русской молодежью, активно интегрированной в межкультурное пространство;

Вторая группа, малочисленная, не могут адаптироваться быстро в немецком обществе, респонденты говорили, что испытывают дефицит общения в силу личных качеств характера (это небольшой процент от ответов респондентов, в основном провинциальные русские, родом из сельской местности); Типичные ответы : «...немецкая еда - мне это чуждо, я не понимаю как они это едят... Я люблю русскую литературу, русских авторов. Я всего год здесь и я не очень отделилась от России. Моё окружение – это русские люди". «Скучаю по русской природе... в немцах мне нравится их забота об окружающей среде..» «если мне надо, то я пойду общаться, но мне тяжело переступить через себя. Я ходила на тренинги всякие, но я не очень общительная, на самом деле».

Третья группа российской молодежи. Это те, кто негативно относятся к процессам, происходящим в России, кто сторонится русских, но менее культурных с их точки зрения мигрантов из России; они стараются внешне не отличаться от немцев, но не имеют цели стать в социокультурном отношении полным немцем. Не стремятся соблюдать русские традиции. Возможно, здесь трудно говорить о полноценном формировании мультикультурной личности. Здесь можно говорить о пассивном сохранении русской культуры (так как «от нее никуда не деться») и проявляется активная толерантная позиция по интеграции в европейское (немецкое) культурное пространство.

Четвертая группа российских мигрантов, которые продемонстрировали стремление к полной ассимиляции, отметив, что при этом испытывают внутренний диссонанс. "Хочется ассимилироваться так, чтобы люди не спрашивали, откуда я. Но важно, чтобы родители не заметили мою оторванность от русской культуры. Хочется гармонии между культурами».

В целом проявилась «волновая» тенденция трансформации этнокультурной идентичности. В первый год мигрант поглощен проблемами адаптации в ином социокультурном пространстве и вспоминает что он русский, обращается к помощи соотечественников только в кризисных ситуациях. Через несколько лет, как правило, после 3-х летнего проживания, возникает проблема самоидентификации в этнокультурном отношении. Подавляющее число респондентов отмечает тоску по родному языку, по общению на русском языке, возрождение интереса к своей культуре, русской литературе.

Наиболее распространенные ответы респондентов: "Я русский и буду оставаться им».... «В немецком обществе ты никогда не будешь своим. Можешь быть только русским мигрантом." "Немцы всегда сохраняют дистанцию и всегда будет заметно, что ты иностранец, поэтому даже пытаться что-то такое сделать смысла нету, можно очень хорошо выучить язык, где-то исправить акцент, но в принципе смысла от этого нет, зачем это надо. Отрываться от своей культуры и вливаться в другую? все равно никогда не получится, мы воспитаны по-другому".

Позиционировать свою культуру в немецком обществе, по их мнению, нецелесообразно. Русские мигранты подтвердили, что не стремятся скрыть свои русские корни, они открыто говорят о своей национальности и отвечают на вопросы о русских традициях, многие гордятся своей страной, культурой, историей. Однако какая либо

работа с российскими организациями по культурному общению ими не востребована. Респонденты отвечали, что они сами, по желанию, читают русские книги, смотрят фильмы, разговаривают на русском языке, когда устают от немецкого языка. Таким образом, в полной мере проявилось разобщение и индивидуализм в сохранении своей этнокультурной идентичности. Формы сохранения культурной идентичности русскоязычной молодежи в Германии являются в большей степени индивидуальными. Русская молодежь не хочет относить себя к русской диаспоре и даже негативно отзывается о ней.

Коллективные формы сохранения культурной идентичности, созданные белой эмиграцией, устарели исторически: изменились условия и мотивация деятельности мигрантов. Некоторые механизмы этнокультурного общения частично еще работают (церковь, землячества, культурные общества), однако возникли новые и более эффективные: социальные сети с друзьями, одноклассниками, оставшимися на Родине или также переехавшими за границу, но в другие страны и города. Таким образом, и в отношении российской молодежи, объективные процессы регионализации, возрождения этнических культур во всех странах, требующие помнить свою культуру, язык, историю, проявились в полной мере.

1. *Почему россияне покидают страну (электронный ресурс)/режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=112648>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз.рус.*
2. *Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. №12;*
3. *Гуревич А.М. Мотивация эмиграции. СПб., 2005;*
4. *Боровик М.А., Шемберко Л.В. Европейский вектор современной российской эмиграции: проблемы безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., 2005. Вып. 15.*
5. *Ахизер А.С. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1999. №7*
6. *Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция: сущность и явление. М., Воронеж, 2004;*
7. *Федотов А.С. Российская эмиграция и русское зарубежье. (К вопросу о дефинициях) // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Тез. докл. науч. конф. – М., 1993*
8. *Миграция и безопасность России / Под ред. Г.С.Витковской и С.А.Панарина. М., 2000;*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Дроздова Ю.А. (Волгоград)

Образовательная миграция в современном мире обладает высокой степенью интенсивности, особенно в европейские страны и США. Данное обстоятельство связано со специфическими особенностями развития современного общества: размыванием территориальных границ, распределением финансовых потоков, языковой и национальной толерантностью. Так, традиционно выделяют восемь ведущих стран – реципиентов, принимающих более 70 % совокупного массива обучающихся: США, на долю которых приходится 20%, Великобритания -13%, Франция – 8%, Германия – 8%, Австралия – 7%, Китай – 7%, Канада – 5%, Япония – 4 % [4].

Следует учитывать наличие крупных и известных образовательных центров в странах, куда направлен миграционный образовательный вектор: Кембридж, Оксфорд, Гарвард, для России – Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и Томск для восточных регионов. Параметром, заслуживающим внимания, можно считать изменение

квалификационной структуры рынка труда принимающих городов – в них обычно выше процент людей с высшим образованием, что является и следствием образовательной миграции, и её причиной в эти города /страны [2].

Формы и виды образовательной миграции основываются на возможностях (свободы, мобильности), которые приносит глобализация со всеми своими сопутствующими недостатками (стремление к унификации и стандартизации не только учебного процесса, но и содержания учебных планов, что вызывает недовольство многих западных и отечественных ученых) [3]. Но, с другой стороны, те же «минусы» можно рассматривать как положительные явления, например, стандартизированный подход к оцениванию знаний студентов (рейтинги, система оценочных тестов, эссе и т. д.), увеличение мобильности молодежи вследствие формирования образовательной идентификации. Образовательные мигранты обладают высокой коммуникативной компетентностью и, безусловно, более привлекательны для принимающего сообщества, чем остальные мигранты, так как могут оказать положительное влияние на развитие региона или страны. Поэтому страны – реципиенты больше развивают именно этот поток миграции, обеспечивая открытость для иностранных студентов.

В России образовательная миграция приобретает массовый характер, наряду с другими формами миграции. Регулирование данной сферы является очень сложной по причине того, что данный процесс связан с глобализацией, дефицитом бюджета на поддержание социальной сферы, в том числе отечественного образования, различиями в технико-материальной, методической базе российских учебных заведений и зарубежных. Данные причины, безусловно, являются взаимосвязанными и взаимовлияющими [1].

В ходе проведенного пилотажного исследования в волгоградских вузах (Волгоград, март – апрель 2015, N = 100) было выявлено, что 43% респондентов не удовлетворяет отечественная система образования, только 27%, участвующих в опросе, дали ей положительную оценку. Данные цифры, с учетом мониторинга с 2012 года, указывают на существование системных проблем в образовании. Движущей силой в образовательной миграции является стремление получить качественное образование, так как при выборе учебных заведений большое значение для респондентов, имеют следующие характеристики: «престижность будущей профессии» – 54%, «качество образования» – 84%; высокий рейтинг преподавателей – 35%; «стоимость образования» – 14%; «престижность вуза» – 30%; «гарантии трудоустройства» – 42%.

Отмечая ухудшение качества российского образования за последние годы (так считают 42% респондентов), участники опроса, в первую очередь, обеспокоены тем, что после окончания учебного заведения невозможно трудоустроиться по специальности (53% опрошенных). Другими проблемами высшего образования в России, по мнению опрошенных, являются ограниченная возможность получения образования на бюджетной основе (40%), низкое качество образования (39%), негибкость учебного плана (36%), устаревшие методики обучения (31%) и отсутствие возможностей для языковой практики (26%). Но, безусловно, в последние годы мы наблюдаем разрыв между желанием и возможностями для образовательной миграции российской молодежи: высокая стоимость образования за рубежом, ограничения мобильности вследствие политических, экономических санкций, информационная государственная политика.

Желание обучаться за рубежом, было выявлено у 67% респондентов. При этом опрошиваемые выделили следующие причины образовательной миграции: «возможность улучшения своего социального положения» – 65%; «возможность изучить или улучшить иностранный язык» – 61%; «желание жить и работать за границей» – 55%; «знакомство с культурой, историей другой страны» – 35%; «стремление повысить свой профессиональный уровень» – 37%.

Немаловажным фактором является внутренняя составляющая человека, его мотивация на получение качественного образования, увеличение своего социального капитала как будущего работника, обеспечение конкурентных преимуществ на рынке

труда. По мнению 49% респондентов, диплом, выдаваемый зарубежными образовательными учреждениями, имеет конкурентное преимущество на российском рынке, так как предполагает наличие хороших языковых знаний, наличие зарубежного опыта, международных связей. Получение практического опыта у зарубежных студентов является главным преимуществом, поэтому 85% опрошенных хотели бы остаться в принимающей стране от 1 года до 5 лет после получения образования.

Результаты пилотажного исследования показали, что российская молодежь ориентирована на получение качественного образования для повышения не только своей конкурентоспособности, но и социального статуса. Основными направлениями образовательной миграции российской молодежи являются западные страны, так как именно эти страны в настоящий момент сформировали образовательную инфраструктуру, имеют высокие рейтинги в образовательной среде и среди работодателей, ориентированы на привлечение образовательных мигрантов, активно занимаются продвижением образовательных услуг в информационном пространстве.

Государственная образовательная политика всех стран исходит из внутренней конъюнктуры страны в регулировании образовательной миграции посредством ее стимулирования или создания административных барьеров.

В связи с полученными данными важным направлением регулирования образовательной миграции является мотивация возвращения российской молодежи в Россию для профессиональной и личностной самореализации путем создания условий, не уступающих западным.

Также российская образовательная система в эпоху глобализации должна быть конкурентоспособной, активно привлекать образовательных мигрантов, создавать общее образовательное поле с другими участниками международных образовательных программ, ассоциаций. Социально-экономические, культурные, политические составляющие данной формы миграции должны быть основой для того, чтобы сделать развитие образовательной миграции важной частью миграционной политики России.

В образовательной системе в условиях глобализации, на наш взгляд, должны реализовываться задачи, которые направлены на формирование транскультурного мышления, в основе которого будут лежать такие категории, как: системность мира, его взаимосвязанность, пространственная мобильность, межкультурное взаимодействие.

1. *Арефьев А. Л. Тенденции экспорта российского образования. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. – 240 с*
2. *Градировский С., Лопухина Т. Типологии миграционных процессов. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a302.htm> (дата обращения 20.08.2015)*
3. *Кульков В. В. Актуальные проблемы современной системы образования в России и экономического образования в частности URL: <http://bordersoff.ru/publ/7-1-0-101> (дата обращения 20.08.2015)*
4. *Atlas of Student Mobility, Institute of International Education. URL: <http://www.iie.org/Research-and-Publications/Project-Atlas> (дата обращения 15.08.2015)*

ЧЕМ БОЛЬШЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ МИР, ТЕМ БОЛЬШЕ ОН ОСТАЕТСЯ НЕИЗМЕННЫМ.

Ежов С.П. (Санкт-Петербург)

Этот древний афоризм, возрожденный Сомерсетом Моэмом, сопровождает человечество на всем протяжении его истории.

Так, фон, на котором разворачивается трагедия У. Шекспира «Король Лир», говоря современным языком, это природная и социальная турбулентность. Бури и грозы

изобилуют у Шекспира. Весь мир сотрясается, все потеряло устойчивость, нет ничего неизблемого.

Суть социотрясения в словах Глостера: «Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителями и детьми. Либо это случай, как со мною, когда сын восстает на отца. Либо как с королем. Это другой пример. Тут отец идет против родного детища. Наше лучшее время миновало» [1, 444].

Таким образом, Шекспир описывает распад всех устоев, всех норм и принципов, делавших жизнь стабильной. Мало кого из героев интересует общее, нет у них заботы о государстве, все их мысли только о себе (или как пишут в ЭССЕ мои студенты: «каждому дорог только свой зад»).

В чем причины схожести несхожих времен? Очевидно, что основной этой неизменности является человеческая природа. Я десятки раз верифицировал на современных студентах негативную оценку, данную Н. Макиавелли большинству людей: «Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива...» [2, 50].

Политика – слепок с человека. Каков человек, такова и политика. А сущность человека амбивалентна. Все, что есть лучшее и худшее в человеке проявляется и в политике.

В этой связи, нам представляется, что одной из основных внутренних угроз/рисков для стабильности российского общества является эгоизм, алчность и безответственность значительной части нашей элиты, которая с помощью ведущих агентов социализации становится референтной группой для молодежи.

Как коренным образом изменить сложившуюся ситуацию показывает теория игр.

1. У. Шекспир. *Король Лир. Полное собрание сочинений в восьми томах, Т.6., М., "Искусство", 1960. - 678 с.*
2. Никколо Макиавелли. *Государь. М., Планета, 1990. - 79 с.*

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: ПЕРЕДАЧА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Ибрагимова А.А. (Казань)

Культура занимает важное место в жизни отдельной личности, группы и общества в целом. Она взаимодействует с различными сферами общественной жизни (экономической, политической, социальной и т.д.).

В социологической науке можно выделить два основных подхода к пониманию роли культуры. Согласно первому подходу, марксизму, культуре отводится важная, но независимая от экономики роль, тем самым считая ее производной от экономико-производственных отношений. Согласно К. Марксу культура вырастает из экономической деятельности человека, надстраивается над производством. Но марксизм не отрицает обратного воздействия культуры на экономику. В немарксистской социологии культура выступает как главная сила развития.

Представители второго подхода, известные социологи Э. Дюркгейм и М. Вебер считают, что культура играет определяющую роль в жизни общества, обеспечивает его целостность и развитие.

Поведение людей в обществе определяется их ориентацией на определенные ценности. Поэтому в социологической науке внимание уделяется исследованию культуры как символической, ценностной и нормативной системы, регулирующей деятельность людей.

Культура выполняет такие функции как:

1. Социализация (образование и воспитание), т.е. освоение знаний, языка, ценностей, норм, традиций. Уровень культуры личности определяется ее социализированностью, т.е. приобщением к культурному наследию.

2. Регулирующая функция определяет поведение человека в семье, школе, быту, т.к. содержит систему предписаний и запретов.

3. Интегративная и дезинтегративная функция. Культурная трансмиссия создает чувство принадлежности (идентификации) путем усвоения культурных символов, стереотипов.

Подробнее остановимся на трансмиссии культурных универсалий.

Социальная трансмиссия (лат. transmission – передача, переход) во многих источниках рассматривается как процесс, в ходе которого накопленная культура передается от поколения к поколению формальными и неформальными методами через обучение (посредством имитации, образования, табу и различных форм социального контроля).

Передается не просто культура, а культурные универсалии. Американский этнограф-социолог Дж. Мердок выделил множество культурных универсалий, которые свойственны всем обществам. К ним он относит язык, религию, символы, орудия труда, нательные украшения, подарки и т.д. Биологопсихологические и социальные потребности обеспечиваются этими универсалиями.

Механизм, с помощью которого этническая группа передает основные элементы своей культуры, культурные универсалии своим новым членам называется культурной трансмиссией. Именно в ходе исторического развития этноса осуществляется этнокультурная трансмиссия, которая сохраняет этничность на протяжении многих поколений.

Известный специалист в области этнической социологии и психологии З.В. Сикевич особо выделяет культурно-историческую память, в ходе которой происходит этнокультурная трансмиссия, позволяющая существовать этничности на протяжении поколений [1].

Итак, культурная трансмиссия - процесс трансляции (передачи) элементов культуры от одного поколения другому. Именно благодаря культурной трансмиссии культура является непрерывным феноменом, основанным на преемственности.

Культурная трансмиссия представляет собой процесс, характеризующий культуру в целом. На индивидуальном уровне ему соответствует аккультурация – усвоение индивидом черт и элементов культуры.

Культурная трансмиссия, включает также процессы инкультурации и социализации и представляет собой механизм, с помощью которого этническая группа «передает себя по наследству» своим новым членам, прежде всего детям [3]. Используя культурную трансмиссию, группа может увековечить свои особенности в последующих поколениях с помощью основных механизмов научения. Выделяются вертикальная (в процессе которой культурные ценности, умения, верования и т.п. передаются от родителей к детям), горизонтальная (от рождения до взрослости ребенок осваивает социальный опыт и традиции культуры в общении со сверстниками) и «непрямая» (индивид обучается в специализированных институтах социализации (школах, вузах), а также на практике – у окружающих его помимо родителей взрослых (родственников, старших членов общины, соседей и т.п.) трансмиссии [2].

В Республике Татарстан уделяют большое внимание передачи не только культурного наследия, но и всех культурных универсалий народов, проживающих в республике. На территории республики проживают народы с разным культурными традициями. Содействие этнокультурному развитию всех народов, проживающих в Татарстане – одно из ключевых направлений государственной политики в сфере культуры.

К одному из важнейших направлений культурной политики Татарстана относится формирование социальной сплоченности на основе культурного разнообразия. Татарстан населяют различные этнические группы. Политика в области гармонизации отношений между представителями различных этнических групп многие годы реализуется через поддержку их сообществ, включая возможность обучения и общения на родном языке, издания различной печатной продукции на национальных языках, проведение национальных праздников, которым придается большое значение как элементу сплочения населения. [4]

Для любой общественной системы актуальна передача культурного наследия в целях сохранения этноса. И трансляция этнической культуры происходит путем интенсивного включения детей в повседневную жизнь семьи через культуру, родной язык и религию. Здесь происходит осознание единства с представителями своего этноса, развиваются этнические черты и нормы поведения, что, в свою очередь, способствует воспроизводству этноса.

Передача культурного наследия важна не только Республике Татарстан, но и России в целом. 24 декабря 2014 года состоялось Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству при Президенте России. В.В. Путин отметил, что «культура – это многомерная живая система, мощный фактор общественного развития, экономического роста, даже, в полном смысле этого слова, обеспечения национальной безопасности и суверенитета России. Культура питает нацию, формирует и сплачивает ее». Невозможно переоценить силу культуры.

1. Сикевич З.В. *Национальное самосознание русских*. - М., 1996. – 369с.
2. Стефаненко Т.Г. *Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп.* - М.: Аспект Пресс, 2004 - 368 с.
3. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992.
4. <http://mincult.tatarstan.ru/>

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ В РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Ильин В.И. (Санкт-Петербург)

Фундамент массовой культуры - рынок, поэтому она включает в себя и предложение произведений, и спрос на них. Отечественная массовая культура (здесь ограничимся только фильмами) четко демонстрирует развитие в режиме длинных волн, каждая из которых является реакцией на проблемы предшествовавшей, демонстрируя контуры спирали. В настоящий момент наблюдается консервативный поворот к советской традиции.

Этапы культурной политики

Советская волна характеризовалась следующими чертами: 1) государство как единственный продюсер; 2) приоритет идеологической мотивации заказчика; 3) диктат производства над потреблением; 4) безусловное доминирование отечественной продукции; 5) зрительский спрос, втиснутый в узкие и жесткие рамки сформированного государством репертуара; 7) главная функция фильмов - воспитание масс в духе господствующей идеологии; 8) вторичность экономических критериев (сборов, прибыли).

Либерально-глобалистская волна, начавшая подниматься на рубеже 1980-90-х гг., стала во много контр-культурной реакцией на ключевые характеристики советской волны. Ее основными чертами стали: 1) формирование рыночных отношений, в контексте которых главной целью производства фильмов и их показа является получение прибыли; 2) открытие национального рынка ветрам культурной глобализации; 3) свертывание

отечественного производства фильмов; 4) торжество принципов морального релятивизма (дозволено все, что усиливает рыночный спрос); 5) отказ от воспитательной функции кино в пользу рыночной целесообразности; 6) доминирование эстетических принципов насилия и эротики как инструментов манипулирования зрительским вниманием; 7) минимизация роли государства как заказчика и организатора кинопроизводства (бедный спонсор). Кризис неолиберальной модели трансформации российского общества в 1990-е гг. породил рост негативного отношения к либерально-глобалистской культурной политике, в которой и заметная часть правящей элиты, и существенная часть населения начали видеть одну из причин неудач России во всех сферах. Так сформировалась почва для консервативного поворота.

В конкретно-исторических условиях России XXI в. этот тренд в культурном развитии принял форму советского консерватизма, т.е. возврата к принципам советского кинопроизводства, но при сохранении института массовой культуры. Для консервативной волны характерны следующие черты: 1) превращение государства в ключевого заказчика; 2) активная культурная политика государства, направленная на использование кино как инструмента патриотического и нравственного воспитания масс; 3) попытки изменить баланс в структуре кинопоказа в пользу отечественных фильмов; 4) массированное использование советских кинофильмов. Все это стало институциональной основой для консервативного поворота в сфере массовой культуры.

Динамика мифологем

Успех произведений массовой культуры в существенной мере зависит от адекватности духу времени выбранной авторами мифологемы. Адекватность проявляется в мере созвучности идеи и настроения фильма потребностям, чаяниям и настроению аудитории. Под мифологемой здесь понимается формула, лаконично и точно передающая ядро смысла единичных мифов как коллективных грез, в которых в образной форме выражается мировоззрение. Фильмы, с одной стороны, отражают дух времени, проявляющийся в популярных в настоящий момент мифологемах, а с другой - они его формируют, буквально вбивая их в голову с помощью мощных систем трансляции (телевидения, кинопроката, интернета).

В 1990-е гг. либерализация общественной жизни стала быстро перерастать в беззаконие, уголовный беспредел и формирование мафиозных организаций, подминавших под себя государство. Это стало благоприятной почвой для выхода на первый план синтеза двух мифологем: «царства тьмы» и оптимистической мифологемы «зло будет наказано». С одной стороны, царство тьмы (коррупцированное государство и несправедливую социальную систему) невозможно изменить, но одинокий честный герой способен восстановить справедливость покарвав избранных злоеев. Ярким примером экранизации такой мифологемы стал фильм «Брат» (1997). Зритель, наблюдая совершаемые им убийства, восстанавливал душевное равновесие, утешаясь тем, что хотя бы в такой форме зло неизбежно будет наказано.

В XXI в. процесс преодоления смутного времени пошел, но в форме выстраивания «властной вертикали». И киностудии как фабрики мифов, получившие заметный прирост своих бюджетов, включились в эту работу, стимулируемые и властным призывом, и рыночным спросом. Мифотворчество идет по нескольким направлениям.

Мифологема «проклятого прошлое». В христианстве это времена до прихода Христа, в большевистской мифологии - жизнь до Октябрьской революции, в неолиберальной идеологии - советский тоталитаризм, в эпоху властной вертикали - мифологема «лихих 90-х». Функцию внедрения этой мифологемы в массовое сознание успешно выполняют (независимо от замыслов их творцов) талантливые фильмы-набаты. Знаковым явлением стали кинофильмы «Бумер» (2003), «Бумер-2» (2006) и телесериалы «Бригада» (2002), 10 частей «Бандитского Петербурга» (2000-2007). С одной стороны, это было продолжение мифологии предшествовавшего десятилетия, в котором происходят описываемые в фильмах события, а с другой - в них уже можно усмотреть дух нового

времени: власть беззакония показывается в ретроспективе: «так было, но сейчас-то то все иначе».

Мифологема торжествующего правопорядка (а не одинокого героя!) - маркер массовой культуры нулевых лет. Здесь доминируют уже не герои-одиночки, а верные слуги государства, в правоохранительных и политических органах которого хотя и встречаются «оборотни в погонах», взяточники и непрофессионалы, но в целом система здоровая и демонстрирует впечатляющие успехи в противостоянии преступному миру. Это фильмы, выполняющие функции социальной психотерапии. С 1997 г. начинается производство сериала «Улицы разбитых фонарей» (или «Менты»), растянувшегося на 14 сезонов (до 2015 г.). Здесь система, конечно, не без грехов, однако в ней нет ничего мафиозного, а основная масса сотрудников - простые парни, являющиеся рыцарями «без страха и упрека». Один из самых популярных телосериалов - «Глухарь» (2008 - 2011), реалистично показывающий работу сотрудников полиции, которые, с одной стороны, обычные люди с присущими им слабостями и грехами, но с другой стороны, они все же мужественно обеспечивают соблюдение духа закона. С 2007 г. начинается бесконечный телесериал «След», герои которого, работающие в вымышленной идеальной организации (Федеральной экспертной службе), не оставляют нераскрытым ни одно преступление. Сутками и годами как мантра звучит слоган рекламы сериала: «Зло будет наказано! Торжество закона!» При этом подспудно внедряется мысль, что торжество закона и справедливости может быть установлено только через тотальный контроль всего, в т.ч. частной жизни граждан.

Поточное производство мифологемы о героическом советском прошлом, в центре которого Великая Отечественная война (1941 - 1945 гг.). С одной стороны, это явный консервативный поворот к традициям советского кинематографа и телевидения, а с другой - этот поворот сочетается с критическими оговорками («несмотря на просчеты и злоупотребления») и активно эксплуатируемой голливудской стилистикой.

Воспроизводство советских мифологем через почти непрерывный показ на центральных федеральных каналах старых фильмов. Среди этих фильмов заметное место занимают произведения с характерной для эпохи холодной войны (1946 - 1989) идеологической мифологемой противостояния прогрессивного СССР и реакционного западного империализма («Мертвый сезон» (1968), «Возвращение резидента» (1982), «ТАСС уполномочен заявить» (1984), «Конец операции «Резидент» (1986), и многих других). В контексте возврата к новой редакции холодной войны, эти фильмы приобретают актуальное звучание.

Конструирование мифологем о славном прошлом Российской империи. Это тренд, противоположный советскому консерватизму, но уживающийся с ним часто за счет ухода от популярной в советское время тематики революционного конфликта. Одной из ведущих творцов этого мифа стал режиссер Михалков, создавший дорогие ленты, продвигавшиеся в кинопрокате и на телевидении в массовых масштабах: «Сибирский цирюльник» (1998), «Солнечный удар» (2004).

ДИСКУРС КУЛЬТУРЫ ВОДИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Каллина А.В. (Санкт-Петербург)

Водь – коренной малочисленный народ, проживающий в Ленинградской области. Мой интерес к дискурсу их культуры был вызван тем, что при таком маленьком количестве оставшихся вожан (64 человека), дискурс ведется на нескольких интернет-площадках и, как может показаться на первый взгляд, большим количеством людей.

Объектом моего исследования являлась культура воды, предметом – дискурс культуры воды. Я поставила цель изучить особенности дискурса водской культуры в сети Интернет. Изучение дискурса было проведено с помощью метода дискурс-анализа Мишеля Фуко.

Анализировались 3 сообщества воды в социальной сети «ВКонтакте», а также два водских сайта. Прodelав вышеописанные шаги, я могу обозначить основные особенности дискурса культуры воды в сети Интернет.

Подводя итог анализу сайтов, я могу выделить две характерные черты. Во-первых, сайты ориентированы на прошлое: сохранению культуры уделяется гораздо больше внимания, чем ее приумножению. При этом, судя по фотографиям, культурные мероприятия проводятся, в основном, представителями старших поколений. На самих сайтах предусмотрено очень мало возможностей для интерактива, что также не способствует развитию дискурса культуры. Во-вторых, собранные элементы культуры видятся, в первую очередь, как способ этнического отграничения. На мой взгляд, это детерминировано тем, что водь совсем недавно включили в список коренных малочисленных народов, т.е. она совсем недавно получила признанный статус этноса.

Стоит подвести некоторый итог анализу сообществ «ВКонтакте». Все три сообщества модеруются разными людьми. При этом сообщества примерно равны по количеству участников. Это говорит о том, на мой взгляд, что между активистами сохранения водской культуры нет согласия в действиях по сохранению культуры. Так, первая группа позиционирует свою деятельность как краеведческую, пытаясь привязать ее к географическим рамкам, вторая ведет борьбу за выживание культуры, третья группа занимается культурно-просветительской деятельностью, не акцентируя внимание на мероприятиях по сохранению этноса. Первая и третья группы представляют собой скорее информационные страницы, целью которых является накопление знаний о культуре воды. Вторая же группа видит своей целью борьбу за сохранение воды, при этом акцентируя внимание скорее на этносе, чем на водской культуре.

Во всех группах плотность дискурса одинакова: в среднем 4-5 сообщений в месяц. Много активных участников дискурса (те, кто участвовал в обсуждении каких-либо тем), участвуют сразу в дискурсах в нескольких группах. Также можно сказать, что большинство новостей в группах дублируются или ссылаются на одни и те же источники. Все это свидетельствует о том, что дискурс водской культуры в целом одинаков во всех группах, несмотря на то, что они преследую

т разные цели. Деятельность участников и модераторов преимущественно сводится к сбору информации об элементах культуры воды.

Так, если рассматривать дискурс на сайтах, посвященных воде, можно выделить две особенности: сайты ориентированы в прошлое культуры (ее сохранение видится гораздо более важной задачей, нежели современное развитие) и служат скорее источниками информации о воде, нежели пространствами дискурса. Кроме того, собранные обрывочные данные о культуре (стихи, фото предметов одежды, быта, примеры употребления языка) демонстрируются как подтверждение того, что водь – обособленный этнос.

Ведение дискурса как на сайтах, так и в сообществах в социальной сети «ВКонтакте» осуществляется одними и теми же активистами за сохранение водской культуры. Если между сайтами есть некоторая солидарность в направлении их деятельности, то о сообществах в «ВКонтакте» такого сказать нельзя: все три сообщества характеризуют свою деятельность по-разному: как краеведческую, культурологическую и как борьбу за выживание этноса. Однако, исходя из анализа информации в каждой из групп, можно сказать, что на самом деле деятельность данных групп схожа и сводится к одной идее – собрать доказательства того, что водь – реально существующий народ со своей уникальной культурой. Такая ориентация людей, на мой взгляд, схожа с идеями создателей сайтов, которые также занимаются поиском любой информации о воде,

способной подчеркнуть особенность народа и его право на существование. На мой взгляд, такое стремление утвердиться среди конкурирующих дискурсов других этнических культур связано с тем, как обращают внимание на проблемы малых народов ученые России и зарубежья. Так, для того, чтобы привлечь внимание СМИ и общества, чтобы ученые занялись изучением водской культуры, необходимо было привлечь их внимание острыми проблемами этноса. Одной из таких проблем была угроза исчезновения. Поэтому в Интернет-ресурсах, посвященных воде, содержится так много информации, доказывающей как то, что вода – отдельный народ, так и то, что этот народ всегда притеснялся и требует внимания и защиты. Поэтому люди, неравнодушные к культуре воды, и сами вожане стараются акцентировать внимание на проблемах водского этноса и его уникальности с помощью сохранившихся элементов культуры. На мой взгляд, это одна из главных особенностей и проблем дискурса водской культуры: ему будет очень трудно развиваться без привнесения новых культурных черт, пока основное внимание участников дискурса направлено на прошлое культуры воды.

В дальнейшем, на основе проведенной работы, я продолжу исследование культурной идентичности коренных малочисленных народов Ленинградской области.

1. *Всероссийская перепись населения 2010 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 22.02.15).*
2. *Ватландия. [Электронный ресурс] URL: <http://vk.com/club22512975> (Дата обращения: 10.05.2015).*
3. *Сохраним Водь! [Электронный ресурс] URL: <http://vk.com/club1386811> (Дата обращения: 10.05.2015).*
4. *Общество Водской Культуры [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/vadjamaa> (Дата обращения: 10.05.2015).*

МОДЕЛИ АУТОСОЦИАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИНОКУЛЬТУРНОЙ МИГРАЦИИ

Кириллова А.И. (Новосибирск)

Специфика современности проявляется в процессах широкой трансграничной миграции, в ходе которой происходит соприкосновение, смешение, столкновение религий и культур. В этих условиях принимающие общества стоят перед необходимостью актуализировать ресурсы культурного самосохранения. В своих ответах принимающий социум может демонстрировать противоречивые реакции. Так, под наплывом беженцев сегодня в Германии общество демонстрирует две противоположные модели этнополитической реакции: инклюзивную и эксклюзивную [3]. В целях исследования реакции российского общества на приток мигрантов-мусульман в 2014 г. нами был проведен опрос принимающего социума в крупном мигрантопринимающем городе – Новосибирске (601 чел.). Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00351).

Для определения предпочитаемой принимающим обществом модели взаимодействия с мигрантами респондентам был предложен выбор из 5-ти стратегий относительно мигрантов. Из данного спектра стратегий респонденты отдали предпочтение ограничительной (65% опрошенных). Исключающую стратегию выбрали 22%, интеграционную – 18%, ассимиляционную – 17% и сегрегационную – 8%. Описание факторов выбора этностратегий дает социальные портреты групп, которые их выбирают.

1. Выбор интеграционной стратегии связан с отсутствием своей семьи, религиозности, браком с представителем другой национальности, отличной от русской или полиэтнической идентичностью, а также с положительным отношением к

существованию в России многообразия религий и культур; с нивелированием национальности в качестве существенного признака идентичности человека.

К выбору интеграционной стратегии более склонны те, для кого характерна ценность социального служения, альтруизма – приносить пользу людям, обществу. Ее выбор связан с согласием (в случае необходимости) выполнять ту работу, которую делают в России мигранты; со стремлением быть вежливым, корректным и страхом перед негативным мнением окружающих. Она связана с положительным отношением к мигрантам; у выбравших эту стратегию преобладают сочувствие, жалость по отношению к ним. Выбравшие интеграционную стратегию в большей степени имели опыт позитивных межличностных взаимодействий с мигрантами; проявляют приятие мигрантов и их культуры. При этом выбор данной стратегии коррелирует с положительным отношением к тенденции мигрантов к локализации в отдельных районах города (т.е. сегрегацией).

Выбор интеграционной стратегии коррелирует с позицией «преимущественного уравнивания» мигрантов в правах с принимающим обществом, дающего приоритет продвижению традиций мигрантов в ущерб традициям принимающего общества: с мнением о необязательности для мигрантов соблюдения принятых в России норм и традиций; мнением, что традиции мигрантов должны уважаться местными жителями наравне с российскими.

2. Факторы выбора ассимиляционной стратегии во многом сходны с факторами выбора интеграционной. Отличительными чертами являются: с психологической точки зрения – отсутствие склонности к социальному альтруизму, служению, но стремление быть вежливым, корректным; а также выбор паритетной стратегии, заключающейся в том, что традиции мигрантов должны уважаться местными жителями наравне с российскими.

3. Выбор сегрегационной стратегии связан с психологической установкой на отделение от других (автономизацией) – «каждый должен справляться с ситуацией сам». Также он связан с отрицательным отношением к размыванию монокультурности, транснационализации – существованию в России различных религий и культур, к идее брака своих детей с человеком другой национальности. Эта стратегия связана с мнением, что единственно верна своя вера и культура, и при этом – с мнением, что мигранты нужны России. Для выбравших сегрегационную стратегию характерно преобладание безразличия по отношению к мигрантам.

4. Выбор ограничительной стратегии связан с наличием своей семьи; знанием своих национальных и религиозных традиций, включенностью в них. Выбор данной стратегии более характерен для русских.

Выбравшие ограничительную стратегию имели более негативный опыт взаимоотношений с мигрантами – реже проявляли участие к ним, чаще отмечали факты негативных взаимоотношений. Для выбравших ограничительную стратегию характерны отрицательные чувства к мигрантам. Она связана с мнением, что мигранты из Центральной Азии России не нужны, и при этом – с нежеланием выполнять ту работу, которую делают в России мигранты. Также выбор данной стратегии обусловлен чувством и/или состоянием социальной ущемленности. Группа выбравших эту стратегию принадлежит монокультурной среде и стремится ее поддерживать, в частности, посредством неприятия исламских норм и традиций в российском социальном пространстве.

Эта стратегия отражает культурное самоопределение (большой) части принимающего социума, коррелируя с мнением, что национальное возрождение всех народов РФ немыслимо без национального возрождения русского народа, а также с мнением, что единственно верна своя вера и культура. Данная стратегия связана с мнением, что в России важнее сохранение российской культуры, а также – что приток мигрантов представляет собой угрозу для культурного единства России и, соответственно

– с мнением о необходимости соблюдения приезжими в России принятых в ней норм и традиций.

Выбор исключающей стратегии связан с неприятием иной этничности, в частности, исламских норм и традиций в России. Выбравшие исключающую стратегию реже имели опыт позитивных и чаще – опыт негативных контактов с мигрантами.

Данная стратегия связана с несклонностью к альтруизму; негативными чувствами по отношению к мигрантам (неприязнь, раздражения); с мнением о стремлении приезжих распространить свои обычаи и традиции в российском обществе; о ненужности их для России.

Выбор данной стратегии связан с самозащитной направленностью – мнением о важности сохранения российской культуры; о необходимости соблюдения приезжими российских норм и традиций; с отрицательным отношением к поликультурности и ее проявлениям. Выбирающие исключающую стратегию считают, что приток мигрантов представляет собой угрозу для культурного единства России. Также факторами выбора данной стратегии являются чувство социальной ущемленности, незащищенности и недоверие государственным институтам.

Итак, можно выделить две основные линии аутосоциализации [1; 2] современного российского общества – защищающую этноконфессиональную идентичность российского большинства и поликультурную. Лидирующее положение занимает самозащитная позиция, основанная на отторжении иноэтничных мигрантов. Она апеллирует к социальности, построенной на ценности нравственности, необходимости поддержания отечественных культурных традиций и представлена преимущественно русскими. Альтернативная линия отражается в приятии инокультурных мигрантов в виде интеграционной и ассимиляционной стратегий. Эта линия основана на отказе от обязательности соблюдения мигрантами российских традиций, нерусской и полиэтничной принадлежности. Этот тип социальности строится на основе вежливости («толерантности») в межличностных отношениях и социальном альтруизме (ориентации на общественное служение) – на уровне взаимодействия с обществом.

1. Кириллова А. И. Аутосоциализационные процессы как элемент аутопоiesиса // *Девяты́е Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 14-15 ноября 2014 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2014. – 1694 с., С. 119-121. (эле*
2. Кириллова А. И. *Взаимодействие культур как фактор социализации обществ // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Отв. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: ИФПП СО РАН, 2014. – Вып. 10. – 231 с., С. 48-52. URL: http://www.tuva.asia/lib/books_regions/7520-etnosocialnye-vyp-10.html (электронная публикация).*
3. Мельникова К. *Тест на толерантность. Справится ли Германия с волной миграции. Сайт: Lenta.ru. Материал от 4 сентября 2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/09/05/migrant/>.*

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В БРАКЕ С ИНОСТРАНЦЕМ

Колударова С.В. (Москва)

Пространственная мобильность обусловлена перемещением индивидов в географическом пространстве. При этом большое значение имеет свобода передвижения как внутри государства, так и за ее пределы. Последнее обстоятельство является значимым в отношении браков с иностранцами, когда брачный партнер является гражданином одного из государств мира.

Развитие данной формы брака в различные исторические периоды связано с фактом доступа к выезду за границу. Например, в послевоенный период, в 1947 году в СССР вышел указ «О запрещении браков с иностранцами», в котором в качестве причины запрета указывалась «забота о советском человеке, ибо наши женщины, выйдя замуж за иностранцев и оказавшись за границей в непривычных условиях, чувствуют себя плохо и подвергаются дискриминации» [3].

В 60-70-е годы XX века наметилась позитивная тенденция в отношении передвижений и брачных знакомств с иностранцами, связанная с тремя факторами: политический фактор, обусловленный отменой указа «О запрещении браков с иностранцами»; юридический фактор, связанный с присоединением СССР к международному договору, обязывающему предоставлять супругам из разных стран место жительства в стране мужа или жены; культурный фактор, разрешающий проведение в СССР VI Всемирного фестиваля молодежи 1957 года и Московского международного кинофестиваля 1959 года, в рамках которых «приехавшие иностранцы свободно общались с москвичами; это не преследовалось», а также впервые были приглашены иностранные актеры.

В 90-е годы XX века политическая система России отменяет изоляцию общества и открывает границы для социокультурного диалога с государствами мирового сообщества. Свобода общения с иностранцами и перемещения за границу способствуют тому, что браки россиян с иностранцами приобретают разрешительный статус. Согласно данным Управления ЗАГС города Москвы, браки российских граждан заключают с представителями более 100 государств мира (например, в 2011 году с гражданами 114 государств, в 2012 году с гражданами 116 государств) [4].

Пространственная мобильность в браке с иностранцем обусловлена двумя аспектами: выбор места регистрации брака и выбор места жительства межнациональным союзом (Россия или государство брачного партнера).

На выбор места регистрации брака влияют объективные и субъективные условия. К объективным условиям относятся работа или обучение брачного партнера в России или за границей, к субъективным условиям – личная мотивация брачных партнеров.

Выбор места жительства также имеет свои географические особенности. При этом следует отметить, что в гендерном отношении браки с иностранцами, в большей степени, заключаются женским населением России. По данным Управления ЗАГС города Москвы, в 2012 году «количество женихов из дальнего зарубежья традиционно превысило количество невест» [4]. Это обуславливает адаптацию жены к мнению иностранного мужа в отношении места жительства.

В межнациональных брачных союзах, выбравших в качестве места жительства Россию, прослеживаются следующие модельные типы [2]:

- Супруги живут на два государства (супруга – в России, супруг – в своей стране, время от времени приезжают друг к другу). Особенность этого типа в том, что супруга не хочет уезжать из России и надеется, что супруг переедет в Россию. Однако полной уверенности в этом у нее нет, и «если муж решит...», то есть морально она готова покинуть Россию;

- Супруги живут на два государства (оба супруга вместе находятся либо в России, либо в стране супруга). Особенность в том, что большую часть времени партнеры пребывают в России;

- Супруги живут в России, но супруг очень хочет вернуться к себе на родину («он скучает по дому, семье, друзьям»), а супруга не хочет уезжать из России. Особенность типа в том, что супруга настаивает на проживании в России и старается прикладывать к этому все усилия;

- Супруги живут в России, и супруге очень хочется иметь дом в России. Особенность типа в том, что супруг в таких союзах занимает относительно нейтральное положение по поводу возвращения на свою историческую родину, так как он уже в

течение долгого времени не живет там, имеет опыт работы во многих странах мира, и стал космополитом;

- Супруги живут в России, но супруг желает вернуться к себе на родину. Особенность типа в том, что супруга морально готова уехать вместе с супругом, «выбора у меня нет, конечно, буду скучать по близким, но придется ехать», «можно сопротивляться, настаивать, что я не хочу уезжать из России, но это не логично»;

- Супруги живут в России, но оба настроены на переезд. Особенность типа в том, что супруги занимают открытые позиции в отношении местожительства, «мы можем поехать в любую страну»;

- Супруги живут в России, но у супруга есть мысли по поводу возврата к себе на родину. Особенность типа в том, что супругу хотелось бы вернуться в свою страну, но в настоящее время он выбирает жизнь в России из-за своей профессиональной деятельности («В плане работы в России огромная перспектива для самореализации»).

Потенциально, все вышеперечисленные семь типов имеют склонность к тому, что межнациональные брачные союзы покинут территорию России.

Противоположный вариант браков с иностранцами характеризуется тем, что брачные партнеры постоянно проживают на территории супруга, который сопровождается иммиграцией жены из России. В соответствии с этим научный интерес касается исследования готовности иностранного супруга приезжать в Россию. По данным исследования, можно выделить две группы супругов [2]. К первой относятся те, кто интересуется Россией и российскими новостями, посещал Россию еще до вступления в брак с русской или работал в России.

Ко второй группе относятся иностранные супруги, которые до вступления в брак с россиянкой не имели особого представления о России. Такую категорию супругов можно разделить на две подгруппы:

- Супруги, которые довольно легко приобретают заинтересованность к России, но с обязательным участием супруги («Россией стал интересоваться, так как имеет русскую жену»). В таких союзах по истечении определенного временного периода и благодаря приложенным со стороны супруги усилиям устанавливается благоприятная среда для передвижения в Россию. Для одних появляется возможность больше приезжать в Россию («Сейчас мы ездим в Россию несколько раз в год, отпуск проводим только в России; это была моя идея, а так муж и не ездил бы»).

- Супруги, которые довольно трудно приобретают заинтересованность к России, но супруги не теряют веры («В Россию муж не собирается, говорит, что там бандиты; однако я потихоньку «подготавливаю почву», чтобы приехать с мужем в Россию»).

Таким образом, на пространственную мобильность в браке с иностранцем оказывают влияние стереотипные представления о России, профессиональная карьера, патриотические настроения. Однако в условиях глобализации актуальным становится вопрос культурного разнообразия в контексте социокультурных ценностей [5]. В 2001 году была принята Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, которая определяет содержание данного понятия, а также раскрывает его в контексте прав человека, творчества и международной солидарности. В контексте Декларации ЮНЕСКО культурное разнообразие рассматривается как фактор развития, которое расширяет возможности выбора, имеющиеся у каждого человека. Данный постулат можно применить и к брачному выбору, который является важным элементом человеческой жизни и способствует обеспечению ее эмоциональной, нравственной и духовной стороны [1]. Поэтому пространственная мобильность в браке с иностранцем ставится важным показателем повседневной жизни супругов.

1. Колударова С.В. Культурное разнообразие брачного выбора в современной России. Материалы Афанасьевских чтений. 2015. Т.1. № 13. С. 281-284.

2. *Корнеева С.В. Межнациональные браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: социологический анализ // диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Российский государственный социальный университет. Москва, 2006*
3. *Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX веке и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. №4. С. 67-89.*
4. *Управление ЗАГС города Москвы. Акты гражданского состояния по месяцам за 2012 год. <http://zags.mos.ru>*
5. *Фомичева Т.В. Факторы формирования социокультурных ценностей современной российской молодежи. Социальная политика и социология. 2014. Т. 1. С. 131.*

РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОБИЛЬНОСТИ

Крецер И.Ю. (Санкт-Петербург)

В современном обществе мобильность – как черта образа жизни и самого общества – становится очень важной переменной. Джон Урри [2, 3] в своих работах подробно разбирает разнообразие форм мобильности, которые создают современное социальное пространство. С помощью категории «мобильности» анализируются потоки людей, предметов и идей, новые структуры отношений и связей, переосмысляются процессы идентификации и солидаризации. Родственные отношения также не остаются в стороне от этих процессов, испытывая на себе влияние проникновения мобильности во все сферы жизни. Связь между родством и мобильностью, на наш взгляд, может быть рассмотрена на двух уровнях. Во-первых, физическая мобильность членов семьи приводит к созданию новых и реинтерпретации привычных форм родственных отношений. В этой логике, например, трансформируются отношения в среде мигрантов, где семья часто оказывается физически разделена в течение долгого времени, а «социальные сети и связи с отправляющим сообществом значительно ослабевают или даже разрываются, переопределяются границы ответственности перед родственниками, зачастую забота о семье редуцируется до заботы о детях» [1, 90]. Еще один пример трансформации родственных отношений и практик родства в контексте физической мобильности – это отношения с семьей у студентов, которые уезжают учиться в другой город или отношения ребенка с разведенными родителями, которые проживают в разных городах. Урри замечает по этому поводу, что «семейная жизнь все чаще разворачивается на расстоянии» [2, 403]. Во-вторых, категорию «мобильность» можно приложить не только к людям, но и к системам отношений. Тогда, мы можем говорить, что родство становится мобильным, подразумевая под этим гибкую, текучую и изменяющуюся структуру отношений. Такое понимание родственных отношений очень хорошо видно в дискуссиях по поводу многообразия семейных и родственных форм в современном мире. Хорошим примером служит замечание Дэвида Чила об изменении названия «Journal of Marriage and the Family» на «Journal of Marriage and Family», вызванное невозможностью говорить о единой и универсальной модели семьи, которую подразумевает использование артикля «the» [4, 4]. В целом, если мы рассматриваем родство как культурный механизм, который определяет легитимные для данного общества формы связанности, то можно сказать, что этот механизм становится более гибким в определении того, что является родством. Новые репродуктивные технологии, сожительство как замена браку, однополые отношения – вот лишь некоторые из примеров современного разнообразия семейно-родственных форм. Урри, говоря о задачах социальных наук, отмечал необходимость смещения акцента с изучения групп и структур на исследование мобильного и динамичного характера этих объектов. В этом смысле показательны и изменения, которые происходят в подходах, направленных на исследования родственных отношений: на смену изучения структуры и функции приходят исследования родственных практик и процессуального характера родства.

1. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72–95.
2. Урри Дж. Мобильности. М.: Практис, 2012. 576 с.
3. Урри Дж. Социология за пределами общества: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
4. Cheal D. *Families in Today's World: A Comparative Approach*. London, New York: Routledge, 2008. 184 p.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Курбонов Ф.А. (Барнаул)

Ежегодно огромное количество молодых людей покидают родную страну, рады получения образования за рубежом. И с каждым годом количество таких студентов увеличивается. Юноше и девушки решаются на такой серьёзный поступок по разным причинам. Например, на родине многих из таких студентов высоко ценится дипломы об окончании вузов другой страны. Также немаловажными являются такие факторы, желание знакомится с новой культурой, «с новым миром» изучить иностранный язык, а главное получить бесценный как профессиональный, так и социальный опыт. Иностранному студенту предстоит адаптироваться в чужой стране. Несмотря на ранее полученный социальный опыт, сделать это приезжему сложно. Студенты попадают в непривычные для себя не только бытовые, но и социальные условия. Им приходится привыкать к непривычному климату, постоянному общению на чужом языке, и к новой системы образования. При этом учитывая абсолютную самостоятельность иностранных студентов, возрастает риск неподобающего поведения. Приезжие студенты не должны позволять себе подобного.

Для последнего десятилетия характерен приток иностранных студентов в высшие учебные заведения России. При этом прослеживается явная тенденция дальнейшего увеличения их численности в отечественных вузах. Основной проблемой при обучении иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья в российских вузах является проблема языковой адаптации, то есть преодоление языкового барьера при изучении дисциплин различных циклов. Отчасти она решается на подготовительных факультетах пред вузовские подготовки студентов в процессе овладения ими общей лексикой русского языка. Однако на уровне овладения понятийно-терминологическим аппаратом естественнонаучных дисциплин эта проблема, как правило, остается актуальной и после года предвузовской языковой подготовки.

Процесс обучения иностранных студентов в российских вузах свидетельствует о прямой зависимости эффективности обучения от степени адаптации студентов к учебной деятельности в новых условиях. В свою очередь, адаптация студентов к педагогической системе зависит от способности самой системы учитывать адаптационные возможности студента и развивать их. В этом отношении большое значение приобретает довузовская предметная и языковая подготовка, профессиональная ориентация студента и характеристика его личности как представителя этноса с исторически сложившимися традициями в учебе и профессиональном труде. Нужно отметить что, несмотря на все трудности, которые переживут иностранные студенты, они всё равно стремятся учиться, поступать за рубежом, ведь образование за рубежом предоставляет возможность каждому человеку получить необходимые профессиональные навыки и знания, а также дает

индивиду понять уникальный шанс к самореализации, шанс познать самого себя и свой потенциал.

Социально-психологическая адаптация - процесс вхождения новичка в новый для него производственный коллектив, формирования личностных связей и отношений с другими людьми. В процессе социально-психологической адаптации происходит активное сравнение и взаимное приспособление ценностных ориентаций, нравственных идеалов. Социально-психологическая адаптация выражается в формировании положительных неформальных отношений. Основным объективным показателем социально-психологической адаптированности является отсутствие конфликтов с членами коллектива. Субъективным показателем социально-психологической адаптированности в иное случае для иностранных студентов выступает удовлетворенность отношения с преподавателями и одногруппниками по учебе. Профессиональная адаптация заключается в активном освоении профессии, ее тонкостей, специфики, необходимых навыков, приемов, способов принятия решений для начала в стандартных ситуациях. Она начинается с того, что после выяснения опыта, знаний и характера новичка для него определяют наиболее приемлемую форму подготовки, например, направляют на курсы. Сложность профессиональной адаптации зависит от широты и разнообразия деятельности, интереса к ней, содержания труда, влияния профессиональной среды, индивидуально-психологических свойств личности.

В ходе проведенного опроса по заказу Управления международного образования и сотрудничества (опрошены 2784 студента из 123 стран, обучавшихся на дневных отделениях в 127 вузах 30 российских городов), выявлены основные тенденции в подготовке кадров для зарубежных государств, сложившиеся в отечественной высшей школе к настоящему времени. Согласно данным исследования около 2/3 иностранных граждан, обучавшихся в российских вузах на дневных отделениях в течение последних пяти-шести лет, составляют выходцы из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Остальные студенты — граждане СНГ, а также стран Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии. Нужно отметить, что на 2014-2015 учебный год квота для иностранных студентов была увеличена до 15 тысяч бюджетных мест по сравнению с 10 тысячами в прошлом году.

По данной работе, можно сделать вывод, что иностранному студенту поначалу трудно на чужбине, трудности в адаптации чужой стране. Иностранцы приезжают из разных стран мира, из разных климатических зон, являются представителями разных социумов с совершенно различными культурами, традициями, системами норм и ценностей. Кроме того, иностранные студенты, как и все люди, обладают индивидуально психологическими особенностями. Приезжая в Россию, иностранный студент попадает в принципиально новые социальные условия. Несмотря на уже имеющийся социальный опыт, полученный в родной стране, условия жизни (и обучения) в России можно считать для студента иностранца непривычными. Разница между организацией общественной жизни и условиями обучения в родной стране и в России порождает проблемы, связанные с адаптацией студента к условиям жизни и обучения в чужой стране. Иностранному студенту необходимо привыкнуть к новым климатическим и бытовым условиям, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и потоков.

Прежде всего, отметим, что многие иностранцы стремятся сохранить свою культурную идентичность, хотя далеко не все уверены в том, что сохранять ее необходимо. Большинство считает, что только религиозная вера и постоянное общение с родными и близкими (переписка и визиты на родину) позволят не утратить культурные корни. Принадлежность к родной культуре вызывает в иностранцах гордость и спокойную уверенность. При этом связь иностранца со своим народом значительно обостряется в кризисных, драматичных ситуациях, связанных с унижением и притеснением соотечественников не обязательно в России, но и в любом уголке Земли. К России у

иностранцев нет устойчивого отношения, оно колеблется от «уважения к сильному государству» до «отсутствия уверенности в том, что это государство способно обеспечить приезжему безопасность и защиту».

В чужой стране иностранцам хочется считать, что их далекая родина лучше и безопаснее, поэтому налицо ее идеализация. Можно выделить очевидные показатели слабой интегрированности, а точнее, слабой интеграционной активности иностранцев. Так, живя бок о бок с русскими, иностранцы тем не менее убеждены, что в результате такого соседства ни чего у русских не переняли, да и русские ничего не заимствовали у приезжих. Иностранец уверен, что его поведение никак не зависит от социально культурного окружения. При этом многие иностранцы хотя и не испытывают явной дискриминации, но отмечают периодическую холодность и недоброжелательность со стороны окружения. И, что самое важное, в интеграцию культур иностранцы не верят. Но есть и позитивные показатели. Иностранцы не указывают на крайние формы ущемления их прав и достоинства в чужой стране: принуждение к выезду, телесные повреждения. Очень многие, хотя далеко не все, связывают с Россией не только собственное будущее, но и будущее своих детей. Неслучайно достаточно популярно мнение о необходимости обучения детей русскому. Последнее наблюдение особенно радует. По-видимому, взаимные усилия по организации коммуникативных связей должны стать основой активного интеграционного процесса.

1. Абунаваз Х.А., Берестнева О.Г. Исследование проблем адаптации иностранных студентов на примере томского политехнического университета
2. Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции / Л.Н. Боронина, Антонова В.Б. Психологические особенности адаптации иностранных студентов к условиям жизни и обучения в Москве // Вестник ЦМО МГУ. – 1998. – №1.
3. Асмолов А.Г. Психология личности А.Г. Асмолов? М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 367 с.
4. Березняк Ю.Л. Механика. Учебное пособие для иностранных учащихся подготовительных факультетов (медико-биологический профиль). - Ростов-на-Дону: 2000.
5. Витенберг Е.В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. – СПб. 1995.

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТАХ МОБИЛЬНОСТИ

Куропятник А.И. (Санкт-Петербург)

В социальных науках понятие мобильности зачастую ассоциируется с физическими перемещениями, территориальной деллокализацией индивидов и групп населения. Вовлеченность последних в глобальные пространственно-временные разрывы современности (Э.Гидденс), ставит их перед фактом преобразования локальных форм жизни, миниатюрных конфигураций социального пространства, «локального знания» (К.Гирц), предназначенного для жизни в ограниченном стабильном пространстве, в иные формы культурной и социальной организации, в которых физическое движение, масса, количество перекрываются преобразующими реальность социокультурными практиками. В связи с этим мобильность может рассматриваться как одна из форм реализации механизмов перехода от одних социокультурных состояний к другим, включая их реверсивные сценарии, где доминирующими являются не пространственно-физические перемещения, но культурно-специфические, качественные изменения и выборы. Последние предполагают способность социальных агентов к «мобилизации», «высвобождению», новому пониманию собственного потенциала творчества, ответственности за «отбор» знаний, опыта, навыков, моделей социального

взаимодействия, приобретаемых как за счет преодоления культурной традиции и ее фундаментальных ограничений, так и благодаря подготовленности, способности принять другие, прежде не практиковавшиеся культурные модели, стандарты жизни и деятельности. Другими словами, быть готовыми для вовлеченности в процессы модернизации и изменений. Мобильность, таким образом, является продуктом конструирования, а ее многообразные формы носят контекстуальный характер. В данной работе они могут быть схематично представлены несколькими наиболее важными определениями модернизации, представляющими собой своеобразные «точки отсчета» мобильности и ее социокультурных характеристик.

Первое - связано с отрицанием культурного наследия как значимого для успешной реализации проектов экономического, социального и культурного развития. Второе – наоборот подчеркивает значение культуры в целом, а также этнической и национальной культуры, в частности, как фундамента для процесса обновления всех сфер жизни общества, этнической группы, народа, национального государства и их движения в современность.

Третье – имеет отношение исключительно к образованию и подчеркивает важность аспектов его формирования и функционирования. Актуальными при этом являются: обновление структуры, содержания образования, а также методов получения знания, его трансляции, изменения и применения на практике.

В рамках четвертого - модернизация предстает как составная часть процесса глобализации. В этой связи она выступает в форме глобальной модернизации, протекающей в контекстах взаимной зависимости национальных, транснациональных образований и их элементов, вовлеченных в международные процессы взаимодействия.

Пятый подход к модернизации позволяет рассматривать ее как форму выхода за пределы современности, как динамично изменяющийся проект постсовременности, не отвечающий логике своего становления и развития на предшествующей стадии. В зависимости от контекста проекции модернизации как процесса политико-экономических социальных и культурных изменений в определенных социальных и политических образованиях меняется удельный вес и роль ее отдельных характеристик. В связи с этим значение приобретают не конкретные ее функции, адаптированные к локальным условиям и задачам, а конфигурации свойств, возникающих на границах пересечения различных проектов модернизаций, пространственно-временных и социально-культурных аспектов различных современностей.

Например, интеллектуальная миграция, рассматриваемая в отечественной традиции, зачастую, в терминах интеллектуальных потерь, представляет только одну точку зрения на этот процесс, только одну его проекцию, тогда как смена научной парадигмы позволяет видеть в миграции важное условие социокультурных изменений ее субъектов. В этой связи важно подчеркнуть, что не миграция, а вовлеченные в нее агенты инициируют изменения в структуре личности, опираясь на контексты миграционной ситуации, а также изменения характера как внутригруппового, так и межгруппового взаимодействия. Изменения затрагивают, в первую очередь, реконфигурацию культурного капитала интеллектуального мигранта, а также действия и инициативы по его трансформации. При этом, особенно важна роль интеллектуальных мигрантов в преобразовании своего культурного капитала, который интегрируется в структуру деятельности социальных институтов и способствует их изменению.

В сфере образования тема мобильности также не сводится к ее пространственному выражению. Мода на индивидуальный образовательный проект, например, ставит в центр внимания индивида, способного принять «иное» образование не только в виде «трудностей обучения за границей», но также моделировать его из сегментов разнообразных образовательных программ дома, в целях самореализации.

Антропологическая перспектива изучения процесса культурных изменений в контекстах модернизации представляется в настоящее время весьма многообещающей.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И КУЛЬТУРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Куропятник М.С. (Санкт-Петербург)

Концептуализация культурной идентичности коренных народов (indigenous peoples) в условиях пространственной и культурной мобильности сопряжена с дискурсом «утраты корней», с одной стороны, и притязаниями различных этнических сообществ на публичное признание воссоздаваемых ими в новых условиях культурных форм как «вневременных» и «аутентичных», с другой. В контексте глобализации многие коренные народы по-прежнему реализуют такие способы концептуализация своей культуры и идентичности, которые подразумевают их четкую пространственную локализацию.

Несмотря на то, что культурные паттерны индигенности, также как и модусы их восприятия в локальных, национальных и транснациональных контекстах существенным образом различаются, апелляция сообществ к своей индигенности подразумевает акцент на современных политических, социальных и культурных основаниях признания их приоритета в освоении той или территории.

Так, при разграничении народов как коренных и некоренных соответствие критериям индигенности определяется национальным и международным законодательством в этой сфере.

Разграничение аборигенных и индигенных сообществ, проводимое в ряде контекстов, представляется весьма условным. Если под аборигенами понимаются такие группы населения, которые первыми из известных упоминаются в исторических источниках, то индигенные сообщества составляют исключительно «уроженцы» определенной местности (R.Paine) – как в далеком прошлом, так и в настоящем. На практике подобное разграничение приводит к актуализации идеи «первородства» и «первопоселения», сопровождающееся демонстрацией «архаичных» культурных форм в пользу признания их подлинности и древности.

Дискурс natives (коренное население, местные жители) – мигранты разворачивается в соответствии с уже привычным сценарием эскалации социальной напряженности между группами населения, дифференцируемыми в соответствии со временем их пребывания в границах национальных обществ.

Шведский антрополог Х. Бич (H.Beach) выделил генеалогическую и реляционную модели индигенности. Генеалогическая модель основывается преимущественно на «риторике родства и происхождения» (К.Калхун) и предполагает концептуализацию индигенности в примордиальной парадигме. С точки зрения реляционного подхода сообщества признаются индигенными по отношению к другим группам населения вне зависимости от того, имеют ли они опыт длительного сосуществования и «соседства», сформирована ли их идентичность в контексте отношений с более поздними переселенцами или же она кристаллизуется в русле утверждения общности коренных народов как транснационального феномена.

СЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПОТЕНЦИАЛ ОБЩИННОСТИ

Лихачёв Н.Е. (Могилёв, Республика Беларусь)

Социологическая категория «образ жизни» стала одной из наиболее изучаемых в связи с интенсивностью процесса социально-экономических преобразований и изменениями условий бытия человека. Теоретическая и практическая ценность этой дефиниции обусловлена тем, что она демонстрирует целостную картину уклада повседневности индивидов в определенных исторических условиях, раскрывает социальные закономерности жизнедеятельности людей на уровне поселенческих общностей. В индустриальном и постиндустриальном обществах село, видоизменяясь по форме сохраняет свою особость как место социального воспроизводства населения, функционирования демографических и профессиональных групп, сохранения и развития национальных традиций, сельского образа жизни. Образ жизни – это интегрирующее понятие, на основе которого можно охарактеризовать различные стороны жизнедеятельности индивида, социальной группы и конкретного общества. Базируется он, прежде всего на трудовой деятельности людей, но при этом неотделим от потребностей и материальных условий. Наряду с этим образ жизни характеризует основные черты быта, культуры и поведенческих установок. Можно сказать, что своим содержанием он охватывает процессы производства, обмена, распределения, потребления благ и услуг, а также участие индивидов в общественно-политической, духовно-культурной и семейно-бытовой сферах. Он представляет собой систему видов деятельности индивидов, которая определяется условиями внешней среды и психологическими особенностями населения. Структура сельского образа жизни включает в себя: а) характер и особенности трудовой деятельности; б) внешнее воздействие факторов (климатических, экономических, политических, территориальных); в) поведенческие установки и целеполагание сельчанина. Современные сельские поселения представляют собой не просто территориальные общности, где воспроизводится население, а они есть микросоциумы со своими связями и отношениями. В образе жизни сельских жителей взаимодействуют ныне две противоположные тенденции. С одной стороны, исчезают многие основополагающие традиции и обычаи деревенского уклада, происходит их замена городскими стандартами. С другой – сохранение определенных видов жизнедеятельности, традиционных образцов труда, форм быта, семейных и межличностных отношений.

Несомненно, образ жизни сельского населения видоизменяется под влиянием урбанизма, но в поселенческом контексте он представляет стандартизированные устоявшиеся взаимоотношения сельчан, специфические формы общения и поведения в процессе трудовой деятельности, быта и поведенческих стратегиях. По образу жизни можно определить как организована повседневная жизнь индивида или социальной группы в пространственно-временном исполнении. В универсальном выражении образ жизни представляет собой привычный способ поведения присущий данной поселенческой общности. Здесь имеет место определенная формализованная система исполнения обычаев и традиций, отличающих одну социальную группу от другой. В индивидуальном значении образ жизни демонстрирует сознательно регулируемый способ поведения индивида, сформированный у него системой воспитания и процессом социализации.

С одной стороны, сельский образ жизни характеризуется консервативностью, его базовые элементы передаются от поколения к поколению. С другой, это динамичная система трансформирующаяся под влиянием условий производственной деятельности, нового социального окружения, бытовых условий, воздействия СМИ и культурных стандартов, а также под влиянием целевых установок и личностных характеристик индивида. Образ жизни сельчанина можно систематизировать по разным признакам, но важнейшим для него выступают условия жизни, то есть вещественная среда которая состоит из трех основных показателей: характеристика трудовых занятий и их содержание; материальные и бытовые условия; возможности для досуговой деятельности. Наряду с этим следует обозначить и такой показатель как стиль жизни, которого придерживается сам индивид. Эта социально-психологическая сторона образа жизни

имеет индивидуальный характер, отражает склонности, вкусы, предпочтения, пристрастия, направленность ценностных ориентаций.

Дефиниция «образ жизни» имеет обобщающее комплексное содержание характеризующее особенности и условия жизни людей определенной социально-профессиональной группы. Индивидуальный и коллективный образы жизни зависят от системы производственных отношений, и, прежде всего, отношений собственности, культурных пристрастий, нравственных норм, демографических и национальных традиций. Специфику образа жизни сельского населения определяет трудовая деятельность в окружении природы и животного мира, особая бытовая сфера, общение на уровне соседства и родства. На всем протяжении своего жизненного пути человек включается в деятельность различных социальных групп или сообществ. Наиболее значимые из них семейные, родственные, соседские сообщества и трудовые коллективы. Но особо важное значение для сельчанина имеет такая социально-территориальная общность как соседско-родственная община. Принцип сельской общинности, имея многовековые корни в аграрных расселениях, и в наше время исполняет значимую роль в социальной консолидации сельчан.

Основной характерной чертой сельской общности является локальная территория, на которой протекает жизнедеятельность сельчан. Вторым важным признаком выступают родственные и соседские связи, обеспечивающие взаимодействия между индивидами. Третий – трудовые, хозяйственно-экономические и духовно-культурные отношения. Эти признаки и отношения образуют сельское социальное пространство, в рамках которого происходит повседневное бытие, удовлетворяются разнообразные потребности индивида, создаются условия для его саморазвития. На основе сельской социальной общности функционирует соседско-родственная община, представляющая собой относительно устойчивое социальное сообщество, члены которого находятся в регулярном взаимодействии друг с другом, имеют схожие интересы, связаны узами родства или землячества, а также традициями взаимопомощи. В территориальной общине приобретает жизненный опыт, осуществляется бытовое взаимодействие и взаимопомощь. В отличие от городской административной общинности (на уровне улиц, микрорайонов) сельская формируется на принципах соседства и родства, возникает естественным путем и, нередко, носит неформальный характер. Здесь в пределах ограниченного территориального пространства каждый житель взаимодействует с другими, как в процессе труда, так и быта, то есть общается со своей стабильной социальной средой. Сельскую общину можно обозначить следующим определением. Это сообщество людей проживающих в естественном природном окружении на определенном локальном пространстве, объединенных соседско-родственными связями и отношениями, живущих в соответствии со своими традициями и обычаями, обладающих совокупностью ряда общих признаков.

Принцип общинности придает определенную социальную устойчивость поселению, здесь сельчанин может в случае возникновения житейских трудностей рассчитывать на помощь и поддержку. Члены сельской соседско-родственной общины благополучно обустроившиеся в городе стараются, как правило, помогать своим землякам с трудоустройством, найти жилье, получить образование и т.п. В свою очередь община может выполнять и контрольную функцию, регулируя социальное поведение человека, которое представляет собой «совокупность фактических действий и поступков индивида, осознанно направленных на других людей для социального взаимодействия и социальных отношений». [1, с. 184]

Житель сельского поселения выступает как производитель и потребитель материальных и духовных благ, а разрыв этой связи стимулирует миграционные процессы и приводит к потере интереса находиться в соседско-родственных связях с конкретной социальной группой. Можно констатировать, что образ жизни представляет собой определенный социальный механизм, который регулирует жизненную активность в

инфраструктурах села и местного самоуправления. Реализуя свои потребности по месту жительства, сельские жители дают возможность селу сохраняться и развиваться.

1. Резник, А. Социальное поведение / А. Резник // Социология : теория, методы, маркетинг. Институт социологии Украины. - 2011. - № 2.

ПРАКТИКИ МОБИЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В КРУПНОМ ГОРОДЕ

Лычко С.К., Мосиенко Н. Л. (Новосибирск)

Интенсивная пространственная мобильность горожан является одной из ключевых составляющих жизни современного крупного города и городской агломерации. В данном исследовании мобильность рассматривается как свойство индивидов перемещаться в физическом пространстве [1]. Система мобильности (по Урри [Там же]) включает в себя, в числе прочего, инструменты мобильности, делающие возможными перемещения индивидов в пространстве города – такие как пеший ход, использование общественного транспорта и личных автомобилей. Именно мобильность обуславливает возможность появления городских агломераций как скоплений населенных пунктов, объединенных интенсивными взаимодействиями.

Цель исследования заключалась в описании практик построения повседневных маршрутов горожан с использованием общественного транспорта и выявлении факторов дифференциации этих практик (на примере Новосибирской агломерации). Актуальность обращения к практикам мобильности горожан обусловлена тем, что в условиях, когда дорожно-транспортная сеть становится одним из ограничителей процессов мобильности, формируются компенсаторные механизмы, позволяющие горожанам приспосабливаться к существующей ситуации. Информационную базу исследования составили данные из нескольких источников. Одним из них стали данные опроса пассажиров общественного транспорта Новосибирска (опрос пассажиров проведен сектором муниципального управления ИЭОПП СО РАН (рук. – зав. сектором, к.э.н. Горяченко Е.Е.); объем выборки - 1050 чел). Также проведены полуструктурированные интервью с использованием ментальных карт с пользователями общественного транспорта и автомобилистами. Дополнительный источник информации: серия формализованных наблюдений в общественном транспорте и на остановках (объем данных – 15 полуструктурированных интервью; общий массив наблюдений – 353 чел.).

По данным опроса пассажиров свыше трети ответивших (37,9%) добираются до места от получаса до часа, 25,2% - от часа до полутора. Среди основных сложностей, связанных с поездками, большинство указывают на пробки (33,7%) и высокие затраты времени на дорогу (29%).

Под повседневным маршрутом мы понимаем сочетание конкретных практик (включая инструменты и способы осуществления мобильности), формирующееся в результате ряда индивидуальных выборов; это ежедневные пути горожан в пространстве города с различными целями. Структура маршрута – комбинация его содержательных характеристик, включающая такие элементы как: начальная, промежуточные, конечная точки маршрута, виды транспорта, пересадки, способы проживания времени в пути и др. Результаты полуструктурированных интервью показали, что выбор конкретного вида общественного транспорта как инструмента мобильности зависит от различных условий, как не зависящих от пассажира (цена, аварии, и т.п.), так и имеющих к нему прямое отношение (планы, состояние здоровья, и т.п.). Интервью показали, что вопрос о сочетании различных видов транспорта возникает, как правило, в случае поездок за пределы района проживания, когда требуется минимум одна пересадка. Поездка в

общественном транспорте как элемент маршрута включает выбор места и вида занятий в транспорте, которые связаны между собой, регулируются нормативно, а также зависят от вида транспорта, ряда условий и обстоятельств (например, наличие мест, багажа и др.).

Время в пути организует и дифференцирует повседневные маршруты. Среди основных факторов, увеличивающих продолжительность пути, в интервью отмечались аварии, пробки, время суток и день недели, сезонность, интервалы движения транспорта, наличие пересадок. Время в пути не всегда является определяющим при выборе мест проведения досуга, совершения покупок, получения образования, медицинских услуг; здесь важнее качество, разнообразие, отсутствие услуг ближе. Однако фактор близости к месту проживания важен при выборе места работы.

Проживание времени в пути включает в себя, в основном, занятия во время ожидания транспорта и в процессе поездки. Как показывают наблюдения, спектр занятий во время ожидания весьма ограничен: хождение, общение со спутниками, прослушивание аудиозаписей; список может расширяться в теплое время года с появлением возможности пользоваться гаджетами. Занятия в салоне транспорта, напротив, разнообразны; в рамках формальных и неформальных норм возможны различные вариации в зависимости от вида транспорта, длительности поездки, времени суток, наличия попутчика. Основные виды занятий в общественном транспорте – пассивное времяпрепровождение / наблюдение, сон, работа / учеба, прослушивание аудиозаписей / радио, чтение, развлечения / игры, просмотр фильмов / сериалов, общение.³ Наблюдается дифференциация по спектру практик проживания времени в пути по видам транспорта.

Планирование повседневного маршрута включает комбинацию и наполнение содержанием элементов его структуры. Степень рациональности – одна из характеристик планирования; соответственно можно выделить различные типы планирования повседневных маршрутов – от максимально рационального (продуманного) до стихийного (спонтанного). Типы были выделены и описаны на основе данных полуструктурированных интервью с использованием ментальных карт повседневных маршрутов. Степень рациональности проявляется в таких индикаторах как инструменты планирования поездки; детальность планирования; стремление максимизировать полезность времени в пути; информированность о системе транспорта. Дифференцируют выстраивание повседневных маршрутов опыт пользования транспортом, занятия в пути, восприятие пути, отношение к системе транспорта.

Максимально рациональный тип планирования характеризуется высокой степенью информированности о работе транспорта и использованием современных инструментов планирования маршрута (интернет-карты, справочники), детальностью планирования, стремлением максимально оптимизировать маршрут и увеличить полезность времени за счет занятий в пути, оптимизацией затрат на дорогу. Стихийный тип, напротив, характеризуется слабой информированностью, отсутствием специальных инструментов планирования, спонтанностью в занятиях, отсутствием планирования затрат, отношением к ситуациям мобильности с использованием общественного транспорта как стрессовым, непредсказуемым. Промежуточные типы планирования характеризуются меньшей, по сравнению с максимально рациональным типом, степенью рациональности по всем индикаторам, но различаются их выраженностью. Респонденты с разными типами планирования повседневных маршрутов демонстрировали также разное восприятие маршрутов, которое проявлялось при рисовании и объяснении ментальных карт. Так, у респондентов с менее рациональным подходом карты более схематичны.

В реальности усложнение условий мобильности часто приводит к комбинированию инструментов мобильности в повседневных маршрутах. В дальнейшем необходимо изучать подобные комбинации, чтобы более детально реконструировать существующие компенсаторные механизмы мобильности в напряженных дорожно-транспортных условиях города и городской агломерации.

ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Максимова С.Г., Максимов М.Б., Морковкина А.Г. (Барнаул)

Россия является полиэтничным, полирелигиозным, поликультурным обществом, одним из крупнейших полиэтничных государств мира. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, численность постоянного населения РФ составила 142,9 млн человек (74% – городское население, 26% – сельское население). Во время проведения переписи постоянно проживающее на территории РФ население заявило о своей принадлежности к 194 этническим общностям.

Отличительной особенностью политического и социального развития современной России выступает активизация процессов этнической дифференциации. Многие российские исследователи подчеркивают, что этническая и региональная идентичность россиян сегодня являются доминирующими и определяют характер общественно-политических отношений в большей мере, нежели общегражданская идентичность. Данная ситуация обусловлена сложным комплексом факторов, действующих на глобальном, общероссийском и региональном уровне.

Такие проявления глобализации, как институционализация международных политических структур, интеграция национальных экономик, распространение унифицированной массовой культуры, усиление миграционных потоков неизбежно приводят к разрушению территориальных и социокультурных границ, ранее служивших маркерами этнической идентичности. Закономерным следствием этого становится активизация «локального» этнического и религиозного самосознания населения. Осознавая проблему «размывания» своего этноса, этнические сообщества предпринимают попытки сохранить свою культурную уникальность, привычный жизненный уклад и социальные практики за счет территориального обособления, возвращения к традиционным видам хозяйствования, укрепления позиций родного языка, принятия «ограничительных» административно-правовых норм.

Особую остроту проблема формирования этнической и гражданской идентичности у населения приобретает в приграничных регионах России, располагающихся на «стыке» географических, политических, экономических, этнокультурных и конфессиональных границ. Таким образом, приграничье характеризуется более выраженными рисками социально-политической нестабильности в силу более высокой латентной этнической конфликтогенности.

Организация и методика исследования

Анализ характеристик гражданской и этнической идентичности был проведен на основе данных социологического исследования при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» № 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации», в котором приняло участие 2400 респондентов, среди них 46% мужчин и 54% женщин, в возрасте 15-29 лет обследовано 27,4% респондентов, 30-49 лет – 37,0% и 50 лет и старше – 35,6% респондентов.

Для оценки состояния исследуемых явлений были использованы следующие показатели: степень отождествления с гражданами России, жителями своего региона, населенного пункта, представителями своей национальности, веры, профессии и т.д. (от 1

– «в значительной степени» до 4 – «не ощущаю близости»); индексы уровня идентификации с этническими группами, гражданским и религиозным сообществами, подсчитанные на основе оценки 18 высказываний (от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен»); отождествление себя с одной или несколькими этническими группами; отношение к представителям других национальностей; отношение к национальной политике государства; оценка уровня межэтнической напряженности в стране и регионе; оценка выраженности характеристик межэтнической сферы по шкале от 1 до 10.

Для определения общественного мнения о состоянии межэтнической сферы в регионах был проведен факторный анализ, позволивший сформировать на основе ряда параметров 3 переменных и проследить взаимосвязь между социально-демографическими характеристиками респондентов и их оценкой отношений между этническими группами.

Также был проведен регрессионный анализ, оценивающий взаимосвязь гражданской и этнической идентичности со степенью религиозной идентичности и социально-демографическими характеристиками респондентов.

Для оценки степени и значимости взаимосвязи гражданской и этнической идентичности с различными факторами был проведен регрессионный анализ, при котором в качестве предикторов выступали индекс религиозной идентичности, а также социально-демографические характеристики, для которых была выявлена значимая связь с зависимыми переменными: национальность, семейное положение, материальное положение, уровень образования, тип поселения, в котором проживает респондент.

Представленные факторы в целом внесли достаточно существенный вклад в объясненную дисперсию зависимых переменных (для гражданской идентичности $R^2=0,267$, для этнической идентичности $R^2=0,242$). Определяющее влияние на уровни как гражданской ($\beta=0,491$, $p<0,01$), так и этнической идентичности ($\beta=0,452$, $p<0,01$) в построенных моделях оказывал уровень религиозной идентичности. Данный индекс строился на основе суммирования показателей силы религиозной принадлежности – отождествления себя с представителями определенной конфессии, стремлением исповедовать свою религию и соблюдать ее правила, следовательно, такой уровень взаимосвязи говорит о большей предрасположенности религиозных респондентов к ощущению близости с другими значимыми сообществами – будь то государственно-гражданская общность или этническая группа.

Среди оставшихся предикторов наибольшее влияние на зависимые переменные оказывала национальность (для гражданской идентичности $\beta=-0,103$, $p<0,01$, для этнической идентичности $\beta=-0,170$, $p<0,01$). Учитывая, что принадлежность к русским кодировалась как «1», а принадлежность к другим национальностям как «2», отрицательные значения коэффициентов говорят о том, что среди русских в большей степени проявляется как гражданская, так и этническая идентичность. Небольшое влияние на уровень гражданской идентичности оказывал тип поселения, в котором проживает респондент: увеличение размера поселения отрицательно сказывалось на значении данной переменной.

По результатам исследования можно констатировать достаточно высокий уровень гражданской идентичности жителей приграничных регионов России, ее приоритет над этнической идентичностью, выражающийся и в том, что более объемная часть населения ассоциирует себя с гражданами России, чем с представителями определенных этносов, и в определении некоторыми гражданами своей этнической принадлежности словом «россиянин».

Анализ характеристик этнической идентичности показал, что у жителей приграничных регионов России далеко не всегда присутствует четкая идентификация с одной из этнических групп. Случаи одновременного отождествления себя как русскими, так и с представителями других национальностей, могут свидетельствовать о конкуренции между факторами происхождения и культурной принадлежности в самоидентификации.

Важным результатом исследования стала характеристика межэтнической сферы регионов. Был установлен невысокий уровень межэтнической напряженности и конфликтности, значительная степень лояльности по отношению к другим этническим группам, умеренное проявление этнического сепаратизма. Сравнение показателей напряженности по приграничным регионам и по России в целом позволяет сделать вывод о более благоприятной обстановке в регионах, что может быть связано, в частности, с большей однородностью национального состава. При этом определенный уровень неприятия представителей других этносов все же присутствует.

В исследовании была установлена взаимосвязь между степенью проявления гражданской и этнической идентичности и силой религиозной принадлежности.

Таким образом, современная ситуация формирования гражданской и этнической идентичности населения приграничных регионов России выступает результатом воздействия сложного комплекса факторов, действующих на глобальном, страновом и региональном уровне. «Этнизации» сознания жителей приграничья способствуют внешние глобальные угрозы, усиление миграционных потоков, мифологизация исторического прошлого, политическая риторика и социально-экономические проблемы, такие как стагнация экономики, низкий уровень жизни, безработица. Гражданская идентичность в современной России выступает преимущественно объектом политического конструирования. В этом процессе задействуются разнообразные ресурсы политического, экономического, информационного и культурного влияния. Однако в силу выраженного дефицита институционального доверия этническая принадлежность все чаще выступает основанием консолидации жителей приграничных регионов. Этому способствуют также то, что влияние политического «центра» на периферии ослаблено, тогда как постоянное столкновение населения приграничья с «иными» культурными установками и паттернами поведения актуализирует потребность в этнической самокатегоризации. Решение данной проблемы возможно лишь при условии обеспечения правовой, экономической и социальной защищенности населения приграничных российских регионов.

Статья опубликована при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

ТАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ТРАНСПОРТА ЖИТЕЛЯМИ УДАЛЕННЫХ РАЙОНОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Мальшев А.Г. (Санкт-Петербург)

В структуре распределения возможностей мобильности в постсоветском городе существуют зоны, которые накладывают ограничения на свободу передвижений – особо удаленные «спальные районы». Они удалены от центральных ресурсов города и даже от метрополитена на такое расстояние, которое сложно пройти пешком, но относительно легко преодолеть при помощи транспортного средства. Значительная часть населения таких районов каждодневно вынуждена либо использовать автомобиль, либо совершать поездки на общественном транспорте, включающие две части: 1) поездка до ближайшего транспортного узла (как правило, до метро); 2) поездка по городу в метро. Индивиды, положение которых характеризуется дефицитом ресурсов, в таких районах дополнительно ограничены в сфере выбора средств мобильности и для поездок пользуются

преимущественно общественным транспортом, который становится ключевым средством связи с ресурсами, предоставляемыми городом, демонстрируя свою роль своеобразного средства социальной защиты. Наземный общественный транспорт разделен экономически: так называемый «социальный транспорт» (троллейбусы, трамваи, автобусы) и коммерческий транспорт (маршрутки). Коммерческий транспорт обладает меньшей экономической гибкостью (отсутствие проездных) и меньшей доступностью (выше цена, отсутствие льгот). При этом использование социального транспорта зачастую сопряжено с определенными проблемами: высокая плотность пассажиропотока, неблагоприятный температурный режим в салоне, опасность карманных краж, несоблюдение расписания движения и т.д. Индивиды вынуждены вырабатывать тактики борьбы с таким положением вещей: они отказываются от использования социального транспорта, используют маршрутки или автомобиль. Для низкоресурсных групп такой подход малопригоден. Они вынуждены потреблять (в смысле М. де Серто) социальный транспорт, вырабатывать тактики обращения с ним.

В 2014 году мной было проведено исследование тактик потребления социального транспорта, пассажирами из отдаленных районов Санкт-Петербурга, целью которого было выяснить, как организованы практики людей вынужденных приспособляться к относительно неизбежным для них условиям осуществления мобильности (регулярно использовать социальный транспорт). Теоретической рамкой исследования является теория повседневности Мишеля де Серто и социология мобильностей Джона Урри. Методами сбора информации были интервью и наблюдение в транспорте и на остановках. Данные, полученные в ходе исследования, были сопоставлены с материалами исследования, проведенного автором в 2005-2006 годах. Данное исследование было посвящено освоению Санкт-Петербурга его жителями и затрагивало проблемы использования общественного транспорта

В ходе исследования были проанализированы две группы тактик пассажиров социального транспорта из удаленных районов: тактики заполнения транзитного времени; тактики «присвоения» социального транспорта (планирование поездок, посадка в транспорт).

С 2005 по 2014 год тактики пассажиров в значительной степени повторяются. Изменения коснулись значимости коммуникации в заполнении транзитного времени (она заметно возросла), тактики присвоения социального транспорта стали менее жесткими, снизилось количество упоминаний об опасности «социального» транспорта, несколько расширился репертуар возможностей избегания сложностей при использовании «социального» транспорта (за счет повышения доступности транспортной информации).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЕ КОНТУРОВ ПРОСТРАНСТВА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Мартынова Д.А., Жаркова М. В. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В статье рассматривается открытое пространство в контексте социологии как феномен современной жизни, как условие жизнедеятельности личности и общества, как форма организации образовательной деятельности и как условие формирования демократического, культурного и информационного общества. Тема данной работы актуальна, так как на данный момент в рамках нашего университета (СПбГАСУ) отсутствуют многофункциональные зоны «открытые пространства», которые играют немаловажную роль в организации работы студентов. В связи с тенденциями модернизации образования данные пространства являются высокоэффективными. Данная

доклад предполагает анализ содержания открытого образовательного пространства, выявление характерных черт такого пространства в рамках нашего ВУЗа. Данная работа позволит изменить контуры пространства идентификации в нашем университете.

Ключевые слова: открытое пространство, образование, информационное общество, профессиональная подготовка, идентификация, культурное пространство.

Исследование новых форм организации образовательного процесса является важным в связи с необходимостью создания оптимальных условий для повышения качества образования. Данная проблематика актуальна в рамках университета СПбГАСУ, так как пространство для выполнения творческих и образовательных проектов студентов недостаточно организовано. В связи со спецификой ВУЗа, а именно архитектурно-строительной направленностью, студентам требуется особая организация пространства, которая способствовала бы идентификации, развитию их творческого потенциала, эффективному времяпровождению и формированию навыков групповой работы при выполнении коллективных заданий. К сожалению, наш родной ВУЗ не имеет подобных выделенных зон для свободного обсуждения и выполнения студентами совместных творческих проектов, поэтому возникают проблемы разного характера, косвенно отражающиеся на качестве образования (например, нехватка места в столовой, так как оно, зачастую, используется не по назначению, скопление большого количества студентов в столовой, оккупированные студентами лестничных пролетов, стихийное и самовольное перемещение учебной мебели из аудиторий в рекреации, что приводит к неорганизованности рекреационных зон и т.д.). Цель нашего доклада заключается в рассмотрении открытого культурного пространства как фактора образовательной деятельности студентов и ВУЗа.

Интерес социологии к проблеме организации и функционирования обусловлен не только ее тесной взаимосвязью с закономерностями человеческих отношений, общения, поведения и деятельности, но и фактом включения людей в реальные, большие социальные группы, в том числе профессиональные, влиянием характера организации повседневной жизнедеятельности людей на благополучие общества в целом.

Открытое пространство – это часть архитектурного пространства. В архитектуре выделяют как закрытое, так и открытое пространство. «Закрытое пространство» означает физическую изолированность созданного пространства от какого-либо другого для обеспечения защитных функций. «Открытое» - находится непосредственно в интегрированных естественных условиях [2]. Эти пространства выделяют как внутри помещений, так и в природной среде, городском ландшафте. Архитектурное пространство, т.е. рукотворное, всегда имеет утилитарность и функциональность, например, пространство для игр, торговли, бизнес-деятельности. С точки зрения общества и человека важно определить, как то или иное пространство отвечает предназначению и возможности его эффективно использовать.

Современное понятие «открытое пространство» раздвинуло границы употребления. Открытое пространство – это не только организация среды жизнедеятельности человека, но и модель жизни, работы, учебы, в которых участники, оставаясь независимыми и свободными, используют общее пространство для своей деятельности. В частности, открытое пространство популярно среди: переводчиков, журналистов, программистов, работников PR-агентств, дизайнеров, архитекторов и начинающих предпринимателей и др. В профессиональной деятельности открытое пространство занимает промежуточное место между работой дома и использованием отдельного офиса.

Пространства должны быть полифункциональными и отвечать требованиям: рекреационным, культурным, инженерным, экологичным, противопожарным, санитарно-гигиеническим, природоохранным, архитектурно-художественным, планировочно-регулятивным, хозяйственно-техническим [1, с. 54]. Можно указать три основных фактора, обуславливающих успешную организацию открытого пространства на практике:

решение социальных проблем общества, привлекательность для инвестора, четкое планирование и внедрение.

Необходимо также отметить, что открытые университетские пространства различного функционального назначения мы рассматриваем не только и не столько как места для спокойного времяпрепровождения или активного отдыха, но, что более важно, как образовательные зоны. Проектируемая и преобразовываемая таким образом система открытых образовательных пространств университета должна стать современной и качественной обучающей средой.

Открытое пространство позволяет вывести образовательный процесс на уровень активного социального творчества, что расширяет потенциальные возможности развития человека и способствует интеграции и переработке различного рода информации в открытой информационно-образовательной среде. И ученые, и практики отмечают, что открытые пространства значительно видоизменили учебный процесс: они открывают учащимся доступ к информационным ресурсам, повышают эффективность самостоятельной работы, дают совершенно новые возможности для творчества, обретения и закрепления профессиональных знаний, умений и навыков, позволяют реализовать принципиально новые формы и методы обучения и т.д.

Социальное пространство университета включает в себя определенным образом организованное взаимодействие людей, в процессе которого формируется образ другого человека и складываются типы отношений и взаимоотношений между людьми. Современное общество – это открытое, демократичное общество. Личность как компетентный специалист сможет сформироваться только лишь в условиях новой образовательной среды – культурной, открытой, альтернативной, безбарьерной. Это важные факторы развития российского общества, его модернизации.

Таким образом, открытое пространство как предмет социологического исследования можно анализировать в следующих аспектах: открытое пространство как феномен идентификации и жизнедеятельности личности, социальной группы, общества; открытое пространство как условие и форма организации образовательной деятельности; открытое пространство как условие формирования демократичного и информационного общества.

1. Байкова Е.В., Полетаева Д.А. Методы и критерии праздничного оформления открытых и внутренних пространств // *Инновации в строительстве глазами молодых специалистов. Сборник научных трудов Международной научно-технической конференции. Курск, 05-06 декабря 2*
2. URL: <http://www.livemaster.ru/topic/55534-arhitekturnoe-prostranstvo-ego-harakteristika-i-svoystva-korreksiya-prostranstva-v-pomescheni>. (Дата обращения 23.03.2015) [интернет-ресурс].

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГРАНИЦЫ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Миненкова Я.Д. (Санкт-Петербург)

В контексте глобализации одним из наиболее важнейших аспектов изучения были и остаются локальные сообщества. В процессах возрастающих миграции и мобильности населения, а также в условиях развития средств массовой информации и информационных сетей, формирование социокультурных границ каждого отдельно взятого пространства, в частности локальных сообществ, приобретает новые тенденции и особенности развития. Особенный интерес представляют специфические сообщества.

Одним из таких является Новосибирский Академгородок. Он был основан в 1957 году по инициативе академиков М. А. Лаврентьева, С. Л. Соболева и С. А. Христиановича, и является научным городком, включенным в состав Советского района города Новосибирска, который на своей территории расположил целый ряд важных научно-исследовательских центров, имеющих значение не только для Сибирского региона и Российской Федерации в целом, но и для мирового научного сообщества, а также Новосибирский Государственный Университет и студенческий городок. Таким образом, это место является уникальным примером успешной реализации академического пространства для ученых и студентов. Во времена СССР он активно развивался в условиях соответствующих тому времени политических и экономических процессов. Несколько десятилетий назад академическое сообщество подверглось реформации, и городок также претерпел изменения в силу того, что имел непосредственное отношение к СО РАН, и продолжает изменяться и сегодня в условиях уже глобальных процессов, стремясь сохранить свою специфичность и уникальность, что активно поддерживается участниками пространства.

Сама сущность социального пространства и определения ее границ заметно меняет свое положение с развитием средств массовой информации, в частности этому процессу также способствуют расширение возможностей для реализации в сфере науки и образования. Потому представляется интересным для исследования изучение формирования социокультурной границы членами сообщества Новосибирского Академгородка в контексте культурных, социальных и политических процессов, происходящих сегодня. Этим обусловлена актуальность исследования.

Таким образом, объектом исследования стало социальное пространство как пространство, в котором размещаются социальные группы и осуществляются социальные отношения. Предметом – границы социального пространства Новосибирского Академгородка.

Целью исследования стало изучение Новосибирского Академгородка как специфического социального пространства, наделенного исключительностью и особенностью развития в контексте глобализации.

В связи с этим задачами нашего исследования стали: 1) рассмотрение основных определений сущности социального пространства и применения данного понятия в различных теориях; 2) рассмотрение сущности социального пространства на примере Новосибирского Академгородка; 3) изучение формирования социокультурной границы Новосибирского Академгородка в контексте глобализации.

Поскольку предметом изучения являются границы социального пространства Новосибирского Академгородка, в связи с этим представляется интересным проведение эмпирического исследования, которое позволило наглядно изобразить специфические зоны города. Таким образом, как метод использовалось выделение концентрических зон города по модели, предложенной Э. Бёрджессом, с учётом наиболее важных мест концентрации символического капитала (по теории, предложенной П. Бурдьё). Такое зонирование производилось на основе характеристики пространства жителем городка с выделением и характеристикой значимых для него зон. Следующим методом исследования является проведение глубинных интервью с жителями Академгородка, желательно с представителем старшего и более молодого поколения, с целью определения значимости конкретных мест социального пространства, описания практик, связанных с уникальностью города, и определения их восприятия границ Академгородка. Респондентами стали студент НГУ и основатель Музея Академгородка, дочь одного из ученых СО РАН.

В результате проведенного исследования мне удалось взять два интервью и таким образом исследовать социокультурное пространство Академгородка в достаточной мере (рассматривая точки зрения представителей старшего и молодого поколения), выявить взаимосвязь участников этого пространства между собой, кроме того, с представителями

«иных» пространств, а также взять материал для выделения специфических зон городка, обозначив актуальные для жителей места и их представления о структуре пространства. Выяснилось, что в настоящее время участниками пространства продолжает разделяться чувство идентификации себя с представителями уникального сообщества (в том числе сохраняется стойкая дихотомия «Свой-Чужой») и оптимистичный взгляд на дальнейшее развитие городка (с учетом традиций, но в ногу со временем). Так как в силу информатизации общества многие услуги и коммуникации стали более доступными, а также развивается инфраструктура внутри городка, намечается новая тенденция мобильности студенчества (в основном среди представителей гуманитарных специальностей) и научных кадров за пределы городка.

1. Бёрджесс Э. *Рост города: Введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т.IV. Вып. 1-2 (11-12)*
2. Бурдые П. *Социология социального пространства. / Пер. Шматко Н.А. // Институт экспериментальной социологии, Москва. Издательство «Алетейя», СПб. 2007.*
3. Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк структурации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005.*
4. Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998.*
5. Лефевр А. *Производство пространства / Пер. Эфиров А.С. // Социологическое обозрение. Том 2. №3. 2002.*
6. Лефевр А. *Социальное пространство // «Неприкосновенный запас» 2010, №2(70).*
7. Мостовая И.В., Угольницкий Г.А. *Социальное пространство: эвристика математического моделирования. // Социологические исследования. 1999. №3.*
8. Окладникова Е.А. *Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб, 2008.*
9. Парк Р.Э. *Понятие социальной дистанции (В применение к исследованию установок и расовых отношений) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 10. Социология, 2. М., 1998.*
10. Р. Парк. *Экология человека / Пер. С.П. Баньковской // Теоретическая социология. Антология / Под ред. С.П. Баньковской. Т. 1. М. Книжный дом «Университет».*
11. Филиппов А.Ф. *Социология пространства. СПб, 2008.*
12. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научи, ред. перевода |Г.С. Батыгин |. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.*
13. Ярская В., Яковлев Л., Печенкин В., Ежов О. *Пространство и время социальных изменений. Курс лекций. Москва; Саратов: НФПК, 2004.*
14. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996*
15. Park R.E. *The Concept of Social Distance // Park R.E. Race and Culture – Glencoe, Ill.: The Free Press, 1950. – Collected Papers. Vol. 1*

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ АДАПТАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Миронова М.В., Казанцева В.Н. (Екатеринбург)

АННОТАЦИЯ

От адаптации к новой среде зависит эффективность обучения иностранного студента в университете, поэтому в условиях формирования международной образовательной среды становится актуальным вопрос об особенностях и проблемах адаптации к новому жизненному пространству студента в вузе. В статье показана роль студенческого самоуправления в процессе адаптации студента. Четко определены

основные направления работы с иностранными студентами и дано описание каждого из них.

ABSTRACT

From adaptation to a new environment depends on the effectiveness of learning a foreign student in the University, therefore, in the formation of the international educational environment becomes relevant to the question about the peculiarities and problems of adaptation to a new living space student at the University. The article shows the role of student government in the adaptation process of the student. Is clearly defined the main directions of work with foreign students and provides a description of each of them.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, студенческое самоуправление
Keywords: adaptation, foreign students, student government.

Последние 20 лет процесс глобализации активно продвигает тенденцию по созданию и расширению международного образования. На сегодняшний день специфической чертой в международном образовательном сотрудничестве является унификация образования на глобальном уровне. Все активнее различные университеты мира переходят на равно порядковые модели и формы образовательного процесса, создаются глобальные институты, международный студенческий обмен становится обычной составляющей в получении образования. С каждым годом растет количество участников международного образовательного процесса, поэтому неудивительно, что многие политические деятели считают, что в современной международно-политической ситуации именно образование выступает мощным звеном в достижении взаимопонимания сторон.

Одной из главных и актуальных проблем в развитии международного образования является адаптация иностранных студентов в вузе. Рассматривая данный вопрос, стоит отметить, что процесс вхождения иностранных студентов в новую среду носит многоаспектный характер. Адаптация иностранных студентов включает в себя приспособление к новым климатическим и временным условиям, вхождение в новую социокультурную среду, а также в иную образовательную систему [1].

В процессе приспособления к новым условиям иностранный студент сталкивается с множеством агентов адаптации: администрация университета, кураторы академических групп, студенческий совет общежития, преподаватели, buddy system, земляки, профсоюзные организации, одноклассники и многие другие. Несмотря на разнообразие структур, как формальных, так и носящих неформальный характер, мы считаем, что самым оптимальным и простым механизмом более успешного и безболезненного вхождения в новую образовательную среду, является студенческое самоуправление.

Под студенческим самоуправлением принято понимать добровольное объединение студентов с целью участия в управлении университетом и студенческой жизнью с помощью различных взаимодействующих органов, включая как общественные студенческие организации, так и студенческое самоуправление в общежитиях. [2], [3]. В рамках нашей статьи мы рассмотрим роль студенческого совета общежития в адаптации иностранных студентов.

Студенческий совет общежития – это орган студенческого самоуправления, целью которого являются создание более удобных условий проживания студентов в корпусе, организация досуга, защита прав студентов, как русских, так и иностранных, посредничество между студентами и администрацией университета [4], [5].

Заместитель по работе с иностранными студентами является главным лицом, ответственным за направление по работе с иностранными студентами в рамках студсовета. На сегодняшний день студенческий совет осуществляет свою деятельность по следующим направлениям: информационно-ознакомительное, культурно-досуговое, спортивное, направление по специальным вопросам [6].

Информационно-ознакомительное направление является одним из ключевых, поскольку недостаток информации является фактором, значительно затрудняющим процесс адаптации студентов, а значит, может способствовать их дезадаптации. В рамках данного направления члены студенческого совета проводят ряд встреч с целью первичного знакомства с университетом и его традициями в целом, с внутренним распорядком в учебном корпусе и в общежитии. Важной составляющей данного направления является предоставление справочной информации, которая способна значительно облегчить жизнь иностранных студентов в течение всего пребывания в другом городе: работа учреждений общественного питания, театров, кино, магазинов, общественного транспорта и т.д. Информационное направление является одним из самых востребованных на протяжении всего времени пребывания иностранных студентов в университете, поскольку включает в себя разноплановую информацию, которая может быть востребована на разных этапах процесса адаптации. В частности, для студентов, успешно завершивших первый этап адаптации в университете, актуализируются правовые вопросы, а также вопросы, касающиеся организации досуга.

Эмоциональное состояние выступает одним из основных показателей успешной адаптации иностранных студентов, поэтому очень важно уделять большое внимание развитию культурно-досугового направления в работе студенческих организаций, чем успешно и занимается студенческий совет общежития. По приезду иностранных студентов в общежития, ответственные лица проводят общекультурные собрания, на которых знакомят студентов с новой культурной средой, ее традициями, ценностями и ценностными ориентациями. Традиционной практикой студсовета является организация экскурсий студентов и ознакомление с достопримечательностями города. Это способствует их погружению в новую, зачастую совершенно отличную от их собственной, культурную среду. Достаточно внимания студсовет уделяет мероприятиям, способствующим сближению представителей различных культур. Этому способствуют многочисленные конкурсы, спортивные мероприятия, фестивали, творческие вечера, которые проводятся и в общежитии, и за его пределами. [7].

Важным направлением работы с иностранными студентами в общежитии является разрешение ситуаций, выходящих за рамки информационной и культурно-досуговой работы. В основном к таким ситуациям относятся организация быта, помощь в настройке сотовой связи и сети интернет, разрешение межнациональных конфликтов, посредничество между иностранным студентом и администрацией, помощь в изучении русского языка, координирование в разрешении той или иной проблемы и многое другое.

Рассмотрев, в общих чертах основные аспекты работы студенческого совета в общежитиях с иностранными студентами следует сказать, что их роль – высока и ответственна, так как основную часть своего пребывания иностранный студент проводит в студенческом общежитии. Он постоянно взаимодействует как с соседями из разных стран, так и со студенческим советом, которые на первоначальном этапе являются опорой во всех сферах жизнедеятельности иностранного студента. Именно за пределами аудиторных занятий проходит наиболее эффективная адаптация к новой среде пребывания. Речевая и социокультурная компетенции формируются в большей степени во вне учебное время. В связи с этим все направления поддержки иностранных студентов студсоветом способствуют их более быстрой социальной адаптации. Важно отметить, что многие иностранные студенты, успешно прошедшие все этапы процесса адаптации, спустя некоторое время пребывания в университете, вступают в органы студенческого самоуправления и сами становятся агентами адаптации для новых студентов.

1. *Общероссийская газета для иностранных студентов в России. Выпуск № 1(1). Адаптация студентов-иностранцев к обучению в России. [Электронный ресурс]. URL:<http://oneworld.bstu.ru/article/?id=28>*

2. УрФУ. Объединенный студенческий совет. [Электронный ресурс]. URL: <http://urfu.ru/ru/students/leisure/osso/>
3. Современные наукоемкие технологии. Студенческое самоуправление как фактор развития автономности студентов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=2478
4. Положение о студенческом совете общежития Сибирского федерального университета. [Электронный ресурс]. URL: http://sfu-prof.com/document/pis/polozhenie_po_stud.sovetam.pdf
5. Студенческий совет общежития Московского авиационного института. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mai.ru/life/campus/studcouncil.php>
6. Положение о студенческом объединении «Объединенный совет студенческого городка УрФУ». [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/I/Downloads/Положение%20ОССГ%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/I/Downloads/Положение%20ОССГ%20(1).pdf)
7. Положение о студенческом самоуправлении в общежитиях МГУ имени М.В.Ломоносова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.msu.su/node/25921>

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ М. ВЕБЕРА.

Михайлова А.С. (Санкт-Петербург)

Теория идеальных типов социального действия Макса Вебера позволяет анализировать адаптацию с точки зрения индивида, его целей и мотиваций. Веберовский конструкт строится на четырех вариациях человеческого поведения. В начале определим социальное действие, согласно Веберу. Такое социальное действие «может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстью за прошлые обиды, защитой от опасности в настоящем или мерами защиты от грозящей опасности в будущем» [Вебер, С.469]. Отсюда можно сделать вывод о том, что социо культурную среду индивид воспринимает как «опасность», некий вызов, толчок к определенным поступкам и созданию некоего стиля поведения. В любом случае социальное действие – это действие, направленное на поведение окружающих (знакомых или незнакомых людей), на социум, в котором фактически находится индивид.

Исходя из положений данной теории, можно высказать предположение, что адаптивные стратегии осуществляются в качестве целе-рационального или ценностно-рационального, а также возможно определены традициями или аффективной реакцией. Таким образом, любое адаптивное поведение человека рассматривается индивидуально, но при этом данная теория позволяет классифицировать механизмы адаптации и обобщить ее стратегии по группам. Однако необходимо отметить, что часто выбор адаптивной стратегии оказывается неосознанным, индивид фактически не принимает реального решения о том, как ему следует себя вести. Также представляется важным, что эта классификация идеальных типов, которые крайне редко предстают в чистой форме на практике, а значит, отношение к ним должно учитывать определенную долю погрешности.

Действительно такое продуманное решение индивид принимает в случае, если избирает рационально ориентированный метод адаптации. Согласно М. Веберу, целе-рациональным социальное действие называется, «если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели» [Вебер, С.471]. Он ставит перед собой цель достигнуть максимальной адаптированности и в зависимости от объективных факторов, особенностей социо-культурной среды, а также своих персональных черт.

Другая группа людей действует согласно ценностным установкам, стремясь построить свою адаптивную стратегию согласно «принципам максимальной защиты» [Корель, С.340] своей системы ценностей. Индивид выбирает модель адаптивного поведения, руководствуясь ценностями, например, допустимым обращением в отношении

пожилого населения. Он стремится сохранить свое лицо, следуя своим принципам, независимо от требований, заявляемых новым окружением и новым обществом. Ценностно-рациональным, таким образом, представляется действие, «основанное на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [Вебер, С.471].

Иная категория людей «идет на поводу» у своего эмоционального фона. Их решения о стратегиях адаптивного действия не являются продуктом строгой мыслительной деятельности, не определены ни ценностными установками или рациональным расчетом. Такой тип людей может резко менять модели поведения, отношение к окружающим. Также индивид способен перенимать стиль адаптивного поведения у других, находящихся в таком же положении, что может способствовать как успешной, так и негативной адаптации. Такое аффективное действие обусловлено «аффектами или эмоциональным состоянием индивида» [Вебер, С.471].

Четвертая группа основным приоритетом оставляет традиции прошлого, то есть те модели поведения, которые соответствовали предыдущему обществу, его особенностям и социо культурной специфике. Индивид в таком случае, в первую очередь, следует своим старым стереотипам, при том что условия изменились. Индивид стремится найти социальную группу, где поддерживаются правила поведения, которые он разделяет. Окружение со схожими взглядами на жизнь играет важнейшую роль для осуществления адаптации индивида. Порой такое поведение может кардинально не соответствовать ожиданиям окружения, например, в случае миграции индивида из консервативного Азиатского общества в либеральную Европейскую страну. Вебер обуславливает такое традиционное поведение «длительной привычкой» [Вебер, С.471], включая сюда понятия традиции, культурных устоев, норм, правил поведения, стереотипов и так далее.

Применение данной теории в качестве методологической рамки уже было реализовано в исследованиях научного агентства RISC в Париже и позволило классифицировать жителей 12 Европейских стран, США, Канады и Японии на 6 типов в содержательной привязке к идеальным типам Вебера [Корель, С.342]. Первому, целе-рациональному типу соответствуют «рационалисты», которые составили 23% населения Европы. Они умеют принимать решения в затруднительных ситуациях, независимо от сложности адаптации в конкретных условиях. Представителей такой группы адаптивного поведения, согласно данному исследованию, больше остальных. «Борцы» руководствуются как целе-рациональным, так и ценностно-рациональным типом, они «выбирают такие ценности, которые сообразуются с динамикой общественных изменений» [Корель, С.342]. По результатам исследования представители такой группы составили 15%. Основным приоритетом индивида в этом случае является его самостоятельность в принятии той или иной стратегии адаптации. К аффективному поведению относятся две группы (вместе они составили 30%). Во-первых, «флюгеры» (эта группа составила 13%), то есть те, что ориентированы на спонтанность и привычны к изменяющимся обстоятельствам. Индивиды руководствуются своими эмоциями и неукоснительно следуют им, являясь при этом радикальным индивидуалистом. Во-вторых, «сибаристы» (17%) также обуславливают свое поведение аффектами, не соотносясь с мнением лидеров или других представителей своего типа. Индивиды, которые определяют свое поведение традициями общества-исхода в общей сложности составили 32%. Согласно традиционному типу действия себя ведут также две группы. «Домашние воспитанники» (14%), которые тесно привязаны к своей малой социальной группе и трудно переносят жесткую социальную коммуникацию, а также «традиционалисты» (18%), которые плотно взаимосвязаны с социо культурными и историческими особенностями своей родины.

Этот обзор дает представление о том, как классическая теория социального действия применима к различным процессам общества и, более того, в условиях современного общества. Таким образом, критерием выделения четырех адаптивных механизмов/ стратегий является отношение к поведению других людей, внутренняя движущая сила, мотивация. Применительно к исследованию адаптации иностранных

специалистов высшей квалификации теория идеальных типов может быть использована с учетом одной поправки. Уровень профессионализма не определяет выбор механизма адаптации, однако, можно предположить, что индивид не будет следовать одной или даже двум стратегиям. Представляется, что типа адаптивного поведения будут сменять друг друга на разных стадиях, в первую очередь, в зависимости от времени пребывания в новом обществе. Таким образом, данная теория перестает быть частью социальной статики, предоставляя возможность анализировать процесс адаптации в динамике.

1. Вебер М. *Избранное: протестантская этика и дух капитализма*. – 2 изд., доп. И испр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 656с. (Серия «Книга света»)
2. Корель Л. В. *Социология адаптаций: вопросы теорий, методологии и методики* / Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424с.

ГЕРМАНИЯ И НЕМЦЫ В ГЛАЗАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

Михеева Н.А. (Санкт-Петербург)

Пути двух великих держав – Германии и России - на протяжении всей истории многократно пересекались, имея как позитивные, так и негативные последствия.

Цель сообщения – найти подходы для раскрытия общего образа Германии, который складывается в глазах современных россиян. При этом следует учитывать тот факт, что разные события, происходящие во взаимоотношениях между двумя странами, могут привносить дополнительные штрихи на общий образ Германии, складывающийся на протяжении нескольких веков.

Методы исследования – сравнительный анализ существующих попыток раскрыть этот вопрос, например, изложенных в ряде научных изданий. Большое информационное значение имеют художественные произведения, кинофильмы, художественная и справочная литература и особенно - средства массовой информации. Особый вклад в систему формирующихся мнений о Германии и немцах имеет и личный опыт общения россиян с немцами.

Но на наш взгляд, всю историю взаимоотношений с Германией нужно разделить на два крупных периода – период Второй мировой войны и период всей остальной истории ее существования. Эти два периода следует рассматривать отдельно, т.к. именно со Второй мировой войной связано массовое присутствие немцев на территории России в составе прежнего СССР в течение почти четырех лет. Советские люди отождествляли немцев исключительно с фашиствующим режимом и не могли не давать отрицательных оценок поведению иностранцев в родной стране, связанного с целью истребления «нижней расы» и завоевания ее территории.

Несмотря на существующую память об этом периоде, он формально как бы закрыт. Остается другой период - до и после этой войны.

Вне всякого сомнения, огромно влияние Германии на цивилизацию патриархальной России, что было сделано по инициативе Петра I. Велика в этом роль и императрицы Екатерины II, немки по происхождению.

Мы не будем вспоминать о «мясорубке» первой мировой войны – немцы не присутствовали на территории России, хотя к моменту выхода из войны общие потери Русской императорской армии составили до 1,7 млн. убитыми и умершими от ран россиян.

Но мирные годы - в период между двумя мировыми войнами, и особенно после Второй мировой войны – складывались достаточно интенсивно.

Мирный период – это развитие бизнеса, деловые поездки, торговля, туризм, конференции, фестивали и конкурсы, наука и образование, выставки, медицинская

помощь. Т.е. существует много каналов взаимоотношений, и все эти отношения находят свое отражение в выше перечисленных источниках информации.

Положительная оценка Германии неоспорима, т.к. общеизвестны достижения немцев во многих областях жизнедеятельности.

Конкретные оценки россиян немецкого «величия» дают и результаты соцопросов. Показателен в этом плане опрос, проведенный в 2009 г. среди россиян Независимым институтом Юрия Левады параллельно с подобным опросом немцев со стороны немецкого Института демоскопии в Алленсбахе на тему «Россия глазами немцев - Германия глазами русских».(1)

Интересны и разнообразные выкладки в Интернете типа «111 фактов о Германии глазами россиянина» (2), которые свидетельствуют об особом интересе к характеру и образу жизни немцев, во многом отличающемся от образа жизни россиян. Подобные сведения дают и отдельные публикации, целиком посвященные данному вопросу (3).

Соединить и проанализировать весь массив информации по предложенной теме – интересная и перспективная задача для дальнейшего развития продуктивных взаимоотношений населения двух стран. Но она требует большой работы ученых, студентов, магистров и аспирантов, усилий социологических центров типа Аналитического Центра Юрия Левады или ВЦИОМа.

Опыт автора в этом плане сосредоточен на проведении пробного опроса по специально разработанной и опубликованной анкете «Германия в глазах современных россиян».

В ней представлены следующие вопросы открытого и закрытого типа.

1. Когда при Вас говорят о Германии, о чем Вы думаете в первую очередь?
2. Чем, прежде всего, является для россиян Германия?
3. Интересуют ли Вас отношения между Россией и Германией?
4. Как Вы считаете, в международных отношениях Германия сегодня союзник или противник России?
5. А в торгово-экономических отношениях Германия сегодня - партнер или соперник России?
6. Какие чувства в целом вызывают у Вас упоминания о современной Германии?
7. Насколько близки, с Вашей точки зрения, культуры русского и немецкого народов?
8. Как Вы сами относитесь к Германии и немцам?
9. Есть выражение «Что русскому хорошо - немцу смерть», которое подчеркивает имеющиеся различия русских и немцев. Как Вы думаете, чего больше в характере и поведении русских и немцев - различий или общего?
10. Считаете ли Вы, что настало время для того, чтобы немецкий народ перестал испытывать чувство вины перед жертвами гитлеровской агрессии?
11. С учетом различий между немцами и русскими, какие черты у одних и других Вам нравятся больше?
12. При возможности выбора, товары каких перечисленных стран Вы купили бы охотнее?
13. Нужна ли Россия Германии и нужна ли Германия России в XXI веке?
14. Великие немцы. Кто они? (Выберите из представленных портретов и опишите одного из них) (Даны портреты В.Рентгена, М.Лютера, Р.Коха, Р.Дизеля, Л.Бетховена, И.Гете, А.Дюрера, М.Шумахера, Я. И В. Гримм, А.Меркель).
15. Вопросы паспорттики.

Предварительное изучение результатов этого опроса, проведенного среди студентов вузов, позволило сделать следующие обобщения.

Выяснилось, что симпатии у россиян по отношению к Германии преобладают над антипатиями.

На первый вопрос, что приходит на ум при упоминании о Германии – 44 % опрошенных ответили - немцы; 22 % ответили - фашисты и 4 % связывают Германию с пивом.

Результаты исследования показали, что в торгово-экономическом отношении Германия для 41 % опрошенных является партнером России, соперником – для 22 %.

Отношения между Россией и Германией интересуют 36 % наших соотечественников и 30% - не интересуют.

Товары с маркой "Made in Germany" хотят приобретать 20% опрошенных, что ставит Германию на 3 место по популярности и качеству товаров после Японии и США.

На вопрос «великие немцы» получены следующие результаты. Наиболее узнаваемыми являются 5 немцев: братья Гримм, М. Шумахер, Л.Бетховен, А. Меркель.

Опрос показал, что российская молодежь в целом положительно относится к Германии и весьма оптимистично настроена в отношении перспективы сотрудничества с ней. Слагаемые этого положительного образа весьма многообразны – начиная от сложившегося в российском общественном мнении восприятия Германии как некоего символа благополучия, стабильности и порядка - до понимания ее экономического и политического веса в современном мире и, прежде всего, в Европе и соответствующего признания Германии как одного из самых перспективных партнеров для России. (См. Ссылки 4,5)

1. <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2009/10/170/3907>
2. http://www.spletnik.ru/blogs/govoryat_chno/103382_111-faktov-o-germanii-glazami-rossiyanina
3. Зайдениц Ш. и Баркоу Б. Эти странные немцы. (Серия "Внимание: иностранцы!"). - М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999. - 72 с.
4. Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия: Сб. статей/Отв. ред.: Л.В. Славгородская. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1998;
5. Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи: Сб. статей/Отв. ред.: Г.И. Смагина. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000 и др.

ОБЩЕГРАЖДАНСКАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАРСТАНЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА)

Нурутдинова А.Н. (Казань)

Самоидентификация является важным условием развития современного человека. Принадлежность к группе или идентификация с ней способствуют большей устойчивости индивида в условиях интенсификации социальных взаимодействий и изменений. В рамках массового опроса, проведенного социологами Казанского федерального университета [1], был выделен отдельный блок, посвященный выявлению значимости и соотношения общегражданской, региональной, этнической, конфессиональной, космополитической идентичностей. В рамках данной статьи представлены некоторые результаты исследования.

Для определения значимости и соотношения разных идентичностей респондентам было задано несколько прямых и косвенных вопросов. Здесь представлены итоги ответов на вопросы, которые напрямую касались социальной идентичности. Первый рассматриваемый вопрос «Кем Вы себя считаете прежде всего?» предлагал респондентам выбрать несколько вариантов идентичностей: от общемировой до религиозной и конфессиональной. Второй вопрос «Согласны ли Вы с тем, что граждане Российской

Федерации – это российская нация?» и третий - «Если бы Вы выбрали место жительства, Вы бы остались жить в России или уехали в другую страну?» - в определенной степени были направлены на выявление значимости общероссийской идентичности. Четвертый вопрос «Если бы Вы выбрали место жительства, Вы бы остались жить в Татарстане или уехали бы в другой регион России?» способствовал установлению важности региональной составляющей. В статье представлены результаты ответов на эти вопросы как в целом по выборке, так и в разрезе параметров возраст, место жительства, этническая и религиозная принадлежность. Стоит отметить, что выборка включала в себя три сегмента поля – село, города Татарстана (малые, средние, большие) и Казань (столица республики, город – «миллионник»). По этнической принадлежности респонденты были условно разделены на три группы – русские, татары и другие этносы. Сравниваются мнения первых двух групп, поскольку они многочисленны.

Опрошенные жители республики, прежде всего, идентифицируют себя с гражданами России – 55,7%. Половина респондентов считают себя жителями Татарстана. На третьем месте – «локальная» / местная идентичность (житель города / села) – 44,1%, на четвертом месте - этническая идентичность – об этом заявил каждый третий опрошенный. Пятую позицию заняла религиозная идентичность – 15,7%, шестое место занимает ответ «гражданин мира» - 7,9%. Полученные данные свидетельствуют о преобладании общегражданской и «локальной» (региональной и местная) идентичности.

Важным было выявить, имеются ли различия во мнениях респондентов разных возрастов. Результаты опроса показали, что люди старшего возраста чаще, чем более молодые респонденты считают себя жителями Татарстана (55,7% - респонденты от 55 лет и старше, 43,8% - до 30 лет), представителем своей конфессии (20% - респонденты от 55 лет и старше, 13,4% - до 30 лет). Более молодые респонденты чаще, чем старшее поколение, считают себя гражданами России (61,2% - респонденты до 30 лет, 53,5% - от 55 лет и старше) и гражданами мира (12,4% - респонденты до 30 лет, 5,9% - от 55 лет и старше). Проживание в разных типах поселений также накладывает свой отпечаток на идентичность жителей. Результаты опроса выявили следующие статистически значимые различия во мнениях жителей сел, городов и столицы республики. Опрошенные сельчане чаще, чем горожане, считают себя жителями Татарстана, представителем своей национальности (этнической группы) и вероисповедания. Респонденты-горожане (из разных типов) чаще считают себя жителями России. В ответах опрошенных православных и мусульман также есть некоторые отличия. Респонденты-мусульмане чаще, чем православные, указывали на региональную идентичность (мусульмане – 59,2%, православные – 42,5%), этническую (мусульмане - 43,3%, православные - 24,3%) и религиозную принадлежность (мусульмане – 22,1%, православные – 9,9%). В ответах татар и русских наблюдается схожая тенденция. Респонденты-татары чаще, чем русские, указывали на региональную идентичность (татары – 58,1%, русские – 39,2%), этническую (татары - 40,3%, русские – 25,8%) и религиозную принадлежность (татары – 20,3%, русские – 9,2%).

Вопрос о существовании единой российской нации периодически поднимается в общественном дискурсе. Часто граждане России и рассматриваются как российская нация. Результаты опроса показали, что четверть опрошенных согласны с таким мнением. 40,4% респондентов уверены, что в России не может возникнуть единая нация, 8% считают, что граждане страны смогут стать единой нацией через некоторое историческое время. Четверть опрошенных затруднились ответить.

Статистически значимые различия во мнениях респондентов наблюдаются среди опрошенных жителей сел, малых и средних городов и столицы. Жители сел и нестоличных городов республики чаще, чем казанцы, соглашались с мнением, что граждане Российской Федерации – это российская нация. Напротив, среди опрошенных жителей столицы больше тех, кто считает, что в условиях России единая нация возникнуть не может. Опрошенные русские чаще, чем татары, соглашались с тождеством

понятий «граждане Российской Федерации» и «российская нация» (татары – 21,8%, русские – 30%). Православные респонденты в большей степени (по сравнению с мусульманами) согласны с тем, что граждане России составляют российскую нацию (православные – 32,6%, мусульмане – 20,2%). Опрошенные мусульмане же, напротив, чаще соглашались с мнением, что в России единая нация возникнуть не может.

Преданность стране является важной составляющей общегражданской идентичности, в противовес космополитической позиции. Подавляющее большинство опрошенных (78,3%), если бы выбирали место жительства, остались бы жить в России, 13,1% - уехали бы из страны, 8,6% - затруднились ответить. Готовых покинуть России больше среди молодых респондентов (респонденты до 30 лет - 24,9%, от 55 лет и старше – 5,2%), жителей столицы (Казань – 19,7%, города – 12,9%, село – 6,3%). Статистически значимых различий во мнениях опрошенных разных этнических групп и конфессий не наблюдается.

Опрошенные татарстанцы показали также преданность и своему региону. В условиях выбора места жительства (региона), подавляющее большинство опрошенных (82%) остались бы жить в Татарстане. Лишь 8,8% респондентов хотели бы переехать в другой регион, 9,2% - затруднились ответить. Желающих уехать из Татарстана в другой регион в целом меньше, чем из России. Однако мнения распределились неравномерно среди разных групп респондентов. Допускающих возможность переезда в другой регион больше среди молодежи (респонденты до 30 лет – 15,1%, от 55 лет и старше – 5,7%), жителей Казани (Казань – 13%, города – 8,7%, село – 4,6%), русских (русские – 13,1%, татары – 5,5%) и православных (православные – 14%, мусульмане – 4,8%). Полученные данные свидетельствуют о том, что Татарстан является достаточно привлекательным регионом, поскольку процент желающих уехать в другой регион невелик. Традиционно более мобильными являются молодые люди, охотно они готовы уехать за рубеж, нежели в другой регион. Однако среди людей пожилого возраста процент желающих мигрировать в другую страну или регион достаточно стабилен – 5-6%. Более критичными оказались жители столицы, среди них больше тех, кто желающих уехать из страны и республики. Наиболее «оседлыми» оказались сельские жители. Различия во мнениях представителей разных конфессий и этнических групп касаются желания переехать в другой регион. Среди опрошенных больше русских и православных, допускающих возможность переезда.

Результаты опроса свидетельствуют о доминировании общегражданской и региональной идентичностей у опрошенных жителей Татарстана, на третьем месте – «локальная» (местная) идентичность (например, «я-казанец»). Преобладание территориальных установок наблюдается во всех рассмотренных группах, но есть некоторые значимые отличия. Для молодежи, жителей Казани, русских и православных более значима общероссийская идентичность. Стоит подчеркнуть, что особенность группы опрошенных до 30 лет – их большая склонность к миграции из страны и региона (хотя из страны больше) и нацеленность на общероссийскую и мировую самоидентификацию. В группах русских и православных территориальная идентичность раскрывается больше через общероссийскую, возможно, поэтому среди них больше тех, кто рассматривает граждан России как единую нацию. В них больше, чем в среднем по выборке, тех, кто хотел бы покинуть Татарстан и уехать в другой регион. Опрошенные жители села демонстрируют большую приверженность «оседлости» - нежелание уезжать из России и Татарстана, особенно значима для них региональная идентичность. Татары и мусульмане больше ценят региональную, этническую и конфессиональную идентичность, чем русские и православные.

1. Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения государственного задания в сфере научной

деятельности. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта кафедры социологии Казанского

2. *Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / Под ред. Р.Г. Минзарипова, С.А. Ахметовой, Л.Р. Низамовой. – Казань, 2013. – 268 с.*

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОБМЕМЫ В СТРАНАХ ШОС: СТАТИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. (Барнаул)

Россия сегодня всеми силами желает интегрироваться в мировые образовательное и научное пространства, претендуя на предоставление высококачественных образовательных услуг, достижение результатов мирового уровня в области научных исследований, проведение престижных международных научных и академических форумов. Одну из ведущих ролей в данном процессе играют молодежные образовательные обмены, осуществляемые в рамках академической мобильности и межкультурной коммуникации, позволяющих подготавливать кадры для зарубежных стран, распространять ценности русского языка и культуры, и, в конечном итоге, усиливать влияние на развитие событий в других странах и регионах [1, с.8].

Учитывая национальные приоритеты внешней политики России как евразийской державы, особую роль в реализации ее дипломатической миссии играют международные образовательные программы, реализуемые между странами Шанхайской организации сотрудничества. В числе ключевых приоритетов председательства России в ШОС в период 2014-2015 гг. выступают наращивание культурных и гуманитарных связей, в том числе активизация молодежных обменов и туризма, развитие сетевых форм молодежного образования в рамках Университета ШОС (УШОС). Последний представляет собой сетевой аналог Единого Европейского образовательного пространства, созданный в 2008 году для реализации совместных инновационных образовательных программ по приоритетным для социально-экономического развития стран специальностям. Сегодня в УШОС входят около 70 университетов Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и России.

Необходимость укрепления и расширения международных связей на основе реализации существующих и создания новых международных образовательных программ обуславливают необходимость анализа тенденций, мнений и представлений участников данного процесса, рефлексии относительно достигнутых результатов. Ведь, как отмечают исследователи в области международного образования, подготовка кадров для зарубежных стран приносит университетам и национальным экономикам не только престиж и признание международного сообщества, но и вполне реальный финансовый вклад, несмотря на то, что показатели, касающиеся обучения иностранных студентов, учитываются как незначимые и второстепенные при расчете глобальных рейтингов [2, с. б].

Как показывают данные статистических обзоров, выпускаемых Международным департаментом и Центром социологических исследований при Минобрнауки [3], общее число иностранных граждан, обучавшихся в вузах Российской Федерации в 2014 учебном году, увеличилось на 11,9% по сравнению с предыдущим годом и более чем в 2 раза за последние 10 лет, составив 156 тыс. чел. Наибольшая концентрация вузов, в которых обучаются иностранцы, по-прежнему наблюдается в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, хотя университеты ШОС действуют в восьми других городах России (например, в Оренбурге, Барнауле, Новосибирске, Екатеринбурге). Самыми востребованными специальностями являются инженерно-технические, медицина и экономика. По данным направлениям годовой прирост иностранных студентов увеличился на 15-20%.

В общей совокупности иностранных студентов, студенты из стран ШОС составляют примерно 40% или 67 тыс. в абсолютных числах, в том числе: 27,5 тыс.

являются гражданами Казахстана, 18,7 тыс. – Китая, 6,6 тыс. – Таджикистана, 6,3 тыс. – Узбекистана, 3,6 тыс. – Киргизии, а также 4,7 тыс. граждан Индии и 122 гражданина Пакистана (эти страны приняты в ШОС в 2015 году). Несмотря на то, что наибольший прирост в абсолютных числах наблюдался в отношении Казахстана (на 3868 чел.) и Китая (на 1884 чел.), при переводе в относительные показатели это составило только около 16%. Наибольший относительный прирост иностранных студентов был из Киргизии – на 36,7% (964 чел.), чему, несомненно, способствовало присоединение в 2014 году Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе, а также реализация образовательных программ, предполагающих возмещение российской стороной затрат на обучение (так, в 2014 году Киргизии было выделено 465 бюджетных мест в российских вузах, в 2015 году – 445) [4].

По данным опроса, проведенного с иностранными студентами из стран ШОС в Алтайском государственном университете (n=140, время проведения декабрь 2014 – январь 2015 г.), при выборе вуза для обучения большинство иностранных руководствовалось его престижностью (62%), доступными ценами за обучение (35%), наличием нужной специальности (32%) и качеством обучения (28%). Лишь 8% студентов дальнего зарубежья, в отличие от 28% студентов ближнего зарубежья, отметили такую альтернативу как «большой выбор образовательных программ, по которым могут обучаться иностранные студенты». Таким образом, нехватка образовательных программ, адаптированных для студентов дальнего зарубежья, не знающих русского языка, стала серьезным сдерживающим фактором.

Большинство иностранных студентов отметили, что испытывали трудности в процессе обучения (52%). Студенты дальнего зарубежья сталкивались в первую очередь с языковыми трудностями (69%); сложностью учебного материала (42%); большими информационными перегрузками (38%), «не возникало сложностей» только у 4% опрошенных. Студенты ближнего зарубежья, также испытывавшие информационные и эмоциональные перегрузки, реже ощущали языковой барьер (21%), каждый четвертый отметил отсутствие каких-либо проблем при адаптации. Таким образом, обучение студентов из стран ближнего зарубежья (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) происходило легче за счет лучшего знания русского языка, более легкой межкультурной адаптации. Немаловажную роль в адаптации и интеграции иностранных студентов играли условия проживания, санитарно-гигиенические условия, уровень обеспечения личной безопасности и транспортной доступности. Как показали результаты опроса, студенты из дальнего зарубежья менее удовлетворены данными условиями, чем студенты ближнего зарубежья.

Таким образом, данные статистики свидетельствуют о поступательном увеличении притока иностранных студентов, что свидетельствует о большой заинтересованности международных партнеров в конструктивном диалоге, потребности в получении образования в России. Однако дальнейшее развитие международного образовательного сотрудничества не может быть достаточно эффективным без активного вовлечения в него всех членов организации, преодоления языкового барьера за счет создания новых, адаптированных к иностранным студентам образовательных программ, создания адекватных условий для их проживания и социально-психологической, межкультурной адаптации.

*Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" Код проекта № 3324: «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах»

1. *Академическая мобильность в России: нормативно-методическое обеспечение/Сёмин Н.В., Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л., Лукин А.В., Муравьева А.А., Олейникова О.Н. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 208 с.*
2. *Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй:*

Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов [электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 228 стр. 1 CD ROM. ISBN 978-5-906001-02-3

3. *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 12 / Министерство образования и науки Российской Федерации. — М.: Центр социологических исследований, 2015. — 196 с.*
4. *За дипломом в ЕАЭС [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://m.rg.ru/2015/03/19/eaes.html> (дата обращения 1.10.2015).*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Павлова А.В. (Санкт-Петербург)

История показывает, что экономическая и политическая стабильность страны во многом зависит от уровня единства ее граждан. С этой целью во многих странах проводится целенаправленная государственная информационная политика, основанная на идеях конструктивистского подхода в формировании нации. Особенно актуально это в эпоху глобализации, когда формирование идентичности личности происходит в период отсутствия информационных барьеров, распространения массовой культуры, изменившейся социокультурной системы общества, что, безусловно, влияет на формирование национальной идентичности и ее значимости.

Важным шагом в процессе использования информационного поля Беларуси для популяризации национальной культуры и истории стало создание специализированного телеканала, радиоканала и печатного издания (телеканал «Беларусь – 3», канал белорусского радио «Культура» и ежедневная общественно-просветительская газета на белорусском языке «Культура»). Главная цель телеканала «Беларусь – 3», начавшего вещание 8 февраля 2013 г., как указано на официальном сайте: «обеспечить освещение государственной информационной политики в области культурной жизни страны», его миссия – «позиционирование культуры как совокупности материальных и интеллектуальных ценностей Республики Беларусь в современной медиасреде».[1] Информационная политика канала белорусского радио «Культура», начавшего вещание с 1 января 2002 г., направлена на знакомство радиослушателей с национальными и мировыми культурными достижениями и современными событиями в мире искусства. Однако, пока ни один из этих источников информации, по данным исследований белорусских социологов, не имеет высоких рейтингов. [2, с. 27]

Обращает внимание и незначительная представленность тематических теле- и радио- программ в сетке вещания наиболее рейтинговых телеканалов и радиостанций. По данным опроса ИАЦ при Президенте РБ, проведенного в 2014 г., среди наиболее популярных программ, различных телеканалов программы, имеющие отношение к изучаемому вопросу, представлены не очень широко: «Белорусская кухня» (Беларусь-2) – 11,5%. Основная часть телепрограмм, пользующихся популярностью у населения, является продуктом российских медиа компаний. [2, с. 37-39] Практически отсутствуют специализированные телепрограммы для детей и юношества. Не ведется целенаправленной работы в этом направлении в сети интернет, а между тем, это одно из наиболее популярных средств массовой информации и коммуникации среди молодежи и подрастающего поколения.

Не способствует популяризации среди населения национального языка практически подавляющее преимущество в информационном поле страны русскоязычных СМИ. Статья 9 Закона «О средствах массовой информации» Республики Беларусь [3] предусматривает распространение информации на любом из двух государственных и

других языка. Однако количество русскоязычных газет, радио- и телепрограмм значительно превышает белорусские аналоги. (рис.1)

Анализ сектора печатных изданий Беларуси за 2014 г. показывает – большинство газет издается на русском языке (69,8%), доля белорусскоязычных изданий составляет 30,2%. [4] Республиканская пресса, имеющая самый широкий охват населения, сегодня мало использует в статьях белорусский язык. В 2014 г. число республиканских газет, выходящих на русском языке (183) оказалось в 9,2 раза больше, чем на белорусском языке (20). Данная тенденция преобладания русского языка характерна для областных, городских и районных изданий, а также для издаваемых журналов, книг и брошюр.

Аналогичным образом обстоит ситуация с языком вещания в теле- и радио- эфире. По данным Национального статистического комитета за 2011 г. трансляцию программ на белорусском языке осуществляли только два телеканала из шести наиболее распространенных телеканалов, имеющих республиканский охват аудитории (Беларусь 1, Беларусь 2). В радиоэфире белорусский язык представлен в программах радиостанций «Первый национальный канал Белорусского радио», «Столица» и «Культура». Конечно, статистические данные отображают информацию лишь по некоторой части радиостанций, представленных в информационном поле страны. Число радиостанций, прежде всего, музыкально-развлекательной направленности гораздо больше и все они чаще используются в качестве языка эфира русский. Во-вторых, лидеры вещания белорусскоязычных программ являются далеко не самыми популярными, в частности речь идет о радиостанции «Столица» и канале «Культура».

Немаловажным аспектом является внешняя открытость медиа пространства Беларуси. В республике широко представлены в структуре как печатных, так и электронных СМИ российская медиа-продукция. Все большую популярность среди населения получает интернет. За счет динамического развития технических средств как передачи, так и приема информации, его потенциальная аудитория непрерывно растет за последние годы. Преобладающее потребление информационного продукта всемирной сети на русском языке по сравнению с белорусским в Беларуси не вызывает сомнения.

Технологии формирования единой нации многообразны. Все они должны быть задействованы, особенно с учетом сегментирования аудитории и многообразия ее зрительских и читательских предпочтений. Необходим комплексный подход для реализации этой задачи в рамках информационного пространства Беларуси. Тем более, что Статья 4 Закона «О средствах массовой информации» Республики Беларусь предполагает, что СМИ содействуют распространению и популяризации национальных культурных ценностей.[3]

Эффективности информационной политики по формированию национальной идентичности и конструирования нации будут способствовать использование в работе СМИ всех уровней (республиканских, областных, городских, районных):

- результатов социологических исследований и рейтинговых замеров аудитории, определяющих особенности и динамику потребления информационного продукта, рейтинг СМИ или программы, поведение аудитории и др.;
- современных тенденции развития СМИ (конвергенцию, популярность различных социальных сетей, конгломерацию, локализация и сегментирование аудитории и др.);
- расширение сферы использования белорусского языка и формирование его положительного имиджа;
- расширение национальной культурно-исторической тематики и приоритетность ее размещения (прайм-тайм, первая полоса);
- повышение профессионального интереса к национальной проблематике в СМИ через профессиональные конкурсы для журналистов.

1. Сайт телеканала Беларусь 3. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.tvr.by/televidenie/belarus-3/> Дата доступа 05.10.2015 г.
2. Медиафера Беларуси. Социологический аспект. / Под общ. ред. В.О. Дашкевич, Мн., 2014., 98 с.
3. О средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь, 17 июля 2008 г. N 427-3 [Электронный ресурс] Режим доступа. www.president.gov.by Дата доступа 05.10.2015 г.
4. Сайт книжной палаты Республики Беларусь. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://natbook.org.by/ru/DataBase.php> Дата доступа 05.10.2015 г.

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА МЕГАПОЛИСА.

Панич Н.А. (Москва)

Город представляет собой взаимодействие социокультурных сообществ. В нем сталкиваются и переплетаются интересы различных социальных групп, формируя уникальное городское пространство. Одновременно город, в особенности, мегаполис, является эпицентром социальных проблем, обусловленных спецификой городской жизни.

Миграция становится одной из актуальнейших социальных проблем мегаполиса, так как лежит в основе экономических, политических, демографических, этнокультурных и иных изменений, и влечет за собой усложнение жизни «принимающей стороны». По подсчетам социологов, в структуре российской миграции непропорционально велика доля двух столиц: на Москву и Московскую область и Санкт-Петербург и Ленинградскую область приходится до 80% всего миграционного потока. [3,15]. «Современный этап развития Москвы – это процесс его дальнейшего практически бесконтрольного роста населения, «мигрантизации» населения и появление сопутствующих этому процессу социальных проблем, требующих специального изучения» [1,129]

Большие города привлекают внутренних и внешних мигрантов широкими возможностями, поскольку именно они концентрируют ресурсы и аккумулируют жизненные шансы. Поэтому мигранты, оказавшись в мегаполисе, неизбежно сталкиваются с трансформацией своей идентичности, связанной с процессом адаптации к новой для себя социокультурной среде [2,56]

Основываясь на выделенных Д.П. Карановым [4,30] вариантах поведения мигранта в новой для него социокультурной среде, можно утверждать, что для крупного мегаполиса будет актуально следующее: с одной стороны – это постепенная ассимиляция мигранта (например, жители регионов, приезжающие в Московскую агломерацию); с другой – идентификация с определенным населенным пунктом, но не с его сообществом, приводящая к формированию закрытых социальных групп, которые не хотят вливаться в принимающее городское сообщество (например, трудовые мигранты из среднеазиатских республик).

По словам М.С. Савоскул, мигрант может адаптироваться, т.е. приспособиться к жизни в принимающем обществе, может найти работу и жилье, но при этом не быть интегрированным в российское общество, жить по иным социальным нормам и правилам, не пройти вторичную социализацию в принимающем обществе и не владеть «социальным» языком норм и правил поведения этого общества [5,104].

Данное обстоятельство приводит к усилению социальной напряженности, которая находит свое выражение в антимиграционных настроениях. Поведение мигрантов, стремящихся сохранить свою социокультурную идентичность, дестабилизирует различные сферы городской жизни, снижая тем самым качество жизни коренного населения мегаполиса.

Однако, как полагает И.А. Вершинина, частично к выбору подобной модели поведения мигрантов может подтолкнуть предвзятое отношение со стороны коренных жителей города, которые склонны обвинять мигрантов в обострении уже имеющихся социальных проблем [2, 57].

Ритм жизни в мегаполисе диктует и стиль поведения его обитателей: безразличие, отстраненность от окружающей действительности, закрытость. Жители столицы нередко относятся к мигрантам не слишком дружелюбно. Те, в свою очередь, отвечают им взаимностью, в большинстве провоцируя конфликты. Так, недовольство и постоянные жалобы местных жителей на девиантное, зачастую преступное поведение мигрантов в районах расположения миграционных служб повлияли на принятие решение УФМС РФ по городу Москве об открытии единого Многофункционального миграционного центра на территории новой Москвы. Миграционный центр начал свою деятельность 12 января 2015 года на территории Троицкого округа, вблизи деревни Сахарово. Мигранту предлагается весь комплекс услуг по легализации его пребывания на территории РФ, включая медицинскую справку, сдачу необходимых экзаменов для получения патентов и многое другое. Как сообщили в пресс-службе УФМС РФ по Москве, за 9 месяцев работы в режиме «одного окна» центр принял более 387 тысяч заявлений на получение патента от иностранных граждан. На территории Многофункционального миграционного центра проведено тестирование 361 тысячи иностранных граждан на предмет владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации. Более 88 тысяч иностранных граждан прошли медицинское освидетельствование, по результатам которого были предоставлены документы об отсутствии у них заболеваний наркоманией и инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих [6].

Создание центра решило сразу же множество задач как для москвичей (относительное спокойствие в жилых кварталах, где ранее располагались соответствующие службы), так и для мигрантов, которые получили возможность оформить все необходимое в одном месте, экономя время и силы.

Одним из приоритетных направлений государственной политики в эру глобальной миграции является создание оптимальных условий для культурной и социальной интеграции мигрантов в социокультурное пространство принимающей стороны. Поскольку основная роль в этом процессе принадлежит городу, именно на его долю выпадет в дальнейшем разработка стратегии адаптации мигрантов, формирование той идентичности, которая будет способствовать нормальному функционированию сложного механизма под названием «мегаполис».

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-33-01036.

1. Вершинина И.А., Полякова Н.А. Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014, № 4. С. 129.
2. Вершинина И.А. Трансформация идентичности мигрантов в мегаполисе: анализ социальных проблем на примере Москвы // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург. 27 ноября 2014 г. Сб. статей. Екатеринбург: Уральский институт управления-филиал РАНХиГС, 2014.
3. Зубаревич Н. Рента столичного статуса // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2012. №6. С.15.
4. Каранов Д.П. Мигранты и принимающее сообщество: Культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Политика. 2013. № 1. С. 30
5. Савоскул М.С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения. 2011, № 5 (105). С. 104.
6. <http://www.fmsmoscow.ru/pr/news/268.html>, дата обращения 10.10.2015.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ АНОМИИ КАК КАТАЛИЗАТОРА ДЕВИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.

Плетнев А.В. (Санкт-Петербург)

В рамках социологической теории религию рассматривают как фактор, стабилизирующий социальные нормы и ценности[12, с. 36][5, с.69]. Это утверждение особенно справедливо для Христианской религии, особенность которой заключается в ее догматическом характере.

При этом с самого своего основания социология отмечает развитие в религиозной сфере процессов аномии – состояния слабости социальных норм, противоречивого характера или отсутствия ценностей[10, с. 235]. В западном мире Христианская религия теряет свое влияние и обнаруживаются некоторые ее особенности, которые ранее не были обнаружены исследователями.

Помимо этого, следует рассмотреть влияние религии на личность. Религиозная аномия обычно рассматривается как отражение социальной аномии на индивидуальном уровне[7, с. 62], но по сути аномия личности вполне самостоятельный процесс[15], который может развиваться и без влияния социальной среды[13].

Христианская религия предъявляет к индивиду крайне высокие, по сути неисполнимые требования. Это отличает понимание греха (беззакония, аномии) как по сути юридического нарушения закона в Ветхом Завете (имеется ввиду греческий перевод), от аномии Нового Завета, которая включает также беззаконные мысли и намерения. В целом, христианский идеал недостижим, особенно в современном обществе.

Для современного актора, подверженного сильному влиянию христианских ценностей, это означает постоянное ощущение своего несоответствия христианскому идеалу. Эта ситуация рождает аномию в Мертоновском смысле. Жизненные цели, заданные Христианством, не соответствуют средствам их достижения, которые предоставляет современное общество[9, с. 148]. Только в отличии от Мертоновской аномии эта проблема принципиально не имеет решения.

Совершенно очевидно, что указанная латентная дисфункция Христианства в социальной системе существует с самого момента возникновения Христианской религии. Однако в современном обществе, в котором функция социального контроля со стороны религии почти отсутствует, дисфункциональная роль христианской религии стала очевидна.

Важным аспектом функционирования религии в современном обществе является противоречивость ее нормативных требований. Современный человек крайне плохо осведомлен о сути религии. Особенно это справедливо для России, где период богоборческого коммунизма не прошел даром[1, с. 352]. В жизненном мире типичного индивида присутствуют представления о Христианстве, порой весьма далекие от оригинала. Подобные псевдорелигиозные представления широко представлены в массовой культуре. Для России, как и для других стран, характерна тесная связь религиозных представлений с политическими и идеологическими[2, с. 474].

Современное общество задает новые условия межрелигиозного взаимодействия. На сегодняшний день ни в одном светском государстве религиозная организация не может всецело диктовать обществу свои законы. Любая религия должна мириться с наличием "конкурентов" в своем социальном пространстве и выстраивать диалог и полемику с ними. В решении этого вопроса существует некий консенсус, поскольку определенные народы связываются в общественном мнении со строго определенными религиями[6]. Следует отметить, что на индивида так или иначе влияют все религиозные ценности, которые транслируются в информационном пространстве. Индивид вынужден определять свое отношение к ним, принимать или отвергать на основе определенных доводов. А

поскольку религиозное сознание человека в современном обществе является зачастую рыхлым, неотрефлексированным и не опирающимся на знания, то в сознании такого человека неизбежно возникают противоречия, состояние неопределенности.

В итоге мы можем наблюдать эрозию религиозных норм и ценностей. Индивид в современном обществе более не ориентируется только на одну религиозную культуру. У него есть возможность сравнивать свою точку зрения с другими возможными мнениями по каждому вопросу. По этой причине так или иначе господствующая религия теряет свою «монополию на истину».

Также следует отметить огромную роль рынка в функционировании религиозных объединений. Развитие массового общества потребления ориентирует все социальные институты на рынок, зачастую в ущерб их способности оказывать поддержку индивидам. Это явление можно охарактеризовать как институциональную аномию в религиозной сфере[14]. Вместе с тем все больший переход религиозных институтов на рыночные принципы функционирования облегчает межрелигиозный диалог. Если исходя из своих мировоззренческих и онтологических принципов такие религии как Христианство и Ислам никогда не смогут прийти к окончательному взаимопониманию, то конкретные религиозные институты, которые обеспечивают свое существование за счет продажи товаров и услуг религиозного назначения, смогут договориться аналогично тому, как договариваются конкурирующие коммерческие организации. Чем больше данное конкретное общество ориентировано на западную культуру потребления, тем менее традиционными и духовно ориентированными будут его религиозные институты и тем более они будут похожи на коммерческие организации. Тенденция развития институциональной аномии во всем мире подтверждается рядом эмпирических исследований[4]. Эта тенденция, теоретические основы которой мы рассмотрели, прослеживается и в работах преимущественно эмпирической направленности[8, с. 833].

Ослабление функции социального контроля со стороны религии ведет к её переориентации от социальных функций к психологическим. Хотя религия более не способна заставить своего последователя подчиняться, она может удержать его при помощи своей способности к моральной и психологической поддержке, удовлетворению психологических потребностей личности. Психологическую роль религии особенно отчетливо можно проследить в исследованиях адаптации коренных народов Америки, психологические проблемы которых были связаны с вторжением западной культуры[3][11] и развитием в следствии этого сильнейшей аномии.

Нашего внимания также заслуживает и вопрос о теоретических основах социологии религии. Особенностью религии как объекта изучения являются религиозные тексты, которые не только содержат конкретные, четко сформулированные утверждения, но и являются неизменными. И хотя религия изменяется вслед за изменениями в культуре, религиозные тексты остаются неизменны. В этом смысле к религии в меньшей степени применима концепция социального конструирования реальности. Вероятно, корректные социологические исследования религии будут всегда склоняться к реализму и номотетическому образу научности в противоположность общему развитию социологии, как антропологической, номиналистической и идеографической дисциплины.

1. Agadjanian A. *Public Religion and the Quest for National Ideology: Russia's Media Discourse* // *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2001, Vol. 40, No. 3, pp. 351-365.
2. Agadjanian A. *Revising Pandora's Gifts: Religious and National Identity in the Post-Soviet Societal Fabric* // *Europe-Asia Studies*, 2001, Vol. 53, No. 3, pp. 473-488.
3. Amoss P. *Coast Salish Spirit Dancing: The Survival of an Ancestral Religion*. Seattle & London: University of Washington Press, 1978. - 193 p.
4. Bjerregaard Beth, Cochran John K. *Want Amid Plenty: Developing and Testing a Cross-National Measure of Anomie* // *International Journal of Conflict and Violence*, Vol 2, No 2 (2008) p. 183-193.

5. Carr Leslie G., Hauser William J. *Anomie and Religiosity: An Empirical Re-Examination* // *Journal for the Scientific Study of Religion*, Vol. 15, No. 1 (Mar., 1976), pp. 69-74.
6. Eisinga R., Billiet J. and Albert Felling *Christian religion and ethnic prejudice in cross-national perspective: a comparative analysis of the Netherlands and Flanders (Belgium)* // *International Journal of Comparative Sociology*. 1999, vol:40, №:3, pp.375-
7. Fay Leo F. *Differential Anomic Responses in a Religious Community* // *Sociological Analysis*, 1978, Vol. 39, No. 1, pp. 62-76.
8. Gaskins Ben, Golder Matt and Siegel David A. *Religious Participation and Economic Conservatism* // *American Journal of Political Science*, 2013, Vol. 57, No. 4, pp. 823-840.
9. Hagan F. *Introduction to criminology: Theories, methods, and criminal behavior*. SAGE Publications, Thousand Oaks 2010. - 576 p.
10. Hong Lawrence K. *Anomia and Religiosity: Some Evidence for Reconceptualization* // *Review of Religious Research*, Vol. 22, No. 3 (Mar., 1981), pp. 233-244.
11. Jilek W. G. *Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial*. Holt, Rinehart & Winston, Toronto, 1974. 131 p.
12. Lee Gary R., and W. Clyde Robert W. *Religion, Socioeconomic Status, and Anomie* // *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1974. Vol. 13, No. 1. p. 35-47.
13. McCloskey H. Schaar J. H. *Psychological Dimensions of Anomy* // *American Sociological Review*, Vol. 30, No. 1 (Feb., 1965), p. 14-40.
14. Messner S., Rosenfeld. R. *Crime and the American Dream*, Wadsworth, Belmont. 2007. - 160 p.
15. Srole L. *Social integration and certain corollaries: an exploratory study*. // *American Sociological Review* 21. 1956. p. 709-716.

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Потеряева Е.Е. (Екатеринбург)

Возможности интернета вышли за рамки архива информации. Интернет сегодня рассматривается как пространство социализации человека, а интернет-коммуникация как один из ее способов.

Современность вынуждает человека оказываться в ситуации «духовного мигранта», когда его идентичность становится «иллюзорной», или «размытой». Интернет открывает возможности обретения и смены идентичности, поскольку порождает специфическую среду социальных действий и взаимодействий. Мультикультурная среда общения в сети предполагает не только языковой обмен и трансформацию языка, но и задает специфические параметры социального сравнения, формируя новые формы самопрезентации, навязывая новые критерии групповой и самоидентификации.

Доступность интернет пространства для различных видов коммуникации создает иллюзию коммуникативной досягаемости. Обилие и слабая селективность коммуникативных сигналов делает коммуникативную среду размытой. В интернет-коммуникации происходит трансформация взаимодействий лицом-к-лицу, предполагающих обмен экспрессивностями, отсутствие саморефлексии, восприятие «Я» в «зеркале» другого. Таким образом, человек находится в ситуации бесконечной презентации, создавая все новые и новые образы реальности в своем сознании и в поле восприятия воображаемых собеседников.

Виртуальные аватары, заменяющие реальных людей, оказываются непригодными для традиционного диалога в силу своей бестелесности, исключающей полноценный отклик в рамках общения. Ритм диалога оказывается нарушенным, диалог превращается в монолог или полилог. Предмет и формы общения навязывается виртуальному собеседнику, коммуникация утрачивает параметры подлинности.

Манипуляция порождает лишь манипуляцию, замыкая коммуникативное пространство повторяющимися стимулами и реакциями. В манипуляции нет места

открытости, коммуникативная среда совпадает с пространством коммуникации, или вовсе исчезает, лишая коммуникацию смысла.

Приведем ряд высказываний студентов Уральского федерального университета касающихся проблем интернета, как пространства обретения и трансформации идентичности: «Интернет открывает возможности смены идентичности». Далее, рассуждая о негативных тенденциях в сфере интернет-коммуникации этот же респондент отмечает: «Интернет коммуникация находится под властью стереотипов, при этом иерархия в общении отсутствует, что ведет к потере границ социальной идентичности». Трудно не согласиться с этим высказыванием с одним только уточнением: можно говорить о потере границ устанавливаемых самой личностью, поскольку она оказывается во власти внешних ограничений. Такое глубокое осознание происходящего с личностью в интернет-коммуникации свойственно далеко не всем студентам принявшим участие в дискуссии, однако большинство респондентов отмечают как негативную тенденцию - деградацию языка коммуникации. Следует отметить, названная тенденция связывается с ростом адресности, функциональности интернет-коммуникаций.

Искажение социальности, размывание идентичности, неопределенные статусы, являются одновременно и причиной, и результатом утраты значимых навыков реального общения и снижение социальной мотивации. По мнению респондентов, текущая ситуация ведет к деградации социальных связей между людьми: «утрачиваются навыки реального общения, происходит уход от реального в пользу виртуального мира»; «происходит деградация языка общения»; «возрастает неудовлетворенность социальными контактами в результате псевдообщения». Такие черты интернет-коммуникаций как разорванность и мозаичность могут существенно исказить процесс и результат социализации.

Социализирующий потенциал интернет-коммуникаций имеет так же ограничения, связанные с деформациями ценностей и смыслов, с ограничениями духовно-виртуальной сферы человеческого существования. Духовность заменяется псевдодуховностью, что ведет к утрате подлинности человеческого существования. Приведем высказывания студентов, иллюстрирующие данный тезис: «интернет - единственная форма досуга, носящая манипулятивный характер, поскольку человек вынужден потреблять информацию, которую не выбирал»; «человек превращается в робота, он не напрягает мозги, когда может просто щелкнуть мышкой».

Последние высказывания касаются скорее функциональной стороны интернет-коммуникаций, однако форма трансляции и ретрансляции сигнала, способ конструирования и направления информационного потока могут существенно исказить содержание, смысл и результат коммуникации. Становясь приложением компьютера, человек отдает свои приоритетные позиции машине, он перестает быть «мерой всех вещей».

Виртуализация идентичности, разорванность и мозаичность интернет-коммуникации, трансформация диалога и деградация главного его средства – языка, искажают процессы социального взаимодействия. Результатом такого искаженного взаимодействия становится создание псевдо общностей, порождающих псевдо смыслы. Такие общности могут существовать не только в виде групп интересов, но и в виде организаций. Так, сетевые онлайн-религиозные организации ограничивают пространства становления идентичности, организуют подмену реальных контактов человека со средой и метасредой своего существования, реализующихся, например, в паломнических путешествиях, пространствами интернет-паломничества, отказывающихся виртуальному паломнику в главной цели паломничества – в сопричастности Божественному, Трансцендентному.

Интернет-пространство как пространство становления идентичности может являться гиперсредой, если понимать его в контексте трансграничности, но не имеет достаточного потенциала стать метасредой, средой метакоммуникации, пространством обретения духовности, без которой идентичность и индивидуальность немислимы.

1. *Богуславская С.М. Диалог в трудах М.М.Бахтина. Вестник ОГУ №7 (126) /июль 2011 - С 17 -22.*
2. *Богомолова, Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации . — М.: Аспект Пресс, 2010. — 191 с.*
3. *Дзялошинский, И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. — М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. - 479 с.*
4. *Ефимов Е.Г. Идентичность в социальных интернет-сетях (теоретические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 72-75.*
5. *М. Кастельс Галактика интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург. У-Фактория, 2004. — 328 с.*
6. *Носов Н. Психологические виртуальные реальности.— Москва, Ин-т человека РАН, 1994.*
7. *Поликарпов В.С., Поликарпова Е.В. Философия Интернета. Ростов н/Д - Таганрог. 2009. - С. 30.*
8. *Ушкин С.Г. Визуальные образы пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения №5 (111) 2012 с. 159-169.*
9. *Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Игра, ритуал, магия. М.:КомКнига, 2005 – 232с.*
10. *Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004 – 1056с.*

ЛЮДИ ФРОНТИРА: РУССКИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ГРУППА

Ракачева А.В. (Санкт-Петербург)

Сегодня в условиях обострившихся межнациональных противоречий, особо актуальным становится исторический опыт взаимодействия разных этнических групп проживающих во фронтальной зоне. Одной из таких зон является Северный Кавказ, где на сравнительно небольшой территории проживает несколько десятков различных народов говорящих на различных языках, придерживающихся различных конфессиональных и культурных традиций и который с XIX в. оказался вовлечен в сложное геополитическое противостояние между крупными державами: Россией, Турцией, Ираном, Великобританией и превратился в зону фронта.

Объектом нашего исследования стали русские как этнокультурная группа на Северном Кавказе. В поле научного анализа попали вопросы, связанные с особенностями самосознания русских на Северном Кавказе, спецификой этой этнокультурной группы. Термин «кавказские русские» подразумевает особую этнокультурную группу, основу которой составили русские переселенцы на Кавказе, интегрированные в культурную систему национальных республик, и выработавшие в процессе адаптации особый этнокультурный тип на основе синтеза русской и горской культуры, своеобразную культуру порубежья, фронта. «Кавказские русские» в нашей работе принимается за рабочее понятие с целью отразить специфику этой этнокультурной группы.

Исследование проведено методом глубинного слабоформализованного интервью с русскими – выходцами из республик Северного Кавказа. Возраст респондентов от 36 до 65 лет. Выборка сформирована методом «снежного кома».

Появление русских на Северном Кавказе относится к раннему периоду российской истории. Однако говорить о формировании «кавказских русских» как о специфической этнокультурной группе с достаточным основанием можно с момента образования Кавказской оборонительной линии и затем в ходе Кавказской войны, когда Россия

активно проникает и укрепляется на Северном Кавказе. В ходе активных, многосторонних и теперь уже постоянных контактов с местным населением вырабатывается особый тип русского человека – гибрид, готовый к трудностям кавказской жизни.

В этом смысле «русский» фронт на Кавказе имел много общих черт с американским фронтиром, описанным Ф. Дж. Тернером. «Дикая местность, - пишет он, подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем – по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает сеять кукурузу, пашет землю заостренной палкой; он издает боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы. Короче говоря, вся обстановка фронта на первых порах оказывает слишком сильное воздействие на колониста. Он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть... Шаг за шагом он преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, – это не старая Европа... Дело в том, что появляется новый, американский продукт» .

Так и у русских поселенцев в условиях рубежа складывались новые, воспринятые от местных жителей быт, одежда, жилище, модели поведения, нормы и ценности. В итоге, русский на Кавказе начинал походить на горца, становился ему ближе и телом и духом. Л.Н. Толстой, наблюдавший уклад жизни кавказского казачества, заметил: «Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату... Собственно, русский мужик для казака есть какое-то чуждое существо...»

Переселенцы-крестьяне попадавшие на Кавказ говорили о казаках: «Воны ти ж азияты, татарского заповиду» . Однако заимствуя и приспосабливаясь, русские на Кавказе не растворялись, не ассимилировались, но интегрировали и сочетали новые черты с русской культурой, сохраняя язык, веру, традиции и обычаи. В результате формируется специфический этнокультурный тип с особым менталитетом и идентичностью.

Показательно, что последующая история советского периода принципиально не меняла ситуацию, русские на Кавказе не ассимилируются и не ассимилируют, а остаются в состоянии «своих среди чужих». События 1990-х гг. привели к миграции значительной части русского населения за пределы Северного Кавказа. И здесь, казалось бы, попав в русскую среду «кавказские русские» столкнулись с культурными отличиями принимающего их общества и оказались «чужими среди своих».

Наше исследование позволило выявить ключевые моменты в идентичности «кавказских русских», которые острее стали осознаваться ими за пределами Кавказа. Этнокультурными маркерами, позволяющими осуществлять идентификацию выступают такие признаки как язык, происхождение, ценностно-нормативная система, стереотипы поведения, элементы материальной и духовной культуры, конфессиональная принадлежность и т.д.

В ситуации с «кавказскими русскими» такой этнодифференцирующий маркер как язык проявляется достаточно ярко. Он представляет собой своеобразную смесь русских слов со словами титульных народов Северного Кавказа. Все респонденты отметили, что знают и используют национальные слова в повседневной речи, и когда они обозначают именно элемент национальной культуры, к примеру, название национальной пищи, одежды, и когда существуют русские аналоги, но они по привычке заменяются на национальные (например «кетык» (карачаев.) вместо русского «пойдем»). При этом никто из них в полной мере владеет языками титульных народов, но знание наиболее употребляемых слов считают естественным и необходимым. В то же время все респонденты подчеркивали, что даже полное знание языка не делает тебя своим в среде представителей титульных народов Кавказа.

Происхождение, этнические корни более важный этнодифференцирующий признак. На Кавказе в условиях значительной этнической пестроты, первый вопрос, который задают люди друг другу при знакомстве: «Кто ты по национальности?». Формирование этнического самосознания здесь происходит в раннем возрасте и воспринимается и переживается обостренно. Важно знать кто ты, представителем какой этнической группы являешься. Это не создает границ между людьми, но четко обозначает их положение в социальном пространстве. Респонденты имеют ясное представление об этнической структуре тех республик, где проживали и могут отличить представителей разных народов Северного Кавказа по языку, именам и фамилиям, внешним чертам. При этом себя определяют как русских, отмечая что это осознание сформировалось у них достаточно рано.

Важным элементом самосознания, выявленным в беседах информантов, выступает ценностно-нормативная составляющая. Респонденты отмечают, что в сознании русских на Кавказе прочно обосновались и обостренно переживаются ценности и приоритеты горского общества: коллективизм, долг, верность слову, мужество и отвага, взаимовыручка, уважение к старшим и др. Кавказские культуры характеризуются как маскулинные и это находит отражение в самосознании русских и стереотипах поведения.

Специфическим элементом самосознания русских на Кавказе, отражающим его фронтальный характер является «мессионизм», представление об особой роли предназначении. В пестром горском мире именно русский язык, по словам респондентов, выступает инструментом межнационального общения, по сути примиряя титульные народы в их попытках доминировать друг по отношению к другу. Русская культура и русские как ее носители, представляются как посредники в приобщении горцев к мировой культуре. Мнение о том, что республики не выживут без русских, что они гарант стабильности в регионе и залог культурного и интеллектуального развития типично для респондентов.

Вынужденно покинув республики Северного Кавказа, русские продолжают оставаться людьми фронта, но перенеся его теперь в новые условия, адаптируясь теперь уже к русскому обществу.

1. Тёрнер Ф.Дж. *Фронт в американской истории* / Пер. с англ. М., 2009. С. 15.
2. Толстой Л.Н. *Повести и рассказы. В 2-х томах. Т. 1. М., 1978. С. 279-280.*
3. *Очерки традиционной культуры казачества России. Т. 1. М.-Краснодар, 2002. С. 323.*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Салморбекова Р.Б. (Бишкек, Кыргызская Республика)

Социально-политические и экономические реформы в Кыргызской Республике привели к переустройству основных институтов общества. По оценкам экспертов, сегодня в обществе происходит определенная дезориентация, стихийность в формировании и функционировании ценностей, стандартов поведения. Идеи, принципы и ценности глобализации, открывшиеся обществу входе социальных преобразований, не дали ожидаемого социального эффекта в достижении высоких уровней социокультурной интеграции. Сложившиеся на настоящий момент обстоятельства требуют коренного пересмотра социокультурной политики.

С 2012 г. по данной теме проведен социологический опрос с участием 1 630 респондентов. Исследуется влияние процесс глобализации на социокультурную интеграцию в переходный период. По результатам социологического опроса в

переходный период важным показателем реализации культурного потенциала населения выступает посещение культурно-развлекательных учреждений.

В процессе глобализации неизменным источником информации являются мобильная связь, компьютер, интернет. Согласно результатам опроса 98,3 % пользуются мобильным телефоном, который стал непременным атрибутом образа жизни населения. 52,8 % регулярно используют компьютер, 37,9 % «Интернет». Таким образом, мобильный телефон, компьютер и интернет прочно вошли в повседневную жизнь городского населения.

Процесс глобализация сильно воздействует выбора ценности в обществе. Сегодня оборот ценности быстро изменяется. В настоящее время в Кыргызстане происходит свободного выбора стиль жизни, на него оказывает влияние Западная и Восточная культура.

На основе результатов социологических исследований были показаны основные механизмы и направления социализации.

Более половины от общей массы респондентов (57,4%) отметили, что ощущают влияние западных идей на повседневную жизнь, 22,7% - немного ощущают, 9,4% - особо не замечают, 10,4% - не замечают. Относительно влияния западных ценностей на будущее кыргызской нации и культуры респондентами были высказаны следующее:

с впитыванием западного опыта Кыргызстан поднимется на новый уровень – 16,8%;

западные традиции негативно повлияют на кыргызскую культуру – 42,1%;

не приведет к значительным изменениям – 21,5%;

затрудняюсь ответить – 19,6%.

Если 72,3% респондентов поддерживают необходимость сохранения свойственной кыргызам культуры при социализации молодежи в условиях «взаимопроникновения культур», то против этого высказались 3,5%.

В качестве отличительных черт населения Кыргызстана респонденты считают:

- терпеливость (выносливость, упрямство, патриотизм, активность);

- пассивность (быстрая поддаваемость влиянию «плохой» среды, леность, неотзывчивость);

- самостоятельность (пол влиянием глобализации быстро усваивают новые требования, индивидуализм).

По мнению опрошенных, наиболее важными причинами низкого уровня воспитанности молодежи отмечают неэффективную работу государственных институтов (отсутствие единой идеологии по воспитанию, недостаточный контроль, влияние СМИ, потоки миграции), а также семьи (воспитание родителей, воспитание детей родителями, низкое качество жизни).

Таблица 1.

Удовлетворенность респондентов воспитанием, следующих институтов (в %)

№	Институты	Полностью удовлетворен	Средне удовлетворен	Частично удовлетворен	Не удовлетворен	Совсем не удовлетворен
1	Семья	35,9	37,8	13,5	3,2	9,6
2	Детский сад	16,8	52,3	17,4	5,2	8,3
3	Школа	15,6	51,9	15,6	5,8	11,1
4	Соседи	1,3	4,6	5,3	2	86,8

5	Профтехучилище	7,2	39,2	23,5	7,2	22,9
6	ВУЗ	10,3	35,5	27,1	7,7	19,4
7	Мечеть/церковь	7,1	34,2	22,6	11,6	24,5
8	СМИ	7,8	24	28,6	13,6	26
9	ТВ	7,2	22,2	28,1	15,7	26,8
10	Интернет	8,4	19,5	25,3	16,5	30,3
11	НПО	5,8	13,5	23,1	19,2	38,4
12	Политические партии	2	14,6	24,5	17,9	41
13	Государство	9	34	23,1	9	24,9

Отсутствие веры в будущее стало причиной сужения у молодежи горизонта планирования жизни. В целом настроение молодежи не отличается от настроения всего общества. Так, опрошенные высказали неудовлетворенность: 28% - реализацией своих творческих способностей; 25% - своим профессиональным и карьерным ростом, будущим материальным положением; 24% - соблюдением своих прав как гражданина. Вместе с тем, не зависимо от половых различий, доминирующая часть респондентов (96%) отметили в целом об удовлетворенностью своей жизнью.

Как продемонстрировали результаты исследования, в качестве одного из главного направления социализации молодежи необходимо разработать государственную идеологию по воспитанию молодежи. Помощь государства в решении проблем молодежи, обеспечение защиты их прав, забота об их будущем, иначе говоря создание условий для их социального развития является сегодня потребностью общества.

В районах новой застройки человек с неизбежностью попадает в ситуацию аномии, исчезновения старой и первичной нормативной системы и несформированности новой. Старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. Приспособление к этому состоянию осуществляется по-разному: либо конформизмом, либо различными видами отклоняющегося, девиантного поведения. Традиционное действие, сориентированное на нормы и образцы поведения, закрепленные в культурной традиции района прошлого проживания, здесь не срабатывает. Поэтому происходит резкий сдвиг от целерационального и ценностно-рационального действия к действию аффективному, обусловленному чисто эмоциональным состоянием.

В период трансформации общества человек сам образует свою личную жизнь. Столкновение с изменениями перерастет в борьбу с новыми явлениями и будет вынужден адаптироваться новым условиям происходящего процесса. Человек попадает сильнейшего кризиса жизни. Сильная модификация угрожает независимости человека, он не желает адаптироваться новых условиях. Такой удар приводит хаос в обществе.

1. Салморбекова, Р.Б. Антология социологических исследований в Кыргызской Республике [Текст] / Р.Б. Салморбекова, Бакыт Амир, С.С. Борсокбаева. – Бишкек, 2010. – 272 с.
2. Салморбекова, Р.Б. Кыргыз коомундагы антропосоциеталдык өзгөрүүлөр [Текст] / Р.Б. Салморбекова. – Бишкек, 2011. - 200 б.

МЕДИА И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА: ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Селецкий Р.И., Ключев Д.Ю. (Санкт-Петербург)

Последние столетие многие исследователи характеризуют как начало не только доминирования «пространства отношений» в социуме, но и изменение границ дома и

государственных границ в эпоху «вездесущих медиа». В настоящее время культурная идентичность гражданина в меньшей степени определяется «воображаемой общностью», которая в работах Бенедикта Андерсона [Anderson, 2006], была связана с географическими границами национальной территории, и всё больше принимает сложно сформированный «мозаичный узор». Контур такого узора расчерчен такими пересекающимися зонами современного цифровой сферы, как спутниковое вещание и цифровые сети [Giddens, 1991].

Данная работа ставит целью не только хронологическое воссоздание развития медиа и анализ их трансформирующей роли в жизни общества, но и делает акцент на том, что с развитием мобильных и персонализированных медиа произошло слияние индивида и «техники» [например, McLuhan, 1974]. Более того, пишут современные исследователи, уже сейчас это слияние может восприниматься как нечто «само собой разумеющееся» [Kracauer, 1974; Benjamin, 1936]. Современные медиа могут быть сложно связаны не только с социумом, политикой, экономикой и культурой, но и, в то же время, могут играть роль в формировании новых социальных практик, и, таким образом, принимать участие в формировании социального опыта индивидов. Роль медиа, пишет Юрген Хабермас, усилилась в производстве современного опыта, и, возможно, медиа могут представлять собой среду обитания [Habermas, 1989].

С появлением фотографии в начале XIX века, Париж времён ранней османизации был запечатлён Шарлем Марвилем в первой в истории серийной фотосъёмке. Преобразование социальной жизни за счёт распространения рыночных отношений и появление средств, которые могли технически воспроизводить изображения, усилили не только восприятие города, но и восприятие частной и общественной сфер как многоплановой территории образов [Baumann, 2000]. Фотография хоть и «крала» моменты социальной жизни, но не могла «закреплять смысл» изображения на снимке в отрыве от контекста [Blau, 1989]. Эту проблему в той или иной степени смогли решить «объясняющие» (elaborative) подписи к снимкам. Для иллюстрации данного феномена, можно отметить, например, появление массового потребления почтовых открыток с городскими достопримечательностями в конце XIX века.

Уже в конце XIX века, кинематограф, в свою очередь, хоть и мог «фрагментировать» отснятую социокультурную жизнь общества для производства целостного нарратива, но, в то же время, не мог определять ту грань, где должны заканчиваться монтаж и компьютерная графика, и, начинаться «естественная», «сырая» съёмка. Мобильность в кино могла способствовать восприятию отснятого процесса как «быстрого путешествия» [Einstein, 1949]. С течением индустриализации и технологического прогресса, увеличением транспортных потоков, социокультурный опыт «современной жизни» начал характеризоваться «калейдоскопичностью» [Papastergiadis, 2000], которая позже приобрела формальную аналогию в «шоковых» эффектах процесса киномонтажа [Kracauer, 1960; Willams, 1974]. Резкая смена кадров в обеих кинокартинах стала основой для создания обсуждения среди многих кинокритиков [например, Kracauer, 1951; Mosco, 2004]. Иллюстрацией этой дилеммы начала XX века могут служить две киноленты: «Человек с киноаппаратом» Дзиги Вертова [Вертов, 1966] и «Берлин — симфония большого города» Вальтера Рутмана [Masrae, 2003]. Возможным решением являлась «дисциплина» при монтаже, которую режиссёр определял сам для себя [Adorno, 1982].

Как фотография, так и кинематограф стали играть одну из ключевых ролей в возникновении новых отношений между возможностью распространения технических изображений и трансформацией характеристик социокультурного опыта. Развитие медиа во многом способствовало дестабилизации классической системы координат традиционных социокультурных моделей [Lash, 1994]. Многие зарубежные учёные [к примеру, Kracauer, 1981; McQuire, 2008] в своих трудах неоднократно отмечают, что в современном мире медиа играют одну из ключевых ролей в производстве

социокультурного опыта и конструировании социокультурной идентичности. Современные медийные платформы играют не только «репрезентативную» роль, то есть роль создания и технического воспроизведения информации и цифровых изображений, но и (1) могут способствовать появлению новых практик восприятия и познания [Boyer, 1989], (2) участвовать в производстве социального опыта, конструировать новые формы и места общественной деятельности [Giddens, 1991], (3) влиять на субъектность индивида [Beck, 2003]. В связи с усилившей ролью «посредничества» сложных технических систем в современном мире, насыщение мобильными медиа может обострять диссоциацию между местом и идентичностью [Habermas, 1989], делая традиционные социокультурные и пространственные модели всё менее «чётко» очерченными и всё более «изменчивыми». Растущая зависимость в технических системах коммуникации создала потенциал для дальнейшей товаризации социальных связей [Ibid., 1996]. В рамках рефлексивной реальности [Giddens, 1991], а также трансформации социальной роли медиа в условиях цифровой «вездесущности» мобильных систем, классические формы пространственной дифференциации, а также универсальные режимы социокультурной идентификации и активности, субъектности, поддерживаемые ими, утверждают авторы, могут претерпеть значительные изменения. Например, пространство для участия в политических демонстрациях и физическое присутствие на собраниях локальных частей политических партий уже уступили место электронному пространству телевидения и экранам мобильных телефонов. Одним из последствий данного процесса может являться, пишет Скотт Маккуайер, появление возможностей для создания новых типов коллективов не зависящих от таких прежних эксклюзивных критериев, как, к примеру, национальность, раса, возраст, этническая идентичность и, таким образом, объединять социокультурный опыт индивидов [McQuire, 2008].

В настоящее время как сфера частного потребления, так и цифровые потоки медиа определяют не только контекст формирования социокультурной идентичности индивидов и развитие общества «цифрового контроля» [Habermas, 1992], с его электронными явками и паролями, возможностями «удалённого» действия и принятия решений, но и могут задавать контуры формирования социокультурных пространств. Предприняв попытку воссоздания хронологии развития социокультурной роли медиа, авторы доклада находят наиболее многообещающим не первостепенное изучение её репрезентативной роли, а анализ роли медийных платформ в конструировании новых форм и типов социокультурных идентичностей и пространств. Как конструируется социокультурный опыт у членов современного цифрового общества и формируются границы социокультурных пространств в медиа и через их посредничество? Ответ на данный вопрос, по мнению авторов, характеризуется фундаментальной «амбивалентностью», являющейся следствием «размывания истин» и описанной в своих трудах американским социологом Скоттом Лэшем [Lash, 1994] и канадским теоретиком коммуникации Маршаллом Маклюеном [McLuhan, 1974]. Однако, данный неизбежный атрибут современного общества не отменяет важности поиска ответа на поставленный нами вопрос.

1. Adorno T.W. *Transparencies on Film* // *New German Critique*. 1981–1982. № 24/25. P. 199–205.
2. Anderson, Benedict. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso Books, 2006.
3. Benjamin W. *The work of art in the age of mechanical reproduction*. – Penguin UK, 2008.
4. *Architecture and Its Image: Four Centuries of Architectural Representation* / Ed. by E. Blau, E. Kaufman. Montreal: Canadian Centre for Architecture, 1989.
5. Boyer C. *CyberCities: Visual Perception in the Age of Electronic Communication*. New York: Princeton Architectural Press, 1997
6. Einstein A. *Film Form: Essays in Film Theory* / Trans. and ed. by J. Leyda. London: Harcourt Brace Jovanovich, 1949

7. Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
8. Habermas J. *Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / Trans. by T. Burger, F. Lawrence. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
9. McQuire S. *The media city: Media, architecture and urban space*. – Sage, 2008.
10. Kracauer S. *Theory of film: The redemption of physical reality*. – Princeton University Press, 1960.
11. Lash S. *Reflexivity and its doubles: structure, aesthetics, communit'* // Beck U., A. Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Oxford: Polity, 1994. P. 110–173.
12. Macrae D. *Ruttman, rhythm, and "reality": a response to Siegfried Kracauer's interpretation of Berlin, the symphony of a great city* // *Expressionist Film: New Perspectives* / Ed. by D. Scheunemann. Rochester, NY: Camden House, 2003.
13. Mosco V. *The Digital Sublime: Myth, Power, and Cyberspace*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
14. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. London: Abacus, 1974. Papastergiadis N. *The Turbulence of Migration: Globalization, Deterritorialization, and Hybridity*. Malden, MA: Polity Press, 2000.
15. Williams R. *Television, Technology and Cultural Form*. London: Fontana, 1974.

ОБРАЗ ЭТНИЧЕСКИ ДРУГОГО В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ АЛТГУ

Семьянов С.А. (Барнаул)

В последнее десятилетие, в мире активизировались глобальные геополитические процессы. В условиях тесного международного взаимодействия, интересы и притязания многих стран все чаще сталкиваются между собой. Что негативно влияет как на международные отношения, так и на мировую безопасность в целом. Поэтому в складывающейся мировой обстановке РФ очень важно поддерживать отношения с дружественными странами, отношения с дружественными странами, которые поддерживают с ней общий курс развития, на основе партнерства и эффективного взаимодействия.

Российско-азиатское межвузовское образовательное пространство – это одно из направлений, которое реализуется в рамках такого, международного взаимодействия. Оно позволяет формировать международный вектор развития науки, осуществлять обмен научными знаниями и опытом, а также апробацию научно – исследовательских результатов и достижений. Процесс, включает в себя студенческую мобильность, которая подразумевает обмен участниками учебного и научно - исследовательского процессов.[1]

Алтайский государственный университет является одним из участников создания Российско-Азиатского образовательного пространства, осуществляя активное сотрудничество с участниками ШОС. В рамках такого сотрудничества университеты края становятся образовательной площадкой для большого числа студентов из стран азиатского региона. Увеличение этнического многообразия в студенческой среде в результате, делает актуальными вопросы о проблемах межэтнического взаимодействия.

Существующие различия во внешних морфологических признаках, культурной и языковой принадлежности, создают барьеры, препятствующие установлению позитивных взаимоотношений между представителями различных этносов.

Уникальность феномена этничности состоит в том, что она включает в себя и физические особенности в виде внешних морфологических признаков, и идеальные в виде духовной культуры, особенностей языка, традиций.

Соответственно образ этноса, складывающийся у индивида в первую очередь, будет формироваться за счет тех этнических индикаторов, которые не требуют дополнительной психической последнее десятилетие, в мире активизировались

глобальные геополитические процессы. В условиях тесного международного взаимодействия, интересы и притязания многих стран все чаще вызывают противоречия между ними, что негативно влияет как на международные отношения, так и на мировую безопасность в целом.[2]

Поэтому в складывающейся мировой обстановке Российской Федерации очень важно поддерживать активности для их усвоения. Иными словами те признаки или этнические индикаторы, которые человек может воспринять путем различных ощущений, будут являться основой для формирования этнического образа.

Естественно надо полагать, что первичный образ этноса, сформированный за счет таких признаков, не будет объективно отражать существующих реалий. Для объективизации такого образа необходимо более длительное взаимодействие, в течение которого активность высших психических функций индивида позволит выделить новые признаки этноса, провести их анализ, результат которого может обогатить, дополнить и изменить уже имеющийся в сознании образ.[3]

Однако в условиях современных реалий, восприятие другого этноса чаще всего завершается созданием первичного образа основанного на материальных этнических индикаторах, который, в сущности, может являться основой для соответствующих социальных представлений об этом этносе.

Такое ограниченное представление чаще всего может быть связано с особенностями взаимоотношений между этносами. В виду особенностей идентификации индивида, в том числе этнической, восприятие социального окружения становится биполярным, по принципу деления «свой – чужой».

Было проведено психосемантическое исследование социальных представлений с использованием факторного анализа. В качестве исследуемых национальных общностей были выделены «русские», «казахи», «таджики» и «армяне». Соответственно результатам, все из выделенных нами национальных общностей идентифицируют дружественный народ через характеристику «свой». В представлениях русских к характеристике «свой» близки такие национальные общности как: русские, славяне, народы севера, Сибири и Дальнего Востока. У казахов и таджиков, к характеристике «свой» близки такие национальные общности как: русские, и народы Средней Азии. У армян, к характеристике «свой» близки народы Кавказа, и народы Средней Азии. Такое размежевание русских и народов Кавказа в представлениях армян, можно объяснить территориальным происхождением этой национальной общности, а также более высоким уровнем дистанции во взаимоотношениях.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что некоторые национальные общности близки к характеристике «свой» не только в само представлении, но и у других национальных общностей, все из вышеуказанных наций по-разному, относятся к представлениям о дружественном народе.[4]

Если говорить о само представлении национальной общности, нужно отметить положительное само отношение у всех исследуемых общностей. Это можно объяснить высоким значением своей национальной идентичности для студенческой молодежи, на фоне взаимодействия с другими национальными общностями. Увеличение значения своей национальной идентичности может положительно влиять на увеличение интереса к своей культуре, материальным и духовным ценностям, что особенно важно для их сохранения и ретрансляции, как среди поколений, так и во взаимодействии с другими национальными общностями и их культурами.

Русские являются титульной нацией в Российской Федерации, и в Алтайском крае в частности. Положительное восприятие именно этого этноса в исследуемых группах среднеазиатского региона принципиально важно, для установления конструктивных межнациональных взаимоотношений.[5]

Результаты факторного анализа показали, что исследуемые национальные общности по - разному воспринимают «русских». Казахи описывают русских через

позитивные характеристики «сторонник прогресса, инноваций», и «дружественный народ», что свидетельствует о готовности этих этносов к сотрудничеству в сфере научной и инновационной деятельности. Таджики описывают «русских» в большей мере через «негативные» характеристики, что может свидетельствовать о существовании каких – либо противоречий во взаимоотношениях между ними. Армяне описывают русских в большей мере через позитивные характеристики, «дружественный народ», «сторонник прогресса, инноваций», « что свидетельствует о положительных взаимоотношениях этих этносов и их готовности к сотрудничеству в научной и инновационной деятельности.

Подводя итог, всему вышесказанному, нужно отметить что, в целом состояние межэтнических взаимоотношений, среди представителей исследуемых нами групп, положительное. Однако, необходима организация локальной работы направленной на устранение, отдельных негативных элементов межэтнических взаимоотношений.

1. Сулейманов А.Р. *Этносы и нации в стратегии социальной безопасности Российской Федерации: Политологический аспект* / Сулейманов А.Р. // *Стратегия устойчивого развития регионов России.* – 2013. – №17. – С. 83-87
2. Барт Ф. *Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий.* М., 2006. С. 9–48.
3. Бутенко Н.А. *К проблеме критериев разграничения этнической, национальной и цивилизационной идентичности* / Бутенко Н.А. // *Социосфера.* – 2014. – №1. – С.31-35
4. Гайфуллина Н.Г., Тальшева И.А. *Исследование этнических стереотипов у студентов Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета* / Гайфуллина Н.Г., Тальшева И.А. // *Современные проблемы науки и образования.* – 2013. – № 6; С.32-37
5. Галушко К.Ю. *Этничность и глобализация: теоретическое осмысление взаимодействия этнокультурных и системных факторов современного глобального развития* / Галушко К.Ю. // *Вестник Удмуртского университета.* – 2006. – №7. – С.209-211

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ЭТНОПОЛИТИКИ

Сикевич З.В. (Санкт-Петербург)

Культурно-языковой мотив этнической мобилизации подчас, особенно в кризисной ситуации, может стать основой политического размежевания, первичным фактором межэтнического конфликта.

Именно такой путь – от защиты культурной самобытности до провозглашения политических лозунгов – прошли многие народы бывшего Советского Союза.

Важным направлением конструирования этнонационализма стала в конце 80х гг. так называемая языковая революция, которая выразилась в законодательном и идеологическом придании языкам титульных народов союзных республик статуса государственных с принуждением иноэтнического населения к их освоению. Пионерами в этих действиях стали прибалтийские республики. Так язык из инструмента этнокультурной идентичности и солидарности постепенно превратился в орудие политики, одних граждан того же самого государства объединяющих, а других – разъединяющих.

Наиболее характерным примером этой трансформации стала исторически русскоязычная Украина, где усилиями центральной власти в течение 24 лет после объявления независимости была предпринята пока еще безуспешная попытка превращения государственного языка в доминирующее средство языковой коммуникации.

История функционирования русского языка на территории современного Украинского государства непосредственным образом связана со следующими обстоятельствами:

- Вплоть до 1917 года понятие «украинцы» в официальной фразеологии не использовалось, «малороссы» же наряду с «белорусами» и «великороссами» считались субэтническими группами единого русского народа. Примечательно, что даже в последней дореволюционной переписи 1913 года численность ни украинцев, ни белорусов не указывается – они как бы «поглощены» единой восточнославянской общностью.

- «Малороссийский» язык считался диалектом, говором сельского населения Малороссии. В городах говорили исключительно по-русски. По-русски писал свои книги этнический украинец Николай Гоголь, лишь в некоторые произведения как, например, цикл рассказов «Вечера на хуторе близ Диканьки» или «Тарас Бульба», вставляя для колорита малороссийские слова и выражения. Примечательно, что в современных учебных программах украинских школ Гоголь фигурирует в разделе «иностранных писателей», по-видимому, в наказание за свою русскоязычность. Даже Тарас Шевченко, о чем сегодня на Украине не принято говорить, прозу в отличие от стихов писал исключительно по-русски.

- Немаловажно для будущего состояния речевой среды на Украине стало включение в состав УССР русских территорий Донбасса, Новороссии, а впоследствии и Крыма, что привело к повсеместному, за исключением трех областей исторической Галиции (Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская области), доминированию русского языка.

Поэтому, что вполне естественно, еще в бытность Российской империи, украинские просветители, а впоследствии националисты, старались идти путем популяризации и насаждения украинского языка взамен русского.

После окончания гражданской войны на всей территории УССР проводилась активная политика украинизации (ответвление общесоюзной компании «коренизации»), включавшая в себя внедрение в общественную жизнь элементов украинского языка (хотя русский все равно оставался главным языком в деловой сфере и общении на территории всей союзной республики).

Но особенно массовый характер приобрела украинизация в период распада СССР (конец 80х – начало 90х гг.).

Так, еще в 1989 году был принят закон «О языках в Украинской ССР», согласно которому единственным государственным языком признавался украинский. Только на украинском языке следовало составлять официальные документы, вести теле- и радиовещание.

Отмена закона о региональных языках стала первичным мотивом этнической мобилизации русского населения Крыма и впоследствии привела к выходу Республики Крым из состава Украины.

В современном Украинском государстве, несмотря на статус украинского языка как государственного, он так и не стал универсальным языком общения на территории всей страны. Конечно, на общую распространенность языка влияет факт его обязательного изучения в школах, но большинство жителей не только Юго-восточной, но и Центральной Украины до сих пор предпочитают в повседневной жизни общаться на русском языке.

Немного статистики:

- На территории Украины в 1993 году было около 31 млн. человек, родным языком для которых был украинский, к 2001 году их число увеличилось до 32,7 млн. человек — 67,5 % населения Украины.

- Территориально наиболее распространён украинский язык в Тернопольской области, где 98,3 % жителей назвали украинский язык родным, наименее - в Севастополе (6,8 % жителей).

- Среди украинцев, проживающих на Украине, 85,2 % считают его родным, среди поляков — 71,0 %, крымских татар — 0,1 % и русских — 3,9 % [1].

На юго-востоке и юге страны безраздельно доминирует русский язык. В Харьковской, Запорожской, Донецкой и Луганской областях по-русски говорит 86,8% жителей. В Одесской, Николаевской и Херсонской областях русскоязычными себя назвали 82,3% жителей.

Очевидно, что численность русскоязычных граждан страны явно превышает число этнических русских (8 млн. 300 тыс.). По мнению многих лингвистов, в реальности для 55-60% жителей страны основным средством общения является именно русский, а не украинский язык

На использование того или иного языка на Украине влияет еще и уровень образования, а также непосредственное местожительство.

Лица с высшим образованием за исключением Западной Украины пользуются исключительно русским языком, кроме этого, русский язык – это язык городов, а не сел, где преимущество в коммуникации имеет даже не литературный украинский язык, а суржик – гибрид русского и украинского языков.

Немалые затруднения испытывает сегодня украинский язык в естественно-научной и технической сферах, а также в сфере бизнеса и экономики, т. е. в тех областях, которые в значительной степени определяют научно-технический прогресс и перспективы развития Украины в XXI веке.

Проблема заключается в том, что использование того или иного языка, суржик вынесем за скобки, сегодня чрезвычайно политизировано. Не будет преувеличением сказать, что в 2012 году Янукович победил на выборах президента Украины благодаря «языковому» закону. После утверждения в должности он благополучно отложил неудобный закон «на полку».

Таким образом, язык, во всяком случае, на Украине, вовсе не элемент символической среды этничности, а, по мнению большинства украинских политиков и политологов гарант государственной независимости. Действительно, что же это за государство, где большинство граждан говорят на иностранном языке?

*1. Языковой состав населения Украины
(<http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/>)*

ДИНАМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТАХ МОБИЛЬНОСТИ

Смирнова С.В. (Сыктывкар)

В эпоху главенства информационных потоков успешным становится человек, умеющий ориентироваться в этом информационном поле, быстро и эффективно находить необходимые данные и управлять ими. Поэтому традиционное заучивание информации (которая, к тому же, имеет свойство устаревать и изменяться) постепенно отступает на задний план в сравнении со способностью быть мобильным, активным, креативным. Новые стандарты образования вносят приоритет воспитания и развития личности, развития ключевых компетенций, метапредметных результатов, таких как умение общаться, выстраивать и организовывать свою деятельность самостоятельно, уметь анализировать полученный результат, именно потому, что данные навыки становятся определяющим для всей будущей жизни современного человека.

Сегодня также речь идет о развитии одаренности и умении ставить рекордные, т.е. высокие, труднодостижимые цели в жизни.

Параллельные процессы поиска наиболее актуальных форм развития человеческого потенциала и саморазвития происходят также и в других сферах жизнедеятельности, наиболее гибкой из которых, в силу своей специфики, является бизнес. Так, в базовых положениях о стратегическом управлении ведущих мировых корпораций, таких как Microsoft, ведется речь не только об освоении всем знакомых ключевых компетенций, но, в первую очередь, о развитии динамических возможностей. К примеру, свои повседневные действия компания Microsoft основывает на ключевых компетенциях, которые складываются из ориентации на результат, развития духа конкуренции и открытости плохим новостям (Гейтс говорит: “Если что-то не так, я хочу все знать”). А их динамические возможности выглядят следующим образом:

- Способность предвидеть будущее и соотносить с ним свои действия.
- Способность учиться и изменяться.
- Способность принимать долгосрочные планы.
- Способность приводить нужных людей в корпорацию.
- Способность выстраивать партнерские отношения [1].

В отечественной науке под динамическими способностями понимается «являющаяся результатом организационного обучения и стабильная совокупность форм и методов взаимодействия и способов принятия решений по поводу интегрирования, создания и реконфигурации внутренних и внешних компетенций для оперативного и эффективного использования возможностей, создаваемых меняющейся средой» [4].

Таким образом, мы можем проследить очевидные закономерности в различных областях жизнедеятельности современного человека, своеобразные вызовы нового времени, которые требуются для успешного освоения мира. Сегодня недостаточно быть хорошо образованным человеком, сегодня требуется много дополнительных умений и личностных качеств, работающих на то, чтобы человек мог успешно действовать в нарастающем информационном потоке, со способностью творчески преобразовывать пространство вокруг себя, ориентируясь, при этом, на позиции других людей с целью постановки рекордных целей.

Можно с уверенностью сказать, что определенная человеческая мобильность, социальные качества личности (как действия с ориентацией на позицию другого человека) - сегодня является одним из самых востребованных качеств личности, индикатором личностной нравственности, приоритетом в воспитании человека, направленным на достижение стратегической заинтересованности в собственном и окружающем развитии.

Воспитание данной мобильности может быть основано на поиске и подборе методик, приемов, и даже целостной системы многомерного воспитательного взаимодействия, построенной на развитии не только ключевых компетенций, но и динамических способностей человека, инструментарий которой разрабатывается в настоящее время сотрудниками Коми республиканского института развития образования и претендует на изменение чисто технологического подхода, господствующего в образовании.

Многомерный подход строится на основе понимания того, что ребенок не развивается согласно плана воспитательной работы, когда в сентябре решаются вопросы нравственности, в октябре культуры поведения и духовности, в ноябре сотрудничества и т.д., но его развитие происходит одновременно и динамично в различных направлениях, с различной глубиной восприятия, зависящей от актуальных жизненных условий каждого конкретного ребенка. А педагогические технологии, при этом, имеют вспомогательную роль и направлены на динамичное развитие одного или нескольких личностно-значимых навыков.

Развитие проектируемых качеств личности в многомерном подходе предполагает:

- коммуникативную компетентность (умение общаться и доносить свои мысли до окружающих, слышать и слушать)

- готовность и способность обучающихся к саморазвитию (в части коммуникативных и рефлексивных навыков)
- навык сотрудничества
- объективную самооценку собственных нравственных качеств
- динамическую способность сформированности мотивации к обучению и познанию.

В данном инструментарии можно выделить несколько красных линий в социальном и духовно-нравственном воспитании детей и подростков, которые развиваются в многомерных направлениях за счет использования таких технологий как открытый тренинг, сотрудничество, мотивация, неформализованная оценка.

При этом часто мы наблюдаем совершенно обратный процесс в российском образовании, когда речь ведется только о так называемой «работе с одаренными детьми», сводимой лишь к подготовке детей к конкурсным мероприятиям. Образовательные процессы направлены на достижение только текущих, тактических целей, где человеческий потенциал не только не развивается, но и игнорируется, приносится в жертву минутным целям и ценностям.

Сегодня в сфере образования необходимо разрабатывать и внедрять актуальную систему мотивации на обучение детей многомерным динамическим компетентностным практикам, включающим нацеленность на авторское действие и замысел, на постановку небанальных, несиюминутных, а стратегических целей.

Академик РАО, д.п.н. Б.С. Гершунский, выделял в содержательной трактовке категории "образование" четыре аспекта: образование как ценность, как система, как процесс, как результат [2, с. 29]. Справедливо будет утверждать, что данное содержание также относится и к области воспитания.

Справедливо будет утверждать, что данное содержание также относится и к области воспитания. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29 декабря 2012 г во второй статье формулирует понятия «образование» и «воспитание» таким образом: «1) образование - единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов;

2) воспитание - деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [5, с. 3].

Таким образом, принимая во внимание многомерный подход, содержательную концепцию Гершунского, трактовку ФЗ-273 и Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, можно сделать вывод о том, что актуальность многомерного подхода в области воспитания в современных условиях является актуальной и востребованной.

Данный подход, применительно к вопросам воспитания, представляет собой систему динамичного многомерного развития личности учащихся и применения педагогами специально подобранных технологий адекватной передачи знаний и опыта, включающую:

- ориентацию на целенаправленное развитие духовно-нравственных, гражданских, патриотических, социальных, психологических и творческих качеств личности (Ценностно-целевой и Результативный блоки),
- смысловую основу пространства духовно-нравственного развития личности, которая пронизывают все учебное содержание, весь уклад школьной жизни, всю

многоплановую деятельность школьника как человека, личности, гражданина [3, с. 26] (Содержательный блок),

- освоение технологий полноценной передачи общественно-исторического опыта молодым поколениям (Процессуальный блок).

Процессуальный инструментальный системы динамического многомерного воспитательного взаимодействия разрабатывается в настоящее время сотрудниками кафедры воспитания и развития личности Коми республиканского института образования.

Таким образом, обозначенный подход представляется востребованным с точки зрения достижения устойчивых положительных эффектов образования в условиях глобальных изменений, мобильности в целом, а также в творческо-личностном взаимодействии педагога и ребенка, профилактике зависимого поведения обучающихся и профессионального выгорания учителей.

1. *Большаков З. Организационная архитектура Microsoft//Экономические стратегии: [Электронный ресурс <http://www.cfin.ru/management/microsoft.shtml>]*
2. *Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М.: Психолого-социальный институт; Флинта, 1998. – 432 с.*
3. *Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. — М.: Просвещение, 2009. — 30 с.*
4. *Массон К.А. Управление динамическими способностями как основа стратегического развития предприятия. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук.- Санкт-Петербург – 2011., - 20с*
5. *Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации". – М.: Издательство «Омега-Л», 2013. – 134с.*

ТВОРЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Смолина Е.Г. (Волгоград)

Становление нынешнего глобального социума неразрывно связано с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые трансформируют индивидуальное и общественное сознание, принося свои культурные изменения. Флагманом ИКТ сегодня является интернет. Корреляция между технологическим и культурным развитием общества - предмет исследования многих социологов. Так по одной из наиболее проработанных концепций технического детерминизма, автором которой является М. Маклюэн, сегодняшние электронные системы, поставляя информацию о среде, «гармонизируют» человеческие отношения, превращая всю планету в «глобальную деревню». [10, р. 13.] Следовательно, сравнение интернета с "сетью сетей" является целесообразным в рамках теории М. Кастельса [3, с. 494-495], согласно которой современное общество подвластно именно сетевой, а не структурной логике в ходе и результатах социальных практик.

Действительно, всемирная паутина "окутала" наш мир плотной сетью, делая его более взаимосвязанным с информационно-коммуникативной точки зрения. Под воздействием новых интернет-возможностей расстояния уменьшаются, а восприятие времени становится более динамичным. Таким образом, новые формы связи, получения информации и навигации делают мир вокруг нас более мобильным, трансформируя повседневные формы мировосприятия и практики. Потому актуальным является анализ понятия социальной мобильности в контексте нового этапа общественного развития. Напомним, что изучение социальной мобильности было начато П. Сорокиным, который понимал под социальной мобильностью любой переход индивида из одной социальной

позиции в другую, и показал, что существуют два основных ее типа – горизонтальная и вертикальная. [6, с. 373–374]. При этом именно вертикальная мобильность сегодня является предметом множества исследований в области социологического знания.

По мнению О.И. Шкаратана, на современном этапе на первый план в системе вертикальной восходящей мобильности выступает принцип меритократизма. Этот принцип порожден приходом постиндустриального или информационного (сетевое) общества, где классовая иерархия переплетается с усиливающейся иерархией по владению человеческим и культурным капиталами [8, с. 20]. Инициаторами данной концепции являются такие видные ученые, как Д. Белл, М. Кастельс, Д. Грусски, согласно которым в этом обществе и формируется меритократический принцип социальной селекции, при котором одаренные и хорошо образованные люди реально получают преимущества в социальном продвижении.

Таким образом, предмет настоящего исследования - это понятие творчества как фактора социальной мобильности в рамках современного информационного общества. Творчество понимается автором как результат социальных коммуникаций. Согласно мнению И.Н. Дубины, творчество не является просто актом, действием или деятельностью, оно представляет собой прежде всего коммуникативную направленность на другого и отношение с другим [2]. В сегодняшнем мире наряду с устоявшимися каналами мобильности появляются новые, характерные, по выражению М. Кастельса, для общества знаний. Возросшее значение информационных потоков не было бы таким стремительным без качественных изменений в современной социальной обстановке конкуренции и динамичности процессов. В таких условиях, по замечанию Э. Тоффлера, становится реальностью неизбежный в современной ситуации переход к личности нового типа — информационно-адаптированной, основными характеристиками которой могут быть представлены естественное включение в информационные процессы, способность к адекватному восприятию полученной информации и настроенность на эффективное ее использование в своей деятельности [7, с. 265]. Следовательно помимо хорошего образования выраженного, прежде всего, во владении иностранными языками и компьютерной грамотности, человеку необходим "креатив" или, другими словами, способности к творчеству. Примером возросшего влияния творчества является сведения РБК Рейтинг: по итогам опросов самыми востребованными профессиями после IT-специалистов идут дизайнеры интерьеров, фотохудожники и журналисты. Они же являются и одними из высоко оплачиваемых.

По мнению психолога С. Блекмор, единственное, что делает нас людьми, является не разум *per se*, не способность к символизации, не изготовление и использование орудий, но наша способность к имитации. Имитация - сложный, когнитивно затратный процесс, следствием которого является творчество. [9, р. 65-66]. Однако зачастую сегодня человек не достигает конечной цели, останавливаясь на стадии имитации как копирования.

Дело в том, что если культуру информационного общества рассматривать в аспекте ее технологических свойств, то исследователи характеризуют ее как «блип-культуру», порождающую «клиповое сознание» [4].

Клиповое мышление как феномен современности понимается как отсутствие у человека способности к анализу ситуации и восприятию мира не целостно, посредством яркого посыла. С одной стороны, спасая человека от перегрузки информации, клиповое сознание, с другой стороны снижает уровень усвоения знаний у человека и делает его более подверженным чужому влиянию. В рамках подобной тенденции нынешнего общества роль творчества как фактора, определяющего позицию в социуме, усиливается вдвое. Ведь для того, чтобы ярко представить и проявить себя в выгодном свете за короткое время, необходимо быть развитым и разносторонним человеком.

Итак, творчество, а точнее творческие возможности являются частью человеческого потенциала. Важным этапом творческого процесса является имитация или копирование. Современные информационные изменения общества выдвигают на первый

план личность, готовую мыслить нестандартно. Однако именно интернет-культура в итоге создает предпосылки для формирования среды, в которой человек уже перестает быть способен на творчество, предпочитая процессу созидания процедуру копирования и заимствования. Прежде всего, речь идет о плагиате, который с появлением интернета превратился в серьезную проблему. Плагиат представляет собой не просто копирование части текста чужой работы и выдача его за собственный труд, но и перефразирование как заимствование. Автор солидарен с точкой зрения Н.Ю. Абрамовой о том, что развитие информационных технологий сегодня во многом упростило существование человека, и это колоссально отразилось на его работе - появилась возможность с помощью простых алгоритмов и несложных манипуляций решать различные задачи в максимально короткие сроки. Например, искать нужную информацию [1, с. 25]. Но такая простота и доступность приводят к "тихому воровству" и утрате новизны как результата творчества. Таким образом, на сегодняшний день среди культурных изменений отмечаются, во-первых, высокая роль творческого потенциала как механизма социальной мобильности и, во-вторых, тенденция к достижению результата через ускорение и упрощение, транслируемые характерными чертами интернета как нового социального феномена. По мнению автора, риски клипового сознания возможно уменьшить за счет понимания творчества как коммуникативного процесса. Творчество проистекает из диалога, а современный интернет и является непрекращающимся диалогом всех со всеми. В этом смысле интернет может выступать как платформа, быть инструментом создания самоорганизующихся сообществ, способных создавать, то есть творить новые проекты в различных сферах жизни. Более того, творческий потенциал в совокупности с интернет-возможностями может стать для конкретного человека социальным лифтом в контексте смены позиций в социальной иерархии.

1. Абрамова Н. Ю. Проблема плагиата в научных работах // *Научная периодика: проблемы и решения*, 2011. — № 2. — С. 25-28.
2. Дубина И.Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций URL: <http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-kak-fenomen-sotsialnykh-kommunikatsii> (дата обращения 06.10.2015).
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. Под ред. В.Л. Иноземцева.: М. — 1999. — с. 589.
4. Костина А.В. Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Information_Society/ (дата обращения 08.10.2015).
5. Марков Б. В. Человек и язык // материалы виртуального colloquium «Семиотика XXI века: человек в мире знаков». — С. 8. URL: <http://www.culturalnet.ru/ff/viewtopic.php?id=1559> (дата обращения 06.10.2015).
6. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.: По- литиздат, 1992. — 543 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна.: М. — 1999. — с. 781
8. Шкаратан О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов *Общественные науки и современность*, 2011 — № 1. — С. 5-24.
9. Blackmore S. Memes, minds and imagination. In: *Imaginative Minds (Proceedings of the British Academy)*. Ed Ilona Roth, Oxford University Press, 2007. — P. 61-78.
10. McLuhan M. *The Guttenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto, 1967.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Тавровский А.В. (Санкт-Петербург)

В истории миграционной политики России довольно четко прослеживаются три этапа, которые примерно соответствуют трем десятилетиям, прошедшим со времени распада Советского Союза и образования Российской Федерации: 1990-е годы, 2000-е годы и 2010-е годы. Причем, на протяжении двух первых этапов миграционная политика, скорее, была ситуационной реакцией на происходящие в обществе, экономике и государстве изменения и только на последнем этапе, особенно с принятием в 2012 году Концепции государственной миграционной политики РФ, вышла на уровень стратегических решений.

Конфигурация миграционных потоков на протяжении этих трех десятилетий существенно менялась. Население страны, работодатели и власти каждый раз сталкивались с новыми вызовами. Главными задачами миграционной политики 1990-х годов была репатриация и интеграция русскоязычного населения из бывших советских республик. Политика 2000-х годов резко ограничила возможности интеграции и права мигрантов. В 2010-е годы ей на смену постепенно пришла более либеральная и продуманная политика. Это преобразование было отчасти связано с осознанием экономических и демографических проблем, а также с необходимостью преодолеть негативные последствия предыдущего периода миграционной политики, который привел к появлению нескольких миллионов недокументированных мигрантов, массовому нарушению работодателями экономических и социальных прав трудящихся-мигрантов и повсеместному распространению коррупции среди проверяющих органов. Период 2000-х годов показал, что запретительная и противоречивая миграционная политика может также привести к всплеску расизма и ксенофобии, отчуждения и маргинализации мигрантов, появлению новых социальных неравенств [1].

Тем не менее, новая миграционная политика 2010-х годов сталкивается с серьезными проблемами. Ее реализация осложняется неблагоприятной атмосферой ксенофобии, крайне политизированной миграционной повесткой дня и широким распространением институциональной коррупции [2]. Российская миграционная политика оценивается относительно наиболее значимой категории: трудовых мигрантов. Другие категории мигрантов привлекаются в порядке сравнения. Проведенный анализ проводится по трем измерениям [3]: 1) регулирование численности мигрантов (квоты); 2) дифференциация и отбор мигрантов (уровень квалификации и страна происхождения, режим для визовых и безвизовых стран); 3) права мигрантов: гражданские и политические (напр., получение гражданства), экономические (напр., свободный доступ к рынку труда, равная оплата труда и равные условия труда), социальные (напр., доступ к социальному обеспечению), права, связанные с режимом пребывания (проживания), и права, касающиеся членов семьи мигранта. Автор утверждает, что, несмотря на некоторую диверсификацию и либерализацию текущей миграционной политики, Россия сталкивается с серьезными внешними и внутренними вызовами в разработке эффективной программы обеспечения прав трудящихся-мигрантов и содействия их структурной и культурной интеграции.

1. *Миграция в России 2000-2012. Хрестоматия в 3 томах. Том 2. Миграционная политика и законодательство. М.: Спецкнига, 2013*
2. *Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. М.: Спецкнига, 2013*
3. *Ruhs M. The Price of Rights: Regulating International Labor Migration. Princeton University Press, 2014*

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

Тимофеева Е.В. (Санкт-Петербург)

В настоящее время привязанность к месту рождения становится для человека все менее актуальной. Люди, как и многие другие объекты, образы, информация, материальные ценности и технологии находятся в постоянном движении (Урри 2012: 9). Мобильность, пространственное движение становится доминирующим признаком современности, который представлен во всех типах национальных обществ. Трансформации, вызванные ростом мобильности, переопределяют само понятие национального общества и его границ.

Сегодня правомерно говорить об интенсификации межкультурных взаимодействий. Миграция, как воплощение пространственной формы мобильности (Куропятник 2014: 561), реализует перемещения людей и вместе с ними образов, символов, информации, моделей поведения. Значительные различия в стандартах жизни и возможностях самореализации явились одним из основных катализаторов стремительно растущих потоков людей, перемещающихся из «не-западных» стран в страны Западной Европы и Северной Америки. Можно утверждать, что за решением покинуть родной город или страну стоит возможность воплощения в реальность некоторых социальных интересов на «новом» месте (Юдина 2005: 210). Действительно, в ходе глубинных интервью (использовалась методика интервьюирования как глубинного понимания П. Бурдьё) с иммигрантами первого поколения было установлено, что большинство информантов едут за «лучшей жизнью», «реализацией талантов», «признанием в профессиональной сфере». Однако здесь первостепенное значение принимает культурная дистанция между «новым» и «старым». До тех пор, пока Франция была страной преимущественно европейской иммиграции, ассимиляция иммигрантов из Европы проходила довольно быстро в силу близости языка и культур (Куропятник 2000: 90), что, безусловно, способствовало конструированию благоприятных условий взаимодействия иммигрантов и представителей местного населения. Общество меняет индивида-иммигранта, а индивид меняет общество.

Современные западноевропейские мультикультуральные общества таковыми являются лишь отчасти, поскольку любые этнические образования рассматриваются сквозь призму соответствия или несоответствия «доминирующей» культуре или культуре большинства. Следовательно, происходит маркирование границы «мы» - «они», и таким группам негласно приписывается статус меньшинства. Под меньшинством следует понимать группу людей, которые по физическим или культурным характеристикам выделяются из числа остальных в обществе, подвергаются отличному или неравному обращению и, как следствие, считают себя объектами коллективной дискриминации (Вирт 2005: 152). Культурная плюрализация европейского общества стала рассматриваться как угроза культуре национального большинства. Этнические меньшинства стали требовать от большинства уважения и социально-правового признания (Куропятник 2005: 138).

Разрушение эндогенных структур национальных обществ вследствие глобальных изменений, связанных с увеличением иммиграционных потоков, является одной из важнейших проблем современности. Вопросы социальной и культурной интеграции национальных обществ приобретают все большую значимость. В случае, если общество как система характеризуется высоким уровнем внутренней дифференциации, можно с уверенностью утверждать, что оно столкнется с проблемами интеграции (Парсонс 1998: 44). Внутренняя интегрированность – одно из условий стабильного существования социальной системы. В условиях этнокультурной плюрализации национальных обществ актуальным представляется научное осмысление и переосмысление феноменов этничности, нации и мультикультурализма.

Иммигрант рассматривается автором как источник привнесения социокультурных трансформаций и развития культуры. Важно понимать, что «изолированная» или «закрытая» культура не может существовать в течение длительного периода. Множество конкретных примеров, имеющих в истории, доказывают нам то, что культура становится жизнеспособной лишь в процессе взаимодействия с другими культурами. Замкнутость, закрытость или изолированность приводит к культурной стагнации.

Трудности понимания феномена интеграции заключаются, прежде всего, в существовании множества значений самого термина «интеграция», который определяется многими социологами через его противопоставление дезинтеграции, аномии, девиации, недействительности, диссоциации, расколу и расхождению, раздробленности, сегрегации, враждебности и исключению (Schnapper 2007: 11). Интеграция общества и интеграция в общество представляют собой два разных разворота понимания термина (Collet 2006: 97). В контексте изучения моделей включения иммигрантов в «новое» общество, интеграция рассматривается как процесс, в ходе которого представитель одной культуры включается в конструктивное взаимодействие с представителями другой культуры, принимает ее нормы и правила, а также имеет право активно участвовать в социальной жизни нового общества. Для успешного вхождения в инокультурную среду человеку необходимо участвовать в создании норм вместе с представителями местного населения, чтобы не чувствовать себя бесправным «чужим» под влиянием «новой» среды, а быть вовлеченным в ее социальную жизнь.

Общественные трансформации, явившиеся следствием увеличения иммиграционных потоков, могут быть изучены только во взаимосвязи с рассмотрением проблемы эмиграции. Иными словами, любой анализ проблем инсерции иммигрантов в инокультурную среду должен быть соотнесен с причинами, побудившими эмигрировать из страны происхождения, а также историческим контекстом.

Таким образом, вопросы определения, существования, стабильности, социальной и культурной интеграции национальных обществ являются особенно актуальными в условиях глобальных изменений. «Всплеск» интереса к проблемам этнически гетерогенных обществ в европейских странах пришелся на последнюю треть двадцатого столетия (Куропятник 2000: 6), что, главным образом, связано с социокультурными изменениями европейских обществ. Возвращаясь к внутренней дифференцированности группы, необходимо подчеркнуть, что этничность, согласно норвежскому антропологу Ф. Барту, является формой организации культурных различий и лишь одной из форм социальных идентичностей. Необходимо понимать, что культура – не набор обязательных элементов или статичных компонентов, присущих определенной группе. В рамках одной группы могут встречаться наиболее существенные различия, чем между группами. Главную роль приобретает характер межгрупповых отношений (Эриксен 2014: 211). Важно то, какие различия между «своей» и «чужой» культурой становятся социально значимыми. Об этничности «сообщают» определенные модели поведения, которые задают положение человека.

1. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
2. Вирт Л. Проблема меньшинства // Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН, 2005. – 244 с.
3. Куропятник А.И. Иммиграция и национальное общество: Франция //Мультикультурализм и национальная политика. Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. №4
4. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 208 с.
5. Куропятник М.С. Дискурс мобильности и современность. Ковалевские чтения //Материалы научно-практической конференции 14-15 ноября 2014 г./Отв.ред.Ю.В.Асочаков. СПб.:Скифия-принт, 2014. – С. 560-561
6. Парсонс Т. Система современных обществ. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998 – 270 с.
7. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 336 с.
8. Эриксен Т. Что такое антропология? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 238 с.
9. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2006. – 272 с. – («Gaudeamus»)
10. Bourdieu P. Comprendre // in. P. Bourdieu (dir.) La misère du monde, Paris : Ed. du Seuil, 1993

11. Collet B. *Pour l'étude des modes d'intégration entre participation citoyenne et références culturelles. Revue européenne des sciences sociales, Tome XLIV, 2006, №135, pp. 93-107*
12. Schnapper D. *Qu'est-ce que l'intégration ? Paris : Editions Gallimard, 2007, 238 p.*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОБИЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Туракаев М.С. (Санкт-Петербург)

Мобильная трудовая занятость выступает как связка пространственной и социальной мобильности. Индивиды передвигаются в физическом пространстве в поисках работы, т.е. возможностей (капиталов) поддержания и улучшения своего положения в социальном пространстве, границы которого определяются по распределению капиталов.

Социальные взаимодействия (например, жизненные пути как длительные практики индивидов) сами по себе из пустоты не возникают, а обуславливаются социальной структурой. Жизненные пути мобильных рабочих стали появляться не по инициативе самих рабочих, а под структурным влиянием: введением вахтового метода в п. Нефтяные Камни в нач. 1950-х гг. (П. С. Сапожников 1988: 158 с.; цит. по А. Т. Стадник, Е. В. Шаравина 2011: 150–156). Затем вахтовый метод стал широко применяться в освоении Севера. В начале 1990-х годов вахтовый метод стал распространяться не только на Севере страны, но и в крупных городах России. В 1990-е гг. многим людям перестали платить зарплату деньгами, а общий уровень жизни значительно упал. Социально-экономическая ситуация в регионах вынудила преимущественно мужчин трудоспособного возраста уехать на заработки в крупные города и в северные регионы страны. Причем основное место жительства как правило не менялось. Таким образом, стали возникать повторяющиеся устойчивые практики рабочих, жизненные пути, которые в свою очередь формируют определенный их стиль жизни и габитус. Габитус как результат воздействия социальной структуры функционирует в виде длительных диспозиций (схем восприятия, классификации, оценивания и действия). Устойчивые практики и интересы, габитус работников, занятых мобильным трудом, воспроизводят социальные структуры (жизненные пути работников как устоявшиеся социальные и трудовые отношения, их стиль жизни и образ жизни).

Длительное и устойчивое воспроизводство социальных структур (позиций в социальном и физическом пространстве) можно представить и изучать через категорию жизненных путей людей.

Жизненный путь человека – это комплексный и общий анализ стратегий и практик мобильных работников на протяжении определенного периода жизни или всей жизни. В первую очередь – это изучение трудового пути, т.е. процесса изменения статусных позиций человека в пространстве (социальном и физическом) и времени. Статусные позиции на рынке труда – это позиции мобильных работников в организациях, позиции вне организаций (безработный), смена позиций, и даже создание ими своих позиций (самозанятый).

Типы жизненных путей мобильных работников Северо-Востока Башкортостана

Данное исследование проводилось автором этой статьи. Объектом исследования в данной работе являются местные жители Северо-востока Республики Башкортостан, работающие вахтовым методом в северных регионах страны и в соседних с районом проживания крупных городах (г. Екатеринбург, г. Уфа и др.) (табл. № 2). Методом сбора данных выступает проведение полуструктурированных интервью с местными жителями, вовлеченными в мобильный труд. Метод подбора информантов (выборка) заключался в поиске людей, занятых тем, или иным мобильным трудом в Белокатайском районе как напрямую (метод снежного кома), так и через «привратников»: людей, имеющих доступ к

полю потенциальных информантов («gatekeepers»). Информанты в данной статье – местные жители Белокатайского района Республики Башкортостан (сел и деревни), вовлеченные в мобильный вахтовый труд.

1. Работа по месту жительства с последующим переходом на вахтовый метод. Самый распространенный жизненный трудовой путь среди вахтовых работников обуславливается ограничениями в сфере рынка труда по месту проживания. Они не могут найти работу с достойным, по их мнению, заработком у себя дома. Этому способствует понимание вахтовыми работниками того, что в соседних крупных городах и северных регионах страны доход выше, чем дома. Следовательно, жителям сельской местности приходится искать работу на стороне. Переезд на постоянное проживание по месту работы информантами не рассматривался, т.к. они предпочитают жить в селе. Это связано с длительным опытом жизни в сельской местности и привязанностью к семье.

2. Переезд на постоянное место жительства с последующим переходом на вахтовый метод. Некоторые вахтовые работники сначала переезжали на постоянное место работы в другой город или регион, но затем по определенным причинам вернулись домой, но продолжили работать за пределами места жительства.

3. Доминирует работа вахтовым методом при частых сменах места работы. Некоторые информанты большую часть своей жизни работали вахтовым методом, но при этом часто меняли место работы.

Все информанты меняли свои позиции на рынке труда на протяжении своего жизненного пути. Для них характерно одностороннее направление карьерной траектории от позиций постоянной трудовой занятости (дома, либо где-то еще) к вахтовой мобильной занятости. Те, кто еще не вышли на пенсию, на время интервью работали именно вахтовым методом. Вахтовые работники из данной выборки – это квалифицированные рабочие: водители, крановщики, машинисты, стропальщики, механики, помощники бурильщиков, охранники и др., а также работники с начальным профессиональным или средним профессиональным образованием, но занятые неквалифицированным трудом (простые рабочие). Вахтовые работники выбирают вахтовый метод сами, но это обусловлено объективными обстоятельствами (низкая зарплата по сравнению с северными регионами страны и крупными городами и (или) отсутствие работы в сельской местности). Альтернативный вариант переезда на постоянное место жительства не рассматривается информантами по двум основным причинам: дороговизна жизни в городе (объективный ограничивающий фактор) и желание жить в селе (субъективный фактор). В результате получается растягивание жизненного пространства на место проживания (дом) и место работы (вахта).

Воспроизводство вахтовыми работниками социальной структуры заключается в поддержании существующего социального порядка: работа вахтовым методом, поиск работы (позиций в социальном пространстве) в одних и тех же местах (Западная Сибирь, Екатеринбург и Свердловская область, Уфа и др.), трудоустройство через своих знакомых, квалифицированный или неквалифицированный уровень труда (рабочие «мужские» профессии), а также нежелание создавать свои собственные позиции, т. е. заниматься предпринимательством.

1. Сапожников П. С. Вахтовый метод освоения природных ресурсов Севера / П. С. Сапожников, А. Д. Чудновский. – М.: Недра, 1988. 158 с.
2. Стадник А. Т., Шаравина Е. В. Вахтовый метод организации сельскохозяйственного производства // Вестник Новосибирского государственного аграрного университета, Т. 4, № 20, 2011. С. 150 – 156.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Процессы миграции, происходящие на нашей планете, обрели со второй половины двадцатого столетия поистине глобальные масштабы, охватив все континенты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция стала одним из главных факторов социального развития во всех регионах мира. Ее непосредственное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, на социальных отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. Миграция неизбежно ведет к культурно-этнической диверсификации населения внутри отдельных государств и размыванию традиционных границ.

Переселение порождает множество проблем, которые тесно связаны с поиском жилья, трудоустройством, акклиматизацией в новой для мигрантов социокультурной среде, требующей от них установления новых этнокультурных и социальных связей, поиска своего места в новых для них условиях профессиональной реализации.

Мигранты, приезжающие в нашу страну, не полностью понимают свои права и обязанности, а принимающая сторона не воспринимает их как полноценных жителей. Как следствие, приезжие становятся большой группой маргиналов, не имеющих возможности интегрироваться в российское общество, что ведет к росту недоверия со стороны местного населения по отношению к ним.

Чаще всего обострение этих проблем и сложность адаптации в российской модели связано с такой особенностью адаптационной стратегии мигрантов как добровольная сегрегация, которая создает определенные барьеры для интеграции и обусловлена низким уровнем культуры, образованности, что приводит к дистанцированию от местных сообществ, а также отсутствию стремления развивать взаимоотношения, воспринимать быт, культурные образцы поведения представителей местного сообщества.

На решение вышеперечисленных проблем направлена деятельность национально-культурных объединений. Приоритетными направлениями деятельности этнокультурных центров является сохранение и развитие этнической культуры, культурно-просветительская деятельность, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов. Данные центры, создавая особое культурное пространство, предназначенное для проведения досуга и межличностной коммуникации внутри этнической группы, обладают немалыми возможностями и предпосылками для того, чтобы совместно с органами власти выступать своеобразными социальными регуляторами в успешной адаптации мигрантов в местное сообщество, профилактике делинквентного поведения.

Национально-культурные объединения играют несколько социально-культурных ролей: во-первых, они являются определенным оазисом национальной культуры среди иноязычного большинства, коллективным представителем, проводником и защитником интересов национальной диаспоры в целом и ее отдельных представителей, а во-вторых важнейшим связующим звеном между диаспорой и этнической родиной.

Ценность таких объединений определяет необходимость держаться друг за друга, составлять общность, основанную на этнокультурном единстве, определяет для представителей диаспор, что, в свою очередь, усиливает влияние объединений на диаспоры. Моральный авторитет уважаемых людей, экономическая поддержка со стороны предпринимателей, правовая помощь и культурное влияние представителей интеллигенции соответствующей национальной диаспоры обеспечивает приемлемый уровень комфортного бытования среди инонационального большинства.

В настоящее время в Санкт-Петербурге зарегистрировано более 130 национально-культурных объединений.

Текущее взаимодействие с ними осуществляет СПб ГКУ «Санкт-Петербургский Дом национальностей».

Особое внимание необходимо уделить деятельности Региональной общественной организации «Санкт-Петербургское узбекское землячество «Туран», которая относится к крупнейшим национально-культурным объединениям города.

Деятельность данной узбекской диаспоры осуществляется в нескольких направлениях. В первую очередь оказывается социальная помощь в адаптации гражданина Республики Узбекистан, который приехал в Россию. Оказывается юридическая консультация. Кроме того, целями создания и деятельности Организации являются:

- активное содействие возрождению, сохранению, развитию и распространению узбекской культуры, традиций, обычаев, языка, письменности узбекского народа;
- гармонизация национального воспитания и формирование культуры межнационального общения;
- расширение международных связей, содействие межнациональному согласию и взаимопониманию;
- объединение выходцев из Республики Узбекистан, постоянно или временно проживающих на территории Российской Федерации

При РОО «Туран» действует юридический отдел, который оказывает юридическую помощь и поддержку соотечественникам, консультирует по различным правовым вопросам, а также ведет профилактическую работу среди своих земляков по предупреждению и пресечению преступлений и норм поведения в том обществе, куда те приехали работать.

Достаточно большой поток граждан Узбекистана в Россию, в частности в Санкт-Петербург, требует от представителей организации кропотливого труда и больших затрат, как в моральном, так и в материальном плане. Помощь вновь приехавшим в официальной легализации, поиск подходящей работы, обеспечить жильем, адаптироваться в условиях новой среды. Узбекская диаспора и РОО «Туран» в целях оказания начальной помощи для граждан Узбекистана приехавших на работу, которые не имеют первоначального капитала для оформления всех разрешительных документов, организовала, договорившись с одним из российских банков, выдачу кредитов с минимальным процентом возврата. Весь путь легализации обратившихся граждан в РОО «Туран» проходит поэтапно. Первый этап – это постановка на временный учет, затем подготовка всех требуемых документов для получения разрешения на работу, а это первоначально поиск и подбор будущей работы. Обязательным требованием является наличие у работодателя разрешения на привлечение иностранной силы. Так как только при наличии этих условий трудовому мигранту можно будет оформиться и приступить к работе. И это будет гарантией, что будут соблюдены все его права и нормы КЗОТа РФ. А далее, после трудоустройства, работнику оформляется временная регистрация на весь срок работы оговоренные условиями договора.

В условиях глобализации, растущих внутренних и внешних миграционных потоков требуются новые концептуальные подходы к формированию и осуществлению миграционной и этнокультурной политики на уровне как Российской Федерации, так и ее субъектов.

Проблема адаптации и интеграции мигрантов в новое для них сообщество принадлежит к числу наиболее сложных, неоднозначных и активно разрабатываемых в мировой науке, поскольку миграция населения порождает множество проблем, связанных с регистрацией, жильем, трудоустройством, адаптацией в новой, во многом непривычной для мигрантов социокультурной среде, требующей от них установления новых этнокультурных и социальных связей. На основе проведенного исследования можно сделать следующий вывод: одним из важнейших каналов интеграции мигрантов в местное сообщество являются общественные институты, в том числе национально-культурные

объединения групп мигрантов, создание которых призвано служить гармонизации межнациональных отношений, а также сохранению языка, обычаев и традиций своего народа, сохранение культурных связей мигрантов со своей исторической родиной. Однако круг задач национально-культурных объединений не ограничивается только культурно-языковой деятельностью, он намного шире. Одним из приоритетных направлений их деятельности является правовая, экономическая и социальная защита своих членов, что способствует более успешной интеграции мигрантов в местное сообщество.

В процессе своей деятельности национально-культурные общественные объединения осуществляют взаимодействия с представителями своей этнической группы, с другими национальными объединениями, с институтами власти, что зачастую способствует профилактике межнациональных конфликтов.

Органы государственной власти и национально-культурных объединений должны иметь общую цель – укрепление государственности, что подразумевает необходимость плодотворной совместной работы. Деятельность этнических общественных объединений в системе национальной безопасности страны будет положительной, если данные организации будут участвовать в реализации программ федерального, регионального и муниципального уровня, а также к решению значимых задач в области межнациональных отношений, в профилактике и разрешении межэтнических конфликтов.

Например, участие в межгосударственном и межрегиональном сотрудничестве, а также в переговорном процессе являются эффективными мероприятиями по предотвращению и урегулированию напряженности в межэтнических отношениях. Деятельность национально-культурных объединений должна охватывать как можно большее количество проживающих в городе представителей тех или иных национальностей. Им необходимо выявлять формальных и неформальных лидеров для того, чтобы знать, с кем контактировать, если будет необходимо разрешить межнациональный конфликт. Именно через лидеров национальных общественных объединений можно искать и находить пути решения потенциальных конфликтных ситуаций. В свою очередь, представителям власти необходимо стимулировать национально-культурные объединения в целях предотвращения угроз национальной безопасности. Например, можно инициировать проведение межнациональных фестивалей и праздников.

Таким образом, органы государственной власти, объединяя диаспоры, регулирует их отношения с другими общественными организациями и объединениями, способствуя тем самым гражданскому миру и согласию. Определяя роль этнокультурных центров, необходимо отметить, что они имеют огромный потенциал для предотвращения социальных конфликтов и гармонизацию межэтнических отношений. Использование положительного опыта национально-культурных объединений позволит успешнее реализовывать национальную и миграционную политику каждого субъекта РФ, способствуя развитию толерантности, в частности, в Санкт-Петербурге и укреплению национальной безопасности страны, в целом

1. *Перевозчиков Ю. А. Роль институтов межнационального взаимодействия в этнополитике региона // Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов*
2. *Назарова Е.А. Межнациональные отношения и социальная адаптация мигрантов в условиях столичного мегаполиса /Е.А. Назарова // Этносфера. №3, 2012 - С. 33-34*
3. *Семенова А.В. Государственное управление миграционной политикой в России: тенденции, перспективы, контроль / А.В. Семенова - Саратов: Научная книга, 2012. - 150 с*
4. *Степанова Л.П. Миграционно-правовая политика в современной России: теоретико-инструментальный аспект / Л.П. Степанова - М.: 2011. - 187 с*

О НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЯХ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО

Хамидулин В.С. (Владивосток)

В социологии проблемы интеграции иммигрантов первоначально рассматривались с позиции различных теорий ассимиляции, которым впоследствии бросили вызов представители теорий мультикультурализма и транснационализма [3, 85-193]. При этом, если в США социологи предпочитали использовать понятие ассимиляции, часто взаимозаменяемое с понятием интеграции, то в Европе понятие ассимиляции имело слишком биологические оттенки и поэтому там предпочиталось понятие интеграции, что не исключало политизацию его использования [4, 18].

Европейскими учеными выделяются идеалтипические англофонная гражданско-территориальная и мультикультурная, германофонная этническая и ассимиляционистская и французская республиканская и ассимиляционистская модели, различающиеся по основаниям политики стимулирования и ограничения иммиграции [6].

В социальной психологии для анализа процессов инкорпорации иммигрантов используется понятие аккультурации, обозначающего изменения в культурных паттернах контактирующих на протяжении долгого времени этнокультурных групп. Канадским исследователем Дж.Берри выделяются четыре стратегии аккультурации, предпринимаемые этнокультурными группами: ассимиляция, сепарация, интеграция и маргинализация [1]. Эти стратегии, в свою очередь, связаны с четырьмя стратегиями принимающего общества: мультикультурализмом, плавильным котлом, сегрегацией и исключением.

Когда доминантная группа (т.е. принимающее общество) принуждает недоминантную группу к сепарации, т.е. отделению от доминантной группы, то наблюдается сегрегация. Когда представители этнокультурного сообщества выбирают ассимиляцию, то употребляется термин «плавильный котел», но если их принуждают к этому, то наблюдается автоклав. В случае маргинализации, которую люди редко выбирают по своему согласию и которая связана с потерей собственной культурной идентичности в условиях отсутствия отношений с другими группами, то она является результатом насильственной ассимиляции, соединенной с сегрегацией. Под интеграцией же понимается сохранение иммигрантской группой своей культуры и поддержка постоянных контактов с другими группами.

Существует расширенная версия этой модели, в основе которой лежит утверждение, что иммигранты могут принимать разные стратегии одновременно: в определенных областях иммигранты предпочитают сепарацию (в сфере семейных отношений, религии, образе мышления), а в других областях они предпочитают ассимиляцию или интеграцию (в сферах политики, рабочих отношений, экономики). В отношении политики, экономики и работы иммигранты и местные жители близки в своих устремлениях: ассимиляция и интеграция, но в области семьи, религии и пр. они различны: члены принимающего общества предпочли бы ассимиляцию и интеграцию, тогда как иммигранты – сепарацию [7].

Сепарация и маргинализация отрицательно сказываются на процессах включения иммигрантов в принимающее общество, поэтому, если государственная политика направлена на активное содействие приезду иностранных граждан [9], то речь должна идти о стимулировании ассимиляционных и интеграционных процессов в обществе, т.е. о применении политики мультикультурализма и/или плавильного котла.

Здесь необходимо указать на два аспекта проблемы. Первый аспект касается нормативного содержания модели, предложенной Дж.Берри. Будучи сторонником мультикультурализма, он утверждает, что для успешной интеграционной стратегии должны быть следующие условия: широкое принятие ценности культурного разнообразия (идеология мультикультурализма); относительно низкий уровень предубежденности (минимальный этноцентризм, расизм, дискриминация); позитивные обоюдные установки между культурными группами (отсутствие ненависти между конкретными группами); чувство привязанности, или идентификация с обществом со стороны всех групп).

Это утверждение имеет нормативный характер по крайней мере в отношении идеологии, тогда как сравнительные исследования показывают, что указанные им условия не обязательно должны присутствовать в принимающем обществе. Например, британские мусульмане, несмотря на политику мультикультурализма, проводимую британским правительством, более негативно настроены по отношению к Западу, чем французские и более враждебно воспринимают действия своего правительства по отношению к исламу. Во Франции меньшинства воспринимались как то, что должно ассимилироваться («быть французом значит действовать как француз, а действовать как француз лучше, чем действовать иначе»). Приезжие должны отбросить культуру, лояльность, религиозные практики и язык, т.е. то, что делает их отличными от доминирующей французской культуры. В результате, несмотря на то, что французские мусульмане ограничены в публичных отправлениях своей религии, они менее отчуждены от французского общества, чем британские мусульмане от британского, т.е. французская республиканская ассимиляционистская модель более эффективна в отношении интеграции исламских меньшинств в принимающее общество [5].

При этом сама практика мультикультурализма неоднозначна. Первым государством, чье правительство официально приняло политику мультикультурализма, была Канада, включившая пункт о мультикультурализме в Хартию прав и свобод в 1982 г. Но переписи населения Канады отражают изменения в национальном самосознании жителей страны: между 1986 и 2001 гг. ответы на вопрос об этнической принадлежности с вариантом «канадец» возросли с 0,5% до 39%. «Канадцы» теперь самая большая этническая группа в стране [8, 42], что свидетельствует, скорее, о потере изначальной этнокультурной идентичности значительной частью населения и формировании новой, общей идентичности.

Второй аспект касается проблемы плавильного котла и предубеждений. Принимающее общество зачастую не заинтересовано в интеграции приезжих и лучшее решение, при всём признании полезности иммигрантов для экономики, это временное пребывание иммигрантов в России. Например, исследование [10], проведенное в 2013 г. во Владивостоке (n=600), показало, что от половины до шестидесяти трех процентов респондентов, в зависимости от оценки стран-источников миграции, выступают против прибытия мигрантов на территорию Владивостока. При этом анализ показал отсутствие значимой статистической связи между неприятием приезжих и такими характеристиками респондентов, как образование, профессия и материальное положение, т.е. среди респондентов неприятие распространено примерно равным образом во всех образовательных, профессиональных и выделенных по доходу группах. Единственное отличие заключается в том, что среди мужчин такое неприятие распространено больше, чем среди женщин, что соответствует данным европейских опросов, согласно которым женщины демонстрируют значительно более низкий уровень анти-иммигрантских предубеждений [2, 75].

При том, что в силу выбранной методологии, результаты исследования генерализации не поддаются, на его основе все же можно сделать выводы о наличии в принимающем обществе сильных предубеждений против иммигрантов и иммиграции, что существенным образом затрудняет процесс их включения в это общество.

1. Berry, J.W. *A Psychology of Immigration* / J. W. Berry // *Journal of Social Issues*. 2001. - Vol. 57, No. 3. - 2001. - P.615–631
2. Crepaz, M. *Trust beyond Borders: Immigration, the Welfare State, and Identity in Modern Societies* / M.M.L. Crepaz. - Ann Arbor : University of Michigan Press. - 2008
3. Faist, T. *Beyond a Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration* / T. Faist, P. Kivisto // Thousand Oaks, CA: SAGE/Pine Forge Press; 2010
4. Favell, A. *Integration nations: the nation-state and research on immigrants in Western Europe* / A. Favell // *Comparative Social Research*. - 2003. - Volume 22. - P.13–42
5. Jacobson, D. *Surveying the Landscape of Integration: Muslim Immigrants in the United Kingdom and France* / David Jacobson, Natalie Delia Deckard // *Democracy and Security*. - 2014. - Volume 10. - Issue 2. - P. 113-131
6. Loch, D. *Integration as a sociological concept and national model for immigrants: scope and limits* / D. Loch // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. - 2014. - 21:6, pp.623-632
7. Navasa, M. *Acculturation strategies and attitudes according to the Relative Acculturation Extended Model (RAEM): The perspectives of natives versus immigrants* / Marisol Navasa, Antonio J. Rojas, Maria Garcia, Pablo Pumares // *International Journal of Inte*
8. Walters, D. *The Acculturation of Canadian Immigrants: Determinants of Ethnic Identification with the Host Society* / DAVID WALTERS, KELLI PHYTHIAN, PAUL ANISEF // *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie*. - 2007. - Volume 44. - Issue 1.
9. *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г. : Электрон. дан. - Режим доступа : <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>*
10. Хамидулин, В.С. *Мигранты и принимающее общество в контексте межкультурной коммуникации: опыт Дальнего Востока России (на примере Приморского края) : монография* / В.С. Хамидулин, К.Ю. Колесниченко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 201

СТРУКТУРА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ КРУПНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМИ)

Шишигин А.В. (Пермь)

Любая территориальная идентичность подразумевает определенное отношение к той или иной территории, местности и ее обитателям. Вместе с тем, многомерность и структурированность пространства, в котором обитает современный человек, создает условия для формирования множества территориальных идентичностей (локальных, региональных и т.д.). Эти идентичности могут мирно сосуществовать, но могут и вступать в конфликт друг с другом.

Одним из интереснейших и, к сожалению, малоизученных вопросов является вопрос о соотношении в сознании людей разных территориальных идентичностей, равно как и факторов, влияющих на их устойчивость. Другим не менее интересным вопросом является вопрос о динамике изменений тех или иных идентичностей. Данный вопрос интересен как в теоретическом, так и в практическом плане. В теоретическом плане изучение динамики изменения идентичностей отсылает нас к спорам теоретиков о сущности социальной идентичности: является ли социальная идентичность чем-то глубинным, устойчивым и неизменным или же она является гибкой, изменчивой, легко трансформируемой. Для одних теоретиков, начиная с Э. Эриксона, кризис идентичности – это глубочайший личностный кризис, а для других (П. Бергер) – это нормальный, естественный процесс социального конструирования реальности, когда на смену одним идентичностям приходят другие. В практическом плане вопрос о динамике изменения территориальных идентичностей отсылает нас к вопросам о том, насколько эффективным и успешным может быть процесс социального конструирования, какие факторы будут

оказывать на него наибольшее влияние и т.д. В значительной мере ответ на эти вопросы могут дать только эмпирические исследования.

Результаты опроса взрослого населения Перми, проведенного в декабре 2012 г. (N = 960) группой исследователей из ПГГПУ в рамках проекта «Пермь как стиль», позволили получить представление о восприятии пермяками ряда территориальных идентичностей. В ходе исследования, респондентам было предложено оценить пять отдельно взятых территориальных идентичностей, отметив цифрами от 1 (наиболее значимая) до 5 (наименее значимая) важность каждой из них для себя лично. Предложенный респондентам набор включал идентичность региональную (житель Пермского края), локальную (житель Перми), национальную, территориально-географическую (житель Урала) и гражданско-политическую (гражданин России).

По первостепенной значимости (отмеченная респондентами цифрой 1) в рамках повседневности лидером оказалась именно локальная, городская, идентичность, которую в качестве таковой отметили 46 % респондентов. Далее по убыванию первостепенной значимости располагались идентичности гражданско-политическая (29 %), региональная (13 %), национальная (7 %) и территориально-географическая (6 %).

Спустя два года в рамках проекта «Последствия Пермского Культурного Проекта» пермяка был задан тот же самый вопрос (N=1002). Заметно усилилась гражданско-политическая идентичность (с 29 до 39 %). Причины ее актуализации достаточно очевидны. Это и вполне успешная для россиян Олимпиада 2014 в Сочи, и присоединение Крыма, и первое за 30 лет столь острое противостояние с Западом, результатом которого стали обоюдные экономические санкции. Можно сказать, что в 2014 г. шел процесс мобилизации данной идентичности как со стороны государства, так и со стороны граждан, ностальгирующих по былому величию СССР. Пример с гражданско-политической идентичностью наглядно демонстрирует как ее конструктивистский характер, так и реальные возможности заинтересованных «конструкторов» по ее формированию.

Территориально-географическая идентичность (житель Урала) не претерпела существенных изменений (6 %).

Небольшое усиление национальной идентичности (с 7 до 11 %) также в определенной степени является отражением внешнеполитических событий и их освещения в СМИ (положение русских на Украине, «Русская весна» и т.п.). В работе «Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности» мы уже объясняли, чем вызваны такие, казалось бы, невысокие показатели значимости данной идентичности [1. С. 50-51]. В этой же работе нами было показано, что действительная значимость национальной общности для пермяков гораздо выше, если судить по тому факту, что именно с представителями своей национальности пермяки чаще всего испытывали чувство единства и близости.

Региональная идентичность сдала свои позиции, опустившись с 13 до 8,6 %. Действительно, в последние годы Пермский край на фоне соседних регионов (Татарстан, Башкортостан, Свердловская область) выглядит довольно слабо. Отсутствие крупных инфраструктурных проектов и проведения мероприятий мирового уровня (то, чем могут похвастаться наши соседи) приводит к тому, что Пермский край редко становится объектом внимания центральных, государственных телеканалов. Те надежды, которые в 2012 г. часть пермяков связывала с новым губернатором В.Ф. Басаргиным, не оправдались. Ему явно не удалось привлечь внимание федерального центра к Пермскому краю. Более того, сам губернатор, судя по разным политическим рейтингам, все чаще оказывается в группе губернаторов, которым СМИ пророчат скорую отставку, связывая это с неспособностью добиться роста экономики и эффективно решать проблемы региона. На фоне успехов своих соседей Пермский край начинает смотреться все более блекло, постепенно утрачивая свою привлекательность.

Городская идентичность за два года практически не изменилась (42,5 % в 2014 г.), продемонстрировав свою устойчивость и стабильность. В рамках структур

повседневности данная локальная идентичность по-прежнему превалирует в сознании пермяков, хотя разрыв с гражданско-политической идентичностью сократился до минимума. Стабильность высокой первостепенной значимости городской идентичности демонстрируется на фоне, который нельзя назвать совсем уж благоприятным. Пермь в последние годы не принимала у себя крупные спортивные мероприятия, как Казань или саммиты, как Екатеринбург или Уфа. Сворачивание Пермского Культурного Проекта (ПКП), как бы мы не оценивали сам ПКП, объективно ведет к сокращению места Перми в медийном пространстве.

Таким образом, результаты исследований показывают, что несмотря на относительную устойчивость территориальных идентичностей они оказываются достаточно восприимчивы к воздействию со стороны масс-медиа и других внешних факторов. Под их влиянием идентичности способны актуализироваться, либо, наоборот, утрачивать свою притягательность. Проведенные нами исследования наглядно демонстрируют конструктивистскую природу территориальных идентичностей и потенциальные возможности по их конструированию.

1. *Пермь как стиль. Презентация пермской городской идентичности /под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой, вступ. ст. О.Л. Лейбовича. – Пермь: ПГПУ, 2013.*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ

Шуклина Е.А. (Екатеринбург)

Последние пять десятилетий характер британской миграционной политики менялся, что не могло не сказаться на сфере образования, принципах организации систем обучения взрослых, образования и адаптации детей мигрантов, концепции непрерывного образования. Модели образовательной политики в отношении детей мигрантов концептуально коррелировали с идеологическими и политическими тенденциями выстраивания отношений государства и мигрантов (прежде всего трансграничных) как социальной общности. Методологические и методические подходы к организации и реализации образовательной деятельности детей мигрантов трансформировались от концепций ассимиляции и интеграции к идее мультикультурализма, а в настоящее время – к модели включения/инклюзии, инклюзивного образования.

Исторически формирование политики в области образования детей мигрантов датируют с начала 1960-х годов [1,6]. В это время акцент был сделан на концепции ассимиляции детей мигрантов в образовательную и социальную среду. «Ассимиляция – интеграция» стали двумя маркерами, определяющими особенности образовательной политики данного периода, который мы обозначим первым этапом. В классической теории ассимиляции роль образования заключалась скорее в «подавлении и амортизации этнических, языковых и культурных различий» [2].

Недостаточность данной концепции начала осознаваться уже к концу 1970-х годов, когда проявилась дисфункциональность данной модели, ее несоответствие социальным запросам развития общества. Ранние версии теории ассимиляции детей мигрантов были подвергнуты критике как «англо-конформистские», поскольку иммигрантские группы с их социокультурными особенностями сопоставлялись с неизменной системой стандартов белых британцев среднего класса, с их религиозными установками и протестантскими ценностями.

Примерно к 1975 г. сформировались все предпосылки возникновения нового, второго этапа образовательной политики в отношении детей мигрантов, которая представляла собой переход от монокультурного к поликультурному образованию, когда

в качестве базовой ценности артикулировалась значимость языка и культуры каждого ребенка [2, 25].

Концепция мультикультурализма в образовании выдвигала идею конца монокультурного подавления и предпочтительности культурных различий. Этот тезис лежал в основе конструирования такой образовательной политики, когда для детей мигрантов создавались равные с детьми принимающего общества возможности реализации образовательной деятельности. Выдвигался аргумент, что свободная ориентация на свои этнические и культурные корни повысит образовательные достижения ребенка, нивелирует предрассудки и дискриминацию. В этот период впервые актуализируется подход, во многом контрастирующий с существующими настроениями того времени, когда «проблемой системы образования является не то, как воспитывать детей этнических меньшинств, но как воспитывать всех детей» [3, 10].

Идея мультикультурного образования в отношении детей мигрантов сразу столкнулась с критикой как расистского, так и антирасистского толка. Сразу стало очевидно, что концепция мультикультурализма имеет свои пределы. Языковое разнообразие было признано в качестве «положительного актива», но идея двуязычного образования была отклонена, утверждалось, что изучение языков меньшинств должно ограничиться домом и этнической общиной. Также была отклонена идея отдельной, финансируемой государством школы для этнического меньшинства (особенно исламской), хотя признавалось давнее присутствие англиканских, католических, еврейских школ. Перспектива создания мусульманских школ вызвала социальные разногласия. Кроме того, образование полностью дистанцировалось от религиозного обучения в школах [4, 307].

Результативность образовательной политики этого этапа многие исследователи оценивают высоко, с ней соотносят тот факт, подтверждаемый данными более чем десяти лет исследований, что дети этнических меньшинств демонстрируют сильное стремление к пост-обязательному образованию, квалификации высокого уровня и такие образовательные амбиции, которые не были присущи им до переезда в страну [5].

Отказ от мультикультурализма в отношении детей мигрантов начался уже в 1990-е годы. Политики от образования, отреагировав на многостороннюю критику, переключились на идеи инклюзии. При этом обращение к концепции инклюзивного образования призвано, было соотнести английскую политику в области особых образовательных потребностей с международным движением инклюзии в сфере обучения детей мигрантов [6, 157-177].

Таким образом, можно говорить о том, что начался третий этап развития политики правительства Великобритании в сфере образования детей мигрантов. В 1999 г. Департаментом образования и занятости это направление было утверждено законодательно, разработаны рекомендации для учителей по реализации концепции инклюзивного образования [7]. Инклюзивное образование основывается на принципах интеграции, которые определены UNESCO Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education (1994) и представляет собой постепенный, тщательно организованный, бережный процесс включения ребенка в общую образовательную среду, учитывающий его индивидуальные особенности и особые образовательные потребности (базовый термин для данной концепции).

Несмотря на то, что перспективы движения в сторону инклюзивного обучения детей мигрантов во многом проблематичны, а реализация этой модели образовательной политики оказалась сложнее, чем предполагалось (особенно в свете последних событий миграционного кризиса), выводы целого комплекса британских исследований последнего времени позволяют во многом «реабилитировать» социальную общность детей мигрантов. По результатам этих исследований дети мигрантов, «заполнив» образовательные учреждения Великобритании, обеспечивают этническое разнообразие школьных коллективов, являющееся условием повышения их социальной сплоченности, не

выступают агрессивным фактором дезинтеграции, в определенной (иногда весьма значительной) мере способствуют повышению эффективности и результативности образовательной деятельности школы, их присутствие является академически выгодным для школ, особенно в регионах, где общее количество учащихся сокращается.

Охарактеризованные в этом разделе этапы формирования британской образовательной политики в отношении детей мигрантов не являются строго фиксированными во времени, их идеи, практики, социальные последствия взаимопроникают друг в друга, часто существуют параллельно в конкретных условиях применения отдельными образовательными учреждениями или местными властями определенных регионов страны. Эффективная реализация той или иной концепции и направления образовательной политики напрямую зависят от профессионализма и сложившейся культуры работы с детьми мигрантов в конкретных школах и местных сообществах, создающих для них благоприятную образованную среду.

1. *Grace Reynolds (2008). The Impacts and Experiences of Migrant Children in UK Secondary Schools. University of Sussex. Sussex Centre for Migration Research. Working Paper No 47.*
2. *Troyna, B. (1993) Racism and Education. Buckingham, Open University Press*
3. *Michael Swann (1985). Education for All: Summary of the Swann Report on the Education of the Ethnic Minority Children (Runnymede Research Report). Runnymede Trust, 1985.*
4. *Modood, T., May, S. Multiculturalism and education in Britain: an internally contested debate. International Journal of Educational Research. 35 (2001) 305–317. Centre for the Study of Ethnicity and Citizenship, University of Bristol.*
5. *Modood, T. (2005) Multicultural Politics: Racism, Ethnicity and Muslims in Britain. Edinburgh, Edinburgh University Press.*
6. *Clarke, C. Dyson, A. Millward, A. and Robson, S. (1999) 'Theories of Inclusion, Theories of Schools: deconstructing and reconstructing the inclusive school', in British Educational Research Journal 25(2):157-177.*
7. *Department for Education and employment (DfEE)/Qualifications and Curriculum Authority (QCA) (1999) Inclusion Statement: The National Curriculum Handbook for Primary Teachers. London, HMSO.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВНОГО КАНАЛА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ.

Щетинина М.Ю., Зырянов В.В. (Москва)

В эпоху глобализации особенно актуальным становится вопрос трансформации и видоизменения общественных образований и структур. Модернизируется абсолютно все, причем скорость таковых изменений увеличивается многократно. Но особенному влиянию подвержены социальные формы и образования. В последние десятилетия именно общество и его проявления претерпевают наибольшие изменения. Информатизация жизни, появление глобальных сетей, движение в сторону общества потребления и это далеко не все характеристики, отражающие современное состояние исследуемого явления [7, С. 23-28]. Особый упор необходимо сделать именно на человеческом факторе и определении его роли в глобальном мире. Именно личность в настоящее время доминирующе формирует направление движения всего общества.

Из всех ресурсов, определяющих функционирование и развитие общества и его структур, человеческие занимают важнейшее положение. Поэтому приоритетным вектором исследований в настоящее время необходимо сделать процесс образования, становления личности, а также способов выделения лучших в этом процессе. Таким образом, основной упор в работе сделан на осмыслении принципов выделения элит в

образовательной среде и на том функционале, который формируется рассматриваемым феноменом.

Вопрос типологизации элит требует максимального внимания. И одной из самых весомых сфер здесь можно считать образование. Ведь именно данный процесс относится к главным каналам социальной мобильности населения и отвечает за ретрансляцию основных норм поведения и ценностей общества[10, С.36]. Цели образования определяются политикой государства, учебными заведениями. Цели образования - это сознательно определенные, ожидаемые результаты, которых стремится достичь конкретное общество или страна с помощью сложившейся системы образования. Это определенное описание программы развития человека средствами образования, отражение системы знаний, умений, навыков и отношений, которыми должен овладеть обучающийся по окончании учебного заведения[8, С.432].

Кроме того, что процесс образования первоначально направлен на приобщение населения к культуре и научной деятельности, он также определяет дальнейшую судьбу того или иного общества, выделяя лидеров на конкретных этапах и затем формируя ими элиты всех сфер[5, С. 33]. Но, необходимо выявить, как отличается образовательная элита от других типов элит, в чем проявляется ее специфичность и как данный феномен социальной жизни формируется.

Результаты многочисленных исследований указывают на отставание российских вузов от иностранных по различным показателям. Критерии данных рейтингов многосторонне отражают образовательные стандарты и уровень активности обучающихся. Прежде всего, они демонстрируют неосознанный выбор сферы обучения, вследствие чего наблюдаются и проявления апатичности студентов университетов России в течение процесса получения образования. На выходе данная проблема затормаживает развитие качественно эрудированных и инициативных элитарных структур, что, в свою очередь, тормозит развитие всего российского общества. Ключевыми функциями образования должны выступать обеспечение одаренных индивидов условиями высокого уровня самосовершенствования и возможности вертикальной мобильности. В ином случае образование станет источником роста политической, экономической и нравственной напряженности и деградации.

Таким образом, в настоящий период времени в нашей стране сфера образования функционирует недостаточно эффективно. В работе предлагаются некоторые пути преодоления кризиса образовательного процесса в рассмотрении образования через призму технологий образовательной системы.

Изучение такого феномена как трансформация образовательных систем в условиях современной действительности может послужить источником ценной информации о процессах, которые активно функционируют сегодня в нашем обществе.

1. Гориков М. К. *Российское общество в условиях трансформации: социологический анализ.* – РОССПЭН, 2000.
2. Ашин Г. К. *Проблемы элитного образования в зарубежной социологии //Социологические исследования.* – 2005. – Т. 20056.
3. Ривин А. Г. и др. *Современные образовательные технологии.* – 1998.
4. Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества //Новая университетская библиотека.* – 2008.
5. Зеер Э. Ф. *Компетентностный подход к образованию //Образование и наука.* – 2005. – №. 3.
6. Заславская Т. И. *Социальная структура современного российского общества //Общественные науки и современность.* – 1997. – №. 2.
7. Левашов В. К. *Глобализация и социальная безопасность //Социологические исследования.* – 2002. – №. 3.
8. Гершунский Б.С. *Философия образования.* - М., 1998.
9. Сохраняева Т.В. *Гуманистические ориентиры развития системы образования.* - *Философские науки.* 2005. №9.

10. Шереги Ф. Э. Социология образования: прикладные исследования – М., 2001.
11. Российская академия наук — официальный сайт РАН <https://www.ras.ru/>

СЕКЦИЯ 8: ТРАЕКТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Абрамова М., Крашенинников В.В. (Новосибирск)

Российская, а точнее германо-российская (прусская, австрийская) система образования традиционно делает акцент на обучении как одном из факторов социализации индивида, предполагая, что оно имеет своей задачей трансляцию культурных моделей. Фундаментальность образования, ставшая отличительной особенностью прусской системы, базировалась на концепции дидактического энциклопедизма, сторонниками которой были Я.А. Коменский, Дж. Мильтон, И.Б. Баседов. Представители данного направления полагали, что усвоение обучающегося предельно большого объема научных знаний позволит заложить фундамент для его последующего осознанного выбора своей жизненной позиции. Также предполагалось, что способность к осознанному выбору формируется не только по мере взросления индивида, но и в зависимости от объема усвоенной информации. Таким образом, степень достижения учащимся целей и задач образования определялась, прежде всего, объемом, системностью усвоенных знаний, а также способностью к анализу, повышенным вниманием к гуманитарной подготовке специалистов. Стратегия изложения учебного материала от общего к частному (дедуктивный принцип) (Абрамова, Крашенинников, Либерска, Фарника, 2015).

Изменения в обществе, обусловившие колоссальный рост объема информации в XX веке, пересмотр стилей управления не только на уровне государств, но и в образовательном процессе, поставили под сомнение эффективность концепции дидактического энциклопедизма. Но в силу исторических событий в СССР, а также во многих странах Восточной Европы, реализация данной концепции на уровне государственной образовательной политики в XX веке была чрезвычайно необходима, поскольку еще в 20–30-е гг. решался вопрос о ликвидации безграмотности населения. Поэтому прежде чем пересмотр образовательной парадигмы стал актуальным, было необходимо, чтобы страны смогли накопить определенный образовательный потенциал.

Во второй половине XX века, с изменениями в политике и науке, система образования вновь становится ареной, на которой развиваются споры об эффективности различных подходов: дидактического энциклопедизма, формализма и утилитаризма.

Деятельностный подход, на котором традиционно ставится акцент в англо-саксонской (американской) системе образования, фактически является основой концепции дидактического утилитаризма, возникшей на рубеже XIX и XX столетий в США. В основе англо-саксонской модели образования лежит концепция прагматизма. Представители данного направления (Дж. Дьюи, Г. Кершенштейнер) трактуют обучение как непрерывный процесс трансформации и обогащения жизненного опыта обучающегося. Поэтому характерными свойствами англо-саксонской системы образования являются опора на эмпирический опыт, повышенное внимание к усвоению информации в области естественно-научных и технических дисциплин, больше времени уделяется практике, письменным работам. Основная стратегия построения образовательного процесса от деталей к общему (принцип индукции). Качество полученного образования определяется, прежде всего, сформированными навыками и умениями по решению прикладных задач. Единственный путь к овладению социальным наследием в англо-саксонской системе образования связан с возможностями приобщения ученика к тем видам деятельности, которые позволили цивилизации стать той, какой она является. Соответственно образование выполняет функцию развития через деятельность, ограниченную решением лишь узких прагматичных задач (Абрамова, Крашенинников, Либерска, Фарника, 2015)..

Таким образом, если в германо-российской модели ориентация на фундаментальность обеспечивает на всех уровнях, в первую очередь, ознакомление с различными моделями культуры, то вторая сосредоточена лишь на воспроизведении собственной модели посредством предоставления выбора и, как следствие, ответственности за него обучающемуся, решающему через обучение свои задачи.

Уникальность современной ситуации в развитии образовательных парадигм состоит в том, что если недостатки англо-саксонской модели образования, выражающиеся в узкой прагматической нацеленности акторов образовательного процесса на решение конкретных прикладных задач решаются за счет гуманитаризации образования и расширения представлений об опыте других, то в германо-российской модели образования, наоборот, происходит отход от принципа фундаментальности к прагматической ориентации.

Подписание же Болонской декларации стало в данном контексте катализатором данного процесса. Для многих вузов базировавшихся на прусской (австрийской) системе образования следствием стремления стать равноправным участником в международном образовательном пространстве становится не просто пересмотр существующих требований к системе образования внутри страны, а фактически изменение самой модели образовательной системы (Загвязинский, 2005).

В современной России, также как и во многих странах Европы, происходит постепенный отказ от реализации концепции дидактического энциклопедизма и переход к реализации модели дидактического утилитаризма. Это проявляется в первую очередь в пересмотре учебных стандартов, сокращении аудиторной нагрузки для студентов, а также изменении моделей взаимодействия науки и образования. Исторически сформировавшаяся практика взаимодействия науки и образования, характерная для германо-российской системы образования, в которой сосуществуют автономно друг от друга учреждения науки и образования, подкреплялась реализацией концепции обучения в рамках дидактического энциклопедизма. Этот подход создал благоприятные условия для развития фундаментальной науки. При реализации концепции дидактического утилитаризма, характерной для англо-саксонской системы образования, ориентированной на развитие прикладных аспектов в науке и образовании, неизбежно происходит постепенное слияние научных и образовательных учреждений. Анализ деятельности новых типов университетов: федеральных и национальных исследовательских в Восточной и Западной Сибири позволил сделать вывод, что наиболее эффективная реализация модели «наука+образование» на базе учреждения высшего профессионального образования в России происходит лишь в том случае, если у университета уже имелась

длительная предыстория сотрудничества с учреждениями Российской академии наук. Таковыми являются, вошедшие в Топ-200 рейтинга QS World University Rankings: Московский государственный университет и Новосибирский государственный университет, получивший статус исследовательского. В других же случаях фактически происходит не пересмотр модели, а скорее насильственное поглощение учреждениями образования академических институтов, что подкрепляется дискредитацией достижений предыдущих эпох.

Можно сделать вывод, что германо-российская система образования оказалась менее чувствительной к условиям рынка, в отличие от англо-саксонской. Но важно признать, что уже произошедшие изменения в германо-российской системе образования, которая существовала во многих странах Восточной Европы, отдалили ее от реализации принципа фундаментальной подготовки, и не облегчили процесс обучения для учащихся, а скорее его технологизировали, при этом, поставив под сомнение ценность гуманитарной составляющей, главная задача которой была в сохранении социокультурного ядра культуры страны, в трансляции культурных ценностей.

1. *Абрамова М.А., Крашенинников В.В., Либерска, Х., Фарника, М. Трансляция культуры и/или развитие в деятельности: Германо-Российская и англо-саксонская модели образования //Философия образования. 2015. 2 (59), С. 37-45.*
2. *Загвязинский В.И. Образовательная стратегия и образовательная политика //Образование и наука. 2005. № 2, С. 3-8.*
3. *Константиновский Д.Л., Абрамова М.А., Вознесенская Е.Д., Гончарова Г.С., Костюк В.Г., Попова Е.С., Чередниченко Г.А. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М., 2015. 231 с.*
4. *Abramova M.A., Krasheninnikov V.V. Criteria for evaluating the effectiveness of universities and development of the higher education system of Russia//Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia / Editor-in-Chief V.Mansurov,*

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Аникина Т.А. (Новосибирск)

Первый вопрос, который возникает: что понимать под качеством образования? Если мы не зададим вопрос: «что есть качественное образование в современном обществе?», значит мы не определим содержание образования и критерии оценки его качества.

В большинстве случаев, когда речь идет о товарах и услугах, мы знаем для себя ответ. У разных групп потребителей критерии качества будут разными: для одного безопасность, для другого – престиж, для третьего – надежность. Этот ряд можно продолжать и конкретизировать. Возникает вопрос, а образование – это товар, услуга? Ведь с привычными услуга-ми образование сравнивать сложно. Качество химчистки или стрижки мы вполне адекватно можем оценить, опираясь при этом на общепринятые критерии и свои индивидуальные. Кроме этого, на отдельные группы товаров существуют ГОСТы. Для высшего образования также существуют ФГОС (Федеральные государственные стандарты образования).

Тем не менее, в оценке качества высшего образования не все так просто.

Одним из аспектов проблемы выступает несоответствие того, что оценку качества образования производит государство, а не работодатели или субъекты образования. Для этой цели существуют единые государственные стандарты образования, разработаны системы ак-кредитации и лицензирования учебных заведений и даже отдельных специальностей. При этом в роли конечного потребителя выступают сами студенты, их

родители и, в конечном счете, предприятия, на которые приходит работать молодой специалист по окончании выс-шего учебного заведения. Тем не менее, при составлении рейтинга ВУЗов мнение студентов, родителей и предприятий не учитывается слабо, либо вовсе не учитывается. Не раз приходилось слышать историю о том, как молодой дипломированный специалист приходит на работу и слышит в свой адрес: «А теперь забудь всё, чему тебя учили в университете...».

Помимо очной формы образования существует заочная. Казалось бы, вот та ситуация, когда обучение идет параллельно с рабочим процессом. Но и здесь мы нередко слышим кри-тику, а заочников, шутя, называют «заушниками». Тем не менее, все чаще стали говорить о перспективах так называемого встроенного обучения, когда практическая деятельность по направлению подготовки интегрирована в учебный процесс. Но пока это перспективы.

Так кто или что должно быть конечным критерием или наиболее значимым критерием оценки качества образования? Оценки итоговой аттестации студента? Соответствие выпускника ВУЗа критериям работодателей? Уровень сформированности компетенций?

В современных стандартах образования прописаны для каждого направления подготовки определённые компетенции общие и профессиональные, которыми должны овладеть студенты в результате освоения того или иного курса. Эта традиция пришла к нам из бизне-са, а точнее из западных компаний в начале 1990-х гг. и получила название Ассессмент. В настоящее время данный метод применяется при отборе и продвижении персонала в круп-ных западных и российских компаниях, например: Philip Morris, IBM, Procter&Gamble, Dirol Cadbury, Citibank, Newsoutdoor Russia, МТС, Metro Cash&Carry, РОСНО, Danone, ВАТ, American Express, Русский Алюминий, ЭФКО, Rolf, BMW Russland trading, Банк Русский Стандарт, Indesit, L'Oreal, Nokia и многих других и представляет собой систему оценки про-фессиональных компетенций сотрудников: какими компетенциями должен владеть сотруд-ник на той или иной позиции, что должен развивать в себе и т.д.

Возникает вопрос: что понимать под компетенциями? Барышникова Е. предлагает под компетенциями понимать набор поведенческих стереотипов, которые представляют со-бой факторы успешности на определенной позиции в компании и помогают человеку доби-ваться высоких результатов в работе. Термин «компетентность» впервые в менеджерский язык термин ввел в 1973 году Дэвид Макклелланд. К понятию компетентность он относил самые разные качества и навыки от умения писать, читать, считать, общаться с людьми до личностных качеств - инициативность, стремление доминировать, терпение и внутренняя мотивация. Позднее он объединил их понятием компетенции (competencies), которые позволяют индивиду добиваться высоких результатов и высокой эффективности. Примечательно то, что этому процессу предшествовал большой период исследований, в результате которых Д.Макклелланд пришел к заключению, что уровень интеллекта отражается на академиче-ской успеваемости, но никак не связан с дальнейшими карьерными и профессиональными успехами.

На текущий момент в отечественном образовании закрепляется балльно-рейтинговая система оценки знаний студентов ВУЗов. Проработанная система оценки сформированности тех или иных компетенций у студентов с конкретными критериями и параметрами отсутствует. В существующем ФГОС некоторые компетенции сформулированы таким образом, что нет возможности оценить ее по каким-то конкретным показателям. Например, так сфор-мулирована профессиональная компетенция направления подготовки реклама и связи с об-щественностью: ПК-26 «Способность участвовать в создании эффективной коммуникацион-ной инфраструктуры организации, обеспечении внутренней и внешней коммуникации, в том числе с государственными учреждениями, общественными организациями, коммерческими

структурами, средствами массовой информации»[2]. Объективная ситуация выглядит следующим образом, возможно, что студента в процессе прохождения производственной практики, возможно, допустят к участию в разработке системы эффективных коммуникаций компании. А вот участвовать в «обеспечении внутренней и внешней коммуникации, в том числе с государственными учреждениями, общественными организациями, коммерческими структурами, средствами массовой информации» на долгосрочной основе для объективной оценки данной компетенции представляется возможным в исключительных и единичных случаях.

Это лишь некоторые аспекты большого процесса оценки качества образования современных ВУЗов. Данные вопросы предстоит решать на разных уровнях управления в тесном сотрудничестве специалистов разных направлений: управленцев, социологов, психологов, педагогов, специалистов IT-сферы. Потребность в разработке системы оценки качества образования актуальна и востребована современным образованием и обществом.

1. Барышникова Е.И. Оценка персонала методом ассесмент-центра. Лучшие HR-стратегии. / Барышникова Е.И. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2013.
2. ФГОС по направлению подготовки 031600 Реклама и связи с общественностью. [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1/3> (дата обращения 9.10.2015). – Загл. с экрана.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ» РФ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПО МАТЕРИАЛАМ МИНИСТЕРСКИХ ДОКУМЕНТОВ.

Артамонова М.В. (Москва)

Одна из сущностных функций института образования - воспроизведение профессиональной структуры общества. Реализация этой функции в условиях общественных перемен последних трех десятилетий в РФ отражала изменение профессиональной структуры и общественных потребностей.

Трансформация системы высшего образования РФ в постсоветский период происходила поэтапно, что нашло полное отражение в законодательных и нормативных документах МОН [1], беглый взгляд на которые позволит подтвердить факт смены образовательной парадигмы в современном российском обществе. Попробуем кратко обозначить периоды. В конце 90-х в РФ сложилась структура высшей школы и системное содержание образовательных программ, что было закреплено в законе «Об образовании» в 1992 г., и тогда же в образовательном стандарте ГОС ВПО, так называемого первого поколения. В 1992 году в Российской Федерации введена ведомственным актом подготовка бакалавров и магистров. Подготовка магистров регламентировалась Положением о магистратуре без разработки государственных образовательных стандартов, что давало свободу в определении содержания образовательных программ наиболее продвинутым вузам.

Подготовка бакалавров и магистров в 1994 году была нормативно закреплена постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. № 940 «Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования», которым устанавливалось, что основные образовательные программы магистров и специалистов являются программами одного уровня. Академическое сообщество воспринимало программы 4+2 (бакалавр+магистр) и 5-летние программы специалитета как равнозначные, большинство вузов оставалось традиционно в русле специалитета. Перечень высшего профессионального образования в первом поколении

насчитывал 92 направления подготовки и 422 специальности. Никто не чувствовал законодательной угрозы.

В 1996 году был принят Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В соответствии с которым, в 2000 году были введены в действие ГОС ВПО 2-го поколения. Стандарты предусматривались и для магистерской ступени программ, но магистратура по-прежнему воспринималась как продолжение программ бакалавриата по одноименным направлениям.

Государственные работодатели редели и вырождались в связи с экономическими кризисами, частные не сформировались как заказчики к системе высшей школы. В обществе заговорили об общекультурных и социально-личностных компетенциях как о приоритетных, в связи с объяснением и оправданием необходимости ступени бакалавра: быстрая подстройка под изменчивый мир информационных технологий, широкий диапазон возможного трудоустройства бакалавра и т.д. и т.п. В отличие от профессиональных, личностные характеристики выпускников (компетенции) применимы ко всем направлениям и специальностям и как нельзя больше подходят в качестве оценки образовательных результатов для программ бакалавриата.

В соответствии с действующим на тот момент Перечнем в системе ВПО в тот период существовало 240 стандартов подготовки бакалавров и магистров, по 120 направлениям подготовки 215 стандартов специалистов и 88 стандартов по направлениям подготовки дипломированных специалистов (для 320 специальностей). Только в 2003 г. абсолютно добровольно Россия присоединилась к странам Болонской декларации. Первый этап внедрения Болонской системы в РФ стандартизации 2-х уровневой структуры образовательных программ, таким образом, шел опережающими темпами, поскольку экономика в этот период еще сохраняла иллюзии советской фундаментальности, и не была столь очевидной невостребованность 5-летней подготовки специалистов для разрушенной промышленности. Консервативность, и внутренний саботаж, сопротивление вузов внедрению бакалаврских программ, позволило сохранять традиционный специалитет вплоть до 2007 года. Это подтверждается данными ежегодного отчета РФ на совещание министров стран участниц Болонской декларации 2007г., где указано, что по программам бакалавриата в 2006 г. в России обучалось 7 % от числа реализуемых образовательных программ, 0,4 % по программам магистратуры, 92% - занимали программы специалитета. Сопоставление численности студентов, обучающихся в этот период по новой 2-уровневой структуре и численности студентов традиционного специалитета (1:1000), позволяет уверенно сказать, что Болонская система не принималась академическим сообществом, что более чем 10-лет существования образовательных стандартов (бакалавр+магистр), «приглашения» вузов перейти на программы двухуровневой подготовки не сделало этот процесс легитимным. Вероятно, именно это подтолкнуло реформаторов ускорить процесс закрепления Болонской структуры программ. Следующий этап можно соотнести с законодательным утверждением 2-х уровневой системы.

24 октября 2007 года принят N 232-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, N 44, ст. 5280) [2], согласно которому программы бакалавриата и магистратуры закрепляются как самостоятельные образовательные уровни, теперь магистратура не является продолжением бакалавриата. Программы специальности сокращаются более чем в 3 раза. Тем самым только 4-летние программы бакалавриата становятся уровнем высшего образования в РФ гарантированным государством. Причем закон принимается с «оговоркой»: программы специалитета сохраняются, но их «перечень будет утвержден позже».

Кроме того закон утвержден в 2007 г., а вступает в действие (первоначально в 2010), а в окончательном варианте с 1 января 2011 г. то есть массовый прием

абитуриентов по новым правилам состоялся только в сентябре 2011 г. Растянутасть применения закона снимает протестную напряженность в образовательном сообществе (нет перечня – нет повода для обсуждения). В этот период закрепляется массовизация и коммерсализация высшей школы.

Именно в эти годы медленно зреет смена парадигмы : переориентация восприятия высшего образования как (бесплатного) общественного блага меняется на представление об образовании как сервисной образовательной услуги. Причем процесс этот и сегодня еще далек от завершения и, если с первой частью тезиса население уже смирилось, то сервисность, клиентоориентированность (в Болонском измерении с «студентоцентрированный» подход) вызывает известное раздражение в академической среде...

Сегодня идет разработка Федеральных стандарты третьего поколения: (ФГОС ВО; ФГОС 3+). Приведение их в соответствие с требованиями последней редакции ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ от 29.12.2012 N 273-ФЗ.

Внедряется трехуровневая структура бакалавр – магистр-аспирант. В этой структуре закрепляется статус бакалавриата как прикладного профессионального уровня. Из названия стандартов исчезает определение «профессиональное», однако же параллельно Минобрнауки рассылает вузам «Методические рекомендации по актуализации действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования с учетом принимаемых профессиональных стандартов», (утвержденны Минобрнауки России 22 января 2015 г.).

Вероятно, объяснение этому возобновление профессионализации: ориентированность на новую профессиональную структуру, которая складывается в результате общественных изменений постсоветского периода. Ориентированность на профессию возвращается в оценку результативности высшего образования, но уже с учетом трудовых функций, конкретики трудовых действий, без той широты гуманитарного мировоззренческого аспекта, который определял вузовское образование как новую ступень « высшее образование».

Однако, профессиональные стандарты как отражение современной профессиональной структуры охватывают далеко не все существующие сегодня профессии, система описания только складывается. Сегодня приоритеты заказа работодателей на образование очень конкретны, предметны и прагматичны. Поскольку выпускник получает образование, чтобы обрести профессию и работу, а не наоборот, то, совершенно логично, что требования к результату образования формируют и формулируют работодатели - потребители выпускников. Форма, в которой сформулирована профессиональная деятельность для любой профессии в РФ, (здесь: требования к умениям и навыкам выпускников) – профессиональный стандарт[3]. Рассмотрим конкретный пример.

Профессионального стандарта социолога нет, и это вполне объяснимо. Опыт рабочей группы работодателей с привлечением методистов вузов, в том числе разработчиков образовательных стандартов выявил некоторые проблемные зоны: отсутствие единой терминологии, единых подходов к содержанию профессиональной деятельности, оценке результатов образования и др. Проблематично создать общую рамочную конструкцию для всего многообразия сфер применения социологии, стандартизировано описать «деятельность по осуществлению функций социологии в обществе».... Что может быть обобщенно характерным и специфичным для всех социологов?

Анализ зарубежного опыта показывает, в области социологии нет операционных стандартов профессии. Стандарты формируются и регулируются профессиональными ассоциациями. Аналогичные европейские документы содержат этические стандарты, представление о злоупотреблении экспертизой и др. декларативные

положения, которые не определяют функционала социолога и могут быть обозначены в результатах образования только как личные качества [4]. Документы, определяющие профессиональную деятельность социологов, составляют этические кодексы и рекомендации к процессу проведения исследования. Документы содержат нормативно-этические рекомендации для социолога-исследователя, работающего в любых областях бизнеса и заказчиками любого типа.

В России существуют профессиональные организации, которые объединяют социологов (Российское общество социологов, Российская социологическая ассоциация и другие), и те, которые объединяют участников «коммерческого» сектора (Объединение исследователей рынка и общественного мнения, Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89», НП «Гильдия Маркетологов» и ряд других).

Отрасль социологических исследований предполагает формирование корпоративной культуры, профессиональных норм и стандартов исследовательских практик. Потребность в профессиональных нормах и стандартах отражается в том, что они создаются на уровне профессиональных объединений социологов, например, профессиональные нормы разработаны Российским обществом социологов (РОС), Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» и др. и предназначены для внутреннего пользования. Сегодня отдельные исследовательские компании разрабатывают собственные положения о должности специалиста по организации и проведению социологических исследований, пишут должностные инструкции, руководствуясь зарубежным опытом. Назрела потребность в самоопределении профессии социолога в новой профессиональной структуре России.

Тема трансформации системы образования включает частный аспект, который касается всего социологического сообщества - востребованность рынком труда выпускников – социологов. Обращаясь к понятию востребованности, мы рассматриваем не только структуру и динамику развития отрасли, наличие и изменение числа потенциальных рабочих мест на рынке труда [5], но и соответствие характеристик выпускника [6] ожиданиям и требованиям работодателя. И тут всплывает давнишнее противоречие между представлениями академической среды (образование), и практической - представителями индустрии исследовательских компаний (рынок). Стандарт профессии, перечень трудовых действий и навыков, по совокупности - профессиональная деятельность, станет ориентиром для вузов, выпускающих социологов.

Немаловажным аргументом для академической части социологов является необходимость воспроизводства профессиональных кадров социологов. В номинальном плане количество бюджетных мест в вузах и существование профильных образовательных программ по направлению социология возможны при условии подтвержденной Минтруд(ом) потребности на профессию социолог. В содержательном плане: знание существует и развивается, если существуют его носители. В частности, за 20 лет проделана огромная работа по переводам работ классиков и постмодернистов мировой социологии. Это завоеванное новое знание, доступность информационного поля, может сохраниться и развиваться только при условии его доступности к постоянному воспроизводству на уровне базового профильного образования социологов.

Решая задачу фиксирования профессии «социолог» в государственных реестрах, должностных справочниках, атрибуции социологических исследований к отдельным видам экономической деятельности, возможно, имеет смысл стандартизировать

узкий сегмент, только один из видов профессиональной деятельности социологов, собственно проведение социологического исследования. Работа над проектом такого стандарта «Специалист по организации и проведению социологических исследований» ведется в настоящее время. Стандарт носит рекомендательный характер и ориентирован на профессиональные навыки специалистов, работающих в индустрии исследовательских компаний. Трансформация образовательной системы ориентирует высшее социологическое образование на профессию.

1. Собственно сам процесс непрерывной трансформации структуры МОН не в меньшей степени отражает эти изменения и может являться объектом социального анализа.
2. <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>

КОММУНИКАТИВНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Батаева Е.В. (Харьков, Украина)

В трансформирующемся обществе основанием для интеграции социальных акторов может стать свободная коммуникация, имеющая своим результатом выработку взаимопонимания. Основания теории коммуникативной солидарности можно обнаружить в концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса, целью и смыслом которого становится установление согласия между всеми участниками диалогической ситуации: «процессы взаимопонимания нацелены на достижение согласия, которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. Согласие невозможно навязать другой стороне, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя им» [1, с.200]. В понятии солидарности можно обнаружить дополнительные смысловые обертоны, которые не вполне очевидны в понятии согласия. Коммуникативная солидарность обладает акциональным параметром, – она проявляет себя в реальных действиях социальных акторов, нацеленных на достижение полилогического согласия. Кроме того, для солидарности характерна проективная направленность, – ее основной интенцией является реализация социальных проектов примирения/умиротворения/воссоединения центробежно сориентированных социальных акторов.

Коммуникативная солидарность может быть установлена как на микроуровне (уровне повседневной межличностной коммуникации), так и на макроуровне (на институциональном уровне взаимодействия социальных структур). В качестве фундамента коммуникативной солидарности на микроуровне может выступать доверие между участниками социальной дискуссии, которое должно быть подкреплено взаимными установками на признание важности интересов и целей каждого. Изначальный отказ от признания речевых актов партнеров может иметь своим эффектом блокирование достижения какого-либо согласия между ними. Как полагает А. Хоннет (A. Honneth), люди расценивают свои проблемы не в терминах абстрактных коммуникативных идеалов Ю. Хабермаса, но, скорее, как результат их не-признания в повседневной жизни. Социальные акторы вступают в борьбу за признание, потому что чувствуют, что не получают в повседневной жизни должного уважения, которого заслуживают [4]. Рациональное признание требований всех участников социального коммуницирования может превентивно предотвращать центробежные тенденции в обществе и способствовать утверждению/подтверждению их солидаризации. Как считает А. Хоннет, в плюралистических обществах, в которых отсутствует нормативная солидарность, основанная на общих нормах и ценностях, не столько гомогенность, сколько гетерогенность и диверсификация ценностей в открытом социальном пространстве может стать фундаментом для достижения согласия. Коммуникативная солидарность вполне может стать реальностью в обществе, в котором отсутствует структурная взаимозависимость и ценностное единство, в котором имеет место принципиальный социокультурный плюрализм. Аналогичной точки зрения придерживается С. Устерлинк

(S. Oosterlynck), согласно которому гомогенность не является необходимой основой солидарности; напротив, растущая гетерогенность может стать реальным контекстом для выдвижения требований признания столь различающихся индивидов и групп [5]. В ситуации социальной гетерогенности моральность солидарности, на которую впервые обратил внимание Э. Дюркгейм, становится особенно заметной. Если принять во внимание определение солидарности П. Штомпки, согласно которому «солидарность – это забота об интересах других и готовность предпринять действия в их пользу, даже когда нарушаются наши собственные интересы» [2, с.45], то станет очевидным, что стремиться к солидаризации даже в той ситуации, когда «нарушаются наши собственные интересы», можно лишь достигнув достаточно высокого уровня нравственного развития и будучи способным отдавать приоритет общечеловеческим ценностям.

На институциональном макроуровне ответственность за реализацию и поддержание коммуникативной солидарности между социальными акторами может быть возложена на структуры массмедиа, которые должны вырабатывать и транслировать основные принципы согласия между членами сообщества. В ситуации дефицита доверия между социальными акторами, которое может быть признано психологическим и социальным фундаментом любого публичного коммуницирования, массмедиа могут осуществлять функцию конструирования коммуникативной солидарности посредством создания позитивных образов как участников коммуникации, так и проектов, по поводу которых проводятся публичные переговоры или дискуссии. И наоборот, массмедиа могут дисфункционально воздействовать на социальные процессы, не способствуя установлению коммуникативной солидарности, если будут конструировать негативные образы участников общественных переговоров, тем самым препятствуя установлению согласия и доверия между ними.

Помимо массмедиа, следует упомянуть еще одно институциональное образование, которое может сыграть существенную роль в установлении и поддержании коммуникативной солидарности в трансформирующемся обществе. Речь идет о гражданских общественных организациях, спонтанно создаваемых в контексте определенных социальных ситуаций, добровольно берущих на себя обязательства устанавливать и регулировать взаимодействие между оппонировавшими друг другу социальными акторами. Как полагает А. Этциони, в кризисных ситуациях официальные органы политической власти в силу определенной инертности не могут своевременно устранять препятствия на пути реализации принципов коммуитаризма: «даже когда люди – будь то представители местной общины, нации или какого-то еще более широкого союза – приходят к моральному консенсусу, вопиюще медленно растет способность властных институтов к выполнению основанных на нем новых решений» [3, с.16]. Что же касается добровольных общественных организаций и движений (к примеру, волонтерского движения), то они, как правило, пользуются большей поддержкой и большим доверием со стороны общества (нежели официальные органы власти), они более мобильны, легче приспосабливаются к меняющейся социальной конъюнктуре, а потому могут быстрее принимать решения, в которых возникает потребность «здесь и сейчас». Общественные добровольные организации можно, вслед за А. Этциони, назвать «мягкой силой», которая в современном миропорядке может гораздо эффективнее обеспечивать общественное согласие и солидарность, нежели политические органы контроля и принуждения [3, с.287].

1. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб. : Наука, 2001. 380 с.
2. Штомпка П. *Доверие – основа общества [пер. с пол. Н. В. Морозовой]*. М.: Логос, 2012. 440 с.
3. Этциони А. *От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям*. М. : Ладомир, 2004. 384 с.

4. Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: Polity Press, 1996. 240 p.
5. Oosterlynck S. *Social solidarities: the search for solidarity in sociology*. DieGem working paper 24/04/2013 //URL: http://www.solidariteitdiversiteit.be/uploads/docs/bib/00321431_1.pdf

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ

Бацман О.С. (Полтава, Украина)

Постановка проблемы. Перспективным в наше время является включение молодежи с функциональными ограничениями здоровья в интегрированные группы высших учебных заведений. Студенчество в Украине составляет весомую часть общества. Так, по данным Министерства образования и науки Украины, в 2013/2014 учебном году общее количество студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, составляет около 1 млн. 200 тыс. человек. Из них около 10 тыс. являются студентами с инвалидностью [1], и это лишь небольшая часть, которая составляет 0,83% общего количества этого контингента, что объясняется низким уровнем адаптированности учебных заведений к возможностям здоровья данной категории лиц. Поэтому особое место, сегодня в системе высшего образования Украины занимает развитие интегрированного образования, которое предусматривает совместное обучение студентов с ограниченными физическими возможностями здоровья вместе со здоровыми студентами. Главной целью интегрированного обучения является обеспечение равного доступа и равных прав на получение высшего образования всех желающих. Но, к сожалению, процесс адаптации субъектов учебно-воспитательного процесса при вхождении в интегрированную среду недостаточно исследован, в том числе вопросы неготовности преподавательского состава, вспомогательного персонала, а также руководства учебных заведений к вхождению в образовательное интегрированную среду, что и обусловило актуальность данной статьи.

Исследования и публикации. Проблеме организации обучения детей и молодежи с функциональными ограничениями здоровья посвящены исследования Е. Диковой-Фаворской, И. Обуховской, А. Романчука, П. Таланчука, И. Тараненко, А. Шерляг, Б. Шихова, М. Яскалы и российских социологов Е. Ярской-Смирновой, П. Романова.

Целью данной статьи является определение проблем адаптации субъектов учебно-воспитательного процесса в интегрированных учебных заведениях.

Изложение основного материала. Молодой человек с инвалидностью – это, прежде всего личность, которая имеет ограниченные возможности здоровья, обусловленные физическими, психологическими и социальными барьерами, которые не позволяют ей легко и полноценно адаптироваться и интегрироваться, жить полноценной жизнью, как другие члены общества. Подавляющее большинство молодых людей с ограниченными физическими возможностями здоровья не имеют возможности реализовать себя, получить высшее образование, поэтому задачей государства является организация и создание условий для полноценной самореализации и освоением качественным образованием данной категории лиц. По мнению украинского социолога Диковой-Фаворской Е.М., наиболее продуктивный подход к обучению лиц с ограниченными возможностями здоровья в интегрированной среде – это создание среды творческого бытия, где студент имеет возможность испытать себя не только как исполнителя, но прежде всего как генератора идей. Это предполагает достаточный уровень самообразования и саморазвития, а в дальнейшем влияет на процессы адаптации и интеграции [1].

Материалы собственных исследований. В течение 2013-2014 годов автором был проведен ряд экспертных интервью, направленных на изучение проблем адаптации субъектов учебно-воспитательного процесса в интегрированных учебных заведениях.

1. Экспертное интервью с директором, реабилитологами, психологами Львовского учебно-реабилитационного центра «Джерело», Полтавского Монтеessori-центра реабилитации детей-инвалидов дошкольного возраста «Подсолнух» и Полтавского реабилитационного центра для детей-инвалидов до 18 лет (n=64). Большинство экспертов отмечают необходимость создания интегрированных групп в высших учебных заведениях, но очерчивают круг проблем при создании таких групп – это неготовность здоровых студентов и преподавателей; углубление комплексов у студентов с ограниченными физическими возможностями здоровья, в первую очередь связаны со сложностью пребывания в интегрированной среде; психологическую неготовность всех субъектов учебного процесса, что свидетельствует о необходимости проведения ранней социальной реабилитации и адаптационных мер при вхождении в интегрированную среду всех участников учебно-воспитательного процесса.

2. Экспертное интервью с деканами, заведующими кафедрами, ответственными секретарями приемной комиссии Полтавского национального педагогического университета им. В.Г. Короленко, Полтавского университета потребительской кооперации Украины, Украинской медицинской стоматологической академии и Полтавского института экономики и права (n = 59). Главными, по мнению экспертов, проблемами интегрированного обучения является приспособление к учебному процессу. Это адаптация студентов к новому окружению, новым связям, структуры и традиций ВУЗа; психологическая неготовность преподавателей, здоровых студентов и их родителей воспринимать студентов с функциональными ограничениями здоровья. Отдельно экспертами были очерчены проблемы студентов с инвалидностью. Это проблема пространственной адаптации (не приспособленность архитектурных сооружений и учебных корпусов к данной категории студентов), проблема интеграции в группу общество, связана с отсутствием социального опыта пребывания в среде здоровых людей, низкий уровень школьной подготовки, коммуникативные трудности.

3. Экспертное интервью с директорами, заместителями директоров и преподавателями Чутовской общеобразовательной школе I-III ступеней, находится в Полтавской области (n=16) и в СПТУ-79 п.г.т. Петриковка, Петриковского района Днепропетровской области (n=22). Большинство экспертов Чутовской общеобразовательной школы I-III ступеней указали на необходимость усовершенствования материально-технической базы учебных заведений, разработки специальных программ для интегрированных групп обучения, подготовке специалистов, которые будут работать или работают с детьми с инвалидностью и здоровыми учениками, что может свидетельствовать о существующих недостатках и нежеланию педагогов самосовершенствоваться и менять разработанные программы. В СПТУ существует проблема архитектурного доступа студентов с функциональными ограничениями здоровья, отсутствие новейших технологий обучения в интегрированных учебных группах, неподготовленность преподавателей и здоровых студентов, указывает на пониженную мотивацию в помощи детям и молодым учащимся с инвалидностью.

Выводы. Проанализировав мнение экспертов (администрации, деканов, преподавателей, реабилитологов, психологов), которые работают в высшей школе и имеют опыт работы со студентами с инвалидностью – можем констатировать неготовность учебных заведений к интегрированному обучению.

При организации интегрированной формы обучения необходимо учесть архитектурную неприспособленность, неготовность учебного материала и инновационных технологий, специального оборудования для учеников и студентов с функциональными ограничениями здоровья, неадаптированность здоровых учеников, студентов и студентов с инвалидностью к совместному обучению.

С целью устранения этих барьеров, нужно ввести специальные учебные методики и программы для преподавания в интегрированных группах. Также необходимо разработать ряд мер, которые должны психологически подготовить субъектов учебно-воспитательного процесса к адекватному (объективному) восприятию студентов с функциональными ограничениями здоровья через внедрение специальных тренинговых программ.

1. *«В Україні така велика кількість інвалідів, тому що їх наразі почали рахувати», – Міністр охорони здоров'я України. [Електронний ресурс] // Режим доступу до статті: <http://zik.com.ua/ua/news/2008/02/03/124363>.*

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХИГС К МИГРАНТАМ

Вагабова А.И. (Волгоград)

Миграционное пополнение регионов России в последние десять-пятнадцать лет является существенным источником социальной напряженности [1, 15]. На постсоветском пространстве все большее распространение приобретает мигрантофобия [2, 4]. Отношение россиян к мигрантам в целом можно охарактеризовать формулой «мы – свои, они – чужие». Все более очевидным становится тот факт, что необходимо обратить внимание на такой важный аспект как взаимоотношения местного населения и мигрантов.

Таким образом, актуальность выбранной темы обусловлена противоречием между огромным притоком мигрантов и возрастающей враждебностью местного населения.

С целью изучения данной проблемы был проведен анкетный опрос в Российской академии народного хозяйства и государственной службы. В опросе участвовали 200 студентов с 1 по 4 курс факультета ГМУ.

Основная задача данного исследования – выявить, как воспринимает мигрантов студенты РАНХиГС; оценить степень толерантности молодежи к различным группам мигрантов; выяснить причины существующей враждебности к мигрантам.

Анализ полученной информации позволил выявить, что больше половины студентов относятся к мигрантам нейтрально (50,6%). Уважительно относятся только 13% студентов. Кроме того, отношение студентов к мигрантам во много зависит от национальности «приезжих» (15%).

Примерно пятая часть опрошенных – 20,5% – все-таки находит некоторые выгоды от присутствия мигрантов в их городах. Для них важно, что мигранты заполняют «непрестижные» рабочие места (71,8%), снабжают город дешевыми товарами народного потребления и продуктами (18,2%), дешево и качественно ремонтируют квартиры (17,3%), пополняют население города молодыми, энергичными людьми (12,7%), привносят этническое и культурное разнообразие в городской социум (8,2%).

Причем, те студенты, у которых есть друзья или знакомые среди мигрантов, выбрали такие варианты ответов в отношении к мигрантам, как «уважительно» (25%), «положительно» (24,8%). Те же респонденты, которые незнакомы с мигрантами, относятся к «приезжим, в большей степени, «нейтрально» (35%) и недоверчиво, с опаской (15,3%).

На вопрос: «Как Вы в целом оцениваете отношение населения города Волгоград к мигрантам?» большинство респондентов выбрали вариант «безразлично» - 31,1%. 21,9% респондентов считают, что местное население относится к мигрантам «недружелюбно». 15,6% молодых людей отметили неприязненное отношение местного населения к мигрантам, и только 4 человека выбрали вариант ответа «дружелюбно». Кроме того, 21,9% затруднились дать точный ответ.

В вопросе о вступлении в брак с мигрантом мнения разделились примерно одинаково. 33,3% считают такой брак недействительным; 28,3% предпочли бы человека своей национальности, но возражать против не стали бы; 36,6% ответили, что «выбор супруга - личное дело каждого».

Следует отметить, что представления респондентов относительно масштабов притока мигрантов в их города отражают вполне реальную картину. Действительно, нагрузка на городское население не только трудовыми мигрантами, но и беженцами и вынужденными переселенцами увеличивается в геометрической прогрессии. Если на 30 июля 2014 года, по данным УФМС по Волгоградской области, в регионе на миграционном учете находились 2,5 тыс. украинских граждан, то уже на 30 ноября 2014 года в Волгоградской области было более 7,5 тыс. украинских беженцев (без учета трудовых мигрантов)[5]. А мигрантов, по данным Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области, на начало 2014 года насчитывалось 45406 человек. В 2013 году этот показатель был равен 40408 человек[6].

Однако ответы на вопрос: «Откуда больше всего, по Вашему мнению, приезжают мигранты в Ваш город?» в основной своей массе демонстрируют полное несоответствие реальной ситуации.

«Львиная» доля ответов в Волгограде (60,5%) пришлась на республики Закавказья и Северный Кавказ, то есть в массовом сознании горожан приезжие ассоциируются главным образом с «лицами кавказской национальности». В действительности же, как показывает официальная статистика, основными «поставщиками» мигрантов (причем преимущественно русских и русскоязычных) в исследуемые регионы являются республики Средней Азии (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан) и Казахстан.

Думается, что отмеченная выше искаженность общественного сознания связана с прочно устоявшейся в обществе в целом гиперчувствительностью к так называемым «лицам кавказской национальности». Именно эта группа мигрантов занимает второе место в ответах на вопрос анкеты: «Как Вы относитесь к представителям следующих национальностей, народов?». 45% молодежи относятся к кавказским национальностям «скорее отрицательно, чем положительно» и «отрицательно». Лидирующие позиции же занимают «цыгане» - 81,9% респондентов относятся к данной группе «отрицательно» (47,7%) и «скорее отрицательно, чем положительно» (34,2%). В качестве причин негативного отношения к данным национальностям выдвигаются подозрения в их криминальной деятельности на территории России, стремлении брать под свой контроль движение товаров и денег (через сферы торговли, гостиничного, ресторанного, наркобизнеса, автосервиса).

Основное недовольство студентов вызывают, прежде всего, торговля некачественными товарами и продуктами (30,1%), рост преступности (23,7%), антисанитария и болезни (13,2%), разврат (9,2%), которые, как полагает население, мигранты привносят в общество. Кроме того, студенты считают, что мигранты понижают уровень зарплаты, соглашаясь на самую низкую работу (11,8%). Только 2,6% респондентов ответили, что ничего отрицательно в приезде мигрантов не видят.

Отношение студентов к разным национальностям объясняют распределение ответов в вопросе: «Кому можно разрешать регистрацию в Вашем городе?». Большинство респондентов выбрали для разрешения регистрации несудимых, честно работающих, приносящих пользу городу, хорошим специалистам, которые приехали в Волгоград (40,9%), второе место занимают «русские, родственники, выходцы из наших краев» (27,3%), на третьем - славяне и русскоязычные. Их выбрали 11,4% студентов.

Таким образом, проведенное исследование об отношении студентов к мигрантам выявили снижающийся уровень терпимости молодежи к «чужакам». Данные результаты совпадают с рядом других исследований. Например, с исследованием проведенным центром изучения проблем вынужденной миграции в СНГ в рамках проекта и при

финансовой поддержке Центра Стратегических исследований Приволжского федерального округа[3], опросами, проводимыми Левада-центром и т.д.

В заключение необходимо подчеркнуть, что нетерпимость, особенно с этнической окраской, ставит под угрозу стабильность, безопасность существования всего социума. Данная проблема, а именно – проблема принятия местным населением мигрантов, – должна находиться на особом контроле у местной власти среди других социально-экономических проблем, связанных с миграцией. И опорой в этой работе может служить дружелюбно и нейтрально относящаяся к мигрантам часть общества. В свою очередь, данные проведенного исследования можно использовать при планировании учебно-воспитательных мероприятий РАНХиГС, которые позволят провести профилактические мероприятия с целью предотвращения негативных последствий враждебного отношения к мигрантам.

1. *Амелин В. Мигранты в Оренбуржье. Проблемы социальной адаптации [Текст] / В. Амелин. - Оренбург, 2000.*
2. *Бадьштова И.М. Осторожно: мигрантофобия / И.М. Бадьштова //Независимый голос России. – 1999. - №6. - С. 6.*
3. *Бадьштова И.М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) // Социс. 2003. Вып. 6. С. 38-46.*
4. *Дмитриев, А.В. Миграция: конфликтное измерение[Текст] / А. В. Дмитриев.- М.: Альфа-М, 2007.*
5. *Официальный портал Губернатора и Администрации Волгоградской [Электронный ресурс] области Режим доступа: <http://www.volganet.ru/region/obshestvo/obshestvennyieorganizacii/national.php>. – Загл. с экрана.*
6. *Министерство Юстиции РФ Электронный ресурс] области Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/NKAs.aspx>– Загл. с экрана.*

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ БЕЛАРУСИ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ: СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИНТЕГРАЦИИ

Василевская И.В. (Москва)

На современном этапе человеческого развития миграционные процессы стали важной составляющей глобальных изменений мирового пространства. Распад Советского Союза, постперестроечный кризис в стране, а также ряд других причин оказали значительное влияние и обусловили появление новых миграционных тенденций. Наиболее значимым и масштабным явлением на территории постсоветского пространства стала трудовая миграция. Этот процесс представляет собой многогранное явление, а его интенсификация оказывает неоднозначное влияние на ряд показателей внутригосударственного устройства и развития.

Значительный обмен трудовыми мигрантами в настоящее время осуществляется между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Специфика миграционных процессов между белорусским и российским государствами определяется особенностями исторического, социально-экономического и культурного развития сторон, тесными родственными и дружескими связями, сложившимися на протяжении многих веков. Местное русское население, как правило, не воспринимает белорусов в качестве иной этнической группы. В свою очередь, трудовые мигранты, особенно те, кто находится постоянно или длительное время на территории Российской Федерации, в большей степени сами воспринимают себя россиянами и русскими. Белорусы быстро интегрируются в принимающее российское общество и создают широкие социальные связи. Во многом такой тесной интеграции способствует отсутствие языкового барьера. Следует отметить, что в современной Беларуси русский язык наделен статусом

государственного языка наравне с белорусским. В ряде регионов Беларуси, в силу исторических обстоятельств, а также географического положения, использование русского языка у местного населения в целом является наиболее предпочтительным по отношению к белорусскому: 34% белорусского населения заявляют о свободном владении ими белорусским языком, но только около 6% белорусов говорят, что постоянно пользуются белорусским языком, почти 74% постоянно пользуются русским, а 21% не пользуются белорусским языком вообще.

Наиболее точно определить количество трудящихся белорусских граждан на территории российского государства довольно сложно. Мигранты из Беларуси современной статистикой трудовой миграции не учитываются на основании ряда причин. Во-первых, Договор о создании Союзного государства России и Беларуси от 8 декабря 1999 г. предоставляет равные права гражданам обоих государств на территории государств-участников Договора. На сегодняшний день между государствами сформирована договорная база, которая устанавливает наиболее благоприятные условия и предоставляет широкие права в сфере трудовой занятости на территории обоих государств и социальной поддержки граждан, трудящихся на территории Союзного государства. Во-вторых, основанием для преференций в сфере трудоустройства белорусских граждан на российской территории является членство Республики Беларусь в составе Единого экономического пространства (ЕЭП) и Таможенного союза Евразийского экономического сообщества (ТС ЕврАзЭС). 29 мая 2014 года на основе Таможенного союза и ЕЭП была создана более продвинутая форма интеграции — Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который начал свою работу с 1 января 2015 года. Таким образом формируется общий рынок труда, а государства-участники — Россия и Беларусь, а так же Казахстан, Армения и Киргизия — обязуются гарантировать свободное перемещение товаров и услуг, капиталов и рабочей силы, осуществлять согласованную политику в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте [1].

Наибольшее количество трудящихся-мигрантов с территории современной Беларуси в России в общей численности — это жители г. Минска, Могилевской и Гомельской областей, что составляет около 70% от общего числа выездов в 2012–2015 гг. В целом количество выезжающих в Россию с целью трудоустройства составляет 85–90%. При этом динамика роста выезжающих такова: в 2011 г. число официально подписанных договоров и контрактов составляло около 5 тыс., в 2012 г. их число превысило более 6,5 тыс., в 2013–2014 гг. число договоров составляло около 5,5 тыс., а в 2015 г. их количество упало почти до 2,5 тыс. Среди общего количества трудовых мигрантов в каждом случае преобладающую часть составляют мужчины: с 2011 по 2014 гг. этот показатель оставался близким к 4 тыс. чел. (79,8%), в 2015 г. снизился до 2 тыс. (45,4%). Количество выезжающих женщин с 2011 по 2015 гг. остается практически на одном уровне и составляет в среднем 500 человек.

Анализ возрастной структуры трудовых мигрантов из Белоруссии показывает, что основную часть составляют молодые люди в возрасте от 20-ти до 24-х лет, из них 66,6% составляют девушки. Далее по числу потенциальных трудовых мигрантов следует категория в возрасте от 40 до 44 лет, за ней граждане от 25 до 29 лет. При этом характерна тенденция снижения числа женщин по отношению к числу мужчин. В возрастной категории от 25 лет и старше пропорции мужчин и женщин изменяются следующим образом: в категории 25-29 лет женщины составляют уже лишь 1/3 по отношению к выезжающим мужчинам.

По образовательному уровню среди мигрантов преобладают граждане, имеющие общее среднее образование. Так, на период 2011–2014 гг. их показатель составлял 61,9%. Выезжающие со средним специальным образованием на этот момент составляли 29,5%, а с высшим образованием — 5,3%.

По профессиональной сфере трудящиеся-мигранты из Беларуси на территории РФ на период 2013–2014 гг. официальной статистикой МВД Республики Беларусь

представлены следующим образом: количество квалифицированных рабочих – 28,8%, рабочие сферы обслуживания – 19,9%, рабочие специальности – 22%, руководители – 0,6%. При этом следует отметить, что по срокам заключенных договоров и контрактов преобладают краткосрочные, составляющие рабочий период до 6-ти месяцев (более 86%).

Основным фактором в побуждении к трудовой миграции является социально-экономическое положение страны. Как хорошее его оценивают 2,6% потенциальных мигрантов, 0,9% опрошенных граждан – как среднее. При ответе на вопрос о влиянии политической обстановки в стране на процесс миграции, только 4,1% посчитали ее напряженной. Большинство населения оценивает политическую ситуацию в стране как спокойную. Только около 6% опрошенных граждан хотели бы выехать за границу на постоянное место жительства. Граждане Беларуси, как правило, предпочитают временную трудовую миграцию, нежели эмиграцию.

Социальный портрет потенциального трудового мигранта, имеющего намерение выехать на временную или/и постоянную работу за границу, в частности в Российскую Федерацию, можно представить следующим образом. Мужчина 30-49 лет, с законченным средним или средним специальным образованием, рабочий, не состоит в браке, детей не имеет. Материальное положение семьи среднее, но имеющее тенденцию к ухудшению. Неудовлетворенность имеющейся на данный момент работой, побуждает искать возможности улучшения положения[2].

Таким образом, на основе обобщений можно отметить, что трудовая миграция из Беларуси в Россию представляет собой интерактивный, тонкий и многообъемлющий процесс, значение которого часто недооценивается властями, средствами массовых коммуникаций и искажается в общественном представлении. Оказывая значительное влияние на развитие социально-экономической структуры обоих государств, численность и качество населения, миграционные процессы становятся важным фактором в государственном и общественном развитии.

1. Василевская И.В. Трудовая миграция на постсоветском пространстве: опыт союзного государства России и Беларуси. Вестник РГГУ, серия «Философия. Социология. Искусствоведение». №7. М.: РГГУ, 2015. С. 80-85.
2. Василевская И.В. Проблемы управления процессами трудовой миграции в условиях обеспечения национальной безопасности России. Вестник РГГУ, серия «Управление». №6. М.: РГГУ, 2013. С. 97-104.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ

Грунт Е.В. (Екатеринбург)

На данном этапе российское высшее образование подвергается значительным трансформациям. Участие России в Болонском процессе, требования современного общества, как следствие переход на двухуровневую модель высшего образования, неизбежно ведет к возникновению ряда противоречий и проблем в высшем профессиональном образовании в России. Одной из таких проблем является утеря его субъектности.

Прежде чем говорить о кризисе субъектности в современном российском высшем образовании, рассмотрим понятие «субъектность». В современной социальной науке субъектность рассматривается в нескольких аспектах: как способность действовать целенаправленно, с учетом текущей ситуации; как готовность к действию по осуществлению своих интересов; как создание смыслов, как качество отношений [6, с. 23]. П. Бурдье, говоря о понятии «субъектность», связывает с ним чувство игры, которое

человек демонстрирует в уже существующем, организованном поле [2, с.234]. Таким образом, мы видим, что в первом случае подчеркивается осмысленность, рациональность, во втором – спонтанность, случайность особенностей складывающихся взаимодействий.

Достаточно продуктивной, на наш взгляд, является позиция Н. Флигстайна. Он при анализе субъектности использует понятие «социальный талант», под которым понимает способность «активных социальных субъектов добиваться содействия от других участников процесса с целью создать, оспорить или воспроизвести некий набор правил» [7, с. 76]. Далее Н. Флигстайн отмечает, что для этого необходимо проникнуться умонастроениями других участников, обнаружить те коллективные значения, которые являются мотивацией их активности. Наделенные таким талантом люди способны интерпретировать поступки других участников поля, понимать позицию группы и влиять на нее. Субъектность у него вовсе не означает, что существующие нормы и правила должны быть оспорены в обязательном порядке, она может проявляться и в отстаивании их индивидом. Главным здесь выступает собственная позиция личности по отношению к нормам и правилам, по отношению к деятельности, в целом. Таким образом, применительно к системе высшего образования субъектность в большей степени связана с существующими образовательными практиками, нормами, с действиями личности в рамках принятых правил и ориентирована на преобразование существующих взаимодействий в самой системе.

Рассмотрев понятие «субъектности», перейдем к анализу проблемы субъектности в современном высшем образовании в России.

Коммодификация высшего образования в современной России ставит вопросы о субъектах образовательного процесса: их восприятии новой модели образования и их взаимодействии. В новых документах об образовании целью высшего образования является предоставление образовательной услуги, таким образом, сама система образования становится подобна сфере услуг, а отношения между субъектами складываются в форме спроса и предложения.

В этих условиях возникает вопрос о его субъектах. Кто они? Как отмечает А.Ж. Кусжанова, в первую очередь, ими являются «заказчики» в лице государства, формальных и неформальных общественных структур, определенных социальных групп, определяющие содержание образования исходя из своих запросов, установок, материальных средств [5]. На наш взгляд, автор не учитывает одного из главных заказчиков – работодателя. Именно он получает «готовый продукт», производимый вузом. Во-вторых, «исполнители» заказанного содержания выпускаемого вузом «продукта». К ним относятся Министерство образования, формируемое ФГОСы, органы управления образованием на местах, профессорско – преподавательский состав вузов, готовящий будущих специалистов. И, наконец, главный субъект – «потребитель» – студент, получающий образование, имеющий определенные потребности, интересы относительно получаемого образования и будущего трудоустройства. От взаимодействия этих субъектов, их понимания образовательных задач, необходимого уровня подготовки будущего профессионала зависит и качество подготовки, и успех перехода на двухуровневую модель российского высшего образования.

Так, если в Советском Союзе специалист, получив высшее образование (в нашем случае, он – потребитель), должен был обладать одним и тем же уровнем профессионализма, применительно к данной специальности, то сегодня, выпускники вуза, окончив один и тот же факультет, получив одну и ту же специальность, должны обладать разным уровнем профессионализма. Мы согласны с Г.Б. Кораблевой в том, что в современных условиях «понятие профессионализм все больше связывается с уровнем и качеством профес-сионального образования, широкой гуманитарной подготовкой, готовно-стью к самообразованию в профессиональной деятельности» [4, с. 129]. Если обратиться к современным выпускникам, то по своим профессиональным качествам, уровню компетенций, знаниям, умениям и навыкам, они должны отличаться друг от

друга в рамках одной профессии. Так, выпускники - бакалавры должны заниматься менее сложным, более простым трудом, нежели выпускники - магистры, уметь применять на практике полученные в теории знания. Что касается выпускника - магистранта, то он должен обладать глубокой теоретической подготовкой, всеми профессиональными компетенциями, необходимыми для данной профессии, умением решать сложные профессиональные задачи и брать на себя ответственность за их реализацию. Все это говорит о том, что эти выпускники должны претендовать на разные должностные уровни на рынке труда. К тому же, на рынке труда в современной России еще остаются специалисты, которые были единственной категорией выпускников в высшем профессиональном образовании еще пять лет тому назад. Однако исследования показывают, что современные работодатели (в нашем случае, - главные заказчики) не видят разницы в претендентах на занимаемую должность. Более того, большинство из них (до 70,0%) предпочтут специалиста, нежели бакалавра или магистра. На наш взгляд, это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, большинство современных работодателей сами заканчивали специалитет и не понимают разницы между этими уровнями образования. Во-вторых, в общественном мнении сложилось представление о бакалавре как о «неполноценном специалисте», не имеющем достаточного профессионализма и уровня подготовки, по сравнению со специалистом, который получал образование, обучаясь на специалитете « Кто такой бакалавр? Это – «недоучка». Я заканчивал специалитет – это полное высшее образование, учился пять лет, сдавал госэкзамен, писал диплом, полгода был на практике на предприятии. Магистр – тоже темная лошадка. Непонятно, зачем учиться еще лишний год?» (Александр, начальник отдела, 39 лет).

В- третьих, на предприятиях, в фирмах нет четких должностных инструкций о том, чем должен заниматься работник, окончивший вуз и получивший диплом бакалавра, специалиста или магистра. В- четвертых, в современной России на рынке труда еще длительное время будут представлены выпускники - специалисты. К тому же, специалитет сегодня имеется на ряде технических специальностей, в медицинских вузах и т.д.

Всероссийский опрос компаний, нанимающих молодых специалистов, проведенный порталом Career.ru показал, что для 45% из них неважно, какое высшее образование получил кандидат — бакалавра, магистра или специалиста. 57% компаний при найме молодых специалистов - бывших выпускников вузов не понимают, каковы различия между выпускниками, имеющими разный уровень образования. А специалисты 79% компаний говорят о том, что для их специалиста достаточно образования бакалавра. Исследование показало, что наиболее лояльно к бакалаврам относятся компании из банковской и финансовой сфер (92% компаний из этих сфер достаточно образования бакалавра) и сферы управления персоналом (90% компаниям из этой сферы достаточно от кандидата образования бакалавра). Не может ни обращать на себя внимание тот факт, что для 69% компаний при трудоустройстве бакалавры и магистры имеют равные шансы, причем, чем меньше компания, тем более равны шансы у таких кандидатов [1].

Таким образом, мы видим противоречие между рынком образовательных услуг – «исполнителем» и рынком труда – «главным заказчиком», что выражается в непонимании сущности перехода российского образования на двухуровневую модель и отсутствие взаимодействия между ними. С одной стороны, вузы готовят будущих претендентов на должности с разным уровнем профессионализма, а с другой, - нет востребованности в них со стороны предприятий, фирм, компаний, государства в целом.

Другой аспект данной проблемы связан с тем, что в современной России сложилась ситуация, когда большинство школьников заканчивает одиннадцать классов, после чего поступает в вузы, что приводит в дальнейшем к перекосам на рынке труда. Это связано с тем, что в настоящее время число выпускников, окончивших вузы, существенно превосходит число тех специалистов с высшим образованием, в которых нуждается

современная российская экономика. В то же время отечественная промышленность испытывает потребность в квалифицированных специалистах с начальным и средним специальным образованием. В современной России в последние двадцать лет высшее образование в общественном мнении стало рассматриваться как показатель жизненного успеха, вхождения молодого человека в группу людей, имеющих перспективу карьерного роста, выполнения престижной работы в комфортных условиях. Вместе с тем, высшее образование и в Советском Союзе являлось важной жизненной ценностью личности. Однако система жесткого отбора на бюджетные места не позволяла большой массе выпускников поступать в вузы. Введение платного образования дало возможность практически каждому выпускнику школы при наличии оплаты поступить и окончить вуз, что привело к «массовизации» высшего профессионального образования в стране. Так из высшей школы ушла ценность образования. Исследование, проведенное в вузах г. Екатеринбурга, показало, что для каждого третьего студента практически не имеет значения, на какую специальность он поступает, а для каждого четвертого опрошенного ведущей ценностью становится наличие диплома о высшем образовании, а не уровень профессиональных знаний и получение работы, соответствующей приобретенной специальности. К сожалению, как показывает наше исследование, студентов сегодня гораздо больше заботит скорейшая отдача вложенных в образование усилий (35,5% опрошенных), денег (17,0% опрошенных), времени (22,% опрошенных), возможность получить высокооплачиваемую работу (57,% опрошенных), чем общественное благо или личное духовное развитие. Влияние рыночных механизмов на образование приводит к тому, что студенты становятся потребителями приобретаемого за деньги (родителей или государства) товара – знаний, умений, навыков – того, что сегодня называется компетенциями, а преподаватели все в большей мере превращаются во вспомогательный персонал, выступающий как средство поддержки обучения студентов: «Сегодня в российском высшем образовании наблюдается тенденция вытеснения преподавателя из образовательного пространства вуза: снижение лекционной нагрузки, дистантное образование и т.д. Таким образом, возникает вопрос о том, «Кто мы? Средство? Роботы? Складывается впечатление, что со временем преподаватель будет не нужен совсем» (М. И., преподаватель философии).

Таким образом, мы видим, что значительная часть выпускников вузов не ориентирована на реализацию профессиональных знаний и умений в своей трудовой деятельности. При этом вузы не получили «качественного студента», а общество за последние годы получило большое количество специалистов, не желающих и не умеющих профессионально трудиться, что неизбежно негативно сказывается на производительности труда, качестве создаваемой этими людьми продукции.

Сегодня создается парадоксальная ситуация, когда отсутствует связь между содержанием труда работника и полученным им образованием. Так, например, выпускник машиностроительного или строительного факультета может сегодня работать маркетологом, консультантом по продаже вычислительной техники и т.п. «Я окончил строительный факультет, но работаю консультантом по продаже бытовой техники в магазине. В магистратуру обучаться не пошел, так как не вижу в этом никакого смысла. Работа меня вполне устраивает, да и зарплата тоже. Сегодня не важно, какое образование ты получил, главное – хорошо работать и, чтобы была хорошая зарплата» (Андрей, 24 года, выпускник строительного факультета). Возникает вопрос о том, какие свои профессиональные навыки и знания он реализовывает? Это еще раз подчеркивает тот факт, что в современной России отсутствуют жесткие требования по поводу, как получения образования, так и устройства на работу по полученной специальности. Работодатель руководствуется разными мотивами, принимая специалиста на работу. В свою очередь, вузы зачастую руководствуются при приеме студента так же разными мотивами (коммерческая выгода, сохранение контингента студентов и пр.): «К сожалению, рыночные отношения в образовании заставляют нас сохранять контингент.

Сегодня все изменилось. Если в Советском Союзе было сложно поступить в вуз, то сегодня сложно из него вылететь, особенно, если студент платный» (О.Г. заместитель декана по учебной работе вуза).

Все это приводит к тому, что снижается ценность приобретенных человеком профессиональных знаний, умений, навыков, профессионализма в целом. Что касается Министерства образования, разрабатывающего новые стандарты, то оно практически не в состоянии контролировать их реализацию. К тому же, ФГОСЫ меняются ежегодно. Все это свидетельствует о кризисе субъектности современного высшего образования в России. Как справедливо отмечает Д.Л. Константиновский, недостатком такой субъектности является неопределенность социальных запросов к образованию, а так же сохранение традиционных форм образовательного поведения студентов в институте высшего образования. Следствием недостатка субъектности в современном высшем образовании в России является утрата им функции социального лифта, сохранение дифференциации в образовании и неравенства в обществе [3,с.58].

Решение проблемы субъектности, на наш взгляд, возможно при смене субъектов, определяющих содержание образования. Активность субъекта должна сместиться в сторону непосредственных участников образовательного процесса – преподавателей и студентов, наиболее заинтересованных в преодолении неопределенности своего будущего на рынке труда и будущего системы образования.

1. *Бакалвара возьмут на работу 79% компаний: Опрос портала для молодых специалистов Career.ru 18-25 июля 2011 г. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://career.ru/article/10851/>*
2. *Бурдьё П. Начала. Choses dites: Пер. с фр./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А./— М.: Socio-Logos, 1994. — 288*
3. *Константиновский Д.Л. Размышления о социологии образования// Социс. 2008. №7*
4. *Кораблева Г.Б. Профессия и образование: социологический аспект связи. – Екатеринбург, 1999. – 284 с.*
5. *Кусжанова А.Ж. Социальный субъект образования// Credo new, 2002, № 1, 4\\ Kuzhanova A.Zh. Sotsialniy subekt obrazovaniya\\ Credo new, 2002, №1,4 (*
6. *Прямыкова Е.В., Веселкова Н.В., Ершова Н.В. Обществознание. Я и общество. Книга для учителя. VII класс. /Е.В. Прямыкова, Н.В. Веселкова, Н.В. Ершова. – М.: Издательский центр «Академия», 2008*
7. *Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант // Летняя школа «Постсоветское общество»: новые методы исследований и модели интерпретации. М., 1999*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Грязнова А.С. (Санкт-Петербург)

Инновации напрямую связаны с научной деятельностью. Они обеспечивают устойчивое развитие экономики страны и общества в целом. Достижения науки оказывают большое влияние на рост производительности труда, а также на качество производимой продукции.

Цель данной работы заключается в исследовании предпринимательской деятельности образовательных учреждений, определении проблем и перспектив дальнейшего развития их предпринимательского потенциала.

Как показывает опыт передовых стран мира, одним из необходимых условий успешного внедрения инноваций является повышение роли университетов.

Известный ученый, Генри Ицкович, в своей концепции "тройной спирали" ставит на первое место в формировании и внедрении новых идей и технологий образовательные учреждения. По его мнению, "предпринимательский университет" – это ключ к подъему

промышленности, созданию новых производств и рабочих мест, экономической стабильности.

Государство, в свою очередь, стимулирует образовательные учреждения к инициативе поиска дополнительных источников финансирования. Существует льготное налогообложение, преференции в области бухгалтерского учёта, отчётности, аренды помещений, льготное кредитование, принимаются новые нормативные документы, расширяющие экономическую самостоятельность вузов.

В частности, в 2009 году был принят Федеральный закон № 217–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». [1] В рамках нового закона вузы получили возможность стратегического сотрудничества с бизнесом и промышленностью.

Таким образом, на рынке образовательных услуг возникает новый специфический субъект, так называемый, «предпринимательский университет». В этом случае учебное заведение выступает генератором новых идей и разработок.

Исторически концепция предпринимательского университета пришла на смену концепции исследовательского университета. Идеология «*Universitas litterarum*» (В. Гумбольдт, 1809) предполагала, что профессора параллельно должны заниматься научными исследованиями, а студенты должны обучаться на практике, помогая реализовывать основную миссию университета – получение нового научного знания. Существенное отличие предпринимательского университета от других учреждений высшего профессионального образования заключается в том, что университет теперь должен не только реализовывать свою общественно значимую функцию, но и отвечать конкретным запросам бизнеса и государства.

Понятие «предпринимательский университет» используется сегодня уже довольно широко в практике управления образованием. Первые публикации на эту тему появились в середине 1990-х гг. Несмотря на это до сих пор нет однозначной трактовки данного понятия [3, 183].

Сегодня в самом общем виде предпринимательский университет рассматривается как вуз, направляющий усилия в области образования и научных исследований на обеспечение выгоды общества в целом [3, 184].

Важно понимать, что для практической реализации инновационной политики необходимо формирование соответствующей «инновационной элиты», поскольку инновационное развитие не может ограничиваться какими-то отдельными категориями специалистов: экономистов, управленцев или инженеров-экологов, – возросшая к концу XX – началу XXI вв. скорость перемен вызвала потребность в личности с большей мыслительной универсальностью и, следовательно, в более широком внедрении в высшее образование общего и целостного компонента. [2, 110]

На сегодняшний день инновационный подход требует от индивидуума не только образованности и тяги к знаниям, но и способности быстро реагировать на возникающие в обществе проблемы и творчески подходить к их решению.

К положительной стороне «предпринимательского университета» можно отнести трудоустройство студентов. Как известно, выпускникам вузов нелегко устроиться на работу потому, что везде требуется опыт работы. Развитие предпринимательства при вузах способствует привлечению финансовых вложений со стороны крупных корпораций, развитию необходимых компетенций у студентов и сотрудников, поддержанию молодежной инициативы, а также коммерциализации научных разработок. Кроме того, у вуза появляется возможность повысить не только свою конкурентоспособность, но и конкурентоспособность региона, в котором расположен вуз.

Данная концепция предполагает тесное взаимодействие образования, промышленности и бизнеса, что служит толчком к развитию по инновационному пути.

Однако существует и ряд проблем, с которыми сталкивается вуз при организации инновационной предпринимательской деятельности. В настоящее время около 50% рабочего времени преподаватели вынуждены тратить на заполнение отчетов и составление других маловажных бумаг, следовательно, преподаватель не располагает достаточным количеством времени для занятия предпринимательской деятельностью. К другим проблемам можно отнести несовершенство нормативно-правовой базы, что вынуждает представителей бизнеса изменять устав компаний для сотрудничества с образовательными учреждениями, и др.

В заключение хотелось бы отметить, что вопрос о ведении предпринимательской деятельности при вузах в настоящее время весьма актуален, поскольку именно вузы поставляют кадры для научно-технического прогресса. По нашему мнению, у большинства российских университетов успешно формируется необходимый потенциал для осуществления инновационной предпринимательской деятельности.

1. *Федеральный закон от 02.08.2009 N 217-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического*
2. *Исаев Р.И., Пилявский В.П. Создание предприятий малого наукоемкого бизнеса при вузах: проблемы и перспективы // Общество. Среда. Развитие, 2010. №2. С. 110-113.*
3. *Цатурян Э.О. Предпринимательский университет: осмысление понятия // Журнал правовых и экономических исследований, 2013. №1. С. 183-186.*

РОССИЙСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ: ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Гурарий А.Д. (Екатеринбург)

Развитие гуманитарного образования в нашей стране последние 25 лет носит противоречивый характер. Если в советский период подавляющая часть выпускников школ шла учиться в технические вузы, то с переходом к рыночной экономике в 90-е годы существенно возросла численность тех старшеклассников, которые стали выбирать направления подготовки, относящиеся к гуманитарному образованию. Сегодня наблюдается следующая тенденция: именно те абитуриенты, которые поступают на гуманитарные и экономические направления подготовки, показывают наиболее высокие результаты. Так, например, самый высокий средний балл по ЕГЭ в 2014 г. у тех студентов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, которые выбрали Институт гуманитарных наук и искусств - 257; Высшую школу экономики и менеджмента - 247; Институт государственного управления и предпринимательства и Институт социальных и политических наук - 241. Самые низкие баллы у студентов Уральского энергетического института - 203, Механико-машиностроительного института - 196; Института материаловедения и металлургии – 182, т. е. у студентов тех институтов УрФУ, которые реализуют технические направления подготовки [8]. Важным обстоятельством является и то, что поступление в вуз на гуманитарные направления проходит в условиях жесткой конкуренции, что говорит о популярности гуманитарного образования среди абитуриентов и их родителей, которых не останавливает постоянно сокращающееся количество бюджетных мест и высокая оплата за обучение.

Современный этап развития российского общества выдвигает качественно новые требования к подготовке специалистов – гуманитариев, а значит и к системе подготовки таких специалистов, требует ее пересмотра. Гуманитарное знание в России сегодня не опирается на прочный мировоззренческий фундамент, что порождает путаницу в учебных

программах, концепциях преподавания, сказывается на разнообразии конечных результатов обучения. Кроме того, в России не сформирована в должной степени система научно – исследовательских учреждений, которые бы активно влияли на научный и образовательный процесс, как это происходит в ведущих странах Запада. Проблема последовательного развития гуманитарного образования также является одной из ключевых: зачастую отсутствует преемственность в преподавании гуманитарных наук в школе и в вузе. Разделы школьных программ по политологии, социологии, правоведению не соответствуют содержанию учебного материала, требуемого от абитуриентов, что, в свою очередь, снижает эффективность подготовки студентов в вузе [3].

Наряду с внутренними проблемами формирования и развития современной отечественной системы гуманитарного образования, существуют и внешние вызовы. Здесь стоит отметить, прежде всего, присоединение России к Болонской декларации в 2003 году [2]. Перед Россией, как участницей Болонского процесса, сегодня стоит целый комплекс задач в области модернизации образования в целом. Среди важнейших необходимо отметить реформу высшего образования, целью которой является приведение высшей школы России к стандартам и требованиям информационного века и мирового рынка; переход к экономике знаний, производящей товары и услуги с высокой добавленной стоимостью; воспитание нового поколения российской элиты, которая будет обладать достаточными компетенциями для поддержания конкурентоспособности в современных условиях [1].

Именно воспитанию нового поколения университетской элиты в рамках построения глобальных исследовательских университетов отведена важная роль в российской системе образования сегодня, а в системе гуманитарного образования, в особенности. Ориентация на привлечение талантливых молодых ученых, на интенсификацию научной деятельности и рост публикационной активности существующего кадрового состава в российских и зарубежных рецензируемых научных изданиях зафиксирована в дорожных картах ведущих российских университетов, таких как НИУ ВШЭ [5], МГУ имени М.В. Ломоносова [6], Казанского федерального университета [4], УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина [7]. Научная деятельность должна стать неотъемлемой частью гуманитарного образования в высшей школе, повседневной работы студентов и преподавателей. Гуманитарное образование сегодня не должно быть профессионально изолированным, но должно опираться на междисциплинарность, т.к. сфера применения гуманитарного знания достаточно широка.

1. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе. [Электронный ресурс]. URL: http://vovr.ru/upload/Recep_Bologna%20process.pdf (дата обращения: 28.09.2015).
2. Болонский процесс: краткое содержание. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bologna.spbu.ru/> (дата обращения: 29.09.2015).
3. Маслов Д.В. Проблемы и перспективы развития высшего гуманитарного образования в России и в Европе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/25-1012> (дата обращения: 26.09.2015).
4. Программа повышения конкурентоспособности КФУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://kpfu.ru/cpr/ppk> (дата обращения: 30.09.2015)
5. Программа повышения конкурентоспособности. [Электронный ресурс]. URL: http://strategy.hse.ru/Concurent_2013 (дата обращения: 30.09.2015).
6. Программа развития МГУ имени М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msu.ru/projects/pr2020/docs/2012/1617.pdf> (дата обращения: 30.09.2015).
7. Программа развития УрФУ на 2010 – 2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy.urfu.ru/programma-razvitia/> (дата обращения: 30.09.2015).
8. Князев С.Т. Итоги приема в 2014 году. Интервью. [Электронный ресурс]. URL: http://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/academic_council/docs/CNP_Uchenyi_sovet_2014.pptx (дата обращения: 26.09.2015).

Исследуя процессы миграционной подвижности населения, необходимо отметить, что особый интерес имеет изучение массовой миграции представителей различных этнических общностей, как в межгосударственном, так и в межрегиональном разрезе. Характеризуя специфику второй группы, следует подчеркнуть, что для всех государств характерна неравномерность в территориальном расселении тех или иных этносов. Рассматривая данные о размещении населения отдельных регионов Казахстана, нужно отметить, что для каждого из них характерны особенности в этнической структуре населения.

Этнический состав населения, его структура, численность различных этнических групп, оказывает первостепенное влияние на формирование системы властных отношений в государстве. Нельзя игнорировать тот факт, что, в целом, система органов управления, прежде всего представительных, а также сфера бизнеса, социально-культурная и другие, в основном, формируются из числа жителей данной территории. И именно состав населения данной территории определяет представительство этнических групп в доминирующей элите, которая стремится к преимущественной реализации интересов этноса. Именно этот аспект практической политики де-факто создает основу для относительно обособленной жизни отдельных территорий. Этническое доминирование - один из компонентов более сложного социологического явления, который связан с неравномерностью развития регионов единого государства и различными уровнями потенциала и влияния отдельных территорий. На всех сторонах жизни общества сказывается неравномерность развития отдельных регионов единого государства. Историческое развитие Казахстана определило особенности расселения населения различных этнических групп по территории страны.

Характеризуя миграционную подвижность населения, во внутргосударственном разрезе необходимо отметить, что в целом, она определяется не политическими, а экономическими факторами, и связана с процессами урбанизации. Кризисное положение казахстанского аула способствует росту миграционной активности людей, прежде всего трудоспособных возрастов. Среди сельских жителей значителен удельный вес коренного населения, отсюда и повышение миграционной подвижности казахов. В целом, данный факт имеет огромное не только социальное, гуманитарное, экономическое, но и политическое значение. Одной из важных проблем в данном свете выступает вопрос о модернизации сложившихся социальных отношений. Подвижность населения – это один из важнейших факторов обеспечения трансформации традиционных форм общественной жизни. Миграция человека ведет к ликвидации старых межличностных, внутриколлективных и межколлективных норм и способов взаимодействия, и требует от него выработки новых, соответствующих изменившимся реалиям его жизни, т.е. новой для него среды существования и взаимоотношений с окружающими. Одновременно, необходимо сказать, что «среда принятия» обеспечивая адаптацию вновь прибывающих членов, сама оказывается под воздействием последних. Существует некий порог адаптационных ресурсов любой системы, превышения воздействия на которую снижает сопротивляемость системы и ведет к ее трансформации. Данный принцип носит универсальный характер, свойственный как для естественно-природных, так и для социальных систем.

Таким образом, мы имеем сложную систему отношений, которая возникает в результате осуществления миграционной подвижности во-первых, изменяется жизнь, поведение, образ мышления и чувственный мир самого индивида. Порой миграция несет человеку стресс, который требует компенсации в виде психологической и ментальной перестройки. Во-вторых, не остается без изменений и «среда выбытия». Вместе с выбытием индивида претерпевает трансформацию сложившаяся («традиционная»)

система отношений между людьми. В конечном итоге это ведет к изменению (трансформации) самой данной системы организации деятельности и взаимодействия индивидов. И, наконец, существенное воздействие испытывает на себе «среда прибытия». Сложность данного процесса определяется следующими факторами. Во-первых, представляя «среду прибытия» некой заданной величиной, мы должны отметить, что для нее свойственно наличие специфических, только ей характерных отношений, организации и т.д. Внешнее же воздействие уже само по себе влияет на функционирование данной системы, вызывая цепную реакцию. Степень же влияния определяется мощностью, интенсивностью, продолжительностью такого рода воздействия. Во-вторых, включение в данную систему нового элемента не только оказывает воздействие на организацию и функционирование системы, но и ведет к ее усложнению, в результате чего мы имеем дело со своего рода «мутацией системы».

Таким образом, необходимо отметить, что, в целом, повышение миграционной подвижности казахского населения, с одной стороны, свидетельствует о модернистских тенденциях, которые затронули, в целом, казахское общество, с присущими ему традиционалистскими социально-психологическими нормами и отношениями. Казахское население, в соответствии с новыми общественными реалиями, получило стимул для дальнейшего развития. История еще раз «поставила» альтернативу между модернизмом и традиционализмом.

Миграции, таким образом, выступают катализатором дальнейшей количественной и качественной модернизации казахского общества, его дальнейшего развития. И, безусловно, что она определяется, и будет определять дальнейший ход истории, как казахского этноса, так и республики в целом.

Миграция является доминирующим фактором в процессах консолидации казахского этноса. Скорей нужно понимать ее как один из действенных механизмов практической реализации данной задачи. Во-первых, миграция является наиболее безболезненным механизмом. Во-вторых, наиболее действенным, учитывая обезличенность и объективность данного процесса, т.е. известную независимость от конкретных субъективных факторов.

Все вышесказанное позволяет констатировать, что межрегиональная миграция населения, имеет огромное, не только экономическое и социальное, но и политическое значение, и может рассматриваться как один из механизмов формирования государственности Республики Казахстан.

Повышение внутренней миграционной мобильности казахского населения, находит выражение, во-первых, в территориальном перемещении казахов из южных, юго-восточных регионов Казахстана на север республики, а во-вторых, в повышении миграции представителей коренного этноса из сельской местности в города.

В целом характеризуя состояние межгосударственных миграционных процессов, необходимо отметить, что Казахстан путем двухсторонних и многосторонних договоренностей сумел обеспечить относительную стабильность в данном вопросе, несмотря на всю его остроту в первой половине 90-х годов. Задачи глобального, геостратегического порядка низвели проблему миграции (в том числе вынужденной) в разряд второстепенных, подчиненных.

Необходим комплекс общегосударственных мер, направленных на преодоление миграционных настроений среди населения, на формирование позитивного настроения его национальной психологии.

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Миграционные процессы являются неотъемлемой частью современного мира. По разным причинам люди переезжают из одного населенного пункта в другой, порой навсегда покидая свою Родину с привычным укладом жизни, национальными традициями, родным языком и культурой, пытаясь найти себя и адаптироваться к чужому... Данные процессы не новы, но именно сегодня миграционные потоки увеличиваясь с невероятной силой, становятся неуправляемыми, порождая все новые социальные проблемы, одна из которых является особенно острой для молодежи – проблема идентичности и поиска ответа на вопрос: «Кто я?».

Республика Беларусь занимает особое географическое положение, границы которой проходят со странами ЕС, Россией и Украиной. Основной миграционный обмен же происходит с Россией, Украиной и Казахстаном, на долю которых приходится около большинства прибывающих в страну [1]. Национальный состав Беларуси тем не менее остается достаточно стабильным. Так, согласно данным Переписей населения 1999 и 2009 гг. на долю белорусов приходится 81,2 % и 83,7 % соответственно, русские составляют 11,4 % и 8,3 %, поляки – 3,9 % и 3,1 %, украинцы – 2,4 % и 1,7 %, из числа других национальных и этнических меньшинств наиболее многочисленны: евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы, литовцы, молдаване [2].

Согласно данным опросов проекта «Исследование европейских ценностей» (EVS, 2008), молодежь (18-30) Беларуси относит себя в первую очередь к жителям своей страны в целом (46,2 %) и к населенному пункту, в котором проживают (34,0 %). Жителями мира в первую очередь себя считают 12,8 % молодых белорусов [3]. Такой же вопрос задавался и в ходе опроса, который проводился Центром социологических и политических Белгосуниверситета (Республика Беларусь) в октябре-ноябре 2013 г. в рамках проекта «Конструирование идентичности молодых взрослых в постсоциалистических трансформационных обществах: на примере Беларуси» Ольденбургского университета (Германия). Так, молодежь Беларуси относит себя в первую очередь к жителям своей страны в целом (60,0 %) и к населенному пункту, в котором проживают (23,4 %), далее жителями мира и своего региона (области) себя считают 6,8 % и 3,9 % соответственно. За 4 года число молодых людей, считающих себя гражданами мира, уменьшилось почти в два раза; на 14 % увеличилась численность тех, кто относит себя в первую очередь к жителям своей страны в целом.

Сам факт проживания в республике вызывает у юношей и девушек надежду (35,1 %), гордость (32,4 %), защищенность (23,1 %), удовлетворенность (20,2 %) и неудовлетворенность (17,6 %). Большинство молодых людей, у которых проживание в Беларуси вызывает чувство неудовлетворенности, положительно высказываются о переезде в другую страну. Исследуя потенциал международной миграции посредством изучения миграционных настроений молодежи, можно отметить, что менее половины (40,8 %) молодых людей, отвечая на вопрос: «Если бы у Вас была возможность уехать в другую страну или остаться в Беларуси, то что бы Вы выбрали?», остались бы в Беларуси, уехали бы на время – 34,5 %, на постоянное место жительства – 22,3 %.

В тройку основных целей молодежи Беларуси для выезда в другую страну входят работа (66 %), изучение традиций, языка, культуры других стран (34,1 %), а также получение образования (повышение уровня образования) – 19,3 %. Согласно официальным данным, из Беларуси в 2013 году на основании подписанных договоров и контрактов, представленных в подразделения по гражданству и миграции органов внутренних дел, на работу за границу выехали 5 тыс. 715 человек, из них в Российскую Федерацию – 4 тыс. 916 человек [4]. По данным социологического исследования 2013 г., в шестерку стран, в которые хотели бы уехать молодые белорусы входят: Германия (17,4 %), Америка/США (11,5 %), Великобритания (9 %), Италия (8,4 %), Россия (7,6 %) и Польша (6,4 %). В целом данные исследования сопоставимы и с результатами других

исследований. Так, при участии INTAS – международной некоммерческой ассоциации по содействию и сотрудничеству с учеными из стран СНГ, в 2005–2006 гг. на территории пяти стран СНГ (Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина) проводилось международное сравнительное исследование «Модели миграции в новых европейских странах: оценка миграционных тенденций в странах СНГ, граничащих с Европейским союзом (Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина)» (INTAS №04-79-7165). По результатам данного исследования, проводимого по национальной выборке, Германия, США, Великобритания и Россия также представляли собой наиболее привлекательные для выезда страны [5].

И если в России не возникает проблем, связанных с языковым барьером, то при переезде в другие государства, на территории которых не используются государственные языки Беларуси, вопрос о владении иностранными языками является одним из приоритетных. Менее трети молодых белорусов (29,3 %) ответили, что владеют другими языками (не считая русский и белорусский) на уровне, который позволяет им хорошо общаться. Наиболее распространенным является английский язык (77,5 %), а также польский (14,3 %) и немецкий (10,9 %). Следующие позиции занимают французский (5,1 %), итальянский (2,4 %), украинский (2 %) и испанский (1 %). Остальные языки назвали менее 1 % владеющих иностранными языками.

Таким образом, Республика Беларусь являясь относительно гомогенным по национальному составу государством, в котором подавляющее большинство молодежи социализировалось в схожих социально-культурных условиях и придерживается одних и тех же базовые ценностей. Тем не менее, негативные демографические процессы, способствующие уменьшению численности населения, вынуждают обращаться к практике привлечения в страну иностранных граждан, в том числе и из стран с другой культурой и традициями. Совершенно очевидно, что по мере увеличения данной тенденции, национальная идентичность будет претерпевать изменения, скорее всего очерчивая более строгие границы с «другими».

1. *Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2015 [Электронный ресурс]. – Национальный статистический комитет Республики Беларусь <http://belstat.gov.by/>*
2. *Перепись населения 2009. ТОМ III. [Электронный ресурс]. – Национальный статистический комитет Республики Беларусь <http://belstat.gov.by/>*
3. *EVS (2010): European Values Study 2008, 4th wave, Belarus. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4782 Data File Version 1.1.0 (2010-11-30) doi:10.4232/1.10175.*
4. *Более 5,7 тыс. человек выехали в 2013 году из Беларуси на работу за границу на основании договоров и контрактов [Электронный ресурс]. – [belta.by: http://www.belta.by/society/view/bole-57-tys.-chelovek-vyehali-v-2013-godu-iz-belarusi-na-rabotu-za-granitsu](http://www.belta.by/society/view/bole-57-tys.-chelovek-vyehali-v-2013-godu-iz-belarusi-na-rabotu-za-granitsu)*
5. *Жакевич, В.Д. Оценка миграционного поведения и миграционных настроений населения в странах СНГ (по результатам международного социологического исследования) // Философия и социальные науки: научный журнал. – 2008. – № 3. – С. 76–81.*

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Дугаржапова Д.Б. (Иркутск)

Миграция населения, является сложным, многообразным по формам и последствиям социальным процессом. Ныне социальная адаптация мигрантов в регионах России (в том числе и в Иркутской области) - важнейшая и актуальная проблема, значение которой обусловлено тем, что после распада СССР в Российскую Федерацию хлынули потоки беженцев и вынужденных переселенцев из бывших советских республик. При межрегиональных передвижениях около половины мигрантов Иркутской области меняют

место жительства в пределах Сибирского федерального округа. Область занимает второе место по приему мигрантов среди регионов Сибирского федерального округа (после Новосибирска).

Так, в Областной общественно-политической газете пишут, что в Иркутской области на 40% сократился миграционный обмен, в том числе с другими регионами страны. Снизилось и число иностранных граждан, приехавших в область в первом полугодии 2015 года, - на 12%. В течение первого полугодия 2015 года на территории находилось порядка 84 тысяч иностранных граждан и лиц без гражданства. Среди приезжающих большинство мужчины в возрасте 18-39 лет (83,2%). Все это происходит из-за изменений миграционного законодательства в Иркутской области. Только с начала 2015 года из региона выехало более 600 иностранцев. Граждан, прибывших в регион с начала нового года зарегистрировано на 31% меньше по сравнению с аналогичным прошлогодним периодом. [4].

На протяжении последних лет наибольший миграционный поток дают семь стран – Узбекистан, Таджикистан, Китай, Киргизия, Украина, Армения и Азербайджан. В Иркутскую область в основном едут на работу (70% всех мигрантов), 15,2% - с частным визитом, 6,9% - с туристическими целями. [4].

Миграционные процессы, если они крупномасштабны, имеют существенные последствия для государства, а поэтому всегда находятся в центре внимания не только миграционных служб, но и социальных работников, социальных педагогов, психологов. Появление мигрантов потребовало разработки новых подходов к миграционной политике у властей, общественных структур, каждодневного решения насущных многочисленных проблем.

В современных социальных науках социальная адаптация предстает как форма приспособления личности или социальной группы к окружающей социальной среде. Важнейшим компонентом адаптации выступает согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды, включая также тенденции развития среды и объектов[2].

В качестве обобщающего критерия оценки уровня социальной адаптированности мигрантов на современном этапе может выступать такой показатель, как степень удовлетворенности человека условиями и качеством новой жизни. При этом берется в расчет не только материальный, но и духовный аспекты.

Как правило, миграция накладывает большой отпечаток на человека, серьезно нарушается социальная интеграция. Она обостряет проблемы со здоровьем, создаёт тяжёлые стрессовые ситуации, подталкивает к бездомности, безработице, бедности, безвыходности и даже к суицидным состояниям.

В структуру социальной адаптации включаются: информационное обеспечение, обеспечение жильем, трудоустройство, социальное и медицинское обслуживание в значительных объемах, социально-психологическая реабилитация лиц, подвергшихся насилию в ходе военных действий и в иных случаях.

Некоторые исследователи полагают, что одним из ключевых показателей успешной адаптации может служить незначительный отток с новых мест поселения [1]. Кроме того, в качестве оценочных показателей порой рассматриваются и такие, как обретение постоянного источника дохода и жилья, наличие планов на будущее, связанных с нынешним местом жительства, включенность в трудовые, хозяйственные, брачно-семейные связи с местным населением, удовлетворенность условиями жизни на новом месте, хорошее самочувствие и настроение [3].

Одним из основных механизмов регулирования миграционными процессами является: разработка и реализация региональных миграционных программ. Для этого необходимо на областном уровне провести глубокий анализ миграционных процессов, форм и путей социальной интеграции мигрантов с местным населением и возможных

последствий этого процесса для общества, особенно изменений его структуры и социальных отношений.

По моему мнению, стоит в первую очередь, оказывать людям социально - педагогическую, психологическую помощь, и оказывать её должны опытные социальные педагоги - психологи. Они, работая с данной группой, будут пытаться поддержать человека в его ситуации, попытаться направить его в "нужное русло", помочь не уйти в свои проблемы, а забыть о них, "искать себя".

Социально-педагогическая помощь мигрантам должна включать в себя различные направления. В первую очередь - это профилактическая работа, которая осуществляется в различных формах. Предполагается осуществлять помощь в образовании, обучении детей из семьи мигрантов. Социальному педагогу, работая с такими детьми, следует основываться на словесной и практической форме работы. Также осуществляться разработка различных воспитательно-профилактических программ, имеющих общую цель - помощь мигрантам и их социальная адаптация.

В области необходимо осуществление эффективной работы с данной категорией населения, следует создать дополнительные рабочие места с достаточной зарплатой, строительство новых предприятий, где будут нужны как высококвалифицированные кадры, так и молодые специалисты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе переезда и адаптации мигранты сталкиваются с целым комплексом проблем. Наиболее актуальными являются: психологическая, языковая, жилищная, трудовая, а так же финансовая трудность. В свою очередь миграционные процессы влекут за собой изменения во многих сферах жизнедеятельности. Эти изменения носят как положительный, так и отрицательный характер.

К положительным последствиям относится пополнение населения и трудоустройство мигрантов в такие области, в которых местное население работать не хочет. К отрицательным последствиям относится размывание культурных традиций, межнациональные и межэтнические конфликты

1. Степанов В.В., Сусоколов А.А. Русские ближнего зарубежья. Проблемы адаптации в российской деревне // *Российский этнограф*. 1993. №9. С. 30-35.
2. Татевасов Р.В. Адаптация / *Народонаселение: Энциклопедический словарь*. М.: *Российская энциклопедия*, 1994. С. 10
3. Назарова Е.А. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России: социологический анализ. М.: *Союз*, 1999. 137 с.
4. *Областная общественно-политическая газета [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://www.ogirk.ru/> (дата обращения 20.08.2015)

ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРАЕКТОРИЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЖИЗНЕННЫХ КУРСОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Еремичева Г.В. (Санкт-Петербург)

Работа выполняется в рамках проекта РГНФ "Траектории жизненных курсов петербуржцев в постсоветской России: межпоколенческий анализ" СИ РАН 15-03-00421

Исследования жизненных курсов в западной социологии проводятся уже в течение многих десятилетий и имеют давние традиции как в европейской, так и американской социологии (Mayer, Kohli, Blossfeld, Huinink, Prein, Goldthorpe и др). В России эта тематика разрабатывается менее активно и была начата социальными психологами (Коном, Божович, Эльконин, Петровский), а позднее была подхвачена социологами (Ежов,

Мещеркина, Колонок, Науен, Хохлова, Тыканова и др.) и представлена исследованиями как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях.

Научным коллективом Социологического института РАН (сектор исследования социальной структуры) предпринята попытка изучения процесса воспроизводства и трансформации эффективных траекторий индивидуальных жизненных курсов представителей устойчивых социальных групп, с учетом особенностей межпоколенческого воспроизводства и трансформации жизненных курсов членов отдельных семей. Объектом исследования стали семьи петербуржцев, обследуемые в течение достаточно длительного времени, поскольку интервью с членами этих семей проводились несколько раз в период с 1990-2005, а теперь возобновленные не только с постаревшими родителями, но уже с их выросшими детьми и их семьями. Это позволяет выделять в исследовании элементы лонгитюда.

Важными условиями жизнеустройства отдельных индивидов и их семей являются уровень социального неравенства и социально-структурная дифференциация современного российского общества, определяющие основные ключевые моменты индивидуальной траектории жизненного курса (социальное происхождение, образование, профессиональная подготовка, начало трудовой деятельности, смена мест работы, изменение социального статуса и др.) и которые реализуются в разных социальных сферах. Комбинации разнообразных ресурсов (экономических, культурных, социальных, символических и др.), которыми обладают индивиды и члены их семей, выступают факторами, влияющими на эффективность процессов воспроизводства и трансформации, а также обуславливающими их социальные позиции и возможности для реализации собственных жизненных планов.

Регулярное наблюдение и замеры структурной дифференциации общества в условиях, продолжающейся трансформации социально-экономической сферы. Они обеспечивают возможность выявить те социальные группы, которые приобретают устойчивость, направление, в котором они воспроизводятся, и комбинации основных факторов опосредующих этот процесс.

Изучение сопряженности изменений социальной структуры в постсоветской России и индивидуальных траекторий жизненных курсов членов петербургских семей позволяет, с одной стороны, глубже рассмотреть последствия системных преобразований в стране, а, с другой, проанализировать воздействие современных трансформационных процессов на разные социальные группы населения и жизненные курсы отдельных индивидов в различных аспектах.

Межпоколенческая перспектива рассмотрения индивидуальных траекторий жизненных курсов представителей обследуемых семей, обеспечивается изучением механизмов трансляции жизненных курсов от родителей поколения 90-х гг. к поколению их детей, а также социальных условий, которые опосредуют эти процессы.

Особую значимость приобретает институционально упорядоченный временной режим, ориентированный на хронологический возраст людей, опирающийся на ключевые моменты каждого возраста, которые и позволяют описать жизненные траектории индивидов. При этом влияние государственного регулирования на жизнеустройство людей, на их жизненный путь и поведение в процессе реализации планов и ожиданий, остается крайне важным. Как предполагают западные исследователи жизненных курсов и биографий, изменения институциональных структур общества в конечном итоге нередко являются результатом индивидуальных действий и поведения людей, объединенных социальными сетями, а также теми процессами, которые обуславливают принятие решений. В этой связи индивидуальные действия, а также индивидуальные траектории, жизненные курсы, биографии могут рассматриваться как связующее звено между различными уровнями социальных процессов, которые находятся в вертикальной взаимозависимости.

Синтез теоретических концепций, представляющих адаптационный, ресурсный и неинституциональный, подходы позволят сконструировать относительно целостную теоретическую модель формирования жизненных курсов представителей разных социальных групп в контексте трансформирующейся социальной реальности.

Сочетание методов анализа количественных статистических данных и качественного анализа текстов интервью позволяет выявить взаимосвязь социального воспроизводства и трансформации жизненных курсов членов петербургских семей на разных уровнях, с учетом их сложной и многогранной природы. В этом случае исследование приобретает мультиуровневый характер.

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

Злотников А.А. (Гомель, Республика Беларусь)

Понять масштабность существующих и потенциальных миграционных процессов студенческой молодежи возможно только через оценку масштабов и особенностей миграционных процессов в Беларуси. В глобализирующемся мире миграционные процессы стали его сущностной, неотъемлемой частью. Республика Беларусь, располагаясь в центре Европы, на пересечении не только географического, но и геополитического и торгово-экономического пересечений «Восток–Запад» и «Север–Юг» является активным субъектом всех международных кооперационных процессов, в том числе и обмена людскими ресурсами и рабочей силой. За два последних десятилетия в Беларуси сформировались достаточно устойчивые тенденции в международной кооперации людскими ресурсами: как свидетельствуют данные государственной статистики, в результате международных обменов в течение последних десятилетий Беларусь имеет положительное миграционное сальдо, за счет которого частично компенсируются процессы депопуляции.

Иерархия мотивов, инициирующих белорусских студентов «поискать счастье» в другой стране, позволяет сделать вывод об их двойственной рационально-эмоциональной направленности. Два доминирующих мотива – материально-прагматический: заработать денег для улучшения своего материального положения и познавательно-романтический: посмотреть, как живут и работают люди в другой стране, адекватно вписываются в традиционную систему миграционных нормативных ценностей белорусов. На третьей мотивационной позиции стоит желание респондентов повысить свой профессиональный уровень, свою квалификацию; на четвертой – заработать денег для того, чтобы обеспечить будущее своим детям, дать им хорошее образование; на пятой – заработать базовый капитал для собственного бизнеса. Указанные мотивы также вписываются в традиционные для белорусской культуры нормы социального и профессионального становления молодого поколения. Проявленная респондентами потребность и заработать денег для обеспечения материального благополучия своей семьи, и сформировать первоначальный капитал для начала собственного дела являются надежными индикаторами социальной зрелости.

Общеизвестно, что перед тем как сменить место жительства, а тем более, прежде чем отправиться в другую страну, каждый определяет для себя, с какими региональными или национальными особенностями он будет иметь дело. Кроме заработной платы, которая, в большинстве случаев, является главным элементом мотивационного ядра, поездки в чужие края, потенциальный переселенец оценивает как с точки зрения рисков, так и с точки зрения предпочтений. Для определения значимости экономических, бытовых, социокультурных условий, в том числе условий безопасности работы, проживания и

возвращения домой, респондентам был предложен отдельный вопрос. Перечисленные в нем факторы респондент должен был оценить как положительные, как отрицательные либо нейтральные.

В представлении опрошенных студентов доминирующим фактором для поездки за границу оказался вполне прогнозируемый рационально-прагматический мотив – уровень заработной платы. В качестве значимых факторов поездки за границу респонденты так же определили и приемлемость языка общения вместе с необходимым минимумом комфортности условий жизни, быта, доступности элементарной медицинской помощи. Перечисленные факторы и образуют целеполагающее мотивационное ядро выбора студентами страны-работодателя. В тесной корреляции с уровнем заработной платы находятся факторы гарантии ее получения и безопасного возвращения домой. С таким фактором, как язык общения, тесно коррелирует фактор совпадения бытовой культуры, базовых и инструментальных ценностей, образа жизни и уровня толерантности местного населения к приезжим. Правомерно предположить, что перечисленные факторы будут корректировать в ту или иную сторону целеполагающие факторы определения страны, в которой можно заработать.

Под интегрированным показателем привлекательности зарубежных стран для поиска работы понимается среднее значение семи индикаторов экономической и социокультурной привлекательности страны – работодателя: отношения местного населения к приезжим; языка общения, культуры, ценностей и образа жизни местного населения; условий жизни, быта и доступности получения медпомощи; уровня заработной платы и гарантии ее получения; а также гарантии безопасного возвращения домой. Приоритеты выбора студентами зарубежных стран для гипотетического поиска работы демонстрируют, что наиболее желаемыми местами работы являются государства Западной Европы: Великобритания, Франция, Германия. Привлекательность государств Западной Европы в качестве потенциальных работодателей определяется, во-первых, уровнем заработной платы, во-вторых, комфортными условиями жизни, быта, медицинской помощи, в-третьих, гарантией получения заработной платы. Перечисленные факторы образуют мотивационное ядро выбора белорусскими студентами западноевропейских стран в качестве желаемых работодателей. При этом следует отметить, что факторы культуры, базовых и инструментальных ценностей, а также образа жизни, отношения местного населения к приезжим и гарантии безопасного возвращения домой опрошенные студенты оценили менее оптимистично. Самой низкой оценкой в преимуществах западноевропейских стран как потенциальных работодателей респонденты оценили свои познания английского, немецкого и французского языков. На таком же качественном уровне в роли гипотетического государства-работодателя в глазах студентов представляются и США.

Американский вариант, так же как и западноевропейский, абсолютное большинство студенческой молодежи привлекает, в первую очередь, большими заработками, комфортными условиями жизни, бытовыми условиями и доступностью медицинской помощи. А факторами риска в реализации «американской мечты» в оценке студенческой молодежи представляются язык общения и безопасность возвращения домой.

Особое место в рейтинге государств для поиска работы за пределами Беларуси занимает Россия. Несмотря на то, что респонденты негативно оценили такие российские реалии, как условия жизни и быта, доступности медицинской помощи, гарантии получения заработной платы и безопасного возвращения домой. Другие факторы: приемлемый уровень заработной платы, язык общения, толерантное отношение местного населения к белорусам, совпадающие культурно-нормативные ценности и образ жизни россиян, – по интегрированному показателю привлекательности зарубежных государств в качестве потенциальных работодателей позволили России занять третье место, уступив только странам Западной Европы и США. Важнейший фактор поиска работы на чужбине

– не столь высокий как в западноевропейских государствах, но все-таки приемлемый для белорусских граждан уровень заработной платы наши респонденты видят только в России. Реальность такова, что в настоящее время без оформления визовых процедур белорусские граждане могут въехать только в Россию. При этом не только без таможенных, но и без пограничных формальностей белорусские граждане могут въезжать в союзную Российскую Федерацию. Таким образом, из всех заграничных вариантов только Россия является хоть и не достаточно комфортной, но все-таки единственно реальной страной, в которой студенческая молодежь имеет возможность заработать.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зобов Р.А. (Санкт-Петербург)

Современное высшее образование требует решения ряда социальных проблем. Оно ориентируется, прежде всего, на раскрытие потенциальных возможностей отдельных членов общества и социума в целом. Уже давно известно, что в любом обществе люди значительно отличаются друг от друга. Одни представляют собой творческие личности с широким горизонтом сознания, тогда как другие являются односторонними. Они могут успешно решать конкретные проблемы, важные для отдельных наук, сиюминутные востребованные обществом технические задачи и пр. Статистика показывает, что количество односторонних людей гораздо больше чем творческих.

Понятно, что в настоящее время решение конкретных сиюминутно востребованных задач является важным условием поступательного движения социума. И не удивительно, что в разных странах люди такого типа оказываются наиболее востребованными и, как правило, они достигают высокого уровня материального благополучия.

Однако интенсивная деятельность таких людей, замкнутых на решении конкретных проблем, часто приобретает негативный, а иногда и опасный для развития общества характер. Угрожающий характер приобретает также включение односторонних личностей в государственные структуры. Уже не раз отмечалось, что если человек не может видеть далеко вперед, то в ближайшее время его ждут крупные неприятности (1). К сожалению, в настоящее время это часто имеет место.

Понятно, что образование, прежде всего высшее, должно быть ориентировано на эффективное раскрытие потенциальных возможностей как односторонних, так и многосторонних людей. В европейской традиции эта проблема осознавалась уже в XIII столетии в виде соотношения университетского и обычного образования. При этом акцент явно делался на университетское образование, в рамках которого исследовались глубинные проблемы, тогда как решение сиюминутных проблем, решение которых способствовало повышению уровня материального благополучия, явно отступало на задний план. И не случайно уже Бокаччо утверждал, что «образован не тот, кто после долгого обучения в Париже готов продать свои знания по мелочам, как это многие и делают, но тот, кто умеет дознаваться до причин всего в самых истоках» (2).

Но решение таких проблем доступно только творческому человеку с широким горизонтом сознания. Понятно, что в контексте университетского образования на передний план выступает отбор таких личностей. Для их формирования требуется ряд условий, среди которых можно отметить такие, как уровень воспитания в семье, высокий показатель социального здоровья, наличие в обществе ситуации, позволяющей его гражданам ориентироваться как на материальные, так и на духовные компоненты в виде материального благополучия, религиозные установки и пр. (3).

Надо сказать, что в современном, быстро меняющемся обществе ситуация становится все менее благоприятной. Гармоничный характер воспитания детей в семье, также как и уровень социального здоровья, постоянно понижается. Все более привлекательной становится ориентация на достижение материального благополучия. В этих условиях ситуация становится все более благоприятной для формирования односторонней личности.

Односторонние и многосторонние личности затем включаются в систему образования. Понятно, что системы образования должны быть различными. В одной из них многосторонний человек должен получить возможность реализовать свои различные установки. В другой же односторонняя личность будет благоприятно себя чувствовать, если получит возможность быстро и эффективно решать востребованные государством сиюминутные проблемы (технические, научные и социальные). Разумеется, в таких системах люди (представители конкретных наук и пр.) могут получить выдающиеся результаты в виде открытий глубоких закономерностей, но они обычно не в состоянии выйти за рамки решения конкретных проблем.

В настоящее время все большее значение приобретает проблема гармоничного сочетания университетского и технического образования. Абсолютизация того или другого постоянно приводит к негативным последствиям. Скажем, абсолютизация технического образования может привести к катастрофическим последствиям в процессе реализации экологических компонент, производства ядерного оружия и т.п. Абсолютизация же университетского образования может привести к обострению противоречий между различными членами общества и социальными группами.

Опыт показывает, что все попытки объединения университетского и высшего технического образования являются бесперспективными. Это связано с тем, что кадровые составы этих организаций сильно отличаются друг от друга. Университетские структуры включают в свой состав многосторонние личности, тогда как в контекст технического образования входят преимущественно односторонне ориентированные специалисты. И на всех этапах исторического развития ведутся поиски вариантов взаимодействия односторонних и многосторонних личностей. Примером такого взаимодействия могут служить «Менделеевские среды», где осуществлялись контакты между представителями конкретных наук и творческими людьми с широким горизонтом сознания. В результате такого общения часто формировались новые представления в контексте конкретной науки (химии).

Совершенствование системы образования, прежде всего, связано с правильным отбором людей, подлежащих включению в них. Скажем, для формирования эффективной действующей структуры университетского образования в нее должны быть включены творческие личности, ориентированные на исследование глубинных закономерностей, как правило, за границами интересов представителей технического образования. Уже в 13 столетии выбор таких людей определялся тем, обладали ли они специфическими характеристиками, ориентированными на решение таких проблем. Поэтому для включения в систему университетского образования приглашались все желающие из разных стран и областей. Однако на первых двух курсах к ним предъявлялись столь жесткие требования, которые они не могли удовлетворить, и вынуждены были уйти. Во Франции такая система сохранилась до наших дней.

Следует также отметить, что творческие личности, не включенные в систему университетского образования, могут оказывать негативное воздействие на развитие общества. Не получив возможности раскрыть свои внутренние устремления, они ищут варианты, где могут получить признание. Такие люди могут включаться в криминальные структуры, антигосударственные группировки и пр. В результате у них формируется негативное отношение к обществу, в котором они оказались невостребованными. Если они получают хорошее образование, то ненависть к государству и его компонентам только возрастает.

Люди же с хорошим университетским образованием оказываются полезными для государственных структур. В России не случайно делались попытки их включения в государственные системы, дававшие им социальную поддержку.

Вообще гармоничное сочетание образовательных структур создает благоприятные возможности для развития общества в плане толерантных, добрососедских отношений между людьми с различными установками.

1. *Мудрость Конфуция. Афоризмы и поучения.* М., 2010. С.171.
2. *Д.Реале, Д.Антисери. Западная философия от древности до наших дней. Т.2. Средневековье.* СПб., 1994. С. 88.
3. *И.А.Ильин. Путь духовного обновления. \\ Почему мы верим в Россию.* М., М., 2007.

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Инджиголян А.А. (Караганда, Казахстан)

За прошедшее десятилетия после распада СССР, Казахстан прошел несколько этапов развития языковой политики. Главной проблемой нового государства стало отсутствие в системе образования возможности массового обучения на казахском языке - языке государственно образующей национальности. Среди казахов был большой процент плохо знающих родной казахский язык. Для построения национальной идентичности проблема развития казахского языка стала одной из центральных. Нужно отметить, что сегодня в Казахстане ситуация кардинально иная. Как показывают исследования произошел перелом и в структуре самосознания людей, и в реальной практике расширения преподавания на казахском языке, и в уровне владения и ареале распространения казахского языка среди населения. Исследования 2014 года, проведенные в Карагандинской области Казахстана - одной из самых полиэтнических, - подтвердили наличие тенденции усиления культурологической роли казахского языка в структуре самосознания респондентов, повышение его значимости, как этнодифференцирующего признака.

Социологическое исследование, посвященное изучению и анализу ситуации развития языков в Карагандинской области в течение 2013 года, было проведено в соответствии с требованием соблюдения методических и методологических процедур и принципа репрезентативности результатов и охватило областной центр г. Караганда, 10 городов области и 7 районов. Объем выборки составил 1500 респондентов. Опрос проводился методом анкетирования.

Обобщенный социально демографический портрет среднестатистического респондента, который оказался в фокусе опроса, представил собой совокупность следующих характеристик. Это, преимущественно, женщины, нежели, чем мужчины, в большинстве представители казахского этноса, в возрастном диапазоне от 26 до 60 лет с некоторым преимуществом возрастной когорты от 36 до 45 – наиболее активной части населения. Характеризующиеся высоким образовательным цензом, профессионально занятые, в большинстве случаев, в сфере государственной службы или в медицине, образовании, науке и культуре.

Родной язык с точки зрения респондентов является одним из наиболее важных аспектов этнической идентичности, вне зависимости от компетентности в нем, и является залогом сохранения и воспроизводства этноса.

Уровень субъективной оценки владения казахским языком среди респондентов достаточно высок - более 80%. Лишь 11% опрошенных ответили, что не владеют казахским языком совсем, из них 89% составили представители других малочисленных

этнических групп. Достаточно высоким остается процент владеющих русским языком более 90%. Продолжает увеличиваться количество владеющих английским языком - более 15%. Позитивным трендом можно назвать выявленные в ходе исследования первые результаты реализации политики триединства языков - 5% респондентов, владеющих тремя языками в равной мере.

Как показало исследование, среди респондентов имеются различия в уровне знания и в интенсивности использования государственного и русского языков. На уровень знания того или иного языка влияют регион проживания (село-город), образование, вид занятости и возраст. Старшее поколение лучше знает этнический язык, среднее – русский, младшее - казахский.

По степени владения казахским языком респонденты подразделились на 4 группы, среди которых самую большую часть респондентов, составили респонденты, которые демонстрирует высокий уровень владения языком - «Свободно говорит, читает и пишет на все сложные темы» - 84%. Вторая - 10% - «Свободно говорит и читает, но не пишет». Третья – «Понимаю речь и могу с трудом объясниться» - 4%. Четвертая - самый низкий выявленный уровень знания языка – «Понимаю речь, но объясняться не могу» - 2%.

Можно отметить, что, несмотря на выявленный выше отрицательный показатель знания казахского языка среди 12% респондентов, все же, и среди них, как показал более подробный опрос не выявлено абсолютное незнание казахского языка в форме ответов «Не владею совсем» и «Могу общаться только со словарем или с помощью знающих язык» - нулевые показатели.

Как показало исследование основными институтами и инструментами, в котором происходит изучение государственного казахского языка, по степени значимости, является семья, школа, социальная среда. Курсы по изучению казахского языка пока занимают небольшую долю в структуре формальных и неформальных инструментов освоения языка, и это объясняется их небольшой временной продолжительностью.

Как показывают данные, подавляющее большинство респондентов, владеет русским языком на очень высоком уровне. Достаточно высокий уровень знания русского языка среди опрошенных объясняется высоким образовательным цензом респондентов, сферой занятости, и тем, что 87% опрошенных получили образование на русском языке.

Население Карагандинской области, как показали результаты исследования, продолжает развивать и обогащать лингвистический капитал, посредством сохранения и совершенствования уровня владения государственным, русским и английским языками.

Проведенный в ходе исследования анализ динамики процесса расширения социально-коммуникативных и консолидирующих функций государственного языка, показал, что роль казахского языка как государственного в культурном развитии самого казахского этноса и других этнических групп, постоянно растет, а задачи расширения диапазона его использования реализуется посредством усиления его востребованности в различных сферах общества.

Большинство респондентов связывают необходимость знания казахского языка с местом своего жительства, гражданства, государственной принадлежностью. Третье место в общественном мнении по значимости использования казахского языка занимает политическая сфера и сфера государственного управления. Это свидетельствует об определенных успехах в реализации государственной политики в области развития государственного языка. Четвертое и пятое места занимают такие сферы как экономика, и образование, последние места занимают сферы личного частного пространства респондентов, такие как коммуникация. Таким образом, сферы применения казахского языка значительно расширились, престижность знания языка возросла, возросла его политическая, экономическая и культурная привлекательность. Однако проблемным полем в развитии казахского языка пока остается сфера коммуникации.

Так, например если в частной сфере, сфере взаимоотношения в семье респонденты, преимущественно, используют казахский язык, то в остальных сферах (в общении детей между собой в домашней обстановке, в школе и на улице) доминирование казахского языка не столь однозначно и наблюдается некоторый билингвизм. Это означает, что за пределами семьи баланс языков несколько меняется, в сторону некоторого увеличения доли русского языка. Лидирует по частоте и объему использования русского языка работа, производственная сфера и язык получения среднего и высшего образования.

Важным показателем динамики изменения развития языковой ситуации является колебания диапазона в информационном пространстве языков. Как показало исследование, казахский язык однозначно доминирует в сферах «слушаю радио» и «читаю художественную литературу». Респонденты предпочитают смотреть телепередачи, читать газеты и журналы и профессиональную и научную литературу «в равной мере и на казахском и на русском языке», демонстрируя ориентацию на билингвизм. Русский язык пока не уступает позиции в сфере «работаю в Интернете».

Анализ динамики распространения и применения государственного языка в различных сферах, показал, что по оценкам респондентов, наиболее динамично меняется ситуация в сторону увеличения диапазона использования государственного языка в государственных органах и в сфере СМИ. В тройку лидеров по увеличению распространения использования казахского языка вошли также «реквизиты и визуальная информация». На последних местах в рейтинге - трудовой коллектив и такая сфера как «торговля и сфера обслуживания».

Анализ социолингвистических потребностей респондентов выявил преобладание полилингвистической ориентации респондентов, причем их языковые потребности сегодня формируются в большей степени под влиянием глобальных процессов. Респонденты выразили желание выучить и продолжить совершенствование, прежде всего английский, казахский, русский языки. Часть респондентов выразила желание изучить китайский – 12,5% и арабский язык - 9,9 %.

Определение удельного объема делопроизводства на государственном языке в общем объеме документооборота органов государственного управления, по оценкам респондентов, достигает 99%, из них 55% ведется «полностью» на казахском языке.

По-мнению респондентов основные причины, препятствующим этому процессу внедрения и реализации делопроизводства на казахском языке является «Плохое знание казахского языка работников» - 59%, «Плохая организации этого процесса» - 28% и «Плохое знание казахского языка администрацией» - 13%.

Мониторинг качества и охвата языковых курсов показал, что большинство респондентов посещали курсы областного центра обучения языков - 62% и курсы при акиматах - 17%. Таким образом, охват аудитории языковых курсов составляет около 80%.

Оценка эффективности курсов в целом позитивная и сумма положительных ответов «эффективны» и «скорее эффективны» варьировалась от 43% до 100%.

Анализ проведения государственной языковой политики в сфере ономастики в оценках респондентов, подтвердил необходимость дальнейшей работы в этом направлении. Работу по восстановлению исторических названий и географических мест на казахском языке в целом большинство респондентов оценили одобрительно - сумма положительных ответов («полностью согласен» и «скорее согласен») достигла 76%. Сумма отрицательных ответов («полностью не согласен» и «скорее не согласен») - составляет не более 23%.

Опрос выявил влияние ономастической политики и на личное повседневное поведение респондентов - около 1/3 респондентов, изменили написание имени и фамилии на казахоязычную транскрипцию, в соответствии с рекомендованным написанием на родном языке.

Исследование выявило некоторые риски и угрозы в массовом сознании респондентов старшей возрастной группы и представителей других малочисленных этнических групп, связанные в основном с интенсификацией процессов внедрения государственного языка в делопроизводство и более низким уровнем лингвистического капитала в таких группах.

Уровень социального оптимизма респондентов коррелирует с выявленными в ходе исследования позитивными оценками роли ключевых государственных и общественных институтов и государственной политики в сфере развития языков.

На основе анализа результатов и систематизации пожеланий и предложений респондентов, изложенных в анкетах можно сформулировать следующие рекомендации:

- продолжить работу по увеличению охвата аудитории языковых курсов, в том числе с учетом возрастного, этнического, профессионального статуса слушателей,
- осуществлять работу более адресно, в частности, обратить особое внимание на такие целевые группы как работники промышленности, торговли и сферы услуг,
- увеличить продолжительность курсов, сделать график занятий более удобным,
- продолжить работу в области пропаганды и разъяснения цели программы триединства языка, популяризации государственного языка в различных сферах жизни общества.

Таким образом, за годы независимости, в Казахстане была создана лингвистическая и методическая базы, также законодательная база - "Закон о Государственном языке" - для развития государственного языка, значительно возросла его демографическая мощь. Но самое главное, – это перелом, происшедший в общественном сознании казахстанцев. Государственный язык призван в будущем стать фактором консолидации всего общества.

В то же время с 2016 года в Казахстане вводится система "полиязычного образования" в средних общеобразовательных школах. Так вне зависимости от языка обучения (казахский, русский) обучения будет проводиться на трех языках. История Казахстана и казахская литература будет преподаваться на казахском языке, естественнонаучные дисциплины - на английском языке. Практика реализации этого проекта еще будет требовать своего нового осмысления.

ФЕНОМЕН СКВОТТЕРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ("НАХАЛОВОК") В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОРОДАХ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Карбаинов Н.И. (Санкт-Петербург)

«Нахаловки» – это (пост)советский аналог сквоттерских (неформальных) поселений, широко распространенных по всему миру, в первую очередь в развивающихся странах, и известных под разными названиями (*favelas* в Бразилии, *barriadas* в Перу, *gesekondu* – в Турции, *barong-barong* – на Филиппинах и т.д.). Несмотря на ряд региональных особенностей, общими признаками этих поселений являются, во-первых, некоторая степень их нелегальности (самозахват государственной или частной собственности, нарушение градостроительных норм и т.д.), а во-вторых, тот факт, что их населяют в основном бедняки (но не обязательно!). На постсоветском пространстве «нахаловки» (или «самоволки», «самострой», «новостройки», «нахалстрой», «шанхай») существуют практически в любом крупном городе.

Цель данной доклада – сделать обзор исследований, которые в той или иной степени затрагивают проблему неформальных поселений в (пост)советских городах в

сравнительной перспективе с исследованиями сквоттерских поселений в развивающихся странах.

Можно выделить три этапа изучения неформальных поселений в зарубежной литературе: 1) 1950-е – первая половина 1960-х гг. – период господства теорий модернизации; 2) вторая половина 1960-х – 1970-е гг. – период «демифологизации» и романтизации сквоттерских поселений с позиций либерального и неомарксистского подходов; 3) 1980 – 2010 гг. – период концептуального плюрализма. На каждом этапе в ходе анализа литературы выявлен идеально-типический образ жителей сквоттерских поселений. В период господства теорий модернизации жители сквоттерских поселений рассматривались как носители «культуры бедности», маргиналы и сторонники радикальных политических движений. Сквоттерские поселения на этом этапе изучения рассматривались в негативном ключе как препятствие на пути модернизации стран «Третьего мира». Во второй половине 1960-х гг. происходит переоценка феномена сквоттерских поселений. Ряд исследователей показали, что для жителей неформальных поселений характерны высокий уровень самоорганизации сквоттерских сообществ и огромная роль социальных сетей. В этот период сложился романтический образ жителей сквоттерских поселений, которые, несмотря на трудности, самостоятельно решают жилищный вопрос и вносят важный вклад в экономику. Наконец, на третьем этапе возобладал концептуальный плюрализм. Происходит отход от «романтических» концепций предыдущего периода и частичный возврат концепциям модернизации и урбанизации первого периода. На этом этапе было показано, что сквоттерские поселения очень разные и их население социально неоднородно. Для неформальных поселений характерно сосуществование как успешных, так и неуспешных адаптивных стратегий. Феномен сквоттерских поселений в постсоветских городах в отличие от городов развивающихся стран Латинской Америки, Африки и Азии достаточно мало изучен, но, несмотря на это обстоятельство, имеется ряд исследований, проведенных в таких городах как Баку, Бишкек, Алматы, Улан-Удэ. Основные темы, к которым обращались исследователи неформальных поселений в постсоветских городах: 1) социально-экономические и политические причины появления «нахаловок»; 2) проблема взаимоотношений сельских мигрантов, проживающих в «нахаловках» с принимающим городским сообществом; 3) экономическая занятость жителей неформальных поселений; 4) борьба за легализацию прав собственности и взаимоотношения с государственными институтами. Сквоттерские поселения в постсоветских городах в большинстве исследований оцениваются как негативный феномен, «разрушающий» городской образ жизни. Данные оценки очень схожи с оценками, которые давались для сквоттерских поселений в городах «третьего мира» в 1950-первой половине 1960-х гг. Также в некоторых исследованиях можно наблюдать романтизацию жителей «нахаловок» как это было характерно для второго этапа изучения сквоттерских поселений в развивающихся странах. Большинство авторов, изучающих «нахаловки» в постсоветских городах практически не обращаются к литературе, посвященной сквоттерским поселениям в городах «третьего мира», что мешает исследовать данный феномен в сравнительной перспективе и обогатить концептуальный багаж.

СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Катаев С.Л. (Запорожье, Украина)

В методологическом плане коллективная память может рассматриваться как объект ретроспективного познания в социологии. Для лучшего понимания политического процесса важно учитывать содержание исторической памяти. Важным компонентом исторической памяти населения постсоветских государств является представление о советском прошлом.

В данной работе приведены результаты вторичного анализа данных эмпирического исследования коллективной памяти о советском прошлом у представителей разных регионов Украины. Исследование проведено в 2013 г. под руководством Э. Поздняковой-Кирбятъевой. В исследовании. выборка двухступенчатая, районированная, случайная на второй ступени, репрезентативная для взрослого населения. Опрос по месту жительства. Контролируемые параметры: пол и возраст. Опрошено 1 590 человек. В частности, Запорожье - 590 чел., Киев - 430 чел., Ровно - 225 чел., Харьков - 345 человек.

Интерес к историческому прошлому в ментальности занимает седьмое место в списке социальных свойств, присущих украинскому обществу, после таких социальных свойств как свободолюбие, стремление к образованию, самоуважение, трудолюбие, патриотизм. В целом, в той или иной степени наличие бережного отношения к истории прошлого отметило 42% респондентов. Рассмотрим черты коллективной памяти о советском прошлом.

В коллективной памяти населения различных регионов Украины советское прошлое видится по-разному. Советское прошлое интересует на востоке половину, а на западе треть населения.

Согласно исследованию поколения советского прошлого вызывает у большинства (58%) наших современников уважение. Это чувство присуще большинству жителей всех регионов. Больше в восточном регионе и меньше в западном регионе.

По данным исследования подтверждается высокая оценка моральных качеств поколения прошлого.

Неоднозначность и сложность отношений наших современников к поколению советского прошлого отражается в том факте, что другим распространенным чувством, которое характеризует восприятие этого поколения, является сострадание. Это чувство у себя отметили в целом по выборке 30,4% респондентов. Следует подчеркнуть, что в данном случае показатели по западному и восточному регионам существенно не отличаются. Сочувствие наших современников советскому поколению - это выражение деятельной внутренней симпатии к этому поколению, которое вынесло на своих плечах множество проблем и испытало большие трудности и страдания.

Факторный анализ показал, что советское прошлое население Украины считает, что это «Эпоха цензуры» (17,2% дисперсии), «Эпоха общественного единства», (17,1% дисперсии), «Эпоха ограничений» (12,4%, дисперсии), «Эпоха социальной справедливости» (10,6% дисперсии), «Эпоха лицемерия» (7,9% дисперсии).

Данные исследования убедительно показывают, что обрывать нити преемственности с советским прошлым большинство украинцев не готовы. Даже на западе только меньше половины опрошенных соглашается в той или иной степени с отрицательной оценкой советского поколения, у которого нечему научиться, а значит, оно было бесплодным. Согласно эмпирическим данным, большая часть населения Украины чувствует связи с прошлым поколением, видит в нем источник положительного опыта.

Мнение, что «Тогда люди были уверены в завтрашнем дне» полностью поддержало 52,7% респондентов и еще 32% частично поддержало. Как видим, подавляющее большинство опрошенных (85%) хранят в своей коллективной памяти такую удивительную черту советской эпохи, как уверенность в завтрашнем дне. Это тем более выглядит ценностью для современников, потому что в настоящее время подавляющее большинство населения не уверено в завтрашнем дне. По этому пункту существует кардинальная разница сегодняшней и советской эпохи. В этом видится один из основных

источников положительной оценки советского времени. Харькове (71,9%), в Ровно (37,2%).

Одно из распространенных представлений о советском поколении - это то, что люди считали, что «мы живем в лучшей стране в мире». Такое представление о людях советской эпохи поддерживает 44,3% респондентов и еще частично поддерживает 32%.

Другое распространенное мнение о советском поколении заключалась в том, что в то время «Было ощущение единства со всем советским народом, было общее, что сближало людей». И в этом случае подавляющее большинство (82%) респондентов согласно с данным утверждением.

Мнение, что «В советское время человек чувствовал себя частью народа, которое идет к светлому будущему» разделяет в той или иной степени большинство респондентов (80%).

Респонденты отмечают у советских людей наличие таких качеств, как: вера, справедливость, добросовестность в выполнении профессиональных обязанностей, меньше цинизма, чем сегодня. И дело не в том, правильно это или не правильно, здесь, на наш взгляд, больше чувствуется сожаление о дефиците нравственного потенциала в современную эпоху. Такой дефицит побуждает искать в прошлом «золотое время», когда люди были честнее, добрее, более совестливыми, чем современные люди. Представление о положительных нравственных качествах поколения советского прошлого стало определенным стереотипом.

Отрицательные черты советского поколения отметили меньше респондентов. Так с мнением, что «Это было ужасное время. В жизни господствовали корысть, низость, трусость и лицемерие» в целом по выборке согласилось 30,8% респондентов (в Ровно 45,2%, в Харькове 16,1%). Мнение, что «при Союзе была уравниловка». поддержало 51% респондентов и 24,5% не поддержало.

Хотя согласных с негативными суждениями меньше, чем согласных с положительными суждениями, но тех и других более половины, значит люди, которые имеют положительное мнение о поколении прошлого, одновременно не исключают и наличия отрицательных черт у него.

Можно сделать вывод об амбивалентности содержания коллективной памяти о поколении советского прошлого. Но следует заметить, что положительные суждения касались в основном нравственной сферы, а негативные суждения касались организации труда, распределения, материальной сферы.

Большинство наших современников считает, что советские люди верили в коммунизм, а не притворялись ради соблюдения ритуалов. Но достаточно много (около 40%) считает, что в коммунизм верили только отдельные идеалисты, а остальные люди изображали эту веру из-за страха перед властью.

В коллективной памяти современников мирно уживаются два противоположных отношения к советскому прошлому: положительное (в части моральных качеств людей) и отрицательное (в части экономических и политических сторон общественной жизни). Наши современники осведомлены о жестких политических ограничениях свободы личности в Советском Союзе, но не распространяют негативное отношение к советскому прошлому на все стороны общественной жизни. В коллективной памяти современников отношение к советскому прошлому лишено однозначности и состоит по формуле: «несмотря на». То есть, выделяются негативные черты политического режима, несмотря на который, люди были в нравственном отношении лучшие сегодняшнего поколения.

ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ФАКТОРЫ НЕУСПЕХА (НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМЫ АСПИРАНТУРЫ)

А.И.Пригожин в своих работах по социальной инноватике еще в 1990-х ввел понятие «социология невнедрения» [см.1]. Одним из барьеров на пути внедрения социальных нововведений он считал нестыковку инновации и социального потенциала пользователя, когда тот оказывается не готов к новым (прогрессивным) условиям и методам работы. Следствием этого становится торможение внедрения или вовсе сведение всех изменений на нет. В жизни встречается и противоположная ситуация, когда нововведение оказывается ниже социального потенциала пользователя. В этом случае внедрение тоже идет с трудом, и результатом становится не развитие, а деградация социальной системы.

Иллюстрацией данного тезиса может служить реформа отечественного высшего образования в части превращения аспирантуры из системы послевузовского образования в третью ступень высшего образования. Критерием эффективности аспирантуры Минобрнауки России традиционно считало долю защит аспирантами диссертаций в срок или в течение года после окончания аспирантуры. Аккредитационный показатель составлял 25% от числа поступивших в аспирантуру. Сегодня в условиях реформы ВАК, перестройки сети диссертационных советов, введения в действие новых правил по процедуре представления и защиты диссертаций выполнять этот показатель становится все сложнее. Идеологи реформы высшего образования решили усилить педагогическую составляющую подготовки аспирантов и в качестве «утешительного приза» выдавать диплом об окончании аспирантуры с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь». Это потребовало перестройки всего учебного процесса в аспирантуре, который раньше был скорее номинальным.

Оставим в стороне непростой вопрос о разнице между магистерской и кандидатской диссертациями. В контексте данной статьи важнее исследовать отношение к подобным нововведениям самих аспирантов, понять повысится ли в результате эффективность аспирантуры, и что теперь следует вкладывать в понятие этой эффективности. Если отказаться от показателя «доля защит аспирантов в срок и в течение года после окончания аспирантуры», то остается такой критерий как трудоустройство, но большинство людей, поступающих в аспирантуру уже работают или начинают работать, особенно, если учатся на договорной основе. А если учитывать трудоустройство по специальности, то необходимого количества вакантных мест преподавателей высшей школе в системе российского образования просто нет.

Результаты анкетного опроса (Опрос проводился автором в сентябре 2015г. В нем принял участие 61 человек, что составляет порядка 80% подавших заявления на поступление в аспирантуру института. Из них 2/3 (67%) в возрасте до 25 лет, т.е. они поступают практически сразу после окончания специалитета или магистратуры. Мужчины и женщины в выборке представлены поровну. 36% респондентов подавали заявления на политические науки, 23% - на экономические науки и 16% - на экономические науки. В целом основные параметры выборки репрезентируют генеральную совокупность поступавших в аспирантуру СЗИУ в 2015 году.) поступавших в аспирантуру Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ показывают, что они пока к подобным изменениям не готовы. Более того мотивация поступления и ожидаемые результаты очень плохо коррелируют с задачами подготовки через аспирантуру кадров высшей квалификации для работы в высшей школе. Желание работать в вузе оказывается только на третьей позиции из десяти возможных. Более популярен ответ «нравится заниматься наукой». Аналогичный опрос проводился среди поступавших в аспирантуру института и в 2014 году. Были получены сходные результаты. [2, С.104-105] (См.табл.1). В 2015г. желание работать в вузе усилилось, но на фоне роста (с 30% до 42%) желающих заниматься наукой на 8% упала доля тех, кто хочет защитить диссертацию. Видимо, у респондентов появляется осознание того, что в современных

условиях эти вещи оказываются не очень сильно связанными. Заметно, почти на треть, снизились и карьерные ожидания от аспирантуры.

Таблица 1

Причины поступления в аспирантуру СЗИУ в 2014, 2015 г.г.

№ п/п	Варианты ответов	2014г.		2015г.	
		Абс.ч.	%	Абс.ч.	%
1.	Это позволит мне сделать карьеру	19	44,2	19	31,7
2.	Будет способствовать моему личностному росту	22	51,2	22	36,7
3.	Хочу работать в вузе	9	20,9	21	35,0
4.	Хочу защитить диссертацию	17	39,5	19	31,7
5.	Хочу получить надбавку за ученую степень	2	4,7	2	3,3
6.	Это элемент престижа успешного человека	7	16,3	6	10,0
7.	Нравится заниматься наукой	13	30,2	25	41,7
8.	Родители настаивают на продолжении обучения	2	4,7	2	3,3
9.	Посоветовал руководитель диплома или заведующий кафедрой	8	18,6	12	20,0
10.	Обучение дает отсрочку от армии	7	16,3	3	5,0
	Всего	106	246,5	131	218,3

Сумма ответов превышает 100%, потому что респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Интересны ответы наших респондентов на вопрос о результатах обучения в аспирантуре. 68% по-прежнему считают главным результатом успешную защиту диссертации, 49% - получение новых углубленных знаний, и только 27% опрошенных видят в качестве результата формирование навыков преподавательской деятельности. Всего 7% респондентов связывают обучение в аспирантуре с возможностью хорошего трудоустройства. Тем самым можно предположить, что для респондентов аспирантура является не столько ступенью профессионального (педагогического) развития, сколько возможностью получить заветную кандидатскую «корочку». Возникает вопрос, каким образом это сделать? В таблице 2 представлены ответы на вопрос о факторах, обеспечивающих успешную защиту диссертационного исследования.

Таблица 2.

Факторы успешной защиты кандидатской диссертации

№	Варианты ответов	2014г.		2015г.	
		Абс.ч.	%	Абс.ч.	%
1	наличие диссертационных советов	19	45,2	24	40,0
2	контакт с научным руководителем	36	85,7	47	78,3
3	поддержка на кафедре	18	42,9	34	56,7
4	участие в научном проекте	13	31,0	27	45,0
5	связи и знакомства в научном мире	8	19,0	9	15,0
6	перспективы карьерного роста	10	23,8	7	11,7
7	материальные стимулы	2	4,8	2	3,3
8	случай	1	2,4	3	5,0
	Итого	107	254,8	153	255,0

Сумма ответов превышает 100%, потому что респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Данные таблицы свидетельствуют, что уменьшается роль контакта с научным руководителем, но растет значение поддержки на кафедре. Позитивным нужно считать повышение значимости такого фактора как «участие в научном проекте». Хотя остается вопрос, как будут писать диссертации оставшиеся 55%, которые этот фактор не указали. В 2015г. почти в два раза снизилась доля тех, кто связывает защиту и перспективы карьерного роста. Диссертации все больше пишут для себя, для личностного роста и развития, а не для должностного продвижения. Низкая оценка фактора наличия в вузе диссертационного совета связана со спецификой СЗИУ, в котором есть достаточно развитая аспирантура – 7 отраслей наук и 14 научных специальностей, но только один действующий диссертационный совет – по политическим наукам. Те абитуриенты, которые считают фактор наличия совета значимым, поступали в другие вузы.

Подведем итоги. Безусловно, небольшая выборка абитуриентов отдельного учебного заведения, готовящего аспирантов по общественным и гуманитарным наукам, не может претендовать на репрезентацию всего контингента поступающих в аспирантуру российских вузов. Однако, рассматривая это исследование как пилотное, можно поставить ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. И главный из них – о расхождении целей, которые ставит перед аспирантурой государство, проводя реформу высшего образования, и целей, которые преследуют конкретные люди, поступающие в аспирантуру. Понятно, что чем больше это расхождение, тем ниже отдача от аспирантуры.

Как уже отмечалось, рассмотрение аспирантуры в качестве следующего уровня высшего образования превращает ее из научно-исследовательского института в форму повышения квалификации, тем более, что защита кандидатской диссертации по действующим Федеральным государственным образовательным стандартам [см.3] выведена за рамки обучения в аспирантуре (в отличие от магистратуры). При этом нарастание образовательной составляющей с необходимостью ведет к сокращению исследовательской. Однако, как показывают наши опросы, абитуриенты собираются не учиться в аспирантуре, формируя преподавательские навыки и готовясь к работе в высшей школе, а планируют заниматься научными исследованиями, добиваясь личностного развития. Впрочем, столкнувшись с реальными трудностями в проведении научных исследований, в подготовке и защите диссертации, многие аспиранты согласятся на «синицу в руках» - диплом преподавателя-исследователя вместо диплома кандидата наук. Однако тем самым будет выхолощена сама идея аспирантуры, которая должна быть не программой дополнительного образования, а институтом производства если не фундаментального, то хотя бы прикладного научного знания.

1. Пригожин А.И. Нововведения: Стимулы и препятствия. (Социальные проблемы инноватики). М. Политиздат. 1989
2. Кашина М.А., Рябова Т.Г. Использование конкурентных преимуществ вуза в информационном сопровождении приемной кампании на вторую и третью ступени высшего образования (на примере СЗИУ РАНХиГС)// Управленческое консультирование, 2014, № 11. С. 98-107
3. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям аспирантуры. // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования Электронный ресурс. Доступ: URL <http://fgosvo.ru/fgosvpo/8/6/2>.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Копейкин В.М. (Санкт-Петербург)

Рассматривая проблему развития социологического образования в современной России нельзя не учитывать сразу ряда основополагающих факторов, которые позволят определить возможные перспективы и проблемы.

Во-первых, как часть системы высшего образования социологическое образование изменяется в соответствии с его общим вектором трансформации. Это, прежде всего, интеграция в международное образовательное пространство, ориентация на рыночную модель общества и практикоориентированное обучение, что находит свое проявление, как в разработке новых образовательных стандартов, так и в поиске новых принципов обучения, ориентированных на актуальные социально-экономические потребности общества. Однако это означает, что и все проблемы, испытываемые системой в целом, социологическое образование ощущает на себе полной мере, как то: недостаток финансирования, сокращение бюджетных мест обучения, стремительное возрастание бюрократической нагрузки, проблемы с кадровым составом, падение уровня подготовки среди значительного числа абитуриентов. Все вместе это вынуждает социологическое образование постоянно видоизменяться, подстраиваться, заставляет вести изматывающие “арьегардные бои” в попытке скорее сохранить уже достигнутое, чем развить что-то новое.

Во-вторых, разобщенность социологического образования как социального института не дает полностью реализовать его возможный потенциал. В социологической науке до сих пор неоднозначно трактуются многие ключевые методологические вопросы, и ведутся постоянные дискуссии о роли, назначении социологии, ее предмете и функциях. Наличие сравнительно большого количества образовательных заведений, где ведется подготовка будущих социологов, не привело к созданию системы сетевого взаимодействия, где осуществлялся бы обмен опытом и идеями. Нужно понимать, что в настоящее время образовательные учреждения во многом предоставлены сами себе, и их действия и усилия, хоть и определяются законодательными актами и образовательным стандартом, зачастую почти никак не взаимосвязаны. Вместо этого сложилась система региональных образовательных пространств, надежно отделенных друг от друга консервативностью и апатией. Незрелость связей на разных уровнях оказывает прямое влияние и на качество подготовленных социологических кадров, которые не выходят за пределы своих локальных академических сообществ и не способны повышать свой профессиональный уровень [1, С.38-39]. Не существует, также, признанного центра социологического образования в России, который мог бы, если не создавать, то хотя бы направлять разрозненную деятельность научных сообществ, консолидируя их работу.

В-третьих, специфика социологического образования, которая присуща ему в силу его содержания, требует постоянного поиска баланса между прикладным и теоретическим аспектом подготовки. Общество формирует социальный заказ, прежде всего на социолога-практика, способного решать конкретные прикладные задачи, тогда как социологическое сообщество такой категоричностью похвастаться не может. Теоретический аспект для него, это, прежде всего, возможность самовоспроизводства, сохранения и наращивания знаний, что для социологической науки несравненно важнее, чем отдельные прикладные исследования. Именно попыткой найти этот баланс можно объяснить многие, если не все, изменения в образовательном стандарте и переход на компетентностный подход. Введение модели “прикладной/академический бакалавр” тоже можно назвать одним из элементов этого поиска. Тем не менее, как уже упоминалось раньше, общая ориентация высшего образования на потребности рынка, делают выбор большинства образовательных учреждений очевидным. Сейчас можно с достаточно большой уверенностью утверждать, что восприятие социолога как обществом в целом, так и значительной частью научного сообщества сложилась именно с позиций его прикладной деятельности.

В-четвертых, отсутствие единой системы оценки качества социологического образования, как на уровне образовательных программ, так и результата подготовки студентов, создает крайне неоднозначную ситуацию, которая не позволяет социологии

завоевать необходимый ей авторитет. Аккредитация образовательных учреждений подобную функцию выполняет далеко не полностью. Ее характеризует большая бюрократизация и внимание к формальной стороне образовательного процесса, тогда как фактическая оценка качества становится второстепенной. К тому же, не стоит забывать о необходимости корреляции отечественной системы оценки образования с ее зарубежными аналогами, что является ключевым моментом в процессе интеграции нашего образования в общемировую систему. Если не развивать это направление, то о перспективах выхода отечественного социологического образования на международный уровень в масштабах не отдельных личностей, а целых школ, говорить будет нельзя. Решением этой проблемы могла бы стать независимая, и главное признанная научным сообществом, экспертная организация, которая занималась бы исключительно вопросом качества социологического образования, но эта идея пока так и не нашла своего воплощения в реальности.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, перспективы трансформации института социологического образования в нашей стране довольно неоднозначны. С одной стороны совокупность внешних и внутренних факторов требуют изменить существующее положение дел. Тем более, имея возможность сравнения с зарубежными аналогами, становится очевидным, что социологии и социологическому образованию в России есть куда развиваться [2, С.136]. С другой стороны, требуемые изменения носят настолько комплексный и масштабный характер, что требуют задействования огромных сил и ресурсов, как человеческих, так и материальных, которые едва ли можно найти в настоящий момент. Отдельные “очаги развития”, в виде МГУ, СПбГУ или ВШЭ, с их социологическими школами, поодиночке не могут создать качественного перевеса, так необходимого для изменения института социологического образования в целом. Десятки других университетов, не обладающие их возможностями, но которые могли бы стать частью системы социологического просвещения, вынуждены сворачивать свои программы и направления. При сохранении этой тенденции, когда оптимизация кадрового состава совпадает с прекращением набора на непрофильные специальности и направления, социологическое образование оказывается буквально обречено на постепенную стагнацию. А это влечет к распаду сложившихся научных школ и коллективов, потери связей, как профессиональных, так и межличностных, что делает дальнейшее развитие еще более проблематичным.

В сложившейся ситуации одним из вариантов действия может стать концентрация усилий научного сообщества на качественном переосмыслении социологического образования, с целью резко повысить его эффективность. Подобная цель достижима в краткий промежуток времени, когда количество студентов сокращается из-за закрытия программ, а количество профессорско-преподавательского состава еще соответствует прежним нормам, что позволило бы в сжатые сроки улучшить качество индивидуальной подготовки студентам. В дальнейшем, при окончательном введении ФГОС ВО 3+, эта пропорция должна будет составить 1 к 18, что исключит подобную возможность, но этот процесс может затянуться на неопределенный срок и дает своеобразный шанс. Используя этот момент можно успеть создать своеобразный задел, который при сочетании с созданием независимой экспертной организации, пересмотре некоторых положений стандарта и главное, заинтересованности научного сообщества, можно будет реализовать при стабилизации социально-экономической ситуации в стране.

1. *Качество социологического образования: проблемы и пути решения.* / Под ред. проф В.И. Добренькова. – М.: КДУ, 2007.
2. *Титаренко Л.Г. Методические аспекты совершенствования преподавания социологии с учетом зарубежного опыта //Социологические исследования., 2000, №8*

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА БЁРТОНА КЛАРКА

Продолжающая третье десятилетие трансформация системы высшего образования отражает непрерывный процесс изменений в российском обществе в целом, связанный со становлением полноценной рыночной экономики. В современных условиях социологическому сообществу необходимо сконцентрироваться на поиске и выработке новых подходов изучения институтов высшего образования, позволяющих не только констатировать существующее их состояние, но и способствовать «диагностике» нарождающихся кризисных явлений.

В этой связи труды [1],[2] американского социолога Бёртона Кларка представляют особый интерес комплексностью теоретико-методологических разработок проблематики предпринимательских университетов.

Исследовательская работа Кларка, начатая в 60-ых годах и продолжавшаяся до самой смерти исследователя в 2009 году, наглядно иллюстрирует многоаспектный и последовательный подход в изучении положения университета в современных обществах. Актуальность разработок Кларка для российского социологического и академических сообществ продиктована современными вызовами, ставящими университетскую среду в положение «между двух огней».

С одной стороны — тенденция повышения контроля государства за деятельностью образовательных учреждений посредством возрастающей стандартизации и формализации их деятельности, введением критериев эффективности и распределением ресурсов в соответствии с ними. С другой стороны — общее сокращение финансирования системы высшего образования и попытки «рыночной» переориентации классических университетов, подчас приводящие к конъюнктурным решениям без анализа долгосрочной перспективы и общему снижению качества высшего образования.

В отсутствии единой долгосрочной и прозрачной государственной стратегии в отношении высшего образования и несформированной предпринимательской культуры университетов (как классических государственных, так и вновь образованных частных) государство вынуждено выступать арбитром стихийно сформированного образовательного рынка, ярким примером действий которого является отзыв лицензий и ликвидация ряда образовательных учреждений.

Принимая во внимание необходимость учета национальной специфики при использовании для анализа любого теоретико-методологического подхода, настоящее выступление мы хотели бы посвятить рассмотрению ключевых положений концепции Кларка. Данный подход предполагается нами к применению в дальнейшем для изучения положения российских университетов в условиях современных трансформаций.

Необходимо изначально обозначить, что понятие предпринимательского университета не является прямым синонимом коммерческого частного университета в привычном смысле (главная цель которого – получение прибыли от образовательных процессов всех уровней) и гораздо шире его [1, 292]. В контексте теоретического подхода Бёртона Кларка «предпринимательский» является синонимом «проактивного», «действующего» университета.

Так же необходимо предварительно отметить, что существующая на данный момент в российском образовании система грантов не может в полной мере иллюстрировать предпринимательский характер научно-образовательных институтов. Несомненно, она является важным шагом в стимулировании проактивности и инициативности университетских сообществ, но в то же время является внешним фактором и в нынешних условиях служит системой распределения преимущественно государственных бюджетных средств.

Бёртон Кларк рассматривает предпринимательский университет как проактивное, внутренне консолидированное объединение, направленное на изменения и само

провоцирующее их, но сохраняющее академическое ядро и остающееся культурным, образовательным центром с особой миссией. Поиск дополнительных источников поступления средств в бюджет не становится для университетов такого типа самоцелью, а лишь выступает гарантом стабильности, опорой автономии и ресурсом для расширения исследовательской деятельности.

В качестве конкретных примеров университетов, выбравших проактивный путь развития и преуспевших в формировании предпринимательской структуры, Кларк приводит опыт университета Уорика (Англия), Стратклайда (Шотландия), Твенте (Нидерланды), Йёнсуу (Финляндия), Чалмерса (Швеция), Макерере (Уганда), Католического университета Чили, университета Монаша (Австралия) и ряда американских университетов. Такая обширная география кейс-стади позволяет выявить специфику становления проактивных университетов в различных экономических и социально-культурных контекстах.

При анализе природы предпринимательских университетов, Кларк исходит из следующего положения: «Чтобы университет стал предпринимательским, он должен принять такую форму организации, которая позволила бы институту изменяться и эффективно адаптироваться к меняющемуся обществу, в котором индивиды и группы могут становиться более эффективными, чем раньше» [1, 291]. Основным барьер на пути к формированию университетов предпринимательского типа, в большинстве описываемых Кларком случаев – консерватизм академической среды, косность и иерархичность традиционных для университета организационных структур.

Проактивные университеты требуют сонаправленного управления со стороны академического сообщества (профессоров) и эффективных менеджеров-управленцев. Задачей последних является развитие инфраструктуры и поиск дополнительных ресурсов для развития, но не определение академической политики. В связи с этим в университетах такого типа формируются наблюдательные советы, вынесенные за рамки традиционной академической иерархии во избежание возникновения конфликта интересов.

Отличительной особенностью проактивных университетов является комплексность образовательной и научно-исследовательской работы. Все подразделения и структурные элементы синергетически работают на формирование и повышение престижа университета, при этом менее финансово успешные (например, классические гуманитарные факультеты) поддерживаются более рентабельными (как правило, техническими и естественнонаучными).

В то же время, Бёртон отмечает, что необходимость подобного перераспределения ресурсов для сохранения престижа и статуса университета (в целом), на практике часто сопровождается непониманием, вызывает структурные кризисы и даже желание избавиться от «неэффективных» подразделений [1, 51]. В этой связи Бёртон подчеркивает важность развития единой университетской культуры, определяющей «общий дух» и коллегиальные ценности.

Предпринимательский путь трансформации университета предполагает изменение его статуса в отношениях с государством и предполагает расширение автономии. Безусловно, государственное финансирование в большинстве случаев остается основным источником поступления средств в университетский бюджет, но его сокращение уже не так критично для университета, научившегося получать ресурсы из других источников: частных грантов, дополнительных образовательных программ, собственных производств, инфраструктуры и т.д.

Таким образом, основными чертами предпринимательского университета как идеального типа являются: гибкость, инициативность, нацеленность на инновационное развитие, открытость к диалогу с внешней средой, развитая организационная структура и инфраструктура, наличие «портфеля» различных источников финансирования и нацеленность на поиск новых.

Подход Кларка консолидирует теорию и практику анализа образовательных процессов, что позволяет применять его при изучении национальных систем высшего образования на различных уровнях и вырабатывать стратегии осмысленных изменений в системе высшего образования с учетом долгосрочной перспективы.

1. *Бертон Р.Кларк Поддержание изменений в университетах: Преемственность кейс-стади и концепций/ Издательский дом ВШЭ, М., 2011*
2. *Clark B.R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation/ Oxford: Pergamon/Elsevier Science, 1998*

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ МИГРАНТА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ ЭРВИНГА ГОФФМАНА

Лакомова А.А. (Нижний Новгород)

Миграционные потоки в настоящее время в средствах массовой информации являются распространенными явлениями, которые постоянно обсуждаются и подвергаются порой жесткой критике со стороны политических деятелей, различных специалистов в области миграции и народа в целом. СМИ в подавляющей части случаев создает негативный образ мигранта. Часто мигрант в СМИ выступает как маргинал, то есть как тот человек, которого не принимает общество, и которое он отвергает в некоторых случаях вследствие непринятия его коренным населением.

Мигранты – очень податливый для идеологического воздействия социальный материал. Вследствие этого, можно сказать, что роль печатных изданий и телекоммуникационных каналов в формировании адекватного отношения к мигрантам значительна. Именно СМИ, как неотъемлемая и основная часть современной культуры, во всем этом является социальным институтом, который несет знания, информацию, идеи, распространяя их в обществе и создавая определенную массовую культуру, оказывающую влияние на ее аудиторию.

Актуальность темы криминализации образа мигранта связана с тем, что XXI век ознаменовывается веком проблемной молодежной этнической преступности, с которой столкнулись не только США, но и страны Западной Европы, а в дальнейшем и Россия. Именно сейчас в условиях эскалации военных конфликтов, гуманитарных катастроф и сепаратистских настроений, а также развития процесса глобализации, поток мигрантов в развитые страны всё больше увеличивается, а вместе с ними приходит новый образ мигранта [4].

Одной из наиболее интересных социологических теорий, связанных с криминализацией образа мигранта, является теория социальной стигматизации, о которой писал Эрвинг Гоффман. Стигматизация – это процесс выделения или «клеймения» индивидов, навешивание социальных «ярлыков» в виде определений на основании некоторых обозначенных внешних символически выраженных признаков [3].

Во-первых, согласно данной теории ни один поступок сам по себе не является криминальным или некриминальным. «Отрицательность» поступка обусловлена не его внутренним содержанием, а тем, как окружающие оценивают такой поступок и реагируют на него. Например, если определенная группа мигрантов, которые нелегально находятся на территории России, совершает преступление против граждан России, то такая ситуация освещается в СМИ и закладывается стереотип у населения «все мигранты – зло, их нужно сажать в тюрьму». Мигранты, в свою очередь, опасаясь неодобрительного отношения к ним со стороны местных жителей, находятся в непонимании и часто попадают в положение маргинала, отсюда следует, что образ преступника навешивается как ярлык на

него. Не исключено, что в дальнейшем мигрант может вести себя как правонарушитель общественного порядка.

Во-вторых, всем людям свойственно девиантное поведение, связанное с нарушением каких-то норм. Это говорит о том, что мигранты, как и обычные граждане России склонны к девиантному поведению, но легче приписать данный стереотип к приезжим, чем к коренному населению. Ведь также любой гражданин страны может совершать некоторые мелкие проступки – не оплатить проезд в общественном транспорте, налоги в положенное время или совершить мелкую кражу в магазине. Но чаще на это обращают внимание, когда это может совершить человек с другим цветом кожи или с отличительной внешностью, так как он уже на основе этих признаков выделяется из толпы. Таким образом, данный его проступок может сразу осветиться в местной прессе, нежели такой же проступок коренного жителя.

В-третьих, будут ли конкретные поступки людей рассматриваться как девиантные, зависит от того, что делают эти люди, и от того, как реагируют на это другие люди, то есть эта оценка зависит от того, каким правилам предпочтет строго следовать общество, в каких ситуациях и в отношении каких людей. Не всех, кто превысил скорость езды, совершил магазинную кражу, утаил доходы, нарушил права частной собственности и т.п., осуждают. В этом случае играет статус и положение индивида в обществе. То же самое можно перенести и на образ мигранта, а его поведение трактовать как намеренное нарушение правил чужого общества – агрессия в отношении коренных жителей.

В-четвертых, навешивание ярлыков на людей влечет для них определенные последствия. Оно создает условия, ведущие к вторичной девиации – девиантному поведению, вырабатываемому у индивида в ответ на санкции со стороны других. Согласно теории стигматизации такое новое отклонение от нормы инициируется враждебными реакциями со стороны законодательных органов и законопослушных граждан. Индивид получает публичное определение, которое возводится в стереотип, и объявляется правонарушителем, фальшивомонетчиком, насильником, наркоманом, бездельником или преступником. Ярлык способствует закреплению индивида в статусе аутсайдера. Такой статус подавляет все прочие статусы индивида в формировании его социального опыта и в результате играет определяющую роль. Нарушители норм начинают воспринимать свой статус как конкретный тип девиантности и формировать на основе этого статуса собственную жизнь. К примеру, если в СМИ постоянно освещаются новости о том, что в той или иной части России мигрантами совершены преступления или разжигаются межнациональные конфликты иностранцев с местными жителями, если сами жители страны начинают воспринимать только криминальный образ мигранта, который им дают журналисты или политические деятели, то сам мигрант начинает воспринимать себя как преступник. Следовательно, его модель поведения будет направлена только на нарушение норм.

В-пятых, те, кто получил клеймо правонарушителей, обычно обнаруживают, что граждане осуждают их и не хотят иметь с ними дела; от них могут отвернуться друзья и родные; они потеряют работу; в некоторых случаях их могут заключить в тюрьму. Всеобщее осуждение и изоляция, подтолкнув стигматизированных индивидов к девиантным группам, состоящим из людей, судьба которых похожа на их собственную. Участие в девиантной субкультуре – это способ справиться с критической ситуацией, найти эмоциональную поддержку и окружение, где тебя принимают таким, какой ты есть, а ведение криминальной деятельности позволяет решить экономические проблемы. В свою очередь вступление в подобную девиантную группу укрепляет у человека представление о себе как о правонарушителе, способствует выработке девиантного жизненного стиля и ослабляет связи с законопослушным окружением [2].

Подводя итог, можно сказать, что средства массовой информации имеют большое влияние на восприятие мигрантов гражданами России и на их отношения к приезжим в целом. Следовательно, необходимо создавать положительный образ мигранта в печатных

изданиях, Интернете, на телевидении и радиотрансляциях, подчеркивая значимость процесса миграции как социально-демографического явления.

1. Гоффман, Э. Представление себя другими в повседневной жизни / Э. Гоффман; пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалёва. – М., 2000. – 304 с.
2. Касьянов, В. Нечипуренко, В. Социология права / Библиотека Гумер. [Электронный документ]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/kas/07.php (дата обращения 28.09.2015).
3. Липай, Т.П. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования) / Т.П. Липай, А.К. Мамедов // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. – 2011. – № 1. – С.7.
4. Полонский, И. Криминализация России. В чём суть влияния на общество криминальной контркультуры / Военное обозрение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://topwar.ru/78555-kriminalizaciya-rossii-v-chem-sut-vliyaniya-na-obschestvo-kriminalnoy-kontrku>

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лаукарт-Горбачева О.В. (Казань)

С целью конкретизации актуальных проблем современного российского образования и выявления особенностей официального дискурса нами был проведен анализ публикаций официальных периодических изданий по данной проблематике.

Популярное в социальных и гуманитарных науках понятие «дискурса», являясь расплывчатым, имеет различные смысловые значения. В самом общем значении дискурс определяется как особый способ общения и понимания окружающего мира или определенного его аспекта [8, с. 18]. Развитая в большинстве современных дискурсаналитических подходов, концепция М. Фуко интерпретирует дискурсы как группы утверждений, ограниченных существующими в конкретных обществах правилами [1, p. 117].

Т. Ван Дейк выделил следующие значения дискурса, используемые в современных социологических и социальных теориях: дискурс в широком смысле как комплексное коммуникативное событие; дискурс в узком смысле как текст или разговор; дискурс как конкретный текст или разговор; дискурс как тип вербальной продукции; дискурс как жанр; дискурс как социальная формация, обозначающий социокультурные особенности общества; дискурс как механизм идеологической социализации [3].

В авторском исследовании дискурс интерпретирован как актуальный, отражающий на микросоциальном уровне социокультурные явления и процессы, письменный продукт коммуникативного действия, когерентный по смысловому значению.

В качестве метода сбора данных использован контент-анализ статей двух российских периодических изданий – «Российская газета» и «Республика Татарстан», опубликованных в 2014 г. Выбор общероссийского и регионального изданий обусловлен целями авторского исследования, проанализировать общие направления дискурсов и выявить специфику регионального официального дискурса проблем российского образования.

В традициях отечественной методологии социологических исследований контент-анализ интерпретируется как разновидность метода анализа документов. Противопоставление двух видов – традиционного анализа документов и контент-анализа, основано на закреплении за ними статусов качественного и количественного методов соответственно [11, 10, 4, 6, 7].

Для зарубежных социологов характерно понимание контент-анализа как качественно-количественного анализа, нацеленного, с одной стороны, на измерение

количественных параметров текста (количества слов, словосочетаний, высказываний и т.д.) и, с другой стороны, на фиксацию его качественных характеристик, проявляющихся как в текстуальных элементах (оценках авторов, комментаторов, эмоциональной направленности), так и внетекстуальных явлениях (учредители, источники финансирования средств массовой коммуникации, идеологические позиции издателей и др.) [2, 5, 9].

Авторское понимание контент-анализа основывается на позиции Л. Ньюмана, интерпретирующего данный метод как анализ содержания текста, где содержание определяется как объект коммуникации (слово, символ, понятие, тема, рисунок или иные сообщения), а текст как нечто написанное, видимое или произнесенное (книги, статьи периодических изданий, объявления, выступления, официальные документы, кино- и видеозаписи, песни, фотографии, этикетки или произведения искусства) выступает коммуникационным пространством. «Контент-анализ позволяет исследователю выявлять содержание (то есть сообщения, значения, символы) в источнике коммуникации (например, книгах, статьях, кинофильме). Он позволяет поэкспериментировать с содержанием и рассмотреть его с использованием методов, отличных от обычного прочтения книги или просмотра телевизионной программы» [9, с. 120-121].

В качестве объекта коммуникации (содержательного аспекта) выступили понятия, отражающие исследуемую проблематику, а коммуникационного пространства – публикации российских газет. При подборе периодических изданий учитывались позиционность, позволяющая рассматривать данные газеты как источник проправительственной, официальной информации (учредителем «Российской газеты» является Правительство Российской Федерации, учредитель газеты «Республика Татарстан» - Правительство и Парламент Республики Татарстан), критерии популярности среди населения (масштабы тиража, активность цитирования) и доступности (наличие подписок в научных библиотечных фондах, электронных версий газет). Выбор неспециализированных журналов обусловлен задачами исследования – выявить исследовательскую активность в области социологии образования.

Проведенный анализ позволил выделить следующие основные выводы:

1) результаты контент-анализа показали, что анализируемые печатные издания проявляют активный интерес к образовательной проблематике. Практически в каждом втором выпуске газет (57%) публикуются статьи, посвященные проблемам современного российского образования. Активное обсуждение на страницах газет проблем образования свидетельствует об их актуальности и важности для Правительства Российской Федерации;

2) содержательный анализ опубликованных в «Российской газете» и «Республике Татарстан» статей выявил преобладание материалов информационного характера. Основная доля статей описывает мероприятия и проекты общероссийского и республиканского уровней (проекты в сфере образования, конкурсы, фестивали, конференции, форумы, олимпиады, программы, встречи, интересные события, назначения, награждения, достижения и др.);

3) журнальный оценочный контекст направлен на формирование не критического, положительного отношения читателей к происходящим в образовательной сфере процессам. В большинстве опубликованных статей внимание акцентируется на достижениях российской системы образования:

- увеличение доли финансирования образовательной сферы;
- укрепление и развитие материально-технической базы образовательных учреждений;
- интенсивная компьютеризация образовательных учреждений и информатизация образовательного процесса;
- гуманизация образования как фактор реализации политики Правительства, направленной на развитие человеческого капитала;

- развитие преимущественности образовательных ступеней (школа-вуз) и компетентностной парадигмы образования (вуз-производство);

4) в качестве основных перспективных направлений развития российской системы образования в опубликованных материалах фигурируют:

- разработка единой стратегии развития сфер образования, науки и инновационной деятельности в современных социально-экономических условиях российского общества;

- сохранение и развитие интеллектуального потенциала страны как фактор ее конкурентоспособности на международной арене;

- оптимизация системы обучения молодежи иностранным языкам в условиях усиления глобализационных процессов;

5) самой важной проблемой современной российской системы образования согласно официального дискурса является система школьной аттестации (ЕГЭ и ОГЭ). Этой проблематике посвящено подавляющее большинство статей, отражающих недостатки функционирования образовательной системы. Актуальной проблемой, обсуждаемой на страницах исследуемых печатных изданий, остается коррупция, имеющая место в образовательных учреждениях разных уровней. В последние годы отмечается рост коррупции в дошкольных образовательных учреждениях;

6) региональный официальный дискурс отражает характерные для общероссийского официального дискурса достижения и недостатки современной системы образования, а также региональные особенности ее функционирования. Одной из актуальных проблем региональной образовательной сферы является отсутствие законченного цикла изучения родных языков, от детского сада до высшей школы.

1. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. – London: Routledge, 1972.
2. Mayring Ph. *Qualitative Inhaltsanalyse: Grundlagen und Techniken*: Weinheim, 1983.
3. Van Dijk T. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. – London: Sage, 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>. – Доступ свободный.
4. Батыгин Г..С. *Лекции по методологии социологических исследований*. – М.: Аспект Пресс, 1995.
5. Гидденс Э. *Социология*. – Пер. с англ. А.В. Беркова и др. – 2-е изд., выполн. по 4-му англ. изд., полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
6. Готлиб А. *Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики*. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002.
7. Девятко И. *Методы в социологических исследованиях*. – М.: Экономика, 2001.
8. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. *Дискурс-анализ. Теория и метод* / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008.
9. Ньюман Л. *Неопросные методы исследования // Социол. исслед.* – 1998. – №6.
10. *Рабочая книга социолога* / Под ред. Г.В. Осипова. – М.: Наука, 1983.
11. Ядов В.А. *Социологическое исследование: методология, программа, методы*. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1968. (Работа переиздана с некоторыми дополнениями и изменениями в 1972, 1987, 1995, 1999 гг.)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА И СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Лисина Е.А. (Красноярск)

В 2003 г. на Берлинской конференции министров образования стран - участниц Болонского процесса Российская Федерация в лице министра образования РФ В. М.

Филиппова поставила свою подпись под декларацией «Зона европейского высшего образования», иначе Болонской декларацией, обязавшись до 2010 г. воплотить в жизнь основные принципы Болонского процесса, а именно создания странами Европы единого образовательного пространства. Декларация включает пять основных положений: переход на двухуровневую систему обучения – бакалавриат и магистратуру, принятие системы четких и сопоставимых степеней через введение приложения к диплому, внедрение европейской системы зачетных единиц, что является новшеством для отечественной высшей школы, повышение мобильности студентов, преподавателей и управленческого персонала для обмена опытом и знаниями, укрепление связей и сотрудничества между вузами Европы [3.С.95]. Переход к Болонской системе образования в высшей школе можно проследить на примере исторических факультетов двух вузов – Красноярского педагогического университета им. В.П. Астафьева и Сибирского федерального университета.

В истории организации и трансформации исторической науки в Красноярском педагогическом университете им. В.П. Астафьева, в том числе и включении ее в Болонскую систему образования, можно выделить несколько этапов:

1942 – 1950- е гг. – период становления исторической науки в КГПИ. В этот период была заложена главная составляющая развития исторической науки в Красноярске – подготовка собственных кадров историков. На кафедрах начали складываться коллективы ученых – историков, появились разноплановые исторические исследования. Несмотря на тяготы военной и послевоенной жизни, нехватку педагогов, плохие условия обучения ни у преподавателей, ни у студентов не перестал проявляться интерес к исторической науке [1.С.10]. Становление исторической науки в Красноярске в этот период времени было обусловлено потребностями развития региона, а также формированием кадров на местах.

1960 – начало 1990- х гг. – складывание организационной структуры и основных научных школ и направлений на историческом факультете КГПУ. В 1960- е гг. появились производственные практики для студентов, а также открылись первые аспирантуры [4.С.157-158]. В педагогическом институте в этот период времени начала активно развиваться археология.

1990 – 2015 гг. – включение исторического факультета в систему международного сотрудничества [2.С.343]. В педагогическом университете постепенный переход на Болонскую систему образования осуществляется по сегодняшний день. В 2009 - 2015 учебных годах на историческом факультете КГПУ существовало несколько направлений подготовки: «Педагогическое образование» по профилю «История», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», «Политология» по профилю «Российская политика», осуществляемые по двухступенчатой системе бакалавриата и магистратуры. Однако для направления «Педагогическое образование» по профилям «История и иностранный язык», «История и право», «История и обществознание» традиционная 5-летняя система специалитета продолжает сохраняться. Таким образом, следует отметить, что переход на Болонскую систему образования в красноярском педуниверситете осуществлен частично.

Второй центр подготовки кадров по историческим специальностям, а также развитию и изучению истории края появился на базе КГУ с открытием отделения истории, философии и политологии в 1999 г. (ныне историко – философский факультет СФУ).

Несмотря на то, что историко – философский факультет СФУ гораздо моложе по сравнению с историческим факультетом КГПУ, тем не менее под его эгидой успела сформироваться достаточно сильная научная и педагогическая база.

В рамках перехода на Болонскую систему обучения на факультете начали развиваться международные отношения. Активно проводятся совместные с иностранными коллегами археологические экспедиции, международные конференции, в которых преподаватели выступают в качестве участников и организаторов.

На сегодняшний день Гуманитарный институт готовит квалифицированных бакалавров по историческим специальностям нескольких направлений: «История», «Документоведение и архивоведение». Кроме того, осуществляется набор в магистратуру по следующим направлениям: «История (профиль: Новейшая история России)», «История (профиль: История Азии и Африки)», «История Сибири», а также в 2016 г. планируется открыть магистратуру по направлению подготовки «Археология». Активной научно – исследовательской работой занимаются 2 лаборатории: «Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири» и «Лаборатория естественно научных методов в археологии и истории».

Стоит отметить, что в связи с переходом на новые стандарты обучения, разработанные в духе компетентностного подхода, произошли значительные сокращения аудиторных занятий, увеличилось количество часов для самостоятельной подготовки студентов к предмету. Роль преподавателей в процессе обучения тоже изменилась: их целью стало не столько дать студентам знания, сколько научить добывать их самостоятельно, помочь приобрести необходимые компетенции для дальнейшей успешной деятельности.

Несмотря на все сложности финансово-экономического и в некоторой степени организационного характера, которые существовали и существуют по сегодняшний день, исторические факультеты Красноярского государственного педагогического университета и Сибирского Федерального университета, продолжают успешно осуществлять переход на новые образовательные стандарты, а также справляться с одной из основных задач – вести подготовку профессиональных историков, обеспечивая потребность в них не только сибирского, но и других регионов нашей страны.

1. *«Историки! К торжественному маршу...»: Истфак глазами выпускников / Отв. за вып. Е.А. Акимова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2007. – 116 с.*
2. *Робонен, Е.В. Международные связи историков Красноярска/ Е.В. Робонен// История науки, образования и культуры в Сибири: сборник материалов II Всероссийской науч. конф. с междунар. участием. – Красноярск, 2008. – С. 343-348.*
3. *Сенашенко, В. Высшая школа и болонские преобразования // Высшее образование в России. - 2005. - № 6. – С. 95 – 100.*
4. *Яблоков, Ю.Н. Сибирский Гарвард на Взлетной / Ю.Н. Яблоков // История образования и науки в Сибири. - 2009. - № 3. – С.157-161.*

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лихачёва С.Н. (Могилёв, Республика Беларусь)

Демографическая ситуация и репродуктивное поведение населения Республики Беларусь не могут не вызывать тревоги. Наблюдается преобладание установок на малодетность и сокращение числа заключаемых браков. В последние два десятилетия сложился такой тип репродуктивного поведения, который на долгие годы предопределил суженную структуру воспроизводства населения. Чаще всего в рамках социологического подхода, репродуктивное поведение представляется как весьма сложное явление, определяемое совокупным действием разного рода причин: экономических, социальных, психологических.

Следует отметить, что на протяжении многих последних лет в поведении населения Беларуси преобладает репродуктивная пассивность. По данным Национального статистического комитета численность населения страны пока не имеет явно выраженной

тенденции к более менее значительному приросту. На начало года она составляла в 1996 г. – 10177 тыс., 2001 г. – 9990 тыс., 2006 г. – 9751 тыс., 2015 г. – 9481 тыс. [1]. Современная демографическая реальность через призму статистических данных демонстрирует тот факт, что за последние 15 лет население страны сократилось примерно на полмиллиона человек. Нетрудно подсчитать, что при сохранении нынешних темпов депопуляции в Беларуси через 150 лет останется менее 4 миллионов коренного населения, то есть нация белорусов почти исчезнет. Стремительное сокращение численности населения в Беларуси представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности страны в XXI веке. В 1993 году впервые смертность населения превысила рождаемость, и до нынешнего времени пока не удастся преодолеть сложившуюся ситуацию, хотя разрыв между смертностью и рождаемостью удастся сократить. Ежегодно наблюдается минусовое соотношение, то есть в стране нет даже простого замещения уходящих поколений. В 1996 г. минус 37,6 тыс., в 2001 г. минус 48,6 тыс., в 2006 г. минус 41,7 тыс., в 2014 г. минус 3 тыс. [1].

Немаловажную роль в последнее время в численности населения стал играть миграционный фактор. По официальным статистическим данным в страну въезжает больше людей, чем ее покидает. В 1995 г. миграционная убыль составила 0,2 тыс., в 2001 г. прирост 9,1 тыс., в 2006 г. прирост 5,6 тыс., в 2014 г. 15,7 тыс. [1]. Таким образом миграция содействует решению проблемы демографического кризиса, однако только на нее делать ставку не приходится. Во всем мире решение демографических вопросов зависит от двух основных факторов: первый увеличение рождаемости и второй – снижение смертности населения. Соответственно, для решения демографической проблемы в современной Беларуси необходимо направить усилия именно на решение этих двух вопросов. Как утверждают демографы, уровень рождаемости в нашей стране приблизительно такой же, как и во многих европейских странах, но уровень смертности, у нас превышает показатели развитых стран мира. Это разделяет научную общественность на два лагеря. Первые выступают за мобилизацию всех ресурсов для повышения рождаемости. Вторые ратуют за принятие мер, способствующих снижению смертности среди населения.

Традиционно в социологии рассматривается репродуктивное поведение через призму идеального, желаемого и ожидаемого числа детей. Могилевский институт региональных социологических исследований в 2015 году изучил тенденции в репродуктивном поведении жителей области. В ходе опроса было предложено респондентам определить, какое количество детей в современной белорусской семье является оптимальным, в том числе и для минимизации проблемы невысокой рождаемости. Так, считают, что в белорусской семье должно быть трое детей – 23,5%, более трех – 3,7%. Абсолютное большинство опрошенных респондентов (61,0%) придерживается точки зрения о необходимости наличия двух детей. Возможность иметь в семье не более одного ребенка отметили 8,6% респондентов.

Ответы респондентов Могилевской области относительно идеального числа детей в семье позволяют проанализировать социальные представления о норме детности, характерные для современных белорусов. Общий демографический настрой в современном белорусском обществе имеет негативную направленность на минимизацию детности. Основная часть опрошенных придерживается курса на одно-двухдетную семью. Ценность и престиж большой семьи, как это было принято раньше у наших бабушек и дедушек, в обществе практически отсутствует. В сельской местности несколько чаще респондентами была высказана точка зрения относительно желательности трехдетной семьи (38,7%), а в городе более популярна семья с двумя детьми (65,3%). Некоторые отличия имеются в ответах мужчин и женщин. Распределение ответов по поводу идеального числа детей показывает, что у женщин меньше выражена установка на многодетность, но и однодетной семье они отдают меньше предпочтений по сравнению с мужчинами.

Идеальное представление о количестве детей в современной семье перекликается с их желаемым числом в собственной семье. Респонденты придерживаются преимущественно двухдетной семьи (58,9%) и только каждый четвертый хотел бы иметь троих и более детей (23,6%). Желание иметь определенное количество детей в семье находится в определенной зависимости от типа населенного пункта. Можно отметить несколько большую ориентированность жителей сельской местности в отношении рождения троих и более детей (село 6,3%, райцентр 1,9%, крупный город 3,4%). В обществе сформировалась достаточно стойкая позиция о том, что современная семья должна состоять из родителей и двоих детей. Это подтверждает и распределение ответов респондентов по полу. Хотят иметь в своей семье одного ребенка 9% мужчин и 8,8% женщин, двоих детей - 55,8% мужчин и 61,5% женщин, троих – 25,2% мужчин и 22,2% женщин, более трех детей – 5,3% мужчин и 2% женщин. Однако это пока только желаемое число, в реальности оно существенно меньше. Имеют одного ребенка 36,9%, двоих – 42,6%, троих – 6,4%, не имели детей 14,1%. Трое и более детей имеет незначительное число респондентов, и можно предположить, что многие так и останутся в лучшем случае на двоих детях. Мы выяснили обстоятельства появления первого ребенка в современных семьях.

В ходе исследования было выявлено, кто чаще всего проявляет инициативу по рождению детей. Как показал опрос, в большинстве случаев (72,5%) такое важное решение супруги принимают совместно. Среди участников опроса, 13,0% отметили, что именно представительницам слабого пола принадлежит такая инициатива. Среди мужчин на такие предложения решаются только десять процентов мужчин (9,3%). Затруднились ответить на вопрос 5,2%.

В исследовании была рассмотрена также ситуация, когда в семье откладывается рождение первого или следующего ребенка, таковых оказалось около трети среди участников исследования. Основными причинами были названы следующие: отсутствие материального достатка – 42%, желание пожить без забот – 14,7%, необходимость закончить учебу – 10,2%, пока существуют проблемы со здоровьем у супруги – 7,8%, оба супруга пока не хотят иметь детей – 6,8%, нестабильность брака – 6,2%, опасение родить нездорового ребенка – 2,8%, супруг не желает иметь детей – 2,2%, супруга не желает иметь детей – 1,1%, проблемы с детородной функцией у супруга – 1,1%. Таким образом среди множества причин лидирующее место занимает фактор материального положения семьи. Как правило, экономическая нестабильность преследует молодые семьи, именно в которых имеется потенциал к рождению нескольких детей.

Вопрос о рождении ребенка нередко в первую очередь решает женщина, так как именно на ней лежит основная нагрузка и ответственность за его рождение, уход. Поэтому мы поинтересовались только у женской половины массива опрошенных о том, что они сделают в случае незапланированной беременности. Родят ребенка и будут его растить 72,9%, сделают искусственное прерывание беременности 17,4%, отдадут ребенка кому-то на воспитание 1,8%, затруднились ответить 8%. Ответы женщин показывают о существующей достаточно высокой вероятности искусственного прерывания беременности среди жительниц нашей области. По данным статистики Министерства здравоохранения Республики Беларусь ежегодно в стране делается более 30 тыс. абортов [2]. Также около 100 женщин каждый год оставляют своих детей в роддомах. Эта ситуация воспринимается неоднозначно как населением, так и отдельными социальными институтами. Например, высказываются за запрет абортов, ограничение контрацепции, наказание женщин и т. д. Однако проблема требует более комплексного решения, и ресурсы государства, религиозных и общественных организаций необходимо направлять на поддержку женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, повышение ответственности мужчин за собственных детей, поддержку семей с детьми.

1. *Годовые данные. Численность и естественный прирост // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2015. - Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/population.php>. - Дата доступа: 02.09.2015.*
2. *Статистика Министерства здравоохранения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rebenok.by/inf/state/702-statistika-ministerstva-zdravookhraneniya-respubliki-belarus.html>. – Дата доступа : 04.09.2015*

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЛИ ПРИНЯТИЯ ЛИЦ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Максимова С.Г., Максимова М.М., Ноянзина О.Е. (Барнаул)

Устойчивый процесс депопуляции в Российской Федерации является актуальной проблемой социально-экономического развития. Феномен «старения» населения в России и многих регионах проявляется в снижении рождаемости, повышении смертности, естественной убыли населения, низкой продолжительности жизни, миграционном оттоке населения из сельской местности, «вымиранием» сельских поселений, старении возрастной структуры населения и т.д. Низкий уровень жизни, низкий уровень доходов и заработной платы, распространение бедности, низкое качество жизни, отсутствие рабочих мест, безработица, значительная дифференциация доходов населения усугубляют многие социальные проблемы, и часто приводит к социальной эксклюзии. Процессы исключения разрушают социальную солидарность и вытесняют исключенных на периферию социального пространства, приводя к утрате ими связей с обществом.

Современное общество, оценивающее себя как цивилизованное, пытается решать проблемы, вызванные демографическими и социальными изменениями, с учетом оценки социально-экономического и личностного потенциала социальных субъектов. К таким проблемам относится социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп, обращающая на себя особое внимание в ситуации старения человечества. Прежде чем говорить о социальной эксклюзии пожилых лиц, мы должны отметить несколько особенностей самого процесса. В настоящий момент необходимо выделять ситуацию и состояние социальной эксклюзии. Ситуация акцентирует внимание на объективированных обстоятельствах, следствием которых является исключение человека из жизни общества по определенным причинам, а также ущемление его прав (социальных, политических, гражданских). В данном случае, говоря о причинах социальной эксклюзии, мы акцентируем внимание на внешних факторах. Относительно области нашего исследования, оно касается анализу социальной политики, которая ведется в регионах современной России по эксклюзии/инклюзии (включенности) лиц пожилого и старческого возраста в сферы жизни общества; что конкретно делается для лиц пожилого и старческого возраста, чтобы они осуществляли трудовую и социальную деятельность, сохраняли здоровье и чувствовали себя полноценными гражданами общества. Состояние эксклюзии определяется самоидентификацией и индивидуальным восприятием ситуации. В данном случае мы отталкиваемся от индивидуальных оценок населения относительно этой проблемы. Говоря о причинах, особенностях социальной эксклюзии, мы также должны рассмотреть внутренние (психологические) факторы. Понимание того, что мешает ощущать полноценность и чувствовать себя необходимым и нужным обществу в пожилом и старшем возрасте ведет к возможности разработки мер по улучшению жизни данной группы лиц. Таким образом, границы данного процесса могут не совпадать. Объективно человек может не находиться в ситуации социальной эксклюзии, но в морально-психологическом плане не ощущает себя полноценно активным гражданином; или, наоборот, несмотря на сложность получения медицинской, социальной помощи, малого доступа к культурным, социальным, экономическим благам, ограниченным

пользованием возможностями рынка труда, человек не считает себя обделенным и «отверженным», проявляя физическую и общественную активность.

Вопрос о способах преодоления социальной эксклюзии обостряется для обществ транзитивного характера, таких как российское, поскольку стремление соответствовать принципам развитых стран сталкивается с достаточно низким уровнем развития экономики. Как следствие, процесс «постарения», наблюдаемый в большинстве регионов современной России, происходит на фоне снижения уровня благосостояния, многомерной социальной депривации и выраженной социальной эксклюзии всей социальной группы лиц пожилого и старческого возраста. Основным фактором, провоцирующим формирование и поддержание социальной эксклюзии лиц пожилого и старческого возраста, является проблема занятости: общество в большинстве случаев не видит возможности использовать опыт специалистов, который накапливается с возрастом. Отметим, что согласно статистике, в России продолжают трудиться около трети пенсионеров – до 10 миллионов человек. Однако в период экономического кризиса пенсионеры становятся самой уязвимой категорией работников – увольнения начинаются именно с них. Таким образом, сталкиваются две одновременно существующие, противоположные тенденции: стремление использовать опыт пожилых, понимание ценности такого опыта и исключение лиц пожилого и старческого возраста из системы активной социальной деятельности.

В целях выявления дезорганизующих факторов, ведущих к социальной эксклюзии и социальному неравенству старших возрастных групп и в свою очередь к конфликтным ситуациям, социальной напряженности в целом в социуме было проведено социологическое исследование. В целях разработки научных основ для решения упомянутых проблем в Алтайском крае проведена апробация основных параметров социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп (в апреле – июне 2015 г.). Социологическое исследование было направлено на изучение социального положения лиц старших возрастных групп; выявление особенностей социальных установок общества к процессам, связанным со старением населения (выборка составила 600 человек жителей Алтайского края в возрасте 15-75 лет). Также был проведен экспертный опрос (выборка включала 20 экспертов) среди представителей органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности для оценки геронтологической политики и восприятия проблем старшего возраста.

По результатам исследования необходимо отметить сохранение актуальности проблемы сложного социального положения лиц старших возрастных групп, обозначая неразвитость и закрытость рынка труда, отсутствие институтов ресоциализации, дороговизну системы здравоохранения, неадаптированность инфраструктуры региона; несистематичность форм помощи или незначительность оказываемой поддержки. Данная ситуация усугубляется личными принципами и качествами пожилых лиц. Наиболее важным аспектом в таком контексте становится социологическая рефлексия включенности пожилых людей во все сферы жизнедеятельности современного общества. Данные факты подтверждают необходимость изучения особенностей социальной эксклюзии лиц пожилого возраста с целью разработок рекомендаций по преодолению этого процесса.

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 15-03-00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России» (2015-2017 гг).

РОЛЬ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевая роль в процессе развития современного общества принадлежит знанию, которое ведет к появлению новых технологий, что в свою очередь приводит к экономическим, социально-политическим изменениям, к созданию нового видения мира. Успех процесса модернизации, инновационный путь развития сфер жизни общества во многом определяется уровнем интеллектуализации и креативности. В этом процессе главную роль играет система образования. Право на образование является одним из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Российской Федерации. Образование в Российской Федерации осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормами международного права.

Образование в контексте социальных теорий представляет собой важнейший фактор, определяющий прогрессивное поступательное развитие общества. Оно так же является основой общественного воспроизводства знаний и навыков, формирования интеллекта нации, воспринимается как один из главных признаков интеллектуального общества. Как целенаправленный процесс охватывает все возможные сферы развития личности: ценностно-смысловую сферу личности, формирование способности человека сознательно выстраивать отношение к себе, другим людям, обществу, государству, миру в целом на основе общепринятых нравственных идеалов, семейные ценности, культурную духовную и другие сферы.

Культурное пространство, образ жизни людей выдвигаются на первый план в исследованиях социологии и других наук. Культурная среда это пространство, окружающее человека и формирующее его индивидуальные качества. Один из важнейших компонентов этой среды – уровень образования населения.

Образование – один из трех показателей, наряду с благосостоянием и долголетием, составляющий индекс человеческого развития (или ИРЧП – индекс развития человеческого потенциала). По общему признанию ученых, ключевым фактором развития человеческого потенциала является образование и образовательная политика. В этом смысле обобщенные итоги этой политики в России выглядят следующим образом: советский период – 3-е место; 2004 год – 15-е; 2005 – 26-е; 2007 год – 41-е; 2008 год – 54-е место [1].

Образование – один из аспектов социализации. С его помощью индивид приобретает модели поведения, которые необходимы для осуществления деятельности в обществе. Очень важна роль образования в профессиональной социализации. В настоящее время под профессиональной социализацией понимают процесс усвоения специфического набора умений, знаний и навыков, которые необходимы профессионалу для существования в пределах профессионального сообщества и исполнения профессиональных ролей [2]. Разнообразные обстоятельства процесса социализации (индивидуальность людей; особенности социальной среды, в которой находится индивид; различные агенты процесса социализации, в том числе преподаватели и наставники, и т.д.) оказывают различные воздействия на индивидов, результаты профессиональной социализации у всех людей разные. Данное обстоятельство позволяет выделить уровни профессиональной социализации. В социологическом подходе к процессу профессиональной социализации ее результаты могут различаться по уровню интеграции индивида в данную профессию и по степени освоения индивидом профессиональных ролей [3]. Многие качества личности формируются под воздействием образовательной среды. Культура передается в новые поколения в основном через систему образования. Обучение и воспитание влияют на формирование индивидуальности.

Ю.А. Лях отмечает следующие проблемы системы образования, которые мешают эффективно проходить социализацию:

- цель образования усвоение знаний, а не воспитание деятельных способностей личности профессионала;

- содержанием образования выступает уровень усвоения программного материала, а не уровень развития личности как интегральный результат деятельности учащегося с содержанием обучения;
- учащийся зачастую сам не участвует в отборе содержания обучения
- пассивная потребительская позиция учащихся не сменяется на активную исследовательскую, продуктивную, то есть самостоятельную
- преподаватель остается передатчиком учебной информации, а не превращается в организатора творческой, самостоятельной работы учащихся
- недооценивается роль методического и психолого-педагогического обеспечения образовательного и воспитательного процесса [4].

Политика Российской Федерации должна заинтересоваться формированием активной, профессиональной, целеустремленной, ответственной личности, способной выполнять разнообразные социальные роли [5]. Не смотря на риторику важности образования для перехода к инновационному типу развития, не происходит кардинальных перемен в государственном финансировании образования. Удельный вес расходов на образование в ВВП в последние годы составляет чуть больше 4%, в то время как в ведущих странах он составляет 6-7% [6].

Европейское образовательное пространство служит площадкой для испытаний, на которой происходят трансформации в сфере профессионального образования. Этот полигон переместился и на территорию нашей страны: Россия в 2003 году присоединилась к Болонскому процессу. Тенденции последнего десятилетия показывают стремительную утрату самобытности, лучших традиций и достижений отечественной системы образования.

В образовании представляет опасность как доведение до единообразия стандартов обучения, так и создание уникальных рабочих учебных планов, в которых особое внимание уделяется специальным дисциплинам с сокращением мировоззренческих дисциплин. У студентов формируется ограниченная картина мира, без знания основных законов бытия и познания, без понимания тенденций процессов и всеобщей связи явлений. Другая проблема, которая существует в настоящее время это кризис профессорско-преподавательского состава. Наблюдается старение преподавательского коллектива, так как уменьшился приток молодежи. Вследствие этого происходит снижение интеллектуального потенциала системы образования, который накапливался годами.

Сами жители России высказывают мнение о том, что они не удовлетворены системой образования: «Левада-центр» в 2014 провел опрос на тему удовлетворенности системой образования. Доля респондентов, положительно оценивающих состояние сферы образования, выросла по сравнению с 2013 годом с 21% до 34%. Число россиян, критически настроенных и невидящих положительной динамики в системе образования снизилось с 37% до 27%. В целом сохраняется неудовлетворенность системой образования в России среди большей части опрошенных (55%) [7].

Очевидным становится необходимость пересмотра оснований традиций и принципов образования, как особой сферы человеческой деятельности, главная задача которой – сформировать саморазвивающуюся личность, когерентному сложному, нелинейному миру, способную перенять ценное наследие мастеров прошлого и адекватно реагировать на новые вызовы изменяющейся реальности [8].

В качестве изменений в системе образования всех уровней определяются следующие приоритеты:

- сращивание интересов образования, науки и промышленных технологий;
- формирование системы непрерывного образования через всю жизнь;
- автономность университетов и усиление их ответственности за весь образовательный комплекс подготовки выпускников высокой квалификации;
- усиление роли образования в экономике развитых стран;

- становление философии образования как новой парадигмы в общей концепции образования;
- смена постановки целей парадигмы педагогики как науки об обучении и воспитании личности на всех этапах жизни [9].

На сегодняшний день в России приоритетом государства становится каждый конкретный человек во всем многообразии его потребностей, так как произошло осознание того, что человек должен быть не только потребителем национального богатства, но и ресурсом производства этого богатства.

Таким образом, институт образования становится местом передачи и воплощения базовых ценностей, целей развития российского общества и является механизмом социокультурной адаптации индивида, раскрывая его потенциал.

Без качественного образования конкурировать в современном мире невозможно. Обеспечивая процесс подготовки высококвалифицированных профессиональных кадров, социальный институт образования формирует условия для поддержания и распространения научно-технического прогресса, интенсификации технологий и развития экономики.

1. Смолин О.Н. Интеллектуальная катастрофа в России: причины и пути выхода // Экономика образования . 2013. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-katastrofa-v-rossii-prichiny-i-puti-vyhoda> (дата обращения: 25.09.2015).
2. Килимова Л.В., Федосова И.А. Профессиональная социализация студентов ЮЗГУ в условиях модернизации системы высшего профессионального образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. №4. С. 114-121.
3. Килимова Л.В., Федосова И.А. Сущность профессиональной социализации в социально-экономических теориях // Актуальные вопросы развития современного общества: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Ю.В. Вертакова (отв.ред.); ЮЗГУ. Курск,
4. Лях Ю. А. Современное образование: проблемы и перспективы реформирования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств . 2008. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-obrazovanie-problemy-i-perspektivy-reformirova>
5. Килимова Л.В., Федосова И.А. Модернизация системы высшего профессионального образования как социально-экономическое требование развития российской экономики // Приоритеты системной модернизации России и ее регионов: сборник статей II Международной научно-
6. Ильин В.А. Проблемы социально-экономического развития территорий России в посткризисный период // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. №5 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-t>
7. Удовлетворенность системой образования // Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр». URL: <http://www.levada.ru/18-09-2014/udovletvorennost-sistemoi-obrazovaniya> (дата обращения 9.10.2015).
8. Асеева И.А., Ветрова О.А., Алексеенко А.И. Актуальные проблемы и стратегические перспективы высшего образования в России // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-pr>
9. Цой Г.А. Изменения философской парадигмы образования // Известия ТПУ. 2010. №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-filosofskoy-paradigmy-obrazovaniya> (дата обращения: 14.09.2014).

ПЕРСПЕКТИВЫ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Михель А.А., Целищева Е.Ф. (Екатеринбург)

В советский период сложилась разветвленная сеть учреждений дополнительного образования детей (в том числе в сферах культуры, физической культуры и спорта). Они играют важную роль в личностном развитии и профессиональном самоопределении детей и молодежи, в социализации детей, их включении в общество. Миссия системы организаций сферы дополнительного образования состоит в обеспечении прав детей на развитие и свободный выбор различных видов деятельности.

Трансформация систем образования, культуры, спорта в Российской Федерации, разработка и внедрение новых принципов оказания услуг, оптимизация сети государственных и муниципальных учреждений, изменение каналов финансирования – все это бросает новые вызовы организациям дополнительного образования детей в сфере культуры. В сложившихся условиях остро встает вопрос об определении перспектив развития каждого отдельного учреждения.

Перед муниципальными учреждениями дополнительного образования детей в сфере культуры города Екатеринбурга была поставлена задача разработать до конца текущего года программы развития. В программах развития учреждений необходимо установить цели, задачи и приоритетные направления. В связи с этим встал вопрос о целях, задачах и приоритетных направлениях развития системы дополнительного образования детей в сфере культуры в целом.

Приоритетные направления развития дополнительного образования детей в сфере культуры зафиксированы в ряде нормативных правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней власти. Главной целью развития системы дополнительного образования детей в сфере культуры является повышение доступности и качества услуг, а в ключевые задачи входит развитие материально-технической базы, укрепление кадрового потенциала, выявление и поддержка одаренных детей.

При разработке программ развития учреждений помимо нормативно-правовых документов, концепций и программ необходимо учитывать реально сложившиеся условия – факторы внешней среды, которые в зависимости от последствий – положительных или отрицательных – принято делить на возможности и угрозы. На основе применения метода PEST анализа, можно классифицировать все факторы внешней среды на социальные, географические, экономические, технологические, и использовать их как инструмент стратегического планирования [3, с. 117]. К факторам внешней среды детских школ искусств, музыкальных и художественных школ города Екатеринбурга относятся следующие.

Социальные факторы. Рост численности населения в городе Екатеринбурге приводит к увеличению спроса на услуги дополнительного образования детей. Однако, в течение последних лет контингент учащихся на бюджетной основе не увеличивался. С одной стороны, это снижает доступность услуги. С другой - формирует стабильно растущий спрос на платные услуги, а также создает возможность для отбора наиболее талантливых и одаренных детей для обучения на бюджетной основе. Проблема ограниченности ресурсов (кадровых, материально-технических) не позволяет резко увеличить объемы оказания услуг в ответ на динамично растущий спрос.

Географические факторы. Географическая удаленность муниципальных учреждений друг от друга создает эффект, при котором многие руководители учреждений отмечают «отсутствие конкурентов». Однако, на практике необходимо учитывать, что конкуренцию муниципальным учреждениям дополнительного образования детей в сфере культуры могут создать любые организации (в том числе и немunicipальной формы собственности), оказывающие услуги субституты – бассейны, центры изучения иностранных языков, компьютерные клубы и т.п. Именно поэтому, анализу географического расположения учреждений при разработке программ развития необходимо уделять особое внимание.

Экономические факторы. Стабильному функционированию учреждений угрожает риск снижения бюджетного финансирования. В период кризиса в первую очередь происходит сокращение бюджетных расходов, которые тесно связаны с показателями эффективности деятельности учреждений и качества услуг – участие в конкурсных, творческих мероприятиях, повышение квалификации педагогов и др. Развитие платного направления в условиях экономической нестабильности также затруднено, так как платежеспособность родителей учащихся напрямую зависит от доходов семьи

Технологические факторы. Рост применения информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизни общества обуславливает необходимость развития материально-технической базы и повышения компьютерной грамотности педагогических кадров. Компьютерные клубы, спортивные секции, секции механики и робототехники, а также телевидение и Интернет являются конкурентами учреждений дополнительного образования в борьбе за целевую аудиторию. Дополнительное образование в сфере культуры перестало быть популярным. Однако, в последнее время на телевидении проводится политика популяризации творческих, музыкальных и вокальных конкурсов, в том числе среди детей. Технологические факторы формируют не только угрозы, но и дополнительные возможности, в числе которых развитие дистанционных технологий оказания услуг дополнительного образования, поведение интерактивных дистанционных конкурсов, фестивалей.

Исходя из анализа возможностей и угроз складываются определенные сценарии развития системы учреждений дополнительного образования детей.

Первый сценарий предполагает дальнейшее сокращение количества бюджетного контингента наряду со снижением финансирования учреждений. При этом, будет сделан акцент на профессиональную ориентацию учащихся с раннего возраста. При реализации этого сценария возможно сокращение общего количества образовательных учреждений. Эта тенденция, отмечается отдельными специалистами уже сегодня [4, с. 94]. Одновременно у оставшихся учреждений будет целенаправленно формироваться репутация элитных учебных заведений, в которые могут попасть только одаренные дети. Такая политика применялась в советский период и позволяла добиваться очень высоких творческих и спортивных результатов в стране в целом.

При первом сценарии учреждениям необходимо сосредоточиться на управлении репутацией, расширении взаимодействия с профессиональными учреждениями и творческими коллективами, выявлении и отборе талантливых детей на основе собственных методик.

Второй сценарий предполагает, что учреждения дополнительного образования детей должны решать проблемы организации досуга детей во внеучебное время, создавать альтернативу детским садам в социализации детей, не посещающих детские сады, участвовать в проведении молодежной политики. Дополнительное образование может стать при реализации этого сценария перспективной нишей для предпринимателей и привлечь много конкурентов.

Исследования мнения родителей в школах культуры в городе Екатеринбурге показывают, что они отправляют ребенка в школу искусств для повышения общего культурного уровня, но в дальнейшем желали бы для ребенка другой профессии. Большинство родителей стремятся воспитать своего ребенка всесторонне развитым человеком и готовы за это платить.

При развитии ситуации по второму сценарию конкуренцию учреждениям дополнительного образования могли бы составить не только предприниматели, но также общеобразовательные учреждения. Правда, в текущий момент в общеобразовательных учреждениях происходит сокращение «продленок», хотя вопросам повышения конкурентоспособности и развитию платных услуг также уделяется немало внимания [5, с.301].

По второму сценарию учреждениям дополнительного образования рекомендуется развивать платные услуги, а также заниматься вопросами маркетинга. В качестве конкурента следует рассматривать не только учреждения с похожим профилем, но школы, учреждения спорта, курсы иностранных языков и т.п.

Наиболее высока вероятность развития ситуации по промежуточному, третьему сценарию, при котором наряду с сокращением финансирования оказания услуг дополнительного образования и снижением бюджетного контингента будет наблюдаться дальнейший рост спроса на платные услуги в связи с ростом количества детей в городе и нехваткой мест в дошкольных образовательных организациях, сокращением продленок в общеобразовательных школах. При третьем сценарии учреждениям рекомендуется сочетать рекомендованные мероприятия по первому и второму сценарию.

1. *Концепция развития дополнительного образования детей: распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014 г. № 1726-р // Собрание законодательства РФ, 15.09.2014, №37, ст.4983.*
2. *Учреждения дополнительного образования детей (Данные статистики и Мониторинга экономики образования) // Вопросы образования. 2013. № 2, с. 209-232.*
3. *Добровольский А.Л. PEST-анализ как инструмент стратегического планирования // Управление мегаполисом. 2013. № 4. с. 116-119.*
4. *Мошкин С.В. Общедоступные учреждения культуры среднего Урала: социально-статистический анализ // Социум и власть. 2009. N 2. с.92-98.*
5. *Куатова С.В. Механизм реализации конкурентной стратегии МБОУ СОШ N 20 г.Нальчик // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. N 16. с.299-305.*

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА И ТЕХНОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Монахов А.С., Сорокина Т. А. (Тольятти)

Дистанционное образование является общественным новшеством, включающим в себя повышение результативности образовательного процесса. Стоит выделить наиболее значимую функцию дистанционного образования, а именно то, что для каждого человека расширяются возможности в выборе наиболее подходящей формы получения образования, исходя из его особенностей, как физических, так и психологических.

От стандартной образовательной модели дистанционная отличается тем, что она более гибкая по сравнению с традиционной, т.к. она предоставляет большую свободу студентам. Также стоит отметить более активное использование современных технологий, с помощью которых обучающиеся студенты могут сами подобрать индивидуальный план обучения, удовлетворяющий их потребности, как во времени обучения, так и в содержании.

При всем при этом нельзя забывать и о трудностях использования данной модели образования. Не каждый университет в силах себе позволить новейшую технику, позволяющую получить доступ к различным образовательным ресурсам и преподавательскому составу. Также, не стоит забывать и про уровень компьютерной подготовки у студентов и преподавателей, который является «краеугольным камнем» в современном обучении. Так, даже при достаточно высокой оснащенности университета компьютерным и информационным оборудованием необходимы кадры, справляющиеся с этими технологиями. Использование этого вида обучения также осложняется психологическими особенностями студентов. В образовании необходим «живой» контакт обучающегося с преподавателем, необходимо общение между ними, благодаря которому можно иметь возможность мотивировать студента к обучению и достижению

определенных образовательных целей. Поэтому сейчас остается много неразрешенных вопросов, связанных с психологией человека, а также по удобству использования данной модели. Но при всем при этом возможные плюсы и выгоды очевидны.

Сегодня дистанционное образование развивается достаточно быстро, и нельзя говорить о нем всего лишь как о поддержке классического обучения в вузе. Очевидным является то, что дистанционное образование одновременно с развитием информационных и цифровых технологий в будущем станет неотъемлемой частью всей образовательной системы. Оно упрощает доступ к получению новых знаний, независимо от того на каком расстоянии от учебного заведения находится студент, тем самым позволяя индивидуализировать учебный процесс. Ощутимо и развитие различных навыков и умений, получаемых в процессе обучения. Среди них – возможность свободного взаимодействия с различными базами данных, коммуникация с членами учебного коллектива в целях достижения совместных результатов и т.д.

Возьмем для примера такие страны, как США и Китай. Эти крупнейшие державы определили высшее образование как цель развития образовательной системы. В этой связи необходимо обучать огромное количество людей, которые в дальнейшем имели бы возможность давать плоды своей интеллектуальной работы. А использование информационных систем может помочь в решении поставленной задачи. Именно поэтому модель дистанционного образования позитивно влияет на решение социальных и экономических проблем в отдаленных регионах России, тем самым позволяя ликвидировать отставание периферии от столичных городов нашей страны.

На сегодняшний день в нашей стране происходит становление и укрепление дистанционной модели получения знаний на рынке образовательных услуг. И очевидно возникновение вопросов, связанных с тем, готовы ли российские потребители к данному виду образования, а также способен ли этот вид удовлетворить запросы в образовании.

При изучении дистанционной технологии обучения нами было проведено социологическое исследование студентов дистанционного обучения. Всего было опрошено 160 респондентов.

В основном возраст студента дистанционного обучения это от 25 до 35 лет (39.9%), 36.6% в возрастной категории до 25 лет, от 35 до 45 лет 20.1% и старше 45 лет 3.4%.

В основном это люди с уже имеющимся образованием, либо среднеспециальным (26.3%), либо высшим образованием (25.2%). Студентов, которые получают высшее образование дистанционно, сразу после школы оказалось совсем не много, всего 3.4%, что подтверждает теорию о том, что студент дистанционного обучения это человек, уже имеющий образование.

Большая часть респондентов 63.1 % помимо обучения дистанционно работают, либо занимаются домашним хозяйством 25.1%. Студентов которые учатся параллельно в другом учебном заведении 6.7%. Специальность которую выбирают студенты тем или иным образом связана с их работой 46.5%. У 15.1% абсолютно не связана с их работой. Предположительно, такие люди выбирают специальность, на которую ориентированы в будущем.

Студентам скорее нравится модель дистанционного обучения, так ответили 61.5% респондентов. Не нравится 11.8% ответившим, 26.7% затруднились ответить. Нравится эта модель образования из-за того, что ее можно совмещать с работой или учебой и она дешевле по сравнению с другими формами обучения.

По мнению студентов, система дистанционного образования воспитывает в них организованность 92.9%, мобильность 63.4% и умение управлять временем 53.2%.

Среди положительных черт, которые можно выделить в системе дистанционного образования, первое место занимает свобода и гибкость обучения, так ответили 96.3% респондентов. Второе место обучение дисциплинам в индивидуальном темпе 81.5%, третье доступность обучения для любого человека 21.6 %. Остальные ответы

распределились следующим образом социальное равноправие – 18.3%, технологичность образовательного процесса – 9.9%, скорость общения – 6.7% и творчество 4.9%.

Основным недостатком дистанционного обучения является отсутствие практических занятий. Многим мешает письменная форма ответов и отсутствие реального общения между преподавателем и студентом. Несмотря на недостатки данной системы, только 21.6% ответивших хотели бы поменять свою форму обучения на заочную. Остальные студенты не хотели бы менять дистанционную форму обучения на какую-либо другую.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что студент дистанционного обучения это человек в возрасте от 25 до 35 лет, имеющий среднеспециальное или высшее образование. Работающий и повышающий уровень своих профессиональных знаний по средствам выбранного обучения, реже – получающий образование, не связанное с основным профилем работы. В системе дистанционного образования, по мнению студентов, есть недочеты, например, в виде отсутствия практических занятий, но все же, при возможности респонденты не стали бы менять форму обучения. Главные преимущества выражаются в возможности совмещать учебу с работой, свободе и гибкости обучения.

1. Карпенко М.И. Дистанционное образование как фактор модернизации образовательного процесса [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-03/Karpenko.pdf> (дата обращения: 30.08.2015).
2. Соловов А.В. Мифы и реалии дистанционного обучения // *Инновации в образовании*. 2004. № 2. С.82 – 89.
3. Прокопенко Ю.А., Бакшеева Л.М. Потребности студентов в дистанционной модели образования [Электронный ресурс] Режим доступа: http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-03/Prokopenko_Bakscheeva.pdf (дата обращения: 02.09.2015).

РОЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Мустаева С.С. (Лениногорск)

Феномен социальной адаптации имеет первостепенное значение в изучении трансформационных процессов в молодежной среде в период современных радикальных технологических, информационных и социальных изменений в России и мире в целом. В эволюции содержания и методов социальной адаптации прослеживается корреляция с изменением социально-экономической структуры и форм общественной деятельности людей. Закономерно, что развитие культуры увеличивает объем передаваемых молодому поколению знаний и умений, дифференцируя и специализируя способы их передачи — от непосредственного практического включения детей в деятельность взрослых к систематическому обучению [1].

Положение молодежи в социуме может быть описано через свойственные ей социальные статусы и роли. Общественная организация, в которую входят начинающие самостоятельную жизнь молодые люди, всегда стратифицирована и пронизана закономерной мобильностью. Члены социума, согласно П.Сорокину, не могут быть равны, хотя формы и пропорции расслоения различны [1]. Основные формы стратификации, экономическая, политическая и профессиональная, тесно переплетены: представители высших экономических слоев одновременно относятся к ведущим политическим и профессиональным группам, а неимущие при минимуме гражданских прав находятся внизу профессиональной иерархии. Приоритетная профессиональная деятельность, привлекающая молодежь, всегда включает функции организации и контроля, интеллектуальные операции, привилегированна в межпрофессиональной

структуре и иерархична внутрипрофессионально. Социальные слои закрыты не полностью и существует некоторая вертикальная экономическая, политическая и профессиональная мобильность людей, но ее интенсивность и всеобщность меняется во времени и обществах.

Стремление к смене статуса - наиболее важная потребность, отвечающая за мобильность индивида. Выше было выяснено, что одним из каналов, питающих ее, выступает образование (как процесс и результат усвоения человеком систематизированных знаний, умений и навыков), которое возникло в условиях острой потребности в профессиональных кадрах.

В настоящее время высшее образование в России находится на этапе формирования и имеет тенденцию к динамичным изменениям.

Для определения роли высшего образования в повышении социальной мобильности в современной России авторами настоящей работы проведено социологическое исследование, эмпирическую базу которого составили данные опроса, осуществленного в городе Лениногорске.

Цель исследования: выявить роль получения высшего образования в дальнейшем процессе социальной мобильности человека.

В качестве объектов наблюдения для измерения социальной мобильности посредством высшего образования населения выступили лица, соответствующие следующим критериям:

- занятые,
- возраст от 23 до 43,
- высшее образование, полученное не менее чем 2 года назад.

Основной метод сбора информации - анкетный опрос.

Исследование проводилось в два этапа. На первом опрашивались лица, отвечающие указанным критериям. На втором этапе собранные данные были обработаны и интерпретированы.

Итак, мы решили выяснить, какую роль играет высшее образование в процессе социальной мобильности молодежи г. Лениногорска. Для этого была разработана социологическая анкета. Выяснилось, что в исследовании приняли участие следующие возрастные категории:

От 23-30 лет – 78%.

От 31 до 43 лет – 22%.

Закончили обучение в ВУЗах:

От 2 до 3 лет назад – 56%,

3 и более – 44%.

Таким образом, в высших учебных заведениях респондентов привлекают в первую очередь дневные отделения. Именно эту форму обучения чаще всего и планируют избрать, и реально избирают юноши и девушки, в нашем случае – 84%.

Что же ожидали наши респонденты от обучения? Если следовать теории Н.Дж. Смелзера [1], образование имеет одновременно и практическое, и символическое значение. Индивид использует свои знания для достижения специфических целей. Это подтверждает и проведенное исследование, в ходе которого отмечены разные мотивы и цели получения образования.

Так, ожидания респондентов сводились к желанию получить новые знания и навыки (60 %) и продвинуться по карьерной лестнице (20%). В качестве ожидаемого результата они намеревались изменить свой статус (40%), род деятельности (30%), получить прибавку к зарплате (20%). 30% процентов из них считали завершение учебы реальным шансом изменить свою жизнь. В реальности смена места работы, рода деятельности, повышение статуса в родной компании в течение последующих трех лет произошли у 42 процентов респондентов.

Почти треть респондентов полагают, что их ожидания оправдались, например - высшее образование сделало их успешнее – 20%, 22% - умнее и богаче, 20 % - востребованнее. Это означает, что высшее образование воспринимается ими, как канал социальной мобильности.

Проведенное исследование показало, что у подавляющего числа респондентов, получивших высшее образование, произошло повышение профессионального статуса.

В рейтинге характера изменений первое место занимает рост зарплаты (30%), затем карьера (26%), профессиональной мобильности (20%). Это можно объяснить тем, что они уже имели работу в процессе обучения. У большинства респондентов ожидания позитивных изменений по работе оправдались. У 81 процента опрошенных отмечен рост статуса. В частности, 26 процентов респондентов получили повышение по службе, 19 - прибавку к зарплате и предложение о смене рода деятельности, а 2 процента - предложение перейти на новую работу.

На вопрос «Изменилось ли Ваше материальное положение после получения высшего образования?» утвердительно ответили – 44% респондентов, отрицательно – 32%. 24% считают, что таких изменений не произошло.

Вопрос о том, каким должно быть высшее образование – более специализированным или универсальным, – вызвал сетования респондентов о слишком большом объеме вспомогательных предметов (18%). Действительно, сегодня высшее образование лишь расширяет возможности выбора профессии, не гарантируя устройство по специальности, поскольку медленно реагирует на потребности рынка, тогда как должно их предвидеть. Вероятно, сейчас нецелесообразно готовить узкопрофильных специалистов с высшим образованием – конъюнктура рынка за годы их обучения может измениться. Судя по данным нашего исследования, складывается тенденция, при которой первое высшее образование все в большей степени рассматривается не как профессиональное, а как "общее", а молодые люди все меньше связывают выбранный вуз и специальность со своей будущей карьерой. Возможно, в связи с этим 72% респондентов хотели бы получить второе высшее образование.

Таким образом, проведенное в рамках исследования проблемы социальной мобильности в условиях высшего образования свидетельствует, о том, что высшее образование способствует успешной вертикальной социальной мобильности работника, его более быстрому продвижению по службе.

Образование играет важную роль в социальной дифференциации и социальной мобильности. В традиционных обществах основными "каналами" социальной мобильности и факторами социальной дифференциации являются социальное происхождение и личные связи. Образование становится более доступным, и его роль в этих процессах повышается. Сословные перегородки размываются, появляется больше возможностей с помощью образования добиться заметного положения в обществе. Тем не менее, достаточно сильными "фильтрующими" средствами остаются социальное происхождение, наличие экономического и политического капитала. В постиндустриальном обществе на первый план выдвигается сфера услуг, приоритетными становятся знания, получение и распространение информации. Бурное развитие глобальных информационных сетей кардинально меняет жизнь многих людей. Появляется новая социальная общность – информационное сообщество, или так называемое киберпространство, которому присущи открытость, зрелость общественных связей, наличие действенного общественного мнения. Образование по инерции продолжает носить массовый характер (хотя такого количества специалистов сейчас, возможно, и не требуется) и способствует увеличению социальной мобильности. В ситуации, когда далеко не все выпускники находят себе работу по специальности, увеличение числа учебных заведений делает социальную организацию общества все более неустойчивой. С другой стороны, сужаются возможности для освоения престижных профессий, некоторые

из них доступны в основном тем, кто имеет связи или деньги. Поэтому образование продолжает выступать фактором социальной дифференциации в обществе.

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают положительное влияние высшего образования на социальную мобильность населения. Однако трудно выстроить четкую иерархию и взаимосвязь между уровнем образования, мобильностью индивида, его положением в обществе, доходами, поскольку помимо образования на мобильность влияют и многие другие значимые факторы. Например, такие как социально-экономический статус, условия на рынке труда, характер развития экономики, степень протекционизма при решении кадровых вопросов в каждом конкретном обществе и т.д. Взаимозависимость между образованием и успешной работой вполне очевидна. Однако на профессиональные достижения в значительной степени влияют также умственные способности, социально-экономический статус родителей, воздействие среды и многие другие факторы.

Профессиональную мобильность населения, процессы ее дифференциации формируют образовательная политика государства, стратегия бизнес-школ, политика и стратегия бизнеса, индивидуальные социально-экономические и социопсихологические факторы. Безусловно, процесс образования связан не только с подготовкой учащегося к определенному виду деятельности, но и оказывает существенное влияние на социальный статус индивида. Профессиональная социализация детерминирована как социально-экономическими факторами, так и личностными ресурсами и установками, которые влияют на карьерную стратегию, а, следовательно, на социальный и экономический статус человека.

1. Сорокин П.А. Социальная стратификация и социальная мобильность / П.А. Сорокин // Человек и общество. 2007. №8. С. 41-44.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Назаренко Ю.С. (Минск, Республика Беларусь)

В современном обществе между образованием и профессией возникает новое функциональное соответствие. Традиционное соответствие полученного образования и будущей профессии обеспечивалось за счет высокого качества образования, доступ к которому носил ограниченный, элитарный характер. Становление национальных систем массового образования в течение XX века повлекло размывание качества получаемого образования. Произошло рассогласование образования и профессии, когда полученный диплом не всегда гарантирует успешное трудоустройство на высококонкурентном рынке труда. В современных условиях динамичного изменения профессиональных знаний и умений образовательная система столкнулась с необходимостью формирования профессиональных компетенций, опережающих спрос на рынке труда [1].

По данным исследования Института социологии НАН Беларуси (2013 г.) около 36% от всех занятых не работают по полученной в учебном заведении специальности. В Российской Федерации, например, 45% занятого населения работают не по полученной специальности (2011 г.) [2, с. 41]. Среди факторов смены специальности ключевую роль играют недостаточная оплата труда (38%), сложности в поиске работы (22%) и отсутствие личных симпатий к специальности (18%). Установлено, что уровень профессиональной успешности (включая повышение заработной платы, повышение по должности, профессиональные награды, участие в профессиональных мероприятиях в качестве докладчика, эксперта) выше среди тех респондентов, которые непрерывно учатся и работают по базовой специальности, накапливая профессиональный опыт (данная

совокупность респондентов составляет 73%, 55% и 47% в группах с высоким, средним и низким уровнем профессиональных достижений соответственно). Наличие прерывности в образовательно-профессиональных траекториях населения Беларуси обусловлено доминированием образовательных ценностных ориентаций, связанных с получением диплома преимущественно для трудоустройства (60% респондентов). Отметим, что в России по данным за 2009 год основной целью получения образования также выступает перспектива найти высокооплачиваемую работу – 74%, добиться успеха и сделать карьеру – 43%, «стать культурным человеком» отметили 14% респондентов [3, с. 192].

Профессиональная мобильность определяется не только компетентностным профилем работника, но и в существенной мере иными индивидуальными факторами (пол, возраст, стаж работы и т.п.). На горизонтальную профессиональную мобильность (смена места работы, смена профессии в целом, получение дополнительной специальности) оказывают влияние индивидуальные факторы возраста, наличия дополнительной работы, продолжительности стажа на предприятии и общего трудового стажа. Ключевым фактором повышения по службе выступает повышение квалификации, в то время как исходный уровень профессионального образования влияет в меньшей степени.

Амбивалентность влияния образования на профессиональную мобильность выражена в том, что, чем выше у работника уровень образования и профессиональной квалификации, тем менее он ориентирован на повышение образовательного уровня, поскольку наличие изначально высокого уровня образования уменьшает потребность его повышения. Склонность к повышению уровня образования и квалификации выше среди респондентов, имеющих общее среднее и среднее специальное образование. Для данной категории респондентов характерна установка на доучивание и переучивание. Основными мотивами получения дополнительного образования работников являются личные профессиональные мотивы (69%). Зафиксировано, что по собственной инициативе респонденты получают дополнительное образование чаще, чем по инициативе работодателя. Респонденты чаще занимаются самообразованием (32,1%), чем используют институционализированные формы образования (обучение в учреждениях образования).

Таким образом, работники, которые постоянно работают по первой специальности, демонстрируя тем самым неразрывную образовательно-профессиональную траекторию, достигают более высоких профессиональных успехов. В свою очередь, ранняя и корректная профессиональная ориентация детей и школьников способствует минимизации рисков «ухода» из профессии, переквалификации и снижает нагрузку на государство, связанную с необходимостью компенсировать или устранять рассогласованность спроса и предложения на рынках труда и образования.

1. Андреева, О.Ю., Кабацков, А.Н. Институциональный кризис образования через призму профессиональной культуры / О.Ю. Андреева, А.Н. Кабацков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Том 7, № 1. – С. 126–138.
2. Статистическая характеристика системы профессионального образования: 2001-2011гг. (по данным федерального статистического наблюдения за деятельностью образовательных учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования): Информационный бюллетень / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ред. кол.: Я.И. Кузьминов [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 52 с.
3. Петренко, Е.С., Галицкая, Е.Г., Шмерлина, И.А. Ценность высшего образования / Е.С. Петренко, Е.Г. Галицкая, И.А. Шмерлина // Вопросы образования. – 2010. – № 2. – С. 187–206.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЖКХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В первой же статье Конституции Республики Беларусь прописано: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство»; в 13 статье определены императивы: «...Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях» (выделено нами – Д. Н.) Таким образом, в Беларуси задекларированы принципы социально ориентированного государства. Современная система жилищно-коммунального хозяйства в Беларуси во многом является преемницей социалистического прошлого и, в первую очередь, социальной политики в области социальной сферы. Во-первых, в подавляющем большинстве это единая государственная система как в экономическом, так и в управленческом разрезе. Во-вторых, она построена по принципу солидарности, причем как горизонтальной – когда происходит централизованный сбор доходов со всех граждан в виде жилищно-коммунальных платежей, налогов, поступающих в республиканский бюджет и т.д. и уже потом происходит перераспределение средств; так и солидарности поколений – например, при накоплении и распределении средств капитального ремонта жилфонда. В-третьих, первостепенное значение уделяется не экономическим показателям, таким как рентабельность при оказании услуг, получение максимальной прибыли, а социальной защите населения: льготные тарифы, кредиты на улучшение жилищных условий, перекрестное субсидирование. Так, повышенная экономическая нагрузка на предприятия, организации и иные юридические лица при оплате тарифов позволяет снижать их для населения. Несмотря на критику такой политики государства, недовольство отдельными и частными случаями такие общие императивы социальной политики, реализуемые в области ЖКХ, пользуются широкой поддержкой среди населения Беларуси. От эффективности функционирования ЖКХ напрямую зависят и повседневный, бытовой комфорт граждан, их жизненный уровень, социальное самочувствие населения и степень социального недовольства. Эти параметры во многом задают позитивную или негативную направленность общественного мнения и определяют степень поддержки государственной социальной политики, принципов государственного устройства и степени доверия к властным органам.

В Беларуси не пошли по пути разгосударствления системы ЖКХ, отказались от предложений «шоковой терапии». Однако новые экономические реалии требуют модернизации системы управления и обслуживания. Здесь важно опираться не только на мировой опыт во всех нюансах, но также и на представление населения о социальной справедливости, на ожидания и мнения людей. В настоящий момент в Беларуси законодательно существуют несколько форм управления и обслуживания многоквартирными домами. Во-первых – это государственная система, когда и управляют (принимают решения), и проводят обслуживание организации, подконтрольные государству. Во-вторых – частная, основанная на самоуправлении, через создание ТСЖ или жилищно-строительных кооперативов с возможностью выбора частных фирм по обслуживанию. В-третьих, можно выделить и смешанную форму, обычно когда жильцы управляют сами (принимают решения) – через то же ТС жилья, но обслуживаются в государственных организациях. Государство заинтересовано в развитии частного ЖКХ. Юридически существуют все условия для создания частного бизнеса по оказанию ЖК-услуг населению и для самоуправления, т.е. у населения есть альтернатива и право выбора.

Согласно результатам опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси по репрезентативной республиканской выборке в 2012, 2013 и 2014 гг., большинство респондентов – 54,0%, 58,2%, 53,7% – все же предпочитают «обслуживание в государственных ЖЭСах, ЖРЭО, расчетно-справочных центрах». Сторонники же «негосударственных, частных компаний (через создание ТС жилья с возможностью

выбора частных фирм, обслуживающих ЖК-фонд)» набирали только 12,5% в 2012, 10,5% в 2013 и 15,2% в 2014 гг., при высоком проценте затруднившихся с ответом – около 30%. Подавляющий выбор государственной системы управления и обслуживания жилфондом демонстрирует также уровень доверия к ней среди населения.

Вместе с тем в Беларуси уже успешно внедрены социальные и организационные инновации в области ЖКХ. Отметим некоторые из них.

1. Тарифная политика. Государство определяет единые тарифы на ЖК-обслуживание, газ, воду, электричество и др., которое оплачивает население. Ради сохранения социальных гарантий, вводится дифференциация оплаты по объему потребляемых услуг: на воду (2011 г.), на электроэнергию (2013 г.) и т.д. При этом государство гарантирует социальную поддержку малообеспеченным слоям населения – через сохранение «социального», нижнего тарифа, а также через адресную помощь по заявительному принципу. По сути это аналогично регулированию цен на социально-значимые товары.

Идея социальных (льготных) тарифов в зависимости от объема потребления на электричество, воду, газ и коммунальные услуги не нова и используется во многих странах в целях экономического стимула для экономии ресурсов. Определяются нормы потребления, перерасход по которым население, предприятия оплачивают по более высоким ценам. Социальные (льготные) тарифы для населения, учитывающие объем потребления, являются мягким вариантом и промежуточной стадией при переходе к 100% оплате услуг по себестоимости. Это прозрачный механизм, основанный на логике социально-ориентированной политики государства, выступающий также экономическим стимулом для экономии ресурсов. И как результат, по данным 13 социологических замеров (2009-2015 гг. – мониторинг Института социологии НАН Беларуси) проблема тарифов на коммунальные услуги далеко не лидирует: 4 – 8 места в рейтинге актуальности проблем. Весной 2015 года эта позиция набирает 34,5%.

2. Государственное арендное жилье. Согласно статистическим данным в Беларуси к концу 2009 г. доля жилфонда в частной собственности составила 85,1%; на конец 2014 г. – 91,9%. Анализируя данные социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси с 2009 по 2015 годы (13 репрезентативных республиканских исследований) можно отметить, что жилищные проблемы, как наиболее для них актуальные, выбирают от 26,3% до 36,8% респондентов. И в среднем рейтинг данной проблемы (из 16 альтернатив) занимает в нашей республике 7 место. Оценка респондентами достаточности средств на строительство дома, квартиры (ЖСК, др.) весной 2015 года показывает, что в целом по республике только у 5,1% респондентов средств хватает, 24,7% – не хватает, 49,4% не тратят на это деньги и 18,8% отмечают, что у них «никогда не хватит на это средств».

Для решения части жилищной проблемы в Беларуси на государственном уровне в конце 2011 года был подписан Указ Президента Республики Беларусь от 08.11.2011 №512 «О некоторых вопросах использования государственного жилищного фонда». Он определил обязанности и условия по предоставлению гражданам жилых помещений коммерческого использования, и в обиходе получил название как закон о «государственном арендном жилье». В исследовании (осень 2014 года, N=2101) респондентам было предложено оценить некоторые вопросы жилищной проблемы и путей ее решения. Так, идея арендного жилья («Поддерживаете ли Вы действия государства по решению жилищной проблемы путем строительства арендного жилья?») получила поддержку среди населения – 37,4% по республике и 18,6% против, ответ «Нет». При этом 42,9% затруднились с ответом. Для населения не совсем понятны условия, при которых распределяется государственный жилфонд (льготы для определенных категорий граждан, потеря «очереди» для получения льгот при строительстве и др.), и не будет ли это означать в последствии полного перевода тех квартир, которые не приватизированы, в

арендное жилье с постоянными выплатами еще дополнительной платы. Это тот вопрос, который волнуют большинство жильцов неприватизированных квартир.

Как показал опрос, при решении своих жилищных проблем население по-прежнему возлагает надежды на льготное строительство. Из восьми предложенных альтернатив арендное жилье (съем жилья у государства) занимает лишь 5 место с 3,7% в целом по республике. Таким образом, несмотря на то, что государство возлагает большие надежды при решении жилищных проблем граждан на арендное жилье, этот вариант видится респондентами как еще один недолгосрочный вариант, «на крайний случай»; предпочтение белорусы отдают жилью в своей собственности.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ МАССОВОГО ПРИТОКА БЕЖЕНЦЕВ С УКРАИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Немирова Н.В., Шкенеv Д. Ю. (Санкт-Петербург)

Москва представляет собой наиболее притягательный город для мигрантов и беженцев в Российской Федерации. Наивысших значений легальная трудовая миграция в Москву достигла в 2008 году, составив 623 тысячи человек. В 2014 г., под воздействием трагических событий на Украине, Москва испытала масштабный приток беженцев с Украины, в том числе большого количества семей с детьми. Часть из них приезжает и поселяется у родственников, которые помогают им в адаптации, но далеко не у всех украинских беженцев есть такая поддержка. ФМС и все профильные правительственные структуры стараются оперативно решить проблемы со статусом легального пребывания беженцев с Украины, но вопросы жилья, трудоустройства, медицинского обслуживания, образования детей украинских беженцев, специфических проблем, возникающих у семей, переселяющихся с детьми, остаются очень острыми, их решение и мониторинг успешности такого решения, а также возрастания социальной нагрузки на инфраструктуру Москвы становятся в сложившихся обстоятельствах очень актуальными.

Многие москвичи обеспокоены массовым присутствием в городе мигрантов иной культуры, их зачастую демонстративным поведением, пренебрежительным отношением к сложившимся этическим нормам; ухудшением медико-эпидемиологической обстановки; ростом преступности в городе; снижением уровня преподавания в школах из-за значительного количества учащихся, плохо владеющих русским языком; появившимися квартирами, перенаселенными мигрантами, в том числе живущих большими семьями (что ухудшает общие условия жизни в подъездах, где есть такие перенаселённые квартиры) возможным демпингом на рынке труда и др. В то же время, приём беженцев с Украины не представляет сложностей в культурном плане, в плане русского языка, и не вызывает ксенофобии у жителей Москвы, но, безусловно, увеличивает нагрузку на социальную инфраструктуру города.

Целью проведенного исследования стала оценка социальных рисков для Москвы от приёма украинских беженцев, а также оценка увеличения нагрузки на социальную инфраструктуру города, выяснение путей решения социальных проблем при приёме семей украинских беженцев. Среди основных задач проекта стали следующие: во-первых, проанализировать текущую социальную обстановку в Москве в контексте массового потока беженцев с Украины в Российскую Федерацию, и выявить аспекты восприятия москвичами украинских беженцев; во-вторых, выявить каналы, масштабы и специфику использования беженцами с Украины московской социальной системы, их положение на московском рынке труда и жилья и возникающие при этом проблемы; в-третьих, оценить

адаптацию украинских беженцев в Москве и их миграционные намерения; в-четвертых, оценить возможности и выявить препятствия для выхода украинских беженцев на российский рынок труда; в-пятых, разработать рекомендации по совершенствованию социальной и миграционной политики Москвы с позиций создания благоприятных условий для наиболее безболезненного разрешения социальных проблем.

Достижение указанных задач осуществляется с помощью синтеза научных методов и методик. НИР базируется на качественной методологии – обоснованной теории (grounded theory). В основании НИР положены результаты прикладного социологического исследования проведенного в Москве в период с 1 по 31 декабря 2014 года.

В ходе исследования было опрошено две группы респондентов.

1) Методом глубинного интервью беженцы и вынужденные переселенцы, приехавшие в Москву с территории Украины в период с 1 декабря 2013 года по 1 декабря 2014 года и проживающие в Москве не менее одной недели. Данная выборочная совокупность была разделена на два смысловых кластера: первый кластер – «успешная интеграция»; второй кластер – «не успешная интеграция». При этом согласно цели исследования в каждую группу кластеров были включены семьи с детьми в соотношении 50 на 50.

2) Экспертный опрос методом нарративного интервью. В выборку были включены эксперты – представители различных государственных, коммерческих и некоммерческих структур, учреждений и организаций, которые прямо или косвенно определяют процесс жизнедеятельности беженцев и вынужденных переселенцев в Москве.

Источниковую базу НИР составили источники нескольких типов: научная социологическая литература по заданной тематике (А.А. Алексеенко, Арутюнян Ю.В., Н.В.Прокушева, Н.А.Шульга и др.); новостные и информационные порталы (РИА-новости, Лента.ру, Вести, RT и др.); порталы органов исполнительной власти и правительственных учреждений РФ, Украины, ЛНР, ДНР и г.Москвы; нормативно-правовые документы (федеральные законы, постановления правительства РФ и Москвы); статистические данные (официальная статистическая информация Госкомстата РФ, Службы государственной статистики Украины, статистика министерств и ведомств РФ); ответы на официальные запросы Уполномоченного по правам человека г.Москвы в органы исполнительной власти г.Москвы.

По результатам проведенного исследования, были сделаны следующие общие выводы:

1. С начала 2014 г. в результате обострения ситуации на Украине в значительное количество граждан Украины прибыло в Россию, в частности, в г.Москву. Точно определить это количество в рамках данного исследования не представляется возможным, однако можно предположить, что оно составляет несколько сот тысяч человек. При этом всего около 5500 чел. имеют в Москве официальный статус беженца или получили временное убежище. Среди последних имеется определенная доля граждан Украины, которые не проживали на территории военных действий, прибыли в Россию до начала указанных событий, но решили воспользоваться возможностью получить льготы, предоставляемые этими статусами.

2. Благодаря Постановлению Правительства от 22 июля 2014 г. N 691 поток прибывающих в Москву в экстренном массовом порядке сократился, а возможность получать временное убежище осталась лишь у лиц, имеющих для этого льготные основания (главным образом – родственников в Москве).

3. В соответствии с действующим законодательством РФ право на социальное обеспечение предоставляется только тем иностранным гражданам, которые обладают статусом беженца или временного убежища и имеют регистрацию в соответствующем субъекте Федерации. Таким образом, для Москвы на момент исследования количество таких лиц составляет около 5500.

4. По данным статистики, полученной в ходе подготовки исследования, а также в экспертных интервью, можно сделать вывод об отсутствии сколько-нибудь значимого возрастания нагрузки на социальную сферу г. Москвы, создаваемой гражданами Украины, прибывшими в Москву в экстренном массовом порядке в настоящее время.

5. В то же время, нынешнюю ситуацию с украинскими «беженцами» в Москве нельзя считать стабильной и исчерпанной. Она подвержена влиянию набора внешних факторов и может со временем развиваться, создавая определенные проблемы для города. Основной угрозой представляется значительное количество лиц, находящихся в Москве в нестабильном положении (в части легального статуса, места проживания и средств к существованию), так как при определенных условиях эти люди могут оказаться не в состоянии самостоятельно решать вопросы своего жизнеобеспечения.

6. Во избежание наступления указанного риска представляется важным установить контакт с этими людьми и содействовать стабилизации их социального статуса (в пределах Москвы или за ее пределами).

7. Для тех «беженцев» из Украины, кто сегодня находится в Москве и планирует оставаться, ключевым является вопрос заработка средств к существованию. Надежное решение этого вопроса существенно снижает потенциальные риски, которые представляют собой для города эти люди. Иные проблемы жизнеобеспечения – жилье, питание, медобслуживание, обучение детей – «беженцы» готовы решать в значительной мере самостоятельно при наличии средств.

8. Эффективно решение этой проблемы, вероятно, должно быть комплексным, включающим в себя как законодательные инициативы, так и широкий спектр информационных и организационных мероприятий, направленных на практическое изменение ситуации.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Пацукевич О.В. (Горки, Республика Беларусь)

В настоящее время в мировом образовательном пространстве произошли существенные трансформации. Они связаны, главным образом, с повышением спроса на высшее образование, которое стало рассматриваться политиками и экономистами как важный сектор в сфере экспорта услуг. В целом это, безусловно, положительное явление для мировых государств. Однако в этой связи изменившиеся реалии размыли само понятие качества высшего образования, которое на данный момент оставляет желать лучшего. Не обошли стороной эти процессы и Россию.

Ранее, в период существования СССР, советская система образования считалась одной из лучших в мире. О ее международном признании свидетельствуют следующие факты.

Так, согласно данным ООН, российская молодежь входила в тройку самых образованных поколений своего времени. Кроме этого, после запуска Советским Союзом первого в мире спутника, а затем и космонавта в космос в 60-х гг. XX в., американский адмирал Х. Риквер отметил, что СССР угрожает США не только оружием, но системой образования. Эту проблему попытались решить путем совершенствования системы образования в США. С этой целью даже перевели ряд советских школьных учебников по математике, физике, химии. Однако в странах Запада не удалось решить проблему упрощения образования.

Сегодня, по тем же данным ООН, российское образование занимает скромное 41-е место. Такой скачок вниз говорит о том, российское образование испытывает определенные трудности. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты средних оценок выпускников школ по русскому языку, математике, истории, которые не превышают твердой тройки по 5-ти балльной шкале оценки знаний.

В связи с этим фактом вызывает определенный интерес мнение директора Центра исследований постиндустриального общества, доктора экономических наук В. Л. Иноземцева. Он считает развитие системы образования в России в последние 20 лет аномальным. По его мнению, причин этому несколько. Во-первых, резко возросло число студентов (с 2,6 млн. человек в 1993/94 учебном году до 7,4 млн. в 2010/11г.) при общей тенденции сокращения численности школьников (с 21,1 млн. человек до 13,2 млн. за этот же период). В итоге число поступивших в вузы достигает 90% от числа выпускников школ, желающих учиться в вузах. Это более чем в 2 раза превышает средний показатель по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Во-вторых, снизился пороговый уровень, свидетельствующий об освоении школьной программы, до 20 баллов из 100 по иностранному языку, 21 балла по математике и 36 баллов по русскому языку, как это было сделано Рособназором в 2011 году. В-третьих, рост числа студентов в 3 раза и вузов в 2,2 раза (с 514 до 1114) за 1992-2010 гг. не обеспечен соответствующим увеличением профессорско-преподавательского корпуса. В итоге число преподавателей выросло с 220 тыс. до 342 тыс. человек, то есть на 55,4%. Если сравнивать с США, то отношение числа преподавателей к числу студентов в России в 2,7 раза ниже. В-четвертых, профиль высшего образования не соответствует потребностям экономики, поскольку 45% выпускников специализируются на общественных науках, предпринимательстве и праве против 36,2% в США и 22,5% в Германии. В результате менее 50% российских выпускников вузов начинают работу по специальности (в США – 76%) [1].

К сожалению, при увеличении числа студентов наблюдается диаметрально противоположная тенденция – падение уровня образования в вузах России. В итоге сегодня российских университетов (кроме МГУ) нет ни в одной версии списка 100 лучших университетов мира. Необходимо отметить, что 30 университетов КНР в этом числе присутствуют. Если сравнить данные, то в 1991 г. ЮНЕСКО ставила советское высшее образование на третье место в мире, а в 2010 г. Россия опустилась в том же рейтинге на 29-е место.

На рейтинг университетов влияют многие факторы, в частности количество иностранных ученых и студентов. В настоящее время в России на постоянной основе работают менее 400 иностранных преподавателей и исследователей, а число иностранных студентов вузах сократилось с 92300 человек в 1990/91 учебном году до 17100 человек в 2009/2010 г., то есть в 5,4 раза.

Количество различных рейтингов постоянно увеличивается. Сегодня наиболее известны-ми являются такие рейтинги как: QS-THES, Webometrics, Шанхайский, Рейтор. Соответственно, различные места в них занимают и университеты России.

В сентябре 2012 г. был опубликован новый рейтинг ста лучших мировых университетов по версии QS World University Rankings.

Первое место в данном списке занял британский Кембридж (в 2009 г. он находился на второй строчке). Второе и третье места разделили между собой американские вузы – Гарвардский и Йельский университеты соответственно.

В топ-10 также вошли: Университетский колледж Лондона (Великобритания), Массачусетский технологический институт (США), Оксфордский университет (Великобритания), Имперский колледж Лондона (Великобритания), Чикагский университет (США), Калифорнийский технологический институт (США), Пристонский университет (США).

МГУ имени Ломоносова расположился на 116-м месте (112-е в 2011 г.), а Санкт-Петербургский государственный университет – на 253-м месте (251-е в 2011 г.). Зато явно демонстрирует свои успехи МГТУ имени Баумана, который вырос на 27 позиций и занял 352-е место в мире. Новосибирский госуниверситет занял 371-е место (400-е место в 2011 г.), МГИМО находится на 367-м месте (389-е в 2010 г.), РУДН – на 537-м месте (600-е в 2011 г.), а Высшая школа экономики – на 542-м месте (ранее 564-е) [2].

В ходе подготовки рейтинга было опрошено более 46 тыс. академических экспертов, 25 тыс. работодателей и аудировано более 2,5 тыс. университетов. Всего в рейтинг попали 729 вузов.

В отличие от рейтинга лучших вузов, в котором они оцениваются по многим параметрам, в репутационном рейтинге Times играет роль лишь один критерий – мнение ученых, обладающих большим авторитетом и заслугами в научной работе. Составители признают, что рейтинг субъективен, но заявляют, что никто не сможет лучше оценить репутацию университетов, чем ученые. Лидерство в рейтинге уже третий год удерживает Гарвардский университет, которому уступает Массачусетский технологический институт и Кем-бриджский университет. При этом университеты азиатских стран и Австралии увеличили свое присутствие в рейтинге.

Единственный российский вуз – МГУ им. Ломоносова – в рейтинге 2013 г. делит 50-е место с американским Университетом Пердью, уступая Университету Сиднея.

Таким образом, если говорить в общем, система образования в России уже не отвечает потребностям нарождающегося общества знаний, в котором решающую роль стал играть интеллектуальный и социальный капитал. Даже лучшие университеты должны изменить образовательную парадигму. Сегодня вузы призваны не только обучать, сообщая знания, но и прежде всего, давать образование (то есть воспитывать личность, формировать образ врача, юриста).

1. *Иноземцев В. Л. Хорошее образование в России - миф. Ведомости.ru: [сайт]. 3 октября. URL: www.vedomosti.ru/opinion/news/1381026/zlokachestvennoe_obrazovanie*
2. *QS.Wordl University. Ranking. 2012 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-ranking/2012/results>*

МАССОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЩЕМИРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Пацукевич О.В. (Горки, Республика Беларусь)

Вступление мировой цивилизации в третье тысячелетие характеризуется началом новой эры – эпохи усиливающейся глобализации, интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий, информационно-сетевых обществ. Очевидно, что в этих условиях встает вопрос не только о роли образования в этом процессе, но и о влиянии глобализации на развитие высшего образования. Глобализация обусловила появление одной из основных черт современного высшего образования – массовость.

Переход к массовому высшему образованию начался в середине XX века на Западе. До этого момента даже в наиболее развитых в образовательном отношении странах Западной Европы доля студентов в составе всего населения не превышала 0,1%. Ситуация стала меняться с начала 60-х, когда в Европе утвердилось мнение, что увеличение набора в вузы создает предпосылки к стимулированию экономического роста. Тогда же мировое экспертное сообщество пришло к выводу, что в результате приема неограниченного числа студентов с различными мотивами, способностями, жизненными планами могут быть разрушены относительно однородные университетские системы. В результате было

признано недопустимым существенное увеличение набора в университеты. И все же некоторые страны (Италия, Испания, Швеция) пошли на это.

В числе первых «массовизацию» активно поддержали в США. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1959 году в штате Калифорния впервые официально в специальном плане произошло так называемое «разделение функций» между двумя типами вузов – элитарными и массовыми. В итоге четко выделились элитарные университеты, специализирующиеся на научных исследованиях высокого уровня и массовые университеты и университетские колледжи, специализирующиеся в основном на обучении студентов. В результате к началу 80-х эта доля студентов возросла до 2,5-3% населения. Тогда же началось распространение «массовизации» высшего образования по всему миру.

Однако переход к массовому высшему образованию в России и на Западе происходил с разных стартовых позиций. Там высшее образование долгие годы воспроизводило элиту общества, работало на выходцев из привилегированных слоев. При этом среди университетов выделялся актив таких известных как, например, Оксфорд, Кембридж, Гарвард и др. Их становление и развитие происходило десятилетиями и даже столетиями. Качество образования в них обеспечивается высоким уровнем преподавания, наличием творческой интеллектуальной элиты, существованием научных школ, доступностью устойчивых коммуникаций между обучающим и обучаемым, предъявлением строгих требований к студентам. Анализ показывает, что на Западе потоки выпускников школ регулируются путем распределения их по вузам в зависимости от качества полученного среднего образования. Университеты-флагманы закрыты перед плохо подготовленными абитуриентами. Их контингентом являются выпускники академических профилей государственных, а также частных школ. Все остальные попадают в учреждения высшего образования неуниверситетского типа. Благодаря этим мерам между двумя секторами среднего и высшего образования, массовым и элитным, существует полная преемственность.

Российская высшая профессиональная школа сформировалась в XIX веке за счет заимствования немецкой модели – исследовательского университета Гумбольдта. Она была успешно внедрена в результате государственных реформ. Это дало России возможность в короткие сроки создать конкурентоспособную систему высшего образования. СССР в целях проведения быстрой и масштабной индустриализации осуществил модернизацию своей вузовской системы по образцу немецкой. Потребность в массовой подготовке инженеров привела не только к увеличению числа вузов (их общее число выросло со 150 в 1917 году до 516 в 1950-м), но и к тому, что почти всем вузам была приписана функция технической школы. В 20-30-е годы большинство гуманитарных специальностей было изъято из университетов и локализовано в меньших масштабах в пединстутах и специализированных вузах. В те же годы научно-технические разработки были выведены из системы высшего образования и переданы специализированным академическим и ведомственным институтам. В итоге российские вузы перестали быть гумбольдтовскими университетами и превратились в технические школы, т. е. студентов готовили к решению упрощенных производственных задач. Такая система высшего профессионального образования, будучи вполне конкурентоспособной как часть централизованной экономики, к началу 90-х годов стала утрачивать свои лидирующие позиции. В России число лиц, получающих высшее образование с начала 90-х годов выросло почти в два с половиной раза: со 188 до 454 студентов в расчете на каждые 10 тыс. человек населения и в 2011/12 учебном году составило 5453,9 тыс. человек. За это же время число вузов увеличилось почти вдвое, не считая открытия многочисленных филиалов. Так, согласно статистическим данным число вузов на начало 1995/96 учебного года составляло 762, а в 2011/2012 у. г. – уже 1080. При этом наблюдалась тенденция роста числа негосударственных вузов. Так, в 1995/1996 учебном году их было всего 193, а в

2011/12 учеб. году стало 446. Увеличился выпуск студентов с 403,2 тыс. человек в 1996 году. до 1442,9 тыс. в 2012 году [1].

Массовизация высшего образования не является специфической особенностью России. Раз-витые страны столкнулись с этим в 70-80-е годы XX века. Только к началу XXI века стреми-тельный рост числа студентов в них замедлился. В России тенденция перехода к массовому высшему образованию сохранится еще как минимум в ближайшее десятилетие в силу укоре-ненности в общественном сознании необходимости получения высшего образования для достижения успеха, как в профессиональной деятельности, так и в жизни вообще. Специфи-ка российской ситуации в том, что если в Европе и США переход к массовому высшему об-разованию происходил на фоне экономического подъема и последствий «бэби-бума» – всту-пления во взрослую жизнь детей послевоенного поколения, то в России этот процесс совпал с периодом затяжного демографического спада и весьма неоднозначной экономической си-туации. В некоторых регионах число студентов с 1995 г. возросло в три-четыре раза, но при этом регионы за эти годы потеряли до 20% населения. Причин массового обучения в вузах несколько, и они схожи для всех стран. Во-первых, резко выросло число рабочих мест, тре-бующих от претендентов более сложной и длительной подготовки, чем дает начальное и среднее профессиональное образование. Во-вторых, когда ситуация на рынке труда быстро меняется, высшее образование позволяет легче переходить с одной кадровой позиции на другую, так как человек с высшим образованием легче перестраивается. В-третьих, в по-следней четверти XX века изменились социальные функции высшего образования, так как оно стало минимумом, необходимым для профессиональной и социальной карьеры, допуска в значимые общественные коммуникации.

Таким образом, процесс массовизации высшего образования является общемировой тенден-цией, охватившей не только Западную Европу и США, но и Россию. Этот процесс не прохо-дил одинаково во всех странах, имел свою специфику с учетом местных социально-экономических, политических и культурных традиций.

1. Левашов Е. Н. Специфика образовательных услуг и закономерности их развития в системе российского высшего образования/ Е. Н. Левашов//Вестник Воронежского государственного университета. Серия: проблемы высшего образования. -2013.-№2- С 110-117.

ФЕНОМЕН ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

Плеханова Е. (Тверь)

В последнее время в международных отношениях стала актуальна проблема транснационализма и глобальных культурных взаимодействий. Уже в конце 1990-х многие исследователи выделили процесс глобализации в мире, который влияет не только на мировую систему и отдельно взятые государства, но и на локальные культуры, на размывание границ между существующими этническими группами и на формирование новых социокультурных идентичностей.

В первую очередь необходимо понять природу феномена «транснационализм». В своем узком значении – это связь разных категорий лиц и размывание границ между странами. Получается, что процесс коммуникации и взаимодействия приводит к интегрированию одной культурной составляющей в другую. Впервые об этом заговорил Рэндольф Бурн, опираясь на простое взаимодействие нескольких культур [5]. Позднее, Роберт Кеохейн и Джозеф Най ввели понятие «транснациональное» для обозначения

вновь возникших международных неправительственных организаций и выстраиваемых ими новых типов межкультурных взаимодействий [4].

Сейчас миграционные вопросы как никогда будоражат мировое сообщество ввиду последних событий. Международная миграция рассматривается с точки зрения возникновения новых связей, которые впоследствии ведут к появлению новых устоев, традиций и культуры в целом. Однако, если человек, уехавший в другую страну в поисках «лучшей жизни», не разрывает связь с родиной, тем самым он формирует новое сообщество, называемое транснациональным организмом. Мигранты же в современном дискурсе определяются как «трансмигранты», поскольку они не только формируют нечто новое в плане социокультурных связей, но и поддерживают свои семейные, родственные, религиозные, политические и иные отношения через границы.

Существует несколько подходов к изучению феномена транснационализма. Современный из них трактует миграцию не только как отправление из исходной точки и прибытие в другую, но и как долгий процесс коммуникативных передвижений, транспортировки значимых для человека ценностей.

Транснациональное социальное пространство — это конфигурации социальных взаимодействий, артефактов, символических систем. Как отмечает Людгер Прис, что транснациональные социальные пространства образованы взаимодействиями поверх государственных и территориальных границ не только мигрантов, но и членов международных независимых организаций и международных компаний. [6]

Изучив теоретический аспект данного термина, стоит рассмотреть его положительные и отрицательные явления. Как же транснациональные связи влияют на государства? Очевидно, что здесь взгляды разделились на два противоположных течения: одни авторы считают, что потоки беженцев и мигрантов отрицательно сказываются на внутреннем устройстве государства, куда они нацелены прибыть, другие — что увеличение численности граждан и проживающих людей в конкретном государстве может оказать колоссальное воздействие на экономический и производственный рост. К примеру, так называемая «утечка умов» способствует налаживанию информационных связей между государствами, так в 2003 году был создан Центр экономических ресурсов филиппинцев, проживающих за рубежом. Важную роль играют диаспоры, которые не только являются источником передачи нужной информации, но и значимым элементом в получении доступа к знаниям и опыту через своих членов (например, организация «Польские ученые за границей», «Сербский проект утечки мозгов»). Транснациональная деятельность повышает спрос на услуги связи. Латиноамериканцы в США тратят миллиарды долларов (более 5% рынка всех международных переговоров) в год на переговоры с друзьями и родственниками в стране происхождения. [1] Получается, что благодаря мигрантам развивается глобальная транспортная, информационно-коммуникационная и финансовая инфраструктуры: начиная от денежных переводов на родину, заканчивая этническим туризмом.

Для того чтобы использовать миграцию как механизм эффективного развития общественно-политической и экономической систем, необходима четко выстроенная политика внутри государства. Некоторые развивающиеся страны используют особые средства для привлечения мигрантов в экономическую сферу: суверенные облигации для диаспоры, депозитные счета в иностранной валюте и др.

Другая сторона данного феномена заключается в уничтожении национальных государств. Нередко транснационализм приравнивают к космополитизму. В реальности складывается ситуация, когда сотрудничество между людьми превышает государственных связей, происходит уничтожение всех барьеров и границ, что влечет к обесцениванию государственных структур и их значимости.

Каковы же транснациональные связи на постсоветском пространстве? В связи с последними международными событиями, вопрос о беженцах и мигрантах остро стоит почти в любом европейском государстве. Не обошла эта проблема и нас, а именно после

сложившейся ситуации в Украине (по данным ООН около 750 тыс. беженцев находятся в России). Аналитический центр Юрия Левады провел опрос среди россиян по вопросу Сирии. Ключевым аспектом стала проблема принятия и оказание помощи беженцам. Как показали результаты, принимать сирийских беженцев и помогать им россияне не хотят — больше половины (57%) респондентов высказались против, за — каждый пятый (21%). По словам заместителя директора Левада-Центра Алексея Гражданкина жители России пока не расположены к поддержке и приему беженцев, причем в большей степени из-за отношения к мусульманам, в которых видится агрессия. [3] С 1 января 2015 года стали действовать поправки в миграционном законодательстве. Изменились правила въезда в страну и порядок трудоустройства. Теперь помимо предоставления необходимых документов нужно сдать русский язык, историю и продемонстрировать свои знания в сфере законодательства РФ.

Общественное мнение сформировало отрицательную характеристику миграционных потоков: «Россия для русских», «понаехали». К тому же, миграция сильно повлияла на демографическую картину в некоторых районах и областях. Население деревень и маленьких районов явно «стареет», а вот темпы роста более крупных городов неизменно ползут вверх за счет переезда молодого поколения. Доля внутренней миграции за последние 10 лет увеличилась с 65% до 90%. [2] Количество въехавших в Россию людей значительно превышает количество тех, кто ее покидает. Например, во внешнем миграционном обороте доминирует миграционный обмен между Российской Федерацией и странами СНГ и Прибалтики, который в рассматриваемый период уже превысил 11 млн. человек. Обмен культурными ориентациями, повышение на этом фоне экономического прироста, информационное взаимодействие характеризуют отношения России с вышеуказанными странами. Получается, что помимо прироста населения, мигранты заполняют рабочие места на стройках, в промышленности и др. отраслях. Отличительной чертой миграционного явления в нашей стране от других развитых стран является нехватка квалифицированных специалистов в научной сфере. Уезжая в другие государства, наши ученые не поддерживают отношения с родиной в плане информационного и научного сотрудничества.

После распада Советского Союза сложился ряд проблем, повлиявших на миграционные движения: военные противостояния в Закавказье, ущемление прав русскоязычного населения в Прибалтике. Сейчас в России налицо разрыв между ожиданиями населения, которые заключаются в рациональной миграционной политике, и реалиями государственной стратегии. Любые миграционные сообщества могут стать не только весомым звеном экономики, но и сильным лобби, защищающим интересы своей страны. Развитие таких отношений втягивает страны проживания и происхождения мигрантов в глобальные мировые процессы. В России же, пока, существует отрицательная оценка феномена «миграция». Зачастую это связано с нелегальными потоками из государств Закавказья, прозрачностью границ и отсутствием налаженного миграционного контроля. Из анализа транснационального бизнеса видно, что благодаря миграционным процессам были сформированы многие табачные, топливно-сырьевые и др. компании. Россия непривлекательна для развития крупного бизнеса, переезда в поисках работы высококвалифицированных кадров. На данном этапе развитие миграционных связей в Российской Федерации с положительной характеристикой находится на стадии стагнации. Главная стратегия властимущих для формирования устойчивых связей транснационализма должна заключаться в рациональной внутренней политике, направленной на интересы не только мигрантов, но и россиян.

1. Глущенко Г. Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития. Электронный ресурс. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit01.php>
2. Плисецкий Е.Л. Современные миграционные процессы в России. Электронный ресурс. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200303705>

3. Рустамова Ф. Россияне выступают против ввода войск в Сирию, анализ общественного мнения Левада-Центр. Электронный ресурс. URL: <http://www.levada.ru/29-09-2015/rossiyane-vystupayut-protiv-vvoda-voisk-v-siriyu>
4. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). Электронный ресурс. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html>
5. Lasch, Hansen *The Radical Will: Selected Writing of Randolph Bourne*. - Urizen Books: New York, 1977
6. Pries L. *The approach of transnational social spaces* // L. Pries (Ed.) *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early 21st Century*. - London: Routledge, 2001

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ СОЛИДАРНОСТИ: УРОКИ ПОСТСОЦИАЛИЗМА.

Попова Е.Г. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день мы все – современники больших изменений во всемирной истории. В 20 веке прежний миропорядок и направление развития определялись соперничеством между социализмом и капитализмом, т.е. борьбой между коммунистической и буржуазной идеологиями. Глобальное значение здесь приобретает проблема постсоциализма, чей характер будет определять развитие последующей истории, а точнее пути развития всей человеческой цивилизации, на которую уже несколько тысячелетий идет воздействие коммунистических идей, заключенных в преодолении частной собственности и достижения «фактического равенства». Современные дискуссии о постсоциализме поверхностны и отличаются большим разбросом мнений. Некоторые полагают, что социализм еще предстоит построить, поскольку самого социализма не было вообще. Другие считают социализм историческим тупиком. Третьи хотят восстановить порядки «классического» социализма. Но дело не в том, чего хотим мы и на какое «хорошее будущее» рассчитываем. Важно и то, что хочет сама реальная историческая действительность общества, имеющая социалистическое прошлое, и созрели ли она для постсоциализма.

Легкомысленное отношение к реальной истории и недоверие к ней, несерьезность в анализе и оценках хода и итогов истории практического социализма затрудняют поиски реального пути развития общества в постсоциалистическую эпоху, ориентируют на повторение подновленных утопических прожектов, уверяя нас в «чистоте» замысла. У социализма может быть лишь такое будущее, которое подготовлено им самим и согласуется с всемирно - историческими преобразованиями в процессе утверждения социалистического строя, соответствует объективной логике исторического появления социализма, преодолевает, диалектически «снимает» социализм и вместе с тем преобразует его итоги для реально возможного и необходимого будущего.

20 век стал веком практической реализации и проверки социалистической идеи, одной из самых значительных во всей истории человечества. Любая концепция постсоциализма зависит от того, как понимается и трактуется сам социализм. Смысл нашего социалистического прошлого объективно - исторически определяется тем или иным вариантом возможного для нас постсоциалистического будущего. Ведь будущее – это итог всего нашего предшествующего развития. О смысле прошлого и настоящего объективно можно судить лишь по результатам будущего. Характер постсоциалистического строя во многом определит и обозначит направление развития всей последующей истории.

В конечном счете, социализм продемонстрировал мучительную диалектику исторического прогресса: общество, преодолев ценой огромных жертв предшествующее экономическое неравенство, стало пленником своих достижений и замерло в ожидании мифологического коммунизма. В обществе появилась проблема социального неравенства

и его воспроизводства, образовалась «нестабильная ситуация», вызванная ростом безработицы и возможностью «благополучных» граждан оказаться в роли «новых бедных». В результате, появилась определенная группа населения на обочине экономического прогресса, которая социально не приспособлена к жизни в обществе в силу индивидуальных недостатков. Люди стали социально исключенными, т.е. произошел такой коллективный феномен, который возникает в результате функционирования социальной системы. Причиной этому послужили следующие социальные процессы: урбанизация; стандартизация школьной системы; смена привычной среды, вызванная профессиональной мобильностью; неравенство в доходах и в доступе к медицинскому обслуживанию и т. д. Социальное исключение распространяется на все слои населения, а не как принято считать в обществе, что только на маргинальные группы, т.е. на подростков с девиантным поведением, на молодых наркоманов, на лица с психическими расстройствами и суицидальным поведением, на алкоголиков и преступников, на иноязычных мигрантов, на люменов и т. п. . Исключение человека из активной социальной жизни вызывает в нем отчуждение (отстранения индивида или социальной группы от каких-либо материальных или духовных ценностей), которое является причиной девиантного поведения индивида, ибо подталкивает человека к поиску замены легитимных форм социального взаимодействия, доступ к которым для него оказался перекрытым. При рассмотрении социального исключения делается акцент на разрыве социальных связей и кризисе идентичности. При уменьшении социальных связей понижается возможность улучшения материальных условий и получения помощи в поисках работы, и одновременно существенно ухудшаются перспективы владения частью общественного богатства.

Таким образом, социальное исключение определяется как результат ослабления социальных связей, «который в реальности узаконивает неравную способность индивидов приспособляться к быстрым изменениям и вступать в борьбу всех против всех». И здесь стало актуально введение научного понятия «социальная солидарность» для обозначения формирования группы людей, для которых значимы не столько стилевые различия и культурные предпочтения, сколько общие ценности и идеи, которые признаются «своим» кругом. Это понятие сопряжено отчасти с интуитивным, всегда артикулируемым доверием индивидов к группе, с которой их связывает нечто большее, чем возраст, стиль или общие практики досуга. Это то, что скрепляет и сплачивает индивидов в единое целое, и в данном случае сложившаяся «нестабильная ситуация» в результате перехода к постсоциализму.

1. *Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля / В.С. Нерсесянц. – М.: Юристъ, 1998. – 352 с.*
2. *Социология: Учебник/Под ред. проф. Ю.Г. Волкова [и др.] .– М.: Гардарики, 2003.– 512 с.*
3. *Шипунова Т.В. Социальное исключение и воспроизводство преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. - С.-Пб.: Изд-во РГПУ, 2002, № 4 (5). - С. 58-73*

ОЦЕНКА РОССИЯНАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Прохода В.А., Клейменова Е. В. (Москва)

В публикации рассматриваются некоторые результаты шестой волны социологического исследования «Европейское социальное исследование (ESS)», проведенного в 2012 г. Опрос проводился в странах Европы, а также Израиле, Кипре (географически расположенных в Азии) среди населения в возрасте 15 лет и старше по репрезентирующей население выборке. В России выборка составила 2484 респондента.

Руководство проектом на международном уровне осуществлялось Координационным Советом (Центр Сравнительных социальных исследований, Сити Университет, Великобритания).

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить нынешнее состояние системы образования в стране от «0» баллов – «очень плохое» до «10» баллов – «очень хорошее». Исследование показало, что в целом отечественная система образования получает низкие оценки россиян (3,99 балла). При этом в сравнении с европейскими странами в России фиксируются одни из самых пессимистичных оценок. Единственной страной, население которой демонстрирует более низкие оценки, является Болгария – 3,97 балла (для сравнения Финляндия – 8,03 балла; Дания – 7,83; Швейцария – 7,12; Норвегия – 6,91; Исландия – 6,89; Бельгия – 6,8; Нидерланды – 6,2 балла и т. д.). Это позволяет сделать вывод о разочаровании большинства населения страны современной системой образования, свидетельствует о наличии проблем в образовательной системе. Очевидно, что существующая система образования в полной мере не соответствует потребностям и образовательным запросам населения.

Негативная оценка весьма устойчива во времени. В 2006 г. (начало участия России в проекте) средний балл составил – 4,27 балла, в 2008 г. показатель достиг максимума за все время наблюдений – 4,54 балла, при этом, так и не превысив теоретическое среднее значение - 5 баллов, что согласуется с результатами других исследований [1]. В дальнейшем наблюдается снижение оценки с 4,31 балла в 2010 г. до минимума за семь лет наблюдений - 3,99 балла в 2012 г. Подобную динамику можно интерпретировать как реакцию населения на происходящие в системе отечественного образования трансформации. Получается, что проводимые преобразования в конечном итоге сопровождаются снижением оценки образовательной системы.

Отметим, что россияне весьма неоднородны в своих оценках. Респонденты, обучающиеся в течение предшествующих опросу семи дней, позитивнее оценивают систему образования (4,4 балла) в сравнении с остальными респондентами (3,94 балла). С одной стороны, обучающиеся, за счет своей включенности имеют сравнительно лучшие возможности оценить качество процесса образования. С другой, возможности оценки качества результата образования у них существенно ограничены. Столкновение в перспективе с реалиями рынка труда может способствовать изменению оценки в сторону снижения.

Особый интерес представляет сравнение ответов опрошенных в зависимости от уровня полученного образования. Чем выше уровень образования, тем пессимистичней оценки респондентов. Оценка образовательной системы принимает скорее позитивный характер (значение выше среднего) только среди респондентов, закончивших 3-7 классов средней школы – 5,05 балла. Низкие оценки характерны для опрошенных, имеющих высшее образование (диплом бакалавра – 3,78 балла, диплом магистра – 3,39 балла, законченное высшее образование по 5-6 летней системе – 3,82 балла). Показательна сравнительно более высокая оценка образования специалистами. По сути, имеется возможность наблюдать различие в оценках, отчасти обусловленное изменениями в системе образования, в частности переходом на двухуровневую систему образования.

По остальным уровням образования оценка выглядит следующим образом: россияне с основным общим образованием – 4,43 балла; со средним общим образованием – 4,3 балла; с начальным профессиональным – 3,95 балла; со средним профессиональным – 3,91 балла. В целом, чем больше лет человек проучился, тем ниже его оценки образовательной системы.

Относительно высокую удовлетворенность демонстрируют категории населения, наименее охваченные высокими уровнями образования – рабочие, работники физического труда - 4,1 балла и крестьяне – 4,61 балла. А вот самую низкую оценку ставят образовательной системе интеллигенция – 3,58 балла и предприниматели - 3,69 балла.

Выявлена определенная зависимость оценки системы образования с возрастом респондентов. Наибольшую степень неудовлетворенности (3,82 балла) демонстрируют представители возрастной группы в возрасте от 31 года до 50 лет. Важно учитывать, что именно в этой группе преобладают респонденты, имеющие детей, обучающихся в системе общего образования. Молодые россияне (возраст до 30 лет) оценивают современную систему образования сравнительно лучше (4,24 балла). В старшей возрастной группе 51 год и старше оценка опять снижается - 3,97 балла. Подобная зависимость подтверждается результатами региональных исследований [2].

Одной из ключевых целей Министерства образования и науки Российской Федерации, для реализации которой проводятся различные трансформации системы, является обеспечение доступности качественного образования для всех слоев населения. На этом фоне представляется интересным выявить оценки респондентов, традиционно относимых к категориям населения, социально ущемленным в возможностях получения образования, прежде всего, высшего. К их числу, относят представителей бедных семей, инвалидов, жителей сельской местности [3].

Касательно материального положения опрошенных была выявлена значимая корреляция, чем ниже уровень дохода, тем ниже оценка системы образования. При этом связь наблюдается, как при измерении среднего дохода семьи в рублях, так и при субъективной оценке материального благосостояния семьи. Таким образом, именно малообеспеченные россияне демонстрируют высокую степень неудовлетворенности состоянием системы образования в стране.

Прослеживается зависимость оценок респондентов и от состояния их здоровья. Чем ниже субъективная самооценка здоровья, тем ниже респонденты оценивают систему образования в стране. Самый высокий уровень пессимизма демонстрируют респонденты с очень плохим здоровьем – 3,61 балла. Для сравнения россияне, оценившие здоровье как очень хорошее – 5,23 балла, хорошее – 4,34 балла. Обнаруженная зависимость подтверждается и при анализе ответов, о том испытывает ли индивид трудности в своей повседневной жизни из-за наличия инвалидности или хронического заболевания, физического недостатка. Опрошенные, заявившие о серьезных трудностях ставят образовательной системе самые низкие оценки (3,34 балла). Для сравнения, опрошенные, испытывающие некоторые ограничения – 3,56 балла, не испытывающие ограничений – 4,19 балла. Полученные данные свидетельствуют об актуальности проблемы реализации инклюзивного образования.

При рассмотрении оценок респондентов в зависимости от места проживания наблюдается некоторый парадокс - сравнительно высокие оценки образовательная система получает у жителей сельской местности (4,37 балла) и малых городов (4,59 балла). Самые низкие оценки ставят респонденты, проживающие в Москве (3,57 балла), где концентрируется значительная часть лучших учебных организаций страны. Последнее можно объяснить преобладанием в структуре населения столицы интеллигенции, демонстрирующей, как упоминалось выше, пессимистичные оценки.

1. *Оценка населением российской системы образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2008082802.html> (дата обращения: 01.10.2015).*
2. *Морозова Г.В. Отечественная система образования: оценка населения Республики Татарстан // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Том 151, №5–2, 2009. – С. 84 – 97.*
3. *Проблемы доступности высшего образования. Препринт WP3/2003/01/ Отв. ред. С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. — М.: «СИГНАЛЬ», 2003. - 173 с.*

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Человеческим ресурсам высшего образования уделялось значительное внимание уже на заре его истории. Первоначальное значение слова «университет» сводилось к корпорации учащихся и учащихся. Именно такое определение университета содержится в энциклопедическом словаре Брокгауза–Эфрона. [1]. В так называемом петровском проекте устава науки и образования (1747 г.) университет определялся как «собрание учащихся и учащихся людей, из которых первые называются профессора, в другие студенты» [2]. Одним из толкований слова «university» в английском языке является собирательное значение - преподаватели и студенты университета [3].

Для количественной характеристики участия общества к высшему образованию в рекомендациях ЮНЕСКО предлагается индикатор «Людские ресурсы в высшем образовании». Он является аналогичным широко используемому показателю «численность студентов на 10000 человек населения». В отличие от последнего, в нем, кроме студентов, учитываются преподаватели и обслуживающий персонал [4].

Численность человеческих ресурсов высшей школы России составляла 5,6 млн. чел. [5, 6]. В результате последующего монотонного роста она достигла максимального значения, равного 8,6 млн., в 2008 г. Затем последовало быстрое снижение до 6,6 млн. в 2013 г. Доля студентов при этом изменялась так: в 2000 г. она составила 85,1%, к 2006 году увеличилась до 87,6%, к 2013 г. сократилась до 85,7%. Для сравнения приведем данные 1995 г., когда доля студентов от человеческих ресурсов высшей школы составляла менее 80%.

Рассмотрим некоторые особенности социальной трансформации студентов и преподавателей - основных участников учебного процесса, а, следовательно, человеческих ресурсов высшей школы.

Численность студентов в России на рубеже столетий изменялась очень резко. - За период с 1994 по 2008 гг. произошел взрывообразный рост, когда студенчество увеличилось почти трехкратно, с 2,6 до 7,5 млн. После достижения максимума в 2008 г. численность студентов сократилось до 5,6 млн. в 2013 г., т.е. на четверть. В результате таких резких колебаний к 2013 г. произошел как бы возврат к ситуации начала нулевых годов.

Аналогичный синхронный характер динамики наблюдался и такого показателя как численность студентов вузов на 10 тыс. населения, который со 178 чел. в 1994 г. увеличился к 2008 г. до 529, почти в 3 раза. Это максимальное значение в течение рассматриваемого периода. После этого произошло быстрое и значительное уменьшение численности студентов до 393 в 2013 г. Получается, что за пять лет показатель уменьшился более чем на четверть и вернулся у урону начала нулевых годов.

Одной из тенденций в динамике российского студенчества на рубеже столетий является изменение соотношений студентов разных форм обучения: снижение доля очного обучения и рост заочного. В большей степени это характерно для негосударственных вузов.

В высшем образовании России наблюдаются одновременно следующие тенденции: рост заочной формы обучения как в государственных, так и в негосударственных вузах. Кроме того, растет доля студентов, обучающихся в негосударственных вузах. В результате такого наложения однонаправленных тенденций можно ожидать, при отсутствии других воздействий, еще более быстрое увеличение доли заочного обучения, т.ч. заочники все больше и больше будут определять интеллектуальный потенциал России. В 2013 г. студенты дневного обучения составили 46%, заочного – 49%.

Одной из тенденций, наблюдаемых в социальной трансформации преподавательского состава российских вузов, является его феминизация. Хотя

медленный рост доли женщин среди вузовских преподавателей является общемировой тенденцией, в России он происходит более быстрыми темпами.

За период с 1995 по 2013 гг. доля женщин выросла 44 до 57%, причем точкой гендерного паритета явился 2001 г. Сравнение российской высшей школы с международными данными показывает, что скорость феминизации преподавательских кадров России выше, чем в мире в целом, в развитых, развивающихся странах, а также странах переходного периода, в результате чего увеличивается разрыв между Россией и всеми перечисленными группами стран по гендерному составу преподавательских кадров.

Процесс феминизации преподавательского состава дифференцирован по должностям, причем наблюдается следующая зависимость: чем выше должность, тем интенсивнее происходит этот процесс. Максимальный рост доли женщин наблюдается среди ректоров - за период с 1999 по 2013 гг. эта доля выросла в 2.6 раза. Распределение гендерных групп по должностным уровням по всем позициям изменилось в сторону паритета, причем в наибольшей степени это достигнуто на уровне доцентов.

Следовательно, изменение структуры человеческих ресурсов заключается в росте доли студентов и сокращении удельного веса занятых в сфере высшего образования, что свидетельствует о росте нагрузки на персонал.

Выводы. Бум высшего образования в России, выразившийся в кратном росте численности студентов, привел к значительному росту затрат человеческих ресурсов на сферу высшего образования, изменению их структуры: значительно изменилось соотношение обучающихся и занятых в высшей школе, существенно выросла нагрузка на последних, в том числе на профессорско-преподавательский состав.

1. *Малый энциклопедический словарь в 4-х т. Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. – М.: Терра, 1994.*
2. *Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974.*
3. *Большой англо-русский словарь / Под общим рук. И.Р. Гальперина. – М.: Русский язык, 1987.*
4. *Состояние и развитие высшего и среднего профессионального образования. – М.: Изд-во МФТИ, 1998 С. 318*
5. *Образование в Российской Федерации: 2007. Статистический ежегодник. – М.: ГУ – ВШЭ, 2007.*
6. *Образование в Российской Федерации: 2014: стат. сб. М.: ГУ – ВШЭ, 2014*

МИГРАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ: МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ракачева Я.В. (Краснодар)

Миграции были и остаются для российского общества одной из актуальных проблем. На протяжении последних десятилетий миграционные перемещения как внутрироссийские так и зарубежные представляют собой значительные по величине потоки, интенсивность и направления которых непрерывно меняются. Рост миграций в свою очередь актуализирует проблему взаимодействия мигрантов и принимающего общества, их взаимной адаптации. Как правило эти процессы наиболее сложно протекают в случае когда резко увеличивается поток мигрантов, либо если существует значительная культурная дистанция между местными жителями и переселенцами.

Характеризуя миграционную ситуацию в РФ, можно отметить что больше половины всех перемещений приходится на внутрирегиональные миграции. Межрегиональный обмен заметно уступает внутрирегиональному, но в последние годы его масштабы постепенно увеличиваются. В межрегиональном обмене лишь три территории в 2013 г. – Центральная Россия, Северо-Западный и Южный приобрели население.

В Центральном регионе большую часть мигрантов принимают Москва и область. Второй центр притяжения – Северо-Западный регион (Санкт-Петербург и Ленобласть). На юге России лидер по принятию внутренних мигрантов Краснодарский край [1].

На протяжении 2000-х гг. основными поставщиками мигрантов для Южного региона в целом и для Краснодарского края в частности выступали республики Северного Кавказа. В начале 2000 гг. на долю этого миграционного потока здесь приходилось 7,2%. В середине 2000-х гг. он несколько ослаб, а к 2013 г. доля выходцев из республик Северного Кавказа увеличилась и составила 8,7%. Второй по величине поток – выходцы из регионов Центральной России. В 2000 г. на их долю приходилось 5,8%, в 2013 г. уже 8,9%. На третьем месте выходцы из Приволжского округа. В начале 2000 г. они составляли 5% всего миграционного потока. К середине 2000 гг. его уверенно догнал и с 2010 г. опережает миграционный поток из Сибири. В 2013 г. на долю выходцев из Сибирского региона прибывших на юг пришлось 6,4% мигрантов. Относительно стабильными остаются миграционные потоки из таких регионов как Дальний Восток, Урал, Приволжский и Северо-Западный [2].

Если рассматривать масштабы миграций в Южный регион в абсолютных цифрах, то можно отметить численный рост всех миграционных потоков. Увеличение масштабов миграции в 2013г. в сравнении с 2000г. произошло в регионе практически в два раза. Однако по разным направлениям этот рост был неравномерным и неодинаковым. Так приток мигрантов из Сибири на юг за указанный период увеличился в 2,7 раза. В таком же объеме выросли миграции из Центрального региона. Миграции с Северо-Запада выросли в 2,3 раза. В 2 раза увеличились миграционные потоки из таких регионов как Урал, Дальний Восток, Северный Кавказ, Приволжский регион. Тогда как миграционный обмен внутри южного региона вырос в 1,5 раза.

Таким образом, можно констатировать определенное изменение миграционных векторов на юге страны: сокращение внутрирегиональных перемещений и увеличение межрегионального обмена, при возрастающей роли Сибирского миграционного потока, частично, набирает силу Северо-Западный миграционный поток, тогда как традиционный и один из самых массовых – Северо-Кавказский, постепенно сокращается и перенаправлен на Северо-Запад. В 2013 г. Миграции в этом направлении с Северного Кавказа в 3,5 раза превысили миграционный поток 2000г. Усиление миграционного потока в этом направлении демонстрирует и Южный регион. В 2013г. Миграционный поток сюда вырос в 2,7 раза по сравнению с 2000г., тогда как в Центральный регион в 2,5 раза. Северо-Западное направление, таким образом, опередило Центральное и является теперь приоритетным в миграциях жителей юга [2].

Население южного региона, таким образом, в последние годы все активнее пополняется за счет мигрантов из Сибири, Северо-Запада, Центральной России. Изменяется структура населения и как следствие меняется характер взаимодействия между местным и пришлым населением.

Конфликтный потенциал является неотъемлемой частью в векторе взаимодействия местные-пришлые. В то же время глубина, характер и формы конфликтности напрямую зависят от численности групп, культурной дистанции, миграционных установок и проч.

На протяжении 1990-2000-х гг. наиболее массовым миграционным потоком в южном регионе был поток из республик Северного Кавказа. В ситуации взаимодействия мигрантов из республик Северного Кавказа и местных жителей Южного региона конфликтность проходила в поле этнокультурных особенностей: языка, норм и традиций. Ряд исследований фиксировали повышенный конфликтный фон в районах массового вселения представителей кавказских народов. Со временем уровень конфликтной напряженности несколько снизился в результате, с одной стороны, взаимной адаптации местного населения и мигрантов, с другой вследствие сокращения доли данного миграционного потока в общем потоке мигрантов прибывающих на юг.

В нынешней ситуации, характеризующейся увеличением миграционного потока с Севера страны, стал проявляться конфликт в отношениях между этой группой мигрантов и местными жителями. Как показывают социологические исследования сегодня принципиально меняются жизненные стратегии жителей Севера, у большинства формируются миграционные установки на переезд в более благоприятные с климатической и социально-экономической точки зрения территории. Ориентируясь на определённые объективные условия (климат, доступность жилья и работы) мигранты с Северных территорий не учитывают значительной культурной дистанции с принимающим обществом. Различия в менталитете и стереотипах поведения жителей Севера и Юга в отдельных ситуациях оказываются достаточно велики и зачастую ведут к непониманию и конфликтам. Мигранты с Севера отмечают у южан более высокую обособленность, отсутствие сплоченности и взаимопомощи, отзывчивости и доброжелательности. В свою очередь местные жители с недоверием и предвзятостью относятся к мигрантам с Севера, опасаясь, что те с их «большими северными» доходами могут способствовать росту цен на продукты и недвижимость, создавать конкуренцию на рынке труда и т.д.[3]

Рост конфликтности в поле взаимодействия мигрантов-северян и местных жителей имеет под собой как мы уже отмечали и объективные причины – увеличение миграционных потоков и концентрацию мигрантов в определенных населенных пунктах, микрорайонах в некоторых случаях специально построенных для выходцев из определенных северных территорий, обеспечивающих их компактное проживание и в некоторой степени направленное на облегчение процессов адаптации. Однако в представлениях местных жителей это иногда воспринимается как своеобразная экспансия и как следствие вызывает противодействие, причем не только на бытовом, но и на административном уровне и в свою очередь затрудняет приживаемость.

Таким образом, активные миграционные потоки, направляющиеся в край, оказывают противоречивое влияние на развитие региона, состояние его социума. Ряд проведенных в Краснодарском крае исследований позволяет утверждать, что в социальной общности региона явно проявляется недовольство миграционной ситуацией и предубеждение против мигрантов, что находит отражение в показателях социального самочувствия местных жителей.

Согласно данным проведенного в 2014 г. исследования (проект № 13-03-00577а при финансовой поддержке РГНФ), общий уровень удовлетворенности нынешней жизнью у жителей Краснодарского края достаточно высокий. 70% респондентов отметили, что вполне ею удовлетворены. При этом только 41,3% опрошенных удовлетворены работой, 40% состоянием своих возможностей, 44,4% культурной ситуацией в крае. 42,9% удовлетворены экономической ситуацией в крае и только 17,5% экономической ситуацией в стране. 47,6% респондентов не удовлетворены межнациональной ситуацией в стране и 39,7% испытывают такую неудовлетворенность в крае. Не удовлетворены состоянием миграционной ситуации в стране 50,8% респондентов и 55,6% не устраивает ситуация в крае [3]. Соотнеся показатели социального самочувствия, можно сделать вывод о том, что миграционные проблемы жителями края скорее рассматриваются в контексте проблем экономических, а не межнациональных. В целом индикатор социального самочувствия показывает реакцию населения на социальную обстановку и социальные изменения, в том числе вызванные миграциями, которую на данный момент нельзя признать удовлетворительной.

1. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в России: потоки и центры притяжения // *Демоскоп Weekly*. № 595 – 596, 21 апреля - 4 мая 2014
2. *Внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия /Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]*

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

3. Ракачев Д.Н., Ракачева Я.В., Сушко П.Е. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Внутрирегиональная миграция на Юге России, и ее влияние на социальное самочувствие жителей региона» Краснодар, 2014.

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ И «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ»: НОВЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АППАРАТ ДЛЯ ОСМЫСЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Резаев А.В., Трегубова Н.Д. (Санкт-Петербург)

В настоящее время исследования транснационализма - это очень важная и перспективная область социологии и политологии, которая предлагает уникальные инструменты для анализа траекторий развивающихся стран и демографических трансформаций бывшего СССР.

Феномены транснационализма входят в широкий научный оборот начиная с 90-х годов XX века, главным образом, в связи с исследованиями миграции и гражданства (следует отметить работы таких авторов, как N. Glick Shiller и T. Faist в Германии, D. Massey, A. Portes, P. Kivisto в США, L. Remmenick в Израиле). Несмотря на различия в трактовке и в подходах к транснационализму (социально-экономический, социально-антропологический, социологический), все исследователи характеризуют этот феномен как ситуацию, в которой индивид, социальная группа или организация находятся одновременно «здесь и там», в двух разных социальных пространствах и/или повседневных мирах. В отличие от теорий глобализации, сильной стороной концепции транснационализма является попытка осмысления возрастающей "размытости" национальных границ, при этом фиксируя их все еще важное значение как основных "референтных точек" (reference points) для транснациональных мигрантов, а также определяющее значение института гражданства для принятия решений и выбора мигрантами тех или иных стратегий интеграции. Феномен транснационализма, понятый таким образом, может выражаться как в фиксации мигрантом материальных и информационных связей со страной исхода, так и в структуре повседневных миров и идентичностей транснациональных мигрантов.

Новые социальные феномены, характеризующие миграцию, требуют осмысления с помощью нового концептуального аппарата. Понятие «транснационализм» нуждается в ясном и теоретически обоснованном определении, причем это определение должно быть уточнено для разных уровней социальной реальности (наднациональных потоков, социальных отношений, повседневных миров). В противном случае термину «транснационализм» грозит «размывание» смысла, превращение в catch-word, buzz-word, подобно словам «глобализация», «коммуникация». Предлагаемое концептуальное решение основано на разделении уровней социальной реальности – с одной стороны, повседневной жизни мигрантов, с другой – формальных и неформальных институтов, в которую эта жизнь вписана. Важнейшим теоретическим ресурсом для анализа взаимосвязи этих феноменов является концепция «альтернативной повседневности».

Каким образом можно описывать повседневность людей как совокупность взаимодействий? Здесь представляется логичным сконструировать два идеальных типа. В одном случае все ситуации, контексты и порядки взаимодействия индивида (группы индивидов) согласованы, взаимосвязаны, обуславливают и поддерживают друг друга.

Тогда мы говорим об одной согласованной повседневности. Однако возможен и другой вариант - жизненный мир индивидов как сочетание различных повседневностей (повседневностей национальной и международной науки для активных исследователей, повседневностей места исхода и принимающего сообщества для маятниковых мигрантов, повседневностей гетто и «большого города» для изолированных меньшинств, повседневностей экзотических путешествий и рабочих будней для постоянных туристов...). При этом каждая из этих повседневностей укоренена в разных пространственно-временных режимах, предполагает отличные практики (например, питания или одевания) и воспроизводится в разных типах взаимодействий. Более того, отношения между этими повседневностями могут быть самыми разными: от неустойчивого равновесия до хронического конфликта.

При этом одна из этих повседневностей, как правило, будет нормативной (в смысле общепризнанности) (mainstream), или просто повседневностью, а другая – альтернативной (запасной/ «второй») (alternate) повседневностью (например, для мигранта «нормально» быть включенным в общегородскую повседневность, а чаепитие в чайхане уже вызывает подозрение; для постсоветского ученого «нормально» ездить в командировки один-два раза в год, а поездки раз-два в месяц уже вызывают недовольство администрации). Степень же включенности в каждую из повседневностей может быть различной. В предельном случае мы имеем гетто людей, которые погружены в альтернативную повседневность, но знают и об общегородской, периодически в ней участвуя – в форме конфликтов. Тем не менее, и повседневность гетто не является непроницаемой – а общегородская повседневность вовсе не однородна. Разделение между повседневностями и их взаимодействие (пусть в форме конфликта) проходят не только (а может и не столько) между группами, но и внутри этих групп, более того – внутри жизненных миров их членов. Поэтому вместо общеразделяемой повседневности, всегда имплицитно противопоставляемой другой повседневности, часто имеет смысл говорить о сопряженных и взаимодействующих повседневностях. Между случаями «нормальной» повседневности и альтернативных повседневностей существует континуум, причем повседневный мир человека может меняться в обоих направлениях: от целостности к раздвоенности, и наоборот, от альтернативности к нормализации.

НЕКОМПЕНСИРУЕМАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Санникова О.В. (Ижевск)

Специфика современного образования предполагает широкий доступ к знаниям, связанный с возможностью академической (образовательной) мобильности. Эта мобильность раскрывает новые возможности формирования и развития образовательных и профессиональных навыков, карьерные перспективы. В общем понимании академическая мобильность представляет собой временное перемещение студента для получения специфических знаний, академической подготовки с обязательным последующим возвращением к месту постоянного обучения, проживания.

Однако в современных российских условиях процессы образовательной или учебной мобильности трансформируются, превращаются в образовательную миграцию. Если образовательные мигранты не возвращаются в родные места для завершения образования или трудоустройства, а стремятся сделать свое академическое географическое перемещение необратимым и невозвратным, то такая образовательная

миграция становится некомпенсируемой. В то же время для регионов России такая мобильность создает серьезные проблемы обеспечения всех отраслей хозяйства молодыми квалифицированными кадрами. Российская периферия фактически становится донором перспективных и социально активных молодых кадров, обеспечивая ими центральные регионы России.

Негативные последствия некомпенсируемой образовательной миграции характерны и для такого региона России как Удмуртская Республика.

Проблемы с воспроизводством региональных кадров тормозят развитие экономики Удмуртии, снижается образовательный и культурный уровень ее населения. Некомпенсируемая образовательная миграция молодежи наносит невосполнимый ущерб национальной культуре и языку, этничности в целом. Возникает угроза экономической безопасности, культурной и социальной стабильности Удмуртской Республики.

Руководство Удмуртской Республики, вузов Удмуртии, осознавая глубину проблемы, прикладывает немало организационных и финансовых усилий для повышения качества образования всех уровней, обеспечения привлекательности республиканских учреждений образования для выпускников школ. Так с 2014 г. учреждена премия для тех школ Удмуртии, максимальное количество выпускников которых поступит в вузы Удмуртии.

Однако эти усилия еще не могут переломить негативную для Удмуртии тенденцию некомпенсируемой образовательной миграции. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, в рамках которого образовательная миграция должна рассматриваться в единстве ее объективных (экономических, политических, социокультурных) и субъективных факторов. Такими субъективными факторами являются жизненные и миграционные намерения выпускников школ, их миграционно-профессиональное поведение, играющие значительную роль в процессах образовательной миграции.

Разрешение проблемы некомпенсируемой образовательной миграции требует адекватного методологического подхода. Поскольку речь идет о трансформации процессов учебной мобильности, необходимо обратиться к теории социальных трансформаций, разработанной В.А. Ядовым и Т. И. Заславской [1].

Теория социальных трансформаций позволяет описывать процессы миграции как принципиально нелинейные. Для таких процессов характерна преобладающая роль субъективного фактора, структурно-системные и институциональные детерминанты общественных изменений уступают приоритет социально-культурным и деятельностным детерминантам.

Трансформационная концепция в большей мере, чем модернизационная, подходит для оценки образовательной миграции в российском обществе, поскольку объединяет взаимоисключающие тенденции: сохранение специфики российского образования и присоединение к унифицирующим потокам глобальной образовательной мобильности.

Поскольку последствия присоединения России к глобальным тенденция в области образования слабо прогнозируются, на первый план выходит стохастизирующий субъектный фактор, «способность социальных субъектов реагировать на внутренние и внешние вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным»[2, с. 383-390]. Т.И. Заславская характеризует его понятием трансформационной активности как «модели социальных действий, которые отклоняются от институциональных традиций»[3, с. 505]. Эта активность характеризуется рациональностью, продуманностью реакции социальных субъектов на изменения; возможностью выбора стратегии поведения; направленностью на изменение социальных практик.

В связи с трактовкой образовательной миграции как нелинейного процесса с неопределенным результатом следует обратиться и к междисциплинарной

социосинергетической парадигме [4]. В рамках данной парадигмы образовательная миграция трактуется как комплексный субъектно- и институционально детерминированный самоорганизующийся процесс. Нелинейность этому процессу придает неоднозначность влияния институциональных факторов, дифференцированность отношения субъектов образования к образовательному знанию, вариативность жизненных намерений, миграционных намерений, и неопределенность последствий миграционно-профессионального поведения субъектов образовательного процесса. Следствием такой нелинейности для субъектов образования являются специфические социальные риски, связанные с образовательной миграцией – оттоком кадрового потенциала, невозвратностью молодых специалистов после обучения в вузах на Родину.

Исследование проблемы некомпенсируемой образовательной миграции имеет теоретические перспективы для развития отраслевой социологии миграции, которая находится сейчас в стадии становления. Междисциплинарное исследование образовательной миграции со стороны ее объективных институциональных, социокультурных и социоструктурных факторов будет дополнено выявлением мотивации субъектов к образовательной миграции, их миграционных намерений. Практические региональные перспективы применения результатов такого исследования связаны с разработкой регулятивных механизмов управления образовательной мобильностью молодых людей, уезжающих учиться в другие вузы за пределы Удмуртской Республики, с целью обратимости и возвратности образовательного ресурса и культурного потенциала, носителем которого являются молодые специалисты, востребованные на предприятиях Удмуртской Республики. В этом контексте ставится задача выявления соотношения между объективными и субъективными факторами некомпенсируемой образовательной мобильности, оценкой связанных с нею индивидуальных и социальных рисков.

С учетом социокультурных особенностей региона может быть разработана и внедрена технология регуляции образовательной мобильности, включающая средства и способы формирования образовательного, профессионального, культурного ресурса, методы достижения устойчивости и стабильности кадрового потенциала в Удмуртской Республике. В связи с этим для Удмуртской Республики открываются новые перспективы в решение приоритетных национальных проектов РФ – стабилизации демографической ситуации в регионе, укрепление пространства жизнедеятельности населения региона, расширяются возможности формирования и управления кадровой политики в регионе.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта №15-13-18001

1. См.: Заславская Т.И. Социентальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2003; Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? Власть, общество, личность/Под общ.ред. Т.И.Заславской. М
2. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов / Куда идет Россия? Власть, общество, личность /Под общ.ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000
3. Заславская Т.И. Социентальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2003.
4. См.: Шалаев В.П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире. Йошкар-Ола, 1999. 268 с.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Скок Н.С. (Мариуполь, Украина)

Общеизвестно, что современное общество сложно представить без высшего образования, выступающее основой его развития. Социальный капитал молодежи может стать определяющим фактором общественного прогресса и роста национального благосостояния при условии реформирования образовательной системы в контексте выполнения социального заказа при сбалансированном социально-экономическом развитии общества. Два последние десятилетия высшее образование пребывает в состоянии трансформации, реформирования, пытаясь выжить в новых и достаточно изменчивых социально-экономических условиях. Присоединение Украины в 2005 г. к Болонскому процессу внесло в украинскую образовательную систему свои коррективы, необходимые для внедрения в европейское образовательное пространство. Проводимые преобразования привели к ряду проблем и противоречий на различных уровнях, которые требуют разрешения до настоящего времени.

Многие проблемы являются характерными как для российской, так и для украинской образовательной системы. Переход на модульный принцип в его европейском понимании влечет за собой необходимость планирование нагрузки с усилением самостоятельной работы студентов и научно-исследовательской деятельности преподавателей, пересмотр соотношения фундаментального и прикладного знания; необходимость переподготовки и повышения квалификации преподавателей; введения системы перезачетов кредитов [1, с. 104, 105], четких критериев использования 100-балльной системы оценивания.

Трудности институционального характера дополняют сложности социально-экономического плана. Учитывая низкие материальные возможности (студентов, преподавателей, вузов, образовательной системой в целом), которые в последнее время стали еще более низкими, проблемой представляется повышение академической мобильности, в соответствии с европейским образовательным пространством. В результате общенационального опроса студенты отмечали, что основным препятствием обучения за границей является недостаток денег (так отвечали в 2011 г. – 52,5%, в 2015 г. – 70,9% респондентов) [2].

Также в ряде проблем украинского образовательного поля в контексте трансформации общества в целом следует отметить проблемы мотивации поступления и обучения, которые, на данном этапе, не соответствует европейскому образовательному конструкту. Выбор специальности с мотивацией «дальнейшего карьерного роста», потому, что «нравится», «специальность, о которой мечтал» – это скорее не обоснованный выбор, а желание видеть себя в будущем в привлекательных социальных статусах, предлагаемых обществом, несмотря на личностные предпочтения и возможности. Вузы сталкиваются с тем, что каждый четвертый поступивший имеет слабое представление о будущей профессии. Подобная ситуация, в том числе, впоследствии приводит к тому, что мотивация посещения занятий для получения знаний присутствует только у каждого четвертого студента (по результатам исследований студентов-первокурсников Донецкого государственного университета управления, Украина, 2011-2013 гг. при участии автора). В итоге обучение сводится не к накоплению знаний, а к получению диплома.

Значительной в образовательном пространстве является проблема адаптации молодежи к вхождению в социально-профессиональную сферу, планирование занятости как результат получения профессии, востребованной на рынке труда. Выходя на рынок труда, человек должен иметь знания, умения, а также возможности их использовать. Однако возникает несоответствие между высоким спросом на молодые высококвалифицированные кадры и проблемой трудоустройства студентов после окончания обучения. Проблемой остается несогласованность спроса и предложения молодежи на рынке труда. Невостребованность на рынке труда также свидетельствует о качестве профессиональной подготовки специалистов, что является определенным результатом образовательной деятельности частных и непрофильных вузов, открывающих «престижные» специальности, откликаясь на рыночные приоритеты и не углубляясь в

свои реальные возможности обеспечивать адекватный уровень подготовки и решать дальнейшие проблемы трудоустройства выпускников.

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что, в соответствии со Стратегией развития университетского образования Украины, период с 2010-2020 гг. должен стать «ключевым в реализации долгосрочных стратегий обеспечения устойчивого развития и усовершенствования системы высшего образования Украины, признания ее в европейском и мировом пространстве в контексте обеспечения качества» [3]. Однако на сегодня остается ряд проблем, требующих разрешения, среди которых следует отметить необходимость планирования нагрузки студентов и преподавателей, системы оценивания, упорядочивания использования системы кредитов ЕКТС (Европейской кредитной трансферно-накопительной системы), усиление академической мобильности в соответствии с требованиями европейского образовательного пространства. Считаем необходимым обратить внимание на стихийный характер профессионального самоопределения значительной части молодежи. Работа с этим фактором впоследствии поможет снять возникающее разочарование профессией, позволит разрешить проблему адаптации молодых специалистов при вхождении в социально-профессиональную сферу. Современному рынку образовательных услуг необходимо наладить устойчивую и непосредственную связь с рынком труда и нести ответственность за качество трудового потенциала, т.к. стихийность на этом рынке приводит к его деформации, перепроизводству одних специальностей в другие. Также содержание реформ требует координации и согласования на уровне принятия и внедрения нормативно-правовых решений касающихся высшего образования.

1. Пруель Н.А. Институциональные проблемы модернизации высшего профессионального образования: уроки социального управления [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. – 2012. – № 3. – С. 103-109. – Режим доступа: *vestni*
2. Загальнонаціональне опитування «Вища освіта в Україні: громадська думка студентів» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dif.org.ua/ua/publications/press-relizy/visha-osvita-v-ukraini-gromadska-dumka-studentiv-.htm>
3. Бабин І., Ликова В. Стратегія та сучасні тенденції розвитку університетської освіти України в контексті Європейського простору вищої освіти на період до 2020 р. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tempus.org.ua/uk/national-team-here/238-strat>

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИИ, УКРАИНЫ, БЕЛАРУСИ, ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ, ЛИТВЫ

Стариков В.С. (Санкт-Петербург)

Настоящий доклад посвящен результатам исследования организаций высшего образования в шести постсоветских странах. Существующая наднациональная политическая и экономическая "надстройка" ("мировая экономика" и "мировая политика" в терминах неоинституционального направления из области исследования образования) поддерживает устойчивый и универсальный набор мифов относительно существования некоторой гомогенной среды, в которую погрузились организации высшего образования на постсоветском пространстве. Эта среда определяется функционированием пост-Болонского процесса и Европейского пространства высшего образования. Мы постараемся показать, что эти мифы являются (в некоторой степени) ошибочными и даже (в определенной степени) вредными с точки зрения аналитического процесса

исследования систем образования. В первую очередь это связано с необходимостью реактуализации самого процесса постсоциалистических трансформаций.

Для области сравнительной социологии образования обращение к процессам на постсоветском пространстве является важным по двум причинам.

Во-первых, изучение данных процессов обеспечивает уникальное пространство критического анализа природы особенностей и различий в изучении глобализации в исследованиях образования. Концептуализация качественного своеобразия постсоциализма в условиях глобализационных процессов, таким образом, дает уникальную возможность анализа сложных процессы конвергенции и дивергенции, а также взаимосвязи «глобального» и «локального» в отношении процессов в вузах на постсоветском пространстве.

Во-вторых, анализ переходов на постсоветском пространстве следует рассматривать как часть крупного философского концепта «пост», отражающего неопределенность нашего времени. Данная перспектива открывает для сравнительной социологии возможность образования вновь откликнуться на призыв Коуэна и начать конструктивное теоретизирование, используя неопределенность в качестве концептуальной категории. Концепция неопределенности обладает уникальным потенциалом, позволяющим уйти от попыток линейного прогнозирования и управления траекториями реформирования образования и вместо этого проблематизировать установленные концепты западной современности (modernity). Обращение к постсоветскому пространству в сравнительных исследованиях образования, таким образом, следует рассматривать как попытку «изучать наши собственные современные и будущие миры с новой точки зрения»

В докладе будет продемонстрировано, каким образом трансформировались организации высшего образования в шести постсоциалистических странах, что они представляют на сегодняшний день, и каковы движущие силы подобных трансформаций.

ИМИДЖ РЕГИОНА И МИГРАЦИЯ

Старых Н.П. (Орел)

В широком смысле регион – это территория, выделенная по какому-либо признаку. Как правило, регион является социально-экономически-политически-культурно-территориальной целостностью, выступающей на уровне государства субъектом социально-экономических отношений, выполняющей определенные функции во внутригосударственном разделении труда и формирующей определенные политические отношения с центром и другими регионами.

Глобальная конкуренция сегодня затрагивает не только отдельные предприятия и отрасли. Она приобрела территориальное выражение, и в борьбу за потребителя вступают регионы. Конкурентное преимущество, приверженность «потребителя» получают наиболее привлекательные территории, которые предложат оптимальные условия для жизни, работы, бизнеса, как предприятиям, так и человеку. В этих условиях регионы должны работать над созданием условий для наиболее полного удовлетворения запросов потребителей, проводить комплекс мероприятий по формированию имиджа региона.

В связи с этим имидж региона в настоящее время становится реальным и чрезвычайно важным ресурсом в презентации конкурентных преимуществ. Имидж региона, его репутация в отечественных и зарубежных общественно-политических и деловых кругах становятся основополагающими факторами продвижения общегосударственных и региональных внешнеэкономических и политических проектов,

важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений. Имидж региона выступает предпосылкой для ускорения социально-экономического развития региона, повышения уровня и качества жизни населения, поскольку способствует решению ряда основных вопросов, имеющих важное значение для интенсивного развития территории. Это прежде всего привлечение инвестиций расширение рынков сбыта продукции региональных производителей, привлечение трудовых ресурсов, развитие туризма. Благоприятный имидж той или иной территории во многом определяет успешность решения этих проблем, выступает главным фактором осуществления выбора.

Формирование имиджа регионов России в настоящее время практически в 100% случаев происходит стихийно. Власти субъектов нередко решают эти вопросы, опираясь на собственное понимание проблемы и личные вкусовые пристрастия. Мероприятия, так или иначе формирующие имидж региона, проводятся без соответствующего научного обоснования, не опираются на рекомендации, полученные в ходе экономического анализа, социологических исследований, опросов общественности. Не учитывается мнение региональных общественных организаций, бизнес-сообщества и представителей средств массовой информации.

Любой регион должен обладать определенными ресурсами (природными, экономическими, социальными и т.д.) как внутренними, так и внешними. В привлечении внешних трудовых ресурсов в регион, а также в социально-экономическом и демографическом развитии региона и Российской Федерации в целом ведущую роль играют миграционные процессы.

Переселение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития.

В современных условиях миграция работников высокой квалификации является важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние в принимающих регионах. Одна из стратегических задач – создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе. В настоящее время миграционная привлекательность Российской Федерации по сравнению с другими странами, принимающими мигрантов, невысока и распространяется преимущественно на граждан государств – участников Содружества Независимых Государств. Продолжается эмиграционный отток из страны. Мигранты новых поколений, прибывающие в Российскую Федерацию из государств – участников Содружества Независимых Государств, по сравнению с их предшественниками обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки. Неблагоприятные тенденции наблюдаются во внутренних миграциях. Население Российской Федерации отличается более низкой территориальной мобильностью (в том числе на локальном уровне) в сравнении с другими странами. Причины обусловлены большими издержками на переселение, неразвитостью транспортной сети, ограниченностью рынка арендуемого жилья, высокой стоимостью жилья и его аренды, низкими доходами большей части населения. Основным вектором межрегиональных внутренних миграций остается движение с Востока в Центр и в Московский регион, что усиливает дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации [1].

Перечисленные «болевы́е точки» миграционной политики (увеличение численности населения страны в целом и ее регионов, создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, снижение эмиграционного оттока, низкая внутренняя территориальная мобильность

россиян) позволяют говорить об актуальности изучения миграционных процессов и имиджа региона.

Анализ имиджа региона как фактора миграции целесообразно проводить на основе концепции «притяжения – выталкивания» авторов Г. Джерома и Э. Ли. Основная идея концепции состоит в следующем: для того чтобы люди захотели изменить привычное для них место жительства, необходимы условия, заставляющие их переселиться в другие регионы (притяжение, выталкивание и пути миграции).

Как правило, выталкивание связано с тем, что в регионах постоянного проживания могут складываться такие обстоятельства (природного и экономического характера), воздействие которых делает невозможным дальнейшее проживание в данном регионе.

Притягивающие факторы оказывают большее воздействие на высокообразованных людей, которые могут получить более выгодные предложения в другом месте. Высокая мобильность характерна для высококвалифицированных специалистов потому, что часто миграция означает продвижение вверх по карьерной лестнице и в уровне доходов.

Пути миграции включают в себя доступность попадания мигранта в другой регион, наличие или отсутствие барьеров на пути, информацию, финансовые и языковые возможности.

Также необходимо учитывать, что немаловажную роль в процессе принятия решения о миграции играет субъективный фактор, включающий наличие жизненного стандарта. На формирование, которого накладывает отпечаток культура, традиции населения, восприимчивость к их изменениям.

Миграция является процессом селективным, и одни и те же факторы могут действовать на разных людей по-разному.

Поскольку именно имидж региона несет оценочную и мотивационную нагрузку, оказывает влияние на людей, формирует их отношение к региону. Имидж региона может стать тем нематериальным ресурсом, обеспечивающим рост миграционной привлекательности региона, а, следовательно, способствующий его социально-экономическому развитию.

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf> (дата обращения 23.07.2014)

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВ МИГРАНТОВ

Тавровский А.В. (Санкт-Петербург)

В докладе делается краткий обзор сравнительных количественных исследований миграционной политики и прав мигрантов, обсуждается включение российской миграционной политики в поле сравнительных международных исследований, анализируются возможности и ограничения предлагаемых методик оценки.

Сравнительные количественные исследования миграционной политики и прав мигрантов довольно интенсивно развиваются в последние годы. Все они предполагают конструирование интегрированных показателей и ранжирование: так, Э. Тиммер и Дж. Уильямсон предложили индекс изменения миграционной политики в 6 странах с 1860–1930-е гг. [1]. Л. Лоуэлл сравнил программы приема временных и постоянных высококвалифицированных мигрантов в 12 странах с высоким уровнем жизни, включив в анализ результаты миграционной политики [2]. Л. Церна незначительно модифицировала индекс Лоуэлла, выбрала только временные программы для высококвалифицированных мигрантов и расширила число стран до 20 [3]. Исследование Й. Клугмана и И. Перейры

основано на экспертном опросе и имеет наиболее широкий охват: 28 развитых и развивающихся стран; политика приема, права мигрантов и правоприменительная практика; все основные миграционные потоки (трудовая миграция, воссоединение с семьей, гуманитарная миграция, образовательная миграция, гостевая миграция, отдельно рассматривается недокументированная миграция) [4].

Пожалуй, самым известным в этом ряду является Индекс политики интеграции мигрантов MIPEX [5]. MIPEX был запущен в 2004 г. как инструмент оценки соответствия миграционной политики входящих в ЕС стран директивам Совета Европы, относящимся к правам мигрантов (не граждан стран-членов ЕС). В первом релизе было 15 стран, 5 областей политики и ок. 100 индикаторов. Впоследствии Индекс неоднократно расширялся (в 2007 г., 2011 г., в 2015 г. выходит IV релиз) за счет включения новых стран, областей политики и показателей. В последнем релизе уже 38 стран, 167 индикаторов и 8 областей политики: мобильность на рынке труда, воссоединение с семьей, образование, здравоохранение, политическое участие, постоянное проживание, получение гражданства, антидискриминация. Индекс конструируется на основе опроса экспертов из изучаемых стран, в результате которого получается многомерная оценка политики интеграции, включающая не только законодательные нормы, но и результативность вкпе с образцовыми практиками. MIPEX направлен прежде всего на повышение эффективности политики интеграции и позволяет акторам, принимающим решения в этой области, наглядно оценить профиль страны. Россия пока не включена в MIPEX, однако в 2010 г. А. Прохорова провела экспертный опрос по методике MIPEX (анкета 2007 г.) и сконструировала Индекс для России [6].

Одной из наиболее значимых работ в области количественного изучения миграционной политики в отношении трудовой миграции за последние годы можно считать исследование М. Руса «Цена прав» [7]. Автор пытается объяснить значительный разрыв между широким набором прав мигрантов, который предлагается международными конвенциями по правам человека, и гораздо более узким набором прав мигрантов, который содержится в законодательстве и миграционной политике принимающих стран с высоким и средним уровнем доходов.

М. Рус предлагает рассматривать права мигрантов не только в перспективе универсальных и неотчуждаемых прав человека, имеющих внутреннюю ценность, но и с точки зрения их инструментальной роли в процессах международной трудовой миграции. По мнению М. Руса, права мигрантов являются ключевым элементом политики государства в области трудовой миграции. Дизайн трудовой миграционной политики требует одновременного принятия решений о том, как регулировать численность мигрантов (квоты, балльная система), как отбирать мигрантов (уровень квалификации, гражданство), и какими правами наделять их после приема (временное или постоянное проживание, доступ к социальному обеспечению, доступ к рынку труда).

М. Рус отмечает, что практическая реализация миграционной политики всегда происходит в условиях ограничений и специфического институционального контекста. С одной стороны, способность государства контролировать миграционные потоки всегда ограничена, с другой – пространство действия ограничивают национальные и международные правовые нормы. В качестве примера институциональных факторов М. Рус приводит систему социального обеспечения (напр., либеральная, социально-демократическая, консервативная) и систему производства (напр., либеральный или координированный рынок труда). Именно поэтому своеобразие миграционной политики в каждой конкретной стране и исторической ситуации определяется не только конфигурацией ее целей, но и значением ограничений и институциональных факторов.

Для понимания того, почему национальные государства ограничивают права трудящихся-мигрантов, М. Рус предлагает изучить отношения между политикой приема мигрантов, их квалификацией и правами. Он строит свое дальнейшее исследование на трех допущениях. Во-первых, страны с высоким доходом будут более открыты для

высококвалифицированных, нежели низкоквалифицированных работников, поскольку, как предполагается, первая категория работников более выгодна для экономического развития страны, чем вторая. Во-вторых, программы трудовой миграции, нацеленные на высококвалифицированных мигрантов, будут наделять их большим набором прав, чем программы, нацеленные на низкоквалифицированных работников, отчасти из-за того, что обладание некоторыми правами (напр., социальными) создает издержки и выгоды, зависящие от квалификации и дохода работника. Третье предположение состоит в том, что существует компромисс между открытостью и определенными видами прав: программы, более открытые для принятия трудящихся-мигрантов, также в большей степени ограничивают их права, и наоборот. Если какие-то права определенной группы мигрантов создают для принимающей страны издержки, то степень открытости миграционной политики будет зависеть от возможности ограничения этих прав.

В целях эмпирической проверки вышеназванных допущений М. Рус предпринимает сравнительный анализ около 100 программ трудовой миграции в 46 странах (Россия не вошла в выборку) с высоким и средним уровнем дохода. Он конструирует два показателя, которые измеряют степень открытости программ для приема трудящихся-мигрантов и права, которые они получают после приема в рамках этих программ (гражданские и политические, экономические, социальные, право на проживание и право на воссоединение семьи). Третьим важным измерением является квалификация трудящихся-мигрантов: здесь различается политика по отношению к низко-, средне- и высококвалифицированным работникам.

На фоне вышеназванных работ исследование М. Руса отличается некоторыми особенностями. В отличие от Тиммера и Уильямсона оно не учитывает динамику, в отличие от Лоуэлла и Церны охватывает разные квалификационные категории трудовых мигрантов, в отличие от Клугмана и Перейры оно фокусируется только на трудовых мигрантах и не учитывает правоприменительную практику. В отличие от индекса MIPEX оно четко разделяет открытость программ и права трудовых мигрантов, ограничено только законодательными нормами и не содержит анализа результативности миграционных программ.

1. *Timmer A., Williamson J. (1996) Racism, Xenophobia or Markets? The Political Economy of Immigration Policy Prior to the Thirties, NBER Working Paper Series, No. 5867.*
2. *Lowell L. (2005) Policies and regulations for managing skilled international migration for work. United Nations expert group meeting on international migration and development, Population Division, Department of Economic and Social Affairs, New York.*
3. *Cerna L. (2008) Towards an EU Blue Card: The proposed delegation of national immigration policies to the EU level, COMPAS Working Paper 08-65.*
4. *Klugman J., Pereira I. (2009) Assessment of national migration policies: An emerging picture on admissions, treatment and enforcement in developing and developed countries, Human Development Research Paper 2009/48, UNDP.*
5. *Huddleston Th. et al. (with Ozge Bilgili, Anne-Linde Joki, Zvezda Vankova and the support of Karina Shklyan and the vision of Jan Niessen) (2015). Migrant Integration Policy Index 2014. CIDOB and MPG www.mipex.eu*
6. *Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly, 2011, № 479 – 480. <http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php>*
7. *Ruhs M. (2013) The Price of Rights: Regulating International Labor Migration. Princeton University Press.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Титаренко Л.Г. (Минск, Республика Беларусь)

Гендерное неравенство – одна из форм социального неравенства, тесно связанная с другими формами. Так его оценивает новый президент Международной социологической ассоциации Маргарет Абрахам, чьи исследования сфокусированы на этой форме неравенства [1, 7]. Оно пронизывает социальную структуру общества вертикально, т.е. имеет место в любых социальных подсистемах, включая систему образования – от низшего ее звена до высшего, терциального уровня образования.

Республика Беларусь, провозгласив себя социально ориентированным государством в Конституции (1994), выбрала эволюционный путь развития, сохранив значительный бесплатный набор социальных услуг и полный государственный контроль над социальными институтами. Большинство социальных проблем находится в поле постоянного внимания власти с целью не допустить их обострения, поэтому основные социальные потребности масс и сегодня в значительной мере удовлетворяются не на рыночной основе, а оплачиваются из социальных фондов. Однако в условиях резкого роста запросов общества на высшее образование, государство было не в состоянии удовлетворять эти запросы безвозмездно. За период с 1991 по 2015 гг. число вузов выросло с 33 до 54, открылись частные вузы. Массовизация и коммерциализация высшего образования сделали его доступным для всех, кто может оплатить получение диплома. Открылись шлюзы для получения высшего образования девушкам и юношам, независимо от их школьных успехов в учебе. Изменились и гендерные пропорции студенчества: если в советский период имелось превалирование мужчин над женщинами среди студентов вузов, то сегодня возникла гендерная асимметрия в пользу женщин. Гендерную асимметрию определяют как фактическую диспропорцию количественного распределения мужчин и женщин в поле высшего образования, имеющую качественные последствия [2]. Девушки составляют значительную часть абитуриентов и активно стремятся приобретать современные профессии, приносящие высокие доходы.

Беларусь заняла 28-е место в мире по индексу гендерного равенства, который учитывает число мужчин и женщин со средним образованием, среднее число лет обучения, процент женщин в парламенте, доход и др. Данный рейтинг очень важен для имиджа страны. На протяжении постсоветских лет проблема достижения гендерного равенства (баланса) оставалась приоритетной, что подтверждается показателями роста числа вузов и студенчества в сфере высшего образования. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2014 г. численность студентов вузов составляла 372 тыс.чел. (из них женщин 57,3 %.) На уровне послевузовского образования женщины составляли 55,8 % аспирантов и 42,7 % докторантов [3, 146, 176]. Выросла доля населения с высшим образованием. Согласно переписи (2009 г.), 1 530 561 чел. имели высшее образование. На 1 000 чел. в Беларуси приходилось 179 дипломированных специалистов. Среди обладателей высшего образования 42,6 % составляли мужчины и, соответственно, 57,4 % женщины. Беларусь занимает лидирующие позиции по доле девушек среди учащихся высших учебных заведений. В 1999 г. этот показатель равнялся 53,7% и за 15 лет повысился до 57,4% в 2014/15 учебном году [3].

Приведенная статистика позволяет сделать вывод о процессе массовизации высшего образования в Беларуси, который тесно связан с его коммерциализацией, а также с осуществленными ранее процессами этати-зации и секуляризации образования. Феномен коммерциализации, т.е. превращение образования в рыночную услугу, является результатом внедрения коммерческих отношений в сферу образования. Основным фактором коммерциализации высшего образования является сокращение государственных расходов.

Достижение гендерного равенства в высшем образовании, широкий доступ женщин к образованию имеют некоторые следствия, которые и привели к новому гендерному дисбалансу, или асимметрии в образовании. Конкретная модель гендерной асимметрии складывается под влиянием совокупности объективных и субъективных

причин, ввиду чего можно считать гендерную асимметрию постоянно действующей. Она является следствием тех или иных перекосов не только развития сферы высшего образования, но и связанных с ней экономических сфер (рынок труда, распределение государственных финансов), информационного поля, формирования и поддержания базовых ценностей в обществе. В Беларуси к ней привела не политика гендерного равенства, а коммерциализация: преобладание платного образования над бюджетным как следствия сокращения государственного финансирования высшего образования. «Жертвой» коммерциализации образования чаще становятся женщины, т.к. социально-гуманитарные специальности, на которые они больше всего ориентируются, следуя социальным стереотипам о «женских профессиях», первыми были массово переведены на платную основу. С учетом предоставляемых платных услуг, недофинансирование остается одной из самых острых ее проблем. При этом преподаватели также получают низкую зарплату и вынуждены иметь по несколько мест работы, чтобы обеспечить себе достойный уровень жизни. Так идея равенства в образовании, соединенная с массовизацией, привела к ситуации «лишних людей» на рынке труда: они не могут реализовать ожидания, с которыми шли в вуз. Узкий рынок труда для ряда профессии не принимается во внимание абитуриентами при поступлении в вуз, а слабая профориентация и отсутствие призвания, помноженные на стереотипы массового сознания о моде и необходимости вузовского диплома, толкают молодого человека к поступлению куда угодно. Из идеала социального равенства, массовый доступ к образованию в условиях коммерциализации превратил высшее образование в проекцию рынка.

Именно с началом массовизации высшего образования и распространением платного обучения начался стремительный рост числа девушек в вузах. Массовизация и коммерциализация оказали ключевое влияние на процесс феминизации высшего образования в Беларуси. Слабая школьная профориентация, массовые гендерные стереотипы и коммерциализация высшего образования привели к новым асимметриям: росту числа девушек, стремящихся к социально-гуманитарным профессиям, общему падению интереса к естественным и инженерно-техническим специальностям, а как следствие к перепроизводству девушек, получивших диплом на платной основе по социально-гуманитарным профессиям и не нашедших места на рынке труда. В 2014/15 учебном году на социально-гуманитарные профессии приходилось 36,4% всех студентов, на инженерно-технические 24,7%, 11% на педагогику, на все остальные чуть более 20% [3, 145].

Подведем итоги. Мужчины доминируют в «доходных» сферах, а женщины преобладающе выбирают дисциплины, которые ведут к низкой зарплате на рынке труда. Ситуация не изменится, пока будут сильны стереотипы о «женских» профессиях, ориентирующие женщин со школьной скамьи только на них, способствуя росту гендерной асимметрии в вузах.

1. Абрахам М. Наша задача усилить роль социологии в формировании справедливого общества // *Социологические исследования*. 2015. №7.
2. Силласте, Г. Гендерная асимметрия в образовании и науке: взгляд социолога // *Высшее образование в России*. 2001. № 2.
3. *Образование в Республике Беларусь/ Статистический сборник/*. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И СЕЛЬЧАН ПОСРЕДСТВОМ СМИ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Титова Е.Н. (Могилёв, Республика Беларусь)

В настоящее время белорусское село переживает очередной этап аграрного преобразования, основы которого сформулированы в «Программе возрождения и развития села на 2005-2010 гг.» и получили дальнейшее развитие в «Государственной программе устойчивого развития села на 2011-2015 годы». Важную роль в процессе социальной адаптации сельских тружеников к социально-экономическим преобразованиям в аграрной сфере играют местные органы власти и, в частности, результативность их взаимодействия с сельчанами. Они призваны стать эффективным механизмом реализации государственной политики на местах, поскольку максимально приближены к простому человеку, его нуждам и, следовательно, способны оперативно решать бытовые проблемы сельских жителей.

Пристальное внимание непосредственно социальному взаимодействию уделил русско-американский социолог П. А. Сорокин. Он указывал, что социальное взаимодействие возможно только при наличии нескольких компонентов: 1) наличия двух или большего числа индивидов, обуславливающих переживания и поведение друг друга (сельские труженики и местные органы власти); 2) совершения ими действий, влияющих на взаимные переживания и поступки (действия должностных лиц обусловлены их функциональными обязанностями очерченными законом); 3) наличия проводников, передающих действие от одного индивида к другому. Основным проводником действий между сельчанами и местными органами власти является коммуникация, осуществляющаяся при помощи языка, как средства взаимного понимания [1].

Существуют достаточно разнообразные коммуникативные формы взаимодействия власти и сельчан: сельские сходы, ежемесячные единые дни информирования населения, дни депутата и т.д.

Важным коммуникационным каналом, посредником между местной властью и сельчанами являются средства массовой информации. Свободный доступ к имеющей общественное значение информации, информационная открытость органов власти в ходе преобразования аграрного сектора являются важнейшими условиями успешной адаптации сельчан к происходящим изменениям. Пословица «осведомлен – значит вооружен» приобретает актуальное звучание, поскольку информированность позволяет сельчанам находить приемлемые способы приспособления к изменениям в аграрной сфере.

По оценкам специалистов [2; 3] качество работы местной власти в значительной степени определяется составом, объемом и достоверностью той информации, которая используется ими в работе и генерируется как результат их деятельности. Во многом от того, как и какую информацию получает население, зависит оценка ими работы органов местного управления и самоуправления в целом.

Органы власти, ориентированные на работу с населением, должны осуществлять оповещение граждан о деятельности местных органов власти, результатах и проблемах реализации программ развития села, о предоставляемых услугах, сообщать наиболее полную информацию, связанную с их получением и т.д. Могилевская область обладает такими возможностями. Каждый ее район имеет печатный вариант СМИ, наиболее доступный, по оценкам экспертов, где необходимая сельчанам информация может быть отражена. Вопрос состоит в том, насколько активно и всесторонне используется имеющийся потенциал? С целью ответить на поставленный вопрос был проведен контент-анализ номеров Могилевской областной газеты «Могилевские ведомости», вышедших в 2014 году (n=174, Δ=0,05).

Проведенный анализ показал, что только около 2% информации, излагающейся на страницах указанного издания, представлено прямо или косвенно тематикой, связанной с сельским социумом и реализацией социально-экономических преобразований на селе. Из них почти половина всех публикаций (45,5 %) освещает возможность купли-продажи сельскохозяйственной продукции. Как правило, это объявления физических лиц, которые располагаются на последней странице газеты.

Второе место (17,0%) по количеству публикаций в ранжированном ряду занимают статьи, освещающие деятельность сельскохозяйственных предприятий. Большинство из них (60%) имеют позитивную окраску. В статьях журналистов описываются достижения конкретных организаций. Каждая шестая публикация отражает недоработки того или иного предприятия.

Третье место (8,5%) разделили следующие темы: «посевная/уборка урожая», «о сельскохозяйственном работнике» и «развитие района». Две первые указанные темы актуализируются в СМИ в весенне-осенний период. Они представлены информацией о количестве засеянных или убранных сельскохозяйственных площадей. В это же время остро встает вопрос трудовой мотивации, который отчасти решается посредством публикации восторженных статей о трудовых достижениях конкретного работника. Материал о развитии Могилевского района представлен либо журналистами (57,1%), красочно описывающими результативность преобразований, либо «сухой» статистикой (21,4%), предлагающей читателю сделать выводы самому относительно достигнутых прогнозных показателей.

Важное значение в деятельности органов местного управления и самоуправления на государственном уровне придается совершенствованию работы с сельчанами, предполагающей рассмотрение письменных и устных обращений граждан. В СМИ крайне мало внимания уделяется указанному типу взаимодействия. Только 1,2% от всего количества публикаций посвящено информированию населения о результатах работы с обращениями граждан.

Абсолютно не освещены в СМИ такие важные для сельчан вопросы как деятельность местных органов управления и самоуправления, достижения и проблемы реализации социально-экономических преобразований на селе.

Авторство публикаций принадлежит в основном журналистам. Единичные статьи подписаны сельчанами, представителями облисполкомов, райисполкомов, сельисполкомов.

Вышеописанное приводит к выводу, что сегодня достаточно остро стоит проблема недостаточной эффективности взаимодействия и обеспеченности обратной связи между сельчанами и местными органами власти посредством СМИ. Проблемная ситуация заключается в том, что с одной стороны государством законодательно созданы условия для продуктивного сотрудничества субъектов взаимодействия. С другой стороны, труженики села и, в особенности, местная власть в полной мере не используют имеющийся потенциал.

1. Сорокин П.А. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет.* М.: Наука, 1994.
2. Валеев Ю.С. *Большие проблемы маленькой деревни (из опыта сельского самоуправления) // Социологические исследования.* 2007. № 11. С.78–82.
3. Клинова Е.В. *Статус и динамика органов местного самоуправления в переходных обществах: мониторинг общественного мнения // Проблемы управления.* 2010. № 2. С. 208–214.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ МЕНЕДЖЕРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Титова М.А., Носкова А.В. (Москва)

Российская школа пережила за последние десятилетия XX века ситуацию, сходную с той, какую переживала британская промышленность в 80-е годы XIX в., когда за 10 лет Великобритания утратила свои позиции индустриального лидера и потеряла свою ведущую

роль мирового новатора. Аналогичным образом Россия построила в XX веке беспрецедентную в истории систему всеобщего образования (народного просвещения), однако за последнее десятилетие XX века вдруг забыла о всех своих достижениях в области образования и стала пытаться копировать те системы, которые в сущности на шаг позади ее собственной, и учиться именно у тех, у кого учиться нечему, тогда как другие страны, проанализировав преимущества «отстающих» (от России!), вооружились лучшими образовательными технологиями (большинство из которых «made in Russia») и начали уверенно строить новое «общество знаний». Данную парадоксальную ситуацию достаточно иллюстрирует тот факт, что несомненный лидер школьного образования сегодня – Финляндия, страна, которая сумела бережно отнестись к унаследованной ею системе российской школы.

Проблема соотношения качественных и количественных подходов оказалась крайне актуальной в сравнительных исследованиях в области образования. В докладе предложено рассмотреть вопрос о том, существуют ли универсальные стандартизированные модели, на основе которых можно надежно «замерять» достижения учащихся из разных стран. Не ответив на этот вопрос, опасно включаться в широкие транснациональные исследования «качества образования». Поскольку подобные исследования могут не только измерить «качество образования», но и разрушить «качественное образование», заменив его «количественным». Важно понимать, что некоторые способы «менеджеральной модернизации» российской школы могут не только позитивно, но и негативно сказаться на «национальном когнитивном капитале» – самом ценном виде капитала в условиях стремительно развивающегося «общества знаний».

В докладе показано, что в широких транснациональных тестированиях знаний российские учащиеся участвуют уже около 20 лет. Как говорится в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования»[5] на 2013-2020 годы, «... будет продолжено участие Российской Федерации в международных сопоставительных исследованиях качества образования PIRLS, TIMSS, PISA; Российская Федерация включится в новые исследования: оценку информационной и компьютерной грамотности ICILS (с 2013 года), оценку граждановедческой компетентности ICCS (с 2014 года), оценку профессиональной компетентности выпускников высших учебных заведений ANELO (с 2013 года), оценку навыков и компетенций взрослого населения трудоспособного возраста PIAAC (с 2013 года)».

Однако, принимая решение об участии или неучастии в тех или иных исследовательских программах, полезно понимать, что любое исследование в сфере образования не только оценивает качество образовательного процесса, но и влияет на это качество, причем, не всегда положительным образом [6]. Заметим, что в отечественной традиции образования (в рамках принципа Alma Mater – принципа «выращивания» питомцев науки) важно не просто замерить уровень качества – важно научить его повышать, создать импульс к переходу на качественно новую ступень в образовательном процессе. Во всяком случае, данный принцип принят в лучших отечественных образовательных учреждениях (МГУ, СПбГУ, Физтехе и др.). Соответственно этой традиции, любая проверка, включая экзамен (и даже особенно экзамен), является составной частью общего образовательного движения, его стимулом, частью жизни живого организма, а не механическим снятием показателей, сопоставлением «продукта» с якобы существующим эталоном.

В докладе показано, что в российской традиции образования «стандарты» – это не эталон и не идеал, а некоторые необходимые вехи на широком пути многоуровневого образовательного движения. Подобные вехи призваны не ограничивать движение, а лишь задавать общее направление и таким образом помогать этому движению.

Выделено три основных вида транснациональных исследований, популярных сегодня в сфере образования: сбор и анализ статистической информации, составление

рейтингов, проведение тестирований. Показано, что каждый из представленных видов исследований имеет свои методологические проблемы и ограничения.

Очерчены три основные группы проблем, с которыми очевидным образом сталкиваются разработчики методологии транснациональных исследований:

- границы и принципы применения метода;
- зависимость ответа респондента от формулировки вопроса (и более широко, воздействие субъекта на объект исследования);
- интерпретация полученных данных и проблема валидности результатов исследования.

Казалось бы, транснациональные тестирования, коль скоро они содержат одинаковые задания, дают объективную качественную оценку ситуации в сфере образования. Традиционное восприятие результатов подобных исследований именно таково, тем не менее, профессиональное сообщество социологов прекрасно знакомо с тем воздействием, которое субъект исследования оказывает на объект изучения (в естественных науках такой эффект также известен). Подобные влияния имеют место не только в практиках тестирований или составления рейтингов, но даже в таких «нейтральных» способах сравнения как сбор и анализ статистической информации. Причем изменение качеств исследуемого объекта может оказаться достаточно значительным.

Рассмотрим, к примеру, показатель «зарплата преподавателей» на аналитическом сайте OECD (Организации экономического сотрудничества и развития) [8]. Невольная его логика заключается в следующем: если к преподавательскому труду применима такая категория описания как зарплата – значит, сам преподаватель может быть приравнен к наемному рабочему, следовательно, к нему могут быть применены разработанные в производстве и торговле механизмы «менеджмента качества».

Подобный исследовательский подход, как видим, модифицирует качество исследуемого объекта, в результате чего, важнейшая составляющая образовательного процесса, традиционная категория общества - своего рода «каста» Учителей – разрушается, теряет свою неприкосновенность и превращается в один из разрядов (не самый высокий) служащих. К сравнению: статистические службы не пытаются говорить о служителях культа – священниках – в терминах определения их заработной платы. К данной категории общества никто не пробует применять механизмы «менеджмента качества» или описывать деятельность служителей культа в терминах предоставления «социальных услуг» населению. Важно понимать, что иногда внешнее «управление качеством» может сказаться самым пагубным образом на том самом «качестве», которым пытаются управлять извне. Подобно тому, как производством хорошо управляют «производственники», церковью – священники, рассуждать об образовании и управлять образованием нужно исходя из присущих образованию – а не производству или торговле – критериев качества. Повторим: содержание категории качества может быть разным. В производстве и торговле валидны одни подходы к определению качества, в сфере образования - совсем другие. Поэтому и методология исследований качества должна изменяться при переходе от оценки качества товаров и услуг – к оценке качества преподавательской деятельности.

Доклад строится на анализе последствий «менеджеральной унификации» систем образования в различных странах.

Подобная унификация привела в начале нового тысячелетия к включению высшего образования в список услуг GATS (General Agreement on Trade in Services) в рамках Всемирной торговой организации. Мотивы подобной унификации могут быть политическими, могут быть экономическими, могут быть финансовыми. Однако социологическая наука, обсуждая методологию транснациональных исследований качества образования, вправе усомниться, валидна ли, с точки зрения социологии, методология кросскультурных исследований, которая базируется на стоимостном подходе

к оценке качества образования. Валидно ли, сравнивать успехи разных детей из разных стран в едином «стоимостном» эквиваленте: такой-то ответ стоит (worth) столько-то (n points), такой-то ответ стоит столько-то? И даже несмотря на то, что результаты подобных «рыночных» оценок российских учащихся достаточно высоки, и несмотря на то, что англоязычные дети, имея возможность постоянно упражняться в решении соответствующих тестовых заданий на специальных образовательных сайтах, не демонстрируют наивысших показателей, - методология образовательных исследований, разработанная коллегами из Boston College, вызывает сомнения на предмет ее валидности в русскоязычной среде - в смысловом поле, заданном российскими традициями образования.

Одним из существеннейших недостатков «рыночного» подхода к оценке достижений учащихся является его «индивидуалистический» характер. Тогда как и в образовательном процессе, и в научном творчестве одним из важнейших субъективных качеств является способность к диалогу, к коллективному взаимодействию.

Повторим еще раз, некачественные исследования в сфере образования оказывают дисфункциональное воздействие на сам предмет исследований – качественное образование. Тем не менее, учет международного опыта значим для развития отечественной образовательной системы. Безусловно, заслуживают научного внимания те формы коллективной образовательной и учебно-научной деятельности, которые существуют в других странах. Изучить подобный опыт – задача дальнейших исследований авторов представленного доклада.

1. Михайлов А. Е. Современное состояние и перспективы модернизации российского образования // *Наука и образование: хозяйство и экономика*. 2010. №8.
2. Салимова Т. А., Ватолкина Н. Ш. *История управления качеством: учебное пособие*. М.: КноРус, 2005
3. *Терминологический словарь в области управления качеством высшего и среднего профессионального образования*. Под ред. Степанова С.А. СПб. 2005. http://www.ed.gov.ru/files/materials/2480/dictionary_otchet.pdf
4. *Глоссарий гарантий качества и аккредитационных терминов. Материалы для Круглого стола ЮНЕСКО «Показатели аккредитации на институциональном и программном уровнях высшего образования» (3–8 апреля 2003 г.)*. М. 2003
5. *Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы* http://минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf
6. Кастуева-Жан Т.В. *Россия в Болонском процессе: оценки четырехлетнего опыта и перспективы*// *Вестник международных организаций*. 2007. №7(15) <http://iorj.hse.ru/data/2011/02/04/1208857621/T.Kastueva-Jean.pdf>
7. МГУ выше Сорбонны // *Газета.ru*. 12.03.2015. http://www.gazeta.ru/science/2015/03/12_a_6511797.shtml
8. *Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития* <https://data.oecd.org/>
9. *Официальный сайт мониторингов TIMSS and PIRLS* <http://timssandpirls.bc.edu>
10. *Итог международных исследований: школьное образование в РФ улучшается* // *РИА Новости*. 11.12.2012 <http://ria.ru/sn/20121211/917700911>.
11. *Официальный сайт Центра оценки качества образования* <http://www.centeroko.ru/public.htm>

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА БЕЖЕНЦЕВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Усова А.С. (Барнаул)

Проблема беженцев и переселенцев приобрела особую остроту в начале 20 в. во время Первой мировой войны и до сих пор остается актуальной. Официальная статистика

свидетельствует, что сотни тысяч людей ежегодно вынужденно покидают место своего проживания в целях спасения себя и членов своих семей от религиозных гонений, вооруженных конфликтов, а также в результате различных видов дискриминации.

В Российской Империи до отмены крепостного права регулирование миграции в основном имело административно-организационный характер. Миграция осуществлялась в форме вольно-народного переселения, правительственной или помещичьей колонизации.

Во второй половине XIX века началось массовое крестьянское переселение. Этот процесс был связан с отменой крепостного права, крестьянским малоземельем в центре страны, большими площадями свободных земель и угодий на юге Дальнего Востока, отсутствием здесь помещичьего землевладения.

С началом активного переселения в Сибирь в 1889 г. утверждается новый закон о переселении под названием «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли...». В законе впервые говорилось о льготах и помощи переселенцам, благодаря которому они освобождались в Сибири от уплаты казенных сборов и арендных платежей на три года полностью, а на последующие три года обязывались платить в половинном размере, также получали отсрочку в отбывании воинской повинности на три года. По прибытии на место водворения нуждавшиеся имели право получать семенные ссуды наравне со старожилами.

Строительство Сибирской железной дороги обеспечило регулирование переселения. В 1893 г. был утвержден Комитет Сибирской железной дороги, регулировавший переселения. Была расширена система предоставляемых льгот и пособий. Выдавались разнообразные ссуды: путевые, на хозяйственное устройство, на посев; осуществлялся безвозмездный отпуск лесоматериалов на возведение усадебных построек. Эта система льгот распространялась не только на регламентированные переселения, но и на вольных переселенцев [3, с. 200]. Были созданы первые переселенческие пункты на железнодорожных станциях.

С 1896 г. Переселенческое управление МВД руководило передвижением переселенцев. В ходе русско-японской войны оно впервые стало заниматься эвакуацией раненых, организацией медицинской и продовольственной помощи, содействовало в перевозках военному ведомству.

С 1904 г. по 1917 г. Правила о переселении имели принцип свободы передвижения. В 1909 г. Столыпин формирует Комитет по переселению на Дальний Восток и разрабатывает широкомасштабную программу освоения Дальнего Востока. Данная программа предоставляла переселенцам различные льготы: право переезда за казенный счет, безвозвратная ссуда от 100 до 200 рублей в зависимости от района переселения, предварительные землеустроительные работы [4, с. 10]. В местах переселения были созданы школы и фельдшерские пункты, построены шоссейные дороги [2, с.105].

В 1914 г. по инициативе Великой княжны Татьяны Николаевны создается «Татьянинский комитет» для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, и находился под ее руководством. Оказывалась единовременная материальная помощь пострадавшим; комитет содействовал воссоединению семей и отправлению беженцев на место постоянного жительства, приисканием занятий для трудоспособных, помещением нетрудоспособных в больницы, богадельни и приюты, устройством детей в учебные заведения, организацией собственных приютов. Вскоре Комитет становится крупнейшей общественной благотворительной организацией по оказанию помощи беженцам [1, с. 211]. К содействию беженцам были привлечены также местная администрация и органы самоуправления, многочисленные благотворительные организации, Красный Крест.

Появляется «Закон об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г.. 10 сентября 1915 г. учреждается Особое совещание по устройству беженцев с функциями высшего совещательного органа в отношении всех нужд беженцев в России, аналогичное прочим особым совещаниям – по перевозкам, эвакуации, топливу, продовольствию.

В годы Первой мировой войны правительство активно поощряло эвакуацию населения из районов боевых действий. В «Руководящем положении по устройству

беженцев» сообразно местным обстоятельствам и имеющейся потребности оказывались различные виды помощи (бесплатная перевозка, обеспечение продовольствием, медицинская помощь и т.д.).

В 20-х – 30-х годах XX века создается Лига Наций – первый всемирный орган межгосударственного сотрудничества, предшественница Организации Объединенных Наций (ООН), которая проявила инициативы по оказанию помощи беженцам в Европе. Совет Лиги Наций организовал и провел в Женеве конференцию по вопросу о беженцах в связи с Первой мировой войной, массовыми потоками беженцев из бывшей Российской империи и распавшейся Османской империи. Результатом конференции стало назначение доктора Фритьофа Нансена Верховным комиссаром по делам русских беженцев. Данное Управление выполняло следующие функции: определение правового статуса беженцев; организацию репатриации и размещения беженцев; проведение работ по оказанию помощи при содействии благотворительных организаций. В 1928 г. на Женевской конференции были приняты три международных соглашения по проблеме защиты беженцев: о правовом статусе армянских и других беженцев; о распространении на другие категории беженцев определенных мер, принятых в пользу армянских и других беженцев; о функциях представителей Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев. Данные международные соглашения положили начало формированию правовой основы глобальной системы международной защиты беженцев.

В 1930 г. Лига Наций приняла решение о создании Международного бюро Нансена по делам беженцев, которое занималось гуманитарными вопросами, вопросами оказания помощи беженцам и осуществляло свою деятельность вплоть до конца 1938 г.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. появляются различные организации со своими программами по оказанию незамедлительной помощи беженцам и (вынужденным) переселенцам, членам их семей: охрана здоровья; организация репатриации и размещения беженцев; проведение работ по оказанию помощи при содействии благотворительных организаций.

Глобальная проблема беженцев и (вынужденных) переселенцев – один из самых сложных вопросов, стоящих сегодня перед мировым сообществом. Он является предметом активного обсуждения в Организации Объединенных Наций, которая продолжает поиск более эффективных средств защиты этих весьма уязвимых групп населения и оказания им помощи.

1. Карпова, Н.В. Деятельность Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет) в Псковской губернии на примере Новоржевского уездного отдела / Н.В. Карпова // *Материалы Вторых П*
2. Курцев, А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914-1917) / А.Н. Курцев // *Вопросы истории*. – 1999. – № 8. – С. 95 -102.
3. Шиловский, М.В. Сибирские переселения: сб. документов / отв. ред. М. В. Шиловский / М.В. Шиловский. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. – 264 с. – Вып. 2: Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений
4. Шиндялов, Н.А. П.А. Столыпин и амурское крестьянство / Н.А. Шиндялов // *Аграрное развитие Дальнего Востока: история и современность: матер. регион. науч.-практ. конф.* – Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2005. – 366 с.

ТРАЕКТОРИИ ОСПАРИВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПОСТСОВЕТСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ МАССОВОГО СНОСА ГАРАЖЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Хохлова А.М., Тыканова Е. В. (Санкт-Петербург)

Современный постсоветский Петербург вынужден интегрироваться в капиталистическую экономику и участвовать в своеобразном соревновании городов за

привлечение иностранных инвестиций и туристических потоков. Эти процессы обуславливают «европеизацию» образа Санкт-Петербурга, коммодификацию и эстетизацию городского пространства [1] и, как следствие, приводят к активному поиску свободных «пятен» под коммерческую застройку. Проблемы критичной переполненности пространства, актуальные в СССР, сегодня отходят на второй план и маркируются сильными группами интересов как несущественные. Основным критерием оценки городских территорий становится рентабельность. Одним из практических последствий подобных трансформаций становится массовый снос гаражных строений: с 2005 по 2015 гг. в Петербурге было уничтожено около 20 000 боксов при общем количестве гаражей, оцениваемом примерно в 200 000 [2].

В своем докладе мы зададимся следующими исследовательскими вопросами: каковы требования сильных (политические и бизнес-элиты) и слабых (владельцы гаражей, их лоббисты) групп интересов в отношении оспариваемых территорий, занятых гаражными строениями? Каков диапазон ресурсов, к которым они прибегают в борьбе за владение и распоряжение данными территориями, в условиях постсоветских трансформаций?

Проблема поиска места для расположения гаражей впервые возникла после Великой Отечественной войны. Изначально для парковки новоприобретенных автомобилей автовладельцы самовольно аннексировали участки во дворах своих домов и возводили гаражные боксы, что, ввиду малого количества автомашин в городе, не проблематизировалось сильными группами интересов. Впоследствии, решая проблемы стоянки и ремонта личных автомобилей горожан, власти инициировали создание гаражно-строительных кооперативов – добровольных объединений граждан, обладавших средствами передвижения. Для возведения гаражных строений городские власти выделяли территории «во временное пользование», но без указания срока: практически в бессрочную аренду, гарантом которой выступал политический режим. Вопрос о юридическом закреплении сроков аренды не проблематизировался. В дальнейшем был разработан законопроект, который окончательно регламентировал способы получения гражданами гаражей посредством вступления в политически не активное объединение – Всероссийское Добровольное Общество Авто-Мотолюбителей. ВДОАМы, таким образом, выступили посредниками государственной власти в закреплении кооперативной собственности, которая также охранялась законом (в частности, Конституциями 1936 и 1977 гг.). При этом территории под гаражами обладали четко зафиксированным статусом непригодности для любого капитального строительства: это были зоны отчуждения, расположенные рядом с вредными производствами или характеризующиеся слабыми грунтами.

После распада СССР возникло противоречие между единственной формой собственности на занятые гаражами городские территории, признаваемой новыми политическими элитами, – государственной – и прежней формой собственности на гаражи, к которой продолжали апеллировать автовладельцы, – коллективной. В результате права собственности на гаражное строение проблематизируются как сильными, так и слабыми группами интересов. Игнорируя интересы слабых групп интересов, власти признают гаражные постройки временными строениями и изымают занятые ими земли для использования инвесторами или для государственных нужд.

В результате вспыхивает открытый конфликт между владельцами гаражей, с одной стороны, и городскими властями и/или инвесторами-застройщиками – с другой. Например, в 2009 г. городская администрация предоставила компании «Главстрой-СПб» земельные участки в промзоне «Парнас» для строительства крупного жилого комплекса «Северная долина». 17 апреля 2009 г. владельцам гаражей было дано предписание освободить боксы от имущества и вывезти автомобили, поскольку через месяц планировался снос гаражных боксов во всех четырех кооперативах. В результате собственникам 8500 снесенных гаражных боксов, на месте которых строительным

гигантом «Главстрой СПб» был возведен микрорайон «Северная долина», не было предоставлено никакой компенсации.

Слабые группы интересов обратились к возможностям таких пространственных тактик, как ремонт разрушенных построек и шлагбаумов, отказ покинуть гаражи с целью предотвращения их сноса, строительство баррикад, физическое противостояние с полицией и представителями девелопера, массовые автомобильные забеги вокруг квартала и здания администрации и пр., таким образом инициировав своеобразную партизанскую войну против представителей сильных групп интересов. Помимо тактик гаражники воспользовались ресурсами стратегий (легального оспаривания решения властей), однако потерпели неудачу в связи с тем, что ответчиками в судах выступали сильные группы интересов, обладавшие полнотой власти и контроля.

В свою очередь, сильные группы интересов использовали легальные инструменты, такие как поэтапная отмена аренды земли или разработка новых карт территорий, где гаражи не были отмечены, в результате чего земли были переданы девелоперу без обременения. Примечательно, что в ходе реализации решений о сносе на местах представители сильных групп интересов также прибегали к тактикам: например, в случаях, когда «гаражники» запирались в своих боксах, ОМОН подъезжал на УАЗах и выхлопными газами «выкуривал» людей из гаражных строений. Были зафиксированы также случаи угроз, поджогов и краж имущества из гаражей, а также сноса гаражей, в которых еще находились автомобили.

При легитимации своих решений и действий сильные и слабые группы интересов постоянно обращались к осмыслению советского прошлого и постсоветского настоящего. В частности, городские власти и инвесторы апеллировали к рациональной капиталистической риторике и негативно оценивали «советскую» систему распределения и обслуживания гаражей. Гаражники и их лоббисты, наоборот, были склонны к идеализации советского прошлого, а также к инструментальному использованию памяти и повседневных практик для оправдания права на гаражи и апеллировали к современной капиталистической логике, с ее нормой безусловной неприкосновенности частной собственности.

Таким образом, логика развития конфликта между сильными и слабыми группами интересов зависит от сложного и противоречивого социального, политического и исторического контекста, в котором следы советских властных отношений и системы планирования переплетаются с новыми принципами и риториками неолиберализма. В ситуации оспаривания городского пространства горожане активно прибегают к стратегическим, легальным способам борьбы, тогда как сильные группы интересов прибегают к тактическим (а порой и нелегальным) действиям. В условиях неопределенности городские власти зачастую поступают непоследовательно, что ведет к постоянной смене «правил игры» (примером чему служат меняющиеся решения о выплате компенсаций владельцам горожей). В результате обе стороны конфликта действуют в контексте множественных прагматических «испытаний», исход которых никогда не предопределен заранее. В процессе оспаривания пространства Санкт-Петербурга они вынуждены прибегать ко всему доступному им репертуару ресурсов, включая как стратегические, так и тактические действия.

1. Featherstone M. *Consumer culture and postmodernism*. London: Sage, 1991.
2. Наровский Д. *Разговор с лидером профсоюза владельцев гаражей «Рубеж» Карповым Борисом.* [Электронный источник]. URL: http://netsnosu.ru/news/intervju_s_liderom_profsojuza_vladelcev_garazhej_rubezh/2010-03-16-25 (дата обращения: 10.06.2014).

РОЛЬ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Привлечение молодых педагогов к работе в образовательных учреждениях культуры является серьезной проблемой как для отдельных школ искусств, так и для системы дополнительного образования в целом. Многие выпускники профессиональных учреждений в сфере культуры не желают связывать профессиональную деятельность с преподаванием. Это обусловлено непривлекательностью сферы образования, низким уровнем оплаты труда. Чтобы повысить привлекательность сферы дополнительного образования для молодых педагогов необходимо осуществлять мониторинг мотивации и «настраивать» систему стимулирования в соответствии с изменяющимися потребностями молодых специалистов. В данной статье мы попытались подчеркнуть важность молодых педагогов для улучшения показателей эффективности учреждений, а также рассмотрели проблему стимулирования и поддержки молодых кадров.

В 2015 году было проведено анкетирование педагогов учреждений дополнительного образования детей в сфере культуры Чкаловского района города Екатеринбурга. Доля молодых педагогов в возрасте до 35 лет составила треть от опрошенных (36%). В основном это люди в возрасте от 25 до 29 лет. Результаты анкетирования показали, что молодежь открыта к инновациям, быстро учится, занимает активную позицию. Именно молодежи принадлежит ведущая роль в модернизации образовательных процессов учреждений. Об использовании инновационных технологий в работе заявили 89% опрошенных (66% используют их всегда, остальные иногда). Активно используются молодыми педагогами на занятиях различные наглядно-иллюстративные материалы, компьютерные технологии. Новые методические подходы применяются молодыми педагогами не только в образовательном процессе, но и при подготовке учеников к концертам, выставкам.

Информационные/компьютерные технологии используют 94% опрошенных молодых педагогов. Варианты ответов часто, всегда выбрали более 2/3 – 69%. В основном компьютерные технологии используются для демонстрации нового материала (электронные презентации, фильмы. Но также молодые педагоги активно используют компьютерные технологии для организации творческого процесса (компьютерная графика, компьютерная музыка, аранжировка на ПК и др.) – указали 50% опрошенных.

Молодежь отмечает в анкетах, что уделяет много внимания изучению литературы по профессиональным вопросам, повышает уровень своих знаний. Изучение специальной литературы по творчеству, музыкальному и художественному искусству – это немаловажно и естественно для молодых педагогов, но нужно уделять больше внимания литературе по методике преподавания, возрастной психологии и педагогике, психологии детей. Только 19% опрошенных интересуются педагогической литературой. В учреждениях профессионального образования в сфере культуры города Екатеринбурга наблюдается аналогичная проблема - исследование учебных планов подготовки специалистов показало недостаточное внимание к дисциплинам педагогики и возрастной психологии.

Чтобы повысить привлекательность отрасли образования в сфере искусства для молодых специалистов необходимо осуществлять меры поддержки как на уровне органов власти, так и на уровне учреждений.

Молодежь является особой социальной группой. Она в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, которые выгодно отличают её от других групп населения. Однако, молодые педагоги являются наиболее уязвимой социальной группой - профессиональное становление происходит одновременно с формированием финансовой самостоятельности, решением жилищных вопросов и созданием собственной семьи. Именно поэтому им необходимы меры особой поддержки (как материальной, так и нематериальной).

Для привлечения молодежи на государственном и муниципальном уровне принимаются меры материального стимулирования, связанные с увеличением уровня средней заработной платы в отрасли, субсидированием процентных ставок по ипотеке, предусмотрены единовременные стимулирующие выплаты выпускникам профессиональных учреждений при трудоустройстве в учреждения дополнительного образования детей. Однако, до сих пор в законодательстве не получило закрепление понятие «молодой педагог», нет критериев для определения этой социальной группы. А, следовательно, не ясно, по отношению к кому должны применяться меры поддержки. Мы предполагаем, что к категории молодых педагогов должны относиться те, кто не достиг 35-летнего возраста и чей стаж педагогической деятельности в учреждениях культуры не превышает 10 лет.

В настоящее время происходит модернизация системы материального стимулирования в учреждениях дополнительного образования, внедряется эффективный контракт. Но на практике отмечается снижение уровня оплаты труда молодых педагогов - ряд показателей эффективности оказался недостижим. Мы рекомендуем применять в учреждениях различные модели эффективных контрактов - для преподавателей со стажем и для молодых педагогов. Необходимо также разработать форму и ввести в практику систему непрерывного мониторинга уровня заработной платы молодых педагогов.

Анкетирование показало, что молодые педагоги не всегда верно понимают ориентиры, показатели эффективности деятельности школ. Так, например, около 30% опрошенных считают показателями эффективности деятельности школ – участие в конкурсах, выставках, фестивалях, концертах. Но лишь два человека указали в качестве показателей эффективности – не просто участие, а высокие результаты (победы) учащихся и педагогов в конкурсах. Многие опрошенные (свыше 60%) в качестве показателей эффективности указывали интерес детей к учебе, выполнение домашних заданий, успеваемость учащихся, проведение внутришкольных концертов и соревнований, научных конференций. Для того чтобы улучшить показатели эффективности работы школ, необходимо разработать индивидуальный план улучшения личных показателей эффективности молодых педагогов, проводить постоянную работу с молодыми кадрами, делать так, чтобы активность молодых педагогов шла на пользу как школе, так и самому педагогу. Этими вопросами должен заниматься руководитель учреждения или наставник молодого педагога.

К мерам нематериального стимулирования молодых работников можно отнести школу молодых педагогов, конкурсы профессионального мастерства, в которых есть номинации для молодых педагогов. Основные меры нематериального стимулирования осуществляются на уровне учреждений-работодателей. В учреждениях города Екатеринбурга активно применяется:

- наставничество (при этом, для наставников должна быть введена система стимулирования, повышения заинтересованности в том, чтобы делиться своими знаниями и опытом работы);
- поощрение участия в конкурсах, концертах для творческой самореализации;
- проектирование собственных творческих мероприятий, реализация авторских проектов.

Таким образом, мы предлагаем повышать привлекательность отрасли дополнительного образования для молодых педагогов за счет развития мер как материального и нематериального стимулирования. Необходимо уточнить в законодательстве понятие «молодого педагога» и осуществлять мониторинг уровня средней заработной платы молодых педагогов в период модернизации системы оплаты труда учреждений для того чтобы предотвратить негативные последствия. Необходимо «настраивать» показатели эффективного контракта с целью привлечения и удержания молодых педагогов в системе дополнительного образования детей в сфере культуры. Меры нематериального стимулирования необходимо расширять.

1. Государственная программа РФ «Развитие образования на 2013-2020 гг»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 №295 // Собрание законодательства РФ, 28.04.2014, №17, ст.2058
2. Концепция развития дополнительного образования детей: распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 №1726-р // Собрание законодательства РФ, 15.09.2014, №37, ст.4983
3. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2008 (ред от 08.09.2010) №1244-р // Собрание законодательства РФ, 01.09.2008, №35. Ст.4069
4. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры»: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 №2606-р (ред. от 30.04.2014) / Собрание законодательства РФ, 14.01.2013, №2, с
5. Учреждения дополнительного образования детей (данные статистики и мониторинга дополнительного образования) // Вопросы образования. 2013. №2. с. 209-232
6. Целищева Е.Ф., Антыгина К.В. Особенности дезагрегирования показателей эффективности муниципальных учреждений в показатели эффективного контракта // Муниципальная экономика и управление. 2015. №1 (10). С. 63-70

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИВАТИЗИРОВАННОМ ПРЕДПРИЯТИИ: 15 ЛЕТ СПУСТЯ

Шершнева Е.Л. (Санкт-Петербург)

Как изменились трудовые отношения на государственном предприятии, которое было приватизировано? Вот один из вопросов, которые стояли перед нами в ходе сравнительного исследования, проведенного по одной и той же методике в 1994 и 2009 годах. В качестве теоретической основы исследования мы использовали культурологический подход, полагая, что в центре преобразовательного процесса лежит не только переход от плановой экономике к рыночной, но противоречие между традиционной и рационально-капиталистической культурой [1]. Чтобы понять, как разрешается это противоречие в ходе реформ, мы сравнили в 1994 году стратегии адаптации к рынку на государственном, совместном и частном предприятии. В 2009 году мы дополнительно провели исследование на приватизированном предприятии. Инструментом для сравнительного анализа послужили идеально-типические конструкции традиционной и рационально-капиталистической организации, при построении которых мы отталкивались от работ Вебера, Тенниса, Поланьи. Эти конструкции включают нормативные основы регулирования социального действия, горизонтальные и вертикальные социальные отношения. В кратком изложении они выглядят так: В традиционной экономической организации социальное взаимодействие регулируется ценностями коммунизма и традиционными потребностями. Горизонтальные социальные отношения строятся на традиционных взаимных обязательствах, включая взаимопомощь и взаимную поддержку. Вертикальные социальные отношения базируются на статусном авторитете. Доминируют произвольное усмотрение и патернализм как структура персональной зависимости. Социальный обмен осуществляется на основе статусных привилегий и обязательств, исключая любые правила соревнования, ориентированные на исполнительские достижения. Рационально-капиталистический тип экономической организации базируется на индивидуальном интересе и инструментальной рациональности. Горизонтальные социальные отношения основаны на формальных функциональных обязанностях. Неформальные отношения компенсируют недостатки формализованного взаимодействия. Отношения руководства и подчинения реализуются

через контрактные права и обязанности. В основе вертикальных отношений - функциональный авторитет. Вознаграждение и санкции ориентированы на достижения. Конкуренция между работниками сопровождается стратегической солидарностью. Сам контракт представляет собой инструментально-расчетную детализированную форму соглашения.

В качестве метода исследования были использованы глубинные интервью, а также анализ коллективных договоров и внутренних положений, регулирующих трудовые отношения. В 1994 году было опрошено 30 человек (рабочие, менеджеры, профсоюзные активисты). В 1994 году – 7 человек (начальник цеха, 5 рабочих, представитель заказчика).

В 1994 году черты традиционной организации были зафиксированы и на государственном, и на совместном, и на частном предприятии, но стратегия адаптации к рынку была разная. На совместном предприятии западный инвестор проводил рационализацию и формализацию трудовых отношений на контрактной основе, преодолевая сопротивление управленческого персонала. Владелец частного предприятия также рационализировал труд и трудовые отношения, сочетая договорные отношения и отношения доверия за счет включения традиций в расчет рационального действия. Государственное предприятие пыталось выжить в рыночных условиях фактически игнорируя требования рынка и даже развивая традиционные трудовые ориентации и институты.

В 2009 году мы применили ту же самую методику для того, чтобы ответить на вопрос –сопровождалась ли приватизация рационализацией? В качестве объекта мы выбрали приватизированное предприятие, которое по большинству параметров совпадало с государственным, обследованном в 1994 году. Схожие параметры: численность работающих – до 300 человек; область деятельности – научно-технические разработки и выпуск опытных образцов и изделий мелкими партиями; преобладает высококвалифицированная рабочая сила; монопольное положение по выпуску определенной продукции на российском рынке; один из основных заказчиков – государство.

В ходе исследования было выяснено, что предприятие не только не продвинулось вперед в деле рационализации трудовых отношений на контрактной основе, но и избавилось от тех расчетных инструментов рациональной организации, которые пыталось внедрить руководство СССР. В первую очередь, мы имеем в виду тарифную систему. Исчезла практика нормирования труда. Был закрыт отдел труда и заработной платы, занимавшийся вопросами экономики и организации труда.

Размер заработной платы, распорядок дня, определяются руководством на основе произвольного усмотрения. Крайнее проявление произвола – снижение заработной платы до законодательно установленного минимума. Такая мера применяется к нелояльным работникам. Вознаграждение рабочих базируется на уравнительном принципе. Причины, по словам начальника цеха, две: Первая - «мы в социализме по всем отношениям, между собою мы все кумовья, братья, не хотим друг друга обидеть». И вторая - из-за плохой организации труда много простоев не по вине рабочего, так что определить его вклад невозможно.

Заработная плата на предприятии «отстает» от рыночной, рабочие лишены контрактных прав и гарантий. И все же начальнику цеха удалось нанять группу рабочих-станочников очень высокой квалификации. Что их привлекло? Во-первых, «хороший» климат в коллективе. «Хороший» климат для рабочих означает взаимопомощь, «плохой» - конкуренцию. Во-вторых - «забота» со стороны начальника цеха. В третьих – относительно низкая интенсивность труда и относительно свободный режим работы. Как видим, для привлечения и удержания рабочих начальник цеха применил большинство стимулов, которые использовались на советских предприятиях и основывались на коммуналлизме, патернализме и традиционных потребностях. Стратегия по привлечению

рабочих оказалась успешной так как соответствовала их ожиданиям: «Мы во многих местах работали и сейчас могли бы найти работу с большим заработком. Но здесь отношение к тебе другое. У нас условия хорошие, душевые. О нас заботятся. Мы чай можем в любое время пить. Это то, что нас держит, объединяет. Можно отпросится, потом отработать. Могут иногда простить, на час тебя отпустят – никто не заметит. И мы не откажем, хоть в выходные, хоть когда выйдем». Тут же рабочие рассказывают, как можно имитировать «напряженную работу» при отсутствии нормирования.

Сохранение традиционной организации означает сохранение низкой производительности и низких заработных плат, от чего в свое время страдали советские государственные предприятия. Рыночные реформы, приватизация ничего не изменили. Сам начальник цеха определил положение так: «Рынок заканчивается на связях с заказчиками, с поставщиками материалов и комплектующих. Там рынок. А все остальное - это социализм, все осталось по-прежнему, нет конкуренции, нет жесткой борьбы за свои права, и наоборот нет четких обязанностей».

В ходе исследования в 1994 году мы выяснили, что характер организации прямо зависит от высшего руководства, определяющего цели и стратегию развития. Сохранение традиционной организации на данном предприятии явилось следствием ориентации собственника – а это бывшее руководство государственного предприятия - на извлечение ренты. Об этом убедительно свидетельствует отсутствие новых технических разработок в постсоветское время.

На примере данного предприятия мы видим, что культурные образцы трудовых отношений являются очень устойчивыми, смена формы собственности не привела к становлению рационально-капиталистической организации.

1. *Е.Л. Шершнева, Ю. Фельдхофф Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. Санкт-Петербург: ООО Петрополис, 1999.*

ШКОЛА КАК МОДЕЛЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА: ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Щеклачева Т.В. (Новосибирск)

Школа, как один из каналов социализации, должна формировать личность человека, учить его функционировать в обществе, сосуществовать с другими людьми. И советская, и российская системы образования выполняли еще одну немаловажную функцию – учили людей многонациональной страны жить в мире и согласии. В этом смысле школа являлась и является моделью поликультурного общества. Проанализируем ряд изменений, которые произошли в этой модели.

В советское время поликультурность школы была в какой-то степени декларируемой, но поддерживаемой через все формальные и неформальные каналы пропаганды (слово употребляется в своем прямом значении, без оценочных суждений): систему организации детского досуга, средства массовой информации, семью. Советские дети через детские книги и учебники, телепередачи и мультфильмы, пионерлагеря (особенно всесоюзного значения) усваивали, что живут в многонациональной и дружной семье. В этом смысле практически любой советский ребенок был морально подготовлен к обучению в поликультурной среде, тем более, что языкового барьера официально не существовало – во всех образовательных учреждениях республик обучение велось на русском языке, знание русского языка приветствовалось и в семьях. Межэтнические конфликты не афишировались.

Особую роль играли единство позиций семьи и школы (за редким исключением), авторитет учительства как социальной группы. Школа и учителя имели влияние на родителей, и таким образом, на учащихся, что позволяло реализовать не только образовательную, но и воспитательную функцию и способствовало поддержанию дисциплины как в классах, так и во всем образовательном учреждении. Все это способствовало нормальному функционированию поликультурной модели, пусть даже и в монокультурной обстановке: в учебниках было написано, учителями говорилось, а СМИ транслировалось и родителями повторялось, что СССР – дом многих народов.

Современная школа функционирует в иных условиях. Несмотря на уклон в гуманистическую педагогику в теории, на практике приоритет отдается образовательной функции. Авторитет учительства как социальной группы не так велик, как раньше. В бывших советских республиках после распада СССР длительное время приветствовалось отбрасывание культурного и языкового советского наследия. В результате межэтнических конфликтов и неблагоприятных экономических условий в России стали прибывать иммигранты из бывших республик, уже не очень хорошо или очень плохо знакомые как с русским языком, так и с культурой. Часть иммигрантов из бывших республик привозили семьи и детей, часть – обзавелись ими в России. Детям легальных мигрантов по закону положены те же права на образование, что и местному населению. В результате часть школ, находящихся рядом с местами расселения мигрантов, столкнулась с проблемами, которые были не характерны для советской школы.

Согласно проведенному нами экспертному опросу учителей мигрантопринимающих школ (159 чел, 11 школ), несмотря на уроки, посвященные гражданскому и патриотическому воспитанию, часть приезжих детей не приемлет традиции и обычаи РФ, плохо знает русский язык, демонстрирует агрессию по отношению к принимающему обществу. Во-вторых, ряду детских конфликтов приписывается этнический подтекст, и в школах, где таких конфликтов много, учителя и администрация вынужденно выполняют роль буфера, затрачивая определенное время и силы на решение конфликтов. Определенные сложности в данном случае создает и то, что родители имеют большие, чем в советской школе, полномочия, что дает им возможность оспаривать мнение педагогов, в том числе о характере и природе детских конфликтов. Местное население (новосибирцы, выборка составила 601 человека) не воспринимает или не хочет воспринимать себя наравне с легальными мигрантами, в то время как по данным нашего исследования легальные мигранты более дружественны к местному населению (насколько эта дружественность декларативна, другой вопрос). Достаточно низок процент тех, кто хорошо относится к учебе своего ребенка вместе с детьми мигрантов (11 %). Вместе с тем, треть опрошенных новосибирцев не придает этому особого значения. Подобное отношение проявляется в том, что часть более-менее благополучных семей избегает школ с большим количеством детей мигрантов.

Учителя и администрация, как уже было обозначено, находятся в достаточно тяжелых условиях: незнание детьми языка, отклонения в поведении, связанные с осознанием детьми своей «инакости», и зачастую вмешательство родителей, транслирующих взаимное отторжение, причем отторжение не только между мигрантами и принимающим обществом, но и между мигрантами разных национальностей. В этих условиях приходится не только возрождать, но и усиливать воспитательный компонент, его межкультурное и межконфессиональное наполнение. Для этого необходимо знать суть культуры учащихся, чтобы понять, каким образом оказывать эффективное воспитательное воздействие. Фактически, учителя и администрация сами вырабатывают и нарабатывают практики общения с иноэтничными учениками, руководствуясь правительственными нормативными документами, но не всегда имея доступ к качественной методической литературе. Именно поэтому большая часть наших учителей-респондентов считает, что уровень готовности школы к приему иноэтничных детей средняя или низкая, а к приему дополнительного числа иноэтничных учеников школы не готовы совсем.

Еще одной особенностью современной школы как модели поликультурного общества является ее функционирование в условиях разнонаправленных каналов передачи информации. Советская школа существовала в информационной связи с политическими, юридическими и общественными институтами, которые транслировали единый подход ко всем сферам жизни, в том числе к межнациональным отношениям, создавали единое информационное пространство. Современная система образования, хотя и транслирует общие идеи толерантности, не всеми признается в качестве единственно верного источника по вопросам не только образования и воспитания, но и межэтническим отношениям. При ответе на вопрос о том, кто и в какой мере влияет на формирование отношения к людям других национальностей, учительство и система образования оказались на последнем месте. Всего 36,7% опрошенных новосибирцев считают, что школа значительно влияет на формирование отношения к людям других национальностей, в то время как большинство отмечает, что значительное влияние на это оказывают семья и родители (72,8%), а также сам человек (71,4%).

Тем не менее, учителя, апеллируя к самоидентификации детей как учащихся для сплочения классного и общешкольного коллективов, с тем или иным успехом учат детей сосуществовать в многонациональной стране

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ярошенко С.С. (Санкт-Петербург)

В докладе рассматриваются механизмы социального исключения в России и то, как текущая теоретическая дискуссия сочетается с избирательной социальной политикой, а также какие уроки можно извлечь из результатов протяженного во времени социологического исследования способов выпадения из постсоветского общества. Исследование социального дна и причин вытеснения на обочину – особая стратегия исследования в постсоветском обществе, позволяющая избегать спекуляций на тему относительной бедности и разного рода мифов вокруг советского прошлого и постсоветского настоящего. Исследование было проведено автором с 2000 по 2010 годы в одном из регионов России. На основании полученных результатов предлагается обсудить влияние постсоциалистических условий на производство бедности и специфику социальной трансформации в современной России.

СЕКЦИЯ 9: СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ: КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ И ПРАКТИКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ КРИЗИСА: ДЕНЕЖНАЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ

Абрамова С.Б. (Екатеринбург)

Необходимость объяснения и комплексного прогнозирования социальных процессов, которые определяют развитие современного российского общества, закономерно связана с проблемой его включенности в общемировые социокультурные процессы. В эпоху капитализации экономики России интерес к проблеме сущности и роли денег резко возрос. Финансовый кризис, охвативший мировую экономику, изменил и ускорил процесс трансформационных структурных преобразований и вновь вывел «денежный вопрос» в число наиболее острых в общественном сознании. В период реформ ценностные ориентации становятся противоречивыми, зачастую радикальными, а процесс их изменения – неконтролируемым, затрагивающим, прежде всего, представления о наиболее значимых целях жизни человека и способах их достижения. Тем самым изменяется и характер социальной роли денег как социально-экономического и культурного ресурса, государственного символа и гаранта социальной уверенности, характеризующийся резким возрастанием значимости их внеэкономической составляющей.

Современная денежная форма потребностей приняла всеобщий характер в результате вызванных «фактором денег» социально-экономических процессов, создавших новую форму и среду жизнедеятельности человека. Глобальные процессы, в том числе экономики и систем управления, существенно изменяют систему мировоззрения и социальных взаимодействий, «запуская» процесс «колонизации». Рационализирующий системный порядок оказывает давление на локальные культурные и исторические универсалии жизненного мира российского общества. Их влияние друг на друга, поначалу казавшееся вполне предсказуемым в духе «общемировых тенденций», становится все более сложным и неопределенным. Согласно концепции Ю. Хабермаса, культурные образцы истолкования мира, ценности и способы выражения предстают как ресурсы, которые лежат в основе взаимопонимания участников взаимодействия. Этим жизненный мир определяет и ограничивает возможности принятия новых социальных практик и ценностей. Российское общество, вся система его философии и культурного пространства всегда выстраивались вокруг «русской идеи». С другой стороны, в капиталистическом обществе колонизация жизненного мира достигает колоссальных темпов и масштабов: манипуляция внутренним миром индивида приводит к культурному обеднению и упрощению.

Можно выделить два основных направления, по которым происходит «ценностный разрез». Во-первых, межпоколенческий переход как процесс трансформации ценности денег под влиянием возрастных особенностей, экзистенциального опыта и социально-экономических условий социализации и жизни поколения. Можно говорить о сосуществовании двух поколений: «свидетелей колонизации» и «жителей колонизированного мира». Представления среднего и старшего поколения о том, какие ценности необходимо воспитывать в современных детях, могут значимо отличаться от их собственного воспитания в семье. При этом представление о том, что важно для успеха (модернистские ценности) противоречит идее о том, какие нравственные ориентиры нужно формировать у детей (традиционалистские ценности). Нравственно-противоречивое отношение к деньгам, присущие большинству культур и являющееся основанием множественных дискуссий о смысле жизни, социальной справедливости и т.п., колоссально обостряется в условиях экономического кризиса. Индикаторами нравственного конфликта выступают противоречия, связанные с несоответствием представлений о деньгах, существующими в общественном сознании, и ценностью денег для личности; смыслов, приписываемых деньгам, и реальных возможностей денег; значимости денег и возможности их достичь и т. д. Деньги как социальный ресурс начинают вмешиваться в «привычную» иерархию ценностей и смыслов, и принципиально важным становится не то, на каком месте в системе ценностей оказались деньги, а то, какие ценности оказались ниже их.

Во-вторых, отношения между территориальными, региональными и поселенческими общностями, социальные различия и неравенство в положении которых накладывают отпечаток на уровень, качество и образ жизни людей и создают разрыв единого ценностного и ресурсного пространства российского общества, что особенно

проявляется в условиях кризисности. Молодые люди, проживающие «в провинции», «моногородах», территориально отдалённые от больших городов, во многом воспроизводят ценностные приоритеты и достигательные стратегии, характерные для их сверстников из мегаполисов 5-10 лет назад. Такое несовпадающее значение ценности денег и материального ресурса становится одним из актуальных направлений исследования социокультурных процессов в современной России.

При этом глобальный экономический кризис, приобретший характер крайней неопределенности, привел к снижению уровня социального оптимизма и социального самочувствия. Это приводит к возврату и усилению проявлений «колонизированного мира». Социологические наблюдения докризисного периода фиксировали изменения тенденций, сложившихся в постсоветском обществе: если в начале 2000-х годов многие авторы утверждали, что изменения системы ценностей и жизненных приоритетов проявляются в резком возрастании значимости для личности материальных благ, а также утрате нравственных ориентиров, то в конце 2000-х стали чаще констатировать, что материальный фактор перестает быть ведущим в построении личностной стратегии социального успеха как в качестве критерия, так и в оценке денег как неперемennого ценностного блага. В настоящее время актуализация экономической напряженности в стране «разворачивает» эту тенденцию вспять.

Продолжая классическую теорию отчуждения, можно утверждать, что деньги в условиях кризисного общества значительно усиливают экспансию «вещного мира». Это рождает, как писал Э.Фромм, в мире идей – многообразное, но неглубокое знание, в сфере формирования личности – «рыночной» характер, на общественном уровне – фрагментарное и недоверительное общение. Для посттрадиционного жизненного мира денежная рационализация – угрожающий процесс его внутренней колонизации. Из повседневной жизни вытесняются морально-практические элементы, из семьи – чувства любви и ответственности, из науки – идеи призвания и служения. В советский период восприятие и оценка других людей связывались, прежде всего, с их нравственными качествами («проходимцы и честные», «добрые и злые»). Сейчас в 4 раза возросло значение экономических критериев идентификации. Экономическое поведение с внутренней локализацией ответственности, которое активно формировалось последние 15 лет, вновь стало заменяться внешним локусом ответственности.

С другой стороны, деньги выступают одним из символов страны, наряду с флагом, гимном, а порой и более известным как внутри государства, так и за его пределами. Не случайно при установлении независимости государства одним из первых шагов является определение собственной валюты. Сейчас российская действительность такова, что национальные деньги не реализуют денежные функции: ценообразованием и накоплением правят доллары, условные единицы. Естественно, это усиливает негативное отношение к стране и актуализирует «образ врага», деформирует систему ценностей в обществе, искажает восприятие денег и их роли в обществе. Россияне пессимистично оценивают будущее российской экономики, 75% считают, что их жизни зависит от курса доллара.

Деньги как социальный институт, регулирующий все формы символического социального взаимодействия, выполняют функцию поддержания стабильности экономической и социальной структуры общества. Актуальная денежная культура как относительно автономная система открыта для влияния со стороны экономических, культурно-исторических и прочих условий существования общества, весьма чувствительна к проявлениям нестабильности и выступает регулятором и трансформатором поведения личности в нестабильной системе социально-экономических отношений. Будучи укорененной в экономической культуре, она выходит за ее пределы и затрагивает всю систему культурных образцов и ценностей.

ПАРАДОКСЫ ДИСКУРСА О РЕФОРМЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Волкова Л.В. (Москва)

Реформа образования продолжается, протесты общественности раздаются все реже, но это вовсе не означает, что большинство общества признало правильность реформ. Скорее поняло бесполезность протестов, так как государство проводит реформу, не обращая внимания не реакцию непосредственных участников образовательного процесса. Можно считать, что по этому вопросу много лет идет латентный конфликт. Поскольку этот конфликт имеет массовый характер и затрагивает все ключевые подсистемы социума, необходимо разобраться в его структуре и причинах.

Одним из путей понимания сущности происходящего может стать структурный анализ дискурса об образовании, его основных субъектов, их стратегии, позиции, ресурсы.

Первый коллективный субъект условно назовем «государство». В нее входят чиновники всех уровней, представители государственных или аффилированных с ними исследовательских структур, а также руководители образовательных учреждений «новой формации» - «современные менеджеры», пришедшие к руководству вследствие прямого назначения «сверху».

Степень консолидации внутри этого субъекта очень высока. Декларируемые цели реформ: развитие человеческого капитала, повышение доступности и качества образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина. Реальные цели, как полагают многие критики, и как показывает опыт последнего десятилетия – оптимизация (сокращение) и перераспределение расходов бюджета на образование.

Приведем типичное высказывание представителя данного субъекта:

«Университеты больше не обители «мастеров», передающих знания своим ученикам, а образовательные супермаркеты. Образование становится платным, исключается из зоны ответственности государства и переходит в формат инициативы самого человека. Это делает образование максимально ориентированным на потребителя и маркетинговым». □1□

Представители «государства» владеют практически монопольными правами на озвучивание своих позиций и концепций в большинстве федеральных и региональных СМИ, включая телевидение, а также на крупных публичных площадках всех уровней. Парадокс заключается в том, что проводя реформы, затрагивающие интересы миллионов людей и судьбу страны, эти акторы меньше всего заинтересованы в получении обратной связи. Все контраргументы и протесты либо игнорируются, либо тонут в потоке демагогии и специальной терминологии.

«Назвать это дискуссией уже не получается: идёт игра в одни ворота» – так характеризовал сложившуюся ситуацию член-кор. РАО А. М. Абрамов. □2□

Еще один парадокс. Перебирая на все лады слово «качество», ни чиновники, ни теоретики до сих пор не сообщили остальным субъектам, что они под качеством понимают (лозунги типа «создание демократической системы образования», «индивидуализация образовательного процесса» - не в счет). Внедряемые критерии оценки качества образования в реальности строятся исключительно на формальных количественных показателях. При этом связь предлагаемых показателей с качеством весьма опосредована: никто даже не пытался объяснить, как влияет на доступность и качество образования конкретный студент средний балл поступающих или индекс цитируемости преподавателей в зарубежных научных изданиях.

Третий парадокс. Сквозь пылкую риторику и бурную деятельность идеологов и организаторов модернизации образования отчетливо проступает то, что А.М. Абрамов назвал «конфликт интересов» - личная заинтересованность в распределении и перераспределении высоких должностей и бюджетных средств. Эта заинтересованность проявляется, в том числе, в совмещении функций: одни и те же персонажи получают бюджетные средства на разработку концепции, на ее реализацию и на проведение «общественной» экспертизы ее результатов. Распространенность конфликта интересов

настолько велика, что приняла характер «эпидемии». Отсюда естественно вытекает с одной стороны, недоверие других субъектов к идеям и аргументации «реформаторов», с другой – копирование демонстрируемых моделей поведения. □3□

Второй субъект дискурса – «педагогическое сообщество». Это абсолютное большинство педагогов всех ступеней образования и примкнувшая к ним часть работников науки, политиков, журналистов и прочих представителей образованных слоев населения. Парадокс состоит в том, что педагоги – единственные профессионалы в описываемом дискурсе, и, по идее, инициатива и концепции реформ должны бы исходить именно от них. Однако за все годы реформ педагогическое сообщество не предложило ни одной конструктивной модели развития российского образования, ни организационной, ни содержательной. Позиция этого субъекта сводится к критике содержания и формы предлагаемых и проводимых государством изменений. Но даже эта позиция не имеет консолидированного выражения на уровне большинства сообщества. Она выражается отдельными акторами, преимущественно в интернет-изданиях и социальных сетях, либо на локальных дискуссионных площадках. Большинство же озвучивает ее только в межличностных и групповых коммуникациях. Фактически педагогическая общественность отдала всю инициативу и ответственность за судьбу отечественного образования государству.

Еще одна парадоксальная особенность педагогического сообщества – конформизм. По замыслам реформаторов, большинство педагогов должно быть выброшено из системы образования, остальным предписано реализовывать задуманное, то есть лично участвовать в том, что они считают «разрушением образования». И поскольку вопрос стоит о личном «выживании» каждого в профессии, педагогам остается приспособляться или саботировать, что они с переменным успехом и делают, отчего реформы хронически не достигают ожидаемых результатов.

И финальный парадокс. Представители государства, как говорилось выше, строят свои модели реформ на основе экономического подхода, оперируют терминами «образовательные услуги», «экономическая эффективность», «человеческий капитал» как фактор производства. Педагогическое сообщество в целом основывается на культурно-гуманистическом подходе и видит сущность образования в трансляции и приумножении знаний, культуры, успешной социализации. «Образование человека» есть внутренний процесс формирования личности, обретение человеком своего, присущего только ему человеческого образа со сложным эмоциональным миром, характером, системой ценностей, суммой знаний, умений и т.п... Гарантировать заранее запрограммированный результат, как правило, нельзя – можно лишь повысить вероятность его достижения, усиливая влияние благоприятных факторов». □4□

Таким образом, получается, что сторонники и противники реформ строят аргументацию в рамках не одного, а двух разных дискурсов: разные подходы, разные каналы, разные ресурсы, и главное – отсутствие обратной связи.

Французский постмодернист Ж.-Ф. Лиотар считает, что столкновения гетерогенных видов дискурса возникают вследствие стремления субъектов спасти целостность мышления и языка. Внутри одного вида дискурса конфликт всегда может быть разрешен, но он принципиально неразрешим между гетерогенными дискурсами. Если это так, то, как говорят врачи, прогноз российского образования неблагоприятен. □5, с. 165 □

1. Чернышов С. Незаменимые у нас есть // «Expert Online» 18 май 2015. - <http://expert.ru/siberia/2015/21/nezamenimyie-u-nas-est/?n=171>
2. Соколова В. Серые кардиналы образования // "Совершенно секретно", No.4/263. - <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/2758>
3. Абрамов А. Национальный интерес или конфликт интересов? // «Expert Online» 30 мая 2011. - <http://expert.ru/expert/2011/21/natsionalnyij-interes-ili-konflikt-interesov/>

4. *Абрамов А. Новая образовательная политика // «Expert Online» 06 июня 2012. - <http://expert.ru/2012/06/6/novaya-obrazovatel'naya-politika/>*
5. *Социальные знания и социальные изменения. — М., 2001. — 284 с.*
6. *Вольчик В.В. реформирование российской системы высшего образования: роль мифов и институтов // TERRA ECONOMICUS, 2013 Том 11 № 2*
7. *Клячко, Т. Л. Образование в России: основные проблемы и возможные решения / Т. Л. Клячко. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 48 с.*

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ КРИЗИСНЫХ ПЕРЕМЕН В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Воробьев П.С. (Москва)

С момента образования независимого украинского государства в 1991 г. властные элиты данной страны оказались перед необходимостью разработки новой модели культурной политики. Это было обусловлено необходимостью выстраивания нового формата общественных отношений под влиянием рыночной экономики и публичной политической конкуренции. Одной из главных задач властей независимой Украины стало укрепление государственности, основанное на историческом, идеологическом и культурном дистанцировании от советского прошлого и Российской Федерации как правопреемницы СССР. Разработка новых культурных смыслов была во многом подчинена задаче поиска собственной национально-государственной идентичности. Это обуславливает крайнюю политизированность культурных смыслов, конструируемых и распространяемых в украинском обществе на современном этапе.

Переплетение исторических судеб территориальных образований и народов, ранее проживавших на территории современной Украины, затрудняли процесс разработки новой культурной политики. В этой связи украинскими реформаторами было принято решение считать «развилкой» российской и украинской государственности период Великой Отечественной войны, и выделять в отдельную модальность участие украинских повстанцев во Второй мировой войне. Радикальные националисты, такие как Р.И. Шухевич, лидер «Организации украинских националистов» (ОУН) и командующий «Украинской повстанческой армией» (УПА), и С.А. Бандера, также лидер ОУН, стали именоваться новым поколением украинских историков борцами за украинскую независимость. К более древним истокам украинской государственности, согласно украинской «Концепции национально-патриотического воспитания детей и молодежи», принятой в 2015 г., относятся Киевская Русь, Великое княжество Литовское, Войско Запорожское, Гетманщина, Украинская Народная Республика, Гетманат Павла Скоропадского, Западно-Украинская Народная Республика, Карпатская Украина и «другие украинские освободительные проекты». Однако, с начала острого политического кризиса, развернувшегося на Украине в конце 2013 г., наметилось доминирование именно радикального национализма и русофобии в украинском культурном пространстве.

В этой связи значимость советского этапа истории и Великой Отечественной войны стала занижаться за счет дискредитации советских властей, на которых возлагалась ответственность за «голодомор», «оккупацию», и притеснение украинской культуры. В то же время, до конца 2013 г. украинские власти были не готовы к резкому распространению национализма, поскольку для него недоставало необходимых предпосылок; напротив, сохранялись тесные социальные, культурные и экономические связи с Россией. Идеологи украинского национализма, в свою очередь, делали упор на принцип, сформулированный Л.Д. Кучмой – «Украина – не Россия», подразумевая исторический антагонизм между украинцами и русскими. Процесс распространения национализма в период до «евромайдана» уже рассматривался киевскими властями как реальный способ укрепления господства через воздействие на фундаментальные ценности и установки граждан.

События на «майдане» в конце 2013 – начале 2014 гг., государственный переворот, потеря территориальной целостности и начало силовой операции на Донбассе предопределили значительные изменения в культурно-исторической политике. Объявление России «страной-агрессором» стало сигналом для широкого круга националистов к распространению влияния на украинское общество. Националисты при поддержке властей стали активизироваться в различных регионах страны и препятствовать выступлениям политических сил, не поддержавших «майдан». Наиболее радикальные элементы вступали в добровольческие батальоны для борьбы с «российской агрессией». Таким образом, по выражению историка А.И. Миллера, «произошла победа западноукраинского варианта идентичности в центральной части страны» [1]. В итоге, массовые протесты в Киеве из акции в поддержку «евроинтеграции» трансформировались в националистическую «революцию достоинства».

По словам П.А. Порошенко, на современном этапе «культура станет первой гарантией единства Украины» и «оружием в противостоянии попыткам размывания национальной идентичности» [2]. Рассмотрим основные инструменты культурной политики в современной Украине:

1. Изменение трактовки отдельных эпизодов Второй мировой войны. 24 марта 2015 г. П.А. Порошенко подписал указ «О мероприятиях по празднованию в 2015 г. 70-й годовщины Победы над нацизмом в Европе и 70-й годовщины окончания Второй Мировой войны» [3]. Согласно документу, на Украине были введены две памятные даты: 1) 8 мая – День памяти и примирения; 2) 9 мая – День Победы над нацизмом во Второй Мировой войне. По заявлению Президента Украины, 8 мая стало днем памяти погибших во Второй Мировой войне; 9 мая – днем чествования выживших [4], что указывает на возможность упразднения официального статуса Дня Победы в ближайшем будущем.

Современная история, по мнению украинских властей, должна преподноситься в четко определенном идеологическом контексте. Авторы «Концепции национально-патриотического воспитания детей и молодежи» считают, что во время «евромайдана» украинцам именно «благодаря базовым цивилизационным ценностям удалось разграничить мир диктаторских ценностей евразийства и общечеловеческих ценностей Европы» [5].

2. «Декоммунизация». 15 мая 2015 г., в День памяти жертв политических репрессий, П.А. Порошенко подписал пакет законов «о декоммунизации». По словам Президента Украины, принятые законы позволят «окончательно очистить Украину от символов режима, который уничтожил миллионы невинных людей» [6]. «Декоммунизация» является значимым инструментом для политической социализации нового поколения, растущего в атмосфере русофобии, взращиваемой на почве антисоветизма и укрепляемой регулярными сюжетами СМИ о «российской агрессии на Донбассе». «Декоммунизация» включает в себя государственную политику в области демонтажа памятников советского времени, переименования музеев, улиц и городов.

Набор перспективных направлений развития культурной политики на Украине во многом будет зависеть от стабильности действующего политического режима и развития ситуации на Донбассе. Если принимать во внимание наиболее устойчивые тенденции политического процесса на Украине, то киевские власти в обозримом будущем не откажутся от эксплуатации образа России как «внешнего врага».

Если рассматривать сценарий дальнейшего ослабления украинского государства на почве ухудшения социально-экономической ситуации, то значимым культурно-историческим ориентиром для граждан может стать советская модель развития. По данным исследования американского «Института Гэллага», проведенного летом 2013 г., 29% украинцев считали, что Украине подходит советская модель политического развития, но с более развитыми демократическими практиками и рыночной моделью экономики [7]. При этом, на Востоке страны, который включал в себя Крым, лишь шестая часть респондентов (15%) заявила о поддержке демократии западного образца.

«Демократизированная» советская модель государства и старая советская система имела значительную поддержку в центральных и восточных областях: исконную модель СССР назвали предпочтительной соответственно 22% и 23%; модель СССР, основанную на рыночной экономике – 29% и 34% украинцев. В перспективе именно глубинные культурно-исторические представления могут сыграть решающую роль в переосмыслении политики Киева жителями как минимум восточной части Украины.

1. «Украинская идентичность сформировалась в XX веке». Историк Алексей Миллер об истоках украинского национализма // *Lenta.ru*. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/02/12/ukrid/> (дата обращения: 08.10.2015).
2. Порошенко намерен превратить культуру в оружие // Информационное агентство России «ТАСС». URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1816209> (дата обращения: 08.10.2015).
3. Указ Президента Украины №169 / 2015 «О мероприятиях по празднованию в 2015 году 70-й годовщины Победы над нацизмом в Европе и 70-й годовщины окончания Второй мировой войны» // Президент Украины [Официальный сайт]. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/1692>
4. Порошенко: 8 мая станет днем памяти погибших в войне, 9 мая – днем чествования живых // ГОРДОН: Главные новости дня Украины и мира. URL: <http://gordonua.com/news/politics/Poroshenko-8-maya-stanet-dnem-pamyati-pogibshih-v-voyne-9-maya-dnem-chestvovaniya-zh>
5. Приказ Министерства образования и науки Украины от 16.06.2015 № 641 «Об утверждении Концепции национально-патриотического воспитания детей и молодежи» // Министерство образования и науки Украины [Официальный сайт]. URL: <http://old.mon.gov.ua/ru/about-ministry/>
6. Порошенко: пришло время очистить Украину от коммунистического прошлого // РИА Новости Украина. URL: <http://ria.com.ua/politics/20150517/367666903.html> (дата обращения: 08.10.2015).
7. Democracy Important to Most Ukrainians // Институт Гэллана [Официальный сайт]. URL: <http://www.gallup.com/poll/167759/democracy-important-ukrainians.aspx> (дата обращения: 08.10.2015).

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ТИП СОЦИО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕДИАЦИИ

Гафнер К. (Санкт-Петербург)

Исследователи называют современную эпоху информационным обществом, приписывая ей черты неопределенности, размытости ценностных оснований, фрагментарности социального и личного опыта и др [4, С.30]. В этом контексте конфликты приобретают характер коммуникативных феноменов, элементов единой коммуникативной системы, а медиация, наш взгляд, может рассматриваться как продолжение конфликтной коммуникации при наличии осознаваемых несовместимых версий проблемы у участников, которое может произвести действие по поиску взаимоприемлемого решения.

Как утверждает Луман Н, коммуникация невероятна, хотя мы каждый день переживаем и культивируем ее. Коммуникация может рассматриваться ее участниками как способ обозначить разногласия и разногласия эти – столь же необходимый компонент коммуникации, как и согласие [3]. Коммуникации порождают альтернативу, поэтому, все они по сути своей рискованны, а значит, конфликтны.

Внутреннее устройство коммуникативной системы описывается у Н. Лумана посредством понятия структурного соединения, заимствованного им у Матураны. На наш взгляд, в медиации «источниками возбуждения» могут выступать: произошедшая конфликтная ситуация, которой придается второстепенное значение (т.е. «исключается»),

и отношения, ориентированные на будущее, на которых заостряется внимание в первую очередь (т.е. “включается”).

Еще одним важным понятием, отражающим структурирование и упорядочение коммуникативных систем – понятие символически генерализированных посредников. По нашему мнению, это то, что удерживает конфликтующие стороны за столом переговоров – это, например, деньги, ценностные ориентации, время и равенство участников в конфликте, под которым подразумевается неспособность решить проблему в одиночку.

Луман Н. предлагает рассматривать коммуникативные системы в качестве оперативно закрытых (не в том смысле, что они не взаимодействуют с окружающей средой, а в том смысле, что они сами определяют свои собственные границы в окружающей среде), состоящих исключительно из собственных операций, производящих коммуникации из коммуникаций [2, С.30].

Конструирующим аспектом медиации выступает социальный конфликт, который возникает в результате потери стабильности коммуникативной системы перед выбором “собственной судьбы”, именуемый точками бифуркации [1, С.170-172].

Самореферентность и аутопоэзис коммуникативных систем Лумана являются теми механизмами, которые обеспечивают необратимость развития этих систем. В коммуникации принципиально невозможна устойчивая равновесность, выраженная в утопических поисках так называемого консенсуса. Таким образом, одна из задач медиатора – фиксировать состояния неустойчивости в ходе переговорного процесса за столом переговоров и оперативно реагировать на ситуацию без навязывания определенного сценария развития, поскольку в точках бифуркации система становится особо чувствительной к внешним воздействиям, которые актуализируют определенный сценарий развития.

По Луману [5] конкретный медиационный случай можно представить как *систему взаимодействия*, когда присутствующие стороны конфликта и медиатор находятся за одним столом переговоров. Личное присутствие является принципом отбора и принципом формирования границ этих систем.

По степени неопределенности самыми простыми в медиации, на наш взгляд, являются *этапы вводного слова, подготовки проекта соглашения и выход из медиации*, где осуществляется коммуникация “по существу”. Наиболее непредсказуемой для медиатора может оказаться стадия *дискуссии* вследствие ее высокой эмоциональной окрашенности.

В нашем исследовании мы описали *неклассический тип социо-коммуникативных технологий в медиации*:

1. *Технология решения нестандартных ситуаций:*

а) *Техника мониторинга социо-коммуникативной системы по основным индикаторам;*

б) *Техника вербализации отклонений;*

в) *Техника выработки договоренностей о новом векторе развития;*

г) *Техника “шаг назад”;*

2. *Техника получения обратной связи по основным критериям;*

3. *Техника процедурных договоренностей в вводном слове медиатора;*

Медиация – это самовоспроизводящая система, которая, в первую очередь, самовоспроизводит саму себя как систему, во-вторых – самовоспроизводит коммуникации и смыслы. Являясь оперативно замкнутой, данная система создает процессы воспроизводства собственного единства посредством языка, описания сущности медиации, ее особенностей, правил и этапов. Посредством специализированных и обыденных коммуникативных дискурсов медиация как социо-коммуникативная система рефлектирует себя и, как предполагается, существенно корректирует собственные параметры.

1. Василькова В.В. *Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации)*. – СПб., 1999. С. 170-172.
2. Луман Н. *Понятие общества // Проблемы теоретической социологии*. СПб., 1994. С. 30.
3. Луман Н. *Что такое коммуникация?* – URL: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_3.shtml.
4. Наумов С.А. *Игра как способ представления реальности публичных коммуникаций // Вопросы философии*. 2008. No 6.
5. Феофанов К.А. *Николас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии*. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/856/870/1231/005.FEOFANOV.pdf>.

ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: СЛУЧАЙ ПОЧТЫ РОССИИ

Гудова Е.А. (Москва)

Почтовые услуги являются важным фактором развития страны, также как электрификация, транспортная сеть и логистика и промышленность. Почта обеспечивает коммуникацию, распространение и перемещение различных материальных объектов, обмен сообщениями, а также массу других непрофильных услуг (оплата коммунальных счетов, налоговых сборов и штрафов, выплата пенсий, переводы и т.д.). При этом отрасль почтовых услуг и связи претерпевает сегодня значительные изменения благодаря возникновению и распространению новых средств коммуникации, электронной торговле, развитию логистики, постепенной убыли сельского населения и растущим потребительским ожиданиям.

Национальный почтовый оператор России Федеральное Государственное Унитарное Предприятие (ФГУП) «Почта России» со времени своего основания в 2002 г. пережило уже три масштабных реорганизации, последняя из которых продолжается и в настоящий момент. Текущая трансформация во многом направлена на превращение почты из убыточного и процессоориентированного госпредприятия в живучий и прибыльный коммерческий бизнес. Для этого предусмотрены такие шаги, как создание «почтового банка», акционирование организации, развитие блока логистики и посыльного бизнеса, а также многое другое. Тем не менее, одним из первых этапов на пути реорганизации стало обновление руководства компании.

С приходом команды топ-менеджеров с богатым опытом работы на различных рынках в значительной мере обновился и состав среднего руководящего звена, а также ведущих и главных специалистов. При этом постепенно сложилась ситуация напряжения между «новыми» и «старыми» сотрудниками: новое руководство проводило реформы в соответствии со своим видением эффективной бизнес-организации, а «старые» исполнители данных реформ не всегда имели и получали представление о том, куда и зачем организация движется, и почему вчера было важно доставлять отправления и обслуживать население, а сегодня – зарабатывать деньги.

Поворот от обслуживания интересов государства и жителей к коммерческой успешности не является вехой развития исключительно российской почты. Так, неэффективность американской USPS до реформы 1970 г. объяснялась тем, что почта в принципе не подходила под определение экономически рациональной и эффективной организации. Она имела другую логику функционирования и другие цели: демократические права пользователей услуг, национальный суверенитет, стратегическую важность почтовых сообщений между частями страны и т.п. Максимизация прибыли не входила в эту задачу [Biggart N. W. 1977].

Другая концепция, объясняющая трансформацию британской Royal Mail, предполагает, что одним из наиболее острых вопросов в дискуссии о ее приватизации и реструктуризации стала «неработоспособная миссия организации», которая требовала соединения двух миров: коммерческого, с упором на рентабельность бизнес – процессов; и социального, с задачами обеспечить связь и коммуникацию между всеми членами сообщества. [Ellis S. 1998].

Еще одна интерпретация сложностей выбора между «коммерческой» и «социальной» ориентацией обращает внимание на социальное и политическое значение почты. Так, в послевоенной Японии, почтальоны и сотрудники отделений получили большое влияние в локальных сообществах, что позволило им выстроить политическую сеть и оказывать косвенное влияние на мнение электората. [Maclachlan P.L. 2004; Goydke T. 2009].

Противопоставление «финансовая – социальная» не является исключительным для Почты России или ключевым для понимания ее реорганизации, однако оно является существенным для понимания того, как повели себя в этой ситуации сотрудники и как это стало отражаться на дальнейшей работе организации.

Согласно К.Вейку, в ответ на существующую неопределенность [uncertainty] и двусмысленность [ambiguity] деятельности индивиды стараются «придавать смысл» [sensemaking] событиям и решениям. В случае с Почтой процесс осложняется тем, что административный аппарат не только территориально удален от непосредственных клиентов, но и не всегда представляют себе происходящее в отделениях и производственный процесс. Сотрудники же отделений не всегда понимают, что происходит в управлении, и принимают решения «начальства» на веру. И у тех, и у других существует некоторый «собираемый образ» другого, а прецедентов личного взаимодействия крайне немного. Как в данной ситуации происходила коммуникация и каким смыслом наделялись события – достаточно значимые вопросы, позволяющие понять внутреннюю кухню организации и самого процесса реорганизации

Основным методом сбора данных было выбрано включенное наблюдение.

Наблюдение проводилось в Департаменте маркетинга на позиции главного специалиста. Вход в поле осуществлялся через проводника в организации и формальный найм. Сроки проведения исследования составили период 06.2013 – 09.2014. Поскольку заход в поле оказался максимально приближен к формальной процедуре найма, специфической рабочей легенды не потребовалось.

Для сбора данных использовались дневник, фотографии и аудиозаписи. Также анализировались и просматривались доступные документы и проводились интервью в свободной форме с действующими и бывшими работниками структурного подразделения (всего 12 интервью). Полученные в дневниках и интервью данные использовались и обрабатывались с помощью открытого и осевого кодирования в соответствии с фокусами наблюдения.

В результате были получены следующие выводы:

1. Несмотря на то, что почта выступает «столкновением интересов», тон в ее реорганизации всегда задает стоящее выше Министерство (которое иной раз мыслится как абстрактное). Далее выбранные агенты экстраполируют изменения и новые взгляды до нижних уровней

2. Почта «балансирует» между государственностью и коммерцией, убыточностью и доходностью, специфичностью и типичностью. Это не простые комбинации, можно предположить существование двух больших представлений: о Почте – как государственной, убыточной и специфической, и как о вполне обычной компании, которую можно «окоммерчить» и сделать доходной. Отсутствие единого видения, особенно на этапе изменений, порождает неопределенность и двусмысленность

3. Сложившаяся структурная «двойственность» привела к сложностям в интерпретациях сотрудниками разных уровней действий друг друга; часть внутренних

процессов «рассыпалась» - по-старому работать было нельзя, а по-новому еще никто не понял, как

4. Почта объединяет в себе множество разрозненных частей, которые живут, работают и что-то производят независимым друг от друга образом, а иногда и напрямую могут мешать друг другу в реализации целей и задач

5. Едва ли не единственным, в чем все сотрудники согласны, является необходимость сохранения и возвращения доверия населения Почте, поскольку лишь оно способно удержать вместе социальную направленность деятельности почты и ее новую коммерческую ориентированность; если его не будет и Почта не восстановит качество базовых услуг, о других рынках можно не задумываться

1. Biggart N. W. 1977. *The creative-destructive process of organizational change: The case of the post office. Administrative Science Quarterly*, pp. 410-426
2. Ellis S. 1998. *A new role for Postal Service: an investigation into issues behind strategic change at Royal Mail. Total Quality Management*, Vol. 9, No 2-3, pp. 223-234
3. Goydke T. 2009. *The transformation of Japan Post into a global player. Asia Pacific Business Review*, Vol. 15, No. 3, pp. 347-368
4. Maclachlan P.L. 2004. *Post Office Politics in Modern Japan: The Postmasters, Iron Triangles, and the Limits of Reform. Journal of Japanese Studies*, Vol. 30, No. 2, pp. 281-313

СУБКУЛЬТУРА ХУДОЖНИКОВ

Добрынин Е.Н. (Ростов-на-Дону)

В сегодняшних условиях глобализации, демократизации, информатизации... общества социокультурная реальность не может быть рассмотрена при помощи стандартного социологического набора методов. Мировое сообщество обретает все новые грани восприятия, так и культура претерпела значительные изменения за последние годы.

Актуальность: Для России двадцатый век в культуре был неким оплотом, стабильным и непоколебимым, однако такая «конструкция» всегда критиковалась со стороны художественного сообщества, ведь консервативные, во многом, тоталитарные взгляды, на искусство в советском обществе ограничивали искусство, по природе своей, свободное. Так с распадом Советского союза спали и эти оковы, десятилетиями сдерживающие творческую прослойку общества. Конец 20 века можно охарактеризовать как «выход из подполья». Но кто же может покинуть это самое подполье? Люди которые были гонимы властями за свои творения или оставшиеся без профессиональных знаний художники-самоучки? В связи с этим остро встал вопрос профессиональной и социальной идентификации художников.

Проблема идентичности, до недавнего времени интересовавшая сравнительно узкий круг ученых – социологов, психологов и культурологов, за последнее время выросла до национального и международного уровня, а сам термин укрепился в словарях государственных деятелей, политологов и журналистов, тем самым захватив практически все уровни общественной жизни. Сегодня считается, что народ, нация, государство не могут существовать, не осознавая свою идентичность, так и сообщество любого уровня должно иметь некоторую социальную «связку». Согласование идентичности этнических, социальных, гендерных, возрастных групп с идентичностью нации, понимаемой как совокупность граждан унитарного или федеративного государства, выдвигается в число важнейших государственных проблем, связанных с сохранением политической стабильности и территориальной целостности. Так и на групповом уровне существует идентификационная необходимость.

Для меня интересно было бы рассмотреть особенности и формирование самоидентификации художников 21 века, соотнеся их объединения с субкультурными

общностями. Так как, на мой взгляд, эти группы имеют ряд схожестей в «культуре организации», элементах визуального представления и языковых формациях.

Степень разработанности проблемы.

Основы социологического подхода к культурным проблемам в отечественной науке были заложены Н. Г. Чернышевским и далее развиты в трудах Г. В. Плеханова, В. М. Фриче, М.С. Кагана, О.А. Кривцуна, Ю.В. Перова, А.Н. Сохора. Среди иностранных мыслителей можно выделить П. Франкастеля, В. Гаузенштейна. Методологическая база эмпирических исследований культуры и искусства была заложена в работах П. Бурдьё. Однако как в отечественной, так и в зарубежной практике такие нестандартные исследования были развернуты достаточно широко только во второй половине XX века. Наиболее объективные результаты в этой области получены в работах А.Л. Вахеметса, М.Б. Глотова, Ю.Н. Давыдова, Г.Г. Дадамян, Л. Н. Когана, К.Б. Соколова, В.В. Селиванова, Ю.У. Фохт-Бабушкина, Н.А. Хренова, Ю.В. Шарова и др. Крупнейшими представителями этого научного направления за рубежом являются Г. Беккер, В. Золберг, П.-М. Менгер, Р. Мулен, Б. Пекинью, Р. Фолкнер, Д. Тросби и др.

Изучение идентичности как научной проблемы имеет сравнительно давнюю историю. В психологическом понимании, истоки этого понятия, его интеллектуального осмысления и анализа можно найти в трудах античных и средневековых философов, в философии Д. Локка и Д. Юма, у основоположников классической немецкой философии, а также в произведениях П.А. Флоренского, М. Хайдеггера, Т. Адорно, М. Шелера, А. Шопенгауэра, П. Рикера, М. Фуко, В.С. Библера, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили. Проблемы индивидуальной идентичности (часто в иной терминологии) рассматривались в западной психологии А. Адлером, У. Джеймсом, Ж. Лаканом, Д. Парфитом, З. Фрейдом, Х. Хабермасом, М. Хайдеггером, К. Хорни, Э. Эриксонем, К. Юнгом, в отечественной - В.В. Абраменковой, М.М. Бахтиным, И.С. Коном,

Проблемы национально-культурной идентичности, занимающие важное место в формулировке основных аспектов профессиональной идентичности художника, входят в сферу интересов этнологии и наиболее полно рассмотрены в работах: А.А. Велика, А.О. Бороноева, Л. Гудкова, Л.Н. Гумилев, К. Леви-Стросса, С.В. Лурье, М. Мид, Л.М. Мосоловой, Э.А. Паина, Ю.М. Резника, З.В. Сикевич, В.А. Тишкова, Л. В. Сагитовой, П.И. Смирнова и др.

В последние годы во всем мире появилось несколько трудов, обобщающих основные профессиональные характеристики некоторых групп работников искусства. Например, во Франции вышли книги Р. Мулен и П.-М. Менгера, посвященные работникам визуальных искусств и актерам, в Германии - книга В. Рупперта о художниках Нового времени. Совсем недавно издан труд Л. Алябьевой о литературной профессии в Англии. В этих работах понятие «идентичность» не используется или, как у французских авторов, понимается как синоним «статуса», что будет полезно для поиска «субкультурного» статуса представителей художественного сообщества.

Таким образом, научная проблема, решаемая в данной работе, не нашла еще полного решения в современной литературе и требует междисциплинарного подхода, учитывающего современное состояние общества, теоретическую и методологическую базу и ориентированного на «модифицированного художника» современности

Объектом исследования являются как формальные (работники искусства) так и неформальные представители художественного сообщества 21 века.

Цель работы – это поиск субкультурных особенностей идентификации художников в условиях современной социокультурной реальности.

1. Баркер К. *Глобализация и культурная идентичность // Контексты современности - II*
2. Генисаретский О.И. *Культурная идентичность и образ территории. Форум Стратегии регионального развития.*
3. Глов М.Б. *Социологическая грань динамики художественного потребления в годы перестройки // Грани культуры. Вторая международная научная конференция: Тезисы докладов и выступлений.*

4. Гройс Б. *Что такое современное искусство?*
5. Гудков Д.Б. *Теория и практика межкультурной коммуникации.*

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ЗЕРКАЛО КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Зиновьева Н.А. (Санкт-Петербург)

Одними из социокоммуникативных практик затронутых метафорой кризиса, являются Интернет-мемы. Они создаются пользователями на основе того, что им интересно, что они считают важным. Они отражают актуальную ситуацию, социальную структуру и иерархию, а также значения, находящиеся в фокусе интереса то или иной группы. Интернет-мемы привлекают внимание к проблемам, выносят на обсуждение острые вопросы, призывают задуматься или вместе улыбнуться. Смыслы, привнесенные Интернет-мемом в событие, интерпретируют и опосредуют его, наполняют новым содержанием, которое считывается пользователем как готовая трактовка происходящего.

Мы можем использовать анализ Интернет-мемов с двух исследовательских позиций: как часть аутопоэтического описания реальности группы и как артефакты, позволяющие диагностировать те или иные тенденции внешним наблюдателям (социальным ученым). При первой исследовательской позиции мы можем говорить об осознаваемых в обществе тенденциях, а при второй – о тенденциях, которые могут не осознаваться в обществе, но анализироваться социальными учеными.

Присутствие кризиса в публичном дискурсе, кристаллизующемся в Интернет-мемах, тоже можно анализировать с этих двух исследовательских позиций.

Осознаваемый в обществе кризис воплотился в волны мемов осени 2013 года и осени 2014 года, описывающие реакцию на новые витки «экономического кризиса». В 2013 году с появлением в ротации слов «экономический кризис» появилось много мемов с этой фразой и разными мемами-персонажами, демонстрирующими свое отношение к кризису. Осенью 2014 года с падением курса рубля появилось много вариаций мемов, характерным примером которых стал мем «рублик, не болей». В настоящее время мемов, посвященных экономическому кризису не встречается, что говорит о том, что эта тема перестала быть остро-значимой. Кризис нравственности осознается обществом и демонстрируется на примерах мемов с Кончитой Вурст. Множество мемов, посвященных иронизированию над предполагаемой успешностью высшего образования, почтой России и российскими дорогами показывают кризис в этих сферах. Всплеск мемов с тематикой «всё тлен», «жизнь боль», «чёт приуныл» и «но я же думал...» демонстрируют кризис самоощущения.

Однако Интернет-мемы дают и ещё одну возможность диагностики кризиса, и в этом смысле «кризис» становится уже не метафорой. Анализирующий взгляд может увидеть на материале популярных Интернет-мемов кризисные тенденции в политике, религии и нравственности. Кризис здесь характеризуется демонстрацией и высмеиванием в мемах пороков и язв в вышеназванных сферах, тех или иных событий или персоналий. Например, распространение мемов, высмеивающих патриарха, позволяет нам говорить о кризисе в религии. Высмеивание спящего Д.А.Медведева, а также его продвижения «нанотехнологий» может быть рассмотрено как кризис политических решений.

Таким образом, Интернет-мемы могут выступать материалом для анализа осознаваемых и не осознаваемых кризисных тенденций в обществе.

МЕТАФОРЫ КРИЗИСА И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ДИСКУРС АНАЛИЗ ГРАФФИТИ

Идальго Л., Рубцова М. В. (Мадрид, Испания)

По мере развития интернета и средств связи, изучение выражения общественного мнения переместилось в эти информационные поля. Достаточно вспомнить волну публикаций по изучению социальных сетей. Однако часть традиционных, если не сказать древнейших, средств коммуникации не должно быть забыто. Люди всегда находили способы выражения собственного мнения, к которым относится и граффити. Особый интерес для социологии могут представлять острые политические граффити, которые анонимно позиционируют и представляют определенные, часто радикальные точки зрения.

Одним из признаков граффити является появление в общественных местах. Граффити могут появляться на стенах домов, временных сооружениях, заборах, пролетах мостов и т.д. Однако стремление авторов граффити быть услышанными не ограничивается открытыми пространствами. Граффити могут прятаться на задних дворах, под скамейками автобусных остановок и в общественных туалетах.

В данном докладе мы рассмотрим некоторые методы дискурс анализа граффити, которые сложились в американской когнитивной лингвистике, связанной прежде всего с работами Лакоффа. Отличие его подхода заключается в изменении представлений о концептуализации. Основываясь на теории прототипов Э. Рош, Лакофф высказывает предположение, что концептуализация происходит не в соответствии с законами логики Аристотеля, а как отражение и обобщение эмпирических феноменов, предельно близких повседневной жизни человека, его телу, положению тела в пространстве и т.д. Сама концептуализация осуществляется в форме метафор, которые в соответствии с взглядами Лакоффа также соотносимы с движениями тела, его ростом, рождением и смертью.

Несмотря на видимую примитивность, подход Лакоффа показывает, как обращаясь к самым простым и повседневным истинам, с помощью метафор могут создаваться и продвигаться коммерческие и политические интересы, при этом не вызывая ощущения манипулирования и принимаемые легко на веру. Авторы доклада на примерах анализа граффити, посвященных кризису и социальным изменениям, покажут особенности этой концепции и возможности и границы ее применения.

1. Скребцова Т. Г. *Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н. Л. Сухачева.* – СПб, 2000
2. Hidalgo Downing L., Kraljevic Mujic B. (Eds). *Metaphorical creativity across modes. Special issue of Metaphor and the Social World 2013.* 3 (2). DOI: 10.1075/msw.3.2
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By.* 1980. Chicago: The University of Chicago Press.
4. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things.* 1987. Chicago: University of Chicago Press.
5. Rubtcova M., Pavenkov O., Pavenkov V., Vasilieva E. *The Language of Altruism: Corpus-based Conceptualisation of Social Category for Management Sociology // Asian Social Science.* 2015. 11(13). С. 289-297

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ

Ильина И.В. (Тюмень)

«Идентичный» переводится с латинского как «тождественный», а «социальная идентификация» – это процесс и результат самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом. Идентичность – это формирование отношения к «своим» и «чужим». Идентичность представляет собой взаимосвязанность индивидуального и коллективного начал, которые можно условно обозначить как «Я» и «Мы». Направленность на «Я» – нормальность самосуществования, а устремленность к «Мы» – нормальность в межличностных отношениях. Социальная идентичность создается и

воспроизводится через взаимодействие и коммуникацию и формируется в процессе социализации. Можно говорить о разных уровнях социальной идентичности, начиная с локальных семья, малые общности и кончая более масштабными, как принадлежность к нации, профессиональной, гражданской и другим общностям.

Социальная идентичность – сопричастность с определенной группой носительницей какой-то культуры. Так, семейная, национальная или государственная идентичность заключается не только и не столько в принадлежности к семье и народу по крови и факту рождения, выражающаяся во внешних признаках, а государственная – по территории проживания, но и прежде всего в культуре, задающей ценности, язык, поведение.

Социальная солидарность особое состояние группового сознания, чувство взаимосвязи «Я» и «Мы», преодоление изолированности «Я» и устремленности к общности «Мы». В понимании социальной солидарности можно выделить два направления: западноевропейское и русское. В западноевропейской теоретической мысли солидарность рассматривается как социальное явление, как взаимопомощь, функциональная взаимозависимость, равновесие субъективных и общественных интересов, взаимное разделение ожиданий и устремлений, поддержка в их реализации. В русской традиции, напротив, она тяготеет к этическому, метафизическому и экзистенциальному истолкованию как проявление соборности, всеединства, целостности и органичности бытия, имеющего под собой духовно-религиозные основания. Путь к соборности лежит через взаимное понимание, «любовь к ближнему, как самому себе», усмотрение в другом человеке «ближнего», «себе подобного», через интуитивное восприятие взаимного внутреннего единства.

С.Л. Франк выделяет три формы соборности: единство брачносемейное, единство в религиозной общине и общность национально-государственная, основанная на историческом прошлом, культурных традициях [1]. Солидарность рождается из осознания сопринадлежности каждого члена общества к своей родине, к своей нации, к своей семье. Соответственно этому можно говорить и о различных идентичностях.

Солидарность и социальная идентичность - взаимообусловленные состояния, ибо чувство принадлежности не определяется простым фактом включенности в семью, национальную общность или государство, а зависит от отношения человека к этой общности и отношений внутри нее. Тем теснее и глубже связи семейные, национальные, профессиональные, религиозные, гражданские, тем более будет выраженной идентификация с этой группой. С другой стороны, мера осознанности в принадлежности к группе и направленности личности на данную группу, иначе идентичность, будет определять и качество отношений в ней.

Социальная идентичность и солидарность в различных объединениях будет зависеть от осознания общности прошлого (происхождения, судьбы), настоящего (ценностных ориентаций, специфических для данной общности) и будущего (задач, предназначения). Если говорить о национальной идентичности, то на нее влияют представления об этнической родине, этнической территории, этнической культуре и психологии собственного народа, о роли своего этноса в истории человечества или его определенной части. Однако, при осознании и укоренении в «своем» следует избегать опасности идеализации «своих» и отделения и противопоставления их «чужим». Идеал солидарности, о котором пишет Новгородцев П.И., тип отношений, когда отдельные союзы должны быть органически связаны между собою и с целым, для всех должна быть основа для более широкого общения [2].

Одной из значимых характеристик состояния современного российского общества является отчужденность людей друг от друга, кризис межличностного доверия, отсутствие или малая степень выраженности соотнесенности человеком себя с какой-либо группой или общностью [3]. В исследованиях Института социологии РАН подчеркивается

нарастание атомизации, разрушающей переживаемое чувство общности и тем самым устойчивой социальной солидарности граждан России [4].

Причинами ослабления чувства идентичности выступают неумеренная модернизация по западному типу и глобализационные влияния, которые на индивидуальном уровне порождают ощущение отчужденности и распада, потому что разрываются традиционные связи и социальные отношения. Ослабляются межличностные, межгрупповые связи, теряется солидарность вследствие разрушения ядра традиционной культуры, уничтожения исторической памяти, замены исторических культурных ценностей на чуждые. Относительный, не устойчивый характер ценностей и норм, именуемый культурным релятивизмом, тоже один из факторов состояния идентичности и солидарности. Происходящие культурные изменения, повышение сложности общества приводят к высокой степени индивидуализации. Идентичность же предполагает определенную константность ценностей и установок.

Не смотря на наблюдаемое движение российского общества в сторону либеральной модели системы ценностных ориентаций с приоритетом опоры на собственные силы, индивидуализма как способа социального выживания, роста ценностей богатства и успеха, российское общество остается в большей степени коллективистским. Поэтому социальная идентичность и солидарность в нем базируется на ориентации на общность при уважении к различиям. Стихийная солидарность русских, российских людей, их способность и готовность к общению и взаимоподдержке, их осознание себя как части более широкого целого особенно проявлялись в трудные, кризисные периоды нашей истории. Одной из важных задач, стоящих перед государством, обществом и перед каждым человеком в отдельности, является актуализация базовой ценности солидарности и соответствующего содержания социальных отношений.

Еще С. Л. Франк обращал внимание на общественные объединения, местные организации, и подчеркивал необходимость участия каждого гражданина в жизни этих объединений, поскольку именно такое общение обеспечивает прочность и внутреннюю спаянность целого. Подлинное, прочное единство общественного бытия, по его мнению, возможно лишь при условии доступности для непосредственного личного опыта всех государственных инстанций, т. е. участия общества в функциях государственных органов [1]. Это создает предпосылки для формирования солидарности и идентичности.

Идентичность в современном обществе не задается, это состояние, которое человек должен обрести в процессе социализации. Поиск идентичности и стремление к солидарности есть забота и труд для всех людей, причем, чем сложнее становится общество, тем труднее их обретение. Обретение идентичностей, интегрирование их в процессе социализации неотделимы от самопонимания, результатом которого является и самосозидание, и самоосмысление себя как субъекта собственной жизни

Солидарность создаётся через способность людей учитывать в своей деятельности интересы других, считаться с ними и готовность к совместным действиям по защите общих интересов, устремлённость на общие цели, ценности, через которые происходит объединение людей в единую общность. Солидарность и идентичность – явления способствующие структурированию, оздоровлению и развитию общества, чего сегодня не хватает современной России.

1. Попкова Т.В. «Солидарность» и «кооперативность» как модели социальной самоорганизации. <http://cyberleninka.ru/article/n/solidarnost-i-kooperativnost-kak-modeli-sotsialnoy-samoorganizatsii>. Дата обращения 1.10.2015
2. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Электронный ресурс http://iph.ras.ru/elib/Novgorodtsev_Obshchestv_ideal.html. Дата обращения 1.10.2015
3. Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения //Социс. - 2011.- №4 - с. 3-13.

4. Шубкин В.Н., Климов И.А. Социальная разобщенность как феномен массового сознания // *Россия реформирующаяся: ежегодник – 2004 / отв. ред. Л.М. Дробизева. М., 2004.*
5. Костина А. В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы. <http://cyberleninka.ru/article/n/krizis-sovremennoy-identichnosti-i-dominiruyuschie-strategii-identifikatsii-v-granitsah-etnosa-natsii-m>
6. Скворцов И. П. О солидаристской перспективе утверждения российской социальности <http://cyberleninka.ru/article/n/o-solidaristskoy-perspektive-utverzhdeniya-rossiyskoy-sotsialnosti> Дата обращения 1.10.2015

КРИЗИС ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН.

Ирсетская Е.А. (Москва)

Современное российское общество характеризуется различными трансформационными процессами, которые оказывают значительное влияние на его социальную структуру, а также компоненты ее образующие. Данные изменения затрагивают все основные сферы жизнедеятельности индивида, что в свою очередь находит отражение и в жизненном мире современных россиян. В этой связи необходимо научное осмысление различных аспектов жизнедеятельности индивида, прежде всего нравственного сознания. Совокупность внутренних духовных качеств, которыми руководствуется человек, этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами, составляют нравственное сознание. Нравственность сегодня претерпевает значительные изменения, что находит свое отражение в интересах, взглядах, ценностных ориентациях и культуре. Вопрос о том, что же является нравственным, а что безнравственным, что есть добро и зло, что есть хорошо, а что плохо нуждается в конкретизации. Т.к. современные процессы общественных изменений размывли границы понимания нравственного и безнравственного, необходимо ввести условие, опираясь на которое можно было бы выстроить современную систему моральных норм и ценностей. Предположим, что нравственно то, что делает человек во благо других людей, для общества. Проявления эгоизма, стремление к собственному обогащению и достижению личных целей любыми средствами будет полагаться безнравственным.

В целом можно отметить, что сегодня широко распространено мнение об утере обществом нравственных норм и ценностей. Данные социологических исследований подтверждают это мнение. Так, в ходе исследования 2011 г., посвященного итогам двух десятилетий реформ, падение морали оценивалось населением как одна из самых больших потерь, которые понесло российское общество за этот период (в «рейтинге потерь» эта позиция заняла с 35% второе место, уступая лишь снижению уровня жизни населения, о котором заявили 54%. При этом крайне негативной была не только текущая оценка состояния морально-нравственного климата в обществе, но и того, в каком направлении он развивается (около 80% россиян были убеждены, что меняется он только в худшую сторону).[1]

В октябре-ноябре 2014 года были проведены полевые работы социологического исследования «Нравственное сознание россиян».[2] Отдельный блок вопросов был посвящен наиболее часто встречающимся нарушениям общественной морали. Ответы респондентов распределились следующим образом: 1. равнодушие к людям (68%); 2. грубость (67%); 3. пьянство (64%); 4. несправедливость к людям (63%); 5. стремление взять больше, чем дать обществу (56%).

В первую очередь, среди нравственных проблем, отмечено изменение отношения к людям. Здесь мы видим, что нарушения морали главным образом затрагивают сферу межличностного взаимодействия, а также личностных качеств. Такие явления, как

например, курение, наркомания, т.е. конкретные проблемы, не присутствуют в первой пятерке нарушений, за исключением пьянства.

В ходе исследования выявлено, что сегодня вопросами нравственного воспитания интересуются примерно треть россиян и большинство опрошенных говорят о снижении уровня нравственности в целом. В качестве главных нравственных проблем отмечены проблемы в процессе социального взаимодействия.

Все большее значение в жизни россиян начинает играть семья. Именно семья становится для россиян главным институтом, который формирует их моральные ценности и является ориентиром в вопросах нравственного воспитания. Наибольшее воздействие на нарушителей морали оказывает мнение семьи и близких родственников. А также было выявлено, что нарушителей морали в меньшей степени волнует публичное осуждение.

Несмотря на то, что сегодня границы морали расширяются, а нормы и ценности могут трактоваться совершенно в разном контексте, что приводит к размыванию моральных ориентиров и смещению понятий о добре и зле, большинство респондентов имеют среди своего окружения людей, которых они считают нравственным примером для себя. Эти данные свидетельствуют о том, что в целом для большинства людей моральные авторитеты находятся в кругу их ближнего взаимодействия. Т.е. не только публичные люди и политики, а также деятели культуры и искусства, нравственные качества которых часто транслируются и демонстрируются лишь на словах, но могут при этом не соответствовать действительности, но и знакомые люди из близкого окружения могут выступать в роли нравственного ориентира. Можно сделать вывод о том, что респонденты в целом удовлетворены нравственным уровнем в своем ближнем кругу, а рассуждая о нравственности в масштабах общества в целом, отмечают ее ухудшение.

1. *Средний класс современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад ИСРАН. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта Российской Федерации. Москва. 2014.*
2. *Грант РНФ, проект № 14-18-02016*

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ УЯЗВИМЫХ ГРУПП ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Келасьев О.В. (Санкт-Петербург)

Нарастающий кризис наиболее остро затронул, прежде всего, социально уязвимые группы населения. В настоящее время в России численность лиц, оказавшихся за чертой бедности, растёт. Ясно, что именно эта группа более всего нуждается в различных формах социальной поддержки, в том числе и в профессиональной помощи по разрешению конфликтов – конфликтологическом консультировании. В такой поддержке нуждаются не только социально уязвимые группы, но и лица, у которых только недавно появились проблемы, связанные с длительной неуплатой банковских кредитов, счетов за жилищно-коммунальные услуги, конфликты с коллекторами, приставами, кредиторами и т.д. Конфликтологическое консультирование таких группам имеет свою выраженную специфику.

Конфликтологическая помощь социально слабым группам населения (пожилые люди, которых «прессуют» родственники из за квартиры, инвалиды, созависимые члены семьи и т.д.) объективно востребована, так как они часто оказываются не в состоянии адекватно осознать и сформулировать как собственные интересы, так и интересы противостоящей им стороны. Им поэтому зачастую требуется начальная помощь в адекватном осознании собственных интересов и проблемной ситуации во всём разнообразии её аспектов. При этом зачастую на начальном этапе работы на

рациональность таких клиентов рассчитывать трудно, консультант должен повысить уровень их адекватности. Консультант в отличие от формального приёма чиновника (суд, полиция, государственные социальные службы, опека и попечительство и т.д.) ориентирован на более кропотливую работу по выяснению истинных интересов клиента и помощь в адекватном осознании проблемы и путей её решения.

Практическая работа по конфликтологическому консультированию осуществлялась нами в рамках программы «Примирение», целью которой было оказание квалифицированной конфликтологической помощи жителям одного из типичных муниципалитетов Санкт-Петербурга, вовлечённых в коммунально-бытовые конфликты (в семье, между соседями, родственниками, в жилищно-коммунальной сфере и т.д.).

Наиболее типичными конфликтами оказались конфликты, в основе которых лежали споры и притязания относительно жилой площади, как правило, весьма ограниченной. Сильной стороной здесь, как правило, выступали более молодые родственники, оспаривающие право на жилплощадь у пожилых. Здесь консультант сталкивался с весьма драматичными историями, долгими годами борьбы, в итоге которой близкие родственники становились врагами. Эти отношения разворачивались в парах: «бабушка – внучка», «мать-сын», «свекровь-невестка», «сестра-сестра» и т.п. Попытки юридически разрешить конфликты в таких родственных парах порой только усугубляли эти конфликты, разбирательства длились годами, отношения между родственниками окончательно портились. В подобных ситуациях конфликтологическое консультирование ориентировало клиентов на более критическое восприятие своих собственных интересов и позиций, соотнесение их с позициями противоположной стороны, необходимости учёта и её интересов. Опыт конфликтологической работы показал, что в родственных парах консультирование нередко приводило к необходимости медиации, которая при профессиональном подходе способна привести к восстановлению родственных отношений и заключению взаимоприемлемого соглашения сторон. Проблематичным, однако, оставалось привлечение к диалогу второй (как правило, более сильной) стороны, которая, ощущая своё превосходство, не искала изменений. Во многом это обусловлено несформированностью традиций обращения к конфликтологу, ориентацией на силовые (административно-бюрократические) методы урегулирования конфликта. Но работа и с одной (как правило, слабой) стороной на консультации повышала её адекватности в конфликте, способствовала развитию более глубокого осознания проблемы, выходу из плена субъективизма. Меняя сознание даже одной из сторон, конфликт часто удавалось урегулировать. Хотя, конечно, во всех проблемных ситуациях коммуникации участников конфликта носили односторонний характер и нуждались в профессиональной коррекции.

Наиболее сложные случаи возникали при ситуации, когда на жильё пожилого человека претендовали не родственники, а посторонние люди, которые ранее воспользовались недостаточной адекватностью пожилого человека, и которые сумели уговорить пожилого человека подписать ряд правоустанавливающих документов, лишаящих его права собственности на свою квартиру. Пожилые люди считали себя в этом случае подвергшимися мошенническому обману. Ситуация осложнялась тем, что правоохранительные органы не всегда имели основания для их защиты. Суд вставал на сторону претендентов на их жильё, прокуратура не вмешивалась в ситуацию. Обращение же к дорогостоящему адвокату также не давало результата (более того адвокат в одном из случаев также воспользовался неадекватностью клиента). Заниматься и проводить кропотливую работу с такими людьми, которым порой далеко за 80 лет (блокадники, ветераны войны и труда) ни муниципальный юрист, ни районная прокуратура – особой мотивации не имели. Работа консультанта с такого рода наиболее проблемными клиентами даёт такие эффекты как: повышение их адекватности в осознании ситуации, снижение высокого уровня фрустрированности, появление ощущения защищённости, помогает отыскать им компетентного адвоката, мотивированного на оказание помощи в данной, казалось бы безвыходной ситуации. В консультанте такие клиенты обретают

внимательного собеседника, расширяющего спектр видения ими проблемной ситуации, помогающего им осознать свои ошибки и промахи, наметить новые и более эффективные стратегии в борьбе за восстановление нарушенной справедливости.

Трудности в развёртывании конфликтологического консультирования социально уязвимых групп связаны, в первую очередь, с непониманием специфики такого рода работы со стороны чиновников и сложившимися способами их отчётности перед контролирующими органами. Именно в связи с непониманием специфики такого рода работы со слабыми группами их проблемы остаются вне общественного дискурса. Они часто остаются наедине со своими часто неразрешимыми проблемами, что сокращает их жизнь. В силу обострения проблем с хронической неуплатой различных банковских кредитов, накоплением счетов за жилищно-коммунальные услуги, увеличивающихся конфликтов с коллекторами, приставами численность лиц, нуждающихся в квалифицированной конфликтологической помощи, существенно возрастает.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ, КАК ОТРАЖЕНИЕ НОВОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Китайцева О.В. (Москва)

Развитие современного общества во многом обусловлено новейшими коммуникативными процессами. Технический прогресс повлиял не только на скорость и качество распространения информации, но и на выработку новых поведенческих практик. Сегодня потребление новых информационных технологий плавно вписывается в повседневную жизнь и создает предпосылки для освоения информационных коммуникативных практик, которые выстраиваются в механизмы ориентации в социальном пространстве, регулируют различные информационные потоки в соответствии с потребностями и предпочтениями пользователей. Новые виды практик дают основания для возникновения «целевых» аудиторий той или иной направленности, как неких социальных групп. Эти группы объединены общим вектором информационного потребления, «в ходе которого индивиды включаются в процесс социального общения на макроуровне и приобретают сходный социокультурный опыт» [1].

Важность в создании современных коммуникативных процессов имеют не только технологии, но и само общество, его культурное развитие, которое определяет степень необходимости той или иной информации. Поэтому цели применения этих новых средств, определяют содержание деятельности, для которой они используются, что составляет культурный аспект информационного потребления. При рассмотрении культурного аспекта информационного потребления можно говорить о конструировании поведения их потребителей, как участников особого нового культурного пространства, в рамках которого происходит потребление. Информационные практики потребления сегодня включают в себя кроме традиционной пассивной формы участия (получение информации), еще и активную (участие в формировании информации) форму. Производство и распространение информации – это лишь часть процессов, лежащих в пространстве культуры потребления. Другую его часть составляет цепочка «сообщение-приобщение», в которой приобщение выступает как условие и результат потребления сообщения. В итоге, происходит процесс «обмена интересами»: с одной стороны, люди отбирают те информационные тренды, которые интересны им лично; с другой стороны, сами производят информационную продукцию, ориентируясь не только на интерес аудитории, но и на её реальные потребности. Таким образом, современные технологии и

культура потребления информации способствуют активному участию аудитории в конструировании новой информационной культуры потребления, сутью которой является выстраивание взаимоотношений в процессе потребления. Эта качественно новая информационная среда, являясь открытой социальной системой, которая создается взаимообусловленной целостностью отношений производителей и потребителей информации, передаваемой через средства Интернет коммуникации, рождает нового потребителя информации. Этот тип потребителя характеризуется как активный потребитель, человек, который имеет доступ к технологии и информации и умеет их использовать, а также использует все возможности, чтобы предстать не только в качестве потребителя, но и в качестве производителя информации [3]. Масштаб перемен, которые принес Интернет в мир, позволяет с легкостью реализовать традиционное желание людей делиться информацией, мыслями и идеями, прежде ограниченное условностями физической реальности. Люди испытывают потребность делиться контентом с большим количеством людей, загружая информацию в сеть или даже передавать в «живом» видео по всему миру в течение нескольких секунд. Они бесплатно распространяют результаты своей деятельности, используют свое время на взаимодействие и помощь другим. На Youtube.com, каждую минуту закачивается около 13 часов видео, на миллионах блогов люди бесплатно делятся своими ценными знаниями, советами и жизненным опытом. Для участников такого взаимодействия в сети характерно спонтанное проявление доброты, великодушия, любезности. Они не только интересуются благотворительностью, но и бесплатно распространяют информацию, которая, по их мнению, может быть важна для других людей или участвуют во взаимодействиях направленных на обеспечение помощи нуждающимся, проявляя, таким образом, великодушие. По статистике к таким людям, определяемым как поколение G (обладающее великодушием) относят людей в возрасте от 18 до 34, они составляют в этой возрастной группе порядка 65 % (данные по Европе и Северной Америке) [5]. В российской действительности, основными акторами добровольчества являются люди 18-45 лет с высшим образованием и их порядка 44% из этой группы. При этом вовлеченность в добровольческую активность в реальной жизни у них наблюдается в разной степени. Так конкретно волонтерами и активными участниками реальной деятельности по благотворительности становятся порядка 21% этой аудитории, им свойственна интенсивная вовлеченность в добровольческую деятельность и активная гражданская позиция. Они хотя бы раз в год участвуют в деятельности некоммерческих организаций, работают волонтерами, добровольцами. В тоже время значительная их часть локализует свою деятельность, чаще на ближней дистанции, занимаясь общественными проблемами по месту жительства или помогая людям, которых они знают. Примерно 23% - объединяются, только когда речь идет о людях из ближайшего окружения, они помогают коллегам по работе, соседям [4].

Информационные коммуникационные практики ускоряют и упрощают возможности для помощи окружающим, так как это можно сделать здесь и прямо сейчас, что редко происходит в реальной жизни. Довольно многие, 44% россияне сообщают, что в жизни редко сталкиваются с хорошими поступками окружающих, часто сталкиваются с ними только 31% россиян. В качестве примеров добрых дел чаще всего люди приводят «участие в благотворительных акциях, пожертвования» и «помощь в быту, по хозяйству» [2]. Однако, отношение к благотворительности в российском обществе неоднозначно. Позитивное - основывается на том, что это поддержка нуждающихся людей в трудную минуту, когда государство не способно этого сделать. Благотворительность в России чаще всего содействует развитию просвещения (открытие учебных заведений, учреждение стипендий), культуры (поддержка деятелей культуры, строительство музеев, восстановление разрушенных памятников, храмов), реализации принципа "не только помоги, но и научи", что способствует развитию добровольческих инициатив и вовлечению в них граждан, являясь основой для деятельности некоммерческих организаций. Негативное – основывается на мнении, что

благотворительность развращает человека, отучает его от труда и не приносит блага обществу. Получается, что благотворительность не способствует решению социальных проблем, а борется с их следствием. Кроме того, она может быть оскорбительна для человеческого достоинства, так как принуждает людей к зависимости и укрепляет торжество несправедливости в обществе.

Таким образом, благодаря информационным коммуникационным практикам происходит трансформация обычного общения в социально значимую благотворительную деятельность. Одновременно, эти практики позволяют людям реализовывать другие мотивы, демонстрирующие их статус, социальную активность, возможность быть полезными и значимыми для других пользователей, что становится неотъемлемой частью новой потребительской культуры, соединяющей виртуальную жизнь с физической реальностью.

1. *Полуэхтова И. А. Динамика российской телеаудитории.//Социологические исследования, 2010. - №1.*
2. *«ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 13 июля 2014. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Стат. погрешность не превышает 3,6%.*
3. *Андреева Е. В. Просьюмеры – новый вид потребителей информационной цивилизации// Потребление как коммуникация – 2009: Материалы V Международной конференции, 26-27 июня 2009 г./ Под ред. В. И. Ильина, В. В. Козловского, - СПб.: Интерсоцис, 2009.*
4. *«ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 31 августа 2014. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Стат. погрешность не превышает 3,6%.*
5. *Главные тренды потребительского рынка в 2014 году [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.e-executive.ru/>*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ Я. ЧЕЛОВЕК КАК САМОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Косарева В.А., Чигиркина В.А. (Нижний Новгород)

В Новое время в Великобритании и многих других странах Запада, произошли культурные изменения, которые привели к формированию новой стратегии управления. Эта стратегия включает рациональность нового права и логику неолиберализма в реформах макрополитики и организационной культуры, которые переносят ответственность за благосостояние на самих граждан. Со временем развивается «предпринимательская культура», которая в первую очередь связана с правлением Тетчер в Великобритании и Рейгана в США, а в настоящее время особенно актуальна таких странах как Австралии, Новой Зеландии, Австрии. В большинстве политических и социологических исследованиях подчеркиваются также и другие изменения: постмодерн, глобализация, постфордизм и так далее. Все политические действия 80-х годов направленные на создание предпринимательской культуры, привели, в результате, к появлению нового типа личности, который несет «жизненную» политическую ценность. Немецкий социолог Ульрих Брёклинг в своей книге «Предпринимательское Я» (2007) рассматривает этот новый тип личности. Человек соответствующий этому типу – активный, современный, независимый и, что важно, работает на себя. Это люди – «самопредприятия», которые созданы для современного общества. Каждый человек – это «эксперт субъективации», который трансформирует экзистенциальные вопросы о цели жизни и смысле стремлений, в технические вопросы эффективного управления, направленного на улучшение качества жизни. Каждый человек – это свободный предприниматель, организующий собственную жизнь как предприятие. Каждый должен не только потреблять, но и, прежде всего, производить, инвестировать: силу,

человеческий капитал, временные и финансовые ресурсы. Тот, кто (ошибочно) этого не делает, идет наперекор, противостоит «здоровому обществу», автоматически им и бойкотируется.

Для помощи стать людям активными и самостоятельно участвовать в деятельности рынка, создаются программы, разрабатываются тренинги, практики. Эти новые практики мышления, суждения и действия – часть политического лексикона передовых либеральных демократий, которые больше не видят своих граждан как субъектов с обязанностями, а видят индивидов с правами и свободами. Такого типа автономное Я – это ценность, цель и идеал политического менталитета современных Западных, и сейчас уже и Восточных стран. Ведущее кредо наших дней – «будь активным». Почему этот императив проникает во все сферы нашей жизни и как он в них раскрывается? Ответ на этот вопрос необходимо искать во всеобъемлющем влиянии неолиберализма.

Для неолиберализма характерно то, что управленческие практики, присоединяющиеся к нему, предназначены для того, чтобы защитить свободу рынков и поддерживать конкурентоспособность. Социальная концепция неолиберализма основана на рыночной интерпретации всех типов общественных связей. По мнению Брэклинга, также и система социальной защиты была перестроена в соответствии с требованиями и веяниями современного рынка. Это рост и развитие, как естественный закон, которому нельзя противостоять.

В своем социологическом исследовании «Предпринимательское Я» Брэклинг изучает программы, которые ориентируются на рынок и создают подобие «школы поведения», то есть, какими должны быть люди и как они должны действовать. Он изучает феномен предпринимательства, как идеал, образец общества, члены которого должны быть рыночно ориентированы. Брэклинг приходит к выводу, что понимание существования рынка и постоянной опасности выпасть из «рыночных механизмов, ассоциирующихся с общественным порядком», создает всеобъемлющую активность. Таким образом, Брэклинг представляет предпринимательское Я, как «силовое поле» неолиберальной программы управления.

Взяв за основу концепцию государственности (*gouvernementality*) М. Фуко, Брэклинг говорит об «активизации активизации». Сам Фуко нигде специально не поясняет содержание термина «государственность», который указывает не только на политические аспекты управления, но и на педагогические, духовные и религиозные его измерения. В связи с этой концепцией, Брэклинг пишет, что вопрос управления государством, это – вопрос, как управлять людьми, чтобы они управляли собой. Но при этом влияние государства должно остаться прежним, более того, необходимо создавать программы и институты, которые будут побуждать индивидов к действию, а в частности делать из себя товар и всю свою жизнь вообразить самопредпринимательством. Брэклингу удалось охарактеризовать социальный тип – предпринимательское Я, задача которого работать над личной продуктивностью и находится в состоянии постоянного роста. Предпринимательское Я – это такой тип субъективации, при котором человек понимает себя в качестве самопредпринимателя с постоянным стремлением к саморазвитию. Предпринимательское Я – это то, к чему должен стремиться каждый человек, и он им становится, если обладает гибкостью, креативностью, ответственностью во всех сферах жизни, а также способностью самосовершенствоваться в условиях рисков. Он должен стремиться к достижению новых благ. Для этого и существуют современные тренинги, которые обучают созданию собственного бренда личности, для более эффективного проявления собственного потенциала.

Человек не знает точно заранее, приведут ли его активные действия к успеху, к которому он стремится. Именно поэтому индивиду необходимо иметь интуицию, относительно всего, что происходит, а также чувство того, на что он не в силах повлиять.

Несмотря на то, что неопределенность приводит к постоянной напряженности, которая становится мотивом, побуждающим работать над собственными компетенциями. Человек сам создает себе лейбл, он становится маркой, с уникальными особенностями, которые отличают его от других, поскольку индивид находится в состоянии постоянной конкуренции: за лучшую работу, спутника жизни, хорошее образование для ребенка и т.п. В сложившейся ситуации больше не достаточно следовать определенной норме, единственная норма – это быть особенным в собственной эффективности и направлениях деятельности.

Процесс развития, идущий параллельно с экономизацией общества и императивами активизации, приводит к взлету предпринимательского Я. Ссылаясь на представителя операизма - забастовочное движение рабочих в Италии, пик которого явился революцией 68-го - Сержио Болонья, Брёклинг говорит о развитии «форм труда и экзистенции» частных предпринимателей, которые должны сами организовывать свой бизнес, и чья рабочая и личная сферы все больше проникают друг в друга. Сфера работы больше не ограничивается определенными временными и пространственными рамками. Экзистенциальный риск высок для частных предпринимателей, он вызывает постоянную мобилизацию и часто переработку. На сегодняшний день видна тенденция индивидуализации и новая модель предпринимательски ориентированного поведения, предпринимательского Я, что повлекло за собой стремление человека к самореализации и экономическому успеху, которые в результате получили знак равенства. Самореализация и экономическое благосостояние слились воедино. Соответственно неолиберализм - это больше чем феномен политической философии.

Представленные контуры и экономические рациональности предпринимательского Я дополняются углублением в представление «ключевых технологий» и таких квалификаций, которые направлены на возможность субъекта стать успешным брендом. Такие стратегии и программы принимают во внимание, главным образом, инновации, креативность, изобретательность, координацию жизни. Даже не имея гарантии на успех и не видя других альтернатив, индивид не должен останавливаться на достигнутом. Таким образом, субъекты находятся в постоянном поиске особенных, уникальных возможностей и путей, которые позволят, как можно выгоднее занять свою нишу на рынке. Особое значение здесь принимает императив творчества, вера в творческий потенциал индивида, что является гражданской религией предпринимательского Я. Креативность - это способность, которая есть у всех, поэтому все должны ее развивать и использовать. Добиться результатов может, однако, только тот, кто создает качественно новое, которое отличается от старого и от всего другого нового, ведь рынок нуждается в свежих идеях. Креативность – это, в первую очередь, «спекулятивная инвестиция», которая требует высокого внимания, динамику и готовность к риску. В этой связи «предпринимательство» – это не только форма организации конкурирующих на рынке субъектов, это общая картина модуса активности, который необходим в различных сферах жизни: в школах, университетах, заводах, бизнес-организациях, в семьях и т.д.

Предпринимательство – это набор правил и практик, направленных на создание, планирование, координирование, соблюдение повседневного существования. Предпринимательское Я делает предприятие из своей жизни, стремится на максимизацию человеческого капитала, планирует для себя будущее и стремится реализовать то, к чему он стремится. Предпринимательство, таким образом, это вид господства над самим собой.

Человек сам себе шеф. Есть ли от этого польза? Брёклинг считает, что жизнь в качестве «сам себе шеф» – это лишь безрассудная самоэксплуатация. И связь жизни и работы – это ни что иное, как отсутствие свободного времени. Однако, нужно отметить, что работа в офисе – это не «сладкий сахар». Давление возрастает, во многих компаниях используется авторитарный и иерархичный стиль управления. В противопоставлению этому работа «на самого себя» кажется «райской». Под так называемой свободной

жизнью скрывается постоянная неопределенность и стресс. Ценность свободы начинается только за пределами работы, не зависимо от того в какой сфере человек работает.

Для многих критиков разговор о предпринимательстве, в данном контексте, – это лишь риторика, прославление «капиталистической иллюзии», что люди – это «суверенные индивиды». Речь о предпринимательстве – это только лишь одна из форм выражений этических допущений, которые широко распространены и образуют основы для всех рациональностей, программ и техник господства в прогрессивных либерально-демократических странах. По мнению Никласа Розе, правительство таких стран не постулирует подобным образом мечты об утопической машине управления, а говорит о желании оптимального протекания социальных и экономических процессов без прямой политической интервенции. Формальное ограничение государственной власти, как следствие, имеет распространение программ и механизмов, которые отделяют власть от «открытых» действий, но при этом формируют функционирование области рынка, работы и семьи так, чтобы были достигнуты такие «открытые» ценности как благосостояние, эффективность, здоровье и процветание. По мнению Розе, правление в либерально-демократическом стиле происходит через свободу и стремления субъектов, а не против них. Возможность политическому господству поставить либеральные рамки, заключается в распространении созданных дискурсов, практик и техник, направленных на развитие в индивидах способности к самоконтролю. Эти цели «либерального» правительства примиряются с Я «демократического» гражданина с помощью непрямого альянса правительства с экспертным аппаратом (врачи, бизнес-тренеры, психиатры, психологи, терапевты, социальные работники, консультанты и т.п.), которые обеспечивают либерально-демократическое управление.

Современные изменения в управлении стали осуществимы благодаря множеству технологий, которые наставляют и обеспечивают регулируемую свободу «автономного» предпринимательского Я. Автономия предпринимательского Я – цель и инструмент современной ментальности и стратегии контроля поведения.

При этом, человеку в современном обществе в условиях постоянного влияния правительственных программ, ориентированных на самоорганизацию становится необходимым не просто искать возможность для самосовершенствования, но требовать от себя большего труда в развитии собственного человеческого капитала, упорства и целеустремленности. Это диктует новые правила взаимодействия человека с обществом: самообразование и действия, направленные на карьерный рост, направленные на успех, а значит, на постоянную работу, на постоянные действия в направлении достижения результатов. В этом процессе возникает феномен профессионального и эмоционального выгорания, что требует отдельного рассмотрения с точки зрения поведения личности.

1. Assheuer, Thomas, *Kreativ? Das Wort ist vergiftet/ Die Zeit*, N 45, 2010
2. Bröckling, Ulrich, *Das unternehmerische Selbst: Soziologie einer Subjektivierungsform.* - Frankfurt am Main: Suhr Verlag, 2007. – 340 S. – ISBN 978-3-518-29432-1
3. Bröckling, Ulrich, *Der Ruf der Polizisten. Die Regierung des Selbst und ihre Widerstände.* – Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – S. 1-14
4. Rose, Nikolas, *Das Regieren von unternehmerischen Individuen.* Доступ через электронную библиотеку университета г. Гамбурга.

«КАРТЫ ПРАВДУ ГОВОРЯТ...»: КОГНИТИВНАЯ СИЛА СОЦИО-ЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Крокинская О.К. (Санкт-Петербург)

(по материалам проекта «Образы прошлого как фактор формирования социальных ожиданий россиян» (2013-2015 гг.), грант РГНФ № 13-03-00571).

Лингвистическую метафору можно рассматривать как инструмент когнитивной работы массового сознания. С ее помощью, черпая «рабочий материал» в ощущениях, коммуникациях, культуре, в образной форме и применяя операцию сравнения, оно распознает действительность и наделяет ее значениями, конструируя тем самым окружающий мир в качестве среды своего существования. В этом смысле метафора есть не что иное как *первичный концепт* – обыденная допонятийная конструкция, которая управляет нашим мышлением и играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни. Думать подобным образом нам позволяют когнитивная наука, культурология и теории социального конструирования.

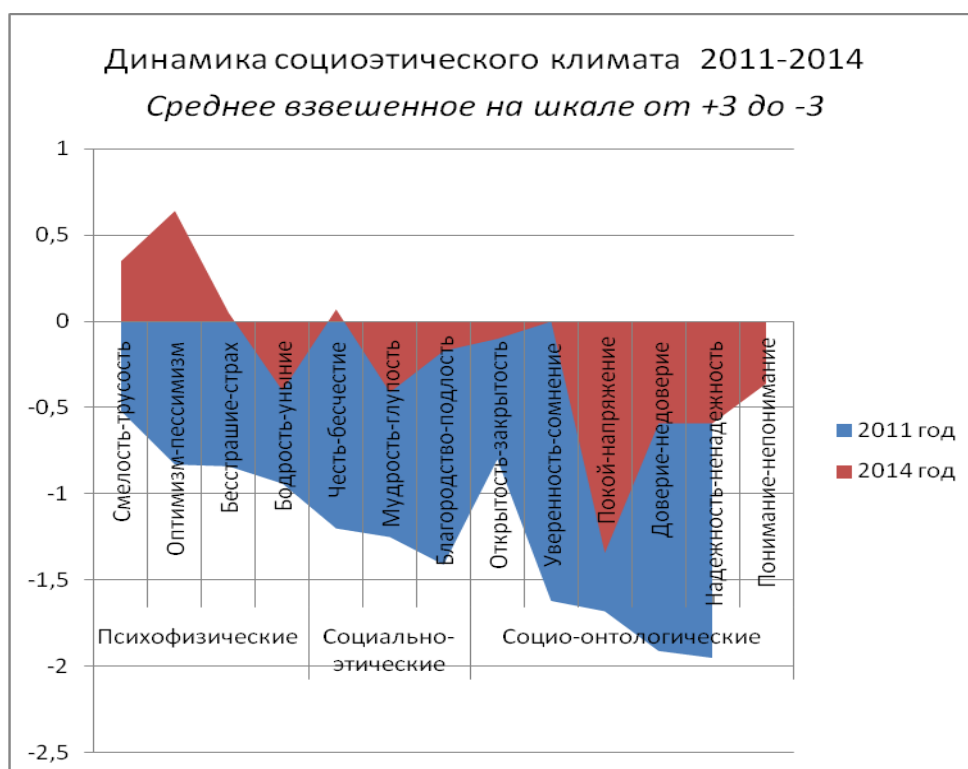
В качестве эмпирического представителя такого первичного концепта может выступать феномен социальных ожиданий. Результаты исследования социальных ожиданий жителей Санкт-Петербурга в период 2011-2014 годов позволяют констатировать, а возможно, и прогнозировать динамику социально-этического климата, находившегося в эти годы в глубоком кризисе [1].

Будем исходить из того, что социальные ожидания базируются на реальных характеристиках действительности, представления о которых, с одной стороны, поддаются информационному влиянию, но в большей мере формируются живыми повседневными практиками, стимулами жизнеобеспечения и собственным опытом людей, и что они могут быть выражены метафорически. Если, согласно Дж.Лакоффу и М.Джонсону, – «суть метафоры – это понимание и переживание сущности... одного вида в терминах сущности другого вида» [2, С.27], – то социология давно владеет метафорическими инструментами исследования. Как минимум, ассоциативные методики, в частности, метод семантического дифференциала, работают именно в этом ключе.

Для исследования социальных ожиданий в области социально-этического климата была разработана шкала в формате «семантический дифференциал», включавшая три группы оценочных оснований, представленных как бинарные смысловые и, по сути, метафорические оппозиции: **психофизические основания**, габитус организма (*смелость-трусость, оптимизм-пессимизм, бесстрашие-страх, бодрость-уныние*); **этические основания** (*честь-бесчестие, мудрость-глупость, благородство-подлость*); **«онтологические»** – ментально сконструированные ощущения, порожденные состоянием социальной среды (*открытость-закрытость, уверенность-сомнение, покой-напряжение, доверие-недоверие, надежность-ненадежность*).

Первое применение шкалы в 2011, протестном, году, выявило глубоко отрицательный модус *абсолютно всех* указанных характеристик [3]. В 2014 году положение изменилось, все показатели социального климата за год существенно выросли. По блоку психофизических параметров они даже преодолели нулевую отметку и от глубоко отрицательных значений перешли к положительным (Рис. 1). Причина этого подъема не вызывает сомнений: это присоединение Крыма и Севастополя – события, трактуемые как восстановление справедливости в историческом масштабе. Не оценивая этих фактов с других позиций, отметим, что эйфория, охватившая в связи с этим общество, подействовала на его самоощущения соответствующим образом: конвертировала трусость в смелость, пессимизм в оптимизм, а страх и бесчестие – если не в бесстрашие и честь, то по крайней мере, в отсутствие страха и компенсацию униженности.

Рисунок 1

Однако, во-первых, лишь 4 из 13-ти параметров оказались в плюсовой зоне шкалы, остальные 9 остались в минусе, хоть и подросли численно, и во-вторых, вышли в позитивную зону преимущественно психофизические, социосоматические характеристики, тогда как социально-этические и онтологические представления о состоянии социальной среды не преодолели нулевой отметки. В зоне «ниже ноля» остались *напряжения, сомнения, непонимание, чувства ненадежности и недоверия.*

Материалы исследования позволяют также продемонстрировать способность феномена социальных ожиданий исполнять свою базовую функцию – формировать предположения о вероятном будущем. Рисунок 2 отражает предположения опрошенных о состоянии социального климата в стране через 10 лет (замер произведен до введения каких бы то ни было санкций). При некоторых колебаниях показателей прогнозные ожидания демонстрируют тенденцию, как минимум, к стагнации ощущений, а как максимум, к усугублению негативных трендов.

Рисунок 2

Как субъект «метафорического прогнозирования» массовое сознание «ожидает» самого сильного падения по параметру, фиксирующему нынешний психофизический подъем. Расцвета социоэтических качеств также не предполагается, и состояние общественных устоев не нормализуется. При этом рост некоторых параметров, взлетевших на волне эйфории 2014 года, грозит смениться обратным движением (оптимизм→пессимизм, бесстрашие→страх, честь→бесчестие). Иными словами, предчувствия грядущего процветания страны масштабные события 2014 года не дали. А в каком-то смысле фраза «современное российское общество» сама по себе стала метафорой кризиса.

Что заставляет отнестись к этим данным внимательно несмотря на, казалось бы, эфемерность их метафорических оснований? За ними стоит самая глубокая познавательная инстанция – бессознательное. Метафорические концепты реальности коренятся в бессознательном. Точнее, с их помощью соединяется, в них воплощается, в вербальной форме переводится на мыслительный уровень результат распознавания реальности мощным эволюционно обусловленным аппаратом – древним, лимбическим мозгом, «телесным разумом» (Дж.Лакофф). А это обонятельные, нейронные, гормональные возможности, регулирующие кратковременную и долговременную память, участвующие в формировании ориентировочно-исследовательской деятельности и простейшей мотивационно-информационной коммуникации, т.е. речи. Это те нейронные, мозговые, телесные, и, в конечном счете, сознательно-бессознательные когнитивные механизмы, которые позволяют нам чувствовать и двигаться, и которые порождают также наши понятийные структуры и образы мышления. И может статься, что эти сознательно-бессознательные способности нашего габитуса (тела, психики и разума) уже сегодня «знают», что будет завтра. И тогда «Королева карта бита...» – навсегда подавить человеческий разум пропагандой не удастся. Вытесненные в бессознательное, его познающие средства все равно говорят правду. Ее только надо услышать.

1. Крокинская О.К. *Думать о будущем, когда время остановилось.* □ *Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? М-лы VIII социологических чтений памяти В.Б.Голофаства.* СПб, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г., СПб., Эйдос, 2015 г. С. 73-86 □ [http:](http://)
2. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем* - М.: УРСС, 2004;
3. Крокинская О.К. *Слово как единица повествования. Познавательные возможности дискурса и нарратива в социологической анкете // Международный журнал исследований культуры – International Journal of Cultural Research (Научное рецензируемое электронное издание*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ ПРОТИВ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОНТОЛОГИЙ: К АНАЛИЗУ ФЕНОМЕНА ПОЛЯРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Куклин Г.А. (Санкт-Петербург)

В материале «Социальная онтология Б. Латура: к новой радикализации противоречий в понимании российского общества», представленном на секции №1, описаны онто-эпистемологические следствия радикального проекта социологии Б. Латура[1] для возможностей описания современных обществ. Прежде всего, отмечается, что Латур невольно радикализовал противостояние научного и ненаучного объяснения социального мира. Предлагаемый французом подход предполагает возможность выражения любой реальности в языке, и при этом возможность универсального перевода такого языка. Здесь будет дана попытка кратко представить альтернативу проекту Латура, а также показать, как эти различные подходы могут быть использованы при описании и объяснении современных конфликтов российского общества.

Проект Латура следует классическому проекту метафизики И. Канта[2], хотя и пытается преодолеть его односторонним образом. Отвергая идею трансцендентального субъекта, Латур сохраняет основной постулат Канта – непознаваемость «вещей в себе». При этом он использует теорию перевода современного лингвиста А. Греймаса[3], показывая возможность языка быть универсальным способом исследования внешних связей явлений. Альтернатива проекту Латура должна последовательно отказаться от этих двух принципов. Это, по сути, означает признание существования различных реальностей.

Можно привести пример. Для верующего христианина, Христос – реальность, и при этом в определенном смысле гиперреальность. При этом для неверующего человека слова о Христе могут ничего не значить. Он может понимать их смысл, даже испытывать определенную симпатию к чувствам говорящего. Но он никогда не может преодолеть онтологического разрыва, «увидеть» реальность Христа. Отсюда разговор о Христе двух верующих людей и разговор о Христе верующего и неверующего человека – различны не в языке, а реально, так как будто в первом случае общаются трое, а во втором нет. Принципиально то, что такой вариант возможен. При этом эта реальность не является закрытой, христианином можно стать, можно уверовать и так далее. Отсюда можно говорить о специфической связи между реальностями, их лишь относительной автономии. Такой подход может быть выражен термином региональная онтология, в несколько ином значении, нежели он употребляется в феноменологии.

То есть существует радикальный разрыв между реальностями, который, тем не менее, может быть преодолен способом, который невозможно унифицировать. Региональная онтология может быть описана в языке, но не может быть переведена в язык другой региональной онтологии универсальным образом. Такой перевод всегда потребует внутреннего перерождения личности. Этот сложный феномен можно описать в термине экзистенциальный язык-сущность. «Сущность» указывает на непереводаемость региональной онтологии. «Язык» указывает на возможность о ней говорить.

«Экзистенция» - о личном характере обретения региональной онтологии. По сути, экзистенциальный язык-сущность – последняя обобщающая категория, после которой говорить о региональной онтологии становится невозможно. Далее в нее можно только попасть, изменив себя.

Далее следует перевести это размышление в сферу социологии. Общество, в центре отношений которого находится особая региональная онтология, например, христианство в лице Христа, не может быть описано универсальным языком. О нем может быть дано определенное представление, выраженное внешними связями, проявлениями конкретных людей, и это будет классическое научное описание, которое не будет означать ни «знания» данной реальности, ни какого-либо адекватного представления о возможном поведении людей в рамках этой реальности. Таким образом, относительная автономия региональных онтологий ведет и к фундаментальному различию способов социальной связи, обществ. Речь может идти о региональных социальных онтологиях. В этом случае совершенно конкретные люди выстраивают общества в соответствии с той реальностью, которая им открывается. Человек может не являться социальным существом, а может им являться. Это напоминает формулу М. Булгакова «каждому по его вере», с одним уточнением: вера указывает на реальность, на то, что действительно есть.

Отсюда можно говорить и о региональном социологическом объяснении. Социолог не может занимать позицию «над схваткой». Он только обманывает себя, пытаясь делать это. Более адекватной для современной социологии была бы онтологически радикализованная идея позиционирования, развитая в современной теории общества[4]. Л. Болтански и Л. Тевено показали существование региональных моделей оправдания, свойственные обществам[5]. Их подход также требует онтологической радикализации. Речь идет не о моделях, которые можно свести в единую типологию, оставшись независимым ученым, а о фундаментально различных реальностях, из которых следуют как различия моделей оправдания, так и различия социологических объяснений. Похожие идеи предлагал и наш отечественный социолог и философ В. Т. Дронов[6], обосновывая необходимость культурно-цивилизационного подхода к изучению обществ. Следует отметить и предложения В. Бачинина о противопоставлении секулярной и христианской парадигм социологии[7].

Такой подход должен указать на возможность социологической несводимости как различных обществ и культур, так и несводимости различных пространств в рамках одного общества. Здесь следует остановиться на наших проблемах. Очевидно, что современный кризис идентификации «русского», «российского», «нашего» и «не нашего» связан с глубокими противоречиями, характер которых не определен. Можно выделять различные критерии для определения поляризации: политический, религиозный, культурный. И такой подход обычно не позволяет адекватно оценить характер разногласий, что связано с тем, что оценка всегда приписывает оцениваемому определенное представление о самом критерии. В современной России существует ряд противоречий, выраженных в публичной сфере. Следует указать на самые острые. Во-первых, это противостояние по украинскому вопросу, которое скорее стало поводом эскалации более глубокого раскола нашего общества на, условно, два лагеря «либералов» и «консерваторов». В данном случае, оценка конкретных событий является маркером идентичности. Во-вторых, это противостояние по вопросу Русской Православной Церкви и ее усиливающегося влияния в общественной и государственной сферах. Как представляется, временно на второй план отходит национальный вопрос. Очевидно, что первая поляризация также включает в себя вопросы внутренней и внешней политики действующей российской власти. Второе противостояние носит иной характер, и поставляя свои аргументы в иных дискуссиях, скорее затрагивает вопросы оценки самой реальности. Так, для одних разногласия касаются представлений, идей и, в целом, имеют знаковую природу. Для других, разногласия касаются самой реальности, имеют сущностную природу. Выше было

показано, что возможно имеет смысл согласиться с последним утверждением, вместо того, чтобы пытаться навязывать людям свои представления или свои реальности.

Социолог может, исходя из своего глубокого опыта, указать на различие с другим опытом. Это будет гораздо более ценным вкладом в дело разрешения современных конфликтов и противоречий, часто заканчивающихся кровопролитием. Различие не означает невозможности совместной жизни. К такой невозможности, наоборот, приводит ложное сознание общей истины. Возможно, подлинная свобода скорее заключается в бесстрашном погружении в реальность в ожидании ее откровения, нежели в попытках судить обо всем или прыгать от одного «нравится» к другому.

1. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
2. Кант И. *Пролегомены*. М., Л., 1934.
3. Греймас А. *Структурная семантика. Поиск метода*. М.: Академический проект, 2004
4. Филипс Л. Йоргенсен М. *Дискурс-анализ: теория и метод*. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
5. Болтански Л., Тевено Л. *Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов*. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
6. Дронов В. Т. *Культурно-цивилизационный подход и его необходимость в современной российской социологии*// Известия РГПУ им. А. И. Герцена. №166. 2014.
7. Бачинин В. А. *О двух парадигмах социологического мышления* // Социологические исследования. № 8. 2004.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ГРЕЦИИ

Курбанов А.Р. (Москва)

Начало современного экономического кризиса в Греции относится к 2010 году, его пиковые точки связаны с обсуждением греческим правительством и кредиторами (Европейским Союзом, Европейским Центробанком, Международным валютным фондом) предоставления стране новых пакетов финансовой помощи. Это обсуждение неизменно сопровождается широким общественным резонансом, связанным с манифестацией ряда культурно-исторических факторов, определяющих восприятие гражданами Греции экономических реалий современности. Среди этих факторов ключевым становится историческая память, благодаря которой актуальные события интерпретируются в контексте значимых для национальной идентичности картин прошлого и вызывают предсказуемую поведенческую реакцию на индивидуальном и групповом уровне.

Специфичные черты исторической памяти своей страны охарактеризовал профессор Афинского университета Антонис Лиакос в статье, посвященной беспрецедентной общенациональной дискуссии, разгоревшейся в связи с публикацией в марте 2006 года нового учебника по истории. В центре обсуждения был вопрос о том, следует ли защищать идеологию национального государства и само национальное государство от глобализации и духа космополитизма [4, 57]. А. Лиакос подчеркивает, что понимание памяти как сопротивления – центральная метафора политической жизни Греции, которая стала общим местом, придав смысл культурным практикам, связанным с историей. Такая концепция памяти приняла формы сопротивления новой космополитической истории и вернула к жизни старые идеи о памяти как о сопротивлении.

А. Лиакос отмечает, что основное содержание национальной идеологии Греции строится на представлении о непрерывности ее существования как на социального и политического субъекта с античных времен, сохранении своего единства, несмотря на

иностранным господством, сохранении культурного наследия как эллинистического, так и христианского наследия [4, 59].

Особенно важным нам представляется концепт памяти как сопротивления, который, по сути, и обеспечивает сохранение целостности греческого социума в условиях внешней угрозы, исходящей со стороны более сильных политических субъектов, а также в условиях фактической утраты суверенитета. Эти обстоятельства нашли воплощение в ситуации вступления Греции во Вторую мировую войну (так называемый «День Охи» - отклонение ультиматума правительства Б. Муссолини 28 октября 1941 года) и в противодействии оккупации странами Оси (движение Сопротивления в Греции было одним из самых мощных на территории Европы). В современной Греции 28 октября является общенациональным праздником (Годовщина «Нет»).

Общенациональный референдум в Греции, проведенный правительством Алексиса Ципраса 5 июля 2015 года по вопросу о принятии условий финансовой помощи со стороны европейских кредиторов в условиях острого долгового кризиса можно рассматривать как пример манифестации исторической памяти. Условием получения очередного пакета финансовой помощи стало проведение реформ, направленных на сокращение государственных расходов в социальной сфере и увеличение налогов. Известный американский экономист Пол Кругман, лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 года, охарактеризовал предложения, исходящие со стороны Европейского Союза (ЕС), Европейского Центробанка (ЕЦБ) и Международного валютного фонда (МВФ) как направленные на «полное уничтожение национального суверенитета» Греции [3].

Итоги общенационального референдума по вопросу о принятии плана реформ, предложенного Греции Евросоюзом, выглядят следующим образом:

в голосовании приняло участие 62,5% населения, из них в поддержку плана реформ («Нэ») проголосовали 38,69%, против («Охи») - 61,31%. Ни в одной из тринадцати основных административно-территориальных единиц Греции (областей) вариант ответа «Да» не получил преобладания, минимальный уровень поддержки варианта ответа «Охи» составил 57,36% (Пелопоннес), максимальный –69,87% (Крит). На уровне избирательных округов процент поддержки ответа «Охи» колеблется от 51,17% (Лакония) до 73,77% (Ханья). Результаты референдума опубликованы на официальном сайте Министерства внутренних дел Греции (Ministry of Interior and Administrative Reconstruction of Hellenic Republic) [1]. Доступны статистические результаты трех уровней – общенационального, по административно-территориальным единицам первого порядка (области) и по административно-территориальным единицам второго порядка (избирательные округа). Ни в одном округе вариант ответа «Нэ» не получил преобладания над вариантом ответа «Охи». Таким образом, греческий социум продемонстрировал высокий уровень сплоченности и солидарности в определении своей воли.

Ответ «Нет» («Охи») для большинства участников референдума подразумевал отдельное государство – Германию, которая является крупнейшим кредитором, определяющим условия предоставления Греции финансовой помощи. Общественное мнение видит в ней главный источник бед нынешней Греции. Для такого отношения есть очень веская историческая подоплека – действия немецкой армии и оккупационной администрации на территории Греции в период Второй мировой войны (оккупация Греции длилась с 1941 г. по 1944 г. и сопровождалась массовыми карательными акциями, изъятием основных ресурсов – экономических, финансовых, продовольственных, голодом, который привел к сотням тысяч жертв в Афинах, Салониках, других городах и на некоторых крупных островах).

Прошедший 5 июля 2015 года референдум можно рассматривать как пример успешного с тактической точки зрения обращения к коллективной памяти социума путем использования узнаваемых понятий и сходства ситуаций прошлого и настоящего. Анализ истории взаимоотношений Греции и Германии и отражения этой истории в общественном

сознании позволяет глубже понять механизмы социального поведения, которое может быть значительно глубже фундировано, чем может показаться на первый взгляд.

Компромисс, на который правительство А. Ципраса в итоге пошло в переговорах с европейскими кредиторами, может рассматриваться как своеобразное дезавуирование итогов референдума, к моменту написания настоящей работы уже ушедшего на периферию информационного пространства. Однако тот пласт исторической памяти, к которому, сознательно или нет, обращались инициаторы референдума, может быть актуализирован снова, как и другие ее элементы, в том числе, связанные с насильственной трансформацией власти в кризисной ситуации.

1. Сайт Министерства внутренних дел Греции (*Ministry of Interior and Administrative Reconstruction of Hellenic Republic*): <http://ekloges.ypes.gr>
2. Hondros J.L. *Occupation and Resistance: The Greek Agony, 1941-44*. New York, 1983
3. Krugman P. *Killing the European Project // The New York Times. The Opinion Pages. The Conscience of a Liberal*. Paul Krugman. 12.07.2015. URL: http://krugman.blogs.nytimes.com/2015/07/12/killing-the-european-project/?_r=2 (accessed: 23.09.2015)
4. Liakos A. *History Wars: Notes from the field*. In: *Jahrbuch der Internationalen Gesellschaft für Geschichtsdidaktik/Yearbook of the International Society of History Didactics 2008/2009*, Schwalbach: Wochenschau Verlag
5. Mazower M. *Inside Hitler's Greece: The Experience of Occupation, 1941-44*. New Haven and London, 2001
6. *Schwarzbuches Der Besatzung*. Athens, 2006

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Максимова Е.С. (Тула)

В настоящее время российское общество претерпевает период динамичных, достаточно противоречивых и кардинальных перемен практически во всех сферах. В этих условиях значительно усугубляется кризис в научных областях. Показателем данной тенденции по мимо прочих является стремительное снижение научно-творческой активности молодёжи.

В обстоятельствах кризиса молодые учёные становятся наиболее социально уязвимой группой научного мира. Молодые люди попадают в сложное положение: с одной стороны их научная деятельность остается значимой, социально важной и подающей большие надежды, а с другой – перспективы и планы на будущее в выбранной стезе становятся крайне неопределёнными. Наблюдается двоякая ситуация: кризис одновременно как открывает новые возможности и шансы, так и ограничивает их.

Текущий переломный период на первый взгляд способствует активизации и мобилизации сил молодых учёных. Условия ограничения внешнего рынка, импортозамещения и гласной поддержки отечественных деятелей (производителей, деятелей интеллектуального труда, разработчиков и т.д.) создают благоприятные условия для понижения барьеров на пути исследований новых сфер, развития и углубления новых направлений. Научные разработки в социально значимых в условиях кризиса перемен сферах (например, сельское хозяйство), имеющие высокий реализационный потенциал, субсидируются и поддерживаются как государством, так и крупными предприятиями. Растёт финансирование так называемых «приоритетных» научных сфер.

Однако на этом фоне не только сохраняется, но и усиливается тенденция снижения государственного и частного финансирования науки в целом. Затрудняется реализация проектов, сокращаются гранты и дополнительные выплаты, уменьшается субсидирование.

Государству не хватает бюджетных средств. Крупные компании стремятся сэкономить на инвестиционных программах. Несмотря на то, что из большинства претендентов на финансирование выпадают зарубежные ученые многих стран, на программы субсидирования наблюдается высокий конкурс и сильная конкуренция. Тем не менее стоит отметить, что на фоне снижения финансирования растёт спектр не денежных мер, поддерживающих начинания молодых ученых.

При текущей тенденции сокращения внешних средств на научные изыскания молодые ученые стремятся получить выгоду со своих разработок, предлагая их различным предприятиям. Благоприятствует этому расширение и увеличение мер стимулирования государством предприятий, приобретающих отечественные научные разработки. Однако как крупные, так и малые компании достаточно вяло покупают отечественные разработки по причинам роста их цен и малой информированности руководства о перспективных проектах молодых ученых.

Молодые люди не могут самостоятельно профинансировать свои исследования и разработки. Этого не позволяют сделать не только их малые зарплаты, скачкообразный рост цен на продукты, товары и услуги, но и закрытие банками доступных программ кредитования.

Многие имеющие сильный потенциал молодые люди перестают видеть перспективы развития и карьерного роста в научной сфере и уходят в коммерческие структуры, реализуют себя в предпринимательской инициативе, стремясь извлечь максимальную прибыль и пользу из своих знаний, умений, навыков и научных компетенций.

В условиях вуза научно-творческая активность студентов на своём пути также встречает множество трудностей. Во-первых, это административные барьеры, а именно усиление давления со стороны контролирующих органов. Во-вторых, сокращение государственного финансирования. Дефицит средств отрицательно влияет на эффективности деятельности молодых учёных. Устаревает и ломается оборудование (следует учесть, что не все приборы и их запчасти производятся в нашей стране), не субсидируются расходные материалы и текущие траты, происходит сокращение кадрового состава - сильных старших коллег и научных руководителей. При этом ввиду сокращения числа обслуживающего технического персонала молодым учёным приходится частично брать на себя их функции и заниматься ремонтом и поддержкой рабочей аппаратуры.

В последнее время затрудняется сотрудничество молодых учёных с опытными зарубежными коллегами: препятствиями на пути совместной работы становятся политические, экономические и бюрократические причины. Сокращается число иностранных конференций и конкурсов с участием российских молодых людей.

Психологические трудности создает усиление непонимания со стороны близких и друзей молодых людей, активных в научной сфере. Внутренний диссонанс создает резкое снижение уровня жизни при сохранении профессионального статуса.

В целом важно отметить, что численность молодых учёных в условиях настоящего кризиса продолжает сокращаться в виду их социальной дезориентированности, а также неуверенности молодежи в стабильности и перспективах развития и карьеры в научной сфере.

Следует подчеркнуть, что сокращение научной активности современной молодёжи может иметь катастрофические последствия для отечественной науки. Среди результатов можно прогнозировать скачкообразное сокращения числа молодых учёных; усугубление проблемы старения научных кадров, возникновение проблемы утраты преемственности в науке; увеличение кадрового балласта - научных сотрудников с низкой квалификацией, не вносящих реальный вклад в науку; уменьшение количества и качества научных исследований.

“КРИЗИС” И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АО)

Макушева М.О. (Санкт-Петербург)

Тема экономического кризиса сегодня вновь прочно вошла в повседневный обиход и возникает в совершенно разных контекстах, задавая тенденции в общественном мнении и поведенческих практиках. Цель статьи – в первом приближении показать непрофессиональное восприятие “кризиса”, его природы, причин, структуры и проявлений в повседневной жизни.

В качестве эмпирической базы использованы данные исследований, проводившихся в Ямало-Ненецком АО в 2015 году: мониторингового телефонного опроса, проводившегося в период с февраля по май (всего 4 волны, объем выборки каждой - 1500 респондентов, модель выборки – пропорциональная, квотированная по муниципальному образованию, полу и возрасту, методика отбора – случайная бесповторная из массива стационарных и мобильных телефонных номеров) и личных мягкоструктурированных интервью (90 интервью в 5 городах и 3 сельских муниципальных образованиях ЯНАО, период проведения – июнь-июль, при рекрутировании задавались квоты по полу, возрасту и сфере занятости, кризисным проявлениям был посвящен один блок вопросов среди прочих, касающихся социального самочувствия и проблем муниципального образования).

Кризис как тема в публичной информационной повестке. В структуре распределения ответов на вопрос о причинах кризиса (открытый вопрос; задается только респондентам, согласным с тем, что в России сейчас экономический кризис) на первые места выходят внешнеполитическая повестка (давление стран Запада, санкции, действия США, военные действия на Украине), а также процессы без упоминания конкретного актора – изменение курса валют, цен на нефть, мировой кризис. Негативные оценки и ожидания провоцируются событиями, выходящими за рамки повседневного опыта, о которых люди получают информацию опосредованно и воспринимают не столько на фактуальном уровне, сколько как набор интерпретаций, на который реагируют в зависимости от ориентаций (Дж. Цаллер развивал идею о необходимости подсказывающих сообщений, идеологических маркеров для интерпретации событий [Цаллер Дж., 2004]). На этом уровне, как можно предположить, формируется определение ситуации как кризисной.

В феврале, во время первого замера, 80% опрошенных согласились с тем, что сейчас в России экономический кризис. Эта доля за последующие месяцы плавно снижалась и в мае достигла 68%. Определение ситуации у части населения за этот период изменилось, но тема прочно вошла в повседневный обиход и продолжает быть ведущим мотивом в объяснении ряда процессов. Хронические проблемы городов и поселков, текущие трудности на предприятиях, корректировки в личных стратегиях трат и накоплений – везде «кризис» занял свое место.

Некоторые интерпретации снова и снова появлялись в текстах интервью. В самом общем смысле «кризис» понимается людьми, с экономикой не связанными, через несколько метафор и аллюзий. Иначе – общая категория «кризис» может включать для разных людей разный набор субкатегорий, понимаемых как причины, следствия, способы справляться с ситуацией.

Первое – это кризис как «стихийное бедствие» и кризис как естественный этап циклически развивающейся экономики; в том и в другом случае - обезличенный и естественный процесс, на который нельзя повлиять, а можно только пережить период спада (люди часто говорят о естественности ситуации, о том, что в России кризис – это

нормально, что они уже пережили несколько и никто не умер, что кризис для их семьи не заканчивается с 90-х, о том, что за подъемом следует спад, есть полосы темные, а есть - светлые).

Второе – это кризис как «противоборство» - результат целенаправленных действий «враждебных сил» (санкции стран Запада, политика США, давление на страну). Здесь подключается геополитическая риторика, концепция противостояния, необходимости отстаивать свои интересы, важную роль занимает фигура лидера.

Третье – это отсылки к ставшему афоризмом «разруха не в клозетах, а в головах», своеобразное сопротивление кризисному дискурсу : кризис надуманный, не всегда жить при цене нефти в 100 долларов за баррель, нужно просто нормально работать, кто работает – у того нет кризиса и т.д.

Кризис как процесс в восприятии людей имеет несколько фаз, свою темпоральную структуру, отчасти сформированную на основе ранее пережитого, отчасти – на основе воспринятых тезисов, звучащих в публичной повестке. Он имеет расплывчатое начало (“становилось все хуже и хуже”), “дно”, вопрос о достижении которого служит главным водоразделом между пессимистами и оптимистами, расплывчатый же выход из кризиса, преодоление спада. Конечность, временность – атрибуты понятия. Сколько кризис продлится - 2 года, 5 лет, – неизвестно, но это не переход к новому постоянному состоянию. Все просто закончится, так как всегда заканчивалось (мотив Щюца “и так далее”), или страны Запада сдадутся, или экономика выйдет на путь эффективного импортозамещения, или Президент найдет другой выход. В этом смысле обозначение трудностей как кризиса может рассматриваться в качестве присвоения неопределенной ситуации определения, снижающего тревожность.

Кризис в повседневной жизни. Сложности, с которыми респонденты сталкиваются непосредственно в виде сокращения доходов, банкротства магазина шаговой доступности или экономии в производственном процессе – это тот уровень, на котором отдельные события интерпретируются с помощью категории «кризиса». Изменения к худшему получают определение – в стране кризис, приходится «поприжаться», «невпервой».

Многие на сегодня с кризисом столкнулись, если не считать экранов телевизоров, только на продуктовых полках. Рост цен отмечают все. Однако не для всех он стал критичным. Также важно, что не все видят в росте стоимости товаров именно кризисные черты – северяне, особенно в городах, страдающих от сезонной распутицы, привыкли к сезонным скачкам. И вектор недовольства здесь часто направлен на предпринимателей, которые воспользовались ситуацией. Логика, по которой при росте курса валют относительно рубля дорожает отечественное молоко или мясо, понятна не всем.

Существенная доля населения закредитована. Невозможность выплачивать займы отмечалась не часто (по материалам массового опроса это действительно редкое проявление). Массово это скорее фактор, делающий ситуацию более тяжелой эмоционально, напоминающий о зависимости, придающий опасениям еще больше темных красок.

Второй аспект – это вселяющая чувство неуверенности нестабильность на предприятиях, государственных, муниципальных и частных. Сокращения заработных плат или невыплата ожидаемых премий на многих сказались угнетающе, даже если были незначительными. Важный аспект жизни на Севере для многих – возможность делать накопления, выплачивать досрочно кредиты, обеспечивать себя и детей на будущее. Развито долгосрочное планирование и люди долгое время были настроены оптимистично. Поэтому даже наметившаяся тенденция к сокращению вселяет неудовлетворенность на фоне эффекта высокой базы. Главное в кризисной тематике – это то, что распланированные доходы и расходы подвергаются коррективам.

Самая пострадавшая группа – это работники частных предприятий. Частный сектор в целом пострадал, во-первых, из-за сокращения объемов заказов со стороны бюджета и корпораций, во-вторых, из-за сокращения покупательной способности и/или стратегий экономии частных лиц. Предприниматели столкнулись с задолженностями контрагентов.

Как следствие общего спада и задержек в поступлении средств, работники столкнулись с задержками в заработной плате, где-то – с сокращениями. Местная специфика проявилась в парадоксальном положительном влиянии снижения покупательского спроса на ситуацию в потребительском секторе. Экономя, некоторые не поехали в отпуска или сократили их продолжительность. В городах осталось больше людей и спад активности на рынке был не таким сильным, как обычно в летний период. Но этот эффект, судя по всему, очень незначителен.

Трудности в поиске работы – обычное явление, особенно, если говорить об относительно депрессивных городах. Но наши информанты с кризисом связывали усугубление ситуации. Эффект очевидный – предприниматели, как минимум, не расширяются, рабочие специальности при сокращении объема работ требуются реже.

Чтобы понять, сконцентрированы ли проявления в виде экономии и негативных тенденций на рынке труда, мы выделили типы респондентов по характеру испытываемых ими трудностей (в мониторинге наблюдаются переменные, связанные с проявлениями на рынке труда и в потребительской сфере). С помощью кластерного анализа (k-mean, решение для 3 кластеров) было выделено три группы. Кластер 1 включил около половины опрошенных (47%) — тех, кто, столкнулся с экономией, но не на вещах первой необходимости – развлечениях, технике, электронике, отпуске и др. Кластер 2 включил около 43 % опрошенных — тех, кто, по сути, не столкнулся ни с какими проявлениями кризиса и мало экономит, а если и сталкивается с ограничениями, то только на вещи не первой необходимости. В оставшуюся группу попало еще около 10% опрошенных - это группа, на которой кризисные проявления сказались наиболее болезненно – они столкнулись со всеми видами экономии, в том числе на повседневном питании, со снижением дохода из-за сокращений заработных плат и/или премий и бонусов. При том, что с невозможностью погашения кредита столкнулось крайне мало респондентов, большая их часть сконцентрирована в этом кластере. Они же и наиболее закредитованные – более половины (51%) отдадут в погашение кредитов от трети до 70% ежемесячного дохода. Для сравнения, в 1 кластере таких около 43%, во 2, самом благополучном – около 27%. 1 и 3 кластеры характеризуются также низкими накоплениями «на черный день» - 76% и 69% соответственно не имеют накоплений (для сравнения, во 2 кластере таких около 40%).

Третий аспект – это проявления не в личном бюджете, а в городской среде – в непосредственно наблюдаемых заморозках строек, сокращении финансирования каких-либо проектов, в том, что где-то отказались от ежегодного ремонта дорог, например. В жизнь многих, в связи со служебными обязанностями, пришло слово «оптимизация». Это усиливает тревожность даже для тех, чью положение не ухудшилось или ухудшилось не существенно.

1. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

НОРМЫ И ДЕВИАЦИИ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Мальцева А.А. (Тюмень)

Ежегодно на территории Российской Федерации принимаются различные законопроекты и проводятся реформы, которые затрагивают все сферы общественной жизни, способствуя при этом изменению формальных и неформальных норм и образцов поведения. Именно в этот период особое значение приобретает проблема взаимоотношений человека, культуры и общества.

Согласно общепринятой трактовке, норма — это правило, регулирующее человеческое поведение [3, С. 125]. Нормы указывают, что и как необходимо делать, говорить, чувствовать в конкретных ситуациях, являются своеобразной инструкцией для любого человека, оказавшегося втянутым в общественные отношения.

Особый интерес, и в то же время особую трудность для изучения, представляет такое свойство социальной нормы, как ее относительность и динамичность. В истории существует огромное количество примеров, когда одни и те же действия в разных культурах трактовались по-разному. Например, в буржуазном обществе, ориентированном на личный успех, поступки типа подвигов Павки Корчагина или Александра Матросова считаются аномальными. А в советском обществе, ориентированном на интересы государства, они официально считались героическими.

Относительность социальных норм проявлялась не только в пространстве, но и во времени. Так для современного общества самоубийство является аномальным поведением, однако в некоторых традиционных обществах, где условия жизни были суровыми настолько, что из-за голода люди постоянно находились на грани смерти, существовал обычай избавляться от тех ее членов, кто переставал приносить пользу. Такими людьми, как правило, являлись старики и инвалиды, они уходили из жизни добровольно [3, С. 189-191].

Однако, помимо неких образцов и идеалов, нормы устанавливали запреты и ограничения на определенные модели поведения, которые иногда лишены всякого смысла, но, тем не менее, приняты в конкретном обществе: так, в штате Миссури США пожарным не позволительно ходить по улицам в нижнем белье, а в Калифорнии нельзя купить мышеловку, не получив разрешения в полиции [5, С. 190].

Чем древнее цивилизации, тем многослойнее культурные пласты, тем большее количество культурных норм, традиций и запретов обнаруживается в этом обществе. Примером этому может служить Индия и Китай, где до сих пор с древнейших времен существуют нормы детности, сыновней почтительности т.д.

С одной стороны, нормы указывают на обязанности одного лица перед другим, создавая тем самым систему определенных взаимоотношений. С другой — это ожидания. От соблюдающего данную норму человека окружающие ждут вполне однозначного поведения.

Исторически были выработаны самые различные способы существования социальных норм, среди которых в качестве основных можно назвать ритуалы, обычаи, традиции, нравы, законы, право, а также табу, являющееся формой максимального запрета на какие-либо действия. Все они оказывали непосредственное влияние на становление человека, его развитие, формирование поведенческих установок, верований, ценностей, идеалов.

Совокупность культурных норм составляет нормативную систему культуры. Причем это не хаотичная сумма разрозненных элементов, а целостность, все части которой связаны друг с другом и выполняют определенные функции, что позволяет менять элементы, сохраняя при этом устойчивость системы на протяжении столетий и тысячелетий (древнегреческая, древнеегипетская, византийская, китайская, русская культура).

Выступая индикатором социальных изменений, нормы постоянно меняются, приводя к внутреннему расколу сознание людей, меняя «характер народа» и «общественное настроение». Следствием этого является проявление поведения, отклоняющегося от нормы, которое принято называть «девиантным».

В социологии отношение к идее социальной девиации не было однозначным и изменялось так же динамично, как и само понимание девиации.

Рассмотрение девиантного поведения невозможно без учета общественных процессов и норм, утвержденных внутри данного общества. Статистический анализ различных аномальных проявлений (преступности, самоубийств, проституции),

проведенный, в частности, Ж. Кегле, Э. Дюркгеймом за определенный исторический отрезок времени, показал, что число аномалий в поведении людей всякий раз неизбежно возрастало в периоды социальной нестабильности (экономические кризисы, социальные потрясения) [4, С. 98-99].

Нормы управляют поведением людей. Люди знают, что можно ожидать от других и чего ждут от них. Однако кризисные моменты заставляют людей «играть не по сценарию». Люди находятся в состоянии запутанности и дезорганизованности (Э. Дюркгейм дал этому явления название «аномия»). Нормы разрушаются, люди теряют ориентиры, в связи с чем проявляют девиантное поведение.

Особый интерес представляют социокультурные и исторические формы девиантного поведения, среди которых особую популярность с точки зрения классификации имеют коллективные и индивидуальные девиации.

Принято выделять два типа коллективной девиации. Первая из них — сакральная по своей сути, или являющаяся игровым реликтом таковой (культово-обрядовые действия, традиционные праздники, карнавал, государственные и «народные» праздники). Ярким примером подобной девиации является культ Кришны, последователи которого постоянно употребляли наркотики и провозглашали, что можно «постоянно пребывать в возвышенном состоянии и обнаружить источник вечного наслаждения», если следовать учению.

Второй тип — революция, бунт, смута, погромы, насилие и т.п. — является проявлением девиантного поведения экстремального типа. Им характеризуются, в подавляющем большинстве случаев, переходные периоды истории.

Девиация коллективного типа связана непосредственно с девиантной ситуацией. В зависимости от преобладающей референции, феномен приобретает характер управления (включая, магическое), или деструктивной реакции. Особую форму девиации представляют собой девиантные сообщества: институтированные (пиратское «братство», мафиозные кланы и пр.) и иерархически структурированные (хулиганские сообщества, криминальная группа, «банда») [1, С. 119-120].

Индивидуальная девиантность также может иметь сакральный характер, Примером ее носителей могут выступать шаманы, экстрасенсы, юродивые. Светским вариантом девиации выступает человек художественной богемы, нищий или же бомж, которые противопоставляют себя обществу и традициям, вступающая зачастую с ними в конфликт.

Любое проявление девиации, по сути, является противостоянием, бунтом личности против общепринятых норм, ценностей, традиций. Чаще всего понятие «девиантное поведение» носит негативную окраску, однако отклоняющееся поведение может быть связано со стремлением личности к чему-то радикально новому и, зачастую, лучшему; с попыткой преодолеть консервативное, давно сложившееся и, порою, отжившее свое. К подобному виду девиации могут быть отнесены различные виды научного, технического и художественного творчества [2].

Истории и культуре известны многие примеры того, как, появляясь в определенные этапы развития общества, девианты (как положительные, так и отрицательные) кардинально меняли находящуюся в кризисе систему; находили в существующих консервативных правилах и устоях «слабые места», вырабатывали новые, наиболее приемлемые (или кажущиеся им таковыми) для конкретного места и времени пути решения проблемы. Эти пути могли приводить как к стабилизации системы, так и к полному ее уничтожению. Однако значение этих людей, чьи ценности и идеалы складывались в период бифуркации под действием изменяющихся и утрачивающих силу социальных норм, остается огромным.

Девиация и нормы находятся в постоянной взаимозависимости: одно формирует другое, и наоборот. Несмотря на давление стандартов, все равно находятся люди, которых невозможно загнать под общую структуру. Видя все несовершенства системы, они могут

постараться ее изменить, воспользоваться в своих целях, удовлетворяя собственные потребности, или же, поддавшись панике, пойти по пути саморазрушения. В любом случае, они будут девиантами. И независимо от способа существования социальной нормы, преобладающей в первобытном, традиционном, индустриальном или информационном обществе, девиация была, есть и будет ее постоянным спутником, ее зеркалом и катализатором.

1. Апинян Г.В. О понятиях «девиация», «девиантность», «девиантное поведение» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена . 2009. №118.
2. Бабаева А.В., Попова Н.А. Классификация позитивной девиации и ее проявления // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-rozitivnoy-deviatsii-i-ee-proyavleniya> (дата обращения: 18.05.2015).
3. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов (Под ред. А.П. Садохина). - М.:Юнити-Дана, 2002. - 352с.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. / Пер. с фр. с сокр. под ред. В.А. Базарова. - М.: Мысль, 1994. - 625 с
5. Психологическая работа с девиантными подростками: проблемы и возможности / [А. М. Медведев, Т. В. Прокофьева, А. В. Юнда и др.]; Федер. агентство по образованию, Волгогр. акад. гос. службы. - Волгоград: ВАГС, 2009. - 315 с.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ КАК КРИЗИСНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ

Миллер Н.О. (Краснодар)

Социально-экономические изменения, происходящие в России в течение последних десятилетий, существенным образом отразились на всех сферах жизни общества, в том числе и на состоянии семьи. Изучение причин этих изменений и выработка механизмов сохранения благоприятного социально-психологического климата является чрезвычайно актуальным с научной и практической точки зрения, так как семья является важнейшим институтом воспроизводства общества и первичной социализации личности в процессе взаимодействия поколений.

В семье межпоколенческие отношения осуществляются наиболее тесно, и именно в рамках семьи закладывается модель поведения человека с остальными членами социума. Сегодня можно говорить о том, что взаимодействие и социализация поколений затруднены, а, значит, углубляются различия между людьми разных возрастов, которые находят свой выход далеко за рамками семьи. Многие факторы содействуют все большей дистанцированности между членами семьи и создают условия для конфликтов как внутри малой группы, так и в целом обществе.

С целью выявления и анализа конфликтного взаимодействия внутри и между поколениями, как фактора разрушения или укрепления социальных связей в семье и в обществе в целом нами было проведено социологическое исследование, полевой этап которого проходил в марте-апреле 2015 г. в г. Краснодаре. Использовался метод глубинного интервью с представителями разных семей, относящихся к трем разным поколениям.

При анализе конфликтных взаимодействий в семьях респондентов, важно было понять того, насколько открыто и адекватно сами респонденты идентифицируют конфликты, происходившие в их семьях между людьми разных поколений. Практически все респонденты не отрицали наличие в их жизненном опыте столкновения интересов, взглядов, ценностных ориентаций и жизненных принципов со своими родителями, прародителями и детьми. Характерной особенностью среди признания наличия конфликтов в семьях опять же было, их различное толкование с точки зрения людей

разных возрастов. Старшее поколение к конфликтам с родителями и прародителями относилось крайне терпеливо, и даже пыталось их не замечать, так как, воспитанное в них уважение к старшим, отрицало саму возможность иметь право голоса при ссорах и конфликтах с ними. Что касается старшего поколения по отношению к их детям и внукам, то здесь ситуация меняется. Вставая на место своих родителей, они, в большинстве случаев считают, что уже с высоты их жизненного опыта они могут помочь своим детям и внукам решать проблемы, даже если их об этом не просили.

Разница в воспитании поколений зачастую являлась катализатором разногласий между родственниками. Традиционно вина за конфликты делегируется младшему поколению, что, по всей видимости, не всегда оправдано.

Размышляя о причинах конфликтов, в совокупности нам удалось представить целостную картину тех проблем, из-за которых возникают конфликтные ситуации. Наиболее частыми поводами к конфликтам выступили разные социальные ценности, разное социальное положение поколений, материальные проблемы, совместное проживание в стесненных условиях, хозяйственно-бытовые трудности. Но все же почти половина опрошенных выделяет различие ценностей молодого, среднего и пожилого поколений как источник их конфликтов, которое выражено в смещении ориентиров с ценностей духовных на ценности материальные, в падении престижа возраста и опыта старших поколений и соответственно следовании новым веяниям, исключающих проверенный годами опыт.

Некоторые опрошиваемые в качестве причин конфликтов выделяли вступление в брак с неподходящим человеком, подстрекательство к конфликту третьих лиц, вмешательство родственников в жизнь семьи, аморальное поведение членов семьи.

Во многом типичные причины конфликтов в большинстве семьях объясняются однородностью их состава, общими привычками, традициями, способами коммуникации. Учитывая, полиэтничность нашей страны, ее культурное и религиозное разнообразие, становится интересным узнать о противоречиях, связанных не только с бытовыми трудностями и различием взглядов на жизнь, но и на противоречия, которые формируются под еще большим грузом различий, таких как этнические, культурные, религиозные и языковые и прочие. Проблема нестабильности института семьи стоит довольно остро в последние годы, и такой фактор, как межэтничность в браке является дополнительным и существенным риском для него. Следует отметить, что изучение конфликтов в разноэтнических семьях позволяет углубить и расширить проблематику изучения межпоколенческих конфликтов уже на другом уровне, не только в рамках межличностных отношений, но и в рамках межэтнических взаимодействий.

Как и предполагалось, этнические и культурные различия между членами семьи очень сильно отражаются на характере их взаимоотношений. Подобные межнациональные конфликты складываются под влиянием различных факторов, например, таких как стереотипы по отношению к тем или иным национальностям, различие в традициях и т.д. Конфликты между взрослыми людьми, принадлежащих к разным этническим группам нередко транслируются на детей, которые не по своей воле становятся носителями определенных этнических стереотипов. На конфликтность между поколениями в семье также оказывают влияние разные религиозные убеждения, разные подходы к воспитанию и образу жизни детей. В семьях, где оба родителя придерживаются разных взглядов на воспитание ребенка, нередко случаются противоречия, которые также оказывают большое влияние на взаимоотношения с детьми. В результате противоречий на этнической почве, и еще по ряду связанных причин, подобные конфликты редко находят положительное решение, что сказывается на психически-эмоциональном, материальном и других состояниях других членов семьи.

Отсутствие средств и методов регулирования конфликтных ситуаций, даже на межличностном уровне, не говоря уже о государственном, приводит к нарушению процессов социализации и межпоколенческой преемственности. Развитие

межпоколенческих отношений, вследствие прерывания контактов, игнорирования проблем, разводов, насилия и иных форм разрешения противоречий, грубо нарушается, что приводит к дисбалансу преемственности ценностей, к трансляции дисфункциональных связей между членами семьи. Взаимоотношения в семьях претерпевают серьезные трансформации. А это, в свою очередь, неблагоприятно сказывается на современном обществе, так как именно семья как социальный институт закладывает базу, на которой строятся все отношения между людьми. Умение разрешать назревающие и случившиеся конфликты могут во многом помочь обществу, семьям, наладить различные социальные процессы, начиная с восстановления межпоколенческой преемственности и заканчивая улучшением демографической ситуации в стране и мире.

Нам удалось установить, что в современной российской семье, впрочем, как и в семьях людей предыдущих поколений нет механизма урегулирования межпоколенческих конфликтов. Эта проблема является особо актуальной для нашего общества в целом, в котором недостаточно развито функционируют определенные социальные институты, которые помогли бы решить проблему конфликтных межпоколенческих взаимодействий, а вследствие этого и нарушенной межпоколенческой преемственности. В современных социально-экономических и политических условиях поддержание преемственности и наличие крепких внутрисемейных связей являются важными элементами, позволяющие решить множество социальных проблем и снизить напряженность между людьми.

Таким образом, в ходе проведенного исследования, мы обнаружили, что на процесс межпоколенческой преемственности, то есть на процесс передачи и принятия жизненных ориентиров и ценностей, на процессы социализации, на отношения, которые складываются между людьми вне семьи, в значительной степени оказывает воздействие наличие в семье межпоколенческих конфликтов. То есть, каждый индивид, воспитываясь в семье, воспринимает определенные позиции для себя, с которых он впоследствии и начинает вхождение в ту или иную социальную среду. Поэтому, для того чтобы изменить ситуацию в целом обществе, важно обратить внимание на разрешение внутрисемейных конфликтов.

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ Г. ОРЛА

Новикова Г.А. (Орел)

Актуальность проблемы социологической культуры заключается в том, что профессия социолог появилась в России относительно недавно и с каждым годом становится более и более востребованной.

Кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала РАНХиГС был проведен опрос населения города Орла с целью диагностики и анализа социологической культуры для определения направлений развития социологической культуры населения.

В результате исследования (Опрос «Социологическая культура населения г. Орла, ноябрь 2014 г.; n=400; выборка репрезентативна по полу и возрасту; руководитель Проказина Н.В) удалось ответить на ряд вопросов: первое – выявить, насколько профессия социолога известна обществу. Второе – определить уровень информированности о деятельности социологов; третье – определить отношение к социологическим исследованиям и их результатам; четвертое – определить отношение населения к организациям, занимающимся социологическими исследованиями. Результаты исследования показывают, что в общественном сознании сформирован образ

социолога, но учитывая отсутствие достаточной информации об этой профессии, этот образ не точный, либо ошибочный.

Таблица 1. – Распределение вариантов ответов на вопрос: «Когда Вам встречается информация в СМИ о результатах опросов общественного мнения, насколько она Вам интересна?»

Варианты ответов	Процент ответивших
вызывает интерес	53,9
не вызывает интереса	31,1
затрудняюсь ответить	15,0

Больше половины ответивших (53,9%) проявляют интерес к результатам опросов общественного мнения, встречающихся в СМИ. Треть ответивших (31,1%) не интересуются результатами опросов общественного мнения. Данные результаты говорят о том, что большинство респондентов все-таки проявляет интерес к результатам общественного мнения. Ответы респондентов по данному вопросу говорят о положительной динамике восприятия социологов и проводимых ими социологических исследований.

Таблица 2.- Распределение вариантов ответов на вопрос: «Отражают ли, на Ваш взгляд, результаты опросов действительные (реальные) мнения граждан?»

Варианты ответов	Процент ответивших
отражают	24,2
частично отражают	47,0
не отражают	15,6
затрудняюсь ответить	13,1

Чуть меньше половины ответивших (47,0%) считают, что результаты опросов частично отражают мнения граждан. Но и не малая доля (24,2%) респондентов считают, что результаты опросов полностью отражают мнения граждан. Исходя из этого, можно сделать вывод, что общество на данном этапе информировано о деятельности социологов и благодаря этому считают результаты опросов эффективными, т.е. они отражают мнение населения.

Таблица 3. - Распределение вариантов ответов на вопрос: «Знаете ли Вы об организациях, занимающихся социологическими исследованиями?»

Варианты ответов	Процент ответивших
Да, я знаю о таких организациях	18,7
Я что-то слышал о таких организациях	44,6
Нет, ничего не знаю о таких организациях	36,4

Из таблицы видно, что население мало осведомлено о социологических организациях (36,4%). Но все же 18,7% знают о существовании таких организаций. Это говорит о том, населению либо мало предоставляется информации о таких организациях, либо общество само не проявляет интерес к социологическим организациям.

Таблица 4. - Распределение вариантов ответов на вопрос: «С какой целью проводятся социологические исследования?»

Варианты ответов	Процент ответивших
узнать мнение людей для его использования при решении наиболее проблем	25,5
получить информацию для использования в корыстных целях	5,4
выполнить определенный заказ как способ заработка	12,2
изучить особенности, структуру и проблем общества с целью научного познания	15,2
использовать информацию для оказания влияния на людей, склоняя их к определенному поведению	7,8
представить информацию представителям органов власти, предпринимателям для повышения эффективности их деятельности	10,8
получить данные об общественном мнении по какой-либо проблеме	21,9
Другое	1,1

Большая часть респондентов считает, что целью социологического исследования является: получение данных об общественном мнении по какой-либо проблеме (21,9%), а также для того, чтобы узнать мнение людей для его использования при решении наиболее проблем (25,5%). С одной стороны, такой результат можно рассматривать как положительный, потому что деятельность социологов действительно направлена на изучение общественного мнения, т.е. население имеет адекватное представление о целях социологического исследования. Но с другой стороны, всего лишь 10,8% считают, что органы власти должны опираться на социологическую информацию, для повышения эффективности своей деятельности, а именно эта цель является одной из главных для социологического исследования.

Таблица 5.- Распределение вариантов ответов на вопрос: «Чем на ваш взгляд занимаются социологи? »

Варианты ответов	Процент ответивших
изучением общества	18,7
преподавательской деятельностью	5,8
проведением социологических исследований по актуальным проблемам общества	21,1
проведением социологических исследований в период выборов	13,0
сбором социологической информации для представления ее органам власти	9,9
коммерческими исследованиями	7,0
изучением общественного мнения	23,7

Четвертая часть респондентов (23,7%) считает, что социологи занимаются изучением общественного мнения, (21,1%) проведением социологических исследований по актуальным проблемам общества и (18,7%) считают, что социологи занимаются изучением общества. Население, в принципе, информировано о деятельности социологов, так как главным объектом изучения социологов является общество.

Таблица 6.- Распределение вариантов ответов на вопрос: «С кем ассоциируется у Вас образ социолога?»

Варианты ответов	Процент ответивших
с профессионалом, собирающим информацию	10,7
с профессионалом, собирающим информацию	6,1
с профессионалом, разрабатывающим теорию	8,1
с социальным работником	18,3
с социальным реформатором	5,5
с собирателем статистических данных о человеческом поведении	13,0
с беспристрастным наблюдателем, манипулирующим людьми	4,6
с собирателем данных об общественном мнении	24,3
с профессионалом, изучающим предвыборное поведение	8,6

Оказывается, больше всего у респондентов образ социолога ассоциируется с собирателем данных об общественном мнении (24,3%). У 18,3% ответивших - с социальным работником, что является грубой ошибкой. Социолог и социальный работник совершенно две разные профессии, чего, к сожалению, не понимает население.

Из изложенных результатов можно сделать вывод, что население мало информировано и мало заинтересовано в социологических исследованиях. Но, несмотря на, это респонденты уверены в том, что исследования являются необходимыми и, в первую очередь, их проведение направлено на выявление наболевших проблем среди общества. Изучение общественного мнения является важной тенденцией развития общества, так как деятельность социологов направлена на изучение происходящего в данной системе и выявление способов изменения и преобразования внутри нее. Но, так или иначе, общество входит в заблуждение при формировании образа социолога, что можно рассматривать с неблагоприятной стороны. Очевидна необходимость повышение социологической культуры населения, поскольку нарастающая сложность и высокая неопределенность социальных процессов не может быть осмыслена обыденным сознанием.

1. Проказина Н. В. *Феномен социологической культуры в современной России: Монография.* — Орел: Издательство ОРАГС, 2010.
2. Проказина Н.В. *Массовый уровень развития социологической культуры// Регионоведение. № 3. 2010.*

ПРИЧИНЫ НИЗКОГО КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА

Подгорный А.С., Килимова Л. В. (Курск)

В 1994 году в рамках подготовки к празднованию 100-летия мирового и российского кинематографа Комитет Российской Федерации по кинематографии инициировал создание Федерального фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии [1]. Правительство Российской Федерации вынесло постановление № 44 от 16 января 1995 г. о создании Фонда, задачами которого являлось финансирование за счет бюджетных средств отечественное кино-видеопроизводство и киновидеопрокат, оказание финансовой поддержки продюсеров и прокатчиков

национальных фильмов, контроль целевого и эффективного использования финансовых средств, выделяемых Фондом и т.д. В 2009 году Министерством культуры был создан Фонд Кино (ФК), поддерживающей национальное кино. Однако, менее 1% картин, снятых при государственной поддержке, оказались прибыльными, а убыток государственного бюджета составил порядка 2,5 млрд. долларов.

Рассмотрим процесс кинематографии на «эволюционизме» и «естественном отборе» Спенсера. Ученый утверждал, что правительство не должно вмешиваться в естественные процессы, протекающие в обществе. Только в таких условиях люди «приспособленные» будут выживать, а «неприспособленные» – вымирать; только сильные смогут адаптироваться и достигать всё более высоких уровней исторического развития [2]. К примеру, сначала становления Голливуда как центра кинематографического искусства и по сегодняшний день ежегодно тысячи молодых и талантливых режиссеров, актеров и сценаристов пытаются достичь успеха и признания, завоевать любовь телезрителей. Система кинопроизводства работает благодаря огромной конкуренции и желанию прославиться [3]. Основатели крупнейших кинокомпаний все как один прошли большую жизненную школу. Возглавивший "Paramount" Адольф Цукор – приехал из Венгрии и начинал свою карьеру подмастерьем у меховщика. Создатель "Metro Goldwin Mayer", уроженец Минска Луис Б. Майер, промышлял перепродажей металлолома, а руководитель "Universal", немецкий эмигрант Карл Леммле, торговал одеждой. Наконец, дети польского сапожника братья Уорнер, впоследствии известные как "Warner Bros.", постигали азы шоу-бизнеса, рекламируя велосипеды [4, 5].

Конечно же, в советском кинопроизводстве не было частных киностудий, как за рубежом, и правительство полностью контролировало процесс кинопроизводства. Тем не менее, были великолепные режиссеры, как, например, Леонид Гайдай, чьи фильмы являются актуальными и по сей день.

Если говорить о постсоветском периоде, то всего лишь 10 картин, снятых при господдержке, стали прибыльными (из 1024, то есть менее 1%). В производстве остальной 71 прибыльной российской ленты государство участия не принимало, хотя за последние 20 лет выделило на поддержку национального кино более \$2.5 млрд [6].

Одной из причин такого отчаянного положения отечественного кинематографа, по нашему мнению, является нарушение принципа невмешательства А. Смита – экономической доктрины, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным [7]. Основным аргументом сторонников данного принципа является утверждение о том, что экономика – саморегулирующаяся система, которая сама находит эффективное равновесие. Вмешательство же государства искажает получаемые экономическими агентами сигналы и эффективное равновесие оказывается недостижимым. Государству отводят роль «ночного сторожа» – установление правил взаимодействия экономических агентов на рынке и наблюдение за их исполнением, но никак не самостоятельного субъекта рынка.

Согласно порядку предоставления Федерального фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии, фильм, претендующий на государственную поддержку, должен отвечать требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, включая ограничение демонстрации курения табака и использования ненормативной лексики, запрет пропаганды алкоголя, наркомании и т.д. Проекты должны обладать творческим своеобразием и выразительностью, быть эмоционально яркими, а также обладать прокатным потенциалом, то есть быть востребованными российскими зрителями. Представленные к отбору проекты направляются на рассмотрение в Сценарную рабочую группу Фонда в целях определения актуальности их тематики, художественных достоинств и ценностного содержания. После этого проекты отправляются для дальнейшего рассмотрения в Экспертный совет Фонда в целях оценки качества проектов и определения их прокатного потенциала [8].

В 2013 году самой рентабельной (сборы – \$25.53 млн. при бюджете \$1.3 млн.) картиной за всю историю российского кино стала комедия «Горько!» (слоган – «главное не нажраться»), которая снята при поддержке ФК [1]. Данный фильм, как и многие другие, профинансированные Фондом кино, не соответствует ни одному требованию, т.к. содержит огромное количество ненормативной лексики, пропаганда алкоголя и прочих продуктов здесь выступает как продакт-плейсмент, что давало возможность создателям фильма окупить бюджет картины еще до ее запуска в кинотеатрах. Как такие картины успешно проходят Сценарную рабочую группу Фонда, после чего получают одобрение Экспертного совета – неизвестно. Какую позитивную функцию они могут выполнить в процессе социализации личности? Какое влияние окажут на менталитет? Для определения направлений влияния на менталитет, следует обращаться к таким сторонам личности, проявление которых непосредственно с ним связано. Такими сторонами являются эмоциональная сфера, так как она определяет особенности психореакций индивида на воздействие среды; и ценностные ориентации, так как они регулируют предпочтения индивида во всех областях его жизнедеятельности, в том числе и в повседневном поведении [9].

Очередной картиной, на производство которой государство выделило деньги налогоплательщиков, был фильм «Горько!-2» (сборы – \$13.25 млн, бюджет – \$2.6 млн). Зачем ФК профинансировал этот проект, успех которой был заранее predetermined, никому не известно. То же самое можно утверждать и о комедии того же года «Кухня в Париже» (сборы – \$14.04 млн, бюджет – \$2.3 млн), когда с момента её запуска было ясно, что она станет прибыльной [1].

Наконец, в 2015 году две картины, которые профинансировало государство в лице ФК, окупилась в нашем прокате. Это прокатный хит – мультфильм «Три богатыря: Ход конём» (сборы – \$17.1 млн при бюджете в \$3.5 млн) и потенциальный «герой кассы», драма «Духless 2» (сборы – \$8.04 млн при бюджете в \$4 млн). Задача ФК и Минкульта не снять хорошее российское кино, а «поддержать» финансово национальную киноиндустрию[6].

Отечественный кинематограф начинает один за другим выпускать ремейки на самые успешные фильмы советского времени: Ирония судьбы, Человек с бульвара капуцинов, Джентльмены удачи и тд.

Отдельно хочется выделить ремейк на фильм Кавказская пленница, который также был профинансирован ФК. При бюджете в 3,5 млн. долларов, фильм собрал всего 180 000 долларов. Фильм снят некачественно, явно видно, что бюджет фильма в разы меньше заявленного, а благодаря продакт-плейсменту, крупным планом открыто демонстрировавшимся в каждой сцене, фильм окупился еще до выхода.

Проанализируем причины такой халатности, обратившись к теории обмена Дж. Хоманса. Если индивид не получает ожидаемого наказания, более того, получает за содеянное вознаграждение, то велика вероятность, что он воспроизведет такое поведение в будущем.

И вместо того, чтобы наказывать халатность, Фонд кино продолжает финансировать подобные проекты. Режиссеры не думают об успехе своего произведения, они думают только о деньгах, полученных у государства, зная, что если фильм не окупится, убытки понесут не они, а государственный бюджет. Пока не прекратиться финансирование таких «творцов», мы еще не раз увидим очередной ремейк на известный отечественный фильм или плагиат на зарубежный, а такие комедии, как «Горько», будут взяты за эталон.

1. *Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fond-kino.ru/fund/structure/composition-of-the-expert-council-.php> (Дата обращения 7.10.2015).*
2. *Спенсер Г. Личность и государство*

2. Спенсер Г. *Личность и государство / Герберт Спенсер; пер. с англ.* – Челябинск: Социум, 2006. 205 с.
3. *Кино и современная культура: сб. науч. тр. / под ред. Д.Л. Леонтьева.* Ленинград, 1981. - 107 с.
4. Баскаков В.Е. *Фильм – движение эпохи / В.Е. Баскаков.* – М.: Искусство, 1989. - 159 с.
5. Комов ЮА *«Голливуд без маски»* М.: Искусство, 1982. – 241 с.
6. Лавров С. А. *«Менее 1% фильмов, снятых при господдержке, стали прибыльными» / С. А. Лавров [Электронный ресурс]. – URL: <http://kinodata.pro/obzor-kassovyh-sborov-v-rossii/7628-menee-1-filmov-snyatyh-pri-gospodderzhke-stali-pribylnymi.html> (Дата обращения*
7. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов.* – М.: Эксмо, 2007.
8. *Приказ №121 об утверждении Порядка предоставления в 2015 году средств на финансовое обеспечение и (или) возмещение расходов, связанных с разработкой проектов национальных фильмов / Правительство Российской Федерации // Федеральный фонд социальной и эконом*
9. Ветрова О.А., Килимова Л.В., Нишнинидзе О.О. *Особенности воздействия искусства на эмоциональную сферу и ценностные ориентации личности в процессе формирования менталитета // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социологи*

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С КОНФЛИКТНОЙ СЕМЬЕЙ

Салеева Е.А., Рахматуллина З. Б. (Уфа)

Семья является важнейшим историческим институтом воспитания. С самого раннего детства ребенок усваивает в семье те нормы и принципы, которых впоследствии он придерживается в течение всей последующей жизни. Значимость семьи как института воспитания детерминирована тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по продолжительности своего влияния на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. Именно в ней закладываются основы личности ребенка.

Семья может выступать в качестве как позитивного, так и негативного фактора, влияющего на психику и здоровье детей. Позитивное влияние семьи на здоровье и личность ребенка состоит в том, что никто, кроме самых близких для него в семье людей, не относится к ребенку лучше, не любит его так и не беспокоится столько о нем. Семья - это тот институт, который обеспечивает ребенка необходимым минимумом общения, без которого он никогда не смог бы стать здоровым человеком и социально адаптированной личностью. И вместе с тем никакой другой социальный институт не может потенциально нанести столько вреда здоровью и воспитанию детей, сколько это может сделать семья. [4; с. 23]

Отрицательным фактором влияния семьи можно назвать то, что дети нередко сами становятся участниками конфликтов в семье. Даже если криков и неприкрытой агрессии нет, дети очень хорошо чувствуют и ощущают отдаленность и недоговоренность между родителями. Если же конфликты сопровождаются бранью и даже физическим насилием, то это может стать колоссальным стрессом для ребенка, и причиной эмоциональных и психических расстройств. Когда в семье происходит конфликт, то больше всего от этого страдает именно ребенок, так как он теряет не только семью, но и ощущение безопасности, уверенность в своих родителях, пример для подражания и модель для построения своей будущей семьи. [2; с. 241]

Конфликты родителей могут внести определенные негативные последствия для взрослой жизни ребенка. У детей, живущих в конфликтных семьях в будущем могут проявляться глубокие внутриличностные конфликты, которые могут привести к развитию неврозов и депрессий в случае каких-либо стрессовых ситуаций. Развивается

неуверенность в себе, замкнутость и нелюдимость, безразличие, агрессивность. У ребенка вырабатывается определенная схема поведения в межличностном взаимодействии. Это демонстрируется в созданных ими семьях и на их собственных детях, потому что семья, в которой вырос ребенок, закладывает образец его будущей семьи. Психологи говорят, что ребенок впервые приобщается и постигает роли отца и матери, мужа и жены в процессе повседневного общения с родителями и ближайшими родственниками. Так же у личности развивается определенный тип мышления: негативный, с высокой критичностью. Последствия этого процесса отражаются на всей жизнедеятельности человека, значительно усугубляя качество его жизни.

Часто дети пытаются дать свою аргументацию родительской ссоре. Если они не находят удовлетворительного объяснения данной проблемы, они принимают в качестве данной причины самих себя. Дети, воспринимающие причинами ссор родителей себя, испытывает чувство вины, что еще сильнее усугубляет их эмоциональное состояние и спустя некоторое время может привести к серьезной психологической травме. Если ребенок неточно понимает причины ссор своих родителей, это не значит, что его понимание семейных разногласий неправильное, то таким образом ребенок является огражденным от возможных негативных последствий, которые влияют на его воспитание.

Поэтому существование поддерживающей, правильно выполняющей свои функции семьи в жизни человека обладает столь сильным профилактическим эффектом в деле защиты от психических нарушений. Таким образом, в семьях, где отсутствует поддержка и взаимопонимание, риск развития психических расстройств достаточно велик.

Специалисты Всемирной Организации Здравоохранения в результате анализа массовых исследований в различных странах убедительно показали, что нарушения психического здоровья гораздо чаще проявляются у детей, которые страдают от дефицита общения со взрослыми и их агрессивного отношения, а также у детей, которые растут в условиях семейного разлада и конфликта. [1]

Социальная работа с такой семьей начинается с подробного анализа настоящей семейной проблемы, о которой муж и жена чаще всего имеют неверные представления. Следует отметить, что внешние помехи как правило, только обостряют семейные конфликты, выявляют истинные их причины. Отрицательные черты личности, такие как истеричность, психастеничность, компенсированные в процессе социализации или самовоспитания, под воздействием внешних причин могут вновь возобновиться и стать причиной частых конфликтов.

Различия в семейно-брачных ориентациях могут оставаться невыявленными довольно долго, однако в переходные периоды развития семейной жизни может обнаружиться, что супруги придерживаются различных моделей семьи, имеют разные взгляды на воспитание детей, чувственные, материальные, бытовые и прочие взаимоотношения. Поэтому семейная терапия заключается в нахождении компромиссных решений между супругами, исправление накопившихся социально-психологических привычек, обучение навыкам неконфликтного общения. [6; с. 91]

Такая работа проводится путем индивидуальных бесед и интервью, групповой психотерапии или игровой терапии. К часто применяемым методам относится так называемая да-терапия - аутодиагностическая и психокоррекционная методика, при помощи которой конфликтующие супруги рационализируют свои в целом негативные эмоционально-психические взаимоотношения. В результате уравнивания своих положительных или отрицательных ответов, супруг может ослабить свое отношение к другому супругу, которого привык обвинять во всех грехах, и определить свои истинные намерения - хочет ли он улучшения отношений или развода. [3; с. 174]

Другая диагностическая методика - популярный на Западе метод «скульптурной группы»: члены семьи визуализируют свое представление о семейных взаимоотношениях, создавая скульптурную группу, причем при обсуждении места в ней каждого члена семьи он реально оценивает свою позицию в ней и несовпадение своей оценки с оценкой других.

[7; с. 64] Надо сказать, что осознание реальной семейной проблемы имеет не только диагностическое, но и терапевтическое значение, поскольку обнаруженное и осознанное затруднение заставляет членов семьи пересмотреть свое поведение. [5; с. 145]

Таким образом, проанализировав направления деятельности социальной работы в отношении конфликтных семей, можно сделать вывод, что помощь семьям оказывается системно и в большом объеме. Несмотря на все усилия государственных и негосударственных организаций в помощи семьям, проблемы внутрисемейных отношений и вообще сохранения ценности семьи, остаются актуальными и по сей день.

Семейные конфликты - это трудности, которые порождают угрозу функционированию семьи. И самое серьезное последствие всех этих нарушений – это негативное влияние на психическое здоровье ее членов, которое в последующем только усиливает нежизнеспособность семьи, состояние неудовлетворенности, нервно психического напряжения и тормозит развитие личности. Поэтому необходимо проводить комплексную социальную поддержку таких семей.

1. Доклад Комитета экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 1979 года: Психическое здоровье и психосоциальное развитие детей.
2. Манухина Н. М. Родители и взрослые дети: парадоксы отношений / Наталья Манухина. - М.: Класс, 2011. - 241 с.
3. Медведева И.Я. Родители и дети: конфликт или союз? / Ирина Медведева, Татьяна Шишова. - М.: Ника, 2009. – 174 с.
4. Немов Р.С. Психология. Книга 2. Изд. «Владос», М., 1998. – 23 с.
5. Технологии социальной работы/Под ред. проф. Е. И. Холостовой. – М.: ИНФРА – М, 2003. – 145.
6. Ханжин Е.В., Т. П. Карпова, Н. П. Ерофеева, О. О. Низовцева Основы социальной работы: Учеб. пособие для нач. проф. образования. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — С. 91.
7. Чернецкая А.А. Технология социальной работы: Учебник. Ростов н/Д: «Феникс», 2006. — С. 64.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И "НЕПОСЕТИТЕЛЕЙ" МУЗЕЕВ В БЕЛАРУСИ

Смыкова Е. (Минск, Республика Беларусь)

Современные музеи занимают особое положение в обществе. Отражая культурные тенденции, музеи функционируют в русле основных закономерностей развития общества, которые тем или иным образом оказывают влияние на презентацию музейных практик, выбор формы организации музейных предметов и т.д. Более того, музей, выступая местом взаимодействия посетителя и музейного предмета, отражает в определенной мере социальный заказ в музейных услугах. Продуктивное взаимодействие с потребителями музейных услуг, проявление ими социальной активности по отношению к музею определяется готовностью музеев реагировать на актуальные потребности населения. В связи с этим, музеям в целях повышения посещаемости путем удержания реальной аудитории и одновременно приобщения новой аудитории, следует особое внимание уделять изучению тех, кто не посещает музеи. Для исследования подобной категории населения использовались данные социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2012 г.

Согласно результатам опроса, структура населения Беларуси включает категорию посетителей (42,8%) и респондентов, которые не посещают музеи (57,2%). Основанием подобного деления выступает степень проявления активности по отношению к музею, определяемая частотой посещения учреждения. В данном контексте нас интересует та

часть населения, которая не заинтересована в походах в музей. Условно разделим ее на две группы: потенциальные посетители, которые не посещают музей, однако при выполнении определенных обстоятельств готовы пойти в музей и «непосетители», которые не планируют походы в музей вообще. Остановимся более подробно на характеристиках уточняющих категории потенциальные посетители и «непосетители».

В структуре населения группа «непосетителей» представлена 14,8%. В зависимости от гендерной принадлежности явных различий не выявлено – 52% женщин и 48% мужчин. Однако четко прослеживается следующая закономерность: чем старше возрастная когорта, тем более высока доля ее представленности среди «непосетителей». Структура «непосетителей» включает респондентов с различным уровнем образования. Преобладающую часть составляют «непосетители» с начальным/средним неполным (36,4%) и средним специальным уровнем образования (35,2%). Чуть больше пятой части закончили средние общеобразовательные заведения (22,8%). Только 5,5% респондентов являются «носителями» высшего/незаконченного высшего уровня образования.

Принципиальным в вопросах изучения «непосетителей» является замер оснований, препятствующих посещать музейные учреждения. Оказалось, что детерминирующим обстоятельством вышеизложенного, явилось отсутствие интереса со стороны «непосетителей» к музеям. Четверть «непосетителей» ссылается на неудовлетворительное состояние здоровья. 16,1% респондентов в качестве причины не посещения музея называет ограниченное количество свободного времени. Фактически для каждого десятого сдерживающим фактором выступает отсутствие музея в местности проживания респондента. В числе причин-аутсайдеров отмечается – наличие других интересов, отсутствие интересных музеев, как правило, в регионе проживания, материальные трудности.

Поскольку для данной группы посещение музея не является востребованной формой досуговых практик, поэтому автором была выстроена иерархия досуговых предпочтений «непосетителей». Досуговые практики для большинства «непосетителей» музеев связаны, как правило, с отдыхом дома (82,5%), четверть предпочитает выезжать на природу, а пятая часть в свободное время ориентирована на походы в гости. Оказалось, что не только к музеям, но и к другим учреждениям культуры (театры, концертные залы) особой заинтересованности со стороны «непосетителей» не проявляется.

Что же касается потенциальных посетителей, то последние составляют значительную часть населения – 42,4%. Среди потенциальных посетителей несущественно преобладают представительницы женского пола (53%), треть которых возрастной когорты 40-54 лет. Что же касается образовательного капитала, то в основном потенциальные посетители имеют среднее специальное (41,3%), 28,9% – общее среднее образование. По сравнению с «непосетителями» среди потенциальных посетителей возросло практически в три раза количество респондентов, которые окончили(вают) высшие учебные заведения (14,6%) и сократилось вдвое обладателей аттестатов о начальном/среднем неполном образовании (15,2%).

В качестве эмпирических индикаторов условий, которые могут повлиять на факт посещения музея потенциальными посетителями, выступают выбор профиля музея, форм посещения учреждения, факторов, влияющих на возможность посещения. Одним из ряда существенных индикаторов музейных практик являются предпочтения относительно выбора профиля музея. Практически каждый второй потенциальный посетитель затруднился с выбором профиля музейного учреждений. Пятая часть данной группы не имеет четких предпочтений, поэтому отметила, что профиль учреждения не имеет для них принципиального значения. Приоритет же потенциальными посетителями отдается стандартным профильным группам – историческому (21,0%) и художественному (10,9%) типу музеев. К учреждениям иных профилей особого интереса со стороны потенциальных посетителей не проявляется. Что же касается форм посещения музея, то для

потенциальных посетителей, привлекательными выступают групповая (45,3%) и индивидуальная (22,8%) экскурсия.

Неотъемлемым компонентом, выступающим детерминантой возможного посещения музея, выступают характеристики, которые характерны для музея. Потенциальными посетителями было выделено три компонента, которые могли стать основанием для похода в музей: высокий уровень художественного оформления выставки, наличие на выставке уникальных музейных предметов и экскурсионного обслуживания (в порядке убывания). «Нетрадиционность» тематики, форм организации досуга, к примеру, творческие встречи с известными личностями, также как и информационная наполняемость музея – наличие Интернет-кафе, инфокиосков и аудиогидов, библиотеки, рекламно-информационное сопровождение не входят в число обязательных условий, которые могли бы привлечь потенциальных посетителей в музей.

Остановливаясь более подробно на причинах не посещения музея потенциальными посетителями, их иерархия выстраивается следующим образом. Ключевой причиной выступает нехватка свободного времени. Чуть больше четверти потенциальных посетителей не заинтересовано в проведении досуга в музее. Территориальная недоступность музея, а также плохое самочувствие отметил в качестве причины каждый десятый респондент. Другие категории, как-то дефицит музеев, которые заслуживают должного внимания, финансовые ограничения, увлеченность другими формами досуга, отсутствие «компаний» для посещения, недостаточная освещенность в СМИ, выступили для незначительного количества потенциальных посетителей в качестве сдерживающего обстоятельства.

Таким образом, в структуре населения Беларуси выделяются как группа посетителей музеев, так и респонденты, которые не ходят в подобные культурные учреждения. Последние в аналитических целях разделены на «непосетителей», потенциальных посетителей и характеризуются рядом индикаторов – социально-демографическими показателями, досуговыми практиками, а также выбором «возможных» музейных практик и т.д.

ОБРАЗ РОССИИ В БЕЛОРУССКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ: ОПТИКА УКРАИНСКОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОРТАЛА TUT.BY)

Сутьжицкий И.С. (Минск, Республика Беларусь)

Проблема формирования образа России в белорусских Интернет-СМИ приобрела новое измерение при обращении к дискурсу украинских событий, которые разворачиваются в информационном пространстве, как России, так и Беларуси, уже больше года. Основной целью исследования будет выявление особенностей конструирования образа России в белорусских Интернет-СМИ в контексте украинского кризиса.

Эмпирической базой исследования явились материалы (1762 статьи за период с 27 февраля 2014 года по 29 августа 2014 и 341 комментариев), опубликованные на информационном портале TUT.BY, который признан одним из самых посещаемых веб-сервисов в Беларуси [1]. Важно отметить, что приведённые результаты не могут быть применимы к белорусскому информационному пространству в целом, и отражают ситуацию на конкретном информационном портале. Между тем, учитывая статистику посещаемости и активной аудитории портала, приведённые результаты достаточно ярко иллюстрируют общий антагонизм различных мнений в трактовках украинских событий и роли в этих событиях России.

Основными методами, которые легли в основу данной работы, явились методы количественного и качественного контент-анализа, дискурс-анализа Лакло и Муффа (использованные в трактовке Л. Филлипс и М. Йоргенсен [2], критического дискурс-анализа [3]. Терминологический аппарат исследования основан на концептуализации таких понятий, как Скриптор (Р. Барт [4]), Актант (А. Греймас [5]), Идеология (Л. Альтюссер [6]), Гегемония (А. Грамши [7]), дискурсивные практики [3] (в контексте настоящей работы - комментарии к статьям).

Опираясь на результаты анализа эмпирического материала, полученного в ходе настоящего исследования, можно описать следующую структуру дискурса украинских событий на портале TUT.BY:

1) Основные узловые точки дискурса украинских событий – «Крым», «Украина», «Россия». Актант «Крым» является тем пространством, в рамках которого актанты «Украина» и «Россия» противостоят друг другу за установление гегемонии (однозначность в описании самих себя, своих противников, актанта «Крым»). Наиболее резонансная статья дискурса «Путин получил разрешение на ввод войск в Украину» приходится на март 2014 года – месяц, на который пришёлся пик публикаций и комментариев.

2) Центральные топики дискурса формировались вокруг следующих актантов – «Крым», «Восток Украины» (функция обозначения пространства антагонизма), «Россия», «Украина» (противоборствующие элементы). Следует отметить, что структура их взаимоотношений неоднородна, и меняется со временем. Так, например, роль актанта «Крым» постепенно снижается на протяжении разворачивания дискурса, уступая место элементу «Восток Украины».

3) Точкой парадигмального сдвига в дискурсе (артикуляции в терминах Лакло и Муффа) послужила статья «Антитеррористическая операция в Славянске: глава МВД Украины сообщил о погибших», опубликованная в апреле 2014 года и ознаменовавшая собой переход сюжета дискурса от тематики «Крым» к тематике «Восток Украины». С другой стороны, нами были выявлены точки установления гегемонии и стабилизации дискурса – статьи «Путин получил разрешение на ввод войск в Украину» - узловая точка темы «Крым» и «Спецоперация в Славянске: МВД выдвинуло захватившим город ультиматум (обновлено)» - узловая точка темы «Восток Украины».

Таким образом, на основании проанализированных статей мы можем вывести следующую схему актантного взаимодействия и коллективных идентичностей в дискурсе.

Актанты «Россия» и «Украина», являясь противоборствующими актантами дискурса, сохраняют довольно чёткий набор коллективных идентичностей в рамках пространства дискурса. Данный набор идентичностей впоследствии конкретизируется при переходе дискурса к модели противостояния между актантами «Вооружённые силы Украины» и «Сепаратисты», которые не являются новыми фигурами, но эксплицируются как роли и воплощения актантов «Украины» и «Россия» (для их описания используются схожие языки и идеологии). Актанты «Крым» и «Восток Украины» открыты для интерпретации (их описания различаются в зависимости от позиции в тексте актантов «Россия» и «Украина»).

Между тем, если образ основных актантов дискурса в текстах статей закрепляется в момент гегемонии, и далее его трактовки остаются относительно неизменными, то обсуждение данных образов в пользовательских комментариях демонстрирует высокую степень антагонизма и конфликта интерпретаций. В подобной ситуации нам видится важным обратиться именно к тем комментариям, в которых реализуются практики, направленные на осуждение указанных актантов, характеризующиеся наиболее высоким уровнем антагонизма.

Анализ пользовательских комментариев показывает, что наиболее часто осуждаемые актанты в комментариях – актанты «Россия» и «Украина», что возвращает нас к структуре самого дискурса, где «Россия» и «Украина» являлись узловыми точками

дискурса и сюжетно противопоставлялись друг другу. С другой стороны осуждение данных актантов демонстрирует относительно низкий уровень согласия (наблюдается расхождение между количеством комментариев, в которых фиксируется осуждение актантов и уровнем согласия с данными комментариями остальных пользователей).

Таким образом, мы можем обозначить следующие наборы идентичностей, присутствующие в дискурсивных практиках (далее будут приведены наиболее яркие примеры подобной артикуляции):

Актант «Россия» определяется через следующие комментарии: «Оккупация началась»; «история ничему не учит. хунта!»; «Имперские замашки России ни для кого не секрет»; «Обыкновенный фашизм»; «Вспомните Аншлюс Гитлера и его соби́рание немецких земель ...»; «Расея, прэч з Украіны!»; «В Крым пришла беда»; «зялёныя чалавечкі, турысты пущіна»; «Российский нацизм надо удалять с корнем».

Актант «Украина» определяется через осуждающие комментарии: «Яценюк, вы предатель своего народа. Патриот хренов»; «...против нелегитимной украинской власти»; «начните лучше антитеррористическую операцию на майдане»; «Киевские фюреры»; «На Украине во власти уже стоят сепаратисты, у которых руки в крови»; «банда киевских самозванцев террористов-сепаратистов захвативших власть в Киеве»; «Хунта договариваться не хочет».

Актант «Сепаратисты» определяется следующим образом: «Таких ещё, кто действует в интересах другого государства, 5-й колонной называют»; «В России бы таких людей назвали террористами и уничтожили»; «Пришло время свинца для террористов-сепаратистов»; «з тэрарыстамі ніякіх перамоў!»; «Террористов нужно ликвидировать»; «террористов нужно уничтожить»; «Правильнее называть не повстанцы, а террористы».

При обращении к негативным характеристикам актантов в дискурсивных практиках, мы можем сделать ряд важных замечаний:

Актанты «Россия» и «Украина» отображаются практически идентично через элементы антифашистской и антивоенной риторики (хунта, оккупанты, террористы, киевские фюреры - русский нацизм, бандиты и т.д.). Дополнительно, Актант «Россия» часто ассоциируется с актантом «Сепаратисты» через словосочетания «российские террористы», «российские бандиты», «зелёные человечки». Важно отметить, что актант «Россия» подвергается критике со стороны белорусскоязычных комментаторов гораздо чаще, чем актант «Украина».

Актант «Сепаратисты» чаще всего критикуется как российские террористы, наёмники, бандиты (схожесть с описанием актанта «Россия» в комментариях).

Таким образом, нами наблюдается высокая степень антагонизма как внутри пользовательского сообщества, так и между описанием актантов в дискурсе и дискурсивными практиками. Образ России в данных практиках демонстрирует имплицитно присутствующие в дискурсе антагонистические идеологии, что требует дальнейших исследований этого вопроса в академическом сообществе обеих стран.

1. *Tut.by Site Overview – Alexa Traffic Ranks [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alexa.com/siteinfo/tut.by> – Дата доступа: 13.09.2015*
2. *Филлипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – 2е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.*
3. *Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis: An Overview // Discourse and Interaction / Dijk T. van (ed.). – L.: Sage, 1997. – P. 67–97.*
4. *Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384–391.*
5. *Греймас, А.Ж. Структурная семантика: Поиск метода / А.Ж. Греймас. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с.*
6. *Альтюссер, Л. За Маркса / Л. Альтюссер; Пер. с франц. А.В. Денежкина. – М.: Практика, 2006. – 392 с.*
7. *Граммши, А. Избранные произведения в трех томах. Том третий. Тюремные тетради / А. Граммши. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 554 с.*

ПОСТСЕКУЛЯРНЫЙ СОЦИУМ: НЕДОВЕРИЕ И КУЛЬТУРА СТРАХА

Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург)

Современное общество характеризуется по-разному – как информационное постиндустриальное общество, как проектно-сетевой социум, как общество массового потребления. Такой ряд можно продолжать, но следует признать главное – современный социум и его образ жизни (культура) являются буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами: «Человек есть мера всех вещей», «Все на благо человека, все во имя человека!» Современный маркетинг позволяет не только реализовать, но и стимулировать любые потребности.

Из этого следует несколько важных обстоятельств.

Во-первых, в отличие от традиционного общества, где ценности выстроены иерархически – от простейших физиологических до ценностей трансцендентных, в этом социуме все ценности (включая трансцендентные) приведены к общему знаменателю маркетинга, фактически становясь рубриками рынка массового потребления. Эта культура имманентна и самодостаточна.

Во-вторых, вследствие этой самодостаточности, эта культура не нуждается в образе будущего: сплошные сиквелы, приквелы, пародии, перепевы, а место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. Расширение знания подменяется накоплением разнообразия, факторизацией настоящего и прошлого.

Более того, в-третьих, это общество боится будущего. Современное общество – воплотив программу секуляризма – вступило в постсекулярную стадию, когда имманентность, отсутствие образа будущего порождают боязнь потерять настоящее.

В-четвертых, этому обществу и каждому его члену, достигшим невиданного в истории уровня и качества жизни, действительно есть что терять.

Наконец, в-пятых, любые достижения современной цивилизации – почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания, водохранилища, все средства транспорта и коммуникации – могут быть использованы для ее же разрушения.

Поэтому аларм, тревоги, страхи, хорроризация – состояние современной цивилизации, которая боится сама себя, своего будущего. И это хорошо известно из истории: чем более развита цивилизация, чем выше качество жизни, тем более общество уязвимо, тем больше в нем накапливается страхов, фобий...

Важно понимать, что страх перед реальностью, а главное – неопределенностью лежит в основе социогенеза. Базовой ценностью социогенеза является безопасность, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана: вместе легче выжить, прокормиться, продолжить род. После обеспечения какой-то степени безопасности в любой общности с неизбежностью возникают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и ressentiment. Разрешение этих проблем связано со второй базовой ценностью социогенеза – справедливостью, реализация которой порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха... По мере развития общества, уровня его благосостояния, институциональной среды, формируется стремление к свободной самореализации личности. Таким образом, в общем случае, ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода. При этом, справедливость, а тем более – свобода, вторичны по отношению к безопасности.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 под научным

руководством Р.Инглхарта и охватившего более 80 стран. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей выживания, этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным), а затем и к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности...).

Можно сказать, что хоррор лежит у истоков социогенеза. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике. И это отнюдь не только обеспечение внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной, пищевой), что является очевидной и главной функцией государства. Общеизвестны и практики игры на этой ценности, формирование образа внешнего или также внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Подобное манипулирование, а то и хорроризация общества давно и успешно освоены политическими элитами. И не случайно – консолидировать, сплотить общество перед лицом некоей опасности гораздо легче, чем на конструктивной позитивной основе.

Но проблема хоррора в информационном обществе массового потребления глубже и парадоксальней. Первый парадокс уже был отмечен: по мере роста безопасности и благосостояния нарастают тревожность и страхи. Получается, что, по мере развития социума, перехода от ценностей выживания к «постматериальным» ценностям возникает новая перспектива хорроризации.

Второй парадокс заключается в том, что современная цивилизация характеризуется как информационное общество, в котором ключевую роль играют информационные технологии: средства коммуникации, СМИ, мобильная связь, интернет, социальные сети. А согласно теории эмоций (П.В.Симонов) следует, что качество эмоций зависит от информационного баланса. В случае, когда для разрешения жизненных проблем имеющаяся информация достаточна и превышает необходимую, возникает позитивная эмоция: от смеха до удовлетворенности сделанным и гордости. В том случае, если информации недостаточно, приходят негативные эмоции (дискомфорт, раздражение, тревога, страх, ужас), сила которых пропорциональна нехватке информации. И современное общество порождает негативные эмоции при избытке и даже переизбытке информации!!

Возникает запрос на надежность, предсказуемость, общее следование правилам. Именно это выступает питательной средой поддержки политической стабильности, общей морали, «духовных скреп». Помимо прочего, это способствует и формированию «сплывающего доверия», доверия с небольшим «радиусом» клана, секты...А затем и попыткам расширения радиуса именно этой системы ценностей, противодействия другим – так и разжимается пружина межэтнических конфликтов в современном социуме.

Характерно, что средой неуверенности и недоверия становятся мегаполисы, этот избыток информации порождающие. В этой связи заслуживает внимание наблюдение Н.Кристи об оптимальности плотности социума. Недостаточная плотность, как и избыточная, создают атмосферу недоверия. Хочется за что-то спрятаться прислониться к чему-то обстоятельному... Общество массового потребления – общество недоверия и культуры страха. Потому и манипулируемо...

Хоррор вырывает из привычного состояния, остраивает его, порождает лиминальность. Но за этим должна следовать агрегация, новый монтаж из остранных смыслов. Но, как и в нонсенсе, в хорроре остранение является самоцелью, не порождая нового осмысления. Человек застревает в лиминальности. Если террор – акт, метод устрашения, то хоррор – состояние подверженности этому акту, наполнения страхом.

Хорроризация используется и даже усиливается в современных политических практиках. Как известно, сам феномен политического связан с противостоянием угрозам

противников (К.Шмитт). Поэтому хоррор как сознательное и бессознательное стремление к безопасности нередко формируется в политических целях, и не только террористами: нагнетание тревог, алармизма, формирование образа коварных «врагов» колоссальный потенциал манипулирования общественным сознанием и поведением, в том числе – с использованием возможностей современных информационных технологий, включая старые и новые медиа.

Страхи перед стихиями (ураганы, извержения, землетрясения, цунами, глобальное то ли потепление, то ли похолодание), техногенными катастрофами, ростом преступности, вирусами, эпидемиями, различными врагами, международными террористами стимулируются и нагнетаются СМИ. В литературе, кинематографе сложились отдельные жанры и соответствующие рынки хоррора: триллеры, саспенс, слэшер, мистика, вампиры, монстры, призраки, оборотни, ведьмы, зомби, космические ужасы, пришельцы... Эта атмосфера порождает неуверенность, чувство ненадежности окружающего мира, социума.

Политический класс, пришедший к власти на хорроре, в дальнейшем вынужден позиционировать себя в целях легитимности исключительно в контексте «борьбы с врагом» - внешним и внутренним, конкретизируя символическую политику в соответствующем идеологическом контенте. Толпы охранников, в том числе в офисах, общественном транспорте, постоянные призывы быть бдительными к «подозрительным предметам», странному поведению пассажиров и прохожих только завершают картину аларма и хорроризации социальной жизни.

Профилактика и преодоление последствий самого применения таких практик хорроризации может быть связано с расширением сферы личностной свободы как ответственности, формированием не только «сплывающего» доверия к «нашим», но и доверия «наводящего мосты» между представителями разных групп населения. Однако отечественный и зарубежный опыт показывает, что решение таких задач не является главными политическими целями политических элит и политического класса в целом.

Можно сказать, что если на первых стадиях социогенеза хоррор носит (условно говоря) «естественный» характер страха перед неопределенностью и стихиями естественной, природной среды, то на стадии постиндустриального общества массового потребления возникает хоррор «второго порядка». Речь идет о страхе утраты благополучного настоящего, рационально созданной искусственной среды – с одной стороны, а с другой – об искусственно создаваемом и культивируемом хорроре, делающим его существенным компонентом современной культуры.

ИГРОИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ КАК ФОРМА ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Царева А.В. (Санкт-Петербург)

Переходные и кризисные периоды в жизни социальных систем активизируют самые различные культурные и социальные механизмы, направленные на восстановление внутреннего равновесия, смягчение стресса, преодоление эффекта когнитивного диссонанса, вызванного сложностью адаптации к неопределенным, быстро меняющимся условиям. Один из феноменов, которые обретают новую роль в условиях социальных изменений — игра. В начале XXI века в связи с развитием информационно-компьютерных технологий роль игра приобрела новые перспективы. Метафора игры стала одним из ключевых терминов постмодерного дискурса, акцентируя такие аспекты, как условность, ирония, несерьезность, изменчивость, демонстративность и т.д. Социолог С.А.Кравченко предлагает рассматривать игру как концептуальный базис для формирования нового типа рациональности. Играизация реальности, согласно его идее,

позволяет «противостоять давлению хаоса, становясь фактором социального порядка постмодернистского типа» [2, с.230] в самых различных сферах социальной жизни — не только в предпринимательстве, политике, культуре и пр., но и в личной, частной жизни людей. В частной жизни играизация способствует уменьшению неопределенности, формируя, «умеренные надежды» и «смутные представления», которые способствуют более комфортному субъективному восприятию реальности. Этика случая и успеха, диалектика выигрышей и проигрышей создают новый концептуальный аппарат, позволяя субъекту воспринимать изменчивую реальность не только прагматически, но и релятивно, придавая нормам и правилам «реальной» жизни условный, «игровой» характер.

Рассмотрим, какие аспекты игры представляют интерес в контексте социокультурных, в том числе, кризисных, изменений, и как исторически изменялась трактовка игровой деятельности. В европейской философии и социальной мысли пробуждение интереса к игре как общественно значимой культурной форме связано с ростом политического, социального и культурного скептицизма. Вопросы соотношения в культуре и социальной жизни «игрового» и «серьезного», «свободного» и «необходимого», «настоящего» и «притворного» рассматривались в трудах Платона, Л.Витгенштейна, Н.Гартмана, Х.-Г.Гадамера, М.Хайдеггера, Ф.Ницше, Ж. Делеза и пр. В середине XX века значимым становится изучение самой культуры как особой формы игры. Игровая концепция культуры рассматривает игру как способ освоения человеком окружающей реальности. Преобладание, ценность и статусность определенных игр в различных обществах выступают как влияние определенного мировоззрения. Множество примеров отдельных игр и типов игр показывают, как те или иные формы игровой деятельности ассоциируются с особыми социальными группами: например, определение шахмат как «элитарной» стратегической игры («политические шахматы»), культурное значение «честной игры» (fair playing) в системе английских «джентльменских» ценностей, смысл соревновательности и спортивного поведения (competition) в американской культуре, и пр. Элементы игры, ее предметное оснащение, комплексы игровых норм и правил, игровые ценности и роли представляют собой систему репрезентации, отражающую различные аспекты и отношения «серьезного» мира.

Различные языки отражают специфические смыслы и социокультурные контексты игровой деятельности. Многообразие либо однообразие терминологии отражает спектр культурных смыслов, дифференцируемость игровых практик, ее общественное значение, ценность и статус. Английский язык выделяет три ключевые составляющие игры: игра как целостность, подчиненная правилам (game), игра как особый процесс и состояние (playing) и предметы специального игрового назначения (toy). В классических греческих текстах, произведениях Гомера, Платона, Эсхила и др., упоминается два вида игр. Это «серьезная» игра («παίγνιον», paĩgnĩon) как особая практика, связанная с набором соблюдаемых правил и необходимых предметов (шахматы, кости и пр.), в том числе военные, стратегические «игры», и игра («παίδία», paidià) как «ребяческое», несерьезное времяпрепровождение, занятие детей и соревнование спортивных команд. При этом в греческом языке деятельность театральных актеров не отнесена к числу игровых («Θεατρικό έργο», буквально, театральная работа). В иврите также различаются слова, представляющие игру как партию (mishak), действие, в том числе актерское (mahaze/hatsaga) и игровые предметы (tsa'atsu'a), при этом важным семантическим моментом является связь с удовольствием, смехом, шуткой. Латинское «ludo» - игра - переводится также как «радость», веселье. Современный китайский язык, ориентируясь на инструментальные характеристики игровой деятельности, выделяет отдельные термины для обозначения абстрактного понятия игр, игр с игрушками, игр-партий (шахматы, карты), видео игр, игр на музыкальных инструментах и др.

В начале XXI века благодаря интенсивному развитию новых компьютерных технологий понятие игры обретает новые смыслы. Игра выходит за рамки досуговой деятельности и в тех или иных формах проецируется в политические, экономические,

социальные сферы современного общества. Сегодня концепт игры фактически претендует на роль культурной универсалии, наиболее явно выражающей характер современного общества. И это создает перспективы пересмотра базовых характеристик игры, связанной с видением мира с позиции играющего.

В числе характеристик игры ее свободный характер и получение эмоционального удовлетворения являются наиболее существенными. Свобода как ключевой признак игры акцентируется пионерами социокультурного анализа игр — голландским историком и культурологом Й.Хейзингой и французским философом и социологом Р. Кайуа. Хейзинга подчеркивает, что «всякая Игра есть прежде всего и в первую голову свободная деятельность. Игра по приказу уже больше не игра.» [3, с.17] Именно критерий свободной деятельности, по мнению Хейзинги, принципиально отделяет взрослые и детские игры. Кайуа также выделяет свободу и эмоциональность в качестве первой характеристики, игру «нельзя сделать обязательной для игрока, чтобы игра тут же не утратила свою природу радостно-влекущего развлечения» [1, с.49]. Хейзинга отмечает, что условность игры носит идеальный характер: в силу заключенного в ней смысла, завязывания духовных и социальных связей, игра служит для удовлетворения идеалов коммуникации и общежития. Игра как зеркало социальной жизни не только отражает отношения и противоречия «реального мира», но и формирует компенсаторные механизмы в условиях кризиса. Обособленный характер игровой деятельности по отношению к повседневной рутине способствует социальной солидарности участников и образованию сообществ. Новые информационно-компьютерных технологии позволяют создавать целые игровые миры, «население» которых достигает десятков миллионов (к примеру, численность игроков многопользовательской игры «World of Warcraft» в 2011 г. достигала 12 млн. пользователей, к 2014 г. это число снизилось до 6,7 млн.) [4]. Подобные миры, базирующиеся на системах внутренних игровых правил и условно независимые от ограничений «реального» мира, формируют новые социальные пространства, не только дающие возможности социальной рекреации, но и создающие новые формы социальной деятельности, профессиональной занятости и возможности создания новых культурных индустрий.

1. Кайуа Р. *Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Сост., пер. с фр. и вступ.ст. С.Н.Зенкина. М.:ОГИ, 2007.*
2. Кравченко С.А. *Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире: монография / С.А.Кравченко. – м.:МГИМО-Университет, 2007.*
3. Хейзинга Й. *Ното Ludens. В тени завтрашнего дня: пер.с нидерл./ Общ.ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М.: Изд.группа Прогресс, 1992.*
4. *Number of World of Warcraft subscribers from 1st quarter 2005 to 2nd quarter 2015 (in millions) / Url: <http://www.statista.com/statistics/276601/number-of-world-of-warcraft-subscribers-by-quarter/> (Электронный источник. Дата обращения: 1.10.2015)*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ СМЫСЛОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК

Шаронов Д.И. (Москва)

Новый виток развития кризисных событий, равно как и принципиальная неоднозначность их толкования разными источниками, стимулируют интерес к изучению феноменов культурного резонанса. В этой связи возрастает актуальность рассмотрения самой среды протекания массовых процессов с точки зрения эволюции факторов ее проницаемости (или сопротивления) актам сообщения и понимания.

Базовые принципы эко-системного подхода обычно размещаются в политической плоскости. Например, К. Касториadis был убежден, что экология есть дело

сугубо политическое, она принципиально не способна стать «научной». Наука, как таковая, не может устанавливать собственные границы или конечные цели [1, С. 243-254].

Автор уже указывал на необходимость отличать подобные стратегии мобилизации общественности под лозунгами защиты окружающей среды от теоретических результатов «вторичной экологизации» методов гуманитарных дисциплин [2, С. 212].

Предметом настоящего сообщения станет демонстрация продуктивности экологической модели в условиях неопределенности и риска. Эмпирической базой решения этой задачи послужили дискурсивные особенности тематизации «дизельгейта» - публичного скандала, разразившегося недавно в мировой автомобильной отрасли и спровоцированного действиями немецкой компании «Фольксваген».

Особое коммуникативное значение всей «истории», заключается в предполагаемом факте мошенничества компании по отношению к государственным регуляторам, потребителям и общественности. Индустриальные эксперты и экологи обвинили ее руководство в манипуляции данными, касающимися автомобильных тестов на выбросы оксида азота в атмосферу. Выяснилось, что особое программное обеспечение искусственно занижало концентрацию выбросов вредных веществ дизельными двигателями до установленной нормы именно на тестовом стенде, но отнюдь не в режиме нормальной эксплуатации. При обычной мощности двигателя у некоторых моделей «Фольксвагена» (то есть, в реальной поездке) концентрация оксида азота превышала официально допустимую в 20-35 раз.

Стремительная медиатизация проблемы каталитически ускорила лишь намечающийся в общих контурах общественный резонанс. При этом следует отметить не вполне прозрачные (во многом – как бы «случайные») условия генезиса череды всех этих бурных медиа-поводов. «Все это очень похоже на какой-то элемент противостояния кланов, не совсем честной конкурентной борьбы. Сейчас у всех практически можно найти какие-нибудь экологические "косяки". Чтобы сделать авто, соответствующее всем требованиям нынешних экологов — такое просто невозможно» - убежден партнер аналитического агентства "Автостат" Игорь Моржаретто [3].

На первый взгляд позиция высшего руководства компании ясна и прозрачна: претензии ЕРА (Агентства по защите окружающей среды США) справедливы. Еще 22 сентября, за день до собственной отставки, генеральный директор VW Мартин Винтеркорн официально извинился перед всеми клиентами и ведомствами, чье доверие было обмануто вскрывшимися обстоятельствами. Он заявил, что случившееся противоречит всем базовым ценностям компании и заверил, что решение проблемы будет найдено, а бывшее доверие - возвращено. «Компания вела себя нечестно», «мы налажали», «тестовые манипуляции в дизельных двигателях означают моральную и политическую катастрофу для Volkswagen», - вот лишь некоторые из образцов риторики хором кающихся руководителей разного ранга, составившие «аккомпанемент» этим заявлениям.

Однако стоит присмотреться к предпринимаемым функционерами VW стратегическим маневрам. Это касается не только прямых отказов в предоставлении данных. Так, в ответ на предположения журналистов о скорой неминуемой отставке или поистине шокирующих размерах последующего «пенсионного вознаграждения» Винтеркорна из уст его пресс-секретаря звучали вполне ожидаемые суждения типа «это – нонсенс!» или «без комментариев». Гораздо более интересны утонченные попытки завуалировать источники ответственности, «выгородить» топ-менеджмент на путях маскирующих отсылок ко множеству привходящих внешних обстоятельств. «Господин Винтеркорн не имел информации о манипуляциях с замерами выхлопов», «его готовность взять на себя ответственность и таким образом подать ясный сигнал мы восприняли с глубочайшим уважением», «ни на минуту безопасность наших автомобилей либо наших клиентов не подвергалась угрозе». Подобные символические «подсоединения» к достаточно удаленным от сути происходящего смысловым контекстам призваны

обеспечить почву для эффективного «отзеркаливания» поступающих запросов за счет использования среды слабых информационных связей.

По мере расширения скандала волна эвфемизмов расходится во все стороны в сетевой среде публичных арен, образуя как бы вложенные друг в друга концентрические круги. Буквально в том же ключе и по тем же смысловым траекториям риторических фигур по очереди начинают оправдываться и ответственные за экологический контроль государственные чиновники. Меняется лишь уровень маркируемой таким образом идентичности: совершается перевод репутационных ссылок с персонального и корпоративного на отраслевой или региональный уровень. «Министерство транспорта не знало о технологии, контролирующей выбросы», «нет свидетельств того, что это отразится на всей отрасли», «мы должны следить за тем, чтобы (проблема) не переросла в общие дебаты по поводу германской экономики и автомобильной промышленности».

Известный аналитик дискурса Тен ван Дейк указывал, что часто публичное «признание совершения негативных действий происходит одновременно с формированием корпуса извинительной аргументации... В этом случае, по крайней мере, часть вины может быть переложена на чрезвычайные обстоятельства или действия других людей... Стратегии смягчения приобретают особую роль в социальных ситуациях, в которых различного рода нормы имеют особую силу» [4, С.158, 157]. Справедливость данных выводов подтверждает сравнение типов коммуникативного отклика на сходные сообщения, доминирующих в различных культурных ареалах.

Европейские функционеры предсказуемо требуют ужесточения эко-стандартов, подчеркивают важность институциональных гарантий предотвращения попыток их обхода кем бы то ни было впредь. Гражданские же ассоциации стремятся повысить собственную заметность в информационном поле путем максимальной диффузии сенсационных версий, своевременного переключения массового любопытства на особо выигрышные аспекты темы. Яростно уличая корпоративных оппонентов во лжи и включая в свой репертуар эпатажные постановочные акции, рассчитанные на широкое паблсити, «антиглобалисты» действуют именно в том радикально политизированном стиле, от которого еще четверть века назад предостерегал Касториадис.

Отечественные эксперты (в том числе и профессиональные экологи) проявляют гораздо большую сдержанность, хотя и предлагают действительно альтернативные версии оценок. Например, руководитель программы "Климат и энергетика" WWF России Алексей Кокорин прямо заявляет, что автомобили Volkswagen объективно являются мировыми лидерами по параметрам топливной экономичности и выбросов загрязняющих веществ. Но в случае России сама операционная среда компании ориентирует скорее на «три очень серьезных поля для деятельности, где можно сделать гораздо больше, чем любые подкрутки — бензин, пробки и стиль вождения» [5].

Такие зоны неоднозначности в интерпретации темы и образуют пороговые интервалы смысловых колебаний, формируют распределенные символические среды с их потенциалами препятствий и «просветов» для сообщения и понимания. Рейтинговое агентство Fitch Ratings, справедливо квалифицировала «дизельгейт» как поворотный пункт на пути коренного преобразования всей мировой автомобильной отрасли [6]. Такого рода «точки бифуркации» смысла, и обозначают контуры нарративного дрейфа — последовательности символических переходов в рамках качественно неоднородных измерений сетевых отсылок - в направлении идентификации более глубинных пластов значения происходящих с нами событий. Их можно считать реальной онтологической основой ко-эволюции экосистем коммуникации и компонентов «воображаемого» в структуре общественных практик.

2. Шаронов Д.И. Экологическая перспектива исследования динамики систем социальной коммуникации/ Историческая и социально – образовательная мысль. - Краснодар, 2012. №4.
3. Аналитик: скандал с Volkswagen похож на противостояние кланов/ http://ria.ru/radio_brief/20150923/1276059534.html.
4. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
5. WWF: компания Volkswagen может поучить других экологичности/ <http://ria.ru/world/20150923/1276538070.html>.
6. Fitch: Volkswagen Crisis May Have Lasting Impact Across Sector/ <https://www.fitchratings.com/site/fitch-home/pressrelease?id=991488>.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В КРИЗИСНОМ ПУБЛИЧНОМ И ПРИВАТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Шитик М. (Санкт-Петербург)

Современное российское общество характеризуется высокой степенью нестабильности. Под данным понятием понимается деформация структуры, функций или каких-либо процессов социальных систем, меняющих эти системы и угрожающие их целостности [1]. Кроме того, динамичное изменение современного глобального общества привело к его кризису, который наблюдается в экономической, политической, социальной и культурной сферах. Ежедневно в мире происходят события, обладающие сильнейшим разрушительным эффектом, а зачастую, уносят человеческие жизни. Их называют кризисными ситуациями [2]. При этом кризис определяется как происшествие, причиняющее вред жизни индивида, окружающей среде, существованию организации или какого-либо института.

Отличительной особенностью кризисов является радикальное изменение природы коммуникации, связанное с возрастанием потребности в информации и ее значительным дефицитом [3]. Поскольку теория социальных коммуникаций является областью, переживающей стремительное развитие, ряд определений нуждается в уточнении. На сегодняшний день понятие «коммуникация» интерпретируется четырьмя основными способами:

- 1) средство связи любых объектов материального и духовного мира;
- 2) общение, в ходе которого люди обмениваются информацией;
- 3) передача и массовый обмен информацией с целью воздействия на общество и его составные компоненты;
- 4) процесс конструирования новых смыслов, интерпретаций, механизм создания новых норм и правил жизнедеятельности.

Понятие «коммуникативные практики» является видовым относительно понятия «социальные практики» [4], под которым понимаются различные упорядоченные совокупности образцов рациональной деятельности, позволяющие человеку состояться в том или ином социальном качестве. Сущностной особенностью коммуникативных практик является направленность на передачу или прием социально значимой информации. Кроме того, коммуникативные практики представляют собой постоянное воспроизводство систем коммуникаций различного уровня. Именно в процессе реализации коммуникативных практик индивид осуществляет выбор действия, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации, и воспроизводит систему знаний, норм и ценностей определенной коммуникативной среды. Повседневные коммуникации приводят к появлению социальных практик, которые могут стать основой общественных трансформаций. Это следует помнить, поскольку коммуникативные практики глобального масштаба

обусловлены прежде всего электронным общением, которое, несмотря на все его достоинства, приводит к появлению редуцированных форм коммуникации [5].

Отличительной чертой коммуникативных практик в кризисном пространстве является то, что они возникают в особой ситуации, когда коммуникативный процесс нарушен и отсутствует эффективное взаимодействие между государством и обществом. При этом коммуникатор утрачивает способность управления информационным потоком, что может повлечь за собой разрастание кризиса или возникновение нового. В такой ситуации реципиенту трудно ориентироваться в многообразии сообщений, которые направляются в его адрес и зачастую он не может усваивать их основное содержание. Более того, кризис в публичном и приватном пространстве ставит под вопрос возникновение коммуникативных практик вообще, поскольку кризисные ситуации редко протекают логично и последовательно, а информационный процесс становится несвоевременным и не всегда достоверным.

Главными акторами в коммуникационном процессе являются государство, общество и СМИ, выступающие в роли проводника между ними. Но современное российское общество сегментировано, и коммуникация между отдельными стратами затруднена даже на уровне информирования [6]. Быстрые изменения в глобальном коммуникационном пространстве, связанные с усовершенствованием технических средств доставки информации, оказали серьезное влияние. Однако, проблемой остается разрыв в возможностях доступа к информации и, соответственно, к коммуникации между разными слоями населения.

При этом традиционные коммуникации уступают место опосредованным коммуникациям, что имеет как позитивные, так и негативные последствия. Коммуникативные практики становятся более формальными, межличностная коммуникация меняется в сторону дегуманизации, что приводит к психологическим проблемам. Так как увеличивается время «общения» человека с техникой, то растет степень индивидуализации. Поскольку все в большем количестве случаев человек может обходиться без коммуникации, происходит замена ее информированием. Увеличивается скорость накопления информации, она становится внешне более доступной, легко воспринимаемой.

Под влиянием происходящих изменений меняются традиционные коммуникативные практики. Это проявляется в постепенном исчезновении писем как формы общения, формировании нового коммуникативного пространства, в котором образуются различные, в том числе виртуальные сети. Нарушается синхронизация культуры, поскольку формируемые в ней новообразования не успевают адаптироваться к традиционной системе [7]. Деграция традиционных коммуникативных практик приводит к росту степени индивидуализации.

Таким образом, коммуникативные практики в кризисном пространстве современной жизни сопровождаются серьезными изменениями, требующими особого внимания. Помимо того, что коммуникация выполняет информационную, социальную, прагматическую и другие функции, ее значение в кризисной ситуации возрастает за счет тех рисков, которые порождаются любым кризисом.

1. Абдуллаева Р.А. *Нестабильность как одно из возможных состояний социальной системы*, 2014 г. // http://rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=10003168. Дата обращения к ресурсу: 07.10.15.
2. Чернелевская А. *Механизмы коммуникационного воздействия в условиях кризиса*, 2010 г. // http://pr-club.com/2010_06/prlib/5.doc. Дата обращения к ресурсу: 08.10.15.
3. Басков А. *Кризисные коммуникации*, 2007 г. // <http://newideology.ru/slovar/k/krizisnye-kommunikatsii>. Дата обращения к ресурсу: 08.10.15

4. Зотов В.В., Лысенко В.А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // *Теория и практика общественного развития*, 2010, №3. – С.53-55.
5. Буряковская В.А. Коммуникативные практики: глобальное и национальное // *Известия Волгоградского государственного технического университета*, 2013, №16 (119). – С.86-88.
6. Рязанов А.В. О рассогласованности дискурсивно-коммуникативных практик в современной России // *Психология и экономика*, 2008, №1-2. – С.103-109.
7. Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // *Вопросы философии*, 2006, № 2. - С.27-38.

ВЗГЛЯД НА КРИЗИС ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ "ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОРЯДКА"

Шманкевич Т.Ю. (Санкт-Петербург)

Сравнительно новый для российской социологии поворот в дискуссии о кризисе современной образовательной системы – это размышление о кризисе общеобразовательной школы в качестве значимого фрагмента городского пространства (ситуация сельских школ - тема отдельного исследования и здесь не рассматривается); взгляд на школу сквозь призму «пространственного порядка».

В докладе остановимся на трех основных моментах.

1. Что собой представляет современная городская общеобразовательная школа в плане организации пространства? Насколько результат образования зависит не только от того, как и чему мы учимся, но и от того где мы учимся, от того как организовано пространство нашего обучения? Каким образом кризис современного российского образования связан со спецификой пространственного порядка массовой городской школы?

2. Каким образом современная общеобразовательная школа включена в городское пространство? Как это согласуется с представлением о прогрессивном современном мире как об открытом свободном обществе? Способствует это или затрудняет поиски выхода из кризиса российского образования?

3. Какие возможности открывает «пространственный» подход к образованию, для того чтобы делать обоснованные выводы и прогнозы о дальнейшем развитии общеобразовательной городской школы, а, следовательно, о возможности выхода из образовательного кризиса?

В качестве эмпирического материала при подготовке доклада использованы результаты полевого исследования «Школа на карте города. Санкт-Петербург, 2004-2014», а так же результаты интернет-дискуссии вокруг проекта «Умная школа». Методологически исследование опирается на работы французских социологов, обосновавших подход к общеобразовательной школе как к субъекту городского пространства (J-P.Briand, J-M. Chapoulie, O.Cousin, Yv Dutercq., A. Van Zanten etc.), а так же на концепты Дэвида Харви «право на город» и «повстанец-архитектор».

Каким образом кризис современного российского образования связан со спецификой пространственного порядка массовой городской школы?

При изучении различных процессов, связанных с городской общеобразовательной школой, французские социологи Agnes Henriot-Van Zaanten, Jean-Paul Payet, Laurence Roulleau-Berger как аналог понятия пространства используют характеристику «порядок города» и «порядок школы». Исследовательский акцент делается на локальности как социальной организации, вписанной в конкретный физический контекст и способной принимать различные конфигурации в соответствии с особенностями этого контекста (Henriot-Van Zaanten, Payet, Roulleau-Berger1994:15).

Школьное пространство не без основания называют ригидным, основательно заложенным еще со времен Я.А. Каменского. Помимо масштабов школьных зданий и технологических нововведений, выделяют две наиболее явные перемены, отразившиеся на пространственном порядке российских школ за последнее столетие: замену в 60-ые годы XX века стационарных парт в пользу более мобильных столов со стульями и отказ в современных учебных кабинетах от обязательной учительской кафедры. В остальном классные комнаты по-прежнему организованы как дисциплинирующее статичное пространство с распределением учащихся «затылок в затылок», казенные стены школы задают границы пространства тотального контроля и подчинения, а само школьное здание, по точному замечанию архитектора Алены Жмуровой, укладывается в универсальную формулу: «Классные комнаты плюс коридоры, этажи, фасады, входы, раздевалки и прочее».

Показательно, что в настоящее время проектирование школьных зданий продолжает архитектурную традицию, заложенную еще в 50-е гг. XX века и идеологически нацеленную на массовое единообразное обучение и воспитание. Реализация в таком пространстве новых образовательных идей, предполагающих уход от единообразия в сторону вариативности, имплицитно обречена если не на провал, то на многочисленные трудности. Противоречие, когда здание остается старым, а образование в нем директивно объявляется новым, еще больше усугубляется, если мы рассмотрим проблему в формате «порядка города».

Городская школа и представление о прогрессивном современном мире как об открытом свободном обществе

Понятие «порядок города» начинает применяться французскими исследователями при изучении общеобразовательной школы в 80 гг. XX века. Проводившая в это время реформа децентрализации французской школьной системы, предоставившая коллегам и лицам определенную автономию, закрепила участие территориальных сообществ в решении многообразных проблем местных учебных учреждений. Отсюда аргументация исследовательского акцента на локальности, не сводимой к чему-то гомогенному, но предполагающей множественность, подвижность, разнообразие целей и смыслов (*L'école et le territoire...*1994:6). Локальное разнообразие не упрощается как простая оппозиция центра и городских окраин. В качестве одной из важнейших проблем анализируется открытость границ школы и города. В российском контексте подобный территориальный подход к изучению проблем общеобразовательной школы, также представляется продуктивным.

Не смотря на специфику школ в центральных и спальных районах Санкт-Петербурга, на разделение школ на т. н. «элитные» и «пролетарские», можно говорить о целом ряде общих школьных проблем, среди которых, также как и во Франции, особо выделяется проблема открытости/закрытости школы и города. Вопреки поддерживаемой «сверху» риторике социального партнерства школы и города, как показывает исследование, за последнее десятилетие степень закрытости города значительно выросла. Прежде всего, это ужесточение охранной системы, призванной не допустить в школу посторонних и привычно объясняемой мерами безопасности, необходимостью борьбы с террористами (Шманкевич2006, 2012, 2013, 2014).

Противоречие между «закрытостью» пространственного порядка школы и представлением о прогрессивном современном мире как об открытом свободном обществе подводит к заключению о том, что концепция свободы и концепция безопасности в нашем государстве выстраиваются на противопоставлении друг другу. В рамках такого государственного дискурса новые пространственные коннотации принимает метафора «старого здания», в границах которого обречены на провал все новые образовательные концепции, отвечающие конституционно закрепленному своду свобод.

От диагностики к попыткам лечения. Теоретические концепты как основание для надежды

«Пространственный» подход не претендует на раскрытие всей полноты проблемы кризиса образования, но позволяет высветить определенные болевые точки и, что особенно важно, наметить конкретную программу «лечения». В качестве такой программы предлагается проанализировать проект «Умная школа». Среди задач, которые решаются в рамках этого проекта: 1 Изменение архитектурного проекта школы таким образом, чтобы школьное здание «работало» на новую вариативную концепцию образования (отсюда фигура «архитектора-повстанца», являющегося со-творцом нового образовательного пространства). 2 Создание единого жизненного и образовательного локального пространства, позволяющего реализовать «право на город» (в трактовке Д.Харви: не просто пользоваться «имеющимся» городом, но и вносить в него коррективы для более комфортного проживания в нем) и по аналогии с ним «право на школу».

1. *Архитектурное пространство и образовательный процесс // Эхо Москвы. Родительское собрание. Время выхода в эфир: 19 июля 2015, 13:05 // <http://echo.msk.ru/programs/assembly/1584872-echo/> (12.08.2015)*
2. *Шманкевич Т.Ю. Школа и город: «родительские стратегии» и гражданские практики // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. М., 2014, № 2-3(65). С. 122 – 119.*
3. *Шманкевич Т.Ю. Социальное партнерство школы и города: французский опыт и российский эксперимент // Российское общество: Проблемы социального согласия и развития // Человек и общество. Выпуск 33. Изд-во СПбГУ, 2013. С. 167-180.*
4. *Шманкевич Т.Ю. «Родительские стратегии» и гражданские практики // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. М., 2013, № 1(61). С. 92 – 98.*
5. *Шманкевич Т.Ю. Социология образования и социология школы: общее и особенное. // Вестник СПбГУ сер. 12. 2012. Вып. 2. С.286-291.*
6. *Шманкевич Т.Ю. Школа и город: «родительские стратегии» как гражданские практики // Журнал социологии и социальной антропологии, СПб., 2006. № 3. С.129-136.*
7. *Briand J-P., Chapoulie J-M. L'institution scolaire et la scolarisation: une perspective d'ensemble // Revue française de sociologie, 1993, XXXIV. P.3-42.*
8. *Cousin O. Politique et effets-etablissements dans l'enseignement secondaire // L'école, l'état des savoirs. Paris: La Découverte, 2000. P.139-148.*
9. *Dutercq Yv. Les politiques éducatives des collectivités territoriales .- L'école, l'état des savoirs. - Paris : La Découverte, 2000. P.121-129.*
10. *Harvey D. The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research, 2003. Vol. 27, Issue 4, P. 939–941.*
11. *Harvey D. The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research, 2003. Vol. 27, Issue 4, P. 939–941.*
12. *Henriot-Van Zaanten A., Payet J-P., Roulleau-Berger L. L'école dans la ville. Accords et désaccords autour d'un projet politique. – Paris: L'Harmattan, 1994.*
13. *L'école et le territoire : nouveaux espaces, nouveaux enjeux (смыслы). Coordonné par Bernard Charlot – Paris, Armand Colin Editeur, 1994.*
14. *Van Zanten A. L'école de la périphérie: Scolarité et ségrégation en banlieue. Paris: Presses universitaires de France. 2001.*

МОДА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МОДНЫХ ТРЕНДОВ УКРАИНЫ 2014 Г.)

Ятина Л.И. (Санкт-Петербург)

Мода на современном этапе развития общества не является лишь индикатором социальных и политических процессов, она их конструирует, создавая в виде моделей-симулякров. Одним из ярких примеров конструирования социального, можно считать

взорвавшей интернет-пространство летом 2014 г. моды на «желто-голубое». Образ «украинского патриота» и «образ украинца» строился на отсылках к государственной символике – трезубцу и двуколору национального флага, а также народному (в данном случае этническому) украинскому костюму. В желто-голубом стиле были представлены не только одежда, но и обувь, аксессуары, макияж, маникюр, и средства передвижения. Головные уборы в виде цветочных венков и рубашки «вышиванки» приобрели статус casual. В чем причина популярности государственной символики? И кто активные создатели симулякра «национальной идентичности» посредством моды?

Прежде всего, поддерживала и создавала этот национальный конструкт блогосфера при активном участии обычных пользователей. Блоггеры, составляющие неотъемлемую часть индустрии моды, неустанно обновляли «луки», обычные пользователи выкладывали в социальные сети желто-голубые селфи. Майдан разделил украинцев, обнажив глубину политического, экономического и социального кризиса, а симулякр «модного патриотизма» объединил. Есть ли за размещаемыми на страницах блогов «луками» реальное осознание пользователями социальных сетей принадлежности к общности и неотъемлемой части национальной идентичности «мы - сознания».

Для понимания существующей в Украине тенденции патриотизма в моде существенным является понимание моды как индустрии производства образов, замещающих реальность. Произведенную в виде модного образа/лука национальную идентичность можно представить как систему знаков или код, который из-ображает национальную идентичность, т.е симулякр третьего порядка [1].

«Нация» - категория социально-политическая, различение нации идет с учетом реальных или потенциальных границ государства. «Этническая группа» как культурная категория, включает в себя ряд передающихся через поколения особенностей и не имеющая связи ни с государством, ни с его территорией. Получается, что «народ» - это существующая общность, определяемая таковой через генетические характеристики, социально- политическое сложившееся устройство или через традиционные нормы и ценности [2]. Не менее важное определение - «самосознание», ведь национальное самосознание - это компонент национальной идентичности. А. Г. Здравомыслов, например, говорит о национальном самосознании, как “о сознании народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других. Речь идет о том, что русские только потому являются русскими, что существуют ... и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят...”[3.С 12]. То же можно применить и к украинцам. Конструирование украинской национальной идентичности модой осуществляется при помощи апелляции к государственным символам с одной стороны и противопоставлением себя России с другой.

«Виртуализация нации в конструктивистской этнологической парадигме ведет лишь к тому, что под нацией начинают понимать только то, что нацией называют интеллектуалы и политики по телевидению, в Интернете, газетах, журналах, книгах, учебниках”[4]. В случае с Украинской модой в 2014 г., именно индустрия моды конструировала национальную идентичность.

Результаты исследования, проведенного Дильмухаметовой А.Ш. [5], отчасти подтверждают выдвинутый ранее тезис. *Объектом* исследования являлись модные образцы или тенденции, представленные в социальных сетях Instagram и Pinterest, *предметом* – конструирование и репрезентация национальной идентичности посредством модных образцов («луков»).

Instagram - это бесплатное приложение обмена фотографиями и видеозаписями, позволяющее делать фотографии, применять к ним фильтры для обработки, распространять их через свой сервис и другие социальные сети, использовать хэштеги и комментарии, искать людей и фотографии по имени и тэгам.

Pinterest - это социальный интернет-сервис, социальная сеть, фотохостинг, который позволяют загружать фотографии, определять их в тематические коллекции и делиться с другими пользователями.

Конструирование выборки производилось с использованием поиска по ключевым словам (хэштэгам) на русском и английском языках. *Хэштэг или хештег* (англ. hashtag от hash - символ «решетка» + tag - тэг) - это метка, слово или фраза, которым предшествует символ #. С использованием хэштегов пользователи могут объединять контент социальных сетей, микроблогов по теме или типу. Например, #мода. Несколько слов могут объединяться и образовывать тэг - #молисьзаукраину. В процессе исследования были также задействованы уже готовые тэги на украинском языке. Причина выбора использования нескольких языков обусловлена тем, что в настоящее время одна часть населения Украины считает своим родным языком украинский, а другая часть - русский. Языком же современного общества и Европейского союза, к которому страна стремится присоединиться считается английский.

Ключевыми хэштегами были “мода”, “Украина”, “стиль”, “украинская мода”, “МолисьзаУкраину”, “Киев”, “Ukrainefashion”, “Ukraine”, “patriots”, “MadeinUkraine”, “PrayforUkraine”, “Kiev”, “патріоти”, “Kyiv”.

Проанализировав фотографический массив данных, были выделены следующие образы (тренды):

Стиль “Фольклорная (ый) девушка(парень)”

Детали традиционного украинского костюма, такие этнические элементы как вышивка, венки и ленты. Отсылка к фольклору - конструирование национальней идентичности при помощи кода этнический костюм - украинские корни.

Стиль “Патриотичный (ая) модник (ца)”

Использование национальной символики и атрибутики государства: трезубец герба и двуцветный флаг Украины. Основные стилевые характеристики – цвета флага и знак герба, с их помощью формируется код национальной идентичности.

Стиль “Хипстер – пацифист (ка)”

Основа стиля - минимализм, соблюдены все тенденции течения “мейнстрим” (mainstream), а также присутствует стремление показать свою политическую точку зрения и высказать несогласие с установившимся режимом через надписи и принты (print – напечатанное изображение).

Стоит отметить, что стиль “Хипстер – пацифист (ка)” был представлен только в виде фотографий с модных показов и абсолютно не проверяемым в профайлах и страницах реальных украинцев. В количественном отношении модные тренды распределились следующим образом: фольклорный или (этнический) стиль и национальный стиль – в соотношении 1;4.

Instagram, как мобильное приложение, хранит в аккаунтах пользователей фотографии под выбранными в ходе исследования хэштегами, такими как #PrayforUkraine, #ukraine, #kiev. Из них гораздо больше селфи (selfie - фотографирование себя с использованием фронтальной камеры на гаджете), бьюти-фотографий (beauty - красота), зеркальных луков (фотографирование отражения образа в зеркале) и стрит-луков (street look - уличный образ). Instagram становится местом репрезентации национальной идентичности среди массы, она демократична, а потому масштабна. «Производство луков» не требует дополнительных затрат на дорогую технику, профессиональных знаний фотографирования или квалифицированных навыков стилиста. Основными модными образцами и тенденциями транслируемыми в социальной сети Instagram являются использование национальной (государственной) атрибутики.

Pinterest позиционирует себя как более “профессиональный” интернет-портал. Преимущественно на нем размещались снимки с открытых показов дизайнерских коллекций, профессиональные фотосессии моделей в образах “украинской девушки”.

Ресурс включал и рекомендации «как создать лук» или «где купить футболку с трезубцем».

После проведения второго этапа исследования методом глубинных интервью в среде инсайдеров украинской моды выяснилось, что наравне с отмеченными выше трендами для украинцев репрезентация их принадлежности к стране происходит через потребление украинских брендов, а также потребительского предпочтения отечественного производителя. Можно предположить, что формируется новый код «потребляй отечественное – будь патриотом».

1. Бодрийяр Жан *Символический обмен и смерть* - 3-е изд. - М.: "Добросвет", "Издательство "КДУ", 2009.
2. Балибар, Этьен; Валлерстайн, Иммануэль *«Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности»* Пер. группы авторов под ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого, Б. Скуратова. М.: Логос-Альтера, Ессе Ното. 2003.
3. Здравомыслов А. Г. *К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М., 1998.*
4. <http://nationalism.org/library/science/nationalism/malinkin/malinkin-sj-2001.htm>
5. Дильмухаметова А.Ш. *мода в контексте символов национальной идентичности: на примере Украины. Выпускная квалификационная работа по направлению 040100 – «Социология», по уровню образования бакалавриат, профиль «Общая социология». Научный руководитель: к.с.н., доц. Ятина Л.И. (на правах рукописи). СПб., 2015.*

СЕКЦИЯ 10: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

ВЛИЯНИЕ ОДИНОЧЕСТВА НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Азарова Е.Н. (Новочеркасск)

В современном российском обществе одиночество проявляет себя на фоне разнонаправленных социальных процессов: социальной дезинтеграции, утраты доверительных межличностных отношений, усиление социальной дифференциации[3]. Достигая определенного уровня, одиночество порождает социальные страхи, дискомфортное состояние населения, в частности социальной группы молодежи.

Одиночество представляет собой эмоционально окрашенный комплекс ощущений, возникающий в микромире (мироощущении) индивида, вариабелен и изменчив по своему характеру, зачастую окрашен негативными оттенками. Одним из показателей, позволяющим оценить сдвиги социального настроения, преобладающих в группе молодых людей, в том числе воздействие социального одиночества, выступает социальное самочувствие.

Социальное самочувствие выступает социологической категорией позволяющей выявить социологические основания психологического феномена одиночества, и обозначить эффекты воздействия одиночества на самочувствие молодых людей в российском обществе.

Т. Н. Юдина, Н. Е. Тихонова уверены, что от социального самочувствия граждан зависят сила и мощь государства, успех всех его начинаний. Если чувства в основном позитивны и оптимистичны, то это хорошая база для плодотворной активности и эффективной самоорганизации. И напротив, сомнение, разочарование, бессилие создают почву для деструктивного мышления и поведения[2]. В качестве измерительных критериев уровня социального самочувствия молодых людей переживающих одиночество можно предложить следующие: удовлетворенность собственной жизнью в целом; удовлетворенность материальным благополучием; показатели эмоционального восприятия состояния своей жизни.

Влияние одиночества на социальное самочувствие студенческой молодежи, особенно в периоды социальной трансформации общества, проявляется в своеобразном психологическом механизме «нестыковки» с другими молодыми людьми; в отторжении толпой мнения личности.

Одиночество переживают студенты испытывающие кризис идентичности, когда не могут себя социально причислить к какой либо референтной социальной группе, привычный социальный мир рушится, и происходит своеобразное социально-психологическое дистанцирование или уход в себя. Они занимают комфортную для себя общественную «нишу» в студенческой группе, либо пытаются «врасти» в новое сообщество.

Своевременное определение уровня одиночества студентов, нарастание отчужденности от групп однокурсников, замкнутый стиль жизни, требуют от вуза активного формирования новых стратегий противостояния данному явлению. Изменения должны затронуть с одной стороны организационно-правовую форму системы социально-психологической поддержки студентов, с другой стороны, культурную составляющую профилактики, способную сформировать новое отношение преподавательского состава и студентов к данной проблеме. В качестве рекомендаций, направленных на снижение влияния переживания одиночества на уровень самоощущения молодых людей в обществе предложим следующее: научить молодых людей вырабатывать способы работы с эмоциями, развивать социальную активность, волонтерские движения[1].

1. *Азарова Е.Н. От одиночества к социальной активности: социокультурные аспекты личностного состояния//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015.- № 6-1. -С. 109-111*
2. *Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горикова. - М. ; СПб. — Нестор-История, 2011. – 176 с.*
3. *Щербакова Л.И., Азарова Е.Н. Социальное одиночество в трансформирующемся российском обществе: институциональный подход//Социально-гуманитарные знания. -2013.- № 7. -С. 144-148*

ГРУППА ПОДДЕРЖКИ СПОРТИВНОЙ КОМАНДЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Алимов Р.А. (Казань)

Для человека, далекого от футбола, любой, кто надел на себя атрибутику клуба и пришел на стадион, автоматически становится футбольным фанатом. А благодаря активно распространяемым СМИ стереотипам, футбольный фанат сразу превращается в футбольного хулигана, который ходит на стадион только лишь для того, чтобы подраться и устроить беспорядки.

На самом деле все, конечно, по-другому. Прежде всего, не каждый, кто приходит на стадион с шарфом или в майке какого-то клуба, – футбольный фанат. Большая часть людей на трибуне – независимо от того, как они выглядят, – обычные болельщики.

Фанаты – это те, кто организованно и активно поддерживает команду, причем не только на домашних матчах, но и на выездных. Большинство их принадлежит к фанатским группировкам. Однако и среда настоящих фанатов неоднородна.[1]

Кричалки, флэш-мобы и т.п. – мощные мотиваторы для команды. Не единожды игроки команд отмечали важную роль помощи именно группы поддержки.

В последнее время футбольные «кричалки» («заряды») и песни превратились в коммерческий продукт – их уже продают в качестве «контента» для мобильных телефонов.

И все же без «кричалок» ни один матч при поддержке фанатов не обходится.[2]

Фанатский сектор - после самой игры, сильное средство управления настроением обычных зрителей.

За частую, фанаты команд "вытягивают" всю игру на себе т.к. зритель чаще всего приходит на игру для наблюдения за процессом.

Безусловно, фанатские клубы не формируются стихийно, у каждого есть свои организаторы и управление команд, в целях привлечения большего количества зрителей, формирования положительного имиджа, популяризации вида спорта и самой команды, должны озадачиться формированием фанатского сектора с самого начала, а следовательно и всячески поддерживать сектор, мотивировать и привлекая все большее количество людей туда, помнить об отдельных единицах управления для них. Важной и сложной задачей организаторов фан сектора является привлечение в ряды болельщиков все большее количество людей т.к. исходя из исследований проведенных этим летом на базе группы поддержки сборной России на чемпионате мира по водным видам спорта в Казани, только малая доля привлеченных студентов решает продолжить деятельность болельщика.

По мимо крупных мировых мероприятий привлекать к культуре боления молодежь можно из рядов первокурсников вузов и сузов. Основной задачей группы поддержки становится вовлечение большего количества студентов, предоставление им максимального количества выбора в спортивных мероприятиях, что бы как можно больше студентов осталось заинтересованными в продолжении увлекаться спортом, культурой боления и работой с группой поддержки. В данном случае речь идет непосредственно об «ультрас», а не о «хулиганах». Как гласит официальный справочник, ультрас – это объединение болельщиков, движение, цель которого – поддержка спортивных команд. Из ныне существующих ультрас больше всего их у клубов Европы и Южной Америки. В остальных регионах движение есть у отдельных команд, но не имеет ярко выраженной направленности.

Ответственные в вузах и сузах должны помнить, что спорт является фактором социализации, формирования и становления личности. Привлекая студентов к спорту и культуре боления организаторы прививают ценности присутствующие на секторе всем заинтересовавшимся. Тем самым происходит профилактика девиантного поведения, а так же тут присутствует рекреационная составляющая т.к. в процессе боления выплескивается огромное количество отрицательной энергии и конечно же зрелищность спорта.

1. Владимир козлов. «Фанаты. Прошлое и настоящее российского околофутбола»
2. Владимир козлов. «Фанаты. Прошлое и настоящее российского околофутбола»
3. <http://www.dokaball.com/stati/1031-chto-takoe-ultras-futbolnye-ultras>

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ НА СЕЛЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Антипова А.А. (Саранск)

Молодежь является той категорией населения, социальное положение и самочувствие которой определяет во многом перспективы развития сообщества. Если в

качестве такого сообщества рассматривать сельское население, то следует отметить, что в последние десятилетия оно вынуждено было осуществлять свою жизнедеятельность в постоянно меняющихся условиях, когда достаточно сложно сохранить благополучие и позитивное самочувствие. Эта нестабильность оказала серьезное влияние на видение населением своих жизненных перспектив, построение планов на будущее и желание связать их с родным селом, поселком. А именно эти аспекты жизни являются наиболее актуальными для молодежи.

В то же время активная социальная политика российского государства, направленная на социальное развитие села, сохранение его демографического и производственного потенциала побуждает многих молодых людей, молодые семьи из сельской местности задумываться о дальнейшем проживании и развитии именно в родном селе, рядом с родителями, родственниками, друзьями. Однако опыт нестабильности, боязнь временности государственных мер поддержки, а также жизнь родителей, связанная со сложностями проживания в селе, тяготами сельскохозяйственного труда создают определенные опасения и влияют на построение жизненных позиций у современной сельской молодежи. Эти условия усложняют формирование четкой ориентации молодежи в отношении своего будущего.

В связи с этим исследование позиций современной сельской молодежи по отношению к перспективам их дальнейшей жизни, возможностям и желанию жить, работать, создавать семью в сельской местности привлекает в последние годы научное внимание.

Так, в 2012 г. под эгидой ОМОО «Российский союз сельской молодежи» работали специальные «Мобильные бригады» Министерства сельского хозяйства РФ, основными задачами которых явилось выявление уровня информированности сельских жителей и работников агропромышленного комплекса о проводимой государством политике по развитию сельских территорий. В Нижегородской области на общих собраниях в свободной форме нужно было ответить на вопрос: «Какие проблемы села нужно решать в первую очередь?». В результате были выявлены мнения 1200 молодых людей в возрасте 15 – 19 лет. Опрос показал, что сельскую молодежь беспокоит отсутствие асфальтированного дорожного покрытия (73 %), неразвитость сети культурно-развлекательных и спортивных сооружений и связанную с этим бедность досуга (69 %). Кроме того, 2/3 указали, что государству нужно обеспечить рост заработной платы работников села. Почти половина назвала серьезной проблемой изношенность материально-технической базы и высокие цены на топливно-смазочные материалы [3, 49].

Анализируя эти данные, А. А. Романов и С. А. Фролов отмечают, что молодежь на селе на первое место ставит не материальные проблемы, а уровень развития социальной, транспортной инфраструктуры. Также они прибегают к данным проведенного в феврале 2013 г. обследования 447 учащихся сельских школ и техникумов, студентов очного отделения Нижегородской сельхозакадемии по проблеме закрепления молодых специалистов на селе. Так, среди причин, провоцирующих молодежь покидать село, основной названа низкая заработная плата (55 %). Также сильным негативным фактором является отсутствие возможности для самореализации, такую причину указали 31 %. К другим причинам, способствующим стремлению уезжать из сельской местности молодые люди отнесли: плохую организацию досуга (10 %), слабое медицинское обслуживание (7 %), плохое устройство быта (4 %), трудности с поиском супруга(и) (3 %), необходимость много работать (4 %) [3, 50]. Эти данные позволили авторам сделать вывод, что сейчас молодежь готова много работать, но желает взамен получать достойную заработную плату и иметь условия, способствующие здоровому отдыху.

Причем подобные ориентиры существуют не только у самих сельских молодых людей, но и у их родителей. Так, в 2005 году в селах 12 районов Республики Мордовия А. А. Полежаевой (прим. – автором данной статьи) было проведено социологическое исследование по теме «Социализация детей в современной сельской семье», в котором приняли участие сельские родители, имеющие детей в возрасте до 18 лет. Было опрошено 282 семьи с детьми [1]. Наряду с иными результатами в ходе исследования было выявлено, что в ориентациях современных сельских родителей в отношении своих детей

наблюдаются противоречивые тенденции: с одной стороны, сохраняется привитие детям традиционных представлений о ценности семейно-родственных отношений, зависимости действий человека от общественного мнения; а с другой стороны, повышается значимость для сельских родителей деловых качеств их детей, развития у них индивидуализма, снижается степень зависимости действий детей от традиционных морально-ценностных установок.

Важность этих аспектов жизни подтверждается, например, данными о том, какими, в первую очередь, хотели бы видеть своих детей в будущем родители: 89 % – здоровыми, 79 % – материально обеспеченными, 60 % – счастливыми в семейной жизни, 56 % – честными, порядочными людьми, 48 % – имеющими хорошую профессию, квалифицированную работу [2].

Ю. П. Лежнина анализируя основные социально-демографические особенности бедности в современной России на основе данных исследований различных авторов, проведенных в области данной проблематики в период с 2003 по 2013 гг., отмечает, что в спектр социально-демографических факторов бедности входит тип населенного пункта, в котором проживает индивид. Среди тех, в чьем окружении есть бедные, 17 % называют в числе причин бедности своих знакомых проживание в бедном регионе (районе, городе, местности), и для 18 % бедных – это одна из причин их собственного сегодняшнего неблагополучия. Практически половина (46 %) бедных «по доходам» проживают сегодня в сельской местности, включая поселки городского типа, при этом 36 % – в селах. Однако, с другой стороны, более половины (54 %) бедных «по доходам» – жители городов. Хронические бедные, как и бедные «по лишениям», чаще, чем бедные «по доходам проживают» в городах, особенно в мегаполисах, и реже – в сельской местности.

Вероятность попасть в число бедных «по доходам» максимальна именно для жителей сел – 24 % из них имеют среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума, в то время как для проживающих в ПГТ и районных центрах этот показатель равен 14 и 12 %, соответственно. При этом относительно высокие риски попадания в бедность «по лишениям» испытывают жители не только сел, но и ПГТ и районных центров: в них доля бедных по депривации составляет 29 – 31 %, в то время как в более крупных населенных пунктах – 15 – 20 % [1, 26].

Таким образом, социальные условия на селе являются значимым фактором для формирования жизненных позиций современной сельской молодежи. Их позитивное изменение способствует распространению среди сельских молодых людей желания жить, работать и создавать семьи в селе. А вот ухудшение условий жизни побуждает сельскую молодежь искать «лучшей жизни» в городах. Об этом свидетельствует исследование ситуации в различных регионах России.

1. Лежнина Ю. П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации / Ю. П. Лежнина // Социс. – 2014. – № 1. – С. 20 – 28.
2. Полежаева А. А. Специфика социализации детей в современной сельской семье (на примере Республики Мордовия) : дисс. ... канд. социол. наук / А. А. Полежаева; МГУ им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2006.
3. Романов А. А. Развитие села глазами молодежи / А. А. Романов, С. А. Фролов // Социс. – 2014. – № 2. – С. 48 – 51.

АДДИКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ

Антонова Н. (Екатеринбург)

Современная высшая школа как социальный институт не только ориентирована на воспроизводство профессиональной структуры общества, но и выполняет функцию социализации, создает условия для реализации потребностей и интересов личности, ее успешной адаптации и разрешения жизненных проблем и трудностей. Вместе с тем,

получение статуса студента - это зона риска для здоровья, поскольку в новых условиях повышается вероятность появления различных форм аддитивного поведения.

Аддитивное поведение выступает видом девиантного поведения, который проявляется в стремлении человека к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций (Ц.П. Короленко, Т.А. Донских). Аддикция может стать средством, с помощью которого индивид стремится справиться с дискомфортом, стремясь уйти от реальности искусственным путем, изменяя свое состояние.

Объектом нашего исследования стали студенты Уральского федерального университета (n=300). Результаты опроса показали, что студенты информированы о видах алкогольной продукции и наркотиков, а также марках сигарет. Вместе с тем, имеются разногласия в общей оценке их влияния на здоровье. Первая группа опрошенных, большую часть которой составляют девушки, высказала негативное отношение к исследуемым видам девиации. При этом, наиболее типичным высказываем стало: "Алкоголь, наркотики и сигареты - это зло". Для второй группы респондентов характерна противоположная позиция: "Наркотические вещества, алкоголь и сигареты - это то, от чего расслабляешься, кайфуешь". В третью группу респондентов вошли те студенты, для которых девиантное поведение - индивидуальный выбор: "Пить спиртное, употреблять наркотики и курить - личный выбор каждого".

В ходе анкетирования мы выяснили, что 12% опрошенных часто потребляют слабые алкогольные напитки, 8% - крепкий алкоголь, а 6% пьют пиво. Практически каждый четвертый респондент (24%) курит сигареты, а 29% пробовали наркотические и иные одурманивающие вещества.

По мнению студентов, эта продукция вполне доступна для любого, средний возраст опрошенных, попробовавших алкоголь, составляет 14 лет, сигареты - 13 лет, наркотические вещества - 16 лет. Это свидетельствует о девиантной "подготовленности" бывших школьников. Придя в университет они имеют опыт употребления спиртосодержащих продуктов, одурманивающих веществ и сигарет. Кроме того, опрошенные заявляют, что окончание сессии "отмечается", как правило, алкоголем (80%) и сигаретами (55%). При этом студенты утверждают, что они независимы от них, а принимают для того, чтобы "расслабиться". Так, практически каждый четвертый опрошенный отмечает вероятность приобретения табачной зависимости, 82% опрошенных выразили уверенность в том, что наркотическая зависимость им не угрожает, а для 63% студентов отсутствует вероятность возникновения проблем с чрезмерным употреблением алкоголя.

Ближайшее окружение, а именно друзья, выступают доминирующим фактором, влияющим на девиантное поведение студентов. Так, опрошенные утверждают, что, во-первых, первый опыт табакокурения, употребления наркотиков и алкоголя был в компании друзей; во-вторых, отсутствие девиаций в референтной группе снижает рисковое поведение (60% студентов отмечают, что в ближайшем окружении девиации не распространены). Интересным является фактор страха, опасений негативной реакции со стороны родителей (15%) на девиантное поведение.

Представленные результаты свидетельствуют о необходимости формирования и развития культуры здоровьесбережения как фундамента профилактики аддитивного поведения. Здоровье в структуре ценностей студентов занимает лишь четвертое место (27%), уступая лидерские позиции семейным ценностям (68%), ценностям самореализации (54%), творчества (44%) и материального достатка (32%). Важным видится разработка программ и проектов превенции аддитивного поведения на уровне конкретных вузов, формирование и развитие здоровьесберегающего пространства.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-13-66015 а/У

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ МАССОВОГО СПОРТА

Аристов Л.С. (Екатеринбург)

В последнее время в связи с проведением в нашей стране крупных международных соревнований растет популярность занятий физической культурой и спортом. В 2014 году дан старт возрождению физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» – новой современной системе физического воспитания населения [1]. Данные меры принимаются с целью решения накопившихся в обществе проблем, связанных со снижающейся физической активностью населения, ухудшающимися показателями здоровья граждан. Особое внимание уделяется распространению принципов здорового образа жизни среди молодежных поколенческих групп, так как с развитием информационных технологий и появлением новых форм досуга занятия физической культурой и спортом у детей и молодежи отходят на второй план.

С 2006 года в Российской Федерации действует федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы», реализация которой должна быть завершена в этом году. За этот период доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, выросла более чем в 2 раза (с 12% до 27%) [2]. Необходимо отметить, что одной из самых физически активных социальных групп в России является молодежь – из общей численности учащихся и студентов физической культурой и спортом систематически занимаются 58% [2].

Молодежь, как и другие возрастные группы населения, является одновременно объектом и субъектом процессов, происходящих в сфере физической культуры и спорта. Посещая спортивные секции, занятия физкультурой, покупая абонементы в тренажерный зал, данная категория населения выступает в качестве объекта, который разделяет принципы здорового образа жизни.

Однако в последнее время молодежи как активной и деятельной социальной группе отводится роль субъекта развития физической культуры и спорта. К уже существующим молодежным объединениям в сфере спорта, таким как Российский студенческий спортивный союз, добавляются новые организации (Ассоциация студенческих спортивных клубов России, Ассоциация студенческого баскетбола), общей целью которых является предоставление возможности молодым и активным гражданам самим оказывать влияние на процессы развития физической культуры и спорта.

Развитие волонтерского движения также способствует популяризации физической активности среди населения, так как большая часть волонтерской деятельности на сегодняшний день проходит на спортивных мероприятиях (например, обслуживание участников и зрителей Универсиады и Чемпионата Мира по водным видам спорта в Казани, Чемпионата Мира по легкой атлетике в Москве, Олимпийских Игр в Сочи). Молодые люди непосредственно становятся организаторами физкультурно-спортивной деятельности, что позволяет им оказывать влияние на окружающих.

Молодежные объединения становятся ресурсом, который может использоваться, в том числе и для реализации государственных инициатив в сфере физической культуры и спорта.

В силу того, что спорт включает в себя профессиональный и массовый, можно выделить в спортивной деятельности молодежи два направления. В первом случае, когда речь идет о профессиональном спорте, молодежи отводится вспомогательная роль, которая заключается в помощи в организации (волонтеры) и в поддержке команд (болельщики, черлидеры и т.д.). Несмотря на то, что молодежь составляет одну из основных долей профессиональных спортсменов не только в России, но и за рубежом, у

нее мало возможностей по принятию решений и оказанию существенного влияния на процессы развития спорта.

В случае развития массового спорта молодежь может играть не только вспомогательную роль, а также полностью реализовать себя и свои инициативы. Основная организационная единица, в рамках которой осуществляется эта деятельность – спортивный клуб. Спортивные клубы в основном осуществляют свою деятельность по месту работы, учебы и по месту жительства. Во всех трех случаях молодежи может быть предоставлена роль организаторов физкультурно-спортивной деятельности.

Сегодня особая роль отводится поддержке и развитию школьных и студенческих спортивных клубов. С целью развития массового студенческого спорта в 2013 году создана Ассоциация студенческих спортивных клубов России, которая предоставляет студентам возможность быть участниками и организаторами соревнований, получать опыт, нести в общество принципы здорового образа жизни [3].

Школьный спорт на сегодняшний день не имеет подобной организационной структуры, что отрицательно сказывается на физкультурно-спортивной деятельности в общеобразовательных организациях. По той причине, что организация и проведение физкультурно-массовых мероприятий в школах в основном возложена на административный персонал, старшеклассникам (которых уже можно отнести к категории «молодежь») отводится роль исполнителей. В такой ситуации шансы молодежи на то, что ее желания и предпочтения будут услышаны, крайне малы. Содержание уроков физкультуры не сильно изменилось с момента реализации федеральной целевой программы в 2006 году по развитию физкультуры и спорта, в то время как в молодежной среде появились новые тенденции и предпочтения, в том числе и при занятиях физической культурой и спортом. Кроссфит, фитнес-программы на сегодняшний день вызывают у молодежи больший интерес, чем стандартные уроки физкультуры. Однако в силу того, что содержание физкультурно-спортивной деятельности определяется администрацией (в соответствии с образовательными стандартами), школьный спорт для молодежи становится малоинтересен. Это приводит, в том числе, к тому, что, приходя из школы в университеты, большинство первокурсников изначально отрицательно относятся к занятиям физкультурой. Ситуацию необходимо исправлять, в том числе уже через разработанную, но еще не реализованную систему школьных спортивных клубов [4].

Учителя в школах и преподаватели в вузах, объясняя низкое качество спортивно-массовой работы, ссылаются на низкое финансирование и плохую инфраструктуру. Однако, как показывает положительная практика деятельности студенческих спортивных клубов, которые благодаря появлению в 2013 году Ассоциации данных организаций, активно создаются по всей стране силами самих студентов, проблемы финансирования и инфраструктуры могут быть не так важны, как стремление и желание к реализации идей.

Для молодежи зачастую меркантильные интересы отходят на второй план, для нее более значим полученный опыт при реализации задуманного. Это принцип может быть использован с пользой для того общества, в котором есть запрос на здоровое и физически активное население, но недостаточно ресурсов для реализации задуманного. В этом случае как раз молодежь является ресурсом, которому необходимо лишь предоставить возможность для самореализации.

Таким образом, роль современной молодежи при развитии массового спорта заключается в личном участии в организации и проведении физкультурно-массовых и спортивных мероприятий. Сегодня в обществе для осуществления данной деятельности создается все больше организаций, которые готовы предоставить возможность для молодежи в реализации инициатив. Молодежь должна личным примером демонстрировать преимущества здорового образа жизни, стремиться изменить сложившуюся ситуацию вокруг физкультуры и спорта к лучшему.

1. *О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04 декабря 2007 N 329-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»*
2. *Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства спорта Российской Федерации на 2014-2017 годы. [Электронный ресурс] URL: www.minsport.gov.ru/5dron02062014.doc (дата обращения 05.10.2015)*
3. *В России создана Ассоциация студенческих спортивных клубов. [Электронный ресурс] URL: <http://www.minsport.gov.ru/press-centre/news/4184/> (дата обращения 05.10.2015)*
4. *Об утверждении порядка осуществления деятельности школьных спортивных клубов и студенческих спортивных клубов: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 13.09.2013 № 1065 // «Российская Газета». 01.11.2013. Феде*

ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Афонина А.А. (Ульяновск)

Доклад подготовлен в рамках поддержанного гранта РГНФ научного проекта № 15-33-01044-а1

Статья посвящена анализу культурных процессов, происходящих в среде русскоязычной молодежи в Туркменистане. Нами было проведено пилотажное исследование, в рамках которого собрано 11 интервью с представителями русскоязычной молодежи в г. Ашхабаде (Туркменистан). Все интервьюеры имеют исторические родственные корни с Россией. Особый интерес представляет анализ возможностей сохранения культурной идентичности русскоязычной молодежи, социализирующейся в постсоветский период в новом независимом национальном государстве.

Туркменистан считается одной из самых закрытых стран на постсоветском пространстве, где проживает, по данным МИДа России, примерно 300 тысяч человек. С 2005 года там работает Программа по добровольному переселению соотечественников в Россию. Нами были проведены глубинные интервью среди русскоязычного населения разных возрастных групп.

В Туркменистане, как, например, в Казахстане, существует понятие либо «русскоязычные граждане», либо «славянские этносы», либо «русское население».

В своем большинстве русское население не относит себя к «российской диаспоре», а считает свое происхождение коренным – на земле Туркменистана. Понятие «историческая родина» для большинства славянских этносов относится к Туркменистану, а Россия всегда была и будет для них только «духовной и культурной родиной» или «славяно-русской цивилизацией», с которой себя идентифицирует русскоязычное население Туркменистана.

По данным ФМС России, с момента реализации Государственной программы в Российскую Федерацию прибыло 108 тыс. участников Государственной Программы.

Ежегодно из Туркменистана число репатриантов в Россию составляет 0,5 % от общего числа репатриантов, переезжающих в Россию из других стран.

При этом значительная часть русскоязычного населения остается. В нашем исследовании мы ставили цель - выяснить, насколько актуальным остается для русскоязычного населения, в особенности молодежи сохранение русской культурной идентичности и какие формы ее сохранения возможны и используются.

Властная машина пыталась изменить в восприятии нового поколения роли СССР в развитии нации и ее достижений, а также роли России как дружественного государства. В таких условиях, исходя из теории Хантингтона, экстремальные социальные ситуации разрушают идентичность или могут резко изменить ее; что изменить определяем мы сами, но идентичность становится продуктом взаимодействия между собой и другими; что

заметные альтернативы явным идентичностям индивидов или групп зависят от ситуации. Они проявляются при попадании в новую среду, к которой надо приспособливаться, например, при жизни зарубежном, в инорелигиозной среде.

Процесс, которым можно охарактеризовать включение русскоязычного населения в новую социокультурную среду на постсоветском пространстве, которая сформировалась в результате распада СССР и формировании новых независимых государств, можно назвать термином аккультурация.

В исследовании русскоязычной молодежи в Туркменистане, мы увидели, что идентичность, не зависимо от того, как они воспитываются в русскоязычных семьях, становится зависимой от доминирующего сообщества, где иногда нужно воспользоваться "туркменской фамилией" для достижения цели, либо получить образование, пройти службу в армии, выйти замуж за иностранца, что требует знание туркменского языка, культуры, традиций, праздников туркменского общества. При этом лишь православная религия и вера - способствуют отнесению себя больше к своей исконно русской культуре, нежели местной.

Конечный результат аккультурации - достигнутая долговременная адаптация, которая характеризуется относительно стабильными изменениями в индивидуальном или групповом сознании в ответ на требования среды. Адаптация может и не привести к взаимному соответствию индивидов и среды, она может включать в себя не только приспособление, но и сопротивление и попытки изменить свою среду или измениться взаимно.

В ходе исследования выяснилось, что для них характерны общая пассивность (отдельные исключения лишь подтверждают правило) при защите собственных интересов и лоббировании интересов Российского государства в странах пребывания, стремление к переезду на территорию Российского государства, растворение в обществах стран пребывания, частичная консервация своих устоев до кардинального изменения политической обстановки и границ. В старом зарубежье русский мир снова, как и до революции, имеет портрет, прежде всего, трудовой, экономический, в меньшей степени - политический.

Это определяет стремление большинства эмигрантов интегрироваться в общество страны пребывания.

В отношении сохранения культурной идентичности русская молодежь сильно ассимилировалась, при этом испытывая в социальной жизнедеятельности явные ограничения со стороны местной власти. Следует заметить, что сами родители интервьюированных не планируют переезжать в Россию, не говорят о связи с Россией, не придают большого значения межэтническим бракам, не всегда следуют русским традициям, редко являются верующими.

Говоря о жизненных стратегиях в отношении России, можно заметить следующее. Молодое поколение наших соотечественников в Туркменистане руководствуется следующими взглядами, определяющими их жизненные стратегии: в - первых, не всегда предпочитают отъезд укорененному годами образу жизни в стране, где они не являются титульной нацией; во - вторых, они рассматривают переезд в большинстве случаев с целью трудоустройства или получения образования, но, не исходя из своих внутренних национальных, культурных, религиозных, языковых противоречий; в - третьих, очень сильной мотивацией для переезда являются возможности получения образования в России; в - четвертых, значимым фактором является сильная религиозность; в - пятых, воссоединение либо с детьми, либо с родителями, уехавшими в Россию ранее.

Достаточно сильными сдерживающими миграцию факторами остаются: слабая культурная деятельность по объединению русскоязычного населения вокруг исконных культурных ценностей, национальных праздников российскими организациями на местах, и наличие более привлекательных мусульманских стран для миграции, получения образования и трудоустройства.

При этом лишь православная религия и вера способствуют отнесению себя больше к своей исконно русской культуре.

По-прежнему, основным важным направлением для работы с русскоязычным населением является культурная политика. Центрами сосредоточения культурной политики должны стать русский театр, русские православные храмы с воскресными школами, библиотеки, выставки, демонстрации национальных русских традиций, образовательные программы в сфере русского языка и литературы, которые востребованы русской молодежью. Важным центром образования русской молодежи остается Совместная туркмено-российская школа им.А.С.Пушкина, где работают русские педагоги по российским программам.

Лишь работа российской культурной политики в данных направлениях будет способствовать сплочению русскоязычной молодежи.

1. Берри Дж.У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. №3-4. С. 183-194.
2. Ниязов С. "Национальное, духовное и экономическое возрождение". Книга "Рух". 1995 г., - 304 стр.
3. М.Сытник. Анкета: Русский вопрос в Казахстане. [Электронный ресурс].-Режим доступа: [www://zapravdu.ru/content/view/128/6](http://zapravdu.ru/content/view/128/6)
4. Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation Attitudes in Plural Societies // Applied Psychology Volume 38, Issue 2, pages 185–206, April 1989
5. Gordon, M. M. Assimilation in American life. New York: Oxford University Press.1964
6. Kang S-M. Measurement of Acculturation, Scale Formats, and Language Competence : Their Implications for Adjustment. Journal of Cross-Cultural Psychology. 2006. 37: 669
7. Nguyen, H. H., & von Eye, A. The Acculturation Scale for Vietnamese Adolescents (ASVA): A bidimensional perspective. International Journal of Behavioral Development. 2002. 26, 202-213

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Баженова Ю.В. (Тольятти)

Трудовые стратегии обладают достаточно гибкой структурой в зависимости от качеств и характера их обладателей, тем более, когда речь идет о молодежи – наиболее активной, прогрессивной и мобильной общественной группе. В 2014 году автором совместно с кафедрой «Социологии» Тольяттинского государственного университета был проведен анкетный опрос студентов ВУЗа на тему: Трудовые стратегии молодежи в условиях современной России. Выборочная совокупность составила 200 человек.

В независимости от направлений подготовки и специальностей, по которым обучается молодёжь, их пути и способы достижения трудовых целей во многом похожи. Студенты считают одни и те же факторы важными для карьерного роста, выделяют общие личные качества современного профессионала. Большинство молодых людей равно оценивает влияние образования на профессиональную деятельность (оно важно, но не играет главной роли). Но, не смотря на схожесть способов, цели их во многом различаются. Во-первых, можно сказать о более высоких притязаниях студентов инженерных специальностей. Именно они чаще бы хотели занимать руководящие должности, открыть свое дело. Гуманитарии же, хотя и хотели бы так же получить высокую квалификацию или иметь достойный заработок, но от высоких постов и бизнеса отказывались. Во-вторых, среди студентов гуманитарных направлений замечена более высокая удовлетворенность получаемым образованием. Большой части этой группы респондентов их специальность нравится, и они не хотели бы работать вне уже выбранной

сферы. Инженеры намного чаще хотели бы трудоустроиться в совершенно отличных сферах или переобучиться на другой специальности.

Молодые люди стремятся самосовершенствоваться, учиться и добиваться успеха независимо от того, какие цели они ставят перед собой. Будущие молодые специалисты ставят перед собой задачи и ищут пути к их решению.

Имея данные анкетирования и теоретическую основу [1; 2; 3; 4], можно проследить некоторые закономерности и выделить типичные для определенной совокупности людей элементы стратегии. Для наглядности описания стратегий были проведены интервью с представителями каждой из предложенных групп.

Интервьюируемым задавались следующие вопросы:

1. Как давно Вы работаете на занимаемой Вами должности?
  2. Ваше место работы напрямую связано с получаемой профессией?
  3. Удастся ли Вам успешно совмещать трудовую и учебную деятельность?
  4. Считаете ли Вы оправданным вступление в трудовую сферу на данном этапе? Почему?
  5. Меняли ли Вы свой статус на данном месте работы: повышение/понижение в должности?
  6. Были ли Вы ранее трудоустроены в другом месте?
  7. Планируете ли Вы смену места работы после окончания ВУЗа?
  8. Хотели бы Вы и дальше работать в нынешней сфере?
  9. Какие цели, связанные с карьерой, Вы ставите перед собой на данном этапе?
  10. Удовлетворяет ли Вас ваше место работы? В чем именно?
  11. Каковы негативные стороны?
  12. Уже имея опыт работы, какие бы критерии Вы сочли бы важными при поиске другого места службы?
  13. Как Вы считаете, отразится ли нынешний опыт работы на вашей будущей карьере?
  14. Какие навыки, по вашему мнению, будут способствовать продвижению по карьерной лестнице?
  15. В какой сфере Вы бы хотели стоять карьеру?
  16. При идеальных условиях и отсутствии препятствий, какую бы должность Вы бы хотели занять?
  17. Хотели бы Вы работать на конкретном предприятии нашего города? Каком?
- На основе полученных ответов были сформированы четыре вида трудовых стратегий.

Стратегия высоких стандартов.

Александре Владимировне 20 лет. Обучаясь в Институте права Тольяттинского государственного университета, она успешно совмещает образовательный процесс с работой в Центральном районном суде города.

Зачастую это разносторонне развитые личности, они стремятся самосовершенствоваться во всевозможных сферах жизнедеятельности. Для них важно достигать карьерных высот, получать повышения, реализовывать как вертикальную, так и горизонтальную трудовую мобильность, используя для этого профессиональными качествами. Работа, в первую очередь, средство для самореализации.

Предпринимательская стратегия.

В свои 25 лет Игорь Владимирович работает в рамках проекта Skillclub, который направлен на обучение и развитие людей в сфере IT-программирования, так же он является аспирантом Института математики, физики и информационных технологий Тольяттинского государственного университета.

Даже подобранное наименование для данного вида, говорит о том, что его представители, как и деятели бизнеса, будут стремиться к независимости в работе. Профессия для них не играет особой роли, они «делают ставку» на креативность.

«Предприниматели» имеют высокий уровень притязаний: зарплата должна быть высокая, обязательная возможность карьерного роста или работа на себя и т.д.

Обывательская стратегия.

Виктории Павловне 23 года, у нее двое детей; трудоустроена воспитателем в одном из детских садов города. Она совмещает работу с обучением в Гуманитарно-педагогическом институте ТГУ.

Данная стратегия подходит семейным людям, чьи представления о целях жизни строятся вокруг домашнего очага, а не построения карьеры. Их желанию заключаются в возможности иметь стабильный заработок, не больше и не меньше остальных. Обыватели не стремятся пробиться на высокие должности или реализовывать себя в трудовой сфере, отсюда и низкая мобильность.

И наконец, пассивная стратегия.

Татьяна Анатольевна работает продавцом-консультантом в магазине одежды и аксессуаров для женщин. Ей 21 год, она является студенткой Гуманитарно-педагогического института.

Это люди со средним специальным или неоконченным высшим образованием. Притязания представителей данного вида по отношению к трудовой деятельности выявить нелегко. Пассивность их проявляется и за пределами работы: отсутствие хобби, рекреация не разнообразная и скудная.

Трудовая деятельность – это массовое явление, охватывающее миллионы людей. Не смотря на оригинальность подхода к своей карьере каждого отдельно взятого индивида, практически всегда есть возможность выделить типичные для групп свойства. Трудовые стратегии не становятся исключением в социологической теории, и в данной работе приведен лишь один из множества вариантов их типологизации.

1. Гуртов В.А. Трудоустройство по специальности с позиции выпускника / В.А. Гуртов, Л.М. Серова, Е.А. Федорова // *Высшее образование в России*. – 2012. – №12. – С.22–28.
2. Магун В.С. Молодежь: высокие притязания и новые стратегии / В.С. Магун, М.В. Энговатов // *Менеджер по персоналу*. – 2008. – № 9. – С.6–16.
3. Петров Д. Жизненные ориентиры современной молодежи // *Человек и труд*. – 2009. – № 11. – С.18–19.
4. Уколов Р.А. Трудовая социализация молодежи в условиях трансформации трудовых ценностей в России. Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону. – 2014. – С. 34.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Базиева Э.М. (Волгоград)

С давних пор ученые начали анализировать материально-бытовое положение молодежи в современном обществе, её место в социально-экономической структуре. Особого внимания заслуживает проблема молодежи на рынке труда. Как известно, прогрессивность модели государства зависит в большей степени от качества использования трудовых ресурсов. Сейчас же, молодежь - это не только одна из наиболее активнейших составляющих трудовых ресурсов, это в недалеком будущем является ее основной частью. Процесс социального становления молодежи, выбора ею жизненного пути и стратегий развития, осуществляется через обучение и воспитание, усвоение и преобразование опыта старших поколений. Ценностные ориентации, социальные нормы и установки молодежи «определяют тип сознания, характер деятельности, специфику проблем, потребностей, интересов, ожиданий молодежи, типичные образцы поведения».

[1]

В нынешних условиях трансформируемой России одной из наиболее важных молодежных проблем стала безработица. Именно от ее решения зависит социальное самочувствие молодежи, их социально-экономическое положение, гражданская позиция и др. Исследуя рынок труда молодежи обращается внимание и на то, что значительная часть молодых людей ищет заработки вне сферы своей нормативной трудовой деятельности. Значительную часть молодежи составляют учащиеся учебных заведений (35%) – это студенты ВУЗов, учащиеся ПТУ и а также школьники. При этом 50% процентов из них работает. Это означает, что финансовое положение данной социальной группы таково, что еще не получив образования, молодые люди уже вынуждены зарабатывать себе на жизнь. [2].

Структура занятости молодежи показывает, что лишь 1/5 часть молодых людей сегодня занята в производственном секторе. Большинство работающих в России молодых людей являются промышленными рабочими. Почти у половины из них заработная плата ниже официального уровня бедности. Часть молодых работников, как наиболее мобильная возрастная группа, в поисках более высокого заработка оставляют свою работу. Кризис в промышленном производстве не только ведет к сокращению молодых квалифицированных рабочих, но и сокращает потенциал трудовых ресурсов для этой отрасли.

Все больше учащейся молодежи ориентируется на работу в будущем в непромышленной сфере. Отчасти это связано с падением престижности труда в производственной сфере и отчасти с уменьшением возможностей для получения профессионального образования. Налицо проблемы занятости молодежи, ухудшения её материально-бытового положения, доступности образования. Наблюдается явный конфликт между существующими интересами молодежи и их реальными возможностями.

Произошла резкая дифференциация и социальная поляризация молодёжи, основанная на имущественном расслоении, социальном происхождении и собственном социальном положении молодых людей. Обладая социальными, возрастными и субкультурными признаками разных общностей, они различаются по материальным возможностям, ценностным ориентациям, образу и стилю жизни. Тем не менее, молодежь всегда была и остается наиболее активной и динамичной социально-возрастной группой, реализующей себя во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, социально, культурной, экономической. Они являются самой социально активной частью населения, которая представляет наиболее перспективную группу граждан, способных обеспечить реализацию ключевых направлений развития общества.

Социальная активность молодежи во многом зависит от представлений молодого поколения о гражданском обществе, от отношения к его идеям и идеалам, от соответствующих ценностных ориентиров и установок на проявление гражданской активности, от отношения к структурам гражданского общества. Для молодежи важна уверенность в эффективности общественной работы, она отличается большим рационализмом и избирательностью, т.е. для молодого поколения требуется обоснование социальной активности, а социальная активность в большей степени обосновывается морально-нравственными или идеологическими ценностями. [3]

Также, нельзя оставить без внимания, ставшие наиболее актуальными проблемы для современной российской молодёжи связанные с духовно-нравственной сферой бытия. Процесс становления современной российской молодёжи происходил и протекает в условиях ломки «старых» ценностей советского периода и формирования новой системы ценностей и новых социальных отношений. В условиях системного кризиса современного российского общества и его основных институтов, затронувшего все сферы жизнедеятельности, институтов социализации (семьи и семейного воспитания, системы образования и воспитания, институтов труда и трудовой деятельности, армии), самого государства, воспитание молодежи требует совершенно новых подходов.

Современная молодёжь в целом настроена весьма патриотично, верит в будущее России. Высказывается за продолжение перемен в сторону повышения социально-экономического благополучия страны, создание гражданского общества и правового государства. Она хочет жить в великой стране, обеспечивающей достойную жизнь своим гражданам, уважающей их права и свободы. [4]. Но до сих пор не понимает, почему двадцатилетнее реформирование в России не улучшило её положение.

1. С.Г. Плукин *Ценностные ориентации* // <http://plook.ru/index/cennostnye-orientacii>
2. И.М. Дзялошинский *Медиа и социальная активность молодежи* <http://mic.org.ru/3-nomer-2012/134-media-i-sotsialnaya-aktivnost-molodezhi>
3. Потапова С.А. *Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города*. СПб, Изд. «Инфо-да», 2005г.
4. Васенина И.В. *Экстремизм в молодёжной среде. Результаты социологического исследования*. М.: МАКС Пресс. 2007, С. 42.
5. Карпунин О.И. *Молодёжь России: особенности социализации и самоопределения* // *Социологические исследования*. 2000. № 3. С. 125.

ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Барсукова С.А. (Пенза)

Ценностный разлом, произошедший в России около тридцати лет назад, до сих пор не получил однозначного развития в сторону новой системы морали и ценностей, консолидирующей общество. Более того, можно констатировать сосуществование порой совершенно противоположных друг другу систем моральных ценностей, реализуемых в социальной сфере.

В работах В. Магуна и М. Руднева, посвященных межпоколенным сравнениям ценностей россиян и европейцев, выявлено, что в России, по сравнению с другими постсоциалистическими европейскими странами, существуют наибольшие различия между ценностями младшего и старшего поколения [1].

С точки зрения В.В. Семенова в современной России среди базовых ментальностей у населения остаются преобладающими православно-российский и коллективистско-социалистический менталитеты [2]. Однако следует учитывать, на мировоззрение россиян не могли не оказать влияние процессы, направленные на интеграцию с европейским сообществом, главными детерминантами которого является ориентация на индивидуализацию и персонализацию. Акцентами данной системы являются ценности самовыражения и самоактуализации.

Следовательно, формирование ценностной системы российской молодежи происходит под влиянием одновременно двух культурных пластов: традиционной российской культуры коллективизма и западной культуры индивидуализма. Важной задачей является понимание того, как это сочетание отражается во внутреннем мире молодого человека.

В рамках вышеуказанного гранта РГНФ проведено социологическое исследование в Пензенской и Ульяновской областях (выборка квотная по полу и возрасту, n =1350), результаты которого свидетельствуют о полиментальном характере нашего общества. В нашем исследовании в качестве составляющих «счастливой жизни» ценность традиционной культуры «уважение людей» выбирает 36,3 %, а ценность индивидуалистической ориентации «чувство свободы» отмечает 25,4 % опрошенных. При этом, пользоваться уважением людей более значимо среди лиц старше 55 лет, чем для респондентов молодого поколения (46% против 24,4%). А ценности свободы чаще

выбираются молодыми людьми, чем респондентами старшего поколения (32% против 19%).

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

Эмпирические данные, собранные в ходе социологического опроса, подтверждают тот факт, что жители России находятся в состоянии выраженной дифференциации по тем нравственным нормам, ценностям и установкам, которыми руководствуются в своей повседневной жизни. Респонденты в возрасте от 18 до 34 лет чаще, чем респонденты других возрастных групп выбирают такие условия для достижения своих целей как хорошее образование (49%) и свободу для реализации своих потребностей (39%). В меньшей степени они верят в удачу и стечение обстоятельств (18%), а также в меньшей степени считают, что для реализации их планов являются важными стабильность в стране (22%) и законность (9%). Возрастная группа от 35 до 54 лет чаще других отмечают в качестве значимых условий счастливой жизни удачу и стечение обстоятельств (23%). В меньшей степени, по сравнению с другими, они ориентируются на соблюдение нравственных принципов (13%). По сравнению с поколением старше 55 лет молодые люди реже выбирают такую ценность как соблюдение нравственных принципов.

В качестве средств достижения целей молодые люди ориентируются на инициативность, предприимчивость, способность выразить себя (43%), ответственность (31%) и собственные усилия (22%). При этом, по всей выборке, показатели по данным ценностям гораздо ниже. Респонденты в возрасте старше 34 лет в качестве лидирующих инструментальных средств достижения целей отмечают профессионализм (44%). Люди старше 55 лет надеются на семью (42%), чаще других считают важным средством материальную обеспеченность (26% против 17% по сравнению с группой молодых людей) и предпочитают следовать традициям (11% против 3% по сравнению с группой молодых людей). Следовательно, мировоззрение молодых людей в большей степени опирается на внутренний ло-кус-контроль и ответственность за собственные успехи и неудачи, установки на поиск нового. Вместе с тем, будучи сфокусированными на собственной жизни и на достижении личного успеха, эту социальную группу в меньшей степени тревожат такие общественно-политические проблемы современной России, законность и стабильность в стране. Молодые респонденты демонстрируют самые низкие показатели в отношении такой ценности традиционного круга как уважение традиций.

Анализу в исследовании подвергались также оценки в отношении динамики таких нравственных качеств современных россиян как честность, душевность, бескорыстие, способность к сотрудничеству, ответственность за семью, трудолюбие, верность товарищам, уважение к старшим и т.п. Подавляющее большинство респондентов (73,3%) отметили усиление за последние 5-10 лет агрессивности в обществе. Данным фактом в большей степени озабочены респонденты молодого поколения и поколения старше 55 лет. В то же время, по мнению респондентов, ослабли такие качества как бескорыстие и готовность помочь другому (64,7%), честность (64,4%), уважение к старшим (61,8%), трудолюбие (60,7%), бескорыстие, душевность и доброжелательность (60,6%), верность своим товарищам (49,7%), способность к сотрудничеству (44,8%). Сравнение этих данных по возрастным группам дают следующую картину. Молодые респонденты в большей степени, чем лица зрелого возраста озабочены по сравнению ослаблением таких качеств как «способность к сотрудничеству» (50% против 39%), «верность товарища» (57,8% против 44,7%). Более 70 % респондентов старшего поколения считают, что ослабло такое качество как уважение к старшим, а среди молодежи таких 52 %. Данные результаты показывают преобладание негативных позиций в оценке динамики происходящих процессов в сфере морального состояния российского общества. Учитывая то, как чутко и

эмоционально реагируют россияне на утрату вышеобозначенных качеств, можно сделать вывод о значимости и особой востребованности сегодня таких показателей нравственности человека как честность, душевность, бескорыстие и верность. Можно предположить, что ценность нравственного начала в человеке будет расти. Так лонгитюдные исследования показывают, что в последние годы россияне стали гораздо больше ценить «духовность», «смелость» и «творческое начало» [3].

Если рассматривать модернизационный потенциал различных возрастных групп, опираясь на результаты нашего исследования, то можно предположить, что такие идеалы гражданского общества как свобода, ответственность, нравственная зрелость способны поддержать около 20 % населения. Остальная часть нравственные поступки способна совершать либо из страха перед наказанием, либо из потребности в идентификации с другими. Конечно, окончательные выводы должны быть основаны на более масштабных исследованиях.

Таким образом, социокультурный контекст происходящих в стране трансформаций отражается в противоречии нравственных установок населения. Анализ особенностей ценностной системы россиян показал преобладание ориентации на традиционные ценности. Группа лиц, ориентирующихся на коллективные ценности, составляет, по нашим данным около 35 %. Индивидуалистические ценности близки 25 % нашей выборки. В молодежной среде расклад показателей несколько иной: на коллективные ценности ориентировано около 24 %, а вот на индивидуалистические ценности направлено 32 %. Что же касается остальных сограждан, то они могут быть отнесены к представителям смешанного типа, чьи взгляды носят не полностью согласованный характер, совмещая в себе коллективистские и индивидуалистические установки и ценности одновременно. Таким образом, фактически четко просматривается в этой области лишь одна закономерность: отход молодого поколения от социальных ценностей к ценностям индивидуализма. С увеличением возраста доля ориентирующихся на самовыражение, собственные усилия, свободу для реализации своих потребностей снижается. В связи с этим необходимо учитывать, что внедряемая в ходе реформ система ценностей, первоначально усваивается молодежью и становится доминирующей спустя 15-18 лет после начала преобразований.

1. Сазонов Б.В. 2003. *Проблемы и пути модернизации российского образования - Механизмы управления процессами модернизации в образовании.* М.: ГУ ВШЭ. С. 112-123.
2. Семенов В.В. 2015. *Социокультурная поляризация и общественное согласие в контексте концепции российской полиментальности.* – Труды Санкт-Петербургского университета культуры и искусства. Том 206. С. 92-100.
3. Демидов А.М. 2009. *Исследования компании GfK Rus.* - *Маркетинг в России и за рубежом.* №6. С. 94-95.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ И ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

Батрак Е.В. (Санкт-Петербург)

Сегодня ушло в прошлое мнение о том, что карьера - это погоня за успехом любой ценой, пренебрежение ценностями и идеалами общества. Современный социум кардинальным образом изменил отношение к профессиональной карьере и стал более позитивно оценивать карьерные устремления индивида. Вместе с тем, изменилось не только отношение к карьере, но и социально-экономические требования к ней. Это связано с интенсификацией практически всех процессов в современном российском социуме, нарастающими темпами социально-экономической социализации индивида и

интеграции его в профессионально-трудовую деятельность. Активное управление карьерой в динамичных социально-экономических условиях является одним из ключевых условий достижения профессионального и даже шире – жизненного успеха человека.

Оптимальным образом спланированная и выстроенная траектория профессионального развития и должностного роста позволяет человеку найти свое место в организации, максимально полно и всесторонне раскрыть собственный профессиональный, деловой и личностный потенциал.

В современном мире профессия является одним из важнейших ключевых стратифицирующих факторов. В социальной сфере возрос интерес к личности профессионала, его особенностям и качественным характеристикам. В этом контексте особую актуальность приобретают проблемы профессиональной подготовки будущих специалистов: особенности профессиональной социализации, профессиональной идентичности, формирование у студентов компетентности и готовности к профессиональной деятельности в условиях рыночной экономики. Центром процесса профессионализации является вузовское образование т.к. современная жизнь основана на науке, в основе профессионализации лежат университетские знания и чем больше вузовских знаний, чем выше уровень образования - тем больше человек профессионал.

Большая роль в формировании квалифицированных специалистов в вузах отводится такому важному социальному процессу, как профессиональная социализация. Профессиональная социализация представляет собой процесс развития адаптационно-интегративных характеристик личности, создающий потенциал горизонтальной и вертикальной мобильности в сфере трудовых отношений на всем жизненном пути индивида. [1]

В широком социальном контексте профессиональная социализация включает, с одной стороны, профессиональное становление и развитие личности, с другой стороны, представляет процесс социального становления индивида, усвоение им социального опыта, ценностей, норм, образцов поведения с последующим воспроизводством их в ходе своей трудовой деятельности. [2]

В профессионально-трудовой социализации можно выделить два основных периода: профессионально-трудовую социализацию во время образования и профессионально-трудовую социализацию во время трудовой деятельности. В совокупности этих периодов происходит процесс непрерывной профессионально-трудовой социализации. [3]

Профессиональное становление носит фазовый характер и может быть представлено фазами социально - психологического и организационно - деятельностного аспектов: 1) социальными (адаптация, индивидуализация, интеграция), 2) психологическими (подготовка, адаптация, осознание, сравнение, репродуцирование), 3) деятельностными (формирование намерений и направленности, освоение выбранной деятельности, включение в сферу профессиональных отношений, самореализация в труде). [4]

Адаптация выпускников вуза к рынку труда входит в сферу непосредственных рыночных приоритетов вуза. Безусловно, вуз, будучи социально ответственным, обязан заботиться о дальнейшей судьбе выпускников хотя бы на первых ее этапах. Но, с другой стороны, имидж вуза и его привлекательность для абитуриентов формируют прежде всего сами выпускники: отсутствие серьезных проблем с трудоустройством и их профессиональная успешность являются лучшим инструментом рекламы, с которым по мощности воздействия не может сравниться никакой другой. В интересах вуза всеми возможными способами содействовать успешному трудоустройству и профессиональной адаптации своих выпускников.

Важно организовывать активную поддержку карьерных устремлений выпускников, как со стороны организации-работодателя, так и со стороны вуза. При этом вуз берет на себя определенную социальную ответственность за успешное начало профессионального

пути и благоприятный стартовый уровень карьеры молодого специалиста, проводя маркетинговые исследования рынка, гибко перестраиваясь в выборе основных направлений подготовки, повышая конкурентоспособность молодых специалистов за счет введения специальных курсов по обучению технологиям карьеры и т.д. Таким образом, вуз активно участвует в управлении профессиональной социализации своих выпускников.

Ведущая роль в процессе профессиональной социализации студентов отводится таким компонентам, как теоретическое и практическое обучение в вузе, научно-исследовательская, спортивно-массовая, художественная, общественно-организационная, производственно-трудовая и иная деятельность студентов. В процессе профессиональной подготовки должны быть получены разносторонние знания, сформированы умения и навыки, необходимые для будущей профессионально-трудовой и социальной деятельности, которые позволят выпускникам вузов быстро включиться в профессиональную деятельность и успешно ее выполнять.

Результативность профессиональной социализации зависит от активности студентов, обретения ими профессионально важных качеств и профессиональных компетенций, профессиональной идентичности, а также от возможностей вуза и социальной среды обеспечить квалифицированную подготовку и востребованность специалистов данного профиля. Важным моментом в результативности профессиональной социализации будущих специалистов должны стать меры по созданию и укреплению профессионального сообщества, развитие профессиональной культуры, моделей поведения, тьюторинг.

Профессиональная социализация обуславливается как внешними (объективными), так и внутренними (субъективными) факторами данного процесса. Принимая во внимание внешние факторы профессиональной социализации студентов, можно выделить факторы макроуровня и факторы мезоуровня.

К объективным факторам макроуровня следует отнести в целом институционализацию системы высшего образования страны и качество профессиональной подготовки в ней специалистов, сформированность профессионального сообщества и профессиональной культуры, востребованность специалистов определенного профиля на рынке труда, соответствие профессиональной подготовки требованиям производства, престиж специальностей в обществе, уровень заработной платы специалистов.

Факторами мезоуровня выступают: профессиональная ориентация абитуриентов на получение высшего образования; информационно-образовательная среда вуза; основные компоненты учебно-воспитательного процесса высшего учебного заведения, работа по специальности во время учебы и другие виды деятельности студентов, а также различные факторы социально значимой среды жизнедеятельности студентов. [5]

В условиях формирования, инновационной экономики, высокодинамичного рынка труда, основными показателями эффективности профессиональной социализации студентов является их социальная и профессиональная конкурентоспособность и мобильность.

Среди показателей эффективности основными являются: уровень освоения профессиональной образовательной программы, сформированность профессионально-важных и социально-личностных качеств, а также профессиональная идентичность.

Современной рыночной экономике в системе высшего профессионального образования в РФ необходимо разработать собственные институциональные механизмы, обеспечивающие соответствие осуществляемых вузами услуг - производство квалифицированных кадров - с профессиональным рынком.

Ведущей формой таких институциональных механизмов должны стать научно-производственные комплексы по типу сетевого сообщества. Данное взаимодействие включает активность всех трёх субъектов данного процесса - вузов, студентов и работодателей.

Таким образом, в зависимости от эффективности процесса профессиональной социализации в вузе, студенческая молодежь либо интегрируется в профессионально - трудовую сферу общества, т. е. распределяется в системе профессиональных и социальных связей, утверждается в социальных структурах и самоидентифицируется с ними, либо оказывается отторгнутой, исключенной социальной группой.

1. Мигачева М. В. *Сущность и особенности профессиональной социализации молодых специалистов в период трансформации* / М. В. Мигачева // *Вестн. Самарского гос. ун-та.* – 2007. – № 1(51). – С. 95–101.
2. Могилёвкин Е.А., Щербина М.В. *Карьера молодого специалиста: теория и практика управления: Учебно- практич. пособие / Науч. ред. Е.А. Могилёвкин.* – Владивосток: ВГУЭС, 2006. С. 91.
3. Душков Б.А., Королев А.В. *Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика, 2005 г.* URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/896/word/profesionalizacija>
4. Абрамян Г.В. *Устойчивость личного развития как фактор профессионального становления педагога/ Информатика исследований и инноваций: межвуз. сб. науч. тр.* – Вып. 5 – СПб., – РГПУ, ЛГОУ. 2001. – С. 127–130.
5. Клименко В. А. *Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель.* Журнал "Социологический альманах" № 3 / 2012. Минск., - С. 99-101.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Башкирова З.А. (Санкт-Петербург)

Специалистам, работающим с молодежью необходимо иметь представление о ценностях молодежи; о том, какие интересы, идеалы, ориентиры и предпочтения составляют портрет современного молодого человека.

Для начала определим, что такое ценность.

Ценность — как характеристика предмета, обозначающая признание его значимости. Разделяют материальные ценности и духовные ценности [1].

Ценности - культурные стандарты, отталкиваясь от которых люди определяют благо, добродетель и красоту и которые в широком смысле являются нормативами жизни в обществе. Ценности - это то, что важно к чему стоит стремиться [2 с.360].

Ценностные ориентации - отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [3].

Ценностные ориентации основаны на двух направлениях. Первое направление - духовное. Это ценности, такие как высоконравственные установки, гуманность, человеколюбие, а главная ценность - это сама человеческая жизнь.

Второе направление сфокусировано на индивидуализме, преобладании вещественных интересов над духовными.

На современной стадии развития у российской молодежи значительно изменились ценности, по сравнению с прежними поколениями. Старая и надежная система ценностей была подорвана, поэтому молодежь осталась без четкого понимания о духовно-нравственных ориентирах. Процесс социализации развивался весьма хаотично без конкретной установки. Острой стала необходимость формирования системы воспитания и социализации молодежи.

Основными ценностными ориентациями современного молодого человека выступают: успешная карьера, независимость, целеустремленность, материальное благополучие. Данный перечень основан на проведенном исследовании [4 с.42-43]. Молодежь стала очевидцем трудностей приспособления старшего поколения к новым

реалиям, поэтому их авторитет был подорван. На сегодняшний день многие молодые люди уважают старших не за мудрость, не за силу духа, а за их достижения в той или иной области. И чтобы взрослому стать образцом для подражания, ему нужно быть как минимум успешным в своем деле.

О преобразованиях, протекающих в сознании молодежи, пишут многие социологи. Так, по мнению В.М. Соколова « в духовно-нравственном мире личности сузилась сфера общественно важных, позитивных ориентиров и возросла роль сугубо-личностных, не всегда «должных» ориентаций, вдвое снизилась важность таких качеств, как сознание и чувство общественного долга, честность, принципиальность, ответственность, общественная активность. Идет процесс размывания таких «простых» норм нравственности, как доброта, милосердие, порядочность, вежливость и др. Все большее распространение получает прагматизм в духовной сфере: преобладающая направленность только на личную выгоду в знакомствах, в экономических связях, в социально-политических ситуациях, разрешении различных конфликтов. Возросло вес личной инициативы, целеустремленности, материального благополучия, целеустремленности, «нужных связей», умения «подать себя» [5].

Одной из главных ценностей остается образование. Ценностные ориентации молодого поколения в сфере образования следует рассматривать в прочной связи с ориентациями в области трудоустройства. Молодежь относится к образованию, как к разрешению для высокооплачиваемой работы и независимости. Но также существует такая проблема, когда выпускник по окончании высшего учебного заведения, не может трудоустроиться по специальности, так как не имеет минимального стажа работы. Поэтому многие студенты вынуждены во время обучения искать возможности трудоустройства, чтобы по окончании ВУЗа иметь опыт работы для предполагаемой должности.

Современная молодежь очень много времени проводит в интернете, пользуясь ее в неразумных целях. Ежедневно сталкиваются с огромным потоком информации, впитывая в себя во многом не гуманную информацию. А негативная информация по большей части имеет свойство зомбировать личность, оказывая отрицательные действия, не формируя позитивное мышление, что впоследствии воздействует на образ действий отдельного человека[6]. Поэтому, должна вестись работа со средствами массовой информации, направленная на благоприятное освещение позитивных моментов правильного образа жизни.

Следует акцентировать внимание на формировании ценностей и ценностных ориентиров. Они должны стать фундаментом общества. Ценности формулируют среду человеческой жизнедеятельности, социальные взаимоотношения, интересы, потребности, выраженные в нравственных идеалах, что для каждого индивида имеет свой жизненный смысл. Ценности являются не только ориентиром жизни человека, определяющим его цель и стремления, но и выступают как устройство социального контроля для поддержания порядка и демонстрации здорового образа жизни.

1. Электронный ресурс : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1187247>
2. Гулина М. А. Словарь-справочник по социальной работе. - СПб.: Питер, 2008. -400 с.
3. Электронный ресурс : <http://ethnopsychology.academic.ru>
4. Электронный ресурс : <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi>
5. Соколов В.М. Социология морали-реальная или гипотетическая/ В.М. Соколов// Социологические исследования,-2008-№8
6. Щербакова, Д. В. Человеческий капитал молодежи как фактор стабилизации экономики страны / 18 Международная конференция «Культура, личность и общество в современном мире: методология и опыт эмпирического исследования», УРФУ 2015

РОДИТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Безрукова О.Н. (Санкт-Петербург)

Исследовательский интерес к изучению готовности молодых поколений к родительству обусловлен низкой рождаемостью, откладыванием возраста вступления в брак и рождения детей, распространенностью девиантных практик родительства. Молодежь, вступая в репродуктивный возраст, нацелена на получение образования, продвижение в карьере, создание материального достатка для независимой и свободной жизни. Традиционные модели вступления в брак и создания семьи, рождения детей утрачивают свою актуальность. Родительская роль откладывается, становится менее привлекательной для одних, обременительной для других и недоступной для третьих. Репродуктивная и родительская сфера становится менее значимой для повседневной жизни молодого поколения, а российское общество оказывается неспособным к воспроизводству.

В исследовании автор сконцентрировала внимание на качественно-количественных характеристиках родительского потенциала подростков, ориентирующихся на разные модели родительства. Разработка и операционализация данного понятия могут быть использованы для оценки ресурсов личности/группы в родительской роли, саморефлексии, проектирования диагностического инструментария, в качестве показателя для оценки эффективности реализации семейно-демографической политики.

Эмпирической основой доклада выступают данные социологических исследований, проведенных в период 2007–2013 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В анализ включены: 1) материалы 20 фокус-групп с родителями и подростками из разных типов семей (многодетных, полных/неполных, верующих/неверующих, матерей/отцов) (n=186), 2) результаты анкетирования родителей и подростков (n=4038).

Результаты исследования свидетельствуют, что большинство респондентов смогли выбрать наиболее предпочтительную для себя модель родительства, что позволяет утверждать, что традиционное, солидарное, делегирующее, неопределенное родительство являются доминирующими трендами современного родительства. Как в общественном сознании, так и в повседневной жизни сосуществуют разные модели семьи и родительства, что подтверждается данными полученными нами на других выборках [Безрукова, 2010]. Наблюдаются межпоколенные и внутривпоколенные ценностные различия в отношении к родительству, обусловленные идентичностью, гендерными ролями, характером семейной социализации, индивидуальным и коллективным жизненным опытом, детерминирующие дифференциацию родительского потенциала. Более высокий уровень родительского потенциала и идентификации с родительской ролью характерен для подростков, выбравших традиционную модель родительства, живущих в провинции, в полных семьях, расширенного типа, верующих, имеющих братьев и сестер. Сниженный уровень родительского потенциала – для респондентов из группы делегирующих и неопределенных, живущих в мегаполисе, воспитывающихся в неполных семьях, неверующих, имеющих родителей, которые разведены, единственных детей в семье. Респонденты, ориентированные на солидарную модель родительства, занимают среднее положение между группами выборках [Безрукова, 2014].

В отличие от родителей подростки более единодушны в своем желании создать семью, встретить любовь. В то же время они в большей степени, чем взрослые поддерживают установки на необязательность материнства и отцовства. Образ мужского успеха для подростков практически не связан с отцовством. Наблюдаются противоречия между потребностями, готовностями, способностями и оценкой подростков своих

возможностей в реализации родительской роли. По сравнению с поколением родителей подростки проявляют рационализм, индивидуальную ответственность за свой выбор, эгоцентризм, ориентированы на меньшее число детей в своих будущих семьях выборках [Безрукова, 2014].

Важным выводом исследования является понимание того, что преодоление демографического кризиса невозможно без изменения культуры родительства, представлений об идеальном родителе – вовлеченном, любящем и ответственном за заботу о детях, усилении эмоциональных ресурсов родительской роли. Результаты исследования свидетельствуют, что неполная идентификация с родительской ролью обуславливает трудности/неопределенность у подростков с выбором модели родительства, приводит к отчуждению родительской сферы в целом, формирует ориентацию на бездетность. На наш взгляд, существует несколько способов преодоления сценария эмоциональной отчужденности, бездетности, рационализации родительской и репродуктивной сферы. Один из них лежит в области формирования жизненных смыслов, воспитания в детях нравственного начала и развития эмоциональной сферы как приоритетов перед ранней интеллектуализацией и прагматизмом как доминирующими трендами современной системы семейного воспитания и образования. Без воспитания любви и доброты, нравственного начала, невозможными становятся практики солидарности, доверия, взаимопомощи и рождения детей [Юревич, 2009; Семенов, 2011]. Второй способ состоит в практической деятельности подростков в заботе о детях (в благотворительных организациях, детских садах и др.), способной изменить отношение к родительству. Гуманизация общества, развитие дружественной семье и детям среды, поддержка родительских сообществ на местном уровне, вовлекающих в родительскую роль [Безрукова, 2011; Безрукова, Самойлова, 2013] также будут способствовать развитию родительского потенциала. Другой путь состоит в переоценке в обществе образа успеха, прежде всего, мужского, связанного исключительно с престижным социальным статусом, карьерой, потреблением и осознанием значимости семейных ценностей в повседневной жизни [Безрукова, 2013; 2014].

1. Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 85-97.
2. Безрукова О.Н. Отношение к детям, репродуктивные установки и социальный капитал молодой семьи Санкт-Петербурга // Социальная политика и социология, 2010, №12. С.84–94.
3. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. №11. С.118-130.
4. Безрукова О.Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства в молодых семьях. СПб.: Изд.-во СПбГУ. 2011. 216 с.
5. Безрукова О. Н. Самойлова В.А. Семейная политика на муниципальном уровне // Власть, 2013, №11. С. 138-144.
6. Семёнов В.Е. Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологический журнал. 2011, т.32, №5. С.92–96.
7. Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. №10. С.70–79.

МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА

Бирюкова А.В. (Санкт-Петербург)

Виртуальная коммуникация является составной частью социального пространства молодежи, оказывающая как положительное, так и отрицательное влияние. Проникновение виртуальной модели жизни в сознание молодежи носит всеобъемлющий

характер. При формировании представлений о виртуальной коммуникации необходимо выделить труды Э. Тоффлера, Д. Бэлла, М.Кастельса, а также работы Д.В.Иванова, И.Н. Розина, С.С. Хоружего, А.В. Царевой, М.Б. Игнатьева.

Интернет - это среда социальной коммуникации, образованная массовым использованием сетевых коммуникативных технологий. Как средство коммуникации, всемирная сеть преобразует межличностную и массовую коммуникацию, становясь особым видом социального пространства – виртуальным коммуникативным пространством, внутри которого возникают новые формы социальности, например, такие, как виртуальные сообщества.

Исследователи определяют степень вовлеченности молодежи в виртуальную коммуникацию. Так, исследование Фонда «Дружественный Рунет» показало, что 78,1 % пользователей в возрасте от 6 до 17 лет часто выходят в Интернет, а 61,3 % подростков в возрасте 15–17 лет практически живут в сети [2].

Новым этапом в исследовании социально-философского аспекта электронного общества являются работы М.Кастельса, который показывает роль сетевых структур: «именно сети составляют новую социальную морфологию наших сообществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [3,494].

Определяя место коммуникационной активности в системе «активностей» человека, стоит упомянуть о трех составляющих:

- 1) ведущая активность (трудовая, политическая или гражданская);
- 2) коммуникационная активность, направляющая энергетику личности на поиск связей и контактов, необходимых для реализации ведущей активности;
- 3) медиаактивность, управляющая действиями индивида по поиску (или производству) информации в медиасфере [1].

Для выявления особенностей вовлеченности молодежи в социальные сети было осуществлено социологическое исследование, которое проводила А.А.Львова под авторским руководством в январе 2015 года. В ходе исследования было опрошено 120 человек в возрасте от 18 до 30 лет. Были получены следующие результаты. При ответе на вопрос о личном предпочтении в общении оказалось, что 31,7% предпочитают реальное общение виртуальному и только 6,7% удобно общаться исключительно в социальной сети. Однако большее число опрошенных – 61,7% совмещают два вида общения. Таким образом, интернет-коммуникация является частью реального общения.

При вопросе о том, на что респонденты потратили бы время, не увлекаясь социальной сетью, ответы распределились следующим образом: лидируют хобби (27,5%) и домашние дела (24,2%), 16,7% занялись бы образованием, примерно равное количество респондентов уделило бы внимание друзьям (10%), спорту (8,3%) или работе (10,8%), а 2,5% выбрали бы все вместе взятое в случае отказа от социальной сети, добавив к списку важных дел «любовь».

Собственный вывод респондентов о влиянии социальной сети на их личную жизнь заслуживает внимания, большинство оценили влияние по пятибалльной шкале от негативного до положительного следующим образом: на «3» балла – 45%, т.е. почти половина опрошенных), при этом около 20% выбирают на шкале негативное влияние в «2» балла, положительное влияние в «4» балла (30,0%) и только 5% оценили как очень положительное («5» баллов). На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что, несмотря на все возможности социальной сети, для ряда пользователей социальная сеть оказывает отрицательное воздействие.

На вопрос: «Готовы ли Вы добавить в друзья незнакомого Вам человека?», половина опрошенных (51,7%) ответили, что готовы, 30% не готовы и 18,3% затруднились с ответом. Данные можно интерпретировать, что молодые люди не осознают опасности коммуникации с чужими, незнакомыми людьми, поскольку считают,

что они изолированы от реального социального пространства и общаются посредством информационных технологий. На вопрос «Что в профиле незнакомого Вам человека в сети может оттолкнуть от общения с ним?» перечисляют очевидные, отпугивающие любого человека компоненты, такие как насилие и порнография, но для немалого количества людей (43,0%) также недопустимо: наполнение страницы огромным количеством перепостов (цитирований) с непознавательным содержанием, чрезмерно активное выражение своих религиозных и политических взглядов, нецензурная лексика, обилие неадекватных утверждений (генерирование собственных постов, противоречащих пониманию других пользователей), обилие рекламы, плохая музыка и просто некрасивое или отпугивающее фото.

Сегодня иметь страницу в социальной сети необходимо, для того, чтобы не выделяться из группы сверстников, чувствовать причастность к жизни современного общества, общаться, реализовывать себя как-то в жизни, узнавать новую информацию, делиться личными событиями, а также новостями друзей и знакомых.

Социальную сеть можно использовать для обучающих целей, тренировки грамотности, можно предложить полезный тренажер знаний в комплект развлекательных тренажеров и постепенно делать акцент на образовательной части интернет-коммуникации.

На обучающих семинарах, целесообразно вводить инструкции по безопасности, где бы детально указывалось к каким последствиям может привести социальная сеть, с описанием и приведением ряда случаев с целью превентивных мер.

1. Дзялошинский И. М. Медиа и социальная активность молодежи // [Электронный ресурс] «Медиа. Информация. Коммуникация» - №3, 2012.– Режим доступа: <http://mic.org.ru/3-nomer-2012/134-media-i-sotsialnaya> (23.10.2014)
2. Интернет в мире и в России [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.bizhit.ru/index/users_vozrast/0-153 (Дата обращения: 23.10.2014)
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. - М.: Academia, 1999.

ФИАСКО ЗОЛОТОЙ РЫБКИ РОЖДАЕМОСТИ БЕЛОРУСОВ

Бубнов Ю.М. (Могилёв, Республика Беларусь)

По результатам опроса в 2014 году 779 взрослых жителей Беларуси мы выяснили, что в нынешних социально-экономических условиях жизни можно рассчитывать только на 1617 детей от каждых двух тысяч белорусских женщин и мужчин. А это, как легко понять, обрекает народ белорусский на верное вымирание. При таком низком уровне рождаемости придётся поискать золотую рыбку, исполняющую все желания дееспособных женщин и мужчин, дабы мотивировать их к большему чадолюбию. В былые времена функцию золотой рыбки исполняли заботливые о потомстве отцы, которые, впрочем, тем самым обеспечивали и себе ухоженную старость. Потом на какое-то время роль золотой рыбки взяло на себя социалистическое государство, принявшее часть семейных забот, не забывая, однако, эксплуатировать высвободившиеся человеческие ресурсы на общественном производстве. Нынче и мужчины, и государство всё чаще уклоняются от патриархальной роли, а женщины справедливо пеняют на то, что им на два фронта – рожать детей и коней на скаку останавливать – одновременно не с руки. Так что роль золотой рыбки в настоящее время по большей части вакантна. Но мы на всякий случай решили узнать у наших соотечественников, что же им нужно для того, чтобы всерьёз задуматься о рождении очередного ребёнка. Ответы взрослых жителей Беларуси распределились таким образом, как это показано в таблице. Учитывая гендерные особенности отношения к детям, мнения мужчин и женщин мы представим раздельными

столбцами, хотя ранг построили всё же по ответам женщин, отдавая им приоритет в решении репродуктивного вопроса.

Таблица. Процентное распределение ответов мужчин и женщин на вопрос: «Какое условие для Вас наиболее важное, чтобы принять решение о рождении детей?» *

Условия, необходимые для рождения детей	Ответы женщин	Ответы мужчин
Жильё	28,7	21,5
Деньги	27,5	37,8
Поддержка со стороны супруга	10,8	6,7
Крепкое здоровье	8,3	7,0
Стабильная, хорошо оплачиваемая работа	6,9	4,8
Супруг	3,3	0,4
Любовь	3,1	3,0
Стабильность	2,0	5,2
Психологическая готовность	1,6	1,1
Желание	1,4	0,0
Поддержка со стороны государства	0,8	1,5
Не ответили	34,6	31,1

**Примечание:* Сумма процентов в столбцах превышает 100%, поскольку респонденты могли дать несколько ответов.

Итак, потенциальным родителям для того, чтобы запланировать рождение детей, прежде всего, необходимо жильё. Это вполне естественно, ибо именно с возведения гнезда начинают свою настоящую семейную жизнь и многие братья наши меньшие. Причём, в полном соответствии с законом Природы, женская потребность в «гнезде» заметно выше, чем у мужчин (соответственно, 28,7% и 21,5%). Жилищные условия повышения рождаемости настолько важный фактор репродуктивного потенциала современного человека, что им мы посвятили бы отдельный параграф, если бы представился случай поговорить на эту тему подробнее. Здесь же выскажем лишь пару замечаний. Во-первых, бездомные белорусы, нынче хотя и встречаются иногда у мусорных баков, однако, как правило, они явно не детородного возраста. Поэтому говорить о бездомности как о социальном явлении, препятствующем повышению рождаемости, вряд ли оправданно. Жильё у белорусов есть. Другой разговор, какое это жильё? Насколько оно удовлетворяет потребностям современного человека? Следовательно, дело не столько в отсутствии жилья, сколько в том, насколько оно соответствует притязаниям граждан. Как видите, в дело вмешивается новый фактор – потребность в соотношении с возможностями людей. А это соотношение, как известно, вещь весьма неустойчивая. Классики марксизма говорили о бесконечном процессе возрастания человеческих потребностей по мере роста их возможностей. Именно это обстоятельство не учли «прорабы» коммунизма, запланировавшие строительство высшей стадии общественного развития к 1980 году. Но давайте предположим всего лишь на минутку, что все жилищные потребности граждан Беларуси полностью удовлетворены. У всех наших сограждан есть такое жильё, о котором они только мечтали. Достигнет тогда рождаемость хотя бы уровня простого замещения уходящего поколения? Утверждаю с полной уверенностью: нет! Полную уверенность при ответе на данный вопрос мне придаёт конкретный социальный факт, связанный, правда, не с нашей страной, а с жилищной повседневностью граждан развитых стран Европы. В Германии, Франции, странах Скандинавии, все без исключения граждане уже давно полностью обеспечиваются благоустроенным, в том числе и государственным жильём. поголовно все, включая бомжей (такие тоже есть – по убеждению бомжи), а также мигранты имеют кров над головой, по качеству часто превосходящий привычное для наших сограждан

жильё. Однако именно в этих странах наиболее обеспеченные качественным жильём коренные жители отличаются самой низкой демографической продуктивностью. Этот факт позволяет мне скептически относиться к заявлению наших земляков о том, что если будут де у них хорошие квартиры, то они тут же побегут в роддом. К сожалению, не побегут, ибо причина низкой рождаемости, как и причина разрухи, говоря словами профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова, «в голове», т.е., вопреки утверждению вульгарных интерпретаторов исторического материализма, обусловлена сознанием людей, а не их бытовыми условиями.

Однако вернёмся к рассмотрению тех факторов, которые указали участники опроса, рассказывая нам, что позволит им чаще думать о рождении детей.

С небольшим отставанием на втором месте в женском ранге потребностей (а у мужчин с большим отрывом на первом месте) – деньги. Собственно говоря, и у женщин именно деньги стоят на первом месте в качестве необходимых атрибутов рождения детей, поскольку, имея деньги, можно обеспечить и жильё. О деньгах как факторе репродуктивного потенциала мы поговорили бы также отдельно, ибо представление о том, что деньги являются решающим условием рождения детей, распространено настолько широко, что с ним обычно не спорят. Мы же собираемся подвергнуть сомнению сию общественную установку. Впрочем, об этом стоит поговорить отдельно и обстоятельно, а пока продолжим перечислять условия, при которых наши сограждане согласились бы рожать хотя бы столько детей, чтобы компенсировать своё поколение.

На третьем месте в ранговом списке этих условий – поддержка со стороны супруга, в которой нуждается каждая десятая (10,8%) женщин и 6,7% мужчин. Насчёт того, что современные женщины всё ещё могут нуждаться в поддержке мужчины, – это понятно и вполне согласуется с бытовавшими долгое время представлениями о распределении гендерных ролей. Правда, историческая тенденция женской эмансипации свела количество таких женщин к минимуму. Но в последнее время, похоже, появился род мужчин, которые рассматривают своих жён в качестве жизненной опоры. А это уже проявление встречной тенденции мужской феминизации. В итоге, всё реже приходится даже в переносном смысле употреблять слова «слабый пол» по отношению к женщинам и, соответственно, «сильный пол» по отношению к мужчинам. Уравнение полов лишило женщин привилегии прикидываться слабыми, а мужчин – обязанности стараться выглядеть сильными.

На четвёртом месте в качестве условия повышенного репродуктивного потенциала поколения числится крепкое здоровье. На отсутствие оно же пеняют как на причину воздержания от рождения детей в равной степени около 7-8 процентов дееспособных жителей Беларуси. Спору нет, крепкое здоровье родителей – залог высокой рождаемости здоровых детей. Да вот незадача: в Европе о здоровье пекутся больше всех в мире и там на самом деле живут самые здоровые, если судить по средней продолжительности жизни, люди. Однако именно коренные европейские народы поголовно вымирают. В том смысле, что рождаемость там ниже даже самой низкой в мире смертности. Поэтому при всём уважении к здоровью как жизненной ценности приходится сомневаться в том, что наши земляки, обретя европейское здоровье, станут вести себя иначе на поприще воспроизводства поколений.

Завершает пятёрку самых необходимых, по мнению участников опроса, факторов повышения рождаемости стабильная, хорошо оплачиваемая работа. Причём женщины (их оказалось около 7 процентов) о хорошо оплачиваемой работе пекутся чаще мужчин, среди которых про отсутствие такого условия рождаемости заявили около 5 процентов. По сути, фактор хорошо оплачиваемой работы примыкает к материальному условию повышения рождаемости до идеального на данный момент уровня. Однако о нём следовало бы поговорить отдельно, поскольку работа как ценность, определяющая многие сферы жизни современного человека, является знаменем всего нынешнего времени.

Меркантильный фактор рождаемости, поддерживавший высокий уровень репродуктивного потенциала человечества на протяжении предыдущих нескольких веков, сегодня почти перестал действовать. Результаты опроса жителей Беларуси подтверждают эту мысль. Мы предложили участникам опроса спрогнозировать количество детей в своих семьях в случае исполнения всех их материальных желаний, как если бы им встретилась настоящая золотая рыбка. Оказалось, что и это сказочное предложение не обеспечило бы бэби-бума, ибо даже при исполнении всех возможных и невозможных желаний каждая тысяча белорусских женщин родила бы в среднем не более 2240 детей. Этого идеального репродуктивного потенциала едва-едва хватило бы лишь для простого воспроизводства нынешнего поколения. О расширенном же воспроизводстве поколений и говорить не приходится, даже если бы у каждого белоруса в аквариуме сидела своя персональная золотая рыбка, исполняющая все их меркантильные желания. Так что, по всей видимости, не поможет золотая рыбка выжить белорусскому народу в отдалённой перспективе.

Так что же, нет надежды? Обратим внимание читателя на то, что лишь очень небольшая часть участников опроса (1,5% мужчин и 0,8% женщин) упомянули о поддержке государства в их стремлении завести детей. Это, на наш взгляд, весьма симптоматично указывает на то, что наши сограждане отвыкли, наконец, от государственного патернализма. Эпоха социального государства, государства-отца, заботящегося о чадах своих сирых и бедных, закончилась. Белорусы больше не надеются на помощь государства в семейных делах. Опыт последних десятилетий научил их, что современное государство рассматривает своих граждан не как любимых чад, а как овец для постоянной короткой стрижки. Теперь наши земляки надеются только на себя. И это очень хорошо, ибо открывает возможность, не надеясь больше на какую бы то ни было «золотую рыбку», для активизации собственной инициативы и предприимчивости людей, самостоятельно строящих свою жизнь, в том числе и будущее своих детей.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Бухнер Н.Ю. (Барнаул)

Трансформация социальной структуры России, происходящая в последние десятилетия являются основной причиной ускорения процессов социальной мобильности населения причем, как отмечает А. Б. Ефимова данный процесс имеет "в основном нисходящую и горизонтальную направленность" [1, с. 2]. Традиционно молодежь в особенности является одной из самых мобильных групп населения, наряду с высоко квалифицированными специалистами, что подтверждается тезисом Е. А. Михель "наиболее мобильными группами являются квалифицированные специалисты, обладатели высшего образования и хорошего состояния здоровья" [2, с. 153].

Особое место в работах, посвященных социальной мобильности занимают труды П. А. Сорокина, в частности «Социальная мобильность, ее формы и флуктуации», определявшего социальную мобильность как "любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую" [3, с. 293]. Следом за ним проблемы социальной мобильности рассматривались в работах известных зарубежных социологов, в том числе Р. С. Липсета, Р. Бендикса, Г. Зеттенберга, в их совместной работе «Социальная мобильность в индустриальном обществе»; а также П. Блау, О. Данкена - «Профессиональная структура Америки», и наконец, Л. Джонса, Дж. Голдторпа, Р. Эриксона, и других, причем все они по разному трактовали данный

процесс, опираясь на теорию структурного функционализма и теорию социальной стратификации. К современным российским ученым, занимающимся изучением социальной мобильности в рамках классической социологии можно прежде всего отнести таких как Л. А. Беляева, Е. М. Аврамова, З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян, М.Ф. Черныш и другие.

Социальная мобильность, как и другие процессы, связанные с социальной активностью человека имеет субъективный и объективный характер. При этом субъективная социальная мобильность - это оценка субъекта (респондента), а объективная социальная мобильность - это реальная реализация активности в виде мобильности в социальном пространстве в вертикальном или горизонтальном направлении.

С целью проанализировать субъективные оценки территориальной мобильности студентов Алтайского края нами было проведено исследование 200 респондентов - студентов Алтайских вузов по следующим критериям: материальное положение, территориальная мобильность. Материальную дифференциацию можно проследить по субъективным оценкам студентов: "очень хорошее" - отметили 3,6% респондентов, "хорошее" - 44,6%, "среднее" - 50,6%, "плохое" - 1,2%. В целом можно отметить, что для студенчества Алтайского края характерен невысокий уровень притязаний, так субъективно оценивая свое материальное положение как хорошее, данные статистики говорят о противоположном состоянии - средняя заработная плата в Алтайском крае - одна из самых низких в СФО [4].

Большая часть респондентов - 60,2% хотели бы уехать из города, в котором они проживают, при этом основные направления миграции следующие: "уехать из России вообще" - 21,7%, "в центр другой области края"/"в другую область" - по 16,9%, "в Москву" - 6%.

Можно выделить факторы препятствующие территориальной мобильности студентов. На первом месте - "отсутствие капитала" - его отметили 42,2% респондентов, на втором - "семейные проблемы"/ "возрастные ограничения" - по 13,3%, на третьем месте - "отсутствие желания" - 12%.

Отмечая отсутствие капитала в качестве основного фактора препятствующего изменениям, только 24,1% респондентов отметили, что "финансовые возможности, в том числе начальный капитал" являются основой для мобильности. При этом большинство респондентов - 61,4% - уверены, что "образование и профессиональная подготовка" являются наиболее значимыми для движения по вертикальному вектору мобильности.

Подводя итог субъективным оценкам территориальной мобильности студентов вузов Алтайского края можно сделать вывод о том, что существуют различия и совпадения в объективной и субъективной оценках мобильности. Так, в качестве совпадения можно привести вывод об объеме субъективной и объективной территориальной мобильности: большая часть студентов Алтайского края планирует его покинуть, что подтверждается и объективными данными статистики - оттоком населения [5, с. 199]. В качестве несовпадения вывод об экономической основе территориальной мобильности.

1. Ефимова А. Б. Особенности социальной мобильности населения северных регионов в современных условиях / А. Б. Ефимова. - автореф. дисс. канд. соци. наук, 2005 г. - 24 с.
2. Михель Е. А. Влияние социально-трудовой мобильности населения на воспроизводство трудового потенциала республика Карелия / Е. А. Михель // Труды Карельского научного центра РАН. - 2015. - № 5. - с. 147-155
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. - Москва, 1992. - 395 с.
4. Средняя зарплата в России (по регионам) и других странах мира в 2015 году // «Деловая жизнь» - режим доступа <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya2015.html>

5. Бухнер Н. Ю. Социальная мобильности населения Алтайского края / Н. Ю. Бухнер. - Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения) : Международная научная конференция, Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г. : сборник научн

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Власова Н.В., Галкина Е.П., Кадничанская М.И. (Ульяновск)

Социальная политика, как важнейшая составляющая деятельности современных государств, реализуется через определенные принципы. Под социальным эффектом реализации бюджетных целевых программ подразумеваются прямые и косвенные общественно значимые результаты, полученные при осуществлении мероприятий бюджетных целевых программ. [1] Цель проведенного исследования – проанализировать критерии эффективности региональных социальных программ для молодых семей в Ульяновской области.

При реализации программ социальной направленности предметом оценки являются отдельные ключевые параметры. В качестве таких параметров могут выступать: результативность программы; эффективность механизма выполнения программы; социально-экономический эффект, оказываемый программой на развитие города; соответствие программы интересам общества.

Целью государственной политики в отношении молодой семьи является становление и развитие благополучной молодой семьи и улучшение качества ее жизни; обеспечение выполнения молодой семьей социально-демографических функций, в том числе стимулирование рождаемости детей и их воспитания. Существуют следующие программы социальной политики для молодых семей: «Молодая семья» (она предписывает государственную поддержку - 30% субсидию для молодой семьи при покупке квартиры), «Жилище» (программа нацелена на формирование рынка жилья эконом класса), «Обеспечение жильем молодых семей» на 2011-2015. В Ульяновской области предполагалось, что в 2011 году 470 семей должны будут улучшить свои жилищные условия, а с 2012 по 2015 годы - по 300 семей ежегодно. Однако почти за 6 лет реализации программы воспользоваться получением субсидии смогли лишь 188 семей.

В Ульяновской области реализуются программы на федеральном и региональном уровнях. На федеральном уровне предлагаются программы: Материнский (семейный) капитал; Родовой сертификат. На региональном уровне реализуются следующие программы: Подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011-2015 годы; предоставление государственных сертификатов на именной капитал «Семья». На региональном уровне разработана программа «Выделение земельных участков студенческим семьям». Земельный участок семья сможет использовать для индивидуального жилищного строительства либо ведения личного подсобного хозяйства на приусадебном земельном участке с возведением жилого дома.

На муниципальном уровне предлагаются две концепции: «Концепции семейной политики Ульяновской области» на период до 2025 года. В настоящее время наблюдается рост числа новорожденных. Естественный прирост населения отмечен в 10 населенных пунктах области, в том числе и в городе Ульяновске. Больше становится многодетных семей. За три последних года их количество увеличилось на тысячу и сейчас составляет 5 789 семей. «Концепция областной акции «Роди патриота в День России» на 2011-2015 годы» - целью программы является: улучшение демографической ситуации в Ульяновской области. В результате реализации концепции 10 семей получили по 50000 тыс. руб., 2 семьи 500 000 тыс. руб., и одна семья получила автомобиль «УАЗ патриот».

Ульяновская область стала одним из первых субъектов Российской Федерации, где был разработан и принят Закон «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей». В соответствии с ним выдаются сертификаты на получение именного капитала

«Семья», начиная с рождения второго ребёнка и последующих детей с дифференцированной выплатой от 50 до 700 тысяч рублей. В соответствии с Законом в период с 2008 года по состоянию на 01.07.2014 г. гражданам Ульяновской области выдано 20052 государственных сертификата на именной капитал «Семья», из них реализовано 6173 сертификата. С 2010 года 64% всех выделенных денежных средств на реализацию именного капитала «Семья» было потрачено на цели, связанные с ремонтом жилых помещений.

В рамках заявленной темы был проведен массовый опрос о реализации программ социальной политики. Всего было опрошено 384 респондента. Ответы распределились следующим образом: 41% респондентов принимали участие в получении материальной помощи, при этом 22% её получили, 19% не получили и объясняют это тем, что возраст ребенка недостаточен для получения материальной поддержки. Кроме того, опрошенные респонденты обеспокоены предстоящей «бумажной волокитой», некоторые из них не могут оставить своих детей, так как супруг или супруга находятся на работе, родители живут далеко, а услуги няни стоят дорого. Большинство респондентов из тех, кто получил материальную помощь (43%) направили полученные средства на проведение капитального и (или) текущего ремонта жилого помещения; 25% респондентов приобрели (вложили в строительство) жилые помещения и 25% респондентов направили средства на строительство (реконструкцию) объекта индивидуального жилищного строительства. 4% респондентов потратили средства на уплату первоначального взноса при получении кредита (займа), в том числе ипотечного, на приобретение (строительство) жилого помещения и т.д. Из опрошенных только 1% направили средства на оплату оказываемых медицинскими организациями государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, находящимися на территории Российской Федерации. Оставшиеся 2% респондентов ответили, что еще не воспользовались полученной материальной помощью.

Среди сложностей, с которыми сталкивается молодая семья, желающая воспользоваться социальными программами, были названы: большие очереди, хамское отношение, бумажная волокита; выплаты происходят несвоевременно, мало информации по данным программам; что в органах социальной защиты не информируют о предоставляемых льготах.

В качестве критериев оценки эффективности областной целевой программы «Обеспечение жильём молодых семей» выступали следующие параметры:

1) результативность программы - областная целевая программа «Обеспечение жильём молодых семей» изначально ставила задачу предоставить социальные выплаты на 2011 год 470 семьям, в итоге выплаты были воспроизведены практически в два раза меньше. Кроме того, некоторые критерии участия в программе невыполнимы (например, молодой семье необходимо иметь уровень доходов 11-12 000 рублей в месяц на каждого члена семьи).

2) эффективность механизма выполнения программы, а так же социально-экономический эффект. Объем финансовых средств выделенных на реализацию областной целевой программы «Обеспечение жильём молодых семей» в 2011 году составил 196115,86 тыс. рублей, для 470 семей, напомним, что социальные выплаты получили всего 277 молодых семей (это 0,5% от запланированного объёма средств консолидированного бюджета на год).

Можно сказать, что для эффективности данной программы, следует выработать более гибкие критерии участия в ней. Для начала, необходимо обратить внимание на уровень заработной платы в молодых семьях. Молодые специалисты менее востребованы на рынке труда. Поэтому изначально следует проводить анализ на рынке труда. Молодежь на рынке труда представляет собой достаточно уязвимую категорию граждан, вопросы контролирования и помощи которой являются вопросами государственной политики.

В предоставлении государственных сертификатов на именной капитал «Семья» с 2010 года 64% выделенных денежных средств было потрачено на цели, связанные с ремонтом жилых помещений. В такой ситуации именной капитал «Семья» в какой-то мере утрачивает свой смысл и для многих семей превращается в дополнительный источник дохода, получаемый путем обналичивания средств именного капитала через

представление к оплате обезличенных платёжных документов (чеков) на приобретение строительных материалов.

В качестве критериев оценки эффективности, в предоставлении государственных сертификатов на именной капитал «Семья» выступали такие параметры как:

1) результативность программы: объем финансовых средств выделенных на реализацию регионального именного капитала «Семья» в период с 2008 года по состоянию на 01.07.2014 г. гражданам Ульяновской области выдано 20052 государственных сертификата на именной капитал «Семья», из них реализовано 6173 сертификата.

2) эффективность механизма выполнения программы, а так же социально-экономический эффект: целью данной программы является повышения уровня рождаемости и мы можем наблюдать, что статистика изменений демографической ситуации в Ульяновской области за 2011-2014 годы отмечает рост рождаемости в целом, в том числе, вторых детей на 13%, третьих детей – на 3%.

В ходе исследования была выявлена неоднозначная ситуация: большинство молодых семей, считают свою семью социально – защищенной, и поэтому лишь отчасти заинтересованы в региональной поддержке со стороны государства. В свою очередь, большинство семей сталкивается с нехваткой материальных средств и отсутствием собственного жилья. При этом многие считают, что государство может им помочь решить эти проблемы. Кроме того, молодые семьи не могут участвовать, например, в программе «Обеспечение жильем молодых семей» из-за несоответствия критериям программы (многие респонденты отмечали, что уровень заработной платы в г. Ульяновске не соответствуют требованиям данной программы). Исходя из этого можно сделать вывод, что по социальному самочувствию они считают себя социально защищенными, но при этом, испытывают проблемы с финансами и отсутствием собственного жилья. В связи с этим молодая семья откладывает вопрос о рождении ребенка.

Таким образом, в настоящее время для решения жилищного вопроса семей необходимо создать в регионе дополнительные механизмы стимулирования строительства жилья экономического класса и инновационные финансовые меры поддержки семей при самостоятельном приобретении жилья.

Особое внимание органам местного самоуправления необходимо обратить на разработку и реализацию комплекса мер, направленных на повышение рождаемости в зависимости от очередности рождений: поддержку молодых семей, развитие инфраструктуры услуг для семей и детей, формирование потребности в детях, в рождении очередного ребёнка.

1. Жуков В.И., Социальная политика: парадигмы и приоритеты / Под общ. ред. В. И. Жукова. - М.: Союз. 2000. - 312 с.

**ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ *
(ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫПОЛНЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ РГНФ В
РАМКАХ ПРОЕКТА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ПЕНСИОННЫЕ
СТРАТЕГИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН», ПРОЕКТ № 15-33-01012)**

Власова О.И., Вершинин С. Е., Ловыгин С. А. (Екатеринбург)

«Пенсионный вопрос» на протяжении последних двух десятилетий остается одним из актуальнейших среди спектра экономических и социальных проблем государства. Требуящим срочного решения своего рода «краеугольным камнем» пенсионной реформы является пенсионный возраст. В последнее время во всех средствах массовой информации активно поднимается тематика, связанная с необходимостью применения мер по увеличению пенсионного возраста. Активным инициатором данного процесса выступает

Министерство финансов, по данным которого необходимо во-первых, довести возраст выхода на пенсию для обоих половых групп до 65 лет, во-вторых, начать данный процесс не позднее 2018 года [1].

Позиция Минфина, связанная со срочной необходимостью повышения пенсионного возраста, действительно имеет серьезную экономическую подоплеку: снижение численности трудоспособных граждан, наличие «серого» сектора экономики», периодические финансовые кризисы и др. По данным статистики в России крайне низкий возраст выхода на пенсию (особенно среди женщин), подобная ситуация характерна лишь для отдельных стран постсоветского пространства [2]. Низкий пенсионный возраст россиян обусловлен наследием советской распределительной системы, высокой численностью населения, невысоким средним уровнем жизни. Мировой опыт показывает (релевантная иллюстрация – ситуация Греции), что повышение пенсионного возраста – самая непопулярная мера институтов высшей государственной власти.

В нашей стране проблема пенсионного возраста является одной из самых резонансных тем. Принималось как само собой разумеющееся, что относительно ранний выход на пенсию – конституционное право россиян, которое устойчиво воспроизводилось на протяжении нескольких поколений. Стоит отметить, что в целом жители России достаточно инертны в вопросах формирования будущей пенсии и функционирования всей пенсионной системы. Правительственные предложения отдалить выход на пенсию также не оказали существенного влияния на уровень общей заинтересованности проблемой: 69% соотечественников оценивают собственные знания о действующей системе пенсионного обеспечения как поверхностные, на уровне общего представления [3]. Одновременно, россияне крайне негативно оценивают саму перспективу повышения пенсионного возраста. Согласно данным Левада-Центра, несмотря на наметившуюся тенденцию к более лояльной по сравнению с предыдущими годами оценке перспектив увеличения времени выхода на пенсию, 79% выступают против доведения пенсионного возраста до 65 лет у мужчин, и 81% против выхода на пенсию женщин в 60 лет [4].

Какова же позиция молодого поколения? В современных условиях молодежь представляет важный потенциал всей пенсионной системы. С одной стороны, она выступает ресурсобеспечивающей группой для старшего поколения, с другой – источником формирования собственной будущей пенсии. В рамках социологического исследования под эгидой РГНФ посредством качественных методов в мае-июле 2015 г. нами была проведена серия глубинных интервью и фокус-групп с молодежью в возрасте 20-35 лет. Объект исследования целевым образом был изначально сегментирован на три типологические группы: инвесторы (молодые люди, предпринимающие реальные шаги к увеличению будущей пенсии), не инвесторы (отвергающие возможность добровольного пенсионного инвестирования), лояльные инвесторы (не отвергающие инвестирование в будущем, но и не предпринимающие подобных попыток в настоящем).

Важным этапом в формировании будущих пенсионных стратегий молодежи является осознание будущих пенсионных перспектив, в т.ч. и возрастных. Молодежь, вне зависимости от причастности к тому или иному типу инвестирования, в основном обозначает предпочитаемый возраст выхода на пенсию в 50-55 лет. Подобные представления существенно расходятся как с мировой статистикой пенсионного возраста, так и с инициативами государства. Желание молодого поколения столь рано выйти на пенсию является абсолютно иллюзорным и несостоятельным.

Молодежь указывает и на необходимость дифференцирования пенсионного возраста, в зависимости от сферы занятости и условий труда: «Ну, я считаю, что педагоги должны выходить на пенсию в 40, потому что они после института уже с 25 лет. Это приличный уже стаж работы, конечно, это каждый Божий день с детьми...»

С особым пиететом молодые люди относятся к так называемым «льготным профессиям»: полицейским, военным, спасателям, и государственным служащим: «Если реально так смотреть, то в органах стаж 20 лет и на пенсию». Подобная ситуация является весьма типичной для российской реальности. Действительно, в нашем обществе социально одобряемо поучить государственную пенсию по выслуге лет и перейти работать в другую сферу. Однако молодежь, реально занятая в «льготно пенсионных

отраслях», считает, что они как все выйдут на пенсию в 55-65 лет, т.е. не выделяют свое преимущество перед другими социальными группами, либо осознают важность и высокий уровень социальной ответственности своего труда.

Предпочитаемый возраст выхода на пенсию представляет собой лишь желаемую границу, за которой начинается получение пенсии. Более важной характеристикой является возраст осознания необходимости заботы о своем пенсионном будущем. Ответы на данный вопрос можно условно разделить на три типа. Первый, наиболее распространенный тип высказывания, это возраст 30-35 лет. Именно в данном возрасте, по мнению значительной части молодежи, должно прийти осознание необходимости заботы о формировании будущей пенсии. Подобное понимание возрастного порогового значения заботы о будущей пенсии порождает два проблемных момента: с одной стороны, это отсутствие заинтересованности до 30 лет, с другой стороны - практическое отсутствие среди 30-35-летних молодежных возрастных групп реальных практик пенсионного инвестирования. Второй, менее представленный тип высказываний, связан с необходимостью заботы о своем пенсионном будущем с началом трудовой деятельности: «Это должно прийти к человеку с первого рабочего дня. Он должен понимать о том, что надо задумываться именно о пенсии». Показательно, что подобные суждения характерны для молодежи, которая уже вкладывает определенные ресурсы в пенсионное будущее. Третий тип, в большей степени характерный для неинвестирующей молодежи, предполагает, что о будущих пенсионных проблемах стоит озадачиться в 45-50 лет. Скорее всего, подобная позиция и разделяется большинством россиян, ведь опросы общественного мнения фиксируют, что уровень озабоченности пенсионными проблемами и степень осведомленности о принципах работы пенсионной системы характерны именно для так называемых «предпенсионных групп».

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время молодежь, в вопросе определения предпочитаемого выхода на пенсию никак не отличается от остального населения. Молодежь, как и поколения ее предшественников, по-прежнему досконально не осознает серьезность положения в сфере пенсионного обеспечения, и, как следствие, на данный момент не является ресурсом для изменения ситуации в будущем.

1. Антон Силуанов: пенсионный возраст нужно увеличивать в год по году [электронный ресурс] // Электронная версия периодических изданий Издательского дома «Коммерсантъ» (сайт) URL <http://www.kommersant.ru/doc/2830009> (дата обращения 10.10.2015)
2. В каком возрасте уходят на пенсию в разных странах [электронный ресурс] // Официальный сайт радио «Эхо Москвы» (сайт) URL <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1068988-echo/> (дата обращения 09.10.2015)
3. Что мы знаем о накопительных пенсиях [электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2894 (сайт) URL <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115339> (дата обращения 10.10.2015)
4. Россияне стали терпимее к идее более позднего выхода на пенсию [электронный ресурс] // Электронная версия периодического издания «Известия» (сайт) URL <http://izvestia.ru/news/583842> (дата обращения 10.10.2015)

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ И РИСКОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Волкова К.В., Дудина В.И. (Санкт-Петербург)

Последняя декада XX века в России характеризуются ухудшением демографической ситуации в стране, в том числе сокращением доли трудоспособного населения, что «особенно характерно для учащейся молодёжи, так как наиболее выраженный рост распространённости хронических заболеваний приходится на период обучения»[7].

Отечественными учёными отмечается, что современное российское общество имеет явно выраженные симптомы социального нездоровья, к ним относятся «рост числа нервных заболеваний и суицида, всплеск алкоголизма и наркомании, а, также, рост заболеваемости социальными инфекционными болезнями: туберкулезом, гепатитами, ВИЧ-инфекцией и, в целом, инфекциями, передающимися половым путем (ИППП)» [5].

Согласно данным, представленным Федеральной службой государственной статистики, отмечается динамика снижения уровня здоровья среди молодёжи в возрасте 15-17 лет во втором десятилетии XXI века. В 2012 году у пациентов зарегистрировано заболеваний с диагнозом, установленным впервые в жизни в 1,6 раз больше (143133,5) на 100 000 подростков 15-17 лет, чем в 2000 году (88513,7) [4]. В 2 раза отмечается увеличение числа нервных заболеваний на 100 000 подростков с 2000 года (2048,1) по 2012 год (4129,3). Также, увеличивается количество подростков в возрасте 15-17 лет с психическими расстройствами и расстройствами поведения в 1,5 раза на 100 000 подростков с 2000 (50,8) по 2012 год (73,3).

Психические расстройства являются негативным показателем для совершения самоубийств в данной возрастной группе. Для России характерно самое высокое число совершения суицидов среди населения, у подростков средний показатель самоубийств «более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире» [1]. Среди этих цифр не учитываются попытки самоубийств.

Как отмечает Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство: социологический этюд» [3], высокое число самоубийств характерно для обществ с нестабильной социальной системой. [2].

Анализ суицидов среди молодых людей показывает, что для молодёжи характерны состояния депрессии, агрессивного поведения и высокого уровня тревожности. Согласно статистическим данным, «в западных странах уровень депрессии характерен для 5% подростков, в России этот показатель в четыре раза выше. Кроме того, о самоубийстве задумывается около 45% российских девушек и 27% юношей» [8].

Так, численность пациентов, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя с вредными последствиями (психозом) в данной возрастной группе на 100 000 подростков с 2000 года (791,1) увеличилась в 1,4 раза к 2012 году (1103,0) [4].

В ноябре 2014 – январе 2015 года в г. Петрозаводске Волковой К.В. было проведено социологическое исследование «Здоровье и самосохранительное поведение студентов», где целью являлось выявление состояния здоровья и наличия рискованного поведения учащейся молодёжи. В исследовании были опрошены учащиеся четырёх учебных заведений: Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), Лесотехнического техникума, Кооперативного техникума, Колледжа технологии и предпринимательства. Всего было опрошено 45 учебных групп (609 учащихся).

В рамках исследования изучались: физическая активность, рациональное распределение труда и отдыха, сексуальное поведение, состояние напряженности, негативные привычки (курение, употребление алкоголя), питание респондентов.

Согласно полученным данным, больше, чем 2/3 учащихся занимаются физической активностью часто. Для каждого третьего учащегося причины, по которым игнорируются занятия физической активностью, связаны с ленью, недостаточной силой воли для тренировок, а, также, с нехваткой времени.

В исследовании анализировалось рациональное распределение труда и отдыха респондентов. Согласно полученным данным, среди учащихся 2/3 имеют опыт работы. Каждый третий учащийся работал во время обучения либо во время каникул, которые предоставляются студентам для восстановления сил, затраченных во время обучения. Большинство учащихся не реже, чем несколько раз в неделю, нарушают привычный режим сна из-за выполнения заданий по учёбе. Также, для каждого второго учащегося характерны недосыпания.

Уровень медицинской активности в исследовании измерялся через вопрос о наличии профилактической деятельности в отношении собственного здоровья учащейся молодёжи. (*Вопрос 13: Какая из следующих ситуаций обращения за медицинской помощью наиболее характерна для Вас?*). В соответствии с полученными результатами, у учащихся отмечается очень низкий уровень медицинской активности. Так, профилактическая деятельность характерна только для каждого десятого учащегося. Студенты предпочитают лечить, а не предупреждать болезни.

Также, в исследовании анализировалось наличие безопасного сексуально поведения у респондентов. Студентам был задан вопрос о контрацепции, которую они используют при занятиях сексом. (*Вопрос 26: Пожалуйста, укажите, какими методами контрацепции при занятиях сексом обычно пользуетесь Вы*). Две трети учащихся из тех, кто имел сексуальные отношения, ведёт безопасную половую жизнь: использует в качестве средства контрацепции барьерный метод – презервативы. Наиболее рискованное сексуальное поведение характерно для каждого четвертого учащегося, так как при занятиях сексом не применяются методы контрацепции для предупреждения заражения инфекциями, передающимися половым путём, и для регулирования вопроса возникновения беременности.

В исследовании изучалось состояние напряженности у респондентов через наличие стрессов. Согласно полученным данным, большинство респондентов за последние два года испытывали стресс. Только каждый третий респондент редко испытывает состояние эмоционального напряжения. Каждый четвертый респондент испытывает его несколько раз в неделю. Можно сделать вывод о том, что три пятых учащихся регулярно переживают стресс, что указывает на наличие рискованного поведения в отношении собственного здоровья.

Результаты исследования *негативных привычек* у учащихся демонстрируют наличие рискованного поведения в отношении собственного здоровья. В данном параметре анализировалось наличие *курительного* и *алкогольного* поведения. Две трети респондентов имеют опыт курения сигарет. Но, положительным аспектом является то, что курение стало привычкой меньше, чем для половины учащихся, которые пробовали курить. Стоит учитывать тот факт, что каждый десятый студент отметил, что уже бросил курить, поэтому теперь является не курящим. .

Как и курение, употребление алкоголя является распространённым видом рискованного поведения среди молодёжи. Для учащихся высок риск нарушения здоровья из-за употребления алкоголя. Абсолютное большинство учащихся пробовало алкоголь. Две трети студентов регулярно употребляют алкоголь, а, значит, растрачивают собственный капитал здоровья.

В исследовании анализировалось питание респондентов. Согласно полученным данным, значительное влияние на рациональность питания у студентов оказывает социально-демографический фактор. Так, наличие преимущественно белковых продуктов характерно для юношей. Они в 1,8 раз чаще, чем девушки, употребляют мясо, в 1,9 раз рыбу и морепродукты, в 1,5 раза яйца. Употребление углеводных продуктов характерно как для юношей, так и для девушек Большинство респондентов часто (каждый день или несколько раз в неделю) употребляют крупы, макаронные изделия, фрукты и овощи. Более, чем две трети респондентов, вне зависимости от пола, часто употребляют сладости, что представляет риск для развития таких заболеваний, как ожирение и диабет.

Согласно представленным данным, можно сделать вывод о том, что для молодёжи характерно наличие следующих рисков в отношении собственного здоровья: нерациональное распределение труда и отдыха, небезопасное сексуальное поведение, наличие негативных привычек, (курение и употребление алкоголя), отсутствие медицинской активности в целях профилактики, несбалансированное питание и отсутствие необходимой физической нагрузки.

1. Wasserman D/ *Global suicide rates among young people aged 15–19/ D.Wasserman, Q.Cheng, G Jiang// World Psychiatry.- 2005.- №4.- P. 116.*
2. Джери Д. *Большой толковый социологический словарь/ Д. Джери, Дж. Джери.-М.: Вече-АСТ- (Collins), 1999.- Т.1.С. 32.*
3. Дюркгейм Э. *Самоубийство: Социологический этюд/Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова.-М.: Мысль, 1994.- С. 255.*
4. *Заболееваемость подростков в возрасте 15-17 лет по основным классам, группам и отдельным болезням [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. –URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_34/Main.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. Рус (дата обращения 10.04.2015)*
5. *Иудин А.А.Индикаторы социального нездоровья. Типология носителей ИППП/ А.А. Иудин, И.Л. Шлико // Социология.- 2005.- № 1.- С.71.*
6. *Контингенты подростков в возрасте 15-17 лет с психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_34/Main.htm, свободный. - Загл. с экрана. – Яз. Рус (дата обращения: 21.02.15)*
7. *Римашевская Н.М. Особенности развития демографических процессов в современной России// Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. – 2012.- №15. - С. 3*
8. *Смертность подростков в Российской Федерации/ В.Ю. Альбицкий [и др.] М.: ЮНИСЕФ,2010. С. 51.*

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Воронина О.А. (Киров)

Нестабильность мировой политики кон. XIX в. – нач. XXI в. приводит к изменению социально-экономических условий в России, которые существенно повлияли на социальное самочувствие молодых семей. Именно в молодой семье, как в зеркале отражены противоречия и проблемы общества, трансформация духовно-нравственных основ института семьи, возможности реализации индивидуальных жизненных стратегий. Отсутствие стабильного заработка, низкая оплата труда, неясные перспективы решения жилищных проблем оказывают отрицательное влияние на репродуктивное поведение молодой семьи, а также сказываются на проблеме оттока молодых специалистов в другие регионы и даже страны.

По экспертным оценкам, в России насчитывается около 50 миллионов семей и каждая пятая семья – молодая. В настоящее время отсутствует однозначное понимание термина «молодая семья». Трактовки данного понятия можно встретить в нормативно-правовых актах и социально-психологических исследованиях. Так, в «Основах государственной молодежной политики до 2025 г.» [2] молодая семья обозначена как семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет.

М. С. Мацковский и Т. А. Гурко относят к молодой семье супругов в возрасте не более 30 лет, со стажем совместной жизни до 5 лет включительно (оба супруга состоят в первом зарегистрированном браке) [3]. Стаж существования семьи до 5 лет обусловлен тем, что в этот период складывается характер супружеских отношений, которые находятся под влиянием брачного выбора, идет процесс адаптации супругов друг к другу [4].

Первые пять лет совместной жизни для молодых супругов являются фундаментом всего будущего существования семьи. Вместе с тем, статистика свидетельствует, что молодая семья менее устойчива: 1/3 всех разводов приходится на семьи, существующие менее года, и еще 1/3 – с брачным стажем от года до пяти лет; вероятность развода лиц до

20-летнего возраста в два раза выше и наиболее чревата для семьи, детей, самого института семьи [1]. Таким образом, кризис молодой семьи, проявляется в сокращении числа браков, распаде практически половины семей, сокращении рождаемости, увеличении доли детей, рожденных вне брака, бедственном положении многодетных и неполных семей, росте негативных проявлений в воспитании, образовании и социализации детей в семьях (в первую очередь – кризисных семьях), росте насилия над детьми в семьях.

В связи с выше обозначенным в последнее время проблемам социального самочувствия молодых семей уделяется значительное внимание со стороны учёных, специалистов, политиков, государственных и муниципальных служащих, общественных организаций. За последние годы в стране для решения проблем молодых семей сделано немало: увеличиваются пособия на детей, растёт материнский капитал, увеличилась оплата отпуска по уходу за ребёнком до полутора лет, единовременное пособие при рождении ребёнка, создаются программы по решению жилищных проблем и др..

В рамках подпрограммы «Обеспечение жильём молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 гг., на 2011 – 2015 гг. средства федерального бюджета направлялись в субъекты Российской Федерации с целью оказания адресной помощи молодым семьям, участвующим в реализации соответствующих региональных и муниципальных программ, направленных на улучшение жилищных условий в случае рождения (усыновления) ребенка.

Реализация подпрограммы способствовала разработке и принятию в субъектах Российской Федерации не только программ по поддержке молодых семей в улучшении жилищных условий, но и региональных программ по развитию ипотечного жилищного кредитования. Если на начало 2006 г. 55 субъектов Российской Федерации имели программы развития ипотечного жилищного кредитования (Ленинградская, Волгоградская, Пензенская, Кировская, Ростовская, Свердловская области, Республики Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Коми, Татарстан, Москва, Санкт-Петербург и др.), то в течение 3 лет (к 2009 г.) ещё 25 субъектов Российской Федерации разработали и утвердили новые региональные программы по развитию ипотечного жилищного кредитования. Всего на сегодняшний день такие программы действуют в 80 субъектах Российской Федерации [5].

Эффективность представленных мер, мы можем оценить через измерение социального самочувствия молодых семей как их обобщённую эмоционально-оценочную реакцию на социальные изменения и свое положение в трансформирующемся обществе.

В качестве инструментария исследования были использованы: 1) методика «Интегральный индекс социального самочувствия» Е. И. Головахи, Н. В. Паниной, А. П. Горбачика; 2) анкета «Определение характеристик социального самочувствия молодой семьи». Под социальным самочувствием мы понимаем интегральную комплексную оценку восприятия человеком собственного благополучия, определяющуюся степенью удовлетворения потребностей в основных сферах жизнедеятельности. Нами были установлены сферы социальной жизнедеятельности молодой семьи, степень оценки благополучия в которых (достаточность или нехватка соответствующих социальных благ) определяет общий уровень социального самочувствия индивида: материальная, трудовая, семейная, культурная, физиологическая и политическая.

Для изучения характеристик социального самочувствия молодых семей нами было проведено исследование, в котором приняли участие 50 молодых семей, состоящих в первом зарегистрированном браке. В каждой семье опрашивались оба супруга. Возраст респондентов варьируется от 18 до 30 лет.

Мы зафиксировали пониженный уровень социального самочувствия у молодых семей, основными индикаторами которого стали следующие.

1. Неудовлетворенность социально-экономических потребностей, таких как хорошее жильё (67%) и подходящая работа (66%). 78% семей беспокоят материальные

проблемы, каждая седьмая семья обеспокоена безработицей, каждая третья – социальной незащищенностью. Отсюда вытекает важнейшая проблема стабилизации и укрепления современной молодой семьи – это ее материальное обеспечение на достойном уровне.

2. В социально-медицинской сфере молодых супругов в большей степени не устраивает необходимая медицинская помощь (89%) и уровень личного здоровья (59%). Молодые семьи отмечают большие трудности, связанные с доступностью медицинских услуг для детей (89%).

3. В социально-политической сфере молодые семьи отмечают нехватку стабильности в государстве и обществе (66%), снижение уровня жизни (64%). Далее в ранжированном ряду значимых проблем выделены: высокий уровень преступности (26%); наркомании (18 %); СПИД (11%); межнациональные конфликты (7%); межрелигиозные конфликты (2%).

4. В социально-психологической сфере молодые супруги испытывают неуверенность в своих силах (37%) и не удовлетворены собственной решительностью в достижении целей (46%). Так же 53% опрошенных не удовлетворены уровнем образования, 54% возможностью полноценно проводить отпуск, 43% экологической безопасностью.

Таким образом, на сегодняшний день эффективность социальной поддержки молодых семей является недостаточной, об этом свидетельствует пониженный уровень социального самочувствия, а так же низкая степень удовлетворенности отдельными показателями социального самочувствия, такими как: материальное положение, жильё, образование, работа, доступность медицинских услуг, досуг и стабильность политической ситуации в стране.

1. *Концепция государственной политики в отношении молодой семьи: утверждена министром образования и науки Российской Федерации А. А. Фурсенко 08.05.2007 г., № АФ-163/06. – Режим доступа: [http://www.rostov-gorod.ru/?ID=5035].*
2. *Основы государственной молодежной политики до 2025 года (утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р). – Режим доступа: [http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/sredne-professionalnoe-obrazovanie/normativnye-dokumenty/osnovy-gosudarstvennoj-molodezhnoj-politiki-rf-do-2025-goda.html].*
3. *Васильева Н. У. Молодая семья: проблемы и перспективы // Вестник ВЭГУ. – 2010. – №4(48). – С. 119–124.*
4. *Лукьянова И. Е., Прохорова Э. М., Шиповская Л. П. Семейведение. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 265 с.*
5. *Современные социально-политические процессы в регионах России и мира // Волченкова Е.В., Воронина О.А., Морозов Н.М., Трахименюк А.А., Тутова М.С. / Книга 2. – Краснодар: АНО «Центр социально-политических исследований «Премьер», 2012. – 102 с.*

ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Ганиева А.Р. (Казань)

Рассмотрение молодежных субкультур Татарстана предполагает изучение общественного мнения о таких объединениях, их роли в обществе, социальных последствий функционирования и воздействии на подростков и молодежь.

С целью изучения отношения общества к молодежным субкультурам, было проведено массовый опрос жителей Республики Татарстан. Исследование проведено в рамках проекта «Преимственность и конфликт поколений в условиях информационного,

полиэтнического, поликонфессионального общества» (на материале Республики Татарстан)».

Опрос населения Республики Татарстан осуществлен по репрезентативной квотной выборке в декабре 2012 – январе 2013 года (N=1450 чел.). В качестве квот выступили такие параметры, как возраст респондентов, пол, этническая принадлежность, место проживания.

Целью исследования являлось выявление особенностей восприятия молодежных субкультур жителями Республики Татарстан. Для достижения цели предполагалось решить следующие задачи:

- установить наличие или отсутствие субкультурного опыта у респондентов и их ближайшего окружения;
- выявить информированность жителей Республики Татарстан о молодежных субкультурах;
- определить воспринимаются ли молодежные субкультуры респондентами скорее позитивно или негативно;
- узнать какие позитивные и негативные аспекты молодежных субкультур выделяются респондентами.

Перед проведением исследования были выдвинуты гипотезы о низкой вовлеченности в субкультурную деятельность большей части татарстанского общества и о ее неинформированности о молодежных субкультурах. Также предполагалось, что респонденты старшего возраста выделяет скорее негативные аспекты молодежных субкультур, а молодые люди подчеркивают позитивные стороны таких сообществ.

Проанализировав данные, полученные в ходе массового опроса населения, можно сделать вывод: феномен молодежных субкультур в республике не распространен широко. Подавляющее большинство (89,7%) опрошенных не являются представителями молодежных субкультур, не имеют опыта пребывания в субкультурах, а также у них нет знакомых из субкультурной среды. Это показывает, что феномен молодежных субкультур не имеет широкого распространения на территории республики, даже, несмотря на то, что более 80% опрошенных являются жителями крупных городов (Казани, Набережных Челнов, Нижнекамска). Являются представителями субкультур лишь 1,2% опрошенных. Среди ответивших таким образом больше всего представителей возрастной категории от 16 до 24 лет (55, 6%) и 25-34 (22,2%), чем старше респондент по возрасту – тем реже встречается подобный ответ.

Это закономерное, во-первых, в русле оценки молодежных субкультур как на определенном лиминальном этапе в жизни подростков и молодых людей, помогающего им перейти в ранг взрослых. Во-вторых, стоит учесть, что процесс массового распространения субкультур в нашей стране начался только в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В советское же время субкультуры подвергались государственному давлению или даже преследованию (больше идеологическому) и представляли собой лишь очаги субкультурной активности. Та же самая закономерность прослеживается в спектре ответов на вопрос о наличии знакомых, представляющих молодежные субкультуры. При рассмотрении разделении ответов по полу, обнаружено, что среди признавших себя участниками молодежных субкультур больше представителей мужского пола (чуть более 60%). Это подтверждает идею о постсоветском буме в развитии молодежных субкультур, с широким распространением делинквентных молодежных сообществ, в которых девушки не принимают столь активного участия, как парни и молодые мужчины. Эти результаты можно объяснить и тем, что, традиционно, общество (не только российское) более толерантно относится к участию в молодежных субкультурах парней, нежели девушек [1]. В связи с этим, часть девушек, имеющих опыт субкультурной активности могли скрыть свое участие в подобных объединениях или же предпочли не называть такую активность участием в молодежной субкультуре.

В ответах на вопрос о членстве в конкретных субкультурах и наличии в них родственников, друзей и знакомых преобладал выбор субкультур, связанных с музыкальными интересами и направлениями: рокеры, рэперы, панки, металлисты, растаманы. Часто назывались также следующие субкультуры: готы, эмо, хиппи, анимэ, байкеры. Из субкультур, имеющих политическую направленность, назывались скинхеды, нацисты, «Наши». Из субкультур связанных с общественной активностью, были отмечены волонтерское движение, «детский орден милосердия» и защита животных.

Интересны обобщающие ответы «нифер», «неформалы», «всяческие неформальные объединения», «мы отличаемся, но субкультур сейчас нет никаких». В этих ответах прослеживается тенденция к недифференцированности, интеграции и снятия жестких противоречий между различными молодежными субкультурами, этот тренд свойственен периоду 2000-х гг. В то же время остается важным аспект дистанцирования себя от «обычного большинства».

В ходе анализа данных исследования находят подтверждение гипотезы об амбивалентности оценки молодежных субкультур респондентами и о неинформированности последних о субкультурах. Так, почти половина опрошенных (46,8%) затруднились ответить на вопрос: «Если говорить в целом, то неформальные молодежные объединения, субкультуры приносят в основном пользу или вред?». Это может быть связано с отсутствием в российском обществе, в Республике Татарстан, в том числе, глубинного понимания феномена молодежных субкультур, их влияния на процессы социализации подростков и молодежи. Это ведет к некоторой неопределенности большей части общества в вопросе оценки влияния субкультур на молодежь. При этом принадлежность к определенной возрастной категории здесь не так значима, ответы распределились примерно поровну по всем когортам. Молодежь также в своем большинстве затрудняется дать однозначную оценку о вреде или пользе молодежных субкультур. Необходимо также отметить, что молодежные субкультуры - явление многоаспектное и представлено различными направлениями (от сообществ по музыкальным интересам до делинквентных группировок), поэтому вынести однозначную единую для всех оценку о пользе или вреде всей совокупности субкультур было затруднительно. Большая часть населения даже не сталкивалась с этим явлением напрямую. Поэтому в российском обществе (в Республике Татарстан, в частности) еще не сложилось четкого и глубокого понимания феномена молодежных субкультур, соответственно, вопросы о пользе и вреде молодежных субкультур, а также об их воздействии на молодежь, вызывают явное затруднение у респондентов.

В условиях недостатка достоверной информации и непонимания сути процессов, происходящих в молодежной среде, на общественное мнение существенное влияние оказывают средства массовой информации, которые акцентируют внимание в основном на негативных аспектах молодежных субкультур, таким образом, формируя мнение о молодежных объединениях как о явлении потенциально опасном для подростков и молодежи.

Молодежным субкультурам очень часто приписываются черты, которые на самом деле им не свойственны. На это следует обратить внимание, так как подобные ответы давали люди, не имеющие опыта пребывания в молодежных субкультурах и плохо знакомых с внутренним устройством и ценностями конкретных молодежных объединений. Можно предположить, что, отвечая таким образом, большая часть респондентов имела в виду субкультуры готов, эмо и сатанистов, имеющих мрачную символику, связанную с культом смерти, обрядами жертвоприношений и гиперэмоциональностью и неустойчивостью психики участников.

На наш взгляд, ответы респондентов о воздействии субкультур на молодежь, чаще всего выбиравших варианты о негативном воздействии субкультур, связаны именно с негативистским медиа-дискурсом о молодежных субкультурах. Подчеркнем, что такие варианты практически одинаково часто выбирали представители всех возрастных

категорий от подростков и молодежи до людей старшего поколения. Ответы о позитивном воздействии молодежных субкультур давали в основном возрастные категории в диапазонах 16-24 года и 25-34 года, наиболее близкими по возрасту к большинству из представителей молодежных субкультур. Молодежь больше склонна воспринимать и оценивать субкультуры с точки зрения возможностей самовыражения, творчества и развития.

1. Angela MacRobbie. *Postmodernism and Popular Culture*. Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1129417&pg=3>

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСТВА)

Гафиятуллина К.Р. (Екатеринбург)

Обращение к классическому социологическому наследию позволяет сделать вывод о том, что классики социологического знания обращали внимание, прежде всего, на коллективные действия людей, на их поведение как членов тех или иных социальных групп. Так, Г. Спенсер отмечает: «... в то время как в развитых сообществах обоих видов действия жизненно важных компонентов этих частей становятся возможными только в рамках комбинаций действий, составляющих жизнь целого»[2, С.103]. Э. Дюркгейм также подчеркивает принудительный характер формирования стереотипов поведения: «... при рождении индивид находит готовыми законы и обычаи, правила поведения, язык, денежную систему, функционирующие независимо от него. Эти образы мыслей, действий и чувствований существуют самостоятельно, объективно. Каждый человек испытывает на себе социальное принуждение»[1, С.302]. Выявляя факторы совершаемых действий, автор (равно как и другие основоположники социологического позитивизма) подчеркивал заданную системой упорядоченность и однозначность поведения её составляющих. В это контексте стабильность в обществе достигается благодаря следованию членами общества заданным типам поведения. Несмотря на то, что позитивистская парадигма в социологии во многом уже преодолена, и современными исследователями уделяется значительное внимание конструктивистским аспектам человеческих действий, предложенная позитивистами идея, тем не менее, остается методологически важной при исследовании религиозного поведения.

В более поздних социологических работах, в следствие парадигмальных трансформаций, акцент смещается в сторону анализа индивидуального поведения, конструирование индивидами своих действий в рамках группы. Это позволяет перейти к изучению от субъект-объектного к субъект-субъектному подходу изучения связи общества и индивида. В то же время такой подход подчеркивает идею неоднородности общества и необходимости наличия системы координат, позволяющей создавать определенные символические критерии для объединения людей в разные социальные группы и отнесения к ним. С этим связана необходимость для членов различных групп следовать определенным правилам, что позволяет как им самим идентифицировать себя с определенной группой, так и сделать тоже самое представителям других групп. Все сказанное в полной мере относится к таким социальным группам и общностям, как представители различных конфессий, религиозные организации, религиозные общины.

При социологическом анализе рассматриваемых вопросов особого внимания заслуживает изучение религиозного поведения и религиозных взглядов такой социальной группы, как молодежь, а также молодежных подгрупп. Актуальность таких исследований обусловлена рядом факторов. Не пытаясь в рамках тезисов нарисовать полную картину этих факторов, обратим внимание на ведущие. 1. Религиозные лидеры, активисты

религиозных общин особо пристальное внимание обращают на работу с молодежью, поскольку именно её приток в религиозные организации обеспечивает будущее последних. 2. В то же время именно современная российская молодежь, по данным социологических (немногочисленных) исследований, наиболее, по сравнению с другими демографическими группами, индифферентна к религии в целом, к участию в религиозных практиках, к религиозным идеям.

Молодежь - это та социально-демографическая группа, которая находится на этапе становления, группа, проходящая стадию социализации. Их стремление включиться в разные социально-культурные группы довольно велика, как ввиду мировоззренческой неопределенности, восприимчивости ко всем социальным изменениям, так и в следствие мировоззренческого и ценностного поиска. Нужно обратить внимание на то, что констатируемое исследователями «возвращение» религии в обыденную светскую жизнь россиян, что проявляется в их самоидентификации (отнесении себя к тому или иному религиозному течению, чаще всего к православию), в участии в различных религиозных таинствах (венчание, отпевание, широкое празднование курбан-байрама), и др., нельзя считать характерным для молодежи.

Для анализа особенностей религиозного поведения молодого поколения нами было проведено социологическое исследование в ноябре-декабре 2014г. – опрос студенческой молодежи Свердловской области. Под религиозным поведением мы понимаем те поведенческие практики, которые традиционно относятся к культовым практикам: частота посещения храмов; участие в различных мероприятиях, проводимых религиозными общинами; участие в религиозных праздниках и др. Данные, полученные в результате исследования, свидетельствуют о том, что большинство студентов либо вообще не бывают в храме, мечети, либо посещают его очень редко, причем, если можно так выразиться, совсем не с религиозными целями. Храм, мечеть, молельный дом и др. посещают один раз в два или в три месяца 17,5% от общего числа опрошенных, 29% посещают один раз в год и реже, и 30% не посещают вообще. В качестве причин, по которым студенты ходят в храмы, мечети, молельные дома и др. – 34% отметили желание помолиться (в тяжелой жизненной ситуации); желание хотя бы ненадолго отвлечься от повседневной суеты (21%). Храмы, мечети, молельные дома и др. посещают во время «больших» религиозных праздников 20,5% опрошенных; еще одной причиной является необходимость совершения религиозных обрядов, связанных с созданием семьи, рождением детей и похоронами (20%). Для современной студенческой молодежи достаточно модным стало венчание в церкви, но относятся к нему не как к религиозному, культовому действию, а скорее как к продолжению свадебных и брачных церемоний. Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что для молодых людей храм, мечеть, молельный дом и др. являются каким-то отдельно существующим миром, отошедшим от мирских проблем, сложностей, миром спокойствия. Именно этим и объясняется такой высокий процент студентов, которые храм воспринимают как место, где можно отвлечься от суеты. Интересным является и тот факт, что студенты, которые редко, нерегулярно посещают храм изъявляют готовность и желание помолиться в тяжелой жизненной ситуации или же в преддверии важных религиозных праздников. Что же касается совершением обрядовых процедур, то это в большей степени свидетельствует всего лишь о возрождении традиции.

Примерно та же тенденция имеет место и при анализе частоты посещения различных религиозных мероприятий. Регулярно участвуют в праздниках, организованных религиозными объединениями всего лишь 6% опрошенных и 28%, от общего числа опрошенных, посещают их от случая к случаю. В культовых мероприятиях молодые люди участвуют еще с меньшей охотой. Всего лишь 24% посещают подобные мероприятия от случая к случаю и более 70% не посещают их вообще. Гораздо чаще молодые люди участвуют в благотворительных мероприятиях (54%). Интересным является тот факт, что многие не отождествляют благотворительные мероприятия с

религией, это больше олицетворение светской формы благотворительности. В то же время, именно религиозные объединения часто являются инициаторами различных благотворительных акций, и участие в них молодежи расценивают, как определенную возможность последующего её привлечения к более активным религиозным практикам. Если говорить об эмоциональной составляющей участия в религиозных мероприятиях, то для 48% опрошенных это приносит умиротворение, для 39% надежду на божественную помощь в светских делах и для 36% - гармонию с окружающим миром и самим собой.

Делая вывод, можно сказать, что поведение молодежи религиозным можно назвать лишь условно. Религиозным представители исследуемой молодежной подгруппы называют, как правило, поведенческие практики, которые собственно религиозными не являются, а совершаются «по поводу» или «в связи» с каким-либо религиозным мероприятием или праздником. Это больше дань моде или просто идентификация себя с определенной нацией, народом. Безусловно, в ситуации социально-экономического, социально-культурного кризиса обращение молодежи, в том числе и студенчества, к религии становится более актуальным и активным, поскольку именно религия может преставиться как основание стабильности, хранительнице ценностей и морали (что действительно таковым и является). Но это совсем не означает увеличение влияния религии на российскую молодежь, приобретения совершаемыми ею поступками статуса религиозного поведения.

1. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков.* – М., 1996.
2. Спенсер Г. *Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер; Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина.* — Минск: Современный литератор, 1998

РОЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Голубева И. (Нижний Новгород)

«Волонтерство» обычно понимается как деятельности, направленная на предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно и без денежного вознаграждения. Добровольчество можно употреблять как синоним, т.к. это понятие, употребляемое в отечественной практике.

Добровольцы – это люди, осуществляющие свою деятельность неформально, которые работают на общественных началах, как в государственных, так и в коммерческих организациях социальной сферы [1, 54]. В России в волонтерской деятельности принимают участие по большей части молодые люди, но институт добровольчества развивается, поэтому все чаще люди других возрастов начинают включаться в это направление.

Добровольческая деятельность выполняет ряд функции в обществе. Например, организаторскую (спортивных, досуговых мероприятий), профилактическую, социально - бытовую, социально-медицинскую. Вовлечение студентов в волонтерскую деятельность способствует развитию у них необходимых качеств в плане профессионального ориентирования, личностного потенциала, это помогает студенту почувствовать свою социальную значимость. Мотивом вступления в добровольческую организацию может служить приобретение полезных социальных и практических навыков, таких как коммуникативные, лидерские, а также исполнительная дисциплина [2, 155].

Добровольчество дает чувство команды, сопричастности, осознание значимости личного вклада в общее дело, наращивание социального капитала, которое выступает альтернативой материальному вознаграждению. Работая в коллективе

единомышленников, человек получает признание общества, осознает нужность своего труда. □3, 140□. Студент ощущает себя принадлежащим к вузовской группе, особому кругу людей, связанных одной темой, символикой, делом.

В Нижегородском университете им. Н.И.Лобачевского в рамках внеучебной деятельности в добровольческом направлении существуют различные студенческие активы. После перерыва в работе Волонтерского центра было принято решение создать факультетские подразделения. Например, студенты факультета социальных наук направления «Социальная работа» прошли дистанционный курс по волонтерству. На данный момент формируется структура центра, состав и руководители. Организация Центра позволит соединить разрозненные организации в единую систему, чтобы социальные акции и мероприятия, проводимые в сотрудничестве с социальными учреждениями Нижнего Новгорода, как государственными, так и некоммерческими, носили постоянный характер.

1. Кулакова, В.Е. Студенческое добровольчество как социальный феномен современного общества / В.Е. Кулакова // *Международная молодежная школа-семинар в 6 частях. Под редакцией Родионова Е.Д.*. 2013, – С. 54-58.
2. Юдина Т.А. Наставничество как условие подготовки волонтеров к работе в социальных учреждениях/ Т.А. Юдина, М.Н. Балаян // *Известия Сочинского государственного университета*, 2013. – № 1 (23). – С. 152-157.
3. Горбулёва, М.С. Добровольчество: генезис и мотивы / М.С. Горбулёва // *Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin)*, 2015. – №5 (158). – С.140-146.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА - ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Горчакова Д.С. (Москва)

Проблема экономического положения молодежи всегда остро стояла в переломные моменты истории ряда государств и народов. В начале XXI века эта проблема принимает глобальный характер, так как участвовавшие кризисы в экономике значительно оказывают воздействие на социальное, политическое и экономическое положение молодежи.

По официальным данным на 1 января 2015 года в России проживало 36 млн. молодых граждан[1]. Доля молодых людей среди трудоспособного населения нашей страны составляет приблизительно 42%. По прогнозам, к концу 2016 года она несколько увеличится и достигнет в среднем по стране 44%. Данный демографический анализ населения России разработан Госкомстатом РФ с учетом сложившейся ситуации и тенденции изменения рождаемости, смертности и миграции населения.

Величина данного показателя имеет значительный вес в общем объеме трудоспособного населения, поэтому актуальность анализа экономического положения молодого поколения не вызывает сомнений.

На сегодняшний день наиболее острым вопросом становится понимание того, как развиваться в условиях текущего кризиса с наличием неудовлетворительного экономического состояния молодежи.

Для решения данного вопроса выдвигается понятие “человеческий потенциал” как фактор улучшения экономического положения и его развитие в условиях кризиса.

Человеческий потенциал - это интегральная форма многообразных явных и скрытых свойств населения страны, отражающая уровень и возможности развития ее граждан при определенных природно-экологических и социально-экономических условиях[2].

Человеческий потенциал на сегодняшний день в основном измеряется в рамках интеллектуального, социального и культурного аспектов[3].

В данном исследовании акцент сводится к улучшению экономического положения молодежи в условиях кризиса на основе развития человеческого потенциала в рамках экономического аспекта.

Человеческий потенциал может способствовать росту экономического положения тогда, когда он обеспечивается не только повышением дохода на душу населения, но и когда он создает достаточный уровень государственных расходов, которые инвестируются в социальную сферу, а также сопровождается справедливым распределением ресурсов в экономике.

Развитие человеческого потенциала в рамках экономического аспекта в кризис возможно только в специально созданных условиях. Такими условиями могут быть:

- соответствующая экономическая система, где существует приоритет индивидуальных ценностей и удовлетворение базовых потребностей человека;
- соответствующая патерналистская политика государства;
- экономический рост как средство, позволяющее увеличить расходы на развитие человеческого потенциала.

При выше обозначенных условиях улучшение экономического положения молодежи через призму развития человеческого потенциала в рамках экономического аспекта возможно в нескольких направлениях:

- создание условий и возможностей молодому поколению зарабатывать средства для удовлетворения своих потребностей. Целью выступает на первый план самореализация, где ряд профессий, которые в настоящее время не востребованы и не лоббируются в обществе стали бы необходимыми и значимыми. К числу секторов, которые включают особо значимые профессии необходимо отнести: аграрный и агроинженерный, естественно-научный, математический, технический и технологический, педагогический, культуры и искусств;

- обеспечение рациональной занятости молодого поколения на основе сохранения рабочих мест на жизненно важных и перспективных предприятиях (таких как: легкая промышленность, сельское хозяйство, строительство), а также создания новых рабочих мест;

- формирование среднего значения величины оплаты труда как фактора стабилизации общества на основе значительного роста денежных доходов молодого поколения;

- повышение социальной защиты молодого поколения на основе улучшения социального обслуживания, усиления адресности оказания помощи, рационализации системы льгот.

Из выше обозначенных направлений выделяются три основных параметра, которые необходимо совершенствовать в рамках исследования человеческого потенциала с точки зрения экономического аспекта. К ним относятся: оплата труда, социальная защита, социальное обслуживание.

1. Для достижения положительных результатов в области оплаты труда необходимо:

- совершенствование структуры заработной платы, повышение доли оплаты труда по тарифным ставкам и окладам. Необходим рост заработной платы до уровня, соответствующего современным требованиям воспроизводства рабочей силы;

- формирование рыночных механизмов регулирования оплаты труда, усиление стимулирующей роли заработной платы в увеличении производительности труда и эффективности производства;

- приближение государственных минимальных социальных стандартов в области оплаты труда к минимальному потребительскому бюджету;

- регулирование межотраслевых различий в заработной плате, повышение уровня заработной платы в сельском хозяйстве и социально-культурных отраслях;

- усиление законодательной защиты прав наемных работников на труд и его справедливую оплату.

2. Вторым параметром является социальная защита. Важной составляющей обеспечения социальной защиты молодого поколения является социальное страхование.

Для достижения положительных результатов по социальной защите необходимо:

- установление дифференцированных страховых взносов в зависимости от величины расходов по каждому виду страхования;

- увязка размеров страховых услуг с размерами взносов и периодами их уплаты;

- персонафицированный учет по отдельным видам страхования;

- стимулирование увеличения страховых накоплений за счет собственных средств застрахованных;

- осуществление строгого контроля за расходованием страховых средств;

- освобождение страховых внебюджетных фондов от выплат пособий нестрахового характера.

3. Для достижения положительных результатов по социальному обслуживанию необходимо:

- развитие сети нестационарных учреждений как наиболее экономичных и приближенных к реальным нуждам молодого поколения;

- расширение практики предоставления социальных услуг на дому;

- создание комплексных территориальных центров социального обслуживания, обеспечивающих оказание максимальной и разносторонней помощи молодежи. При этом будут учитываться утвержденные социальные стандарты, что повысит уровень, доступность и качество оказываемых услуг.

Развитие указанных выше параметров помогут развить человеческий потенциал, что в свою очередь позволит улучшить экономическое положение молодежи в непростое текущее время.

Ведь от того, каковы основные принципы молодого поколения, каков его характер, зависит развитие основных сфер жизнедеятельности общества в целом. А нравственное здоровье молодого поколения определяет судьбу, будущее народа.

1. *Распределение численности населения Российской Федерации по полу и возрастным группам на 1 января 2015 года // GKS.RU: Федеральная служба Государственной статистики.2015.URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population*
2. *Катайцева Е.А. Воспроизводство человеческого потенциала науки в условиях перехода к инновационной экономике: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.01 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2010.*
3. *Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения. – М., 2002. – 265с.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Гринкевич О.В. (Минск, Республика Беларусь)

В 1989 году сотрудниками Проблемной НИИ социологических исследований Белорусского государственного университета при содействии Госкомобразования СССР было проведено межрегиональное социологическое исследование «Образ прошлого и образ будущего в сознании студентов». Его результаты показали, что последствия курса партии, направленного на кардинальную перестройку общества, породили негативные настроения среди студенческой молодежи, что сказалось и на её оценке советского периода отечественной истории. Так, большинство студентов (46%) определили историю

страны как «цепь трагических ошибок, которые завели страну в тупик, выхода из которого нет» [4]. Впрочем, в отношении будущего студенческая молодежь оказалась настроенной более оптимистично. 40% опрошенных ожидали положительных изменений, хотя и в отдаленной перспективе, а 8% – рассчитывали, что грядут важные социально-экономические достижения [4]. Представление студенческой молодежи о будущем, в свою очередь, раскрывалось через должную, по их мнению, организацию общества в трех сферах: национально-государственной, экономической и политико-правовой. При этом авторы отметили, что «целостной, непротиворечивой концепции будущего состояния общества нет сегодня ни в самом обществе, ни в партии, ни в государстве. Естественно, что ее нет и у современной молодежи» [4]. Тем не менее, исследование выявило особую напряженность в прибалтийском регионе и Армении. В отношении будущего национально-государственного устройства СССР там были более распространены сепаратистские настроения (в Литве – 59%, в Эстонии – 66%) и Армении (32%) [4]. Заметим, они впоследствии стали одними из первых республик, заявивших о выходе из Советского Союза [3]. В экономическом плане молодежь данных республик также чаще других придерживалась идеи свободного рынка: в Армении – 27%, Литве – 31%, Эстонии – 34% [3]. В прибалтийском регионе, в том числе, оказалось и наибольшее количество приверженцев многопартийной системы (91%). Таким образом, исследуя образы будущего, можно сделать выводы о господствующих в обществе социальных ожиданиях и потребностях. К тому же после распада СССР прошло практически 25 лет, а за это время бывшие советские республики прошли серьезный путь политических и социально-экономических преобразований, в связи с чем становится актуальным анализ современных образов будущего молодежи, когда многие трудности прошлого периода преодолены и появляются новые вызовы современности.

В целом под образом будущего следует понимать целостный, достаточно схематичный и эмоционально окрашенный набор представлений индивидов и их групп об ожидаемых состояниях различных сфер жизни общества (политическая, экономическая, социальная, духовная) и своих позиций в них с учетом определенных временных перспектив – ближайшее и отдаленное будущее, включающие как желаемые, так реальные их характеристики. Следует отметить, что образ будущего выступает предметом интереса самых разнообразных сообществ – научных (в рамках прогнозирования), ненаучных (научная фантастика, футуризм и другие жанры в литературе, кино и иных видах искусства), квазинаучных (гадания, астрология, колдовство и прочие эзотерические практики), гражданского общества, и имеет, в том числе, свое оформление в рамках отдельного направления – футурологии.

Исследование настоящей проблематики становится особенно важным в отношении молодежи, поскольку для неё являются смысложизненными вопросы «дальнейшего выбора профессионального пути, профессионального самоопределения, планирования и построения карьеры, создания семьи» [2]. Так, образ будущего в её сознании оказывается тесно связан с понятиями жизненных перспектив и ценностных ориентаций, столкновение которых, в свою очередь, впоследствии может повлечь за собой рост социального напряжения. Абрамова С.Б. пишет: «в условиях многообразия различных норм, ценностей и ориентаций, которые все одновременно являются допустимыми, может произойти несоответствие ожиданий индивида от общества и общества от индивида» [1]. В связи с этим, поднимаются вопросы проектирования «образа будущего» среди молодежи, что находит свое отражение в понятии молодежной политики, причем в данном случае её дифференцируют как для различных возрастных подгрупп, так и её делинквентных, социально дезадаптированных представителей.

При исследовании образов будущего у молодежи А.К. Байжанова и Е.А. Кукуев предлагают анализировать соотношения характеристик её «цели» и «мечты-фантазии» [2]. Важным является также соотнесение персональных образов будущего и по отношению к

обществу в целом. Необходимым становится и анализ соответствия представлений молодежи о своем будущем и прогнозов, даваемых специалистами.

Представления молодежи о будущем могут выступить реальной основой социальных противоречий в обществе и активных действий на их базе. В связи с этим они требуют своего тщательного и комплексного анализа, поскольку могут дать необходимую информацию для урегулирования возможных социальных конфликтов.

1. *Абрамова С.Б. Образ будущего: ориентиры современной молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31850/1/srbu_2015_01.pdf. – Дата доступа: 26.09.2015.*
2. *Байжанова А.К., Кукуев Е.А. К вопросу об изучении образа будущего у современной молодежи / А.К. Байжанова, Е.А. Кукуев // Актуальные вопросы современной психологии и педагогики [Текст]: Сборник докладов X-й Юбилейной Международной научной конференции (Липецк, 23 июня 2012 г.). / Отв. ред. А.В. Горбенко. – Липецк: Издательский центр «Гравис», 2012. – С. 171-174.*
3. *История России. XX век. Учебное пособие / О.А. Яновский, С.В. Позняк, В.И. Меньковский [и др.]; под ред. В.И. Меньковского, О.А. Яновского — Мн.: РИВШ, 2005. — 704 с.*
4. *Образ прошлого и образ будущего в сознании студентов. Аналитическая записка по материалам социологического исследования (ноябрь-декабрь 1989 г.). Москва – Минск, 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sovso.ru/dokum/89om11.doc. – Дата доступа*

НИВЕЛИРОВАНИЕ РИСКОВ МОЛОДЁЖНОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Грошева Л.И. (Тюмень)

Возможность реализации потенциала молодого человека в современном мире, наполненном рядом кризисных явлений, неразрывно связана с принятием рискованных решений и моделей поведения. Интенсификация социальных связей и коммуникаций благодаря социальным сетям виртуального пространства, с одной стороны, формирует благоприятные условия для актуализации различных навыков и способностей молодых людей. Однако в то же время их поверхностный уровень и нестабильность повышают ощущение неуверенности в будущем и стремление нивелировать рискованные варианты развития событий как таковые. Бизнес-активность непосредственно сопряжена с риском ввиду высокой конкуренции как внутри определённой отрасли, так и на рынке в целом.

Данные исследования, проведённого в рамках «Глобального мониторинга предпринимательства» Высшей школой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (ВШМ СПбГУ), при поддержке Babson College и London Business School (в ходе последнего этапа мониторинга в 2012 году было опрошено население 69 стран) показали достаточно низкую склонность россиян к рисковому поведению, связанному с ведением собственного бизнеса. Таким образом, в России лишь 4% взрослых реализуют свой потенциал посредством бизнес-активного поведения, что является свидетельством течения кризисных явлений в экономике [1]. Особенностью российского предпринимательства является его преимущественно вынужденный характер. Его целью чаще всего является решение насущных финансовых проблем, при этом практически не раскрывается трудовой и предпринимательский потенциал населения, качество формирования деловых связей остаётся весьма низким. Компаративный анализ мотивационных установок начинающих бизнесменов и более опытных представителей показал тенденцию понижения ценностных установок и их замену на исключительно финансовые показатели. Таким образом, чем длительнее

человек занимается бизнесом в России, тем больше вероятность формирования восприятия собственного дела, как вынужденного инструмента получения средств к существованию.

В условиях сложной экономической обстановки восприятие рисков молодёжью обусловлено различными факторами, влияющими на бизнес-активное поведение. В первую очередь риски заключены в высокой личной ответственности молодого человека за последствия и результаты предпринимательской деятельности, что было отмечено ещё в трудах Т.И. Заславской [2, с. 5]. Осознанное стремление принятия на себя более высоких обязательств взамен на повышение финансовой и производственной результативности бизнеса характеризует степень зрелости и самостоятельности молодого поколения.

Авторский анализ внутренних и внешних причин неудач в бизнесе или сознательного отказа от него показал негативную тенденцию роста вынужденного молодёжного бизнеса, активно вытесняющего ценностно-мотивационные аспекты, побуждающие к самозанятости. Тенденция заключается в высокой доле избегания ответственности и осознанного, спланированного рискованного поведения. Опрос экспертов, проживающих и осуществляющих свою деятельность на территории Тюменской области (N=40) и студенческой молодёжи, ориентированной на создание бизнеса (N=862), показал, что барьеры в области реализации собственного бизнеса в значительной мере сосредоточены в ценностном контексте.

Наиболее значимыми внутренними факторами, препятствующими вовлечению молодёжи в бизнес, были обозначены: нежелание в течение длительного времени прилагать усилия к деятельности – 47 % у экспертов и 36 % у студенческой молодёжи и избегание ответственности – 40 % и 42 % соответственно. Проблема данных барьеров заключается в том, что их устранение имеет корни в несовершенстве воспитательного процесса в большей степени, чем в неэффективности рычагов финансового воздействия. Также существенными барьерами признаны пробелы в образовательной и когнитивной сферах: по мнению экспертов, молодёжь не имеет достаточных навыков для ведения деятельности и не способна быстро и эффективно обучаться. 38 % опрошенных отметили равную возможность успеха или провала в зависимости от стабильности внешних условий, 27 % высказались за низкие стартовые возможности и значительное влияние барьеров на результативность проектов. В целом можно утверждать, что шансы на создание успешного бизнеса оцениваются экспертами как рискованные. Всего лишь 20 % опрошенных считали, что ряд диагностируемых проблем в целом не снижает высоких шансов на успех. Печальным и показательным является факт, отражающий высокую нестабильность ситуации в стране – почти 47 % экспертов указывают, что гарантии выживаемости бизнеса находятся на низком уровне, что не позволяет планировать бизнес-активное поведение на длительный срок, что, в свою очередь, сводит на нет возможность стратегического планирования развития компании.

Указанные тенденции привели к формированию устойчивых компенсаторных механизмов, позволяющих молодёжи преодолевать негативное влияние кризисных явлений экономики с одной стороны и внутренних барьеров с другой.

Одним из наиболее популярных способов страхования рисков было указано наличие запасных вариантов осуществления профессиональной деятельности. Таким образом, 74 % экспертов и 67 % студентов имеют достаточно чёткое представление о других вариантах реализации своего потенциала в качестве работника по найму. При этом чёткие ориентиры в предполагаемой профессиональной деятельности отмечены подавляющим большинством молодёжи, а в 10 % случаев рассматриваются сферы деятельности, которые не имеют ни прямой, ни косвенной связи с выбранной сферой бизнеса. Этот показатель может свидетельствовать не только о потенциальном переходе бизнесменов в неформальный сектор экономики, но в принципе отражает потенциальную долю молодых бизнес-активных людей, готовых в срочном порядке покинуть эту сферу при возникновении соответствующих обстоятельств.

Другим способом нивелирования рисков и кризисных тенденций стал достаточно интенсивно развивающийся неформальный или теневой сектор экономики, в рамках которого действует значительное количество молодёжных бизнес-инициатив. Согласно данным Global Financial Integrity (GFI) оборот теневого бизнеса оценивается до 40 % от ВВП, подобную тенденцию отмечают и исследователи Высшей школы экономики, которые утверждают, что с ноября 2014 года по февраль 2015 года неформальная занятость в России увеличилась до 17–18 млн. человек [3].

Согласно данным авторского исследования готовность работать в теневом секторе экономики (реализующим разрешённую продукцию, но без регистрации в государственных органах) выражают 70 % студенческой молодёжи, в то время как представители теневого молодёжного бизнеса отмечают ряд преимуществ подобной системы работы по сравнению с легализованными аналогами ввиду специфики налогообложения, изменчивости законодательной среды и других факторов.

Полученные данные свидетельствуют о неуверенной оценке молодёжью внешней и внутренней среды, преобладании осторожных оценок перспектив развития молодёжного бизнеса, что, вероятно, обусловлено высоким уровнем нестабильности современных социальных и экономических коммуникаций, устранение которой необходимо как для оздоровления экономической системы в целом, так и для формирования устойчивого среднего класса в молодёжной среде.

1. *Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM) // Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gsom.spbu.ru/research/eship/projects/gem/> (дата обращения:*
2. *Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. □ 1995. □ №3. □ С. 3-11.*
3. *Официальный форум лидеров молодёжного бизнеса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iblfrussia.org/programmes/current/detail.php?ID=290> (дата обращения: 25.02.2015 г.).*

ЦЕННОСТИ СЕМЬИ И БРАКА У КУРСАНТОВ РОССИИ И ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Грошева Л.И., Чернов В.А. (Тюмень)

Современный офицер – прежде всего руководитель личного состава, эффективность воспитания и обучения которого непосредственно зависит от степени уравновешенности и гармоничности личности руководителя.

Учитывая характер жизни будущих офицеров, связанный с проживанием в окружении значительного количества людей в течение длительного времени, ориентация на семейные ценности у курсантов достаточно развита. Подтверждение данной гипотезы выявлено в качественных исследованиях Лисаускене М.В. [1, с. 112], проведённых на основе методики «письма из будущего». Результаты научных изысканий отразили преобладание семейно-ценностных ориентаций в военной среде, которые проявляются и на уровне курсантов военных образовательных учреждений, ввиду следующих причин:

1. Формирование семейного типа отношений, включающего поддержку и взаимопомощь, в коллективе курсантов. При этом в среде иностранных специалистов, ввиду невозможности налаживания доверительных отношений между этническими группами, данная потребность выражена наиболее отчётливо.

2. Усиление мотивации к семейственности ввиду ориентации на успех и полноценное развитие друзей и коллег (стремление быть не менее успешным, чем друзья и коллеги). Если у российских курсантов семейные ценности приглушены современными

тенденциями в сфере воспитания и формирования жизненных ценностей, то у представителей иностранных государств брак является показателем особого статуса, уважаемого окружающими.

3. Необходимость создания комфортной личной среды ввиду значительного эмоционального напряжения в многочисленном и многонациональном коллективе.

4. Ускорение психологического созревания ввиду специфики воспитательного и образовательного процессов, а также организации жизни.

Однако наличие объективной и субъективной склонности к созданию долгосрочных отношений с целевой установкой на создание семьи зачастую не сопровождается адекватной реализацией намерений. Подтверждением данной гипотезы служат данные исследовательского проекта «Армия и общество», реализованного в 2014 году. Так в среде младших офицеров (выпускники военных вузов) 37 % являются одиночками [2]. При этом в 80 % рассмотренных подразделений, выпускниками которых являлись респонденты, отсутствуют организованные технологии по реализации офицера в семейной жизни.

В период с октября 2014 г. по январь 2015 г. автором был проведён опрос курсантов Тюменского военного института (N=200 курсантов в возрасте от 18-25 лет, представители российского и зарубежного контингентов). Исследование имело целью выявление основных субъективных проблем, препятствующих созданию отношений, ориентированных на создание семьи.

В сфере возможности осуществления успешного поиска курсанты отметили, что в последнее время найти вторую половинку стало в большинстве случаев сложнее (54,5 %). Курсанты подчеркнули, что наибольшую роль в поиске и знакомстве стали играть сетевые сообщества и социальные сети. С одной стороны, интернет-коммуникации компенсируют закрытый образ жизни обучающихся, но с другой стороны, усложняют первоначальную оценку качеств и параметров девушки. Для иностранных специалистов интернет-коммуникации обозначены как единственный способ поиска пары. При этом поиск пары происходит в независимости от того факта, что у части из них семейное будущее определяется родителями согласно традициям.

В оценках респондентов важность формирования семейных отношений заняла высокую позицию – около 70 %, однако в 52 % случаев основой серьёзных отношений курсанты посчитали интимную близость, которой уступили доверительные отношения – 38 % и общие интересы – 27 % опрошенных, наличие планов на совместное будущее получило признание всего 12 % курсантов. У иностранных специалистов в качестве приоритетной ценности выступил фактор продолжения рода и соблюдения традиционных устоев. Это свидетельствует о том, что российские курсанты, несмотря на чёткую ориентацию на создание семьи, в её основу в первую очередь закладывают реализацию физиологических потребностей. Однако иностранные специалисты ориентированы на традиции предков. Однако, у обеих групп курсантов ориентация на временные факторы отражена и в предыдущем опыте построения взаимоотношений, в большинстве случаев их длительность не превышала 1 года (84 %), в то время как более длительный опыт для респондентов не характерен.

Курсанты резко негативно оценивают наличие вредных привычек: более 60 % курсантов предпочитают не рассматривать девушек, обладающих вредными привычками, при этом среди иностранных специалистов данный показатель выше и колеблется в районе 70 %. Однако в том числе, это может свидетельствовать о значительной роли эгоистических настроений в среде курсантов. Данная гипотеза обусловлена наличием ряда противоречивых тенденций в оценках курсантов. К примеру, около 46 % курсантов отметили, что желают видеть в качестве своей избранницы девушку, у которой отсутствует опыт интимных отношений, однако в то же время 64 % предъявляют определённые требования к практическим навыкам в данной сфере.

Результаты исследований позволили автору дать ряд рекомендаций по устранению возникающих ценностных установок и противоречий курсантов в сфере выбора спутницы жизни.

1. В рамках курса дисциплины «Психология и педагогика» следует увеличить количество часов, выделяемых на изучение темы семейных отношений, а сам курс необходимо перенести с последнего года обучения на 3-4 курс, т.к. семейные союзы в значительном количестве начинают создаваться раньше, чем курсанты завершают образовательный процесс.

2. Необходимо организовывать лекционные и семинарские занятия для курсантов в сфере порядка и правил формирования долгосрочных отношений. При этом рационально распределить тематические блоки, начиная с общих правил определения целевых установок заканчивая способами и формами организации семейного быта.

3. Для курсантов, планирующих в ближайшее время создать семью необходимо проводить семинарские занятия по методу фокус-групп, с целью формирования наиболее устойчивых ориентиров в построении взаимоотношений как на бытовом, так и на морально-психологическом уровне.

Предложенные автором рекомендации направлены на устранение факта наличия неудовлетворённых потребностей и проблем в сфере обустройства личной жизни, так как это может оказать негативное влияние на поведенческие аспекты молодого офицера, что не позволит ему не только осуществлять работу на высоком уровне, но и повысит склонность к делинквентному поведению.

1. Лисаускене, М.В. Поколение next-прагматичные перфекционисты или романтики потребления / Лисаускене, М.В. // СОЦИС. – 2006. – №4. – С.111-115
2. Карташова Т.Е. Особенности брачно-семейных установок современной молодежи. Портал КиберЛенинка – научная электронная библиотека. [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-brachno-semeynyh-ustanovok-sovremennoy-molodezhi#ixzz3TvI96Wv> (дата обращения: 24.01.2015 г.)

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ:ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Грунт Е.В., Зайко А. П. (Екатеринбург)

Возрастание роли гражданского общества в России, новые геополитические реалии определяют заказ семье и системе образования на формирование социально-ориентированного поколения россиян.

Социальная активность выступает одним из ведущих качеств личности, предпосылкой гармонизации ее отношений с обществом, государством, стабилизирует единство целей общественного и государственного развития. Состояние неустойчивости, переходности, кризисности общественного развития меняет формы и механизмы ее формирования у молодежи, обуславливает необходимость изучения ее особенностей, факторов, противоречий.

Вместе с тем, проблема социальной активности еще не стала предметом тщательного социологического анализа в современной отечественной науке. В частности, до настоящего времени нет специальных работ, в которых комплексно исследовалась бы социальная активность студентов колледжей в условиях трансформации российского общества.

Однако эта проблема активно изучалась в 80-90 –е годы XX века в советской науке в трудах таких исследователей, как Е.А. Ануфриев, О. Гуломов, Е.В. Грунт, В.И. Липский, В.Г. Мордкович, Н.Э. Майн и др. [1, 3, 5]. В этих работах рассматривались как

общетеоретические проблемы социальной активности, так и проблемы социальной активности различных социально-профессиональных групп (студенчества, учащихся школы, рабочего класса и пр.).

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся подходы к анализу понятия "социальная активность". Дадим рабочее определение данного понятия. Под социальной активностью мы понимаем интегральное качество личности, реализующееся в различных видах самодеятельности, в процессе которой происходит самореализация личности, обусловленная объективными и субъективными факторами. Такое определение, на наш взгляд, позволяет: во-первых, указать на необходимость рассмотрения социальной активности в двух значениях: как социального качества личности и как определенной характеристики ее деятельности – самодеятельности, добровольной деятельности личности, как единство личного и общественного;

Во-вторых, позволяет показать, что возможности проявления социальной активности обусловлено исторически – объективными факторами, а так же интересами самой личности.

В-третьих, при проявлении социальной активности происходит самореализация личности в той или иной социальной сфере. Социальная активность личности реализуется в ее социальных практиках.

Что означает понятие «социальная практика»? Содержательный анализ данной категории опирается на такие понятия, как «социальные действия» и «социальные взаимодействия», выступающие базисными, фундаментальными, основополагающими в социологической науке. Еще М. Вебер признавал, что социальное действие составляет предмет социологической науки [2]. Социальное действие - проявление социальной активности действующего, это единица социальной деятельности. Суть социального взаимодействия – обмен социальными действиями субъектов. Взаимодействие всегда социально по своей природе, поскольку включает связи между индивидами, социальными группами, которые преследуют определенные цели. И социальное действие, и социальное взаимодействие имеют объективную и субъективную стороны. Объективная сторона – это детерминация социальных действий и взаимодействий социальной средой, субъективная сторона – ориентация на взаимные ожидания субъектов.

Социальные действия и взаимодействия могут принимать различные виды и формы и в совокупности предстают как социальные практики. При этом социальная практика – не единичный акт социального действия и/или взаимодействия; это совокупность устойчивых и воспроизводимых действий и взаимодействий.

В каких же видах социальной практики проявляется социальная активность студентов колледжей? Социологическое исследование, проведенное в колледжах г. Челябинска в 2014 году., зафиксировало, что наиболее активными респонденты являются в спорте - 43,0%; учебе - 38,0% (хорошо и отлично учатся); в художественной самодеятельности – 28,0%; в жизни группы – 40,0%; жизни колледжа – 11,0%; волонтерской деятельности – 12,0%; в молодежных организациях – 8,0%. Как видим, наиболее активны студенты в учебной, спортивной деятельности, занятии художественной самодеятельностью. Политической деятельностью занимается лишь 3,0% респондентов. С одной стороны, это вполне закономерно, так как возраст обучающихся составляет от 16 до 20 лет, что не позволяет им заниматься в полной мере политической деятельностью. С другой стороны, как отмечает большинство исследователей, для российской молодежи свойственна аполитичность. Небольшой процент опрошенных (8,0%) являются членами молодежных организаций, однако интерес к ним выразило около 40,0% респондентов. Мы согласны с мнением М.В. Поддубной о том, что современные молодежные объединения представляют собой общественные формирования, в которых участники добровольно консолидируются для совместной деятельности, удовлетворяющей их индивидуальные и социальные интересы и потребности. Весьма важным является то обстоятельство, что молодежь существует в

обществе не как самоизолированная субстанция, а как социальная группа, связанная с обществом, участвующая в его жизни и вступающая в определенные общественные отношения [5, с.4]. Т.А. Лугинина отмечает, что молодежные общественные объединения, организации обеспечивают вхождение личности в социальную жизнь. На основе организованной социальной практики они являются связующим звеном между обществом и молодым человеком. Деятельность молодежных объединений направлена на решение конкретных социальных проблем молодежи. Молодежные общественные объединения могут рассматриваться в обществе как партнеры государства и других социальных институтов в формировании гражданской ответственности молодого поколения. Выступая значимым компонентом целостной социальной системы общества, молодежные общественные организации, объединения, являются также институциональной формой гражданской адаптации учащейся молодежи. Они удовлетворяют потребности и интересы молодого поколения, решают актуальные для общества проблемы, реализуют цели, значимые для общества. Высока роль молодежных общественных организаций в политике: они осуществляют мониторинг правительственных программ, повышают ответственность государства, создают новые направления разработки общественных программ и находят спонсоров социальных инноваций [4, с.14]. Процесс структурирования и организационного оформления социальных отношений среди молодежи закономерен. Тем более, что чувство принадлежности к группе, солидарности с ней – одна из отличительных черт молодежной культуры. Однако, наше исследование показывает, что членство в какой-то молодежной группе, организации, объединении незначительно среди студентов колледжей. Не может не радовать тот факт, что практически каждый восьмой респондент занимается волонтерской деятельностью.

Что касается гендерного аспекта, то исследование показало, что девушки в большей степени склонны заниматься художественной самодеятельностью, волонтерской деятельностью. Они так же и лучше учатся. Юноши в большей степени занимаются спортом, интересуются политикой, деятельностью молодежных организаций.

Около 70,0% опрошенных студентов полагает, что социальная активность способствует обретению успеха личностью в ее жизнедеятельности и ее необходимо формировать. Каждый второй студент отметил, что социальную активность подрастающего поколения должна формировать семья, школа, колледж. Однако ни один из этих социальных институтов, по мнению респондентов, не уделяет должного внимания ее формированию.

Таким образом, в сознании большинства студентов сформирована некая «идеальная модель социально-активной личности», однако отсутствует целостность представлений о выполнении социальных ролей, не является нормой в сознании и поведении студентов колледжей и их выполнение.

Исследование показало, что наблюдается низкая общественная активность большинства студентов колледжа, обусловленная, во-первых, отсутствием личной заинтересованности студенческой молодежи; во-вторых, самой социальной реальностью, теми условиями, в которых осуществляется общественно полезная деятельность и ее одобрение со стороны самих студентов, администрации колледжа. Возникает противоречие, между необходимостью в обществе формирования «гражданина – общественника» и реальной трансляцией, функционированием этих норм в практической деятельности.

1. См. Ануфриев Е.А. *Социальная активность личности*, М., 1971, с. 238
2. Вебер М. *Избранные произведения*. М., 1990. С. 602
3. Грунт Е. В. *Социальная активность рабочего класса службы быта// Общественная активность личности в условиях перестройки*. Челябинск, 1991. С. 65- 74

4. Лугинина Т.А. Гражданская адаптация молодежи в сфере общественных объединений: Дисс. канд. социолог. наук. - Екатеринбург, 2002. - С. 14. [Электрон. ресурс] // <http://diss.rsl.ru>
5. Мордкович В.Г. Социальная активность личности. М., 1979, с.301
6. Поддубная М.В. Педагогические условия социализации молодежи в деятельности молодежных общественных объединений: Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук. - Магнитогорск. 2003. - С. 4.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ У СТУДЕНТОВ

Давгуль Е.Г. (Екатеринбург)

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ У СТУДЕНТОВ

Здоровье человека обладает сложной взаимосвязанной структурой, образованной физическими, психическими и духовными компонентами. Поэтому проблема формирования культуры здоровья является сложной и в то же время важной задачей многих общественных наук, в том числе и педагогики. В данной статье на основе практического материала рассматриваются проблемы формирования культуры здоровья у студентов.

Сегодня во главу ценностей развития в Российской Федерации ставится не только общее благосостояние общества и уровень жизни, но и задачи по сохранению здоровья населения. Данное суждение так же можно заметить в ряде нормативных правовых актов Правительства РФ, например, Концепция демографической ситуации страны на период до 2025 года. Кроме того, укрепление населения граждан, формирование стимулов для ведения здорового образа жизни и другие постулаты находят свое отражение в Национальной доктрине образования России.

Таким образом, можно видеть, что и в сфере образования говорится о мероприятиях по сохранению и улучшению здоровья обучающихся граждан. Так же можно отметить одни из ключевых задач образования которые находят тесное отражение в вопросах совершенствования российского общества. Основная их суть заключается в создании стратегически важных условий для развития социально-экономической ситуации России, возможностей для развития духовности, создание факторов национальной безопасности и высокого качества жизни граждан.

Исходя из сложившейся тенденции, можно наблюдать происходящие изменения и в системе высшего профессионального образования. Сегодня не малое внимание уделяется не просто образованию учащихся, но и повышению морального уровня граждан, вопросам их воспитания. Как утверждает ученый Н.В.Кузьмина, будущий высококвалифицированный просто обязан обладать помимо базовым уровнем научно-педагогического образования еще и достаточным уровнем физического и психического здоровья[1, с. 5].

Проводится довольно большое количество исследований в области здоровья молодых специалистов. Такие труды представлены целым рядом трудов ученых, например, О.В.Куделин, Л.Ф.Тихомирова, А.А.Дубровский, В.П.Казначеев и т.п. Выводы говорят о том, что уровень здоровья неумолимо снижается из года в год.

Студенчество по существу представляет собой группу людей общества, которые наиболее подвержены рискам[2]. Говоря об факторах возможных угроз, можно выделять нервные перегрузки студентов, несоблюдение режима сна и отдыха, а так же питания, чрезмерная страсть к видео играм и сети Интернет. Наличие вредных привычек особенно, гораздо больший вред, оказывает на молодых людей. Кроме того, только в последний год отмечается рост активности студентов.

Было проведено ряд исследований на протяжении 2000-2015 года, которые говорят о том, что рост студентов, которые были освобождены от физических нагрузок в учебных

заведения вырос с 12% до 42% в зависимости от исследуемого региона. В 2012 году средний показатель по стране был на уровне 20-25%.

Если рассматривать эти пропуски в разрезе видов заболеваний, то можно увидеть такую картину. На долю вегетососудистой дистонии в 2014 году приходилось 68% от общего объема пропусков. 4,89% составляли справки о хроническом пиелонефрите, а вот заболевания опорно-двигательного аппарата составили лишь 3,16%. Данные анализы дают понимание, что тенденция идет не в лучшую сторону. И лишь в последнее время наметились тенденции улучшения.

Кроме того для большего понимания ситуации нами был проведен социологический опрос, в котором приняло участие порядка 200-от человек 1-2-го курса. Респондентам следовало бы дать ответ лишь на один единственный вопрос – “Что по вашему мнению оказывает наибольшее влияние на состояние здоровья учащегося и человека?” Данные исследования были проведены на кафедре истории и международных отношений. Данные исследования условно были отображены в таблице 1.

Таблица 1. Факторы, влияющие на здоровье человека (констатирующий эксперимент).

Фактор	Место по значимости	%
Условия жизни	1-2	42,5
Усилия самого человека	1-2	42,5
Наследственность	4	33,3
Качество медицинского обслуживания	5	11
Природная среда	6	9
Наличие вредных привычек	7	38,8

Из результатов таблицы можно заметить, что 42,5% респондентов, отвечая на поставленный вопрос, на одно из первых мест вынесли такие критерии как “условия жизни” и “усиления самого человека”. Следующих фактор оказался указанием на различные вредные привычки студентов. Так посчитали 38,8% опрошенных. Четвертым пунктом была наследственность и 33,3% опрошенных соответственно. Пятым и шестым критерием избрали качество существующей медицины и факторы воздействия природной среды – 11% и 9%.

Данный опрос позволил сделать вывод, что если провести ряд мероприятий непосредственно в стенах самого учебного заведения. Создать мотивационные условия

для студентов заниматься спортом, к здоровому образу жизни, то можно добиться значительного улучшения состояния здоровья обучающихся.

Вообще сама по себе тема здоровья является одним из важнейших ценностей. Именно этой теме посвящено огромное количество научных и художественных творений ученых, философов и педагогов. В понимание “здоровья” закладывали немалое количество смысла. Так, О.А.Ахвердова и В.А.Магина понимали этот термин не иначе как совокупность гармоничного богатства целостности личности, творческой натуры и активной жизненной позиции с универсальностью её связей с окружающими[6].

Кроме описанного тестирования, было опрошено свыше 500 студентов нашего региона на предмет их отношения к своему здоровью. И с полной уверенностью лишь 10% респондентов могли сказать, что они полностью здоровы.

Кроме всего прочего, на практике зачастую можно видеть низкий уровень подготовленности студентов касаясь вопросов здоровья и самосохранения. Из опросов было ясно, что примерно 25% студентов могли бы воспользоваться чужими средствами гигиены. Почти половина опрошенных утверждала, что умеренное употребление алкогольной продукции практически не наносит вреда здоровью молодому организму. И лишь всего 10% студентов усердно или хотя бы регулярно занимаются спортом. Но не смотря на это, в последнее время тенденция перестала катиться вниз и наметились явные успехи.

Из всего сказанного можно заключить, что проведённые исследования в области здравоохранения студентов были сделаны не напрасно. Открылось явное понимание, а если быть точнее – непонимание со стороны студенчества важности сохранения и преувеличения продолжительности собственной жизни и здоровья. А так же возможности влияния на факторы, оказывающие пагубное влияние.

В современных реалиях на первый план говоря о здравоохранении выходят такие задачи как формирование устойчивой культуры и значимости сохранения здоровья, дать необходимый уровень знаний, который могли бы позволить не допустить ошибок в будущем. Кроме того необходимо создание системы нравственных и моральных ценностей, создание условий для мотивации студентов вести здоровый образ жизни и отказаться от пагубного влияния вредных привычек. Этому могло бы способствовать внедрение более новых технологий, развитие творческого, физического и иного потенциала учащихся, развития организации учебного процесса. К тому же, именно всестороннее развитие личности является главным фактором в этом вопросе. Именно поэтому так важно приобщать студентов к физической активности, а именно к физической культуре учебного заведения.

1. Кузьмина Н. В. *Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища*. М.: Высшая школа, 2009.
2. Ахвердова О. А., Магин В. А. *К исследованию феномена «культура здоровья» в области профессионального физкультурного образования // Теория и практика физической культуры*. 2012. № 9.
3. Кисляков П. А. *Управление качеством здоровья формирующего образования будущих педагогов: автореф. дис. ... канд. пед. наук*. Ярославль, 2008
4. Куделина О. В. *Формирование культуры здоровья студентов в образовательном процессе среднего профессионального учебного заведения: автореф. дис. ... канд. пед. наук*. М., 2008.
5. Мысина Г. А. *Создание условий для обеспечения физического, психического и социального благополучия студентов в здоровье сберегающей среде вуза: автореф. дис. ... д-ра пед. наук*. Тула, 2011.
6. Верхорубова О. В., Лобанова Н. А. *Многообразие определений феномена «культура здоровья» как показатель его многогранности в педагогическом образовании // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)*. 2012. Вып. 5 (120). 3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЁЖИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Дементьева И.Н. (Вологда)

Кризисные процессы, происходящие в различных сферах жизни общества: экономической, социальной, духовной, в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, влияют на их потребности, интересы, ценностные ориентации, поведенческие программы.

В современных условиях молодёжь является одной из наиболее уязвимых социальных групп; т.к. её представители наименее экономически самостоятельны, испытывают сильный прессинг со стороны различных политических сил и движений, не обладают чёткими социальными ориентирами, находясь в ситуации жизненного самоопределения.

В связи с этим определённый интерес представляют оценки молодёжи в отношении экономической ситуации в стране и регионе, собственного материального положения, социального самочувствия.

Начиная с 1995 г. Институт социально-экономического развития территорий РАН проводит регулярный мониторинг общественного мнения на территории Вологодской области.

По данным социологических измерений большинство представителей молодого поколения Вологодской области оценивают экономическое положение в России и регионе как «среднее» (табл. 1). Негативные суждения высказывают в 2015 г. в среднем 33 и 40% представителей молодого населения. Только 6-7% молодёжи считают экономическую ситуацию «очень хорошей и хорошей».

По сравнению с 2014 г. оценки молодёжи заметно ухудшились, наиболее заметно возросла доля негативных оценок экономической ситуации в стране (с 23 до 31%). По сравнению с остальной частью населения области оценки молодёжи остались более благоприятными.

Таблица 1

Динамика оценок экономического положения России и области

(в % от числа опрошенных)

Группа	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев. 15	Апр. 15	Июнь 15	Авг. 15
Экономическое положение страны											
Хорошее											
Молодёжь 18-30 лет	21,8	9,6	10,0	12,2	10,8	10,1	11,9	6,1	5,2	8,8	8,3
Остальное население	18,6	7,5	6,9	9,3	10,7	10,8	8,9	4,9	5,9	7,4	6,0
Среднее											
Молодёжь 18-30 лет	52,5	43,4	51,0	51,0	52,5	49,8	50,2	51,6	46,3	47,4	47,5
Остальное население	51,8	41,7	47,0	49,3	50,7	46,5	49,4	48,8	44,7	44,1	48,1
Плохое											
Молодёжь 18-30 лет	16,0	36,3	27,3	25,0	22,8	27,7	22,5	31,0	37,5	33,3	31,0
Остальное население	18,8	41,9	33,3	29,6	26,3	29,4	26,9	36,4	38,7	38,0	35,1

Группа	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев. 15	Апр. 15	Июнь 15	Авг. 15
Экономическое положение области											
Хорошее											
Молодёжь 18-30 лет	23,9	9,1	9,2	11,8	10,1	8,7	8,7	5,5	6,1	5,2	6,9
Остальное население	20,7	7,1	6,3	10,0	9,8	8,6	7,1	3,9	4,7	5,4	6,1
Среднее											
Молодёжь 18-30 лет	49,2	42,3	49,6	49,6	50,0	43,9	44,6	44,5	36,9	42,5	45,9
Остальное население	51,6	40,2	45,7	47,7	49,1	44,0	43,9	42,0	38,6	36,9	41,7
Плохое											
Молодёжь 18-30 лет	17,1	38,0	29,7	26,9	26,9	35,5	33,1	41,0	46,3	40,8	35,0
Остальное население	17,8	43,9	35,6	31,2	30,2	36,2	36,5	45,9	45,8	46,3	41,6

Большинство представителей молодёжи области в 2015 г. характеризует материальное положение своей семьи как «среднее» (табл. 2). Отрицательные характеристики дают около 30% молодых людей. В период с 2014 г. по август 2015 г. оценки материального благосостояния молодёжи ухудшились: доля положительных отзывов снизилась с 14 до 9%, удельный вес отрицательных, напротив, возрос с 24 до 28%. По сравнению с остальной частью населения оценки молодёжи более благоприятны.

Таблица 2

Динамика оценок материального положения семьи

(в % от числа опрошенных)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев. 15	Апр. 15	Июнь 15	Авг. 15
Хорошее											
Молодёжь 18-30 лет	18,6	11,3	10,5	12,4	11,9	11,3	14,0	11,0	12,6	11,1	9,2
Остальное население	12,9	8,3	7,3	8,7	9,5	10,3	10,4	7,2	6,8	8,5	6,0
Среднее											
Молодёжь 18-30 лет	55,0	52,1	50,1	50,6	56,9	55,7	53,2	49,0	39,5	49,3	49,8
Остальное население	55,2	50,2	50,1	50,3	53,4	51,2	52,4	51,4	45,5	46,8	53,0
Плохое											
Молодёжь 18-30 лет	18,8	28,4	29,6	25,8	22,2	24,8	24,0	31,0	31,7	26,8	28,1
Остальное население	25,7	34,3	34,0	31,1	29,0	29,1	29,2	31,9	35,7	32,7	30,6

Большинство представителей молодого поколения в 2015 г. отличается средним уровнем покупательной способности доходов («денег достаточно для приобретения необходимых товаров»; около 60%), а примерно каждый третий указывает, что имеющихся средств «хватает в лучшем случае на еду». По сравнению с 2014 г. оценки

молодёжи ухудшились: доля лиц с низким уровнем покупательной способности доходов выросла с 29 до 33%.

Таблица 3

Динамика оценок покупательной способности доходов населения

(в % от числа опрошенных)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев.15	Апр.15	Июнь 15	Авг. 15
Покупка различных товаров не вызывает трудностей											
Молодёжь 18-30 лет	15,3	10,6	12,7	14,5	13,4	13,4	13,7	11,1	7,0	10,6	10,4
Остальное население	10,1	7,4	9,2	11,4	11,1	12,1	12,1	11,4	7,1	7,6	8,5
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов											
Молодёжь 18-30 лет	62,1	55,7	55,8	55,6	60,1	58,1	57,8	57,8	53,3	53,5	57,0
Остальное население	56,9	50,7	53,5	53,3	54,5	54,4	53,0	48,6	50,6	50,8	48,8
Денег хватает в лучшем случае на еду											
Молодёжь 18-30 лет	22,6	33,6	31,5	30,0	26,6	28,5	28,5	31,1	39,8	36,0	32,5
Остальное население	33,1	42,0	37,2	35,1	34,4	33,6	34,9	40,1	42,3	41,6	42,7

В структуре социальной самоидентификации молодёжи преобладает доля людей, идентифицирующих себя с «бедными и нищими» (более 50%). По сравнению с 2014 г. оценки собственного экономического статуса среди молодёжи ухудшились: доля «бедных и нищих» возросла с 45 до 49%.

Таблица 4

Динамика социальной самоидентификации населения

(в % от числа опрошенных)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев.15	Апр.15	Июнь 15	Авг. 15
Богатые, средний достаток											
Молодёжь 18-30 лет	60,4	51,7	49,3	48,6	53,4	49,1	47,9	42,6	37,5	39,5	40,9
Остальное население	48,1	41,6	39,7	42,5	42,7	42,9	42,4	37,6	36,8	39,3	39,7
Бедные и нищие											
Молодёжь 18-30 лет	31,0	38,1	39,2	39,2	36,6	42,8	44,6	48,7	52,1	47,3	48,5
Остальное население	44,2	50,1	48,4	45,9	47,1	48,1	50,3	54,6	51,5	48,1	51,0

Индикатором общественного климата являются оценки населением собственного социального самочувствия. Показатели социального самочувствия отражают эмоциональное состояние и настроения людей, с которыми они строят ближайшие планы, принимают решения по самым разным проблемам своей жизни. Уровень социального самочувствия выступает в качестве показателя результативности проводимой в стране и регионе социально-экономической политики. Он свидетельствует о ее успешности и истинной значимости для повседневной жизнедеятельности людей.

Восприятие молодёжью Вологодской области социально-экономических процессов, происходящих в стране и регионе, находит своё отражение в показателях социального самочувствия. В 2015 г. около 80% представителей молодого поколения позитивно оценивают своё настроение («прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»), а каждый пятый испытывает негативные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску»).

Показатели социального настроения молодёжи более позитивны по сравнению с остальной частью населения области.

Таблица 5

Динамика показателя социального настроения населения

(в % от числа опрошенных)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев.15	Апр.15	Июнь 15	Авг. 15
Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние											
Молодёжь 18-30 лет	74,6	60,0	71,8	70,0	72,3	75,5	75,1	71,3	73,5	79,4	78,9
Остальное население	64,4	50,7	58,9	60,9	65,7	66,5	67,8	59,3	66,1	66,9	71,6
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску											
Молодёжь 18-30 лет	19,6	31,0	23,7	22,9	22,7	19,8	19,3	23,9	19,7	16,0	18,2
Остальное население	29,2	40,6	36,0	30,9	28,5	28,5	26,5	33,3	28,3	26,5	24,8

Более 80% молодёжи Вологодской области демонстрируют высокий уровень запаса социального терпения («всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть»). Отрицательные оценки («терпеть наше бедственное положение уже невозможно») дают в среднем в 2015 г. 10% представителей молодого поколения. Оценки запаса социального терпения молодёжи более благоприятны по сравнению с остальными жителями региона.

Таблица 6

Динамика уровня запаса терпения населения

(в % от числа опрошенных)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев.15	Апр.15	Июнь 15	Авг. 15
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно и терпеть											
Молодёжь 18-30 лет	80,8	74,9	74,3	76,9	78,1	81,7	83,7	79,0	82,2	83,3	82,8
Остальное население	77,2	70,7	70,3	74,1	76,0	78,5	80,0	73,0	78,1	78,0	82,0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно											
Молодёжь 18-30 лет	9,3	14,5	14,3	12,2	13,5	11,5	8,5	11,0	10,0	11,1	12,2
Остальное население	13,6	19,1	18,6	16,3	16,5	15,0	13,7	18,9	16,2	15,6	13,6

Таким образом, динамика оценок молодёжи региона относительно экономической ситуации в стране и регионе, собственного материального положения имеет преимущественно негативный характер:

– по сравнению с 2014 г. увеличился удельный вес пессимистичных оценок изменения социально-экономической ситуации в стране (с 23 до 31%) и регионе (с 33 до 35%);

– ухудшились оценки собственного материального положения молодёжи: доля тех, кто считает его «плохим», увеличилась с 24 до 28%;

– увеличилось представительство молодых людей с низким уровнем покупательной способности доходов (с 29 до 33%);

– ухудшились показатели социальной самоидентификации молодёжи: увеличилась доля «бедных и нищих» (с 45 до 49%). В то же время, показатели социального самочувствия представителей молодого поколения региона не претерпели существенных изменений.

В целом показатели материального благополучия и социального настроения молодёжи более позитивны по сравнению с остальной частью населения области. Однако темпы роста негативных изменений в оценках молодёжи в период с 2014 г. по август 2015 г. более высокие по сравнению с остальной частью населения региона.

Представленные результаты показывают, что одной из наиболее актуальных задач социально-экономической политики, которую предстоит реализовать руководству региона, является повышение показателей уровня и качества жизни молодого поколения области.

ФАКТОРЫ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ МОЛОДОЙ БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Демидова А.В. (Могилёв, Республика Беларусь)

Сегодня изучение факторов семейного благополучия молодой семьи является одним из приоритетных направлений, напрямую связанных с укреплением семьи, созданием необходимых условий для ее успешного функционирования. Сегодня, когда молодой семье приходится испытывать на себе влияние социально-экономического кризиса, данная проблема становится еще более актуальной. В этой связи, социологический анализ благополучия семьи должен учитывать как государственное понимание элементов семейного благополучия, включая мнения экспертов, так и интересы граждан, их взгляд на этот вопрос.

По мнению экспертов [2, с. 92] «благополучная семья» должна обладать следующими признаками:

семья гарантирует пополнение населения новыми поколениями в том объеме, который обеспечивает выживаемость нации;

семья надлежащим образом выполняет функцию воспитания ребенка/детей;

семья материально обеспечивает всех своих членов (не перекладывая на государство частично или полностью заботы о семейном достатке);

семья предоставляет своим членам защиту, заботу социальную безопасность/защищенность, релаксацию и т.п.);

члены семьи не совершают преступлений, противоправных действий;

семья упорядочивает сексуальные отношения ее членов в соответствии с нормами и традициями.

Рассмотрим мнения граждан о причинах семейного благополучия и роль государства в его обеспечении. По данным социологических исследований, проводимых в Республике Беларусь, все разнообразие представлений молодежи о благополучии собственных семей можно свести к нескольким основным характеристикам.

На первом месте – высокий материальный уровень жизни семьи (42,2 % ответов). Очевидно, что в период кризисных явлений в обществе, ухудшения экономического положения в стране, значимость материального достатка для обеспечения стабильности семьи возрастает. Отметим, что привлекательность материального благополучия присутствует в любом социуме, но для Беларуси достижение материального благополучия имеет особую актуальность в связи с тем, что большое количество респондентов рассматривают его не как стратегическую цель, а как необходимый элемент физического выживания.

На втором месте – гармонизация взаимоотношений между членами семьи (около 30 %). Это достаточно собирательное понятие связанное, в первую очередь, с желанием сделать взаимоотношения между людьми такими, чтобы они чувствовали себя счастливыми.

На третьем месте находится то, что связано с трудовой деятельностью людей. Как мы знаем, кризис напрямую отражается на социально-экономическом статусе людей, и, как следствие, на стабильности семей. Поэтому не удивительно, что среди факторов, обеспечивающих благополучие семьи, респонденты указывают наличие хорошей постоянной работы, высокого заработка, возможностей карьерного роста, достижение профессионализма.

На четвертом месте – здоровье всех членов семьи, которое сегодня также оставляет желать лучшего. Нестабильность экономической и политической ситуации, снижение уровня жизни населения, сложная экологическая ситуация – все это способствовало росту заболеваемости населения практически по всем классам болезней. В начале XXI столетия наблюдается рост первичной заболеваемости, особенно таких заболеваний как психические расстройства и расстройства поведения, новообразования и болезни системы кровообращения, болезни костно-мышечной системы, болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм. Наряду с этим ситуацию ухудшают все более распространяющиеся явления – алкоголизм и наркомания.

На пятое место респонденты ставят разные социальные преобразования: экономические, политические, правовые, идеологические, нравственные, культурные, которые респонденты связали с благополучием собственной семьи.

На шестом месте – все то, что составляет комфортность жизни: наличие хорошего жилья, автомобиля, предметов домашнего обихода и т. д. Для категории молодых семей проблема жилья, является одной из наиболее сложных и требующих больших материальных вложений. Количество семей, состоящих на учете и нуждающихся в улучшении жилищных условий, на конец 2014 года составило почти 742,2 тыс. граждан (семей). Из общего количества состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий 344,9 тыс. – молодые семьи (46,5%), 24,9 тыс. – многодетные семьи (3,4%), 19,3 тыс. – граждане, имеющие право на получение жилых помещений социального пользования (2,6%). Причем 153,4 тыс. граждан (семей), или 20,7%, состоят на учете 10 лет и более [1].

В итоге нами рассмотрены шесть основных факторов благополучия, по мнению белорусской молодежи. Каждая из этих шести названных позиций была отмечена более чем десятью процентами респондентов.

Среди других, менее популярных мнений о благополучии семьи были следующие ответы: наличие детей, их благополучие, внимание государства к детям; собственные усилия, совпадение удачи и возможности при достижении поставленной цели; доступность образования; хорошее медицинское обслуживание; возможность путешествовать, выезжать за границу и т.д.

Что же должно сделать государство, чтобы представления людей о благополучии своей семьи реализовались? Обратимся к довольно обстоятельным ответам респондентов [2, с.93]. Прежде всего, нужно:

- стабилизировать экономику, провести необходимые экономические преобразования (35,3 % ответов от числа ответивших)
- изменить социальную политику государства (18,9 %);
- повысить стоимость рабочей силы (18,9 %);
- провести демократические преобразования (12,0 %).

Далее по убывающей идут следующие предложения молодежи:

- улучшить государственную жилищную политику,
- стабилизировать правовую базу страны,
- государство не должно людям мешать работать,
- сделать доступным и более качественным медицинское обслуживание,
- заботиться об экологии, о чистоте окружающей среды,
- вести борьбу с преступностью (коррупцией, взяточничеством и т.д.),
- войти в Евросоюз, объединиться с Россией,
- сделать доступным образование,
- обеспечить мир в стране и хорошие отношения с соседними государствами,
- больше заботиться о детях,
- организовать возможность хорошего досуга для граждан,
- поднять престиж семьи,
- повысить уровень правового сознания населения,
- улучшить демографическую политику,
- ввести нравственную цензуру в СМИ,
- обеспечить национальную солидарность,
- дать в собственность землю,
- обеспечить свободный выезд за границу.

Как видим, список довольно большой и содержит разнообразные предложения молодых людей. Большинство молодых людей ожидает от государства преобразований, направленных на улучшение и повышение качества и уровня жизни. Другая часть молодежи, у которой менее выражены патерналистские наклонности, ищет самостоятельные решения собственных проблем, предпринимая определенные шаги.

В данном случае государство должно прислушиваться к мнению молодых семей, знать и понимать их потребности. Необходимо помнить, что молодая семья и воспитывающиеся в ней дети составляют потенциал страны, главный вектор ее социального, экономического и социокультурного развития, от которой зависит будущее белорусского общества. При выработке стратегии государственной семейной политики в области обеспечения благополучия семей необходимо учитывать общественный (идеология, культурные, религиозные особенности, специфика механизмов формирования общественного мнения); семейный (характеристика социальной группы: ее закрытость, сплоченность/разобщенность, традиции, социальный капитал и т.д.); личный (социальные, психологические и физиологические особенности человека, которые формируют ожидания, ролевое поведение, удовлетворенность и прочее) уровни.

1. *О количестве граждан (семей), состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, получивших жилье и улучшивших жилищные условия за 2014 год [Электрон.ресурс] – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/nas>*
2. *Отчет национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь / С. Н. Бузова [и др.]. – Минск : В. И. З. А. ГРУПП, 2009. – 352с.*

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В НЕФОРМАЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Демченко Т.С. (Москва)

Неформальный социальный контроль высшего образования представляет собой совокупность систем, механизмов, сил и средств неформальных институтов и организаций таких как: организаций студентов вуза, их родителей, профессорско-преподавательского состава, работодателей, институтов гражданского общества и других.

Как показывает социальная практика, рациональное функционирование неформального социального контроля базируется на активной гражданской позиции его субъектов; потребности в совершенствовании деятельности органов государственной власти и формальных организаций; правовом обеспечении контрольных полномочий неформальных организаций и других.

Для решения задач по проверке теоретических положений было проведено эмпирическое исследование на базе государственных и негосударственных вузов 31 города России.

Генеральная совокупность составила 195 тыс. человек, объем выборки - 700 человек, ошибка выборки 3,7 %.

Анализ имеющихся разработок в области общественного контроля [1-5] дает основания сделать вывод, что до сих пор не существует общей теории оценки его эффективности, а, следовательно, и общепринятой научно обоснованной методики определения активности структур гражданского общества в контексте эффективности неформального социального контроля высшего образования.

Бесспорно, об активности структур гражданского общества можно судить и по такому показателю как обращения потребителей образовательных услуг к администрации вуза с претензиями по проблемам качества получаемых образовательных услуг; в государственные органы власти (например, Рособрнадзор или Минобрнауки) по вопросам получаемых образовательных услуг; в судебные органы с исками к вузам.

Результаты проведенного анкетного опроса студентов ряда государственных и негосударственных вузов России показали, что наиболее применяемый показатель это обращение потребителей образовательных услуг с претензиями по вопросам качества получаемого высшего образования к администрации вузов (11,9 % респондентов).

Еще один важный показатель замера активности потребителей образовательных услуг - это их участие в митингах, забастовках и других протестных мероприятиях по отстаиванию своих прав в сфере высшего образования.

Как показывают результаты исследования, лишь незначительная часть (4,3 %) респондентов применяет на практике эту форму протестного неформального социального контроля в сфере высшего образования.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что почти в 3 раза больше респондентов (12,1%) ответили, что они участвовали один – два раза в митингах, забастовках и других протестных мероприятиях в различных областях, и лишь только 4,3% из опрошенных заявили об отстаивании своих прав в сфере высшего образования таким способом.

Как показывают результаты исследования, наиболее часто применяемая форма протестного неформального социального контроля – это участия студентов в коллективном уходе с занятий. Опрос респондентов показал, что почти 23 % студентов государственных и негосударственных вузов России применяют ее на практике и 72,29 % сказали что никогда не участвовали в коллективном уходе с занятий.

Таким образом, показатель «участия в коллективном уходе с занятий» наиболее отражает активность студентов в применении протестных форм неформального социального контроля.

Показатель «участия студентов в управлении образовательным учреждением» отражает общее состояние студенческого самоуправления в России [5]. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что оно находится в пассивной стадии развития. Так, например, только 12,29% из опрошенных респондентов заявили, что они реализовывали на практике свое право на участие в управлении образовательным учреждением, 72,43% никогда этого не делали, а 15,29% затруднились с ответом.

Кроме того, активность студенческого контроля можно измерить с помощью показателей участия студентов в студенческом самоуправлении и различного рода мероприятиях.

Результаты опроса студентов показали, что лишь незначительная доля респондентов являются членами студенческого самоуправления - 10,7% опрошенных; 82% ответили отрицательно; 7,29% из опрошенных затруднились дать ответ.

Результаты анкетного опроса студентов позволяют сделать следующие выводы: либо вузы организуют недостаточное количество студенческих мероприятий, либо в недостаточном количестве информируют и агитируют своих студентов, либо у опрошиваемых студентов отсутствует активная социальная позиция и они не участвуют в подобных мероприятиях.

Участие представителей институтов гражданского общества, работодателей, известных деятелей науки, культуры, искусства в процессе обучения и воспитания отражает активность всех структур гражданского общества в неформальном социальном контроле.

Однако, как показывает современная образовательная практика, участие институтов гражданского общества в контроле высшего образования остается на минимальном уровне. Как правило, оно сводится лишь к организованным встречам со студентами и то не в тех объемах, как этого требуют современные условия.

Результаты анкетного опроса студентов показывают, что только чуть больше одной трети респондентов (37,48%) заявили, что в их вузе организуются встречи с представителями институтов гражданского общества (воспитательно-педагогическими организациями, молодежными общественными организациями, ветеранскими организациями, независимыми СМИ, творческими союзами, ассоциациями работников культуры и другими), 32,33% из опрошенных дали отрицательный ответ, а 30,19% затруднились ответить.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что институтам гражданского общества требуется социально-психологическая мотивация и активизация в контроле высшего образования.

Таким образом, в настоящее время уровень эффективности структур гражданского общества в системе неформального социального контроля высшего образования, выраженный в применении протестных формах, таких как: организация и участие в коллективных уходах с занятий; коллективных исковых заявлений в суд; инициации претензий по вопросам качества получаемых образовательных услуг; обращение потребителей образовательных услуг с претензиями по вопросам качества получаемого высшего образования к администрациям вузов, а также в государственные органы власти (например, Рособрнадзор или Минобрнауки); обращение в судебные органы с исками к вузам, Минобрнауки; участие в митингах, забастовках и других протестных мероприятиях по отстаиванию прав в сфере высшего образования применяются ограниченно, однако есть много факторов, которые могут активизировать эти процессы.

В современной образовательной практике назрела необходимость в развитии реализации студентами прав на участие в управлении образовательным учреждением; повышения участия студентов в вузовских мероприятиях и самоуправлении вузами;

участия представителей институтов гражданского общества (воспитательно-педагогических, молодежных, ветеранских организаций, независимых СМИ, творческих союзов, ассоциаций работников культуры и других), работодателей, известных деятелей науки, культуры, искусства в процессе обучения и воспитания, путем социально-психологической мотивации и активизации структур гражданского общества в контроле высшего образования.

1. Гостев А.Н., Ананишнев В.М., Демченко Т.С., Кочетов В.В. Рационализация системы социального проектирования дополнительного образования молодежи крупного города // Системная психология и социология: Всероссийское периодическое издание научно-практический
2. Гостев А.Н., Демченко Т.С. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства [Текст] : Монография / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко. – М.: Изд-во СГУ, 2011. – 193 с.
3. Гостев А.Н., Демченко Т.С. Российские традиции в системе студенческого самоуправления // Социология образования. – М. - 2013. - № 02. – С. 4 - 21.
4. Гостев А.Н., Демченко Т.С. Система трудоустройства населения: социологический аспект [Текст] / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко // Социология образования 2015 - № 02. С.- 9-23.
5. Демченко Т.С. Система показателей оценки эффективности структур гражданского общества в неформальном социальном контроле высшего образования [Текст] // Системная психология и социология. – М – 2014. - № 9. – С. 137-143.

АКТУАЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЁЖИ РОССИИ

Дмитриева Ю.Н. (Иркутск)

Региональные исследования молодёжи как особой социально-демографической группы являются особенно значимыми, так как эта группа наиболее экономически активна, миграционно подвижна, имеет отличительные черты образа жизни, ценностные ориентиры, политические взгляды и приоритеты. Очевидно, что успешное реформирование государства возможно только при активном участии молодежи, поэтому механизм включения молодых людей в развитие территории одна из приоритетных задач. В связи с этим возникает необходимость целенаправленного исследования молодежи, сбора достоверной информации об ее жизнедеятельности, потребностях и интересах. Только на основе объективных данных может быть осуществлена молодежная политика.

Особенно остро проблема молодежи и ее роли в общественной жизни стоит в современной России. Авторы, занимающиеся исследованиями молодёжи, отмечают специфику данной возрастной группы, «феномен молодости», для которого характерны более высокие адаптивные возможности к новым условиям социально-экономической жизни. Данной группе не приходится «ломать» свои ценностные ориентации или, во всяком случае, она легче ориентируется и быстрее создает для себя новые стандарты поведения. Географ Н.Ю. Замятина, основоположник когнитивной географии в России, специалист по маркетингу и брендингу территорий отмечает, что существуют поколения молодых: X, Y, Z. «Скажи мне, когда ты родился, и я скажу, кто ты...». Сформированные в определенный период жизненные установки влияют на все: взгляды на мир, отношение к работе, стиль потребления.

Специфика интереса к изучению молодежной проблематики в отечественной науке заключалась, прежде всего, в проведении конкретных социологических исследований труда и быта молодежи, ее социальной, общественно-политической активности, места и роли в развитии общества. Социально-географических работ акцентирующих внимание на региональном уровне исследований молодёжи практически

нет, но существуют социологические работы, отмечающие важность молодёжи как фактора развития территории и социального потенциала региона. Среди них: Социальный потенциал молодежи как фактор социально-экономического развития региона. Березутский Ю.В. (Москва, 2002); Особенности изменения жизни городской и сельской молодёжи в условиях трансформации российского общества. Габидуллина Г.Р. (Уфа, 2009); Социокультурная среда города как фактор формирования современной молодежной субкультуры. Моргунова Г. Е. (Кемерово, 2010); Теоретические и прикладные проблемы комплексного исследования молодежной преступности на региональном уровне. Лелеков В.А. (Москва, 1999); Социальная адаптация сельской молодёжи российского региона в студенческой среде: на примере Оренбургской области. Мугиль Ю.В. (Уфа, 2004).

Учитывая большие территории России, неравномерность социально-экономического развития регионов (даже областей и отдельных районов) подходить к исследованию молодёжной группы следует с учетом особенностей места её постоянного пребывания: мегаполис, крупный, малый город или сельское поселение. Среда обитания во многом определяет уровень, качество и образ жизни населения, а для молодёжи это ещё место общения со сверстниками, удовлетворения потребностей и реализации своих возможностей. Данную группу возможно назвать «индикатором» социально-экономического статуса региона, так если для молодёжи нет условий для развития и реализации, то данная территория теряет эту группу, в связи с оттоком в другие регионы, где возможно получить желаемое образование, работу, поменять образ жизни.

В отдаленных территориях к имеющимся низкому экономическому уровню и слабо развитой базовой инфраструктуре добавляется и фактор информационной изоляции, что влияет на комфортность среды проживания. Формирование очагов коммуникационного развития вокруг основных центров проживания населения определяет их большую информационную представленность и доступность информации о них. Данное обстоятельство повышает престижность этих территорий в представлении жителей отдаленных и слаборазвитых районов, что, как показывают результаты некоторых исследований, является одной из причин оттока населения (особенно молодого) и потерю интереса к проживанию на своей родине [4].

Такие взгляды на исследования молодежи подтверждаются картиной численности и размещения молодёжи по территории России. По данным на 1.01.2015 г. в России проживало 29 449 молодых людей (20,5% от всей численности населения). Наблюдается уменьшение не только численности молодежи, но доли в общей структуре населения. За последние десять лет доля молодёжи сократилась на 4%:

2005 г. - 35 172 чел. (24,5% от общей численности населения); 2009 г. - 33 706 чел. (23,6%); 2011 г. - 32 371 чел. (22,5%); 2012 г. - 31 558 чел. (22,1%); 2013 г.- 30 557 чел. (21,3%); 2014 г. – 29 449 чел. (20,55) [6].

В размещении молодёжи по регионам закономерна связь с общей численностью населения – наибольшее количество молодёжи проживает в Центральном - 7 851 тыс. чел. (21,2% от общей численности населения) и Приволжском округах - 7 006 тыс. чел. (23,3%). Но, по доли молодёжи заметен приоритет южных и восточных частей страны: Южный ФО - 5 714 тыс. чел. (24,9%), СФО - 4 815 тыс.чел. (24,6%) и Дальневосточный - 1 615 чел. (25,1%). Северо-Западный и Уральский округа занимают средние позиции: 3 085 (23,0%) и 2 923 (23,8%) соответственно [5].

Согласно прогнозам, к 2016 г. численность граждан моложе 18 лет в России может составить 25,3 млн. человек. В итоге численность вступающих в трудоспособный возраст сократится почти в 2 раза и составит 1,3 млн. человек, против 2,5 млн. в 2002 г. А численность населения, выходящего за пределы трудоспособного возраста, соответственно, возрастет с 1,4 млн. в 2002 г. до 2,0 млн. человек к 2016 г. Число лиц, выходящих за пределы трудоспособного возраста к 2016 г. будет почти в 1,6 раза превышать число вступающих в трудоспособный. Таким образом, протекающие

демографические процессы во многом будут определять развитие демографического потенциала страны в перспективе [2].

Данные по численности и возможной численности молодёжи актуальны на короткий период времени, т.к. в настоящее время в России в структуре миграционной подвижности по территории страны молодёжная группа занимает около 40%, в выезде за рубеж до 35%. «Подобная подвижность молодежи объясняется традиционными процессами, связанными с желанием получить образование, найти работу, создать семью и т.п. В этом аспекте в большей степени бросается в глаза степень несоответствия между удельным весом молодежи во всем населении и ее удельными весами в составе лиц, совершающих территориальные перемещения. В 2003 г. доля молодых людей среди уехавших за границы России составляла 32%, что было несколько выше, чем их доля среди уехавших в регионы страны (26%)» [3].

Потоки миграций по территории страны направлены из сельских территорий в городские, из малых и средних городов в крупные, из восточных и южных регионов в европейскую часть страны. «Не только сельскую местность, но и многие малые и средние периферийные города в результате устойчивого оттока молодежи ожидает быстрое старение населения и ускоренная депопуляция. Данные за два межпереписных периода показали, что эти тенденции не ослабевают, и людское “сжатие” периферии неизбежно. По мере истощения ресурсов периферии усилится конкуренция за молодежь между крупными городами и региональными столицами» [1].

Таким образом, исследуя молодёжную группу населения необходимо учитывать многие параметры:

- Исследования должны носить комплексный характер (с точки зрения разных наук, подходов и методов);
- Для России актуальны исследования с учетом региональных особенностей (экономических, социальных, исторических, культурных и т.п.);
- Молодёжь – это специфическая группа населения, быстрее реагирующая на социально-экономические изменения в обществе, и легче подстраивающаяся под них;
- Несоответствие условий жизни для реализации возможностей и потребностей молодёжи найдет «выход» в смене жизненного пространства (в данном случае на примере миграций).

1. Мкртчян Н.В. Миграция молодёжи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века. Известия РАН, серия географическая, 2013, №6, стр. 31.
2. Пономаренко С.Н. Численность молодежи России: демографический аспект. Электронный журнал: Управление экономическими системами. <http://www.uecs.ru/marketing/item>.
3. Руппель Н.Я. Статистический анализ и прогнозирование численности и состава молодёжи в Российской Федерации. Автореферат на соискание уч. ст. канд. экон. наук. Москва – 2006, стр. 19.
4. Серкин В. П. Социально-психологические причины миграции населения Северо-Востока России // Личность в экстремальных условиях. Вып. 2: сб. науч. тр.: в 2 ч. – Петропавловск-Камчатский, 2012. – С. 161–177.
5. Федеральная служба государственной статистики. «Молодёжь России 2010». http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/MOLODEG_RUS_2010.pdf
6. Федеральная служба государственной статистики. Население. <http://www.gks.ru/>

ПОРТРЕТ ПАТРИОТА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ РОССИИ

Дулина Н.В., Икингрин Е. Н. (Волгоград)

Современное российское общество серьезно озабочено проблемами патриотического воспитания молодежи. Причины для такой озабоченности явно

присутствуют. Так, например, по результатам других исследований, выполненных при участии авторов (более подробно см., напр., [8–10] и др.), только 16,4 % опрошенных студентов отрицательно относятся к переезду в другую страну на постоянное место жительства. Готовность уехать из страны на учебу демонстрируют 54,8 %, на работу – 65,6 %.

Необходимо учитывать, что люди приходят к пониманию патриотизма по-разному: один через природу или искусство родной страны, другой – через ее историю, третий – через веру, чаще – через созидательную деятельность. Наверное, сколько людей – столько путей постижения своей страны и себя самого в ней. Понятие патриотизм замечательно сформулировано Д. С. Лихачевым: «Патриотизм – это благороднейшее чувство. Это даже не чувство – это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа...» [11]. Иными словами, формируя патриота, общество, в первую очередь, формирует культурного человека. Чем выше культурный уровень человека, тем богаче чувство патриотизма. Однако, в процессе формирования того или иного качества, ставится определенная цель, задается идеальный образ желаемого. Успех, как правило, зависит, еще и от того, насколько образ, задаваемый социумом, совпадает с образом, задаваемым конкретной социальной группой. Так, весьма актуальным представляется вопрос, каким видят патриота страны современные студенты?

Ответ на этот и ряд других вопросов можно найти, если обратиться к результатам со-циологического исследования «Российское студенчество о Великой Отечественной войне». Исследование было проведено под эгидой Российского общества социологов (РОС). Поле-вой этап исследования прошел с ноября 2014 года по январь 2015 года. Исследование носило инициативный характер (у него нет заказчика, соответственно, нет и финансирования), чем и объясняется достаточно длительный период сбора первичной социальной информации. Всего в ходе исследования было опрошено около 5 тысяч (4754) студентов из полусотни вузов почти 30 городов России. В исследовании не представлены только Северо-Западный и Крымский федеральные округа. Научные руководители проекта: Ю. Р. Вишневецкий (г. Екатеринбург, УрФУ), Е. Н. Икингрин (г. Нижневартовск, НГУ), Н. В. Дулина (г. Волгоград, ВолгГТУ), Е. И. Пронина (г. Москва, ИС РАН). С техническими параметрами проведенного исследования можно ознакомиться на официальном сайте РОС, с общей технологией проведения подобного рода исследований – в опубликованных материалах (см., напр., [2, 3, 7,13] и др.). Часть результатов данного исследования уже прошла публичное обсуждение на конференциях разного уровня и опубликована в печати (см., напр., [1, 4, 5, 6, 12] и др.).

Заметим сразу, портрет современного патриота, «написанный» современными студентами, выглядит как-то не убедительно, какой-то патриот получается у них однобокий (см. табл.).

Таблица

Мнение студентов о том, что значит сегодня быть патриотом России, %%

Варианты ответа   Общий массив

Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране   39,5

Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны   38,1

Испытывать гордость за свою страну   68,1

Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране   5,8

Покупать в основном отечественные товары   5,4

Уважать и знать историю России   72,6

Уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам   60,8

Принимать участие в общественной и политической жизни страны   24,7

Не уклоняться от службы в армии   29,0

Честно и добросовестно трудиться   20,9

Что-то другое   2,4

Цифры, приведенные в таблице, красноречиво говорят сами за себя. Понятно, что эти данные больше информируют, чем объясняют. Но очевидно, что патриотизм у современных студентов пассивный, не деятельный. Студенты готовы любить свое Отечество, но так, что-бы не прилагать особых усилий, не очень напрягаясь.

Патриотизм у человека либо есть, либо его нет, но о его наличии (или отсутствии) принято судить по делам человека, и главное: патриот – это человек, служащий своей Родине. Надеемся, что и многие студенты со временем будут готовы подписаться под этими словами Н. Г. Чернышевского.

1. Ануфриев, Д. П. Патриотизм в менталитете современной молодежи: Астрахань – Волгоград (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) / Д. П. Ануфриев, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова // *Известия Волгоградс*
2. Вишневский, Ю. Р. Из опыта организации и проведения Всероссийским обществом социологов всероссийских социологических опросов / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // *V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». 12–13 марта 2015 г. – Материалы конференции.* – М.: ВЦИОМ, 2015. – С. 450–453.
3. Вишневский Ю. Р. Через исследования к доверительному сотрудничеству / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // *Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное россий*
4. *Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 312 с.
5. Дулина Н. В. Живи и помни: студенты России о Великой Отечественной войне (По итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) / Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин // *Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечествен*
6. Дулина, Н. В. Правнуки Победы. Какие они? / Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин // *Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. р*
7. Дулина Н. В. Опыт участия региональных отделений российского общества социологов во всероссийских исследованиях изучения общественного мнения / Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // *Дети и общество: социальная реальность и новации. Сбор-ник док*
8. Дулина Н. В. К вопросу о самоидентификации студенческой молодежи в новой социо-культурной реальности (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // *Известия Волгоградского государственного технического*
9. Дулина, Н. В. Патриотические ценности современной студенческой молодежи: между Россией и Западом (по итогам проведения социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // *Материалы XVIII Международной конферен-ции «Культура, лично*
10. Дулина Н. В. Социальное самочувствие и религиозные ориентации современной студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // *Известия Волгоградского государственного технического униве*
11. Лихачев, Д. С. Земля родная: кн. для учащихся / Д. С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1983. – 256 с.
12. Саралиева, З. Х. Учащиеся о Великой Отечественной войне / З. Х. Саралиева, Г. С. Широкалова, П. И. Кузонков. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. – 49 с.
13. Dulina, Nadezhda V.; Ikingrin, Elena N.; Pronina, Elena I. Russian Society of Sociologists Re-gional Offices Experience of All-Russia Public Opinion Research / N. V. Dulina, E.N. Ikingrin, E. I. Pronina // *Facing an Unequal World: Challenges for Russian S*

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕВИАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Дыжова А.А. (Могилёв, Республика Беларусь)

В условиях трансформации белорусского общества актуализируются проблемы девиантного поведения в молодежной и студенческой среде. Рост количества и многообразия форм отклонений от социальной нормы обусловлен кардинальными изменениями во всех сферах жизни общества (социальной, экономической, политической и др.), а также трансформацией ценностно-нормативной системы, стиранием граней в массовой культуре между социальной нормой и патологией. Дают о себе знать такие деструктивные формы девиаций, как преступность, наркомания, алкоголизм, проституция, суицид [1].

На сегодняшний день практически отсутствует официальная информация о таком виде девиации, как алкоголизм в молодежной среде. Вместе с тем наблюдается высокий уровень потребления спиртных напитков студентами вузов, в особенности пива, получает распространение «пивной алкоголизм». Особый аспект проблемы девиантного поведения студенческой молодежи - наркотизация студентов вузов. Потребителями наркотиков все чаще становятся достаточно социально адаптированные и благополучные студенты.

В ходе проводимых исследований в 2012-2015 годах в рамках научно-исследовательской темы: «Правовая культура молодежи: состояние, проблемы, тенденции развития», мы решили также выяснить степень проявления деструктивной девиации юношами и девушками, обучающимися в высших учебных заведениях нашей страны. В статье были проанализированы данные по молодежной выборке, составляющей 850 респондентов в возрасте от 18 до 31 года. Результаты были разбиты на два периода: 2012-2013 гг. и 2014-2015 гг. Молодым людям был задан вопрос: «Приходилось ли Вам совершать какие-либо противоправные действия?». За период 2012-2013 гг. по собственной инициативе совершали противоправные действия 12,0% женщин и 24,2% мужчин. В 2014-2015 гг. эта цифра уже составила 8,2 и 37,2% соответственно. Как мы видим, процент совершения противоправных действий среди женщин уменьшился, а среди мужчин увеличился почти в полтора раза. При этом против своей воли за первый отчетный период преступления совершили 20,2% мужчин и 8,8% женщин, а за второй - 15,5 и 16,9% соответственно. Из этого можно сделать вывод, что мужчины стали более осознано, и по своей собственной инициативе совершать противоправные действия. Не смотря на все это, 72,5 % женщин и 47,3 % мужчин не совершали действий нарушающих закон.

Сразу же возникает вопрос, что же останавливало молодых людей в совершении ими противоправных действий? Этот вопрос так же был задан нами в ходе опроса. Так 47,8% девушек и 27,1% юношей указали личностные установки. Нормы морали и нравственности отметили 41,1% мужчин и 47,8% женщин, а знание закона 30,2% и 11,1% соответственно.

Как видим, определяющее влияние на поведенческий аспект правовой культуры оказывает не только знание правовых норм и их беспрекословное исполнение, но и особенности морального выбора при совершении того или иного поступка. И здесь необходимо отметить, что этот выбор молодой человек делает не только и не столько на основе юридической информации, сколько под воздействием и благодаря своей нравственной, моральной позиции, внутреннему убеждению, которые формируются при непосредственном воздействии семьи и ближайшего социального окружения. Отметим, что среди сдерживающих факторов совершения противоправных поступков в молодежной среде безусловным лидером является воздействие норм морали и нравственности, а также личностные установки. Безусловно, это является положительной тенденцией и должно

учитываться при изучении правовой культуры современной белорусской молодежи и выработке мер направленных на ее формирование.

Однако показательным является также тот факт, что почти каждый третья молодая девушка (31,9%) и 16,3% юношей не совершает противоправные действия только из-за боязни привлечения к ответственности. Дать этому однозначную оценку представляется достаточно сложным. С одной стороны, основной функцией права является обеспечение социальной справедливости, которая выражается, в том числе, и в применении санкций к нарушителям закона. И приведенные данные свидетельствуют о том, что данный механизм в нашем государстве действенен. С другой же стороны, ссылка на боязнь привлечения к ответственности говорит о не понимании права как основного инструмента регулирования общественных отношений, что в целом свидетельствует о несформированности правового и гражданского сознания молодых людей. Только человек с высокоразвитым правосознанием, с одной стороны, может четко осознавать свои обязанности перед обществом и другими людьми, а с другой – понимать свои права как личности, обладающей ценностью и достоинством, и не допускать их нарушения. Умение и готовность отстаивать свои права составляет важную характеристику гражданина правового государства. Другой, не менее важной характеристикой, является признание таких же прав за другими людьми и готовность их не нарушать. Все это в совокупности можно назвать уважением к праву, которое и воспитывается в процессе правовой социализации.

Еще более значительным становится показатель деструктивной девиантности молодежи при анализе данных о совершении девиантных поступков различной степени тяжести.

Приведем результаты исследования, об участии молодых людей в наиболее распространенных, как нам кажется, видах действий, в различной степени нарушающих социальные и правовые нормы. В 2012-2013 гг. по видам девиации и по полу были получены следующие данные:

Девушки:

1. Сквернословить: а) постоянно – 7,5%; б) иногда – 74,8%; в) никогда – 16,6%.
2. Прогуливать занятия: а) постоянно – 1,9%; б) иногда – 76,6%; в) никогда – 21,1%.
3. Курить в неустановленных местах: а) постоянно – 5,9%; б) иногда – 23,4%; в) никогда – 69,8%.
4. Употреблять наркотики: а) постоянно – 0,2%; б) иногда – 1,1%; в) никогда – 97,5%.
5. Распивать спиртные напитки общественных местах: а) постоянно – 1,4%; б) иногда – 61,5%; в) никогда – 37,0%.
6. Ездить на общественном транспорте без билета: а) постоянно – 1,1%; б) иногда – 39,2%; в) никогда – 59,0%.
7. Нарушать ПДД: а) постоянно – 2,7%; б) иногда – 54,0%; в) никогда – 42,9%.
8. Давать взятки: а) постоянно – 0,9%; б) иногда – 18,1%; в) никогда – 80,5%.

Юноши:

1. Сквернословить: а) постоянно – 15,7%; б) иногда – 66,1%; в) никогда – 16,2%.
2. Прогуливать занятия: а) постоянно – 4,5%; б) иногда – 70,1%; в) никогда – 24,1%.
3. Курить в неустановленных местах: а) постоянно – 13,7%; б) иногда – 33,7%; в) никогда – 50,9%.
4. Употреблять наркотики: а) постоянно – 1,0%; б) иногда – 3,7%; в) никогда – 93,0%.
5. Распивать спиртные напитки общественных местах: а) постоянно – 8,0%; б) иногда – 57,4%; в) никогда – 32,9%.

6. Ездить на общественном транспорте без билета: а) постоянно – 3,7%; б) иногда – 32,7%; в) никогда – 61,6%.

7. Нарушать ПДД: а) постоянно – 7,2%; б) иногда – 59,9%; в) никогда – 32,4%.

8. Давать взятки: а) постоянно – 4,2%; б) иногда – 15,2%; в) никогда – 79,8%.

В 2014-2015 гг. по видам девиации и по полу были получены следующие данные:

Девушки:

1. Сквернословить: а) постоянно – 7,7%; б) иногда – 72,0%; в) никогда – 16,9%.

2. Прогуливать занятия: а) постоянно – 2,4%; б) иногда – 72,9%; в) никогда – 21,7%.

3. Курить в неустановленных местах: а) постоянно – 6,3%; б) иногда – 27,5%; в) никогда – 63,3%.

4. Употреблять наркотики: а) постоянно – 1,0%; б) иногда – 2,4%; в) никогда – 93,7%.

5. Распивать спиртные напитки общественных местах: а) постоянно – 1,4%; б) иногда – 52,7%; в) никогда – 43,0%.

6. Ездить на общественном транспорте без билета: а) постоянно – 1,4%; б) иногда – 29,5%; в) никогда – 65,7%.

7. Нарушать ПДД: а) постоянно – 1,0%; б) иногда – 53,1%; в) никогда – 43,5%.

8. Давать взятки: а) постоянно – 0,1%; б) иногда – 17,4%; в) никогда – 79,7%.

Юноши:

1. Сквернословить: а) постоянно – 14,7%; б) иногда – 64,3%; в) никогда – 20,2%.

2. Прогуливать занятия: а) постоянно – 1,6%; б) иногда – 48,8%; в) никогда – 49,6%.

3. Курить в неустановленных местах: а) постоянно – 7,0%; б) иногда – 45,7%; в) никогда – 47,3%.

4. Употреблять наркотики: а) постоянно – 1,6%; б) иногда – 8,5%; в) никогда – 89,1%.

5. Распивать спиртные напитки общественных местах: а) постоянно – 2,3%; б) иногда – 55,0%; в) никогда – 42,6%.

6. Ездить на общественном транспорте без билета: а) постоянно – 2,3%; б) иногда – 33,3%; в) никогда – 64,3%.

7. Нарушать ПДД: а) постоянно – 4,7%; б) иногда – 51,2%; в) никогда – 42,6%.

8. Давать взятки: а) постоянно – 2,3%; б) иногда – 13,2%; в) никогда – 84,5%.

Из приведенных данных видно, что при такой постановке вопроса количество девиантов значительно возросло. В данном случае можно предположить, что причиной такого различия может быть или нежелание респондентов признаваться в совершении различных правонарушений, или неосознанный характер этих действий. Ведь и переход улицы на красный свет, и проезд «зайцем» на общественном транспорте, и воровство – все это противоправные действия различной степени тяжести, влекущие за собой и различную степень ответственности за совершенные проступки. Как правило, вначале девиантное поведение немотивированное. Молодые люди, в основном, хотят соответствовать требованиям общества, но в силу социальных условий, неумение правильно определить свои социальные роли, незнания способов социальной адаптации, они не могут этого сделать. Поэтому необходимо осуществлять социальный контроль молодых людей, склонных к деструктивной девиации.

1. *Бороноев, П.Г. Проявления девиантного поведения в среде студенческой молодежи в современных условиях (на материалах республики Бурятия) : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.01 / П.Г. Бороноев ; Бурятский гос. универ. – Улан-Удэ, 2007. – 26 с.*

ВОЛОНТЕРСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И КРИЗИС

Евлегина А.М. (Санкт-Петербург)

В современном обществе под воздействием объективных политических и социально-экономических условий в различных странах мира, в том числе в России, гражданское участие стало выступать и как общественная потребность, и как важнейший механизм социальных взаимодействий, оказывая значительное влияние, прежде всего, на социальную политику государства. Гражданское участие, в частности такая его форма, как волонтерство, относится к числу высших проявлений социальных потребностей и, прежде всего, как общественная потребность в объединении друг с другом - люди вступают в социальные взаимодействия для совместного решения острых проблем.

Волонтерство как особый вид социальной практики, пишет Т.Г. Киселева, имеет очень широкий круг задач, решаемых с помощью этой деятельности проблем. Это и вовлечение молодых людей в общественную жизнь, в социальную практику, предоставление им возможности проявить себя, реализовать свой потенциал. Если посмотреть более широко, раздвинуть рамки волонтерской деятельности, то это и способ интеграции в социуме молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и обучение трудовым навыкам, и обеспечение временной занятости молодежи. С позиции интересов общества и государства - это формирование кадрового резерва, а также профилактика асоциального поведения подростков и молодежи.

Нашим государством на данный момент ведется активная работа по развитию волонтерского движения, создаются базы вакансий для волонтеров, центры развития добровольчества, разрабатываются концепции развития волонтерской (добровольческой) деятельности молодежи и положения о волонтерской деятельности.

Что может измениться под давлением экономического кризиса? Сокращаются выделяемые бюджеты в те или иные области, в том числе затрагивающие социальные сферы, и общество вынуждено прибегать к альтернативным решениям проблем. Здесь, в большей степени, и помогает волонтерство.

На базе ВУЗов организуются волонтерские центры. В Санкт-Петербурге отличным примером служит центр привлечения волонтеров СПбГЭУ, основную массу активных волонтеров которого составляет молодежь – студенты.

Посредством участия в разнообразных волонтерских проектах молодые люди одновременно удовлетворяют несколько важных потребностей, в том числе в социализации, в получении практического трудового опыта, осознания своей необходимости обществу, чувства вовлеченности в гражданские процессы.

Если от практики перейти в теории, то в Кодексе добровольцев России обозначена цель российского добровольчества - мобилизация и объединение усилий людей для активного созидательного участия в развитии гражданского общества и в улучшении качества жизни, формирование позитивного общественного мнения о значимости добровольчества для социально-экономического развития страны, укрепления культурных, духовных, моральных, нравственных, семейных и общечеловеческих ценностей.

Основными задачами российского добровольчества являются: действенное участие в решении общественных проблем; продвижение и укрепление в обществе ценностей добровольчества; создание условий для участия людей в добровольческой деятельности; формирование позитивного общественного мнения о значимости добровольчества для социально-экономического развития страны: интеграция, укрепление связей и сотрудничество с европейским и мировым волонтерским движением.

В заключение хотелось бы отметить, что в Программе действий ООН для развитых стран на десятилетний период 2011-2020 годов рекомендовано принять меры для оказания

поддержки добровольчеству в целях расширения участия молодежи в жизни общества и ее воспитания.

Как мы видим, рекомендации приняты к сведению и постепенно реализовываются.

1. Киселева Т.Г. Исследование доминирующей мотивации к участию в добровольческой деятельности. //Ярославский педагогический вестник. - 2013. - № 2. - Том II. - С.44-48; С.45
2. Конвисарева Л.П. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи. // Дис-сертация канд. пед. наук : 13.00.02 Кострома, 2006.
3. Арапов М.О. Взаимодействие деятельности учреждений культуры и волонтерского движения по воспитанию гражданских качеств молодежи. // Автореферат дисс...канд. пед. наук: 13.00.05. - М., 2013

РОССИЙСКИЙ ФРИЛАНС В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Ефимов А.М. (Санкт-Петербург)

Фриланс - новая для России относительно гибкая форма самозанятости, характеризующаяся производством и предоставлением того или иного товара без официального оформления трудовых отношений. В более широком смысле фриланс понимается как свободная занятость специалистов, осуществляемая с помощью информационно-коммуникационных технологий. Работа фрилансеров сегодня регулируется посредством специальных онлайн-бирж, либо устной договоренностью заказчика и исполнителя работы.

Фриланс как форма самозанятости стала развиваться в странах Западной Европы с 1970-х годов [1]. Широкое распространение фриланс получил в Европе и США в 1990-х годах вместе с развитием компьютерной техники и информационных технологий. В настоящее время в этих странах работа вне штата организации уже прочно закрепилась в умах граждан, а также нашла определенное закрепление в законодательной базе.

Что же касается России, то фрилансовая деятельность начала развиваться только в начале двухтысячных годов. Первые русскоязычные сайты, форумы и онлайн-сообщества, посвященные удаленной работе, стали появляться в 2005-2006 годах. Тогда они были известны лишь узкому кругу профессионалов, предпочитающих свободную занятость на дому. Немногим временем позже появились и первые биржи, координирующие договор и взаимодействие фрилансеров и заказчиков их работы. Сейчас же о фрилансе как форме самозанятости знает практически каждый опытный пользователь сети Интернет.

Сегодня фриланс в наибольшей степени распространен в таких областях как: журналистика, реклама и связи с общественностью, перевод, фотосъемка, видео-монтаж, маркетинг, веб-дизайн, компьютерное программирование [2]. При этом доходы фрилансеров значительно отличаются в зависимости от сферы их деятельности и количества времени, которое специалист посвящает свободной работе. Так, например, специалисты в области компьютерного программирования зарабатывают практически вдвое больше, чем фрилансеры-копирайтеры, а услуги веб-дизайнеров зачастую могут стоить дороже, чем услуги фотографов [4]. Также на заработок оказывает значительное влияние репутация фрилансера на онлайн-биржах, и, конечно же, платежеспособность клиентской базы, которую специалист сможет набрать в процессе своей профессиональной деятельности.

На сегодняшний день существует только одно масштабное исследование, посвященное структуре российского фриланса. Это «Всероссийская перепись фрилансеров», проведенная НИУ ВШЭ и сайтом Free-lance.ru в 2009 году. Согласно результатам исследования, четыре пятых фрилансеров (79%) - это люди не старше 30 лет,

а более половины опрошенных (58%) находятся в возрасте от 18 до 26 лет [2]. Таким образом, мы видим, что российский фриланс представлен преимущественно молодежью. Очевидно, что в настоящее время социологический портрет российского фрилансера, сложившийся 6 лет назад, значительно не изменился, т.к. именно молодежь была и остается наиболее широко представленной в основном источнике работы для «свободных художников» - в сети Интернет.

Как показывает статистика биржи FL.ru, в России в наибольшей степени распространен вариант совмещения фрилансовой деятельности с основной работой (по найму, в штате организации). «Чистых» фрилансеров, согласно статистике, всего 27% [3].

Исходя из всего вышесказанного, справедливо утверждать, что фриланс в России - это скорее форма дополнительной занятости, нежели абсолютно свободной, которая позволяет человеку совмещать обучение в вузе, основную работу, воспитание детей, ведение собственного бизнеса и заработок в свободное время. Именно поэтому российский фриланс будет обладать своей спецификой. В странах Западной Европы и в Соединенных Штатах Америки фрилансеры в большинстве своем - это люди, посвятившие большую часть своего времени свободной занятости. Они не работают по найму, не совмещают официальную и неофициальную работу и занимаются только оказанием услуг через фрилансовые биржи. Таким образом, они имеют возможность работать более продуктивно и качественно, чем их российские коллеги.

В современных кризисных условиях российские фрилансеры столкнулись с новыми проблемами. В дополнение к непредсказуемости доходов и расходов, высокой вероятности обмана со стороны заказчика и отсутствию каких-либо социальных гарантий в последние годы в области оказания фрилансовых услуг появляется все больше и больше непрофессионалов, предлагающих аналогичные услуги за весьма скромную оплату. Так в области фриланса начинает расти конкуренция. Это происходит за счет популяризации свободной занятости среди молодежи. Проводятся различные тренинги, мастер-классы по заработку в сети, выполнению различных услуг на дому и т.д. Таким образом, уже сейчас во многих сферах работы фрилансеров мы можем наблюдать дефицит заказчиков и переизбыток исполнителей, что приводит к понижению стоимости оплаты услуг до такого критического уровня, что настоящие профессионалы (большинство из которых - «чистые» фрилансеры) уходят из этой деятельности. Качество оказываемых услуг падает, и заказчиков услуг становится еще меньше. На плаву держатся только те фрилансеры, которые успели за период высокого спроса на свои услуги, сформировать базу постоянных клиентов. Но и здесь существует опасность того, что клиенты будут снижать оплату или обратятся с заказом к другому исполнителю.

Тем не менее, на наш взгляд, настоящий кризис в будущем подтолкнет российский фриланс к новому витку своего развития, на котором развернется борьба за качество. Непрофессионалы либо наберутся достаточного опыта для качественного выполнения своих услуг, либо откроют новые направления деятельности, либо уйдут из сферы фриланса вообще. Таким образом российский фриланс станет действительно областью работы настоящих профессионалов, что сроднит его с фрилансом в Западной Европе и Соединенных Штатах.

В заключение отметим, что феномен «фриланс» в настоящее время остается малоизученным. Необходимы комплексные, количественные и качественные исследования, посвященные социальной сущности данного феномена, его влиянию на структуру занятости в России, а также его возможностям и ограничениям для развития экономики страны.

1. *Вязникова В.В., Стребков Д.О. Финансовое поведение российских фрилансеров: возможности и ограничения // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 41-64.*
2. *Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой*

всероссийской переписи фрилансеров) Препринт WP4/2009/03 Серия WP4 М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2009.

3. *Фриланс - сайт удаленной работы - URL: <https://www.fl.ru/> (дата обращения: 01.09.2015)*
4. *Freelance.ru. Добро пожаловать на Фриланс - URL: <https://freelance.ru/> (дата обращения: 01.09.2015)*

МОЛОДЕЖЬ И СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ НРАВСТВЕННОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Захарова Е.М. (Санкт-Петербург)

Некоторые современные тенденции в сфере брачно-семейных отношений, такие как легализация однополых браков, смена гендерных стереотипов, добровольная бездетность, раннее сексуальное образование, уже привели европейское общество на грань нравственного кризиса. Распространение этих тенденций снижает эффективность семьи как социального института. Однополая семья не может выполнять главную функцию семьи - воспроизводство населения. Идеология «чайлдфри» (свободные от детей) также препятствует осуществлению этой функции. Распространившаяся в последние годы в Европе практика трансформации гендерных ролей в семье, когда более успешная в карьере женщина работает, а мужчина занимается ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, уже привела в Европе к феминизации мужчин. Раннее сексуальное образование (уроки которого вводятся в младших классах европейских школ), по утверждению психологов, крайне неблагоприятно сказывается на психике детей и может породить проблемы в их будущей семейной жизни.

Особенно опасно распространение подобных тенденций в России, пребывающей в состоянии демографического кризиса, современный этап которого, по оценкам специалистов, ставит под угрозу существование нации.

Насколько глубоко эти пагубные европейские идеи проникли в сознание молодых россиян? На какие ценности ориентируются современные юноши и девушки, создавая свои семьи? Для ответов на эти вопросы обратимся к материалам социологического исследования, посвященного молодежным проблемам. Исследование проводилось в 2013 г. силами лаборатории проблем молодежи НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Было опрошено 494 молодых человека, обучающихся в вузах Петербурга.

Итак, какие же современные тенденции в сфере брачно-семейных отношений одобряют молодые россияне? Согласно данным опроса, самым привлекательным для опрошенных оказалось повышение престижа семьи - его отметили 63%. Половина респондентов (51%) одобряет равноправие полов. Также довольно популярны у молодежи усыновление детей (36%) и популяризация многодетных семей (29%). А вот практика предоставления мужчине отпуска по уходу за ребенком пока не находит понимания в нашем обществе - эту позицию отметили 16% респондентов. Не слишком популярны среди молодежи межнациональные браки (отметили 12%). Но вызывает беспокойство, что почти каждый десятый молодой человек (9%) одобряет легализацию однополых браков. Все же европейские веяния дают о себе знать.

Современное общество характеризуется сосуществованием многообразных форм брачно-семейных отношений. Подавляющее большинство студентов (80%) выбирает для себя семью на основе зарегистрированного брака. Но приобретают популярность и более свободные формы отношений, такие как гражданский брак без регистрации (16%) и свободные внебрачные отношения (9%). Меньше всего молодых людей привлекает одинокий образ жизни (5%) и однополый брак (3%).

Популярная среди молодежи идея равноправия полов находит свое выражение в предпочтении гендерно равной модели семьи, где оба супруга работают и занимаются домашним хозяйством. Так распределить гендерные роли в своей семье хотели бы 76% опрошенных. Семья, в которой работает только мужчина, а женщина становится домохозяйкой, привлекательна лишь для 20% респондентов. Еще 4% респондентов выбрали другие модели организации семейного хозяйства.

Обнадеживают репродуктивные установки российской молодежи. Больше половины опрошенных (53%) хотели бы иметь двоих детей, а 28% - троих и более детей. Собираются воспитывать только одного ребенка 11%. И вообще не хотят иметь детей 3% респондентов. Как видим, такое европейское веяние, как идеология «чайлдфри» (свободные от детей), пока не затронуло репродуктивные ориентации нашей молодежи.

Результаты проведенного исследования позволяют надеяться, что пагубные для института семьи европейские веяния пока не укоренились в сознании молодых россиян, не сильно затронули их установки в сфере брачно-семейных отношений. И привлекательной для большинства молодежи остается традиционная семья на основе зарегистрированного брака, воспитывающая двух или больше детей. Из европейских тенденций популярна среди студентов лишь идея равенства полов и гендерно равная модель семьи. Но вызывает опасения тот факт, что идеи однополых браков и свободы сексуальных отношений все же оказали влияние на брачно-семейные ориентации части молодых людей. И западные средства массовых коммуникаций продолжают распространять и популяризировать идеи свободы выбора своего пола, права сексуальных меньшинств на законный брак, права детей на сексуальное образование, выдавая эти идеи за проявление толерантности. Поэтому был бы полезен разумный контроль за содержанием российских СМИ, чтобы оградить наших молодых людей от вредных европейских тенденций. Поскольку молодежь крайне уязвима и требует защиты со стороны государства, особенно в условиях нравственного кризиса современного общества.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ УКРАИНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ.

Зеленская В.С., Сояшный Д. (Санкт-Петербург)

Как говорил Отто фон Бисмарк, — «Могущество России может быть подорвано отделением от нее Украины» [3]. После развала Советского Союза отношения России и Украины стали достаточно напряженными. В настоящее время на Украине обострились националистические и экстремистские настроения. Националистические круги делают в основном ставку на молодежь, мышление которой формируется под влиянием разных внешних факторов, в первую очередь - информационной пропаганды. И в России молодое поколение подвержено воздействию недобросовестных толкователей происходящих событий. Как результат, одни считают врагами других. СМИ оказывают наибольшее влияние на деформацию сознания молодых людей. К сожалению, молодежь обладает легкой внушаемостью, в силу недостаточности жизненного опыта ей особенно трудно определить свои жизненные ориентиры.

Рассмотрим информационную политику двух стран. По нашему мнению, Украина не имеет цели внушить что-то российскому населению. И у России нет планов повлиять на украинцев. Информация производится исключительно для внутреннего потребления. Украиной — чтобы убедить своих граждан в необходимости бороться с сепаратистами. Россией — чтобы убедить своих граждан в том, что ДНР и ЛНР воюют не от хорошей

жизни, а Россия по мере возможности будет им помогать. Как итог, одно и то же событие, происходящее на этой территории, получает в украинских и российских СМИ диаметрально противоположные трактовки. Материалы в газетах бывают настолько красочными и патриотичными, что иной раз хочется взять оружие и идти охранять границы своей Родины.

Информационную политику на Украине можно обозначить следующим образом: молодым людям насильно вкладывают в головы «гнилые корешки», которые потом разрастаются в сорняк. Украинская молодежь слепо верит в ложные идеалы [4]. Согласно информационным источникам, молодежь Украины проявляет недружелюбие к русскому населению, - можно даже говорить об ужесточающейся ненависти [4]. Основная причина сложившейся ситуации – присоединение Крымского полуострова к России. Также существует мнение, что украинские политики целенаправленно вырастили поколение молодых людей, не помнящих родства, более того – русофобов [3].

А что же Россия? Большинство молодых людей, однако, не теряют надежды восстановить отношения с братским народом, несмотря на то, что информационная пропаганда привела к резкому ухудшению российско-украинских отношений и подорвала моральные устои всей украинской нации.

В интернет-ресурсах на сегодняшний день можно наблюдать множество стычек между российской и украинской молодежью [3]. Вывод один: о прежней дружбе между народами не может идти и речи. Постоянные оскорбления, отсутствие морали – все это сейчас стоит на пути сглаживания конфликта двух сторон.

Нами было проведено социологическое исследование 1000 студентов 1-4 курсов СПбГТЭУ; были опрошены юноши и девушки в возрасте 18-23 лет. Часть из них приехала из Украины и Крыма. Был проведен опрос: «Интересуют ли вас события, происходящие на Украине?». По его результатам выяснилось, что большинство студентов изредка смотрят новости (384 человек из 1000, 38,4%). Около 16,8% (168 человек из 1000) не интересуются новостями вследствие недоверия предоставляемой информации, 193 студента (19,3%) не знают о происходящем. Остальные (255 человека - 25,5%) пристально следят за новостями. Следует отметить, что практически все приезжие из Украины выбрали последний вариант ответа.

Мы побеседовали с заинтересованными студентами о влиянии информационной войны на взаимоотношения между гражданами обеих стран. Были заданы следующие вопросы: «Имеет ли место ненависть украинской молодежи по отношению к России и русским? А русских к украинцам? Вы сами испытываете такие чувства?». Большинство студентов дали положительный ответ на первый вопрос (200 человек из 255, 78,4%). Следует отметить, что студенты-украинцы нашего вуза не испытывают неприязни по отношению к русскому народу. Они недовольны в первую очередь политикой руководителей РФ. Это значит, что не вся украинская молодежь «скачет» против «москалей».

Следующий вопрос касался обратной ситуации – отношения русской молодежи к украинским студентам. Отметим, что в стране, по некоторым данным, растет неприязнь по отношению к украинцам. Мнения студентов нашего вуза разделились. 38 % (98 человек из 255) считают, что россияне ненавидят украинцев. Лишь немногие (30 человек из 255, 11,8%) студенты сами испытывают неприязнь по отношению к украинской молодежи и населению в целом.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что большая часть современной молодежи настроена на установление доброжелательных и дружественных отношений между Россией и Украиной.

Нельзя однозначно ответить на вопрос о попытках налаживания отношений между представителями молодежи обеих стран. Известно о видеобращении украинских студентов к студентам России от 27 января 2015 года. Украинские молодые люди призвали своих сверстников из России не становиться инструментами пропаганды и не

принимать активное участие в политическом противостоянии между двумя соседними и некогда братскими государствами. «Сейчас между нами огромная разница, мы находимся по разные стороны баррикад, а между нами – километры недоразумения, сказки про фашистов, националистов, «правый сектор» и бандеровцев. Вот, что разделяет нас, – информационный шум», – говорят студенты [1].

Вскоре 1 февраля 2015 года вышло ответное обращение студентов России к студентам Украины: «...Между нашими народами вырастает пропасть - давайте мы, студенты, молодое поколение, будем через нее мостом. Мы с вами на одной стороне, потому что в информационной войне преступно быть не на стороне правды...»[2]. Российские студенты призывают забыть о ненависти и сделать все возможное, чтобы прекратить гражданскую войну на Украине.

На сегодняшний день сложилось впечатление, что цель обращений – доказать свою точку зрения, свою правду, обвинив противоположную сторону в распространении ложной информации.

Современная молодежь должна преследовать немного другие цели. Поэтому мы разработали ряд мер, которые, на наш взгляд, помогут наладить взаимоотношения и в дальнейшем положить конец вражде. Во-первых, создать привлекательные условия для обучения украинской и российской молодежи по обмену. Во-вторых, укреплять историческую память и корни путем патриотического воспитания молодого поколения. В-третьих, проводить встречи студентов Украины и студентов России с целью их общения напрямую. В-четвертых, создавать молодежные объединения, которые будут заниматься урегулированием конфликтов между украинской и российской молодежью.

Пройдет, к сожалению, довольно большой промежуток времени, прежде чем восстановятся дружественные отношения между гражданами наших государств. Очень многое зависит от нас с вами – представителей русского и украинского молодого поколения. Молодежь – элита общества, призванная творить следующую эпоху. Именно мы ответственны за будущее наших государств, мир и спокойствие наших детей.

1. *Обращение студентов Украины к студентам России*
<https://www.youtube.com/watch?v=mPB-sZ4sVss#t=36>
2. *Ответное обращение студентов России к студентам Украины*
<https://www.youtube.com/watch?v=Zn69mAzPwjg>
3. *Русофобия.* <http://www.russophobia.net/61>
4. *«К вопросу о формировании у украинской молодежи негативного имиджа России»*
<http://fairway-info.com/p2725-htm/> 5.

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П. (Екатеринбург)

Работающая молодежь – многочисленная и наиболее социально развитая часть российской молодежи, «для которой характерна социальная активность и социальная ответственность» [1]. Количественный состав данной молодёжной группы составляет оценочно 847 тысяч человек или 70 процентов от общего количества молодёжи, проживающей в Свердловской области [2]. Свердловская область имеет уникальный опыт концептуального подхода к реализации государственной молодежной политики поддержки работающей молодежи.

Анализ нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации позволил сделать вывод о том, что единственным регионом, в котором принята и действует с 2004 года Концепция поддержки работающей молодежи на период до 2020 г. [1] (далее –

Концепция), является Свердловская область. Более чем десятилетний период её существования закономерно ставит вопрос об оценке эффективности государственной поддержки работающей молодежи, обозначенной в ней. В связи с этим требуется объективный анализ и оценка региональной модели государственной поддержки работающей молодежи.

Государственная поддержка работающей молодежи – это «система приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации работающей молодежи, для развития ее потенциала и, следовательно, способствует обеспечению социально-экономического и культурного развития страны, ее конкурентоспособности и укреплению национальной безопасности» [3, с. 160].

В целях исследования содержания и социальной эффективности государственной поддержки работающей молодежи в Свердловской области нами было проведено эмпирическое социологическое исследование, которое включало анализ официальных документов, отражающих содержание государственной поддержки молодежи Свердловской области, а также анкетный опрос работающей молодежи Свердловской области (опрошено 420 человек).

Работающая молодежь в Концепции понимается как «граждане в возрасте от 14 до 30 лет, находящиеся в соответствии с российским законодательством в трудовых отношениях с каким-либо работодателем, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности» [1]. Основные направления поддержки работающей молодежи в регионе: развитие механизмов социального партнерства, информационное направление, развитие социальной и профессионально-экономической активности работающей молодежи, поддержка молодых семей поддержка работающей молодежи, временно находящейся в трудной жизненной ситуации [1].

Опрос молодежи Свердловской области показал, что в качестве основных проблем работающей молодежи респондентами были выделены жилищная проблема (56%) и отсутствие (недостаток) рабочих мест (50%).

Анализ уровня информированности респондентов о мерах государственной поддержки молодежи показал, что 60% опрошенных ничего не знают о них, 39% кое-что знают о некоторых мерах, 1% респондентов имеет полное представление о мерах государственной поддержки работающей молодежи. Те респонденты, кто информирован о государственной поддержке молодежи, назвали следующие меры: обеспечение жильем молодых семей (48% опрошенных), материнский капитал (17%), различные виды пособий при рождении и уходе за ребенком (11%), организация и финансирование различных молодежных мероприятий (8%).

Респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале уровень распространения и доступности информации о различных мерах государственной поддержки для работающей молодежи в Свердловской области (где 1 - самая низкая оценка, а 5 - самая высокая). В результате был получен средний балл 1,7.

Исследование показало, что только 11% респондентов получали какую-либо государственную поддержку. 28% респондентов указали, что в настоящее время они нуждаются в государственной поддержке, в том числе 17% указали на меры поддержки, связанные с решением жилищной проблемы (приобретение жилья, улучшение жилищных условий, получение льгот, субсидий на жилье, выделение земельных участков под индивидуальное жилищное строительство и т.п.).

Самым актуальным направлением государственной поддержки для работающей молодежи, по мнению респондентов, является поддержка молодых семей (75%).

Каждое из перечисленных направлений поддержки содержит перечень видов деятельности, осуществляемых в рамках данного направления. Респондентам было предложено оценить необходимость и значимость предлагаемых мер для решения проблем работающей молодежи.

Так, в качестве актуальных и необходимых мер поддержки молодых семей респонденты указали: содействие в обеспечении социальным жильем молодых семей, имеющих детей и социально активной работающей молодежи (78%), включение в коллективные договоры предприятий положений, увеличивающих социальные и трудовые гарантии семейных молодых работников, имеющих детей (52%), развитие учреждений, оказывающих молодым семьям консультационные, психологические, образовательные и другие услуги (33%), проведение областных конкурсов программ, направленных на формирование у работающей молодежи позиции ответственного супружества и родительства (20%).

Основными мерами государственной поддержки для развития социальной активности молодежи, по мнению респондентов, являются: оказание помощи в формировании и реализации социальных инновационных инициатив (47%), проведение областного конкурса социальных проектов и программ общественных объединений работающей молодежи (38%), развитие молодежного парламентаризма, продвижение наиболее подготовленных и активных молодых людей в органы государственного и муниципального управления (28%), создание региональной базы данных молодежного кадрового резерва органов государственного и муниципального управления (23%), 15% не считают актуальным ни одно из предложенных направлений.

Для обеспечения реализации информационного направления необходимо, прежде всего, обеспечить оперативное многоканальное информирование о деятельности по государственной поддержке работающей молодежи (78% опрошенных), создание базы данных о программах поддержки работающей молодежи, издание информационно-методических материалов о реализации этих программ (54%), разработку информационно-поисковых систем и регионального банка данных по вакансиям рабочих мест для молодых работников (35%). 63% опрошенных отмечают необходимость развития сети учреждений, оказывающих информационные, консультационные и образовательные услуги как основную меру государственной поддержки работающей молодежи, временно находящейся в трудной жизненной ситуации.

Для развития профессионально-экономической активности работающей молодежи, более 60% молодых граждан, участвующих в опросе, считают необходимым создание системы, обеспечивающей социально ориентированный выбор молодежью профессии, получение молодыми людьми современного качественного и востребованного на рынке труда профессионального образования и социально эффективное трудоустройство молодых граждан, более 30% считают необходимым поддержку молодежного предпринимательства и внедрение современных форм и технологий профессиональной ориентации молодежи, помощь в планировании карьеры.

Для развития механизмов социального партнерства 64% опрошенных считают необходимым сформировать областную систему обучения молодых лидеров и активистов, направленную на совершенствование их деятельности в отношении работающей молодежи, повышение их компетентности при участии в переговорном процессе с представителями работодателя и власти, при этом 70% от числа так ответивших сами готовы пройти такое обучение.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в большинстве случаев молодежь нуждается в различного рода материальной поддержке, прежде всего, в улучшении жилищных условий; необходимо развивать сеть и улучшать качество услуг различными учреждениями (образование, дополнительное образование, здравоохранение, физическая культура и спорт); обращает внимание слабый уровень информированности молодежи о проводимой политике и необходимости создания различных доступных электронных сервисов о состоянии рынка труда, вакансиях, перечне мер государственной поддержки, которыми они могут воспользоваться.

1. *О Концепции поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2020 года: Постановление Правительства Свердловской области от 20 ноября 2009 г. № 1683-ПП // Собрание Законодательства Свердловской области. 2009. № 18-1. Ст. 1543.*
2. *Данные переписи населения Российской Федерации 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 30.09.2015).*
3. *Зерчанинова Т. Е., Мудрецова Н. П. Поддержка работающей молодежи в системе государственного управления // Современные тенденции развития государственного управления: монография / Под. ред. Т.Е. Зерчаниновой, А.В. Ручкина. Екатеринбург: Уральский институт*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ

Зубрицкая Н.В. (Санкт-Петербург)

Дальнейшая разработка проблем вузовской педагогической конфликтологии с необходимостью предполагает анализ, с учетом современной ситуации в обществе и системе высшего профессионального образования, причин возникновения педагогических конфликтов, а также их особенностей по сравнению с другими видами конфликтов. Педагогические конфликты возникают в системе взаимоотношений «студент - преподаватель», а также «учебная группа – преподаватель» в ходе реализации процесса обучения и воспитания. Педагогическим конфликтам как особой разновидности межличностных конфликтов, присущи свои особенности, отличающие их от всех других видов конфликтов:

1. Участники конфликта - преподаватель и студент - принадлежат к разным социальным группам, имеют разный социальный статус и, соответственно, разный «социальный вес», что предопределяет их поведение в конфликте. Они существуют в рамках формализованной системы отношений, где четко определены права и обязанности каждой из сторон, и где за преподавателем закреплена функция руководителя образовательного процесса (процесса обучения и воспитания) и, соответственно, властные полномочия, а также педагогические санкции по отношению к студентам.

2. Преподаватель и студент общаются как носители определенных функций (ролей). У преподавателя - это обучающая, контрольно-оценочная, профессионально и личностно развивающая, стимулирующая к научному творчеству и другие функции. У студента – функции обучающегося, воспринимающего предлагаемую информацию, воспитывающегося, развивающегося, исполнителя требований преподавателя и образовательной программы и т.п. [1]. Существенно и различие в ролях: преподавателям предписана роль носителя социально значимого опыта, знаний, качеств и т.п., а за студентами закреплена роль реципиента, воспринимающего и усваивающего все вышеуказанное. Неполное или неэффективное исполнение предписанной социальной роли, несовпадение ролевых ожиданий сторон, а также несоблюдение ролевой дистанции может стать основой для возникновения конфликтов между преподавателем и студентом.

3. Специфика конфликта «преподаватель – студент» в отличие от конфликта типа «учитель – ученик» заключается в том, что студент в большей степени является самостоятельным субъектом образовательного процесса. По сути, он является созаказчиком типа образования (особенно в условиях платного обучения) и способен осознанно оценивать предлагаемый ему вузом и преподавателем «товар» – образовательные услуги, в качестве которых он непосредственно заинтересован как будущий участник конкурентной борьбы на рынке труда. Качество полученного образования, престиж вуза в значительной степени определяют возможности формирования профессиональной карьеры молодого специалиста. Кроме того, студенты

обладают также значительными правами и возможностями непосредственно влиять на образовательный процесс (выбор индивидуальной образовательной траектории, образовательных модулей, формы обучения, преподавателя и т.п.).

4. В отличие от учащихся общеобразовательных школ студенты более осознанно и зачастую намеренно вступают в конфликт с преподавателями в ситуации, когда их не устраивают некоторые объективные аспекты их профессиональной деятельности - формы и методы проведения занятий, уровень профессиональной квалификации, критерии выставления оценок, манера общения, личностные качества и т.п.. Как более взрослые и имеющие свою позицию, свое понимание сути вещей люди, они способны выстраивать собственную логику поведения в конфликтном поле, аргументировано и обоснованно отстаивать свою позицию, добиваясь необходимого им результата. Нередки случаи в практике ряда вузов, когда студенты требовали от его руководителей увольнения тех преподавателей, уровень профессиональной подготовки и нравственные качества которых не соответствовали требованиям высшей школы.

5. Разное понимание сути событий и их причин участниками конфликта («конфликт глазами преподавателя» и «конфликт глазами студента») видится, подчас, по-разному. Проведенный нами анкетный опрос курсантов ВМИ, показал, что курсанты с невысоким уровнем успеваемости стремятся объяснить свои низкие показатели в процессе обучения, в значительной степени, влиянием внешних факторов. Конкретно тем, что, по их мнению, преподавателю не удается «ясно и доступно излагать учебный материал», что он «не сумел заинтересовать их своим предметом», был «недостаточно требователен», полностью снимая при этом ответственность за результаты процесса обучения непосредственно с самих себя. Преподаватели, в свою очередь, склонны объяснять причины плохой успеваемости курсантов другими факторами, а именно - низким уровнем их общеобразовательной подготовки, отсутствием мотивации к учебе и получаемой специальности, ленью, завышенной самооценкой и пр.

6. Инициатива при разрешении педагогического конфликта обычно принадлежит преподавателю как организатору процесса обучения, воспитания, общения и более опытному коммуникатору, обладающему всеми необходимыми для этого психолого - педагогическими знаниями.[2] Преподаватель должен уметь видеть признаки зарождающегося конфликта и предпринять все необходимые меры для его предотвращения. В ситуации развития конфликта – вместе с обучающимися в ходе диалога, обмена мнениями выбрать наиболее адекватные и устраивающие все стороны способы его разрешения, управлять конфликтом, прогнозировать ход его развития, направлять в конструктивное русло.

7. Разница в жизненном опыте, возрасте, уровне образования, воспитания и культуры участников педагогического конфликта порождает и разную степень ответственности за возможные ошибки при его разрешении. Ответственность преподавателя за педагогически правильное разрешение конфликта безусловна.

8. Из всех известных в конфликтологии стратегий поведения в конфликте – «уход», «приспособление», «компромисс», «соперничество», «сотрудничество» именно стратегия «соперничество» неприемлема для широкого использования преподавателем. Данная стратегия направлена на удовлетворение собственных целей и интересов без учета целей и интересов другой стороны и основана на применении преподавателем угроз, запугивания, педагогических санкций. Конфликт подавляется, но не разрешается, поскольку его причины не устраняются. В этом случае конфликт переходит в скрытую фазу. Применение данной стратегии преподавателем оправдано только лишь тогда, когда в процессе взаимодействия возникает какая-либо острая ситуация и преподавателю необходимо быстро навести порядок ради общего благополучия.

9. Логика конфликта такова, что по мере его развития в него постепенно втягивается все большее количество студентов, а сам конфликт, благодаря тем технологиям, которые были избраны для его разрешения и роли в нем преподавателя,

приобретает существенное воспитательное значение. То, каким образом преподаватель разрешает возникающие в процессе обучения конфликты, может стать нормой для студентов, закрепленной и воспроизводимой в их дальнейшей профессиональной деятельности.

10. Менее затяжной и более быстротечный характер протекания педагогических конфликтов в вузе в силу того, что вузовские преподаватели работают с той или иной учебной группой в течение одного, максимум двух семестров. Эта особенность вузовских педагогических конфликтов требует от преподавателя таких качеств как наблюдательность, умение увидеть первые «сигналы конфликта», быстрота реакции, гибкость мышления и действий, креативность, эмпатия, способность к рефлексии и др.

11. Конфликт как своеобразная «лакмусовая бумажка» способен проявить, «вывести на поверхность» все те недостатки, которые имеются в научно-предметной, методической и психолого-педагогической подготовке преподавателя, а также проблемы его личностного развития.

12. Педагогический конфликт, по своей сути, есть единство позитивных и негативных сторон, аспектов. Переживание, осмысление и совместный анализ возникающих в процессе обучения острых коммуникативных ситуаций - основа для формирования и совершенствования конфликтологической культуры студентов и преподавателя. Разрешение возникающих в процессе обучения противоречий становится важным стимулом к саморазвитию обеих сторон конфликтного взаимодействия. Хорошо владеющие технологиями разрешения конфликтов, умеющие управлять ими преподаватели, эффективно используют тактику «направленного конфликта». Данный вид конфликта моделируется и целенаправленно «искусственно» создается преподавателем в целях вовлечения подопечных в совместное его разрешение, активизации их деятельности по обсуждению актуальных вопросов процесса обучения.

13. Зависимость числа педагогических конфликтов от социальной ситуации в обществе. Психологи фиксируют нарастание внутриличностных конфликтов у преподавателей и студентов в кризисный период развития общества. У первых – это обусловлено невысоким социальным статусом и престижем профессии преподавателя в обществе, низким уровнем заработной платы, необходимостью дополнительной подработки в других вузах и, соответственно, вынужденным снижением качества преподавания, растущим чувством неудовлетворенности своим трудом. У вторых – необходимостью все более активно подрабатывать уже в период обучения в вузе, сложностями совмещения различных социальных ролей, уменьшением количества свободного времени, сужением перспектив трудоустройства по избранной специальности и т.п. Внутриличностные конфликты стимулируют возникновение различного рода иных конфликтов и оказывают негативное влияние на образовательный процесс.

14. Конфликты в образовательной среде свидетельствуют о нарушении баланса в системе прежних отношений между субъектами образовательного процесса и возникновении тенденции к смене существующего типа взаимоотношений другим, новым. Преодоление возникающих в процессе обучения педагогических конфликтов предполагает использование специфических технологий, требующих от преподавателя специальной подготовки, конфликтологической и коммуникативной компетентности.

1. Бордовская Н.В., Розум С.И. Педагогика и психология. – М., 2014.
2. Рыданова И.И. Основы педагогики общения. – Минск, 1998.
3. Реан А.А. Психология личности. – СПб, 2012.
4. Рыбакова М.М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе. – М., 1991.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ СТУДЕНТОВ МОСКВЫ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Ивахненко Г.А. (Москва)

Неблагополучное экономическое состояние нашей страны и ее политическая нестабильность спровоцировали ухудшение здоровья студенческой молодежи и рост асоциальных явлений в вузовской среде, таких как наркомания, курение, чрезмерное употребление алкоголя. Результаты социологических исследований последних лет показывают, что еще до поступления в вуз здоровье молодых людей ослаблено воздействием различных неблагоприятных факторов, а у 60-70% имеются хронические заболевания [1; С.9].

Управление качеством образования предполагает дальнейшее усовершенствование уже существующих и разработку новых технологий, которые могли бы заложить основы физического и духовного здоровья учащихся высшей школы. Термин «здоровьесберегающие образовательные технологии» (ЗОТ) появился в научном и педагогическом лексиконе в последние несколько лет. Большинство исследователей под здоровьесберегающими образовательными технологиями понимают систему, создающую условия для сохранения и укрепления физического, духовного, эмоционального, интеллектуального здоровья учащейся молодежи. Существует несколько подходов к классификации здоровьесберегающих технологий. Наиболее проработанной и используемой в российских образовательных учреждениях является классификация, предложенная Н.К. Смирновым [2].

В 2014 году сектором социальных проблем здоровья Института социологии РАН у студентов московских вузов было взято 108 формализованных интервью (28 гуманитарных, 16 технических, 9 естественнонаучных, и 2 вуза из области туризма и культуры). Среди респондентов, принявших участие в исследовании, были студенты таких вузов как МГУ им.М. В. Ломоносова, РГГУ, РЭУ им. Г.В.Плеханова, МАИ, МАДИ, РГСУ, РГУ нефти и газа им И.М. Губкина, Первый МГМУ им И.М. Сеченова, МПГУ, МФЮА, ГУВШЭ и др.

Анализ исследовательских эмпирических данных показал, что в опрошенных московских институтах и университетах в основном применяются 6 видов здоровьесберегающих технологий. На первом месте по распространенности находятся физкультурно–спортивные мероприятия (уроки физкультуры, спортивные кружки, секции, лечебная физкультура) и технологии обеспечения безопасности жизнедеятельности (инженерно-технические службы вузов, гражданская оборона, противопожарное оснащение). На втором - просветительно–педагогическая деятельность (валеология, ОБЖ, беседы, консультации по проблемам здоровья). Третье место занимает медико–гигиеническая деятельность (мед.осмотры, диспансеризация, мониторинги). Четвертое место - рекреационные мероприятия и рекреационная инфраструктура (базы и дома отдыха, льготные путевки, методики по релаксации). Пятое место - психологическое знание и психологические методики (консультации психолога, тренинги, кабинет релаксации).

1). Физкультурно – спортивная деятельность студентов.

Результаты исследования показали, что до 2 курса включительно физкультурой в вузах Москвы занимаются 35% респондентов, 43% - до 3 курса включительно, 16% - до 4 курса включительно, 4% - до 5 курса включительно. Согласно признанию 78% опрошенных московских студентов в их образовательных учреждениях занятия по физической подготовке проводятся 2 раза в неделю, у 18% респондентов физкультура бывает 1 раз в неделю. Встречаются и случаи более интенсивных занятий - 3 раза в

неделю в учебном расписании физкультура присутствует у 3,5% опрошенных юношей и девушек.

Почти каждый вуз предлагает студентам дополнительные занятия по различным видам спорта. Так, 70% опрошенных московских студентов имеют возможность посещать секцию по волейболу, 57% - по футболу, 44% - по баскетболу, 24% - бассейн, 15% - по настольному теннису, 13% - тренажерный зал, 11% - по спортивным танцам, 8% - по большому теннису и различным видам борьбы, 7% - по боксу, 4% - по шахматам. Предлагаются также занятия по велоспорту, художественной гимнастике, конному спорту.

2). Технологии обеспечения безопасности жизнедеятельности (ТОБЖ). В учебных заведениях их реализуют пожарная инспекция, представители коммунальных, инженерно-технических служб, специалисты по гражданской обороне, охране труда, защиты в чрезвычайных ситуациях, архитекторы, строители. За обеспечение эффективного функционирования ТОБЖ в учебных корпусах, студенческих общежитиях и других зданиях вузовского комплекса несет ответственность администрация. Этот вид здоровьесберегающих технологий присутствует во всех московских вузах.

3). Просветительско-педагогическая деятельность

Просветительско - педагогическая деятельность в московских вузах представлена в основном преподаванием ОБЖ (96%). Почти в каждом третьем вузе в качестве дисциплины, прививающей студентам навыки здорового образа жизни, преподается и валеология. В единичных случаях респонденты упоминали о преподавании курса по психологии здоровья и гигиене.

4). Медико - гигиенические технологии (мед.осмотры, диспансеризация, мониторинги).

В ходе опроса 88% опрошенных студентов Москвы подтвердили, что в их учебном заведении представлена медицинская инфраструктура в виде врачебных кабинетов или поликлиник.

В качестве дополнительных мер, которые применяет администрация для контроля за здоровьем студентов, треть респондентов (64% затруднились с ответом) назвали запрет на курение в вузе, организацию спортивных соревнований, проведение «Дня здоровья», открытие новых спортивных секций, регулярность проверок на употребление наркотиков и отчисление за нетрезвость.

5). Рекреационные мероприятия и рекреационная инфраструктура.

Массовая рекреационная поддержка студентов в московских вузах представлена довольно широко. На вопрос о наличии в вузе студенческих лагерей, баз отдыха, профилакториев положительный ответ дали 77% опрошенных студентов. Выяснилось, что эти объекты зачастую располагаются на Черноморском побережье. В некоторых случаях рекреационная вузовская сеть представлена более разнообразно. Например, свой дворец культуры.

Индивидуальная рекреационная система, которая требует содействия специалистов и применения специальных методик по преодолению утомления и поддержания студенческой энергии (лечебный сон, аутотренинги, медитация и др.), применяется в московских вузах редко. Так методики по проблемам психологического и психического восстановления (рекреация) студентов до настоящего времени практически не разрабатывалась. Не созданы научно обоснованные рекомендации для студентов по профилактике переутомления и быстрого восстановления [3; С.44-45].

6). Психологическое знание и психологические методики

В качестве этих инновационных методов специалистами предлагаются: 1) индивидуальное консультирование специалиста психолога и психотерапевта; 2) обучающие тренинги по различным направлениям; 3) организация службы дистанционного психологического консультирования студентов через Интернет; 4) комплексная компьютерная психодиагностика индивидуально-психологических свойств и

особенностей личности; 5) проведение психокоррекционных, психопрофилактических, психореабилитационных мероприятий; 6) организация кабинетов релаксации (ароматерапия, фитотерапия, музыкальная терапия и т. д.).

Результаты проведенного исследования показали, что не все эти методы применяются в качестве здоровьесберегающих в институтах и университетах Москвы. Так, о возможности получить в вузе консультацию психолога или психотерапевта сообщили в своих интервью 54% респондентов. Посещение различные виды тренингов, проводимых по психологическим методикам, подтвердили 50% учащихся вузов (развитие творческого мышления, ораторского искусства, ведение в специальность). О существовании в их вузе службы дистанционного психологического консультирования через Интернет сказали 11% респондентов. Кабинет релаксации (муз. терапия, фитотерапия, ароматерапия) в стенах учебного заведения посетили 4% опрошенных студентов.

1. *Жарова А.В. Формирование здоровья студентов вузов: монография. – Красноярск: Сиб.РГУ, 2006.*
2. *Смирнов Н.К. Здоровьесберегающие технологии и психологическое здоровье.- М.: «АРКТИ», 2006.- 319 с.*
3. *Гримлант С.О., Зайцев В.П., Крамской С.И. Здоровьесберегающие технологии в подготовке специалистов – Харьков: КОЛЛОГИУМ, 2005.*

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Игнатова Т.В. (Орел)

Молодежь всегда представляла наиболее активную и динамичную социально-возрастную группу, реализующую себя во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, социальной, культурной, экономической. Данная социально-демографическая группа в большей степени, чем другие, нацелена на повышение своего социального статуса и освоение новых социальных ролей. В настоящее время молодежь России составляет 41110 тыс.чел. населения российского социума (или 28,6% от численности населения России).[1] Российская молодежь по своей структуре неоднородна и дифференцирована. Дифференциация может быть по возрастному показателю, месту проживания, семейному положению, социальному положению, различиям в стиле жизни, политическим предпочтениям и т.д. Ее можно рассматривать, с одной стороны, как наиболее адаптирующуюся, а с другой - инициативную и инновационную часть социума. Таким образом, молодежь - самая активная часть населения, которая представляет собой наиболее перспективную группу населения России, способных обеспечить реализацию ключевых направлений развития нашего общества.

Проблемы формирования, развития и стимулирования активности российской молодежи, выявления особенностей мотивационно-потребностной сферы активной личности рассматривались социологами, педагогами и психологами во все периоды существования нашего государства. Однако, в различные периоды, сформировавшиеся в обществе представления об активной личности, существенно различались, и в исследованиях разных лет были предприняты попытки, с одной стороны, осуществить анализ содержания понятия активности, с другой стороны, обозначить мотивы, которые направляют и реализуют активность человека в социально-значимой деятельности.

Современный этап развития российского общества в России характеризуется наличием весьма широкого круга формальных возможностей для реализации человеком потенциала его активности, в том числе, политического участия. Однако востребованность населением имеющихся возможностей крайне низка, что подтверждается данными многих социологических исследований. [2,3] В этом

противоречии - между возможностями для самореализации и низким уровнем их востребованности - эксперты видят одно из главных противоречий современной общественной жизни в России.

В связи с этим встают важные вопросы о том, преодолевает ли это противоречие молодое поколение, формируется ли среди молодежи позитивное отношение к возможностям, предоставляемым им развивающимся российским обществом, становится ли политическое участие важной сферой жизнедеятельности, самореализации и социальной мобильности для молодежи или же она, как и старшее поколение, проходит мимо всех этих возможностей

Термин «активность» широко используется в различных сферах науки как самостоятельно, так и в качестве дополнительного в различных сочетаниях. Активность человека приобретает особое значение как важнейшее качество личности, как способность изменять окружающую действительность в соответствии с собственными потребностями, взглядами, целями.

Активность, как некое присущее любому человеку качество, целесообразно рассмотреть в нескольких ракурсах. По критерию уровня индивидуальности, на котором разворачивается активность: физическая, психическая, социальная активность.

Социальная активность определяется как степень проявления возможностей и способностей человека как члена социума, устойчивое активное отношение личности к отдельным общностям или обществу в целом и отражает превращение личности из объекта в субъект общественных отношений.

Важным критерием различения видов активности является сфера человеческой жизнедеятельности, в которой эта активность разворачивается. С точки зрения этого критерия обычно выделяют трудовую, общественную и культурно-бытовую активность, политическую. Политическую активность молодежи можно рассматривать с нескольких позиций: интерес к политике, декларируемая политическая активность и политическое участие, протестная активность. Молодое поколение, как и большинство граждан, могут участвовать с различной степенью интенсивности в политической жизни социума[5].

В российском обществе в настоящее время происходит омоложение состава участников общественных и политических процессов, поэтому характер и уровень политической активности молодежи отражается на состоянии всей политической системы. Многие исследователи отмечают, что популярность традиционных форм политической социализации молодежи в последние годы неуклонно снижается.

Результаты исследований, проведенных Институтом социологии РАН, показывают, что доля молодежи, непосредственно участвующей в политической деятельности, равна примерно 2%. Примерно на том же уровне, что и 10 лет назад, остается число молодых россиян, активно интересующихся политикой (14%). Но одновременно почти на 20% сократилась доля молодежи, которая «факультативно» интересуется политикой («от случая к случаю») и с трети почти до половины – не интересуются вовсе.[3]

Невысокий интерес современной российской молодежи к политике и сложность современного состояния проблемы низкой политической активности российской молодежи, возможно объяснить влиянием объективных и субъективных факторов. В качестве объективных выделяются возрастные особенности, неустойчивое материальное положение, авторитарный тип политического режима, фаза социально-экономического развития. К субъективным факторам относятся доверие (не-) к институтам государственной власти, уверенность (не-) в завтрашнем дне, удовлетворенность (не-) своей жизнью, наличие или отсутствие интереса к политике и т.д.

Данные исследования проведенные кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала РАНХиГС в феврале-марте 2015 г. Позволяют сделать вывод о том, что большинство опрошенной молодежи Орловской области проявляет низкий интерес к участию в политической и общественной жизни в стране в целом, в регионе и муниципалитете (соответственно 69,1%, 71,3%, 69,8%). Статистически значимых

гендерных различий по данному параметру не выявлено. Следует отметить, что уровень общественной и политической активности у орловской молодежи несколько выше по сравнению с данными, представленными в исследовании «Социальная активность современной молодежи», проведенной исследовательской группой ЦИРКОН. Увеличение уровня общественной и политической активности у опрошенной молодежи, проживающей на Орловщине, можно связать с общей активностью российской молодежи в политической сфере нашего социума. Так как происходит изменение характера общественного и политического участия молодежи, которое взаимосвязано с трансформацией системы ее ценностных представлений, заключающейся в переориентации с традиционных, «просоциальных» на постмодернистские индивидуалистические ценности.[4]

Одним из главных выводов, следующих из анализа результатов разных исследований, в той или иной степени затрагивающих вопросы политической активности российской молодежи, является вывод о том, что молодежь с точки зрения общественно-политической активности сегодня мало отличается от всего населения страны.

Применительно к большинству молодежи можно зафиксировать отчужденность от активной общественной и политической жизни: по разным оценкам, 60-70% молодых россиян никогда в ней не участвовали. Личный опыт общественной работы остальных носит временный, несистемный и в значительной степени «факультативный» характер.

Анализ способов общественного и политического участия российской молодежи показал, что в настоящее время молодые люди на практике мало ориентированы на институциональные формы общественной и политической активности (организации и объединения), основные каналы ее общественно-политического участия – это действия, осуществленные частным индивидуальным образом или же в рамках неформальных групп.

Выявленная склонность молодежи к нерегулярным формам общественно-политического участия во многом затрудняет рост ее организованной гражданской активности.

Привлечение молодежи к общественной и политической деятельности не может быть успешным без активной информационной поддержки различных общественных (гражданских) и политических инициатив.

В целом не подтверждаются и являются преувеличенными как представления о повышенной общественной и политической активности молодежи в сравнении с другими возрастными группами граждан, так и стереотипы относительно ее особой пассивности, инертности, социальной безответственности и т.п. Очевидно, что активизация участия в общественной и политической деятельности, расширение вовлеченности в гражданские инициативы - задача, касающаяся всего российского общества.

Таким образом, в современном российском обществе происходит процесс активизации политической активности молодежи. В связи с этим актуализируется проблема развития политической активности российской молодежи в условиях современного общества, привлечение наиболее активной части молодежи в институциональные формы политического участия.

1. Данные на 2014 г. Ист.: Федеральная государственная служба государственной статистики
<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstatmain/rosstat/ru/statistics/population/demography> (дата обращения 26.07.2015)
2. Аналитический обзор результатов проведенных социологических исследований «Социальная активность современной молодежи» [Электронный ресурс] // Исследовательская группа ЦИРКОН, 2008. – 69 с. – Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a3/081117.pdf> дата обращения: 12.05.2015
3. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С.51-53

4. *Игнатова Т.В. Активность молодежи в общественной и политической сфере// Государственная молодежная политика: история и современность. Материалы II Международной научно-практической конференции (21 мая 2015 г.)/ Под общ. ред. П.А.Меркулова. – Орел: Изд-во*
5. *Игнатова Т.В., Ницевич В.Ф. Основные формы политической активности российской молодежи// Среднерусский вестник общественных наук” . - 2013. - №4. - С.61-67*

ДЕТСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ШКОЛАХ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Исакова И.А., Киселева А.О. (Нижний Новгород)

В настоящее время основной формой реализации добровольческих инициатив в средних образовательных учреждениях Нижнего Новгорода являются детские общественные объединения. Согласно определению Международного союза детских общественных объединений «Союз пионерских организаций – Федерация детских организаций», детские общественные объединения (ДОО) – общественное формирование, в котором добровольно объединились дети и взрослые для совместной социально значимой деятельности, удовлетворяющей их интересы.[1]

Целями деятельности ДОО являются: социальные (ориентация социализации подростка в общественно одобряемом направлении); психологические (стремление детей к удовлетворению собственных потребностей); педагогические (закрепление результата коллективной деятельности сверстников). Все эти цели должны быть реализованы для полноценного функционирования организации, однако в данной работе акцент сделан на социальной составляющей.

Для анализа деятельности ДОО в Нижнем Новгороде был проведен содержательный анализ данных о детских общественных объединениях, собранных на официальных сайтах школ Нижнего Новгорода. Исследование «Социально ориентированные добровольческие инициативы детских общественных объединений школ Нижнего Новгорода» было проведено в сентябре 2014 г. (n=71). Основными задачами являлись не только анализ имеющейся информации о нижегородских ДОО, представленной на официальных сайтах школ, но и оценка уровня доступности и степени полноты представленных данных. Согласно полученным результатам, только на сайтах 71 школы из 182, то есть 39%, упоминается о деятельности школьного ДОО.

Данные, представленные в общем доступе, выглядят очень разнородно, что может объясняться отсутствием единой концепции организации деятельности школьных общественных объединений. У многих из них есть общие черты, однако существует большое количество различий. Данная ситуация требовала выделения критериев сравнения деятельности ДОО в Нижнем Новгороде. Анализ данных был произведен нами согласно следующим критериям: источник информации, содержание деятельности, реализуемые проекты, состав участников, структура.

Источники информации можно разделить на 4 типа: положение о деятельности объединения; публичный доклад директора школы; раздел сайта, посвященный внеучебной деятельности школьников; колонка новостей школьной газеты.

Наиболее полная характеристика ДОО приводится в Положениях. Данные документы содержат необходимые общие сведения о структуре, организации, целях и принципах деятельности. Сравнительный анализ показал, что по содержанию они практически идентичны. Определение общественных объединений полностью соответствует следующим признакам: добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование детей в возрасте до 18 лет и взрослых, взаимодействующих с ними, для

достижения цели, провозглашенной в Уставе или ином документе, регламентирующем деятельность объединения. Но данный документ был представлен лишь на 4 сайтах.

Второй источник информации – отчеты/доклады о воспитательной работе школе. Публичные доклады не содержат большого количества информации об объединениях. Чаще всего в них только констатируется факт наличия объединений и их численность.

Разделы на сайте, посвященные ДОО, также различны по степени информативности. Некоторые содержали в себе: название, девиз, отделы объединения и их назначение, участие в конкурсах. Однако такой перечень данных соответствует лишь 20% исследованных материалов. Большинство содержали лишь название объединения, девиз и название отделов. Стоит отметить, что название некоторых отделов не отражало направления их деятельности, например, «Созвездие», а описание отсутствовало. Такая ситуация затрудняет получение информации не только для учащихся и их родителей, что является значительным препятствием для развития детских объединений, но и для потенциальных партнеров для сотрудничества.

Новостные ленты являются полезным источником информации относительно проектной работы объединений. В них могут быть описаны их участие в конкурсах или их достижения. Благодаря этой информации можно отслеживать эффективность и активность деятельности школьных ДОО.

В настоящий момент из-за низкого развития работы объединений с интернет-ресурсами описать содержание их деятельности затруднительно. Если оценивать имеющиеся данные, четверть ДОО принимают участие лишь в 2-3 мероприятиях в год. На сайтах указывается только наименование конкурса, без подведения итогов или описания его содержания. Редки случаи, когда сайт содержит подробное описание внутришкольных реализуемых проектов или проводимых акций.

Если оценивать содержание проводимых проектов, то в основном информация, представленная на сайтах, касается экологических и краеведческих конкурсов. В 33% случаев упоминаются акции рисунков или выставки против наркотиков, алкоголя или другого асоциального поведения.

Состав объединений также неоднозначен. Обобщение полученных данных позволило выделить следующие группы ДОО: жесткие (фиксированный состав) и «плавающие» (свободные). Первую группу составляют ДОО, в которых состоит ограниченное количество учеников. Этот способ организации коллектива удобен тем, что руководитель проекта знает, кому и что можно поручить, и взаимоотношения между участниками тесные. С другой стороны, участие в отряде с такими условиями организации ограничивает возможности других школьников. Участники будут общаться только с определенным кругом учеников, что не позволит в достаточной степени развивать навыки общения.

«Плавающий» тип встречается чаще. Его суть состоит в том, что принимать участие в проектах ДОО может любой подросток подходящей возрастной группы, в основном к ним относятся ученики 7-10 классов. Видимо, педагоги ограничивают возможность выпускников на участие в связи с их подготовкой к экзаменам. В «плавающем» типе есть свои преимущества. К ним может обратиться любой ученик, таким образом повышается процент включения учеников в социально полезную деятельность. Однако, если в первом виде есть шанс организовать что-либо в короткие сроки, то в данном случае это будет затруднительно.

Согласно информации, полученной в ходе исследования, структура ДОО неоднородна. Например, многие из них имеют отделы. Самыми распространенными из них являются: патриотические, экологические, спортивные, культурно-досуговые. Однако в каждой школе существуют более специфичные направления. Например, в некоторых общеобразовательных учреждениях научные объединения учеников (НОУ), которые занимаются исследовательской деятельностью, относят к ДОО.

Анализ Интернет-ресурсов показал, что многие школы не уделяют особого внимания деятельности детских объединений. Однако ДОО – важный инструмент в социализации личности, помогающий ей в формировании необходимых социальных качеств и гражданской позиции, а также способствующий приобретению полезных навыков коммуникации и социальных связей. Школам необходимо поддерживать деятельность ДОО как организационно, так и информационно, поэтому публичное их представление и освещение их деятельности – одна из приоритетных задач в развитии школьного волонтерства в России.

1. Международный союз детских общественных объединений «Союз пионерских организаций – Федерация детских организаций» – URL: <http://www.uro-fco.ru/what/about> (дата обращения: 31 мая 2015 г.)

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ТЕХНИЧЕСКОГО, ГУМАНИТАРНОГО И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Казаковцева Е.Н., Дровосеков С.Э. (Киров)

С августа 2012 года Министерство образования начало проводить мониторинги деятельности образовательных учреждений высшего профессионального образования и их филиалов. Трудоустройство выпускников вузов является одним из шести показателей эффективности образовательной деятельности учебного заведения [1]. Данные мониторинга эффективности вузов анализируются Министерством образования и науки и открыты общественности [2].

Результаты мониторинга текущего 2015 года свидетельствуют об актуальных тенденциях и закономерностях на рынке труда, в частности большая часть выпускников 2013 года, не трудоустроенных в течение года, принадлежит к выпускникам с гуманитарным образованием. Экономисты, юристы и менеджеры, по данным Министерства образования, составляют 50% безработных выпускников вузов [3]. О том же свидетельствуют данные крупных федеральных «рабочих» порталов. В первом квартале текущего года на одну вакансию юриста (по данным портала hh.ru) приходилось в среднем 9,6 резюме соискателей, тогда как на одну вакансию специалиста в сфере информационных технологий приходилось лишь 4,2 резюме [4]. Региональные службы занятости также относят профессию бухгалтера к «избыточным» на рынке труда [5].

В то же время практика работы центра содействия трудоустройству выпускников Вятского государственного университета (ВятГУ) свидетельствует о том, что работодатели обращаются в центр за помощью в подборе бухгалтера и менеджера так же часто, как и в подборе инженера-программиста. Подбор специалиста на гуманитарную вакансию не менее сложен для работодателя, чем подбор технического специалиста, поскольку помимо полученного образования работодатель учитывает потенциальную применимость кандидата в своей компании по нескольким факторам. Большое внимание уделяется личностным качествам, способностям, ведущим мотивам в деятельности и даже жизненным установкам кандидата.

Данные, приводимые Министерством образования и науки на сайте мониторинга эффективности трудоустройства свидетельствуют о том, что средняя доля работающих выпускников вузов в России составляет 76% [6]. Анализ данных трудоустройства выпускников ВятГУ, представленных в паспорте вуза на том же сайте [6], выявил следующее: выпускники по направлению подготовки «Экономика» (964 выпускника) трудоустроены в 90% случаев, «Менеджмент» (133 выпускника) – в 88% случаев, «Строительство» (325 выпускников) – в 84% случаев, «Электроэнергетика» (601 выпускник) – в доле 89%. В целом по всем направлениям подготовки учебного заведения

разброс доли трудоустройства составляет от 67% (выпускники направления подготовки «Информатика и вычислительная техника») до 100% («Культурология»). Как видно из данных, приведенных Минобрнауки РФ на указанном портале, доля трудоустроенных выпускников ВятГУ не зависит от направления подготовки студентов.

Одной из задач Цента трудоустройства выпускников ВятГУ стало создание модели выпускника 2015 года естественнонаучных, технических и социально-гуманитарных направлений подготовки на основании результаты анкетного опроса и тестов профессиональной ориентации.

На первом этапе объем выборки составил 1044 человек, что в данном случае составляет более 50% генеральной совокупности и дает большую точность, чем требуемая при стандартной ошибке выборки 5% при уровне репрезентативности 99,7%. Распределение по полу: 535 человек (51,2%) мужчин и 509 человек (48,8%) женщин. В качестве программного средства использовался рекомендованный Минобрнауки РФ комплекс «Профкарьера», разработанный центром тестирования и развития в МГУ «Гуманитарные технологии». Анализировались результаты следующих блоков теста «Профкарьера»: жизненные установки – определение жизненных ценностей, которые могут повлиять на развитие карьеры выпускника; мотивация – выявление значимых или не значимых мотивов и потребностей; способности – структуру интеллекта, сильные стороны, общий уровень интеллектуальной работоспособности.

Анализ жизненных установок (параметр «активная целеустремленность») показал значимые различия у выпускников разных факультетов (Краскел-Уоллес, $p=0,008$): выпускники электротехнического, юридического и гуманитарного факультетов в среднем являются более целеустремленными и активными, чем выпускники факультета автоматизации и вычислительной техники и биологического факультета.

Статистически значимых различий в мотивах выбора работы у студентов различных факультетов не выявлено (Краскел-Уоллес, $p=0,071-0,299$). Лишь такой мотив как стремления к комфорту ($p=0,028$) и преодоления ($p=0,03$) имеют разную выраженность: выпускники технических специальностей в меньшей степени мотивированы комфортом (работа без повышенных нагрузок и переработок) и в большей степени преодолением трудностей, осуществлением сложных планов, идей и проектов в своей работе. В среднем, они чаще испытывают потребность в профессиональном и карьерном росте и готовы проявлять для этого инициативу и самосовершенствоваться.

Исследование показало различия в способностях выпускников разных направлений обучения по всем блокам, кроме эрудиции: «абстрактная логика» наиболее выражена у студентов гуманитарных и технических направлений, наименее – естественнонаучных (Краскел-Уоллес, $p=0,026$). Также выявлены различия в структуре интеллекта в разрезе факультетов по всем блокам (Краскел-Уоллес, $p=0,0$). Максимальные показатели демонстрируют выпускники факультета прикладной математики и телекоммуникаций, имеющие наиболее высокие результаты в блоках вычисления, лексика, зрительная и абстрактная логика и внимание (61% респондентов мужчин и 39% респондентов женщин). Выпускники с высоким общим баллом по тесту способностей чаще имеют мотив интереса к работе, при этом они реже мотивированы престижем и взаимоотношениями. Выпускники со средними показателями по тесту способностей чаще мотивированы взаимоотношениями и престижем, а не интересом.

На втором этапе (анкетирование) объем выборки составил 1506 человек (при генеральной совокупности 1516 человек, что составляет более 50% и дает большую точность, чем требуемая с учетом стандартной ошибки выборки 5% при уровне репрезентативности 99,7%). Распределение по полу: 787 человек (52,3%) мужчин и 719 человек (47,7%) женщин.

Таблица 1. Фактическое трудоустройство студентов
и намерения выпускников

Направление обучения	Доля студентов, работающих на момент получения диплома, %	Из них по специальности, %	Доля выпускников, намеревающихся трудоустроиться после получения диплома, %	Из них по специальности, %
Естественно-научное	18	39	76	88
Техническое	24	58	51	89
Гуманитарное	32	48	57	72

По данным табл. 1, студенты-гуманитарии чаще начинают работать, обучаясь в университете (32%). После окончания вуза выпускники технических и гуманитарных направлений начинают искать работу практически в равной степени (51% и 57%). При этом, выпускники гуманитарных профессий в меньше части ориентированы на то, чтобы работа была связана с полученной специальностью (72% против 88-89% у выпускников других специализаций).

Фактический и ожидаемый доход работающих студентов также отличаются в разрезе трех направлений обучения (табл. 2).

Таблица 2. Ожидания выпускников по доходу

Направление обучения	Средний доход работающего студента, руб.	Ожидаемый доход выпускника, руб.	Ожидаемый рост, %
Естественнонаучное	15,0	17,5	17
Техническое	17,5	20,1	15
Гуманитарное	18,5	18,6	1

Выпускник гуманитарного направления обучения менее всего настроен на рост доходов после окончания вуза.

Представленные результаты позволяют сделать следующие заключения. Современные выпускники вуза имеют разные показатели активности и целеустремленности в зависимости от направления подготовки. Они имеют разные профессиональные предпочтения и готовность профессионально развиваться. Кроме того, в зависимости от направления подготовки выпускники мотивированы выбирать работу в силу таких потребностей, как безопасность, сбалансированный график и нормированный рабочий день. Работодателю можно ожидать, что в зависимости от уровня интеллекта выпускник может иметь разные мотивы к деятельности.

Разработчики программного комплекса «Профкарьера» отмечают, что для многих работодателей ключевыми факторами при отборе молодых специалистов становится не само образование, а те личностные и деловые компетенции, которые обеспечивают будущую успешность и эффективность молодого специалиста непосредственно в бизнес-практике [7]. По результатам нашего исследования показано, что выпускники гуманитарных направлений, начинающие работать уже во время учебы и имеющие адекватные ожидания по существующему уровню дохода в большей степени могут быть успешны в трудоустройстве.

1. STGAU [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://Минобрнауки.рф/документы/5244/файл/4159/Приказ>. (Дата обращения: 10.10.2015).
2. GRADUATE.EDU [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://graduate.profmonitor.ru/>. (Дата обращения: 10.10.2015).

3. МИНОБРНАУКИ [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://Минобрнауки.рф/новости/5864>
4. HEAD HANTER [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://kirov.hh.ru/article/16709> (Дата обращения: 10.10.2015).
5. TRUDKIROV [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.trudkirov.ru/content/аналитические%20материалы> (Дата обращения: 10.10.2015).
6. GRADUATE.EDU [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://graduate.edu.ru/passport#/> (Дата обращения: 10.10.2015).
7. TELETESTING [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://teletesting.ru/modules/articles/index.php?op=viewarticle&artid=20> (Дата обращения: 10.10.2015).

ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ

Киреева Н.Н., Анисимов А. И. (Санкт-Петербург)

Духовность - явление общечеловеческого масштаба, определяющее состояние любого общества. Значимая роль духовности проявляется в способности общества и отдельных его членов противостоять разрушительным воздействиям кризисных явлений в обществе.

Духовность, пронизывая все сферы жизнедеятельности человека, тесно связана с феноменом духовного здоровья. Проблема духовного здоровья активно разрабатывается в современной науке. Особую актуальность духовное здоровье имеет для молодого поколения, в том числе и для студенческой молодежи, начинающей активно включаться в общественные процессы.

Студенческий возраст – пора самоопределения, выбора ценностей и поиска смысла своей жизни. Именно в этот период жизни происходит становление и интенсивное развитие духовности личности. Уровень развития духовности предопределяет духовное здоровье человека и накопление того потенциала, который может быть реализован им в своей дальнейшей жизни и который будет способствовать противостоянию внешним разрушительным воздействиям.

Идеи духовности и духовного здоровья отечественных психологов и представителей гуманистического направления в психологии отражены в следующем определении: «Духовное здоровье – это, прежде всего, атрибут психической жизни, включающей в себя смысловые паттерны жизненных ценностей, высшие мотивационные установки, ответственность за жизнь как данность и нравственную потребность осмысления своего места и предназначения» [1].

Духовность, духовное здоровье прежде всего связаны с внутренним миром личности и её собственным смыслом жизни или стремлением к обретению смысла.

В современной концепции ВОЗ предлагается рассматривать здоровье в двух аспектах: баланс здоровья и потенциал здоровья [2]. Понятие баланса здоровья восходит еще к идеям Гиппократов о динамическом равновесии между организмом человека и окружающей средой, стабильной связи человека с окружающим внешним миром. Потенциал здоровья представляет собой ресурсы человека - индивидуальную способность каждого противостоять влияниям окружающей среды, угрожающим балансу здоровья.

В настоящее время во многих социогуманитарных науках широкое распространение получил ресурсный подход как методологический принцип. В качестве ресурсов выделяются различные характеристики человека – психологические, интеллектуальные, духовные, социальные, физические, финансовые и др.

Ресурсный подход применяется рядом авторов по отношению к духовности, где выделяются характеристики и способности личности: самоактуализация (А. Маслоу), трансценденция и самодетерминация личности (В. Франкл), жизнестойкость (С. Мадди), способность к высшим переживаниям (прежде всего в области творчества, любви, веры, саморазвития), высокий уровень развития ее морального сознания - далеко не полный перечень феноменов, относящихся к проблематике духовного здоровья.

Совокупность этих ресурсов может служить показателем потенциала духовного здоровья, и от возможности их актуализации во многом зависит состояние здоровья человека.

Целью нашего исследования явилась психологическая диагностика ресурсов духовного здоровья у студентов, обучающихся по различным направлениям: техническому и гуманитарному.

Мы предположили, что уровень ресурсов духовного здоровья у студентов гуманитарных вузов выше, чем у студентов технических специальностей. У студентов гуманитарного направления, активно осваивающих психологические дисциплины, происходит более интенсивное становление духовности и, следовательно, ресурсов духовного здоровья.

Проводилось сравнение показателей духовного здоровья студентов первых и четвертых курсов, обучающихся по разным направлениям.

Подбор методического инструментария основывался на выделении важнейших особенностей духовного здоровья, к которым относятся такие характеристики, как рефлексивность, экзистенциальная наполненность личности (качество жизни, связанное с субъективным ощущением наполненности жизни определённым смыслом), саморегуляция (проактивное совладающее поведение).

Исследование проводилось в марте 2015 года. В нем приняли участие 107 студентов.

Наличие и тенденция становления ресурсов духовного здоровья у студентов разных направлений имеет сходство и только по некоторым показателям были выявлены значимые различия.

Различия установлены по показателю "системная рефлексия" у студентов 1-х и 4-х курсов факультета прикладной психологии. У студентов 4-го курса более высокий показатель, что свидетельствует о развитии этой характеристики духовного здоровья при получении гуманитарного образования в вузе. В выборке студентов технических специальностей такие различия не наблюдаются.

Системная рефлексия – способность видеть проблемную ситуацию (при решении жизненных, экзистенциальных проблем) во всем многообразии ее аспектов, включая и полюс субъекта (самого себя), и полюс объекта, наряду с альтернативными возможностями; способность самодистанцирования и видения на себя со стороны. Этот показатель относится к сущностным характеристикам духовности человека и является важным ресурсом его духовного здоровья.

На основании полученного результата возможно сделать вывод о том, что процесс обучения в психологическом вузе способствует развитию некоторых ресурсов духовного здоровья. Это подтверждает гипотезу нашего исследования о наличии взаимосвязи между состоянием духовного здоровья и направлением обучения студентов.

Установлены значимые различия между студентами 4-х курсов психологического и технического направления по показателю «поиск эмоциональной поддержки», которые не были выявлены между студентами первых курсов. Поиск эмоциональной поддержки – стратегия совладания, которая ориентирована на регуляцию эмоционального дистресса путем разделения чувств с другими, поиска сочувствия и общения с людьми из непосредственного социального окружения человека. Это также значимый ресурс сохранности духовного здоровья, который развивается при обучении в психологическом вузе.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что студенты гуманитарного направления обладают более высоким уровнем ресурсов духовного здоровья по сравнению с показателями уровня ресурсов студентов технических специальностей. По-видимому, специализация обучения является существенным фактором становления духовного здоровья и его ресурсов у студентов вузов. Этот факт свидетельствует и о том, что гуманитарное образование вносит заметный вклад в становление духовного здоровья и развитие его ресурсов, а, следовательно, позволяет молодому человеку более успешно противостоять влиянию деструктивных явлений в кризисном обществе.

1. Пономаренко В.А. *Нравственное небо* / В.А. Пономаренко. – М., 2010. – с.341
2. *Концепция охраны и укрепления здоровья, программно-стратегические действия и задачи ВОЗ по достижению «Здоровья для всех»* / В.А. Полесский [и др.] // *Общественное здоровье и профилактика заболеваний*. - 2006. - №4. – С.3-13

СПЕЦИФИКА НРАВСТВЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Кирилина Т.Ю., Омельницкая Н.В. (Королёв)

Важнейшую роль в духовном содержании человека играют духовно-нравственные ценности, выражающиеся в природе нравственного сознания и социальной практике людей, в их воззрениях и поступках. Формирование нравственности и высокой культуры – одна из важнейших задач в процессе формирования личности. Здесь основная роль принадлежит именно нравственной социализации личности, которую традиционно определяют как «процесс, в ходе которого происходит усвоение индивидом нравственных норм и принципов, интериоризация нравственных категорий и ценностей общества» [4, с.13].

В соответствии с нормами этики ответственности на самого индивида ложится ответственность за принимаемые решения нравственного характера. Как отмечает английский социолог Э. Гидденс, в сложном современном обществе независимость от внешних факторов социокультурной регуляции заменяется зависимостью от собственных решений [2]. Поэтому в современном мире сформированная у индивида культурно-нравственная позиция приобретает особое значение. Она должна отличаться рефлексивностью и динамизмом, способностью к самотворению и самоорганизации на основе постоянного отслеживания меняющейся социальной реальности в условиях отсутствия универсальных жизненных ориентиров, безусловных образцов для подражания. Однако такая позиция требует высокой личностной зрелости, способности к самооценке, к выбору в условиях неопределенности и риска, то есть развитой этики ответственности. Социальные и моральные проблемы современных обществ свидетельствуют о том, что готовность индивидов действовать в условиях растущей сложности и неопределенности отстает от социального запроса на такую готовность. Особенно ярко эта проблема проявляется в среде молодежи, которая, в силу отсутствия собственной устойчивой социальной позиции и жизненного опыта, нередко объективно не в состоянии принять на себя ответственность за собственные решения и действия.

Еще М. Вебер показал, что культурно-нравственная позиция индивида может соотноситься с двумя различными типами этики: этикой убеждения и этикой ответственности-успеха. Этика убеждения основывается на вере в безусловный авторитет нравственных и духовных ценностей, она присуща верующим и идеологически ангажированным людям и предписывает следование изначально заданным моральным стандартам. Опираясь на теорию М. Вебера, целесообразно дополнить данную типологию

этических систем этикой служения, которая присуща иерархическим обществам с предписанным статусом, предполагающим наличие у индивида ряда обязанностей, выполнение которых является условием его полноценного членства в обществе. Нравственная позиция, основанная на этике служения, предполагает, таким образом, осознание индивидом и группой своего места и своих функций в социальной системе и неукоснительное выполнение этих функций, рассматриваемых как долг перед обществом.

Этика ответственности-успеха сложилась в новейшее время в условиях свободы совести и культурного плюрализма. Она предполагает способность индивида самостоятельно выбирать и формулировать цели и средства их достижения. Оценивать результаты по критериям успешности, а также давать им моральную оценку, исходя из собственных интерпретаций абстрактных представлений о добре и зле. Социальная ответственность предполагает выбор целей и средств их достижения таким образом, чтобы результаты деятельности служили удовлетворению потребностей общества или хотя бы не противоречили общественным интересам.

З. Бауман в работах последних лет показывает, что для сложных социумов в конце первого десятилетия XXI в. характерны трансформации в направлении «текучести», т. е. краткосрочности, подвижности всех социальных связей [1]. При этом ответственность также становится все более инструментальной и краткосрочной, не предполагающей длительные и устойчивые обязательства как в личных, так и в социальных отношениях. Современный молодой человек тяготеет к необременительным связям при минимальной ответственности, например, предпочитает высокооплачиваемую работу по контракту стабильному положению и социальным гарантиям при постоянной занятости.

Духовное единство народа и объединяющие моральные ценности – это центральный фактор его развития, наряду с экономической и политической стабильностью. Лишь в том случае общество способно формулировать и решать актуальные национальные задачи, если оно обладает общей системой нравственных ориентиров. Интеллигентность как показатель социальной и нравственной сформированности личности проявляется в его культуре и образовании, порядочности и честности, сочувствии к боли и страданиям окружающих. Истинно российского интеллигента всегда отличала высокая гражданская активность и гражданское достоинство, осознание важности исполнения гражданского долга, чувство ответственности перед народом и высокая личная культура.

Трансформация российского общества, начавшаяся в русле перестройки, затронула жизнь всех возрастных групп и оказала серьезное влияние на формирование в первую очередь молодого поколения, проходящего период интенсивной социализации, в том числе и нравственной. Поэтому исследование процессов, охватывающих ценностные ориентации молодых людей, приобретает особую значимость, так как именно они представляют собой будущее данного общества.

Нравственные ориентиры в менталитете нации, отношение молодых людей к моральным нормам и ценностям, умение видеть перспективу – все это, в конечном счете, определяется нравственной социализацией индивида. Одной из задач проведенного нами в 2012–2013 гг. социологического исследования «Особенности трансляции духовно-нравственных ценностей в современной России» с участием учащихся и студентов Московской области стало выявление важнейших социальных групп и институтов, в которых происходит трансляция моральных ценностей. Один из вопросов касался агентов нравственной социализации [3].

Как показал опрос, основным агентом трансляции духовно-нравственных ценностей у современной российской молодежи выступает семья (81,2%), являющаяся социальным институтом культуры. В то же время образование как социальный институт культуры играет незначительную роль в процессе трансляции духовно-нравственных норм и ценностей. Можно сказать, что школа и ВУЗ (27,4% и 15,3%) дистанцировались от процесса воспитания и сконцентрировали свою деятельность только на передаче

определенного объема знаний. К сожалению, массовая культура не вошла в число агентов нравственной социализации молодежи. Никто из респондентов не отметил роль кинематографа, театра, изобразительного искусства как элементов массовой культуры в качестве агентов нравственной социализации [3].

Растущая сложность общества и сопровождающая этот процесс нравственная дезориентация и рост социальной безответственности становятся вызовом для современной России. В классической работе «Бегство от свободы» Э. Фромм показал, что снятие жестких нормативных ограничений, определяющих нравственные и социальные векторы социокультурного развития, нередко приводит не к его подъему, а, напротив, к состоянию растерянности и неопределенности. Рост безответственности, цинизма, антиобщественных, деструктивных направлений в культурном развитии становятся реакцией на открытость и сложность социума, если люди не в состоянии использовать их конструктивно. А самым тяжелым из возможных последствий отсутствия этики ответственности является желание восстановить в той или иной форме ограничения свободы, вернуть авторитарные методы управления, которые отражают отсутствие желания и готовности принимать на себя всю полноту ответственности за последствия своих действий, стремление переложить ее на какую-то внешнюю силу. Требуется комплексное решение, основанное на создании условий для плодотворного развития творческой личности, ориентированной на ответственное отношение к себе и к окружающим, к обществу и к своей стране.

1. Бауман З. *Текущая современность*. – М.: Питер, 2008.
2. Гидденс Э. *Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004. С. 62-63.
3. Кириллина Т.Ю. *Проблема управления процессом трансляции духовно-нравственных ценностей в современном обществе. Материалы Афанасьевских чтений. 2015. Т. 1. № 13. С. 269-277.*
4. Кириллина Т.Ю. *Социология морали. Учебник*. М.: ИНФРА-М, 2013.

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ СТУДЕНТОВ

Кириллина З.И. (Якутск)

Аннотация. В статье анализируются вторичная занятость студентов и ее роль в их адаптации на рынке труда. Выделяются и характеризуются функции вторичной занятости как адаптационного механизма студенческой молодежи на рынке труда.

Ключевые слова. Студенческая молодежь, социализация, трудовая адаптация, вторичная занятость

Молодость - это особый этап в жизни каждого человека. Стартовые позиции, достигнутые в самом начале жизненного пути, являются предпосылкой для дальнейшей самореализации. Расширение свобод выбора в образовательной сфере и увеличение контингента обучающихся в вузах наталкивается на реалии свободного рынка труда, где количество свободных рабочих мест для специалистов с высшим профессиональным образованием ограничено, а требования к претендентам достаточно высоки. Высокий уровень образования сам по себе уже не является предпосылкой для успешной самореализации молодого человека. В условиях повышенной конкуренции, существующей в современном российском обществе, наибольшего успеха добивается тот выпускник, который уже имеет опыт профессиональной деятельности. Поэтому студенты изменяют модель достижения жизненных перспектив путем сокращения усилий, затрачиваемых на учебу и получение диплома, перестающего гарантировать доступ к социально привилегированным позициям, в пользу получения профессионального опыта в сфере вторичной занятости.

Вторичная занятость- неотъемлемый элемент любого рынка труда. В самом широком смысле под вторичной занятостью обычно понимается добровольная (постоянная или временная), оплачиваемая трудовая деятельность, осуществляемая в свободное от основной работы время. Поэтому на сегодняшний день актуальной становится проблема занятости студентов. Речь идет о больших объемах вторичной занятости в течение учебного года, когда наряду с основным видом деятельности - получением образования студенты начинают работать. Такое совмещение нельзя назвать легким, это двойная нагрузка на молодой растущий организм. А это всё может повлиять на жизненную адаптацию студента, его социализацию, возможное изменение ценностных ориентаций. Поэтому следует обращать большое внимание на этот вопрос. [ ]

Студент 2000-х годов отличается тем, что процесс социализации, восприятие ценностей, формирование жизненных ориентиров, оценок, приоритетов происходили в условиях постсоветской России. Он имеет повышенную ориентацию на улучшение материального благосостояния и как вполне нормальное явление рассматривает многие стороны жизни и взгляды. Их адаптированность проявляется в росте оптимистических настроений, уверенности в завтрашнем дне.[ ]

В условиях современной социально-экономической трансформации общества фактор наличия финансовых возможностей для получения качественных знаний и становления личности приобретает особенное значение. С одной стороны, из-за существенного возрастания остроты финансовых проблем студента, с другой стороны, этот показатель является индикатором социальной стратификации как родителей, так и самих студентов.

По прогнозу Комитета по труду и занятости Республики Саха (Якутия) на рынок труда попадет значительное количество студентов - 12,2 тыс. ПТУ - 2,5 тысяч, ВУЗЫ и техникумы – 4,5 тыс.человек, отсеявшихся из высших и средних учебных заведений - 0,5 тыс. Из всего трудоспособного населения студенческая молодежь занимает - 34 %, в данное время каждый второй официальный безработный -молодой человек в возрасте 18-25 лет (около 2,0 тыс.человек). Но официальные цифры не отражают реальной ситуации: Так, по обследованию, проведенному Госкомстатом Российской Федерации, в среднем только около 20 процентов безработной молодежи обращаются в службу занятости, т. е. на самом деле показатель молодежной безработицы в несколько раз выше официально зарегистрированной. Нужно иметь в виду, что безработица среди молодежи - серьезная социальная проблема. в это время происходит становление личности, выбор профессии, определение места в жизни.[ ]

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Вторичная занятость обучающейся молодежи способствует их профессиональной интеграции и самореализации, поскольку расширяет сферы общения, позволяет накапливать социальный опыт и связи.
2. Студенческая вторичная занятость несет опасность негативного влияния на учебный процесс, дисциплинированность уменьшается пропорционально росту занятости.
3. Вторичная занятость студентов имеет большое значение как непосредственный жизненный опыт: человек уже вступил трудовые отношения, сумел познакомиться с несколькими видами работ, испытать себя в них, сделать для себя выбор. Работавшие студенты при будущем трудоустройстве уже могут вписать в свое резюме факт опыта работы и тем самым повысить свои шансы на получение желаемой вакансии.
4. Проблемы трудовой социализации студенческой молодежи на современном этапе непосредственно связаны с процессами, происходящим в современном российском обществе. Изменения охватившие общество, в том числе и студенчество, в последние годы имеют системный характер и затрагивают как экономические, так и социально-профессиональные и духовные аспекты. Следовательно, необходимо продолжать научные исследования с учетом сложившейся социальной ситуации, социально-экономических условий жизни и духовно-нравственных потребностей студенчества. В том числе одной из

актуальных задач современной науки становится изучение базовых факторов трудовой социализации студенческой молодежи и разработка методики ее оптимизации. На сегодняшний день любые рекомендации, направленные на улучшение положения современного студента, не могут быть реализованы без преодоления основных трудностей –экономических, социальных, финансовых.[ ]

1. Вознесенская Е. Д, Константиновский Д. Л, Чередниченко Г. А. Исследование вторичной занятости студентов // Социологический журнал №6 2012
2. Ворона М. А « Мотивы студенческой занятости» журнал Социс. 2008 №8
3. Кочетов А. Н «Профессиональное образование и рынок труда : проблемы взаимодействия // Социс 2011 №5
4. Сайт Госкомстата РС(Я) sakha.gks.ru

ЦЕННОСТНЫЕ МИРЫ МОЛОДЖ И ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ НА ИХ ФОРМИРОВАНИЕ

Клинецкая Н.В. (Санкт-Петербург)

Достаточно быстрая трансформация советского закрытого общества в общество открытого типа, способного войти в глобализирующийся мир, привела к необходимости изменения представлений о ценностях общества. В современном мировоззрении россиян появились ценности, связанные с их религиозно-духовными ориентирами. Как известно, советское общество пыталось не обращаться к религии и вопрос о ценностях, связанных с религиозным аспектом мировоззрения практически не возникал. На современном же этапе развития это стало весьма актуальным, поскольку российское общество, адаптируясь к глобальному миру, не может оставить без внимания духовные ценности, являющиеся ключевыми в ценностном ядре любой культуры.

Анализ картины развития культуры показывает, что в современной цивилизации западного типа происходит изменение базовых ценностей, определяющих развитие сознания людей. Известный американский социолог Чарльз А.Рейч, например, выделяет сознание появившегося поколения таким образом: «суть образа мыслей нового поколения состоит в постоянной открытости новому опыту, готовности к самоизменению, надежде на новые ощущения...» (1). Являясь автором классификации типов сознания, он предложил три типа сознания для современной Америки: «Сознание I - традиционная точка зрения американского фермера, мелкого предпринимателя и рабочего, который пытается преуспеть. Сознание II представляет ценности организованного общества. Сознание III – это новое поколение». Более подробно рассматривая эти уровни сознаний, он характеризует основной аспект Сознания I и Сознания II как веру в то, что индивид должен связывать свою судьбу с каким-то социальным институтом в большей мере, чем с самим собой, подчинять ему свою волю. Жизнь для них – это конкурентная борьба за успех. Сознание III отвергает ценность организации и провозглашает ценность свободной личности - без флера богатства и положения в обществе, без различия расы, пола, возраста (2).

Таким образом, представленные попытки классифицировать сознание современных людей свидетельствуют о том, что существует иерархия спектра сознаний, соотносимая с современными типами культуры. При этом рассматриваемые три типа сознания не учитывают сознание людей, относящихся к уровню святых, подвижников, праведников и т.п., которое очень мало связано с социальными аспектами жизни людей, тяготея к миру духовному. Очевидно, что ценностные миры людей, относящихся к разному типу сознаний, будут разными, их нормы и ценности, духовно-нравственное развитие, поведение будут различаться.

Существующие данные на основе проведенных исследований о российской культуре, говорят о том, что она имеет, по крайней мере, три слоя, определяющих во многом те ценности, которыми руководствуются россияне. Первый слой – это традиционная культура (т.е. культура, в которой доминируют традиционные ценности, в первую очередь коллективизм с православными корнями, культура, нацеленная на прошлое). К традиционной культуре склонны 34,5% русских. Второй слой – современная культура, это – ценности современного общества (настоящее). К этому слою современной культуры принадлежат 34,5% русских. И, наконец, третий слой российской культуры был назван исследователями как динамически развивающаяся культура, к которой относится 31,2% русских (3). Приведенные тенденции указывают на то, что происходит определенное расслоение русских по параметрам культуры: дифференциация ценностных миров начинается с принадлежности человека к определенному типу культуры. В этом смысле молодежь, являясь активным потребителем культуры, выбирает те ценности, которые более свойственны определенному типу культуры, к которому она себя относит.

Анализ ценностей по группам верующих и атеистов, проведенный автором на основании полученных при опросах молодежи кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии СПбГУ данных, позволяет говорить о том, что существует влияние религиозного фактора как некой основополагающей ценности на формирование иерархии ценностей в сознании молодежи. И даже в том случае, когда религиозность присутствует не столько в сознании, сколько на ментальном уровне (мы не можем назвать, например, в полном смысле православными верующими тех, кто почти не посещает церковь, не соблюдает обрядов и т.д.) влияние этого фактора обнаруживается. Контент-анализ сочинений студентов Санкт-Петербурга ряда экономических вузов подтверждает, что в ценностных ориентациях молодых людей присутствует осознание важности и необходимости духовной компоненты – более 90% опрошенных высказались за это.

Однако, как показывают исследования, разная иерархия ценностей определяет тяготение их носителей в той или иной степени к разным культурам – к традиционной, современной или динамически развивающейся. А это, в свою очередь, определяет содержание ценностей. Если глубоко верующие склонны к традиционной культуре, верующие в Бога, скорее всего, ближе к традиционной, но также и воспринимают современную, то атеисты, возможно, наиболее близки к динамически развивающейся культуре будущего. Анализ, например, представлений современной молодежи о семье, позволяет увидеть изменение традиционных взглядов на семью. Семья в традиционном понимании, например, как трактует русская православная Церковь – это, прежде всего, «пожизненная верность супругов и нерасторжимость православного брака», мужское главенство в семье и т.д. В настоящее время представления о семье носят другой характер, хотя религиозность оказывает определенное влияние на образ семьи. «Брак заключается на всю жизнь» считают 66,1% глубоко верующих, 48,9% «других», 47,1% верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов и 29,4% атеистов. Молодые люди предпочитают форму семьи, когда «оба супруга работают и вместе занимаются домашними делами». Так думают 69,1% глубоко верующих, 67,4% «других», 82,7% верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов и 80,0% атеистов. В целом лишь 17,4% молодежи выразили желание иметь семью, в которой «мужчина зарабатывает деньги, а женщина занимается ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей». Очевидно, что такого рода семья в самых разных аспектах отличается от традиционной христианской семьи.

Также и содержание собственно духовных ценностей претерпевает определенные изменения. Это связано, прежде всего, с цивилизационными изменениями – переходом от традиционного общества к индустриальному, а затем к постиндустриальному обществу или, как еще его называют, обществу модерна, которые предполагают совершенно иные

социально-экономические условия существования людей, нежели в традиционном. Именно данный аспект и объясняет как развитие разных типов культуры, так и изменение содержания ценностей.

1. Цитируется по книге: Луков ВалюАю |||||теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012. С.198.
2. Там же. С.176.
3. Шнейдер Л.Б., Вальцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета. Учебное пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та. 2009. С.76

ГРАНИЦЫ МОРАЛЬНО –ПРАВСТВЕННОЙ НОРМЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА.

Клочкова А.В. (Москва)

Рамки нормы в настоящее время в общественном сознании существенно размыты по сравнению с жестко обозначенными границами нравственного и безнравственного в советский период, когда четко сформулированное «что такое хорошо и что такое плохо» закладывалось в каждого ребенка с колыбели. Проблема размывания основополагающих общественно-значимых морально-нравственных ценностей, в первую очередь, касается подрастающего поколения, впитывающего, с одной стороны базовые ценности семьи, с другой – ценности окружающего мира. Если раньше определяющим было влияние семьи, то в век информационных технологий основополагающее воздействие, часто деструктивное, оказывает не близкое окружение и школа, а средства массовой информации. С другой стороны, определяющий этап социализации социально-демографической группы средних лет, воспитавших уже новое поколение, пришелся как раз на 90-е годы прошлого столетия, отличавшихся вседозволенностью и бездуховностью.

То есть современный ребенок, подросток, молодой человек не может не отличаться от своих сверстников прошлого столетия. Осталось разобраться, позитивно ли это отличие для самого индивида и для общества в целом или, напротив, свидетельствует о деформации основополагающего личностного стержня, сломе морально-нравственных устоев и традиций, что неизбежно ведет к деградации общества, если не противопоставить данному процессу научно-обоснованную систему противодействия.

О тенденции смещения социальных норм в сторону патологии свидетельствует приоритет достижения личного благополучия над соблюдением морально-нравственных принципов в ситуации, когда удовлетворение индивидуальных потребностей вступает в противоречие с традиционными нормами поведения. По данным исследования ценностно-нормативных ориентаций студенческой молодежи на примере студентов МГУ имени М.В.Ломоносова (выборка 2013 г. составила 1156 студентов вторых и четвертых курсов 17 факультетов МГУ), сегодня каждого десятого из числа опрошенных не волнует морально-нравственная оценка своих поступков. Каждый четвертый готов нарушить нравственные принципы и этические нормы для достижения личных целей. При этом практически две трети студентов стремятся к тому, чтобы их поведение соответствовало нравственным принципам и этическим нормам, принятым в обществе. Показательной является динамика изменений за 10 лет. Если в 2003 году большинство студентов готовы были нарушить нравственные принципы и этические нормы для достижения личных целей (выборка 2003 г. составила 510 студентов МГУ, МГПУ, Академии им. Маймонида), то в 2013 году их число сократилось до одной трети.

В то же время не следует забывать о том, что под воздействием общественного мнения происходит некая трансформация самооценки личности. Сознательное или неосознанное стремление при оценке своего поведения подогнать его под общезначимые каноны и нормы приводит к относительному искажению информации, получаемой от респондентов. Специфика мотивировки в рамках защитного механизма состоит в оправдании своих действий и сокрытии истинных мотивов. Именно поэтому данные, полученные на прямые вопросы, отличаются, как правило, в лучшую сторону по сравнению с вербальной информацией, отражающей мнение респондентов относительно гипотетической ситуации с воображаемым субъектом. По полученным данным, лишь 8% респондентов готовы дать взятку и столько же уклониться от службы в армии. Лишь каждый пятый из числа студентов, оказывается, употребляет нецензурные выражения и может проехать в транспорте без билета. Очевидно, что эти данные вряд ли могут объективно отражать действительность. Подтверждением является явное противоречие между данными, полученными при ответах на схожие по смыслу вопросы. Значительно больше студентов согласились с утверждением «Моя хата с краю – ничего не знаю», чем признались, что смогут «пройти мимо» совершаемого преступления. Видимо, отношение к пословицам несколько обезличивается в восприятии студентов, что позволяет получить более правдивые ответы, отражающие возможные поведенческие реакции, в отличие от конкретной, пусть гипотетической ситуации, когда респонденту приходится отвечать за свое поведение в предложенной ситуации.

Социологи, психологи, криминологи фиксируют довольно высокий уровень равнодушия у российского населения, когда люди предпочитают не вмешиваться, даже в случае явного нарушения как моральных, так и правовых норм окружающими, правда, до тех пор, пока не нарушены их собственные права. При этом, более 80% студентов МГУ, по данным исследования, считают равнодушие неприемлемым для себя в ситуации, когда кому-либо нужна помощь.

При ответе на вопрос: «Какие ценности, на Ваш взгляд, наиболее значимы для современной России?», на первое место студенты поставили патриотизм, любовь к Родине и толерантность, уважение к людям другой расы, веры, национальности, на второе - уважение к закону и правопорядку, на третье - возрождение нравственности и духовности. В то же время ровно две трети студентов фиксируют процесс разрушения традиционных ценностей. Полученные данные свидетельствуют о неких позитивных сдвигах на уровне сознания студенческой молодежи, осознании необходимости духовно-нравственного возрождения для прогрессивного развития, как личности, так и общества в целом.

Таким образом, для большинства студентов традиционная норма сохранила свои рамки. Безусловно, нельзя утверждать, что наметилась позитивная тенденция по результатам изучения ценностно-нормативных ориентаций отдельно взятой категории молодежи, тем более, необходимо интенсифицировать работу в данном направлении. В первую очередь, необходимо пересмотреть школьную программу, акцентируя внимание на духовно-нравственном развитии ребенка в процессе социализации. Ввести с первого класса в игровой форме такой предмет, как этика, уделять внимание духовной безопасности. Без возрождения литературы с обучением написанию сочинений на основе прочитанного оригинала классического произведения, а не краткого изложения содержания с полным выхолащиванием духовной составляющей, бессмысленно говорить о воспитательной работе в школе. При этом должно работать законодательство по информационной безопасности, защищающее ребенка от негативного влияния средств массовой информации.

1. Юревич. А.В «Нравственное состояние современного российского общества»// Психологос. Энциклопедия практической психологии. – 2014.-
2. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.2002

3. Козлов Н.И. «Нравственность: система запретов или путеводная звезда?» // Психологос. Энциклопедия практической психологии. – 2014.
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. С-П., 2000.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ.

Ковалева Я.Г. (Санкт-Петербург)

Средства массовой информации активно влияют на систему отношений по линии «молодежь-общество» и оказывают серьезное влияние на формирование и развитие таких взаимоотношений.

В настоящее время для развития информационного пространства характерно отсутствие прямого контроля власти над средствами массовой информации, но сохраняется контроль косвенный, осуществляющийся посредством различных политических технологий. Кроме того, стоит отметить, что всё большее распространение Интернета в России за последние годы позволяет ему успешно конкурировать с телевидением, радио и печатными средствами массовой информации. Демократичность Всемирной паутины, позволяющая широко распространять информацию, без помех делиться ею, слабый контроль со стороны государственной власти – всё это создает ореол свободомыслия Интернета, чем так и привлекает современную молодежь.

Характеризуя средства массовой информации с точки зрения их взаимоотношений с молодежной аудиторией можно отметить следующее:

Несмотря на то, что с развитием электронных СМИ печатные средства информации, казалось бы, должны потихоньку уходить в прошлое, отмечается, что «общественная потребность в печати диктуется тем, что она неизменно остается главным собирателем, носителем и распространителем массовой информации для многочисленных российских общностей». [1]

Но в то же самое время, намечается далеко не оптимистичная тенденция среди молодежи. Многие эксперты сходятся в том мнении, что чтение выступает одним из способов формирования личности, расширения кругозора, проведения досуга, однако как отмечает исследователь молодежных СМИ М.Е.Аникина: «общество все меньше и все поверхностнее читает. Мы сталкиваемся с заметным упрощением текстов, с ростом значимости для аудитории «легкого чтения»». Снижение интереса к чтению конечно же обусловлено бурным развитием электронных средств массовой информации и индустрии развлечений, которые вытесняют чтение, как проведение досуга. Особую обеспокоенность вызывают молодежные группы. По данным ЮНЕСКО «доля систематически читающей молодежи в России снизилась с 48 % (1991) до 28 % (2005). В Советское время родители регулярно читали детям книги (80 % семей), на сегодня – только в 7 % семей. А по статистике, около 46 % россиян не читают книг совсем. И, в основном, к ним относятся представители молодого поколения. [1]

Если говорить о читающей молодежи и о влиянии книг на духовно-нравственную жизнь молодежи, то стоит отметить, какого рода книжная литература популярна среди молодежных групп сегодня.

Одним из нашумевших романов последних лет стало произведение Э.Джеймс, американской писательницы, «Пятьдесят оттенков серого», по мотивам которого вскоре был снят одноименный фильм. Данный роман был обвинен не только в росте сексуального насилия, но он стал и виновником роста инфекционных заболеваний, передающихся половым путем. Но всё же, на многочисленных форумах в сети Интернет, часть молодежи, обсуждая роман и книгу, называют их «шедеврами».

Серия книг «Игры престолов» также занимает лидирующую позицию среди предпочтений населения; сюжет захватывающий и интересный, но и книга, и снятый по ней сериал изобилуют запредельным насилием и откровенными эротическими сценами.

Если обратиться к отечественной литературе, то писателем года чаще всего «назначают» Дарью Донцову, второе место занимает Борис Акунин. Данные книги относятся скорее к категории развлекательного чтения (легко читаемые и также легко забываемые детективы), от них не стоит ожидать нравственной составляющей, наоборот, сюжеты порой изобилуют ненормативной лексикой, сценами курения и употребления алкогольных напитков. Но всё же высокие рейтинги сохраняются среди молодежи и у таких книг, как «451 градус по Фаренгейту» Р.Брэдбери, «А зори здесь тихие» Васильева Б.Л... что не может не радовать.

По такому виду средств массовой информации, как радио, молодежь высказывает мнение, что лет через сто радио исчезнет совсем. Но в целом по Российской Федерации следующие показатели: в перспективность этого СМИ не верят 3 % населения, из которых большая часть – молодежные группы. 10 % россиян согласны, что радио «сменится другим форматом передачи данных», но все же допускают мысль о том, что продолжат слушать радио при поездках на автомобиле. 33 % считают, что радио изменится, став более совершенным, и тогда останется востребованным. У 54 % россиян нет сомнений, что радио не потеряет своей актуальности и через сто лет. [2]

В основной своей массе, молодежь сегодня и правда слушает музыку «в дороге».

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на 2012 год даёт следующие результаты:

На протяжении последних лет самой любимой радиостанцией российских слушателей остается «Русское радио» (ее предпочитают 14% опрошенных). В тройку лидеров также входят «Европа плюс» (11%), «Авторadio» (10%). К самым популярным радиостанциям также относятся «Маяк» (9%), «Радио Шансон» (8%), «Радио Россия» (7%). [3]

Таким образом, популярные у россиян радиоканалы в основном передают музыку (причем, поп-, рок-) и не несут особой смысловой нагрузки, кроме как чтение новостей. О духовном развитии молодежных групп России посредством данного вида СМИ говорить не приходится.

Если обратиться к телевидению, то среди самых популярных телепрограмм лидируют передачи Первого канала лидером рейтинга, как правило, становится шоу "Пусть говорят" (15%). Второе место занимает программа "Голос" (8%), а третьи делят - "Давай, поженимся" и "Новости" (по 5%). Также передачами года участники опроса называют "Поле чудес" и "Вести" (по 4%), "Жди меня", "К барьеру", "Битву экстрасенсов" (по 3%) и др. [4]

По фильмографии выделяют зрители отечественный фильм «Сталинград», а из зарубежных чаще всего лидирующие позиции по отзывам зрителей занимает «Зеленая миля», снятая по роману Стивена Кингу. Эти фильмы действительно несут хорошую нравственную составляющую для молодежи, заставляют задумываться над такими понятиями, как «честь», «достоинство», «дружба» и «самопожертвование».

Что касается Интернета, то согласно изучению Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), показатель людей, пользующихся Всемирной паутиной достиг 69 %, и нетрудно догадаться, что активнее всего пользуются Интернетом молодежь. По данным опроса, среди опрошенных россиян в возрасте от 18 до 24 лет эта доля достигает 100 %:

Рисунок 1 – частота пользования Интернетом

Эксперты выяснили, для чего именно россияне выходят в Интернет: оказалось, что чаще всего они ищут музыку, фильмы, книги, читают новости и ищут необходимую информацию, проверяют электронную почту, а также сайты, связанные с учебой или работой. 44% пользуются социальными сетями и форумами. [5]

Интернет несет в себе огромные просторы информации, которые могут быть как духовно-развивающими, так и пагубно воздействующими на сознание молодежи. Бесконтрольность, доступность и легкость пользования Всемирной паутиной может сыграть злую шутку с целыми поколениями. Из всех средств массовой информации данный вид – самый опасный.

1. Шкондин М.В. Периодическая печать: системные основы типологии // Типология периодической печати: Учеб. пособие для студентов вузов / М.Е. Аникина, В.В. Баранов, О.А. Воронова и др.; Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 12.
2. Русские отказываются от «счастливого СМИ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/society/how/05-07-2011/1082616-radio-0/> (дата обращения: 05.10.2015)
3. Пресс-выпуск №2015. Рейтинг популярности российских радиостанций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112757> (дата обращения: 05.10.2015)
4. ВЦИОМ назвал самого популярного политика, артиста и фильм года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hate.trust.ua/entertainment/2013/12/26/159/VCIOM-nazval-samogo-populyarnogo-politika-artista-i-film-goda/> (дата обращения: 07.10.2015)
5. ВЦИОМ: 69 % россиян выходят в Интернет ежедневно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.thg.ru/technews/20150519_085514.html (дата обращения: 09.10.2015)

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Коган Е.А., Абрамова Е. В. (Москва)

Социальная безопасность является важнейшим аспектом качества жизни. Современные тенденции развития нашего общества резко повышают риски и угрозы безопасности человека и расширяют масштабы их возможных последствий[1]. Происходящие изменения в социально-экономической, политической, духовно-нравственной сферах общества, с одной стороны, создают качественно новые

возможности выбора жизненного пути, с другой – оказывают деструктивное воздействие, вызывающее у многих людей дезориентацию, повышают социальную напряженность и приводят к нарастанию социального неблагополучия, ухудшению социального здоровья общества[2]. Проблемы обеспечения безопасности объективно затрагивают все стороны нашей жизнедеятельности и все слои общества.

Студенческая молодёжь является будущим нашей страны. Обеспечение их социальной безопасности является фактором успешного экономического и политического развития страны. От их социального самочувствия в нынешних кризисных условиях во многом зависит успешность их адаптации и реализации в сложившейся обстановке.

В мае 2015 года среди студентов Московского авиационного института (НИУ) было проведено исследование, посвященное оценке социальной безопасности молодёжи. В опросе приняли участие 100 студентов технических факультетов МАИ.

В ходе исследования, прежде всего, было выявлено, что студенты понимают под социальной безопасностью. Представления респондентов о социальной безопасности оказались достаточно разнородными. Так, ключевыми аспектами здесь является психологический комфорт (21%) (состояние психологического спокойствия, защищенность от психологического давления в обществе), отсутствие угроз физическому состоянию и здоровью человека в обществе (20%) и отсутствие социально-политических угроз обществу в целом (19%) (спокойная общественная обстановка, отсутствие в обществе социальных конфликтов, войн и т.д.). Доля тех, кто отметил экономическую составляющую (возможность достижения и сохранения достойного экономического положения), составила лишь 7,5%. Это говорит о том, что пока студенческая молодёжь в основном не несёт полной ответственности за собственное экономическое обеспечение, возлагая это на плечи родителей и других родственников. Поэтому экономическая составляющая социальной безопасности уходит на второй план. Кроме того, отдельными респондентами были отмечены «защищенность духовных ценностей человека», «защищенность материальных ценностей и имущества человека», «отсутствие конфликтов на межнациональной почве».

Опрос показал, что большинство студентов (85%) в целом ощущают себя в безопасности, но в полной мере это характерно лишь для каждого третьего опрошенного. В наибольшей безопасности опрошенные ощущают себя в семье (92%), так как именно в ней они чувствуют наибольший психологический комфорт. Доля тех, кто чувствует себя защищенным в кругу друзей, также достаточно высока (71%). Следует отметить, что лишь каждый четвертый ощущает себя в безопасности, находясь в мегаполисе или других городах России. Это обусловлено наличием различных угроз для жизни, здоровья и благосостояния человека в нашей стране. При этом большинство опасаются преступлений против их жизни и здоровья (92%), которые обусловлены следующими негативными явлениями в обществе: алкоголизм (75%), ВИЧ/СПИД (71,7%), терроризм (71,7%), наркомания (70%), безработица (68,4%), низкий уровень жизни (68,4%).

Важно отметить влияние войны на Украине на ощущение социальной безопасности у российских студентов. Исходя из полученных данных, респондентов можно разделить на три примерно равные группы: около трети опрошенных не ощущают угроз их социальной безопасности в России в связи с событиями на Украине, 30% студентов всерьёз опасаются, что военные действия на Украине могут привести к Третьей мировой войне, и примерно столько же испытывают чувство лёгкого беспокойства и некоторой неуверенности в завтрашнем дне в связи со сложившейся ситуацией.

В ходе исследования была выявлена оценка молодёжью ситуации в экономической, политической и социальной сферах нашей страны. Как показал опрос, наиболее остро в России стоят проблемы экономического характера (рост цен на товары, безработица, снижение уровня жизни). Большинство студентов (80%) оценивают ситуацию в ней как напряжённую и нестабильную. Обстановку в политической сфере опрошенные также

характеризуют как «сложную» и «противоречивую» (около 70%). Это обусловлено непростой геополитической ситуацией для нашей страны.

В социальной сфере ситуация складывается относительно благополучно (по сравнению с экономической и политической) – доли позитивных и негативных оценок примерно равноценны (по 35%). Вероятно, это обусловлено тем, что студенческая молодёжь в силу возраста не в состоянии полностью оценить проблемы, возникающие, в частности, в сфере здравоохранения, социального обеспечения, дошкольного образования. В реальности экономический кризис негативно сказывается и на социальной сфере – федеральный и региональные бюджеты ограничивают расходы на систему социального обеспечения не только в ближайшие месяцы, но и в перспективе до 2020 года.

Тем не менее, опрос показал, что более половины опрошенных студентов (55%) оптимистично смотрят в будущее своей страны, считая, что ее положение в ближайшее время улучшится. Настроения, с которыми смотрит молодежь в свое будущее, в целом позитивные. Почти 75% в той или иной степени оптимистично настроены относительно своих перспектив, более 60% испытывают чувство уверенности в завтрашнем дне, а тревогу ощущают всего 28%.

Таким образом, несмотря на экономический кризис и непростую политическую ситуацию в стране и мире в целом, студентам свойственны оптимистичные настроения, что говорит в целом об их более менее позитивном социальном самочувствии.

1. Кисляков П.А. Социальная безопасность личности: функциональные компоненты и направления формирования//Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2012 №5(13).
2. Зеркалов Д.В. Социальная безопасность: монография. – К.: Основа, 2012.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ И РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ

Колесник А.В. (Томск)

Личность как открытая система, развиваясь через разнообразные формы деятельности и активности, овладевает социальными и индивидуальными компетенциями, стремится к самоактуализации. Реализовать обозначенные идеи на практике, считается возможным через создание образовательной среды, которая способствует самоактуализации личности обучающихся. А это осуществимо при наличии широкой системы возможностей для творческого самовыражения студентов. Студенческий возраст имеет свои особенности проявления самоактуализации. Так, перед нами достаточно высокоинтеллектуальные, эмоционально неустойчивые, осознанно переживающие состояние фрустрации, общительные, жизнерадостные, искренние, реалистичные студенты с низкой социальной креативностью. Отсутствие психологических барьеров и профессиональная креативность, в данном случае социальная, являются социально-психологическими факторами самоактуализации и при этом тесно связаны между собой[4]. Для большинства студентов самой важной является личностная направленность, затем деловая и наименее важной – направленность на общение. Можно считать деловую направленность социально-психологическим фактором самоактуализации[7].

Для решения задачи самоактуализации личности студента в ТУСУР 21 февраля 2012 года на общем собрании профкома было рассмотрено и утверждено положение о создании Института Кураторов. Студент-куратор действует в соответствии с Уставом ТУСУР[1], Коллективным соглашением между администрацией университета и ППОС, положением ППОС ТУСУР[2] и Положением Института Кураторов.

Студент-куратор академической группы играет важную роль в самоактуализации и социализации первокурсника в стенах университета. Студент-куратор осуществляет организационно-воспитательную работу, направленную на решение вопросов адаптации и вовлечения студентов в активную научную, общественную и спортивную жизнь факультета и университета. Также куратор выступает координатором между студентами, руководством факультета и университета, профсоюзной организацией студентов, способствуя формированию корпоративной культуры студенчества – чувства принадлежности к факультету с его историей, традициями, нормами и ценностями. При работе с академической группой студенту-куратору необходимо проявлять толерантность, уважение и терпимость, подавать положительный пример[5].

На протяжении всего времени работы кураторы придерживаются следующих целей: сплочение и формирование актива группы, , повышение интеллектуального и духовного потенциалов, разъяснение студентам их прав и обязанностей, улучшение организации учебного процесса студентов, а также помогать студентам в самостоятельной работе и самореализации личности студента[3].

В своей работе кураторы используют личностно-ориентированный (индивидуальный) подход к каждому студенту. В первые несколько месяцев работы студент-куратор включен в дела и проблемы группы, помогает в становлении и развитии самоуправления в академической группе, налаживание взаимодействия со студентами старших курсов, построение продуктивного взаимодействия с профоргом и старостой курируемой группы.

На протяжении всего времени работы с группой студент-куратор уделяет большое внимание адаптации студентов первого курса к системе учебного процесса в университете, разъясняет права и обязанности студентов, правила поведения в университете и за его пределами, знакомит с историей и традициями ТУСУР, создаёт организованный сплоченный коллектив, формирует актив группы и благоприятный социально-психологический климат, содействует разрешению конфликтных ситуаций, информирует студентов об организации учебно-воспитательного процесса ТУСУР, знакомит их с нормативными актами в области высшего образования[6].

Работа куратора построена следующим образом: с 27 августа кураторы встречают студентов первого курса и проводят ознакомление с городом, 1 сентября проходил «Час куратора». В течение первого семестра студенты-кураторы проводят организационно-воспитательные работы, направленные на решение вопросов адаптации и вовлечения студентов в активную научную, общественную и спортивную жизнь факультета и университета. Для достижения данной цели студенты-кураторы применяют разные методы: тренинги (знакомство, командообразование, сплочение, и т.д.), экскурсии по корпусам ТУСУР, тематические лекции, разъяснительные беседы, знакомство с историей и традициями ТУСУР; кураторы способствуют выбору старосты и профорга группы.

1. Устав Томского Государственного Университета Систем Управления и Радиоэлектроники от 25.05.2011 г.
2. Положение Первичной Профсоюзной организации Томского Государственного Университета Систем Управления и Радиоэлектроники. <http://studprof.tusur.ru/docs/?id=66>
3. Бабахан Ю.С. Самооценка студента как показатель его способности к учебной адаптации // Психологические и социально-психологические особенности адаптации студента. – Ереван, 1973. – С.21-25.
4. Гришианов Л.К. Социологические проблемы адаптации студентов младших курсов // Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов к учебному процессу в вузе / Л.К. Гришианов, В.Д. Цуркан. – Кишинев, 1990. – С.29-41.
5. Кузьмишкин А.А. Адаптации студентов первого курса в вузе / Молодой ученый. – 2014. – №3. – С.933-935.

6. Николаева Е.И. Сравнительный психофизиологический анализ функционального состояния студентов разных форм обучения в педагогическом вузе // Е.И. Николаева, С.А. Котова // Вопросы психологии. – 2011. – №4. – С.24-32.
7. Вахромов Е.Е. Реферат. Понятие «Самоактуализация» в психологии. режим доступа URL: <http://nkozlov.ru/library/psychology/d3483/#.VWCYgwk0G-A>

МОТИВЫ ВЫБОРА МОЛОДЁЖЬЮ ПРОФЕССИИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

Колодинская А.Е. (Тобольск)

В нашем современном обществе проблема профессионального самоопределения молодежи стала одной из самых важных в плане становления человека как полноценного члена общества. Молодой человек должен сделать выбор профессии, соответствующего учебного заведения, а так же быть готовым к возможным переменам на пути своего профессионального становления [4].

Изучив различную научную литературу можно заметить, что всё чаще и чаще ставится вопрос о становлении такой профессии как социальный работник. Особенно данная проблема актуальна, прежде всего, в наше время. Сегодня в управлениях социальной защиты населения России работает большое количество людей, которые не имеют соответствующего базового образования, но вынуждены выполнять функции специалиста по социальной работе. Эти функции, чаще всего, заключаются в осуществлении «бумажной работы»: работа с архивом, выдача справок и т.п. Но ведь совершенно понятно, что понятие «профессия социального работника» гораздо шире понятия «деятельность социального работника». Социальный работник относится к типу профессий «человек - человек», а это требует очень высокой квалификации специалиста [5].

Анализ различных исследований, которые посвящены проблеме мотивации выбора профессии, обнаруживает большое разнообразие мотивов, влияющих на эффективность процесса профессионального самоопределения.

По А.И. Зелинченко и А.Г. Шмелёву, мотивационные факторы делятся на внутренние и внешние. Внешние мотивационные факторы включают такие факторы как факторы давления, факторы притяжения-отталкивания, факторы с относительной бессодержательной мотивировкой, факторы социально-экономического характера. Внутренние мотивационные факторы-это личные, профессиональные и жизненные планы [2].

Чем менее граждане информированы о мире профессий, о своих личностных качествах, тем более доминирующими факторами в выборе профессии являются такие внешние факторы как влияние окружающих людей, материальный доход, престижность профессии.

По мнению Д. Сьюпера, человек должен выбирать профессию с учетом своего образа "Я" как собственно образа человека, способа мыслей о самом себе и оценки себя, а также специальных способностей, интересов, ценностей личности, как внутренних, так и внешних [3].

Рассматривая профессию социального работника нужно сказать о том, что, в первую очередь, она требует высокого уровня гуманности, развитую интуицию и, конечно, умение сопереживать чужому горю. Личностные качества должны также включать порядочность, честность, бескорыстие. Для получения желаемых результатов социальный работник должен быть целеустремлённым, трудолюбивым и ответственным [3].

Всё чаще и чаще мы встречаем молодых людей, которые обучаются на направлении «Социальная работа» и хотелось бы выяснить, почему же молодёжь

выбирает данную профессию, и работают ли они после окончания высшего учебного заведения по профессии.

Для тщательного изучения данного вопроса нами проведено социологическое исследование (методом анкетного опроса), в котором приняли участие 150 студентов различных высших учебных заведений, обучающихся на направлениях «социальная работа».

По итогам анкетирования нами получены следующие результаты. Большинству студентов нравится обучение на данном направлении (61%), 35% опрошенных считают, что им не хватает практических навыков, но, тем не менее, они полностью удовлетворены самой специальностью, и лишь 4% студентов ответили, что им не нравится обучение на направлении «Социальная работа».

Что касается трудоустройства по профессии, то две пятых опрошенных студентов планируют работать в сфере управления (39%). Только 25% студентов планируют работать именно социальными работниками, специалистами в данной области в управлениях социальной защиты населения, планируют работать совсем в другой области – 29% от общего числа опрошенных, и абсолютно не хотят работать 7% опрошенных студентов.

Причинами выбора профессии «Социальный работник» для опрошенных стали: недостаток специалистов в данной сфере (28%); опрошенные студенты просто хотят оказывать помощь людям, которые нуждаются в ней (46%); респонденты выбрали данную профессию, потому что считают, что получают моральное удовлетворение от работы (23%) и лишь 3% опрошенных отметили, что для них данная профессия является престижной, поэтому выбор пал именно на нее.

На вопрос: «Как Вы относитесь к категориям граждан, находящимся в трудной жизненной ситуации, и готовы ли вы им помочь?» 100% опрошенных дали положительный ответ. На следующий вопрос «Насколько важной и нужной, по вашему мнению, является профессия социальный работник в современном обществе?» больше половины опрошенных студентов отметили профессию очень нужной в современном обществе, поскольку социальные проблемы с каждым годом обостряются (62%). 34% опрошенных студентов считают профессию важной, но без которой вполне можно обойтись. И только 4% считают, что данная профессия не нужна.

Также студентам предложилось оценить престиж профессии «социальный работник» по пятибалльной шкале, где 1 – профессия совсем не ценна, не популярна, 5 – профессия престижна, благородна, важна в современном обществе. 44% опрошенных студентов оценили данную профессию на «4», одна третья студентов считают, что профессия благородна, важна в современном обществе, то есть оценили ее в шкале на «5» (31%), и 25% респондентов оценили профессию на «3».

Таким образом, по результатам анкетирования выяснилось, что только половина студентов имели профессиональную зрелость и осознанно выбрали будущую профессию. Студенты, обучающиеся на таком направлении как социальная работа не готовы работать по профессии, на данную тенденцию влияет, скорее всего, то, что данная профессия не престижна в современном обществе. В ходе учебного процесса в ВУЗе все обучающиеся готовы определиться с выбором профессии в сторону специалиста по социальной работе, если в России повысится статус социального работника. Таким образом, важно повысить имидж профессии «социальная работа» в России. Нужно уделять особое внимание формированию образа специалиста, работающего в органах социальной защиты населения. Ключевыми ресурсами, по нашему мнению, в данном случае будет являться высокий уровень профессиональной компетенции, высшее специальное образование, содержательная сторона деятельности, а также позитивный эмотивный образ специалистов и руководителей социальных учреждений. Для этого, прежде всего, необходимо подчеркивать, что специалист по социальной работе по уровню своей

квалификации – это профессионал, который обладает определенными компетенциями и способен оказывать помощь на высоком профессиональном уровне.

1. Никитин В.А. *Социальная работа: проблемы теории и подготовки специалистов. Учебное пособие.* - М.: Московский психолого-социальный институт, 2002. – 236 с.
2. Холостова Е.И. *Социальная политика и социальная работа: Учебное пособие.* Изд. Даишкова и К, 2011 г., 214 стр.
3. Холостова Е.И. *Генезис социальной работы в России: Учебное пособие.* Издательство: Даишкова и К, 2010 г., 231 стр.
4. *Социальная работа [Электронный ресурс], - Режим доступа: <http://soc-work.ru>*
5. *Социальная работа как профессиональная деятельность [Электронный ресурс], - Режим доступа: <http://5ballov.qip.ru/referats/preview/107112/?sotsialnaya-rabota-kak-professionalnaya-deyatelnost>*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Колосова Е.А. (Москва)

Молодежь считается наиболее активной социально-демографической группой населения, играющей ведущую роль в изменениях современного российского общества и являющейся главным проводником перемен и преобразований социума. Попытаемся определить степень включенности молодежи в различные политические практики (Материал выполнен при финансовой поддержке РНФ, проект №14-18-02016).

Общий интерес к политике молодых россиян сегодня находится на низком уровне (12%), при этом отдельными проблемами интересуются 43,6% молодежи до 24 лет и 45,9% от 25 до 29 лет [4]. Молодежь больше реагирует на отдельные события, которые имеют серьезный общественный резонанс, а постоянное и активное слежение за политической ситуацией, как в стране, так и в мире, не представляет особого интереса для молодежи. Такое поведение некоторые ученые называют «уход в малый мир повседневности» [2], которое сопровождается нарастанием страха перед миром, находящимся за стенами дома, что в свою очередь только усиливает апатию и нежелание брать на себя ответственность за решение общественных проблем [6, 173].

Причин такого отношения молодежи к политике не мало, среди них можно назвать несформированность политической и гражданской культуры в обществе [1, 477], жизненные интересы молодых, межличностные и внутрисемейные коммуникации, определяющие их социальный опыт, падение доверия к основным институтам политической власти.

Молодежь демонстрирует наименьший уровень доверия президенту РФ по сравнению с другими возрастными группами (полностью доверяют 50,2% от 25-29 лет, 46,9% до 24 лет) [4]. Правительству и государственной думе около половины молодых россиян доверяют, но не во всем.

В отношении политических партий молодые россияне высказывают наибольшее недоверие, и это несмотря на то, что за последние 10 лет большинство партий «обзавелись» собственными молодежными «крыльями». Проводимая политика партий в отношении привлечения молодых к общественно-политической деятельности, способы вовлечения молодежи в партийную деятельность, не дают ожидаемых результатов.

Практики политического участия включают в себя электоральное поведение различного уровня. Больше половины молодежи не участвовали ни в каких формах политической жизни в 2014 г., только около трети участвовали в выборах в местные и региональные органы власти.

Половина российской молодежи участвовала в последних выборах депутатов законодательного собрания своего региона (округа, области, края или республики) на момент опроса в 2013 г., и среди причин выбора тех или иных кандидатов ими были названы: желание поддержать кандидатов, которые будут заботиться о простых людях (26,8%), выбор в большей мере случайный (25,5%), желание поддержать кандидатов с хорошим опытом управления (22%). Те же, кто не голосовал, объяснили это следующим: кого бы не избрали, все равно ничего не изменится к лучшему (46,2%); нежелание тратить время попусту (37,2%); незнание кандидатов (16,7%) [5]. Таким образом, массовое дистанцирование от политики и неучастие в выборах, с одной стороны, демонстрирует характер политической культуры молодого населения, который иллюстрируется распространенностью представлений о низкой значимости личного участия и невысокого значения результатов выборов для страны. С другой, подтверждает тезис о не достаточном знании политической ситуации в стране и в мире, а также наличие других интересов молодежи, на которые не жалко тратить свое время в этом возрасте.

Еще один вид политической активности – вовлеченность молодежи в деятельность различных организаций (политических и общественных).

Молодежь преимущественно состоит в профсоюзных организациях (8,5% до 24 лет и 12,9% от 24-29 лет). Молодежь считает членство в профсоюзе для себя полезным и большую помощь от профсоюзов ощущают в решении проблем, связанных с защитой прав и интересов молодых. Работа в профсоюзе привлекает возможностями получить уникальный жизненный опыт (63%), оказать помощь людям и защитить их (37 и 34% соответственно), дальнейшего профессионального и должностного продвижения (17 и 3% соответственно) [3]. Кроме того, нередко молодежь вступает в профсоюз в силу отстаивания своих материальных интересов.

Основные организации, в которые вступают молодые от 18 до 29 лет, это молодежные, спортивные, культурных, музыкальных и театральных организации и волонтерские объединения, но большинство молодежи не состоит ни в одной организации.

Анализ полученных результатов показал что, участие молодежи в неполитических объединениях и сообществах выше показателей участия в организациях политической направленности. Несмотря на малочисленность общественных объединений, они играют существенную роль в жизни сообществ, а их деятельность – получает широкий общественный резонанс через СМИ и Интернет.

Высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий делает возможным активное включение пользователей в гражданскую и политическую активность. По данным Фонда «Общественное мнение» в 2013 г., 7% молодежи от 18 до 30 лет за последние полгода-год высказывались по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах; 5% посещали сайты партий, общественных (некоммерческих) организаций, политических лидеров; 4% жертвовали деньги в благотворительные фонды, незнакомым нуждающимся людям; 3% участвовали в интернет голосованиях по политическим вопросам [7]. Несмотря на малочисленность, эти формы активности молодежи набирают популярность, в том числе, за счет прихода интернета в регионы.

Важными являются также коммуникативные практики современной молодежи. Обсуждение политических новостей в семье, с друзьями, коллегами также свидетельствует о включенности молодежи в политические процессы. В первую очередь молодежь обсуждает политические новости со своими родными и друзьями, также молодые готовы обсуждать политику и делают это со всеми, кто хочет обсуждать такие новости. В силу специфики возраста обсуждение с коллегами начинается более активно после 25 лет. Тех, кто ни с кем не обсуждает политические новости менее 10%

Молодежь сегодня чаще всего включена в пассивные политические практики (поиск информации о политических событиях в интернете и по телевидению) и

обсуждение политики в широком кругу своего окружения (родные, друзья и те, кто просто хочет обсудить такие новости) и гораздо меньше принимает активное участие в выборах в стране и состоит в той или иной общественной организации.

Молодые россияне в большинстве своем (более 50 %) считают, что при всех недостатках нынешнюю власть следует поддерживать, а треть считает, что России нужна сильная рука и порядок в обществе, также как и то, что страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах. О необходимых переменных говорят менее 20% молодежи, еще меньше говорят о политических свободах и демократии [4].

Тем не менее, процессы происходящие в политике за последние 5 лет и общегосударственный кризис, в котором страна оказалась после определенных внешнеполитических событий, привели к появлению новых общественных практик и способов взаимодействия власти и молодых граждан, которые потенциально могут способствовать формированию самостоятельной политической сферы и современного типа политики. Проведенный анализ данных позволяет предположить, что в перспективе будут расширяться такие политические практики молодежи, как поддержание связей с политическими единомышленниками в Интернете (в социальных сетях, на форумах), поскольку молодежь активно присутствует в этой сфере, работа в органах местного самоуправления, поскольку этот уровень власти ближе к населению. Это сферы направленные на конкретное решение насущных проблем молодежи, которые молодежь готова решать самостоятельно и прикладывать к этому хоть какие-то усилия, в отличие от более масштабных проблем.

1. Воробьева И.В. Гражданско-политические установки в структуре жизненного мира студенческой молодежи // *Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное.* - М.: РГГУ, 2015. С. 476-483
2. Зарубина Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // *Общественные науки и современность.* 2011. №4. С. 52-62.
3. Наумов В.И. Основные пути совершенствования профсоюзной работы с молодежью : монография / В.И. Наумов, С.Ю. Иванов, А.С. Иванов. – М. : ИД «АТИСО», 2011. – 81 с.
4. Исследование «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2000-е гг.)» (грант РНФ №14-18-02016). Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны (21 одном населенном пункте) 25-30 октября 20
5. Исследование «Политическое сознание российского населения», опрошены 1200 чел. (от 18 лет и старше) в 15 субъектах РФ, 2013 г.
6. Кученкова А.В. Политические установки в пространстве жизненного мира российской интеллигенции // *Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное.* - М.: РГГУ, 2015. С. 173-181.
7. Опрос «ФОМнибус» граждан РФ от 18 лет и старше. 30 июня 2013. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11088> (дата обращения 10.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ЦЕНТРА «ОКБ ИМ. А.И. МИКОЯНА»

Колядина В.С. (Москва)

Научный руководитель – Стульник Т.Д.
МАИ (НИУ), каф. 009

В настоящий момент на предприятиях авиационной промышленности остро стоит вопрос не только привлечения, но и удержания молодых специалистов. Отсутствие

грамотных сотрудников с опытом работы в возрасте от 30 до 45 лет, способных заменить тех, кто уйдёт на пенсию, может крайне негативно сказаться на перспективах развития отрасли. В связи с этим особую важность представляют собой вопросы: что удерживает молодых специалистов на предприятии и что является основной причиной смены работы?

Известно, что важную роль в успешном функционировании организации играет социально-психологический климат коллектива.

По заказу заместителя директора отдела по персоналу Инженерного центра «ОКБ им. А.И.Микояна» было проведено исследование социально-психологического климата трудового коллектива Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна». Исследование проводилось с помощью анкетного опроса, интервью и анализа документов Корпорации.

Высококвалифицированный, преданный общему делу и впитавший корпоративную культуру персонал РСК «МиГ» - важнейшая составляющая растущего потенциала Корпорации.

Номенклатура профессий РСК «МиГ» охватывает весь спектр специальностей, связанных с разработкой, производством, испытанием современных самолетов, их продажей, эксплуатацией и ремонтом. На предприятии трудятся более 10 тысяч инженеров, рабочих, управленцев, летчиков-испытателей.

В результате анализа кадрового состава и движения рабочей силы сотрудников Инженерного центра «ОКБ им.А.И. Микояна» было выявлено, что 60% сотрудников предприятия составляют мужчины. Женщины, в основном, работают в качестве специалистов.

Средний возраст сотрудников работающих на предприятии составляет 51 год.

Результаты исследования показали, что социально-психологический климат коллектива является одной из самых сильных сторон Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна», несмотря на имеющиеся затруднения во взаимодействии молодых специалистов с сотрудниками старшей возрастной категории. В целом молодых специалистов привлекают и удерживают отношения в коллективе, как с коллегами, так и с непосредственным руководителем.

Социально-психологический климат в коллективе не просто удерживает работающих сотрудников. Парадокс в том, что, несмотря на низкий уровень заработной платы, сотрудники Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна» остаются или даже возвращаются благодаря сложившейся атмосфере в коллективе.

Для определения социально-психологического климата трудового коллектива Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна» были исследованы следующие показатели: атмосфера, присущая коллективу; степень формальности отношений, доверие в коллективе; частота возникновения конфликтов; степень сплочённости коллектива; межличностные отношения; удовлетворённость отношениями с коллегами; удовлетворённость руководством.

Как уже было сказано, дружеская атмосфера, присущая коллективу Инженерного центра «ОКБ им.А.И. Микояна», положительно влияет не только на психологическое состояние каждого сотрудника, но и на результативность и продуктивность труда.

Черты здорового социально-психологического климата проявляются как в преобладании атмосферы взаимного уважения, внимания, так и в уважительном отношении к человеку, в духе товарищества, сочетающегося с высокой внутренней дисциплиной и ответственностью.

Одним из показателей социально-психологического климата являются межличностные отношения в коллективе, создающие стойкие групповые отношения.

В Инженерном центре «ОКБ им. А.И. Микояна» преобладают неформальные доверительные отношения. Выявлено, что сотрудникам легко общаться между собой, а значит легко получить и передать необходимую информацию. Удовлетворена потребность к групповой принадлежности, в признании, уважении. Это также означает,

что коллективу несложно сохранять и культивировать общие культурные, социальные традиции.

Молодые специалисты инженерного центра отмечают отсутствие конфликтов в коллективе. Абсолютное большинство сотрудников считает, что их практически не бывает. Однако отмечаются такие проблемы как затруднённые отношения молодых специалистов с сотрудниками старшего поколения и затруднённые отношения между работниками различных подразделений.

Однако 98% сотрудников удовлетворены отношениями с коллегами, что говорит о слаженности коллектива в Инженерном центре «ОКБ им. А.И. Микояна».

Также показателем слаженности является степень сплоченности трудового коллектива. Коллектив Инженерного центра «ОКБ им.А.И. Микояна» характеризуется солидарностью и дружбой, постоянной взаимопомощью. Состав такого коллектива относительно стабилен. Как правило, он имеет высокие производственные показатели, хорошую трудовую дисциплину, высокую активность работников.

Оптимальное функционирование трудового коллектива напрямую зависит от личности руководителя. В ходе исследования было выявлено, что большинство молодых специалистов Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна» удовлетворены отношениями с непосредственным руководителем. В большинстве своём считают своего непосредственного начальника ответственным и инициативным, а также способным координировать межличностные отношения сотрудников с учетом их индивидуальных особенностей. Также отмечают высокую профессиональную компетенцию своих руководителей. Помимо этого молодые специалисты характеризуют своего начальника как человека, приверженного целям компании, умеющего поддерживать дисциплину. Отмечается то, что руководитель прислушивается к мнению коллектива и в целом поощряет инициативу.

Таким образом, можно смело сделать вывод, что в трудовом коллективе Инженерного центра «ОКБ им.А.И. Микояна» благоприятный социально-психологический климат. Это является одним из преимуществ Корпорации. Также для исследования социально-психологического климата коллектива было проведено интервью с председателем Совета молодёжи Корпорации. Он рассказал о случаях, когда молодые специалисты уходили на предприятия, где более высокая заработная плата, но через время возвращались обратно. Объясняли сотрудники это сложившейся в коллективе благоприятной атмосферой, хорошими взаимоотношениями с коллегами по работе, а также с руководителями. Отсюда следует, что социально-психологический климат является одним из важных факторов удержания молодых специалистов в Инженерном центре «ОКБ им. А.И. Микояна». Стоит отметить, что не каждое предприятие может назвать социально-психологический климат своей сильной стороной. Поэтому необходимо поддерживать благоприятную атмосферу, сохранять дружеские отношения в коллективе. Это может способствовать снижению текучести молодых специалистов.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Корж Н.В. (Пенза)

В настоящее время молодое поколение вступает в жизнь в непростых социально-экономических условиях развития общества. Выбранный страной путь демократического, правового государства ставит перед молодыми людьми задачу формирования себя активным субъектом социально-полезной деятельности во всех сферах жизнедеятельности и на всех уровнях общественной жизни. Чтобы избежать пассивности

молодежи, необходимо сформировать потребность в самоорганизации, умении объединяться для решения как личных, так и общественно значимых задач [1, с.118]. Одной из форм активности молодого поколения должна стать гражданская самостоятельность и ответственность за будущее своей страны. Понятие «гражданская активность» достаточно широкое, существует множество определений, которые включают разные трактовки от социально-полезной активности личности до политической активности, включающей политические ориентации, электоральное и протестное участие. Исходя из этого, гражданскую активность можно определить как политическую ориентацию личности, реализующуюся в ее готовности и способности к участию в решении общественных и государственных проблем.

Социологическое исследование в рамках гранта РГНФ по проблеме «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России» (n=1350) среди различных социальных групп и слоев населения Поволжского региона, позволило проанализировать гражданскую позицию современной молодежи.

Для молодого поколения быть гражданином означает «быть патриотом, любить свою Россию» (29,8%), проживать в России и защищать свое государство (13,8%), а также исполнять законы своей страны. Большинство молодых людей считают Россию общим домом для разных национальностей с равными правами (61,1%). Среди основных интегрирующих признаков многонационального населения страны, по мнению молодежи, можно выделить следующие: историческое прошлое (15,4%), общее государство (13,7%), культура (13%), государственный язык (12,6%) и т.д. Таким образом, большинство респондентов, любят свою страну и готовы отстаивать ее интересы, кроме того, отмечают ряд факторов, которые могут объединить многонациональное государство.

Такие данные еще раз подтверждают, что в целом молодое поколение готово взаимодействовать с многонациональным обществом, а также участвовать в социально-экономических процессах, происходящих в стране.

В современных условиях необходимо формировать политическую заинтересованность и гражданскую активность молодого поколения. Вовлеченность молодежи в политическую деятельность государства можно проследить через заинтересованность политической ситуацией, происходящей в стране.

Большинство респондентов (35,9%) интересуются политикой от случая к случаю, 23,7% молодежи в курсе политических процессов, происходящих в стране, и только 4,5% молодых людей имеют четкую политическую позицию. Для 17% молодых людей политика не представляет никакого интереса. Есть категория респондентов, которые еще не определились в своих политических ориентациях (18%). Такие результаты свидетельствуют об отсутствии четких политических ориентаций среди студентов.

Еще одним показателем гражданской позиции является соблюдение законов своего государства. Современная молодежь считает, что законы нужно соблюдать, даже если они устарели, но только если это делают представители органов власти (54,75%). Такие результаты свидетельствуют о недоверии у молодежи к представителям властных структур.

Для полноценного развития личности в современном обществе необходимо включение ее во все сферы общественной жизни, в том числе и политической. Становление личности как субъекта политической деятельности происходит постепенно по мере социального созревания человека, в процессе его политической социализации. Наиболее активно данный процесс протекает в молодом возрасте. На данном этапе у человека формируются политические ориентации и установки, которые в дальнейшем он будет активно реализовывать на практике.

Студенческая молодежь представляет собой стратегический ресурс общественного развития, включение которого в социально-экономические и политические процессы

позволит придать дополнительные импульсы к развитию, как отдельного региона, так и страны в целом.

Дальнейшее развитие российского общества будет во многом зависеть от взаимоотношений молодежи и общества, определения ее места и роли, преобладающих ценностных ориентаций и установок. Современная молодежь не видит возможных путей своего участия в решении социально-экономических, политических и духовных вопросов общества, развития в себе чувства ответственности и причастности к проблемам российского общества. Все это негативно сказывается на состоянии всего общества, которое, страдает от пассивности потенциально активных своих членов и нуждается в пересмотре ими своей гражданской позиции.

1. Рыбалко Н. В. Проблемы формирования гражданской активности молодежи// Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2011. - № 2.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТОВ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КРЕПКОЙ РОССИИ

Коротов П.Е. (Волгоград)

Будущее российского общества и Российской Федерации во многом будет определено духовно-нравственным (здоровьем) воспитанием народа, бережным сохранением традиций и норм общественной жизни, а также сохранением культурного достояния всех народов и исторической справедливости всех событий в развитии России

К активной общественной жизни в ближайшем будущем придёт

поколение, родившееся за последние двадцать лет, для которого советское прошлое будет только легендой. А рассказы, свидетельства, да и сами участники Великой Отечественной войны останутся в лучшем случае на видеозаписях, аудиозаписям, (и оставшихся пиджаках с наградами в шифоньерах). Что же станет с исторической действительностью, если живущее сейчас поколение не передаст то, что передали ветераны? Это важнейшая задача и выполнить её предстоит именно институтам патриотического воспитания в городах.

Патриотическое воспитание молодёжи в современных условиях кризиса требует интеграции и консолидации культурного и исторического потенциала регионов и страны[1]. В России есть множество городов, где можно начать формировать кластеры по духовно-нравственному воспитанию патриотов.

Цель кластера – согласовать интересы и направления деятельности органов власти федерального регионального и муниципального уровня по культуре, образованию, молодёжной политике. Кластер есть социальное партнерство между всеми уровнями власти. Скорее всего, создание кластера позволит региону обрести и дополнительные конкурентные преимущества перед федеральным центром.

Всё это задаёт новые требования к институтам образования и культуры, которые в своей деятельности должны опираться не только на достижения прошлого, но и вырабатывать способы и технологии, необходимые подрастающим поколениям в будущем[2].

В кризисных условиях становление и развитие системы патриотического воспитания молодёжи требует инновационных решений. Их реализация должна создать возможности молодым людям выбирать своё будущее, связывая его с перспективами страны, образом Родины – России, в её прошлом, настоящем и главное – в будущем.

В России патриотическое воспитание обязано стимулировать молодёжь на осмысление патриотизма как личностного потенциала развития самого себя, будущих поколений[3]. Экономический кризис, да явление ужасное, страдают наши доходы, снижается платёжеспособный спрос. Но самое страшное, когда молодёжь забывает о

истории, забывает о всей важности патриотизма. Если ты не любишь свою Родину, значит, ты не готов помочь ей развиваться или справиться с внешними угрозами. Тебя мало интересует целостность страны, её готовность ответить на воздействия будь-то военные, политические или экономические.

Часто многие фирмы, компании, органы власти говорят о важности человеческого потенциала, о его развитии. Естественно, когда социальные навыки и последующие за ними социальные компетенции развиваются, они позволяют человеку найти себе применение в жизни, трудоустроиться, создать семью, жить в том месте, где он пожелает[4].

К социальным компетенциям следует отнести важнейший фактор индивидуального успеха личности человека и гражданина, а именно уровень нравственности и патриотизма. Патриот – человек, чьи мысли и идеи способствуют продвижению своей страны.

Сам я родом из Волгограда, поэтому на примере нашего города хотел бы, представить свои предложения. В Волгограде стратегическим приоритетом патриотического воспитания в Волгограде выступает обогащение и развитие индивидуального аспекта личности, на основе идеи служения Отечеству. Необходимо разработать и реализовать механизмы формирования ответственного гражданина и патриота, способного реализовать свой человеческий потенциал, как в собственных жизненных интересах, так и в интересах общества и государства.

Говоря о потенциале города, инновационная направленность системы патриотического воспитания определяется необходимостью сохранения исторических мест, исторической правды о подвигах. Но о подвигах не только в Сталинградской Битве, но и периоде гражданской войны. Развивать мемориальные зоны, посвящённые различным событиям исторического прошлого Царицына-Сталинграда-Волгограда.

Волгоградская область была и остаётся одним из регионов, где патриотизм и высокая нравственность передаётся из поколения в поколение. Одной из этих традиций является военный подвиг при защите Отечества. Страницы боевых и трудовых подвигов зафиксированы не только в названиях улиц, музеях, мемориальных досках, но и в памяти Сталинградцев и Волгоградцев. Жители на самом деле ощущают гордость за то, что они живут в великом Городе на Волге. Для сохранения и развития традиций патриотизма Волгоград и Волгоградская область имеет огромную базу, составляющую национальное достояние России.

Смысл российского патриотизма в том, что Россия уникальнейшая страна, с богатейшей историей, с определённой самобытностью, со своими факторами и особенностями, со своими Героями и подвигами. Республики, края, области в Российской Федерации, являются частью этой исторической судьбы огромной страны, внесшие огромный вклад в формирование облика нашей Родины. И очень обидно, что о Великой Отечественной войне вспоминают многие лишь 9 мая, 23 февраля, или другой день, отражённый в боевой славе того или иного города. А надо ведь – всегда. Дело не в салюте или полевой кухне, раздаче гвардейских ленточек. Дело в отношении.

Героические традиции Сталинградской битвы и любой другой – это ценностно-нормативные установки поведения, поступков, действий, отражающие конкретные единичные факты воинского подвига защитников Отечества.

Следует отметить, что сейчас понимание патриотического воспитания исходит из того, что в настоящее время не существует простой преемственности в передаче традиции. А передача неискажённой исторической правды, культурных традиций, народных обычаев, есть важнейшая задача, как институтов патриотического воспитания, так и активных граждан РФ.

1. Бузский М. П. *Российская гражданская идентичность как педагогический ресурс реализации духовно-нравственного развития и патриотического воспитания учащихся* : [научно-методическое издание] / М. П. Бузский, А. Н. Вырицкий, М. Б. Кусмарцев. – Волгоград,
2. *Воспитание патриотизма в условиях социальных перемен: теоретико-методологические и прикладные основы* / А. Н. Вырицкий, М. Б. Кусмарцев, В. И. Лутовинов, Г. Н. Филонов и др. – Москва, 2007.
3. *Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России* / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – Москва, 2009.
4. *Российский патриотизм: истоки, содержание и воспитание в современных условиях* : учебное пособие / А. К. Быков, А. Н. Вырицкий, С. Н. Климов, М. Б. Кусмарцев и др. – Москва, 2010.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯРЛЫКОВ В МАЛЫХ ГРУППАХ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Кочнева М.С., Былина Н.А. (Нижний Новгород)

В социологическом контексте ярлык – это фактор, который оказывает существенное влияние на самоопределение личности и ее положение в социуме, что может способствовать или препятствовать социальной мобильности. Однако стоит отличать понятие ярлыка от стигмы и стереотипа. Стигма имеет отрицательное значение и является негативным подвидом ярлыка; стереотип же представляет собой модель поведения, которую окружающие предписывают носителю ярлыка. Впоследствии индивид совершает поступки именно в соответствии с тем ярлыком, которое ему навесил социум, поэтому можно говорить о социальной стигматизации как о способе манипулирования общественным сознанием. Навешивание ярлыков наиболее выражено проявляется в подростковом возрасте и во многом выражается через речь, чему активно способствует низкая речевая культура.

Тема навешивания негативных социальных ярлыков не раз освещалась в работах зарубежных авторов и имеет обширную теоретическую базу. Так, корни современных взглядов на стигму могут быть прослежены до И. Гофмана, который дал определение данному понятию. Социологи 1980-х гг. Мэйджор и О'Брайенн описали механизмы стигматизации, а Крокер внес существенный вклад в теоретическое обоснование навешивания социальных ярлыков, выделив функции стигмы в рамках своей модели стигмы как угрозы идентичности.

Основная цель нашего исследования заключалась в том, чтобы проанализировать влияние институтов семьи и образования на процесс навешивания социальных ярлыков, а также понять специфику влияния речевой культуры (в частности, прозвищ) на стигматизацию учащейся молодежи. Источником данных является база данных однократного очного анкетирования, проведенного нами в феврале – апреле 2014 г. среди учащейся молодежи Нижнего Новгорода. Единицей анализа являются студенты, школьники, лицеисты в возрасте 16-21 года. Данное ограничение выборки обусловлено тем, что вниманию респондентов разработанная авторами анкета была предложена накануне изменения их социального статуса.

Результаты и обсуждения

Институт семьи

Семья помогает индивиду определиться со своим социальным статусом и обеспечивает ему психологическую защиту, а также оказывает огромное влияние на социализацию человека в целом. Однако одни родители стремятся сделать своего ребенка идентичным окружающим, другие же – дифференцировать его личностные характеристики, в ходе чего и те, и другие сравнивают своих детей либо со сверстниками, либо с образом идеального ребенка. Субъективная оценка качеств личности,

выражающаяся в ярлыке, проявляется в особенностях дальнейшей социализации индивида.

В ходе исследования мы установили, что среди тех респондентов, кому родители уделяют достаточно внимания, а также у кого высокий уровень комфорта дома, большинство ощущает себя счастливчиками и лидерами. Однако существует небольшой процент тех, кто, испытывая недостаток внимания родителей, более успешно проявляет себя во взаимодействии с окружающими и демонстрирует способности руководителя.

Также играет роль наличие братьев/сестер в семье, и то, как распределяется любовь родителей между ними. Если ребенок ощущает, что больший объем внимания получает именно он, то это способствует формированию его лидерских качеств и уверенности в себе.

Институты образования

В ходе исследования навешивания социальных ярлыков в институтах образования мы обратили внимание на процесс формирования индивидуального образа каждого члена группы, в результате чего была выявлена гендерная специфика: девушки намного чаще проявляют активность в учебной и внеучебной деятельности, обладают авторитетом, юноши же менее заинтересованы в процессе получения образования, что предположительно объясняется более ранним психологическим и биологическим взрослением девушек.

Проведя сравнительный анализ особенностей коммуникаций у школьников и студентов, мы установили, что в школе и лицее учащимся проще открыто высказывать свое мнение, в ВУЗе же большинство нацелено на собственное развитие, реализацию в профессиональном плане, нежели на приобретение авторитета среди сверстников. Опрос также показал, что профильное образование в лицее и в ВУЗе способствует большей заинтересованности подростков в учебном процессе.

Существует прямая зависимость между количеством друзей и уровнем успеваемости. Как было нами определено, подростки, испытывающие чувство постоянного одиночества, также имеют проблемы с учебной. Успешное взаимодействие индивида с окружающими может способствовать его восходящей вертикальной мобильности.

Прозвища как проявления стигматизации

Выяснив в ходе исследования, что современная молодежь трактует социальный ярлык как прозвище, мы вышли на вербальное проявление стигматизации в молодежной среде. Для опрошенных подростков характерно двойное отношение к прозвищам: часть считает, что это забавно и способствует доверию, другие же негативно оценивают данный феномен.

Употребление прозвищ зависит от стадии взросления человека и уровня адаптации в социальном институте. Так, в 16-17 лет присваивание прозвищ у подростков переходит в разряд привычки, поскольку дети находятся в уже сложившемся коллективе, однако после перехода в другой социальный институт с новыми социальными нормами (лицей, ВУЗ) прозвища употребляются реже.

Важным фактором, по которому дают прозвища, являются физиологические отклонения и специфические особенности внешности и поведения: большинство «ботаников» переживают из-за собственной худобы, многие «глупые» и «одиночки» грызут ногти, а на подростков, имеющих лишний вес, гораздо чаще навешивается ярлык «неудачника».

Влияние социальных ярлыков на самооощение подростков

Процесс социальной стигматизации существенно влияет на формирование отношения подростков к своим личностным особенностям. Общественное мнение напрямую воздействует на самооценку современных молодых людей, что проявляется в их стремлении выделиться из толпы своей внешностью и/или талантами. Также

тинэйджеры обладают эмоциональной нестабильностью, очень чувствительно реагируют на мнение окружающих, что является причиной их страха провалов и неудач.

Финансовое положение также может стать причиной формирования видимой или невидимой стигмы у подростков, поскольку для части из них материальное состояние семьи является причиной для комплексов. Именно поэтому сегодня наблюдается тенденция стремления молодых людей к финансовой самостоятельности в целях избегания навешивания негативно окрашенного ярлыка.

Сегодня многие подростки боятся совершать нетипичные поступки, влекущие за собой стигматизацию, и поэтому предпочитают строить поверхностные недолговременные отношения со сверстниками. Очевидно, что навешивание социальных ярлыков оказывает глубокое влияние на самовосприятие молодых людей, их отношение к окружающему миру и взаимодействие с социумом. Корни данного феномена, по нашему мнению, лежат в переоценке ценностей молодежи в процессе социализации.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что навешивание ярлыков – одна из серьезнейших проблем в современном мире: ярлыки применяются в рекламно-пропагандистских акциях, активно используются СМИ. В ходе нашего исследования было установлено, что чаще всего основаниями для навешивания социальных ярлыков являются физиологические данные, внешние параметры индивида, его материальное положение, социальный статус, уровень здоровья. Самыми стигматизируемыми группами можно считать людей, имеющих видимые отклонения, различные заболевания, не имеющие места жительства. Позитивные ярлыки «успешного» человека нестабильны, в то время как негативные ярлыки надолго «приклеиваются» к индивиду ввиду того, что большинству гораздо проще воспринимать человека в соответствии с его стигмой, чем изменить свои первоначальные установки. Поэтому важно выделить ряд рекомендаций по дестигматизации: (1) знать свой ярлык и адекватно на него реагировать; (2) попытаться получить достаточный авторитет в социальной группе, чтобы перевести этот ярлык в разряд положительных; (3) усвоить основные аспекты обоснования другого ярлыка, к которому стремится индивид.

1. Crocker J., Major B. *Social stigma and self-esteem: The self-protective properties of stigma* // *Psychological Review*. 1989.: p. 608-630.
2. Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*, N.Y.: Simon and Shuster, 1963.
3. Major B., O'Brien L.T. *The social psychology of stigma* // *Annu. Rev. Psychol.* 2005.: p.393–421.

АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРУМОВ

Кравцова А.Н. (Санкт-Петербург)

В качестве основной темы исследований автора, выступают молодежные образовательные форумы. Этот вид мероприятий является не новым для российского общества, однако за последние несколько лет форумы стали очень популярны в среде современной молодежи, чем и вызван интерес к ним. Количество форумов, в том числе проводимых на федеральном уровне и с участием иностранных граждан каждый год увеличивается. Проведение форумов стало традицией, как для отдельных регионов, так и для страны в целом. Последний год был ознаменован открытием и проведением форумов «Территория смыслов» и «Таврида» на федеральном уровне. Форумы собрали не только российскую молодежь, но и зарубежных гостей.

Несмотря на то, что форумы проводятся уже довольно давно, их изучением занимаются крайне мало. В основном представлены статьи о проведении

зареккомендовавшего себя общероссийского форума «Селигер». Но, если вспомнить о количестве проводимых форумов только за последний год, можно утверждать, что изучение одного кейса – «Селигера» недостаточно, чтобы понять всю систему форумов и ответить на вопросы, которые в своих исследованиях ставит автор данных тезисов. При этом автора интересуют форумы именно «для всей» молодежи, а не тематические, например, экологический форум и т.д. Интерес возникает, главным образом, к вопросу и мотивации участников форумов, их задачах, практиках взаимодействия с другими участниками и с руководством форума, которым выступают властные структуры, представители бизнеса, научное сообщество и прочие.

Для исследования молодежных форумов, на взгляд автора, более перспективной представляется качественная парадигма исследования. Основными методами исследования выступают интервью с участниками и включенное наблюдение. При использовании этих видов сбора информации возникает более полное видение того, каким образом участники включены в форумы и как происходит процесс этого включения, также интересна жизнь после форума, как эти форумы влияют на участников, и возвращаются ли они на эти форумы.

Фокусом этих тезисов служит активность именно во взаимодействии непосредственно на форумах. Здесь можно выделить несколько основных центров, вокруг которых сосредоточена активность молодежи. Однако, прежде чем перейти к активности, хотелось бы сделать акцент на том, что мы будем говорить не только об активности, но также и о пассивности, т.к. это является неотъемлемой частью форумов. Дело в том, что есть определенная категория молодых людей, которые приехали «потусить», «весело провести время». При этом для руководства форумов это часто представляется в другом свете, так как многие ребята, общаясь со спикерами и отвечая на вопрос «зачем вы приехали на форум?», отвечают не то, что затем говорят только участникам форума, своим ровесникам, тем самым представляют себя в наилучшем свете перед спикерами и организаторами. Это еще одна причина, по которой автор не видит перспективы использовать количественные методы.

Социальная активность ребят рассматривается с точки зрения их участия в форуме, их инициативности и, что особенно важно, желания участвовать во всем происходящем. На сегодняшний день форумы имеют настолько насыщенную программу, что участникам часто некогда отдохнуть от всего происходящего, но это и понятно ведь подобного рода форумы – это информационно-диалоговые площадки интенсивного аккумулирования молодежных идей и проектов, предназначенные для формирования общих проектов и дальнейшей их реализации (определение, предложенное автором). Возможно, именно поэтому участникам предлагается столь интенсивная программа. Однако, ей приписывается и другое объяснение, так в статье одного германского исследования молодежные образовательные форумы в России определяются как «заимствование из социалистического прошлого. В отличие от этого, учебные сессии эклектически объединяют пост-политические нравы с рыночной либеральной аргументацией» [1].

Интересно проследить активность и участие через проекты, можно увидеть, что их общее количество не так уж и велико, если учитывать общее количество участников. Однако, если вспомнить основную миссию проводимых форумов – это те самые проекты, которые должны быть представлены, прокомментированы экспертами, доработаны с помощью замечаний экспертов и дальше реализованы. Первый этап представления проекта следует за регистрацией в форуме, т.е. на сайте регистрации. Однако, по словам самих же участников многие не писали проект, некоторые просто копировали много раз одной и тоже слово, поэтому вопрос, как отбирают участников и вообще отбирают ли, остается открытым. Возможно, с помощью тех, кто недобросовестно относиться к заполнению заявки просто создают массовость присутствия молодежи. И ведь на самом деле, когда говорят о том, сколько человек участвует в форуме, кажется, что это количество велико, однако, никто не ведет статистику активных ребят, которые участвуют с удовольствием и всей отдачей сил и энергии. Некоторые хотят просто отсидеться и отдохнуть.

Другие приехали только за общением, при этом люди часто едут за общением со своими сверстниками. Участники, считают общение и взаимодействие с другими участниками главной особенностью подобных мероприятий. Именно это взаимодействие часто является самым полезным для личного опыта ребят, также для доработки и реализации проектов. Многие находят там себе партнеров. Есть случаи, когда участники находили на форумах работу или места для стажировок.

Также в фокусе активности интересно проследить за теми правилами, которые предлагают организаторы форума. Среди обязательных правил: носить бэйджи, не опаздывать на лекции, лекции для всех обязательны, дресс-код (футболки или толстовки, выданные организаторами). При этом для российских участников это норма, и ни у кого не вызывает удивление. Возможно, удивления нет, потому что большинство когда-то было в детских лагерях и у них есть опыт жить в таких условиях. Обратная ситуация – зарубежные гости. Из интервью с участником из другой страны, который побывал на двух образовательных форумах в регионах, можно понять, что для него все эти правила были непонятны и дики (как правило, есть определенный шаблон правил, которым следуют все форумы). Участник не понимал, например, зачем нужно лишать молодых людей алкоголя, ведь все приехали за образованием и опытом, общением и ни у кого не должно возникать желания выпить или что-то в этом роде. Однако, прецеденты возникали и некоторых участников не пускали на форум. Что интересно, если участник зарекомендовал себя в таком свете, то у него нет права на дальнейшее участие в таких форумах (существует так называемый «черный список»).

Все перечисленные особенности проведения форума требуют более детального и подробного анализа. При этом у автора существует гипотеза, что чем меньше форум, тем больший результат он дает. Так, например, форум в Татарстане не собирает на несколько недель участников в одном месте, процедура создания проектов длится несколько месяцев, с участием экспертов, с которыми участники, прошедшие конкурсный отбор общаются, в том числе online. Организаторы не создают из этого нечто глобальное, направленное на собственный PR и прочее, а помогают участникам с проектами, затем следят за реализацией проектов, чего пока нельзя сказать о других форумах. Когда ребята получают сертификаты на реализацию проекта, но затем проходят другие конкурсные отборы перед другими комиссиями.

Тема активности молодежи на форуме интересна также в том, что многие представители власти говорят о том, что форумы – это транслятор знаний от старшего поколения к младшему. От того насколько молодые люди будут активно включаться в форумы, будет зависеть их активное включение в жизнь общества, в том числе политическая активность, благотворительная и прочая. Следовательно, сейчас форум является одним из первых этапов активности молодежи во взрослой жизни.

1. *Schwenck Anna / Program Nationalization of Soviet Achievements: Russian Pro-Governmental // Anna Schwenck . Berlin Graduate School of Social Sciences [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ces.confex.com/ces/2015/webprogram/Paper10810.html> (дата о*

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.

Кудрявцева Е.В., Мартынов А.С. (Санкт-Петербург)

Ценностные ориентации – это одна из основных проблем молодежи в обществе, она особенно обостряется в период реформации различных социальных институтов. Именно такая ситуация сейчас сложилась в России, в которой происходит трансформация социально-экономических и духовно-культурных основ и переоценка политических и экономических ценностей. Изучение ценностных ориентаций современной молодежи

является необходимой предпосылкой эффективной молодежной политики, ведь именно ценностные ориентации формируют установку субъекта деятельности.

Проблему динамики ценностных ориентаций необходимо рассматривать с влияющими на нее факторами, например: микроэкономический - воздействие оказывает влияние на динамику ценностных ориентаций «снизу», где новое поколение обучается «делать» деньги в условиях «дикого» рынка, вместе с рыночным образом жизни в его худшем варианте, впитывает в себя и все его черты: агрессивность, неуважение к закону; рационально — смысловой аспект - отсутствие мировоззренческих основ ориентации и социально-культурной идентификации молодежи; разрушение механизма преемственности поколений вследствие общей дезинтегрированное культуры, снижение интереса молодежи к отечественной культуре, ее истории и т.д.

Ситуация сложившаяся в сфере молодого поколения вызывает различные опасения специалистов. Так, одни подчёркивают, что российская молодёжь, как и общество в целом, переживает кризис ценностей, который угрожает целостности и безопасности нашего государства. Здесь следует выделить особенности, одинаковые для всего поколения молодежи, и проблемы, характерные для современной молодежи: проявление патернализма к молодым людям, сегрегации в молодежной среде. Другие же называют подобные утверждения мифом, но есть и те, кто отмечая «отдельные недостатки», пишут, что моральный уровень нынешней молодёжи в целом достаточно высок. В динамике ценностных ориентаций наблюдается огромный разрыв между отношением к труду, терминальными ценностями создания семьи, дружбы, здорового образа жизни, и, в то же время, различными способами зарабатывания денег, относящимся к инструментальным ценностям ориентациям, вплоть до безнравственных и криминализованных (серьезное количество положительных ответов опрошенных на вопросы о том, что «взять то, что плохо лежит», вступлении в брак по расчету). Это вызывает большую обеспокоенность ученых – социологов с точки зрения нравственного здоровья молодежи и, как проекции, нравственного здоровья всего общества в Российской Федерации.

Однако, ученые – социологи М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги считают, что, несмотря на эти факты, российская молодёжь «демонстрирует достаточно высокий моральный уровень», вместе с тем они добавляют, что для современной молодёжи в целом характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушие к идеалам; 55% убеждены, что их жизненный успех во многом зависит от способности пренебрегать своими принципами, и соглашаться с тем, что «мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни иногда приходится переступать моральные принципы и нормы». Противоречие выводов - яркий пример основной проблемы как парадоксальности, возникающей в результате эклектичного сочетания советских и постсоветских ценностей. Для достаточно глубокого понимания предмета необходимо, как известно, изучать его в динамике и развитии. Некоторое представление о процессе трансформации ценностных ориентации российской молодёжи позволяют составить данные ВЦИОМ (табл. 1).

Таблица № 1

Динамика ценностных ориентации российской молодёжи (в % к числу опрошенных)

Ценностные ориентации	1966	1986	1990	1997	2002	2007
Семья	38	32	49	48	72	78
Коллектив	44	8	13	6	3	2

Процесс изменения ценностных ориентаций молодёжи внутренне противоречив. В постсоветский период времени отмечено возрастание важности для молодёжи ценности семьи, но, связанное с уменьшением значимости трудового коллектива как важнейшей жизненной опоры личности, снижение ориентации молодёжи на интересную работу и общественную деятельность, из ценности терминальной становятся для подавляющего большинства лишь инструментальной - средством заработка и карьерного продвижения. Следовательно, трансформация ценностных ориентаций идёт в направлении от гуманистической к технократической парадигмам.

О том же говорят и исследования различных социологов. В сознании студентов в 2004г., по сравнению с 1988г., резко увеличилась ориентация на материальное благополучие, при резком снижении созидательно-альтруистической ориентации. Так, если в 1988г. 42% опрошенных полагали, что жить необходимо для того, чтобы оказывать «наибольшую пользу окружающим», то в 2004г. количество респондентов, отмечающих значимость этой цели, снижается в десять раз - до 4,1%. Процент указавших «стремление помогать людям» снизился более, чем в 6 раз. Ценность «уважение окружающих», занимавшая 2 место в предпочтениях студентов в 1988г. (57,4%), в 2004г. Становится актуальной в качестве жизненной цели для 17,2% опрошенных. Количество респондентов, считающих «работу по душе» ведущей ценностью, сократилось почти вдвое. Причём, если на эмоциональном уровне у молодёжи лидирует ориентация на созидательно-альтруистический и социально-творческий смысл жизни, то на рациональном – выше всех стоит престижно-потребительский и гедонистический смысл. Этот парадокс, наблюдаемый у большинства опрошенных, проявляется также в несоответствии оценок различных видов деятельности на когнитивном и поведенческом уровнях.

Российская молодёжь, как и общество в целом, переживает кризис ценностей и ценностных ориентаций. Происходит разрушение нравственных ценностей и культуры. Проблемное поле парадоксальных «кентавр-проблем» общественного и индивидуального сознания и поведения транслируется и поддерживается, в первую очередь, амбивалентностью и парадоксальностью самих общественно-экономических условий жизненного и деятельностного поля современной Российской действительности.

1. Абрамова С.Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // Социологические исследования. 2000. - №7.
2. Артюхович Ю.В. Нормативно-ценностная модель личности как элемент культуры // Современные социально-философские и психолого-педагогические проблемы. Ставрополь: Изд-во РАСН - Ст ГТУ, 1998. -Вып. 10..
3. Байцаев Т.Т. Молодежь в социальном пространстве современного российского общества: Дис. канд. социол. наук. Владикавказ, 2005.
4. Бойков В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. - №7.
5. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в ! российском обществе. М.: Изд-во «институт психологии РАН», 2006.
6. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1996.
7. Зубок Ю.А. Молодежь между интеграцией и исключением: социально-экономический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2000. - №2.

ЦЕННОСТИ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЛИЧНОСТИ.

Куклина Н.Б. (Новосибирск)

Автор настоящего исследования рассматривает ценности как социальный ресурс и фактор социальной адаптации личности в кризисном российском обществе.

Его методологической основой являются ресурсный подход в зарубежной и отечественной социологии (П. Бурдьё, М. Кастельс, У. Бек, Д. Грузски, Э. Соренсен, Н. Лин, Т.И. Заславская, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев, Н.Е. Тихонова, О.Н. Безрукова и др.), концептуальная интерпретация человеческого капитала С. А. Кравченко (на основе системы П. А. Сорокина), теоретическая модель формирования социального капитала Э. Глейзера, нормативно-интерпретативный (Ромм М. В.) и функционально-динамический (Руденский Е. В.) подход к исследованию социальной адаптации, социально-философская концепция духовного пространства, разработанная Бурняшевой Л. А, аксиологический подход к исследованию духовности, а также классификация ценностей в интерпретации Р. Мертона и М. Рокича(ценности-цели и ценности-средства).

Автор исследует малоразработанную в социологии проблему социального капитала личности. В предлагаемом им подходе акцентируется внимание на следующих аспектах проблематики, связанных с исследованием человеческого капитала: недостаточное количество исследований социального капитала в аспекте микросоциологического подхода (в существующей литературе преобладает макросоциологический подход, что не обеспечивает глубокого и всестороннего анализа данного явления); измерение социального капитала с приоритетом прагматического подхода без учета интегральной природы человеческого капитала, значимости нематериального преимущества через его развитие; неразработанность темы духовного капитала личности как фактора социальной адаптации в современном трансформирующемся обществе.

При исследовании социального капитала автор прежде всего опирается на подход С. А. Кравченко, который определяет человеческий капитал как «интегральное единство количества и качества человеческих ресурсов, наделяющих людей способностью быть рациональными мыслителями, сверхсознательными творцами Истины в больших системах науки, техники, экономики, политики, права, а также Красоты, предполагающей создание шедевров культуры и искусства, и Добра, понимаемого как «аккумуляция неэгоистической любви к человеку и человечеству»[1, с.15]. Следуя этому подходу Куклина Н. Б. определяет духовность как фактор социальной адаптации личности, рассматривая ее в аспекте аксиологического подхода, исходя из которого «духовность интерпретируется как социальное качество личности, ориентированной на усвоение и присвоение нравственных ценностей»[2, с.106]. Такая личность является более жизнеспособной и ее ценности являются ее социальным капиталом и способствуют социальной адаптации. Автор исследует социальное мышление личности как способ ее отношения к себе и социуму и предлагает рассматривать его как адаптивное(способствующее выживанию и развитию) и неадаптивное (неэффективное в плане выживания и развития). Адаптивное мышление основано на экстерииоризации и интерииоризации личностью социальных норм и ценностей, это модель позитивного способа отношения человека к окружающему миру и своей внутренней сфере, как механизм социальной адаптации. Она строится на системе определённых современной российской социокультурой социальных ценностей и выработанных на их основе способов построения системы отношений человека с окружающим миром, определения им нормативов поведения, социального взаимодействия, апробированных в различных социокультурах (кроме примитивных, первобытных сообществ). Адаптивное мышление

«включает в себя следующие характеристики: мотивацию роста, креативность, холистический взгляд на универсум, реалистический оптимизм, самоэффективность, доброжелательность к себе и другим, сотрудничество, стойкость, гибкость мышления, способность интерпретировать ситуации адаптивным образом, целесообразным для выживания и развития как личности, так и общества»[4, с.1235]. Критерием выбора этих ценностей является то, что они определены центральной гуманистической идеей современной эпохи — отношением к человеку как высшей ценности, как к личности. На основе этих позиций автором было проведено социологическое исследование по апробации авторской технологии этоса, разработанной на основе социальных норм и ценностей как социального капитала личности, способствующих социальной адаптации подростков и молодежи в кризисном российском обществе (См. Куклина Н. Б. Позитивное мышление развивающейся личности как социокогнитивный фактор духовной жизни общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук.- Новосибирск, 1999.-288с.). В настоящий период исследование продолжается на новом этапе с акцентом на рассмотрении социального капитала как фактора социальной адаптации личности в кризисные периоды развития общества.

1. Кравченко С.А. Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестник МГИМО-Университет, 2010, N 6 (15). - С. 15- 25.
2. Куклина Н. Б. Духовность как фактор социальной адаптации личности и ориентир современного образования//Философия образования.-2011.-2(35).-С.104-111.
3. Куклина Н. Б. Социальные ресурсы личности как проблема современного образования//Сибирский педагогический журнал.-2012.-№8.-С.161-164.
4. Куклина Н. Б. Социальные ценности как фактор адаптации личности в современном российском обществе//Социология и социологическое образование в России (к 25-летию социологического образования в России и Санкт-Петербургском государственном университете : 9

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ЦЕНТРА «ОКБ ИМ. А.И. МИКОЯНА»

Кулагина М.Ю. (Москва)

Научный руководитель – Стульник Т.Д.
МАИ (НИУ), каф. 009

В настоящий момент на предприятиях авиационной промышленности остро стоит вопрос не только привлечения, но и удержания молодых специалистов. Отсутствие грамотных сотрудников с опытом работы в возрасте от 30 до 45 лет, способных заменить ушедших на пенсию, может крайне негативно сказаться на перспективах развития отрасли.

Для комплексного понимания проблемной ситуации, сложившейся в Инженерном центре «ОКБ им. А.И. Микояна», необходимо обратить внимание на то, что:

1. Средний возраст сотрудников Инженерного центра составляет 51 год.
2. Ежегодно в течение последних трех лет в среднем уходят с предприятия 20% молодых специалистов в возрасте до 35 лет.
3. Процент молодых специалистов от общего числа уволившихся в 2014 году составил 40%.
4. По результатам исследования было выявлено, что 38,2% молодых специалистов собираются в ближайшее время сменить место работы.
5. В кадровой структуре Инженерного центра сотрудники в возрасте от 40 до 49 лет составляют долю в 6%, а сотрудники, принадлежащие возрастной категории старше 60-ти лет составляют 38% от общего числа работников инженерного центра.

В связи с этим особую важность представляют собой вопросы: что удерживает молодых специалистов на предприятии и что является основной причиной смены работы?

Для получения ответов на поставленные вопросы было проведено исследование трудовой мотивации молодых специалистов в возрасте до 35 лет Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна». Методом анкетного опроса были выявлены основные мотивы трудовой деятельности 173 молодых сотрудников Инженерного центра.

В результате исследования было выявлено, что основными факторами, побуждающими работать молодых специалистов сегодня, являются такие как интерес к выполняемой работе, возможность повышения квалификации, получения опыта работы, а также возможность применения полученных знаний на практике. Кроме того, немаловажно для сотрудников данной категории быть самостоятельными в работе и видеть перспективы карьерного роста.

Кроме того, абсолютное большинство респондентов ещё одним из наиболее мотивирующих факторов их трудовой деятельности считают атмосферу присущую коллективу. В основной своей массе молодые специалисты дают положительную характеристику социальным отношениям, сложившимся в коллективе, несмотря на имеющиеся затруднения в отношениях с сотрудниками старшей возрастной группы.

Среди факторов, оказывающих отрицательное влияние на трудовую деятельность молодых специалистов Корпорации, выделяются такие как размер заработка, процесс формирования заработной платы, возможность решения жилищно-бытовых проблем и справедливость действующей системы поощрения сотрудников. Таким образом, материальная составляющая трудовой деятельности оказывает наиболее демотивирующее воздействие на молодых специалистов Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна».

По итогам исследования были выявлены основные особенности мотивации трудовой деятельности молодых специалистов Инженерного центра «ОКБ им. Микояна».

Низкий размер заработной платы является основной причиной высокого процента текучести молодых специалистов Инженерного центра «ОКБ им. А.И. Микояна». Основную долю респондентов, собирающихся в ближайшее сменить место работы, составляют специалисты со стажем работы на данном предприятии более 5-ти лет.

Невозможность решения жилищно-бытовых проблем также оказывает существенное влияние на решение молодых специалистов сменить место работы. Наиболее серьезным образом это касается сотрудников старше 30-ти лет со стажем работы на предприятии более 5-ти лет.

Одними из основных мотивов трудового поведения молодых специалистов являются интерес к выполняемой работе, возможность повышения квалификации и применения полученных знаний на практике.

Именно эти особенности должны лечь в основу проекта преобразований, таких необходимых Инженерному центру в нынешней ситуации.

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ У ДЕТЕЙ ГРУПП РИСКА

Кульсеева Т.Г. (Курск)

Актуальность данного исследования заключается в том, что в условиях развития современного общества, в частности повышенной его динамичности, неопределённости и одновременно расширения возможностей человека, с одной стороны, роста напряжённости, проявляющееся в большом количестве и многообразии стрессовых ситуаций – с другой, меняются условия жизни и поведение молодёжи.

Именно в подростковом возрасте наблюдается относительный пик этих расстройств, определяемый психологическими особенностями подростка (возникшее противоречие между потребностью проявить самостоятельность и реальными возможностями её осуществления выступает в качестве своеобразного конфликтообразующего фактора), поведением субъективной ценности нравственного здоровья.

Проблемами девиантного поведения, его формированием и профилактикой занимались такие учёные как Ч.Беккарло, М.Вебер, Э.Фэрри, Э.Дюркгейм, Т.Парсонс и другие.

Методологические основы изучения девиантного поведения представлены и в отечественных теориях: девиантология В.С.Афанасьева, Я.И.Гилинского, Б.М.Левина.

Проблеме проявления девиантных форм поведения у подростков, вызванных неблагоприятным положением ребёнка в системе внутрисемейных отношений, посвящены работы Ю.Р.Вишневого, И.А.Горьковой, Г.А.Гурко и других.

Цель работы: рассмотреть девиантное поведение детей в разрешении ими конфликтов.

Гипотеза: в том, что способы разрешения конфликтов, представленные в литературных произведениях, могут послужить основанием в разработке коррекционных мероприятий в работе с детьми групп риска.

В учебниках по теории литературы конфликт не выделяется в отдельной теме, что усугубляет проблемы анализа данного явления. Следовательно, возникает впечатление, что конфликт либо «растворился», либо признаётся центральным понятием, но с некоторыми условиями.

Несомненно, следует признать, что в науке о литературе до сих пор отсутствуют работы, раскрывающие в теории более или менее полную картину поэтики, структуры конфликта. Нет достаточно отчётливо сформулированного произведения, в котором бы роль конфликта автор выделял.

Конечно, на сегодняшний день вклад в работу по анализу конфликта существует, но «не удовлетворяет полностью потребности в таком же интенсивном осмыслении категории, как это в разное время происходило с категориями стиля, жанра, сюжета, автора и т.д.». [1, 6].

Во время прочтения литературных произведений на подростка влияют следующие механизмы:

1. Идентификации. Карл Юнг определял её как бессознательную проекции какой-либо личностью себя на нечто иное, будь то другая личность, какое-либо дело, местоположение или что-нибудь другое, способное обеспечить или причину, или способ существования.

2. Освоение морально-этических норм поведения.

3. Решение эмоционально-личностных проблем подростка через снятие их уникальности.

4. Получение нового опыта через литературное произведение.

5. Катарсис и снятие психоэмоционального напряжения.

6. Решение задач возраста посредством литературного произведения.

Влияние литературных произведений здесь выступает как параллель между реальной жизнью и письменной, выдуманной или реальной произошедшей, которую писатели часто закрепляют на бумаге. Это вроде наставления того, как решать вопросы жизни человека по отношению к природе, самому себе и т.п., не ограничиваясь, конечно, этим, но и проникая во взаимоотношения людей, в том числе подтекстное разоблачение некоторых исключительных (или типичных, что, скорее всего) сцен конфликта, где последний будет являться главным лицом всего произведения.

Конечно, конфликты не следует принимать как истинно подлинными события, их может и не быть вовсе или они могут иметь совершенно другую форму. Тем не менее,

большинство описываемых конфликтов, берутся из действительности и минимально выдуманы самим автором.

В зависимости о степени напряжённости конфликта, его исчерпанности, можно судить и о возможном исходе, будет ли оно благополучным или, наоборот, увенчается крахом жизни или убийством (не исключая и самоубийство). Например, роман «Герой нашего времени» Михаила Юрьевича Лермонтова, где конфликт между Печориным и Грушницким заканчивается дуэлью. Да и в других произведениях рассматриваются автором различные ситуации, которые могут быть очевидными или иметь скрытый конфликт, замаскированный под сатиру.

Особенность конфликта зависит от времени написания какого-либо произведения. В случае с классицизмом будет характерен конфликт долга и чувства, патриотизм с семейными привязанностями, религия и личное чувство. «Герои античной классической трагедии, – пишет Гегель, – если их натура определённо раскрывается в одном нравственном пафосе, соответствующем исключительно его собственной самой по себе завершённой природе, соответствующем исключительно его собственной самой по себе завершённой природе, наталкиваются на обстоятельства, среди которых они неизбежно попадают в конфликт со столь же обоснованной, противостоящей нравственной силой. Между тем романтические характеры с самого начала стоят в гуще громадного разнообразия случайных связей и условий, в этой сфере характер действует так или иначе, так что конфликт, которому внешние предпосылки, безусловно, дают повод, по существу коренится в характере...» [2, 389].

Конфликты, происходящие в драме, Гегель видит в выражении их субстанции, пафосу, характеру самих персонажей, трагический же конфликт возникает в столкновении героев, которыми владеют противоположно направленные и взаимоисключающие жизненные цели. Последние могут быть враждебными, которые, в конечном счёте, ведут к гибели обеих сторон, так как разрешение конфликта означает торжество общей идеи, а для каждого из борющихся – отказ от своего индивидуального пафоса и характера.

Так как конфликт подразумевает особенность темперамента, характера героя, то, следовательно, автор, несомненно, включит героев – антагонистов, пусть это будет главный и второстепенный герои («Плодовитость» Эмиля Золя, Сегены – Фроманы) или два главных («Пророчество о сёстрах» Мишель Цинк).

В XIX веке появляются особенности, присущие исторически определённому типу характера. Последний оказывается «определённой человеческой индивидуальностью во всём живом многообразии присущих ей черт и качеств» [3, 65]. Их, в свою очередь, писатели часто используют для описания героев, придавая им черты положительных или отрицательных героев, которые имеют сущность, привитую обществом или внутриличностными переживаниями.

Стратегии разрешения так же, как и приёмы во многом похожи на те действия, которые совершаются подростком и индивидом в целом. Поэтому следует помнить, что персонажи имеют свою основу среди людей, пусть и не в цельном образе, а при соединении нескольких частей.

Завершение конфликта между героями книг, как и в реальных обстоятельствах зависят от внешних и внутренних факторов.

Каким образом выбирать поведение в конфликте персонажа выбирает создатель, автор произведения, как и подросток, совершает поступки, какие он считает необходимыми в конкретных ситуациях. Поэтому протекание, исход конфликта будет зависеть от замысла автора или, наоборот, от вынужденного написания конца из-за необходимости соблюдения всех условий. Поэтому результатом конфликта будет как деструкция, так и положительный исход. Несмотря на девиантное поведение у детей, которое мы рассматриваем, оно является предпочтительным (и становится сопутствующим элементом в течение долгого времени) из-за внешних причин.

Таким образом, если в книгах автор стремится показать возможность изменения сущности героя, то он делает это, обдумывая каждую деталь, которая могла бы случиться в реальности и которую можно применить человеку.

Зачастую подростки с отклоняющимся поведением совершают те или иные поступки, противоречащие социальным нормам, лишь потому, что не знают или знают совсем недостаточно о социальных нормах и правилах поведения, принятых в обществе. Для формирования правосознания у детей и подростков необходимо их информирование о правах и обязанностях, о требованиях, предъявляемых государством и обществом, к выполнению установленных для данной возрастной группы социальных норм. Эту роль успешно могут выполнять книги, средства массовой информации, кино, театр и т.п. А книга, в свою очередь, оказывает огромное влияние и на нравственное развитие юного читателя, на становление его моральных принципов.

Поэтому возможность сопоставления литературных персонажей с реальными личностями будет играть необходимую роль в коррекции, что приводит к мысли о применении терапии книгой.

Так как сама терапия включает в себя весь спектр направлений литературы, то возможность использования определённых жанров как один из инструментов наибольшего влияния, будет наиболее выгоден, эффективен при работе с определёнными детьми девиантного поведения.

1. Коваленко А.Г. *Художественная конфликтология*. М., 2001.
2. Гегель Г.В.Ф. *Сочинения*. Т.14. *Лекции по эстетике*. Кн.3. М.: Изд-во социально-экономическая литература, 1958. – 440с
3. Абрамович Г.Л. *Введение в литературоведение*. 5-е изд. М., 1970. – 352с.

САМОСОЗНАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПОКОЛЕНИЯ 1990-Х КАК ИСТОРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Кутыкова И.В. (Санкт-Петербург)

Характеристика исторического «я» сопряжена с использованием понятий «историческое самосознание», «историческая идентичность». Тождественность данных понятий может быть рассмотрена в определенном смысле. Соответствие «я» историческим событиям и лицам, периодам и эпохам входит и в историческое самосознание субъекта истории. Однако если историческая идентичность включает в себе констатацию соответствия «я» «историческому», в том числе исторической жизни предков, то историческое самосознание позволяет акцентировать внимание на теоретико-практическом аспекте исторического бытия «я», собственно на его пре-бывании, пре-одолении, пре-исполнении и т.п. в исторической реальности «здесь и сейчас». В связи с историческим самосознанием вступает в силу вопрос реализации, воплощения заключенных в исторической идентичности соответствующих усилий исторического субъекта («я») в современной ему исторической реальности. «Что такое «я» в исторической ретроспективе и перспективе», «каково мое место в истории», «какова моя роль в истории», «каков смысл моей жизни в исторической действительности» - таковы некоторые вопросы, составляющие содержание понятия «историческое самосознание». Соотношение «потенциального» и «актуального» обнаруживает себя соответственно в вопросе соотношения понятий «историческая идентичность» и «историческое самосознание».

В современных исследованиях (1990-е – 2000-е гг.) тема исторического самосознания скорее получает отражение в таких его аспектах, как логико-методологический, педагогический, социально-философский, исторический. Заслуживает

внимания исследовательская позиция П.Д.Шозимова, согласно которой действительная актуализация исторического самосознания происходит через культуру [3, с. 12], а также А.Л.Андреева, в соответствии с которой историческое сознание есть более широкая категория, чем историческое самосознание, ибо в подлинном смысле самосознание «есть сознательное, целеустремленное отражение человеком самого себя», «субъектом самосознания выступает как бы отторгнутая от человека его идеальная модель, состоящая из социально значимых параметров его социального окружения», объектом самосознания является «данный конкретный человек во всей своей наличной реальности, в том числе в реальности исторической» [1, с. 17, 19, 26].

Обращаясь к вопросу исторического «я» молодежи постсоветской истории, конца XX – начала XXI вв., изберем в качестве теоретического основания точку зрения, согласно которой историческое самосознание выступает компонентом, позволяющим «соединить исторически-индивидуальное и общезначимое» [2, с. 10,11], что историческое самосознание есть «отношение человека к самому себе, которое возникает в определенных социальных условиях, когда реальные обстоятельства подталкивают его к «выходу» за собственные пределы и соотносению себя с исторической реальностью» [1, с. 3, 12]. Эмпирическим основанием обращения к рассматриваемому вопросу являются результаты исследования, предпринятого автором на протяжении 2006-2014 гг.

Каковы характерные черты исторического самосознания молодежи первого постсоветского поколения?

В связи с вопросами о собственной роли в истории и месте «я» в ней новому поколению присуще мятущееся и пассивное состояние исторического самосознания. Согласно результатам исследования, за период с 2006 по 2014 гг. наметилась тенденция возрастания значения учебного заведения в качестве уровня истории, и снижения значения уровня человечества как первичного для самореализации в истории. Однако обращает на себя внимание превалирование общечеловеческого измерения самореализации молодежи. Показательно в этой связи ранжирование позиции студентов, принимавших участие в опросе в 2006 г. (человечество – учебное заведение и город – страна), а также школьников в 2013 г. (учебное заведение – человечество – город – страна). Относительно устойчиво удерживает позиции городской уровень измерения реализации молодежью своих социально-исторических ролей. Как показывают результаты опросов 2010 и 2014 гг., по мере взросления молодежи происходит утверждение соответствующего баланса уровней истории, на которых респонденты рассматривают собственную роль в ней: учебное заведение, город и страна, человечество. Предлагаемые самостоятельные варианты ответов, показывают, что понимание представителями поколения 1990-х уровня самореализации в истории ограничивается кругом ближайшего окружения, вплоть до собственного «я».

В ответах на вопрос «какое место в истории Вы отводите себе» за исследовательский период учащаяся молодежь, принимавшая участие в опросах, совершила переход от позиции к позиции («деятель» - «созерцатель» - «мечтатель»), не усматривая ясных «горизонтов» своего участия в истории. Так результаты исследования, предпринятого в 2006 году, показывают, что студенты единодушно определяют собственное место в истории в соответствии с выбором преимущественной позиции «деятеля» (41%), затем «созерцателя» (33%), «мечтателя» (9%). Позиция «деятеля» включает в себе главное, значимое, немаловажное, основное, высокое место «я» в истории, предусматривающее выражение его активного участия, поиска, старания, внесения вклада в развитие общества, в историю. Примечательно, что предпочитая данную позицию другим, первокурсники совершают выбор, находятся в поиске, второкурсники ориентированы на успешность, главным образом, в профессии, а также в семье, в целом определяют для себя первое место.

К 2010 году предпочтения респондентов в данном вопросе претерпели существенные изменения: «созерцатель» (44,5%), «деятель» (18%), «созерцатель»

мечтатель-деятель» (7%), при этом данную позицию избирают для себя 13% второкурсников, для первокурсников она не приемлема вовсе, «мечтатель» (6%). Позиция, обозначенная как «созерцатель», предусматривает, что «я» - это «часть истории», «просто есть», «звено в цепи событий», «человек в современном мире», «наблюдатель, который смотрит за изменениями в мире», «кирпичик в стене истории», «рано говорить, пока ничтожное». «Я» отводится «стандартное, обычное, никакое, незначительное» место в истории либо респондент еще не решил, не выбрал. Некоторые ответы респондентов указывают на то, что имеют место трудности и ошибки, а в тенденции и проблемы, связанные с непониманием сути «гражданина» и даже «студента» ибо, гражданская позиция не рассматривается как позиция проявления активности, гражданин рассматривается как индивид, а студент и вовсе как разнорабочий.

Согласно результатам исследования в 2014 г., позицию мечтателя в качестве лидирующей позиции избирают 46% респондентов. Далее следуют позиции деятеля (30%) и созерцателя (14%). Следует отметить, что преимущественное место мечтателя (63%), затем созерцателя (24%) в истории себе отводят и студенты, завершающие обучение в университете. Позиция «мечтатель» предполагает самореализацию «я» как социального актора, исторического субъекта, «мечтающего что-либо изменить», «представителя XXI века», цель которого «своей деятельностью добиться развития прогресса в институте, городе, стране». «Я» представляется как будущий специалист, «биотехнолог», исследователь, ученый, способный «создать что-то новое (например, лекарство от СПИДа)», выражается надежда на то, что «все еще впереди». Мечты некоторых респондентов сопряжены с былым, как например: «XVIII век, полководец», «императрица», «в эпоху Возрождения творческая личность», «Распутин, время первой русской революции», «Ксения Петербургская, так как люблю помогать людям». Обращает на себя внимание «свой вариант ответа», предложенный 4% и 8% респондентов в 2014 г.: «ничтожное» (!?), «стремление быть деятелем», «обычного человека», «дилетанта» (!?) (2014 г., 5 курс); «человек из толпы» (!?), «рано думать об этом» (!?), «только изучаю и пытаюсь сделать правильные выводы», «никакого» (!?), «только ради интереса» (!?) (2014 г., 2 курс). У подавляющего большинства студентов, так или иначе, есть представление о своем месте в истории. Примечательно, что количество респондентов, оставляющих без ответа вопрос «какое место в истории Вы отводите себе», имеет заметную тенденцию к сокращению: 17% (2006 г.), 24,5% (2010 г.), 2% (2014 г., второкурсники), 1% (2014 г., пятикурсники) респондентов. К концу первого десятилетия XXI века молодежь нового поколения предпочитает избирать созерцательную позицию, текущее второе десятилетие нового века влечет повышение внимания молодежи к позиции мечтателя. В целом состояние определенности респондентов в данном вопросе может быть обозначено, как «растерянность пред историей» и «ожидание в ней».

Итак, характерные черты исторического самосознания поколения 1990-х годов: неопределенность, созерцательность, тенденция самоизоляции «я» от всеобщего и общего в пределах ближайшего окружения, семьи; растерянность перед историей и вместе с тем ожидание от нее поддержки и научения, в последнее время, сопряженное с надеждой на будущую успешную самореализацию.

1. Андреев А.Л. *Историческое самосознание как проблема отечественной социальной философии: дис. ... д. филос. наук. Красноярск, 2002.*
2. Мухамедьянов Б.Ф. *Социально-философская концептуализация исторического самосознания: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2010.*
3. Шозимов П.Д. *Историзм культуры и историческое самосознание (логико-методологический аспект): дис. ... канд. филос. наук. Алма-Ата, 1993.*

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: КОМУ ОНА ДОВЕРЯЕТ

Кученкова А.В. (Москва)

Доверие обладает высокой значимостью в жизни каждого человека, особенно в периоды экономических, политических кризисов и трансформаций, поскольку оно является реакцией людей на неопределенность повседневности. Баланс доверия и приемлемого риска позволяет нейтрализовать или минимизировать опасности, сформировать благоприятные условия для реализации деятельности индивида и обеспечить реализацию потребности в сотрудничестве, устойчивости взаимных связей и социальной надёжности.

Фундаментальная роль доверия в межличностном взаимодействии, групповых формах организации и на уровне общества в целом актуализирует потребность в изучении специфики и характера функционирования этого феномена, особенно в молодежной среде, представляющей категорию населения, проходящую этап становления и выработки практик взаимодействия с согражданами и обществом. В задачи исследования входит изучение особенностей межличностного доверия молодежи на современном этапе общественного развития. В качестве эмпирической базы используются результаты всероссийского опроса 2014 г. (N=1750 чел.), проведенного при поддержке РФФ в рамках научного проекта №14-18-02016 [1].

По результатам исследования степень доверия молодежи близким и знакомым можно оценить как достаточно высокую. В затруднительных ситуациях молодые люди будут обращаться в первую очередь к членам семьи (86,9%) и друзьям (63,1%). По отношению именно к этим адресатам проявляется максимальное доверие в сложных жизненных обстоятельствах. При этом некоторые, в первую очередь работающие, готовы просить о помощи коллег (19,6%) и руководителей (6,3%). В качестве опоры и источника поддержки в трудную минуту подавляющим большинством не рассматривается священник (2,5% готовы обратиться к нему) и представители местных органов власти (5%). В этом отношении приоритеты молодых не отличаются существенно от таковых среднего поколения.

Приведенные данные отражают общую структуру ценностных приоритетов молодежи, для которой очень важным в жизни является семья (91,4%), работа (74,1%), друзья (68,7%). При этом работа, занимая второе место по «важности» и даже обгоняя друзей, не воспринимается в качестве первоочередного источника помощи в трудную минуту: лишь 19,6% опрошенных обратились бы к коллегам и 6,3% к руководителям предприятия (организации). Интересы и жизненные приоритеты индивида определяются его ближайшим окружением, теми, с кем человек вступает в ежедневные коммуникации, от кого зависит его личное благополучие.

В отношении большинства людей россияне не зависимо от возраста проявляют осторожность и придерживаются мнения, что доверять можно, но не во всем (70,3% среди молодых, 72,6% среди старшего поколения, 68,5% среди пожилых). Тем не менее, молодежь демонстрирует более низкий уровень обобщенного доверия: только 11,5% утверждают, что доверяют большинству людей и 17,3% - не доверяют. В то время как среди других возрастных категорий «доверяющих» и «не доверяющих» поровну, либо первые преобладают.

Выражаемая готовность доверять или не доверять большинству людей отражает представления молодежи о текущей атмосфере в обществе, которые в свою очередь подвержены влиянию различных обстоятельств, в том числе оценки ситуации в стране, собственной жизни в данный момент, ретроспективе и перспективе.

Проведенное исследование показало, что для молодежи удовлетворенность жизнью не способствует повышению уровня обобщенного доверия: среди удовлетворенных

жизнью на 10% больше «не доверяющих», чем среди неудовлетворенных, доля «доверяющих» примерно равна (11,8% и 11%). Тем самым положительная комплексная оценка собственной жизни, отражающая отчасти уверенность в стабильности и отсутствии непреодолимых проблем как минимум ближайшей перспективе, не приводит к уверенности в поведении окружающих людей.

Схожая тенденция прослеживается в характере взаимосвязи обобщенного доверия и оценки воздействия реформ 1990-х гг. на положение семьи. Среди молодежи, убежденной, что их семьи «выиграли» от реформ 1990-х гг. не доверяющих в два раза больше, чем доверяющих (20,5% и 10,3%), среди «проигравших» - поровну (15% тех и других). Таким образом, для молодого поколения ощущения положительных перемен в жизни семьи не способствует повышению уровня доверия окружающим. Более того, положительные оценки текущей ситуации в стране также не приводят к ожидаемым изменениям в уровне обобщенного доверия молодежи. Среди убежденных в благоприятности текущей обстановке в стране доверяющих почти в два раза меньше, чем не доверяющих (13,5% и 21,6%). Вместе с тем среди тех, кто оценивает ситуацию как обычную и кризисную доверяющих примерно столько же (12,9%, 13,4%), а не доверяющих значительно меньше (11,2% и 12,7%).

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что более успешные представители молодого поколения проявляют значительно менее низкий уровень доверия большинству людей, чем менее успешные (вероятно, вынужденные ориентироваться на окружающих и доверять им). Вместе с тем молодежь реже, чем более старшие россияне испытывает беспомощность и невозможность повлиять на происходящее (22% против 28-31%) и страх перед будущим (19% против 24%); их меньше волнуют такие проблемы как падение морали (57% против 70%), распространение страсти к обогащению (19% против 38%), грубости и хамства (48% против 65%); для представителей молодого поколения важнее воспитывать в детях умение постоять за себя, деловую хватку, такие качества как трудолюбие, доброта, честность для них важны, но в меньшей степени, чем для старших сограждан.

Одним из возможных объяснений выявленных тенденций (обратной связи между высокими оценками собственного положения, ситуации в обществе и доверия) может служить формирование у представителей молодого поколения особого «синдрома» установок и ориентаций, проявляющегося в вытеснении общественно значимых ценностей сугубо индивидуалистскими ценностями [2,3, 4], распространения принципов эгоистической парадигмы, замещающих альтруистические [5], стремления к материальному успеху любой ценой. В этом контексте недоверие окружающим становится частью ценностных ориентаций молодежи и препятствует распространению атмосферы и культуры доверия в обществе, осложняя адаптацию к кризисной ситуации.

1. *Исследование выполнено в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990 - 2000 гг.)» при поддержке РФФ (грант № №14-18-02016). Эмпирической базой для решения поставленных з*
2. *Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. 2012. №6. С. 121-126.*
3. *Китайцева О.В., Кученкова А.В. Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточноевропейских стран // Социологические исследования. 2014. №12. С. 97-104.*
4. *Колосова Е.А. Гражданская активность молодежи в современной России: ценностный выбор // V Рязанские социологические чтения материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы: В.А. Горнов, Е.А. Анисина*

5. Магун В.С., Руднев М.Г. *Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика. 2010. №7-8. С. 65-72.*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Лабадзе О.Е. (Новочеркасск)

В настоящее время Россия находится на сложном, переломном этапе своего развития. Ряд внешнеэкономических событий поставил перед руководством страны задачу подъема российской экономики на принципиально новый уровень. Но возрождение и частичная реорганизация российской экономической системы является острым вопросом не только для руководства страны, региональных и муниципальных органов власти, но и охватывает круг интересов представителей научного сообщества: экономистов, социологов, философов и др. При изучении современного состояния общества, процессов и тенденций его развития, мы, как ученые-социологи, важным моментом считаем определение социального потенциала молодежного предпринимательства и его роли в процессе роста и диверсификации направлений развития государственной и региональных экономических систем.

Особый интерес для изучения представляет Ростовская область. Сегодня регион закрепляет свои позиции как один из крупнейших в стране центров развития сельского хозяйства, многоотраслевой промышленности и науки. При этом, нельзя не учитывать тот факт, что экономическая ситуация в Ростовской области развивается на фоне неблагоприятных процессов – растущей инфляции, замедления темпов экономического роста, ослабления курса рубля, роста процентных ставок по кредитам. Поэтому, в последнее время стратегические приоритеты региональной политики, находящие отражение в ряде программных документов Ростовской области, смещаются в направлении выделения малого бизнеса как одного из важнейших секторов экономики Дона. Акценты расставлены таким образом, чтобы дать возможность малому бизнесу формировать новые точки экономического роста, служить площадкой для создания новых рабочих мест, занимать востребованные рыночные ниши, внедрять современные инновационные технологии производства и ведения бизнеса, оперативно реагируя на изменения в экономическом секторе.

Значительное внимание уделяется молодежному предпринимательству. Это обусловлено тем фактом, что молодые люди способны быстрее приспосабливаются к новым условиям жизни, обладая широким потенциалом и набором позитивных качеств и преимуществ: инициативностью, мобильностью, восприимчивостью к инновациям, новым технологиям, способностью соответствовать современным вызовам и требованиям. Численность молодежи Ростовской области на 1 января 2013 г. составляет 1 123 340 человек в возрасте от 14 до 30 лет. Это 26,4 процента от общего количества населения в регионе [1]. Таким образом, молодое поколение Ростовской области заключает в себе колоссальный потенциал, способный играть одну из ведущих ролей во всех сферах общественного развития.

Осознавая это, правительство Ростовской области реализует планомерную политику поддержки молодежных предпринимательских инициатив, основанную на активном взаимодействии с институтами гражданского общества, с общественными молодежными объединениями и организациями региона. Одной из приоритетных задач государственной программы Ростовской области «Молодежь Ростовской области» [1] является «развитие моделей и форм вовлечения молодежи в трудовую деятельность, выстраивание профессиональных установок и карьерных траекторий, популяризацию

предпринимательства как перспективного вида деятельности в молодежной среде». Достижение этих стратегически важных целей осуществляется посредством реализации ряда мероприятий. К примеру, с 2011 года воплощается в жизнь проект по вовлечению молодежи в предпринимательскую деятельность «Я – успешный предприниматель». Мероприятие позволяет охватить аудиторию около 10 000 человек и за годы своей реализации принесло значительные результаты: по его итогам зарегистрировались в качестве индивидуальных предпринимателей порядка 200 человек [2].

Действительно, молодежь, как наиболее активная часть российского общества, обладает определенным предпринимательским потенциалом и способна внести весомый вклад в социально-экономическое развитие как региона, так и страны в целом. Но насколько эффективно используется потенциал молодежи в создании и ведении собственного бизнеса в Ростовской области? Согласно данным Министерства труда и социального развития Ростовской области, в регионе проживает 699 651 человек в возрасте от 19 до 30 лет [3], что составляет 27,6% всего трудоспособного населения региона (2 535 384 чел. по данным Федеральной службы государственной статистики [4]). Оценить популярность предпринимательства как перспективного вида деятельности в молодежной среде нам позволяют эмпирические данные, полученные в результате выполненного нами социологического исследования по вопросам развития субъектов малого и среднего предпринимательства, инициатором которого выступил Департамент инвестиций и предпринимательства Ростовской области [5]. Проанализировав данные, полученные в результате опроса, мы условно разделили респондентов на 2 группы: предприниматели в возрасте до 30 лет – их оказалось 16,3%, условно назовем их «молодые предприниматели», и предприниматели в возрасте старше 30 лет – соответственно, их доля составила 83,7% опрошенных [6]. Таким образом, сравнивая долю молодых предпринимателей, попавших в выборку опроса субъектов малого и среднего предпринимательства (16,3%), и долю молодежи трудоспособного возраста в общей численности трудоспособного населения области, так называемых «потенциальных предпринимателей» (27,6%), можно отметить, что, несмотря на ряд мер, направленных на популяризацию предпринимательства как перспективного вида деятельности в молодежной среде и поддержку молодых предпринимателей, предпринимательский потенциал молодежи Ростовской области в настоящее время используется недостаточно.

Основной причиной сложившейся ситуации, на наш взгляд, является занятие самой молодежью пассивной позиции по отношению к ведению предпринимательской деятельности, обусловленное опасением трудностей, связанных с организацией и ведением собственного дела. Эти опасения вызваны рядом причин, основной из которых является недостаток информации о возможностях, предоставляемых существующими институтами поддержки малого бизнеса. Другой важной причиной является то, что молодые люди не обладают необходимыми знаниями и навыками в области предпринимательства, так как образовательные учреждения, в которых молодые люди проходят обучение, а так же организации инфраструктуры поддержки малого бизнеса, призванные предоставлять всестороннюю информацию о возможностях ведения бизнеса, не всегда в должной степени уделяют внимание решению задач развития молодежного предпринимательства.

Таким образом, в современном российском обществе, характеризующемся развитием новых форм отношений между государством и обществом, для решения вопросов предпринимательской активности молодежи, необходимо построение новых специфических технологий взаимодействия, предполагающих наличие эффективной обратной связи, основанных на всестороннем использовании возможностей формирующегося информационного общества. Такие технологии должны быть адекватными сложившимся социально-экономическим векторам и быть четко ориентированы на оперативное распространение информации, идей, мнений, развитие

предпринимательской культуры и предпринимательских компетенций, обладать достаточной гибкостью и адаптивностью.

1. Государственная программа Ростовской области «Молодежь Ростовской области», утвержденная Постановлением Правительства Ростовской области от 25.09.2013 г. № 588 «Об утверждении Государственной программы Ростовской области «Молодежь Ростовской области».
2. Концепция реализации государственной молодежной политики в Ростовской области на период до 2020 года, утвержденная Постановлением Правительства Ростовской области от 27.03.2013 № 172 «Об утверждении Концепции реализации государственной молодежной политики в Ростовской области на период до 2020 года».
3. Министерство труда и социального развития Ростовской области, Аналитическая записка о возрастном-половом составе населения Ростовской области на 01.01.2013, 2013 г. <http://mintrud.donland.ru/Data/Sites/7/media/%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B4%D>
4. Регионы России. Социально-экономические показатели, Федеральная служба государственной статистики, 2013 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_14p/Main.htm
5. Информационно-аналитический отчет о результатах социологического опроса по вопросам развития субъектов малого и среднего предпринимательства, Департамент инвестиций и предпринимательства Ростовской области, федеральное государственное бюджетное образоват
6. Сумина О.Е. (Лабадзе О.Е.) Поддержка малого бизнеса как фактор развития предпринимательской активности (региональный аспект)//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-3. С. 134-137.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Ларионова И.В. (Казань)

Одним из стратегически важных исследовательских направлений в условиях кризиса является изучение динамики социальной активности молодых поколений, характера их взаимодействия с перманентно меняющимся социумом. Молодежь является важным субъектом социальных перемен, обладая значительным инновационным потенциалом, который можно эффективно использовать на благо общества. Однако, не всегда учитывают тот факт, что представители данной обширной социальной группы различаются по целому ряду социальных позиций и диспозиций, обусловленных объективными факторами. [1] Для полноценного прогнозирования динамики социальных процессов в российском обществе важно глубинно исследовать интересы, ценностные ориентации, самоидентификацию и жизненные стратегии различных категорий современной молодежи.

С целью практического изучения особенностей социальной идентичности в молодежных когортах российского социума проводилось зондирование личностной самоидентификации студенчества г. Казани (2013-2015 гг.). Использовался метод полуструктурированного интервью с применением проективной методики самоописаний, а также психосемантических методов. [2,3] Особенность исследовательского подхода заключалась в комплексном изучении процесса формирования социальной идентичности по двум каналам: в Я – концепции и в Мы – концепции личности.

Как следует из обыденных категоризаций, представленных респондентами, современное российское студенчество весьма неоднородно. Наибольшей дифференцирующей силой в рамках данной социальной группы обладают два фактора, имеющих отношение к процессу обучения студентов в вузе:

объективный фактор, отражающий *характер конкретной образовательной среды* посредством ряда параметров: тип вуза, профиль и престижность образования, тип и форма обучения и др.;

субъективный фактор, обозначенный как определенный *стиль учебной деятельности (стиль учебы) студента*.

Остальное множество выявленных критериев категоризации (имущественный статус, интеллект, место жительства, вторичная занятость, а также личные качества, стиль жизни, интересы и др.) на практике выступают соответственно объективными и субъективными элементами хабитуса индивида.

Причем, большинство дифференцирующих признаков находятся в тесном взаимодействии и обусловлены специфическими российскими факторами. Среди них выделим следующие: повышенная значимость высшего образования и его коммерциализация, усиление селективной функции образования, распространение вторичной занятости студентов и проч. Указанные факторы способствуют неоднородности данной социальной группы, появлению разнообразных стилей жизни и стилей учебной деятельности студентов, чему, неизбежно, соответствует различная смысловая нагрузка номинации (идентичности) «студент».

Исследование демонстрирует следующую картину личностной самоидентификации «среднего» студента. Прежде всего, респондент отмечает свои аскриптивные характеристики: он является «человеком (индивидом)», осознающим свою гендерную позицию. Он воспринимает себя «личностью», «индивидуальностью» и выделяет те или иные свои персональные межличностные роли, социально-психологические характеристики и мировоззренческие черты. В данный период жизни основной вид его социальной деятельности – это учеба, что выражается в осознании своей достигнутой ролевой идентичности «студент», а также в самовосприятии в качестве «представителя выбранной профессии» и «будущего специалиста». Наряду с этим выделяются наиболее важные ролевые идентичности. В микросоциальной среде – это прежде всего – «друг, подруга», затем – «сын, дочь» и (или) «брат, сестра». На макросоциальном уровне – он осознает себя «гражданином» своей страны или просто «членом общества».

В иерархиях обоих видов номинаций («Кто Я?» и «Кто Мы?») доминирующую роль играют те частные идентичности, которые соотносятся с двумя, специфичными для данной категории информантов, видами социальной деятельности. Учебной деятельности в вузе непосредственно соответствует номинация «мы - студенты». К ней примыкает блок частных идентичностей, связанных с избранной профессиональной сферой. Коммуникативно-рекреативная деятельность продуцирует прежде всего номинацию «мы – друзья, компания», а также несколько нижестоящих в иерархии номинаций – «фанаты», «члены клуба», «спортсмены, спортивное общество» и т.п.

Наряду с указанным, первая пятерка наиболее распространенных Мы-номинаций отражает такие характерные для изучаемой возрастной группы виды идентификации, как общечеловеческая и идентификация со своей семьей (чаще родительской), которые были выявлены примерно у половины информантов. Около трети молодых людей выделили в качестве референтной группы свою поколенческую общность (номинации «молодежь», «поколение нулевых» и т.п.)

Стоит особо подчеркнуть ряд выявленных особенностей. Помимо достаточно абстрактной идентификации со всеми студентами, лишь один из пяти респондентов указал на общность со своими одноклассниками, один из шести – с выбранной профессией, специальностью, а со студентами своего вуза, специальности – всего 3% опрошенных студентов. Вероятно, подобные достаточно низкие показатели непосредственно профессиональной и коллективистской идентификации студентов (проявляющиеся как в Мы-, так и в Я- концепциях) можно связать с соответствующими данными о прямой и косвенной мотивации поступления и обучения студентов в вузах.

Сравнительный анализ иерархий различных видов Я- и Мы-идентичностей показал, в частности, что студенты чаще ощущают общность «Мы» со следующими социальными объектами:

а) первичные группы, с которыми наиболее часто общаются – «коллектив, коллеги» (в основном в учебной среде) и «друзья, компания»;

б) макросоциальные общности (за исключением гражданской идентичности) – «общество», «страна», «россияне»;

в) на мезосоциальном уровне выделяются поколенческая общность – «молодежь», специфические социально-слоевые группы, являющиеся референтами для определенной части студентов – «интеллигенция», «образованные люди», «лучшие, элита», «средний класс», а также различные корпоративные общности досугового профиля – «фанаты, члены клуба», «спортсмены», «КВН-щики».

На наш взгляд, эти результаты объясняются повышенной значимостью в плане референтности специфических (для данной возрастной категории) первичных групп, в которых происходят регулярные социальные взаимодействия студентов, – это друзья, компания и учебная группа, либо какой-то иной конкретный молодежный коллектив.

Значительная доля студентов демонстрирует свою включенность в различные контактные мезосоциальные общности, соответствующие их интересам, ценностям, стилю жизни. Номинации такого рода обнаруживаются у каждого четвертого респондента. В основном это объединения досугового профиля: спортивные организации, объединения фанатов, студенческие клубы и т.п. Можно предположить, что данные группы играют роль референтов для молодых людей и могут объединять их на основе чувства общности и солидарности действий, что способствует формированию так называемых «корпоративных» идентичностей.

Проведенное исследование обнаружило еще один позитивный факт – около половины опрошенных студентов ощущают Мы-общность с макросоциальными объектами. Из них 21% молодых людей причисляют себя к абстрактному «обществу» и по 14% называют себя «россиянами» и «гражданами (РФ, РТ)».

Самоидентификация индивидов является важным показателем степени и формы их приспособления к меняющимся социальным условиям, особенно в условиях кризиса. Анализ общей картины идентификационных стратегий студентов показал в целом достаточно полную сформированность у них социальной идентичности различных типов и видов. При этом, по сравнению с другими социальными группами и российским населением в целом, представители студенчества демонстрируют относительно высокую социальную включенность не только на микросоциальном, но и на мезо- и макросоциальном уровнях. Отличительной особенностью является также незначительная доля негативных идентичностей и очень редкое проявление механизма идентификации от противоположного. Вышеуказанные тенденции свидетельствуют в пользу благоприятных предпосылок для позитивной социальной идентификации и активной адаптации молодых россиян в нестабильных социокультурных условиях.

1. Лисовский В.Т. Социальные изменения в молодежной среде [Электронный ресурс] // *Credo new*. №1. 2002. - Режим доступа: http://credonew.narod.ru/credonew/01_02/4.htm, свободный.
2. Albarello I. *Pratiques et methodes de recherche en sciences sociales*. - Paris: Armand Colin, 2001.
3. Dubar C. *La socialisation: Construction des identités sociales et professionnelles*. - Paris: Armand Colin, 2010.

ФАКТОРЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ВЛИЯНИЯ КРИЗИСА НА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Лещинская С.Н. (Сочи)

Развитие современного общества обусловлено коренными изменениями в политической, экономической и духовно-нравственной сфере жизни людей, ведущими к изменению сложившихся общественных отношений, стереотипов, взглядов и поведения личности, и открывающими возможности для переосмысления ценностей, ценностных ориентаций, ценностных отношений, существовавших ранее. На фоне происходящего кризиса происходит процесс снижения ценностей, как на общественном, так и на личностном уровнях. Этот процесс отражает экономические, социальные, нравственные кризисные явления. Девальвация ценностей закреплена в современном образе жизни, которая порождает дестабилизацию отношений в обществе, развитие криминальной субкультуры среди молодежи, беспризорность и т.д.

Процесс нарастающей криминализации общественного сознания связан с криминогенной деформацией ценностно-нормативной системы общества, размыванием и девальвацией социально позитивных ценностей, установок, стереотипов поведения, нравственных идеалов людей. Безнравственная идеология современного общества, откровенно навязываемая западными СМИ, отстаивающая либеральные ценности западной культуры (эгоизм, вседозволенность, самоутверждение любой ценой), направлена на окончательный подрыв семейных устоев, довершение развала семьи. Очевидно, что приоритет земных интересов над духовно-нравственными ценностями, разрушение семьи, утрата ею воспитательных функций приводит к вступлению в самостоятельную жизнь инфантильных, нравственно и духовно неполноценных молодых людей, что, несомненно, подрывает корни благосостояния и стабильности российского общества. Для России с ее многовековой православной культурой все это противоестественно и пагубно.

В условиях углубления в российском обществе, правового нигилизма и негативизма повышения терпимости граждан к нарушению уголовно правовых запретов и потенциальной их готовности к совершению преступлений, изучение информационных посылок криминализации общественного сознания приобретает особую актуальность. В последнее время значимость проблемы негативных эффектов СМИ неоднократно подчеркивалось не только отечественными, и зарубежными учеными. Специалисты в области криминологии, социологии, социальной психологии и педагогики всерьез обеспокоены тем разрушительным, деформирующим влиянием на массовое сознание, нравственно-психологический климат в обществе, которые оказывают средства массовой коммуникации в сочетании с другими не благоприятными факторами.

Реформирующаяся система образования и общественного воспитания не может изменить ситуацию, внести позитивный вклад в восстановление традиционных ценностей. Тема целомудрия, любви, верности практически не звучит в содержании образовательных программ; в учебном плане школ отсутствуют предметы “Духовно-нравственные основы семьи”, “Основы нравственности”. Современное общество утратило представление о чистоте и целомудрии. В социокультурном пространстве, средствах массовой информации темы семейной, воспитательной направленности поднимаются крайне редко, бессистемно и тонут в потоке второстепенных сведений, пошлости и порока; массовая культура и средства массовой информации стали орудиями нравственного растления, они зачастую пропагандируют насилие, цинизм в сфере отношений, превозносят греховные страсти “свободной любви”, половой распущенности, всевозможных извращений.[1]

Таким образом, тезисно, можно обозначить некоторые подходы, которые высвечивают сложность и многомерность социокультурных факторов криминализации в духовно-нравственной жизни молодежи в России:

1. Разрушение и спад системы ценностных ориентаций способствует развитию смуты и хаоса, потому что в обществе вообще отсутствуют, какие-то ни было целостные системы ценностных ориентаций, что приводит общество к трудностям в установлении хотя бы минимальной степени доверия между молодыми людьми и социальными группами;

2. Воздействие средств массовой информации (СМИ) на общественное сознание, а в частности молодежи, хотелось бы обратить особое внимание на следующее: а) установление и обеспечение эффективности юридической ответственности СМИ и журналистов, виновных в распространении материалов, несовместимых с ценностями и нормами цивилизованного общества (пропагандирующих, в частности, культ силы, попирающие нравственности и законности, сознательно распространяющих нормы и ценности западной культуры, искажение информации и т.п.); б) нарушении международно-правовых принципов защиты прав и законных интересов несовершеннолетних (принципы обеспечения физического, умственного, духовного, морального и социального развития, защиты ребенка от всех форм сексуального совращения, от незаконного употребления наркотических средств и психотропных веществ, соблюдения конфиденциальности в отношении ребенка, нарушившего уголовное законодательство);

3. Предупреждение преступности в любых формах ее проявления в обществе должно занимать одно из приоритетных направлений. Борьба с ней не должна сводиться лишь к усугублению ее количественных и качественных показателей, неблагоприятным тенденциям ее развития. Необходимо понять и социально-психологические процессы, которые порождают ее и неизменно сопутствуют ей. Это должно стать национальной проблемой, а не узкого круга лиц (судебной и правоохранительной системы).

Кризис духовной жизни вообще, культуры, ценностей и идеалов, самих способов созидательного творчества подрывают основы российского общества. Нарушение духовных законов зачастую влечет к искажению и (или) отрицанию нравственных и правовых законов.

1. *Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы. // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С.13-17*

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЁЖИ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

Липатова М.Е. (Москва)

Изменения XXI века во многом обусловлены активным развитием науки, разработкой новейших технологий, особенности в области информации, что способствовало появлению новых каналов распространения информации и знаний в современном обществе. В докладе ЮНЕСКО от 2005 года констатируется, что в современном мире преобразования имеют в своей основе знания и именно знание является основной действующей силой в экономике, политике и культуре и «может служить для определения качественного состояния общества» [1, 19-20]. С середины XX века появляются теории, в которых содержится анализ процессов, вызванных изменением роли знания в экономике и политике, а также прогнозы развития при сохранении значимости роли знаний в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Появляются теории, посвящённые исследованию качественно нового состояния общества в результате научно-технического развития (революции), изменений в экономике Дэниела

Белла, Алена Турен, Элвина Тоффлера, Франко Ферраротти, Энтони Гидденса, Мануэля Кастельса, Юргена Хабермаса, Жана Бодрийяра и ряда других.

Ещё Д.Белл, в известной работе «Грядущее постиндустриальное общество», характеризуя постиндустриальное общество, выделял в качестве источника стоимости именно знание, лежащее в основе развития техники. Эливин Тоффлер в своей работе «Шок будущего», характеризуя новое супериндустриальное общество, следующее за индустриальным периодом, подчёркивает, что это не просто «высокоразвитая версия традиционного индустриального массового общества», а следствие быстрых и массовых изменений: «...если сельское хозяйство – это первая стадия экономического развития, а индустриализация – вторая, мы теперь можем видеть, что внезапно достигнута ещё одна стадия – третья» [4, 27]. В результате действия «третьей волны» происходит формирование нового общества, в основе которого новые способы организации, компьютерные технологии, информатизация, а также происходит качественное изменение человека как члена социума в целом и как работника новой формации.

Сегодня мы можем наблюдать значительный рост и развитие индивидуального производства, в основе которого лежит умственный труд. Такой подход делает возможным производство ориентированных на индивида товаров с использованием современных новейших, в том числе, информационных, технологий. При этом, как отмечали исследователи ранее, меняется и профессиональный состав работников. И одним из важнейших факторов, определяющих сегодня социальное положение индивида, является образование.

При выборе своего дальнейшего жизненного пути, определённой жизненной траектории, выработке стратегии молодёжь старается учитывать множество различных социально-культурных факторов. Изменения в современном обществе, как отмечает Кравченко С.А., ведут к возникновению новых социокультурных реалий, включающих в себя неопределённость и риски [3, 5]. Необходимость выбора из нескольких альтернатив при принятии решения предполагало вступление в поле неопределённости, когда невозможно предсказать, спрогнозировать исход, результат данного решения. Категория неопределённости и риска является составной частью жизни общества и всегда сопровождала его жизнедеятельность. Можно сказать, что сегодня больше чем когда-либо человеку приходится действовать в ситуации неопределённости, когда, с одной стороны, есть возможность осуществлять выбор из множества альтернатив, но с другой стороны, этот выбор сопряжён с определённой долей риска допустить ошибку в ходе принятия решения и не достичь поставленных целей.

В большей мере это представляется актуальным для молодёжи, так как она должна обладать знаниями и навыками, позволяющими её ориентироваться в современной действительности и формировать свои жизненные стратегии, которые представляют собой некоторую идеальную модель развёртывания своего жизненного пути. В этой модели представлена система целей и задач человека, набор инструментов и предполагаемые способы реализации заявленных целей и решения поставленных задач. Согласно концепции жизненных стратегий Ельниковой Г.А. и Алиева Ш.И., само формирование жизненных стратегий, их отдельных элементов, совпадает с первичной социализацией. В дальнейшем вносятся правки и коррективы по мере того как происходит самопознание личности, выделяются значимые ситуации. Поворотным моментом в формировании жизненных стратегий является проблема выбора. По мере взросления индивида, всё чаще приходит осознание и чувство ответственности за совершаемые действия и, соответственно, чаще возникает необходимость выбора, что влечёт за собой изменения в жизненных стратегиях [2, 133-134].

В современных условиях молодёжь не отказывается от конструирования жизненных стратегий и планирования своего будущего на ближайшую и отдалённую перспективу. Согласно опросу молодых людей, проведённого автором в 2014 г. (N = 500), строят планы только на ближайшее будущее (38 %) и около трети на ближайшее и

отдалённое будущее. Подавляющее число опрошенных (91,4 %) говорили об уверенности в достижимости поставленных целей. При этом достижение поставленных целей они связывают как с опорой на собственные силы и знания (38 %), так и с ожиданием определённой поддержки со стороны родственников и друзей (23,7 %).

Образование вообще остаётся главным приоритетом и основной стратегической целью молодёжи при конструировании своей жизненной стратегии и выработке первых жизненных планов на ближайшую перспективу. Так 23,6 % опрошенных молодых людей отметили, что в ближайшее время намерены продолжить своё образование. При этом повышение образовательного уровня в магистратуре или аспирантуре является значимым только для 9,6 % молодёжи. Тем не менее, именно хорошее образование является одним из главных условий для успешной реализации планов на будущее (13 %), наряду с наличием таких у индивида качеств, как трудолюбие и добросовестность (16,5 %), предприимчивость и находчивость (12,7 %), а также везения, удачного стечения обстоятельств (11,3 %).

Молодёжь является наиболее активной, мобильной и восприимчивой к изменениям социальной группой. Поэтому осознание ценности знания и образования в современном мире, их роли, а также обеспечение равного доступа к ним, позволит каждому обществу стать более устойчивым перед лицом тех вызовов, с которыми мы сегодня сталкиваемся в результате стремительных изменений последних десятилетий в различных сферах социальной жизни.

1. *Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания». Париж, 2005*
2. *Ельникова Г.А., Алиев Ш.И. Жизненные стратегии молодёжи: теоретический и методологический анализ. Белгород: Кооперативное образование, 2008*
3. *Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: «Анкил», 2009*
4. *Тоффлер Э. «Шок будущего». М.: Издательство АСТ, 2002*

ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕДОСТАТКОВ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Макарчук Н.Ю. (Тюмень)

Современные вооружённые силы представляют собой достаточно сложную организационную и технически оснащённую структуру, что изменило ряд требований к молодому офицеру-выпускнику военного вуза. Гибкость мышления, креативность, способность к нестандартным решениям, стрессоустойчивость и высокие навыки самоорганизации являются неотъемлемыми компонентами качественной и эффективной работы. Однако качество ценностных установок и практических навыков молодых людей, нацеленных на реализацию потенциала в военной сфере, отражает кризисные явления в духовно-нравственном развитии современной молодёжи.

Необходимость нивелирования данной проблемы была обозначена утверждением специальной программы «создания единой системы воинского воспитания в рамках всей военной организации государства» [2]. Относительно структуры воспитания и образования, автор выделяет несколько наиболее острых проблем, зафиксированных в программе и актуальных на сегодняшний день.

1. Разнородность структур, органов управления, состава сил и средств, существующих систем воспитания.
2. Отсутствие единства во взаимодействии с организациями в интересах совершенствования воинского воспитания военнослужащих [1, с. 127].
3. Недостаточный уровень координации при организации воспитания личного состава.

4. Различия в системах подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров воспитательных структур.

Отсутствие действенных механизмов по воспитанию молодёжи проявляются в дальнейшей карьере военного. Согласно результатам исследовательского проекта «Армия и общество», реализованного в 2014 году, среди офицеров достаточно высок уровень одиночества [3]. При этом согласно авторскому анализу в 80 % рассмотренных подразделений, выпускниками которых являлись респонденты, технологии по работе с многонациональным составом практически не представлены. Результаты авторского исследования, проведённого на базе Тюменского военного института (формализованное интервью проведено в ноябре 2014 – январе 2015 гг., N = 30 человек, осуществляющих работу с личным составом), показали, что в наибольшей степени офицеры отмечают значительные проблемы в сфере самоорганизации и нравственного воспитания абитуриентов.

Прежде всего, интервьюируемые отметили ряд теоретических данных и практических навыков воспитательного и образовательного характера (в рамках гуманитарного образования), недостаток которых у молодых людей периодически или регулярно фиксируется.

1. Уровень самоорганизации молодёжи отмечается офицерами как недостаточный. Значительно распространена прокрастинация, что приводит к нерациональному распределению временных и умственных ресурсов.

2. Финансовое обеспечение с одной стороны, мотивирует молодых людей на обучение в рамках военной специальности, однако в тоже время порождает рост долговых обязательств: как внутренних, так и внешних (коммерческие организации и институты микрокредитования).

3. Построение личных взаимоотношений зачастую обусловлено «статусом» внутри неформальных групп, нежели сформированной личной потребностью, что приводит к поспешности в принимаемом решении.

4. В отношении осуществления научно-исследовательских и рационализаторских работ интервьюируемые отметили недостаток развития у молодёжи практических навыков, которые могли бы облегчить перенос теоретических знаний на фактически осуществляемые работы с высоким уровнем самостоятельности деятельности.

5. У значительной части абитуриентов офицерами диагностируются затруднения в формировании эффективных и гармоничных коммуникативных сетей, что приводит к росту конфликтности в среде курсантов и развитию явлений социальной эксклюзии в коллективе.

6. Разнородный национальный состав обучающихся стимулирует дивергенцию установок в молодёжной среде; толерантность и сотрудничество с представителями других национальных групп характеризуются достаточно невысоким уровнем саморегуляции.

В качестве основы возможного комплекса мер по привитию духовно-нравственных ценностей и практических навыков, на взгляд автора рационально использовать технологию активной самореализации, которая сама по себе является стимулирующим фактором в жизнедеятельности человека.

Основная идея комплекса заключается в изменении направленности и тематике бесед, а также включения семинаров и тренингов с переменным личным составом, в зависимости от рода войск ВУЗа и года обучения молодых военнослужащих.

Комплекс мероприятий включает несколько просветительно-воспитательных блоков, содержание которых варьируется в зависимости от года обучения курсанта.

1. Основы воинской славы. Данный блок ориентирован на патриотическое воспитание в профессиональном аспекте. На первом и втором году обучения основную роль играет просветительская работа по военно-патриотическим вопросам и миротворчеству, как одному из инструментов обеспечения межнационального равновесия. Последующие курсы обучения могут включать проведение интерактивных занятий о роли отечественной, иностранной специальной инженерной техники в военное и мирное время,

а также изучение зарубежных и отечественных практик ведения операций в плане управления войсками и воспитания военного контингента.

2. Основы проведения аналитической работы. Блок направлен на развитие навыков научного мышления и проведения исследований в рамках поставленных управленческих и воспитательных задач. На младших годах обучения подразумевается общее информирование об основных направлениях научных исследований и способах их осуществления. На старших курсах мероприятия включают развитие навыков по проведению исследований в специфических областях, в том числе и в сфере выявления межнациональных конфликтов, с целью выработки умений в сфере диагностики ситуации в коллективе и объективной интерпретации получаемых данных.

3. Управленческие и коммуникационные навыки. Основная задача заключается в формировании у курсантов опыта построения эффективной коммуникации в сфере межнационального взаимодействия. На 1-2 году обучения предполагается к освещению проблема внедрения тренингов по построению коммуникационных сетей. Курсантов старших курсов необходимо обучать реализации конкретных управленческих технологий в рамках кейс-турниров, либо интерактивных занятий.

4. Личная организация и планирование жизни. Блок включает освоение курсантами правил и способов самоорганизации в условиях высокой нестабильности внешней среды и многонационального состава подчинённых. Мероприятия сводятся к проведению обучающих семинаров и тренингов по самоорганизации и тайм-менеджменту.

Представленные блоки являются примерным комплексом образовательно-воспитательного процесса военной молодёжи. Хотя с высокой долей вероятности он имеет вариативность в рамках указанных направлений, учитывая потребности конкретного военного учреждения. Результат внедрения комплекса нацелен на сокращение проблем, связанных с реализацией руководящих функций в условиях многонационального состава подчинённых, формированием гармонично развитой личности. Поэтому эффект от указанных мероприятий может выразиться не только в нивелировании конфликтов, возникающих в среде личного состава по вине некомпетентности руководителя, но и в сокращении суицидальных и преступных наклонности в офицерской среде.

1. Камков И.Н., Янько А.С. Развитие военного образования немислимо без его содержательного и технологического совершенствования // Вестник академии военных наук 2006. №1(14). – С.127–129.
2. Программа перехода Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов к единой системе воинского воспитания. Военно-информационный портал. [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://armyus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=240 (дата обращения: 24.09.2015 г.).
3. Тюриков А.Г., Тюриков Р.А. Оценка качества подготовки управленческих кадров // Журнал «Армия и общество». [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://arm-ob.ru/noter> (дата обращения: 24.09.2015 г.).

«ЦИФРОВОЕ» ПОКОЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СТИЛЬ ЖИЗНИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Максимова О.А. (Казань)

Последняя треть XX века охарактеризовалась формированием под воздействием информационных технологий принципиально новой социокультурной среды, получившей название информационного общества. Специфика информационного общества состоит в том, что компьютеризация обеспечивает индивидам широкий доступ к разнообразным источникам информации. Согласно определению Д. Белла, информационное общество

характеризует специфику постиндустриальной стадии развития человечества, при которой основой определения социальной структуры становится информация и, в особенности, доступ к ней [1, 330].

Становление информационного общества значительным образом повлияло на социализацию новых поколений. Стирание пространственно-временных границ, существование в цифровой среде стало характерной чертой формирования мировоззрения детей буквально с младенчества. Мировая компьютерная сеть создала новую реальность – виртуальную, обладающую ранее не известными характеристиками. Виртуальная реальность предполагает замещение реального пространства существования человека смоделированным миром компьютера, в который он погружается как в мир реальный. По мере распространения цифровых технологий в обществе, они становились все более доступными значительной части населения развитых стран. Сеть Интернет к концу XX в. стала практически повсеместной, что привело к значительному увеличению доли населения и, в первую очередь – подростков и молодежи, общающихся в виртуальной реальности. Виртуальное пространство предполагает перенос коммуникаций в воображаемую плоскость, в которой географическое местоположение, прошлое и будущее людей утрачивают привычные формы и роли. Распространение новой коммуникативной среды вызвало появление таких форм взаимодействия, как форумы, чаты, блоги, online-игры, социальные сети, которые являются полем для формирования индивидуальной идентичности.

В современной литературе применяется новый термин для характеристики феномена виртуальной реальности, имеющий более широкое толкование – цифровое пространство (как социальная среда, обусловленная повсеместным распространением цифровых технологий). Поколения, чья активная социализация проходит в условиях этой реальности, характеризуются разными авторами как «цифровое поколение», «поколение сети» и даже «цифровые аборигены». Как отмечают Дж. Пэлфри и К. Гассер, «дети цифровой эры (цифровые аборигены) проводят большую часть своей жизни в сети Интернет и не делают различия между жизнью в Сети и вне ее. Представители цифрового поколения не воспринимают свою идентичность в цифровом и реальном пространстве как нечто обособленное; они считают, что их идентичность представлена сразу в нескольких пространствах» [2, 11].

По мнению Дж. Тапскотта, сетевое поколение – «это поколение, родившееся в период между 1977 и 1996 годами... Сетевое поколение огромно и достигает двух миллиардов человек. Это первое поколение, выросшее в цифровую эпоху, и поэтому становящееся силой, способной к сотрудничеству. Оно с самого рождения купается в битах» [3, 72].

В российском обществе, на наш взгляд, возрастные границы указанного поколения несколько смещены в связи с тем, что распространение компьютерных и цифровых технологий происходило с некоторым отставанием от стран Запада. По данным наших исследований, к цифровому поколению россиян могут быть отнесены подростки и молодые люди, рожденные в конце 1980-х годов и позднее.

Согласно результатам исследования, проведенного нами в форме репрезентативного опроса населения Республики Татарстан в декабре 2012 – январе 2013 года (N=1450 чел.), частота посещения сети Интернет представителями различных поколений выглядит следующим образом. Значительная доля представителей «цифрового» поколения в возрасте 16-24 лет выходят в сеть Интернет каждый день (83,1%) или несколько раз в неделю (12,1%), тогда как пользующихся время от времени и практически не пользующихся Интернетом в данной возрастной когорте минимальное количество (2,6 и 2,2% соответственно). По мере увеличения возраста респондентов наблюдается обратная нисходящая динамика: если среди 25-34-летних все еще высок процент выходящих в Интернет ежедневно (72,7%), то среди 35-44-летних таковых уже менее половины (43,3%), 45-54-летних – менее трети (32,2%), 55-64-летних – пятая часть

(20,4%), а среди тех, кто старше 65 лет – лишь 5%. Таким образом, можно констатировать, что ежедневное посещение Интернета является нормой стиля жизни молодых поколений, но не свойственно более старшим поколениям. Данные поколенческие различия можно условно охарактеризовать как цифровой барьер (разрыв) между подростками, молодежью и старшими поколениями – «отцов» и, в особенности, «дедов». Этот барьер в общем виде характеризует отсутствие/недостаточность навыков работы с цифровой техникой у старшего поколения, что может рассматриваться в качестве фактора, в определенных ситуациях становящегося основой межпоколенческих противоречий.

Важная роль в процессе формирования идентичности представителей «цифрового» поколения, принадлежит социальным сетям, получившим широкое распространение в последнее десятилетие. Согласно результатам нашего исследования, лишь 4% молодежи в возрасте 16-24 лет не зарегистрированы ни в одной социальной сети, тогда как среди 25-34-летних доля незарегистрированных в социальных сетях возрастает сразу до 13%; 35-44-летних – 34,4%; 45-54-летних – 51,6%; 55-64-летних – 65,8%; а среди пожилых людей старше 65 лет 88,1% тех, кто не зарегистрирован ни в одной социальной сети.

Как показали результаты опроса, возможность общения с друзьями выступает в качестве наиболее значимого фактора участия в социальных сетях для зарегистрированных пользователей всех возрастных групп, однако в когорте 16-24-летних этот показатель наиболее высок (81%). Четвертая часть (23,7%) самых молодых респондентов отмечают, что социальные сети являются для них источником поиска новых друзей, тогда как в более старших возрастных группах данный параметр существенно ниже, особенно среди тех, кто старше 35 лет. При этом закономерно, что по такому параметру роли социальных сетей, как возможность общаться, узнавать о жизни тех, с кем был раньше знаком, наблюдается обратная зависимость – по мере увеличения возраста респондентов значимость данного фактора повышается.

Таким образом, можно констатировать, что общение и поиск новых друзей в сети является неотъемлемой частью стиля жизни и формирования идентичности представителей «цифрового» поколения, что имеет, на наш взгляд, как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, принципиально новые практики идентификации личности, характеризующиеся значительной степенью открытости информации, посредством размещенных в сети фотографий, заметок, подборок песен, видеозаписей и т.п. позволяют подросткам получить опыт эффективного социального взаимодействия. Они используют социальные сети в качестве специфической среды, в которой проходят первичную социализацию зачастую более активно, нежели под воздействием института семьи. Юные участники социальных сетей учатся поддерживать дружеские отношения, экспериментируют с социальными статусами и ролями, что позволяет им успешнее адаптироваться и в реальной социальной среде. С другой стороны, широкая доступность информации о личности в социальных сетях является благоприятной почвой для мошенничества, обмана, а в определенных случаях – и шантажа пользователей, размещающих данные о себе. Особенно опасна эта тенденция именно для детей и подростков, не всегда адекватно оценивающих последствия своих действий. Так, например, размещение в сети своих фотографий в нетрезвом виде, в нижнем белье или обнаженными, которые в подростковом возрасте кажутся забавными и безобидными, впоследствии могут оказать негативное воздействие на судьбу их владельцев, став препятствием в получении престижной работы, создании семьи и т.д.

Старшие поколения зачастую не в состоянии помочь молодым в расстановке правильных приоритетов и поиске грамотного поведения в цифровой среде в силу наличия цифрового барьера, описанного нами выше. Родители фактически оказались не готовыми к тому, чтобы регулировать или, по крайней мере, контролировать поведение своих детей в сети по причине отсутствия соответствующих навыков работы в цифровой среде у значительной части представителей старшего поколения. Имеющаяся тенденция подмены социализирующего воздействия семьи сетевым (и цифровым – в более широком

толковании) воздействием в дальнейшей перспективе может привести к негативным последствиям и нуждается, на наш взгляд, в активизации поиска возможных путей решения.

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. М., 1988.
2. Пэлфри Дж., Гассер У. Дети цифровой эры. М. Эксмо, 2011.
3. Тапскотт Дж., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. М.: Best Business Books, 2009.

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ МЕЖДУ СТРАНАМИ-УЧАСТНИЦАМИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Максимова С.Г. (Барнаул)

Важнейшей тенденцией последних десятилетий являются мощные интеграционные процессы, захватывающие все сферы общественной жизни, в том числе и высшую школу. Высшее образование и наука становятся глобальным фактором общественного развития, выдвигаются в число наиболее важных национальных и общемировых приоритетов, выступают в качестве важнейших компонентов культурного, социального и экономически устойчивого развития людей, сообществ, наций. С развитием процессов глобализации и интернационализации экономики и бизнеса перед высшим образованием встали новые цели - подготовка профессиональных кадров, способных эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка. Интернационализация образования преследует различные цели, среди которых: диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение; расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных вузах-партнерах; расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов; повышения качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями и др. Развитие международного межвузовского сотрудничества позволяет организовывать совместные исследовательские проекты, обменные программы для студентов и преподавателей, специальные программы для иностранных студентов.

Актуальность исследования перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС определяется ролью Шанхайской организации сотрудничества в укреплении взаимного доверия и добрососедских отношений между странами-участницами ШОС; развитии интеграционных процессов в области образования, науки и технологий; придании нового импульса к расширению многостороннего образовательного, научного и культурного сотрудничества; расширении возможностей для молодежи получать качественное современное образование, а для педагогов и ученых – развивать научные контакты; содействии эффективному сотрудничеству стран – участниц Организации в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях.

Организация и методы исследования. Социологическое исследование было направлено на анализ и оценку перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах. Исследование проведено в образовательных учреждениях России, Китая, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана в 2015 г. (опрошено в ходе исследования 1200 респондентов в возрасте 18-29 лет).

Структура показателей, характеризующих исследование, включает разделы: идентификационные и социально-демографические характеристики участника молодежных программ; опыт участия в программах молодежных обменов; программы молодежного обмена между странами-участницами ШОС в 2014-2015 году: информирование, мотивация и особенности реализации; оценка удовлетворенности участием в программе молодежного обмена; языковая подготовка участника программы молодежного обмена; партнерские отношения и жизненные перспективы: постпрограммные эффекты. Общее количество показателей – 154.

В результате проведенного исследования получены объективные данные о факторах развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах, что может быть использовано с целью корректирования планов, выбора методов и форм работы по развитию молодежных обменов, выработки эффективных управленческих решений, прогноза потенциала создания молодежной организации стран ШОС.

Развитие молодежных обменов напрямую связаны с повышением уровня компетенции научных и общественных объединений в области всестороннего гуманитарного сотрудничества стран ШОС, и с задачами молодежной мобильности, а именно содействии объективному восприятию происходящих в современном обществе социально-экономических, общественно-политических, научных и культурных преобразований.

Научная и практическая значимость работы связана с достоверной оценкой перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах. Получены оригинальные научные данные об особенностях молодежных обменов между образовательными организациями стран-участниц ШОС, разработаны методологические и методические основы изучения механизма формирования молодежных обменов между странами-участницами ШОС; описаны структура и содержание механизма формирования молодежных обменов между странами-участницами ШОС. Разработана научно-обоснованная система мониторинга различных показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах.

Это делает возможным осуществление сравнительного анализа результатов отдельных исследований молодежных обменов в странах-участницах ШОС в долгосрочной перспективе. В конечном итоге результаты исследования создали базу для внедрения обоснованной системы мер по консолидации университетов и институтов Азии для развития интеграционных процессов высшего образования, расширения международной академической мобильности и культурных связей.

Материалы подготовлены при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" Код проекта: 3324 «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах».

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ И ПРИЧИНЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Мальцева А.А. (Тюмень)

Характерной чертой социальной действительности последних десятилетий в России является увеличение масштабов и форм разнообразных девиаций на всех уровнях.

Особенно выделяются среди них преступления и правонарушения в среде несовершеннолетних. Причины их делинквентного поведения лежат глубже, чем принято считать в обществе, и каждая из них, так или иначе, отражается в жизненных представлениях несовершеннолетних, их ценностях и ориентирах.

Исследователи девиантного поведения правонарушителей, не достигших 18-летнего возраста, уже на протяжении долгого времени выделяют одни и те же, или схожие, причины его формирования. В. А. Пятунин в своей работе «Девиантное поведение несовершеннолетних: Современные тенденции» говорит о существовании комплекса причин и условий, лежащих в основе и способствующих совершению преступлений конкретными несовершеннолетними. В своей работе он призывает концентрировать внимание исследователей на типичных издержках воспитания, с которых чаще всего начинается путь подростка к правонарушениям [5].

О роли семьи в процессе формирования девиантного поведения среди несовершеннолетних говорилось в статье В.А. Лелекова и Е.В. Кошелевой «Влияние положения семьи на преступность несовершеннолетних» [2]. В первую очередь, авторы статьи подчеркивают тяжелые последствия недостатков семейного воспитания, такие как преступность, алкоголизм, наркомания и другие патологические явления, источником которых в большинстве случаев становятся обстоятельства, окружающие ребенка в семье. Вклад таких семей в преступность несовершеннолетних, по некоторым подсчетам, составляет 30-35%.

Спиртные напитки несовершеннолетние правонарушители начинают употреблять с 13-16 лет. О питательных традициях они узнают в гораздо более раннем возрасте и, как правило, в семье. 36% несовершеннолетних правонарушителей воспитывались в семьях, в которых родители и родственники были лицами ранее судимыми; в семьях отсутствует эмоциональный контакт ребенка с обоими родителями или с одним из них, в случае с мальчиками – с отцом (примерно 75% от всех изученных семей).

Из вышепредставленных данных видно, что отрицательные формы поведения взрослых членов семьи влияют на формирование мировоззрения детей. Именно привычки и действия родителей, родственников и постоянно находящихся в окружении людей способствуют тому, что подросток не просто перенимает их отрицательные образцы поведения, но и усваивает негативные ценностные ориентации, реализуя их уже в своем собственном антиобщественном поведении, оценивая с их помощью уже собственную окружающую действительность [3].

О материальном положении семей несовершеннолетних правонарушителей писала в своей статье «Подростковая преступность. Социологическая экспертиза» С.В. Климова. По данным ее исследования средний возраст несовершеннолетнего преступника – неполных 16 лет; 94,3% правонарушителей – мужского пола. Автором были отмечены существенные различия в характеристиках экономического и образовательного уровня преступников: 30,2% подростков жили в условиях, когда семья не может обеспечить удовлетворение потребностей в питании, одежде, жилье; 55,7% подростков были обеспечены только необходимыми материальными благами. Больше всего хищений совершают подростки, у которых наиболее низкое материальное положение.

Исходя из данных этого исследования и анализу факторов, которые способствуют криминальному поведению подростков, социологическая экспертиза приходит к следующему заключению: «обеспечение реформы школы за счёт средств родителей в ситуации сокращения возможности семьи удовлетворять материальные потребности детей и отсутствии гарантированной законом помощи бедным семьям для обучения детей вызовет скачок краж, разбоев и грабежей, совершаемых несовершеннолетними гражданами» [1]. И подобные выводы экспертов вполне логичны. Что остается делать детям, оказавшимся вне поля зрения не только родителей, но и государства?

Из года в год причинами преступности среди несовершеннолетних становятся одни и те же социальные условия. Но далеко не последнее место в ряду причин свершения

преступления подростком занимают его жизненные ориентиры и ценности, сформировавшиеся под влиянием тех самых социальных условий жизни.

Тему ценностных ориентаций несовершеннолетних преступников и правонарушителей в своей коллективной монографии «На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России» [4] разобрали М.Е. Позднякова, Т.А. Харугова. Одной из целей их исследования было выявление ценностно-целевых приоритетов молодежи.

В результате исследования было выявлено, что наиболее популярными ценностями – целями, как для учащейся молодежи, так и для «трудных» подростков являются высокооплачиваемая работа, семья, самостоятельность, возможность помогать близким. Однако социально-значимые цели мало интересуют современных молодых людей, причем это относится к подросткам обеих исследуемых групп.

Наиболее ярко приоритет семьи выражен у «законопослушных» школьников. И хотя с повышением девиантного опыта, ценность семьи у старшеклассников несколько падает, семья все равно остается вверху списка жизненных приоритетов. По сравнению с обычными школьниками, у правонарушителей из подростковой колонии сильнее выражено стремление к социальному успеху и симпатии со стороны окружения, однако меньшую нагрузку обнаруживают ценности удовольствий.

Заметная доля (21%) опрошенных колонистов среди ценностей выделила ответ «победа над своими врагами», который исследователи не предусматривали в анкете для школьников. Анализ этих данных подтверждает теорию девиации по Мертону: подростки-колонисты хотят быть успешными, не стремятся к удовольствиям, но не признают ценности труда и семьи как инструмента завоевания успеха. Им не хватает «царя в голове», чтобы победить свою импульсивность, отвыкнуть от рискованных поступков, начать соизмерять свои действия с возможными результатами.

Подростками, отбывающих срок лишения свободы в колониях для несовершеннолетних, в качестве одной из приоритетных человеческих характеристик было выбрано дружелюбие, что ещё раз указывает на нехватку доверительных дружеских отношений в окружающей их среде.

Большая часть респондентов считает, что в жизни хуже всего приходится человеку доверчивому, слабому, одинокому. Подростки, состоящие на учёте КДН, отнесли к значительному недостатку бедность. Причиной этому является упомянутое ранее отсутствие денег, ставшее для некоторых одной из жизненных проблем.

Немаловажным результатом исследования стало выявление того факта, что и целевые, и инструментальные ценности респондентов (как «законопослушных», так и «трудных») носят выраженный утилитарно-прагматичный характер. Из числа целевых установок молодежи практически исключены ценности социального служения и общественного блага, а из числа инструментальных ценностей нравственные критерии, так как они не имеют прямого отношения к личностной эффективности. С одной стороны, подобная прагматичность ценностных ориентаций подростков – отражение реалий современного российского общества. Их трудно упрекнуть в неадекватности и нереалистичности. Поведение подростков, их ценности помогают им приспособиться к современным условиям «прекрасного, но яростного мира». С другой стороны этот факт должен вызывать озабоченность. Весьма вероятно, что мы имеем дело с поколением, для которого мораль и право станут лишь инструментами, а это способствует не только сохранению высокого уровня криминализации общества в будущем, но и его повышению [4].

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня, как никогда, важна работа, направленная на пробуждение и активизацию ценностного сознания «трудных» подростков, формирование у них критической установки по отношению к культуре, помощи им в самоопределении и формировании личностной позиции. В силу травматического жизненного опыта, они могут оказаться более восприимчивыми к такой

работе, чем даже обычные школьники, Однако воспитательная работа с «законопослушной» категорией молодежи также должна оставаться одной из приоритетных задач современного общества. В противном случае, помогая реабилитироваться одним «трудным» подросткам, мы будем способствовать увеличению числа других.

1. Климova С.В. Подростковая преступность в зеркале социологической экспертизы, *СоцИс*, 2006, №5, С.11-28.
2. Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Влияние положения семьи на преступность несовершеннолетних, *СоцИс*, 2005, №11, С.49-62.
3. Максимовский Э. Проститутки Москвы. М., 1997. С.351.
4. Позднякова М.Е., Харугова Т.А. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа) / коллективная монография: под науч. ред. М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова. Краснодар: Кубанский
5. Пятунин В.А. Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции / В. А. Пятунин. – Москва: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2010, С.124-130.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КРИЗИСА НА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ

Марышева Е.А. (Череповец)

В современный период, когда общество поглощено проблемами освоения рыночных отношений, нестабильностью экономики, политическими сложностями, все более разрушается духовно-нравственная жизнь молодежи. Это в свою очередь ведет к регрессу гуманности, нетерпимости и ожесточению людей, изменению внутреннего мира личности.

Совокупность ценностных установок, присущих сознанию, а в первую очередь молодежному, во многом деструктивна и разрушительна с точки зрения развития личности, семьи и государства. В обществе исчезли представления о высших ценностях и идеалах. Оно стало ареной эгоизма и нравственного хаоса.

В своих геополитических интересах наши противники ставят перед собой цель — дальнейшее ослабление России в мировом сообществе. Ими стимулируется сепаратизм в национальных республиках, насаждаются несвойственные нашему менталитету морально-нравственные ценности, разжигается межэтническая и межконфессиональная вражда. Россия оказалась перед реальной угрозой разрушения национальной самоидентификации, возникли деформации её культурного и информационного пространства.

Миропонимание и мироотношение молодого поколения определяется цивилизационными изменениями, которые происходят в жизни современной России. Молодежь живёт и развивается среди множества положительно и отрицательно воздействующих на него разнообразных источников (средства массовой информации, коммуникации, неординарные события в различных частях света, природные катаклизмы и т.п.), которые постоянно влияют на неокрепший интеллект и чувства молодого человека, на его формирующуюся сферу, нравственность. Понять и разобраться при этом, где истина, а где — ложь, становится все труднее. Духовность и нравственность должны выступать здесь основой характеристики личности.

Совокупность ценностных установок, характеризующих массовое сознание (в том числе и молодежное) в настоящее время во многом деструктивна и разрушительна с точки зрения развития личности, семьи и государства. Поэтому мы можем говорить о духовно-

нравственном кризисе, являющимся отражением кризисных явлений в политике, экономике, социальной сфере нашей страны [2].

Усиленные процессы глобализации и технологизации все больше деформируют сознание сегодняшнего человека, вовсе лишая восприятие им окружающего мира нравственных критериев, или подменяя традиционную нравственную психологию примитивной психологией потребителя [2, 22].

Наиболее уязвимыми оказались такие сферы, как нравственное здоровье, культура, патриотизм, духовность. Потеря человеком, особенно молодым, жизненных ориентиров, часто используется различного рода экстремистами и оппозиционными силами для решения деструктивных задач.

Сложившееся положение является отражением перемен, произошедших в общественном сознании и государственной политике. Российское государство лишилось официальной идеологии, общество — духовных и нравственных идеалов. Сведенными к минимуму оказались духовно-нравственные обучающие и воспитательные функции действующей системы образования.

Современная система образования не в состоянии ответить на все вызовы времени, удовлетворить весь спектр интеллектуальных и духовных потребностей человека. В её рамках не могут быть полностью решены вопросы информационной и правовой культуры, здорового образа жизни, санитарного и экологического просвещения и многие другие.

На территории России действуют сотни общественных объединений, для которых судьба нашего Отечества безразлична, которые отрицают значимость воспитания чувства патриотизма у молодежи, проповедуют пацифизм, отвергают традиционную для России культуру и все ее духовные ценности. Они через реализацию специальных программ приучают нас, с одной стороны, к отсутствию необходимости кому бы то ни было вступаться за наши национальные интересы, адекватно реагировать на вторжение чужеродных культур - носителей противоестественных для нашего народа ценностей. Такого рода пассивность они возводят в разряд чуть ли не высшей добродетели и называют это толерантностью. С другой стороны, людей с выраженной патриотической позицией, понимающих суть поставленных такими программистами задач, пытающихся остановить эту экспансию, лидеры таких объединений искусно ставят в один ряд с нацистами-экстремистами, извращая в умах и душах молодежи, средствах массовой информации чувство здорового патриотизма, опуская его до уровня агрессивного национал-экстремизма.

Молодость - время развития всех сил человека, как душевных, так и телесных, образование нравственных навыков и привычек. В молодом возрасте происходит активное накопление нравственного опыта, происходит осознанное обращение к духовной жизни, продолжается развитие религиозного самосознания. Необходимо воспитание и закрепление у молодежи чувства здорового патриотизма. Систематическое духовно-нравственное воспитание молодой личности обеспечивает его адекватное и гармоничное социальное развитие. Воспитание и всестороннее развитие духовной личности возможно только совместными усилиями семьи, образовательного учреждения, государства и Церкви.

Духовно-нравственное воспитание на основе православных традиций формирует ядро личности, благотворно влияя на все стороны и формы взаимоотношений человека с миром: на его этическое и эстетическое развитие, мировоззрение и формирование гражданской позиции, патриотическую и семейную ориентацию, интеллектуальный потенциал, эмоциональное состояние и общее физическое и психическое развитие.

1. Левчук Д.Г., Потаповская О.М. *Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи России: комплексное решение проблемы*. М.: Издательство «Планета 2000», 2002.

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Матвеева М.Е. (Санкт-Петербург)

Нравственное развитие и воспитание личности всегда были предметом особого внимания общества. На сегодняшний день актуальность проблемы духовно-нравственного воспитания молодого поколения бесспорна.

Духовность - свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными [4].

Нравственность - особая форма общественного сознания, общественно необходимый способ регуляции действий человека во всех сферах жизни, включая труд, быт и отношение к окружающей среде [1].

Духовно-нравственное воспитание – это организованный процесс, в котором передаются духовно-нравственные нормы жизни, создаются условия для усвоения основных национальных ценностей, для освоения системы общечеловеческих, культурных, духовных и нравственных ценностей [4].

В настоящее время существует мнение о том, что современная молодежь нравственно деградирует. Критически высокий уровень употребления алкогольных напитков, табачных изделий, наркотиков, неуважительное отношение к окружающим молодежь воспринимает так, как будто это норма жизни.

Всё больше и больше материальные ценности доминируют над духовными. Согласно опросу Института социологии РАН значительная часть молодежи, готовы переступить через моральные нормы для того, чтобы достичь успеха[3].

Сегодня наблюдается спад интереса подрастающего поколения к чтению. Вместо этого они отдают предпочтение телевизору, социальным сетям, компьютерным играм. Министерство образования и науки России говорит, что за последние 15 лет доля регулярно читающих книги сократилась с 50% до 18 % [2].

Среди молодежи наблюдается отстранённость от национально-культурной идентичности. Молодое поколение почти не интересуется историей своей страны, её культурными традициями, а всё больше и больше проявляет интерес к западной культуре и ценностям. Западная культура привлекает молодежь в качестве неких образцов, служащих примером для подражания. Так, 41-43% молодых людей предпочли бы жить и работать за границей [3].

Проблему нравственной деградации молодого поколения ни в коем случае нельзя оставлять без внимания. Если вопрос нравственных проблем молодежи пустить на самотек, появляется вероятность потери воспитанного молодого поколения, что может плачевно сказаться на будущем российского общества.

Рассмотрев сложившуюся ситуацию, мы хотим сказать, что не бывает проблем, которые нельзя было бы решить. Мы считаем, что каждый человек должен начать изменения с самого себя. Если внести свой хотя бы небольшой вклад в ликвидацию этих серьезнейших проблем, то их решение придет очень быстро. Для разрешения вопроса нравственности необходим целый комплекс мероприятий, осуществляемых на всех уровнях: местном, региональном, государственном. Большая ответственность за успешность освоения молодым поколением моральных навыков, прежде всего, лежит на семье и преподавателях, потому что именно они являются основой воспитания духовно-нравственных принципов.

Таким образом, необходима модернизированная система обучения, которая будет учитывать воспитательную работу на углубленном, духовном уровне.

Со стороны государства следует провести жесткую, централизованную политику по воспитанию молодежи. А так же усиленную политику по отношению к цензуре. Необходим контроль многих телевизионных программ и передач, интернет-ресурсов.

Мы, молодежь, будущее нашей страны. И каким будет наше будущее, зависит только от нас.

1. *Глоссарий.ру. Служба тематических толковых словарей.* – URL: <http://www.glossary.ru/> (дата обращения: 08.10.2015).
2. *Министерство образования и науки Российской Федерации.* – URL: <http://xn--80abvcjiihbv9a.xn--p1ai/> (дата обращения: 08.10.2015).
3. *Официальный портал Института социологии Российской академии наук.* – URL: <http://www.isras.ru/> (дата обращения: 08.10.2015).
4. *Толковый словарь Ожегова* – URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 08.10.2015).

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАРЕЛИИ В ФИНЛЯндию

Милюкова И.А. (Петрозаводск)

Начиная с 90-х гг. XX века и до сегодняшнего дня происходит устойчивое развитие интернационализации высшего образования: все больше молодых людей выбирают учебу за границей, проходят обучение по зарубежным программам или в иностранных вузах [1,86-87]. За пределами своих стран, по некоторым данным, в 2007 году обучались около 3 млн. иностранных студентов [3,28].

Произошедшие в России на рубеже веков социально-экономические перемены актуализировали процесс получения профессионального образования за рубежом и сделали его возможным для многих российских молодых людей, в том числе и из Карелии. Например, по данным социологического опроса выпускников общеобразовательных школ республики, проведенного в 2009 году Министерством образования РК, две трети старшеклассников хотели бы поучиться за рубежом, если бы у них появилась такая возможность [2]. Сегодня многие уже сразу после школы стремятся поступать в зарубежные учебные заведения. Среди первокурсников, поступивших в 2014 году в Петрозаводский государственный университет, почти 3% подавали документы за рубеж.

Бесплатное государственное образование и высокий уровень социальной защищенности студентов, территориальная близость и транспортная доступность делают колледжи и университеты Финляндии весьма привлекательными для абитуриентов из Карелии.

В основу доклада положены результаты анализа 6-ти полуструктуризированных интервью молодых людей из Петрозаводска в возрасте от 20 до 30 лет, которые на момент опроса (февраль-май 2015 г.) жили и учились в вузах Финляндии. Интервью были проведены по скайпу студентами, обучающимися в ПетрГУ на направлении подготовки «социология». Основной целью исследования было выявление и систематизация причин и мотивов получения высшего образования в Финляндии. Нас интересовало, как именно принималось решение об учебе в Финляндии, под влиянием каких факторов и кем именно? Какие усилия потребовались от информантов для реализации данного решения? И оправдались ли их ожидания от учебы за рубежом?

Что касается социального статуса информантов, то все их семьи с полным правом могут быть отнесены к среднему классу, и по уровню доходов и по уровню образования.

Среди родителей часто встречаются государственные служащие. Впрочем, это не удивительно, т.к. несмотря на то, что само государственное образование в Финляндии бесплатное, при получении визы необходимо обязательно подтвердить наличие на личном счету определенной суммы, необходимой для проживания в стране в течение года (6720 евро - обязательный прожиточный минимум для студента-эмигранта). Все опрошенные молодые люди закончили престижные общеобразовательные школы (гимназии и лицеи) г. Петрозаводска, у всех был хороший уровень знания английского языка. Кроме этого, все они дополнительно обучались в языковых школах, которые занимаются подготовкой абитуриентов для поступления в ВУЗы Финляндии. Трое информантов учатся в г. Йоэнсуу (Karelian University of Applied Sciences), двое – в г. Куопио и один – в г. Варкаус (Savonia University of Applied Sciences). Направление профессиональной подготовки - International Business или Business Administration.

Главными причинами выбора профессионального образования в Финляндии, по словам самих информантов, послужили высокое качество высшего образования и возможность получения международного сертификата, позволяющего в будущем работать во многих странах Европы. Были названы и другие причины: «откосить от армии», «найти мужа», «чтобы избежать прессинга со стороны родителей», «чтобы помочь семье с переездом на ПМЖ».

В то же время анализ собранного материала отчетливо свидетельствует, что при выборе конкретного вуза и направления подготовки российские абитуриенты реально руководствовались несколько иными критериями. Во-первых, наличием знакомых или друзей, которые здесь уже учились, а во-вторых – легкостью поступления и учебы. «Здесь проходной балл был ниже». «Учиться мне нравится, потому что все зависит только от тебя. Не нужно занятия посещать, приходишь и сдаешь экзамен, и все. Все очень просто».

Молодых людей очень привлекает возможность бесплатно учить в вузе разные иностранные языки и беспрепятственно путешествовать по социальным студенческим программам по всему миру. Кроме того, обязательное прохождение производственных практик за рубежом позволяет познакомиться с социально-культурными особенностями и уровнем жизни в других странах. Все информанты отмечали очень хорошие бытовые условия для учебы и проживания.

Среди основных трудностей, возникающих в процессе учебы, назывались материальные затруднения, проблемы адаптации в иноязычной среде, настороженное отношение финских студентов. Практически ни у кого из опрошенных нет близких друзей-финнов: «...русские держатся русских, а финны – сами по себе...»

Практически для всех опрошенных информантов учеба в Финляндии – это легальный способ получить многократную визу и официально уехать жить за рубеж. Ни один из них на момент опроса не планировал после получения профессионального образования возвращаться в Россию. Более того, сама Финляндия также не очень привлекательна для российских студентов, а скорее рассматривается как своеобразное «окно в Европу».

1. Винсен-Ланкран С. Трансграничное высшее образование: тенденции и перспективы развития // Вестник международных организаций. 2010. №3 (29).
2. Милокова И.А., Винокуров М.С. Патриотизм в системе ценностных ориентаций учащейся молодежи Карелии: результаты социологического мониторинга (2007-2009 гг.). Учебно-методическое пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010.
3. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник/ Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: ЦСП, 2007.

ВЫБОР МОЛОДЕЖЬЮ ПРОФЕССИИ ВРАЧА И ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Миронова С.В., Тимченко Н. С. (Барнаул)

Одной из важнейших стратегических задач российского общества на современном этапе является обеспечение доступной, своевременной и качественной медицинской помощью населения страны. Осуществление данной задачи невозможно без полноценной подготовки медицинских кадров в образовательных учреждениях нашей страны. Отправной точкой этого процесса является выбор современной молодежью профессии врача.

Выбор будущей профессии является важным шагом в жизни каждого человека. Решение этой задачи сопряжено с пониманием и осознанием своего профессионального пути, своего предназначения с точки зрения профессиональной самореализации. Важным компонентом в этом процессе выступает мотивация, т.е. система факторов, вызывающих активность организма и определяющих направленность поведения человека [1].

Изменения, произошедшие за последние десятилетия в нашей стране, определяющим образом повлияли на динамику ценностей и смысло-жизненных ориентаций российской молодежи. Данный социокультурный контекст усложнил проблему выбора, поэтому современная молодежь оказалась в гораздо более сложной ситуации, чем предыдущие поколения. Это не могло не сказаться и на выборе будущей профессии и профессиональной мотивации. В настоящее время наблюдается трансформация профессиональной мотивации студентов, что выражается, прежде всего, в изменении ее структуры и направленности. В современных условиях молодые люди, вступающие на рынок труда после получения образования, ориентированы на поведение, базирующееся на потребительских запросах. Мотивационной доминантой в профессиональной деятельности остаётся материальная составляющая: высокая зарплата, дополнительные доходы, гарантия выгодного трудоустройства, что позволяет говорить о возникновении так называемого «мотивационного кризиса».

Проблемы профессиональной ориентации в медицине имеют свои особенности. Среди наиболее значимых факторов, которые влияют на выбор медицинских профессий абитуриентами, наиболее часто встречаются такие, как влияние родственников, советы знакомых, друзей-медиков, решение продолжать семейные традиции, чтение медицинской литературы, просмотр фильмов, наличие призвания и склонности к медицине, желание помогать людям, болезнь близких или собственная и, следовательно, получение образования, чтобы помогать себе и близким, повышение самоуважения («спасать жизни людей — благородная профессия»), стремление познать, как устроен человек и его тело, как происходят нарушения в этой системе [2].

Для изучения мотивации студентов к выбору медицинской профессии в сентябре 2015 г. нами были проанализированы эссе студентов 1-го курса лечебного и стоматологического факультетов Алтайского государственного медицинского университета по теме «Почему я выбрал профессию врача?». Эссе как жанр представляет собой размышление в свободной форме по заданной проблеме. Оно позволяет увидеть авторскую позицию и зафиксировать многомерность самого выбора, смыслов и значений, которые в сознании первокурсников связаны с медицинской профессией.

Анализ эссе показал, на наш взгляд, три основополагающих момента. Во-первых, это основные причины, которые определяют выбор будущей профессии студентов-медиков. К их числу относятся: 1) хочу помогать людям сохранять здоровье и жизнь, спасать людей; 2) быть врачом - моя мечта с детства; 3) хочу продолжать семейную

династию, пойти по стопам родителей; 4) эта профессия востребована в обществе; 5) хочу общаться с людьми; 6) эта профессия мне по душе; 7) эта профессия – цель моей жизни; 8) эта профессия престижна; 9) эта профессия высокооплачиваема; 10) есть возможность профессионального роста, совершенствования; 11) хочу приносить пользу людям; 12) хочу вылечить себя и своих родственников.

Стоит отметить, что студенты-первокурсники Алтайского государственного медицинского университета одной из причин выбора из будущей профессии назвали желание общаться с людьми. Однако процесс технологизации современной медицины становится потенциально рискованным в плане перспективы ее реализации в профессиональной деятельности в будущем. Поэтому одной из задач современного медицинского образования должно стать его гуманитаризация, увеличение доли гуманитарных дисциплин в процессе подготовки врача, по крайней мере, нужно исключить полную элиминацию гуманитарных аспектов образовательного процесса. Это в конечном итоге может создать условия для реализации субъект-субъектных отношений в процессе профессионального взаимодействия в российских медицинских учреждениях.

Кроме того, среди названных причин профессионального выбора доминирующим оказалось желание помогать людям, сохранять их здоровье и жизнь. Второе место по количеству выборов занимает желание быть врачом с детства. На третьем месте – желание продолжать дело родителей, семейную династию. Считаем важным, что большинство студентов отметили осознанность своего выбора и его самостоятельность. Однако их незначительная часть не смогла обозначить факторы, повлиявших на выбор будущей профессии. Это, по нашему мнению, тревожный симптом, т.к. только четко осознанная деятельность человека может быть по-настоящему эффективной, а неосознанная – источником ошибок, которые в медицине крайне недопустимы.

Также важно подчеркнуть, что студенты при выборе профессии руководствуются востребованностью профессии врача в современном обществе, возможностью трудоустроиться после окончания университета и престижностью работы. В процессе их обучения социальные факторы, влияющие на профессиональную медицинскую деятельность, начинают приобретать все более выраженное воздействие, определяя, в конечном итоге, выбор уже специализации внутри профессии. Поэтому хирург, спасающий человека, вытесняется в сознании будущего врача хирургом-косметологом, стоматолог-терапевт в меньшей степени привлекает, нежели специалист по реконструктивной и эстетической стоматологии.

Таким образом, становится очевидным, что мотивационный комплекс первокурсников является не просто объектом познавательного интереса, но важным элементом социально-конструктивной деятельности субъектов образовательного процесса. Труд врача всегда сложен, физически и эмоционально насыщен и крайне важно, чтобы в процессе вхождения во врачебную профессию студенты получали оправдание, поддержку своего жизненного выбора со стороны преподавателей-практиков. На смену романтическому порыву, интуитивному следованию своим желаниям реализоваться в профессии врача в таком случае придет глубинное понимание и наполненные смыслом ощущения уникальности своей профессии и удовлетворенность ее выбора.

1. Павлютенков Е.М. *Формирование мотивов выбора профессии* / Е.М. Павлютенков. Киев 2000. — 143 с.
2. Борохов А.И. *Этюды врачевания. И не только.* Смоленск: Трат-Имаком, Полиграмма, 1994. — 243 с.

ПРОБЛЕМЫ ИНДИКАТИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Михайлева Е.Г. (Харьков, Украина)

В современном обществе проблема достижения успеха становится одной из самых актуальных, и способствует этому высокая социальная динамика с ее изменяющимися «правилами игры». В таких условиях и сама категория успеха, и ее индикаторы претерпевают изменения и зачастую оказываются несомещенными с форматом установок социальных субъектов. Особенно эта проблема актуальна для молодых специалистов – тех, кто только что получил (или заканчивает получать) профессиональное образование и имеет небольшой (по разным оценкам от одного до трех лет) стаж трудовой деятельности в своей профессии. В их социально-трудовых практиках зачастую происходит кардинальная ломка представлений об успехе и путях его достижения. Однако именно данная категория трудовых ресурсов определяет потенциал развития разных сфер жизнедеятельности общества, а значит и требует особого научного анализа.

В современных научных исследованиях данная проблема все больше кристаллизуется (например, работы Е. Бавыкиной [1], Е. Чучилина [4]), однако обоснование характера индикаторов, предлагаемых для измерения профессиональной успешности молодых специалистов, остается не до конца реализованной задачей современной науки.

Как показал анализ литературы, чаще всего успех ассоциируется с достижением поставленной цели, маркерами которой являются престиж, уровень материального благосостояния, статусные позиции, тот или иной имидж, уровень образования и т.д. При этом достаточно часто среди индикаторов успеха значительное место занимают те, которые связаны с профессиональной самореализацией и трудовой деятельностью, что обращает особое внимание в исследовании данной проблемы именно на профессиональную успешность. В наиболее общем виде под профессиональной успешностью понимается совокупность позитивных результатов, накопленных в течение карьеры [3, с. 147].

Анализ теоретических конструкций относительно успеха и профессионального успеха различных социальных субъектов позволяет нам утверждать, что разработанная в целом проблематика профессионального успеха не достаточно преломляется к анализу различных социальных субъектов. Это дает нам возможность говорить о необходимости разработки систем индикаторов профессиональной успешности с учетом специфики социальной позиции тех или иных субъектов, и, соответственно о специфических требованиях к ним. Однако можно говорить и об общих особенностях индикатирования профессиональной успешности в современном обществе.

Первой такой особенностью выступает необходимость учета переходного состояния общества от индустриального к постиндустриальному. Имеется в виду, что в обществе, которое обладает характеристиками разных стадий своего развития, индикаторы профессиональной успешности также должны быть комбинированными. Соответственно, для формирования системы индикаторов профессиональной успешности в таком ракурсе важно учитывать индикаторы, атрибутивные для обоих типов общества (например, динамика дохода и статуса наряду с ключевыми характеристиками персональных социально-профессиональных сетей).

Вторая особенность индикатирования профессиональной успешности – сочетание объективных и субъективных оценок достижений. В современных условиях разнообразие оценок достижений социальных субъектов настолько же велико, как и количество практик, которые они могут реализовывать в своей профессиональной деятельности. Соответственно объективные параметры оценки профессиональной успешности могут

расходиться с субъективными параметрами и порождать двойственность подобного рода оценок. Для повышения точности научных оценок исследуемой нами характеристики видится комплексное сочетание объективных параметров с их субъективными оценками (например, динамика должностной позиции и степень удовлетворенности данной динамикой со стороны социального субъекта; уровень сложности решаемых профессиональных задач и мера удовлетворенности данным уровнем сложности и т.д.).

Третья особенность индикативирования профессиональной успешности в современных условиях – измеримость. Сегодня в условиях постоянной транзитивности возникает необходимость не просто подбора «современных» индикаторов, но и возможность их реального измерения.

И четвертая особенность, на которой хотелось бы остановиться, - учет специфики социальных субъектов. В современных условиях, на наш взгляд, невозможно сформировать единую универсальную систему индикаторов профессиональной успешности в силу различных статусов, потенциалов, ресурсов (в том числе и профессиональных) и т.д. Именно поэтому в любой системе индикаторов профессиональной успешности должна отражаться специфика деятельности и статусов тех или иных социальных субъектов.

Возвращаясь к вопросам выбора индикаторов для молодых специалистов, попытаемся проиллюстрировать действие обозначенных нами требований.

В современном научном дискурсе предложен набор индикаторов профессиональной успешности молодых специалистов, который учитывает их возрастные, статусные и другие особенности [4]. В соответствии с данной концепцией, одним из ведущих критериев профессиональной успешности молодых специалистов выступает профессиональный и служебный рост (карьера). В ракурсе этого индикатора профессиональная успешность представляется достижением карьерных высот. В ракурсе нашего анализа данный индикатор скорее отражает преемственность в процессах индикативирования профессиональной успешности в обществе переходного типа: карьера как показатель успешности сохраняет свое значение, но ее формы значительно трансформируются. Данный показатель имеет свой потенциал с точки зрения объективных и субъективных параметров оценки, он измерим, а значит может быть использован в практике социологического изучения профессиональной успешности.

Еще одним индикатором успешности молодых специалистов в рассматриваемой нами концепции выступает уровень и динамика доходов. Базовая составляющая этого индикатора – уровень заработной платы. Как отмечают ученые, «заработная плата играет немаловажную роль в оценке успешности у работников, так как ее высокий уровень не только повышает степень финансовой обеспеченности работника, но и может говорить о востребованности работника, его высокой компетенции, а также его статусе в компании, тем самым определяя успешность сотрудника» [2, с. 299]. Данный индикатор в такой интерпретации является отражением двойственного состояния общества (связь со статусом и компетенциями, их востребованностью), он безусловно имеет потенциал объективных и субъективных оценок, он измерим и имеет свою специфику для молодых специалистов. При этом уровень доходов молодых специалистов, несмотря на его относительность в нестабильном обществе может выступать как прямым, так и косвенным индикатором его успешности. «Рассматривая заработную плату и динамику улучшения уровня материального обеспечения, важно понимать, что в современных условиях данный показатель может содержать в себе и скрытые составляющие, в частности, так называемый социальный пакет (оплата проезда, телефонной связи, медицинского обслуживания, повышения квалификации т.д.). Поэтому исследования данного индикатора успешности молодых специалистов требуют комплексных измерений» [4, с. 117].

Еще одним индикатором успешности молодых специалистов является конструирование и расширение сети социально-профессиональных контактов и получение

признания в ней. В условиях технологической и информационной глобализации данный индикатор повышает свою значимость, особенно для молодых специалистов. Он отражает переход к постиндустриальному обществу и соответственно, несколько иное измерение профессиональной успешности в нем. Он также обладает способностью быть измеренным через объективные и субъективные оценки методами анализа сетей.

В качестве еще одного индикатора успешности молодых специалистов выделяют быструю адаптацию к трудовой деятельности. Данный индикатор особенно специфичен для этой категории трудовых ресурсов, что соответствует необходимости учета особенностей молодых специалистов как специфической общности. Поскольку адаптация в организации является многовекторным процессом, его измерение также должно быть комплексным. В этой комплексности может быть заложен континуум «объективное-субъективное» как обязательный элемент измерения, а также учтены процессы трансформации общества.

Еще одним индикатором профессиональной успешности выступает уровень знаний, сформированных компетентностей молодых специалистов. Они определяют круг выполняемых профессиональных задач. Как отмечают исследователи, «знания повышают компетентность, дают возможность решать более сложные профессиональные задачи, ... что непосредственно может влиять на чувство успешности в профессиональном плане» [2, с. 300]. В данном индикаторе привлекателен его потенциал с точки зрения совмещения объективности и субъективности в оценках, учет тенденций общественного развития и др. Однако измерения данного индикатора будут носить лишь косвенный характер или осуществляться в двухфазном измерении.

Важным видится тот факт, что в качестве индикатора профессиональной успешности молодых специалистов рассматривается сегодня и мотивация на развитие, на достижение успеха. Предполагается, что «человек, который стремится к росту и развитию, уверен в своих способностях. Он может повышать свою компетентность, продвигаться по карьерной лестнице, конкурировать с другими работниками и, таким образом чувствовать себя успешным» [2, с. 300]. Проблема данного индикатора – в оценке его объективных параметров, однако по остальным критериям он вполне может быть использован в изучении профессиональной успешности молодых специалистов.

В целом, можно отметить, что профессиональная успешность молодых специалистов связывается с целым рядом индикаторов. Анализ показывает, что в качестве критериев своеобразной проверки качества предложенных индикаторов может выступать система из объективных и субъективных ракурсов измерения, учитывающих специфику современного социума и ориентированных на особенности исследуемой группы.

1. Бавыкина Е. Н. Анализ уровня развития профессиональной карьеры молодых специалистов-экономистов менеджеров (на примере выпускников БТИ АлтГТУ) / Е. Н. Бавыкина, Л. Г. Милыева // *Казанская наука*. – 2011. - №8 – С. 29 – 32.
2. Родионова Е. А. Субъектный подход к определению профессиональной успешности [Электронный ресурс] / Е. А. Родионова // *Социально-экономические и психологические проблемы управления. Сб. науч. статей по материалам I (IV) Международной научно-практической конференции, Московский городской психолого-педагогический университет, 23-25 апреля 2013 года / Под общей ред. М. Г. Ковтунович. Часть 1.* – М.: МГППУ, 2013. – С. 295-308. Режим доступа: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_issue/63215.shtml
3. Хаммер Я. С. Профессиональный успех и его детерминанты / Я. С. Хаммер // *Вопросы психологии*. – 2008. – № 4. – С. 147-153.
4. Чучилина Е. С. Основные индикаторы профессиональной успешности молодых специалистов в современном украинском обществе / Е. С. Чучилина // *Грані*. – 2015. - № 6 (122). – с. 115-120.

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ МНОГОЛЕТНЕГО ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мищенко А.С. (Санкт-Петербург)

Свободное время является не только позитивным, но и негативным по своему характеру, четвёртым, наряду с домом, работой и учебой, пространством социализации и развития личности современных учащихся (К. Маркс). В его рамках они посещают библиотеки и театры, свободно и непринужденно обмениваются мнениями, но одновременно с этим: тусуются, распивают спиртные напитки, принимают наркотики, жестоко относятся к другим людям и т.д. Это время и пространство их повседневной жизни – многомерно.

Социологические исследования свободного времени учащихся лицеев и колледжей профессионального профиля Санкт-Петербурга (с 1994 по 2014г.г.) позволили выделить три группы респондентов. В первую группу вошли подростки, свободное время которых определялось творческой доминантой (это – активное участие в кружках, а также занятия конструированием, живописью, музыкой и т.д. в том числе и вне общепризнанных институтов социализации). Во вторую группу – подростки, свободное время которых определялось культурной деятельностью, носившей более стихийный и пассивный характер (это – чтение, посещение театров, выставок, музеев и т.д.). В третью группу – попали подростки, чье свободное время определялось исключительно развлекательной и гедонистической деятельностью (это – регулярные посещения учащимися дискотек, кафе, обычных «тусовок» молодежи, распитие спиртных напитков, употребление наркотиков на фоне жесткого отношения к другим людям и т.д.).

Наше исследование показало, что в соотношении этих групп учащихся за последние два десятилетия произошли заметные изменения. Во-первых, в течение всего периода наблюдений среди учащихся наблюдался высокий удельный вес респондентов, которых мы отнесли к третьей группе. В среднем он составил 47,3%. Во-вторых, – за тот же период времени среди учащихся снизилась ценностная значимость чтения, посещения художественных выставок, театров и т.п. (с 44,0% до 40,3%). В-третьих, – в течение наблюдений доля творческой компоненты в свободном времени учащихся была стабильно низкой и колебалась вокруг 10,6 процента.

Полученные социологические данные позволяют говорить о наличии глубинных, воспроизводимых десятилетиями, факторов, определяющих качество и направленность досугового поведения учащихся. Снижение качества свободного времени и досуга учащихся, по-видимому, связано с глубинными постперестроечными социально-экономическими потрясениями последних двадцати лет. Оно повлекло за собой формирование устойчивых групп подростков, у которых девиантное поведение стало ведущим в определении их личности: оно стало формировать их отношение к учебному процессу и жизнедеятельности за пределами учебного учреждения. Позитивное развитие практики творческого и здорового образа жизни у учащейся молодёжи постепенно деформировались: за постперестроечные годы у заметной доли учащихся лицеев и колледжей снизились нравственные оценки, выработались искаженные идеалы, возникло, так сказать, «эго-смысловое» поле их отношения к другим людям и миру вообще. Это обуславливалось тем, что социализация учащихся была реально нацелена не на общество, а на их групповую и личностную атомизацию. В результате, возникающие в рамках этой ориентации ценности и смыслы жизнедеятельности, очень часто расходились с фундаментальными общественными приоритетами развития. Всё это привело к утрате целостности свободного времени учащихся, к снижению качества их досуга, что деструктивно подействовало на их личностный потенциал, включая правовую и гражданско-политическую культуру.

Этот тезис подтверждают данные не только наших опросов молодежи, но и педагогов, работавших в тех же образовательных организациях, что и опрошенные нами учащиеся. За последние 10 – 15 лет в среде учащихся, по мнению преподавателей, ослабли следующие важные позиции: интерес к художественной литературе – это отметили 80,0% педагогов; трудолюбие – 71,3% ответов; познавательные интересы – 65,2% ответов; стремление развивать свои духовные качества – 58,3% ответов; интерес к отечественной истории – 45,2% всех ответов. При этом, в качестве определенного негатива выросли следующие позиции учащихся: абстрактное стремление к высокой заработной плате – данный пункт отметили 92,2% опрошенных педагогов; прагматизм, стремление учащихся делать только то, что полезно и выгодно лично им – 87,8% ответов; агрессивность и грубость учащихся по отношению к другим людям – 74,0% ответов; оценка учащимися своих товарищей по их социально-экономическому статусу – данную позицию подчеркнули 71,3% опрошенных нами педагогов. Указанные тенденции усугублялись тем, что за тот же временной период педагогическое сообщество в обследованных учреждениях образования ослабило свое внимание к нравственному воспитанию учащихся – эту позицию отметили 80,0% педагогов, к трудовому воспитанию молодежи – 71,3% ответов, к воспитанию у неё гражданственности и эстетического потенциала – отметили соответственно 54,8% и 53,0% педагогов.

На фоне таких тенденций социализации молодежи профессиональных лицеев и колледжей общество в лице своих формальных и неформальных институтов, на наш взгляд, должно более целенаправленно работать над созданием эффективных механизмов перевода учащихся с группоцентричного уровня их развития на про-социальный и духовно-гражданский уровень. Только начиная с этого – высшего – уровня развития, можно говорить о подлинной зрелости личности. На предыдущих уровнях социализации речь может идти лишь о формировании у них эгоцентрической, групповой и корпоративной морали.

По нашему мнению, здесь необходимы механизмы социализации и культурации учащихся, непосредственно связанные с целостно продуманными программами по выработке у них системы ценностей и жизненных смыслов, в качестве реальной основы разрешения проблем, прежде всего, в их среде: ценности – это, ведь, стержень культуры, без них она неизбежно рассыпается (Л. Столович).

Социализация молодежи, её досуг и свободное время должны быть соответствующим образом институционально фундированы (поддержаны материально, организационно и идеологически, формальными и неформальными организациями общества). Для этого необходимо продумать нестандартные алгоритмы их сопряжения с целостной системой официального и неофициального воспитания современной молодежи.

Эта работа должна носить организованный, ансамблевый и полисубъектный характер. Необходимо помнить, что самая высокая культура, выпущенная на свободу, оставляет, зачастую, после себя пустыню. Все рефлексии по поводу данной работы необходимо преломить через интересы и чаянья молодых людей, не всегда ими осознаваемые.

У современной молодёжи необходимо выстроить глубинные национально-гражданские образы, как прежней тысячелетней России, так и её вековые перспективы развития. Сформировать, опираясь на новую систему имен – символов, личностную идентичность молодых россиян. Воспитать у них, отталкиваясь от национальных и культурных скреп народов России, многомерное трансверсальное с исторической, гражданской и нравственной точки зрения сознание всемирной отзывчивости (Ф.М. Достоевский).

СОБЫТИЯ ФИНАНСОВОЙ ЖИЗНИ СТУДЕНТА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Могильчак Е.Л. (Екатеринбург)

Классик экономической социологии Вивиана Зелизер ввела понятие множественных денег, выделяя домашние, институциональные, моральные деньги и деньги как подарок.[1, С. 421-426]. Финансовую жизнь студента мы рассматриваем как последовательность событий, связанных с изменением обеспеченности денежными ресурсами. Данные изменения могут иметь разные источники в случае поступления денег в домашний бюджет и разные причины в случае их «потери». При этом, например, институциональные деньги (стипендия) или деньги как подарок (помощь друзей или родителей), становясь частью домашнего бюджета, приобретают функции домашних денег.

Нас интересовал не только характер изменений в личной финансовой жизни студентов, в том числе в связи с экономическим кризисом, но и интерпретация ими этих изменений.

В результате опроса студентов 2-4 курса УрФУ было выяснено, что одни упомянутые респондентами события влияли на их финансовое положение положительно, другие — отрицательно. Назовём события первого типа негативными, второго — позитивными.

Часть негативных событий напрямую связываются с экономическим кризисом, при упоминании других событий макроэкономические процессы и явления не упоминаются. События, осознающиеся как последствия макроэкономической ситуации, например, удорожание доллара, осознаются молодыми людьми как причина подорожания необходимых им товаров и услуг. Приведём некоторые высказывания опрошенных, относящиеся к данной интерпретации экономической ситуации.

С дорожанием доллара вдвое поднялась подписка на учебный видеокурс, для студента это много.

Повышение доллара привело к увеличению средств на ремонт квартиры.

Нужно отметить, что некоторые студенты предпринимали попытки предотвратить траты на подорожавшие товары и купить их по старым ценам. В одних случаях данные попытки увенчались успехом.

Везде народ, все быстрее покупают, я прибыл на склад раньше и мне удалось купить наш заказанный ноутбук, на следующий день он стоил на несколько тысяч дороже.

В других случаях всё окончилось неудачей.

Были издержки, связанные с промедлением при покупке компьютера —1000 рублей из-за задержки в 3 дня

Те события, которые не ассоциируются с ухудшением экономической ситуации в стране, были связаны с отступлением экономических контрагентов от моральных, юридических или технических норм. Это невыдача работодателем зарплаты, финансовое Интернет-мошенничество, потеря денег в результате сбоя в банковской электронной системе и т.п.

Не выплатили часть зарплаты. Это сказалось на моём финансовом положении, так как часть денег должна была пойти на оплату отпуска. Пришлось занимать деньги у друзей.

В некоторых случаях молодым людям удавалось предотвратить мошеннические действия либо сменить форму взаимодействия с банком, снизив риск технических сбоев.

Целый комплекс негативных событий связан с взаимодействием не с экономическими субъектами, а с государственными органами. Это потеря денег в результате штрафа за парковку, возмещение ущерба в дорожно-транспортном

происшествия и т.д. Если в предшествующей группе случаев в потере денег были виноваты контрагенты, то в данном случае вина лежит на самом опрашиваемом. То же самое можно сказать и о других неоправданных, по мнению студентов, тратах:

1. Лень готовить, поэтому обедаю в фаст-фуде, а это дополнительные траты.
2. Отношения с девушкой заставляют тратить деньги на второстепенные блага.
3. Проиграл спор другу. Пришлось отдать ему неплохую сумму денег.
4. Отметил день рождения, потратил значительно больше, чем рассчитывал.

Позитивные события финансовой жизни связаны с получением дополнительных денежных средств. Первое получение институциональных денег — стипендии или материальной помощи от факультета — воспринимается как приятная неожиданность, сам факт получения денег нередко вызывает у реципиентов восторг.

Для получения стипендии у меня впервые в жизни появилась собственная банковская карточка! На неё приходило почти 2000 рублей и это было прекрасно.

Получение заработной платы связывается у студентов с более широким комплексом эмоциональных и поведенческих реакций. Нужно отметить такие дополнительные вознаграждения от трудовой деятельности как получение удовольствия от процесса работы, гордость за полученные за труд финансовые ресурсы.

Мне очень нравится работать кондуктором на городских маршрутах. Причём занимаюсь я этим не столько ради заработка, сколько ради получения удовольствия. На меня большое впечатление произвело то, что за смену я получил на руки 1400 рублей.

Отмечая наличие заработков, студенты отмечают купленные на накопленные деньги товары — от ботинок и кофты до автомобиля. При этом иногда покупка рассматривается как психологическое вознаграждение.

Сейчас такое время, что многие люди живут в режиме жёсткой экономии. Несмотря на то, что я получаю не слишком много, мне этого достаточно, чтобы жить в своё удовольствие. Например, вчера я гуляла с подругой по магазинам и купила себе новую кофту. Каждый человек обязан иногда баловать себя и совершать незапланированные покупки.

Нужно отметить, в экономических действиях опрошенных наблюдается в том числе мотив бескорыстной помощи. Заработанные деньги иногда тратятся на помощь нуждающимся, а за некоторые трудовые затраты не ожидается материального вознаграждения

Устроилась на хорошую работу, интересно, заработок высокий. Потратила много денег на подарок девочке из детдома на Новый год. И я бы потратила ещё больше, если бы была возможность

. Ремонтировал машину в гараже, ко мне подошёл мужчина и попросил ему помочь – отвезти недалеко одну вещь до одного места. Я люблю помогать людям и поэтому согласился. Он отдал мне 500 рублей. Это было для меня неожиданно, на деньги я ему даже не намекал

В целом взаимоотношения студентов с окружающими в процессе финансовой жизни складываются на основе принципа рыночного взаимодействия и принятия (оказания) финансовой помощи. Данные взаимоотношения могут быть опосредованы как институциональными, так и домашними деньгами, деньгами как подарком.

1. В. Зелизер *Создание множественных денег // Западная экономическая социология Хрестоматия современной классики* - М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мокшин В.К. (Архангельск)

ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема гражданского и патриотического воспитания в российском обществе актуальна потому, что доля молодого, активного, трудоспособного населения России от 20 до 40 лет – одна из самых высоких в развитых странах мира. В долгосрочной перспективе России молодежь объективно является стратегическим ресурсом демократического развития страны. Поэтому включение молодого поколения в процессы реформирования российского общества, превращение их в реальный субъект демократических преобразований становится одной из приоритетных задач модернизации страны. Российское общество глубоко заинтересовано в том, чтобы молодое поколение непосредственно участвовало бы в формировании и реализации социальных программ, касающихся общества и было ответственным за будущее России, сохраняло исторические и культурные традиции страны. Именно от осознания своей гражданской ответственности молодежь может влиять на направление развития всего общества.

В условиях кризиса ценностных ориентаций актуальность данной проблемы усиливается фактором гражданской социализации и основанием современной политической культуры. Гражданская социализация создает трансляцию исторического наследия и традиций следующим поколениям, преемственность политических институтов и норм, гарантирует устойчивость и жизнеспособность политической системы страны. Для современного российского государства сейчас крайне важно повысить уровень политической культуры молодежи, увеличить сферу осознания ими своего места в социальной и политической жизни России.

Государственные и общественные институты воспитания и образования обязаны провести значительную работу, направленную на гражданское и политическое развитие личности современного молодого человека, его знаний и расширение кругозора, а также привитие устойчивых ценностных ориентаций, адекватных современным потребностям.

Это имеет важное значение для воспитания молодежи, которое все больше увлекается «эстетизацией» политики, в том числе и запрещенной нацистской и националистической символикой. Политические партии и организации уделяют, к сожалению, этой ориентации недостаточно внимания. Партии рассматривали молодежь как демографическую группу, значение которой возросло лишь в ходе избирательных кампаний. Юношей и девушек использовали для сбора подписей и для ведения агитации. Как показал российский опыт, впервые активное вовлечение молодежи в избирательный процесс было апробировано в 1996 году во время президентских выборов. В ходе политической борьбы Б. Ельцина и Г. Зюганова стало очевидно, что именно голоса молодежи будут решающими. Для привлечения этой части электората были проведены бесплатные концерты популярных певцов, а штаб Б. Ельцина обеспечил массовое участие молодежи в агитационной кампании.

Президент РФ В.В. Путин во время общения с молодежью на Селигере летом 2012 года отметил: «Основные самые интересные открытия совершаются молодыми людьми. Я был бы очень рад, если бы все большее и большее количество молодых людей посвящало себя общественной деятельности». Вот почему нужна эффективная система гражданского и патриотического воспитания молодежи, способствующая реализации умений, возможностей и навыков в различных сферах жизни общества.

В России сегодня остро востребованы такие черты личности, как честность, порядочность, моральность, уважительность человеческого достоинства и терпимость друг к другу. Однако социально-политическая реальность в России стала

ярким образцом расхождения лозунгов праволибералов о свободном капиталистическом рынке и конкуренции в качестве его механизма. В реальной жизни утверждались процессы бесконечного подсиживания, предательства и чрезмерного индивидуального эгоцентризма. Столкновение определенного типа менталитета субъектов приватизации с организацией социальных отношений породило феномен отсутствия доверия, самоконтроля, сотрудничества. В результате мы получили архаичную экономику, основанную на примитивном торгашестве и воровстве, с действующим принципом: «не обманешь- не продашь».

Активное включение молодежи в модернизационный политический процесс требует определенных предпосылок, которые можно разделить на материальные, социально-культурные и политико-правовые группы. Российский опыт показывает, что для участия человека в политической деятельности необходимо первичное удовлетворение его потребностей в основных продуктах питания, товарах и услугах, жилищно-бытовых условиях, достижение определенного уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки, общей и политической культуры.

Существуют различные точки зрения на то, что должно быть первоочередной задачей гражданского и патриотического воспитания молодежи. Одни предполагают, что в первую очередь необходимо поддержание высокого уровня жизни. Другие считают, что для успешного развития страны наиболее важно развитие трудового потенциала. К этой группе примыкает большинство исследователей. Третья группа уверенно и аргументированно доказывает важность развития науки и предпринимательства.

А между тем сегодня нужны ориентации людей на принятие личных, общественных и государственных целей, идеалов, ценностей, интересов и основываться на исторической памяти, национальной культуре, выражая российскую идею и мечту, смысл существования, историческую миссию России, ее социальное и мировое предназначение.

Достижение этой цели возможно на основе свободного творческого труда граждан и их ассоциаций в рамках народовластного государственного порядка с участием общенациональной патриотически-ориентированной элиты и лидера, выражающего и защищающего национальные интересы российского народа.

Подъем культуры молодежи необходим как вектор ценностной ориентации, а развитие научных знаний - это база для дальнейшей деятельности во всех сферах общества.

Именно культурный уровень мотивирует молодого человека к труду, своему здоровью, окружающей среде, положению в обществе, к семье, гражданскому долгу, к человеческому достоинству. Именно культурная среда определяет формирование позитивных установок отношения к жизни, стрессовым ситуациям, гуманизирует поведение индивида в обществе. Особенно это влияние заметно во время господства извращенных ценностей культуры посредством средств массовой информации. Влияние этой культуры губительно сказывается в подготовке специалистов, не способных воспринимать критически новую информацию и адекватно реагировать на неё в российском обществе.

В структуре общественного мнения российского общества входят три компонента: познавательный, эмоциональный и поведенческий. Для того, чтобы вынести какое-либо суждение, необходимо элементарно обладать знаниями по соответствующему вопросу. Например, современные студенты обладают смутными представлениями о структуре государственной власти в России, несмотря на то, что доступ к информации по этому вопросу не просто открыт, а представлен множеством возможностей. Молодые люди вряд ли способны вынести какое-то суждение относительно, например, объединения Верховного и Высшего Арбитражного судов. Их знания часто ограничены тем, что по данной теме скажут СМИ или Интернет. Гражданскому воспитанию молодежи не

способствуют умалчивание положительных примеров западных стран, обращение к почвенничеству, русскому консерватизму, «уваровской тройке».

Можно выделить общие характерные признаки социальных групп, которые так или иначе отражаются в функционировании общественного мнения в сфере гражданского и патриотического воспитания:

- регуляторами поведения этих групп являются нравы, обычаи, традиции;
- группы имеют свои особенности, жизненные позиции, воздействующие на их образ жизни;
- факторами, влияющими на формирование общественного мнения, служат интересы, потребности и ценности социальных групп;
- каждая группа отличается языком, связанным с субкультурой.

Поэтому необходима общенациональная социальная доктрина, концепция гражданского и патриотического воспитания молодежи при наличии единых стандартов по основным социальным, образовательным, экономическим, культурным индикаторам.

Гражданскому и патриотическому воспитанию был нанесен значительный урон, когда в 90-е годы XX в. псевдолиберальные политики часто произносили слова Семюэля Джонсона о том, что «патриотизм – последнее прибежище негодяя». А сегодня они в Интернете называют страну, в которой получили бесплатное образование, социальное положение, «фальшивой страной». Критика подобных взглядов является неотъемлемой чертой гражданского и патриотического воспитания, поскольку без гражданственности и патриотизма вообще не может быть никакого духовного становления личности. Личность – это человек, развившийся в лоне истории и культуры своего народа. Человек вне патриотизма – это человек вне истории, вне духовного бытия, т.е. человек, лишенный человеческих и гражданских свойств. Еще в XIX Н.А. Некрасов афористичной фразой выразил эту суть: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». («Поэт и гражданин»)

Стало быть, без гражданских качеств и патриотизма можно воспитать лишь получеловека, недочеловека, «манкурта». Несмотря на то, что была принята программа патриотического воспитания, а также Концепция защиты информационной безопасности России социальная реальность в сфере образования свидетельствует о том, что в последние десятилетия с преподаванием истории наблюдались откровенно антипатриотичные моменты.

На уроках истории присутствует негативизм, а героические страницы истории России и русского народа исключаются или нивелируются. В программах школ по литературе, отечественной истории происходит вымывание тем патриотизма и в сознании школьника не укрепляется причастность к русской культуре. Либеральная публика выдвигает тезис: «Любовь к Родине там, где кусок жирнее». Таким образом, можно утверждать, что среди россиян есть люди, которые не просто мешают воспитанию, а стоят на антипатриотических, а стало быть, и на антипедагогических позициях.

Для молодежи патриотизм органически связан с осознанием исторического бытия народа. Родина – это не только сегодняшняя страна, но и вся ее история. История культуры служит основой ощущения духовной связи молодого человека с Отечеством, с Россией. Это любовь к ее прошлому и настоящему, надежда и вера в ее будущее. Становлению антипатриотизма служат те СМИ, которые проводят линию на подрыв безопасности страны. Этому служат в СМИ хулиганские и оскорбительные заявления о патриотизме, телепередачи с кощунственными названиями «Устарел ли Пушкин?», «Возможен ли русский язык без мата?» и т.п. Это оскорбление святынь русского народа: литературный язык – наша святыня. Итак, патриотизм – явление духовное, он связан с духовными традициями народа, а потому патриотизм национален. Есть нации, которые объединяют патриотические усилия многих народов. Так было во время Великой Отечественной войны, когда русский народ объединил патриотические усилия народов России. Воевали все. Объединяющей же силой был русский народ, о котором И.В. Сталин

на торжественном приеме по случаю Победы совершенно справедливо отметил его ведущую роль. Эту правду сейчас пытаются замолчать не только западные лидеры, но отечественные «Смердяковы». Без возвращения народу, создавшему Россию, его имени и достоинства, мы не сможем добиться патриотического сознания в стране.

Сегодня слово «русский» тенденциозно употребляется в основном в связи с негативными явлениями. Это антирусская информационная политика и одно из основных направлений в информационно-психологической войне против России. Таким образом, средства массовой информации, унижая русский народ, защищают антирусские, антироссийские интересы. Вряд ли служат патриотизму подзаголовки в газетах: «Бандитское государство», «Страна дураков», «Царство пьяниц». Так сегодня называют Россию. Это не просто слова, это не только ложь. Это подрыв нашей веры, нашей силы, нашей жизнеспособности. Чтобы спасти нашу жизнеспособность, молодежь, нашу страну, мы должны защищать то, что объединяет эту жизнеспособность, а именно – патриотизм. Нам есть чем гордиться, окидывая взглядом прошлое нашего народа-созидателя. Один из героев романа И.А.Ефремова «Таис Афинская» высказывает актуальную мысль для нашей темы: «...прекрасное служит опорой души народа. Сломав его, разбив, разметав, мы ломаем устои, заставляющие людей биться и отдавать за родину жизни. На изгаженном, вытопанном месте не вырастить любви к своему народу, своему прошлому, воинского мужества и гражданской доблести. Забыв о своем славном прошлом, народ обращается в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить брюхо!»

Патриотизм неразрывно связан всегда с утверждением национального достоинства. Где есть подрыв национального достоинства теми и другими способами, там и подрыв патриотизма в целом, т.е. того, вокруг чего формируется человеческая личность молодежи. Наш патриотизм всегда был гуманистическим. Русские объединяли людей разных вер, защищали людей вне зависимости от их национальности. Родина дала нам счастье быть, знать достоинство нашего народа, она одарила нас несравненным языком, который вместил всё многообразие и все оттенки жизни и в здоровой и стройной чистоте литературной речи являет собой поистине чудо образного отражения мира. И все это обязывает нас защищать не только границы Отечества, но и его историческую память, и его «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» .

Да, мы должны защищать, хранить наследие Отечества и стремиться постоянно быть достойным его. Любовь к Родине – это самоотверженный труд. Нельзя забывать, что гражданин и патриот воспитывается в семье. В перспективе патриотизм нужно возвращать медленно и серьезно через воспитание духовного начала в молодом человеке. Патриотизм возникает через внутреннее побуждение человека, через сознание своей причастности к народу, Родине. Поэтому целью воспитания должно быть возвращение, укрепление духовного начала в молодом человеке через гражданское и патриотическое воспитание. Прорывной идеологией патриотического воспитания может стать та, которая раскрывает социальный смысл и содержание, социальные последствия и результаты социальных изменений в обществе, определит приоритеты и критерии реформаторских усилий. Эта идеология должна быть нацелена на решение основных реальных проблем страны и способствовать возрождению здоровых духовно-нравственных основ и сил общества, выбор пути развития, соответствующий подлинным общенациональным интересам, консолидации «верхов» и «низов» для достижения этих позитивных целей.

1. Бушуев А.С. "Голосуй или проиграешь!": предвыборная компания 1996г. и российская молодежь // Власть. М., 2011. №6, С.46-50
2. Путин видит в активной молодежи будущее России // <http://www.molsm.ru>
3. Ефремов И.А. Таис Афинская. Исторический роман. НИФ. "Посредник", М., 1993. - С.262.
4. Тургенев И.С. Избранное. Русский язык. М., 1968

МИГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ В КРУПНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ ТОЛЬЯТТИ.

Монахов А.С., Батраева Г. В. (Тольятти)

Миграция – общемировая проблема с давних времен. Много веков назад европейский экспансионизм способствовал массовому переселению народов, которое и привело к складыванию многих из мультиэтнических обществ в мире. Но и после этих первоначальных волн глобальной миграции народы, по различным причинам, продолжали переселяться в различные уголки нашего мира. Стоит отметить, что основным участником перемещений по миру является молодое население в возрасте от 16 до 35 лет. Участие молодёжи в мировых миграционных процессах изменяет динамику и интенсивность потоков международной миграции и приводит к возникновению различных социальных, экономических и политических рисков.

Большое значение для миграции молодежи имеют малые и средние города, т.к. они постоянно теряют население. Это особенно относится к малым городам, возникшим около месторождений минерального сырья (по мере выработки месторождений город теряет население), и к моногородам, жизнь которых зачастую зависит от одного единственного градообразующего предприятия.

В рамках данного исследования речь пойдет преимущественно о молодежи г.о. Тольятти, её мотивах и причинах переселения в новые города, т.к. именно молодежь является наиболее мобильной и активной прослойкой общества, от которой в дальнейшем зависит судьба и развитие отдельных стран.

В середине XX века в городе Ставрополь-Тольятти началось строительство ГЭС, химических заводов и Волжского автомобильного завода. Эти события (а в особенности строительство ВАЗа, которому придали статус Всесоюзной ударной комсомольской стройки) стали главным фактором переселения огромного количества молодежи с разных уголков страны на строительство этих предприятий.

На сегодняшний день ОАО АВТОВАЗ является градообразующим предприятием, от деятельности которого зависит дальнейшая судьба города. Это является главной проблемой Тольятти, так как сейчас развитие ОАО АВТОВАЗа значительно замедлилось. Именно этот фактор стал одной из главных причин миграции из Тольятти, которому в период кризиса 2008-го года был придан статус моногорода. Причем уезжает, в основном, молодежь. В итоге города «стареют», используют резервы занятого населения, что приводит к снижению потенциала их развития.

Для того чтобы более подробно рассмотреть данную проблему, нами был проведен опрос учащихся средних школ г.о. Тольятти. Гипотезы исследования были построены на основе сравнения стратегий у представителей статусных школ (лицей/гимназия) и общеобразовательных, поэтому выборочная совокупность представлена в пропорции 50/50.

Для начала мы хотели узнать, есть ли у респондента желание переехать жить в другой город. В результате выяснилось, что 82% опрошенных хотели бы изменить свое место проживания (сравнение между типами учебных заведений показало, что результаты примерно равны между собой). Всего 18% указали, что они не желают менять свое место жительства. В чем же причина столь высокого показателя среди тех, кто желает покинуть город?

Большинство школьников отмечают, что причиной переезда может стать продолжение учебы (38%) и лучшие условия для жизни (43%). Данные условия являются наиболее распространенными среди учащихся школ. Для того чтобы более углубленно

изучить причины переезда, был составлен ряд вопросов, направленных на изучение факторов, которые влияют на решения респондентов.

По мнению участников опроса, в г.о. Тольятти не развита культурно-досуговая (60%), дорожная (61%) и жилищная (58%) инфраструктуры, остается актуальным вопрос о дальнейшем трудоустройстве молодых людей (58%). Чуть меньше половины респондентов отмечают плохое качество медицинских (41%) и образовательных услуг (40%).

Немаловажным фактором является и престижность города. Это объясняется тем, что люди, собравшиеся переехать на новое место жительства, выбирают более перспективные города/страны в поисках лучших условий для жизни. А Тольятти, по мнению большинства старшеклассников (64%), является малоперспективным и непрестижным городом, что и является одним из факторов миграции молодого населения. Только 16% опрошенных указали, что Тольятти является престижным городом.

Стоит также отметить, что более четверти (32%) учащихся указали на то, что статус моногорода тормозит развитие Тольятти. С этим нельзя не согласиться, ведь наличие жесткой зависимости экономики от деятельности градообразующего предприятия не самым лучшим образом влияет на жизнедеятельность города, тем самым увеличивая риски банкротств, безработицы и т.п.

Ранее мы говорили о том, что продолжение учебы является наиболее распространенной причиной переезда в другой город. Мы задали вопрос учащимся: почему Тольятти является менее привлекательными для продолжения обучения, нежели другие города? Наибольшее количество ответов были так же связаны с проблемой трудоустройства в городе по интересующей человека профессии (49%), непрестижностью тольяттинских вузов (49%) и с бытующим мнением, что с дипломом тольяттинского учебного заведения мало возможностей найти достойную работу (47%).

Для более подробной картины необходимо было узнать, хотел бы респондент по окончании вуза вернуться в свой родной город, и что могло бы послужить причиной его возвращения. С одной стороны, этот человек может принести пользу своему родному городу. Но ситуация такова, что 62% старшеклассников не возвращались бы в Тольятти по завершению обучения. А среди причин, которые могли бы повлиять на их возвращение, можно выделить самые распространенные: возможность трудоустройства (46%) и перспективы карьерного роста (43%). Довольно интересным оказалось то, что респонденты выбирают любимого человека, проживающего в Тольятти, в качестве одной из главных причин (46%) для возвращения, что является, с одной стороны, достаточно позитивным фактором. Но, с другой стороны, на выбор в пользу возвращения факт привлекательности/непривлекательности Тольятти не оказывает никакого влияния.

На основе полученных и описанных результатов можно сделать вывод о том, что главной причиной, влияющей на отток молодежи из Тольятти, является проблема с трудоустройством, что в принципе является проблемой любого моногорода.

Ни для кого не секрет, что сегодня малый и средний бизнес становятся теми звеньями, без стимулирования которых невозможно социально-экономическое развитие города. Без них также невозможно в полной мере обеспечить население работой. Сегодня трудоспособная молодежь уезжает учиться в другие города, при условии, что она не собирается возвращаться обратно. Именно поэтому Тольятти рискует лишиться значительной части средств в бюджете, ведь одной из важнейших статей в городском бюджете является подоходный налог с физических лиц, а именно с трудоспособного населения.

Нельзя забывать о том, что город теряет, по большей части, наиболее талантливых молодых людей, которые не могут реализовать весь свой потенциал в условиях родного города. Потому необходимо повышать престиж тольяттинских вузов и самого Тольятти в глазах молодых тольяттинцев. Иначе наш город продолжит терять молодые и перспективные кадры, которые могли бы приносить пользу своему родному округу.

1. Блантер С., Нагайцева Е. Социологические подходы к изучению миграции // *Методология и методы изучения миграционных процессов*. – 2007. – с. 259-294.
2. Вертелецкая Н.П. Миграционная политика в условиях глобализации // Н.П. Вертелецкая / *Мир и политика*. – 2012. - №11. с. 30-35.
3. Гидденс Э. Глобальная миграция // Э. Гидденс / *Социология*. – 2005. с. 234.
4. Цветкова И.В. Престиж города в представлениях молодых тольяттинцев // И.В. Цветкова / *СоцИс*. – 2010. - №3. с. 106-111.

РОССИЙСКОЕ СЕЛО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Муханова М.Н. (Москва)

Сельское хозяйство всегда было и будет первичным звеном в выполнении продовольственной программы России. Особенно в условиях рисков, вызванными экономическими санкциями ЕС, США и глобальных экологических катастроф. Успешное развитие сельского хозяйства во многом зависит от качества человеческого капитала. А оно определяется ролью сельской молодежи, ее инновационным потенциалом.

Анализ положения сельской молодежи основан на нескольких эмпирических исследованиях. Это панельные данные РМЭЗ НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» за 1994-2013 гг. используются репрезентативные результаты индивидуальных интервью сельской молодежи с 15 до 30 лет в 38 регионах России. Результаты этого мониторинга показывают динамический ряд показателей, характеризующих изменения в структуре сельской молодежи.

Комплексное наблюдение условий жизни населения, обследование проведенное Росстатом в 2011, 2014 гг. в 83 регионах страны во всех административно-федеральных округах, где используются индивидуальные интервью молодежи.

В России сегодня в большинстве сельских поселений отсутствуют необходимые организационные и материально - технические ресурсы для обеспечения повседневной жизни селян. Низкий уровень комфортности проживания в сельской местности влияет на миграционные настроения сельского населения, особенно молодежи. Соответственно сокращается источник расширенного воспроизводства трудовых ресурсов аграрной отрасли.

За последние 12 лет число занятых в сельском хозяйстве сократилось более чем на 2,5 млн. человек. Миграционный отток из сельской местности только за 2011 г. стал самым большим за последнее десятилетие. Причиной тому была миграция молодежи в возрасте 14-29 лет, доля которой за 2011 г. составила 58,3% (это 411 тыс. человек) против 48% в 2009 г. [1, с. 22-23]. Основная причина миграции молодежи обусловлена поиском работы не только в своих областных городах, а в основном в мегаполисах – в Москве и Санкт-Петербурге. Там больше шансов преуспеть в жизни.

За период с 1990 по 2002 гг. интенсивность миграции из сельской местности оставалась низкой, несмотря на то, что большинство выпускников сельских школ уезжали в города и не возвращались в села. Их замещали русскоязычные мигранты из стран СНГ. При этом впоследствии многие молодые мигранты и их дети уезжали в города.

Данные показывают, что в конце советского периода (1989 г.) доля детей в возрасте до 14 лет была самой высокой (25%). Интерес к этой группе проявляется как к совокупности формирующей сельскую молодежную когорту. В последующие годы из-за спада рождаемости и миграции численность этой возрастной группы снизилась до 18,2% в 2013 г. Несмотря на это, в целом возрастная структура сельской молодежи практически не изменилась. В отдельные годы наблюдался рост численности в возрастной когорте 20-24 года. Этот прирост происходил в основном за счет прибывших русскоязычных

мигрантов из ближнего зарубежья. Тем не менее, в 2013 г. их численность существенно снизилась.

Как отмечалось выше, основной причиной высокого уровня миграции сельской молодежи является безработица. По данным переписи населения 2010 г., уровень безработицы выше среди сельской молодежи по сравнению со старшими возрастными стратами и городской молодежью. В возрастных группах от 20 до 24 лет и от 25 до 29 лет уровень безработицы среди сельского населения в 1,4 раза выше, чем среди городского. Более половины (почти 60%) безработных сельского населения составляет молодежь в возрасте 15-29 лет [2]. Эта ситуация практически не изменилась и в 2013 - 2014 гг.

Если посмотреть структуру безработных по образованию, то большинство из них имеют общее среднее образование, без какой-либо профессиональной подготовки.

В структуре сельской молодежи по уровню образования на протяжении рассматриваемого периода с 1994-2013 гг. преобладают лица с законченным средним образованием. Правда их численность в 2013 г. снизилась до 35,3% (в 1994 г. эта доля составляла более 50%). Численность молодежи с высшим образованием увеличилась на 60%. Такой рост обусловлен, прежде всего, институциональными изменениями в сфере высшего образования в постсоветский период.

Однако среди сельской молодежи только каждый пятый имеет высшее образование. В возрастной группе 15-22 года число тех, кто имеют незаконченное среднее образование и образование, полученное после окончания профессионального училища, различных профессиональных курсов увеличилось с 23% в 1994 г. до 53,3% в 2013 г. В возрастной группе 23-30 лет они увеличились в 3 раза с 6,5% до 22,3%. Более трети молодых селян имеют незаконченное среднее образование. Налицо снижение их образовательного уровня, в советский период таковых было 15%.

Несмотря на рост образовательных показателей, следует отметить, что в сфере АПК высшее профессиональное образование имеют только 16,2 % работников, а около 40 % вовсе не имеют профессионального образования. Из 24 тыс. руководителей сельскохозяйственных организаций лишь 68% имеют высшее образование, 24% - средне-профессиональное образование. При этом только каждый пятый из них имеет экономическое или управленческое образование [1, С. 21, 31].

По данным РМЭЗ НИУ-ВШЭ в 2013 г. в структуре занятости модальной группой являются работающие на предприятии, в организации, колхозе, совхозе, кооперативе. Таких 52% в возрастной категории от 23 до 30 лет. Большинство из них работают в торговле (20%), в образовании и здравоохранении (14,0%), сельском хозяйстве (12,0%), строительстве (11%), пищевой промышленности (7%). Несмотря на то, что за два десятилетия численность предприятий социальной сферы на селе сократилась, молодежь работает в школах, медпунктах, предприятиях торговли, бытового обслуживания, досуга, почты, а также в сельском совете. Привлекательность труда работающих в бюджетных организациях состоит в том, что им гарантируется относительно стабильная занятость и денежная оплата труда, которая может быть минимальной.

В структуре занятости сельской молодежи велика доля безработных, находящихся в поиске работы (34,0%), а также тех безработных, которые не ищут работу и не пытаются куда-либо устроиться (32%). Возможно, кто-то из них находится на подхвате, т.е. люди свободного труда, выполняют работу фрилансера. Другие ведут асоциальный образ жизни (тунеядцы, алкоголики и пр.). В два раза сократилась доля молодых селян работающих на предприятии, в организации, колхозе и совхозе в возрастной категории от 15 до 22 лет. По данным Росстата около 33 % занятых в неформальном секторе на селе составляет молодежь, для которой работа в ней является основной и где они подвергаются различным рискам, вытекающим из нестабильной трудовой жизни. Причинами тому является низкооплачиваемый труд, не защищенный законодательством, отсутствие прав в сфере труда и социальной защиты.

В 2013 г. по сравнению с 1994 г. доля работающей сельской молодежи увеличилась в профессиональных группах, где требуется соответствующий образовательный уровень. Если проследить внутригрупповое изменение состава профессионалов с высшим образованием, то следует заметить, что отсутствуют среди молодых такие сельскохозяйственные специалисты как: агрономы, ветеринары, зоотехники. Особенно заметный рост среди занятых (почти в 3 раза) произошел в торговле и сфере обслуживания (с 5,6% до 15,4%), а также увеличилась численность молодых профессионалов со средним специальным образованием. В этой же возрастной категории сократилась доля разнорабочих (неквалифицированные рабочие), видимо из-за банкротства сельхозпредприятий с 22% в 1994 г. до 12,6% в 2013 г. Также снизилась доля промышленных рабочих, ремесленников возрастной категории от 15 до 22 лет. Среди работающих молодых селян отсутствуют квалифицированные сельскохозяйственные рабочие.

Анализ данных показывает, что уровень адаптации молодых селян к изменившимся условиям труда и жизни проявляется в динамике занятости и трансформации социально-профессиональной структуры сельского населения. В социальной структуре на селе практически отсутствуют молодые специалисты-профессионалы, традиционно обслуживающие различные отрасли сельского хозяйства. Среди сельской молодежи велика доля безработных и занятых в неформальном секторе, чрезмерное преобладание неквалифицированных рабочих при отсутствии квалифицированных кадров. Среди сельских бедных широко представлена работающая молодежь.

1. *Состояние социально-трудовой сферы села и предложение по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 2011 г.: науч. изд. Отв. за доклад Торопов Д.И. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2012. Вып. 13.*
2. *Труд и занятость. 2010-2013 гг. Трудовые ресурсы URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 28 мая 2014 г.).*

МОЛОДЕЖНАЯ МОДА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мухутдинова А.И. (Екатеринбург)

Мода – явление неуловимое, неоднозначное и загадочное. Мода – явление социальное и требующее изучения. Будучи отражением общественной ситуации, мода, это тот феномен, изучая который мы можем дать точную оценку нормативно-ценностным ориентирам того или иного общества. Важнейшие культурно-исторические события находят свое выражение в появлении разнообразных модных образцов.

Актуальность изучения моды в рамках социологии подтверждают существующие противоречия: с одной стороны, мода – продукт и источник социального неравенства, с другой стороны, она является результатом развития социального равенства. С одной стороны, мода подавляет индивидуальность, с другой – способствует ее развитию [3].

Одними из первых социологических исследований моды считаются работы Т. Веблена (1899) и Г. Зиммеля (1904). Оба социолога считали, что мода формируется в высших слоях и понимали ее как феномен классового общества.

Т. Веблен представил теорию моды в книге "Теория праздного класса: экономическое исследование институций". Согласно теории, представителям высших слоев присуще потребление на показ. Функция моды - демонстрация статуса и материального положения. В США новый богатый слой прибегал к демонстративному использованию любых потребительских благ, включая модную одежду. Помимо дороговизны, такая одежда была нарочито нефункциональной, что создавалось покроем.

Этим она отличалась от недорогих практичных вещей представителей низших слоев. Чтобы отвечать назначению, одежда богатого собственника "должна не только быть дорогой - нужно, чтобы всякому наблюдателю становилось ясно, что ее владелец не занят ни в каком виде производительного труда...не может быть причастным ни к какому занятию, прямым и непосредственным образом представляющему собой какую-нибудь общественную пользу" [2]. Модная одежда подчеркивала непроеводительную трату времени - "демонстративную праздность" как элемент стиля жизни богатых.

В то же время, низшие слои обществ стремятся скопировать потребительскую модель высших слоев и приблизить свое социальное положение к более высокому. Безусловно, одежда выступала здесь как один из наиболее простых способов символической мобильности. Однако подобное занятие более высокой позиции оказывалось недолгим: подхваченные большинством модные образцы теряли свойство давать уважение и почет избранным. Это приводило к тому, что высшие слои обращались к поиску новых отличающих элементов, что меняло моду [2].

А. Б. Гофман отмечает, что существует две наиболее активные категории участников моды – молодежь и женщины [3].

Молодость – это особый период жизни человека, который характеризуется как этап формирования самосознания, становления устойчивой системы ценностей, создания социального статуса личности. Именно в этот период актуализируется мода как поведенческий фактор, модное поведение становится важным, предоставляя возможности определения и упрочнения установок, вкусов, интересов и потребностей личности.

Молодые люди не боятся перемен, а наоборот стремятся к ним. Именно молодежь является основным потребителем моды. Еще одна особенность молодых людей в том, что критическое мышление у них только начинает формироваться, на них можно оказывать влияние, особенно успешно это делают СМИ. Заметен и тот факт, что молодежь быстрее реагирует на смену моды, чем основная масса населения. Эту тенденцию можно особенно хорошо проследить по внешнему облику молодых людей. Мода связана с инстинктом подражания. В этом есть одно из противоречий, присущих молодежи — быть как все и в то же время выделяться.

У современной российской молодежи сложились, как утверждают исследователи особые потребительские практики. Она не застала пустых полок в магазинах, продуктовых талонов. На передний план вышла проблема ориентирования в сложившемся изобилии. Шопинг стал рассматриваться как особая культурная практика, выполняющая важные социализирующие функции [4].

Однако кризис внес свои коррективы в потребительские практики граждан страны. При этом внимание фокусируется на доступности продуктов питания и социальных услуг. Но у молодежи, как отмечает Г. Сабирова, структура расходов иная, чем у взрослых. «У молодежи доминирующее значение занимают траты, связанные с проведением досуга, а также покупки, относящиеся к сфере демонстративного потребления. Причем последнее касается не только ребят из обеспеченных, но и из бедных семей, которые стремятся найти способы не отставать от сверстников» [5]. Но при этом стоит отметить, что молодежь оказывается изобретательна на альтернативные потребительские практики, например: вечеринки по обмену вещами, интернет - барахолки, покупки вещей совместно и дальнейшее их использование по очереди [1].

Л. Ятина отмечает, что «изучая моду, социолог может выявить факты того же порядка, что и в других сферах общественной жизни (политической, экономической, культурной и т. д.): факты ценностной динамики и стратификации. Изучение этих явлений именно в сфере моды может оказаться куда более плодотворным, чем традиционная ориентация социологов на сферы экономики и политики, так как мода связана с повседневным проявлением ценностей в жизни людей. Выбор курса экономических реформ - ценностная проблема, встающая раз в десятилетие; выборы президента - проблема, встающая раз в пять лет; выбор одежды - проблема, встающая каждый день. В

основе существования общества лежат единые ценности, проявляющиеся в различных сферах общественной жизни, поэтому, изучая повседневное проявление ценностей в моде, социолог может оказаться ближе к пониманию общества в целом» [6]. Этим высказыванием мы хотим еще раз подчеркнуть актуальность изучения моды в рамках социологии и заявить о намерении последующего исследования в рамках социологии моды.

1. *Алябьева Л. Теория обмена, или поносил сам - передай другому // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2009. N 12.*
2. *Веблен Т. Теория праздного класса М.: Прогресс. 1984.*
3. *Гоффман А. Б. Мода и люди. Новая теория модного поведения. М.: КДУ, 2010.*
4. *Омельченко Е. Л. Поколение Text: новые имена молодежной культуры // Рекламные идеи. 2008. N2.*
5. *Сабирова Г.А. «Кризис где-то и параллельно»: особенности изучения молодежи в условиях экономического спада // Социологические исследования. 2012. № 5.*
6. *Ятина Л. И. Мода глазами социолога: результаты эмпирического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. N 2.*

РАЗРЫВ С РОДСТВЕННИКАМИ КАК ФАКТОР ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ ПОВЫШЕНИЮ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ К СОБЛЮДЕНИЮ РЕЖИМНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ

Назарова М.А. (Санкт-Петербург)

Исторически первичная цель исправительной системы, основанной на представлении о том, что злодеяние есть всегда злоумышление, состояла в исполнении наказания. Когда конкретная форма мести общества повлекла за собой лишение свободы, общество защитило себя путем изоляции преступника.

К сожалению, защита общества, вторая цель наказания, действует лишь на ограниченный период времени, в течение которого преступник зачастую еще больше укрепляется в своем криминальном поведении. Эта точка зрения поддерживается показателями рецидивов. Так, количество несовершеннолетних осужденных повторно отбывающих наказание в воспитательных колониях: 2012 год – 1183 подростка, 2013 год – 963, 2014 год – 714.

Третья цель пенитенциарной системы, устрашение, основанное на представлении о том, что наказание преступника будет служить негативным примером для других, тем самым снижая вероятность совершения подобных деяний. К сожалению, исход криминальных действий сопряжен с большой неопределенностью; неизвестно, насколько хорошо работает устрашение.

В свою очередь общество не рассматривает преступников, как полноправных членов общества, считая, что они отбывают заслуженное наказание и не могут быть клиентами социальной работы. Однако в системе мест лишения свободы воспитательные колонии имеют особое значение. Задача их — возвращение несовершеннолетних, совершивших преступления, на путь правопослушания, уважения установленного в обществе правопорядка, интересов других граждан, общества и государства.

Проявление антисоциального поведения подростков в первую очередь проявляется в правонарушении. По нашему мнению, истоки антисоциального поведения, непризнание норм и правил, установленных в обществе кроются в семье.

Семья, являясь одной из важнейших сфер социальной адаптации человека, напрямую влияет на становление личности подростка, определяет его самосознание,

влияет на его социальную ориентацию, в ней закладываются основы его сознания и характера, моральные качества и волевые свойства.

Отклонения в поведении несовершеннолетних в большинстве случаев обусловлено семейной дезадаптацией.

Психологический климат в семье, статус родителей, их социальные роли и правовое поведение создает безопасную психологическую атмосферу, привычную среду обитания и душевный комфорт. Только личный пример родителей, их отношение к окружающему миру, обществу, государству закладывает основу социального воспитания детей.

В рамках социальной адаптации к соблюдению режимных требований воспитательной колонии особое внимание работниками уделяется организации учебно-воспитательного процесса несовершеннолетних осужденных. Этот процесс преследует цель добиться исправления подростков и подготовить их к самостоятельной жизни путем формирования у них законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, получения начального профессионального образования, профессиональной подготовки, повышения образовательного и культурного уровня.

Первоочередная задача административного и педагогического состава колонии — сформировать убеждение у несовершеннолетних осужденных в жизненной необходимости достижения данной цели. Без решения этой психолого-педагогической задачи деятельность по исполнению уголовного наказания может оказаться неэффективной.

Стоит отметить, что отбыв наказание, несовершеннолетний осужденный возвращается в семью. Практика работы с несовершеннолетними осужденными показывает, что корректировке в первую очередь подлежат отношения между несовершеннолетним осужденным и его родными, так как семья является потенциалом для становления несовершеннолетнего осужденного на путь исправления. Данное направление на сегодняшний день находится в стадии развития, поиска основных методов в работе с несовершеннолетними осужденными и родственниками.

ВЛИЯНИЕ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ВЫБОР СПОСОБА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПО МОСКВЕ

Николаева И. (Москва)

В условиях жизни в современном мегаполисе невозможно однозначно ответить на вопрос о том, какой из существующих вариантов передвижения по городу является оптимальным: общественный транспорт или личный автомобиль. Ежедневно с проблемами транспортной системы сталкиваются и жители Москвы. Одним из ярких примеров является проблема с перегруженностью дорог, так, в 2013 году Москва заняла первое место среди европейских городов по загруженности дорог [8]. Опрос жителей города показал, что данная проблема является актуальной и требует эффективного решения [9]. В настоящее время значительный объем социальных и финансовых ресурсов направлен на поиск оптимального решения рассматриваемого вопроса. Тем не менее, несмотря на то, что различные медиа призывают москвичей стать участниками решения проблемы и пересечь на общественный транспорт, люди все еще активно используют личный транспорт. Выходит, что люди предпочитают тратить свое время в многочасовых пробках использованию общественного транспорта, что, на первый взгляд, кажется примером иррационального поведения. С другой стороны, многочисленные заторы на дорогах не являются единственной проблемой транспортной системы Москвы,

общественный транспорт зачастую перегружен и автопарк находится не в лучшем состоянии.

Итак, существует множество факторов, которые могут повлиять на выбор того или иного способа передвижения, среди которых стоит выделить загруженность дорог, цену на парковки и комфорт, с одной стороны, и неудобство и экономию общественного транспорта, с другой. Несмотря на то, что характеристики (достоинства и недостатки) различных способов передвижения были изучены уже неоднократно, все еще остается нерешенным вопрос, как жители столицы выбирают, каким видом транспорта им воспользоваться, какие внешние и внутренние факторы имеют влияние на данное решение.

Настоящее исследование было нацелено на изучение влияния таких ценностей, как достижение, универсализм, самостоятельность и власть на выбор автомобиля как способа передвижения. Нас интересовало прямое и непрямое влияние этих ценностей на поведение жителей Москвы. Можно предположить, что большинство людей при выборе все же будут руководствоваться объективными характеристиками ситуации и ее восприятием, но в данном исследовании основное внимание уделено именно надситуативной составляющей данного выбора, за которую и отвечают базовые ценности. Возможно, люди, делая свой выбор, обращают внимание не только на фактор экономии или удобства, но, например, также стараются нанести меньший вред экологии города. Таким образом, можно сформулировать главный исследовательский вопрос данного исследования: зависит ли выбор способа передвижения от базовых ценностей. В данном исследовании предполагалось ответить на вопрос, почему некоторые люди, ежедневно сталкиваясь с проблемой пробок, все равно продолжают использовать автомобиль?

Решение о проведении исследования только на территории Москвы и Московской области объясняется тем фактом, что данный вопрос здесь наиболее актуален в связи с многочисленными проблемами городского пространства из-за перегруженности дорог автомобилями. Более того, правительством города постоянно вводятся ограничения, среди которых можно отметить недавнее нововведение относительно платной парковки внутри третьего транспортного кольца, которое будет осложнять ситуацию. В качестве генеральной совокупности выступали только студенты Москвы, которые обучаются в центре города. Будут изучены студенты, так как у них, в отличие от более взрослого поколения, есть возможность приобретения студенческого проездного на метро и автобусы, что делает общественный транспорт для них более доступным.

Теоретическая основа для данного исследования представлена обширной литературой, использующей теорию запланированного поведения А. Айзена и теорию базовых ценностей Ш. Шварца. Айзен полагает, что главным предиктором поведения является намерение, в основе которого лежат установки человека относительно ведения (*attitudes*), субъективные нормы (*subjective norms*) и представление о контроле над действиями (*perceived control*) [1, 179-211]. Итак, в качестве основной теоретической рамки данной работы будет выступать теория запланированного поведения Айзена, в которую “вписывается” теория измерения ценностей Шварца. Другими словами, теория Шварца в данном случае будет выступать в качестве инструмента для проверки поставленных гипотез о влиянии ценностей. Данная работа частично основывается на работе Бамберга и Шмидта, которые проводили похожее исследование, изучая выбор способа передвижения с использованием теории запланированного поведения [4, 264-285].

При сборе данных был использован метод интернет-опроса, так как данная форма наиболее эффективна при проведении опроса студентов. В результате для анализа были использованы 248 наблюдений. В качестве основного метода анализа данных было выбрано моделирование структурными уравнениями (SEM). Метод построения структурных уравнений позволяет определить, насколько хорошо определенная теория описывает полученные данные [5].

Рис 1. Структурная модель исследования
(Стандартизированные коэффициенты)

Подводя общие итоги по проделанной работе, можно положительно ответить на исследовательский вопрос о наличии влияния базовых ценностей на выбор способа передвижения по Москве. В ходе анализа было выявлено, что практически все рассматриваемые базовые ценности, за исключением ценности универсализма, не имеют статистически значимого влияния на установки относительно поведения. Ценность универсализма влияет на предпочтение автомобиля общественному транспорту (-0,077), однако было выявлено, что это влияние обусловлено экологическими установками и установками по отношению к использованию автомобиля. Экологические установки также имеют не прямое отрицательное влияние на предпочтение автомобиля для передвижения по городу (-0,171). В случае с влиянием экологических установок на выбор способа передвижения, медиатором выступает показатель, отвечающий за установки по отношению к автомобилю, который, в свою очередь, имеет положительное влияние на выбор способа передвижения (0,434). Таким образом, в ходе исследования было доказано наличие непрямого влияния базовых ценностей (универсализма) на выбор способа передвижения. Гипотеза о негативном влиянии экологических установок (знание последствий использования автомобиля и осознание проблем экологии) была подтверждена. Таким образом, чем больше человек осведомлен об экологическом аспекте использования автомобиля, тем он более склонен к выбору общественного транспорта для передвижения по городу.

Однако, как и у многих других социологических исследований, у данной работы имеются свои ограничения. Так, первая причина, которая не дает возможности перенести результаты, полученные в ходе анализа, на генеральную совокупность, заключается в методе сбора данных. Был использован метод стихийного отбора, ссылка на анкету была размещена на сайте, соответственно, любой желающий студент мог поучаствовать в опросе. Второе ограничение данной работы заключается в том, что люди сами определяли характеристики поведения, другими словами, исследовалось скорее субъективное восприятие поведения респондентами. И последнее ограничение связано с теоретической возможностью обратных причинно-следственных связей, так как, вероятно, не все условия каузальности в данной модели соблюдаются. Так, возможна обратная связь между субъективными нормами и установками по отношению к использованию автомобиля.

Дальнейшие исследования в данной области должны, в первую очередь, расширить количество факторов, влияющих на выбор способа передвижения. Возможно, стоит изучить влияние других базовых ценностей или же включить в анализ больше переменных, отвечающих за объективные факторы, зависящие от ситуации. Стоит также отметить тот факт, что в данном исследовании участвовали исключительно студенты, и речь шла о регулярном маршруте до университета. Так или иначе, стоит продолжить изучение социологического аспекта данной проблемы, так как, возможно, именно глубинное исследование причин выбора автомобиля поможет сделать общественный транспорт более привлекательным способом передвижения в глазах москвичей.

1. Ajzen, I. (1991). *The theory of planned behavior. Organizational behavior and human decision processes*, 50. 179-211.
2. Ajzen, I., Fishbein, M. (1980). *Understanding attitudes and predicting social behavior. Library of congress cataloging in publication data*.
3. Bamberg S., Schmidt P. (1998). *Changing travel-mode choice as a rational choice: results from a longitudinal intervention study. Rationality and Society*. 223-252.
4. Bamberg S., Schmidt P. (2003). *Incentives, morality, or habit? Predicting students' car use for university routes with the models of Ajzen, Schwartz, and Triandis. Environment and behavior* 35(2). 264-285.

5. Schumaker R. E., Lomax R. G. (2004). *A beginner's guide to structural equation modeling*. 2nd ed. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.
6. Schwartz, S. H. (2012). *An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values*. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). [online] URL < <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116>> Дата доступа [1 февраля 2015].
7. TomTom annual report 2013. [online]. URL: <http://www.tomtom.com/lib/doc/trafficindex/2013-0322-TomTom-CongestionIndex-2012-Annual-EUR-km.pdf> (дата обращения 01.02.2015).
8. Левада-центр(2013).. *Социальные проблемы и гражданское участие москвичей* [online]. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/sotsialnye-problemy-i-grazhdanskoe-uchastie-moskvichei> [Дата доступа 3.12.2014].

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Озерова Е.А. (Ростов-на-Дону)

В современном обществе интерес к проблемам семьи и брака резко возрос в связи с происходящими кардинальными изменениями во всех сферах общественной жизни, которые оказывают влияние на человека и его положение в социальной системе. Изучение основных тенденций развития семейно-брачных отношений молодежи является необходимым и актуальным, поскольку именно от молодого поколения зависит будущее состояние общества.

Необходимо отметить, что в обществе формируется общая тенденция переориентации от группы, на самого себя. То есть произошла смена приоритетов не на создание семьи, а на индивидуалистические ценности. Главной тенденцией в семейном сфере является нуклеаризация семейных форм, все большее количество молодых людей предпочитает жить и вести хозяйство независимо от родительских семей.

Также, когда в обществе стали царить равноправные отношения между полами, каждый индивид стал равноценным для общества, произошло распространение эгалитарных отношений в семье.

Произошел переход от многодетности к малодетности. Причем чем более обеспечена семья, тем у нее меньше детей, и наоборот. Среднее количество детей в семье не превышает двоих, несмотря на то, что существуют федеральные и региональные программы поддержки семей, имеющих двоих и более детей. Молодые люди не торопятся заводить детей сразу после вступления в брак, а «хотят пожить для себя».

Самой распространенной тенденцией среди молодого поколения стало сожительство – так называемый «гражданский брак». В данном вопросе существует два подхода. Первый – когда сожительство рассматривается, как добрачный период отношений, который в дальнейшем может перерасти в брак. Молодые люди хотят примерить на себя роли мужа и жены, пожить вместе, вести общее домашнее хозяйство. Второй подход – рассматривает сожительство, как альтернативная форма брака. То есть этот союз никогда не будет официально зарегистрирован, и членов такой семьи устраивают такие отношения. Гражданский брак удобен для молодых людей по многим причинам, его можно очень быстро и без последствий расторгнуть, ответственность в таком союзе весьма низкая. Но, все-таки, большинство молодежи, считают сожительство обязательным добрачным этапом, чтобы проверить, как в дальнейшем сложится союз. Эти тенденции предвидела Маргарет Мид, которая предложила модель «двухступенчатой семьи», на первой ступени – «индивидуалистическая семья», мужчина и женщина живут для себя, ради сексуального сожительства, не имеют детей. Вторая ступень - «родительская семья», характеризуется этапом рождения детей. Необходимо отметить, что эти ступени могут существовать вместе, а могут по отдельности. Сожительство или «индивидуалистическая семья» может перерасти в «родительскую семью», а может остаться на своей ступени или распасться. Также и «родительская семья» может

существовать и без первой ступени. В нашем обществе существуют обе ступени в различных вариациях. Необходимо добавить, что общество считает такую форму отношений приемлемой и допустимой – 81%. Лишь 16% опрошенных осуждают такие союзы [1].

Очень часто регистрация брака происходит после беременности женщины, особенно это распространено в молодежной среде. Появление ребенка вынуждает пару создать семью. Но также часто можно отметить и негативную тенденцию – появление «матерей-одиночек», когда по каким-либо причинам женщина остается одна и вынуждена воспитывать ребенка самостоятельно. Эта тенденция подтверждает наше предположение о том, что молодые люди не хотят брать на себя ответственность и обязательства, и поэтому в большинстве случаев, когда женщина узнает, о том, что в не официальном союзе с мужчиной у нее появится ребенок, мужчина бросает женщину, не желая обременять себя семьей. К таким матерям общество относится с пониманием, и считает, что это вполне объяснимое явление и с каждым это может произойти – 72% [1].

Другой тенденцией является увеличение возраста вступления в брак и рождения детей. Самым оптимальным возрастом считается 23-27 лет. Это обусловлено тем, что брак становится взвешенным и рациональным решением, прежде чем создать семью, большинство молодежи хотят добиться экономической стабильности, получить образование, найти работу. Самым приемлемым возрастом для рождения детей для женщин россияне считают возраст 21-24 года, для мужчин – 25-28 лет [2].

Также существуют семьи, в которых супруги вообще не хотят заводить детей – «чайлд фри». К счастью данная тенденция не имеет большого распространения в нашей стране. Но социальное отношение к таким семьям за 25 лет изменилось и стало более лояльным, такие семьи не осуждают 79% опрошенных [1].

Еще одной из негативных тенденций является все возрастающее количество разводов среди молодого поколения, когда молодые люди, прожив совместно не много времени, сталкиваясь, с какими-либо трудностями, в основном бытовыми, экономическими, или связанными с изменами супругов, и которые в дальнейшем приводят к разводам. Это может свидетельствовать о неподготовленности молодежи к семейной жизни, к распространению ценности все позволяющей свободы, к ценностям эгоизма, безответственности. Часто молодому поколению не на кого ориентироваться, поскольку родительская семья может быть неполной, находится в разводе или просто не показывать хороший пример для подражания.

Несмотря на происходящие изменения в обществе семья является базовой ценностью для молодых россиян. Но очень важно, что в представлениях россиян не сохраняется модель полной семьи. Все большее количество россиян отодвигают рождение детей. На первый план выходит достаток, материальное обеспечение, обеспечение хорошей работой.

Все процессы происходящие с семьей непосредственно коррелируют с проблемным фоном страны. Это низкий уровень доходов, безработица, отсюда и боязнь заводить семью и детей, т.к. невозможно обеспечить нормальное существование для своей семьи. В селах данная тенденция приобретает критические отметки. Уровень жизни, материальное обеспечение находятся на очень низком уровне. Но в данном случае необходимо не только обращать внимание на экономические аспекты и проблемы современных семей. Также велика роль распространения либеральных идей, идей эгоцентризма, идеологии потребления. Что непосредственно отражается на таком социальном институте, как семья.

Сталкиваясь со всеми этими проблемами молодое поколение, находится на перепутье, поэтому обществу и государству необходимо направить все усилия на подготовку молодежи к семейной жизни, пропаганде семейных ценностей, что обязательно повлечет за собой положительные изменения.

1. <http://wciom.ru> // Электронный ресурс: Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ: «Брак, дети, супружеские измены: сейчас и 25 лет назад» проведен 6-7 декабря 2014 г. Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях, республиках России. С
2. <http://fom.ru> // Электронный ресурс: «ФОМнибус» – «Оптимальный возраст для рождения детей», 14 Октября 2014 ФОМ, опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 5 октября 2014. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Пакина Т.А. (Нижний Новгород)

Трудовые установки и ценности являются значимыми компонентами трудового поведения молодежи. Процесс их формирования продолжается в течение длительного времени, первоначальным этапом которого является формирование базовых ценностей в семье и встраивание труда в систему общечеловеческих ценностей и ориентаций. Именно в семье, в процессе трудовой социализации закладывается фундамент личности, в том числе, модели будущего трудового поведения и ценности труда. Каким образом происходит формирование трудовых установок и ценностей современных студентов, под влиянием каких факторов? Каково место труда в системе базовых ценностей современного студенчества? – На эти и другие вопросы пытаются ответить авторы социологического исследования.

Прикладная составляющая работы выполнена на основе авторских исследования потенциала семьи в трансляции трудовых ценностей подрастающему поколению, а также динамики молодежной занятости и трудовой социализации, проводимого в вузах г. Нижнего Новгорода в 2013 году. Анализ результатов анкетных опросов молодежи позволяет получить целостную и достаточно полную картину социально-экономического состояния современного российского общества на основе репрезентативной выборки. В конструировании выборки применялся кластерный отбор – таким образом, было отобрано два государственных вуза города Нижнего Новгорода по два факультета в каждом, всего 300 студентов-респондентов. Анализ данных проводился с использованием «Статистического пакета для социальных наук» (SPSS).

Молодежь 17-27 лет – исследовательская целевая группа – составила 250 человек, из них 28,5% мужчин и 71,5% женщин. Средний возраст респондентов – 21 год (в опросе участвовали студенты в возрасте от 17 до 27 лет). Это молодые люди, в основном только начинающие свою подготовку к профессиональной деятельности или уже имеющие некоторый опыт трудового поведения. Именно для этого возраста характерно получение профессионального образования и начало трудовой социализации, активное освоение основных трудовых навыков, знаний и норм, их практическое применение и совершенствование. Данный возрастной период характеризуется личностным и профессиональным поиском, нередко сопровождающимся многократной сменой места работы или профессии. В рамках проекта изучались ценностные ориентации и трудовые установки студентов.

Респондентам было предложено оценить, насколько значимыми для них являются следующие ценности: «престижная работа», «высокий доход», «возможность самореализации», «интересная работа», «общественно-полезный труд», «семейное благополучие», «здоровье», для чего студентов попросили расположить по рангу от 1 до 7 данные базовые ценности, при этом ранг 1 присваивался наиболее важному значению, 7 – наименее важному. Ключевые ценности студентов расположились следующим образом:

на первом месте стоит семейное благополучие – 41,6% и 25,4% опрошенных студентов поставили данную ценность на первое и второе по значимости места соответственно. На втором месте по важности для респондентов располагается здоровье – его выбрали в качестве главной составляющей жизненного благополучия 25,5% (ранг 1) и 23% (ранг 2). Примечательно, что довольно высоким оказалось количество студентов, присвоивших более низкий ранг данной позиции – рангами 5 и 6 обозначили ценность здоровья 14,7% и 11,8% студентов соответственно. По мнению авторов, данный факт говорит о том, что для значительной доли молодых людей не характерно серьезное отношение к собственному здоровью: благодаря молодости и жизненной силе молодежь меньше людей старшего возраста подвержена заболеваниям и беспокойству по поводу здоровья. На первый план у молодых людей выходят иные ценности с очень близкими средними ранговыми значениями: интересная работа (ранг 3), высокий доход (ранг 4) и возможность самореализации (ранг 5).

Значимость интересной работы оценивают очень высоко более 75% респондентов: ранг 1 присвоили данному параметру 11,3% респондентов, ранг 2 - 17,2%, ранг 3 - 27,5% и ранг 4 – 19,6% опрошенных студентов. Действительно, молодость – пора вхождения и закрепления на рынке труда: получения качественного образования, интересной профессии и реализации в выбранной сфере деятельности.

Еще одним вызовом и маркером независимости, самостоятельности, подтверждением собственных способностей становится для молодежи высокий доход (средний ранг 3,9): на второе место по важности доход поставили 12,4% респондентов, на третье – 21,4%, на четвертое и пятое места – 19,4% и 22,9% соответственно. С очень небольшой разницей по значимости для студенчества стоит самореализация (средний ранг 4,1) – именно эта составляющая жизненного успеха является особенно важной для образованной молодежи – креативной, стремящейся к личностному росту и развитию, применению своих способностей, творческого и профессионального потенциала и получаемого в вузе образования.

Необходимость высокого престижа работы также отмечает достаточное количество респондентов (средний ранг 4,5): для 12,5% престижная работа располагается на первом и втором месте в структуре жизненных ценностей, 14,9% респондентов ставят престижность работы на 3 место по значимости, 20,4% - на 4-е, 18,9% - на 5-е место.

И, наконец, общественно-полезный труд, значение которого было столь велико в советский период развития России, в настоящее время теряет былую позицию и по важности в жизни студентов стоит на последнем, седьмом месте. Лишь менее 7% респондентов поставили общественно-полезный труд на одну из первых трех ступеней в иерархии жизненных ценностей. Более 80% располагает ценность общественно-полезного труда очень низко в ценностной иерархии, при этом значимость и важность труда как такового молодежью признаются – но труд расценивается как индивидуальная активность личности, направленная на реализацию интересов, профессиональных навыков и способностей студентов, а также на достижение высокого уровня материального благосостояния. Труд как общее благо, его общественная ценность респондентами не рассматривается.

Анализ осведомленности студентов о будущей профессии выявил, что студенты в основном хорошо знают о содержании будущей работы, о требованиях, предъявляемых к молодым специалистам работой по выбранной профессии и о необходимых для выполнения данной работы способностях (более 80% студентов отметили свою осведомленность по данным категориям). В меньшей степени они осведомлены о возможностях служебного продвижения и о предполагаемых размерах заработной платы по выбранной специальности (66,8% и 54,4% соответственно).

По отношению к будущей профессии ответы студентов распределились следующим образом: лишь 10% опрошенных считают выбранную профессию своим призванием, большинству респондентов (69,1%) профессия кажется интересной и

возможной для будущего трудоустройства, 13,5% студентов оценили отношение к выбранной профессии как нейтральное, и 6,6% будущая специальность не интересна.

Корреляции между отношением к будущей профессии и полом, а также возрастом респондентов не выявлено, но есть тесная связь с курсом обучения. На первом и втором курсе наблюдаем наиболее стойкий интерес к выбранной профессии: 10% и 3,6% считают будущую профессию своим призванием, 75,7% и 82,1% – интересной и достойной того, чтобы связать с ней дальнейшую жизнь. Едва поступив в университет, студенты полны оптимизма и интереса к выбранной специальности, с опытом этот интерес трансформируется, переосмысливается. Третий курс демонстрирует пик неудовлетворенности выбранным направлением обучения: 38,5% респондентов безразлично относятся к профессии и 7,7% опрошенных профессия не интересна. На четвертом и пятом курсах происходит переоценка своих профессиональных достижений и навыков, значительная часть студентов уже пробует себя в профессиональной деятельности, трудоустраиваясь на временные или постоянные работы. В связи с этим, ответы в большей мере поляризуются: растет число тех, кому не интересна будущая профессия (10,7% студентов выпускного курса), одновременно наблюдается противоположная тенденция – возвращение интереса к выбранной специальности (14,3% первокурсников считают будущую профессию своим призванием, 64,3% говорят об интересе к ней, на 5 курсе – 71,4%).

С будущей профессиональной деятельностью связаны планы и амбиции студентов, не случайно респонденты предъявляют высокие требования к выбранной профессии. Наиболее важными для студентов составляющими труда здесь оказываются: возможность заниматься любимым делом (70,3% респондентов отметили это требование к будущей профессии как очень важное), видеть результаты своей работы (69,4%). Первоочередная значимость данных характеристик трудовой деятельности говорит о том, что содержательная компонента труда является доминирующей для современной молодежи. В числе других значимых содержательных характеристик труда оказались также следующие требования: применять свои способности в рамках будущей профессии (61%) и постоянно совершенствовать свои навыки по специальности (57,6%). Достаточно высоко респонденты оценивают также творческую составляющую труда: важность постоянного самосовершенствования отмечают 46,3%, творческой работы – 42,8% студентов. Кроме перечисленных содержательных требований к будущей профессии, можно выделить следующие материальные пожелания: возможность жить спокойной и обеспеченной жизнью (61,7%) и высокий заработок (59%). Нужно отметить, что малозначимыми для студентов оказались такие характеристики труда, как польза работы для общества и людей (около 38%), уважение знакомых и друзей (26,1%) и высокое положение в обществе (22,1%). Это подтверждает доминирование в молодежной среде индивидуалистических установок в сфере труда, отсутствие ориентации на значимых других, на социум. В числе совершенно не значимых характеристик оказались работа непосредственно по полученной в вузе специальности (10%) и легкая работа (5%), что говорит о том, что студенты готовы работать с увлечением и самоотдачей, но не обязательно по выбранной специальности.

Результаты исследования подтверждают, что традиционно на профессиональный выбор наибольшее воздействие имеет семья: влияние матери отметили 69,6% респондентов, отца - 55,8% , других членов семьи - 33,5%. Немаловажную роль в выборе профессии играют также друзья (28,6%) и школьные учителя (27,7%). Интересно, что 16,1% респондентов указали, что на их профессиональный выбор оказал влияние профконсультант. В данном вопросе были выявлены значительные гендерные различия: так, юноши в большей степени, чем девушки, отмечают влияние отца на выбор профессии (59,4% юношей и 54,7% девушек соответственно). Девушки, напротив, чаще указывают, что на их профессиональный выбор значительно повлияла мать (65,6% юношей и 71,1% девушек) или другие члены семьи (28,1% юношей и 35,8% девушек). Также выяснилось,

что учителя в большей мере определяют профессиональный выбор юношей, чем девушек (37,5% и 23,9% соответственно). Обратная ситуация наблюдается в области профессионального консультирования: девушки в 18,2% случаев отметили влияние данного фактора на выбор профессии, юноши – в 10,9%. В рамках опроса была обнаружена следующая закономерность: чем более близкими являются отношения в семье, тем выше степень влияния родителей и других членов семьи на профессиональный выбор студентов.

Итак, в рамках проведенного исследования была выявлена структура базовых ценностей современного студенчества, в которой значимое место занимают ценности труда. Ранжирование основных ценностных ориентаций у современных студентов остается вполне традиционным: первое место по значимости занимает семейное благополучие, на втором оказывается здоровье и на третьем, с чуть меньшим средним рангом, – интересная работа. Высокий доход, возможности самореализации и престижность труда также широко востребованы современной молодежью, и ранговый разрыв между ними очень мал. При анализе анкетных данных определены основные (заниматься любимым делом, видеть результаты своей работы, применять свои способности, получать высокий доход и жить спокойной и обеспеченной жизнью) пожелания к будущей работе. В числе необязательных требований, предъявляемых молодыми людьми к выбранной профессии, оказалось желание заниматься легкой работой, работать непосредственно по полученной в вузе специальности и добиваться высокого положения в обществе. Работа для сегодняшних студентов – это сфера реализации профессиональных и личностных интересов, приложения своих знаний и умений, позволяющая при этом хорошо зарабатывать и жить полноценной жизнью. В настоящее время сильна индивидуалистическая компонента труда (труд как самореализация), а востребованная в советское время его социальная роль (общественная значимость, признание и уважение, статус в социальной иерархии) оказываются на аутсайдерских позициях. В рамках исследования были затронуты основные факторы, предопределяющие выбор будущей профессии: «творчество», «общественная полезность», «положение в обществе», «достижение», «саморазвитие», «прагматизм» и «профессионализм».

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТУДЕНТОВ

Парамонова С.П., Унесихин В.Р. (Пермь)

Аннотация: В статье рассматриваются социальные предпосылки профессиональной идентификации студентов, влияние окружения и самостоятельный выбор, личностные характеристики групп по типу самоидентификации, дифференциация отношения к будущей профессии по мере повышения реального представления о ней, мотивы ориентации на предпринимательство, различное отношение к получению образования и оценка его использования в России. Ориентация на выезд из страны. Прогнозируемая возможность добровольной миграции в восточную часть страны в соответствии с политикой правительства, ориентированной на освоения природных богатств и развитие промышленного комплекса Сибири.

Ключевые слова: профессиональная идентификация студентов; мотивы выбора профессии; группы студентов по типу самоидентификации; факторы, мотивы и показатели самоидентификации.

Abstract: This paper examines the social conditions professional identifying students, the influence of the environment and independent choice, personal characteristics of the groups

according to the type of self-identification, differentiation toward the future profession with increasing real idea about her motives focus on entrepreneurship, a different attitude to the production education and evaluation of its use in Russia. Orientation to leave the country. Projected for the voluntary migration to the eastern part of the country, in accordance with government policy, focused on development of natural resources and development of the industrial complex in Siberia.

Keywords: professional identity of students; motives of choice of profession; a group of students by type of self-identification; factors, motives and indicators of identity.

Важнейшей и, пожалуй, ключевой особенностью студенчества, пронизывающей все стороны социального статуса, является овладение профессией, профессиональными навыками, тем самым включение молодых в процесс создания трудового потенциала страны. Профессиональная идентичность представляет собой динамическую систему, которая складывается в процессе профессиональной подготовки. Студент проходит через четыре статуса профессиональной идентичности: (1) неопределенная профессиональная идентичность; (2) навязанная (родителями) профессиональная идентичность; (3) мораторий (кризис выбора) профессиональной идентичности; (4) сформированная профессиональная идентичность [1. Меркулова В. Н. 2013:7-63].

Понятие профессиональной идентичности сопряжено с понятием профессиональной идентификации, но не тождественно ему. Профессиональная идентичность глубинное образование, создающее образ «Я». Она является лишь одной из сторон рассматриваемого нами явления идентификации. Так, идентификация коммуницирует с процессом социализации и является динамической структурой, тогда как идентичность статична и конечна для отдельной личности [2. Кокин А.Б. 2012:134]. Профессиональная идентификация появляется как процесс сознательного или бессознательного самоотождествления личности с образцом носителя профессии. При встрече нас спрашивают: «Как живешь? Чем занимаешься?», соизмеряя свой статус с нашим [3. Шнайдер Л.Б. 2001: 218]. Говоря о профессиональной идентификации следует отметить, что в работах англоязычных авторов, которые различают трудовые занятия (occupation) по уровню, причем профессиями (profession) называют только относительно высокие ступени континуума трудовых занятий (4. Ритцер Дж, 2002:185).

Объектом данного исследования явились студенты Пермских ВУЗов . Предметом исследования – профессиональная идентификация студентов. Профессиональная идентификация – процесс формирования в сознании студента концептосферы выбранной профессии, объединяющей отдельные микроситуации, детерминирующие образ собственного профессионального «Я» и сценариев профессиональной деятельности [5. Миронова С.П. 2010:74]. Основное противоречие, подвергнутое исследованию – отсутствие желаний студентов ВУЗов идентифицировать свой социально-трудовой образ с избранной специальностью. Цель: выявить факторы, влияющие на профессиональную идентификацию студентов. В соответствии с целью поставлены следующие задачи: (1) выявить структуру профессиональной идентификации студентов; (2) определить различие типов профессиональной идентификации студентов; (3) обнаружить факторы, влияющие на формирование трех основных типов профессиональной идентификации студентов: «ориентированного на профессию», «скептически относящейся к профессии» и «не ориентированного на профессию», а, скорее, – на сферу бизнеса.

Ориентированный на профессию тип идентифицирует себя с выбранной профессией и положительно относится к перспективе работать по специальности. Он проявляет интерес к неформальным встречам и организации встреч с живыми представителями его профессии.

Скептический тип. Личность такого типа не стремится идентифицировать себя с выбранной профессией. Студент беспристрастно иронично настроен по отношению к будущей специальности, он не испытывает особого желаний посещать мероприятия,

организованные с представителями его профессии и пошел бы на встречу только под принудительной обязанностью или устраивающим его предложением.

Профессионально не ориентированный (разочаровавшийся) тип студента либо не хочет работать по специальности, либо не знает, чего хотеть от профессии. Он индифферентен к встречам, организованным для обмена опытом с представителями его специальности, и вообще сомневается в необходимости таких встреч.

Общие факторы, выявленные, как влияющие на процесс профессиональной идентификации в ходе исследования: социально-экономическая ситуация в стране; главенствующая идеология; уровень социального благополучия населения; система профессионального образования. Среди специфических факторов учтены следующие: социально-демографические, а также виды специальности (гуманитарная, техническая, медицинская). Выявлено отношение к образованию и отношение к специальности. Динамика идентификации с профессией зависит от курса, на котором проходит обучение студент. По предпочтению трудовых ценностей один тип профессиональной идентификации существенно отличается от другого. Отношение к учебному процессу связано с мерой идентификации. Оценка личностных качеств, необходимых для будущей деятельности выявляет меру идентификации [6. Ядов В.А. 1994:38]. .

Профессиональная идентификация тесно связана с показателями жизненных ценностей, в том числе ценностей труда и образования. В соответствии с основными функциями образования – состязательной, прагматической, статусно-престижной, социокультурной, профессиональной рассматриваются пять типов жизненной стратегии: (1) успех в жизни, который базируется на деятельностной функции образования (обеспечивающей место человека в обществе); (2) желание стать культурным и образованным человеком; (3) материальная обеспеченность соответствует прагматической ориентации; (4) желание иметь профессию характеризует профессиональную функцию образования; (5) желание получить определенный статус соответствует статусно-престижной функции образования [7. Очирова Э. Э. 2014:299].

Исследуется укорененность и потенциальная мобильность и настроения относительно социально-географического поля профессиональной самореализации: готовность уехать в другой российский регион с менее благоприятными социальными и климатическими условиями (Сибирь) или остаться в своем городе, либо определить желание жить и работать за рубежом. Выявляются перспективы переезда за рубеж, отношение к знакомым, уехавшим в другие страны.

Полученные результаты исследования. Представители «ориентированного на профессию типа», чаще всего являются выходцами из среднеобеспеченных семей. Группа студентов «скептического типа» – из более обеспеченных и благополучных семей. «Скептики» ориентируясь на деятельность в сфере бизнеса, сомневаются в своем выборе профессии. Студенты «не ориентированные на профессию» – выходцы из самых разных по материальному достатку семей. Студенты, обучающиеся на бюджете, больше тяготеют к занятию бизнесом, чем контрактники.

По данным исследования, менее десятой части (8,0) последуют профессиональному призванию. Это подтверждается показателем (11,0) мотивом выбора профессии и (11,0) – стремление стать лидером. Желание заниматься бизнесом, как и окружающее большинство друзей, выявила половина опрошенных (49,0). Пятая часть студентов (24,0) сомневается, перешли ли бы они профессиональную грань в случаях, когда друзья хотят заняться бизнесом. Даже вопреки предупреждению друзей (16,0) хотели бы заниматься бизнесом. Основные мотивы самореализации: большая группа (41,0) видит смысл получения образования исключительно для достижения материального благополучия, (24,0) – ориентированы на творчество, еще (11,0) стремятся к лидерству.

Среди юношей технических специальностей преобладают группы, ориентированные на профессию. Девушки-гуманитарии больше интересуются областью своих знаний и условиями жизни, представляемыми профессией. Студенты Пермской

государственной медакадемии видят высокое призвание и значимость для общества своей профессии.

Отношение к профессии: в ответе на вопрос «Поможет ли вузовское образование достичь цели?» Значительная часть, ответила: «Да, поможет» (27,0). Намерены идти своим путем – (18,0) студентов. Высказали скепсис относительно политики в сфере использования интеллектуальных ресурсов: «В России образование не ценится» считают (15,0) опрошенных. Не ясная перспектива для (12,0) студентов. Очевидное обесценивание образования в России выявлено в суждениях (64,0) респондентов: «Образование полезно, но можно обойтись и без него». Активисты среди студентов считают: «Оно необходимо для успеха» – (32,0).

Рис. 1. Структура трудовых ценностей типа ориентированного на профессию

Респондентами, будущими специалистами рассмотрена возможность работы в Сибири и (45,0) – готовы отправиться на новые предприятия при выгодных условиях. Представители другой половины (53,0) ни при каких условиях не поедут в Сибирь.

Прогнозирование дальнейшей утечки умов. Лишь (6,0) студентов твердо сказали, что не уедут в другую страну. Готовы выехать при наличии подходящих условий (32,0) студентов, к группе присоединяется значительная четвертая часть (24,0) тех, кто подумывает уехать. Еще одна треть (29,6) хотели бы уехать, но не имеют возможности. Итак, потенциальная текучесть составила (85,0) опрошенных студентов, вопреки оптимистичным заявлениям СМИ, что поток уезжающих из России уменьшился. Куда уехали бы «блудные сыновья» искать счастья? В США (77,8), в страны Азии – (13). Скажем так: это нерешенные проблемы большой внутренней политикой государства.

Для группы студентов «ориентированных на профессию» в меньшей степени представляет ценность стабильности в работе, чем для других типов (30% «ориентированного на профессию типа», против 100,0 «скептического» и (76,9) «не ориентированного на профессию типа»). К стабильности стремятся прагматичные «скептики», для которых эта ценность стала одной из основных. Это можно объяснить тем, что довольно выраженные ценности группы «ориентированных на профессию» престижа профессии, высокого дохода, карьерного роста предполагают определенную тенденцию устойчивого продвижения, поэтому данная ценность не представлялась как проблема и не была выделена [8. см также Калустьянц Ж.С. 2013:90].

В соответствии с гармоничным настроем на работу и жизнь, выявлен тот факт, что лишь немногими (15,0) «профессионально ориентированными» выбрана одна из трудовых ценностей – «простота выполняемых функций, обязанностей». Данный невысокий показатель зеркально отражает «светотень» жажды сложного и интересного труда, это и есть оптимальная сторона становления профессиональной идентификации «ориентированного типа». Профессиональная сфера, соответствующая выбору образования ориентированных на профессию групп, им знакома и понятна, в сравнении с другими сферами приложения сил. Как ни пропагандируется «предпринимательство», «успех», «бизнес», «индивидуальное продвижение по лестнице престижа», как символ либерализма, однако показательно высокое значение ценности общественной пользы труда в группе студентов вузов Перми «ориентированных на профессию» (45,0) и остается центральной, при отсутствии данной ценности вообще у других типов.

Рис. 2. Структура трудовых ценностей скептически относящегося к профессии типа

Рис. 3. Структура трудовых ценностей не ориентированного на профессию типа

Совершенно очевидно, что получаемая профессия видится студентам общественно полезной (особенно в ответах студентов Пермской государственной

медицинской академии), что делает идентификацию с соответствующей профессиональной группой более желанной.

Ценность «хороший коллектив» является основной для «не-ориентированных на профессию» (100,0), и она важна лишь для половины представителей других типов. Это может быть объяснено, как тем, что данная группа, разочаровавшаяся в своей профессии, утратила интерес к будущей трудовой деятельности. Работа для «не ориентированных на профессию» в перспективе – способ жить и работать в обществе интересных людей. Позиция группы характеризуется и тем, что эти респонденты изначально тяготели к взаимодействию с людьми в большей степени, чем к трудовому процессу, не особенно интересуясь содержанием труда, информация о котором разочаровала их, что и повлекло за собой такое отторжение идентификации себя с данной социально-профессиональной деятельностью.

Выводы и рекомендации. Исходя из выделенных типов профессиональной ориентации студентов, можно выделить и следующую зависимость. Условия жизни в г. Перми более благоприятны для процесса профессиональной идентификации индивида с профессиональной ориентацией, выросшего в большом городе, чем для студентов, с социальной ориентацией на коллектив, выросших в условиях среднего и малого краевого города.

Мнения окружающих о жизненной необходимости образования прямо пропорционально влияют на включенность индивида в процесс профессиональной идентификации. Фактором оптимизации профессиональной ориентации становится мера самодисциплины в отношении к процессу обучения и получаемой специальности. Профессиональная идентификация может иметь инерционный характер: разочаровавшиеся в специальности студенты, тем не менее, продолжают идентифицировать себя с вузом и избранным профилем образования, различно лишь их отношение к труду.

Влияние самооценки на профессиональную идентификацию кажется очевидным, однако оно проявляется неоднозначно: три выделенных типа показали различие, в частности, высокое материальное положение семьи не стимулирует к оптимальной профессиональной идентификацией студентов,

На основе данных выводов мы можем составить ряд рекомендаций для вузов, озаботившихся падением показателей конверсии профессиональной идентификацией выпускников и ориентацией на профиль будущей занятости. В

1. Меркулова В. Н. Статусные характеристики профессиональной идентичности старших подростков на ранних стадиях профессионального определения // *Психология в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф.* (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.) –СПб.:
2. Кокин А.Б. Студенчество как социальная группа, современные социально-психологические представления о студенчестве // *Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей / под ред. Волохонской М. С., Микляевой А. В. // Материалы II Всероссийской научно-практической (заочной) конференции.* – МО: СВВТ, 2012. – С. 129–135.
3. Шнайдер Л.Б. *Профессиональная идентичность.* – М: МОСУ, 2001 – С. 217–218.
4. Ритцер Дж. *Современные социологические теории.* 5-е издание. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
5. Миронова С. П. Изучение профессионально-образовательного процесса в пространственном измерении и профессиональная идентификация личности // *Вестник ЧГПУ.* – 2010. – №9. – С. 67–75.
6. Ядов В.А. *Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал.* 1994. – № 1. – С. 35–51.
7. Очирова Э. Э. Факторы, влияющие на профессиональный выбор в юношеском возрасте // *Science Time.* – 2014. – №7 (7). – С. 297–302

8. Калустьянц Ж. С. Социальная мобильность в рамках профессиональной идентичности современного общества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова . – 2013. – №3. – С. 88–91.

ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ СТУДЕНЧЕСТВОМ

Пашкова В.А. (Курск)

Студенты существенно различаются между собой не только типом темперамента и характером, но и личными целями, возможностями, потребностями, стремлениями и интересами, разным уровнем самосознания. Индивидуальные отличия наблюдаются и в выборе профессионального пути. Не всегда выбор профессиональной деятельности полностью отражает личность. Это происходит вследствие несовпадения внутренних целей и мотивов, а так же способностей и интересов с выбранной специальностью. Такая ситуация способствует, во-первых, ухудшению качества образования из-за нежелания студентов осваивать профессию, во-вторых, уменьшению производительности труда, и, в-третьих, повышенной психологической утомляемости индивида.

Неопределенный социальный статус студенческой молодежи сопутствует процессу получения профессионального образования и условию недостаточных возможностей интеграции на полных основаниях в общество. Этот момент выступает той начальной точкой, от которой начинается отсчет в изучении состояния, социальных помех и перспектив жизненного, не исключая и профессионального, становления этой социально-демографической группы. При этом оценки российской студенческой группе современности даются всевозможные — от положительных до крайне отрицательных. Так, М.М. Шульга считает, что в нынешней России доминирующей является группа студентов без особых профессиональных ориентаций, учащихся всему понемногу, особо не задумывающихся о поисках истины и не проявляющих познавательной активности[1].

Проблема данной темы складывается из противоречия между необходимостью подготовки молодых людей к выбору будущей профессии и недостаточностью способов формирования индивидуальных мотивационных факторов для этого выбора. В связи с этим становится актуальным поиск ответов на вопросы: с какой целью некто осуществляет тот или иной выбор профессии? Учитывает ли индивид свои способности и интересы, сможет ли он стать профессионалом в выбранной сфере деятельности? Знает ли студент, будет ли он работать вообще по этой профессии?

Исследование факторов, оказывающих влияние на учебную мотивацию студентов, имеет весьма большое значение для увеличения качества высшего образования. При анализе стремления к учебе студенчества важно не только выявить основные мотивы, но и учитывать строение мотивационной сферы. Все действия человека объясняются его психологическими особенностями и потребностями. В российской психологии мотивация рассматривается как сложная система, регулирующая жизнедеятельности человека – его поведение и деятельность. Исследователями рассматривались различные стороны проблемы. Изучались такие аспекты, как: развитие мотивации к освоению специальности в период обучения в вузе [2], мотивы как фактор эффективности учебной деятельности студентов медицинского вуза [3], влияние мотивации и интеллекта на уровень учебной активности студентов, становление студентов в процессе обучения их в вузе [4], мотивационная составляющая психологической готовности к выбору профессии в ранней юности и другие.

Основываясь на анализ научной литературы можно легко сделать вывод, что мотивация учебной деятельности – это сопоставление целей, которых студент стремится добиться, и психологического потенциала его личности. Высокий уровень учебной мотивации характеризуется принятием студентом целей и задач освоения дисциплин как индивидуально значимых и востребованных.

Целью данной статьи можно рассматривать теоретическое выявление и анализ соответствия мотивов выбора профессии с предпочтениями и способностями индивида.

Трофимчук О.А. и Фролова Е.В. в своем исследовании [5] отмечают, что более 80% опрошенных студентов намеренно выбрали ту профессию, по которой в настоящее время обучаются. Профориентация КГСТ при этом повлияла примерно на 20% студентов при выборе специальности. Однако за годы обучения в техникуме большая часть студентов (больше 70%) узнала много о профессии той информации, которой не располагали раньше, и около 40% учащихся ухудшили свое отношение к ней. Желание продолжать образование по своей специальности значительно выше у менеджеров (64,3%), чем у инженеров.

В связи с такими результатами исследования следует вывод, что профориентация для студентов не на высоком уровне, а это вызывает риск ошибки в выборе.

Чтобы студенчество не теряло годы, таланты и здоровье, приходя обучаться профессии, которая ему не соответствует, нужно улучшить качество тренингов и профориентирующих программ.

Одним из эффективных средств формирования мотивации как фактора развития личностно-профессиональных качеств студентов является разработанный учебно-профессиональный тренинг, который реализуется в рамках учебно-профессиональной подготовки студентов. Таким образом, учитывая индивидуальные мотивы каждого студента при подготовке к профессиональной деятельности можно облегчить этот процесс усвоения специальности, как самим студентам, так и преподавателям.

1. Шульга М.М. Социализация в образовательном пространстве высшей школы современной России: Диссертация доктора социологических наук. Ставрополь, 2006. С.216
2. Комусова Н.В. Развитие мотивации к овладению профессией в период обучения в вузе. – Л., 1983.
3. Шкуркин В.И. Мотивы как фактор эффективности учебной деятельности студентов медвуза. – М., 1981.
4. Якунин В.А. Психология учебной деятельности студентов. – СПб, 1994.
5. Трофимчук О.А., Фролова Е.В. Исследование мотивации выбора профессии и будущей профессиональной деятельности студентами КГСТ: Исследовательская работа. Челябинск, 2013.
6. Луцкова Л.Н., Русина Н.А. Исследование факторов, влияющих на учебную мотивацию студентов медицинского вуза. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. N 1. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 22.09.2015).

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА В СОЦИАЛЬНО-АКТИВНОМ РАЗВИТИИ СТУДЕНТОВ

Петрова И.В. (Санкт-Петербург)

Воспитательное направление деятельности вузов на современном этапе развития нашего государства кроме специфических особенностей самих вузов должно учитывать и другие особенности – региональные, экономические, политические ... а, как известно, данные сферы общественной жизни (как и образовательная) находятся в переходном, кризисном этапе развития. Это связано с различными детерминирующими факторами: и геополитическими, и глобальными, и некоторыми другими, но результатом такого воздействия является общее – понимание того, что существующие средства достижения определенных и поставленных целей в общественных сферах на данный момент неадекватны и требуют коррекции.

С целью создания эффективной системы воспитательной деятельности вуза работа должна проводиться на разных уровнях (вуза, факультета, кафедры, группы, личности) и при активно-диффузном взаимодействии субъектов этих уровней. Вузовский уровень определяет основные направления, цели, задачи, разрабатывает и реализует на высоком уровне общие, как правило, традиционные массовые мероприятия. Как правило, на данном уровне функционируют и студенческие советы. На факультетском уровне декан, заместитель декана координируют работу кафедр, взаимодействуют с кураторами. На уровне групп, где возникает большое количество вопросов, связанных с учебой, научной работой, воспитанием, досугом, бытом, творчеством и др. должны регулярно, используя различные формы и методы работы, действовать кураторы и старосты групп. Для повышения эффективности воспитательной деятельности есть существенное замечание автора – на всех уровнях воспитательной работы должны использоваться как групповые, так и индивидуальные личностно-ориентированные формы воздействия и взаимодействия.

Далее автором предлагаются некоторые рекомендательные замечания по направлениям деятельности воспитательной работы в вузе, сформулированные в результате авторского исследования проблем социализации студентов. Исследование включало письменный опрос студентов пяти вузов РФ (n=400) в 2014 г., интервью с экспертами (ППС, руководители УВР вузов) в 2012; 2014 г.г., материалы экспертного анализа 43 вузов РФ по заданию АКУР 2012г.

1. Учебно-административное (общепринятая практика – проведение конкурсов, организация курсов, составление рейтингов, работа с информацией). Необходимо дополнить данное направление деятельности вуза конкретными мероприятиями, предусмотренными в новых ФГОСАх ВПО (раздел «оценка качества освоения ООП» закрепляет за обучающимися возможность оценивания содержания, организации и качества учебного процесса, в т.ч. оценивания работы отдельных преподавателей), а именно, необходимы - аккомодация и анализ информации, организация каналов коммуникации с целью создания репутационной базы вуза на основе оценок (учебного процесса, преподавателей и т.п.) получателей образовательных услуг (студентов и возможно, выпускников). По результатам авторского исследования мнения респондентов - студентов и экспертов были едины – данная возможность (закрепленная во ФГОСАх) на практике не реализуется. А, если обратиться к одному из вопросов (из блока «педагогическая технология и социализация студентов») анкетного опроса: «...личность преподавателя оказывает влияние на образовательный процесс вуза?», то 99, 5% (398 респондентов) ответили – «Да», то значимость описанного выше мероприятия неоспорима.

Также с целью повышения эффективности учебно-административного направления воспитательной работы вуза необходимо добиваться снижения дистанции власти руководителей образовательных учреждений с подчиненными и, главным образом, с потребителями данной услуги, т.е. со студентами. Регулярные мероприятия типа «Вечера вопросов и ответов у ректора» с представителями всех категорий студентов позволяют не только снизить дистанцию власти, но и сформировать паттерн лидера образовательной организации, и конечно, решить в максимально оперативные сроки насущные проблемы студенчества (а по результатам опроса - 372 (3%) респондента даже не подразумевают о роли ректора в социализации студентов, следовательно, можно сделать вывод об упущении определенной воспитательной возможности).

2. Научное (общепрактикуемые – круглые столы, семинары, конференции, участие в публикациях и проектах). Дополнением может служить предложение проведения на публичном уровне с применением широкого обсуждения научной общественностью потенциальных возможностей и существующих проблем проектного обучения. Авторское исследование выявило в большей степени неисполнение ФЗ №273-ФЗ «Об образовании в РФ» (в аспектах внедрения новых образовательных технологий и т.п.). [3]. Чуть больше

половины респондентов 52% (208 студ.) констатировали использование преподавателями активных и интерактивных методов работы. Также следует сконцентрировать внимание на построении работы научного направления студентов (организации зарубежных, всероссийских практик) на конкурсной основе, что в свою очередь позитивно сказывается и на развитии инициативы, конкуренции, лидерской коммуникации, и способствует саморазвитию студентов.

Безусловно, средства воспитательной деятельности должны корректироваться и по другим направлениям (например, некоторые: социально-бытовое – например, может быть дополнено инструментом самовоспитания - создание студенческих служб порядка, студенческих служб занятости; спортивное – может получить развитие с помощью альтернативного подхода – это и проведение соревновательных видов деятельности между студентами с ограниченными физическими возможностями, и, как вариант, использование актуальных и популярных сегодня у молодежи развлечений в качестве альтернативных видов спорта (компьютерные, настольные, уличные и др. виды игр) и фитнеса. Также автор предлагает применять интегративный подход к различным направлениям воспитательной деятельности. Например, патриотическое (гражданское и подобное) можно реализовывать на уровне креативного направления воспитательной деятельности вуза. Фундаментом таких мероприятий должна быть инициатива самих воспитуемых, от них должны исходить идеи и проекты реализации подобных идей. Только тогда воспитательная деятельность получит новый импульс, адекватный современности, появятся новые средства реализации. Это могут быть - и перфомансы с использованием различных элементов зданий, оборудования вуза (лестничные пролеты, оконные, дверные проемы и мн. др.) взамен малоэффективных настенных фотовыставок, кстати, и сами фотографии, могут быть выполнены некоторыми студентами с оригинальным фокусом и сюжетом, привлекающим внимание, несущим вызов; также необходимо менять обычные форматы музеев и библиотек, театральных студий и др. Очень важный аспект воспитательной деятельности современного вуза – это коммуникация. Все вузы РФ сегодня имеют свои сайты, демонстрируя, таким образом, свою доступность и открытость, но не все из них регулярно обновляются, информативно дополняются, осуществляют обратную связь, к сожалению, данный ресурс не всегда эффективно используется вузами - выводы экспертов АКУР ((2012 г.) например, информация по ООП размещена лишь у 28,9% вузов). [1]. Предложение автора – кроме управленческого контроля за деятельностью сайта со стороны руководства вузов, автор предлагает обратиться к опыту бизнеса – найти и организовать мероприятия (изыскать наиболее доступные, простые, мобильные, не затратные с финансовой точки зрения, но при этом эффективные для всех участников образовательно-воспитательной деятельности формы коммуникации, например, маркерные доски на факультетах в местах массового посещения (в зонах отдыха студентов и др.)), направленные на активизацию инициативы студентов в создании и развитии, например, корпоративной культуры вуза. Результаты авторского исследования показали, что 32% респондентов (студентов) желают принимать активное участие в формировании и развитии культуры своего вуза, 39% - затруднились с ответом.

Отдельный акцент в воспитательной составляющей процесса социализации студентов сегодня необходимо сделать на кураторской деятельности. В результате исследования выявилось, что 13% респондентов нуждаются и высказались о необходимости кураторского сопровождения (47% – затруднились с ответом), следует также заметить, что 47% респондентов не подразумевали вообще о наличии института кураторства, 36 % – затруднились с ответом. Определенное количество респондентов подтвердило необходимость и психологического сопровождения. Последний факт может свидетельствовать и об ограниченных возможностях доступа (и автор констатирует этот факт) к некоторым услугам (консультации, тренинги) данной службы (например, доступ к услугам предоставляется бесплатно только для студентов очной формы обучения).[2].

Вследствие разьяснения некоторых экспертов автор объясняет этот негативный факт следующим событием, а именно утраченный ранее кураторский институт в последнее время находится на этапе планового восстановления и в настоящее время в некоторых вузах отсутствует в реальности (хотя формально назначены кураторы, как правило, студенты старших курсов). Институт кураторства должен быть восстановлен и обязательно эффективно функционировать для первокурсников (так как это сенситивный временной период в студенчестве для дальнейшей социализации студентов).

Думается, выводы и рекомендации, полученные в результате авторского исследования, могут быть использованы при формировании и реализации воспитательной деятельности вузов, так как, по мнению автора, в некоторой степени, способствуют социально-активному развитию студентов, а также позволяют задуматься о дальнейшем раскрытии потенциальных возможностей данной социальной группы в позитивно-динамических перспективах общества.

1. Ковтун Е.Н. *Экспертный анализ ООП классических университетов России* [Электронный ресурс]. – URL: http://slavcenteur.ru/Proba/Kovtun/kovtun_oop.pdf (дата обращения: 15.09.2014).
2. РГПУ им. А.И. Герцена. [Электронный ресурс]. - URL: [http:// help@herzen.spb.ru](http://help@herzen.spb.ru) (дата обращения 28.12.2014).
3. *Федеральный закон №273 - ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 18.09.2014).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Петрова Т.Э. (Москва)

21 декабря 2012 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации в числе основных принципов правового регулирования отношений в сфере образования Федеральным законом устанавливается гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности; воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования (статья 3 Федерального закона). В статье 2 Федерального закона определены понятие «воспитание» как организуемая в системе образования деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, и понятие «образование» как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [1].

В соответствии с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 22 декабря 2012 г. Минобрнауки России была разработана Программа развития воспитательной компоненты в общеобразовательной школе [2].

Отмечается, что процесс модернизации российской школы затронул не только организацию учебной деятельности, но и коренным образом изменил отношение к содержанию феномена воспитания в современной школе. Общие задачи и принципы воспитания средствами образования представлены в федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования, где воспитательная деятельность рассматривается как компонента педагогического процесса в каждом общеобразовательном учреждении, охватывает все составляющие образовательной системы школы, что направлено на реализацию государственного, общественного и индивидуально-личностного заказа на качественное и доступное образование в современных условиях.

Равноправное участие молодых граждан России в глобальных цивилизационных процессах в качестве свободных носителей этнокультурной, религиозной и национальной традиции призвано способствовать гармонизации интересов личности и общества в их социокультурной взаимосвязи, повышать осознание ответственности за принимаемые решения и осуществляемые действия. Сегодня воспитательная компонента деятельности школы должна являться неотъемлемой составляющей общего социокультурного пространства Российской Федерации.

За последние годы в образовательных учреждениях особенно усилилось внимание к разработке и реализации системы гражданского, патриотического и физического воспитания, профилактике социального сиротства, преодолению проявлений асоциального поведения обучающихся и молодежи, к защите прав детей. Основной акцент в воспитательной работе сделан на организацию социальной практики, профессиональную ориентацию, культурно-досуговую деятельность.

К основным направлениям организации воспитания и социализации учащихся общеобразовательных учреждений можно отнести следующие:

1. Гражданско-патриотическое.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- развитие межпоколенного диалога (например, поддержка ветеранов войны и труда, взаимодействие со старшими членами семьи в вопросах определения ценностей национальных и семейных традиций, профессиональной ориентации, культурно-эстетических взглядов, нравственных принципов);

- исследование истории родного края, природного и культурного наследия страны и отдельного региона;

- развитие компетенций в сфере межкультурной коммуникации, диалога культур, толерантности;

- формирование уважительного отношения к труду, к человеку труда, к достижениям отечественной науки и производства, на развитие индивидуальных потенциальных профессиональных способностей молодого гражданина, на повышение потребности в определении своего места в социально-экономическом развитии российского государства;

- воспитание уважительного отношения к воинскому прошлому своей страны (например, в рамках деятельности военно-исторических клубов, школьных музеев воинской славы, детских и молодёжных военно-спортивных центров и т.д.).

- развитие общественного диалога, гражданского мира и сохранения среды обитания (например, соучастие в проведении общественно значимых мероприятий, профессиональных и региональных праздников, экологических десантов и т.п.).

2. Нравственное и духовное воспитание.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- увеличение объема учебной информации по истории и культуре народов России (например, в контексте деятельности национальных культурных центров и краеведческих клубов, детских и молодёжных общественных объединений историко-культурной и философской направленности);

- повышение общего уровня культуры обучающихся общеобразовательных учреждений (например, проведение «открытых кафедр», тематических встреч в школах и высших учебных заведениях с приглашением деятелей науки (например, педагогов,

психологов, социологов, философов и др.), культуры (например, актеров, музыкантов, художников, писателей, журналистов и др.), религиозных и общественных деятелей, сотрудников органов правопорядка и здравоохранения;

- расширение пространства взаимодействия обучающихся со сверстниками в процессе духовного и нравственного формирования личности (в регионе, в стране, в мире).

3. Воспитание положительного отношения к труду и творчеству.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- формирование дополнительных условий ознакомления обучающихся с содержанием и спецификой практической деятельности различных профессий (например, экскурсии на предприятия и в организации, встречи с представителями различных профессиональных сообществ, семейных трудовых династий, организация производственных и ознакомительных практик для учащихся старшей школы, организация специальных профориентационных мероприятий);

- развитие навыков и способностей обучающихся в сфере труда и творчества в контексте внеурочной деятельности (например, школьные кружки, детские центры творчества, разовые мероприятия – дни труда, дни профессий, творческие конкурсы и фестивали и т.п.);

- развитие у обучающихся представлений о ценности получаемых в школе знаний, умений, навыков и компетенций, о перспективах их практического применения во взрослой жизни (например, мероприятия по повышению мотивации к обучению, внеклассные мероприятия, расширяющие знания в образовательных областях и раскрывающих их прикладное значение);

- повышение привлекательности экономической жизни государства и общества, развитие поиска своего места и роли в производственной и творческой деятельности.

4. Интеллектуальное воспитание.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- организацию работы с одаренными детьми и подростками, на развитие их научно-исследовательской и инженерно-технической деятельности в рамках специализированных кружков, центров, отделений вузов, малых академий и т.д.;

- повышение познавательной активности обучающихся, на формирование ценностных установок в отношении интеллектуального труда, представлений об ответственности за результаты научных открытий (например, в рамках научно-исторических центров и клубов для детей и юношества, дискуссионных клубов и т.п.).

- создание системы олимпиад, конкурсов, творческих лабораторий и проектов, направленных на развитие мотивации к обучению в различных областях знаний для обучающихся, развитие системы ресурсных центров по выявлению, поддержке и развитию способностей к различным направлениям творческой деятельности подрастающих поколений.

5. Здоровьесберегающее воспитание.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- воспитание ответственного отношения к состоянию своего здоровья, на профилактику развития вредных привычек, различных форм асоциального поведения, оказывающих отрицательное воздействие на здоровье человека (например, регулярное проведение профилактических мероприятий, лекций, встреч с медицинскими работниками, сотрудниками правоохранительных органов, детскими и подростковыми психологами, проведение дней здоровья, олимпиад и конкурсов и т.п.);

- обеспечение условий для занятий физической культурой и спортом (например, развитие спортивных школ, клубов, кружков, увеличение числа оборудованных спортивных площадок, обеспечение спортивным инвентарем детских оздоровительных лагерей, лагерей отдыха, трудовых лагерей, санаториев и профилакториев, проведение разнообразных спортивных мероприятий, состязаний, изучение истории спорта и олимпийских игр, развитие семейного спорта, детского и юношеского туризма и т.д.);

- формирование культуры здоровья (например, историко-поисковая и научно-исследовательская деятельность учащихся по теме здорового образа жизни, изучение в

рамках деятельности кружков и клубов положительных примеров здорового образа жизни в семье и регионе, создание школьных музеев здоровья и спорта, проведение в общеобразовательных учреждениях научной работы, связанной с проблемой сохранения здоровья всех участников образовательной деятельности и т.д.);

- обеспечение пропаганды здорового образа жизни и физической культуры, в том числе и средствами социальной рекламы, по следующим основным направлениям: информационное сопровождение спортивных соревнований и мероприятий-разработка и реализация информационно-пропагандистских мероприятий для различных групп населения (детей, подростков, учащейся молодежи) направленных на формирование и пропаганду здорового образа жизни; создание молодежных спортивных и оздоровительных интернет-порталов информационно-пропагандистской направленности;

- обеспечение нравственного и духовного здоровья (например, научные сообщества учащихся, исследующие проблемы психологического комфорта, коммуникативной компетентности, нравственного поведения, дискуссионные клубы и молодежные центры, рассматривающие вопросы социального партнерства, социальной и межкультурной коммуникации, проведение форумов, лекций и круглых столов по проблемам духовного здоровья молодого поколения, преодоления асоциального поведения, профилактики экстремизма, радикализма, молодёжного нигилизма и т.д.).

6. Социокультурное и медиакультурное воспитание.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- на обеспечение межпоколенного диалога, на развитие социального партнерства, на предупреждение социальной агрессии и противоправной деятельности при использовании Интернета (например, при обучении работе с информацией в рамках деятельности кружков информатики, в рамках проведения тематических классных часов, деятельности школьных дискуссионных клубов, школы юного педагога, юного социолога, юного психолога);

- организацию мероприятий (цикла мероприятий), посвященных теме межнационального согласия и гражданского мира, на проведение в школах тематических круглых столов и «открытых кафедр» с участием представителей родительской общности, педагогов, социологов, культурологов, психологов, на организацию школьных клубов интернациональной дружбы и т.д.).

7. Культуротворческое и эстетическое воспитание.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- развитие деятельности школьных кружков и творческих объединений, литературных и художественных салонов, на организацию проведения творческих конкурсов, детских фестивалей искусств, на мероприятия по эстетическому оформлению школьного пространства;

- связанные с музейной педагогикой, с детским и молодёжным туризмом (например, деятельность кружков и школ юного экскурсовода, проведение туристических походов и слётов, связанных с изучением истории и культуры, организация дней и декад культуры в школе и т.д.).

8. Правовое воспитание и культура безопасности.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- повышение правовой грамотности обучающихся (например, в рамках деятельности школы юного правоведа), повышение правовой активности и ответственности (например, в рамках участия в школьных органах самоуправления); распространения правовой информации (например, в рамках тематических классных часов, лекций с приглашением специалистов и др.); проведение олимпиад по правоведению и т.д.

- обеспечение безопасности обучающихся общеобразовательных учреждений (например, в рамках деятельности клубов юных инспекторов дорожного движения, юных пожарных, юных миротворцев, юных спасателей, юных туристов и краеведов и пр.), проведение тематических классных часов, учений и игр по основам безопасности, оказания первой медицинской помощи, проведение комплекса мероприятий по информационной и психологической безопасности;

- проведение в общеобразовательных учреждениях всероссийских (единых) мероприятий и акций, направленных на формирование правовой компетентности, нетерпимости к антиобщественным проявлениям, недопущению жестокости и насилия по отношению к личности, распространение и укрепление культуры мира, продвижение идеалов взаимопонимания, терпимости, межнациональной солидарности и т.д.

9. Воспитание семейных ценностей.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- повышение авторитета семейных отношений, на развитие диалога поколений, на совместное решение задач (например, в рамках деятельности школьных клубов «мам и пап», «бабушек и дедушек», в рамках проведения дней семьи, дней национально-культурных традиций семей, совместного благоустройства школьного пространства и т.д.);

- организацию лекций и семинаров для обучающихся, проводимых специалистами (педагогами, психологами, социологами, философами, правоведами, врачами и т.д.).

10. Формирование коммуникативной культуры.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- развитие речевых способностей обучающихся, на формирование конструктивной коммуникации между ровесниками, на повышение риторической компетенции молодых граждан (например, в рамках деятельности школьных кружков и клубов юного филолога, юного ритора, школьных дискуссионных клубов для старшеклассников, использования технологии дебатов на межпредметном уровне и т.д.);

- развитие школьных средств массовой информации (школьные газеты, сайты, радио-, теле- и видеостудии);

- организацию мероприятий (цикла мероприятий), связанных с проведением курсов, лекций и семинаров по проблемам коммуникативной компетенции обучающихся с привлечением специалистов (например, психологов, филологов и др.), проведение олимпиад, праздников родного и иностранных языков и т.д.

11. Экологическое воспитание.

Действенные программы и проекты в данной сфере могут быть направлены на:

- изучение региональных и этнокультурных особенностей экологической культуры (например, в рамках программ и курсов краеведения, природоведения, деятельности детских юннатских кружков и центров, детских зооферм и заповедников, школьных живых уголков, биологических и экологических лабораторий и музеев);

- развитие международного детского сотрудничества в сфере охраны природы (например, в рамках реализации международных и региональных проектов – Балтийский проект BSP, система ассоциированных школ ЮНЕСКО- ASP-net UNESCO и др.);

- формирование благоприятной и безопасной среды обитания в рамках населенного пункта, двора, школы.

В развитие указанных положений распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [3], разработанная во исполнение Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы (Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы") [4], реализация которой призвана обеспечить:

укрепление общественного согласия, солидарности в вопросах воспитания детей;

повышение престижа семьи, отцовства и материнства, сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей;

создание атмосферы уважения к родителям и родительскому вкладу в воспитание детей;

развитие общественно-государственной системы воспитания, основанной на межведомственной и межрегиональной координации и консолидации усилий общественных и гражданских институтов, современной развитой инфраструктуре, правовом регулировании и эффективных механизмах управления;

повышение роли системы общего и дополнительного образования в воспитании детей, а также повышение эффективности деятельности организаций сферы физической культуры и спорта, культуры;

повышение общественного авторитета и статуса педагогических и других работников, принимающих активное участие в воспитании детей;

укрепление и развитие кадрового потенциала системы воспитания;

доступность для всех категорий детей возможностей для удовлетворения их индивидуальных потребностей, способностей и интересов в разных видах деятельности независимо от места проживания, материального положения семьи и состояния здоровья;

создание условий для поддержки детской одаренности, развития способностей детей в сферах образования, науки, культуры и спорта, в том числе путем реализации государственных, федеральных, региональных и муниципальных целевых программ;

утверждение в детской среде позитивных моделей поведения как нормы, развитие эмпатии;

снижение уровня негативных социальных явлений;

развитие и поддержку социально значимых детских, семейных и родительских инициатив, деятельности детских общественных объединений;

повышение качества научных исследований в области воспитания детей;

повышение уровня информационной безопасности детей;

снижение уровня антиобщественных проявлений со стороны детей;

формирование системы мониторинга показателей, отражающих эффективность системы воспитания в Российской Федерации.

В настоящее время заинтересованными федеральными органами исполнительной власти разрабатывается план мероприятий по реализации Стратегии.

1. *Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ*
2. *Письмо Минобрнауки России от 13 мая 2013 г. № ИР-352/09*
3. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р.*
4. *Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы"*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.

Петрушенко Т. (Санкт-Петербург)

Т.К. Петрушенко

Доперестроечное время в нашем обществе, как мы знаем, характеризовалось некоторой устойчивостью, прогнозируемостью, определенностью. Сейчас ему на смену приходит новый тип социальности. Новые перемены позволили либерализовать традиционный образ жизни, выйти за его рамки каждому индивиду. Следуя традиции, как определенным общественным отношениям, жизнь индивида отличалась устойчивостью и повторяемостью. Исполняя функцию социализации, традиционный образ жизни скреплял систему общественных отношений, приобщал к социальному опыту, формировал личность. Сегодня традиции не могут выступать фундаментом, на котором стоит общество. Но отрицание традиций всегда приводит к тому, что общество начинает терять состояние устойчивости. Анализ основных черт современного российского общества приводит к выводу, что состояние неопределенности является его характерной особенностью.

Социум в целях своего сохранения должен найти новые пути функционирования, начать поиск нетрадиционных изменений своего существования, чтобы стать способным превратиться в развивающуюся систему. В этом смысле главным фактором всех

изменений становятся накопленные знания, интеллект, инновации человечества. То есть появляется экономика, где основными факторами развития являются знания и человеческий ресурс, где в процессе ее развития повышаются качества человеческого капитала, что способствует развитию интеллектуального потенциала общества, производству высоких технологий, инноваций и высококачественных услуг.

Естественно, решающее значение здесь приобретает образование, которое обеспечивает постоянное получение новых знаний, умений, навыков для формирования конкурентоспособности индивида.

Необходимость в этом связана с быстро меняющейся средой - технологической, рыночной, информационной, в которой индивиды действуют в условиях глобализации и усиления конкуренции. Обостряющаяся конкуренция ускоряет внедрения инноваций, требующих от работников большей креативности, быстрой адаптации к новым условиям, освоения новой техники и навыков работы.

В этих условиях начинают формироваться современные требования к профессиональной среде. Приходит понимание необходимости новых профессиональных ориентаций, которые характеризуются постоянством движения и абсолютной непрогнозируемостью состояния знаний, которыми должен обладать работник. Современная профессиональность работников - это гибкое, не застывшее в своем содержании и объеме специальное знание, меняющееся вслед за изменениями конкретных ситуаций. Высокий интеллект, умение общаться, адаптивные способности - все это является следствием современной динамичной ситуации, быстро меняющихся социальных и профессиональных состояний.

Это диктует необходимость соответствовать изменившимся условиям жизни и окружающей среды для правильного социально-профессионального поведения и вхождения в новый социум. Развитие, мобильность и коммуникативность являются непременными условиями адаптации в современном мире для того, чтобы приобрести устойчивость в новой среде.

Для включения в модернизационные процессы индивиды должны быть готовы к переменам, обновляющим общество. Адаптация должна помогать им в деле исполнения нескольких социальных ролей, на которые могут претендовать только личности, обладающие определенными качествами. Э. Геллнер [1, с.с.105-111] писал «Модульность современного человека - это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи». [1, с. 110]. Социальные эффекты «модульности» не только позволяют личности адаптироваться к новым условиям, но и не терять при этом своей индивидуальности. «Модульная» личность способна выявлять в себе новые социальные качества, которые потенциально присущи ей, исходя из многообразия социальной среды.

Следует сказать, что в условиях социальной неопределенности происходит деформация образовательных стратегий. Но на этой стадии развития и возникают новые потребности, нормы приобретают более современный характер. Э. Гидденс предлагает прерывистую интерпретацию любого институционального процесса. В условиях нелинейно развивающихся социальных процессов преодоление противоречий сопряжено с новыми рисками, которые связаны с возникновением случайных факторов. В преодолении этих противоречий жизненный путь молодого человека начинает выступать «как отдельно взятый временный сегмент, который почти не связан с преемственностью поколений».[2].

Динамика, присущая современному обществу, проявляется в стремительном рождении и таком же быстром отмирании новых социальных образований, в расширении пространства свободы индивидов и групп, в снижении предсказуемости изменяющихся жизненных ситуаций. [3, с. 396]. Но в системе образования возникающие противоречия нельзя преодолеть силовыми методами. Это надо делать путем сознательного выбора, преодолевая тяготение к старым социокультурным нормам и ценностям.

Такие действия в условиях неопределенности нередко связаны с риском, который в настоящее время испытывает молодежь при поиске и выборе образования. В таком неустойчивом состоянии поиск возможностей может приобрести случайный характер. Это и показывает Э. Гидденс, который утверждает, что в условиях социальной неопределенности и связанной с ней нелинейной динамикой социальных процессов осуществление социальной регуляции в сфере образования молодежи имеет прерывистый характер.

Мир меняется, жизнь идет в ускоренном темпе, возрастает рост социальной неопределенности и риска. Старшее поколение часто не может в достаточной степени принять и осмыслить новации в современном обществе. Поэтому, как справедливо отмечает И. Ильинский, следует концептуально переосмыслить роли молодежи и молодежного движения в новых социальных и культурных условиях. У молодежи в этих условиях, безусловно, главная роль, которая состоит в том, что общество должно опереться на ее (молодежи) субъектность, чтобы обрести свое настоящее и будущее. [4, с.с. 418-421]. Это должно выражаться в том, чтобы «ввести в описание молодежного вопроса идеологически и морально нейтральные термины и рассуждения. Нейтральность в данном контексте - это свобода от властно-взрослых стереотипов, дискриминирующих молодежную субъективность, отказ от модальных оборотов «поколенческого долга и ответственности» за будущее нации и государства, от обобщенно-абстрактной унификации молодежи, исключаяющей ее из значимых для нее социально-культурных групп, с которыми у нее не меньше общего, чем со сверстниками». [5].

В настоящее время реформирование российской высшей школы происходит в состоянии социальной напряженности и риска, что диктует определенные требования к системе образования, которая должна учитывать и отражать новые социальные ценности современной молодежи. Динамика таких ценностей способствует выявлению и изучению проблем образования.

При анализе социальных факторов реформирования следует сказать, что необходимость изменения модели образования связана с очень разными о ней представлениями. Сейчас образование обычно связывают с достижением социального статуса, который может быть приобретен, прежде всего, за счет профессиональной мобильности. Но и социальный опыт, и ценности, а также профессиональная мобильность имеют самое непосредственное значение при выборе модели образования.

Социальные изменения в современном обществе имеют прерывистый социокультурный характер – поэтому и образование связано с дискретностью и мобильностью потоков информации и знаний.

Если ранее передача социально-профессиональных знаний осуществлялась на основе профессионального способа трансляции опыта, в котором наследуемая профессия обеспечивала стабильную форму сохранения знания в преемственности поколений, то в современном обществе у этой образовательной традиции стали возникать определенные трудности, такие, как восприятие инноваций в быстро меняющейся среде.

В. Нечаев утверждает, что «в упрощенном виде задача образования состоит в том, чтобы научить человека принимать сообщения (фрагментировать опыт), выполняя функцию реципиента, но для этого следует научиться передавать сообщения (кодировать их), выполняя функцию коммуникатора. [6, с. с. 46-64].

На смену профессиональному принципу обучения в настоящее время должны приходиться универсальные понятия, замещающие названия профессий. Поэтому опыт, сформированный многими поколениями, с одной стороны, будет сохранять его эмпирическую доступность, с другой, - такой опыт позволит приобрести некоторое универсальное знание, и у индивида вследствие этого сформируется адекватное восприятие реальности.

1. Геллнер Э. *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники.* М., 1995. 222 с.
2. Гидденс Э. *Судьба, риск и безопасность [Электронный ресурс] // THESIS. 1994. № 5. URL: http://igiti.hse.ru/data/417/313/1234/5_2_1Gidd.pdf*
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. *Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи.* М.: Academia, 2008
4. Ильинский И.М. *Прошлое в Настоящем: Избранное.* М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011.
5. Омельченко Е.Л. *Молодежь: открытый вопрос.* Ульяновск: Симбирск. кн. изд., 2004
6. Добренъков, В.И., Нечаев, В. Я. *Общество и образование.* М.: ИНФРА-М, 2003.

ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД КРИЗИСА ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ.

Пивоварова Е.С. (Новосибирск)

Молодежные проблемы – это не только и не столько проблемы самой молодежи, но и проблемы всего общества, если оно заинтересовано в своем настоящем и будущем. Молодежь – главная ценность общества. Изучение молодежи — ключ к пониманию будущего. [2, с. 15] Исследование ценностей особенно актуально сегодня, в кризисную эпоху, как следствие, наблюдается падение морально нравственных норм, отсутствие четких правил и принципов, многие ценности оказываются нарушенными. Общество выйдет на новый уровень развития цивилизации и социального прогресса, лишь увидев успешное решение социальных проблем и внедряя в жизнь стратегию, которая станет «вектором» на пути к оптимизации и прогрессу.

Ценность – представление о том, что свято для человека, коллектива, общества в целом, их убеждения и представления, выраженные в поведении. В узком значении под ценностью понимаются требования, нормы, выступающие в качестве регулятора и цели человеческих отношений и деятельности. Можно сказать, что от ценностей зависит уровень культурного развития общества, степень его цивилизованности. Ценностные ориентации являются важнейшим компонентом структуры личности, выполняют функции регуляторов поведения, при этом носят двойственный характер: они социальные, поскольку исторически и культурно обусловлены, и индивидуальные, так как в них заложен жизненный опыт конкретного субъекта.

Было проведено исследование по вопросу ценностных ориентации молодежи. В исследовании принимали участие молодые люди и девушки в возрасте от 15 до 22 лет. Всего было опрошено 38 человек, в том числе 15 юношей и 23 девушки.

Первый опрос достаточно лаконичный, состоял из 1 вопроса: «Что Вам прежде всего нужно для счастья?». На выбор были представлены ценности из теста М.Рокича, чья методика «Изучения ценностных ориентаций» является наиболее распространенной в настоящее время.

И так выяснилось, что 46,8% опрошенных ответили “Счастливая семейная жизнь”, 20,3% предпочли «Активную деятельную жизнь», 19,7% считают, что для счастья им необходимы верные и хорошие друзья. 13,2% не мыслят счастья без творческой деятельности (Таблица 1).

Таблица 1. Опрос: « Что нужно молодежи для счастья? »

Счастливая семейная жизнь	46, 8%
Активная деятельная жизнь	20, 3%
Наличие верных и хороших друзей	19,7%
Творческая деятельность	13,2%

Затем был проведен тест М. Рокича, основанный на прямом ранжировании списка.

Задача состояла в расставлении по порядку позиций по значимости как принципов, которыми руководствуются в жизни. Обработка полученных результатов проводилась по каждой ценности отдельно. Средний балл определяется путем нахождения среднего арифметического - деления суммы всех оценок по конкретной ценности на число человек группы. Для получения общей картины ценностных ориентаций молодежи и отдельно для девушек и для юношей, полученные результаты сведены в общую таблицу (Таблица 2).

Таблица 2. Средние показатели значимости типов ценностей по методике М. Рокича.

Список «терминальных ценностей»	По группе в целом			девушки	юноши
Активная, деятельная жизнь	4,22	4,00	4,35		
Здоровье	4,42 4,35 4,50				
Красота природы и искусства	3,60	3,20	3,80		
Материально обеспеченная жизнь	3,47	3,58	3,36		
Спокойствие в стране, мир	3,15 3,30	3,00			
Познание, интеллектуальное развитие		3,48	3,40	3,52	
Независимость суждений и оценок		3,10	3,00	3,20	
Счастливая семейная жизнь	4,42	4,35	4,50		
Уверенность в себе	3,62 3,75 3,50				
Жизненная мудрость	3,18 3,18	3,18			
Интересная работа	4,35 4,55 4,20				
Любовь	3,87 3,60 4,35				
Наличие верных и хороших друзей		4,40	4,45	4,35	
Общественное признание	3,46 3,45	3,47			
Равенство (в возможностях)	3,12	3,25	3,00		
Свобода поступков и действий	4,26	4,12	4,46		
Творческая деятельность	4,10 4,20	4,00			
Получение удовольствий	3,85 4,15	3,60			
Аккуратность	3,34 3,25 3,34				
Жизнерадостность	3,62 3,40 3,85				
Непримиримость к своим и чужим недостаткам	3,31	3,30	3,32		
Ответственность	3,43 3,46 3,40				
Самоконтроль	3,45 3,85 3,10				
Смелость в отстаивании своего мнения		3,30	3,00	3,60	
Терпимость к мнению других		3,35	3,00	3,70	
Честность	4,14 4,00 4,28				
Воспитанность	3,66 3,54 3,78				
Исполнительность	4,29 4,35 4,24				
Рационализм (умение принимать обдуманные решения)			3,39	3,56	3,62
Трудолюбие	3,64 3,44 3,84				
Высокие запросы	3,04 3,18 3,00				
Независимость	3,28 3,34 3,23				
Образованность	3,30 3,00 3,60				
Твердая воля	4,10 4,20 4,00				
Широта взглядов	3,24 3,20 3,28				
Чуткость	3,87 3,60 4,35				

Социальный портрет молодежи, как и во все времена, очень противоречив. Из проведенных исследований видно, что с одной стороны современная молодежь - до глубины души романтична, для которых очень важны семейное счастье, верная дружба, взаимная любовь. С другой стороны, они жесткие прагматики, ценящие здоровье, престиж, материальное благополучие. Они готовы прилагать серьезные усилия для

получения хорошего образования, но при этом желают после учебы иметь легкую и прибыльную работу. Для них очень важна свобода мыслей, суждений, действий.

Набор ценностей, которые усваивает молодежь в процессе социализации, ей диктует именно общество. Ценности конкретной личности формируются под влиянием социальной среды особенностей тех социальных групп, в которые она входит. Молодость представляет собой период активного формирования устойчивого самосознания и социального статуса личности. Становление российской молодежи складывается отчасти в условиях ломки «старых» ценностей советского периода, формирования новой системы и новых социальных отношений.[2] Источником нарушений выступают процессы, такие как: информатизация, глобализация, урбанизации и т.д. Общество свелось к потреблению - воспитание молодого человека не как гражданина, а как простого потребителя тех или иных товаров и услуг.

Цель информатизации — трансформация процессов в обществе, которые должны направить действия и поступки личности на производство услуг, формирование информационного производства, а не материального продукта. В ходе информатизации решаются задачи изменения подходов к производству, модернизируется уклад жизни, система ценностей. Особую ценность обретает свободное время, воспроизводятся и потребляются интеллект, знания, что приводит к увеличению доли умственного труда. Ключевое значение начинают иметь различного рода управляющие и аналитические информационные системы, созданные на базе компьютерной техники, компьютерных сетей, информационной технологии и телекоммуникационной связи. [3]

Многие ученые рассматривают проблему ценностей, связывая ее с потребностями, как источниками активности человека. Молодежная среда, в силу ее возрастных, социально-психологических и мировоззренческих особенностей в большей степени, чем другие социальные и возрастные группы восприимчива к трансформационным процессам. [4] С.Л. Рубинштейн указывал: «что в деятельности человека по удовлетворению потребностей выступает общественная шкала ценностей. В удовлетворении личных и индивидуальных нужд через посредство общественно полезной деятельности реализуется отношение индивида к обществу и соотношение личностного и общественного». [1, с. 365]. Наличие ценностей есть выражение не безразличия человека по отношению к миру, возникающего из значимости различных сторон, аспектов мира для человека, для его жизни.

Теория потребностей Клейтона Альдерфера — теория мотивации. Он полагает, что людей волнуют только три потребности — существовать, общаться с другими и потребность своего роста и развития. Он утверждал аналогично пирамиде потребностей Маслоу. Потребность существовать аналогична физиологической потребности. Потребность общаться с другими — потребность социального значения. Потребность роста — потребность в самореализации и уважении. Настоящие потребности могут остаться неудовлетворенными и через пять лет, и тогда можно поменять ориентиры. Будучи молодым, человек может стремиться стать президентом компании. В зрелом возрасте он может уже не хотеть стать президентом, так как это отнимает слишком большую часть жизни, но это уже другой взгляд на потребности человека. [13, с. 60]

В целом, в настоящее время положение молодежи в обществе характеризуется как крайне нестабильное.

Эпоха информационного общества вступает в стадию смарт (в переводе «умный», «интеллектуальный»), что подразумевает наличие и развитие инновационных коммуникационных технологий, которые преобразуют бизнес, образование и прочие виды деятельности в государстве, и само государство. В смарт образовании применение электронных технологий сочетается с индивидуальным обучением мышлению и творчеству. Смарт-государство сформирует смарт-гражданина (за счет постоянного обучения, снижения доли рутинного труда).[5]

Общество готово к новому «эволюционному витку», трансформируя информационное общество в то, что называют понятием Смарт-общество. Инновации, приспособляемость, качественные показатели, гибкость – этим требованиям должны соответствовать современные образовательные учреждения, чтобы успевать за происходящими изменениями и растущими запросами нового поколения. Смарт-университеты – платформа для создания Смарт-городов, которые в итоге сформируют Смарт-Россию.[5]

Подводя итоги, ценностная система современной молодежи находится в трудной и сложной и социальной обстановке. В чем корень проблемы? В том, что мы живем в переломные годы. В советское время все было достаточно просто и понятно. Был "кодекс строителя коммунизма", который регламентировал отношения между людьми в вопросах нравственности. С переходом к демократическому строю человечество, к сожалению, "не захватило" с собой - морально-этические нормы поведения, на которых строилась российская государственность и держалось могущество России. Наступило время, когда необходимо остановиться, сделать анализ ситуации. Будущее государства - нынешняя молодежь. Не исключено, что завтрашний день России будет определять подрастающее поколение других стран. Вероятность такого развития событий зависит от ценностных ориентаций и социальной активности российской молодежи, от заинтересованности общества в перспективах ее развития.

1. Шафранский К.Д., Суханова Т.Г. *К вопросу о ценностных ориентациях личности // Личность и деятельность. Л., 1982.*
2. Шубкин В... *Начало пути. Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М., 1979.224 с.*
3. Коротков А. В., Кристальный Б. В., Курносов И. Н. *Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества. — М.: ООО «Трейн», 2007. ISBN 978-5-903652-01-3. — 472 с.*
4. Сергей Елишев, *Проблемы современной российской молодёжи: чего хочет молодежь? // Русская народная линия http://ruskline.ru/analitika/2010/8/17/problemy_sovremennoj_rossijskoj_molodyozhi_cheg_o_hochet_molodezh*
5. Тихомирова Наталья Владимировна, *Глобальная стратегия развития smart-общества. МЭСИ на пути к Smart-университету //smartmesi.blogspot.ru/2012/03/smart-smart.html*
6. *Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельнику и Н.Федоровой; Посл. А.Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.*
7. *Что такое глобализация? / Пер. с нем. А.Григорьева и В.Седельника; Общая ред. и предисл. А.Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.*
8. Федорышкин А.Н. *Самооценка жизненных ценностей человека. — 2006. — № 6. — С. 9.*
9. Леонтьев Д.А. *Методика изучения ценностных ориентаций. М. Смысл 1992.*
10. Сергейчик С.И. *Факторы гражданской социализации учащейся молодежи // Социол. исслед. — 2002. — №5. — С.107–111.*
11. Мамедова Ж.С. *Ценностные ориентации личности в контексте временной перспективы. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Спецвыпуск «Педагогика» № 6. Ростов-на-Дону, издательство РГПУ, 2006. С. 121 – 132 (статья).*
12. Гороховик, С. В. *Особенности мотивационного профиля молодежи / С. В. Гороховик // Молодежь в начале 21 века: основные ценности, позиции, ориентиры : материалы международной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, 23-24 марта 2006 г. - Самара*
13. **ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ.** *Комплект учебно-методических материалов // Управление персоналом. — 2-е изд., перераб. — Казань: НИЦ ДОТ ИСГЗ, 2009. — 109 с*

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА)

Пивоварова Е.С. (Новосибирск)

Ценность – представление о том, что свято для человека, коллектива, общества в целом, их убеждения и представления, выраженные в поведении. Можно сказать, что от этого зависит уровень культурного развития общества, степень его цивилизованности. Ценности конкретной личности формируются под влиянием среды тех социальных групп, в которые она входит. Все что усваивает молодежь в процессе социализации, ей диктует именно общество. Изучение молодежи – ключ к пониманию будущего [1, С. 15]. Исследование ценностей особенно актуально сейчас, в кризисную эпоху.

Многие ученые рассматривают проблему ценностей, связывая ее с потребностями, как источниками активности человека [2]. Применительно к современному обществу используют метафору «общество потребления», в котором люди, в том числе и молодые, прежде всего, выступают как потребители тех или иных товаров и услуг. Их ценность как личностей, граждан оказывается не востребовавшейся. На первое место выходит задача стимулирования потребления, вследствие чего растут потребительские настроения и готовность быть потребителем. С.Л. Рубинштейн указывал: «что в деятельности человека по удовлетворению потребностей значимой шкалой выступает общественная шкала ценностей» [3, С. 365]. То есть общество задает стандарты, эталоны ценностных систем.

На сегодняшний день большинство молодых людей по окончании 9 или 11 классов поступают в учреждения высшего и среднего профессионального образования, таким образом, проходят еще один этап социализации в стенах вуза/суза, и дополнительные 3-4 года находятся в состоянии поиска, связанном с приобретением профессиональных навыков. Вследствие чего, имеют дополнительное количество свободного времени для поиска себя, раскрытия творческого потенциала через досуговую деятельность, а кто-то вступает в трудовые отношения с частичной занятостью, совмещая учебу и работу. Молодость представляет собой период активного формирования устойчивого самосознания и социального статуса личности, накопления сил во взрослую жизнь. В этот промежуток времени у молодых людей есть шанс понять, что для них будет важно в будущем, к чему стремиться, что в приоритете.

Автор провел исследование по выявлению ценностных предпочтений современных студентов. В исследовании была использована методика М. Рокича в изучении ценностных предпочтений. В апробации принимали участие студенты технической специальности Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики города Новосибирска. Всего было опрошено 26 человек в возрасте от 20 до 22 лет, в том числе 17 юношей и 9 девушек.

Задача состояла в выявлении ценностных предпочтений молодых людей. Выявление значимости таких ценностей как интеллектуальное развитие, материально обеспеченная жизнь, любовь, свобода поступков и действий, получение удовольствий и т.д. Обработка полученных результатов проводилась по каждой ценности отдельно. Средний балл определяется путем нахождения среднего арифметического – деления суммы всех оценок по конкретной ценности на количество людей группы.

На основе полученных данных сделаны следующие выводы, с одной стороны современная студенческая молодежь романтична. Она осознает значимость семейного счастья, верной дружбы, взаимной любви. С другой стороны, молодые люди прагматики, ценящие здоровье, престиж, материальное благополучие. Для них очень важна свобода мыслей, суждений, действий. Они готовы прилагать серьезные усилия для получения хорошего образования, но при этом желают после учебы иметь легкую и прибыльную работу.

Также студентам было предложено ответить на вопрос «что Вам прежде всего нужно для счастья?». Выяснилось, что 50,8% опрошенных полагают, что для счастья им необходима «счастливая семейная жизнь», 27,4% предпочли бы «активную деятельную жизнь», а 21,8% считают, что для счастья им необходимы «верные и надежные друзья». В свою очередь, для девушек счастье заключается в объединении любви, семейной жизни и материальной обеспеченности, а юноши связывают счастье с семейной жизнью, дополненной верными, надежными друзьями, интересной работой и активной деятельностью.

Изучение ценностных предпочтений студенческой молодежи может иметь прикладное значение для формирования воспитательной среды в учебном заведении с целью нравственного воспитания молодых людей.

1. Шубкин В., *Начало пути. Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы.* - М., 1979. - 224с.
2. Елишев С., *Проблемы современной российской молодежи: чего хочет молодежь? // Русская народная линия.* 17.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/8/17/problemy_sovremennoj_rossijskoj_molodyozhi_cheg_o_hochet_molodezh (дата обращения 9.10.2015). – Загл. с экрана.
3. Шафранский К.Д., Суханова Т.Г. *К вопросу о ценностных ориентациях личности // Личность и деятельность.* Л., 1982.

ВЫПУСКНИКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НА РЫНКЕ ТРУДА: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Попик А.А. (Петрозаводск)

Окончание профессионального учебного заведения – одно из важнейших событий в жизни любого молодого специалиста. Проблемы, возникающие при трудоустройстве выпускников, связаны не только с качеством подготовки, но и с не подготовленностью молодых специалистов к условиям на рынке труда, и отсутствием опыта в трудовой деятельности. В итоге, молодые специалисты оказываются на рынке труда одной из слабо защищенных групп населения.

Для того понять, как на самом деле ведут себя молодые специалисты на рынке труда, какие способы поиска работы они используют и с какими трудностями сталкиваются, было проведено пилотажное исследование. Исследование проводилось в рамках курсовой работы в период с февраля по апрель 2015 года. Для подтверждения достоверности полученной информации, были проанализированы данные, полученные другими исследователями. В качестве информантов для пилотажного исследования выступали выпускники Петрозаводского Государственного Университета специальностей «социология», «история», «финансы и кредит», «фармацевт», «юриспруденция». Для сбора данных была использована направленная (целевая) выборка с применением метода «снежного кома. В совокупности было собрано и проанализировано шесть полустандартизированных интервью.

По полу информанты распределились поровну, их возраст колеблется от 25 до 29 лет. Все опрошенные на момент проведения исследования имели некоторый опыт трудовой деятельности.

Первым, с чем сталкиваются выпускники учебных заведения, является выбор методов и каналов поиска трудового места. Существуют различные способы трудоустройства. На примере исследования, проведенного в 2012 году «Центром бюджетного мониторинга ПетрГУ»[1] можно определить основные каналы поиска работы молодыми выпускниками. Данное исследование проводилось в виде анкетного опроса 13562 выпускников предыдущих лет – молодых специалистов в возрасте до 30 лет, из

которых являлись выпускниками образовательных учреждений с ВПО 42% опрошенных, с СПО – 31%, с НПО – 27%.

В аналитическом отчёте исследования были представлены различные данные по выпускникам, в том числе рейтинг способов поиска [1] работы молодыми специалистами.

Самым популярным способом поиска работы в данном исследовании является “помощь образовательного учреждения” (34%) и “обращение к друзьям, родственникам, знакомым” (31%). “Использование возможностей сети Интернет” оказалось лишь на шестом месте.

Но наиболее популярным способом поиска работы, который все-таки привёл к трудоустройству, оказался “просмотр объявлений о вакансиях” (53%), а на втором и третьем месте по популярности так и остались способы поиска, связанные с “обращением к знакомым, родственникам” (44%) и “помощь образовательного учреждения” (41%).

В пилотажном исследовании, проведённом среди выпускников ПетрГУ, одним из самых распространённых видов поиска работы, с помощью которого молодые специалисты и устраивались на работу, оказалось использование социальных связей, различных знакомых, родственников. Из шести информантов так ответили пять человек. «Я в начале, через сестру устроилась ...» (Информант № 2, жен., 25 лет). «В основном это всё случилось по знакомству ... Меня устроила моя однокурсница...» (Информант № 3, жен., 25 лет). «Через знакомства и всё. Только через знакомства. Это, пожалуй, исключительный и единственный способ как можно устроиться вот так вот сразу». (Информант № 4, муж., 29 лет). «Сказала своей знакомой... Были знакомые и в других учреждениях ...» (Информант № 6, жен., 25 лет).

Так же популярным является поиска рабочего места с помощью различных сайтов социальной сети Интернет, на которых молодые специалисты размещают свои резюме или же самостоятельно ищут подходящие для них вакансии на просторах данных сайтов. Такой вариант трудоустройства указали три информанта. Причём все информанты, указавшие данный способ трудоустройства, делали акцент на сайте с вакансиями под названием “Headhunter”. «Я для себя открыла два хороших сайта “Headhunter” и “SuperJob”. (Информант № 2, жен., 25 лет). «Однажды я разместил анкету, резюме на сайте “HeadHunter”. (Информант № 3, муж., 25 лет). «Я искала работу через “Headhunter”» (Информант № 6, жен., 25 лет).

Одним из важнейших вопросов является вопрос о связи, полученной выпускниками специальности с той должностью, которую они занимают. По данным исследования «Центра бюджетного мониторинга ПетрГУ»[1], из 100% выпускников высших профессиональных учебных заведений около 80% (61,4% - да, 18,2% - скорее да) указали на то, что их профессия связана с полученной ими специальностью, но всё же 20,4% (10,7% - нет, 9,7% - скорее нет) указали то, что их трудовые обязанности не связаны с их образованием.

Используя различные стратегии поиска рабочего места, не всем молодым специалистам сразу удаётся найти работу по полученной специальности. При проведении пилотажного исследования информанты указывали на несоответствие полученной ими специальности с их трудовой деятельностью, и обосновывали это трудностями поиска работы по полученной специальности. «А по специальности “историк” вообще не найти работу» (Информант № 3, муж., 25 лет). «Я не видела нигде объявлений о том, что требуется...» (Информант № 5, жен., 25 лет). «Учителем истории? Из меня учитель никакой» (Информант № 4, муж., 29 лет). Но двое из шести интервьюируемые и говорили о том, что даже не пытались найти работу по полученной специальности «Но историком я никогда не пытался найти работу» (Информант № 3, муж., 25 лет). «Поэтому я и не искала» (Информант № 5, жен., 25 лет).

При поиске работы, через любые каналы связи у молодых специалистов возникают трудности. На примере исследования выпускников «НИУ ВШЭ – Нижний Новгород 2011-2012 гг.»[2], в котором авторами был проведен ряд опросов выпускников различных лет и

форм обучения, был составлен перечень проблем, с которыми сталкивались выпускники при трудоустройстве на работу. Наиболее часто в ответах респондентов упоминалось отсутствие опыта работы, в 2012 году с ней столкнулось 50% выпускников.

При исследовании выпускников ПетрГУ, лишь один информант сказал о том, что у него возникали какие-либо трудности при поиске работы. «Да. Конечно. Они продолжают у меня, ещё как. С работой туго...» (Информант № 4, муж., 29 лет). При этом двое респондентов говорили о том, что рабочее место они искали несколько месяцев. «Два месяца поиска работы, это конечно не очень много...» (Информант №5, жен., 25 лет). «Не долго я искала, как-то быстро всё прошло. Где-то месяца два ушло...» (Информант №6, жен., 29 лет). Но информанты указывали на то, что у них возникали некоторые психологические трудности уже при выполнении служебных обязанностей (об этом рассказали двое из шести респондентов). «По началу были. С непривычки, скажем так... Я сейчас думаю, что, вот работая с людьми, мне кажется, что мало было часов психологии... Трудности именно в общении с людьми» (Информант №2, жен., 25 лет). «В школе мне пришлось сложно... Не все могут с детьми работать. Я не смог... Мне не хватило, да, знаний психологии, знаний в общении с учениками...» (Информант № 3, муж., 25 лет).

Подводя итог можно сделать несколько основных выводов по поводу поведения молодых специалистов на рынке труда:

1) На сегодняшний момент самыми распространёнными каналами трудоустройства, используемыми молодыми выпускниками, являются поиск работы при помощи социальных связей.

2) Несмотря на некоторые расхождения данных разных исследований, все-таки существует значительный процент тех, кто работает не по полученной специальности.

3) Молодые специалисты, при взаимодействии с рынком труда, так или иначе, испытывают трудности, но зачастую не осознают этого.

1. *«О состоянии трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования, востребованных специальностях, требуемых компетенциях и ожидаемых прогнозных кадровых потребностях»: аналитический доклад [Электронный ресурс] – Центр бюджетного мониторинг*
2. *Еремина А.В. Выпускники вузов: стратегии карьерного старта [Электронный ресурс] / А.В. Еремина, И.В. Зороастрова. – Электрон. ст. – Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2013. - № 12 (60). – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/42771890.pdf>, свободный – загл. с экрана. – яз. рус. – (14.03.2015)*

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ

Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург)

Проблематика образа жизни на протяжении многих лет является общим форматом исследований в области социологии молодежи, поскольку включает различные аспекты социализации и самоопределения молодежи, формирования ее ценностных ориентаций, стратегий выбора жизненного пути в различных социальных условиях, способы реализации жизненных планов и антиципаций.

Реализация сквозного проекта «Социальный портрет молодежи» конкретизируется в таких исследовательских проектах как «Жизненные планы молодежи», «Социальное здоровье молодежи», «Проблемы экстремизма и наркотизма в молодежной среде», «Ориентации молодежи на жизненный успех и барьеры жизненного успеха», и т.д.

Одно из направлений исследований представляет программа «Молодежь в поле социальных проблем», в рамках которого проводится серия опросов молодежи

относительно текущих актуальных событий: экономического кризиса (2009), событий в Крыму и на Украине (2014).

В теоретическом плане исследования опираются на концептуальные подходы к изучению процессов социализации молодежи, их факторной обусловленности. Несмотря на различия в акцентах, общепринятым является признание стратегической цели социализации - формирование у молодежи способностей к адаптации в условия социальной среды, интеграции в социум с учетом индивидуальных особенностей. В рамках концепций социализации рассматриваются такие частные вопросы как временные параметры прохождения определенных этапов социализации, специфика процессов адаптации в социуме молодежи из различных социальных слоев, социокультурные практики молодежи, самоопределение молодежи в различных сферах социальной жизни.

Исследования фиксируют отношение молодежи к изменениям социальных условий, возникновению кризисных ситуаций, которые выдвигают перед молодежью новые задачи и требуют дополнительных ресурсов, в том числе психологической устойчивости и социальной компетентности.

Результатом социализации молодежи является формирование индивидуальных экзистенциальных установок, включающих базовые установки по отношению к себе и социуму, и текущие установки, направленные на решение практических задач. Согласно теории социализации между внутрискруктурными элементами установок существуют тесные взаимосвязи, которые регулируют различные аспекты и антиципации. В этом контексте программа социологических опросов молодежи включает изучение отношения молодежи к политике, экономике, культурным практикам и брачно-семейным отношениям.

Исследования фиксируют также отношение молодежи к изменениям социальных условий, причинам возникновения кризисных ситуаций, способам реагирования и поведения в экстремальных условиях, состоянию и возможностям использования ресурсной базы. Новые непредсказуемые жизненные ситуации выдвигают перед молодежью новые задачи, которые и требуют дополнительных ресурсов, в том числе психологической и социальной компетентности.

По мнению Н.Л. Смакотиной, проблемы, возникающие в ситуации неопределенности, рискованности, негарантированности требуют выработки специальных механизмов и технологий, способствующих адаптации молодежи к актуальной ситуации. В периоды кризисов действуют бифуркационные механизмы, которые детерминируют появление непредсказуемых каналов развития. Поскольку в арсенале социологии, по мнению Н.Л. Смакотиной, нет инструментария для определения поведения диссипативных структур, возникает необходимость выделения нового направления – социологии неопределенности. [1]

Традиционные эмпирические исследования в рамках социологии молодежи призваны фиксировать влияние вызовов современности на образ жизни и тенденции изменения социальных установок и ценностных ориентаций молодежи под влиянием новых жизненных обстоятельств. В кризисных условиях динамичных и радикальных социальных преобразований системы ценностных ориентаций могут подвергаться переосмыслению, проверке на устойчивость, или модификации.

Молодежь как часть общества подвержена влиянию общих объективных условий и внешних по отношению к ней факторов риска, но в силу своего социального статуса более чувствительна к рискам утраты возможностей завершения образования, получения работы, условий для создания семьи и т.д. Результаты опросов предназначены для использования при разработке антикризисной молодежной политики.

Так, данные опросов проведенных после экономического кризиса 2009 года, показывали, что большинство молодых людей ощутили на себе влияние экономического кризиса. Характерный для предыдущих лет оптимизм молодежи, уступил место смешанным чувствам, беспокойству, страху перед будущим. Однако большинство

респондентов проявили готовность к активным действиям для выхода из кризиса. Так, целевой установкой большинства респондентов было стремление независимо от обстоятельств завершить образование. Значительная часть респондентов выбирала режим строжайшей экономии, временного отказа от отдыха, готовности к любой дополнительной, даже низкооплачиваемой работе. Часть респондентов считала целесообразным отложить на время рождение детей. Исследования фиксировала также стратификационную обусловленность различий в поведении молодежи в критических условиях.

Исследования 2014 года относительно событий в Крыму и на Украине отразили политические ориентации молодежи. Так, большинство респондентов выразили согласие с присоединением Крыма, небольшая часть проявила несогласие с этой политикой, а четвертая часть респондентов не имела определенного мнения по данному вопросу. Аналогичными были данные относительно проведенного в Крыму референдума.

Опрос, проведенный по базовой методике изучения социальных ориентаций молодежи, показывает, что устойчивый интерес к политике имеет не более пятой части молодежи. Большая часть респондентов проявляет к политике определенный интерес, а десятая часть – совсем не интересуется политикой. Сохраняется влияние на отношение к политике гендерных и экономических характеристик респондентов: постоянный интерес к политике проявляют больше юноши и более обеспеченные респонденты.

Разрабатывая методологию социологии социальных проблем, О.И.Иванов указывает, что условия социальной проблемы являются составной частью социальной среды существования субъекта. Они включают в себя те социальные явления, которые оказывают непосредственное негативное воздействие на субъекта. [2]

На фоне социальных проблем возникает широкий спектр психологических проблем, которые отражают внутренние противоречия индивида, обусловленные неадекватной картиной мира и системой ценностных ориентаций, депривацией потребностей, неэффективными межличностными отношениями. [3]

Анализируя психологические проблемы современной молодежи психотерапевты отмечают распространение чувства одиночества, потерянности, страха перед неопределенностью и будущим. [4]

В этом контексте позитивным моментом является повышение общественного интереса к разработке методологии и техник копинг-поведения, как средства противодействия стрессогенным факторам. Копинг-стратегии предполагают усилия индивида, направленные на изменение ситуации и изменение собственного поведения. Стратегии преодоления могут быть сосредоточены на трех сферах: оценке ситуации, решении проблемы и управлении собственным эмоциональным состоянием. В адаптивные задачи входит: установление смысла ситуации, определение ее значения, выбор реакции на требования кризисной ситуации, управление негативными чувствами и сохранение отношений поддержки. [5]

Важное значение, но недостаточно пока оцениваемое, в этой работе принадлежит приобретению социологической компетентности, способности учитывать и анализировать тенденции макросоциального развития, их влияние на микросоциальную проблематику.

Разработка и реализация концепций молодежной политики опирается на междисциплинарные эмпирические исследования, сравнительный анализ данных многолетних исследований, отражающих тенденции развития социальных ориентаций молодежи, использование результатов социологических опросов относительно широкого круга актуальных вопросов. Практическая направленность социологии молодежи реализуется в образовательных программах, ориентированных на развитие у молодежи социальной и психологической компетентности.

2. *Иванов О.И. Социологические проблемы молодежи и ювенологические исследования. Введение в социологию социальных проблем. СПб., 2001.*
3. *Линде Н.Д. Основы современной психотерапии. М., 2002.*
4. *Кривцова С.В. Вызовы неопределенности и становления внутренней прочности личности в процессе онтогенеза (экзистенциально-аналитический подход). <http://www.psystudy.com/index.php/num/2015v>*
5. *Копинг-поведение. Социально-психологическое исследование. Омск. 2015.*

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К КРИЗИСУ

Пугачев М. (Барнаул)

Кризис – это масштабная ситуация неопределённости, предельно некомфортная для большинства людей. Ситуация, когда старые схемы перестают работать, а новые ещё не выработаны. Когда становятся актуальными проблемы, которые пока не очень понятно, как решать.

Я рассмотрю две версии отношения молодежи к кризису. Первая версия основывается на том что кризис — это трудно время потому что финансовая состоятельность молодых людей падает, а вторая версия говорит, что кризис молодые люди могут пережить легче.

Кризис очень влияет на экономическое состояние всех слоев населения. Но молодежь переживает кризис более болезненно, чем люди старшего поколения. В период экономического кризиса материальное неблагополучие, социальная неустроенность не только лишают молодых возможностей для личностного роста и шансов на профессиональный успех, но и являются причиной ряда духовных болезней. Если человек с опытом еще может поднапрячься и найти работу, то для молодых людей, которые только закончили ВУЗ найти работу очень трудно. Также в кризис многие компании начинают оптимизацию ресурсов и кадров, в этой ситуации тоже молодой человек без опыта имеет большой шанс быть уволенным.

Но несмотря на спад экономики, считается, что молодым по силам использовать самые активные стратегии приспособления к кризису: осваивать новые профессии, находить дополнительные заработки, менять места жительства и т.п.

Потребительская способность у молодежи тоже сильно падает. Потому что если нет работы, то ты стараешься экономить на всем. Главная экономия начинается с дорогостоящих товаров, а потом идет все остальное.

Рассмотрим другую версию отношений молодежи к кризису.

По этой версии молодое поколение в силу молодости, а значит, более слабой включенности в повседневные бытовые траты, соответственно меньше замечают и рост цен. Так, они реже всех сообщают, что в их городе, селе цены выросли очень сильно. И поэтому молодежь не готова снизить свои потребительские потребности. Молодые люди думают, что кризисная ситуация их вообще не затронет. И по этой причине волноваться не стоит. Но если кризис будет зажимать экономическое положение, то они более активно будут искать работу и даже готовы если потребуется поменять профессию. По поводу работы считается что если не работу, то подработку найти проще. И по этой позиции можно сказать, что они равнодушно относятся к кризису.

Кризис вообще стоит воспринимать как «испытание на прочность», которое общество должно пройти объединёнными усилиями и молодежь должно принимать в нем не последнюю роль.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ КАК МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ

Рахманова Д.С. (Белгород)

Начало 21 века в России ознаменовано развитием добровольческого движения, что обуславливает актуальность, а главное значимость исследования данного феномена в различных аспектах, в том числе и в рамках изучения его функций и потенциала.

Волонтерство, как правило, всеми воспринимается довольно традиционно – как добровольная помощь. Безусловно, это не так. Но волонтеры работают в различных сферах: в сфере строительства объектов общегосударственного значения (подготовка к олимпиаде), в сфере туризма (в рамках программ межгосударственного взаимодействия), в сфере экологии (защиты природы), в социальной сфере (помощь нуждающимся) и т.п. Следует отметить следующие функции социального волонтерства в обществе:

- обучающая: зачастую добровольцами в социальной сфере являются учащиеся старших классов, ориентированные на получение профессии в социальной сфере либо уже состоявшие студенты, будущее трудоустройство которых зависит от приобретенных профессиональных компетенций;

- функция солидарности: для реализации волонтерских программ необходима команда, т. е. люди объединяются, учатся работать сообща: совместная деятельность на общественное благо учит солидарности, развивает навыки работы в коллективе и т. п.;

- функция социального контроля: присутствие волонтеров в учреждениях социальной защиты значительно снижает количество фактов нарушения прав клиентов этих служб.

- функция нравственного развития: в эпоху, когда ученые и педагоги «бьют тревогу» по поводу падения нравственности, волонтерство обладает потенциалом ее возрождения: научает терпимости, состраданию, возможно даже способно развивать альтруистические качества;

Важно обратить внимание на значение и специфику реализации волонтерством функции социального контроля. Социальный контроль представляет собой способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством социально-нормативного и правового регулирования. Социальный контроль подчиняет индивидов общественным, общегрупповым целям, поддерживает их единство в рамках

общества данного типа, соответствующей социальной группы, организации, вводит и поддерживает специфическую систему социальных ценностей и норм, обеспечивает усвоение этих норм членами общества, группы, поощряет их соблюдение и подавляет отклонения от их требования. В этот и есть смысл и основная функция механизма социального контроля. Цель социального контроля – обеспечение соответствия индивидуальных социальных действий общесоциальным принципам и нормам. Наблюдая за происходящим в социальных учреждениях, волонтеры нередко находятся перед выбором: продолжать помогать нуждающимся, но при этом не обращать внимание на некомпетентности кадров и попытаться гладить недостатки сложившейся ситуации или обращать внимание на все, даже незначительные факты нарушения прав клиентов, но при этом стать нежелательным гостем в социальном учреждении и в конечном итоге прекратить свою деятельность в нем и лишь догадываться о том, что в дальнейшем произойдет с клиентами. В большинстве случаев, руководствуясь желанием помочь, многие волонтеры «закрывают глаза» на происходящее, надеясь на то, что в критической ситуации они смогут помочь. Несмотря на то, что работа волонтеров в любых учреждениях социальной защиты априори востребована, далеко не все руководители социальных служб готовы сотрудничать с ними и допускать их к общению с клиентами и

персоналом. Содействие, которое волонтеры могут оказывать в решении социальных проблем, трудно переоценить. Но для эффективного развития волонтерства необходимо менять подходы к его организации: необходима четкая, аккредитованная система подготовки волонтеров, система аттестации, системы пропаганды волонтерства, нормы и законодательные механизмы волонтерской деятельности. Но даже на современном этапе развития российского общества волонтерство обладает потенциалом стать одним из основных его механизмов.

1. *Зубова, Е.И. Теоретические основы развития воспитывающей среды в условиях социального многообразия. Научный журнал «Теория и практика общественного развития». – Краснодар, 2014. – № 13. – С. 109-113.*

ПЕРВОКУРСНИКИ И МОТИВЫ ВЫБОРА ВУЗА

Рахматуллина З. . (Уфа)

Выбор вуза для старшеклассников и выпускников школ является важным этапом их личностного и профессионального самоопределения. Главная задача вуза при работе с абитуриентами заключается в отборе наиболее «качественного», подготовленного и мотивированного абитуриента, то есть способного в будущем соответствовать принятым в вузе стандартам качества, а в идеале – способного к серьезным академическим и профессиональным достижениям. Вместе с тем выбор самого абитуриента может быть ограничен многими факторами. Некоторые из них носят индивидуальный характер, например, состояние здоровья, степень готовности к обучению в вузе, включая как знания, так и способности. Другие факторы носят социальный характер и связаны с социальным статусом семьи, местом проживания абитуриента, доступностью высшего образования в обществе и т.д.

В этой связи проблема выбора вуза является важной как для абитуриентов и их родителей, так и для руководителей и преподавателей высших учебных заведений. Руководители и преподаватели вузов нуждаются в информации о мотивах поступления в конкретный вуз, о факторах, которые обуславливают выбор абитуриентами тех или иных факультетов и направлений обучения, а, следовательно, способность будущих студентов к академическим успехам, последующему выбору профессий и профессиональным достижениям. В силу этого резонно выявить мнение первокурсников по вопросам, связанным с выбором вуза, специальности и процессом поступления в вуз.

Отдел контроля качества обучения (ОККО) Башкирского государственного университета (БашГУ) провел анкетирование среди первокурсников, зачисленных в 2013 году (Екомасов, Кызыргулов, Хабибулина, 2014) В нем приняли участие 600 студентов, обучающихся в различных институтах и факультетах названного университета. Целью данного исследования являлось изучение:

- мотивов выбора абитуриентами этого вуза (это позволяет получить данные, свидетельствующие целенаправленно ли первокурсники поступали в БашГУ, на определенный факультет, на конкретную специальность);
- факторов выбора направлений обучения (это позволяет получить данные о том, чем руководствуется абитуриент при поступлении);
- источников получения информации о вузе.

Результаты исследования показали, что в своем выборе вуза, направления подготовки (специальности) молодежь проявляет взвешенный подход и прагматичность. Так, наиболее значимыми мотивами поступления в БашГУ являются: наличие интересующего направления подготовки (специальности) в вузе, качество образования (здесь дают качественное образование), престиж вуза (учиться здесь престижно).

Немаловажными являются умеренная плата за обучение, влияние друзей и знакомых, а также проходной балл ЕГЭ (мне легче поступить в этот вуз, чем в другой).

Опрос выявил мотивы выбора того или иного направления обучения (специальности) первокурсников. Опрошенные первокурсники определили основным мотивом интерес к специальности (меня привлекает будущая профессия). На втором месте— престижность специальности на рынке труда (это направление поможет мне получить высокооплачиваемую работу). Немаловажным является в выборе специальности также мнение родственников и друзей.

Опрос выявил наиболее популярные источники информации о вузе. К ним относятся сайт университета (1 место), мнение родственников, друзей, знакомых (2 место), деятельность приемной комиссии вуза (3 место). Наименьшей популярностью пользуются телевидение, радио, газеты.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы. Так, основными мотивами выбора вуза и профессии наряду с желанием получить качественное образование являются интерес к выбранной профессии, ориентация на успешное трудоустройство, престижность вуза и профессии на рынке труда. В этой связи можно рекомендовать университету в период активной фазы приемной кампании уделять особое внимание презентации таких критериев выбора вуза, как престижность вуза, интерес к специальности, востребованность выпускника на рынке труда.

Кроме того следует разнообразить профориентационную работу, установить контакт со школами и родителями, посещая школы и беседуя с родителями в рамках родительских собраний, создать профильные классы, проводить олимпиады по профилирующим дисциплинам, предоставлять льготы для поступления победителям олимпиад и выпускникам профильных классов. Особое внимание следует обратить на выпускников сельской местности и малых городов республики, поскольку многие из них стремятся получить образование в своем регионе.

1. Рахматуллина З.Б., Дубовова О.А. Проблемы профессионального становления//Среднее профессиональное образование. 2006. № 7. С. 39-44.
2. Рахматуллина З.Б. О мотивации учебной деятельности студентов //Ректор ВУЗа. 2014. № 8. С. 64-69.
3. Рахматуллина З.Б. К вопросу о теоретических аспектах мотивации учебно-познавательной деятельности студентов //Вестник ВЭГУ. 2013. № 2 (64). С. 60-65.
4. Выявление особенностей определяющих выбор вуза и специальностей посредством анкетирования (результаты социологического исследования первокурсников БашГУ): монография / Е.Г. Екомасов, И.Р. Кызыргулов, М.Р. Хабибулина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 44 с.
5. Киселева М.В. Первокурсники КГТУ: мотивы выбора вуза и профессии// http://www.kstu.edu.ru/science/vest_2010_1.php?id=2 (дата обращения: 23.02.2015).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Реутова М.Н. (Белгород)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (рук. – Е.В. Реутов).

Относительно новым явлением в жизни современного российского общества становится общественный активизм и гражданское участие, масштабы которых, особенно при определенной поддержке власти, постепенно возрастают. Как отмечает ряд исследователи, в последние годы можно вести речь о социальной активности, готовности и желании сограждан участвовать в решении местных проблем, в принятии

принципиально важных управленческих решений [2, с. 28]. Если «еще совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалось значительной частью населения, включая активистское, «продвинутое» меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная» [1, с. 14], то в последнее время ситуация меняется в лучшую сторону. При этом представители различных возрастных групп по-разному относятся к общественной деятельности и участвуют в ней с разной степенью интенсивности. В рамках данной работе основное внимание обращено на молодежь с целью выявления специфики участия молодых людей в деятельности общественных организаций и объединений, анализа социальных барьеров гражданской активности молодежи. Эмпирической базой исследования выступают результаты массового опроса населения Белгородской области в 2014 г. (N=1000).

Отвечая на вопрос «Существует ли в Белгородской области общественные организации, реально способствующие улучшению жизни людей?» молодые респонденты высказали наибольшие сомнения, объясняющиеся, скорее всего, некомпетентностью – среди опрошенных в возрасте 18-29 лет лишь 35,94% отметили наличие в регионе общественных организаций, реально способствующих улучшению жизни людей, решению социальных проблем. На отсутствие таких организаций указали 20,31% опрошенных из этой возрастной группы. При этом относительное большинство – 43,75% – затруднилось с ответом.

Анализ ответов на вопрос: «Есть ли в Вашем окружении люди, которых можно назвать «общественниками», которые пытаются организовать других людей, решить какие-либо общие проблемы?» показал, что меньше всего с общественниками контактируют самые молодые и пожилые респонденты. Среди первых 31,25% не имеют в своем окружении общественников.

При этом следует отметить, что если ранее молодежь позиционировалась, как группа с относительно невысокой степенью информированности о деятельности общественных организаций, с наименьшей долей общественников в ближайшем окружении, то здесь она демонстрирует наиболее благоприятные для включения в общественную активность установки. Лишь 7,81% опрошенных в молодежной когорте ни при каких условиях не стали бы заниматься общественной деятельностью. С увеличением возраста доля данных ответов увеличивается: у респондентов 30-39 лет – 10,53%, 40-59 лет – 19,77%, 60 лет и старше – 19,33%. Молодые люди более прагматичны в мотивации общественной активности – у них чаще встречается такое ее основание, как нарушение их личных прав (39,84%). Но у них также достаточно высокий показатель такой мотивации общественной деятельности, как необходимость решения общественной проблемы (31,25%). Нарушение прав окружающих как повод для общественной активности отметили всего 12,50%.

Результаты анализа ответов на вопрос: «Лично Вы допускаете или исключаете для себя работу на постоянной и безвозмездной основе в какой-либо общественной организации?» показали, что возрастные различия установок на институализированное гражданское участие невелики. Тем не менее, у молодежи они выражены в меньшей степени, чем у остальных возрастных групп. Если до этого молодые респонденты демонстрировали большую готовность инициировать общественную активность (при доминировании индивидуалистической мотивации), то здесь мы видим противоположную тенденцию. Из молодых респондентов 43,75% допускают для себя возможность постоянной и безвозмездной работы в общественных организациях и 31,25% исключают это. Самую высокую готовность к данной деятельности декларировали респонденты 30-39 лет (50,00% допускают такую возможность, и 27,63% - исключают).

Меньшая готовность к постоянной и безвозмездной работе в общественных организациях вполне соответствует отмеченному ранее критичному отношению к

деятельности общественных организаций в регионе в сочетании с невысокой компетентностью в данном вопросе, свойственным молодым респондентам.

Таким образом, несколько больший потенциал гражданского активизма, свойственный молодежи, сочетается с большим недоверием институализированным каналам гражданского участия и невысокой информированностью о деятельности субъектов гражданского сектора.

В ходе исследования выяснялось, в каких конкретно общественных организациях и объединениях состоят граждане, наибольшее внимание было обращено на профсоюзы, политические партии, религиозные объединения, а также землячества. Что касается профсоюзов, членство в которых является наиболее массовой формой гражданского участия в регионе, что довольно предсказуемой оказалась низкая степень участия в профсоюзах молодежи и респондентов 60 лет и старше (18,75% и 11,76%, соответственно). Среди 30-39-ти и 40-59-летних доля членов профсоюзов доходит до 50,00% и 41,81%.

Участием в политических партиях также, прежде всего, охвачены представители «зрелого» возраста - среди 30-39-летних респондентов таковых 17,11%, 40-59-летних – 15,25%. Из респондентов 18-29 лет в политических партиях состоят всего 5,47%. Что касается религиозных объединений и землячеств, то доля молодежи в них практически не отличается от представительства других возрастных когорт; при этом все возрастные группы представлены в данных объединениях незначительно.

Одним из направлений исследования являлась диагностика качества отношений между людьми в региональном социуме. Субъективная оценка качества отношений давалась респондентами применительно к различным радиусам и сегментам социальных контактов, как по горизонтали, так и по вертикали. Замерялось качество отношений с родственниками, соседями, отношения в трудовом коллективе, отношения между людьми в населенном пункте (городе или селе), а также восприятие гражданами отношения к ним со стороны представителей государственной (муниципальной) власти. Отдельно замерялось доверие к руководству региона, муниципалитета и ряду общественных институтов.

Оценки, данными молодыми респондентами своим отношениям с родственниками, друзьями, соседями и коллегами по работе, практически не отличаются от средних значений по выборочной совокупности. Более проблемным является вертикальный аспект социальных коммуникаций – отношения граждан и официальных структур, представителей власти. Наиболее скептически в оценках среди всех возрастных групп респонденты 30-39 лет. Среди них лишь 25,00% оценили отношение к таким людям, как они, со стороны сотрудников официальных структур как хорошие, доброжелательные. У них – и больше всего негативных оценок – 9,21%. Чаще всего позитивные оценки встречаются у «крайних» групп – самых молодых (38,28%) и пожилых респондентов (38,66%). Самым низким уровнем доверия областному руководству отличается молодежь – у нее доля доверяющих в целом составила 52,35%. В ней же – меньше всего тех, кто высказал однозначное доверие – 17,97%. По уровню доверия руководству муниципального района (городского округа) молодежь уже не выделяется в худшую сторону – показатели доверия (и недоверия) распределены более плавно по всем когортам.

Что касается других базовых социальных институтов общества, то молодые люди в меньшей степени склонны доверять церкви, чем респонденты средних возрастных групп. У пожилых респондентов доверие религиозным институтам несколько ниже, чем по выборке в целом, прежде всего, за счет большей доли затруднившихся с ответом. Также недоверия СМИ наиболее остро ощущают респонденты 18-29 лет (37,50% доверяющих в целом против 49,40% по выборке в целом). По отношению к органам охраны правопорядка, судебным институтам и профсоюзным организациям молодые респонденты высказали мнение, не слишком отличающееся от точки зрения представителей других возрастных групп.

Таким образом, характер гражданского участия молодежи в условиях регионального сообщества носит преимущественно латентный характер, сдерживающими факторами выступают скептицизм и недостаточная политическая компетентность многих молодых людей, определенный нигилизм, присущий отдельным представителям молодого поколения, невысокий уровень доверия отдельным политическим и социальным институтам.

1. Петухов В.В. *Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия* // *Власть*. 2014. № 9. С. 11-19.
2. Тулузакова М.В. *Стратегия формирования солидарного общества: практика, социальные риски и перспективы* // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2014. Т. 14. № 2. С. 26-30.

АКТУАЛЬНЫЙ ПРОБЛЕМНЫЙ ФОН РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ 1990-Х И 2000-Х ГГ.

Руденкин Д.В. (Екатеринбург)

Различия в политических процессах, которые происходили в российском обществе в 1990-х и 2000-х гг., вызывают интерес многих отечественных политологов и социологов. Несмотря на то, что вектор и характер этих различий являются предметом порой весьма бурных дискуссий, само по себе существование различий между данными временными периодами никем особенно не оспаривается. Поэтому в отечественном научном сообществе нередки работы, посвященные тому, как между 1990-ми и 2000-ми гг. менялись характеристики политического процесса и конфигурации политических институтов российского общества. Несколько реже ставится вопрос о том, сказались ли произошедшие перемены в политической жизни на особенностях мышления и поведения рядовых граждан, и о том, похожи ли практики повседневной жизни россиянина 2000-х на практики жизни россиянина 1990-х. В своей работе мы бы хотели затронуть один из частных, но важных аспектов данного вопроса. В центре нашего внимания будет находиться сравнение основных жизненных трудностей, важных для российской молодежи 1990-х и 2000-х гг.

Эмпирическую основу исследования составил опрос представителей молодежи 1990-х и 2000-х гг., проведенный нами в Екатеринбурге в 2012-2013 гг. Особенностью подхода стала попытка сравнить ретроспективные ответы российской молодежи 1990-х гг. (ныне людей среднего возраста) о своих прежних настроениях с ответами современных молодых россиян. И среди молодежи 1990-х гг., и среди молодежи 2000-х гг. было опрошено по 300 человек. В обоих случаях мы просили респондентов ответить на вопрос, какие именно из сфер жизни российского общества наиболее проблемны для них лично. При этом представители современной российской молодежи называли те сферы, которые они считают проблемными для себя сейчас. Те же люди, которые были причислены нами к представителям молодежи 1990-х гг., называли те сферы, которые они, по воспоминаниям, считали проблемными для себя непосредственно в 1990-е гг.

Сам перечень потенциальных жизненных трудностей молодежи, к которым замерялось отношение, был предварительно разработан нами при проведении двух фокус-групп и двенадцати интервью с представителями современной российской молодежи. Они показали, что потенциально молодежь может беспокоиться из-за проблем в сферах здравоохранения, обеспечения жильем, социальной защиты, образования, политических прав и свобод, трудоустройства, а также культуры и досуга. Фактически эти же сферы отмечали в качестве вызывающих беспокойство молодежи Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Н.А. Зоркая в своём исследовании в 2011 г. [1, с. 38-39]. Их же в 1996-1997 гг. выявляли

исследования В.Т. Лисовского [2, с. 103]. То есть, в принципе можно констатировать некоторую универсальность этого перечня трудностей для российской молодёжи. Поэтому нашей задачей в ходе исследования стала скорее оценка относительной важности, которая приписывалась каждой из этих сфер в 1990-е и 2000-е гг. Полученные ответы позволили сделать несколько принципиальных выводов о динамике настроений молодых россиян

Первый вывод. Существует устойчиво воспроизводящаяся тревожная оценка молодыми россиянами окружающей их социальной действительности. Характерно, что лишь сферу культуры в обеих подгруппах в качестве проблемной назвали только по 24-25%. На наличие проблем во всех остальных сферах указывали не менее 38-40% и среди молодежи 1990-х гг., и среди молодежи 2000-х гг. Кроме того, ни один из респондентов при ответе на этот вопрос не отметил менее 3 вариантов ответа. На наш взгляд, это является косвенным подтверждением низкой удовлетворенности молодых россиян теми общественно-политическими реалиями, которые они видят вокруг себя. И примечательно, что между молодежью 1990-х гг. и молодежью 2000-х гг. по этому основанию фактически отсутствуют различия.

Второй вывод. У двух постсоветских поколений российской молодежи репродуцируется одна и та же сегментация сфер жизни, понимаемых в качестве проблемных. Есть ряд сфер, которые и представители молодежи 1990-х гг., и представители молодежи 2000-х гг. восприняли крайне проблемными для себя: в обоих случаях сферы здравоохранения, образования и жилья были названы более чем половиной опрошенных. Также в обоих случаях в качестве менее значимых описаны проблемы, связанные с рынком труда, социальной защитой и политическими правами и свободами. Сфера же культуры и досуга в обоих случаях описывалась как нечто проблемное для молодежи лишь меньшинством. Мы считаем показательным такое явное созвучие ответов представителей российской молодежи 1990-х и 2000-х гг.. Оно свидетельствует об устойчивом воспроизводстве у молодых россиян не только восприятия российской действительности как проблемной для молодежи, но и представлений о перечне проблем, которые воспринимаются как наиболее острые для взрослеющего человека.

Третий вывод. Относительная значимость разных проблем для представителей российской молодёжи 1990-х и 2000-х гг. оказывается различной. Ретроспективные ответы представителей российской молодежи 1990-х гг. показывают, что раньше молодые россияне видели много сложностей с получением образования (отметили 67,1%), тогда как среди современных нам молодых россиян эту сферу считают проблемной только 53,2%. Аналогично обстоит дело со сферой политических прав и свобод: если многим представителям российской молодежи 1990-х гг. эта сфера виделась проблемной (так отвечали 58,2%), то современные молодые россияне склонны к таким оценкам в меньшей степени (соответствующий вариант выбрали только 46,1%). В то же время сферы здравоохранения и трудоустройства, наоборот, молодежь 2000-х гг. называет в качестве проблемных чаще. На наш взгляд, это происходит потому, что опыт взросления двух поколений российской молодежи все же оказался разным, поэтому и сферы жизни общества они называют в данном контексте разные. Вместе с тем, это частные, не глобальные различия: в обоих случаях набор наиболее проблемных сфер назван один и тот же, просто их иерархия несколько различается.

В целом, если опираться на ответы респондентов, то можно сказать, что российское общество в оценках постсоветской молодежи предстает устойчиво проблемным, не комфортным для взрослеющего человека. Иерархия жизненных трудностей молодежи, которые отмечают респонденты, эволюционирует, но довольно медленно. Можно констатировать понижение беспокойства российской молодежи о политических правах и свободах и, наоборот, повышение обеспокоенности по поводу здравоохранения или устройства на работу. Но в большей степени это частные различия. В целом же мы можем

говорить о том, что российская молодежь 2000-х гг. похожа по своим взглядам на российскую молодежь 1990-х гг.

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. *Молодежь России*. – М.: Московская Школа Политических Исследований, 2011. 96 с.
2. Лисовский В.Т. *Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи)* // *Социологические исследования*. 1998. № 5. С. 98-104.

ФОРМИРОВАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Савченко И.А., Иванова Я.В. (Москва)

На сегодняшний день молодежное общество занимает важное место в развитии всей страны: за студентами, выпускниками вузов – будущее нашей Родины. А сильное государство подразумевает собой сильное общество, состоящее из грамотных, профессионально подкованных, умных и культурных людей, сохраняющих свои традиции и нравственные ценности и не допускающих морального разложения общества.

На сегодняшний день при работе со студентами необходимо ориентироваться не только на традиционные методы в организации внеучебной работы, но и на сложившуюся молодежную субкультуру. [2] Следует учитывать важнейшую общую особенность воспитания, которая состоит в том, что на сегодняшний день происходит объективный процесс перемещения акцента с общественного воспитания на самовоспитание и самоформирование личности, то есть переход от развития общих типовых форм на индивидуальные формы. Такая направленность свидетельствует о влиянии на работу с молодежью расширяющихся демократических процессов в российском обществе, информационного «бума», либерализации экономики, развития рыночных отношений, овладении молодежью новыми социальными навыками, практическими умениями в области экономики, науки, техники и образования. В связи с этим необходимо перестраивать уже сложившуюся систему работы со студентами в вузах в рамках сегодняшней России и рассматривать студенческое сообщество как полноценного участника в управлении учреждением высшего профессионального образования. [1]

Анализ форм, методов и подходов к организации студенческого самоуправления в российских вузах показывает, что вузы уделяют большое внимание этому вектору своей деятельности. Необходимо сказать, что активное развитие студенческих организаций обусловлено, в первую очередь, Федеральным государственным образовательным стандартом, что говорит о заинтересованности российского государства не только в профессиональном развитии студенческой молодежи. [3]

Анализ зарубежного опыта различных стран (Австралия, США и Англия), взятых для изучения проблемы студенческого самоуправления, показал, что термин «студенческое самоуправление» в привычном нам понимании практически отсутствует, в то время как основное внимание зарубежных коллег приковано как раз к повышению профессиональных навыков и компетенций. Стоит обратить внимание, что более близка нам по духу Англия, в которой термин «service-learning» принимает все больше социальную направленность, нежели профессиональную.

Нами был изучен опыт организации внеучебной работы и участия органов студенческого самоуправления на примере одного из вузов столицы: Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ». Хотелось бы отметить, что администрация вуза серьезно относится к созданию и поддержанию

студенческого самоуправления. Это происходит в силу того, что руководство и администрация университета заинтересованы в том, чтобы все без исключения выпускники МЭИ в будущем стали не только успешными профессионалами в своем деле, но и смогли повлиять на общество и создать в нем здоровую атмосферу. Для постоянного мониторинга настроения учащейся молодежи регулярно организовывается обратная связь со студенческим активом, посредством организации системы кураторства, участия представителей студенческих организаций в качестве совещательного органа в административных мероприятиях, проведения регулярной статистики популярности культурно-массовых, спортивных и других мероприятий, а также статистики правонарушений студентами Правил университета и организация анкетирования студентов.

Студенческое самоуправление положительно влияет на организацию управления высшим учебным заведением, в силу того, что представители студенческого самоуправления приказом ректора введены в Ученый совет вуза, Совет по воспитательной работе, Стипендиальные комиссии институтов и стипендиальную комиссию МЭИ, Комиссию по труду, Дисциплинарную комиссию и других. Решение ряда вопросов на этих совещаниях невозможно в отсутствие или без согласия студенческой молодежи.

Таким образом, представители студенческих организаций МЭИ изучают мнение обучающихся и доносят его до администрации, в дискуссиях и обсуждениях находят общее решение поставленных вопросов.

Стоит отметить, что все вышеперечисленные мероприятия по организации обратной связи показывают положительный результат в рамках управления: количество нарушений студентами Правил вуза за несколько лет снизилось на 15-16%, более 60% обучающихся имеют постоянный доступ к мероприятиям, проводимым не только студенческим самоуправлением, но и администрацией вуза, а 70% студентов считают, что участие в органах студенческого самоуправления помогут им приобрести и развить новые умения и навыки.

На сегодняшний день деятельность студенческого самоуправления играет большую роль в развитии личностных и профессиональных качеств будущих специалистов, сегодня в студенческой среде растет понимание собственной роли в делах образовательного учреждения и готовность к участию в различных сферах общественной жизни страны. Именно студенчество, представляющее авангард молодежи, вносит существенный вклад в формирование гражданского общества в России, путем реализации собственных инициатив в рамках самоуправленческой деятельности.

Анализ практики становления и развития студенческого самоуправления в российских вузах, результаты социологических исследований подтверждают актуальность разработки концептуальных подходов к развитию студенческой социальной инициативы, самодеятельности и социального творчества.

Вместе с тем, молодые люди зачастую не имеют четкого представления о том, где и как они могут применить свои силы и знания. В этих условиях государству крайне важно создать необходимые правовые, экономические и организационные условия для самореализации студенческой молодежи и развития студенческих объединений, движений, инициатив. А вузу в свою очередь, всячески поддерживать и развивать условия создания студенческого самоуправления. Развитое профессиональное самосознание является одним из условий профессионального становления студентов. Реализация себя в будущей профессии, возможна благодаря осознанному и осмысленному представлению о себе, представлению о своем идеале профессионала и построению стратегии своего профессионального роста в будущем. Выполнение целей этой работы обеспечивается формированием новых и усовершенствованием имеющихся образовательных и воспитательных ресурсов для подготовки молодых и инициативных студентов, которые станут в будущем достойными членами гражданского общества.

1. *Рогалева Г. И. Студенческое самоуправление – характеристика воспитательного пространства вуза // Молодой ученый. 2011. №10. Т.2. С. 178-181.*
2. *Филатова М.Н. Конструирование социальной среды вуза: от практики к теории: Монография. – М.: ФГУП Из-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2005 – 148 с.*
3. *Шарыпин А.В. Преемственность как принцип организации студенческого самоуправления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. №4. С. 156-161.*

ОПОСРЕДОВАННАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТУПИК ИЛИ ПРОГРЕСС РАЗВИТИЯ

Санина И.В. (Белгород)

Социологическое исследование было проведено в Белгородской области, в период с января по апрель 2014 года. Генеральной совокупностью исследования явилась молодежь в возрасте 18-29 лет. Численность молодежи этого возраста в Белгородской области составляет – 296 475 человек [1, с. 33]. В исследовательских целях нами должно быть опрошено 10% от генеральной совокупности, что составляет 296 475 человек. Выборка составила 200 человек.

В ходе исследования, направленного на конструирование молодежью социальной реальности в виртуальных сетях Интернета, было опрошено 200 молодых человек, из которых 120 девушек и 80 парней. Возраст большинства опрошенных – 18-29 лет.

Интернет-пространство увлекает и затягиваем разнообразием своих ресурсов, порой время, проведенное в сети летит незаметно. По данным опроса, на вопрос о количестве времени, проведенном в Интернет-пространстве видно что, в основном большинство опрошенных проводят в Интернете половину дня. Возможно, после чего у респондентов не хватает времени на домашние дела и учебу.

Итак:

- не больше часа в Интернете проводят – 100% парней и 100% девушек в возрасте 24-26 лет, это говорит о том, что у них мало свободного времени;
- от 1 до 3 часов – 47% девушек в возрасте 18-20 лет, 71,4% парней в возрасте 21-23 лет, видно, что у них немного больше свободного времени;
- более 5 часов – 100% парней и только 53 % девушек в возрасте 18-20 лет, 14,3% парней 21-23 лет;
- и интернет работает круглосуточно – у 100% девушек и 14,3 % парней в возрасте 21-23 лет, соответственно у них много свободного времени, чем у других респондентов

У каждого человека есть возможность зарегистрироваться в какой-либо социальной сети при желании. 100% респондентов ответили, что они зарегистрированы в социальных сетях

Наибольшей популярностью у опрошенных пользуются такие социальные сети как:

1) Вконтакте (зарегистрированы все 100% девушек и 100% парней в возрасте 18-29 лет). Инстаграмм (зарегистрированы 44% девушек и 30,5% парней в возрасте от 18-23 лет). Одноклассники (так же зарегистрированы все 100% респондентов, в возрасте 18-29 лет). МойМир (зарегистрированы только 20% респондентов, 100% девушек и 100% парней в возрасте 18-29 лет). Фейсбук (зарегистрированы 80,3% девушек и 76,7 % парней в возрасте 18-29 лет). Ютуб (зарегистрированы все 100% девушек и 100% парней в возрасте 18-29 лет).

Остальные респонденты, вне зависимости от пола и возраста не зарегистрированы в данной социальной сети, можно предположить, что их не привлекает этот сайт.

В социальных сетях на своей личной странице обязательно нужно заполнить информацию о себе (пол, возраст, учебные заведения, интересы и т.п.). На вопрос

«Правдивая ли личная информация о Вас содержится на вашей странице в какой-либо социальной сети?» все респонденты 100% девушек и 100% парней в возрасте 18-29 лет ответили, что информация на их личных страницах правдивая.

Данные о проведенном времени респондентами в социальных сетях:

1) Не больше часа в день в социальных сетях проводят – 100% парней и 100% девушек в возрасте 24-26 лет;

2) 1-3 часа в день – 90% девушек и 85,7% парней в возрасте 18-23 лет;

3) 4- 5 часов в день – 20% девушек 18-20 лет, 14,3% парней 21-23 лет;

4) Более 5 часов в сутки – 100% парней и 20% девушек в возрасте 18-20 лет.

Социальные сети предназначены не только для общения, но и для получения новой информации о друзьях и знакомых, просмотр видео, фильмов, прослушивание музыки.

1) Так, с целью общения с друзьями в социальные сети заходят все респонденты 100% девушек и 100% парней в возрасте 18-29 лет;

2) С целью узнать, что нового у друзей социальные сети посещают 100% девушек и 100% парней в возрасте 18-29 лет;

3) С целью посмотреть видео и скачать музыку заходят в сеть – 100% девушек и 100% парней в возрасте 18-29 лет;

4) Выложить фотографии или видео заходят – 46,6% девушек и 60% парней в возрасте 18-26 лет;

5) Узнать домашнее задание заходят – 40% парней и 40% девушек в возрасте 18-20 лет;

6) Написать заметку или продолжить запись в блоге заходят – 13,3% девушек и 20% парней 18-20 лет, 100% девушек 21-26 лет;

7) Для того, чтобы поиграть в игры и приложения в социальные сети заходят – 34,7% девушек и 35,7% парней в возрасте 20-29 лет;

8) Так же прочитать новости заходят 51,6% девушек и 67,3% парней в возрасте 20-26 лет .

Некоторым людям легче выразить свои чувства в сообщениях, чтобы не было видно их глаз или лица, не чувствовать смущения. Только 40% парней 18-20 лет – предпочитают больше виртуальное общение, чем реальное, возможно им так легче; но все остальные респонденты, вне зависимости от пола и возраста – отдают предпочтение реальному общению.

На просторах Интернета большое количество информации как полезной, так и не полезной, но определить какая информация является достоверной невозможно. Каждый человек сам для себя определяет степень веры в ту или иную информацию.

Так, на вопрос: «Доверяете ли Вы информации в Интернете?» все 100% девушек и 100% парней в возрасте 18-29 лет, ответили – «доверяю частично»

На открытый вопрос: «Какую информацию Вы получаете в Интернет-пространстве, на сколько широко она представлена?» респонденты ответили следующим образом:

1) «Новостную, считаю, что широко раскрыта, т.к. читаю популярные информационные агентства» – 32,4% девушек и 35,3% парней в возрасте 21-26 лет;

2) «Фильмы, музыку, учебную литературу» – 33,8% девушек и 32,35% парней в возрасте 18-23 лет;

3) «Последние новости в мире, ну и информацию, которая интересует» – 33,8% девушек в возрасте 24-29 лет и 32,35% парней в возрасте 21-25 лет.

Итак, новости читают большинство девушек и парней в возрасте 18-29 лет, но так же смотрят фильмы и слушают музыку.

Данные на открытый вопрос: «Считаете ли Вы, что Интернет НЕГАТИВНО влияет на формирование ценностно-нормативных ориентаций молодежи?».

1) «Считаю, что интернет оказывает негативное влияние, когда молодежь проводит в нем более 8 часов в сутки» – 87,3% девушек в возрасте 18-26 лет и 88,5% парней в возрасте 21-26 лет.

2) «От части – это так, особенно сильно поддаются влиянию подростки, но если в семье чтят и соблюдают принятые в обществе нормы, то и в молодежной среде все будет нормально» – так считают 12,7% девушек и 11,5% парней в возрасте 21-29 лет;

3) «На нынешнюю молодежь, считаю, что влияет негативно!» – ответили 87,3% девушек в возрасте 18-24 лет и 88,5% парней в возрасте 21-29 лет.

Итак, Интернет пространство все-таки оказывает некое негативное влияние на формирование ценностно-нормативных ориентаций молодежи, проявляющихся как непослушание, игнорирование, выдумывание.

По данным на вопрос: «Появляется ли у Вас желание выйти в Интернет, если Вы не посещали его в течение 1-2 дней?» мы видим, что:

1) Желание выйти в интернет появляется у 87,5% девушек и 89,4% парней в возрасте 18-26 лет;

2) Такого желания не возникает у 12,5% девушек и 11,2% парней в возрасте 21-29 лет;

3) Никто из респондентов не затруднился в

Таким образом, можно сделать следующие выводы проведенного социологического исследования:

1. Причины, в связи с которыми молодежь привлекают социальные сети следующие: не ограниченный доступ к регистрации, заполнение анкеты о себе, доступ к данным любого человека, поиск друзей и знакомых, просмотр фото и видео, скачивание любых файлов, безграничное общение с другими пользователями, загрузка своих фото и видео, различные игры. Поэтому социальные сети занимают важную часть в жизни современной молодёжи.

2. Интернет оказывает негативное влияние на человека, так как в виртуальном мире всегда легче познакомиться и выдать желаемое за действительное. Хотя мало кто задумывается, что, проводя многочисленные часы за компьютером, вы лишаете себя реальных радостей, ведь виртуальность не потрогаешь. А проживать жизнь в придуманном мире и образе, так и до серьезных психических расстройств недалеко.

3. Есть и преимущество Интернета – расстояние. Многие молодые люди не имеют возможности часто общаться со своими друзьями или родственниками, которые находятся далеко от них. Но с помощью Интернета мы можем сократить расстояние одним кликом мыши. Однако, конечно, Интернет – это огромная возможность общения, но за блага цивилизации приходится платить слишком высокую цену.

Большая часть молодых людей общаются на абсолютно примитивном уровне. «Привет, как дела? Чё делаешь?» В целом вот и весь разговор. Это и подтверждают результаты нашего исследования – в своём большинстве молодые люди не обсуждают ничего серьёзного в сети, просто болтают с друзьями и знакомыми. В этих переписках бытовые проблемы, сплетни, а порою и просто пустые разговоры. В связи с этим речь идёт о простой коммуникации, и теряется ценность самого духовного общения. У большинства молодёжи возникает зависимость. Они могут по несколько раз за день заходить в социальные сети и сидеть там часами. Отсюда и возникает злость, жестокость, лень, агрессия, равнодушие ко всему окружающему. Хотя на самом деле без общения в сети человек продолжает оставаться полноценным человеком, но не замечает этого. Все кроется в психологии человека.

Юноши и девушки перестают интересоваться чем-либо, только чаты, только переписка. Однако у Интернета есть и свои плюсы. Существуют различные сайты, форумы на которых молодые люди высказывают своё мнение по поводу различных ситуаций, складывающиеся в мире. Море новостей, море комментариев, море мыслей и рассуждений. На этих сайтах жизнь бьёт ключом.

Дать однозначную оценку влиянию Интернета, как и любого другого фактора, на социализацию молодых людей на данный момент сложно.

1. Таранова О. Статистика населения по Белгородской области. – Белгород. 2013. – 215 с.

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА И РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Сафина Е.П. (Санкт-Петербург)

Современная молодежь является первым поколением, которое выросло и сформировалось в условиях реформирования переходной рыночной экономики, идейно-нравственной пустоты и кризиса социокультурной уникальности.

Молодежь представляет собой группу населения в возрасте от 15 до 29 лет. Выделенная демографическая группа подразделяется на три возрастные категории: младшая (от 15 до 17 лет), средняя (от 18 до 24 года) и старшая (от 25 до 29) лет [1, 10].

Молодежь – это особая группа трудовых ресурсов, имеющая специфические черты, которые отличают ее от других групп потенциальных работников. К примеру, согласно И. В. Цыганковой [5, 23—24], такими чертами могут выступать: низкая конкурентоспособность; неустойчивость профессиональной заинтересованности; отсутствие трудовых навыков и производственного опыта; продолжительный период предстоящей трудоспособности; высокая выносливость и интенсивность труда; зависимость от социальных выплат; восприимчивость инноваций; высокая профессиональная и географическая мобильность. Данные черты по-разному проявляются в различных возрастных группах молодых людей.

Главный стратегический ресурс производительных сил страны – молодое поколение. Оно представляет собой не только наиболее энергичную и работоспособную социальную группу, но и обладает способностью быстро обучаться, приобретать необходимые умения и накапливать опыт. Следовательно, успешный старт на рынке труда – это залог активного участия молодежи в жизни общества и ее влияние на развитие всех сфер.

Глобальной проблемой современного российского рынка труда выступает растущий разрыв между трудовыми притязаниями молодежи и возможностями их удовлетворения. Интерес анализа рынка труда обуславливается важным фактором – молодые люди образуют около 35% трудоспособного населения страны [3, 89].

Проблемы безработицы и обеспечения занятости населения актуализируются во время возникновения экономического кризиса. Одним из самых неблагоприятных становится положение молодежи. Для молодых людей даже в период экономической стабильности непросто найти место работы, а в период экономического кризиса данная ситуация еще больше усугубляется.

Социально-экономическое явление, при котором часть трудоспособного населения не находит применение своему труду, именуется безработицей [1, 12]. Основанием для этого является превышение числа желающих найти работу над числом имеющихся рабочих мест. Безработица оказывает воздействие на все возрастные группы и профессии во всех сферах экономики, но наиболее уязвимой в данном положении оказывается молодежь, ведь она не обладает ни необходимым опытом работы, ни требуемым уровнем квалификации.

Безработная молодежь не обладает такой ценностью, как работа, и, соответственно, утрачивает материальный достаток, авторитет, общественное признание в период экономического кризиса.

Факторами незаинтересованности работодателей в приеме на работу молодых сотрудников могут выступать: отсутствие опыта и как следствие — низкая производительность; высокие риски, которые связаны с минимальными возможностями прогнозировать трудовое поведение; большая текучесть молодых кадров; высокие риски ухода в декретный отпуск или призыва в армию, необходимость затрат времени и финансовые издержки на адаптацию и обучение.

В 2012 году независимой группой социологов было проведено социально-экономическое исследование на базе 300 респондентов - представителей молодого поколения [4, 226-229]. По данным этого исследования, экономическое поведение среди молодежи внутренне противоречиво: проявляются как негативные тенденции: эксплицитность экономически зависимого поведения (до 40% рассчитывают на полную или частичную материальную помощь родителей), псевдо-рыночная стратегия (до 30% мечтают о легких высоких заработных платах при минимальных трудовых затратах), суперпотребительские намерения (88%), наличие склонности к теневым, криминальным стратегиям (до 25–60% допускают для себя возможность прибегнуть к теневым формам экономического поведения), так и позитивные тенденции: активность в поиске и смене работы (40%), трудовой миграции (15%), поиске дополнительных работ (30%), получение образования для возможности приобретения новых профессий, применение стратегии перспективного профессионализма (20%), стремлением к предпринимательской деятельности (11%, хотя реально заняты 6%).

Противоречивость экономического поведения молодежи можно объяснить с двух сторон: с одной стороны, отражает несогласованность ценностных баз, экономических факторов и социальной дифференциации современного общества, а с другой стороны, является специфической молодежной формой адаптации.

Растущая в условиях финансового кризиса молодежная безработица отрицательно влияет на социально-психологическое развитие молодого поколения: возникает депрофессионализация молодежи и ущемленная правовая и социальная гарантии занятости молодой рабочей силы, развивается слой «негарантированных» работников, работающих неофициально, то есть без положенных действующим законодательством социальных гарантий, посезонно, от случая к случаю, что негативно сказывается на профессиональном и социальном положении молодежи (от 12% до 34% молодежи).

Данную проблему необходимо решать путем комплексного и дифференцированного подходов, содержащих в себе конкретные, рациональные меры, зафиксированные в программах минимизации молодежной безработицы и подъема жизненного тонуса.

Анализ жизненного тонуса молодого поколения под влиянием безработицы молодежи в период экономического кризиса показал, что естественный, сбалансированный жизненный тонус характерен для 37,5%, чувство эмоционального подъема – 7%, чувство тревоги и волнения – 20,8%, чувство апатии – 5,4%. Остальные опрошенные молодые люди, а именно, 29,3% переменчивы в своем настроении. Следовательно, оптимистическим жизненным настроением в момент экономического кризиса обладает 44,5% опрошенной молодежи, а пессимистическим 26,2% [2, 138-139].

Процент оптимистично настроенных молодых людей больше среди благополучно оценивающей ситуацию молодежи и меньше среди той, которая неблагоприятно оценивает экономическую ситуацию. Коренная установка молодого поколения в условиях финансового кризиса – ждать и работать.

В качестве социально-экономической категории молодежь требует отдельного, тщательного внимания. Трудности ее трудоустройства специфичны, а влияние на стратегическое развитие общества — бесспорно, велико.

Молодое поколение является социально значимой частью трудового потенциала. Государственное координирование занятости молодежи рационально рассматривать как одну из стратегических задач развития страны, поскольку молодое население является

основной инновационной составляющей трудового потенциала и, соответственно, эффективным фактором обеспечения стабильного прогрессирования государства и общества в будущем.

1. Волонина Н.А. Безработица молодежи // Экономика, предпринимательство и право. – 2012. - № 1. - С. 9-14.
2. Пугач В.Ф. Федорова Е.А. Трудоустройство выпускников российских вузов // Высшее образование в России. – 2011. - № 10. – С. 136-147.
3. Степаненко Н.А. Деятельность центров занятости по трудоустройству молодежи: оценка эффективности// Соц. политика и социология. – 2010. - № 8. – С. 86-96.
4. Степенко А.С. Обеспечение занятости молодежи – условие экономического роста страны // Соц. политика и социология. – 2011. - № 3. – С. 229-243.
5. Цыганкова И. В. Качество трудовой жизни молодежи России: концептуальные основы формирования: автореф. дис. ...

АНАЛИЗ СТИМУЛОВ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА

Семерикова М.Г. (Минск, Республика Беларусь)

Целевая работа с молодежью по ее привлечению к процессам государственного строительства требует дифференциации молодежи по социальным группам, т.е. адресного подхода. В этой связи актуальным представляется выявление особенностей деятельностного восприятия студенческой молодежи процессов государственного строительства.

В качестве метода исследования было предложено использование метода семантического дифференциала, позволяющего определить формальное отношение (декларативную оценку) к предлагаемым категориям (словам-стимулам). Уточняющим элементом исследования выступает ассоциативный эксперимент, призванный решить задачу построения ассоциативного ряда, дающего возможность выявить не только ценностно-оценочное, но и деятельностное восприятие, в некоторых случаях неявные, латентные оценки респондентов.

Сочетание количественного (семантический дифференциал) и качественного (ассоциативный эксперимент) методов дает возможность выявить возможные расхождения (противоречия) в декларативном и фактическом отношении по предлагаемым позициям. «Ассоциативное ядро» определяется частотностью использования ассоциаций. Периферия, как правило, представлена единичными ассоциациями. В случае расхождения между выставленной оценкой и ассоциативным рядом тот или иной стимул не оказывает значимого влияния на политическую активность или социальное значимое поведение молодежи. В случае же их совпадения представляется обоснованным говорить о достаточно сформировавшемся деятельностном отношении респондентов к той или иной ценности.

В целом предварительное сопоставление данных ассоциативного эксперимента и семантического дифференциала позволяют сделать следующие обобщения:

1) По ряду позиций присутствует противоречие между декларацией и фактом (т.е. оценкой и ассоциацией), когда оценка (значение) является положительной, а ассоциации либо содержат два разнонаправленных смысловых «ядра», либо в целом негативны. К числу таких позиций можно отнести «государственные органы», имеющие положительное значение (0,9), но резко негативный ассоциативный ряд.

Природу подобного противоречия можно объяснить расхождением в объективной оценке явления и его субъективном восприятии. Следует, однако, учитывать, что именно

субъективное, личностно-эмоциональное восприятие становится не декларативным, а прямым стимулом, мотивом возможного социально значимого действия, в том числе политической активности молодежи.

2) Ряд позиций («Национальная идея», «Национальные интересы», «Правосознание»), имеющие положительное значение (1,4; 1,8 и 1,4 соответственно), не имеют ассоциативного ядра, т.е. частоты повторяемости ассоциаций. Это свидетельствует о стереотипном восприятии – «заученной» оценке при отсутствии понимания и осмысления содержания предложенной категории, а, следовательно, не могут быть оценены в качестве потенциальных стимулов политической активности.

3) Две позиции, значения которых приближены к нулю (0,3) – «Оппозиция» и «Политические партии». В данном случае нейтральную (никакую) оценку подтверждает отсутствие ассоциативного ядра, множественность единичных ассоциаций, что в совокупности свидетельствует об отсутствии у данных политических институтов какого-либо влияния на формирование политических ценностей и гражданской позиции студенческой молодежи.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ И ОПАСЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ Г. ИВАНОВА)

Смирнова И.Н. (Иваново)

Проблема социальных страхов и опасений достаточно широко представлена в исследованиях психологов, однако психологический подход не дает возможности осмыслить социальное значение и детерминацию социальных страхов. В социологии данная проблематика развивается с начала XX века (работы П. Сорокина [4] и др.), но в настоящее время происходит новая актуализация подобных исследований.

Сегодня в социологии сформировалось несколько подходов к исследованию социальных страхов. Мы придерживаемся подхода, согласно которому изучение страхов тесно связано с исследованием кризисного и катастрофического сознания. Страх в данном случае рассматривается как массовое явление, как реакция на социально значимые события и процессы, оцениваемые обществом как кризис и (или) катастрофа (работы Л. Гудкова [1], В. Э. Шляпентоха, В. А. Ядова [3] и др.).

Многие исследователи замечают, что студенческая молодежь является наиболее динамичной социально-демографической группой, для которой характерна радикальность поведения, социальная мобильность, а также высокий уровень адаптации к условиям трансформирующегося общества [2, с. 50]. Изучение социальных страхов в молодежной среде – лакмусовая бумажка для выявления уровня рискогенности всего общества.

Объектом нашего исследования выступили студенты ВУЗов г. Иванова (n=300, февраль – июнь 2015 г.); предметом – социальные страхи студенческой молодежи г. Иванова. Значимыми индикаторами исследования являлись: общий репертуар страхов и угроз, интенсивность и частота их проявления, источники информации об угрозах, а также «стратегии борьбы» с ними. Дополнительными индикаторами стали: самооценка эмоционального состояния, самооценка значимых параметров жизни, оценка текущей ситуации в стране и мире, социальные ориентации студентов.

Общий репертуар страхов и угроз студенческой молодежи. Исследование показало, что преобладающее число респондентов боится потерять близких (81%), а также заболеть неизлечимой болезнью (42%). Каждый пятый студент боится трудностей в дальнейшем трудоустройстве и бедности. Оценивая потенциальные угрозы, опрошенные отметили, что больше всего опасаются войны с участием нашей страны (96%), что является следствием

сложного положения России в мире. У 94% респондентов вызывает опасение такое явление, как терроризм, у 91% - массовые эпидемии. Также наибольшие опасения студенты выразили в отношении техногенных (88%) и экологических (85%) катастроф. Таким образом, в общем репертуаре страхов студенческой молодежи преобладают глобальные (экономические и экологические страхи и опасения).

Интенсивность проявления страхов. В ходе исследования изучались фоновые страхи (от которых респонденты ждут наименьшей опасности), доминирующие страхи (в отношении которых тревогу испытывают 30-50% респондентов), главенствующие (характерны для 50-80% опрошенных) и всеобщие (для 80-100%) страхи. Исследование зафиксировало, что фоновым страхом является страх глобальной угрозы перенаселения планеты (27%), доминирующим страхом – страх утраты традиций и веры (51%), к главенствующим страхам относятся страхи межэтнических конфликтов (63%), санкций в отношении России (57%), распространения ядерного оружия (69%), коррупции и беззакония в стране (63%). Всеобщие страхи оказались самыми многочисленными: война с участием нашей страны (96%), терроризм (94%), последствия мирового экономического кризиса (90%), техногенные (88%) и экологические (85%) катастрофы, криминализация общества (79%), массовые эпидемии (91%), стихийные бедствия (75,5%), политический экстремизм (75%). Можно заметить, что данную группу страхов в основном составляют опасности, угрожающие физическому существованию. Полученные результаты свидетельствуют об устойчивом кризисном сознании студенческой молодежи.

Источники информации об угрозах. В основном обо всех перечисленных угрозах респонденты узнают из Интернета (75%), который давно стал безусловным лидером молодежного рейтинга источников получения информации и сфер досуговой деятельности. Из телевизионных передач о возможных угрозах узнают 53% опрошенных, т.е. практически все угрозы имеют медийный формат, а не статус реально актуализированных. Ближний круг общения (родственники и друзья) играет менее важную роль (9%).

Ситуации, в которых студенты испытывают опасения и страх. Как показывают полученные данные, чаще всего страх респонденты испытывают «на улице, особенно в темное время суток» (33%). С учетом довольно высокого уровня уличной преступности в России актуальность данного страха представляется понятной и ожидаемой. Треть респондентов отметило, что чаще всего они испытывают страх во время массовых мероприятий. При посещении университета испытывают тревогу и страх каждый четвертый студент; в основном «боятся» посещения университета первокурсники (85%). Значимый процент респондентов отметили вариант: «в любой обстановке я чувствую себя спокойно» (21%).

«Стратегии борьбы» со страхами и угрозами. Конкретные действия опрошенных студентов по устранению или предотвращению различных угроз для себя и своих близких представляют собой вполне адекватную реакцию на эти угрозы, соответствуют структуре наиболее распространенных страхов. Так, с учетом безусловного лидерства страхов за свою жизнь и здоровье, вполне ожидаемыми стали такие действия респондентов как поддержание здоровья, занятия спортом (47%). Экономические страхи мотивируют респондентов учиться, чтобы «всегда иметь надежный заработок» (34%), делать сбережения на черный день (12,5%). Среди студентов велика доля фаталистов, которые ничего не предпринимают для обеспечения собственной безопасности, т.к. по их мнению, «все равно не уберешься» (28%).

Социальный страх и удовлетворенность жизнью. Какова зависимость между уровнем тревожности студентов и их удовлетворенностью собственным положением в жизни? Исследование показало, что удовлетворенность жизнью напрямую влияет на эмоциональное состояние опрошенных – чем отрицательнее оценка, тем хуже эмоциональное состояние. Так, из студентов, скорее неудовлетворенных своей жизнью, 66,7% испытывают ощущение беспокойства. В равной степени испытывают ощущение

беспокойства и страх, отчаяние респонденты, полностью не удовлетворенные своей жизнью (50%), положительно свое состояние такие респонденты не оценили вообще. На неудовлетворенность жизнью влияют разнообразные причины, так треть респондентов в равной степени отметили, что не довольны своей жизнью из-за разочарования в выборе профессии, отсутствия возможности самореализоваться в своем городе, проблем в личной жизни и учебе, состояния своего здоровья. В свою очередь, финансовая зависимость от родителей на неудовлетворенность жизнью влияния не оказывает.

Исследование показало, что студентов характеризует высокий уровень тревожности, а также большая информационная включенность в событийный ряд происходящего в России и за ее пределами. Преобладание глобальных страхов в сознании молодежи, их массовость и «катартрофизм» во многом определяют кризисное мироощущение и мировосприятие студентов. Подобные контуры сознания способны материализоваться в дальнейшем и в деструктивных социальных практиках.

1. Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6. С. 46-53.
2. Зернов Д.В., Иудин А.А., Овсянников А.А. Социальное самочувствие советского и постсоветского студенчества // Народонаселение. 2015. № 1 (67). С. 50-68.
3. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по мат-лам междунар. исследований) / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1999. 296 с.
4. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., Астрель. 2006. 1176 с.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Соловьева Т.В., Бистяйкина Д. А., Жарова А. Ю. (Саранск)

В процессе формирования человеческого капитала семья является одним из основных инвесторов и находится в сложной системе макро- и микро- социальных и экономических отношений. Она выступает как активный агент в формировании и развитии всех элементов человеческого капитала. В то же время, формируя индивидуальный человеческий капитал ее членов, образует капитал семьи. Ресурсы родителей сами по себе влияют на качество жизни детей и создают неравенство между детьми из богатых и бедных семей. Во-первых, от финансовых возможностей родителей зависит то, где и как живет семья [1, 56].

Малый уровень доходов существенной части молодых семей в единстве с избыточной поляризацией доходов выдвигают социальный раскол общества, обуславливают демографический всплеск и кризис семьи, и общины, вызывают социальную обостренность, мешают удачному развитию страны и региона.

Бедность является результатом взаимосвязанных между собой факторов, в том числе:

- социальных (маргинализация, инвалидность, детская безнадзорность);
- экономических (безработица, невысокая заработная плата и большая ее дифференциация);
- политических (военные конфликты, потеря устоявшихся межрегиональных связей, вынужденная миграция);
- демографических (семьи с большой нагрузкой иждивенцев, неполные семьи, молодое и взрослое поколение с худшими позициями на рынке труда);
- регионально-географических (дотационные регионы с невысокой экономикой, северные регионы, депрессивные монопромышленные области, зависимые от центровых поставок продовольствия и ресурсов) [2, 11].

Важным фактором, устанавливающим высокий уровень бедности в Республике Мордовия, является небольшой уровень заработной платы, не содержащий реализацию воспроизводственной и активизирующей функций оплаты труда. В данный период времени средняя заработная плата не позволяет вести нормальный образ жизни, который в свою очередь способствовал бы рождаемости, а скорее выполняет роль социальной дотации. Невысокая заработная плата многих наемных работников противоречит неоправданным ростом оплаты труда аппарата управления. Сейчас на этапах развития России кроме традиционной нищеты (большие семьи, неполные семьи, молодые семьи и т.д.) существует и экономический спад, когда работающий персонал не может предоставить себе социально достаточный уровень довольствия.

Подходов к определению социальных ресурсов, в том числе и молодых семей, существует большое количество. Рассмотрим некоторые из них.

Социальные ресурсы рассматриваются нами как возможности индивида или социальной группы, которые могут быть использованы для изменения социального статуса индивида или социальной группы.

Социальные ресурсы – способность повышения (или понижения) социального статуса или ранга, места в социальной иерархии.

Социальные ресурсы молодых семей – это совокупность внутренних (субъективных условий) и внешних (объективных факторов) возможностей молодой семьи, способствующих повышению социального благополучия семьи.

Преодоление бедности рассматривается нами как активизация социальных ресурсов индивида или семьи, которые позволяют повысить социальный статус индивида или семьи, справиться с бедностью. Преодоление бедности молодыми семьями во многом зависит от объема располагаемых социальных ресурсов молодой семьи.

Рассмотрим структуру социальных ресурсов, наличие или отсутствие которых во многом определяют положение российских молодых семей в системе «бедность – богатство»:

- экономические - показатели имущества, доходы, сбережения;
- квалификационные - уровень образования, повышение квалификации, профессионализм;
- властные - возможность влиять на принятие решений органами местного самоуправления;
- культурные - возможность повышать свой культурный уровень: кино, музеи, театры и т. д.;
- социокультурные - включенность в общественные структуры региона;
- личные - инициативность, нонконформизм и т. д.;
- биологические - уровень здоровья, здоровый образ жизни и т. д.;
- семейно-родственные - качество взаимоотношений между членами семьи.

Молодые семьи, в которых возраст супругов составляет менее 35 лет, составляют в Российской Федерации 17 % от общего числа семей, а в Республике Мордовия – около 20 %. Молодая семья – основная ячейка воспроизводства населения республики: более 2/3 общего числа детей появляются у родителей, которым не исполнилось 35 лет.

С каждым годом увеличивается число детей, рожденных вне брака. Если раньше пиковое значение внебрачных рождений приходилось на две крайние возрастные группы (15-19 и 25-29 лет), то в настоящее время - на возрастную группу 20-24 года, хотя лидерство по рождению третьего и последующих детей вне брака сохраняется в возрастной группе 25-29 лет.

Также в Республике Мордовия наблюдается разделение институтов брака и семьи, рост количества фактических, но юридически неоформленных «свободных» семейных союзов и рожденных в ней детей. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в незарегистрированном браке состояло 71456 человек [3].

Социально-экономическое положение молодых семей зависит от состава, количества и возраста детей, жилищной обеспеченности, участия в общественном производстве и уровня дохода, состояния здоровья членов семьи и многих других факторов, влияющих на их жизнедеятельность.

Основными факторами бедности молодых семей, по-прежнему, являются постоянный рост цен на товары и услуги, низкая заработная плата у значительной их части, мизерные размеры социальных пособий, зачастую отсутствие возможностей для совмещения занятости и домашних обязанностей.

По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств РФ, в 2012 году (по оценке) семьи с детьми в возрасте до 16 лет составляют 67,4 % от общей численности домохозяйств с уровнем располагаемых ресурсов ниже величины прожиточного минимума (2010 г. – 54,4 %), в том числе семьи с одним – двумя детьми – 59,9 %, семьи с тремя и более детьми – 7,5 %.

Уровень потребительских расходов в домохозяйствах с одним ребенком составил в 2012 году 15,7 тыс. рублей на человека, что в 4,8 раза выше, чем в домохозяйствах с тремя детьми и более.

По экспертным оценкам, в стране около 24,2 % детей проживает в семьях, испытывающих трудности с обновлением одежды и обуви и оплатой жилищно-коммунальных услуг; 7,8 % детей – проживают в семьях, имеющих достаточно средств, чтобы купить все, что считают нужным.

При этом, наивысшие уровни риска характерны для многодетных семей и неполных семей.

Большую долю средств многодетные семьи тратят на питание. В семьях с тремя и более детьми доля расходов на эти цели составила, по оценке, в 2012 году 46,0 % в потребительских расходах, что на 0,2 процентных пункта меньше, чем в 2011 году (48,0 %) [4]. Данные тенденции характерны и для Республики Мордовия.

Таким образом, повышение уровня жизни молодых семей с детьми требует реализации комплексных мер, направленных на рост доходов родителей, прежде всего, от трудовой деятельности, совершенствование механизмов государственной социальной поддержки, развития системы социальных услуг, предоставляемых семьям с детьми, женщинам и детям, а также изменения отношения к семейным ценностям.

1. Амлаев К. Р. *Неравенство в здоровье, приверженность лечению и медицинская грамотность населения на местном уровне: теоретические аспекты и Ставропольский опыт* : монография / К. Р. Амлаев. - М. : Илекса, 2013. - 320 с.
2. Корса-ненкова Ю. Б. *Социальная поддержка семей с детьми в Российской Федерации: реальность и перспективы* : монография / Ю. Б. Корса-ненкова. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 208 с.
3. *Официальный сайт Правительства РМ [Электронный ресурс]*. – Режим доступа : <http://www.e-mordovia.ru>.
4. *Проблемы семей. Фонд изучения общественного мнения. [Электронный ресурс] : официальный сайт.* - Режим доступа : <http://wciom.ru>/
<http://wciom.ru/index.php?id=275>
5. Тихонова Н. *Российская бедность: масштабы, причины, перспективы* [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://index.org.ru/journal/21/tihon21.html>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ МЕГАПОЛИСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Соломатин Я.И. (Екатеринбург)

В январе-феврале 2015г. кафедрой прикладной социологии УрФУ в г. Екатеринбурге было проведено исследование на тему: «Политические ориентации молодежи мегаполиса в современной России». В опросе принимали участие студенты ведущих вузов столицы Среднего Урала и представители работающей молодежи в возрасте до 30 лет. Часть полученных данных свидетельствует о том, каковы электоральные предпочтения молодых екатеринбуржцев.

Исследование показало, что представителям молодежи Екатеринбурга свойственна высокая избирательная активность. В общей сложности, 86,8% опрошенных принимали участие в выборах, хотя и делали это с разной частотой (таблица 1). Мотивы участия (либо неучастия) респондентов в выборах были названы различные, но преобладающими оказались такие варианты ответа, как «участвую, потому что считаю участие в выборах своим гражданским долгом» (48,2%) и «участвую, потому что мне безразличен исход выборов» (41,5%) (таблица 2), что говорит о высоком уровне политической ответственности современной молодежи.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Принимаете ли Вы участие в выборах?» (Можно было выбрать 1 вариант ответа).

1) всегда, не пропускаю ни одни из них;	25,1
2) стараетесь принять участие, если позволяет время;	43,7
3) редко, от случая к случаю;	18,0
4) никогда не участвую в выборах.	13,2

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каковы мотивы Вашего участия / неучастия в выборах?» (Можно было выбрать не более 3-х вариантов ответа).

1) участвую, потому что считаю это своим гражданским долгом;	48,2
2) участвую, потому что мне безразличен исход выборов;	41,5
3) участвую, потому что большинство людей это делает;	3,9
4) участвую, потому что мне это просто интересно;	12,9
5) участвую, пока у меня есть такая возможность;	15,8
6) не участвую, потому что от выборов ничего не зависит;	6,8
7) не участвую, так как не вижу достойных кандидатов;	6,4
8) не участвую, так как есть дела поважнее;	4,5
9) затрудняюсь ответить.	6,1
10) другое (напишите)	6,4

На вопрос: «Если бы выборы в представительный орган федерального, регионального или местного уровня проходили сегодня, за какую партию (или за кандидата от какой партии) Вы бы проголосовали?» большинство респондентов затруднились ответить (таблица 3). Объясняли участники опроса свою позицию тем, что, во-первых, они не знакомы или мало знакомы с программами партий и, во-вторых, тем, что они не доверяют существующим в России партиям. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в Екатеринбурге на ближайших выборах при голосовании по партийным спискам заметное количество голосов может набрать графа «Против всех» (при её наличии в бюллетени). При голосовании же по одномандатным

округам высокий результат могут показать независимые кандидаты (не представляющие, по крайней мере, формально, ту или иную партию), а также вариант «Против всех».

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если бы выборы в представительный орган федерального, регионального или местного уровня проходили сегодня, за какую партию (или за кандидата от какой партии) Вы бы проголосовали?» (Можно было выбрать 1 вариант ответа).

1) «Единая Россия»;	28,0
2) КПРФ;	3,2
3) ЛДПР;	7,1
4) «Справедливая Россия»;	3,5
5) «Яблоко»;	1,9
6) «Гражданская платформа»;	9,3
7) затрудняюсь ответить;	37,0
8) другая (напишите)	10,0

Среди респондентов, выбравших конкретную политическую партию, подавляющее большинство отдали предпочтение «Единой России» (ЕР). Однако чаще всего, по словам самих участников опроса, поддержка оказывается не столько самой партии, сколько её фактическому лидеру – Президенту РФ В.В. Путину. Помимо этого, часть готовых проголосовать за ЕР представителей молодежи считает данную партию «меньшим из возможных зол», а часть полагает, что ЕР «всё равно победит на выборах» и «голосовать за иную партию нет смысла».

Лично для Путина электоральные предпочтения молодых екатеринбуржцев гораздо более благоприятны. За него уверенно готовы проголосовать 62,4% респондентов при 23,2% говорящих ему «Нет» и 14,4% затруднившихся ответить. Но и среди потенциальных избирателей, сказавших Путину «Да», есть немало тех, которые придерживаются мнения о том, что действующий Президент России при любом раскладе выиграет выборы, что он безальтернативен («Голосовать больше не за кого») и является для России в нынешней ситуации наименьшим злом («Лишь бы хуже не стало»). Этим объясняется то, что представителей молодежи, готовых проголосовать за Путина, больше тех, кто положительно оценивает общее положение дел в России на сегодняшний день (таблица 4), тех, кто поддерживает политику нынешнего руководства России (олицетворяемого, в первую очередь, главой государства) (таблица 5), и тех, кто в целом доверяет Президенту РФ (таблица 6).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы политику нынешнего руководства России?» (Можно было выбрать 1 вариант ответа).

1) положительно;	5,5
2) скорее положительно, чем отрицательно;	36,7
3) скорее отрицательно, чем положительно;	33,1

4) отрицательно;	18,3
5) затрудняюсь ответить.	6,4

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы политику нынешнего руководства России?» (Можно было выбрать 1 вариант ответа).

1) полностью поддерживаю;	10,0
2) скорее поддерживаю, чем не поддерживаю;	44,7
3) скорее не поддерживаю, чем поддерживаю;	18,3
4) полностью не поддерживаю;	8,4
5) затрудняюсь ответить.	18,6

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы доверяете Президенту РФ?» (Можно было выбрать 1 вариант ответа).

1) В целом доверяю	36,7
2) Частично доверяю	41,5
3) Не доверяю	16,7
4) Ничего не знаете об их деятельности	0,3
5) Затрудняюсь ответить	4,8

Респондентами были обозначены как достижения, так и просчеты нынешнего руководства России во главе с Путиным (таблицы 7 и 8). Однако выявленный уровень поддержки Путина представителями молодежи и их доверия к нему говорит о том, что, несмотря на всю критику, молодые екатеринбуржцы отдают действующему Президенту РФ должное как наиболее опытному и осведомленному современному российскому политику, осознающего всю полноту ответственности за возглавляемое им государство. Также результаты исследования свидетельствуют о том, что Путину удалось добиться уверенной консолидации вокруг себя как россиян в целом, так и молодежи в частности.

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, основные достижения нынешнего руководства России?» (Можно было выбрать не более 5-ти вариантов ответа).

1) стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране;	32,5
2) упрочнение единства России;	29,9
3) пресечение попыток «цветных революций» в России в 2011-2012 гг.;	16,7
4) успехи в борьбе с коррупцией;	4,5
5) успехи в экономике;	3,9

6) успехи в социальной сфере (образование, здравоохранение, спорт и т.п.);	17,4
7) достижения в области культуры;	10,9
8) укрепление вооруженных сил и обороноспособности России;	42,4
9) успешная внешняя политика, укрепление положения России на международной арене;	32,2
10) нынешнее руководство России не имеет значимых достижений;	13,5
11) затрудняюсь ответить;	12,5
12) другое (напишите)	2,3

Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В чём, на Ваш взгляд, заключаются главные просчеты и ошибки нынешнего руководства России?» (Можно было выбрать не более 3-ти вариантов ответа).

1) нарастание авторитарных тенденций в управлении страной;	22,5
2) общая стагнация, «замораживание» существующих в стране проблем;	40,8
3) неудачи в борьбе с коррупцией;	38,9
4) проблемы в экономике;	55,9
5) проблемы в социальной сфере (образование, здравоохранение, спорт и т.п.);	38,6
6) проблемы в области культуры;	10,6
7) ослабление вооруженных сил и обороноспособности России;	1,9
8) неудачная внешняя политика, ослабление положения России на международной арене;	23,2
9) нынешнее руководство России не допускало серьёзных просчетов и ошибок.	1,9
10) затрудняюсь ответить;	5,8
11) другое (напишите)	2,6

Однако, несмотря на достигнутые успехи и имеющийся уровень поддержки со стороны граждан России (в том числе, молодежи), в настоящее время перед руководством РФ стоит трудная (с учетом нынешних реалий) задача, как минимум, не потерять ту поддержку, которой оно сейчас пользуется. Позиция молодежи важна в связи с тем, что именно её представители составят значительную часть электората, который придет на избирательные участки в 2016 (когда будут выбирать новый состав Государственной Думы) и 2018 (на который намечены очередные выборы Президента РФ) годах. И во многом от голосов нынешней молодежи будут зависеть результаты, полученные «Единой Россией» на парламентских выборах, а Путиным – на президентских.

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР РЕГУЛЯЦИИ ДЕВИАЦИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Сорокин О.В. (Москва)

В рамках данного доклада автором предпринимается попытка раскрыть сущность доверия как фактора, регулирующего взаимодействия индивида, групп риска и социальных институтов, а так же направленность молодежного сознания на девиантные формы поведения в условиях трансформации современного российского общества .

Доверие представляет собой социологическую категорию, отражающую степень соответствия ожидаемым и реальным знаниям о партнере взаимодействий как значимом объекте социальной действительности [1; 30]. Доверие как фактор регуляции девиантного поведения предполагает упорядочивание, организацию, направление отклоняющегося поведения человека в обществе и в различных социальных группах. Доверие или недоверие социальным ценностям, нормам, ролям, которые интериоризируются в процессе социализации, выступает регулятором группового поведения молодежи. Доверие в таком понимании выступает как внешний и внутренний регулятор девиантного поведения. В случае внешнего регулирования девиантного поведения группа молодежи, индивид принимают социальные нормы и ценности, сознательно подстраивая свои потребности, интересы, ценности под них и меняя свои прежние ценностные ориентации и представления.

Внутренне регулирование основывается на разрешении противоречий, которые возникают внутри молодежной группы, личности в процессе социальной интеграции. В устойчивом обществе, характеризующемся высоким уровнем доверия в процессе социальных взаимодействий, негативные девиации индивида или социальных групп регулируются обществом путем вовлечения субъекта в социально одобряемые формы деятельности, тем самым мотивируя его на продуцирование позитивных девиаций.

В условиях трансформации общества возрастает степень неопределенности в отношениях между людьми, между социальными группами. Попытка интеграции индивида в маргинальные группы, группы с деструктивным девиантным поведением становится осознанной и неосознанной реакцией индивидов и групп на социальную неопределенность. Доверие в данном случае выступает фактором регуляции взаимодействий внутри молодежных групп риска. В обществе, характеризующемся непредсказуемостью социальных процессов, невысоким уровнем доверия между взаимодействующими субъектами регуляция духовной жизни молодежи через соотнесение ожиданий молодых людей с социальными ролями и нормами затруднена в силу отсутствия четких моделей социализации. Поэтому знания об объектах социальной реальности индивидов и социальных групп не всегда тождественны данным объектам. Подростки, молодые люди охотнее идентифицируют себя с группами сверстников, с отклоняющимся типом поведения, нежели с институциональными статусными группами, навязываемыми, по их мнению, обществом, выделяют в этих группах риска для себя значимых Других.

Поведение субъекта в молодежных группах строится на соотнесении своего ролевого поведения с поведением, принятым в группе, с которой идентифицирует себя данный субъект. В молодежных группах с деструктивным девиантным поведением (криминогенной группе, экстремистской группе, фанатской группе) регуляция поведения строится на общезначимых для всех членов группы социокультурных образцах и нормах поведения. Для каждого участника группы доверие к данной группе строится на соотнесении собственных ожиданий о самореализации в группе с реальным положением дел. Если ожидания субъекта совпадают с требованиями, выдвигаемыми группой, то это свидетельствует о высоком степени доверия в группе. Чем выше уровень осознанного доверия в группе с отклоняющимся поведением, тем заметнее наличие признаков жесткой

иерархии в данной группе, и сильнее в групповом сознании представлены образы «мы» и «они». «Мы» - это общность, объединяющая членов данной группы, а «они» - это общность членов чужой, часто враждебной группы. Также данную группу характеризуют такие признаки как внушаемость и конформизм. Выделяемые в социальном окружении субъекта значимые Другие образуют его референтную группу. Свое поведение в группе и в обществе субъект выстраивает на основании норм и правил, принятых в данной группе. Тем самым доверие реализует свою социорегуляционную функцию: регулирует ожидания и требования, регулирует отношения обмена в социальных взаимодействиях, символической интеракции, регулирует правила поведения, конструирование людьми собственных имиджей [3; 30]. Так доверие повышает степень определенности во взаимодействиях между индивидами и молодежными группами.

В условиях трансформирующегося общества доверие базовым социальным институтам образованию, политическим партиям, правоохранительной системе затруднено в силу размытости представлений в обществе о должных социокультурных образцах, отвечающих запросам современного времени. В конкуренцию за влияние на молодежное сознание наряду с традиционными ценностно-нормативными системами вступают современные образцы постиндустриального, глобализирующегося общества, которые определяют основу доверия в изменяющейся социальной реальности. Этими новыми современными образцами становятся индивидуализм, популярность, карьеризм, социальное происхождение, достижение высокого социального статуса, предприимчивость, умение делать деньги и др. Доверие новым социокультурным образцам определяет выбор некоторыми молодежными группами девятых стратегий принятия данных ценностей. поскольку традиционными институциональными способами их достижение видится им невозможным.

Доминирующая мотивация определяет направленность группового сознания и тип коллективного поведения молодежи. Ключевым фактором, определяющим объединение интересов индивидов в группе с девиантным поведением, выступает фактор риска. Согласно концепции риска Ю.А. Зубок риск отражает стремление молодежи к изменению своего состояния, которое содержит опасность полного или частичного разрушения социальной системы, либо тенденцию к самосохранению в процессе социального развития молодежи [2; 174 - 175]. Именно коллективная установка на риск, опосредованная доверием членов группы по вопросу общей стратегии поведения, как форма поиска определенности в социальной среде, позволяет маргинальной группе, с одной стороны, самосохраниться, сохранить свои нормы, ценности, образцы поведения, а с другой, попытаться самоутвердиться в социальных взаимодействиях, т.е. развиваться.

Таким образом, доверие выполняет важную роль в процессе регуляции девиаций в молодежной среде. На микроуровне высокая степень доверия между участниками маргинальных, асоциальных групп позволяет сконструировать в групповом сознании чувство принадлежности к группе и новую социальную реальность, в которой представлена попытка выхода за границы ценностно-нормативной системы. На макроуровне доверие выполняет важную функцию по обеспечению соотнесения ожиданий индивидов, социальных групп о стандартах поведения с образцами, предлагаемыми институтами. Выбор в пользу установки на опасность или безопасность в групповом сознании обусловлен влиянием фактора риска, как способа достижения определенности в социальных взаимодействиях.

1. Чупров, В. И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине?: монография / В.И. Чупров, В.В. Михеева. – М. : Норма, 2015. – 116 с.
2. Зубок, Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. – М. : Мысль, 2007. – 288 с.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Столярская Е.В. (Минск, Республика Беларусь)

Изучение закономерностей и механизмов самореализации студентов в ВУЗе является значимой теоретической и, в особенности, практической задачей. Ее значимость определяется, во-первых, необходимостью дальнейшего уточнения и конкретизации понятия самореализации личности. Во-вторых, важность проблемы самореализации студентов в ВУЗе задается теми задачами, которые ставит перед собой образовательный процесс в условиях социальных трансформаций. Раскрытие личностного потенциала и формирование всесторонне развитой личности профессионала и гражданина предполагают наличие в обществе четкого представления о том, как происходит процесс самореализации личности во время ее (личности) обучения в ВУЗе.

Самореализация студентов в ВУЗе широко исследуется в психологии и педагогике, и практически не рассматривается как социологическая проблема. По мнению Ю.М. Пасовец, это связано с отсутствием целостного представления о самом феномене самореализации личности [1]. Между тем, именно социологический анализ данного феномена позволяет увидеть самореализацию как социальную проблему с присущими ей особенностями и проблематикой.

Наше исследование «Особенности самореализации студентов в Высшем учебном заведении» проводилось в 2014 – 2015 гг. Вслед за И.В. Солодниковой, мы рассматривали самореализацию как процесс личностного роста, осуществления себя в жизни и повседневной деятельности [2]. Самореализация студентов в ВУЗе понималась как процесс личностного роста студентов и реализации ими своего личностного потенциала в тех сферах, которые предлагались ВУЗом в качестве видов учебной и внеучебной деятельности. Это позволило нам ограничить количество сфер самореализации пятью основными: учебной (академической), научно-исследовательской, общественно-политической, спортивной и культурно-развлекательной.

В исследовании принимали участие 521 человек, 208 мужчин и 313 женщин, обучавшиеся на момент проведения исследования в 6 различных ВУЗах республики Беларусь. В качестве методики был использован разработанный автором опросник самореализации студентов, позволяющий выявить самореализацию студентов в таких сферах самореализации, как учебная (академическая), научно-исследовательская, общественно-политическая, спортивная и культурно-развлекательная.

В качестве одного из вопросов, подлежащих рассмотрению, в нашем исследовании был поставлен вопрос о влиянии на самореализацию студентов факторов, которые мы назвали «внешними» и «внутренними» по отношению к учебной и внеучебной деятельности в рамках ВУЗа. К «внешним» факторам мы отнесли тип оконченного до поступления в ВУЗ учебного заведения (средняя школа, лицей или гимназия, колледж, училище) и тип населенного пункта, в котором проживал и учился молодой человек/девушка до поступления в ВУЗ (деревня/аггородок, небольшой город/районный центр, областной центр, столица). К «внутренним» факторам был отнесен курс обучения.

Постановка данного вопроса была связана с задачей разработки системы мер поддержки студенческой самореализации в ВУЗе и связанной с ней необходимостью четкого понимания влияющих на самореализацию факторов.

Изучение данного вопроса позволило обнаружить интересный факт: самореализация девушек оказалась более чувствительной к влиянию описанных выше факторов, чем самореализация юношей.

Так, мы обнаружили значимые различия в учебной (академической) самореализации девушек, закончивших до поступления в ВУЗ различные типы учебных заведений: успеваемость выпускниц гимназий и лицеев оказалась значимо выше, чем успеваемость выпускниц средних школ ($t = 2,130$; $p = 0,034$). У молодых людей подобных различий выявлено не было.

Также обнаружили различия между студентками - выпускницами различных типов учебных заведений по показателям самореализации в научно-исследовательской ($\chi^2 = 11,074$; $p = 0,011$), общественно-политической ($\chi^2 = 13,319$; $p = 0,004$) и культурно-развлекательной ($\chi^2 = 17,758$; $p \leq 0,000$) сферах. Во всех случаях наиболее активными оказались бывшие выпускницы лицеев и гимназий, несколько меньшую активность обнаружили выпускницы средних школ, наименьшую – выпускницы колледжей (за исключением самореализации в научно-исследовательской сфере). У студентов подобных различий вновь выявлено не было.

В подгруппе девушек были обнаружены статистически значимые различия по показателям самореализации между студентками, обучающимися на разных курсах. В сфере учебной (академической) самореализации наиболее активными оказались старшие курсы (4 и 5), наименее активными – 2 и 3 курсы ($\chi^2 = 32,568$; $p \leq 0,000$). В научно-исследовательской сфере также старшие курсы оказались более активными, по сравнению с младшими ($\chi^2 = 8,299$; $p = 0,016$). Обратная динамика обнаружилась в культурно – развлекательной сфере: наибольшая активность была выявлена у студенток 2 курса, несколько менее высокая – у студенток 2 и 3 курсов; студентки старших курсов обнаружили наименьшую активность ($\chi^2 = 15,597$; $p = 0,008$). Мы проинтерпретировали данную динамику как естественную смену приоритетов самореализации со сферы развлечений на учебно–профессиональную сферу. Интересно, что в подгруппе молодых людей таких различий обнаружено не было, за исключением сферы учебной (академической) самореализации ($\chi^2 = 14,073$; $p = 0,007$).

В нашем исследовании не было обнаружено статистически значимых различий по показателям самореализации между студентами (как в подгруппе молодых людей, так и в подгруппе девушек), которые до поступления в ВУЗ проживали и обучались в населенных пунктах различного типа.

Таким образом, мы можем предположить, опираясь на полученные данные, что самореализация молодых людей – студентов ВУЗа минимально зависит от рассмотренных нами внешних и внутренних, по отношению к учебе, факторов. В то же время, самореализация девушек – студенток ВУЗа зависит от данных факторов в значительной степени и, соответственно, является более уязвимой. Это позволяет говорить, с одной стороны, о необходимости дополнительной поддержки самореализации девушек – студенток ВУЗа с учетом всех влияющих на нее факторов. С другой стороны, эти данные поднимают вопрос о необходимости дальнейшего изучения данного феномена с целью выявления дополнительных, не рассмотренных в данном исследовании факторов, обуславливающих особенности самореализации студентов ВУЗа.

1. Пасовец Ю.М. Самореализация молодежи как предмет социокультурного анализа/ Автореф. ... канд. соц. наук, 22.00.06, Курск, Курский госуд. университет, 2006. - 22 с.
2. Солодникова И.В. Самореализация личности в зрелом возрасте/ Автореф. ... докт. соц. наук, 22.00.01, Москва, Российский госуд. гуманитарн. университет, 2007. - 56 с.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Сулова Т.И. (Томск)

Сулова Т.И.

В условиях современной кризисной ситуации происходит процесс реформирования многих общественных институтов, одним из которых является семья.

Развитие гендерных моделей семейно-брачного поведения так же претерпевает изменения. Патриархальная, детоцентристская модель отходит, уступая место различным вариантам бинуклерных типов семейно-брачного поведения. Так, в Европе популярны сообщества: 1 мужчина и 2-4 женщин с детьми, семейные коммуны, объединение нескольких семей для проживания на одной территории и ведения совместного хозяйства. Распространяются виртуальные браки с людьми, находящимися в заключении. Все большее распространение получают альтернативные формы семьи: сознательно бездетный; гомосексуальный; бигамный (у мужчины несколько семей), гостевой брак; вдовствующая семья (после потери супруга человек долго остается один). Перемены и трансформации в типах и культуре семейно-брачного поведения принято объяснять сексуальной революцией; снижением брачности и увеличением количества разводов; замещением официального брака свободным партнерством; перенесением рождения детей на более поздний срок или отказ от них вовсе; увеличением доли неполных (моносемей, как сегодня принято говорить), главным образом – материнских домохозяйств.

В целом эти трансформации происходят на фоне глобализации и смешения культур и стереотипов семейно-брачного поведения, присущих различным культурам и национальным стереотипам. При этом, распространение получили не только «шведская семья», но и исламская.

В данной ситуации наш интерес обращен к особо уязвимой в современных условиях не просто молодой, но еще и студенческой семье. Омоложение брака привело к тому, что в настоящее время у молодежи этап учебного процесса практически совпал с этапом создания семьи. Студенческая семья рядом исследователей с полным правом выделяется в отдельный тип молодой семьи со специфическим образом жизни, порой растянутым на несколько лет.

Поскольку Томск – город, где каждый пятый житель – студент, проблемы создания и становления студенческой семьи здесь особенно актуальны. Весной 2015 г. силами студентов гуманитарного факультета направления подготовки «Организация работы с молодежью» было проведено исследование по эффективности государственных и социальных программ у студенческих семей вузов г. Томска. При этом, дополнительно выявлена тенденция на создание семьи традиционного нуклеарного типа. Анкетирование было направлено на выявление знаний студенческих семей о государственных программах, о проблемах с которыми они сталкиваются и о социальной помощи, которой пользуются. По итогам данного социологического исследования были получены данные по определению эффективности социальных программ для студенческих семей г. Томска. Всего было опрошено 200 студентов и получены следующие данные.

Опрошенные студенческие семьи по своему составу распределились следующим образом: в официальном браке состояло 41% , в гражданском – 58%, основной возраст был от 18 до 25 лет. По семейному стажу анкетированные разделились на 3 группы: молодые семьи со стажем до года – 52% от всех респондентов; от года до трёх лет – 31%; более трёх лет – 14%. На вопрос есть ли у вас дети, 14% ответили – 1 ребенок, и 79% – детей нет. Источниками бюджета в большинстве случаев являлась: стипендия, материальная помощь и работа одного из супругов. На вопрос, «Считаете ли Вы свою семью социально защищенной?» 24% ответили - Скорее нет, 48% - Скорее да, чем нет, и только 14% студенческих семей считают свою семью социально защищенной.

Из полученных ответов выясняется: 62% семей плохо информированы о предоставлении государственных и муниципальных услугах в системе социальной защиты населения, 38% считают свою информированность низкой, и лишь 3% опрошенных считают свою информированность высокой. Студенческие семьи не совсем удовлетворяет качество предоставляемых услуг в системе социальной защиты населения – ответили 55% опрошенных, 21% – ответили, что в большей степени не удовлетворяет. А конкретно не удовлетворяет отсутствие полной информации о предоставляемых услугах (66%), отсутствие желаемых результатов и система предоставления необходимых документов (28%). На вопрос о получении социальной помощи 59% студенческих семей ответили, что не получали никакую помощь, 34% получали материальную помощь, 10% – социальную, и 7% – социально-бытовую (обеспечение детским питанием, детской одеждой, необходимым оборудованием для досуга).

По мнению 92% молодых семей социальная политика в отношении молодых семей в первую очередь должна быть направлена на решение жилищных проблем. 40% респондентов указывают на совершенствование и развитие системы дошкольных учреждений, 26% отмечают необходимость формирования у молодежи установки на создание крепкой, социально здоровой семьи и 24% - совершенствование социально-трудовой сферы.

На вопрос «Знаете ли Вы о существовании клубов для молодых семей в г. Томске?» 97% опрошенных ответили – Нет, не знаю, и только 3% знают о существовании таких клубов, но не состоят в них. Областной фестиваль клубов молодых семей проводится в рамках реализации ведомственной целевой программы «Развитие и реализация потенциала молодежи в интересах области» Департамента по молодежной политике, физической культуре и спорту Томской области. Об этом фестивале 90% опрошенных ничего не знают, 10% - знают, но не принимали в нем участие. В 23% опрошенных студенческих семьях работают оба супруга, однако, в 25% случаев один из супругов безработный, 15% респондентов работают на постоянной основе, при этом, 20% опрошенных планируют искать другую работу. Основная причина поиска работы связана с неудовлетворенностью уровнем заработной платы и содержанием трудовой деятельности. 20% респондентов сталкивались с отказом при приеме на работу, аргументированном, в большинстве случаев отсутствием трудового стажа.

Конечно, проблема трудоустройства молодых людей существенно отражается на студенческой семье, а иногда вообще ставит под угрозу ее существование. Ведь из-за отсутствия работы многие молодые люди стеснены в финансовом плане, из-за чего не могут содержать семью самостоятельно. Поэтому многие пары не регистрируют свой брак и живут в гражданском сожительстве, так как люди боятся брать на себя ответственность за будущую семью. Согласно результатам исследования, 40% молодых пар считают, что их семья испытывает материальные затруднения, при этом из общего числа пар, имеющих ребенка, 14% сказали что, после его рождения материальные затруднения стали более весомыми и значительными. Основными источниками формирования бюджета студенческой семьи являются заработная плата (48%), финансовая помощь родителей (21%), стипендия и материальная помощь (28%). А так же помощь профкома студентов. Опрошенные ответили, что профком выделяет им отдельные комнаты в общежитиях, выплачивает им материальную помощь и дарит детям подарки на праздники. Полученные результаты демонстрируют достаточно низкий качественный уровень жизни студенческих семей, позволяющий удовлетворить только основные базовые потребности

Данные ответы указывают на то, что студенческие семьи мало знают о социальных и государственных программах поддержки, не пользуются ими, так как мало информированы в этой сфере, для этой проблемы необходимо принятия мер, направленных на повышение уровня информативности студенческих семей о социальных программах. В результате профсоюзная организация студентов создала сайт для

студентов-молодоженов, где представлена полная и достоверная информация о всех существующих социальных программах поддержки молодых семей.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ПРОБЛЕМАТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Сушко В.А. (Москва)

Исследования политической идентичности берут свое начало с середины XX века, но вопрос о механизмах формирования политической идентичности вызывает и сегодня немало споров и является темой многих научных дискуссий. Вопросы вызывают как категории – политическая, макрополитическая, национальная, гражданская идентичности, так и механизмы их формирования, целевые группы и направления конструирования идентичности и поэтому стоит рассмотреть формирование политической идентичности молодёжи посредством процесса направленной политической социализации.

Перспектива развития общества связана, прежде всего, с особенностями формирования политической культуры молодёжи, т.е. политических ценностей, социально-политических ориентаций молодёжи, политическим выбором и отношением к власти.

Политическая культура, как любая другая, характеризует уровень интеллектуального и эмоционального развития человека и общества в области наиболее сложных, политических отношений, она произвольна от качества и глубины усвоения политических знаний и имеет своим результатом деятельность по преобразованию общественных отношений. Политика по своей сущности выражает конкретные интересы общества, государства, партий и социальных групп, это сложная, внутренне противоречивая система различных взглядов и позиций.

Политико-культурные нормы, ценности и установки во многом определяют исход политических процессов.

Политическая культура молодого поколения есть необходимое условие широкого участия молодёжи в организации общества и системы власти.

Возникает проблема оптимизации интересов молодёжи и ее культуры, и, в том числе, политических интересов и политической культуры, поскольку именно они вместе с экономическими интересами определяют степень прогрессивного развития общества в целом.

Особую актуальность в настоящее время приобретает исследование механизма взаимодействия интересов и политической культуры с точки зрения его влияния на политическое развитие молодёжи. Между тем стремление более глубоко понять природу механизма взаимосвязи интересов молодёжи и ее политической культуры отвечает внутренним потребностям российского общества, заинтересованного в расширении теоретических представлений об этих явлениях, имеющих фундаментальное, в том числе и практическое значение в деле формирования политического устройства общественной жизни.

Вопрос о том, с какими ценностями, политическими ориентациями и установками современная российская молодёжь придет на смену нынешним политически активным силам, является вопросом стратегическим и для судьбы самой нынешней российской молодёжи, и для судьбы российской демократии.

Поскольку центральным структурным элементом политической культуры является отношение молодёжи к власти, особую значимость приобретают исследования факторов его формирования.

Отношение молодёжи к власти зависит от множества объективных и субъективных факторов. Одним из наиболее существенных является уровень образования. Уровень образования, пожалуй, один из самых объективных базовых факторов, который влияет на электоральные ориентации. Поколение, заканчивающее сегодня вузы и университеты, через 10-15 лет сменит правящую элиту в сфере политики, экономики, администрации и управления, социальной сфере. Какие политические знания получит это поколение, и какие усвоит ценности, такой и будет политическая культура российского общества через эти 10-15 лет.

Вторым важным фактором, влияющим на отношение молодёжи к власти, является возраст. На электоральную активность молодёжи большое влияние оказывает среда, в которой она живет. Семья, школа, молодёжные организации, друзья – это та социальная среда, которая определяет первичную социализацию молодёжи, закладывает основы ее гражданского и политического воспитания, выступает важнейшим фактором электоральной активности и формирования активистской политической культуры.

Важно отметить и то влияние, которое оказывают на отношения к власти такие субъективные факторы как политическая грамотность и политические пристрастия молодых людей, оценка ими ситуации в стране, регионе, а также ряд других факторов. Интерес молодёжи к политике не представляет собой какую-то постоянную величину, он весьма сильно меняется в зависимости от обстановки в стране, грядущих выборов на общефедеральном или региональных уровнях, и ряда других факторов. Следует отметить существование большой группы молодёжи, которая, несмотря на периоды политического затишья, постоянно интересуется политикой.

Та часть молодёжи, для которой государство представляет ценность и которые готовы объединиться вокруг этой ценности, характеризуется более высоким доверием к органам государственной власти и, как следствие, более высоким уровнем электоральной активности. Система позитивных социальных ценностей и установок создает благоприятную морально-психологическую атмосферу, которая может способствовать вовлечению молодёжи в политические и государственные процессы.

Еще более сильным фактором, влияющим на электоральную активность молодёжи, ее партийная ориентированность. Политические партии и другие общественные организации потенциально являются наиболее действенными социальными и политическими институтами, способными мобилизовать молодёжь на участие в избирательном процессе. При этом невысокий уровень доверия политическим партиям объясняется не только слабой осведомленностью об их деятельности, но и тем, что сами политические партии практически не работают с молодёжью, а заявляют о себе только в период очередной избирательной кампании.

Принципиальное изменение отношения молодёжи к политике, к институту выборов возможно лишь тогда, когда сама молодёжь почувствует себя реальным участником и субъектом трансформационных процессов в нашей стране.

Регулярное невыполнение политиками своих обещаний, политические скандалы, связанные с коррупцией, политической нечистоплотностью, нечестностью и непорядочностью перестали быть сенсациями и вплелись в естественную ткань обыденной коммуникации, резко противопоставившей власть обществу, власть молодёжи. На эти процессы накладывается воздействие формирующихся индивидуалистических ценностей новой политической культуры страны. Это, естественно, негативно отражается на характере политической и особенно электоральной активности молодёжи.

Сегодня среди российской молодёжи нет жесткого политического размежевания, и аполитичность выступает существенной чертой, характеризующей молодое поколение. Разуверившись во всех властных структурах, большинство молодых людей индифферентно относится к любым формам социально-политической деятельности. Молодёжь раздроблена не только по возрастным, но и по социальным группам, сильно отличающимся по своим интересам.

Молодые люди с большей охотой вступают не в политические, а в общественные организации, которые могут защитить их законные интересы, помочь им в решении каких-то социальных проблем, организовать их досуг. Ярким примером тому могут являться профсоюзные студенческие организации, которые уже давно перешли рамки органа социальной защиты. Так, например, студенческий профсоюз не только занимается вопросами стипендиального обеспечения, решением проблем с общежитиями, предоставлением материальных пособий, но и организует спортивные соревнования, игры, факультетские вечера и многое другое.

Существующая политическая система рассматривается молодёжью как малоэффективная, не способная удовлетворить запросы молодых россиян, особенно на периферии. В отличие от пожилых людей, политическая культура молодёжи не обладает устойчивыми нормами лояльности и доверия, унаследованными от прошлого. Отсюда – низкая лояльность существующей политико-институциональной системе. В этом видится одно из проявлений культурной рациональности.

Состояние политической культуры молодежи, так же как и общества в целом, в достаточно высокой степени фрагментировано. Отдельные группы молодёжи отличаются друг от друга интересом к политике, уровнем включенности в политическую жизнь, ориентациями на различные идейно-политические течения современной России. Но все эти различия пока не носят характер острого антагонизма и не приводят к сверхполитизированности.

Молодёжь существенно отличается от старших поколений тем, что она практически лишена иллюзий о том, что кто-то может за них решить их собственные проблемы. Она индивидуалистична и прагматична.

Отношение же молодёжи к современной власти не связывается с ожиданиями на позитивные перемены. Таким образом, молодое поколение относится к политике и власти как к некоторым данностям, которые не вызывают ни восторга, ни особо резких отрицательных эмоций. Это, прежде всего, проявляется в отстраненности весьма значительной части молодёжи от политической жизни России. В какой-то степени, апатия молодёжи обусловлена, прежде всего, тем, что осуществляемые в России реформы больше всего ударили именно по ней, и тем, что в стране на протяжении последних лет отсутствовала осмысленная политика в отношении молодёжи как самостоятельной социально-демографической группы, с тем, что она, с одной стороны, не видит необходимости что-либо кардинально менять в сложившемся укладе жизни, а с другой, не рассматривает политическую деятельность в качестве значимой для себя, находя более перспективные способы и формы самоутверждения и личной самореализации.

В результате отношение молодёжи к власти все еще находится на грани отчуждения, способного перерасти в активное ее неприятие.

Таким образом, используя возможности государства по созданию нового механизма политической социализации посредством средств массовой коммуникации, можно оптимизировать работу с молодёжью в целом, а также повысить эффективность создания будущей политической элиты, обеспечив стабильное политическое развитие государственного аппарата и насколько внимательно государство сегодня отнесётся к проблеме политической социализации молодёжи, от этого напрямую будет зависеть будущее нашего государства и общества. И какую бы роль средства массовой коммуникации не играли в отношении молодёжи, выбор всё равно остаётся за молодым поколением, а также за теми, кто несёт ответственность не только перед собой, но и перед всей страной в целом.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ АБИТУРИЕНТОВ ВУЗОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

Терентьев К.Ю. (Петрозаводск)

В условиях массового интереса общества к высшему образованию, исследователи не могут обойти стороной вопросы: С чем связан такой интерес? Каковы цели поступающих в вуз? Ведь значительная часть абитуриентов и студентов не планируют работать по избранной специальности; прекрасно осознают, что трудоустроиться по профессии трудно из-за неразвитости местного рынка труда; поступают только по настоянию родителей и т.д.

Есть два базовых основания для формирования образовательной стратегии, поскольку профессиональное образование выполняет две базовых функции: явную, по трансляции и передаче знаний и профессиональных навыков, и латентную, направленную на присвоение особого социального статуса. Насколько значимы среди абитуриентов мотивации, основанные на этих двух функциях? Попробуем ответить на этот вопрос, используя данные опроса студентов первого курса Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), проведенного в сентябре-октябре 2014 г. (n=1407).

Среди вопросов, заданных студентам, был вопрос, нацеленный на выявление причин выбора направления подготовки. Мониторинговый характер исследования позволяет проследить динамику изменения приоритетов, определяющих мотивы поступления. Стабильным остается ориентация на собственный интерес к профессии, а также на рынок труда. При этом кризис последних лет в российской экономике вынуждает выпускников школ все меньше ориентироваться на высокооплачиваемую и престижную работу – главное работу найти. Внеобразовательные мотивы также присутствуют – поступление в силу невысокого конкурса, отсрочки от армии, а то и поступить хоть куда-нибудь. Практически каждый пятый говорит о важной роли советов со стороны родных и знакомых.

Поскольку задача, которая стоит перед нами в данный момент – построение классификации образовательных стратегий, уместнее всего использовать методы статистической группировки данных, в частности метод иерархического кластерного анализа.

На первом этапе кластеризации было получено три группы, достаточно наполненных наблюдениями для анализа (63%, 23%, 10%). 4% респондентов не попали ни в одну из групп. На втором этапе кластеризации был разбит на подгруппы самый большой кластер. В конечном итоге статистические процедуры разбили всех респондентов на четыре группы, 8,5% респондентов оказались в микрокластерах (менее двух десятков респондентов в каждом), объединенные в две группы-«остатки».

Как можно охарактеризовать эти группы, какие абитуриенты в них попали? Для этого можно сопоставить ответы респондентов, попавших в разные кластеры, на вопрос о причинах поступления. Значительные различия между группами, а также всей совокупности в целом, позволят описать эти кластеры.

Группы I (40%) и II (19%) очень похожи. Это группы, на которые был разделен самый большой кластер, получившийся на первом этапе кластеризации. Представители этого кластера однозначно ориентированы на профессию – все 100% опрошенных студентов из этих групп указали в качестве причины поступления желание работать в выбранной профессиональной сфере. При этом студенты готовы потратить все усилия для поступления – очень немногие говорят о легкости поступления. Единственное отличие – это ориентация при выборе профессии на ее престижность (и связанную с ней высокую оплату). Фактически, представители группы I искренне заинтересованы в профессии, которая близка им по духу и по способностям, при этом она совершенно не обязательно

должна быть престижной. А вот представители второй группы нацелены на престижные и высокооплачиваемые профессии, вплоть до того, что можно предполагать даже, что для ряда абитуриентов необязательно, чтобы профессия в полной мере соответствовала способностям. Подытоживая, дадим рабочие названия этим группам: I - «Интерес к профессии» и II – «Престижность профессии».

Группа III (23%) ориентирована на необходимость поступления как такового – ради получения диплома о высшем образовании или, по крайней мере, продолжения образования вообще – половина ориентирована на невысокий конкурс, почти каждый пятому было все равно куда поступать (в три раза большая доля, чем в целом по опросу). Эта группа определенно представляет креденциалистскую стратегию (статусно-ориентированную стратегию в чистом виде). Теория креденциализма И Берга и Р. Коллинза описывает распределение людей в социальной иерархии, в первую очередь по местам занятости на основе свидетельств о квалификации, приобретаемых в системе профессионального образования. В крайнем варианте, креденциализм – явление, когда работник должен иметь диплом или удостоверение ради него самого, а не для того, чтобы подтвердить навыки и умения, необходимые для выполнения конкретной работы. Рабочее название группы III - «Бег за сертификатом».

Группа IV (10%) представлена студентами, которые при выборе направления подготовки ориентировались на рынок труда – им важно суметь устроиться на работу в будущем, поэтому они выбирали такие направления подготовки, которые пользуются спросом на рынке труда. При этом они практически не говорят об интересе к этой профессиональной сфере (ни один в этой группе не указал вариант ответа «Желание работать в этой сфере» - читай: «мне это не интересно, но куда деваться, рынок труда сегодня таков»). Группа IV – «Ориентация на рынок труда».

Отдельно останавливаться на группах V и VI не будем в силу того, что они незначительны по размерам и, что важнее, они неоднородны по составу, поскольку это «остатки» - фактически это не два, а несколько микрокластеров, которые механически объединены вместе. Если же абстрагироваться от этих замечаний, то условно эти группы можно назвать «Ориентация на советчиков» (V) и «Бег от проблем» (VI)

Результаты кластерного анализа подталкивают к выводу о необходимости использования континуальной классификации. Это подтверждает и факторный анализ. Первый, самый крупный фактор, получившийся в результате факторного анализа, включает в себя такие варианты, как «Желание работать в данной профессиональной сфере» со значением -0,827, «Мне было все равно, куда поступать» (0,614), «Невысокий конкурс (мне было проще сюда поступить)» (0,568). Интерпретируя получившиеся значения, можно сказать, что этот фактор представляет собой континуум, где на одном конце находится образовательная, а на другом – статусная мотивация.

Группы I и III – «Интерес к профессии» и «Бег за сертификатом», представляют чистые типы образовательной и статусных направленностей. Группы II и IV занимают промежуточное положение в силу того, что носители этих стратегий, будучи заинтересованными в освоении профессии, все-таки в большей степени ориентируются не на собственный интерес и способности к ней, а на внешние факторы – престижность, уровень оплаты, спрос на рынке труда.

Отдельно стоит упомянуть маргинальные мотивации, не включенные в континуальную классификацию – это, во-первых, однозначно пассивная стратегия, ориентированная на стороннее мнение (в первую очередь, родителей), и, во-вторых, стратегия избегания проблем (армии, необходимости работать, необходимости переждать год перед новой попыткой поступления в интересующий вуз или на желаемое направление подготовки и т.д.). Эти стратегии маргинальны не столько в силу того, что редки (в этом как раз можно посомневаться и результаты дескриптивного анализа как раз показывают, что это не столь уж редкое явление), а потому что не носят собственно стратегического характера (при избегании неприятностей) или, в случае с родительским

настоянием, когда субъектом стратегии фактически является не абитуриент, а его родители, она должна быть отнесена к одной из активных немаргинальных стратегий. Проблема лишь в том, что, опрашивая абитуриентов, сложно выявить мотивацию их родителей.

Образовательные стратегии – комплексный социальный феномен, требующий пристального исследовательского интереса. Эффективное реформирование профессионального образования и регулирование рынка труда невозможно без учета общественных ожиданий, понимания мотивов получения образования молодежью. Представленная в тексте логика рассуждений показывает основные мотивации молодежи к поступлению, и подсказывает вектор дальнейших размышлений и исследований.

1. *Игнатович Е.В. Студент вуза как субъект непрерывного обучения: диагностика готовности к дополнительному и дополнительному профессиональному образованию [Электронный ресурс] / Е.В. Игнатович // Непрерывное образование: XXI век (электронный журнал). 2015.*
2. *Терентьев К.Ю. Высшее образование в структуре образовательных и профессиональных стратегий молодежи [Электронный ресурс] / К.Ю. Терентьев // Непрерывное образование: XXI век (электронный журнал). 2014. №2. URL: <http://11121.petrstu.ru/journal/article.php?id=2363> (03.08.2015)*

ПАТРИОТИЗМ В СТРУКТУРЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ

Тимченко С.А. (Барнаул)

Ориентация молодежи на сохранение и развитие национальных ценностей, на патриотическое служение России и проявление своей гражданско-правовой позиции, которая выражается в чувствах любви и преданности своему Отечеству, готовности встать на его защиту, а также правовой грамотности и ответственности, является важнейшей воспитательной задачей современной высшей школы. Современные модели патриотического воспитания студентов отталкиваются от развития ценностного отношения к культурно-историческому наследию своего народа и на этой основе формировании сознательного гуманистического патриотизма, гражданской ответственности и высокой культуры межнационального общения. Данное положение соответствует цели поликультурного образования, которая заключается в том, чтобы придать равновесие национальному и общечеловеческому в культуре, содействовать формированию единого человечества, сохраняя при этом национальную самобытность каждой культуры и нации.

Конкретное наполнение понятия «патриотизм» в сознании современных студентов-медиков, очевидно, имеет некоторые особенности. Для того, чтобы выяснить, как отношение молодых граждан к своей стране проявляется в сложном комплексе знаний, ценностных ориентаций, действий среди первокурсников лечебного и фармацевтического факультетов Алтайского государственного медицинского университета был проведен опрос «Гражданственность и патриотизм».

Наибольший процент положительных ответов предсказуемо достался вопросам об историческом прошлом России. Так, 99,4% респондентов гордятся победой советского народа в Великой Отечественной войне, 98,7% проявляют бережное отношение к историческому наследию страны, 96,7% уважительно относятся к прошлому историческому опыту своей страны, у 93,5% вызывают чувство гордости исторические победы вооруженных сил России. Заметно ниже (82,5%) количество интересующихся историческим прошлым своей страны, поскольку приобретение знаний требует некоторых усилий в отличие от просто «гордости».

Также подавляющее большинство студентов испытывают гордость в целом за Россию – 91,5%, то же чувство вызывает у них гимн России (87%) и достижения наших спортсменов (88,9%). Несколько менее респонденты уверены в технических и научных достижениях страны - 85,1% и заметно меньше – в политических и экономических успехах (72,5%). Однако 92,9% считают, что Россия обладает достаточным потенциалом для статуса великой мировой державы.

В своих гражданских установках молодые россияне не отчуждают себя от национально-государственных ценностей и реалий – 86,4% из них считают, что главное в жизни – делать нечто важное, значимое для других и страны в целом. Посильную помощь пожилым и престарелым людям ощущают своим долгом 95,8%, а защиту природных ресурсов России - 85,7%. Но при этом только 76% студентов воспринимают участие в выборах как проявление активной гражданской позиции.

В поведенческих установках молодежи также наблюдается определенное расхождение между позитивными устремлениями и их воплощением в реальной жизни. Так, декларируют соблюдение своих обязанностей гражданина РФ 93,5%, бережное отношение к общественному достоянию – 96,7%, к частной собственности – 95,4%, бережливость и экономность в отношении личной собственности – 92,2%, достойное поведение в целом – 98%. Но не проходят мимо бестактного поведением других по отношению к окружающим значительное, но все же заметно меньшее число студентов – 81,2%. Свои гражданские права, а также права окружающих активно отстаивать не готовы больше четверти из числа опрошенных (25,1% и 27,9% соответственно). И, наконец, участвуют в общественной жизни только 59,7% студентов.

Характерная для современных молодых людей низкая социальная активность проявилась в том, что только 75,4% из них готовы вести благотворительную деятельность в пользу нуждающихся, а шефскую или волонтерскую работу – 63%. Но при этом готовы трудиться на благо своей Родины 86,4% будущих хозяев страны.

Патриотизм неразрывно связан с интернационализмом, чужд национализму и сепаратизму. Однако только 70,1% студентов считают, что Россия - полиэтническая страна и в ней должны жить представители разных национальностей, а 73,4% думают, что многонациональность России обогащает ее культуру. Исходя из этого, важно выстраивать пути патриотического воспитания в поликультурном вузе с опорой на методологию «диалога культур», призванной обеспечить становление граждан, уважающих права и свободы личности, и проявляющих национальную и религиозную терпимость.

В качестве значимой тенденции следует отметить следующее противоречие: 92,8% студентов преданы своему Отечеству, практически все (99,4%) считают себя патриотами своей Родины, но при этом 16,2% из них хотят сменить гражданство, а 33,8% и вовсе готовы уехать за границу на постоянное место жительства.

Проведенный опрос позволяет сделать ряд выводов об организации и содержании патриотического воспитания в современном поликультурном обществе в условиях высшего учебного заведения. Во-первых, социально-психологические особенности студенческого возраста позволяют решать серьезные воспитательные задачи: формирование патриотической позиции с опорой на актуальность для юношеского возраста этических проблем; создание условий для развития чувства социальной ответственности не только за себя, но и за свою семью, за своих друзей, Родину и государство. Во-вторых, в условиях поликультурного общества у молодых людей стимулируются процессы этнической идентичности, что требует принципиального внимания в рамках патриотического воспитания формированию готовности к межкультурному диалогу, избегая проявлений национализма во всех его формах. В-третьих, полагаем, что на этапе высшего образования приоритетными для целей патриотического воспитания являются опыт самостоятельной деятельности студентов, социально-ориентированных поступков и осмысления национально-культурного наследия.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО - ТРУДОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ЮГРЫ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Ткачук Н.В. (Ханты - Мансийск)

Югра является одной из территорий интенсивного промышленного освоения, что не может не способствовать социальной активности молодежи региона. Перспективными для региона являются нефтегазоперерабатывающая промышленность, но несмотря на перспективность, проблемы профессионально - трудовой занятости больше затрагивают молодое население. Известно, что территория Югры огромна, занимает площадь 534,8 тыс. кв.м. и под промышленное освоение попадают не все ее районы. Для непромышленных районов характерна высокая степень дотационности местных бюджетов, следовательно, его население находится в социально - экономическом неравенстве по отношению к жителям промышленных районов округа, более испытывает дефицит рабочих мест. Особенно испытывают на себе неравные социально-экономические условия молодое население, в силу возраста еще неподготовленное профессионально, усугубляет ситуацию отсутствие опыта и стажа трудовой деятельности, что является одним из требований работодателей, ко всему несправедливо по отношению к молодым выпускникам, начинающим специалистам.

С целью изучения профессиональных, трудовых ориентаций молодежи Югры в июне 2014 г. состоялся социологический опрос в юго-западной части округа - в Кондинском районе. В ходе социологического опроса было опрошено 116 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет. Социально - профессиональная структура респондентов состояла из работающей молодежи, в основном занятой в сфере культуры и досуга, библиотечной системы (11,2%), молодых респондентов занятых в сфере образования составило 9,2 %, среди них указали профессии - педагог, воспитатель, помощник воспитателя. К муниципальным служащим отнесли себя 2,6 % респондентов, на момент опроса они были трудоустроены на должностях: специалист, секретарь. Традиционными видами хозяйственной деятельности (рыболовством, охотой, сбором дикоросов) заняты лишь 7,8% от числа опрошенных. Работников в сфере здравоохранения оказалось меньше среди всех указанных сфер и составило 0,9%. Среди опрошенных 12,1 % респондентов указали свой социальный статус безработный, среди них: официально зарегистрированные в центре занятости, безработные незарегистрированные, безработные женщины, находящиеся по уходу за детьми.

В ходе опроса респондентам предлагалось ответить на группу вопросов для выявления профессионально - трудовой ориентации. В целом, опрошенные указали более 30 специальностей, но большинство среди них профессионально ориентированы в сфере образования (19,8%), указав выбранные специальности (педагог, воспитатель детского сада, педагог - психолог, учитель истории, тренер - преподаватель). Юношами выбраны специальности сферы транспортной промышленности и строительства - 17,2% (водитель, судоводитель, каменщик, механик - электрик), а также в сфере информационных коммуникаций и технологий - 6,8% (инженер вычислительной техники, программист). 8,7% от числа опрошенных свой выбор сделали в области культурно - досуговой сферы (организатор культурно - массовых мероприятий, специалист по делам молодежи, библиотекарь). Сравнительно меньше оказалось специалистов здравоохранения 6,0% (медсестра, медбрат), торговли - 0,9%, пищевой промышленности - 5,2%, фармацевтики -

1,7%, лесного хозяйства - 3,4%, экономики и управления - 5,1% охраны труда - 3,4%, государственного управления - 6,0%.

Структура опрошенной молодежи была представлена учащимися, студентами и работающей молодежью. Респонденты - учащиеся 9 - 11 классов, находящиеся на пороге профессионального выбора отмечали для будущего профессионального выбора специальности лесной промышленности, планируя поступить в аграрный колледж с последующим трудоустройством в родном селе. Студенты - обучающиеся на медицинские специальности свой выбор аргументировали тем, что в перспективе проблем с трудоустройством у них не будет, т.к. в регионе остро требуются специалисты здравоохранения. По результатам опроса выяснилось, что в сфере образования готовы трудиться в основном молодые девушки 1984, 1986, 1979 годов рождений, специальности ими приобретены в региональных учебных заведениях.

В процессе опроса было выяснено, что в основном молодые юноши и девушки ориентированы обучаться в родном регионе. Студентами было отмечено, что в столице округа учебные заведения располагают хорошими бытовыми условиями (современные общежития, учебные корпуса, социальные и спортивные объекты), но основными проблемами для них являются финансовые трудности (оплата за обучение, завышенные цены на продукты питания, одежду, на проезд в общественном транспорте).

Как показали результаты на вопрос о выборе сферы для трудоустройства, то большинство (38,8%) из опрошенных, предпочли бы образование, а менее популярен у молодых югорчан в качестве трудоустройства традиционный сектор (6,0%) (табл.1).

Таблица 1

Ответы на вопрос "В какой сфере Вы хотели бы трудоустроиться?"

Варианты ответа   % от числа опрошенных

Промышленности   19,0

Образования   38,8

Медицины   10,3

Торговле, предпринимательстве   6,9

Традиционных видах хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, сбор дикоросов)   6,0

Муниципальным служащим   13,8

Другое   18,1

Затрудняюсь ответить   1,7

По результатам опроса, необходимо отметить, что более половины опрошенной молодежи при выборе специальности руководствовались потребностями на рынке труда (52,6%), профессиональным традициям семьи следует 1,7% молодых респондентов, а 16,4% еще не сориентированы профессионально и ими был указан вариант "Лишь бы поступить, чтобы не терять время". Выбор специальности с точки зрения ее престижности мотивировали 11,2% респондентов. Молодые респонденты престижными профессиями считают юрист, экономист, управленческие специальности, по их мнению, у них есть больше возможности успешного трудоустройства в городе, но не в сельской местности. Остальные 8,6% респондентов затруднились дать ответ на вопрос "Чем руководствовались при выборе специальности?".

В ходе анализа ответов на вопрос, затрагивающего материальное вознаграждение труда выяснилось, что на низкооплачиваемую работу не готовы идти 4,3% респондентов - это молодежь с высшим образованием (1,7%) и средним специальным (2,6%). Вне зависимости от уровня оплаты труда, только бы не быть безработными и готовы к любой работе, оказались респонденты в возрастной категории 30 - 35 лет (14,7%), оценивающие реально ситуацию при отсутствии предложений и высоком спросе на рабочие места в условиях сельской местности (табл.2).

Таблица 2

Ответы респондентов, рассмотренные в двумерном распределении (влияние " Возраст?" на "В первую очередь Вас интересует работа?"), n = 116, % от общего числа

Возраст   В первую очередь Вас интересует работа:

С высокой оплатой   Невысокая оплата, но работа по душе   Любая работа, только бы

не быть безработным   На низкооплачиваемую работу не пойду

14 - 19 лет   18,1   14,7   8,6   1,7

20 - 24 лет   7,8   2,6   6,9   0,9

25 - 29 лет   3,4   9,5   5,2   1,7

30 -35 лет   3,4   5,2   14,7   0,0

Итого 32,8   31,9   35,3   4,3

Как показали результаты, респонденты в возрастной категории 14-19 лет больше предпочли бы работу с высокой оплатой труда, но среди них не все ориентированы только на высокое материальное вознаграждение в трудовой деятельности, 14,7% считают, что выбрали бы труд низкооплачиваемый, но по душе (табл.2).

Отметим, что молодежь, преодолевая проблемы, формирует свое отношение к социальным реалиям, адаптируется к изменениям, стремится самореализоваться и проявлять социальную активность. В выборе места работы территориально для многих респондентов предпочтительней город (50,9%), в сельской местности пожелали работать (33,6%), для других респондентов рассматривается районный центр (11,2%), и 1,7% указали - на территории традиционного природопользования (родовые и охотугодя). Ответы на другой вопрос, о смене места жительства, показали, что желающих поменять привычное место жительства оказалось 49,1% против не желающих 54,3%, указавших ответ "нет". В число 54,3% вошли показатели из вариантов ответа "Такой нужды нет" (17,2%), "Мне хорошо в своем селе" (15,5%). Смену места жительства чаще связывают с отсутствием рабочих мест в сельской местности, по мнению молодых респондентов, основная цель переезда - это профессиональная переквалификация с последующим трудоустройством в условиях города, крупного населенного пункта.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ.

Томалинцев В.Н. (Санкт-Петербург)

Аннотация

В условиях кризиса помимо воспитания нового поколения в духе толерантности, миролюбия, веротерпимости важная роль принадлежит выработке навыков противодействия проявлениям экстремизма и терроризма. В статье представлены данные социологического опроса по поводу самооценки российской молодежи в области подготовки к противодействию экстремизму и терроризму, формируемой в рамках системы образования.

Abstract

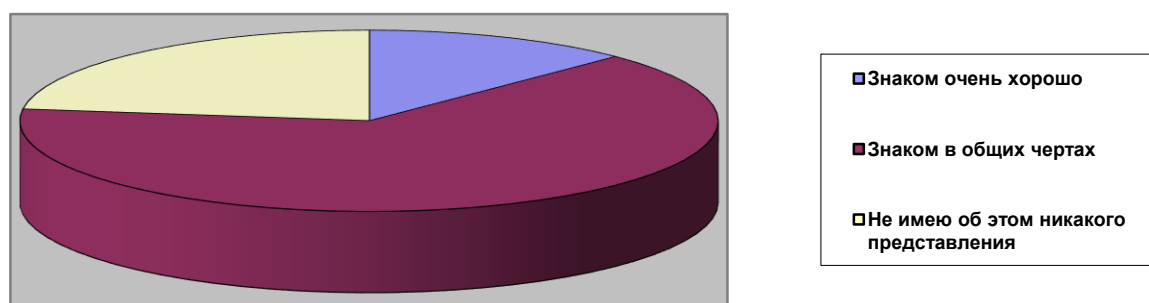
In the crisis as well as nurturing a new generation in the spirit of tolerance, peace, toleration is an important role for development of skills for countering extremism and terrorism. The article presents the data of a sociological survey about the self-esteem of the Russian youth

in training to combating extremism and terrorism, formed in the framework of the education system.

В современном глобализирующемся мире значение мер по профилактике экстремизма и терроризма продолжает возрастать. В условиях новой волны кризиса наступающей на страну успешное решение задачи противодействия экстремизму и терроризму требует более точной координации усилий со стороны государства, общества, личности. В этом процессе помимо воспитания нового поколения в духе толерантности, миролюбия, веротерпимости важная роль принадлежит выработке навыков противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в системе образования. О реальном положении дел в этой сфере свидетельствуют данные, полученные в ходе социологического исследования, проведенного НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ.

Среди полученных результатов прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что из общего числа ответивших на вопрос: «Насколько хорошо Вы знакомы с правилами поведения в случае захвата Вас террористами?» только 12,2% респондентов дали положительный ответ – «знаком очень хорошо». 64,8% ответили, что знакомы с данными правилами в общих чертах. И 23% заявили, что не имеют об этом никакого представления.

Рис.1. «Насколько хорошо Вы знакомы с правилами поведения в случае захвата Вас террористами?»

Особое внимание следует обратить на то, что основную информацию по безопасному поведению в чрезвычайных ситуациях молодые люди черпали в большинстве случаев из фильмов, телевизионных и радио передач (64,9%), в то время как из учебных программ и занятий по ОБЖ – 57,5% опрошенных. Данную информацию «из инструкций на доске объявлений в учебном заведении, на вокзале и т.д.» получили 22,2% респондентов, из специальной литературы – 12,6%.

Чуть большее количество опрошенных (13,1%) овладели информацией об оптимальном поведении в экстремальных ситуациях с помощью знакомых, служивших или служащих в специальных подразделениях, имеющих боевой опыт. А также от родственников и знакомых, которые сами оказались в экстремальной ситуации (13,9% от принявших участие в опросе).

Не удивительно, что хорошую оценку уровню преподавания дисциплин в своем учебном заведении в части, связанной с безопасностью, поставили 27,6% опрошенных. Из них в школе и гимназии – 27,2%. В колледже, училище профтехобразования – 42,1%. В вузе – 15,2%. В высшем военно-учебном заведении – 48%.

При этом положительно преподавание данных дисциплин оценили 27,6% жителей большого города, 26,3% жителей небольших городов и 29,3% жителей сельской местности. И в этих цифрах легко просматривается общее единодушие и общая суммированная оценка **посредственного и неудовлетворительного** преподавания (около 70% ответивших).

Таким образом, результаты опроса молодежи России показывают, что степень ее подготовки к встрече с экстремизмом и терроризмом (по ее собственной оценке) крайне низка. Столь же невысок уровень знаний, полученных молодежью путем самообразования. Сложившуюся ситуацию прекрасно характеризует то обстоятельство, что из всего массива опрошенных только 12,5% респондентов знают номер телефона дежурного Управления ФСБ по антитеррору своего города, района, области. Следовательно, остальные (87,5% участников опроса) – не знают о существовании подобного телефона.

К этому следует добавить, что среди немногочисленной группы положительно оценивших свое знакомство с правилами поведения в экстремальных ситуациях (12,2%), большинство составляют мужчины 65,2% против 34% женщин. Зато в других группах, давших ответ о том, что знакомы с данными правилами в общих чертах и не имеют об этом никакого представления, преобладают женщины (соответственно 53,1% и 66,4%). У мужчин – 46,9% и 33,6%.

Важно отметить, что среди тех, кто положительно оценивает свои знания правил безопасного поведения 8,8% учится в основном на отлично, 36,3% – на хорошо и отлично, 41,6% – на хорошо и удовлетворительно и 13,3% – в основном на удовлетворительно.

В группах, где с правилами такого поведения знакомы в общих чертах или не имеют о них никакого представления цифры примерно того же порядка.

По данным опроса, наибольшее число тех, кто хорошо оценивает свою антитеррористическую подготовку, обнаруживается среди учащихся школ и гимназий 41,4% опрошенных. Среди учащихся колледжей и училищ профтехобразования – 34,2%, студентов вузов – 14,4%. И менее всего в среде курсантов высших военно-учебных заведений, работающей и служащей молодежи (соответственно 3,6% и 6,3%).

Опрос также показал, что среди хорошо подготовленной молодежи (12,2%) большинство проживает в большом городе – 54%. В небольшом городе – 35,4%. И только 10,6% – проживает в сельской местности.

Основные выводы, которые вытекают из полученных данных, свидетельствуют о том, что уровень общей подготовки молодежи в области безопасного поведения, включающей в себя учебные программы и самообразование, явно не достаточен и не соответствует реалиям сегодняшнего дня. В связи с этим внутренняя идеологическая и психологическая незащищенность большинства современной молодежи перед лицом угроз и вызовов современного мира резко возрастает, что усложняет задачу борьбы с терроризмом, профилактикой экстремизма в целом.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют также о необходимости дальнейшего фундаментального изучения проблем, связанных с нейтрализацией экстремизма и терроризма. Эта работа нуждается в новейших углубленных научно-теоретических разработках. Большие возможности в этом отношении содержит в себе новая область гуманитарного знания и учебная дисциплина «Социальная экстремология» (См. подробнее: Томалинцев В. Н., Козлов А. А. Введение в социальную экстремологию: Учебное пособие. СПб., Изд-во СПбГУ, 2005; Томалинцев В. Н. Экстремаль России: Прогноз развития. СПб., Фонд «Отечество», 2007), предмет которой весь спектр экстремальных проявлений и факторов, воздействующих на процесс человеческой жизнедеятельности. Особую актуальность здесь представляет анализ специфики творческого и экстремистского подходов в реализации человеческой активности, а также философские и социопсихологические аспекты проблем профилактики экстремизма и формирования толерантного поведения.

Данная научная дисциплина рассчитана на преподавание в высших учебных заведениях любого профиля и должна дополнить цикл тем, содержащихся в программах по социальной философии, социологии, психологии, конфликтологии, проблематике научного управления обществом. В первом варианте она включена в учебный план по новой в нашей стране специальности – «Организация работы с молодежью», подготовка специалистов по которой началась в 2004 г. в Санкт-Петербургском университете и нескольких вузах страны. На уровне средней школы данная дисциплина также могла бы дополнить предметы гуманитарного цикла и, прежде всего – обществоведение, программы по основам безопасной жизнедеятельности человека (ОБЖ) и др.

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ: ОТНОШЕНИЕ К ПРОЯВЛЕНИЯМ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ И ЕЕ СВЯЗЬ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Федорова Т.Н. (Санкт-Петербург)

Нынешнее состояние речевой культуры в молодежной (да и не только!) среде, мягко говоря, удручает. Да что уж говорить о молодежи, если матерая нецензурщина вдохновенно и безоглядно несется из уст самих творцов и трансляторов современной культуры.

О «небратских состояниях» общества заговорили на философском языке еще в XIX веке. Так назвал феномен *речевой агрессии* философ Н.Ф.Федоров, рассматривавший причины «небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира» и искавший средства к «восстановлению родства». Вербальная (речевая) агрессия, проявления речевого экстремизма оцениваются общественным сознанием как менее опасные и разрушительные, чем агрессия физическая. Однако реальная социальная опасность этого явления состоит в том, что, во-первых, это первый шаг к агрессии физической, во-вторых, создается «агрессивный подход к действительности» у членов общества, а тем самым – агрессивная социальная среда.

В нашем исследовании принимала участие студенческая молодежь нескольких регионов страны, N= 894. Рассмотрим, как относятся к проявлениям речевой агрессии представители нынешнего молодого поколения. Нас интересовало также наличие или отсутствие связи между отношением молодых людей к этому явлению и показателями их гражданской идентификации. Так, на прямой вопрос: «Как Вы относитесь к употреблению нецензурной (ненормативной) лексики?» было получено следующее распределение ответов: отрицательное отношение к брани выразила только треть молодых людей, 33,3%; более половины относятся к проявлениям речевой агрессии терпимо - 56,1%, а 10,6% - неопределенно. Это высокие показатели уровня агрессивности социальной среды.

Среди тех, кто однозначно отрицательно относится к ненормативной лексике, преобладают девушки – 71%, их число в 2,4 раза превосходит число юношей, которые заявили о своей нетерпимости по отношению к сквернословию – таких оказалось всего 29%. Терпимо относятся к брани примерно одинаковое количество юношей и девушек, с небольшим перевесом юношей. Не сильно различаются и число юношей и девушек, затруднившихся ответить на этот вопрос. Можно сказать, что этим они выразили свое безразличие и к этому вопросу, и к самому явлению.

Среди юношей число тех, кто считает употребление табуированной лексики нормой, в 2,8 раза превышает число тех, кто относится к употреблению бранных слов резко отрицательно (65,3:23,0). Среди девушек это соотношение примерно равно, однако уже заметна тенденция к перевесу в сторону легализации ненормативной лексики в

женском сознании (ср.: 46,6% и 43,1). Равнодушным к проявлениям речевой агрессии оказался каждый десятый - как среди девушек (10,3%), так и среди юношей (11,6%).

Рассмотрим, какова взаимосвязь между отношением молодежи к употреблению ненормативной лексики и возрастом респондентов.

Судя по полученным данным, отрицательное отношение к употреблению ненормативной лексики заметно усиливается с переходом от самой молодой возрастной группы (30%) к самой старшей из обследованных групп (49,5%). Менее резко, однако, так же заметно убывает уровень терпимого отношения к брани по мере взросления респондентов: от 57,6% до 45,5%. Убывает и число затруднившихся ответить на поставленный вопрос однозначно – от 12,4% в группе подростков 15-17-ти лет до 5% в группе молодежи от 23-х лет.

В группе молодых людей, которым свойственно резко отрицательно относиться к употреблению ненормативной лексики, наиболее сильно выражена гражданская позиция: 74,7% молодежи из этой группы ощущают свою принадлежность к гражданам России в сильной степени, всего лишь 5,3% респондентов из этой группы отрицательно ответили на вопрос об эмоциональном отношении к своей гражданской идентификации. Четверть молодежи из этой группы - 20,1%+5,3%=25,6% - слабо или никак не идентифицируют себя с гражданами России.

О постепенном размывании границы нормы и о связи этого процесса с гражданской идентификацией свидетельствует процентное соотношение ответов в пределах группы молодых людей, терпимо относящихся к нецензурной лексике. Слабо или никак не ощущают своей принадлежности к гражданам России чуть больше трети молодежи из этой группы – 27,3%+6,5%=33,8%.

Анализ полученных данных позволяет нам утверждать, что, **чем сильнее выражена нетерпимость респондентов к негативным проявлениям в логосфере общества, тем активнее проявляется их гражданская позиция.**

Интересным оказался анализ корреляционной связи между вопросами об отношении молодежи к нецензурной брани и к тому, входит ли, по их мнению, в понятие гражданского долга готовность жертвовать своими личными интересами во благо страны, народа (таблица 1):

Таблица 1. Взаимосвязь между отношением респондентов к нецензурной брани и к пониманию ими гражданского долга как готовности жертвовать своими личными интересами

Гражданский долг – готовность пожертвовать своими интересами во благо страны, народа	Как Вы относитесь к употреблению нецензурной (ненормативной) лексики?		
	Резко отрицательно (I)	Терпимо, если среди своих (II)	Затрудняюсь ответить (III)
Да	33,3	27,4	27,4
Более или менее	48,1	45,2	45,2
Нет, это не относится к понятию гражданского долга	18,7	27,5	27,5

Обращает на себя внимание полное совпадение процентных распределений ответов в группах II и III. Равнодушное и терпимое отношение к употреблению бранной лексики, к проявлениям речевой агрессии приводят к сходным результатам в сфере гражданских убеждений. По 27,5% респондентов в каждой из указанных групп не считают гражданским долгом готовность жертвовать своими интересами во благо своей страны и

народа. В первой группе, в которую входит молодежь со сформированным резко отрицательным отношением к проявлениям речевой агрессии, гражданская позиция проявляется более ярко: каждый третий (33,3%) молодой человек из этой группы считает жертвенность проявлением гражданского долга.

Приведем данные корреляционной связи между отношением респондентов к проявлениям речевой агрессии и их мнением о том, надо или не надо бороться за общественные идеалы (таблица 2):

Таблица 2. Взаимосвязь между отношением респондентов к проявлениям речевой агрессии и мнением о том, необходимо ли бороться за общественные идеалы

Считаете ли Вы, что за общественные идеалы надо бороться?	Как Вы относитесь к употреблению нецензурной (ненормативной) лексики?		
	Резко отрицательно (I)	Терпимо, если среди своих (II)	Затрудняюсь ответить (III)
Да	75,5	70,5	62,3
Нет	4,9	7,8	2,6
Затрудняюсь ответить	19,6	21,7	35,1

Сравнительный анализ ответов молодежи из трех условных групп I – III показывает заметное преобладание настроенности на необходимость бороться и отстаивать общественные идеалы у молодежи из первой группы – с резко отрицательным отношением к проявлениям речевой агрессии в обществе. Нетерпимость к разрушительным проявлениям зла, к «небратским состояниям» общества – это и есть один из общественных идеалов всех времен, за которые надо бороться.

Терпимость к проявлениям речевой агрессии – это не только негативная социальная установка, но и агрессивная модель поведения. Длительные социальные потрясения в нашей стране не прошли бесследно. Общество перестало формировать духовно-целостного человека, обладающего чувством собственного достоинства. Почти утрачены механизмы, традиционно сдерживавшие проявления речевой агрессии. В кризисном обществе в кризисном состоянии оказывается язык. Речевая агрессивность в обществе нарастает. Особенно это характерно для самой молодой его части – подростков 15-17 лет, для которых ненормативная, табуированная лексика почти возведена в разряд нормы. Тем не менее, можно говорить о сохранности здорового ценностного ядра, о традиционной для нашей страны взаимосвязи между идеалами гражданского и национального сознания и самосознания, которые, как мы убедились, продолжают формироваться и транслироваться. Известно положение, что без процесса духовного политический процесс в положительном смысле невозможен. Все более очевидной и осознанной становится для общества необходимость регулирования состояния речевой культуры: от этого зависит нормальное функционирование государства, его экономика, политика, нравственность.

АСПЕКТЫ В РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ.

Федосова И.В., Патракова А. А. (Екатеринбург)

«Молодежная политика – это не просто список мероприятий, это – воспитание нашей молодежи», – сказал в своем приветственном слове руководитель Комиссии по молодежной политике Социальной платформы Андрей Подгорный.

Государственную молодежную политику следует рассматривать как самостоятельное направление деятельности государства, предусматривающее формирование необходимых социальных условий инновационного развития страны, реализуемое на основе активного взаимодействия с институтами гражданского общества, общественными объединениями и молодежными организациями [1].

В целом в регионах Урала активно ведется деятельность по формированию благоприятной среды для социального и личного развития молодежи.

Так, например, в Свердловской области создано и успешно функционирует Молодежное Правительство. Ведется работа по созданию условий для приобретения молодыми людьми организаторских, управленческих умений и навыков путем реализации различных форумов, проектных сессий и прочего.

Тем не менее сложно объективно судить о развитости платформ для молодежной политики в Свердловской области, так как нет никакой официальной статистики по этому поводу.

Министерство физической культуры спорта и молодежной политики Свердловской области занимается организацией и спонсированием различных мероприятий по развитию молодежи [4], например Конкурс «Студент года», Конкурс социальной рекламы «Новый взгляд», под его руководством находятся такие некоммерческие фонды, как Свердловский региональный общественный фонд поддержки детско-юношеского спорта, Свердловский областной общественный фонд участников студенческих отрядов «Знаменка» и около сорока других, занимающихся развитием молодежи в определенных направлениях.

Немалое значение имеет проект Волонтеры Урала (совместный проект Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области) [2], в его состав входит 3690 человек, но их главной целью является создание условий для развития и популяризации волонтерского движения в университете и на территории Свердловской области, а не осуществление молодежной политики в целом.

Единственным учреждением, отвечающим за реализацию молодежной политики в Свердловской области является государственное бюджетное учреждение "Дом молодежи" (город Екатеринбург) [3], которое занимается организацией масштабных молодежных мероприятий. К числу таких мероприятий можно отнести, например, проект «Евразия 2015», Всероссийский фестиваль студентов направления подготовки «Организация работы с молодежью». Тем не менее, о самом учреждении мало кто знает из числа молодежи Свердловской области, так как число участников группы Дома молодежи в социальной сети Вконтакте всего 126 человек.

На сегодняшний день в Свердловской области нет такого молодежного движения, которое бы захватило большую часть молодежи. Которое было бы простым и понятным, которым бы жил каждый молодой человек, именно погрузился бы в него, нет тренда, это движение должно быть модным и полезным для современной молодежи. Нет единой площадки.

Также, в качестве основных проблем в реализации молодежной политики округа продолжает оставаться слабая развитость институциональных механизмов и способов соучастия молодежи в формировании социальной политики, включая собственно саму молодежную политику, а также в государственном управлении, социальном менеджменте, межрегиональном и международном сотрудничестве.

Перечень мероприятий, проводимых на территории Свердловской области, представляет собой достаточно объемный ранжированный список.

Но множество проектов проводится вне ожидаемого результата, ввиду того, что в большинстве своем, участие в них принимают лишь малая доля молодых людей, обладающих необходимым потенциалом.

Но по данным исследований разработчиков стратегии государственной молодежной политики: «только 2,7 процента молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций». [1]

Кроме того, экономические и политические события 2014-2015 лет повлекли за собой заметные изменения в структуре доходов населения. Появилась необходимость поиска новых источников дохода в целях обеспечения прежнего уровня жизни, одним из них может явиться собственный малый бизнес. Ввиду подобных изменений разработчиками идеи было решено актуализировать работу в отношении startup-предпринимателей, как представителей активной молодежи, обладающих потенциалом в предпринимательской деятельности.

Стоит отметить, что одним из эффективных инструментов в работе малого и среднего бизнеса стал Свердловский фонд поддержки предпринимательства, на муниципальном уровне действует более 40 организаций, оказывающих консультационные и бизнес-услуги предпринимателям, в том числе 38 муниципальных фондов.

В октябре-ноябре 2014 года аналитическим центром «Эксперт-Урал» и журналом «Деловой квартал» проведены социологические исследования состояния сферы малого и среднего предпринимательства Свердловской области. В ходе исследований были опрошены более 500 представителей субъектов малого и среднего предпринимательства Екатеринбурга.

Деятельность фондов поддержки бизнеса имеет актуальность среди представителей малого и среднего предпринимательства.

Некоторые ключевые проблемы развития МСП, выделяются относительно

1) предоставляемой информации: недостаток информации о состоянии рынка, его потенциале; недостаток информации о ресурсах развития МСП; недостаток информации о наличии пустующих производственных площадей и оборудования.

2) кадрового потенциала: недостаток знаний и профессиональных навыков предпринимателей; низкий уровень предпринимательской активности.

Исходя из вышеперечисленных проблем, с которыми сталкиваются предприниматели справедливо отметить целесообразность развития следующих аспектов предпринимательской деятельности:

- Реестр комплекса мер поддержки и объектов инфраструктуры поддержки;
- БД имущества и оборудования;
- Консультация по мерам поддержки;
- Развитие института бизнес - объединений;
- Создание комплексной виртуальной системы обучения предпринимателей;
- Обучение молодежи и начинающих предпринимателей;
- Развитие института «менторства»;

Таким образом, определяется необходимость внедрения организации, задачами которой было бы предоставление консалтинговых услуг для представителей малого и среднего бизнеса в рамках мастер-классов от экспертов отдельных сфер предпринимательства, проведения консультационных встреч, ведения информационных

баз данных организации образовательных курсов, относительно актуальных вопросов развития и ведения startup-проектов.

Итак, одна из основных проблем в реализации мер молодежной политики в Свердловской области заключается в отсутствии единой информационной площадки по проведению общественных, культурно-массовых мероприятий среди молодежи.

Так же, исходя из основных приоритетных направлений деятельности по реализации Молодежной политики, поставленных задач и «вызовов стратегии развития», характеризующимися фактическими показателями ставится необходимость о создании общего механизма, предполагающего собой деятельность по вовлечению молодежи в общественную и политическую жизнь.

В качестве подобного механизма командой предлагается создание альтернативной (дополнительной) площадки, включающей в себя координационную группу и информационный портал, как связующие звенья между молодыми предпринимателями в рамках малого и среднего бизнеса и деятелями в сфере инвестиционного бизнеса, государственными органами, лицами, заинтересованными в реализации программ, предусмотренных молодежной политикой и в проведении масштабных молодежных мероприятий.

Таким образом, посредством создания единой информационной площадки, будет достигнута цель в отношении развития оптимальных условий для выражения уникальных идей активной молодежи и оказания эффективного содействия для перевода этих идей в форму технологически сформированного социального проекта, готового к реализации.

1. *Стратегия государственной молодежной политики в РФ: Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 №1760-р (ред. от 16.07.2009) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (ч. III), ст. 5622.*
2. *Официальный Интернет-сайт проекта «Волонтеры Урала» // Электронный ресурс. Режим доступа URL: <http://volural.ru/>*
3. *Общая информация о ГБУ СО «Дом молодежи» // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://molodost.ru/>*
4. *Официальный портал Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://minsport.midural.ru/>*

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ

Хвыля-Олингер Н.А. (Москва)

В Центре научной политической мысли и идеологии [1] в сентябре 2015 года был проведен экспертный опрос, в ходе которого ставилась цель оценить результаты образовательной реформы в России. Эксперты, в число которых вошли 154 представителя различных научных отраслей, кандидаты и доктора наук, профессора, провели сравнение качества подготовки выпускников учебных заведений до и после присоединения России к Болонской системе и введения ЕГЭ. Мнения экспертов оказались крайне иллюстративными. По десятибалльной шкале респонденты оценивали качество подготовки выпускников школы, абитуриентов и выпускников вузов. Диагноз однозначен: уровень подготовки значительно снизился. Качество образования в целом до присоединения к Болонской системе эксперты чаще оценивали на девять баллов из десяти возможных, на сегодняшний день ситуация существенно хуже. Вычисление для каждого показателя среднего по оценкам экспертов балла показало, что как качество подготовки школьников и абитуриентов, так и эффективность системы образования ухудшились более чем в два раза.

Сравним оценки экспертов со статистическими данными, отражающими состояние системы образования на разных ее уровнях в результате реформ.

Согласно данным Росстата, за двадцать пять лет по стране почти в два раза сократилось число школ, в первую очередь за счет учебных заведений общеобразовательного уровня, расположенных в сельской местности. Сокращение школ коррелирует с проблемами депопуляции и внутренней миграции и в определенной мере обусловлено именно этими процессами. Например, численность детей, достигающих возраста начальных классов, в связи со снижением рождаемости в постсоветской России уменьшилась за четверть века почти в полтора раза. При этом качество школьной подготовки в связи с переходом на новые образовательные стандарты и введением ЕГЭ снижается. Детей не учат мыслить системно, а формируют отрывочные фрагментарные знания, необходимые для успешного прохождения тестовых заданий.

Состояние науки в стране, работу научных школ, качество подготовки учеников в школах отражают результаты международных олимпиад. СССР был безусловным лидером на мероприятиях такого рода на протяжении десятилетий. Успехи российской команды стали куда более скромными. Сегодня в СМИ периодически анонсируются успехи отечественных школьников-участников олимпиад – сколько золотых, серебряных и бронзовых медалей привезли из-за рубежа участники команды. Безусловно, призы достойны уважения, но наличие нескольких медалей совсем не гарантирует общекомандного успеха, и за объявленными двумя-тремя золотыми умалчивается то, что команда страны в общем зачете все чаще терпит поражение. Данные в динамике позволяют видеть многолетний тренд «успехов» нашей страны, который очевиден – отказ от советской системы подготовки учеников имеет своим результатом снижение уровня их знаний. В международных олимпиадах по математике и физике мы всегда занимали первые места, теперь ситуация в корне изменилась и в неофициальном командном зачете на международных олимпиадах мы с трудом попадаем в первую тройку [2].

Реформа образования заметно и существенно снизила сопоставительный мировой уровень российских школьников. Войны выигрывает школьный учитель. Так говорил Бисмарк. И какова сегодня национальная безопасность России в результате диверсионной реформы образования?

Россияне признают важность высшего образования в современном мире и соглашаются с тем, что без соответствующего диплома сложно построить успешную карьеру и достичь многих жизненных целей. По данным общероссийского исследования [3], более 70% респондентов уверены в необходимости получения высшего образования для самореализации в профессиональной сфере.

Отечественное высшее образование также пострадало от последствий развала советской системы. Интересно, что число образовательных организаций высшего образования сегодня по сравнению советским периодом увеличилось более чем в два раза. В 1960-м году на территории РСФСР располагалось 430 вузов, сейчас мы имеем более 900, а два года назад – больше тысячи, не считая региональных филиалов. Численность студентов выросла пятикратно. Вроде бы, охват населения высшим образованием должен приносить только позитивные результаты, повышать грамотность, образованность, профессиональность. По факту наблюдается обратное – качество образования стремительно падает, деградация населения увеличивается. Образование, в том числе и высшее, превратилось в платную услугу, что прямо прокомментировал бывший Министр образования А. Фурсенко: «Профессиональное образование должно стать непрерывным и высокодоходным бизнесом» [4]. То есть на высшем уровне государственной власти было объявлено, что система образования должна производить не знания и гражданина, а прибыль. Такой результат и получен. Расплодился коммерческие ВУЗы, имитирующие подготовку, но генерирующие прибыль. Либерал-догматики должны быть удовлетворены. Но может ли быть удовлетворена страна, нуждающаяся в грамотных специалистах, если

вместо них она получает суррогат? Отреформированная российская система образования вынуждена ориентироваться не на качество образования, а на прибыль и выживание.

Согласно исследованию, в ходе которого определяется Индекс уровня образования в странах мира (Education Index), Россия по данному показателю находится на сорок девятом месте из ста восьмидесяти восьми возможных, соседствуя с Гренадой, Хорватией и Белоруссией. Этот комбинированный показатель Программы развития ООН является одним из ключевых для определения уровня социального развития (Human Development Index) и строится на основе данных о грамотности взрослого населения и совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образование.

В рейтинге стран мира по уровню расходов на образование (Expenditure on Education), рассчитываемом как общий объем государственных и частных расходов на данную сферу, выраженный в процентах от ВВП, наша страна занимает девяносто восьмое место из ста пятидесяти трех возможных. Это неприемлемо низкий показатель, и стоит отметить, что из стран, находящихся на постсоветском пространстве, нас обгоняет даже Белоруссия. Проблемы в российской системе характерны практически для всех государств, входящих ранее в состав СССР. Они являются результатом разрыва преемственности в образовании, нарушения традиций и «антиисторического» отрицания достижений советского опыта.

Разберем ситуацию с научными степенями. С 1 января 2014 года Высшая аттестационная комиссия ужесточила требования к защите диссертаций, введя правило обязательной публикации полного текста работы в открытом доступе за три месяца до защиты. Это решение было направлено на борьбу с плагиатом. Последовал результат – выпуск из аспирантуры с защищенной диссертацией сократился с 8979 человек в 2013 году до 5189 человек в 2014 году [5]. Факт, доказывающий системное порождение суррогатной подготовки молодых ученых в результате реформы. Наиболее резкое уменьшение числа защищенных диссертаций отмечается в технической и экономической отраслях. Это может быть связано как с ужесточением требований ВАК, так и с закрытием и приостановлением деятельности ряда Диссертационных советов, но в любом случае проблему подготовки высококвалифицированных научных кадров они иллюстрируют.

Практика плагиата была проанализирована активистами сообщества «Диссернет», созданного в целях общественного противодействия подлогам в науке. Некоторые результаты анализа опубликованы в Англоязычном бюллетене по проблемам высшего образования Higher Education in Russia and Beyond (HERB). В частности, были выявлены наиболее «проблемные» области распространения фальшивых диссертаций – экономика (около 40% случаев), юриспруденция, педагогика, медицина. Параллельное исследование библиометрической базы данных SCOPUS позволило сделать следующий вывод. Число фальсифицированных диссертаций в тех или иных областях науки обратно пропорционально вкладу этих областей научного знания в международную систему знаний. Наиболее сильно международное представительство российских ученых в физико-математических и химических, биологических науках, где уровень плагиата гораздо ниже.

В работах естественников плагиат отмечается реже, но их труды часто характеризуются измельчением тем и невысоким научным наполнением. Эпицентрами «липовых» диссертаций стали крупнейшие российские города – Москва и Санкт-Петербург, и Кавказский регион, в котором процент фальсификата наиболее высок. Вузами, лидирующими по числу защищенных в них некачественных трудов, названы Московский Педагогический Государственный Университет и Академия государственной службы при Президенте России (ныне РАГХИГС) [6].

Перспективы не радужны. Разрушение советской системы образования, попытки подогнать ее остатки под зарубежные стандарты и экстренно примерить англосаксонскую модель к позитивным результатам не приводят. Сегодня как никогда в истории

современной России требуется системное формирование и накопление социального потенциала молодежи, способной оздоровить государство и общество, воспринять лучшие отечественные нравственные, научные и культурные традиции, сохранить их и приумножить. «Играя мускулами» на международной арене, наивно полагать, что целенаправленно и последовательно уничтожая десятилетиями наработанную систему обучения подрастающего поколения, мы сможем успешно продолжать эту игру в будущем.

Образование, которое в итоге должно способствовать развитию государства, становится подобием злокачественного образования, дающего метастазы во все важнейшие сферы жизнедеятельности страны. Система передачи накопленных поколениями опыта, знаний и умений свои функции на должном уровне не выполняет, социальный потенциал снижается. Осознает ли политическое руководство страны грядущие последствия, вопрос скорее риторический. Но правило «сегодня главное не хлеб, не сталь и не броня, сегодня главное дети, потому что завтра это и хлеб, и сталь, и броня» в постсоветской России очевидно игнорируется.

1. <http://rusrand.ru/>
2. http://www.imo-official.org/country_team_r.aspx?code=USS
3. *Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 31 августа - 1 сентября 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%*
4. *Выступление А. Фурсенко на совещании с главными редакторами региональных СМИ и руководителями пресс-служб органов управления образованием субъектов РФ.* <http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/768/>
5. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
6. <http://www.dissernet.org/publications/herb.htm>

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА.

Черепанова М.И. (Барнаул)

Понятие «жизнестойкости» личности приобретает исследовательский интерес в проблемном поле современного социологического знания в связи со сложными кризисными процессами, нарушающими социальную адаптацию современной молодежи в условиях кризисного развития современного российского общества. Данный феномен актуально исследовать в индикации суицидального риска в поведении молодого человека. В статье представлены эмпирические результаты социологического исследования, связанного с региональными особенностями суицидального поведения в Алтайском крае. (n=295). Суицидальный риск-это степень, вероятность совершения суицида. Поэтому индикаторами суицидального риска явились вопросы, связанные косвенным образом с опасностью совершения суицида: «Как Вы считаете, может ли человек с помощью лишения себя жизни решить важные для себя проблемы?», «Оцените, пожалуйста, ценность своей собственной жизни по шкале, где 1- самая низкая ценность Вашей жизни, 10- самая высокая ценность Вашей жизни», «Оцените, пожалуйста, ценность своего здоровья по шкале, где 1- самая низкая ценность Вашего здоровья, 10- самая высокая ценность Вашего здоровья», «Каково Ваше отношение к людям, прибегающим к попыткам лишения себя жизни?», «Я редко задумываюсь над тем, насколько правильно мое поведение», «Я часто принимаю рискованные решения», «Как Вы считаете, допустимо ли нанесение себе повреждений ради идеи, удовольствия и т. д?», «Как Вы считаете, допустимы ли риски в жизни (экстремальные виды деятельности и

т.п.)?». Большинство молодых людей считает, что с помощью лишения себя жизни нельзя решить проблемы (82%). Каждый десятый рассматривает суицид, как один из способов решения важных для себя проблем. Молодые люди, затруднившиеся ответить на данный вопрос, не имеют четкой позиции по данному вопросу и, следовательно, могут прибегнуть к данному варианту решения проблемы в стрессовой ситуации (9%). Таким образом, около 18% респондентов могут иметь различную степень риска суицидального поведения, и значит низкие резервы жизнестойкости. Современные молодые люди, зависящие от мнения сверстников, способны на самоубийство ради общей идеи, доставления себе удовольствия, самоутверждения или попытки привлечь внимания. Согласно данным, подавляющее большинство молодых людей считает недопустимым нанесение себе повреждений ради идеи или удовольствия (79%). Пятая часть молодежи полагает, что нанесение себе повреждений может быть допустимым при некоторых условиях. Следовательно, данная категория, имеет сниженный потенциал жизнестойкости. На наш взгляд, склонными к суицидальному риску можно отнести не только тех, кто ответил «допустимы» (3%), «допустимы при условии» (15%), но так же и тех, кто затрудняется ответить (3%), так как данные респонденты молодого возраста не имеют четкой позиции относительно данного вопроса. Следовательно, пятая часть опрошенных молодых людей имеет суицидальный риск различной степени выраженности, жизнестойкость данных молодых людей требует значительной оптимизации. Риски в жизни современного молодого поколения являются частью привычной жизни. Рискую, человек старается добиться уважения среди сверстников, показать себя, свои возможности, избавиться от комплексов. При анализе вопроса о допустимости риска в жизни современной молодежи были получены следующие варианты ответов. Около одной трети молодых людей полагают, что риск однозначно допустим в жизни. Почти половина молодежи считают, что риск допустим, но только при определенных условиях. Пятая часть молодежи считают, что риск в жизни не допустим. Около одной трети полагают, что риск, может быть допустим в жизни (29%). Таким образом, около большая часть молодежи (77%) поощряют присутствие риска в своей жизни. Следовательно, данный контингент молодых людей может иметь косвенную возможность снижения потенциала жизнестойкости, особенно при сочетании с другими детерминантами нарушения социальной адаптации. Одним из актуальных индикаторов жизнестойкости, является отношение молодежи к ценности своей жизни. Значительное снижение значимости максимальной витальной ценности жизни будет свидетельствовать о благоприятных условиях для совершения аутоагрессивных действий, в том числе суицида. По результатам исследования, выявлено, что около 6% молодых людей дают оценку ценности своей собственной жизни менее 5 баллов по десятибалльной шкале, что свидетельствует о выраженном суицидальном риске и низком уровне самосохранения и жизнестойкости. Одним из социальных индикаторов жизнестойкости молодых людей, является их социальное настроение. В частности, социальное настроение оказывает большое влияние на молодого человека, решившего покончить жизнь самоубийством. Обычно такие люди впадают в депрессию, часто остаются наедине с самим собой, становятся молчаливыми и беспокойными. При анализе вопроса о состоянии и ощущении в последнее время основная часть молодежи ответила, что чувствует себя нормально (37%), уверена в настоящем (22%) и имеет прилив духовных и физических сил (12%). Остальная часть молодежи распределилась следующим образом: 6% испытывают равнодушие к происходящему вокруг, 13% молодых людей испытывают некоторое беспокойство и неуверенность в будущем, что может свидетельствовать об косвенной эмоциональной основе, благоприятной для суицидальных настроений в будущем. Незначительная часть молодых людей (4%) имеют сильное эмоциональное напряжение, или чувствуют страх и безысходность. Среди молодежи присутствуют люди с неопределенным ответом на данный вопрос (6%). Таким образом, пятая часть молодежи Алтайского края имеет негативную самооценку своего внутреннего состоянием, что может снизить барьеры

жизнестойкости личности до критического уровня. Мнение молодежи о людях, совершающих антивитаальные действия, также является важным при изучении мотивации к жизнестойкому поведению. Обычно, склонность к его снижению, имеют те, кто поощряет самоубийство или считает приемлемым уйти из жизни для решения проблемы, снятия внутреннего напряжения, при сильном стрессе или от скуки. Пятая часть утверждает, что никогда бы так не поступила (21%). Примерно 11% полагают, что в некоторых ситуациях жизнь может потерять ценность для человека, что является индикатором суицидального риска. Среди молодежи, каждый десятый, оказался равнодушными к таким людям. Наибольшая часть молодежи считают, что люди, прибегающие к попытке лишения себя жизни, являются слабыми, и таким образом, просто убегают от проблем (44%). В целом, более половины молодых людей относятся к людям с суицидальным риском негативно, что свидетельствует об их благополучном потенциале жизнестойкости личности. Импульсивные молодые люди гораздо чаще совершают суицид, в отличии от спокойных и рассудительных сверстников. Импульсивная молодежь гораздо чаще склонна к совершению спонтанного, необдуманного суицида. При ответе на вопрос о возможности контроля своего поведения, около половины молодежи не согласны с тем, что они редко задумываются об его правильности. Около 15% полностью согласны с тем, что редко задумываются над своим поведением. Следовательно, данная часть молодого населения края, редко контролируют свое поведение, что может быть психологической основой для рискованного суицидального поведения и низкого потенциала стойкости в трудных жизненных ситуациях. Частота принятия рискованных решений в жизни молодого человека имеет прямую связь с принятием решения о совершении суицида. Чем чаще человек решается на опасное или рискованное дело, тем больше шанс совершить суицид, преднамеренный или необдуманный. Около половины молодежи способны контролировать рискованные решения, а именно 47%. Треть молодежи принимают рискованные решения в зависимости от ситуации. Таким образом, пятая часть молодежи привыкли часто принимать рискованные решения, что может свидетельствовать об их импульсивности, что является негативной характеристикой реализации суицидального риска. Эти люди привыкли сначала делать, а уже потом думать о сделанном, а их уровень жизнестойкости нуждается в значительной коррекции.

Российское общество в настоящее время является динамической системой. Кризисные изменения, проявляющиеся в нём, затрагивают все сферы жизни молодого человека. Эскалация социальных рисков, которые появляются в обществе снижают резервы жизнестойкости молодого человека, поэтому данный феномен нуждается не только в теоретическом осмыслении, но и научно-обоснованных рекомендациях, направленных на его оптимизацию в системе работы с молодым населением страны.

ПРАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ.

Чернега А.А. (Санкт-Петербург)

Туристические практики имеют место тогда, когда на некоем участке географического пространства появляется достопримечательность. По отношению к последней в социологии сложилось два подхода. Согласно объективистского подхода достопримечательность – это структурное принуждение в виде объективно существующего в границах территории нетипичного объекта, укорененного по воле природы или оставшегося от предыдущих поколений всеми или большинством

признаваемого шедевра (Э. Дюркгейм, Ф. Ратцель). Согласно деятельностно-структурного подхода (П. Бурдьё [1], Э. Гидденс [2], Дж. Урри [3]) нечто становится достопримечательностью в процессе социального конструирования. Подобное допущение расширяет границы определения достопримечательности и играет важную роль в стимулировании мотивации людей в развитии туризма на конкретных территориях.

В процессе конструирования вокруг достопримечательности образуется социокультурное поле как «ситуация взаимодействия, локализованная в пространстве и времени и предполагающая формирование нового системного качества» (К. Левин [4], В. Ильин [5]). Важнейшей составляющей поля являются субъекты, деятельность которых позволяет говорить о наличии в нем определенного социального порядка. Структура субъектов такого поля включает производителей: власть, прямых (музеи, координационные советы по туризму и т.д.) и косвенных (туроператоры, турфирмы, маркетинговые агентства и т.д.) производителей, предпринимателей и бизнес-сообщества, СМИ, городских активистов и др., потребителей (туристов), а также местных жителей, по разным причинам не присоединившиеся к одной из двух основных сторон.

Исследовательский акцент автора в данном тексте ставится на то, каким образом молодежь малых городов проявляет себя как часть слоя производителей. Основные вопросы, ставящиеся автором: каким образом молодежь вовлекается в туристический рынок малых городов и какие выгоды в результате этого извлекает для себя?

Эмпирическую основу тезисов составляют материалы полевого социологического исследования, проводимого автором в 2014-2015 г.г. по стратегии развернутого кейс-стади малых городов России. Для написания данного текста используются собранные в городах Тотьма, Великий Устюг, Углич, Мышкин, Городец 9 глубинных интервью с молодыми людьми и девушками от 18 до 28 лет, занявших социально успешные ниши на туристическом рынке малых городов. Помимо этого используются 5 экспертных интервью с представителями местной власти и работодателями, озабоченными проблемой удержания в малых городах молодежи. Были исследованы и статистические данные, касающиеся приложения обсуждаемого вопроса на ткань городов-объектов кейс-стади, а также проанализированы качественным способом данные местной прессы. Остановимся более подробно на типах прямого и косвенного вовлечения молодежи в процесс конструирования достопримечательностей в малых городах.

Практики дауншифтинга.

1. Одной из актуальных социальных тенденций является дауншифтинг, предполагающий возвращение в малые населенные пункты ранее уехавших из них молодых людей и девушек в крупные города, как в целях получения образования, так и «за поиском лучше жизни», а также притяжение молодежи в малые населенные пункты впервые. Веской причиной для первых является т.н. притяжение родных мест и силовое воздействие социальных связей (родственники, друзья, знакомые). Для вторых такой причиной служит поиск собственной идентичности.

2. Причиной дауншифтинга может выступать и желание самореализации в малом городе как творческой личности. В рамках сферы туризма пространство для материализации креативности более чем достаточное: разработка экскурсионных программ, краеведческие и исторические исследования, театральная деятельность для обслуживания потребностей туристов и др.

Практики «городского активизма».

1. Новым явлением в малых городах - центрах туризма является т.н. «прикладной городской патриотизм»: практики населения, нацеленные на улучшение качества жизни в глубинке, продвижение имени малых городов во внешней среде, привлечение к ним внимания туристов. Важную роль в этих процессах играет молодежь, вовлекаясь в организацию информационных флешмобов, популяризируя достопримечательности местности в Интернет-пространстве, участвуя в координационных советах по развитию туризма.

2. Туристическая деятельность, говоря языком И. Гоффмана, включает не только авансцену, на которой происходит встреча производителей и туристов, но и большое пространство заднего плана, в котором реализуется скрытая от непосредственного созерцания туристами подготовка элементов сопровождения: от разработки экскурсий и внедрения турпрограмм до практик городского активизма, большую роль в которых играет т.н. «креативная» молодежь малых городов. Их участие в креативных практиках переосмысления туристических пространств малых городов: стрит-арт, оформление достопримечательностей и разработка их фирменных стилей, музейных экспозиций, конструирование арт-объектов, музеефикация городского пространства и т.п., имеют важное значение в качестве стимула использовать собственные ресурсы на благо этих мест.

Практики предпринимательской деятельности.

1. Псевдопредпринимательство понимается как занятие предпринимательской деятельности по существу, но без оформления этого юридически надлежащим образом. Концепция локальных выгод и капиталов (П. Бурдые) объясняет суть вовлечения молодежи в практики сдачи туристам внаем жилья, предложения услуг гидов (в т.ч. на иностранных языках), занятий ремесленной деятельностью с ориентацией на потребителя (туриста), организацией театрализованных экскурсий, изготовлением сувениров, памятных фотографий и др.

2. Сходным по содержанию, но отличным по форме являются практики оформления статуса ИП или юрлица молодыми людьми, увидевшими в туризме нишу для организации собственного дела (гостиницы и хостелы, кофейни и кафе, художественные салоны, частные музеи, турфирмы и т.п.). Молодежь вовлекается и в качестве наемных работников.

Ресурсы молодежи - на дело развития туризма. Почему именно на молодежь ориентируется немалая часть работодателей и экспертов? Это объясняется наличием у первых тех уникальных ресурсов, которые на сегодняшний день столь актуальны для развития туризма непосредственно в глубинке, по своим структурным особенностям, удаленной от протекания магистральных ресурсно-распределительных потоков. К таким ресурсам относятся готовность предлагать большое число идей (пусть и самых, казалось бы, нелепых, что важно для динамики творческого начала достопримечательностей), высокая степень социальной активности и мобильности, креативность, обладание навыками работы с современными информационными технологиями (тренд в туризме), умение избирать нестандартные подходы к решению проблем.

Приобретаемые молодежью выгоды в результате вовлечения в туристическую деятельность в малых городах.

1. Денежные: конвертация креативных ресурсов на рынке туризма малых городов, где невысока конкуренция, в туристические достопримечательности, занятие предпринимательской деятельностью способно приносить финансовый доход.

2. Социальные: обладающие редкими ресурсами люди, посещающие малые города, могут стать источником полезных и уникальных социальных связей, которые в дальнейшем можно конвертировать в собственный капитал.

3. Культурные: практики туристической деятельности выступают источником получения новых знаний (иностранные языки), навыков (грамотная речь, опыт проектной деятельности).

4. Символические: практики конструирования достопримечательностей могут стать тем полем, в котором молодой человек может «сделать себя сам», получить уникальный опыт, который в силу высокой конкуренции в больших городах, получить гораздо труднее.

Таким образом, вовлечение в туристическую деятельность в малых городах молодежи является как фактором активизации самой отрасли, так и источником получения молодыми людьми различных выгод, связанных не только с финансовой

стороной вопроса, но и с теми социальными ресурсами, которые конструируются только в условиях локального сообщества. Вероятно, на острие кризиса в силу динамики внутреннего туризма подобные практики будут усиливаться.

1. Бурдые П. *Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2007. 336 с*
2. Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.*
3. Urry J. *Consuming Places. London: Routledge, 1995.*
4. Левин К. *Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.*
5. Ильин В.И. *Феномен поля: от метафоры к научной категории // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 29-49.*

ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА.

Черникова Д.А. (Санкт-Петербург)

Я студентка Санкт-Петербургского государственного торгово-экономического университета, и довольно долгое время меня интересовал вопрос, что же важно для современной молодежи, особенно в наше время, в условиях кризиса? Какие ценности являются наиболее важными для личности в современном модернизированном обществе?

По окончании школы молодежь начинает новую жизнь. Поэтому очень важно ещё в школе сформировать правильные ценностные ориентации. Молодежь отказывается от привычных стереотипов, идет переоценка ценностей. Уровень сформированности нравственных ценностей у подрастающего поколения очень низкий. Молодежь больше стремится овладеть теми качествами, которые могли бы ей пригодиться в рыночных условиях. В старшем школьном возрасте начинается профессиональное и жизненное самоопределение, происходит осознание своего места в будущем. Старшеклассники начинают выбирать себе профессию и искать пути достижения этого. Ценность - объективная значимость многообразия компонентов действительности (свойств, признаков какого-либо предмета или явления), содержание которых определяется потребностями и интересами людей.

Развитые ценностные ориентации признак зрелости личности, показатель меры ее социальности.

Поэтому именно выявление специфики ценностей и ценностных ориентаций современной молодежи стало целью моей работы.

Исходя из поставленной цели, мной были сформулированы следующие задачи исследования:

- Изучить теоретический материал, соответствующий выбранной теме; познакомиться с понятиями и определениями
- Провести анализ молодёжи, как социально-демографической группы и выявить базовые ценности ;
- Выявить степень влияния ценностных ориентаций молодёжи на их жизнедеятельность
- Сделать анализ полученных результатов и их обобщение.

Но для начала стоит разобраться в таких понятиях, что же такое ценности и ценностные ориентации.

Социально-экономические преобразования в России проходят сложно. Настоящее время характеризуется нестабильностью социальной ситуации. Именно на глазах современного поколения молодежи происходят колоссальные перемены, затрагивающие

все сферы жизнедеятельности общества, влияющие на весь уклад жизни современного человека. Она осуществляет свою жизнедеятельность на основе базовых ценностей и ценностных ориентаций. Под Ценностными ориентациями мы понимаем важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и отграничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого несущественного. Ценностные ориентации, эта главная ось сознания, обеспечивает устойчивость личности, преобладание определенного типа поведения и деятельности и выражается в направленности потребностей и интересов». «Развитые ценностные ориентации - признак зрелости личности, показатель меры ее социальности. А само понятие ценность означает любой «объект» (в том числе и идеальный), имеющий жизненно важное значение для субъекта (индивида, группы, слоя, этноса).

В моём опросе мы рассмотрели вопросы о ценностях молодежи и критериях их жизненного успеха. На первое место выходят такие ценности как:

- семья (71%),
- материальное обеспечение или достаток (67%)
- свобода(62%).

Конкретное воплощение успеха в жизнь молодежь видит, прежде всего, в достижении материального достатка, а также в любви и создании счастливой семьи. Следующим по значимости типом успеха является карьера и служебный рост. Более половины респондентов указали в анкете то, что интересная работа и высокая должность являются очень важным критерием жизненного успеха и одной из важнейших ценностей.

Представления молодежи о том, что такое успех в жизни, являются довольно, прагматичными и вполне отвечают здоровым консервативным ценностям. Идеалом является обеспеченная и счастливая семья, построенная на любви и материальном достатке. Служебный рост, карьера, профессиональные успехи являются скорее средствами достижения этого идеала.

В сознании молодых людей, стоящих на пороге трудовой жизни, работа воспринимается как инструмент реализации в первую очередь социальных запросов. Большинство студентов видит в учебе сферу, где реализуются личные интересы. На смену романтическим мотивам в выборе профессии приходят прагматические мотивы карьеры, материального благополучия, учебы ради получения диплома о высшем образовании в престижном ВУЗе. Но и у многих студентов сохраняется вместе с тем вежливое отношение и к традициям старшего поколения (нравственность, патриотизм, гражданский долг перед своей Родиной). Ведь они помнят а таком страшном событии, как Великая Отечественная война, как их прадеды, деды защищали свою Родину, зачастую погибая.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о системе ценностных ориентаций молодежи. Общественные интересы окончательно ушли на второй план. Приоритетным является достижение личного благополучия и получения удовольствия от жизни. Радует то, что несмотря на сложную политическую, экономическую, социальную обстановку в стране, на то что для многих денежные средства играют огромную роль и стоят на первом месте в системе ценностных ориентаций, для наших опрошенных всё-таки на первом месте любовь, семья, т.е. традиционные ценности и смыслы, обыденные нормы, правила человеческого общежития по-прежнему актуальны для молодежи в современном модернизированном обществе.

1. Добрынина В., Кухтевич Т. Ценностные ориентации учащихся и студенческой молодежи /В. Добрынина, Т. Кухтевич // *Alma mater*. 2003. № 2. С. 13-15
2. Журавлев, А. А. Ценностные ориентации формирования личности в разные периоды развития российского общества / А. А. Журавлев, Т. В. Дробышева // *Психологический журнал*. 2010. № 5. Т. 31. С. 5-16.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ ГЛАЗАМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ: КОНТУРЫ КРИЗИСА ДОВЕРИЯ

Шаронова А.А. (Москва)

В современных сложных обществах, где неопределенность и риск становятся неотъемлемыми атрибутами повседневности, проблема доверия обретает особую значимость. Ситуация доверия всегда связана с риском - постоянно возникающим пространством неуверенности. Эффект доверия высвобождает творческую энергию, увеличивает открытость и спонтанность по отношению к другим людям. По утверждению известного социолога П. Штомпки, «доверие со стороны других – это важный фрагмент «общественного зеркала», в которое смотрится человек, вырабатывая мнение о самом себе, формируя самооценку и идентичность» [1, С.339].

Данная работа рассматривает определенный срез университетской среды, в которой эффективное сотрудничество преподавателя и студента невозможно без определенного уровня и культуры доверия. Эмпирической базой послужили материалы комплексного социологического исследования, проведенного в мае-июне 2014 в МГУ имени М.В.Ломоносова [2].

Целесообразно сфокусироваться на нескольких проблемных зонах, которые рельефнее выявляют несоответствие значимости той или иной ценности, собственно, для студентов в противовес мнению преподавательского большинства. Создается впечатление, что преподаватели видят студентов сквозь призму утилитарных ценностей, тогда как студенческие предпочтения носят переходный характер от «материалистических» ценностей к «постматериалистическим», касающимся самовыражения и качества жизни (по Р. Инглхарту).

Первым таким срезом можно считать уровень ощущения собственного достоинства. Если у абсолютного большинства студентов (85,9%) оно числится в ряду важнейших категорий, то преподаватели склонны отводить ему гораздо более скромное место. Лишь 21,6% преподавателей считают, что студенты способны расставлять жизненные приоритеты подобным образом. В качестве примеров других ценностей, имеющих для студентов такую же важность, как и чувство собственного достоинства можно назвать наличие хороших и верных друзей (84,6%), здоровье (84,5%), просвещение, знания, развитие своих способностей (83,3%), семья и дети (80,1%). В свою очередь, большинство преподавателей демонстрирует недоверие к этим базовым, по сути, ценностям, важным со студенческой точки зрения (43,8%, 33,3%, 32,2%, 17,6% - соответственно).

Чтобы попытаться выдвинуть более или менее вероятные гипотезы такого серьезного расхождения следует принять во внимание точку зрения Р. Инглхарта, который считает, что различия в образе мышления молодого и старшего поколения обусловлены наличием «коллективной памяти». «Более того, хотя в процессе социализации молодой человек усваивает культурные традиции, это не всегда означает воспроизводство конкретной системы ценностей в неизменном виде. В период формирования личности люди не всегда «впитывают» все те ценности, что общество им внушает. С наибольшей вероятностью они примут на вооружение те ценности, которые соответствуют их непосредственному опыту в период становления личности, и откажутся от тех, которые ему не соответствуют. В результате создается возможность для изменения ценностей в процессе смены поколений» [3, С.151].

Представляется, что в своих оценках преподаватели стремятся спроецировать смыслы собственных молодежных субкультур на нынешнее поколение. В этих проекциях можно найти реальные точки пересечения. Интересно, что оценки студентов и преподавателей сходны по ряду показателей. Имеются в виду такие жизненные ориентиры как материальное благополучие, карьера и успех, имущество и состояние, удовольствия и развлечения, собственное «Я». Как видим, данные критерии, относятся прежде всего, к ценностям самоутверждения.

Вместе с тем, обнаруживаются существенные различия в ценностных шкалах студентов и преподавателей. Студенты отдают предпочтение такой интегральной ценности как забота о людях и природе, которая более экологична и явно противостоит интенциям агрессивного самоутверждения и господства. То же можно сказать и о нравственном совершенстве, выраженном в ценностных позициях духовной красоты, любви, милосердия, справедливости и правды. Один их наиболее авторитетных исследователей проблемы доверия полагает, что «факторами, способствующими культуре доверия, являются нормативная сплоченность, ясность и непротиворечивость правил, обязывающих нас и других в нашем обществе. Исследования показывают, что взаимное доверие в сообществе тем сильнее, чем больше основные ценности разделяются всеми». [1, С.418]. Степень разброса значений в оценках преподавателей и студентов, настоящего исследования свидетельствуют о наличии проблем и рисков в этой области.

Таким образом, мы выявили ряд несоответствий действительных ценностных ориентаций студентов представлениям о них со стороны преподавателей. Эти разрывы можно рассматривать как симптомы серьезного кризиса доверия в современной образовательной среде.

1. Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2014.
2. Современная система высшего образования глазами студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава МГУ имени М.В.Ломоносова. Комплексное социологическое исследование. Краткий информационно-аналитический отчет. Под ред. И.Б.Орловой и Ф.Э.Шереги. – М.: ИСПИ РАН, 2014.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011.

ГОТОВНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ К ТРУДОУСТРОЙСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ВЫПУСКНИКОВ БАКАЛАВРИАТА ФАКУЛЬТЕТА СОЦИОЛОГИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Шахова Е.В. (Барнаул)

Молодые специалисты, выпускники высших учебных заведений – это будущее страны, последующее развитие которой во многом зависит от трудовой деятельности этой группы людей. На данный момент, положение молодых специалистов на рынке труда достаточно противоречиво и сложно.

В настоящее время компаниям сложно привлекать перспективных молодых специалистов, возникают трудности, связанные с закреплением их в организации и раскрытием их трудового и творческого потенциала. Происходит снижение трудовой активности молодых специалистов, производительности и эффективности их труда. Сегодня уже недостаточно просто привлечь перспективных выпускников вузов, не менее важно удержать ценные кадры, закрепить их в организации [1].

Факторы успешности трудоустройства условно можно разделить на объективные и субъективные. Это свидетельствует о том, что процесс трудоустройства весьма сложный процесс, и влияют на него не только внешние факторы, но и сам молодой специалист,

который должен подойти к нему достаточно серьезно, реально оценивая ситуацию, сложившуюся на современном рынке труда.

Один из важнейших аспектов подготовки студентов к самостоятельному участию в реальной экономической жизни - это опыт работы, который они приобрели за время своего обучения. Точную оценку масштабам вторичной занятости дать очень сложно, но анализ результатов социологических исследований позволяет утверждать, что феномен работающего студента в нашей стране достаточно распространен и устойчив на протяжении нескольких десятилетий. Частичная занятость студентов очного отделения имеет как отрицательные (пропуск занятий, снижение успеваемости), так и положительные (приобретение навыков, коммерческих знаний, рост уверенности в себе) последствия. Однозначно сказать, как трудовая деятельность влияет на получение профессиональных знаний очень сложно. Многое, на наш взгляд, зависит от личных качеств человека, от его мотиваций и стремлений.

Для того чтобы узнать о готовности выпускников бакалавриата социологического факультета АлтГУ к переходу от образования к рынку труда и о способах их адаптации нами было проведено социологическое исследование на данную тему.

Для этого мы использовали анкетирование и экспертный опрос. В экспертном опросе принимали участие 10 преподавателей факультета социологии АлтГУ (50% которых работают преподавателями в ВУЗе более 15 лет) и 10 работодателей (30% представляют предприятия государственной формы собственности, 70% – частной). В проведенном массовом опросе участвовало 75 респондентов. Из всех опрошенных 72% обучающихся имеют опыт работы, причем 53% из них подрабатывают на 2,3,4 курсах. Сфера, в которой работают студенты не связана с получаемой ими специальностью у 63% опрошенных, косвенно связана у 20%. Довольные и недовольные выбранной сферой деятельности разделились почти поровну (54% и 45% соответственно). К большому удивлению, полученный опыт привлекает в работе не многих (11%), в основном работающие студенты руководствуются доходом (57%), возможностью карьерного роста (40%) и удовольствием от выполняемой работы (33%).

О том, что в современном мире при переходе от образования к рынку труда молодежь сталкивается с различными сложностями, утверждает большая часть всех опрошенных: 80% преподавателей, 70% работодателей и 77% студентов. То есть, чтобы устроиться на хорошую работу, молодые специалисты должны преодолеть ряд трудностей, встречающихся на их пути. При этом большинство из них считают, что они должны надеяться только на собственные силы (89%), остальные надеются на родителей, родственников, друзей (30%), на «случай», удачу (24%), и даже на СМИ и Интернет (13% опрошенных студентов).

Важно отметить, что практически все респонденты (92%) считают, что предприятия и организации должны уже заранее готовить для себя специалистов, пока они еще учатся в ВУЗах – брать их на практику, проводить дополнительные занятия и т. д. (т. е. «выращивать кадры»). Кроме того, респонденты считают, что при трудоустройстве выпускников учебных заведений государство должно принимать непосредственное участие. Оно должно либо гарантировать первое рабочее место молодым специалистам (32% студентов, 50% работодателей, 40% преподавателей), либо оказывать поддержку в поисках работы по желанию самого выпускника (59% студентов, 40% работодателей, 50% преподавателей).

В заключении основной части нашей анкеты, мы постарались понять отношение к реализации своих планов на будущее студентов старших курсов и взгляды на этот счет экспертов. Если студенты скорее уверены в своем «завтрашнем» успехе (79%), то преподаватели и работодатели сомневаются в уверенности молодых специалистов (60% и 40% соответственно).

Из всего вышеизложенного мы видим, что общая ситуация, которая сложилась на сегодняшнем рынке труда не однозначна и противоречива. Важным условием повышения

социального самочувствия молодежи и ее социального развития является успешная адаптация на рынке труда, которая зависит от множества факторов, как от адаптационной подготовки будущих выпускников, так и от сложившейся в обществе системы социально-экономических, политических, правовых, социокультурных отношений.

Данная тема, на наш взгляд, требует дальнейшего изучения и анализа. Особо интересной представляется она в связи с тем, что процесс становления трудоустройства молодых специалистов выдвигается на совершенно новый уровень. Согласно недавним изменениям в законодательстве, Россия официально перешла на двухуровневую систему высшего образования. Следовательно, в 2015 году дипломы о высшем образовании получают как бакалавры, так и магистры.

1. Багирова И.Х. Мотивационные предпочтения выпускников ВУЗов в процессе трудоустройства // Вестник Томского государственного университета. Экономика. №3. 2013.

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ КАК СПОСОБ ВЫЖИВАНИЯ

Шершнёва Н.С. (Санкт-Петербург)

Очень часто можно встретить ситуации, когда один человек унижает или оскорбляет других людей в попытке самоутвердиться за счет принижения их достоинств. Таким образом он чувствует себя значимым, повышает самооценку за счет других людей. Вообще такое поведение недопустимо. Сразу задаешься вопросом: может потребность самоутвердиться за счет другого человека вполне естественное явление, и не всегда дурное желание?

Самоутверждение – это утверждение ценности и значимости собственной персоны, своего значения, права быть самим собой, это очень сложный психологический феномен, в котором можно выделить следующие компоненты:

а) социально-психологические процессы (процессы активного взаимодействия человека с окружающими его людьми, в процессе которого происходит самореализация человека, и которая затрагивает интересы, взгляды, ценности партнеров, а также вызывает определенные эмоции;

б) мотивы и потребности в достижении жизненно значимых целей (успеха, власти, признания, самоосуществления);

в) жизненные стратегии и тактики: здесь возможны конструктивные, компенсаторные, доминирующие, защитные аспекты избираемой тактики или стратегии при взаимодействии и принятии решений;

г) наличие тесной связи с Я-концепцией человека, самоотношением, самооценкой и силой собственного Я.

Если рассматривать социализирующую функцию самоутверждения, то ее суть заключается, в основном, в стремлении человека к самореализации, признанию окружающими, достижению ролевой и личностной определенности, освобождению от определенной зависимости. Для этого необходимо наличие некоторого личностного потенциала, достаточного уровня силы воли, осознания собственной значимости, сформированного стремления к успеху, высоким достижениям, осознания целей и ценностей своего существования. Цели самоутверждения условно разделяются на конструктивные и компенсаторные. Н. Е. Харламенкова [2, с.73-91] говорит о существовании 4 стратегий самоутверждения:

1. конструктивное самоутверждение (позитивное поведение для самореализации),

2. доминирующе-агрессивная стратегия (действия за счет другого с выраженной агрессией и стремлением подавить другого),
3. самоподавление (полный отказ от самоутверждения и самовыражения),
4. неуверенная стратегия.

Для самоутверждения можно избрать разную тактику:

- конструктивное самоутверждение с конструктивными целями (здесь всегда присутствует демонстративный элемент);
- доминирующее самоутверждение – стремление к власти;
- компенсаторная стратегия самоутверждения (здесь действует принцип - не смог в одном деле, попробую утвердиться в другом);
- защитное самоутверждение – здесь превалирует чувство тщеславия, повышение самооценки.

Довольно часто желание самоутвердиться побуждают чувства тщеславия и честолюбия, или какие-то амбиции, неудовлетворенные в прошлом. Всегда имеет место элемент давления на окружающих с осознанной или неосознанной мотивацией самовозвышения. При самоутверждении можно наблюдать демонстративное поведение, к примеру, демонстративность «благих намерений», уверенность и упорство. При таком поведении человек не учитывает состояние и намерения партнера по общению. Конструктивный элемент в такой поведенческой форме принадлежит не психологической стороне феномена, а поведенческой. Говоря по-другому, с психологической точки зрения тут присутствует определенная неадекватность личности, противоречивость целей, которые демонстрируются и которые истинны, присутствуют так же неудовлетворенные амбиции, и, собственно, вызванные этим обстоятельством неосознанный страх, тревожное состояние, неуверенность по поводу своего как личного, так и социального статуса. Внешнюю сторону поведения самоутверждающегося окружающие могут воспринимать как успешное достижение целей, а сам человек воспринимается как субъект с силой воли, добивающийся намеченных целей вопреки всему и всем.

На самом деле потребность человека в самоутверждении является одной из важнейших потребностей, стимулирующих человеческое поведение. Она проявляется в стремлении человека получить признание: профессиональное, социальное или личное. Таким образом, мотивом для самоутверждения может послужить стремление человека улучшить свое социальное, материальное положение, повысить или завоевать авторитет, подняться по карьерной лестнице.

Самоутверждение к тому же считается важнейшим инструментом самопознания. Ведь самоутверждаясь, мы взаимодействуем с окружающими людьми, что позволяет нам осознавать собственное положение в обществе, понимать свою ценность, значимость, а размышляя, мы познаем себя внутренне – больше познаем свои желания и возможности.

Само собой, не стоит забывать о самоутверждении личности в коллективе. Данный процесс необходим для того, чтобы занять в коллективе свою нишу. Каждый человек на работе (или во время обучения) обладает определенным статусом. Методы такого самоутверждения каждый выбирает сам – действовать ли, унижая других, благодаря собственным профессиональным знаниям и навыкам, или же использовать личное обаяние для самоутверждения. То есть само желание упрочения в обществе, определения положения в нем является вполне естественным и не может осуждаться, однако способы достижения этой цели могут подвергаться обсуждению и осуждению – высокомерных скандалистов никто не любит, в особенности, если такой начальник.

Что проще: самому развиваться и получить признание или одобрение своих коллег и друзей или же не беспокоиться по этому поводу и, унижая остальных людей, заявлять, что они ничего не понимают в этой жизни, что и как делать правильно знаете только вы? Очевидно, второй способ легче, т.е. нет необходимости стараться ради чего-то или кого-то, главное твердо верить в свою правоту. Нередко такой способ самоутверждения

избирается мужчинами, быть может, это из-за характерного для них желания сражаться и побеждать.

Однако не нужно думать, что эти люди дурны по натуре. Довольно часто истоки такого поведения кроются в нехватке поддержки и любви в детском возрасте, какие-то прошлые обиды, чувство страха перед другими людьми, психологическое насилие, которое оказывают близкие люди, воспитатели или учителя. Нередко эти люди ведут себя агрессивно, держатся всегда уверенно, однако, возможно, это всего лишь маска, под ней может скрываться напуганный человек, которому очень не хватает тепла и заботы. Человек, пытающийся самоутвердиться таким способом, закомплексован, он чувствует собственную неполноценность и боится вступать в открытое противостояние с другими людьми. Все на что им хватит смелости – это возвыситься над человеком, принизив его достоинство. Проблема в том, что в поле зрения этих людей попадают те, кто в состоянии защититься от издевательств, на сильных личностей не решаются нападать.

Часто самоутверждение рассматривается как защитный механизм, оберегающий человека от психологических травм. Если в человеке не достаёт какого-то элемента самооценки, то это приводит к раздуванию чувства собственного превосходства. Личность пытается самоутвердиться, чтобы уравновесить, а где-то и заполнить собственные недостатки. Таким образом, не судя строго, можно говорить о том, что таким людям необходима помощь и дружественное отношение, ведь их неспособность самоутверждаться без унижения других людей, делает их в какой-то мере очень несчастными, что не позволяет им полностью раскрыться, показать свой потенциал.

1. Перлз Ф. *Опыты психологии самопознания*. - М., 1993.
2. Харламенкова Н. Е. *Проблема самоутверждения личности в философии и психологии (к истории проблемы)*. В соавторстве с Е.П. Никитиным / *Вопросы философии*. 1995, № 8. С. 73-91;
3. Шадриков В.Д. *Введение в психологию: мотивация поведения*. – М., 2003.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ДЕВИАНТНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Шипунова Т.В. (Санкт-Петербург)

Изучение социального контроля может проводиться путем обобщения смыслов, представленных в разных дискурсах. Смыслы, вкладываемые в конструкт социального контроля, направляют повседневные практики реагирования на принятие или отторжение того или иного способа альтернативного поведения в социуме. В современной реальности добиться гомогенности в конструировании социальных явлений практически невозможно, поскольку этому препятствуют информационные потоки, обогащающие наши представления о нормах, поведении и социальном контроле. Так, к нарушению традиционных для отдельной страны социальных норм могут привести сведения интер- и интракультурной варибельности норм в отношении сходного поведения, интракультурной варибельности норм в форме позиционального направления адресатов норм (аспект власти и господства) и т.д. Одним из мощных каналов передачи такой информации является Интернет. Важную роль играет информация, полученная в путешествиях, обучении за рубежом и т.д.

Расхождения в смыслах и оценках социальных процессов, действий в разных дискурсах лежат в основе возникновения различных социальных коллизий. Особенно значимо расхождение между государственным (право) и «общественным» дискурсами. Эти расхождения обусловлены разным опытом и, соответственно, разным определением жизненной ситуации. Оценка значимости социального явления как в «общественном»

дискурсе, так и в праве, отражающем государственный дискурс, может быть адекватной или неадекватной, может совпадать, а может расходиться. Процесс конфронтации оценок социальной значимости деяний протекает сложно. Он связан с политическими и экономическими интересами разных социальных групп, которые предпринимают все возможное, чтобы законодательно закрепить эти интересы в виде правовых предписаний. Так рождаются законы, противоречащие здравому смыслу, приносящие вред социуму, но поддерживаемые правящей элитой. Так одновременно рождаются и новые виды «преступлений», растет число тюремного населения, расширяется вмешательство права в естественный ход развития общества, формируется неадекватная правовая политика.

В рамках проекта «Социальный контроль девиантности: системно-институциональные эффекты и повседневные практики» было проведено исследование среди студентов четырех вузов Санкт-Петербурга. Цель исследования – выявление содержания конструкта социального контроля девиантности, сложившегося в студенческом дискурсе, а также проверка согласованности его компонентов и степень совпадения с официальным (государственным) дискурсом. Методом исследования выступил контент-анализ текстов эссе. Темы свободных рассуждений были сгруппированы в четыре задания, которые содержали ряд вопросов, составленных по принципу комплементарности. В исследовании приняло участие от 56 до 77 человек в зависимости от задания.

Студенческий дискурс, понимаемый в самом общем смысле, - это характеристика особой ментальности, которая находит отражение в связных текстах (рассуждениях), отражающих представления, оценки, смыслы о предмете рассуждения и включенных в социокультурный, социально-психологический, политический и другие контексты. В данном исследовании нас не интересовали половые различия или мнение каждого из студентов по всем вопросам. Главным было выявление смыслов, оценок, содержащихся в компонентах студенческого конструкта социального контроля девиантности, а также их обобщение с целью выявления согласованности / несогласованности с общими тенденциями развития социального контроля в России: его ужесточения, криминализации/девиантизации разных видов поведения, расширения границ контроля, сужения интервала действия норм (тенденция его сведения к жестко заданному дихотомическому делению поступков на «плохие» и «хорошие»), снижения толерантности в обществе к разным видам альтернативного поведения и т.д. В обобщенном виде результаты исследования выглядят следующим образом.

Совокупный смысл социального контроля в студенческом дискурсе имеет негативную окраску. Это выявление и контроль поведения человека в случае нарушения им социальной нормы (56 чел.). И лишь 21 человек придали позитивный смысл социальному контролю, который заключается в том, что социальный контроль является механизмом саморегуляции социальной системы, цель которой – обеспечение социальной стабильности, исправление ситуации, «регуляция взаимодействий индивида с обществом». Исходя из превалирования негативных определений социального контроля, не были неожиданными рассуждения о необходимости его ужесточения (59 из 77 ответов). Преимущественно это касалось лиц с наркотической и алкогольной зависимостью, педофилов, преступников-рецидивистов, проституток (особенно уличных). Среди прочих явлений и лиц, требующих усиления социального контроля, были указаны: домашнее насилие; психические отклонения; национализм; гомосексуализм; мигранты; чиновники-коррупционеры; все те, кто нарушает права других людей. За ослабление социального контроля высказалось 29 человек. Разброс мнений по поводу видов девиаций большой, поэтому нет возможности выделить какие-то особо значимые группы. В основном это касалось тех девиаций, которые человек совершает первый раз и которые, по мнению студентов (выбирались виды, отмеченные более чем 2 людьми), не наносят большого вреда обществу или другим людям: бомжи, творческие личности, проститутки, табакокурение, гомосексуалисты, чайлдфри, неформалы, потребители легких наркотиков.

Исследование молодежно-студенческого дискурса показало, что в конструкте социального контроля девиантности этой части населения имеется некоторая рассогласованность элементов. Так, в дискурсе опрошенных студентов можно выделить две принципиальные особенности, важные для конструирования ими социального контроля девиантности. Во-первых, слабо выражена очевидная связь между понятиями «хорошо», «нормальность», «социальная норма». В сознании студентов социальная норма не имеет тесной связи с благом для людей, соблюдением их интересов («теоретический» аспект). Во-вторых, это может означать, что в повседневных практиках руководством к действию участников нашего исследования выступают не абстрактные социальные нормы, а их эквиваленты - смыслы, представления о том, что есть «хорошо», основанные на здравом смысле, которые организуют взаимодействие людей и обеспечивают сохранность социума (практический аспект, отражающий суть повседневных практик).

Результаты исследования продемонстрировали, что в целом студенческому дискурсу социального контроля свойственен ригоризм, т.е. проведение идеи непреклонности в осуществлении надзора за соблюдением социальных норм, поскольку только под страхом наказания человек может соответствовать требованиям общества и морали должностования. Кроме того, ему свойственно стремление к ужесточению социального контроля, что вписывается в общий тренд продвигаемых властной элитой идей расширения контроля за поведением людей.

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЁЖИ В СИТУАЦИИ КОНКРЕТНОГО РИСКА

Шлыкова Е.В. (Москва)

В рамках социологии риска причины и содержание протестных настроений рассматриваются в их связи с неравномерным распределением и накоплением рисков в обществе. Как утверждает У. Бек, риски приводят к появлению гражданских инициатив и социальных движений, которые выступают проявлением рискованных ситуаций в обществе [1]. В основе деятельности отдельных индивидов, групп, организаций и движений, борющихся против какого-либо конкретного риска (против войны, социальной несправедливости, проблем окружающей среды и пр.), лежит протест.

На фоне общероссийской тенденции снижения протестной активности [5] существуют регионы с «точечной» протестной активностью, вызванной теми или иными локальными причинами. Сектор проблем риска и катастроф ИС РАН располагает данными двух социологических исследований, осуществленных при нашем методическом сопровождении в 2012 и 2013 годах в одном из российских регионов находящемся в ситуации конкретного риска.

В этом регионе по решению Правительства РФ запланировано строительство рудодобывающих шахт, обогатительного комбината, хранилища отходов. Выводы экспертов – специалистов разных научных областей, свидетельствуют о том, что реализация проекта по разработке месторождений связана с целым рядом серьезных экологических, экономических, социальных рисков. В регионе действует несколько общественных экологических организаций и движений, под эгидой которых на протяжении трёх лет проходят различные акции протеста против разработок месторождений (многотысячные митинги, пикеты, лагеря эоактивистов, Интернет-акции и др.). В протестное движение вовлечены активисты из числа населения данного региона, а также целого ряда пограничных областей.

Анализ местной прессы, Интернет-источников, результатов интервью с участниками событий показывает, что жители региона испытывают серьёзное информационное давление, как со стороны сторонников, так и противников разработок рудопроявлений. Сторонники обещают новые рабочие места, финансовые вливания в бюджет региона, развитие социальной инфраструктуры; противники – заостряют внимание на возможном непоправимом ущербе природе региона и здоровью населения.

С точки зрения социологии риска социальная общность, проживающая в регионе, находится в ситуации эколого-экономического противоречия, суть которого состоит в противоречии между интересами экономики и сохранения природной среды. Проявляется оно через конфликт таких базисных ценностей как право граждан на благоприятную окружающую среду и охрану здоровья и стремление отдельных лиц и групп населения к экономической выгоде любой ценой [4].

С одной стороны, исследуемая общность представляет собой социальный субъект в ситуации конкретного риска – потенциальной возможности нанесения ему (субъекту) тех или иных ущербов в связи с наличием источника неблагоприятного воздействия (разработки рудопроявлений). С другой стороны, жители региона в перспективе имеют определенную экономическую выгоду. Полагаем, что выбор между ущербом и выгодой в ситуации рассматриваемого риска может выступать границей в принятии решения об участии в протестной активности.

Степень вовлеченности отдельных групп населения региона в протесты различно: определенная часть уже принимала участие в акциях протеста (осуществляла протестную активность), другие – нет, но могут включиться при определенных условиях (протестный потенциал). Полагаем, что сравнительный анализ участвовавших и не участвовавших в акциях протеста респондентов по ряду показателей и выявление их сходств и специфических особенностей позволит охарактеризовать группы «протестно-активных» и «протестно-потенциальных» жителей региона, определить условия, при которых протестный потенциал может перерасти в активные действия.

Молодёжь как объект исследования мы выбрали по целому ряду причин. Во-первых, молодёжь является стратегическим ресурсом страны: от «культуры» предъявления молодёжью требований в защиту своих интересов, прав, идеалов зависит социальный порядок в стране, как сегодня, так и в ближайшем будущем. Во-вторых, в молодёжной среде проявляется двойственная объективно-субъективная природа риска. Молодёжь подвержена влиянию опасностей среды, то есть риск является объективным условием их жизни. Субъективная природа риска проявляется у молодёжи как социальной категории, которой, по утверждению Ю. А. Зубок, «риск присущ имманентно и может быть признан ее своеобразным группообразующим фактором» [2, с. 170]. В-третьих, факторы риска, нарушающие процесс самореализации и социального развития молодёжи, вынуждают её «активно действовать в ситуациях неопределенности и риска» [3, с. 24].

Базой анализа служат результаты социологических исследований, осуществленных в указанном регионе в 2012 и 2013 годах. В обоих случаях формировалась многоступенчатая репрезентативная квотная выборка. Основой послужили сведения о генеральной совокупности, взятые по данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2012 г., конкретно: база данных показателей муниципальных образований. Квотирование осуществлялось по следующим признакам: тип поселения (город или село), пол, возраст.

Результаты сравнительного анализа молодёжи, участвовавшей и не участвовавшей в акциях протеста, позволяют очертить «социальные портреты» этих групп населения применительно к рассматриваемой ситуации риска.

Протестно-активная молодёжь характеризуется высоким уровнем социально-политической грамотности и интереса к происходящим в стране и регионе событиям, является хорошо информированной о состоянии окружающей среды в регионе, отличается низким уровнем доверия властным структурам, склонна возлагать ответственность за

улучшение жизни в стране на самого человека. Оценки ситуации риска от развития горно-рудной индустрии в регионе в группе протестно-активной молодёжи смещены в сторону негативных для окружающей природной среды и здоровья населения.

Молодёжь, составляющая протестный потенциал региона, характеризуется низким уровнем социально-политической грамотности и средним уровнем интереса к событиям в стране и регионе, слабо информирована о состоянии окружающей среды в регионе, отличается достаточно высоким уровнем доверия властным структурам, склонна возлагать ответственность за улучшение жизни в стране на власти различных уровней. Оценки ситуации риска от развития горно-рудной индустрии в регионе в группе протестно-потенциальной молодёжи смещены в сторону позитивных для экономической выгоды населения региона в целом и её собственной. Протестный потенциал пассивной части молодёжи может перерасти в активность при условии роста негативных последствий развития горно-добывающей промышленности для окружающей природной среды и здоровья населения и при снижении уровня и качества жизни.

В условиях наблюдаемого эколого-экономического противоречия границей в принятии решения об участии в протестной активности выступает выбор между возможными ущербами и выгодой от промышленного освоения рудопроявлений. Основными факторами снижения протестной активности молодёжи в рассматриваемой ситуации выступают снижение риска от развития горно-добывающей индустрии до социально приемлемого уровня, выполнение обязательств по реализации заявленных экономических выгод, повышение уровня доверия государственным и властным структурам.

Двойственная природа риска делает выгоду и ущерб взаимосвязанными сторонами любой ситуации риска. В рассматриваемом случае наблюдается противопоставление выгоды и ущерба, более того, риск экологический выступает способом защиты от риска экономического: в условиях экономического кризиса в стране рост благосостояния региона осуществляется за счёт ущерба окружающей природной среде и здоровью населения. Поэтому учесть все выявленные факторы снижения протестной активности молодёжи в регионе возможно, на наш взгляд, только в процессе принятия социально-ответственных решений, строящихся на балансе между экономической выгодой и социально приемлемыми ущербами.

1. Бек У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну* / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послел. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
2. Зубок Ю. А. 2007. *Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи*. – М.: «Мысль». 296 с.
3. Матвеева К. А. 2010. *Адаптационные практики студенческой молодежи к воздействиям рискогенной социальной среды* // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 1. С. 24–27.
4. Мозговая А. В., Комарова В. А. 2004. *Социологическое обеспечение рискованной коммуникации* // Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление / Под ред. А. В. Мозговой. – М.: Изд-во Института социологии РАН. 194 с. С. 143–155.
5. *Протестная активность россиян. 2014. Пресс-выпуск от 25.12.2014.* [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Левада-Центр». URL: <http://www.levada.ru/25-12-2014/protestnaya-aktivnost> (дата посещения: 20.01.2015).

ШОПЛИФТИНГ – РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ, ФОРМА ДОСУГА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИЛИ ОТДЕЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА?

Шубина Е.И. (Санкт-Петербург)

В рамках кризиса было бы актуальным рассмотреть такое социальное явление как «шоплифтинг» и выявить, какое место он занимает в духовно-нравственной жизни современной российской молодежи. Шоплифтинг – что это означает сегодня для молодых людей? Разновидность социальной девиации или форма досуга? Отдельная субкультура?

Понятие «шоплифтинг» (с англ. – shoplifter, то есть «магазинный вор») появилось в Америке в 40-х годах XX века, когда начали возникать первые магазины самообслуживания [9]. В «Википедии» приводится следующее определение данного понятия: «Магазинные кражи (также в профессиональном жаргоне используется англицизм «шоплифтинг») - особая разновидность воровства, при которой совершается невооружённое (бесконфликтное) хищение товара в магазинах розничной торговли». Однако, так называемые «шоплифтеры» ворами себя не считают – большинство из них придерживается определенной философии и позиционирует себя в качестве «освободителей товаров».

На просторах сети Интернет можно обнаружить различные сайты, группы в социальных сетях (к примеру, в социальной сети «ВКонтакте» на поисковый запрос «шоплифтинг» выдается 42 сообщества – на момент 29 сентября 2015), форумы, блоги, странички в «Живом Журнале», видеоролики на видеохостинге «YouTube» и т.д., представляющие собой некие площадки (арены) для взаимодействия начинающих шоплифтеров (новичков): «Ребята, собираюсь работать в раздевалках... Чего стоит опасаться?» [16]; и опытных, уже продвинутых: «Шоплифтингом я занимаюсь уже давно, и в подсобку ходил и в участок ездил, так-что опыт кое-какой имеется...» [2] – здесь они делятся опытом, прорабатывают новые «рабочие» схемы, составляют перечни и выкладывают фотографии «освобожденных» вещей. В качестве примеров можно привести следующие ссылки: «Shoplifteru.com» [16], «Шоплифтинг для начинающих» [14], «Лучшее оборудование для шоплифтинга» [8], «Девайсы для шоплифтинга» [5], сообщество «Забыли оплатить», имеющее 12 480 подписчиков в социальной сети «ВКонтакте» [3]. Следующим образом приветствуют участников в одной из групп социальной сети «ВКонтакте»: «□ Хэй хей хей, Друзья у нас уже 200 участников! Продолжаем в том же духе... Выкладывайте то, что за сегодня "освободили" будьте позитивными и креативными в глазах общества!» [4] (орфография сохранена – примечание автора).

Стоит отметить, что шоплифтеры поддаются определенной классификации. В зависимости от того, какие именно товары подлежат «освобождению» можно выделить тех, кто «освобождает»: 1) любые товары, которые, проявив смекалку и изобретательность, получается беспрепятственно изъять; 2) конкретные виды товаров (продовольственные товары, технику, книги, одежду, косметику и т.д.). В зависимости от последующей судьбы и принадлежности товара можно выделить: 1) тех, кто совершает «освобождение» с тем, чтобы впоследствии использовать данную вещь лично («Ребята, собираюсь работать в раздевалках... Выносить на себе. Только для себя, только то, что действительно надо...» [16]; 2) тех, кто занимается продажей «освобожденных» вещей. В зависимости от состава группы можно выделить тех, кто «освобождает» вещи: 1) единолично; 2) в составе группы.

Так, что же такое «шоплифтинг» сегодня? Это разновидность социальной девиации или форма досуга современной молодежи? Это отдельная субкультура? Мы полагаем, что шоплифтеров можно рассматривать как своего рода субкультуру. Понятие «субкультуры»

постигла судьба большинства других наиболее употребимых понятий социальных наук: оно получило множество не вполне четких определений, которые сделали его в высшей степени неоднозначным [11]. Наиболее распространенными подходами к изучению и описанию понятия «субкультура» выступают: системно-динамический подход (субкультура позиционируется как сложная система, испытывающая фазовые преобразования), синергетический подход, который описывает взаимодействие субкультур как хаотически разветвляющийся процесс, информационный подход (культура (субкультура) предстает как сочетание социальных процессов с информационными), генетический подход, где духовные ценности отождествляются с набором генов, иерархический подход (культура понимается как иерархически организованная система), трофический подход, в соответствии с которым верхний уровень развивается за счет нижнего, экологический подход (сообщество субкультур рассматривается как цельное образование в обширной социокультурной среде), эпидемический подход, в рамках которого процесс формирования субкультур уподобляется распространению инфекционной болезни [7], когнитивный подход, согласно которому каждый человек принадлежит к какой-то субкультуре, хотя субкультуры большинства людей не имеют ни самоназвания, ни системы символов, обозначающих их границы, а самоидентификация и символика появляется лишь вместе с необходимостью быстро и эффективно отличать своих от чужих. Основное методологическое следствие, которое имеет эта точка зрения, состоит в требовании характеризовать субкультуру именно через используемые ею принципы выбора, то есть, не через то, что отвергают (как это чаще всего происходит на уровне здравого смысла), а через то, почему это делают [11]. Также хотелось бы обратить внимание и на два основных течения, которые для изучения и описания субкультур известные методологи Шварц и Якобс выделили внутри гуманистической традиции – реконструктивистскую стратегию (парадигму) и инструктивистскую стратегию (парадигму). Первая из них подразумевает, что задачей исследования является реконструкция мировоззрения представителей некоторой группы, вторая - что цель состоит в изучении правил, которые могли бы позволить самому исследователю стать ее членом. Первая порождает тексты, сравнимые с альбомами, посвященные творчеству какого-нибудь художника - много красочных репродукций, биография и небольшие критические заметки. Вторая - учебники живописи, дающие советы по тому, как писать картины самостоятельно. «Большинство «субкультур» (что бы ни значило это слово) не располагают развернутыми текстами, передающими общее мировоззрение их участников, зато они все разъясняют новичкам, как им себя вести и как им себя чувствовать» [10].

Шоплифтеры в некотором роде выступают и как представители некоей контркультуры (напомним, что термин «контркультура» впервые был употреблен теоретиком контркультуры Теодором Роззаком, который использовал его для обозначения новых течений в искусстве, противопоставляющих себя традиционной культуре) [12]. Философия, которой придерживаются шоплифтеры, заключается в следующем – они не отождествляют себя с ворами и/или клептоманами; позиционируя себя как «освободители вещей», они выражают протест против настоящих в их понимании воров, владельцев «больших корпораций»: «В гипермаркетах и торговых центрах нам впиливают за немалые деньги товар, который должен быть доступен каждому. Наценка на товар иногда в несколько раз больше, чем его закупочная стоимость. И получается, что огромное количество денег, заплаченных нами за товары, оседает в карманах владельца магазина. Чем больше бизнесмены получают денег, тем быстрее они расширяют свой бизнес. Повсеместно маленькие частные магазины уступают место гипермаркетам. В теории рыночная конкуренция должна способствовать удешевлению продукции. Но на практике крупные торговые сети договариваются между собой, чтобы держать цены на товары максимально высокими. Это самое настоящее воровство. Каждый человек имеет моральное право вернуть себе часть украденного у него. И это уже должно называться не

воровство, а освобождение товаров. Без угрызания совести берите вещи в супермаркетах!» [1].

Многие шоплифтеры, независимо от своего социального уровня и достатка, придерживаются следующей позиции – они занимаются этим из чувства социальной справедливости: «Я не считаю себя воровкой... По крайней мере, я не какая-нибудь беспринципная уголовница. Да, конечно, я и не Робин Гуд, - всё, что «беру» в магазине, я не раздаю бедным, но что-то благородное в моем поступке есть. Я этим занимаюсь из чувства справедливости», - сообщает 22-летняя студентка КФУ, жительница Казани [15].

Однако, несмотря на то, что субъективно шоплифтинг противопоставляется воровству, объективно действия шоплифтеров носят противоправный характер и влекут за собой административную ответственность (в случаях, когда сумма хищения составляет менее 1000 рублей – согласно статье 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение» [6]) или уголовную ответственность (в случаях, когда сумма хищения превышает 1000 рублей – согласно статье 158 УК РФ «Кража» [13]). Что сподвигает отдельных представителей современной молодежи на подобные противоправные действия? Текущие экономические реалии, в которых уже завышенные цены на товары имеют тенденцию к дальнейшему росту? Отсутствие должного воспитания в семье и других социальных институтах? Ложные социальные ориентиры, трактуемые как восстановление нарушенной справедливости? Ощущение вседозволенности и недостаточный социальный контроль со стороны общества? Так или иначе, существование в социуме подобного рода течений и субкультур пагубно сказывается на его морально-нравственном состоянии; ко значительному количеству уже имеющих и неразрешенных социальных проблем добавляется еще одна – шоплифтинг!

1. *Группа в социальной сети «ВКонтакте»: (сайт) [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/choplifter> (Дата обращения: 25.09.2015)*
2. *Группа в социальной сети «ВКонтакте»: (сайт) [Электронный ресурс]. URL:<http://vk.com/shopliftirs> (Дата обращения: 25.09.2015)*
3. *Группа в социальной сети «ВКонтакте»: (сайт) [Электронный ресурс]. URL:<http://vk.com/shopliftingists> (Дата обращения: 25.09.2015)*
4. *Группа в социальной сети «ВКонтакте»: (сайт) [Электронный ресурс]. URL:<http://vk.com/shoplifteri> (Дата обращения: 25.09.2015)*
5. *Девайсы для шоплифтинга»: (сайт) [Электронный ресурс]. [URL: <http://shoplifter-shop.ru> (Дата обращения: 24.09.2015)*
6. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) (действующая редакция от 13.07.2015). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/koap> (Дата обращения: 27.09.2015)*
7. *Колесин И.Д. Подходы к изучению социокультурных процессов / И.Д. Колесин // Социолог. исслед. - 1999. - №1. - С.130-136.*
8. *Лифт-shop.ru: (сайт) [Электронный ресурс]. URL: <http://liftshops.ru> (Дата обращения: 24.09.2015)*
9. *Ридус: (сайт) [Электронный ресурс]. URL:<http://www.ridus.ru/news/163047>(Дата обращения: 24.09.2015)*
10. *Соколов М. Как писать этнографию молодежной субкультуры / М. Соколов [Электронный ресурс]. URL: <http://countries.ru/library/typology/sokolov.doc>. (Дата обращения: 16.09.2015)*
11. *Соколов М.К. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход / М.К. Соколов // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. -1997 [Электронный ресурс]. URL:<http://www.subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm> (дата обращения: 17.09.2015)*
12. *Султанова М.А. Философия контркультуры Теодора Розака: (очерк филос. публицистики) / М.А. Султанова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 175 с.*
13. *Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (Дата обращения: 27.09.2015)*

14. Drom.ru: (сайт). [Электронный ресурс]. URL: <http://forums.drom.ru/garazh/t1152041106.html> (Дата обращения: 25.09.2015)
15. Pikabu: (сайт). [Электронный ресурс]. URL: http://pikabu.ru/story/shoplifting_2269267 (Дата обращения: 23.09.2015)
16. Shoplifteru.com: (сайт). [Электронный ресурс]. URL: www.shoplifteru.com (Дата обращения: 25.09.2015)

АКТИВНАЯ МОДЕЛЬ МАНИФЕСТИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ

Шульга М.М. (Ставрополь)

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ № 15-03-00369
«Модели демонстрирования гражданственности студенчества юга России»

Гражданственность как сознательное и активное выполнение человеком своих гражданских обязанностей и гражданского долга, разумное использование своих гражданских прав и свобод представляет собой деятельностный компонент гражданской культуры индивида. Гражданственность формирует у людей активное отношение к происходящему вокруг них, способствует формированию и развитию гражданского общества, направляет деятельность индивидов, делая ее целерациональной.

Гражданственность можно рассматривать с разных позиций. Понятие гражданственности в рамках западной культуры можно свести к позиции Э. Гидденса, определившего гражданственность как совокупность правил и ресурсов, способствующих производству/воспроизводству социальных институтов и институционализированных социальных ролей. Критерием гражданственности является способность индивида к выполнению социальных ролей в соответствии с установленной социетальной моделью объективированной как декларируемые и желаемые характеристики индивида [1].

В отечественной традиции, сформировавшейся в рамках социально-философского подхода, гражданственность – в основном нравственная категория, указывающая на принадлежность к социальному типу личности, сочетающему идеальные качества гражданина. Отсюда – подчеркнутая значимость нравственного содержания понятий «гражданин», «гражданская позиция», «гражданская культура» в их теоретической интерпретации.

В социологическом смысле гражданственность – это совокупность социальных характеристик, приобретаемых личностью в процессе социализации, и определяющих тип поведения индивида в социально-политическом пространстве. При этом в понятие «гражданственность» могут включаться различные характеристики идеологического, политического, нравственного и культурного содержания.

Проблема гражданственности особенно актуальна, когда речь идет о молодежи. Молодое поколение – важная составляющая социальной базы общественных преобразований в любом социуме. Возрастание роли молодежи в жизни общества – это закономерная тенденция. Однако, характер и уровень гражданственности молодежи определяется особенностями социально-политического пространства ее социализации, что актуализирует необходимость исследования этой проблемы в контексте роста политической и социальной активности населения России, формирования новых глобальных вызовов.

Под моделями манифестирования гражданственности в нашем проекте понимаются различные виды поведения молодых людей, выделяемые по направленности и формам проявления их гражданственности. Такой подход позволяет выделить три модели манифестирования гражданственности современной российской молодежи:

активная, ангажированная и пассивная. Активная модель манифестирования гражданственности предполагает осознанное участие в социально-политической жизни социума, с целью защитить свои интересы, сделать карьеру и т.д. Ангажируемая модель – это потенциальная активность, которая проявляется только в определенных условиях – при наличии лидера и/или идеи, которые стимулируют к активной деятельности. Абсентеистская модель – это ориентация на свои личные интересы, осознанное или неосознанное отчуждение от политической сферы. Структурный анализ моделей манифестирования гражданственности позволяет выделить следующие основные ее компоненты: гражданско-правовые знания, гражданско-правовые установки, опыт гражданско-правовой деятельности.

В рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00369 «Модели демонстрации гражданственности студенчества юга России» в июле-августе 2015 г. проведен опрос участников двух смен Всекавказского молодежного лагеря «Машук-2015». Всего опрошено 728 человек. Выборка гнездовая.

По результатам проведенного опроса большинство респондентов (57,7%) оценили свой тип гражданского поведения как активный (10,2% – как ангажируемый, 20,8% – как абсентеистский, 11,5% – затруднился в определении своей модели манифестирования гражданственности). Приоритетная самооценка своей гражданской позиции как активной связана с категорией опрашиваемых – участники Всекавказского молодежного лагеря «Машук-2015» представляют собой молодежную элиту с высоким стремлением к достижению.

Проведем структурный анализ активной модели манифестирования гражданственности опрошенной молодежи.

Об уровне гражданско-правовых знаний этой категории респондентов свидетельствуют ответы на вопросы о понимании смысла важных в контексте гражданской культуры терминов. Демократию 56,4% «активистов» понимают как «свободу слова, печати, вероисповедания», 20,6% – «выборность государственных руководителей», 18,6% – «политическую свободу». Только 9,9% включили в содержание демократии «строгую законность», 8,2% – «гарантию прав меньшинства», 2,1% – «подчинение меньшинства большинству». Среди респондентов-«активистов» выше всего процент тех, кто понимает демократию как «возможность для каждого делать все, что он хочет». В то же время, ответы на вопрос: «Как Вы понимаете патриотизм?», свидетельствуют о том, что большинство опрошенных «активистов» (60,9%) считают, что патриотизм – это активная деятельность в интересах своей страны.

Также неоднозначно выглядят результаты анализа гражданско-правовых установок респондентов-«активистов». Законы РФ являются основой поведения только для 20,2% опрошенных этой категории, для 45,5% такой основой являются нормы морали, для 16,9% – обычаи и традиции своего народа, для 15,3% – религиозные нормы. В то же время 65,9% участников опроса этой категории считают, что «Закон – основа жизни любого общества, поэтому он не должен нарушаться ни при каких обстоятельствах». Одновременно, среди этой категории респондентов выше всего (45,4%) процент тех, кто считает, что «Применение силы возможно, когда не действуют другие методы», и выше всего (41,7%) процент тех, кто считает, что «Свои интересы надо отстаивать средствами, дозволенными законом». В повседневной жизни молодые люди ориентированы на социально-одобряемые способы достижения богатства и жизненного успеха и осуждают девиантные формы поведения в молодежной среде.

Деятельностный компонент в активной модели манифестирования гражданственности выражен более четко. Среди респондентов-«активистов» выше всего процент тех, кто является членом политической организации (10,6%) и ниже всего процент тех, кто вообще не интересуется политикой. Меньше всего среди опрошенных «активистов» число тех, кто за последний год не участвовал ни в каких формах общественно-политической жизни. Наиболее часто реализуемыми общественно-

политическими практиками для респондентов этой категории являются: участие в выборах (36,9%), участие в деятельности общественных организаций (35,2%), участие в общественной деятельности в вузе (33,5%).

Таким образом, структурный анализ модели гражданского поведения, идентифицированной участниками опроса как активной, свидетельствует о несоответствии реальных показателей самооценке респондентов. Характер гражданско-правовых знаний и установок респондентов, используемые социально-политические практики свидетельствуют скорее об ангажируемой, чем активной модели манифестирования гражданственности в молодежной среде региона.

1. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

СПЕЦИФИКА МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ КАК ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Шушунова Т.Н. (Минск, Республика Беларусь)

Одним из предметов изучения социологии города является механизм городского устройства как способ взаимосвязи и взаимодействия подсистем, составляющих структуру социально-пространственной системы города и их свойств. Имеются в виду: производственная инфраструктура города, городской образ жизни, городская культура, социальная стратификация городского населения и т.д. [6]. Данная специальная социологическая теория во многом обязана своему появлению в научной мысли трудам таких известных социологов Европы как М.Веберу, Г.Зиммелью, О.Шпенглеру, а также благодаря целому направлению американской социологической мысли, а именно, представителям чикагской школы (Р.Парк, Э.Берджерс, Л.Вирт), которые описали механизм пространственной организации города в своей программной книге «Город».

Одной из характерных черт современного облика городской среды является наличие разнообразных по виду, по специфике, и по стратификационному признаку мест общественного пространства, предназначенные специально для неформальных встреч горожан, с целью осуществления досуговой, развлекательной, психологической и коммуникативной функций. Это именно те заведения, например, кафе, библиотеки, магазины, аптеки, парикмахерские и т.д., которые известный современный социолог Рэй Ольденбург, классик американской урбанистической социологии, назвал термином «Третье место» - (после дома — «номера первого» и работы — «номера второго»)[4]. Такие места способствуют формированию первичных социальных групп, о потребности в наращивании которых, при нынешних условиях всеобщей атомизации, развития городов, возникновения корпораций писал еще Нейл Селзер [5, с.150]. И не только сфер общественной жизни, даже скорее при популярности, в принципе, таких понятий как: «индивидуалист», «прагматик», «частная жизнь», «личная свобода» и т.д., стали забывать об устойчивости роли первичной группы, о ее способности формировать вокруг себя пространство общения как деятельности, когда разговор строится ради самого разговора. Третьи места призваны обеспечить удовлетворение потребности в общении с другими людьми, которое осуществляется в ту часть нерабочего времени, которая остается после выполнения человеком непреложных непроектных обязанностей (передвижение на работу с работы, покупка продуктов питания и одежды и т.д.).

Также следует учитывать роль первичной группы как связующего компонента между личностью и формальной, организационной стороной жизни. В таком ключе, третьи места можно рассмотреть в качестве фундамента сообщества, поскольку именно они по своей сути способствуют возникновению, формированию и развитию городских

неформальных сообществ, которые не только обогащают и характеризуют городской образ жизни и развивают городскую культуру, но и способствуют многообразию ее видов и форм. Также, подобного рода заведения оказывают позитивное влияние на жителей города за счет того, как отметил сам Ольденбург, что «там можно провести время лучше, чем в других местах», при этом речь не идет о какой-либо конкуренции с домом или работой [4].

Т.е. есть потребность в изучении таких мест, где спонтанно могут создаваться неформальные сообщества людей, которые в данных заведениях могли бы реализовать свою коммуникативную функцию в полном объеме.

Если с трудоспособной и материально состоятельной категорией населения все в определенной степени понятно. А именно, все развлекательные и питейные заведения являются в большей степени доступными именно для данной категории населения. То, в качестве чего именно может выступить «третье место» для студенческой молодежи является вопросом, который на наш взгляд следует изучать подробно.

Нас интересует данная социально-демографическая группа населения как наиболее перспективная составная часть общества, которая несмотря на свое приоритетное положение по сравнению со всеми другими ее представителями молодежи (учащиеся, трудовая, и т.д.) также испытывает в последние десятилетия угрозу со стороны рискогенных факторов. Уже не одно десятилетие самыми актуальными проблемами в области молодежной проблематики являются те, которые свидетельствуют о снижении самочувствия молодежи, ее жизненного потенциала, духовного облика. К ним, прежде всего, следует отнести высокий уровень заболеваемости молодежи, девиантности, делинквентности и суицидальности, экстремизма и жестокости, низкий уровень культуры, образованности, воспитанности и патриотизма [3, с. 211]. Эти выводы подтверждаются данными ежегодного социологического мониторинга, который осуществляется Институтом Социологии НАН Беларуси.

Так же как и у российской молодежи, у белорусской есть ситуация социального исключения, в силу подвижности и изменчивости данной социально-демографической группы, отторжение от рынка труда, нормальных жилищных условий, системы социального обеспечения, от политических и социальных прав.

Исследования социального самочувствия молодежи показывают, что свою жизненную удовлетворенность они связывают с оценками общего состояния счастья, с достижением поставленных целей и экономическим положением. Учитывая тот факт, что положительные оценки ситуации в стране и собственного благополучия имеют высокую корреляцию с позитивными оценками настроения, индивидуального самочувствия и удовлетворенностью жизнью [1, с.146]. Имеет смысл выяснить какие именно заведения, и какого плана заведения на данном этапе способны обеспечить позитивный настрой. В какой степени современная городская среда может удовлетворить такие важные потребности молодого человека как: потребность в социальных контактах, потребность в самореализации, в личностном становлении.

Данное проблемное поле составляет потребность в информации о том способен ли современный город обеспечить доступные «третьи места» молодому человеку, студенту, по определению, не включенному в производственный процесс, следовательно, ограниченному в своих материальных возможностях. И если такие места существуют, то, какие это места, и что требуется молодому человеку для того, чтоб иметь возможность свободно их посещать.

Здесь мы имеем наглядный пример междисциплинарности заявленной проблематики будущего социологического исследования. Что не есть новшество для информационного общества, когда границы гуманитарных дисциплин становятся все более взаимопроникаемыми. Социология города, соединяясь с относительно молодой, возникшей только в 70-е гг. социологией молодежи, позволяет не только обогащаться информационной базой современного социологического знания, но и решать заявленные

задачи этих двух направлений социологии. А именно, выяснять особенность формирования молодежных неформальных объединений, которые локализуются в пресловутом «третьем месте» и выполняют целый ряд функциональных предписаний, несмотря на то, что все они укладываются в понятие - досуг молодого человека.

1. Галич Л.П. *Социальное самочувствие молодежи*/ Л.П.Галич. – Минск: Право и экономика, 2012. -160 с.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. *Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. 2008. № 7.*
3. Зубок Ю.А. *Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи*/ Ю.А.Зубок. – М.: Мысль, 2007. - 267.
4. Ольденбург Р. *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества* / Рэй Ольденбург; пер. с англ. А. Широкаковой. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 456 с.
5. Смелзер Н. *Социология: пер. с англ.* – М.:Феникс, 1998. - 688 с.
6. *Социологическая энциклопедия* / Под общ. ред. А.Н.Данилова. – Мн.: БелЭн, 2003, стр.67.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ

Щелкова Т.В. (Минск, Республика Беларусь)

В настоящее время измерение результатов адаптационного процесса и определение критериев его завершенности являются одной из важнейших исследовательских задач. В зависимости от выбранного направления рассматриваются соответствующие стадии, уровни, этапы или ступени адаптации и адаптированности.

Социальное самочувствие, как критерий адаптационного процесса, является важным показателем его завершенности. Характеристики социального самочувствия, особенно в условиях переломных и кризисных периодов развития общества, по мнению, Л.В. Корель, «способны внести существенные коррективы в представление о реальных пределах адаптации субъекта, масштабах имеющейся дезадаптации» [2, с. 328].

Термин «социальное самочувствие» в отечественной социологии появился в 80-е годы XX столетия. Определенную сложность использования данного феномена в практике социологических исследований составляет отсутствие его общепринятого социологического определения, аргументированных индикаторов, критериев типологизации и т.д.

Изучая социальное самочувствие в рамках социологического исследования адаптации студентов младших курсов к условиям жизни и учебы в вузе, нами данное понятие рассматривается как интегральный показатель степени адаптированности, как результат успешности или неуспешности протекания процесса адаптации. Мы поддерживаем идею П.М. Козыревой о том, что социальное самочувствие «характеризует общее внутреннее состояние индивида и социальной группы, которое формируется в повседневной жизни, и включает их отношение к окружающей действительности, оценку условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе, степень удовлетворенности жизнью». Таким образом, социальное самочувствие связано с позитивными или негативными оценками своей жизни в целом и различных ее сторон [1, с.26].

В 2013-2015 гг. нами было проведено социологическое исследование, в рамках которого методом глубинного интервью было опрошено 57 белорусских и иностранных студентов 1 и 2 курсов Белорусского государственного университета и Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. Использование

данного метода обусловлено необходимостью выявления истинного отношения респондентов к изучаемой проблеме, возможностью наблюдения за их невербальными реакциями на задаваемые вопросы и получения более полной информации. Также личный характер беседы, в ходе которой можно было уточнить и переформулировать вопрос, оказался особенно уместным при недостаточном уровне знания русского языка у некоторых иностранных студентов.

В качестве индикаторов социального самочувствия студентов младших курсов мы рассматривали: восприятие собственного положения (удовлетворенность своим новым социальным статусом – студент, представление о своем будущем); внутреннее состояние (настроение, испытываемые чувства, удовлетворенность своим здоровьем) и удовлетворенность различными аспектами студенческой жизни.

Анализ результатов показал, что в большей степени опрошенные первокурсники удовлетворены изменением собственного социального статуса, причем это свойственно как белорусским, так и иностранным студентам. Студенты второго курса спокойнее относятся к собственному социальному статусу, они привыкли ощущать себя студентами. К окончанию второго курса они начинают задумываться о перспективах дальнейшей работы по специальности. Чувство восторга, гордости за себя сменяется осознанием того, что получение профессионального образования не гарантирует успешного трудоустройства и что «годы учебы в университете могут быть потрачены зря».

Данные, полученные в ходе исследования показывают, что в первые месяцы обучения в вузе многие из респондентов испытывают чувство тревоги, неуверенности, растерянности и одиночества. Однако, по прошествии времени, большинство первокурсников не испытывают дискомфорт, находясь в университете, который становится им хорошо знакомым. Отмечая, что в университете «бывают не только приятные события» почти все опрошенные чувствуют себя спокойно и уверенно и лишь во время сессии испытывают чувство волнения.

Своим здоровьем респонденты удовлетворены в меньшей степени, нежели изменением социального статуса. Как показали результаты проведенного исследования, у большей части опрошенных иностранных студентов это связано с привыканием к смене климата. У некоторых респондентов акклиматизация проходит тяжело, они постоянно ощущают общее недомогание и часто болеют простудными заболеваниями. Многие студенты второго курса также не могут приспособиться к постоянному отсутствию солнца, дождям и холодным зимам.

Около половины опрошенных белорусских студентов не удовлетворены состоянием своего здоровья. Некоторые из них имеют хронические заболевания, остальные указали на частые болезни и плохое общее самочувствие.

Изучение в качестве критерия социального самочувствия степени удовлетворенности различными аспектами студенческой жизни показало, что в большей мере респонденты удовлетворены качеством преподавания, отношениями с преподавателями и отношениями в студенческой группе. В целом, первокурсники с большим уважением относятся к своим преподавателям, считают их «очень умным и интересными» людьми. Опрошенные студенты второго курса добавляют к этой оценке «высокий уровень профессионализма, интеллигентность и образованность». Вместе с тем, некоторые первокурсники отмечают чрезмерные строгость и требовательность отдельных преподавателей. По мнению иностранных студентов, к ним следует относиться более лояльно, необходимо дифференцировать требования и критерии оценок, учитывая недостаточный уровень языковой подготовки.

Что касается социально-психологического климата в группе, то большинство респондентов оценивают отношения как «дружеские», «отличные», «прекрасные». Более сдержаны в своих оценках студенты из дальнего зарубежья. Несмотря на то, что белорусские студенты относятся к ним хорошо, настоящих друзей в группе у них пока нет.

В меньшей степени респонденты удовлетворены обеспеченностью учебно-методической литературой. Так, большинство опрошенных первокурсников обращают внимание на отсутствие учебников, полностью соответствующих программе изучаемых курсов и на необходимость работы с большим количеством различных источников. Иностранцы жалуются на «непонятные учебники», и слишком большой объем информации, необходимой для изучения.

Около половины опрошенных студентов не удовлетворены условиями проживания в общежитии. Их не устраивают грязь, постоянный шум, неудовлетворительные бытовые условия, невозможность полноценной учебы в силу не всегда располагающей к этому атмосферы общежития, необходимость выполнения определенных правил и др.

Анализ данных, полученных в результате исследования, показал, что большинство респондентов оценивают свое материальное положение (материальное положение родительской семьи) как «среднее» и «хорошее». Причем чаще всего белорусские студенты комментировали данную оценку следующими высказываниями: «мы живем как все», «мои родители имеют среднюю по стране заработную плату» и т.д. Несколько белорусских первокурсников в интервью признались, что совершенно не удовлетворены своим материальным положением. Многие студенты, обучающиеся платно, обеспокоены ростом цен за обучение и платежеспособностью, в этой связи, своих родителей. Иностранцы в большей степени удовлетворены своим материальным положением.

Таким образом, социальное самочувствие студентов младших курсов характеризуется отсутствием психологической напряженности и ощущением субъективного благополучия; высоким уровнем удовлетворенности новым социальным статусом – студент, организацией учебного процесса, отношениями с преподавателями и студентами. В меньшей степени студенты удовлетворены своим здоровьем, материальным положением, условиями проживания в общежитии. В целом, изучение социального самочувствия, имеющего комплексный характер, рассматривается нами в качестве индикатора уровня адаптированности студентов и позволяет выделить различные группы респондентов, находящихся на той или иной ступени адаптации.

1. Козырева, П.М. Адаптация населения к условиям трансформирующегося общества в постсоветской России: прил. к журн. «Философские науки»: спецвып. «Теория, методология и история социологии» / П.М. Козырева. – М.: Гуманитарий, 2011. – 48 с.
2. Корель, Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.

УПРАВЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Щемелева И.И. (Новосибирск)

Возможность управления активностью человека, делая процесс активизации более предсказуемым и контролируемым, позволяет создать определенные условия для эффективного формирования социальной активности личности, что дает возможность минимизировать некоторые деструктивные воздействия внешней среды. Управление социальной активностью позволяет формировать адекватные насущным задачам цели, в результате которых возникают определенные стратегии и модели поведения, которые можно регулировать в зависимости от поставленных задач. Более того создание соответствующих условий позволяет аккумулировать внутренний потенциал личности, а соответственно, можно говорить, о возможности реализовать латентную, внутреннюю

активность личности, которая не была задействована в силу как объективных, так и субъективных факторов.

Важная сфера развития социальной активности – это образование. Современная ситуация предъявляет конкретное требование к образовательной среде: формировать специалиста не только с определенной квалификацией, но и с развитой социальной активностью. Мы считаем, что высшее учебное заведение должно стать ключевым звеном в управлении социальной активностью студенческой молодежи, поскольку ВУЗ имеет непосредственное влияние на развитие личности студента. Задача высшего учебного заведения – предоставить студентам возможность самореализации, возможность вовлечения не только в традиционные формы социальной активности студенческой молодежи, такие как: учебная, научная, досуговая деятельности, но и в общественную и организационно-управленческую деятельность, что может позитивно отразиться на внутреннем мире молодых людей. Так, интериоризируя объективные детерминанты могут развить такие качества как гражданское самосознание, альтруизм, высокий уровень самоорганизации и устойчивость к негативным воздействиям внешней среды. Процесс управления социальной активностью будет заключаться в целенаправленном изменении текущего состояния социальной активности студенческой молодежи к ожидаемому состоянию после процесса управления.

Суть управления социальной активностью сводится к решению трех взаимосвязанных задач. Во-первых, необходимо так формировать и совершенствовать способности, модели поведения человека, чтобы они наиболее полно соответствовали требованиям, предъявляемым современным обществом. Во-вторых, в процессе обучения надо создавать такие социально-экономические и социально-психологические условия, при которых максимально использовались бы способности студентов к определенной активности, т.к. среда, порождающая эти условия, имеет свойство катализировать активность, не определяя ее окончательно [1, с. 15]. В третьих, важно, чтобы эти процессы происходили не в ущерб организму и интересам личности студентов, а своего рода, подкрепляли интерес к социальной активности, побуждали к самостоятельности.

Управление социальной активностью студенческой молодежи должно опираться на следующие положения: социальная активность способна увеличить количество людей осознанно проявляющих свою социальную активность, обеспечить согласование общественных и индивидуальных интересов. Социальная активность должна приобрести статус общественной проблемы, что позволит определить особый подход к ее управлению.

Социальную активность как объект управления можно отнести к социально-экономическому явлению: с одной стороны, она направлена на вовлечение индивидов в ту или иную форму социальной активности, а с другой она непосредственно влияет на экономические показатели общества, указывает на уровень экономического потенциала современной молодежи (в частности непосредственное влияние оказывают трудовая, предпринимательская, общественная активности). Так же мы относим социальную активность как объект управления к социально-психологическому явлению. Во-первых, управление социальной активностью студента целесообразнее рассматривать на уровне личности, поскольку именно на этом уровне возможно рефлексивное управление посредством которого субъект активности может осознанно подкреплять собственную потребность в социальной активности. Во-вторых, социальная активность как объект управления представляет собой сложный теоретический конструкт, который можно изучать непосредственно через базовые понятия социального действия, сочетая их с категориями социологии управления. В-третьих, положив в основу управления социальной активностью деятельностно-активистский подход и опираясь на базовые концепции социального действия, можно рассмотреть механизм формирования социальной активности студента для дальнейшего механизма управления этим процессом.

На данный момент актуален вопрос о разработке концептуальных основ и технологии управления социальной активностью студентов вуза. Это позволило бы выстроить систему управления социальной активностью в учреждениях образования, способную регулировать социальную активность студентов, а также обеспечить эффективное управленческое воздействие и достижение основной цели – формирование личности не только специалиста, но и активного социального деятеля.

Таким образом, управление социальной активностью студентов можно рассматривать как организационное воздействие на процессы формирования, развития, распределения социального потенциала, количественное и качественное изменение которого осуществляется посредством осознанного взаимодействия студентов с социальной средой по преобразованию себя и социума в соответствии с задачами общественного развития, связанного с непрекращающимися динамическими колебаниями активности от низшего уровня к высшему.

1. *Вигоросность и инновации (человеческий фактор как основа модернизации)*. – М.: Изд-во СГУ, 2011. – 240 с.
2. *Социологический словарь* / А. Н. Елсуков, К. В. Шульга. – Минск: Университетское, 1991. – 528 с.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ШАНСЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Щербакова Л.И., Иваненко Н.С. (Новочеркасск)

Осмысление места и роли инженерно-технических вузов в развитии регионов сталкивается с проблемой формирующегося социально-профессионального статуса вуза в иерархии российских учебных заведений, что приводит к разному уровню их популярности в молодежной среде на этапе выбора места получения высшего образования: или столичный или провинциальный город, а также затрагивает особенности формирования территориальной идентичности молодежи, специфику включения региональных социально-культурных различий в процесс социализации и становления студенческой молодежи. Зачастую именно в студенческой среде складываются социально-территориальные микрообщности (землячества), которые характеризуются осознанием групповой принадлежности под влиянием сходств и различий по оценке жизненных шансов и жизненным ориентациям и различаются готовностью работать по полученной специальности на малой Родине. Кроме этого, для отечественного социологического знания эта проблема актуальна в связи с неравномерностью развития российских регионов, необходимостью структуризации российского социального пространства. Пока же в общественном сознании превалирует экономико-социологическая трактовка «региона», в то время как для управления процессами формирования социальной идентичности представляются важными показатели социального развития, влияющие на динамику индивидуальных и групповых социальных позиций населения региона, перспектив его воспроизводства, в первую очередь, за счет высококвалифицированных специалистов из числа местной молодежи.

Эти и другие проблемы были разработаны в диссертационной работе «Территориальная стратификация студентов российских инженерно-технических вузов: социальные и культурные различия в студенческой среде»[1]. Теоретическим основанием исследования были избраны подходы стратификационной теории П.Сорокина, суть которых заключается в следующем: социальная стратификация, как строение общества по иерархии социальных статусов, порождает социальные слои и группы, имеющие территориальное измерение, при этом территориальность осознается

как производное от социальной стратификации, а территориальные слои могут рассматриваться как индикаторы неравномерного распределения общественного богатства и влияния. Также в контексте исследования использованы идеи П. Бурдьё, согласно которым социальное пространство рассматривается как соотношение и борьбу социальных позиций различных социальных слоев, как сферу объективации социальных стратегий. Исследовательская гипотеза предполагала установление доказательства того, что территориальный фактор, рассматриваемый как близость / отдаленность вуза от места рождения и проживания студента в момент вступления во взрослую жизнь, имеет ключевое значение для выстраивания жизненной карьеры, так как он связан с минимизацией финансовых затрат, снижает риски неопределенности и базируется на схеме «узнаваемости» инженерно-технического образования, в котором основным является получение диплома в совокупности с решением других жизненных задач (отсрочка от службы в армии, вступление в брак), и эту ситуацию можно охарактеризовать как период накопления адаптивных качеств, поиска работы, приобретения нужных неформальных связей. Совокупностью использованных методов и приемов, а также по результатам авторского эмпирического анализа, проведенного среди студентов инженерно-технических вузов города Новочеркасска, ранжированных по следующим территориально-социальным признакам: жители крупных городов, жители средних городов, жители малых городов и поселков и выходцы из сельской местности, удалось установить ряд интересных закономерностей. В контексте социальной дифференциации высшего образования и растущей социальной неопределенности в реализации жизненных стратегий студентами инженерно - технических вузов структурные и институциональные методы, фиксирующие стабильные поведенческие параметры, выявляют только фоновые и нормативные характеристики. Структурно - деятельностный подход устанавливает границы поиска жизненных «троп», в которых автономное значение приобретает территориальная стратификация, влияние «территориальности». В российских условиях территориальная стратификация может рассматриваться как приоритетный момент неравенства жизненных шансов при вступлении во «взрослую» жизнь через систему высшего инженерно-технического образования. Она выступает автономным условием определения позиций индивида в социальном пространстве как дихотомии близость/удаление в проекции социальных неравенств, сложившихся в российском обществе по критерию «места рождения и проживания». Структурно-функциональный анализ фиксирует устойчивость социальных позиций, которые связаны с разделением труда, уровнем доходов, степенью интеграции в общественную жизнь и возможностью презентации социальных интересов. Структурно-деятельностный подход, формулируя определение социального поля и габитуса как основных параметров социальности индивида, определяет территориальную стратификацию в рамках становления социального пространства, конфигурации отношений между различными акторами в соответствии с местом их рождения, как наличия дефицита определенных капиталов. В данном подходе выражено становление социальных диспозиций, установок индивидов на реализацию образовательных стратегий в соответствии с восприятием территориальности как социального ресурса, аскриптивного по месту рождения, но переопределяемого в процессе социальной деятельности.

Структурно-функциональный анализ фиксирует устойчивость социальных позиций, которые связаны с разделением труда, уровнем доходов, степенью интеграции в общественную жизнь и возможностью презентации социальных интересов. Система российского высшего инженерно-технического образования представляет собой образовательную среду с производством специалистов преимущественно для локального рынка, что определяет узость выстраивания профессиональной карьеры и влияет на отношение к высшему инженерно-техническому образованию как способу повышения социальной ресурсности через преодоление или включение фактора «территориальности».

Существует зависимость между социальной ресурсообеспеченностью студента и местом его проживания, высокой степенью адаптивных ресурсов «местных» студентов по сравнению с «иногородними», что содержит признание социальной гетерогенности студенчества инженерно-технических вузов как следствие территориальной стратификации. Специфика территориальной стратификации российского студенчества состоит в соотношении пространственных характеристик с социально-номинационными, связанными с определением образовательного статуса как соотносимого с позицией в социальном пространстве. Элитные вузы, сосредоточенные в мегаполисах, отличаются от «провинциальных» вузов социально-номиналирующим эффектом, что определяется зависимостью качества образования от места нахождения вуза. По отношению к акторам образования (российской студенческой молодежи) территориальная стратификация проявляется в возможностях доступности к качественному образованию в соответствии с местом жительства. Низкая территориальная мобильность, «неподъемные» расходы на проживание и установка на получение диплома определяют выбор студентом вуза и технического профиля образования в зависимости от критерия близости / удаленности.

В институциональном аспекте территориальная стратификация регулирует социальные позиции индивида, соотносимые с институтом высшего образования. В контексте логики самовоспроизводства российского высшего образования и риска неопределенности после

окончания вуза привязанность к месту рождения, к родной среде повышает шансы студента и является селективным механизмом для оценки жизненных шансов. Введение системы ЕГЭ упростило доступ к столичному, воспринимаемому как качественное, высшему образованию, но территориальная стратифицируемость проявляется в пониженной оценке образовательных шансов в связи с неготовностью к

адаптированности в условиях рисков нетрудоустройства и вынужденной смены профессии, неготовности рассматривать образование как инвестиционный процесс, требующий определенных интеллектуальных и финансовых затрат, соизмеримых с перспективами качественного высшего образования. Состав студенческой молодежи инженерно-технических вузов относительно однороден по социально-имущественному критерию и формируется за счет выходцев из базисных социальных слоев, представителей провинциальной молодежи, что соответствует восприятию технического высшего образования как массового, поточного, дающего «устаревшие» профессии при сохранении высокой доступности получения диплома. Территориальная стратификация усиливает социальные и социокультурные неравенства, выражаемые на основании различия семейного и культурного капиталов в жизненных стратегиях, которые ориентированы на преодоление или использование фактора «территориальности» для закрепления социально-статусных позиций, связанных с преимуществами или ограничениями по территориальному признаку. Территориальная идентичность, как субъективно переживаемая принадлежность к определенной местности (месту рождения, взросления), формирует разделительные границы между «своими» и «чужими».

В нынешних условиях возрастает значение территориальной идентичности, которая доминирует над социально-профессиональным самоопределением индивида в качестве специалиста-инженера, что свидетельствует об амбивалентности профессионального выбора в вузовской системе и закреплении за «территориальностью» способа соотношения с территориальными микрообщностями. Выявленная зависимость между жизненными планами студентов и их территориальной принадлежностью, а также подтверждение тому, что формирование жизненных планов студентов инженерно-технических вузов происходит на основе учета фактора вхождения в новую территориальную среду и уменьшает перспективы возвращения в родные места или территориальную миграцию, в совокупности являются вкладом в расширение представлений об образовательных и профессиональных стратегиях студенчества по

сравнению с концепцией социального воспроизводства, ориентированной на функциональные параметры деятельности студенчества.

Результаты работы получены при поддержке проекта № 2873 "Теория, методика и технологии профессионального образования по направлениям подготовки соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики", выполняемого в рамках базовой части государственного задания № 2014/143.

1. *Иваненко Наталия Сергеевна. Территориальная стратификация студентов российских инженерно-технических вузов: социальные и культурные различия в студенческой среде: Автореферат диссертации канд. социологических наук. Ростов на Дону, 2014 г.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Щур В.С., Ивчик В.В. (Горки, Республика Беларусь)

Продолжающийся экономический кризис в Беларуси усугубляет проблему безработицы, в том числе и среди трудоспособной молодежи. По информации Министерства труда и социальной защиты Беларуси, на текущий момент доля молодежи в возрасте 16-29 лет в общей численности населения страны – менее 22%. Молодежь составляет около 24% от общей численности занятых в экономике, но оказывается весьма уязвимой на рынке труда, зачастую по причине низкой конкурентоспособности. На конец июня 2015 г., по данным этого же министерства, официально зарегистрированных безработных было 46829 человек, что составило 1 процент к численности экономически активного населения (на конец июня 2014 г. – 0,5%). На начало 2015 г. около 10% безработных белорусов имели высшее образование. В этом контексте особую тревогу вызывает рост молодежной безработицы. Доля ее среди «официальных» безработных на конец первого полугодия текущего года составила 12250 чел. (26,2%, от общего количества таковых), что практически в два раза превышает уровень такого же периода 2014 года (6725 чел.) [1].

Подобная ситуация с молодежной безработицей характерна не только для нашей страны. По данным статистической службы Европейского союза [2], на начало 2015 г. уровень безработицы среди людей в возрасте до 25 лет составил в Испании 50,6% (общая безработица – 23,3%), в Греции 50,1% (26,0%), в Хорватии 45,4% (17,4%). Что касается соседних с нами стран, проблемы с работой испытывали 21% молодых поляков (8,1%), 10,5 % литовцев (9,4%).

В разрезе отдельных возрастных групп молодых белорусов, зарегистрированных в качестве безработных, ситуация на конец июня 2015 года выглядела следующим образом (в процентном отношении от общего числа безработных): 16–17 лет – 0,5%; 18–19 лет – 1,6%; 20–24 лет – 10,4%; 25–29 лет – 11, 3%. Как мы видим, подавляющее большинство среди входящих в молодежный спектр официальных безработных составляют лица в возрастном интервале 20–29 лет. Это в немалой мере обусловлено тем, что многим из них, закончив обучение в различного типа учебных заведениях (ПТУ, ССУЗ, ВУЗ) и приобретя профессию, сразу пришлось выдерживать конкуренцию на рынке труда со специалистами, уже имеющими профессиональный опыт и трудовую биографию, владеющими должными навыками и умениями в соответствующей области производственной деятельности. Следует отметить, что внутри самой когорты выпускников – молодых специалистов, существует диспаритет в получении первого рабочего места. Преференции в его получении имеют те, кто обучался на бюджетной основе. На них, согласно белорусскому

законодательству, распространяется обязательное распределение и гарантированное трудоустройство.

В целом кризис сужает пространство для экономической социализации молодежи и фактически не оставляет времени для многократной и полномасштабной проверки ее профпригодности. Умерив амбиции, многим приходится соглашаться на работу и условия, которые их не устраивают, поскольку прожить на пособие по безработице невозможно. Средний размер пособия на одного безработного в июле текущего составил 230,2 тысячи рублей, или 14,6% от бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения. В пересчете по средневзвешенному курсу пособие едва превышало 15 долларов. Как же в Беларуси экономический кризис сказывается в целом на уровне жизни молодежи? Так, по результатам опроса, проведенного авторами в первой половине 2015 года среди молодежи в возрасте 18 – 30 лет (n = 417), 57,3% из них отметили его существенное снижение, 24,5% – незначительное, у 14,3% – остался на прежнем уровне, у 2,1% – повысился незначительно, а у 1,8% он вырос значительно. Критичнее остальных в оценке кризисного «негатива» оказались лица с высшим образованием (суммарно по маркерам «значительно снизился» и «снизился незначительно» – 72,8%).

Что более всего волнует нынешнюю молодежь в ситуации экономического кризиса? Самая злободневная проблема для респондентов – материально-финансовые затруднения (56,7%), чуть меньше выборов пришлось на «рост цен на продукты питания, товары и услуги» (55,8%) и вариант «не повышается зарплата» (54,0%). Немногим меньше (43,8%) тех, кто озабочен жилищной проблемой; 30,4% – взволнованы трудоустройством по специальности, 29,3% – боятся потерять работу, а 22,1% – озабочены вопросом получения профессионального образования или переквалификации. А вот общесоциальные проблемы отошли на второй план: пьянство, наркомания – 16,6%; низкий уровень правовой защиты населения – 14,4%; наличие коррупции в различных сферах общества – 11,4%; на увеличение разрыва в доходах между бедными и богатыми указали

7,0%

опрошенных.

Уровень жизни человека напрямую зависит от его доходов и потребительских возможностей. Ответы наших респондентов свидетельствуют, что денежные доходы большинству из них (74,1%) всегда позволяют оплатить коммунальные услуги, приобрести хозяйственно-бытовые товары (53,5%), и почти половине из них – оплатить за содержание детей в детских дошкольных учреждениях (47,8%). Подавляющее большинство молодых людей (74,1%) не могут позволить себе в нынешних условиях строительство квартиры либо дома, а также приобретение нового автомобиля (85,7%). Вследствие нехватки денег опрошенные стали покупать более дешевые, чем в докризисное время, продукты питания, необходимые вещи и предметы обихода: всегда так делают – 21,4%; часто – 37,6%; изредка – 15,1%; не делают дешевые покупки – 25,9%.

По данным Международного агентства социальных и маркетинговых исследований (в июне 2015 г. опрошено 1000 человек в возрасте от 16 до 64 лет в Минске, областных центрах, средних и малых городах Беларуси) 83,2% белорусских горожан начали экономить на покупках. При этом каждый четвертый сократил свои расходы на продукты питания. Чаще всего жители белорусских городов экономят на соках и нектарах (37,7%), рыбе (33,8%), свинине и говядине (33,6%), шоколаде в плитках (30,5%), курятине (28,7%), овощах (27,5%) и фруктах (25,6%) [3].

Экономический кризис всегда сопряжен с усложнением ситуации на рынке труда, сокращением рабочих мест, что затронуло некоторую часть нами опрошенной молодежи. Выяснялось, имеют ли они в данной ситуации постоянную работу либо нет? На момент опроса 75,1% респондентов имели постоянную работу; 9,3% – временную работу; 4,5% – являлись безработными; 6,8% – работали неполную рабочую неделю; 4,3% – находились в отпуске по уходу за ребенком.

Какие каналы для своего трудоустройства и переустройства предполагают использовать респонденты? Наиболее значимыми в этом плане для них являются:

просмотр или размещение объявлений в газетах, журналах и т.д. (23,1%); непосредственное обращение к нанимателям, в отделы кадров предприятий, организаций и фирм (18,8%); помощь друзей, знакомых (18,5%); помощь родителей, родственников (17,7%); состоят на учете в государственной службе занятости 4,2%; рассчитывают на частные кадровые агентства 3,8% респондентов.

Также выяснялось, собираются ли они пройти обучение на новую специальность, если их нынешняя уже не востребована или окажется таковой. Получены ответы: обучаются – 50,4%, 17,3% – готовы это сделать, не собираются это делать – 6,5%, остальные опрошенные еще не определились.

Имеющиеся у немалой части молодежи проблемы с поиском работы заставляют ее «присчитывать» и осуществлять различные варианты трудоустройства, вплоть до поиска работы за рубежом. На постоянное жительство и работу за границу готовы уехать 35,5% молодых людей, на временную – 34,3%, не собираются этого делать никогда 9,8%; не знают – 4,5%; не ответили 5,9% опрошенных. Причем на постоянную работу и жительство готовы уехать в любую западноевропейскую страну 20,8% респондентов, в Россию – 12,3%, в США – 8,5%, в другие страны – 4,3%. Что касается временной работы, то Россия является наиболее предпочтительной страной (18,8%), на страны Западной Европы нацелены 14,6% респондентов, другие же страны для временного трудоустройства менее привлекательны.

Резюмируем. Как показывают наши и другие исследования, осуществляя поиск способов улучшения своего социально-экономического положения и вариантов реализации жизненных планов в условиях кризиса, большинство молодых людей рассчитывают как на собственные силы, так и на поддержку государства в лице его органов и служб, сохраняя к нему рационально-прагматическое доверие как к конструктивному партнеру, обеспечивающему определенную социальную защиту и безопасность жизнедеятельности.

1. *Ситуация в сфере занятости и безработицы в Республике Беларусь в январе – июле 2015 г. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/ru/sostojanie>. – Дата доступа: 05.10.2015.*
2. *Сухаревич, К. Молодежная безработица: вчерашним выпускникам особенно сложно продать себя на рынке труда / К. Сухаревич [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://minsknews.by/blog/2015/07/17/molodezhnaya-bezrobotitsa-vcherashnim-vyipusknikom-osoblenno-slozhno-prodat-sebya-na-ryinke-truda>. – Дата доступа: 02.10.2015.*
3. *Ярошевич, А. Кризис-2015. На чем и как экономят белорусы? / А. Ярошевич [Электр. ресурс]. – Режим доступа: http://gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=98139. – Дата доступа: 02.10.2015.*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Ярмака С. (Москва)

Современные проблемы рассматривает многие проблемы экономической жизни общества, понимая под нею отношения собственности, распределения, обмена и потребления. Современные подходы к экономической жизни общества пытаются выявить, каковы источники развития экономической жизни, каково соотношение объективных и субъективных сторон в экономических процессах, как сосуществуют в обществе экономические интересы различных социальных групп, каково соотношение реформ и революций в экономической жизни общества и т. Насегоднешний день, пожалуй, одной из самых обсуждаемых проблем экономической жизни общества является – финансово-экономический кризис.

Из всех многочисленных формулировок этого понятия, наиболее близкая и отражающая суть следующая: кризис - состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы. Т.е. это тяжёлая "болезнь" организма экономики, к которой привёл образ жизни со- временной экономики. Признаки кризисной болезни: общий спад экономики, замедление или прекращение роста ВВП, его уменьшение, снижение доходов, поступлений и отчислений в бюджет, общее ухудшение среднего уровня жизни и мощный клубок порожденных этим проблем (сокращение производства и безработица, свёртывание социальных программ, социальное напряжение и многое другое). Основная общая характеристика кризисных тенденций - всеобщая нестабильность, порождённая непониманием причин кризиса и путей его преодоления. Современное состояние отечественной экономики, особенности кризисных процессов в современном обществе привлекают внимание ученых к анализу этих злободневных проблем. Поэтому сохраняется актуальность исследования философских проблем экономической жизни общества.

Экономическая жизнь общества находится в неразрывной связи с другими сферами общественной жизни. Общество влияет на процессы, происходящие в экономике, но и экономические категории оказывают определенное влияние на общественную жизнь.

Иногда это влияние доминирует над другими составляющими общественной жизни.

Отсюда очевидной становится актуальность изучения философией основных проявлений экономической жизни общества, ее основных законов и взаимодействия ее объективной и субъективной сторон. Основными проявлениями экономической жизни общества являются . производство, распределение, обмен и потребление не только материальных благ, но и духовных. Эти проявления тесно связаны друг с другом и представляют собой диалектическое единство, со свойственными ему внутренними противоречиями, нарушение которых привели к глобальному экономическому кризису.

Эти противоречия обусловлены борьбой экономических интересов различных участников экономических отношений. Формирование баланса между этими интересами является едва ли не основной задачей государства.

Экономические циклы и кризисы не существуют вне связи с объективными условиями. Каждый цикл и кризис воспроизводит ту экономическую обстановку, в которой он развивается. Существенным условием современных экономических кризисов выступает глобализация, которая выражается: в дальнейшем развитии интернационализации производства, в углублении международного разделения труда, усилении взаимосвязи и взаимодействия между национальными хозяйствами; в росте нестабильности национальной и мировой экономической системы, усилении неравномерности развития отдельных стран, в значительном возрастании роли финансовой сферы в развитии экономики.

С точки зрения марксизма, периодическое возникновение экономических кризисов является неизбежным спутником капиталистической экономики. Согласно Марксу, причина кризисов — в производстве товаров сверх платёжеспособного спроса. И дело не в ошибках оценки ёмкости рынка и даже не в желании владельцев капитала получить максимальную прибыль, а в самой природе и законах развития экономики, нацеленной на получение прибыли. «Банкротства достигли страшных масштабов. Каждый спрашивает себя, что его ждёт в будущем. Множество состояний исчезло, множество уменьшилось наполовину, множество семей, прежде зажиточных, сейчас находится в крайней нужде, множество рабочих сидит без работы». Это цитата не из свежих новостей 2009 года, а приведённая Карлом Марксом выдержка из миланской газеты «Opinione», описывающая кризис, охвативший Европу К настоящему времени правительство РФ сформировало и реализует широкий набор ан- докризисных мер, уникальные по количеству форм и

направлений воздействия государства на экономику, по объемам используемых ресурсов. С начала проведения антикризисной политики в качестве приоритетов были заявлены:

- поддержка (обеспечение финансового сектора; стабильности)
- социальная поддержка населения, сохранение и создание новых рабочих мест;
- поддержка отдельных, наиболее чувствительных к кризису отраслей реального сектора экономики на основе стимулирования внутреннего спроса и импорт замещения;
- поддержка системообразующих и градообразующих предприятий.

В целом общий объем дополнительных ресурсов, исходя из существующих оценок «стоимости» отдельных антикризисных мер в отношении реального сектора экономики, в октябре 2015 — декабре 2015 г. оценивается в 2,1—2,5 трлн руб.

Глобальный экономический кризис оказывает огромное влияние на развитие современного общества во всем мире. Как переживет кризис глобализация, которая зависит от продолжения либеральной рыночной политики во всем мире?

Технологии (особенно удешевление информации и средств коммуникации) тоже, конечно, играют большую роль, но сами по себе они не способны развивать глобализацию.

Куда большую роль играет решимость развивать открытые финансовые системы, поощрять прямые инвестиции и снимать торговые барьеры. Именно торговля — главный двигатель глобализации.

Для изобретения же новых инструментов нужно изменить подход к причинам, его порождающим, разобраться в причинно-следственных механизмах. Это потребует пересмотра воззрений и принципов экономической теории рыночной экономики, пересмотра способов существования целых структур, слоёв общества, экономик и политик государств. Осложняет ситуацию то, что от кризиса трудно спрятаться, он в современном развитом обществе везде, он мировой и системный.

Последствия, так же зависят от эффективности лечения. И улучшить состояние экономики можно только изменив образ жизни экономики, её правовую и общественную среду, а точнее способ существования финансовых, экономических структур - участников единого процесса производства и потребления материальных благ (товаров, услуг). Срок его продолжительности, зависит не от времени, а от эффективности лечения.

1. *Аносов А. П. Проблемы молодежи. М.: Инфра-М, 2011.*
2. *Васильева П. Р. Молодежная политика в России. М.: Инфра-М, 2012.*
3. *Махмутова Н. Н. Молодежный рынок труда. М.: Инфра-М, 2011.*
4. *Николаева П. П. Молодежь в социальном пространстве России. М.: Инфра-М, 2010.*
5. *Материалы о молодёжи, субкультурах, неформальных объединениях 2015*

СЕКЦИЯ 11: ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

НОВЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Ашевская В.А. (Тверь)

Большую роль в развитии общества всегда играла наука. Её влияние распространялось на все сферы человеческой деятельности. Научные открытия приводили к кардинальным переменам не только принципов и механизма функционирования общественных структур в целом, но и к переосмыслению человеком своей роли в этой системе, к трансформации его взглядов и идей относительно протекающих в обществе процессов. Новые веяния в науке всегда имели социальные последствия, которые вызывали ряд вопросов касательно морали и этики использования тех или иных научных достижений. Современное общество наследовало многие из таких неразрешённых проблем в прошлом, но открыло для себя совершенно новые в связи с продвижением науки вперёд в целом ряде отраслей. И сейчас порождающим множество вопросов стало развитие биотехнологий и биомедицины в частности. Рассмотрение, а также критика данного направления осуществляется с различных позиций. Нас же будут интересовать перемены, вызванные в обществе новыми медицинскими технологиями, с точки зрения гендера.

Гендер можно определить как «социальный пол», определённую стратегию поведения, уже с рождения предписанную для каждого биологического пола правилами и обычаями общества. Гендер закрепляет образ социальной жизни, легитимизирует определённый способ организации социальных отношений, говорит, что такое правильное и неправильное поведение для мужчины и женщины. Но гендер означает не только то, что должен делать человека, исходя из своей половой принадлежности. По утверждению К. Уэста и Д. Зиммермана, гендер – это продукт особого рода социального делания (создания). То есть это то, что человек делает постоянно в процессе осуществления взаимодействия с другими [6]. Это своего рода установки, которые вырабатываются у человека в процессе социализации. Гендер характеризует уже не только закреплённые за данным полом механизмы поведения, но и предпочтительную для индивида модель жизни.

Новые медицинские технологии дают человеку шанс поменять свою жизнь. Такие научные достижения как решение репродуктивного вопроса с помощью медицины и смена пола путём операции во многом затронули фундаментальные основы общества и изменили взгляд на традиционные ценности. Эти возможности дали толчок большему развитию принципов свободы и самоопределения человека, заставили по-новому взглянуть на право человека, связанное с уважением его частной и семейной жизни.

Сейчас каждая семья или одинокая женщина могут с помощью репродуктивных технологий решить вопрос бесплодия. Так, прибегают к искусственному оплодотворению женщины: это может быть и имплантация эмбриона к ней непосредственно и использование суррогатного материнства. Кроме того, благодаря такой технике завести ребёнка может и одинокий мужчина. Последний вариант зачастую воспринимается обществом с непониманием, так как в нашем сознании укоренился образ матери-одиночки. По мнению большинства или, если выразиться конкретнее, по гендерному стереотипу все заботы об уходе за ребёнком берёт на себя женщина. Немужское дело – растить и воспитывать ребёнка. Мужчина – это кормилец семьи, его задача приносить в дом деньги. А женщина – хранительница очага, в её обязанности

входит заниматься детьми и домашними заботами. Медицина стирает эти границы, разводящие мужчин и женщин по разные стороны баррикад семейных обязанностей. Таким образом, меняются гендерные функции, распределённые по принадлежности к полу. Кроме того, завести ребёнка теперь могут и люди, предпочитающие однополые браки. Это придаёт совершенно новый смысл понятию традиционной формы семьи и, соответственно, также перекраивает устоявшиеся точки зрения на роли в семье.

Все эти перемены ведут не только к пересмотру гендерных ролей, но и к критике со стороны противников таких экспериментов. На государственном уровне это вытекает в различные разрабатываемые законы, регулирующие вопрос о суррогатном материнстве. Речь сейчас идёт о том, кому предоставляют право воспользоваться этой услугой, если она законодательно закреплена в той или иной стране. Так, например, в большинстве штатов США, ЮАР, Украине, Казахстане, Австралии, Великобритании и некоторых других странах суррогатное материнство разрешено [5]. В большинстве законов, регулирующих данный вопрос, говорится о том, что прибегнуть к этой медицинской услуге могут семейные пары, которые по состоянию здоровья не могут иметь детей. Одиноким мужчинам в этих законах мало где упоминаются, подразумевая, что для мужчин закрыт доступ к пользованию данной репродуктивной технологией. Но, например, в штате Калифорния разрешается использовать услуги суррогатной матери любому гражданину, независимо от его семейного положения и сексуальной ориентации [4].

В России также на законодательном уровне регламентируется суррогатное материнство, которое открыто для мужчины и женщины, как состоящих, так и не состоящих в браке, а также для одиноких женщин [3]. Мужчины здесь также исключены, хотя на практике имели место случаи использования суррогатного материнства одинокими мужчинами. По этому поводу в российском обществе бытуют неоднозначные мнения. Так, Джинна Литинская, сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии института психологии РГГУ, утверждает, что «в нормах, касающихся суррогатного материнства, необходимо исключить дифференциальный подход к выбору людей, которые имеют право заводить ребенка с помощью суррогатных технологий»; «желание иметь ребенка абсолютно естественно как для женщины, так и для мужчины, независимо от их сексуальной ориентации». Джинна Литинская считает, что запрещать мужчине воспитывать детей без женщины является дискриминацией [1]. Разработчики проекта, ограничивающего право мужчины на обращение к суррогатному материнству, объясняют это следующим образом: «Желание мужчины воспользоваться методом суррогатного материнства, в первую очередь, обосновано желанием удовлетворить свои репродуктивные права, а не преодолеть бесплодие, что является недопустимым» [1].

На современном этапе развития общества люди теперь могут не мириться со своей природой. У них появился выбор: жить со своим полом или трансформироваться в другой. Человек имеет право поменять свою биологическую данность. Мужчина может стать женщиной, а женщина превратиться в мужчину. Если ещё полвека назад это казалось чем-то невообразимым, то сейчас новость о смене кем-либо своего пола не является уже чем-то сверхъестественным. Осталось только всё то же неоднозначное отношение к этой практике.

Смена человеком пола является, по сути, легализацией своего гендера, которому он следовал на протяжении определённого отрезка своей жизни. Таким способом человек пытается найти гармонию со своим истинным, на его взгляд, гендерным «Я». Изменить свой пол, значит изменить свою судьбу. Открываются новые возможности, но в то же время появляются и новые ограничения, которые приходят вместе с новым полом. Ведь до операции к человеку применялись гендерные стереотипы в соответствии с его полом. И он не был обязан строить линию своего поведения по подобию привлекательного для него гендера. Сменив же пол, общество будет требовать от него не только стандартных форм поведения, но и предъявит ему некие виды социальной

дискриминации, которые характерны для каждого пола. Для индивида смена пола может стать своего рода гендерной адаптацией, а в некоторых случаях и депрессией, так как человек полностью погружается в другой пол и начинает сталкиваться с социальным механизмом контроля над гендерной идентичностью его нового пола, чего раньше он не ощущал, так как был представителем другого.

Лидерами по проведению таких операций считаются Таиланд и Иран. Отстаёт от них США. В России также разрешена смена пола, но операции проводятся гораздо реже, так как в нашем обществе эта идея не прижилась и воспринимается окружающими негативно. Человек, который хочет сменить пол или уже изменивший его, встречает непонимание и в отдельных случаях враждебность со стороны общества. Кроме того, в российском законодательстве отсутствуют нормы, устанавливающие правила проведения подобных операций, а также регламентирующие правовое положение лиц, подвергшихся операции [2]. В отличие от зарубежных законов, российские имеют много пробелов, существует правовой вакуум.

Итак, научные открытия распространяют своё влияние на все сферы общественной жизни. Медицинские технологии, как часть научных достижений, очень сильно изменили жизнь человека. Были побеждены многие болезни, повышена продолжительность жизни, уменьшена смертность. Но также человек получил власть над самой природой. Теперь он может решать проблему бесплодия и даже поменять свою природную натуру. Но такие безграничные возможности повлекли за собой и проблемы нового характера. Возникли новые вопросы, относящиеся не только к моральному аспекту использования тех или иных технологий, но и к гендерному, так как в любом обществе до сих пор существуют гендерные предрассудки. Благодаря тому, что мужчина теперь тоже имеет шанс проявить себя как вполне полноценного родителя, общество может увидеть, что мужчина также способен выполнять те функции, которые обычно приписывались женщинам. Это, безусловно, важный шаг в разрушении недоверия к мужчинам в вопросах воспитания детей. Но с большим отчуждением общество относится к тем, кто сменил свой пол или собирается это сделать, так как считает это противоестественным и отрицает даже саму мысль об этом. На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Спор не приведёт к единому ответу, так как здесь переплетаются моральные и юридические нормы. Поэтому для решения данной проблемы потребуется ещё немало времени.

1. Лебедев С. *Одиноким мужчин накажут за суррогатное материнство* [электронный ресурс] / С. Лебедев // Информационный портал по проблемам бесплодия, вспомогательным репродуктивным технологиям и ЭКО. – Режим доступа: <http://www.probirka.org/surrogatnieprogramm>
2. Лось А. В. *К вопросу о реализации права на изменение пола в РФ* [электронный ресурс] / А. В. Лось // Интернет-конференции Омской юридической академии. – Режим доступа: <http://conf.omui.ru/content/k-voprosu-o-realizacii-prava-na-izmenenie-pola-v-rf>. - Дата обращения: 05.10.2015.
3. *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 30.09.2015)* [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/. – Дата обращения:
4. *Суррогатное материнство* [электронный ресурс] // «Volshteyn & Associates». – Режим доступа: <http://www.volshteynlaw.com/ru>. - Дата обращения: 05.10.2015.
5. *Суррогатное материнство: мировой опыт* [электронный ресурс] // РиаНовости. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20131111/976039040.html>. - Дата обращения: 05.10.2015.
6. Уэст К. *Создание гендера* [электронный ресурс] : [электронная книга] / К. Уэст, Д. Зиммерман ; пер. Е. Здравомысловой // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. - СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 193-219. – Режим доступа: <http://philos.nsu.r>

РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ: ОБРАЗОВАНИЕ И УЧАСТИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА

Балан К.А. (Санкт-Петербург)

Образование является одним из обязательных условий обеспечения равноправия мужчин и женщин во всех сферах жизни. Одним из важнейших факторов, способствующим устранению гендерного неравенства и становлению женщин как значимых субъектов общества, становится именно образование. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун подчёркивает: «Там, где женщины получили образование и имеют широкие возможности, экономика более эффективна и устойчива. Там, где женщины лучше представлены в органах власти, в обществе отмечается большее стремление к миру и стабильности» [1].

Из истории развития российского образования можно видеть, что женщины были практически исключены из числа грамотных людей. «Началом женского образования считается 1764 год: по проекту Бецкого было основано воспитательное общество благородных девиц» [2]. В России открываться училища для девочек стали лишь с 1858 года, до этого страна жила по установлениям «Домостроя». До 1897 года были открыты частные женские курсы, затем Женский медицинский институт, а в 1903 году женский педагогический институт. В 1914 году женщины получили право обучаться на некоторых факультетах университетов. Декреты Советской власти о равноправии мужчин и женщин сняли правовые ограничения для женщин в получении образования.

Нужно отметить, что образование является мощным фактором социализации, который определенным образом влияет на формирование половых ролей. По мнению социолога Э. Гидденса, школы действуют как полноценные агенты социализации, так как «школьные учебники способствуют увековечиванию гендерных имиджей» [3]. Каркищенко Е.А. в своей статье также приводит пример, в котором говорит о том, что «анализ российских учебников начальных классов показал, что мужчины и мальчики в основном представлены (значимо чаще) занимающимися инструментальной деятельностью, и чаще, чем женщины и девочки, изображены в ситуации отдыха, развлечений и учебы. История преимущественно остается курсом, изучающим мужские экономические, дипломатические и военные вопросы. А женщины изображаются в учебниках как жены, общественные работники, няньки и т.д.» [4]. Таким образом, формируются определенные гендерные установки, которые еще в школе приписывают женщинам второстепенную роль. Более того, зачастую в школе именно мужчины занимают руководящие посты, что также влияет на восприятие учащимися роли мужчин и женщин в обществе. Впоследствии может быть сформирован гендерный стереотип, связанный с «мужскими» и «женскими» профессиями. Есть ли на самом деле такое разграничение? Так, согласно исследованию Фонда «Общественное мнение», «33% россиян считают, что разделение профессий на «мужские» и «женские» предопределено природой» [5]. Также в исследовании говорится о том, что женщины считаются более способными к воспитанию детей и работе по дому, в то время как мужчины – к профессиям, связанным с физическим трудом и техникой. Здесь прослеживается практическая реализация полоролевого подхода Т. Парсонса и Р. Бейлса. Согласно этому подходу, отношения между мужчиной и женщиной складываются по образцу патриархатных отношений в семье, то есть мужчина выполняет инструментальную функцию, а женщина – экспрессивную. В свою очередь мужчины заняты в публичной сфере - сфере престижа, власти, богатства и могущества, где взаимосвязаны рыночные отношения, политика и юриспруденция, а женщины – в частной, то есть семье.

Нужно отметить, что в нашей стране высокая грамотность женщин находится на достойном уровне. «Феминизация образования и науки в нашей стране - свершившийся факт. Если сравнить Россию с другими странами, то доля женщин среди преподавателей

вузов и ученых самая большая в мире. Россия на общем фоне выглядит страной, показывающей другим пример гендерного равенства» [6]. Так, «доля российских женщин среди кандидатов наук составляет около 30%, среди докторов - около 15%. В вузах эти показатели еще выше: 32% кандидатов наук и около 20% докторов наук - женщины. Всего в 2002 году, по данным статистического сборника «Наука России в цифрах», из 273 тыс. преподавателей и профессоров вузов 137 тыс. (более половины) составили женщины» [7].

В современной России женщины составляют 54% населения, женщин на 10 миллионов больше, чем мужчин. Для женщин это означает, что они вынуждены зачастую самостоятельно добиваться успеха, быть независимыми, получать достойное образование и обретать социальный статус. Учитывая тот факт, что несколько поколений российских женщин часто воспитывали своих детей в условиях совмещения работы и материнства, в настоящее время для современной женщины нормальным считается скорее совмещение работы и материнства, нежели выбор в пользу одного из них.

Согласно документу для обсуждения Международного валютного фонда, «женщины вносят огромный вклад в экономическое благосостояние, так как прилагают значительные неоплачиваемые трудовые усилия, например, по воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства» [8], тем самым освобождают время мужчинам для участия в работе организованного рынка труда. Среди «контингента женщин трудоспособного возраста, ведущих домашнее хозяйство, сравнительно немного примерно 2 млн. чел или около 5% численности женщин трудоспособного возраста. В российской экономике занято 35,4 млн. женщин - это половина (49,4%) от общего числа всех трудящихся в стране» [9].

Интересными представляются данные Международного исследования бизнеса Грант Торнтон (Grant Thornton International Business Report) [10] за 2014 год, которые показали, что доля женщин среди топ-менеджеров в России составляет 43% - это самый высокий показатель среди всех остальных развитых стран. При этом в целом в странах Восточной Европы, Балтии, а также в Грузии, Армении и Польше процент женщин-руководителей значительно выше среднемирового. Такие показатели исследователи объясняют позицией Советского Союза по продвижению женщин для достижения равных возможностей для всех. Отмечается, что по результатам исследования в мире большинство женщин занимают руководящие должности в компаниях, которые оказывают образовательные и социальные услуги, а также в компаниях, которые занимаются здравоохранением. Данные показатели подтверждают вышеописанный тезис о том, что женщины ассоциируются с семьей, сферой частного, а потому и чаще реализуются именно в индустрии, связанной со сферами воспитания, образования, поддержки, помощи.

То, что российские женщины стали все чаще занимать руководящие посты, заметило и международное агентство PriceWaterhouseCoopers. Среди назначенных руководителей в 2012 году женщины составили 42%. При этом основными чертами конкурентоспособности женщин являются трудолюбие, высокая лояльность к работодателю, готовность работать за меньшее вознаграждение и высокий уровень образования [11].

В заключении, хотелось бы обратить внимание на то, что в России женщины имеют возможности для успешной самореализации не только в семейно-бытовой сфере, как прекрасные матери и заботливые жены, но и в профессиональной, причем на самых высоких должностях. Для этого у современных российских женщин есть ресурсы, включая высокий уровень образования, личностные качества, юридически закрепленные права, а также общественная поддержка.

- возможностей женщин. – Режим доступа: <http://www.unwomen-eeca.org/ru/deiatelnost/>.
2. Социология гендерных отношений: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. З.Х Саралиевой. - М.: Российская политическая энциклопедия(РОССПЭН), 2004. – С.164.
  3. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 450.
  4. Каркищенко Е.А. Гендерная коммуникация в современной школе // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2012. – Вып. 44. – С. 31-39.
  5. Положение женщин в российском обществе // Фонд «общественное мнение» База данных ФОМ. 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/social_group/lady_man/dd050926
  6. Образованные и одинокие. – Российская газета, 7.05.2003.
  7. Умных женщин в современной России становится больше / Сайт-архив «Лига избирательниц» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liga-rf.ru/html/archive/articles/public/articles/toljatty.htm>.
  8. Женщины, труд и экономика. Макроэкономические выгоды гендерного равенства // Международный валютный фонд. Сентябрь, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/fti/sdn/2013/sdn1310r.pdf>
  9. Ржаницына Л.С. Труд, образование, здоровье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/konzep-1.htm>
  10. Women in business: from classroom to boardroom // Grant Thornton International Business Report . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grantthornton.global/globalassets/1.-member-firms/global/insights/article-pdfs/2014/ibr2014_wib_report_final.
  11. Карьерные возможности женщин в сфере бизнеса / PwC Russia. Ассоциация менеджеров. Март, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/en/hr-consulting/publications/assets/women-survey-2012.pdf>

ЖЕНСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Белгарокова Н.М. (Москва)

Социальные, экономические и политические преобразования, происходящие в России и за рубежом в последние десятилетия, повлияли на все сферы жизнедеятельности общества, систему социальных отношений, привели к изменению жизненных и профессиональных стратегий различных социальных групп. Усилилась социальная дифференциация в обществе, возросло число социально обездоленных категорий населения. Своеобразие современного этапа развития всего российского общества, динамизм социальных процессов, обострение социальных противоречий не могли не отразиться на отношениях между полами, детерминировали интерес к гендерной проблематике [1].

В современном быстро меняющемся обществе, становится все меньше четко заданных и жестко прописанных правил, по которым строятся отношения между мужчиной и женщиной. Сейчас у нас появилось больше возможности выбирать ту модель, которая походит именно нам, однако многие исследования хорошо демонстрируют то обстоятельство, что не все люди готовы отказаться от навязанных обществом принципов и выстраивать свое собственное взаимодействие.

Долгое время считалось, что сфера изучения таких феноменов, как симпатия или любовь, не может быть областью научного анализа. Широко распространена точка зрения о том, что это скорее область искусства, а не науки, поэтому исследователи сталкиваются с различными этическими затруднениями [2].

До сих пор романтические отношения как предмет исследования зачастую вызывают скептическое отношение, и возникает проблема уместности ее обсуждения в

научном контексте. Кроме того, стоит подчеркнуть, что сам феномен любви очень сложен и неоднозначен, его, возможно, рассматривать с различных позиций и делать акцент на отдельных аспектах. В силу этих причин перед исследователями стоит закономерный вопрос – как и с помощью, каких методов, стоит изучать это явление.

Культурные факторы влияют на тенденции развития любовных отношений, переводя их в специфические формы. Необходимо принимать во внимание мощную культурную поддержку семьи, материнства и брака. Мы находимся под влиянием образов и ролевых моделей. Идеология, господствующая в обществе, переходит на микроуровень личных отношений. Любовь, с одной стороны, всегда индивидуальна, но, с другой, в ней есть очень много универсальных характеристик. Она является ярким и в то же время структурированным переживанием [2].

Социально-структурные и культурно-символические аспекты личностных отношений выводит на первый план символический интеракционизм. Центральное понятие этой концепции – межиндивидуальное взаимодействие. Отправным пунктом анализа является социальное взаимодействие, а не отдельный индивид [4].

В символическом взаимодействии люди интерпретируют действия друг друга, ситуацию общения и действуют на основе значений, полученные в процессе интеракции. Данная концепция применима для анализа бытовых межличностных взаимодействий, однако символический интеракционизм критикуют за невнимание к макроструктурам, историческим изменениям и власти.

К наиболее разработанным и известным социологически ориентированным концепциям романтической любви относится теория Э. Гидденса. Идея Гидденса заключается в том, что романтическая любовь представляет собой культурно и исторически обусловленный тип интимности. Он приводит несколько этапов развития этих типов интимности: страстная любовь, романтическая любовь и конфлюэнтная любовь («confluent love») [3].

Стоит отметить, что многие персонажи различных произведений пытались любить вопреки этническим и классовым предрассудкам, то есть в обществе формировались нормы и законы, которые не всегда совместимы с концепцией романтической любви. Многие браки в Европе заключались не столько на основе взаимной симпатии, сколько на основе экономических соображений. Предполагается, что в прошлом люди формировали гетеросексуальные отношения для достижения материальных выгод, для которых было необходимо, чтобы мужчина доминировал, а женщина беспрекословно ему подчинялась, и эта идея была прочно закреплена в социальном мире.

Кроме того, стоит отметить, что участники таких отношений стремились соединиться с любимым человеком, потерять в этих отношениях свою автономность, и в этом случае любовь становится скорее инфантильной любовью, нежели зрелой [2].

Следующий этап, выделенный Гидденсом - это конфлюэнтная любовь. Она представляет собой один из эффектов той сексуальной революции, которая произошла в западном мире. В обществе возникли те социальные условия, которые сделали возможным радикальную смену сексуальной жизни. Сексуальная революция оказалась возможной благодаря тому, что сексуальность децентрировалась, освободилась из-под зависимости репродуктивной функции и от доминирования мужского начала [3].

Конфлюэнтная любовь, в понимании Гидденса, имеет ряд своих особенностей. Сексуальность становится непременным и основным компонентом любовных отношений.

Ценным в любви оказывается не объект любви, который не воспринимается более в качестве неповторимого, единственного и в идеале обретенного навсегда, а сами отношения как протекающие здесь-и-сейчас. Отношения любви в данном случае самоценны, они существуют не ради потребности соответствовать ожиданиям и требованиям общества, и в силу этого они не обязательно институализированы. Продолжительность таких отношений определяется самими участниками. Гидденс называет это явление движением к «чистым отношениям» [3]. В такой любви

присутствует равенство в эмоциональной самоотдаче между партнерами, что позволяет отказаться от идей зависимости и доминирования. К важным характеристикам такого типа любви причисляется и взаимное сексуальное удовлетворение.

Романтическая любовь продолжает и сейчас существовать, но уже немного в другом виде, например, теперь она не обязательно включает в себя брак. В современном культурном контексте сосуществует «множественность» оценок романтической любви, в том числе есть и инновационные. Очень часто можно встретить циничное или снисходительное отношение к этому феномену. Тем не менее, нельзя отрицать того факта, что преданность и верность в отношениях по-прежнему высоко ценятся. Интересно отметить, что в западной культуре до сих пор есть тенденция ассоциировать женщин с верностью, а мужчин - с властью и контролем [5]. Также распространено мнение о том, что женщины должны «работать» над отношениями с противоположным полом и нести ответственность за них. Ориентируюсь на эти представления, им сложно понимать, какое поведение со стороны партнера стоит считать справедливым.

На наш взгляд, рассматривая любовь в рамках этой концепции, можно представить ее как важное дополнение к идентичности. Любовные отношения могут задавать такие роли, как одинокая девушка, жена, мать. Эти идентичности предписывают, каким человек должен и не должен быть, и эти предписания могут быть настолько противоречивы, что порой приводит к внутренним конфликтам, которые часто сопровождаются раскаянием и решением изменить отношения.

В некоторых исследованиях романтический дискурс рассматривается в качестве основы для сексуального сценария, который доминирует во многих западных культурах. Однако в его основе сексуального поведения может также лежать рациональные сценарии или желание получить новый сексуальный опыт [7].

Романтический сценарий обладал такими характеристиками, как позитивные эмоции (забота, доверие, благодарность), самопожертвование, возможность общаться без слов, мечты о совместном будущем. В рациональном сценарии роль девушки может быть более активной и независимой, но в то же время эта роль будет связана с образом «правильной» в плане сексуального воспитания.

В сценариях желания девушка может ориентироваться на получение удовольствия от секса, которого раньше считалось неприемлемым для женщин. Хотя авторы подчеркивают, что полученные результаты могут быть культурно-специфичны и валидны только для определенной возрастной группы женщин, нам представляется, что эти данные можно перенести и на другие западные культуры.

Исследование феномена романтической любви у женщин является иллюстрацией необходимости обращения к гендерному подходу как фундаменту в понимании отношений.

Многие представители западной культуры настолько привыкли жить в соответствии убеждениями и традициями романтической любви, что считают ее единственной формой и основанием для развития отношений между мужчиной и женщиной.

Романтическая любовь у женщин выступает истиной, которая не подвергается сомнению. На основе общепринятых правил и убеждений человек оценивает свои личные взаимоотношения и себя в них. Некоторые авторы даже используют такую метафору, как «плагиат» любви, имея в виду, что человек располагает ограниченным репертуаром культурных средств и способов выражения своих чувств, которые находят свое выражение через письменные тексты и разговоры.

На современном этапе «Женская тема» считается чем-то иллюстративным для историописания. Аналитичность, критичность направления ускользают – а в итоге в истории социально-полового (гендерного) неравенства наши историки будто и не видят модели для изучения социального неравенства и социальных конфликтов и не

догадываются о том, что гендерное неравенство – исторически первая форма социальной асимметрии [6].

В заключение хотелось бы отметить, что в России – в отличие от Запада – «женский вопрос» решался на государственном уровне десятилетиями (патерналистская составляющая в нашей стране была всегда сильна) и считался «решенным». «Женские исследования» не «звучали» в российском политическом контексте в отличие от западного в силу традиционности, патриархатности большинства социальных структур. Так или иначе, проблема борьбы за соблюдение прав женщин не стала в России одной из составляющих борьбы за права человека, как это произошло на Западе [5]. А отношение к понятию «феминизм» (а с ним было связано возникновение всего направления *women studies*) остается в России – если говорить о бытовом, профанном уровне знания – в большинстве случаев негативным.

1. Андреева Г.М. *В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI века // Социальная психология в современном обществе: Уч. пособие для вузов / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002.*
2. *Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / Под ред. О.А. Ворониной. – М.: РОО МЦГИ – ООО «Солтэкс», 2005.*
3. Гидденс Э. *Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004.*
4. Ильиных С.А. *Специфика гендерных исследований: важные детали: Монография / С.А.Ильиных, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИИХ). – Новосибирск: НГУЭУ, 2009.*
5. *Peacocks, porsches, and thorstein veblen: conspicuous consumption as a sexual signaling system / J. M. Sundie, D. T. Kenrick, V. Griskevicius, J. M. Tybur, K. D. Vohs, D. J. Beal // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. № 100. P. 664–680.*
6. Апресян Р.Г. *Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Института Философии Российской Академии Наук. URL: http://iph.ras.ru/elib/EM6_9.html*
7. *Женщина в российском обществе. <http://womaninrussiansociety.ru/>*

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Беляева К.А. (Барнаул)

В настоящее время в России наблюдается низкий уровень рождаемости, заметно уступающий уровню, необходимого для воспроизводства населения. Данное явление объясняется серьезным видоизменением традиционных стереотипов репродуктивного поведения. Прослеживается массовое распространение малодетности, откладывание рождения первого ребенка, рост внебрачной рождаемости, а также сознательное нежелание иметь детей.

По определению В. А. Борисова, «репродуктивное поведение, система действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка в браке или вне брака» [1]. Отсутствие репродуктивной культуры вызывает социальные риски, нарушающие родительские установки, родительское отношение, чувства, родительские позиции, а также родительскую ответственность. В этой связи, в настоящий момент очень важно, чтобы тип репродуктивного поведения молодежи формировался на основе ответственного родительства.

В 2015 году нами проведено исследование, которое позволило выявить степень важности родительства для молодых людей, уровень знаний о воспитании и развитии детей. Исследование проводилось в режиме онлайн-опроса. В анкетировании приняли участие 180 студентов.

Анализ полученных данных позволяет нам сформировать список причин, по которым молодые люди откладывают рождение ребенка: «еще рано становиться родителями» – 49%; 34% считают, что их условия непригодны к рождению ребенка; 32% ссылаются на отсутствие надежного партнера; погружены в учебу 31%; страх заводить детей у 24%; «погруженность в карьеру» и «тяжелое материальное положение» – по 13%; «не хватает собственных волевых ресурсов», «не люблю детей», «неуверенность в партнере» и «недостаточное количество интеллектуальных ресурсов для рождения и воспитания ребенка» - по 5%; 4% имеют проблемы со здоровьем; 3% - «предпочитают досуг». 7% опрошенных ожидают рождения ребенка в ближайшее время.

Анализируя данные качественно, заметим, что ответы на вопросы о причинах свидетельствуют об осознании молодыми людьми необходимости социальной зрелости, своей готовности самостоятельно выполнять функции родителя.

Учитывая, что рождение ребенка всегда сопряжено с ответственностью, была проведена оценка и по данному индикатору. К ответственности за ребенка полностью готовы – 26%, в основном готовы – 29%, не готовы – 26%, скорее не готовы – 20% и 2% опрошенных утверждают, что подготовиться к этому невозможно.

Большинство участников опроса в будущем планируют реализовать роль родителя. Об этом говорят их ответы на вопрос о том: «Сколько детей Вы планируете иметь?». Только 1% опрошенных отметили, что не любят детей и не планируют становиться родителями, иметь одного ребенка решили – 7%, 18% – утверждают, что пока рано строить такие планы, трое и более детей – 18%, больше половины процентов респондентов хотят иметь двоих детей – 56%.

В заключение отметим, что, учитывая вышесказанное, особенно в части неготовности больше половины молодых людей к рождению ребенка на данный момент, считаем, что результаты данного исследования могут найти применение при планировании мероприятий в области стимулирования репродуктивного поведения молодежи.

1. Борисов, В. А. *Перспективы рождаемости* / В. А. Борисов. М., 1976.
2. Дронова Е.Н., Беляева К.А. *"Ответственное родительство": сущность и содержание* // *Культура и образование*. – Август 2015. - № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/08/3445>

ГОСТЕВОЙ БРАК КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОВМЕСТНОЙ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ

Богданович Е.О., Рябцева Ю. С. (Могилёв, Республика Беларусь)

Семья – это один из первых социальных институтов, которые создал человек. На начальном этапе развития истории в человеческом стаде доминировали беспорядочные половые отношения. Со временем они были ограничены определенными запретами, первым из которых являлся запрет кровосмешения, подразумевавший недопущение половых отношений между кровными родственниками, например, между отцом и дочерью. Люди не смогли бы выжить, не организовав свои отношения с помощью определенных предписаний. Результатом таких предписаний явилось зарождение семьи, которая и по сей день придает обществу стабильность и возможность восполнять население в каждом последующем поколении.

В традиционном обществе семья для каждого человека является первопричиной любви и поддержки. Именно в ней закладываются основы добродетельности, духовности и толерантности. Здоровая и крепкая семья – залог константности и благосостояния любого цивилизованного общества. В семье первоначально формируется самооценка,

жизненные ценности и закладывается общественная значимость человека, его психологические и социальные особенности. При этом создание гармоничной семьи неразрывно связано с вступлением в брак, который в свою очередь является правовой формой семьи, при этом постоянно видоизменяясь. Следует отметить, что брак не является только формой биологического и социального союза людей, направленного на выполнение репродуктивной функции, это более сложное устройство, находящийся под защитой государства. В связи с этим семейно-брачные отношения представляют собой особый интерес исследователей разных областей науки: психологии, социологии, юриспруденции.

По мнению Т.В. Пожаловой брачно-семейная система представляет протекцию общественной системы, а по мере общественных изменений меняется и социальный облик семьи [5]. Необходимо отметить, что в современном обществе значительно изменились взгляды как на само понятие «семья», так и на формы существования брака. В век стремительного развития информационных технологий, смены нравственных ориентиров, стремления к раскрепощению, традиционный брак «выходит из моды». Происходит достаточно стремительное снижение значимости семейно-брачных отношений, игнорирование преемственности традиций между поколениями. По данным социологических исследований, в большинстве стран, кроме стран исламского мира, семейные отношения принимают все более необычные формы. Все чаще молодые люди выбирают не официальный брак, а иные виды совместного проживания. Так, например, одной из распространенных форм существования брака на нынешнем этапе развития общества является гостевой брак.

Гостевой брак – это такой вид брака, когда супруги ходят друг к другу в гости, вместе проводят выходные, праздники и отпуска, время от времени проживают вместе, но при этом они не связаны общим бытом. В остальное же время каждый беспрепятственно живет своей жизнью, которая не обременена семейными обязанностями. Такие пары с одной стороны, женаты, с другой – совершенно свободны. Необходимо обратить внимание на тот факт, что с правовой точки зрения последствием вступления в брак является порождение взаимных как прав, так и обязанностей.

Свое название «визитный» брак получил по имени одного из основателей такой формы брачных отношений – Уильяма Годвина. В своей книге «Рассуждение о политической справедливости» он высказал мысль о том, что такие социальные явления как государство, собственность и брак по своей сути противоречат природе и разуму человека и общества в целом. Он считал, что брак затрудняет развитие способностей и дарований человека, препятствует его счастью и губит сознание. После чего У. Годвин приходит к выводу, что проживание супругов под одной крышей – это безусловное зло, которое не позволяет каждому из них всесторонне и гармонично развиваться в силу различий их кругозора, потребностей, темперамента, задатков и устремлений.

Психологи полагают, что гостевой брак – это промежуточный этап в отношениях мужчины и женщины, у которых богатый жизненный опыт и неопределенность в будущем [2]. При этом следует отметить, что гостевой брак не является тождественным сожительству или свободным отношениям. Особенность «визитного» брака состоит в том, что он является зарегистрированным в органах ЗАГС.

Многие современные пары рассматривают гостевой брак как альтернативу традиционному браку. На Западе такой вид отношений представляет собой уже давно распространенную форму существования семьи. В некоторых европейских странах его выбрали около 40 процентов мужчин и женщин [1].

При этом следует указать, что и в дореволюционное время такая форма брака была достаточно распространенной. Достаточно вспомнить произведения классической литературы, где отражен быт современного для того времени народа. Так, например, зачастую супруги в дворянских семьях жили каждый на своей половине и встречались за

обедом или ужином, при этом у каждого была своя жизнь, свои интересы, свой досуг – у жены в деревне, у мужа – в городе, где он занимался делами государственными.

Поколение «гостевых супругов» составляют родившиеся в 1970-е гг. прошлого века молодые люди, для которых гостевой брак – это выбор обоих супругов [3]. По оценке психологов, это поколение получило название «кризисное поколение», поколение базового одиночества [6, с. 91].

В настоящее время выявленное отношение к гостевому браку свидетельствует о том, что официально зарегистрированный брак утрачивает свою безусловную нормативную силу и практическую безальтернативность [4, с.68.]. Существует мнение, что в XXI веке именно гостевой брак станет самой популярной формой семейно-брачных отношений [7, с. 113].

Опыт существования такого вида брака показывает, что он привлекателен для супругов тем, что на долгое время сохраняется свежесть отношений, а каждая встреча полна трепета и воспринимается как праздник. Такие семейные пары не «заедают» быт, отсутствует борьба за главенство в семье, у каждого из супругов сохраняется своя территория свободы, появляется возможность решения многих вопросов самому, без учета мнения второго супруга.

В современном мире высоких технологий «визитный» брак становится своего рода панацеей, а также наиболее подходящим вариантом для тех партнеров, которые живут в разных городах или странах. Кроме того, гостевой брак набирает популярность в связи приобретением популярности знакомств в сети Internet. Ведь не все после такого знакомства могут решиться бросить привычный образ жизни, родных, друзей и работу. Именно поэтому они выбирают такую форму семейно-брачных отношений, как гостевой брак.

Идеально подходит гостевой брак и для тех, кто занимается творческой деятельностью, для политиков и бизнесменов в связи с тем, что такие личности постоянно находятся вдали от своих семей, при этом, возвращаясь домой, им хочется побыть не в одиночестве, а с родным человеком.

Статистика показывает, что наиболее распространены гостевые браки среди людей тридцати-сорока лет [2].

Взрослым мужчинам и женщинам со своим укладом жизни, привычками, стереотипами и ценностями (особенно это касается тех, кто долгое время живет в одиночестве) очень тяжело привыкать к причудам другого человека. Им сложно переносить ежеминутное вмешательство в их частную и уже отлаженную жизнь, а вот провести замечательные выходные с любимым человеком воспринимается как идеальный вариант.

Однако гостевой брак имеет и негативные стороны, имеющие серьезные последствия для функционирования общества. Такой брак часто бывает бездетным или малодетным, что негативно влияет на демографическую ситуацию. Кроме того, дети из таких семей чувствуют себя обделенными вниманием одного из родителей. Для ребенка семья – это целое, которое состоит из мамы и папы, и поэтому дети хотят жить все вместе. Целостность семьи для детей в возрасте от 10 до 13 лет играет особенно важную роль. Это именно тот период в жизни ребенка, когда формируется чувство защищенности, доверия к людям и окружающему миру.

Гостевой брак совершенно не подходит для тех людей, которые склонны посвящать жизнь своему партнеру. Это связано с тем, что они будут страдать от нехватки коммуникации со своим партнером, в результате чего это скажется на его психическом состоянии.

Следует отметить, что на первое место в «визитном» браке встают не чувства, а комфортность для обоих супругов. Называя гостевой брак комфортом, люди, живущие в данном браке, подсознательно находятся в постоянном поиске чего-то лучшего [2].

Таким образом, в современном обществе многих перестает устраивать традиционная форма семейно-брачных отношений. Однако, на сегодняшний день именно традиционный брак – это реальность, а поиски других его форм представляют только некое подобие семьи, в которой каждый из супругов живет для себя и по своим законам. Это своего рода детская игра для взрослых людей, которые пока не готовы принять на себя ответственность создать полноценную семью.

1. *Вместе – тошно, врозь – скучно. Что такое гостевой брак? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aif.by/health/menwomen/item/23943-brak.html>. – Дата доступа: 07.10.2015.*
2. *Гостевой брак: за или против [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://k-o-s-t-j-a.livejournal.com/478170.html>– Дата доступа: 07.10.2015.*
3. *Гостевой брак: муж на выходные [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24178.3/387636> – Дата доступа: 07.10.2015.*
4. *Удовиченко, И. А. Динамика семейных ценностей современной молодежи и проблемы семейной политики / И. А. Удовиченко // Современная семья: проблемы и перспективы развития. Матер. Всерос. науч. конф. - Тверь, 2001. – С.68.*
5. *Фактическое сожительство: право на признание [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://edu.dvgups.ru/METDOC/METHOD/KOSAREVA/frame/4.htm> – Дата доступа: 07.10.2015.*
6. *Хачатрян, Л. А. Современный брак – результат эволюции семейно-брачных отношений / Л. А. Хачатрян // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2011. - №1 (5). – С. 89-101.*
7. *Хачатрян, Л. А. Тенденции изменения современной российской семьи / Л. А. Хачатрян // Вестник Пермского университета. – Пермь, 20114 - №4 (20). – С. 113.*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ДИСКРИМИНАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.

Богомягкова Е.С. (Санкт-Петербург)

Тема вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) все чаще дискутируется в научном и публичном дискурсах. Интерес к ней поддерживается как новыми научными открытиями (например, возможность рождения ребенка с тремя родителями в результате генной инженерии), так и их использованием символическими элитами. Под вспомогательными репродуктивными технологиями (ВРТ) понимают все методы репродукции человека, при которых отдельные этапы или весь процесс зачатия и раннего развития эмбрионов происходит вне организма – в пробирке (*in vitro*). Наиболее распространены такие методы ВРТ, как искусственная инсеминация спермой донора, экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), перенос замороженных эмбрионов.

В России (СССР) первый ребенок «из пробирки» родился в 1986 году, а эмбриональные исследования проводились с 1936 года. В 1991 году была создана Российская Ассоциация репродукции человека (РАРЧ). Количество центров ВРТ в нашей стране выросло с 12 в 1995 году до 138 в 2012 году. Согласно официальным данным РАРЧ, число случаев использования методов ВРТ растет на протяжении 1995 – 2012 гг., а в 2012 году по общему количеству выполненных циклов ВРТ (62760) наша страна вышла на 3 место среди европейских стран [Регистр..., 2014]. В 2012 году в России было осуществлено 438,7 циклов на 1 миллион населения при оценке глобальной потребности в ВРТ на уровне 1500 циклов на 1 млн. населения. В России данный показатель более чем в 2 раза ниже среднеевропейских значений [Регистр..., 2014].

Основной блок вопросов, попадающий в фокус внимания отечественных и западных исследователей, касается трансформации традиционного понимания сущности и функций института семьи, а также осмысления участия третьей стороны в процессах

зачатия и рождения ребенка. Нас будет интересовать влияние ВРТ на воспроизводство социального контроля и дискриминации, в том числе обусловленных гендером. Мы выделили две группы вопросов в контексте указанной проблематики. Первая группа относится к биополитике, заключающейся в возможностях реализации репродуктивных прав и поддержании репродуктивного здоровья, а также в транслировании соответствующей идеологии. Вторая группа отражает появление особой отрасли – биоэкономики – как новой формы контроля и эксплуатации женского тела.

Рождение ребенка является сферой, где пересекаются и конкурируют интересы государства и отдельной семьи и личности. Государство заинтересовано в расширенном воспроизводстве населения и рождении здоровых детей. С помощью социальной и демографической политики, оно обеспечивает реализацию репродуктивных прав одним социальным группам, ограничивая права других, конструирует необходимую модель семьи и способ воспроизводства населения. Основным объектом современной российской биополитики является женщина; «биополитика, диктуя определенные способы воспроизводства населения, дисциплинирует женские тела и подчиняет их правилам репродуктивного поведения» [Темкина, 2013: 9]. В результате, ценность женщины, ее социальная значимость и статус определяются, прежде всего, возможностью или невозможностью иметь детей. Женщина как социальный субъект реализуется только в качестве матери, соответствуя традиционным ожиданиям и ценностям. Ряд авторов [Темкина, 2013; Исупова, 2012] называют этот феномен пронаталистской политикой (идеологией), т.е. политикой, направленной на расширенное воспроизводство населения, а на символическом уровне принуждающей женщин любыми способами иметь детей.

Реализуемая в России биополитика закрепляет статус нормативной концепции нуклеарной семьи с детьми. На основе проведенного исследования российского публичного дискурса О. Ткач описывает существующие практики замалчивания использования ВРТ, дискурсивные стратегии минимизации роли доноров и суррогатных матерей в системе родства, и другие эффекты, связанные с нормализацией практик использования ВРТ [Ткач, 2013]. С точки зрения исследователя, российский культурный контекст приводит к тому, что ВРТ-родство нормализуется путем социального конструирования в «обычное», традиционное родство, многие участники процесса прокреации (доноры, суррогатная мать) замалчиваются. Происходит это, во многом, в связи с навязываемым на государственно-политическом уровне неоконсерватизмом, который обуславливает желание людей притворяться, даже перед самими собой, «нормальными», «обычными» родителями. В результате, мы можем говорить о символическом исключении женщин и семейных пар, прибегших к ВРТ из сообщества «нормальных» родителей, родивших ребенка традиционным способом.

В Федеральном законе от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Глава 6. «Охрана здоровья матери и ребенка, вопросы семьи и репродуктивного здоровья», ст. 55 сказано, что «мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (п.3 ст.55)» [Собрание законодательства РФ, 2011]. Таким образом, право на материнство, функция женщины как продолжательницы рода превалирует над правом на отцовство, что противоречит Ч.2. и Ч.3. Конституции РФ [Конституция РФ]. В результате, на женщину перекладывается ответственность за репродуктивное поведение обоих партнеров. Биополитика, формируя образ «нормальной» семьи с детьми и женщины как матери, маркирует как «ненормальные» другие варианты семей, а также дискриминирует женщин, не желающих или не способных выносить и родить ребенка.

В условиях неравного доступа к ВРТ как в рамках одной страны, так и на глобальном уровне, все острее звучит проблема рассмотрения женского тела или биологических материалов как товара, фрагментации и коммодификации женского тела [Gupta and Richters, 2008], что отражает усиление традиционного гендерного неравенства. Дополнительная биоценность женского тела приводит к появлению прибыльного рынка [Almeling, 2011], где есть свои потребители и свои поставщики. В последние годы речь идет о репродуктивной биоэкономике, основным элементом которой выступает репродуктивный труд (например, суррогатное материнство), а основным средством обмена – репродуктивные ткани (донорство). Ряд авторов [Löwy, Rozée, and Tain, 2014] говорят о глобальной сети репродуктивного труда. Возникают новые сервисы – банки донорских женских и мужских клеток. Рекламу подобных центров, направленную как на доноров, так и на реципиентов, можно видеть не только в Интернете, но и в традиционной печатной прессе. Интересно отметить, что подобное донорство рассматривается как «дар» со стороны женщин, и как «работа» со стороны мужчин [Almeling, 2011]. «Репродуктивный рынок» имеет глобальный характер, распределение поставщиков и потребителей варьируется как в рамках одной страны, так и на глобальном уровне. Вовлечение как женщин, так и мужчин в качестве поставщиков этого рынка связано с другими формами неравенства: социальный статус, этничность и т.д. начинают играть здесь ключевую роль.

Сегодня в области изучения воздействия ВРТ на общество накопилось значительное количество вопросов. Поскольку, в процессе использования ВРТ, чаще всего все манипуляции производятся с женским телом даже в случае проблем с мужской фертильностью, закономерным является рассмотрение указанной проблематики в гендерном контексте. Мы выделили два аспекта – биополитика и биоэкономика – которые способствуют формированию новых форм социального контроля над человеческим телом в гендерном измерении.

1. Almeling, R., (2011), *Sex Cells: The Medical Market for Eggs and Sperm*. Berkeley, University of California Press.
2. Gupta, J. A. and Richters, A., (2008), "Embodied Subjects and Fragmented Objects: Women's Bodies, Assisted Reproduction Technologies and the Right to Self-Determination", *Journal of Bioethical Inquiry*, vol. 5, no 4, pp. 239-249.
3. Löwy, I., Rozée, V. and Tain, L., (2014), "Introduction. Nouvelles techniques reproductives, nouvelle production du genre", *Cahiers du genre*, vol. 56, pp. 5-18.
4. Исупова, О., (2012) Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорства яйцеклеток и суррогатном материнстве // *Журнал исследований социальной политики*. №3. С. 381-393.
5. Конституция РФ. URL: <http://www.garant.ru/doc/constitution/> (дата обращения 20.07.2015).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 октября 2013 г. N 932 г., Москва, "О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов", *Российская газета*, 22 ок
7. *Регистр ВРТ. Отчет за 2012 год*, (2014), Российская ассоциация репродукции человека, Санкт-Петербург.
8. *Собрание законодательства РФ*, (2011), №48. Ст. 6724.
9. Темкина, А., (2013) Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики в России // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 11. №1. С. 7 – 24.
10. Ткач, О., (2013) «Наполовину родные?» проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // *Журнал исследований социальной политики*. №1. С.53-65.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Бочкарева А.В. (Санкт-Петербург)

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) в современном понимании – это любые методы репродукции человека, при которых отдельные этапы развития эмбрионов происходят вне организма (в пробирке). ВРТ помогают преодолеть бесплодие, которым страдают 10-20% супружеских пар. [1.С.79]. Такие способы репродукции являются не только новым компонентом увеличения рождаемости, но и приводят к появлению новых социальных, правовых и этических норм. Именно множество социальных последствий этой активно развивающейся сегодня медицинской процедуры, ставшей открытием 20 века (первый «ребенок из пробирки» в мире родился в 1978 году), нуждаются в изучении в контексте социологического знания. [2.С.70-72].

В 1956 году Питирим Сорокин в своей работе «Американская сексуальная революция» дал оценку последствиям сексуальной революции, которые мы наблюдаем сегодня и в нашей стране: общество принижает ценности материнства и отцовства, женственности и мужественности, детства, брака и семьи. Эти общественные установки стали одной из главных предпосылок утверждения и развития вспомогательных репродуктивных технологий, а также поспособствовали появлению большого числа социальных и этических проблем, опосредованных применением ВРТ. [3.С.92].

И. С. Кон, говоря о сексуальной революции, упоминает и вспомогательные репродуктивные технологии: «С одной стороны, эффективная контрацепция позволяет людям заниматься сексом, не опасаясь нежелательного в данный момент зачатия. С другой стороны, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) и экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) сделали принципиально возможным «непорочное зачатие», без какого бы то ни было сексуального общения и контакта родителей». [4.С.52].

В результате сексуальной революции индивид, реализуя свои репродуктивные права, свободен в выборе степени, времени и способа реализации потенциальной фертильности. Таким образом, он может полностью отказаться от деторождения и оставаться бездетным до конца жизни или произвести на свет определенное количество детей, при этом искусственно ограничивая фертильность с помощью аборт или контрацепции; может отложить появление детей на пострепродуктивный период; может привязать деторождение к определенной форме брака или вовсе не связывать рождение детей с семейным союзом; может заниматься лечением заболеваний, препятствующих зачатию ребенка или вынашиванию ребенка или прибегнуть к помощи репродуктивных доноров; может выбрать традиционную беременность или пригласить суррогатную мать. Эти возможности репродуктивного выбора во многом обусловлены современными социальными и экономическими отношениями, нормами и реализуются при помощи вспомогательных репродуктивных технологий.

Однако, расширение свободы репродуктивного выбора, реализуемое посредством ВРТ, привело к увеличению числа родительских статусов. Сегодня ответ на вопрос «Кого назвать родителем?» часто вызывает затруднения. Даже понятие «биологические родители» становится неоднозначным, помимо «естественных родителей» появились генетические матери и отцы, суррогатные матери. [5.С.7]. В некоторых зарубежных странах усыновителями могут стать гомосексуальные пары, также они могут прибегнуть и к услугам ВРТ.

Ещё Питирим Сорокин прогнозировал наступление кризиса семьи, выражающегося, главным образом, в невыполнении ею своих основных функций. В своём историческом развитии всё больше своих функций семья начинает разделять с обществом.

Воспитательно-педагогическая функция уже практически разрушена, так как её выполняет государство – ребенок с первых лет жизни попадает в государственную воспитательно-педагогическую систему (ясли, детский сад, школа). [6.С.127]. Сегодня с появлением вспомогательных репродуктивных технологий, базовая функция семьи – репродуктивная (функция воспроизводства) – может осуществляться за пределами самой семьи, посредством третьих лиц (доноров, суррогатных матерей) или медицинских процедур, зачатием в пробирке. Так, ВРТ позволяют семье разделить с обществом свою основополагающую функцию. Такая тревожная динамика вызывает вопрос, какие функции будет выполнять в дальнейшем базовый социальный институт – институт семьи?

По причине развития вспомогательных репродуктивных технологий, произошло множество изменений в социальной сфере жизни. Большое влияние ВРТ оказали на институт семьи, подвергающийся трансформации в современном мире. Помимо этого, применение вспомогательных репродуктивных технологий привело к созданию парадоксальной ситуации: технологии, изначально призванные решить проблему бесплодия – биологического «неравенства», сегодня стали причиной появления принципиально новых форм неравенства. Многие биологически бесплодные пары не могут стать родителями из-за нехватки финансовых ресурсов, в то время как биологически здоровые люди, не желающие вынашивать своих детей, становятся родителями посредством суррогатного материнства, располагая соответствующими финансовыми возможностями.

Сегодня мы наблюдаем трансформацию традиционных представлений о формах семьи, и во многом это происходит вследствие развития новых репродуктивных технологий, которые осложняют определение родительских статусов, а также позволяют осуществлять главную функцию семьи – функцию воспроизводства – за её пределами посредством третьих лиц. Кроме того, вспомогательные репродуктивные технологии позволили людям в полной мере реализовывать свои репродуктивные права. Помимо вышеперечисленных социальных последствий, применение ВРТ, а особенно суррогатного материнства, затрагивает множество этических аспектов, и невозможно их игнорировать, анализируя социальную сторону процесса.

Наличие «третьей» стороны в отношениях семьи всегда требовало осмысления с морально-этических позиций. Иное значение этот вопрос приобретает в таких интимных вопросах, как деторождение. Современная культура, основанная на прагматизме, многие вещи начинает рассматривать только с позиции пользы: выгодно — значит, имеет право быть. То же произошло с суррогатным материнством. Будучи изначально альтруистической формой помощи людям, которые хотят, но не могут родить собственного ребёнка, сегодня эта технология стала прибыльным бизнесом, о чем свидетельствуют многочисленные предложения в интернете различных агентств по подбору суррогатных матерей. Превращение суррогатного материнства в бизнес полностью извращает первоначальный смысл этого явления.

Существует взгляд на суррогатное материнство как на новую форму эксплуатации женского тела, форму торговли своим телом. На сайтах агентств, подбирающих суррогатных матерей, есть информация о женщинах, вступавших в программу по 2—3 или даже 4 раза, что свидетельствует о том, что для многих суррогатное материнство становится профессией. [7.С.31]. Более того, чем больше детей выносила суррогатная мать, тем большим доверием и «спросом» она будет пользоваться. Можно провести аналогию с первобытными брачными практиками, описанными П. А. Сорокиным, который связывал процесс развития семейных отношений с умственным и нравственным усовершенствованием человечества в процессе исторического развития. У вотяков считалось, что чем больше детей имеет девушка до брака, тем более завидной невестой она является. Питирим Сорокин считал конечным пунктом эволюции брака моногамный брак, а его первобытные, «нравственно-низкие и несовершенно» формы являются разрушившимися и исчезнувшими пережитками брака. [6.С.122-123]. Таким образом,

современные репродуктивные технологии, которые, казалось бы, не могут иметь ничего общего с первичными формами брака, частично воспроизводят в современном мире семейные ценности первобытных обществ. Делая огромный шаг вперед в области медицинского технологического прогресса, человечество сталкивается с этическими проблемами, которые, согласно закону эволюционного развития общества, должны были стать пережитком прошлого.

Таким образом, помимо трансформации института семьи, применение ВРТ приводит к появлению множества биоэтических, этических, моральных проблем. ВРТ позволили иметь детей однополым парам, одиноким людям, а в этом процессе могут быть задействованы еще до трех «родителей» - доноры и суррогатная мать – так, вспомогательные репродуктивные технологии не только способствуют появлению новых форм семьи, но и осложняют процесс определения родительских статусов. Кроме того, ВРТ позволяют процессу зачатия, развития плода и, более того, рождения ребенка проходить вне семьи, с участием третьих лиц. Получается, что не только воспитательная, но даже основная функция семьи – репродуктивная – сегодня может быть выполнена за ее пределами и без участия родителей. Помимо этого, во многом благодаря возникновению вспомогательных репродуктивных технологий, современный человек, обладая безграничной свободой, может в полной мере реализовать свои репродуктивные права.

В связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий возникает большое количество вопросов и споров, и здесь не может быть однозначных ответов, но необходимо понимать, что наука и медицина развиваются, помогая решать очень важную для многих проблему невозможности иметь собственных детей, и морально-этические взгляды неизбежно будут изменяться, учитывая потребности современного общества. При этом постановка и решение этических вопросов – о личностном статусе эмбриона, отношении к донорству и суррогатному материнству, возрождению евгеники, требует объединения усилий представителей научного сообщества, институтов церкви и гражданского общества.

1. Римашиевская Н. М. Дети и молодежь новой России // *Народонаселение*. -2012. -№3. -С. 78-83.
2. Русанова Н. Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // *Журнал исследований социальной политики*. -2013. -Т.11. -№ 1. -С. 69–86.
3. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция // *Народонаселение*. -2011. -№1. -С. 89-100.
4. Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. -2011. -Т.4. -№ 1. -С. 51–65.
5. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. -М: Институт социологии РАН, 2008.
6. Ломоносова М. В. Вопросы семьи и брака в научном наследии П. А. Сорокина // *Наследие*. -2011. -№1. -С. 119-129.
7. Высочина Ю. Л. Философские проблемы вспомогательных репродуктивных технологий // *Инновации в науке*. -2014. -№ 30-2. -С. 26–32.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОГРАММ ЛЕВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Букина А.А. (Санкт-Петербург)

В ряде стран наличие крупных женских организаций приводит к включению гендерной проблематики непосредственно в программы политических партий. Это способствует успешному проведению социальных реформ, касающихся не только женщин, но и семей в целом. В частности, в США был принят закон об отпуске

продолжительностью 12 недель по уходу за новорожденными или больными членами семьи [1].

В Российской Федерации на данный момент отсутствуют крупные женские организации, которые были бы способны оказывать значительное влияние на социальную политику страны и программные установки политических партий. Однако в программах ряда партий встречается обращение к гендерной проблематике.

Учитывая то, что современное феминистическое движение в основной массе является левым, представляется особенно интересным рассмотреть гендерную проблематику в программах политических партий левого толка. Таким образом, цель данного исследования – выявить наличие и специфику обращения к гендерной проблематике партий левой части политического спектра современной России.

На момент написания данной статьи в Российской Федерации официально зарегистрированы 79 политических партий, для исследования были взяты тексты программ 23 из них. В ходе исследования был проведен контент-анализ текстов программ, осуществлен поиск слов «женщина», «женская», «материнство», «семья» и их однокоренных вариаций.

В программах партий «ЧЕСТНО», «Коммунистической партии социальной справедливости», «РОТ Фронт» женщины не упоминаются [7, 14, 24]. Блоков, посвященных социальной политике, в которых упоминался бы институт семьи или материнство также нет.

В 7 программах женщины не упоминаются, но есть упоминания семьи либо материнства [4, 6, 12, 18, 22, 23 25].

«Партия социальной солидарности» посчитала должным особо подчеркнуть, что создает мужчинам и женщинам, гражданам РФ разных национальностей, являющимся членами Партии, равные возможности для представительства в руководящих органах Партии, в списках кандидатов в депутаты [17, с. 2]. Иных упоминаний женщин или вопросов, связанных с семьей в программе нет.

Остальные упоминания женщин можно разделить на несколько смысловых групп. Первая – упоминание женских организаций при перечислении тех, с кем партия готова сотрудничать – в одном ряду с молодежными, ветеранскими, экологическими и другими организациями. Такой подход к гендерной проблематике встречается у КПРФ и «Партии пенсионеров за справедливость» [13, 21]. В программах обеих партий также содержатся общие фразы о положительном отношении к институту семьи.

Вторая группа – партии, обращающиеся к гендерной проблематике исключительно в ракурсе демографии.

Партия «Рождённые в Союзе Советских Социалистических Республик» упоминает женщин в связи с необходимостью установления дополнительных выплат «беременным, страдающим от анемии (почти 35% женщин) и дефицита иммунных функций» [20, с.7].

Партии «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров» и «Партия поддержки» (тексты программ идентичны, за исключением некоторых чисел) заявляют о необходимости выплачивать пособия матерям по 500 000 рублей наличными за рождение каждого ребёнка «без всяких условий, в том числе женщинам, родившим ребёнка и сдавшим их в детский дом, то есть отказавшимся делать аборт» [11, с. 5; 10, с. 4].

Партия «Воля» включила в свою программу развернутое описание мер по стимулированию роста рождаемости посредством повышения пособий молодым матерям. Отмечается необходимость полного обеспечения бесплатным медицинским обслуживанием беременных женщин [9, с. 5-6].

В программе партии «За справедливость» указывается на необходимость создания федеральной системы медико-психологической поддержки матери и семьи в период планирования и ожидания ребенка, его раннего детства [3, с. 4].

«Партия социальной защиты» утверждает, что «защита семьи, материнства и детства - наиболее приоритетная задача российского государства». Кроме того, в программе подчеркивается, что пенсии по возрасту должны выплачиваться всем гражданам России, «начиная с 55 лет - для женщин и с 60 лет - для мужчин» [16, с. 4-5].

Третья группа - партии, говорящие о гендерных проблемах комплексно. «Альянс зеленых и социал-демократов» заявляет, что «женщины должны на практике иметь абсолютно равные с мужчинами возможности профессионального развития» и объявляет о намерении бороться со скрытой дискриминацией женщин [8, с.10-11].

«Социал-демократическая партия России» подчеркивает, что работа мужчин и женщин должна оцениваться одинаково [5, с. 1].

В программе партии «Справедливая Россия» был выявлен самый большой блок, посвященный гендерной проблематике. В частности, отмечается, что «роль женщины в продолжении рода не должна быть причиной дискриминации». Партия указывает на необходимость преодоления дискриминации женщин. Предлагается оплачивать труд многодетных родителей, чтобы женщина могла рассматривать свои материнские обязанности как полноценную альтернативу работе вне дома. Наряду с этим отмечается необходимость создания государством таких условий, в которых женщина была бы уверена, что появление ребенка не станет для неё концом профессиональной карьеры [19, с. 23]. Это единственная партия, упоминающая в рамках семейного дискурса не только материнство, но и отцовство, декларируя, что эти социальные институты должны стать престижными [19, с. 26].

Программа «Партии ветеранов России» находится на стыке трёх вышеперечисленных групп, поэтому, при итоговом подсчёте, будет учтена в каждой из групп. С одной стороны, излагается намерение изучить и использовать опыт женских, ветеранских, профсоюзных и других организаций [15, с. 22]. Во-вторых, объявляется необходимость бесплатного обслуживания в женских консультациях и родильных домах [15, с. 29]. В-третьих, декларируется равная оплата труда для мужчин и женщин, намерение прекратить дискриминации женщин в сфере труда. Особо отмечается, что её причинами чаще всего являются беременность, наличие малолетних детей или предполагаемое материнство в будущем [15, с. 29-30].

Австралийская исследовательница Р. Коннелл отмечает, что наиболее консервативная часть современных приверженцев социализма рассматривает гендерные отношения как менее широкие, нежели классовые [2]. По их логике, изменение социального строя само собой повлечет решение всех гендерных проблем, вызванных исключительно капиталистическим способом производства. Согласно данным настоящего исследования, только 3 из 23 официально зарегистрированных левых политических партий никак в своих программах не касаются гендерной проблематики.

В программах остальных 20 организаций ситуация довольно интересна. Слова «женщина», «женская» и их однокоренные производные присутствуют в 13 программах; «семья» и его производные – в 5 программах, одновременно слова «семья», «материнство» и их производные – в 2. Слово «отцовство» присутствует в 1 программе.

При этом 3 партии упоминают в программных документах женские общественные организации, считая их своими возможными соратниками в политической борьбе. В поле зрения 7 партий попали только гендерные проблемы, связанные с репродуктивной функцией женщин. И лишь 4 партии наряду с необходимостью решить проблемы, связанные с материнством, говорят о положении женщин в социуме в целом и скрытой дискриминации в трудовой сфере.

Таким образом, гендерный аспект, разнообразно преломляясь в социальной реальности, присутствует в 87% программ левых политических партий современной России.

1. Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 432 с.
2. Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. М., 2000. - 255 с.
3. Программа Всероссийской политической партии «ПАРТИЯ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ!» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2330> (дата обращения: 25.09.2015)
4. Программа Всероссийской политической партии «Партия пенсионеров России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2316> (дата обращения: 25.09.2015)
5. Программа Всероссийской политической партии «Социал-демократическая партия России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2293> (дата обращения: 25.09.2015)
6. Программа Всероссийской политической партии «Союз Труда» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2739> (дата обращения: 25.09.2015)
7. Программа Всероссийской политической партии «ЧЕСТНО» /Человек. Справедливость. Ответственность/» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2427> (дата обращения: 25.09.2015)
8. Программа Народной политической партии «АЛЪЯНС ЗЕЛЕНЫХ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2288> (дата обращения: 25.09.2015)
9. Программа Общероссийской политической партии «ВОЛЯ» Официальный портал Министерства юстиции РФ. [электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2595> (дата обращения: 25.09.2015)
10. Программа Общественной организации Политическая партия «Партия Поддержки» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/press/news/programma-i-ustav-obshchestvennoy-organizacii-politicheskaya-partiya-par>
11. Программа Политической партии «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/120815> (дата обращения: 25.09.2015)
12. Программа Политической партии КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2324> (дата обращения: 25.09.2015)
13. Программа Политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2290> (дата обращения: 25.09.2015)
14. Программа Политической партии «Коммунистическая партия социальной справедливости» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2291> (дата обращения: 25.09.2015)
15. Программа Политической партии «ПАРТИЯ ВЕТЕРАНОВ РОССИИ» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.ru/ru/node/2690> (дата обращения: 25.09.2015)

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СУПРУЖЕСКОГО КОНФЛИКТА У МОЛОДОЖЁНОВ

Буткевич К.Н. (Могилёв, Республика Беларусь)

В основе статьи лежат социологические данные, полученные в результате опроса 777 взрослых (старше 16 лет) жителей Могилёвской области, проведённого в 2014 году в

рамках государственного проекта «Социальные факторы повышения репродуктивного потенциала института семьи в современном белорусском обществе» (руководитель доктор социологических наук, профессор Бубнов Ю.М.).

Конфликт начинает закрадываться в «душу» каждой новоиспечённой семьи без исключения, что вполне естественно, ведь совместная супружеская жизнь, скреплённая взаимными обязанностями, существенно отличается от холостяцкой безответственной независимости. Молодая семья начинается с взаимной адаптации молодожёнов к привычкам, интересам, образу жизни, сложившихся в родительских семьях. Но этот процесс в каждой семье происходит по-разному: в одних случаях, новоиспечённые супруги не хотят приспосабливаться к друг другу и идти на компромиссы, в других - муж и жена сумели найти «золотую середину» в своих спорах и разногласиях, получив в награду семейное счастье, и, наконец-то, третий вариант представляют семьи, которые сделали супружеский конфликт составной частью своей жизни. Поэтому, именно начало супружества, знаменующее отход от послесвадебной эйфории и погружение в мир бытовой повседневности, создаёт своеобразную проверку семьи на прочность. Молодожёнам предоставляется возможность определить внутренний потенциал своего семейного союза, потому что поведение супругов в моменты их первых противоречий во многом определяет судьбу их дальнейшей семейной жизни.

Школа обучения счастливой семейной жизни начинается с детства. И умение или неумение строить взаимоотношения в семье во многом закладываются в нас ещё в детском возрасте, поскольку дети с точностью воспроизводят в своих созданных семьях сценарии семейной жизни своих родителей. Если ребёнок ежедневно наблюдал, как мама с папой ругаются, вероятнее всего, он тоже будет конфликтовать в своей семье. Или же, наоборот, когда ребёнок рос в семье, где конфликты между родителями не принимали широкого охвата, достигнув своего апогея – с побоями и оскорблениями, то, следовательно, для него будет чуждым и совершенно непонятным конфликт в семейной жизни.

Так, например, у бесконфликтных супругов – в 40,5% счастливые родители. А у каждого четвёртого (26%) конфликтующего супруга между родителями было больше ссор, чем взаимопонимания

Поэтому родители, которые постоянно ссорятся при своих детях, закладывают в своём потомстве фундамент супружеской конфликтности. Родители – главные объекты подражания для своих детей, и все их действия (в том числе и конфликтного характера) являются для детей эталонным образцом поведения.

Однако же всё-таки без конфликтов в семейной жизни не обойтись, но в одних семьях конфликты случаются крайне редко и носят совершенно безобидный характер «молчаливой обиды», которая быстро проходит. Противоположный же пример семьи, в которой конфликт входит в обычный распорядок дня супругов и отличается «красноречивыми» оскорблениями друг друга, а, возможно, даже и побоями.

Среди опрошенных респондентов 42,9% конфликтуют редко, 6,5% конфликтуют часто и одна десятая респондентов не конфликтует вовсе.

Супружеский конфликт, как и любой другой вид конфликта, может быть, как деструктивный, который снижает ощущение удовлетворённости и комфорта в браке, так и конструктивный, дающий супругам возможность найти компромиссное решение в своём споре и ещё больше укрепить фундамент своего супружеского благополучия. Это утверждение подкрепляется социологическими данными. Так, например, у «часто конфликтующих супругов» мысли о разводе появляются в 12 раз чаще, чем у конфликтующих в незначительной степени! Для 63,8% и 30,3% супружеских пар, между которыми чёрная кошка пробегает реже, конфликт имеет своим следствием «осадок, который быстро проходит» или же вызывает ещё большую любовь по отношению к друг другу соответственно.

Супружеский конфликт определяется многими аспектами семейного уклада, в том числе и теми, которые могут и не осознаваться супругами как источник и причина их частых недомолвок и разногласий.

Так, например, по поводу главенства в семье конфликтуют 7,1% опрошенных респондентов. Происходящие общественные изменения в сторону сглаживания границы гендерных различий приводят к переходу от семьи патриархального типа, сохранившейся не одно столетие, к семье, основанной на равноправии. Супружеское равенство заслуживает особого внимания, во-первых, потому что обеспечивает гармонию, мир и порядок в семье. Оказалось, что чаще всего конфликтуют супруги, которые постоянно соперничают за место главы семьи (66,6%). Немного меньше конфликтов происходит в семьях, где оба супруга боятся взять на себя ответственность «быть в семье главным» (33,3%), в семьях такого типа нет чёткого распределения домашних обязанностей, оба супруга не имеют представления о своих обязательствах перед своей семьёй и, поэтому, конфликт происходит в результате ухода обоих супругов от ответственности за принимаемые решения или совершаемые действия и т.д. Если же в семье установлено единоличное лидерство, то больше конфликтов происходит в семьях матриархального типа (25%), чем в патриархальных (8,8%). И, наконец, с ракурса препятствию супружескому конфликту, наилучший вариант семейных отношений представляют семьи, в которых существуют равенство мужчины и женщины. В таких семьях, где категория главы семьи утрачивает своё значение, конфликты случаются лишь у 2,2% респондентов.

Во-вторых, супружеское равноправие значительно стимулирует репродуктивный мир супругов – репродуктивные установки выше в два раза в семьях, в которых функции главы выполняет мужчина (в семьях под женским началом детей собираются иметь лишь 4,8% респондентов).

Уровень образования и социально-профессиональное положение супругов также оказывает влияние на степень семейной конфликтности. Чаще конфликтуют супруги, имеющие высшее (69,6%) и среднее специальное образование (26,1%). Респонденты, окончившие лишь среднюю школу, конфликтуют в семье только в 4,4% случаях. Объяснить это можно тем, что люди с более высоким уровнем образования вступают в брак позднее в силу прохождения обучения. А чем старше человек, тем его повседневные привычки, распорядок дня и жизни укореняются больше, и, вступив в брак, изменить их и приспособиться к укладу новой семейной жизни будет гораздо труднее.

По социально-профессиональному положению супружеская конфликтность встречается, прежде всего, среди служащих с управленческими функциями (21,7%). Это можно пояснить тем, что человек, занимающий управленческую должность, будет переносить свою повседневную обязанность – командовать и распоряжаться – и на домашний очаг, тем самым посягая на мир и единство в своей семье. Не следует смешивать две совершенно разные сферы – работу и семью!

И, наконец-то, важнейшим аспектом семьи является наличие в ней детей. Социологические данные свидетельствуют о том, что, с одной стороны, количество детей в семье обратно пропорционально уровню супружеских конфликтов, а с другой – то, что причиной конфликтности супругов является их бездетность или малодетность. Об этом свидетельствуют цифры. Так, часто конфликтуют преимущественно супруги, не имеющие детей вовсе (30,4%), или же обзаведённые только одним ребёнком (69,6%). Это вполне объяснимо тем, что дети были и остаются стабилизирующим и спланивающим фактором для семьи. У многодетных родителей забот вдвое больше, чем у родителей малодетных, и поэтому такие супруги более терпеливы друг к другу, у них даже просто не хватает времени посягать на мир, порядок и единство домашнего очага. В общей заботе о детях оба супруга представляют нераздельное целое, а чем меньше этих забот (связанных с детьми) – тем больше поводов для раздора. На этот счёт справедливо мнение Питирима Сорокина: «Дети – это цемент, скрепляющий семью». Конечно, исходя из вышесказанного, можно было бы призывать молодых людей к рождению хотя бы троих

детей лозунгом: «Чем больше детей, тем узы брака сильнее!», но сам этот факт, что бездетные семьи и семьи с одним ребёнком более конфликтны, может и не осознаваться конфликтующими супругами, которые в силу своих постоянных разногласий как раз и не хотят больше обзаводиться потомством!

Важно отметить, что начальным условием счастливой семейной гармонии является незамедлительное рождение первенца сразу же после заключения брака, что сразу создаст дополнительные заботы супругам и не оставит времени найти повод поконфликтовать и тем самым изначально заложить основы конфликта в своей семье. Неблагоприятной является ситуация, когда молодая семья, откладывая рождение детей на перспективу, начинает свою семейную историю именно с супружеского конфликта, который, появившись в доме раньше детей, отбивает у супругов всякое желание количественно увеличить свою семью.

Итак, картина начала супружества представлена далеко не в ярких красках, ибо как гласит латинская пословица «Всякое начало трудно – это истина». И, действительно, молодожёнов на первых порах совместной жизни конфликт будет подстерегать на каждом углу. И именно их поведение в моменты их первых противоречий во многом определит судьбу их дальнейшей семейной жизни. А вот уже с увеличением стажа семейной жизни, как свидетельствуют социологические данные, частота супружеских конфликтов снижается. Наиболее частые конфликты случаются между супругами, чей семейный стаж находится в пределах от одного года и до шести лет.

Также, чтобы не допустить превращения своего уютного домашнего гнездышка в «арену боевых действий», начинающим супругам в своих разногласиях нужно научиться главному правилу семейного этикета – взаимному пониманию и уважению, которые предполагают уместное в отдельных ситуациях молчание (супругу-(ге) лучше сказать, что он не прав тогда, когда эмоции уже уступят место разуму); не допускать резкого тона (а тем более оскорблений), доказывая супругу (супруге) свою правоту. По отношению к нынешней молодёжи это трудно себе представить, ибо каждый имеет своё гордое «Я», посягнуть на которое никто не имеет право! А ведь семья – это «союзное» образование, которое совершенно не допускает индивидуальной отрешённости. В семье не существует «Я», в семье должно быть крепкое сплочённое «Мы», результатом чего будет отсутствие в семье духа авторитарности и директивности, а равно и атмосферы конфликтности.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ КЛИЕНТОВ СТАЦИОНАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Велиева С.В. (Чебоксары)

Здравоохранение и психологическая наука на современном этапе становятся ответственными за сохранение, поддержание и генерацию здоровья отдельных индивидов и общества в целом. Задача психиатров, психотерапевтов, психологов состоит в том, чтобы помочь людям реорганизовать себя. А. О. Прохоров [2] подчеркивает, что целостная психологическая структура личности обеспечивается интегрирующей функцией психических состояний, знание специфики которых в значительно большей степени обеспечит решение указанной проблемы. Установлено, что актуализация и повторение психических состояний в течение длительного времени приводят к закреплению соответствующего личностного качества. Необходимость разработки более дифференцированного подхода к реабилитации мужчин и женщин с нарушением мышления, адекватного их курирования с учетом возможных специфических факторов риска определяет актуальность изучения роли гендерной специфики психических

состояний как возможного фактора формирования патологических свойств личности. Выявление сведений, иллюстрирующих гендерное своеобразие психических состояний людей с разными нарушениями мышления, послужило целью нашего исследования, которое проводилось на базе стационарного учреждения социального обслуживания ГБУ «Кузьямский психоневрологический интернат» Нижегородской области.

В исследовании приняли участие 57 клиентов: с олигофренией в умеренно-выраженной форме, органическим заболеванием головного мозга со снижением интеллекта до степени умеренно-выраженной дебильности (далее ОЗГМ) и шизофренией, параноидной формой, непрерывно-текущей, с выраженным эмоционально-волевым нарушением (по 19 человек: по 10 мужчин и 9 женщин). Для исследования нами были использованы методики: «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова [1], цветовой тест Люшера, опросник индивидуально-типологических особенностей Л. Н. Собчик [3]. Проведение экспериментального исследования позволило выделить общие, гендерные и особенные проявления психических состояний в зависимости от диагноза, а именно:

Общие особенности. Установлен высокий уровень ригидности и тревожности, мнительность, боязливость, склонность к навязчивым страхам и паническим реакциям, зависимость, менее выраженная реактивность внешних проявлений чувств при одновременно более высоком напряжении во внутриличностной сфере, склонности к фантазированию при повышенной внушаемости. На фоне неравновесных состояний более включенными оказываются процессы ощущения, восприятие и эмоции. Менее всего активизируются волевые процессы, внимание и речевая деятельность. Отмечается низкая чувствительность к внешним и внутренним воздействиям, превалирование пассивно-оборонительных форм реагирования, приводящих к формированию психологической защиты (отрицание, фиксация, искажение, вытеснение и др.). Обнаружено наибольшее сходство показателей подструктур психических состояний клиентов с шизофренией и клиентов с олигофренией. Установлено, что физиологические процессы быстрее всего активизируются, наиболее динамичны и интенсивны при неравновесных состояниях.

Большинству обследованных свойственны состояния возбуждения, оптимизма, активности, бодрости; примерно у четверти клиентов отмечается напряжение, апатия, истощение и торможение, утомление, и совсем не регистрируются равновесные состояния.

Гендерные особенности проявления психических состояний

У женщин доминируют раздражительная слабость, повышенная психическая и физическая утомляемость, тревога, эмоциональная лабильность, неадекватно пониженное настроение, отмечаются трудности сосредоточения и удержания объектов, низкая увлечённость работой. Неравновесные психические состояния ухудшают протекание психических процессов (речи, мышления, внимания, волевых процессов). Процессы ощущения, восприятия, эмоций, представлений, памяти, воображения оказываются менее уязвимыми. Неравновесные состояния женщин усиливают температурные ощущения, потоотделение, повышают мышечный тонус, деятельность сердечно-сосудистой системы.

У мужчин неравновесные психические состояния приводят к ухудшению показателей представлений, памяти, ощущения, эмоций и воображения и улучшают функционирование восприятия, волевых процессов, внимания; усиливают ощущения со стороны желудочно-кишечного тракта, потоотделения, повышается двигательная активность, мышечный тонус, дыхание, сердечно-сосудистая система и температурные ощущения. У мужчин проявления в сфере переживаний и психических процессов по всем показателям превосходят аналогичные показатели у женщин (в 1,3-4 раза), за исключением эмоциональных процессов и памяти.

В неравновесном состоянии у мужчин происходят изменения в физиологических реакциях, на основании которых мужчина начинает активно действовать, строить свое поведение. Затем активизируются психические процессы (восприятие, волевые процессы, внимание, мышление, речь), и лишь затем мужчина переживает по поводу ситуации, но

переживает в два раза интенсивнее и дольше, чем женщина. В отличие от мужчин, женщина строит свое поведение на основании сконструированного образа отраженной ситуации, но не реальной, а созданной в ее воображении (этим объясняется эффект домысливания женщинами непонятных, трудных ситуаций, прогнозирование неприятностей), а затем переживает по поводу случившегося. У мужчин обнаружена большая дифференциация состояний разных типов, чем у женщин, они более стабильны, меньше показателей выходят за пределы нормативных значений.

Особенности проявления психических состояний в зависимости от диагноза

У клиентов с олигофренией отмечается больший оптимизм, но меньше выражена раскрепощенность, чем у других категорий. Возбуждение и напряжение регистрируются чаще у клиентов с шизофренией, чем у обследованных с олигофренией, и не обнаруживаются у клиентов с ОЗГМ. Апатия, истощение и торможение, утомление выявлено у всех категорий обследованных, но более всего у клиентов с ОЗГМ.

Психические процессы незначительно активизируются при неравновесных состояниях в плане их улучшения у клиентов с ОЗГМ, чуть меньше – у клиентов с шизофренией и менее всего у клиентов с олигофренией.

У женщин с олигофренией психические состояния участвуют в процессе образования и протекания волевых процессов, эмоций, речи, восприятия. На их фоне ухудшаются показатели ощущений, представлений, мышления, памяти и воображения; дестабилизируется состояние желудочно-кишечного тракта, температурных ощущений, органов дыхания и потоотделения; повышается импульсивность, необдуманность, обнаруживается неустойчивость и неуверенность поведения. Волевые процессы, мышление, представления, восприятие, ощущение, – остаются более адекватными у мужчин с олигофренией, нежели у женщин. Эмоциональные процессы и воображение у мужчин снижаются, а у женщин – активизируются.

У мужчин с шизофренией психические состояния обеспечивают активизацию речи и воображения и дестабилизируют физиологические реакции, представления, эмоции, ощущения и память; усиливается печаль, вялость, скованность, ощущения тяжести.

У мужчин с олигофренией психические состояния более вовлечены в процесс образования восприятия, волевых процессов, представлений, ощущений, менее всего – в образы воображения и эмоциональных процессов; быстрее нарушаются функции желудочно-кишечного тракта, падает двигательная активность, ухудшается координация движений, деятельность сердечно-сосудистой системы, органов дыхания.

У мужчин с ОЗГМ волевые и эмоциональные процессы, внимание, речь, мышление функционируют лучше на фоне неравновесных состояний, чем у женщин, у последних – более упорядоченными оказываются процессы памяти, представлений, ощущений.

У женщин с органическим заболеванием головного мозга активизируются процессы восприятия, представлений, эмоций и воображения, ухудшается речевая деятельность и память; активизируется сердечно-сосудистая система, дыхание, повышается потоотделение и температура, снижается координация движения; в поведении – повышается импульсивность и уверенность.

Внимание, речь, ощущения у мужчин с шизофренией сохраняют оптимальные значения в сравнении с другими категориями. У женщин с шизофренией более произвольно функционируют эмоциональные процессы, мышление, память, представления, восприятие и дестабилизируются ощущение, внимание, речь, волевые процессы; снижается двигательная активность, координация движений, функции желудочно-кишечного тракта; им свойственна большая раскованность, чем женщинам других категорий.

Физиологические процессы активизируются в большей степени у клиентов с шизофренией, чем у клиентов с олигофренией и ОЗГМ. Сфера переживаний оптимизируется у клиентов с ОЗГМ и значительно угнетается у клиентов с олигофренией и с шизофренией. На фоне неравновесных состояний поведение становится более

активное, целеустремлённое, уверенное у клиентов с ОЗГМ, чуть меньше у клиентов с шизофренией и значительно нарушается у клиентов с олигофренией.

Клиентам с олигофренией и с ОЗГМ характерны тревожность, лабильность; для клиентов с шизофренией – замкнутость, индивидуализм, зависимость. Это означает преобладание соответствующих длительных неравновесных состояний, ведущих к типированию подобных черт личности. Таким образом, выявлены общие, гендерные и особенности проявлений психических состояний в зависимости от диагноза.

1. Прохоров А. О. *Методики диагностики и измерения психических состояний личности* / А. О. Прохоров. – М. : ПЕР СЭ, 2004. – 176 с. – С. 142–147
2. Прохоров А. О. *Неравновесные психические состояния человека // Психические состояния как общепсихологическая проблема : Хрестоматия // Сост. И. В. Герасимова.* – Владивосток : ДВГМА, 2001. – 104 с. – С. 97–102
3. Собчик, Л. Н. *Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики* / Л. Н. Собчик. – СПб. : Речь, 2003. – 624 с. – С. 64–72

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ НОВЫХ ФОРМ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глотов М.Б. (Санкт-Петербург)

Новыми формами семейно-брачных отношений в настоящее время выступают: гражданский брак, серийная моногамия и сожительство.

Гражданский брак как юридически оформленное посредством брачного контракта форма семейно-брачных отношений получил распространение в связи с увеличением значения экономических отношений между супругами. Как правило, причиной заключения гражданского брака является либо желание сохранить каждым из супругов относительную самостоятельность распоряжения имеющимися у них до брака личными имущественными и финансовыми ресурсами в процессе совместной жизни, либо обеспечить свое благополучие после расторжения брачных отношений.

В настоящее время в некоторых европейских странах в гражданском браке состоят около 80% молодых людей в возрасте до 25 лет. В последние десятилетия в России гражданский брак становится все более популярным. Согласно переписи населения 2010 года около 10% мужчин и столько же женщин в возрасте до 35 лет указали, что состоят в гражданском браке. Однако следует учитывать, что при опросах, с одной стороны, не все состоящие в гражданском браке указывают на это, считая свой брак официальным, с другой стороны, многие молодые люди считают гражданским браком добровольное, но юридически не оформленное сожительство.

В большинстве случаев гражданские браки заключаются между людьми, имеющими достаточно большое состояние и значительную разность возраста вступления в брак. Чаще инициаторами заключения брачного контракта выступают молодые представительницы женского пола для того, чтобы обеспечить себя и своих детей на случай потери супруга или развода с ним. Инициаторами расторжения гражданского брака в большинстве случаев выступают мужчины, которые или подозревают жену в супружеской неверности, или находят ей замену.

Новым явлением для современных семейно-брачных отношений, получающим все большее распространение в мире, стала так называемая серийная моногамия – серия повторных браков (от трех до шести и более). Подтверждением этому может служить увеличение численности повторных браков. Например, в России доля лиц, вступивших в повторный брак, увеличилась для мужчин с 18,9% до 28,0% и для женщин с 17,9% до 26,9%. Более 80% повторных браков заключаются не после смерти одного из супругов, а после очередного развода. Живущие в городе мужчины вступают в повторный брак

значительно чаще, чем сельские жители. Женщины, имеющие дети от предыдущего брака, реже вступают в повторный брак.

В английском «Журнале эпидемиологии и общественного здоровья» было опубликовано исследование ученых о том, что для сохранения душевной гармонии и защиты от стрессов мужчинам идеально подходит вариант серийной моногамии. Мужчины быстро забывают о проблемах, связанных с разрывом прежних отношений, и легко заводят новые. Однако для женщин такая личная жизнь – верный путь к депрессии. Чтобы быть счастливой, женщинам рекомендуется избегать расставаний, лучше определиться с партнером, причем постараться выйти за него замуж, а не сожительствовать.

Сожительство – совместное проживание мужчины и женщины для удовлетворения своих эмоциональных, сексуальных и материальных потребностей, не связанных с родственными или хозяйственными отношениями. С юридической точки зрения сожительство не является официальной формой семейно-брачных отношений. Однако в общественном мнении оно признается как незарегистрированный брак. При опросах о своем семейном положении многие, в основном молодые люди, чаще женского пола, отвечают, что они состоят в браке.

Первая попытка исследования незарегистрированных браков отечественными демографами была предпринята в процессе подготовки к проведению переписи населения 1970 года. В 1967 году в трех районах СССР были опрошены около 230 тысяч человек. В результате число людей, состоящих в незарегистрированном браке, составило 13% от тех, кто состоит в браке зарегистрированном. Как показали последующие исследования, сожительство в большей мере распространено среди молодежи в возрасте 15-19 лет, у лиц с низким социальным статусом и уровнем образования, а также творческих работников, студентов и тех, чьи родители не состояли в официальном браке или их брак не был успешным. Наибольшая доля сожительства зафиксирована среди людей, не достигших официального брачного возраста.

Перепись 2002 года зафиксировала, что по сравнению с 1994 годом доля незарегистрированных браков выросла в полтора раза, причем в сельской местности их оказалось на 3% больше, чем в городских поселениях. Данные переписи 2010 года свидетельствуют, что в ответах о незарегистрированных браках, мнения мужчин и женщин практически совпали. О том, что они состоят в незарегистрированном браке, заявили 21377 представителей мужского пола и 21327 представительниц женского пола.

К мотивам популярности сожительства респонденты относят следующее:

— ожидание условий для регистрации брака: достижение возраста официального вступления в брак, окончание учебы в вузе, приобретение самостоятельной жилплощади, поиски высокооплачиваемой работы, накопление средств на проведение свадьбы и обустройства домашнего очага;

- проверка устойчивости эмоционально-сексуальных отношений;
- сохранение относительной независимости;
- нецелесообразность официального оформления брачных отношений;
- боязнь материальных и духовных последствий развода.

В настоящее время на распространение сожительства оказывает влияние введение пособий и льгот одиноким женщинам, воспитывающих детей. Эмпирические исследования доказывают, что подобные меры стимулируют сожительство и внебрачную рождаемость. Как показали исследования, проведенные сотрудниками кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ, около 40% жителей российских регионов считают допустимым совместную жизнь в незарегистрированном браке. Однако даже при терпимости общественного мнения к добрачным связям и сожительству большинство людей придерживаются традиционного вида оформления семейных отношений.

С юридической точки зрения незарегистрированный брак может быть признан в качестве гражданского, если у мужчины и женщины, которые живут вместе, появляется общий ребенок или они ведут совместно хозяйство. В этом случае при распаде такой семьи возможно судебное разбирательство по поводу отношения к ребенку и раздела имущества. Несмотря на это, чаще инициаторами прекращения семейных отношений выступают мужчины.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ.

Глотова М.С. (Тула)

Вопросы гендера занимают одно из главных мест в социологической науке. С каждым годом интерес к гендерной проблематике только возрастает.

Стоит заметить, что ещё в к. XVIII века Ш.Фурье, один из французских социологов, обратил своё внимание на социальное положение женского населения, поскольку оно является мерилем общественного прогресса. Женские проблемы и то, социальное положение, которое женщина занимает в обществе, волнует не одно поколение мыслителей. Именно поэтому проблема определения ее роли и места в общественной иерархии стояла перед разными философами.

Рассуждения на тему маскулинности и феминности, мужественности и женственности, их соотношения можно найти в работах Ж.Ж. Руссо, Вольтера, Дидро, К.Маркса, Э.Дюркгейма, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса и других. Также тема соотношения полов обсуждалась и в отечественной философской мысли.

Необходимо отметить, что до 70-х годов XX столетия основная теория социально-политической стратификации имела биологическую основу, так как различия полов по отношению к престижу и власти выводились из врождённых, заложенных природой качеств, причем одно из которых считалось абсолютным.

В конце 60-х годов в западной науке для более подробного анализа социальных отношений и опровержения суждений об определяющей роли биологических различий для поведения и социальных ролей, как мужчин, так и женщин, в научный оборот было введено понятие «гендер». Разделение терминов «пол» и «гендер» позволило выйти к новому уровню теоретического осмысления – от женских исследований к гендерным, т.е. изучению формирования, воспроизводства и репрезентативности половых ролей.

Суть гендерного подхода кроется в раскрытии не только культурно-детерминированных различий между полами, но и того, в какой степени культурное конструирование этих различий отражается на социальном статусе гендерных групп, а именно положении, занимаемом на рынке труда, возможностях реализации в сфере политики, образования и т.д.

Главным аспектом гендерных исследований является особая основа методологии. Здесь важно учитывать, что это должно быть не просто описание разницы в социальных статусах, ролях и прочих аспектах жизнедеятельности мужчин и женщин, но и подробный анализ вопросов власти и доминирования, которые насаждаются обществом через гендерные роли и отношения.

Таким образом, гендерные исследования можно определить как отрасль знания, благодаря которой изучается, как конкретный социум определяет, формирует и закрепляет в сознании общества и отдельно взятой личности те социальные роли, которые распределяются среди женщин и мужчин, а также какие последствия это для них имеет.

На современном этапе развития общества ареал распространения гендерных исследований существенно расширился как за рубежом, так и в России. Однако, наряду с этим, они пока ещё остаются достаточно маргинальным сегментом научного знания.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛАХ ДЛЯ ЖЕНЩИН: ОТ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ДО ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СМИ.

Голубева Л.А. (Санкт-Петербург)

Современное информационное общество находится в периоде глобальных политических, социальных, экономических трансформаций, что привело к новой трансляции образа женщины в российских журналах для женщин. Реконструируемый образ может отличаться от журнала к журналу, но он должен отражать вкусы, интересы, желания читательской аудитории, соответствовать их представлениям. Средства массовой коммуникации, обладая средствами конструирования массового восприятия информации, могут навязывать, по-своему классифицировать социальные явления и феномены, формировать те или иные представления об их важности для жизни общества, а значит и журналы для женщин так или иначе (через текст, репрезентацию образов) играют активную роль в формировании современной культуры, новых ценностей, норм, стереотипов.

В современных российских журналах для женщин представлены гендерные образы женщин, отражающих неопатриархальную модель устройства общества. Образы «красивой женщины, женщины-модели» (основное внимание на уходе за внешностью с целью поддержания красоты и молодости); «счастливой женщины» (главное в жизни женщины – любовь и семья); «секс-символа» (перекликается с образами «красивой» и «счастливой» женщины, добавляется сексапильность); «женщины-матери» (в центре внимания семья, дети, домашние хлопоты) – это характеристики патриархального ренессанса, который переживает российское общество, где женщина играет второстепенную роль, сконцентрировавшись на поддержании домашнего очага, уходе за собой и заботе о детях[8]. Женские образы реперезентируются через призму мужчины и перекликаются с традиционными моделями поведения мужчины и женщины в обществе.

Гендерные образы «красивой женщины, женщины модели» и «секс-символа» представлены в женских журналах, посвященных красоте и моде: «Elle», «Vogue», «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar», «L'Officiel» – это европейские и американские журналы, издающиеся после распада СССР на территории Российской Федерации. Дискурс красоты и моды всегда был отличительной чертой журналов для женщин, начиная с их появления в России. Данное явление можно проследить, начиная с «Модного ежемесячного издания, или Библиотеки для дамского туалета», под редакцией Н.Новикова. В современной России в результате политических, экономических, социальных трансформаций, к красоте и моде добавляется дискурс гламура, свойственный западным журналам. Женщина стремится к идеалу вечно молодой и красивой, основной смысл жизни женщины сводится к недостижимому идеалу – девушке с обложки. В данных журналах преобладает акцент на частной жизни, и главный принцип журнала – отсутствие неразрешимых проблем. Глобальные проблемы современности, не освещаются вовсе или же освещаются крайне скудно, идеи ответственности, самообразования, самоограничения замещаются идеями удовольствия. Яркость, броскость, простота изложения, легкость, ориентация на удовольствие и радость – все это яркие признаки

глем-капитализма, где гламурный дискурс на страницах журнала трансформируется в целую систему, воздействующую на все сферы жизни общества.

Гендерные образы «счастливой женщины» и «женщины-матери» представлены в журнале «Лиза», «Добрые советы», «Домашний очаг». В журналах преобладает дискурс частной жизни, заботе о семье и поддержании домашнего уюта, возвращая женщину на прежнее место в патриархальном устройстве общества. В современной России законодательно закреплено равноправие мужчин и женщин в своих правах и обязанностях; женщины и мужчины несут одинаковую ответственность, женщины участвуют в трудовой деятельности, получают высшее образование, вовлечены в общественно-политические практики, но главный фокус женского внимания в соответствии с данными журналами должен быть стереотипно смещен в область частной жизни, реализуя устаревший гендерный контракт. В докладе Генерального секретаря ООН отмечается, что стереотипное представление о женщине может использоваться как инструмент политической идеологии, где насаждаемый прежде образ активной в политической и общественной жизни женщины сменился образами-модели и матери[1].

Гендерные стереотипы в трансляции женских образов связаны с проблемой «кризиса маскулинности», обозначившимся в постсоветский период экономической нестабильности, когда роль «мужчины-кормильца» оказалась под угрозой[5]. Экономические трансформации привели к воссозданию гендерного образа «настоящей мужественности» и его противоположности - «настоящей женственности». Кризис идентичности личности отразился на формировании стереотипного образа женщины в российских журналах для женщин.

Гендерный образ «деловой женщины, женщины профессионала», представленный в «Business Woman», репрезентируется в рамках «женского бизнеса»: салоны красоты, модельные агентства, что свидетельствует о присутствии гендерной асимметрии, где гендер – один из принципов социальной стратификации, в результате чего в обществе имеется разный доступ к экономическим, социальным и политическим благам.

Гендерный образ «супер-женщины», присутствующий на страницах «Cosmopolitan», аккумулирующий в себе красоту, профессиональную успешность и счастливую семейную жизнь, призван показать женщин более справедливо, фактически трудновыполним в реальной жизни[7, с.54]. Стремление соответствовать данному образу может привести к обратному эффекту: социально-психологическим перегрузкам, неудовлетворенностью своим положением в семье и нереализованностью в карьере, связанным с реализацией данного гендерного образа идеальной женщины. В данном журнале образ «супер-женщины» соседствует с «красивой женщиной, женщиной моделью», коррелирующий с глянцевым дискурсом, что препятствует сфокусироваться на главном, переключая внимание на частные проблемы. Журнал «Cosmopolitan» ежегодно возглавляет рейтинг самых читаемых журналов среди женщин на территории Российской Федерации, что с одной стороны, помогает глубже понять устремления женщин, а с другой, накладывает ответственность за информацию средств массовой коммуникации. Стереотипный подход в СМИ приводит к негласной гендерной цензуре в отношении мужчины и женщины и трудностям, связанным с выполнением гендерного контакта. Ответственность средств массовой коммуникации за предоставляемую информацию – неотъемлемое требование к СМИ в современном мире.

Гендерный образ женщины, умной, активной в общественно-политической жизни, репрезентируемый в советское время в «Работнице» и «Крестьянке», в современной России репрезентируется реже всего, при учете, что Российская Федерация возглавляет список самых образованных стран[6]. Самыми популярными журналами для женщин признаются глянцевые журналы, главной особенностью которых выступает легкий, броский, лаконичный и необременительный стиль повествования, где репрезентация женских образов не выходит за рамки неопатриархальной модели общественного устройства.

ПАСЕ акцентирует свое внимание на том, что женщины являются жертвами сексистских стереотипов в СМИ[4]. Российские журналы для женщин, охватывающие 31 % от общего объема массовых журналов, транслируют клишированные и нереалистичные гендерные стереотипы, приводящие к отсутствию реального выбора собственного пути и стиля поведения. СМИ, репрезентируя нереалистичные, гендерно-асимметричные образы в журналах для женщин, ставшие частью системы социализации, владеющие инструментами формирования общественного мнения, выдавая определенный гендерный контракт за единственно верный, препятствуют реализации отдельно взятого человека и общества в целом. Проблема социальной ответственности СМИ и потребность в гендерном подходе к СМИ не теряет своей актуальности в современном российском обществе. Трансформация гендерных образов в СМИ, позволит реализовать женский потенциал в полном объеме. Без преодоления сексистских стереотипов, в трансляции которых участвуют СМИ, невозможно создать демократическое общество, общество равных возможностей, где может реализовать свой потенциал в полном объеме как мужчина, так и женщина.

1. Воронина О. Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/2/voronina.html> (Дата обращения 26.09.2015)
2. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – 176 с.
3. Рогинская О. Глянцевое «я»: женские журналы и кризис автобиографизма. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2004/1/rog14.html> (Дата обращения 27.09.2015)
4. Парламентская Ассамблея Совета Европы. Борьба с сексистскими стереотипами в СМИ. URL: http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5brussian_documents%5d/%5b2010%5d/%5BJun2010%5D/Res1751_rus.asp (Дата обращения 28.09.2015)
5. Смирнова О.В. Интеграция гендерного подхода в журналистское образование: российский контекст. URL: <http://www.mediascope.ru/node/963> (Дата обращения 27.09.2015)
6. Фролич Т.С. Самые образованные страны в мире. URL: <http://polismi.ru/ekonomika/globalizatsiya-za-i-protiv/816-samie-obrazovannye-strany-v-mire.html> (Дата обращения 01.10.2015)
7. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб, 2003. – 280с.
8. Чернова Ж. В. Глянцевые журналы: издания для «настоящих» мужчин и современных женщин. URL: <http://ecsocman.hse.ru/iprog/topic/16226805/16217039.html> (Дата обращения 01.10.2015)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Груша М.А. (Тверь)

Трансформация российского общества, его социальной структуры и социальных институтов сопровождается глубокими изменениями в жизнедеятельности семьи, её ценностей, норм, образцов поведения. Являясь фундаментальной основой общества, семья отражает основные достижения, трудности и противоречия жизни социума. Недостаточное внимание российского государства к выполнению регулятивных функций в социальной сфере, отсутствие комплексных разработок основ семейной политики, общее снижение уровня жизни населения повлекли за собой изменения в структуре, формах и функциях современной семьи.

Сегодня происходит формирование нового типа семьи постсовременной, которая характеризуется выдвиганием на первый план эмоциональных отношений и индивидуальных стремлений и отсутствием патриархальной субординации. Состояние современной семьи все меньше начинает зависеть от влияния общества, внутри самой

семьи возрастает значение межличностных взаимоотношений, главенствуют потребительские отношения между супругами и их детьми. Это обуславливает актуальность исследования трансформации семейных ценностей в современном российском обществе.

Модернизация современного российского общества, его перспективы инновационного развития, в конечном счете, связаны с изменениями в институте семьи, трансформацией ценности семьи в системе жизненных приоритетов людей. В сложившихся условиях приобретает актуальность научный и практический интерес исследование особенностей семейно-брачных отношений в средних годах России. Именно в среднем городе присутствуют черты «большой» городской жизни и в то же время нет резкого разделения на частную и публичную жизнь.

Степень научной разработанности проблемы.

Традиционный анализ семьи включает в себя ряд оснований, обозначенных в социологической теории. Классики социологии на исходе XIX – в начале XX вв. акцентировали появление рационального начала в семье в условиях развития капитализма и отхода от феодальной патриархальности. Ими подчеркивалось господство коллективного начала над индивидом, высказывалось отношение к социальному институту наследования и семейному образу жизни в обществах разных типов, исследовалась эволюция семьи и брака, проводился сравнительный анализ матриархата и патриархата и доказывалась связь между институтом семьи и институтом собственности, демонстрировалась универсальность родовой организации для родового строя, и описывался коммунизм домашней жизни древних людей.

Трансформации семьи в новое время исследовались учеными двадцатого столетия. В более обобщенном и целостном виде их изложил известный русско-американский социолог П.А. Сорокин, поместив семью как организованную социальную группу в основание иерархии социальных структур. Им впервые разведены функции семьи и других социальных институтов, прежде всего – наследования социального статуса родителей, образования и воспитания. Сорокину же принадлежит тезис о том, что семья как элементарная общественная группа «не может быть продолжаема и передаваема», а как отдельное ядро не может быть и делима.

Исследователи более позднего поколения поставили во главу угла процесс институционализации поведенческих актов индивидов, ввели в научный оборот такие понятия, как социальные нормы и ценности, ролевые статусы, социализация. Ими были определены начала структурно-функционального анализа, позволяющего вести многоаспектное изучение не только семейных структур, но и функциональных особенностей семьи как социальной системы, разграничить «явные» и «скрытые» функции и выявить сбои в их реализации. Семья была обозначена как важнейший субъект социального контроля, позволяющий, тем не менее, сочетать и социальное, и индивидуально-личностное начала своей жизнедеятельности. Э. Гидденс предложил свою периодизацию развития семейных форм, вычленил мотивацию брака и развода, дал анализ альтернативных форм брачно-семейных отношений, семейных ценностей.

Отечественная социология не пошла по пути американской и западноевропейской уже на том основании, что разработки зарубежных ученых были недоступны российским исследователям в силу идеологического запрета и языкового барьера. Единственным возможным направлением в изучении проблем брачно-семейных отношений стало марксистское. Однако, несмотря на ограниченность этого подхода, отечественные социологи смогли достичь немалых результатов. Достаточно назвать таких ученых, как А.Г. Харчев, М.С. Мацковский, С.И. Голод, А.И. Антонов, В.М. Медков, А.Г. Вишневский, А.Г. Волков и многие другие. Так, А.Г. Харчевым выявлена социальная сущность брака и семьи, продолжены заявленная классиками социологии традиция эволюционного подхода к развитию брачно-семейных отношений, новый для российской социологии функциональный подход к семье. М.С. Мацковский развил традицию

функционального подхода, взял на вооружение системный подход и показал связь между экономическими условиями жизнедеятельности общества и характером функций, исполняемых семьей, их иерархией. Ему принадлежит часть одного из первых обозначений как функций семьи по отношению к обществу, так и общества по отношению к семье, а также общества и семьи по отношению к индивиду. Им же показана диалектическая взаимосвязь между потребностями общества в институте семьи и потребностями личности в принадлежности к семейной группе. С.И. Голод одним из первых в отечественной социологии поставил вопрос о сохранении в новых условиях не просто нукlearной семьи, а семьи моногамной. А.Г. Вишневский связал исполнение семьей ее репродуктивной функции с жизненным циклом не только самой семьи, но и женщины, показав различия в демографических интересах общества и недемографических интересах семьи. А.И. Антонов и В.М. Медков продолжили движение в сторону исследования внутренней структуры семьи, обратились к микросоциологии семьи. В их трудах с позиций социальной демографии артикулированы утверждения о крахе российской семьи, вызванном атрибутивными характеристиками индустриально-рыночной цивилизации; о кризисе, угрожающем самому существованию человеческого рода; о том, что возвращение к нормальному функционированию семьи фактически невозможно.

Объект исследования – процесс трансформации семейных ценностей в обществе.

Предмет исследования – процесс трансформации семейных ценностей в современном российском обществе.

Цель исследования – выявить и описать изменения в системе семейных ценностей в современном российском обществе.

Задачи исследования:

- раскрыть понятие «семейные ценности»,
- определить значение и функции семейных ценностей,
- дать типологию семейных ценностей.
- показать характер трансформационных процессов семейных ценностей в современном российском обществе
- выявить и описать изменения системы семейно-брачных отношений.

Теоретико-методологическая база исследования. В качестве теоретической базы исследования использовались работы современных ученых в данной области научных исследований.

Основные методы исследования - анализ вторичных данных, общенаучные методы исследования.

Теоретико-методологическое и практическое значение работы.

Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что полученные данные в ходе исследования могут послужить основой для дальнейшего развития данной темы и расширения ее. Так же полученные данные могут быть использованы как учебные пособия по предмету социология семьи в Вузах, колледжах.

В ходе исследования и изучения мы смогли представить, что такое семейные ценности. Нашей главной целью было выявить и описать изменения семейных ценностей в современном российском обществе. Задачи, которые стояли перед нами были следующими: раскрыть понятие «семейные ценности», определить значение и функции семейных ценностей, дать типологию семейных ценностей, показали характер трансформационных процессов семейных ценностей в современном российском обществе, выявить и описать изменения системы семейно-брачных отношений.

Семейные ценности – положительные и отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единстве совместной деятельности общности людей, связанных узами супружества – родительства – родства, в связи с вовлеченностью этих объектов в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями.

Одна из типологий семейных ценностей состоит из трех групп, а именно ценностей, связанных с супружеством, родительством и родством. Среди ценностей супружества можно выделить следующие основные ценности:

- Ценность брака.
- Ценность равноправия супругов или ценность доминирования одного из них.
- Ценность различных половых ролей в семье.
- Ценность межличностных коммуникаций между супругами (отношений взаимоподдержки и взаимопонимания супругов).

К ценностям родительства относятся:

- Ценность детей, включающая в себя ценность многодетности или малодетности.

- Ценность воспитания и социализации детей в семье.

К ценностям родства можно отнести:

- Ценность наличия родственников, например, братьев и сестер.
- Ценность взаимодействия и взаимопомощи между родственниками.
- Ценность расширенной или нуклеарной семьи (нуклеарная семья состоит только из одной супружеской пары с детьми, а расширенная состоит из трех или более поколений и включает две или более нуклеарные семьи).

Так же мы сравнили какие раньше были семейные ценности в советское время и какие ценности сейчас главенствуют. Если раньше главной семейной ценностью была сама семья, дети, благополучие, уют и уважение дома, присутствовал патриархат, то на смену этим ценностям сейчас пришла автономность, адаптивный синдром и интимность. Люди не хотят уже сейчас себя посвящать детям, как это было раньше, они хотят наслаждаться своей жизнью, строить карьеру, добиваться в жизни чего-то. Женщины все больше становятся задействованы в работе, если они раньше могли сидеть дома и быть на содержании мужа, то сейчас они не хотят этого, они стремятся к независимости от мужа. Можно сказать с уверенностью, что сейчас в обществе, конкретно в институте брака и семьи происходят значительные изменения, которые могут повлиять на наше будущее, и все зависит только от нас захотим мы принимать новые семейные ценности или нет. Это решение остается за каждым из нас. И будущее только в наших руках и зависит только от нас самих не от кого другого.

1. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социальный этюд / Пер. с фр., под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 21.
4. Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / Пер. с фр., под ред. М.О. Косвена. М.: ОГИЗ, 1939; Ковалевский М. Социология. Т. II. Генетическая социология, или Учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, полит
5. Морган Л.Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934; Древнее общество. Л., 1934.
6. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
7. Парсонс Г.Л. Человек в современном мире / Пер. с англ., под ред. В.А. Кувакина. М.: Прогресс, 1985; Система современных общества / Пер. с англ., под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997.
8. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
9. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики / Отв. ред. Батыгин Г.С. М.: Наука, 1989.
10. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996; Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. №

3/4; *Семья и брак: Историко-социологический анализ*. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.

11. Антонов А.И., Сорокин С.А. *Судьба России XXI века*. М.: 2000.

12. Абдурагимов Х.А. *Структура и классификация ценностей*.
<http://jurnal.org/articles/2008/psih11.html>

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-РАЗДЕЛЕННЫЙ БРАК КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Гуляева Н.П. (Красноярск)

Предметом данного исследования является одна из новых форм брака – территориально-разделенный брак. В настоящее время некоторая часть мигрантов имеют две (или больше) семьи: одна – на родине, и еще одна – на той территории, куда они мигрировали. Постараемся определить поле проблемы. На взгляд автора, к наиболее важным вопросам относятся: причины, варианты, особенности, субъективные оценки потерь и приобретений, как для мужчин, так и для женщин, как для первой семьи, так и для второй.

Основой данного исследования является теория демографического перехода, теория социальной стратификации и анализ социальной мобильности на мировом рынке труда, а так же модель баланса доходов/расходов поколения, опубликованная автором ранее [1].

Методы исследования: анализ открытых (официальных) статистических данных, данных СМИ (включая Интернет-ресурсы) и результатов исследовательской деятельности, опубликованных различными авторами и научными центрами. Объектом являются семьи трудовых мигрантов из Средней Азии.

Результаты показывают, что территориально-разделенный брак является новой формой брака, которая порождена международной и межрегиональной долговременной трудовой миграцией. Возникновение нового брака на принимающей территории зачастую не разрушает первый брак на родине. Чаще именно мужчины имеют две (или больше) семьи, но такое встречается и у женщин. Если первый брак имеет традиционные формы, то второй скорее является сожителем.

В чем причина подобного поведения? Часто это происходит, потому что мигранты не имеют возможности перевезти первую семью к месту работы. Долговременное пребывание без пары подталкивает некоторых к поиску нового партнера. Наличие большого количества одиноких людей на принимающей территории создает эту возможность. Такие сожителства возникают как кратковременные, но обретают стабильность, и отношения возобновляются иногда и после отъезда мигранта на родину и возвращения к месту работы. По результатам опросов около 7% мигрантов из Таджикистана имеют помимо семьи на родине вторую жену в России. [2, С. 33]

Новая семья имеет все необходимые признаки: регулирование сексуального поведения, ведение домашнего хозяйства и детей. Часто партнеры ощущают себя состоящими в браке.

Для некоторой части мигрантов подобные двойные (или множественные) брачные отношения основываются на мусульманской традиционной культуре и не создают дискомфорта. Наоборот, это вызывает гордость [4], воспринимается как «правильное поведение» не только мужчинами, но и первыми женами. «Да, у моего мужа там есть жена, он мне сам об этом говорил. Я его понимаю. Как же, мужчина не может так долго жить без женщины! Одна женщина лучше, чем он будет со всеми. Да к тому же ему нужно стирать, убирать, готовить» [5, С. 109]

Однако многие воспринимают такую форму брака как отклонение. Почти постоянное отсутствие мужчины в доме приводит к тому, что женщины берут на себя функции главы семейства по управлению домашним хозяйством, самостоятельно

зарабатывают на повседневные расходы. Это усугубляет изменение гендерных ролей и может провоцировать конфликты по приезду мужа домой. Тем более, что приобщение мужчин к ценностям иной культуры зачастую отрицательно сказывается на отношениях супругов.

«Сейчас у нас много мужчин в России, очень многие там женятся. Вот когда он уезжал, у него была нормальная семья, нормальные отношения с женой, а когда приезжает обратно он уже вообще не смотрит, вообще не признает свою жену...» [6, С. 467]

Однако официальный статус замужней женщины, поддержанный законом и традицией, очень важен для народов Средней Азии. Поэтому, несмотря на все сложности количество официально зарегистрированных разводов в период с 1991 по 2005 г. сократилась почти в три раза. Вместе с тем, развитие систем коммуникации сделало возможным «разводы по телефону». Характерная ситуация – отправка смс-сообщения в одно слово - "талак", которого по традиции мусульман-суннитов, достаточно для расторжения брака. Закон не признает такие разводы, но, по мнению экспертов, с этим сталкивалась каждая четвертая семья, из которой мужчины уезжают на заработки в Россию. [7] Ситуация усугубляется тем, что значительная часть разведенных женщин вступали в брак в качестве вторых жен – практика, не разрешенная законом, но распространенная, как и развод-талак.

В то же время работа трудящихся мигрантов является важнейшим источником доходов для обеих семей. Первая семья регулярно получает значительное количество денег по почте или через банк, через третьи руки или во время визита мигранта на родину. Новая семья имеет деньги на ежедневные расходы. В 2012 году таджикские гастарбайтеры отправили на родину более 3,5 млрд долларов, что составляет около половины ВВП страны и на порядок превышает показатели госбюджета за тот же период. При этом с 2009 г. почти в два раза возросли расходы на образование: «Мигранты сознательно вкладывают в обучение своих детей, чтобы те знали языки, получили специальность и могли найти себе в будущем достойное место на рынке труда» [8]

Одним из сложных вопросов является вопрос о детях. Их положение является проблемным как в первой, так и во второй семье. В первой семье один из родителей (и чаще всего это отец) отсутствует на протяжении долгого времени. Он поддерживает детей материально, но отчужден от участия в воспитании, и дети отчуждены от родительской заботы и образца взрослого поведения. Большая часть забот и проблем ложится на остающегося родителя. Учитель из северного региона Таджикистана Султона Алиева говорит: "Я не вижу своего мужа месяцами. Я боюсь, что мы становимся чужими. Дети растут без него и даже не узнают его, когда он возвращается спустя 9 или 10 месяцев». [7]

В новой семье возможны различные ситуации. Первый вариант – мигранты принимают или не принимают ответственность за детей рожденных до установления отношений. Второй вариант – дети были рождены в этом сожительстве. Но в любом случае проблемы очень похожи: ребенок не видит родителя долгое время, и отношения могут прерваться в любой момент. Родитель теряет уважение детей и в реальности превращается в незнакомца.

Для мигранта, живущего на две семьи, меняется фокус родительской ответственности – главной задачей становится материальное обеспечение детей, вне зависимости от того, собственный ребенок или усыновленный. Кроме того, многие мигранты не берут на себя заботу о детях рожденных до установления отношений.

Эти проблемы не являются специфическими для мигрантов. Подобные есть и в обычных семьях, особенно при заключении брака после распада предыдущего и/или в гражданском союзе. Однако в семьях мигрантов, при «параллельном» браке все проблемы имеют особый облик и особенно ярко проявляются.

В заключение скажем, что территориально-разделенный брак – это реальность. Такую форму брака можно рассматривать, как попытку социума приспособиться к нарастающей мобильности трудоспособного населения.

1. Гуляева Н.П., Хлебопрос Р.Г. Глобальные изменения возрастной структуры и модель баланса доходов/расходов поколения // *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического съезда*
2. Gulyaeva N. *Socio-demographic problem of modern society: age structure, migration and labour force* // *RC33 Eighth International Conference on Social Science Methodology in Sydney, July 2012. [Электронный ресурс]*
3. Олимова С., Боек И. *Трудовая миграция из Таджикистана*. Душанбе, 2003.
4. см., например: Harris C., *Control and Subversion: Gender Relations in Tajikistan*. L.: Pluto Press, 2004.
5. цит. по: Касымова С. *Таджикское общество: традиция и практика многоженства* // *Вестник Евразии*, 2006, № 4
6. цит. по: Темкина А.А. «Подчинение старшим» vs. разрушение патриархата: женская сексуальность в браке (Северный Таджикистан) // *Журнал исследований социальной политики* 2006, № 4 (4).
7. подробнее см., например: Фарангис Н. "СМС-разводы" разрывают супружеские браки таджикских мигрантов на родине Радио "Свобода", 6 декабря 2009 года <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1260222840>.
8. *Таджикистан: куда уходят деньги трудовых мигрантов* // *Asia-Plus* <http://news.tj/ru/news/tadzhikistan-kuda-ukhodyat-dengi-trudovykh-migrantov>

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ: ПРЕДРАССУДКИ И СТЕРЕОТИПЫ

Дегтярева Ю.А. (Волгоград)

Истоки восприятия образа женщины сложились еще в библейские времена, когда усыпив Адама, Бог создает из ребра его Еву. Это имя в переводе означает «жизнь», т.к. по божественному замыслу она должна была дать жизнь роду человеческому. Бог создаёт Еву из ребра Адама, чтобы сделать её зави-симой от мужа [7]. В Писании о предназначении женщины говорится, что это малая часть мужчины, нуждающаяся в уходе. По замыслу первые люди должны были прилепиться друг к другу и стать одной плотью, быть едиными духовно и физически [8]. Однако поступок Евы привел к тому, что в обществе сложилось предубежденное мнение о женщине, ее греховности, а это в свою очередь позволило мужчи-нам считать себя лучше, умнее, выше. Это создало предубеждение априори относиться к женщине с презрением, считать ее слабой, ничтожной, незначительной. Даже этимология слова предубеждение подтверждает это: предубеждение происходит от глагола предубеждать (передубедить, убедить). Ис-конно существовал глагол бедить (бѣдити), что переводится как «приносить беду», в старославянском это означает «принуждать», в украинском «ругать», в болгарском «клевету». В немецком и греческом это слово переводится как «убеждаю, уговариваю» [4]. Таким образом, семантически это слово указы-вает на грех, совершенный Евой.

В социологической науке предубеждение трактуется как (англ. Prejudice / bias; нем. Voreingenommenheit) – установка, препятствующая адекватному восприятию объекта и искажающая его, являющаяся следствием некритического принятия информации [6].

Получается, что заложенное искони и закрепленное на генетическом уровне понимание женщи-ны неправомерно в существующем социуме, т.к. информация о модификациях объекта непроверенна, не воспринята адекватно и критически, а поэтому ошибочна.

Такие гендерные предубеждения складываются в стереотипы. Стереотип – это упрощенный, стандартизированный, устойчивый, ценностно-определенный, эмоционально насыщенный образ (схема, клише, шаблон), который олицетворяет суть представления о социальном объекте (индивиде, группе, явлении или процессе) [3]. Для женщин эмоционально-психологическое давление стереотипов пагубно влияет на развитие их способностей, на стремление к профессиональному и личностному росту, на их жизненный выбор и планы. Они чувствуют себя ущемленными, несправедливо обделенными социальными и материальными благами. Равноправие женщин и мужчин юридически закреплены в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ, Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года) предусмотрено статьей 5: «...государства-участники принимают все соответствующие меры для того, чтобы изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин» [5].

В каждой эпохе и в каждой стране свой идеал женщины, чему свидетельство вся история человечества, заключенная в ее культурно-нравственных ценностях, отраженных в фольклоре и произведениях искусства разных жанров. В России образ женщины точно определил Ф.М. Достоевский, отмечая в женщине сочетание «идеала мадоннского» и «идеала содомского». В нашей стране женский образ развивался от тотемного древнеязыческого божества, воительницы, мстительницы, носительницы зла (языческое, народно-бытовое представление) до доброй кудесницы, Богородицы, Царь-девицы, девицы-красавицы, сестры, подруги, соперницы, невесты, матери, Родины. Она могла быть прекрасной и безобразной, доброй и жестокой, но всегда разной, самобытной, она многое может «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Русская женщина, как русская душа, непредсказуема.

Гендерные стереотипы становятся исходными предпосылками для распределения социальных ролей лишь на основании принадлежности к социальной группе [2]. На протяжении многих веков они являются распространенным предубеждением о свойствах и характеристиках, которыми должны обладать женщины или мужчины. Это, на наш взгляд, не верно, потому что искажает видение образа современной женщины, чем и продиктован интерес к теме исследования.

Гендерный стереотип – это «социально конструируемые категории "мужскость" и "феминность", которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» [1, с.17].

В ходе исследования была проанализирована литература различных областей знания и выявлены характерные особенности гендерных стереотипов [2;9;10]. Была разработана анкета с целью изучить модификации гендерных стереотипов женщин на современном этапе развития общества. Объектом исследования стали современные женщины как социальная группа, а предметом – модификации гендерных стереотипов различных возрастных когорт современных женщин. Главной задачей исследования было проследить и проанализировать изменения гендерных стереотипов женщин.

В качестве объекта пилотажного исследования были выбраны девушки и женщины различного социального статуса и семейного положения, чей возраст от 17 до 40 лет: выпускницы 11 классов, студентки различных училищ и вузов, женщины давно трудоустроенные. На данной стадии мы ограничились стихийной выборкой. Ее размер определился откликом в течение 5 дней на предложенную в социальных сетях «ВКонтакте» и «Фейсбук» анкету (50 чел.). Респондентам предлагалось 6 фотографий с

набором характеристик к каждой из них, просмотрев которые, они должны были охарактеризовать изображенных мужчин и женщин по нескольким группам по-маркированных качеств.

1. Качества, связанные с деятельностью и активностью в обществе.
2. Характеристики эмоциональной сферы.
3. Характеристики, связанные с процессом межличностного взаимодействия.
4. Определение социальной роли.

Женщину, одетую в деловой костюм, респонденты оценили с точки зрения деятельно-сти/активности как целеустремленную (92%), предприимчивую (56%). В эмоциональном плане она по-казалась сдержанной (64%) и хладнокровной (36%). При оценке ее способностей к межличностному взаимодействию, на первом месте оказалась способность к самообладанию (64%), прямота (56%) и от-зывчивость (48%). Приписываемая ей социальная роль, как и предполагалась, была деловая женщина.

Одетого также мужчину определили как бизнесмена. С точки зрения деятельности/активности его оценили как решительного (64%), целеустремленного (44%), амбициозного и сильного (32%), но с дру-гой стороны 32% указали на его слабость, 12% - необъективность и 4% - безответственность. 60% счи-тают, что он хладнокровен и рационален, а поэтому и сдержан (56%) в эмоциональном плане. В плане межличностных отношений такого мужчину охарактеризовали как эгоиста (72%), резкого (64%) в об-щении с другими.

С точки зрения социальной активности, женщине, стоящей у плиты, респонденты приписывают слабость (40%), но реалистичность (36%), 28% - самоконтроль и 24% - покорность. Эмоционально она восприимчива (68%) и обладает хорошей интуицией (32%). Характеризуя межличностное взаимодей-ствие, почти все респонденты увидели в ней дружелюбие (92%), многие заботливость (72%), мягкость (64%) и нежность (44%). Таковыми качествами в социуме должна обладать домохозяйка.

Мужчина же, стоящий у плиты, с точки зрения его социальной активности показался респонден-там реалистичным (48%), но в то же время, покорным (32%). По мнению 20% респондентов он обладает неким авантюризмом. Он эмоционален (60%) и восприимчив (44%), обладает логическим мышлением (28%) и интуицией (20%). В плане общения он дружелюбен (72%), а 36% респондентов считают такого мужчину заботливым, отзывчивым и мягким. В определении социальной роли респонденты затруднялись с ответом.

Опираясь на расхожее мнение о том, что мужчины более практичны, логичны, обладают высоким IQ, по сравнению с женщинами, в анкете было предложено изображение женщины и мужчины у доски со сложными математическими формулами.

В такой ситуации женщину с точки зрения деятельности / активности, видят, как сильную (44%), объективную (40%), решительную и целеустремленную (32%). Авантюризм и настойчивость в ней уви-дели только 28% опрошенных. В эмоциональном плане она рациональна 80%, для 44% - хладнокровна, и для 40% - сдержана. В плане коммуникации 96% респондентов предположили в ней прямоту и рез-кость, 20% -эгоизм, но 24% все же отметили в ней дружелюбность. Социальная роль определялась как учительница, преподаватель.

В этой же ситуации, анализируя мужчину, в плане его социальной активности 40% респондентов сочли его целеустремленным, 36% - властным. 32% нашли, что он объективный и обладает самоконтролем, 28% решили, что он настойчивый и 24% - решительный. С точки зрения его эмоциональной составляющей он рационален (60%), логичен (56%), сдержан (52%), хладнокровен (32%). В плане межличностного взаимодействия, он обладает самообладанием (48%), тактичностью (44%), справедливостью и прямотой (36%), но также бесчувственностью в 28%. Приписываемая такому мужчине социальная роль была ученый или математик.

Анализируя полученные данные можно сказать, что в настоящее время стереотипы претерпевают некоторые изменения. Женщина в роли домохозяйки все так же нежна, заботлива, терпелива и покладиста, как и раньше. Мужчина сильный, серьезный, надежный и самоуверенный. Но в определенных ситуациях, при вынужденной смене ролей, в нем с легкостью происходит смена гендерных характеристик: поведение, внешность, образ мыслей и мужчина приобретает феминные качества: забота, мягкость, эмоциональность, покорность. Женщина в деловой сфере, в свою очередь перенимает мускулинные качества: предприимчивость, властность, хладнокровие, резкость.

Современная женщина перестала быть только домохозяйкой, теперь она занимается наукой, спор-том, бизнесом, водит машину, баллотируется в президенты. Она легко переживает стрессы городской жизни, но при этом остается женственной и романтической. Современная женщина способна добиться всего сама, но при этом она не перестает внимательно следить за домом, воспитывать детей и отлично выглядеть. Представления людей о современной женщине зависят от социально-психологического статуса, как самой женщины, так и людей, смотрящих на нее со стороны. Кто-то видит в женщине, прежде всего, жену и домохозяйку, а кто-то, напротив, бизнес-леди и карьеристку. К сожалению, эти мнения влияют на женщин, нередко становится жизненным курсом. Прислушиваясь к ним, она заикливается на этих социальных ролях, теряя счастье и будущее, забывает о своих стремлениях, идеалах, мечтах, желаниях. Только активная позиция и самосознание каждой женщины сможет разорвать замкнутый круг патриархальных стереотипов и предрассудков о ней.

1. Basow, S. A. *Gender Stereotypes and Roles* [Текст]. – Pacific Grove: Brooks/Cole Publishing Company, 1992. 447 p.
2. Захарова, И. В. Стереотип как основная проблема гендерной социализации [Электронный ресурс] / И. В. Захарова. – URL : <http://jurnal.org/articles/2010/ped41.html> (Дата обращения: 02.09.2015)
3. Сайт «Freqlist.ru» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://freqlist.ru/sociologiya/enciklopediya-sociologii/stereotip.html> (Дата обращения: 25.08.2015).
4. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://onlineslovari.com/etimologicheskij_slovar_russkogo_yazyika_maksa_fasmera/page/bedit.838 (Дата обращения: 21.09.2015).
5. Сайт «ООН» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (Дата обращения: 15.09.2015).
6. Сайт «Словно» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovno.com.ua/entsiklopediya_sotsiologii/page/predubejdenie.2908 (Дата обращения: 08.09.2015).
7. Сайт «Современное толкование Библии» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bible8.eu/genesis2.php> (Дата обращения: 25.09.2015).
8. Сайт «Ящик ответов» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://jwquestion.net/bvg_02_Genesis.htm (Дата обращения: 19.09.2015).
9. Рябова, Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований [Текст] / Т.Б. Рябова // *Личность. Культура. Общество. Т.V. Вып.1-2 (15-16)*. 2003. С. 120-139.
10. Социальный стереотип: понятие, сущность, основные концепции [Электронный ресурс] . – URL : http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1957 (Дата обращения: 07.09.2015).
11. Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации [Электронный ресурс] . – URL : <http://psyfactor.org/lib/steretype1.htm> (Дата обращения: 15.08.2015).

"ЗАМЕНИМ!": ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЦАРИЦЫНА-СТАЛИНГРАДА-ВОЛГОГРАДА)

Дулина Н.В., Ануфриева Е. В. (Волгоград)

Социальные, экономические и политические преобразования, произошедшие в течение XIX–XX вв. и усиленные стремительным развитием в XXI в., внесли значительные изменения в полоролевые взаимоотношения во всех областях культуры. Эти преобразования обусловили (если не спровоцировали) появление женщин в профессиональной и образовательной сферах, возникновение новых форм брака, изменение статуса женщины в обществе, трансформацию социокультурных стереотипов маскулинности и феминности. Однако для более глубокого понимания происходящих в настоящее время изменений необходимо четко представлять истоки, начало движения к «точке невозврата», когда ситуацию к исходному состоянию вернуть уже не представляется возможным. Полагаем, что важной точкой перехода для судеб страны в целом, и судеб женщин в частности, от одного состояния к другому в истории России стала Первая мировая война. Как отмечает академик Н. Петраков, «Вторжение модифицированной российской промышленности в экономику Европы было столь впечатляющим, что может рассматриваться даже в качестве одной из экономических причин Первой мировой войны» [5, с. 3].

Город Царицын и его жители к этой странице в истории страны имеют самое непосредственное отношение. Исторические документы, воспоминания, иные свидетельства времени убеждают, что во второй половине XIX века Царицын переживал период бурного экономического роста, который начался в 1860-е годы с введением в строй Волго-Донской железной дороги. Столь мощное развитие города было беспрецедентным для России. Пожалуй, что и в мире аналогов подобного роста известно совсем немного, разве что некоторые североамериканские города. Именно на них, а не на отечественных соседей, был похож Царицын того времени, который неофициально называли «Русский Чикаго» [6, с. 30]. Создается впечатление, что именно Царицын был выбран историей в качестве экспериментальной площадки, для наблюдения за развитием событий.

Быстро развивающийся город привлекал к себе значительное число сторонних предприятий и фирм, купцов, рабочую силу. Подтягивающиеся одна за другой железнодорожные ветки вкупе с постоянно растущим трафиком на Волге создавали мощный синергетический эффект. Благодаря этому в Царицын постоянно приходили капитал и высокие технологии. Например, в городе одновременно с Петербургом появилось электрическое освещение улиц, городской телефон, проведены водопровод и канализация. Царицын был первым из уездных городов, где был запущен трамвай. Все это привело к тому, что в конце XIX века на Царицын стали обращать внимание иностранные компании, ищущие оптимальные варианты под строительство в России промышленных предприятий. Одним из наиболее знаменитых в этом смысле был Нобелевский городок (более подробно см.: [3, с. 135–141]). Подобные городки затем появились в Астрахани, Самаре, других городах на Волге – пути следования нефти братьев Нобелей из Каспия в Петербург.

Однако судьбоносным для города стал, несомненно, завод, принадлежащий французской компании, построенный «Урало-Волжским металлургическим обществом», в 1912 году завод был продан другому собственнику, которым стало «Донецко-Юрьевское металлургическое общество» («ДЮМО»). Но еще долго этот завод называли просто французским заводом (а поселок рядом с заводом до сих пор называют «Малой Францией»). Ныне это предприятие (по-прежнему металлургический завод) носит название «Красный Октябрь». Однако до сих пор на территории современного завода

сохраняются цеха и постройки, созданные еще в эпоху «Французского завода» и пережившие Сталинградскую битву. Руины некоторых из этих построек не восстанавливаются, теперь это памятники – свидетели боев, которые проходили на их территории во время Сталинградской битвы. В период своего взрывного роста строительства жилых, производственных, общественно-развлекательных зданий, больниц, школ, гостиниц, театров и т. д. уездный Царицын по численности населения очень быстро обогнал многие губернские города. Так, за период с 1861 года по 1900 год население Царицына увеличилось почти в 17 раз [4, С. 38], к 1913 году в нем проживало 137 тысяч человек, причем две трети населения города составляли переселенцы. Город был на подъеме, стремительно развиваясь, увлекая в вихрь своего развития и жителей (гимназии, театры и т. д. все это присутствовало в повседневной жизни горожан).

Однако с началом Первой мировой войны жизнь в городе заметно изменилась. Доподлинно известно (см., напр., [2, 7]), что царицане встретили объявление о начале Первой мировой с радостью. С гимном «Боже, царя храни!» прошли по (в современных координатах города) Аллее Героев в сторону вокзала к полицейскому управлению, где и состоялся патриотический митинг. Другая толпа собралась в саду театра «Конкордия», где оркестр заставляли непрерывно играть «Боже, царя храни!», а толпа скандировала: «Ура!». Газеты того времени писали, что в день объявления войны в Царицыне солнечное утро вдруг испортил страшный ветер, потом пошел ливень, рассеявший толпу митингующих патриотов. На следующий день был остановлен городской трамвай из-за потасовок, возникающих при посадке существенно возросшего числа пассажиров [8].

Скорость перехода от общей эйфории к отреченности от проблем мирового масштаба была очень стремительной. Жесточайший продовольственный кризис и голод в прямом смысле слова накрыли город, попытка законодательно ограничить цены на товары первой необходимости привела к тому, что товары исчезли вовсе, но появился черный рынок. И это в условиях, когда большая половина мужчин, (а именно они, как правило, были единственными кормильцами в многодетной семье) оказалась призванной в армию (о чем мы уже упоминали выше). Закон № 37507 от 25 июня 1912 года защищал права лишь на тех военнослужащих и членов их семей, которые получили ранения или погибли. Но положение этого закона никак не распространялось на членов семей военнослужащих призванных в армию, но пока не убитых или не искалеченных. Саратовский губернатор, обеспокоенный сложившейся ситуацией, 5 августа прислал в Царицынскую Земскую управу телеграмму, в которой писал: «Насущнейшей нуждой переживаемого времени является обеспечение семей запасных и ратников ополчения, призванных на военную службу... Неизбежно в ближайшее время возникнет вопрос об обеспечении этих семей кровом, отоплением, одеждой, не говоря уже о других видах помощи, как то: призрение детей, оставшихся без призора старших, охраны имущества и т. д.» (цит. по: [7]).

22 июля (4 августа), когда по городу еще проходили манифестации патриотические настроенных жителей города, у здания Александровской гимназии, где располагался мобилизационный пункт города Царицына, уже собралось около пяти тысяч человек, в основном жены призванных на войну солдат. Эти женщины требовали содержания, поскольку, они, как правило, не имели заработка, вели домашнее хозяйство и воспитывали многочисленных детей. Итогом долгостояния у гимназии стала потасовка с солдатами и казаками, стрельба и давка... Исследователи приводят точные цифры «было убито 32 и ранено до 80 человек. Волнения, закончившиеся кровопролитием, всколыхнули всю Саратовскую губернию, котопрая с 25 июля была объявлена на положении усиленной охраны» [9, с. 7–8].

С первых дней войны город работал для обеспечения фронта и тыла. Но практически сразу же начались перебои в работе промышленных предприятий. Мобилизации последовали одна за другой, стали призываться более пожилые возраста... Освобождение от воинской обязанности получали не все рабочие, а только работники

основных цехов, да и то только на три месяца, потом в случае необходимости ее продлевали далее. И постепенно на заводах начала ощущаться нехватка кадров особенно малоквалифицированных и неквалифицированных, на которых бронь практически не распространялась. А рабочие руки на предприятия были очень нужны. Ирония судьбы: практически совпали интересы промышленности и женщин, которым надо было, не смотря ни на что поднимать детей, кормить стариков, а попытки получить поддержку от власть придержащих ни к чему хорошему не привели.

В одночасье женщины из «не работающего элемента» быстро превратились в «элемент работающий». Уже в августе 1914 года в Царицыне женщин начали нанимать на земляные работы. Переход из одного состояния в другое оказался коротким – женщины быстро освоили несвойственные своей «слабой» природе «сильные» мужские профессии. В воспоминания рабочего французского завода В. М. Комова можно прочесть: «... на заводе был введен в эксплуатацию прессовый цех, изготовлявший снарядные стаканы, где потребовалось большое количество рабочих, на операции, не требующие больших физических затрат. В связи с этим в прессовый цех было принято большое количество женщин, чего раньше совершенно не практиковалось» (цит. по: [1, с. 27]). Впервые в истории города появились женщины–коки на пароходах, женщины–матросы, женщины–сторожа, женщины–постовые и т. д.

Это потом, много лет спустя, появится знаменитый агитационный плакат «Заменим!», созданный художником В. Серовым в 1941 году. Напомним, на плакате изображена женщина, одевающая рабочие рукавицы. А на дальнем плане – идущие на фронт мужчины в военной форме. Несомненно, плакат направлен на призыв советских женщин заменить мужчин, уходящих на фронт, во всех отраслях народного хозяйства. Одно емкое слово «Заменим!» должно было вселять уверенность в мужчин, уходящих на фронт, что тыл будет исправно работать на цель победы над врагом. Полагаем, что репетиция этой исторической «замены» началась и осуществилась еще в годы Первой мировой войны.

1. Болдырева, Н. Е. Воспоминания рядовых работников завода «Красный Октябрь» как источник по истории Первой мировой войны / Н. Е. Болдырева // Первая мировая война: события и люди: материалы научно-практической видеоконференции, Волгоград, 17 сентября 2014
2. Дулина, Н. В., Ануфриева, Е. В. Неизвестная история всемирно известного города. Первая мировая война в пространстве Царицына-Сталинграда-Волгограда / Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб: СПбГУКИТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 45–46.
3. Дулина, Н. В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования / Н. В. Дулина / Волгогр. гос. техн. ун-т. – Волгоградское научное издательство, 2006. – 387 с.
4. Мир и россияне в XX веке (Мир. Россия. Волгоград) / Под общ. ред. проф. Г. В. Орлова, 2-е изд., доп. – Волгоград: Комитет по печати и информации, 1999. – 448 с.
5. Петраков, Н. К вопросу о модернизации экономики / Н. Петраков // Экономист. – 2010. – № 12. – С. 3–6.
6. Шкода Р. В. Французский завод на волжской земле / Р. В.Шкода // Деловой Волгоград. – 2015. – № 9 (97). – С. 30–31.
7. Шкода Р. В. Царицын в первые месяцы Мировой войны / Р. В.Шкода. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://царицын.рф/memory/211-trudnosti.html>.
8. Царицынский вестник. – 1914. – 22 июля (№ 4645).
9. Царицын. Сталинград. Волгоград. Вехи истории: альманах. – Волгоград, 2014.

ТИПОЛОГИЯ ГЕНДЕРНОЙ СТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЕГО ТРУДА

Евстифеева Г.Г. (Владимир)

Общественные трансформации российского общества последних десятилетий, внедрение новых технологий и форм взаимодействия людей, как в процессе труда, так и в процессе досуга, существенно изменили соотношение видов деятельности различных гендерных групп, ценность тех или иных видов труда. Одним из следствий этих процессов становится рост значимости домашнего труда, форм его организации и разделения, влияющих не только на внутреннюю жизнь семьи, но и на ценностно-содержательные особенности развития общества в целом. Традиционные семейные уклады, сталкиваясь с постиндустриальными реалиями начинают испытывать серьезные напряжения и изменения. Исследования подтверждают устойчивость глубинных, нормативных представлений россиян об идеальной семье, связанных с традиционным ее типом, однако, на практике появляются новые семейные модели.

Результаты социологического исследования, проведенного в городе Владимире в 2011-2012 годах в городских семьях, и серия интервью с членами городских семей, подтвердили тезис, что структура разделения домашнего труда в городской семье имеет ярко выраженную гендерную окраску, выражающуюся в преобладании женской доли над мужской в общем объеме домашнего труда в среднем на 55% [1]. Домашние задачи традиционно делятся на «мужские» и «женские». При этом «женские» задачи являются более трудоемкими и рутинными. Однако ряд задач носит компромиссный характер и могут выполняться как женщинами, так и мужчинами.

Выявленные в ходе исследования основные характеристики процесса разделения домашнего труда в городской семье позволили сформулировать и предложить типологию гендерной структуры организации домашнего труда.

В основу типологии были положены следующие признаки: отношения супругов к ответственности за домохозяйство; вклад супругов в домашний труд; зависимость доли собственности каждого из супругов в домохозяйстве от их доходов в сфере оплачиваемого труда; количество и качество свободного времени у супругов. Были выделены три основных типа гендерного разделения домашнего труда: традиционный (67,4% семей); договорный (7,1%); эгалитарный (10,2%); смешанный (15,3%).

Традиционный – самый распространенный тип организации домашнего труда в исследованных семьях.

В таких семьях оба супруга считают, что основная ответственность за домашнее хозяйство лежит на жене, а на муже лежит ответственность за материальное обеспечение семьи. Решения могут приниматься совместно, но самые важные финансовые и стратегические решения обычно в ведении мужчины. В этих семьях разница между домашней нагрузкой мужа и жены самая значительная.

Особый признак при определении традиционного типа разделения домашнего труда – деление на «мужскую» и «женскую» работу. По традиции крупная собственность (жилье, автомобиль) принадлежит мужчинам. Женщины обладают такой собственностью в 6% семей.

Свободного времени больше, в основном, у мужчины и он более свободен в использовании этого времени. Женщина, особенно если в семье есть дети, практически всегда обязана координировать свое свободное время с семейными обязательствами.

Договорный – такой тип организации домашнего труда, который обычно возникает в результате договоренности между супругами.

Основной фактор разделения труда в таких семьях – величина дохода и количество времени, посвященное оплачиваемой деятельности. Домашним хозяйством занимается тот

из супругов, который меньше занят в сфере оплачиваемого труда, поэтому в роли «добытчика» могут быть как мужчины, так и женщины.

Средний доход семей с таким типом организации домашнего труда выше, чем средний уровень дохода всех исследованных семей. Поэтому здесь используется наемный труд, который частично погашает перевес доли участия в домашнем труде одного из супругов, а также высвобождает дополнительное свободное время, однако более свободен в использовании этого свободного времени тот, у кого больший доход.

Таким образом, значимым индикатором отнесения семей к данному типу разделения домашнего труда явилось наличие процесса переговоров по вопросам домашнего хозяйства: о степени ответственности каждого из супругов, о распределении домашних обязанностей, о принятии различных решений, о сделках с собственностью, о помощи третьих лиц, о проведении досуга и т.д.

Таким образом, супруги в таких семьях подходят к вопросу разделения домашних обязанностей с точки зрения экономической целесообразности. Целью является не достижение равенства в позициях членов семьи, а наиболее выгодная стратегия семьи по получению доходов на рынке оплачиваемого труда.

Эгалитарный – такой тип организации домашнего труда, при котором нагрузка по выполнению различных домашних задач делится равномерно на всех членов семьи.

При таком типе разделения труда супруги не разделяют традиционные представления о том, что удел женщины – домашнее хозяйство, а удел мужчины – материальное обеспечение семьи. Оба супруга стараются поделить между собой сферы ответственности за выполнение различных домашних задач.

Разница в нагрузке супругов меньше, чем в среднем по всем семьям. Распределение домашних обязанностей более равномерное, чем в семьях с другим типом разделения труда.

В таких семьях муж и жена заявили, что могут и не иметь одинакового времени по количественным показателям на выполнение различных домашних задач, но стараются, чтобы у каждого было примерно одинаковое общее время на труд (оплачиваемый и неоплачиваемый) и на отдых.

Таким образом, для семей с эгалитарным разделением домашнего труда характерна тенденция к преодолению гендерного неравенства в семье. Респонденты считают, что не обязательно следовать ролям, заданным традиционными стереотипами, а необходимо учитывать изменения, происходящие в экономике и в обществе. Такие респонденты высказываются за равномерное распределение домашних обязанностей и сами стараются справедливо распределять домашнюю нагрузку, поддерживая тем самым возможности профессионального роста для каждого из супругов.

Смешанный тип организации домашнего труда часто встречается среди молодых семей и семей супругов среднего возраста, с уровнем образования выше среднего, из разных профессиональных групп.

Такой тип разделения домашнего труда встречается также среди мужчин и женщин, проживающих в незарегистрированном браке. При изменении отношений, распределение домашнего труда может измениться в таких семьях. Изменения могут быть связаны с регистрацией отношений, рождением ребенка, что обычно увеличивает долю женского труда.

При сохраняющейся гендерной дифференциации домашнего труда в городской семье само содержание домашнего труда с точки зрения его гендерного распределения нельзя назвать неподвижным и жестко закрепленным. В связи с изменениями в технологиях домашнего труда, а также с развитием рыночного сегмента и втягиванием в него домохозяйств часть видов домашнего труда претерпевают изменения и могут гендерно «мигрировать», являясь предметом обсуждения и компромисса между супругами. Однако исследование показало, что это скорее открывает возможности для будущих изменений, чем для выводов о коренных трансформациях внутри домохозяйств,

поскольку виды труда, которые выполняют женщины и крайне редко выполняют мужчины, остаются достаточно устойчивыми в городской семье.

1. *Евстифеева Г.Г. Гендерное разделение домашнего труда в современной городской семье. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС. – 2012.*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ СПОРТА

Животкова К.В. (Санкт-Петербург)

В современном мире многие виды спорта требуют ранней подготовки. К примеру, в гимнастику, фигурное катание, плавание девочки приходят в возрасте с 5 до 7 лет. Спортивная деятельность ребенка как для родителей, так для него самого выходит на первый план, становится доминирующей, приоритетной, весь жизненный ритм подчиняется тренировочному режиму.

Проанализировав многие социологические исследования, мы пришли к выводу, что базовой мотивацией для начинающих спортсменок на начальном этапе становится влияние родителей, с их настойчивостью и желанием вырастить здоровую и красивую, всесторонне развитую девочку, похожую на одну из профессиональных спортсменок [2, 15]. Со временем, однако, воздействие родителей перестает быть решающим для ребенка, и начинают играть колоссальную роль такие факторы, как: психологическая сфера ребенка; формирующаяся мотивация и индивидуальные ценности; новые увлечения; первые спортивные заслуги, лежащие в основе потребности в занятиях спортом. Если же это не произошло, то ребенок, как правило, покидает спорт, находя интересы в иных видах жизнедеятельности.

С ростом спортивного профессионализма у девочек начинают проявляться такие мужские черты характера, как лидерство, стремление к победе, агрессивность. Подобные преобразования в половом поведении девочек физиологи объясняют нарушениями в процессе дифференциации мозга. Данные изменения становятся следствием маскулинизации (омужествления) полового центра [1, 176-178]. Омужествление может стать причиной нарушения полоролевого образа действий, сексуальной ориентации и, что наиболее важно, - материнского инстинкта. В процессе маскулинизации основательное влияние могут оказать занятия девушек такими мужскими видами спорта, как рукопашная борьба, бокс, футбол, хоккей, тяжелая атлетика и иные виды спорта, требующие тяжелых физических нагрузок.

В настоящее время каждый день стремительно увеличивается число людей, привлеченных в спортивную деятельность. Наблюдается и рост количества женщин, которые также с огромным энтузиазмом не только занимаются традиционно женскими видами спорта, но и осваивают все новые и новые спортивные дисциплины. Стремление женщин заниматься всеми без исключения видами спорта наравне с мужчинами вызывает противоречивые мнения у руководителей и организаторов спорта, в том числе и у ученых.

Многие специалисты женского спорта в основном уделяют внимание на медико-биологические стороны подготовки спортсменок. В то время как проблема полового разделения при совершении спортивной подготовки гораздо обширнее и имеет социально-психологические, педагогические, биологические аспекты, исследование и систематизация которых является злободневной теоретической и практической проблемой, нуждающейся в подробном системно-организованном исследовании [3, 14]. Факт того, что даже у прекрасно физически подготовленных девочек, девушек, женщин тренировочный процесс должен проходить иначе, чем у мальчиков, юношей, мужчин является существенным элементом данной принципиальной проблемы. Многие

исследователи не уделяют должного внимания данному обстоятельству, хотя активность женского организма не только количественно, но и качественно кардинально отличается от мужской. Приоритетными задачами ученых, тренеров, руководителей мира спорта могут выступать: сокращение отрицательного воздействия тяжелых нагрузок, нахождение способов их координации, обеспечение и гарантирование медицинского контроля, оптимальное совмещение спортивного режима с выполнением женщиной особой биосоциальной роли – материнства.

Важнейшими вопросами, на которые ученым необходимо дать ответ для определения приоритетных направлений своего участия в решении данных проблем, являются:

- координируется ли спортивная карьера с женским сознанием, с понятием женственности, принятым в данном обществе?

- соотносятся ли спортивные интересы женщин с той социальной миссией, которую они реализуют в социуме?

- при завершении спортивной деятельности останется ли женщина здоровой, способной к созданию семьи, рождению детей? [4, 65-72]

В настоящее время ученые не могут дать ответов на данные вопросы. Это влечет за собой необходимость в обозримом будущем провести ряд конкретно-социологических исследований, которые позволят оценить возможности женского организма и необходимость в последующих овладениях мужскими видами спорта.

Принципиальное тяготение женщин к достижению высоких результатов во всех видах спорта требует комплексного научного обоснования и ставит перед учеными и практиками ряд животрепещущих научно-методических, физиологических, социально-психологических проблем. Женщины, занимающиеся спортивной деятельностью, являются особой социальной категорией, с присущим ей спортивным образом жизни, подразумевающим отказ от многих привычных для обычных людей радостей, с ограниченными возможностями общения, сложными физическими нагрузками и т.д.. А самым важным является то, что это будущие потенциальные матери, создающие новые поколения людей.

1. Клецина И. С. *Гендерная социализация: Учебное пособие.* — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. - 2010. - 496 с.
2. Коцан И. Я. *Психофизиологические аспекты полового диморфизма в спорте // Физическое воспитание студентов. 2012. - № 3. - С. 27 - 35.*
3. Лубышева Л. И. *Женщина и спорт: социальный аспект // Теория и практика физической культуры. 2010. - №6. - С. 13 - 16.*
4. Цикунова Н. С. *Гендерные характеристики личности спортсменов в маскулинных и фемининных видах спорта: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб. - 2011. – 181 с.*

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

Задворнова Ю.С. (Иваново)

В условиях социально-экономических трансформаций российского общества большинство современных мужчин и женщин уже не придерживаются гендерного стереотипа о мужчине-главе семьи и женщине-домохозяйке, не отрицают участие мужа в выполнении домашних обязанностей и воспитании детей. Во многих семьях не наблюдается жесткое нормативное давление, требующее исполнения определенных гендерных ролей, в качестве приоритета выступают ценности самореализации, индивидуальных достижений, когда оба супруга разделяют карьерные устремления друг друга. Детерминантом новых гендерных тенденций выступает возрастающая роль

хозяйственно-экономической и психологической функций современной семьи, когда материальное обеспечение жизнедеятельности домохозяйства обусловлено профессиональной занятостью обоих супругов, а семья становится социальным сообществом, где мужчины и женщины получают взаимную психологическую поддержку, выполняя роль «эмоционального стабилизатора отношений».

В целях выявления перспективных тенденций трансформации гендерных ролей в семье среди молодежи Ивановской области было проведено социологическое исследование, цель которого – выявить установки современной молодежи в вопросах распределения ролей между супругами.

В качестве метода исследования было выбрано неформализованное интервью, в котором приняли участие 50 девушек и 50 юношей в возрасте от 18 до 30 лет, не состоящих в браке. Предполагается, что разделяемые ими установки в сфере семейно-брачных отношений будут реализовываться в соответствующих поведенческих практиках с будущим супругом/супругой.

Результаты интервью показали, что большинство молодых людей имеет эгалитарные установки в вопросах распределения лидерства между супругами.

Исследования продемонстрировали изменение содержания роли кормильца в последующих поколениях семей. Все больше молодых людей отказывается от стереотипного представления о роли добытчика и кормильца, закрепляемой за мужчиной, современные молодые люди готовы к перераспределению гендерно маркированных границ.

В вопросах пополнения и распределения семейного бюджета они разделяют установки о гендерном равноправии и считают, что семейный бюджет должен состоять из доходов обоих супругов. Большинство интервьюированных (86%) разделяют мнение о том, что обязанности материального обеспечения семьи должны выполнять муж и жена совместно, решения о распределении семейного бюджета должны приниматься обоими супругами.

Анализ выявленных гендерных установок позволяет спрогнозировать, что в перспективе гендерные роли в сфере главенства и материального обеспечения семьи будут распределяться между супругами более равномерно, это будет способствовать формированию эгалитарной модели распределения гендерных ролей в семье.

Ответы, полученные в ходе интервью, убеждают, что большинство современных молодых людей является носителями эгалитарных установок в вопросах разделения бытовых обязанностей между супругами. Из 100 интервьюированных 81% (45 девушек и 36 юношей) разделяют мнение о равномерном распределении домашней работы в семье.

Следует отметить, что мнение молодых людей о равноправном распределении домашних обязанностей между супругами начинает находить поддержку в социальной политике государства.

Домашний труд существенно облегчается благодаря появлению сложной бытовой техники, расширению сферы услуг и наемного труда. За последние несколько лет рынок предлагает множество способов сокращения времени на выполнение домашней работы: развивается сеть общественного питания, доставки продуктов и готовой еды на дом, расширяется сеть клининговых служб и прачечных, растет предложение рынка наемного домашнего труда. Использование предложений рынка услуг в бытовой сфере призвано сократить время супругов на выполнение семейных обязанностей, уменьшить временные и физические затраты женщин и мужчин на домашний труд.

В рамках исследования выдвинута гипотеза, что молодежь готова использовать новые технологии и предложения рынка услуг и уже начинает ими пользоваться. В ходе интервью 100 % опрошенных выразили готовность использовать в будущем предложения рынка услуг и новые технологии для минимизации затрат на выполнение работы по дому.

100 % интервьюируемых пользуются в настоящее время и планируют пользоваться в дальнейшем услугами доставки продуктов и сетью общественного питания. 92%

опрошенных ответили, что для экономии времени совершают многие покупки через Интернет. Как правило, юноши заказывают через Интернет технику, мобильные приборы, продукты питания, девушки покупают косметику и одежду.

Одной из современных тенденций, ведущих к эгалитарному распределению гендерных ролей в семье, является расширение сферы услуг ухода за детьми. Помимо мер государственной поддержки популярность получают частные детские сады, услуги няни, репетитора, тренера и т.д.

Ответы, полученные в ходе интервью, подтверждают готовность большинства опрошенных молодых людей пользоваться предложениями сферы образовательных услуг. 92% интервьюированных при появлении материальных возможностей предпочли использовать услуги няни, частных детских садов, репетиторов, учреждений дополнительного образования.

Также результаты эмпирического исследования показали готовность молодежи использовать услуги наемного персонала и частных учреждений для социального обслуживания членов семьи. 93% интервьюируемых положительно отнеслись к возможности обратиться к предложениям рынка услуг для ухода за больными, престарелыми членами семьи.

Исследование установок молодежи показало, что большинство молодых людей положительно относится к современным технологиям, облегчающим домашний труд, активно пользуются услугами доставки продуктов, Интернет-магазинами, готовы прибегать к предложениям рынка наемного домашнего труда, клининговых служб. Анализ ответов интервьюированных позволяет сделать вывод, что большинство молодых людей ориентированы на эгалитарную модель распределения гендерных ролей в семье.

Поскольку анализ гендерных установок молодых людей позволяет спрогнозировать более равноправное распределение обязанностей между супругами, целесообразно сформулировать факторы, способствующие решению этой задачи.

К таким факторам целесообразно отнести:

- осуществление в государстве дружественной семье социальной политики, способствующей росту благосостояния семей;
- формирование социальной инфраструктуры, позволяющей снизить бытовую нагрузку на членов семьи;
- создание разветвленной сети услуг по уходу за ребенком на дому, уходу за хроническими больными родственниками и членами семьи с ограниченными возможностями здоровья;
- обеспечение потребности семьи в образовании, развитии творческих и физических способностей детей;
- внедрение в систему общего и профессионального образования учебных курсов, способствующих гендерному образованию и формированию эгалитарных установок и эгалитарного сознания молодежи.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Звягина Е.М. (Тула)

В современном российском обществе семья имеет двойственный характер. С одной стороны, ее следует рассматривать как социальный институт, а с другой - это малая социальная группа, которая обладает своими закономерностями функционирования и развития в обществе. С институтом семьи тесно связан и другой общественный институт –

институт брака. По мнению Н.Н. Тарусиной, брак – это основанные на юридически оформленном соглашении отношения мужчины и женщины, имеющие целью создание и поддержание семьи с правами и обязанностями супругов [1, с. 91]. Семья как малая группа основана на родственных связях и регулирует взаимоотношения между супругами, родителями и детьми, ближайшими родственниками. Совместное ведение домашнего хозяйства является отличительным признаком семьи.

В связи со структурной трансформацией общества, современность вносит новые ценности, убеждения и представления. Традиционная семья, как во всем мире, так и в России, становится все более редким явлением. Появляются новые виды брачных отношений: пробный, гостевой, прерывающийся, открытый и т.д. брак. Меняются воззрения людей в вопросе о том, как должны распределяться роли в семье, кто является ее главой, кто – основным добытчиком, кто ведет хозяйство и воспитывает детей и пр. Кроме того, существенно модифицируются функции семьи. Если еще некоторое время назад одиночке было крайне сложно выжить в социуме, то сейчас общество все больше атомизируется. Развитие технологий, сферы услуг и рекреации приводят к тому, что, по большому счету, все функции семьи человек способен осуществить сам. Исследователи современной российской семьи указывают на такие проблемы семейно-брачных отношений, как повышенная занятость, скорость жизни, вседозволенность и искажение ценностных ориентаций, отсутствие поддержки и прагматичность, женская эмансипация и мужское избегание ответственности, появление брачных договоров, разрыв семейных межпоколенных связей, ранее очень тесных в нашей стране и т.д. Существенной проблемой также является низкий уровень культуры семейных отношений, психологическая неготовность к браку [2, с. 177].

Ученый А.И. Антонов, на протяжении целого ряда лет исследующий российскую семью, выделяет следующие существенные перемены, произошедшие в семейно-брачных отношениях.

1. Личные выгоды человека и его экономической активности превалируют над ценностями родства, которое теперь отделяется от социально-экономической деятельности.

2. Трансформация мужских и женских ролей в семье, вызванная тем, что современная женщина должна заниматься не только бытом и уходом за детьми и мужем, но и участвовать в производительном вне семейном труде. Это приводит к двойной нагрузке, ложащейся на женские плечи. При этом, традиционно мужские обязанности по ведению домашнего хозяйства практически упразднены в связи с городским образом жизни. Развитие технологий существенно облегчает ведение домохозяйства и устраняет разницу в самообслуживании – как женщины, так и мужчины вполне в состоянии вести хозяйство в современной городской квартире. Тем не менее, традиционные установки, в соответствии с которыми именно женщина несет ответственность за быт, зачастую приводят к семейным конфликтам.

3. Отмечается четкое разделение дома и мира вне семьи. Семья ставится на первое место, а отношения со внешним окружением обезличиваются.

4. Современная семья социально и географически мобильна. Это связано с самостоятельностью и независимостью детей, а также их профессиональным и личностным самоопределением, не предполагающим наследования социального статуса и рода деятельности родителей.

5. Изменяется система ценностей, все большую популярность завоевывает эгоцентрическая ориентация людей, предполагающая индивидуализм, независимость, личные достижения, усиление ощущения собственного Я, доминирование материальных благ. Она приходит на смену системе «семьецентризма», для которой были характерны ценности долга, семейной ответственности, рождения и воспитания детей, заботы о родителях и их благополучии в старости, преобладания авторитета старших.

6. На смену централизованной расширенной многопоколенной семейно-родственной системе приходят децентрализованные малодетные нуклеарные семьи. Супружеские отношения и связи в них ставятся выше родо-родственных.

7. На первый план при разводе выходит межличностная несовместимость супругов, а не инициатива мужа в данном вопросе.

8. Изменяются причины выбора супруга. Он осуществляется на основе межличностной избирательности молодых людей и девушек.

9. Демографический переход привел к практически полному замещению многодетной семьи малодетной. Количество детей в семье резко сокращается. Разводы становятся обычным явлением, а браки, напротив, заключаются реже, и достаточно часто официальный брак следует после периода совместного проживания молодых людей [2, с. 178-179].

Таким образом, приходится признать, что общество сталкивается с массой проблем, связанных с созданием семьи. Современное состояние семейно-брачных отношений свидетельствует о том, что семья как социальный институт зависит от государства. Правда, в последние пять лет заметны некоторые улучшения в государственной семейной политике, социальной защите семьи, материнства и детства. Однако эти первые шаги в направлении приоритетности интересов семьи над иными социальными интересами еще не дают реальной возможности каждому гражданину почувствовать большие преимущества в семейно-брачных отношениях. Будущее российского общества зависит от крепости и благополучия семьи как социального института и малой группы. Семейная политика государства, политических партий, общественных, религиозных организаций, групп интересов и т.п., должна быть направлена на возрождение семьи, семейного образа жизни, утраченной на длительном историческом пути фамилистической культуры общества, возвращение семье присущих ей социальных функций.

1. Тарусина Н.Н. О понятии брака: тенденции доктрины и законодательства // Социально-юридическая тетрадь. 2013. № 3. С. 84-92.
2. Стукова Н.М. Семья и брак глазами современной молодежи (по результатам анализа студенческих социологических исследований) // Психология развития и стагнации личности в рамках современного общества: материалы II Международной научно-практической Интернет-конференции. Казань, 2014. С. 177-182. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/15248391.pdf> (дата обращения: 08.10.2015)

ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕГО КЛАССА В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРА

Ильиных С.А. (Новосибирск)

Гендерная проблематика продолжает исследоваться в разных плоскостях. Не останавливаясь детально на теоретическом описании гендера, хотелось бы сказать, что автор придерживается социально - конструктивистского подхода к гендеру (см. работу [3]). Исследуя гендерную проблематику, невозможно обойти вопрос стратификации. В рамках данной статьи в виду ограничения хотелось бы представить лишь некоторые идеи, связывающие воедино страты, а именно средний класс, и проявления гендера.

Укажем, что вопрос о том, кто является типичным представителем среднего класса до сих пор дискуссионным. Причина – в тех критериях, которые можно положить в качестве основания выделения того или иного класса. Так, Э. Гидденс выделяет три главных класса, существующих в западных обществах. Высший класс владеет или прямо контролирует производственные ресурсы. Сюда относятся богатые, крупные промышленники, верхушка руководства. Средний класс включает большинство «белых

воротничков» и профессионалов. К рабочему классу относятся «синие воротнички», или занятые ручным трудом [2, с. 115.] Б. Барбер предлагает такие показатели стратификации, как: 1) престиж профессий; 2) степень власти и могущества; 3) доход или богатство, 4) образование или знание; 5) религиозная или ритуальная чистота; 6) родственная и 7) этническая принадлежность [1]. П. Блау выделяет следующие стратификационные показатели: образование, доход, богатство, престиж, власть, происхождение, возраст, административная должность [8]. Стратификационные показатели могут быть обобщены и сведены к таким видам: экономические - размер частной собственности, величина годового дохода, уровень материального благосостояния; политические - объем личной власти, занимаемая должность, известность; образовательные - форма обучения, ученая степень и звание; профессиональные - занимаемая должность, признание профессионального мастерства и квалификации. Беря за основу такие стратификационные показатели, как образование, доход, профессиональный статус, автором было проведено исследование в 2015 году в г.Новосибирске для представления о том, каким является представитель городского среднего класса.

Опрошено 276 мужчин и 395 женщин. Для иллюстрации тематики рассмотрим лишь узкий круг вопросов – профессиональный и экономический. Профессиональный аспект опишем с помощью таких показателей, как должностной статус, отношение к работе. Экономический аспект представим через иллюстрацию уровня доходов и возможности его улучшения.

Профессиональный аспект. Большинство из опрошенных респондентов работают по найму постоянно (мужчины – 52,5%, женщины - 60,3%). Свой бизнес имеют 22,1% мужчин и 5,8% женщин. Как видим, женщины почти в 4 раза меньше становятся обладателями собственного бизнеса по сравнению с мужчинами.

Чаще всего бизнес представлен организациями малого бизнеса, так как в основном численность работающих в подчинении преимущественно до 10 человек (мужчины – 26,7%, женщины- 7,3%). У 13,3% мужчин и 7,9% женщин подчиненных от 10 до 30 человек.

На вопрос «Какую должность по основному месту работы Вы занимаете?» мы получили следующее распределение: топ-менеджер, руководитель компании, бенефициар (мужчины – 13,1 %, женщины- 4,3%), руководитель крупного подразделения (мужчины – 8,3%, женщины- 1,5%), руководитель среднего уровня (мужчины – 15,6%, женщины- 8,9%), руководитель низшего звена (по 9,1% в каждой группе), ведущий специалист (мужчины – 17%, женщины- 18,7%), служащий, специалист (мужчины – 23,9%, женщины- 33,2%), предприниматель (мужчины – 9,8%, женщины- 6,3%), самозанятый (мужчины – 0,4%, женщины- 1%). Полученные данные позволяют увидеть, что женщины в 4 раза реже являются топ-менеджерами и почти в 6 раз реже руководителями крупного подразделения. При этом как ведущие специалисты и служащие они даже опережают по численности мужчин. Эти данные подтверждают общие гендерные тенденции, выявленные исследователями на рынке труда.

Средний класс, с нашей точки зрения, может иметь специфическое отношение к работе. Поясним вывод. Если для представителей низшего класса работа является преимущественно источником средств существования, то для среднего класса работа имеет и инструментальную, и терминальную ценность. Инструментальная ценность работы в том, что она являет собой источник средств. Терминальная ценность работы проявляется в возможности самореализации. В нашем исследовании оказалось, что для респондентов работа воспринимается также и с точки зрения получения новых связей и возможностей, что отражает ее инструментальную значимость.

Так, распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, какое значение для Вас имеет работа?» показывает, что существенно выделяются три главных характеристики работы: как источник финансового благополучия (мужчины – 81,5%, женщины - 70,6%), как средство самореализации (мужчины – 41,7%, женщины- 45,6%),

как возможность приобретения новых возможностей и связей (мужчины – 35,9%, женщины- 27,3%). Хотя и несущественно, но все же доля мужчин выше при оценке работы с точки зрения финансовой независимости и новых связей, а доля женщин выше при подходе к работе как средству самореализации. Для примерно пятой части опрошенных работа связана с социальным статусом (18,8% и 18,2% соответственно). Еще для меньшей доли опрошенных работа оценивается с точки зрения общественного одобрения и признания (14,1% и 13,3% соответственно). Отдельные респонденты указывают, что их работа – это то, что им интересно и нравится.

Стоит сказать, что в исследовании, проведенном под руководством Н.Е.Тихоновой, представители среднего класса не высказывались о том, что не хотели бы работать, тогда как эти мнения были у представителей других классов [7, с.22]. В нашем же исследовании 6,2% мужчин и 8,4% женщин при возможности вообще бы не работали, так как работа оценивается как неприятная обязанность. С нашей точки зрения, эти респонденты относятся, скорее всего, к периферии среднего класса. Интересно, что женщин чуть больше, чем мужчин. Вероятно, это объясняется все той же тройной ношей для женщин: дом (в его хозяйственно-бытовых проблемах) – работа – дети (если шире, то семья и все соответствующие обязанности).

Экономический аспект. Поскольку преимущественное значение работы для респондентов связано с ее возможностью быть источником финансовой состоятельности, то интересен вопрос, раскрывающий картину доходов. Оказалось, что у 43,1% мужчин и 62,3% женщин ежемесячный доход на одного члена составляет до 30000 рублей. Около трети опрошенных имеют доход от 30000 до 50000 (32,2% и 27,1% соответственно). Доход от 50000 до 70000 рублей имеют 14,9% мужчин и 7,3% женщин. Очевидно, что доля женщин уменьшилась почти вдвое. Почти в семь раз меньше опрошенных женщин, имеющих доход от 70000 до 90000, по сравнению с мужчинами (6,9% и 0,8% соответственно). И практически отсутствуют женщины, имеющие доход от 90000 и выше, у мужчин таковых представителей 4%. Вероятно, косвенно это может быть свидетельством проявления гендерных аспектов [3]. Исследователи указывают на более низкий уровень зарплат женщин в целом, вне зависимости от принадлежности к классу ([4],[6]).

Для улучшения своего материального благосостояния представители среднего класса предпринимают определенные меры. Мы предложили несколько таких вариантов: дополнительная работа, сдача в наем движимого и недвижимого имущества, банковские вклады. Были предусмотрены и такие варианты, как отсутствие какой-либо возможности и отсутствие необходимости в получении дополнительных доходов. Респонденты могли выбирать несколько вариантов. Оказалось, что работу по совместительству используют 27,9% мужчин и 16,5 % женщин, любую возможность дополнительных заработков 31,2% и 20% респондентов соответственно, сдают в наем жилье, дачу, автомобиль и используют проценты от вложенных денежных средств по 11,6% и 9,1% респондентов соответственно. Вместе с тем, 18,1% мужчин и 20,3% женщин ничего не делают, так как в этом нет необходимости, а 18,8 мужчин и 32,7 % женщин не имеют возможности в получении дополнительных доходов в принципе. О чем свидетельствуют полученные данные? Примерно пятая часть опрошенных не нуждается в том, чтобы искать дополнительные способы улучшения материального положения. Вероятно, это достаточно обеспеченные представители среднего класса, имеющие достаточно высокий и стабильный доход. Пятая часть мужчин и треть женщин не могут что-либо предпринимать в силу обстоятельств. Остальные используют разные способы – активные (любая дополнительная работа) и пассивные (сдача в наем, банковские услуги). При этом можно видеть, что мужчины чаще, чем женщины используют возможность дополнительных заработков. Иными словами, мужчины занимают более активную позицию. Можно предположить, что женщины в большей мере «обременены» семейными обязанностями, что и не позволяет им активно прибегать к разного рода источникам финансового благополучия (см. работу[5]).

Подведем итоги. Гендерные исследования среднего класса выявляют пока что все те же тенденции, что были и примерно десять лет назад. Должностной, финансовый статус женщин и т.д. остается по-прежнему более низким по сравнению с мужчинами.

1. Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // *Американская социология: Перспективы, проблемы, методы*. М., 1972.
2. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // *Социологические исследования*. 1992. № 9.
3. Ильиных С.А. Влияние гендера на картину мира: опыт социологического исследования // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. Научный журнал Российской академии наук. 2009. №28. С.66-86.
4. Ильиных С.А. Гендерная асимметрия: причины и основные пути ее преодоления: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Новосибирск, 2004.
5. Ильиных С.А. Гендерные стереотипы и гендерные представления в организационной культуре: на примере организаций малого бизнеса // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. № 10 (78). С. 332-338.
6. Ильиных С.А. Концепты маскулинности и фемининности в русле гендерного подхода // *Идеи и идеалы*. Научный журнал. 2011. №4. Т.1. С.131-144.
7. Тихонова Н.Е. Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад Института социологии РАН. М., 2006.
8. Blau P. *Inequality and Heterogeneity: A Primitive Theory of Social Structure*. L., 1977.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ О СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Кикоть А.С. (Ростов-на-Дону)

Процессы модернизации оказывает воздействие на образ жизни крупных городов в связи с изменением образа жизни, культуры поведения. В большей степени эти процессы оказывают воздействие на состояние такого основного социального института, как семья, являющимся одним из главных социальных институтов социума. Семья играет важную роль в системе воспроизводства населения и жизнеобеспечения основных потребностей общества в области регулирования социальных отношений, социализации индивидов.

Несомненно, тот факт, что модернизация российского общества требует быть конкурентно способным и востребованным на рынке труда оказывает влияние на супружеские, родительско-детские взаимоотношения. В связи с изменениями в обществе меняется и мировоззрение у молодых людей. В основном девушки стремятся построить карьеру, не зависеть материально от мужчины, в итоге мы наблюдаем тенденцию следующих новых форм брака – незарегистрированные браки или гражданские браки, неполные семьи, однополые браки и т.д.

Современная семья российского общества переживает сложный этап: возникновение новых статусно-ролевых позиций женщин, что обуславливается повышением их уровня образования, материальной самодостаточностью. В итоге, женщины не стремятся создавать семью, что накладывает отпечаток на уровне рождаемости детей. Возникают и новые статусно-ролевые позиции личности мужчины: происходит утрата традиционной монополии на брачный выбор, растет инфантилизация личности мужчин. Имеет место тенденция к дистанцированию обоих полов от каких-либо брачно-семейных зависимостей — снижение числа заключаемых браков — увеличивается средний возраст вступления в первый брак, рост внебрачной рождаемости и числа неполных семей, увеличивается массовая разводимость. В итоге, поставлена проблема сохранения семьи в новых условиях социальной реальности.

Так или иначе, именно семья берет ответственность за формирование у подрастающего поколения образцов поведения, социальных ролей матери/жены и отца/мужа, от чего и зависит продолжительность человеческого рода. В этом и заключается актуальность исследования: сформировать мировоззрение о семейных взаимоотношениях современного российского общества в школьном возрасте для сохранения института семья.

Основы будущих брачно-семейных отношений закладываются уже в старшем школьном возрасте в соответствии с мнениями психологов. Данный тезис подтвержден и результатами авторского исследования, ориентированного на выявление отношения старших школьников и учащейся молодежи к гражданскому браку. Для выяснения позиций данного мнения на примере города Ростова-на-Дону, в сентябре 2015 учебного года среди старшеклассников пяти общеобразовательных школ и студентов высших учебных заведений 1,2 курсов, проводился социологический опрос, в котором приняли участие 394 респондента. Молодым людям предлагалось выразить свое отношение к гражданскому браку.

Результаты авторского исследования позволили выявить следующие данные:

72,8% учащихся одобряют гражданский брак, аргументы их выбора следующие: данная форма брака есть своего рода «репетиция», «свобода» в отношениях, исчезновение эффекта «собственника»; снижение ответственности перед партнером.

Распределение ответов респондентов на вопрос о положительном отношении к гражданскому браку в зависимости от пола и возраста по гендерному и возрастному аспекту, %.

	Возраст 16–17 лет	18–25 лет
Юноши	58,3	62,4
Девушки	40,2	17,8

В свою очередь 17,2% респондентов против гражданского брака, объясняя отрицательные стороны отсутствием прочности в таком союзе, серьезности отношений, также супруги и дети лишаются правовой защиты и определенного социального статуса.

Некая часть респондентов, а именно, 12% опрошенных однозначно ответить на заданный вопрос затруднились, объясняя, это тем, что в гражданском союзе видят как плюсы, так и минусы.

На вопрос: «Состояли ли вы в гражданском браке?» ответы распределились следующим образом:

	16–17 лет	18–25 лет
Юноши	3	59,3
Девушки	5	28

На основании полученных данных, первый опыт совместной жизни молодые люди часто получают после окончания школы. Это связано с тем, что многие выпускники получают образование в другом населенном пункте, уходя из-под опеки родителей, пытаются самоутвердиться во взрослой жизни.

Что касается положительных ответов респондентов на вопрос об опыте проживания в гражданском браке, то результаты очевидны, % .

	16–17 лет	18–25 лет
Юноши	3	20
Девушки	5	8,2

Анализируя полученный результат, можно предположить, что гражданский брак не является долговременным и крепким, многие молодые люди имеют не один опыт проживания в таком браке. Можно предположить, что данное поведение станет нормой и стереотипом в дальнейшем.

Резюмируя результаты исследования, уже в школьном возрасте складывается позиция по отношению к институту семьи, направленная не столько на укрепление, сколько на деструктуризацию семейных отношений. Данный показатель должен явиться предметом активного воспитательного воздействия деятельности государства и общества в целом на пропаганду семейных ценностей в подростковом возрасте.

Необходима нравственная концепция государственной семейной политики, которая бы основывалась на базовых общечеловеческих ценностях, касающихся любви и брака. Среди них — целомудрие до брака, супружеская верность. Количество разводов в среднем по России в последние годы составляет 65%. Многие молодожены вступают в брак неподготовленными и, кроме иллюзий о будущей семье, имеют опыт добрачных половых связей, который несет потенциальную угрозу развода. Для современников брак потерял свое значение, люди не верят в его долговечность. Эти факты подтверждаются результатами Интернет-опроса, проведенного компанией ACNielsen. По результатам опроса, 47% россиян не верит в прочность и долговечность брака. 27% соотечественников считают брак устаревшим явлением. Только 70% опрошенных считают, что заключать брачный союз нужно один раз в жизни и по большой взаимной любви.

В этом смысле актуальна взаимосвязь целомудренного поведения молодежи до брака и супружеской верности. Известно, что добрачная половая жизнь подростков может в дальнейшем способствовать внебрачным половым связям. Верность или неверность — вопрос принятых человеком норм, четких нравственных принципов поведения, выработанных с подросткового возраста. Человеку, постоянно и часто менявшему партнеров, после свадьбы трудно посвятить себя верной семейной жизни. Это приводит к разрушению моральной и эмоциональной целостности семьи.

Так как в последние десятилетия всесторонняя реклама "свободы" допустила развитие сексуальной вседозволенности, которая повлекла за собой разрушение института семьи, брака и родительства, то необходим запрет на пропаганду "свободной любви" и нетрадиционной сексуальной ориентации через средства массовой информации. В целом на данный момент средний возраст сексуальных взаимоотношений у студентов в России равен 17,0 лет у юношей и 18,3 года — у девушек. Почти у каждого третьего юноши и каждой десятой девушки первый половой партнер был малознакомым человеком. В то же время доля тех, кто начинает половые отношения со своим партнером или супругом, у российских студентов одна из самых низких — 59,7% девушки и 28,6% юноши. Все эти факты подчеркивают неустойчивость парных отношений у российской молодежи и указывают на распространенность спонтанных связей.

Привлечение внимания к институту семьи требует всеобщего участия: государственных структур, общественного сектора, системы образования, средства массовой информации. Необходимо воспитывать представление о нормах сексуального поведения до брака и развитии отношений в браке.

1. Харчев, А.Г., Мацковский М.С. *Современная семья и ее проблемы* / А.Г. Харчев, М.С. Мацковский. — М, 2008. — 358 с.
2. Римаевская, Н. М. *Реформирование социальной сферы в контексте гендерных отношений* / Н.М. Римаевская. — М.: РОО МЦГИ — ООО «Солтэкс», 2006. — 269 с.
3. Мижеригов, В.А. *Психолого-педагогический словарь* / В.А. Мижеригов. — Ростов-на-Дону, 2008. — 378 с.

МЕДИАОБРАЗ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Ковалева Г.А. (Череповец)

Тема суррогатного материнства все чаще освещается в медийном пространстве. Следует остановить внимание на репрезентациях феномена суррогатного материнства непосредственно на телевидении, так как данный ресурс, характеризующийся широким охватом распространения информации, и соответственно влияет на создание общественного мнения по данной проблеме.

Для исследования образа суррогатного материнства в СМИ, в частности на телевидении, мы воспользовались качественным анализом документов. Под документом в данном случае понимается видео документ. Данный анализ предназначается для выявления эмоционально окрашенной лексики и эмоциональной оценки мнений авторов по отношению к объектам, речь о которых идёт. Тональность всего документа в целом можно определить как сумму лексических тональностей составляющих его единиц и правил их сочетания. Основной задачей выступает классификация полярности документа, то есть определение, является ли выраженное мнение в документе позитивным, негативным или нейтральным. При определении оценок была использована поляризованная шкала – позитивная - негативная оценка.

Для анализа мы обратились к четырем передачам разного формата, прошедшим на популярных телеканалах - «Слово за слово»; «Право голоса»; «Люблю, не могу!» и «Чистосердечное признание» в сентябре-декабре 2014 г. Разный формат передач был выбран для того, чтобы рассмотреть оценку явления, как с точки зрения экспертов, так и с точки зрения «обычных» лю-дей. Все отобранные ток-шоу не разбирают одну конкретную проблему, а дают почву и сведения для размышлений.

Ток-шоу «Слово за слово» и «Право голоса» позиционируют себя как место для дискуссий и арена для политических баталий. В их студиях обсуждаются самые горячие социальные, экономические, политические и культурологические темы и проблемы. И к ним приглашаются гости с полярными точками зрения. Первым шоу, к которому мы обратились, является «Право голоса». Суть передачи заключалась в попытке выяснить, почему в России суррогатное материнство вызывает множество возмущенных вопросов. В студию были приглашены различные эксперты – адвокаты, представители РПЦ, председатели общественных организаций, профессора, врачи и многие другие. Оживленная дискуссия на предложенную тему продолжалась сорок девять минут. Гости использовали различные аргументы «за» и «против» суррогатного материнства.

Положительные оценки были даны четырьмя экспертами - президентом благотворительного фонда «Защита детства» Натальей Карпович, руководителем московской организации приемных семей Ириной Полежаевой, заведующим кафедрой общей социологией НИУ ВШЭ Никитой Покровским и директором «Европейского центра суррогатного материнства» Владиславом Мельниковым. В качестве аргументов в пользу суррогатного материнства некоторые из гостей используют довод о том, что это в первую очередь возможность бесплодных отчаявшихся уже людей, получить своего собственного, родного генетически ребенка.

Н.Карпович отмечает слабую законодательную базу. «Я считаю, что пока в законодательстве Российской Федерации существует норма, что такая возможность стать отцом или матерью существует, обсуждение дальше общества ведет нас в тупик». Руководитель московской организации приемных семей И.Полежаева работает с приемными детьми, у нее в семье двадцать три приемных ребенка, и Ирина поясняет и оправдывает то, почему родители хотят генетически своего ребенка следующим образом: «И когда мы растим собственных , мы просто этого не знаем, мы их очень любим, то, что мы приняли, то и имеем, просто пытаемся придать им какие-то рамки». Также к числу

положительных оценок относятся высказывания Н.Покровского, приводящего в качестве аргумента позицию о решении демографической проблемы с помощью данной ВРТ. «Эта технология репродуктивная – суррогатное материнство – это одно из замечательных достижений науки».

Негативные оценки по проблеме, заявленной в передаче дали три эксперта – председатель общественной организации «Христианско – демократическая перспектива» А.Чуев, председатель общественной организации «Много деток – хорошо» Т.Боровикова и духовник общероссийского общественного движения «За веру и Отечество» Иеромонах Никон. Все они связаны с РПЦ и в качестве аргументов «против» обращаются к Социальной концепции церкви. «Жизнь – это дар Божий, и вторгаться в эту сферу крайне опасно» - Иеромонах Никон. Ток-шоу «Право на счастье» ведущая заканчивает, цитируя Марка Курцера - врача, благодаря которому появились дети у Пугачевой и Галкина: «Я считаю, что каждые роды – это шанс для человечества. Вдруг именно этот ребенок спасет мир». В результате можно сделать вывод, что в данной передаче преобладала позитивная тональность оценок, соответственно, можно сделать вывод, что суррогатное материнство здесь представляется скорее как благо для людей.

Далее нами был проведен анализ тональности шоу «Слово за слово». Его выпуски проходят каждый будний день на МТРК «Мир». Приглашенные гости в студии адвокаты, психологи, представители РПЦ, артисты, телеведущие и другие. Все они пытались ответить на вопрос: «Что такое суррогатное материнство – нормальная практика или аморальный во всех отношениях поступок?». Позитивную эмоциональную окраску по предложенной теме содержат высказывания продюсера И.Пригожина, заслуженного артиста России А.Левшина, адвоката А. Князева, международного эксперта по вопросам репродуктивного здоровья Б.Лордкипанидзе, телеведущей И.Шадриной и ведущего Алексея Шахматова. В основной массе аргументы в пользу применения данного метода заключаются в позиции, что если сейчас есть возможность, то почему бы людям ей не воспользоваться. «Если в природе такое стало возможным и наука нам позволяет делать такие невероятные вещи, нельзя назвать, что это против религии или против Бога» - Иосиф Пригожин. «Я оправдываю таких людей, и вообще я считаю, что кто мы такие, чтобы осуждать этих людей, которые решились на это» - И.Шадрина. Относительно правового аспекта применения суррогатного материнства делает упор Б. Лордкипанидзе: «Они имеют законное право природное право (пользоваться данными услугами)». Возможность обращения к суррогатному материнству по медицинским показателям допускает и А. Левшин, хотя является верующим человеком: «Суррогатное материнство по медицинским параметрам – это индивидуальная, но мне кажется возможная ситуация, потому что женщина живет ради продолжения потомства». При этом в ходе передачи ведущий принимает сторону гостей студии, поддерживающих применение данной ВРТ.

Что касается негативных по тональности оценок по теме эфира, то они были даны протоиреем Дмитрием Смирновым, председателем общественной организации «Рождение» Е.Ломоносовой, психологом А. Кузнецовым и протоиреем Александром Ильяшенко. В основном представители РПЦ делают упор на социальную концепцию РПЦ. Их высказывания бывают достаточно радикальными в отношении применения данного метода и имеют характерную ярко негативную окраску. «Если бы ко мне пришли я бы не стал крестить» - Дмитрий Смирнов. Также и Е. Ломоносова отрицательно отзываясь обо всех ВРТ: «Репродуктивные технологии, самые разные, разрушают семью», призывает социум не прибегать к данным мерам для получения детей. Таким образом, в передаче «Слово за слово», также как и в «Право на счастье» превалирует по тональности положительные оценки.

Третьей передачей, проанализированной нами, является «Чистосердечное признание». Ток-шоу выходит на канале НТВ уже более десяти лет. «Чистосердечное признание» - это документальная программа только о том, что насущно и интересно. Формат передачи предполагает освещение различных событий в жизни общества, которые

не всегда освещаются средствами массовой информации в достаточной мере. Разнообразные темы и, соответственно, чистосердечные признания. Герои – суррогатные мамы, женщины, воспользовавшиеся данной услугой, врачи и другие. Вся программа построена исключительно на положительных оценках. Положительная окраска суждений присутствует во мнениях двух суррогатных матерей. «Если мама не может иметь детей, почему бы не помочь им?». «Они были очень счастливы, приняли ребенка как драгоценную ношу». «Женщина должна рожать. Она для этого создана» - вторая суррогатная мать. Также в ходе передачи присутствуют благоприятные оценки деятельности суррогатных матерей со стороны ее окружения. Также положительная тональность преобладает и в высказывании женщины прибегнувшей к данной технологии: «Я ей очень благодарна».

Последней передачей, к которой мы обратились, является «Люблю, не могу!». Она представляет собой семейное шоу, в котором обсуждаются все жизненные дела и проблемы, расследуются извечные вопросы, которые волнуют как женщин, так и мужчин, как и предыдущие, выходит каждый будний день, но уже на телеканале Россия1. Приглашенные гости – суррогатные мамы, люди воспользовавшиеся услугами суррогатного материнства, бесплодная семья, эксперт эмбриологии европейского общества репродукции человека К. Свитнев и протоиерей Андрей Кураев. При этом также и ведущие абсолютно свободно высказывают свое мнение. Положительные по тональности оценки в отношении проблемы суррогатного материнства, присутствуют в пяти суждениях суррогатной мамы, женщины, воспользовавшейся соответствующими услугами, женщины из бесплодной пары, К.Свитнева и одной из ведущих Рады Радовой.

Относительно негативно окрашенных высказываний следует отметить две позиции, которые содержат смысл суррогатного материнства в корыстной помощи, либо определяют его как продажу людей: «Это форма человекоторговли», или приравнивая его к греху «Есть греховные пути к счастью, и это червоточинка однажды проявится в Вашей жизни», - Андрей Кураев. Следовательно, в ток-шоу «Люблю, не могу!», суррогатное материнство как явление также имеет положительную оценку.

Таким образом, можно сделать вывод, что суррогатное материнство – это очень неоднозначная вещь. Оно относится к числу не столько медицинских, сколько этических и правовых проблем. Исходя из анализа представленных телепередач, мы можем сделать вывод о том, что в программах, не построенных на проблемных, скандальных ситуациях преобладает положительная оценка явления. Сторонниками суррогатного материнства в них выступили разные люди с множеством аргументов, наиболее популярным то, что для семьи, в которой женщина по тем или иным причинам не способна выносить плод, это единственный способ обзавестись ребенком, который будет генетически «своим». Противники же (по большей мере люди в той или иной степени, имеющие отношение к церкви) все равно остаются при своем мнении - суррогатное материнство превращает детей в подобие «живого товара» и подрывает святость брака и семьи.

1. Авдеева Н.Н. Особенности материнского отношения и привязанности ребенка к матери. / Н.Н.Авдеева // Психологическая наука и образование 2006. - №2. - С. 82-91.
2. Баженова О.В., Баз Л.Л., Копыл О.А. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс, 1993. - № 4. - С. 35-42.
3. Грицай Л.А. Кризис традиционного материнства в современной России: социально-психологический аспект// Журнал практической психологии и психоанализа.-2010.- №3. – С. 13-20
4. Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социс, 2000. № 11. С. 90 – 98.
5. Дронова Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве, М.:Городец. - 2007. – 112 с
6. Зыкова Н.Н. Явление суррогатного материнства как ценностный компонент мировоззрения современного общества // Восьмые Вавилонские чтения.

Мировоззрение и безопасность современного общества в фокусе научного знания и практики : материалы постоянно действующей

7. *Иваева Э.А. Суррогатное материнство: правовое и нравственное измерение проблемы // Медицинское право, 2008. - №3 – С. 12-18.*
8. *Исупова О. Г. Ваш ребенок нужен только Вам, или Социальный смысл материнства в современной России // Социологические исследования, 2000. - № 11. - С.98 -107*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: КРИЗИС ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ

Козырева М.Ю. (Санкт-Петербург)

В институте семьи происходят трансформационные процессы, связанные с общественными преобразованиями, изменениями жизненного уклада людей. Динамичные и кардинальные преобразования этого института неоднозначны и обуславливают необходимость социологического осмысления происходящих процессов.

Тенденциями развития семьи сегодня можно считать переход к новым семейным формам. Данная ситуация отражается в росте числа незарегистрированных браков и внебрачных рождений, росте количества неполных семей и разводов; изменении структуры семьи, стремлении к нуклеаризации и малодетности; нестабильности семейной структуры.

Некоторые из этих направлений вызывают тревогу экспертов и констатацию кризиса семьи. Так, например, распространение незарегистрированных брачных союзов. При том, что общее количество брачных союзов остается неизменным, количество сожительствующих пар выросло только за последнее десятилетие на 25% [1]. Существенно вырос процент неполных семей в общей семейной структуре общества. Причинами появления семей, состоящих из одного родителя с ребенком, являются вдовство, разводы и рождение детей вне брака. Каждый 3-й ребенок проживает в неполной семье, 88% из них это материнские семьи. Между переписями населения 2002 и 2010 годов число полных семей сократилось на 11,2%, а число неполных семей выросло на 3%. В сравнении с 1996 годом доля неполных семей выросла в 2,5 раз [2]. В современной России почти треть детей рождаются вне официально зарегистрированного брака, хотя еще в XX веке подобных случаев были единицы [3]. Число разводов увеличивается с каждым годом. В среднем сегодня распадается половина заключаемых браков, и это число постоянно растет. «В 2011 году на 1000 браков приходилось 509 разводов, в 2012 году – уже 529» [4]. Увеличение числа разводов отражает тенденции, происходящие в обществе и в институте семьи. Данная тенденция является свидетельством нестабильности семейных отношений. Сегодня брак можно расторгнуть фактически в любой момент, и люди начинают относиться менее рационально и обдуманно, что приводит к высокому числу разводов на ранней стадии брака. Данная ситуация выражается в следующих цифрах: «60% браков расторгаются в первые 5 лет совместной жизни» [5].

В рамках данного исследования был проведен социологический опрос с целью выяснения семейных установок людей разных поколений. Было опрошено 400 жителей Санкт-Петербурга различного пола, возраста, материального и семейного положения, занимаемого статуса, профессиональной деятельности. Выделены две группы респондентов: 200 человек моложе 30 лет и 200 человек – старше 30.

Согласно результатам исследования, семья является одой из основных ценностей людей вне зависимости от возраста, но только более 50% опрошенных старшего возраста считают, что каждый человек в жизни должен обязательно создать семью, это на 15% больше, чем среди младшего поколения. Зарегистрированный брак является предпочтительным для абсолютного большинства респондентов (83%), но единственно

возможной формой брака его считают больше людей старшего поколения: 36% людей старше 30 лет указали, что регистрация брака обязательна, в то время как до 30 лет этот вариант выбрали 24% опрошенных. В два раза больше людей старшего поколения (17%), чем младшего (8%), считают появление ребенка основанием для регистрации брака. При этом 20% молодежи убеждены, что воспитание ребенка в неполной семье – нормальная практика в современном обществе, в то время как среди старшего поколения таких ответов всего 4%. Эти цифры говорят о том, что семейно-брачные установки имеют тенденцию к изменению уже в рамках одного-двух поколений. Неполные семьи и сожительствующие без заключения брака пары вписываются в общую структуру семейных отношений в современном обществе, воспринимаются в сознании людей как равноправные семейные формы с полными семьями и зарегистрированными брачными союзами.

Данные тенденции имеют неоднозначные оценки экспертов, объясняющих их как кризисные или эволюционные явления развития общества и семьи.

О кризисе семьи еще в 1916 году говорил Питирим Сорокин, связывая негативные процессы с «ослаблением союза мужа и жены», ростом количества разводов, упадком религиозных основ брака, равноправием мужа и жены, трансформацией экономической функции семьи [6]. Ученые А.И. Антонов и В.М. Медков утверждают, что процессы, происходящие в семейных взаимоотношениях, сегодня ведут к постепенному разрушению структуры и самой сути семьи, а в последствии, к ее полному краху. «Невыполнение репродуктивной и социализационной функций семьи, сопровождающийся ослаблением семьи как союза родственников, <...> ослаблением триединства супружества-родительства-родства из-за исчезновения семейного производства, совместной деятельности родителей и детей и может быть назван кризисом семьи» [7].

Существует и другая точка зрения о данных трансформациях. Оценка состояния семьи, данная С.И. Голодом, абсолютно противоположна. Он оценивает данную ситуацию как естественный процесс, ведущий к определенным изменениям в семейной структуре и отношениях, переходу к новым формам существования брачности и взаимодействия между супругами и родителями с детьми. «Все подмеченные тенденции <...> ни в коем случае не должны ассоциироваться с крахом семьи» [8].

Как бы ни оценивались данные процессы, их существование невозможно отрицать. В семейной структуре, взаимоотношениях, ценностях, установках происходят существенные трансформации, определяющие качественные изменения института семьи и брака. Данные процессы происходят по всем аспектам жизнедеятельности данного института и меняют саму суть семьи, но сохраняют ее место в структуре общества. Они происходят естественно, взаимосвязано с другими общественными процессами, есть все основания полагать, что со временем это приведет к появлению некоторых новых форм семьи и отходу от некоторых старых. Несмотря на нестабильность данного института сегодня, ценность семьи не уменьшается, из чего можно сделать вывод о жизнеспособности института семьи, отсутствии его кризиса, который приведет к краху.

1. См.: *Итоги Всероссийской переписи населения 2010*. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.perepis-2010.ru/>; *Итоги Всероссийской переписи населения 2002*. [Электронный ресурс]. - URL: www.perepis2002.ru
2. Цит. по.: 21. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х ч.// Составитель Мизулина Е.Б. и др./ Часть 1. – М., 2013. / [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.komitet-6.km.duma.gov.ru/site.xp/05004912..>
3. См.: Кьучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Синельников А.Б. *О современной семье и ее воспитательном потенциале // Социологические исследования, 2010. №7. - с. 51.*
4. Цит. по.: Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х ч.// Составитель Мизулина Е.Б. и

- др./ Часть 1. – М., 2013. / [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/si>
5. Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916, № 1.
  6. Цит. по.: Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х ч.// Составитель Мизулина Е.Б. и др./ Часть 1. – М., 2013. / [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/s>
  7. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. - М.: Изд-во МГУ, 1996. - с. 111
  8. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ – СПб: «Петрополис», 1998 – с.78

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Колесник Н.В. (Санкт-Петербург)

В российской научной литературе проблема инноваций в широком ее понимании, до недавнего времени не была объектом пристального внимания ученых. В социологической литературе проблема инновации и инновационного потенциала обычно связывается с экономической и научно-технической деятельностью, политикой, что мало отличается от подхода, доминирующего в экономических и политических текстах. Рассуждения о том, что существуют систематические исследования инновационных практик российской элиты как на региональном, так и на федеральном уровне, не отражают реальное состояние исследовательского поля. Те же объяснительные схемы, которыми оперируют отечественные исследователи, представляют собой пример трансляции взгляда «извне», чаще из западной социологии, и потому требуют учета российского контекста.

В этой связи общий обзор немногочисленных работ отечественных социологов показывает, что социальный аспект инноватики (в частности, рассмотрение роли элиты) не является специальным либо частным сюжетом исследования. Эта проблематика в российских исследованиях имеет маргинальный статус. Даже краткий анализ литературы позволяет определить, что чаще всего категория «инновация» рассматривается в тех исследованиях, в которых анализируются повседневные практики экономических субъектов, в том числе и экономической элиты, бизнес-групп, деловых сообществ. Так исследователь С.Б. Авдашева, исследуя отечественные промышленные предприятия, входящие в бизнес-группы, проанализировала стратегии реструктуризации предприятий, механизмы принятия решений внутри бизнес-групп в переходный период [1]. Среди важных особенностей поведения, входящих и не входящих в бизнес-группы предприятий, по мнению автора исследования – инновационные стратегии. Категорию «инновации на промышленном предприятии» автор работы трактует достаточно широко (заметим, что в этом исследовании понятие «инновация» синонимично понятию «новое»).

Научный интерес И.Б. Гуркова и В.С. Тубалова также сосредоточен на инновации в российской промышленности [2]. Однако авторы этого исследования подошли к проблематике «инновации» комплексно и различают в деятельности промышленного предприятия (хозяйствующего субъекта) продуктовые и процессные инновации. Согласно точке зрения И.Б. Гуркова и В.С. Тубалова, административные (управленческие) инновации – это всегда изменения в социальных практиках и к их изучению применим весь накопленный инструментарий социальных наук. Кроме того, авторы обращают внимание на то, что возможно построение различных типологий инноваций, например, помимо продуктовых, технических, управленческих инноваций, различаются организационные внутрифирменные и организационные межфирменные, параллельные, последовательные, «синергистические» инновации [2, с. 30].

Предметом исследования О.В. Кобяка является культура хозяйствования на предприятиях машиностроения Беларуси в переходный период. Что же касается инновационных процессов, то автор исследования предлагает их рассматривать как фактор в формировании культуры хозяйствования предприятия. В этой связи, директорат (экономическая элита) предприятий видится автором как генератор обновления, инициатор инновационных процессов на машиностроительных предприятиях Беларуси [3].

Проблеме спроса на инновационный человеческий капитал посвящена статья С.И. Агабекова. В работе предпринимается попытка спрогнозировать динамику спроса на инновационный человеческий капитал в России с учетом различных социально-экономических сценариев и выявить влияние инновационного человеческого капитала на процесс развития высокотехнологического бизнеса. Исследователь замечает, что интерес к подобной проблематике не случаен и объясняется, в первую очередь притязаниями российской элиты, которая стремится сохранить определенное положение государства на международной арене [4, с. 136]. Что касается операционализации понятия, то инновационный человеческий капитал автор исследования определяет как совокупность специалистов в области естественных, технических наук, экономики, управления [4, с. 137].

В исследовании «Новое поколение предпринимателей и менеджеров» академика Т.И. Заславской, «инновационные практики» российской элиты не являются предметом специального исследования. Однако исследователь, анализируя общие и особенные социально-профессиональные качества мужчин и женщин, занятых в сфере управления бизнесом, обращает внимание на профессиональные качества управленцев, которые, с одной стороны, помогают респондентам добиваться успеха, с другой стороны, являются недостатком, тормозом к успешной деятельности. Инновационный тип мышления, постоянный поиск новых возможностей – одно из профессиональных качеств, которое анализируется автором. Т.И. Заславская, в ходе обобщения данных, полученных методом анкетирования слушателей (1016 человек или 51% генеральной совокупности) программы МВА в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, пришла к выводу, что для деловых женщин инновационный тип мышления – недостаток, который они ощущают как помеха деловому успеху, тогда как для мужчин инновационный тип мышления и постоянный поиск новых возможностей – высшая ценность в иерархии профессиональных качеств [5, с. 10-11]. Более того, исследование отчетливо демонстрирует, что если сравнивать самооценки делового мужчины и деловой женщины, то мужчины превосходят женщин по инновационности мышления, нацеленности на постоянный поиск новых возможностей, уровню профессионализма, делового опыта.

Одним из значимых субъектов инноваций в российских регионах являются представители элитного сообщества. В этой связи для операционализации инновационного потенциала элиты научной группой СИ РАН был разработан тип инновационной элиты, измерение которого возможно при вовлечении следующих основных характеристик: возраст, принадлежность к социальным группам, гендерная принадлежность, время и место социализации, тип образования, повышение квалификации и др. В качестве объекта исследования рассматриваются политическая, административная, экономическая элиты четырех российских регионов (Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Ростовской областей) (более подробно см. [6]).

В данной работе сфокусируем внимание на гендерном аспекте проблемы инновационного потенциала российской элиты. С точки зрения предметной части исследования, а именно инновационно-реформаторского потенциала регионального сообщества, интересным видится рассмотрение того, какими ресурсами обладают женщины, которые представляют политическую, административную и экономическую элиту исследуемых регионов. В качестве ресурсов необходимо рассматривать то, что дает

возможность женщинам не только для вхождения/выхода из элитного социального сообщества, но и позволяет конвертировать в различные институты с целью получения дивидендов на полученный капитал. Если возраст и показатели трудоспособности женщин следует рассматривать как некий физиологический ресурс (в типологии Тихоновой Н.Е.), то квалификационный ресурс представляют образование и навыки, которые достаточно жестко коррелируются с общим уровнем жизни и тем, каким объемом экономического капитала обладают представители исследуемой общности [7].

Согласно полученным данным, преобладающей возрастной группой в сегменте женской элиты в четырех исследуемых регионах является группа от 41-55 лет (56%), которая имеет относительно низкий инновационный потенциал. Вторая возрастная группа (от 56 до 80 лет) составляет, в общем массиве 32%. Молодежный сегмент женской элиты не представлен - всего 11%. Если же рассматривать гендерное региональное сообщество с точки зрения принадлежности к поколению, то на среднее поколение, возраст которого от 41 до 60 лет, приходится 77% женской элиты, молодежное поколение и поколение пенсионеров представлено одинаково – по 11%. И потому, с точки зрения возрастных характеристик, представительницы женского сегмента элитного регионального сообщества, скорее всего, не смогут оказать влияние на инновационно-реформаторские потенциал элиты и оказаться в роли активного субъекта действия. Однако, следует иметь в виду, что среднее поколение вообще «это когорта людей, достигших зрелости, накопивших немалый жизненный опыт, приобретших необходимые профессиональные знания и деловые навыки и потенциально имеющих еще достаточно времени и сил для свершения задуманного» [8, с. 106]. Женщины же среднего поколения представляют собой ту группу, которая своим достижением вершины общественной пирамиды, показывает возможности успешного применения ресурсов в условиях жесткой конкуренции с мужчинами. Женщины-лидеры среднего поколения, это те, кто в условиях реформирования общества, обладая достаточными физиологическими ресурсами, и олицетворяя собой «незаметный» тип лидерства, достигнув сорокалетнего возраста, обладают способностью «создавать возможность для раскрытия своего потенциала членам коллектива, команды, организовывать их для решения совместных задач» [9, с. 10].

Анализ эмпирических данных показывает, что на инновационный потенциал элиты влияют культурные и социальные ресурсы, которые измеряются посредством вовлечения индикаторов социализации, стиля жизни, наличия либо отсутствия устойчивых/временных сетей, социальных связей. Гендерное распределение региональной элиты по месту рождения показывает, что преобладающая часть женской элиты родилась в малых городах и селах (более 60%), примерно одинаковое количество женщин (в среднем 16%) распределилось между областным центром/столицей республики как местом рождения, и столичными городами (преимущественно Санкт-Петербург). И потому, согласно полученным данным, первичная социализация у большей части женщин региональной элиты проходила не в крупных городах, а в провинциальных городах, селе, что само по себе необходимо рассматривать как некий индикатор наличия дополнительной возможности использования данного ресурса для достижения высокого статуса у женщин. «Провинциальность» женщин, которые родились в небольших городах и селах, несмотря на отсутствие у них объективных возможностей столичных городов, сужение зон активности в провинции, может рассматриваться как значимый ресурс, который гипотетически влияет на достижительские установки в частности, и инновационное поведение вообще. Таким образом, согласно полученным данным, преобладающей возрастной группой в сегменте женской элиты в четырех исследуемых регионах является группа от 41-55 лет, обладающая незначительным инновационным потенциалом. Женщины в нашей выборке демонстрируют достаточно высокий «потенциал достижения», что косвенно может говорить об их ориентации на социальную активность.

1. Авдашева С.Б. Бизнес-группы и их роль в развитии российских предприятий // Мир России. Социология, этнология. 2004. Том XII. № 3.
2. Гурков И. Б., Тубалов В. С. Инновации в российской промышленности // Мир России. Социология, этнология. 2004. Том XII. № 3. С. 30
3. Кобяк О.В. Культура хозяйствования предприятий: социологический анализ // Социологические исследования. 2001. № 9.
4. Агабеков С.И. Проблемы спроса на инновационный человеческий капитал // Социологические исследования. 2001. № 11. С.136.
5. Заславская Т. И. Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 10-11.
6. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В. и др. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. научных трудов / отв. Ред. Елисеева И.И. – Спб. Нестор-История. 2008.
7. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация российского общества: ресурсный подход //URL: http://www.hse.edu/educante/200600406_tihonova.doc, доступно 6 Апреля 2007 г.
8. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алтейя, 2001. С. 106.
9. Скорнякова С.С. Проблемы интеграции женщин в процессы демократических реформ // Женщины и демократия в 21 веке: пути развития (по материалам 1-й Межрегиональной конференции «Женщины и демократия в 21 веке: пути развития» 8-9 июня 2001 года) /Под ред. Скор

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

Копрянцева М.В. (Тольятти)

В современном российском обществе, под влиянием, прежде всего, исторических факторов, сформировалось неверное восприятие женщин в социально-политической сфере. Миф о недостаточных умственных способностях женщин, который оправдывал их недопуск во властные структуры, был разрушен, когда образование стало обязательным[1]. Девочки начали преуспевать в учебе, а в дальнейшем обучение в университете стало равным для всех[1]. В двадцатом веке всё больше женщин стали работать, но долгое время они могли рассчитывать лишь на подчиненные мужчинам места, даже в обществе от женщины ожидалось, что она будет играть ту же роль в семье, заботясь о детях и муже. Спустя время, женщинам всё же удалось занять своё место во властных структурах. Но до сих пор на руководящих постах, количество мужчин значительно превышает количество женщин. По последним данным Федеральной службы государственной статистики, процент женщин, занимающих высшие государственные должности РФ и должности федеральной гражданской службы, составляет лишь 25%, тем временем как у мужчин – 75%. Данные о составе депутатов Федерального Собрания РФ, также показывают существенное различие: только 7,9% от числа всех членов Совета Федерации составляют женщины, аналогичная ситуация складывается и в Государственной Думе, где доля женщин составляет всего 14%[2]. Здесь назревает ряд вопросов: во-первых, какова причина данной ситуации, ведь женщины и мужчины могут на равных выполнять широкий спектр действий[1]; во-вторых, может ли в ближайшее время данная ситуация измениться, смогут ли женщины в российском обществе занять хотя бы половину высоких должностных мест в сфере общественного управления. Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять причины низкого процента занятости женщин в политике, а так же рассмотреть возможное развитие данной ситуации в будущем.

При рассмотрении данных вопросов, большинство авторов утверждает, что женщины чаще всего делают выбор в пользу семьи, а не карьеры. «...Работа, выполняемая женщинами, должна быть совместима с беременностью и лактацией, если требуется воспроизводство популяции» - пишет Джоан Хубер в книге «Теория гендерной стратификации»[1]. Работа на руководящей должности, прежде всего предполагает задействования большего количества времени, что для женщины, воспитывающей детей, не всегда предоставляется возможным. Именно этот фактор пола играет решающую роль при разделении труда. В противовес этому, Элис Кесслер-Хэррис ещё в 1976 году в своей статье «Женский труд и социальный порядок» пишет о том, что такие инновации как расширение сети услуг, улучшение технологии ведения хозяйства, а так же общий рост благосостояния, уменьшили потребность в домашнем женском труде[3]. Здесь хотелось бы добавить, что технологии двадцать первого века, в разы упростили жизнь современного человека: начиная от «умной» бытовой техники, заканчивая современными средствами связи. Таким образом, современная женщина в состоянии совмещать свои домашние обязанности с карьерой. При этом хотелось бы ещё отметить, что несколько поколений назад мужчины не желали, чтобы их жёны занимались какой-либо работой, исключая ведение домашних дел. Сейчас ситуация изменилась, они наоборот высказывают мнение о том, что совершенно естественно для женщины работать наравне с мужчинами. Тем не менее, внутрисемейное разделение труда при этом почти не изменилось[1]. Следовательно, для того чтобы сохранить возможность женщины продвигаться по карьерной лестнице, необходимо осознание того, что разделение домашнего труда также естественно. Принятие данного условия российским обществом возможно лишь тогда, когда традиционный образ семьи уйдет на задний план, а на передний выйдет такое понятие как партнерский тип семейных отношений. В современной России наблюдаются противоположные тенденции, влияющие на гендерную динамику на рынке труда: возрождение традиционных ценностей патриархальной семьи[4], что является одной из причин такого социально-экономического явления, как «гендерная профессиональная сегрегация». Этот термин обозначает явление, связанное с неравномерным распределением работников разного пола между секторами, отраслями экономики, профессиями и видами деятельности[5].

Вертикальная составляющая горизонтальной формы профессиональной сегрегации характеризует неравенство распределения гендерных групп по должностной иерархии. Данная форма сегрегации тесно связана с таким понятием как «стеклянный потолок», который означает некоторый уровень в карьерной иерархии, выше которого женщины не имеют возможности подняться[6], т.е. чаще всего женщины имеют ограниченный доступ к управлению и наиболее престижным профессиям. Причиной этому в большей степени послужили стереотипы о том, что женщины являются нестабильными, неэффективными работниками, эти стереотипы до сих пор существуют в российском обществе, они порождают ещё одну важную причину низкой доли занятости женщин на руководящих постах. Стереотипное мышление в большей степени исходит от СМИ, которое является проводником гендерной дискриминации. Посредством глянцевого журналов, оно навязывает мужчинам и женщинам гендерные образы, основанные на патриархальных традициях, где женщинам отводится подчиненная роль со строго семейной направленностью интересов[7].

В конечном счёте, можно назвать главную причину низкой занятости женщин на высших правительственных должностях - это традиционализм в политике и управлении. Следование традициям хорошо только тогда, когда оно не преграждает путь к развитию. Современное, прогрессивное и демократическое общество не может существовать без равномерного распределения власти между мужчинами и женщинами, т.к. низкое представительство женщин на всех уровнях власти не позволяет им реально влиять на принятие решений, учитывающих интересы всего общества, а не только его мужской части[8].

Несмотря на преобладание традиционно-патриархального мышления, российское общество всё же высказывает мнение об увеличении доли женщин во властных структурах. Согласно опросу Левада-центра, 82% женщин и 53% мужчин поддерживают участие женщин в политической жизни страны. Более того, каждый год этот процент растёт: в 2006 году 35% респондентов выразили своё мнение о том, что женщины должны занимать государственные посты наравне с мужчинами, а уже в 2014 году этот процент вырос до 48%[9].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что равное присутствие мужчин и женщин в политической жизни страны повлечёт благоприятные изменения в структуре российского общества. Мнение о том, что мужчины лучше, чем женщины подготовлены к роли лидера, останется в прошлом, таким образом, повысится уверенность женщин в своих силах, и разрушатся гендерные стереотипы. Для России, в которой реальные условия деловой деятельности женщин и мужчин не являются равными[10], такое развитие представляется крайне важным. Оно зависит, прежде всего, от самого общества и от его реальной готовности к таким изменениям.

1. Хубер, Д. Теория гендерной стратификации / Д. Хубер // Антология гендерной теории: сб. пер. / сост. и комментарии Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. – Мн.: Пропилси, 2000. – С. 77-96.
2. Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России – 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/Main.htm (Дата обращения 01.10.2015)
3. Кесслер-Хэррис, Э. Женский труд и социальный порядок / Д. Хубер // Антология гендерной теории: сб. пер. / сост. и комментарии Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. – Мн.: Пропилси, 2000. – С. 171-187.
4. Калабихина, И.Е. Женщина и мужчина в экономической сфере / И.Е. Калабихина // Введение в гендерные исследования: Учеб. Пособие для студентов вузов / Костикова И.В. и др.; Под общ. ред. И.В. Костиковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2005.
5. Мальцева, И.О. Гендерная сегрегация на внутреннем рынке труда: источники и последствия [Текст] : научное издание / И.О. Мальцева, Д.В. Нестерова. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2009. – 43 с.
6. Роцин, С.Ю. Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике [Текст] : научное издание / С.Ю. Роцин, С.А. Солнцев. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. – 52 с.
7. Шишлова, Е.Э. Гендер и политика: парадоксы модернизации [Электронный ресурс] / Е.Э. Шишлова // ВЕСТНИК МГИМО(У). – 2013. – №4 . – URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/shishlova.pdf> (Дата обращения 22.09.2015)
8. Новикова Э. С. Женщины в политической жизни России // Преображение (Русский феминистский журнал). М.: 1994. № 2. С. 13-18.
9. Братерский, А. «Предубеждения против женщин-политиков нет» [Электронный ресурс] / А. Братерский, П. Матвеева. – URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/03/07_a_5939433.shtml (Дата обращения 03.10.2015)
10. Сбитнева А.А. Женщина в сфере занятости / А.А. Сбитнева // Гендерная психология. Практикум. 2-е изд. / под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. - С. 384.

ДОБРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Корнилова И.В. (Тюмень)

За последние 20-30 лет во всём мире резко усилился интерес социологов к проблемам, связанным с добрачным поведением современной молодёжи. Это объясняется тем, что добрачное поведение современных девушек и юношей в первую очередь подразумевает неуклонное увеличение распространённости добрачных связей.

Зарубежные и отечественные социологи подчёркивают тот факт, что «вступление в брак, удовлетворение сексуальных потребностей и рождение детей, для части молодёжи уже не составляет последовательных этапов в социальной жизни человека» [1, С.104]. Проблема состоит при этом в том, что подобная тенденция является одним из ярких проявлений кризиса семьи в обществе. Нельзя сказать, что этот процесс зародился только в последние десятилетия. Историки семьи уже в течение последних двух-трёх веков отмечают общий рост наличия добрачных половых связей. Так, американский историк семьи Э. Шортер, основываясь на данных о внебрачных рождениях, пришёл к выводу, что за 1750-1850 годы практически во всех странах имел место существенный всплеск роста рождаемости.

Многие социологи сходятся во мнении, утверждая, что «чем прочнее семья, чем определённое взаимоотношения в семье, чем строже и всеохватнее социальный контроль, тем выше, половая сдержанность до брака, и тем менее распространены добрачные сексуальные связи среди молодых людей» [5, С.46]. Но особенно в последнее десятилетие в связи с ослаблением социально-психологической общности в современной семье и разрывом преемственности между поколениями, молодёжь во многом становится всё более свободной в своём поведении.

В системе ценностей современных девушек и юношей семья занимает далеко не главное место. Как уже подчеркивалось, любовь, сексуальное удовлетворение, эмоциональные контакты далеко не всегда соотносятся с вопросом, заключать брак или нет, а представляют ценность сами по себе, и большая часть молодёжи предпочитает сожительство законному браку. Нужно отметить, что подобные ценностные ориентации добрачного поведения у молодёжи складываются не мгновенно, а в течение определённого времени. Тем самым, общество имеет возможность исправить создавшееся положение, используя влияние различных социальных институтов (культура общества, семьи, школы, средства массовой информации), создавая целостную систему добрачного воспитания молодого поколения и повышая значение общечеловеческих ценностей, таких, как, любовь, семья, дети.

Для стабильности потенциальной семьи важно, чтобы в ценностных ориентациях добрачных отношений молодых людей брак и семья были значительными ценностями. Например, десятки тысяч молодых американцев дали обет девственности, отказавшись от добрачного сексуального опыта. «Истинная любовь умеет ждать», - считают они и участвуют в движении с аналогичным названием. Движение поддерживает ряд звёзд спорта и эстрады и призывает молодёжь отказаться от вседозволенности и безответственности – ждать прихода настоящего чувства» [2, с. 271]. Подобные акции так же могут быть апробированы в нашей стране. Много зависит от того, как они себе представляет супружеское счастье. «Если оба партнёра готовы войти в душевный мир другого, понять его проблемы, взгляды и представления, пожертвовать ради любимого человека такими ценностями, как свободное время, друзья, а порой образование, или любимая работа, то можно с уверенностью сказать, что их брак будет стабильным» [4, с. 105]. Идеальный вариант, когда избранник воспринимается просто такой, какой есть – со всеми его слабостями и недостатками.

Принятие решения о вступлении в брак является важным и ответственным шагом. Тогда как «современные тенденции добрачного поведения отражают ослабление ценностей традиционной семьи» потому, что часть молодёжи, к сожалению, отдаёт предпочтение внебрачному союзу, или сожительству, вместо узаконенных отношений [3]. Хотя, как показывает практика, рождение ребёнка, или разрыв отношений между партнёрами в подобных случаях создают определённые сложности, связанные с проблемами отцовства, алиментов, а порой и раздела совместно нажитого имущества.

Эти тенденции вызывают тревогу у государства и общества, так - как в современной семье происходит разрыв преемственности между поколениями и молодёжь обретает ценности самостоятельно. Если раньше добрачное поведение подчинялось стереотипам, принятым в обществе, то сегодня молодёжь свободна в своём поведении. В

связи с этим российская семья сейчас находится в состоянии кризиса, социальной деградации, так как современная молодёжь отдаёт предпочтение внебрачному союзу или сожительству, вместо узаконенных отношений.

1. Балашов В.А., Савинов Л.И. *Облик современной семьи*. Саранск: Морд. кн. из-во, 1997. – 144 с.
2. Гуревич П.С. *Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире* // П.С. Гуревич // *Мир психологии*. – 2011. - №2. - С. 268 – 277.
3. Кривцова Е.В. *Семья глазами современной студенческой молодёжи*. / Е.В.Кривцова // *Психология в вузе*. – 2009. - №4. - С. 109 - 118.
4. Резер Т.М. *Медико-социальные подходы к организации полового воспитания и сексуального образования*/ Резер Т.М. // *Социологические исследования*. – 2003. – №1. – С.102 - 108.
5. Meyer f. P., A. S. Pepper. *Need compatibility & marital adjustment in young married couples* // *journal of Personality & Sociel psych.* 1977, Vol. 35, P, 331.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Кулько Е.И. (Горки, Республика Беларусь)

Педагогический процесс направлен на формирование социально активной, всесторонне образованной, гуманной личности, которая умеет проявлять свою индивидуальность, самоактуализироваться и реализовать свою гражданскую позицию. В идеале образование ориентировано выражать баланс трех составляющих: Человека, Культуры, Общества. Но в XXI веке, с нашей точки зрения, приоритеты смещены на Личность, Социальный опыт, Государство.

Личность - это новообразование индивида. Новообразования характеризуют время, сущностные характеристики каждого возраста, влияют на сознание ребенка, его отношение к социальным условиям. Становление личности происходит в процессе социализации. Сущность социализации заключается во взаимодействии адаптации и обособления человека в условиях конкретного общества. Иначе, это процесс «вписывания» человека в социум, внешнее принятие им норм, принятых в обществе. Становление личности человека есть результат педагогического воздействия или социализации.

Следует учитывать тот факт, что общество не бесполое, оно состоит из женщин и мужчин - двух основных человеческих типов, которые и закладывают основу взаимоотношений в обществе. Гендерные исследования помогают четко акцентировать внимание на изучении сходства и различий в социальном поведении мужчин и женщин, на чертах, стереотипах, ролях, типичных для них. По сути содержание процесса социализации определяется заинтересованностью общества в том, чтобы его члены успешно овладели ролями мужчины и женщины (полоролевая социализация), стали субъектами экономической жизни (профессиональная социализация), создали семью (семейная социализация), были законопослушными гражданами (политическая социализация) и т.д.

Процесс полоролевой социализации можно наблюдать через выбор детьми игрушек. Через игру ребенок должен проиграть роль мамы и папы, принцессы и принца, друга и подружки. Для этого необходимы соответствующие игрушки, не заменяющие друг друга, а с конкретной половой принадлежностью. Имеется в виду: одежда, телостроение, цветовой рисунок, - признаки, характеризующие пол игрушки. Если в игре «Дочки - матери» отсутствует роль отца, или вместо него используется игрушка-заменитель (плюшевый зверь, мячик и т.д.), то в будущем девушке придется заново отыгрывать эту роль уже на человеке. Если мальчики и девочки в дошкольных

учреждениях будут находиться в разных игровых зонах (гараж, врач, магазин и т.д.), в дальнейшем они с трудом будут вступать во взаимоотношения и находить гармонию друг с другом. В процессе взаимодействия происходит процесс взаимопознания, узнавания различий и формируется умение понимать друг друга. Таким образом, происходит развитие индивида.

Индивид также характеризуется индивидуальными качествами, подчеркивающими его индивидуальность. Индивидуальность - неповторимое своеобразие отдельного человека, совокупность только ему присущих особенностей, проявляющихся в самореализации, самоактуализации, саморазвитии и т.д. Предпосылкой формирования человеческой индивидуальности служат анатомо-физиологические задатки, которые преобразуются в процессе воспитания, порождая широкую вариативность проявлений индивидуальности. Разумная гендерная политика основывается на позиции терпимости и взаимопомощи, понимании права каждого быть собой. Надо развивать, начиная с дошкольного возраста, способность видеть в другом именно другого человека - с иным мировоззрением, логикой мышления, культурой, чувствами, и уважать их. Развитое умение оценивать мир с двух разных сторон, проявлять гибкость в поведении, строить отношения на уважении, гуманном отношении, здравом смысле, проявлять ответственность в отношениях друг с другом - являются основополагающими характеристиками взаимоотношений между индивидуальностями. Процесс индивидуализации можно рассматривать как вторичный по отношению к социализации.

Процесс единения социализации и индивидуализации получает свое развитие на почве образования. Образование - это процесс, который включает обучение и воспитание, учение и саморазвитие. В этом процессе происходит формирование индивидуальных свойств личности, благодаря которым он осуществляет свой выбор, становится способным занять самостоятельную позицию по отношению к внешним условиям. Образование предполагает наличие как минимум трех составляющих: культуру педагога, включающую его профессиональный опыт; культуру учащегося, включающую его жизненный опыт; культуру социума, как части общественно-педагогического опыта. Начинать решать данный вопрос надо с воспитания самих воспитателей, учителей, педагогов, студентов педагогических вузов в духе любви к детям, толерантности, уважения и гуманности. Участники образовательного процесса должны научиться идентифицировать себя с полом.

Первая идентификация осуществляется в семье, дальше - в учреждениях образования. Необходимо учитывать значительный процент неполных семей, в которых присутствует одна мать, педагогический состав, в котором наблюдается преимущественно женский контингент, мужчины в процессе образования участвуют эпизодически. Таким образом, ребенок усваивает более понятные ему роли женщин, и не утруждает себя на поиски и понимание мужских ролей, они становятся предметом фантазирования и идеализации, как для мальчиков, так и для девочек. Постоянное женское влияние способствует разрушению у мальчиков имеющейся предпосылки полоролевой самоидентификации. Педагогам необходимо постоянно помнить, что без познания и принятия двуединства мужского и женского начал в каждом ребенке нельзя добиться успеха в процессе всестороннего развития личности. Личность отражает целевые установки образования. Грамотно организованный процесс способствует развитию общечеловеческих ценностей, помогает ребенку адаптироваться в обществе, развивать свою индивидуальность, выбирать социальные роли и свободно проявлять себя в них.

Процесс социализации, учитывающий концепцию гендерной педагогики, сможет решить ряд проблем, связанных с человеческим фактором, с культурой взаимоотношений, поможет личности выработать и развить те способы, которые позволили бы максимально реализовать себя.

РЫНОК ПОВТОРНЫХ БРАКОВ И ПОСТРАЗВОДНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. (Волгоград)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках исследовательского проекта №15-13-34002 (а/В) «Постбрачные практики, структура и функционирование рынка повторных браков в современной России».

Повторные браки в современной России в последнее десятилетие становятся статистической нормой. В поле социологических исследований увеличивается количество работ, посвященных взаимоотношениям детей и родителей после развода, брачной мотивации в повторных браках, сожительству как альтернативе официальному союзу. Однако крайне редко объектом внимания становится собственно постразводное поведение. Исследование разводов и стабильности брака актуализируется в середине XX века из-за стремительного роста разводов в странах Западной Европы, США и СССР. Гораздо позже актуальность приобретают исследования постразводного поведения. Как и вопросы разводимости, постбрачное поведение получает концептуализацию в рамках исследований социологии семьи. Так американскими социологами было выявлено влияние демографической ситуации на стабильность браков с низким стажем: чем больше в определенном поколении супружеских альтернатив (лиц противоположного пола), тем выше риск развода в паре и сильнее установки на поиск нового брачного партнера (Б. Блум, С. Саус и К. Ллойд) [1; 4]. Большое внимание среди западных исследователей уделяется влиянию причин распада брака на постразводное поведение (С. Каррер, И.А. Робинсон, М.Дж. Прайс) [2; 3]. Исследуя качественные характеристики партнёров повторных браков, У. Уилсон приходит к выводу, что нехватка мужчин с желаемыми экономическими характеристиками, уменьшает ценность брака для женщин и снижает установки на повторное замужество [5]. Однако, большинство выводов социологических исследований постразводного поведения, проведенных в странах Западной Европы и США, не могут использоваться в изучении российского рынка повторных браков. Исследование брачного поведения в России требует ответов на вопросы:

- планируют ли представители различных возрастных когорт, имеющие опыт развода, повторное вступление в брак;
- как именно меняются брачные установки после развода, почему «разведённые» выбирают ту или иную модель поведения (полный отказ от брака, нерегистрируемое сожительство или официальный брак);
- реализуются ли в повторном браке репродуктивные установки;
- какое влияние на их установки оказал неудачный опыт первого брака;
- какие тенденции в постбрачном поведении доминируют среди представителей разных возрастов;
- насколько практики постбрачного поведения обусловлены биографией неудачного брака;
- до какой степени различные практики постбрачного (послеразводного) поведения институционализировались, стали социально приемлемыми и одобряемыми.

Детальное изучение количественных характеристик рынка повторных браков и качественный анализ биографий «неудачных» браков позволит сформировать прогноз брачного поведения такой статистически значимой категории населения, как «разведённые», и определить уровень их доверия к институту брака.

Дальнейшее исследование будет основываться на методологических принципах теории жизненного пути. Такая исследовательская парадигма фокусирует внимание на изучении изменений в жизни отдельных субъектов в течение длительного времени в определённый исторический период. Социологический анализ жизненного пути позволяет сочетать изучение специфики социального контекста, задающего условия и границы «переходов» от одного события к другому (в предлагаемом исследовании такими условиями выступают общие характеристики рынка повторных браков, социально-экономическая и демографическая ситуация, нормативные ожидания, закреплённые в установках конкретного поколения) и развитие взаимосвязанных жизненных траекторий субъекта (биография жизненного пути). Теория жизненного пути тесно связана с биографическим подходом, предполагающим типологизацию жизненных стратегий в ситуации общего социального контекста. Таким образом, наиболее полный анализ и стратегий постбрачного поведения на рынке повторных браков возможен при сочетании исследовательских перспектив теории жизненного пути и биографического метода.

Подробное описание механизмов формирования и функционирования рынка повторных браков и система социальных факторов, оказывающих влияние на выбор стратегии постбрачного поведения индивидом могут быть использованы органами государственной власти при разработке программ семейной политики, направленных на повышение доверия к институту брака и укрепление установок на пожизненный брак с несколькими детьми, что, с учётом текущей демографической ситуации, является одной из приоритетных задач. На уровне отдельных государственных, муниципальных или частных центров помощи семье результаты исследования постразводного поведения могут применяться в работе с клиентами, направленной на преодоление негативных установок в сфере брачных отношений, при оказании помощи в послеразводной ситуации, а также при работе с семьями (в том числе партнёрскими союзами), в которых один или оба супруга имеют опыт расторжения первого брака.

1. Bloom B. L. *Sources of marital dissatisfaction among newly separated persons* // *Journal of Family Issues*. – 1985. – №6. – P. 359-373.
2. Carrere S. *Predicting Marital Stability and Divorce in Newlywed Couples* // *Journal of Family Psychology*. – 2000. Vol.14. – № 1. – P. 42–58.
3. Robinson E.A., Price M.G. *Pleasurable behavior in marital interaction: An observational study* // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1980. – №48. – P. 117–118.
4. South S., Lloyd K.M. *Spousal alternatives and marital dissolution* // *American Sociological Review*. – 1995. – №60. – P. 21–35.
5. Wilson W.J. *The Truly Disadvantaged*. – Chicago, 1987. – 287 p.

ГЕНДЕР И НОВЫЕ ФОРМЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ СОЮЗОВ

Леонова Е.В. (Санкт-Петербург)

Тема является актуальной, так как за последние несколько лет число однополых пар в России, борющихся за то, чтобы их брак официально признали на территории РФ, в несколько раз возросло. Современное общество столкнулось не только с такими явлениями, как новейшие информационные технологии, высокотехнологичная медицина, поражающие воображения научные открытия, но и с изменением гендерных отношений.

Я обратила внимание на данную проблему, так как меня заинтересовал вопрос, как жители Санкт-Петербурга относятся к легализации однополых браков в Европе, а также, что они думают насчет политики России относительно данного вопроса.

Цель работы: выяснить мнения граждан Санкт-Петербурга по вопросу однополых браков.

Задачи работы: анализ литературы по изучаемой проблеме, поиск методов исследования, реализация методов исследования, обработка и анализ полученного исследовательского материала.

Объект исследования: жители города Санкт-Петербурга.

Предмет исследования: отношение жителей Петербурга к легализации однополых браков в Европе, а также к политике РФ в отношении данного вопроса.

Практическое значение работы заключается в том, что полученные данные позволяют объективно оценить отношение жителей Петербурга по вопросу гей-браков, и сравнить данные, полученные при опросе молодого и взрослого населения.

Семейный кодекс РФ использует такое понятие как «брак» в контексте мужчины и женщины: «Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины» в Статье 1 об основных началах семейного законодательства, а также в Статье 12 об условиях заключения брака: «Для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижения ими брачного возраста». [2]

Несмотря на большое количество попыток легализации однополых браков, особенно за последние несколько лет, в России правительство РФ настаивает на том, что брак – это союз мужчины и женщины.

Определение Конституционного суда РФ от 16 ноября 2006 г. № – 496 – О «Об отказе в принятии к рассмотрению на нарушение конституционных прав статьи 12 Семейного кодекса РФ» является ответом на одну из первых попыток заключения однополых браков, а также уверенно закрепляет позицию государства по данному вопросу. [1]

Для того чтобы выяснить, как жители Санкт-Петербурга относятся к легализации однополых браков в Европе, а также что думают насчет политики нашего государства по данной проблеме, был проведен анонимный опрос, включающий следующие вопросы: 1. Как вы относитесь к легализации однополых браков в Европе? 2. Как вы относитесь к отказу России введения закона, разрешающего однополые браки и уравнивающего однополые семьи с традиционными?

Всего было опрошено 576 человек, из них 314 человек – молодое население, 262 человека – взрослое население.

Проанализировав полученные исследовательские данные, было установлено:

Количество респондентов в возрасте от 16 до 30 лет ответили положительно на первый вопрос и отрицательно на второй – 76%, ответили положительно на первый вопрос и затруднились ответить на второй – 5%, затруднились ответить на оба вопроса – 7%, ответили отрицательно на первый вопрос и положительно на второй – 12%.

Количество респондентов в возрасте от 30 до 65 лет ответили отрицательно на первый вопрос и положительно на второй – 84 %, ответили положительно на первый вопрос и затруднились дать ответ на второй – 0%, количество респондентов, затруднившихся дать ответы на оба вопроса – 9%, ответили положительно на первый вопрос и отрицательно на второй – 7%.

Сравнив полученные результаты, можно сделать вывод о том, что среди молодого населения количество тех, кто положительно относится к легализации однополых браков, больше чем в 10 раз превышает количество тех, кто положительно относится к легализации однополых браков среди взрослого населения. В свою очередь количество респондентов, ответивших отрицательно на вопрос о легализации однополых браков в Европе среди взрослого населения в 7 раз больше, чем давших тот же ответ среди молодого населения.

Полученные данные свидетельствуют о том, что современное молодое население оказывается намного менее жестким в отношении вопроса однополых браков, в то время как взрослое население выступает против его легализации.

Таким образом, современный мир открыл перед обществом не только безграничные возможности и радужные перспективы, но и трудности в различных областях общественной жизни: политической, экономической, социальной. Поэтому на сегодняшнем этапе каждому важно определиться с реальными приоритетами на будущее, тем самым выбрав единственно верный путь. Как сказал А.С. Запесоцкий, доктор культурологии, профессор, «Постиндустриальное общество, информационное общество – это совсем не свобода человека в информационном пространстве и не безграничность его новых возможностей, а царство манипулятивных технологий, где власть сосредоточена в руках узких групп людей. И роль государственного управления становится здесь ключевой, его качество – решающим».

1. Доклад международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, сент. 1994 г.
2. Семейный кодекс РФ. Статьи 1; 12.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: НОВЫЕ ФОРМЫ И ВИДЫ НЕРАВЕНСТВА.

Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург)

В последние десятилетия человечество явилось свидетелем небывалого развития науки и технологий, прежде всего, в области биологии и медицины. Одним из следствий подобных изменений становится все возрастающий интерес к человеку, его жизненному миру, его проблемам и потребностям. Новые медицинские технологии (вспомогательные репродуктивные технологии, биологическое и генетическое конструирование человека, продление жизни методами интенсивной терапии, трансплантация органов и тканей), трансформируя понимание традиционных ценностей, порождают сложные, требующие пристального внимания ученых, ситуации. В последние годы речь идет о конвергентных технологиях – «большой четверке» технологий, в которую входят информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии. Несмотря на то, что конвергентные технологии традиционно являются областью исследования естественных наук, их развитие и использование неизбежно приводит к изменению жизненного мира человека, что является объектом исследования наук социальных. Медицина выступает в современном обществе не только в качестве социального института, но и в качестве мощного фактора социальных преобразований. Первые признаки этих изменений хорошо прослеживаются на примере влияния на общество вспомогательных репродуктивных технологий. Само понятие «вспомогательные репродуктивные технологии» (ВРТ) является уже не только профессиональным термином биологов и врачей – оно уверенно вошло в семантическое поле повседневности и современный публичный дискурс, отражая тем самым глубинные трансформации человеческого бытия. Еще три десятилетия назад рождение ребенка, появление на свет человека – воспринимались как одна из величайших тайн природы, но стремительное развитие науки в конце 20 века полностью поменяло не только представление людей о сущности процесса зачатия и рождения ребенка, но и повлекло за собой появление новых социальных отношений и практик.

Стоит отметить, что из всех гуманитарных научных дисциплин первыми откликнулись на процессы, связанные с использованием репродуктивных технологий юриспруденция и биоэтика, поскольку с одной стороны, коммерческая составляющая этих процессов настолько велика, что неизбежно требует правового регулирования для того, чтобы минимизировать финансовые риски, а также риски, связанные со здоровьем и

сохранением жизни, участвующих сторон. А с другой стороны, вопросы, связанные с рождением человека, сопряжены со многими философскими, религиозными, морально-этическими и другими проблемами, большая часть из которых не имеет однозначного решения.

Современная социологическая теория зачастую «отстает» в поисках ответов на актуальные проблемы современности и предлагает устаревшие модели и теоретические схемы анализа новых социальных явлений и процессов. Так произошло и с репродуктивными технологиями, влияние которых давно вышло за пределы медицины и повлекло за собой лавинообразные изменения традиционных социальных структур и моделей взаимодействия. При этом очевидно, что для адекватного анализа этих процессов требуется разработать новые концепции и теоретические модели или попытаться использовать весь эвристический потенциал уже имеющегося теоретико-методологического базиса современной социологии.

Стоит выделить два блока наиболее актуальных проблем и вопросов и как следствие, направлений исследований в контексте развития социологического знания при анализе процессов и явлений, связанных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий.

Первый блок вопросов касается трансформации традиционного понимания сущности и функций института семьи, а также изменений ролей и статусов «родителей» - «детей». Сегодня ответ на вопрос «Кого назвать родителем?» часто вызывает затруднения. Вспомогательные репродуктивные технологии привели к увеличению числа родительских статусов. Даже понятие «биологические родители» становится неоднозначным, так как кроме «естественных родителей» появились генетические матери и отцы, суррогатные матери. В некоторых зарубежных странах усыновителями могут стать гомосексуальные пары, также они могут использовать вспомогательные репродуктивные технологии. Ещё два десятилетия назад в большинстве стран только совместная жизнь в браке позволяла считать отцом мужа матери ребенка. Возможность установить «биологическое отцовство» оказала большое влияние на развитие института семьи и брака [1, С.30]. Даже при раздельном проживании биологических родителей отца ребенка можно установить с помощью генетических тестов. Напротив, парам, проживающим вместе и желающим иметь собственных детей, но не имеющим возможности зачать их естественным путем, помогают новые репродуктивные технологии, в том числе, использование донорского материала или услуг суррогатной матери, что не может не вызывать затруднений при определении семейных связей и ролей.

С появлением вспомогательных репродуктивных технологий, базовая функция семьи – репродуктивная (функция воспроизводства) - может осуществляться за пределами самой семьи, посредством третьих лиц (доноров, суррогатных матерей) или медицинских процедур, зачатием в пробирке. Так, ВРТ позволяют семье разделять с обществом свою основополагающую функцию. Такая тревожная динамика вызывает вопрос, какие функции будет выполнять в дальнейшем базовый социальный институт – институт семьи.

Второй блок вопросов, создающий перспективное проблемное поле для современной социологии – появление новых форм и видов неравенства. В настоящее время возникла парадоксальная ситуация - развитие новых репродуктивных технологий, изначальное предназначение которых заключалось в оказании помощи и преодолении «биологического» неравенства в области репродуктивного здоровья и возможности зачатия и рождения ребенка, повлекло за собой ещё большее усиление «биологического» неравенства, а также появление новых форм и видов неравенства как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных социальных групп и обществ. Так, например, вопрос о статусе неродившегося ребенка и его праве на жизнь; доступ к использованию ВРТ финансово обеспеченных слоев населения при наличии достаточного уровня здоровья для рождения ребенка без применения ВРТ, и их недоступность даже при наличии медицинских показаний для малообеспеченных слоев населения; различия в

законодательстве стран мира и многие другие проблемы в этой области с неизбежностью повлекли за собой формирование и утверждение новых форм неравенства. Кроме этого, при моральной оценке использования ВРТ очень важным является профессиональный аспект, ещё больше актуализируя новые формы неравенства.

Сегодня в области изучения воздействия ВРТ на общество накопилось огромное количество острых вопросов, требующих теоретического осмысления и практического решения. Наибольшую актуальность приобрели явления воспроизводства новых форм неравенства, а также способы и формы их утверждения в обществе. Несмотря на то, что разработка этих вопросов осложняется целым спектром этических, религиозных, экономических, юридических и политических барьеров, в настоящее время наметились некоторые перспективы для фундаментального исследования в этой области, а результаты пилотажного исследования показали наличие глубокого разрыва между репродуктивными практиками и моделями репродуктивного поведения, а также низкую степень информированности общества в целом, так и молодежи о возможностях и особенностях использования новых репродуктивных технологий.

1. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах //Ценности и смыслы.- 2011.- № 4.- С.26-44.

ОЦЕНКА БЮДЖЕТА ВРЕМЕНИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН Г. ИВАНОВО

Мамедова П.Г. (Иваново)

Время является формой социального капитала как отдельного человека, так и общества в целом, поэтому социологи должны изучать его величину и рациональность использования. Исследования бюджетов времени – оригинальное научно-прикладное направление социолого-статистических исследований. Оно имеет свой предмет, методологию, специфическую методику и технику сбора, обработки и анализа информации и широкую область практического применения. Первые в мире крупные обследования бюджетов времени были проведены в 1922-1924 гг. в Советской России (в том числе и в г. Иваново-Вознесенске) среди рабочих и крестьян под руководством С.Г. Струмилина[2].

Основным методом исследования бюджетов времени выступает метод дневников.Его особенность состоит в том, что каждый респондент по заданию социолога самостоятельно записывает в дневник (тетрадь) все виды своей деятельности на протяжении дня. После заполнения дневников социолог подсчитывает бюджет времени каждого, а затем среднеарифметический показатель по всей выборочной совокупности. Респондент может фиксировать не только виды деятельности (основное занятие), но и сопутствующие занятия (вторичные виды деятельности), где происходило занятие, кто при этом присутствовал. Анализ сопутствующих занятий важен потому, что некоторые занятия практически не выступают в роли основных, например слушание радио. Место проведения занятия играет огромную роль при изучении, например, досуга молодежи. Присутствие различных лиц при осуществлении занятия характеризует, в частности, тип общения, степень контактности[3].

Исследование, проведенное в г. Иваново в 2014 году (n=100) было основано на дневниках, в которых респонденты фиксировали все виды деятельности за один рабочий день. В результате были выделены следующие закономерности:

1) Рабочее время и время, связанное с основной работой в среднем составляет 8 часов 15 минут. Женщины в среднем работают 7,5 часов, мужчины – 8,5 часов в сутки. Подобное соотношение можно объяснить традиционным распределением ролей: задача

мужчины – обеспечить семью материально, поэтому сильный пол уделяет работе больше времени.

2) Рабочее время, связанное с дополнительной работой указали 20% опрошенных. Среднее количество времени, уделяемое дополнительной работе, составляет 2,5 часа в сутки. На наличие дополнительной работы чаще указывали женщины, чем мужчины.

3) Время на ведение домашнего хозяйства затрачивают 50% респондентов (преимущественно это женщины). Среднее время на ведение домашнего хозяйства составляет 1,5 часа в сутки. Женщина в среднем уделяет 2 часа в сутки на ведение домашнего хозяйства, мужчина – 30 минут. Всё это доказывает, что женщина выполняет свою роль – роль хранительницы домашнего очага.

4) Время, отводимое на покупку продуктов и поход по магазинам, зафиксировано в 50% дневниках. Среднее количество времени, уделяемое покупке продуктов питания, составило 38 мин. Женщины чаще совершают покупки, но, несмотря на это, и мужчины и женщины на данный вид деятельности затрачивают примерно одинаковое количество времени.

5) Время, затрачиваемое на воспитание детей, отмечается в 21% случаев. В среднем на воспитание детей ивановцы тратят 2 часа в сутки, преимущественно этим видом деятельности заняты женщины (на полчаса больше, чем мужчины). Это данные свидетельствует о том, что на женщину в большей степени возложены обязанности по воспитанию детей.

6) Свободное время жителей г. Иваново составляет 4 часа 20 минут в день. При этом в бюджете времени женщины свободного времени на час меньше, чем у мужчины. Одним из основных факторов рационализации бюджета времени является правильное использование и организация досуга. Абсолютное большинство опрошенных значительную часть свободного времени уделяет пассивным видам деятельности, а именно просмотру телепередач, общению по телефону, просмотру интернет-страниц.

7) Время, затрачиваемое на удовлетворение физиологических потребностей одинаково у мужчин и женщин. В среднем ивановцы тратят на этот вид деятельности 1 час 13 минут в сутки. Интересно, что гендерных различий в этом виде деятельности обнаружено не было.

8) Время, затрачиваемое на сон составляет 7,5 часов. Женщины спят на 27 минут меньше, чем мужчины.

9) Время, затрачиваемое на передвижение до места работы и обратно у ивановцев составляет 49 минут в сутки. Гендерных различий в этом виде деятельности так же не обнаружено.

10) Занятия спортом в структуре своего бюджета времени отметили 12% респондентов. В среднем на занятия спортом ивановцы тратят 1 час 54 минуты. Мужчины чаще женщин занимаются спортом, в среднем тренировка у мужчин длится почти на час дольше, чем у женщин.

11) Неучтенное время в своем суточном бюджете имеет половина ивановцев. В среднем неучтенное время составило 1 час 50 минут в сутки, что свидетельствует о наличии проблемы использования времени.

12) Важной задачей исследования также выступала оценка удовлетворенности субъективным бюджетом времени. Большинство ивановцев (65%) удовлетворены своим бюджетом времени. На степень удовлетворенности влияло количество времени, которое жители выделяли на какой-либо вид деятельности. Чем больше времени горожане уделяли работе, быту и чем меньше времени они отдыхали, спали, тем ярче ивановцы выражали свою неудовлетворенность.

Исследование показало гендерный дисбаланс в распределении бюджетов времени. Женщины в большей степени, чем мужчины тратят свое время на воспитание детей, на

дополнительную работу, на ведение домашнего хозяйства, что подтверждает традиционное распределение гендерных ролей.

Подобные исследования очень важны, поскольку благодаря методу изучения бюджета времени выясняются количественные затраты времени на те или иные виды деятельности. Соотношение временных расходов на них составляет бюджет времени, выступающий своеобразным количественным и структурным эквивалентом образа жизни. Через затраты времени очень хорошо просматривается значение того или иного вида деятельности в жизни человека, его стремление к определенным ценностям и целям [2].

Данные об использовании бюджета времени различных групп населения отражают структуру их повседневной деятельности, продолжительность ее основных групп и видов, ориентации в поведении и т.д. Особую ценность представляют материалы об изменениях под воздействием различных социальных факторов. Подробное знание об этих изменениях и их оценка крайне важны для понимания социально-экономических процессов [1].

1. Патрушев В.Д. *Жизнь горожанина (1965-1998)*. М.: Academia, 2001. 184 с.
2. Струмилин С.Г. *Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922-1923 году. Статистико-экономические очерки*. М.: Вопросы труда, 1924. 160 с. Электронный ресурс: <http://www.library6.com/3596/item/487009>
3. Татарова Г.Г. *Методология анализа данных в социологии*. М.: NOTABENE, 1999. 224 с.

ГЕНДЕР И НОВЫЕ ФОРМЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ СОЮЗОВ

Медова Х.В., Сенатов С. В. (Ростов-на-Дону)

Институт семьи и брака - самая древняя организация в человеческом обществе, которая смогла выжить несмотря на все потрясения и катаклизмы мировой истории. Но давайте подумаем – смогла ли она просуществовать так долго в неизменном, патриархальном виде, как это было установлено этнологами и археологами?

Можно привести известную точку зрения К. Маркса на эволюцию семьи в условиях упрочивающегося капитализма: «Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы».

В контексте современной самопрезентации брака, позиции супругов оправдываются меняющимися внутрисемейными нормами, согласно которым женщина может быть не только наравне, но и по статусу выше мужчины. На смену преобладающей прежде патриархальной семье приходит партнёрский тип супружества, возникший с возрастанием экономической самостоятельности женщины и ориентацией её на профессиональную самореализацию.

Изменения в экономической и социально-политической жизни современного российского общества, которые связаны с процессами модернизации, оказывают влияние на характер гендерных и семейных отношений. Меняются формы семейного уклада, происходит смена содержания гендерных ролей, разграничение сфер родительства и супружества, изменяется специфика репродуктивного поведения, увеличивается число разводов, происходит рост внебрачных рождений, прирост числа семей, где воспитанием занимается один родитель.

В связи с такими трансформациями в обществе все более распространённым становится эгалитарный тип семьи, в которой соблюдается равенство полов. Возникают

альтернативные семьи, такие как: гражданский брак, конкубинат, брак по расчету, сожительство, годвин-брак, открытый брак.

Мне бы хотелось рассмотреть новое явление, новую тенденцию в семейно-брачных отношениях, которая возникла относительно недавно – союз по расчету. Не тот союз, где молодой человек ищет обеспеченную невесту старше своего возраста и не тот вариант, где молодая девушка в поисках обеспеченного состоявшегося мужчины гораздо старше себя. Имеется ввиду союз двух молодых людей, примерно одинакового возраста, заключившие брак не столько по большой любви или вдруг вспыхнувшей страсти, сколько из абсолютно практических соображений.

Что под этим скрывается? А скрывается здесь чисто практическая основа – выживать и налаживать свою жизнь и быт в современных непростых экономических реалиях, тем более с учетом условий кризиса. То есть получается, что два человека – относительно молодые парень и девушка создают семью как союз людей, которые хотят для себя более комфортной жизни, свое собственное жилье, дачу, автомобиль и добиваются всего этого совместными усилиями.

Чтобы вникнуть в самую суть этого нового явления, нужно разобраться не только в макроэкономических реалиях конкретной страны, в данном случае рассматриваем Россию, но и в личностях этих молодых людей.

Брачные союзы, возникающие по соображениям сугубо меркантильным можно даже сказать, для относительно широкого круга людей, являются действительно оптимальными условиями жизни. Что под этим подразумевается – это союз мужчины и женщины заключенный, причем не обязательно с государственной регистрацией и штампом в паспорте, в котором супруги заботятся и поддерживают друг друга - расчет в этих отношениях такой: выживать в современном мире проще сообща, чем поодиночке. Кроме того, зачастую подобные отношения не редко перерастают в настоящие взаимные чувства и крепкий брак с детьми и внуками.

Но было бы заблуждением думать, что подобное явление в общественной жизни является новым. Подобные тенденции существовали еще гораздо раньше. В качестве хрестоматийного примера можно привести жителей сельскохозяйственных местностей Европы или Прибалтики XVII - начала XX века. Брак между детьми землевладельцев (или землевладельца с одной стороны и безземельным или батрачкой с другой стороны) был обыденностью. Подобные союзы заключались, может, и не столько по большой и чистой любви, сколько по производственной необходимости: семье, хозяйству нужны были рабочие руки, и невестка, приходящая в дом, была таким спасительным, так нужным человеком. Подобные взаимоотношения нашли свое отражение в устном народном творчестве в качестве анекдотов и притч.

Мне бы очень хотелось привести некоторые притчи в качестве примера. Из книги «Латышские народные анекдоты»

Вышла замуж лентяйка, переехала к мужу. Первый день проспала до вечера, второй день тоже. Увидел это муж и говорит своей матери.

-Есть ей ничего не давай. И хлеб спрячь подальше.

Так и сделал свекровь. Ждала невестка, что ей еду поднесут, ждала и чуть было Богу душу не отдала. Вот тогда и принялась за работу.

Приехал отец дочь навестить. Она бежит ему на встречу со словами:

Наколи, отец, дров, а то есть не дадут. В этом доме такой обычай: кто спит и не работает, тому есть не дают.

Разрешил отец своему сыну выбрать невесту. Пригласили в дом девушек богатых и бедных.

-Какую выберешь? – спросил отец.

-Возьму такую, которая не сможет через метлу перешагнуть.

Положил отец на пол метлу. Девушки и перепрыгивали, и обходили метлу, но ни одна не смогла сыну угодить. Тогда одна девушка подняла метлу и поставила ее в угол.

-Вот эта и будет моей невестой! - сказал парень.

На сегодняшний день в общественном сознании укрепилось отношение к «браку по расчету» сугубо негативное и безапелляционное. Но так ли это действительно: плохо или зазорно? Конечно, нет – естественно, что каждый человек сам определяет для себя подходит ему такая партия или нет. Но как показали опросы на Западе: браки по любви гораздо чаще распадаются (40%), чем браки по расчету (5-7%). В России еще в конце девяностых годов из «корыстных побуждений» заключали союзы 4,9% россиян, а сегодня около шестидесяти процентов союзов заключаются именно по расчету. В качестве примера можно привести все большее количество заключенных брачных договоров в РФ.

В настоящее время уже произошло сильное ослабление установленных вековых норм, догматов и стандартов поведения в семье. Объясняется это просто – современная семья уже окончательно потеряла те функции, которые были ей присущи в начале XX века и ранее. Сельскохозяйственная или иная другая хозяйственная составляющая – расценивающая брак, брачный союз как слияние земель, капиталов, вхождение в семью новых рабочих рук - уже навсегда ушла. Современная семья – союз равноправных мужчины и женщины, в силу их социального положения, работы и занимаемой должности – иногда независимых в части или даже полностью друг от друга. Значительно изменились и функциональные роли, типичные для мужчины-супруга и женщины-жены, имевшие место в прошлом.

Отсюда следует, что семья в современном мире представляет собой гораздо более либеральную во всех отношениях группу, чем когда-либо в прошлом, обусловлено это экономическими и социальными преобразованиями. В современном обществе происходит смена приоритетов в сторону ориентированности не на семью, а на индивида, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

1. Захаров С. (2007). Трансформация брачно-парнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату, в кн.: Малева Т., Синявская О., ред., Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: Сб.
2. «Латышские народные анекдоты» Издательство Академии Наук Латвийской ССР. Рига. 1964.

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ГОРОДА БАРНАУЛА

Москвичёва А.А., Чудова С. Г. (Барнаул)

Семья является одним из пяти фундаментальных институтов общества, придающим ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении. В ходе культурно-исторического развития изменилась не только форма семейно-брачных отношений, но и само содержание этих отношений.

В настоящее время имеется целый ряд социальных показателей, свидетельствующих об особенностях развития брачно-семейных установок в современной России:

- Распространение практики официально не регистрируемых отношений между молодыми людьми;
- Феномен сознательной бездетности;
- Рост числа неполных семей;
- Снижение показателей, характеризующих «качество» воспроизводства населения [1, с. 8-9].

С целью выявления брачно-семейных установок студенческой молодежи города Барнаула в 2013 году было проведено пилотажное исследование. Метод исследования: анкетирование. Общий объем выборки составил 30 человек. Исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. 90% респондентов считают, что совместное проживание необходимо перед заключением официального брака и 10% затрудняются ответить.

2. 67% мужчин и 8% девушек не задумывались о причинах, которые могут помешать созданию семьи, т.к. считают, что думать об этом им еще рано. Основная причина для большинства (40% женщин и 33% мужчин) боязнь ошибиться в выборе. «Не смогу материально содержать семью» - выбрали 32% женщин. И 8% девушек считают проблемой, с которой они столкнутся при создании семьи – сложный характер.

3. У 5% респондентов нет желания заводить семью и уверенность, что они смогут прожить счастливо, не создавая семью, 5% затрудняются ответить на этот вопрос, 90% выбрали ответ «Да, конечно».

4. Для 33% мужчин и 50% женщин мотивом для вступления в брак является возможность быть рядом с любимым человеком; 32% мужчин и 28% женщин - чтобы рядом иметь человека, который всегда поддержит и поможет, 35% мужчин – иметь свой дом и домашний уют, 12% женщин – иметь свою семью, 8% женщин – не собираюсь замуж.

5. Для студенческой молодежи города Барнаула характерно то, что 72% мужчин считают, что семья начинается с совместного проживания. 38% мужчин и 53% женщин затрудняются ответить, 36% женщин - когда пара чувствует ответственность друг за друга и лишь 10% женщин считает, что со штампа в паспорте

6. 100% мужчин и 80% женщин полагают, что главным в семье должен быть супруг, 20% женщин за равноправие.

7. 65% мужчин и 70% женщин за общий бюджет, 35% мужчин и 10% женщин – общий, но распоряжается мужчина, 12% женщин – общий, но распоряжается женщина и 8% женщин за отдельный бюджет.

8. Традиции в родительской семье есть не у всех только у 74% опрошенных. И желание создания своих традиций в будущей семье у 95%. И лишь 5% респондентов считает, что они необязательны и можно импровизировать.

9. О распределении обязанностей 79% студенческой молодежи полагает, что необходимо договариваться заранее, остальные предпочитают пустить все на самотек.

10. 47% респондентов считают, что подходящее время для появления ребенка, когда они встанут на ноги, 32% - когда морально будут готовы, 16% - после окончания университета и 10% - когда Бог даст.

Одна из основных тенденций в отношении к браку среди молодежи – это рационализм. Сложно судить об официально не регистрируемых отношениях и их влиянии. Ведь из результатов исследования можно сделать выводы, что большинству присуще желание совместного проживания перед его узакониванием лишь потому, что существует страх неправильного выбора своего будущего супруга или супруги. Кроме того, студенческая молодежь города Барнаула с ответственностью подходит к вопросу о детях. Более половины респондентов должны, по их мнению, начать работать, окончить университет, морально подготовиться и встать на ноги перед появлением детей. Они понимают необходимость хорошего воспитания ребенка для того, чтобы в дальнейшем их дети не стали социальным ресурсом для деструктивных или криминальных сообществ.

Трансформация института родительства и семьи на данный момент очень ярко проявляется. Необходимо её более тщательное исследование, чтобы знать какую помощь и в какой момент оказать молодой семье, чтобы она была социально здоровой. О необходимости введения определенных мероприятий для закладывания основных базовых установок у молодежи, чтобы брак в их сознании считался не просто временным «сожителем», а уже пожизненным не смотря на отсутствие «штампа» в паспорте. И в

заклучении хочется процитировать слова Льва Николаевича «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». Именно этого и должно добиться наше общество.

1. Андреева, Т.В. Семейная психология / Т.В. Андреева – СПб.: Питер, 2004. – 316 с.
2. Смелзер, Н. Социология: пер. с англ. / Н. Смелзер – М.: Феникс, 1998. - 688 с.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СВАДЬБА КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Немова О.А. (Нижний Новгород)

Свадьба как праздничное мероприятие относится к важнейшим обрядам жизненного цикла семьи. Современная российская свадьба претерпела значительные изменения за последние два века, практически полностью утратив свой сакрально-мистический архаический смысл. Остатки былых ритуальных действий еще присутствуют на современной свадьбе, но в измененном до неузнаваемости виде.

Между тем сам свадебный ритуал остается достаточно популярным в молодежной среде и может служить значительной эмпирической базой для исследования как системы семейных ценностей, бытующих в российском обществе, так и как механизм их трансляции.

Свадебный эмпирический материал широко представлен исследователю для анализа, так как зафиксирован в виде видеофайлов и тщательно хранится практически в каждой российской семье. Причем то, что было записано на видеокассеты и, с развитием техники ушло в небытие, отдается на перезапись, т.е. "отцифровывается" и продолжает храниться в семейных архивах. Данный вид эмпирического материала приходит на смену эпистолярному жанру, так как в век цифровых технологий люди все реже пишут друг другу письма, ведут дневниковые записи и т.д. Биографический же видеоматериал, напротив, набирает все большую популярность в широких слоях населения. На видеокамеру фиксируются все значимые события в жизни человека, момент его рождения, выписка из роддома, первые шаги, крестины, праздники, свадьбы, а иногда и похороны.

Таким образом, социологам предоставляется возможность проследить и изучить жизненный цикл всей семьи через анализ биографического материала, представленного в виде видеофайлов. Осмелимся также предположить, что данный вид социологического материала в ближайшем будущем практически полностью вытеснит эпистолярный источник, составив основную исследовательскую базу фамилистов, изучающих повседневность современной российской семьи.

Целью данной статьи является изучение феномена современной российской свадьбы как специфического механизма трансляции семейных ценностей. Особый акцент в статье будет сделан на рассмотрении свадебных пожеланий молодоженам представителями различных возрастных когорт и гендерной принадлежности.

Исследовательский интерес к свадебному эмпирическому материалу вызван также еще и тем, что именно в свадебных пожеланиях молодоженам, в концентрированном виде представлены семейные духовно-нравственные ценности, хранимые как значимые и передаваемые последующим поколениям. В ходе подготовки к свадебному торжеству гости заранее обдумывают не только, что подарить молодоженам и в какой форме, но и какими поздравлениями это сопроводить. Соответственно на "свадебном материале" можно также проследить динамику изменения ценностных приоритетов, их трансформации во временном и гендерном контексте.

Современный свадебный обряд, не смотря на все метаморфозы, остается специфическим зеркалом российской семьи и тех перемен, которые происходят в

российском социуме. На данный аспект обратила внимание О.А. Козлова в своей статье "Дворянская свадьба в России конца XV-начала XVIII.: домостроевские каноны и европейские метаморфозы". Ученый в частности пишет "свадьба – путь к пониманию противоречий и механизмов их "снятия", типических для переходных периодов [2, с.3].

Несколько слов о сути свадебного обряда. "Свадебная обрядность, – пишет О.В. Белевцова, – является одной из наиболее устойчивых форм обрядности благодаря своей значимости в традиционной культуре". Она (свадебная обрядность, - прим. О. Немова) относится к обрядам перехода, связанными с переходными моментами в жизни человека, с изменением его социального статуса, нормативного поведения, функциональных обязанностей и места в иерархии новой семьи"[1]. Действительно, каждый момент свадебного действия был сакрализован и обязателен к исполнению. Например, в массовом сознании бытует расхожее мнение, что белый цвет платья невесты является символом чистоты и невинности. Однако этнологами была зафиксирована четкая взаимосвязь между похоронным и свадебным ритуалами. Так, цвет одежды усопшего совпадает с цветом свадебного наряда молодоженов. В этом научном факте имеется свое рациональное объяснение. Невеста, обретая статус жены, как бы умирает для своего рода и возрождается в ином качестве для рода мужа. Не случайны в этой связи всевозможные "оплакивания" невесты накануне свадьбы. Широкий фольклорный материал представлен в работе М.П. Шустова "Свадьба на земле Нижегородской"[6].

В современной свадьбе практически утрачены не только основные этапы свадебного обряда (помолвка, сватовство, невестина баня и т.д.), но и сам символический смысл основных обрядовых действий. Так, функциональные роли участникам свадебного действия (ответственный за подачу вин, за порядок на свадьбе и т.д.) раздает профессиональная тамада, а не жених на мальчишнике накануне свадьбы как это было ранее. Или, еще, к примеру, ни у кого из гостей, подаваемый в конце торжества торт, не ассоциируется с "разгонным пирогом", а воспринимается лишь как вкусный десерт, подаваемый в конце любого застолья и т.д.

В условиях традиционного социума, – отмечает также О.В. Белевцова, – гендерные роли базируются на коллективных представлениях и поведенческих моделях, что практически исключает любые отклонения и нововведения. Вся совокупность этих обрядов направлена на утверждение гендерных отношений, ролей и иерархии в новой семье, которые должны быть идентичны ценностям общества [1].

Качественный анализ пожеланий молодожёнам на свадьбах показал, что в них отражаются актуальные смысло-жизненные, семейно-брачные ценности. Мониторинг свадебных пожеланий молодоженам автором статьи осуществляется с 2004 года [3]. В ходе исследования мы пришли к выводу, что ценности родительства и супружества, по-прежнему, сохраняют свою высокую значимость и являются предметом социокультурной межпоколенческой трансмиссии.

Пожелания гостей молодожёнам – это ценностные феномены (желают, как правило то, что приобрело характер важного и ценного), в которых даётся определённый жизненный план достижения счастья. Так как на свадьбах присутствуют представители различных поколений, социального статуса, молодожёнам предоставляется право выбора наиболее для них оптимального и приемлемого пути. Свадебные пожелания, можно сказать, это своеобразные мини-программа на всю жизнь. В одном месте, в одно и то же время собираются представители двух и более родов, поколений. Происходит столкновение различных семейных образцов (patterns). Особенно ценными представляются пожелания семейных пар с уже имеющимся опытом совместной жизни. Они, основываясь на своём опыте, предупреждают, чего необходимо ждать, бояться, избегать, как решать проблемы и преодолевать неизбежные трудности. Само присутствие успешных полных семей на свадьбе молодожёнам говорит о многом. Семьи родителей и прародителей, родственников, где в межличностных отношениях превалирует семейная любовь, являются «живым» примером для подражания. Именно на свадьбах наиболее

наглядно демонстрируется семейный духовно-нравственный капитал каждой семейной пары.

В первую очередь молодожёнам гости желают любви, подчёркивая тем самым общечеловеческий экзистенциальный надысторический характер этой ценности, которая по праву занимает самое высокое положение в иерархии духовно-нравственных семейных ценностей и «определяет духовную бытийность личности» [4.12], семьи, рода. Детей желают во вторую очередь, причём первенцем хотят видеть непременно мальчика. В этом проявляется большая значимость супружеского типа семьи, а не детоцентричного, т.е. ценность супружества превалирует над ценностью родительства.

Показательно, что пожелания молодым супругам носят традиционный характер: женщине предписывают уважать своего супруга, быть верной, любящей женой и хорошей хозяйкой, уважать родителей, принимать и ценить их советы и помощь. Как правила, пожелание быть всегда такой же красивой и привлекательной высказываются именно мужчинами. Пожелания быть хорошей матерью встречаются не часто, в связи с тем, что это качество считается само собой разумеющимся, изначально присущим любой женщине. Что касается пожеланий мужчинам, они носят несколько иной характер: акцентируются такие качества мужа, как уважение к жене, верность, помощь в хозяйстве и в воспитании детей, а также основная семейная роль мужчины как кормильца семьи.

На изменение пожеланий молодоженам сказался мировой экономический кризис 2008 года. Так, в частотности, пожеланий материального достатка ("побольше денег") после 2008 года резко возросла. Также с 2004 года увеличилась значимость психологической совместимости в браке, то есть, если в 2004 году молодоженов призывали к совместному преодолению психологических трудностей лишь зрелые пары, те, кто перешагнул сорокалетний рубеж, то теперь это пожелание высказывается всеми гендерными и возрастными когортами.

Обобщая вышеизложенное, нужно отметить, что свадебный материал представляет большие возможности для современных фамилистов и гендеристов.

Список литературы:

1. Белевцова В.О. Традиционная брачная обрядность марийцев в конце XIX – начале XX в.: модель гендерной иерархии // *Женщина в современном обществе*, 2004, №2 (45). – С.15-23.
2. Козлова О.А. Дворянская свадьба в России конца XV-начала XVIII.: домостроевские каноны и европейские метаморфозы // *Женщина в современном обществе*, 2011, №4 (61). – С.3-11.
3. Немова О.А. Ценностные установки учащейся молодежи в контексте социокультурного потенциала семьи: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 Н. Новгород, 2005. – 189 с.
4. Николина, В.В. Дети, молодёжь, и духовность. Ценности и цели // *Воспитание, ценности и цели. Научно-методический сборник. В помощь руководителям МОУ, заместителям директоров по воспитательной работе, классным руководителям.* – Н. Новгород: Тип. НГТУ, 2004. – С.6-15.
5. *Российская семья: Энциклопедия.* – М.: Издательство РГСУ, 2008. – 624с.
6. *Свадьба на земле Нижегородской: Учеб. пособие / Сост. М.П. Шустов.* – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2004. – 200 с.
7. *Свадьбина Т.В. Семья и российское общество в поиске обновления / Т.В. Свадьбина.* – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2000. – 339 с.

1. *Белевцова В.О. Традиционная брачная обрядность марийцев в конце XIX – начале XX в.: модель гендерной иерархии // Женщина в современном обществе, 2004, №2 (45). – С.15-23.*

2. Козлова О.А. Дворянская свадьба в России конца XV-начала XVIII.: домостроевские каноны и европейские метаморфозы // *Женщина в современном обществе*, 2011, №4 (61). – С.3-11.
3. Немова О.А. Ценностные установки учащейся молодежи в контексте социокультурного потенциала семьи: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 Н. Новгород, 2005. – 189 с.
4. Николина, В.В. Дети, молодёжь, и духовность. Ценности и цели // *Воспитание, ценности и цели. Научно-методический сборник. В помощь руководителям МОУ, заместителям директоров по воспитательной работе, классным руководителям.* – Н.Новгород: Тип. НГТУ, 2004. –
5. *Российская семья: Энциклопедия.* – М.: Издательство РГСУ, 2008. – 624с.
6. *Свадьба на земле Нижегородской: Учеб. пособие / Сост. М.П. Шустов.* – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2004. – 200 с.
7. *Свадьбина Т.В. Семья и российское общество в поиске обновления / Т.В. Свадьбина.* - Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2000. – 339 с.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СЕМЬЕ МЕЖДУ БЫВШИМИ СУПРУГАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА В ТАТАРСТАНЕ)

Нурутдинова А.Н. (Казань)

В России за последние десятилетия значительно выросло число разводов. Согласно статистическим данным в России на 100 браков приходится примерно 60 разводов. «Лидерами» по этому показателю являются Магаданская область, Еврейская АО, (в среднем около 75 разводов на 100 браков). В Республике Татарстан ситуация несколько лучше, чем в среднем по России – каждый второй брачный союз распадается, один из самых низких показателей в Приволжском федеральном округе (46 разводов).

Несмотря на то, что в последнее время в отечественной науке широко освещена проблематика кризиса российской семьи, тем не менее, не изучена региональная специфика причин разводов на фоне благоприятной социально-экономической ситуации, высокого уровня жизни и доходов населения.

С целью выявления причин распада семей в Республике Татарстан, а также исследования динамики значимости различных причин, Научно-исследовательский центр семьи и демографии ИТЭР Академии наук Республики Татарстан совместно с Управлением ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан провел мониторинг этой проблемы. Было проведено два социологических исследования: первое - в 2009 году, в ходе которого было опрошено 1260 бывших супругов, второе – в 2013 году, опрошено – 1234 респондента. Основной метод сбора информации – анкетирования (репрезентативный массовый опрос). Исследование 2009 года включало также глубинные интервью с разведенными супругами и анализ документов органов ЗАГС [1]. Данные приводятся на основе опроса 2013 года. [2]

Одной из задач исследования было выявление распределения обязанностей в семье между бывшими супругами и установление влияния на отношения в семье. Распределение обязанностей в семье является важной составной частью семейной жизни. Результаты исследования показали, что большинство семейных обязанностей выполняли жены: воспитание детей (55,3%), поддержание чистоты и порядка в доме (77,3%), покупка продуктов (54,2%), приготовление еды (77,5%), создание благоприятной эмоциональной обстановке в семье (48,3%). Остальные функции выполнялись совместно: зарабатывание денег (43,1%), организация досуга (46,1%). За женщиной закреплялись обязанности, связанные с внутрисемейными делами, тогда как функции, обеспечивающие «жизнеспособность» семьи, выполнялись совместно обоими супругами.

Во многом указанное распределение функции напоминает модель советской семьи, основанной на контракте «работающей матери», когда женщина имела «двойную

занятость», наравне с мужем экономически обеспечивая семью, а также занимаясь ведением домашнего хозяйства.

Тем не менее, половина опрошенных супругов (49,5%) отметила, что их устраивало (частично или полностью) распределение семейных обязанностей в семье, чуть меньшее количество респондентов (43%) - не устраивало. Поэтому выполнение женщиной большего количества семейных обязанностей (главным образом «внутрисемейных» функций) для половины опрошенных не является причиной недовольства и предпосылкой распада семьи.

Остальные стороны семейной жизни (психологические и сексуальные отношения с супругом, отношения с детьми и другими родственниками) также устраивали (частично или полностью) около половины и более опрошенных. Большая часть респондентов ответила, что их не устраивало, как принимались решения в семье, как складывалась семейная жизнь в целом, каким образом осуществлялись расходы. Можно констатировать, что причиной распада семьи не является недовольство какой-то одной из сторон ее жизни, это комплексная проблема.

1. *Разводы в Татарстане: состояние, причины и ресурсы укрепления семьи: монография / Ф.А. Ильдарханова, Э.А. Зарипова, А.Н. Нурутдинова, Ч.И. Ильдарханова / Общ. ред. М.В. Вдовина. – Казань: Центр инновационных технологий, 2010. – 154 с.*
2. *Разводы в Татарстане (социологический анализ 2013 года) / Ф.А. Ильдарханова, Э.А. Зарипова, А.Н. Нурутдинова / Общ. ред. Ф.А. Ильдарханова. – Казань: ИГМА-пресс, 2014. – 32 с.*

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ РОЛЯХ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ГОРОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Облачкова Л.А. (Санкт-Петербург)

Изучение повседневных представлений о распределении ролей в браке среди студентов-учащихся Санкт-Петербургских ВУЗов проводилось в рамках выпускной квалификационной работы бакалавра факультета социологии в 2015 году в контексте исследования гендерного пространства современного российского общества с точки зрения интеракционистского подхода. Выбор в пользу повседневных представлений о семейно-брачных ролях студентов как предмета социологического анализа был сделан с той мыслью, что ценности, культурные паттерны, взгляды, установки, личностные и другие особенности студенческой молодёжи определяют образ будущей российской семьи и того, как в её рамках будет осуществляться межличностное взаимодействие. Она располагает особенной социальной и психологической спецификой, индивидуальными характеристиками. То содержание, которым наполнена категория сегодняшней студенческой молодежи, выступает ключевым фактором в будущем развитии российского общества. Под гендерным пространством понимается то, как социальная реальность организуется посредством гендера. Гендер это не только продукт социального, но и качественный показатель динамики социальных изменений в обществе. Понять гендер значит получить возможность измерить гендерное сознание субъектов гендерного пространства, студенческой молодёжи.

С помощью процедуры анализа ролевого взаимодействия мужчин и женщин в пространстве российского общества, мы смогли диагностировать форму его нынешнего социокультурного развития, которая характеризуется смешением традиционных и инновационных повседневных представлений в нём. Причём важно отметить, что качественное содержание этих представлений в условиях трансформирующегося

российского общества оказывают поливариантное влияние на все его подсистемы. В случае преобладания в них традиционных, патриархальных черт, общественное развитие сдерживает, тогда как стимулируют прогресс или поступательное развитие те представления, в которых можно обнаружить больше эгалитарных, демократичных признаков. Таким образом, всю палитру повседневных представлений можно типологизировать по признаку наличия в них традиционных или новационных составляющих.

Исследование содержания повседневных представлений о семейно-брачных ролях среди студенческой молодёжи осуществлялось на основе петербургских высших учебных заведений, как государственных, так и негосударственных. Выборочная совокупность составила 161 человек. Поскольку среди респондентов представлены мужчины и женщины, студенты петербургских ВУЗов в основном 20-22 лет, результаты данного исследования считаем справедливым экстраполировать на генеральную совокупность студентов только данной возрастной группы. В ходе анализа полученных данных было выявлено проявление смешанности традиционных и эгалитарных установок в представлениях об организации семейной жизни не зависимо от пола респондентов. Студенческая молодёжь г. Санкт-Петербурга характеризуется повышенной долей эгалитарных, демократичных мнений и ценностных ориентаций в своих гендерных представлениях. Это можно считать свидетельством низкой степени подверженности традиционным стереотипам. Остаётся всего лишь две функции, которые чётко закреплены за гендерной ролью: муж-материальное обеспечение, жена-психологический комфорт. Следует иметь в виду, что тенденцией к новому конструированию гендера в большей степени обладают мужчины, чем женщины. Выявлена связь между традиционностью представлений респондента и его социальными характеристиками: полом и особенностями родительской семьи. Так, женщины из полных эгалитарных семей имеют более консервативные взгляды. Ещё один любопытный факт касается женщин из неполных семей, где мать является фактической главой семьи: здесь они склонны наделять большим количеством функций роль жены по сравнению с ролью мужа. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что родительская семья значительно влияет на формирование представлений о семейно-брачных ролях.

Ценностные ориентации и гендерные стереотипы современного студенчества претерпевают значительные изменения. Тому свидетельство – отчётливое преобладание качественно новых черт, насыщающих содержательную часть гендерных стереотипов в повседневных представлениях. Как это проявляется, перечислим далее:

1. Стигмы, что считать типично женским или мужским занятием, иначе говоря, конструкт феминности-маскулинности неизбежно размывается, становится всё менее полярным, по сравнению с тем, что было раньше. Сейчас всё больше признаётся наличие индивидуальных различий, присущих мужчинам и женщинам внутри пола. Существует множество вариантов наполнения образов маскулинности и феминности. Можно высказать предположение, что в таких условиях уже формируется тип личности нового поколения – андрогинный, обладающий и женскими и мужскими чертами;

2. Семья по-прежнему является приоритетной ценностью для российского студенчества, однако ролевое распределение между супругами несущественно поменялось, по сравнению с семьями их же родителей. Преобладает стремление к равноправию и эгалитарному распределению брачных ролей. Такой схеме придерживаются в большей степени женщины, мужчины же до сих пор тяготеют к установлению традиционной модели взаимоотношений в семье. Тем не менее, прослеживается желание создать самые комфортные условия для всестороннего развития личностей обоих, самореализации и счастливой совместной жизни;

3. В большей степени исчезли традиционные представления по части разделения домашнего труда и рутинных обязанностей супругов, статусно-ролевых позиций в семье. Представления о семейно-брачных ролях подверглись лишь

значительной трансформации по сравнению с традиционными стереотипами российской культуры.

Такое смешение устойчивости традиционных компонентов в повседневных представлениях с одной стороны и наращивание темпов демократизации межличностной сферы с другой, обусловлен и региональным аспектом, тесному соседству Санкт-Петербурга с европейскими странами и как результат влияния особенностей их культуры. Наряду с этим, российское общество пребывает в состоянии внутренней нестабильности, как в социальной, так и в экономической сферах, проистекают существенные перемены. В таких условиях общество боится попасть в ситуацию аномии, поэтому активно хватается за устоявшиеся образцы поведения, выражающиеся, в том числе, в следовании гендерным стереотипам, поддержке традиционных ценностей, установок в процессе интересубъективного взаимодействия. Такие меры сдерживают развитие общества, но оберегают его от погружения в полный хаос. Для того чтобы новые веяния получили своё распространение и закрепились, им нужна крепкая основа, надёжная база. Сейчас же гендерные стереотипы как раз выступают тем якорем, который обеспечивает ощущение контроля над раскачивающейся социальной реальностью.

В качестве заключения скажем, что едва ли возможно работать над проблемами современного общества без соблюдения принципа гендерного равенства в том числе. Он является основополагающим компонентом, который способствует поступательному демократическому развитию российского общества. Позитивные социальные трансформации будут кристаллизовываться, если в их основу будут положены принципы всеобъемлющей модернизации. Для решения многих проблем в России сегодня необходимо усовершенствование законодательной базы, которая будет гарантировать отсутствие дискриминирующих элементов, формировать гендерно ориентированную молодёжную политику на всех уровнях, развивать социальную работу с молодёжью с ориентацией на результаты новейших прикладных и теоретических исследований по гендерной проблематике. Ведь от того каким духом располагает нынешнее молодое поколение зависит успешность будущего всех сфер жизни общества.

1. Агеев, В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Психология семьи: Хрестоматия / Под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Изд. дом «Бахрам-М», 2002. – 752 с.
2. Антонов А.И. Микросоциология семьи: Учебник. – 2-е изд. – М.: ИНФА-М, 2011. – 365 с.
3. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере: принципы распределения труда между супругами в современной городской семье//Мир России. 2000. №4.
4. Безрукова О.Н., Социология молодёжи: Учебно-методическое пособие. Факультет социологии СПбГУ. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2004. - 35 с.
5. Здравомыслова О.М., Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.
6. Ильин Е.П., Пол и гендер. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.
7. Карташова Т.Е., Особенности брачно-семейных установок современной молодежи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена №129, 2011. – с.54-69.
8. Клецин, А.А. Гендерные отношения в семье: дифференцированность и иерархичность супружеских ролей / А.А. Клецин // Семейная психология и семейная терапия. – 2006. – № 4. – С. 32-57.
9. Котлова, Т.Б., Рябова, Т.Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов/ Т.Б. Котлова, Т.Б. Рябова // Женщина в российском обществе. – 2002. – №1. – С. 25–33.
10. Мерзлякова С. В. Особенности брачно-семейных представлений современной молодёжи // Теория и практика общественного развития . 2012. №12. - С.150-155.
11. Римашевская Н.М. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. – М. : Наука, 2009. – 273 с.
12. Черняк Е. М. Социология семьи: Учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2004. — 238 с.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Овруцкая Г.К., Овруцкая А.А. (Ростов-на-Дону)

Вооруженные конфликты представляют собой большую проблему для современного общества. Помимо своих ужасающих последствий, вооруженные конфликты усугубляют и другие глобальные проблемы, в том числе и гендерные. В качестве одной из особенностей современного характера протекания конфликтов эксперты отмечают игнорирование такого правила военного времени, как защита женщин и детей. По данным ООН, в современном мире почти 90% пострадавших в вооруженных конфликтах – это мирное население, большинство которого составляют женщины и дети [9].

Впервые гендерная тематика в контексте вооруженных конфликтов была затронута в Резолюции Совета Безопасности ООН №1325 (от 2000 г.), где женщины упоминались как активные участники на каждом этапе военного конфликта [1]. Резолюция преследовала несколько целей: повысить роль женщин при принятии решений, включить гендерные аспекты во все проекты миротворчества и постконфликтного восстановления, а также защитить женщин и девочек от насилия по половому признаку.

В 2008 и 2009 гг. Советом Безопасности ООН были приняты Резолюции №1820 и 1888 соответственно, в которых особое внимание было уделено борьбе против сексуального насилия во время конфликтов, а также уголовного преследования лиц, совершающих сексуальное насилие во время вооруженных конфликтов [3; 4].

В резолюциях №1889 (от 2009 г.) и № 1960 (от 2010 г.) подчеркивается, что женщины должны быть задействованы во всех мероприятиях, направленных на постконфликтное восстановление и миротворчество [5; 6].

В принятых в 2013 г. Резолюциях №№ 2106 и 2122 признается необходимость аккумуляции усилий мирового сообщества в деле помощи жертвам гендерного насилия, расширения вовлечения женщин в предотвращение и урегулирование конфликтов и миростроительство, а также необходимость сбора и анализа соответствующей информации [7; 8].

Гендерные аспекты социальных, экономических, политических, экологических и, самое главное, гуманитарных последствий вооруженных конфликтов тесно взаимосвязаны. Мобилизация, гибель и травмы, полученные на ходе вооруженных действий, прямо влияют на положение домохозяйств. Разрушение социальной инфраструктуры, сокращение государственных расходов возлагают дополнительную нагрузку на женщин и усугубляют проблему бедности. С другой стороны, в некоторых регионах в результате вооруженных конфликтов меняется гендерная социально – экономическая структура населения, когда происходит замещение женщинами традиционно мужских ролей, причем, как в экономике, так и в социально-политической сферах. Так, в Руанде представленность женщин в парламенте более 55%, что обусловлено, в том числе, этническими чистками мужского населения представителей этноса тутси в 1994 г., в ходе которых погибло по разным оценкам до 800 тысяч человек [10].

Гендерная составляющая прослеживается и в таком последствии вооруженных конфликтов, как массовое вынужденное переселение. По оценкам Многостранового отделения ООН «Женщины в Центральной Азии», более 80% всех беженцев и внутренне перемещенных лиц в странах ВЕЦА - женщины и дети, что объясняет важность применения гендерных подходов при решении их проблем [9].

Некоторые исследователи отмечают, что в постконфликтный период на пострадавших территориях происходит демографический рост, неизбежно приводящий к увеличению нагрузок на женщин, которые вынуждены брать на себя больше

ответственности за свои семьи, обеспечивая их элементарное выживание. Такой, казалось бы, парадоксальный рост рождаемости частично объясняется большой младенческой и детской смертностью - шансов на выживание у новорожденных становится меньше, а потому семьи решаются на рождение большего числа детей. Кроме того, возникают новые социально незащищенные группы населения, например, в Афганистане, по оценкам, из-за войны овдело 1,5 миллиона женщин [10, с.8]

Однако, наиболее острой гендерной проблемой в ходе вооруженных конфликтов является проблема сексуального насилия. В прошлом международное право практически не признавало влияния вооруженных конфликтов на жизнь женщин. В результате этот опыт чаще всего замалчивался и не находил отражения в юридической практике. Однако за последние два десятилетия произошли значительные подвижки в плане признания факта и судебного преследования за преступления сексуального характера, совершенные во время вооруженных конфликтов.

В XVIII веке сексуальное насилие, хотя и было запрещено военными уставами, на практике рассматривалось «правом захватчика». Согласно Женевской конвенции 1929 также сексуальное насилие рассматривалось с точки зрения моральной диффамации.

В 1949 году в поправках к Женевским конвенциям впервые была принята отдельная конвенция, полностью посвященная вопросам защиты гражданских лиц, где было прописано требование в отношении женщин, которые должны быть защищены, в том числе, от изнасилования, принуждения к проституции и любых других форм непристойного насилия. В 1977 году были подписаны первый и второй Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 года, включающие правовую защиту мирных жителей и женщин, находящихся на военной службе.

В 1990-х годах в ходе оценок последствий конфликтов в Югославии и Руанде, в рамках работы Международных уголовных трибуналов, было сформулировано, что изнасилование является уголовно наказуемым преступлением против человечности и юридически признается серьезным военным преступлением, а также были обозначены правила сбора свидетельских показаний в рамках таких уголовных дел.

Сексуальные преступления, рассматриваемые Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии и Международным уголовным трибуналом по Руанде, оказали влияние на разработку Римского Статута в 1998 году, в результате чего в 2002 году был создан Международный уголовный суд. Статус определяет широкий спектр преступлений против человечности и военных преступлений, в ряду которых изнасилования, сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация и другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести [2].

Негативные последствия вооруженных конфликтов, требуют от субъектов социального управления, мирового сообщества в целом, расширения и укрепления мер, методов, способов, технологий социальной защиты. При этом потребности населения выходят далеко за рамки одной лишь финансовой поддержки. Людям необходимо многое – адекватное питание и жилье, работа, образование и здравоохранение, тепло- и электроснабжение и многое другое. Расширение социальной защиты и поддержки населения должны стать неотъемлемым элементом программ постконфликтного восстановления. При этом важно учитывать и гендерную составляющую, разрабатывать и реализовывать программы помощи и реабилитации для женщин и детей, в соответствии с их специфическими потребностями.

1. Организация Объединенных Наций Совет Безопасности, Резолюция 1325 (2000) Принятая Советом Безопасности на его 4213-м заседании, 31 октября 2000 года // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/75309?download=true> (дата обращения: 10.09.2015).

2. *Прогресс женщин мира в стремлении к справедливости* // URL: <http://www.unwomen.org/~media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2011/progressoftheworldswomen-2011-ru.pdf> (дата обращения: 10.09.2015).
3. *Резолюция 1820 (2008), принятая Советом Безопасности, касающаяся сексуального насилия в отношении гражданского населения в условиях вооруженного конфликта* // URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4868e91b2.html> (дата обращения: 10.09.2015).
4. *Резолюция 1888 (2009), принятая Советом Безопасности об актах насилия против гражданского населения в условиях вооруженного конфликта* // URL: <http://www.refworld.org.ru/topic,51dc05df4,51dc1050f6,4ac9aa5c2,0,,RESOLUTION,.html> (дата обращения: 10.09.2015).
5. *Резолюция 1889 (2009), принятая Советом Безопасности [о женщинах, мире и безопасности]* // URL: <http://www.refworld.org.ru/type,RESOLUTION,,,4acdd89e2,0.html> (дата обращения: 10.09.2015).
6. *Резолюция 1960 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6453-м заседании 16 декабря 2010 года* // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/698/36/PDF/N1069836.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.09.2015).
7. *Резолюция 2106 (2013), принятая Советом Безопасности на его 6984-м заседании 24 июня 2013 года* // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/372/17/PDF/N1337217.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.09.2015).
8. *Резолюция 2122 (2013), принятая Советом Безопасности на его 7044-м заседании 18 октября 2013 года* // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/523/46/PDF/N1352346.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.09.2015).
9. *Укрепление лидирующей роли женщин в обеспечении мира, безопасности и осуществлении гуманитарной деятельности//ООН Женщины* // URL: http://www.unwomen-eeca.org/ru/deiatelnost/ukreplenie_lidiriuishey_rol_i_zhenshin_v_obespechenii_mira,bezopasnosti_i_osushestv
10. *Jobs after war. A critical challenge in the peace and reconstruction puzzle* // URL: http://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2003/103B09_340_engl.pdf. (дата обращения: 10.09.2015).

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Орлова Е.В. (Санкт-Петербург)

После двух лет обсуждений в 2014 году правительством была принята «Концепция семейной политики на период до 2025 г.». Политический курс на изменение положения семьи в российском обществе, прежде всего на улучшение демографической ситуации, был сформулирован президентом Путиным В.В. в его «Послании к государственному Собранию Российской Федерации» ещё в 2006 году; тогда данное направление политики было названо «самой острой проблемой современной России»[7]. С 2007 года в стране проводится ряд мероприятий, направленных на улучшение материального положения семьи и стимулирование рождаемости.

Попробуем проследить основные тенденции семейной политики государства на примере г. Санкт-Петербурга. Несомненно, что главный вектор современной российской семейной политики – это стимулирование рождаемости. В общественном и политическом пространстве существуют две точки зрения на современное состояние российской семьи. С начала 90-ых слышатся призывы «спасать Россию от вымирания»[2], [4], причём в этой полемике участвуют не только политики и СМИ, но и представители различных научных отраслей [1, С. 109-110]. В рамках этой риторики, достаточно консервативной, можно услышать призывы к стимулированию рождаемости, прежде всего финансовому, уменьшению числа или полному запрету аборт, недопустимости рождений вне брака и т.п. Второй подход, более либеральный, рассматривает трансформации, происходящие с

современной семьёй неотрывно от экономических и социальных изменений, происходящих в обществе[11, С.15-16].

Современная государственная семейная политика не отличается единообразием. Запутанность в эту полемику вносится и наследством современного российского общества в виде последствий советской семейной политики. В СССР семейная политика государства была направлена, прежде всего, направлена на предоставление женщине возможности работать наравне с мужчиной, однако забота о детях и обязанности по ведению домашнего хозяйства также в большей степени лежали на плечах работающей советской женщины[1, С. 103,106]. Эта политика способствовала закреплению в сознании россиян неравенства гендерных ролей в семейной сфере между мужчиной как отцом и женщиной как матерью. На практике это проявляется в том, что мужчина-отец имеет гораздо меньше привилегий, чем женщина-мать. С матерями чаще всего суды оставляют детей после развода, также, несмотря на законодательно закреплённое право по предоставлению мужчине декретного отпуска по уходу за ребёнком, на практике его берут единицы (эта ситуация, конечно же, может быть объяснена и чисто экономическими причинами) [10, С 44-46]. В России существует несколько программ социальной поддержки, а также льгот для матерей-одиночек, но похожих организаций и программ для отцов практически не существует. Всё это создаёт серьёзный гендерный перекос в общественном сознании, что, несомненно, влияет на обсуждение в обществе и на законодательном уровне концепции государственной политики в отношении семьи.

Перейдём к анализу недавно утверждённой концепции семейной политики. Общероссийская концепция (часто её называют национальным проектом в области семьи) была принята не так давно, в 2014 г. Проект концепции первоначально был составлен Членом Совета Федерации Мизулиной Е.Б. в 2012 году, и в нём было немало противоречивых идей, вызвавших бурную дискуссию в прессе[3]. Красной нитью через все 26 страниц проекта концепции проходит новый для российской семейной политики тезис о том, что без опоры на традицию, на ценности, все экономические меры по стимулированию рождаемости не будут иметь значительного успеха. «Выход из сложившейся ситуации может обеспечить восстановление традиционных семейных ценностей устойчивости брака, уважения родительской власти, прочности многодетной много поколенной семьи, любви к детям, проявляющейся, в том числе в любви к ребёнку еще находящемуся в утробе матери, в сближении церкви и государства, особенно в сфере семейных отношений»[6]. Однако этот проект не прошёл стадии согласования и был раскритикован за размытость формулировок и отсутствие практических предложений по реализации концепции. В доработанной версии концепции от 2014 года основной акцент поставлен на меры экономической поддержки, в первую очередь многодетных семей, стимулирование рождаемости. Концепция разбита на два этапа реализации, условно их можно разделить на подготовительный этап и основной этап. Так на подготовительном этапе до 2018 г. планируется подготовка средств и институтов по реализации концепции, а с 2018 года, собственно, сама её реализация. То есть опять-таки остаётся большой простор для «воображения»: кем будет контролироваться процесс осуществления концепции, за счёт средств какого бюджета: регионального или федерального, что будет служить критерием успешной реализации концепции? Этот вопрос волнует и самих чиновников[5].

Концепция семейной политики в г. Санкт-Петербурге была принята на два года раньше, в 2012 г. Главное отличие от общероссийской концепции – региональная направленность программы. Авторы концепции подробно описывают особенности актуальной семейной ситуации в Санкт-Петербурге: значительная доля малоимущих семей; неравномерный доступ к медицинскому обслуживанию (особое внимание уделяется ухудшению общего уровня здоровья населения, особенно младенцев и рожениц); большое количество семей, не имеющих собственного жилья или проживающих в коммунальных квартирах; большой процент граждан, работающих в бюджетной сфере, и неравная оплата женского и мужского труда, даже на одинаковых

должностях. Также отмечаются положительные тенденции, как-то: рост числа зарегистрированных браков, улучшение демографической ситуации, снижение количества аборт и постепенное уменьшение количества социальных сирот и родителей, лишённых родительских прав [8, С.6-14].

Основные отличия концепции семейной политики в г. Санкт-Петербурге от общефедеральной концепции:

- предоставление работы или гарантий того, что их не уволят, для родителей многодетных семей;
- меры, направленные на повышение родительской компетентности;
- изменение общественного сознания в отношении семьи: выравнивание ценности женских и мужских ролей в семье;
- шаги, направленные на обеспечение в городе комфортной и доступной инфраструктуры для семей;
- право на отказ семьи от социальной помощи;
- декларируется, что семейная политика в Санкт-Петербурге должна опираться на научную базу;
- предполагается создание информационной базы, в которой можно будет ознакомиться со всем перечнем предоставляемых правительством целевых программ, льгот, и т.п. [8, С. 18-31].

Чем серьёзно отличается региональная концепция от общефедеральной, так это проработанностью понятийного аппарата. Этому посвящена глава 4 – «Модель благополучной семьи в Санкт-Петербурге». В ней описывается модель, по которой планируется оценка эффективности проводимой политики, чего нет в тексте «Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», и даже даётся определение этой благополучной семьи. «Под благополучной семьей понимается семья, которая обладает внутренними ресурсами для осуществления своей жизнедеятельности, имеет полную структуру, юридически зарегистрированный брак, характеризуется стабильными отношениями, взаимответственностью и заботой друг о друге, гуманистическими ценностями, ориентирована на рождение двух или более детей, имеет их, обладает родительской компетентностью и стремлением к ее развитию, имеет устойчивый социально-экономический статус, заботится о сохранении здоровья и успешно справляется с рисками в случае болезни, в состоянии самостоятельно решать все свои проблемы, в полной мере выполняет социальные функции на основе реализации своего внутреннего потенциала с использованием мер законодательно определенной поддержки, обладает способностью к самореализации и саморазвитию как самостоятельная ячейка социальной структуры общества, интегрированная в систему общественных отношений всех уровней» [8, С. 16]. Описываются критерии оценки эффективности семьи, среди традиционных для этой темы демографических и экономических показателей есть несколько критериев интегрированности семьи и её членов в социальную среду и критерий психологического здоровья её членов и гармоничности их отношений. Представляется сомнительным, что будет возможно достоверно оценить большое количество петербургских семей по этим социально-психологическим показателям, тем более в концепции такому прикладному моменту уделено немного внимания. В программе прописано, что инструментальную базу для оценки качества проводимой политики ещё предстоит создать [8 С. 37, С. 34].

Ещё одно отличие региональной концепции – это иная временная организация выполнения концепции семейной политики в Санкт-Петербурге. Её проведение планируется в три этапа: 2012-2013 г. Подготовительный этап: внесение поправок в законодательство и ознакомление управленческих кадров с планируемыми нововведениями. Основной этап реализации политики пройдёт в 2014-2017 г. и 2018-2022 г. будет проводиться оценка результатов и корректировка направления семейной политики [8, С. 42].

В целом, концепция семейной политики в Санкт-Петербурге носит более продуманный и детальный характер по сравнению с общероссийской концепцией, принятой правительством в 2014 г. Сам документ лучше структурирован, охватывает большее количество вопросов и носит прикладной характер, учитывая важные социальные особенности города. Несмотря на это, в документе сохраняются некоторые противоречия присущие российской семейной политике с начала 90-ых. Описанные в концепции задачи семейной политики носят преимущественно экономико-демографическую направленность и скорее соответствуют социально-демократической парадигме, например, признание одинаковой значимости ролей матери и отца в семье. Хотя в то же время декларируется стремление государства к невмешательству в личную жизнь семьи, о сохранении её права на самоопределение, что скорее соответствует либеральной политической парадигме. Как эти два подхода будут реализованы на практике, и не помешают ли друг другу эти установки, покажет время.

1. Антонов А.И., Медков В.М., Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич"), 1996 г., 304 С.
2. Валерий Неталиев: Приоритет нравственности может спасти Россию от демографического вымирания, 2015 г., Российское информационное агентство Регионы Онлайн, URL– <http://www.gosrf.ru/news/9256/>.
3. Депутат просит не передергивать положения Концепции семейной политики, 2013 г., Сетевое издание РИА Новости, URL – <http://ria.ru/society/20130605/941667087.html>.
4. Как спасти Россию от вымирания?, 2013 г., Ежедневная электронная газета "Утро.Ру", URL– <http://www.utro.ru/articles/2013/11/01/1154195.shtml>.
5. Кононова Л.: Государственная семейная политика должна быть основана на традиционных российских ценностях, 2014 г., Официальный Интернет-сайт Совета Федерации, URL– <http://council.gov.ru/press-center/news/42209/>.
6. Мизулина Е.Б., Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект), 2012 г., Типовой сайт комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ, URL– <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/0>
7. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, транскрипт, 2006 г., Официальный сайт Президента Российской Федерации, URL– <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>.
8. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 10.07.2012 № 695 «О Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012-2022 годы», 2012 г., С. 1-76, URL – <http://gov.spb.ru/helper/social/semeynaya-politika-v-sankt-peterburge/konceptsiya-emejnoy-p>
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014, №1618-р «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», 2014 г., URL – <http://government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf>.
10. Чернова Ж. В. Семейная политика современной России: Гендерный анализ и оценка эффективности, 2011 г., Женщина в российском обществе. № 3. С.44-51, URL– http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/2011_3_chernova.pdf.
11. Ярская-Смирнова Е.Р. Да, да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной Российской семейной политики, Женщина в российском обществе, 2010 г., № 2. С. 14-25, URL– <http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/>

ГЕНДЕРНЫЙ ОТВЕТ КРИЗИСУ: СОВРЕМЕННОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЕВРЕЙКИ

Островская Е.А. (Санкт-Петербург)

Во множестве европейских работ, посвященных анализу современности и присущих ей кризисов выдвигается утверждение о специфике субъекта в обществах Модерна и позднего Модерна. Теоретики Модерна заявляют, что современные общества характеризуются не только рисками и неопределенностью, но еще и рефлексивным субъектом. Индивид посттрадиционных обществ вынужден самостоятельно наблюдать себя и рефлексировать о сущности собственного жизненного опыта. Именно рефлексивный субъект становится цензором, способным соотнести требования традиции с изменившимися социокультурными условиями. В таком контексте особенно остро ощущается некоторый вакуум работающих концепций, способных сориентировать социолога в полевом, эмпирическом исследовании. В перспективе обсуждения избранной нами темы – жизненных стратегий, принимаемых религиозными женщинами в чрезвычайных и кризисных периодах жизни, – весьма перспективной представляется концепция “множественных современностей” Ш.Айзенштадта.

Эта концепция породила значительное количество исследований и публикаций, как полностью разделяющих предложенный ракурс анализа, так и категорически критических. В нашем анализе мы не ставим перед собой задачу оценить подлинность или ложность тезисов этого концепта. Применительно к социологическому рассмотрению гендерного среза религиозного еврейства Санкт-Петербурга нам представляется весьма прегнантной сама трактовка модерности как проекта, причем множественного и культурно плюрального, создаваемого через синтез традиции и того нового, что несет с собой Модерн. Концепция Айзенштадта позволяет выйти за узкие рамки рассмотрения проблемы в границах религиозной традиции и ее истории. Помещая анализ конкретики структур религиозности в широкий социокультурный контекст, мы можем среди прочего выявить женский путь, женские срезы реальности и модусов пребывания в ней.

В настоящем изложении мы задействовали результаты эмпирического изучения жизненных стратегий религиозных евреек Санкт-Петербурга, проведенного нами в 2015 году с использованием биографического нарратива. В силу того, что мы задумали дескрипцию палитры разнообразия таких стратегий в среде соблюдающего еврейства, интервью были предприняты в четырех основных общинных направлениях Санкт-Петербурга: хабадских, так называемых модерн-ортодокс, литваков и реформистов.

Стремясь к максимальной наглядности интерпретаций, мы организуем наше рассмотрение по тем параметрам современности, которые были предложены Айзенштадтом. Так, согласно его концепции, множественные современности воспроизводят свои версии рефлексивной субъектности или рефлексий о реальности, разнообразие репертуара ролей и коллективных идентичностей, выходящего за пределы наций-государств, локальности и семьи, возможность принадлежать к транслокальным или транснациональным сообществам, множественность культурных и политических программ.

В заданных параметрах мы привлечем примеры из биографических нарративов респонденток двух направлений – модерн-ортодоксов и хабадниц. Представительницы обозначенных сообществ занимают срединное положение на шкале типов религиозности соблюдающего еврейства. Ее крайние полюсы представлены литваками и реформистами, презентующими соответственно либо крайне ортодоксальную трактовку способов воспроизведения религиозности в культурном проекте современной, либо чрезвычайно осовремененный вариант соблюдения.

Анализ собранных биографических нарративов показал, что респондентки модерн-ортодокс характеризуются сходным проектом современности. Сформировался этот проект во времена их обучения в Петербургском еврейском университете, а его продолжением стал отъезд в Израиль и перманентная включенность в деятельность «академической иудаики». Их изучение иудаизма не привязано к какой-либо институции или территории, но отчетливо воплощено в их повседневности. Здесь и сотрудничество с издательством «Книжник», и преподавание иврита и еврейской традиции официально и частным образом, и многое другое. Гендерные отношения трактуются в духе равноправия полов, более того, дамы стремятся к конкурентному преобладанию знаниями в области иудаики, соревнуются с мужьями на равных. В модели повседневности от дамы нью-ортодокс не ожидается обязательного замужества в юном возрасте и рождения детей. Респондентки подчеркивали важность материнства как обязательной религиозной нормы, но именно от них мы узнали и об ограничениях, накладываемых доктриной на материнство в случае слабого здоровья. Ведущей стратегией преодоления кризиса и воспроизводства современности выступает здесь приобщение к миру академической иудаики, пролонгированное изучение письменных источников, выстраивание дискурса вокруг них.

Респондентки модерн-ортодокс трактуют реальность самостоятельно, используя в качестве инструментария свои знания по иудаизму, регулярно ими углубляемые. В автобиографических нарративах они, как правило, подчеркивают, что с юного возраста не стремились «ходить строем», или «быть в коллективе», их привлекали неординарные люди, мир книг, знания и культуры. И ключевым лейтмотивом рефлексии о себе из интервью в интервью выступало подчеркивание автономности соблюдающих евреев, их самодостаточность. Религиозной еврейке модерн-ортодокс не нужны ни синагога, ни раввин, ни община: «ну, разве что микву очень дорого содержать и некоторые ритуальные молитвы требуют пребывания в синагоге».

Совершенно по-другому отстраивается модернность дамы-хабадницы. Образец-модель идеальной женщины из нарратива в нарратив описывался следующим образом: «воспитана в еврейской традиции», получила образование до своих 18-20 лет, была сосватана через брачное религиозное агентство, вышла замуж за мужчину из своей общины, рождает детей, поддерживает мужа. От женщины-хабадницы ожидается ведение «еврейского дома», именно она держит «кошерный стол», обустроивает в соответствии с религиозными предписаниями повседневность своих домочадцев. И это, как следует из многих интервью, тяжелый и разнообразный труд. Кроме того, именно у женщин-хабадниц самым явным образом представлен кошер-стиль в оформлении себя – длинная юбка, закрытые руки и шея, парик, косметика или ее отсутствие, соотношенные с календарем. Кроме того, такую женщину едва ли можно запросто встретить на улице или разговаривать невзначай. Она, как правило, многодетная мать (этот эпитет применяется к родившим не менее 5-6 детей), часто еще и работающая, или помогающая мужу, или вовлеченная в социокультурную жизнь общины. Кроме того, существует своего рода негласное правило общаться «со своими»: внутри хабадской среды женщины ориентированы на дамское общение внутри того или иного общинного центра, каждый из которого располагает своим собственным раввином, синагогой (миньяном), общинным центром. Более того, одной из стратегий преодоления кризисов любого генезиса выступает апелляция к «дамскому клубу», а таковых хабадницы имеют немало. Клубу тематизированы по задачам, которым подчинена их деятельность.

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.

Петренко А.И. (Екатеринбург)

В России, согласно Реестру государственных должностей федеральных служащих, мужчины на рубеже веков занимали 94% высших, 85% главных и 68% ведущих должностей, в то время, как женщины занимают менее важные позиции. В классификации межпарламентского союза по показателю участия женщин в парламентской деятельности Россия занимает всего лишь 36-е место. Все это свидетельствует о проблемах взаимоотношения гендеров, образующих большую диспропорцию в социально-политическом дискурсе. Исследования, затрагивающие данную проблематику, актуальны не только для Российского общества, но и для мирового. Их целью является поиск путей преодоления так называемого «стеклянного потолка», а именно обеспечение равного доступа к власти мужчин и женщин [1]. Так, сравнительный анализ, проведенный между Францией и Россией в работе Чириковой А.Е., выявил между ними некоторые сходства и различия [2]. Несмотря на большее количество представительниц женщин, занимающих высокие посты Франции, их процент остается низким, как и в России.

Женщины в обеих странах занимают лишь те места, где им составляют слабую конкуренцию мужчины. В основном это органы муниципального и регионального управления. Дальнейшее продвижение вверх по карьерной лестнице для женщины затруднено из-за различных барьеров. Речь идет, прежде всего, о пропаганде ценностей маскулизма, создающей социальные стереотипы. Гендерный дискурс, сформированный в интересах одной из сторон, становится эффективным инструментом удержания власти [3]. Так, маскулинный образ мужчины, который должен принимать властные решения, легитимизировал половое неравенство, закрыв женщинам доступ к власти на долгое время. В течение этого времени, понятия о социальных ролях мужчин и женщин закрепились в сознании людей. Постепенно эти роли стали «естественными» и перестали подвергаться критическому осмыслению. Сформировались традиционные модели поведения, детерминирующие деятельность человека согласно его половой принадлежности. Опрос, проведенный организацией «World Public-Opinion.org» (2008 г.), показал, что в России лишь треть населения (35%) считала очень важным, чтобы женщины имели права, полностью равные с мужчинами, а 17% полагали, что это не слишком важно (для сравнения во Франции мнения распределились следующим образом: 75% и 2%). Это говорит о разнице в национальных дискурсах, их разном историческом пути развития и разной степени подверженности гендерным стереотипам.

С помощью глубинного интервью, проведенного с женщинами – политиками и государственными служащими Франции и России, было выяснено, что доступ к власти, действительно затруднен, а карьерный рост, зачастую, зависит от мужчины. А одним из барьеров выступает электорат, который выбирает кандидата-мужчину, только по тому, что таков его пол. Кроме того, было выявлено, что система квотирования, позволяющая увеличить количество женщин в партийных списках, не является актуальной для них самих. Большинство женщин предпочитают выбирать представителя мужского пола, что говорит о низкой степени их солидарности и приверженности традиции. Хотя на самом деле, практика показывает, что стиль правления женщины ничуть не хуже мужского, а, порой, даже эффективней и лучше. Это говорит о противоречивости традиционного общественного уклада.

Представители женского пола проявляют низкую социально-политическую активность, так как их роли заранее определены доминантным маскулинным образом мужчины. Тем самым, доминирование одного пола над другим не осмысливается как нарушение прав человека на реализацию своих интересов и свобод, а признается само

собой разумеющимся. Однако, такой порядок вещей не является естественным, а лишь искусственно создан за долгое время. И до тех пор, пока данные нормы поведения закреплены в общественном сознании, нельзя говорить о демократическом устройстве государства и существовании гражданского общества.

Стоит отметить, что Франция уже имеет отлаженные механизмы, обеспечивающие женщине карьерный рост и продвижение в политической сфере. Россия сильно отстает от стран запада по представительству женщин в органах управления, а так же по-прежнему остается глухой к вопросу гендерного неравенства не только в политической сфере, но и в остальных областях жизнедеятельности. Встает вопрос о мерах, которые позволят трансформировать сознание наших соотечественников. Прежде всего, необходимо внедрить гендерное просвещение населения в системы воспитания и образования, которые будут способствовать развитию толерантности и взаимоуважению полов. Необходимы профилактика насилия к женщине в личной и общественной сфере и радикальный пересмотр ее статуса и роли в обществе[4]. Дискриминация по половому признаку должна быть осознана в качестве ущемления прав личности и устранена. Формирование гендерной культуры, где преобладают ценности равноправия и справедливости, несомненно, будет препятствовать узурпации власти в руках мужчин и способствовать приходу женщин в политику. Материальные ресурсы неравномерно распределены между обоими полами, что на сегодняшний день становится одной из причин гендерного неравенства, причем, не только экономического и политического. Те ресурсы, которыми владеют мужчины, намного превосходят женские, следовательно, необходимо стимулирование развития женщин в сфере бизнеса и экономики в целом. Это, постепенно, позволит уравнивать шансы женщин в политике, так как материальное состояние играет далеко не последнюю роль. Важным элементом должна стать солидарность, которая позволит наладить женщинам контакт друг с другом и обрести независимость от мужчин[5].

1. Чирикова А.Е., Кричевская О. Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ Я // Социологические исследования. 2000. №11.

2. Чирикова А.Е. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт – М.: Институт социологии РАН, 2009. и– 72 с.

3. Т.Б. Рябова. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России// *Личность. Культура. Общество. Т.V III . Вып. 4 (32). 2006. С. 307-320*

4. Л. Артемьева Женщины и политика. // Развитие личности . – 01/2004 . – N1 . – С.97-107.

5. Тишков В. А. Женщина в российской политике и структурах власти // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы Международной конференции. М., Наука, 1994.

1. Чирикова А.Е., Кричевская О. Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ Я // Социологические исследования. 2000. №11.
2. Чирикова А.Е. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт – М.: Институт социологии РАН, 2009
3. Т.Б. Рябова. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России// *Личность. Культура. Общество. Т.V III . Вып. 4 (32). 2006.*
4. Л. Артемьева Женщины и политика. // Развитие личности . – 01/2004 . – N1
5. Тишков В. А. Женщина в российской политике и структурах власти // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы Международной конференции. М., Наука, 1994.

МИГРАЦИЯ И ГЕНДЕР

Погосян А.А., Дерендяева А. Д. (Барнаул)

Тема миграции и гендера, ставшая в последние три десятилетия вполне традиционной для западных исследований, в российском контексте находится скорее на эмбриональной стадии развития [1, с. 8]. Между тем целый ряд европейских и североамериканских научных работ фиксирует конституирующую роль гендера в миграционном процессе, поскольку он пронизывает множество социальных практик, идентичностей и институтов, связанных с миграцией [2]. Соответственно игнорирование категории гендера упрощает картину социальной реальности, отображаемую исследователями миграции.

Анализ гендерных аспектов миграционных процессов, в частности, женской миграции - новая исследовательская область в России. В большинстве миграционных исследований проблемы гендера либо вообще не просматриваются, либо присутствуют фрагментарно как одно из направлений дифференциации данных. При этом содержательные вопросы остаются "за кадром".

Концептуальную основу исследования составляет тезис о том, что миграция представляет одну из форм социальной активности людей - мужчин и женщин. Предполагая усиленное интерактивное взаимодействие человека с государством и социальной сферой, миграция также является одной из форм социализации и адаптации населения в новых условиях. Чаще всего с переездами люди связывают надежды на изменение своего социального или семейного статуса, качественный скачок в материальном благосостоянии, профессиональной карьере. Другими словами, миграция является важным рычагом социальной мобильности.

Миграция, таким образом, это всегда проявление активной социальности субъектов данного процесса. Женщина в этом случае выступает как деятельный агент в той сфере, которая традиционно считалась мужской. Поэтому в процессе принятия решения о миграции (или при отказе от миграции) "оживают" многие гендерные стереотипы и конфликты, связанные как с положением женщины в семье, так и с ее ролью в обществе.

Гендерный подход к оценке правосознания женщин, должен, по моему мнению, в качестве результирующего рассматривать право женщины на построение собственной жизненной стратегии. Это право по разному осознается и реализуется разными женщинами, что проявляется, в частности, при построении миграционных стратегий.

Следуя канонам качественной методологии, мы не строили априори исследовательских гипотез сколько-нибудь конкретного уровня. Вместо этого конструировалась общая гипотетическая модель изучаемого феномена (Васильева, 1996) - осознания и реализации женщинами своего права на свободное передвижение. Основу этой конструкции составил тезис о том, что различные причины (традиционные гендерные стереотипы сознания и поведения, сохранение патерналистских отношений с государством, новые социальные противоречия) постоянно провоцируют и воспроизводят отчуждение женщин от самой идеи прав человека, в частности от права на свободное передвижение. С точки зрения последнего неразвитость правосознания скорее может проявляться в отказе от миграции и в невостребованности права на миграционную свободу, чем в конкретных нарушениях этого права в процессе миграции. Хотя последние, конечно, также заслуживают анализа.

Таким образом, отказ от миграции, как и вообще повышенная детерминированность жизни отношениями пространства (или специфическими свойствами локального социума), сужающие возможности жизненного выбора - это не менее тревожный симптом с точки зрения социального развития, чем сами нарушения прав человека в связи с миграцией. Для женщин ограниченные возможности

воспользоваться правом на свободное перемещение особенно характерны. Исходя из этого, важным казалось проанализировать взаимосвязи женщин с различными структурами локального пространства и социума, чтобы определить факторы, ограничивающие свободу личного выбора и приводящие к отчуждению миграции как модели поведения.

1. Космарская Н.П. *От составителя // Диаспоры. 2005. №1*
2. *Gender and U.S. Immigration: Contemporary Trends. University of California Press, Berkeley and Los Angeles ; London, 2003*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА РЫНКА ТРУДА В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Полтавская М.Б. (Волгоград)

Целью данного исследования является изучение гендерных особенностей рынка труда Волгоградской области, что позволяет показать трудовые отношения в гендерном измерении, охарактеризовать региональный рынок труда через сравнительный анализ положения мужчин и женщин. В настоящее время в Волгоградской области проживает более 2,5 млн. человек, из них 1380,4 тыс. человек составляют женщины (53,7 % от общей численности населения региона) [1].

К экономически активному населению относят людей в экономически активном возрасте от 15 до 72 лет. Численность экономически активного населения Волгоградской области в июне 2015 г. – августе 2015 г. составила, по итогам обследования населения по проблемам занятости, 1290,4 тыс. человек, в их числе 1206,6 тыс. человек, или 93,5% экономически активного населения были заняты в экономике и 83,8 тыс. человек (6,5%) не имели занятия, но активно его искали [2, С. 29].

Что касается численности женщин и мужчин по основным возрастным группам в 2014 г., то соотношение мужчин и женщин моложе трудоспособного возраста и в трудоспособном возрасте не сильно различается: женщин трудоспособного возраста 203 тыс. чел, мужчин - 216 тыс. чел., в трудоспособном возрасте женщин 717 тыс. чел., а мужчин 779 тыс.чел. А вот количество женщин старше трудоспособного возраста в Волгоградской области больше чем в два раза: 460 тыс. чел. женщин и 194 тыс.чел. мужчин [3].

Средняя заработная плата в 2013 г. у женщин Волгоградской области составляла 17456 руб., у мужчин 23540 руб., при этом отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составило 74 %, в то время как удельный вес женщин в общей численности работников 56 % [4]. Эти данные подтверждают факт того, что в среднем в России заработная плата женщин почти на треть ниже, чем у мужчин [5]. Женщины составляют основную часть работников, получающих минимальную заработную плату.

Что касается государственных должностей, то в целом соотношение женщин и мужчин, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы в федеральных государственных органах Волгоградской области в 2013 г. составила 69 % женщин, 31 % мужчин. Соотношение численности женщин и мужчин, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы в федеральных органах судебной власти и прокуратуры примерно такое же: женщин 58 %, мужчин 42 %, в органах исполнительной власти - 72 % женщин и 28 % мужчин. Еще больше женщин на муниципальных должностях - 75 % женщин и 25 % мужчин, что еще раз подтверждает факт профессиональной гендерной сегрегации [6].

Чем выше по уровню иерархии и объему властных полномочий расположена должность, тем меньше там женщин. Так, состав депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти на 1 января 2014 г. Волгоградской области представлен шестью женщинами и тридцать одним мужчиной, что составляет 16 % и 84 % соответственно.

В федеральных органах государственного управления женщины занимают должности, не требующие принятия решений, и сосредоточены в старших и младших группах государственной службы. Из общей численности женщин-госслужащих на высших должностях занято лишь 1,3 %. В соответствии с Реестром государственных должностей федеральных служащих (Указ Президента РФ от 11 января 1995 года № 33), женщины занимают 6 % «высших», 15 % «главных» и 32 % «ведущих» должностей (т.е. руководителей всех уровней) [7, С.84].

Гендерные стереотипы поддерживают существующие в трудовой деятельности модели отношений, что находит проявление в таком феномене, как гендерная сегрегация, который проявляется в асимметричном распределении мужчин и женщин на должностном, отраслевом и профессиональном уровнях.

Эти данные подтверждают исследования В. Радаева, П. Романова, И. Тартаковской и др. о том, что наиболее высоким статусом в организациях обладают преимущественно мужчины. Женщины же достигают высокого положения в трудовых отношениях, как правило, в качестве исполнителей и специалистов узкого профиля. Следует отметить, что эта тенденция не является специфичной только для России и ее регионов, а носит международный масштаб.

На рынке труда существует такие виды деятельности, трактуемые как «женские» и, в основном, малооплачиваемые, которые не рассматриваются мужчинами как возможные сферы применения своих сил и знаний. Например, сфера образования, система воспитания подрастающего поколения, где спрос на профессии со стороны мужчин минимален.

Наиболее «женскими» отраслями традиционно являются образование, здравоохранение, социальное обеспечение, финансы и кредит, страхование и пенсионное обеспечение, торговля, общественное питание. Как правило, гораздо меньше женщин занято в строительстве и на транспорте.

Общая численность безработных по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости за 2014 г. составила 87 тыс. человек, из них 49 тыс. мужчин и 38 тыс. женщин (что составляет 3,7 % для мужчин и 2,9 % для женщин от экономически активного населения области) [8, С. 55]. Характерной чертой безработицы как в России в целом, так и в Волгоградской области, является доминирование женщин среди безработных, официально зарегистрированных в органах службы занятости. Численность безработных, зарегистрированных в службе занятости Волгоградской области в 2013 г., составила 14,7 тыс. чел, из них безработных женщин 7,9 тыс. чел., мужчин - 6,8 тыс. чел. Женщин-безработных, получающих пособие по безработице, 7,0 тыс. чел., мужчин-безработных - 5,9 тыс. чел. [9].

Таким образом, гендерные характеристики рынка труда Волгоградской области представлены нами факторами экономической активности мужчин и женщин. На основании анализа статистических данных можно заключить, что положение мужчин и женщин на рынке труда в Волгоградской области различается по уровню доступности рабочих мест и возможности карьерного роста, оплате труда. Приведенные данные подтверждают сохраняющуюся тенденцию профессиональной гендерной сегрегации.

1. *Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. - 652 с.*
2. *Социально-экономическое положение Волгоградской области в январе-августе 2015 года : доклад / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. – Волгоград : Волгоградстат, 2015. – 40 с.*

3. *Женщины и мужчины России. 2014. Стат. сб. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ, 2014. М., Росстат, 2014. 217 с. [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_11388879*
4. *Там же.*
5. *Гендерное равенство в России: Доклад Министерства труда и социального развития РФ. М., 2001.*
6. *Женщины и мужчины России. 2014. Стат. сб. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ, 2014. М., Росстат, 2014. 217 с. [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_11388879*
7. *Гендерное равенство в России: Доклад Министерства труда и социального развития РФ. М., 2001.*
8. *Волгоградская область в цифрах. 2014 : краткий сб. / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. – Волгоград : Волгоградстат, 2015. – 376 с.*
9. *Женщины и мужчины России. 2014. Стат. сб. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ, 2014. М., Росстат, 2014. 217 с. [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_11388879*

ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

Провоторова Е.С. (Санкт-Петербург)

Гендерные отношения в современных социальных исследованиях рассматриваются в контексте проблемы изменения и смены традиционных типов и форм доминирования в системе общественного устройства. Широкое распространение социальных инноваций в самых разных сферах жизни значительно активизируют и одновременно усложняют этот процесс. Под социальными инновациями понимаются новые общественные идеи, тенденции, стратегии, концепции, и, наконец, конкретные проектные разработки, способные значительно изменить жизнь отдельной личности, малой или большой социальной группы, а иногда и общества в целом. По определению И.С. Клециной гендерные отношения представляют собой различные формы взаимосвязей людей, как представителей определенного пола, возникающие в процессе их совместной жизнедеятельности в различных сферах [1]. Можно предположить, что социальные инновации оказывают влияние, прежде всего, на гендерные отношения в сфере труда и профессиональной самореализации.

Традиционная гендерная сегрегация в профессиональной сфере и на рынке труда является следствием господствовавшей гендерной идеологии, которая была сходна во многих культурах и выражалась в представлениях о профессиональных качествах, желательных для мужчин и женщин соответственно. Уже в первобытном обществе начало формироваться разделение труда по половому признаку. Многие занятия и обязанности у мужчин и женщин были одинаковыми. Однако особенности репродуктивной функции женщин, а также зависимость выживания младенцев от непосредственной, постоянной связи с матерью определяли их исключенность из наиболее опасных видов деятельности (охота, военные действия), приносивших мужчинам власть и престиж. Постепенно в истории сформировались представления о престижности того или иного труда и отдельных занятий, и в дальнейшем это привело к половой дискриминации: занятия, приносящие доход и повышающие социальный статус стали считаться исключительно мужскими, а за женщинами была закреплена повседневная домашняя работа и обслуживающий наемный труд [3].

Женщины долго оставались «на втором плане» социальной жизни. Однако с начала прошлого века и по настоящее время можно наблюдать противоположную тенденцию.

Женщины в своей трудовой деятельности постепенно приближаются к мужчинам по основным характеристикам, таким как уровень образования и профессиональной компетентности, возможности карьерного роста, а также уровень оплаты труда. Они осваивают профессии, традиционно считающиеся мужскими, занимают руководящие посты, управляют большими коллективами. Естественно, эти процессы сказываются на особенностях гендерных отношений в сфере труда.

Одной из социальных инноваций в трудовой сфере является политика равных возможностей для мужчин и женщин. Наибольшей результативности данная инновационная модель достигает в области управленческой деятельности. Т.В. Бендас подчеркивает, что во множестве компаний по всему миру проводится политика равных возможностей для мужчин и женщин, занимающих должности менеджеров. При этом женщин, обладающих высоким уровнем знаний и умений, а также талантом руководителя зачастую, приходится обучать по специальным программам, позволяющим успешно преодолевать собственные полоролевые стереотипы, деструктивные гендерные установки и поведенческие особенности, мешающие эффективному выполнению профессиональных обязанностей [3].

Под влиянием политики равных возможностей такие явления как сегрегация, доминирование и дискриминация постепенно уступают место более сбалансированной и прагматичной модели гендерного разделения труда на основе учета индивидуальных способностей, личностных качеств и профессионального потенциала сотрудников.

1. Автореферат: Клёцина И. С. «Психология гендерных отношений: концептуализация и эмпирическая иллюстрация макроуровня».
2. Интернет ресурс: «Центр межрегионального инновационного развития». [<http://inno-mir.ru/2014-03-03-07-55-56>].
3. Учебное пособие: «Гендерная психология» Бендас Т.С. 2006г.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТИТУЦИИ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИЙ ДЕВИАНТНОЙ КАРЬЕРЫ

Русакова М.М., Одиноква В.А. , Ерицын К.Ю., Колпакова О.И. (Санкт-Петербург)

Проституция выступала предметом множества теоретических и эмпирических исследований в рамках социологии девиантности и социального контроля, гендерной социологии, постмодернистских концепций и общественного здравоохранения. Вместе с тем, социологические теории проституции противоречивы и по-прежнему содержат элементы предвзятости и стигматизации в отношении женщин, занимающихся проституцией. В прикладном аспекте, ни одна теоретическая концепция проституции, будучи реализована на практике в системе мер социального контроля проституции, не была эффективна [1].

Эмпирические исследования проституции многочисленны, однако они не всегда опираются на теоретическую основу, позволяющую предсказывать вовлечение в проституцию или исход проституции для женщины. Наибольшее понимание в исследованиях получили такие факторы как опыт насилия и наркотизации в анамнезе женщин, занимающихся проституцией, уровень контроля и условия предоставления сексуальных услуг (на улице и вне улицы) и их влияние на риски, связанные с занятием проституцией, такие как ВИЧ/ИППП и насилие [1].

Увлечение исследователей концепциями феминизма и общественного здравоохранения приводят к сужению изучаемых аспектов и сокращению теоретических моделей и гипотез, проверяемых в ходе большинства современных исследований проституции. Социологи оставляют без внимания проституцию как карьеру, или часть

жизненного цикла, включая обстоятельства жизни проституток до начала занятия проституцией, во время, и после оставления проституции.

Цель данной статьи - обзор современных теоретических моделей девиантной карьеры, которые могут быть использованы для изучения пути женщины в проституции. В основе этих моделей лежит идея о том, что девиантное поведение – это результат развития, а не просто манифестация каких-либо определяющих условий или predispositions. Ключевым положением этих теорий является утверждение, что девиантное поведение формируется и поддерживается в процессе (девиантной) социализации. Карьерная перспектива привлекает внимание к опыту и факторам внешней среды, которые направляют индивида по девиантной (или нет) траектории. Например, согласно модели социального развития Р. Каталано и Дж. Хокинса [2] просоциальное и антисоциальное (проблемное) поведение имеют параллельные каузальные пути, таким образом, теория предлагает рассматривать два параллельных социализационных процесса - просоциальный и проблемный (девиантный). Ключевым понятием теории неформального социального контроля Сэмпсона и Лауба [3] является «накопленная неудача» - процесс, в котором негативные последствия проблемного поведения ограничивает будущие возможности для конвенционального развития и способствуют стабилизации девиантного поведения с течением времени.

В целом, карьерная перспектива является основной альтернативой второй наиболее влиятельной современной парадигме девиантного поведения – парадигме предрасположенности. Эта парадигма постулирует, что весь спектр изменчивости степеней девиантного поведения (от его отсутствия и до тяжелых девиаций) объясним с привлечением ограниченного числа причинных факторов [4].

Н. Дейвис фокусирует свою трех-стадийную модель на процессах вовлечения женщины в проституцию. Согласно этой модели, вовлечение в проституцию включает увеличение числа сексуальных контактов, «этикетирование» (стигматизацию) и принятие и идентификацию себя в роли проститутки [5].

В своей «теории стадий вовлеченности в уличную проституцию» С.Вильямсон предлагает наиболее подробное исследование процессов, которые характерны для этапов вовлеченности женщины в индустрию. Вильямсон утверждает: «уличная проституция не является случайным, беспорядочным явлением, напротив, лежащий в ее основе социальный процесс может быть описан как состоящий из нескольких этапов» [6]. Она выделяет пять последовательных стадий: вовлечение, социальная адаптация, социальная иммерсия, «западня», анализ ситуации, выход из ремесла.

Бытие в мире проституции детально анализирует голландский исследователь И. Ванвезенбек [7]. Автор выделила пять критических факторов, от которых зависит, насколько благополучны занимающиеся проституцией женщины. Это переживания детского возраста, материальное положение, условия занятия проституцией, индивидуальные стратегии выживания и взаимоотношения с мужчинами/клиентами. Ванвезенбек использует термин «эффект св. Матфея» (выражение, заимствованное из работ Роберта К.Мертона), которым она обозначает кумулятивный эффект успешного, или, наоборот, неудачного взаимодействия индивидуума и его окружения.

Процессы выхода женщин из мира проституции могут быть объяснены с привлечением нескольких теорий. Американский социолог Хелен Р. Фукс Эбо [8] сделала попытку выдвинуть общую теорию поведения при смене образа жизни и социальной роли. Исследовательница подразделяет процесс выхода из социальной роли на четыре последовательных этапа: первые сомнения; поиск альтернатив; поворотная точка; формирование новой роли. Определённые аспекты прежней роли могут оставаться с человеком даже после того, как она вышла из этой роли («похмелье идентичности» или «ролевые остатки», в терминологии Фукс Эбо).

С.А. Мэнссон и У.С. Хедин [9] на результатах эмпирического исследования показывают, что существует несколько путей выхода из данного бизнеса: от разрывов с

прошлым, которые происходят достаточно быстро и осуществляются, прежде всего, женщинами, мало интегрированными в данную социальную среду, до случаев, когда женщины, много лет проводившие в состоянии сексуальной эксплуатации, достигли некоего экзистенциального предела, за которым жизнь уже становится невыносимой.

Интегрированная модель «выхода» из проституции Л.Бейкер, Р.Далла и С. Виллиамсон включает в себя структурную модель факторов выхода их проституции, структурные факторы, факторы социальных связей и индивидуальные факторы, социетальные факторы, действующие на стадиях «погружения», «размышлений», «планирования» и собственно «выхода» их проституции [10].

Проведенные нами в российском контексте эмпирические исследования женщин, занимающихся проституцией, показывают высокую валидность «карьерных» моделей, а также актуальность дальнейших эмпирических исследований, основанных на этом подходе [11, 12, 13].

В заключении можно сказать, что современные теории развития (карьерные) оперируют широким перечнем теоретических перспектив из целого ассортимента дисциплин, включая в себя социальное научение, дифференциальную ассоциацию, социальные контроль, теории напряжения, теории стигматизации, также психологию развития и психиатрию. Стратегии помощи должны основываться на понимании характерных особенностей и проблем каждого из этапов бытия женщины в мире проституции.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00356 «Разработка теоретической модели девиантной карьеры в проституции и ее эмпирическая проверка».

1. Русакова М.М. Трансформация понятия «проституция» в общественных науках в контексте социального контроля: история и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2010. – №. 2. – С. 40-48.
2. Catalano, R. F., Hawkins J. D. *The social development model: A theory of antisocial behavior* // Hawkins J. D., *Delinquency and Crime: Current Theories*. . - New York: Cambridge Univ. Press, 1996. - С. 149-197.
3. Sampson R. J., Laub J. H. *A life-course theory of cumulative disadvantage and the stability of delinquency* // *Developmental theories of crime and delinquency*. – 1997. – Т. 7. – С. 133-161.
4. DeLisi, M. *Career Criminals in Society*. - Thousand Oaks: Sage, 2005.
5. Davis N. J. *Prostitution: Identity, career, and legal-economic enterprise* // Henslin, J. and Sagarin, E. *The Sociology of Sex*, New York, Schocken Books. – 1978. – С. 195-222.
6. Williamson C. *Entrance, maintenance, and exit: The socio-economic influences and cumulative burdens of female street prostitution*. *Dissertation Abstracts International*, 2000. - P. 59.
7. Vanwesenbeeck, I. *Prostitutes' Well-Being and Risk*. Amsterdam, VU University Press, 1994.
8. Fuchs Ebaugh, H. R. *Becoming an Ex. The Process of Role Exit*. Chicago, The University of Chicago Press, 1988.
9. Månsson S. A., Hedin U. C. *Breaking the Matthew effect—on women leaving prostitution* // *International Journal of Social Welfare*. – 1999. – Т. 8. – №. 1. – С. 67-77.
10. Baker L. M., Dalla R. L., Williamson C. *Exiting prostitution: An integrated model* // *Violence against women*. – 2010. – Т. 16. – №. 5. – С. 579-600.
11. Русакова М.М. Статистическая типология женской проституции // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2012. № 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/eru/issues/2012/9/rusakova.pdf>.
12. Русакова М.М. Влияние перенесенного в детстве сексуального насилия на вовлечение женщины в проституцию: российский контекст // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2012. № 9 (13). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2>
13. Русакова М.М. «Выход» из проституции: изменение индивидуальной реальности // *Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]*. 2012. № 12. Режим доступа: <http://teoria-practica.ru/-12-2012/sociology/rusakova.pdf>

НОВЫЕ ФОРМЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ СОЮЗОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Самойлов М.Г. (Рыбинск)

Происходящие в российском обществе трансформационные процессы затрагивают все социальные институты. Институт брака и семьи также претерпел изменения. Те, формы семьи, которые раньше социологи называли нетрадиционным, в настоящее время считаются новыми и вполне приемлемыми формами существования семьи. Так патриархальная семья долгое время считалась единственной приемлемой формой брака, а сам брак рассматривался как легализованное разрешение на половую связь, выдаваемое церковью. Основной целью брака считалось воспроизводство потомства. С течением времени отношение к браку изменилось и стало более либеральным. На смену единственной приемлемой форме брака (союз мужчины и женщины, официально зарегистрированный в органах ЗАГС, совместное проживание и наличия детей) пришло многообразие вариантов союза мужчины и женщины.

В современном обществе выделились такие формы брака, как фактический, гостевой, пробный, однополый, свингерство. В России, как и в европейских странах, возрастает число пар, практикующих сожительство, и уменьшается число пар, вступающих в брак. Российской действительностью становится утверждения фактического брака, который также называют гражданским. Такой брак не вызывает в современном обществе никакого осуждения [2, с.113]. Другой формой брака, характерной для современной российской действительности является гостевой брак. Такой брак представляет собой союз мужчины и женщины без совместного проживания; мужчина периодически, чаще по выходным, навещает женщину, у них быть общие дети.

В 2014-2015 учебном году мы опрашивали 17-22 летних не состоящих в браке обучающихся общеобразовательных организаций г. Ярославля и г. Рыбинска. Цель опроса – выяснить отношение молодежи к современным формам брака.

По данным нашего исследования молодежь (69% опрошенный) наиболее приемлемым возрастом вступления в брак считает возраст – 25 лет у юношей и 22 года – у девушек. При этом 67 % юношей и 53 % девушек положительно относятся к сожительству без оформления брачных отношения. Оптимальным временным промежутком между знакомством (сюда входит и период ухаживания, и период совместного проживания) и вступлением в брак большинство респондентов (52% юношей и 64% девушек) считает 1,5-2 года. В качестве основных брачных страхов респонденты указали изменение поведения партнера после заключения брака, измена, возвращение к прежнему партнеру, физическое насилие со стороны мужа, 5% респондентов женского пола указали, что бояться быть изнасилованными супругом. Страх изнасилования в браке объясняется стереотипным представлением в обществе, что в супружестве по определению не может быть сексуального насилия. По данным исследования И.Д. Горшковой и И.И. Шурыгиной 71% женщин и 72% мужчин не считают необходимым, чтобы в сексе учитывались сексуальные желания жены, что жена имеет право от занятия сексом, если не расположена к нему [1, с.85].

67% девушек хотели бы заключить союз с мужчиной на долгий срок и высказывают надежду, что брак будет единственным. Среди юношей так ответил 31% опрошенных. 27% респонденты мужского пола отметили, что их пугает старение жены и в будущем они хотели бы найти женщину моложе своей жены, 15% намереваются довольствоваться кратковременными связями, 3% опрошенных хотели бы прожить всю жизнь в одиночестве.

В качестве мотивов вступления в брак 27% юношей и 39% девушек назвали любовь. Для 25% юношей и 17% девушек побудительным мотивом вступления в брак общие интересы, ценности. В супруги они выберут человека, с которым смогут заниматься общим делом либо хобби. 11% девушек хотели бы встретить состоявшегося мужчину, который сможет материально содержать семью.

Таким образом, изменение отношения современной молодежи к браку трансформирует и его формы. Независимая и амбициозная молодежь XXI века позже вступает в браке, не стремится к его сохранению, а в брачном союзе ищет стратегическую выгоду. Современные формы брака угрожают демографической ситуации, но в то же время не являются факторами, говорящими в пользу отмирания института брака. Основные функции семьи (функция деторождения, воспитательная, коммуникативная, сексуальная, функция первичного социального контроля) могут быть реализованы и при отсутствии зарегистрированного брака. Следовательно, общественности в лице социологов, демографов, психологов педагогов акцент следует сместить с развития и поддержания супружества (института брака) на развитие и поддержание ответственного родительства (института отцовства и материнства).

1. Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. *Насилие над женщинами в современных российских семьях.* – М.: МАКС Пресс, 2003-136 с.
2. Хачатрян Л.А. *Тенденции изменения современной российской семьи.* // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология . 2014 Вып. 4(20). С. 111-120

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Светлакова В.П. (Омск)

В начале - 20 века европейские мужчины самоуверенно и жестко обозначили женщинам рамки их жизни и судьбы, сочинив для них формулу «Три «К»: «Kirche, Kuche, Kinder» - церковь, кухня, дети. Прошел век и такой равнодушный подход к женской личности обернулся небывалым размахом эмансипации. Возникшие женские движения в Европе и Америке позволили слабому полу отстаивать свои человеческие права, закрепив их в законодательных актах. Эволюция общественных норм и представлений об отношениях между полами и назначении женщины во второй половине 20 века нашло свое отражение в принятых международно - правовых документах. Среди международных стандартов универсального характера главное место занимает Всеобщая декларация прав человека, в которой (ст. 21) закреплено право каждого гражданина принимать участие в управлении своей страной непосредственно или посредством через свободно избранных представителей. Это Конвенция ООН о политических правах женщин, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1952 года, вступившая в силу 7 июля 1954 года. Она продекларировала право женщин голосовать на всех выборах, быть избранными во все установленные национальным законом учреждения, требующие публичных выборов, право женщин занимать должности на общественно государственной службе на равных с мужчинами условиях, без какой - либо дискриминации. Гражданские и политические права, изложенные во Всеобщей декларации, были уточнены и конкретизированы в Международном аспекте о гражданских и политических правах, принятых XXI сессией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года, которая вступила в силу в 1976 году. Этот документ обязывал участвующие в нем государства обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими и политическими правами. В 1979 году была принята Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении

женщин, где женщина признается таким же полноценным субъектом истории, как и мужчина. На Пекинской Всемирной конференции 1995 года были приняты основополагающие документы - Пекинская декларация и Платформа действий, которые определили 12 основных проблемных областей, в том числе неравенство между мужчинами и женщинами в области разделения власти и принятия директивных решений на всех уровнях. В Платформе действий конференции отмечалось, что многие политические партии и государственные структуры по-прежнему препятствуют участию женщин в общественно-политической жизни и в некоторых странах наблюдается существенное сокращение числа женщин, представленных в законодательных органах.

С приходом 21 века произошел прорыв женщин на высшую ступень политической власти, одна дама за другой стали выигрывать выборы, причем, на всех континентах. В Финляндии 1 марта 2000 года президентом стала Тарья Халонен, пробывшая на этом посту два срока. В 2005 году "женское лицо" обрела немецкая политика - федеральным канцлером Германии стала лидер христианских демократов Ангела Меркель, которая в октябре 2009 года была переизбрана канцлером ФРГ на второй срок и на протяжении последних лет признана самой влиятельной женщиной в мире. В Швейцарии с 2007 года поочередно президентом страны становились Мишлин Кальми-рей; Дорис Лойтхард, Эвелин Видмер-Шлумпф, Симонетта Соммаруга. В Литве в 2009 году президентом становится Даля Грибаускайте, в 2010 году премьер-министром Словакии избрана Ивета Радичова, а в 2011 году в Косово на президентских выборах победила женщина-полицейский Атифете Яхьягу. Премьер-министром Дании с 2011 по 2015 год была лидер Социал-демократической партии с 2005 по 2015 год Хелле Торнинг-Шмидт. В Дании 16 октября 2013 года премьер-министром избирается лидер Консервативной партии Эрна Сулберг. В 2015 году президентом Хорватии впервые в истории стала 46-летняя Колинда Грабар-Китарович, экс-заместитель генсека НАТО по вопросам публичной дипломатии.

В начале 21 века произошли перемены и в Южном полушарии нашей планеты. Мишель Бачелет в марте 2006 года стала президентом Чили и переизбралась во второй раз в марте 2014 года. В Аргентина Кристина Элизабет Фернандес де Киршнер в 2007 году сменила на посту президента своего супруга, а в 2011 году 23 октября была вновь переизбрана главой страны. В 2011 году президентом Бразилии стала Дилма Русеф - бразильянка с болгарскими корнями. Африке в 2005 году в ноябре одержала победу во втором туре президентских выборов Эллен Джонсон-Селиф в Либерии, а на выборах 2011 года она была переизбрана, получив более 90 % голосов. Впервые в южнокорейской истории президентом становится женщина - Пак Кын Хе, которая 19 декабря 2012 года выиграла президентские выборы, и, по мнению многих аналитиков именно принадлежность к слабому полу стала сильной стороной Пак Кын Хе. Еще один фактор - она дочь бывшего лидера республики Пак Чжон Хи, генерала-реформатора, который уже правил страной в условиях диктатуры. И на посту президента Пак Кын Хе обещала сочетать "твердость и самоотверженность" отца с "материнской заботой".

Создатель концепции стабильности женского и подвижности мужского пола на разных уровнях организации живого В.А. Геодакян сделал вывод о том, что матриархат не только существовал в прошлом, но и снова наступит в будущем. Сегодня, когда над миром нависла угроза ядерной войны, бессмысленно, говоря о будущем, приписывать мужчине достоинства традиционного воина. Призрак атомной бомбы заставляет не думать о различиях между полами: ведь «нажать кнопку» сможет и женщина. Похоже, что женщины усвоили чисто мужские качества, сохранив при этом традиционно женские черты.

Считается, что 30 % - ное представительство женщин в политических институтах составляет ту «критическую массу», которая позволяет им оказывать существенное влияние на политику. Пока в мире стран, преодолевших такой рубеж мало. Приведем пример некоторых стран, где доля женщин в политике на март 2000 года составляла более

или приближена к 30 %: Швеция - 55 %, Дания – 45 %, Норвегия – 42,1 %; Финляндия - 44, 4 %; Германия - 35,7 %; Исландия – 33,3 %; Швейцария – 28,6 % [1, с.22]. Такая же картина наблюдается и с министерскими постами, занятыми женщинами. По этому показателю вышеперечисленные страны также лидируют. В Швеции 1 января 2007 года было создано министерство интеграции и гендерного равенства, которое занимается вопросами по делам потребителей, демократии, гендерного равенства, прав человека, вопросами интеграции, проблемами меньшинств, неправительственных организаций и молодежной политики.

Приход женщин в политику является исключительно заслугой этих женщин. Они, как правило, проходят сложный путь борьбы за политическое выживание. Но в этих странах дружелюбная для женщин-лидеров атмосфера выстраивалась много десятилетий. Это не значит, что эти страны стали феминистскими, но там есть социальная атмосфера, которая помогает женщинам выигрывать выборы и проявлять себя в прежде нетрадиционной роли политика. Этот особый климат в обществе не дает женщинам выглядеть смешно, нелепо или попасть в аутсайдеры. Деятельность идеологов женского движения и интеллектуалов, которые поддерживают идеи гендерного равноправия в своих странах, сыграла большую роль в том, чтобы букет ярких женщин появился на самых высоких постах. При этом население западных стран воспринимает приход в политику представительниц слабого пола весьма доброжелательно. Поэтому многочисленное появление женщин на политической сцене Запада не является искусственным процессом.

В 2015 году самой счастливой страной является Швейцария. К такому выводу пришли аналитики международного проекта «Сеть решений устойчивого развития». В Швейцарии с 2007 года поочередно президентом страны становились женщины. Исследование проводилось действующим при Колумбийском университете исследовательским центром «Институт земли» под эгидой ООН с целью показать достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. «Индекс счастья» в Швейцарии составил 7.587 баллов, там живут самые довольные жизнью люди, средняя продолжительность их жизни 82,6 лет – одна из самых высоких на планете. В десятку ведущих стран мира по уровню счастья вошли: Исландия, Дания, Норвегия, Канада, Финляндия, Нидерланды, Швеция, Новая Зеландия и Австралия. Россия находится немного выше середины рейтинга, занимая 64 место [2]. В большинстве стран возглавляющих рейтинг женщины были избраны президентом страны или возглавляли правительство. Исландия - Вигдис Финбогадоттир – первая женщина в мире, избранная по пост конституционного главы государства, избиралась президентом страны 4 срока подряд с 1980 по 1996 год; Йоханна Сигурдардоттир – президент с февраля 2009 по 10 мая 2013 года. Дания - Хелле Торнинг-Шмидт – премьер-министр с 2011-2015 год. Норвегия – Гру Харлем Брунтланн – премьер-министр в трех срока в промежутке 1981-1996 годах, Эрна Солберг – премьер-министр с 16 октября 2013 года. Финляндия - Тарья Халонен – президент страны с 1 марта 2000 по 1 марта 2012 год. Нидерланды – королева Беатрикс занимала престол с 1980 по 2013 год. Австралия – Джулия Гиллард - премьер-министр с 2010 по 2013 год; Квентин Брайс – генерал-губернатор страны с 2008 по 2014 год; Джули Бишоп – министр иностранных дел с 2013 года. Новая Зеландия – Хелен Элизабет Кларк – премьер-министр с 5 декабря 1999 по 18 декабря 2008 года.

Возможно, с появлением большого числа женщин в политике власть станет более сбалансированной и цельной, а такие «женские» качества, как справедливость и доброжелательность будут этому способствовать. Женщины в политике исходят из глубинного понимания повседневной жизни, домашних обязанностей и той центральной позиции, которую занимают в их сознании дети, семья и проблемы окружающих их людей. Приходя во власть, женщины, прежде всего, придают значение вопросам качества жизни, социальной политике во всех ее аспектах. Гендерные исследования подтверждают, что женщины больше, чем мужчины, сосредоточены на проблемах населения и на

решениях социальных задач, больше ориентированы на выстраивание отношений, на кооперативность, а не действовать грубой силой.

3. *WE/МЫ. Диалог женщин. Международный женский журнал, 2001, № 14 (30)*

4. URL:<http://gtmarket.ru/news/2015/04/24/7130>

СЕМЬЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Семерикова М.Г. (Минск, Республика Беларусь)

Помимо того, что семья транслирует влияние общества на членов семьи, она сама является средой, помогающей ее членам самореализоваться. Эта реализация может носить разнонаправленный характер, но для общества особую значимость несет в себе такой вид активности, который носит название общественно значимой деятельности.

Среди различных видов социальной активности одно из центральных мест занимает профессиональная деятельность. В этой связи интересным представляется выявление специфики взаимосвязи между такими характеристиками как семейное положение и профессиональная самореализация.

В обыденном мнении достаточно распространенным является мнение о том, какие сложности испытывает женщина, совмещающая выполнение семейных и профессиональных обязанностей. Вместе с тем, практически отсутствуют глубокие исследования этой проблемы так же, как и изучение влияния семейного статуса мужчины на его профессиональные роли [1].

Если предположить, что все молодые люди, получающие высшее образование в вузах, ориентированы на профессиональное становление, на профессиональный успех и карьерный рост, то можно сделать вывод, что нынешнее поколение молодежи в большей степени настроено эгалитарно в отношении «встраивания» семейных обязанностей в свою жизнедеятельность.

Эта позиция несколько расходится с той, которая бытовала в конце XX века, с трудом расстававшегося с патриархальными традициями. Высказанное мнение является частным, но вместе с тем заслуживает особого внимания. Так, еще в 1969 г. первая женщина-космонавт Е.В. Николаева-Терешкова в своей работе «Женщина и труд» отмечала, что женщины должны разделить свою жизнь на три фазы: собственное образование, воспитание детей и профессиональную деятельность.

В первой фазе девушка получает образование и профессию. Вторая фаза начинается с выхода замуж и кончается тогда, когда подрастут дети. В возрасте 35–40 лет наступает третья фаза, в это время женщина включается в общественный труд вне дома [2].

Применительно к современному этапу развития общества с его социально-политическими, экономическими и социокультурными параметрами такое фазовое деление не совсем актуально и требует корректировки.

Взаимодействие таких социальных факторов как семья и профессиональная деятельность – представляет собой особый интерес, в связи с возрастающим значением профессии в жизни женщины и изменением гендерных отношений в семье, а также наличием в культуре современных обществ двух противоположных жизненных стратегий, преимущественно «мужской», связанной с реализацией в профессии и публичной сфере, и преимущественно «женской», ориентированной на семью и частную жизнь.

Представляется возможным, выдвинуть предположение о том, что более успешными в профессиональной сфере, равно как во всех других, являются женатые

мужчины, у которых есть семьи, нежели холостые или разведенные, а с учетом фазового разделения социально активного возрастного периода, можно сделать вывод о том, что, чем раньше мужчина создает семью, тем более продолжительной является третья фаза и тем более благоприятными становятся условия для реализации мужчины как профессионала, его карьерного роста и общественного признания.

Приведенные статистические показатели (таблица 1) обращают внимание на то, что равно как и женщины, так и мужчины оценивают активность мужчины в семейной сфере не достаточно высоко, что является естественным положением, так как в обществе существует сложившаяся столетиями ориентация на первостепенность для мужчины профессиональной самореализации, а потом семейной [3].

Таблица 1 – Занятость мужчины и женщины в семейной сфере (%)

Семейные обязанности	По мнению женщин			По мнению мужчин		
	на мужа	на жену	на обоих	на мужа	на жену	на обоих
Финансовое обеспечение семьи	61,5	3,3	5,2	66,9	0,4	32,4
Обслуживание семьи (приготовление еды, уборка, стирка и т.д.)	2,1	85,2	1,9	0,7	80,9	18,0
Уход за детьми и их воспитание	1,0	56,8	0,8	1,1	48,2	52,8

Сохраняется тенденция к количественному превосходству женщин над мужчинами по уровню образования, сложившаяся еще в советский период (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение численности работников по уровню образования, (в %)

Уровень образования	Мужчины			Женщины		
	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
Высшее	20,1	21,5	23,0	25,3	28,9	31,1
Среднее специальное	16,7	17,3	17,4	28,2	27,3	26,8
Профессионально-техническое	22,2	24,8	24,9	15,9	17,0	16,9

И хотя образование не коррелируется непосредственным образом с должностным статусом, успешностью профессионального становления, этот фактор является достаточно значимым на первой фазе жизненного цикла как женщин, так и мужчин. На фоне этого формируется так называемая жизненная стратегия «успешной женщины» и «успешного мужчины», для которых на первый план выходят цели профессиональной самореализации и общественного признания наряду с ценностями семейного благополучия.

В ходе исследования экспертам (в качестве экспертов в исследовании выступили специалисты в области государственного управления социальной сферой; критерием отбора являлся индекс уровня компетентности на основе самооценки в исследуемом вопросе; всего – 110 человек) было предложено определить основные параметры указанных стратегий. Вопрос носил открытый характер, поэтому ответы анализировались

на основе их группировки (современная модель стратегии «успешной женщины» и «успешного мужчины») [4].

1. Стратегия «успешного мужчины»:

Мужчина (молодой человек) с четко расставленными приоритетами в жизни, целеустремленный, работоспособный, имеющий достойную работу, позволяющую не только удовлетворять существующие материальные потребности (формирует финансовую независимость), но также дает возможность для карьерного роста, профессиональной самореализации. Это человек, занимающий весомое положение в социальной структуре общества и имеет положительный имидж. Основной опорой и поддержкой в это роли выступает семья (возможно семья с детьми), как надежный тыл. Таким образом, мужчина социально активен, направлен вовне, семья выступает в качестве средства достижения намеченных целей, как один из атрибутов положительного имиджа в условиях современного общества.

2. Стратегия «успешной женщины»:

Для женщины семья выступает основной сферой самореализации. Это женщина (девушка) с высоким уровнем образования, высоким уровнем интеллекта, занимающая достойное место в сфере общественно значимого (полезного) труда, ориентированная, прежде всего, на самореализацию в семье, все усилия направлены на создание оптимальных условий для счастливой семейной жизни для всех ее участников. Вместе с тем, желателен баланс между социальными ролями жены, мамы, домохозяйки и работницы, специалиста, но не принципиально.

Имея практически равные возможности и перспективы на первоначальном этапе своей профессиональной самореализации, а по некоторым показателям и превосходящие (численный состав, экономическая активность, уровень образования и др.), многие женщины остаются «в тени». Посвящая значительную часть своего времени созданию и сохранению семьи, рождению и воспитанию детей (по приведенной выше классификации – увеличивается продолжительность второй фазы и сокращается третья фаза), женщина зачастую не успевает добиться тех результатов, которых могла бы достичь при равных условиях с мужчинами.

В этой связи интересным представляются изучения мнения экспертов о том, насколько семейный статус является определяющим в профессиональной самореализации мужчин.

На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением о том, что более успешными в профессиональной, равно как и в других сферах, являются женатые мужчины, у которых есть семьи, нежели холостые или разведенные?» были получены следующие ответы: – да, полностью согласен – 18,9%; – скорее согласен, чем не согласен – 59,5%; – скорее не согласен, чем согласен – 16,2%; – не согласен – 5,4%.

По мнению значительной части экспертов женщины, успевшие в семейной жизни, менее успешны в профессиональной деятельности – так считают, суммарно, 55,0% (полностью согласны – 8,1%, скорее согласны, чем не согласны – 45,9%); скорее не согласны, чем согласны – 35,1%; категорически не согласны – 8,1%; затруднились в ответе – 2,1%.

Среди причин, препятствующих профессиональной самореализации женщин наравне с мужчинами, эксперты назвали: 1) «двойная занятость» (78,4%); 2) невысокий престиж профессиональных обязанностей, выполняемых женщиной (10,8%); 3) отсутствие перспектив для карьерного роста (2,7%); 4) низкий уровень профессиональной подготовки (2,7%).

Полученные данные еще раз подтверждают описанное предположение о том, что семья, как один из факторов, влияющих на процесс самореализации в общественно значимой деятельности (в частности трудовой), оказывает неравнозначное влияние на мужчин и женщин.

1. *Женщина. Общество. Образование: материалы 10 Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 дек. 2007 г. / под ред. В.Е. Морозова. – Минск: ЖИ «Энвила», 2008. – 703 с.*
2. *Николаева-Терешкова, Е.В. Женщина и труд: доклад председателя Комитета советских женщин Хельсинки, 14-18 июня, 1969 г. / Е.В. Николаева –Терешкова. – М., 1969. – 37 с.*
3. *Труд и занятость: статистический сборник / Мин. стат. и анализа Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск: Информстат, 2014. – 321 с.*
4. *Семерикова, М.Г. Семья и ее роль в формировании готовности молодежи к общественно полезной деятельности / С.В. Лапина, М.Г. Семерикова // Гуманітарна–эканамічны веснік. – 2010. – № 4 (50). – С. 70–77.*

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В СФЕРЕ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Сизоненко З.Л., Праведников А.В. (Уфа)

Обеспечение гендерного равенства и улучшения положения женщин провозглашены в качестве одного из важнейших направлений человеческого развития во всем мире [1]. Расширение прав и возможностей женщин во всех сферах жизнедеятельности общества (особенно в образовании и занятости) существенно повышает эффективность глобальных усилий по борьбе с бедностью, голодом, болезнями и неграмотностью [2].

Глобальная цель и задачи в области гендерного равенства, принятые на Саммите тысячелетия в 2000 г., прежде всего были ориентированы на преодоление социальной исключенности женщин в отсталых и развивающихся странах. Столь радикальная формулировка не актуальна для России, поскольку в индексах гендерного равенства, рассчитанных по методикам ПРООН и международной неправительственной организации SocialWatch в 2010 г., Россия относится к группе стран, обеспечивающих приемлемые условия гендерного равноправия [3]. Вместе с тем, проблемы гендерного равенства в российском обществе существуют и негативно влияют на развитие человеческого потенциала.

С учетом специфики современной России в рамках целей тысячелетия эксперты определили для нашей страны следующие задачи:

- ликвидировать неравенство между полами в сфере начального и среднего образования, не позднее чем к 2015 году – на всех уровнях образования;
- обеспечить выравнивание возможностей для доступа женщин и мужчин к политическим институтам;
- ликвидировать дискриминационную практику в области труда и занятости;
- создать систему реальных механизмов предотвращения насилия в отношении женщин;
- снизить воздействие неблагоприятных социально-экономических факторов на здоровье и продолжительность жизни, особенно мужчин.

Гендерная ситуация в современной России дифференцирована в региональном разрезе: в некоторых субъектах обозначенные задачи фактически решены (г. Москва, г. С.-Петербург, Тюменская область и др.), но часть территориальных общностей по-прежнему испытывает сложности в реализации программ гендерного равноправия (Республика Тыва, Алтай). Республика Башкортостан, согласно рассчитанному в 2005–2006 гг. индексу развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ), относительно других регионов отличается довольно высокими показателями (11 место из 80 субъектов РФ) [4].

В Республике Башкортостан отмечается относительно стабильная ситуация в плане социального продвижения женщин как в образовательной, политической, так и экономической сферах.

За 2007–2014 гг. уровень экономической активности женщин фактически не изменился (увеличился на 1%) и составил на конец периода 60,3%, а доля женщин в числе работников в экономике – 47,2% [5]. Однако на фоне других субъектов Российской Федерации это один из самых низких уровней экономической активности женщин, в ПФО ниже только в Саратовской области (58%) [5, с. 11]. В среднем по стране этот показатель выше – 63%, но в ПФО есть регионы, где экономическая активность женщин составляет 66,6% (Республика Мордовия, Чувашия). Очевидно, это объясняется преобладанием в названных территориальных общностях «мужских» отраслей производственной экономической деятельности (обрабатывающее производство, добыча полезных ископаемых и пр.).

Вполне закономерно сокращается доля занятых женщин в сельском и лесном хозяйстве, достигнув к 2014 г. 6,5% от общей численности занятых в экономике (доля мужчин в этом секторе сократилась до 11,8%) [5, с. 17].

В политической сфере гендерное равенство на первый взгляд фактически достигнуто: доля женщин в органах государственной власти Республики Башкортостан довольно высока – 69,1% (на начало 2014 г.). Если в первых четырех созывах Государственного Собрания–Курултая Республики Башкортостан уровень представительства женщин колебался от 4,5% до 5,8%, то сейчас составляет 16,5%. Доля женщин, занимающих муниципальные должности, увеличилась и на начало 2014 г. составила 70,6%, а в республиканских органах судебной власти женщины явно доминируют – ими занято 88,1% должностей [5, с. 44].

Наблюдается позитивная динамика повышения уровня образования работающих женщин. Так, если в 2000 г. численность женщин с высшим профессиональным образованием, занятых в экономике, составляла 16,2%, то к 2011 г. она увеличилась до 27% (среди мужчин данный показатель вырос лишь на 2,7%) [6]. Вместе тем, доля женщин с высшим профессиональным образованием среди зарегистрированных безработных в период за 2000–2011 гг. также возросла с 9,4% до 18,5%, в отличие от мужчин с высшим образованием, доля которых изменилась за этот период незначительно – с 7,4% до 8,7% [6, с. 22].

Таким образом, структура занятости в Республике Башкортостан, как и в целом в России, свидетельствует о гендерной асимметрии в разделении труда и в распределении доходов. Фактически равное соотношение численности мужчин и женщин, занятых в экономике, сопровождается относительно высокой гендерной дифференциацией в оплате труда.

1. *Цели ООН в области развития на пороге тысячелетия, принятые на «Саммите тысячелетия» в 2000г.*
2. *Гендерное равенство и достойный труд. Положительный опыт на рабочем месте. Международное бюро труда, 2007. С. 4.*
3. *. Официальный сайт Social Watch. URL: <http://www.socialwatch.org>*
4. *Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год / Под общей редакцией А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева; – М., 2009. – С. 202–203.*
5. *Труд и занятость в Республике Башкортостан: Стат.сб. – Уфа, 2014. – С. 17.*
6. *Труд и занятость в Республике Башкортостан: Стат.сб. – Уфа, 2012. – С. 17.*

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА НАУЧНУЮ КАРЬЕРУ ЖЕНЩИНЫ

Соловей А.П. (Минск, Республика Беларусь)

Одной из специфических черт современной науки является ее феминизация, которая стала естественным следствием эмансипации женщин. Женщины-ученые всего мира проделали сложный путь в борьбе с дискриминацией, однако и сегодня женщины сталкиваются с трудностями в карьерном росте. Женщины в научной элите – это особая тема, так как затрагивает проблему карьеры женщины в науке. Женщины-ученые представляют особую социальную группу, которая отличается специфическими социально-психологическими чертами, различными ролевыми функциями, выполняемыми в обществе. Научная карьера женщин в отличие от мужчин складывается медленнее и требует больших усилий, что может быть связано с так называемой моделью «тройного наказания». В данной концепции выделяются три «барьера», с которыми сталкиваются женщины при построении своей научной карьеры. Во-первых, укоренившееся в обществе мнение о том, что наука – мужская сфера деятельности, где представительницы слабого пола неуместны и нежелательны. Во-вторых, распространенное убеждение в том, что женщина менее компетентна как ученый. В-третьих, реальная «повседневная» дискриминация, проявляющаяся через систему вознаграждения: занижение оплаты труда, научного признания и поощрения прежде всего на высоких уровнях [3, с. 695].

Среди социальных факторов, препятствующих карьере женщины в науке, наиболее часто упоминается так называемый «стеклянный потолок» – искусственно созданные барьеры, основанные на предрассудках, которые не позволяют квалифицированным работникам, в первую очередь женщинам и представителям национальных меньшинств, продвигаться по службе и занимать руководящие посты в организациях. По мнению зарубежных исследователей (Ш. Берн, Н. Карр-Руфино и др.), к основным составляющим данного барьера можно отнести следующие социальные установки: 1) предназначение женщины – это забота о семье и введение домашнего хозяйства, карьера – дело мужчин; 2) женщины по своей природе не обладают необходимыми деловыми качествами, позволяющими добиться успеха в карьере; 3) карьера не совместима со счастливой личной жизнью женщины [2, с. 209].

Продвижению по карьерной лестнице препятствуют гендерные стереотипы (стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское»), которые порождают скрытую дискриминацию женщин, и которая проявляется в искусственном замедлении профессионального продвижения, отказе в научном признании и соответствующем поощрении. Стереотипное убеждение в том, что женщины менее компетентны и не способны заниматься наукой, порождает представление о науке как мужской сфере деятельности, что в свою очередь порождает превалирование мужчин в руководстве наукой. Одним из препятствий в научной карьере женщин является, опять таки, стереотипное представление «мужских» и «женских» психологических характеристик и типах поведения. «Женская» модель поведения приводит к заниженности притязаний на успех в научной сфере. Влияние оказывает и распространенный стереотип о том, что женщины склонны только к гуманитарным и социальным наукам, интеллектуальные качества женщин не позволяют заниматься точными и техническими науками [4].

Еще один гендерный стереотип (говорящий о том, что): женщина не способна достичь «мужских высот» в работе, особенно наглядно прослеживается в системе карьерного продвижения. Абсолютно во всех сферах профессиональной деятельности основные руководящие позиции занимают мужчины. Сложившееся положение отчасти обусловлено трудностями, с которыми сталкивается на пути профессионального роста

женщина в период материнства. В это время они значительно отстают от мужчин в приобретении профессиональных знаний, следовательно, и статуса. Также отрицательно сказывается на карьере женщины глубоко укоренившийся в общественном сознании стереотип, что работа – не главное в жизни женщины (в отличие от мужчин). Женщина не обладает необходимыми для управления качествами, следовательно, ей незачем стремиться вверх по карьерной лестнице.

Препятствует профессиональному и карьерному росту в науке проблема двойной нагрузки женщин, которая связана с выполнением ряда работ по дому и материнскими функциями. Фактически женщина постоянно работает в две смены: вне дома (профессиональная деятельность) и дома (ведение домохозяйства и воспитание детей). Следовательно, стоит говорить не о двойной, а о тройной нагрузке женщины: работа + домохозяйство + дети. Это приводит не только к физическим и психологическим перегрузкам, но и является причиной так называемого «ролевого конфликта работающей женщины». Этот внутриличностный конфликт возникает вследствие высокой значимости для женщин успеха как в профессиональной деятельности, так и в семье [1]. Карьерные притязания женщин несовместимы с полноценным исполнением функции воспитания детей. Яркий тому пример: «уход» аспиранток и молодых ученых на ранних стадиях академической карьеры, который связан с социальной ролью женщины, состоять как мать. Время, которое женщина тратит на роль матери, отбрасывает ее от научной карьеры. Тем самым налицо противоречие между социальной ролью женщины (матери, жены, домашней хозяйки) и ее профессией. К препятствиям в академической карьере женщины следует отнести также преобладание вертикальной сегрегации, которая выражается в доминировании мужчин на более высоких должностях, где больше властных полномочий и выше заработная плата. Барьером оказывается и стигматизация образа женщины, занимающейся наукой (по типу «серая мышь» или «синий чулок»).

Все это приводит к тому, что современным женщинам-ученым приходится постоянно соотносить стратегии своей профессионализации с требованиями традиционной гендерной роли. В свою очередь, это ограничивает женщину в выборе путей самореализации, а также является причиной внутриличностного конфликта, который часто приводит к тому, что профессиональные цели у женщин отсутствуют, или постоянно отодвигаются, или достижение их переживается как слишком «проблемное».

Таким образом, в процессе научной карьеры женщина сталкивается не только с трудностями и барьерами, связанными с социально-биологическими, социально-психологическими и социологическими причинами. Ее профессиональной деятельности могут препятствовать особенности самой женщины, обусловленные ее природой, ее ценностные ориентации и мотивационные установки, которые находят отражение в гендерных стереотипах.

1. Гаврилица, О.А. Чувство вины у работающей женщины // *Вопросы психологии*. - 1998. - № 4. - С. 65 – 70.
2. Киселева, Е. В. *Планирование и развитие карьеры: учебное пособие для студентов высших учебных заведений* / Е. В. Киселева. – Вологда: Легия, 2010. – 332 с.
3. Мирская, Е. З. *Женщины в науке* / Е. З. Мирская, Е.А. Мартынова // *Вестник Российской академии наук*. - 1993. - Т. 63. № 8. - С. 693–700.
4. Чикалова, И.Р. *Социальная идентичность ученых-белорусок* // *Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья*. — Вильнюс. — 2006. № 3-4. — С. 159-174.

МОЛОДЕЖЬ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Старосоцкая Е.В. (Горки, Республика Беларусь)

Республика Беларусь является центральноевропейским государством и находится на пересечении интенсивных миграционных потоков. С развитием коммуникаций интеграции стран в различных областях жизнедеятельности миграционные потоки будут увеличиваться. Естественный процесс перемещения различных социальных групп, в особенности молодежи, обладающих различными видами и уровнями мотиваций (трудовой, торгово-экономической, культурной, туристской, образовательной, научной, социальной и т.д.), имеет сложный, противоречивый характер. Он зависит, прежде всего, от реальных процессов социально-экономического и политического развития стран и народов. Более устойчивые государства имеют соответственно и более стабильную социальную систему. Характер и динамика миграционных процессов (внутренняя и внешняя миграция) во многом определяют ценностные ориентации молодежи. Очевидно, что миграционные процессы существенно влияют на социализацию молодежи.

Миграция – процесс изменения места жительства индивидов или социальных групп, выражающийся в их перемещении в другой регион внутри страны или в другую страну; подразделяются на безвозвратную, временную, сезонную, маятниковую миграцию. Особо следует выделить внешнюю трудовую миграцию.

Прежде всего, миграции оказывают большое влияние на демографические процессы. Они приводят к изменениям в половозрастной и социальной структуре населения в районах, откуда мигранты уезжают и куда приезжают. В районах с оттоком, превышающим темпы воспроизводства населения, численность его сокращается, снижается рождаемость, поскольку в миграциях участвует преимущественно молодое население. Соответственно, в этих регионах увеличивается доля населения старших возрастных групп. В районах же притока мигрантов повышается доля молодых возрастов и, как правило, возрастают темпы воспроизводства населения. Так же миграции трудоспособного населения непосредственно влияют на рынок рабочей силы, сокращая (при отъезде) или увеличивая (в случае приезда) ее предложение, зачастую обостряя конкуренцию на рынке труда.

Миграционные процессы, происходящие в Республике Беларусь за последние годы, претерпели значительные изменения и продолжают изменяться под воздействием развития политических и социально-экономических преобразований

Анализ миграционной ситуации показывает, что из Республики Беларусь в основном выбывают молодые люди в возрасте до 30 лет, в то время как прибывают из других представители более старших возрастных групп. Большинство эмигрантов граждан нашей страны по различным причинам направляется в Российскую Федерацию. Соотношение между прибывшими в нашу страну из России и выехавшими в России из Беларуси составляет примерно 1:2 – 1:3.

Странами эмиграции для граждан, в том числе и молодежи, Республики Беларусь преимущественно являются Россия, Украина, Казахстан, Германия, США и Израиль. Однако мотивы выезда в эти страны несколько дифференцируются. Западные страны, как правило, устанавливают определенные критерии и квоты на прием иностранцев на постоянное жительство. В основном они принимают молодых людей, обладающих более высоким образовательным потенциалом. Германия, например, устанавливала квоты на въезд этнических немцев и евреев, а также на специалистов высокой квалификации в области программного обеспечения компьютерной техники. Израиль, безусловно, отдает предпочтение этническим евреям и членам их семей. Каких-либо ограничений в этой области ближайшие соседи – Россия и Украина – не устанавливали. Однако если на межгосударственном уровне Республика Беларусь с Россией создают равные права для

граждан двух стран при трудоустройстве, оплате труда, приобретении имущества, владении, пользовании и распоряжении им, признание трудового стажа в связи с трудовой деятельностью на территории двух государств, то с другими государствами эти проблемы пока не решены.

Увеличивается количество граждан Республики Беларусь, выезжающих на временное трудоустройство за границу, особенно в летний период. Этому способствуют многочисленные частные посреднические фирмы, созданные в нашей стране и заключающие договора и контракты с гражданами Республики Беларусь на работу в зарубежных странах.

По данным исследований, в 2014 году наибольшее количество граждан выехавших из Беларуси выехало в Российскую Федерацию – 4669 человек, Германия является второй страной по численности трудящихся-мигрантов из Беларуси. В 2014 году туда выехало 470 граждан Республики Беларусь. В соседние Украину и Литву выбыло примерно по 400 наших граждан, в Польшу - 231 человек. Из среднеазиатских стран в списке фигурирует Туркменистан: туда уехало около 370 белорусов. В страны дальнего зарубежья – США, Израиль, Китай и Турцию – перебралось в общей сложности около 900 человек

В последние годы замечено резкое увеличение выезда за рубеж студентов вузов Беларуси. Во многих странах мира сегодня получила широкое распространение практика привлечения молодежи из других государств для выполнения определенных видов работ (как правило, сезонных) в рамках различных международных культурно-образовательных программ. В большинстве своем в этих программах принимают участие студенты высших и средних специальных учебных заведений, а также молодежь, имеющая рабочие специальности (выпускники колледжей). К таким программам можно отнести Work & Travel, Trainee, Au Pair, Work Experience, Camp America и др. Как показал анализ, за последние годы резко выросло число участников подобных программ из Беларуси. Принципиальным и общим моментом этих программ является работа, а языковая практика, повышение квалификации, получение специального образования в той или другой отрасли – вторично. Эти программы в основном ориентируются на наиболее развитых, хорошо подготовленных студентов, с которыми в последующем за пределами страны предпринимаются попытки заключить договоры на продление их пребывания, предоставление вида на жительство. Явно проявляется отток наиболее одаренных молодых людей за рубеж («утечка мозгов»). Как правило, посреднические фирмы, не несут ни юридической, ни экономической ответственности за пребывание наших студентов за рубежом, многие белорусские студенты испытывают там социальные и материальные трудности, а некоторые даже попадают под влияние асоциальных групп, приобщаются к употреблению наркотиков, подвергаются сексуальному насилию.

Исходя из анализа основных причин миграции молодых специалистов, необходимо отметить, что основной причиной является уровень оплаты труда за рубежом, второй по важности – лучшие условия жизни за рубежом, третьей – невостребованность интеллектуального труда на родине и другие.

Наше государство не может готовить молодых людей «на экспорт». При этом оно обязано сделать все возможное, чтобы высокий образовательный и интеллектуальный потенциал использовался на благо Отечества. Процесс социализации молодежи не спонтанный, а управляемый, поэтому и в области миграционной политики необходимо соблюдать принцип равенства и взаимной ответственности граждан и государства. В связи с этим главным принципом в вопросах миграции должен быть принцип правовой и социальной защиты граждан Республики Беларусь, где бы они не находились и куда бы они не направлялись. Фирмы и организации, осуществляющие посредническую деятельность в области миграции и трудоустройства, должны иметь четкий регламент деятельности, не нарушающий законы нашей страны и международные нормы.

1. Шахотък Л.П., Боброва О.Г. Информационное обеспечение исследований по миграции населения. – Социология. №3. 2009
2. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учеб. пособие. М., 2006.

ГЕНДЕР И НОВЫЕ ФОРМЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ СОЮЗОВ

Талалуева А.В. (Липецк)

Мы живем в быстро развивающемся мире, мире инноваций и трансформаций, происходящих во всех сферах жизнедеятельности современного человека.

В первую очередь эти трансформации претерпевают институты семьи и брака. Все чаще мы замечаем, что традиционные типы семейных отношений становятся все менее популярны. Помимо возникновения новых форм брачных отношений, произошли коренные изменения и во взаимодействии мужчин и женщин.

В своде законов России в начале XX в. предписывалось: "Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность". Сегодня женщины являются эмансипированными, репродуктивные функции уходят на второй план, а первостепенными задачами они ставят самореализацию в творческой и трудовой сферах. Помимо женской эмансипации происходит «размывание» границ понятий «женское» и «мужское». В интерпретации результатов практически любого гендерного исследования почти всегда присутствует феминистическая тенденциозность. Одним словом, женская проблематика в социологии является традиционной, чего нельзя сказать о специфически мужских проблемах.

В связи изменением жизненных приоритетов современных женщин, на сегодняшний день достаточно распространенной формой семейно-брачных отношений является "Child-free". Говоря о людях, относящихся к этому течению, необходимо уточнить, что чайлдфри и люди, решившие не заводить детей - не одно и то же. Чайлдфри — это люди, отказавшиеся от заведения детей и продолжения рода во имя собственной свободы. Сторонники данного направления осознанно идут на этот шаг, не имея никаких заболеваний, патологий и т.д.

Ярким примером чайлдфри является известная телеведущая Ксения Собчак. Свою позицию она объясняет следующими словами: «Семья и дети — это не те вещи, которые меня интересуют. Я не люблю маленьких детей, я не хочу жить семьей в ее классическом понимании. Эти ценности не для меня! Когда у тебя нормальная жизнь, работа, образование, деньги и возможности, то абсолютно нет желания эту жизнь тратить на пеленки, борщи и прочие удовольствия».

Таким образом, можно сделать вывод, что женщины, относящиеся к чайлдфри-карьеристки, опасаются за то, что с выходом в декретный отпуск произойдет крах их карьеры.

Семья – это ячейка общества, создание которой начинается, как правило, в молодом возрасте. Традиционно семья понималась как основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. Однако под влиянием времени произошла ломка традиционных норм в отношении семьи, что особенно заметно среди молодежи. Это проявляется в увеличении числа незарегистрированных форм брака или фактических.

Люди, находящиеся в данном типе семейно-брачных отношений по-разному воспринимают нахождение в них: одни считают, что это неполноценный, "пробный" брак, возможность проверить прочность чувств и совместимость характеров; вторые - возможность лучше узнать друг друга, чтобы впоследствии принять (или не принять) решение о браке с полной ответственностью и адекватным представлением о партнере; третьи - удобно, нет лишних обязанностей. Чаще всего инициатором подобного вида

отношений выступает мужчина, т.к. именно он склонен к избежанию риска. Можно предположить, что женщины вступают в фактический брак с желанием дальнейшей регистрации отношений, в отличие от мужчин, для которых такие отношения являются легализацией сексуальных отношений, своеобразным удобством.

Однако, помимо этих типов отношений, возникают семейные отношения представителей одного пола. Это связано с некоторыми гендерными особенностями. Многие мужчины обладают феминными наклонностями, а женщины - маскулинными. С позиции психологии это является девиацией. Однако, в некоторых странах такие отношения разрешено регистрировать. Так, например в Гренландии, Канаде, США, Бразилии, Аргентине, Дании, Франции, Испании, Нидерландах, Словении, Люксембурге и ряде других стран узаконены однополые браки. В этих странах «однополая любовь» не воспринимается как форма девиантного поведения, а рассматривается как проявление индивидуальности, самовыражение.

Проходят века, тысячелетия, а интерес человечества к проблемам семьи, семейно-брачных отношений не угасает, а, напротив, обретает более яркие, более совершенные содержательные проявления. В каждом социуме, в соответствии с их нормами и правилами существует понятие семьи, семейных или брачных отношений. Рано или поздно за ухаживаниями молодого человека, следуют более сложные личностные отношения, которые приводят к созданию семьи. Этот новый виток в жизни каждого человека, влечет за собой множество изменений и в нем самом и в окружающих его людях. Молодой человек станет отцом, девушка-матерью, а их родители дедушкой и бабушкой. Появятся новые роли, новые модели поведения.

1. Фролов С.С. *Социология. М.: Гардарики. М.:ЦСП, 2010 г*
2. Анискевич А.С., Богаевская А.Н. *Семья и семейные отношения: Учебно-методическое пособие. – Находка: Институт технологии и бизнеса, 2001*
3. Шнейдер Л.Б. *Психология семейных отношений: Курс лекций. – М.: Апрель-Пресс, Эксмо-Пресс, 2000.*
4. Шейнов В.П. *Женщина плюс мужчина: Познать и покорить. – М.; Минск: АСТ: Харвест, 2002*

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Тарасова Е.О. (Пермь)

Молодая российская семья испытывает на себе конфликт различных социокультурных традиций. Семейные ценности советского периода устарели, традиционные ценности мало востребованы, западно-европейские ценности прижились, но отчасти. Супружеские отношения испытывают влияние многих факторов, в том числе современных семейных тенденций. Выясним, от чего, в первую очередь, зависит устойчивость супружеских отношений, и каково будущее российской семьи.

Молодая семья имеет свои, свойственные только ей, особенности:

1. Объективно недостаточный уровень материальной и финансовой обеспеченности
2. Объективно повышенная материальная и финансовая потребность в связи с необходимостью укоренения семейной жизни: финансовых вложений в приобретение жилья и организацию быта
3. Специфический возрастной период членов семьи
4. Необходимая психологическая адаптация к семейной жизни [1].

Развитие семейно-брачных отношений между супругами в молодой семье (которые могут быть направлены на укрепление или на разрушение семьи) во многом определяются социально-экономическими факторами, а также реализацией прогностических ожиданий

(совпадением ожидаемого и реального) от различных аспектов семейной жизни [2]. Поэтому одним из наиболее важных вопросов является анализ представлений супругов о семье и реальное состояние их супружеской жизни. По результатам исследования, проведенного Я.Ж. Бирбаевой в 2007 году, преобладающее большинство (80,5 %) молодых супругов считают, что в основе брачно-семейных отношений должны лежать взаимное понимание и уважение, 55,6 % респондентов отметили такую ценность, как единство целей и задач, 54,1 % - дети как продолжение рода, материальное благополучие, 45,4 % молодых супругов отметили, что в основе брачно-семейных отношений должны быть интимные отношения.

На этапе формирования и становления семьи особую роль играют ценностные ориентации молодых супругов, привычки, убеждения. При этом большое значение в формировании взаимоотношений молодых супругов имеет организация досуга молодой семьи, совместное проведение свободного времени. В большинстве случаев молодые супруги свободное время проводят за просмотром телепередач, фильмов (87,4 %), 71,5 % в свободное время ходят в гости к родственникам и друзьям, 44,62 % - читают книги, газеты, журналы, 31,8 % - посещают кинотеатры, еще 8,5 % - посещают театры, музеи. Примерно одинаковое количество молодых супругов посещают дискотеки, ночные клубы (12,3 %) и увлекаются компьютерными играми (10,5 %). Примечательно то, что, в основном, такие способы проведения досуга отмечают мужчины.

Для успешного дальнейшего развития отношений между мужем и женой особое место имеет удовлетворенность супругов семейной жизнью, то есть насколько оправдались их ожидания: 49,5 % молодых супругов считают, что их ожидания полностью оправдались, еще менее половины респондентов (47,2 %) считают, что их ожидания от семейной жизни оправдались частично, причем положительным образом.

Семейно-брачные отношения в контексте глубоких изменений социокультурной реальности российского общества, которые затрагивают различные сферы жизнедеятельности личности, также испытывают их влияние. Несмотря на глубокие социальные противоречия, современная молодежь имеет очень высокую степень ориентации на семейную жизнь, поскольку в системе ценностей молодых людей семья занимает ведущее место.

В целом, результаты исследования показывают, что в структуре современной молодой семьи, ее социальной жизни идет определенное преодоление социально-экономического кризиса переходного этапа. Об этом свидетельствуют репродуктивные установки молодых супругов.

Таким образом, социальные характеристики молодой семьи на современном этапе позволяют прогнозировать положительные тенденции развития отношений между супругами в молодой семье в будущем.

Одним из важных изменений семейного поведения является трансформация его традиционных форм и образцов. В 1995-1997 гг. С.И. Голод определил типы семейных отношений, которым была свойственна слитность брачного, сексуального и репродуктивного поведения [3]. Только вступление в брак давало возможность или санкционировало удовлетворение сексуальных потребностей и рождение детей. Следствием этого явилась внутренняя нестабильность структуры семьи, глубокие трансформации всех аспектов семейно-родственных отношений, несостоятельность в выполнении многих семейных и супружеских функций. Таким образом, на функционирование современной молодой семьи оказывают влияние процессы трансформации, происходящие как в самом институте семьи, так и в обществе в целом.

Кроме того, супружеские отношения в молодой семье характеризуются становлением внутренней структуры, адаптацией к новым социальным ролям, а также процессом самоопределения самих супругов в личностном и профессиональном плане. Все это обостряет проблему устойчивости и стабильности молодого брака и семьи.

В исследовании Б.Р. Осохеевой было выявлено, что процессы трансформации повлекли изменения в выполнении основных функций молодой семьи – репродуктивной и воспитательной [4]. Так, по сравнению с 80-ми годами XX века, в 2005-2007 гг. снижаются нормы детности: даже при решении проблем, препятствующих иметь желаемое количество детей, молодые супруги решают ограничиться 1-2 детьми в силу желания профессиональной самореализации, необходимости материального обеспечения ребенка и создания условий для его развития, благополучия.

В условиях малодетности дети уже не являются основным скрепляющим элементом в супружеских отношениях. Главным фактором устойчивости супружеских отношений становятся взаимопонимание между брачными партнерами и удовлетворенность браком.

Анализ тенденций изменения экономической функции молодой семьи выявил тенденции роста ее значимости для супругов. В то же время материальная обеспеченность является важным, но недостаточным условием стабильного функционирования молодой семьи.

Современная молодая семья постепенно отходит от функционирования в качестве эффективно действующего института с жесткими нормами и четко заданными образцами поведения к малой группе с принципиально новыми семейными ценностями и нормами.

1. Плотников А.Д. *Молодая семья: шаг в 21 век.* - М, 1999.
2. Бирбаева Я.Ж. *Социальные характеристики современной молодой семьи (на материалах Республики Бурятия) // Мир Центральной Азии: Тезисы докладов II международной научной конференции - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007.*
3. Голод С.И. *Тенденции трансформации брака и семьи.* СПб., 1997.
4. Осохеева Б.Р. *Современная молодая семья: процессы трансформации и факторы стабилизации.* Улан-Удэ, 2007.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В УПРАВЛЕНИИ

Тарханова Е.С. (Пенза)

В последнее время в среде российских и зарубежных ученых и практиков возрос интерес к исследованию гендерных аспектов управления – одно из самых перспективных и молодых научных направлений в мире. Прежде всего, это было обусловлено становлением рыночной экономики и реформированием основных сфер общества, повлекшим за собой изменение отношения ко многим процессам и явлениям.

Исследования гендерных отношений постепенно становятся неотъемлемой частью большинства социальных и гуманитарных наук. Это особенно важно в ситуации, когда в обществе декларируется гендерное равенство. В российском Трудовом законодательстве заложен принцип дифференцированного подхода к организации трудовой деятельности мужчин и женщин (льготы, физические нагрузки, ночные смены и т.д.). Однако, на практике существует гендерная асимметрия, а нормы, стереотипы, правила поведения в этой области носят противоречивый характер.

На фоне возрастающего научного интереса к проблемам, связанным с мужской и женской стратегией управления, влиянием на него пола руководителей и подчиненных, можно столкнуться с тем, что руководители зачастую не понимают значения слова «гендер» или отводят ему весьма незначительную роль, если вообще признают влияние гендера на управление.

Понятие «гендер» указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и сексуальностью [1, с. 28]. Если пол имеет отношение к физическим телесным различиям между мужчиной и женщиной, то

понятие «гендер» затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности.

Анализ изменений, происходящих в современном менеджменте, показывает, что соотношение количества мужчин и женщин на управленческих должностях стремительно изменяется. Все больше женщин оказывается вовлеченными в предпринимательство и сферу управления. Активная интеграция женской и мужской моделей поведения в бизнесе формирует предпосылки для изучения гендерных особенностей поведения личности в управленческой деятельности. Различные публикации, посвященные вопросам гендерного менеджмента, свидетельствуют о том, что кардинальных различий между мужчинами и женщинами с точки зрения эффективности руководства нет, однако выявляют ситуационную специфику его проявлений – в одних ситуациях и ролях более эффективны мужчины, в других – женщины.

Для понимания влияния гендерных механизмов на систему управления предприятием (организацией) важно отметить разницу в подходе женщин и мужчин к управлению и руководству.

Прежде всего, необходимо выделить некоторые отличия, проявляющиеся в поведении мужчин и женщин, их отношении к проблемам и людям в процессе управленческой деятельности.

Традиционно женщины выбирают руководство, ориентированное на отношения, поскольку по природе они более эмоциональны, а мужчины демонстрируют ориентацию на задачу, так как чаще характеризуются настойчивостью и целеустремленностью. Также мужской стиль более эффективен либо в структурированных ситуациях и при решении простых задач, либо в ситуациях с высокой степенью неопределенности и риска, а женский стиль дает наибольшую эффективность в рутинных условиях.

Среди различных ориентиров выбора карьеры мужчины чаще стремятся к предпринимательской активности, соревновательности, испытывают потребность создавать новый продукт, услугу или организацию. Женщины в работе чаще ориентированы на стабильность, безопасность, независимость, профессиональную компетентность. Важным мотивом выбора работы для женщин являются условия труда, санитарно-гигиенические характеристики деятельности, организация работы.

Отечественный психолог А.Е. Чирикова приводит сравнительную характеристику деловых и личных качеств российских мужчин и женщин.

У женщин первые позиции занимают следующие качества и умения (в порядке убывания по значимости): умение идти на компромисс; гибко вести переговоры, учитывая позиции других сторон; уверенность в себе и своей миссии; способность быстро делать выбор; умение эффективно использовать способности и умения других людей; умение жить сегодняшним днем, «здесь и сейчас» и т.д.

У мужчин отмечены следующие ведущие качества и умения: постоянная готовность к изменениям, к нововведениям; умение при необходимости навязывать свою позицию; умение чувствовать себя свободным и извлекать выгоду в рамках принятых ограничений и правил; умение действовать в ситуации конфликта и угрозы риска; умение противостоять давлению, отстаивая свою позицию; умение использовать чужие идеи для реализации своих целей; умение производить впечатление, налаживать и поддерживать отношения с другими людьми и др. [8, с. 24].

В.О. Ковалев исследуя гендерные различия в принятии решений отмечает, что женщины-руководители чаще принимают осторожные, уравновешенные решения, опираются на ситуативное управление, а мужчины предпочитают диспозиционное управление, они более уверены в себе, последовательны и настойчивы в достижении целей, склонны к самоанализу и независимости [3, с. 61].

С точки зрения А.М. Шевелева, мужчины-руководители чаще всего выбирают агрессивный стиль руководства, считая, что если руководитель по таким критериям как профессионализм, опыт, компетентность, изобретательность, ответственность, готовность

к риску и быстрота в принятии решений, превосходит своих подчиненных, они должны выполнять его распоряжения. Женщины же более склонны к социальному партнерству. В ситуации требующей наказания подчиненного женщины часто прибегают к мерам морального и психического воздействия, а не к административным [9, с. 74].

О.В. Королева, отмечает, что мужчины, обычно, используют лидерство в стиле сделки, представляя рабочие отношения как серию обменов – сделок с подчиненными в виде награды за хорошо выполненные поручения или наказания за неадекватное поведение, чаще используют позиционную власть, стараются повысить свой авторитет и усовершенствовать методы руководства подчиненными. Их методы в целом направлены на перестройку сферы правил и норм. Женщины же, зачастую, практикуют в лидерстве развитие взаимодействия, иницилирующее подчиненных интегрировать личные и коллективные интересы [4, с. 93]. Они связывают свою власть больше с личностными характеристиками, чем с формальным статусом.

Кроме того, в последнее время по поводу различий в стиле мужского и женского руководства появляется масса споров. Многие считают, что нет существенных различий в том, как мужчины и женщины руководят предприятием. А у других – совершенно противоположное мнение: мужской стиль руководства все-таки отличается от женского. Например, различные стили руководства выделяет немецкий писатель Эльке Добнер, автор книги «Как руководят женщины». Он отмечает, что мужчины оказывают чаще всего давление сверху вниз, женщины же разрабатывают решения совместно с коллективом. Эмоциональное частное присуще женщинам в большей мере [6, с. 22].

А немецкий профессор Гертруд Хелер выпустила книгу «Волчица среди волков. Почему мужчины без женщин делают ошибки?», в которой говорится, что мужчины в своем руководстве – преследуют цели, женщины смотрят на людей, которые должны достичь этих целей [6, с. 22].

По мнению Дж. Роузнер, женщины пользуются своим уникальным умением общаться и руководят совершенно не так, как мужчины. Они добиваются успеха не вопреки тому, что некоторые человеческие черты всегда считались «женскими» и не годились для руководителя, а благодаря этому [2, с. 11].

Из анализа результатов исследования «Роль женщин», основанного на двух крупномасштабных опросах, которое было проведено ведущей международной компанией McKinsey&Company [5]. Первый опрос оценивал влияние женщин-руководителей на эффективность организационной модели фирмы, а второй – определял, есть ли корреляция между наличием в компании женщин топ-менеджеров и ее финансовыми результатами. В итоге, был сделан вывод о том, что присутствие женщин на руководящих постах положительно влияет на работу компании в целом.

Также важным в изучении гендерных особенностей управления является отношения и поведение мужчин и женщин в конфликтных ситуациях. Женщины конфликтуют в основном на личной основе, а у мужчин конфликт связан с профессиональной деятельностью (что касается женских коллективов в основном все конфликты носят скрытый характер, например, сплетни, клевета и т.д.); конфликты в мужских организациях проходят как-то более открыто (например, нарушение правил, протест против лидера) [10, с. 75]. Из этого следует, что в однополых коллективах (только в мужских или женских) конфликтных ситуаций может наблюдаться больше, чем в разнополых.

Поэтому вопрос гендерного различия в руководстве на сегодняшний день является наиболее актуальным. Однако, стоит отметить, что первые женщины-руководители, пробившие «стеклянный потолок», придерживались командного стиля управления, принесшего успех мужчинам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мужчины и женщины по-разному воспринимают ситуацию и по-разному позиционируют себя на рабочем месте. Существуют различия в восприятии, связанные с организационной структурой, в

способах, методах и средствах, используемых для решения проблем, в стиле управления. В целом, женщины склонны считать, что организация функционирует нормально, если каждый работает как часть целого. Мужчины, с другой стороны, считают, что работа должна быть завершена каждым самостоятельно, без чей-либо помощи. Женщины также имеют тенденцию быть более благосклонными и мягкими, тогда как мужчины более прямыми и жесткими.

Анализируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что для полноценного функционирования организации, обеспечения её эффективного управления и стабильных (или высоких) финансовых показателей, необходимо придерживаться гендерного равновесия (гендерного баланса) на управляющих постах, тем самым обеспечив себе серьезное преимущество в конкурентной борьбе.

Новая тенденция в сфере управления приводит к последовательному закреплению женщин на местах руководителей крупных организаций, предприятий, фирм, компаний. Активная интеграция мужской и женской моделей поведения в бизнесе и управлении создает предпосылки и формирует осознанную потребность изучать организационно-методические аспекты управления и гендерные особенности поведения личности в построении управленческой деятельности в зависимости от пола управленца

1. Авдулова, Т.П. *Гендерные аспекты управленческой деятельности* / Т.П.Авдулова. – СПб.: Речь, 2012. – 130 с.
2. Грищенко, А. *Первые женщины менеджеры* / А. Грищенко // *Управление персоналом*. – 2011. – № 5. – С. 6-10.
3. Ковалев, В.О. *Гендерные различия в управленческой сфере* / В.О. Ковалев. – М.: Амалфея, 2013. – 90 с.
4. Королева, О.В. *Учет гендерных различий в стилях руководства, как фактор повышения эффективности деятельности предприятия* // О.В. Королева. – Тамбов: ГОУ ВПО им. Державина, 2012. – 118 с..
5. *Официальный сайт «McKinsey&Company»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mckinsey.com/>
6. Свергун, О. *Управление персоналом: гендерный подход* / О.Свергун // *Справочник по управлению персоналом*. – 2012. – № 6. – С. 21-25.
7. Хохлова Т.П. *Выявление гендерных аспектов менеджмента – фактор повышения эффективности управления* / Т.П.Хохлова // *Менеджмент в России и за рубежом*. – 2011. – № 2. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/management/2011-2/hohlo>
8. Чирикова, А.Е. *Женщина во главе фирмы*/ А.Е. Чирикова. – М.: Институт социологии РАН. – 2010. – 30 с.
9. Шевелева, А.М. *Профессиональная карьера: психологические аспекты и гендерный подход* / А.М. Шевелева. – М.: Юрайт. – 2012 – 132 с.
10. Шон, Б. *Гендерная психология*/ Б.Шон.– М.: Олма-Пресс Инвест, 2004 – 138 с..

ГЕНДЕРНЫЙ ЮМОР

Трапезникова М.В. (Санкт-Петербург)

Юмор – это социальный инструмент: он может формировать мнение, учить, быть политическим высказыванием.

Люди любят шутить о сексе, о привычках мужчин и женщин. Юмор на эту тему тоже может быть разным: освобождать от стереотипов или их подкреплять. Например, английский комик Сара Милликан высмеивает стереотипные рассуждения о женщинах и мужчинах. Блогер Лэйси Грин в шутливой форме объясняет гендерные вопросы. Американский комик Джордж Карлин высмеивал политику консерваторов. Но чаще в патриархальном обществе шутки на гендерные темы содержат мизогинию, сексизм и гомофобию. Гендерный юмор - разновидность юмора, в котором описываются гендерные

роли мужчин и женщин. Я расскажу о его последствиях: о влиянии на сознание людей и об оправдании гендерного насилия.

Когда шутят о женщинах, высмеивают их интеллект, поведение в отношениях и домашний труд. Все женщины глупые, но коварные. Они залезают в кошельки мужчин и бесконечно «парят» им мозг. Домашний труд женщин ничего не стоит.

“У женщины ума как у курицы, а у умной – как у двух.”

“Женщины не мыслят, они замышляют.”

“Если у твоей жены комплекс неполноценности, следи, чтобы он никуда не пропал.”

“Я - сильная женщина. Могу мусор вынести, а могу и мозг.”

“Как легко жить женщинам: убралась, постирала, приготовила еду и кучу свободного времени.”

Шутки о мужчинах высмеивают их эмоции, участие в быту. Мужчина - тот, кто никогда не поймет женщин и испытывает к ним животный интерес. Он беспомощен в домашних делах.

“Мужчины хотят только секса, женщины – любви. А занимаются одним и тем же.”

“Если мужчина стирает носки, значит они у него последние.”

“Комплименты - оружие слабых мужчин. Сильные их не говорят.”

“Мужчина! Помогай жене в уборке квартиры - поднимай ноги, когда она пылесосит!”

В социальной жизни люди используют гендерный юмор, чтобы оправдать свое поведение. Шутка отражает действительный ход мыслей того, кто его использует.

Этим вопросом заинтересовался Томас Э. Форд из отделения психологии Университета Западной Каролины. Исследование показало, что шутки о блондинках и женщинах-водителях – это не веселье. Когда люди слышат или производят сексистский юмор они привыкают считать унижение женщин нормой.

«Сексистский юмор – это не просто легкомысленное развлечение. Он влияет на то, как мужчины воспринимают свое окружение. Такой юмор предоставляет им безопасный способ проявить свой сексизм, не опасаясь осуждения других людей, - считает Томас Э. Форд. - В каком-то смысле, мы можем сказать, что сексистский юмор выполняет функцию «освободителя» для предрассудков». Действительно, всегда можно сказать - “это была просто шутка”.

Гендерный юмор заставляет мужчин и женщин враждовать. Он заставляет людей держаться отведенных рамок. Если ты женщина, то готовь, прибирай и не умничай. Если мужчина, зарабатывай и не ной. Общество, воспитанное на таких предрассудках, набрасывается на любого, кто выходит за рамки. Проявила силу - “мужик в юбке”, высказала свое мнение - “стерва”. Не добился успеха - “слабак”, показал эмоции - “нытик”. Так юмор поддерживает патриархальные нормы, распространенные в обществе.

“Если женщина разделяет мнение мужчины, значит, он прав. Если не разделяет, значит, она просто стерва.”

Игонь Кон, советский и российский социолог писал: “Во все времена было немало мужчин и женщин, индивидуальности которых не укладывались в жесткие рамки половых стереотипов. В патриархальном обществе таких людей безжалостно травят. Женщину, ставящую профессиональные интересы выше кухни, пренебрежительно именуют “синим чулком”, а мечтательный юноша, не участвующий в шумных силовых играх сверстников, вынужден соревноваться в своей маскулинности. Однако между полом и характером нет однозначной связи. Ослабление стереотипизации людей по полу чрезвычайно расширяет возможности их индивидуального самовыражения, в результате чего выигрывают и общество, и личность.”

Гендерный юмор и оправдание насилия.

Мужчины и женщины усваивают с детства “народные мудрости”: «стерпится – слюбится» «бьет – значит, любит», «милые бранятся – только тешатся». Мужчины с такими словами оправдывают насилие, подтверждают статус “настоящего” мужчины или “мачо”. Женщины с этими же словами смиряются с насилием и соглашаются со статусом любящей, а значит послушной женщины.

По патриархальным законам мужчина должен доминировать. Если женщина не слушается, мужчина может её принуждать. Крайняя форма принуждения – насилие.

- Я вчера девушку изнасиловал.

-Как?

-Я её уговорил.

“Люська везучая – и муж, и любовник, да ещё и изнасиловали.”

"Меня изнасиловали! съешь лимон, а то лицо довольное."

- А ты знаешь, что ты меня сейчас насилуешь?

- Да-а...

- Не останавливайся!

Эти анекдоты говорят, что изнасилование лестно, приятно для женщины, она жаждет быть изнасилованной. Женщина – не жертва, мужчина – не преступник. Изнасилование приравнивается к обоюдному желанию двух людей. Насильник в этих анекдотах – герой, вызывающий у женщины чувство удовлетворения.

Гендерный юмор оправдывает насилие, предлагает гордиться им и хвастаться в компании. Такие шутки поддерживают виктимизацию – обвинение жертвы, а не преступника: если женщина сама хотела, то какая же она жертва? Тогда поводом для обвинения становится провоцирующий вид: короткая юбка, высокие каблуки или яркий макияж. Предполагается, что таким видом женщина ввела насильника в заблуждение: она выглядела так, будто хочет быть изнасилованной.

“- Зачем женщины носят мини-юбки?

- Чтобы узнать наши максимальные возможности.”

Туже роль играют шутки и про побои.

“Бей бабу молотом, будет она золотом.”

“Если третий муж бьет жену, значит дело уже не в муже.”

Те, кого воспитывают на гендерном юморе, потом оправдывают и реальное насилие. Это доказали испанские ученые: они провели исследование, где участвовали 109 студентов 18-26 лет. Для начала им рассказали одну из двух шуток, сексистскую и нейтральную. Затем студентам описали несколько ситуаций, в которых к женщинам проявляли насилие – от оскорблений до рукоприкладства. Испытуемых попросили описать, как бы они повели себя, став свидетелями подобной сцены.

Студенты, которые в начале эксперимента смеялись над сексистским юмором, оправдывали насилие чаще, чем те, кому предложили нейтральную шутку. Сексистский юмор настроил мужчин против женщин и подготовил к оправданию насилия.

Если у насилия есть оправдание, то людям проще перейти к делу. Ежегодно в “Кризисный Центр для Женщин” в Санкт-Петербурге обращается около 3000 женщин, из них 1000 бьют мужа или брата. По словам Ходыревой, руководительницы этого центра, в Северо-Западном федеральном округе от рук мужей, сожителей, братьев ежегодно погибает 300 женщин. По данным МВД, 40% тяжких и особо тяжких преступлений происходит в семье.

В патриархальном обществе любой гендерный юмор становится дискриминационным. Гендерные шутки обобщают представления о мужчинах и женщинах.

Все мужики козлы!

- Да, дорогая. Абсолютно все.

- И ты тоже?

- Я самый большой козел в мире!

- Тогда почему я вышла замуж за тебя и живу с тобой столько лет?

- А вот теперь мы плавно перешли к теме, что все бабы — дуры.

Наше общество, в котором распространены гендерные предрассудки предписывают “всем женщинам” и “всем мужчинам” общие модели мышления и поведения. Например, все женщины глупые, слабые, занимаются только бытом и косметикой. Все мужчины озабоченные и ленивые в быту. Именно на этих общепринятых представлениях будут базироваться любые гендерные шутки в таком обществе. Если шутка основана на другом представлении она не найдет своей аудитории. Поэтому любой популярный анекдот на гендерную тему основан на сексистских стереотипах, а значит учит мужчин и женщин враждовать друг с другом.

1. *Europe's Journal of Psychology*, 6(3). “Effects of Sexist Humor”. 2007, pp. 174-195.

2. <http://psychcentral.com/news/2009/07/03/sexist-jokes-may-be-linked-to-domestic-violence/6898.html>

3. <http://crisiscenter.ru/>.

4. Гидденс Э.Б. *Социология*. - М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 116 - 147.

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

Ушакова В.Г. (Санкт-Петербург)

Состояние современного общества характеризуется противоречивыми процессами, включающими в себя сохранение традиционных моделей человеческих взаимоотношений с одной стороны, и развитием новых стилей жизни, с другой. И поскольку «пол» и «гендер» являются базовыми характеристиками человека и человеческого общества, гендерная социология, гендерные исследования актуализируют новые предметы изучения и анализа.

Прежде всего, следует отметить актуальность изучения понятийного аппарата гендерной социологии, который требует уточнения. В частности, требуют дальнейшего разграничения предметные поля «гендера» и «феминизма». Зачастую «гендерные исследования» и «феминистские исследования» понимаются как синонимы не только в обыденном сознании, но и экспертном сообществе.

Каково содержание понятия «трансгендер»? Как правило, под ним понимается «трансгендерность». Такое смешение понятий приводит к смысловой путанице, как в научных исследованиях, так и в общественном дискурсе.

Сохраняют свою актуальность гендерные аспекты функционирования различных социальных институтов. Автономизация семейных и брачных отношений приводит к выводу о необходимости разработки социологии брака в качестве самостоятельного научного направления. Стремительно изменяются гендерные роли в процессе создания и функционирования семьи. С одной стороны, очевидна тенденция восстановления традиционного распределения гендерных ролей, с другой – гендерные роли в современной семье перестают быть противоположными, они становятся взаимодополняющими, а зачастую – универсальными.

Эти процессы оказывают влияние на типологию семьи. В современных развитых обществах увеличивается доля такого, прежде дискуссионного типа семьи как «Я-семья». Домохозяйство, состоящее из одного человека, становится весьма значимой

величиной в структуре современного западноевропейского, американского, а также и российского (на примере Санкт-Петербурга) общества.

Инновации затронули и такой социальный институт, как «родительство». Помимо традиционного родительства активно легитимизируется и развивается биокоммерческое родительство, суррогатное материнство. Гендерный анализ этих процессов актуализирует проблематику доминирования и подчинения, возникновения и закрепления новых форм и видов социального неравенства и дискриминации.

Дальнейшие исследования института брака в России могут вестись в нескольких актуальных направлениях:

- Изучение факторов, влияющих на отношение к зарегистрированному браку;
- Анализ брачного выбора в незарегистрированных союзах;
- Рассмотрение добрачных практик молодежи;
- Выявление основных стратегий поиска супругов;
- Изучение феномена браков с иностранцами;
- Прогноз на основе эмпирических данных о брачном выборе «удачности» и стабильности заключаемых браков, а также вероятности развода;
- Анализ брачного выбора мужчин и женщин с детьми;
- Репродуктивные установки;
- Влияние глобализационных процессов на брачный рынок современной России.

В настоящее время актуализируется проблема изучения миграции и, в особенности, гендерные аспекты миграции. Следует подчеркнуть огромный пробел в социологическом изучении этой темы.

Существующие исследования акцентируют внимание на набирающем силу процессе феминизации миграционных потоков. Этому способствуют демографические проблемы в частности, Западной Европы – падение рождаемости и увеличение средней продолжительности жизни, ведущие к старению и уменьшению численности коренного населения, а также проблемы российского общества – экономические, социальные, демографические, национально-культурные особенности.

Если мужская миграция носит, в основном, экономический характер, то женская – брачный. Российские женщины имеют более высокий уровень образования, нежели российские мужчины. Это обстоятельство приводит к тому, что, согласно принципу гендерной конгруэнтности, женщины испытывают трудности с поиском достойных женихов. Этот дефицит они восполняют на международном брачном рынке. Брак с иностранцем и отъезд из России является новой моделью адаптации женского населения к изменившимся условиям в процессе жизнеобеспечения. Уникальность этой модели состоит в том, что часть женского населения России в целях самосохранения и воспроизводства новых поколений в лучших условиях, отказывается от адаптации в своей изменившейся социокультурной среде, предпочитая освоить новое культурное пространство и адаптироваться в нем. Среди российских женщин замужество и семья сохраняют высокий престиж. Вместе с тем сохраняющаяся патриархальность российской культуры фактически вытесняет из сферы внимания российских мужчин многих самостоятельных, самодостаточных женщин, которым присваивается ярлык «феминисток».

Положительная динамика деятельности брачных агентств, международных клубов знакомств и заключённых браков позволяет утверждать, что вышеуказанная культурная новация является устойчивым процессом и имеет тенденцию к закреплению в нашей культуре как традиция. Для России этот процесс при дальнейшем развитии может иметь несколько весьма значительных следствий: а) определённое выравнивание демографического дисбаланса между женским и мужским населением репродуктивного возраста за счёт оттока части женского населения; б) значительная потеря национального

генофонда; в) ослабление жизненных сил русского суперэтноса и славянской метаэтнической общности.

Какие следствия может иметь этот феномен для тех стран и культур, куда устремляются российские женщины в качестве жён? В какой-то мере на этот вопрос могли бы ответить социологические исследования по адаптации и национальной идентичности российских женщин и их детей в новом социокультурном пространстве. Такие исследования актуальны для международных научных сообществ.

Динамика гендерных культур в условиях интенсивных глобализационных процессов находится под воздействием:

а) факторов макросоциального порядка, наиболее влиятельным из которых является глобализация, усиливающая конвергентные тенденции, коммуникативные, межкультурные, миграционные и иные процессы;

б) факторов мезосоциального порядка, к которым, прежде всего, относится менталитет носителей определенных культур, способствующим сохранению культурной самобытности;

в) факторов микросоциального порядка, представляющих собой группу факторов аксиологического уровня.

Они оказывают разнонаправленное воздействие на динамику отдельных компонентов в сегментах гендерных культур социумов в зависимости от статичности/динамичности этих компонентов: а) для гендерных стереотипов и брачных обрядов как компонентов семейно-брачного сегмента характерны дивергентные тенденции, б) гендерным ролям, гендерным контрактам присущи конвергентные тенденции, в) для коммуникации, диалога, языка как компонентов коммуникативно-лингвистического сегмента характерны конвергентные тенденции.

В условиях глобализации факторы макросоциального порядка усиливают межкультурные контакты и взаимопроникновение семейно-брачного сегмента гендерных культур российского и западного социумов, интенсифицируя конвергентные тенденции.

Ряд особых факторов микросоциального порядка интенсифицируют дивергентные тенденции в семейно-брачном сегменте гендерных культур российского и западного социумов с точки зрения межкультурного взаимодействия:

- незнание особенностей культуры и менталитета другого народа,
- недостаточное знание или полное отсутствие знаний по иностранным языкам,
- искаженные стереотипы акторов друг о друге,
- эффект виртуальности и консьюмеризма в межкультурных брачных отношениях и т.д.

Такой фактор микросоциального порядка, как кросснациональная гендерная асимметрия с элементами мужского доминирования со стороны западного актора, усиливает дивергентные тенденции в межкультурном взаимодействии.

В современных условиях актуализируется необходимость изучения и использования положительного полиэтничного российского и зарубежного опыта реализации образовательно-воспитательных программ формирования гендерной культуры, учитывающих не только возраст, пол, содержание обучения и воспитания. Помимо этих принципов целесообразно использование в современных условиях масс-медиа, принцип толерантности и равенства полов, качество подготовки и мотивировки педагогов-специалистов, включение гендерного образования на всех этапах обучения.

ГЕГЕМОННАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Фахретдинова А.Б. (Казань)

Концепция гегемонной маскулинности была сформулирована в работах американских исследователей Т. Гэрригана, Р. Коннелла, Р. Бреннона, Д. Гилмора с целью показать, что существуют различные типы мужчин, среди которых есть один тип, довлеющий над другими, подавляющий как женщин, так и различные типы мужественности [1; 54]. В качестве обобщенного собирательного образа, задающего стандарты маскулинности, как правило, называют белого гетеросексуального мужчину среднего класса. Базой гегемонной маскулинности выступает профессиональная деятельность, то есть успешность мужчины связывается, прежде всего, с профессиональной успешностью. Это понятие артикулирует в себе также такие черты, как агрессивность, грубость, сила. В целом, модель гегемонной маскулинности отличается живучестью, однако, по сути, это мифический образец, который в реальной жизни труднодостижим. Согласно Р. Коннеллу, это «культурный миф», с которым мужчины пытаются себя идентифицировать. В качестве противоположного гегемонной маскулинности выступает понятие «неуспешной» или «несостоявшейся» мужественности.

Мужчины, находясь под общественным давлением, когда гендерно-соответствующее поведение поощряется, а отход от него – осуждается, вынуждены воспроизводить только маскулинные характеристики. При этом идеология мужественности включает в себя три ключевые нормы: норма статуса (мужчина должен завоевать статус и уважение других, приобрести власть, богатство); норма твердости (мужчина должен обладать физической силой, биологической активностью и эмоциональной сдержанностью); норма антиженственности (мужчина должен избегать «женских» видов деятельности и поведенческих тактик) [2].

Говоря о специфике гендерного порядка в России, следует отметить, что здесь стереотипы маскулинности всегда были противоречивыми.

В русском языке и народной культуре Россия выступает в образе матери. В русской семье существовало особое почтение к матери, а вот отцы и мужья часто казались слабыми и несамостоятельными. Маскулинность часто проявлялась в деструктивной и антисоциальной форме – в бесшабашной удали, пьянстве, драках и т.д. Так, например, в дореволюционной России существовало два основных типа мужественности: «русский дворянин» («русский офицер») и «русский мужик». Первый, несмотря на такие положительные мужские качества, как честь, достоинство, патриотизм, благородное отношение к даме, был тесно связан с военным насилием. Второй также не был чужд насилию. Согласно Т. Щепаньской, лишний раз утвердиться в своей мужественности деревенским парням и мужикам позволял такой вариант ритуализированного насилия, как «праздничные драки», который начинался с призыва «За девушек!». Подобные драки «стенка на стенку» часто заканчивались гибелью нескольких человек [1; 59].

Эту противоречивую традицию продолжила Советская власть. Благодаря господству тоталитаризма и в эстетике, и в педагогике насаждался телесный эталон, который ряд авторов охарактеризовали, как маскулинизированный унисекс. Наше общество в период существования СССР было принципиально бесполом, классические маскулинные черты, включая сексуальность и инициативу, подавлялись или маскировались [3; 566]. Советская система не была идеальной, как казалось долгое время. Среди ее недостатков: экономическая неэффективность, бюрократизация, политический деспотизм, социальная несвобода, а также глобальная феминизация институтов социализации. Начиная с раннего детства в родительской семье роль матери в воспитании детей, как правило, была значительно выше, чем роль отца. Среди педагогов в детских садах, в школах, среди секретарей в официальных пионерских и комсомольских

организациях преобладали женщины и девочки [3; 567]. Подобному положению дел во многом поспособствовала катастрофа, произошедшая с мужским населением в 1930-е годы и в период Великой Отечественной Войны, которая, разрушив массу семей, ослабила значение отцовской роли мужчины. Целое поколение выросло в условиях безотцовщины, в семьях, где главой и единственным кормильцем была мать [4; 152]. Особенно губительно это сказывалось на мальчиках и юношах, которые находили замещение маскулинности в неформальных уличных сообществах, где власть и символы были исключительно мужскими. Подобное положение дел сказалось на современных нормах гендерной социализации, которые предполагают существенно более выраженную снисходительность в отношении вербальной и физической агрессивности юношей [5; 301].

После заключения брака часто доминантную роль продолжала играть женщина, но уже не мать, а жена, которая лучше мужчины планировала семейный бюджет и знала, что нужно для дома, для семьи. Подобное положение дел породило потребность в возмещении маскулинности. На бытовом уровне наблюдалось несколько вариантов. Первый – идентификация с традиционным образом сильного и агрессивного мужчины, утверждающего себя пьянством, драками, жестокостью, антисоциальным поведением. Второй – покорность и уступчивость в общественной жизни восполняется жестокой тиранией дома, в семье. Третий – социальная пассивность, беспомощность компенсируется бегством от личной ответственности, которая перекладывается на начальство, на жену [3; 590].

С началом перестройки произошли некоторые изменения. В это время стало очевидным, что мужчины нуждаются в заботе и внимании, теперь они уже не сильный, а скорее слабый пол. Физическая сила и инициативность компенсируются в мужской среде столь же очевидными слабостями, прежде всего меньшей, чем у женщин, продолжительностью жизни. Проанализировав важнейшие причины смертности, по которым мужчины неблагоприятно отличаются от женщин (легочные заболевания, транспортные происшествия, другие несчастные случаи, самоубийства, цирроз печени, артериосклероз), ученые нашли, что все они связаны с некоторыми особенностями поведения, которые в мужской среде считаются нормальными и даже положительными: курением, пьянством, склонностью к риску и насилию [6].

В настоящее время культурные стереотипы маскулинности претерпевают серьезные изменения. «Современная маскулинность», ставя интеллект выше физической силы, допускает проявление нежности, сердечности, призывает обуздать «грубые» чувства и порывы. Тем не менее, названные нормативные ожидания двойственны и отличаются различным толкованием в разных социальных средах (представления о маскулинности более традиционны у менее образованных людей) и на разных этапах жизненного пути (физическая сила, высокий рост и сильный характер по-прежнему являются важнейшими признаками маскулинности для молодых юношей).

Анализа материалов, представленных в мужском журнале «Men's Health» (традиционный и контент-анализ журнала за 2005-2010 гг.), на основе применения следующих дискурсивных блоков: «Мы конструктор», «Они» и «Блок героя» выявил следующий типичный образ современного мужчины. «Мы» - это «современные, настоящие мужчины» [7; 20], которые ведут здоровый образ жизни, заботятся о своем внешнем виде, в курсе модных тенденций. «Они» - советские мужчины, бедные, астилистичные, не следящие за собой, а также бандиты, так называемые «новые русские». «Герой» - тот, кто создал себя сам, как в физическом, так и в материальном плане.

Таким образом, сегодня в нашей стране классический канон гегемонной маскулинности все еще продолжает эксплуатироваться.

2. Орлова Н.Х. пол и гендерная картина мира [Электронный ресурс]. – URL: http://softk-rgi.narod.ru/avtori/slovo_misl/orlova.htm (дата обращения: 29.04.2008).
3. Кон И.С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч.1; под ред. И. А. Жеребкиной. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 562-605.
4. Здравомыслова О.М. Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания. По результатам исследования «Насилие в семье глазами учителей и воспитателей» // Обыкновенное зло: исследование насилия в семье. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 152-165.
5. Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. – СПб., 2007. – 384 с.
6. Кон И. С. Вкус запретного плода: сексология для всех (Врожденное и воспитанное) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.neuro.net.ru/sexology/chapt_404.html (дата обращения: 19.11.2006).
7. «Men's Health». - Январь, 2005. – С.20.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ: РИСКИ И ВЫЗОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Черепанова М.И. (Барнаул)

Актуальность проблемы охраны репродуктивного здоровья молодежи определяется кризисной демографической ситуацией в России, снижением репродуктивного потенциала, неэффективными репродуктивными установками и неадекватным репродуктивным поведением молодежи. В статье представлена специфика репродуктивных установок молодежи Алтайского края. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического исследования. Использованы результаты опроса молодежи 18-29 лет (n= 295). Готовность иметь семью с двумя и более детьми, является важной составляющей репродуктивных установок и определяется множеством факторов: тип семьи, семейное положение, доход, состояние здоровья и другое. Выявлено, что при возрастании уровня материальной обеспеченности молодого человека, увеличивается мотивация к рождению детей. Состояние здоровья, является существенным показателем репродуктивных установок, в том числе и репродуктивного здоровья. В Алтайском крае половина молодежи имеют среднее состояние здоровья и чуть меньше половины хорошее состояние здоровья, однако, каждый десятый молодой человек оценил свое состояние здоровья как плохое. Факторами, обуславливающими состояние здоровья, явились: генетические факторы, состояние окружающей среды, медицинское обеспечение и условия и образ жизни людей (курение, употребление алкогольных напитков и т. д). Было выявлено лояльное отношение молодых людей к некоторым негативным факторам самосохранительного поведения. В частности, курение не оценивается молодежью как значимый фактор, влияющий на состояние здоровья, несмотря на то, что курение укорачивает жизнь на 8 лет. Сходное отношение у молодого населения преобладает и по отношению к алкоголю. Проанализируем степень толерантности к различным девиациям, семейным дисфункциям и рискам. В Алтайском крае большая часть молодежи настроена против аборта, занятием проституцией, что обусловлено сформированными нравственными установками в сознании молодежи. Отрицательно относятся к суицидальному поведению подавляющая часть молодежи, однако каждый десятый молодой человек допускает для себя такую возможность, более четверти молодежи проявляют высокую готовность к разнообразным рискам в жизни, в частности экстремальные виды деятельности и спорта. Аборт считают допустимым при определенных условиях из разных типов семей примерно одинаковое количество молодежи в Алтайском крае. На принятие решения об аборте влияет не тип семьи, а условия, в которых человек находится: психологический микроклимат, поддержка

родственников, материальная обеспеченность, семейное положение. Гомосексуальные связи считают не допустимым большее количество молодежи в Алтайском крае. Развод допустим для большинства молодежи, не зависимо от типа семьи и условий семейной социализации. Проанализируем особенности сексуального поведения как решающего показателя репродуктивных установок. Более половины молодежи Алтайского края предпочитает жить в браке, без других половых контактов на стороне, однако каждый десятый предпочитают жить с постоянным партнером без брака, но без каких либо других партнеров на стороне, но около 7% молодежи готовы подвергать риску свое репродуктивное здоровье, имея случайных партнеров на стороне, что вероятней всего может привести к появлению инфекций, физическому дискомфорту и психологическим проблемам. Возрастные границы вступления в половую связь, являются значимым показателем репродуктивных установок, а ранний возраст ее начала считается одной из главных проблем будущего репродуктивного здоровья. В Алтайском крае 8% молодых людей вступили в первую половую связь в 15 лет, примерно столько же в 20 лет. Однако большинство молодежи назвали 18 лет. Раннюю половую связь подростков можно объяснить несколькими причинами: во-первых, это так называемая «сексуальная революция». Самая главная черта этой революции - ослабление женственности. Маскулинизация женщин проявилась и в том, что они переняли не только достоинства мужчин такие как решительность, твердость, бесстрашие - но и появляются и чисто мужские пороки: склонность к пьянству, сквернословию, распущенность в манерах и поступках, курение, безответственное отношение к потомству. А последствия - сокращение рождаемости, падение общественных нравов, отрицательное влияние на государственные устои. Во-вторых, важной причиной появления сексуальных отношений является внесение в личную жизнь духа коммерции. Современная реклама создала определенный образ отношений между мужчиной и женщиной. Эротизированный образ таких отношений стал стандартом постеров, объявлений, реклам, кинопродюсеров. [1] В-третьих, этому способствует урбанизация. Урбанизация содействует ослаблению внимания, контроля взрослых за детьми, также оказывают влияние те ценности и нормы, которые приняты в семье, а также окружение подростка [1] Физиологические причины. Ускорение полового созревания подростков: оно стало происходить рано как у девушек, так и у юношей. Большую психологическую роль в образовании ранних сексуальных отношений играет так называемая подростковая гиперсексуальность - момент, когда половое влечение наиболее сильно выражено не только резким увеличением производства гормонов в организме, но и продолжительным интересом к противоположному полу. Одной из важных составляющих как репродуктивных установок, определяющих репродуктивное здоровье, является использование средств контрацепции. В Алтайском крае по данным исследования с постоянным партнером используют средства контрацепции всегда меньше половины молодых людей, не используют - практически половина; со случайным партнером используют всегда - только каждый третий молодой человек. С коммерческим партнером используют всегда каждый десятый человек, примерно столько же не используют. Таким образом, значительная молодежь подвергают риску свое здоровье. При этом, отметили, что за последний год получили инфекцию, передающуюся половым путем, незначительное количество молодежи. Однако важно отметить тот факт, что данные результаты могут быть связаны с недостоверными ответами респондентов и стигматизацией данного явления. В России по официальным данным ежегодно регистрируется более 350 000 больных, имеющих инфекции полученных половым путем. Немаловажное влияние на формирование репродуктивных установок, а в частности на решение иметь детей в будущем оказывает уровень защищенности респондентов от различного рода угроз. Например, в Алтайском крае определенно планируют детей в будущем, если чувствуют себя защищенными от физических угроз, от конфликтов, от бедности, от различных инфекционных заболеваний, от преступности, от наркомании, от экологических проблем, от моральных угроз. Степень

защищенности стимулирует позитивные репродуктивные установки и наоборот. Резюмируя итоги статьи, перечислим решающие факторы репродуктивных установок: семейное положение, тип семьи молодого человека; материальное благополучие, уровень дохода семьи; степень защищенности от различного рода угроз; специфика сексуального поведения; готовность реализовать эффективное самосохранительное поведение. Демографические процессы в России развиваются в контексте общемировых, присущих развитым странам изменений. Однако демографическая ситуация в России, в частности в Алтайском крае отличается особой остротой, связанной не только со сверхнизкой рождаемостью, но и с высоким уровнем смертности (16,1 на 1000 населения), в том числе младенческой (11 на 1000 родившихся).[2]

В демографической безопасности общества важны не только количественные аспекты, но и качественные: население страны пересматривает главные жизненные ценности — семейные. Меняются социальные нормы детности, снижается ценность детей в структуре социальных ценностей. Изучение этих тенденций с учетом социокультурных особенностей российского общества и его регионов способно не только дать более широкие представления о репродуктивных установках и репродуктивном поведении, но и прогнозировать динамику их изменений на ближайшее будущее.

1. Антонов А.И. *Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве*// Вестник Московского университета, 2010. - №4. – с. 134-150.
2. *Официальный сайт Госкомстата. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: www.gks.ru/*

СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ КВИР-ИДЕНТИЧНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Шамова А.П. (Санкт-Петербург)

Данная тема требует взаимодействия дисциплин, в т.ч. социологии и лингвистики. Ю.Н.Караулов так описал эту связь: "нельзя познать человека, не познав его языка" и "нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу... к конкретной языковой личности" [12, 7]. Обращение к квир-идентичности (здесь и далее "квир" употребляется как синоним "гендерквир") связано с тем, что в этой проблемной области ставятся под вопрос вещи, при взгляде на "обычные" идентичности не заметные.

Небинарные гендерные идентичности существуют с древности, но сегодня они более заметны. Сопоставление англоязычного и русскоязычного Интернет-дискурса (далее – АД и РД) задевает вопросы соотношения глобального и локального, изменений гендера в процессе глобализации, квир-движений в незападных обществах.

За 2 года исследования выросло количество участников дискурса, контекстов, тенденций, активность СМИ (петиция Президенту США о признании нейтрального официального обращения "Мх." набрала в 2014 г. 100000 подписей). РД растет медленнее АД. Всего анализировано 120 русскоязычных и 773 англоязычных контекста.

Выделились следующие причины явления:

1. Самоназывание. Лексика социальных статусов – важный пласт в языке. Отсутствие слова может вызвать неуверенность в статусе, неверные ожидания. Самоназывание отражается в сообщении о местоимениях или роде (иногда как "камин-аут"). Личная необходимость в средствах создания квир-идентичности связана с потребностью в их распространении (иначе они помещают человека в центр порой опасного внимания). В АД оно видится как цель, в РД – как дело далекого будущего.

2. Взаимодействие внутри квир-сообщества. Вокруг местоимений в АД складывается речевой этикет. В РД тенденция не выходит за пределы субкультурной среды.

3. Социально-политические. Конструирование групповой идентичности, осознание групповых интересов. Одни из функций социолектов – консолидация и признание социальных групп. Тогда как средства конструирования гендерной идентичности в собственной речи, не связанные с прямым называнием себя, являются более неявными, просьба "называйте меня так-то" – это уже социально-политический акт и акт утверждения определенных отношений с реципиентом.

4. Идеологические. Небинарное использование средств языка, связанное с идеями постгендеризма, становится политическим действием. В АД средства выходят за пределы сленга отдельной субкультуры; в РД остаются кодом для посвященных. Это объясняется как структурой языков, так и экстралингвистикой. В АД более положительно отношение к языковой инициативе заинтересованных групп.

5. Значимые за пределами квир-сообщества причины: А) Феминистские. и Б) Общеязыковые: в АД – практические мотивы (в случаях, когда гендер неизвестен или скрываем). Есть влияние других языков. Но важнейшая причина появления квир-тенденций в языке – появление соответствующей реалии: изменяются научные представления о поле и гендере, социальная структура многих стран (и международного сообщества), и язык реагирует на изменения среды функционирования.

Стратегии создания квир-идентичности в речи и наличия разных гендеров в языке:

1. Избегание гендерно специфичных средств. 2. Расширение значений существующих средств: местоимения 'they', нейтральных родовых названий (в АД), ср.р. или мн.ч. (в РД). 3. Чередование средств презентации разных гендеров. 4. Заимствования. 5. Неологизмы: местоимения и созданные на основе существующих слова (в АД); одушевленные формы ср.р. ("нулевой суффикс + окончание ср.р.") (в РД).

В АД речь идет о чувствительной к социуму лексике, в РД – о более консервативных морфологии, синтаксисе, словообразовании. В АД обсуждаются: официальные и ласковые обращения, комплименты, термины родства, личные имена, лексика телесности. В РД – род в речи от первого лица, антропонимы и названия профессий, но не термины родства, что связано с различием ситуаций. В АД стратегии диалогичны (субъект зависим от выбора другим языковых средств), но квир-субъект активнее утверждает свою волю. В РД свобода выбора средств от первого лица ограничивается условиями коммуникативной ситуации и приспособления к собеседнику, зависящего от властных отношений.

Идентичность – категория интерсубъективная. Для квир-идентичности Интернет как средство дистантной и глобальной коммуникации – едва ли не единственная возможность идентификации с группой, т.к. в оффлайне носители квир-идентичности часто изолированы. Но, сложившись в онлайн, новые группы выходят в оффлайн.

Дискурс воплощается в след. формах: записи в блогах, на форумах, видео, изображения, часть – вне Интернета. В РД это чаще общение на форумах (полилоги на заданную тему), отграниченные от оффлайн, больше нарративов как рассказов о себе в виде истории, наиболее приспособленных для конструирования подвижной идентичности: рассказ о себе – одно из важнейших средств построения идентичности вообще, к тому же отдающих приоритет в определении своей идентичности самому субъекту. Менее устоявшийся нарратив в РД более индивидуализирован.

В АД коммуникативный акт специфичен: когда третье лицо называет квир-субъекта, скажем, "zie", это слово идет к адресату не от адресанта, а от референта. Средство выражения гендерной идентичности языковой личности в русском – употребление ею рода в речи от первого лица ("мой грамматический род"), в английском – употребление личных местоимений ("мои местоимения"), но в речи от третьего лица, т.е. средство выражения идентичности одной личности – речь другой личности. Это

говорит о проницаемости границ языковой личности. Можно ли при изучении индивидуальной языковой личности проводить ее границы, опираясь на то, кем было произнесено слово? Можно ли отделить одну языковую личность от другой? Эти вопросы могут быть актуальны не только в лингвистике, но и в вопросах о качественных методах в социологии.

Языковая картина мира квир-личности отличается от общенациональной в сфере понимания человека и связанных с ним явлений (различается один из ключевых концептов в языковом сознании – "гендер"/"пол"). В сознании этого носителя есть либо дополнительные номинации человека по гендеру (гендерквир, агендер), либо дополнительные понятия, требующие номинации (напр., для понятия "родитель-гендерквир"). Подобные примеры подтверждают мысль скорее о дискурсивном (М. Фуко), чем языковом (Сепир и Уорф) конструировании картины социальной реальности.

Могут ли изучаемые процессы отразиться на языке в целом? Распространение языковых изменений зависит как от коммуникации внутри группы, порождающей новшество, так и от ее статуса внутри общества в целом [6]. Можно предположить, что в АД возможны изменения в языке, т.к. рассматриваемая социальная группа имеет более высокий статус и более заметные связи с обществом в целом. В РД эти процессы скорее опережают развитие общества и вряд ли скоро "приживутся" в языке. Но они не выпадают из логики развития языка полностью; их изучение может быть полезно как часть подготовки к будущим изменениям, формирования инклюзивной языковой политики.

Результаты данного исследования могут в этом помочь, а созданный в ходе работы банк данных (собранные и систематизированные в электронном приложении материалы) планируется сделать общедоступным через Интернет и развивать.

1. Bucholtz M., Hall K. *Language and identity // A Companion to linguistic anthropology*. Ed. by A. Duranti. – Blackwell Publishing, 2004. P. 369-394.
2. Butler J. *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. – London and New York: Routledge, 1990. – 172 p.
3. Butler J. *Undoing gender*. – London and New York: Routledge, 2004. – 273 p.
4. Corwin A. *Language and gender variance: Constructing gender beyond the male/female binary // Electronic Journal of Human Sexuality, Volume 12, Feb. 12, 2009 [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.ejhs.org/Volume12/Gender.htm>.
5. Hall K. *Exceptional Speakers: Contested and Problematized Gender Identities // The handbook of language and gender/ed. by Janet Holmes and Miriam Meyerhoff*. – Blackwell Publishing Ltd, 2003. – 759 p.
6. Беликов В.И., Крысин Л.П. *Социоллингвистика*. – М., 2001. – 317 с.
7. Броуд К.Л., Кроули С.Л. *Конструируя гендерные идентичности // Гендерные исследования*. 2010. №20-21. С. 12-50 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/20-21/>.
8. Горошко Е.И. *Интернет-коммуникации в гендерном измерении // Вестник Пермского университета*. Пермь, 2006. Вып. 3 "Язык – культура – цивилизация". С. 219-229 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=88>.
9. Горошко Е.И. *Коммуникативное пространство Интернета как объект социокультурного анализа // Вісник Одеського національного університету*. Сер. "Соціологія і політичні науки". – Одеса, 2010. – Т.15.– Вип. 14. – С.130-136 [Электронный ресурс]. URL: <http://www>
10. Джагоз А. *Введение в квир-теорию / пер. с англ.* – М.: Канон, 2008. – 208 с.
11. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Шатравко Н.С. (Горки, Республика Беларусь)

В рамках инновационного подхода к обучению особое внимание уделяется формированию общих и профессиональных компетенций. Так, например, при подготовке специалистов управленческой сферы могут быть выделены три уровня профессиональных компетенций. Первый формирует ключевые компетенции, необходимые для любой деятельности в сфере управления. Они проявляются в способности решать профессиональные задачи на основе использования информации, коммуникации, социально-правовых основ поведения личности в гражданском обществе. Ко второму уровню профессиональной компетенции относят базовые компетенции, которые необходимы для осуществления основных видов профессиональной деятельности. Третий уровень образуют специальные профессиональные компетенции, помогающие осуществлению конкретного вида профессиональной деятельности. По мнению И.А.Зимней, при формировании ключевых компетенций акценты должны быть поставлены на практику применения знаний, выработку операционной и технической составляющих, а не просто на «чистые» знания. В этой связи особый интерес представляют коммуникативные компетенции, включающие гибкое использование языковых навыков и коммуникативных умений во всех видах речевой деятельности (чтении, говорении, письме) в конкретных ситуациях профессионального общения.

Отметим, что во второй половине XX - начале XXI века достаточно интенсивными становятся гендерные исследования речи представителей многочисленных профессиональных групп различного пола и возраста, что способствует выявлению определенной гендерной специфики языка и речи, установлению гендерных особенностей коммуникации (как вербальной, так и невербальной). Молодым специалистам в своей профессиональной деятельности придётся сталкиваться как с мужским, так и женским руководством, работать в смешанных коллективах. В связи с этим в перечень необходимых умений и навыков при формировании коммуникативной компетенции должны быть включены и гендерные знания.

При изучении речевого и в целом коммуникативного поведения необходимо учитывать гендерный фактор. Гендер рассматривается как один из параметров, при помощи которого в общении конструируется социальная идентичность говорящего. Как правило, он взаимодействует с другими параметрами — статусом, возрастом, социальной группой и т. п. В науке пока не сложилось единой концепции исследования гендера в коммуникации. Одной из наиболее известных работ в этой области стал труд Деборы Таннен «Ты меня просто не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге»[1]. Автор анализирует коммуникативные неудачи в общении лиц разного пола и объясняет их разными требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и женщинам, а также спецификой социализации в детском и подростковом возрасте, когда общение происходит преимущественно в однополых группах.

Под воздействием этих факторов у мужчин и женщин вырабатываются разные мотивы поведения, разные стратегии и тактики общения. Речевое поведение мужчин, как правило, нацелено на достижение и сохранение независимости и высокого статуса. От женщин общество ожидает неконфликтности, уступчивости, эмоциональности. Эти различия ведут, согласно концепции Д. Таннен, к различиям в целях общения и в интерпретации высказываний. Одни и те же высказывания могут интерпретироваться с позиции статуса или с позиции поддержания взаимосвязи, солидарности и помощи. Произнося одни и те же фразы, мужчины и женщины могут руководствоваться разными мотивами и по-разному интерпретировать слова собеседника. Например, оказание

помощи можно истолковать как проявление солидарности и укрепление взаимосвязи. Но можно увидеть в помощи и намек на то, что помогающий демонстрирует свое превосходство и пытается доминировать в отношениях.

Большой интерес представляет исследование гендера в профессиональной коммуникации. Так, в работах российских лингвистов по исследованию гендерной специфики профессионального общения [2,3] отмечается, что мужчины и женщины обнаруживают тенденции к разным стилям ведения полемики. Мужчины реже соглашаются с критикой, чаще прибегают к иронии, ссылаются на авторитеты, используют меньше речевых средств, выражающих неуверенность, и в результате производят впечатление более компетентных и уверенных в себе и своей правоте специалистов, т. е. эффективнее добиваются успеха в решении профессиональных задач.

Женщины-руководители более склонны к социальному партнёрству, поэтому чаще прибегают к мерам морального и психологического воздействия, а не к административным. Женщине-руководителю присуща и такая черта, как склонность к наставлениям, поучениям, назиданиям, что не всегда нравится, особенно мужчинам. Ещё одна особенность женщины-руководителя – стремление расширять свои профессиональные связи через общение, установление новых контактов, сбор дополнительной информации. Однако эта особенность нередко может приводить к сбору и распространению недостоверных сведений (слухов, сплетен), что может сказываться на атмосферу в трудовом коллективе.

В рамках коммуникативно-дискурсивного направления ведется изучение лингвистического конструирования гендера в коммуникативном взаимодействии индивидов в различных видах дискурса, речевого поведения мужчин и женщин с позиций теорий социальной идентичности, коммуникативной адаптации и интеракционизма. Гендерные аспекты невербального коммуникативного поведения также вызывают интерес исследователей. Установлено, что на невербальную семиотику гендера влияют особенности тех обществ и культур, к которым мужчины и женщины принадлежат.

В целом, можно отметить, что в современном обществе ролевые функции женщин и мужчин претерпевают весьма серьезные изменения. Однако эти процессы далеко не всегда учитываются при выстраивании отношений в реальной коммуникации, что ведет к возникновению проблем, обостряющих гендерно-коммуникативную взаимосвязь.

Следовательно, особенности коммуникативной ситуации и ее параметров, в том числе пол участников общения, могут оказывать глубокое воздействие на дискурс, что необходимо учитывать при формировании коммуникативной компетенции будущих специалистов в сфере профессионального общения.

1. Tannen D. *You just don't understand. Women and men in conversation.* - N.Y., 1990.
2. Халева И.И. *Гендер в теории и практике обучения межъязыковой коммуникации // Гендер: язык. Культура, коммуникация: Доклады Первой Международной конференции.* – М., 2001.- С.7-11.
3. Хохлова Т.П. *Выявление гендерных аспектов менеджмента – фактор повышения эффективности управления / Т.П.Хохлова // Менеджмент в России и за рубежом.* - 2001. - №2.- С.67-74.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЧЕРЕЗ УСРЕДНЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ ИХ ЛИЦ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Шахова Е.В. (Барнаул)

Россия – одно из крупнейших многонациональных государств мира. На территории нашей страны проживает более 160 народов. Алтайский край – как один из субъектов

Российской Федерации является полиэтничным регионом, на его территории проживают представители 142 национальностей.

Вместе с тем, современное многонациональное общество характеризуется рядом проблем, среди которых различные межнациональные конфликты, которые могут привести к дезинтеграции региона и страны в целом. Безусловно, очень важно предотвращать такие вопросы, и не доводить сложные ситуации до конфликта. При изучении межэтнического взаимодействия очень важным аспектом является анализ состояния массового сознания, сложившихся и доминирующих оценок и представлений в данной области. Немаловажную роль, на наш взгляд, при этом играют представления современной молодежи о людях разных национальностей через их внешность.

Внешность человека является его наиболее доступной для восприятия особенностью и играет важную роль в повседневной жизни [1]. От того, как человек будет воспринят, зависит выстраивание отношений в многонациональном обществе. В связи с тем, что данная тема является актуальной для современного общества, нами было проведено исследование представлений современной молодежи о людях разных национальностей через усредненные фотографии их лиц.

В начале исследования респондентам (которыми выступили студенты 1 курса магистратуры, русские по национальности) предлагалось посмотреть 11 усредненных фотографий мужских лиц разных национальностей и назвать ассоциации, связанные у них с этими лицами. На фотографиях были представлены лица следующих национальностей: русский, немец, китаец, японец, грузин, индус, эскимос, монгол, испанец, грек, мексиканец.

На основе названных респондентами характеристик было выделено 60 дескрипторов, которые образовали 30 биполярных шкал. Далее был проведен факторный анализ, на основе которого было выделено 4 фактора. Каждый фактор характеризуется определенными признаками.

1 фактор

Его характеризует русская нация. Респонденты описали себя через такую положительную характеристику, как «трудолюбивый».

2 фактор объединил монгола, японца и китайца. Это объединение кажется логичным по внешнему признаку данных лиц. Однако респонденты описали их не через черты лица, а через такие качества, как «хитрый» и «глупый». Основная характеристика представлена дескриптором – «чужой». Наверное, поэтому лица, входящие в эту группу вызывают негативные эмоции, страх, отталкивают от себя. В то же время они представляются людьми, соблюдающими закон.

3 фактор представлен лицами следующих национальностей: грек, немец, эскимос, испанец. Респонденты утверждают, что они «хмурые», «небрежные», но в то же время «обладают правильными чертами лица», и «приятны». Тем не менее, эти люди раздражают, их остерегаются и ждут от них лжи («лживые»). Их внешность описали с помощью таких дескрипторов, как «светлокожий», «узкоглазый» и «темноволосый».

4 фактор

Сюда входят грузин, индус, мексиканец. Люди этих национальностей ассоциируются как с помощью положительных характеристик, так и с помощью отрицательных. С одной стороны они представляются «общительными», «веселыми», «добрыми», «уверенными в себе людьми». С другой стороны, в их лицах отмечены такие качества, как «враждебность», «равнодушные». Окружающие считают, что с такими людьми «не нужно шутить», а необходимо быть серьезными, так, как неизвестно, чего от них ожидать («неожиданный»). Внешность данных лиц оценили как «неприятную».

Таким образом, можно отметить, что представления современной молодежи о людях разных национальностей представлены самыми различными характеристиками, они ассоциируются как с помощью положительных, так и с помощью отрицательных

характеристик. Но это не значит, на наш взгляд, что для одних наций более характерны добрые, положительные черты, а для других, наоборот, только отрицательные.

1. Лыскова О.М. Взаимосвязь семантических характеристик привлекательного портрета с личностными ценностями студентов / О.М. Лыскова // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2011. – №1.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СЕМЬИ И РОССИЯН

Шевченко И.О. (Москва)

Социальное самочувствие – важный показатель состояния общества. Мы определяем социальное самочувствие как субъективную (эмоционально нагруженную) оценку человеком или группой объективных условий своего существования, здоровья, положения в обществе и прогнозную оценку будущего. Исследование, проведенное коллективом социологического факультета РГГУ в октябре 2014 г. п/р Ж.Т. Тощенко (выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект №14-18-02016), предоставляет возможность рассмотреть различные аспекты социального самочувствия россиян (N=1750, выборка всероссийская, пропорционально-квотная). В рамках тезисов они будут проанализированы, главным образом, в зависимости от семейного статуса респондентов. Были выделены индикаторы: удовлетворенность жизнью в целом, оценка ситуации в стране, самооценка здоровья, отношение к работе, ощущение безопасности, отношение к экологическим проблемам, самооценка своего социального положения и престижа, материальное положение и оценка будущего.

1. Удовлетворенность жизнью в целом. 41,7% россиян удовлетворены своей жизнью, 17,6% – не удовлетворены, 40,7% ответили, что бывает по-разному. От происходящих в стране перемен жить семье лучше не стало. Подавляющее большинство считает, что «в целом, всё осталось по-прежнему», но проигравших почти в 2 раза больше, чем выигравших (13,7% против 7,3%). На восприятие данного вопроса влияет возраст – чем дальше от среднего возраста, тем выше пессимизм и меньше позитивных ответов («выиграли»). Пребывание в браке способствует росту позитивного восприятия. 37,4% надеются на улучшение в своей жизни, 28,5% уверены, что жизнь не улучшится, 34% затруднились ответить. В сложном затруднительном положении россияне обращаются за помощью к семье и родным (от 80 до 88% в зависимости от семейного положения), друзьям – от 53,7% до 62,8%). Семья осталась единственной «ячейкой общества» (80,3% – «ни в какой общественной организации не состою»), надеждой и опорой каждого россиянина. Почти 87% удовлетворены кругом своего общения.

2. Оценка ситуации в стране. 45,3% сказали, что страна развивается в правильном направлении, 18,1% – в неправильном, 36,6% – затруднились ответить. Несколько большим пессимизмом отличаются разведенные (вдовы) и состоящие в гражданском браке – 62,9% и 65,4%, соответственно. 38,4% считают, что экономические реформы в России идут в правильном направлении, 22,7% – в неправильном, 38,9% – затруднились ответить. Разведенные (вдовы) и состоящие в гражданском браке проявляют пессимизм (68,9 и 71,9%, соответственно). 41,2% оценили ситуацию в России как кризисную или катастрофическую, среди состоящих в гражданском браке таких 50,3%. Можно отметить противоречие в общественном сознании россиян: оценивая направленность реформ и развитие России как правильное, они называют ситуацию в России кризисной или катастрофической. Вместе с тем, 39,8 воспринимают ситуацию как обычную, а 6,6% – как благоприятную, что может говорить о том, что жители России привыкли к любым потрясениям.

3. Самооценка здоровья. Здоровье занимает 2 место после семьи в ценностных ориентациях россиян (87,6%). Россиян тревожат такие проблемы, как распространенность наркомании (83,6%), алкоголизма (93,9%), состояние здравоохранения. 26% имеют хронические заболевания. 80,7% россиян болеют хотя бы иногда, но к врачу обращаются не всегда (32,6% – на раз у за год). Только 23,5% оценивают свое питание как качественное, 58,3% – в целом нормальное, но не всегда качественное, 15,9% – за питанием специально не следят, 2,2% – питаются плохо. Почти указали, что 58% не занимаются спортом.

4. Отношение к работе. Работа является источником дохода для 80% россиян. Материальная составляющая – не единственное, что определяет отношение к работе. 79,6% поддержали утверждение, что «работа есть обязанность перед обществом», 90% – что «без работы человек становится нахлебником». При этом 61,8% сказали, что «если люди не хотят работать, пусть не работают». Основная причина недовольства на работе – несправедливость в оплате труда (64,3%). Россиян волнуют также неясность в оплате труда – 22,7%, отсутствие перспективы в карьере – 15,4%. Есть опасения потерять работу почти у 20%. 48,2% указали, что им приходится подрабатывать помимо основной работы регулярно или время от времени. При этом удовлетворенность работой достаточно велика, хотя и не во всем.

5. Безопасность. Россиян волнуют: воровство – (92,4%), отсутствие личной безопасности (90,2%), коррупция, взяточничество (87,4%), бюрократизм (84,3%), криминальная обстановка и преступность в своем районе (18,7%).

6. Экологические проблемы беспокоят россиян как в целом (20,5%), так и в пределах своей среды обитания (39%). При этом 61,3% не участвуют в экологических акциях и экологическим образом жизни не озабочены (не следят за питанием, не занимаются спортом).

7. Самооценка социального положения и престижа. Социальное положение и престиж человека определяют владение деньгами, материальными или другими ценностями (67%), обладание властью или доступ к ней (58%), связи с нужными людьми (57%). Только 19,8% указали, что социальное положение семьи влияет на статус. Большинство людей отнесли себя к средним слоям как по социальному статусу, так и по материальному положению, что не соответствует действительности. Свой социальный статус оценивают ниже разведенные (вдовы): в нижних стратах их гораздо больше, а в высших стратах – меньше.

8. Материальное положение россиян. 53% россиян хватает дохода в основном на еду и одежду, в остальном приходится экономить, 35,2% могут себе позволить покупку холодильника, музыкального центра..., но не более. Только 23,5% указали, что питаются качественно. Таким образом, россияне склонны завышать своё материальное положение. За последние 3 года материальное положение 52,3% семей осталось без изменений, 18,4% – ухудшилось. Так же как социальный статус, своё материальное положение оценивают ниже разведенные (вдовы): в нижних стратах их гораздо больше, а в высших стратах – меньше (в двух высших вообще нет).

8. Оценка и отношение к будущему. Большинство жителей России не планируют свою жизнь, а если планируют – то на 1-2 года, что говорит о неуверенности в будущем. 20,3% испытывают страх перед будущим, 27,2% – беспомощность повлиять происходящее, 39,3% – чувство несправедливости. 35,6% россиян испытывают чувство надежной поддержки близких. Страх перед будущим чуть меньше у женатых (замужних), они же чаще испытывают чувство надежной поддержки близких, разведенные (вдовы) чаще страдают от чувства несправедливости.

Россияне устали от постоянных перемен, хотят стабильности и порядка, поэтому 36% поддержали суждения, что «страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах», 33,8% – «России нужна твердая рука, порядок в обществе», 55% – «при всех недостатках нынешнюю власть следует поддерживать». 55% сказали, что желали бы

«обеспечения стабильности в обществе, без войн и революций». 63,2% россиян хотело бы жить в «государстве, где соблюдают справедливость, равные права для всех».

ГЕНДЕРНЫЙ РЕЖИМЫ НИЖЕГОРОДСКИХ ШКОЛ

Шорыгин Е.А. (Нижний Новгород)

Концепция «гендерного режима» была введена австралийским социологом Рэйвин Коннелл, рассматривающей гендерную проблематику на уровень структур и институтов, придерживаясь структурно-конструктивистского подхода. Понятие «гендерный режимы» обозначает «правила игры, определяющие гендерное поведение и взаимодействие в отдельных институтах» [1, р. 120]. Автор отмечает, что гендерные отношения присутствуют во всех типах институтов и в большинстве случаев являются самой важной структурой, при этом «узкие формальные организации по типу школ имеют особо явные гендерные режимы» [Ibid.].

Инструментами конструирования гендерных режимов могут служить как нормативно-законодательные акты на макроуровне, так и положения устава школы, особенности социального взаимодействия в школьной среде на микроуровне. Совокупность социальных интеракций, интернализация социальных норм, транслируемых родителями, учителями, СМК, формируют гендерные установки и индивидуальные гендерные режимы, которые в процессе обобществления образуют групповые гендерные режимы, совокупность которых формируют общий гендерный порядок. Под гендерным порядком у Коннелл понимается «паттерн властных отношений между мужчинами и женщинами и соответствующие ему определения феминности и маскулинности» [Ibid., р. 99].

Методология нашего исследования базируется на количественно-качественном подходе. На основе проведенных глубинных интервью (n=24 первокурсников) и анкетирования (n=600 старшеклассников), нами были сконструированы 2 «идеальных типа» – либеральный и консервативный гендерные режимы. Наименования типов не случайны и обусловлены не только особенностями гендерных установок, но и корреляцией с политическими убеждениями.

В дополнении к серии глубинных интервью нами был использован метод «гарфинкелинга» (кризисного эксперимента), «модифицирующего объективную структуру общеизвестной обстановки за счет того, что лишает законной силы фоновые ожидания» [2, с. 64]. Информантам были показаны изображения фотомоделей андрогинов, после чего интервьюер раскрывал истинную половую принадлежность моделей и получал от информантов нарративы о нормативных маскулинности и феминности, являющиеся индикаторами гендерных режимов.

Подавляющее большинство информантов склонны к негативной оценке феномена андрогинности как такового: 16 человек (70%) считают недопустимым подобное проявление индивидуальности, апеллируя к биологическому эссенциализму, что является показателем консервативного гендерного режима.

Положительную реакцию чаще демонстрируют девушки. Так, из девяти девушек четыре продемонстрировали нейтральное или позитивное отношение к андрогинам, обосновывая это тем, что выбор человека надо уважать, каким бы он ни был. Подобные коннотации могут служить индикаторами либерального гендерного режима.

Нетерпимость к юношам-андрогином оказалась гораздо более выраженной. Девушкам допускается куда более свободный выход за рамки феминности. Если же

говорить о юношах, то здесь любые отклонения от гегемонной маскулинности интерпретируются большинством как девиация и сопровождается санкциями.

Таким образом, либеральный гендерный режим характеризуется принятием инвариантных гендерных ролей и практик, предполагает возможность и допустимость альтернативных моделей поведения для юношей и девушек, толерантен к неконформному гендерному дисплею. Доля школьников, солидарных с данными установками, составляет всего 10%.

Доминирующим гендерным режимом современных школ оказался консервативный (90%), суть которого сводится к принудительному исполнению индивидом традиционного гендерного сценария в зависимости от биологического пола.

Рассматривая нормативные представления о мужественности и женственности школьников в целом, нами были сконструированы портреты «идеальных» мужчины и женщины. По представлению большинства учеников (>80%) девушку можно считать нормальной, если она женственна и ухожена, в своем поведении проявляет нежности, а во внешнем виде придерживается естественности – носит длинные волосы и не забывает красить ногти.

Абсолютное большинство школьников уверены, что базисные характеристики «нормального» мальчика – мужественность и способность защитить. Маскулинность, в свою очередь может выражаться и в спортивном телосложении, а также если длина волос будет достаточно короткой – весь этот набор позволяет мальчикам выглядеть «естественно».

Гендерный режим может быть связан не только с установками о нормативных маскулинности и феминности, также нами были обнаружены корреляции с рядом социальных структур, начиная с семьи и заканчивая религиозностью.

Высокий уровень толерантности, как один из индикаторов гендерного режима, наиболее характерен для «либералов», в то время как школьники с консервативными гендерными установками в 10 раз чаще говорят о своей интолерантности к инаковым.

На диаметрально противоположных позициях оказываются школьники с разными гендерными режимами и в контексте насилия – среди консервативно-ориентированной молодежи в 2 раза больше тех, кто заявляет о своем участии в практиках буллинга и других форм насилия, в то время как среди либерально-ориентированных групп преобладает число «жертв». Это может быть связано с их принадлежностью к группам меньшинств: среди них 26% – ЛГБТ, 22% – этнических и 4% – религиозных меньшинств.

Рассматривая структуру семейной организации, мы установили, что в среде «либералов» преобладает материнская монородительская семья. Семейный альянс «мать+отчим» также более характерен для «либералов». На ряду с этим, в этой группе в 2 раза больше тех, кто живет в так называемой многопоколенной семье. Более того, эти школьники более склонны к быстрому уходу из «родительского гнезда», что может служить показателем как материального благополучия, так и проблем в отношениях с родителями.

Для консервативного гендерного режима более характерна полная семья, при этом доля тех, кто проживает в монородительской отцовской семье здесь в несколько раз выше по сравнению с «либеральной» молодежью, что может объяснить преобладание патриархальных установок у данной группы.

Доля родителей с высшим образованием наиболее высокая у детей с либеральными гендерными установками, в то время как среди второй группы этот показатель смещается в сторону индикатора о среднем уровне образования. Более того, либеральные школьники чаще говорят о своей отличной успеваемости. Ученики с консервативным гендерным режимом демонстрируют заниженное качество учебы –

несмотря на то, что большинство учеников из данной подгруппы являются «хорошистами», число отличников здесь в 2 раза меньше.

Говоря о спортивности, четверть учеников из «либеральной» группы отметили, что никогда не занимались спортом. У «консерваторов» этот показатель значительно ниже – лишь 5% школьников говорят об отсутствии интереса к спорту, что опять-таки подчеркивает маскулинную ориентированность данной подгруппы.

Диаметрально противоположная позиция «либеральных» школьников прослеживается и в контексте религиозности – эта молодежь более атеистична, в то время как большинство «консерваторов» считают себя религиозными. Подобное распределение по шкале религиозности во многом объясняет традиционные гендерные установки, поскольку религиозные доктрины дают молодежи четкую картину гендерного порядка, выстроенного, как правило, в патриархальном стиле.

Таким образом, положение школьников с различными гендерными режимами на противоположных полюсах социокультурного пространства позволяет говорить о наличии в школе широкой социальной дистанции, обусловленной реальной гендерной структурой, функционирующей по принципу деления субъектов на «мы – они» и предписывающей молодежи готовые наборы моделей поведения и ценностей, игнорируя индивидуальные особенности и потребности. Нарушение предписанных гендерных образцов незамедлительно провоцирует санкции как со стороны сверстников, так и со стороны руководства и педагогического состава.

1. *Connell, R.W. Gender and power. Society, the Person, and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press, 1987. 334 p.*
2. *Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.*

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ОТЦОВСТВА В РОССИИ

Янак А.Л. (Нижний Новгород)

Современный этап развития семейно-брачных отношений характеризуется разделением супружеской и родительской сфер. Родительство проходит этап институционализации в качестве особой структурной единицы системы семьи, а материнство и отцовство, по-прежнему оставаясь важнейшими родительскими субинститутами, обрастают новыми относительно самостоятельными практиками.

Процесс модернизации родительства тесно сопряжен с общемировыми тенденциями и глобальными преобразованиями в семейной сфере, которые обуславливают вариативность семьи: наряду с увеличением спектра традиционных моделей семейно-брачных отношений, широкое распространение приобретают их альтернативные формы. Из числа последних наиболее «востребованными» в России являются: монородительские семьи, постразводные семьи и сожительства (фактические браки). Результаты Всероссийских переписей населения последних десятилетий фиксируют не только весьма высокий уровень представленности данных категорий в составе семейной номенклатуры российского общества, но и динамику их роста. Так, по данным микропереписи 1994 года доля неполных семей составила 16,6% от общего числа семейных домохозяйств [1], к 2002 году она возросла до 21,6%, а результаты обследования 2010 года лишь подтвердили сохранение высоких позиций монородительской семьи отметкой в 21% [2]. Постразводные семейные практики, интерпретируемые как одна из разновидностей неполной семьи или как комплекс отношений с родителем-нерезидентом, также приобрели широкое распространение, благодаря зашкаливающему уровню разводимости: в 2012 г. на 1000 браков приходилось 529 разводов, а число

несовершеннолетних детей в распавшихся семьях составило около 3,2 млн или 12% детского населения страны [3]. Показатели демографической статистики также фиксируют рост числа сожительства (незарегистрированных союзов): если по данным микропереписи 1994 года их доля в общем числе супружеских союзов составила 7%, то к 2010 году она достигла отметки в 13% [4]. Важно понимать, что укоренение указанных практик, означает, в том числе, появление новых моделей биологического и социального отцовства (одинокое отцовское; постразводное нерезидентное отцовство; отцовство в незарегистрированных партнерствах (сожительствах) и др.), развитие которых является прямым следствием количественных и качественных изменений в функционировании семейных и гендерных отношений и ценностей.

По-прежнему существует специализация материнства и отцовства, однако трансформация гендерных и семейных ролей мужчины и женщины обрастает последствиями, связанными с изменением требований и ожиданий общества по отношению к родительской роли мужчины [5]. Так, с одной стороны, в развитых западных обществах имеется тенденция к предпочтению эгалитарной модели семьи, для которой характерны ситуативный подход к распределению властных отношений и обязанностей между супругами, взаимозаменяемость их ролей [6]. С другой, несмотря на рост авторитета женщины, увеличение ее энергетических и временных инвестиций в профессиональную занятость и карьеру, стремление и способность материально обеспечивать семью, и, как следствие, пересмотр отцами своей родительской значимости, развитие модели вовлеченного отца, в институциональном плане роль отца все еще ассоциируется с конструктом кормильца. Таким образом, в процессе социокультурной эволюции отцовство расширяет свои функциональные границы и спектр поведенческих вариаций, классифицирующихся И.С. Клециной на модели: «традиционный отец» (выполняет обеспечивающую, руководящую, контролирующую и защитную функции) и, «отсутствующий отец» (участие в жизни детей отсутствует или ограничивается редкими контактами), «ответственный отец» (обеспечивает свой вклад в воспитание детей, но менее серьезный, чем материнский), «новый отец» (поровну делит обязанности по воспитанию детей с матерью) [7].

Рост числа альтернативных отцовских практик зачастую сопровождается проблемами в осуществлении родительской роли (в ежедневном функционировании и развитии отцовско-детских отношений, трудности на определенных этапах жизненного цикла семьи и т.д.), решение которых, как правило, ложится на плечи самих отцов и их ближайшего окружения. Реакцию государственных систем социальной защиты и социального обслуживания населения на динамичные изменения в семейной номенклатуре в целом и родительской сфере в частности можно назвать отстающей и сдержанной [8]. Представители различных категорий отцовства и/или носители определенных проблем все чаще находят или создают альтернативные источники поддержки, инициируя создание специализированных сообществ или присоединяясь к действующим отцовским организациям. Данная практика берет свое начало еще в СССР в 1990 году, когда была создана первая ассоциация одиноких отцов «Мапулечки Москвы», и продолжается по сей день. Рост числа указанных объединений постепенно актуализирует интерес общественности к программам, что выражается в появлении подобных инициатив «сверху» - групп «взаимопомощи» с профессиональными лидерами в лице сотрудников социальных служб (например, клуб одиноких отцов «Отцы и дети» ГБУ социального обслуживания населения Свердловской области «Центр социальной помощи семье и детям «Каравелла» Верх-Исетского района г. Екатеринбурга»). Последнее может служить индикатором политизации отцовской проблематики, хотя и не выходит за рамки примеров социального партнерства государства и «третьего сектора».

Таким образом, общемировые тенденции в семейной сфере спровоцировали качественные трансформации супружества и родительства, переживающих процесс институционализации в качестве относительно самостоятельных элементов семьи как

некой системы. В свою очередь, плюрализм супружеских и родительских практик, в том числе, означает распространение новых моделей отцовства как традиционных, так и альтернативных. Между тем, внутри данных групп также можно говорить о множестве классификаций отцовских практик, в частности по уровню включенности отца в воспитание ребенка/детей. Новые вариации функционального и социального наполнения роли отца, могут провоцировать возникновение различных трудностей в ее реализации. Все более востребованными субъектами помощи в решении проблем различных категорий отцов оказываются отцовские объединения, предлагающие им специальные программы поддержки.

1. Дементьева И.Ф. *Негативные факторы воспитания детей в неполной семье* //СОЦИС. 2001. №11. С.108-113;
2. *Рассчитано и составлено по материалам официального сайта Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/>. Итоги Всероссийской переписи населения 2002г. Доступ через <http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_02.htm/>. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Доступ через <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf>. Дата обращения 03.10.2015;*
3. Ржаницына, Л.С. *Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей*. Проект Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2012. – 231 с.;
4. Егорова, Н.Ю. *Современное супружество: модели отношений/ Н.Ю. Егорова// Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2013. № 4 (32). – С. 20-26;*
5. Чикалова, Е.А. *Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе, 2012, № 2. – С. 43-53;*
6. К. Хаким: *Модели семьи в современных обществах: идеалы и реалии/ Пер. с англ. А.Л. Янак // Социальные науки: Реферативный сборник / Составитель и научный редактор З.Х. Саралиева. - Вып. 9. - Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2014. - С.165-185;*
7. Клецина, И.С. *Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе, 2009, № 3. – С. 29-41;*
8. Кормициков, Д.А., Янак, А.Л. *Гражданская идентичность сквозь призму участия в родительских ассоциациях и движениях // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 144-148.*

МОИ МАМЫ ПОЖЕНИЛИСЬ

Янченко Е.А. (Санкт-Петербург)

Начало XXI века обусловлено колоссальными изменениями, которые испытывает на себе семья. У каждого человека существует свое представление о семье и семейных отношениях. Кто-то отрицает особую роль семьи в развитии общества, для кого-то семья это важнейшая жизненная ценность. Однако, именно семья формирует человека, систему его ценностей и взглядов, в ней формируется личность человека. Ни одна нация, ни одно сколько-нибудь цивилизованное общество не обходились без семьи. Обозримое будущее здорового общества также не мыслится без семьи. Следует отметить, что для науки семья представляет особый интерес. Проблемной стороной многих исследований является многоликость интерпретаций семьи в современной действительности.

Новые взгляды на семью во многих странах трансформируются в новую социальную культуру. «У лисенка Жана две мамы», «Танго двух пап» - современные французские книжки для маленьких детей. «Мои мамы поженились», «Папы носят платья» - книжки для детей постарше. Немецкая книжка «О мальчике, папа которого развелся с мамой и ушел к другому мужчине». В этой книжке, от имени мальчика объясняется как хорошо иметь двух пап и как много времени он проводит с ними. Специальные методики по новому воспитанию детей разрабатывают на уровне

министерств. Согласно инструкции мировой организации здравоохранения и Юнисеф, начиная с детского сада, социальным работникам и учителям предлагается ознакамливать детей с разными гендерными ролями. Идеологи новой Европы, настаивают, что человек в раннем детстве – бесполое существо, которое не знает кем является – мужчиной или женщиной. В Англии считается нормальным наряжать детей в одежды обоих полов. Ребенок должен сам определиться кто он такой. Считается, что гендерное нейтральное воспитание дает ребенку свободу выбора. Все это последствия модной теории гендера, которая имеет американское происхождение, согласно ей человек рождается бесполом, одновременно являясь и мужчиной и женщиной, а пол ребенка зависит не от того кем он родился, а от того, как его воспитывали. Подправить физическое несоответствие – это дело хирургической медицины. Согласно этой теории гендера ни мужчин, ни женщин не существует, есть только насильно распределенные роли. С точки зрения здравого смысла и христианства – это не безупречная теория, но она захватывает Европу. В Германии эта идеология называется конструктором. И в первую очередь, она направлена на детей. Конструирование таких детей будущего начинается в специальных детских садах.

Многие ученые считают, что программа гендерного равенства разрушительна, она вводит детей в заблуждение, дети перестают понимать какая у них социальная роль. Если человека смущает собственная личность, то ему сложнее найти партнера и установить с ним устойчивые отношения. Таким образом, эта программа разрушительна и для демографической ситуации в будущем. Сложно строить отношения с человеком, который в любой момент может переменить половую ориентацию.

Борьба с гендерными стереотипами в Европе, особенно ярко процветает в последние годы. Эта борьба противоречит законам природы, считает политолог Мануэль Охзенрайтер, с его точки зрения, концепция комплексного гендерного подхода является идеологической, а не научной. И эта идеология утверждает, что социальный пол получается путем образования и кроме роли мужчины и женщины, существует еще множество других социальных ролей. Каждый такую роль для себя выбирает сам. Выбор такой роли способствует обогащению жизни человека. Гомосексуальное или гетеросексуальное поведение приобретает с возрастом, а не является врожденным.

Несмотря на сопротивление большинства населения Европейских стран принятию законов о легализации однополых союзов и усыновлении детей однополыми парами с 2001 по 2015 гг. в 24 странах мира легализованы однополые браки. В Норвегии в нетрадиционных семьях растет уже 20тыс. детей. В той же Норвегии в 2012 году прошел первый детский гей парад в истории человечества. Организаторы подобных шествий считают, что они необходимы для распространения толерантности в обществе. Система работает таким образом, что против однополых браков практически невозможно выступать, иначе вы будете заклеены позором, точно также как в 60-х годах неприемлемо было выступать за однополые браки.

Как же так случилось, что консервативная Европа, веками чтившая семейные традиции дошла до гендерной нейтральности. Социологи объясняют это тем, что сегодня многие представители нетрадиционных меньшинств находятся во власти. Аудун Лисбаккен – норвежский политик не скрывает своей нетрадиционной ориентации. Еще недавно он возглавлял министерство по делам семьи и детства, сейчас лидер Социалистической левой партии. Внес 13 млн норвежских крон на развитие нетрадиционного сексуального образования в Норвежских детсадах и школах. Премьер министр Нидерландов Марк Рютте на защите прав меньшинств сделал карьеру. Именно он считает, что в России с этой темой большие проблемы. Даже были предприняты попытки сорвать Олимпиаду в Сочи под предлогом того, что в России притесняются геи. Даниэль Кон-Бендит – глава объединенной фракции зеленых в Европарламенте, в молодости работал в детсадах и обвинялся в нездоровом влечении к детям. Теперь он продвигает программы детского воспитания, возглавляя Министерство по делам детей и сексуальному многообразию.

Алексей Комов - представитель всемирного конгресса семей в ООН считает, что в Европе происходит разращение детей в масштабах государства. По прогнозам аналитиков к концу 21 века европейская цивилизация может исчезнуть. Ведь, люди, неопределившиеся с гендером не хотят заводить семью и детей. Ученые считают, что повторять все модные нововведения не стоит, ведь все это ведет к уничтожению семьи и семейных ценностей. Легче управлять людьми, которые не имеют навыков самостоятельного анализа информации происходящей в мире, людьми, которые лишены любой коллективной идентичности, будь то национальной, религиозной или половой.

В России однополые официально не признаются, а любые другие формы союзов для однополых пар законодательством не предусмотрены. Позиция нашего Президента по этому поводу однозначна. Расстройства половой идентификации, в том числе детской, все также признаются заболеванием (F.64) в соответствии с Международной классификацией болезней (МКБ-10). Тем не менее, время от времени однополыми парами предпринимаются попытки заключения браков, а отказы в приёме заявлений органами ЗАГС обжалуются, в судах различных инстанций.

18 января 2005 года в Савёловский ЗАГС города Москвы было подано заявление о регистрации брака между депутатом парламента Башкирии от партии «Яблоко» и главным редактором гей-журнала «Квир» и сайта Gay.ru. Фактически депутат от партии открыто признавал то, что он является гетеросексуалом и заявление подаётся с целью получить официальный отказ и обжаловать его в Конституционном суде. Обжалование в Конституционном суде и других судах высшей инстанции закончилось отказом.

12 мая 2009 года две гей-активистки попытались зарегистрировать брак в Тверском ЗАГСе Москвы, но получили отказ со ссылкой на Семейный кодекс РФ. Эта история имела широкий общественный резонанс. 6 октября 2009 года Тверской районный суд Москвы признал законным отказ ЗАГСа регистрировать данный брак Пара подала на обжалование решение в вышестоящую инстанцию, где тоже проиграла. 23 октября 2009 года ЛГБТ-активистки из России заключили брак в Канаде, супруги намерены добиваться признания заключённого брака в России. 18 января 2011 года Европейский суд по правам человека зарегистрировал их жалобу на отказ поженить их в России, в котором говорится, что Российское государство нарушило статью 12 Европейской конвенции, гарантирующую право на брак, а также статьи 8 (право на уважение семейной жизни) совместно со статьей 14 (право не подвергаться дискриминации).

В июне 2013 году в Петербурге во дворце бракосочетания № 4 была предпринята попытка регистрации пяти однополых браков-трёх пар юношей и двух пар девушек, в чём им было отказано. Все пять пар подавали жалобы на действия петербургского Дворца бракосочетаний и всем парам было отказано в судебном порядке.

7 ноября 2014 года в Петербурге был официально зарегистрирован брак между женщиной и трансгендером, который по документам всё ещё являлся мужчиной, однако уже проходил курс гормонотерапии и готовился к хирургической коррекции пола с мужского на женский. Будущие супруги были одеты как две невесты в свадебные платья. СМИ назвали данный брак «первым ЛГБТ-браком в России», однако, формально он является браком между мужчиной и женщиной. Виталий Милонов, известный как автор петербургского закона против пропаганды гомосексуализма, сообщил о том, что будет добиваться отмены брака и готовит законопроект, запрещающий вступать в брак лицам, сменившим пол, а также устанавливающий ответственность работникам органов ЗАГС, заключающим подобные браки. Но о законопроекте все позабыли, а вот об ответственности сотрудников ЗАГС нет. Дворец бракосочетаний № 4 в Санкт-Петербурге закрыт, сотрудники уволены.

Наше семейное законодательство на сегодняшний день весьма уязвимо. В нем не прописано, что один из супругов не имеет права сменить пол. А также смена пола одним из супругов не является основанием для расторжения брака или признания его недействительным. За последние 6 лет только в Санкт-Петербурге зарегистрировано 65

перемен пола. Некоторые из переживших пол состоят в зарегистрированном браке и имеют детей. Таким образом, в нашей стране однополые браки запрещены, но возможны. Новая Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года затрагивает многие проблемы российских семей, а проблемы однополых браков и смены пола одним из супругов даже не касается. Ведь известно, что лучше предупредить болезнь, чем лечить, если мы не хотим жить в больном обществе. Поэтому социологам, психологам, юристам, политическим деятелям и врачам необходимо объединить усилия по совершенствованию российского законодательства и укреплению позиций традиционной семьи в здоровом обществе.

1. *Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод*, М. Юридик. Лит., 2009,- 38с.
2. *Караева И.И. Роль семьи в духовно-нравственном воспитании / И.И. Караев //Социально-гуманитарные знания. – 2013. № 2 – с. 32-40.*
3. *Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект) Комитет Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей.*
4. *Прокопенко И.. Теория заблуждений. Запрещенные факты*, М., Эксмо, 2014, 308 с.
5. *Семейный кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ от 29.12.1995. (ред. от 04.11.2014) (с изм и доп., вступ. в силу с. 01.01.2015) М.: Юркнига. 2015. – 64с.*
6. *Синельников А.Б. Антисемейная революция / А.Б. Синельников // Семья и социально-демографические исследования. Научный интернет-журнал. – 2014. — № 2.*
7. *Федеральный закон об актах гражданского состояния № 143-ФЗ от 15.11.1997 (ред. от 23.06.2014) (с изм и доп., вступ. в силу с. 01.01.2015) М.: Юркнига. 2015.- 46с.*

СЕКЦИЯ 12: СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПОДРОСТКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Аллахвердова О.В., Новикова А. М. (Санкт-Петербург)

Подростки сегодня, завтра уже станут будущим России. Социально-экономическое развитие и осуществляемые в российском обществе в последние 10 лет реформы в образовании привели к серьезным трансформациям форм социальных отношений, к неясности перспектив своей жизни и дальнейшего направления развития для молодежи.

По данным Госкомстат за 2013-2014 годы более 50% подростков, совершивших преступления, – из неполной семьи; более 30% детей с психическими отклонениями росли без отца. На сегодняшний день в России 4 млн. беспризорных, ежегодно совершается подростками 6 тыс. преступлений, 2 тыс. детских самоубийств. Особый вопрос – здоровье подростков. Для подростков образовательное сообщество, включающее в себя школы, секции, кружки, клубы и т.п. является той структурой, в которую они вовлечены наиболее активно. В современной школе наибольшее внимание уделяется предметному образованию и различным формам его совершенствования. Нагрузка, которая ложится на учителей, не позволяет им заниматься учениками вне классных занятий. С точки зрения поддержания баланса среды для подростков и молодежи важно рассматривать прежде всего социальную сферу, т.к. именно в ней формируется социальное здоровье общества.. В связи с особенностями своего возраста именно молодежь наиболее активна в

изменении своего мировоззрения и для формирования здоровых компетенций у молодых людей и подростков важно воздействие именно на эту группу.

Целью исследования было определение методов, способствующих формированию социальных компетенций подростков в образовательных сообществах. В рамках исследования были определены основные функции образовательных сообществ и основные методы, используемые для формирования социальных компетенций подростков.

Важно также было определить, формируют ли используемые методы воспитания в школах, необходимые и значимые компетенции подростков. (выборка: подростки 14-15 лет: 130 чел., в т.ч. 74 девочки, 56 мальчиков из, трех школ Санкт-Петербурга различных районов города)

Методы исследования: Анализ законодательных актов и документов, регламентирующих деятельность специалистов образовательных сообществ. Анкетирование для определения потребностей подростков, и наличие социальных компетенций. Интервью с экспертами разного уровня для определения существующих методов работы социального работника с детьми, родителями и окружением.

Результаты исследования:

По результатам анализа интервью с экспертами сформулировано общее определение «социальной компетентности», которая понимается, как способность применять получаемые знания на практике, умение адекватно и эффективно реагировать на возникающие жизненные ситуации в социуме и преобразовывать окружающую социальную реальность, используя ресурсы окружающей реальности в соответствии с текущей ситуацией, находить новые источники для получения новых знаний».

Анализ мнения экспертов показал, что основные проблемы, с которыми сталкиваются специалисты в процессе формирования социальных компетенций: 1. Взаимодействие между подростком и родителем; 2. Взаимодействие между родителем и специалистом (педагогом/социальным педагогом/социальным работником); 3. Плохой психологический климат в классе, подвергающий подростков стрессу; 4. Бюрократизация процесса работы с детьми. Как и следовало ожидать, большинство экспертов отметили, что самым лучшим методом по формированию компетенций у подростков является личным пример педагогов и родителей.

Обращаясь к результатам исследования потребностей подростков, их проблем и социальных компетенций были получены следующие результаты. Важным фактором для самочувствия и нормального развития подростков является та среда, в которой он находится в школе и других образовательных сообществах. Для понимания значимых качеств одноклассников, которые импонируют подросткам, их просили назвать эти качества. Наиболее положительными во всех изучаемых школах были названы качества: Чувство юмора (57 чел./43 %.); Доброжелательность (56 чел./43 %.); Общительность (33 чел./25%.); Отзывчивость (25 чел. /19%); а к негативным качествам были отнесены: Глупость (46 чел./35%); Грубость (34 чел./ 26%); Жестокость (18 чел./13%); Предательство (14 чел./ 10%);

Также было обнаружено, что психологический климат выше в коллективах, где редко происходят конфликты. Но определить, что является причиной, а что следствием, в данном исследовании не было возможности проверить.

Если говорить о проблемах, которые волнуют подростков, ранжирование проблем по степени значимости в изучаемых школах показали, что на 1 месте – главная проблема - «отношения с родителями», и далее «отношения между родителями» и «здоровье близких родственников».

В подростковом возрасте весьма актуально встает вопрос о выборе будущей профессии. На вопрос «Какую работу Вы бы хотели иметь в будущем?». Ранжирование ответов показало, что на первых местах находятся (1) «престиж», (2) «высокая заработная плата» и (3) «гарантия от безработицы». Также было обнаружено, что подростки не хотят работать в сферах деятельности, которые наносят вред здоровью.

Развивая идеи будущей взрослой жизни и оценивая наличие социальных компетенций, респондентам предлагалось также разрешить некоторые проблемные ситуации. В списке предлагались следующие проблемы: потеря паспорта, оформление медицинского полиса, оформление проездного, затопление квартиры соседями оплата квитанций ЖКХ, сильное ухудшение самочувствия, поиск работы и т.п. Прилагался также список возможных вариантов решения. Респонденты могли выбирать несколько решений для одной проблемы. При ответе на этот вопрос практически все респонденты выбирали минимум два варианта ответа и только 22 % показали знание, каким образом необходимо вести себя в различных ситуациях, требующих решения, а 72%, в ряде случаев затруднились ответить, как необходимо себя вести.

Особо был выделен вопрос об их поведении в экстремальных ситуациях, таких как насилие со стороны незнакомого человека или насилие в семье, обнаружение документов незнакомого человека, резкое ухудшение здоровья друга в общественном транспорте, беспорядки в вагоне метро или ситуация потери в незнакомом городе. Результаты показали, что большинство обратилось бы с заявлением в полицию (78 человек). Обратиться к родственникам или друзьям выбрали всего 30 человек. Только в этом вопросе использовался ответ «другое» и был «убегу» и «разберусь сам».

Обобщая в целом выбор респондентов относительно путей решения проблемных ситуаций также обнаружено, что от 20% до 55% (по разным проблемам) подростков не знают, как решить те или иные проблемы в указанном выше списке.

По результатам анализа копинг-стратегий поведения подростков выбирается «стратегия решения проблем своими ресурсами и средствами» только у 28%. Остальные же (72%) предпочитают «стратегию избегания», которая определяется, как «сделаю вид, что ничего не вижу».

Полученные результаты позволяют судить о наличии определенных проблем у подростков с формированием компетенций, однако, в целом большинство опрошенных смогли бы справиться с трудными ситуациями, если бы смогли надеяться на помощь близких или друзей. Все эксперты сошлись на том, что процесс формирования социальных компетенций крайне важен как для подростков, так и для общества и будущего страны.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПБ ГБУ СОЦИАЛЬНЫЙ ПРИЮТ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ТРАНЗИТ» В СООТВЕТСТВИИ С НОВЫМ ЗАКОНОМ О СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РФ.

Альбова Э.А. (Санкт-Петербург)

В последние годы в обществе возрос интерес к детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, а также оставшихся без попечения родителей по различным причинам. Большинство таких детей оказываются на улице, начинают вести асоциальный образ жизни. И с каждым годом их становится всё больше. В новом Федеральном законе об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации, вступившем в силу с 1 января 2015 года, таких несовершеннолетних определяют как «детей, находящихся в социально-опасном положении».

Учреждения социального обслуживания населения являются поставщиками социальных услуг (юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуальный предприниматель, осуществляющие социальное обслуживание).

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социальный приют для детей «Транзит» осуществляет социальную реабилитацию несовершеннолетних от 0

до 18 лет, самовольно ушедших из семей, центров для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и других учреждений, как из России, так и стран ближнего и дальнего зарубежья, оказавшихся в сложной жизненной ситуации и подлежащих возвращению по месту проживания (пребывания) их родителей или законных представителей.

Цель: социальная поддержка несовершеннолетних, находящихся в социально-опасном положении.

Получатели социальных услуг Учреждения (категории):

- самовольно оставившие семью (сбежавшие из регионов РФ, других стран);
- самовольно ушедшие из центров для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, школ-интернатов и иных детских учреждений, расположенных в субъектах РФ и других странах;
- оказавшиеся в трудной жизненной ситуации;
- заблудившиеся и подкинутые;
- несовершеннолетние жители Санкт-Петербурга, самовольно покинувшие семьи и стационарные учреждения социального обслуживания и задержанные на территории субъектов РФ и других стран.

Функции учреждения:

- оказание комплексной медико-психолого-педагогической и социально-правовой помощи несовершеннолетним;
- предоставление временного проживания, питания, медицинского обслуживания;
- профилактика детской и подростковой безнадзорности.
- возвращение несовершеннолетних к родителям (законным представителям) или перевозка к месту регистрации (проживания) на территории России и других государств.

Учреждение оказывает следующие виды социальных услуг (с учетом индивидуальных потребностей получателей социальных услуг):

- 1) социально-бытовые, направленные на поддержание жизнедеятельности получателей социальных услуг в быту;
- 2) социально-медицинские, направленные на поддержание и сохранение здоровья получателей социальных услуг путем организации ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения за получателями социальных услуг для выявления отклонений в состоянии их здоровья;
- 3) социально-психологические, предусматривающие оказание помощи в коррекции психологического состояния получателей социальных услуг для адаптации в социальной среде, в том числе оказание психологической помощи анонимно с использованием телефона доверия;
- 4) социально-педагогические, направленные на профилактику отклонений в поведении и развитии личности получателей социальных услуг, формирование у них позитивных интересов (в том числе в сфере досуга), организацию их досуга, оказание помощи семье в воспитании детей;
- 5) социально-правовые, направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг;
- 6) срочные социальные услуги.

В статье 17 нового закона сказано, что социальные услуги предоставляются на основании договора о предоставлении социальных услуг, заключаемого между поставщиком социальных услуг и гражданином или его законным представителем, в течение суток с даты представления индивидуальной программы поставщику социальных услуг. Но несовершеннолетние до 14 лет являются недееспособными в правовой сфере и не имеют юридического права заключать договор. Так, часть воспитанников Приюта находятся на государственном обеспечении без договора, но, тем не менее, получают

социальные услуги. Это говорит о необходимости принятия новых нормативных актов, которые бы подкрепляли существующий закон и регулировали деятельность Учреждения, исходя из конкретных клиентских групп.

Кроме этого, новый закон вводит стандарты социальных услуг (основные требования к объему, периодичности и качеству предоставления социальной услуги получателю социальной услуги, установленные по видам социальных услуг). Теперь все структурные подразделения составляют отчеты по оказанным услугам и заполняют специальные формы, которые направляют в вышестоящие органы (Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга).

Важным аспектом регулирования деятельности учреждений социальной сферы в свете нового закон является информационная открытость поставщиков социальных услуг (статья 13). Ведение сайта Учреждения становится обязанностью, и вся представленная информация подлежит проверке и контролю со стороны руководящих органов. На официальном сайте должна быть представлена актуальная информация об Учреждении, видах деятельности, количество свободных мест, сведения о работниках, отчеты о проведенных мероприятиях и много другое.

Новый закон, несомненно, упорядочивает деятельность учреждений социальной сферы, определяет понятия и порядок предоставления/получения социальных услуг. Организации предоставляют важную информацию в доступной форме в сети Интернет, а граждане вправе выбирать учреждение для получения услуг. В законе прописаны важные аспекты, касающиеся процедуры получения услуги, а также сроков, стандартов и контроля за всеми процедурами в сфере социального обслуживания населения.

Но существует необходимость более детального рассмотрения проблем клиентов, на примере конкретного учреждения, и разработка нормативных документов и инструкций с учетом специфики клиентов учреждения, например, социального приюта с функцией транзита.

1. *Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».*
2. *Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».*

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ПАРТНЕРСТВЕ ГОСУДАРСТВА И РПЦ

Анисина Е.А. (Рязань)

Происходящие в стране изменения в структурно-содержательной композиции жизнеустройства общества, социально-экономические преобразования затронули все сферы общественной жизни, в результате которых наряду с положительными тенденциями, возникли негативные социальные последствия: нищета и страдания десятков миллионов людей соседствуют с роскошью единиц, массовая профессиональная и жизненная неустроенность, снижение авторитета семьи, рост числа суицидов и абортотв и др. В сложившейся ситуации государство в лице власти на всех уровнях предпринимает меры для снижения уровня социальной нестабильности. И в качестве такого инструмента, позволяющего минимизировать многие проблемы, выступает социальное партнерство – наиболее перспективный вектор развития отношений государства с коммерческими, негосударственными, общественными и религиозными организациями в рамках решения социальных задач общественного развития. Привлечение потенциала негосударственных организаций к решению общегосударственных проблем – веление времени. Взаимодействие церковных и государственных социальных служб востребовано, имеет очень хорошую перспективу. При этом государство и церковь выступают в качестве

равноправных партнеров, строящих свои взаимоотношения на правовой основе [1,5]. Церковь, в соответствии с действующим законодательством, обладает правоспособностью для осуществления социального служения.

РПЦ обладает достаточным социальным и духовно-нравственным потенциалом, реализация которого посредством оказания благотворительной деятельности наименее защищенным слоям российского общества (престарелым, инвалидам, сиротам, заключенным, алкоголикам, наркоманам и т.д.) необходима государству в дополнение к деятельности системы социальной защиты населения.

Социальное служение Церкви основано на оказании помощи конкретному страдающему человеку, на индивидуальном подходе к нуждающимся. Поэтому во многих сферах социального служения Церковь сегодня имеет уникальный опыт. При этом задача церковной социальной работы – не дублировать функции государства, ее главная цель – духовная: ее участники призваны научиться любви, а вместе с ней – самоотверженности, долготерпению и т.д.

В сложившейся ситуации особенно остро стоит проблема благотворительности, основой которой является самый элементарный непосредственный и добровольный акт помощи, который оказывается нуждающемуся. Благотворительность представляет собой не только исторический феномен. Она существует и на современном этапе жизни общества и соседствует с такими формами помощи, как социальное обеспечение и социальная работа. Благотворительная деятельность РПЦ является потенциальным ресурсом, который при сотрудничестве с государственными социальными организациями сможет оказать эффективную практическую поддержку проблемным группам населения.

Русская Православная Церковь, вернув себе право заниматься благотворительностью, стремится влиять и на социальную политику государства с целью улучшения положения людей, придания социальной направленности проводимым экономическим реформам. Поэтому важнейшей задачей, поставленной перед Отделом по церковной благотворительности и социальному служению, было установление контактов с государственными и негосударственными структурами, от которых зависит курс социальных реформ.

Приоритетными направлениями использования социального потенциала РПЦ в решении вопросов семейной и общественной нравственности являются: работа с семьями (малообеспеченными, с детьми-инвалидами), молодежное служение, внедрение новых методик борьбы с абортами, а также духовная и материальная поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (в социальных приютах, домах-интернатах).

Сегодня церковная благотворительность имеет сложную структуру. В неё входят многопрофильные благотворительные учреждения, организации и фонды, которые оказывают социальную помощь по многим направлениям – от материальной до психолого-педагогической.

Социально-благотворительная деятельность Рязанской епархии осуществляется централизованно, через Епархиальный отдел по благотворительности и социальному служению, который был учрежден в июне 2012 года. Священники отдела оказывают благотворительную помощь в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, психоневрологических интернатах, богадельнях, больницах... Всего епархией поддерживается 32 учреждения. Кроме того, в Рязанской митрополии создаются и православные приюты, задачи которых – адаптация детей-сирот в социуме с ориентирами на семью, труд и праведность, реабилитация наркозависимых, помощь бездомным, где главным принципом выступает их ресоциализация.

Не маловажным является направление по вопросу защиты семьи, материнства и детства. Рязанский Центр охраны материнства и детства «Право на жизнь», созданный Рязанской епархией, осуществляет свою деятельность с 3 июня 2005 года. В своей работе Центр имеет поддержку Правительства Рязанской области, администрации города Рязани, Комитета по делам молодежи, Общественной Палаты Рязанской области, профильных

министерств и опирается на договора с медицинскими, образовательными и социальными учреждениями [2]. Основными направлениями деятельности Центра являются: защита материнства и детства; просветительская и социальная деятельность; участие во всероссийском движении в защиту жизни; проведение тематических акций и мероприятий. За 7 лет работы Центра сохранено более 300 детей. На попечении Центра находится более 100 семей, из которых половина являются многодетными.

В рамках исследования «Представление общественности о благотворительной деятельности РПЦ» было опрошено 400 респондентов, из них 44% составляют мужчины, 56% – женщины, проживающих на территории г. Рязани. По данным проведенного исследования установлено, что общество нуждается в благотворительной деятельности со стороны церкви. Так ответили 78% опрошенных. Однако 80% опрошенных считают, что в России благотворительная деятельность церкви это мало распространённое явление, 15% считают, что благотворительная деятельность церкви полностью отсутствует. 5% респондентов затруднились ответить.

На вопрос «Насколько вы информированы о благотворительной деятельности РПЦ?» 45% респондентов считают, что они что-то слышали, знакомы с отдельными примерами и фактами такого рода деятельности, 55% опрошенных практически ничего не знают о благотворительной деятельности РПЦ.

На вопрос: «Какие, на Ваш взгляд, должны быть приоритетные направления благотворительной деятельности РПЦ?» были получены следующие ответы: респонденты на 1 место ставят помощь детям из неблагополучных семей – 55%. 35% отметили помощь больным и инвалидам, и по 5% – помощь сиротам и воспитанникам детских домов и престарелым.

В современных условиях, когда государство не в состоянии в одиночку проводить социальную политику на необходимом уровне, особенно большое значение приобретает развитие партнёрских отношений со всеми участниками акта социальной благотворительности. Требуется потратить много сил и времени, чтобы в тесном сотрудничестве государственных органов социальной защиты и церкви, других неправительственных организаций восстановить негосударственную социальную инфраструктуру, способную взять на себя долю социальной ответственности за судьбы наиболее уязвимых групп населения. РПЦ способна профессионально находить решения социальных проблем, становясь полноправным участником общественной жизни, а ее благотворительная деятельность – фактором устойчивого развития государства.

1. Воронова Е.А. *Благотворительность в современной России: институциональный анализ* – СПб: Скифия-принт, 2011. – 304 с.
2. <http://ryazeparh.ru/index.php>

ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В Г. ТУЛЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Бабанина Е.А., Юдина Е. Ю. (Тула)

Волонтерское движение в г. Туле: состояние и перспективы развития

На сегодняшний день одним из основных направлений государственной молодежной политики в России является поддержка и развитие молодежных общественных инициатив. Одной из наиболее распространенных форм проявления социальной активности молодежи является волонтерство, которое опирается в своем развитии не только на мировой опыт, но и на отечественные традиции добровольчества и благотворительности.

Добровольческий труд – это форма гражданского участия в общественно полезных делах, способ коллективного взаимодействия и эффективный механизм решения актуальных социальных проблем. Волонтерское движение в стране существует много лет, но только в последние 2-3 года правительство стало оказывать ему поддержку, при этом государство придает большое значение волонтерству как эффективной форме работы с молодежью.

С целью выявления степени популярности идей добровольчества в молодежной среде г. Тулы лабораторией социологических исследований и изучения общественного мнения муниципального учреждения социальной службы для молодежи «Центр социально-психологической помощи молодежи «Шанс» в 2015 г. было организовано и проведено конкретно-социологическое исследование «Волонтерское движение в г. Туле: состояние и перспективы развития».

Выборочная совокупность опроса составила 426 человек. Эмпирическим объектом исследования выступала молодежь пяти административных районов г. Тулы в возрасте от 14 до 30 лет. Среди опрошенных 52,9% мужчин и 47,1% женщин. Возрастной контингент респондентов представлен следующими тремя категориями: «25-30 лет» - 43,6%, «20-24 года» - 40,8%, «14-19 лет» - 15,6%. По параметру образование 40,2% составили анкетированные с высшим, 28,1% - незаконченным высшим, 18,1% - со средним специальным и средним профессиональным образованием, со средним и неполным средним образованием – 9,0% и 4,2% соответственно. В исследуемую выборочную совокупность вошли различные социальные категории молодых людей.

Опираясь на полученные данные, можно сделать следующие общие выводы:

1. По степени осведомленности тульской молодежи о волонтерстве:

- более половины анкетированных (59,5%) не осведомлены о том, кто такой волонтер, причем количество нежелающих узнать о волонтерском движении (преимущественно по причине отсутствия свободного времени (13,8%) и интереса к данной сфере (14,9%)) практически идентично числу тех, кто хотел бы быть осведомленным о волонтерстве (47,7% и 44,9% соответственно);

- из 40,5% имеющих представление о добровольце большинство сошло во мнении, что волонтер – это человек с активной гражданской позицией, который добровольно и безвозмездно в свое свободное время помогает нуждающимся в помощи различным категориям населения (инвалидам, детям, больным и т.д.), осуществляет общественно полезную работу в разных сферах жизнедеятельности;

- основными источниками, из которых опрошенные узнали о волонтерстве, являются телевидение (17,1%) и Интернет (12,9%);

- преобладающее большинство молодых туляков (84,1%) не информированы о том, как стать волонтером;

- из 15,9% знающих, как стать добровольцем, лишь около 2,0% имеет верное представление о том, как это сделать, а именно: зарегистрироваться на официальном сайте волонтерского движения, заполнить анкету, получить книжку волонтера в организации, её выдающей;

- по мнению молодежи г. Тулы, наиболее эффективными, способами информирования молодежи о движении волонтеров являются выступления и реклама на телевидении (24,9%), а также реклама, блоги, форумы и т.п. в Интернете (22,1%).

2. По представлениям тульской молодежи о волонтерском движении в целом:

- более трети (37,5%) опрошенных знает о том, что в последнее время на государственном уровне уделяется особое внимание волонтерскому движению, 62,5% молодежи не имеет об этом ни малейшего представления;

- по мнению молодых туляков, человек, занимающийся добровольческой деятельностью, должен обладать прежде всего такими личностно-деловыми качествами, как: любовь к людям (14,3%); доброта (13,8%); ответственность (13,1%); активность (12,0%); милосердие (11,3%) и терпение (11,0%);

- наиболее интересны для молодежи следующие направления волонтерской деятельности: спорт (81,6%); досуг (80,1%); работа с детьми и подростками (76,1%); защита животных (75,4%); организация благотворительных мероприятий и сбор средств (74,6%); а также политика (71,3%); наименее интересны: работа с ВИЧ-инфицированными (43,6%) и уход за умирающими в хосписах (38,2%);

- превалирующее большинство (80,8%) участников исследования поддерживает необходимость обучения молодых волонтеров, направленное как на развитие личности волонтера, так и его навыков добровольческой работы;

- тульская молодежь полагает, что волонтеров в качестве поощрения, в первую очередь, следует обеспечивать бесплатными билетами в культурно-развлекательные учреждения (цирк, музеи, театры, и т.п.) (1,4%), а также бесплатными поездками в санатории и зоны отдыха (1,2%); однако большинство (2,3%) опрошенных считает, что волонтеров поощрять никак не следует, поскольку это бескорыстная деятельность;

- среди преимуществ волонтерской деятельности респонденты выделяют прежде всего способ проявить себя и реализовать свой потенциал (24,1%), а также: участие в реальных проектах (16,9%); личностный рост (16,0%); получение знаний и профессионального опыта (15,0%);

- большинство (29,4%) молодежи пророчат волонтерскому движению стабильное состояние без стремительного развития, 22,1% анкетированных считает, что волонтерство ждет перспективное развитие с привлечением большого количества молодежи; значительное количество опрошенных (33,2%) затруднились спрогнозировать перспективы развития волонтерского движения в России.

3. По вовлеченности тульской молодежи в волонтерскую деятельность:

- большинство опрошенных (70,6%) считает себя человеком с активной жизненной позицией, однако лишь 8,5% являются волонтерами, абсолютное большинство (91,5%) не вовлечены в волонтерскую деятельность;

- главным мотивом приобщения к волонтерству для большинства респондентов (2,6%) послужило чувство сострадания нуждающимся, желание помочь другим людям;

- участники исследования отметили следующие направления волонтерства, которыми они занимаются: благотворительность и сбор средств нуждающимся, донорство, экология и уход за бездомными животными, помощь пожилым людям, больным детям, детям-сиротам, инвалидам, подросткам из неблагополучных семей, реставрация религиозных сооружений;

- побудить к волонтерской деятельности тульскую молодежь могли бы: знакомство с «полезными людьми» и желание бескорыстно помогать людям (по 17,6%); гарантия дальнейшего трудоустройства (16,0%); определенные социальные льготы и какое-либо материальное вознаграждение (по 15,5%), 4,5% обследуемых заявили, что ничего и никто не может вовлечь их в волонтерство.

В целом большинство (29,4%) участников проведенного исследования, причем преимущественно женского пола, пророчит волонтерскому движению стабильное состояние без стремительного развития, 22,1% анкетированных (в основном мужчины) считает, что добровольчество ждет перспективное развитие с привлечением большого количества молодежи; значительное количество опрошенных (33,2%) затруднились спрогнозировать перспективы развития движения волонтеров в России.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕАБИЛИТАЦИИ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Бабушкина Е.В., Антонович И. В. (Барнаул)

Одной из актуальных демографических и социально-экономических проблем современного российского общества является увеличение лиц с ограниченными возможностями. Более того, в нашей стране, как и во всем мире, наблюдается такая тенденция, как рост числа детей-инвалидов.

Инвалид – это лицо, имеющее нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. В настоящее время существуют следующая терминология данной категории – «лицо с ограниченными возможностями».

Инвалидность у детей означает существенное ограничение жизнедеятельности. Оно способствует социальной дезадаптации, которая обусловлена нарушениями в развитии, затруднениями в самообслуживании, общении, обучении, овладении в будущем профессиональными навыками. Освоение детьми-инвалидами социального опыта, включение их в существующую систему общественных отношений требует от общества определенных дополнительных мер, средств и усилий. Но разработка этих мер должна основываться на знании закономерностей, задач, сущности процесса социальной реабилитации.

Социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями — одна из наиболее трудных, но очень важных задач современных систем социальной помощи и социального обслуживания. Неуклонный рост числа лиц с ограниченными возможностями, с одной стороны, увеличение внимания к каждому из них — независимо от его физических, психических и интеллектуальных способностей, с другой стороны, представление о повышении ценности личности и необходимости защищать ее права, характерное для демократического, гражданского общества, с третьей стороны, — все это предопределяет важность социально-реабилитационной деятельности.

В настоящее время процесс социальной реабилитации является предметом исследования специалистов многих отраслей научного знания. Психологи, педагоги, социологи, философы, социальные психологи и другие специалисты вскрывают различные аспекты этого процесса, исследуют механизмы, этапы и стадии, факторы социальной реабилитации.

Социальная политика в России, ориентированная на лиц с особыми образовательными способностями, взрослых и детей, строится сегодня на основе медицинской модели инвалидности. Исходя из этой модели, инвалидность рассматривается как недуг, заболевание, патология. Такая модель вольно или невольно ослабляет социальную позицию ребенка, имеющего инвалидность, снижает его социальную значимость, обособляет от "нормального" детского сообщества, усугубляет его неравный социальный статус, обрекает его на признание своего неравенства, неконкурентоспособности по сравнению с другими детьми.

Проблемы инвалидности не могут быть поняты вне социокультурного окружения человека — семьи, школы, дома-интерната и т.д. Инвалидность, ограниченные возможности человека не относятся к разряду чисто медицинских явлений. Гораздо большее значение для понимания этой проблемы и преодоления ее последствий имеют социально-медицинские, экономические, социальные, психологические и другие факторы.

Современные организации и учреждения, осуществляющие свою деятельность в социальной сфере, должны адаптироваться к изменяющимся реалиям окружающего мира, предвидеть тенденции грядущих изменений. В ходе решения этой задачи

разрабатываются и внедряются различные нововведения в социальной сфере нашего общества, способствующие более эффективной реабилитации той или иной категории граждан, нуждающейся в помощи. Такие нововведения все чаще определяются учеными как социальные инновации (от лат. «innovation» - введение в практику нового).

Понятие «социальная инновация» определяют как сознательно организуемое нововведение или новое явление в практике социальной работы, формирующее на отдельном этапе развития общества в соответствии с изменяющимися социальными условиями и имеющее целью эффективные позитивные преобразования в социальной сфере.

Инновационные технологии реабилитации детей-инвалидов помогают всесторонне развить возможности ребенка, а также социализировать его к окружающей среде и обществу.

Непрерывность тех или иных социальных проблем дает толчок к разработке новых средств, форм и норм в социальной сфере. Так получили распространение следующие инновационные терапевтические технологии:

1. Арттерапия — это способы и технологии реабилитации лиц с ограниченными возможностями средствами искусства и художественной деятельности. Этот вид реабилитации основан на способности человека к образному восприятию окружения и упорядочению своих связей с ним в символистической форме.

2. Библиотерапия — это метод психотерапии, основанный на педагогических дидактических принципах. Осуществляется при помощи книг, в первую очередь, художественных. Задача библиотерапии состоит в лечебном воспитании и перевоспитании личности больного воздействием художественного, эмоционального и психологического мастерства писателя, показывающего пути разрешения больному конфликтных ситуаций. При подборе книги учитываются максимальное сходство ситуации, описываемой в книге, с ситуацией, сложившейся у больного, и степень доступности этой книги больному.

3. Иппотерапия - это есть не что иное, как форма лечебной физкультуры (ЛФК), где в качестве инструментов реабилитации выступает лошадь, процесс верховой езды и физические упражнения, выполняемые человеком во время верховой езды. В процессе верховой езды в работу включаются все основные группы мышц тела. О пользе верховой езды для восстановления больных и раненных, было известно с античных времен. Лошадь возвращает людям с ограниченными возможностями уверенность в своей самостоятельности, благодаря чему они перестают чувствовать себя (и восприниматься окружающими) полностью зависимыми членами общества.

4. Игровая терапия - это специфический способ работы с детьми, который требует определенных навыков и предварительного обучения. Она менее подвержена ограничивающим влияниям культурных различий. В игре дети выражают эмоции, манипулируя средствами игры, например игрушками. Когда специалисты участвуют с детьми в игровом процессе, они взаимодействуют с ними через признание детских мыслей и чувств, устанавливая с детьми контакт, что позволяет распознавать и конструктивно справляться с изменчивыми аффектами. Хобби-терапии — это способ, позволяющий расширить сознание и совершенствовать взаимодействие с окружающим миром. Здесь ребенок может попробовать свои силы в различных видах деятельности, среди которых макраме, рисование, вязание, изготовление игрушек, поделок, пение, танцы, спорт. При этом выбор того или иного вида не навязывается ребенку, а основывается на его психологических особенностях, склонностях. Гарденотерапия — это направление в социальной и трудовой реабилитации при помощи и общении детей, когда они работают в саду, выращивая цветы и растения по собственному выбору. Детям объясняется, для чего предназначены те или иные растения, какие конкретно условия им необходимы, им помогают посадить и ухаживать за ними. Самым ценным личностным сдвигом в результате таких мероприятий можно считать пробуждающийся у ребенка активный интерес к жизни, стремление преодолеть недуг, осознание своей неполноценности.

7. Музыкаотерапия — это использование музыки с лечебными целями, чаще всего в сочетании с другими видами психотерапии. Отмечается положительное влияние музыки при депрессивных состояниях — улучшается настроение, оказываются тонизирующие влияние. Музыка при этом не должна быть чрезмерно веселой, так как это по контрасту может ухудшить психическое состояние больных, если она не соответствует его эмоциональному состоянию.

Недавно я побывала на открытом мастер-классе «Музыкаотерапия как средство реабилитации». Этот мастер-класс проводился в рамках учебных дисциплин «Технологии инклюзивного образования» и «Технология работы с детьми с ограниченными возможностями». В мастер-классе принимали участие студенты Института психологии педагогики направления «Психолого-педагогическое образование» профиля «Психология и социальная педагогика», выпускники АлГПУ с ограниченными возможностями здоровья и заинтересованные люди. Проводили мастер-класс старший преподаватель кафедры педагогики Наталья Ивановна Астахова и психолог-музыкант, руководитель оркестра музыкаотерапии «Импровиз» Антон Черепанов. Мастер-класс проходил в формате музыкалтерапевтических импровизаций, в которых каждый участник смог самовыразиться всеми доступными средствами: играть на музыкальных инструментах, петь, двигаться, помогать лицам с ограниченными возможностями.

Ещё один вид терапии для детей-инвалидов — это песочная терапия. Основателем методики песочной терапии был К. Г. Юнг. Именно благодаря его теории «психического иммунитета» и способности сознания к исцелению, трансформации и самосохранению его последователь Дора Калф изобрела песочную терапию.

Целями песочной терапии являются выявление и характеристика особенности личности ребенка, настрой на понимание себя и своего «Я» в мире и жизненной деятельности, научение создавать модель своих фантазий на песке и пояснять их, анализ коммуникативных трудностей (способность ребенка к общению и умение выражать словесно свои мысли) и избавить от страхов и психологических травм.

Актуальность методики песочной терапии в современном обществе очень высока. Человек все больше отходит от природы, забывает свое естественное начало. Именно песок сможет напомнить первобытные чувства и ощущения. Детям вдвойне полезно играть в песочнице, нежели взрослым. Там малыш может развить мышление и фантазию и, что немаловажно, — мелкую моторику пальцев. Даже врачи логопеды часто прибегают к приемам «игры в песок». Ведь развитие образного мышления очень помогает в постановке правильной связной речи. Составив композицию на песке, ребенок придумывает сюжетную линию повествования и эмоционально окрашивает свой рассказ. В детских учреждениях только начинают испытывать действие песочной терапии на психическое развитие ребенка. Занятия песочной терапией планируют ввести как обязательные. Тем более что во дворе сада или школы больше пространства для групповых игр. В домашних условиях можно создать площадку для занятий.

Очень часто для песочной терапии стали использовать кинетический или живой песок. Игра с кинетическим песком, расслабляет, снимает стресс, активизирует мышление и запускает воображение. Кинетический песок может подарить вам новые впечатления и эмоции.

Кинетический песок — состоит из 98% натурального, не дробленного песка и 2% специального связующего, который по своей сути является силиконом. В зависимости от партии песок может быть более крупной или более мелкой фракции, но в целом он как песок в песочнице, разница лишь в том, что он очищен и отсортирован по фракции. Цвет песка естественно тоже натуральный. Производителем кинетического песка является Швеция. Кинетический песок — не теряет своих свойств. Если его намочить, ничего не произойдет, после сушки он опять станет прежним. Его можно промывать при необходимости. Вы можете хранить песок как вам удобно.

Ребенок может размачивать песок и лепить из него фигурки, для этого нужно иметь ведерко с водой. Упражнения и игры для песочной терапии очень увлекательны. Здесь столько возможностей для творческих порывов, что можно играть целыми днями.

Таким образом, главная проблема ребенка с ограниченными возможностями заключается в его связи с миром, ограничении мобильности, бедности контактов со сверстниками и взрослыми, в ограниченности общения с природой, доступа к культурным ценностям, а иногда – и к элементарному образованию. Эта проблема является не только субъективного фактора, каковым является социальное, физическое и психическое здоровье, но и результатом социальной политики и сложившегося общественного сознания, которое санкционирует существование недоступной для инвалида архитектурной среды, общественного транспорта, отсутствие специальных социальных служб.

Ребенок, имеющий инвалидность – это часть и член общества, он хочет, должен и может участвовать во всей многогранной общественной жизни. Ребенок, имеющий инвалидность может быть так же способен и талантлив, как и его сверстники, не имеющие проблем со здоровьем, но обнаружить свои дарования, развить их, приносить с их помощью пользу обществу, ему мешает неравенство возможностей. Ребенок, имеющий инвалидность, имеет на удовлетворении разносторонних социальных потребностей в познании, общении, творчестве. Исходя из всего этого, целью реабилитации детей-инвалидов является содействие в улучшении качества жизни ребенка, имеющего инвалидность, защита и представление его интересов, в различных кругах, создание условий для выравнивания возможностей детей и подростков, что отличает их интеграцию в общество и создает предпосылки для независимой жизни.

1. Антонович И.В., Качур А.С. Практика внедрения инклюзивного образования в Алтайском крае // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии* /Сб. ст. по материалам XL междунар. науч.-практ. конф. № 5 (40). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. С. 14-
2. *Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями на 28 июня 2014 года). Ст.1 Глава 1*

КЛОУНОТЕРАПИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Бабушкина Е.В., Тамразян Н. А. (Барнаул)

В современном мире стоит острая проблема социально-психологической реабилитации детей, находящихся в больничных учреждениях. Любая болезнь изменяет жизненную ситуацию ребёнка, препятствует полноценному, гармоничному функционированию в обществе. Именно время, в которое ребенок находится в больнице, является наиболее психотравмирующим, как для самого ребёнка, так и для его родителей. В этот период происходит отрыв ребёнка от естественных условий развития, потеря привычных социальных связей, возникает дефицит обычного, не искажённого болезнью общения. При длительных госпитализациях, каждая из которых является психотравмирующей ситуацией, больной ребёнок оказывается в условиях дефицита позитивных впечатлений и положительных эмоций.

Больничная клоунада — это деятельность по социально-культурной реабилитации детей в стационарах больницы методами арт-терапии, клоунотерапии и игротерапии. Целью клоунотерапии является стимуляция «здоровой стороны» пациента, вызывая иронию в восприятии его медицинских проблем и, таким образом, активизируя процессы выздоровления. Клоун-доктор не просто развлекает, но использует возможности

клоунотерапии, основанной на комических или поэтических играх, фокусах, мобилизующих жизненную энергию для борьбы с недугом.

Профессиональные больничные клоуны впервые появились в США в 1986 году. А основоположником этого вида клоунады в России считается Константин Седов. Эффект клоунотерапии, основан на психосоматических эффектах, которые благоприятно воздействуют на ребенка именно в ходе его лечения.

Технология данной реабилитации новая, но её результаты уже хорошо зарекомендовали себя и в России: в учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга, где команда профессиональных клоунов работает в самых разных медицинских учреждениях уже около 10 лет. В Новосибирской области, Томской области, г. Кемерово также действуют команды клоунов-терапевтов. Теперь и в Алтайском крае, появились клоуны, цель которых адаптация и реабилитация детей, с ослабленным здоровьем, в условиях больничного учреждения.

Был реализован проект «Поддержка молодежных добровольческих инициатив в работе с детьми с ослабленным здоровьем». Проект позволил сформировать и обучить команду добровольцев, способных реализовать инновационную технологию клоунотерапии на территории Алтайского края. Была использована технология социокультурной и психологической помощи детям, страдающим синдромом госпитализации, онкологическими и другими тяжелыми длительными заболеваниями, находящимися в медицинских и других государственных учреждениях.

Проект был реализован в несколько этапов:

1. Был объявлен конкурс и произведен отбор молодых людей, из числа студенческой молодежи. Они были обучены на базе факультета социологии в течение 3 дней. Тренерами проекта были преподаватели кафедры социальной работы университета, имеющие сертификаты тренеров в области социально-психологических технологий работы.

2. Были созданы страницы в социальной сети, основная цель которых привлечение внимания молодежи г. Барнаула и Алтайского края к проблеме целевой группы проекта и информирование их о возможности участия в инновационном добровольческом проекте, тиражировании опыта уже реализованных мероприятий.

3. В рамках данного проекта был проведен праздник для детей «Доктор Клоун-Лечим Смехом!». Цель мероприятия заключалась в проведении площадок по социальной, психологической и культурной реабилитации детей, длительное время находящихся на лечении в больничных условиях, профилактика «синдрома госпитализации». На территории противотуберкулезного диспансера работало несколько площадок и мастерских. Руководителями площадок были обученные добровольцы. Площадка «Волшебного пластилина и теста» - дети научились делать пластичные картины, поделки из соленого теста. Мастерская «Модный приговор» предполагает создание креативных нарядов совместно с Клоунами и детьми и для детей. Мастерская «смеШарики» дети научились изготавливать фигурки из шариков, мастерить элементарные поделки из шаров (цветов, собак, кошек и др.). Площадка мыльных пузырей, где детей научили дуть пузыри, был устроен конкурс – эстафета, на приз чей пузырь не лопнет дольше всех и другие состязания с мыльными пузырями. Основной и центральной площадкой праздника станет «Веселая больница для Клоунов!!». Дети на этой площадке выступили в качестве врачей Клоунов, которые находились на территории диспансера и «страдали» различными недугами. Такая смена ролей, «игра во врача» позволит ребенку почувствовать себя главным, ведущим, доминирующим над болезнью и способным «вылечить» клоуна т.е. преодолеть недуг. Такая позитивная проекция положительно сказывается на психологическом состоянии ребенка, позволит сформировать внутреннюю установку на выздоровление.

4. Итоги реализация данного мероприятия были представлены в СМИ г. Барнаула, на сайте Алтайского государственного университета, на созданной странице в

социальной сети. После завершения праздника в качестве завершающего этапа была организована и проведена социальная акция, направленная на привлечение внимания молодежи Алтайского края к инновационной технологии поддержки детей с ослабленным здоровьем, распространены подготовленные буклеты «Доктор Клоун-Лечим Смехом!».

В процессе реализации проекта отобраны 15 добровольцев, сформировано 15 «портфелей клоуна», а также обучена команда добровольцев – клоунов (15 чел.), которая в дальнейшем может выходить для работы в другие учреждения и реализовывать мероприятия в других учреждениях .

Таким образом, в ходе использования элементов клоунотерапии в процессе социально-психологической поддержки детей, находящихся в больничных учреждениях, участники целевой группы проекта стали проявлять большую активность, стремиться к общению, предлагать варианты различных мероприятий, высказывать мнения и идеи по поводу дальнейшего сотрудничества. Использование элементов клоунотерапии в процессе социально-психологической поддержки детей позволило улучшить качество жизни детей, помочь им стать более открытыми к общению, повысить их самооценку, гармонизировать отношения в семье.

1. *Киселева М.В. Арттерапия в работе с детьми: Руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми / М.В. Киселева. –СПб.: Речь, 2007. - 160 с.*
2. *Осипова А.А. Общая психокоррекция: Учебное пособие / А.А. Осипова. - М.: ТЦ Сфера, 2002. – С. 87-108.*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Бегаль А.Н. (Киев, Украина)

Социальная работа, как общественно полезная деятельность, безусловно связана с человеком, межличностными отношениями в коллективе, между социальными группами, индивидом и обществом. В общем вся социальная работа направлена на совершенствование человеческих отношений, на то, что ученые называют внедрение в жизнь высоких идеалов гуманизма. Основной целью социальной работы является осуществление гуманизма и социальной справедливости путем активизации и поддержки незащищенных слоев населения и противодействия проявлениям социального отчуждения.

Это обуславливает необходимость реализации действий, направленных на обеспечение социальной адаптации индивидов. Поэтому, общество с необходимостью должно осуществлять деятельность, направленную на формирование, поддержание и восстановление оптимального уровня социальности человека, приведения ее к соответствующей социальной нормы, воздействуя не только на самого человека, но и на среду его жизнедеятельности.

В этом аспекте важно вспомнить об основных принципах социальной работы, которые тесно связаны с этическими аспектами данной деятельности. Основные принципы, которыми должен руководствоваться социальный работник определены в «Международной Декларации об этических принципах социальной работы» и профессионально-этических кодексах ассоциаций социальных работников отдельных стран. Согласно Международной декларации этических принципов социальной работы, работники действуют на благо человека, если четко придерживаются следующих основных принципов: каждый человек является уникальной ценностью, на которую следует учитывать и относиться с уважением; каждый человек имеет право на самореализацию в такой степени, чтобы это не ограничивало такое же право других

людей; максимальные блага для всех своих членов; социальные работники привержены принципам социальной справедливости; социальные работники обязаны использовать полученные знания и навыки в оказании помощи отдельным лицам и группам в их развитии и решении конфликтов как между собой, так и в отношениях с обществом и последствий этих конфликтов; социальные работники должны оказывать квалифицированную помощь любому, кто в ней нуждается, не имея несправедливых ограничений по полу, возрасту, нетрудоспособности, расовой принадлежности, социального класса, происхождения, религии, языка, политических убеждений или сексуальной ориентации; социальные работники уважают главные права человека, лиц и групп людей в соответствии с международной декларацией прав человека ООН и других международных конвенций, вытекающих из этой Декларации; социальные работники относятся с уважением к принципам частной жизни, конфиденциальности и ответственного использования информации в своей профессиональной деятельности; социальные работники должны в определенной степени сотрудничать со своими клиентами ради их интересов, одновременно отдавая должное уважение интересам других людей; социальные работники должны свести к минимуму применение правового принуждения в решении проблем клиента: социальная работа несовместима с прямой или косвенной поддержкой лиц, групп индивидов, политических сил или силовых структур, использующих терроризм, пытки и другие меры, направленные на угнетение людей; социальные работники принимают этически обоснованные решения и придерживаются их, отдавая должное уважение положением Международной декларации этических работников МФСП, а также положениям международных этических стандартов социальных работников, принятых их профессиональной ассоциацией [Этика социальной работы: принципы и стандарты, принято Международной федерацией социальных работников (МФСР) Коломбо, Шри-Ланка, 6-8 июля 1994 / Пер. с англ. Н. Белоус // Социальная политика и социальная работа. - 1998. - №4 (8). - С. 67-75].

Среди принципов социальной работы, по нашему мнению, особое место занимает толерантность, которая сегодня признается нормой современного цивилизованного мира. Как таковая она прокламирована Декларацией принципов толерантности, утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года.

Актуальность данного принципа обуславливается, прежде всего, практическим несоблюдением толерантности в столкновениях государств, в столкновениях между верными различных религиозных конфессий, во враждебном отношении к представителям других культур и наций, в соседской недоброжелательности и т.д.

Содержание этого понятия понимается по-разному. Именно поэтому основные аспекты понимания толерантности отражены в Декларации принципов толерантности:

- Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности;

- Толерантность - это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность - это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека;

- Толерантность - это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждает нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека;

- Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпеливого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям.

В контексте социальной работы, не нарушая этого содержания, можно выделить два основных вида понимания толерантности. Во-первых, это толерантное отношение социального работника к клиенту (отдельного индивида или социальной группы).

Кроме того, это отношение социального работника к социальному статусу, мировоззрению и жизненной позиции клиента. Такое толерантное отношение имеет своим истоком признание нормированных моралью или законом прав и свобод человека и гражданина.

При этом нужно учитывать зависимость разновидностей толерантности не только от природы сторон этого отношения, но и от их социальных статусов. Как отмечал П. Бурдые, - истоки и проявления толерантности и нетерпимости существенно варьируются в зависимости от полей социального пространства.

Проведенный анализ позволяет предложить философское определение социальной работы. Социальная работа - это особое проявление человеческой деятельности, имеет целенаправленный, гуманистический характер и функционирует благодаря удовлетворению конкретно определенных желаний, потребностей, интересов индивидов и сообществ, которые не имеют надлежащего уровня самодостаточности в обществе.

По нашему мнению, в данном определении раскрывается сущность и смысл социальной работы, которые на протяжении всей истории человечества остаются неизменными, в то время как в зависимости от условий жизнедеятельности человека, его основное содержание, формы, методы, конкретные цели и задачи могут и должны меняться. В этом определении представлена суть социальной работы, которая заключается в помощи человеку в приобретении, поддержке и восстановлении ее социальности, полноценному включении в социум как социально-ответственного субъекта, активно участвует в положительном преобразовании мира и самого себя, в оптимизации общественных отношений с целью достижения социального благополучия и обеспечения общественного порядка.

Итак, социальная работа является специфическим видом социального конструирования общественного бытия на основе толерантности, справедливости, сострадания и гуманизма.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ: ПОНЯТИЕ И ЕЕ ОСОБЕННОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В РМ

Богачева Н.Ю., Бистяйкина Д. А. (Саранск)

Социально - экономические реформы, проводимые в стране, привели к значительным переменам во всех сферах жизни российского общества. Переход экономики страны на рыночные отношения не сопровождался усилением внимания к социальным последствиям такого перехода. Именно игнорирование роли социальных факторов в экономическом развитии привело к значительному падению реальных доходов населения, резкому имущественному расслоению общества.

Пожилые люди являются одной из многочисленных категорий граждан, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства и общества. Учитывая особенности социального статуса пожилых людей, состояния здоровья, материального положения, им трудно самостоятельно адаптироваться к условиям жизнедеятельности, возникшим в результате развития и формирования в нашей стране рыночной экономики.

В региональной системе социальной защиты лиц пожилого возраста выделяются такие принципы как: принцип справедливости, принцип дифференцированности, принцип многосубъективности, принцип учета социально-экономических условий и т.д.

Поскольку социальная защита реализуется на различных уровнях, важно отметить, что федеральный уровень включает в себя региональный уровень социальной защиты.

В Республике Мордовия создана комплексная система социальной защиты населения, решающая задачи:

- снижения социальной напряженности в обществе;
- оказания социальной помощи семьям, отдельным гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию;
- адаптации населения к новым социально-экономическим условиям, социальной реабилитации граждан, в том числе несовершеннолетних, являющихся инвалидами;
- создания благоприятных условий для людей, нуждающихся в стационарном социальном обслуживании, а также во временном приюте;
- защиты прав и интересов детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, безнадзорных детей, профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

В Республике Мордовия последовательно реализуется и совершенствуется система мер по расширению возможностей для пожилого населения вести полноценную, активную жизнь; по повышению престижа семьи, укреплению семейных ценностей, моральной и материальной поддержке.

В настоящее время государственными учреждениями по социальной защите населения республики предоставляется 161 мера социальной поддержки, получателями которых являются свыше 435 тысяч человек, что составляет около 53,5% от всего населения Мордовии.

Региональная система социальной защиты – это совокупность мер социальной поддержки, социального обеспечения и социального обслуживания граждан, проживающих в конкретном субъекте РФ, имеющая свои черты и направления.

Важным направлением модернизации социальной защиты лиц пожилого возраста в РМ является реализация ряда социальных программ.

Так например, в Республике Мордовия программа «Старшее поколение» реализуется с 2001 года. Республиканская целевая программа «Старшее поколение» на 2005-2007 годы, утвержденная распоряжением Правительства Республики Мордовия от 17 августа 2005 года № 890-р была разработана Министерством социальной защиты населения Республики Мордовия с учетом предложений заинтересованных республиканских министерств и ведомств. Разработка республиканской целевой программы «Старшее поколение» на 2014—2018 годы, вызвана необходимостью продолжения работы по определению и реализации принципов государственной политики в области социальной поддержки населения Республики Мордовия.

Повышение уровня и качества жизни пожилых во многом зависит от построения правильной системы социальной защиты исследуемой категории. Поэтому неотъемлемым условием дальнейшего развития общества является создание эффективной системы социальной защиты пожилых, как одного из важнейших компонентов современного социума.

В настоящее время в России наметились общие контуры организационной структуры системы социальной защиты пожилых людей, в которой используются следующие организационно правовые формы - обязательное социальное страхование, социальная помощь, социальное обслуживание, пенсионное обеспечение. По сути, социальная защита пожилых граждан осуществляется по принципу ответного реагирования: через индексацию и компенсацию пенсий, пособий и льгот, расширение сети социальных служб и др.

Нами были также сформулированы рекомендации по совершенствованию системы социальной защиты в Республики Мордовия в отношении лиц пожилого возраста: необходимо: 1) создание концепции социальной помощи пожилых; 2) формирование по всем направлениям социальной сферы нормативно-правовой базы; 3) усиление адресности социальной поддержки нуждающихся граждан пожилого возраста; 4) повышение уровня социальной защищенности и социального обслуживания пожилых граждан, расширения

перечня предоставляемых социальных услуг, повышения их качества; 5) оптимизация сети учреждений социальной защиты, развитие ее в сельской местности; 6) создание сети многопрофильных реабилитационных учреждений для лиц пожилого возраста; 7) обеспечение реализации в полном объеме гарантий, предусмотренных федеральными законами.

Таким образом, общественное отношение к изменениям в организации социальной защиты формируется в условиях существенного недостатка информации об их целях и способах реализации. Недостаточная информированность пожилых может являться одним из факторов, под воздействием которых формируется негативный социальный фон преобразований. Это указывает на необходимость более активной и настойчивой работы по разъяснению проводимой социальной политики. Необходимо учитывать потребности и социальные запросы лиц пожилого возраста в необходимых для них направлениях социальной защиты.

Механизмы формирования системы социальной защиты пожилых людей в России должны включать организационные, социально-экономические и социально-правовые направления. Формирование эффективно действующей системы социальной защиты пожилых людей следует осуществлять комплексно, предпринимая целенаправленные меры в сфере социального обслуживания, пенсионного обеспечения и социальных услуг. В этом свете необходимо проводить государственную политику и, как её составляющую социальную политику, целенаправленно на улучшение социального положения пожилых людей.

ПАРТИСИПАТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Бородкина О.И. (Санкт-Петербург)

Социальная работа переживает период реформ, развития инновационных подходов в сфере оказания социальных услуг. В настоящее время все чаще говорят не просто об услугах, ориентированных на потребности клиента, а о вовлечении клиента в процесс предоставления социальных услуг. Более того, ориентация на участие клиента на различных стадиях социального обслуживания становится международным трендом.

Развитие партисипативного подхода в социальной работе имеет теоретические и практические предпосылки в сфере управления. Формирование партисипативной модели управления, предполагающей участие сотрудников организации в процессе принятия решений, можно отнести к 60-70 годам прошлого столетия. В социальной работе данный подход получил развитие относительно недавно, в том числе на волне развития гражданского самосознания, концепции равных возможностей, философии независимого проживания. Партисипативный подход тесно связан с эмпауэрментом в социальной работе, так как он предполагает не пассивного потребителя социальных услуг, а активного клиента, имеющего гражданские права, и участвующего в определении объема и видов социальной помощи. Зарубежные специалисты также подчеркивают отражение в данном подходе демократических устоев современного общества. Кроме того, участие клиента приводит к повышению эффективности социальных услуг, как в отношении результата, так и в отношении стоимости услуг. И это также является весомым аргументом в пользу развития партисипативного подхода.

Партисипативность - относительно новое понятие в отечественной социальной работе, однако именно сейчас, во времена перемен и реформ, необходимо обратить внимание на данный подход и проанализировать возможности его применения в России.

ЗНАЧЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Бочарова А.С. (Барнаул)

В связи с происходящими сегодня в России событиями, мы наблюдаем активный рост волонтерского (добровольческого) движения. Особенно это направление деятельности популярно среди молодого поколения.

Доктор исторических наук, профессор Сергей Владимирович Демидов определяет молодежь как особую социально-демографическую группу, переживающую период становления социальной зрелости, положение которой определено социально-экономическим состоянием общества. Возрастные границы подвижны (приблизительно 14-30 лет) [3].

В проекте ФЗ «О добровольчестве (волонтерстве)» говорится, что добровольческая (волонтерская) деятельность – добровольная социально направленная, общественно полезная деятельность, осуществляемая путем выполнения работ, оказания услуг в формах и видах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, без получения денежного или материального вознаграждения [7].

В толковом словаре С.И. Ожегова волонтерство имеет следующее определение: «Добровольное выполнение обязанностей по оказанию безвозмездной социальной помощи, услуг, добровольный патронаж над инвалидами, больными и престарелыми, а также лицами и социальными группами населения, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях.» [6].

Таким образом, выделяют несколько основополагающих принципов добровольческой деятельности:

- 1.отсутствие материального вознаграждения
- 2.общественная полезность
- 3.добровольность участия

В России по сравнению с Западом уровень развития добровольчества достаточно низок. Это объясняется отчасти тем, что в зарубежных странах идея взаимопомощи лежит в основе общественных отношений, в то время как в РФ потребность в добровольцах всегда была не так высока, так как государство брало на себя благотворительные функции, осуществляемые в других странах частным образом. Однако в связи с сокращением возможностей государства по финансированию социальной сферы добровольческий труд приобретает все большую популярность [2].

По данным ВЦИОМ за 2011г. 75% молодых россиян проявляют готовность участвовать в общественно полезной деятельности бесплатно или за символическую плату, а уже имеют опыт такого участия 48% молодых людей [4]. Из вышесказанного можно констатировать, что в нашей стране довольно высокий волонтерский потенциал (среди молодого поколения), так как у современной молодежи есть желание быть полезным и готовность помогать.

В России существует несколько основных направлений молодежной добровольческой деятельности: социальная защита, юридическая и социально-психологическая поддержка, профилактика зависимостей (алкогольной и наркотической), профилактика ВИЧ и СПИД, пропаганда среди населения ЗОЖ, помощь в случаях ЧС, помощь в досуговой, образовательной, научной, культурной сферах и т.д.

Помимо направлений, добровольчество имеет различные формы: целевые программы, проекты и гранты, акции и разовые мероприятия, круглые столы и конференции, конкурсы, фестивали, благотворительные сезоны, лагеря, и т.д. [1].

На данный момент в России нет четкой системы организации досуга молодежи. Разнообразные мероприятия развлекательного характера не оказывают надлежащего

влияния на нравственное воспитание молодого поколения. А тем временем недостаточное внимание государства к культурному развитию и моральному воспитанию молодежи может привести к негативным последствиям. У многих молодых людей нет возможности бесплатно посещать творческие кружки, спортивные и танцевальные секции, особенно в маленьких городах и селах. Молодые люди стараются заполнить свой досуг самостоятельно, что часто приводит к неблагоприятным социальным последствиям - росту молодежной преступности, увеличению числа алкоголиков и наркоманов среди молодых людей и т.д.

В этой связи можно констатировать, что добровольчество как социально полезная деятельность помогает молодым людям реализовать себя, получить необходимые навыки и умения, учит самостоятельности в решении собственных социальных проблем, помогает формировать такие качества как ответственность, уверенность в себе, патриотизм, чувство товарищества и взаимопомощи, чувство жизненной цели, призвания – способность дать ответ на вопрос, каково мое предназначение перед обществом и самим собой и т.д.

Молодежное добровольчество – это действенный способ формирования и развития жизненных навыков, знаний и умений, путей самореализации среди молодых людей. Особую значимость имеет развитие волонтерских движений в образовательных учреждениях, которые позволяют молодежи (учащимся, студентам) самими делать выбор, какие виды, время и место приложения своих добровольческих усилий им наиболее подходят, и активно участвовать в улучшении жизни для других и для себя [5].

Молодежное добровольческое движение в России может стать одним из самых массовых вследствие неформального характера, основанного на желании молодых людей, которые хотят провести свое свободное время увлекательно и с пользой, но при этом иметь относительную свободу. Кроме того, молодежь – это парни и девушки, которые в большинстве своем ещё ищут себя, и добровольчество - отличная возможность проявить себя, понять свой потенциал, а возможно и определиться с выбором дальнейшего жизненного пути, а также помочь другим людям.

1. Антонович, И. В. *Благотворительность и добровольчество в российском обществе: история и современность : учеб. пособие / И. В. Антонович, Ю. А. Калинина ; АлтГУ. - Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2014. - 196 с.*
2. Антонович, И.В. *Вектор молодежного добровольчества в России на современном этапе/И.В. Антонович//Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. -Вып.5/под. ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.*
3. Демидов, С.В. *Молодёжь в современном обществе: монография / Демидов С.В., Нелидкин А.М. и др.; под ред. д.и.н. проф. С.В.Демидова, Рязань: Изд-во «РИПД «ПервопечатникЪ». – 2014. – 280 с.*
4. *Добровольчество в России: потенциал участия молодежи [Электронный ресурс]: ВЦИОМ.- Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111713> .(дата обращения: 30.09.2015).*
5. Левдер, И.А. *Добровольческое движение как одна из форм социального обслуживания / Левдер И. А. // Социальная работа. - 2010. - №2. - С. 35-36.*
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ООО "ИТИ Технологии",- 2003.- С. 94.*
7. *Проект Федерального закона № 300326-6 «О добровольчестве (волонтерстве)».*

РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ.

Буянова А.Е. (Барнаул)

Сегодня добровольческий труд, помощь людям, набирает силу в России и в Алтайском крае.

Развитие благотворительности в Алтайском крае подчиняется в общем основным тенденциям развития этого феномена в Российской Федерации. Тем не менее, мы можем констатировать наличие определенных особенностей развития этой деятельности в нашем регионе. Одной из них является то, что государство, в лице муниципальных образований, активно участвует в процессе благотворительной деятельности.

Особое внимание уделяется социально не защищенной категории граждан: инвалиды, одинокие и одиноко проживающие престарелые пенсионеры, многодетные и опекаемые семьи, безработные и другие, совокупный доход которых ниже прожиточного уровня, установленного в Алтайском крае.[1]

При определении выделения помощи конкретному человеку, Совет, комиссия руководствуется Законом Алтайского края «О благотворительной деятельности», городской программы «О мерах по социальной поддержке населения г. Барнаула».

Тем не менее, в Алтайском крае распространены и негосударственные благотворительные организации в форме фондов и ассоциаций.

Основной положительной тенденцией в данном направлении, на наш взгляд, является создание молодежных общественных благотворительных организаций в форме добровольных общественных объединений.

Первая добровольческая молодежная организация в Алтайском крае в 2000 году на базе Алтайского государственного университета была создана Алтайская краевая молодежная общественная Организация «Союз добровольцев». Общество создано с целью: развития и поддержки добровольческих инициатив (молодежные организации, инициативные группы и добровольцы), направленных на улучшение жизни местного сообщества. Общество ставит перед собой задачи:

- развитие добровольческого движения в городе (система поддержки добровольчества, методы привлечения и поощрения добровольцев);
- содействие формированию, развитию и совершенствованию в г. Барнауле системы социально-педагогической, социально-бытовой, социально-культурной поддержки пожилых и престарелых людей, инвалидов, детей-сирот;
- сбор и распределение информации, касающейся вовлечения молодежи в общественно - значимую работу, поиск молодых инициатив, творческих добровольцев и их обучение;
- содействие в организации мероприятий по созданию и проведению благотворительных мероприятий;
- организация комплексных мероприятий по проведению досуга пожилых людей, инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- создание при обществе научно-исследовательской группы - среди студенчества;
- оказание информационно - справочных услуг, социально-бытовой помощи.

Членами данной организации являются студенты социологического факультета Алтайского государственного университета, будущие социальные работники, учащиеся колледжа.[2]

В ходе привлечения добровольцев было опробовано 2 варианта работы:

1. Привлечение в качестве добровольцев студентов, заинтересовавшихся основными задачами организации, затем подбор им работы в соответствии с их интересами и запросами.

2. Привлечение добровольцев под конкретные виды работ после составления полного, максимально подробного описания работы (обязанности добровольцев, необходимые навыки и другие требования к добровольцам, время и место работы, условия работы, возможности поощрения добровольцев).

Второй метод работы более эффективен, так как добровольцев, набранных изначально по первому способу, гораздо сложнее «применить», их навыки и интересы не всегда соответствовали направлениям деятельности какого-либо мероприятия и главными мотивами этих добровольцев были, прежде всего, общение и времяпровождение.

Также не менее важна деятельность общественных фондов и ассоциаций.

Среди действующих в городе Барнауле фонд «Фарт», ассоциации «Сибирская инициатива», «Социальная инициатива».

Способы реализации программ общественных благотворительных организаций, как в России, так и в Алтайском крае можно разделить на три группы: материальная поддержка членов организации или тех, кого она опекает; взаимопомощь и совместная организация досуга; создание учреждений и служб помощи, в том числе образовательной, лечебной, реабилитационной, социально-психологической.

Основная причина существования некоммерческих благотворительных организаций носит скорее экономический характер. Если государственные институты тратят на те или иные социальные программы меньше денег, чем следует тратить, то дополнительные деньги могут быть собраны добровольными пожертвованиями. Кроме того, в ряде стран существует льготное налогообложение тех предпринимателей, кто отчисляет средства на благотворительность. Возможно, этот факт объясняет большое количество фондов и других благотворительных программ.

Благотворительные учреждения представляют собой организации, уже ставшие привычными для постсоветской России: театры, мастерские, центры реабилитации, клубы здоровья, которые - используют в своей деятельности, как правило, авторские программы и нетрадиционные формы помощи, привлекая волонтеров.

Наибольшее развитие в этих рамках получили программы помощи малообеспеченным семьям, в частности развитие социального туризма.

Что касается его развития в Алтайском крае, то здесь для малообеспеченных семей необходимо развивать такие виды социального туризма как самодеятельный и спортивно-оздоровительный.[3]

В качестве часто называемых целей туристских походов в литературных источниках называются обучение участников технике различных видов туризма, навыкам самоорганизации, самоуправления, предоставление возможности реализовать себя как личность в обществе.

Что касается развития благотворительности в рамках существования отдельных коммерческих фирм, то по результатам обзора СМИ стало возможным выделить несколько типов мероприятий, в которые фирмы вкладывают средства:

1) участие в различных акциях: спортивные мероприятия, конкурсы, концерты, праздники.

2) оказание материальной помощи - данный тип мероприятий был выделен в связи с тем, что по материалам прессы не удалось определить эту категорию более точно.

3) организация и проведение мероприятий самой коммерческой фирмой.

Необходимо отметить, что организация и проведение мероприятий, как инициатива самих коммерческих фирм, не развита.

Для коммерческих организаций это достаточно хлопотное дело и занимаются им, чаще всего существуют на рынке и осуществляют благотворительную деятельность.

Процентное соотношение типов мероприятий, проводимых с благотворительной целью, по городу и краю примерно одинаково.[4]

По результатам обзора СМИ можно также выделить такие технологии деятельности как участие в акциях, спонсорство. Такая форма благотворительности как меценатство, отнесена к с благотворительность товарами и услугами

Случаев благотворительной помощи в районах отмечено в три раза больше, чем случаев спонсорского участия. Из схемы видно, что в крае из основных видов благотворительного участия превалирует благотворительность товарами и услугами. Это можно объяснить тем, что огромное количество пожертвований в районах осуществляется бывшими колхозами, совхозами, фермерскими хозяйствами, у которых нет возможности помогать деньгами, но есть огромное желание помочь. Поэтому они помогают тем, что у них есть - продуктами питания, товарами, услугами.[5]

В Барнауле соотношение спонсорства и благотворительности составляет 50/50, большинство случаев помощи - спонсорство деньгами. Это можно объяснить тем, что в городе гораздо больше финансово успешных коммерческих организаций, чем в районах. Эти организации имеют возможность помогать деньгами. С этим связано и то, что спонсорство деньгами почти в два раза превышает спонсорство товарами и услугами.

Таким образом, Развитие благотворительности в Алтайском крае подчиняется, в общем, основным тенденциям развития этого феномена в Российской Федерации. Тем не менее, мы можем констатировать наличие определенных особенностей развития этой деятельности в нашем регионе. Одной из них является то, что государство, в лице муниципальных образований, активно участвует в процессе благотворительной деятельности.

Главной отличительной чертой развития благотворительности органов местного самоуправления является социальная ответственность территориальных органов местного самоуправления.

Однако также характерно развитие и негосударственных форм благотворительной деятельности, развивается также благотворительная деятельность коммерческих организаций.

1. Антонович И. В. *Благотворительность как социокультурное явление. Социологический анализ (на примере Алтайского края)* – Барнаул: издательство АГУ, 2003.- 18с.
2. Антонович И. В. *Благотворительность в российском обществе: история и современность: учебное пособие.*- Барнаул: Издательство АГУ, 2005.- 135с.
3. Барулин В.С. *Социальная философия: Учебник. –2-е изд.- М.: ФАИР-ПРЕСС,1999.- 560с.*
4. Булкин А.П. *Социокультурная динамика неһһрррррр: Исторический опыт России. - Дубна: Феникс+,2001.-208с.*
5. Зиновьев Р. Н., Стриженко А. А. *Роль иностранных инвестиций в развитии регионов России (на примере Алтайского края)* – Барнаул, 2006.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Воробьева А.А., Чудова С. Г. (Барнаул)

Некоммерческие негосударственные организации в настоящее время выступают важным субъектом в сфере социального обслуживания населения. С вступлением в силу 1 января 2015 года федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» N 442-ФЗ, который заменил собой закон N 195-ФЗ "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации", негосударственные НКО получили новые возможности для осуществления своей деятельности. Прежде всего,

возможности связаны с получением негосударственных некоммерческих организаций доступа к бюджетному финансированию. Таким образом, негосударственные НКО получили возможность осуществлять свою деятельность по оказанию социальных услуг не только в рамках проектов, реализуемых на средства грантов или спонсорской помощи, но и на постоянной основе, получая государственное финансирование.

В этих условиях определенный интерес представляет сравнительный анализ двух федеральных законов, регулирующих сферу социального обслуживания.

В пункте первом статьи 17 федерального закона N 195-ФЗ "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации", дается классификация учреждений социального обслуживания и указано, что данные типы учреждений могут быть различными по форме собственности. Вместе с тем, в законе отсутствует описание механизма реализации права оказания социальных услуг негосударственными некоммерческими организациями. [2] Таким образом, рассмотрение НКО как субъекта социального обслуживания в рамках федерального закона N 195-ФЗ "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации" носит декларативный характер.

Впервые федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» N 442-ФЗ вводит такое определение, как поставщик социальных услуг. К поставщикам социальных услуг закон относит юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуального предпринимателя, осуществляющих социальное обслуживание. [1] Кроме того, в статье 5 в систему социального обслуживания включаются, наряду с федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, организациями социального обслуживания федерального и регионального уровня, еще и негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги, а также индивидуальных предпринимателей, осуществляющих социальное обслуживание.

Таким образом, законом предусматривает равные возможности для доступа к бюджетному финансированию, а, следовательно, и предоставления социальных услуг на постоянной основе как государственными, так и негосударственными учреждениями. Для этого организация или индивидуальный предприниматель должны пройти процедуру включения в реестр поставщиков социальных услуг региона - информационную систему, которая осуществляет сбор, хранение, обработку и предоставление информации о поставщиках социальных услуг. [1]

В каждом регионе РФ должны быть приняты документы в развитие статей федерального закона. В Алтайском крае, к примеру, принято порядка 30 нормативно-правовых актов, направленных на реализацию закона в данном субъекте. Поскольку реестр поставщиков социальных услуг должен быть сформирован в каждом субъекте РФ, порядок включения в него также регламентируется на региональном уровне. В Алтайском крае данный порядок определяет Приказ Главного управления Алтайского края по труду и социальной защите от 28.11.2014 № 401.

На первом этапе реализации нового закона актуальной задачей является информирование негосударственных некоммерческих организаций о возможностях, которые они могут получить. С этой целью в Алтайском крае был проведен семинар-совещание «Бизнес в социальном обеспечении. Опыт и проблемы», на котором представителям НКО разъяснялись положения федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» N 442-ФЗ (правила, расчеты, условия вхождения в реестр поставщиков социальных услуг).

Таким образом, с реформированием федерального законодательства НКО негосударственной сферы получили новые возможности для оказания социальных услуг населению. Это можно проследить, анализируя отдельные статьи федеральных законов N

195-ФЗ "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации" и «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442-ФЗ. Некоммерческие негосударственные организации включаются в систему социального обслуживания и могут предоставлять социальные услуги наряду с государственными учреждениями. Большое значение имеет реализация нового закона в отдельном субъекте РФ и нормативно-правовые акты, принимаемые в развитие закона, поскольку именно они определяют доступ к получению новых возможностей в сфере социального обслуживания.

1. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=166044> (дата обращения: 1*
2. *Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165953> (дата обращения: 20.09.2015).*

ОПЫТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЭКСТРЕННОГО РЕАГИРОВАНИЯ, ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Григорова З.Н. (Санкт-Петербург)

В 2013 на базе благотворительного фонда «Центр социальной адаптации свт. Василия Великого», который занимается реабилитацией подростков находящихся в конфликте с законом, был реализован пилотный проект службы экстренного реагирования "SOS" для подростков, нарушивших закон, и их родителей.

Создание такой службы обусловлено необходимостью более раннего включения социальных педагогов, юристов и психологов в проблемы несовершеннолетних правонарушителей. Согласно положениям, изложенным в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761), ежегодно десятки тысяч российских детей вовлекаются в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В соответствии с международными обязательствами Российской Федерации надлежит обеспечить доступ детей к правосудию вне зависимости от их процессуальной правоспособности и статуса, что будет способствовать созданию дружественного к ребенку правосудия. Одной из задач обозначенной в процессе создания дружественного к ребенку правосудия указано - создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей.

Служба экстренного реагирования "SOS" является пилотным проектом и призвана дополнить систему специализированной помощи подросткам, находящимся в конфликте с законом на базе БФ "Центр свт. Василия". Она представляет собой круглосуточную службу с горячей телефонной линией, по которой можно связаться с социальным педагогом, юристом, психологом. Это даёт возможность начать реабилитационную работу с несовершеннолетним и его семьей с момента совершения правонарушения, повысить правовую осведомленность подростков и их родителей, защитить законные права несовершеннолетнего и предоставить в суд наиболее полную информацию о личности, социальной ситуации несовершеннолетнего, его криминальной вовлеченности и его круге общения. Это позволит в дальнейшем судье принять наиболее взвешенное

судебное решение, с применением восстановительного подхода, где приоритетом является будущее несовершеннолетнего.

Пилотный проект службы экстренного реагирования "SOS" был реализован в Василеостровском районе Санкт-Петербурга. Выбор района обусловлен территориальным нахождением БФ "Центр свт. Василия", который располагает оборудованным помещением для реализации мероприятий проекта; штатом высококвалифицированных специалистов по работе с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом; опытом конструктивного взаимодействия с инспекторами отдела по делам несовершеннолетних, оперативными сотрудниками уголовного розыска, сотрудниками прокуратуры, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, районным судом и социозащитными учреждениями района.

По данным Районного Управления внутренних дел, ежегодно в Василеостровском районе Санкт-Петербурга за совершение правонарушений задерживается от 450 до 500 несовершеннолетних. Сотрудники правоохранительных органов, в рамках действующего законодательства, обязаны привлекать к участию в следственных действиях с несовершеннолетними социальных педагогов или психологов (часть 3 статьи 425 Уголовно-Процессуального Кодекса Российской Федерации). Для соблюдения этой нормы права сотрудники правоохранительных органов обращаются за помощью в образовательные или социозащитные учреждения. Зачастую присутствие в процессе социального педагога сводится к формальности, так как приглашенные специалисты не специализируются на работе с делинквентными подростками. Помимо этого, в случае задержания несовершеннолетнего в вечернее или ночное время привлечение к работе дознавателей социальных педагогов становится крайне затруднительным. Создание круглосуточной службы, специализирующейся на работе с несовершеннолетними правонарушителями, специалисты которой могут оказывать квалифицированную помощь правоохранительным органам, будет содействовать соблюдению прав несовершеннолетних и повышению эффективности взаимодействия участников процесса.

Следующей проблемой, решению которой способствует проект, является необходимость раннего выявления несовершеннолетних, совершивших преступления для включения их в профилактические и реабилитационные мероприятия, призванные предупредить повторное преступление, с одной стороны и для содействия соблюдению прав и законных интересов несовершеннолетних, с другой. Помимо этого, многолетний опыт сотрудничества специалистов БФ "Центр свт. Василия" с федеральными судьями по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, правоохранительными органами и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав показывает, что зачастую для принятия решения в отношении несовершеннолетнего (в том числе по избранию меры пресечения при возбуждении уголовного дела, при вынесении приговора по уголовному делу, при выборе дополнительных обязательств, возлагаемых судом и т.д.) представителям государственных структур не хватает объективной информации о личности и социальной ситуации несовершеннолетнего.

Пилотный проект службы экстренного реагирования "SOS" включает в себя следующие мероприятия:

- Работа круглосуточной горячей телефонной линии для сотрудников правоохранительных органов, осуществивших задержание несовершеннолетнего, а также для подростков, нарушивших закон и их родителей (законных представителей) для привлечения к следственным действиям социального педагога;

- Выезд социального педагога на следственные действия с участием несовершеннолетних;

- Доставка в БФ "Центр свт. Василия" на транспорте Центра задержанных подростков и их родителей для постановки на учет и проведения первичной консультации;

- Социальное сопровождение несовершеннолетнего и его семьи специалистами БФ "Центр свт. Василия" с проведением юридических, психологических и социально-педагогических консультаций, с участием специалистов в следственных действиях и иных мероприятиях в рамках уголовного дела с момента задержания до суда;
- Обучение специалистов занятых в Проекте медиации;
- Проведение мероприятий по медиации;
- Проведение социального расследования и психолого-педагогической экспертизы для составления досудебного доклада и информирования субъектов системы профилактики о социальной ситуации несовершеннолетнего и особенностях его личности;
- Представление интересов несовершеннолетнего в суде;
- Консультации для повышения правовой компетентности несовершеннолетних и их семей.

Апробация на базе БФ «Центр свт Великого» пилотного проекта службы экстренного реагирования "SOS" показала его эффективность. Мероприятия, которые осуществлялись в рамках проекта обеспечивают доступность социально-психологической помощи семьям, где есть дети совершившие правонарушения, соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних как по уголовным, так и гражданским делам в правоохранительных, судебных и иных учреждениях. Деятельность в рамках экстренной службы "SOS" способствует правовому просвещению и повышению правовой компетентности несовершеннолетних и их родителей и оказанию помощи несовершеннолетним в реализации их прав путем комплексного подхода к решению проблем, обеспечивает посредничество, с одной стороны, между личностью и семьей, а с другой - между различными государственными структурами. Все эти изменения содействуют созданию дружественного детям правосудия, а именно - расширению практики применения технологий восстановительного подхода в сфере правосудия, а также в иных сферах, затрагивающих права и законные интересы ребенка; повышению качества реабилитационной и социализирующей деятельности в отношении детей, расширению оснований применения мер ответственности, не связанных с лишением свободы, расширению спектра используемых в правоприменительной практике мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Григорьева А.А. (Санкт-Петербург)

Мир устроен так, что практически любая сфера человеческой жизни пребывает в постоянном развитии. Совершенствуются не только техника, машины и оборудование, но и технологии, методики и подходы к решению возникающих проблем. Например, современное медицинское обслуживание способствует продлению жизни, а различные социальные службы повышают ее качество. И если в начале 2000-х годов средняя продолжительность жизни россиян составляла 65 лет, то к 2015 году этот показатель приблизился к 70 годам [1]. Но вместе с тем естественный прирост составляет всего 0,2 ‰ [2]. Это говорит о том, что происходит так называемое старение населения, обусловленное большим количеством граждан пожилого возраста. Для них необходимо создавать условия комфортной и достойной жизни. Как же обеспечить наших бабушек и дедушек такими условиями?

Актуальность данной темы обусловлена тем, что ряд предоставляемых государством социальных услуг является для лиц старшего поколения жизненно

необходимым, поэтому главной задачей становится обеспечение доступности и качества предоставляемой поддержки.

На наш взгляд, самыми существенными проблемами в доступности социальных услуг для пожилых людей являются:

- Неразвитость инфраструктуры социального обслуживания населения;
- Сосредоточение учреждений оказания социальной поддержки в наиболее развитых центральных регионах страны;
- Ограниченный характер предоставления услуг, - так называемый заявительный принцип;
- Отсутствие достоверных данных о количестве граждан, нуждающихся в помощи;
- Низкая информированность потенциальных потребителей социальных услуг о возможности их получения.

Кроме того, в связи с тем, что происходит компьютеризация многих сфер современного общества, заявки на оказание услуг социальной помощи различного характера в большинстве случаев принимаются в электронном виде, что автоматически делает недоступным не только само по себе оказание помощи, но даже рассмотрение заявки потенциального клиента.

Довольно существенным недостатком системы социального обеспечения в целом является ее монопольный характер, поскольку большинство социальных служб являются частью государственного сектора. Отсутствие рыночных механизмов и здоровой конкуренции зачастую приводят к применению неэффективных, неоптимальных технологий оказания услуг, не нацеленных на конечный результат. Это привело к тому, что на сегодняшний момент в гериатрических службах и их учреждениях отсутствует индивидуальный подход к пациентам из-за большого количества людей-инвалидов, лиц преклонного возраста, пожилых людей с ограниченными возможностями, так или иначе нуждающихся в особом уходе. Мы полностью разделяем мнение исследователей этой проблемы о том, что для ее решения необходимо создавать учреждения малой вместимости семейного типа для сезонного проживания нуждающихся. Для этого необходимо упростить систему определения человека в то или иное учреждение социальной помощи, - сократить количество и время сбора необходимых документов для обеспечения наиболее оперативного улучшения условий жизни пожилых людей. В России наблюдается обратная ситуация, проявляющаяся в оптимизации, которая заключается в том, что бабушек и дедушек из маленького сельского дома престарелых перевозят в большой городской интернат. Маленькие дома расформируются, аргументируя это недостаточной заполняемостью койко-мест в больших домах. Для государства это экономически выгодно, однако критерий экономической выгоды в отношении живых людей, переживших войну и голод, не всегда уместен. Ведь переезд для большинства пожилых – это большой стресс, который они могут не пережить [3].

Естественно, для осуществления каких-либо потенциальных проектов нужна материальная база. Но, к сожалению, денежных средств не хватает не только на новые, еще не осуществленные идеи, но и на финансирование уже действующих социальных служб. А ведь некоторые из них находятся в непригодных помещениях, в которых трудно обеспечить даже нормальное существование, а тем более провести лечение и реабилитацию нуждающегося!

Для решения возникших проблем попробуем обратиться к зарубежному опыту. В первую очередь требует совершенствования нормативно-правовая база Российской Федерации. Например, в Швеции на законодательном уровне определено право на помощь, причем не только финансового характера, но и бытовую – уборка дома, закупка продуктов питания, стирка, а для поддержания контактов с другими людьми – транспортное обслуживание. Великобритания является ярким примером страны, которая ориентирована на создание комфортных условий для пожилых людей в домашних

условиях. Поддержка оказывается с помощью социальных или добровольческих объединений, которые помогают тем, кто проживает в семье, - в тех случаях, если родственники в силу своей занятости не имеют возможности полноценно заботиться о своем родителе. Если же пожилой человек одинок, то у него есть возможность проживать в доме-интернате, который представляет собой учреждение оптимальной комфортности с квалифицированными социальными и медицинскими работниками. В Германии важную роль в социальном обслуживании престарелых играют центры дневного пребывания. В этих центрах существуют клубы по интересам, рукодельные мастерские, залы лечебной физкультуры. Также в центрах работает медицинский персонал и преподаватели, которые помогают получить бабушкам и дедушкам дополнительное образование [4].

Вышеприведенные примеры говорят о том, что на сегодняшний день в России существует недостаточный уровень социальной поддержки пожилого населения, и если в столичных городах уровень можно назвать приближенным к европейскому, то в провинции он значительно отличается от желаемого. Но радует то, что в последнее время активно развиваются волонтерские движения. Добровольцы помогают пожилым людям скрасить их одиночество своими регулярными визитами в дома престарелых, где волонтеры проводят концерты, мастер-классы, устраивают дни красоты для пожилых, куда приглашают парикмахеров, стилистов, визажистов и создают каждой бабушке красивый образ, в котором она нравится самой себе. Также популярным направлением помощи становятся школы компьютерной грамотности, где люди старшего поколения обучаются общению в Skype со сверстниками, друзьями, внуками, детьми, участвуют в видеоконференциях и вебинарах. Помимо этого уже сейчас существуют волонтерские движения для пожилых людей, благодаря которым их жизнь становится активной и интересной, и самое главное – нужной [3]!

Таким образом, по нашему мнению, необходимо искать поддержку не только со стороны государства, но и привлекать частных инвесторов и поддерживать волонтерские движения. Нужно совершенствовать материально-техническую базу, внедрять инновационные технологии, воспитывать в подрастающем поколении чувство уважения и преданности к старшим, контролировать качество знаний и компетентность будущих и действующих специалистов, для оказания добросовестной и своевременной помощи пожилым людям. Ведь дань уважения и благодарности к родителям, бабушкам и дедушкам должна проявляться через заботу, поддержку, любовь, обеспечение достойного качества жизни и улучшение социального положения граждан пожилого возраста.

1. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906. - (Дата обращения: 4.10.2015).*
2. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. - (Дата обращения: 4.10.2015).*
3. *Агентство социальной информации 11.06.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asi.org.ru/aktivnoe-dolgoletie-s-kakimi-problemami-stalkivayutsya-lyudi-pozhilogo-vozrasta-i-kak-volontery-pomogayut-ih-reshat/>. - (Дата обращения: 7.10.2015).*
4. *Как ведется социальная работа с пожилыми людьми за рубежом? 9.04.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.veteranrb.ru/archives/875>. - (Дата обращения: 6.10.2015).*

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ Г. ВОРОНЕЖА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Довейко А.Б., Дьяченко Е. А. (Воронеж)

Для развитых стран, характерно широкое распространение благотворительных инициатив, которые по своей сути и направленности уравнивают жесткие и даже в чем-то жестокие рыночные отношения. Если оглянуться на Запад, то там масштабы данной деятельности настолько широки, что принимают подобие «благотворительной индустрии» - целые сферы культуры, образования, социальные программы, фонды и т.п. существуют только или почти только на пожертвования граждан и корпораций.

В России - это редкий вид деятельности, существующий на периферии общественного сознания. В мировом рейтинге благотворительности, составленном некоммерческой организацией «САФ Россия» по данным 2014 г, страна занимает лишь 126-е место из 153, на которые приходится 95% благотворительных пожертвований [1].

Согласно опросам ВЦИОМ, около 50% россиян никогда не участвовали в любой из форм благотворительной деятельности. Пользовались благотворительной помощью и вовсе немногие. Лишь 5% опрошенных россиян - более одного раза, 7% - единожды, а 85% не пользовались совсем[2].

Особенно актуальной эта проблема стала в наше время на фоне серьезного экономического кризиса, затронувшего ряд социальных программ, в том числе и благотворительность. В период экономического кризиса и политических изменений обостряются социальные проблемы, на «борьбу» или на помощь которым могут прийти благотворительные организации и благотворительность в целом.

Если в целом посмотреть на оценки благотворительной деятельности, то их можно разделить на два противоположных полюса: позитивные и негативные оценки. В своем исследовании мы акцентировали внимание на деятельность благотворительных организаций на трех уровнях: мировом, российском (федеральном) и региональном. Помимо выявления информированности об их деятельности, было важно выяснить и оценку этой деятельности в целом, поэтому мы попросили респондентов в целом оценить их деятельность. Для получения необходимых данных была использована шкала Лайкерта.

Если сделать общий вывод по оценке деятельности благотворительных организаций, то можно сказать, что она достаточно высока среди тех, кто в курсе или хотя бы слышал об их деятельности. Тем не менее, в каждом случае довольно высок процент тех, кто затруднился со своей оценкой, и он составляет около трети от всех опрошенных в оценках по каждому из трех предложенных видов благотворительных организаций. Среди тех, кто лучше оценил их большинство – женщины, в то время как мужчины чаще затруднялись с оценкой.

Довольно важным является и категория доверия благотворительным организациям. Большинство скорее доверяют благотворительным организациям (38%), еще десятая часть (9,5%) полностью доверяют. Четверть (24%) в чем-то доверяют, в чем-то нет. Шестая часть затруднились ответить. 7% - скорее не доверяют и 2,5% полностью не доверяют благотворительным организациям.

Можно сказать, что с возрастом количество тех, кто более доверяет благотворительным организациям, растет. Если среди 15-24 летних больше всего тех, кто в чем-то доверяет, в чем-то нет, и их количество составляет 56%, то после 65 лет примерно столько же людей скорее доверяют благотворительным организациям. С ответом больше всего затруднялись респонденты от 25 до 55 лет, а легче всего сориентироваться было для молодежи. Если рассматривать данные в целом, то самые положительные оценки мы найдем в группе тех, кому от 35 до 44. Меньше всего

доверительное отношение высказали 15-24-летние (26,5% положительных оценок в целом).

Больше всего доверяют благотворительным организациям малообеспеченные и среднеобеспеченные (52,7% и 52,9% соответственно). Больше всего респондентов, не доверяющих подобным организациям, среди обеспеченных (12,5% - не доверяют и 37,5% - доверяют). Можно отметить, что с ростом уровня образования растет и степень доверия благотворительным организациям. Респонденты с самым низким уровнем образования чаще всего либо затрудняются ответить, либо выбирают срединный вариант и говорят, что в чем-то доверяют, а в чем-то нет.

Помимо общей оценки благотворительной деятельности, было решено выяснить, почему некоторые люди считают, что благотворительная деятельность приносит больше вреда, чем пользы? 15,5% считают, что это ослабляет инициативу у людей. На два процента больше (17,5%) полагают, что эта деятельность «замораживает», а не решает проблемы. Треть респондентов (34,5%) отметили увеличение количества «нахлебников», тех, кто хочет жить за счет других в качестве причины отказа от занятий благотворительной деятельностью. 42% полагают, что за благотворительностью может скрываться «криминал». Благотворительные организации помогают только «своим» считают 7,5%.

Ситуация в Воронеже выглядит несколько лучше, чем в данных, приведенным ВЦИОМ. Больше половины опрошенных участвовали в благотворительной деятельности в течение последнего года. Среди всех тех, кто за последний год тем или иным образом участвовал в благотворительности 56% - это женщины.

Если рассматривать виды благотворительной деятельности в гендерном аспекте, то можно выделить «тройку» лидеров. Среди женщин, за последний год так или иначе принимавших участие в благотворительности, на первом месте стоит подача милостыни (62,5%), на втором – денежная помощь благотворительным организациям (59,4%) и на третьем – помощь церкви (45,3%). По ответам мужчин можно сказать, что они чаще всего передавали вещи, игрушки в детские дома, дома инвалидов (54,9%), подавали милостыню (52,9%) и переводили деньги различным фондам (41,2%).

62% опрошенных признают, что среди их друзей и знакомых есть люди, занимающиеся благотворительной деятельностью. При выявлении мотивации подобной деятельности 44% полагают, что одной из причин такой деятельности - это быть полезным, помогать нуждающимся. Треть респондентов считают, что это правильная, необходимая деятельность. Пятая часть считают, что таким образом люди пытаются отплатить добром за добро. По мнению каждого десятого, люди занимаются благотворительностью ради собственного удовольствия, интересного времяпрепровождения. Благотворительностью подтверждают свой статус, положение в обществе (4%). В качестве причины 3% опрошенных приводят влияние общества, ожидания знакомых. 5% предполагают, что эта деятельность позволяет получить полезные навыки, новые знакомства. Таким образом, заметно, что на передний план выходят альтруистические призывы и представление благотворительности как полезной и необходимой деятельности.

Теперь же обратим внимание на то, какие причины приводят люди разных возрастов. Пятая часть опрошенных считают, что у них, у их семьи много своих проблем (22%) и отсутствие веры в то, что их помощь действительно дойдет до адресата, будет использоваться по назначению (21,5%). 14,5% полагают, что благотворительность, меценатство - это удел богатых. Практически треть (28%) верят в то, что государство должно помогать нуждающимся. 8% опрошенных отметили вариант: «Каждый должен сам решать свои проблемы». Меньше всего людей выбрали вариант «Это выглядит как «подачка» (1%). При этом нельзя сказать, что на выбор ответа влияет возраст или пол респондента. Абсолютное большинство (91%) никогда не получали благотворительной помощи, что практически идентично ситуации по стране в целом (93%).

1. Доклад о состоянии и развитии фондов в России, 2013. - (<http://www.donorsforum.ru/materials/doklad-o-sostoyanii-i-razviti-fondov-v-rossii/>)
2. Буксующая благотворительность. Экзотика и причуда. (<http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=4383/>)

РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В ПОМОЩИ ЛЮДЯМ, ОКАЗАВШИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ.

Дрожжина К.А. (Белгород)

Такие понятия как «волонтерство» или «волонтерская деятельность» появились в Российской Федерации сравнительно недавно. Еще со школьной скамьи нас приобщают к добровольческой деятельности по отношению к тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. А таких категорий граждан огромное количество: неблагополучные семьи, многодетные семьи, малообеспеченные семьи, пожилые, ветераны и др. Однако такая помощь, как правило, характеризуется одноразовой акцией, не имеющей четкой организации и структуры.

Мы должны понимать, что волонтерство - это широкий круг деятельности, который включает традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, все формы гражданского участия, которые должны осуществляться добровольно на благо обществу, прежде всего особо нуждающимся категориям граждан без расчёта на денежное вознаграждение. Закон РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» трактует понятие «доброволец» или «волонтер» как физическое лицо, осуществляющее в свободное от работы (учебы) время добровольную социально направленную, общественно полезную деятельность в формах и видах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, без получения денежного или материального вознаграждения (кроме случаев возможного возмещения связанных с осуществлением добровольческой (волонтерской) деятельности затрат) [1].

В настоящее время существует большое количество разнообразных добровольческих организаций как на межрегиональном, так и на региональном, муниципальных уровнях. В каких-то из них уже сложилась своя четкая структура и организация, проверенная временем, а какие-то еще находятся на стадии формирования или развития. Каждая из них дает свои положительные результаты, свои плоды, помогая сотням людей каждый день своими усилиями, не прибегая к помощи государства. Например, действующая на территории России добровольческая организация «Волонтерский корпус 70-летия победы» собрала 143300 участников по всей стране. Она ориентирована на благоустройство памятных мест и воинских захоронений, помощь ветеранам, помощь волонтеров при организации и проведении событий, запланированных в рамках празднования 70-летия Победы, в том числе парада Победы на Красной площади и военно-морского парада в Севастополе, дни единых действий. Все осуществляется самими участниками. Это всего лишь одна организация, имеющая узкую направленность. Категорий лиц, которым нужна помощь или поддержка очень много и следовательно чем больше будет добровольческих объединений и участников в них, тем больших результатов можно будет добиться.

Становится очевидным, что граждане своего общества могут приносить ему большую пользу. Нужно лишь заинтересовать их в участии в таких организациях, выработать у них такую гражданскую позицию, которая будет основываться на чувстве эмпатии, взаимопомощи и взаимовыручки.

По результатам микроисследования, проведенного нами для подтверждения актуальности проблемы более половины опрошенных респондентов (67,3%) имеют желание стать участниками добровольческих организаций или благотворительных акций, но плохо осведомлены в этом вопросе. Поэтому необходимо активно вести политику, направленную на приобщение людей к добровольческой деятельности, используя все доступные для граждан источники: телевидение, газеты, журналы, радиовещание, плакаты, баннеры, листовки, интернет и др. Помимо этого, возможна организация собраний для граждан самими активистами добровольческих объединений для детального объяснения закономерностей функционирования их деятельности, поскольку при личном контакте вырастает продуктивность и работоспособность лиц, готовых «носить» звание «волонтер».

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что привлечение граждан для участия в добровольческой деятельности, развитие этой деятельности является приоритетным направлением для развития некоммерческого сектора экономики страны, и оказывает благотворное влияние на развитие общества в целом.

*1. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях:
Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ.*

ВОЛОНТЁРСТВО, КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И ФОРМА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.

Дудкин И.В., Фокин М. А. (Нижний Новгород)

Впервые о доброй воле человека и о человеке как высшей ценности заговорили Аристотель, И. Кант, Г. Гегель. О взаимосвязи религиозных ценностей и трудовой деятельности говорили в своих трудах А. Смит, М. Вебер. Проблема добровольчества молодежи за рубежом освещена трудами Д. Майерса, Р. Чалдини, М. Хьюстона, Д. Кенриса и других. В современном мире эти идеи воплотились в формате волонтерской деятельности и организаций.

Волонтерство – это особый взгляд на жизнь, мировоззрение, основанное на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества .

Деятельность волонтеров различна и включает в себя:

- помощь таким социальным категориям граждан, как престарелые, бездомные, инвалиды и сироты;
- просветительские беседы о борьбе с алкоголизмом и наркоманией;
- благотворительные концерты и театральные выступления;
- помощь животным;
- благоустройство городских улиц, домов и участков и др.;
- стремление построить справедливое и свободное общество. [1]

Актуальность. В настоящий момент потребность в помощи волонтеров социальных служб достаточно велика. Нарастающие политические, экономические и социальные проблемы стали причиной увеличения количества граждан, нуждающихся в помощи и поддержке. В такой ситуации деятельность добровольцев, снижающая социальную напряженность, представляет особую ценность для всего общества. Понимая это, ряд социальных учреждений начали вести целенаправленную работу по привлечению волонтеров.

Волонтерство стремится к достижению двух важных результатов:

- помогает в создании стабильного и сплоченного общества;

- дополняет услуги, предоставляемые правительством (и бизнесом, когда эти услуги нерентабельны, но необходимы обществу).

В соответствии с целями и задачами волонтерства, волонтер - это человек, который, работая безвозмездно, стремится внести свой вклад в реализацию социально значимых проектов.

Основные характеристики, присущие волонтерской деятельности:

- Вознаграждение. Волонтер не должен заниматься волонтерской деятельностью главным образом с целью получения финансовой прибыли, и любое финансовое возмещение должно быть меньше стоимости выполненной работы.

- Добрая воля. Хотя мотивация участия в волонтерской деятельности, возможно, всегда будет состоять из нескольких причин, включая давление со стороны коллег (или родителей) и долг перед обществом, все же эта деятельность должна осуществляться добровольно, без принуждения со стороны.

- Приносимая польза. Должен быть определенный бенефициарий или группа бенефициариев (в т. ч. такие абстрактные понятия, как окружающая среда или само общество), помимо (или в дополнение) семьи или друзей волонтера.

- Организационная структура. Волонтерство может быть организованным или неорганизованным, осуществляться индивидуально или в группе, общественных или частных организациях.

Рассмотрим специфику волонтерской деятельности в различных аспектах.

Управленческий аспект: для того, чтобы результативно помочь какому-либо социальному учреждению или отдельному человеку, необходимо грамотно спланировать и организовать процесс добровольческой деятельности, найти и привлечь молодых людей к занятию общественно-полезным делом, суметь правильно мотивировать деятельность волонтеров, постоянно координировать и контролировать их действия. Только высокая организация и управление деятельностью добровольцев помогут достичь эффективности оказания помощи.

Психологический аспект: для того, чтобы продуктивно оказывать помощь населению и социальным организациям, волонтерам необходимо понять для чего они это делают, определить основной мотив их деятельности, так как не каждый человек способен безвозмездно помогать людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Кроме того, для эффективной реализации социальной помощи, в самом добровольческом коллективе должен преобладать здоровый психологический климат, налажены средства коммуникации между участниками, готовность помочь друг другу.

Социально-медицинский аспект: для того, чтобы волонтер смог оказать не только социальную, но и медицинскую помощь, ему необходимо знать основы первой медицинской помощи.

Волонтерская деятельность по оказанию социальной помощи опирается на концепции, разработанные зарубежными философами и социологами: «категорический императив» И. Канта, выделившего моральную добродетель и альтруизм, О. Конта, считающего альтруистическое сознание человека показателем цивилизованности общества, протестантская этика М. Вебера.

Мы считаем, что в основу организации волонтерской деятельности должны быть положены концептуальные основы и принципы добровольчества Г. П. Бодренковой и Л.А. Кудринской, рассматривающие феномен добровольчества, добровольчество как социальное явление и основу гражданского общества, эффективный инструмент вовлечения молодежи в активную жизнь общества, формирование у них ответственности, честности, доброты, жизненных знаний и навыков.

На сегодняшний день выделяют следующие проблемы, препятствующие развитию волонтерского движения в России:

- социально-психологические: недоверие граждан, пассивная позиция общества, отсутствие привычки к гражданской инициативе;

- не проработана законодательная сторона волонтерского движения, отсутствуют соответствующие нормы, механизмы защиты движения и его участников, механизмов решения конфликтных ситуаций;
- административные пороги: отсутствие потребности у государства в реализации программ, которые стимулируют благотворительность добровольческое движение;
- технологическая проблема: проблема подготовки и обучения волонтеров, нет официальных школ, правил, традиций волонтерства, нет социальных служб, как таковых, нет просто социальных работников;
- отсутствие системы подготовки кадров, которая бы позволяла постоянно поддерживать и усовершенствовать необходимый для волонтера уровень компетенции;
- отсутствие структурных единиц, которые бы способствовали наладить диалог между представителями исполнительной власти, субъектами волонтерской деятельности, спонсорами и нуждающимися;
- отсутствие механизмов мотивации и стимулирования волонтеров, не разработаны схемы личностного роста активистов в волонтерской деятельности .

Первым этапом выработки решений данных проблем является изучение сущности волонтерской деятельности, роли социального партнерства между социальными службами и волонтерами, расширение понятия волонтерства, обобщение и систематизация полученных ранее данных о волонтерской деятельности по оказанию социальной.

Второй этап содержит разработку и внедрение технологии социальной работы: исследования в данной сфере способно послужить совершенствованию инновационных социальных технологий в области волонтерства, а также технологий социальной адаптации и реабилитации, коррекции тренингов и аутотренингов, необходимых для повышения качества волонтерского движения в России.

Нам очень хочется верить, что со временем, волонтерское движение в России расширится еще больше, окрепнет и поможет решить многие проблемы, например такие, как реформа здравоохранения, образования, рост гражданской активности, политической и правовой культуры населения. В принятой в 2001 году Всемирной Декларации Добровольчества отмечается, что добровольчество — это есть фундамент гражданского общества, оно выражает потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости. Ведь только вместе мы сможем сделать этот мир лучше, добрее и совершеннее.

1. *Всемирная декларация добровольцев (принята на 11-м Конгрессе Международной Ассоциации Добровольцев, Париж, 14 сентября 1990 года.*
2. *Новиков А.С. Проблемы волонтерского движения в современной России. // Международный научно-исследовательский журнал, 2012*
3. *Понятие волонтерства. Главное — желание? // Информационно-методический журнал*
4. *Ромицын И.В. Волонтерская деятельность как фундамент гражданского общества.*

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Еремеева А.А., Соловьева К. А. (Нижний Новгород)

В настоящее время реклама занимает важное место в жизни общества. Она является механизмом воздействия на население. Все большую популярность приобретает такой вид рекламы как социальная. Социальная реклама – это инструмент, позволяющий привлечь внимание к социально значимым и острым проблемам в обществе, таким, как

алкоголизм, наркомания, табакокурение, домашнее насилие, правопорядок, экологическая обстановка, проблемы семьи и другие. Социальная реклама в современном мире является важнейшим фактором, регулирующим общественные отношения. Роль ее возрастает и появляется необходимость в ее дальнейшем развитии и расширения ее влияния, с целью разрешения острых социальных проблем.

Социальная реклама – явление достаточно молодое, как в России, так и зарубежом. Однако, зарубежный опыт гораздо больше.

Социальная реклама призвана воздействовать на людей, на их поведение, образ мыслей, моральные установки и принципы. Социальная реклама определяется как вид безвозмездной деятельности. Однако, нет четкого определения термина «социальная реклама» и как она должна осуществляться. Законодательное определение социальной рекламы достаточно широко и неполно. Законодательная база по регулированию социально-рекламной деятельности развита в недостаточной мере, как в России, так и зарубежом. Однако, зарубежный рынок социальной рекламы в основном является саморегулирующейся системой, осуществляющей свои действия через специальные органы.

Социальная реклама осуществляется через печатную продукцию (реклама в СМИ, буклеты, листовки), телевидение, Интернет, наружную рекламу (баннеры, реклама на транспорте).

В нашей стране начали говорить о социальной рекламе в той форме, в какой она представлена сейчас, то есть как об информации, распространяемая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства, только после распада СССР.

Рынок социальной рекламы в России на данный момент слабо развит, хотя интерес и внимание к социальной рекламе возросли. Еще одной проблемой социальной рекламы в России является то, что она выполняется на непрофессиональном уровне, что негативно сказывается на ее качестве и, как следствие, эффективности.

В настоящее время некоммерческие организации также используют рекламные средства. Роль социальной рекламы в деятельности «третьего сектора» – информирование общества о некоммерческих организациях, их программах, проектах, результатах работы, а также для привлечения волонтеров и финансовых средств.

Социальная реклама, созданная некоммерческими организациями, пока не очень распространена, однако, для удовлетворения потребностей «третьего сектора» её необходимо активно развивать, используя имеющиеся ресурсы.

Также, через социальную рекламу НКО имеют возможность рассказать о своей деятельности, о том, чем занимаются некоммерческие и социальные структуры, привлечь добровольцев. Кроме того, социальная реклама позволяет решить финансовый вопрос организаций третьего сектора, так как очень часто социальная реклама некоммерческих организаций направлена на привлечение спонсоров, которые могли бы оказать материальную помощь в том направлении, которое освещается в рекламе (например, помощь детям-сиротам, сбор игрушек и одежды для них). А также, социальная реклама «третьего сектора» выполняет свое прямое назначение – решает социально-значимые проблемы общества или осуществляет их профилактику.

Хотя социальная реклама зарубежом имеет те же цели, что и в России, она более развита и имеет более обширный опыт. Она так же направлена на формирование новых взглядов и ценностей в обществе, рассказывает людям о проблемах общества в целом и его отдельных групп. Основные темы, такие же, как и на отечественном рынке социальной рекламы: экология, здоровый образ жизни, семья, законопослушность и т.д.

Зарубежный опыт социальной рекламы некоммерческих организаций показывает, насколько эффективно могут быть использованы имеющиеся ресурсы социальной рекламы для предотвращения негативной социальной проблемы или смягчение ее

последствий. Социальная реклама зарубежом достаточно эффективна в связи с тем, что при ее создании задействованы профессиональные рекламные структуры. Профессионалы способны создать яркий, запоминающийся, сильный образ, привлекающий внимание общественности и в результате, меняющий образ мыслей и ценностей людей.

Зарубежный опыт может оказать значительное влияние на развитие и совершенствование российской социальной рекламы, которой, в первую очередь не хватает профессионального исполнения и доступности информации для всех.

Социальная реклама российских социально ориентированных организаций используется в следующих целях:

- Утверждение позиции и приоритетов организации;
- Привлечение добровольцев;
- Привлечение внимания общественности к конкретной проблеме;
- Помощь в привлечении сборов и пожертвований.

Анализ образцов рекламы российских некоммерческих организаций показал, что, качественная социальная реклама, способная оказать воздействие на население в целях профилактики и решения социальных проблем, доступна для крупных некоммерческих организаций. Более локальные по масштабам организации не могут реализовать качественную социальную рекламу.

В ходе проведенного опроса, выявлено, что некоммерческие организации в основном используют интернет-рекламу, рекламные ролики, листовки и брошюры.

Изучив опыт Нижегородских социально ориентированных некоммерческих организаций, выявлено, что данные структуры пытаются использовать социальную рекламу для решения и предупреждения социальных проблем общества таких, как профилактика абортов и снижения их уровня, решение социальных проблем мигрантов, привлечение внимания к детям с различными психическими и физическими отклонениями, также, для развития социальной деятельности других общественных организациям.

Преимущества социальной рекламы нижегородских некоммерческих организаций:

- Простота и доступность понимания;
- Содержание полной контактной информации об организации;
- Освещение социальной проблемы;
- Использование глобальной сети Интернет.

Также, выделены следующие недостатки:

- Низкое качество исполнения социальной рекламы, ее непрофессионализм;
- Низкое финансирование для создания и распространения социальной рекламы;
- Низкий уровень креативности социальной рекламы.

Рекомендации для повышения эффективности использования социальной рекламы некоммерческими организациями:

- Создание нормативно-правовой базы, регулирующей отношения на рынке социальной рекламы некоммерческих организаций;
- Развитие и внедрение процесса обучения сотрудников некоммерческих организация для самостоятельного создания качественной и эффективной социальной рекламы;
- Привлечение клиентов социально ориентированных организаций к созданию социальной рекламы.

Таким образом, развитие социальной рекламы социально ориентированных некоммерческих организаций должно стать одним из приоритетных направлений, как внутри организации, так и со стороны государства. Так как социальная реклама может быть мощным инструментом, в первую очередь, по предупреждению социальных проблем, а также, по решению уже имеющихся негативных последствий.

Анализ эмпирических данных подтвердил гипотезы исследования, цели и задачи решены. Дальнейшее изучение проблемы предполагается сосредоточить на изучении мнения потребителей социальной рекламы о том, какую рекламу лучше создавать, как сделать её более впечатляющей, какого содержательного наполнения не хватает, какие носителя предпочтительнее и др.

1. *Федеральный Закон от 13.03.2006г. № 38-ФЗ «О рекламе» [Обращение к документу: 12.02.2015]* *Доступ* *через*
<http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156937/>.

МОЛОДЕЖНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Журавлева М.С. (Электросталь)

Добровольчество (волонтерство) - это участие людей независимо от возраста, расы, пола и вероисповеданий в мероприятиях, направленных на решение социальных, культурных, экономических, экологических проблем в обществе, не связанных с извлечением прибыли. Само слово «волонтер» произошло от французского слова «volontaire», которое в свою очередь - от латинского «voluntaries» («доброволец, желающий»).

Молодежь играет большую роль в развитии добровольческого движения в России. Она, как индикатор, быстро и точно реагирует на состояние окружающей среды, условия и качество жизни. Степенью и формами участия в добровольческой деятельности молодежь сигнализирует государству и обществу о реальном состоянии дел в стране.

Добровольческие инициативы находят себе применение в различных сферах, таких как:

- Социальная. Активность молодежи проявляется в решении и профилактики различных социальных проблем (беженцы и переселенцы, ветераны и пожилые и т.д.)
- Культурная. Например, сохранение памятников истории и архитектуры, распространение информации о культурном наследии. Что касается образования, то развитие лидерских качеств и тренинги для лидеров яркие тому примеры (Такие тренинги проводились для волонтеров XX Олимпийских зимних игр в Сочи в 2014 году, а также для молодежи, желающей принять участие в моделях BRICS). Волонтерство, связанное со здравоохранением – пропаганда здорового образа жизни в различных учебных заведениях. Экологические инициативы – акции по очистке лесов и водоемов, предотвращение пожаров и ликвидация их последствий. Инициатива в заботе о детях, инвалидах, сиротах в виде проведения игровых мероприятий, раздачи питания.
- Политическая. Акции в защиту прав человека.
- Экономическая. Проведение опросов, связанных с экономической ситуацией в стране или по поводу экономических реформ.

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ, проведенный 18-19 июня 2011 г., в ходе которого было опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России [1] показал, что:

- 75% самых молодых россиян готовы участвовать в общественно полезной деятельности бесплатно или за символическую плату (уже имеют опыт такого участия 48% молодых);
- наименее вовлеченные в общественно-полезную деятельность группы – молодежь и пенсионеры;
- 18-24-летние активнее других россиян участвуют в экологических маршах и социально-значимых мероприятиях;

- молодые россияне реже остальных участвуют в добровольческой деятельности из благородных побуждений;
- потенциал участия молодежи в добровольческой деятельности – выше, чем в остальных возрастных группах.

В пятом издании Мирового рейтинга благотворительности представлены данные о благотворительности в мире за пять лет (с 2009 по 2013 годы) [2]. Мировой рейтинг благотворительности 2014 включает данные по 135 странам мира, которые были собраны в течение 2013 календарного года. По этим данным россияне стали больше заниматься волонтерством и помогать напрямую нуждающимся незнакомым людям. По сравнению с рейтингом 2013 года в стране стало на миллион больше волонтеров; число тех, кто помогает нуждающимся, увеличилось на то же число. Несмотря на значительный рост этих показателей, в общемировом зачете Россия опустилась на три позиции и занимает теперь 126-е место.

"Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года" рассматривает развитие добровольчества и благотворительности как одно из приоритетных направлений государственной политики [3]. Согласно ей отдельное внимание будет уделено популяризации идеи добровольчества (особенно среди молодежи), совершенствованию законодательной базы в данной области.

Добровольческая активность молодежи в РФ проявляется, как в ответ на предложения внешней среды (кампании общественных и некоммерческих организаций по привлечению молодых добровольцев, ярмарки молодежных добровольческих вакансий, презентации социальных и благотворительных программ в ВУЗах ССУЗах), так и в результате личной/групповой инициативы самой молодежи.

Чаще всего, активность молодых добровольцев проявляется в форме участия в разнообразных краткосрочных акциях:

1. значительные культурные, просветительские, социальные мероприятия местного, регионального, национального и международного уровня (например, Всемирный день молодежного служения, Весенняя Неделя Добра);
2. озвучивание социальной проблемы, или достижений некоммерческих организаций;
3. защита каких-либо гуманистических принципов и демонстрация позиции;
4. защита прав каких-либо социальных групп населения;
5. участие в процессах разрешения экстремальных и кризисных ситуаций (например, поиск пропавших людей, борьба со стихийными бедствиями – пожары, наводнения).

Наиболее эффективное использование добровольческих инициатив молодежи происходит там, где они востребованы и ответственно поддержаны местными/региональными органами власти.

Стратегия государственной молодежной политики [4] в РФ предусматривает три приоритета:

1. Информирование молодежи о потенциальных возможностях развития в России, и ее вовлечение в социальную практику;
2. Развитие инновационной активности молодежи;
3. Интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества.

Эти приоритеты определяют направления и сферы первоочередного инвестирования государственных ресурсов и формируют систему ресурсной поддержки российской молодежи.

Актуальный анализ молодежного добровольчества, в т.ч. в сравнении с другими возрастными группами предоставляют результаты опроса ВЦИОМ «Добровольчество в России: потенциал участия молодежи»[5]:

Молодежь, наряду с пенсионерами, наименее вовлечена в добровольческую деятельность (более половины респондентов в этих возрастных группах не занимались ни чем подобным). В отличие от представителей других возрастных групп молодые россияне чаще выбирают для себя участие в экологических маршах (22 против 11-17%) и социально-значимых мероприятия (8 против 1-6%). И напротив, молодежь реже всего участвует в адресной помощи нуждающимся (8 против 12-14%), пострадавшим в катастрофах (4 против 6-7%), благотворительности (14 против 19-21%), озеленении и благоустройстве (15 против 17-21%).

Среди молодежи наименее распространено стремление к добровольческой деятельности из благородных мотивов: желания быть полезным (48% против 58-63% в других группах), отблагодарить за добро (7% против 16% среди пожилых). Напротив, молодые люди чаще становятся добровольцами ради приобретения полезных навыков (8 против 1% среди пожилых), новых знакомств (5 против 1% соответственно).

Молодежь также демонстрирует наибольшую готовность помогать бездомным животным, зоопаркам и заповедникам (25% против 14-19% в других группах), содействовать организации социально-значимых мероприятий (17% против 3-10% соответственно), участвовать в профилактических беседах (14% против 4-11% соответственно). Ни в чем из перечисленного, не хотят участвовать 18% молодых и почти вдвое больше (32%) пожилых.

Добровольческая деятельность дает молодым людям проявить себя в различных моделях взаимодействия, приобрести навыки, необходимые в дальнейшей жизни. Потребность в приобретении опыта взаимодействия является осознанной социальной потребностью[6].

Молодежь осознает необходимость участия в совершенствовании мира, в котором они живут, понимает, что может заложить основание для улучшения ситуации в стране и в мире в будущем.

1. *Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 18-19 июня 2011 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. См. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111713> Дата*
2. *Британский благотворительный фонд CAF пятый раз опубликовал рейтинг мировой частной благотворительности (World Giving Index) [Электронный ресурс] http://philanthropy.ru/wp-content/uploads/2014/11/WGI_2014_Rus_18-11.pdf*
3. *Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года*
4. *Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года, утвержденные постановлением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. №2403-р*
5. *Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения [Электронный ресурс]: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111713> Дата обращения 10.10.2015.*
6. *Подхомутникова М.В. Развитие добровольчества в молодежной среде//Общество: социология, психология, педагогика 2012. №4. С.15.*

ОПЫТ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Зезюля К.А. (Иркутск)

Иркутская область имеет богатейший и передовой опыт развития семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Регион занимает первые позиции в рейтинге субъектов по устройству детей-сирот в замещающие семьи, наряду с Кемеровской, Московской, Свердловской областями [11].

Развитие института замещающей семьи в области происходит достаточно активно и продуктивно: всё чаще внедряются новые программы, проекты и механизмы семейного устройства детей-сирот; совершенствуется система подготовки квалифицированных кадров, работающих с данной категорией; происходит реорганизация детских государственных учреждений интернатного типа в учреждения, предоставляющие услуги по развитию семейных форм устройства детей-сирот, а также по подготовке и сопровождению замещающих семей.

На период 2014 г. в регионе насчитывалось свыше 15 тысяч замещающих семей [6]. Однако интенсивный прогресс распространения семейных форм воспитания, наряду с позитивной динамикой, повысил статистику изъятий и возвратов детей-сирот из замещающих семей в детские дома, чем и обусловлено развитие в области такого негативного явления как вторичное сиротство. По статистике, 24% детей, находящихся в учреждениях интернатного типа в Иркутской области – это дети, подвергшиеся вторичному сиротству. В 2013 г. в регионе 269 детей помещены под надзор в детские государственные учреждения после отмены опеки или попечительства, в 2012 г. – 256 детей, в 2011 г. - 352 ребенка, в 2010 г. – 362 [11]. Причинами возвращения детей-сирот в детские дома являются: недостаточная педагогическая подготовленность замещающих родителей, мотивация замещающих родителей в получении выгоды от принятия ребенка в семью, особенности индивидуальных психофизических особенностей здоровья ребенка, ненадлежащее исполнение обязанностей приемными родителями и ряд других.

Замещающие родители, воспитывающие приемного ребенка, не всегда имеют необходимые ресурсы для самостоятельного преодоления трудностей и кризисных ситуаций, возникающих как на стадии взаимной адаптации, так и в другие периоды функционирования замещающей семьи. Крайним негативным последствием неспособности самостоятельно справиться с трудной жизненной ситуацией являются – отказ от ребенка и возвращение в детский дом, либо его изъятие из семьи. Исходя из этого, практика подтверждает всю актуальность развития системы социального сопровождения замещающих семей в Иркутской области.

Создание и развитие системы социального сопровождения замещающего семейного устройства в Иркутской области началось относительно недавно. С 2010 г. в области началось создание системы подготовки приемных родителей и их последующего сопровождения [1]. Точкой отсчета начала нормативно-регламентированной деятельности по социальному сопровождению замещающих семей стоит считать 1 августа 2012 г. – это дата открытия специализированного отделения по сопровождению замещающих семей на базе Центра социальной помощи семье и детям Нижнеилимского района [3]. Постепенно, аналогичные отделения начали открываться и в других городах и районах области, а увеличению их распространения способствовало принятие нового Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», в котором прописана деятельность по социальному сопровождению [2]. В настоящее время, в Иркутской области функционирует 21 отделение по сопровождению замещающих семей, которые функционируют на базе учреждений социального обслуживания [7]. Специалисты региональных отделений по сопровождению замещающих семей занимаются следующими видами деятельности:

- информирование населения о мерах социальной поддержки замещающих семей;
- отбор и подготовка кандидатов в замещающие родители;
- методическое сопровождение замещающих семей;
- оказание индивидуально-ориентированной педагогической, психологической, социальной, юридической помощи приемным родителям в решении наиболее сложных задач развития, обучения, социализации приемных детей, с привлечением разных специалистов, в том числе профильных, на основе межведомственного взаимодействия [12];
- мониторинг изменений ситуации в замещающих семьях;

- развитие форм взаимодействия и общения замещающих семей, содействие формированию сообщества приемных родителей, закрепление позитивного опыта замещающего родительства;

- привлечение некоммерческих организаций к деятельности по оказанию социальных услуг замещающим семьям и т.д.

Сегодня, в Иркутской области начинает набирать популярность деятельность по созданию мобильных служб социального сопровождения слаботзащищенных категорий населения, в том числе замещающих семей. Необходимость создания мобильных служб подтверждается характерной для региона удаленностью отдельных населенных пунктов от районных центров и, соответственно, социальной инфраструктуры, а также отсутствием возможности у граждан получить комплекс услуг на базе учреждения по каким-либо объективным причинам. Министерством социального развития, опеки и попечительства проводятся выездные мобильные приемные с целью разъяснения порядка обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями [4]. В Балаганском, Ольхонском, Усть-Удинском, районах Иркутской области работают участковые социальные педагоги, курирующие неблагополучные семьи [10]. В городах и поселках - Усолье-Сибирском, Бодайбо, Тулуне, Ангарске, Куйтуне, Нижнеудинске ведется работа мобильных бригад, которые оказывают социальные услуги гражданам пожилого возраста, инвалидам, многодетным семьям, а также другим категориям граждан, находящимся в трудной жизненной ситуации, проживающим в отдаленных от административного центра населенных пунктах [5, 8, 9]. Что касается мобильных служб социального сопровождения в отношении замещающих семей, то опыт их организации ещё только зарождается и находится на стадии законодательной разработки и регламентирования. Однако преимущества их создания и функционирования уже зафиксированы в «Стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. в Иркутской области».

В целом, социальное сопровождение замещающих семей в Иркутской области еще только развивается. Данная технология очень актуальна, но для получения эффективных результатов и показателей необходимо решить такие задачи, как дальнейшее исследование данного вида социальной деятельности и его методическое закрепление, в том числе в учебной литературе, составление регламента межведомственного взаимодействия учреждений и организаций по вопросам социального сопровождения, разработка нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность мобильных служб сопровождения.

1. *Стратегия действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы в Иркутской области [Электронный ресурс] // Иркутская область: официальный портал: сайт. – URL: http://www.irkobl.ru/sites/culture/proekt/proekt.php?sphrase_id=334694 (дата обращения: 01.10.2015).*
2. *Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: сайт.- URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166044/ (дата обращения: 01.10.2015)*
3. *Вопросы организации социального сопровождения замещающих семей рассматривались на семинаре для руководителей и специалистов учреждений социального обслуживания [Электронный ресурс] // Иркутская область: официальный портал: сайт. – URL: <http://www.irkobl.r>*
4. *Выездные мобильные приемные работают в Иркутской области [Электронный ресурс] //: Иркутская область: официальный портал: сайт. – URL: <http://www.irkobl.ru/sites/society/news/4538/?type=special> (дата обращения: 01.10.2015).*
5. *В Бодайбо действует мобильная служба [Электронный ресурс] //: Иркутская область: официальный портал: сайт. – URL:*

- http://www.irkobl.ru/sites/society/news/newsterr/37933/?sphrase_id=3604891 (дата обращения: 01.10.2015).
6. В Иркутске прошла встреча с семьями-участниками Всероссийского форума приемных семей [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия»: Иркутская область: сайт. – URL: <http://irkutsk.er.ru/news/2014/11/7/v-irkutske-proshla-vstrecha-s-semyam>
  7. В Иркутской области открылся первый форум Приемных родителей [Электронный ресурс] // Иркутская область: официальный портал: сайт. – URL: <http://www.irkobl.ru/news/156166/> (дата обращения: 01.10.2015).
  8. Мобильные выезды в Тулунском районе [Электронный ресурс] //: Иркутская область: официальный портал: сайт. – URL: <http://www.irkobl.ru/sites/society/news/newsterr/37650/?type=original> (дата обращения: 01.10.2015).
  9. Мобильная социальная помощь действует в Усольском районе [Электронный ресурс] //: Иркутская область: официальный портал: сайт. – URL: <http://www.irkobl.ru/sites/society/news/5183/?type=special> (дата обращения: 01.10.2015).
  10. Приангарье представило ряд предложений по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей [Электронный ресурс] //: Новости Иркутска и Иркутской области: сайт. – URL: <http://www.38rus.com/more/26023/> (дата обращения: 01.10.2015).
  11. Специальный доклад Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области С. Н. Семеновой «О положении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Иркутской области» [Электронный ресурс] // Уполномоченный по правам ребенка в Иркутской области
  12. Структура учреждения [Электронный ресурс] // ОГБУСО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних в Заларинском районе»: сайт. – URL: <http://src-zalarinskoe.bdu.su/struktura-uchrezhdeniya/> (дата обращения: 01.10.2015).

ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ – ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Зенина О.М. (Белгород)

Как известно, пожилые люди являются наименее защищенной категорией населения. Им в силу их возраста присущ круг специфических проблем, главной из которых можно выделить проблему одиночества. Также это материальные проблемы, проблемы со здоровьем, сужение круга общения, изменение социального статуса. Все эти проблемы приводят к нарушению социально-психологической адаптации пожилых людей. Они чувствуют себя никому не нужными, пытаются уменьшить контакты с людьми, замыкаются в себе, не хотят ни с кем делиться своими проблемами и переживаниями, так как могут столкнуться с непониманием более молодого поколения.

Для того, чтобы пожилой человек чувствовал себя полноценной личностью, ему необходимо оказывать всяческую помощь и поддержку, гарантом предоставления которой со стороны государства является закрепленное законодательством социальное обслуживание пожилых людей, вне зависимости от их расы, пола, вероисповедания и иных факторов. Социальное обслуживание пожилых включает в себя оказание различного вида социальных услуг, как в специализированных учреждениях, так и на дому.

По тому, каково в обществе отношение к старости, можно судить о развитии государства в целом. В истории нашей страны, отношение к пожилым изменялось от предельно негативного до культового. Изначально к старости относились негативно, так как увеличение людей пожилого возраста способствовало развитию голода в общине, поэтому было разрешено законное умерщвление стариков и больных людей, затем в ходе развития у общин стали появляться излишки продуктов питания, и отношение к старости

стало более гуманным: стариков брали к себе по очереди все семьи общины для осуществления необходимого ухода. С принятием христианства на Руси, «старость» отождествляется с понятием «род» и принимает культовое значение, пожилые люди являются уважаемыми и почитаемыми людьми. Люди пожилого возраста считались период мудрецами, к ним обращались за советом и помощью.

Важным этапом является этап возникновения социальной работы. Пожилые люди признаются незащищенной категорией населения и объектом государственной поддержки. Первым шагом в области государственной поддержки людей пожилого возраста является введение пенсионных выплат по старости. Появляется понятие «социальное обслуживание», «социальная услуга». Разрабатываются основные виды, формы, и принципы социального обслуживания.

Итак, согласно Федеральному закону № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», социальное обслуживание – это деятельность, осуществляемая органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, приравненными к ним в целях настоящего Федерального закона индивидуальными предпринимателями, благотворителями и добровольцами по предоставлению социальных услуг гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам и лицам без гражданства, постоянно проживающим на территории Российской Федерации, для преодоления трудной жизненной ситуации

«Социальная услуга» – это действие по оказанию неденежной поддержки гражданам и (или) семьям в целях содействия решению проблем, возникающих в связи с трудной жизненной ситуацией.

Людям пожилого возраста предоставляются социальные услуги в учреждениях стационарного и полустационарного типа, а также на дому. Это социально-бытовые, социально-медицинские, социально-реабилитационные, социально-педагогические, социально-психологические, социально-правовые и иные виды услуг.

Вопрос о доступности социальных услуг для пожилых является сложным и спорным. На мой взгляд, социальные услуги доступны пожилым людям не в полной мере.

С одной стороны, государством обеспечивается базис, необходимый для существования человека. Создаются специализированные учреждения для людей, утративших полностью или частично способность к самообслуживанию, они там получают уход, позволяющий поддерживать физическое состояние. Также социальные работники оказывают различную помощь пожилым людям на дому. Таким образом, мы видим, что эти люди не остаются в стороне.

Однако достаточно ли этого? Решает ли это проблемы пожилого человека? Позволяет ли ему все это почувствовать себя полноценным человеком? Вызывает ли желание жить, и чувствовать себя нужным? Думаю, что на все эти вопросы, к сожалению, на данный момент мы получаем отрицательный ответ. На мой взгляд, не решается главная проблема, психологического комфорта пожилых людей. Они не чувствуют, что общество в них нуждается, они не получают нужного внимания и поддержки. При оказании им помощи все слишком стандартизировано и лишено индивидуализации. Пожилые люди нуждаются, прежде всего, в психологической поддержке. Особенно явно это явление прослеживается в стационарных учреждениях, где у специалистов нет времени на поддержание нормального психологического состояния и организацию досуговой деятельности пожилых людей. Это способствует развитию у них чувства одиночества и нарушению адаптации к быстро изменяющимся условиям.

Технический и информационный прогресс способствуют развитию страны и усовершенствованию различных технологий, но это, с другой стороны, усложняет жизнь пожилым людям и вызывает у них чувство неполноценности. К сожалению, у нас очень мало специалистов, которые помогают пожилым людям быстро подстраиваться к

изменяющимся условиям и как говориться «быть в тренде». Наши пенсионеры практически не умеют пользоваться интернетом, электронными услугами. Визит к врачу, в банк, в магазин, оплата коммунальных услуг становятся тоже проблемой, так как они сталкиваются там с такими понятиями как: «электронная очередь», «терминал», «банкомат», «личный кабинет» и т.д., которые вызывают у них чувство неловкости, а возможно даже стыда из-за своего незнания. И это неправильно, когда в современном мире человек чувствует себя неуместным. Именно в этом, по моему мнению, заключается ограниченная доступность социальных услуг для пожилых людей.

1. Проект Федерального закона "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации"

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Злотникова Л.М. (Гомель, Республика Беларусь)

Радикальные изменения социально-экономических отношений характеризуются возникновением новых проблем и усилением противоречий предыдущего этапа развития. Подавляющее большинство из них носят объективный характер, находятся в прямой корреляционной зависимости друг от друга. Социологические исследования в определенной степени способны привести к моделированию содержания, структуры и основных форм социальных противоречий. По выражению П. Сорокина многие социальные проблемы «носят ментальный характер, тесно связаны с социокультурными явлениями» [с.183]. В 90-годах XX в. правовым ответом на сложные социальные условия жизнедеятельности стало введение новой специальности «социальный работник». Некоторые университеты в течение почти двух десятилетий осуществляют подготовку специалистов социальной работы с высшим образованием.

Контент-анализ нормативно-правовой базы и эмпирического статуса социальной работы в Республике Беларусь позволяет сформулировать комплекс социально-экономических и морально-нравственных проблем общественного развития, которые пока остаются вне социологического интереса. Пальму первенства можно отдать научным исследованиям противоречий между правовым сопровождением социальной работы и социально-экономическими технологиями реализации. В контексте теоретического определения социальная работа исследует социальные отношения, процессы социального взаимодействия с целью решения проблем человека, ухудшающих условия жизнедеятельности и снижающие трудоспособность.

Современный этап развития характеризуется постоянно возрастающими рисками, усилением негативного влияния технологического обновления, ухудшением состояния окружающей среды. Эти и многие другие экономические, политические процессы влекут за собой радикальные изменения в структуре занятости, состоянии трудоспособного здоровья. Поэтому на второе место претендует комплекс латентных противоречий между научной, эмпирической значимостью социальной работы и нормативно-правовым обеспечением условий ее реализации. В первой статье закона Республики Беларусь «О социальном обслуживании» социальная работа низведена до упрощенного, ограниченного определенными формами социального обслуживания. Последнее трактуется как деятельность физических и юридических лиц по оказанию социальной поддержки, предоставлению бытовых, медицинских, психолого-правовых услуг и оказанию материальной помощи, созданию условий для социальной адаптации и реабилитации граждан и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации». Количество и структура нуждающихся в получении социальной помощи определяется государственными

органами, ответственными за выполнение закона. Понятие «трудная жизненная ситуация», как и многие другие в системе социальной работы характеризуются высоким уровнем абстрактности и субъективности определения. Это позволяет государственным служащим принимать серьезные решения на основе субъективного мнения, собственной выгоды и личного отношения к людям, которые не могут самостоятельно разрешать житейские проблемы.

Декларированная адресность социальной помощи на практике не подкреплена финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами. Основной причиной серьезных ограничений в функционировании районных отделов социального обеспечения можно назвать господствующий принцип остаточного финансирования институтов социальной сферы. Основным источником информации о тех, кто нуждается в социальном обслуживании, как правило, являются данные служб социального обеспечения, т.е. списки пенсионеров на подведомственной территории. Характеристика состояния физиологического и психологического здоровья находится в учреждениях здравоохранения. Социальный работник, обязанный осуществлять профессиональную деятельность, не владеет полнотой информации о состоянии здоровья обслуживаемого, нередко попадает в зону риска, оказывается сам социально незащищенным. Неоднократные личные беседы с социальными работниками позволяют сделать вывод о существовании латентной проблемы «потребитель всегда прав».

Экономика удовлетворения потребностей, лишенная социального содержания, закладывает многочисленные негативные отдаленные последствия для значительной части общества. Отношения социальных работников с подопечными и членами их семей в настоящее время находятся за пределами гуманитарного интереса. Учитывая ярко выраженную тенденцию старения населения, соответствующее увеличение численности тех, кому потребуются социальное обслуживание, социологи получают новый предмет исследований. Важность диверсификации социологического интереса в сферу социальной работы подкрепляется устаревшей методологией государственной статистики. Оценка результатов любого вида деятельности (социальная работа не исключение) проводится на основе изменения количественных показателей. Принцип адресности оказываемой помощи не может ограничиваться утилитарным количественным исчислением.

Штатная численность работников территориальных центров социального обслуживания до настоящего времени определяется в зависимости от численности населения в регионе. Различия в условиях проживания в крупных, средних и малых населенных пунктах не принимаются во внимание. Малые населенные пункты – это разный уровень развития коммунальной, транспортной инфраструктуры, разные источники формирования дохода и направления использования.

В рамках предложенного формата сложно провести системный анализ социальных проблем в сфере социального обслуживания. Поэтому хотели бы обратить внимание только на некоторые. Сложно игнорировать тот факт, что большое количество населения в малых городах и сельской местности пользуются печным отоплением, водой в колодцах или колонках, т.е. практически все виды коммунального благополучия создаются собственными усилиями человека. Работник социальной службы по морально-этическим принципам не отказывает в помощи, непредусмотренной должностными инструкциями. Риск потерять работу оказывает негативное воздействие на продолжительность рабочего времени, структуру занятости социального работника. Введение платности в оказании различных социально-бытовых услуг повлекло за собой комплекс проблем, связанных не только с выполнением планов по доходам, осуществлению финансово-бухгалтерской деятельности, но особых отношений с родственниками. Использование безналичной системы получения пенсии значительно затрудняет материальное положение социальных работников. Покупки, которые они совершают для своих подопечных, часто оплачиваются спустя определенное время. Родные, близкие или опекуны предпочитают осуществлять денежные расчеты в соответствии с предъявленными платежными

документами. Нормативно-правовое регулирование не учитывает отношения социальных работников с членами семьи подопечного.

Статус социальной работы проявляется в низкой заработной плате и соответственно высоком удельном весе женского труда в сфере социального обслуживания. Анализ социального положения службы социального обеспечения двух районов Р.Б. показал, что высокий удельный составляют женщины, воспитывающие детей в одиночку. Вторая по численности группа представлена семьями, в которых мужья редко выполняют семейные обязанности. Социальные работники часто оказываются в состоянии материальной и моральной дискриминации. Европейский опыт функционирования института социальной работы показывает, что в условиях глобализации в сферу ее влияния попадает большое количество мигрантов. Трудности последних радикально отличаются от проблем пожилых людей, постоянно проживающих на одном месте.

1. П. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

Ивашкина Ю.Ю. (Санкт-Петербург)

Социальное обслуживание с 2015 года вступило в период значительных преобразований, продолживших административную и бюджетную реформы, начатые в России с 2001 года. Последовательно происходили передача полномочий по оказанию услуг в сфере социального обслуживания на региональный уровень, стандартизация и менеджериализация социальной сферы, обусловленные идеологией неоллиберализма, которая стремится рационализировать отношения между государством и гражданами. Происходившие в течение десятилетия изменения были нацелены на снижение административных издержек, ориентацию услуг на беднейшие слои, формирование рынков социальных услуг [3, с. 26; 4, с. 85]. Нововведения существенно затронули подходы к организации социального обслуживания семей с детьми, которые является подсистемой социального обслуживания граждан.

Региональная система социального обслуживания семей с детьми

Санкт-Петербурга, пройдя несколько этапов развития, подошла к 2015 году на стадии недостаточно устойчивого положения. Начальный этап, этап формирования потребностей в создании системы социального обслуживания, прежде всего детей, находящихся в социально опасном положении, и реализации первых общественных инициатив, получивших как положительный, так и негативный опыт, приходится на 1990–1995 годы. Следует отметить, что система социального обслуживания семей с детьми начала развиваться в рамках необходимости осуществления профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

В следующий период, 1995–2004 годы, начала развиваться государственная система социального обслуживания детей и активизировалась деятельность негосударственных некоммерческих организаций, реализующих в основном проекты, направленные на детей. На этом этапе происходило накопление практического опыта и эмпирических данных, изучение закономерностей, которые привели к осознанию необходимости рассмотрения оказания помощи ребенку в контексте помощи его семье, что дало толчок к развитию социального обслуживания семей с детьми.

Этапом активного строительства городской государственной системы социального обслуживания семей с детьми, развития инфраструктуры учреждений нестационарного обслуживания для семей с детьми стали 2004–2010 годы. Происходила адаптация опыта, наработанного некоммерческим сектором, и внедрение лучших практик в условия

государственных социальных служб, выделение специализированных управленческих структур по вопросам семьи и детей в органах исполнительной власти на районном и городском уровнях. Программа развития социального обслуживания 2004 года определила профиль развития системы на десятилетие, выделив отдельный тип учреждений социального обслуживания районного уровня как учреждения для семей и детей, среди которых были уже работающие в городе социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних и создаваемые во всех административных районах центры социальной помощи семье и детям. Период с 2010 по 2014 годы был направлен на укрепление системы, поиск научно-методологических основ работы и путей повышения эффективности системы.

К началу 2015 года система социального обслуживания семей с детьми

в Санкт-Петербурге включает 69 государственных учреждений девяти типов, насчитывающих более 4-х тысяч специалистов [1, с. 400] и обслуживающих около 195 тысяч семей с детьми ежегодно [1, с. 25]. Некоммерческий сектор составляет порядка 50 негосударственных некоммерческих организаций, оказывающих различные услуги семьям, но количественный охват семей деятельностью этих организаций не изучался. Об оказании социальных услуг семьям с детьми в коммерческом секторе данные отсутствуют.

Таким образом, к моменту вступления в силу закона об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации, городская система социального обслуживания семей с детьми представляет собой достаточно разветвленную сеть, оказывающую определенный спектр социальных услуг.

Однако в целом в системе социального обслуживания России, как отмечает Е.И. Хубулури, наметилось снижение качества многих социальных услуг, неэффективное использование ресурсов, игнорирование потребностей отдельных групп населения [3, с. 27.], что и привело к необходимости реформирования системы, которое совпало с периодом трудностей в российской экономике. Указанные обстоятельства оказывают существенное влияние на происходящие процессы и требуют детального анализа последствий проводимых преобразований. В какой степени нововведения будут способствовать укреплению системы и эффективности, повышению качества социальных услуг семьям с детьми или приведут к снижению качества, формализации деятельности специалистов и в конечном итоге ухудшению положения семей с детьми. Окончательные выводы о результатах реформ можно будет делать через несколько лет.

В ходе анализа законодательных нововведений и практической деятельности организаций социального обслуживания семей с детьми Санкт-Петербурга можно отметить некоторые положительные и негативные стороны.

К сильным сторонам изменения в правовом регулировании социального обслуживания на федеральном и региональном уровнях следует отнести следующие положения: четкое разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти, исполнительной и законодательной властью; выделение прав и обязанностей поставщиков и получателей услуг; внесение в законодательство норм, предъявляемых к информационной открытости поставщиков услуг; обязательность проведения независимой оценки качества работы учреждений социального обслуживания; обеспечение конфиденциальности информации о получателе социальных услуг; межведомственное взаимодействие при организации социального обслуживания в субъекте Российской Федерации; введение деятельности по профилактике обстоятельств, обуславливающих нуждаемость гражданина в социальном обслуживании; регулирование процессов государственного и общественного контроля в сфере социального обслуживания; обязательное заключение договора и составление индивидуальной программы предоставления социальных услуг; возможность обеспечения получателям услуг социального сопровождения и другие [2].

Внедрение указанных норм, скорее всего, будет способствовать упорядочению деятельности учреждений социального обслуживания и межведомственного взаимодействия, большей информированности граждан о социальных услугах и повышению эффективности управления системой социального обслуживания. Возможность организовывать профилактическую работу может способствовать снижению нуждаемости в социальных услугах и снижению издержек на помощь.

Однако можно выделить и слабые стороны нового законодательства, внедрение которых может привести к негативным последствиям именно для системы социального обслуживания семей с детьми.

Прежде всего, это связано с тем, что реформирование социального обслуживания предполагает переход к индивидуализированному подходу в соответствии с определением нуждаемости в социальных услугах отдельного гражданина, имеющего низкую социально-функциональную активность, трудности в адаптации или низкий материальный доход. Семья в контексте внедряющихся нововведений не рассматривается в качестве коллективного клиента. Каждый член семьи самостоятельно является индивидуальным получателем услуг, с каждым отдельно заключается договор на получение социальных услуг, программа оказания социальных услуг составляется индивидуально на каждого члена семьи в отдельности. Именно эти обстоятельства несут угрозы к разрушению системы социального обслуживания семей с детьми, поскольку семья больше не представляет для социальной службы единое целое.

1. *Аналитические материалы о положении детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге (2014 год).* – СПб.: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской информационно-методический центр «Семья», 2015. - 533 с.
2. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации [Текст]: [федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014)]* // *Российская газета.* – 2013. – № 295
3. *Хубулури, Е.И. Теоретические основы маркетинговой модели организации государственной политики и управления социальной защитой населения в современной России* // *Отечественный журнал социальной работы.* – 2014. - № 2. - С.11–43
4. *Ярская-Смирнова, Е.Р., Романов, П.В. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ* // *Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой.* М.: Ц

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ

Игнатенко А.В., Сиротина Т.В., Игнатенко С.В. (Барнаул)

Конвенция ООН о правах инвалидов от 13.12.2006, ратифицированная РФ 03.05.2012, акцентирует внимание на видении инвалидности как результата взаимодействия имеющих нарушения здоровья людей и отношенческих и средовых барьеров, и, как следствие, подчеркивает необходимость устранения этих барьеров [1]. Особое место в преодолении дискриминации детей с инвалидностью отводится инклюзивному образованию. Положения Конвенции обязывают страну, ратифицировавшую данный документ, предпринимать все надлежащие меры (в том числе законодательные) для предоставления возможности детям с инвалидностью обучаться в системе общего образования.

В федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании» впервые в России введено понятие инклюзивного образования. В статье 2 федерального закона «Об образовании» инклюзивное образование определяется как обеспечение равного доступа к

образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [2].

Таким образом, в нашей стране каждому ребенку не зависимо от национальности, вероисповедания, состояния психического или физического здоровья государством гарантировано право на получение бесплатного общего образования.

С целью выявления проблемного поля внедрения инклюзивного образования в Алтайском крае нами был проведен экспертный опрос директоров, заместителей директоров, педагогов-психологов образовательных учреждений Алтайского края в начале 2015 г.. В опросе приняли участие 34 респондента.

Успешная реализация инклюзивного образования требует создания модели психолого-педагогического сопровождения, индивидуальных образовательных маршрутов, где на каждой образовательной ступени должна оказываться помощь ребенку с ограниченными возможностями здоровья специалистами учреждений. Психолого-медико-педагогический консилиум является одной из форм взаимодействия специалистов образовательного учреждения, объединяющихся для психолого-медико-педагогического сопровождения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья [1].

В школах разработаны «Положение о ПМПК», на основании которых и строится вся работа.

Цель работы консилиума – это обеспечение диагностического сопровождения учащихся с ограниченными возможностями здоровья в соответствии со специальными образовательными потребностями, возрастными и индивидуальными особенностями, выявление характера и причины отклонения в поведении и учебе учащихся, разработка программ индивидуального сопровождения детей.

В состав консилиума входят: заместитель директора по воспитательной работе, инспектор по охране и защите прав детства, медицинский работник, учитель физкультуры. Классные руководители, учителя – предметники, опираясь на результаты своих собственных наблюдений, дают педагогическую характеристику учебной деятельности и поведения учащихся. Представленная информация касается трудностей, которые испытывает ученик в различных педагогических ситуациях, особенностей индивидуальных черт его обучения, общения, самочувствия; трудности и особенности, проявляющиеся при подготовке домашних заданий; при устных и письменных ответах на уроках; трудности, возникающие в процессе усвоения нового материала или повторения пройденного; виды заданий или учебного материала, вызывающие наибольшие трудности; успеваемость.

Выявлены основные проблемы у детей: низкий уровень звукопроизношения, сформированности лексико-грамматического строя речи, низкий уровень развития мелкой моторики; трудности в усвоении программного материала, обусловленные особенностью психических процессов, низким уровнем знаний об окружающей действительности.

Педагоги и администрация общеобразовательных учреждений, принявшие идею инклюзии, особенно остро нуждаются в помощи по организации педагогического процесса, отработке механизма взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса, где центральной фигурой является ребенок [4, стр. 191-192].

Относительно адаптированности учебных программ респонденты дали следующие комментарии: «Адаптированы индивидуальные программы, программы надомного обучения, дополнительные консультации и занятия». «Учебные программы составлены на основании примерных программ коррекционных школ, разработаны модули».

На вопрос о том, проходят ли педагоги специальную подготовку, респонденты ответили, что педагоги «проходят повышение квалификации в Институте дополнительного образования Алтайской государственной педагогической академии, посещают на базе коррекционных школ семинары–совещания». Небольшой процент ответили, что нет, но планируется. Образовательные учреждения получают методическую

помощь: «информация предоставляется специалистам в рамках методических объединений психологов, с 2012 – 2014 годы были организованы краевые семинары».

Необходимо ответить, что в 2014 году в крае была продолжена работа по организации методической поддержки инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья: дополнительно организована работа 2 площадок методического сопровождения. Таким образом, в 2014 году функционировали 9 площадок методического сопровождения образования детей-инвалидов, детей с ограниченными возможностями здоровья на базе краевых государственных специальных (коррекционных) образовательных учреждений и муниципальной общеобразовательной организации. С целью повышения профессиональных компетенций педагогов, осуществляющих обучение детей с инвалидностью и с ограниченными возможностями здоровья, впервые в крае была организована работа в режиме видеоконференций с трансляцией открытых уроков и консультаций в рамках методического «Часа дефектолога». За отчетный период в рамках курсов повышения квалификации на базе ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет» прошли обучение в дистантной форме 96 педагогических работников общеобразовательных организаций края, включенных в реализацию государственной программы «Доступная среда» на 2011–2015 годы.

Не менее важным аспектом инклюзивного образования является развитие системы сопровождения. На наш вопрос о наличии тьюторов в образовательных учреждениях респонденты ответили об отсутствии таковых. Работу в данном направлении координируют администрация учреждения, классный руководитель.

Оценивая перспективы инклюзивного образования в учреждении, многие респонденты ответили, что совместное обучение необходимо, но не должно полностью заменить специальное образование.

Среди основных проблем реализации инклюзивного образования в своих учреждениях респонденты отметили следующие: педагоги не владеют специализированными технологиями преподавания данной категории детей; большую наполняемость класса (в условиях городской местности); отсутствие в штатном расписании учителей-дефектологов; недостаточно сформированное толерантное отношение к детям-инвалидам; загруженность педагогических кадров.

1. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. - Загл. с экрана.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014, с изм. от 02.05.2015) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166143. - Загл. с экрана .
3. Письмо Минобрнауки РФ от 27.03.2000 N 27/901-6 "О психолого-медико-педагогическом консилиуме (ПМПК) образовательного учреждения" // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kiro46.ru/docs/pismo_27.03.2000_27901-6.pdf - Загл. с экрана.
4. Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. – М., 2008.

МОТИВАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ННГУ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО)

Игнатьева В.И. (Нижний Новгород)

В XXI веке в России все чаще стали говорить о волонтерской деятельности: в средствах массовой информации освещаются примеры помощи, оказываемой

волонтерами, начиная с поддержки престарелых людей, заканчивая участием и содействием в проведении массовых международных спортивных мероприятий.

Чем же волонтерская деятельность отличается от других разновидностей помощи? В первую очередь, она представляет собой добровольную помощь, основанную на идеях гуманного отношения к людям. Во-вторых, волонтерская деятельность не преследует целей извлечения прибыли, то есть является безвозмездной и бескорыстной [1, 2]. Следовательно, чаще всего такой род занятий привлекает людей, которые могут соперничать, помогать другим без определенной оплаты за проделанный труд, имеющих достаточное количество свободного времени. Молодежь как особая социальная группа обладает всеми необходимыми качествами, которыми должны владеть волонтеры. Студенты и ученики старших классов составляют значительную часть членов волонтерских организаций. Волонтерская деятельность позволяет им приобретать знания, готовить себя к будущей профессиональной деятельности, расширять сферу контактов, повышать собственную ресурсность.

Нами было проведено исследование, посвящённое изучению мотивации студентов к участию в волонтерской деятельности. Основной составляющей эмпирической базы исследования стали данные авторского опроса, проведенного в 2014 году путем интерактивного анкетирования через сеть Интернет. В качестве респондентов были выбраны студенты Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (n=394). Анкета включила в себя 23 вопроса разного типа – закрытые, открытые, шкальные.

В первую очередь нами был поднят вопрос о том, понимают ли респонденты смысл словосочетания «волонтерская деятельность». Данные показывают, что большинство респондентов – 85,3% считают, что волонтерство – это добровольная безвозмездная помощь; 60,2% – участие в общественно-полезных мероприятиях и акциях, и лишь 3,8% – проявление чувства патриотизма. Это свидетельствует о том, что студенты, в основном, осознают что такое «волонтерство».

Студенты ННГУ также достаточно осведомлены о деятельности волонтерских организаций: 42,9% респондентов знают о деятельности волонтерских организаций; 48,2% слышали о самих организациях, но о деятельности не знают; и 8,9% вообще не слышали о них. Позитивным является тот факт, что значительная доля опрошенных хорошо осведомлена, однако 54% респондентов нуждаются в дополнительной информации, что показывает активную позицию молодежи и направление развития волонтерского движения в вузе.

В целом волонтерство рассматривается респондентами в позитивном контексте. 81% положительно относятся к волонтерской деятельности, при этом большинство – 50,8% хотели бы поучаствовать в ней. Нейтрально относится к ней 18% студентов, из них 5,6 % не хотели бы принимать участие в волонтерском движении. И лишь 1% (4 респондента) отрицательно относятся к волонтерской деятельности. При этом большая половина респондентов – 56,3% вообще не принимали участие в волонтерской деятельности. Среди тех, кто принимал участие в волонтерстве (43,7%) регулярно данным видом активности занимаются лишь 7% респондентов, время от времени – 60%, и всего один раз участвовало – 33% ответивших. Такая ситуация является весьма неблагоприятной для волонтерской сферы, но ее возможно изменить если мотивировать студентов к участию в волонтерском движении, так как от них исходит желание заниматься данным видом активности; многие имевшие опыт волонтерства, отмечали, что хотели бы еще раз поучаствовать в нем.

Переходя к мотивам участия студентов в волонтерской деятельности, хотелось бы уточнить, что в предложенной анкете респондентам был задан вопрос относительно их личного мнения о мотивах участия студентов в волонтерстве. Ответы распределились так: «интерес, общение с разными людьми» – 65%; «стремление быть полезным людям» – 62,2% и «возможность побывать в разных городах (или странах)» – 45,7% (речь идет о

международном и межрегиональном волонтерстве). Меньше всего ответов набрали такие категории, как «занять чем-то свое свободное время» (15,2%) и «повышение самооценки» (14%). Таким образом, при мотивации студентов необходимо, в первую очередь, учитывать их возрастные потребности: в общении, нахождении новых друзей и единомышленников. Стремление к новым знакомствам, развитие собственных талантов, увеличение жизненных возможностей – главное отличие учащих волонтеров от взрослых. Другое отличие – студенты менее ориентированы на повышение своей значимости, статуса, престижа в глазах общества, чем взрослые. Студентам следует предлагать волонтерскую деятельность, связанную с различными видами активности, непосредственным контактом с другими людьми, а не работу с жесткими процедурами или документами. Важно, что студенты включаются в деятельность лишь тогда, когда они видят в ней перспективу интересной жизни, возможность удовлетворения своих интересов.

Полученные данные показывают также, что необходимо наладить систему информирования студентов о волонтерских проектах и акциях, поскольку в вузах есть много «потенциальных» волонтеров.

Студенты-волонтеры – это, прежде всего, представители молодого поколения, находящиеся в поисках самих себя, стремящиеся к саморазвитию и самосовершенствованию. В связи с этим необходимо разрабатывать различного рода проекты, способствующие прогрессивному развитию волонтеров, например, предоставить возможность участвовать в международных проектах по обмену или повысить уровень знания иностранных языков.

По результатам исследования нами получена значительная информация относительно информированности и участия студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского в волонтерской деятельности, которая может быть использована при создании и развитии волонтерских служб не только в ННГУ, но и в других вузах России.

1. Холостова, Е.И. Волонтеры / Е.И. Холостова // *Словарь-справочник по социальной работе / под ред. проф. Е.И. Холостовой.* – М.: Юрист, 1997. – С. 121-124.
2. *Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».*
3. *Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов.* – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА • М), 2000. – С.189-190. ISBN 5-89123-162
4. Акулич М.М., Пить В.В. *Жизненные стратегии современной молодежи // Вестник Тюменского государственного университета.* – 2011. – № 8. – С. 34-43.
5. Козлов, П.С. *Волонтерство как фактор формирования гражданской активности молодежи Республики Марий Эл / П.С. Козлов, Ю.С. Обидина // Духовная сфера общества.* – 2014. – № 11. – С. 103-109.
6. Бородаева, Г.Г. *Волонтерская деятельность как фактор формирования личности студента / Г.Г. Бородаева, И.А. Руднева // Современные проблемы науки и образования.* – 2014. – №4. – С. 54.

РАЗВИТИЕ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА В РОССИИ

Исаева О.В. (Санкт-Петербург)

Интерес к некоммерческим организациям в России стал проявляться в конце 1980-х- начале 1990-х годов, когда во многих странах мира постепенно росло количество таких организаций. Увеличение числа НКО связано с социально-экономическими и политическими преобразованиями в стране, и именно некоммерческий сектор является основным показателем развитости гражданского общества. Изначально термин появляется

в результате деления общественной жизни страны на несколько секторов. А именно первым сектором являлось частное предпринимательство и торговля, вторым сектором — государство и финансовая система, третьим сектором — добровольные общества и ассоциации, а четвёртым сектором — семья и домашнее хозяйство. Только со временем к «Третьему сектору» стали относить все общественные организации. Понятие «Третий сектор» до сих пор имеет множество интерпретаций, поэтому его смысл для большинства людей, которые впервые с ним сталкиваются, становится не в полной мере понятным. НКО или некоммерческая организация – это организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками.

В настоящее время действуют следующие некоммерческие организации: Общественные и религиозные организации (объединения); Общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; Казачьи общества; Фонды; Государственная корпорация; Государственная компания; Некоммерческие партнёрства; Частные учреждения; Государственные, муниципальные учреждения; Бюджетное учреждение; Автономная некоммерческая организация; Ассоциации(союзы). Также Федеральным законом от 23.05.2015 № 133-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон «О политических партиях» (далее – Закон № 133-ФЗ) введена новая организационно-правовая форма некоммерческой организации – общественное движение, которая отнесена законодателем к корпоративным организациям.

По данным на 24.09.2015 год зарегистрировано 227196 тыс. некоммерческих организаций. Например, последней зарегистрированной некоммерческой организацией является ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств в Республике Дагестан. Но в отчёте о продолжении деятельности организаций с 01.09.-29.09.2015 года отмечено только 86086 тыс. организаций.

Организации, защищающие интересы отдельных слоев населения и решающие глобальные общественные проблемы, регистрируются как благотворительные. Именно в последние годы наблюдается значительный рост благотворительных и общественных организаций, и в большей степени их деятельность направлена на осуществление мероприятий по социальной защите населения. Важно отметить, что развитие некоммерческого сектора в современном мире невозможно без поддержки государства, так как именно государственная поддержка является основной формой финансирования организаций третьего сектора. В России существует несколько форм финансовой поддержки третьего сектора: гранты; субсидии; контрактные отношения; льготы.

Гранты — это целевые средства, безвозмездно и безвозвратно предоставленные НКО за реализацию определённых программ. Данные программы должны быть направлены на улучшение общественного благосостояния, оказание социальной поддержки и т. п.

Распоряжение Президента Российской Федерации о грантах НКО в 2015 году: предоставить некоммерческим неправительственным организациям, участвующим в развитии институтов гражданского общества и реализующим социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина в размере 4 228 200 тыс. рублей на проведение конкурсов и выделение по их результатам грантов другим некоммерческим неправительственным организациям. В конкурсах участвуют те организации, которые вносят вклад в развитие институтов гражданского общества. Примером может служить региональная общественная организация «Питер без наркотиков», которая стала победителем в первом конкурсе за грант. Проект от этой организации называется «Технология семейной интервенции — как залог мотивации на прохождение реабилитации с зависимым поведением», помощь заключалась в воздействии на зависимого с помощью людей из его окружения.

Одной из основных форм финансовой поддержки организаций третьего сектора являются субсидии. Они (в отличие от грантов) предоставляются без конкурса. Организации используют субсидии для покрытия расходов в соответствии с уставными целями.

В настоящее время в России только формируются организации Третьего сектора, но при этом надо учитывать отношения, возникающие между некоммерческими организациями и властью. Степень взаимодействия органов власти и некоммерческих организаций должна определяться в зависимости от цели и задачи, которую ставят перед собой общественные объединения для решения общественно-политических проблем в данном регионе. Мы предполагаем, что для эффективного решения проблемы активные действия должны проявлять обе стороны, но общественные организации должны проявлять всё-таки максимум ответственности за свои обязательства, самостоятельности действий, профессионализма, чтобы решить какую-либо проблему. Ещё одной из главных проблем, на которую стоило бы обратить внимание — это развитие Третьего сектора на селе, именно сельские территории больше нуждаются в развитии некоммерческих организаций, хотя система этих организаций в России тоже только начинает формироваться, и чтобы работа третьего сектора была наиболее эффективна и значима, необходима максимальная вовлеченность сельских жителей в управление сельским развитием.

В заключение, исходя из вышесказанных проблем, хотелось бы отметить, что «Третий сектор» в России развит всё-таки слабо. Самой главной причиной является пассивное участие граждан. Для того, чтобы третий сектор в России был развит на уровне, сравнимом с западными странами, необходимо повысить уровень информированности граждан о деятельности НКО, тем самым исправив неграмотность населения, которая выражается в проводимых социологических опросах о современном состоянии развития некоммерческого сектора. Ведь бывают случаи, когда люди принимают политическую партию за НКО. Но следует заметить, что в настоящее время третий сектор начинает играть всё более заметную роль в жизни общества, так как в нём задействовано очень большое разнообразие организаций: политические, образовательные, религиозные, благотворительные и другие.

1. *Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях"*
2. *Минюст России [Электронный ресурс]:<http://minjust.ru/ru/>. (Дата обращения: 29.09.2015)*
3. *Портал грантов [Электронный ресурс]:<http://grants.oprf.ru/> (Дата обращения: 29.09.2015)*
4. *Явлинский Г. Третий сектор в России/ Г. Явлинский. Социальная политика в России. - Центр экономических и политических исследований, 1999г.*

МЕЖСЕКТОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ

Ищанова Б.Т. (Магнитогорск)

В современном российском обществе каждый из секторов, участвующих во взаимодействии, имеет свою миссию, области деятельности, технологии работы, организационные структуры, системы управления, ресурсную базу, нормативную базу и различающиеся сферы использования продукции и рынки товаров и услуг. Но, несмотря на различия, сотрудничество является необходимым элементом современной социальной политики государства.

Следует признать, что до недавнего времени в большинстве случаев взаимодействия государства и НКО в России реализовывались модели, основанные на доминировании власти. В настоящее время ситуация кардинальным образом изменилась в лучшую сторону. Между государством и НКО планомерно выстраивается партнерская модель взаимоотношений, при которой государственные органы не пытаются управлять НКО, а участвуют в различных формах диалога с ними, в свою очередь некоммерческие организации осуществляют обратную связь, предлагают решения социальных проблем семьи, участвуют в реализации семейной политики.

Под взаимодействием государства и некоммерческих организаций в социальной поддержке семьи, мы понимаем единый процесс совместного целенаправленного взаимовыгодного сотрудничества государства и некоммерческих организаций с целью воздействия на семью, направленного одновременно на предоставление социальных услуг и активизацию внутренних и внешних ресурсов семьи в случаях, когда семья самостоятельно не в силах справиться с ситуацией, объективно нарушающей ее жизнедеятельность, а также в условиях социальных рисков [1].

В г. Магнитогорске межсекторное взаимодействие в социальной поддержке семьи, в первую очередь реализуется между государственными учреждениями (МУ «Центр социальной помощи семье и детям», МУ «Комплексный центр социального обслуживания», МУ «Социально-реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями», МУСО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» и др.) и некоммерческими (МГБОФ «Металлург», БФ «Гражданская инициатива», БФ «Социальная помощь», БФ «Я – женщина», ОД «Многодетство», МГМОО «Союз молодых металлургов», АНО «Источник жизни и др.).

В результате проведенного экспертного опроса руководителей государственных учреждений и НКО, было выявлено, что чаще всего в социальной поддержке семьи применяются такие формы взаимодействия как информационный обмен; методическая, консультативная, организационная помощь; организация и проведение совместных мероприятий, совещаний, «круглых столов», конференций, семинаров, смотров, конкурсов; реализация общественно значимых программ и проектов посредством предоставления государством субсидий и субвенций НКО; функционирование общественных палат, межсекторных комиссий, координационных, наблюдательных и др. советов; предоставление социально ориентированным некоммерческим организациям помещений, иного имущества, находящегося в государственной собственности, в пользование на льготных условиях, а также льгот по уплате аренды за землю, иные объекты недвижимости; заключение договоров и соглашений [2, с. 59].

Это наиболее популярные и распространенные формы сотрудничества. Данные формы взаимодействия государства и НКО не всегда в полной мере используются сторонами. Чем крупнее и стабильнее некоммерческая организация, тем разнообразнее и шире спектр форм ее взаимодействия с государством.

В результате проведенного в 2014 г. в г. Магнитогорске анкетного опроса семей (объем выборочной совокупности составил 400 респондентов), было выявлено, какие меры социальной поддержки чаще всего получают семьи. Выяснилось, что семьи не разделяют того, что услуги оказываются государственными учреждениями или некоммерческими организациями по отдельности, или совместно. Для них важен результат межсекторного сотрудничества. Зачастую, респонденты даже отождествляют поддержку, получаемую в некоммерческой организацией с государственной.

Регулярнее других форм поддержки семьи получают денежную (46,6 % респондентов), выражающуюся в различных видах пособий, доплат, дотаций, субсидий и т.д. В рамках взаимодействия государства и НКО материальная поддержка оказывается семьям, потерявшим кормильца, выплачивается ежемесячная материальная помощь на содержание детей, стипендия учащимся средне-специальных, профессиональных и высших учебных заведений, многодетным семьям оказывается ежемесячная материальная

помощь в размере, частично компенсируются коммунальные услуги. Одним из реальных примеров решения материальных затруднений семей взаимодействующими сторонами является действие комиссии по оказанию социальной поддержки и социальной помощи, в состав которой входят представители государственного и некоммерческого секторов. По решению комиссии нуждающимся может быть выделена сумма в размере единовременного социального пособия.

Небольшое количество семей пользуется какими-либо льготами. Так, 24,8 % респондентов отметили, что их дети бесплатно питаются в школе, 17,5 % получали разовую бесплатную путевку ребенку в загородный детский оздоровительный лагерь, 12,5 % получают бесплатные продукты молочного питания для детей, 9,5 % – пригласительные билеты в кино/театр, 8,5 % – бесплатный проезд учащихся детей в городском общественном транспорте, 5,8 % – бесплатное получение лекарств, 4,0 % бесплатно посещают музеи, парки культуры и отдыха, 3,5 % получали путевку на оздоровление ребенка (детей) в отделении дневного пребывания, 1,8 % бесплатно получали школьную, спортивную форму для учащихся СОШ.

Как среди государственных учреждений, так и среди НКО, а также в их взаимодействии применима практика предоставления продуктовых наборов к различным праздникам. Кроме того, организованы пункты приема-передачи одежды, в которые могут обратиться любые желающие граждане. Учащимся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений из многодетных семей гарантировано бесплатное питание (завтраки и обеды). Взрослые члены семей могут рассчитывать на получение бесплатного горячего питания в социальных столовых на базах Комплекса социальной адаптации граждан, благотворительных организаций. Свою работу осуществляет пункт «Берегиня» по приему-передаче детских подержанных вещей, обуви, книг и игрушек.

На протяжении многих лет государство и некоммерческий сектор реализует свои совместные мероприятия не только на территории города, но и за его пределами. С целью сплочения семей и социальной реабилитации детей регулярно проводятся совместные досуговые, спортивные и развлекательные мероприятия на базе кинотеатров, аквапарка, цирка, других развлекательных центров города. Кроме того, организуются загородные оздоровительные поездки в дома отдыха, санатории и профилактории. В летний период организуются сплавы.

Больше половины респондентов, а именно 58,8 %, не получали в течение последнего года денежные компенсации. С одной стороны, такие результаты обусловлены низким уровнем информированности семей о полагающихся им компенсациях. С другой стороны, проинформированные семьи проявляют пассивность и нежелание оформлять документы на получение компенсаций, обосновывая это затратами временных ресурсов, необходимостью подтверждения факта получения компенсации и бумажной волокитой.

Таким образом, в результате проведенных исследований выяснилось, что взаимодействие государства и некоммерческих организаций в социальной поддержке положительно сказывается на жизнедеятельности семьи. Реализуемая совместная деятельность снижает уровень социальных проблем, возникающих в семьях. Отношение же самих респондентов к деятельности, осуществляемой в рамках взаимодействия неоднозначное, поскольку они в большей степени склонны рассматривать вклад в оказание социальных услуг населению государством и НКО по отдельности, не придавая значения консолидации их усилий. Семьи ориентированы на результат этого сотрудничества, насколько оно будет способствовать им в решении проблем.

Реализация взаимодействия государства и некоммерческих организаций позволяет использовать сильные стороны каждого из секторов и направлена на оптимизацию социальной поддержки семьи, ее развитие. Осуществление взаимодействия в социальной поддержке семьи способно качественным образом преобразовать этот процесс, привести в него то, что требуется исходя из сущностной составляющей социальной поддержки.

1. *Ищанова Б.Т. Взаимодействие институтов общества в социальной поддержке семьи / Б.Т. Ищанова, Ф.А. Мустаева // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал ВАК). – 2012. – № 9 (17). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/i>*
2. *Ищанова, Б. Т. Основы социальной работы с семьей (учебно-методическое пособие) / Б.Т. Ищанова // Магнитогорск: изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2014. – 71 с.*

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА КАК СТИМУЛИРУЮЩИЙ ИНСТРУМЕНТ МОЛОДЕЖНОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Каменская А.О. (Москва)

После распада Советского Союза остро стал вопрос о создании, так называемого, государства всеобщего благосостояния (welfare state). Россия оказалась на распутье выбора модели социального государства. Современная Россия ориентируется на социально-демократическую модель, ее основной принцип и приоритет: государство и экономика существует для людей, а не наоборот. В своей предвыборной программной статье президент России, Владимир Путин, предложил план действий, который сформировал набор системных решений в ответ на запрос о формировании такой модели государства. В 2012 году был разработан целый комплекс мер, направленный на модернизацию социальной сферы, рассчитанный на 18 лет. Все они активно реализуются, достаточно успешно проводятся многочисленные социально ориентированные государственные программы, нацеленные на улучшение качества жизни граждан. Однако в нынешней политической и экономической ситуации появляется необходимость развивать политику социального участия. В сложившихся условиях особую актуальность получает многоуровневая система социальной ответственности, которая подразумевает собой взаимодействие государства, бизнеса и общества.

В докладе анализируется, как можно стимулировать активность молодых людей (молодежь) через такие механизмы, как корпоративное волонтерство и социальный маркетинг. Как показал анализ программ СОБ крупнейших российских компаний по трем направлениям - экология, культура, образование, внешняя социальная политика крупнейших российских компаний способствуют позитивному развитию молодежи и человеческого потенциала, становлению социально-развитого общества в России. Среди основных направлений внешней СОБ обычно выделяют следующие: охрана окружающей среды, а также поддержка и развитие местного сообщества. В рамках СОБ происходит повсеместная популяризация культуры, развитие экологического образования в стране, воспитание у детей и молодежи бережного отношения к окружающей среде. Кроме того, социальная политика компании направлена на информирование граждан и участие в глобальных акциях WWF «Час Земли» и «День без машин». Большое внимание уделяется проектам, направленным на сознания правильного мировоззрения у детей и подростков. Для повышения уровня гражданской ответственности крупные компании организуют акции, в которых принимают активное участие не только сотрудники компании, но и представители муниципальных образований, СМИ, активисты общественных организаций, воспитанники детских домов, школьники, студенты ВУЗов и средних учебных заведений.

Таким образом, бизнес создает условия свободного доступа к добровольческой деятельности для молодежи, с целью возрождения общечеловеческих ценностей и социальной ответственности граждан, без которых социально-экономическое развитие страны невозможно. Через добровольческую деятельность в различных компаниях

молодые люди принимают посильное участие в решении социальных и экологических проблем сообществ, получают необходимый опыт и навыки. Тем самым, развивается чувство социальной значимости и ответственности перед обществом.

1. <http://www.gazprom.ru>
2. <http://www.lukoil.ru>
3. <http://www.rosneft.ru>
4. <http://rzd.ru>
5. <http://kremlin.ru>
6. <http://government.ru>
7. <http://минобрнауки.рф>
8. <http://www.rosmintrud.ru>
9. Долгорукова И.В. *Современные практики реализации корпоративной социальной политики на российских предприятиях* / И.В. Долгорукова // *Вестник МГИМО-Университета*. - 2014. - № 3. - С. 206-214.
10. Ильина Г.Н. *Социальная ответственность российского бизнеса: стратегии и инновации* / Г.Н. Ильина // *Вестник МГИМО-Университета*. - 2014. - № 1. - С. 216-224.
11. Храмов А. Ф. *Бюрократия и социальное государство*. М.: ИС РАН, 2010. — С. 9.
12. Чернышев С. *Россия суверенная: как заработать вместе со страной*. / С. Чернышев. М.: Европа, 2007. - 670 с. стр.299-300

ЗДОРОВАЯ СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА НКО И ГОСУДАРСТВА

Карцева Л.В. (Казань)

В годы углубления социально-экономического кризиса в российской обществе исключительно важную роль играет развитие основ гражданского общества, основной целью которого является контроль за деятельностью прогосударственных структур. В Татарстане союз НКО и государства как социальных институтов крепнет год от года. Пример тому – проведение Общественной палатой республики форумов с участием социально ориентированных НОК под патронатом президента и премьер-министра Татарской республики.

Очередной, третий такой форум состоялся в августе 2015 года в столице республики Казани и собрал 800 участников, среди которых находились представители более чем 400 НКО. При этом итоги их работы за два года подводились в присутствии руководителей республиканских министерств и ведомств, муниципальных районов РТ, священнослужителей, представителей СМИ, а в качестве организаторов форума выступили временно исполняющий обязанности президента Татарстана, председатель Государственного Совета республики, председатель Общественной палаты РТ. Основной посыл форума – признание огромной роли СО НКО в развитии Татарстана как одного из наиболее авторитетных субъектов Российской Федерации, намерение государства продолжать оказывать существенную поддержку СО НКО. Так, объем государственной помощи для НКО в виде грантов составит 10 млн рублей в ежегодном исчислении.

Анализ информации, содержащейся в документах Общественной палаты Татарстана, показывает: дифференциация социально ориентированных НКО осуществляется по направлению их деятельности и типу социальной структуры. В частности, местные СО НКО направлены на социальную поддержку и защиту граждан; на подготовку населения к преодолению стихийных бедствий, разного рода катастроф; на охрану окружающей среды и защиту животных; на охрану культурных памятников и территорий; на оказание безвозмездной юридической помощи населению; на профилактику социально опасных форм поведения граждан; на деятельность в сфере образования, науки, культуры и другие проекты.

И именно в данной подгруппе НКО находится Татарстанское региональное отделение Национального общественного комитета «Российская семья», которое среди социально ориентированных некоммерческих общественных организаций занимает своё место на протяжении последних четырёх лет. Фактически это единственная организация, целью которой является поддержка социально здоровой семьи.

К сожалению, в масштабах российского общества идеал семьи крепкой, здоровой в социальном и психологическом плане не сформирован. В третьем десятилетии очередных социальных реформ не появились авторитетные, пользующиеся реальным социальным влиянием общественные организации, ориентированные на укрепление здоровой семьи. Строго говоря, социальная норма семьи гетеросексуальной, полной, в официальном браке, с детьми подвергнута обструкции: вместо брака гражданского на пике популярности оказывается брак фактический (сожитительство), а место семьи традиционной – сожительствующая пара, не имеющая детей, зачастую не состоящая в браке, в случае известной заинтересованности присвоившая чужого ребёнка, явившегося на свет искусственным путём. Такая перспектива губительна для страны.

Очевидно, что одним из главных врагов здоровой семьи является телевидение. На данный момент современное российское телевидение предпринимает значительные и целенаправленные усилия для того, чтобы расшатать семью в её институциональном виде. Исключение – канал «Культура» и Общественное российское телевидение, существующие на взносы благотворителей, несущие образцы здоровой и чистой социальной информации, воспитывающей лучшее в личности. Увы, частные инвесторы, вкладывающие средства в финансирование таких телеканалов как ТНТ, НТВ и другие, исключительно наживы ради преуспевают в пропаганде интимных отношений в их извращённом виде. Семья традиционная не интересна для телемагнатов. Куда престижнее демонстрация сюжетов, центральными персонажами которых становятся геи, лесбиянки, транссексуалы, сожительствующие пары и группы. Статусы любовника и любовницы вышли из тени и приобрели ореол сакральности: иметь их не только не постыдно, а даже и престижно. Интервью с сексуальными партнёрами знаменитостей, привычно именуемых «звёздами» театра, кино, шоу-бизнеса, транслируют в многомиллионную аудиторию телеведущие главных каналов телевидения – Первого и России 1. Законный муж, официальная жена присутствуют в телешоу, теле- и кинофильмах как привычный, архаичный и малопривлекательный элемент, тогда как интимная подруга, очередной сексуальный партнёр окрашиваются в позитивные тона, предлагаются в качестве рекламного текста молодым и немолодым зрителям.

В данном социальном пространстве внимание, которое в Татарстане оказывается фамилистически ориентированной НКО, дорогого стоит. Достаточно сказать о том, что в «Комплексном плане по дополнительным мерам, направленным на повышение рождаемости в Республике Татарстан на 2014-2018 годы», подписанным заместителем премьер-министра республики В.Г. Шайхразиевым, в разделе «Пропаганда семейных ценностей...» несколько пунктов посвящено программе, разработанной именно ТРО НОК «Российская семья», - образовательному проекту «Семьеведение». Ведётся он с 2012 года, охватил все муниципальные районы республики, привлёк внимание всех заинтересованных министерств и ведомств, депутатов Государственного Совета Татарстана, правительство и вышел на государственный уровень.

Инициатива общественной организации была поддержана сначала Уполномоченным по правам человека в РТ Сабурской С.Х., аппарат которого является государственной структурой, а затем уже реализована Управлением образования г. Казани и отделом дополнительного образования Министерства образования и науки республики. Ныне в Татарстане нет ни одного руководителя системы образования детей и молодёжи, который бы не был проинформирован о целях и задачах обучения семьеведению. Татарстан стал пилотным регионом Российской Федерации, где обкатывается идея введения семьеведения в образовательные стандарты общего среднего

образования. В обстановке всеобщего хаоса, обвала курса рубля, углубления социально-экономического кризиса спокойное и планомерное утверждение идеологии фамилизма - факт уникальный, свидетельствующий о социальном здоровье руководителей Татарской республики и стремлении государственной власти слушать и слышать информированных и продвинутых представителей СО НКО.

Учащаяся молодёжь в Татарстане настроена на традиционные брак и семью, и эти настроения поддерживаются, укореняются, усиливаются, заостряются, идеологизируются через проект «Семьеведение» как образовательный и воспитательный одновременно. Сотрудничество с Управлением ЗАГС республики со стороны ТРО НОК «Российская семья», тесные контакты организации с руководством МОиН РТ становятся тем социальным механизмом, посредством которого идеи, проводимые учёными-членами указанной НКО, выходят за рамки научной и образовательной деятельности в пространстве татарстанских вузов, политизируются. Через СО НКО основанные на достижениях социологической, юридической, философской, демографической, педагогической и психологической наук доводы в защиту традиционных брака и семьи становятся достоянием широкой общественности, поддерживаются ею.

Интересная деталь: деятельность ТРО НОК «Российская семья» в Татарстане не поддерживалась грантовыми средствами, осуществляется как на средства самих членов НКО, так и за счёт государства. Так, преподавание семьеведения для педагогов образовательных организаций республики в Казанском государственном институте культуры финансируется министерством образования и науки Татарстана. Далее выпускники этой программы получают возможность в своих школах, колледжах, лицеях, гимназиях вести предмет для учащихся, студентов в объёме 35 часов, что входит в их учебную нагрузку. Подростки и юношество, таким образом, попадают в сферу влияния фамилистической идеологии в таких её социальных институтах, как институты образования, брака, семьи, получая альтернативу развращающему влиянию системы СМИ, интернета.

1. *Семьеведение: учеб.-метод. пособие / под науч. ред. проф. Л.В. Карцевой. – 2-е изд-е, перераб. и доп. – Казань: Казан. гос. ун-т культуры и искусств, РИЦ «Школа», 2015. – 200 с.*
2. *Семья и человеческое развитие в Республике Башкортостан /под ред. Ф.Б. Бурхановой, В.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. – Уфа: Восточная печать, 2012. – 151 с.*
3. *Меренков А.В., Мустаева Ф.А. Самоопределение российской семьи в условиях трансформирующегося общества: Монография. – Магнитогорск: МаГУ, 2013. – 221 с.*
4. *Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ / Социологические исследования. 2014. № 9. С. 85-97.*
5. *Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. – М., 2000. – 414 с.*
6. *Сёмина М.В. Подготовка молодёжи к семейной жизни в России XX- начала XXI века (ретроспективный педагогический обзор): Монография. – Новосибирск: ООО «Агентство СИБПРИНТ», 2013. – 126 с.*
7. *Семья и школа: проблемы и пути взаимодействия в условиях реализации новых стандартов / под общ. ред О.А. Щекиной. – СПб.: СПб АППО, 2013. – 90 с.*
8. *Социально-педагогическое партнёрство в решении социальных проблем ребёнка: материалы межрегион. науч.-практ. конф. 15 марта 2012 года /под общ. ред. Степиховой В.А. – СПб., 2012. – 255 с.*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАДОМНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Касаркина Е.Н. (Саранск)

Одним из важнейших эффективных механизмов решения и смягчения социальных проблем граждан пожилого возраста, в условиях модернизации российского общества, является организация их социального обслуживания. Социальное обслуживание пожилых людей является функцией общества и государства, частью социальной сферы, неотъемлемой составной частью социальной политики по обеспечению положения пожилого человека, которое сложилось вследствие воздействия социальных рисков.

Распространенной, востребованной и экономически выгодной формой социального обслуживания пожилых людей, является социальное обслуживание на дому, так как оно осуществляется путем предоставления гражданам, нуждающимся в постоянном или временном нестационарном социальном обслуживании, частично утратившим способность к самообслуживанию, помощи на дому в привычных условиях, в виде ряда социальных услуг и иной помощи.

Социальное обслуживание в форме социального обслуживания на дому:

1) это деятельность поставщика социальных услуг (социально службы) по предоставлению социальных услуг получателям социальных услуг, которая направлена на улучшение условий их жизнедеятельности при сохранении пребывания получателей социальных услуг в привычной благоприятной среде - месте их проживания (раздел 2 Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 24.10.2014 г. № 939н) [1];

2) является формой социального обслуживания, направленной на улучшение условий жизнедеятельности получателя социальных услуг и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности (раздел 1 Постановления Правительства РМ от 24.11.2014 г. № 563) [2].

Важное значение при изучении надомного социального обслуживания является рассмотрение научных подходов к его эффективности. Мы воспользуемся научным подходом к эффективности социальной работы и социального обслуживания которого придерживаются такие ученые как В. И. Жуков, П. Д. Павленок, Е. И. Холостова, Т. С. Пантелеева, Г. А. Червякова, Р. И. Ерусланова.

Эффективность (эффект – от лат. effectus – исполнение, действие): 1) это результат действия, следствие действий; средство, прием и т. д. Смысл слова «эффективность» обычно определяется как «результативность, продуктивность» [3, 260]; 2) это многоплановое явление, обобщенный, интегральный показатель качества системы [4, 286]; 3) это одна из главных характеристик человеческой деятельности [5, 145]; 4) это следствие, результат какого-нибудь действия [6, 314].

По мнению указанных авторов, эффективность (Эф) складывается в первую очередь из цели (Ц) и результат (Р), что может быть выражено формулой: $Эф = Р/Ц$ [6, 315], [5, 145], [7, 82].

Однако, по мнению П. Д. Павленка, следует учитывать, что результат зависит от затрат (З) и условий (У), формулу эффективности следует уточнить. В этом случае она примет вид: $Эф = Р/Ц + З + У$ [6, 315].

Различают следующие виды эффективности социальной работы.

Первый вид эффективности связан с оценкой соотношения целей и задач социальной работы с потребностями, идеями и нормами социальной политики государства. Это потребностная или целевая эффективность ($Эп = Ц/П$) социальной работы показывает, насколько правильно (адекватно) были сформулированы цели социальной работы.

Второй вид эффективности рассматривает отношение достигнутых результатов социальной работы к ее целям и задачам. Она выражает степень достижения поставленных целей и задач. Так называют целесообразную или результативную эффективность ($Эр=P/C$).

Третий вид эффективности во главу угла ставит соотношение между достигнутыми результатами социальной работы и общей совокупностью понесенных затрат (средств, ресурсов, деятельности). Данный вид называют затратной эффективностью, или экономичностью форм и методов социальной работы ($Эз=P/Z$). Частным случаем такого вида эффективности является понятие производительность, когда соотносят полученные результаты (в количественном выражении) социальной работы с продолжительностью времени, в течении которого они были достигнуты ($Эпр=P/t$) [7, 82].

Эффективность в социальной работе может определяться на основе как общих, так и специфических критериев, причем общие служат для оценки ее эффективности в целом, а специфические - для оценки конкретных социальных услуг, отдельных видов и методов социальной работы, деятельности отдельных специалистов и учреждений [4, 282].

Эффективность социальных услуг пожилым людям на дому - это комплекс социальных услуг, который приводит к оптимальным для конкретного клиента результатам в соответствии с уровнем науки и биологических факторов (возраст, заболевания, степень ограничения самообслуживания и др.) при привлечении имеющихся средств и возможностей социального учреждения. При этом клиент должен получать максимальное удовлетворение от оказываемой услуги и взаимодействия с системой социального обслуживания [8, 224].

Систему критериев и показателей оценки эффективности социального обслуживания на дому можно рассматривать как совокупность упорядоченных, органично связанных характеристик (признаков) и процедур (методик), позволяющих адекватно оценить состояние социальной работы и выявить резервы ее развития [4, 285].

В законодательных актах определяются показатели и критерии эффективности и качества социальных услуг в форме социального обслуживания на дому.

Основные показатели и критерии, определяющие эффективность и качество социальных услуг в форме социального обслуживания на дому, предоставляемых получателям социальных услуг: 1) показатели, характеризующие удовлетворенность социальными услугами получателей социальных услуг, отсутствие обоснованных жалоб, число положительных отзывов о работе поставщика социальных услуг; 2) обеспечение открытости документов, в соответствии с которыми поставщик социальных услуг осуществляет деятельность в сфере социального обслуживания на дому (устав (положение); руководства, правила, инструкции, методики работы с получателями социальных услуг и собственной деятельности; эксплуатационные документы на оборудование, приборы и аппаратуру, иные документы); 3) численность получателей социальных услуг, охваченных социальными услугами у данного поставщика социальных услуг; 4) доступность условий размещения поставщиков социальных услуг (в том числе доступность предоставления социального обслуживания для инвалидов и других лиц с учетом ограничений их жизнедеятельности); 5) укомплектованность штата поставщика социальных услуг специалистами и их квалификация; 6) наличие специального и технического оснащения (оборудование, приборы, аппаратура помещений поставщика социальных услуг); 7) наличие информации о порядке и правилах предоставления социальных услуг, организации социального обслуживания на дому; 8) повышение качества социальных услуг и эффективности их оказания определяется исходя из мероприятий, направленных на совершенствование деятельности поставщика социальных услуг при предоставлении социальных услуг (в соответствии с пунктом 19 Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 24.10.2014 г. № 939н [1]); 9) иные показатели, определяемые в порядке предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг, утверждаемом в соответствии с пунктом 10 статьи 8 ФЗ № 442-ФЗ [9].

Критерии оценки эффективности и качества социальных услуг на дому, предоставляемых получателям социальных услуг: 1) полнота предоставления социальной услуги в форме социального обслуживания на дому, в том числе с учетом объема предоставляемых социальных услуг, сроков предоставления социальных услуг, иных критериев, позволяющих оценить полноту предоставления социальных услуг; 2) своевременность предоставления социальной услуги, в том числе с учетом степени нуждаемости получателя социальных услуг; 3) результативность (эффективность) предоставления социальной услуги (улучшение условий жизнедеятельности получателя социальных услуг) (Пункт 20 Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 24.10.2014 г. № 939н [1]);

В разделе 14 Приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24.10.2014 г. № 939н указано, что виды социальных услуг отмеченные в статье 20 ФЗ № 442-ФЗ предоставляются и в форме социального обслуживания на дому получателям социальных услуг, а в разделах 21-26, выделены критерии оценки эффективности и качества социальных услуг на дому.

В заключении необходимо отметить, что понятие «эффективность социального обслуживания на дому» можно выразить как максимально возможное достижение цели по удовлетворению потребностей населения (клиента социальной службы) при оптимальных затратах. Иначе говоря, эффективность социального обслуживания на дому отражает характеристику результата целенаправленной деятельности по достижению поставленной цели.

1. *Об утверждении Примерного порядка предоставления социальных услуг в форме социального обслуживания на дому* □ Электронный ресурс □ : Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24.10.2014 г. № 939н. // Консультант-Плюс : [справ.-пр]
2. *Порядок предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг в Республике Мордовия в форме социального обслуживания на дому* □ Электронный ресурс □ : Постановление Правительства Республики Мордовия от 24.11.2014 г. № 563. // Республика Мордовия : официальный сайт □ Режим доступа : <http://www.e-mordovia.ru/news/view/22498>
3. *Современная энциклопедия социальной работы / под ред. академика РАН В. И. Жукова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Изд-во РГСУ, 2008. – 412 с.*
4. *Холостова Е. И. Теория социальной работы : учебник / под ред. проф. Е. И. Холостовой. – М. : Юрист, 1998. – 334 с.*
5. *Пантелеева Т. С. Экономические основы социальной работы : учебное пособие / Т. С. Пантелеева, Г. А. Червякова. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 160 с.*
6. *Основы социальной работы: учебник / отв. ред. П. Д. Павленок. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : ИНФРА-М. – 2006. – 560 с.*
7. *Технологии социальной работы : учебник / под ред. В. И. Жукова. – М. : Изд-во РГСУ, 2011. – 388 с.*
8. *Бахарев В. В. Оценка качества социального обслуживания пожилых людей на дому / В. В. Бахарев, К. Г. Свищев // Регионология. – 2008. – № 3. – С. 223–226.*
9. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации* □ Электронный ресурс □ : Федер. закон Рос. Федерации от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (с изм. и доп.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. □ [М., 2015]. □ Режим дост

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Келасьев В.Н., Первова И.Л. (Санкт-Петербург)

Сегодня социальная работа – признанный, прошедший легитимизацию и сложившийся социальный институт, выполняющий важные задачи поддержания стабильности в социуме и удовлетворение потребностей определенных социальных групп.

В последние годы наблюдается изменение ситуации в сфере социальной работы: наряду с повышением требований к профессионалу происходит и повышение престижности профессии, её материального статуса, рост заработной платы. Для дальнейшего развития социальной работы и расширения ее функций нужна междисциплинарная модель общества, показывающая те звенья функционирования социума, в которые включен институт социальной работы. Такая модель была предложена. Она получила название многослойной модели. В соответствии с ней общество представлено рядом различающихся слоев-явлений: отдельных индивидов, социальных групп, слоями согласования их интересов, различных форм социальной рефлексии, влияющей на активность индивидов и социальных групп. В основе функционирования общества лежит самоорганизационный цикл. Процессы, начавшись с уровня отдельных индивидов, социальных групп, должны подняться до уровня социальной рефлексии (управленческих решений, законодательных актов), которая будет уже самим своим смыслом корректировать деятельность и поведение социальных субъектов, приближая их к требованиям человеческого общежития. И институт социальной работы должен быть сориентирован на совершенствование работы всех звеньев самоорганизационного цикла (помощь, взаимопомощь индивидов, согласование их интересов, адекватизация социальной рефлексии и т.д.). Однако пока социальная работа сосредоточена в основном на работе с отдельными индивидами, группами (реальное обслуживание и повышение их социальной компетентности, создание ориентации на самопомощь, саморазвитие, использование собственных ресурсов, организация групп взаимопомощи, социальных сетей и т.д.). Практически социальные службы сегодня этим преимущественно и занимаются. Скажем, комплексные центры социального обслуживания населения или созданные на их базе в Санкт-Петербурге отдельные центры по работе с пожилыми, инвалидами, семьей и детьми отражают именно этот уровень. Активизация ресурсов семьи, потенциала отдельных клиентов, эмпаурмент, как и отражение этой проблематики на уровне выпускных квалификационных работ представляют этот уровень. При этом всё новые социальные проблемы генерирует каждая клиентская группа. Скажем, свои проблемы ставит возрастание численности пожилых, само постарение общества. Мы реагируем на это попытками создания «серебряной» экономики, университетами для пожилых, курсами повышения компьютерной грамотности, попытками реформирования пенсионного законодательства (что идёт весьма трудно) и т.д. Свои острые проблемы возникают и в сфере работы с мигрантами. Как известно, число беженцев, мигрантов, возрастает. Многие наши выпускники работают именно с мигрантами или их семьями. Они при этом указывают на недостаточность своей правовой подготовки, особенно в сфере миграционного законодательства.

На этом же уровне решаются и проблемы профилактики аддикций, налаживания здорового образа жизни и т.д. Надо заметить, что на уровне социальной работы с отдельными индивидами, социальными группами, достигнуто уже немало успехов, сформированы эффективные технологии оказания социальных услуг нуждающимся индивидам и группам.

При работе на этом уровне профессионал имеет дело не только с клиентом, но и с его социальной ситуацией. Социальная ситуация предполагает наличие среды, относительно которой можно заметить, что сегодня в Российском обществе возрастает её непредсказуемость, рискогенность, нестабильность, происходит истощение её ресурсов (рост цен и пр.). В борьбе за ресурсы сталкиваются интересы государственных и негосударственных структур, пространство среды заполняется все новыми игроками, одновременно в среде возникают новые социальные сети, потенциал которых может использоваться для организации групп взаимопомощи и взаимоподдержки. Не случайно перспективным является направление по развитию социального предпринимательства, ориентированного на стимулирование взаимопомощи, самоорганизации различных социальных субъектов.

Но, помимо работы на уровне индивидов и групп, для института социальной работы требуется и деятельность по согласованию интересов социальных групп, контролю за формированием социальной рефлексии, отслеживанию того, чтобы социальная рефлексия не замещалась точками зрения отдельных социальных групп (что часто имело место), а отражала интересы всего общества. Институт социальной работы должен быть готов взять на себя функцию усиления регуляционных возможностей государства в согласовании интересов человека и общества, интересов различных социальных групп: ведь вырабатываемые государством решения, законодательные акты страдают односторонностью, неполнотой, не учитывают интересы различных групп, в итоге чего в процессах взаимосогласования интересов различных социальных субъектов остается место несправедливости, произволу. Потребности одних групп перенасыщены, других – не удовлетворяются даже на минимальном уровне. Именно в результате неналаженности процессов согласования интересов различных групп произошла чрезмерная поляризация российского общества, на которую резко реагирует население, воспринимая её как несправедливую. Социальная работа в современном обществе должна выступать в роли действенного механизма компенсации несовершенства правовых, моральных, управленческих регуляторов согласования интересов человека и государства. Вопросы эти ждут своей разработки как на теоретическом, так и прикладном уровнях.

Социальная работа должна также заниматься разблокированием различных помех и препятствий функционированию самоорганизационного цикла. Так, в качестве помехи может выступать то, что российское общество представлено большим числом менталитетов, что порождает разнообразие форм рефлексии и расколотость общества на отдельные социальные группы, по-разному понимающие ситуацию в обществе. Так, конфессиональный менталитет может затруднить процесс формирования общей морали, права, ценностей, т.е. рефлексии, скрепляющей нацию. Определенной помехой выступает и недостаточная социальная компетентность субъектов, проявляющаяся на разных уровнях. Клиент социального работника сегодня – социально некомпетентная личность. Определенной помехой выступает и ориентация на решение социальных проблем с помощью принуждения, насилия, административно-бюрократических методов. Недостаточно сформирован и юридический статус различных общественных групп и инициативных движений. Эти и ряд других помех самоорганизационным процессом предстоит разблокировать. Согласование интересов, разблокирование различных препятствий самоорганизационным процессам, адекватизация социальной рефлексии, стимулирование процессов социального предпринимательства, образования групп взаимопомощи, взаимоподдержки – перспективные задачи, стоящие перед институтом социальной работы.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ

Кириллук О.М. (Санкт-Петербург)

Инвалидность у детей означает существенное ограничение жизнедеятельности, она способствует социальной дезадаптации, которая обусловлена нарушениями в развитии, затруднениями в самообслуживании, общении, обучении, овладении в будущем профессиональными навыками [1]. Освоение детьми-инвалидами социального опыта, включение их в существующую систему общественных отношений требует от общества определенных дополнительных мер, средств и усилий специалистов центров по реабилитации, учреждений социального обслуживания и т. д. Однако существует нехватка

специалистов, в связи с чем нужны волонтеры, которые могли бы помочь специалистам обеспечить досуг детей-инвалидов.

Нами был проведен опрос 25 волонтеров (в возрасте от 18 до 25 лет) Детского Хосписа. Согласно опросу, люди, работающие добровольно в Детском Хосписе, самыми значимыми мотивами участия в волонтерской деятельности, приводили следующие причины: хочу помогать нуждающимся людям 36%; надеюсь научиться чему-то новому 24%; хочу иметь какое-то занятие 16%; для собственного удовольствия 12%; хочу познакомиться с новыми людьми 8%; у меня есть свободное время 4%.

Часто люди не могут реализовать все свои потребности, работая только по профессии. В этом случае волонтерский труд может внести разнообразие, позволяя отвлечься от каждодневной рутины. Волонтерская работа помогает в удовлетворении таких потребностей, как контакты с новыми людьми, самоудовлетворение, продвижение каких-то ценностей.

Отвечая на вопрос: «Почему Вы решили помогать детям-инвалидам в Детском Хосписе?» 60% - ответили, что хотят помогать той категории людей, которые нуждаются в помощи. Они считают, что дети в принципе нуждаются в поддержке, общении и внимании взрослых, а дети-инвалиды в этом нуждаются больше. Они могут так считать, потому что в основном дети-инвалиды общаются только с родителями и врачами и поэтому они замкнуты в себе, и поддержка им нужна больше. Эти дети более благодарны людям за их заботу, они благодарят по-своему, кто улыбнется, а кто просто плакать перестанет, когда ты возьмешь его на руки. И поэтому большая часть волонтеров считает, что этой категории помощь нужна больше.

24% - ответили, что детей-инвалидов могут научить новому и поделиться своими знаниями. Многие волонтеры творческие люди и свои знания, и творческий подход хотят поделиться с другими людьми. И часто волонтеры приходят к больным детям, чтобы научить их бороться со своей болезнью, через творчество и так же доказать им, что они такие же дети, как и здоровые. Через творчество чувствуешь себя здоровым ребенком и не чувствуешь преград.

16% - ответили, что хотят помогать детям-инвалидам, потому что хотят им доказать, что они обычные дети. Что они нужны обществу, что они не изгои. Наше общество обычно старается сторониться таких детей, они считают, что дети-инвалиды не такие как здоровые дети. Что родители сами виноваты в том, что ребенок таким родился, но зачастую, это не так. И волонтеры помогают детям-инвалидам не чувствовать себя ущербными.

На вопрос: «Чем вы любите заниматься с детьми-инвалидами в Детском Хосписе?», 80% - ответили, что играют с детьми в игровой комнате, приходят на мастер-классы, гулять и заниматься досугом детей-инвалидов. Так они часто общаются с детьми и могут дать возможность родителям отдохнуть от детей, так как они все 24 часа рядом с ними. Так же дети в игре больше раскрываются и становятся более общительными. Так же ребенку легче привыкнуть к новому человеку через игру, чем через разговоры. Особенно все дети разные, с разными диагнозами и поэтому через общение и игру легче найти общий язык с ребенком. Ребенок становится более раскрепощенным и отзывчивым, он чувствует, что он кому-то нужен.

20% - ответили, что предпочитают быть автоволонтером. Многие хотят помогать детям-инвалидам, но боятся с ними общаться, считая, что они могут сделать им не приятно своим взглядом или не правильным словом. Имея свой автомобиль, они могут возить детей на различные мероприятия. Для детей это тоже очень важно, что они могут выезжать на мероприятия и видеть мир не только из окон дома и больниц, не через книжки и телевизор, а своими глазами и почувствовать всю красоту нашего города и не только. Так же автоволонтеры возят детей в больницы, за город и в аэропорт. Автоволонтеры очень нужны для развития и досуга ребенка-инвалида.

Далее нас интересовал вопрос: «Как часто вы помогаете детям-инвалидам в Детском Хосписе?». 40% - ответили, что приходят 1-2 раза в неделю, так как учатся в университете и время позволяет приходить часто. Они ищут больше времени, чтобы провести с детьми-инвалидами, общаться и помогать им.

24% - ответили, что приходят 2-3 раза в месяц, так многие работают и когда у них остается время, то они приходят в Детский Хоспис, чтобы это время уделить детям-инвалидам.

20% - ответили, что приходят 1-2 раза в месяц, они работают и у них есть свои семья и они хотели бы чаще приходить, но не могут. Но как только у них появляется свободное время то они едут в Детский Хоспис, чтобы пообщаться и отвезти детей-инвалидов.

16% - ответили, что приходят раз в месяц, так как помогать детям-инвалидам они хотят, но из-за времени, так как работа и семья они не могут приходить чаще. Но возможно психологически им сложно часто общаться с детьми-инвалидами.

На вопрос: «Как часто Вы бы хотели приходить в Детский Хоспис, помогать и организовывать досуг детям-инвалидам?». Здесь отвечали по-разному. 44% - ответили, что хотят приходить каждый день или через день, но не получается, так как учатся или работают. Возможно желание приходить чаще есть, так как они видят своё причастие помочь детям-инвалидам. Может есть желание свое свободное время уделять детям-инвалидам.

28%- ответили, что как они ходят, их это устраивает и чаще бы они не ходили бы. Возможно волонтеры заняты и найти больше свободного времени у них нет, но желание помогать у них есть.

24% - ответили, что ходили бы еще реже. Может быть они все свободное время уделяют помощи и не хватает на свои дела, а возможно эмоционально сложно общаться с детьми-инвалидами, особенно с тяжелыми.

4% - хочет перестать заниматься волонтерством. Возможно, что у волонтера случилось перегорание и желание помогать ушло. Для того, чтобы у волонтеров, было все время желание помогать, нужны тренинги и совместный отдых волонтеров. Что бы они могли отдохнуть и поделиться своим опытом друг с другом.

На вопрос: «Хотели бы вы помогать ребенку-инвалиду на дому, почему?». Были получены следующие ответы. 40% - хотят помогать на дому, возможно видят в этом благодарное дело, они могут помочь родителям и специалистам заниматься с ребенком, дать родителям отдохнуть. Ребенка научить тому, что сам волонтер умеет. Пообщаться и сам волонтер при общении с ребенком-инвалидом учится новому. Каждый человек дает и получает новые знания. Дети-инвалиды учат милосердию и взаимопомощи. Занимаясь с ребенком-инвалидов наедине дома, волонтер может больше уделить время и больше помочь ему.

32% - полностью не уверены, что они бы справились наедине с ребенком, без присутствия специалиста. Наверное, т.к. не уверены в том, что смогут в не стандартной ситуации справиться с ней. Но желание у волонтеров есть. Если бы часто проводились тренинги для волонтеров по общению с детьми-инвалидами, то они бы не сомневались, что справятся.

28% - не хотят помогать одному ребенку, считая, наверное, что они могут помочь одновременно несколько детям. Позиция этих волонтеров ясна, т.к. желание помочь у них есть и предоставлять свою помощь они желают сразу несколько детям-инвалидам. Наверно есть желание участвовать и разнообразить жизнь сразу несколько детей-инвалидов.

Также нами были получены разнообразные ответы на вопрос: «Чем бы Вы хотели заниматься с детьми-инвалидами в Детском Хосписе?». 32% - хотят больше гулять, выезжать загород и гулять по городу с детьми-инвалидами. Наверное, потому что детям нужен свежий воздух, общение со сверстниками, развивающие прогулки по городу и

просто позитивный настрой. Так как многие дети-инвалиды, не выходят из дома, из-за своей болезни, они всегда рады прогулкам.

24%- хотят больше устраивать для детей инвалидов мастер-классы. Возможно дети, когда занимаются творчеством, становятся общительней и через творчество их можно реабилитировать. Творчество способствует к улучшению здоровья.

20% - хотели бы устраивать спортивные игры. «Движение-это жизнь», и интересные спортивные игры могло бы детей-инвалидов подбодрить. Не сложные задания были бы для них профилактикой ЛФК, через игру интересней заниматься спортом. А детям-инвалидам спорт нужен всегда.

16% - хотели бы делать мультфильмы. Каждый ребенок любит смотреть мультфильмы, а сделать его самому еще интересней. Ребенок через персонажа представляет себя и избавляется от комплексов, так же это коллективная работа и дети-инвалиды могут общаться между собой и волонтерами.

8%- хотят помогать с домашними заданиями. Учиться всегда тяжело, но возможно находясь часто в больницах или учиться на домашнем обучении еще сложнее. Возможно поэтому волонтеры хотят помогать с учебой, что бы дети не отставали от учебы.

Какую помощь Вы бы предоставляли ребенку-инвалиду на дому? На этот вопрос все волонтеры ответили. И даже те, которые не хотят помогать на дому, но у них есть свои предположения, чем могли бы помогать. 32% - хотели бы заниматься творчеством с детьми-инвалидами. Так как волонтеры творческие люди и они, возможно, хотят поделиться своими знаниями с детьми-инвалидами.

28%- хотят гулять с детьми-инвалидами. Дети в основном сидят дома и не выходят, родителям тяжело одним с ребенком выходить на улицу, поэтому волонтеры могут помочь чаще выходить на улицу и гулять.

16% - ходить в театр, музеи, кино и т. д. Возможно, чтобы разнообразить досуг детей-инвалидов. Многие никогда не были в музеях, театрах и т.д. из-за болезни. Волонтеры могут хорошо в этом поучаствовать. Помогать вывозить и устраивать для детей разные мероприятия.

12%- хотят помогать с домашними заданиями. Волонтеры в основном с высшим образованием и могут помогать с учебой.

8% - сидеть с ребенком пока родители на работе или чтобы смогли отдохнуть. Возможно для того, чтобы ребенок не был всегда с родителями, и родители не тратили деньги на нянь, когда им нужно оставить ребенка-инвалида одного дома. Если волонтер уверен, что он справится один с ребенком, то такая помощь семье она бесценна.

4% - помогать убираться дома. Наверное, мама постоянно с ребенком и у нее не хватает времени не на что. Волонтер может приходить раз в неделю или раз в месяц и помогать родителям по домашним делам.

Проведя исследование можно сделать следующие выводы:

- люди, помогающие в организации досуга детей-инвалидов есть, но многие боятся не справиться с нестандартной ситуацией. Волонтеры достаточно редко приходят в Детский Хоспис, так как у них своя личная жизнь;

- волонтеры творческие люди и со своими идеями, как можно сделать досуг детей-инвалидов интереснее и ярче. Волонтеры стараются свои идеи и предложения воплотить;

- большинство волонтеров не хотят помогать детям-инвалидам на дому. На наш взгляд на это есть несколько причин. Одна из них, что волонтер боится, что будет больше уделять время одному ребенку-инвалиду, и он к нему привыкнет. Другая из причин, что волонтеров не подготавливают к общению с ребенком-инвалидом и оказывать ему помощь. Так как диагнозы у детей разные, то и подходы к ним разные. Часто волонтеры боятся общаться с тяжелыми детьми-инвалидами.

1. *Холостова, Е.И. Социальная работа с инвалидами: Учебное пособие / Е.И. Холостова. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. – 240 с.*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Кисленко И.Ю. (Белгород)

С наступлением нового тысячелетия социальные науки переживают период бурного развития. В своей деятельности люди все чаще прибегают к новым приемам сбора и обработки информации, создают новые способы преобразования пространства вокруг нас. В связи с этим активно развивается и инновационная практика.

Еще недавно такое понятие как социальное предпринимательство не вызывало никаких ассоциаций у обывателя. Надо отметить, что и в научный мир данный термин вошел совсем недавно, однако, при активной поддержке энтузиастов данное явление получает все больше распространения.

Дж. Мэйр и И. Марти из университета Наварры в Барселоне рассматривают социальное предпринимательство как широкий процесс, который включает в себя комбинацию ресурсов для создания возможностей ускорения социальных изменений и удовлетворения социальных потребностей [1].

Социальное предпринимательство как деятельность, направленна не только на достижение общественно полезных целей, но и ставит задачу получить прибыль. Часто люди путают данное явление с проектами, которые существуют за счет грантов и пожертвований. Такую деятельность нельзя считать социальным предпринимательством.

Будучи молодой и активно развивающейся сферой, данный вид бизнеса имеет множество проблем уже на этапе становления. Одной из основных трудностей следует признать отсутствие нормативно-правовой базы, которая бы обеспечила четкий и ясный механизм регулирования правовых отношения в этой области. Стоит отметить, что попытки создания подобного закона были, однако дальше стадии разработки проекта работа не продвинулась. Однако, данная проблема в то же время является и преимуществом социальных предпринимателей, так как несовершенство законодательства создает обширное пространство между правовым и нелегальным полем в котором можно плодотворно работать в этой сфере. Кроме того, несмотря на подобные пробелы в нормативно-правовой базе, государство, в лице органов местного самоуправления и, в частности, департаментов социальной защиты и здравоохранения ставят своей целью поддержку начинаний социальных предпринимателей в виде различных грантов и объявления тендеров на реализацию различных социальных проектов, однако, важно помнить, что в ходе воплощения проекта в жизнь, бизнесмен должен выйти на самоокупаемость как минимум, а в идеале и иметь прибыль, дабы именоваться социальным предпринимателем.

Следующая, и наш взгляд, самая серьезная проблема, которую не решить посредством законодательных актов, это проблема непонимания людьми целей подобной деятельности. Без общественного одобрения и прививания культуры заботы не только о себе как индивиде, но и об обществе в целом как едином механизме по созданию благ для всех и каждого, трудно говорить о реализации каких-либо социальных проектов.

Также, серьезной проблемой является тот факт, что многие проекты этого типа в силу своей нерентабельности вынуждены сворачивать свою деятельность не просуществовав и года. Это связано с тем, что на начальных этапах проектирования и реализации проекта проблемы, возникшие в процессе преодолевается практически безболезненно, но как только бизнесмен отправляется в самостоятельную

предпринимательскую деятельность у него возникают проблемы, перечисленные выше. Конечно, существует множество успешных проектов, которые обходя все сложности работают на благо себе и обществу. Они существуют по всей России, например, компания «Либерти» предоставляет туры для людей с ограниченными возможностями. Данный проект существует уже несколько лет и успешно помогает таким людям увидеть мир, расширить его за привычные рамки своего района или даже двора, что безусловно, положительно сказывается на психоэмоциональном состоянии клиента. Проект «Экологическая утилизация» предполагает сбор и переработку пластиковых отходов, что положительным образом сказывается на экологии города, что, в свою очередь, может косвенно сказаться на улучшении медицинских показателей (не связанных с основным недугом) как людей с ограниченными возможностями, так и простых жителей города. Другая программа «Доступный спорт» предлагает широкий спектр спортивных услуг для детей и подростков. Дети не только могут заниматься спортом, но и успешно включаться в процесс социализации, посредством спортивных кружков и секций. Данная программа предполагает и особое устройство пространства внутри спортивного комплекса, позволяющее беспрепятственно передвигаться по его территории людям в инвалидном кресле.

Важно понимать, что, несмотря на огромное количество препятствий по созданию подобной полезной деятельности, люди, которые хотят этим заниматься есть. Но в силу отсутствия законодательной формулировки социального предпринимательства, люди, которые хотят помогать не имеют правового статуса, при этом, социальная работа определяет основным признаком такой деятельности материальную выгоду (прибыль), в противном случае, это не является социальным предпринимательством. Однако, на наш взгляд, пока законодательство в данной сфере окончательно не оформлено, данный признак не является сколько бы ни было важным, так как несет в себе сугубо теоретическую подоплеку. Если у человека есть желание помогать, будь то людям с ограниченными возможностями или же людям с другими проблемами, приоритетным является сам факт помощи, а тезис о материальной прибыли отходит на второй план. Суть состоит лишь в том какой конкретно термин следует использовать, что имеет ценность для социальной работы как науки, но несет совершенно никакого прикладного смысла для человека помощь принимающего.

Главной задачей на сегодняшний день является создание благоприятных условий для разработки, создания и реализации проектов социального предпринимательства, для разработки законодательства в этой сфере, для поддержки начинающих предпринимателей. Все эти задачи, которые при поддержке общества должны обрести материальную форму, могут помочь сделать наше общество лучше.

1. *Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.hse.ru/data/266/351/1237/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F.pdf> (дата обращения)*

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРИЁМНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ

Корнева Л.И. (Санкт-Петербург)

Психолого-социальная подготовка будущих приёмных родителей к началу нового этапа в жизни начинается ещё до их личного знакомства с ребёнком. Именно на этом этапе осуществляется медицинская, психологическая и социальная диагностика потенциальных родителей, их жилищных условий и образа жизни. Однако основная

деятельность специалиста по социальной работе начинается с момента знакомства будущих родителей с ребёнком.

Приёмная семья на период адаптации приёмного ребёнка часто становится носителем потенциального кризиса, а потому должна быть предметом особого внимания социальных работников. Основными функциями социального работника в социальной работе с приёмной семьёй является изучение соответствия объективных и субъективных характеристик семьи, претендующей взять ребёнка, нормативным требованиям гам, подготовка потенциальных приёмных родителей к содержанию в семье ребёнка-сироты или ребёнка, оставшегося без попечения родителей; подбор и подготовка детей для конкретной приёмной семьи; социальное сопровождение ребёнка в приёмной семье, работа по оценке эффективности функционирования приёмных семей [4].

На современном этапе работа с состоявшимися приёмными семьями условно можно разделить на два основных этапа:

1. «Школа приёмных родителей»
2. Социальное сопровождение (патронаж)

Первый этап, или «Школа приёмных родителей», на данный момент представляет собой развивающуюся сферу деятельности по формированию педагогических умений и навыков, а также способствованию скорейшей взаимной адаптации ребёнка и родителей.

Обычно «Школа приёмных родителей» представляет собой курс тренингов, которые проводят специалисты по социальной работе, педагоги и психологи. Как правило, такие тренинги рассчитаны на 10 еженедельных встреч. Практические занятия, проводящиеся в рамках «школы приёмных родителей», помогают в значительной степени упорядочить быт семьи и повысить её социальный статус. Социальные и педагогические навыки, приобретаемые во время практических занятий, могут касаться следующих вопросов: умение рационально вести семейный бюджет, правильное питание детей, особенности развития детей разных возрастов, этика семейной жизни, культура взаимоотношений между членами семьи, преодоление психологических барьеров и возникающих трудностей, методы воспитания, построение адекватных детско-родительских отношений, и так далее.

Второй этап, носящий название «социальное сопровождение», отличается по продолжительности осуществления, так и по цели, которую преследует специалист по социальной работе в процессе его реализации.

Социальное сопровождение – это целенаправленная деятельность социального работника (ли группы специалистов) по созданию необходимых условий для оптимального функционирования приёмной семьи.

Основные задачи социального сопровождения:

- способствование двусторонней адаптации приёмной семьи и ребёнка;
- помощь в разрешении возникающих проблем, а также непосредственное формирование умений справляться с возникающими трудностями самостоятельно;
- обеспечение партнёрских отношений между приёмной, социальной службой, другими государственными и общественными организациями для комплексного обеспечения прав приёмного ребёнка.

В процессе социального сопровождения приёмной семьи происходит её адаптация к жизни. Важен возникающий у членов семьи уровень творческих способностей, направленных на создание нового образа жизни. Социальное сопровождение семьи группы особого риска - это поддержка семьи и каждого из её членов на всех этапах формирования новых отношений. Специалисты по социальной работе помогают семьям, опираясь на внутренний потенциал семьи и поддержку окружения, эффективно решать проблему, потому что владеют знанием и методами решения наиболее типичных проблем [1].

Основными принципами социального сопровождения в условиях их жизнедеятельности являются:

- социального реагирования;
- опоры на собственные силы;
- конфиденциальности;
- рекомендательный характер советов специалистов;
- приоритет интересов семьи;
- непрерывность сопровождения;
- мультидисциплинарность сопровождения;
- стремление к автономизации.

Профессор Е.И. Холостова считает, что процесс сопровождения приёмной семьи предусматривает диагностический, организационный и коммуникативный этапы.

1. На диагностическом этапе по специальной схеме изучаются материальные возможности и бытовые условия жизни семьи, эмоционально-психологический климат, образовательный, общекультурный уровень, характер проведения свободного времени, распределение ролей и обязанностей, организация совместной деятельности, а также выявляются проблемы семьи в целом и каждого его члена в отдельности.

2. На организационном этапе создаются условия для включения членов семьи в оценку ситуации и ресурсов, проектирование или адаптацию помогающих программ, организацию семейно-бытового совместного труда, налаживание общения, внешних и внутренних связей.

3. На коммуникативном этапе поддерживаются сформированные умения и навыки, расширяются используемые средства, стимулируется перевод помощи в самопомощь [4].

Таким образом, специфика работы с такими семьями заключается в сочетании обучения навыкам жизнедеятельности с сопровождением. В свою очередь социальное сопровождение приёмной семьи представляет собой комплекс мер, способствующих полноценному функционированию семьи, предотвращению возможных проблем, защите прав и интересов детей-сирот и приёмных родителей.

Представленные 2 этапа работы с приёмными семьями являются наиболее общими. Каждый из них представляет собой сложную деятельность, направленную на достижение конкретных целей и задач, от выполнения которых зависит успешное функционирование семьи.

На современном этапе социальной работы, как обучение приёмных родителей, так и дальнейшее социальное сопровождение являются развивающимися отраслями деятельности специалистов в рамках вопроса помощи приёмным семьям. Можно сказать, что успешность и эффективность данной системы во многом зависит от специалистов, задействованных в ней. Деятельность по формированию адекватных взаимоотношений в новой семье, способствованию получению детьми и родителями новых умений и навыков, оказанию помощи в разрешении социальных и психологических трудностей невыполнима без творческого подхода.

Возможно, уже в ближайшем будущем система обучения и патронажа станет более структурированной, стандартизированной, эффективной, а также увлекательной, полезной и максимально разносторонней.

1. Тюпля Л.Т. *Социальная работа с приёмной семьёй*, - Библиотека русских учебников
2. Антонова В.Л. *Социальная работа с различными категориями населения: Учебное пособие* - Якутск: Якутский гос ун-т им М.К. Амосова; Пед ин-т, 2001 - 60 с
3. Бочарова В.Р. *Социально-педагогическая концепция социальной работы в России: проблемы, перспективы* // *Социальная работа* - Вып 6 - М, 1992 - С 11-18
4. *Методические рекомендации социальным работникам по социальному сопровождению приёмных семей* - К, 1999 - 103 с

5. *Социальное становление ребенка в приемной семье: социальное сопровождение: Учеб-метод, пособие / Автор, кол: ЛС Волынец, ФЙ КЕПС- ка, НМ Комарова и др. - М.: Рус ин-т соц исслед, 2000 - 127 с*

СРОЧНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПОЖИЛЫХ МОСКВИЧЕЙ ГРУППЫ «РИСКА».

Корнилова М.В. (Москва)

Согласно Федеральному законодательству в сфере предоставления социальных услуг, в широком смысле слова, под социальным обслуживанием понимается «деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам» [6, ст.3, п.1], где «социальная услуга - действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности» [6, ст.3, п.2].

Главной целью существующего законодательства [1; 5] является регулирование отношений, возникающих в сфере социального обслуживания москвичей для удовлетворения их потребностей в доступном и качественном социальном обслуживании. Одна из основных задач - повышение благосостояния пенсионеров и увеличение охвата граждан старшего поколения социальными услугами.

Эта категория избрана не случайно: в трансформирующемся обществе риск старения населения является фундаментальным социальным риском, угроза которого имеет глобальный характер.

Риск старения населения усиливает нагрузку на институт социальной защиты, формирует основную тенденцию ее развития на ближайшее будущее: разработку стратегии на целевую (а не поголовную и недостаточно контролируемую) систему социального обслуживания населения пожилого возраста.

Система социального обслуживания г. Москвы базируется на работе Территориальных Центров социального обслуживания и их филиалов, охватывающих все районы города. Основу каждого центра составляют: отделения социального обслуживания на дому, отделение дневного пребывания, а также отделение срочного социального обслуживания.

Основными критериями для получения помощи от отделений срочной помощи являются: одиночество (отсутствие родственников, которые могли бы помочь), пожилой возраст и нетрудоспособность (вследствие пожилого возраста и/или наличия определенных заболеваний (инвалидности)). В системе социальной защиты населения г. Москвы критерии: одиночества, пожилого возраста и нетрудоспособности применяются и для включения людей старшего возраста в «группу риска». Есть еще один очень важный аспект – обеспечение безопасности, а точнее критерий уязвимости пожилого человека в отношении возможных противоправных действий к его жизни и имуществу. Таким образом, пожилые люди «группы риска» - это «неработающие, уязвимые в силу одиночества и преклонного возраста граждане, жизнь, здоровье и имущество которых находится под угрозой, источником которой является среда». [4, с. 162]. Следовательно, социальная защита в целом и социальное обслуживание, в частности, должно быть направлено на снижение рискогенности окружающей среды.

Так, согласно информации полученной из базы данных АСИО ЦСО, помощь от отделений срочной помощи в большинстве своем действительно получают одинокие и одинокопроживающие пожилые граждане и инвалиды в виде: одежды, обуви, продуктовых наборов и других предметов первой необходимости. Им также

предоставляется горячее питание, парикмахерские услуги, услуги по комплексной уборке квартир, сангигиены и патронажных санитарно-медицинских услуг. Кроме того, пожилой человек так же вправе рассчитывать на разовую помощь социального работника по покупке и доставке лекарств и продуктов питания на дом, а также доставку технических средств реабилитации автотранспортом Центра. Гуманитарная и благотворительная помощь в первую очередь также оказывается одиноким пенсионерам и инвалидам.

Несмотря на то, что услуги, оказываемые в отделении срочного социального обслуживания можно получить бесплатно, многие одинокие пожилые граждане «группы риска» никогда не пользовались данными услугами.

Сама процедура получения срочных социальных услуг представляет некоторую сложность для пожилого человека. Ведь зачастую, даже для того, чтобы просто обратиться в отделение, написать заявление и предоставить документы пожилому человеку необходимо потратить много сил и времени. А тем, кто обращается впервые, например, для получения вещевой и продуктовой помощи необходимо предоставить большое количество документов из разных ведомств. Кроме того, многие воспринимают как унижение сам факт, что помощь приходится «просить», да и виды получаемых услуг от отделения устраивает не всех. Например, санитарно-гигиенические услуги и уборка квартиры не востребованы среди пожилых «группы риска». Это объясняется довольно просто. Среди них достаточно много так называемых «молодых» пенсионеров, которые могут самостоятельно осуществить гигиенические процедуры, сходить в магазин и аптеку, прибратся в квартире. [4, с. 170 - 172]. По этой же причине среди молодых «пожилых» не востребовано и надомное обслуживание, т.к. многие еще сохранили мобильность и возможность к самообслуживанию.

Поскольку когорта пожилых граждан неоднородна, различаются как потребности, так и типы рисков, в отношении которых они оказываются наиболее уязвимыми. Важным направлением деятельности столичной системы социальной защиты является минимизация характерных рисков для различных групп пожилого населения города, в том числе входящих в «группу риска».

Таким образом, в 2007 году, выделив «группу риска» и прописав нормативы обеспечения безопасности лиц, отнесенных к этой категории - система социальной защиты отреагировала на усиление риска мошеннических действий в отношении одиноких пожилых москвичей. [3, с. 81] Однако риск утраты собственности не единственный социальный риск, характерный для пожилых жителей столицы. Типология основных рисков была выстроена автором на основании оценочных суждений пожилых людей как об условиях их жизни: доходах, состоянии здоровья, доступности медицинского и социального обслуживания и т.д., а также на данных о неопределенности жизненной ситуации: страхах и тревогах, потерях и утратах, потребности в помощи со стороны семьи и государства, отношении к старикам в обществе и т.д. [2, с. 20]. Анализ показал, что основными рисками для пожилых москвичей являются: 1. Бедность и материальное неблагополучие; 2. Ухудшение состояния здоровья, преждевременная смерть; 3. Социальная изолированность (ненужность, отчуждение общества); 4. Утрата родственных связей (одиночество). 5. Деформация норм поведения, различные виды зависимости. 6. Мошеннические и иные противоправные действия. [2, с. 21].

Очевидно, что риск становится неотъемлемым условием жизни пожилого человека, и качество жизни зависит от возможности защититься от существующих рисков. В этом призвана помочь система социальной защиты. Смягчить проблему бедности в столице помогает ежемесячная надбавка к пенсии всем неработающим гражданам старшего возраста и даже некоторым категориям работающих пенсионеров, а так же вещевая и продуктовая помощь, товары длительного пользования, санаторно-курортное лечение и т.д. Это, пожалуй, одно из главных направлений работы системы социальной защиты, хотя эффективность его весьма спорна. Темпы роста стоимости жизни в столице, едва ли могут быть покрыты имеющимися доплатами к пенсии, а существующие социальные

услуги востребованы, как правило, самой «старой» категорией пожилых граждан (средний возраст 80 лет).

Проблему незадействованности и одиночества людей старшего поколения частично помогает решить наличие разнообразных бесплатных кружков и клубов, где есть возможность разделить любимое хобби с себе подобными абсолютно бесплатно.

Кроме того, выделение «группы риска» по одному из возможных ущербов – противоправных действий в отношении пожилых неработающих одиноких москвичей как собственников жилья – в значительной степени себя оправдывает с точки зрения дополнительного направления деятельности института социальной защиты. [3, с. 91]. Пенсионеры стали более бдительны и внимательны к предложениям, разного рода «благодетелей». В этом есть и заслуга социальных работников, которые не только регулярно отслеживают местонахождение пожилых граждан «группы риска», но и консультируют их по вопросам личной безопасности.

Тем не менее, способность пожилых, в частности москвичей адаптироваться к рискам низкая и участие института социальной защиты в процессе их минимизации, как показывают исследования, недостаточное. [3, с. 132]. Выходом из сложившейся ситуации видится пересмотр деятельности системы социальной защиты, с учетом жизненной ситуации разных категорий пожилых москвичей, в частности «группы риска». Предоставляемые социальные услуги должны быть не только доступны для всех категорий пожилого населения столицы, но и востребованы ими. Кроме того, социальная защита должна осуществляться не только исходя из привычных потребностей людей старшего возраста, но и принимать во внимание риски повседневной жизни пожилого человека, субъективно переживаемую неопределенность жизненной ситуации для снижения обусловленной этим уязвимости.

1. Закон города Москвы от 09.07.2008 № 34 «О социальном обслуживании населения и социальной помощи в городе Москве» (с изменениями на 24 декабря 2014 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации <http://docs.c>
2. Корнилова М.В. Институт социальной защиты населения в условиях усиления социальных рисков (на примере социального обслуживания пожилых граждан г. Москвы): Автореферат диссертации ... канд. социол. наук: 22.00.04: Москва, 2012. – 22 с. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Avtoreferat/Avtoreferat_Kornilova.pdf (дата обращения: 13.08.2015).
3. Корнилова М.В. Институт социальной защиты населения в условиях усиления социальных рисков (на примере социального обслуживания пожилых граждан г. Москвы): диссертация ... канд. социол. наук: 22.00.04: Москва. – 216 с.
4. Корнилова М.В. Пожилые люди «группы риска»: понятие, особенности жизненной ситуации и социального обслуживания // Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А.В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 144 – 182.
5. Постановление Правительства Москвы от 26.12.2014 № 829-ПП «О социальном обслуживании граждан в городе Москве» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70739418/> (дата обращения 29).
6. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70452648/#ixzz3hBXIdrBo> (дата обр

СОЦИАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Королева К.Ю. (Белгород)

Становление системы социальной защиты в России происходило в условиях глубочайшего социально-экономического кризиса, который сопровождался радикальной трансформацией базовых институтов общества – социальных, экономических, финансовых, политических и правовых. Возникшая новая система экономических отношений потребовала изменения роли государства в системе социальной защиты населения, а также иных, чем при социальном обеспечении советского образца, форм социальной защиты населения, которые могли бы адекватно отвечать на вызовы кризисного реформирования, обеспечить социальную безопасность и стабильность.

Если в странах Западной Европы, США данные системы формировались на протяжении веков, сам рынок способствовал сохранению и институционализации наиболее эффективных форм и методов социальной защиты, в России в силу специфики исторической, социально-экономической ситуации вся действующая система социальной защиты насаждалась государством сверху, причем в очень сжатые сроки, буквально в течение нескольких лет. Поскольку данная система создавалась на базе модели советского образца, ценности и принципы, лежащие в ее основе, относятся к разным моделям социальной защиты. Пытаясь сохранить социальную стабильность и преодолеть дезинтеграцию общества, реформаторы попытались в одной системе социальной защиты, основанной на дифференцированной модели социальной политики, объединить три разные модели, ориентированные на различные целевые группы.

С учетом социально-адаптационных возможностей для различных социальных групп была взята часть принципов либеральной американской модели, рассчитанной, прежде всего, на приоритетную поддержку беднейших слоев населения и малообеспеченных групп (закон о прожиточном минимуме и пр.). В системе социального страхования в основу легли принципы консервативной модели с целевой группой наемных работников в качестве объекта социальной защиты. Следует отметить условность применения данных принципов, поскольку, по-прежнему значительная часть выплат, которые проходят через систему социального страхования, носят не страховой характер и скорее относятся к сфере социального обеспечения. Например, отдельные виды выплат можно получить, не внося страховые взносы, да и сами фонды социального страхования являются одним из видов государственных организаций. Если в рыночной страховой модели уплаченные взносы и средства фондов являются собственностью фондов и застрахованных лиц, в нашей стране собственником этих средств является государство, которое иногда позволяет себе изымать и использовать данные средства по собственному усмотрению (как например, в случае со страховыми взносами граждан на накопительную часть пенсии в текущем году). Таким образом, принципы социалистической модели, гарантирующей всем равный уровень социальной защиты, основанной на патернализме и вмешательстве государства во все сферы деятельности граждан, прорастает сквозь все действующие формы социальной защиты населения.

В условиях сильной социально-экономической дифференциации общества, как показал опыт нашей страны, социальное обеспечение по социалистическому образцу выполняет, скорее, поляризирующие функции, нежели помогает преодолеть существующие социальные противоречия и согласовать интересы различных групп. Регрессивная шкала налогообложения и взносов на социальное страхование, применяемая в нашей стране, приводит к тому, что самая большая нагрузка ложится на плечи людей со средним достатком, и, фактически, вся система перераспределения доходов в пользу социально уязвимых групп не затрагивает высокодоходные группы населения. Система

пенсионного обеспечения крайне неустойчива и несбалансированна, она экономически не побуждает людей участвовать в формировании пенсий, и судорожные попытки «пожарного» реформирования не дают ощутимых результатов, нужны системные меры. Ситуация, когда один с сошкой (работающий и уплачивающий налоги и взносы со всей зарплаты) обеспечивает семерых с ложкой (граждане трудоспособного возраста, официально не оформляющие трудовых отношений) морально изжила себя. Феномен паразитической новации, описанный П.Штомкой и характерный для всех постсоветских обществ, никуда не исчез из социальных практик. Люди по-прежнему склонны разводить свои личные интересы и интересы государства, что выражается в широко распространенных теневых практиках – уклонении от уплаты налогов и взносов на социальное страхование в том числе. Неудачные попытки сформировать средний класс в нашей стране объясняются, в том числе, и несбалансированной социальной политикой. В результате сложился конгломерат мер социальной защиты, не просто слабо согласующихся между собой, но противоречащих друг другу по ценностям и целям деятельности, что делает систему достаточно дорогой и мало продуктивной, и помимо прочего значительно снижает социальные эффекты от реализуемых мероприятий.

Создать социально привлекательную, интегрирующую различные слои общества стратегию реформирования отрасли социальной защиты пока не удалось. Государственный бюджет не в состоянии нести нагрузку по обеспечению мер социальной защиты самостоятельно. Убедить граждан участвовать в отношениях общественной солидарности (добровольном социальном страховании, дополнительном пенсионном и медицинском страховании) пока тоже не получается в тех объемах, которых требуют современные экономические условия: неоднократно обманутые государством граждане скептически относятся к исходящим от него инициативам. А периодическое использование институтов социальной защиты как инструментов давления на неугодных (например, нашумевшая история с попыткой изъятия детей у правозащитницы Е.С.Чириковой), в условиях несовершенных законодательных инициатив, подрывает доверие граждан к государственным структурам, действующим в сфере социальной защиты. «Забота» становится удушающей и для государства – огромные социальные обязательства замедляют рост экономики, и для граждан, поскольку уравнилительные меры обеспечения укрепляют иждивенческие настроения у социально пассивных категорий населения, и грузом ложатся на тех, кто пытается что-то изменить в своей жизни и жизни других.

В последние годы наблюдаются попытки отхода от патерналистской модели социального обслуживания в направлении либерализации и «рационализации социальной политики» [3, с.114]. О следовании данным приоритетам либеральной (в во многих случаях – ультралиберальной) модели социального обслуживания свидетельствуют реформы последних лет, в том числе принятие законов о монетизации льгот, реформа пенсионного обеспечения, социального страхования, новый закон об основах социального обслуживания населения и пр. «Последовательное осуществление политики, базирующейся на указанных ориентирах, предполагает переход к модели «субсидиарного государства», которое обеспечивает перераспределение социальных расходов в пользу самых уязвимых групп населения при одновременном сокращении социальных трансфертов обеспеченным семьям. При таком подходе граждане, обладающие самостоятельными источниками финансирования социальных потребностей, сами, за счет собственных доходов, должны оплачивать практически все расходы по оплате жилья и коммунальных услуг, а также часть расходов на медицинское обслуживание, образование, пенсионное страхование. В перспективе значительную часть социальных благ этой категории граждан следует предоставлять преимущественно на конкурентной основе через предприятия негосударственных форм собственности» [2]. В данной стратегии развития системы социального обслуживания предусматривается постепенное внедрение элементов стандартизации, которые бы устанавливали основные требования к объему и

качеству социальных услуг, порядку и условиям их оказания, регламентировали процесс документационного сопровождения предоставления социальных услуг.

Деинституционализация социального обслуживания подразумевает не только оптимизацию государственных расходов на социальные программы, но и существенное повышение ответственности бизнес-структур, развитие институтов гражданского общества. Системе социальной защиты «предстоит обеспечить развитие механизмов частно-государственного партнерства, позволяющих объединять средства государства и частных благотворителей, а также привлекать негосударственные организации для совместной разработки и реализации программ сокращения бедности на условиях государственного социального заказа, социальных грантов и в иных формах» [1].

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации как субъекта бюджетного планирования на 2011 год и на период до 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minzdravsoc>
2. Основные направления социально-экономической политики правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу (проект) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000010.htm>
3. Романов П.В., Смиронова Е.Р., Ярская В.Н., Новый социальный менеджмент и реформы российской социальной политики. Мир России. 2008. Т.17. № 3. С.109-131.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Косинцева Ю.Ф. (Ставрополь)

Приоритеты развития российского общества определяют ориентацию системы социальной защиты не только на потребности (заказ) со стороны государства, но и на конкретные интересы семей, местных сообществ, на реальные потребности конкретных потребителей социальных услуг. Деятельность системы социальной защиты должна быть ориентирована не только на работу в соответствии с запросами и требованиями экономики (государственный и региональный заказ), но и на удовлетворение спроса местного сообщества, запроса индивида (социальный заказ). Фактически развитие региональной системы социальной защиты обусловлено балансом государственного, регионального и социального заказа на обеспечение социальной безопасности региона. Соответственно, эффективность управления определяется балансом интересов государства (государственный заказ) и населения (социальный заказ на социальную защиту/поддержку). Поэтому планирование управленческой деятельности в контексте реализации ФЗ № 442 должно опираться на исследование социальной среды и её особенностей, социальных потребностей граждан (социально-медицинских, социально-бытовых, образовательных, коммуникативных и иных), а так же потенциал социальных субъектов (организаций, учреждений, индивидов) – поставщиков социальных услуг.

Принципиальное отличие современной системы социальной защиты состоит в том, что ее активным субъектом стал индивид. В условиях реализации ФЗ №442 выросло число «социальных заказчиков», как фактических, так и потенциальных. Совокупность интересов этих субъектов и представляет собой совокупный социальный заказ на социальную услугу. В свою очередь целенаправленное развитие системы социальной защиты вообще невозможно без создания механизма выявления совокупного социального заказа и выработки баланса интересов социальных заказчиков (поставщиков и потребителей). Изменения в характере, структуре, содержании социального заказа обуславливают необходимость активной позиции учреждений социальной защиты в

процессе его формирования. И поскольку система социальной защиты выстраивается в системе отношения государство-общество-человек, при формировании социального заказа на услугу должны быть сбалансированы интересы каждой из сторон. Кроме того, система социальной защиты должна стать открытой, включать в себя различные существующие и вновь создаваемые структуры (поставщики, партнеры), а управление системой – отражать специфику реальной ситуации, оперативно и адекватно учитывать ее особенности.

В контексте трансформации заказа системе социальной защиты населения необходим мониторинг его формирования (потребностей получателей социальных услуг, ожидания населения) и определения потенциала поставщиков социальных услуг и социального сопровождения. Мониторинг качества услуг позволяет обеспечить результативность и эффективность социального обслуживания отдельных категорий граждан – получателей социальных услуг. Результативность работы безусловно связана и определяется удовлетворенностью получателя социальной услуги. При этом предполагается, что оценка качества социального обслуживания будет реалистичной, если при определении социального заказа приоритетными будут учитываться индивидуальные особенности непосредственной жизненной ситуации (НЖС), что отражается в индивидуальной программе, человеческий потенциал (ресурсы) каждого получателя социальных услуг. Следовательно, многофакторность организации социального обслуживания и сложность социального пространства определяют не только технологизацию социальной поддержки, но и многокритериальность оценки результатов деятельности (как системы в целом, так и социальных субъектов). В свою очередь оценка качества социального обслуживания представляет собой комплексную проблему, связанную с необходимостью выявления места и роли института социальной защиты в социальной практике, результативности организации социальной поддержки населения, а также эффективности деятельности персонала организаций и учреждений системы.

Важно отметить, что социальное обслуживание рассматривается сегодня в различных аспектах: как система мероприятий, осуществляемая специалистами соответствующего профиля по обеспечению выполнения норм закона о социальной защите населения, норм и стандартов социальной поддержки граждан; как социальный процесс взаимодействия специалист социальной работы – потребитель социальных услуг; как процесс изменения образа жизни (НЖС) потребителя услуги (клиента); как процесс управления социальной системой/процессом микро- и мезо уровня (профессиональный коллектив); как процесс выполнения профессиональных обязанностей (функций) социальным субъектом (социальным работником, педагогом, психологом и пр.) в отношении клиента социальной защиты, его НЖС. Здесь термин «ситуация» означает [1] обстановку, положение, систему внешних по отношению к субъекту условий и факторов, побуждающих и опосредующих его активность. Любая конкретная ситуация возникает в результате особого сочетания обстоятельств (факторов внешней среды) и собственных возможностей субъекта деятельности. Немаловажным является и понимание места потребителя социальных услуг как эксперта своей НЖС, возможно не владеющего специальной терминологией, но способного адекватно оценить и представить не только НЖС как таковую, но и условия её формирования и изменения, имеющиеся / необходимые ресурсы и результаты.

В указанном контексте оценка качества социального обслуживания детерминирована позициями, целями и представлениями социальных субъектов - участников. Эта оценка должна быть многосторонней, независимой (минимизация смещения за счет занижения или завышения оценок качества обслуживания); давать некий формализованный ориентир, выявляющий динамику частных и общих состояний социального обслуживания. Соответственно, необходима как интегральная, так и частная (с точки зрения анализа оказанной услуги, выполненных функций) оценка [2]. Такой интегральной системой оценки при организации мониторинга оценки качества социального обслуживания на дому стала оценка удовлетворенности клиентов по

каждому из направлений обслуживания: доступность социальных услуг, регулярность предоставления услуг, набор предоставляемых услуг, отношение персонала, полезность услуг. Интегральная оценка этих показателей позволяет выявить не только динамику социальной услуги, но и определить латентные зоны управления и организации деятельности.

Представленный выше подход был реализован в социологическом исследовании качества социального обслуживания в Грачевском Центре социального обслуживания населения Ставропольского края. Выборка стратифицированная, систематическая, всего 150 респондентов ежегодно (с 2010 г.). Анализ различных аспектов деятельности в оценке получателей социальных услуг показал, что работа учреждения организована на хорошем профессиональном уровне. Стандартный договор на социальное обслуживание и индивидуальная программа достаточно полно отражают нужды и потребности получателей социальных услуг, большинство клиентов легко оформляли / получали новую услугу от социального работника. При общей удовлетворенности доступностью (J удовлетворенности = 0,9425, при J max = 1), полезностью и регулярностью оказания услуг, имеет место некоторое замедление темпа роста интегрального уровня удовлетворенности качеством обслуживания от 0,02 до 0,0015. Последнее связано с наличием очереди на обслуживание и нарушениями графика выполнения работ, поведением социального работника, затруднениями при оформлении документов, повышением требовательности потребителей. Сравнительный анализ динамики результатов многолетнего исследования показал, что организация независимого мониторинга удовлетворенности качеством социального обслуживания позволяет определить эффективность организации системной социальной поддержки граждан. Позволяет не только выявить особенности организации и управления, латентные проблемы, но и повысить результативность и эффективность деятельности системы социальной защиты.

1. *Социальный менеджмент / Под ред. С.Д. Ильенковой. – М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998.*
2. *Косинцева, Ю.Ф. Мониторинг качества жизни населения как инновационная технология определения приоритетов в социальной работе // Теоретико-методологические основы инновационных технологий в социальной работе и образовании: коллективная монография / Под ред. проф. Н.П. Клушиной. – Ставрополь : Альфа Принт, 2014. – 240с*

ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ГРАЖДАН (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НОВОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 442-ФЗ «ОБ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»)

Красильникова А.И. (Нижний Новгород)

С 1 января 2015 года вступил в силу новый Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» №442, который заменил Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 2 августа 1995 года №122 и Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10 декабря 1995 года №195.

Преимуществом нового закона является перспектива социального предпринимательства, где государство будет лишь устанавливать социальные стандарты, а возможность осуществления социального обслуживания будет также доступна индивидуальным предпринимателям и иным юридическим лицам, в том числе

негосударственным коммерческим и некоммерческим организациям. Это, в первую очередь, вызвано загруженностью существующей системы социального обслуживания. Так, по данным Минтруда России, на конец 2014 года в очереди для помещения в учреждения социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов-взрослых состояли 16,0 тыс. человек, в учреждения для детей-инвалидов – 330 детей [1]. Кроме трудностей с нехваткой мест, ученые [2] также выделяют проблему недостатка квалифицированных специалистов и низкое качество обслуживания в государственных учреждениях. По мнению Н.Н. Дорошенко [3], специалист центра социального обслуживания для более качественного предоставления социальных услуг должен обладать правовой базой знаний, располагать знаниями о структуре государственных органов, социальных источников и систем обеспечения, понимать, как функционируют эти системы, специфику их деятельности, какое влияние они оказывают на клиентов и какие законы их регламентируют.

В соответствии с новым Федеральным законом, социальное обслуживание определяется как «...деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам, т.е. действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности» [4], что, по сравнению с понятием в Федеральном законе №195, более точно описывает виды помощи и основную цель социального обслуживания.

Нововведения этим не ограничиваются. Так, гражданин, претендующий на предоставление социальных услуг, должен быть сначала признан нуждающимся в них на основе наличия обстоятельств, закрепленных в статье 15 пункте первом 442-ФЗ, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности. При рассмотрении законопроекта в 2012 году Минздрав настоял на расширении рискованных обстоятельств [5], включив семейную составляющую проблем: наличие в семье ребенка-инвалида или детей-инвалидов, а также детей, испытывающих трудности в социальной адаптации; наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами; наличие насилия в семье.

В новом Федеральном законе большое внимание уделяется защите конфиденциальности, неразглашению информации о получателях социальных услуг лицами, которым эта информация стала известна в связи с исполнением профессиональных, служебных и (или) иных обязанностей. Разглашение информации о получателях социальных услуг, согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, влечет за собой наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей с конфискацией средств защиты информации или без таковой; на должностных лиц - от двух тысяч до трех тысяч рублей с конфискацией средств защиты информации или без таковой; на юридических лиц - от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей с конфискацией средств защиты информации или без таковой [6]. Передача информации о получателе социальных услуг другим лицам, в том числе должностным лицам допускается с согласия получателя социальных услуг или его законного представителя, данного в письменной форме [4].

Подводя итоги, можно выделить существенные плюсы нового ФЗ, такие как: конкретизация содержания и перечня социальных услуг, а также основных прав и обязанностей поставщиков и получателей социальных услуг; особый упор делается на профилактику нуждаемости граждан в социальном обслуживании, вводится понятие социального сопровождения; представлен перечень срочных социальных услуг, которые могут оказываться в неотложных ситуациях; ограничивается предельный размер платы за социальные услуги, вводится принцип адресности оплаты за социальные услуги – т.е. зависимость от уровня среднедушевого дохода граждан, при этом закрепляется, что новые

условия получения социальных услуг не ухудшат положение тех, кто имеет право на их получение в настоящее время.

Тем не менее, многие исследователи [7] также говорят о минусах закона, наиболее существенными, по их мнению, являются: недоработанность системы социального сопровождения, кто и по каким критериям будет определять необходимость предоставления гражданам такой помощи, в законе не установлено; в законе не сказано, что для подачи заявления требуется согласие получателя социальных услуг лицам его представляющим; понятие трудной жизненной ситуации как универсального критерия отнесения людей к нуждающимся в социальном обслуживании исключено; не конкретизировано понятие срочных социальных услуг. Закрепление семейного неблагополучия как обстоятельства, признающего гражданина нуждающимся в социальном обслуживании, имеет обратную сторону, т.е. делает возможным вмешательство государства в частную жизнь семьи иногда без веских на то причин, так как в некоторых пунктах статьи не раскрывается суть испытываемых в семье проблем, например, это касается пункта о трудностях адаптации ребенка. Здесь ставится под сомнение соблюдение конституционного права защиты семьи и воспитания детей, права на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну [8].

В заключение, можно сказать, что, несмотря на наличие отрицательных сторон закона, ФЗ №442 направлен на становление и дальнейшее развитие рынка социальных услуг с возможностью привлечения коммерческих и некоммерческих организаций для расширения и оптимизации системы социального обслуживания населения.

1. *Официальная статистика стационарных учреждений социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых и детей). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/di*
2. *Гусейнов Э.К. Проблемы привлечения частного некоммерческого сектора в систему социального обслуживания населения / Э.К. Гусейнов, А.М. Малинин // Вестник Российской академии естественных наук. – 2013. – №17(4). – С.128-130*
3. *Дорошенко Н.Н. Социальное обслуживание в реализации социальной политики государства / Н.Н. Дорошенко // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С.1-8*
4. *Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (в ред. от 21.07.2014). – ст.3 / Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>*
5. *Минздрав включил семьи алкоголиков и наркоманов в законопроект о соцобеспечении / Интернет-издание Медновости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2012/05/15/social/> (дата обращения: 03.10.15)*
6. *Кодекс российской федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014). – Глава 13, ст. 13.13 пункт 1 / Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс].*
7. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31*
8. *Кручинин В.Н. Правое регулирование социального обслуживания населения на основе анализа Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» / В.Н. Кручинин // Правовая реформа: проблемы теории и практики госуда*

ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Крайнова О.С., Божичко П.Ф. (Санкт-Петербург)

Разработка методов работы с конфликтами в молодёжной среде является важной, так как молодёжь наиболее остро реагирует на ситуации конфликта, зачастую оказываясь сильно втянутой в противостояние. Важно ещё в школьном возрасте развивать навыки конструктивного поведения в ситуации конфликта.

Особую значимость приобретает развитие компетентности в разрешении конфликтов в свете принятого Федерального закона N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" от 29 декабря 2012. Согласно статье 45 данного закона, участники образовательных отношений имеют право обратиться за помощью в разрешении конфликта в конфликтную комиссию. Однако большинство подобных образований не владеют даже минимальными знаниями в области конфликтологии и, как следствие, не могут обеспечить эффективную работу с конфликтом. Как показала практика, основным методом разрешения конфликтов в среде молодёжи являются взрослые, которые ограничиваются внушениями или наказанием «виновных». Вполне закономерным является то, что молодые люди предпочитают не обращаться за помощью в ситуации конфликта к взрослым. Согласно результатам проведенного нами опроса в 2014 году, 60% молодых людей предпочли бы обратиться за помощью к сверстнику. Следовательно, необходимо развивать у молодых людей навыки работы с конфликтом, так как некомпетентное вмешательство может только усугубить конфликт.

При выявлении конфликтологической компетентности молодёжи мы руководствовались следующей гипотезой:

Конфликты влияют на социально-психологический климат в классе и школе и на уровень психологической безопасности, следовательно, изменение этих показателей может свидетельствовать об изменении уровня конфликтности.

Для выявления конфликтологической компетентности молодёжи в начале учебного года было проведено исследование социально-психологического климата в школах, в которых впоследствии реализовывалась программа обучения компетентному поведению в конфликте. Для оценки использовалась экспресс-методика выявления социально-психологического климата учебного коллектива и методика И.А. Баевой на выявление безопасности образовательной среды. Был выявлен высокий уровень психологической безопасности образовательной среды (3,7), но в то же время были получены ответы, указывающие на отсутствие защищенности от оскорблений (как учителей, так и одноклассников), высмеивания, угроз, игнорирования, неуважительного отношения одноклассников. Оказалось, что при благоприятной в целом социально-психологической атмосфере в школе, существуют определенные проблемы, требующие решения для улучшения уровня социально-психологического комфорта обучающихся.

Для оценки конфликтологической компетентности были использованы следующие методы: анкетный опрос, позволяющий выявить когнитивный, рефлексивный и регулятивный компоненты конфликтологической компетентности; тест Томаса-Килмена определяющий доминирующую модель поведения в конфликте; и тест фрустрационных реакций по методике Розенцвейга, который позволил определить креативность, мотивацию, и эмоционально-волевые элементы регулятивного компонента конфликтологической компетентности.

Анализ конфликтологической компетентности по результатам опроса выявил низкий уровень развития когнитивного компонента. Молодые люди представляют себе феномен конфликта лишь в общих чертах, выделяют, в основном, негативные функции

конфликта, основным способом поведения выбирают стратегию ухода, что отражает пропагандируемую в школах норму «бесконфликтного поведения». Кроме того, молодые люди, в большинстве своем, не слышали о таких методах работы с конфликтом как медиация и конфликтологическое консультирование.

У молодежи присутствует мотивационный компонент, т.к. молодые люди готовы обучаться технологиям работы с конфликтом, готовы осваивать новые стратегии поведения в конфликте. Это получено и в результатах теста Томаса-Килмена, т.е.. большинство молодых людей в качестве основной стратегии поведения в конфликте выбрало стратегию компромисса. Об этом свидетельствуют и результаты теста фрустрационных реакций Розенцвейга, в которых основным типом реакции являлась экстрапунитивная эго-защитная реакция.

Регулятивный компонент выражен слабо, о чем свидетельствуют результаты опроса по тесту Розенцвейга. В основном, молодые люди, реагируя на предложенные ситуации, использовали агрессивный и пассивный стили поведения. Нередки были случаи прямых угроз оппоненту и словесных оскорблений, включающих в себя, в том числе, обценную лексику.

Наблюдение за взаимодействием молодых людей в ходе совместной деятельности выявил проблемы коммуникации, которые проявлялись в виде словесных оскорблений оппонента, шуточных и полшуточных угроз в его адрес, физическое воздействие. На наш взгляд, данный вид коммуникации провоцирует возникновение латентных, новых конфликтов или обостряет уже существующие.

Таким образом, конфликтологическая компетентность исследуемой группы молодёжи выражена слабо и существует необходимость в её изменении.

Нами была разработана программа дополнительного образования, направленная на обучение молодых людей компетентному поведению в конфликте. Целью данной образовательной программы являлось формирование конфликтологической компетентности обучающихся. Программа состояла из нескольких блоков: обще-теоретического, направленного на развитие когнитивной, рефлексивной и регулятивной компоненты конфликтологической компетентности; обучения методу конфликтологического консультирования, и обучения основам медиации.

По окончании учебного года вновь было проведено тестирование по тому же набору методик, что и в начале года. Одной из наших гипотез было то, что, несмотря на то, что большая часть опрошиваемых не посещала наши занятия, изменение социально-психологического климата школ и изменение уровня компетентности должно было произойти посредством трансляции опыта. Следует сказать, что школы, которые мы изучали, располагаются в поселках и из-за небольшого количества учеников, взаимодействие между ними теснее, чем в городских школах. Таким образом, те, кто посещал занятия, могли оказывать влияние на оставшуюся часть коллектива.

Данные, полученные нами в результате исследования, свидетельствуют о некотором изменении уровня психологической безопасности (индекс психологической безопасности стал равен 3,87)

Уровень развития когнитивного компонента также повысился, несмотря на то, что эти изменения не слишком заметны на первый взгляд. Молодые люди стали понимать конфликт более объемно, выделяя как позитивные, так и негативные стороны, узнали о методах конфликтологического консультирования и медиации. Кроме того, некоторые из тех, кто посещал занятия, захотели воспользоваться услугами службы конфликтологического консультирования СПбГУ для решения конфликтов в семье и личных конфликтов. Результаты теста Розенцвейга свидетельствуют о небольших изменениях регулятивного компонента. Повысилось количество людей, использующих асертивный стиль поведения, снизилось количество угроз в адрес оппонента, самообвинений. Также снизилось количество случаев употребления обценной лексики, использования физического воздействия, словесных оскорблений, повысилось количество

использования «я-высказываний». Также наблюдался эффект переноса полученных навыков, так как некоторые из молодых людей, не участвовавших в программе, также употребляли «я-высказывания» и активное слушание в ходе коммуникации. Таким образом, проведенное нами исследование показало, что обучение конструктивному поведению в конфликте повышает уровень конфликтологической компетентности молодых людей. Появилось понимание, что деструктивно развивающийся конфликт обходится «дороже», чем вовремя и конструктивно разрешенный.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С СЕМЬЕЙ В СОСТОЯНИИ ПОСЛЕ РАЗВОДА

Кузьменкова А.А. (Санкт-Петербург)

Среди социальной работы одним из актуальных направлений является работа с неполными семьями. Мир стремительно меняется, происходят трансформации в общении, в жизненном укладе, традициях, а так же в семейных отношениях. По данным Федеральной службы государственной статистики за последние полвека количество разводов увеличилось в 2,5 раза (в 1960 году 1,5 на 1000 населения, тогда как в 2010 4,5 на 1000 населения).[1] Эта цифра имеет значение - развод меняет жизнь не только пары, но и их детей. Данная ситуация влияет на социальную работу, так как работа с неполными семьями, в особенности с детьми, пережившими развод, имеет особую специфику.

По мнению большинства исследователей, разрыв родителей – сильный стресс в жизни ребенка, а так же толчок для развития в его поведении и психологии отклонений.[2]

В современной России социальная работа с «детьми развода» строится на нормативно-правовой базе, которую можно представить как совокупность правовых документов, отражающих четыре уровня субъектов их издания и определяющих социально-правовой статус данных детей, а так же порядок разрешения споров и проблем помощи нуждающимся.

Уровни:

- международный,
- внутригосударственных юридических актов,
- исполнительных актов регионального значения,
- муниципальных актов городского и районного значения.

В затронутой сфере необходимо постоянное развитие. Инновационные процессы в данном направлении формируются из особенностей семьи как социального института, малой социальной группы и системы. Главная особенность состоит в том, что каждая семья и ее отдельные члены индивидуальны и неповторимы. От того, насколько при организации социальной работы с семьей учитываются особенности семей, зависит способствование или препятствование инновационным процессам (следует учитывать так же такие факторы, как психологические, социальные, экономические, коммуникативные и т.д.). [2] При разработке и внедрении инновационных форм и технологий работы необходимо учитывать, что добиться максимальных результатов от профилактических и компенсационных мер можно, устранив все факторы негативного влияния развода на ребенка как внутри семьи, так и со стороны окружения. Поэтому объектами социальной работы должны быть семьи в предразводной ситуации; семьи на этапе бракоразводного процесса, семьи, которые при помощи специалистов сохранены; семьи в постразводных период, социальное окружение семьи и детей, столкнувшихся с проблемой развода.[2]

Следует развивать данное направление в новых социально – экономических условиях. Такое явление, как распад семьи неизбежно, но у нас есть возможность смягчить его последствия для каждого человека и , особенно , для общества в целом.

1. Камышова Л.И., (Кузнецова)Е.В Савинов Социальная работа с детьми в семьях разведенных родителей: Учебное пособие, 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Дашков и К, 2012 г.
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСУЖДЕННЫХ И СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ, ОПРОС ОСУЖДЕННЫХ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Куликова А.А., Чебан Е.Ю. (Нижний Новгород)

Современный мир не стоит на месте и теперь даже в условиях заключения осужденные могут выходить в интернет. По результатам мониторинга сети Интернет был обнаружен интересный сайт знакомств для заключенных. Хотят пообщаться там не только заключенные, но и лица, уже освободившиеся из мест лишения свободы. На сайте они размещают свои анкеты с небольшой информацией о себе и о том, с кем хотят завязать знакомства. Для получения более полной информации пришла идея зарегистрироваться на данном сайте и пообщаться с заключенными.

В ходе этого исследования было предложено рассказать о себе 10 респондентам, мужчинам и женщинам разного возраста. Общение проходило в произвольной форме, в виде опроса. Сроки проведения: март 2015 г.

Вопросы были следующими:

- Ваш возраст?
- Расскажите немного о себе и своей семье?
- Какое преступление вы совершили?
- Чего вам не хватает в местах лишения свободы больше всего?
- Какие у вас планы на будущее?

В итоге удалось пообщаться с 8 респондентами, которые оказались весьма общительны и рассказали свои истории и их взаимодействие с социальными работниками:

«Я родилась и выросла на Кубани в Краснодарском крае, в полной, хорошей семье и, поэтому семейные отношения в моей жизни на первом месте. Находясь даже в таком месте, как колония, не потеряла жизненного стимула, и окружающие любят мою улыбку. Но, даже находясь здесь, мне хотелось бы тепла, заботы, взаимопонимания, поддержки и, в конце концов, любви! Большой, чистой, искренней! Хотелось бы найти мужчину, который может быть, тоже пережил в жизни душевные переживания, и его не испугает, что я нахожусь в МЛС» (Ж,40).

«Все свои годы до 20 лет я прожил в столице нашей Родины. В 20 лет меня посадили за преступления, относящиеся к тяжким и особо тяжким. Все мои преступления были совершены за 4 месяца. До этого я не имел претензий со стороны милиции. Причины совершения преступлений были, но это отдельная история. Осужден по ст. 105, 112, 158, 162 на 25 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Сказать, что я раскаиваюсь, - это практически ничего не сказать. Все намного глубже, шире и значительнее, в особенности, для меня и моего внутреннего мира. На данный момент я отбыл 12 лет и впереди еще немало, тем не менее, жизнь продолжается»(М,32).

Есть и совсем молодые ребята, которым нет и 20 лет.

Исходя из общения с заключенными, можно проследить, что они нуждаются в общении с теми, кто находится на воле, очень важна поддержка близких людей. Многие отмечают, что им не хватает подготовки к адаптации для реальной жизни, после

нескольких лет заключения. Отсюда и повторные правонарушения. В связи с этим возрастает роль социального работника в исправительном учреждении для исправления личности осужденных.

Главным этапом взаимодействия клиента и специалиста по социальной работе является помощь в адаптации и умении строить жизнь после выхода на свободу. Социальному работнику необходимо составить индивидуальную программу адаптации, исходя из личностных особенностей каждого осужденного. Деятельность строится на комплексном взаимодействии таких специалистов, как юристы, психологи, социальные работники. Специалисты по социальной работе помогают адаптироваться к условиям заключения, восстановить утерянные родственные связи. Психологи помогают обрести внутреннюю гармонию, повысить самооценку, разобрать ситуацию, по которой было совершено преступление. Занятия трудовой деятельностью, участие в общественной жизни исправительного учреждения также благоприятно сказываются на самочувствии и исправлении личности осужденного.

Но, что удивительно, большинство заключенных с оптимизмом и надеждой смотрит в будущее, не ставит на себе крест, а те, у кого не было семьи, хотят ее создать в условиях заключения или после выхода на волю:

«По освобождении, собираюсь обустроить свою личную жизнь, жениться, растить детей. Просто жить, забыв о прошлом» (М,23).

«Я очень молод, но я прошёл через многое и всё равно надеюсь на лучшее»(М,24).

Большая часть заключенных пишут, что они многое переосмыслили в условиях заключения, и, когда выйдут на волю, начнут жизнь заново, построят семью и будут работать.

Но общество с трудом принимает преступников, даже если они и исправятся. Они могут начать новую жизнь, пойти работать, построить семью и уехать туда, где о них никто не знает. Но многие отмечали, что им было мало проводимой работы со специалистами по социальной работе, с психологами, что не хватает знаний о том, какие права у них есть после выхода на свободу. Также сообщали, что подготовка к адаптации носит временный характер, когда изначально ты хочешь исправиться, но время, проведенное в исправительном учреждении накладывает отпечаток на дальнейшую жизнь.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Лазуренко Н.В., Нифонтова В.А. (Белгород)

Проблемы социальной поддержки многодетных семей авторами рассматриваются на примере Шебекинского муниципального района Белгородской области.

В Шебекинском муниципальном районе проживает 91123 человек (по состоянию на 1 января 2015 года). В последние годы наблюдается небольшое увеличение количества многодетных семей: если в 2007 их было 539, в 2013 году – 586, то в 2015 году – 646 семей. В УСЗН администрации Шебекинского района состоит на учете 646 многодетных семей, в которых воспитывается 2111 ребенок.

Нами проведено социологическое исследование, целью которого стало выявление проблем социальной поддержки многодетных семей на территории муниципалитета. Сроки проведения исследования: апрель 2015г. – май 2015г. Выборочная совокупность определялась посредством гнездовой, квотной, целенаправленной выборки. В качестве

квотных критериев выборки использовались признаки пола, возраста, образования, семейного положения (для семей); возраста, стажа работы (специалистов УСЗН).

Анализ проблем многодетных семей в Шебекинском районе выявил следующее: как массовый опрос, так и опрос специалистов показал, что наиболее характерные проблемы, присущие многодетным – незнание своих социальных льгот и прав как членов многодетных семей, неумение найти для семьи дополнительный заработок, низкая материальная обеспеченность и жилищная проблема.

Семьям задавался вопрос «Выделите наиболее значимые для Вас проблемы». Выявлено, что наиболее значимые проблемы у многодетных семей материальные (78,4%), жилищные (59,5%), социально-трудовые и медицинские (по 24,3%), а вот психологические, социально-педагогические и проблема организации и проведения досуга волнует всего по 5,4% респондентов.

В социологическом опросе большое внимание уделялось вопросу о том, какая поддержка необходима многодетной семье. В первую очередь необходима материальная, в ней нуждаются 94,6% семей, в юридической (правовой) – 48,9%, в улучшении жилищных условий – 10,8%, в педагогической – 8,1%, в психологической – 5,4%, в трудоустройстве – всего 2,7% респондентов. 90% опрошенных указали на то, что необходимо создавать постоянно функционирующие службы социально-правовой поддержки многодетных семей. В вопрос о нуждаемости не входил ответ (закрытый вопрос) об улучшении жилищных условий, видимо, поэтому получился столь низкий процент (10,8%), и респонденты отнесли его к категории материальной помощи.

Следующий вопрос «Какие проблемы в жизни района вызывают у Вас наибольшую тревогу?» выявил, что наибольшую тревогу многодетные семьи испытывают по поводу образования и воспитания детей, жилья и состояния здравоохранения.

Круг проблем, с которыми сталкиваются многодетные семьи, весьма широк и разнообразен. Для того чтобы оказать им реальную помощь, нужно, во-первых, выявить эти семьи и их проблемы, а во-вторых, определить очередность их решения в соответствии со степенью актуальности для каждой конкретной семьи. На вопрос «Кто должен, на Ваш взгляд оказывать в первую очередь поддержку многодетной семье?» многодетные родители ответили следующим образом: в первую очередь помощь должны оказывать местные органы власти (61,1%), государство (47,2%) и социальные службы (19,4%). При этом многодетные семьи не рассчитывают на помощь со стороны данных субъектов социальной защиты, и это подтверждается ответом на вопрос «От чего, на Ваш взгляд, сегодня в большей степени зависит Ваше личное благополучие и благополучие членов Вашей семьи?». Благополучие семьи, по мнению респондентов зависит, прежде всего, от собственных усилий и активности (75,7%), от деятельности государства и местных органов власти (по 8,1%), от случая удачи (5,4%) и от имеющихся связей и знакомств (5,4%).

В связи с предыдущим вопросом мы выяснили, что же мешает реализации более эффективной социальной политики в отношении многодетных семей по мнению самих многодетных родителей и по мнению специалистов УСЗН. Многодетные семьи считают, что это, прежде всего дефицит финансовых средств и недостаточная информированность, а вот специалисты на первое место ставят отсутствие эффективных социальных технологий, затем идет низкая активность самих граждан в решении многих социальных проблем, и, наконец, низкая эффективность управления социальными процессами со стороны местных органов власти.

Таким образом, ответственность за неэффективную политику многодетные семьи возлагают на государство и местные органы власти (патерналистское отношение), а специалисты на отсутствие эффективных социальных технологий и иждивенческое отношение самих граждан. При этом на удовлетворенность уровнем социальной поддержки указали 43,2% многодетных родителей, не удовлетворены уровнем социальной поддержки 27%, и затруднились ответить 29,7%, возможно, те, кто затруднился ответить,

не указали на отрицательный ответ, так как опрос проводился в стенах управления. Косвенно, на это также может указывать оценка эффективности деятельности органов власти и социальных служб в решении проблем многодетных семей – 29,5% многодетных родителей дали низкую оценку, 20,5% – высокую, и 50% – среднюю. Что касается специалистов, на эффективность в поддержке многодетных семей социальными службами указали 43,8%, еще 50,1% указали на неэффективность такой поддержки.

В дополнение к предыдущему специалистам был задан вопрос «Считаете ли Вы достаточно разработанной нормативно-правовую базу в отношении многодетных семей?». Положительно ответило 31,2% специалистов. Нами задавался вопрос «Удовлетворены ли Вы уровнем поддержки, оказываемой Вам?». В результате выявлено, что семьи удовлетворены всего в 38% случаев.

Результаты ответа на вопрос «Оперативно ли решаются ваши проблемы?»: оперативно (51%), не оперативно (33%). По мнению специалистов, основными направлениями социальной поддержки многодетных семей в районе, являются: социально-экономическая (62,5%), социально-психологическая поддержка (25%), социально-правовая поддержка (12,5%), социально-медицинская поддержка (6,3%). При этом чаще всего многодетным оказываются следующие формы помощи: социальная (68,8%), психологическая (43,7%) и материальная (12,5%).

Результаты ответов на вопрос об эффективности проводимых мероприятий в отношении многодетных семей: содействие в разрешении проблем ребенка, оказавшегося в социально-опасном положении – 98%, содействие в устройстве в учреждения здравоохранения – 74%, контроль над ситуацией в семьях, состоящих на учете – 31% социально-правовая помощь – 24%, информирование населения – 23%, оказание материальной помощи и социально-педагогические беседы с родителями – по 18%.

Наиболее часто оказываемыми социально-правовыми услугами в УСЗН являются: консультирование (87%) и помощь в оформлении документов (48%).

На основании опроса сформулированы приоритетные меры, необходимые для улучшения социальной поддержки многодетных семей: создание единой социальной программы по работе с многодетными семьями; внедрение новых социальных технологий; совершенствование социально-правового консультирования.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ДЛЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В РИСКЕ РАЗЛУЧЕНИЯ: ПОТРЕБНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Легостаева Н.И. (Петрозаводск)

Проблема изучения качества социальных услуг, предоставляемых различным категориям населения, очень сложна и неоднозначна. Тем не менее, оценка качества услуг и их соответствия потребностям получателей становится одним из приоритетов сферы социального обслуживания и поддержки населения.

С января 2015 года вступил в силу ФЗ РФ от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», целью которого становится повышение качества, доступности и безопасности социального обслуживания. В Пояснительной записке к проекту Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» отмечено, что существующая модель организации социального обслуживания населения, не позволяет в настоящее время в полной мере удовлетворить потребности населения в социальных услугах высокого качества [8]. Законодательная и нормативно-правовая базы на федеральном и региональном уровнях расширились в части решения вопросов, связанных с оценкой

качества предоставляемых социальных услуг: ФЗ РФ от 21 июля 2014 г. N 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования», Постановление Правительства РФ от 30 марта 2013 года № 286 «О формировании независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги», Распоряжение Правительства РФ от 30 марта 2013 года № 487-р «О плане мероприятий по формированию независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, на 2013-2015 гг.», Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РК от 31 декабря 2014 г. № 2525 «Об утверждении порядка предоставления социальных услуг несовершеннолетним гражданам – получателям социальных услуг поставщиками социальных услуг в Республике Карелия». Эта оценка относится и к ситуации в Республике Карелия.

В фокусе исследования находились семьи в риске разлучения с детьми. Исследование услуг, предоставляемых семьям, становится еще более актуальным в связи с принятием Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 [9].

Однако, несмотря на принимаемые меры по улучшению положения семей с детьми, в Республике Карелия остаются нерешенными проблемы по повышению эффективности профилактической работы с семьями, находящимися в социально опасном положении, что ведет к росту семейного неблагополучия, в том числе связанного с утратой социальных связей, различных проявлений жестокого обращения, к увеличению числа граждан, лишенных родительских прав и распространению социального сиротства, - отмечено в государственной программе РК «Социальная поддержка граждан в Республике Карелия» [3]

Так, на 1 июня 2014 года на учете в государственном банке числилось 101 тыс. детей-сирот [11].

Доля детей без родительского попечения в РК в 2012 году на 100 000 детского населения составила 3 000, что превысило показатель по РФ – 2 478 детей без родительского попечения на 100 000 детского населения [10].

В связи с проблемной ситуацией в РК в рамках проекта «В лучших интересах детей Республики Карелия» (контракт 2013/312 – 611) при поддержке Министерства здравоохранения и социального развития РК было проведено исследование потребностей семей с детьми в социально опасном положении с тем, чтобы составить муниципальные планы развития новых услуг, соответствующих запросам населения [2,7].

Соответствие предоставляемых услуг потребностям получателей услуг изучалось в марте-апреле 2014 года. Исследование проводилось специалистами Карельской региональной общественной организации «Служба социальной реабилитации и поддержки «Возрождение» и экспертами автономной некоммерческой организации «Центр развития инновационных социальных услуг «Партнерство каждому ребенку» во всех районах РК.

Как уже отмечалось выше, целью исследования стало изучение потребностей детей и семей с детьми для планирования социально-ориентированных услуг для детей и семей, находящихся в риске утраты родительского попечения.

Гипотеза исследования строилась на предположении о том, что социальные услуги, существующие в муниципальных районах РК, не всегда соответствуют потребностям целевой группы, которой они предоставляются, что не позволяет улучшить положение семей с детьми.

Для получения более объективных результатов в исследовании применялись как количественные, так и качественные методы. Для сбора статистических данных за 2011 – 2013 г.г. был использован вопросник «Анализ потребностей детей и семей региона», таблица характеристик семейного окружения и факторов, повлиявших на разлучение ребенка с семьей. Полученная информация уточнялась на фокус-группах и во время

интервью с чиновниками местных администраций. Всего в 2 городах и 16 муниципальных районах РК было проведено 147 фокус-групп и 18 полустандартизированных интервью с участием 1222 человек. В это число вошли различные категории получателей услуг: родители, ограниченные в родительских правах, лишенные родительских прав, восстановленные в родительских правах, привлеченные к административной ответственности по Ст. 5.35 КоАП РФ, приемные родители, родственники-опекуны, родители детей с ограниченными возможностями здоровья, родители в социально опасном положении, дети, проживающие в детских домах, в приемных семьях, дети, находящиеся под опекой родственников, выпускники детских домов, дети с ограниченными возможностями здоровья, условно осужденные подростки. Во всех районах были проведены фокус-группы со специалистами, предоставляющими услуги: специалистами органов опеки и попечительства, КДН и ЗП, социальными педагогами школ и центров социальной работы, т.п.

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе проведения фокус-групп, позволил увидеть несоответствие потребностей целевых групп исследования услугам, которые они имеют возможность получить в настоящее время (Таблица 1).

Таблица 1. Несоответствие потребностей целевой группы и предоставляемых услуг

Целевая группа	Потребности в услугах	Получаемые услуги
Ребенок в ТЖС, 15 л.	«Не могу сосредоточиться на учебе».	«Психолог дает мне тесты, не беседует со мной».
Ребенок в ТЖС, 15 л.	«У меня трудности со своим мальчиком, деремся, украла в магазине косметику».	«Специалисты КДН не помогли мне и моему парню, он тоже стоит на комиссии».
Ребенок, проживающий в детском доме, 14 лет	«Нужен взрослый, с которым можно поговорить, решить проблемы в будущем, воспитатели не понимают меня».	«Нам дают билеты на концерты, соревнования, цирк, мы ходим на рисование, массаж».
Родственник-опекун, 43 года	Бесплатная юридическая и психологическая поддержка.	Материальное пособие на ребенка.
Приемный родитель, 35 лет	Семейные занятия со специалистами	Служба по семейным формам устройства: обучение приемных родителей, выезд в семьи, диагностика детей, мониторинг приемных родителей.
Родитель в трудной жизненной ситуации ТЖС), 28 лет	Необходима педагогическая и психологическая поддержка родителей в школе	Услуги логопеда и социального педагога в школе.
Родитель ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), 47 лет.	Потребность в выездах специалистов Центра социального обслуживания населения (ЦСОН) в районы для работы с детьми с ОВЗ. Дефицит психологической поддержки для родителей детей с ОВЗ в удаленных поселениях, потребность в выездных специалистах.	Массаж, дефектолог, инструктор по лечебной физкультуре в ЦСОН в отделении реабилитации детей с ОВЗ.
Родитель, лишенный родительских прав, 34 года	Необходим семейный психолог	Отсутствуют услуги для родителей, лишенных родительских прав.

Родитель ребенка с ОВЗ, 32 года	Необходима психологическая и медицинская поддержка специалистов, когда у родителей рождается ребенок с ОВЗ.	Отсутствуют услуги по профилактике ранних отказов от детей с ОВЗ.
Родитель в ТЖС, 25 лет	Потребность в общении с другими родителями в группе равных	Социальный патронаж семьи специалистом по социальной работе, мотивирование родителей по трудоустройству специалистом по социальной работе.

Весь полученный массив информации был проанализирован и оформлен в 18 муниципальных аналитических отчетов с рекомендациями по развитию новых социальных услуг, направленных на поддержку семьи [4]. Услуги, в которых нуждаются специалисты и семьи в социально опасном положении в муниципальных районах РК:

- предоставление временного жилья с пакетом социально-психологических услуг женщинам с детьми, а также беременным женщинам, пострадавшим от насилия;
- предоставление временного жилья с пакетом социально-педагогических и социально-психологических услуг детям и подросткам, пострадавшим от жестокого обращения и находящимся в кризисной ситуации;
- услуги по раннему выявлению неблагополучия детей от 0-3 лет;
- услуги по формированию реабилитационной среды для семей с детьми в социально опасном положении, а также для опекунов и приемных родителей (семейные клубы в муниципальных районах);
- обязательное посещение курсов по формированию ответственного родительства и общественные работы для родителей, состоящих на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП);
- услуги по системному повышению квалификации специалистов по социальной работе, социальных работников, специалистов органов опеки и попечительства, КДНиЗП, работающих с родителями и детьми в риске разлучения;
- межведомственное взаимодействие специалистов, работающих в сфере профилактики социального сиротства;
- единый инструмент оценки потребностей ребенка и родителей в социально опасном положении;
- предоставление социально-психологических, социально-педагогических, социально-правовых услуг родителям, ограниченным или лишенным родительских прав;
- услуги мобильной бригады специалистов (психологи, юристы, медицинские работники, специалисты центра занятости и др.) в удаленные поселения Республики Карелия;
- услуги профессиональных замещающих семей на время кризисной ситуации у родителей с детьми в социально опасном положении;
- услуги по развитию волонтерства в местном сообществе;
- услуги по организации реабилитационного отдыха для родителей детей с ограниченными возможностями здоровья;
- услуги профессиональной няни для детей с ограниченными возможностями здоровья;
- услуги по оплате медицинской комиссии при устройстве малоимущих родителей на работу и др.

Результаты исследования показали, что не во всех районах происходит увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей. Однако доля числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (с учетом усыновленных) остается на высоком уровне, опережая во многих районах показатели по РФ, а также поток детей в

год – это те дети, которые нуждаются в услугах по реинтеграции в семьи, кризисного вмешательства и услугах по сопровождению. Во всех районах был выявлен свой перечень услуг, в которых нуждаются как специалисты, так и семьи, находящиеся в социально опасном положении, но все районы одинаково нуждаются в эффективной системе межведомственного взаимодействия, единой форме оценки потребностей семей с детьми, в услугах по раннему выявлению семейного неблагополучия, услугах кризисного вмешательства, услугах по работе с родителями, ограниченными в родительских правах и лишенным родительских прав, услугах по подготовке профессиональных замещающих семей, а также потребность в повышении квалификации и распространении новых методов работы среди специалистов образования, здравоохранения и социальных служб.

Среди участников фокус-групп были категории родителей, ограниченных в родительских правах или лишенных родительских прав. Развитие программ и услуг для этой группы в целях восстановления в родительских правах и возвращения ребенка в биологическую семью является одним из приоритетных направлений государственной семейной политики РФ на период до 2025 г. Тем не менее, таких программ и услуг, по мнению самих родителей, на сегодняшний день явно не хватает.

В подтверждение приведем примеры некоторых высказываний, полученных на фокус-группах:

- *«Есть сильные люди, а есть слабые, нужна помощь слабому, но ее нет»* (родитель, восстановленный в родительских правах)

«Меня хотел муж ограничить в правах, но у него не получилось, мне никто не помогал в этот период, мне очень нужна была психологическая поддержка» (родитель в социально опасном положении)

- *«Опека должна лучше опекать своих подопечных, должна отслеживать судьбу опекаемого ребенка после выпуска из 9 класса, вести случай по месту пребывания/по месту учебы, сопровождение»* (родственник-опекун).

- *«В комиссии только штрафуют родителей и запрещают, но настоящей помощи мы не видели»* (родитель в социально опасном положении).

Таким образом, можно говорить о том, что при работе с семьями в социально опасном положении используются, в основном, мало эффективные методы, направленные, скорее, на подавление и запреты, нежели на поддержку семьи.

Это же подтверждает и мнение руководителей и специалистов муниципальных районов.

Из интервью с чиновником одного из муниципальных районов: *«...Сейчас мы поменяли тенденцию, идем на определенные жесткие меры, идем на ограничения, и система ограничения дает положительные результаты... мы стали жестче относиться к этим семьям, не могу сказать, что это мера профилактики, но она срабатывает... с молодыми семьями так можно работать».*

Таким образом, исследование позволило выявить болевые точки системы работы с семьями в социально опасном положении и наметить пути совершенствования этой системы, исходя из потребностей семьи и ребенка. Другим важным выводом, полученным в ходе проведения исследования, стало то, что в районах Республики Карелия существует потребность в постоянном мониторинге и оценке качества, эффективности и результативности социальных услуг, которые специалисты оказывают семьям в социально опасном положении. Практически во всех районах специалисты не умеют использовать статистические данные в своей работе и выстраивать свою деятельность на основе выявленных потребностях целевой аудитории.

1. Данные Росстата за 2012 год. Фонд профилактики социального сиротства: [веб-сайт]. 2014. 25 сентября. URL: <http://fondpcc.ru/programm/-c.html>
2. В лучших интересах детей Республики Карелия. Партнерство каждому ребенку: [веб-сайт]. 2014. 25 сентября. URL: <http://www.p4ec.ru/ru/news/206-30-10-2013.html>

3. Как правительство Карелии будет поддерживать граждан: [веб-сайт]. 2014. 27 сентября. URL: http://karelinform.ru/news/society/50100/kak_pravitelstvo_karelii_budet_podderjivat_grajdan
4. Как сократить социальное сиротство в Республике Карелия? Обсуждаем результаты исследования: [веб-сайт]. 2014. 30 сентября. URL: http://kroo-vozhzhdienie.ru/home/news/item/kak-sokratit-socialnoe-sirotstvo-v-respublike-kareliya-obsuzhdaem-rezultaty-issledovaniya?category_id=1
5. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: [веб-сайт]. 2014. 25 сентября. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/146>
6. Общественное обсуждение проекта Плана Первоочередных мероприятий на 2015-2017 годы по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы: [веб-сайт]. URL: <http://мониторингсид.рф/news/218>
7. Проект "В лучших интересах детей Республики Карелия". КРОО «Служба социальной реабилитации и поддержки «Возрождение»: [веб-сайт]. 2014. 10 сентября. URL: <http://kroo-vozhzhdienie.ru/projects/deti> (дата обращения 20.09.2014 г.)
8. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации»: [веб-сайт]. 2014. 30 сентября. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/313/32963.php>
9. Распоряжение Правительства РФ №1618-р от 25 августа 2014 г. «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»: [веб-сайт]. 2014. 30 сентября. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/146>
10. Роджерс Д. Профессиональное сообщество детям и семьям России. Реестр показателей по утрате родительского попечения. Отчет за 2012 год. Результаты тестирования реестра показателей по версии 0 и версии 1. – СПб.: АНО «Центр развития инновационных социальных услуг «Партнерство каждому ребенку», Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного образования взрослых «Институт политики детства и прикладной социальной работы», 2013. 134 с.
11. Счетная палата РФ: в России отмечается снижение числа детей-сирот. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: [веб-сайт]. 2014. 25 сентября. URL: <http://www.rfdeti.ru/news/8936-schetnaya-palata-rf-v-rossii-otmechaetsya-snizhenie-chisla-detey-sirot>

РОЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Лесина Л.А. (Екатеринбург)

В контексте статьи добровольчество рассматривается как синоним волонтерства, а акцент делается на деятельностном подходе к данному феномену. Поэтому основное внимание уделяется субъектам, целям и мотивационной структуре добровольческой деятельности студенческой молодежи. Федеральный Закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» определяет статус волонтера (добровольца): добровольцы – это граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в т.ч. в интересах благотворительной организации. Цель добровольчества заключается в благотворительной деятельности, при этом подчеркивается важность безвозмездности, то есть отсутствие оплаты труда, а также отсутствие у добровольцев претензий на оплату своего труда, денежного или другого материального вознаграждения.

В качестве объекта прикладного изучения была выбрана студенческая молодежь, проживающая в г. Екатеринбург. Исследование проводилось в декабре 2014г., одной из

важнейших задач являлась оценка роли добровольческой деятельности в становлении различных форм общественной, профессиональной активности.

По результатам проведенного исследования были сделаны выводы о том, что на постоянной основе работают волонтерами 8% студенческой молодежи, каждый пятый нерегулярно (эпизодически) задействован в добровольческой деятельности, около трети студентов готовы участвовать в сборе средств, вещей, книг для нуждающихся, 27 % от числа опрошенных участвовали в отдельных волонтерских проектах, 46 % респондентов не принимали участие в какой-либо волонтерской деятельности. Таким образом, большая часть студентов реализует на практике так называемую модель «помогающего поведения».

Следует особо остановиться на изучении мотивации волонтерской деятельности в молодежной среде. Ведущими оказались альтруистические мотивы - «знание, что моя помощь нужна каким-то конкретным людям». Для второй подгруппы важным является содержание самой добровольческой деятельности, уровень ее организации. На третьем месте стоит подгруппа, для которой волонтерство – неотъемлемая и важная часть досуга, возможность развлечься. К этой подгруппе относятся те, кто помогает в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий.

Каждый пятый респондент отметил, что для него важна возможность общения, встретить новых, интересных людей, завести полезные знакомства, 18% считают, что участие в добровольческой деятельности поможет развить качества лидера, организатора, 28% рассматривают волонтерство как возможность получить опыт работы. В реализации намеченных профессиональных планов треть опрошенных рассчитывает на социальный ресурс связей и знакомств. Социальный капитал позволяет занять более выгодные, привилегированные позиции в социальном пространстве. Социальный капитал - это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, рационально и целенаправленно формируемый в межличностных отношениях. Для субъекта профессиональной деятельности на рынке труда ресурс его отношений и связей с другими людьми представляет собой дополнительный источник для достижения индивидуальных целей. Принадлежность к определенным неформальным сообществам, совокупность всех неформальных связей мобилизуется для решения актуальной задачи субъекта.

Зачастую студенты связывают добровольческую деятельность с собственным личностным развитием как субъектов образовательного и профессионального пространства, формирующих свой социальный капитал. Участие в волонтерской деятельности рассматривается как возможность для включения студентов в различные социальные практики, позволяющие разрешить возникающие в своей жизни противоречия (между условиями бытия и объективными потребностями молодежи в различных сферах). Современное добровольчество – это не только одна из форм гражданской активности, но и важнейший фактор профессионального становления студенчества. Практически у половины работающих студентов, которые имеют опыт добровольческой деятельности, работа связана с получаемым в вузе профессиональным образованием. В то время как среди студентов, не имеющих опыта участия в волонтерских практиках, подобная связь зафиксирована лишь у 35% респондентов.

Специфика рынка труда далеко не всегда позволяет реализовать свои профессиональные планы. Более половины опрошенных считают, что найти работу по специальности не так просто. Среди работающей молодежи только 65% полагают, что осуществляемая трудовая деятельность соответствует их профессиональным навыкам и квалификации, но в то же время 66% ответивших воспринимают работу как сферу самореализации, проявления своих способностей. Данные исследования свидетельствуют о том, что студенты, принимающие участие в волонтерской деятельности, намного легче трудоустраиваются еще во время обучения в вузе. Так, двое из трех работающих студентов имеют опыт волонтерской деятельности, а среди тех, кто работает время от времени 62% тоже имеют опыт волонтерства.

Около трети респондентов ощущают реальную поддержку в решении сложных ситуаций со стороны учреждений, специализирующихся на оказании социальных услуг, а также организаций, реализующих социальную политику. Возможно, причина в том, что часто мероприятия и проекты, касающиеся молодежи, разрабатываются и реализуются чиновниками и политическими организациями без реального включения самих молодых людей и нацелены на поддержку своей политической линии. Между тем, одним из наиболее важных и эффективных механизмов, обеспечивающих качественное социальное развитие молодого поколения, должна являться оптимизация государственной молодежной политики.

Повышение субъектности молодежи невозможно без структурной организации молодого поколения в рамках различных общественных объединений, что, в свою очередь, позволит дополнить имеющийся ныне государственный характер молодежной политики реальным общественным компонентом. Занятие добровольческой деятельностью влияет на успешность реализации студенческой молодежи в образовательной деятельности, обеспечивает благоприятные условия для профессиональной занятости, способствует повышению удовлетворенности досугом. Волонтерство играет важную роль в построении индивидуальных стратегий студентов в образовании и на рынке труда.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВОЛГОГРАДА НА ПРИМЕРЕ ВОЛОНТЕРСКОГО ЦЕНТРА «ВАРА – V»

Луцкий С.А. (Волгоград)

Молодежные организации призваны активизировать ресурсы активной части молодежи, направить их в продуктивное русло и воспитать достойных членов общества с активной гражданской позицией.

Молодежные организации бывают политическими, военно-патриотическими, религиозными и неправительственными [1]. Одним из ответвлений неправительственных молодежных организаций является волонтерское движение.

Волонтерское движение в городе Волгограде стремительно развивается, пополняя свои ряды все большим количеством молодых и активных ребят.

«Вара – V» - волонтерский центр, сформированный на базе Волгоградского филиала РАНХиГС. Организация начала функционировать в декабре 2009 года и на данный момент насчитывает около 80 волонтеров, постоянно участвующих в различного рода акциях.

Основные направления деятельности «Вара – V»:

1. Поездки в детские дома, проводящиеся ежемесячно. Волонтеры приезжают с культурной программой для воспитанников детских домов города и области, а также организуют сборы средств на предметы первой необходимости для детей.

2. Донорские акции, которые также проводятся раз в месяц.

3. Поездки в приют для бездомных животных. «Вара – V» оказывает поддержку приюту, ухаживая за животными, снабжая заведение материальными средствами и кормом для животных. Данные мероприятия освещаются в различных медиа – ресурсах, привлекая внимание общественности к проблеме бездомных животных.

4. Сотрудничество с центром молодежной политики Волгограда. Данное сотрудничество открывает доступ волонтерам к мероприятиям городского масштаба, объединяющим множество молодежных волонтерских центров и организаций.

Деятельность волонтерского корпуса не осталась без внимания региональных властей и различных организаций и была удостоена ряда наград:

1. Многочисленные благодарственные письма от руководств детских домов и других организаций, с которыми Вара – V ведет сотрудничество
2. Второе место в номинации «Лучшее добровольческое объединение 2012 года»
3. Третье место в номинации «Лучшее добровольческое объединение 2013 года».

Но самой главной наградой волонтеры считают благодарные взгляды и теплые слова воспитанников, с которыми они проводили время.

Благодаря деятельности волонтерского корпуса Вара – V Волгоградский центр переливания крови регулярно получает донорскую кровь всех возможных групп, а студенты, участвующие в донорских акциях, становятся более заинтересованными в здоровом образе жизни. Воспитанники детских домов получают поддержку в виде канцелярских товаров и других предметов первой необходимости, участвуют в различных конкурсах, эстафетах, играх и концертах, проводимых студентами. Освещение проблемы бездомных животных привлекает спонсоров в приют – питомник «Дино», благодаря которым он продолжает свое существование.

Одной из главных перспектив для волонтеров Волгоградского филиала РАНХиГС является участие в подготовке и организации Чемпионата Мира по футболу в 2018 году. Руководство волонтерского корпуса находится в постоянном контакте с организациями, отвечающими за проведение данного мероприятия.

Волонтерский корпус «Вара – V» продолжает развиваться, открывая новые горизонты возможностей для молодых ребят, состоящих в его рядах.

Волонтерская деятельность оказывает ряд положительных эффектов на студента:

Реализуя различные социальные проекты, участвуя в социально – полезных мероприятиях, студенты имеют возможность наблюдать эффекты своей деятельности, а приходящее осознание полезности для общества положительно сказывается на эмоциональном состоянии человека, мотивируя продолжать развитие в данном направлении.

Участие в волонтерской деятельности, отличающейся по характеру и направлению от получаемой специальности, позволяет расширить сферу интересов студента, его кругозор и наполнить его свободное время деятельностью, способствующей саморазвитию и самоопределению.

Молодежные организации в Волгограде получают активную поддержку со стороны региональных и местных властей. Существует ряд программ, реализуемых комитетом молодежной политики и туризма Волгоградской области, которые направлены на воспитание поколения активной молодежи и организацию ее досуга:

1. Ведомственная целевая программа «Работа с детьми и молодежью по месту жительства на базе подростково - молодежных клубов и центров» на 2014-2016 г.г. в ред. от 31.03.2015 г. № 29. Цель данной программы: сохранение и развитие системы организованного содержательного досуга детей и молодежи в возрасте до 30 лет по месту жительства на базе подростково-молодежных клубов и центров Волгограда.

2. Ведомственная целевая программа «Организация отдыха детей в каникулярное время» на 2015-2016 годы, целью которой является создание условий для организации качественного отдыха детей в каникулярное время.

3. Ведомственная целевая программа «Развитие и поддержка деятельности талантливой и одаренной молодежи в городском округе город-герой Волгоград» на 2014-2015 г.г. в ред. от 27.03. 2014 года № 26. Ее цель - создание условий для самореализации талантливой и одаренной молодежи, а также поддержки инновационной активности молодежи в социально-экономической, общественно- политической и творческой сферах с целью использования потенциала молодежи в интересах развития города.[2]

Разработка данных программ обусловлена возрастающей ролью молодежи в жизни государства. Поколение с активной гражданской позицией способно на добровольных

началах оказать существенную поддержку различным некоммерческим организациям, имеющим социальную направленность, регулировать деятельность органов местного самоуправления (молодежные правительства), организовывать проведение мероприятий различного масштаба, что особенно актуально в период экономического кризиса.

Воспитание поколения активной молодежи, готовой добровольно участвовать в решении социально – значимых задач – одно из важнейших направлений внутренней политики государства. Это подтверждается тем, что даже в период экономического спада в стране финансирование данной сферы продолжается. В политике государства прослеживается видение молодежи как важнейшего капитала страны, ресурса, необходимого для ее успешного и стабильного развития. И это логично, ведь будущее России – за подрастающим поколением.

1. *Википедия – свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. Дата обращения: 20.09.15.*
2. *Официальный сайт комитета молодежной политики и туризма администрации Волгограда. Режим доступа: <http://www.kdm34.ru/>. Дата обращения: 01.10.15.*
3. *Информационное агентство "РИА Новости". Режим доступа: <http://ria.ru/>. Дата обращения: 02.10.15.*

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР С НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ляус Ю.А. (Санкт-Петербург)

Преобразования в современной России являются условиями возникновения новых организационно правовых форм, к числу которых относятся некоммерческие организации. Согласно последним изменениям в законодательстве за 2014-2015 гг. количество организационно-правовых форм НКО заметно уменьшилось, тем самым представив довольно четкую структуру видов НКО. По состоянию на 28 июля 2015 г., Министерством юстиции РФ (Минюст) зарегистрировано 227 тыс. 445 некоммерческих организаций [1]. Из них в Москве - 34,5 тыс. (15,2% от общего числа), Московской области - 14,6 тыс. (6,4%), Санкт-Петербурге - 12 тыс. (5,3%), Краснодарском крае - 6,8 тыс. (3%).

Стоит отметить и то, что деятельность российских государственных органов управления характеризуется повышением прозрачности и демократичности, формированием партнерских отношений между представителями власти и субъектами гражданского общества.

В самом начале некоммерческий сектор своей имеет множество потенциальных возможностей и ресурсов, чтобы играть важную роль в экономической и социальной жизни государства. В перспективе НКО видят для себя возможность стать одними из ключевых факторов в решении социально экономических проблем, связанных с дефицитом качественных социальных услуг, а также, в сфере социального обслуживания населения.

Развитие некоммерческого сектора в сфере оказания социальных услуг закрепляется положением в Концепции долгосрочного социально экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662– р.

Однако, процессы взаимодействия государственных структур с некоммерческими организациями еще находится на стадии расцвета. Есть много нерешенных задач.

Во-первых, для развития взаимодействия государственных органов управления и некоммерческих организаций предполагается разработка нормативно-правовой базы, которая будет направлена на достижение максимального результата в соответствии с целью создания конкретного НКО.

Во-вторых, для достижения партнерских отношений НКО и органов власти, по нашему мнению, необходимо устранить препятствия, особенно в вопросах информационной открытости и развития различных форм поддержки НКО органами власти.

Таким образом, государственные структуры и некоммерческий сектор должны сформировать между собой социальное партнерство. Напомним, что социальное партнерство - метод цивилизованного решения социально-трудовых конфликтов, содержит в себе механизм достижения социальной стабильности общества, гарантирует его мирную эволюцию [2].

Выявление и осознание всеми имеющихся проблем не достаточно для возникновения социального партнерства – необходимо следующее совпадение интересов сторон [2]: значимость социальной проблемы для каждой из сторон; установление интересов каждого из возможных партнеров; совместное формулирование целей и задач деятельности; осознание своей роли, статуса в обществе, оценка своих возможностей по решению проблемы; выработка четких правил действий в процессе сотрудничества; осознание сторонами, что объединение их сил и средств дает кумулятивный эффект..

Согласно упомянутой выше Концепции долгосрочного социально экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, одним из приоритетных направлений развития социальных институтов и социальной политики является развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг, в том числе [3]:

«1. преобразование большинства государственных и муниципальных учреждений системы социальной защиты, оказывающих услуги пожилым и инвалидам, в некоммерческие организации и создание механизма привлечения их на конкурсной основе к выполнению государственного заказа по оказанию социальных услуг;

2.обеспечение равенства условий налогообложения поставщиков социальных услуг различных организационно правовых форм, сокращение административных барьеров в сфере деятельности негосударственных некоммерческих организаций;

3.создание прозрачной и конкурентной системы государственной поддержки негосударственных некоммерческих организаций и т.д.;

4.содействие развитию практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространению добровольческой деятельности (волонтерства)».

Другая государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» на 2013–2020 гг. содержит следующие подпрограммы [4]:

«1.Развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан.

2.Модернизация и развитие социального обслуживания населения.

3.Совершенствование социальной поддержки семьи и детей.

4.Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».

Целью подпрограммы повышение эффективности государственной поддержки СО НКО является увеличение объема и повышение качества государственной социальных услуг, оказываемых гражданам, посредством обеспечения условий для эффективной деятельности и развития таких организаций.

Постановлением Правительства РФ также утверждены Правила предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию программ поддержки СО НКО, а также Правила предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку СО НКО.

Законодательством РФ предусмотрено несколько видов источников финансирования НКО: федеральные гранты (гранты Министерства экономического развития, президентские гранты), региональные гранты (субсидии министерств экономического развития субъектов РФ, гранты глав регионов), донорские средства (средства крупных НКО, фондов), частные пожертвования (меценатство, система привлечения частных средств, электронная благотворительность).

В 2014 г. финансовая господдержка институтов гражданского общества в России составила около 10 млрд рублей. Финансирование некоммерческих структур через президентские гранты увеличилось более чем в три раза, для реализации социально значимых проектов было выделено более 3 млрд 200 млн рублей (данные с V Съезда некоммерческих организаций России, который проходил 2-5 декабря 2014 г. в Москве).

Вместе с тем, несмотря на реализуемые меры, уровень развития сектора СО НКО и объемы его поддержки со стороны государства и частного сектора существенно отстают от аналогичных показателей в экономически развитых странах мира.

Стоит отметить, что осведомленность населения о деятельности НКО и ее государственной поддержке также крайне низка.

Левада-Центр в 2014 г. опубликовала свое исследование под названием «Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем» [5]. Исследователи пришли к выводам о том, что общественное мнение в отношении НКО формируется практически исключительно средствами массовой информации. Непосредственного контакта между некоммерческими организациями практически нет. Согласно результатам опроса, лишь около 1% жителей крупных городов (включая Москву) непосредственно обращались в такие организации для защиты своих прав. И около 5% респондентов по выборке в целом (и 7% москвичей) отметили, что среди их знакомых, с которыми они поддерживают более менее постоянные отношения, есть сотрудники некоммерческих организаций. Негативные сюжеты о работе некоммерческих организаций и общественных инициатив могут серьезно повредить развитию общественной сферы в России. А общественная сфера жизни, как мы знаем, также, находится в кругу интересов государства, государственных структур.

Отметим тот факт, что существующие проблемы развития социального партнерства в России при решении социальных проблем остаются достаточно острыми до сих пор, несмотря на существенную господдержку.

Во первых, одной из наиболее трудных задач является поиск материальных ресурсов для реализации проекта. Во вторых, особенно важна проблема нехватки профессионально подготовленных кадров, а также добровольцев, способных обеспечить эффективность процесса социального партнерства. В третьих, неприспособленность к инновациям в социальной сфере, что прежде всего связано с обязательной нормативной регулируемостью данной сферы. Следовательно, новые методики и технологии работы, иницируемые НКО или заимствованные из опыта зарубежных стран, не всегда могут быть внедрены в существующий формат социальной системы.

Осознание социального партнерства как взаимодействия предполагающего профессионализм, ответственность за качество выполнения взятых на себя обязательств необходимо всем сторонам – участником его реализации. Только при таком подходе как к конструктивному сотрудничеству можно преодолеть существующие преграды и сделать процесс социального партнерства более эффективным.

1. *Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. - Режим доступа: <http://minjust12.ru>*
2. *Багдасарьян, Н.Г. Социология: учеб.пособие/Н.Г.Багдасарьян, М.А.Козлова, Н.Р.Шушанян. - М.: Юрайт, 2014. - 596 с.*
3. *Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (дата*

- обращения 08.09.2015 г.). - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8234
4. Государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» (дата обращения 02.09.2015 г.). - Режим доступа: <http://www.audar-info.ru/ocs/acts?sectId=198589&artId9245>
  5. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. - Режим доступа: <http://minjust12.ru>
  6. Д.Волков, С.Гончаров. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет. - 2014 г. - Режим доступа: <http://www.levada.ru/>

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ

Макарова Е.Е. (Нижний Новгород)

В настоящее время в нашей стране происходит активное формирование культуры волонтерского движения. В соответствии с Всеобщей Декларацией Добровольчества: «Добровольчество – фрагмент гражданского общества. Оно воплощает в жизнь устремления человечества к достижению мира, свободы, безопасности, справедливости и реализации возможностей для всех людей»[1].

Добровольческая деятельность по всему миру становится сегодня ресурсом для включения молодежи в профессиональную и общественную деятельность. Особую роль в этом процессе играет государственная политика, поскольку вводятся новые правовые документы, одним из которых является «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года». В соответствии с данным источником, развитие добровольчества и благотворительности рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной политики. Согласно Концепции отдельное внимание будет уделено популяризации идеи добровольчества (особенно среди молодежи), совершенствованию законодательной базы в данной области, вопросам финансирования и стимулирования волонтерских центров [2].

Волонтерство как особый вид социальной практики имеет очень широкий круг задач и решаемых с помощью этой деятельности проблем. Это и вовлечение молодых людей в общественную жизнь, в социальную практику, предоставление им возможности проявить себя, а также реализовать свой потенциал. Если посмотреть более широко, волонтерская деятельность – это способ интеграции в социум молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, обучение трудовым навыкам, обеспечение временной занятости молодежи. С позиции интересов общества и государства – это формирование кадрового резерва, а также профилактика асоциального поведения подростков и молодежи [3]. Волонтерская деятельность позволяет транслировать нормы и ценности общества, поддерживать незащищенные слои населения, привлекать молодежь к решению проблем этих групп населения, тем самым, формируя активное гражданское общество.

Среди характеристик волонтерства особенно важными для молодежи являются значимость (личная и социальная), чувство свободы (свободы выбора) и отсутствие принуждения к деятельности. Особенно хочется отметить, что волонтерское движение дает широкие возможности для свободного самовыражения и творческой активности. В этой сфере каждый может выбрать проект по душе и занять ту позицию, в которой будет комфортно проявлять себя.

Волонтерство, в первую очередь, уникальный жизненный опыт, напрямую связанный с работой в команде. Необходимо уметь выстраивать отношения в рабочем коллективе: быть коммуникабельным, находить подход к разным людям, справляться с конфликтными ситуациями. Владение этими навыками расширяет социальные связи

молодого человека, позволяет в будущем выстраивать общение в профессиональном коллективе, решать поставленные задачи, умело разрешать спорные ситуации.

Добровольческая деятельность развивает не только социально значимые качества молодого человека, но и его внутриличностные характеристики: умение принимать решения, брать на себя ответственность, действовать в меняющихся условиях. Работая волонтером, человек оказывается в непривычной обстановке, требующей порой поиска нестандартных решений. Изменяющиеся условия работы, срочность, смена руководства требуют от волонтера концентрации и стрессоустойчивости.

Успешная реализация ряда проектов, ощущение личной значимости в достижении результата благотворно влияет на самооценку молодежи, непосредственно участвующей в добровольческой деятельности. Не редки случаи, когда ребята со временем берутся за самостоятельное проведение волонтерских проектов, привлекая и обучая новых волонтеров. В данном случае мы можем говорить о преемственности, обмене знаниями, передаче опыта, а также формированию системы добровольческой деятельности, поскольку она перестает быть стихийной или ситуативной. В соответствии с данными целями органы государственного управления предлагают создавать волонтерские центры на базе образовательных учреждений. Посредством волонтерских центров студенты смогут принять участие в волонтерских проектах города, страны и мира, поскольку одной из первоначальных задач подобных центров будет обучение волонтеров, проведение тренингов по различной тематике[3].

Безусловно, волонтерская деятельность имеет общесоциальную цель – позитивный вклад в общество, но у каждого волонтера есть и свои личные мотивы, которые приводят его в добровольчество. Волонтерская деятельность позволяет решать личные проблемы, будь то будущий выбор профессии, поиск близких по духу людей, чувство значимости или просто полезный досуг. И это тоже важная роль волонтерской деятельности, так как решение этих проблем позволяет молодому человеку чувствовать себя востребованным, активным, способным решать поставленные перед ним задачи и двигаться в верном направлении.

Но какой бы ни была причина вступления в ряды добровольцев, решение стать волонтером должно быть самостоятельным. Оно отражает активную жизненную позицию молодежи. Если человек занимается волонтерской деятельностью, осознавая что он не получит никакой материальной выгоды за свою работу, значит ему не безразличны те проблемы, которые призвана решать добровольческая деятельность.

Привлечение молодежи к общественной жизни страны способствует воспитанию социально ответственного гражданина и развитию его инициативности. На личном опыте столкнувшись с решением социальных проблем, молодые люди могут информировать о них население, быть активными участниками преодоления этих трудностей и в соответствии со степенью вовлеченности менять свою точку зрения. На сегодняшний день добровольчество – это способ выстраивать социальные отношения, развивать и находить применение своим моральным, духовным качествам, получать новые навыки, необходимые молодежи, а также оказывать другим и находить самим себе поддержку, друзей, чувствовать свою необходимость и пользу.

1. «Всеобщая Декларация Волонтеров». Электронный ресурс. Доступ через <http://www.wildfield.ru/club/c04b102.htm> [Дата обращения 23.09.2015].
2. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» (с изменениями и дополнениями) Электронный ресурс. Доступ через <http://base.garant.ru/194365/#ixzz3nPdSqVNv/> [Дата обращения 23.09.2015].
3. Сычева А.В. Добровольческое движение в молодежной среде: состояние и перспективы / Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. №1. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. – С.252-262

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ГОСУДАРСТВОМ, БИЗНЕСОМ И ОБЩЕСТВОМ: ОСНОВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ

Малая А.Д. (Волгоград)

Функционирование некоммерческих организаций происходит в условиях, когда ответственность за удовлетворение общественных потребностей несут лица, разрабатывающие и принимающие решения в организациях, определяющие пути ее развития, основные характеристики создаваемого продукта, а главное – имеющие обязательства в отношении качества этого продукта перед получателями. Осуществление этих процессов невозможно без осуществления постоянного мониторинга внешнего окружения. Так, определяющие возможности и угрозы возникают при взаимодействии некоммерческих организаций с государством, бизнесом и обществом.

Российские некоммерческие организации, многие из которых социально-ориентированные, создаются для решения тех же самых задач, с которыми повседневно имеют дело государственные и муниципальные органы. Это забота о малообеспеченных, больных, социально неблагополучных гражданах, содействие воспитанию и образованию детей и подростков, сохранение и развитие культуры, защита прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации, и многое другое из того, что не может быть обеспечено на чисто коммерческой, рыночной основе. Во многом это обусловлено попыткой государства дать возможность различным социальным группам получить именно такой социально-востребованный продукт, характеристики которого в наибольшей степени удовлетворяют их потребности. Подобное делегирование отражает наивысшее проявление социальности государства, когда создаются механизмы для транслирования гражданских инициатив, коммуникации различных социальных групп и помощи наиболее слабым из них. Основной возможностью для успешного развития некоммерческих организаций, чьи цели совпадают с различными государственными программами и видами деятельности государственных субъектов, в данном случае является отслеживание перспективных направлений реализации государственных функций и расширение собственного стратегического контура, позволяющего искать новые источники ресурсов и партнеров.

Государство является самым крупным и заинтересованным в развитии некоммерческих организаций инвестором, кропотливо создающим инфраструктуру взаимодействия в некоммерческом секторе. У организаций появляются новые возможности для финансирования собственной деятельности, среди которых, например, существующий «Открытый конкурс по выделению грантов некоммерческим неправительственным организациям», проводимом в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации [2]. Уникальность данного Конкурса состоит в наделении правом и ответственностью за распределение средств крупным российским некоммерческим организациям (операторам), которые организуют работу экспертов и следят за соблюдением процедуры отбора победителей. Данное явление отражает готовность государства делегировать часть своих функций некоммерческому сектору, воспринимая некоммерческие организации как надежных партнеров.

На региональном уровне деятельность некоммерческих организаций финансируется за счет субсидий, выделяемых организациям на конкурсной основе, которые расходуются на реализацию социальных проектов и затраты на аренду

помещений, коммунальные услуги и телефонную связь. Также на базе государственных учреждений проводятся курсы повышения квалификации для руководителей некоммерческих организаций, как правило, социально-ориентированных.

Основной угрозой от взаимодействия с государством стала недооформленная инфраструктура распределения государственных инвестиций в некоммерческий сектор. В объявленных грантах не до конца ясны критерии оценки предложенных проектов, чему эксперты уделяют большее внимание и какие векторы развития для себя должна определять организация, чтобы ее мероприятия получали поддержку от государства. Особенно важно для некоммерческих организаций в данном случае не только ожидать постоянной помощи от государства, а стать полноправным долгосрочным партнером для него, предлагать свой социально-востребованный продукт. Также ситуация усугубляется разрозненностью источников информации о деятельности некоммерческих организаций, проведении новых конкурсов, нет единого информационного поля для позиционирования результатов их деятельности.

Взаимодействие с коммерческим сектором характеризуется крайней неоднородностью. Основным поводом для совместной деятельности становится реализация программ социальной ответственности отдельных бизнес-организаций. Многие фирмы осуществляют благотворительную деятельность, а некоторые крупные – проводят конкурсы социальных проектов. Однако на практике, число подобных мероприятий невелико и некоммерческим организациям следует рассматривать и другие формы сотрудничества, где они станут инициаторами совместных действий. Так могут проходить различные волонтерские акции, призванные помочь каким-либо социальным группам, которые сформируют благоприятное восприятие организаций из обоих секторов экономики, укрепят их положительный имидж, привлекут внимание прессы и общественности и в будущем, увеличат целевую аудиторию и привлекут других заинтересованных к социальным проектам лиц.

Основная угроза от коммерческого сектора отражена в отсутствии необходимых специалистов некоммерческом секторе, так как в силу больше платёжеспособности, они осуществляют трудовую деятельность в коммерческих организациях в связи с величиной уровня доходов, которые не могут себе позволить некоммерческие организации.

Оплотом стабильности развития некоммерческой организации при взаимодействии с обществом является изучение характеристик социально-значимого продукта у потенциальных потребителей и приведение его в соответствие с их требованиями. Так общество участвует в формировании того продукта, который потребляют отдельные социальные группы. Также, общество является источником главной ценности организации – добровольцев, готовых осуществлять деятельность на безвозмездной основе. Формирование волонтерского актива позволяет максимально оптимизировать процессы, направленные на создание конечного продукта. Особую роль играет заинтересованность этих лиц в результате своего труда, мотивация на помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

На сегодняшний день одна из главных угроз деятельности некоммерческих организаций состоит в том, что их потенциальные, а зачастую и реальные потребители о них почти ничего не знают. Согласно данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, результаты которого были опубликованы 06 июля 2014 года, 89 % респондентов россиян сказали, что им никогда не помогали общественные организации, также, по результатам опроса, опубликованного 10 октября 2014 года, были получены следующие данные: «подавляющее большинство россиян (84%) в последние несколько лет не принимали участия в работе общественных организаций» [1]. Как видим, процент населения, состоящих в условиях взаимодействия с общественными организациями, будь это статус организатора или потребителя, крайне низок. Причин для подобной ситуации может быть множество, но данный показатель является слишком скудным, чтобы говорить о развитости «третьего сектора» в России.

Однако, переходя с глобального государственного уровня к деятельности конкретных некоммерческих организаций, важно понять, в чем состоят возможности и угрозы их внешней среды, и каким образом с ней выстраивать взаимодействие. В вопросе обеспечения собственного существования, некоммерческой организации принципиально важно привести свою деятельность с требованиями внешней среды, а предлагаемые услуги сделать приносящими значительную пользу российскому обществу, повышающими качество жизни граждан и помогающими обеспечить социальную стабильность страны в целом.

Таким образом, некоммерческие организации как социальные институты предоставляют гражданам возможность конструировать желаемую социальную реальность, создавать социальные перспективы, генерировать собственную идентичность. Выделяя собственный стратегический контур, отражающий основные возможности и угрозы основных социальных объединений и институтов, становится возможным определять различные тенденции и перспективы развития некоммерческих организаций в существующем окружении.

1. *Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]/ База результатов опросов россиян «Архивариус». – 2014 г.*
2. *Российская Федерация. Президент. Об обеспечении в 2015 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества и реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс]: Распоряжение Президента РФ от 01.04. 2015 г. № 79-рп // Российская Федерация. Президент // Справочная правовая система «Консультант плюс». – <http://www.consultant.ru>*

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Малышко Я.О. (Курск)

За всю историю человечества набралось немало примеров бескорыстной помощи, которая может оказываться как человеком, так и группой людей на благо нуждающихся. Это помощь не рассчитана на получение какой-либо прибыли, каких-либо денежных средств или карьерного роста. Такая помощь называется добровольческой или как теперь модно её называть волонтерской. А люди, которые оказывают эту помощь, называются волонтерами. Волонтерская деятельность очень обширная. Помощь престарелым, бездомным, нуждающимся; помощь животным; благотворительные сборы денежных средств или каких-либо вещей; благоустройство городских домов и улиц – это только небольшая доля того, чем занимаются волонтеры.

Сегодня волонтерство - это некая модная тенденция. Нельзя сказать, что это плохо, ведь неважно каковы мотивы помощи, главное то, что помощь эта поступает и она, возможно, спасёт несколько жизней. Общество может помогать, но оно не готово к этому по многим причинам. Для решения этих причин государству, путем воздействия на социальные институты, такие как: институт семьи, институт образования, институт СМИ: необходимо устанавливать контакты с другими странами с целью получить определенный опыт.

Общество, в котором люди спокойно проходят мимо чужой беды и боли, обречено. Волонтерская деятельность - один из показателей развитого гражданского общества. Может быть наша страна не по всем параметрам соответствует этому статусу, но совершать добро сидит в нас с истоков образования Руси. Человек на интуитивном уровне хочет делать добро и помогать людям, для некоторых это как потребность в пище, в общении, в воздухе. Что же касается молодежи, то в них изначально заложен «фактор

помощи» его нужно, как и талант развивать и подкреплять общественным одобрением, пропагандой, массовостью.

Часто возникает вопрос – кто может стать добровольцем? Добровольцем может быть ответственный человек, у которого есть возможность посвятить свое время и умение добровольному труду. Каждый может стать добровольцем, в любой сфере общественной жизни, где есть необходимость.

Волонтеры - люди, которых всего несколько лет назад в России совсем не существовало. Государство на сегодняшний день уже начало контактировать с представителями волонтерского движения — появились многочисленные добровольческие сообщества, организации проекты. Основным толчком развития добровольческого труда в России можно считать проведение спортивных мероприятий на территории Российской Федерации. Летняя универсиада в Казани, на которой было собрано около 20 тыс. добровольцев. Самый масштабный из проектов — подготовка и проведение зимних Олимпийских и Паралимпийских игр в городе Сочи в 2014 году, где наши волонтеры приняли активное участие в роли гидов, проводников и переводчиков гостей на территории нашей страны. На соревнованиях было задействовано около 25 тыс. волонтеров. Огромное количество позитивных, улыбчивых, прекрасно говорящих по-английски, помогающих разобраться в любой проблеме людей. Волонтеры, конечно, не роботы, помогать во всем они не могли, но излучали такие свет и добро, что сердиться на них не было никакой возможности.

По мнению многих специалистов волонтеры в Сочи не просто не уступали тем, кто работал на предыдущих Олимпийских играх, но подавляющее большинство из них — превосходили. Эти замечательные люди не просто помогали проводить «Жаркие. Зимние. Наши» Олимпийские игры, но и в какой-то мере являлись символом этого великого события для России.

Понятие «волонтер игр» в скором будущем планируется закрепить в законодательстве для регулирования вопросов страхования, помощи в организации питания, обучения, отдыха и проезда волонтеров. С 2010 года стартовала практика по выдаче первых «Личных книжек волонтеров». «Личная книжка волонтера» является аналогом портфолио или трудовой книжки, в которой содержится информация о всей деятельности волонтера, его стаже, а также о его подготовке. В настоящее время планируется учитывать такую книжку при поступлении в профессиональное учебное заведение или при приеме на работу.

Большинство волонтеров на Олимпийских и Паралимпийских играх были молодые ребята. Ведь молодежь — это основа крупномасштабного волонтерского движения, большая часть из которой — студенты, так как именно они обладают высоким уровнем активности и жизненной энергией, достаточным количеством свободного времени и повышенной мобильностью. Мотивы молодых людей, вступивших в ряды волонтеров, могут быть совершенно различны. Одни руководствуются собственными интересами, другие хотят быть членами команды, «семьи», третьи желают завести новые знакомства, познать мир, получить опыт, который обязательно пригодится в дальнейшей жизни. Но чаще всего волонтерами движет стремление чувствовать себя нужным и полезным человечеству, заслужить уважение и поддержку окружающих.

Также государство проводит различные программы, связанные с развитием молодежной добровольческой деятельностью на территории России. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р, основная цель государственной молодежной политики формулируется как создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны.

Одним из приоритетных направлений, отмеченных в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 18 декабря 2006 года № 1760-р, является проект «Доброволец России», который адресован молодежи в возрасте от 14 до 25 лет. Этот проект направлен на системное вовлечение молодежи в различные социальные проекты, в том числе в сферах массового молодежного спорта, туризма и досуга молодежи и развитие навыков самостоятельной жизнедеятельности через организацию добровольческой (волонтерской) деятельности. Основной целью проекта «Доброволец России» является формирование механизмов вовлечения молодых людей в многообразную общественную деятельность, направленную на улучшение качества жизни россиян.

Активное участие молодежи в добровольческих движениях поможет решить важную задачу повышения конкурентоспособности и профессиональной компетентности молодых людей за счет получения первичного опыта участия в профессиональной деятельности, формирования базовых личностных и социальных компетенций, которые необходимы для профессиональной деятельности в условиях развития инновационной экономики.

Организация системной добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи поможет решить проблему дефицита кадров в сфере реализации социальной политики, усилить кадровый потенциал. В то же время волонтерское движение усиливает экономическую эффективность социальной политики, повышает качество жизни молодежи, способствует развитию инициативы и ответственности, повышению уровня толерантности.

В мире существует огромное количество волонтерских организаций. Например, UNV (United Nations Volunteers). Волонтеры ООН - организация, непосредственно подчиняющаяся ООН, занимающаяся поддержкой устойчивого глобального развития на планете путём продвижения идей добровольчества и мобилизации добровольцев для решения конкретных практических задач. Также существует такая всемирно известная организация, как SCI (Service Civil International). Это международная волонтерская организация, основанная в 1920 г., имеет 33 отделения по всему миру. В ее задачи входит продвижение идей мира, международного взаимопонимания и солидарности, социальной справедливости и защиты окружающей среды. Основная деятельность SCI сосредоточена на организации международных волонтерских проектов, семинаров, коротких, средних и долгосрочных волонтерских программ, образовательных тренингов и международных обменов.

В зарубежном волонтерстве существует широкая практика международного обмена. К примеру, любой желающий сегодня имеет возможность отправиться приводить в подобающий вид кладбище в Польше, или помогать в реставрации какого-либо замка в Германии, или возделывать рисовые поля во Вьетнаме. Разумеется, такая работа не сулит никакой прибыли, но зато может гарантировать моральное удовлетворение и массу новых эмоций.

В Российской Федерации волонтеры (в отличие от существовавших когда-то пионерской и комсомольской организаций) не объединены. В России с каждым годом создаются новые волонтерские организации. Они разрабатывают множество интересных проектов и программ для нуждающихся. Добровольческая деятельность, на наш взгляд, это «состояние души» человека, ведь им может стать каждый неравнодушный к проблемам ближнего. Волонтер стремится помочь нуждающемуся. Делать добро и знать, что в тебе нуждаются, видеть радость и улыбки людей, о которых заботишься, и ты понимаешь, что еще один день прошёл не зря.

Очень хочется верить, что добровольческие движения в скором времени станут в России более популярными и всё больше молодежи захочет принимать непосредственное

участие в деятельности этих организаций. За молодёжными волонтерскими движениями, на наш взгляд, есть будущее России.

1. *Всемирная декларация добровольцев (принята на 11-м Конгрессе Международной Ассоциации Добровольцев, Париж, 14 сентября 1990 года. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.newparlament.ru/docs/view/2132> (дата обращения*
2. *Федеральный научно-практический журнал «СОТИС — социальные технологии, исследования», Материалы VII Общероссийской конференции по добровольчеству, 2010. — 21—22, 34 с.*
3. *Ромицын И.В. Волонтерская деятельность как фундамент гражданского общества. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/3630.pdf>(дата обращения 11.10.2015).*

ВКЛЮЧЕНИЕ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мальцева Ю. (Санкт-Петербург)

Пожилые люди, выйдя на пенсию, оказываются в ситуации «двойного кризиса»: социального, когда человек лишается работы, а значит и осмысленного участия в жизни общества, привычной среды общения и ритма жизни, - и возрастного, когда у пожилого человека меняется структура его психологического времени: резко уменьшается доля будущего, а у некоторых, фактически, происходит потеря будущего, поскольку для них оно заполняется неопределенностью и бессодержательностью, что приводит к тягостному чувству ненужности. Возникает необходимость поиска нового смысла жизни.

В Российской Федерации организации по работе с людьми старшего возраста сосредоточены, в основном, на организации досуга пожилых и поддержании их здоровья. Однако, как правило, в этом случае пожилые люди выступают как потребители услуг. В то же время, позиция активного участника общественной жизни остается нереализованной.

На сегодняшний день с «серебряным поколением» происходят большие изменения, которые обусловлены целым рядом факторов. Один из них — достижения современной медицины. Второй — возросшая мобильность населения, что ещё более важно, увеличивающееся ощущение невостребованности. Современная российская экономика рассчитана на молодых людей и людей среднего возраста. Люди старшего возраста буквально «выдавлены» из экономики: их запросы как потребителей не учитываются, интересы игнорируются.

Таким образом, пожилые люди обладают психическими и личностными возможностями для участия в активной деятельности, однако не имеют ниши для самореализации.

Поэтому неудивительно, что за последние несколько лет, активно развивается волонтерская деятельность среди старшего поколения. И если для молодежи, волонтерство — это временное занятие, интересное приключение, то для человека старшего возраста, который заинтересовался добровольчеством, это уже не просто увлечение, а образ жизни.

Нет более благодарной и заинтересованной, стабильной и опытной волонтерской аудитории, чем люди старшего возраста, но им необходимо создать условия — «инфраструктуру». Речь идёт об инфраструктуре информационной — чтобы люди видели весь спектр возможностей и получали оперативную информацию, где можно приложить свои усилия. Речь идёт об инфраструктуре психологической — в среде пожилых волонтеров чрезвычайно важна сама атмосфера общения, и чем оно теплее и приятнее,

тем шире будет круг заинтересовавшихся. Речь идёт об инфраструктуре организационной — всё должно быть чётко, продумано, системно. Акцент должен быть сделан и на инфраструктуру развития. Известно, что сейчас во всём мире наблюдается тенденция бурного роста образования во взрослом и пожилом возрасте, и Россия находится отнюдь не в стороне (что доказывает опыт Университета пожилых «Серебряный возраст»). Поэтому пожилые волонтеры обязательно должны чему-то учиться, видеть и чувствовать своё развитие. Наконец, не менее важна PR-инфраструктура — людям старшего возраста особенно важно, чтобы их усилия отмечали, чтобы об этом говорили, писали в СМИ, была красивая волонтерская форма и знаки отличия.

Участие людей старшего возраста в волонтерской деятельности способствует:

- Наполнению жизни человека новым позитивным содержанием, связанным с новыми творческими планами и активностью в их реализации.
- Разрешению кризиса социальной ситуации развития через новые формы реализации – волонтерскую деятельность.
- Обогащению культуры семьи, города и страны в целом, поскольку формируется позитивное отношение к старости, создаётся новая культура благополучного старения.
- Распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющей дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы в лице старшего поколения.

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Маряхина А.В., Катаева Е.А., Джуриная Л.Ф. (Санкт-Петербург)

В последние два года в связи с тяжёлой ситуацией в Украине в социальной политике России произошли некоторые изменения. Миграционные процессы, способные оказывать непосредственное влияние на функционирование политического, экономического, социального и культурного пространств, нуждаются в строгом контроле со стороны государства и его социальных служб. Этими вопросами напрямую занимается социальная работа, одной из целей которой является создание условий, направленных на укрепление социальной стабильности и национальной безопасности Российской Федерации, удовлетворяющих потребностям беженцев, но не нарушающих мирного существования коренных жителей.

По данным ФМС в Россию прибыло около 970 тыс. граждан в экстренном порядке с территории юго-востока Украины. Причем по статистическим данным на декабрь 2014 года, 231,5 тыс. из них имеют разрешение на временное проживание и временное убежище в России, многие имеют разрешение на работу [1].

В России предусмотрены такие статусы для вынужденных переселенцев как “временное прибывание”, “временное проживание” и “беженец”. В первом случае Российская Федерация предоставляет возможность в течении 90 дней находиться на своей территории, без права на труд; во втором - проживание на территории Российской Федерации сроком до трех лет, ряд социальных льгот и право на трудоустройство. Статус “беженец” дается бессрочно и через год он (беженец) получает право на подачу документов на получение гражданства. Так же иностранный гражданин с 22 июля 2014 года может вместо статуса “беженец” получить право на предоставление ему статуса “временное убежище”, причем с недавнего времени по законодательству этот процесс занимает три дня [2]. Люди, являющиеся носителями русского языка, после появления

Федерального закона от 23 июня 2014 г. №157-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации”, могут получить гражданство по упрощенной процедуре [3]. Среди беженцев с Юго-Востока Украины большинство — носители русского языка. Тем из них, кто не планирует возвращаться на Украину, можно не подавать документы на статус “беженца” или на предоставление “временного убежища”, а сразу приступить к оформлению гражданства. Однако, граждане Украины боятся отдавать свои паспорта на временное хранение в отделы ФМС для получения выше перечисленных статусов, так как некоторым из них ещё нужно вернуться за своими родственниками в Украину, или кто-то уже нашёл себе работу в других регионах России, и им нужно оформиться по закону там. В действительности, если лицо, обладающее статусами “беженец” или “временное убежище”, в дальнейшем желает вернуться на родину оно обращается в отдел ФМС, где ему выдают документы обратно, и оно может спокойно уезжать к себе на родину. Но при пересечении границы полученные статусы автоматически теряют свою силу.

Помимо действий, предпринимаемых правительством Российской Федерации, существуют частные организации, филантропические общества и волонтерские движения, которые оказывают поддержку беженцам в получении выше перечисленных статусов, а так же гуманитарной помощи. Стоит отметить помощь, оказанную беженцам, Международным благотворительным объединением “Мирное небо”. Кураторы данного объединения, в основном работающие с как неполными, так и полными семьями с детьми, помогают в поисках жилья, работы, с размещением и оформлением документов. Лица, имеющие статус “беженец” или “временное убежище”, имеют право работать без разрешающих документов. Важно отметить, что очень многие работодатели идут на встречу, они готовы взять на себя оформление документов и разместить своих потенциальных работников. Если гражданин уже определился со своим статусом, по ходатайству работодателя, ФМС берется за оформление его документов в приоритетном порядке. Кураторы “Мирного неба” предлагают разовую работу и работу в таких сферах, как строительство, репетиторство, уборка и т.д. Стоит заметить, что детям беженцев предоставляются образовательные и медицинские услуги в порядке общей очереди.

Если рассматривать Санкт-Петербург и Ленинградскую область, то по данным ФМС 2014 года туда приехало в среднем 30 000 граждан Украины с территорий боевых действий, и более 5 000 из них заявили, что хотят получить статус “беженец” или “временное убежище”. Два доходных дома были отданы под размещение беженцев: в Охотничьем переулке и в Красном Селе. Там вынужденным переселенцам была предоставлена еда, одежда, к ним приезжали сотрудники ФМС, для оформления их статусов и помощи переезда в другие регионы, где выделены квоты на беженцев, так как в Санкт-Петербурге и области квота нулевая. Так же за оформлением документов беженцы могут обратиться в отдел ФМС, находящийся по адресу улица Смолячкова, дом 15. Петербуржцы, которые хотят помочь беженцам гуманитарной помощью, могут обращаться в фонд “Александра Невского” по адресу Кадетская улица, дом 27.

Таким образом, российское правительство и гражданское общество достаточно активно откликнулись на нестабильную ситуацию в соседней с ней Украине: была скорректирована имеющаяся законодательная база, созданы новые нормативные правовые акты, обеспечена безопасность как беженцев, так и сохранены интересы местного населения. Большая работа была проведена благотворительными и волонтерскими объединениями. Все структуры достаточно быстро отреагировали на кризис, произошедший в Украине, подобрав нужные методы и способы их осуществления по отношению к решению проблемы беженцев.

1. *Официальные статистические данные. Предоставление убежища в Российской Федерации. Количество иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших*

временное убежище в 2009 – 2014 гг. «Получило (по странам)» [Электронный ресурс] // Федеральная Миграционная

- 2. Постановление Правительства РФ от № 690 от 22 июля 2014 г. «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке»*
- 3. Федеральный закон от 23 июня 2014 г. №157-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации"*

ШКОЛА КАК АГЕНТ ПРОЦЕССА ПРОФИЛАКТИКИ ПОДРОСТКОВЫХ ДЕВИАЦИЙ

Муханова Е.Д. (Нижний Новгород)

Аннотация. В работе рассматривается вопрос девиантного поведения школьников, факторы возникновения отклоняющегося поведения, и основные направления в области школьной социальной работы по предупреждению и предотвращению подобных форм поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, девиация, профилактика отклоняющегося поведения, социальная работа в школе, насилие, уровни насилия.

Социальная норма определяет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения людей, социальных групп, социальных организаций. [6] Социальные нормы складываются в результате адекватного, либо же искаженного отражения в сознании людей законов функционирования общества.

Девиантное поведение, понимаемое как нарушение социальных норм, приобрело в последние годы массовый характер и поставило эту проблему в центр внимания социальных педагогов и психологов, медиков, работников правоохранительных органов.

Под «девиантностью» принято понимать отклонение от норм, регулирующих поведение людей в каком-либо сообществе [1]. Таким образом, понятие «девиантный» обычно применяется для характеристики действия, либо процесса связанного с нарушением норм. Близким по смыслу является и понятие «девиация». Понятие «девиация» отражает количественный аспект явления, «девиантность» отражает сущностный, качественный аспект того же явления (факт нарушения норм).[1]

В основе отклоняющегося поведения лежит множество факторов. К таковым относятся: биологические, психологические, социально-педагогические, социально-экономические и морально-этнические. Особое внимание стоит обратить на биологические, психологические и социально-педагогические факторы девиации.

К биологическим факторам относятся неблагоприятные физиологические или анатомические особенности организма ребенка.

Психологические факторы выражаются в нервно-психических заболеваниях, психопатии, неврастении, пограничных состояниях, повышающих возбудимость нервной системы и обуславливающих неадекватные реакции подростка.

Социально-психологические факторы. Они выражаются в дефектах школьного, семейного или общественного воспитания, в их основе – игнорирование половозрастных и индивидуальных особенностей детей, приводящее к нарушениям процесса социализации.[3]

В последнее время в России акцентируется проблема насилия в школе[4]. Сначала нужно пояснить понятие «насилие». Наиболее близким по смыслу «насилию» является понятие «агрессия». [4] Агрессия – это присущее (врожденное) индивиду качество (или компетенция), на основании которых и с учетом способностей самого индивида к обучению развиваются способы действия, выражаемые в различных (выученных и социально обусловленных) индивидуальных и коллективных формах, от самоутверждения

до жестокости [4]. В узком смысле к насилию относят «...прямое нацеленное физическое воздействие со стороны людей или вещей. В данном виде рассматривается, прежде всего, использование физической силы» [4]. Однако во внимание стоит принимать еще и три критерия действия, называемого насильственным, которые отличают его ото всех других.

- 1) использование средств для применения силы, в том числе и собственных сил;
- 2) наличие повреждений у жертвы, в том числе психического и социального свойства;
- 3) выявление намерений причинить вред субъектам насилия. [4]

Проблема насилия весьма актуальна для современных школ, поэтому выделяют несколько уровней насилия: ученик – ученик, ученик – учитель, родители – учителя, родители – ученики [5].

Первый вид насилия, как «ученик-ученик» предполагает физическое (стычки, драки), так и психологическое насилие. Последнее может выражаться в нецензурных выражениях, игнорировании (группа учеников просто не общается с отдельными учениками), травле.

Второй вид насилия «ученик-учитель». Подобный вид насилия выражается агрессией в различных формах в отношении учителя со стороны учеников.

Третий, заключительный тип насилия «родитель – педагог». Зачастую школьные конфликты приводят к ситуации насилия со стороны родителей по отношению к сотрудникам школы, звучат обвинения в беспомощности педагогов, уверенность в том, что свой ребенок идеальный, а другие невоспитанные [5].

Важное направление деятельности школ - профилактика отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Однако это деятельность весьма затруднительна из-за отсутствия у педагогов четкого представления об особенностях и основных этапах развития отклоняющегося поведения. Педагог не всегда может распознать проявление отклоняющегося поведения, а также установить связь между причинами возникновения и следствием.

Множество школьных трудностей имеют различные причины. Эти причины можно разделить на две группы: эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние). К числу внешних факторов можно отнести условия, в которых ребенок растет и развивается. К внутренним факторам, которые обуславливают школьные трудности, относятся отклонения в физическом развитии ребенка, нарушения состояния здоровья и т.п.

В качестве важнейшего посредника между акторами образовательного пространства школ указывается социальный педагог, хотя мнение многих исследователей – на стороне внедрения социальной работы в школах [5].

Социальная работа в школе становится востребованной именно потому, что способна интегрировать усилия специалистов разного профиля для проведения социально-педагогической, социально-реабилитационной работы с детьми, их родителями и учителями в решении школьных проблем.[2]

Целями социальной работы в школе могут стать:

- принимать участие в педагогическом разрешении потенциальных и готовых вспыхнуть конфликтов.
- ознакомить учащихся с их ролевыми перспективами и шансами в обществе
- ознакомить с общественными запросами, и подготовить их к критическому восприятию данных запросов
- помогать учащимся из социально неблагополучных семей в преодолении трудностей
- способствовать личностному росту и развитию учащихся на стадии обучения.

К сожалению, число школьников с девиантным поведением растет с каждым годом, так как возрастает число провоцирующих факторов, которые способствуют формированию отклонений. С одной стороны девиантное поведение подростка можно

рассматривает, как ненормально проявление поведения в обществе, с другой же стороны такая реакция является вполне оправданной, как реакция на ненормальные для ребенка или группы подростков условия, в которых они оказались, а допустимые способы оказались недоступными или исчерпали себя.

Таким образом, социальная служба в школе нацелена на активное сотрудничество родителей учеников, учеников, администрации школы, педагогов между собой, а также внешних структур с ними, для оказания эффективной, всесторонней помощи по предотвращению нарушения прав личности, а также по их защите.

1. Адагов Т.Ю. *СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ И ДЕВИАЦИИ* // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2010. - №2.
2. Доброштан В.М. *Теория социальной работы: Учебное пособие.* – СПб, 2008. – 375 с.
3. Королева М. П. *ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ* // ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. - 2012. - №640. - С. 174-179.
4. Сизова, И.Л. *Социологическая теория о причинах насилия в школе* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.-2012.-№6 - С.374-380
5. Шинкаренко Е.А., Степанова К.В. *УРОВНИ ШКОЛЬНОГО НАСИЛИЯ: ОЦЕНКИ УЧИТЕЛЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ШКОЛ* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.-2013.-№4 - С.113-118
6. Яровенко В.В., Яровенко Е.В. *ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ* // Вестник Челябинского государственного университета. - 2008. - №10. - С. 151-159.

СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ В РАКУРСЕ НОВЕЛЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Мыльникова А.В. (Барнаул)

С принятием и введением в действие №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» изменяется подход в реализации одной из ключевой технологии социальной работы – социального сопровождения клиента.

В ранее действующем №195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в РФ» нормативное закрепление «социального обслуживания» отсутствовало. В теории и практике социальной работы опирались на научно-методические разработки в данной области.

В словаре этимологически понятие «сопровождение» трактуется как: «проводить, сопутствовать, следовать» (В.Даль). Традиционно понятие «сопровождение» подразумевает различные способы взаимодействия и поддержки человека в трудной жизненной ситуации. Устоявшимся фактом принято считать, что социальное сопровождение является успешной технологией при работе с различными категориями населения, например:

- Е.И. Казакова определяет сопровождение как метод, обеспечивающий создания условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора. При этом под субъектом понимается как развивающийся человек, так и развивающаяся система, а под ситуацией жизненного выбора - множественные проблемные ситуации, при разрешении которых субъект определяет для себя путь прогрессивного или регрессивного развития.

- Ю.В. Слюсарев употребляет понятие «сопровождение» для обозначения действия по оказанию здоровым людям психологической помощи, направленной на развитие самосознания личности, помощи, запускающей механизмы саморазвития и активизирующей собственные ресурсы человека[2].

- В англо-американской традиции для обозначения «сопровождения» используется термин «client management» дословно ведение клиента или ведение случая. Ведение случая является на сегодняшний день одной из центральных технологий работы с клиентом. В большинстве стран мира такая технология работы с клиентом возникла для того, чтобы преодолеть разобщенность существующей системы социальной защиты и обеспечить качественное, последовательное предоставление помощи клиентам.

- В общемировой практике под сопровождением понимается как клиенто-центрированная стратегия работы для улучшения координации и непрерывности оказания услуг, особенно для людей в сложных жизненных ситуациях, а также как совместный процесс оценки, планирования, защиты прав клиента и помощи в получении доступа к необходимым услугам для удовлетворения потребности личности через взаимодействие и опору на доступные ресурсы, для достижения качественных целесообразных результатов в поддерживающей, эффективной действенной и экономической манере.

Проведенный анализ литературных источников показывает, что термин «сопровождение» прочно вошел в профессиональную жизнь психологов, социальных работников, социальных педагогов. Но необходимо отметить, что на современном этапе в Российской Федерации не существует единой организации, осуществляющей социальное сопровождение, отдельные структуры не всегда взаимодействуют друг с другом, несмотря на попытки в социальной практике упорядочивания всех действующих субъектов социальной работы.

Полагаем, что новеллы законодательства будут способствовать преодолению проблем организационного, управленческого характера в сложившейся ситуации. №442-ФЗ закрепляет (статья 22):

- понятие социального сопровождения, которое отлично от содержания социальной услуги и представляет собой оказание содействия гражданам в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи;

- порядок осуществления социального сопровождения – «привлечение организаций, предоставляющих такую помощь, на основе межведомственного взаимодействия», при этом регламент межведомственного взаимодействия, закрепляющий перечень субъектов, форм и алгоритм взаимодействия относится к полномочиям субъекта Российской Федерации [1].

Таким образом, закрепление правовых основ социального сопровождения с одной стороны в силу действия федеральных норм права обеспечивает единое понимание категории «социальное сопровождение», а с другой, учитывая законодательство регионов, – создает условия для вариативности его алгоритмизации с учетом административно-территориальной специфики.

1. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013г. № 442-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>*
2. *Слюсарев Ю.В. Психологическое сопровождение как фактор активизации саморазвития личности: автореф. дис. канд. пед. наук. - СПб., 1992.*

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ-ОРГАНИЗАТОРОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСУГОВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Назарой О.В. (Псков)

В настоящее время молодежь все больше сама стремится к участию в крупных массовых мероприятиях не в роли зрителя, а в роли организатора, что является показателем повышения уровня гражданской активности, установки на общественную деятельность. Такая поддержка молодежным учреждениям (центрам) в лице добровольцев поднимает имидж организации, также решается часть финансовых проблем учреждения, за счет безвозмездного труда добровольцев. С приходом добровольцев-организаторов увеличивается круг общения сотрудников организации, привлекаются новые интеллектуальные ресурсы, а также увеличивается внимание общественности к проблемам, решаемым молодежным учреждением (центром). Кроме того, растет число людей, вовлеченных в деятельность организации.

В свою очередь для самих добровольцев участие в подобной деятельности также связано с желанием расширения контактов, активного участия в молодежных мероприятиях, приобретения новых знаний и навыков, приложения собственных сил к чему-то более значимому и заметному и т.д. Специалисты по работе с молодежью должны осознавать, что такая добровольческая деятельность может отвлечь молодого человека от негативных поступков, выступить профилактикой в вопросе асоциальных форм проведения досуга, предоставить возможность самореализации, делегирования полномочий.

Добровольцы-организаторы* отличаются от простых волонтеров, готовых помочь в проведении мероприятия, тем, что они участвуют не только в самом мероприятии, но и активно способствуют его подготовке, знают его «изнутри» (как проводился прием заявок, общение со СМИ и спонсорами, как осуществлялась подготовка материалов и документов по его проведению и т.д.). Добровольцы-организаторы готовы нести ответственность за свой участок работы на мероприятии, принимать самостоятельные решения в трудной ситуации и координировать работу волонтеров, выступая в качестве руководителя на своем уровне. Как правило, добровольцами-организаторами выступают наиболее активная молодежь, которая не просто хочет приобщиться к мероприятию, а выступить в качестве его активной организационной составляющей. Таким ребятам после проведения определенного обучения на тему предстоящего мероприятия можно доверить часть задач организаторов, связанных:

- с регистрацией участников мероприятия;
- с фото- и видеосъемкой мероприятия (при наличии определенных навыков и профессиональной техники);
- с макетированием продукции мероприятия (при наличии определенных знаний по работе с графическими редакторами);
- с работой за сценой на фестивалях и конкурсах;
- со встречей гостей и выдачей информационных материалов;
- с работой со средствами массовой информации и спонсорами;
- с сопровождением и координацией иногородних участников мероприятий;
- с проведением акций, направленных на продвижение мероприятия;
- с ведением мероприятий и организацией отдельных интерактивных площадок в рамках крупных мероприятий;
- и т.д.

Стратегия набора таких добровольцев-организаторов зависит от формата и тематики, проводимого мероприятия. Если это проведение культурно-массового мероприятия, где есть разнообразие работ для добровольцев-организаторов, например,

детский фестиваль интерактивных площадок, совмещающий в себе различные виды деятельности, то можно обратиться через СМИ ко всем желающим посредством написания пресс-релизов в СМИ, которые станут своеобразными приглашениями к участию. Также в молодежной среде – это создание встреч, сообществ и групп мероприятий в различных социальных сетях, которые пользуются наибольшей популярностью в вашем регионе и которые анонсировали бы проведение данного мероприятия – в формате информационных постов (сообщений) приглашали бы молодежь к соучастию. Это наиболее простой способ привлечения добровольцев, массовый, но и менее эффективный, в вопросе поиска помощников с определенными знаниями и навыками.

К наиболее эффективным, но и наиболее трудоемким способам относится непосредственная работа с группой потенциальных добровольцев. Для этого специалисты учреждения формируют «портрет» молодежи, которая обладает определенными знаниями и могла бы оказать наиболее подходящее содействие в вопросе организации тематического мероприятия. Например, обращение в ВУЗы и СУЗы, к студентам определенных специальностей, приглашение добровольцев из тематических сообществ, представителей конкретных субкультур через СМИ и социальные сети, общественным организациям, специализирующимся в определенном вопросе, обращение к отдельным специалистам/профессионалам своего дела, которым интересна общественная деятельность, посредством официальных писем и личных приглашений, например, через аккаунты в социальных сетях. Живыми результатами подобных адресных стратегий являются примеры работы молодежного центра города Пскова:

- приглашение студентов медицинского образовательного учреждения, в качестве медицинского персонала на спортивные соревнования;
- работа со студентами по специальности «Реклама и PR» по продвижению конкретного мероприятия на протяжении всей его подготовки в зачет учебной практики;
- приглашение профессионалов к участию в научных и образовательных мероприятиях на безвозмездной основе в качестве спикеров и членов жюри и т.д.

План набора добровольцев-организаторов составляется, исходя из реальных потребностей и возможностей организации, привлекающей добровольцев. Данный план состоит из набора следующих пунктов:

- цель набора и ожидаемые результаты;
- требования к добровольцам-организаторам;
- количество необходимых добровольцев исходя из масштаба мероприятия;
- проводимые мероприятия (шаги), по обучению добровольцев-организаторов, их периодичность и примерное расписание;
- конкретный ответственный из учреждения за каждое мероприятие (шаг) и за обучение;
- определение вариантов позиций участия в мероприятии для добровольцев-организаторов, составления для каждой позиции списка задач;
- выявление информационных каналов поиска добровольцев-организаторов;
- необходимые ресурсы по работе добровольцев-организаторов (например, выделение рабочего места или предоставление определенной техники).

Для того, чтобы набор прошел успешно, необходимо:

- продумать, какие мотивации может удовлетворять предлагаемая работа, представить их в информации, доводимой до потенциальных добровольцев;
- в рекламной информации не следует обещать «воздушные замки», т.к. введение человека в заблуждение при наборе – первый шаг к тому, что он уйдет, не начав работу, т.е. потраченные на него усилия окажутся не только бесполезными, но и начнут отрицательно влиять на имидж организации;
- для специализированных мероприятий нужно набирать только тех, кто нужен, а не всех подряд;

- прежде всего, доброволец для организации, а не организация для добровольца.

Для выбора наилучшего добровольца-организатора и повышения эффективности его работы, уменьшения риска нанести вред, как добровольцу, так и мероприятию, следует очень четко составить описание работы и определить предъявляемые к добровольцу требования. Тщательность отбора должна зависеть от той ответственности, которая делегируется добровольцу-организатору в связи с его работой. Ответственность за действия добровольца во время его работы лежит не только на добровольце, но и на молодежном учреждении. Необходимо отбирать тех людей, которые могли бы соответствовать представлению окружающих о сотрудниках вашей организации. Заполнение анкеты с подробной информацией о себе добровольцем-организатором является естественной процедурой, а не признаком недоверия со стороны учреждения. Далее обязательно до массовых планерок по мероприятию должна последовать личная беседа с каждым добровольцем, в рамках которой специалисты по работе с молодежью должны выяснить уровень коммуникабельности добровольца, его основные мотивы к участию в данной деятельности, его готовность к выполнению конкретных задач, наличие необходимых для проведения мероприятия знаний и личного времени.

Также в качестве дополнительной мотивации каждый доброволец-организатор должен знать, что выполнение всех поставленных перед ним задач в рамках конкретного мероприятия на «отлично» может стать для него залогом для выполнения более ответственных задач в рамках следующих мероприятий учреждения.

1. Лисовский, В.Т. *Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учебное пособие* / В.Т. Лисовский – СПб.: СПб ГУП, 2000. – 519 с.
2. Назарой, О.В. *Социокультурная дифференциация молодежи в сфере досуга как основа создания современных молодежных центров (на примере г.Пскова): дис. канд. соц. наук* / О.В. Назарой. – Санкт-Петербург: 2014
3. *Постановление Правительства РФ от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации».*
4. *Протокол заседания Правительственной комиссии по профилактике правонарушений от 26 сентября 2011 года №3 (г. Москва).*
5. *Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»*
6. Родина, О.А. *Молодежные общественные объединения в современной России: социологический анализ эффективности: дис. канд. соц. наук* / О.А. Родина. – Екатеринбург: 2006
7. Рожнов, О.А. *Минспорттуризм о государственной молодежной политике в РФ: Материалы к «правительственному часу» 250-го Совета Федерации* / О.А. Рожнов // *Аналитический вестник* – М.: №9 (376). – 2009.
8. *Стратегия государственной молодежной политики в РФ / Утверждена распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 года №1760-р*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ)

Неваева Д.А. (Барнаул)

В истории человечества проблема старения является актуальной вне зависимости от периода времени, в котором живет человек. В настоящее время данная проблема приобрела более яркий оттенок. Доля стареющего населения в последние годы стала резко увеличиваться. В период старения психологические и физические процессы начинают снижаться, в том числе и сама активность человека, он теряет привычную роль и

приобретает новый социальный статус. Возникают ограничения в реализации потребностей и интересов. Поведение человека в старости определяется его жизненным опытом, но важным является и отношение со стороны общества. В такой ситуации человеку сложно адаптироваться к новым реалиям. Если индивид не может полноценно реализовать свои права и приспособиться к современным условиям, чувствуя ограничения, он попадает в ситуацию социальной эксклюзии. Актуальность данной проблемы стала основанием для проведения исследования при участии автора.

В нашем исследовании¹ мы рассмотрели мнения респондентов по поводу актуальности проблемы старения для Алтайского края. Результаты оказались следующими: наибольший процент населения считают, что проблема старения является одной из основных проблем региона, но не самой острой (41,2%), а 39,4% считают, что проблема старения не относится к числу важных проблем, но она существует. Данная проблема требует комплексного решения как в экономическом, социальном, так и в технологическом плане. Развитие медицинской сферы, позволяет предположить, что с помощью технологий в данной сфере станет возможным продлить активность пожилых людей, а стандартизация производства позволит работать пенсионерам с ухудшающимся физическим состоянием. Также мы проанализировали мнение респондентов по поводу актуальности проблемы старения по возрастным группам и получили следующие данные: среди молодежи в возрасте от 15 до 30 лет большинство респондентов (46,3%) считают, что проблема старения не относится к числу важных проблем. В возрасте от 31 до 54 лет большинство населения (41,4 %) считают проблему старения одной из основных проблем региона, как и лица пожилого возраста (49%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что актуальность проблемы старения с возрастом увеличивается и приобретает особый смысл. Данный факт объясняется тем, что лица пожилого и старческого возраста чаще сталкиваются с проблемами в экономической, трудовой и медицинской сферах, чем лица других категорий возраста.

На психологическое состояние человека в пенсионном возрасте влияет семейное положение. По представленным данным, мы можем сделать вывод о том, что 57,1% респондентов находятся в зарегистрированном браке и четверть ответивших респондентов являются вдовцом или вдовой (24,5%). При этом стоит отметить, что чаще всего вдовство связывается с одиночеством, упадком жизненных сил, депрессией, а также возникают трудности в общении с другими людьми. В такой ситуации люди могут испытывать чувство вины, но при оказании адресной психологической помощи, станет возможным направить потенциал таких людей на самореализацию.

Мы проанализировали мнение респондентов в различных категориях возраста по поводу вероятности изменения возраста выхода на пенсию. Выход на пенсию, сам по себе, как факт, может восприниматься достаточно отрицательно со стороны человека, и отношение будет формироваться, прежде всего, из того, насколько благополучным является материальное положение человека. На основе полученных данных мы можем сделать вывод о том, что в каждой возрастной группе большинство респондентов считают, что возраст выхода на пенсию не стоит менять. Но с течением времени возраст выхода на пенсию будет увеличен, т.к. количество лиц пожилого и старческого возраста растет, а рождаемость находится на низком уровне. Также стоит учесть, что возраст выхода на пенсию в России является самым низким по сравнению со странами Европы и странами СНГ. Однако при увеличении пенсионного возраста нельзя будет стабилизировать экономическую ситуацию в стране.

Таким образом, учитывая экономическую, социальную, психологическую нестабильность положения лиц пожилого и старческого возраста мы проанализировали, что является долгом общества по отношению к старикам. По полученным данным мы смогли сделать вывод о том, что на первом месте по популярности считается моральная и материальная поддержка пенсионеров. На втором месте – проявление уважения, а среди лиц зрелого и пожилого возраста считается долгом показать пример молодому поколению

пример достойного поведения по отношению к старшему поколению. На третьем месте - обеспечение спокойной старости без проблем. Поддержка лиц пожилого и старческого возраста должна иметь в основе своей нравственные и морально-этические традиции, проявляющиеся в почтении и уважении молодым поколением.

Без поддержки со стороны родственников и близких достаточно тяжело приспособиться к современным условиям. Каждый человек в такой ситуации выстраивает собственную линию поведения, определенную стратегию, которая поможет адаптироваться в такой ситуации. Большинство респондентов (53,5%) ответили, что родственники придерживаются норм, выработанных годами, несмотря на меняющиеся условия, 21,7% считают, что их родственники опасаются причинить какой-либо дискомфорт в совместном проживании, поэтому стремятся жить отдельно, 16,2% отмечают, что их близкие живут в придуманном мире, который не соответствует настоящим реалиям и лишь некоторые отметили (6,9%), что родственники стремятся получать от них помощь. Таким образом, большинство лиц пожилого и старческого возраста испытывают психологические и материальные трудности. В такой ситуации каждый человек ищет способ адаптации к условиям, в которых индивид чувствует свою социальную невостребованность.

На успешную адаптацию пожилого человека к современным условиям может воздействовать несколько факторов и некоторые из них мы проанализировали. По данным нашего исследования респонденты отметили личную инициативу (54,9%), помощь родственников (36%), целеустремленность (19%). Следовательно, основными факторами успешной адаптации к современным условиям пожилого населения являются факторы личного характера.

Оценив процентное соотношение оказания помощи государственными организациями и родственниками, мы можем сделать вывод, что поддержка оказывается в большинстве своем со стороны детей и родственников. Среди государственных организаций на первых местах оказались: Пенсионный фонд, Комитет по социальной защите и Совет ветеранов. В нашей стране необходимым является увеличение количества организаций, оказывающих социальную, психологическую помощь; правовые, медицинские услуги пожилым людям.

В ходе исследования стало ясно, что проблема старения является актуальной. Адаптация в современных условиях протекает достаточно сложно, что ведет к формированию социальной эксклюзии, которая формируется за счет возрастания роли социальных проблем. В течение последних десятилетий позиция пожилого человека в социуме меняется и его опыт не играет уже ведущую роль в решении общественных проблем. Знание региональных особенностей формирования социальной эксклюзии позволяет выработать стратегию эффективной социальной политики, направленной на совершенствование положения лиц пожилого и старческого возраста.

1 "Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по государственному контракту по государственному контракту № 14.В37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012-2013 гг.)"

1. Абрахамсон, П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // *Общественные науки и современность*. - 2001. - № 2. - С. 158.
2. Максимова С. Г. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе на рубеже XX-XXI вв.: Монография / С. Г. Максимова. – Барнаул, 2006. - 360с.
3. Пенсионный Фонд Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.pfrf.ru>

4. *Рогозин, Д. М. Трудные жизненные ситуации в представлениях старшего поколения россиян/ Д. М. Рогозин // Государство и общество. Мониторинг общественного мнения. - 2013. - С. 32-51.*

НОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И БИЗНЕС-СТРУКТУР В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Норова Р.Д. (Москва)

Постсовременное общество генерирует новые экологические, социально-экономические и информационные вызовы. Решение этих проблем зависит от координации усилий государства, гражданского общества и бизнеса. Функционально бизнес стал не только экономическим институтом, но и актором решения социальных проблем. Мировая экономическая рецессия, влияние демографических процессов, усилия гражданского общества актуализировали дискурс социально ответственного поведения компаний.

Во-первых, в настоящее время осознана общественная потребность в социальной ответственности крупного российского бизнеса. Социальные проекты стали новыми технологиями в решении социальных проблем с учётом имеющихся у компании ресурсов. Во-вторых, социальные проекты - это способ накопления символического (репутационного) капитала бизнес-компании. В-третьих, корпоративную социальную политику можно рассматривать как механизм формирования внутригрупповой бизнес-солидарности.

Данная проблематика активно представлена трудами зарубежных и отечественных исследователей. Основоположниками подхода к научному анализу социальной ответственности бизнеса считаются Г. Боуэн (монография «Социальная ответственность бизнеса», 1953), П. Друкер («Управление по целям» (1964), «Эффективный руководитель» (1967)). Следует отметить труды таких учёных, как Гальперина З., Мазур, И. и Шапиро, В. (Управление проектами: учебник, 2004), Ольдероге Н., Шейн В., Новиков Д., Пятков А., Разу М., Выходцева Е., Титов С., Бронникова Т., Ищенко А., Секлетова Г., Заренков, В. (Управления проектами, 2010 г.), Прихожан И.А. «Управление социальным проектом» (2009), Костюченко Е.В. «Социальная ответственность бизнеса как индикатор его конкурентоспособности» (2012), Булдыбаевой Г.Н. «Социологический анализ социально-корпоративной ответственности компаний нефтегазового сектора Западного региона Казахстана» (2013), Шамаевой С.Д. «Эффективное управление проектами в сфере корпоративной социальной ответственности (на примере проекта «Газпром - детям» (2014)).

Так, например, социальная политика компании «Газпром» активно вовлечена в государственные обязательства по социальному развитию страны. Компания за счет собственной прибыли решает актуальные общественные проблемы и задачи социального развития как на федеральном, так и на региональном, и местном уровнях. ОАО «Газпром» направляет средства на строительство и ремонт объектов социальной сферы, софинансирует масштабные культурные и спортивные мероприятия, помогает Церкви, обеспечивает детские дома, школы, участвует в международных инициативах. Компания выделяет средства на объекты и программы, предложенные государственными органами.

Культура и спорт являются ключевыми направлениями в социальной деятельности «Газпрома». В качестве примеров упомянем проект «Газпром — детям», ежегодный проект «Открытый мир», разработанный совместно с австрийским некоммерческим объединением Energy for Life, международный культурный проект «Открытая Европа».[1]

При поддержке «Газпрома» и ENGIE (Франция) в рамках программы Года культуры в России реализован музыкально-просветительский проект «Мастера мирового исполнительского искусства». Концерты ведущих мировых музыкантов — французского квартета «Паризии» и российского «Трио им. Рахманинова» — прошли в Москве, Санкт-Петербурге и Владивостоке. В 2014 году также прошел традиционный Фестиваль искусств «Газпрома» и CNPC, проводящийся с 2007 года.[2]

Отличительной чертой социальной деятельности «Газпрома» является поддержка международных проектов. Таким образом «Газпром» стремится формировать образ социально ответственной компании как внутри страны, так и на международном уровне.

Другим примером реализации социальной политики в нефтегазовой отрасли является компания ПАО «Татнефть». Являясь крупным предприятием, компания проводит активную социальную политику на территории Татарстана. Следуя принципам корпоративной социальной ответственности, ПАО «Татнефть» вместе с муниципальными органами власти реализует проекты по благоустройству городов и посёлков регионов деятельности, принимает участие в строительстве социально значимых объектов.

С 2004 года в ПАО «Татнефть» действует специальный корпоративный проект по поддержке малого и среднего бизнеса. Целями проекта являются создание новых рабочих мест и обеспечение социальной стабильности в регионе деятельности. Важная роль в обеспечении корпоративного проекта отводится дочернему предприятию ООО «Инновационно-производственный Технопарк «Идея - Юго-Восток» в городе Лениногорске. В основу концепции развития Технопарка заложено привлечение наиболее перспективных инновационных проектов в регионе и создание наиболее благоприятных условий для их развития.[3]

Тема социальной ответственности бизнеса на сегодня - одна из наиболее обсуждаемых в современном мире. Это связано с тем, что в настоящее время значительно возросла роль бизнеса в социальном развитии и повысились требования к его открытости. Западные и российские компании нефтегазового сектора осознали, что успешно вести бизнес в изолированном пространстве, невозможно. Поэтому интеграция принципа социальной ответственности в стратегию развития бизнеса становится характерной чертой ведущих национальных и международных компаний. Проявлением этого подхода является подготовка корпоративного социального отчёта.

Понятие социальной отчётности компании создано для повышения открытости бизнеса перед обществом, информирования компаниями заинтересованных сторон о своей социальной деятельности. Корпоративный социальный отчёт позволяет комплексно представлять обществу результаты деятельности компании, вести диалог с общественными группами, выявлять их оценки и ожидания. Под заинтересованными сторонами подразумевается широкий круг общественных организаций, государственных структур и просто людей, на которых компания оказывает влияние.

Выражая свою приверженность принципам социальной ответственности бизнеса перед государством и обществом, повышения его открытости по всем направлениям деятельности, ПАО «Татнефть» впервые подготовило Корпоративный социальный отчет в 2004 году, в котором были представлены основные экономические, социальные и экологические результаты деятельности компании. В нём нашли отражение как внутренние социальные программы, которые ориентированы на собственных работников, так и внешние - направленные на социальное окружение. Компания планирует выпускать социальный отчет ежегодно. Надо отметить, что для «Татнефти» подготовка ежегодной социальной отчетности важна не только как способ информирования общества о результатах своей работы, но и как процесс оценки собственной деятельности, в котором участвуют все подразделения компании.[4] Все больше российских компаний приступает к реализации различных социальных проектов. Многие компании осознали необходимость предоставления обществу социальных отчетов. Всё это говорит о понимании бизнесом необходимости осуществления социальной ответственности.

[1] Чаритиз Эйд Фаундейшн, Филиал в России «Особенности благотворительной деятельности компаний нефтегазовой отрасли» // Москва, 2010, стр.11

[2] www.gazpromquestions.ru/social (по состоянию на 10 октября 2015 года)

[3] Глебова И.С. «Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом: Учебное пособие. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008, стр.67

[4]] Глебова И.С. «Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом: Учебное пособие. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008, там же

1. Шамаева С.Д. *Эффективное управление проектами в сфере корпоративной социальной ответственности (на примере проекта "Газпром-Детям", Москва, 2014*
2. Булдыбаева Г.Н. *Социологический анализ социально-корпоративной ответственности компаний нефтегазового сектора Западного региона Казахстана, Республика Казахстан, Алматы, 2013*
3. Костюченко Е.В. *Социальная ответственность бизнеса как индикатор его конкурентоспособности, Ростов-на-Дону, 2012*
4. Мазур И., Шапиро В., Ольдерогге Н., Шейн В. *Управление проектами, Москва, 2004*
5. Глебова И.С. *Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом: Учебное пособие. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008*
6. Чаритиз Эйд Фаундейшн, Филиал в России *Особенности благотворительной деятельности компаний нефтегазовой отрасли // Москва, 2010*
7. www.gazpromquestions.ru/social (по состоянию на 10 октября 2015 года)

КАЧЕСТВО УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ УЧРЕЖДЕНИЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ, В ОЦЕНКАХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Носкова Е.П., Шакирова А.Ф. (Казань)

В данной публикации представим некоторые данные, полученные в рамках социологического исследования по оценке удовлетворенности качеством услуг в учреждениях социальной сферы Республики Татарстан. Подобные исследования регулярно проводятся в республике по заказу государственного бюджетного учреждения «Центр экономических и социальных исследований Республики Татарстан при Кабинете Министров Республики Татарстан». Целью мониторинговых исследований является отслеживание изменений в оценках удовлетворенности населения Республики Татарстан качеством услуг в социальной сфере, предоставляемых учреждениями различного типа на территории республики. Объект исследования – потребители услуг учреждений образования, здравоохранения, культуры, физкультуры и спорта и социальной защиты Республики Татарстан в возрасте от 18 лет и старше. Здесь рассмотрим лишь некоторые данные, касающиеся оценки качества услуг в учреждениях социальной защиты республики (ноябрь 2014 г.).

Методика исследования. Теоретико-методологической базой исследования выступает структурно-функциональный подход. Возможности структурного функционализма позволят рассмотреть деятельность учреждений социальной сферы республики как комплексное явление (через основные параметры деятельности данных учреждений). В соответствии с данным методологическим подходом, исследователями была выбрана количественная исследовательская стратегия. В качестве основного метода мы использовали метод выборочного опроса потребителей услуг учреждений социальной защиты (n=806) Республики Татарстан в возрасте от 18 лет и старше, пользовавшихся услугами данных учреждений в течение последнего года. Опрос проводился среди

городского и сельского населения в 20 муниципальных образованиях республики. В рамках исследования респондентам было предложено оценить качество услуг в учреждениях пяти типов: 1) управление (отдел) социальной защиты, 2) центр социального обслуживания населения, 3) центр занятости населения, 4) дом-интернат для престарелых и инвалидов и 5) социально-реабилитационное учреждение для инвалидов (в том числе для детей и подростков).

Оценка качества услуг учреждений социальной защиты. Согласно полученным данным, наихудшую оценку качества услуг среди учреждений получили управления социальной защиты (3,9 балла по 5-балльной системе), а максимальную оценку – социально-реабилитационные учреждения для инвалидов (в том числе для детей и подростков) (4,4). Горожане в первую очередь недовольны качеством услуг, предоставляемых управлением социальной защиты (3,8), а сельские жители не удовлетворены работой домов-интернатов для престарелых и инвалидов (3,9). Горожане наивысшую оценку (4,4) дали социально-реабилитационным учреждениям для инвалидов (в том числе для детей и подростков), домам-интернатам для престарелых и инвалидов. Сельские жители больше всего удовлетворены качеством предоставления услуг социально-реабилитационными учреждениями для инвалидов (в том числе для детей и подростков) (4,5).

Анализ оценок татарстанцев относительно качества разного вида услуг, предоставляемых учреждениями социальной защиты, показал, что, в первую очередь, клиенты – как горожане, так и сельчане – довольны качеством психологических консультаций (4,2 балла по 5-балльной системе). В разрезе распределения между городским и сельским населением выявились некоторые различия: горожане меньше всего довольны медико-социальным обслуживанием (3,6), а сельские жители – обеспечением одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости (3,3).

Основным каналом информирования о центрах социального обслуживания населения является «сарафанное радио» (получение сведений от знакомых, родственников – 56,7%). На втором месте по популярности – получение информации от сотрудников центра социального обслуживания населения (21,1%). Информирование из газет – на третьем месте (18,8%).

Актуальные проблемы. В учреждениях управлений (отделов) социальной защиты самой главной проблемой, по мнению чуть менее половины респондентов (47,4%), является проблема больших очередей при обращении за помощью (например, за субсидиями и прочими выплатами), а также бюрократия при оформлении документов на получение услуг (26,5%), медлительность работников учреждения (30,7%).

В целом клиенты центров социального обслуживания населения недовольны слабой материально-технической базой учреждения (24,8%), отсутствием возможности бесплатного копирования требуемых документов (22,9%). При этом 24,5% опрошенных респондентов считают, что проблемы отсутствуют.

Посетители центров занятости населения, в первую очередь, высказывают свое недовольство материально-технической базой учреждения (24,8%), затем – отсутствием разъяснительной информации по интересующим вопросам (22,9%), большими очередями при обращении за помощью (например, за субсидиями и прочими выплатами) (21,9%).

Четверть респондентов, пользующихся услугами домов-интернатов для престарелых и инвалидов (26,5%), отметили, что проблемы отсутствуют. Самой актуальной проблемой для данной категории лиц является слабая материально-техническая база учреждения (23%).

Клиенты социально-реабилитационных учреждений для инвалидов (в том числе для детей и подростков) сталкиваются со следующими проблемами: отсутствие развитой транспортной инфраструктуры (27,9%), большая очередь на получение услуг по реабилитации (17,4%), слишком короткий срок реабилитационных мероприятий (16,9%), слабая материально-техническая база учреждений (16,9%).

Основными проблемами, с которыми респондентам пришлось столкнуться при получении социальных услуг на дому, стали: бюрократия и долгий процесс (13%), халатность и невнимательное отношение к работе (8%). Три четверти опрошенных (76%) считают, что проблемы отсутствуют.

Рекомендации. В качестве основных мероприятий по улучшению работы учреждений социального обслуживания население отметило повышение заработной платы работников сферы социальной защиты (41,8%), так как именно в низкой оплате труда, низкой материальной мотивации специалистов многие видят причину низкого качества услуг ряда учреждений социальной защиты.

На втором месте – усовершенствование стандартов предоставления государственных услуг (36,8%), что является закономерным вследствие актуализации данной проблемы в большинстве учреждений социальной защиты. Примерно такая же доля опрошенных (35,1%) предлагает улучшить материально-техническое оснащение учреждений социальной защиты. На третьем месте – повышение профессионального уровня работников учреждений социальной защиты (27,7%) и уровня культуры работников учреждений социальной защиты (24,1%).

Очевидно, что реабилитационные центры для инвалидов в настоящее время хорошо оснащены и модернизированы, чего нельзя сказать о ряде других учреждений – например, домов-интернатов для престарелых и инвалидов и др. Кроме того, нередко при высокой оценке состояния материально-технической оснащенности, профессионализма и культуры сотрудников находятся на уровне, не способном обеспечить действительно качественные услуги, что отмечалось потребителями услуг. Повышение заработной платы, преодоление текучести кадров, привлечение большого количества выпускников с высшим образованием по специальности «социальная работа» помогут повысить качество услуг.

При анализе полученных данных и использовании их при принятии управленческих решений важно помнить, что высокие оценки ряда параметров деятельности учреждений зачастую связаны с положительным отношением клиентов к работникам учреждения при сформированной благоприятной социально-психологической среде. Таким образом, клиенты могут «закрывать глаза» на недостатки материально-технической базы, комфортность помещения и пр. в случае положительной оценки работы персонала. Вследствие этого, важно дополнять опрос непосредственным наблюдением за деятельностью учреждений.

Публикация подготовлена в рамках Гранта РГНФ №15-32-01322 «Имитационное моделирование геодемографической инфраструктуры региона: прогностическая геоинформационная модель»

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Паньков П.А., Бистяйкина Д. А. (Саранск)

Здоровье граждан является одним из наиболее важных составляющих национального богатства. В процессе охраны и укрепления здоровья населения расходуется часть валового внутреннего продукта, но при этом само здоровье является особым экономическим ресурсом, которое во многом определяет эффективность социально-экономического развития. Основополагающей задачей политики государства является создание условий для роста благосостояния населения. Создание базы для

сохранения и улучшения физического и духовного здоровья граждан в значительной степени способствует решению указанной задачи.

В данных тезисах представим результаты авторского социологического исследования на тему: «Взаимодействие социальных институтов в формировании культуры здорового образа жизни». В рамках авторского исследования мы опросили граждан, проживающих в г.о. Саранск. Выборка – целевая (100 чел., из них 50-мужчин, 50 - женщин). Возраст опрашиваемых составил 20-70 лет (20-30 лет – 20,0 %, 30-40 лет – 20,0%, 40-50 лет - 20,0 %, 50-60 лет - 20,0 %, 60-70 лет –20,0 % респондентов). Объем выборочной совокупности – 100 человек. Тип выборки - неслучайная (направленная), имеющая характер гнездового отбора. Отбор респондентов происходил в период практики.

Анализ открытого вопроса «Что Вы понимаете под культурой здорового образа жизни?» показал, что респонденты термин «культура здорового образа жизни» отождествляют со следующими понятиями: «ведение культуры здорового образа жизни», «систематическое занятие спортом», «отсутствие вредных привычек», «соблюдение принципов здорового образа жизни», «образ жизни», «культурное поведение», «ответственность перед своим здоровьем» и т.д.

Анализ ответа респондентов на вопрос: «Ведете ли Вы здоровый образ жизни?» позволил выявить следующее : «да»- 80,0% респондентов, «нет»- 20,0 % респондентов. Важно отметить, что большая часть респондентов считает, что они ведут здоровый образ жизни. Женщин из их числа больше (60,0 %), чем мужчин (40,0 %).

На вопрос: «Достаточно ли условий для занятий спортом, у нас в РМ?» ответили достаточно – 40,0 %, недостаточно - 20,0 %, затрудняюсь ответить - 40,0 %.

Рисунок 3 – Анализ вопроса: «Достаточно ли условий для занятий спортом у нас в РМ?»

Анализ вопроса: «Хотели бы Вы заниматься физкультурой или спортом?» 68,0 % респондентов хотел(-а) бы, 30,0 % - не хотел(-а) бы, 2,0 % выбрали вариант ответа «затрудняюсь ответить».

На вопрос: «Интересуетесь ли Вы информацией о спорте, спортивных событиях, здоровом образе жизни, правильном питании?» были получены следующие варианты ответов: интересуюсь – 40,0 % , не интересуюсь- 60,0%.

Анализ результатов авторского исследования показал, что основным источником информации о том, как решить проблему со здоровьем, являются рекомендации врачей (80,0 %). На втором месте - советы близких людей, ими руководствуются 20,0 % опрошенных. Собственный опыт помогает нашим согражданам справляться с недугом в 28,0 % случаев. Треть респондентов сообщили, что черпают полезную информацию из телевизионных передач (30,0 %). В числе других опасений были названы: информационные материалы в аптеках и поликлиниках, а также печатные издания (по 9,0 %), радио (3,0 %).

На вопрос: «Каковы перспективные направления деятельности социальных институтов в формировании здорового образа жизни?» мы получили следующие результаты: «активно проводить пропаганду здорового образа жизни», «совершенствовать методы работы», «делать и организовывать просветительскую работу», «не лениться и заниматься спортом», «законы улучшать в данной сфере», «ужесточить контроль», «формировать правильный образ жизни в школах», «улучшать спортивные площадки и стадионы», «формировать мотивы занятия спортом» и т.д.

Анализ вопроса: «Если Вы не ведете здоровый образ жизни, то что Вам мешает это делать?» показал, что 50,0 % респондентов ответили - нехватка времени; 30,0 % - нехватка денег; 20,0 % - нет необходимости. Ответственность за здоровый образ жизни человека, по мнению респондентов, несет семья (40,0 % респондентов), система образования – 20,0 %, 70,0 % - сам человек, система социальной защиты – 20 %, система здравоохранения – 35 %, государство – 25 %.

Однако, когда предлагалось определить процентную зависимость здоровья человека от образа жизни, возникла следующая ситуация: 47,0 % считают, что образ жизни зависит от здоровья, 30,0 % «от того, как он проживает», от 70,0 % опрошенных считают, что зависит от уровня медицинского обслуживания; 2 % респондентов затруднились ответить на вопрос.

73,0 % опрошенных считают, что на здоровье человека условия жизни влияют частично, а 27,0 % опрошенных считают, что на здоровье человека условия жизни сильно влияют. 14,0 % опрошенных считают, что на здоровье человека физическая культура влияет частично, а 66,0 % опрошенных считают что на здоровье человека физическая культура влияет сильно. 7,0 % опрошенных считают, что на здоровье человека медицинское обслуживание влияет частично, а 83,0 % опрошенных считают, что на здоровье человека медицинское обслуживание сильно влияет. 100,0 % опрошенных считают, что на здоровье человека условия окружающей среды сильно влияют.

На вопросы «Нужно ли вести здоровый образ жизни?», «Нужно ли систематически заниматься физкультурой, питаться рационально, соблюдать режим дня?» многие из респондентов дали положительный ответ. При анализе реальных жизненных форм этих показателей, было установлено, что с идеальными представлениями опрошенных их реальный образ жизни не совпадают между собой. Как видно, представления респондентов о здоровом образе жизни и их жизненное поведение различны, а это говорит о том, что у них еще не сформирована культура здорового образа жизни.

Таким образом, как показало исследование, население ограничивается лишь знанием составляющей структуры проблематики формирования культуры здорового образа жизни. Имеет определенную информацию о культуре здорового образа жизни, но пользуется этими знаниями в практике в недостаточную меру. Также, общество не владеют достаточным знанием об особенностях своего региона и не учитывают их в своем образе жизни; владеют недостаточными знаниями о проблемах, связанных со здоровьем субъектов учебного процесса; не достаточны знания о факторах несущих риск здоровью, связанные с профессиональной деятельностью.

На вопрос: «Какие субъекты формирования культуры здорового образа жизни Вы знаете?» получили следующие варианты ответов: «Образование», «Семья», «Здравоохранение», «Социальная работа», «Государство».

На вопрос: «Какова роль социальной работы в формировании здорового образа жизни?», получили следующие ответы: большая часть респондентов ответила, что «одно из главных», «велика роль», «первостепенную роль», «определяющее влияние», и т. д.

Одним из ключевых вопросов нашего исследования был вопрос о факторах, в наибольшей степени влияющих на здоровье населения. При выборе из шести возможных вариантов («природная среда», «усилия самого человека», «наследственность», «качество медицинского обслуживания», «условия жизни», «вредные привычки») у населения на 1-м месте на «усилия самого человека» (46,0 %), на втором – фактор «условия жизни» (40,5 %).

Таким образом, важность осознания собственных усилий для поддержания здоровья напрямую связана с его самооценкой.

Неожиданным результатом исследования было обнаружение новой тенденции, связанной с осознанным отношением людей к своему здоровью и соответствующим самосохранительным поведением. Впервые значительная доля респондентов – около 68% – в качестве ведущей причины заботы о здоровье назвали не «ухудшение здоровья», как это было в предыдущие 25 лет исследований, а «желание быть сильнее, здоровее». Эти ответы свидетельствуют о постепенной перестройке системы ценностей и изменении отношения к здоровью.

Формирование здорового образа жизни – сложный системный процесс, охватывающий множество компонентов образа жизни современного общества и включающий основные сферы и направления жизнедеятельности людей.

Ориентированность на ведение здорового образа жизни зависит от множества условий. Это и объективные общественные, социально-экономические условия, позволяющих вести, осуществлять здоровый образ жизни в основных сферах жизнедеятельности (учебной, трудовой, семейно-бытовой, досуга), и система ценностных отношений, направляющая сознательную активность людей в русло именно этого образа жизни.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ Г.О. САРАНСК)

Панькова Е.Г., Паньков П. А. (Саранск)

Доминантными факторами, определяющими современную систему социальной работы муниципального уровня являются действующее законодательство, специфика финансового обеспечения (в частности, дефицитность и дотационность бюджетов муниципальных образований), а также перераспределение предметов ведения и полномочий между различными уровнями власти. Наибольшее количество функций закреплено на федеральном и региональном уровнях, вместе с тем органы местного самоуправления выполняют широкий спектр задач с целью улучшения качества и уровня жизни населения муниципального образования.

В настоящее время в связи с изменениями в современном обществе перед муниципальными образованиями стоит задача повышения качества общественного управления в сфере социальной поддержки населения, в том числе посредством совершенствования взаимодействия государственных и негосударственных структур. Необходим переход на управление и финансирование, ориентированное на результат. Наиболее успешным механизмом, позволяющим охватывать различные группы населения, предоставлять комплексную адресную поддержку и помощь, и эффективно распределять финансовые средства является социальное проектирование.

Городской округ Саранск (Республика Мордовия) имеет определенный опыт реализации программ и проектов социальной помощи и поддержки. Данное направление на уровне городской среды наиболее активно развивается с 2009 года. Ежегодно в г.о. Саранск реализуется более 100 проектов, включающих около 1000 Акций и мероприятий, охватывающих более 50 тысяч жителей города.

Реализуемые проекты социальной поддержки различны: они охватывают детей с ограниченными возможностями, детей-сирот, детей находящихся в конфликте с законом и семей воспитывающих данные категории детей. Разработчиками проектов и участниками проектных мероприятий являются – органы власти, представители бизнес структур, учреждения образования, спорта, культуры, общественные организации. Реализуя общегородские проекты, Департамент по социальной политике поддерживает и координирует локальные проекты на уровне ВУЗов и СУЗов (37 проектов), школ (43 проекта), детских садов, НКО бизнеса и других структур. Многосубъектность и межведомственный характер организации работы отвечает принципам гражданского общества и современным социальным стандартам, способствует развитию социальной активности и ответственности граждан, позволяет им включиться в жизнь городского сообщества.

Многие проекты стали традиционными «Город добрых дел», «Мир детства», «Благотворительный сезон - детям», «Волонтеры - детям». Многие инициативы только получают свое развитие. Так в 2015 году разработаны 17 новых проектов (7 из них

принимали участие в конкурсном отборе Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации).

Проектная работа требует создания определенных условий, концентрации усилий, финансов и высокого кадрового потенциала. С этой целью на протяжении 5 лет совместно с волонтерами МРО ВОО «Молодой гвардии» реализуется проект «Школа проектной деятельности».

Одним из механизмов эффективного муниципального управления социальной поддержки граждан является создание и работа интернет ресурса - портала «Город равных возможностей», который отражает в себе весь спектр проводимых в городе мероприятий и мер социальной поддержки жителей города. Данный ресурс создан в рамках реализации ранее одного из проектов.

Необходимо отметить и тот факт, что реализация социальных муниципальных проектов способствует активному включению в деятельность данного направления средств массовой информации как важного социального ресурса, средства социального развития.

Очевидно, плюс проектной работы в том, чтобы стремиться и достигать конкретных измеримых положительных изменений у детей (или другой группы населения). Как показывает опыт, вероятность достижения желаемых результатов в рамках проектного подхода крайне высока. К тому же в ходе реализации проектов, проводится регулярный мониторинг их результативности. Легко отслеживать, как решается каждая поставленная задача, адекватны и значимы ли проводимые мероприятия, что позволяет повышать эффективность принимаемых управленческих решений.

Очень важно и приятно, что по итогам реализации муниципальных социальных проектов г.о. Саранск становился победителем и призером конкурса городов России «Город равных возможностей для детей», «Ребенок должен жить в семье».

Несмотря на прилагаемые усилия и имеющийся опыт социального проектирования приоритетными являются новые направления деятельности в области социальной поддержки граждан. В том числе:

- оказание содействия в продвижении инклюзивного образования;
- развитие системы дополнительного образования детей с ограниченными возможностями (секций, кружков, творческих мастерских, изостудий, клубы радиолюбителей);
- использование новых технологий по созданию благополучной обстановки в семье;
- дальнейшее развитие благотворительности и меценатства. Активное вовлечение коммерческого сектора в решение социальных проблем города.

Таким образом, учитывая практику г.о. Саранск, социальное проектирование - эффективный механизм муниципального управления и взаимодействия государственных и негосударственных структур, позволяющий выбрать правильный вектор в решении социальных задач.

1. Кузнецова Е.М. Особенности социальной работы на муниципальном уровне / Омские социально-гуманитарные чтения – 2012: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. – С. 69-72. – ISBN 978-5-8149-1271-8

ПРОЕКТ КАК ПРОГРЕССИРУЮЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Пашковская М.А. (Санкт-Петербург)

Каждая общественная организация (общественное объединение) действует в рамках определённой направленности и специфики (спортивные, военно-патриотические,

общественно-политические, творческие, религиозные, благотворительные, культурно-досуговые и др). При этом, в рамках организации могут реализовываться проекты различного профиля.

Под проектом понимается уникальная деятельность, имеющая начало и конец, осуществляемая в соответствии с запланированной программой, направленная на достижение определённого результата, создание уникального продукта или услуги, учитывая при этом заранее заданные требования, ресурсы, уровни риска. Понятие «общественный проект» является одним из видов проекта; обращение к данному понятию целесообразно при рассмотрении социокультурной жизни и способов её преобразования. Общественный проект (в широком смысле) – модель человеческой деятельности в рамках общественной организации или общественного объединения, направленная на преобразование социальной ситуации. Общественный проект необходим при возникновении и совпадении трёх условий:

- 1) Наличие сложной общественно-социальной проблемы;
- 2) Необходимость предварительного моделирования способов её решения;
- 3) Наличие в распоряжении средств и ресурсов для решения данной проблемы».

С 2013 года Общественная палата Российской Федерации занимается предоставлением информации о конкурсах на получение грантов по Президентской программе через Портал господдержки Неправительственных Некоммерческих Организаций (далее ННО). В конце 2014 года на конкурс государственной поддержки ННО, занимающихся реализацией социально значимых проектов, было подано около 3000 заявок, и только 347 получили одобрение и гранты. Из этих 347 – 146 отобранных заявок приходится на Санкт-Петербург и Ленинградскую область (далее ЛО). И только 15 заявок на проекты были одобрены (территория распространения деятельности – СПб и ЛО). Таким образом, можно сделать вывод, что проектная деятельность является достаточно новым направлением, находящимся в процессе развития и становления. Появление статистики по проектам за 2014-2015 год говорит о том, что теперь деятельность общественных проектов привлекла к себе заслуженное внимание и государства, и специалистов по социальной работе, и общества в целом.

При анализе специфики данных проектов можно сделать выводы о разнообразии, как по видам проектов, так и по основным направлениям деятельности.

В Северо-Западном Федеральном округе (далее СЗФО) достаточно международных проектов (проект «Старшее поколение 2015», «Адмиралтейская игла»), ещё больше – региональных. Это:

- общественные благотворительные проекты (проект «Социальный театр»);
- просветительские, информационные (проект «Гражданское общество за семейное устройство»);
- физкультурно-оздоровительные (проект «Готов к труду и обороне XXI век»);
- образовательные (проект «Русский Крым»);
- культурно-досуговые (Проект «Парк «Крепость Орешек»);
- социальные (проект «Право выбора»).

Социальные проекты направлены на:

- а) защиту прав нуждающихся людей и их занятость (проект «Танец без границ»);
- б) участие граждан в политике (проект «Концепции семейной политики Санкт-Петербурга на 2012 – 2022 гг.»);
- в) решение экологических проблем (проект «Разработка и апробация модели биоиндикации влияния зон геодинамически активных разломов на здоровье городского населения»);

- d) модернизацию образовательной системы (проект «Методическая наука – школьному филологическому образованию»);
- e) нравственное и эстетическое воспитание молодёжи (проект «Связь поколений – добровольческий молодёжный клуб «ВНУЧАТ»);
- f) наркоманию и молодёжную преступность (проект «Правильный выбор»).

Следует отметить, что участие в различных социально-общественных проектах очень актуально и полезно для граждан любой возрастной категории. Большинство перечисленных выше проектов являются молодёжными. Сам факт участия в таких программах говорит о том, что молодым людям не безразлична мировая ситуация и существующая социальная обстановка. Участие в полезных проектах даёт множество преимуществ, например: получение собственного опыта в решении тех или иных проблем, опыт в осуществлении организационного процесса и управлении, возможность общения с будущими потенциальными работодателями, появление профессионального и карьерного старта, общение с инициативными и социально активными людьми, расширение собственного кругозора и интересов, ощущение своей значимости и востребованности своих действий.

При более детальном анализе специфики деятельности и реализации проектов становится очевидным тот факт, что кроме участия в общественных организациях, появилась возможность участия в различных социально значимых проектах. Проекты могут реализовываться в рамках программ общественных организаций, но также есть организации или союзы, формирование которых произошло после внедрения и успешного завершения проекта.

При рассмотрении деятельности общественных организаций в рамках внедрения и осуществления различных социально-значимых проектов, можно сделать вывод, что общественные организации практикуют проведение проектов, тем самым успешно реализуя свою деятельность, привлекая молодёжь к участию, информируя и заявляя о себе. Проектная деятельность становится относительно новым и обширным прогрессирующим направлением, которое требует внимания со стороны как специалистов по социальной работе, так и самого государства.

1. Щербакова, Д. В. Социализация молодежи через участие в студенческих отрядах / Д. В. Щербакова // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: монография / С.О. Волк-Леонович, И.Э. Дитковская, С. В. Кишко и др. – Книга 21. – Новосибирск: Издате
2. Пашковская, М. А. Развитие молодёжи через участие в общественных проектах [Текст] / под ред. Г. В. Ковалёвой // Инновационные социально-экономические технологии в реализации государственной молодёжной политике: матер. Междунаучно-практ. конф. СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2014. - С. 229-232.
3. Ковалёва, А. И. Социология молодёжи: Теоретические вопросы [Текст] / А. И. Ковалёва, В. А. Луков. – М.: Социум, 1999. – 351 с.

ТРУДОУСТРОЙСТВО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ С НАЛИЧИЕМ ИНВАЛИДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СРАВНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Пименова И.Н. (Нижний Новгород)

Инвалидность является одной из основных причин потери трудоспособности и изоляции от общества. Преимуществом сравнения ситуации в России и Германии в контексте трудоустройства лиц с инвалидностью является возможность показать сильные и слабые стороны этих двух стран в современных условиях.

Как известно, существуют 3 лечебно-трудовых режима при инвалидности: терапевтический (трудовая терапия), реабилитационный (профессиональная реабилитация) и традиционный (официальное трудоустройство), которые согласно законам практикуются как в России, так и в Германии. Однако сложно сказать, насколько часты случаи трудоустройства инвалидов в России, так как наблюдать их на рабочем месте представляется редким явлением. Для сравнения, в Германии время от времени на тех или иных местах работы можно встретить людей с ограниченными возможностями. Причем это не только изолированные от общества рабочие места, но и должности, связанные с постоянным контактом с другими людьми. По данным проведенного социологического опроса выяснилось, что студенты Германии (а конкретно города Эссена) намного чаще наблюдают инвалидов за рабочими местами, в России же (в городе Нижний Новгород) данное явление является довольно редким.

Не стоит забывать, что помимо законов и работодателей к факторам, способствующим трудоустройству молодежи с наличием инвалидности, могут относиться:

- удобства, которые предоставляет государство;
- личная мотивация индивида быть полезным обществу и своему государству;
- положительное отношение общества к инвалидам;
- взаимодействие государственных и негосударственных структур для помощи в интеграции лиц с ограниченными возможностями.

Под удобствами понимаются не только законы, закрепляющие помощь и гарантию предоставления рабочих мест инвалидам, но и инфраструктура страны. Все, что окружает человека в Германии, в той или иной степени создано для удобства, в большей степени для удобства инвалидов. Начиная от пандусов и заканчивая местом в обществе – все направлено на поддержку инвалидов. Границы между здоровыми людьми и инвалидами практически стираются. Для Германии не является редкостью увидеть на улице людей с различными отклонениями в здоровье. Каждое здание оснащено оборудованием, позволяющим инвалидам зайти в него или захватить на инвалидном кресле. В России же не везде можно увидеть пандусы, не говоря уже о самих инвалидах. Получается, если существование инвалидов в целом осложнено недостатками в инфраструктуре, то их занятость в принципе осложнена вдвойне.

Личная мотивация играет одну из главных ролей при трудоустройстве. Желание работать является ключевым моментом в данном вопросе. Мотивация работать может быть легко заменена на нежелание работать. Очевидно, что в таком случае человек будет получать пособие по безработице, пособие по инвалидности, а также льготы, для чего не придется работать. Для большинства немцев получение льгот является унижительным процессом. Многие понимают, что при получении пособия их будут считать бесполезными членами общества, поэтому даже при наличии права на пособие они не идут его получать, напротив – они идут работать.

Отношение окружающих людей в обществе также сказывается на решении инвалидов о трудоустройстве. Стоит сказать, что в стране, где все окружающие спокойно относятся к любым физическим, психическим и умственным отклонениям людей, гораздо легче интегрироваться в общество, найти себя, реализоваться, а, значит, и трудоустроиться. Сложно судить, насколько положительно или враждебно относятся люди к инвалидам. Однако стоит сказать, что в Германии давно используется инклюзивное образование детей и молодежи. Здоровые дети учатся с детьми-инвалидами, что помогает всем с детского возраста привыкать к тому, что в социуме есть как здоровые люди, так и больные. К тому же социализация детей-инвалидов проходит вдвойне эффективно, если они постоянно контактируют со здоровыми детьми. В России, к сожалению, существует не так много школ с инклюзивным образованием, в связи с чем у родителей здоровых детей часто появляется страх, представив, что их ребенку нужно было бы учиться с ребенком-инвалидом. Отсюда вытекает проблема принятия обществом

как детей-инвалидов, так и взрослых. Таким образом, отделение здоровых детей и детей-инвалидов в России способствует лишь усугублению проблемы. Очевидно, что в более зрелом возрасте люди все так же относятся к инвалидам.

Наконец взаимодействие государственных и негосударственных структур в социальной сфере играет в данном контексте важнейшую роль. Следует сказать, что в Германии осуществляют свою деятельность многие благотворительные фонды, некоммерческие организации, организации при церквях, которая направлена на поддержание инвалидов (в том числе их трудоустройства). Появление же во многих городах России общественных организаций, благотворительных фондов, развитие добровольчества оказывает колоссальную поддержку в интеграции инвалидов в общество. Такие негосударственные структуры, как региональная общественная организация инвалидов «Перспектива»(Санкт-Петербург), центр социально-трудовой адаптации инвалидов «Мастер»(Санкт-Петербург), благотворительная организация помощи детям и взрослым с ограниченными возможностями «Шаг навстречу»(Санкт-Петербург), благотворительная организация инвалидов с детства «Радуга»(Нижний Новгород), общественная организация инвалидов «Социальная защита» (Нижний Новгород), а также многие другие вносят вклад в развитие сотрудничества государственных и негосударственных структур. Практически весь некоммерческий спектр реализует крупномасштабные социально-значимые проекты, направленные на социальную поддержку как инвалидов, так и других категорий населения страны.

Учитывая складывающуюся ситуацию в России, инвалиды нуждаются в специально созданных условиях труда на специализированных предприятиях, цехах, участках. Однако для той части данного контингента, которая сохранила профессионально важные качества, а также адаптирована к обществу есть шансы на трудоустройство в открытом рынке труда. К сожалению, в России наблюдается нежелание работодателей принимать на работы подобную категорию граждан. Тем временем в Германии инвалиды давно имеют возможность работать как в мастерских, цехах, так и в открытом рынке труда, и с успехом практикуют данную деятельность.

Законодательная база России и Германии без сомнения направлена на содействие молодежи с инвалидностью в сфере трудоустройства. Однако многие публикуемые в настоящее время статьи доказательно демонстрирует пока что еще неразрешенную проблему трудоустройства лиц с ограниченными возможностями, а также отмечается, что для включения данного контингента в трудовую деятельность следует развивать технологии социально-трудовой реабилитации, восстанавливать специализированную базу для трудовой занятости, развивать и внедрять модели поддерживаемого трудоустройства. В Германии же уже давно отдают предпочтение реабилитации инвалидов как в теории, так и на практике. Также устанавливаются квоты по приему инвалидов на работу, что составляет 6-8% от общего числа работников организации. В России же, несмотря на то, что тоже действует закон о квотировании рабочих мест (4%), проблема стоит не столько на законодательном уровне, как на общественном. До тех пор, пока общество ни научится принимать инвалидов и не показывать на них пальцем, ситуация не улучшится. Подтвердить данный факт может проведенное интервью с родителями, имеющими детей-инвалидов. Родители в России (Нижнем Новгороде) отметили, что их детей «дразнят» на улице и «посмеиваются» над ними. В Германии же (Эссене) родители подобного не отмечали.

Очевидно, что законы для эффективного действия должны поддерживаться гражданами, а точнее функционировать в гармонии с установками граждан по отношению к трудоустройству инвалидов. Именно с этой миссией государству помогают негосударственные структуры. Без поддержания занятости инвалидов со стороны населения одни лишь законы играют мало важную роль.

Совершенно очевидно, что Россия нуждается в изменении ситуации, в ее улучшении и модернизации. Несмотря на богатую законодательную базу Российской

Федерации, которая регулирует социальную помощь и обслуживание, а также множество учреждений и организаций, занимающихся содействием трудоустройству инвалидов, такие моменты, как стереотипы, навешивание «ярлыков» действуют в противоположном направлении, нежели способствованию интеграции молодежи с ограниченными возможностями в общество, а соответственно, поддержанию их занятости.

Помимо социальной политики государства, направленной на помощь всем слоям общества, существует другой немаловажный аспект, заключающийся в негативном отношении общества к инвалидам. До тех пор, пока два этих аспекта не будут гармонизировать, дополнять друг друга, едва ли ситуация изменится в лучшую сторону. В связи с этим еще одной проблемой становится не только интеграция лиц с инвалидностью в общество, но и включение самого общества в атмосферу взаимосодействия друг другу. Иными словами необходима работа со здоровыми гражданами в целях перестройки стереотипов, распространенных мнений, изменения негативного отношения к инвалидам на положительное. Над этой задачей, как и над предоставлением социальной помощи инвалидам, работает третий сектор. Благодаря совместной работе государства и некоммерческих организаций наблюдается заметное улучшение в социальной поддержке лиц с ограниченными возможностями. Сравнение России и Германии в данном контексте показывает, насколько развито взаимодействие государственных и негосударственных структур в решении проблемы трудоустройства инвалидов в Германии. Именно к налаживанию такой гармоничной структуре стремится и российская социальная работа. Однако для достижения данного уровня необходимо совершенствование видов социальной помощи инвалидам, а также взаимодействия государственных и негосударственных структур в социальной сфере. На настоящий момент результаты данного совершенствования обозримы, однако необходимо поддерживать взятый курс.

1. *Социально-трудовая реабилитация психически больных. Научный центр психического здоровья.* – URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/54/book/28/chapter/109> (дата обращения: 08.09.2015)
2. Л.А. Карасева, А.С. Кузнецова, Д.П. Лейбович «Современные аспекты трудоустройства инвалидов, страдающих нервно-психическими заболеваниями» ФГУ «Санкт-Петербургский институт»

ДОСТУПНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ

Платонова Н.М., Платонова Ю. Ю. (Санкт-Петербург)

Анализ жизнедеятельности пожилых граждан показывает, что они в разной мере участвуют практически во всех сферах жизни.

Для того чтобы работать с пожилыми людьми, необходимо знать их социальное положение, особенности психики, материальные и духовные потребности, хорошо представлять их социальные проблемы, включая такие факторы, как: ухудшение здоровья; поддержание приемлемого материального уровня жизни; получение качественной медицинской помощи; изменение образа жизни и адаптация к ее новым условиям; ограничение жизнедеятельности и т. д.

В специальной литературе и практике деятельности организация доступной среды тесно связана с понятием маломобильных групп населения. Маломобильные группы, в соответствии с нормативными документами РФ, это инвалиды, люди с временными нарушениями здоровья, беременные женщины, люди старших возрастов, люди с детскими колясками и т. п. [4]

По международным конвенциям пожилых людей выделяют в особую категорию клиентов в системе социального сервиса, где важнейшим критерием качества их жизни выступает доступность сред жизнедеятельности (средовой подход в теории и практике социальной работы).

Если рассматривать подходы к определению понятия «доступная среда», то следует сказать, что доступная среда — это среда, в которую свободно можно попадать и которую удобно использовать. Это такая организация окружающего пространства, при которой любой человек, независимо от своего состояния, физических возможностей и ограничений, имеет беспрепятственный доступ ко всем объектам социальной, общественной, транспортной и иной инфраструктуры и может легко передвигаться по любому выбранному маршруту [3].

Доступность среды трактуется как процесс, благодаря которому различные системы общества и окружающей среды, такие, как обслуживание, трудовая деятельность и информация, оказываются доступными всем, в том числе и людям с ограниченными возможностями [1].

В широком смысле доступная среда — это среда, создающая наиболее легкие и безопасные условия для наибольшего числа людей.

Термин «доступная среда» содержательно определяется в законодательных актах Российской Федерации. Например, в Своде правил по проектированию и строительству зданий и сооружений с учетом доступности для маломобильных групп населения доступность рассматривается как свойство здания, помещения, места обслуживания, позволяющее беспрепятственно достичь места и воспользоваться услугой [4].

Необходимость первоочередного обеспечения доступности в целях решения проблем социальной защиты отражена в положениях Конвенции ООН о правах человека, инвалидов и других маломобильных групп населения, включая людей старших возрастов.

Конвенция дает широкую трактовку понятия доступности как необходимой предпосылки для социальной интеграции и реализации прав человека: «...важна доступность физического, социального, экономического и культурного окружения, здравоохранения и образования, а также информации и связи, поскольку она позволяет инвалидам в полной мере пользоваться всеми правами человека и основными свободами» [2].

Согласно определению Е. Р. Ярской-Смирновой, доступная среда жизнедеятельности, окружающая человека, — это материальная среда, в которой или при помощи которой он удовлетворяет свои жизненные потребности и которая позволяет беспрепятственно достичь нужного места [5].

Стоит отметить, что у лиц пожилого возраста могут быть различные виды физических, сенсорных и иных ограничений и, естественно, совершенно разные потребности в плане приспособления к окружающей среде. Для полноценной жизни пожилых людей с серьезными нарушениями опорно-двигательного аппарата, зрения и слуха требуются значительные изменения инфраструктуры. Общие положения включают необходимость признания соответствия приспособлений и сооружений типу дефекта, особенностям патологии. Таким образом, для улучшения качества жизни необходимо сделать среду обитания пожилого человека максимально доступной для него, чтобы он чувствовал себя на равных с молодыми людьми и на работе, и дома, и в общественных местах.

Доступная среда включает жилье, транспорт, образование, работу и культуру, является условием независимой жизни пожилых людей и инвалидов. Обеспечение доступной среды во многом решается за счет использования адаптивной оргтехники, такой, как: устройства для санитарно-гигиенических мест, средства передвижения, кресла, поручни и др. Один из элементов в создании доступной среды обитания — подъемно-транспортные средства. Это «мини-лифты» индивидуального пользования, вертикальные,

наклонного перемещения или в виде кресла; мобильные автономные подъемно-транспортные средства.

Все здания и сооружения, адаптированные для пожилых людей, должны иметь не менее одного доступного для них входа, который при необходимости должен быть оборудован пандусом или другими устройствами (подъемными устройствами наклонного или вертикального перемещения), обеспечивающими возможность подъема граждан данной категории на уровень входа в здание, его первого этажа или лифтового холла.

Доступность среды предусматривает не только снятие барьеров при передвижении по территории, но и обеспечение доступа ко всем помещениям квартиры, элементам мебели и оборудования, беспрепятственность перемещений из квартиры и из дома наружу и обратно. Она включает городскую инфраструктуру с возможностью досягаемости наиболее нужных объектов быта, культуры, здравоохранения, социального обслуживания и др. Имеется в виду такое расположение объектов, которое позволяет пенсионеру достичь их беспрепятственно и самостоятельно. Это связано с рациональной планировкой города: он должен иметь зоны безопасного перемещения для маломобильных групп, обеспечивать близость торговых предприятий, учреждений здравоохранения и других объектов к местам наиболее массового заселения лицами с различными дефектами или пенсионерами. Поэтому крайне важно создание единой доступной среды жизнедеятельности как показатель качества жизни, включающего не только интерьер жилища и объекты общественного обслуживания, но и общедоступные открытые пространства, выполняющие коммуникативную функцию.

Концепция обращенности к доступной среде, к исправлению ее качеств впервые была выдвинута Кевинем Линчем в книге «Образ города» в 1982 году. Особый интерес представляет идея о создании механизмов связи между проектировщиками, пользователями и средой, служащей объектом деятельности. Создание таких механизмов связи становится особенно актуальным, когда речь идет о людях, имеющих специфические требования к качеству и характеру городского пространства. Из-за позиции социального меньшинства их запросы часто игнорируются. Существующие в городском пространстве барьеры могут быть ослаблены только в том случае, если критерии и потребности маломобильных групп населения удастся представить предельно ясно, сделать их открытыми [3].

В нашей стране проблема доступности решается с помощью программы «Доступная среда», в которой в 2014 году участвовали 67 регионов: для поддержки их программ из федерального бюджета выделены 3 млрд. рублей, в 2015 году — это 4,2 млрд. рублей. К 2016 году 45 % приоритетных объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры должны быть приспособлены для использования инвалидами и другими маломобильными группами. Таким образом, все новые здания должны возводиться уже с учётом интересов физически ослабленных людей и людей с ограниченными возможностями здоровья. Эти требования содержатся в техническом регламенте о безопасности зданий и сооружений и они обязательны к исполнению.

Таким образом, организация доступной среды позволит повысить качество жизни пожилых людей, даст им возможность быть интегрированным в жизнь общества, вести тот образ жизни, к которому они привыкли, снимет многие ограничения, в том числе и на получение социальных услуг.

1. *Активное долголетие петербуржцев: многообразие досуговых и образовательных возможностей.*, 2009. 149 с.
2. *Лебедева С. С., Безух С. М. Социальная работа с группами риска в регионе: содержание и современные технологии: Учебно-метод. пособие. СПб.: СПбГИПСР, 2010.*
3. *Нестерова Г. Ф., Лебедева С. С., Васильев С. В. Технологии социальной работы с лицами пожилого возраста и инвалидами. М.: Образовательно-издательский центр «Академия», ОАО «Московские учебники», 2011. 320 с.*

4. Платонова Н. М., Платонов М. Ю. *Инновации в социальной работе: Учеб. пособие. Из-во «Академия», 2012.*
5. *Теоретические и практические основы работы с пожилыми людьми: Метод. пособие / отв. ред. Н. Б. Шмелева. Ульяновск: УлГУ, 2011. 196 с.*

МОЛОДЕЖНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Погосян А.А., Дерендяева А. Д. (Барнаул)

В процессе развития добровольческого движения в современной России молодежь играла и продолжает играть свою особую роль. Молодежь как индикатор быстро и точно реагирует на состояние окружающей среды, условия и качество жизни.

Актуальное состояние молодежного добровольчества в целом:

1. В регионах РФ молодежные добровольческие инициативы и социальная активность молодежи используются в различных сферах:

- для решения и профилактики социальных проблем (например, проблемы ВИЧ-инфицированных, беженцев и переселенцев, пожилых и ветеранов, людей без определенного места жительства),
- для решения проблем в сфере культуры (например, защита и возрождение памятников истории и архитектуры, распространение информации о культурном наследии),
- в сфере образования (например, развитие лидерских качеств и тренинги для лидеров),
- в сфере здравоохранения (например, пропаганда здорового образа жизни в школах, ССУЗах и ВУЗах),
- в сфере экологии и защиты окружающей среды (например, акции по очистке лесов и водоемов, по предотвращению пожаров),
- в сфере защиты прав человека (например, пикеты по защите прав иностранных студентов),
- в области работы с детьми и для детей (с инвалидами, безнадзорными, сиротами - творческое развитие, игровые и спортивные мероприятия, общение, раздача питания),
- в области работы с молодежью и для молодежи (например, выпуск информационных материалов для молодежи по планированию карьеры, скаутинг и программы патриотического воспитания).

2. Добровольческая активность молодежи в регионах РФ проявляется, как в ответ на предложения внешней среды (кампании общественных и некоммерческих организаций по привлечению молодых добровольцев, ярмарки молодежных добровольческих вакансий, презентации социальных и благотворительных программ в ВУЗах ССУЗах), так и в результате личной/групповой инициативы самой молодежи.

3. Чаще всего, активность молодых добровольцев проявляется в форме участия в разнообразных краткосрочных акциях:

- значительные культурные, просветительские, социальные мероприятия местного, регионального, национального и международного уровня (например, Всемирный день молодежного служения);
- озвучивание социальной проблемы, или достижений НКО,
- защита каких-либо принципов и демонстрация позиции,
- защита прав каких-либо групп.

4. В среде общественных объединений отмечается активное участие молодежи, преимущественно, в благотворительных акциях и в акциях по сбору средств, для

программ с сильно выраженной ориентацией на решение социальной проблематики и на достижение общественной пользы.

5. В государственных учреждениях примеры добровольной работы молодежи встречаются крайне редко. Там, где такие примеры существуют (например, библиотеки, подростковые клубы, музеи, дома инвалидов, интернаты), чаще всего, отсутствует идентификация факта бесплатного труда молодежи с понятием «добровольная работа» в интересах общественной пользы. В государственных учреждениях социальной сферы добровольная работа развивается в тех случаях, когда эти учреждения дополняют стандарты своей деятельности современными нововведениями. Эти нововведения базируются, прежде всего, на взаимодействии с общественными организациями социальной сферы, на востребованности и использовании технологий их работы, совместном осуществлении проектной деятельности. Достойным примером может служить деятельность Департамента социальной защиты населения Администрации Тюменской области и Благотворительного Фонда развития Тюмени.

6. В государственных высших учебных заведениях проявляется устойчивая тенденция к развитию молодежных добровольческих программ, которые ориентированы на широкую общественную пользу и реализуются вне стен учебных заведений. Наиболее интересный опыт стимулирования добровольческой активности студентов и эффективной организации их добровольной работы, в том числе, в социальной сфере демонстрируют: Ставропольский Государственный Университет, Саранский педагогический Университет, Мордовский Государственный Университет им. Н.П. Огарева, Ярославский Государственный Университет, Алтайский государственный университет (имеются и другие примеры).

7. В регионах существует достаточно много моделей молодежной добровольной работы, развивающейся на основе сотрудничества общественных организаций и учебных заведений. Показательной может быть ситуация на Дальнем Востоке, где добровольчество наиболее успешно развивается в Приморском крае. На этой территории активны более 20 массовых добровольческих объединений (причем, на 95% эти организации состоят из студентов и школьников). В основном организации сосредоточены во Владивостоке, где получила распространение такая форма добровольческого объединения, как структурное подразделение Молодежного Центра ВУЗа или ССуза, а также форма привлечения молодых добровольцев для реализации социальных проектов.

8. При всем этом, отсутствует закон на федеральном уровне, который регулировал бы отношения в этой сфере. В частности, актуальность разработки специального закона о добровольчестве (волонтерстве) обусловлена, с одной стороны, динамичным развитием института добровольчества (волонтерства), а с другой – недостаточным нормативно-правовым регулированием добровольческой (волонтерской) деятельности. В процессе работы общественные и некоммерческие организации сталкиваются с множеством проблем, большинство которых связано с неопределенностью правового статуса добровольца, лишь частично определяемого в Федеральном законе «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», что говорит о необходимости совершенствования законодательства в этой сфере. Кроме того, что в законодательстве отсутствует единое понятие добровольца, не определено его соотношение с понятием «волонтер», не установлен единый перечень видов добровольческой деятельности, не урегулированы вопросы функционирования информационной системы добровольчества. Учитывая, что отдельные вопросы деятельности добровольцев уже регулируются на федеральном уровне, представляется логичным предусмотреть комплексное, а не фрагментарное регулирование этого вида деятельности.

ПСИХОПРОФИЛАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Подпоринова Н.Н., Коваленко А. (Белгород)

В основе профессиональной деятельности специалиста по социальной работе, независимо от разновидности исполняемой работы, лежит межличностное взаимодействие. Постоянные стрессовые ситуации, в которые попадает социальный работник в процессе сложного социального взаимодействия с клиентами, могут оказывать негативное воздействие на его профессиональную деятельность и психологическое функционирование.

Как профессиональная группа, специалисты и работники социальной сферы отличаются невысокими показателями психофизического (в большей мере эмоционального) здоровья, причем эти показатели снижаются по мере увеличения стажа работы с трудным контингентом населения. Для многих специалистов характерны признаки профессионального стресса.

Под профессиональным стрессом понимают напряженное состояние работника, возникающее у него при воздействии эмоционально-отрицательных и экстремальных факторов, связанных с выполняемой профессиональной деятельностью. Это связано также с тем, что в своей деятельности социальный работник, помимо профессиональных знаний, умений и навыков, в значительной мере использует свою личность, являясь своего рода «эмоциональным донором».

Научно доказано, что профессиональному стрессу подвержены в большей степени представители тех профессий, специфика которых связана с интенсивным взаимодействием с разными социальными группами людей. Вследствие большого количества контактов с различными категориями клиентов претерпевает изменение и отношение специалиста к людям, что отражается в его профессиональном поведении и самочувствии.

Негативные психические переживания и состояния могут затрагивать разные грани трудового процесса – профессиональную деятельность, личность профессионала, профессиональное общение, в целом отрицательно сказывается на профессиональном развитии личности.

Последствия профессионального стресса очевидны:

- профессиональные последствия: стресс блокирует проявление свободы, творчества, инициативы; отсутствие интереса к профессиональной деятельности, выполнение работы ниже реальных возможностей; снижение авторитета у коллег и клиентов;
- личностные последствия: потеря чувства собственного достоинства; низкая самооценка, появление зависимостей; межличностные и семейные проблемы;
- соматические последствия: головные боли; проблемы со сном; заболевания желудочно-кишечного тракта и сердечно-сосудистой системы.

В связи с этим, с целью повышения профессионализма и качества выполнения профессиональных обязанностей социальными работниками необходимо уделять пристальное внимание следующим вопросам:

- дальнейшего изучения симптоматики профессионального стресса;
- изучения влияния индивидуально-психологических особенностей специалиста на вероятность возникновения признаков стресса;
- разработки и адекватного использования диагностических методик по выявлению симптомов профессионального стресса;
- своевременного выявления и устранения причин возникновения профессионального стресса;

- разработки и своевременного проведения соответствующих мероприятий по профилактике профессионального стресса специалистов по социальной работе;
- осуществления непрерывного психологического образования специалистов, повышение квалификации для предотвращения развития профессионального стресса;
- применения соответствующих мер социально-психологической поддержки и поощрения сотрудников со стороны администрации;
- использования в работе специалистов современных методов психологической разгрузки и релаксации, наличие навыков саморегуляции;
- совершенствование работы по оказанию психологической помощи специалистам, осуществление при необходимости своевременной и качественной психологической коррекции эмоционального состояния социальных работников.

Специалисты, получающие специальную поддержку от администрации, психолога и коллег, могут лучше сопротивляться стрессовым воздействиям и тем самым быть менее подверженными профессиональному стрессу. Следовательно, использование своевременных профилактических мер способно предотвратить распространение профессионального стресса среди специалистов по социальной работе.

Профилактические, коррекционные и реабилитационные мероприятия должны направляться на снятие действия стрессора: снятие рабочего напряжения, повышение профессиональной мотивации, выравнивание баланса между затраченными усилиями и получаемым вознаграждением. При появлении и развитии признаков профессионального стресса у специалиста необходимо обратить внимание на улучшение условий его труда (организационный уровень), характер складывающихся взаимоотношений в коллективе (межличностный уровень), личностные реакции и уровень сформированности стресса (индивидуальный уровень) и в соответствии с этим проводить профилактические и коррекционные мероприятия.

Высокий уровень самосознания, самопринятие, адекватная самооценка, развитые рефлексивные способности – все это служит предпосылками сохранения и укрепления психоэмоционального здоровья социальных работников. Поэтому осознание своих проблем, выявление ресурсов сохранения своего здоровья и целенаправленная работа по изменению образа жизни и формированию потребности в здоровье – важные моменты в системе профилактики нарушений профессионального здоровья специалистов.

Таким образом, создание профилактических программ представляет собой очень перспективный и эффективный вид помощи специалистам по социальной работе. Действия, которые направлены на то, чтобы предотвратить и преодолеть профессиональный стресс, предполагают как самопомощь, так и оказание внешней профессиональной помощи.

Проведенная нами диагностика уровней профессионального стресса специалистов Управления социальной защиты населения Белгородской области позволило сделать некоторые выводы:

- профессиональная деятельность специалистов Управления несет потенциальную угрозу развития профессионального стресса (около 60 % респондентов имеют различной степени выраженности признаки стресса);
- личностные черты эмоциональной неустойчивости, конформности, тревожности, агрессивности, подозрительности, склонности к чувству вины, консерватизма, импульсивности, напряженности, интроверсии, а также локус контроля имеют значение в формировании профессионального стресса. Развитие стресса связано со снижением показателей психической адаптации.

На основании проведенного исследования нами были выделены три уровня сформированности профессионального стресса специалиста Управления социальной защиты населения Белгородской области: высокий, средний, низкий.

На основе результатов диагностики мы разработали и апробировали «Программу профилактики профессионального стресса специалиста по социальной работе».

Целью программы является преодоление негативного воздействия профессиональной деятельности на личность специалиста; обеспечение условий и возможностей нормализации психоэмоционального состояния посредством оказания информационной и психологической помощи, организации систематических превентивных, психокоррекционных, оздоровительных и досуговых мероприятий.

На наш взгляд, предложенная нами программа психопрофилактики профессионального стресса у специалистов по социальной работе способствует созданию в УСЗН благоприятной психологической атмосферы и повышению профессионального уровня работников, что, в свою очередь, способствует сохранению психофизического здоровья социальных работников и недопущению подверженности стрессу.

К основным направлениям психопрофилактики профессионального стресса мы отнесли следующие:

1. Введение в режим работы учреждения регламентированного перерыва для проведения восстановительных мероприятий, так называемый «час восстановления».

2. Внедрение в практику приема на работу в Управление обязательной входной психологической диагностики, которая изначально исключает устройство на работу людей, чьи личностные особенности не соответствуют требованиям «помогающей» профессии.

3. Постоянный, в режиме супервизии, обучающий семинар, основной целью которого является развитие и активизация позитивных личностных свойств специалиста и коррекция мешающих успешной работе.

Такие сессии супервизии проводятся индивидуально или группой, темы связаны с трудно разрешимыми, конфликтными ситуациями в общении с клиентом и чаще заявляются самими участниками группы. Во время супервизии используются различные подходы: индивидуальные консультации, тренинги, психодрамы. Работа в этом направлении обучает специалистов искать новые конструктивные решения в трудных ситуациях общения, обогащает их эмоциональный опыт, дает возможность безболезненно пережить свои ошибки.

ДОВЕРИЕ И ВЫБОР В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Поздеева Е.Г. (Санкт-Петербург)

Социальная сфера всегда служила универсальным показателем развития общества. Все технические и экономические новшества, великие научные открытия в конечном итоге всегда направлены на то, чтобы жизнь человека становилась богаче во всех смыслах. Современные кризисы, с которыми столкнулся мир, накладываясь друг на друга, усиливают ответственность управленцев за то, как протекает процесс совершенствования социальной сферы, которая должна откликаться на стремительно возникающие социальные проблемы и оперативно помогать растущему слою нуждающихся в помощи граждан. Социологи, анализируя специфику социальной сферы, солидарны в том, что ее настоящее и будущее зависит от способности конструировать и проектировать адаптивные модели, в которых бы воплощались как объективно необходимые характеристики, так и субъективно значимые аспекты, что обеспечивало бы вариативность применения самих моделей и высокую ответственность разработчиков. Сложность социальных отношений, развивающихся в пространстве социальной сферы, вызывает к жизни механизм посредничества, и в роли этих посредников выступают субъекты оказания услуг, действующие в рамках правовых норм, ролевых ожиданий и институциональных процессов. Это ставит задачу более глубокого изучения субъективной

стороны конструирования моделей услуг, разложение процесса продуцирования услуги на составляющие с тем, чтобы выяснить наиболее значимые переменные, факторы влияния, на изменение которых в ту или иную сторону можно направить дальнейшие усилия.

Социальные услуги по своей сути представляют собой взаимодействие субъекта и объекта в определенной ситуации. Это взаимодействие протекает в условиях, репрезентирующих матрицу ценностей, установок, норм и ограничений, схем, воплощающих в том числе и экономическую полезность. В услуге раскрывается эффект, который имеет не только индивидуальное значение, но и коллективные последствия. Функциональное значение и ситуативные параметры услуги можно рассмотреть, опираясь на теорию действия Т. Парсонса [1]. В услуге, как и в любом акте действия, Т. Парсонс выделял 4 основных параметра:

1. Актор. В ситуации оказания услуг это – социальный работник, специалист социальной организации.

2. Цели, на которые направляется действие. Для социальных услуг это цели, позволяющие оказать помощь, поддержку в разрешении трудной ситуации объекта помощи.

3. Сама ситуация действия. В ней заданы условия и средства для достижения целей.

4. Нормативная ориентация, в которой действуют бытующие стандарты (или заданные нормативными документами), ожидания, нормы, ролевое поведение, что закладывает фундамент для достижения поставленных целей привлекаемыми средствами.

Таким образом, протекание процесса оказания услуг оказывается «отфильтрованным» нормативно-ценностными и сложившимися поведенческими факторами. Это подчеркивает роль сферы субъективности, зависимость процесса и результата от степени соответствия коммуникационных аспектов, норм и ожиданий.

В социальных услугах очень значим момент моральных ожиданий, в этом во многом повинны невозможность тотальной стандартизации, строгой количественной оценки всех качественных характеристик и неабсолютная прогнозируемость рисков отклонений. Поэтому весьма важными становятся условия, повышающие благоприятность ситуации оказания услуг. На условия благоприятства влияет и фактор доверия. В отношении социальных услуг это будет доверие к социальной сфере как к институту и доверие к «производителю» услуги в лице организации или конкретного специалиста. Последнее зависит от полноты имеющейся информации, от имиджа, репутации, наличия атрибутов профессионализма и опыта.

Э. Гидденс отмечал, что «природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам, особенно к экспертным системам» [2, С.212]. Исход взаимодействия между участниками корректируется знанием и информированностью участников, что трансформирует социальные практики. Э. Гидденс полагает, что доверие к абстрактным системам, а в конечном итоге к авторитетной экспертизе, структурирует современные отношения. То, что в современной доверии проявляется больше не чувство безопасности, а расчета выгоды и рисков, позволяет в контексте проблемы конструирования услуги обратиться к ролевым аспектам позиции эксперта. Потенциальные источники доверия следует искать не только в самом индивиде, желающем получить услугу, который больше или меньше доверяет специалисту, но и в самой системе, поэтому важно более подробно описывать возможные «точки доступа» (термин Э. Гидденса) к специалистам социальной сферы как проводникам социальных услуг. В этих «точках доступа» сосредоточено хранение информации, служащей клиенту ориентиром для выбора и основанием для того, чтобы полагаться на специалиста как на эксперта. Информационными «маркерами» в ситуации оказания услуги являются: стиль и манеры поведения, репрезентирующие закрепленные за данной ролью атрибуты; создание необходимой для взаимодействия атмосферы; минимизация влияния случайных событий, несущих риски; система профессиональной этики. В развитии доверия по отношению к

системам все больше отводится места безличным моментам, которые основаны на действии знания, информации, от развития продуцируемых подсистем. Таким образом, «точки доступа» в социальных системах как узловые точки связи заключают в себе много возможностей. Их можно рассматривать как коммуникационный переход, в рамках которого происходит выбор, принятие решений. И в этом процессе значимую роль играют доверие и самостоятельность участников.

Одним из трендовых направлений развития социальных услуг сегодня является организация мобильной социальной службы, распространяющаяся на широкий спектр услуг. В статусе мобильной службы находят воплощение такие принципы, как оперативность, адресность, гуманность социальной помощи. Востребованность и дальнейшее распространение инновационных моделей зависит от фактора доверия потребителей, что в свою очередь связано с информационной, просветительской работой и с активностью в осуществлении непосредственных контактов с потребителями, выяснением их потребностей и специфических запросов. Конструктивистский подход к услугам уже прочно закрепился в таких сегментах социальной сферы, как индустрия красоты, фитнес-услуги. Здесь потребитель – конструктор, он сам «собирает» свой пакет услуг, исходя из меняющихся потребностей. В этой роли потребитель чувствует себя непосредственным участником, поэтому несет долю ответственности за результат.

В сфере социальной работы доминирующей целью является мобилизация индивидуальных ресурсов клиента на решение его трудных жизненных проблем. «Конструктивистский» подход к социальным технологиям, на наш взгляд, содержит много еще не использованных возможностей. Его явное преимущество заключается в том, что расширяется поле взаимного доверия в ситуации оказания социальных услуг. Используя инструмент социологических исследований, можно значительно способствовать разработке и продвижению гибких современных технологий оказания социальных услуг, не ограничиваясь и не сводя работу только к стандартным наборам, которые определены на верхних уровнях управления и несут уже сложившуюся финансовую нагрузку.

1. Ковалева М.С. Теория действия Толкотта Парсонса / История теоретической социологии. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса. Изд. 3-е, перер. И доп. М., 2010. С.164-165.
2. Гидденс Э. Последствия современности. – М.: «Праксис», 2011.

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН

Полибин А.А., Пьянзина О. В., Богачева Н. Ю. (Саранск)

Социальная поддержка пожилых людей - необходимый атрибут жизнедеятельности любого общества, хотя ее средства и формы, разумеется, зависят от уровня развития данного социума, его обычаев и традиций, менталитета его членов.

Социальная помощь - это форма конкретно-исторических общественных отношений, возникающая на базе деятельности, связанной с удовлетворением потребностей людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, из которой они не находят самостоятельного социально приемлемого выхода.

Социальная помощь принимает различные формы, смена которых вместе с соответствующей сменой содержания, составляет ее движение. Среди прочих форм социальной помощи ключевыми являются: помощь негосударственная и государственная

Государственная социальная помощь направлена на поддержание уровня жизни тех категорий населения, чей среднедушевой доход по не зависящим от них причинам ниже прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ.

Социальная поддержка пожилых людей - это процесс, обеспечивающий создание условий для позитивной социализации личности в данном возрасте, включающий: организацию социального опыта, образование, индивидуальную помощь - и тем самым активизирующий собственные возможности человека в решении социальных проблем.

Важно отметить, что социальная помощь входит в элементы системы социальной защиты лиц пожилого возраста.

Основными элементами системы социальной защиты лиц пожилого возраста являются:

- 1) социальное обеспечение;
- 2) социальное страхование;
- 3) социальная помощь;
- 4) социальное обслуживание.

Социальная поддержка людей пожилого возраста рассматривается как важное направление деятельности специалистов учреждений социального обслуживания населения.

Важно отметить, что одной из форм социальной помощи лицам пожилого возраста на современном этапе является в комплексных центрах является социальное обслуживание.

В систему социальной помощи лицам пожилого возраста входят:

- субъекты (государство, различные управленческие подразделения, общественные организации, предприятия, неформальные институты, общество в целом),
- задачи социальной помощи,
- механизмы и обстоятельства социальной помощи,
- угрозы социальной помощи,
- виды социальной помощи,
- формы и методы социальной помощи и т. д.

Социальная помощь в самом широком ее понимании осуществляется на государственном и негосударственном уровнях, в разных формах (включая социальное обеспечение), с предоставлением различных видов материальных и нематериальных благ и преимуществ.

На протяжении многих веков в России складывались традиции милосердия и благотворительности, основывавшие гуманистические парадигмы помощи наиболее нуждающимся слоям общества, в частности лиц пожилого возраста. Во многом это было продиктовано порывом одной из фундаментальных черт русского национального самосознания — помощи и сострадания, стремления принять непосредственное участие в беде ближнего.

Современные модели помощи и поддержки имеют давние исторические традиции, которые складывались на различных этапах развития истории предков современного русского народа.

Система социальной поддержки у славян зарождалась на самых ранних стадиях становления и развития славянского этноса.

Условия быта и жизнедеятельности оказывали огромное влияние на становление нравственности, обычаев и традиций, ставшие основой национального характера и самосознания. Многие исследователи указывают на особый климат в системе взаимоотношений в восточнославянских племенах. У славян благотворительность могла проявляться не только как человеколюбие в широком понимании этого явления, но и в хозяйственно-бытовой помощи, которая заключалась в совместных работах: посев и уборка урожая, сбор сена, возделывание земли, помощь при различных природных бедствиях и во многом другом.

Таким образом, в культуре славян с древнейших времен складывалась система взаимопомощи и поддержки, носившая определенного рода благотворительный характер,

послужившая фундаментом для христианского понимания помощи и поддержки нуждающимся.

Постепенно с разрушением родоплеменных отношений на Руси начинают складываться новые формы помощи и поддержки.

Главной моделью помощи в этот период являлось княжеское попечение. По мнению М. В. Фирсова развитие системы попечения того периода условно можно разделить на два периода.

Первый период соотносится с моментом крещения Руси до второй половины XII в. — образования удельных княжеств и распространения христианства на окраинах восточнославянских земель.

И второй период — со второй половины XII по XIII в. включительно, когда благотворительные функции князя постепенно сливаются с монастырско-церковными формами призрения.

Исторический опыт человеколюбия и социальной поддержки нуждающихся того периода заложил нравственные принципы современной системы социальной помощи населения. Думается, что для сохранения высоких нравственных идеалов необходимо учитывать исторический опыт, который выражается в сложившейся отечественной модели социальной помощи.

В СССР была сформирована патерналистская модель социальной политики с финансированием главным образом из госбюджета (95 %), ассигнований централизованной системой распределения фондов социального обеспечения. Эта система носила уравнительный характер, действия ее субъектов сводились к распределению и перераспределению имеющихся материальных и денежных ресурсов.

Важно отметить, что на становление и развитие социальной помощи пожилых оказали различные группы факторов.

Первая группа факторов (макрофакторы) определяется состоянием всего общества.

Вторая группа факторов (мезофакторы) предстает, с одной стороны, следствием, а с другой — причиной возникновения макрофакторов.

Третьей группой являются микрофакторы.

Процесс становления социальной помощи в России можно наблюдать на протяжении тысячелетней истории. Эта складывающаяся парадигма помощи и поддержки нуждающимся представляет сложную совокупность исторических государственных форм защиты, традиций и законов, общественных и индивидуальных действий и поступков.

Таким образом, государство, оставаясь доминирующим субъектом, на настоящем переходном этапе развития системы социальной помощи и оно должно оказывать всяческое содействие данному процессу и обеспечить совместно с другими субъектами социальной помощи выработку путей для формирования следующей стадии.

Вместе с тем становится очевидным, что у государства не хватит ресурсов для обеспечения всех нуждающихся, а принимаемые с его стороны меры будут малоэффективными без партнерского сотрудничества с коммерческими и некоммерческими организациями. Актуальными в настоящее время становятся вопросы взаимодействия государства, предпринимательских структур и благотворительных организаций при решении социальных проблем пожилых. Создавшаяся ситуация в сфере социальной помощи пожилым требует поиска эффективного механизма взаимодействия различных сил общества. Между тем наша страна обладает богатым историческим опытом, который может быть востребован в современных сложных условиях. На наш взгляд, система социальной помощи лицам пожилого населения пока еще не является целевой комплексной системой, в ней еще мала роль общества. Люди пожилого возраста, численность которых и в перспективе останется очень высокой, — это один из наиболее многочисленных социально-демографических категорий населения России.

ВОЗМОЖНОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Полужтова Н.М. (Санкт-Петербург)

С 1 января 2015 года в системе социального обслуживания в целях унификации требований к профессиональной компетентности работников были введены так называемые профессиональные стандарты. Профессиональный стандарт представляет собой характеристику квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности. Профессиональный стандарт (ПС) – это нормативный документ, носящий многофункциональный характер, который устанавливает определенные требования в рамках конкретного вида (области) профессиональной деятельности. Соответствующие требования включают в себя требования к образованию и практическому опыту работы, а также четко прописанные трудовые функции специалиста и те знания, умения, навыки и действия, которыми он должен обладать и которые обязан уметь выполнять. Это предполагает, что выпускники вузов должны обладать профессиональными знаниями и умениями в соответствии с требованиями профессионального стандарта. И, следовательно, встает вопрос согласования образовательных и профессиональных стандартов, на предмет выработки критериев оценки подготовленности выпускников к выполнению той или иной профессиональной деятельности.

В настоящее время вступили в силу 9 ПС, регулирующих деятельность специалистов в сфере социального обслуживания /1/. Изменена процедура приема специалистов по социальной работе на работу, предполагается аттестация уже работающих профессионалов, кроме того некоторым изменениям подвергнется и система повышения квалификации. В целом же стандарты призваны повысить качество и эффективность предоставления социальных услуг населению.

Сравнение выявило существенные различия по структуре и содержанию профессиональных и образовательных стандартов (ОС) по направлению социальная работа. В ОС достижение задач подготовки бакалавров, специалистов и магистров реализуются через формирование соответствующих профессиональных компетенций, формулировка которых носит очень обобщенный (универсальный) характер. А в основе ПС лежит описание общих и конкретных профессионально трудовых функций, распадающихся на конкретные действия, предполагающие в свою очередь сформированность соответствующих этим действиям умений и знаний. Такое описание можно рассматривать как своего рода профессиографию деятельности. Понятие профессиональная компетенция в ПС не используется.

В свою очередь в образовательном стандарте есть только общее описание задач профессиональной деятельности, которые только в некоторой степени совпадают с обобщенными трудовыми функциями профессиональных стандартов. При этом формулировки задач в ОС носят более обширный и емкий характер по сравнению с формулировками трудовых функций в ПС. Необходимо отметить, что в ОС также описываются некоторые трудовые функции, но они не конкретизируются. Их перечень в ОС распадается на 5 различных областей деятельности, которые в какой-то степени по содержанию, корреспондируют с соответствующим перечнем в ПС. В отличие от профессиональных компетенций ОС трудовые функции ПС раскрываются через перечень конкретных трудовых действий и необходимых умений. Они сформулированы чрезвычайно конкретно по сравнению с формулировками компетенций в образовательном стандарте.

Такое расхождение в образовательных и профессиональных стандартах предполагает довольно трудоемкую работу по их согласованию через раскрытие

профессиональных компетенций образовательных стандартов посредством перечня конкретных действий и умений, обуславливающих формирование той или иной компетенции. Особую сложность здесь представляет тот факт, что ОС по направлению социальная работа предполагает формирование компетенций для профессионалов, могущих работать в самых разных областях профессиональной деятельности, а именно: в различных подразделениях государственных и негосударственных учреждений социальной сферы; в органах государственной власти и местного самоуправления, в государственных и негосударственных учреждениях социальной защиты и обслуживания населения, в социальных службах предприятий, в школах и учреждениях здравоохранения. Это соответственно предполагает подготовку студентов к разнообразным видам профессиональной деятельности: научно-исследовательской; научно-организационной; организационно-управленческой; социально-технологической и социально-проектной. Такой широкий профиль подготовки предусматривает довольно общее описание способности и готовности осуществлять профессиональные действия, что и отражается в существующих на сегодняшний день формулировках компетенций. Профессиональные же стандарты описывают требования к подготовке профессионалов по социальной работе только в одной конкретной области профессиональной деятельности - в государственных учреждениях социальной защиты и обслуживания населения. Кроме того ПС описывают требования к профессионалам трех уровней подготовки – бакалавр, специалист по социальной работе и руководитель социальной службы. При этом бакалавр должен быть способен оказывать разнообразные социальные услуги населению, а специалист дополнительно обладать компетенцией контроля над процессом оказания соц. услуг, а руководитель соответственно компетенцией управления процессом оказания услуг.

Существование нескольких профессиональных стандартов только по социальной работе означает необходимость специализации в подготовке специалистов и наличие профилей в подготовке бакалавров и магистров в целях овладения конкретными действиями и умениями для быстрого включения в конкретную деятельность социальных служб. Выделяются четыре профиля профессиональной подготовки; социально-медицинский, психологический, общий и работа с семьей и детьми.

Наиболее согласованы профессиональный и образовательный стандарты в разделе описания необходимых знаний, на основе владения которыми формируются как профессиональные компетенции, так и профессиональные действия и умения.

Именно на уровне перечня дисциплин, обеспечивающих формирование как профессиональных компетенций, описанных в образовательном стандарте, так и профессиональных функций ПС и лежат возможности согласования этих стандартов. Рабочие программы учебных дисциплин ОС включают в себя описание результатов обучения, которые сформулированы на языке знаний, умений и навыков, то есть также как и ПС. Необходимо будет только содержание каждого умения или навыка раскрыть через перечень конкретных действий, представленных в ПС.

- 1. Приказы Минтруда РФ №№ 571 от 22.10.2013года, 714,715 от 05.12.2013года, 677,678,680,681,682,683 от 18.11.2013года.*

ФАНДРАЙЗИНГ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Попов Ю.А. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день продолжают происходить процессы модернизации оптимального устройства российского общества. Значительную роль в данных процессах играет совершенствование гражданского общества, в процессе конструирования и развития которого, принципиальное значение имеет деятельность некоммерческих организаций (НКО). К данным организациям приковано особое внимание со стороны, как государственной власти, так и общественности.

Некоммерческие организации в России существуют, по меньшей мере, 20 лет и являются одним из наиболее значимых субъектов гражданского общества [3, с. 43]. Во внимание НКО перманентно попадают все сферы общественной жизни, имеющие принципиальное значение. Некоммерческий сектор выделяется способностью незамедлительно реагировать на нужды всевозможных социально-демографических групп, а также новоявленные социальные проблемы и вызовы. Вместе с тем, ему характерны низкие административные издержки.

Подавляющая часть российских некоммерческих формирований, на наш взгляд, конструктивно настроена на урегулирование конкретных практических проблем в русле своей деятельности. Некоммерческие организации консолидируют возможности квалифицированных специалистов в своей области деятельности и обладают дополнительной профессионально значимой информацией, которой нет у государственных организаций. НКО бескорыстно мотивированы на обеспечение общественного блага.

Некоммерческие объединения дают гражданам шанс приобрести социально значимый и профессиональный опыт, возможность самореализоваться, а также получить помощь в трудных ситуациях. В данном контексте реализуются социальные функции НКО. Формирование разнообразных некоммерческих организаций способствует образованию позитивной атмосферы для развития долговечных общественных структур, воссоздания традиций благотворительности, равно как и разного рода форм добровольческой активности, сосредоточенной на достижении социально значимых целей.

Всякая организация для достижения поставленных целей и реализации намеченного плана действий, нуждается в разнообразных ресурсах: материальных, финансовых, временных, человеческих. Наряду с этим, сущность некоммерческой организации кроется в принципиальном отказе от получения личной материальной выгоды от деятельности. Закономерно, что в перечне формулировок сущности общественных организаций имеется термин «некоммерческая» (НКО), т.е. «бесприбыльная» (в английском языке — «non profit»).

Вместе с тем, ошибочно полагать, что если организация не ищет прибыли, то средства ей совсем не нужны. При реализации своих программ и проектов она в любом случае несет определенные затраты: необходимо оплачивать управленческие расходы, работу специалистов и тому подобное. Данный факт указывает на то, что организации необходимо иметь средства для обеспечения ее деятельности. Таким образом, вырабатывается потребность общественных организаций в овладении технологиями привлечения ресурсов и формировании процесса их привлечения. В этой связи появляется понятие фандрайзинга.

Термин фандрайзинг берет свое начало от английских слов: «fund» и «raise» – что в переводе - увеличивать ресурсы. В специализированной литературе также используется

термин сбор средств. Существует множество определений для данного термина. Остановим внимание на нескольких из них, отражающих суть и цель этого процесса.

Фандрайзинг – поиск ресурсов (людей, оборудования, времени, финансирования, информации), необходимых для осуществления какой-либо деятельности и/или поддержания существования организации [4, с. 138].

Фандрайзинг - деятельность некоммерческой организации, базирующаяся на ее уникальной миссии и стратегии, использующая эффективные и продуктивные способы получения ресурсов, необходимых для реализации программ и достижения стоящих перед организацией целей, обеспечивающая желаемую удовлетворенность дарителю (источнику ресурсов) и имеющая конечным результатом укрепление благополучия общества в целом [2, с. 86].

Фандрайзинг – это процесс, ориентированный на результат, и как всякая упорядоченная деятельность, он имеет определенные цели и задачи, которые вырабатываются согласно деятельности организации. Результатом фандрайзинга выступают как «материальные» средства (деньги, услуги, товары, бонусы и скидки), так и «нематериальные» (привлечение добровольцев, партнеров, развитие и упрочнение связей с отдельными людьми и организациями в целом, укрепление репутации и много другое).

На наш взгляд, особо многозначимым ресурсом НКО являются люди, т.к. они имеют свои неповторимые идеи, отношения и эмоции, порождающие своеобразную атмосферу, дают рабочую силу, профессиональные навыки и умения, личные и профессиональные связи, и вместе с тем «деньги» (например, членские взносы и частные пожертвования). Всё это позволяет применять и совершенствовать данные ресурсы в интересах организации.

На сегодняшний день Российская Федерация является перспективным фандрайзинговым рынком, близким по структуре и темпам развития со странами БРИКС [1]. Отличительным свойством данного рынка является то, что некоммерческий сектор («non profit») после освобождения от преобладающего государственного содействия лишил себя, прежде всего, финансирования и угодил в ситуацию острой нехватки средств, поиск которых стал одной из важнейших задач НКО.

Идея совершенствования гражданского общества должна быть воплощена в жизнь в виде совокупности мер законодательного и организационного характера. Данные меры должны быть ориентированы на рост эффективности некоммерческих организаций, ликвидацию безосновательных ограничений их функционирования, а также на мобилизацию дополнительных усилий по привлечению негосударственных поставщиков к воплощению в жизнь социально значимых услуг с учетом существующего в этой области международного опыта.

НКО в социальной сфере и при оказании социальных услуг имеют персональный довольно обширный, но вместе с тем плохо структурированный опыт работы. Перед некоммерческими организациями сегодня стоит цель занять определенную нишу в данной сфере, которая бы соответствовала их внутренним интересам и ресурсам и наряду с этим, отвечала бы социальным потребностям и интересам общества.

В заключении необходимо отметить, что на сегодняшний день совершенствование некоммерческих организаций в России способствует плодотворному взаимодействию власти и общества. Возможность установления взаимосвязей между членами социума и построения их личных взаимоотношений позволяет ослабить социальную напряженность в обществе. Таким образом, во внутренней части современного гражданского общества вырисовывается тенденция по препятствованию возникновения социально-политических и экономических рисков и обеспечению безопасности в государстве.

- А. П., Щербакова Д. В., Домбровская Н. В., Домбровский С. В.; СПГУТД – Санкт-Петербург, 2014. – 108 с*
2. *Дуглас Александер Дж. Основные принципы фандрейзинга / Александер Дж. Дуглас и Кристина Дж. Карлсон. - М.: ЭКСМО, 2011. - 240 с.*
  3. *Макальская, М. Л. Некоммерческие организации в России / М. Л. Макальская. - М: Дело и сервис, 2009. – 368 с.*
  4. *Цивук, Р. А. Франдрайзинг / Р. А. Цивук. - СПб.: Питер, 2010. - 693с.*

О ДОСТУПНОСТИ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СРЕД ИНВАЛИДАМ ПО ЗРЕНИЮ (ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ)

Прончев Г.Б., Гончарова И.В., Прончев Г.Б. (Москва)

В Конвенции о правах инвалидов ООН, принятой резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеей от 13 декабря 2006 года, в статье 21 о «Свободе выражения мнения и убеждений и доступа к информации», говорится, что государства-участники должны принимать все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы инвалиды могли пользоваться правом на свободу выражения мнения и убеждений, включая свободу искать, получать и распространять информацию и идеи наравне с другими. Пользоваться по своему выбору всеми формами общения, включая:

1) снабжение инвалидов информацией, предназначенной для широкой публики, в доступных форматах и с использованием технологий, учитывающих разные формы инвалидности, своевременно и без дополнительной платы;

2) принятие и содействие использованию в официальных сношениях: жестовых языков, азбуки Брайля, усиливающих и альтернативных способов общения и всех других доступных способов, методов и форматов общения по выбору инвалидов;

3) активное побуждение частных предприятий, оказывающих услуги широкой публике, в том числе через Интернет, к предоставлению информации и услуг в доступных и пригодных для инвалидов форматах;

4) побуждение средств массовой информации, в том числе предоставляющих информацию через Интернет, к превращению своих услуг в доступные для инвалидов;

5) признание и поощрение использования жестовых языков.

По оценкам Европейской организации слепых в Европе насчитывается около трех миллионов слепых и слабовидящих людей [1]. При этом слабовидящих в четыре раза больше, чем слепых. Уровень безработицы инвалидов по зрению составляет более 75%, причем, женщинам гораздо сложнее найти подходящую работу. Практически 90% слабовидящих приходится на долю старшего поколения в возрасте от 65 лет, и связано это, в первую очередь, с возрастными болезнями глаз. Среди других причин потери зрения называют врожденные болезни, несчастные случаи, а также сопутствующие заболевания, например, диабет или артрит. Граждане с ограниченными возможностями по зрению имеют различный социальный статус, образование и материальное благосостояние. Каждый человек адаптируется к сферам жизни по-разному, и главная задача общества заключается в сглаживании процесса интеграции инвалидов по зрению в социальное пространство.

Для социальной интеграции и адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья в последние годы все чаще используются виртуальные социальные среды. В наших предыдущих работах [2, 3] предлагались новые направления в социальной работе с незрячими и слабовидящими людьми с использованием мультимедийных технологий глобальной сети Интернет.

Странами Европейского Союза и Еврoзоны утверждены соответствующие законы, по которым Веб-сайты правительства, государственных служб или других сайтов,

предоставляющих распространенные услуги общего пользования (например, службы занятости, образования, досуга и др.), обеспечивают доступ людей с ограниченными возможностями по зрению.

В нашей работе проанализирован европейский опыт использования мультимедийных технологий Интернета для инвалидов по зрению. В объектах исследования были выбраны веб-сайты банковской системы. На наш взгляд, это является наиболее простым способом выяснить, в какой мере выполняются рекомендации регуляторов и общественных организаций относительно предоставления информации в инвалидам по зрению. Во-первых, наблюдатели и контролирующие органы, во-вторых, жесткая конкуренция и возможность увеличения прибылей вынуждают банки использовать все инструменты для привлечения клиентов, даже если этот клиент инвалидом по зрению.

Исследования проводилось по 28 странам Европейского союза, при выборе банка, в первую очередь, нас интересовали крупные национальные и государственные банки с многолетней историей. Характерные результаты представлены ниже.

Германия. Банк KfW (Kreditanstalt für Wiederaufbau, www.kfw.de) – немецкий государственный банк. 80 % акций принадлежит федеральному правительству Германии. Банк осуществляет обслуживание физических и юридических лиц. Доступность для инвалидов по зрению: на главной странице находится диалоговое окно, позволяющее изменить контрастность; внизу расположена ссылка «доступность» (Barrierefreiheit); переход по ссылке приводит на страницу с подробной инструкцией для незрячих – это увеличение шрифта, изменение цветовой гаммы, работа без мыши, чтение с экрана.

Франция. Банк CIC (Crédit Industriel et Commercial, www.cic.fr). Банк имеет более 5875 филиалов по всему миру. Доступность для инвалидов по зрению: в правом верхнем углу переход по ссылке «доступность» (Accessibilité). Быстрая навигация меню в голосовом режиме, сочетания клавиш для работы без мыши.

Австрия. Банк HYPO Landesbank Vorarlberg (www.hypovbg.at). Доступность для инвалидов по зрению: на главной странице возможность увеличения шрифта.

Нидерланды. ABN AMRO Bank N.V. (www.abnamro.nl). Доступность для инвалидов по зрению: присутствует функция преобразования текста в речь; реализован телефонный банкинг с технологией распознавания речи; возможен просмотр баланса с помощью текстовых сообщений; возможно увеличение шрифта;

Бельгия. Vanque Degroof (www.degroof.be) – первый частный банк Бельгии. Доступность для инвалидов по зрению: возможность увеличения размера шрифта.

Италия. Banca Piccolo Credito Valtellinese (www.creval.it). Доступность для инвалидов по зрению: возможность увеличения размера шрифта.

Великобритания. Банк RBS Group (The Royal Bank of Scotland Group plc, <http://www.rbs.com>) – британский банковский и страховой холдинг, основанный в Эдинбурге, Шотландия. Банк NatWest (National Westminster Bank Plc, <http://personal.natwest.com>) – крупнейший коммерческий банк в Великобритании. Доступность для инвалидов по зрению: внизу главной страницы расположена ссылка «доступность» (Accessibility); переход по ссылке приводит на страницу с описанием «горячих» клавиш веб-сайта для слабовидящих: доступ, навигация, основное содержание; сайт работает со всеми основными программами чтения с экрана.

Проведенный анализ банковской сферы на предмет доступности сервисов для инвалидов по зрению показал, что в ряде стран создаются благоприятные условия для решения необходимого круга задач в режиме реального времени на сайте банка: кредиты, операции по вкладам, интернет-банкинг, оплата услуг и т.д. Пользователи с ослабленным зрением могут использовать программные средства масштабирования окна браузера или текстовый браузер, отображающий только текстовое содержание веб-сайта. Тем не менее, в ряде стран, например, в Болгарии и Венгрии веб-сайты не приспособлены для инвалидов

по зрению. Здесь отсутствует даже такая простейшая функция, как увеличение размера шрифта просматриваемой страницы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 15-03-00435-а) и РФФИ (проект 13-01-00392-а).

1. *Европейский союз слепых / Интернет ресурс <http://www.euroblind.org>. Режим доступа 01.10.2015.*
2. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б. Виртуальные социальные среды для людей с нарушением зрения // Политика и общество, 2015, № 5, С. 586 – 590.*
3. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В. Новые направления в социальной работе с незрячими и слабовидящими людьми / в кн.: Девятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 14-15 ноября 2014 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-при*

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ

Прохода В.А. (Москва)

В настоящей публикации анализируются масштабы распространения добровольческой деятельности в России. Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-03-00338а). Эмпирической базой для публикации послужили результаты шестой волны социологического исследования «Европейское социальное исследование (ESS)», проведенного в 2012 г. Опрос проводился в 29 странах среди населения в возрасте 15 лет и старше. В России было опрошено 2484 респондента. Руководство проектом на международном уровне осуществлялось Координационным Советом (Центр Сравнительных социальных исследований, Сити Университет, Великобритания).

О масштабах распространения добровольческой деятельности позволяет судить вопрос о том, как часто за последние двенадцать месяцев респондент принимал участие в добровольной общественно-полезной деятельности или деятельности благотворительных организаций. Опрос показал, что хотя бы раз в год принимали участие в добровольческой деятельности менее трети россиян (31,1%), почти две трети опрошенных (65,6%) такой деятельностью не занимались. Каждый двадцатый россиянин (4,7%) затруднился ответить.

Показатели включенности россиян в добровольчество в целом укладываются в европейские закономерности и сопоставимы с показателями в таких странах как Кипр (37,7% респондентов), Швеция (37,7%), Израиль (36,6%), Бельгия (36,5%), Словения (32,8%), Португалия (26,4% опрошенных). В тоже время в Норвегии (64% респондентов), Германии (54,4%), Нидерландах (54,2%), Швейцарии (53,3%), Исландии (52,2%), Испании (51,8% опрошенных) масштабы включенности населения в добровольческую деятельность существенно выше. Минимальные показатели включенности фиксируются в Болгарии (12,1% респондентов), Польше (19,3%), Венгрии (20,6%), Эстонии (22,7%), Чешской Республике (24,5% опрошенных). Обращает на себя внимание, что все эти государства относятся к группе бывших социалистических стран восточной Европы.

Куда более существенные различия наблюдаются, когда речь заходит об интенсивности добровольческой деятельности. В России об активной включенности (раз в месяц и чаще) в добровольчество заявило только 4,2% опрошенных (по крайней мере, раз в неделю 1,5% респондентов, по крайней мере, раз в месяц – 2,7% опрошенных). Остальные ответы россиян распределились следующим образом: принимают участие в добровольческой деятельности, по крайней мере, раз в три месяца – 5,1% респондентов, по крайней мере, раз в шесть месяцев – 7,2% опрошенных, реже, чем раз в полгода – 13,2% опрошенных.

Можно констатировать, что российские показатели активной включенности в добровольческую деятельность являются одними из самых низких в Европе. Так, например, в Нидерландах об активной включенности заявляет почти треть опрошенных - 32,7% (по крайней мере, раз в неделю - 20,1%, по крайней мере, раз в месяц - 12,6%). Для сравнения в Швейцарии - 30,9% респондентов (соответственно 18,6% + 12,3%), в Германии - 30,8% опрошенных (17,8% + 13%), в Норвегии - 24,8% респондентов (10,4% + 14,4%). Показатели активной включенности ниже российских фиксируются только в Болгарии - 1,7% опрошенных (по крайней мере, раз в неделю - 0,7%, по крайней мере, раз в месяц - 1%) и Венгрии - 4,1% респондентов (соответственно 1,8% + 2,3%).

Представляется интересным описание социального облика добровольца в России. Существенных различий включенности в зависимости от пола респондентов не прослеживается, что отчасти согласуется с результатами некоторых исследований [1, С. 42]. В других европейских странах связь с полом наблюдается только в Германии, где мужчины существенно чаще (по крайней мере, раз в неделю - 20,4%, по крайней мере, раз в месяц - 15,1%) активно включены в добровольческую деятельность, нежели женщины (соответственно 15,2% и 10,8% опрошенных женщин). Участие в добровольчестве слабо коррелирует ($p = 0,075$; $sig = 0,000$) с возрастом россиян. Чем старше возраст опрошенных, тем реже респонденты занимаются добровольческой деятельностью. При этом чуть большую вовлеченность демонстрируют россияне в возрасте от 31 года до 50 лет. В остальных странах участниках проекта зависимость с возрастом либо отсутствует, либо молодежь демонстрирует сравнительно низкие показатели участия в добровольчестве.

Для России, впрочем, как для большинства европейских стран характерна связь занятости добровольческой деятельностью с субъективной самооценкой уровня материального благосостояния семьи. Чем лучше материальное положение семей респондентов, тем чаще они принимают участие в добровольчестве. При этом выделяется группа стран, где такая корреляция отсутствует. К их числу относятся: Швейцария, Дания, Швеция, Словения, Исландия. Обращает на себя внимание, что практически все они характеризуются высоким уровнем благосостояния населения (ВВП на душу населения). Таким образом, добровольческая деятельность является в значительной степени занятием людей сравнительно обеспеченных.

В зависимости от социальной принадлежности максимальные показатели активной включенности в добровольчество демонстрирует интеллигенция - 8,9% опрошенных (по крайней мере, раз в неделю - 3,2%, по крайней мере, раз в месяц - 5,7%). Отчасти это объясняется влиянием опосредованной переменной - уровень образования. Участие в добровольческой деятельности характерно для россиян с высоким уровнем образования ($p = -0,104$; $sig = 0,000$). Считается, что образование способствует вовлеченности, поскольку усиливает осведомленность о проблемах, увеличивает эмпатию, создает основу для уверенности в себе [1, С. 44]. При этом вообще не участвуют в добровольчестве только 55,3% респондентов, относящих себя к интеллигенции. Среди других категорий опрошенных активное занятие добровольческой деятельностью распространено сравнительно меньше. Для сравнения рабочие, работники физического труда - 4% респондентов (соответственно 1,6% и 2,4%), служащие - 3,3% респондентов (1,1% и 2,2%), крестьяне - 1,6% опрошенных (0% и 1,6%).

Добровольческая деятельность тесно связана с общественной активностью респондентов. Для выявления последней был проведен факторный анализ, который показал наличие поведенческой модели условно названной «общественная активность». Модель включает в себя следующие переменные: «Принимали участие в работе политической партии, группы, движения»; «Принимали участие в какой-либо другой общественной организации»; «Носили или вывешивали символику какой-либо политической, социальной, или какой-либо иной акции»; «Подписывали петиции, обращения, открытые письма», «принимали участие в разрешенных демонстрациях». В

целом, чем выше уровень общественной активности опрошенных, тем чаще респонденты включаются в добровольческую деятельность ($p = 0,215$; $sig = 0,000$).

Российских добровольцев характеризует высокий уровень социального доверия. Фактор «социальное доверие» включил в себя три переменные: «...Вы считаете, что большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не мешает»; «Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если бы им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно»; «По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся только о себе». В целом, чем сильнее выражено «социальное доверие» тем активнее респондент участвует в добровольческой деятельности. Очевидно, что социальное доверие во многом определяет возможность социального взаимодействия. Подробнее о социальном капитале как важнейшей составляющей развития российского добровольческого движения можно ознакомиться в других источниках [2]. Выявленная зависимость наблюдается и в европейских странах.

1. Мерсиянова И. В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность//Гражданское общество в России и за рубежом. - 2011. - №2. – с. 39-45.
2. Отчет по проекту: «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» [Электронный ресурс]. Фонд Общественное Мнение. 2012. URL: http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/Otchet_dobrovolchestvo.pdf (дата обращения: 04.10.2015).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Пузарова Ю.А. (Нижний Новгород)

Долгое время население не являлось базовым ресурсом для достижения стабильности общества. Вследствие перехода от плановой экономики к рыночной подавляющая часть граждан ощутила особую потребность в государственной опеке. В этих условиях появились гражданские инициативы, которые стремились собственными силами восполнить пробелы государственной политики. Именно в социальной сфере негосударственные некоммерческие организации получили наибольшее распространение. Методом случайной выборки были проанализированы данные по 200 организациям, представляющим 59 регионов России. Было выявлено, что 163 из них (82%) работают в социальной сфере [1]. Существование негосударственных некоммерческих организаций является залогом своевременного решения многих социальных проблем.

В настоящее время некоммерческий сектор активно развивается в Российской Федерации. Постепенно создается довольно широкая сеть некоммерческих организаций. По данным Росстата, число общественных организаций и объединений, зарегистрированных на 1 января 2015 года, составило около 192000[2]. Сегодня НКО стараются профессионально осуществлять помощь населению. Они предлагают новые виды социальных услуг часто с отработанной методикой и практикой их предоставления. В процессе социального партнерства НКО и государства происходит передача ряда функций государственных и муниципальных органов управления третьему сектору. С этой точки зрения НКО рассматривается не как дополнительный поставщик социальных услуг, а как равноправный партнер государства. Органы государственной власти не в состоянии учесть проблемы и интересы различных групп и слоев населения, так как опираются на обобщенную макроэкономическую информацию. Негосударственные

организации могут выступать в качестве проводника обратной связи от населения к власти. Некоммерческие организации находятся в максимальной близости к потребителю в связи с чем способны более гибко реагировать на изменения в социальной среде.

Однако практика показывает, что негосударственные структуры также сталкиваются с определенными сложностями в процессе работы. Эффективность оказания социальных услуг, оказываемых государственными учреждениями и НКО, может значительно отличаться, потому что они имеют разные возможности. Слабость некоммерческих организаций во многом связана и с нехваткой специалистов, которые работают в организациях на постоянной основе. Между тем НКО зачастую сталкиваются с недостатком финансовой поддержки. Проблемой является и то, что люди зачастую не доверяют такого рода организациям. Сотрудники НКО сталкиваются с неприятием их деятельности обществом, а это приводит к дефициту клиентов. К тому же многие НКО являются несостоятельными как социальные партнеры, так как им необходима модернизация. Кроме того, внутри «третьего сектора» мало «инфраструктурных» организаций, которые представляют интересы НКО перед государственными органами и участвуют в создании соответствующих законов и нормативных актов. Помимо этого необходимо сказать, что тормозящим фактором распространения социального партнерства является недостаточность информационного обеспечения. Выпуск различных журналов, газет, сборников о практиках социального партнерства имеет большое значение для дальнейшего развития активности в этом направлении.

Необходимо отметить, насколько важно интенсивное взаимодействие государственных органов с третьим сектором. Партнерские отношения могут принимать такие формы, как финансирование; совместная разработка и проведение проектов или другой оперативной деятельности; организация совещаний или других мероприятий; совместное проведение кампаний или информационно-разъяснительной работы; проведение совместных исследований и выпуск совместных публикаций; временный обмен кадрами или же меры по обмену или накоплению знаний и информации.

При этом государство и НКО могут выступать не только в роли партнеров, но и в роли заказчика и исполнителя. Взаимодействие НКО с властями может осуществляться при наличии ряда условий. Во-первых, деятельность организаций должна быть гласной, а информация об их документах (учредительных и программных) – общедоступной. Во-вторых, вопросы, затрагивающие интересы НКО должны решаться органами власти с их участием. В-третьих, все организации обязаны предоставлять соответствующим органам отчеты о своей деятельности[3].

В последние годы был замечен явный прогресс в области социального партнерства. Государство оказывает социально ориентированным НКО финансовую, имущественную, информационную, консультационную поддержку, а также поддержку в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций. Предоставляет социально ориентированным некоммерческим организациям льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах. Кроме того, происходит размещение у социально ориентированных НКО заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд [4]. Также государственные органы формируют и ведут реестры социально ориентированных НКО, в которую входят зарекомендовавшие себя с лучшей стороны социально-ориентированные НКО, получающие такую поддержку.

Так, существуют разнообразные механизмы взаимодействия государства и НКО. Сначала реализуются процедурные или переговорные механизмы, формирующиеся в ходе совместного обсуждения. Наиболее распространенными механизмами являются региональные общественные палаты, региональные форумы некоммерческого сектора (социальные, гражданские), общественно-консультационные и координационные советы, комиссии, собрания, рабочие группы[3]. В результате эти механизмы оформляются в виде

соглашений или даже региональных нормативно-правовых актах. Для непосредственной реализации социальных программ и акций используются конкурсные механизмы, к которым относятся социальный заказ, социальный грант, тендер, конкурсы социальных проектов и т.д. [5]. Социально-технологические механизмы реализуются в результате освоения НКО новых технологий. Негосударственные организации предлагают новые идеи и решения, которые отличаются от иных технологий, применяющихся государственными учреждениями. Организационно-структурные механизмы характеризуются тем, что власть совместно с НКО, действующими на той же территории, образуют новую структуру, которой делегируется часть функций по решению социально значимых задач через вовлечение граждан и общественных объединений при финансовой поддержке со стороны власти и/или бизнеса [6]. Комплексные механизмы представляют собой совокупность нескольких перечисленных выше механизмов.

В соответствии с новым ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» негосударственные некоммерческие организации входят в систему социального обслуживания населения [7]. Если предыдущим законом определялось, что государственные услуги по социальному обслуживанию должны предоставляться государственными и муниципальными органами, то теперь поставщиками услуг могут негосударственные структуры. С 2015 года государство будет лишь устанавливать социальные стандарты и финансировать предоставление социальных услуг, а сами заказы на социальное обслуживание будут распределяться на конкурсной основе.

Таким образом, за последние годы сделано многое для совершенствования взаимодействия государственных и негосударственных структур в социальной сфере. Именно благодаря совместным усилиям секторов решаются проблемы отдельных категорий населения, а также происходит устойчивое развитие регионов. Необходимо отметить, что успешность социальной работы в обществе зависит от совместных усилий органов власти и общественных организаций. Основой для взаимодействия государства и общественного сектора служат взаимные ожидания, свойственные каждому из партнеров. От того, насколько оправданы будут ожидания каждой из сторон, будет зависеть и результативность их взаимодействия.

1. Авронина, Л.В. Россия: НКО как особый сегмент рынка социальных услуг / Вклад негосударственных некоммерческих организаций в решение социальных проблем России. Развитие социальных услуг [Электронный ресурс] – Режим доступа: <<http://www.hse.ru/data/2010/0>
2. Число общественных объединений и организаций, зарегистрированных в РФ на 1 января 2015 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (Дата обращения 10.09.2015г.).
3. Горный, М. Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти: сравнительный анализ законодательства / М. Горный // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – № 2. – С.226.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: Федеральный закон РФ №40-ФЗ от 05.04.2010: Принят Государственной Думой 24 марта 2010 г. - Консультант Плюс:[Электронный ре
5. Чернышов, А.Н. Социальное партнерство как новая парадигма социально - экономического развития: теория и практика: монография: [науч. изд.] / А.Н. Чернышов, А.В. Чернышова. – Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. – 138с. – С.56.
6. Якимец, В.Н. Межсекторное социальное партнерство в России: основы, теория, принципы, механизмы / Якимец В.Н. – М. Едиториал УРСС, 2004. – 384 с.
7. Об основах социального обслуживания граждан в РФ: Федеральный закон РФ №442-ФЗ от 28.12.2013: Принят Государственной Думой 23 декабря 2013 года.-

Гарант.ру:[Электронный ресурс]информационно-правовой портал.-Режим доступа:// <http://base.garant.ru/70552648/>.-

8. Маракулина, К.А. Политические и социально-экономические основы формирования социально ориентированных некоммерческих организаций / К.А. Маракулина // Власть.-2013.- №8.-С.31-34.
9. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России // АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). – 2006. – С.8. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/4/061111>

ОЦЕНКА УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ ЭФФЕКТИВНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Рахманова Д.С. (Белгород)

Глубокие социально-экономические и политические изменения, сложившиеся в России еще в 90-е годы, последствия которых сохранилось в современном российском обществе, обусловлены рядом некоторых тенденций: ускорением процесса имущественной дифференциации общества, сопровождающееся снижением уровня жизни населения; ориентации экономики на рыночные отношения и вследствие распада былых общественных и политических структур; усугублением национальных конфликтов; резким изменением характера и форм социальных отношений.

Именно в такие периоды начинает возрастать потребность в деятельности компетентного специалиста по социальной работе. Это актуализирует проблему подготовки будущего компетентного специалиста социальной работы к профессиональному взаимодействию с клиентом.

Главной целью социального образования сегодня является подготовка специалистов, способных реагировать на стремительно меняющуюся социальную ситуацию в обществе, пользующихся авторитетом и доверием населения, наделенных свойствами духовности.

Данная проблема обусловлена следующими противоречиями:

- требованиями общества к подготовке специалиста социальной работы, способного эффективно осуществлять социальную помощь и поддержку клиенту социальной службы, и несовершенством профессиональных образовательных программ в контексте их ориентированности на подготовку будущего специалиста социальной работы к профессиональному взаимодействию;

- стремлением будущего специалиста социальной работы к плодотворному и успешному взаимодействию с клиентом и его подготовленностью к построению профессионально - образовательной траектории освоения способов и приемов гармоничного взаимодействия с клиентом;

- потребностью современной социальной практики в качественной подготовке будущего специалиста социальной работы к выполнению основной профессиональной функции - взаимодействию с клиентом и отсутствием интегрированного подхода к разработке и реализации педагогического обеспечения данного процесса;

Главной целью социального образования сегодня является подготовка специалистов, способных реагировать на стремительно меняющуюся социальную ситуацию в обществе, пользующихся авторитетом и доверием населения, наделенных свойствами духовности.

С учетом складывающейся социально-экономической ситуации и требований, предъявляемых к качеству подготовки социальных работников, к разряду наиболее приоритетных можно отнести систему интерактивного самообучения, позволяющие реально учесть индивидуальные особенности обучающегося и обеспечить его

эффективную природосообразную, личностно-ориентированную учебную деятельность. Важно заметить, что при самообучении самостоятельная, собственная учебно-познавательная деятельность становится главной, ведущей, формирующая деятельность преподавателя, соответственно, становится содействующей, способствующей эффективному учению.

Для формирования профессионализма необходимо стимулировать различные формы личной социальной активности студентов: работа в спортивных, патриотических клубах, общественно-политических, экологических организациях, студенческие лагеря, педагогические отряды, а так же участие в волонтерских движениях [1; 178-183].

Особое значение в становлении профессионализма специалиста по социальной работе является производственная практика. Практика дополняет и обогащает теоретическую подготовку студентов, дает возможность углубить и закрепить полученные знания, развивает специальные способности, необходимые для успешной профессиональной деятельности, способствует приобретению студентами личного практического опыта, дающего возможность осмыслить свою будущую профессию.

Социальная сфера становится стратегически важным направлением в жизнедеятельности российского общества. Значение социальной защиты в современных условиях оценено на государственном уровне. Ее роль в обеспечении социальной помощи населению и поддержанию стабильности в обществе будет еще возрастать. Поэтому вопросы оптимального выбора, качественной подготовки и переподготовки компетентных и конкурентоспособных специалистов на рынке труда приобретают особое значение.

1. Воробьева М. В. Особенности профессиональной подготовки будущих специалистов социальной работы // *Социальная политика и социология*. 2007. № 3. С. 178-183.

СТАНОВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В РОССИИ

Рахматуллина З.Б., Кильсенбаев Э. Р. (Уфа)

Одним из фундаментов развития гражданского общества является добровольческое движение, особенности в молодежной среде. По определению, добровольческая деятельность – это общественно полезная деятельность (индивидуальная или коллективная), осуществляемая людьми безвозмездно на основе доброй воли и свободного выбора в пользу третьих лиц или общества в целом [1, с. 18]. Молодёжное добровольчество, успешно развивающееся во многих странах мира, становится все более заметным явлением и социальной практикой в современном российском обществе.

Сферы добровольческой деятельности молодежи очень разнообразны. Это поддержка социально незащищенных групп населения, профилактика алкоголизма и наркомании, ВИЧ/СПИД, борьба с беспризорностью, защита прав граждан, решение экологических проблем, помощь инвалидам, детям-сиротам, одиноким старикам, восстановление памятников истории, поиск пропавших в военные и мирные годы и многое другое. Общий уровень вовлеченности в добровольческую деятельность НКО в 2008 году составлял 3,02% от численности экономически активного населения, что составляет (в пересчёте на полную занятость) 0,42 % экономически активного населения. В среднем доброволец вкладывает в деятельность НКО 26 часов в месяц своего личного времени [1, с. 64].

Традиционно приоритетным направлением молодежного добровольчества является поддержка детей в сложной ситуации. На эти цели жертвовали средства почти 90% всех россиян, участвующих в благотворительности. Высока доля граждан, оказывавших поддержку людям, попавшим в чрезвычайное положение (49%). Россияне также жертвовали деньги в религиозные организации (40%), людям и семьям,

находящимся в трудной жизненной ситуации (32%), нуждающимся в поддержке и лечении взрослым 28%. Менее популярны такие направления как сохранение культурного наследия, охрана окружающей среды, правозащитная деятельность (менее 10%). [6, с. 15]

Несмотря на то, что молодежная добровольческая деятельность может совершаться разными методами, она как социокультурное явление несет в себе общие социальные функции:

- экономическую — обеспечение достойного существования тех граждан, которые в силу объективных особенностей и жизненных ситуаций не могут позаботиться о себе сами;

- социальную — снижение напряженности в обществе путем выравнивания уровня жизни, поддержки нуждающихся слоев населения, которые по объективным причинам не могут адаптироваться в новых условиях;

- рыночную — восполнение недостатков социальной политики государства и функционирования рыночных механизмов — прежде всего, за счет оперативности и адресности предоставляемой помощи, что повышает ее эффективность;

- общественную — восполнение перекосов общественных отношений, приводящих к отходу не по своей воле отдельных групп населения от принятых стандартов жизнедеятельности, что ограничивает их возможности потребления общественных благ и самореализации;

- политическую — реализация механизмов связи населения и власти, формулирование социальных приоритетов от имени тех, кто в социальном плане не может защищать свои права;

- маркетинговую — удовлетворение потребностей филантропов, оказание донорам услуг по осуществлению благотворительных проектов, одновременно — пропаганда альтруистических мировоззрений в обществе. [3]

Качественный и количественный рост добровольчества молодежи стал более заметен с 2006 года, когда существенно возросло внимание государства, общества и СМИ к вопросам развития добровольчества. В этот период в России начинают создаваться определённые предпосылки и условия формирования механизмов содействия развитию добровольчества и основ государственной политики по содействию развитию и поддержке добровольчества. Правительством Российской Федерации утверждена и с тех пор действует Стратегия государственной молодёжной политики Российской Федерации, предусматривающая её реализацию до 2016 года. Одним из основных направлений данной Стратегии является вовлечение молодёжи в социальную практику с помощью развития механизмов добровольчества. [7]

В 2009 году осязаемым толчком в развитии молодёжного добровольчества стал учреждённый Президентом Российской Федерации 2009 год – Год молодежи, целью проведения которого являлось «развитие творческого, научного и профессионального потенциала молодёжи, её активное привлечение к проведению социально-экономических преобразований в стране, воспитание чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей». В 2009 году благодаря совместным усилиям Минэкономразвития России, Общественной палаты Российской Федерации, экспертного добровольческого и благотворительного сообщества Правительством Российской Федерации утверждена (от 30 июля 2009 г. № 1054-р) «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации». В Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации обозначены цели и задачи, а также проблемы, на решение которых направлены создаваемые механизмы содействия развитию добровольчества.

Основной целью механизмов системной поддержки добровольчества является активизация потенциала добровольчества как источника развития гражданского общества, способствующего привлечению в социальную сферу трудовых ресурсов молодежи. Кроме того добровольческая деятельность может способствовать профессиональному и

личностному становлению молодежи [4, с. 40-41], а также социальной адаптации молодежи на рынке труда в современных условиях [5, с. 169]. Говоря о мотивах, по которым люди осуществляют добровольческую деятельность, приведем некоторые результаты исследования, проведенного в 2011 году Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики». Среди опрошенных 58% назвали мотивом своей добровольческой деятельности желание помочь нуждающимся людям, 17% – для собственного удовольствия, 14% – чтобы помочь бороться с определенной проблемой, 12% – отплатить людям за добро добром, 12% – объяснили свою деятельность наличием свободного времени. [2, с. 144]

Исходя из вышеизложенного, отметим, что молодежное добровольчество представляется перспективным, комплексным и динамично развивающимся направлением социальной политики, способным решить многие общественные и нравственные задачи.

1. Бодренкова Г. П. *Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике / учебно-методическое пособие*. – М.: АНО «СПО СОТИС». – 2013. – 320 с.
2. *Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.)*. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2012. – 148 с.
3. Задорин И. В. *Доверие общества к институту благотворительности в России в цифрах и фактах* // http://www.zircon.ru/russian/publication/5_4.htm
4. Рахматуллина З.Б., Дубовова О.А. *Проблемы профессионального становления//Среднее профессиональное образование*. 2006. № 7. С. 39-44.
5. Рахматуллина З.Б., Дубовова О.А. *Социальная адаптация молодежи на рынке труда//Вестник Башкирского университета*. 2007. Т. 12. № 3. С. 167-170.
6. *Сострадание и спонтанность: отчет о массовых пожертвованиях в России*. М.: САФ Россия, 2014. С.7.
7. *Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р*

ПОТЕНЦИАЛ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА: СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА МАЛОГО БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Розова Н.М. (Санкт-Петербург)

Социальное предпринимательство довольно новый вид деятельности в России, относящийся одновременно и к социальной сфере и к частному бизнесу. Еще нет четкого определения целей и задач, стоящих перед социальным предпринимательством, существуют только общие группы особенностей. Тем не менее, явление активно развивается в Европе и Америке и, исходя из этого, можно выделить некоторые общие концепции социального предпринимательства, которые возможно было бы интегрировать в российское общество.

Для начала необходимо выделить основные и общие критерии, отличающие социальное предпринимательство как уникальное явление, совмещающее экономические и социальные критерии. Исследование такого характера было проведено в Европе на основе данных о местных представителях социального предпринимательства, поэтому нельзя с абсолютной точностью утверждать, что данные параметры применимы к российскому обществу, но они являются наиболее общими и фундаментальными на данный момент.

С точки зрения экономики, можно выделить следующие основания для существования явления[4]:

- 1) Непрерывная деятельность по производству и продаже товаров или услуг.

В данном случае, производственная деятельность выступает залогом существования самой организации, что отличает ее от некоммерческих. То есть, основная цель социального предприятия именно производство товаров или услуг, а не перераспределение финансов.

2) Высокая степень автономии.

Данный пункт означает, что социальные предприятия максимально независимы от влияния государства: они создаются на основе частных проектов и реализуются частными лицами, вопросы руководства и управления, а так же направленность деятельности и возможная ликвидация учреждения решаются внутри организации, независимо от внешних факторов. Государство здесь может выступать в качестве представителя субсидий.

3) Высокий уровень экономического риска.

Соответственно, исходя из двух предыдущих пунктов, социальные предприятия сильно подвержены экономическим рискам. Жизнеспособность организации поддерживается ее членами и напрямую зависит от их усилий.

4) Как можно меньший объем оплачиваемой работы.

Тем не менее, социальные предприятия представляют собой неприбыльные организации, в них сочетаются как волонтерские силы, так и труд наемных работников. Однако деятельность, которая проводится в социальных предприятиях, требует минимума оплачиваемой работы.

К этим экономическим параметрам добавляются социальные[1]:

1) Основная цель всей деятельности - принесение пользы сообществу.

Социальное предпринимательство обязательно выбирает своей целью работу с конкретной социальной проблемой или уязвимой группой.

2) Основой деятельности является инициатива, выдвинутая определенной группой граждан.

Здесь идет переключение с экономической автономией – предприятие создается за счет инициативы и заинтересованности конкретной группы людей, которая готова продвигать свои идеи и развивать свою организацию, основываясь на них и используя исключительно свой внутренний потенциал.

3) Право принимать решения не на основе собственности капитала.

Суть этого параметра заключается в том, что все члены организации имеют право на «голос» - они могут напрямую воздействовать на общий капитал организации. Так как социальное предпринимательство не является в полной мере коммерческой деятельностью, то и внутренний фон организации формируется свободно и владение определенной частью капитала не влияет на иерархию внутри организации.

4) Активное участие различных сторон, на которых деятельность оказывает воздействие.

Социальное предпринимательство имеет смысл в том случае, если его деятельность действительно приносит пользу той социальной группе, на которую она направлена. Поэтому здесь не исключается обратная связь и участие самих получателей помощи в деятельности предприятия.

5) Ограниченное распределение прибыли.

Социальные предприятия не только включают организации, которые характеризуются общим ограничением на распределение прибыли, но и организации, которые, как кооперативы в некоторых странах, могут распределять прибыль, но только в ограниченной степени, что исключает максимизацию прибыли.

Данные аспекты выделены для социального предпринимательства в странах Европы на основе общих закономерностей развития организаций социального предпринимательства. Для России же, исходя из европейского и частично национального опыта, можно выделить следующие концепции деятельности таких организаций[3]:

1. Социальное предпринимательство как способ социальной поддержки определенных групп населения.
2. Социальное предпринимательство как механизм содействия экономическому развитию, поддержки предпринимательства.
3. Социальное предпринимательство как альтернативный государственному механизм решения социальных проблем.
4. Социальное предпринимательство как социально-ориентированный бизнес.

Так же нельзя забывать об особенностях российского общества и возможности внедрения в эту среду социального предпринимательства, для этого важно выделить основные аспекты, требующие особенного внимания и совершенствования. [2]

1. Создание необходимого правового регулирования.

Концепция социального предпринимательства сформировалась в условиях англосаксонской правовой системы, в которой статус благотворительной организации (а соответственно, и налоговые льготы) предоставляются в зависимости от цели деятельности (общественное благо), а не организационно-правовой формы. Согласно российскому законодательству о некоммерческих организациях, любая коммерческая деятельность НКО облагается налогами, как и предпринимательская деятельность, что может существенно замедлить развитие социального предпринимательства.[5]

2. Наличие необходимой кадровой базы.

Можно рассмотреть возможность подготовки молодых специалистов в высших учебных заведениях или на базе дополнительного образования. Для развития системы социального предпринимательства нужны люди, обладающие предпринимательскими и лидерскими качествами.

3. Формирование новых финансовых инструментов для поддержки некоммерческих проектов.

В данный момент, социальное предпринимательство может рассчитывать на возможность получить государственный грант, но не всегда этого достаточно, даже при условии автономности и независимости от внешних факторов. Возможно, было бы проще для некоммерческих проектов, если бы была возможность получить временно необходимые финансовые резервы. Этого можно добиться через развитие кредитных инструментов финансирования.

4. Наличие необходимой инфраструктуры.

Под этим можно рассмотреть вопрос взаимодействия и обмен опытом между уже существующими социальными и некоммерческими организациями. А также возможное наличие исследовательских центров или кураторских проектов для более эффективной работы.

Таким образом, чтобы иметь возможность рассматривать социальное предпринимательство в контексте российского общества стоит обратить внимание на особенности функционирования предприятий социального предпринимательства. Это методично развивающаяся структура, для которой необходимо сильное гражданское общество и демократические установки.

1. Лебедева И.С., *Концепция социального предпринимательства в контексте современной российской действительности*/ И.С. Лебедева// «Философия, социология, политология». - 2010 г.
2. Интернет-портал «Новый бизнес. Социальное предпринимательство». /URL: <http://www.nb-forum.ru/interesting/experts/ispolzovanie-kontseptsii-sotsialnogo-predprinimatelstva-dlya-resheniya-sotsialnyh-problem-primenimost-v-rossiyskom-kontexte.html> (дата обращения: 29.09.2015)
3. «Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России»/ М. Баталина [и др.]; под ред. А.А. Московской, К.э.н., заместитель директора Института управления социальными процессами ГУ-ВШЭ

4. *Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / под ред. А.А. Московской - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011 г.*
5. *Кондрашова О.И., Социальные инновации в бизнесе: перспективы развития в России/ О.И. Кондрашова, И.Ф. Колонтаевская// СПб: СПбГПУ. -2013 г.*

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Савельева Ж.В. (Казань)

Повышение благосостояния и эффективности социальной политики являются важными проблемами современного российского общества. Справедливость является одним из основополагающих принципов социальной политики любого государства. Социальная справедливость выступает институционализированной ценностью для социальной сферы общества и механизмом организации его социальных институтов, в том числе здравоохранения.

Социальный институт здравоохранения выполняет функции связанные не только с решением вопросов сохранения и укрепления здоровья человека, поддержания активной жизни индивида, возможностей его всестороннего развития, предоставления медицинской помощи в случае наступления заболевания, но и в широком смысле создает социальную инфраструктуру для развития других подсистем общества – экономической, влияя на качество трудовых ресурсов, производительность труда, и политической, гарантируя в долгосрочной перспективе устойчивое, стабильное развитие общества.

В мировой науке активно ведутся разработки концепций социального государства и моделей социальной политики в контексте проблем равенства и справедливости как зарубежными авторами (Г.Эспинг-Андресен, Н.Мэннинг, В.Корпи, Ж.Палме и др.), так и отечественными (А.А.Гусейнов, А.В.Прокофьев, В.Н.Ярская, Е.Р.Ярская-Смирнова, А.Ф.Храмцов, Н.А.Волгин, Т.Ю.Сидорина, И.А.Григорьева и др.); детально изучены экономические и социальные аспекты функционирования здравоохранения как социального института (Н.С.Григорьевой, В.И.Стародубова, А.В.Решетникова, Т.М.Максимовой, И.М.Шеймана, С.В.Шишкина, С.А.Ефименко, Л.С.Шилова, А.В.Решетников, Т.М.Максимова и др.), а также и практики самосохранительного поведения и валеоустановки россиян (А.И.Антонов, И.В.Журавлева, Е.В.Дмитриева, Г.А.Ивахненко и др.). Проблема неравенства в здоровье исследуется в современной науке в рамках концепции социального градиента (А.И.Канст, Т.Блэкли, Э.Гидденс, Дж.Браун, Н.Л.Русинова, Л.В.Панова, Т.М.Максимова и др.), где полем конкурирующих определений, как правило, является вопрос о соотношении влияния внутренних, индивидуальных факторов (поведение, диета и т.п.) и внешних, структурных (бедность, доходы и т.п.). На фоне активно исследуемого с позиции социологической науки неравенства в здоровье, область изучения социальной справедливости и равенства/неравенства в российском здравоохранении пока находится в неудовлетворительном состоянии и ограничивается немногочисленными исследованиями этических, социально-экономических аспектов проблемы (С.Ю.Ковалев, И.Ю.Блам, И.М.Зайцева, А.Д.Оздоев, Д.В.Ефремов, А.С.Джаркамалиева и ряд др.)

Содержание концепта социальной справедливости имеет конкретно-исторический характер. Доминирующие смысловые и символические компоненты категории могут варьироваться. В зависимости от типа общества, его пространственно-темпоральных координат, политического и экономического контекста, стратификационной системы справедливость может интерпретироваться как равенство для всех граждан в обладании ресурсами системы, как равенство в гарантиях, правах, возможностях на доступ или как соразмерность, пропорциональность вкладу и заслугам человека в системе.

Применительно к системе здравоохранения ценностно-смысловое наполнение ценности справедливости может варьироваться – выражаться в солидаристических, либеральных доминантах и их гибридах. Проявлением первых будет служить понимание справедливого здравоохранения в категориях ответственности и затрат государства, всего общества за охрану здоровья каждого, равного доступа к небольшому набору важнейших медицинских услуг, финансирования лечения больного за счет здорового, бедного - за счет обеспеченного. Либеральный «лейтмотив» справедливого здравоохранения отталкивается от идеи получения услуг в сфере здравоохранения лучшего качества и более широкого спектра для тех, кто активен и предприимчив, имеет большую ценность для системы или большие вложения, и реализуется посредством системы медицинского страхования по накопительному принципу. Потенциальным преимуществом такой справедливости выступает развитие ответственности, как за само здоровье, так и за отчисления средств в фонды медицинского страхования.

В советском обществе идеологическое наполнение справедливости было более однозначным: социальное неравенство в благах рассматривалось как вредное и противоестественное явление, равенство в здравоохранении обеспечивалось через предоставление медицинской помощи вне зависимости от статуса, вклада в систему и тотальный охват всего населения (как следствие, масштабное строительство больниц, в том числе районных, сельских, не всегда обладающих материальной базой, что в современной полемике получает наименование «экстенсивной» модели). В современном российском обществе проблема содержательно-смыслового наполнения модели социальной справедливости в здравоохранении - равенство возможностей, равенство благ, равенство благ для всех или только нуждающихся – является актуальной научной проблемой, но пока остается недостаточно изученной.

С точки зрения гармонизации социальной политики в сфере здравоохранения, релевантной интерпретации процессов, происходящих в условиях реформирования здравоохранения в России различными акторами, большое научное значение приобретают исследования экспертных оценок социальной справедливости медиков, специалистов в области управления охраной здоровья, а также дискурсивного пространства масс-медиа, где происходит процесс символического конструирования моделей социальной справедливости и репертуара значений равенства в здравоохранении.

Особый интерес для изучения представляют определения и обоснования социальной справедливости в здравоохранении обывателей. Социальные представления россиян о равенстве в здравоохранении, стратегии выбора модели справедливости в условиях расслоения социальной структуры, дифференциации доходов могут зависеть от экономического положения, социально-демографических и территориально-поселенческих характеристик, что так же является пока недостаточно изученным полем исследования социологической науки.

Проблемы вызывают изменения в структуре и организации российского здравоохранения, смена «экстенсивной» модели на «интенсивную», что проявляется в частности в оптимизации системы - сокращении ЛПУ, формировании высокотехнологичных центров оказания медицинской помощи с целью повышения эффективности социальной политики. Общественные дебаты о справедливых формах распределения ограниченных средств в здравоохранении и о реформе здравоохранения в целом принимают противоположные, порой взаимоисключающие варианты.

Так, дискурсивная борьба за определение и переопределение социальной справедливости в здравоохранении получила отражение в дискуссиях по поводу предложения Минфина ввести соплатежи населения пациентов за часть видов медицинской помощи для всех неработающих граждан, кроме детей, пенсионеров, зарегистрированных безработных в "Основных направлениях бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов" и проекте документа на 2016 [1]. Несправедливость оплаты медицинских услуг работающими за трудоспособных безработных пациентов очевидна с позиции либерального подхода, неочевидна с позиции – солидаристического.

Подобные вопросы звучат и в отношении других категорий граждан: могут ли претендовать на равенство в качестве жизни, одинаковый доступ к медицинским услугам те категории пациентов, которые сами являются источником проблем со здоровьем в силу неправильного образа жизни и отсутствия самосохранительного поведения?

Помимо прочего, сложность и насущность поставленной проблемы обусловлена и сменой модели заболеваемости с экзогенной на эндогенную, которую характеризует преобладание хронических неинфекционных заболеваний. Причина ХНЗ, как и успех в лечении во многом определяется самим пациентом, его образом жизни. В такой ситуации границы здоровья, болезни и работоспособности размываются, а справедливость выдачи листка нетрудоспособности подвергается сомнению (об этом же свидетельствует высокая заболеваемость «бюджетников» по сравнению с работниками коммерческого сектора [2,3]).

В публичной повестке проблематизация вопросов равенства и справедливости здравоохранения ведется и по вопросам дифференциации доступа к медицине городских и сельских жителей, имущих и малоимущих, людей разных возрастов.

В связи с этим актуализируется задача по выявлению доминирующих моделей интерпретации социальной справедливости в здравоохранении и стратегий их обоснования экспертами, масс медиа, обывателями в условиях современных российских реалий. Ключевой исследовательский вопрос заключается в том, какие актуальные определения равенства в здравоохранении и интерпретационные модели социальной справедливости преобладают в экспертном сообществе и в дискурсах масс-медиа? Какие из моделей разделяются обывателями, пациентами и влияет ли на выбор предпочтений экономическое положение респондента и факторы социально-демографического порядка? Выявление ключевых моделей понимания социальной справедливости, их характеристика с точки зрения специфичности/универсальности, релевантности сложившимся идеальным теоретическим типам (солидаристический/либеральный) – составляет поле для предстоящих эмпирических исследований. Реализация обозначенной исследовательской установки позволит сравнить экспертную, медийную, обывательскую модели, установить степень их рассогласования и осуществить оценку с позиции потенциала конфронтации/консенсуса.

1. Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165592/7be95278709ea7f19632a73efc41959e80837b87/
2. Шилова Л.С. Реформы здравоохранения как источник новых рисков для здоровья // Социологические координаты риска. М.: ИС РАН, 2008.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ PR-СОПРОВОЖДЕНИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО
МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМУ УРОВНЕ (СТАТЬЯ
ПОДГОТОВЛЕНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ РГНФ, ПРОЕКТ № 15-13-31004 А(Р)
«ВОЛОНТЕРСТВО В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО
ПАРТНЕРСТВА, ОРИЕНТИРОВАННОГО НА РАБОТУ С БЕЖ**

Сазонова Е.С., Козыренко Е.С. (Белгород)

В современной России большое значение имеет развитие волонтерского движения среди молодежи. Молодые волонтеры отличаются новым видением ситуации и новыми идеями, которые могут позволить эффективно решить социально-значимые задачи общества.

Сегодня в каждом районе Белгородской области действуют волонтерские организации. 245 волонтерских молодежных объединений насчитывают более 15 тысяч

молодых людей [4]. Не смотря на это, остается значительным разрыв между количеством граждан, заявляющих о потенциальной готовности участвовать в волонтерской деятельности, и количеством граждан, которые реально ведут такую деятельность. Совершенствование PR-сопровождения волонтерского молодежного движения является одним из необходимых условий для привлечения большего внимания к добровольческой деятельности.

В Белгородской области с 2013 года функционирует Региональный центр подготовки и координации деятельности добровольцев «В[МЕСТЕ]» как единый ресурсный центр молодежи, осуществляющий волонтерскую деятельность в регионе. Информация о данном центре размещена на сайте «Молодчины.рф» [6], также создана официальная группа ВКонтакте: «ВМЕСТЕ» [5].

Для анализа проблем PR-сопровождения волонтерского молодежного движения в Белгородской области нами было проведено социологическое исследование. Опрос молодых людей показал, что они редко встречают информацию о добровольческой помощи. Сильное влияние на них оказывают друзья, родственники, знакомые. Через эти источники респонденты узнают о различных мероприятиях. Наименее популярны у молодежи печатные СМИ. Газеты читают в основном люди старше 25 лет. Наиболее популярным средством коммуникации является интернет, а самые посещаемые сайты – это социальные сети.

Все это позволяет нам предложить рекомендации по совершенствованию PR-сопровождения волонтерского молодежного движения в Белгородской области.

1. Ввести в штат Регионального центра должность специалиста по связям с общественностью для популяризации молодежного волонтерского движения и создания взаимопонимания как внутри добровольческой организации, так и за ее пределами.

2. Активизировать взаимодействие со СМИ. Необходимо чтобы информация о волонтерских движениях периодически там появлялась, чтобы деятельность волонтерских движений становилась вполне узнаваемой. Также необходимо проводить мониторинг СМИ, чтобы посмотреть, как прошла новость.

3. Проводить фандрайзинговые кампании. Проектный фандрайзинг наиболее удобная форма привлечения средств, как для самой волонтерской организации, так и для финансирующей стороны по причине того, что существуют четко определенные цели расхода средств, а также получение коммерческой выгоды от финансирования проекта.

Основные методы фандрайзинговой кампании, которыми можно воспользоваться:

- проведение рекламной кампании по почте, в СМИ, распространение рекламы;
- обращение к потенциальным дарителям, благотворителям, донорам по телефону и факсу (телефандрайзинг), в личной беседе;
- приобретение поддержки известных, влиятельных личностей (солофандрайзинг);
- распространение бесплатных приглашений на мероприятия, презентации (полифандрайзинг).

На проведение фандрайзинговой кампании волонтерская организация должна будет выделить собственные средства, также необходимо установить ответственное лицо, которое будет следить за его проведением.

4. Модернизировать официальную страницу волонтерского Центра в социальной сети «ВКонтакте». Официальную группу Центра в социальной сети «ВКонтакте» стоит сделать более информативной, интересной, удобной в поиске. На главную страницу желательно включить такие разделы, как:

- FAQ – быстрые вопросы и ответы (со ссылкой на ответы самых популярных вопросов: как помочь; как стать волонтером; как получить книжку волонтера; как поучаствовать в мероприятии и другие вопросы);

- о волонтерстве (со ссылкой на словарь волонтера, календарь волонтера, правила волонтера и т.п.);
- волонтеры недели (со ссылкой на опрос и информацию о достижениях каждого, кто номинируется);
- мероприятия (со ссылкой на анонсы, отчеты, проекты);
- СМИ о нас (со ссылкой на статьи и какие-либо упоминания о Центре);
- галерея славы Центра (со ссылкой на полученные грамоты, гранты и т.п.);
- о Центре (со ссылкой на структуру учреждения, руководство, волонтеров-координаторов, а также на контактную информацию).

В социальных сетях рекомендуется взаимодействовать с пабликами, которые имеют большой охват молодежной аудитории. Например, группа «Белгород | ВКонтакте» [2] имеет 77 тысяч подписчиков, из которых 59 тысяч – молодежь, группа «Белгород – это интересно» [3] с количеством подписчиков 60,5 тыс. человек, из них молодежи около 45 тысяч. Страница «Белгород» [1], где публикуются новости, имеет 58 тысяч подписчиков, из них 44 тыс. человек – молодежь.

Кроме самых популярных социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники» следует использовать еще «Instagram» и «Twitter», как одни из самых посещаемых молодежью сайтов. Отснятые видеоматериалы можно загружать в «YouTube» и уже потом с ссылкой на видео с данного сайта публиковать в сети интернет.

5. Проводить конкурсы социальной рекламы о важности волонтерского движения. Социальная реклама сможет выгодно преподнести волонтерский Центр, его идеи, направления деятельности. Конкурсы должны решить две задачи:

- получить новые материалы социальной рекламы, которые могут повлиять на изменение сознания граждан и массового поведения.
- повысить социальную активность молодежи Белгородской области.

Лучшие конкурсные работы могут быть размещены в эфире местных телерадиокомпаний, на улицах, в сети интернет, в образовательных учреждениях.

6. Использовать видеоматериалы и аудиозаписи. Следует использовать короткие аудиоролики, которые содержат информационно-рекламное послание с музыкальным сопровождением. Их можно транслировать не только на радио, но и в общественных местах (торговых залах, фойе театров и концертных залов и т.п.).

Аудиооформление может стать такой же неотъемлемой частью оформления мероприятия, как плакаты или передвижные баннеры. Во время встречи гостей перед началом конференции, презентации, акции, в перерывах могут звучать те же аудиоролики, либо интервью, объявления и другое.

7. Грамотно оформлять и размещать полиграфическую продукцию. Виды полиграфической продукции, которые можно использовать в Центре: визитные карточки, магниты, флажки, календари. Желательно использовать передвижные баннеры, на которых будет изображена эмблема Центра, краткая информация (направления волонтерской организации) и указана контактная информация. Следует разместить баннер возле офиса, а также брать их на мероприятия. Плакаты следует размещать как в самой организации, так и в людных местах (парках, образовательных учреждениях). Листовки следует использовать перед проведением различных массовых мероприятий, акций, где должна быть описана суть предстоящего мероприятия. Следует делиться знаниями с другими организациями через написание брошюр, передавать им свой опыт в проведении мероприятий, координации работы волонтеров, их поиску и т.д. Буклеты должны донести информацию до целевой аудитории о волонтерском центре, описывать основные направления деятельности, подчеркивать значимость добровольческого движения.

8. Организовывать курсы подготовки волонтеров, мастер-классы, тренинги. Данная работа должна проводиться не только для новичков, но и для волонтеров со стажем.

9. Наладить сотрудничество со всеми средне-специальными и высшими учебными заведениями области для реализации совместных социальных проектов, семинаров,

форумов, акций, волонтерских слетов, конференций и других мероприятий в Белгородской области.

Данные рекомендации будут способствовать развитию PR-сопровождения волонтерского молодежного движения в Белгородской области, что позволит увеличить количество добровольцев, улучшить отношения и повысить доверие между общественностью и молодежными волонтерскими организациями.

1. *Белгород [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/belgorod>.*
2. *Белгород | Вконтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/belgorod1>.*
3. *Белгород – это интересно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/belinter>.*
4. *В волонтерском движении Белгородской области задействовано более 15000 человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bel.ru/news/society/2012/05/29/65066.html>.*
5. *Вместе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/vmeste31>.*
6. *Молодчины.рф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://molodchiny.ru/>.*

РЕСУРСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ И ДЕТЬМИ

Самойлова В.А. (Санкт-Петербург)

Реализация социальных прав (на труд, охрану здоровья, образование) в настоящее время требует активного личного участия, поэтому востребованность технологий активизации семьи, повышающих уровень ее адаптационных возможностей, чрезвычайно велика. Социальные службы могли бы сыграть лидирующую роль в усилении процессов активизации на индивидуальном и групповом уровнях. К этому имеются инфраструктурные предпосылки: к настоящему времени создана обширная сеть учреждений социального обслуживания, в том числе, ориентированных на семью. Актуальный вопрос дальнейшего развития системы социального обслуживания – эффективность ее деятельности. С одной стороны, это связано с повышением внимания государства к использованию бюджетных средств, оптимизацией расходов, с другой – существует объективная потребность в более явных позитивных переменах в жизни людей, которым адресованы различные формы государственной помощи и поддержки.

Социальные службы как посредники между государством и гражданами, нуждающимися в помощи, находятся в непростой позиции, требующей от них согласования государственных и личных интересов. Далеко не всегда удастся разрешить имеющиеся противоречия, например, между потребностью в длительной профессиональной поддержке детей-инвалидов, необходимой для достижения стойкого результата, и ограниченными сроками реабилитации, проводимой на базе центров; другие примеры: заявительный характер социального обслуживания – без социальной поддержки остаются те, кто в ней нуждается в наибольшей степени (в социальные службы самые неблагополучные часто не обращаются); целостная природа семейного/жизненного благополучия, комплексность проблем – ответственность и полномочия специалистов на основе ведомственного подхода и др.

Одновременно, у социальных служб, их работников есть и «собственные интересы», в основе которых лежат потребности, адресованные к сфере труда – потребности в стабильном рабочем месте, зарплатке, сохранении здоровья, комфортных рабочих условиях, достойном статусе, признании своей значимости, самореализации и др. Эти потребности также не всегда согласуются как с ожиданиями клиентов, так и с требованиями, которые определяет государство в нормативных актах, стандартах,

госзаказе. Например, высокие нормативы по количеству обслуживаемых, необходимость заполнять «кипы бумаг» и вести электронную документацию приводят к рабочим перегрузкам, профессиональному стрессу. В свою очередь, высокая рабочая нагрузка, ведущая к эмоциональному истощению и формированию коммуникативных барьеров, противоречит потребностям клиентов в неформальном участии, в результате страдает процесс общения, а значит и воспринимаемое клиентами качество обслуживания.

Таким образом, очевидно, что эффективность социальной работы, как с точки зрения конечных результатов, так и процесса достижения этих результатов имеет многофакторную обусловленность. В связи с этим, важным является вопрос ресурсной обеспеченности работы специалистов.

По мнению М.Липски, автора концепции «бюрократии низового (уличного) уровня» (Street-level Bureaucracy), к которым относятся и социальные работники, непосредственно контактирующие с клиентами, последним не хватает трех основных ресурсов. Это время, информация и средства. Действительно, в современных социальных и экономических условиях работа специалистов представляет собой определенный конвейер - конвейер услуг. Один из основных показателей эффективности работы учреждений социального обслуживания населения - количество обслуженных клиентов. Необходимость обслуживать большое количество клиентов диктует необходимость соблюдения жестких временных рамок взаимодействия с клиентами. Второй ресурс - это информация, иногда ее бывает не достаточно, чтобы грамотно отнести проблему клиента к одной из категорий и добиться эффективного решения его проблемы. Третий ресурс - это средства, как в смысле строго формализованных средств оказания помощи, так и финансовых ограничителей (Брук, 2012).

Исследование, проведенное в социальных службах Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2012 году, полностью подтвердило выводы Липски, сделанные им 30 лет назад. Среди 126 пунктов - ответов на вопрос «Какие препятствия мешают достижению целей Вашей работы с клиентами?» представлены:

Материальные/финансовые - 27.0% (недостаточное финансирование, низкий уровень оснащенности материальной базы, нехватка помещений; нехватка телефонных номеров; маленький бюджет организации для материальной помощи, зарплата небольшая и др.)

Организационные - 24.4% (проблемы межведомственного взаимодействия, «информационный голод», мало методической литературы, неполная информация от руководства, большая загруженность - нет времени на восстановление сил и др.)

Правовые - 15.1% (мало полномочий у социальных работников, не всегда мы можем изъять ребенка из семьи, где есть подозрение на насилие; нельзя принудительно лечить от алкоголизма; недостаточная правовая информированность родителей, не владеем полными знаниями о законах - жилищных, семейных, трудовых и др.);

Психологические - 26.2% (не каждая семья понимает и принимает проблемы ребенка, нежелание выносить проблему за пределы своей семьи, позиция «мне все должны и обязаны», пессимизм, апатия родителей, закрытость семей, отсутствие мотивации семьи для решения своих проблем, нежелание клиентов сотрудничать и др.)

Социально-культурные - 8% (неприспособленность среды, игнорирование обществом проблем инвалидов, низкий культурный уровень родителей, низкий уровень знаний родителей в вопросах воспитания, развития детей).

Среди названных трудностей традиционно «лидируют» материально-финансовые, хотя между центрами социального обслуживания существуют заметные различия в материальной оснащенности. Некоторые из них хорошо отремонтированные, просторные и оборудованные на современном уровне, а другие действительно ютятся в тесных помещениях. Более однородными и разделяемыми выглядят организационные трудности. Среди них назван фактор времени, но лишь в том смысле, что большая

загруженность не позволяет восстановить силы. Нам представляется важным «не упустить» влияние дефицита времени на качество обслуживания. В работах западных специалистов, посвященных социальному обслуживанию в период «неолиберальной политики с ее логикой экономических расчетов», эта тема также обсуждается. По мнению М.Брукнер, специалистам должна быть предоставлена достаточная степень свободы в принятии решений, возможность выбора соответствующих действий, а также достаточно времени для работы по уходу (Bruckner, 2012). Временные рамки взаимодействия с клиентами ограничиваются действующими нормативами, но другие организационные препятствия могли бы быть устранены при более внимательном к ним отношении со стороны руководителей социальных служб и управленцев районного и городского уровней.

Среди психологических препятствий названы различные характеристики семей, отражающие недостаток их мотивации к изменениям. Работать с такими семьями, побуждать к самостоятельности, повышению активности и т.д. непросто. В связи с этим, установки специалистов по отношению к клиентам, осознание специфики, целей и задач своей деятельности работниками социальных служб приобретают особую важность. Несмотря на то, что большинство специалистов признают высокую значимость активизации ресурсов семей, в реальной работе они этих целей не всегда придерживаются, проявляя больше личной активности и ответственности, а не побуждая к этому клиентов. В то же время, очевидно, что не только помощь клиенту в разрешении конкретной проблемы, а сформированная у него готовность самому справляться с проблемами в будущем – это и есть один из конечных показателей эффективности социальной работы. Что касается процессуальных показателей эффективности, к ним относится устойчивая рабочая мотивация специалистов. По данным нашего исследования, хотя у большинства специалистов такая мотивация есть (85,2% удовлетворены своей работой), в то же время только 22,9% из них удовлетворены местом работы в полной мере (Самойлова, 2014).

Подводя итог сказанному, отметим, что грамотное управление социальными службами и в целом социальной сферой – тот ресурс, который во многом остается неиспользованным. Будет ли способствовать преодолению противоречий и препятствий (организационных, правовых, психологических) принятие нового закона о социальном обслуживании – этот вопрос нуждается в тщательном научном анализе, основанном на масштабных эмпирических исследованиях.

1. Брук С.А.(2012) *Использование концепции Майкла Липски "Street-Level Bureaucracy" в организации работы российских государственных социальных сервисов //Мат-лы интернет-семинара "Взаимодействие социальных служб и общества: проблемы и перспективы социоло*
2. Самойлова В.А.(2014) *«Эмпауэрмент» в деятельности социальных служб: потребности, ограничения, перспективы развития //Активизирующие подходы в практике социальной работы с семьей: сб. статей / Под ред. В. А. Самойловой. — СПб.: Скифия-принт, с.10-22.*
3. Brückner, M.(2012) *Understanding Professional Care from the Viewpoint of Care Receivers and Care Givers – The Necessity of a Special Care Rationality// Social Work&Society Vol 10, No 2: Working at the border <http://www.socwork.net/sws/search/results>*

СОЦИОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МОЛОДЕЖНОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Сахневич И.В., Минакова А. В. (Курск)

В Российской Федерации первые попытки организованного добровольчества имели место в начале 1990-х гг. [1, с. 18]. В 1995 году состоялся Первый Российский Форум добровольцев, явившейся итогом взаимодействия с мировым движением добровольцев и впервые была проведена «Неделя добровольческих усилий», в результате которой, более 10 000 нуждающихся в Москве получили помощь.

В России существует Союз волонтерских организаций и движений, созданный в целях объединения и консолидации усилий добровольческих организаций в сфере благотворительной деятельности [2]. В 2012 г. вышел в свет первый номер Всероссийского научно-практического журнала «Волонтер», направленного на содействие развитию потенциала волонтерского движения в РФ.

Возрастная категория выступает одним из многочисленных критериев классификации волонтерского движения. В зависимости от возраста принято выделять:

1) Детское волонтерство, участники которого имеют возраст с 6 до 17 лет. Оно представляет собой добровольческую деятельность детей школьного возраста, которая осуществляется если: 1) она не причиняет вред здоровью и нравственному развитию ребенка; 2) не нарушает процесс обучения. Подобная модель волонтерства более характерна для стран англо-саксонской правовой семьи [3], однако, в РФ, в последнее время встречаются детские добровольческие акции.

2) Молодежное волонтерство, участники которого имеют юношеский (от 16 до 21 года), а также зрелый возраст начального периода (21 – 35 лет). Ряд авторов определяют молодежное добровольчество как «деятельность молодежи по предметному решению общественных проблем, осуществляемая без принуждения и оказывающая социализирующее влияние на субъекта такой деятельности» [4, с. 98]. Например, волонтерский клуб «Педиатры детям» Курского государственного медицинского университета, участниками которого являются студенты.

3) Волонтерское движение, участники которого имеют возраст от 35 до 55-60 лет. Например, российский волонтерский центр «Серебряные волонтеры», участником которого, может стать любой желающий от 50 лет.

4) Волонтерское движение, участники которого имеют пожилой возраст (пенсионное волонтерство). Для России подобное волонтерство является редкостью, в отличие, от США [5].

В тоже время стоит отметить, что классификация моделей добровольческого движения по данному критерию иногда является затруднительной в силу смешанного возрастного состава участников движения.

Развитию молодежного добровольческого движения может способствовать пропаганда его среди школьников и студентов в различной форме (публичные акции, встречи, демонстрация в учебных заведениях документальных фильмов о работе добровольцев). Необходима организационная поддержка органов государственного и муниципального управления.

В Курской области вопросами добровольчества занимается региональный комитет по делам молодежи и туризму (отдел по молодежной политике). Согласно Положению о комитете [6], одной из основных его задач является «обеспечение государственной поддержки детских, молодежных, общественных и туристских объединений области».

Отметим те добровольческие акции, которые можно отнести к детскому и молодежному волонтерству:

- 1) «Мы вместе», целью которой являлось оказание помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей;
- 2) «Свет в окне» по оказанию адресной помощи ветеранам, пожилым людям, инвалидам в уборке жилых помещений, благоустройстве приусадебных участков и территорий, мест частных захоронений (участвовало 3 000 добровольцев);
- 3) «5Д», направленная на формирование активной гражданской позиции ребенка через систему добрых дел, а именно воспитание самостоятельности, дисциплинированности, ответственности в выполнении дела (участвовало 355 детских общественных объединений).

Приказом Председателя комитета по делам молодежи и туризму Курской области утвержден Стандарт оказания услуги «Вовлечение граждан в возрасте от 14 до 30 лет в добровольческую (волонтерскую) деятельность», осуществляемый государственным учреждением «Областной центр молодежных программ» [7]. Услуга заключается в консультировании об особенностях осуществления добровольческой деятельности, процедуре получения «Личной книжки волонтера», а также о получении выписки из базы данных о возможных вариантах добровольческой деятельности.

В Курской области существует и Кодекс волонтеров молодежного добровольческого движения, который определяет волонтера как человека, который участвует в общественно полезной деятельности безвозмездно и на основе осознанного свободного выбора.

В качестве примера студенческой добровольческой деятельности можно привести группу «Кодекс» Курского государственного университета, деятельность которой направлена на осуществление добровольческих акций по правовому просвещению несовершеннолетних, и охватывает ежегодно более четырех тысяч школьников. Группа сотрудничает с уполномоченным по правам ребенка Курской области и администрацией Курской области [8]. Студенческий клуб «Кодекс» имеет свой устав.

Общественные отношения, связанные с добровольческой (волонтерской) деятельностью регулируются Конституцией Российской Федерации [9], Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [10], Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [11] и другими. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [12], непосредственно закрепляет положения о добровольческой деятельности.

В 2012 г. был разработан законопроект «О добровольчестве (волонтерстве)» [13], согласно пояснительной записке к которому актуальность и своевременность разработки проекта определена динамичным развитием института добровольчества и недостаточным нормативно-правовым регулированием добровольческой деятельности.

Однако эксперты российского правительства считают, что нормы действующего законодательства являются достаточными для реализации большинства изложенных в законопроекте предложений и не требуют изменений. Кроме того и представители добровольческих организаций выражают несогласие с формализацией, «государствлением» волонтерского движения. В настоящее время законопроект находится на рассмотрении в Государственной Думе.

Отметим, что, например, в ФРГ 16 мая 2008 г. был принят специальный Закон «О молодежных добровольческих службах» [14]. Молодежная добровольная служба согласно § 1 Закона - это добровольный социальный год (FSJ) и добровольный экологический год (FÖJ).

Добровольный социальный год – это преимущественно практическая вспомогательная деятельность, включающая в себя: благотворительную помощь в учреждениях детской помощи и борьбы с безнадзорностью, учреждениях для внешкольного молодежного образования и для работы с молодежью, в учреждениях культуры и охраны исторических памятников, а также в учреждениях спорта.

Добровольный экологический год – это преимущественно деятельность, включающая в себя благотворительную помощь в области охраны природы и охраны окружающей среды, иными словами в реализации экологических проектов.

Данная государственная волонтерская экологическая программа это «своего рода молодежный экологический лагерь, куда съезжаются люди со всего мира, чтобы общаться по-немецки и привнести свой вклад в дело по защите окружающей среды». Волонтерская деятельность в рамках данной программы разнообразна: работа с несовершеннолетними, которым необходимо экологическое воспитание; уход за экосистемами; работа с картами и измерительным оборудованием; работа в заповеднике; уход за животными и растениями; сельское и лесное хозяйство; защита атмосферы. Участникам данной экологической программы предоставляется ряд льгот: 1) денежные средства на карманные расходы; 2) бесплатное проживание или компенсация на жилье, если принимающая организация не имеет возможности обеспечить им участников; 3) бесплатное питание; 4) оплачиваемая страховка: медицинская, пенсионная, по безработице и от несчастных случаев; 5) оплачиваемый отпуск продолжительностью 26 рабочих дней; 6) униформа; 7) инструменты и оборудование; 8) пособия для сирот и членов многодетных семей (предоставляется в большинстве случаев).

Законом предусматривается молодежная добровольная служба как внутри страны, так и за границей. Вместе с тем, устанавливается и предельный возраст волонтеров, попадающих под регулирование данного закона – 27 лет. Отметим, что участие в волонтерских программах в Германии высоко ценится в резюме [15, с. 43-53].

1. Бархаев А.Б. Социально-психологические условия вовлечения волонтеров в деятельность общественных организаций: Дис. ... канд. псих.наук. М., 2010.
2. Официальный сайт союза волонтерских организаций и движений. URL: <http://volontery.ru>.
3. См.: Федосова Е. Почувствуйте разницу: волонтерство в развитых странах // Филантроп: электронный журнал о благотворительности. URL: <http://philanthropy.ru/analysis/2010/09/29/3422> (дата обращения: 05.02.2014).
4. Аллен К. Добровольцы – важнейший ресурс России. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы, мнения / сост. Н.Ю. Слабжанин. Р-на-Д: Старые русские, 2003.
5. Волонтерство в США глазами московских добровольцев // Милосердие.ru: православный портал о благотворительности социальной деятельности. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/volonterstvo-v-ssha-glazami-moskovskih-dobrovolcev> (дата обращения: 01.02.2014).
6. Положение о комитете по делам молодежи и туризму курской области, утвержденное Постановлением Губернатора Курской области от 15 августа 2000 г. № 492 (в ред. постановления Губернатора Курской области от 09.12.2011 N 513-пг) // Курская правда. № 89. 2010.
7. Стандарт оказания услуги «Вовлечение граждан в возрасте от 14 до 30 лет в добровольческую (волонтерскую) деятельность», осуществляемый государственным учреждением «Областной центр молодежных программ», утвержденный Приказом Председателя комитета по делам
8. Юридический факультет Курского государственного университета: качество, компетентность, востребованность // Друг для друга. Архивный номер № 28 (1030) от 8 июля 2014 г. URL: <http://www.dddkursk.ru/number/1030/consumer/004084/> (дата доступа: 22.11.2014 г.)
9. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.
10. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 20.07.2012) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
11. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 11.02.2013) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

12. *Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 23.12.2010) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.*
13. *Паспорт проекта Федерального закона № 300326-6 «О добровольчестве (волонтерстве)». Пояснительная записка «По проекту Федерального закона «О добровольчестве (волонтерстве)» // СПС «Консультант плюс».*
14. *Gesetz zur Förderung von Jugendfreiwilligendiensten / Закон Федеративной Республики Германии «О молодежных добровольческих службах» URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/jfdg/gesamt.pdf> (дата доступа: 08.01.2015).*
15. *Юдина А.А., Линович М.В., Шарахина Л.В. Международная практика правового регулирования волонтерства // Волонтер: Всероссийский научно-практический журнал. 2012. № 3-4.*

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Сиротина Т.В., Просветлюк А.В. (Барнаул)

В каждом социуме есть люди, для которых труд на благо других людей является важным способом связи и общения с миром и самим собой, средством самореализации и самосовершенствования. Одним из способов реальной помощи и социального служения в современном обществе выступает добровольчество.

Добровольческая деятельность осуществляется на основе собственных побуждений, свободного выбора и без официального, регламентированного материального вознаграждения, она является значимой не только для общества, но и для лиц, на помощь которым направлена, она полезна для субъектов, т.е. лиц, которые ее осуществляют. Добровольчество предоставляет большой спектр возможностей для самореализации в различных сферах, позволяет приобрести единомышленников, найти значимый для себя круг общения и получить поддержку в дружеском взаимодействии. Ведь для человека важно получить положительное подкрепление своей деятельности со стороны значимых окружающих, утвердиться в собственных глазах, ощутить свою причастность к общепольному делу [1, с. 154].

Добровольческая социальная активность в России сегодня переживает новый подъем. Связано это, прежде всего, с организацией и проведением масштабного мирового события, такого как Олимпийские и Паралимпийские игры в г. Сочи. Проведение Зимних Паралимпийских игр 2014 г. в России в г. Сочи способствовало значительным изменениям как в инфраструктуре города, так и в сознании людей, причастных к данному событию, в частности, самих волонтеров. Паралимпийские игры не только способствовали изменению отношения к людям с инвалидностью в нашей стране, но и предоставили возможность самим людям с инвалидностью принимать активное участие в этом событии в качестве волонтеров [2, с. 384].

В России доминирует медицинский подход к проблеме инвалидности, прямо указывающий на имеющееся у человека нарушение. Переход к социальной модели, признанной эффективной в развитых странах и способствующей интеграции людей с инвалидностью в общество, затруднен наличием различных барьеров, свойственных российской действительности, в особенности отношенческих барьеров, связанных с неадекватным восприятием людей с инвалидностью. Поэтому люди с инвалидностью обычно воспринимаются только как нуждающиеся в поддержке, как объекты помощи, вследствие чего потенциал большинства таких людей остается сегодня невостребованным. Разнообразные практики социального исключения формируют ограничивающую среду для инвалидов в системе образования, занятости и культурного потребления. Возникают проблемы, связанные с процессом включения инвалидов в активную общественную жизнь, т.е. социальной инклюзии.

Сущность социальной инклюзии людей с инвалидностью связана, прежде всего, с их «включением» в общество, обычные межличностные отношения вследствие расширения прав и возможностей для участия во всех видах и формах социальной жизни [3, с. 161].

Учитывая способность добровольческой деятельности выступать открытой, принимающей, самоорганизующейся системой, включаться в различные процессы, происходящие в современном обществе, выступать фактором адаптации и интеграции личности в социальную систему, выполнять функции активизации социальной активности личности, раскрытия ее потенциала и профессиональной направленности, не остается сомнения в том, что волонтерство обладает выраженным инклюзивным потенциалом для людей с инвалидностью. В связи с этим вовлеченность в добровольческую деятельность можно рассматривать как инструмент социальной инклюзии людей с инвалидностью.

В 2015 г. нами было проведено социологическое исследование, целью которого стало изучение влияния добровольческой деятельности людей с инвалидностью на процесс социальной инклюзии.

Для достижения цели исследования использовался метод полуструктурированного интервью как вид «глубинного интервью», который позволил провести свободную беседу с информантами, придерживаясь определенного плана – бланка интервью, задавая структуру разговора в соответствии с этим планом. С точки зрения информанта полуструктурированное интервью носило характер свободного разговора, разворачивающегося естественным образом, тем самым расширяя возможности повышения надежности собираемых данных за счет уменьшения числа не ответов и ошибок при заполнении анкет.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что добровольческая деятельность обладает инклюзивными возможностями для людей с инвалидностью, оказывая положительное влияние на процесс социальной инклюзии. Таким образом, влияние и возможности добровольческой деятельности на процесс социальной инклюзии заключается в следующем:

(1) Добровольчество предлагает широкий спектр направлений деятельности, что позволяет выбирать занятие, исходя из интересов и способностей человека, и выполнять деятельность, имеющую общественно полезную направленность. Чаще всего люди с инвалидностью задействованы в реализации социального, т.е. работе с различными категориями населения, и досугово-творческого направлений волонтерской деятельности. В основном, данные направления деятельности волонтеры реализуют через общественные организации.

(2) Большая часть опрошенных имеют значимый опыт в том или ином направлении, уделяя при этом ему практически все свободное время, что подтверждает необходимость вовлеченности в волонтерскую деятельность для людей с инвалидностью.

(3) Основными причинами занятия добровольческой деятельностью люди с инвалидностью выделяют: желание попробовать свои силы и доказать, что люди с инвалидностью способны на многое, и желание помогать другим людям.

- Основные потребности, реализуемые людьми с инвалидностью посредством вовлеченности в добровольчество: потребность в социальной значимости, в ощущении себя нужным и полезным для общества; причастность к общеплезному делу; возможность помогать людям.

(4) Чаще всего люди с инвалидностью, занимаясь добровольческой деятельностью, сталкиваются с такими реакциями общества как удивление, восхищение, любопытство. Восприятие обычных людей перестраивается, когда они видят, что человек с инвалидностью – это не беспомощный человек, это человек, способный быть активным и востребованным.

(5) Добровольческая деятельность способствует расширению круга общения, знакомству с новыми людьми.

(6) Занятие добровольчеством повышает возможности трудоустройства. Благодаря активной волонтерской деятельности 40% опрошенных получили предложения о трудоустройстве.

(7) Вовлеченность в добровольческую деятельность оказывает положительное влияние на социальное самочувствие людей с инвалидностью, выражаясь в приобретении социального опыта, чувства значимости, уверенности в своих возможностях, принятию себя как личности.

(8) Более половины респондентов удовлетворены своей общественной активностью благодаря добровольчеству. Остальные намерены делать еще больше в рамках общественно-полезной деятельности.

(9) Важность и значимость добровольческой деятельности для человека с инвалидностью выражается, прежде всего, в том, что это возможность быть активным, способным наравне с другими быть полезным, оказывать помощь, возможность показать, что, несмотря на какие-либо ограничения здоровья, люди с инвалидностью могут и готовы сделать очень много.

1. Юдина Т.А., Балаян М.Н. Наставничество как условие подготовки волонтеров к работе в социальных учреждениях // *Известия Сочинского государственного университета*. – 2013. – № 1 (23). – С. 152 – 157.
2. Просветлюк А. В., Сиротина Т. В. Роль Паралимпийских игр в социальной инклюзии людей с инвалидностью: мнение добровольцев // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. – Вып. 11. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 384-387.
3. Сиротина Т.В. Образовательная инклюзия как механизм социальной интеграции // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. – 2015. – № 3-1. – С. 161-167.

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Смирнова А.Н. (Санкт-Петербург)

Современность, приобретая свойство «текучести» ослабляет давление социальных норм и перекладывает груз ответственности за свою жизнь на плечи «атомизированных» индивидов [1]. С.А. Кравченко предлагает концепцию «нормальной аномии», отражающей реалии современного сложного общества [7]. К признакам сложности социума он относит: возрастание значения самоорганизации и рефлексивности социальных акторов и структур; открытость с её амбивалентными последствиями в виде возникновения качественно новых рисков; трансформации социального времени и пространства; виртуализация социальной реальности и другие [8]. Это может рассматриваться как новый вызов формированию человека, который должен проявлять наадаптивную активность, сохраняя при этом собственную идентичность. В связи с этим особую актуальность, как в теоретическом, так и практическом плане, приобретает проблема социальной субъектности – развитие активной, интегрированной личности, способной управлять собой и своей жизнедеятельностью, адаптироваться к быстро изменяющимся условиям социальной жизни и противостоять манипулятивным воздействиям извне..

Понятие «субъектность» является одним из основных понятий социологии молодежи, где она выделяется в качестве ключевой характеристики данной возрастной стадии. Именно в молодости, когда у человека появляется больше возможностей проявления самостоятельного и осознанного поведения, закрепляющего его социальную зрелость, начинает проявляться социальная субъектность. Субъектность в целом, и социальная субъектность в особенности, в своих направлениях и формах опосредуют весь процесс социализации подрастающего поколения, его социально-экономическое,

политическое, правовое положение, уровень сознания, образования, культуры, интересы, потребности, целеустремленность и образ жизни [11]. Субъектность молодежи, по мнению разработчика отечественной гуманистической концепции молодежи И.М. Ильинского, это «неизмеримо большее участие молодежи во власти, в политике, активная деятельность в социальных преобразованиях» [5, 82]. Ключевым является это понятие и для теории и практики социальной работы, в современных реалиях все больше приобретающей значение института, призванного помогать индивидам становится полноценными субъектами своей жизнедеятельности и отвечать за собственные выборы.

«Субъектность» рассматривается как способность субъекта (личности, семьи, этноса, иных социальных групп, общества в целом) воспроизводить и совершенствовать свою жизнедеятельность. Представители разных наук рассматривают субъектность в качестве интегрирующей в себе ряд характеристик. Среди них:

- активность как деятельностное отношение к себе в качестве творца собственной жизни и окружающей действительности, эффективному ее освоению;
- автономность как независимость, самостоятельность и свобода – позитивная «свобода от» в отличие от негативной «свободы для», проявляется в активном и самостоятельном выборе форм деятельности, в последующем осуществлении этого выбора;
- ответственность, основанная на знании о возможных последствиях своих действий, понимании причинной связи между ними и будущей ситуацией, готовность человека действовать в данных ему и осознанных им условиях;
- опосредствованность как высокая осмысленность поведения, знание и понимание себя, способность к самоанализу;
- рефлексивность – способность осознания происходящего, механизм самообладания, самоконтроля; способность к саморазвитию, осознавая которую и принимая в качестве необходимого условия жизнедеятельности, индивид оказывается «открытым» для внешних воздействий;
- самоценность и признание собственной уникальности, отношение к себе как достойному уважения человеку, что не означает некритичного самовосприятия и самодовольства, – это осознаваемая позитивная Я-концепция, служащая источником устойчивой адекватной самооценки;
- креативность – творческое отношение к жизни.

Личностными предпосылками социальной субъектности являются сформированность интернального локуса контроля, развитых коммуникативно-организаторских навыков, эмоциональной и социальной компетентности, отсутствие существенных мотивационно-смысловых конфликтов. По мнению В.И. Подшивалкиной и М.В. Бирюковой, доминирующей характеристикой социального субъекта является «его способность воспринимать воздействие со стороны социума и его институций и отзываться на него оптимальным образом» [10, 17].

Социальная субъектность – это состояние личностного и социального развития молодого человека, выражающееся в его способности успешно адаптироваться к условиям социальной среды, потребности в проявлении активности, самостоятельности в организации взаимодействия с представителями “мира взрослых” и сверстниками, в осознании им ответственности за создание условий своего развития. Она связана со способностью превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования и совершенствования, используя при этом как индивидуально-личностные средства, так и возможности социальных институтов общества. Сущностными признаками данного состояния являются: готовность и способность управлять своими действиями; моделировать, планировать способы своей деятельности, взаимодействия; реализовывать намеченные программы; контролировать ход и адекватно

оценивать результаты своих действий, взаимодействий; рефлексировать свою деятельность и деятельность других [2].

Исследователи подчеркивают, что источником развития социальной субъектности выступают противоречия, объективно возникающие между подрастающим поколением и обществом. Включаясь в функционирующее общество с устоявшейся социальной и ролевой структурами, молодые люди стремятся интегрироваться в ту или иную социальную группу и обрести в ней желаемую статусную позицию. По мере осознания своего статуса, у них возникает потребность в его повышении. Однако реализация подобной потребности часто наталкивается на множество порой непреодолимых препятствий. Так между молодежью и обществом на всех его уровнях возникают противоречия по поводу запросов и ожиданий, прав и обязанностей, интересов и возможностей их реализации [4, 231].

Одной из характеристик социальной субъектности как формы социальной активности выступает способность к самоопределению и нормотворчеству. Самоопределение, являясь центральным механизмом становления личностной зрелости, состоит в осознанном выборе человеком своего места в системе социальных отношений. Самоопределение развивается в конкретное проявление социальной субъектности – способность к нормотворчеству в качестве умения субъекта порождать новые правила, нормы и принципы действия [3, 185-186]. Обретение индивидом свойств социальной субъектности является своеобразным критерием его социальной зрелости и, следовательно, способности к организации собственной жизни, формированию стратегии регулирования поведения в ходе достижения жизненных целей [6].

Сформированная субъектность предполагает, что индивид способен устанавливать правила в значимой для него системе отношений и заставлять окружающих если не следовать этим правилам, то, по крайней мере, учитывать их существование при ведении собственных дел, при принятии решений или же при непосредственных контактах с представителями сообщества [9]. Субъектность позволяет индивиду самостоятельно выбирать собственную жизненно-стилевую стратегию. Развитая социальная субъектность будет способствовать тому, чтобы этот выбор делался молодыми людьми социально-ответственно.

Таким образом, в социальную работу с подростками и молодежью необходимо включать компоненты, направленные на развитие социальной субъектности, а именно на:

- личностный рост, в первую очередь способность рефлексировать свое отношение к значимым объектам социального мира и самому себе;
- формирование социальной компетентности, включающей в себя знания и умения организовать свою социальную активность и интеракции оптимальным образом с учетом контекстуальных особенностей;
- расширение социальных контактов и эмоционально-окрашенных межличностных связей, предполагающих активизацию социальной деятельности и включенность в разнообразные социальные среды, что ведет к усложнению структуры социальной субъектности;
- обсуждение норм и ценностных ориентаций в современном плюралистическом мире с участием молодежной аудитории в качестве активного субъекта социальных мероприятий.

1. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2004.

2. Белов А.А. *Субъектность старшеклассника как основа для последующего саморазвития и профессионального самоопределения* // Учен. зап.: электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2009. №4. С. 127-129.

3. Гончаров С.З., Попова Н.В. Креативность принципа субъектности в философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8. С. 180-197.
4. Залуниин В.И., Фролова М.И. Феномен субъектности молодежи в условиях российской трансформации (опыт концептуализации) // Труды Дальневосточного Государственного Технического Университета. 2005. №139. С. 221-233.
5. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.
6. Климов И.А. В поисках субъекта действия // Журнал социологических наблюдений и сообщений «Социальная реальность». 2006. №12. С. 92-97.
7. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. №8. С. 3-10.
8. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.
9. Морозова Т.И. Самоорганизующиеся процессы в молодежной среде // Теория и практика общественного развития. 2012. №6. С. 61-67.
10. Подшивалкина В.И., Бирюкова М.В. Полисубъектность как социальный феномен. Практикологический дискурс // Социологические исследования. 2014. №4. С. 13-19.
11. Щепочкин Н.С. Активная гражданская позиция молодежи как фактор становления ее субъектности // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 213-220.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НАХОДЯЩИМИСЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Стебунова А.В. (Барнаул)

Социальное взаимодействие является, в настоящее время, актуальным предметом исследования различных наук. В социологическом словаре социальное взаимодействие определено, как система взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов[1]. В словаре терминов А. С. Воронина социальное взаимодействие рассматривается как процесс воздействия индивидов, социальных групп, институтов или общностей друг на друга в ходе реализации интересов[2]. В экономической науке социальное взаимодействие - это форма социальных связей, реализуемая в обмене деятельностью и взаимном действии. Объективной основой взаимодействия людей являются общность или расхождение их интересов, близких или отдаленных целей, взглядов. Посредниками взаимодействия людей в сфере труда, промежуточными его звеньями выступают орудия и предметы труда, материальные и духовные блага [3].

Изучение социального взаимодействия носит общественно значимый характер, поскольку это дает понимание основных тенденций, происходящих в обществе. В социальной работе, на наш взгляд, особенно актуальным является изучение социального взаимодействия в условиях социально – реабилитационных центров для несовершеннолетних.

В процессе исследования нами выявлены факторы, обуславливающие актуальность углубленного изучения социального взаимодействия в данной системе отношений.

1)Фактор 1 – влияние общественного мнения. Общественное мнение об учреждениях данного типа является довольно двояким, с одной стороны государственные программы поддержки центров делают их благоприятными для работы с несовершеннолетними, а с другой, социальное взаимодействие несовершеннолетних со специалистом, по мнению окружающих оставляет желать лучшего, у некоторых граждан

существует определенная степень недоверия к деятельности специалистов данных учреждений.

2) Фактор 2 – модернизация правовой основы деятельности учреждения. С правовой точки зрения исследование социального взаимодействия в условиях социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних так же является актуальным. Это обуславливается тем, что в настоящее время в целях формирования государственной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации принят Указ Президента РФ "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы"[4]. В рамках данной стратегии особое внимание уделяется уязвимым категориям детей. Воздействуя и взаимодействуя с ребенком, специалист обязан разрабатывать и внедрять такие формы работы, которые позволяют преодолевать социальную исключенность несовершеннолетнего и способствовать реабилитации и полноценной интеграции ребенка в общество. Таким образом, важным условием является переподготовка специалистов, работающих с детьми находящихся в социально-реабилитационных центрах. Одной из приоритетных задач «Национальной стратегии» является обеспечение правового обучения и воспитания ребенка, привлечение детей к участию в общественной жизни, воспитание у детей гражданственности, расширение знаний в области прав человека. Для несовершеннолетних находящихся в условиях социально-реабилитационного центра данные задачи возлагаются на плечи социального педагога, специалиста, который обязан внедрить в социальное взаимодействие с ребенком гражданско-правовую тематику.

3) Фактор 3 – специфика целевой группы. Изучение социального взаимодействия актуально с точки зрения специфики самой целевой группы – несовершеннолетние. Дети, находящиеся на воспитании в условиях социально-реабилитационного центра в основном переживают, в этот момент, трудную жизненную ситуацию, которая естественно отражается на их психоэмоциональном состоянии. В основном это дети с отклоняющимся, девиантным поведением - система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым и нравственным нормам. Отклоняющееся поведение у подростков часто возникает как проявление острого кризиса. Профилактика девиантного (отклоняющегося) поведения несовершеннолетних бесспорно необходима. Социальную напряженность в стране порождает серьезный рост различного рода нарушений несовершеннолетними социальных норм: ширятся масштабы преступлений, алкоголизма, проституции и других проявлений девиантного поведения. В данном случае специалист с помощью социального взаимодействия с ребенком должен не только помочь преодолеть трудную жизненную ситуацию, но так же предотвратить проявление девиантного поведения у подростка.

4) Фактор 4 – вариативность профессиональной деятельности в социально-реабилитационном центре. Одним из ключевых принципов актуальности исследования социального взаимодействия в условиях социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних является специфика взаимодействия специалистов разной направленности с детьми. Многопрофильность и многосложность оказания услуг в центрах данного типа заставляет привлекать всё большее число специалистов разного направления, что в свою очередь ведет к тому, что каждый специалист, действуя в рамках своей профессиональной направленности, по-разному подходит к социальному взаимодействию с ребенком.

Выявленные аспекты актуальности изучения социального взаимодействия в социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних, задают перспективы исследования его специфики и эффективности реализации в конкретных учреждениях социального обслуживания, что позволит нивелировать барьеры в социальном взаимодействии и выработать научно-методические рекомендации по их преодолению.

1. *Социологический словарь проекта Socium, 2003 г.*
2. *Воронин А.С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике, 2006 г.*
3. *Экономика и социология труда. Список терминов, 1999 г.*
4. *О Национальной стратегии действия в интересах детей на 2012-2017 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. №761. – Режим доступа: Система Гарант*

РАЗРАБОТКА НОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Сурова Н.Ю., Королев М. Ф. (Москва)

В докладе обсуждается роль и перспективы негосударственных некоммерческих организаций в плане формирования государственной социальной политики, а также появляющиеся в последнее время инструменты их взаимодействия с государственными, муниципальными и профессионально-общественными структурами в социальной сфере. Выявлены основные факторы их низкой активности и пути совершенствования соответствующих форм и инструментов. Рассмотрены альтернативные пути взаимодействия ННКО с органами государственной и муниципальной власти в сфере улучшения социальной политики и развития механизмов ее реализации на основе социального партнерства. Указывается на важность и перспективность активного развития нового направления в социальной сфере России – социального предпринимательства. Раскрываются организационно-методические особенности новых научно-исследовательских подходов к социальному проектированию в России, их принципиальная линия на взаимодействие с государственными и муниципальными органами управления, а также различными центрами, фондами и другими профессиональными сообществами, чья деятельность направлена на ослабление или решение социальных проблем, поддержку социально слабозащищенных граждан, повышения качества жизнедеятельности россиян. Дается обзор целевой направленности, миссии и содержания уровней комплекса профессионально образовательных программ для тренингов, повышения квалификации, подготовки бакалавров, а теперь уже и магистров в области социального предпринимательства.

Отметим, что сегодня гражданские инициативы во многих развитых странах являются тем самым элементом «социального капитала», без которого невозможно эффективное развитие общества и демократического государства. Исследования показывают, что в странах, строящих демократию, активный экономический рост происходит именно в тех регионах, где есть традиции гражданских объединений и участия в управлении, т.е. аккумулируется социальный капитал. Инициативы граждан позволяют создать не формальную, «манипулятивную демократию», когда после выборов от человека уже ничего не зависит, но ассоциативную демократию, основанную на гражданском участии и принципах субсидиарного государства. [1]

Наиболее широкой областью проявления деятельности ННКО в России стала социальная сфера. В качестве основных предпосылок появления этих организаций в социальной сфере стали снижение доверия к государственной системе социальной защиты, рост самоопределения личности в современном мире, а также многомерные причинные связи между долгосрочной безработицей и зависимостью от социальной помощи (низкая квалификация, проблемы ментальной и психологической адаптации). [2]

Сегодня, вследствие экономических проблем, порожденных мировым экономическим кризисом и активизацией политических противников на Западе, социальная сфера России испытывает значительные потребности в финансовых ресурсах, внедрении современных методов управления, передовых технологиях оказания услуг и

обслуживания. Бюджетные и внебюджетные средства, ресурсы целевого финансирования не позволяют полностью удовлетворять эти потребности, поэтому становится необходимым прямое привлечение компетенций и инвестиций частного сектора. Не менее остро стоит проблема нехватки управленческих компетенций на всех уровнях опыта использования инвестиционных схем в социальной сфере. Для решения этих проблем разработано и начинает применяться государственно-частное партнерство, как механизм долгосрочного взаимовыгодного взаимодействия власти и предпринимательских структур, заключающийся в инвестировании частных финансовых ресурсов в объекты государственной собственности и последующем совместном управлении ими. [3]

Появляются совершенно новые формы инновационного развития социального обеспечения, такие например, как краудфандинг - коллективное сотрудничество людей (доноров), которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций (реципиентов). Другими словами, краудфандинг - это современная альтернатива банковскому кредиту и, как правило, используется стартапами, предпринимателями или творческими людьми, которым нужны деньги для финансирования своих идей. Проще говоря, краудфандинг это получение денег от множества людей, которые заинтересованы в финансировании вашего проекта. [4]

В современных условиях требований максимального использования имеющихся ресурсов особую роль имеет перспективное направление реформы – развитие социального предпринимательства. При этом, основным барьером развития направления является отсутствие институциональной базы и организационного ядра, функцию которых могли бы выполнить современные университеты как системообразующие и градообразующие комплексы. [5]

Именно поэтому, целью деятельности нашего НИИ «Институт социального проектирования» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова является проведение научных и прикладных исследований, осуществление проектов и программ в области социального проектирования в целях развития гражданского общества, решения задач социальной модернизации и социально-экономического развития регионов и муниципальных образований, а также отраслей экономики и социальной сферы.

Институт работает с 2014 года на принципе объединения управленческих кадров, специалистов, экспертов, лидеров изменений социальной сферы, в том числе молодежи, и сейчас представляет собой уникальную площадку для проведения научных и экспертных исследований, внесения предложений в законодательные органы государственной и муниципальной власти, разработки и поддержки инновационных проектов и программ.

Коллектив Института стремится создать атмосферу теплоты и заинтересованности, открытого диалога, так как направление социального проектирования и предпринимательства сегодня – это новая отрасль экономики завтра.

Учитывая большую ответственность деятельности по социальному проектированию создан представительный Экспертный совет Научно-исследовательского института «Институт социального проектирования» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», который является добровольным объединением лиц, обладающих специальными знаниями, для выработки решений и предложений по вопросам их компетенции. Экспертный совет действует как постоянный экспертный орган.

Деятельность НИИ в первую очередь направлена на выполнение таких актуально востребованных проектов как «Создание нормативного обеспечения социального предпринимательства»; «Создание системы подготовки социальных предпринимателей»; «Развитие негосударственного сектора в социальной сфере»; «Социальное проектирование развития территорий» и др.

Для обеспечения открытости и информативности своей деятельности создан сайт, который позволяет держать заинтересованные стороны в курсе всех важных событий Института, получить возможность пройти обучение по нашим программам, получить поддержку Вашего проекта или инициативы, а также, в случае запроса, мы постараемся оказать Вам помощь в решении вопросов, находящихся в компетенции организации.

1. *Гукова И.Н. Взаимодействие негосударственных некоммерческих организаций с органами власти в сфере государственной социальной политики. Белгородский государственный университет*
<http://book.net/index.php?p=achapter&bid=4717&chapter=1>
2. *Панов М. М. Формирование и реализация социальной политики в регионе: автореф. дис. канд. экон. наук: спец. 08.00.05 - экономика и управление народным хозяйством (экономика труда) / М. М. Панов. - М., 2009. - С. 13.*
3. *Государственно-частное партнерство в социальной сфере* // http://studme.org/1151051319786/strahovoe_delo/gosudarstvenno-chastnoe_partnerstvo_sotsialnoy_sfere
4. *Краудфандинг.* // <http://zarobotaydengi.com/kraudfanding/>
5. *Сайт НИИ "Институт социального проектирования" ФГБОУ ВПО "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова"* // 2015 09 30 // http://rea.ru/ru/org/managements/unitscires/Pages/institut_soc_proektirovaniya.aspx

ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Тамразян Н.А., Сиротина Т. В. (Барнаул)

Адаптация студента в ВУЗе – это процесс изменения характера связей, отношений студента к содержанию и организации учебного процесса в учебном заведении. Психическая адаптация связана с психической активностью человека или группы и понимается как взаимодействие процессов приспособления к окружающей среде и преобразование среды «под себя».

Адаптация обучающихся в образовательном учреждении является одной из неотъемлемых частей процесса адаптации личности в обществе. Многие ученые определяет наиболее значимые направления проявлений дезадаптации: психологические, педагогические, социологические. Для системы образования на передний план выходит проблема учебной адаптации студентов, одной из разновидностей социальной адаптации. От успешности учебной адаптации на младших курсах вуза во многом зависят дальнейшая профессиональная карьера и личностное развитие будущего специалиста.

Многочисленными исследованиями установлено, что эффективность, успешность обучения во многом зависит от возможностей студента освоить новую среду, в которую он попадает, поступив в вуз. В условиях социально-психологической адаптации студентам приходится осмысливать свою новую социальную роль – в процессе деятельности, общения, самосознания происходит преобразование их внутреннего потенциала за счет адаптационных механизмов: когнитивный (включает познавательные процессы), эмоциональный (эмоциональные состояния), практический, обуславливающий поведение студента в различных ситуациях практической деятельности.

Целью адаптации первокурсников к процессу обучения является создание наиболее оптимальных условий для безболезненного вхождения студентов в учебную жизнь.

Задачи адаптации студентов:

- проведение диагностики студентов – первокурсников с целью определения их адаптированности к процессу обучения;
- проведение воспитательно-информационных мероприятий для учащихся;

- проведение мероприятий по психолого-педагогическому просвещению родителей и педагогов;
- оказание индивидуальной помощи каждому нуждающемуся студенту и его родителям;
- координация действий всех сотрудников для решения задач адаптации.

Существует три формы адаптации студентов к условиям учебного заведения:

- 1) адаптация формальная – познавательно-информационное приспособление студентов к новому окружению, содержанию профессионального обучения в нем, требованиям и своим обязанностям;
- 2) социальная адаптация – «вхождение» во внутреннее пространство группы и объединение этих групп со студенческим коллективом в целом;
- 3) дидактическая адаптация – приспособление к новым формам и методам учебной деятельности, имеющей профессиональную направленность.

Успешность процесса адаптации можно оценить по двум критериям:

- 1) объективному: успеваемость и посещаемость;
- 2) субъективному: степень удовлетворенности личности коллективом, самим собой и качеством выполняемой работы первокурсников.

Многие старшекурсники – добровольцы помогают первокурсникам освоиться в новом для них обществе, адаптироваться к учебному процессу. Для этого существуют различные тренинги.

Тренинг – это многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации с целью гармонизации профессионального и личностного бытия человека. Это активное социально-психологическое обучение, направленное на формирование навыков, умений, развитие отдельных характеристик поведения.

Задачи социально-психологического тренинга – формирование коллектива; выявление лидеров и активных студентов; адаптация к новым социальным условиям; закладка основ благоприятного психологического климата в группе, который формируется постепенно, в течение всей «совместной жизни». С этой целью предлагается проводить адаптационные тренинги.

Примеры упражнений для первокурсников.

- 1) Эстафета чувств.

Цель. Развить умение пользоваться языком жестов, мимикой, телом для эффективной невербальной коммуникации и передачи переживаемых эмоций

Содержание. Группа сидит в кругу. Задание заключается в том, чтобы передать по кругу невербально – с помощью жестов и мимики – заданное ведущим чувство, эмоцию. Первый играющий получает от ведущего некое выражение определенной эмоции. Все остальные игроки не видят загаданной эмоции, т.к. сидят с закрытыми глазами. Первый игрок решает, как передать это чувство, затем касается своего соседа рукой и, когда тот открывает глаза, передает ему эту эмоцию.

Время 15 мин.

Результат. Атмосфера доброжелательности и концентрация внимания на партнере.

- 2) Дракон.

Цель. Сплочение коллектива

Содержание. Играющие становятся в линию, держась за плечи или за пояс друг друга. Первый участник – "голова", последний – "хвост" дракона. Голова должна дотянуться до хвоста и поймать его. "Тело" дракона неразрывно. Как только "голова" схватила "хвост", она ("голова") становится "хвостом".

Время. 20 мин

Результат. Создание игровой, рабочей атмосферы тренинга

- 3) Я люблю тебя за то...

Цель. Повышение внутригруппового доверия, сплоченности членов группы.

Участники разбиваются на две группы и образуют два круга: внешний и внутренний. С продвижением по внешнему и внутреннему кругу участники заканчивают фразу: "Я люблю тебя за то ...", говоря о каких-то личностных качествах стоящего перед ним человека.

Вопросы для обсуждения:

Что вы чувствовали, когда получали комплимент?

Что вы чувствовали, когда делали комплимент?

Время 20 мин.

Результат. Будет создана комфортная атмосфера общения.

Тренинги позитивно влияют на его участников, сплочение и сближение группы, адаптацию в новом коллективе. Психологический тренинг – это упражнения, атмосфера, особое состояние души каждого участника, после которого группа становится сплоченнее и дружнее. Тренинги необходимы в каждой группе и каждом вузе, так как они позволяют студенту развиваться и более успешно адаптироваться к новым условиям, обучению в вузе.

1. Петрова, Н.И. *Уровень самоактуализации студентов и их социально-психологическая адаптация*/ Н.И. Петрова // *Психологический журнал*. 2003. - №3. – С.116-120.
2. Волошина, Л. *Проблемы адаптации студентов педколлектива* / Л. Волошина, Ю. Шилова // *Дошкольное воспитание*. 2005. - №4. - С.112-114.
3. Соловцова, Е. *Адаптация при обучении профессии*/ Е. Соловцова // *Народное образование*. 2004. - №9. –С.202-207
4. Синамати, А.М. *Тренинг – это маленькая жизнь* / А.М. Синамати. – СПб.: Речь, 2005. – 80с.

ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С НАРКОЗАВИСИМЫМИ

Тищенко А.А. (Санкт-Петербург)

Предположение о том, что наркомания является заболеванием, известно сравнительно недавно. Нужно заметить, что человек в своем развитии, занимаясь земледелием, открыл для себя одурманивающие свойства некоторых веществ. Но практически всегда общество понимало опасность употребления наркотиков и старалось ограничить их употребление. Широкий размах наркомания получила в Европе после первой мировой войны. Советскому Союзу данное заболевание досталась от царской России.

С начала 80-х годов 20 в. замечено увеличение количества лиц, больных наркоманией, об этом говорят работники правоохранительных органов и здравоохранения. Проблема наркомании уже много лет является актуальной для России. Еще в начале 90-х годов в стране насчитывалось 46 000 наркоманов. Существует мнение, что в Советском Союзе наркомания возобновилась после антиалкогольной политики (1985 г.), которая привела к резкому сокращению производства и продажи алкогольных напитков и повышению цен на них. Люди стали искать замену алкоголю, нашли ее в аптеках и хозяйственных магазинах. В Советском Союзе на 1986 г. зарегистрировано 43203 человека, больных наркоманией, в 1989 г. - 64210 человек, в 1990 г. – уже 1,5 млн человек.

За последние 15-20 лет употребление наркотиков стало у молодежи модным и социально приемлемым. То есть, наркоманизация населения является острой социальной проблемой. А наркомания – это заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости лица от наркотиков, постепенно приводящей к разрушению его

организма и деградации. Отказаться от наркотиков, если уже возникла зависимость, самостоятельно человек не может.

Итак, вопрос решения проблемы наркомании остается актуальным, несмотря на большой срок существования этой проблемы в нашем обществе. Необходимо создание социальных условий, в которых выздоровление человека было бы более реальным. То есть это разработка и внедрение новых технологий, взаимодействие специалистов различных учреждений и организаций. Основной упор должен ставиться на собственных возможностях, мотивах и ожиданиях клиента.

Специалисты по социальной работе в наркологии имеют широкое поле деятельности. На условном домедицинском этапе они:

- 1) участвуют в программах первичной профилактики зависимости от наркотиков;
- 2) выявляют лиц, входящих в группы риска, и работают с ними;
- 3) содействуют в привлечении к лечению лиц, которые в нем нуждаются, устанавливают контакт с семьями этих лиц, оказывают им консультативную помощь и иную поддержку.

Этап, когда клиенты оказываются в сфере деятельности медицинского персонала, социальные работники:

- 1) принимают участие в специальных тренингах,
- 2) способствующих ранней реадaptации и реабилитации клиентов,
- 3) организуют семейные группы и участвуют в семейной психотерапии,
- 4) вместе с клиентами ищут пути решения накопившихся социальных проблем.

Опыт говорит о том, что социальный работник, который оказывает профессиональную помощь своему клиенту, должен владеть теоретическими и практическими знаниями в области медицины и здравоохранения, так как он участвует в решении проблем индивидуального и общественного здоровья.

Особенностью социальной работы в сфере наркомании является то, что как профессиональная деятельность она формируется на стыке двух самостоятельных отраслей - здравоохранения населения и социальной защиты. Однако практика показывает, что реальное взаимодействие ведомственных учреждений недостаточно эффективно, несмотря на предпринимаемые усилия помощи клиентам. При работе с наркозависимыми применяется такой подход, который включает в себя работу нарколога, социального работника, психолога, при этом осуществляется параллельное и одновременное их взаимодействие.

Цель медико-социальной работы – достичь наиболее возможного уровня здоровья, адаптации и жизни лиц с физической, психической и социальной патологией. Объектами медико-социальной работы в наркологии являются различные группы людей, имеющие медицинские и социальные проблемы, вызванные злоупотреблением наркотиков. Работающие сталкиваются с такими проблемами, которые выходят за рамки их профессиональной деятельности. Вследствие этого их работа является неэффективной, поэтому необходимо взаимодействие одних с другими. Медико-социальная работа делится на два блока: саногенетической направленности и патогенетической направленности. Первый блок подразумевает выполнение мероприятий по профилактике социальной зависимых нарушений здоровья, формирование здорового образа жизни, информированность о здоровье населения, обеспечение социальной защиты прав граждан, разработка программ медико-социальной помощи. Второй блок включает мероприятия по организации помощи, реабилитации инвалидов, создание реабилитационной структуры, проведение социальной работы в медицинских организациях.

Социальная работа с клиентами включает в себя несколько этапов: оценка, отбор средств вмешательства, работа с клиентом. Сегодня сложилось 3 основных подхода к решению проблемы наркомании: инсайт-ориентированные, поведенческие и подходы, основанные на взаимопомощи. Социальная работа с наркозависимыми находится на начальном этапе своего развития. До сих пор не закончено формирование программ

социальной реабилитации больных, не до конца оформилась роль специалистов по социальной работе в общем процессе лечения и взаимодействия со специалистами смежных специальностей. На данный момент актуальными остаются вопросы развития практики медико-социальной работы в наркологии и разработка теоретических и организационно-методических основ работы.

В настоящее время в России существуют государственные, коммерческие и общественные организации, деятельность которых связана с проблемой зависимости от наркотиков. Их работа в малой степени нацелена на психологическую и социальную реабилитацию, так как недостаточное финансирование имеющихся медицинских программ, в основном упор на физическую реабилитацию клиентов. Учреждения данного типа должны активизировать свою деятельность в плане комплексного лечения наркоманов, помощи их возвращения к обычной жизни. Однако нельзя рассматривать лечение на стадии сформировавшейся наркотической зависимости, как единственное средство борьбы с распространением наркомании.

Сегодня особенно большую тревогу вызывают стремительный рост и широкое распространение наркомании среди подростков и молодежи. Неотложная задача на настоящий момент - создание такой налаженной системы профилактических мероприятий, которая сможет остановить рост наркоманизации общества.

1. Кагарманова Г.С. Особенности социальной работы с наркозависимыми
2. Е. П. Агапов. Теория социальной работы
3. В. И. Курбатов. Социальная работа
4. А. Е. Степушин. "Сладкая" смерть: проблема наркомании в современном мире
5. И. Г. Ураков. Наркомания: мифы и действительность

ВОЛОНТЕРСКАЯ РАБОТА С СЕЛЬСКИМИ ШКОЛЬНИКАМИ ЮГРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ткачук Н.В., Побоккина Т. П. (Ханты - Мансийск)

Кроме природных богатств территории Западной Сибири большой упор делается на человеческий потенциал, а именно на молодое мобильное население. От общей численности населения региона (1612 тыс.чел.) численность молодого населения в Югре в возрасте от 14 до 30 лет составляет 372 тыс. чел. В целях привлечения молодежи в социально значимые проекты Правительством региона предусмотрены финансовые механизмы посредством грантов для поддержки социальных проектов, инициированных самой молодежью. Положительные практики волонтерских клубов сложены в учебных учреждениях Югры. С 2004 г. на базе Сургутского политехнического колледжа действует отряд "Волонтер" под девизом "В наших рядах те, кому присущи милосердие, трудолюбие, ответственность, доброта, сострадание, уважение, понимание" [1]. В Сургутском государственном университете есть место и время работе "Центра волонтеров", основываясь на лозунге "Хочешь почувствовать себя человеком - помоги другому" с 2009 г. студенты ВУЗа провели более тысячи добровольческих мероприятий в городе [2]. Большой опыт культуры волонтерства был приобретен молодежью Югры в процессе подготовки и проведения Олимпийских игр "Сочи 2014". Учитывая масштабы данного спортивного мероприятия на базе федерального ВУЗа в Югорском государственном университете начал работать штаб волонтеров. В целях популяризации добровольческих начал, повышения гражданской активности населения округа руководством региона 2014 год был объявлен Годом Доброй воли, в рамках которого реализовались многие общественные проекты: "Рука помощи", "Добровольчество и культура", "Добровольчество и спорт" и др.

Вне зависимости от объявленных мероприятий, учитывая социокультурные проблемы на селе, в стороне не остались малые удаленные поселения Югры, а именно общеобразова-тельные учреждения. В 2013 г. в сельской школе п.Няксимволь Березовского района была начата работа по организации волонтерского движения школьников "Доброе сердце". В сельской школе наполняемость классов небольшая, обучается менее 80 учеников. Одна из важных задач и актуальных для малого поселения - организация досуга для сельской моло-дежи, подростков. В рамках анкетного опроса среди молодежи, авторами статьи в 2013 г. были опрошены 83 жителя сельского поселения, что дало возможность получить некоторые выводы. Опрос показал, что свободное время от учебы у школьников сводится чаще к неор-ганизованному досугу. Как отмечают сами подростки, свое свободное время они предпочи-тают проводить с друзьями (54,9%), дома перед компьютером или телевизором (31,4%), судя по количеству ответов, не для всех школьников популярны занятия спортом, лишь 11,8% от числа опрошенных указали, что в свободное время занимаются спортом в школьных круж-ках. На вопрос анкеты "В Вашем населенном пункте достаточно ли организован досуг для молодежи? (работа клубов, спортивных площадок, кинотеатров и пр.)" большинство (71,1%) молодых респондентов считают, что недостаточно организован досуг. Молодежь чаще не устраивает работа сельского досугового центра, отсутствие современных спортивных пло-щадок.

Главными направлениями в волонтерском проекте "Доброе сердце" были: организация досуга подростков посредством труда, оказание помощи пожилым людям, формирование социальной инициативы школьников. В организационной части, в беседе с детьми было разъяснено, что волонтерство полностью основано на добровольческой основе, затронут краткий исторический экскурс о том, что в качестве служб милосердия, оно берет начало с далеких времен христианизации Руси [3]. Совместно со школьниками был разработан план: список пожилых семей, комплекс запланированных мероприятий. Участие в волонтерском движении не предполагало строгих рамок, детям не надо было искать оправданий для при-чин отсутствия, перед ними не стояли задачи соревновательного духа для выявления победителя. Изначально предполагалось охватить учащихся среднего и старшего звена (5 - 8, 9 - 11 классы), но в процессе работы свое желание изъявили ученики начальных классов. Поводом для вхождения в волонтерский клуб для учеников младших классов послужил пример старшеклассников, среди которых были их старшие сестры и братья.

Силы волонтерского клуба были направлены в первую очередь на самую незащищен-ную часть населения, пожилых людей, пенсионеров, среди них были ветераны труда, труже-ники тыла в годы Великой Отечественной войны, их в поселке проживает всего 4 человека. К сожалению, не осталось в живых участников и ветеранов ВОВ, но несмотря на это, без внимания не остались их семьи, помощь волонтеров оказывалась вдовам ветеранов. В про-цессе участия в волонтерском движении, дети имели возможность поближе познакомиться с пожилыми сельчанами, узнать, что рядом с ними живут люди, нуждающиеся в любой помо-щи и внимании: вовремя поздравить с днем рождения и пообщаться за чашкой чая, помочь в домашних делах - сходить в магазин за продуктами, принести воды, сложить дрова, почис-тить двор от снега - этот труд был вполне по силам сельским школьникам.

В процессе работы школьного проекта организаторами были сделаны некоторые выво-ды. Для всех юных участников проекта это был первый волонтерский опыт, положительны-ми моментами необходимо отметить, что у детей было желание и стремление помогать. Кроме данных мотивационных установок, следуют опыт общения, коммуникабельности, приобретение новых знаний, навыков. Оценив себя, сами школьники отметили, что могут быть полезными, они раскрыли в себе новые качества и гордятся тем, что умеют проявлять добродетели: ответственность, трудолюбие, сочувствие, уважение, а занятость в проекте по-зволила им с пользой провести свободное

время: "До проекта, я в это время просто смотрела телевизор дома", "После уроков мы с подружкой гуляем по поселку просто так, без дела", "Скорее всего, я сидел бы за компьютером".

Из опыта работы над проектом взяты на заметку и предусмотрены в перспективе некоторые исключительные моменты, здесь стоит отметить невысокую включенность в социальный проект родителей в качестве наставников своим детям. Вопреки ожиданиям организаторов, некоторые из родителей выражали свое несогласие относительно участия ребенка в проекте. Как оказалось, для взрослых наиболее важными вопросами является школьная успеваемость ребенка, а внеучебная деятельность, должна ограничиваться лишь школьными кружками, по их мнению, достаточную помощь пожилым людям оказывают прикрепленные к ним работники социальной службы администрации села. Отрадно то, подобные мнения родителей единичны, большинство взрослых понимали важность и социальную пользу для своих детей в участии добровольческих движений. Здесь же отметим, что в самом начале добровольческого движения пришлось столкнуться с недоверием со стороны пожилых людей, некоторые пенсионеры отказывались от помощи посторонних людей. Нисколько не умаляя возраст пожилых односельчан, а напротив, выразить признательность за их заслуги и почтение старшему поколению, данный проект был направлен именно на них. В ходе совместных встреч недоверие исчезло, в дальнейшем никого не смущала совместная работа школьников и социальных работников, более того, отзывы взрослых показали, что добровольческие движения актуальны для пожилых односельчан.

В результате, из опыта работы над волонтерским проектом необходимо отметить, что формирование социальной активности и поведения у сельской молодежи, безразличного отношения к ближнему - задачи многих институтов: семьи, органов власти с административно - ресурсной поддержкой.

В любых действиях немаловажную роль играет мотивация, труд и старания школьников были отмечены благодарностями и грамотами. Руководство районного Комитета образования подчеркнуло роль проекта в возрождении добровольческого школьного движения, а также, учитывая опыт волонтерского клуба, его своевременность был рекомендован для дальнейшего участия в социальных проектах Югры. Как показала практика, у сельских школьников есть интерес, желание участвовать в волонтерских движениях. Не исключено, что приобретенный волонтерский опыт детей в школьный период даст им возможность в будущем проявить навыки в разработке социально значимых проектов, а совместный системный подход школы, семьи предусмотрит все необходимое для этого. В 2015 году социальный проект нашел продолжение в качестве школьных добровольческих движений "Чистый берег", "Чистая улица", с помощью школьников прошли мероприятия по уборке прибрежных территорий, облагораживанию села, уход за памятником героям ВОВ.

1. *Официальный сайт Сургутского политехнического колледжа [Электронный ресурс] // URL: <http://www.surpk.ru/93-studentu/dosug/979-qq-155> (дата обращения: 17.02.2015).*
2. *Официальный сайт Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс] // URL: <http://www.surgu.ru/index.php?view=s&sid=514> (дата обращения: 17.02.2015).*
3. *Локтионова Т. А. История возникновения и становления волонтерства в России // Молодой ученый. – 2012. – № 8 (43).–С.267-269.[Электронный ресурс] // URL: <http://www.moluch.ru/archive/43/5210/> (дата обращения: 17.02.2015).*

ПРОДВИЖЕНИЕ ИДЕЙ СЕМЕЙНОГО УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ В СЕТИ-ИНТЕРНЕТ: АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ САЙТОВ

Федотова К.П. (Санкт-Петербург)

Количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выражается в достаточно высоких цифрах: только за 2014 год было выявлено 61 621 ребенок, оставленных биологическими родителями [4]. При этом число детей, устроенных за этот же год в семьи составило 64 010 детей [5]. На 01.01.2015 общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Санкт-Петербурге составила –12 675 чел., а число детей, находящихся на воспитании в семьях граждан, -10 429 чел. [1].

Надо отметить, что институт приемного родительства в последнее время начал активно развиваться. Во многом роль сыграла направленная на деинституализацию политика государства. В 2014 году по сравнению с 2013 годом сохранилась тенденция увеличения числа детей, переданных на воспитание в семьи граждан на 2,7 % [4]. Результатом активной политики по семейному устройству в Санкт-Петербурге стало сокращение численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявляемых в год на 45% (с 2390 в 2008 г., до 1312 в 2012 г.); в 3 раза увеличилась численность детей, находящихся на воспитании в приемных семьях (с 469 чел. до 1391 чел.) [2].

Разумеется, для того, чтобы политика по развитию семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приносила хорошие результаты, необходима серьезная работа, направленная на мотивацию приемного родительства. Первым шагом на пути привлечения российских семей к практике принятия ребенка на воспитание в семью является информирование потенциальных приемных родителей о возможностях и трудностях создания приемной семьи. На сегодняшний день важным информационным пространством является интернет-пространство. Поэтому данное исследование было посвящено анализу Интернет - ресурсов на предмет содержания информации для будущих приемных родителей.

Можно предположить, что люди, желающие принять ребенка на воспитание в семью, в первую очередь будут обращаться за информацией к официальным источникам. В целях исследования было изучено 17 сайтов органов опеки и попечительства – по 1му МО с каждого района, на основании чего были сделаны следующие выводы.

Во-первых, стоит отметить не структурированность предоставленной на сайтах информации в разделах «опека и попечительство». Если сайт и содержит информацию, которая могла бы быть полезной для потенциальных приемных родителей, нередко она представлена в общем перечне вопросов, которыми занимаются органы опеки и попечительства вообще. Лишь некоторые сайты в разделе ООП содержат подразделы, касающиеся вопросов создания приемной семьи.

Во-вторых, не на всех сайтах были статьи о различных формах семейного устройства детей. Так, только на 8 сайтов из 17 можно найти статьи, описывающие возможные формы передачи ребенка в семью. Еще на 3х описаны отдельно только некоторые формы устройства, 6 сайтов из 17 вообще не предоставили никакой информации, описывающей существующие формы устройства детей. Но зато стоит отметить, что перечни документов, необходимые для передачи ребенка в семью, есть почти на всех исследуемых сайтах (только на 1 информации не было), хотя на 4х из них представлены перечни только на какую-то определенную форму устройства детей.

Такой важный пункт, как меры государственной поддержки семей, воспитывающих приемного ребенка, остался без внимания со стороны тех, кто занимается информационным наполнением Интернет-ресурсов МО Санкт-Петербурга: только на 5

сайтах из 17 можно найти данные о мерах поддержки приемных семей, остальные 12 не содержат такой информации. Наличие нормативно-правовых актов, касающихся принятия ребенка на воспитание в семью, также нельзя отметить как достаточное: 11 сайтов из 17 вообще не содержат в себе подобной информации.

Информации о необходимости прохождения желающими стать приемными родителями подготовки в специальных школах приемного родительства нет на 3х сайтах из 17. Еще 6 указывают на необходимость такой подготовки, но не поясняют, где и как ее можно получить, и только на 5 сайтах указаны адреса и телефоны организаций, занимающихся подготовкой приемных родителей.

Важно было также отметить в ходе исследования, ссылаются ли ООП данных МО на сторонние организации, в том числе негосударственные, которые могут оказаться полезны для потенциальных приемных родителей. Оказалось, что больше половины сайтов (10 из 17) не содержат информации о таких организациях. Это свидетельствует о том, что нет должного взаимодействия государственных и негосударственных ресурсов в интернет-пространстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что сайты различных муниципальных образований не содержат достаточно полной и структурированной информации по вопросам семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Информация предоставляется в разрозненном виде, отрывочно, не всегда подкрепляется нормативно-правовыми документами.

Вторым этапом исследования был анализ региональных банков данных о детях-сиротах, представленных государственными и негосударственными программами.

Был проанализирован интернет-портал городской социальной программы «Ищу Маму». Плюсом данного портала является то, что он содержит большое количество всевозможных статей, касающихся устройства ребенка в семью, законов, документов, а также предоставляет доступ к базе данных о детях, подлежащих устройству на воспитание в семью [3]. Анализ показал наличие ряда минусов интернет-портала «Ищу Маму». Во-первых, поиск информации несколько затруднен, поскольку публикации и новости никак не объединены в тематические блоки, а просто расположены в хронологическом порядке. Во-вторых, некоторая информация давно не обновлялась: например, в разделе «публикации» доступны только те, что вышли не позднее 2012 года; нет информации, касающейся последних изменений в законодательстве. Это наводит на мысль о том, что сайт не действует вообще, но последние новостные обновления датированы июлем 2014 года. Что касается непосредственно самого банка данных, там можно найти даже анкеты малышей, родившихся в июле 2014 года, что также является плюсом данной базы. Но, стоит отметить, что фотографии детей мрачные, не красочные, а информация о них предоставлена достаточно скудная: характер ребенка описывается в нескольких словах: «Ребенок: общительный, любознательный», «Ребенок: спокойный». На данный момент сайт не доступен для просмотра.

Так же в Санкт-Петербурге под началом партии «Единая Россия» был организован медиа-проект «Единая семья». На сайте <http://uniform.spb-family.ru/> желающие могут ознакомиться с видео-паспортами ребят, которые ищут свою приемную семью. Интернет-портал содержит информацию о ребенке, о его особенностях, характере, возможных формах устройства, а также короткие видео, где дети рассказывают сами о себе. Разумеется, такая технология привлечения потенциальных приемных семей может считаться более эффективной, поскольку не только привлекает внимание общественности к проблемам детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но также позволяет кандидатом в приемные родители заочно познакомиться с детьми, ищущими семью, проникнуться к ним сочувствием и симпатией. Тем не менее, стоит отметить и отсутствие возможности расширенного поиска ребенка в данной базе, есть возможность отфильтровать предоставляемый список только по полу.

Итак, как мы видим, государственные структуры хотя и стараются сделать все необходимое для привлечения внимания потенциальных родителей к вопросам устройства детей в семьи, тем не менее, наблюдаются существенные недоработки: нехватка информации о возможностях устройства, неполная информация в банках данных и пр. Эти проблемы частично возможно решить путем привлечения негосударственных организаций, занимающихся помощью детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Так, достаточно интересным показался проект Благотворительного Фонда «Дети Ждут», который разработан при поддержке уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге Светланы Юрьевны Агапитовой. Портал был создан для повышения посещаемости региональных порталов и сайтов отделов опеки с сервисом поиска анкет по базам данных всех созданных региональных порталов и сайтов отделов органов опеки и попечительства. При анализе данного интернет - ресурса можно выделить ряд его достоинств. Во-первых, ресурс предоставляет пользователям качественные и яркие фотографии детей, причем анкета на одного ребенка содержит множество его фотографий, а не одну. Во-вторых, подробно описан характер ребенка и его поведение: «Ирочка – очень хорошенькая малышка. Еще совсем кроха, но с громким командирским голосом. Умеет требовать сменить подгузник, накормить и уделить внимание. Ирочка очень ждет мамочку!» (<http://opeka-finokrug.ru/ldjpe>). В-третьих, информация в базе данных постоянно обновляется. Так, на сайтах указаны даты последних обновлений: «01.10.2015. Обновлен региональный банк данных детей, оставшихся без попечения родителей, Ленинградской области sirota-lo.ru: пополнены актуальной информацией анкеты 38 детей. Все дети живут в учреждениях Кингисеппского района области, все хотят домой.» (<http://дети-ждут.рф/>). Примечательно так же, что на сайтах представлена информация по проблеме устройства детей-сирот, законодательно-правовая база, истории приемных семей, материалы из СМИ и пр.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что не всегда информация, представленная в интернете, способна помочь родителям решиться на создание приемной семьи. Трудности в поиске информации, ее неструктурированность или вовсе отсутствие окажут скорее тормозящее воздействие на людей, задумывающихся о создании приемной семьи. Возможным подспорьем в решении данной проблемы могут стать негосударственные организации и фонды, занимающиеся вопросами детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Один положительный пример взаимодействия государственных и негосударственных структур мы уже знаем – банк данных о детях БФ «Дети Ждут».

1. *Выступление на Всероссийской конференции «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство – стандартизация – практика» // Интернет-ресурс. URL: <http://www.siroststvo.ru/files/4307/20120425%20ALevitskaya-text.pdf>.*
2. *Информация по вопросу устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. // Жилищный комитет Санкт-Петербурга: Информационный портал. URL: http://www.gilkot-complex.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5977 (Дата обращения: 06.10.2015)*
3. *Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга. Городская социальная программа «Ищу Маму». URL: <http://www.sirota-spb.ru> (12.04.14)*
4. *Усыновление в России. //Интернет проект Министерства образования и науки РФ. URL:<http://www.usynovite.ru/statistics/2014/1/> (Дата обращения: 06.10.2015)*
5. *Усыновление в России. //Интернет проект Министерства образования и науки РФ. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/5/> (Дата обращения: 06.10.2015)*

«ГОРОДА, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ К ДЕТЯМ»: НОВЫЙ ФОРМАТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Филипова А.Г., Ракитина Н. Э., Темин Д. В. (Владивосток)

Инициатива ЮНИСЕФ по созданию «городов, доброжелательных к детям» была поддержана нашей страной. В 2010 году 17 российских городов - Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Ижевск, Бийск, Петрозаводск, Сургут, Отрадный, Новокуйбышевск, Волгоград, Пермь, Астрахань и 5 городов Астраханской области - подписали меморандум об их присоединении к этой инициативе.

Цель ЮНИСЕФ состоит в уменьшении негативного влияния городской среды на ребенка, максимальном использовании тех возможностей и преимуществ, которые она дает. В качестве индикаторов «доброжелательности» предлагаются следующие: ориентация на нужды и потребности детей; формирование муниципального бюджета в соответствии с потребностями детей; участие детей и молодежи в разработке политики и принятии решений; преодоление факторов социального неравенства детей («все дети, независимо от состояния здоровья, возраста, национальности и социальной принадлежности, могут жить полноценной и счастливой жизнью»). Анализ данного проекта показывает, что объектом общественного внимания выступает не городская среда как таковая, а город как единица пространственной организации государства, располагающая своими властными, финансовыми и прочими ресурсами, как организатор детской повседневности.

Все это свидетельствует о новом формате социальной работы с детьми в городской среде. Проект не просто привлекает внимание общественности, политиков, представителей городских администраций к потребностям детства, но заставляет по-новому взглянуть на ребенка как социального актора, полноправного участника конструирования городского пространства. В то же время обращение к городскому пространству с позиции его «доброжелательности к ребенку» позволяет учесть особенности каждого города, определить свои приоритеты в области социальной работы с детьми.

Выделенные программой индикаторы во многом пересекаются с индикаторами, включенными в государственный доклад о положении детей в РФ, готовящийся на основании аналогичных региональных докладов. На городском уровне предлагаются три интегрированных показателя оценки степени «дружественности» города: «возможности индивидуального развития», «забота о здоровье» и «жизненная среда». Индикатор «возможности индивидуального развития» включает оценку образовательной инфраструктуры города по критериям качества и доступности. Индикатор «забота о здоровье» включает констатацию состояния здоровья детского населения, заболеваемость детей по группам болезней, распространение социальных болезней. «Жизненная среда» делится на «безопасность» (количество преступлений, совершенных по отношению к детям, количество детей, пострадавших в происшествиях с подвижным составом; безопасность на улице и безопасность для отдельных групп детей и подростков) и «досуг» (численность детей, посещающих кружки и секции, развитость культурно-досугового сектора, площадь зеленых насаждений и др.).

Как показал анализ реализации инициативы ЮНИСЕФ в гг. Москве, Санкт-Петербурге, Петрозаводске и ряде других, в первую очередь внимание властей обращено на устранение фактов грубого нарушения прав ребенка, разработку мер по предотвращению любых форм насилия в отношении детей. Поэтому на задний план отодвинуты такие направления, как улучшение экологической обстановки, обеспечение безопасности дорожного движения, создание новых спортивных, досуговых и культурных центров для детей.

В 2010 году Некоммерческим партнерством «Межрегиональная ассоциация мониторинга и статистики образования» был разработан рейтинг российских городов – участников инициативы. В тройку лидеров по общему «индексу доброжелательности» вошли Петрозаводск, Москва и Новокуйбышевск. Лидерами по «индексу заботы о здоровье» стали Петрозаводск, Волгоград, Сургут. По значениям «индекса жизненной среды» в первенстве оказались Петрозаводск, Москва и Краснодар. По значениям индекса «возможности индивидуального развития» - Петрозаводск, Новокуйбышевск и Санкт-Петербург.

Реализация инициативы «Город, доброжелательный к детям» осуществляется силами социальных работников, подключаемых на всех этапах – от сбора информации о социальном положении детей в городе, существующих проблемах детства, определения приоритетов и ключевых направлений работы с детьми в городе до разработки соответствующей программы (с указанием конкретных целей, мероприятий и индикаторов, по которым будет оцениваться достижение поставленных целей) и ее последующей реализации. Естественно, на разных этапах работы к проекту подключаются представители органов опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, отдела архитектуры и градостроительства, отдела культуры и молодежной политики, а также общественные организации, уполномоченный по правам ребенка и сами дети в возрасте от 14 до 18 лет.

Ориентированность проекта на особую группу детей – сироты, инвалиды, дети, пережившие насилие – подтверждается проведением Фондом поддержки детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, конкурсов «Города для детей». Данные конкурсы проводятся Фондом совместно с Ассоциацией малых и средних городов России с 2010 г.: конкурс «Город без жестокости к детям» (2010 г.), конкурс «Город равных возможностей для детей» (2011 г.), конкурс «Город без сирот» (2012 г.), конкурс «Ребенок должен жить в семье!» (2013 г.), конкурс «Дети разные важны!» (2014, 2015 гг.). Таким образом, опыт участия российских городов в международной инициативе ЮНИСЕФ стимулировал распространение инновационных социальных проектов и программ на уровне города, а также необходимую финансовую и организационно-методическую поддержку со стороны Фонда поддержки детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, федеральных и региональных органов исполнительной власти.

1. URL: <http://www.unicef.ru>
2. URL: <http://www.childfriendlycities.org>
3. URL: http://ria.ru/ratings_multimedia/20110601/379697482.html#ixzz3nrBoE7

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ПРИМЕРЕ ЕМИАС ГОРОДА МОСКВЫ

Фобьянчук А.А. (Москва)

Постепенная и целенаправленная политика государственных реформ в социальной сфере России, направленная на оптимизацию организационных структур, отражаются в правовой основе государственного устройства. Вместе с тем проводимые реформы затрагивают не только государственные институты власти, но и различные другие инструменты хозяйственного механизма, которые необходимо совершенствовать, поскольку они находятся в едином экономическом пространстве страны.

Я хотел бы рассмотреть один из примеров, положительной стороны такого взаимодействия, направленного на инновационный результат в социальной сфере с применением современных инструментов управления.

Рассмотрим пример в рамках социального обслуживания населения. Основы проводимых мероприятий закрепляются Федеральным законом от 28 декабря 2013 года №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который с 1 января 2015 года вступил в силу. Данный закон призван заменить утратившим силу старые законы от 2 августа 1995 года N 122-ФЗ "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов" и от 10 декабря 1995 года N 195-ФЗ "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации".

Нормы настоящего закона регулируют государственные и негосударственные отношения субъектов права в социальной сфере и направлены на совершенствование механизма обслуживания населения в социальной сфере, делая упор на профилактику и индивидуальный подход.

Закон сохраняет все права граждан на социальное обслуживание, предусмотренные ранее, а также расширяет их возможности при получении социальных услуг.

Тем более, что закон дополнен новыми принципами, повышающие доступность социальных услуг. Статья 4 настоящего закон закрепляет равный, свободный доступ граждан к социальному обслуживанию, адресность, приближенность поставщиков социальных услуг к населению, сохранение пребывания гражданина в необходимой благоприятной среде, добровольность, конфиденциальность.

В свою очередь, государство не устраняется от этой деятельности, а через систему государственного обслуживания выполняет ряд функций: «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального обслуживания» ст.5 настоящего закона

Закон закрепляет право участия в системе социальной деятельности, не только государственные орган, но различные субъекты негосударственной формы деятельности (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания.

Права предоставляемы гражданам в законе могут остаться на бумаге не востребованными, если не применять современные методы способные упростить (с точки зрения простого и удобного доступа) доступность граждан к системе социального обслуживания. Закон затрагивает и закрепляет эти возможности в своем содержании. Так статья 6 настоящего закона предоставляет возможность использовать информационные технологии для эффективной реализации своих прав гражданам, с согласия которых, осуществляется возможность получать социальные услуг, используя сети "Интернет".

Для этого необходимо адаптировать информационные системы, осуществлять сбор, хранение, обработку и предоставления информации о субъектах этих правоотношений, их деятельность в системе социального обслуживания, что и раскрывается в статье 24 настоящего закона

Закон РФ о социальном обслуживании создает правовое поле для разработки и внедрения новых технологий, а в некоторых субъектах РФ такие технологии уже прошли первоначальное апробирование и успешно применяются на практике.

Так, например, Единая медицинская информационно-аналитическая система (ЕМИАС) города Москвы, разработана для повышения качества и доступности медицинской помощи в государственных учреждениях здравоохранения. Основная задача при администрировании данного инструмента в медицинских услугах, сделать такие услуги более доступными, качественными и удобными для граждан. В то время как, для государственных структур и организаций - это достоверный и оперативный инструмент анализа и эффективного управления системой здравоохранения.

ЕМИАС - по своим масштабам является одним из самых крупных ИТ-проектов нашего времени, в котором зарегистрировано более 5,7 миллионов уникальных пациентов. А в разработке и ведении самого проекта участвует более 4,5 тысячи специалистов разного направления.

На примере видно, что государственная политика, направленная на совершенствование взаимодействия государственных и негосударственных структур в социальной сфере, несет в себе целенаправленный характер и уже находит реальную практическую поддержку. Такая модель в управлении отражает необходимые критерии в решении задачи по информированной открытости поставщиков социальных услуг, эффективности обратной связи с получателями социальных услуг, возможность подачи заявления в электронной форме и увеличение количество оснований для предоставления социальных услуг.

В своем тезисе я затронул пример социальных услуг в области здравоохранения, но развитие таких программ по другим направления социальной сферы дает возможность гражданам более полно реализовывать свои права в системе социальных услуг, а государственным и негосударственным организациям применять эффективность управления при их взаимодействии с различными субъектами.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРНАТЕ

Хакимова М.П., Сиротина Т. В. (Барнаул)

В процессе осуществления государством социальной политики по предоставлению населению общественных благ важное значение приобретает достоверная оценка их качества. Эта оценка должна иметь комплексный характер, базироваться не только на учёте объективных (количественных с позиции производителя), но и субъективных (качественных с позиции потребителя) характеристик.

Проблема контроля качества услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания населения, достаточно актуальна в настоящее время. Люди, проживающие в психоневрологическом интернате, – самая незащищенная и уязвимая категория инвалидов, которая требует пристального внимания со стороны государства и общества.

Потребительская оценка качества социального обслуживания – это индивидуальная оценка благ, выводимая потребителем в процессе потребительского выбора с учетом условий социального обслуживания, обеспечивающих удовлетворение потребностей потребителя.

Психоневрологический интернат – стационарное учреждение, которое осуществляет оказание социальных услуг людям, страдающим психическими расстройствами и нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном уходе.

Оценка клиентами, другими словами, потребительская оценка качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате необходима для того, чтобы обеспечивать обратную связь, а также охарактеризовать степень удовлетворения потребностей граждан, проживающих в интернате. Кроме этого, потребительская оценка в определенной степени позволяет проводить контроль качества социального обслуживания, предоставляет базу для анализа и принятия управленческих решений.

Сегодня исследование практик заботы о людях с ментальными нарушениями актуализировано в том числе в связи с вступлением в силу с 1 января 2015 г. Федерального закона от 28.12.2013 N 442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации", ратификацией Конвенции о правах инвалидов. Согласно Федеральному закону N 442, получателям социальных услуг (в нашем случае, проживающим в интернате) с учетом их индивидуальных потребностей предоставляются следующие виды социальных услуг:

1) социально-бытовые, направленные на поддержание жизнедеятельности получателей социальных услуг в быту;

2) социально-медицинские, направленные на поддержание и сохранение здоровья получателей социальных услуг путем организации ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения за получателями социальных услуг для выявления отклонений в состоянии их здоровья;

3) социально-психологические, предусматривающие оказание помощи в коррекции психологического состояния получателей социальных услуг для адаптации в социальной среде, в том числе оказание психологической помощи анонимно с использованием телефона доверия;

4) социально-педагогические, направленные на профилактику отклонений в поведении и развитии личности получателей социальных услуг, формирование у них позитивных интересов (в том числе в сфере досуга), организацию их досуга;

5) социально-трудовые, направленные на оказание помощи в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией;

6) социально-правовые, направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг;

Исходя из вышеперечисленных социальных услуг был составлен опросный лист с целью изучения оценки клиентами качества услуг, оказываемых в интернате.

Специфика исследования предполагает учёт мнений граждан, проживающих в психоневрологическом интернате.

Размер выборочной совокупности – 30 человек. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности целевой группы «потребители» представлены следующим образом:

1. По полу: 50 % женщин; 50 % мужчин.

2. По возрасту:

от 28 до 40 лет – 30 %

от 41 до 50 лет – 16,7 %

от 51 до 60 лет – 43,3 %

от 61 и старше – 10 %.

3. По времени проживания в интернате:

от 1 до 10 лет – 46,7 %

от 11 до 20 лет – 33,3 %

от 21 до 30 лет – 10 %

от 31 и больше – 10 %

На вопрос «Как Вы оцениваете своё пребывание в интернате в целом?» 20 % респондентов ответили «Очень нравится»; 40 % «Скорее нравится»; 40 % «Скорее не нравится».

На вопрос «Устраивает ли Вас оказание социально-бытовых услуг (уборка комнат; предоставление в пользование необходимой мебели, одежды, обуви; обеспечение книгами, журналами, газетами; стирка и ремонт вещей)?» 46,6 % ответили «Да, всегда»; 50 % «Да, иногда»; 3,3 % «Нет».

На вопрос «Устраивает ли Вас оказание социально – медицинских услуг (содействие в получении медицинской помощи, в том числе сопровождение в медицинские учреждения)?» 36,7 % ответили «Да»; 50 % «Скорее да, чем нет»; 6,7 % «Скорее нет, чем да»; 3,3 % «Нет»; 3,3 % «Затрудняюсь ответить».

Не всех респондентов устраивает оказание социально-правовых услуг, так как на вопрос «Устраивает ли Вас оказание социально-правовых услуг (оказание помощи в получении юридических услуг, консультации)?» 20 % респондентов ответили «Да»; 63,3 % «Да, иногда»; 6,7 % «Нет»; 10 % «Затрудняюсь ответить».

На вопрос «Нравятся ли Вам проводимые в интернате праздники, экскурсии, занятия в кружках?» 70 % ответили «Да, стараюсь в них участвовать»; 10 % «Не очень доволен(а)»; 3, 3 % «У нас в интернате их не проводят»; 13,3 % «Мне это не интересно, не участвую»; 3, 3 % «Затрудняюсь ответить».

На вопрос «Довольны ли Вы качеством приготавливаемых блюд?» 43,3 % респондентов ответили «Всё вкусно и разнообразно», 40 % «Кое-что в меню нужно изменить», 16,7 % «Нет, не доволен».

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что потребительская оценка качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате является удовлетворительной. Во время проведения опроса возникли некоторые трудности.

Респондентам тяжело было отвечать на некоторые вопросы (по удовлетворению социально-бытовых, социально-медицинских, социально-правовых услуг, необходимо было обязательно пояснять данные вопросы). Во время разговора с некоторыми респондентами тяжело было понять, где они говорят реальные вещи, а где уже рассказывают о выдуманных историях. Иногда было некомфортно, а порой страшно, когда респондент садился очень близко к интервьюеру. Для того, чтобы не возникало таких ситуаций, необходимо изучить заболевания респондентов, чтобы при последующем опросе знать все особенности проявляемого заболевания. Было опрошено малое количество человек, для того, чтобы опросить больше респондентов, необходимо составить вопросы для лучшего понимания, тем самым улучшить процедуру проведения опроса.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ КАК АСПЕКТ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЯН

Худяков Е.А., Глебовская Я.Н., Новиков А.В. (Москва)

С 1 января 2012 года вступили в силу положения Закона № 326-ФЗ о разграничении полномочий Российской Федерации и субъектов РФ в сфере обязательного медицинского страхования. Федерация делегирует на региональный уровень полномочия по реализации на соответствующей территории базовой программы обязательного медицинского страхования. Финансовое обеспечение переданных полномочий осуществляется за счет субвенций из бюджета Федерального фонда ОМС бюджетам территориальных фондов ОМС.

В 2012 году на реализацию базовой программы обязательного медицинского страхования Федеральным фондом ОМС направлено в регионы 641 млрд руб., в том числе из нормированного страхового запаса — 29 млрд руб., в 2013 году в бюджете фонда на эти цели предусмотрено 985 млрд руб. Для сравнения: в 2011 году уровень финансового обеспечения базовой программы ОМС составлял 581 млрд руб.

В 2011 и 2012 годах существенно увеличилось финансирование медицинской помощи по стандартам. Средний уровень заработной платы врачей в стационарах, в которых внедрены стандарты медицинской помощи, составил 37,7 тыс. руб. против 32,1 тыс. руб. в 2011 году, среднего медицинского персонала — 21,6 тыс. руб. против 18,6 тыс. руб. в 2011 году.

В этом году Реформа здравоохранения вступила в свой следующий этап реализации.

Задача второго этапа – облегчить получателю медицинских услуг доступ к этим услугам. Почему же тогда сама реформа вызвала бурю негодования в медицинской среде?

Реформа здравоохранения в России 2015 была направлена на повышение благосостояния врачей и медперсонала. Согласно майскому Указу Президента от 2012,

всем работникам бюджетной сферы необходимо за 6 лет увеличить зарплату до уровня средних доходов. Первый этап выполнения поручений был совмещён с первым этапом реформы здравоохранения. Напомним, что также в реформе были произведены замены полисов обязательного страхования (зарплата медиков стала зависеть от страхователей), переход врачей на систему работы по эффективному контракту и медико-экономическим стандартам и др.

Вторая часть реформы, начавшаяся в 2015 году, подразумевает объединение нескольких медицинских учреждений в одно. Или сведение разных поликлиник к одному юридическому лицу. Считается, что это значительно облегчит доступ к получению медицинских услуг по му полису, а также упростит систему взаимоотношений между страховщиками и медучреждениями.

Реформа, изначально несущая благую цель, фактически провалилась. Человек, как и ранее, не имеет возможности в одном медучреждении пройти полное обследование и курс лечения, как это предполагалось. Если федеральные стандарты примут в предложенном виде, то многие медучреждения просто разорятся. Не имея специального оборудования и персонала для предоставления услуг по новым стандартам, им не будут оплачиваться услуги страховщиками.

Разобравшись с сутью данной реформы и финансовыми последствиями для данной отрасли необходимо понять как это сказывается на самих больницах и поликлиниках, а также на качестве жизни россиян.

Первым критерием будет являться количество медицинских организаций. Исходя из данных Росстата (табл.1), можно сказать, что число больниц очень сильно сокращается: почти в 2 раза с 2000 года, а вместе с ними уменьшается и количество больничных коек. В сфере врачебных амбулаторно-поликлинических организаций ситуация находится в несколько лучшем положении, так как мощность (количество посещений в смену) данных заведений имело тенденцию роста, однако в последнее время количество самих организаций перестало расти и учитывая ситуацию с финансированием могло начать сокращаться. Из этого можно сделать вывод, что сейчас для россиян куда более предпочтительно находиться на лечении в поликлинике, чем в стационаре.

При чем сокращение количества коек коснулось всех отраслей медицины кроме онкологии. Отдельно стоит отметить сокращения коек для беременных женщин, рожениц и родильниц, так как учитывая желание государства увеличить естественный прирост населения, совершенно не понятно, как российское здравоохранение будет соответствовать этому.

При чем вместе с сокращением количества больниц, происходит и сокращение количества врачей. С 2011 по 2013 год было уволено около 30 тысяч специалистов.

И в 2015 году данная тенденция не прекращается. В одной только Москве под сокращение попадает свыше 8 тысяч работников медицинских учреждений. В целом в столице необходимо закрыть 28 медучреждений, из этого числа 15 – городские больницы. На сокращение требуется порядка 3-х миллиардов бюджетных средств.

Также не стоит забывать, что скорая медицинская помощь является важной составляющей здравоохранения, но и она попала под сокращения финансирования. Так с 2011 по 2013 год было сокращено порядка 200 станций скорой помощи, а учитывая тот факт, что нормой прибытия машины скорой помощи согласно приказу Минздравсоцразвития РФ от 01.11.2004 N 179 (ред. от 15.03.2011) "об утверждении порядка оказания скорой медицинской помощи" является 20 минут, то встает вопрос о том, достижимо это на практике или нет.

К сожалению, в России не ведется официальная статистика случаев опоздания машин скорой помощи, так что сделать какой-то определенный вывод по этому вопросу нельзя, но точно можно сказать, что уменьшение станций скорой помощи точно не пойдет на пользу в этой сфере.

Теперь разобравшись с тем, что реформа в сфере здравоохранения имеет достаточно специфические последствия для медицинских организаций, необходимо понять: улучшает ли это на качество жизни людей, ведь по сути к этому и должно стремиться государство всеми своими действиями.

Так по мнению ответственного секретаря РОПОЗ и ОЗ Г.Э. Улумбекова текущее положение дел к 2018 году может стоить России увеличением коэффициента смертности: с 13.1 сейчас до 13.9 к 2018, что выльется в дополнительные смерти от 380 тысяч до 600 тысяч человек.

Однако по мнению Министра здравоохранения Вероники Скворцовой ситуация в этой области находится не в такой уж и плохом положении. По ее мнению существует динамика понижения коэффициента смертности, однако данные сейчас могут быть не до совсем корректные, так как увлечение продолжительности жизни (что тоже можно считать заслугой отечественного здравоохранения) прямым образом влияет на коэффициент смертности, так как в стране становится больше пожилых людей.

Еще одним очень важным критерием работы здравоохранения страны и уровня жизни населения является уровень младенческой смертности. И в последние годы ситуация в этой сфере исправляется, так если в 2012 году было 8,6 погибших на тысячу населения, то к первому полугодю 2015 года этот показатель составляет уже 6,6 погибших на тысячу населения, что несомненно является успехом российской системы здравоохранения, учитывая, что 15% таких смертей приходится на домашние смерти, то есть вне стационара, когда врачи ничем не могут помочь. Конечно данный показатель находится на все еще достаточно высоком уровне, выше основных европейских стран, но все-таки такая динамика не может не радовать.

Также возникла проблема очередей. Уменьшение ставок практикующих врачей снизило, во-первых, время приёма с обязательных 15 минут до 10 и меньше (количество больных влияет на оплату труда). А во-вторых, очереди на приёмы к докторам составляют иногда несколько дней, а то и недель.

Отдельно хотелось бы сказать о том, что теперь количество больных влияет на оплату труда. Отныне эффективность больниц определяется не по количеству принятых людей, не по количеству вылеченных больных, а по количеству денег, которые больница заработала на квадратный метр территории. На лицо капитализация сферы государственного здравоохранения и не понятно, как именно это может отразиться на качестве предоставляемых больницами и поликлиниками услуг.

Полагаясь на данные опроса ВЦИОМа от 18 июля 2015г. проводимый по выборке в 1600 человек в 130 населенных пунктах, можно сказать, что 40% опрошенных на личном опыте сталкивались врачебными ошибками. Также половина респондентов недовольна качеством медицинских услуг и уровнем подготовки врачей. Каждый четвертый отмечал недостаточное финансирование и недоступность медицинской помощи как проблемы отечественной медицины.

И анализируя все вышеперечисленные данные сложно прийти к какому-то определенному мнению. С одной стороны, финансирование очень сильно сокращается и имеется тенденция к будущим сокращениям, а из-за этого сокращается и количество больниц, и количество врачей, и количество доступной медицинской помощи. Также половина населения недовольна качеством медицинских услуг и сложившиеся в ходе данной реформы ситуация не способствует выходу из такой ситуации, как минимум относительно быстрому выходу. Но с другой стороны мы имеем положительную динамику в сфере смертности населения и продолжительности жизни. То есть несмотря на спорную политику в этой сфере, мы имеем определенные успехи в улучшении качества жизни россиян, только непонятно за счет чего в большей степени это достигается: за счет прошлых наработок, или за счет действия данной реформы. В следующем году ожидается дефицит финансирования — это сфера и получается, что только 2016 год даст ответы на

вопрос о том готова ли отечественная система здравоохранения обеспечивать население услугами, которые не приведут к ухудшению качества жизни людей.

1. Реформа здравоохранения: этапы и ключевые моменты [Электронный ресурс]// Бюджет. URL: <http://bujet.ru/article/225415.php>
2. Реформа здравоохранения [Электронный ресурс]// Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/Reforma-zdravooohraneniia/>
3. Расследование РБК: куда завела Россию реформа здравоохранения [Электронный ресурс]// РБК. URL: <http://www.rbc.ru/investigation/business/26/10/2014/544cfa0acbb20f3b7672b59d>
4. Мониторинг мнений: июль-август 2015 [Электронный ресурс]// ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/128/2015_128_6_Public%20opinion%20poll.pdf
5. Младенческая смертность в России снизилась на 13,2% [Электронный ресурс]// ПРОНЕДРА. URL: <http://pronedra.ru/medicine/2015/08/10/mladencheskaya-smertnosti-snizilasi-na-132/>
6. Интервью Министра Вероники Скворцовой газете "Известия" [Электронный ресурс]// Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2015/07/16/2450-intervyu-ministra-veroniki-skvortsovoy-gazete-izvestiya>

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Хуснутдинова М.Р. (Москва)

Преобразования и переход к инклюзивной образовательной модели в России начат родителями детей с ОВЗ. С.В. Алехина утверждает, что «инклюзивное образование – это первая инновация в российской образовательной практике, инициированная родителями детей-инвалидов... один из примеров борьбы родителей за образовательные права собственных детей» [1, с. 71] Можно сказать, что инклюзия – это социальный заказ государству в нашей стране. Процесс самоорганизации родителей вылился в создание активных общественных движений, которые стремятся к преодолению проблем и трудностей современной образовательной системы посредством влияния на власть. Российское общество идет к новой социальной модели отношения к людям с инвалидностью, в первую очередь, посредством активности родительских сообществ.

Среди родителей детей с ОВЗ и инвалидностью существует довольно высокий спрос на услуги инклюзивного образования. Это было выявлено в опросах Лаборатории Мониторинговых исследований ГБОУ ВПО МГППУ (Сайт <http://xn--c1arkau.xn--p1ai/projectpages/index/202>) прошлых лет (2010 и 2014 гг.) – около половины опрошенных педагогов из общеобразовательных и инклюзивных школ согласились с суждением о том, что «среди родителей детей с инвалидностью существует высокий спрос на услуги инклюзивного образования» в 2010 г. 54% и 68%, в 2014 г. 44% и 73% соответственно. И подтвердилось в нынешнем исследовании 2015 г. – суммарный показатель «полностью согласен»+«скорее согласен» при ответе на этот же вопрос составил 71% [«Социальные условия, проблемы и ограничения внедрения инклюзивного образования в практику учреждений г. Москвы», анкетный опрос учителей и родителей проводился в апреле-мае 2010 г., «Оценка эффективности внедрения инклюзивного образования в г. Москве», анкетный опрос учителей, родителей и интервью с учениками старших классов проводились в мае-июне 2014 г., «Изучение перспектив развития инклюзивного образования в г. Москве», опрос экспертов в сфере инклюзивного образования с помощью методики экспертного сценарно-прогностического мониторинга проводился в июне 2015 г., отдельные результаты см. например 2)].

Несмотря на государственную поддержку инклюзивного образования (законодательные и нормативно-правовые документы), которой добились родительские движения, дети с ОВЗ продолжают испытывать значительные трудности в получении доступного и качественного образования. Согласно результатам исследований, посвященных анализу процесса внедрения инклюзивного образования, проведенных в 2010, 2014 и 2015 гг. Лабораторией Мониторинговых исследований ГБОУ ВПО МГППУ, основными проблемами являются недостаточный уровень профессиональной подготовки педагогов, нехватка специалистов психолого-медико-педагогического сопровождения, недостаточное материально-техническое обеспечение школ и несформированность инклюзивной культуры.

С целью их преодоления общественные движения проделывают огромную работу. «Влияние родительских» (среднее значение 6,25) и «общественных движений на развитие инклюзии» (6,36) признается опрошенными экспертами в сфере инклюзивного образования довольно весомым (самые высокие средние оценки по группе суждений, согласно результатам исследования 2015 г).

Родительские сообщества превращаются из потребителей образовательных услуг в активных субъектов всего образовательного процесса в целом. Они стремятся сформировать партнерские отношения с государственными структурами, когда они выступают не в качестве просителя, а в роли равноправного партнера. Ярким примером успешности стратегии объединения родителей является Первый съезд московских семей, воспитывающих детей-инвалидов и инвалидов с детства, где не родители пришли в кабинеты государственных служащих, а они вместе встретились на нейтральной, общественной площадке (съезд прошел 5.10.2015, присутствовали родители детей с ОВЗ и представители общественных движений, Департамента образования, соцзащиты, здравоохранения и др. <http://sovet-roditeley.ru/news/2015-08-20-323>).

Феномен социального партнерства по вопросам образования детей с ОВЗ является новым для российской действительности. В процессе его формирования наблюдаются многочисленные проблемы. В первую очередь они обусловлены несовпадением интересов и отсутствием понимания между общественными организациями и представителями власти. Анализ результатов опроса в 2015 г. выявил в экспертном сообществе три совершенно не связанных между собой модели развития инклюзивного образования: государственную, социальную и образовательную (всего опрошен 81 эксперт: специалисты-практики - 28%, ученые - 23%, представители образовательных организаций и общественности - по 19% в каждой категории, управленцы-чиновники - 11%). В первой приоритет по внедрению в нашей стране новой, совместной формы обучения отдается государственным структурам, во второй – общественным организациям, а в третьей осуществлен призыв к постепенному переходу, когда сохраняется прежняя коррекционная школа и осуществляется продуктивное сотрудничество с массовой, общеобразовательной школой.

Таким образом, как у представителей власти, так и общественных движений совершенно разные представления о текущих процессах, явлениях и проблемах инклюзивного образования. Государство проводит преобразования, которые малопонятны родителям, более того, о многих способах решения актуальных проблем они даже не информированы. Эффективный диалог между первыми и вторыми может быть сформирован, когда стороны будут понимать друг друга, знать особенности восприятия современной ситуации и возможностей решения насущных проблем.

1. *Алехина С.В. Инклюзивное образование для детей с ограниченными возможностями здоровья// Современные образовательные технологии в работе с детьми, имеющими ограниченными возможностями здоровья/ Под ред. Н.В. Лалетина. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2013. С. 71*

ПРОЯВЛЕНИЯ БУЛЛИНГА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Цыганенко Н.В., Жердева Е. В. (Барнаул)

Сегодня все чаще мировую общественность беспокоит учащение случаев насилия и агрессии в школьной среде. Подобные случаи принято называть «травлей». В научном сообществе для обозначения травли в образовательной среде введен специальный термин «буллинг».

Буллинг в школьной среде негативно отражается на развитии личности подростка. Именно в школьном возрасте самосознание ребенка проходит важный этап развития и формирования, поэтому создание комфортной образовательной среды для учащегося является необходимым условием эффективности обучения и социализации.

Стремительное распространение данного явления в среде подростков и его негативные влияния на личность и общество в целом формируют потребность в исследовании буллинга, а главное, в поиске эффективных путей его профилактики.

Целью нашего исследования является исследование особенностей и механизмов социально-психологической профилактики буллинга в школьной среде.

Объектом исследования является социально-психологическая профилактика в школьной среде.

Предмет исследования: особенности и механизмы социально-психологической профилактики в МБОУ СОШ №3 г. Заринска Алтайского края.

Основной задачей нашего исследования является выявление факторов, влияющих на проявление буллинга в школьной среде, а также на особенности и механизмы его социально-психологической профилактики в школе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что нами были раскрыты особенности социально-психологической профилактики буллинга в образовательной среде.

Информация по распространенности и особенностям проявления буллинга в конкретном образовательном учреждении, которая может быть использована в коррекционной воспитательной работе с учащимися.

Впервые об этой проблеме заговорили ученые скандинавских стран (Д. Олвеус, Е. Роланд и П. Хайнеманн). Об актуальности данной проблемы в России одним из первых заговорил И. С. Кон в 2005 году [1], а позже к исследованиям присоединились В. И. Вишневская, М. Л. Бутовская [2], В. Р. Петросянц [3] и другие.

Таким образом, буллинг можно охарактеризовать как негативные, враждебные или агрессивные действия, которые происходят в отношениях, участники которых обладают неодинаковой властью, но являются членами одной социальной группы и носят умышленный, систематический характер.

В научной среде сформировалось два подхода к пониманию буллинга:

Д. Олвеус видел в буллинге лишь тип поведения, которого придерживается подросток с определёнными чертами личности.

Буллинг как процесс взаимодействия предусматривал скорее способ построения внутригрупповой иерархии, если общность не может иными способами взаимодействовать между собой (буллинг-структура).

Ролевая структура состоит из жертвы, агрессора и свидетеля.

Из основных причин выделяют комплексное воздействие факторов, личностные особенности, экономическое неравенство (где для необеспеченных детей достижение авторитета признается только силой, а не знаниями или материальным благополучием).

Последствия буллинга делятся на последствия для окружения, по виду насилия и по отдаленности по времени.

Работа с буллингом делится на профилактику и реактивные действия (не эффективны). Профилактика проходит в три этапа (пресечение, выявление, недопущение).

Для исследования особенностей и механизмов социально-психологической профилактики буллинга нами было проведено анонимное анкетное исследование среди учащихся 8 и 9-х классов.

В выборку вошли 92 ученика. Из них 40 (43%) девочки и 52 (56%) мальчика.

Анализ буллинга структуры 8-9 классов показал, что среди учащихся 48% детей относятся к свидетелям, 16% к лидерам, а 26% детей относят себя к одиночкам (что дает основание полагать, что данные дети возможно подвергаются буллингу со стороны одноклассников).

Анализ распространенности буллинга и соотношения между статусом респондента и частотой случаев агрессии, которым респондент был подвержен (рис. 1) показывает, что из 100% опрошенных только 16% никогда не испытывали на себе буллинг. При этом агрессивное поведение сверстников к респонденту практически не зависит от статуса, с которым себя ассоциирует подросток.

Таким образом, можно подтвердить наблюдения большинства исследователей этой проблемы в том, что основным контингентом, подверженным буллингу являются одиночки.

Изгой чаще всего используют стратегию избегания в конфликте. Решить конфликт мирным путем пытаются в основном ученики с нейтральным статусом в группе (23%). Позицию силы принимают в своем большинстве только лидеры (9% из 16%).

Всего 2% респондентов готовы обратиться за помощью к работникам школы.

Имеет место как активная, так и пассивная поддержка буллинга группой (больше половины, опрошенных так или иначе поддерживают агрессоров, будь это равнодушие, избегание или присоединение к травле).

Самой опасной средой респонденты считают школу (38%), причем большую часть из них составляют жертвы буллинга (20%).

Самая большая концентрация изгоев находится в неполных семьях (20%). Самая низкая концентрация жертв приходится на многодетные полные и неполные семьи.

Ежедневным и постоянным наказаниям подвергаются в основном изгой – 19% из 26% опрошенных. Лидеры же подвергаются наказаниям в основном пару раз в месяц (9% из 16%). Чем чаще он подвергается им, тем больше шансов, что подросток окажется в «группе риска».

Оценивая профилактические меры, направленные на предотвращение буллинга в МБОУ СОШ №3, мы выяснили, что 60% опрошенных считают, что помощь и защита жертв буллинга необходима и таких ребят в школе много. При этом больше половины (51%) опрошенных не хотят принимать помощь взрослых людей в конфликте (рисунок 8). Подобная статистика говорит о том, что подростковое сообщество – закрытая система и преподаватель, социальный педагог, родитель воспринимается как нечто существующее извне, а не изнутри системы.

К сожалению, более половины учителей решают конфликты ситуационно (попыткой разнять конфликтующие стороны). Подобная тактика не верна, если необходимо улучшить профилактику буллинговых явлений в целом.

Высокая агрессивная информационная среда не имеет прямого влияния на проявления буллинга в МБОУ СОШ №3. Большинство опрошенных не придают никакого значения сценам агрессии в СМИ (72%). Таким образом, по результатам опроса можно судить об отсутствии эмпатии у большинства подростков.

Наше исследование позволило выделить несколько проблем в профилактике буллинга в конкретной школе:

- Замкнутость подросткового коллектива и нежелание принять помощь взрослого человека.
- Неблагополучный район, следствием которого (как стало ясно из нашего исследования) является повышенная агрессивность школьников.
- Низкая вовлеченность педагогического состава в процесс решения проблем в классе.

Проведенное нами исследование зафиксировало все те связанные с буллингом тенденции, которые обнаруживаются российскими и зарубежными исследователями данной проблемы. Анализ факторов, провоцирующих буллинг, показывает, что к ним относятся неблагополучная семья, неблагополучные районы проживания, отсутствие доверительных отношений с классным руководителем, неудовлетворительные успехи в учебе, нежелание принять помощь взрослого человека, общее равнодушие к насилию со стороны учащихся, агрессивное воспитание родителей (что подтверждено нашими исследованиями на базе МБОУ СОШ №3 г. Заринска).

Этот факт позволяет нам сделать вывод о том, что рядовая общеобразовательная российская школа (в нашем случае МБОУ СОШ №3 г. Заринска) является своеобразным зеркалом, отражающим буллинг во всех его проявлениях. В связи с этим наши практические рекомендации адресованы, как и педагогическому коллективу конкретной школы, так и педагогическому сообществу, школьным психологам, социальным педагогам и все специалистам, которые работают с детьми.

Общие рекомендации по внедрению результатов исследования:

- Опубликовать результаты исследования в научных и научно-популярных изданиях по педагогике, психологии, социальной работе и социологии.
- При подготовке специалистов по социальной работе использовать материалы дипломной работы и проведенного эмпирического исследования в качестве иллюстрационных материалов.
- Комитету по образованию Алтайского края разработать и внедрить программу для образовательных заведений по профилактике и по выработке навыков ненасильственного поведения среди учащихся.

Рекомендации для родителей, социального педагога, психолога, педагогического коллектива и школьной администрации МБОУ СОШ №3:

- Провести инструктаж педагогического коллектива школы, родителей и учащихся о том, как необходимо вести себя при выявлении случаев буллинга между детьми.
- Обеспечить обратную связь между жертвами буллинга и остальным школьным сообществом с помощью школьной газеты и тематических классных часов.
- Социальному педагогу совместно с классным руководителем необходимо составить программу профилактики и работы с уже с произошедшим буллингом в классе.

1. Кон, И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? [Текст] / Кон И. С. // *Семья и школа*. – 2006. – № 11. – С. 15-18.
2. Бутовская, М. Л. Буллинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников [Текст] / Бутовская М. Л., Луценко Е. Л., Ткачук К. Е. // *Этнографическое обозрение*. – 2012. – № 5. – С. 139-150.
3. Петросяни, В. Р. Психологические характеристики старшеклассников — участников буллинга в образовательной среде [Электронный ресурс] / Петросяни В. Р. // *Эмиссия. Электронный научный журнал*. – 2010. – URL:<http://www.emissia.org>

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Шангареева З.С., Козырев А. А. (Казань)

Пенсионное обеспечение является одним из актуальных направлений социальной защиты пожилых людей. В последнее время практически на всех уровнях обсуждается вопрос пенсионного обеспечения граждан РФ. К сожалению, в этом процессе не участвуют пенсионеры и потенциальные пенсионеры.

Россия занимает 65 место по уровню жизни пенсионеров среди стран, имеющих пенсионную систему [Россия заняла 65-е место в рейтинге стран по уровню жизни пенсионеров – URL: <http://www.metronews.ru> (дата обращения: 02.10.2015 г.)]. Коэффициент замещения утраченного заработка пенсией составляет 38 %, тогда как по данным Международной организацией труда, пенсия должна составлять не менее 40 % от средней заработной платы [Коэффициент замещения пенсией утраченного заработка – URL: <http://www.inpf.com> (дата обращения: 08.10.2015 г.)].

Правительство РФ, понимая необходимость осуществления обязательств социального государства по гарантированию социальных благ граждан пенсионного возраста, пытается решить этот вопрос с точки зрения экономических расчетов, исключая его проработку методами социологической науки. В итоге нет полного представления в решении проблемы.

В РФ принята стратегия развития пенсионной системы до 2030 года. [Стратегия развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года – URL: http://www.niitss.ru/analytics/materials/Strategiya_pensii.doc (дата обращения: 08.10.2015 г.)]. Целью данной стратегии является повышение до 40% коэффициента замещения утраченного заработка пенсионера при нормативном страховом стаже и средней заработной плате. Необходимо отметить, что показатель – 40% рассчитан только для стандартных получателей, основное требование – выработка 30 лет страхового стажа.

В рамках социологического исследования: «Третий возраст: социальные роли и социальное самочувствие», проведенного в ноябре 2014 - апреле 2015 гг. в Республике Татарстан, были получены материалы для обсуждения вопросов пенсионного обеспечения социально-демографической группы пенсионеров.

По данным опроса, возраст выхода на пенсию в нашей стране, считают приемлемым – 88,3% опрошенных (87,6% мужчин и 88,6% женщин); 4,7% – респондентов заявили, что можно увеличить на несколько лет, 7,0% – затруднились ответить. Исходя, из результатов исследования можно сделать вывод, что с установленным возрастом выхода на пенсию согласны подавляющее большинство пенсионеров.

На необходимость доведения коэффициента замещения пенсии заработной платы указали – 32,7 % респондентов; на необходимость его повышения свыше 40 % указали – 46,7 %; затруднились ответить – 16,6% и лишь 4,0% опрошенных согласились с существующим коэффициентом замещения. Подавляющее большинство опрошенных не удовлетворены коэффициентом пенсионного замещения утраченной зарплаты.

Данные опроса свидетельствуют о том, что проведенная реформа пенсионного обеспечения: «улучшила положение пенсионеров» – 16,7% респондентов; «никак не повлияла» – 39,0%; «ухудшила положение» – 7,3%; «не осведомлены о пенсионной реформе» – 13,3% и «затруднились ответить» – 23,7% опрошенных.

Удовлетворены социальной политикой государства в области пенсионного обеспечения – 21,7 % респондентов, не удовлетворены – 48,7 %, затруднились ответить – 29,6 % опрошенных.

Существующая пенсионная система не избавляет пенсионеров от нищеты. Так, по данным опроса – 75,3% опрошенных указали на то, что выход на пенсию отразился на материальном положении, не ощутили разницы – 17,0%, затруднились ответить – 7,7% респондентов. В настоящее время респонденты не сколько готовы к

повышению пенсионного возраста, а вынуждены продолжить трудовую деятельность, чтобы поддерживать привычный уровень жизни. Так по данным опроса, уровень жизни пенсионеров обеспечивается благодаря: заработной пенсии – 47,0% респондентов; продолжению трудовой деятельности – 38,3%; личным сбережениям – 8,3%; материальной помощи от внуков, детей и родственников – 4,7 %, другим доходам – 1,7% опрошенных.

На недостаточность пенсионного обеспечения для поддержания достойной жизнедеятельности указали – 85,0 % опрошенных, утвердительно ответили – 11,0 % и затруднились ответить – 4,0 % респондентов.

Постсоветский период не дал возможности большинству работающих граждан не только получать пенсию для достойной жизни, но и накопить личные сбережения.

В настоящее время идёт институционализация пенсионной системы. Нарбатывается опыт её формирования и функционирования. Издержки этой работы неминуемо отражаются на пенсионном обеспечении граждан.

Среди неотлагательных мер по совершенствованию системы пенсионного обеспечения необходимо принять следующие меры:

1. Согласовать стратегию пенсионного обеспечения РФ с требованиями МОТ: рассчитывать выплату пенсий не на основе прожиточного минимума, а на основе коэффициента замещения пенсией утраченного заработка, так как сравнение пенсий с текущими заработками более справедливо, нежели прожиточный минимум, который может быть неоправданно маленьким [Пенсионный фонд спорит с Международной организацией труда – URL: http://www.ng.ru/economics/2014-05-13/1_pensia.html (дата обращения: 08.10.2015 г.)].

2. Оптимизировать управление ПФР: сократить неоправданно раздутый штат работников. Так, например, по сравнению с Social Security Administration в США, где работают 60 тысяч человек, в ПФР работает 121 670 человек и занимает первое место в мире по численности персонала. [Пенсионный фонд России — первый в мире по количеству сотрудников и один из самых неэффективных. «Это мертвые души»– URL: <http://ura.ru/news/1052221964> (дата обращения: 08.10.2015 г.)].

3. Контроль за нецелевым использованием средств ПФР.

1. *Россия заняла 65-е место в рейтинге стран по уровню жизни пенсионеров – URL: <http://www.metronews.ru> (дата обращения: 02.10.2015 г.)*
2. *Коэффициент замещения пенсией утраченного заработка – URL: <http://www.inpf.com> (дата обращения: 08.10.2015 г.)*
3. *Стратегия развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года – URL: http://www.niitss.ru/analytics/materials/Strategiya_pensii.doc (дата обращения: 08.10.2015 г.)*
4. *Пенсионный фонд спорит с Международной организацией труда – URL: http://www.ng.ru/economics/2014-05-13/1_pensia.html (дата обращения: 08.10.2015 г.)*
5. *Пенсионный фонд России — первый в мире по количеству сотрудников и один из самых неэффективных. «Это мертвые души»– URL: <http://ura.ru/news/1052221964> (дата обращения: 08.10.2015 г.)*

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Щербаков Н.Ю. (Санкт-Петербург)

Школа традиционно рассматривается как один из важнейших факторов, влияющих на тенденции развития общества. Выступая в качестве активного агента и ключевого в современных условиях института социализации, школа в значительной степени формирует ценностные ориентации, личностные черты и продуктивные потенциалы молодого поколения, оказывая, тем самым, существенное влияние на динамику и характер социально-экономического и культурного развития страны.

Широко распространенным является подход, связывающий эффективность функционирования личности в составе социально-деятельностных общностей с формированием соответствующей компетентности (социальной, профессиональной и т.п.) [1] Однако при этом мотивационное личностно-смысловое измерение проблемы, декларируемое теоретически, часто не учитывается на практике. Вместе с тем характер мотивации включенности в различные социально-профессиональные группы (меняющиеся в истории общества в ходе индивидуальной эволюции личности) имеет чрезвычайно важное значение с точки зрения качества включенности, в том числе и с точки зрения формирования инструментально- технологического оснащения этой включенности, т.е. требуемых для успешного выполнения социально-профессиональных ролей знаний, умений и навыков.

Забота о прогрессивном социально-культурном росте личности в школьный период – стратегически наиболее ценная форма обеспечения готовности выпускников к продуктивному участию в производственной, научной, культурной жизни трансформирующегося общества. Отчасти этот рост, движение к более высоким уровням личностной, интеллектуальной и духовно-культурной зрелости происходит в ходе обычных, повседневных процессов взросления и социализации. Однако во многом личностный рост может быть стимулирован за счет создания педагогически целесообразной развивающей среды, расширяющей возможности личностного развития и в мотивационном, и в инструментальном аспектах. [2]

Каковы пути и закономерности индивидуально-личностного развития, ведущего к достижению высоких уровней мотивационной и инструментальной зрелости?

Проблема уяснения социально-культурных условий, обеспечивающих совместное формирование личностной идентичности (Я- концепции) и культурно-психологических регуляторных и когнитивно-операциональных механизмов, обеспечивающих не только успешную адаптацию но и индивидуально своеобразную продуктивную самореализацию, находится в центре внимания современной культурной антропологии, психологии и педагогики, в частности, в работах Дж. Брунера и М. Коула [3].

Выводы, к которым приходят Дж. Брунер и М.Коул, рассматривая условия успешного личностного роста и овладения культурным инструментарием в раннем и дошкольном детстве, могут быть распространены и на последующие этапы личностного развития в условиях школы. При этом, как показывает ряд исследований [4], сохраняется фундаментальная закономерность, описанная Брунером и Коулом, в соответствии с которой различные виды социально-культурной компетентности органично вырастают из настоятельной потребности развивающейся личности «вооружить» индивидуально-значимую деятельность и отношения со значимыми партнерами.

На наш взгляд, эта фундаментальная закономерность может быть положена в основу конструирования личностно-развивающей школьной социально-культурной среды. В школьный период движение к более зрелым и сложным видам предметной деятельности и социальных отношений, при условии обеспечения их индивидуальной значимости для школьников влечет за собой одновременно и эволюцию идентичности, и формирование более высоких видов социально-культурной компетентности.

Для интересующего нас подростково-юношеского периода можно выделить три последовательных этапа индивидуально-личностного развития. Этим этапам, с нашей точки зрения, должны соответствовать особые принципы организации школьной социально -культурной среды, ориентирующие социально-психологическую службу на решение качественно своеобразных задач содействия совместной эволюции личностной идентичности и социально-культурной компетентности.

Основные задачи **первого этапа** (ведущий организационный принцип- «адаптирующее напряжение»)-содействие формированию элементов идентичности, связанных с личностной вовлеченностью в предметные и (или) социальные аспекты совместной учебной деятельности, а также соответствующих знаний, умений и навыков

(социально-деятельностная компетентность школьника). Эти задачи решаются посредством продуцирования системы требований и ожиданий, способной вести за собой развитие личности школьника как субъекта индивидуально- и социально-значимой деятельности.

Основные задачи **второго этапа** (ведущий организационный принцип «автономизация-индивидуализация») связаны с созданием условий для самопознания и экспериментального самоопределения старшеклассников в учебной деятельности, школьном социуме и подростковой субкультуре. На этом критическом этапе индивидуально-личностного развития формируется единство Эго-идентичности (по Э.Эриксону) и Эго-компетентности. без которого невозможно дальнейшее формирование отношения к своим функциям. В социально-деятельностной структуре как самореализации.

Третий, завершающий этап (ведущий организационный принцип – «свобода-ответственность») связан с созданием условий для свободного и ответственного самоопределения старшеклассника в школьном и в перспективе-более широком социокультурном целом. Итогом этого этапа является выход на индивидуально-своеобразные варианты многомерного продуктивного участия старшеклассников в школьной жизни. Возможности успешной реализации задач третьего этапа, связанных с интеграцией Эго- идентичности и социально-культурной идентичности, а также формированием интегральной социокультурной компетентности школьника, но многом обусловлены богатством и разнообразием школьной социокультурной среды в старших классах.

Отсутствие разнообразия, творческого духа и демократических начал в организационной жизни школы затрудняет формирование социальной инициативы, продуктивной направленности, готовности взять на себя ответственность, т.е. качеств социально-зрелой и компетентной личности старшеклассника. Хотелось бы подчеркнуть важность задачи стимуляции и организации переживаний, формирования отношений при реализации организационно-деятельностных (например, школьное самоуправление, творческие клубы и т.п.) и художественно-культурационных технологий (школьный театр-студия, факультатив по МХК и т.п.), т.е. важность использования специфических методов педагогической и художественно-педагогической драматургии [4]. Особое значение приобретает эффективное использование символических средств художественной культуры при решении задач содействия «превентивному» личностно-профессиональному самоопределению, связанному с проецированием себя в будущую взрослую жизнь.

1. *Социальная компетентность и технологии её формирования в современном обществе // под ред. В.Н. Келасьева и И.Л. Первой. Санкт-Петербург, 2010 г.*
2. *Современные проблемы российской ментальности // под ред. Семенова В.Е., «Астерион» СПб, 2005 г.*
3. *Культурно-историческая психология: наука будущего //М. Коул, Москва 1997 г.*
4. *Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь //под ред. В.Н. Келасьева, СПбГУ 1998 г.*

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СПОСОБЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Шипунова Т.В. (Санкт-Петербург)

Феномен социальной справедливости напрямую связан с господствующими в обществе ценностями. При этом ценности понимаются, с одной стороны, как «нечто, что

имеет значение как желаемое для человека в будущем состоянии, причем оно предпочтительнее других возможностей... Большой частью ценности человека живут в его опытах и его социальных действиях» [1, с. 56]. С другой – как нечто полезное и, следовательно, функциональное для сохранения и развития общества.

Социальная справедливость, как идеальная ценность, представляет собой абсолютизированное представление о том, каким должен быть мир и общество, чтобы обеспечивать «свободу, равенство, братство», соблюдение прав всех людей в обществе или в целом на Земле (у Аристотеля это – «всеобщая» или «естественная» справедливость, а Дж. Ролз называет эти ценности «теорией строгого согласия» [2]). Это идеальное представление о социальной справедливости задает идеальные желаемые ориентиры, к которым постоянно стремится как общество (по крайней мере, демократическое), так и каждый отдельный человек. Такое понимание справедливости мы находим у Платона, гуманистов эпохи Просвещения, социалистов-утопистов, а также в рассуждениях некоторых социологов, изучающих вопросы социальной дифференциации и социального неравенства. Можно, однако, сказать, что в подходах к изучению феномена социальной справедливости наблюдается и другое направление мысли, а именно – стремление операционализировать понятие социальной справедливости, т.е. конкретизировать эту идеальную общечеловеческую и вечную ценность (для этого Аристотель использует понятия «политическая» и «законная» справедливость, а у Дж. Ролза это представление о социальной справедливости названо «теорией частичного согласия»). Конкретизация происходит через описание объема понятия «социальная справедливость», т.е. через составление перечня того, что считается справедливым в данном обществе в данное время (например, права человека, свобода, равенство перед законом и т.д.). Такая конкретизация совершенно необходима, поскольку позволяет исследователям перейти к анализу реальных социальных практик. При этом, однако, кроме объема операционального понятия социальной справедливости необходимо выяснить его содержание. Иначе говоря, для анализа социальных практик реализации принципа социальной справедливости необходимо перейти от рассмотрения социальной справедливости как идеальной ценности к ее рассмотрению как операциональной или инструментальной ценности, в которой указываются не только желаемые ориентиры (обозримые цели), но и средства их достижения. Таким инструментальным понятием может быть следующее: социальная справедливость – это мера общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (формальных и неформальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества. Социально справедливыми являются те институты, формы правления, нормы и законы, которые на основе соглашения между субъектами социальных взаимодействий создают и поддерживают основы достойной жизни людей в обществе, где провозглашен принцип воздаяния по заслугам, т.е. имеется стремление каждому конкретно обеспечить индивидуальная справедливость в его взаимоотношениях с государством и социальными институтами. В данном инструментальном определении социальной справедливости зафиксированы обозримые ориентиры (или цели) – «установление такого порядка жизнедеятельности людей и организаций, который способствует выживанию и развитию социума; обеспечение интеграции и достойного существования членов общества», а также средства их достижения – «мера полезности, т.е. социальной адекватности социальных норм». Здесь выражение «достойное существование» является обобщением всех тех благ, которые провозглашаются в качестве таковых в современном обществе: мера свободы, равенства, уровень образования, социальная защищенность, включенность в социальные сети, широкие возможности выбора легальных видов деятельности, благополучие человека и т.д. и т.п.

Соблюдение прав человека - не единственный критерий оценки справедливости в обществе. Сюда же можно отнести такие показатели, как уровень и качество жизни, а также развитие человеческого потенциала. Эти показатели находятся в стадии обсуждения и разработки, что не отменяет их полезности и перспективности для измерения уровня социальной справедливости.

Разумеется, на установление социальной справедливости (как она понимается в данном обществе) нацелены все современные демократические общества. Об этом свидетельствуют идеи социального государства и их воплощение в жизнь (другое дело, что не всегда это получается разумно и эффективно). В дополнение к мерам по установлению социальной справедливости предпринимаются шаги и по ее поддержанию или восстановлению. В политической жизни на этом поприще действуют профсоюзы, политические и общественные организации и движения, защищающие интересы и права отдельных групп граждан. В правовой – установление контроля со стороны общественности за деятельностью судов, прокуратуры, пенитенциарных учреждений, декриминализация некоторых видов преступлений, расширение использования альтернативных мер наказания, проведение мероприятий в рамках восстановительного правосудия и др. В экономической сфере свидетельством тому может выступать расширение социальных инвестиций, которые предпринимают отдельные фирмы. В России в последнее время также получила признание модель социального партнерства. «В этой модели организация и общественность вступают в равноправные, партнерские взаимоотношения “взаимопроникающих систем”. Она основана на поиске взаимопонимания, установлении сотрудничества, поддержании контактов» [3, с. 23]. В социальной сфере восстановлению социальной справедливости служат институты социальной защиты, помощи и поддержки, миссией которых является повышение уровня интеграции и солидарности членов общества.

1. Лукман Т. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации //Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. – М., 1998.
2. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.
3. Векслер А. Ф., Тульчинский Г. Л. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность. – 1-е изд. – Н. Новгород, 2002.

КАТЕГОРИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК»: ПОМОЩЬ В АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ К ШКОЛЕ

Шлыкова Д.В. (Нижний Новгород)

Понятие школьной адаптации является процессом, с помощью которого достигается состояние социального равновесия между индивидом и группой, индивидом и социальной средой, где наблюдается отсутствие конфликтных отношений индивида с ближайшим социальным окружением.

Адаптация ребенка – это сложный многогранный непрерывный процесс взаимодействия личности и окружающей его среды, самореализация личности внутри данной среды, в результате которой ребенок усваивает новые социальные роли и ценности, раскрывает свои особенности личности. От успешности данного процесса зависит дальнейшее существование индивидуума в социуме.

Школа на любом этапе обучения выставляет перед ребенком ряд требований и рекомендаций, необходимых для самостоятельного и правильного развития ребенка в школьной среде. Для детей сложными являются многие стороны учебного процесса: возникают трудности с прилежным поведением в течение урока, сдержанностью и

умением не высказывать вслух свои мысли и эмоции, не отвлекаться, следить за тем, что говорит учитель, выполнять необходимые задания. Ребята не сразу готовы принять новые правила поведения и слушаться новых в их жизни взрослых – учителей.

Для успешной адаптации и социализации школьника к новой среде необходимо наличие комплекса взаимосвязанных факторов: физическое и психологическое благосостояние, мотивация к обучению и стремление к новым знаниям, умение общаться, корректно вести себя в обществе и реагировать на ситуацию, иметь достаточно развитый уровень умственной и познавательной активности. Огромную роль в этом трудном процессе оказывает помощь и поддержка социального работника.

Дошкольное развитие детей протекает разнообразно, однако, школа же предъявляет ко всем одинаковые требования. Невозможность соответствовать этим требованиям, отклонения от них, девиантное поведение оказываются нежелательными и могут значительно осложнять жизнь школьника [1, с. 223]. В школах современного общества индивидуальный подход в обучении оказывается практически нереализуем.

Школьная жизнь ребенка протекает в сложно организованной разнообразной по формам и направленности среде. По своей природе эта среда является социальной, так как содержит систему различных отношений ребенка со сверстниками и школьниками другого возраста, педагогами, родителями, другими взрослыми, участвующими в школьном процессе. По своему содержанию она может быть интеллектуальной, эстетической, этической, бытовой [2, с. 73]. Попадая в школьный мир, ребенок каждый раз оказывается перед выбором во всех сферах жизни: как постигать учебный процесс, строить взаимоотношения с учителями, как обращаться со сверстниками, как относиться к требованиям, выставляемым школой.

Семья является одним из базисных социальных институтов, помогающим ребенку в преодолении трудностей. Общество вмешивается в развитие семьи как непосредственно, так и более тонкими способами. По мере увеличения цены человеческого времени затраты на воспитание детей растут [3, с. 46]. Сегодня заметна тенденция к влиянию на рождаемость цен, доходов, и накопления человеческого капитала в детях.

Данная тенденция имеет и ряд негативных последствий, на которые указывают, в первую очередь, авторы, склонные оценивать современное состояние семьи как кризисное. Речь идет о разрыве ценностей поколений, утраты интереса молодых к опыту старших, неприятие пожилыми людьми образа жизни молодых [4, с. 108].

От грамотности и профессионализма социального работника на этапе взаимодействия с учениками на начальном этапе адаптации и социализации в школе во многом зависит то, как будет формироваться внутреннее состояние ребенка, определяющие в значительной степени психологическую адаптацию ребенка в школе.

Для того, чтобы адаптация школьника была успешной и правильной, социальный работник должен помогать развитию у ребенка эмоционально положительного отношения к совместной деятельности на уроке, желанию участвовать в совместной жизни коллектива, умению предложить свою помощь товарищу, а также ответственности принимать помощь от другого и потребности формировать деловые отношения в коллективе. В современной системе образования социальный работник большого внимания должен уделять развитию личности ребенка, его моральному и психическому благополучию, влияющему на подготовку к школьному обучению и адаптации в школе.

Положительные эмоции, которые ребенок будет испытывать при общении с социальным работником в школе, во многом формируют его поведение и облегчают процесс адаптации. Социальный работник – это особая категория взрослых, им необходимо стать для ребенка не просто профессионалом, «врачом» в своем деле, но и самым близким товарищем, родителем и другом для школьника. Своим личным примером, словами, организацией положительного опыта детей, социальный работник всегда может подать правильный пример для взаимодействия ребенка со сверстниками, его правильного поведения на уроках.

Период адаптации играет очень важную роль для будущего становления и развития личности ребенка, его самореализации в жизни. От успешности прохождения периода адаптации и становления ребенка как личности зависит его дальнейшее обучение в школе и возможность социализации в будущем.

Для социального работника очень важно найти индивидуальный подход к каждому ребенку, помочь школьнику принять позицию ученика и помочь в развитии навыков общения и взаимодействия в условиях новой среды. Для того чтобы помогать детям в адаптации к школе, социальный работник должен быть достаточно компетентен, уверен в себе, в своих силах, своих возможностях и способностях, иметь высокий уровень профессиональной подготовки. Правильный подход к каждому из детей даст ему возможность улучшить общую атмосферу и обстановку в классе, чтобы у каждого ребенка была попытка к собственной самореализации и развитию. Навыки общения и взаимодействия позволят ребенку адекватно действовать в условиях коллективной учебной деятельности. Таким образом, социальный работник заслужено является одним из важнейших агентов социализации для ребенка, он выступает как профессионал, который организует систему отношений между школой и ребенком через разнообразные виды воспитывающей и познавательной деятельности, игры, вовлеченности в классный коллектив, создает условия для индивидуального самовыражения каждого ученика и осуществляет свою деятельность в единой системе учебно-воспитательной работы школы.

1. Ясюкова, Л.А. *Психологическая профилактика проблем в обучении и развитии школьников*. – СПб., Речь, 2003. – 384 с.
2. Битянова, М.Р. *Организация психологической работы в школе* // М.Р. Битянова – М.: Совершенство, 1997. – 298 с. – ISBN 5-89441-007-X.
3. Егорова, Н.Ю. *Современная российская семья: основные тенденции* / Н.Ю.Егорова, А.В.Курамшиев // *Социально-гуманитарные знания*. – 2008. - №4. – С. 106-118.
4. Шульц, Т. *Ценность детей* / Т. Шульц // *THESIS. Женщина, мужчина, семья*. – 1994. - № 6 – С. 37-48.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Шумилин А.П. (Пенза)

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА НОВОМ ЭТАПЕ

А.П. Шумилин, ПГУ

Государственной Думой 23 декабря 2013 года принят новый Федеральный закон Российской Федерации N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Закон одобрен Советом Федерации 25 декабря 2013 года. Данный Закон отменяет ранее действовавший Федеральный закон Российской Федерации от 2 августа 1995 года № 122-ФЗ « О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов».

Новый Федеральный закон устанавливает: правовые, организационные и экономические основы социального обслуживания граждан в Российской Федерации; полномочия федеральных органов государственной власти и полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального обслуживания граждан; права и обязанности получателей социальных услуг; права и обязанности поставщиков социальных услуг.

Действие настоящего Федерального закона распространяется на граждан Российской Федерации, на иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, беженцев, а также на юридических

лиц независимо от их организационно-правовой формы и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих социальное обслуживание граждан

В новейшей истории Российской Федерации это третий закон, рассматривающий вопросы оказания социальных услуг нуждающимся гражданам.

В Законе в отличие от ранее действовавших дано определение системы социального обслуживания как деятельности по предоставлению социальных услуг гражданам. Система социального обслуживания включает в себя:

1) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального обслуживания (далее - уполномоченный федеральный орган исполнительной власти);

2) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный на осуществление предусмотренных настоящим Федеральным законом полномочий в сфере социального обслуживания (далее - уполномоченный орган субъекта Российской Федерации);

3) организации социального обслуживания, находящиеся в ведении федеральных органов исполнительной власти;

4) организации социального обслуживания, находящиеся в ведении субъекта Российской Федерации (далее - организации социального обслуживания субъекта Российской Федерации);

5) негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги;

6) индивидуальных предпринимателей, осуществляющих социальное обслуживание.[1]

Обращаем внимание на то, что впервые в систему социального обслуживания включены негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги; и индивидуальные предприниматели, осуществляющие социальное обслуживание.

В законодательство введено понятие «трудная жизненная ситуация», при которой человек получит право на получение социальных услуг. Для всех, нуждающихся в такой помощи, должны разрабатываться индивидуальные программы.

Новый Закон касается 19 миллионов человек. В нем впервые заложены принципы социального сопровождения - от профилактики трудной жизненной ситуации до вывода из нее. В законе дается перечень критериев, которые могут служить основанием для того, чтобы человек считался попавшим в трудную ситуацию. Это частичная или полная утрата способности к самообслуживанию, социально опасное положение, отсутствие попечения у несовершеннолетних, наличие в семье инвалидов, отсутствие определенного места жительства. Правда, порядок признания человека, попавшим в трудную ситуацию будут определять регионы.

Новым является и введение понятия профилактика обстоятельств, обуславливающих нуждаемость в социальном обслуживании. Оно рассматривается как – система мер, направленных на выявление и устранение причин, послуживших основанием ухудшения условий жизнедеятельности граждан, снижения их возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности.

Закон предусматривает меры по вовлечению в оказание социальных услуг негосударственных организаций. Это могут быть некоммерческие организации, волонтеры, коммерческие компании. Закон предусматривает механизм финансирования негосударственных учреждений путем субсидий или госзаказа. Но эксперты считают, что сохранение полномочий по регулированию в ведении регионов может создать трудности, т.к. это может привести к тому, что в регионах люди будут получать разные по качеству

или количеству услуги. Надо вводить социальные стандарты качества жизни, ниже которых не могли бы опускаться регионы. Тогда стало бы невозможно манипулировать субъективными моментами социальных статей федерального бюджета.

Мы не видим проблемы в том, что негосударственные структуры будут ухаживать за больными, инвалидами. Но нужен общественный и государственный контроль над их расценками и качеством предоставляемых услуг.

Закон предусматривает организацию общественного контроля в области социального обслуживания. Общественный контроль в области социального обслуживания осуществляется общественными объединениями и иными некоммерческими организациями в соответствии с их уставами, а также гражданами в соответствии с законодательством Российской Федерации о защите прав потребителей, а также о психиатрической помощи населению Российской Федерации гарантиях прав граждан при ее оказании. Очень важный момент Закона – результаты общественного контроля в области социального обслуживания, представленные в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти и (или) уполномоченный орган государственной власти субъектов Российской Федерации, подлежат обязательному рассмотрению.

Мы считаем, что для скоординированной деятельности общественных объединений и иных некоммерческих организаций в соответствии с их уставами, а также гражданами в соответствии с законодательством министерству труда, социальной защиты и демографии Пензенской области следует провести разъяснительную работу с общественными организациями по решению вопросов организации общественного контроля и практике применения настоящего Закона.

Стабильность и развитие государственной социальной политики во многом зависит от тех мер, которые реализуются как государством, так и гражданами по освоению новых технологий социальной защиты населения.

Качественные и количественные характеристики их деятельности свидетельствуют о социальном, экономическом, правовом и культурном уровне общества. Надежность и эффективность функционирования систем социальной защиты поддерживает социально-экономическую стабильность, степень гражданского согласия, устойчивость и динамику их развития.

Рыночная перестройка российской экономики повлекла необходимость формирования новых социально-институциональных отношений, отвечающих потребностям и интересам всего российского общества. [2]

Говоря о системе социальной защиты населения, мы должны отметить, что, не смотря на новые подходы к формированию многоуровневой социальной политики, успехи, достигнутые в стране по формированию институциональной системы социальной защиты населения в 90-е г.г. прошлого века стали нейтрализовываться структурной перестройкой системы управления, свертыванием отдельных социальных программ, сменой ряда социальных ориентиров, снижением эффективности финансирования пенсионного фонда, фонда социального страхования и др.

С сожалением мы должны констатировать, что некоторые руководители социальной сферы забывают о необходимости инноваций, в том числе касающихся организационного развития учреждений и организаций, использования новых технологий в работе.

В связи с повышением роли общественных и благотворительных организаций в системе социальной защиты населения следует рассмотреть вопрос о третьем секторе как о новом социальном явлении в современной России.

Понятие «третий сектор» появилось в мире не так давно, его становление отражает тенденции, возникшие одновременно с развитием рыночной экономики. Третий сектор называют негосударственным, неправительственным, независимым, некоммерческим, неприбыльным, благотворительным, сектором добровольной активности (волонтерским,

добровольческим), филантропическим или, как называют эти организации в странах Запада, - «не для прибыли».

Этот сектор является негосударственным, неправительственным, потому что организации, входящие в него, не располагают в полном объеме властью и полномочиями правительства; независимыми, потому что множественность финансовых источников деятельности делает его относительно независимым и от государства, и от бизнеса, они часто пользуются свободами и возможностями, недоступными государственным организациям или частному бизнесу: некоммерческим, неприбыльным, потому что это важнейший конституирующий признак, отличающий его от коммерческих организаций. Третий сектор существует не ради получения прибыли. Это не означает, что его организации не могут получать прибыль; сектором добровольной активности (волонтерским, добровольческим), поскольку здесь широко используется добровольческий труд волонтеров. Причем добровольный неоплачиваемый труд является основой функционирования организаций третьего сектора и формой гражданской активности широких масс населения; филантропическим, благотворительным, так как эти определения отражают устойчивые исторические корни возникновения третьего сектора благотворительной активности, в результате чего существенную часть этого сектора составляют благотворительные организации и учреждения, созданные при этих организациях.

Подвижки в деле создания негосударственных структур в системе социальной защиты населения в России есть. Так существуют добровольные виды социального страхования (пенсионного, медицинского и др.). А вот учреждений социального обслуживания с предоставлением полного пакета социальных услуг пока явно недостаточно, по крайней мере, в Пензенской области.

Открытие новых институциональных учреждений социального обслуживания в сочетании с ускоренным развитием как государственного, так и негосударственного секторов социального обслуживания и внедрением новых ресурсосберегающих технологий, прежде всего, на дому, при стационарном обслуживании, остается насущной задачей, в решении которой должны участвовать органы государственной власти всех уровней, общественные объединения граждан, предприниматели.

Однако перевод государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания в сферу ответственности частных структур возможен при условии высоких правовых гарантий защиты прав и интересов клиентов и наличия соответствующего правового и экономического механизма. Кроме того, требуются законодательные гарантии частным структурам в части предоставления льготного налогообложения (очевидно, что предпринимательская деятельность в сфере оказания социальных услуг какое то время будет не очень прибыльной), получения государственного заказа на оказание социальных услуг и др.

В ряде стран Европы, в том числе в Великобритании, основную часть сети социальной защиты составляют частные дома – интернаты, частные реабилитационные центры и центры по предоставлению социальных услуг.

Частные услуги являются бизнесом, приносящим достаточные доходы, поскольку в основном покупка социальных услуг финансируется государством, а не самими гражданами.

Необходимо адаптировать деятельность учреждений социальной защиты к условиям функционирования рыночных структур, внедрять «предпринимательский» стиль управления, для чего на всех уровнях управления стимулировать творческое отношение к работе подчиненных, но это невозможно, если самому руководителю не будут созданы условия для проявления инициативы и творческой деятельности.

2. *И.Н. Бондаренко. Оказание социальных услуг гражданам пожилого возраста: стратегия перемен. – М.: ЦБНТИ МСЗН, 2004.*
3. *В.П. Галенко и др. Менеджмент, 2-е изд.:СПб.: Питер, 2003*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ПО ЗАПРЕТУ ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Яковлева А.В. (Санкт-Петербург)

Американский социолог П.Л. Бергер считает, что социальный контроль является одним из наиболее общепринятых понятий в социологии. Ни одно общество не может обойтись без социального контроля. Даже небольшой группе людей, случайно собравшихся вместе, придется выработать собственные механизмы контроля, дабы не распасться в самые кратчайшие сроки [1].

Государственный контроль является одной из основных форм социального контроля. Однако, одному государству сложно реагировать на множество социальных явлений, запросов и требований, что приводит к обострению социальных конфликтов, которые деструктивно влияют на характер общественной жизни. Для этого необходимо наличие эффективной обратной связи, обеспечивающей участие граждан в государственном управлении, важным элементом которой является общественный контроль. Поэтому, наряду с государственным контролем, особую форму контроля представляет общественный контроль. В современном демократическом обществе общественный контроль - прежде всего деятельность сформировавшихся институтов гражданского общества, формального и неформального участия в них отдельных граждан и их объединений [2].

Развитие государственного контроля по запрету продажи и распространению алкогольной продукции - это долгий исторический процесс, который, то ужесточался, то наоборот принимал более мягкие меры наказания. Федеральный Закон Российской Федерации № 171 «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» является основной единицей контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним гражданам.

Государственный и общественный контроль осуществляется на основе Федерального Закона № 171, который требует соблюдения и исполнения не только со стороны продавцов, предпринимателей, несовершеннолетних, но и со стороны всего общества в целом. Субъекты Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные меры контроля над продажей алкогольной продукции. Помимо основного закона, дополнительных мер контроля, а также различных профилактических работ с продавцами, предпринимателями и образовательными учреждениями, необходимым и немаловажным является привлечение общественных организаций, активистов и простых граждан.

Общественный контроль является важной составляющей социального контроля и в последние годы становится более популяризированным в обществе. Он осуществляется на основе закона, законопроектов, общепринятых правил и норм, также существует семь основных форм его выражения. Особой формой общественного контроля является общественное мнение. Общественный контроль по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, как правило, осуществляется в форме проверок и обсуждений.

В современном обществе заниматься и развивать общественный контроль по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, в первую очередь стали молодежные движения, активисты различных политических партий, а также журналисты.

Стали создаваться группы дружинников и волонтеров, которые вели контроль по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. В настоящее время во многих городах России, таких как: Москва, Санкт-Петербург, Череповец, Кемерово, Самара, Красноярск, Уфа, Иркутск, стали проводиться общественные рейды по пресечению и предотвращению продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Как правило, данные рейды проходят в помощь межведомственным. Аналогично государственным рейдам, набирается комиссия из представителей общественных организаций, волонтеров и активистов, в случае факта продажи составляется акт, но продавец вместо штрафа получает устное предупреждение и возможность быть снова проверенными, только государственными специалистами. Эффекты от проведения общественного рейда:

1. Информационный эффект. Расширяет географию распространения и появления информации о запрете продажи алкогольной, табачной продукции и пива покупателям, не достигшим возраста 18 лет, и увеличиваем число людей, озабоченных проблемой продажи несовершеннолетним алкогольной продукции и пива и лично предотвращающих незаконную торговлю. Публикация местным СМИ уникальной и актуальной информации и полученных данных.

2. Просветительский эффект. Повышается осведомленность продавцов, владельцев торговых точек и покупателей о запрете продажи алкогольной, табачной продукции и пива лицам моложе 18 лет.

3. Социальный эффект. Снижается количество продавцов, отпускающих лицам моложе 18 лет продукцию, запрещенную к продаже до 18 лет, и «добродушных» граждан, отзывающихся на просьбу подростков моложе 18 лет купить алкогольную продукцию и пиво, а также убеждаем соответствующие органы власти в необходимости принять меры по повышению эффективности контроля за соблюдением запрета продажи несовершеннолетним алкогольной продукции и пива [3].

Миссия общественных рейдов, заключается в первую очередь в создании нетерпимого отношения в обществе к продаже алкогольной продукции несовершеннолетним, тем самым сохраняя здоровье детей.

Анализируя практику осуществления общественного контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним в различных регионах, было выдвинуто две гипотезы:

1. Безразличное отношение общества, при виде покупки/продажи алкогольной продукции несовершеннолетним.

2. Помощь со стороны взрослого населения в приобретении алкогольной продукции несовершеннолетнему.

Для подтверждения или опровержения, предполагаемых гипотез, было проведено исследование. Исследование проходило в Вологодской области, в городе Череповце и включало в себя:

1. Включенное наблюдение и описание проведения общественного рейда по предотвращению и пресечению продажи алкогольной продукции несовершеннолетним.

2. Постановка социологического эксперимента.

3. Интервью со специалистами данной сферы.

Анализируя результаты исследования, можно прийти к выводу, что проблема осуществления общественного контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, в первую очередь заключается в безразличном отношении граждан к покупке/продаже алкоголя подростками. В ходе изучения и выявления данной проблемы был проведен метод включенного наблюдения, метод эксперимента, а также метод интервью. Специалисты данной сферы, а также результаты, полученные в процессе наблюдения и постановки эксперименты, подтвердили безразличное и пассивное отношение граждан города Череповца. Было установлено, что ведется активная работа по пропаганде здорового образа жизни в обществе. Также специалисты отметили, о

необходимости информирования об эффективности практики осуществления общественного контроля и вовлечения граждан в данную сферу.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что общественный контроль является одним из важных элементов и форм социального контроля. В современном обществе государство создает условия для формирования и практического осуществления общественного контроля, а именно контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Данная форма контроля активно развивается по всей России, но, несмотря на это, существуют проблемы ее осуществления. В ходе анализа и практического исследования, которое проводилось в городе Череповце, было установлено, что существует проблема безразличного отношения граждан к покупке/ продаже алкогольной продукции несовершеннолетним.

Заинтересованность граждан в осуществлении общественного контроля по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, при активной государственной поддержке смогут решить ряд проблем:

- Сократить количество отравлений алкоголем среди несовершеннолетних;
- Сократить число правонарушений и хулиганства среди подростков, которые совершаются в состоянии алкогольного опьянения;
- Снизить уровень заболеваемости и смертности, к которым может привести употребление алкогольной продукцией среди несовершеннолетних.

Слаженная работа государства и общества, активная позиция граждан, желание действовать, помогут в решении различных социальных проблем.

1. Бергер П.Л. *Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива.* – 1996 - С.68
2. Назаренко С.В. *Социология: Учебное пособие. 2-е изд.* – СПб.: Питер. – 2009.- 496 с.
3. *Общественный контроль. Порядок проведения мероприятий по общественно-му (гражданскому) контролю в целях профилактики правонарушений, связанных с продажей алкогольной продукции несовершеннолетним гражданам.* – http://59.mvd.ru/For_human/CHast_vo

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ: ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ СОЦИОЛОГОВ

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ МОТИВАЦИИ МОЛОДЕЖИ К ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Смирнова Г.А. (Санкт-Петербург)

В последние несколько десятилетий социокультурный феномен волонтерства особенно активно изучается научным сообществом: добровольчество становится предметом обсуждения психологов, экономистов, социальных работников, юристов, педагогов, менеджеров. Как полидисциплинарное понятие, волонтерство заняло свое место и в социологии. Изучаются технологии и техники волонтерства, мотивация молодых людей, принимающих участие в добровольческих акциях, организационно-структурные аспекты их функционирования и многое другое. Но, одним из самых интересных вопросов, как нам кажется, является вопрос мотивации. Ведь если волонтеры не получают денежного вознаграждения за свой труд, то существуют другие движущие

силы, стимулирующие молодого человека выбрать волонтерства в качестве досуга или даже жизненного пути, жизненной стратегии.

Классическая тематика трудового подхода к изучению добровольного труда в социологии – рассмотрение содержания добровольческого труда, его организации, мотивации и стимулирования, личностных качеств волонтеров. Наиболее известные представители этого подхода из числа западных ученых - Д. Смит «Добровольцы – капитал будущего? », К. Бидерман «Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании», М. Филипс «M. Motivation and expectation in successful volunteerism». Г.П. Бодренкова «Добровольчество в России: состояние проблемы, перспективы», К. Петренко «НКО и гражданское общество», Н.Ю. Слабжанин «Сеть добровольческих центров сеть ресурсных центров сообщества».

Таким образом, можно констатировать, что отдельные стороны социально значимой добровольной безвозмездной деятельности людей анализировались в разных научных концепциях. Однако в современной отечественной науке она не исследовалась целенаправленно как добровольческий труд, выступая как самостоятельный объект теоретического социологического исследования.

Актуальность данной проблемы объясняется высокими темпами развития, которыми характеризуется отечественное волонтерство в последние несколько лет и тем рядом проблем, с которыми добровольчество сталкивается. В России волонтерство активно проходит стадию институционализации, что способствует созданию сетевой (организационной, коммуникационной) структуры на формальном и неформальном уровнях. Общепринятыми являются международные нормы продвижения волонтерства, которые принимаются на уровне различных государств, затем отдельных регионов, местных сообществ. Между тем сама волонтерская деятельность по своей сути, форме и содержанию все больше начинает приближаться к профессии, приобретая ее определенные атрибуты и признаки, требуя специфических умений, знаний, навыков, необходимой специализированной подготовки, создания стандартов деятельности, норм, правил и т.д. В настоящее время, волонтерское движение в России находится на ранних ступенях своего развития, но уже можно уверенно говорить о множестве направлений добровольческого труда, каждый из которых уникален и имеет свои специфические черты и, соответственно, мотивационные факторы.

Эмпирическую базу исследования составил интернет-опрос подписчиков крупных волонтерских сообществ и пабликов, неоднократно принимавших участие в добровольческой деятельности. Дополнительно было проведено несколько стандартизированных интервью с экспертами-координаторами и руководителями волонтерских организаций.

В результате исследования мы выявили перечень основных мотивов, влияющих на участие молодых людей в добровольческой деятельности, среди которых: желание помогать людям, широкие возможности для путешествий и общения с людьми других культур и приобретение новых и совершенствование имеющихся навыков и языков.

Несмотря на то, что в целом, материальная мотивация оказывается на последнем месте по значимости, все, кто отметил ее необходимость – спортивные и концертные волонтеры. Они же выше оценивают значимость возможности путешествовать и быть причастным к легендарному событию. Потребность в творческой и профессиональной реализации в волонтерской деятельности и стремление быть значимым испытывают как социальные, так и спортивные и концертные добровольцы. Социальные волонтеры чаще других отмечали доминирующее желание помогать людям.

Гипотеза о том, что факторы мотивации имеют высокую степень влияния на участие молодежи в добровольческой деятельности, подтвердилась полностью как по результатам опроса, так и по результатам интервью с экспертами-координаторами волонтерских центров. Так, среди всех возможных мотивов добровольческой деятельности, наиболее значимыми, преобладающими в порядке уменьшения значимости

являются: помощь людям, причастность к легендарному событию, стремление быть нужным, личностный рост и возможность творческой реализации и путешествий и профессионального развития. Притом, для спортивных волонтеров более характерна потребность в материальном стимулировании, причастности к легендарному событию и путешествиям, а для социальных – польза для общества, стремление быть значимым и личностный рост.

Для тех волонтеров, которые вовлечены в данную сферу деятельности на постоянной основе, характерно стремление к профессиональному и личностному росту и путешествиям, а те молодые люди, которые задействованы в добровольческих акциях эпизодически, заинтересованы в поднятии самооценки и возможности путешествовать, узнавать новые культуры.

Помимо регулярности участия в добровольческой деятельности и профилем волонтерства, мы наблюдаем зависимость между мотивом к участию в волонтерской деятельности и возрастными группами и, соответственно, родом основной деятельности молодежи. Таким образом, желание быть причастным к легендарному событию и потребность в творческой реализации с возрастом уменьшается, а мотив профессионального и карьерного роста и пользы для общества, наоборот, возрастает.

Также выяснили, что высокую эффективность имеет феномен самомотивации волонтеров, но это понятие персонифицировано. Условно полученные данные о способах самомотивации можно объединить в четыре группы: альтруистические, коммуникативные, материальные и группу самореализации и самоактуализации.

Среди причин, влияющих на возможный отказ молодых людей от участия в добровольческой деятельности, наиболее значимыми поводами являются: дефицит времени, эмоциональная и физическая усталость, что обуславливается образом жизни студентов и их основным видом активности.

В целом, роль волонтерства как распространённого вида досуговой активности молодежи заключается во множестве возможностей, которые она предоставляет: как познавательные, так и развлекательные. Зачастую волонтер приходит за теми опциями, которые не может получить в школе, университете или в своей профессиональной деятельности. Роль факторов мотивации в деятельности волонтера - определяющая: от того, какие цели и мотивы преследует волонтер, зависит его выбор направления, регулярности и перспектив деятельности.

1. Смит Д. Добровольцы - капитал будущего? // Курьер ЮНЕСКО. 2001. Июнь.
2. Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании М., 1999.
3. Бодренкова Г.П. "Добровольчество в России: состояние проблемы, перспективы" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sbornet.ru
4. Петренко К. НКО и гражданское общество/Поговорим о гражданском обществе. Институт Фонда «Общественное мнение», 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fom.ru
5. Слабжанин Н.Ю. Добровольцы в вашей организации. Новосибирск, 1997
6. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика// Социологические исследования. - 2006, № 5,.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Авдеева В.П., Русакова М.М., Одинокова В.А. (Санкт-Петербург)

В мире около 24 миллионов детей растут без родителей, что составляет примерно 1% от общей численности детей [2, с. 18]. Это число может быть значительно выше, принимая во внимание тот факт, что многие дети-сироты не учитываются в представляемой статистике. К ним относятся такие категории детей, как дети, эксплуатируемые в качестве обслуживающего персонала, живущие на улице, жертвы трэффика.

Актуальность исследования социальной политики в отношении детей-сирот и социальных институтов, цель которых – воспитание детей-сирот в странах бывшего СССР обусловлена, в первую очередь, значительным числом детей-сирот в этих странах. Их численность продолжает расти, несмотря на рост ВВП и значительный прогресс в области реформ, касающихся социального обеспечения данной группы детей, который был отмечен в докладе ЮНИСЕФ о состоянии системы опеки и усыновления детей-сирот в странах Восточной Европы и Центральной Азии [1]. Широта проблематики, связанной с вопросами воспитания детей-сирот, обуславливает необходимость комплексного междисциплинарного подхода к ее изучению. Цель данной работы – рассмотреть основные предметные области, в рамках которых возможно изучение проблем социальной политики в отношении детей-сирот и положения детей-сирот в постсоветских странах.

В настоящее время во многих постсоветских странах получила распространение политика деинституционализации детей-сирот, в рамках которой происходит развитие семейных форм воспитания детей-сирот (в том числе поддержка биологических семей) и сокращение числа интернатных учреждений [3.С. 140]. Несмотря на это, семейные формы устройства на данный момент не заменяют полностью интернатные организации [1.С. 7]. Воспитание детей-сирот в интернатных учреждениях остается наиболее распространенным типом государственной опеки в странах бывшего СССР. Число детей, проживающих в учреждениях интернатного типа, в двадцати двух странах Центральной и Восточной Европы, которые включают в себя все постсоветские страны, самое большое в мире: более 626 тысяч детей данного региона воспитываются в организациях интернатного типа [1.С. 4].

Правовой аспект исследования связан с такими вопросами, как поддержка семей группы риска, поддержка многодетных, малообеспеченных семей; семей, имеющих ребенка-инвалида и т.д. По данным доклада ЮНИСЕФ [1], одним из основных факторов, оказывающих влияние на решение о помещении ребенка в учреждение для детей-сирот, является бедность членов семьи, далее следуют такие причины, как отсутствие одного из родителей, миграция, лишение родительских прав, инвалидность ребенка. В случае проведения политики, направленной на поддержку данных групп населения, в перспективе возможно снижение числа социальных сирот, так как вышеперечисленные причины могут не сыграть решающую роль в принятии решения о помещении ребенка в специализированное учреждение при открытом доступе к социальным услугам и наличии мер поддержки семей, нуждающихся в помощи государства.

Кроме того, законодательные меры могут давать новые возможности, касающиеся способов контроля надлежащего обеспечения прав и интересов ребенка. Например, принятие в 2014 году в России закона «Об основах общественного контроля в РФ» [10], предусматривающего право общественного контроля условий содержания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, открывает дополнительные возможности деятельности неправительственных организаций для проведения исследований и мониторинга условий проживания и воспитания данной группы детей в интернатных

учреждениях. В рамках правового аспекта изучению подлежат существующие системы устройства детей-сирот в семьи, возможности международного усыновления и другие вопросы.

Следующим аспектом, принимаемым во внимание при изучении социальной политики в отношении детей-сирот, является система общественного здравоохранения. По состоянию на 2007 год более трети детей в интернатных организациях имели различную степень инвалидности, при этом данный показатель не менялся за предыдущие 15 лет, что может свидетельствовать о недостаточности усилий, предпринимаемых для устройства этих детей в семьи [1.С. 27]. В странах Восточной Европы преобладает тенденция воспитания детей-инвалидов в государственных учреждениях: дети-инвалиды имеют гораздо меньше шансов на усыновление [1.С. 38]. В каждой стране могут существовать различные нормы, регламентирующие диагностику инвалидности ребенка. Также в рамках данного аспекта актуальным представляется исследование возможностей доступа детей, проживающих в интернатных учреждениях, к медицинским услугам.

Психологические исследования фокусируют внимание на психологическом развитии детей-сирот [9], их психологических особенностях. Многие исследования посвящены проблемам адаптации детей-сирот при передаче их на воспитание в приемную семью [6], а также вопросам внутрисемейных отношений и адаптации замещающих родителей. Данные проблемы затрагиваются также в исследованиях в области педагогики.

Дети-сироты являются объектом исследования представителей социологической науки, при этом в центре внимания исследователей находятся проблемы социализации детей-сирот в детских интернатных учреждениях и приемных семьях, преодоление социальной исключенности [5], постинтернатная интеграции и адаптация детей-сирот [4, 7], возможности и результаты деинституционализации детей-сирот [8] и др. В рамках изучения проблемы воспитания детей-сирот с социологической перспективы необходимо обобщение данных сразу нескольких аспектов, в результате чего становится возможным проведение комплексного анализа осуществляемой политики в отношении детей-сирот и оценка благополучия данной группы детей.

Основной проблемой комплексного изучения социальной политики и положения детей-сирот является сложность получения достоверных данных о количестве детей-сирот в учреждениях интернатного типа, о происхождении детей-сирот, причинах помещения детей в интернатные учреждения. Все эти факторы затрудняют оценку состава детей-сирот, что может вести к недостаточности предпринимаемых мер, направленных на оказание поддержки различным группам детей-сирот и семьям, имеющим детей.

Немаловажным для объективной оценки результативности той или иной стратегии социальной политики в отношении детей-сирот является проведение сравнительных исследований: в данном случае, сравнение опыта стран, составлявших в течение длительного времени единое государство с единой системой воспитания детей-сирот.

Таким образом, потенциал изучения социальной политики в отношении детей-сирот, проводимой в постсоветских странах, заключается в проведении сравнительных междисциплинарных исследований, позволяющих оценить целый ряд аспектов, отражающих эффективность проводимой социальной политики.

1. *At home or in a home? Formal care and adoption of children in Eastern Europe and Central Asia. UNICEF Regional office for Central and Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States (CEE/CIS). - The United Nations Children's Fund, 2010. - 80 p.*
2. *Every child deserves a family: EveryChild's approach to children without parental care. - EveryChild, 2009. - 48 p.*
3. *Ismayilova L., Huseynli A. Reforming child institutional care in the Post-Soviet bloc: the potential role of family-based empowerment strategy // Children and youth services review. - 2014, №47. - P. 136-148.*

4. Дементьева И.Ф. Социальная адаптация детей-сирот: проблемы и перспективы в условиях рынка // Социологические исследования. – 1992, №10. – С.62-70.
5. Дети в трудной жизненной ситуации: преодоление социальной исключенности детей-сирот // Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. – М. 2012. – 76 с.
6. Киселева Н.А. Проблема адаптации приемных детей и родителей в замещающих семьях // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. - 2014, № 4. - С. 134-138
7. Присяжная Н.В. Дети-сироты: постинтернатное жизнеустройство // Социологические исследования. – 2007, №11. – С. 54-63.
8. Семья Г., Зайцева Н., Зайцев Г. Деинституционализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как основа социальной политики в городе Москве // Власть. - 2010, № 12. - С. 64-77
9. Семья Г. Основы психологической защищенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Развитие личности. – 2014, №1. – С. 71-86.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 года «Об основах общественного контроля в РФ» // Российская Газета. – 2014, Федеральный выпуск № 6435.

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Аглиуллина А.Р., Глухих Н.И. (Красноярск)

Добровольчество в современной России является одним из наиболее важных направлений молодежного движения. Возникновение добровольческого движения следует воспринимать как реакцию на потребность общества в безвозмездной помощи. В России наблюдается динамика роста количества детских домов, приютов для людей, оказавшихся в сложных жизненных условиях. При этом, официально мы позиционируем себя как социально ориентированное общество. В условиях роста численности как людей, нуждающихся в специальных учреждениях, так и, соответственно, самих учреждений, традиционные социальные институты не вполне справляются со своими функциями, не столь эффективны в решении этих вопросов. Одним из направлений минимизации имеющихся проблем в этом направлении, на наш взгляд, возможно решить созданием нового социального института – добровольчества.

Однако сам процесс институализации добровольчества весьма противоречив. Во Всеобщей Декларации Добровольчества указано, что добровольчество – это фундамент современного общества. [1]. Являясь многоаспектным, добровольчество социологами рассматривается с различных сторон. Так, например, Сикорская Л. Е. в работе «Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы» обращает внимание на ментальные особенности волонтеров. Мерсиянова И. В. и Якобсон Л. И. интересуются социальными последствиями «Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения». Работа Мерсияновой И. В. «Проблемы эмпирических исследований добровольчества» представляют интерес с методологической и методической стороны для будущих собственных социологических исследований. В научной литературе идет спор о правомерности использовании понятий «волонтер» и «доброволец», об их тождественности, равнозначности. Как отмечает М.В. Певная «На этимологическом уровне значения понятий "волонтерство" и "добровольчество" синонимичны, при этом в повседневности в России чаще употребляется последний термин.»[2, 2] Общепризнанно, что добровольческая деятельность – это форма социального служения, осуществляемая по свободному и собственному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на всех уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан.

Участвуя в добровольческой деятельности и реализации Флагманской программы добровольчества на территории Красноярского края (2012г) с 2010 по 2015 год, автором были выявлены ряд реально существующих проблем в этой сфере деятельности. А именно:

1) социально-психологические проблемы в виде недоверия граждан, пассивной позиции общества, отсутствия привычки к гражданской инициативе;

2) отсутствие законодательной базы волонтерского движения, диалога между представителями исполнительной власти, субъектами добровольческой деятельности, спонсорами и нуждающимися в этом виде деятельности;

3) отсутствие системы подготовки кадров, которые необходимы для поддержки добровольцев;

4) отсутствие достаточного свободного времени для добровольческой деятельности;

5) недостаточность у специалистов, работающих с молодежью опыта и знаний в сфере стимулирования интереса к участию в добровольческой деятельности.

Эти выявленные в процессе исследования методом включенного наблюдения результаты свидетельствуют о необходимости усиления социального контроля и управления процессом институализации добровольчества.

Поиск путей решения этой проблемы следует начать с изучения и анализа истории развития добровольчества. Его хронологические рамки С.Б. Синецкий определяет с XVII века. По мнению Н.В. Логиновой добровольчество сложилось как система только в 90-х годов XX века. И.П. Григорьев полагает, что добровольчество в нашем государстве возникло в годы становления Московской Руси.

В России первое официальное упоминание о волонтерской деятельности относится к 1894 году. Тогда, по предложению профессора В.И. Герье, были учреждены городские попечительства бедных. [3, 90] Вначале, в России добровольчество носил стихийный характер: возникало лишь при появлении каких-либо социальных катаклизмов. В XXI веке добровольчество, несмотря на собственную противоречивость, стала приобретать систематичность.

В проекте Федерального закона «О Добровольчестве», который остается не принятым до сих пор, прописаны основные признаки добровольчества как социального института.

Во-первых, социальный институт должен обладает определенной целью своей деятельности. Целью добровольческой деятельности является оказание безвозмездной помощи людям, формирование гражданской позиции.

Во-вторых, функциями добровольческого труда выступают: участие в формировании гражданского общества, трансляция социальных ценностей; поддержка незащищенных групп, слоев населения, их социальная адаптация.

В-третьих, для них характерно четкое распределение социальных позиций и ролей, прав и обязанностей, типичных именно для данного института.

В-четвертых, они отличаются особым типом регулирования взаимоотношений.

Добровольчество как социальный институт, безусловно, связан институтом государства прежде всего в законодательном аспекте. Однако наш собственный практический опыт сотрудничества с государственными органами свидетельствует о неэффективности данного взаимодействия.

Не налажен эффективный социальный контакт с таким важным социальным институтом как церковь, которая сама часто выступает организатором добровольческой деятельности. Не задействован в этом направлении такой мощный потенциал, как сотрудничество с институтом семьи.

По нашему мнению, современное российское общество может реально стать социально-ориентированным, если традиционные социальные институты будут эффективно выполнять свои функции, в том числе, тесно взаимодействуя и с новым

социальным институтом добровольчества. Бесспорно, добровольческое движение находится в начале процесса институционализации. Но значимость данного социального явления, как мощного фактора развития гражданского общества в современной России, безусловно, очевидна.

1. *Всеобщая Декларация Добровольчества, Амстердам, 2001*
2. *Певная М. В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. Ежемесячный научный и общественно-политический журнал Российской академии наук. 2013. №2. С.158*
3. *Григорьев И.П. Специфика организации волонтерства в молодежной среде. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 101.*
4. *Кудринская П. А. Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции // Диссертация доктора социологических наук. М. 2006. С.302.*
5. *Мерсянова И. В., Якобсон Л. И. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М.: Изд. дом Гос. ун-та - ВШЭ, 2009. С.201.*

КОРПОРАТИВНЫЕ ПЕНСИОННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ КОМПАНИЕЙ

Александрова А.А. (Санкт-Петербург)

В современном мире одной из актуальных тем становится необходимость обеспечения стабильности в обществе, предоставления гарантий большему количеству людей. В условиях социально-ориентированной экономики популярным видом такого обеспечения являются корпоративные пенсионные программы (КПП). Корпоративная пенсионная программа - общие правила, которые действуют в корпорации, предприятии и направлены на обеспечение сотрудников дополнительным доходом к государственной пенсии [1].

КПП являются инструментом социально-ориентированного управления компанией. Под социально - ориентированным управлением компанией понимают с одной стороны управление мотивацией сотрудников, их приобщением к ценностям компании, с другой стороны вложение пенсионных средств в социальные проекты, т.е. долгосрочные инвестиции, направленные на увеличение благополучия общества. Второй вариант достигается путем участия негосударственных пенсионных фондов в социальных инвестициях. Получается, что КПП преследуют двоякую цель – получение невысокой финансовой прибыли и эффективное решение социальных проблем.

Сегодня любая корпорация придерживается определенной профессиональной этики, которая действует в интересах сотрудников компании. Однако существует опасность формирования бюрократической структуры [2]. Во избежание такой ситуации среди корпорации сегодня господствует концепция корпоративной социальной ответственности. Основной фактор, почему работники принимают участие в КПП, - возможность получения негосударственной пенсии в будущем, размер которой будет зависеть от самого работника, от выполненных им условий корпоративной пенсионной программы. Говоря о стимулах для работодателя, стоит отметить, что задачей руководителя является определение условий участия для данного работника, а также финансирование корпоративных программ. Калинина В.Р., аспирантка Российской экономической академии им.Г.В.Плеханова, выделяет несколько преимуществ вложения средств в пенсионные отчисления[3]: 1)корпорации, которые реализуют КПП, имеют государственные налоговые преференции. 2)Предоставляя сотрудникам компании

социальный пакет, компания тем самым повышает свой имидж. 3) КПП является важнейшим инструментом мотивации работников, что позволяет решать многие управленческие задачи: текучесть кадров, производительность труда сотрудника, его стаж работы, соблюдение трудовой дисциплины. Особенно важен такой критерий как выслуга лет, которая для сотрудника является ключевым фактором карьерного продвижения [4], поскольку любой руководитель стремится на высшие должности нанять тех людей, в которых он уверен, которые доказали свою приверженность компании, готовы поддерживать интересы корпорации [5]. Это позволяет улучшить внутреннюю атмосферу между коллегами, так как сотрудники получают повышение не в ходе конкуренции между собой, что зачастую является несправедливым критерием, особенно по отношению к старшему поколению, которое в силу своих возрастных особенностей порой уступает молодым людям [6]. 4) Повышение уровня приверженности компании: заключается в том, что удовлетворенность своей работой способствует тому, что работники начинают привлекать в компанию членов своей семьи или друзей [7].

Автором данной работы было проведено пилотажное исследование (30 опрошенных) в одном из филиалов ООО «Газпром ПХГ». Оказалось, что для 23 сотрудников важно наличие корпоративной пенсионной программы в компании, поскольку 17 из них считают, что наличие корпоративной программы способствует тому, что работник реже переходит на другую работу, следовательно это сокращает текучесть кадров. Существуют различные критерии для включения в корпоративную пенсионную программу, которые повышают мотивацию сотрудников. В Газпроме – это достижение определенного возраста (45 лет). Однако, исследование показало, что Газпрому можно развивать и другие критерии вступления в программу, поскольку потенциально они нравятся большинству сотрудников. Готовность выполнять задачи в короткий срок (а это требует определенной квалификации и умения брать на себя ответственность) – 23 респондентов. Это развивает человеческий потенциал. Другой критерий – выслуга лет (важна для 19 из 30 респондентов). Она и приводит к повышению у сотрудников приверженности к компании, что в свою очередь может предполагать, что человек ценится за личные качества (важен для 22 респондентов). Выяснилось, что у 12 опрошенных в газовой отрасли сейчас работают те или иные родственники, что говорит о том, что Газпром интегрирует в компанию всю семью сотрудника.

Важную роль в процессе негосударственного пенсионного обеспечения играет процесс инвестирования пенсионных отчислений. Главной проблемой в данной области является снижение рисков, которые возникают на рынке финансов в результате мировых кризисов. Следовательно, одним из важных вызовов современных НПФ является необходимость устойчивого развития в быстро меняющихся условиях, что приводит к тому, что фонды должны менять свои стратегии в сторону обеспечения большей безопасности, которая может быть достигнута путем выбора долгосрочных инвестиций, интеграции экологических, социальных и управленческих критериев в действия фондов [8]. Именно так возникает социально ориентированное инвестирование (социальные инвестиции), которое популярно в связи с возрастающей нестабильностью в финансовой сфере, большой концентрацией капитала и технологий в руках одних компаний. Многие пенсионные фонды Канады, Австралии и Европейского Союза, правда пока государственно-частные фонды, уже инвестируют капиталы в социальную сферу: в строительство школ, больниц, что приносит выгоду как фонду, так и обществу в целом [9]. Так, негосударственный пенсионный фонд Fonditel при крупной транснациональной компании Telefonica в Испании осуществляет как корпоративное пенсионное обеспечение своих сотрудников, так и индивидуальное пенсионное обеспечение населения. Фонд инвестирует в инфраструктуру, начиная с 2008 года, в 2013 году доля инвестиций составила 0,1%, однако доля так называемых «зеленых инвестиций», то есть социально значимых составила 3, 941 USD m [10], что говорит о том, что транснациональные компании приобщаются к социальному инвестированию. В целом можно говорить о том,

что социальное инвестирование пенсионных накоплений является важной составляющей развития экономической системы в целом, однако для того чтобы данный вид инвестирования был развит, необходимо достичь двух главных моментов: ясности в вопросах инвестирования и повышения инвестиционных убеждений.

Таким образом, необходимо развивать корпоративные пенсионные программы, поскольку они являются важным механизмом внутреннего корпоративного управления, которое построено на принципах взаимовыгодных отношений между работодателем и работником, индивидуальной ответственности за свою работу. Более того, денежные взносы, осуществляемые работодателями или самими сотрудниками, в современном мире задействованы в социальных инвестициях, что снижает нагрузку с государственных органов, уменьшает риски, связанные с потерей прибыли НПФ в ходе мировых финансовых кризисов. Они косвенно способствуют развитию инфраструктуры страны, системы образования и здравоохранения, что в свою очередь благоприятно влияет на экономику страны в целом.

1. *Задорожный В., Федотов М. Корпоративная пенсионная система, / Журнал « Пенсионные фонды и инвестиции», № 3 (33) – 2007. С.20*
2. *Кориунова Е.А. Корпорация и корпоративная солидарность: традиции, подходы, российская действительность, / Журнал « Экономическая социология», Том 3, №1, 2002. С. 92*
3. *Калинина В.Р. Международная практика функционирования корпоративных пенсионных систем, / Журнал « Труд и социальные отношения », №7, 2009. С.142-143.*
4. *Грановеттер М., Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда : социоструктурный взгляд, / Журнал « Экономическая социология», Т.12, №2, март 2011. С. 65.*
5. *Там же. С.65.*
6. *Там же, С.66.*
7. *Вебер М. Основные социологические понятия, // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.627.*
8. *Woods Clair, Urwin Roger, Putting Sustainable Investing into Practice: A Governanct Framework for Pension, / Journal of Business Ethics (2010) 92, p.2.*
9. *Donna Cooper, John Craig, Using Pension Funds to Build Infrastructure and Put Americans to Work / Center of American Progress, March 28, 2013, Дата обращения: 10.05.2015.URL*
<https://www.americanprogress.org/issues/economy/report/2013/03/28/58145/using-pen>
10. *Annual Survey of Large Pension Funds and Public Pension Reserve Funds, 2014 /URL:*
http://www.oecd.org/daff/fin/private-pensions/2014_Large_Pension_Funds_Survey.pdf
p.32.

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ, ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И РАВЕНСТВО ПОЛОВ

Алексеева А.Ю. (Санкт-Петербург)

Гендерные роли – социальные роли, которые характерны для мужчин и женщин. В последнее время интерес к гендерным проблемам всё возрастает. Это имеет свои основания. С одной стороны, различие между мужчинами и женщинами является фундаментальным, с другой же стороны, в последнее время происходит всё большее сближение гендерных ролей. В основном, оно рассматривается в отношении женщин, несмотря на то, что и для мужчин оно тоже характерно. Многие учёные считают, что для современного общества характерна тенденция к андрогинии (то есть проявлению у женщин «мужских», а мужчин – «женских» качеств). И если ранее эта тенденция вызывала опасения, то сейчас многие рассматривают её как положительную и, более того,

как один из вариантов преодоления негативного влияния гендерных стереотипов на личность человека.

Существует 2 основных взгляда на процесс усвоения гендерных ролей. Часть учёных считает, что гендерные роли заложены в человеке с рождения, так как сама природа позаботилась о том, чтобы женщина была матерью, а мужчина – добытчиком и кормильцем, наделив их определёнными качествами и свойствами организма. В такой биологической интерпретации феномена гендерных различий мужчина и женщина представлены следующим образом:

«- мужчина – охотник и воин, мужественный, агрессивный, сильный, склонный к риску, склонный вести за собой, быстрый в принятии решений,
- женщина – воспитательница детей, хранительница очага – женственная, сострадающая, заботливая, мягкая» .

У мужчин и женщин также имеются различия в гормонах, мышечной массе, структурах и функциях мозга, что также является причиной различий в поведенческих реакциях.

Однако биологическая концепция была опровергнута некоторыми учёными, в числе которых была М. Мид. В связи с этим, большинство учёных склонно считать, что наши представления о роли мужчин и женщин в обществе и в семье – результат процесса социализации. Социализация, в свою очередь, происходит в различных сферах и влияние на неё могут оказывать различные факторы. Так, Роберт Крукс и Карла Баур в своей книге «Сексуальность» выделяют 6 основных факторов, участвующих в формировании гендерных ролей. Это:

- этническое происхождение
- влияние родителей
- влияние сверстников
- школа и представленные в учебниках гендерные роли
- телевидение
- религия.

Немаловажной категорией в процессе усвоения гендерных ролей выступают гендерные стереотипы. Гендерные стереотипы - внутренние установки в отношении места женщин и мужчин в обществе, их функций и социальных задач. Не существует объективных критериев, характеризующих «истинную женственность» и «истинную мужественность». Поэтому, эти критерии появляются на основе консенсуса в обществе. Если все согласятся, что женщины эмоциональны, несамостоятельны и должны хорошо готовить, то именно эти качества и станут определять истинную женственность и превратятся из консенсуса в норму. Причём, женщины, проявляя эти качества, будут автоматически соблюдать норму и, тем самым, подтверждать стереотип. Стереотипы порой появляются в результате многолетних наблюдений. Например, если часто наблюдается, что начальниками становится мужчины, то это приводит к тому, что в обществе появляется норма, гласящая, что начальником может быть только мужчина. Таким образом, стереотипы поддерживают стабильность в обществе.

Существует мнение о том, что гендерные стереотипы появились для поддержания полоролевой дифференциации. Женщина вынуждена была ухаживать за детьми, что ограничивало её мобильность. Это привело к тому, что она стала исполнять роль домохозяйки, которая прекрасно сочеталась с ролью матери. Мужчина же, напротив, мог сохранять мобильность, что и привело к усвоению им роли «добытчика» и активного участника общественной деятельности. Такое разделение ролей выгодно для общества, поэтому все члены общества пытаются убедить себя в необходимости выполнения женщинами и мужчинами именно этих функций.

Гендерные стереотипы могут оказывать негативное влияние как на женщин, так и на мужчин, в связи с чем предпринимаются попытки их преодоления, в числе которых можно выделить стремление к установлению гендерного равенства, а также смене или же

трансформации гендерных ролей. В 1974 г. Сандра Бем ввела в психологию понятие андрогинии (от лат. *andro* мужской, *gynec* женский) - сочетание у человека традиционно мужских и традиционно женских качеств. Впервые же эта идея появилась ещё в работах Юнга и изначально термин «андрогиния» служил для обозначения идеального типа личности, для которой характерно гармоничное сочетание мужской и женской природы.

Сандра Бем выдвинула гипотезу о том, что мужественность и женственность не противопоставлены друг другу и что один человек может одновременно сочетать в себе качества, традиционно характерные для женщин и качества, характерные для мужчин. По мнению этой исследовательницы, быть андрогинным полезно, так как это позволяет сочетать в одном человеке лучшее от обоих полов.

Однако эта концепция, будучи довольно привлекательной, имеет и свои недостатки. Мужчины и женщины в попытке преодолеть гендерные стереотипы зачастую приходят к тому, что начинают исполнять роль, прямо противоположную социальной роли, характерной для их пола. Таким образом происходит трансформация гендерных ролей и изменение мнения общества о том, как должны вести себя женщины и мужчины.

Одной из наиболее прогрессивных в этом отношении стран является Швеция. Отличительной чертой шведской государственной социальной политики является соблюдение принципа равенства полов. Это своего рода «шведский стандарт», позволяющий мужчинам и женщинам иметь паритетные начала в вопросах достижения экономической независимости. Это распространяется на профессиональную сферу, рынок труда, семью, общественно-политическую жизнь. «Шведы различают «понятие «равенство» (*jamlilchet*) и «равенство полов» (*jamstalldhet*). Понятие «равенства полов» (*jamstalldhet*) фокусирует внимание на достижении определённого гендерного баланса в обществе, создании одних и тех же возможностей для мужчин и женщин во всех сферах жизни». Следует подчеркнуть, что мужчинам также необходимо прикладывать определённые усилия для достижения равенства с женщинами, например, в деле воспитания детей и заботы о семье. И это «равенство полов» в трудовой жизни, в вопросах воспитания детей и достижения благополучия семьи является составной частью общего процесса достижения социального равенства в обществе.

Таким образом, гендерные роли являются одним из важных критериев установления общественного порядка. Мы усваиваем их в процессе социализации и инстинктивно следуем им, а также неосознанно предъявляем требования к другим членам общества о том, как им следует вести себя в соответствии с гендером. Так формируются гендерные стереотипы, которые могут иметь негативное влияние как на женщин, так и на мужчин, в связи с чем представители обоих полов ищут пути их преодоления. Так рождаются попытки трансформации гендерных ролей или же установления гендерного равенства. Это, в свою очередь, ведёт к тому, что появляется обсуждаемая всеми тенденция к андрогинии – проявлению у мужчин женских качеств, а у женщин – мужских.

1. Ельяшевич А. М. *Гендерные роли и соционика*//<http://www.socioniko.net/ru/articles/yel-gender.html> (15. 04. 2011)
2. Крукс Роберт, Баур Карла. *Сексуальность*. М., 2005.
3. *Северная Европа: проблемы истории*. Вып. 6. Отв. Ред. О. В. Чернышева, 2007 г., с. 237.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Андрианова В.А. (Москва)

Мир стремительно меняется, вместе с этим изменяются и научные подходы, которые изучают его. Наступление эпохи городов было официально объявлено в 2007 году в отчете Фонда ООН в области народонаселения. Сейчас уже более 50% населения планеты живет в городах, что говорит о наступлении второй волны урбанизации.

За последние двадцать лет в научный оборот вошли понятия «глобальный город», «глобальные сети городов», «глобальные потоки», «информационное пространство» и многие другие термины, раскрывающие особенности функционирования глобальных городов в современном быстро меняющемся мире.

Началом становления подобного города принято считать с развития цифровой эры в конце XX века. Глобальные города представляют собой коммуникационные центры: в них можно увидеть информационные центры и множество мест расположения рекламных агентств, а также мест для развлечений. «Современный город – это медийно-архитектурный комплекс, возникший в результате распространения пространственных медийных платформ и создания гибридных пространственных ансамблей» [3, 7].

В настоящее время особо актуальным становится развитие такого приоритетного направления в развитии городской среды как концепция «Умный город». Она включает в себя программы обеспечения безопасности, защиты уязвимых слоев населения, детей, людей с ограниченными возможностями, а также программы энергосбережения и улучшения комфортности жизни населения. В «умном» городе все программы, мониторинг их деятельности и различные коммуникации осуществляются через информационную сеть. Подобная система полностью открыта и удобна для пользователей. Мировой опыт таких городов как Барселона, Нью-Йорк и Лондон доказывают ее эффективность.

Москва постепенно превращается в один из ведущих мировых центров. Она является огромным транспортным узлом, финансовым и политическим центром, местом жизни свыше 12 миллионов человек и местом притяжения сотен тысяч мигрантов. «Все эти глобальные потоки, пересекаясь в столице РФ, оказывают влияние не только на жизнь города, но и вызывают необходимость адаптации внешней политики России к новым условиям, что нуждается в научном анализе» [1, 4].

Необходимо учесть то, что Москва как столица РФ и как глобальный город испытывает повышенную нагрузку. Эта нагрузка может быть социальной, информационной, политической, экономической, правовой и экологической, которая появляется от воздействия глобальных потоков в миграционной, информационной, финансовой, транспортной и других областях жизни.

Кроме того, глобальные города – это транспортные центры. Информационные потоки не уничтожают транспортные потоки, но сложным путем связываются с ними. Возникает множество неоднозначных векторов, которые влияют на наше восприятие идентичности. На фоне формирования глобальных городских сетей наблюдается и развитие местного городского, в том числе, и информационного пространства.

Принято считать, что информационное пространство является одним из видов социального пространства, наравне с такими видами как: нормативное, поведенческое, коммуникативное и ментальное [6]. Формирование глобального информационно-коммуникационного пространства обеспечивает новые возможности для реализации деловой активности и повышения самостоятельности городов в процессах принятия решений [5, 75]. Результатом указанных явлений является усиление интеграционных процессов между глобальными городами. Часто это происходит за счет изменения отношений со своей страной.

Глобальные города представляют собой центры сбора и трансляции информации. Современный город охвачен информацией. Горожане становятся зависимыми от нее. «Расширяется объем информации информационного пространства, масштабы которого возрастают и приводят к тому, что информация становится главным элементом общественной жизни города и фундаментальным ресурсом» [7]. Информационное пространство города формируется и развивается за счет появления всевозможных электронных сервисов, сайтов и СМИ. Например, в Москве изначально были заложены факторы их развития, сюда относится, как и высокий уровень грамотности населения, так и активная деятельность самого правительства по внедрению электронных сервисов и онлайн-инструментов, способствующих развитию столицы как «умного» города. В Москве представлены различные форматы участия – сервисы информирования, порталы обслуживания, интерактивные платформы и многое другое [4, 6].

Наглядным примером такого взаимодействия является проект правительства Москвы «Активный гражданин». Это масштабный инструмент вовлечения горожан в управление городом. Портрет активного москвича выглядит следующим образом: 58% женщин и 42% мужчин, почти 80% участников проекта – жители столицы от 18 до 44 лет [2]. Городской портал помогает решить текущие городские проблемы с учетом мнения населения.

В целом, жители города могут влиять на развитие городской политики: они выбирают название новых стадионов, выбирают цвета новых линий метро, решают вопросы конкретных улиц, площадей и многое другое. Итоги каждого голосования публикуются на сайте, и с учетом мнения большинства, принимаются те или иные решения. Подобные проекты, как правило, формируют у жителей города заинтересованность и чувство причастности к своему городу.

Следует сказать, что информационное пространство объединяет население города, направляет деятельность городской политики и создает городское единство. Вместе с тем стоит учесть, что оно может и пагубно влиять на индивида. Американские исследователи коммуникации де Флер и Болл-Рокич писали, что в современном мире зависимость индивидов от СМИ и информации непрерывно возрастает. Уровень подобной зависимости тесно связан со стабильностью или нестабильностью в обществе и степенью важности, которая придается СМИ. Таким образом, наряду с позитивной ролью информационная насыщенность способна породить больной социум, что может выражаться в постоянных психических стрессах, агрессивности. Поэтому, важно иметь в виду, что город должен так организовать свое информационное пространство, чтобы каждый горожанин чувствовал свою идентичность с городом, полноценно проживая в нем.

1. Березовский К.Г. *Глобальный город в трансграничных связях: политологический анализ (на материалах г. Москвы)* // Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2009. – 27 с.
2. *Годовой отчет проекта «Активный гражданин». Май 2015.- 14 с.* URL: <http://ag.mos.ru/> (дата обращения: 07.07.2015).
3. Маккуайр С. *Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство*, М.: Strelka Press, 2014. – 57 с.
4. *Механизмы сотрудничества правительства и населения города: систематизация мирового опыта / Краткое изложение результатов исследования для Конференции «Власть и граждане: технологии сотрудничества» в рамках IV Московского урбанистического форума, М.: Habid*
5. Новосельцева А.С. *Ключевые функции мегаполисов в глобальной экономике: системность исследования* // *Экономические науки. Вестник ВолГУ. Серия 9. – 2011. – № 9. – С. 71-77.*

6. Пирогов С.В. Социология города. - Томск, 2003. – С. 148. URL: <http://russianfinancialnetworkcenter.ru/>.
7. Ширибон Е.В. Информационное пространство современного города (на примере Улан - Удэ). URL: http://www.riku.ru/conf/vrem_cul/ShiribTxt.htm (дата обращения: 17.09.2015).

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПЕТРОЗАВОДСКА

Андрианова К.С. (Москва)

Городское пространство предоставляет созидательные и деструктивные возможности развития личности. Сегодня необходимо определение того, находится ли молодое поколение в достаточной безопасности. Основным принципом обеспечения безопасности является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а также соблюдение законности. В данной работе под безопасностью мы будем понимать состояние защищенности жизни и основных интересов молодежи, как особой социальной группы, от различного рода угроз посредством создания таких условий жизнедеятельности, при которых права и свободы граждан являются наивысшей ценностью, охраняемой государством и обществом.

В.Н. Кузнецов отмечает, что безопасность в самом общем своем виде направлена на то, чтобы сохранить равновесие социальной системы, обеспечить ее выживание. Раздел социологии безопасности, включающий в себя защиту человека в среде общественных отношений, можно широко назвать гуманитарной безопасностью.[1] Данная отрасль направлена на поиски путей развития человеческого потенциала и защиты индивида от различного рода угроз с физической, эмоциональной или социальной сторон жизни.

Основными понятиями социологии безопасности являются термины «риск» и «угроза». Под риском принято понимать возможную характеристику действия человека в связи с его предполагаемым отрицательным последствием. А угрозу следует определить, как существование какого-либо внешнего фактора, который может нанести ущерб, привести к неблагоприятным последствиям вне зависимости от поведения индивида. То есть между риском и угрозой существует принципиальная разница, заключающаяся в том, что риск создается нашими действиями, а угроза существует объективно, независимо от нашей воли.

Молодежь как субъект общественных отношений подвержена различным рискам. В.И Чупров, Ю.А. Зубок и К. Уильямс создали наиболее распространенную типологию и выделили следующие типы рисков в молодежной среде:[2] риски отрицательного демографического воспроизводства; риски, связанные с неравенством стартовых позиций и фальстарта; социально-стратификационные риски; риски социальной дезориентации, анонии; Риски кризиса идентичности и риски делинквентной идентичности.

В нормально функционирующем обществе личная безопасность занимает одну из ключевых позиций ценностной ориентации личности. Согласно шкале потребностей А. Маслоу, потребность в безопасности располагается сразу после физиологических потребностей, так как это жизненно необходимая потребность человека.[3]

Безопасность рассматривают и через теорию социологического неовитализма. Социальная безопасность молодежи понимается как такое состояние социума, при котором молодежь обеспечена надежной и всесторонней защитой своих жизненных сил от воздействия различного рода рисков (от природной, социальной и технологической реальности), что способствует реализации индивидуального и социального развития.[4]

Согласно М.Б. Лиги, Н.С. Павловой и И.А. Щеткиной, социальная безопасность молодежи понимается как «совокупность механизмов взаимодействия молодого человека и государства по предотвращению ситуаций, связанных с угрозой жизненным силам

молодежи, индивидуальной и социальной субъективности молодых людей, жизненному пространству молодежи».[5]

Социальная безопасность молодых людей зависит не только от их индивидуально-личностных характеристик, но и от возможностей, предоставляемых им обществом. Под социальной безопасностью также можно понимать ряд методов, с помощью которых можно и необходимо защитить интересы граждан в социальной сфере, провести необходимое и достаточное развитие социальной структуры, поднять уровень жизни населения страны, а также обеспечить надлежащие условия для социализации.

Безопасность, как социологическая категория представляется важной с точки зрения организации общественной структуры, пространства жизнедеятельности индивидов. Социальное явление безопасности проявляется в организации такой среды, в которой защищенность становится ценностью для каждого человека. Чтобы оценить уровень социальной защищенности молодых людей, важно увидеть связь безопасности с повседневной жизнью, личными целями и ценностями, культурой безопасности.

С точки зрения современного изучения города, по мнению российского ученого Тыхеевой Ю. Ц., человек является активным субъектом деятельности, который сам формирует пространство вокруг себя.[6] Следовательно, городское пространство обуславливается, формируется и меняется во взаимосвязи с развитием и изменением индивидов, системы их ценностных ориентаций. Другими словами, если люди предпочитают ценность безопасности, то они сами будут организовывать вокруг себя безопасное пространство.

Весной 2015 года нами было проведено исследование социальной безопасности молодых людей в городской среде на примере двух городов с различной численностью населения – Санкт-Петербурге и Петрозаводске. Цель исследования – попытка выявить особенности социальной безопасности в условиях городской жизни и ее основные виды проявления. Социальную безопасность мы условно подразделили на: внутренние условия (жизнедеятельность) – образование, трудоустройство, здравоохранение, жилье; внешние условия (городская среда) – охрана правопорядка, транспортное обеспечение.

Объект исследования – молодые люди, проживающие в Санкт-Петербурге или Петрозаводске, от 18 до 24 лет, получающие или получившие высшее образование. Возрастное ограничение обусловлено особенной социальной незащищенностью переходного состояния от подростков к молодым взрослым. Выбор городов обусловлен сосредоточением большого количества молодежи. Территориальная расположенность позволяет говорить о равных географических условиях.

В опросе, проведенном методом выборки «снежного кома», с использованием методики онлайн анкетирования, приняло участие 196 человек (96 из Петрозаводска, 100 из Санкт-Петербурга). Среди них было 59% женщин и 41% мужчин. Средний и модальный возраст респондентов – 21 год.

Чуть больше двух третей респондентов (73%) считают, что жизнь в городе скорее безопасна, 17% - скорее опасна. Распределение ответов среди городов почти одинаково. В самих городах разница заметна – более безопасной жизнь считают молодые люди, проживающие в центральных районах города.

Только 47,4% смогли назвать номер, по которому можно вызвать службу экстренной помощи с мобильного телефона.

Угрозу жизни и здоровью респонденты обоих городов видят в отсутствии контроля – охраны, освещения, а также в поведении горожан – аварии, ограбления, мигранты и люди в состоянии алкогольного опьянения.

Факторами, которые очень сильно влияют на безопасность в городе, были признаны: опасность в парках и дворах, связанная с отсутствием освещения (44%), нарушение ПДД водителями (48%) и наличие банд и преступных группировок (34%). Жители Санкт-Петербурга отмечали вариант опасности от представителей другой

национальности намного чаще. А банды, группировки и нарушение ПДД водителями больше пугают жителей Петрозаводска.

Больше всего респондентов (57%) считают, что на социальную безопасность очень влияют мошенники. Далее компетентность государственных структур в социальной защите населения – 47%, гарантии сохранности жилья – 46% и наличие законов по защите прав граждан – 44%. Молодые жители Петрозаводска считают наличие и стабильность работы самым главным фактором безопасности.

Треть респондентов (31%) впервые слышали о существовании документов, регулирующих государственную молодежную политику в городе. Только 11% знакомы с их содержанием.

В ходе неструктурированных интервью были опрошены эксперты-практики, работающие в сферах здравоохранения, охраны правопорядка, социальной службы, государственных молодежных организаций. Из анализа информации от всех специалистов можно сделать выводы: 1) В Петрозаводске угрозами чаще всего выступают алкоголь, трудоустройство и неумение следовать правилам. 2) В Санкт-Петербурге – пагубное влияние телепередач и снижение интереса к чтению, пристрастие к вредным привычкам и столпотворения.

Сама молодежь может создавать для своей и городской безопасности различные угрозы. Наиболее распространенными, с точки зрения экспертов: 1) В Петрозаводске – последствия употребления алкоголя (правонарушения, хронические заболевания). 2) В Санкт-Петербурге – влияние девиантных групп молодежи на сверстников.

Основной выдвигаемой гипотезой исследования было предположение, что в городах разных размеров и с разным количеством жителей состояние социальной безопасности молодежи различно. Гипотеза частично подтверждена. Молодые жители Петрозаводска и Санкт-Петербурга отмечают похожие проблемы, однако акценты смещены. Городская молодежь предпочитает ценность свободы ценности безопасности (контроля государства), не была подтверждена. Предполагается, что молодежь не может справиться со свободой, поэтому ее надо контролировать.

Среди районов Петербурга и Петрозаводска различные ситуации по характеру реализации безопасности. Жители окраин и спальных районов обоих городов чувствуют себя в большей опасности. Петербуржцы также заявляли о ситуациях опасности в центральных районах: их связывают с наличием больших толп людей или с распитием алкогольных напитков, а окраины – с бандами и недоброжелательными лицами.

Подтвердилась гипотеза о низком уровне социальной защищенности молодежи в сферах здравоохранения, трудоустройства, охраны правопорядка, образования и жилищного вопроса; в городской среде молодежь чувствует себя не защищенной.

Молодые люди предпочитают решать возникающие социальные проблемы без обращения в органы государственной защиты. Ответственность за обеспечение социальной безопасности возлагается на государственные структуры, но в случае возникновения реальных трудностей в социальной сфере молодые люди предпочитают опираться на свои силы.

Интересными выводами стало то, что опасность на дороге в большей степени связывают с нарушением ПДД водителями, нежели пешеходами. Одной из основных угроз в сфере социальной безопасности молодежи является межличностный конфликт (грубость и агрессия). Немногие молодые люди сегодня знают о своих правах и возможностях. Низкая степень информированности может влиять на то, что молодежь не чувствует поддержки государства.

Одной из угроз, выделенной экспертами, была угроза экстремизма. На основании результатов данного исследования можно сказать, что к экстремизму больше всего склонна молодежь, не задействованная в общественно полезном труде.

В качестве основных угроз социальной безопасности молодежи в городской среде можно выделить: недостаток освещения на улицах, низкое качество оказания

медицинских и образовательных услуг, отсутствие рабочих мест, мигранты, отсутствие должного контроля за охраной правопорядка и местами продажи алкогольных напитков.

Важно понимать, что социальная безопасность молодых людей является важной частью национальной безопасности страны и влияет на ее будущее.

1. Кузнецов В.Н. *Социология безопасности: Учебное пособие*. – М.: МГУ, 2007. С. 48.
2. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. *Молодежь в обществе риска. Второе издание*. – М.: Наука, 2003. С. 82-83.
3. Маслоу А. *Мотивация и личность*. – СПб.: Евразия, 1999. С. 75.
4. *Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы)* / Под ред. С. И. Григорьевой, Л. Д. Деминой. – М.: Издательский Дом МАГИСТЕР-ПРЕСС, 2000. С. 42.
5. Лига М. Б., Павлова Н. С., Щеткина И. А. *Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение*. – М.: "Академия Естествознания", 2012. С. 47.

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ПОСРЕДСТВОМ ДАРООБМЕНА НА ПРИМЕРЕ 8 МАРТА

Бабенко А.И. (Санкт-Петербург)

Подарок всегда, по любому поводу, будь то день рождения или Новый год, годовщина свадьбы или религиозные праздники, есть способ создания и воспроизводства отношений между людьми. В данной работе мы на примере глобального тематического праздника 8 марта, он же «Международный женский день», рассмотрим отношения между дарителем и одариваемым через призму феминистской теории. С помощью методов включенного наблюдения и нетнографии [1] мы определяем, кто и какие подарки дарит, и рассматриваем подарок и сам акт дарения с точки зрения воспроизводства конкретных структур и дискурсов, воспроизводящихся с помощью подарков.

Мы выделяем в конфигурациях отношений [2, с. 27-28] два типа подарков, определяемых характером отношений между участниками: индивидуальные - предназначенные тем, с кем даритель находится в неформальных отношениях, и коллективные - предназначенные социальной группе, с которой он или она состоит в формальных отношениях (коллеги, учителя). В зависимости от того, горизонтальны или вертикальны отношения участников в сетях, определяется вид отношений между дарящим и принимающим дар.

В связи с яркой гендерной маркированностью праздника 8 марта мы также выделяем подарки женские и общие. Первая группа определяется путем анализа ассортимента магазинов, представляющих определенную группу товаров как подарки к «празднику женщин и весны». Механизм формирования этой группы представляется нам следующим: следуя логике рынка, предприниматели стремятся увеличить прибыли за счет привлечения наибольшего количества покупателей, что достигается созданием ассортимента, удовлетворяющего потребностям большинства, для которых, впрочем, компании, производящие и продающие подарки, создают границы, за которые не может выходить желание. Для выявления этих потребностей компании выявляют общие черты любых женщин, конструируемые таким образом женщины, что доминирует в конкретном обществе; наконец, формируется группа товаров, призванных актуализировать и реализовывать эти потребности.

Выбор подарка покупателем является не только ограниченным, но и несамостоятельным. Встречаются слоганы многочисленных рекламных плакатов, смысл которых сводится к тому, что, знание того, какой подарок нужно подарить, принадлежит

продавцу, компании, а не покупателю-дарителю. Более того, подобная реклама диктует и приписывает определенные желания женщинам, которым приходится соответствовать навязываемому, чтобы быть женщиной в дискурсе о феминности, ибо другие формы женскости не поощряются и приводят к негативным санкциям.

По наличию гендерной маркировки подарки мы разделяем на «женские» и «общие». К первым относятся: кухонная бытовая техника и предметы для кухни, косметические средства и ювелирные украшения, которые по своей функции сходны с косметическими средствами. Очевидно, принятие этих подарков женщинами способствует укоренению в обществе образа женскости, воспроизводству дискурса о красоте и дискурса, направленного на объективацию женщины. Красота в современном мире представляет собой не что иное, как форму капитала [3, с. 172], от которого зависит социальный статус человека. Подобные подарки, таким образом, служат своего рода вложениями, направленными на увеличение капитала или поддержание его на прежнем уровне. Такой механизм поддержания социального статуса репрессивен, поскольку современная женщина должна все время держать под контролем свою внешность и тело. Вместе с потерей контроля над телом теряется контроль над жизнью [4, с. 219-235].

Систему убеждений, принуждающую дарить и принимать определенного вида подарки, можно условно назвать «кухонным дискурсом»; этот дискурс позволяет женщине играть лишь один сценарий, активно тиражируемый в СМИ: женщины-«наседки», следящей за всем семейным бытом, в первую очередь – за готовкой и уборкой. Другие варианты чаще всего не рассматриваются или отвергаются. Так женщина лишается выбора и становится лишь объектом в системе социальных отношений.

Ко второй категории («общие» подарки) мы относим такие подарки, как мягкие игрушки, «впечатления» (посещение необычных аттракционов), цветы. Большинство этих подарков не являются гендерно маркированными и, следовательно, могут быть вручены по любому поводу.

Выше мы выделили два вида подарков по отношению дарителя к одариваемому: личные и коллективные. Все предшествующее описание подарков относилось к первому, но, как показывает реальность, подарки коллективные не отличаются по содержанию от подарков личных. Тем не менее, механизмы осуществления выбора коллективного и индивидуального подарков различны, хотя оба они находятся в рамках языковой игры [5], описывающей женщин: цветы (либо вариации на тему – маленькое полотенце в виде цветка, букеты из конфет, мягких игрушек), «накрытый стол» (эквивалент «дарения воспоминаний» в виде совместного опыта проведения времени образом, не вписывающимся в обычное течение будней) и какая-либо индивидуальная часть подарка, представляющая собой, например, конфеты, сертификаты на посещение салона красоты и пр. и пр. Очевидно, что любая составляющая коллективного подарка является вариантом личного с теми же функциями и формами.

Таким образом, на примере глобального тематического праздника мы рассмотрели конструирование и воспроизводство гендерных стереотипов посредством дарообмена, то, как они встраиваются в капиталистическую логику, а также типы подарков, вручаемых и принимаемых участниками одного из наиболее глобальных по вовлеченности праздников, «дня весны и женщин». В современном обществе «кухонный дискурс» и дискурс о красоте являются частью капиталистической экономики, они репрессивны и заключают женщин в рамки, выбраться из которых не представляется возможным. В процессе дарообмена воспроизводится объективация женщин вне зависимости от способа дарения, подарка и количества участников отношений.

1. Kozinets R. V. " I Want to Believe": A Nethnography of the 'X-Philes' Subculture of Consumption // *Advances in consumer research*. – 1997. – Т. 24. – С. 470-475.

2. Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика //Социологические исследования. – 2004. – №. 9. – С. 20-29.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления //М.: Республика. – 2006. – Т. 272.
4. Вульф Н. Миф о красоте. Как представления о красоте используются против женщин //Иностранная литература. – 1993.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования /пер. с нем. Л. Добровольского // М.: АСТ: Астрель. – 2011.

ОНТОЛОГИЯ ПОХУДЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: К НОВЫМ МЕХАНИЗМАМ РЕПРОДУКЦИИ МИФА О КРАСОТЕ В РЕЖИМЕ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Блохин А.А. (Санкт-Петербург)

В обществах позднего капитализма женщины остаются одной из наиболее дискриминируемых групп. Несмотря на формальное юридическое равенство, женщины по-прежнему подвергаются дискриминациям как на структурном, так и на межличностном уровнях. С одной стороны, женщины по-прежнему зарабатывают меньше, чем мужчины, а количество женщин-руководителей меньше количества мужчин на соответствующих должностях. С другой стороны, в процессе социализации женщин учат быть более подверженными разного рода дискурсивным принуждениям, заключающимся в «женских» манерах поведения и интеракции, а также в специальных мифах, придуманных для контроля над ними. Разнообразные способы контроля регулируют не только мысли и желания, но и тела; на их основе создаются формы дискриминации по поводу внешности (лукизм, фэтфобия), которые испытывают на себе женщины. Несоответствие социально принятым стандартам красоты становится причиной понижения социального статуса и невозможности достигать поставленных целей [1]. Естественно, многие женщины стремятся выглядеть «красивее». На основе этих стремлений, часто становящихся коллективными, возникают новые пространства социальности и неравенства, о которых пойдет речь ниже.

С помощью метода «нетнографии», т.е. применения методов описания, взятых из культурной антропологии, для получения эмпирических данных из интернета [подробнее см. 2, 3], мы рассматриваем интернет-пространства, связанные с реализацией одной из форм красоты – худобы. Худоба, понимаемая как определенный вид фигуры, при которой отсутствуют жировые отложения в «сексуальных» местах (ноги, живот), является одной из основных форм современной женской красоты, без которой невозможны или становятся оттененными и незаметными остальные. Худоба может достигаться с помощью диет и спортивных практик, например, бега, езды на велосипеде, гимнастики и пр. В рамках дискурса о женской красоте дискурс о худобе и способах ее достижения занимает важнейшее место, в результате чего интернет-сообщества, посвященные похудению, становятся чрезвычайно популярными и авторитетными. Так, на платформе «ВКонтакте», являющейся одним из основных локусов социализации русскоязычных людей и особенно подростков, такие сообщества, как «40 КГ», «Just Do It», «Workout | Будь в форме», обладают огромной аудиторией подписчиков (самое крупное сообщество, «40 КГ», насчитывало 4 млн подписчиков на момент написания этого текста). Внутри этих сообществ создаются представляющие интерес практики социализации и познания через разговоры и получение информации о способах похудения и презентации своих успехов. В подобных сообществах есть несколько как типичных для интернета, так и характерных для этих сообществ форм социальности: лайкирование и размещение на своих страницах информации, публикуемой на «стене» группы, участие в обсуждениях, выкладывание фотографий в альбомы; комментирование фотографий других участников. Эта социальность порождает новые виды подвигов (похудение) и, соответственно, своих героев (истории успеха похудевших), новые идентичности (худеющие; красивые), а также

позволяет создавать новые формы взаимодействия, такие, как совместное похудение и консультация по поводу применений диет или упражнений. Кроме того, социальность, реализуемая в онлайн-сообществах, посвященных похудению, изменяет способы репрезентации тела: так, в сообществе «40 КГ» несколько сотен тысяч фотографий тел участниц, выложенных ими самими с целью «хвастовства» или получения «критики».

Интернет-сообщества, посвященные похудению, есть пространства неравенства. Внутри этих сообществ неравенство проявляется между теми, кто уже похудел, и кто только стремится; между теми, кто не «сорвался» с диеты, и теми, кому не удалось удержаться в зачастую изматывающем стиле жизни. Даже при соответствии тела количественным стандартам (вес, «правильный» при том или ином росте), участнику могут указать на «недостаточную спортивность», кривизну ног, «животик» и пр. С другой стороны, это неравенство распространяется и на тех, кто не состоит в этих сообществах, например, посредством «репостов». Более того, само наличие и известность таких сообществ ставит в неравное положение людей (в первую очередь женщин) с телами, отличающимися от доминирующего стандарта.

Эти пространства – также пространства тотального подчинения логике и идеологии красоты, заставляющей женщин соотносить свой контроль над жизнью с возможностью контроля над своей красотой [1, с. 18]. Н. Вульф говорит о существовании «мифа о красоте»: наличии дискурсивного принуждения в отношении женщин, состоящего в императиве достижения и поддержания красоты. Существование и популярность подобных сообществ говорит о сильном распространении мифа о красоте, которому следуют и подчиняются их участники.

Интернет-похудение, таким образом, создает новые виды социальности. Совместное похудение, комментирование, фотографии «до и после»; конструирование успешности похудевших и коллективная фэтфобия; поддержка и взаимопомощь в достижении цели – все эти противоречивые черты новой социальности в онлайн-сообществах, посвященных похудению, формируют то, что мы назвали в заголовке «онтологией похудения». Эта онтология оказывается способом создания новых неравенств и встраивания в репрессивную логику современной красоты. При этом понятие «красота», отсылающее нас к каналам Амстердама или картинам Эгона Шиле, реифицируется [4] и, несмотря на это, мыслится как духовная основа всей западной цивилизации; ее сущность как капитала и императива, воспроизводящего логику современного капитализма [5, с. 172], оттеняется.

Помимо этого, стоит отметить репрессивность образов мужской красоты, которая, однако, во много раз менее интенсивна по сравнению с женской и объясняется искусными попытками патриархального общества скрыть свою патриархальность. Ибо доминирующие образы мужской красоты (мускулы, сила, агрессия) суть символы власти и превосходства – над женщинами, другими мужчинами и, в некотором смысле, над самим мужчиной, воспроизводящим своим телом вышеописанные образы. В этой логике позднекапиталистического патриархата для мужчин остается больше свободы для отказа от давящих мифов о мужской красоте: она, как и денотатируемая ею власть, не является императивом или обязательством, принимаемым индивидом, для успешной инкорпорации в совокупность социальных отношений.

Идеология красоты стала чрезвычайно репрессивной и подавляющей возможность принятия своего тела человеком, создавая нервные заболевания и депрессии у тех, кому не удастся вписаться в данный социальный порядок и изменить свое тело для соответствия ожиданиям общества. В этом смысле идеология всепоглощающей красоты не только негативно влияет на физическое здоровье, но и требует отказа от «не вписывающейся в рынок» личности человека, если она отказывается модифицировать тело. Личность становится неважной и даже вредной для воспроизводства культурно-экономического режима позднего капитализма, в котором красота сводится, в полном соответствии с квантифицирующими тенденциями в рамках т.н. «макдональдизации

общества» [6] к килограммам и сантиметрам, а почти единственным способом восхищения ей становится сексуальное возбуждение.

1. Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин //Альпина нон-фикшн. – 2013.
2. Kozinets R. V. *Netnography: Doing ethnographic research online*. – Sage Publications, 2010.
3. Kozinets R. V. "I Want to Believe": A Netnography of the 'X-Philes' Subculture of Consumption //Advances in consumer research. – 1997. – Т. 24. – С. 470-475.
4. Fredric Jameson (ed.). *Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism*. – Duke University Press, 1991.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления //М.: Республика. – 2006.
6. Ритцер Д. Макдональдизация общества / Джордж Ритцер; пер. с англ. А. Лазарева. – М.: Праксис, 2011. – 592 с.

МЕТОД ОНЛАЙН-НАБЛЮДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Бондарь А.А. (Санкт-Петербург)

В связи с глобализацией и компьютеризацией общества в мире наблюдается постоянный прирост интернет пользователей. Так, например, в России, согласно ФОМу, за год число пользователей увеличилось на восемь процентов и на текущий период составляет 61,5 миллион человек [2]. Более того, время, проводимое в Интернет-пространстве среднестатистическим пользователем так же неуклонно растет.

Глобальная сеть, созданная не только для хранения, но и для передачи информации, на данный момент выступает как средство массовой коммуникации, представляя собой уникальную площадку для взаимодействия огромного количества акторов, что и делает интернет-пространство привлекательным для социологов. Множество традиционных методов исследования, таких как опросы, фокус-группы, контент-анализ широко используются при проведении исследований в сети Интернет. Онлайн-исследования обеспечивают доступ к различным, по территориальной удаленности, респондентам, а так же являются сравнительно недорогими.

В данной статье хотелось бы обратить внимание на метод онлайн-наблюдения, который только приходит в Россию из Европы и Америки. Данный метод проводится в полной аналогии с традиционным методом наблюдения и так же основан на фиксации значимых для социолога фактов. Исследуя виртуальное пространство, необходимо понимать его специфику. Так, в западной социологии, при проведении онлайн-наблюдения выделяются четыре типа сообществ: Сообщества цифрового воплощения; сообщества «онлайн-контактов»; Сообщества «мультимодальных социальных миров»; Сообщества «вне сети»[3]. Степень присутствия акторов в глобальной сети уменьшается от первого типа сообществ к последнему.

Так, сообщества цифрового воплощения полностью существуют в виртуальной реальности организованной в рамках различных компьютерных игр. Ролевые онлайн игры, такие как WoW, предполагают наличие множества персонажей, непрерывно вступающих во взаимоотношения. Очевидно, что внешность созданных героев, их навыки и характеристики, зачастую не соответствуют владельцам персонажей в реальности. Виртуальный игровой мир функционирует по специфическим правилам, в его рамках действуют нормы, отличные от норм принятых в нашем обществе. Одним из наиболее выдающихся исследователей такого рода сообществ является Том Белстроф, который в течение двух лет наблюдал за пользователями игры Second Life[1].

Сообщества онлайн-контактов объединяют людей, взаимодействующих только в виртуальном пространстве, так же как и предыдущие сообщества, однако, здесь присутствует некая общая черта, определенный интерес, по которому люди собираются в группы. Так, Полухина Е. выделяет такие общие интересы, как организация свадьбы, снижение веса.

Сообщества мультимодальных социальных миров объединяют группы людей, которые взаимодействуют между собой как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Одним из ярчайших примеров такого рода являются социальные сети.

И, последний тип сообществ - это сообщества функционирующие вне сети Интернет.

Поскольку наиболее эффективным является изучение объекта в привычной для него среде, то, соответственно, интернет исследования являются необходимым элементом для изучения тех сообществ, значимая часть функционирования которых приходится на виртуальное пространство.

На наш взгляд, метод наблюдения является достаточно перспективным за счет того, что виртуальная реальность становится значимым местом коммуникации, отношения частично переносятся в область виртуального, а, в отдельных случаях (например, в сообществах цифрового воплощения), даже полностью выстраиваются в плоскости Интернет-пространства. Происходит образование специфических сообществ, в рамках которых не только воспроизводятся привычные способы коммуникации, но и формируются новые. Более того, в Интернет-пространстве на данный момент наблюдается отсутствие эффективного контроля за контентом со стороны государства, и, при этом в самих сообществах существуют модераторы, которые устанавливают собственные правила поведения, что в свою очередь приводит к различиям между функционированием реальных и виртуальных сообществ. Так же виртуальное пространство не предполагает живого личного контакта, за счет чего индивид получает возможность формировать собственный образ с помощью различных изображений и текстовых сообщений, выражая свою принадлежность к определенным группам, и, тем самым формируя собственную идентичность. Благодаря всему вышесказанному, на наш взгляд, метод онлайн-наблюдения имеет широкое и перспективное поле применения, и его необходимо развивать в отечественной социологии.

1. Зайонц В.В. Социально-антропологический подход к исследованию Интернет-сообществ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419982/Zayonz_Rezenziya_2011_1.pdf
2. Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2015 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12275>
3. Полухина Е. Онлайн - наблюдение, как метод сбора данных [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Inter/07/Polukhina.pdf>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Буровцева Е.С. (Ульяновск)

Экономическое отчуждение, по своей природе, неразрывно связано с социальным неравенством населения. Это обуславливается рядом экономических факторов (ресурсов), представляющих собой специфические особенности человека как личности. Для того чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли экономическое отчуждение влияет на социальное расслоение в обществе и увеличивает разницу между богатыми и бедными,

следует рассмотреть данные о некоторых аспектах социальной жизни, в которых может проявляться экономическое отчуждение. Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что как упоминалось ранее, экономическое отчуждение – это результат господства одних людей над другими. Оно может проявляться как в процессе производства (труда), так и с помощью денег, когда они из разряда «инструментальных ценностей» переходят в разряд «надличностных». В этом случае деньги сами становятся отчуждающей силой, и экономическое отчуждение, проявляясь через их недостаток или избыток, превращается в признаки бедности и усиливает социальное расслоение [1, с. 217].

Соотношение различных слоев населения, преобладание богатых или бедных в обществе, как исторически развивающейся совокупности отношений между людьми, складывающейся в процессе их жизнедеятельности, зависит от структуры экономики, задающей структурные ограничения для расширения состава социального класса через создание соответствующей структуры позиций, а также специфических особенностей тех, кто претендует на эти позиции. Экономическое отчуждение проявляется в обществе через доступ личности, как субъекта социальных отношений, к определенному виду ресурсов. Выделяют пять основных ресурсов: экономический, властный, квалификационный, социальный и культурный. При этом не всякий ресурс может выступать как актив или капитал личности, и в этом отношении сам по себе ресурс – всегда не более чем ресурсный потенциал. Для превращения ресурса в актив необходимо соблюдение, по крайней мере, двух условий: востребованность данного ресурса в социальной среде, а также определенный («товарный») объем данного ресурса, при котором обладание им начинает давать экономический эффект. Таким образом, как актив ресурс может рассматриваться тогда, когда он используется в процессе обмена, связанного с хозяйственной деятельностью, и оказывает сколько-нибудь ощутимое положительное воздействие на положение его владельца в социуме. Также ресурс может рассматриваться как капитал, когда он не только способен накапливаться, конвертироваться в денежную форму и воспроизводиться, но и приносить новую, добавочную «стоимость», превышающую объемы, необходимые для простого воспроизводства и использования соответствующего ресурса [2].

Кроме того, как оказалось, некоторые виды ресурсов не могут становиться капиталом, по крайней мере, в массовом масштабе. К числу таких ресурсов относятся личностный, символический и физиологический. В других как капитал «работают» только отдельные их компоненты (в социальном ресурсе капиталом могут выступать только связи, а в культурном – особенности социализации). На этом фоне разрыв между богатыми и бедными резко увеличивается, в результате чего усиливается социальное расслоение общества.

Экономическое отчуждение представляет собой сложное и противоречивое общественное явление. Оно имеет множество форм и способов проявления. Одной из таких форм является господство одних людей над другими, проявляющееся в обыденной социальной жизни человека через денежный эквивалент [3]. Ярким примером проявления практической стороны данного явления может служить образ жизни российских миллиардеров.

Прежде всего, необходимо отметить, что российские миллиардеры имеют в своем «личностном активе» полный доступ к «пакету ресурсов», составляющего человеческий капитал [6]. Однако, перед анализом экономической отчужденности самых богатых людей России, для полноты понимания ситуации, определим социокультурный портрет российского миллиардера [5]. В самом общем виде, на сегодняшний день, социокультурный портрет российского миллиардера выглядит следующим образом: миллиардер – это мужчина, чей доход начинается с 0,4 миллиарда долларов и заканчивается 15,4 миллиардами долларов. Его возраст варьируется от 43 до 66 лет. Он женат, имеет от 1 до 3 детей. У него высшее техническое образование. Начинать свой бизнес в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, как индивидуальный предприниматель,

имеет опыт политической деятельности, является акционером крупных корпораций, владельцем известных брендов. Увлечен спортом (кладывает деньги в развитие какого – либо спортивного проекта), занимается благотворительной деятельностью, имеет у себя в арсенале разного рода «игрушки», начиная с яхты и заканчивая вертолетом.

В ходе анализа пятидесяти самых богатых людей России по версии журнала «Forbes» стало ясно, что они имеют полный доступ к ресурсам, входящим в состав человеческого капитала [5].

Властный ресурс находит здесь реализацию через занимаемые должности миллиардеров. Все они находятся на руководящих постах в крупных мировых корпорациях, в их подчинении большое количество людей, следовательно, можно говорить о наличии у миллиардеров властных полномочий, а также о том, что они распространяют свое влияние на значительную часть общественно-экономических отношений. Особенно хорошо данный факт просматривается у людей, входящих в первую пятерку журнала «Forbes»: Владимир Потанин, Михаил Фридман, Алишер Усманов, Виктор Вексильберг, Алексей Мордашов.

В достаточно тесной связке у российских миллиардеров вместе с властным ресурсом идет и экономический. Поскольку именно от степени влияния человека в сфере экономики зависит его доход и благосостояние. Так все российские миллиардеры, не просто занимают руководящие посты крупнейших мировых компаний, но и являются их главными акционерами. Так, к примеру, Владимир Потанин самый богатый человек по версии журнала «Forbes» является владельцем 30,3% акций компании «Норильский никель» и имеет доход в 15,4 миллиарда долларов [5]. Однако надо сказать, что стартовый капитал, как было показано выше, не единственный способ реализации миллиардерами актива экономического ресурса. Еще одной его формой может служить бренд. Среди пятидесяти самых богатых людей России, свой бренд есть у одиннадцати человек.

Квалификационный ресурс миллиардеров берет основу в базовом образовании этих людей. В большинстве своем миллиардеры имеют высшее базовое техническое образование. Однако, зачастую, у них также есть финансовое и юридическое, а в некоторых случаях, сюда добавляется и опыт управленческой и политической деятельности, в конечном счете, именно все эти составляющие квалификационного ресурса, нашли свое применение в социальной жизни миллиардеров и послужили толчком к созданию мировых холдинговых компаний.

Культурный и социальный ресурсы у российских миллиардеров неразрывно связаны. Поскольку проявляются эти ресурсы в экономической жизни человека через социальные связи или процесс социализации [4, с. 224]. Данные виды ресурсов реализуются в данном контексте через то обстоятельство, что почти все сегодняшние российские миллиардеры выстраивали бизнес в 90-е годы. Данный период характеризовался социальной и экономической неустойчивостью. Благодаря своим личностным качествам, способности к быстрой адаптации к изменяющимся условиям и социальным связям российские миллиардеры смогли повернуть условия кризиса в свою пользу.

Можно сделать вывод о том, что социальный и культурный ресурсы российских миллиардеров являются корнем экономического отчуждения данной социальной группы людей от остальной части российского общества. Данный факт подтверждает то обстоятельство, что состояние почти половины всех российских миллиардеров увеличивалось, преимущественно, именно в кризисные для России годы. Но все же, экономическое отчуждение миллиардеров от остальной части населения России проявляется не только через величину и периоды роста доходов, также оно может появиться и через пути, по которым идет трата денежных средств.

Хотя хобби и увлечения миллиардеров отвечают стандартам общества, практики их реализации вызывают недоумение, непонимание и негодование общества. Наиболее популярны среди увлечений миллиардеров такие как: рыбалка, подводное плавание,

охота, коллекционирование, конный спорт. Но наивысшей точкой экономического отчуждения миллиардеров от общества является приобретение ими, так называемых «игрушек». В категорию "игрушки", как правило, входят яхты, самолеты, недвижимость, садоводческие хозяйства, вертолеты и т.п.

Исходя из всего выше изложенного, можно сказать, что экономическое отчуждение как социальное явление в среде самых богатых людей России реализуется в полную силу. Это иллюстрируется множеством факторов. Наиболее значимыми из них являются два. Первый - наличие властных полномочий у миллиардеров, реализуемых через их должности, так как экономическое отчуждение, по своей природе, - это, прежде всего, господство одних людей над другими в процессе производства (труда). Вторым фактором является то, обстоятельство, что основной капитал своего состояния миллиардеры, как говорилось ранее, «построили» в кризисные для экономики России годы. Здесь начинает реализовываться вторая сторона экономического отчуждения – деньги как самоцель. В период, когда большая часть населения теряла львиную долю экономического капитала, будущие миллиардеры смогли преумножить его, в результате, их маленькие «индивидуальные предприятия» постепенно монополизировали экономическую сферу жизни общества, и превратились в крупные корпорации и холдинги, что, в конечном счете, привело к огромной социальной дифференциации между богатыми и бедными. Несмотря на то, что в последние годы разрыв между этими группами несколько сократился, экономическое отчуждение миллиардеров не снизило своей интенсивности. Они по-прежнему, держат монополию в экономической сфере, впуская в свой круг только избранных. Деньги для них давно перешли из категории «средства существования» в категорию «ценности», иными словами, они живут для того, чтобы зарабатывать, а не зарабатывают, чтобы жить.

1. Зиммель Г. Социальная дифференция. [Электронный ресурс] // Библиотека Гумерсоциология. URL: <http://www.gumer.info/bibliotek-Vuks/Sociolog/Osipov/06.php/> (дата обращения: 02. 03. 2015)
2. Иеронова И. Ю., Трофимова О. А. Словарь терминов. [Электронный ресурс] // СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ. URL: <http://www.chem.m-su.ru/rus/teaching/sociology/dic.html> (дата обращения: 02. 04. 2015)
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. [Электронный ресурс] // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. URL: <http://libelli.ru/marxism/mess2.htm> (дата обращения: 05. 03. 2015)
4. Анисимова Г. В. Социально-экономическое неравенство. Тенденции и механизмы регулирования: монография / Г. В. Анисимова. – М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2012 – 167 с.
5. Журнал "Forbes". [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.ru/rating/200-bogateishikh-biznesmenov-rossii-2015/2015> (дата обращения: 07. 10. 2015)
6. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Социальная поляризация Российского общества: современное состояние и перспективы. [Электронный ресурс] URL: wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha_2013/2.pdf (дата обращения: 07. 10. 2015)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ НАБЕРЕЖНЫЕ КАК ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Варлыгин Е.В. (Санкт-Петербург)

Исторически петербургские набережные рассматривались как пространства для восприятия панорам другого берега. Город стремится к воде, но, выходя к ней, постоянно откладывает её обустройство для человека. Петербург последние века почти не рассматривал береговые территории как ресурс для организации комфортной жизни человека. Их как правило создавали как пространства для многоэтажной застройки без

благоустройства у воды. Архитекторы Петербурга, строя у воды, не уделяют внимания проектированию зеленых насаждений набережной.

По Генплану 1966 года Ленинград развернулся в своём развитии от использования «внутренней» акватории дельты Невы к новой оси — созданию районов на берегу Финского залива. Но в очередной раз главной задачей поставили открыточную застройку — «Морской фасад», на который можно было смотреть издали. Но пройти вдоль него по обустроенным и озеленённым променадам всё ещё остается проблемой.

Машины и их владельцы быстро опередили замыслы по обустройству пешеходных пространств: красивое название Морская набережная навсегда осталась местом хранения автомобилей в ржавых металлических гаражах-коробках, не дав людям, живущим вдоль неё, шанс выйти к воде на значительном протяжении, кроме участка от площади Европы до устья Смоленки. Основная для города у воды цель — преобразование береговых территорий в качественную среду — опять осталась вне внимания.

Одной из самых масштабных попыток изменения береговых территорий вдоль Невы в XX веке стало обустройство Свердловской набережной, на которой были грамотно разделены пешеходный и транспортный уровни движения. Но человек уже тогда начал стабильно удаляться от воды в городе, оставляя береговую территорию транспортным потокам.

В 90-х и начале 2000-х этот процесс лишь усилился. Преобразование бывших индустриальных территорий вдоль Выборгской набережной, а потом и реконструкция Пироговской и Ушаковской набережных имели главной целью обустройство расширенных пространств для пропуска лавины автомобилей. Но не было ни малейших попыток найти сбалансированное решение для горожан — например, с выделением зелёных полос вдоль воды. Город ещё несколько лет назад имел уникальный шанс на создание Набережной Европы — с береговым пространством в самом центре города. Это могло бы стать самым масштабным возвращением человеку прибрежных пространств.

Формирование береговой инфраструктуры может быть выгодным. Там можно создавать места современного содержательного досуга: сервис, игры для детей и подростков, прокаты спортивного инвентаря и спортплощадки. Так делают во многих странах мира. Не обязательно строить жилые комплексы вплотную к береговой линии и не должно быть традиционного интенсивного транзита вдоль воды. Гораздо более логично оставлять до сотни метров береговых пешеходных пространств с инфраструктурой досуга. Благодаря ей застройка набирает индекс привлекательности.

Подобные решения трудно облекать в какие-то цифры экономического эффекта. Особенно по отношению к доходам, получаемым от продажи квадратных метров жилья в домах премиум-класса. Решающим критерием должна становиться здравая логика гуманизации среды, отвечающая уровню развития цивилизованности страны. Возводить новые бетонные жилые монстры вдоль воды означает признаваться в том, что людям отказано в среде для полноценной жизни на самых привлекательных для этого береговых озеленённых территориях. Надо преодолевать низший уровень представления о смысле жизни в городе.

Береговые территории обеспечиваются инженерной инфраструктурой за счёт городского бюджета. Так происходит во многих странах. Далее устанавливается регламент предельной высоты застройки (до двух этажей) и функционального диапазона освоения территории. Приоритет отдаётся спорту, общественному питанию, проектам для подростков, пляжным зонам и зонам тихого отдыха. На конкурсной основе выбирают уже частных владельцев и подрядчиков. Но для цивилизованного развития этого процесса нужна политическая воля городского руководства города. И изначальная координация, исключая агрессивное наступление на береговые территории только коммерческой застройкой, спортивными клубами или ресторанами. Чередование застроенных и открытых пространств составляет элементарную логику сбалансированного развития города у воды. И с этих позиций достаточно абсурдными по своей сути выглядят

разрастающиеся как грибы рестораны на южном берегу Крестовского, не оставляющие никаких шансов на сохранение береговой экосистемы.

Толчок развитию береговых территорий могут дать плавучие объекты с автономной инфраструктурой. На Сене в Париже именно такие центры досуга наносят минимальный ущерб окружающей среде, но привлекают больше всего посетителей. Плавающий бассейн, расположенный перед Национальной библиотекой на Сене составляет лишь один из многих примеров успешного освоения береговой территории с помощью плавающих объектов.

Береговые территории оживают, когда на них постоянно происходит что-то интересное. Во многом популярность пляжей перед Петропавловской крепостью связана с теми событиями, которые там периодически происходят: соревнованиями по пляжному волейболу, выставками ледовой или песчаной скульптуры, концертами. Но такое место одно в многомиллионном городе и нужно искать другие площадки у воды, которые можно оживить таким же образом.

Города мира по-разному используют ресурс водных акваторий. Из относительно современных реализованных проектов стоит выделить плавающую купальную Harbor Bath в центре Копенгагена и набережную Kalvebod Brygge с пешеходными променадами над водой. Оба примера продемонстрировали элементарную истину — для привлечения людей к воде нужен комфорт. Без прессинга автомобилей и с максимально возможным диапазоном рекреационных занятий: купаться и загорать, сидеть в кафе и общаться с друзьями, заниматься спортом или просто прогуливаться над водой.

В тех немногочисленных парках Петербурга, которые оказались ближе к большой воде Финского залива — 300-летия и Южно-Приморском — береговые территории не обрели реально многофункционального наполнения. Печальное следование петербургскому стилю с монументальными приоритетами в виде массивных и дорогих фонтанов, гранитных эспланад и амфитеатров в первом из них привело к девальвации ресурса береговой территории.

Не меньшим ресурсом обладают и долины многочисленных малых рек, протекающих через контуры новых районов города. Если бы в периферийных районах малые реки стали бы предметом осмысления районных властей и объектом проектирования, то с приходом туда средств современного ландшафтного дизайна люди бы могли с гораздо большим удовольствием отдыхать, гулять и играть с детьми, заниматься спортом, заходить в кафе. А не только массово выгуливать собак.

Понятно, что для реализации всех перечисленных предложений нужна политическая воля руководства города. И полноценный Генплан, где важным разделом стало бы формирование природного водно-зелёного каркаса Санкт-Петербурга.

1. *Архитектор Валерий Нефедов о радикальных переменах на городских набережных.* 2014. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech/172323-peterburg-i-voda>
2. *Путешествие вдоль большой воды.* В.А. Нефедов. 2013. URL: <http://green-city.ru/puteshestvie-vdol-bolshoj-vody/>
3. *Береговая архитектура и дизайн среды у воды.* В.А. Нефедов. 2015. URL: <http://green-city.ru/beregovaya-arxitektura-i-dizajn-sredy-u-vody/>

ЭМПАУЭРМЕНТ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С СЕМЬЯМИ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ

Василевская М.С. (Санкт-Петербург)

Термин «эмпauerмент» произошел от английского слова «empowerment», которое имеет различные значения: делегирование полномочий, предоставление возможностей, усиление влияния, расширение прав, укрепление потенциала, придание внутренней силы. Модель эмпauerмента возникла из феминистических движений в США. Более полно эмпauerмент можно определить как процесс приобретения человеком навыков для самостоятельного решения возникающих проблем, активизации его ресурсов через оказание помощи в раскрытии своего потенциала, развитие структуры общества в целом, а также результаты этого процесса в виде достижения отдельным человеком высокого уровня самоконтроля, контроля над своей жизнью и развитой возможности позитивно влиять на окружающий его мир, что изменяет существующую социальную структуру.

Семья с ребенком-инвалидом - это семья с особым статусом. Наличие у ребенка инвалидности в совокупности с другими факторами, например, низким финансовым положением или воспитанием в монородительской семье, меняет самоопределение семьи, образ жизни, сокращает возможности социальной активности в целом. Социальная помощь таким семьям должна быть ориентирована не на решение проблем за клиента, а на создание условий, в которых возможно достичь таких целей эмпauerмента семьи с ребенком-инвалидом, как:

- ликвидация социальных барьеров инвалидности;
- увеличение степени самостоятельности семьи, способности родителей контролировать жизнь семьи и ребенка самостоятельно и разрешать возникающие проблемы;
- создание условий, в которых клиенты могут в максимальной мере проявить свои возможности, сохраняя чувство собственного достоинства и уважение к себе со стороны окружающих;
- достижение такого результата, когда отпадает необходимость семьи в постоянной помощи социального работника.

К этому подходу практика социальной работы в России обратилась совсем недавно. В России эмпauerмент еще не стал полноценным методом социальной работы, но к его принципам уже начинают обращаться специалисты. В целом социальные учреждения продолжают придерживаться традиционного подхода к помощи клиентам. Социальная работа в России находится в поисках новых методов, которые будут помогать решать проблемы современного общества. Слабая разработанность этого подхода, недостаточность методик по реализации этого подхода, переведенных на русский язык и адаптированных к социальной работе, становится барьером к структурированию работы специалистов социальных служб, которые уже используют отдельные принципы этого подхода, но не видят в них системы.

Проведенное исследование на базе Центра социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Адмиралтейского района Санкт-Петербурга отделения семейного консультирования «Радуга», открытого для осуществления российско-финского проекта «Активизация ресурсов семей с детьми», выявило, что метод эмпauerмента комплексно не применяется специалистами отделения, которое было создано с целью его внедрения. В первую очередь это связано с отсутствием конкретных методик реализации данного подхода, а также недостаточностью знаний у специалистов отделения об этом подходе.

Для реализации подхода эмпauerмент в практике социальной работы были выявлены следующие препятствия:

-всегда проще, привычнее и быстрее сделать все за клиента, а не мотивировать его на самостоятельные действия;

-недостаток компетенции, комплексных знаний о данном подходе и о его применении на практике;

-отсутствие четких методик по реализации эмпауэрмента в сфере социальной работы;

-сложность мотивации клиентов, которые адаптировались к своей ситуации, пассивному образу жизни;

-отсутствие работы с окружением клиента;

личностная перестройка людей, работающих в социальной службе, которые привыкли работать в традиционном подходе социальной помощи и испытывают личностные трудности с переходом от привычной работы к новым методам;

-бумажная волокита: в связи с затратой большого количества времени на оформление различных документов, необходимых семьям, клиенты самостоятельно не хотят это делать и учиться это делать, а перекладывают на специалистов.

-личностные качества социального работника: нежелание переходить с привычных методов на новые, ссылаясь на проверку временем традиционных методов, а также нежелание работать с трудными семьями. Поэтому они ограничивают свое взаимодействие с этой семьей, преследуя свои личные интересы.

Были выработаны рекомендации, которые будут способствовать внедрению подхода эмпауэрмент в работу и повысят ее эффективность, в том числе :

-Работа с окружением клиента, так как оно рассматривается в качестве ресурса, который необходимо использовать.

-В процессе проведения исследования была выявлена трудность понимания специалистами термина «эмпауэрмент». Они чаще оперировали понятием «активизация». Эмпауэрмент - более широкое и сложное понятие, активизация ресурсов клиента является лишь его составной частью. На примере таких терминов как «адаптация», «инклюзия», которые уже стали классическими для отечественной социальной работы, можно увидеть, что и эти слова являются по своему определению шире, чем русские аналоги «приспособление» и «включение». Эти понятия, как и термин «эмпауэрмент», являются системами определений, включающими в себя специфические аспекты, которых нет в их дословном переводе.

-Обучение специалистов подходу эмпауэрмент, методам работы в рамках подхода, которые можно применять на практике в работе с клиентской группой отделения. Здесь важна роль руководителя. Он должен уметь грамотно подавать новые знания своим сотрудникам, обосновывать необходимость применения их на практике, их преимущества перед устаревшими. Задачей администрации Центра является активизация сотрудников отделения на освоение этого подхода, повышение профессиональной компетентности, что является условием повышения качества обслуживания клиентов и соответствия цели работы отделения, поставленной при открытии, - активизации внутренних ресурсов семьи с целью повышения ее способности к самостоятельному преодолению трудностей.

-Изменение личностно-профессиональных взглядов специалистов, целей и задач их работы в соответствии с принципами эмпауэрмента. Необходимо не только обучить специалистов новой модели и методикам оказания помощи, но и доказать преимущества этого подхода перед устоявшейся системой помощи, в которой клиент становится зависим от социальной службы. Это необходимо для того, чтобы специалисты приняли новые методики и начали применять их на практике, не отвечая на попытки обучения новому проверенностью старых способов работы.

-Необходимо перестроить всю систему взаимодействия в Центре между администрацией и отделениями. Задачи, которые ставятся руководством Центра перед отделением, должны соответствовать целям активизации клиента, а не закрытию отчетности.

-Для того, чтобы каждый специалист отделения ставил целью своей работы активизацию семьи, с которой он работает, необходимо выработать систему поощрений в виде вознаграждений за конкретные достижения сотрудников в реализации подхода эмпауэрмент, проявления активности их клиентов, что станет стимулом для специалистов переходить на новую модель помощи и отходить от старых неэффективных методов работы.

1. Безрукова О.Н. *Петербургская семья с ребенком-инвалидом: проблемы и потребности повседневной жизни* // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, №41, 2007. – с. 112 - 118
2. Бородкина О. И. *Принцип эмпауэрмента в социальной работе* // *Активизация в социальной работе с семьей. Коллективная монография / Под ред. О. И. Бородкиной, В. А. Самойловой. – СПб, 2013. – с. 10 – 26*
3. Самойлова В. А. *«Эмпауэрмент» в деятельности социальных служб: потребности, ограничения, перспективы развития* // *Активизирующие подходы в практике социальной работы с семьей: сборник статей / Под ред. В. А. Самойловой. – СПб.: Скифия-принт, 2014. – с. 10*
4. Rappaport J. *Terms of Empowerment/Exemplars of Prevention: Toward a Theory for Community Psychology* // *American Journal of Community Psychology, Vol. 15, № 2, 1987. – 121 – 148*
5. Solomon B. *Black Empowerment. – Columbia University Press, 1976. – 438 p.*

НЕВРОГЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Василенко С.В. (Ростов-на-Дону)

Исторические наблюдения позволяют нам заметить, что общество от зарождения и до наших дней проходит определённые ступени развития, обобщённо названные сторонниками цивилизационных теорий: зарождение, зрелость и гибель. Американский социолог Элвин Тоффлер в своих научных трудах выделял три основные стадии человеческого развития, основываясь на определении «волны» - рывок в науке и технике, который приводит к глубинным сдвигам в жизни общества, и называл три: аграрную, промышленную и информационную[1]. Классификация Дэниела Белла носит схожий характер, выделяя три стадии генезиса тоже опираясь на технологические революции: доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная[2]. Приведённые теории и классификации достаточно полно описывают этапы развития общества и технологий, иллюстрирующие тенденции изменения потребностей социума, приводящие к состоянию неврогенности, порождающей изменения, которые проявляются частично в научно-техническом прогрессе, волнах. Наблюдения позволяют определить различные виды исследуемого феномена неврогенности, основываясь на содержании качественных изменений и назвать современное её проявление – информационной, но ни в коем случае нельзя обойти гуманистические потребности и проявления изучаемого предмета и объекта. Как заметил Эмиль Дюркгейм – техногенная и социальная среда взаимовлияют друг на друга, детерминируя изменения, и как социолог, он выявил переход от механической солидарности к органической [3].

Существует внушительное число теорий, рассматривающих постиндустриальное общество, основанное на позиции первенства информации, знаний и приёмов дешифровки, изучающих постмодернистский тип взаимодействия и восприятия агентов коммуникации, что перевоплотились из отстранённого субъекта в актор с индивидуальными особенностями кодирования воспринимаемой реальности и её трансляции во внешнюю среду. Благодаря ряду факторов ученые дифференцируют различные структуры и целые государства в иерархии исторических ниш развития, но

опираются в основном на тотальное отношение к знанию, как благу социума и власти. США, Германию, Великобританию, Францию, Японию,- по данному признаку практически каждый исследователь-теоретик или практик причисляет к образцу, если не нового типа общества, то близкими к идеальной модели. И у меня нет цели отрицать данное утверждение, только предположить, что базисом генезиса сегодня выступает инструмент Интернет, ставший причиной новейших информационных форм объединения человечества, а также используемых категорий конструирования типической для всех реальности, схем коммуникации и восприятия, управления и организации деятельности предприятий, а затем и процесса глобализации.

Не трудно проследить, что страны, в которых всемирная сеть доступнее (в техническом и материальном смысле) и объёмнее в содержании - показательнее более развиты, нежели страны, где подобных условий развития особой среды информационного социума нет (страны Африки, некоторые страны Азии, Латинской Америки). Определённые государства оказались затянутыми в переходный период созревания этой модели существования, то есть, потоки кодов и трансляций увеличилось, а восприятие осталось индустриального типа, в такую категорию попала и Россия.

В предисловии к 25-изданию «Бегство от свободы» Эрих Фромм отмечает, что затронутые в его книге четверть века назад проблематики и социально-психические тенденции сохранились. Поскольку преодолев страх перед определённой свободой, у людей появились новые причины для неврогенности: открытие атомной энергии, и её использование в деструктивных целях, безработица и демографический взрыв и, как раз, кибернетическая революция, в ходе которой «мозг и его нервные реакции заменяют машины», что порождает неудовлетворённость в безопасности и самоактуализации [4].

Открытия дают человечеству предпосылку для скачка в развитии именно общественных структур, объединений – не единственного определённого актора. И появление Компьютера и, как следствие, Интернета становится символом и инструментом трансформации социума, целого мира агентов в коммуникационном поле, как некогда на него повлияло появление языка и письменности, денежной системы обмена и почты, что выделяю в данном исследовании как основополагающую силу трансформации коммуникационных полей и технологической области, поскольку без развития каналов обмена информацией – непосредственной (личный контакт) или косвенной (доступ к знаниям), научный прогресс не имел бы реализационной возможности. Носители, средства передачи и расшифровки информации изменили не только форму общества, но и его содержание, образ восприятия и мышления.

С экономической точки зрения, потребность в определённых предметах и чувствах активизирует трудовую деятельность, которая будет направлена на их удовлетворение, но с чем сталкивается человек в данном процессе? С невозможностью полностью получить желаемое, с неразрешимостью данной задачи, которая и мотивирует его на действия в течение всей его жизни, ведь потребности отчасти формирует производитель неких товаров, избегая пресыщения у клиентов, таким образом, желаемое развивается вместе с запросами. Подобная тенденция наблюдается не только в рыночных отношениях. С другой стороны, совершенствуются возвышенные цели существования человека, которые в его представлениях ведут к всеобщему процветанию. Созидательная неврогенность ничто иное, как «побег в рай», достигнутый с помощью технологий, деструктивная же отчаянная попытка разрушения «техногенного ада» для его перестройки. Направленность будет завесить от эмоционального и культурного состояния нации, особенностей ресурсных возможностей для изменения и, конечно, цели преобразований.

Интернет как хранитель и посредник передачи кодов стал причиной размывания русел информационных потоков, таким образом, каналы коммуникаций перестали быть строго определёнными и направленными. Цена знаний тоже является показательной: сегодня за стоимость одной книги можно обеспечить себе месячный доступ в интернет,

что даст гораздо больше возможности получить плюралистичную и объёмную информацию по искомой проблеме, но возникает вопрос качества и необходимости.

Поле заблуждения одна из последствий информационной неврогенности, поскольку манипуляция недостоверным знанием происходит повсеместно и более не существует догм, оберегающих человека от осознания возможности ложного восприятия. Агент коммуникации в редких случаях проверяет источник информации, затем транслирует коды в социум и заражает его заблуждением, которое, конечно, не будет безгранично (как заметил Н.Луман, не всякая полученная информация будет принята, и коммуникация не может продолжаться так долго, чтобы охватить каждого члена внешней среды, также нельзя забывать о различии в интеракции), но закрепление неистинного знания в носителе будет создавать периодические волны заблуждений. Человеку приходится постоянно делать выбор во что ему верить и что использовать как истинность, что воссоздаёт в обществе поле решений, выступающего в связке с уже названным полем – агент коммуникаций постоянно находится в метаниях между «красной» и «синей» таблеткой», но Института абсолютной объективной правды не существует, и каждый индивидуально будет отвечать за личный выбор (релятивизм восприятия и признания сыграют не маловажную роль). Каналы пропаганды никуда не исчезают, и естественно, что среди многообразия форм кодов легче выбрать тот, что поддерживается большинством, даже если это заблуждение, ведь за индивидуальную истину придется бороться. Формируется «синдром недоверия» не просто к официальным СМИ, что объяснимо, но порой даже непосредственно к реальности. Важная закономерность кроется в том, что оппозиция главенствующего мнения использует подобные методы манипуляции и порой содержат информацию того же смысла, но в иной интерпретации – агента коммуникации как магнит притягивает именно истина большинства (истина оппозиции тоже массова, иначе бы не вышла на уровень оглашения для процедуры всеобщего выбора), то есть, стремление быть индивидуальностью порождает новое поле неврогенности – потребность показать свою уникальность через призму избранных кодов правды и самовыражения и невозможность сделать это. И, ни в коем случае, нельзя обойти стороной поле симуляции в эпоху возрастающих запросов на товары и услуги, знания, и отсутствия ресурсов удовлетворить их, заменители и симуляции активно входят в повседневную жизнь, проникая в коммуникационную всемирную среду, что создаёт причину непосредственной атомизации внутри формальных обществ и в тоже время привязывает человека к проводникам связи (гаджетам), но не к людям.

Симуляция создаёт впечатление насыщения, но происходит ли удовлетворение запросов человека на самом деле? Брендовый знак на одежде не спасёт от холода, соус не сможет оснастить все внутренние органы необходимыми химическими элементами для выживания, и, тем не менее, online-образование предоставляет диплом, а виртуальные деньги покупательскую способность. Неврогенность среды заключена в переходном состоянии, когда граница условно исчезает за бессмысленностью, но продолжает существовать по привычке в сознании общества, и когда ресурсы удовлетворения иссякают или ещё не образованы, а потребность в них лишь возрастает, все это приводит к появлению полноценной симуляции, за которой ничего не закреплено, а затем и к деструктивным трансформациям, при успешном изобретении эксклюзивного выхода из кризиса неврогенности, общество временно входит в состояние безопасной динамичной функциональности.

Опираясь на теорию институциональных матриц С.Г.Кирдиной [5], предполагаю, что трансформация социальных институтов также, вернее смена X и Y матриц происходит благодаря определённому функциональному виду неврогенности, что и обуславливает необходимую материально-техническую среду для последующих изменений.

Отдельно хочется выделить два самых значительных социальных института, которые помимо трансформирующейся семьи, являются воспитательными и присваивающими статусы и роли, запускающие процессы самоидентификации, ведь

первичная неврогенность направлена на институциональные изменения, а вторичная на адаптацию к произошедшим модернизациям:

Образование, как фундаментальный институт социума, также подвергается преобразованиям в социально-культурном контексте во имя насыщения потребностей социума в качественных модернизаторах или исполнителях. На сегодняшний день система обучения содержит в себе все исторические этапы развития социума и знания, если некогда в школах обучали письму и счёту (передача навыков письменности и её распространение), то первая ступень образования (начальные классы) копирует программу образования древних государств, затем поэтапно изучаются примитивные законы природы, экономического обмена и трудовые навыки, старшая ступень становится «Академией» добычи и использования информации – ещё несколько лет назад в России предмет ИТК начинал изучаться лишь в старшей школе, причем достаточно поверхностно, сегодня же знакомство с компьютером происходит гораздо раньше (имеется в виду не домашнее пользование, а профессиональное). Но не только приведённый аргумент говорит нам об этом. Изменилась сама суть образовательного процесса: теперь школьник или студент учатся находить необходимые коды, а не усваивать их как факт и знание для применения. Когда новые поколения пересекают порог университетов, то перед преподавателями, получившими воспитание и профессиональные компетенции в доинформационном обществе модерна и развития промышленности, в лекционных залах сидят не ищущие смысл, а ищущие информацию, что и становится одним из трансформационных парадоксов: может ли цивилизация существовать с обесмысленными знаниями? [6]

Институт труда, несомненно, подвергается изменениям – вместо человеческого ресурса приходит информационно-технические. За станками стоят всё меньше и меньше людей, и становится всё больше управляющих не агентами коммуникаций, а самими информационными потоками. Профессиональные компетенции меняют свойства с практических навыков на организационно-контрольные. В современном обществе профессия, требующая знаний в области программирования и использования ПК превратилась в обыденностью, а вот владение профессией столяра, наоборот, исключением (уникальным явлением среди представителей нового поколения). Таким образом, изменяется не только компетентность профессионала, содержание самой сферы, но и качество производимых ею результатов и вместе с ней система оценки этого качества.

Информационная волна изменений содержит в себе как негативные проявления, так и позитивные в субъективных современных оценках мирового сообщества, но, тем не менее, определяя тип неврогенности, возможно глубоко изучить направленность и деструктивность модернизирующего актива социума, основанного на потребностях, выявить динамику развития и предсказать некоторые среднесрочные тенденции.

1. Элвин Тоффлер. *Третья волна* / Москва: АСТ, 2004 — 781 с.
2. Дэниел Белл. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования* / Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. — М.: Academia, 2004 - 788 с.
3. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии* / серия: "Социологическое наследие"; Издательство "Наука", 1991 - 576 с.
4. Фромм Э. *Бегство от свободы* / АСТ, Астрель: 2011 - 288 с
5. Кирдина С.Г. *Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы.* // Журнал социологии и социальной антропологии. № 1, 2001.
6. Бершадская М. *Функциональная грамотность школьников и проблемы высшей школы* // Отечественные записки, № 4 «Тень знаний»(49) 2012, дата обращения 17.03.2015, URL: [<http://www.strana-oz.ru/2012/4>]
7. Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры* // М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.

АНАЛИЗ "ТРАНЗИТНЫХ ПРОСТРАНСТВ" СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ, ФРЕЙМ-АНАЛИЗА И НЕЙРОНАУКИ

Вилейкис А.И. (Санкт-Петербург)

Цель работы: переосмысление и изучение новых методик для изучения "транзитных пространств" современного города.

Очевидно, что "транзитные пространства" стали неотъемлемой частью городской повседневности. Рэм Колхас в работе "Junkspace" допускает мысль о том, что "транзитное пространство" (пространство метрополитена, шоссе, улицы) в какой-то момент переросло в пространство мусорное, которое выталкивает в область Иного большую часть архитектуры города, возможно даже городской идентичности, оставляя пользователям только "мусорное пространство".

Вместо того, чтобы созидать, это пространство манипулирует, управляет пользователем, навязывает ему свои желания, подталкивая к потреблению (здесь имеется в виду не только потребление каких-либо товаров, но и потребление самого пространства). Схожие тезисы были выражены ещё Вальтером Бенямином и Борисом Гройсом.

Оба мыслителя осуждают то, как дизайн захватил архитектуру и сделал пользователя "невольным заложником" массового общества (или капитализма, если говорить о Гройсе).

В то же время, если обратиться к противоположной точке зрения, то можно обнаружить странный парадокс. В современном мире пользователь сам создает пространство вокруг себя, наполняя его своим личным смыслом. Тезис Георга Зиммеля о городском одиночестве должен быть переосмыслен. Если раньше город мог быть представлен, как целая идентичность, то с его расширением он стал гетеротопичным фреймом, в котором смешались самые разные группы отдельных малых сообществ. Но даже гетеротопия была чем-то скреплена.

Смартфон можно назвать третьим изобретением города. Лифт позволил создавать анклав реальности в гигантских домах. Кондиционер создает анклав внутри этажей. Смартфон же создает анклав внутри индивидов.

То есть, теперь социальная реальность повседневности раздроблена на множество маленьких, возможно единичных миров, а сама "материальность" города вытеснена в сферу очевидно отсутствующего, а архитектура в область Иного.

Поэтому, представляется целесообразным перестать изучать социальные практики вне окружающего их пространства. Когда Альфред Шюц утверждает тождественность реальности повседневности первичной, он делает это до столь широкого расслоения мира. В чисто социальном конструкте она возможно и является первичной, в многомерной реальности, где материальные объекты имеют такие же социальные свойства, как и люди.

В итоге, вместо простой картины городских сообществ, обладающих определенными характерными структурами, мы видим огромный многомерный город, в котором у каждого пользователя есть своя реальность, а первичная реальность вытеснена в Иное, откуда иногда извлекаются материальные объекты.

Ответом на данный вопрос, возможно, может послужить изучение городской повседневности с помощью нескольких методик, чтобы вместо создания одной единственной научной реальности, попробовать найти нечто дробное, непостоянное, изменчивое.

Большая часть предыдущих методов изучения городских сообществ выталкивала из хинтерланда огромную часть материала, пытаясь подкрепить все единой структурой (по сути: создать единую структуру).

Данная смешанная методика позволит изучить взаимодействия человека с фреймом текущего взаимодействия (здесь имеется в виду понятие фрейма Мари Мол, а не Ирвинга Гофмана), со мирами его памяти (первичной, вторичной и третичной социализаций, которые, безусловно, влияют на его текущее поведение) и то, как пластично изменяется мозговые структуры у городского жителя, как воспринимает окружающее его пространство мозг человека (здесь особо важно сделать акцент на работе амигдалины, потому что именно она является лучшим индикатором того, как эмоционально воспринимаются сигналы от окружающего мира).

Данный метод может объяснить, почему так популярны городские легенды, что такое современная городская идентичность, какими будут города ближайшего будущего и, наконец, как сам человек воспринимает то пространство в котором живет.

1. *Koolhaas R. Junkspace. – 2006.*
2. *Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма //Маски времени. Эссе о культуре и литературе.–СПб.: Симпозиум. – 2004. – С. 224.*
3. *Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости //Неприкосновенный запас. – 2003. – №. 4. – С. 30.*
4. *Law J. After method: Mess in social science research. – Routledge, 2004.*
5. *Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь //Логос. – 2002. – Т. 3. – С. 4.*
6. *Шюц А. О множественности реальностей //Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – №. 2. – С. 3-34.*
7. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта //М.: Институт социологии РАН. – 2003. – Т. 752.*
8. *Вахштайн В. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией //Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – №. 1. – С. 25-30.*
9. *Фуко М. Другие пространства. Гетеротопии //Проект International. – 2008. – №. 19. – С. 171-179.*

ПРОЕКТ В ДЕЙСТВИИ: АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Выскубова А.А. (Волгоград)

Институциональное направление в теории экономики условно разделяют на старый институционализм (Т. Веблен, Дж.М. Кларк, У. Митчелл), для которого характерна критика рационального основания экономических действий, а институты понимаются как правила поведения, закрепленные в виде правовых норм и общественных учреждений. Собственно общество понимается как самостоятельный хозяйствующий субъект, новый институционализм (Р. Коуз Д. Норт), представляющий собой анализ влияния институтов на экономическую деятельность, здесь общество предстает совокупностью субъектов. В настоящее время активно развивается направление, названное новым французским институционализмом (Л. Болтански, Л. Тевено, Э. Кьяпелло), в котором экономика рассматривается как специфическая подсистема общества, а общество представляется с точки зрения институциональных подсистем или «миров». [2]. Социология оправдания Л. Болтански и Л. Тевено направлена на изучение форм объединения людей, на изучение того, как люди действуют и как они приходят к согласию в каждодневных практиках, к каким режимам координации они обращаются в повседневности.

Социологи выделили шесть «градов» справедливости: мир вдохновения, домашний мир, мир мнения, гражданский мир, мир рынка, мир науки и техники. Каждый из них имеет свою логику обоснования поведения. Наибольший интерес для нас представляет седьмой проектный градус, о котором Л. Болтански и Э. Кьяпелло пишут в своей работе «Новый дух капитализма». Проект – это набор активных контактов, направленный на

созидание объектов и субъектов, а проектный град выступает как некоторая система ограничений, которые «воздействуют на сетевой мир, благоприятствуя тому, чтобы новые связи и отношения завязывались только при том условии, что участники проекта следуют в своих действиях обоснованным правилам и нормам» [1, 204]. Сеть представляет собой временные знакомства и связи, которые готовы возобновляться с различными группами людей вновь и вновь. А проект, в свою очередь, это удобный случай для установления связей и распространения контактов, что является основанием для расширения сети.

Объектом исследования стала система студенческого самоуправления, а именно объединенный Совет обучающихся ВолГУ (далее ОСО). В структуру ОСО входит 14 органов студенческого самоуправления. Совет имеет свою определенную структуру, есть руководящий состав, каждый орган в данной организации декларирует определенные функции, которые официально прописаны в документах. Однако наблюдается некоторое противоречие между заявляемой структурой и способом функционирования каждого органа. Все органы консолидируются и становятся равными, когда нужно создать проект. Тогда студенты отходят от прописанных функций в их органе и начинают заниматься организацией общего проекта. Наиболее тесно сотрудничают только три организации:

«три крупных объединения у нас работают: волонтерский центр, профсоюз и ассоциация студентов, АССО она называется, или как правильно. Ну, в общем, они все сотрудничают между собой» (Ж., 21 год, представитель СВО «Прорыв»).

В этой сети профсоюз выступает как орган, спонсирующий мероприятия других организаций:

«ежегодный студенческий выездной проект «Сарпа» на острове Сарпинском. Проходит, он ежегодно, ну, каждый год спонсируется профсоюзом» (М., 20 лет, представитель профсоюзной организации).

Все органы открыты для вступления желающих вне зависимости от формы их обучения. Отметим, что каждый из органов ведет учет своих членов и борется за увеличение своего численного состава:

«чем больше студентов будет, тем больше, с какой-то стороны, будет профвзнос, тем больше будет проводиться мероприятий. Или чем больше будет студентов, тем больше просто будет сама организация потому, что это будет сравниваться. Например, профсоюзная организация педагогического университета, она считается самой большой в городе. И такая мини соревновательная, так сказать, составляющая тоже присутствует» (М., 20 лет, представитель профсоюзной организации).

Деятельность органов ОСО, преимущественно, не согласуется с ее формальными обязанностями. Основным видом работы является подготовка проектов. В такой ситуации органы объединяются между собой и, тем самым, создают «сети» для эффективной работы.

«для помощи профсоюзу привлекаются студенты активисты, которые могут входить в различные органы студенческого самоуправления» (М., 20 лет, представитель профсоюзной организации).

Основные принципы проектного града: активность, проекты, расширение сети, преумножение связей. Активность в студенческом органе позволяет налаживать социальные связи с членами других органов, помогает развивать творческий потенциал. Активность «направлена на то, чтобы создавать проекты или подключать к проектам других людей» [1,209]. Обратимся к нарративам, описывающим работу над проектом.

«проводилось мероприятие Недели зарядок, оно организовывалось волонтерским центром, но там принимали, судили ребят педагог-организатор, потом профактив – председатель профсоюзной организации, вот, и так всегда» (Ж., 21 год, представитель СВО «Прорыв»).

В вышеописанном случае мы видим, что активность волонтерского центра направлена на подключение к проекту других активистов. Мы видим объединение трех органов студенческого самоуправления – это СВО «Прорыв» (организаторы), студактив и

профсоюзная организация. К реализации данного проекта все участники подключались добровольно, что привело к довольно эффективному функционированию проекта.

При разработке теории ученые выделяют две ведущие фигуры, без существования которых функционирование проекта не возможно – это руководитель проекта и эксперт. Руководители проекта «устанавливают контакты между сферами или полями: они предоставляют возможность сотрудничать людям различных отраслей и профессий, привлекая разные департаменты, учреждения и предприятия и знакомят, например, двух экспертов, имеющих опыт каждый в своей области» [1. С.219]. Компетенция эксперта «базируется не на стандартных, а на личностных, глубоко усвоенных знаниях; его компетенция есть результат жизненного опыта, то есть многочисленных контактов, в том числе и главным образом с обладателями специальных знаний. Ясно, что эти контакты восходят к каким-то прежним проектам, о которых он прекрасно помнит» [1.С.220]. Руководителем в вышеназванном проекте являлся директор СВО «Прорыв». Именно он «соединил» всех людей из разных органов в одну команду, он налаживал с ними связь. А экспертами выступили кураторы студенческой деятельности в каждом из институтов, у которых консультировались участники проекта.

Подводя итог, следует сказать, что, во-первых, каждый орган, имея свою структуру и формальные функции, которые они должны выполнять, чаще всего занимается проведением развлекательных мероприятий. Во-вторых, есть три организации, взаимосвязь которых наиболее четко проглядывается – это СВО «Прорыв», Советы обучающихся институтов и профсоюз. При возникновении необходимости организации проекта эти три органа консолидируются и создают сети. Их члены «забывают» на некоторое время о своих функциях и обязанностях, так как вовлекаются в общий проект всех органов. После завершения проекта они возвращаются к своим прописанным функциям и обязанностям до организации следующего проекта.

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. - М., 2011.
2. Розмаинский И. В. *Институционализм*. - Журнал институциональных исследований. – 2010. – №4. – С. 130-144.

ЭТИКЕТ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Гастоль Л.А. (Кировск)

Каждый день люди находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, в постоянной и непрерывной коммуникации. Для поддержания стабильности и порядка в обществе жизнь человека должна быть предсказуема. Поэтому существуют различные регуляторы поведения индивида в социуме, такие как закон, этикет, мораль и др. Этикет – это совокупность правил поведения, принятых в обществе.

Проблема этикета актуальна всегда, так как этикет позволяет людям ориентироваться в повторяющихся социокультурных ситуациях (приветствия, знакомства, поведение в общественных местах, в деловых взаимоотношениях и т.д.), он помогает избежать конфликтных ситуаций, а также этикет отражает и общий культурный уровень людей (образованность, воспитанность, конформизм).

Этикет является важной частью жизни общества, но он настолько сильно обосновался в нашей повседневности, что мы иногда даже не замечаем, что совершили то или иное этикетное действие.

Этикет неразрывно связан с понятием «коммуникация». Коммуникация в толковом словаре С.И.Ожегова определяется как общение, а общение – «взаимные сношения, деловая или дружеская связь» [1]. Р.И.Мамина определяет эту категорию шире, а именно:

«Общение – это условие и универсальный способ существования человека и общества, в процессе которого происходит обмен опыта, материальными и духовными ценностями, вырабатываются общие нормы, принципы, идеалы, установки, взгляды в различных сферах жизнедеятельности» [2].

Этикет – одна из коммуникативных технологий такого поведения, такого выстраивания отношений с людьми на принципах толерантности, гуманизма, доброжелательности, уважения народных обычаев и традиций представителей разных культур и цивилизаций [3].

Ф.К.Дахунова пишет, что в этикете «заклучен богатый опыт человеческого общения, человеческих взаимоотношений, в нем также заложен большой нравственный, философский эстетический смысл и, поэтому нельзя сводить его значение лишь к правилам поведения, хотя последние выполняют важные общественные функции» [4]. Этикет регулирует отношения между людьми и является одним из элементов поддержания социального порядка в обществе. Так, К.Гиртц пишет: «посредством этикета он [человек] одновременно и защищает свою эмоциональную жизнь от внешних угроз, и регулирует собственное публичное поведение таким образом, что оно представляется другим людям предсказуемым, не вызывающим беспокойства...» [5]. То есть человек ведет себя понятно и предсказуемо, тем самым поддерживая в обществе спокойствие и социальный порядок. Так, на сегодняшний день в российском обществе сложилось противоречивое отношение к мигрантам. Многие из них не пытаются вписаться в картину окружающего их социального мира, соблюдать правила этикета той страны, куда они прибыли. Люди лучше относятся к мигрантам, если те живут по правилам данного общества.

Этикет связан с культурой народа. Например, адыги придают этикету большое значение. Целью этикета является создание благоприятной психологической атмосферы повседневных связей, отношений, контактов – атмосферы взаимного уважения и признания, согласия и понимания. В этом направлении действуют исторически сложившиеся принципы адыгского этикета: уважение и почитание старших, женщин, гостей, детей, родственников, а также самоуважение, благожелательность, скромность, артистизм. Адыги считают человека, не соблюдающего или плохо соблюдающего правила этикета, лишенным почтительности и адыгства [6].

Однако этикет выступает не только в роли интегрирующего звена, он также подчеркивает неравенство между индивидами и социальными группами, социальную иерархию в обществе. Н.Элиас описывает этот процесс на примере Франции средних веков: «Они [дворяне] шли ко двору и там оставались не в силу экономической зависимости от короля, но потому, что только двор и жизнь придворном обществе могли позволить им сохранить свое отличие от прочих и поддержать престиж, ценимый ими чуть ли не так же, как спасение души. Им нужно было принадлежать к элите, к "society" своей страны» [7].

Этикет не только интегрирует людей, но и разделяет, показывая кто есть кто в социальном плане. Этикет является связующим элементом не только между индивидами в конкретном обществе, но и между культурами. Чтобы не нарушить хрупкий баланс мира (или хотя бы нейтралитета) между людьми/обществами, чтобы предотвратить конфликты важно выполнять все правила и нормы этикета.

1. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ». 2003. С. 440.
2. Мамина Р.И. Деловой этикет: сущность, структура, функции (Философско-культуролог. анализ): автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук. – СПб. 2005. С.3.

3. Лихачева Л.С. *Этикет как технология толерантности: теория, история, современность: Учебное пособие.* – Екатеринбург. 2008, С.6.
4. Дахунова Ф.К. *Особенности зарождения и развития европейского и адыгского этикетов / Система ценностей современного общества.* № 30. 2013. С.90.
5. Гирту, К. *С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии.* URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/658/676/1219/GEERTZ.pdf> (дата обращения 08.05.2015).
6. Бгажноков Б.Х. *Адыгская этика.* – Нальчик. 1999. URL:http://apsnyteka.org/1290-bgazhnikov_b_adygsкая_etika.html (дата обращения 25.09.2015).
7. Элиас Н. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т.1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада.* – М.; СПб: Университетская книга. 2001. С.124.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ «ДАЧНИКОВ» САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Гонашвили А.С., Иванова А. О. (Санкт-Петербург)

В жизни каждого человека важное место уделяется досугу. Досуг – это свободное время индивида, которое является противоположностью трудовому или рабочему времени. Досуг непосредственно связан с потребностями индивида и, как правило, он обуславливается культурным наследием той или иной общности. Одним из ярких примеров досуговой деятельности, которое широко культивировалось в России, является отдых на «даче». Если говорить об определении понятия «дача», то по данным различных словарей и энциклопедий «дача» трактуется как «загородный дом (обычно с земельным участком) предназначенный для летнего отдыха» [1]. В январе 2015 года нами было проведено пилотажное социологическое исследование с целью выявления места дачи в жизни Петербуржцев. Объектом нашего исследования выступала «сеть дачников», а предметом были непосредственно дачники (люди, проживающие на даче) Петербурга. В нашем исследовании мы поставили две основные задачи: определить ценности нынешних дачников и определить место «дачи» как ценности в структуре повседневных или обыденных ценностей. Ценностная структура индивидов есть меняющиеся формы сущности, которые можно структурировать и видоизменять. Имея это в виду, мы вводим понятие «моральные ориентиры», которые являются в нашем исследовании мерой направления значимости той или иной ценности, включающий в себя совокупность определенных норм поведения, характерных для определенной группы людей. В группе людей с течением времени начинают зарождаться традиции и закрепляться определенные нормы, базирующиеся на ценностях, которыми в данном случае руководствуются дачники. В нашем исследовании мы выделили два основных моральных ориентира: мораль рутинного дачника и мораль дачника модерна, где под моралью рутинного дачника мы будем понимать сезонную практику дачной жизни, которая сложилась на протяжении долгого времени. У рутинного дачника дача уже является неотъемлемой действительностью в повседневной реальности. А под моралью дачника модерна мы будем понимать такое поведение по отношению к даче, где дача является динамической единицей и не является неотъемлемой частью действительности Петербуржцев. Индикаторами определяющими «морали рутинного дачника» и «морали дачника модерна» для нас будут выступать те показатели, по которым мы можем определить отношения субъекта (дачника) к объекту (даче). Так как мы измеряем мораль, а мораль, по нашему мнению, проявляется только в поведении и поступках, то мы в нашем исследовании вводим понятие трудовой активности на дачном участке. Изучаемая нами трудовая активность можно разбить на две группы труда: на труд самостоятельный и вторичный (внешний труд, наемный труд). У «рутинного дачника» объем самостоятельного труда превышает объем наемного труда, а у «дачника модерна» объем

наёмного труда превышает либо равен объёму самостоятельного труда. Также для «дачника модерна» допустимо вообще отсутствие труда на даче как такового.

В контексте нашего исследования под понятием трудовой активности мы будем понимать физические усилия и действия на территории дачи, которые базируются на целеполагания субъектов нашего исследования по отношению к объекту нашего исследования. Другим важным показателем также выступает отношение к даче. Учитывая сложность измерения такого параметра, как форма отношений, мы свели отношения к так называемому периоду времени, которое дача занимает в сознании субъекта исследования. Если переходить непосредственно к результатам нашего исследования, то можно сказать следующее: в контексте нашего исследования мы поделили наших респондентов на две группы - люди, имеющие дачу, и люди, не имеющую дачу. Мы опросили 51 респондента, из которых у 33 респондентов есть дачный участок, а у 14 - нет дачного участка (не-дачники), и 4 респондента затруднились ответить на этот вопрос. В нашем исследовании мы предложили нашим респондентам список понятий, связанных с дачей. Каждый респондент выделил от одного до четырёх понятий из списка, которые лично у него ассоциируются с понятием «дача». Список понятий был следующий: «Альтернативная форма жилья», «Выгода», «Домашнее хозяйство», «Досуг», «Здоровье», «Развлечение», «Труд». Мы проанализировали, какие понятия выбирали респонденты из каждой группы: из группы дачников и группы не-дачников. Среди дачников самым часто выбираемым понятием оказалось слово «Досуг» – его ассоциируют с дачей большая часть респондентов. На втором месте – «Здоровье» и на третьем – «Труд». Респонденты не-дачники чаще всего выбирали слова «Досуг», «Труд» и «Домашнее хозяйство». На основании этих данных можно сделать вывод, что дачники сильнее, чем не-дачники склонны подчёркивать ту пользу, которая дача приносит их здоровью. Не-дачники склонны видеть в даче скорее еще одно жилище, место, которое требует ведения домашнего хозяйства наряду с домом. Мы решили разобраться в этом вопросе подробнее и выяснить, кто, по мнению респондентов, должен заниматься домашним трудом на даче. Для этого мы представили нашим респондентам ряд фактов и предложили выразить свое согласие/несогласие с ними по пятибалльной шкале «Лайкерта», где 1 - полностью не согласен, 2 - не согласен, 3 - затрудняюсь ответить, 4 – согласен, 5 - полностью согласен. Факты, предложенные респондентам, звучали так: использование самостоятельного труда, использование наемного труда, использования труда родных (детей, внуков, родственников), использование наемного труда для решения всех проблем, связанных с трудовой активностью на даче, включая самую мелкую трудовую активность (Например, посадка цветов и т.п.). На основании ответов респондентов мы высчитали средний балл согласия с использованием разного труда. Границы возможных баллов находятся в промежутке от 1 до 5. Полученный средний балл мы назвали уровнем согласия. Уровень согласия с использованием своего собственного труда на даче составляет 4,27. Уровень согласия с использованием наёмного труда вообще – 3,42. При этом уровень согласия с использованием наёмного труда во всех мелочах гораздо меньше – 2,79. Люди скорее согласны использовать трудовую активность своих родственников – уровень согласия в этом вопросе составляет 3,79. Это говорит о том, что свой труд или точнее трудовая активность остаётся приоритетным способом ведения домашнего хозяйства. Дача видится как место для труда владельца дачи и членов его семьи, наёмный труд менее желателен. Другим важным вопросом нашего исследования был вопрос, который звучал следующим образом: «В современном обществе дачный участок выполняет множество функций. Какие функции дачного участка наиболее важны для Вас? Оцените важность каждой функции с Вашей точки зрения, по 5-ти бальной шкале, где 1 соответствует самому низкому уровню важности (не важно), а 5 – максимальному (очень важно)». Мы предложили респондентам рассмотреть шесть основных функций дачи, а именно: функция дачи как сохранения формы для здорового образа жизни, функция дачи как места для развлечений, функция дачи как укрепления связей в семье, функция дачи как

демонстрации своего социального положения в обществе, функция дачи как источника дохода, функция дачи как альтернативной формы жилья. По ответам респондентов видно, что размах вариации ответов данных функций респондентами оценивается практически равномерно в тех или иных интервальных границах, что говорит нам о многофункциональности дачи и о том, что оценки респондентов по отношению к функциям дачи являются неоднозначными см. Таб.1 Ответы респондентов на вопрос о функциях дачи.

Таб.1 Ответы респондентов на вопрос о функциях дачи

Наименование функций	1	2	3	4	5
Функция дачи как сохранения формы для здорового образа жизни	7	10	13	11	10
Функция дачи как места для развлечений	2	8	17	15	9
Функция дачи как укрепления связей в семье	3	11	13	15	9
Функция дачи как демонстрации своего социального положения в обществе	12	12	18	8	1
Функция дачи как источника дохода	29	11	8	3	0
Функция дачи как альтернативной формы жилья	6	12	15	13	5

Подводя итогу всему вышесказанному важно отметить, что дача является одним из важных элементов жизнедеятельности жителей Петербурга. По ответам респондентов в контексте нашей теории видно, что отношения к даче является неоднозначным, а связано это с тем, что ценности индивидов имеющих отношение к даче – различны. Для кого-то дача является традиционной формой досуга, в котором превалирует самостоятельный труд, в нашем контексте такая форма отношений обозначалась как «моральный ориентир рутинного дачника», а для кого-то лишь временным элементов, который по ответам респондентов связан с формой развлечения, в контексте нашего исследования такая форма обозначалась как «моральный ориентир дачника модерна». Но как для первой группы с «моралью рутинного дачника», так и для второй группы с «моралью дачника модерна» дача является неотъемлемым частью их жизнедеятельности, в которой собрано воедино различные ее социальные функции.

1. Толковый словарь от Ефремовой [Электронный ресурс] URL: http://www.efremova.info/word/dacha.html#_VhRBp5B6eLV (дата обращения: 07.10.2015)
2. *Методология и методы социологического исследования: Учебник / под ред. В.И. Дудиной, Е.Э. Смирновой; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 388 с.*

ТРУДОВЫЕ СИМВОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Грахова А.В. (Санкт-Петербург)

Современное российское общество находится в процессе трансформации, это связано с процессами глобализации, с меняющимся типом хозяйства, развитием техники, политическими процессами, социальными и культурными. Также это связано с тем, что в

России население составляют две группы – те, кто родился и вырос в государстве СССР и те, кто рос в современной России. Идеология, пропагандируемая в эпоху СССР, уделяла особенное внимание труду и сформировала общепринятые символы труда, значимые в современном российском обществе. В связи с тем, что отношение к труду трансформируется, трансформируются и трудовые символы, в которых оно заключено.

Актуальность работы состоит в том, что данная проблема ранее не была изучена именно в данном контексте. Исследований, рассматривающих символические аспекты труда, еще не проводилось. Практический характер исследования заключен в том, что его результаты помогут понять отношение к труду в современном российском обществе, что может помочь в изменении позиционируемого взгляда на труд.

В настоящее время в социологии повышается интерес к проблемам функционирования и генерализации символики, что до недавнего времени относилось к области философии и семиотики.

Гипотеза исследования: в современном российском обществе прослеживается тенденция изменения трудовой символики в связи со снижением ценности труда и отождествлением понятий труд и работа.

Цель данной работы - выявить особенности позиционирования труда в современном российском обществе и определить, почему символизм труда имеет в нем такие качества. Объектом являются трудовые символы, а предметом – трансформация трудовых символов в современном российском обществе.

В качестве теоретической базы исследования используется теория символического интеракционизма, представителями которой в социологии являются Джордж Герберт Мид, Анselм Стросс, Мэнфорд Кун, Т. Партерленд, Герберт Блумер. Эта теория важна для исследования, т.к. говорит о том, что озвучивая явление определенным словом, мы вкладываем в него особое значение. Поэтому очень важен язык, т.к. в разных языках одно и то же явление, выраженное посредством слов, может подразумевать под собой разное отношение и разное видение. В качестве метода практического сбора данных использован анкетный опрос.

Христианские традиции сформировали особую нишу кратких изречений – пословиц и поговорок, в которых выражается оценка разнообразных жизненных ситуаций. Их можно трактовать как символы. Этическое преодоление презрения к труду было совершено на почве православия, которое провозгласило принцип «если кто не хочет трудиться, тот и не ест» [2-е Фессалоникийцам, 3:10]. Христианство дает отличный от античного взгляд на неустанный труд как на «дело божие» [3, с. 161]. Античность демонстрирует противоречивость трактовки труда как ценности, представление о труде основывалось на древнегреческой мифологии, которая в принципе изобилует символами. Труд как божественный удел в мифологии символизирует богиня земледелия Деметра, по указанию которой Триптолем развезжает по земле и учит всех законам земледелия. В народном творчестве всех культур труд прославляется. О труде в русских пословицах можно встретить более 100 высказываний (без труда не вынешь и рыбку из пруда; суди о человеке по его труду; без труда жить — только небо коптить), большинство из которых пропагандируют труд, порицают лень и говорят о том, что только трудящийся заслуживает благо. Для того, что бы понять характер народа, распространенные взгляды на жизнь, образ мыслей пословицы являются наиболее достоверным источником. Говоря о символах труда в искусстве, нельзя не упомянуть о периоде СССР. Лозунг «труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства» с разными вариациями, широко использовался в советской идеологической пропаганде: наносился на архитектурные объекты, государственные награды (в частности, на медали «За трудовую доблесть»). Серп и молот общепризнанные интернациональные символы труда, которые ассоциируются в настоящее время не столько с трудом как отдельным феноменом, сколько с коммунистическим режимом, поэтому запрещен в некоторых странах, таких,

как Эстония, Польша, Молдова и т.д. Символы труда – это выражение отношения к труду через ассоциации, а также выражение отношения к общепринятым символам труда.

На особенность формирования трудовой символики влияют СМИ и политика. Соответственно, то, что в современном обществе говорят по поводу труда, является его символом. Однако, то, что политические деятели говорят о труде, является популяризацией экономического эффекта труда, но никак не социального. Таких идей, как «труд – источник служения и развития общества, труд развивает и облагораживает», нет. Этим идеям вторит и церковь, которая в принципе отходит от формирования трудовой морали – религия говорит о роли труда в жизни человека, но говорит очень мало, уделяя внимание другим аспектам социальной жизни. Говоря об искусстве, его использование в символических или ритуальных целях сходит на нет, оно приобретает функциональность, нацеленность на коммерциализацию. Сейчас не говорят о том, что труд является источником развития человека и общества. Нельзя говорить о символах труда в современном кино, литературе, религии, но они тянутся из прошлого, они известны и актуальны.

Путем проведения эмпирического исследования были получены следующие выводы: около половины опрошенных выразили согласие с изречениями из православия и ислама относительно труда, в основном это представители взрослого населения страны, молодежь высказала либо несогласие, либо безразличие. Согласные с позиционированием труда в религии также согласны с его трактовкой в народном творчестве.

Выявлено наличие взаимосвязи ответов на вопрос об отношении к изречению из православия и вопросами об отношении к общепринятым символам труда. Для тех, кто высказал согласие с религиозными высказываниями, характерно положительное отношение к общепринятым символам труда.

Большинство опрошенных связывают лозунги, связанные с трудом, с эпохой СССР, отмечают, что они были полезны для мотивации людей к труду в СССР, но в современное время неактуальны и общество не нуждается в подобных способах мотивации к труду, отмечается необходимость лишь экономической мотивации.

В современном российском обществе понятия «труд» и «работа» отождествляются, труд ассоциируется с чем-то тяжелым, физическим. Общепринятый символ труда – праздник Весны и Труда 1 мая потерял изначальный смысл, является поводом отдохнуть, выходным и началом дачного сезона.

Обобщая, то или иное отношение людей к трудовым символам – это отношение к самому труду в современном российском обществе. Отношение к труду сегодня базируется более на экономических факторах, чем социальных. Труд для россиян представляется экономическим ресурсом – способом заработка, обеспечения жизни, возможности потребления, но никак не социальным мотиватором, т.е. как общественно полезное явление, способствующее саморазвитию, важный для развития общества процесс, труд не рассматривается.

1. Бурлачук В. Ф. *Символ и власть: роль символических картин в построении социального мира.* — К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. — 266 с.
2. Кармадонов А. *Социология символа.* — М.: Academia, 2004. — 352 с.
3. Фиолетов Н. *Христианское учение о труде // Очерки христианской апологетики. М.: Братство во имя Всемилостивого Спаса. 1992. — 103 с.*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ СО СТОРОНЫ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Гребенщиков И.В. (Санкт-Петербург)

В современном российской действительности понятие социальный контроль вышло из сугубо научной сферы и стало широко употребляться в обществе. В широко известном смысле социальный контроль толкуют как наблюдение за поведением человека в обществе на предмет соблюдения им общепринятых правил и исключения возможных социальных конфликтов.

Изучение сущности некоторых проявлений института социального контроля имеет высокую актуальность, связанную с растущими темпами развития интереса «снизу» к данным формам деятельности (проекты «СтопХам», «Трезвые Дворы», «ЛевПротив» и т.д.). Популярность гражданской активности по этому направлению говорит о желании пассионарной части общества превратиться из объекта в субъект социального контроля. Одной из самых активных групп общественной структуры, использующей инструмент социального контроля в своей деятельности, является националистическое сообщество.

Изучение использования инструмента социального контроля националистическими группами проводилось путем мониторинга и качественного анализа профильных материалов в сети Интернет, а также путем включенного наблюдения в ходе акций социального контроля «ЛевПротив» и «Русская Зачистка».

Немецкий социолог Э.Фромм напрямую связывал эффективность функционирования социума со способностью его членов успешно воспроизводить общественные установки и ценности в своих действиях и поведении [1,194]. Националистическое сообщество, придерживающееся консервативных и традиционных постулатов, в настоящее время проводит активную экспансию в сферу общественных отношений, как некий оценщик воспроизводства социальных норм и установок. В условиях высоких информационных технологий достигается высокая степень медийности тех или иных акций социального контроля, что приводит к процессам рекрутизации невовлечённой молодежи в ряды националистического сообщества.

Говоря о социальном контроле, Т. Парсонс указывает, что социальный контроль является инструментом борьбы с девиантным поведением членов общества и поддержания социума в стабильном состоянии [2,160]. Именно поэтому проект социального контроля «Оккупай–педофилияй» Максима «Тесака» Марцинкевича положил начало всплеску гражданской активности националистов в области социального контроля. То есть речь идет о том, что националисты воспользовались не исторически присущей им тематикой насилия над лицами неславянской национальности, но тематикой общепринятого осуждения некоторых социальных девиаций, в данном случае – педофилии.

Обобщая направления социального контроля, которые активно развиваются националистами, можно выделить такие категории:

1. Борьба с нелегальной торговлей
2. Борьба с педофилами
3. Борьба с наркоторговлей
4. Борьба с нелегальной рекламой
5. Борьба с распитием алкоголя и курением в общественных местах

Выделение подобных категорий позволяет увидеть, что при помощи этих форм социального контроля националистическое сообщество осуществляет поворот от маргинальности своей ориентированности к большинству российского общества, поддерживающего осуществляемые националистами действия по обозначенным направлениям.

Интересной особенностью трансформации националистического сообщества от маргинальности к своей популяризации в массах через инструмент социального контроля является использование нововведений в сфере государственного законодательства. То есть использование формальных санкций, как предпосылку для проведения своих акций социального контроля (например, федеральный проект «ЛевПротив», борющийся с курением в общественных местах).

Некоторые актуальные сложности в экономическом секторе серьезно обострили вопрос нелегальной рекламы, которая в своей массе носит характер предложений интим-услуг. Ряд националистических групп выполняют регулярные рейды на пространстве городского ландшафта, направленные на уничтожение подобной рекламы, что, опять же, положительно оценивается большинством российского общества.

С точки зрения инструментария санкций социального контроля, можно говорить, что в этом отношении националистические сообщества разделились на два направления. Одни предпочитают использовать исключительно законный инструментарий, привлекая представителей органов правопорядка к своим рейдам. Другие же националистические группы (и их большинство) остались верны традиционным для националистического сообщества инструментам, таким, как: угрозы насилия, непосредственное насилие, унижение человеческого достоинства, использование подручных средств.

При этом известно, что эффективность применения санкций определяется такими параметрами, как: соразмерность действию индивида, своевременность и неотвратимость применения к каждому члену общества. Насколько санкции националистического сообщества отвечают этим требованиям эффективности вопрос спорный, однако же нужно иметь в виду, что данные акции социального контроля вызывают скорее к категориям чувственного общества и выполняют роль повышения медийности той или иной группы.

Некоторые проекты социального контроля националистов не выполняли стабилизирующую функцию. Многие националистические группы вместо того, чтобы устранять, сглаживать некоторые конфликтные ситуации в социуме, наоборот нагнетали конфликтные потенциал, агрегировали общественное возмущение и интерес вокруг не самых концептуально важных в контексте государственной стабильности процессов. Кроме того, использование насилия со стороны активистов в процессе рейдов социального контроля, долгое время оставляемое без наказания под влиянием общественного одобрения, лишало государство одной из главных его прерогатив – права на насилие. Именно поэтому самые скандальные и медийные националистические проекты социального контроля оказались под жестким прессингом институтов формального контроля и в настоящее время прекратили свое существование и ли заморозили свою активность. В качестве примеров здесь можно привести проекты «Оккупай-педофилия», «Оккупай-наркофилия». Вдобавок к этому, была проведена серьезная зачистка лидеров националистического поля, которые осуществляли знаковые проекты социального контроля. Осужден М. Марцинкевич, под стражей находятся лидеры движение «Русские», закрыта организация «НСИ», а в отношении ее лидера Д. Бобров возбуждено уголовное дело.

Таким образом, инструмент социального контроля успешно опробован в инструментарии националистических групп, он показал себя как эффективный способ информационной экспансии в информационное пространство и популяризации националистического сообщества. В настоящее время активность националистов по этому направлению редуцирована под действиями санкций формального контроля, который пытается ограничить дестабилизирующий фактор националистических акций. Националистическое сообщество в настоящее время находится, во-первых, в рамках поиска новых резонансных направлений своей деятельности в русле социального контроля, во-вторых, в процессе сращивания и координации своих мероприятий с акторами формального контроля. Наконец, националистическое сообщество для продолжения роста активности практик социального контроля находится в процессе

поиска новых харизматичеких лиц, для продвижения проектов социального контроля. Последняя проблема может быть решена вместе с выходом на свободу М. Марцинкевича в ноябре 2016 года.

1. Тадевосян Э.В. *Социология. Учебное пособие.* – М.: Знание, 1998.
2. Касьянов В.В. *Социология: экзаменационные ответы.* – Ростов н/Д.: Феникс, 2003.
3. Бергер П. Л. *Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива.* – М.: Аспект Пресс, 1996.
4. Кравченко А.И. *Социология: учебник-М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2008.*

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Григорьева Н.И. (Санкт-Петербург)

Данное исследование посвящено изучению того, как изменения в современном образе жизни влияют на трансформацию образовательных практик и роль образования в повседневности. Наряду с жесткими структурами в рамках различных сфер жизни (карьера, образование, досуг, жильё и т.д.) появляются новые, которым свойственна гибкость, изменчивость, непостоянство. Это происходит в свете изменения базовых качеств общественных структур: им стала свойственна изменчивость и даже нестабильность.

Повседневной жизни современного человека свойственна ситуация выбора между жесткой или гибкой практикой в той или иной сфере (жесткий график работы 5/2 или удаленная работа и т.д.). Наряду с этим, повышение темпа развития технологий ведет к постоянному устареванию знания – это стимулирует популяризацию образовательных практик. Приверженцы жестких практик (стабильности и предсказуемости) пользуются «гибкими услугами», ввиду их доступности и удобства. Тогда как те, кто в большей степени предпочитает гибкие формы деятельности, не может полностью избежать жестких структур, поскольку именно они составляют основу гарантий будущего и безопасности, к которой стремится подавляющее большинство.

В данном исследовании высказывается гипотеза о том, что в повседневной жизни люди, в основном, стремятся к балансу между гибкими и жесткими практиками. Образование в сложившейся ситуации занимает особое место, поскольку и жесткие, и гибкие образовательные практики сегодня очень востребованы (как и образование в целом), однако гибкие – представляют для нас особый интерес ввиду своей новизны. Выбранная тема показывает себя как в высшей степени актуальная не столько по причине рассмотрения последних изменений в общественной структуре, сколько потому, что динамичный процесс развития общества обуславливает быстрое устаревание информации, что требует всё большего количества свежих исследований.

Динамика социальной структуры заслуживает повсеместного внимания исследователей образа жизни и повседневности. В первую очередь стоит отметить формирования нового качества повседневности, которое отмечает З. Бауман: «текучесть», как тенденция к изменчивости и непостоянству, составила основу данного исследования. Важно отметить, что жизнь в условиях т.н. «текучей современности» обрела новые двойственные особенности. Так, современный человек обладает беспрецедентно широким спектром возможностей для самореализации, а также свободой выбора жизненных стратегий и тактик. Кроме того, постиндустриальный этап развития общества не зря называют «эрой мобильности» - она пронизывает многие, если не все, сферы жизни: от мобильной связи до удаленного режима работы.

Бесконечные возможности самореализации в действительности продиктованы постоянной сменой ценностных образцов, что приводит к одержимости выбором: в карьере, формировании быта, романтических отношениях и т.д. Человеческая свобода оказывается мнимым конструктом, за которым кроется нестабильность: проектная работа – частый выбор представителей креативного класса – оставляет ее исполнителя без пенсионных отчислений, гарантий и прочих «подушек безопасности». Свобода выбора в данном случае предполагает, что человек предоставлен самому себе в вопросе определения собственной судьбы, и в этом смысле можно говорить об одиночестве («одиночестве в толпе»), как одном из наиболее заметных свойств современного общества.

Креативный класс вовлечен в вышеупомянутые процессы активнейшим образом: ведь представителям именно этого класса наиболее свойственно стремление к свободному выбору. Создатели идей, они склонны строить горизонтальную, а не вертикальную карьеру, что означает более частую потребность в смене рабочего места. Кроме того, им более свойственны гибкие повседневные практики: изменения в режиме сна и бодрствования (в угоду, например, сдачи проекта в срок), удаленная работа над проектом из тропических стран. Т.о. представители креативного класса могут считаться группой, наиболее наглядно применяющей гибкие практики в своей повседневной жизни.

Важно также отметить появление в социологическом дискурсе и другого нового социального класса – прекариата. Эта концепция Г. Стэндинга отсылает нас к теме нестабильности и отсутствия гарантий. Прекариат – это класс людей, существующих «на грани», сюда относятся люди, работающие за прямую оплату, не претендующие на социальные выплаты. Без гарантий стабильного будущего оказываются, в частности мигранты, фрилансеры, сдельные работники. В рамках данного исследования наибольшее внимание уделено фрилансерам, которые зачастую являются представителями креативных профессий, что создает зону пересечения креативного класса и прекариата.

Изменения общественной структуры подразумевают активные преобразования, как на рынке труда, так и в сфере образования. Для современных специалистов одним из наиболее острых вопросов становится поддержание актуальности собственных профессиональных навыков. Стремительное развитие технологий и методов производства влечет за собой изменения в требованиях к кадрам. Всё это формирует необходимость в быстром, удобном и актуальном образовании: этим требованиям отвечает активно развивающаяся отрасль онлайн-образования. Сегодня большинство жителей развитых стран имеют доступ в Интернет, где у них есть возможность посещать разнообразные курсы: от робототехники до живописи. Крупнейшие образовательные интернет-порталы, такие как Coursera, EdX, Udacity (зарубежные) или Университет без границ, Uniweb, Универсариум (отечественные) предлагают как образовательные программы крупнейших ВУЗов мира, так и редкие авторские курсы.

Все виды такого обучения предполагают, что студент может сам планировать время и интенсивность своих занятий. Это объясняет сразу несколько причин их высокой популярности: с одной стороны они позволяют поддерживать актуальность своих навыков и расширять кругозор, с другой – дают возможность быть независимым. Однако, активизировались и мошеннические практики в этой сфере с целью получения престижных дипломов. Это стимулировало не только развитие методов контроля, но и коммерциализацию этой сферы образования. Кроме того, сугубо удаленное образование характеризуется недостатком живого общения с преподавателем и между студентами.

Тем не менее, онлайн-образование обладает высоким спросом и формирует новые практики и структуры: руководители коммерческих фирм чаще финансируют посещение онлайн-курсов для сотрудников, появляются онлайн-рынки образовательных услуг, осуществляющие продвижение подобных инициатив.

Современный образ жизни оказывается противоречивым: человек постоянно находится в состоянии поиска, выбора и неопределенности. Наряду с гибкими

практиками, продолжают существовать жесткие структуры, избежать которых практически невозможно. Способы поиска баланса между гибкими и жесткими практиками представляет особый интерес в рамках эмпирической части исследования. В данной работе также рассмотрено изменение в этом контексте места образования в современном образе жизни.

Качественный подход обуславливает методы данного исследования: 20-25 глубинных интервью позволяют собрать разнообразный материал для анализа. Свободный характер интервью стимулирует наиболее непринужденный нарратив о повседневных практиках и позволяет получить полную картину образа жизни интервьюера и рассмотреть роли образования в этом процессе.

1. Бауман З. *Текущая современность* / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с. – 18+
3. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. – Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
4. *Using technology to fight cheating in online education* // *Los Angeles Times*, URL: <http://articles.latimes.com/2013/may/01/local/la-me-online-cheating-20130502>
5. *Доверие к сертификатам MOOC или «Папа у Васи силен в математике»* // «Хабрахабр» - социальное СМИ об IT. URL: <http://habrahabr.ru/post/187054/>
6. Еремеева А. *Ученье – тренд* // «Машины и механизмы» №10 (109)

ОСОБЕННОСТИ НАКАЗАНИЯ ПОДРОСТКОВ 13-14 ЛЕТ В РОССИИ (НА ОСНОВЕ МОНИТОРИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» 2013 ГОД)

Григорян А.О. (Ростов-на-Дону)

Сейчас на поприще российской социологии, усиливается исследовательский интерес к тематике форм девиантного поведения в семье, особенностей социализации и воспитания в современных семьях, переоценке традиционных методов воспитания. Относительно воспитания, социологи акцентируют внимание на изменении репродуктивных ориентаций [1], [2], эволюции иерархии и взаимодействия институтов первичной социализации [2], ресурсных возможностей современных семей [3]. Как и все функции, воспитательная функция имеет определенные методы влияния и взаимодействия с ребенком. И наказание, и поощрение, как главные методы воспитания, призваны поощрять целостность системы. Однако, неправильное или, не вовремя использованное наказание, становится источником разлада взаимоотношений между родителем и ребенком, тем самым нарушая созданную целостность. Особенно опасным становится применение наказания в отношении подростка 13 -14 лет, когда либеральная сфера ровесников и, достаточно жесткая система контроля внутри семьи, имеют одинаковую значимость и противоположные вектора. Ситуация также усугубляется развитием масс-медиа, плюрализм которого часто становится основанием внутрисемейных конфликтов [4].

Подросток 13-14 лет, безусловно, воспринимается родителем несколько иначе, чем ребенок. Взрослый осознает его возросшее право на свободу и понимает, что методы воспитания должны соответствовать возрасту. Поэтому для демонстрации разницы в отношении воспитания подростка следует начать с традиционных методов наказания ребенка в рамках российской реалии - с физического насилия.

В отношении физического наказания подростков 13-14 лет, мнение родителей очень поменялось. Если в 2000 году только 27% считало практикой подобного наказания

нормальной, то в 2013 это уже 45% [5]. Таким образом, в 2013 году вопрос о физическом наказании детей, разделил информантов на два, численно почти равных (45% и 49%) лагеря. То есть, половина респондентов в 2013 году считает нормальным физическое наказание в отношении подростка 13-14 лет. Представляется, это объясняется тем, что другие методы утрачивают былую эффективность. Относительно лояльные демократичные наказания уже не имеют такую силу. Возможно, причина в почти полном замещении общения с родителями на контакты с ровесниками, а удовольствие в основном смещено в сторону онлайн-общения, а значит лишение прогулки, телевизора - неэффективно.

При этом, появляются и новые области для влияния и контроля родителя за подростком: заработанные деньги, личная переписка (вещи) и контакты с друзьями.

Большая часть россиян (68% и 65%) полагают, что родитель не имеет право забирать заработанные подростком деньги в пользу семейного бюджета. Однако, примечательно то, что количество ответивших «нет, скорее нет» уменьшилось на 3%, количество же согласных увеличилось на 2% [6]. К тому же, когда респондентам предлагалось выбрать виды наказаний (см таблица 2), «лишение карманных денег» стало популярнее на 5% (с 13% до 18%).

Отношение родителей к приватности личной жизни подростка диаметрально изменилось за 13 лет. В 2000 году 45% респондентов считали просмотр личной переписки, личных вещей абсолютно недопустимым («определенно нет»); 30% опрошенных так же склонялись к этой точке зрения. Заявивших о своем праве просматривать вещи и переписку подростка, оказалось 21 % (5 % - «определенно да» и 16% - «скорее, да») [5], [6]. В 2013 году таких респондентов стало 53%, а несогласных – 41%. С одной стороны, тотальное увеличение и увлечение подростками социальными сетями (с 2000 по 2013 год), не может не вызывать тревогу родителей и желание оградить своего ребенка. Но с другой стороны, нельзя игнорировать и тенденцию урезания прав подростка в пользу родителей.

Мнение россиян на право ограничения общения подростка с его друзьями заметно поменялись в период с 2000 по 2013 год. К примеру, согласных с представленным утверждением в 2000 году было 36%, а в 2013 53% [5]. Среди родителей растет страх «плохой компании», которая может испортить ребенка. Кроме того, этот показатель демонстрирует болезненность проблемы отцов и детей, на фоне увеличивающейся конкуренции первичных агентов социализации, свойственной для информационного общества. Родители видят в окружении подростка возможный источник альтернативной культуры и информации, противоречащей семейным традициям.

Таким образом, очевидно, что наблюдается заметный рост информантов, считающих что родители имеют право физически наказывать подростков 13-14 лет. Подавляющая часть россиян полагает, что родитель не имеет право забирать заработанные подростком деньги в пользу семейного бюджета, при этом информанты согласны на трудовую занятость подростка. Однако, отношение к ограничению личного пространства имеет тенденцию меняться в сторону урезания прав подростка. Таким образом, несмотря на относительную экономическую независимость и демократизацию воспитания, в вопросах наказания подростков заметно растет популярность насильственных методов.

1. В. Н. Архангельский. *Репродуктивное и брачное поведение*//Социологические исследования. 2013. № 2;
2. Гурко Е. А. *Родительство: социологические аспекты.* – М.: Институт социологии РАН, 2003;
3. Филоненко В. И., Лепин А. П. *Семья как основной агент базовой социализации студентов вузов* //Социологические исследования. 2013. № 6

4. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. *Имеет ли российская семья шанс стать солидарной?* //Социологические исследования. 2014. № 4;
5. *Общественное мнение – 2013. М.: Левада_Центр, 2014. – 252 с.*
6. *Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2014. – 234 с.*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА ЧАЙЛДФРИ В РОССИИ, НА ОСНОВАНИИ РАБОТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ

Гуков П.С. (Санкт-Петербург)

Термин *childfree* был использован в 70-х годах XX века в США вместо термина *childless* (бездетный), так как в последнем защитники прав человека усмотрели ущемление прав бездетных и, тем самым, был придуман термин «детосвободные»: таким образом, утверждалось, что отсутствие детей это ни что иное, как привилегия «развитого социума».

Далее в 90-х годах школьная учительница Лесли Лафайет создает интернет объединение *Childfree Network*, что в свою очередь порождает огромный интерес к этой проблеме и, оно тем самым приобретает широкую популярность. Данная организация категорически отвергала деторождение как обязанность каждой женщины, боролась за разрешение аборт и уменьшение возрастного порога на стерилизацию.

В Россию (а также Украину, Белоруссию и другие страны постсоветского пространства) данное движение пришло в 2004 году, что в свою очередь проявилось в создании различных интернет-объединений (форумов, блогов, групп в социальных сетях) *childfree*. На популярном интернет-портале *LiveJournal.com* количество сознательно бездетных пользователей насчитывало 4000 человек. В 2010 году Всероссийская перепись населения показала, что к 50-ти годам, каждая 10-ая женщина считается окончательно бездетной. Ранее такой показатель фиксировали лишь у каждой 20-ой женщины.

Одна из сложнейших задач при изучении чайлдфри это составление четкой, а главное подробной характеристики этих людей. Причиной том служит отсутствие литературы на русском языке, а также недостаток научных статей. Тем не менее, у исследователей есть некоторые представления о том, что из себя представляют детосвободные.

Социолог О. Г. Исупова, ссылаясь на работы Дж. Э. Виверс, пишет, что изначально среди этих людей наблюдалась следующая тенденция:

- 1) Преимущественно чайлдфри женщины, а не, как могло изначально показаться, мужчины. Это можно объяснить тем, что прекрасный пол банально боится родов, боли, а также испортить фигуру.
- 2) Это были люди с более высоким уровнем образования.
- 3) Как правило, атеисты.
- 4) Это были либо единственные дети в семье, либо старшие дети из многодетных семей.

Последний пункт можно проинтерпретировать так: со старшими детьми в семье все довольно легко объяснить, ведь им еще в подростковом возрасте пришлось заботиться о своих братьях и сестрах, возможно, убирать за ними, просыпаться от плача младенца в четыре утра, жертвовать своим личным временем, чтобы посидеть с младшим ребенком и т.д. Или же, старший ребенок начинает ревновать, ведь какое-то время он был эпицентром внимания родителей, а теперь все лавры достаются новичку. Отсюда нелюбовь к детям как таковым. Все это могло повлиять на решение о том, стоит ли обзаводиться потомством, когда сам станешь взрослым и опять проходить через все это или нет.

Но от чего же единственные дети в семье решили пойти по пути чайлдфри? Тут две стороны. Первая: так как у них не было ни братьев, ни сестер, они никогда не несли за них ответственность, ни о ком не заботились, и они не смогли зародить в себе это, хоть и не в полном смысле, чувство материнства или отцовства. Или ребенок получал чрезмерно

много любви, а сам проявлять это прекрасное чувство к кому-либо так и не научился, и как следствие не хочет. Но тут в противоречие встает уже вторая сторона: если человека одаривают огромным количеством любви и нежности, он в дальнейшем сам хочет поделиться этой любовью, так как она его переполняет.

Данный вопрос, позволяет выдвинуть новые гипотезы, например: на большее проявление любви и заботы способны люди, которые в детстве были единственными детьми в семье, ведь именно им уделялось наибольшее внимание. И она достойна отдельного изучения, что в рамках данной работы не представляется возможным. К тому же, данная тема для изучения более близка к психологии, а не социологии.

Подобные характеристики людей, свободных от детей, выдвигает и другой социолог Е. Селивирова, которая в своей статье по результатам проведенного эксперимента говорит о следующих характеристиках чайлдфри:

«Приверженцы childfree более образованны, более востребованы как профессионалы и руководители, имеют доход выше среднего, склонны жить в городах, менее религиозны, менее склонны к соблюдению традиционных обычаев. Они ориентированы на жизнь в комфорте, наличие свободного времени, хобби, друзей, на собственное саморазвитие, эмоциональную и физическую близость с партнером. Для них важен карьерный рост. Они не желают тратить время, финансы и силы на дитя, которое „однажды вырастет и окажется неблагодарным“. Женщины могут переживать по поводу фигуры, бояться родов, вспоминать травмирующее или бедное детство, оскорбляющих, угнетающих или отсутствующих родителей. Некоторых чайлдфри можно назвать идейными или убежденными».[5]

В своей статье Л. А. Грицай «Некоторые аспекты научного феномена “Чайлдфри”» представила исследование, которое показало агрессивную настроенность чайлдфри к самому исследователю. Представители этого течения писали автору оскорбительные письма, а в социальных сетях было создано обсуждение, в котором участники чайлдфри-сообщества обсуждали и высмеивали личные данные исследователя, такие как семейное положение, профессиональную принадлежность и прочее. «Другая часть сообщества чайлдфри создала обсуждение по поводу приглашения автора к участию в опросах, где достаточно агрессивно, используя табуированную лексику, высмеивала все личные данные исследователя». [2]

Также она отмечает, что у чайлдфри есть убеждение, что мир навязывает им «детность» как норму жизни, поэтому чайлдфри является закрытой группой, которая противопоставляет себя окружающей среде и отсюда та самая агрессия к людям, у которых есть дети, кого они оскорбительно называют «овуляшками» или «пролайферами».

Это может свидетельствовать о том, что чайлдфри не просто движение или объединение по интересам, а контркультура. Они не просят оставить их в покое, а наоборот, осуждают и не понимают людей, которые заводят детей, создают семью и даже отчасти пропагандируют свой образ жизни. Это отмечает и Грицай Л. А. в своей статье: «Чайлдфри зримо ощущают свою противопоставленность миру других людей, они объединяются для того, чтобы вместе отстаивать собственные ценности и интересы (и даже пропагандировать их)»

Для подтверждения этого обратимся к определению контркультуры, которое дает Левикова С. И. «Контркультура – субкультура, резко отличающаяся от господствующей и являющаяся прямым вызовом ей. Она представляет собой полное, радикальное отрицание официальной культуры, выступает как средство разрушения ее содержания и форм»/ [4]

Да, возможно поведение чайлдфри и оборонительная реакция, но в тоже время это и пропаганда своего образа жизни, и демонстративная отторжение традиционных ценностей семьи.

Однако, нельзя утверждать однозначно, так как это явление, как указывалось выше, недостаточно изучено, несмотря на то, что чайлдфри в обществе существуют около 40 лет. Поэтому данный феномен имеет широкое поле для исследования.

1. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии в текстах репрезентирующих идеологию *Childfree*: на границе экстремизма // *Политическая лингвистика*. 2013. №2. С. 170-177.
2. Грицай Л. А. Некоторые аспекты научного изучения феномена «чайлдфри» // *Культура и образование*. 2013. №2.
3. Иванова В. С. *Childfree* как показатель кризиса современной семьи // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. №1.
4. Левикова С. И. Феномен молодежной субкультуры (социально-философский аспект): дис. ... д-р. филос. наук: 09.00.11. М., 2002. С. 110.
5. Селивинова Е. Чайлдфри: без паники // *Социологический взгляд*. 2010. №5.
6. Феномен чайлдфри в обществе // *PostНаука* URL: <http://postnauka.ru/video/31220> (дата обращения: 6.06.2015).

АКАДЕМИЧЕСКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО СРЕДИ СТУДЕНТОВ

Деньдобренко Д.А., Алькаева Ю. И. (Санкт-Петербург)

«Академическая мошенничество» — любой тип мошенничества или обмана, который связан с научной и образовательной деятельностью. Наиболее распространены следующие его типы: плагиат, обман, подделка, списывание, взяточничество, саботаж, профессорский проступок.

Выделяют 4 основные причины, почему студенты прибегают к мошенничеству: отношение студента к учёбе, работоспособность студента, подача материала и экономический подтекст.

Отношение студента к учебе определяется целым рядом обстоятельств: незрелостью, неподготовленностью некоторых студентов к совершению осознанных действий, что можно выразить таким термином, как «социальный инфантилизм», который представляет собой «личностную незрелость человека в сочетании с его эмоционально-волевой незрелостью» и характеризует разрыв между биологическим и социокультурным взрослением молодежи, свидетельствующий о нарушении механизма социализации и включения молодого поколения в жизнь взрослых, которое предполагает принятие им на себя новых обязанностей и обязательств. [4]

Отношение студентов к учебе определяется также и характером среды обучения, то есть тем, как в вузе организован учебный процесс: его целью является усвоение студентами новых навыков и знаний или процесс обучения сводится к поощрению студентов, стремящихся показать лишь свою осведомленность и быть оцененными преподавателями по высшему баллу. В последнем случае конкурентная способность студента выходит на первый план, оставляя позади понимание материала. Следует заметить, что по результатам исследований, студенты чаще прибегают к академическому мошенничеству именно тогда, когда система образования ориентирована на многознание, а не на понимание.

Помимо указанных моментов учебного процесса на уровень студенческого мошенничества оказывают влияние также личные (внутренние) и внешние мотивы студентов. К первым мы относим их лень и уровень страха перед преподавателем, ко вторым – стадное чувство, отношение к предмету товарищей-сокурсников, дозволенность со стороны преподавателей, т.е. слабый контроль, возможность списывания на экзамене, принуждение, проявление борьбы с системой, культура ошибки,

отсутствие честного опыта. Эти мотивы мошенничества подробно описаны в теории запланированного поведения И.Айзена [1].

Можно описать академическое мошенничество студентов, опираясь и на теорию Г.Беккера, согласно которой академическое мошенничество рассматривается как экономическое преступление, так как студент осознанно идёт на "правонарушение", исходя из расчёта издержек и выгод, т. е. максимизируя пользу [2].

Помимо перечисленных факторов на академическое мошенничество влияет и фактор кросс-культурных различий. Согласно социологическим исследованиям, процент студентов, прибегающих к списыванию, значительно выше в странах с переходной экономикой, нежели в высокоразвитых странах. Это обусловлено тем, что в странах с развивающейся экономикой преобладают коллективистские ценности, с точки зрения которых помощь студентов друг другу на экзамене является вполне допустимой.

Чтобы подтвердить теории И.Айзена и Г.Беккера, мы провели пилотажное исследование студентов второго и третьего курсов факультета социологии СПбГУ. Наша выборка составила 43 человека (второй курс – 23, третий курс – 20).

Анкетирование студентов второго курса выявило, что из 13-ти человек, родом из Санкт-Петербурга, лишь двое отметили, что редко прибегают к списыванию, 10 пользуются этим методом часто, 1 человек – очень часто. Из 10-ти иногородних респондентов один студент признался, что списывает часто, восемь человек – списывают редко, один – никогда.

Из 23-ти человек семеро отметили, что скорее не согласны с тем, что употребление термина «мошенничество» применительно к недобросовестным практикам студентов. Категорически несогласных не было, в то время как полностью согласных с данным положением было ~30%.

К плагиату у студентов второго курса отношение более критическое, лишь 36% опрошенных прибегают к плагиату редко, остальные респонденты не прибегают к плагиату никогда.

Глобальными причинами применения недобросовестных практик в процессе обучения основная масса респондентов (~70%) указала отношение студента к учебе, нехватку времени и непонимание материала, в то же время такую причину, как несовершенство системы образования отметили в своих анкетах лишь 28%.

На третьем курсе ситуация меняется, но не кардинально. Частота списывания студентов, проживающих не в Санкт-Петербурге, превышает частоту списывания коренных жителей нашего города. Мы связали это с годом поступления, так как приобрести практику списывания в 2013 году, как свидетельствует общероссийская статистика, было намного легче в менее крупных городах, чем Москва и Санкт-Петербург. Что касается отношения к плагиату, то у студентов третьего курса преобладает явно выраженное негативное отношение.

Причины, заставляющие студентов третьего курса прибегать к академическому мошенничеству, меняют свою иерархию: на первый план выступает нехватка времени, затем отношение студента к учёбе и на последнем месте с одинаковыми баллами располагаются непонимание материала и несовершенство системы образования (~15%).

В заключение нельзя не указать несколько способов борьбы с академическим мошенничеством студентов. На данный момент внешних способов воздействия на данную девиацию выработано не так уж и много.

Одной из самых распространённых мер по борьбе с академическим мошенничеством за рубежом является Кодекс Чести. Ознакомление с этим кодексом студент подписывает при поступлении в университет, тем самым подтверждая согласие с санкциями, последующими за нарушения правил, прописанных в кодексе. На первый взгляд подобный способ предотвращения академической нечестности достаточно эффективен, судя по статистике зарубежных вузов, однако пока неизвестно, будет ли данная система работать в России.

Большая роль по превенции академической нечестности со стороны студентов принадлежит преподавателям. Они могут поместить студента в такие условия, в которых прибегать к академической нечестности будет нерационально:

– проводить устный опрос по написанной работе, тем самым заставляя студента доказывать свою точку зрения;

– ежегодно актуализировать новые темы, по которым студенты будут писать свои работы, и тем самым лишать их возможности заимствований у студентов предыдущих курсов;

– составлять эксклюзивные вопросы и задания для студентов с расчётом на то, что студенты не смогут находить ответы и решения на них в интернете темы;

– устраивать задания в игровой форме, вызывая тем самым неподдельный интерес у обучающихся.

Наиболее качественным способом предотвращения академического мошенничества, по нашему мнению, является воспитание определённого отношения к этому явлению ещё со школьных парт. В школе преподаётся светская этика, а что если начать преподавать и академическую?

Первичная социализация имеет огромное влияние на учащихся, так почему бы не использовать этот фактор для повышения качества образования? Можно прививать ребенку с детства отрицательное отношение к академическому мошенничеству, сродни с запретом воровать и убивать. Эти нарушения неравнозначны, но, возможно, именно этот способ окажется одним из самых эффективных.

1. Айзен И., «Воспринимаемый контроль, самоэффективность, локус контроля и теория запланированного поведения», 2002.
2. Беккер Г., «Преступление и наказание: экономический подход», 1986.
3. Герцен С.М. Меры предотвращения академического мошенничества (из опыта зарубежных вузов) //Интернет-журнал Науковедение. – 2013. – №. 4 (17).
4. Ефимова Г. З., Кичерова М. Н. Анализ причин академического мошенничества и их классификация //Интернет-журнал «Науковедение. – 2011. – №. 1. – С. 6.
5. Официальный сайт Калифорнийского технологического института. URL: <http://www.caltech.edu>.
6. Шмелева Е. Д. Экономическая социология. Т.16. № 2. 2015.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

Елисеева Д.Д. (Курск)

Сегодня центром политических дискуссий в России является проблема манипулирования массовым сознанием в политическом процессе. Феномен манипуляции широко распространился в политике современного российского общества: в политической борьбе и действующая власть и оппозиция используют различные технологии, способы и приемы манипуляции. При этом, под манипулированием понимают такой вид управления поведением личности, социальной группы, общества или планетарного социума, при котором используются скрытые методы социально-психологического воздействия на подсознание людей (внушение и т. д.) и сознание в целях обеспечения частных, отличных от их собственных или противоречащих им интересов отдельных лиц, социальных групп, институтов, государственных и общественных структур.

Ловкость и скрытность – два основных признака манипуляции массовым сознанием как способа программирования поведения людей. Набор способов управления пониманием как манипуляция сразу резко ограничивается вышеназванными признаками. Многие ученые видят манипуляцию как воздействие на устремления и мнения общества,

его психическое состояние и настроение, для обеспечения поведения, нужного владеющими манипуляционными средствами.

Для того, чтобы укоренить социальные мифы технологией манипулирования предполагается использование определенных методов воздействия на сознание людей. Эти методы берут свое начало на таких факторах как домыслы, внушение и слухи в неясной социальной или политической ситуации, распространение клеветы и лжи, перенос частного фактора в сферу общего, утаивание неуютной информации.

Объектами манипулирования выступают как отдельные индивиды, так и социальные общности (страты, группы), а также социумы и общество в целом. В зависимости от объекта манипуляции используются различные методы и способы воздействия. Если объектом манипуляции выступает личность, то в основном используются психологические и психиатрические методы программирования сознания человека, которые исходят от индивидуального взаимодействия объекта (манипулируемого) и субъекта (манипулятора). В остальных случаях передатчиком программирования является общественное мнение, осуществляющееся посредством способов и методов социальной психологии. Однако и в данных случаях прогрессирует механизм духовного воздействия на общество с помощью программирования индивидуального сознания в том направлении, которое нужно манипулятору.

В настоящее время широкое распространение получили политические манипуляции общественным мнением. Именно этот феномен породил столь опасную для власти России ситуацию, обозначенную социологами как возрастающая степень недоверия общества к власти. Основная причина этого заключается в злоупотреблении использованием механизмов социального манипулирования массовым сознанием, которое рано или поздно благодаря высокому уровню образования осознается обществом, порождая исключительно негативное отношение к манипуляторам.

Особенно ярко манипулирование массовым сознанием проявляет себя в период проведения избирательных кампаний в России. Для воздействия на электорат используются разные каналы манипулятивного воздействия. В первую очередь, это многочисленные лозунги, скандируемые кампаниями, которые в нескольких словах концентрируют основной посыл к электорату и сильно влияют на избирателей: «Голосуй или проиграешь!». Одним из важнейших каналов, позволяющих манипулировать массовым сознанием, выступают средства массовой коммуникации. Посредством их применения происходит масштабное воздействие на массовое сознание различных социальных слоев и групп, достигаются основные манипулятивные цели, возникают различные стереотипы. Еще одним каналом манипулирования общественным мнением выступают слухи. В любом случае, в каждой избирательной кампании, большая часть информации, в виду растущего недоверия избирателей к средствам массовой информации, доходит до избирателя по «сарафанному радио» в искаженном до неузнаваемости виде.

Избирательной кампанией считается система агитационных мероприятий, которые проводятся независимыми кандидатами и политическими партиями и направлены на обеспечение себе максимальной поддержки избирателей на предстоящих выборах. Понятие избирательной кампании является достаточно сложным и многогранным.

Например, политологи за предвыборную (избирательную) кампанию принимают определенную стадию избирательного процесса, включающую в себя выдвижение, официальную регистрацию, предвыборную борьбу кандидатов, а так же ознакомление избирателей с личностью кандидатов, с предложенными платформами и программами.

Для кандидата и его команды избирательной кампанией являются последовательные усилия, осуществляющиеся в течение отведенного законодательством временного отрезка, для оказания полноценной поддержки кандидата избирателями и обеспечения его победы в день выборов.

Обычные граждане (избиратели) считают избирательную кампанию временем, когда почти на каждом углу громко провозглашаются и рекламируются программы

каждого из кандидатов, объединенных одной целью - прийти к власти. Здесь именно общественное мнение и выступает мишенью, по которой средства массовой информации ведут прицельный огонь.

В течение предвыборной кампании происходит реализация многочисленных комплексов различных мероприятий. Для того чтобы в ходе этой деятельности достичь успеха, необходимо выдерживать ее последовательной, спланированной. Очевидно, что для этого проект предвыборной кампании должен иметь четко разработанные стратегию (что нужно донести до избирателей для того, чтобы они отдали голоса за данного кандидата) и тактику (в какой форме это осуществить). Практическая деятельность по проведению и организации избирательной кампании осуществляется именно вследствие этого разграничения. Исходя из этого, используемые предвыборные технологии подразделяются на тактические и стратегические.

Стратегией считается содержательная составляющая избирательной кампании, на которой строятся как организация, так и проведение всей кампании.

Главными основополагающими стратегии являются имидж или образ партии и самого кандидата, являющегося стержнем информационного манипулирования избирателями. Именно основные параметры образа окажут особое влияние на определение сути стратегии избирательной кампании.

В ходе осуществления стратегии предвыборной кампании используются различные технологии, главной из которых можно назвать технологию формирования имиджа. Так как избирательные технологии являются составляющими группы технологий маркетингового типа, созданию имиджа предшествует тщательное изучение предпочтений всех избирателей.

Содержание стратегии полностью зависит от целей избирательной кампании. Целями кампании могут быть: «естественная» цель предвыборной кампании - получение искомого мандата; победа на выборах; в случаях, когда простой победы бывает недостаточно, - сокрушительная победа; получение трибуны для пропаганды торговой марки фирмы, политических взглядов; оказание политических услуг, выдвижение другой партии или кандидата.

В любом из этих случаев образуется своя стратегия, основанная на соответствующей цели. Несмотря на это, «естественную» цель избирательной кампании (победу на выборах), как правило, преследует меньшинство участников кампании.

Манипулятивной тактикой считается совокупность способов и приемов воздействия на оппонента, побуждающих его к высказываниям и действиям, причиняющим вред его же интересам. Основной целью совокупности этих способов является воздействие на эмоциональную и рациональную сферу собеседника, для получения согласия на принятие приоритетов другой стороны в противовес собственным.

Итак, целью предвыборной кампании является победа на выборах. Однако данная цель достигается не всегда.

Иногда участие в выборах не преследует целей, предполагающих победу. Для таких кандидатов достаточно вступить в политическое сообщество, получить пропаганды своих идей, трибуну, а так же укрепить свои позиции, в фонд будущих выборов. В ходе сбора информации, которая избирательной кампании пригодится на выборах, кампания порождает свою тактику, учитывая все нюансы.

Основной задачей политических технологов является удержание в поле своего зрения групп симпатизирующих и сторонников, привлечение потенциальных избирателей на свою сторону. Самыми значимыми для достижения цели предвыборной кампании являются группы, которые не могут определиться с выбором.

Как довольно распространенный феномен, манипулирование массовым сознанием в предвыборной кампании совершенно любого уровня можно назвать одним из главных способов осуществления власти. Важнейшим условием манипуляции выступает такое взаимодействие между людьми как выборы. Выявление степени воздействия

манипулирования на поведение и сознание различных категорий людей, конкретных форм и содержания манипулирования, изучение его социальных механизмов является основой для понимания проектируемых и уже произошедших масштабных изменений в политике России.

Широкое распространение в настоящее время получил сознательно организованный, активно действующий социологический канал манипулирования массовым сознанием. В манипулятивных целях активно публикуются результаты опросов избирателей (в частности не имеющих ничего общего с наукой), с достаточно сильным искажением реальной предвыборной ситуации. Политтехнологи, в ходе предвыборных кампаний, публикуют в СМИ результаты опросов, как правило, для демонстрации первенства своего кандидата посредством опубликованных данных опроса, а не с целью исследования отношения групп населения к актуальным проблемам или выявления электорального рейтинга кандидатов. Для продвижения своего кандидата, политтехнологи своими публикациями внушают обществу, что их кандидаты пользуются поддержкой не только у населения, а так же у политической элиты. Они внушают избирателям мысль о том, что победитель уже определен и влияют на избирателей в нужном, для манипулятора, направлении. В таких и подобных публикациях, как правило, представлены изначально нерепрезентативные, часто подтасованные и неадекватные данные опроса.

Еще одним мощным каналом манипуляции является Интернет. Как и за рубежом, так и в России интернет все больше используется в избирательном процессе. На него возлагаются большие надежды в том смысле, что он сможет снизить или в корне избежать манипулирования населением посредством СМИ. Но, к сожалению, последние предвыборные кампании разного уровня в стране говорят о том, что Интернет все чаще становится основным средством манипуляции электората.

1. Дзялошинский, И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И.М. Дзялошинский - Москва, 2008. - 198 с.
2. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс] / С.Г. Кара-Мурза // - 2000. - 342 с. Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm>
3. Швидунова, А.С. СМИ как субъект политического процесса и инструмент политических технологий [Электронный ресурс] / А.С. Швидунова // - 2003. - 35 с. - Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/shvidunova_smi_as_subject_of

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ КАК ФАКТОР НАСИЛИЯ В ШКОЛЕ

Ермилова А.В. (Санкт-Петербург)

В данной работе анализируется нестабильность семейной среды как фактор эскалации насилия в современной школе. Насилие в школе – это инициируемое агрессором взаимодействие с жертвой или объектом с использованием физической, вербальной, психологической или экономической агрессии в школе и за ее пределами, результатом которого является причинение ущерба жертве. По мнению психологов, проявление агрессии в школьной среде – явление неизбежное и естественное, например, в вопросах самоутверждения школьников или отстаивания своих интересов. Однако, учитывая уровень жестокости и характер насильственных действий, возникает вопрос-насколько данное поведение является нормой и допустимым? Актуальность ответа на поставленный вопрос связана с тем, что последствия от пережитого насилия вне зависимости от степени тяжести и формы носят пагубный характер, отражаясь на развитии детей и подростков, а именно повышение уязвимости к возникновению социальных и эмоциональных дефектов, склонность к агрессивным и девиантным формам

поведения, медицинские проблемы, детские суициды и др. Распространенность случаев насилия в школе и уровень жестокости насильственных действий требует разработки не только превентивных и реабилитационных программ, но и понимания причин школьного насилия.

Теоретическим основанием исследования является модель нестабильности семейной среды Х. Сендстром и С. Уэрты, разработанная авторами на основе синтеза теорий семейного стресса, экологической теории У. Бронфенбенера и инвестиционной модели родительства С. Майер [1]. Согласно данной модели нестабильности, резкое и внезапное изменение индивидуальных или семейных обстоятельств оказывают негативное влияние на социализацию и развитие ребенка. Под влиянием изменений семейные ресурсы и потенциалы могут деформироваться, что отражается на снижении воспитательного потенциала и способностях родителей качественно выполнять воспитательную функцию. Результатом этого снижения является нарушение процесса нормальной социализации ребенка, что может выступать существенным основанием в формировании склонностей у детей принимать участие в насилии.

Авторы концепции выделяют пять видов нестабильности [1]:

- экономическая нестабильность (нестабильность доходов, их резкое сокращение);
- нестабильная занятость (безработица);
- нестабильность семейной структуры (развод или вступление родителя в новый брак или сожитительство);
- нестабильность места проживания (переезд вопреки желанию членов семьи);
- смена школы и нестабильность, связанная с заботой о детях.

Как правило, данные изменения не происходят изолированно друг от друга: часто изменения в одной области вызывают изменения в других. В некоторых случаях, нестабильность является результатом не одного изменения, а сложной серии событий. Подобный эффект «домино» в большей степени характерен для семей ниже среднего класса, которые не обладают свободными ресурсами (сбережения и другие активы) для временного перехода и преодоления ситуации нестабильности [1, p.5].

В рамках социологии семьи в России для обозначения изменений и трансформаций в семейной сфере используют понятие кризис. Существует необходимость интерпретации и разграничения данных категорий, поскольку и кризис, и нестабильность вызваны изменениями условий, обстоятельств, состояний.

Семья обладает всеми свойствами системы, включая изменчивость. Отсюда возникает вопрос о соотношении социальных изменений и социальной стабильности семьи. Социальная стабильность есть устойчивое состояние социальной системы, которое позволяет ей эффективно функционировать и развиваться в условиях внутренних и внешних вызовов, сохраняя свою структуру и основные качественные параметры. В социальной жизни редко встречается ситуация абсолютной стабильности, кроме того долговременная стабильность системы может привести к ее застою и неустойчивости. Так, любая система может подвергаться нарушению равновесия и нестабильности. Под нестабильностью понимаются деформации структуры, функций и каких-либо процессов социальных систем, которые изменяют систему, ставя под угрозу ее целостность [2, с. 49-50]. Неспособность системы восстанавливаться в ситуациях нестабильности может привести к кризису системы и ее последующему распаду. Таким образом, кризис – крайняя форма проявления нестабильности.

Из перечисленных выше типов нестабильности в условиях российской действительности наиболее распространены и требуют изучения нестабильная занятость и нестабильность семейной структуры. Для анализа используются данные исследования «Школа: обыденность насилия (Анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)», проведенного в 2013 г. под научным руководством проф. З.Х. Саралиевой. Исследование проводилось в форме массового опроса учащихся школ г.

Нижегород, в ходе которого были опрошены 1493 ученика 5-11 классов. В исследовании участвовало 47,4% мальчиков и 52,6% девочек в возрасте 10-18 лет.

Согласно результатам проведенного опроса, каждый второй школьник когда-либо сталкивался с нестабильностью в семье, при этом 34% школьников сталкивались с несколькими видами нестабильности. Нестабильность семейной структуры пережили или переживают 25% школьников, нестабильную занятость – 18% школьников.

Сравнивая оценки школьников из стабильных и нестабильных семей обнаружено, что нестабильные семьи являются более конфликтными, ее члены чаще сталкиваются с финансовыми трудностями. Также результатом нестабильности является снижение включенности родителей в жизнь детей. Родители перестают интересоваться успехами детей в школе, не помогают решать проблемы, с которыми сталкиваются их дети, не посещают родительские собрания. Отметим, что вступление родителя в новый брак больше влияет на снижение заинтересованности родителя жизнью ребенка, чем развод. Вероятно, что появление неродного родителя в семье сильно влияет на чувства ребенка, ему кажется, что его не любят и им не интересуются. Таким образом, домашняя обстановка в нестабильной семье менее благоприятна для жизни ребенка.

Особый интерес представляет анализ включенности детей в школьное насилие. Дети с опытом проживания в условиях нестабильной семейной среды чаще принимают участие в школьном насилии в среднем на 10,5%. Нестабильная занятость родителей и нестабильная семейная структура одинаково влияют на рост числа агрессоров и жертв школьного насилия, при этом безработица родителей действует на формирование группы активных агрессоров и постоянных жертв.

Безработица родителей формирует группу активных участников школьного насилия: активных агрессоров из безработных семей по всем видам школьного насилия больше на 9%, а постоянных жертв больше на 10%. Нестабильная семейная структура не приводит к четкому разделению участников школьного насилия на активных и эпизодических. Однако, в обоих случаях нестабильности самый высокий рост агрессоров приходится на экономический тип насилия, далее в порядке убывания идут психический, вербальный и физический типы насилия. Аналогично ситуация складывается и для жертв. Таким образом, нестабильность семейной среды приводит к увеличению типов насилия, которые менее распространены в школах – психическому и экономическому. Особенно высок уровень виктимизации от психологического воздействия у школьников, переживших изменения в семейной структуре: в случае повторного брака дельта составляет 35%, развода/разъезда родителей – 16%.

Гендерных различий у агрессоров и пострадавших в школьном насилии из семей безработных родителей не обнаружено в отличие от детей из разведенных или повторных семей. Изменения в семейной структуре оказывают больше влияния на агрессивность у девочек, которые практикуют вербальную и психическую агрессии и на виктимизацию у мальчиков за счет их участия в физическом насилии. В целом, эффект от развода родителей более ошути для мальчиков, а повторный брак для девочек.

Таким образом, нестабильность семейной среды увеличивает вовлеченность детей в школьное насилие и способствуют формированию не только агрессивности у школьников, но и качеств жертв.

1. Sandstrom H. *The Negative Effects of Instability on Child Development: A Research Synthesis* / H. Sandstrom, S. Huerta // 2013. – 57 pp. // URL: <http://www.urban.org/UploadedPDF/412899-The-Negative-Effects-of-Instability-on-Child-Development.pdf>
2. Абдулаева Р.А. *Нестабильность как одно из возможных состояний социальной системы* / Р.А. Абдулаева // *Успехи современного естествознания*. – №11. – 2014. – С. 118-121.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЕНИЯ СЕРДЕЧНО- СОСУДИСТОЙ ХИРУРГИИ ВМА ИМ. КИРОВА

Иващенко К.А. (Санкт-Петербург)

В наши дни актуальность исследований профессиональных организаций довольно высока. Но если мы говорим о неформальной коммуникации внутри коллектива, то обнаруживаем большой пробел в данном знании. Рутинизированные практики взаимодействия часто остаются «за кадром» социологических и антропологических исследований. Почему же это происходит? Отчасти возможно потому, что большинство исследований фокусируются на нормативном компоненте профессиональной деятельности, а не на интуитивной составляющей. Я же, в свою очередь, хотел подчеркнуть актуальность того, что неформальные отношения на примере конкретного медицинского коллектива играют такую же важную роль в его существовании, как и формально-деловые отношения и обязанности. Мне были интересны неформальные взаимоотношения, контакты и практики, происходящие внутри рабочего коллектива, внутри определённой «медицинской культуры» [1. 31-58]. Исследование проводилось в операционном блоке кафедры сердечно-сосудистой хирургии Военно-медицинской академии им. Кирова. Коллектив данного подразделения состоит, в большинстве своем, из медсестер разных профилей (операционные, медсестры-анестезистки, перевязочные, сестры-хозяйки) и врачей (хирурги, анестезиологи). Основной род деятельности медсестер состоит в подготовке к операционной работе, а также в ассистировании хирургам на операции. Врачи же занимаются, в основном, ведением больных, проведением операций и послеоперационным уходом за больными. Структура подразделений довольно широка, поэтому я не хотел брать слишком обширный «слой» данных, чтобы не запутаться. В рамках данного исследования я провел 7 полуформализованных интервью на соответствующую тематику с дальнейшим анализом получившегося нарратива. В исследовании приняло участие 4 медицинские сестры и 3 врача-хирурга. Стаж респондентов-медсестер, в среднем, составлял 10 лет, а хирургов – 11 лет. Продолжительность интервью варьировалась в пределах от 15 минут до 1 часа.

В ходе анализа были получены следующие результаты:

- В коллективе присутствует иерархия, но она «включается», актуализируется в определенные моменты столкновения профессиональных интересов врачей и медсестер. Превалируют дружеские отношения в том смысле, что иногда отношения «подчиненный-начальник» заменяются отношениями «друг-друг».
- Существует гендерная асимметрия, хоть и не ярко выраженная. Врачи занимают доминирующие позиции по отношению к медсестрам, хотя и чувствуют некое «отеческое», покровительское чувство по отношению к сотрудникам более низкого статуса, в частности, к медсестрам.
- Присутствует жесткая субординация в процессе адаптации новых сотрудников, хотя они автоматически становятся частью целого, частью группы. Все зависит от степени вовлеченности и заинтересованности молодых специалистов.
- Есть очень сильная модель наставничества, выраженная в передаче знаний, практик более молодому поколению, направленная на воспроизводство своего сообщества. Наставничество, в данном сообществе, выступает как передача не только знаний, но и традиций, является важным способом поддержания групповой идентичности, воспроизводства профессионального сообщества. Врачи и медсестры заинтересованы в том, чтобы их «дело» продолжалось, потому что их профессия – это призвание, выполнение определённого долга перед собой и пациентом. Часто подчеркивается именно профессиональная идентичность информантов.

- Суеверия и традиции играют важную роль в неформальной коммуникации медицинского коллектива, определяя его идентичность и степень сплоченности, способствуя конструированию границ между своей и чужой группами («...я операционная сестра...одеваю хирургу перчатки, перед тем как он встает к столу. Я сначала одеваю с левой руки. Ну вот, сначала на левую руку перчатку, потом на правую. <...> Иногда к нам приходят не из нашей клиники хирурги, и они...их прямо передергивает, когда я в обратном порядке. Я тут стою с перчаткой левой и все тут!» (Информант 2) и «...я привык, например, что сестра мне подает левую перчатку, когда я их надеваю. Ну вот так я привык, так было всегда, поэтому когда мне дают правую перчатку, ну в какой-то момент мне ...некомфортно, у меня уже левая рука туда автоматически идет» (Информант 6). Подобные символы способствуют эффективной коммуникации, взаимопониманию, «Мы-чувству», чувству сплоченности и единения. Врачи и медсестры делают одно общее дело во благо пациентов, которое «превращает» их в одно большое целое.

- По итогам исследования была сформулирована гипотеза насчет военной специфики коллектива: происходит смешение медицинской и военной культуры, которые проявляются в разной степени и в разных ситуациях: «...учитывая, что у нас воинский коллектив, есть у нас устоявшиеся военные традиции по получению очередных воинских званий, т.е. там по выпиванию стакана водки и выплевыванием звездочек. Ну, наверное сейчас, намного менее распространённая, но в принципе была всегда раньше традиция накрывать поляну, после того, как сделал новую операцию...»

- Были обнаружены некоторые интересные различия по поводу актуальности рабочих и личных вопросов во время коммуникации внутри коллектива. Можно отметить, что врачи больше тяготеют к обсуждению рабочих вопросов, при этом приветствуя, если к ним обращаются с личными проблемами, но отрицая то же самое со своей стороны. Медсестры же, в свою очередь, обсуждают и личные, и рабочие вопросы, хотя с большим упором на свою профессиональную деятельность. В то время как у врачей преобладают в обсуждении рабочие моменты, коммуникация по поводу личных аспектов асимметрична: врач готов помочь советом или делом кому-либо, хотя сам не стремится просить чьей-либо помощи как эмоциональной, так и психологической. Он предпочитает решать проблемы сам в отличие от своего желания помогать другим.

Ледует подчеркнуть, что исследования неформальной коммуникации внутри медицинского коллектива должны стать центром научного интереса социальных антропологов и социологов. Эта область исследования испещрена интереснейшими ракурсами для рассмотрения, особенно в рамках антропологии профессии. Список информантов.

Информант 1 (медсестра, женщина, 30 лет, стаж работы 10 лет)

Информант 2 (медсестра, 39 лет, стаж работы 20 лет)

Информант 3 (медсестра, 42 года, стаж работы 7 лет)

Информант 4 (медсестра, 28 лет стаж работы 1,5 года)

Информант 5 (сосудистый хирург, 34 года, стаж работы 8 лет)

Информант 6 (кардиохирург, 34 года, стаж работы 10 лет)

Информант 7 (сосудистый хирург, 35 лет, стаж работы 15 лет)

1. Хьюз Э. *Профессии. // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Романов П., Ярская-Смирнова Е., М.: ООО «Вариант», 2012, - с.31-58*

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Искандерова Л.В. (Санкт-Петербург)

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) как таковые появились в последней четверти XX века в Великобритании. В настоящее время ВРТ применяется во многих странах мира. В результате соотнесения данных о применении ВРТ в ряде стран [5] и общей численности населения этих стран [4] было обнаружено что, наибольшая доля применений ВРТ (на 100 000 населения: $W = \text{количество применений ВРТ} / \text{численность населения} * 100\ 000$) наблюдается в Дании (289), Бельгии (274) и Исландии (267). В России, для сравнения, этот показатель достигает лишь 24. Ниже, чем в России, показатель оказался только в следующих европейских странах: Сербия (20), Украина (16), Казахстан (15), Молдова (14), Румыния (5) и Литва (4). ВРТ становятся более популярными и обсуждаемыми. Одним из подтверждений этого факта служит рост числа статей, посвященных тематике ВРТ, в печатных изданиях.

ВРТ рассматривались нами как социальная проблема с позиций концепции публичных арен С. Хилгартнера и Ч.Л. Боска [3, с.145-184]. Целью проведенного авторами статьи эмпирического исследования являлось выяснение того, каким образом в современных СМИ проблематизируется и/или депроблематизируется применение ВРТ. В качестве методов мы использовали контент-анализ, дискурс-анализ, а также концепцию просторечных ресурсов П. Ибарры и Дж. Китсьюза [1, с.55-114], а именно, риторические идиомы [1, с.71-83] и контрриторические стратегии [1, с.84-93].

Риторические идиомы – это языковые комплексы, посредством которых проблематизируется та или иная ситуация.

Контрриторика — это стратегия депроблематизации ситуации, т. е. стратегия противодействия проблематизации ситуации. Существует два вида контрриторических стратегий: сочувствующие (натурализация, контрриторика затрат, связанных с исправлением, декларация бессилия, перспективизация, критика тактики) и несочувствующие (антипизация, контрриторика опровергающих историй, контрриторика неискренности, истерии).

В ходе нашего исследования были проанализированы публикации газет «Известия» и «Аргументы и Факты» за период с 21 апреля 2014 по 21 апреля 2015. Газета «Известия» была выбрана как газета, обладающая стабильно высоким рейтингом, а «Аргументы и Факты» как популярная газета с высоким тиражом издания. Временной промежуток обусловлен целью исследования, которая предполагает получение информации о современной ситуации. Публикации были отобраны по следующим ключевым словам и словосочетаниям: «репродуктивные технологии», «ЭКО», «суррогатное материнство» и «искусственное оплодотворение», «ИКСИ». Выборка является сплошной. В фокусе нашего внимания оказались типичные способы аргументации и стратегии легитимации проблем, связанных с ВРТ, в печатных СМИ на примере газет «Известия» и «Аргументы и Факты».

В результате сравнения проанализированных статей газеты «Известия» и газеты «АиФ» выяснилось, что эти газеты иногда освещают одни и те же проблемы (события) или обращаются за экспертным мнением к одним и тем же людям. Хотя, при рассмотрении статей двух газет в целом время выхода статей и их тематика совпадают в незначительной степени.

Отобранные статьи (из обеих газет) были разделены нами на 7 тематических блоков, среди которых следующие:

1. Этика, право, отклонение (не связанное с суррогатным материнством)
2. Усовершенствования

3. Этика и право (суррогатное материнство)
4. Знаменитости и ВРТ
5. Не знаменитости и ВРТ
6. Стволовые клетки
7. Упоминание ВРТ вскользь

Можно сделать вывод, что как в целом, так и по отдельным блокам ВРТ в статьях освещались преимущественно положительно. Исключение составил только блок «знаменитости и ВРТ», где преобладали негативные оценки.

Для проблематизации ситуаций в статьях в целом были использованы все риторические идиомы, выделяемые П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом (опасности, утраты, бедствия, наделения правом, неразумности). Самой распространенной риторической стратегией для статей в целом оказалась риторика опасности. Опасность связывалась с непредсказуемостью последствий генетических изменений или с ухудшением с возрастом состояния репродуктивного здоровья. Вот один из примеров:

«...на территории страны (Великобритании – Л.И.) разрешается изменение генов человека с целью появления «детей с тремя родителями»... новая методика может привести к непредсказуемым результатам...» [2]. Эта риторика использовалась преимущественно противниками ВРТ.

Среди контрриторических стратегий легитимации были использованы следующие: сочувствующие (натурализации, бессилия, перспективизации и критики тактики), несочувствующие (опровергающих историй, истерии). Сочувствующие контрриторические стратегии использовались гораздо чаще, чем несочувствующие. Но, самой популярной оказалась несочувствующая контрриторика опровергающих историй, при использовании которой обычно приводились примеры успешного применения ВРТ. Эта стратегия использовалась как правило сторонниками ВРТ.

При рассмотрении каждого блока статей в отдельности был выявлен специфический набор риторик и контрриторик для каждого блока:

Для блока «Этика, право, отклонение (не связанное с суррогатным материнством)» характерно частое использование риторики опасности и контрриторика декларации бессилия. Риторика опасности обращает внимание на непредсказуемость последствий генетических изменений либо ухудшение с возрастом состояния репродуктивного здоровья. Декларация бессилия, указывает на отсутствие в настоящее время средств для решения проблемы. В нашем случае проблема представлена невозможностью вынашивания либо рождения родного ребенка.

В статьях блока «Усовершенствования» чаще всего использовалась риторика утраты и контрриторика перспективизации. Используя риторика утраты, противники ВРТ, к примеру, указывали на возможное снижение мотивации к естественной беременности с расчётом на применение ВРТ в будущем. Перспективизация применялась при утверждении о том, что российские услуги ВРТ составляют достойную конкуренцию зарубежным вопреки существующему мнению об обратном.

В статьях блока «Этика и право (суррогатное материнство)» наиболее часто использовались риторика наделения правом и контрриторика перспективизации. Риторика наделения правом, подразумевающая обеспечение равного доступа к тем или иным благам, употреблялась, например, при обосновании необходимости корректирования законодательства в сфере суррогатного материнства.

Для статей блока «Знаменитости и ВРТ» одинаково популярными оказались риторика – утраты, опасности и бедствия, часто использовалась контрриторика опровергающих историй.

В статьях блока «Не знаменитости и ВРТ» риторические стратегии не использовались. Использовалась контрриторическая стратегия опровергающих историй.

В статьях блока «Стволовые клетки» не использовались ни риторические, ни контрриторические стратегии.

В статьях блока «Упоминание ВРТ вскользь» наиболее распространенными стали риторика утраты и бедствия, и контрриторика критики тактики.

В результате этого исследования мы выяснили, что проблемы, связанные с ВРТ, освещаются в СМИ преимущественно позитивно, выявили круг проблем, освещаемых в СМИ в сопряжении с ВРТ и описали характерные для выявленных типов проблем стратегии аргументации (риторики) и легитимации (контрриторики).

1. *Ибарра, П. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечных ресурсы / Питер Ибарра, Джон Китсьюз // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – С.55—114.*
2. *Сидорчик, А. Сын полка. Великобритания узаконила рождение детей от троих родителей // Аргументы и Факты – 2015. – 25 февраля.*
3. *Хилгартнер, С. Рост и упадка социальных проблем: концепция публичных арен / Стивен Хилгартнер, Чарльз Л. Боск // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – С.145—184.*
4. *Численность населения стран мира URL: <http://iformatsiya.ru/tab1/525-chislennost-naseleniya-stran-mira-2010>. (дата обращения: 15.04.2015)*
5. *Assisted reproductive technology in Europe, 2010: results generated from European registers by ESHRE*

НАРРАТИВНЫЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

Камнева А.В. (Санкт-Петербург)

Среди качественных методов социологии одним из наиболее молодых, – но, не смотря на это, одним из наиболее важных и ликвидных, является нарративный метод, включающий в себя нарративное интервью (когда респондент выступает в роли рассказчика своей жизненной истории, а интервьюер выступает непосредственным слушателем, фиксирующим полученную информацию и, впоследствии, обрабатывающим её) и нарративный анализ (качественный анализ текста, полученного в результате нарративного интервью или взятого из биографических и/или автобиографических (жизнеописательных) историй). Принято считать, что нарративный анализ как таковой пришёл к нам из лингвистики и тесно связан с работами структуралистов XX века (Р. Барт, К. Леви-Строс и др.). Само слово «нарратив» в переводе означает «повествование, рассказ».

Целью своей работы я определила выявление валидности нарративного метода интервьюирования и анализа данных в социологии. Задачи, которые я перед собой ставила:

- определение понятий «нарратив», «нарративное интервью» и «нарративный анализ»;
- определение исторических корней, эволюции и становления нарративного метода в гуманитарных и смежных науках;
- выделение особенностей нарративного метода, его преимуществ и недостатков;
- выявление значимости нарративного метода в качественной парадигме социологии;
- определение областей социологии, активно использующими метод нарративного интервью.

Интерес к нарративу возникает в начале XX века и в последующие 50 лет, вплоть до 60-ых годов, медленно и верно возрастает. Во второй половине XX века представители различных научных школ и течений резко обращаются к нарративу как к способу

расширить знание об истории и окружающей действительности через анализ жизненного опыта "другого". Таким образом, возникает нарративный метод как междисциплинарное научное явление.

Анализ материалов, с которыми пришлось работать автору данной работы, подтвердил тот факт, что историю зарождения и становления нарративного анализа стоит рассматривать с позиции двух параллельных движений в науке XX века. Первое движение связано с гуманистическим подходом в социологии и психологии (Берто, Брунер, Сербин), персоноцентристский подход, краеугольным камнем которого является анализ личности, её становления и представления о самом себе. Для данного подхода свойственны индивидуальные тематические исследования, биографический метод и «история жизни», которые по своей сути противостоят позитивистскому эмпиризму, идут по пути субъективистского течения в философии и социологии. Второе движение восходит к работам русских структуралистов и, позже, французских постструктуралистов (Барт, Тодоров, Женетт), постмодернистов (Фуко, Лиотар), психоаналитиков (Лакан) и деконструкционистов (Деррида).

Нарративный метод широко применяется приверженцами разных направлений и в социологии, в связи с этим существует множество подходов к нарративному анализу и способу проведения нарративного интервью. Нарративные исследования занимаются широким спектром социальных проблем и явлений. Однако все их можно разделить на два уровня (Ярская-Смирнова): макросоциологический и микросоциологический. В первом случае мы обращаем внимание на влияние социума и функционирующих в нём социальных институтов на жизненный путь индивида; во втором случае мы интересуемся исключительно собственным отношением индивида к тем обстоятельствам жизни, в которых он оказался и его самоидентификации. Стоит отметить одно свойство нарратива, которое всегда и везде остаётся неизменным – нарратив привязан к конкретному жизненному опыту и конкретному контексту, отсюда каждая деталь нарратива становится важной.

С распространением интереса к нарративу за последние годы стали появляться различные методы нарративного анализа. Некоторые исследователи сейчас фокусируются на темпоральной упорядоченности фабулы нарратива; некоторые на эпизодах нарратива и эмоциональной составляющей; а другие совмещают два этих метода и обращаются к нарративу как к способу интеракции в становление личности. Коринн Сквайр, профессор социальных наук и директор Центра Нарративных Исследований в Университете Восточного Лондона, приводит в одной из своих работ тезис о том, что недостаточно рассматривать нарративы как истории опыта конкретных людей, забывая их важное свойство – прямое описание событий жизни. Данный подход соответствует тому, что называется «второй волной нарративного анализа» и совершает переходное движение от нарратива как текста к «нарративу-в-контексте».

Насущным и дискуссионным является вопрос о том, на чём следует фокусироваться исследователю: на "длинных" или "коротких" историях. Длинные нарративы способны дать широкую почву для анализа биографии, они также могут быть использованы для анализа идентичности и выявления когнитивных перспектив. Что же касается коротких историй, то они завязаны на повседневных коммуникативных практиках и представляют собой "нарратив во взаимодействии". Короткие истории в основном показывают, как люди выстраивают нарративы и как перформативные практики отражаются в самих нарративах.

Речь информанта, облеченная в форму коротких историй, может раскрыть бессознательные отсылки и свободные ассоциации, позволяющие дать характеристику социальному и/или культурному контексту истории. По этой причине, вопреки многим мнениям о том, что репрезентация жизненного опыта может осуществляться лишь через длинные истории, короткие истории являются проводниками в субъективный мир индивида. Зачастую они оказываются более конкретизированными, а из-за отсутствия

"затянутости" позволяют акцентировать внимание исследователя на том, что, как и в каких условиях говорит нарратор. Исследователи чаще анализируют широкие культурные контексты через короткие нарративы, уделяя пристальное внимание мелочам и, суммируя их. Данный подход является особенно плодотворным в том случае, когда мы хотим сравнить несколько разных точек зрения на какое-то одно явление или событие.

При рассмотрении этих подходов, видно, что, как и любой другой метод качественной социологии, нарративный метод имеет ряд особенностей, одной из них является его неформальность. Свобода общения между интервьюером и информантом зачастую позволяет добиться широких сведений, наряду с откровениями, к которым с помощью стандартизированного интервью мы не имеем возможности прикоснуться.

Особенной ценностью нарративного интервью (в сравнении с другими видами глубинного интервью качественной социологии) выступает способность максимально глубоко репрезентировать внутренний мир индивида, ссылаясь на конкретный личный опыт. Наиболее близкородственными методами являются биографический метод и диалоговое интервью.

Нарративный метод идёт в обход искусственности интервью, позволяет достичь естественной ситуации при общении интервьюера и информанта. Безусловно, нарративное интервью наряду со всеми преимуществами имеет ряд недостатков. Сам процесс проведения нарративного интервью и нарративного анализа – трудоёмкий. Он требует не только большого внимания и сосредоточения сил, но и длительного анализа полученных сведений, ведь на выходе мы получаем материал совершенно отличный от того, который имеем на первом этапе.

Безусловно, присутствие нарративного метода в качественной социологии необходимо, поскольку он даёт возможность социологам всех направлений рассматривать проблемы не в привычном узком ключе, а в той широте взгляда, которая позволяет увидеть квинтэссенцию социальных феноменов.

1. *"Doing Narrative Research"*, edited by Molly Andrews, Corinne Squire & Maria Tamboukou 2008 // *British Library Cataloguing in Publication data*.
2. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // *Социологический журнал*, 1997, № 3.

К ВОПРОСУ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Картавых Е.О. (Курск)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01208 а2

Проблема рациональности экономического поведения занимает одно из ключевых мест в современном социально-экономическом знании. Для ее интерпретации используют парадигму «целерациональности» (М. Вебер, А. Шюц и др.), концепцию практической рациональности (П. Бурдьё), концепцию ограниченной рациональности (Г. Саймон), концепцию максимизации полезности (Д.Н. Хайман, Дж. Хикс и др.). В частности, с позиции последней Д.Н. Хайман утверждает, что рациональная основа экономически ориентированного поведения заключается в том, что это поведение мотивировано желанием максимально прирастить «чистый выигрыш», получаемый при осуществлении операций [3, 118]. Вместе с тем проблематика рациональности потребительского поведения, как разновидности экономического поведения, остается недостаточно изученной. Особую актуальность исследования потребительского поведения населения и

форм его рационализации представляют в условиях трансформирующегося общества и существенных изменений условий жизнедеятельности населения, вызванных экономическим кризисом. В связи с этим проблема рациональности потребительского поведения населения в условиях современного российского общества заслуживает особого внимания исследователей.

Следует отметить, что рациональность потребительского поведения основывается на экономических критериях: прибыль, затраты, цена, экономия времени и др. Рациональное поведение потребителя на рынке товаров и услуг характеризуется тем, что, исходя из объемов своего дохода и имеющихся ресурсов, потребитель стремится приобрести различные товары в таких количествах и пропорциях, которые принесли бы ему максимальное удовлетворение от их использования. Иррациональность потребления связана с неосознанностью и отсутствием формализованных схем поведения: привлекательность запаха и цвета, стремление быть таким, как все или, наоборот, отличаться от других и т.д.

В нашем представлении рациональность потребительского поведения населения, прежде всего, связана с оптимизацией потребительских расходов [2, 144–145], что предполагает выбор наиболее выгодного варианта расходования имеющихся средств. В этом плане с позиции социологической науки обращение к анализу рациональности потребительского поведения населения позволяет рассматривать и отделять друг от друга практики потребления, связанные с тратами ресурсов в соответствии с экономическими возможностями индивида и значительно превышающими их. Так, одним из проявлений потребительского поведения, связанного с превышением затрат над имеющимися ресурсами, выступает демонстративное потребление представителей необеспеченных слоев населения, которое не отражает приверженность к экономической рациональности, а ориентировано на совершение дорогостоящих покупок для поддержания или повышения своего статуса. В этом случае потребитель принимает решение о покупке товара или услуги, руководствуясь не критериями оптимального соотношения своего дохода и цены товара (услуги), а также допустимого для себя соотношения цены и качества, а стремлением сохранить или повысить свою статусную позицию.

Оптимизация потребительских расходов может проявляться, как минимум, в двух формах: осуществление затрат в соответствии с экономическими возможностями индивида и экономии. При значительной ограниченности доходов и располагаемых ресурсов оптимизация потребительских расходов может принимать форму экономии как бережливого расходования имеющихся средств. Применительно к потреблению экономия выражается в ориентации на получение определенной выгоды или неизрасходованного остатка средств, полученного за счет бережливого их расходования.

Как показывают результаты социологического опроса населения, проведенного в 2014 г. на территории Курской области (N=500 человек) в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Адаптационный потенциал населения в условиях трансформации российского общества», практика экономии потребительских расходов характерна для 70,6 % жителей региона: они стараются экономить на покупке продуктов и товаров, приобретении услуг (парикмахера, стоматолога, ЖКХ и др.). Данную категорию населения условно можно назвать «экономными» потребителями. Вместе с тем около трети населения (29,4 %) обычно не сокращают затрат на приобретение товаров и услуг [2, 145].

По данным всероссийского опроса населения, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в июле 2015 г. в разных регионах России (N=1600 человек), в настоящее время 60,0 % населения покупают более дешевые, чем раньше продукты и товары. При этом около трети из них (32,0 %) практикуют эту модель потребительского поведения уже более полугода, 21,0 % респондентов стали покупать более дешевые аналоги продуктов и товаров в последние полгода, 7,0 % – в последний месяц [1].

Также значительная часть россиян (59,0 %) стараются приобретать реже некоторые продукты питания, товары и услуги или отказываться от их покупки вообще. Интересно, что включение части населения в эту практику экономии потребительских затрат схоже с данными по доле и времени приобщения к ранее указанной практике покупки дешевых аналогов: 31,0 % населения прибегает к ней уже более, чем полгода; 21,0 % – в последние шесть месяцев; 7,0 % – в последний месяц. К числу товаров и услуг, на которых стараются экономить многие россияне, относятся путешествия (12,0 %), еда (8,0 %), отдых, развлечения (4,0 %), одежда (2,0 %), здоровье (2,0 %), курение (2,0 %) и др. Часть потребителей (3,0 %) экономят на приобретении всех товаров и услуг [1].

Для характеристики устойчивости доли населения, прибегающего к практике экономии потребительских затрат, следует обратить внимание и на данные опроса ВЦИОМ, осуществленного в январе 2015 г. В этом опросе 58,0 % населения отметили, что экономят свои расходы посредством приобретения более дешевых продуктов и товаров по сравнению с теми, которые они покупали ранее, а 62,0 % – покупают реже или отказываются от некоторых продуктов питания, товаров, услуг, развлечений [1].

Таким образом, на основе результатов регионального и общероссийских опросов населения, проведенных за последнее время, можно сказать, что для основной части россиян свойственна практика экономии своих потребительских расходов. Снижение потребительских затрат служит одним из показателей рационализации потребительского поведения значительной части населения.

1. *О способах выживания в кризис [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск ВЦИОМ №2908 от 18.08.2015 г. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115356> (дата обращения: 08.10.2015).*
2. *Пасовец Ю.М. Оптимизация потребительских расходов как способ адаптации населения к социально-экономическим изменениям // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2015. – №2 (79). – С. 144–153.*
3. *Семенова С.А. Экономическая рациональность: сущность и составные элементы // Основы экономики, управления и права. – 2012. – № 2 (2). – С. 117–120.*

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ КОМПАНИЯХ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Касабуцкая М.С. (Санкт-Петербург)

В современном мире все в большей степени решающим фактором производства в развитых и развивающихся странах – в странах «центра» – становится капитал, а именно интеллектуальный капитал, оставляя позади такие факторы производства как физический труд и землю. Знания и интеллектуальные различия все в большей степени становятся основой дифференциации современного общества, которое по-разному определяется в кругах таких ученых как Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс, Э. Гидденс. Трансформация производственной системы привела общество к поиску «безграничных» ресурсов для развития экономики и к изучению интеллектуального капитала [2, с.74].

Интеллектуальный капитал существовал всегда, но именно во второй половине XX века, с развитием научно-технических открытий, изменением социальной структуры общества, решающую роль начинает играть уровень образования и знаний, а не принадлежность к капиталистическому классу, владеющему капиталом в узком смысле и эксплуатирующему рабочую силу. Зарождение теории интеллектуального капитала можно отнести к 1950-1960 годам XX века. Именно в этот период стали разрабатываться теории человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер, Л. Туроу, У. Боуэн и Й. Бен-Порэт),

которые в дальнейшем способствовали развитию теории интеллектуального капитала (Дж. Гелбрейт, Т. Стюарт, Л. Эдвинссон, М. Махлуп, В. Иноземцев и др.)

В рамках экономической социологии разрабатываются новые концепции и объяснительные конструкции успешной деятельности компаний. Среди наиболее активно развивающихся социологических теорий фирм и организаций можно назвать: концепцию ресурсной зависимости, организационных полей, популяционную экологию организаций, новый институционализм и концепцию бизнес-групп [1, с.337]. Широкое распространение получает сетевой подход, согласно которому компанию следует рассматривать не как атомизированный субъект экономической деятельности, а как «актора-во-взаимодействии» [3, с.41] с внешней средой (М. Грановеттер). Все большую роль начинает играть «социальный капитал» компании (Дж. Коулман), основанный на доверии и взаимопомощи и «символический капитал» (П. Бурдье), определяющий позицию агента (в данном случае компании) в социальном пространстве.

В данной работе предлагается авторское определение интеллектуального капитала на основе анализа различных теоретических источников. Интеллектуальный капитал компании – это разновидность символического капитала, определяющего власть и престиж компании во внешней (межорганизационной) и внутренней (внутриорганизационной) сети, который может конвертироваться в экономический капитал и приносить доход организации. Данный вид капитала в своей основе имеет знания и интеллект, за счет которых формируются его составные элементы: человеческий, организационный и потребительский капиталы.

Любые действия компании должны быть согласованы как с экзогенными, так и с эндогенными факторами. Создание внешних и внутренних социальных сетей организации способствует определенной выгоде благодаря членству в группе, а так же успешному созданию и распространению интеллектуального капитала в пространстве этой сети. Человеческий, организационный и потребительский капитал – производные от развития внутренних и внешних сетей. Соответственно, компании – это не только экономические агенты, но и социальные. Особенно важную роль интеллектуальный капитал играет в высокотехнологичных компаниях, к которым можно отнести компании в области фармацевтики, биотехнологий, а так же компании сектора информационных технологий. Одни компании утрачивают свои позиции, а другие появляются и лишь усиливают свое социально-экономическое положение и выходят на международный рынок. Почему так происходит? Интересным видится применение концепта игры в рамках исследования интеллектуального капитала. Стоит отметить существенное значение теории капиталов в пространственном взаимодействии и борьбе за власть. Капитал, согласно П. Бурдье, определяет власть над полем и позицию агента в социальном пространстве. Компании функционируют в организационном пространстве, где наличие интеллектуального капитала среди высокотехнологичных компаний становится основной ставкой в игре, которая признается в экономике знаний [4, с.27]. Обладание определенным интеллектуальным капиталом будет способствовать продвижению компании в социальном пространстве. Соответственно, интеллектуальный капитал компании (престиж компании) будет формироваться на основе человеческого капитала (знания, умения, навыки сотрудников компании), на основе организационного капитала (изобретениях, патентах, ноу-хау и развитой корпоративной культуре), а так же на основе потребительского капитала (чем больше связей с клиентами и чем шире рынок сбыта продукции – тем выше репутация и имидж компании). Чем выше интеллектуальный капитал компании, тем выше её престиж, репутация и доверие к компании. В дальнейшем интеллектуальный капитал может конвертироваться в экономический капитал и приносить финансовый доход как отдельным компаниям, так и стране в целом.

К основным проблемам в изучении интеллектуального капитала на сегодняшний день можно отнести следующие:

1. Отсутствие единого, четкого определения интеллектуального капитала. Предложенный обзор исследовательской литературы свидетельствует о том, что термин «интеллектуальный капитал» широко используется как в экономических, так и в социологических науках. Однако до сих пор в научной литературе не сложилась единая позиция относительно трактовки «интеллектуального капитала» и анализа способов его развития. Необходим междисциплинарный подход в исследовании интеллектуального капитала.

2. Конкретные компании как самостоятельный объект все еще остаются за пределами исследовательского внимания отечественных социологов. Высокотехнологичные компании в России нуждаются в сфокусированном и целенаправленном изучении собственного интеллектуального капитала.

3. Наблюдается сложность измерения и оценки интеллектуального капитала в различных компаниях. Важный вопрос, который становится в рамках исследования – как учитывать инвестиции в интеллектуальный капитал.

4. Историчность и эволюционная природа интеллектуального капитала делает невозможным одну и ту же организационную модель (западную) возвышаться и доминировать над остальными [5, p.132]. Российские компании должны не только заимствовать западные формы организационной архитектуры, но и разрабатывать собственную когнитивную архитектуру ассоциативного познания и собственные способы развития интеллектуального капитала высокотехнологичных компаний.

Таким образом, перспективным видится исследование интеллектуального капитала компаний, оперирующих на российском рынке. Что необходимо сделать, чтобы повысить производительность труда и конкурентоспособность компаний на современном российском рынке и сделать их работу более качественной и эффективной? Как компаниям развивать свой интеллектуальный капитал в российских условиях? Все ли компании должны инвестировать в интеллектуальный капитал или только компании высокотехнологичных отраслей? Именно исследования в области экономической социологии помогут дать ответы на вышепоставленные вопросы.

1. *Веселов Ю. В. Экономическая социология: теория и история. СПб.: Нестор-История, 2012.*
2. *Петров А.В. Теории экономического развития общества. Учебно-методическое пособие. СПб.: СПбГУ, 2008.*
3. *Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? Пер. М.С. Добряковой. Экономическая социология. 2004. Т.5. №4.*
4. *Чудинов Г. В. Повышение эффективности инвестиций интеллектуальный капитал в высокотехнологичных отраслях. М.: Традиция, 2013.*
5. *Masahiko Aoki Corporations in Evolving Diversity: Cognition, Governance and Institutions. Oxford, Oxford University Press, 2010.*

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ ИЛИ ПРОДАЖА ДЕТЕЙ? ПРОЦЕСС ЛЕГИТИМАЦИИ ПРАКТИКИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Керша Ю.Д., Душина А.Д., Ларкина Т.Ю., Проворова Д.Д. (Москва)

В современном мире понятие товара неизбежно распространяется, затрагивая значительное количество сфер жизнедеятельности человека. Процесс товаризации становится глобальным и всеобъемлющим. В связи с этим неизбежно превращаются в товар различные виды человеческой деятельности, первоначально не игравшие такой роли. Так, на современном рынке наравне с экономическими товарами существует возможность покупки и продажи услуги суррогатного материнства. Всеобщая

товаризация подвергает опасности существование самой структуры общества. Поскольку граница между уникальными и товаризированными объектами делает возможным познание окружающего мира и приспособление к нему путем создания классификации его содержания, то ее отсутствие создает угрозу для социального порядка [1]. В случае предоставления услуги суррогатного материнства на коммерческой основе, уникальным объектам – женской репродуктивной функции и зарождающейся жизни – приписывается статус товара. Но в то же время, как можно заметить, существование данной услуги вовсе не приводит к разрушению социального порядка. Предполагается, что суррогатное материнство постепенно становится легитимной практикой в обществе, разрешенной на законодательном уровне [2]. Таким образом, немаловажным является вопрос о том, как достигается легитимное существование практики, подразумевающей коммодификацию женской репродуктивной функции.

Ответом на поставленный вопрос являются результаты эмпирического исследования, полученные в ходе интервьюирования сотрудников организаций, предоставляющих услугу суррогатного материнства или обеспечивающих ее юридическое сопровождение. В решении ключевого вопроса помогли четко сформулированные задачи, направленные на выяснение того, каким образом определяется, является ли ребенок товаром или нет, кто может обратиться за услугой суррогатного материнства и кто может стать суррогатной матерью, а также как регулируются отношения между суррогатной матерью и генетическими родителями.

Представители клиник и агентств, занимающихся сопровождением программ суррогатного материнства, определяют статус ребенка при проведении услуги коммерческого суррогатного материнства как не товара. Данная услуга представляет собой особый вид медицинской помощи и отличается от стандартной рыночной услуги. Особенно важным оказался тот факт, что при объяснении подобной позиции использовалась апелляция к родственным связям ребенка, которые определяются по принадлежности генетического материала: поскольку генетически ребенок не связан с суррогатной матерью, он принадлежит родителям, обратившимся за услугой, и не может принимать статус товара.

Кроме того, услуга суррогатного материнства может быть оказана не всем желающим. Так, на основании Федерального закона № 323 клиники и агентства отказывают пациентам, у которых отсутствуют медицинские показания к применению услуги суррогатного материнства. Также клиники не предоставляют услугу психически нездоровым, нарко- и алкозависимым людям. Помимо этого, было выяснено, что спорным вопросом является оказание услуги пациентам старше 50 лет, мужчинам, обратившимся в организацию в одиночку и гомосексуальным парам, в отношении которых законодательно не установлено никаких конкретных правил предоставления услуги суррогатного материнства. Такими пациентами занимается этический комитет, который рассматривает каждый случай в индивидуальном порядке, основываясь на результатах дополнительных медицинских обследований, а также личных бесед с будущими родителями. Специалисты клиник и агентств аргументируют необходимость процедур отбора пациентов чувством ответственности перед ребенком. Так, клиники считают необходимым убедиться в том, что пациенты заинтересованы не только в рождении генетически родного ребенка, но и в соблюдении социальных отношений между родителями и ребенком. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о попытке подкрепить генетический аспект родства между родителями и ребенком социальным аспектом. В случае если родители отказываются от ребенка, умирают, или перекладывают родительские обязанности на других, происходит отделение двух аспектов родства – генетического и социального, чему противостоят сотрудники клиник и юридических агентств.

При отборе суррогатных матерей представители клиник и агентств руководствуются как официальными критериями, закрепленными в законодательстве, так и неофициальными критериями, важнейшим из которых является характер потенциальной

суррогатной матери, её психологические личностные качества. Важным оказывается то, что информанты, объясняя именно такие критерии отбора, отмечают, что они существуют исключительно ради суррогатной матери и биологических родителей, а также их здоровья, как психологического, так и физического. Но, кроме того, такие критерии делают возможным само выполнение услуги. Личные качества суррогатной матери, которыми она, по мнению клиники, обязана обладать, должны способствовать тому, чтобы суррогатная мать не признавала никакого родства между собой и выношенным ею ребенком. Клиники, таким образом, пытаются выбрать женщину, у которой не сильно развит «материнский инстинкт», которую можно легко исключить из социальных отношений с ребенком, что могло бы стать препятствием для генетических родителей. Таким образом, подобные критерии отбора суррогатной матери позволяют впоследствии при рождении ребенка отделить социальное родство от биологического (вынашивания суррогатной матерью ребенка), поскольку социальное родство должно существовать только между ребенком и генетическими родителями.

Регулирование отношений между суррогатной матерью и генетическими родителями осуществляется разными способами. Какие-то организации категорически исключают контакт суррогатной матери с генетическими родителями; другие же частично ограничивают общение между ними или не противостоят желанию генетических родителей познакомиться с суррогатной матерью. В том или ином случае информанты указывают на негативные последствия плотного общения между участниками программы суррогатного материнства, как для генетических родителей, так и для суррогатных матерей, и выступают сторонниками (частичного или полного) ограничения контакта между ними. Клиники и агентства становятся медиаторами отношений между генетическими родителями и суррогатной матерью и пытаются не допустить развития конфликтной ситуации, предлагая свое видение концепции материнства. Клиники или агентства имплицитно не исключают родственной связи суррогатной матери с ребенком, которая может быть названа биологической, т.е. суррогатная мать вынашивает и рождает ребенка, хотя и не имеет с ним общего генетического вещества.

Итак, аргументы, используемые информантами в поддержку текущего порядка проведения услуги коммерческого суррогатного материнства, во многом базируются на принципах евро-американской теории родства. Согласно Дэвиду Шнайдеру, в данной теории родство понимается, прежде всего, как генетическая связь между родителями и ребенком, а также следование определенным социальным ролям, определяющим социальные отношения между родителями и ребенком [3]. Так, в понятиях евро-американской модели родства суррогатная мать, которая, тем не менее, приходится биологической матерью для ребенка, не является его настоящей семьей. Генетическое родство оказывается доминирующим над биологическим. Именно на определении суррогатной матери как не родной для ребенка базируются многие аспекты порядка предоставления услуги коммерческого суррогатного материнства. Определение статуса ребенка, отбор потенциальных родителей и суррогатных матерей, а также регулирование отношений между ними основываются на представлении родства как, в первую очередь, генетической, так и социальной связи (и игнорировании биологической связи), что служит оправданием для деятельности клиник и агентств и способом детоваризации ребенка [4].

1. Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс. Социология вещей. Сборник статей под ред. В Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
2. Федеральный Закон РФ. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. , 2011.
3. Schneider D.M. American kinship: A cultural account. : University of Chicago Press, 1980.
4. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 3. № 3. С. 66–83.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кобелева Е.И., Бороноев А.О. (Санкт-Петербург)

Основным законом нашего государства, Конституцией Российской Федерации, закреплено право человека на самоопределение и объединение с другими людьми. Каждый вправе соотносить себя с какой-либо нацией, этничностью, группой по тем или иным определенным признакам, то есть идентифицировать себя частью большего обобщенного целого.

Идентификация в самом общем её понимании необходима человеку, неотделима от самого его определения, как существа социального, поскольку «человек» начинается тогда, когда он осознанно ощущает себя частью человеческого рода. Индивид, лишенный влияния человеческого общества, не осознавший себя частью общества, остаётся индивидом, но не личностью, способной к взаимодействию с другими людьми. Данная первичная идентификация, как этап социализации, необходима для дальнейшего существования человека, далее он начинает осознавать себя частью других систем разных по своему масштабу.

Особое место занимает идентичность по территориальному признаку. В современную эпоху глобализации, как известно, стираются некоторые рамки, получают распространение идеи космополитизма, однако территориальные общности не утрачивают свой смысл, а принимают новые оттенки. Мы наблюдаем не только процесс глобальной интеграции, унификации и стандартизации, а во многом противоположный ему процесс появления новых общностей, в частности территориальных.

Истолковать понятие «территориальная общность», или «коммьюнити», не так уж просто по причине наличия разных подходов к его объяснению. Его значение можно представить как:

- 1) Какое бы ни было множество социальных отношений в рамках неких границ поселений или территорий.
- 2) Социальную сеть находящихся во взаимодействии индивидов в пределах некоторой территории.
- 3) Наименьшую территориальную группу, включающую в себя все сферы жизни человека. Как выделял Я.Щепанский, это группа, «члены которой связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории».

В социологической науке нашей страны мало внимания было уделено разработке подходов к изучению функционирования территориальной общности. Именно это является веским аргументом к тому, почему нужно обосновывать концепции её функционирования в условиях постоянно изменяющегося общества.

Можно выделить следующие положения концепции коммьюнити:

- 1) Коммьюнити занимает определенную территорию, в пределах которой её члены удовлетворяют абсолютное большинство своих потребностей.
- 2) Как предмет анализа, коммьюнити стоит рассматривать, как социальную группу или социальную систему.
- 3) Члены коммьюнити идентифицируют себя с данной территориальной общностью, признают свою связь с ней, в свою очередь, она даёт им ощущение принадлежности и безопасности.

Территориальная общность обладает рядом неповторимых черт, которые играют большую роль в формировании особого стиля жизни, представлений, культуры повседневности, специфического типа населения, определяющегося самосознанием.

В России такими территориальными общностями являются сибиряки, поморы, уральцы, калининградцы и другие. Возникает ряд серьёзных вопросов [1]. К чему всё же придет национальное общество страны, если в его пределах региональная, этнорегиональная идентичности будут главенствовать над идентичностью общенациональной? Нужно ли одобрительно относиться и разными способами укреплять региональную идентичность в ущерб идентичности общероссийской или стоит хорошо подумать о том, как привлечь во внимание интересы населения всех регионов, субъектов Федерации и сложившиеся территориальные идентичности рассматривать как достояние, стабилизационный фонд идентичности общенациональной? Однозначного ответа на эти вопросы не существует.

Так в статье «Поморское движение как одно из направлений этнической реидентификации на Русском Севере» Егоркин В.Г. дает оценку выделению поморов в отдельную территориальную общность [2]. С одной стороны, эта общность естественна и имеет место быть, так как она формировалась исторически и имеет определенные специфические характеристики, с другой стороны, автор подчёркивает некую искусственность в её обособлении, так как многие её черты присущи не только ей, но и российскому народу в целом. В попытке определения «новых» комьюнити нужно быть предельно осторожным, так как не все кажущиеся «новые» являются исторически подлинными, а по большому счёту часто надуманны с преследованием некой цели (часто политической), так как в этом иногда при пристальном рассмотрении проскальзывают идеи будущего возможного развала России.

В заключении хочется отметить, что оптимальным считается тот вариант, в котором идентичности не конкурируют между собой, а взаимодополняют друг друга, где подмножество критериев определяющих более узкую территориальную общность входит в систему более крупной.

1. *Бороноев А.О. Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. Санкт-Петербург, 2003.*
2. *Егоркин В.Г. Поморское движение как одно из направлений этнической реидентификации на Русском Севере// "Общество. Среда. Развитие, №4, 2010.*
3. *Моисеева Т.П. Файзуллин Ф.С. Социальная структура и социальная стратификация. Уфа «Гилем», 2009.*

ОСОБЕННОСТИ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ПРАКТИК СРЕДИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВА СОЗНАНИЯ КРИШНЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Колупаева Т.О. (Санкт-Петербург)

Длинная колонна из людей, одетых в яркие сари и пенджаби (национальная индийская одежда), с индийскими танцами под музыку восточных инструментов, повторяющих имя одного из Богов – Кришна, уже перестала удивлять каждое воскресенье жителей и гостей Северной столицы на Невском проспекте.

Колонна с каждым годом становится все больше, а количество удивленных зевак меньше, новое религиозное движение Общество Сознания Кришны набирает обороты не только по России, но и по всему миру.

Для того чтобы сузить предметную область исследования, было решено обратить особое внимание на гастрономические практики членов ОСК, так как именно пища является одним из тех важных способов, с помощью которых конструируется габитус кришнаита. В данном религиозном движении основные функции пищи отходят на второй план и возникают совершенно новые, начиная от способа дисциплинирования телесности и заканчивая способом вовлечения в общество.

Теоретические рамки данного исследования представляют собой несколько моделей, как классиков социологической мысли, так и современников.

В основе исследования лежит теория практик и понятие габитуса П. Бурдьё. [2]

На данном примере можно выделить «правила» игры, обязательные для соблюдения в данном поле ОСК. Например, это правила приема и приготовления пищи. Перед приготовлением нужно обязательно совершить омовение (душ, особое внимание уделить стопам и рукам), привести в порядок место приготовления, сменить одежду, желателно включить спокойную музыку, настроиться, думать позитивно, обязательно повторять мантру во время всего приготовления и приема пищи. Посуда также выбирается особая, та, в которой никогда не готовилось мясо.

Изначально предполагается, что пища готовится для Бога и то, что пробовать во время приготовления нельзя объясняется тем, что «надкусанное яблоко другу предлагать не будешь, так же и с Богом». Поэтому любая приготовленная пища предлагается Кришне.

После приготовления, пищу помещают в специальную посуду, из которой никто никогда не ел, это персональная посуда Кришны, которая должна быть обязательно в любом доме. Далее эту пищу ставят на алтарь (изображение, статуэтка или любое другое изображение Бога, обычно украшенные цветами, благовониями). Несколько раз произносят мантру и ставят пищу на алтарь на несколько минут, в это время происходит «принятие» пищи Богом. После этого пища, теперь уже *прасад*, является *предложенной*, т.е. пища, которая очищает и одухотворяет душу. После предложения пищу нужно обязательно переложить в обычную посуду, произнести мантру и приступить к приему пищи. Во время трапезы запрещаются разговоры про деньги, политику, т.е. про весь материальный мир.

Также П. Бурдьё выделяет еще одно свойство поля, которое заключается в том, что вовлеченные в поле индивиды объединены между собой набором некоторых фундаментальных интересов, на которых основано данное поле.[1]

Очень четко данное свойство прослеживается в исследуемом поле. Во-первых, для функционирования данного поля обязательно требуется вера в истинность происходящего, а также принятие определенного образа жизни, и ежедневное воспроизводство веры, например, ежедневные практики приема и приготовления пищи. Во-вторых, новые члены Общества при входе в поле обязуются четко соблюдать все гласные и негласные правила в ОСК.

В данном исследовании также рассматриваются гастрономические практики как религиозные для того чтобы ответить на вопрос о возможности ежедневных гастрономических практик как выражения повседневной религиозности.[6] Поэтому особое внимание уделяется определению религии как термина. Рассмотрено несколько понятий термина религии, как в реалистическом понимании, так и в номиналистическом М. Вебера, а также рассуждения на тему определения религии таких теоретиков социологической мысли как, Э. Дюркгейм [7], К. Маркс и др.[5], [3]

Подготовку информации для данного исследования можно разделить на две части: первая – анализ литературы, посвященной социологии и антропологии пищи, религиозным движениям, ведической кулинарии и индуистским учениям.

Систематизированный список эмпирических источников, собранных на первом этапе исследования:

Наблюдение за мероприятиями ОСК в Санкт-Петербурге (лекции, праздники, праздничные приготовления, кулинарные занятия)

Полуструктурированные биографические интервью с участниками ОСК

Анализ публикаций в журналах и на Интернет-сайтах, посвященных ОСК

Анализ литературы, сайтов, блогов, посвященных ведической кулинарии

Вторая часть - метод кейс-стади:

Полуструктурированные и неструктурированные интервью с представителями ОСК

Невключенное наблюдение за праздниками, праздничными приготовлениями, лекциями, чтением книг и т.д.

Включенное наблюдение занятий кулинарной школы и повседневных домашних приготовлений для семьи некоторых преданных.

В исследовании, помимо кейс-стади ОСК в Петербурге, была цель создать насыщенное описание, как оно понимается К. Гирцем, т.е. объект исследования был описан как не знакомое прежде пространство. Особенность данной работы заключается в том, что она подразумевает под собой не только сбор информации по данной теме, но и анализ, который бы объяснял социальное значение и основание того или иного факта для включенных в эту культуру факторов.[4] В настоящем исследовании этому было уделено особое внимание.

В результате проделанной работы были получены следующие выводы:

Гастрономические практики в ОСК в большей степени носят нормативный характер, нежели дисциплинарный, потому что за нарушение правил питания не будут караться каким-либо физическим наказанием, вину будет чувствовать только сам нарушитель, причем на психологическом уровне.

Особая система питания, безусловно, является способом самоидентификации с группой в данном случае. Четко выделяется различие пищи на «нашу» и «их», т.е. остальную. [6] Гастрономические практики являются одним из способов формирования габитуса кришнаита.

Гастрономические практики у преданных выступают в роли ежедневной формы религиозных практик. Пища готовится в первую очередь для Бога, а затем только для преданных. В данном обществе пища является материальным символом религии, а также переходником между Богом и членами общества, через которую, душа способствует просветлению и очищению.

Через курсы ведической кулинарии и заведения общепита производится набор новых членов ОСК.

В процессе включенного наблюдения кришнаиты стали делиться своими эмоциями, переживаниями, помогать с подбором литературы по ведическим учениям, а также подробно объяснять каждое действие и его смысл во время приготовления пищи. Однако на первом этапе исследования было тяжело найти контакт с исследуемой группой.

Проведенное исследование помогает ответить на некоторые вопросы относительно ставшей популярной в последнее время ведической кулинарии и вегетарианских заведений, интерес к которым резко возрос на настоящий момент. Также удалось немного приоткрыть завесу таинственности приготовления ведических блюд, что само по себе интересно.

1. Бурдьё П. *Некоторые свойства полей* // Электронный ресурс «Социологическое пространство Пьера Бурдьё». URL: <http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej>.
2. Бурдьё П. *Практический смысл*. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Гараджа В. И. *Социология религии. Учебное пособие, для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей*. М.: НАУКА, 1995. - 223 с.
4. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры. В кн.: Гирц К. *Интерпретация культур. Пер. с англ.* – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
5. Гирц К. *Религия как культурная система*. В кн.: Гирц К. *Интерпретация культур. Пер. с англ.* – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
6. Дуглас М. *Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении табу* // Пер. с англ. Р. Громовой под редакцией С.Баньковской; вст. ст. и комм. С. Баньковской. - М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
7. Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии* // *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения*.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПИТАНИЯ В СТРУКТУРЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕВУШКИ

Коновалова А.Р. (Екатеринбург)

В современных условиях высокой технической оснащенности и психофизической интенсивности труда одним из главных лимитирующих факторов становится фактор здоровья. Здоровье человека отражает одну из наиболее существенных сторон жизни общества и тесно переплетается с правом человека на физическое, духовное, социальное благополучие.

Общепринятым считается выделение четырех групп факторов, влияющих на состояние здоровья современного человека. На 52-50% здоровье зависит от образа жизни, на 20-18% связано с наследственно обусловленными свойствами организма (генетическим фоном), на 20% - с экологическими факторами, на 12-10% - со здравоохранением (данные Всемирной Организации Здравоохранения). Поэтому воздействие индивида на собственное здоровье связано преимущественно с изменением образа жизни. Изучение связи образа жизни людей с состоянием их здоровья включает в себя и влияние на самочувствие населения отдельных аспектов образа жизни, таких как: занятия физкультурой и спортом, качество питания, качество досуговой деятельности, виды предпочитаемого отдыха, интенсивность и сложность трудовой деятельности, возрастные и демографические факторы.

Важную роль в обеспечении качества жизни человека, его физического и психического здоровья, продолжительности жизни играет рациональное питание. Очевидно, что оптимизация питания является не только медицинской, но и социологической проблемой. Питание, вместе с физической активностью относится к элементам повседневного поведения, формирующим здоровье индивида, статусную идентификацию и телесную композицию.

В жизни современной девушки питание играет одну из главных ролей. От ее физического и психического здоровья зависит воспроизводство человеческого рода, успешность реализации репродуктивной и воспитательной функций, и, в целом, стабильность института семьи и брака.

Феномен альтернативных форм питания начинает занимать прочную позицию в структуре здорового образа жизни современной девушки. Это было вызвано растущим недовольством индустриальным питанием, осознанием его роли в развитии «болезней цивилизации».

К числу теоретико-методологических подходов к анализу питания отнесем следующие. Институциональный подход рассматривает альтернативные формы питания как институт питания, возникший из потребности восстановления здоровья человечества после индустриального питания, которое в свою очередь вызвало «болезнь цивилизации». (О. Конт, Г. Спенсер, Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Д. Норт, Р.Капелюшникова, А. Олейникова, В. Попова, А. Шаститко, А. Тихонова). Деятельный подход рассматривает альтернативное питание как социальную практику как совокупность действий и взаимодействий индивида в повседневной жизни, ориентированную на использование в питании иных, нетрадиционных, нетипичных для большинства форм. (М. Вебер, Парсонс, К. Маркс, П. Штомпка, Дж. Александер, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. В. Запорожец, К. Э. Фабри, Е. Д. Хомская, Л. С. Цветкова, Б. В. Зейгарник, А. Р. Лурия, М. Коул, М. Арчер).

Наше исследование альтернативных форм питания было проведено в 2014 году в г. Екатеринбурге. Объектом стали девушки в возрасте от 18 до 30 лет, которые придерживаются как альтернативных форм питания, так и традиционных.

Для исследования было использовано сочетание метода «снежный ком» и стихийный отбор. Выбор данного метода обусловлен специфичностью объекта исследования.

Результаты исследования показали, что 63,3% опрошенных придерживаются здорового образа жизни, 53,3% могут назвать свое питание правильным (здоровым).

Мы обратились к вопросу информирования девушек об альтернативных формах питания. Вегетарианство стало самой узнаваемой формой альтернативного питания, ее назвали 80% опрошенных. Половина опрошенных знают о сыроедении, а почти каждый третий респондент имеет информацию о раздельном питании. Незначительная доля опрошенных отметила такие формы как: «питание в зависимости от группы крови», «мясоеды».

86,7% ответивших намерены придерживаться выбранной ими формы питания на протяжении всей жизни. В настоящий момент придерживаются альтернативной формы питания менее года всего 13,3%, 86,7% - от 1 года и более. Приобретают продукты питания в обычных магазинах – 86,7%, в специализированных магазинах – 60% ответивших, затраты составляют в среднем от 1000 до 3000 рублей в неделю.

Структура мотивов обращения к альтернативным формам питания выглядит следующим образом: улучшение физического здоровья, улучшение психологического здоровья и стремление к идеальному телу.

Затруднения в коммуникации после перехода на альтернативную форму питания возникли лишь у 14,3% опрошенных, остальные 78,6% с данной проблемой не сталкивались. Негативных последствий для своего физического здоровья респонденты не выявили, зато положительное влияние перехода на альтернативные формы питания отметил каждый респондент.

62% опрошенных относятся к альтернативным формам питания как к положительному изменению в жизни, 24% - негативно расценивают данный феномен общества и 14% - не высказали определенно мнения относительно альтернативных форм питания.

Таким образом, современные девушки серьезно относятся к своему здоровью и ищут способы его поддержания, одним из таких способов становится переход на альтернативные формы питания. Данная форма питания предполагает не только соблюдение определенной структуры питания, она также охватывает идеологический аспект личности, поддерживает телесную композицию и формирует статусную идентификацию индивида. Феномен альтернативных форм питания становятся ближе российскому обществу и расценивается, в большей степени, как положительное явление.

1. Носкова А. В. Питание: методологические подходы к исследованию и повседневные практики [Электронный ресурс] / А.В. Носкова // Вестник МГИМО-Университета. Официальное интернет-издание. – 2014. – №6 (39). – Режим доступа: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/d>
2. Всемирная Организация Здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int/ru/>. – (Дата обращения: 17.09.2015).

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Кононцев С.С. (Санкт-Петербург)

В условиях «индивидуализированного общества» и настоящей «шизофрениии выбора» социальных ролей «миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно бы дало ощущение близости или экстаза, привело бы их к более “высокому” состоянию сознания». Действительно, вопросы «“что делать?”, “как действовать?”, “кем быть?”» стали ключевыми для всех живущих в обстоятельствах позднего Модерна и, каждый из нас, на том или ином уровне, отвечает на них – будь то в дискурсивной форме или через каждодневное социальное поведение. Болезненным симптомом современного трансформирующего общества стала проблема кризиса идентичности, а также трудности формирования положительно-направленной на развитие идентичности.

Актуальность данной работы определяется повышенным интересом к проблемам идентичности и её формирования в условиях всемирных глобализационных процессов, в особенности с распространением и проникновением практически во все сферы жизни человека всемирной компьютерной сети – Интернета.

Эволюция коммуникационных средств и каналов связи приводит к ослабеванию привязанности индивида к определенной группе, месту проживания, работе и способствует увеличению разнообразных путей достижения личностных интересов. Можно сказать, что сетевое сообщество выступает в роли катализатора в формировании становления индивида, которому в данном случае присваивается положение своеобразного носителя «глобальной идентичности». Согласно М. Кастельс, все эти процессы формирования «персонализируемого сообщества» приводит к возникновению новой среды жизнедеятельности и творчества, в которой индивид может осуществлять процессы по собственной самореализации.

Для проведения данного исследования был выбран метод нарративного интервью, разработанный Ф. Щюце, так как данный метод наиболее подходит для изучения такого пространного феномена, как идентичность.

В ходе проведения эмпирического исследования было собрано двадцать нарративных интервью для последующего анализа. Информантами являлись студенты КубГУ различных факультетов (управления и психологии, экономического, ФИСМО). Среди них четырнадцать девушек и шесть юношей в возрасте от 19 до 22 лет. Каждый из информантов имеет доступ к социальным сетям и является их активным пользователем.

Опрошенным предлагалось написать связный рассказ на заданную тему «Я и Интернет». Поскольку пилотные рассказы показали разную степень детализации, к заданию был добавлен перечень примерных вопросов, которые, при необходимости, можно было использовать. Данный список вопросов находится в приложении 1.

При анализе полученной информации в первую очередь обращалось внимание на то, какое место в жизни респондентов занимает интернет. В ходе исследования были получены данные, о том, что подавляющее число опрошенных считает интернет частью своей жизни. Также в ходе анализа обращалось внимание на влияние интернета на все сферы социальной жизнедеятельности человека.

Наиболее интересным, с точки зрения исследовательского вопроса, является определение в среде интернет «своих/чужих» тех людей, которые могут оказывать влияние на социализацию и процесс идентификации индивида. Из полученных данных по «своим / чужим» в интернет-среде, можно сделать вывод, что подавляющее число респондентов (10 человек из 13, затронувших данный аспект) считают «своими» свое

ближайшее окружение в реальной жизни. Это показывает, что интернет является в данном случае средством коммуникации между уже существующими в офлайн среде связями (друг – друг, коллега – коллега, брат – сестра и т.д.).

Также можно предположить, что интернет является инструментом по укреплению уже существующих в офлайн среде связей, которые в большей степени оказывают влияние на формирование уже сложившейся социальной идентичности индивида. Однако, если говорить о личной идентичности, которая по мнению сторонников теории социальной идентичности является неотъемлемой её частью, то в этом случае интернет-пространство предоставляет платформу для собственной самореализации индивида. В данном случае интернет предоставляет больше возможностей для формирования групп со схожими интересами, которые также оказывают некоторое влияние на формирование идентичности индивида.

Говоря о практической значимости данной работы следует отметить, что исследования в данной области определяют необходимость развивать новые теоретические подходы для изучения данного феномена в современной социологии. Значимость исследования определяется возможностью применения полученного опыта для разрешения проблем, связанных с процессом становления социальной и личностной идентичности, что будет способствовать улучшению социально-психологической стабильности современного российского общества и будет являться гарантом последующего устойчивого и свободного развития как граждан, так и общественной системы в целом.

1. *Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий*, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 5
2. Белл Д. *Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс, 1986. 330-342с.
3. Мид Дж.Г. *Интернализованные другие и самость // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова*. М.: Изд-во МГУ, 1994.
4. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. — М.: Медиум, 1995. 323с.
5. Брунер, Дж. *Жизнь как нарратив. Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход*, 2005. 1-22с.
6. Римский В. *Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей*. Вестник общественного мнения № 1 (99) январь–март 2009. С. 92
7. Журавлев В.Ф. *Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология-4М. 1993-1994. №3-4. С.35*.
8. Кастельс М. *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, 2004. С. 155.
9. Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: Изд-во АСТ, 1999. С. 579.
10. *Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий*, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 5
11. *Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий. Т. 1. / отв. ред. И. С. Семененко*. — 208 с. // *Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011*.
12. Waterman, A. S. (1999). *Issues of identity formation revisited: United States and The Netherlands. Developmental Review, 19, 462-479 p.*
13. *Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, Paris. -1982.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ БОЛЬНЫХ ОСТЕОХОНДРОЗОМ КАК ФАКТОР РЕАБИЛИТАЦИИ

Корнилова О.Ю. (Волгоград)

Одной из наиболее значимых медико-социальных проблем на сегодняшний день является вертебронералогическая патология. Остеохондроз позвоночника как часто встречающийся вариант этой патологии занимает четвертое место среди заболеваний, приводящих к временной утрате трудоспособности. Данное заболевание имеет высокую психосоматическую корреляцию в виду того, что психологические факторы участвуют не только в координации деятельности мышц позвоночника, но и формировании основного клинического проявления – болевого синдрома [1]. При работе с пациентами с данным диагнозом важно учитывать формирование у них установок, которые могут явиться как результирующими в процессе реабилитации, так и наоборот ее затруднить. Но роль психологических установок и их учет в социальной реабилитации не достаточно изучены в отечественной литературе [2]. Отсюда цель исследования - выявить психологические установки больных остеохондрозом как фактор реабилитации.

Методом сбора информации в данном исследовании является анкетирование. Этот метод предназначен для выявления психологических установок больных остеохондрозом в соответствии со структурой установки и основан на рационально-эмотивной терапии Альберта Эллиса. Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного учреждения социального обслуживания «Центрального комплексного центра социального обслуживания населения», в исследовании приняли участие 30 человек женского пола, в возрасте от 55 лет до 75 включительно.

По результатам проведенного исследования выявили, что адаптивные установки (рациональные), присутствующие у каждого и являющиеся индивидуальными личностными особенностями выступили результирующим фактором реабилитации больных остеохондрозом по сравнению с дезадаптирующими (иррациональными), имеющие негативный оттенок, которые затрудняют процесс реабилитации больных остеохондрозом. Помимо данных установок были выявлены также диффузные, которые составили 27% от общего числа респондентов, в то время как дезадаптивные установки - 53%, а адаптивные - 20%.

В ходе исследования были выявлены причины, формирующие данные установки, которые важно учитывать при процессе реабилитации. К ним относятся низкий комплаенс пациентов, вызванный в свою очередь достаточно высокой ценой на лекарства, рекомендованные специалистами (с позиции клиентов центра достигшие пенсионного возраста, в котором проводилось исследование), а также неэффективностью проводимого лечения и видимых улучшений состояний своего здоровья. Было обнаружено, что у большинства респондентов (80%) доминируют внутренние цели по лечению и реабилитации заболевания позвоночника, что свидетельствует о том, что одними из преобладающих целей являются возрождение активности до болезни, улучшение состояния здоровья.

Отмечается, что у пациентов, страдающих хронической болью при остеохондрозе, довольно часто возникают изменения настроения, проблемы с приемом лекарственных препаратов, снижение активности, трудности при устройстве на работу, семейные конфликты. Нередко такие пациенты порой настороженно относятся к назначенному лечению. Однако предположение, что «особенностью больных остеохондрозом является избегание ответственности за свое состояние и его изменение» не подтвердилось, наоборот, у пациентов не была выявлена склонность перекладывать свои обязанности в связи с заболеванием на свое окружение (подавляющее число респондентов (71%) предпочитают не перекладывать на окружение вопросы и заботы, связанные со своим

заболеванием, что говорит о том, что им не нравится, когда окружение (семья, друзья) делают за респондентов то, что они могут сделать сами без посторонней помощи).

Таким образом, в результате проведенного исследования были вывлены психологические установки больных остеохондрозом. В связи с тем, что роль психологических установок больных остеохондрозом и их учет в социальной реабилитации малоизучены в отечественной литературе, выявленные результаты данного исследования дополняют уже имеющиеся данные по данной тематике и уточняют информацию, а также послужат основой для разработки рекомендаций для специалистов ГБУ СО «Центральный комплексный центр социального обслуживания населения» по коррекции дезадаптивных установок клиентов центра и разработке технологии, позволяющей проводить эффективную реабилитацию лиц с группой дезадаптивных установок.

1. *Кожевников В.Н., Зеленский Г.Н. Психологические и психофизические особенности больных остеохондрозом позвоночника с латерализацией болевого синдрома // Сибирский психологический журнал. 2008. №28. – С. 64–69*
2. *Барулин А. Е., Курушина О. В., Рыбак В. А., Саранов А. А. Психофизиологические аспекты формирования хронических болевых синдромов // Вестник ВолгГМУ. 2010. №2 (34). – С. 52 – 54*

ВОСПРИЯТИЕ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ БРЕНДОВ РОССИЙСКИМИ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Кочетова Н.М. (Волгоград)

Исследования в области экономической социологии – одни из самых актуальных направлений поисков современной социологической науки. В условиях глобального и бурного развития потребительской культуры современные компании все чаще используют бренды для успешного продвижения своей продукции на мировом рынке. При этом бренд исследуется в основном специалистами в области маркетинга, которые не уделяют должного внимания социальными сторонами этого явления. Термин “бренд”, по нашему мнению, заслуживает внимательного изучения не только со стороны маркетологов, но и социологов, так как представляет собой социальное образование и наделен определенным символическим содержанием.

Социальная сторона бренда мало изучена, при этом доля импортных товаров на российском рынке довольно высока – в различных категориях товаров от 20 до 70% [2].

Кроме того, в условиях кризиса российской экономики перед государством стоит важное решение о том, какие бренды оставить для их функционирования на российском рынке, а какие подвергнуть “импортозамещению”. Ведь даже в условиях кризиса при покупке таких категорий товаров, как одежда, обувь, товары длительного пользования и предметы домашнего обихода, российские покупатели не готовы отказаться от импортных брендов [4].

Термин “бренд” (англ. brand) – заимствованное слово и в переводе тождественно товарному знаку, торговой марке. Однако, если раньше термин "бренд" трактовался в основном как знак, способствующий идентификации товара, то затем на смену пришло понимание бренда как более сложного явления, включающего в себя множество составляющих. О. О. Савельева дает такое определение бренду – “ четко идентифицируемая целевой аудиторией торговая марка, выделяющая товар в конкурентном ряду, имеющая у целевой аудитории свой образ, сформированный не

только за счет функциональных качеств товара, но также символического и социального капиталов, ассоциированных с этим товаром” [5, с. 217].

На фоне увеличения культурного экспорта Южной Кореи происходит процесс проникновения новых, ранее не представленных на российском рынке, южнокорейских товаров. Возникновение на российских рынках как новых брендов южнокорейских товаров (бренды косметики – Tony Moly, Missha и др.), и изучение корейских брендов, занимающих устойчивое положение в экономической структуре (бренды Samsung, LG и др.) - явление, мало изученное как со стороны социологии, так и других областей знаний.

В данной работе мы сделаем акцент на эмпирическом исследовании восприятия потребителями южнокорейских брендов различных категорий товаров. Восприятие бренда мы определяем как набор социальных представлений потребителей относительно товара, компании товара и стране производства товара, которые учитывал покупатель при экономическом выборе конкретного бренда. Наша цель – изучение восприятия брендов южнокорейских товаров на российском рынке. Объект – бренды Южной Кореи на российском рынке. Предмет – социальные представления российских потребителей относительно южнокорейских брендов. Задачи: выявить степень узнаваемости корейских брендов среди потребителей; выявить отношение к корейским брендам российских покупателей; выяснить соотношение образа Южной Кореи в сознании потребителей и их потребительского выбора. Метод исследования: пилотажный анкетный опрос потребителей корейских товаров, проведенный в декабре 2014 года. Выборка была случайная и составила 50 человек. Мы постарались охватить как можно больше разнообразных социальных групп (школьники, студенты, государственные служащие и служащие частных компаний, рабочие и др.) В дальнейшем планируется стратифицированная выборка по сфере деятельности, возрасту и полу. Анкета была рассчитана на выявление следующих аспектов и состояла из нескольких блоков:

- Степень узнаваемости корейских брендов потребителями
- Степень осведомленности о существовании такого культурного феномена как “корейская волна”- процесс распространения в мире популярных культурно-массовых форм из Южной Кореи (таких как музыка, сериалы, кино и др.)
- Восприятие корейских брендов потребителями
- Образ Южной Кореи в сознании потребителей
- Социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, сфера деятельности, материальный статус семьи)

По результатам пилотажного исследования был проведен первичный анализ данных и установлены следующие предварительные результаты:

- Некоторые корейские бренды хорошо узнаваемы среди покупателей – это бренды электроники и автомобилей. Наиболее узнаваемыми марками, набравшими от 70% и выше выборов стали – Hyundai (92%), Samsung (84%), Doshirak (80%), Kia (78%), LG (78%).

• Была установлена корреляция между знанием о “корейской волне” и выбором в пользу покупки товаров из Южной Кореи : среди тех, кто знаком с корейской культурой, ориентация на покупку товара из Южной Кореи выражена сильнее. Те, кто слышал о “корейской волне”, показывают более эмоционально окрашенные впечатления от использования товаров корейских брендов. У 74 % тех, кто слышал о “корейской волне”, остались только положительные эмоции после использования товара.

• Восприятие южнокорейских брендов российских покупателей в целом положительное: товары характеризуются как “хорошие”(56% опрошенных) и “скорее хорошие, чем плохие”(32% опрошенных) по качеству; товары, от которых остаются положительные эмоции (64 % респондентов); отношение к корейским брендам в целом также характеризуется как “хорошее”(78% опрошенных).

Относительно цены мнения разделились – 28% опрошенных говорят о “хорошей” цене, почти столько же (26%) затрудняются с ответом, 38 % респондентов дают оценку “скорее хорошо, чем плохо”. Стоит учитывать тот факт, что на сегодняшний момент,

после снижения курса рубля, эти данные могут оказаться неактуальными и данный фактор может значительно затруднить функционирование товаров южнокорейских брендов на российском рынке.

Если говорить о специфичности южнокорейских брендов, то респонденты не считают корейские товары специфичными именно “по-корейски”. Женщины склонны к тому, чтобы ассоциировать корейский товар, как “азиатский”, в то время как мужчины считают, что корейские товары не обладают никакой культурной спецификой. Возможно, это связано с характеристиками товаров, предназначенных для женской аудитории – (корейская косметика, которая обладает специфическим дизайном).

• Образ страны-производителя - Южной Кореи - характеризуется потребителями положительно: “как манящая и загадочная азиатская страна”(86% опрошенных), “как страна высоких технологий”(100% опрошенных), “страна с интересной культурой”(92% опрошенных) .

1. Голубков Е.П. *Еще раз о понятии "бренд"*/ Е.П. Голубков // *Маркетинг в России и за рубежом*. - 2006. - № 2. - С.4
2. *Доля импортной продукции в общем объеме товарооборота. [Электронный ресурс] //Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=9000418> – Загл.с экрана.*
3. Ильин, В.И. *Поведение потребителей.* — Сыктывкар, 1998. — 180 с.
4. *Отечественные vs импортные товары. [Электронный ресурс] Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады . – Режим доступа: <http://www.levada.ru/08-09-2015/otechestvennyye-vs-importnye-tovary> – Загл.с экрана.*
5. Савельева О.О. *Социология рекламного воздействия.* — М.: «РИП-холдинг» — 2006. — 284 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ БРЕНДОВ ПЕШЕХОДНЫХ ЭКСКУРСИЙ ПО МОСКВЕ

Краснов И.Д. (Москва)

То место, в котором живет человек может иметь достаточно богатую историю, при осознании которой вырабатывается совершенно новый уровень взаимоотношения. Одна из форм подобного познания становится все более популярной в последние годы – пешие экскурсии. Несмотря на все возможное разнообразие, следует четко выделить отрасль исторического вояжа по знаменитым улицам города.

Уличная пешеходная экскурсия представляет собой действие, которое разворачивается на глазах у ее посетителей, в формате монолога гида, прерывающегося вопросами со стороны слушателей [MacCannell 2011]. В момент проведения выступления, слушатель получает не только полезную информацию об интересующей его местности на карте, но и удовольствие от личного интерактивного взаимодействия с городской средой.

Наиболее значимым лицом в подобной постановке становится непосредственно экскурсовод. Помогают ему организации, занимающиеся проведением подобных прогулок, которые берут на себя все то, что скрыто от глаз слушателей в момент экскурсии. То, как они это делают в Москве, стало интересно для меня.

СРЕДА И ИНФОРМАНТЫ

Рынок «пеших прогулок» при первом рассмотрении показал, что на нем присутствует два основных вида игроков – организации, специализирующиеся исключительно на экскурсиях, и те, что осуществляют подобные виды услуг более комплексно. Интерес исследователя был изначально сконцентрирован на организациях,

которые занимаются осуществлением как исключительно пешим, так и других видов городских экскурсий.

Данное положение стало основанием для малой исследовательской выборки, в которую были включены семь информантов, представляющих собой почти все организации, которые удалось отыскать в Москве. По сути, их мнение стало для исследователя основным предметом, благодаря которому была установлена содержательная составляющая проведенной работы. Каждый из них, так или иначе, был связан с кем-то еще, что давало право автору данной работы воспользоваться «рекомендательным» эффектом для «снежного кома». Подобное знакомство давало положительный эффект, который проявился в моментах интервью, которые сами информанты просили оставить «вне протокола».

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ

На первом этапе для важно было понять биографическую составляющую самих героев. Как оказалось, у многих из них первые проведенные экскурсии состоялись среди друзей и знакомых. Оповещение на первые из них они отправляли через сообщения в сети. Информанты рассказывали и о самоорганизованных сообществах в LiveJournal, которые собирались раз в неделю ради совместной информативной прогулки по одной из улиц в центре города. Уже затем, по этому примеру, были проведены первые экскурсии наших информантов, но уже под их личным кураторством.

Траектория образования организации аналогична во многих случаях. Увлечение к городу перерастает в экспериментальную прогулку, которая с повторением институционализируется, формализуется в налоговой службе, коммерциализируется различными способами и формирует вокруг себя аудиторию. Гипотеза о том, что изначально экскурсии проводились в просветительских целях, а уже затем коммерциализировались – полностью опровергнута. С самого начала информанты сообщают лишь о «денежном интересе».

Было установлено, что возможен и иной путь образования, когда организация становится перевоплощением уже имеющейся коммерческой задумки, а именно экскурсий на транспорте. Как признается каждый из информантов, рынок в Москве совсем «не насыщен», поэтому подобный метод «перевоплощения» практикуется достаточно часто.

ОРИЕНТИРЫ БРЕНДОВ

Информанты указывали на то, что ежемесячно сводят бухгалтерию и пытаются просчитать, насколько текущий месяц принес больше дохода. В зависимости от сезонности, ведется определенная статистика, которая и отображает «успех» каждой организации. Однако некоторой глобальной цели они для себя не видели. Многие сомневаются в том, что смогут заметно изменить текущее положение бренда в ближайшее время.

Организации совсем не заинтересованы в проведении бесплатных экскурсий ради узнаваемости. Единственным подобным примером может стать сотрудничество с департаментом культуры по Москве на коммерческой основе. По их мнению, на данный момент, организации растут вместе с тем, как развивается рынок. Каждый год, по их словам, на экскурсии приходит все больше людей, однако рынок они считают до сих пор «ненасыщенным».

Ориентиров, в виде других организаций, осуществляющих пешие экскурсии, они для себя не видят. Наоборот информанты признавались в отсылке друг на друга. Опрошенные мною организации действительно воспринимаются как лидеры на рынке. Не было произведено интервьюирование представителей организаций, которые только начинают свое развитие и представляют собой периферию. Однако в условиях только формирующегося рынка, сложно утверждать, что они существуют как определенная группа в принципе.

УСЛОВИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Информанты утверждают, что «конкуренции» на ненасыщенном рынке быть не может. И история Москвы в этом плане представляется для них как безграничное поле. Однако число посетителей здесь совсем не безгранично. Экскурсоводы, помимо проведения запланированных прогулок, стараются приобрести свою собственную публику, ориентируясь на какой-то определенный сегмент в рынке. Организации же, в свою очередь, пытаются увеличить число проводимых экскурсий ради разнообразия, обращаются к данным экскурсоводам. Таким образом, человек может быть задействован сразу в ряде подобных организаций, осуществляя помимо этого индивидуальные экскурсии по существующему маршруту.

Предположение о том, что подобные организации постоянно обращаются к аутсорсингу, также оказалось несостоятельным. По их мнению, уже состоящие в организации люди выполняют поставленные задачи заметно лучше сторонних специалистов. Связано это, прежде всего, со спецификой работы.

Каждый из информантов приводил в качестве примеров нечастые случаи своего взаимодействия со сторонними организациями-клиентами или частными лицами. Для экскурсантов подобный формат оставался «бесплатным». Это некоторая форма «корпоративного досуга» или «подарка другу», когда знакомые коллеги кого-то заказывают экскурсию для именинника и его гостей.

Правовой статус пеших экскурсий во всех случаях представлен одинаково: индивидуальное предпринимательство по предоставлению туристических услуг. В конце каждого месяца, организациями выплачивается налог в пользу государства, «чтобы было меньше возможных проблем». Однако информанты указывают на то, что подобный подход в каждом случае сформировался не в самом начале, а лишь после года и более.

Информанты отмечают, что рынок фактически никак не регулируется. Существуют лишь некоторые организации, осуществляющие «аккредитацию» с последующей сертификацией непосредственно экскурсоводов. Однако их авторитет поставлен интервьюируемыми под сомнение. Само государство никак не оказывает влияния на деятельность данных организаций. Экскурсоводы не видят, как оно могло бы помочь им.

ОСНОВА ДЛЯ ДИСКУССИИ

«Идеальный тип» в глазах информантов отсутствует. Они не следят за экскурсиями в других городах и странах, ориентируясь исключительно на собственный опыт деятельности. Максимальной эффективности подобная организация может добиться исключительно широкой известностью и большим числом проводимых экскурсий. Они должны находить самое оптимальное время экскурсий для посетителей. А маршрут формировать максимально «интересным» для слушателей, включая различные детали об истории тех или иных построек и мест, предоставляя ту информацию, которую сложно найти «в удобном печатном виде».

Поиск символического в организациях не так успешен. Полученные данные показали, что подобные организации представляют собой формальное объединение нескольких человек, плюс некоторый дополнительный круг экскурсоводов. А в случае, если экскурсионная организация осуществляет не только пешие экскурсии – она обращается в лизинговые компании, у которых заказывает автобусы.

Институциональное поле пеших прогулок для организаций может представляться лишь как «расцепленное» в связи с различными функциями и их низкой восприимчивости друг к другу. Коллективная рациональность здесь отсутствует, так как для этого необходимо большее число организаций и их пресечение интересов [Zucker 1987]. Вопрос об уличных экскурсиях в Москве и в России в целом только начинает приобретать свою значимость. Возможно, лишь спустя время мы будем иметь дело с конкурентным и институционализированным рынком. А значит и с очевидными организациями.

2. Hannan M. T., Freeman J. *The Population Ecology of Organizations. American Journal of Sociology.* 1977. Vol. 82. P. 929-964.
3. MacCannell D. *The Ethics of Sightseeing. Paperback,* 2011.
4. Weber M. *Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1, Ch. 3, P. 217-226*
5. Zucker L.G. *Institutional theories of organization. Annual Review of sociology.* 1987. Vol. 13. P. 443-464.

РОЛЕВОЙ КОНФЛИКТ И МАСКУЛИННОСТЬ: МУЖЧИНА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Кузнецова С.И. (Екатеринбург)

Введение терминов «феминность» и «маскулинность» позволило разделить женские и мужские качества личности, поддерживая представления о дихотомичности полов. В свою очередь, эти представления требуют поддержки со стороны общества, в результате чего индивид становится обязан доказывать принадлежность к полу через соответствие феминным и маскулиным воззрениям. Эти воззрения задают ролевую ориентацию личности во всех сферах социальной активности. Вложенные ожидания относительно поведения в соответствии с полом человека внедряются в устройство семейной жизни, что влечет за собой выработку стратегии поведения: полное соответствие прирожденному полу или смешение маскулиных и феминных черт.

Если говорить о такой проблеме, как определение идентичности, то можно отметить интересные факты. По мнению В.Куренного, положение традиционного человека и его представления о себе не расходились, поскольку он глубоко инкорпорирован в социальную роль [1]. Существовала доминирующая картина мира (религиозная, общественная и другие), которая гарантировала человеку его идентичность. Но рост дифференциации ролей и индивидуализации влекут за собой и проблемы выстраивания самоидентичности.

Это переходит и на ролевой набор человека, переходящий в ролевой конфликт или «полоролевой стресс». У мужчин это особенно выражено, поскольку мужские традиционные роли и современные тенденции могут иметь расхождение. Но помимо общих тенденций это связано и с самим исполнением роли, которое может включать противоречия. Например, традиционно маскулиная черта – агрессия, является одновременно и проявлением мужественности и дисфункцией для общества. Проявляя же себя мягким, мужчина имеет шанс приобщиться к феминным чертам, что считается не соответствующим мужскому поведению.

Опираясь на идеи М.Киммела [2], можно вывести полоролевой конфликт из требований соответствия мужчины маскулиным чертам. В свою очередь, маскулинные черты предполагают определенный набор запретов и страхов. Мужественность представляется гомосексуальным спектаклем. Мужчина, чтобы оставаться мужчиной, обязан сохранять в себе гомофобию, возможность осуществлять насильственные действия (агрессию), не быть «девчонкой» и не давать поводов думать о себе, как о «девчонке», проявлять сексистские мысли, хотя бы в рамках мужской компании. На наш взгляд, эти идеи вполне уместны в контексте всего общества и истории маскулинности. Что касается семейной сферы, то конфликт рассмотренного стереотипного набора типичного мужчины и личных воззрений имеет место быть. В том числе, выполнение традиционно женских функций мужчиной, в частности касающихся воспитания и ухода за детьми, может расцениваться в разных типах семьи как недопустимые или допустимые вариации ролевого поведения.

Кроме этого, смена позиций женщин, как первопричина большинства перемен в семейном устройстве, привела к интересному феномену, отмеченному И. Коном. Если

раньше соперниками мужчин были мужчины, а женщин соответственно женщины, то в широком спектре современных общественных отношений мужчины и женщины могут конкурировать между собой. Если в профессиональной сфере можно это проследить более явно, то в семейной сфере такая конкуренция может выступать в некоторой степени дисфункцией. Конкуренция за внимание ребенка, за материальное положение, престиж среди близкого окружения, за лидерство в семье допускается нами на теоретическом уровне, поскольку общественные реалии перетекают и в малую группу. «Мужские исследования» подтверждают противоречия нормативного порядка маскулинности и индивидуальной ориентированности мужчин, не всегда поддерживающих идею мужской гегемонии.

Таким образом, конфликт мужских ролей как в обществе, так и в семье связан с несколькими факторами: 1) неспособность соответствовать требованиям мужской роли; 2) страх проявить феминные черты в поведении, т.е. «быть девчонкой»; 3) противоречия общественных и личных представлений о содержании мужских ролей; 3) межполовая конкуренция.

Ролевой конфликт на практике можно проследить в исследованиях об идеальном образе мужчины и женщины. Как показывают большинство из них, взаимные ожидания не всегда оправдываются. Проблема несоответствия ролевого исполнения и ролевого ожидания связана с проблемой размытия идеального образа мужчины.

Особенность современных гендерных отношений в России состоит в том, что патриархальный уклад, характеризующийся доминирующим положением мужчины, сохраняется как видимость, но де-факто значительная доля мужчин не выполняют в обществе традиционный набор социальных ролей («глава семьи», «защитник» и так далее). В связи с этим, по всей вероятности, связано «размытие» идеального образа мужчины в сознании женщин, что хорошо видно на примере данного опроса «Старт Маркетинг»: Портрет идеального мужчины и идеальной женщины [3]. Женщины просто не видят четкой социальной роли у окружающих их мужчин, в связи с чем и не могут сформировать четкий идеал внутри себя. Так же противоречие возникает при определении характеристик идеального мужчины, поскольку женщины чаще мужчин ставят на первые места качества, которые так или иначе связаны с семейной жизнью, в то время как мужчины в большей степени склонны разводить эти роли [4].

Мужчины вынуждены все больше ориентироваться не только на свои собственные групповые нормы, но и на женские ожидания [5]. Особым качеством выступает эмоциональность. Если мужчина исторически ассоциировался с силой и властью, то современные требования женщин к мужской чувствительности расходятся с традиционной маскулинностью. Образ монолитного мужского «Я» расшатывается, как отмечает И.Кон.

Изменения в системе ценностей, социальных норм брака, представлениях о том, кто такой мужчина влияют на ролевой набор мужчины в семье. Тем самым, структура семейных ролей меняется, меняется сама семья и общесоциальные процессы, связанные с ней. Разрешение ролевых конфликтов зависит не только от личности, но и государственной политики. Стоит отметить, что сохранение традиционной семьи не совпадает с реальностью семейной жизни. Проблема становится всё более актуальной с появлением мужского правового движения. Это заставляет по-новому взглянуть на роль мужчины в семье и обществе, акцентируя особое внимание на существование рассмотренных ролевых конфликтов.

1. Куренной В. 7 фактов о проблеме самоопределения современного человека URL: <http://postnauka.ru/faq/10442>. (дата обращения 25.03.2015)
2. См.: Kimmel M. URL: <http://faculty.ucc.edu/psysoc-stokes/masculinity.pdf> (дата обращения 08.05.15)

3. Исследование «Старт Маркетинг»: Портрет идеального мужчины и идеальной женщины. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 2014.02.26. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/02/26/6607> (дата обращения 20.03.2015)
4. Лежнина Ю.П. Трансформация гендерных ролей в современной России // *Общественные науки и современность*, 2013, №4 - с. 165-176 URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0589/analit05.php> (дата обращения 1.10.2015)
5. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/104262/Kon_-_Muzhchina_v_menyayushchemsya_mire.html (дата обращения 20.10.2014)

«РЕЙТИНГИ УНИВЕРСИТЕТОВ» КАК ИНДИКАТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВУЗОВ

Кузьмина О.В. (Санкт-Петербург)

Сегодня понятие конкурентоспособность является определяющим во всех социальных сферах жизни. Социальные институты XXI века ориентированы конкурировать между собой за лидирующие позиции и мировое признание. Такой всплеск конкуренции оказывает влияние на развитие и планирование стратегий в области развития социальных сфер.

Наиболее ярким и очевидным примером конкурентоспособности выступает институт образования. Сегодня многие развитые страны озабочены созданием мировых университетов нового поколения. Результат деятельности, направленной на модернизацию университетов, предлагают оценивать с помощью такого социального феномена как “рейтинги университетов”.

Профессор Амстердамского университета Марейк ван дер Венде рассматривает рейтинги как продукт процесса глобализации и как механизм, который стимулирует процессы модернизации в вузах. По его мнению, именно рейтинги способствуют постоянному прогрессу внутри университета, который в будущем выливается и во внешний прогресс. Этот прогресс отображается в позиции, которую университет занимает в мировом рейтинге. Чтобы процесс модернизации внутри университетов не останавливался нужны рейтинги, рейтинги на сегодняшний день неизбежны. [1]

Феномен рейтинговой оценки университетов затронул и российскую систему образования, а для некоторых вузов повлек за собой достаточно неприятные последствия, вызвавшие массовые протесты и непонимание. Однако спадать волна рейтингов пока не собирается, а российские ученые думают о создании своего национального рейтинга университетов. Так, ректор МГУ В.А. Садовничий не только поддержал идею создания национального рейтинга, но и предложил разработать такую рейтинговую систему, которая будет учитывать сильные стороны российского образования. [7]

Мировые рейтинги университетов являются прямым отражением государственной политики в области образования. Участие российских вузов в мировых университетских рейтингах сегодня стало не только обязанностью, но и “делом престижа”. В условиях глобализации рейтинги рассматриваются как один из способов привлечения иностранных студентов, преподавателей, вузов-партнеров и спонсоров [10].

Российские ученые отмечают: “В качестве относительно слабых мест образования в России международные статистические исследования констатируют в последние годы две позиции: недостаточную функциональную грамотность школьников (на фоне США) и низкий академический рейтинг российских университетов”. [3]

В этой связи нельзя не согласиться с политикой Президента РФ В.В. Путина, который поставил перед Министерством образования задачу, чтобы к 2020 году 5 российских вузов вошли в ТОП-100 мировых рейтингов. Вхождение вузов в ТОП-100 для

страны играет принципиальное значение, так как благодаря рейтингам поднимается престиж высшего учебного заведения и образования в России в целом [9].

По мнению ректора МГИМО А. Торкунова, задачу вхождения Российских университетов в топ-100, выполнить реально, необходимо лишь следовать следующим пунктам:

1. Принимать активное участие в международной образовательной жизни как студентам, так и преподавателям.

2. Увеличить количество публикаций в международных научно-образовательных журналах как со стороны студентов, так и преподавателей.

3. Привлекать в Российские университеты иностранных преподавателей, так как одним из рейтинговых показателей является наличие иностранных преподавателей в вузе.

4. Доступность образовательных программ на английском языке.

5. Развитие академической мобильности с целью увеличения количества иностранных студентов.

6. Создание и развитие сетевых университетов, чтобы российская высшая школа развивалась в единой системе координат с общемировым образовательным пространством. [8]

Более того, исследования рейтинговой сферы позволяют государству определиться в каком направлении проводить модернизацию и реконструкцию системы высшего образования. Так, на встрече научной элиты в рамках Международного научного совета НИТУ “МИСиС” были указаны следующие направления успешного развития: качественные публикации (Йохансон, Борсье 2014), привлечение преподавательского состава с мировым именем (Гриер, Линдси 2014), развитие предпринимательского духа своих студентов (Гутманас, Элазар 2014), развитие довузовских и профориентационных программ (Халамека, Луи 2014) [6].

Начало 2015 года для российских вузов выдалось очень плодотворным. Так, в сотню лучших вузов стран БРИКС вошли сразу 20 российских вузов. Московский Государственный университет в репутационном рейтинге Times Higher Education занял 25 строчку, а Санкт-Петербургский университет – 71-80 строчки в числе 100 наиболее авторитетных и престижных университетов мира с лучшей академической репутацией. В пресс-службе СПбГУ отметили, что в этом году на 14%, по сравнению с прошлым годом, увеличилось число научных публикаций СПбГУ в ведущих изданиях мира. Одновременно на 15% по сравнению с прошлым годом и на 35% по сравнению с 2013 выросло число цитирований работ ученых СПбГУ, а значит и "репутация" научных результатов. Увеличилась и доля иностранных научно-педагогических работников в кадровом составе Университета. [5]

Ректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Ярослав Кузьминов в своем онлайн интервью, говорит о неожиданном скачке в реализации президентской программы 5-100. “В этом году впервые мы получили некоторое подтверждение того, что да, это не просто надежды коллег, которые возглавляют данный проект, а там есть очень видные деятели глобального образования и люди, которые создали лучшие университеты мира.” НИУВШЭ в этом году попала в ТОП-100 и ТОП-200 предметного рейтинга QS по различным направлениям. Более того, НИУВШЭ единственный российский вуз, который входит в предметный рейтинг QS по социальным наукам. Такой скачок российских вузов в рейтинговой системе QS Ярослав Кузьминов объясняет тем, что QS стал по-другому учитывать публикации российских университетов. Теперь стали учитываться не только англоязычные публикации, но и голосование экспертов. С этого года в комиссию по голосованию стали входить и российские эксперты, тем самым хоть как-то уравнивая позиции вузов.

Ректор НИУВШЭ подводит итоги деятельности по программе 5-100: “Так что, если говорить о реальном признании того, что мы сделали, то 2015 год — это год, когда мы впервые ощутили такое международное признание.” [4]

Таким образом, можно сказать, что 2015 год стал переломным в системе оценок уровня и качества российского образования международными экспертами. Российское образование постепенно интегрируется в мировое сообщество и становится прозрачным и открытым для иностранных студентов, преподавателей, профессоров и экспертов. Во многом такие результаты связаны именно с конкуренцией, которая проникла в академическое сообщество. Именно конкурентная борьба мотивирует вузы постоянно проводить различные исследования, привлекать иностранных спонсоров и модернизироваться в соответствии новым образовательным вызовам.

1. Глинский А.В. Статистика против мифологии в сфере образования / А.В. Глинский, О.А. Донских, Е.В. Макаридина // *Alma mater*. 2011. – №6. – С. 25-30.
2. Кузьминов Я. И. Онлайн-интервью ректора НИУВШЭ для Газеты.Ru Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/science/interview/nm/s6698681.shtml>
3. Михальченко Н. МГУ и СПбГУ лидируют среди российских вузов в QS-рейтинге вузов стран БРИКС. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/2101273>
4. Международный научный совет НИТУ "МИСис" Встреча научной элиты в рамках Международного научного совета НИТУ "МИСис" Секреты роста в международных рейтингах вузов. Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=78563#.VZA_tniOY08
5. Садовничий В.А. России нужен свой рейтинг вузов со статусом международного. Режим доступа: http://ria.ru/edu_ratings/20091118/194343531.html
6. Торкунов А. В. Задачу вхождения 5 российских вузов в Top-100 международных рейтингов выполнить реально. Режим доступа: <http://www.univer-rating.ru/txt.asp?rbr=56&txt=Rbr56Text856&lng=0>
7. Указ 599 "О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки" от 07.05.2012. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>
8. Шахгельян К.И., Трофимчук И.А. Материалы VII Международной научно-практической конференции "Информационная среда вуза XXI века", Петрозаводск, 23-27 сентября 2013. с. 205 - 209
9. Marijk van der Wende "Rankings and Classifications in Higher Education: A European Perspective". – 2008. – P. 49-71.
10. Simon Marginson, Marijk van der Wende "Rank or To be Ranked: The impact of Global Rankings in Higher Education". - 2007. - P. 306-327.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЕЖИ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

Кулешова А.В. (Петрозаводск)

Выбор темы исследования обусловлен гносеологической проблемой: практически полным отсутствием информации в российской социологической литературе о каких-либо научных публикациях по молодежным исследованиям в странах Северной Европы: Финляндии, Дании, Швеции, Норвегии, Исландии. Да и, в целом, социология стран Северной Европы для российских социологов - тема малоизвестная и почему-то пока малопривлекательная. Отсюда следует цель - сбор, обобщение и систематизация современной научной информации о состоянии молодежных социологических исследований в странах Северной Европы.

Основным ресурсом для достижения цели выступили англоязычные статьи журналов Социологической Ассоциации стран Северной Европы [1], опубликованные за последние 10 лет и доступные на официальных сайтах. Всего было использовано 6 журналов в электронном виде: 5 общей специализации и один посвященный молодежным исследованиям. К первым относятся: «Qualitative Studies» [2], «Acta Sociologica» [3], «Bifrost Journal of Social Science» [4], «Nordic Journal of Social Research» [5] и «Outlines.

Critical Practise Studies» [6]. Специализированный журнал – «Young: Nordic Journal of Youth Research» [7].

Эмпирическое исследование условно можно разделить на два этапа:

1. поиск статей, посвященных молодежным социологическим исследованиям (среди шести журналов, указанных выше);

2. анализ выбранных статей:

А. с целью выявления основной проблематики;

Б. с целью выявления используемых методов.

Первый этап осуществлялся традиционным (логическим) анализом документов. На официальных сайтах журналов автор выбирал англоязычные статьи за необходимый период, то есть с 2004 по 2015 года (в каждом отдельном случае периоды разные, так как срок «жизни» журналов различен), и выделял те, в которых были описаны социологические исследования молодежи. Для этого он ограничивался поиском релевантности лишь по названию статьи, а тщательно изучал аннотацию, ключевые слова, введение и пункты (параграфы), содержащие сведения о базе данных, объекте, процедуре исследования и методологии. Если подобной информации оказывалось недостаточно для однозначного определения объекта и цели исследования, то автор полностью изучал статью.

Всего из шести журналов было изучено 610 англоязычных статей и среди них выявлено 242 статьи, посвященных социологическим исследованиям молодежи: 15 статей из 220 - «Acta Sociologica», две из 30 - «Qualitative Studies», одна из 38 - «Nordic Journal of Social Research», четыре из 94 - «Outlines. Critical Practice Studies», а основную базу (220 статей из 242), безусловно и очевидно, составили статьи со специализированного по молодежным исследованиям журнала «Young». При этом в журнале «Vifrost Journal of Social Science» не было найдено ни одной релевантной статьи.

Второй этап исследования воплощался с помощью контент-анализа, а действия исследователя носили в некотором роде индукционный характер (что связано с неразработанностью темы).

Анализ выбранных статей с целью выявления основной проблематики осуществлялся в программе Microsoft Office Excel. Единицами контент-анализа выступили ключевые слова (key words), которые были выделены авторами статей и/или же автором настоящей работы в ходе собственного прочтения, анализа. На одну статью приходилось несколько ключевых слов. Всего вышло 443 единицы анализа.

Категории анализа были подобраны, исходя из выявленных единиц анализа. Всего вышло 26 категорий, отражающих основную проблематику современных молодежных исследований стран Северной Европы:

1. Культура
2. Политика
3. Гендер
4. Образование
5. Этносоциальное
6. Девиации
7. Социальное
8. Идентификация
9. СМИ и СМК
10. Переходность, трансформации
11. Семья
12. Социально-экономическое
13. Социально-психологическое
14. Миграция
15. Поколения

16. Адаптация
17. Телесность и сексуальность
18. Труд
19. Потребление
20. Здоровье
21. Риск
22. Село-город
23. Повседневность
24. Религия
25. Пространство
26. Другое

Выделенные первоначально в статьях единицы анализа соотносились с категориями анализа. Каждая статья в итоге содержала несколько категорий. За 100% бралась абсолютная частота упоминаний категорий всех анализируемых статей, равная 620.

При анализе выбранных статей с целью выявления используемых методов единицами анализа выступили сами методы. Обычно их можно было найти в специальных пунктах/параграфах («Data&methods», «Methodology» и т.п.). В итоге были выделены следующие методы: качественные – индивидуальное интервью, фокус-группа, наблюдение, качественно-количественные – анализ документов, контент-анализ, количественные – анкетирование, психологическое тестирование.

Не во всех статьях авторы конкретно и однозначно указывали методологию своего исследования – лишь в 163, при этом в большинстве из них было использовано более одного метода. Итого в этих 163 статьях было 220 указаний (упоминаний), и именно от последнего числа автор считал процентное соотношение методов.

В результате проведенного контент-анализа англоязычных научных журналов стран Северной Европы были получены следующие результаты и сделаны следующие выводы:

1. Основную и практически достаточную базу для изучения современных молодежных исследований данного региона могут составить зарубежные источники, в особенности научные журналы официальных и крупных социологических ассоциаций или сообществ, доступные в электронном виде.

2. Исследования молодежи в современной социологии Северной Европы носят междисциплинарный характер. Что касается основных вопросов и направлений, то чаще всего исследования реализуются в рамках социологии культуры (9,0%). Это и так актуальные для молодежи субкультуры, и хобби, музыкальные предпочтения, и в целом образ жизни молодого поколения. Можно сказать, что представители североевропейской социологической мысли заявляют, что феномен молодежной культуры – реальность, требующая детального и подробного изучения.

Не менее популярной оказалась и политическая направленность исследований (8,4%). В данную категорию входят и молодежная политика, и электоральное поведение, и даже вопросы гражданства и гражданственности в целом. Как и все другие граждане, молодежь должны иметь право высказывать свое мнение в отношении служб и учреждений, которые оказывают на них влияние.

Гендерные исследования тоже составляют существенную долю современных молодежных исследований (7,4%). У стран Северной Европы высокий балл гендерного равенства и уже вошло в традицию обсуждать вопросы, связанные с феминизмом, обещаая либеральное будущее и молодым женщинам, и молодым мужчинам[8].

Актуальны и исследования в области образования (6,8%). Особенно серьезно анализируется школьная ступень. Данный интерес у североевропейских стран

неудивителен - не зря же они занимают высокое положение в рейтинге государств с лучшим качеством образования.

Это основные вопросы и направления изучения молодежи в современной социологии стран Северной Европы. Актуальность других категорий, и, соответственно, проблематика выражена в следующих процентах: этносоциологические исследования (6,1%); исследования девиаций (5,8%); категория «социальное» (5,0%) - включает в себя изучение социализации и ее институтов, социальной мобильности и социального неравенства; изучение идентификаций (4,8%) – этнических, гендерных, расовых; средства массовой информации и средства массовой коммуникации (4,8%); отдельная категория исследований посвящена промежуточному состоянию молодежи, ее переходности и трансформациям (4,5%); семья (4,0%); социально-экономические исследования (3,7%); социально-психологические исследования (3,5%); миграционные процессы (2,7%); поколенческие исследования (2,4%); «адаптация» (2,3%) - вопросы адаптации, социальной интеграции и изоляции, связанные с различными явлениями и процессами; телесность и сексуальность (2,1%); исследования в рамках социологии труда (2,1%), социологии потребления (1,8%), социологии здоровья (1,6%), риска (1,6%); отношение село-город (1,3%); повседневность (1,1%) - ежедневные практики, рутина; вопросы религии (1,0%); пространство, пространственные практики и мобильность (1,0%).

Выявленная проблематика является отражением социальной действительности Северной Европы.

3. Социологи Северной Европы, изучающие молодежь, придерживаются качественной стратегии исследования: метод индивидуального интервью встречается в каждом втором исследовании (50,5%), фокус-группа и наблюдение – в каждом десятом (10,9% и 9% соответственно). При этом некоторые авторы указывали конкретный вид интервью – биографическое, нарративное и глубинное. Последнее оказывается самым популярным, что значит, североевропейские социологи действительно заинтересованы в получении, можно сказать, латентной информации, раскрывающей существенные характеристики объекта исследования. Количественные методы: анкетирование (15,5%), психологическое тестирование (0,5%) выступают лишь как дополнительный метод познания и используются наравне с кабинетными исследованиями, анализом документов (13,6%).

Таким образом, автор попытался создать реальную картину, отражающую исследовательские практики в секторе социологии молодежи стран Северной Европы.

1. *Nordic Sociological Association* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nordicsociologicalassociation.org/pub/>, свободный, загл. с экрана. Яз. англ.
2. *Qualitative Studies* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/qual/index>, свободный, загл. с экрана. Яз. англ.
3. *Acta Sociologica* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asj.sagepub.com/>, свободный, загл. с экрана. Яз. англ.
4. *Bifrost Journal of Social Science* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bjss.bifrost.is/>, свободный, загл. с экрана. Яз. англ.
5. *Nordic Journal of Social Research* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://boap.uib.no/index.php/njsr/index>, свободный, загл. с экрана. Яз. англ.
6. *Outlines. Critical Practice Studies* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/outlines>, свободный, загл. с экрана. Яз. англ.
7. *Young: Nordic Journal of Youth Research* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://you.sagepub.com/>, свободный, загл. с экрана. Яз. англ.

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В СОЗНАНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ КУРСКИХ ВУЗОВ

Кунилова К.Д. (Курск)

Стремительное развитие российского общества, радикальные перемены в его жизни, включение в процессы интеграции и глобализации, расширение сфер международного и межнационального взаимодействия – все это является свидетельством важности и необходимости установления диалога между представителями разных национальных и культурных сообществ, способных понять иную культуру в качестве равноценной своей собственной. Именно в таких условиях экспорт образовательных услуг становится одним из приоритетных направлений развития высшего профессионального образования в России. Создание условий, которые будут содействовать процессу интернационализации образования, а также увеличению контингента иностранных студентов в России, становится важным показателем успешности международной деятельности отечественных вузов.

На волне усилившихся в последние годы процессов интеграции в области международного образования замечена тенденция увеличения числа иностранных студентов, которые пребывают в нашу страну. И, в первую очередь, они сталкиваются с такой важной задачей, как адаптация к российской культуре. Совместное обучение российских и иностранных студентов предполагает межкультурный диалог и, вместе с тем, обостряет вопросы сохранения национальной самобытности. В решении данного вопроса особое значение приобретает формирование у студентов ценностного отношения к другой культуре как непосредственному источнику развития ценностей, ценностных ориентаций, мышления, моделей поведения и форм деятельности, которые обеспечивают свободу культурного самоопределения и, как следствие, успешность самореализации.

Начнем с понятия «культура» (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, почитание) – в самом широком смысле понимается и как совокупность материальных и духовных ценностей, и как творческая деятельность, направленная на их создание и развитие. Понятие «культура» используется для характеристики творческих сил и способностей человека, его единства с природой и обществом. Культура служит объектом исследований для различных научных дисциплин, таких, как философия, социология, культурология, история, социология, этнография, социальная антропология. Если говорить о социологии, то ее, в первую очередь, интересует социальная природа культуры, ее роль в функционировании и развитии нашего общества. Специфика социологического подхода к изучению культурных явлений отражается в понятии «социальная культура» (система социально значимых знаний, ценностей, традиций, норм и правил человеческого поведения, посредством которых люди организуют свою деятельность в обществе).

Конкретно для нашего исследования необходимо было выяснить, каким образом иностранные студенты курских вузов приобщаются к российской культуре, через какие источники изучают ее, и какое отношение формируется у них в следствие данного приобщения. Эмпирическая база исследования – результаты социологического опроса иностранных студентов, обучающихся в трех крупнейших вузах города Курска: Курском государственном университете (КГУ), Юго-западном государственном университете (ЮЗГУ) и Курском государственном медицинском университете (КГМУ). Все респонденты (240 человек) являются иностранными гражданами из стран Европы, Африки, Южной Америки и Азии, их возраст варьируется от 18 до 30 лет. Для формирования выборочной совокупности применялась одноступенчатая выборка, использовался неслучайный отбор. Исследование проведено в период с февраля по май

2015 года на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета.

Во время нашего исследования был задан вопрос о том, как иностранные студенты относятся к российской культуре. Распределение ответов представлено в таблице 1.

Таблица 1

Отношение иностранных студентов к российской культуре

Варианты ответов	Количество человек	%
Нравится	57	23,3
Скорее нравится, чем нет	101	42,1
Трудно сказать точно	50	20,4
Скорее не нравится, чем нравится	22	9
Совсем не нравится	9	3,7
Итого	240	100

Мы видим, что более половины опрошенных иностранных студентов проявляют позитивное отношение к российской культуре. Это говорит о том, что, имея такое отношение, они могут чувствовать себя большее уверенно в новой культурной среде, активно исследовать и познавать новые аспекты культурной жизни нашего города и нашей страны. Каким образом они приобщаются к нашей культуре, изучают и познают ее, мы можем узнать, проанализировав ответы на следующий вопрос: «Каким образом Вы изучаете российскую культуру?». Здесь респонденты могли выбрать не более трех вариантов ответа. Результаты отражены в таблице 2.

Таблица 2

Способы изучения российской культуры*

Варианты ответов	Количество человек (N=240 человек)	%
Посещение музеев, театров и выставок	37	11,3
Изучение российского кинематографа	22	9,4
Чтение российской литературы и поэзии	48	19,5
Изучение русского языка	235	97,2
Изучение российской истории	45	17,6
Итого	387	155

*вопрос допускает три варианта ответа

Мы видим, что большинство иностранных студентов изучают российскую культуру через русский язык. Это самый успешный способ для того, чтобы узнать совершенно новую культурную среду, так как язык – это самое главное средство воспроизводства и передачи основной информации. Именно через язык студенты имеют возможность получают определенные знания и применять их на практике, что является немаловажным фактором для успешной адаптации. Следующий вопрос касался того, в какой именно форме выражено их участие в социальной и культурной жизни вуза. Респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответа (не более трех). Результаты расположились следующим образом (табл. 3).

Участие в социальной и культурной жизни вуза*

Варианты ответов	Количество человек (N=240 человек)	%
Конференции	9	5
Публикации	5	2,3
Концерты и культурные мероприятия	25	10
Студенческие организации	9	5
Профком студентов вуза	2	1,2
Итого	50	23,5

*вопрос допускает 3 варианта ответа

Большинство из опрошенных студентов, которые принимают участие в какой-либо деятельности в рамках учебного процесса, ответили, что они принимают участие в различных концертах и культурных мероприятиях. Данный вид деятельности позволяет студентам раскрыть свой творческий потенциал, показать свои способности, развить новые возможности и найти новых друзей, которые будут разделять их интересы.

В целом, по результатам опроса, мы можем сделать вывод о том, что большинству опрошенных иностранных студентов нравится и интересна российская культура. При этом в основном приобщение к ней происходит посредством изучения русского языка. Безусловно, язык является основным средством передачи информации, вместе с тем мы считаем, что необходимо пробудить больший интерес иностранных студентов к музеям, памятникам русской культуры и архитектуры, чтобы студенты не только читали и слушали о них, но и непосредственно проникались их атмосферой. В организации такого культурного досуга помощь иностранным студентам могут оказать преподаватели и русскоязычные студенты вузов, и это будет содействовать более глубокому постижению иностранными учащимися российской культуры.

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ СТИМПАНК-ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТИМПАНК-СЦЕНЫ)

Майборода А.В. (Санкт-Петербург)

В рамках современных реалий формируется множество сцен и субкультур, через которые индивид может конструировать собственную идентичность и реализовывать профессиональные и стилевые проекты, формировать культурный, символический и субкультурный капиталы. Примером такой сцены может выступать стимпанк-сообщество как в транслокальном формате, так и на уровне региональном.

Изначально направление стимпанка нашло свое отражение в научной фантастике как жанр, рассматривающий иной путь развития цивилизации, основанной на всеобщем использовании достижений механики и паровых машин. В этой связи идейным источником литературы являлась Викторианская Англия. Для произведений данного жанра брались за основу не только образцы технического развития в конкретный исторический период, но и социальные реалии (капитализм, социальное расслоение и

т.д.), а также архитектура, зональное распределение, английские парки и атмосфера в общем.

Постепенно это направление вышло за пределы литературного творчества, отдельные элементы стимпанка стали появляться в моде, кинематографе, музыке. В рамках современных реалий развивается и сообщество, представители которого конструируют собственную идентичность исходя из своего понимания стимпанка.

В фокусе данного исследования представители стимпанк-сообщества Санкт-Петербурга: крафтеры – создатели стимпанк-произведений, косплееры – участники сообщества, перевоплощающиеся в образ того или иного персонажа, «обыватели». Главным аспектом анализа является групповая (субкультурная) идентичность: способы и модели ее конструирования, воспроизведения и трансляции.

Теоретической рамкой исследования послужили работы представителей субкультурного подхода к анализу сообществ: Бирмингемского центра современных культурных исследований (Т. Джефферсон, Ф. Коэн, Д. Хебдидж, С. Холл) [5, 7], постсубкультурного подхода: концепции «Жизненных стилей» (Chaney, Mike Featherstone и Alberto Melucci) [6], «Милье» (П. Уэбб), «Неоплемен» (М. Маффесоли, Э. Беннет, К. Роджек) [2, 3, 4], концепция «Сцен» (Б. Шанк и У. Строу), а также отечественный подход к анализу сообществ – концепт «солидарности» (Е. Омельченко) [11, 12].

Другой теоретической рамкой исследования послужили концепции идентичностей: субкультурной идентичности и субкультурного капитала С. Торнтон [10] и концепция групповой идентичности (Д. Бар-Тала) [1].

Опираясь на представленные выше концепции было проведено исследование в рамках качественной парадигмы (Эмпирической базой исследования являются 10 глубинных интервью), проанализированы полученные данные.

Стимпанк-сообщество в рамках петербургской сцены достаточно сложно маркировать в только пространстве локальном – с одной стороны, сообщество достаточно активно развито в пространстве виртуальной реальности на специализированной стимпанк-платформе и групп в рамках социальных сетей, с другой – локальные сцены в пространстве реальном только начинают свое формирование.

Стимпанк-идентичность в рамках данного сообщества конструируется на трех уровнях: внутригрупповом (локальном), региональном и межгрупповом. На каждом из представленных уровней совершается постоянное корректирование границ, норм, ценностей и канонов, что определяется отсутствием в сообществе строгих системных характеристик, одномерной и однородной групповой идентичности.

На внутригрупповом уровне сцена сообщества амбивалентна: с одной стороны, существуют флюидные субгруппы, представители которых формируют свою мультиидентичность посредством участия в сообществе. Это субгруппы потребителей, «обывателей», косплееров. С другой стороны, существует «ядро» сцены, сконцентрированное в среде крафтеров, в рамках которого происходит конструирование и структурирование стимпанк-канонов, как достаточно определенных, так и неподвластных вербализации.

В стимпанк-сообществе формируются региональные групповые идентичности, основанные на собственных воззрениях стимпанкеров относительно местных особенностей культуры и социальных стереотипах. Групповая идентичность также конструируется на уровне межгрупповом – здесь присуще общее представление о стимпанке как сообществе в целом. На этом уровне определяются границы, отделяющие стимпанкеров от иных солидарностей, субкультур и сцен: неовикторианства, миддлпанка, панка, киберпанка и т. д.

В целом групповая идентичность локализуется в области стимпанк – эстетики и стимпанк – механики и транслируется в процессе приобщения к субкультурным производственным и перформативным практикам, как в пространстве реальном, так и через виртуальные платформы. Реальная сцена сообщества только начинает

формироваться и выражается в функционировании групповых площадок: мастерских, форумов и конвентов. Наиболее продуктивными формами приобщения к групповым нормам, ценностям и практикам являются «буферные» пространства в рамках транслокальных площадок: виртуальные стимпанк-платформы, группы и страницы в социальных сетях, а также фестивали популярной культуры, встречи, выставки в пространстве реальном.

1. Bar-Tal D. *Sociopsychological foundations of intractable conflicts* // *American Behavioral Scientist*. 2007. Т. 50. №. 11. С. 1430-1453.
2. Bennett A. *Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste* // *Sociology*. 1999. N 33 (3). P. 599-618.
3. Bennett A. *Popular Music and Youth Culture: Music, Identity and Place*. Basingstoke: Macmillan. 2000.
4. Bennett A., Shank B., Toynbee J. (Eds), *The Popular Music Studies Reader*, Routledge, London/NYC. 2006.
5. Bebergal P. *The age of steampunk* // *Boston Globe*. 2007. Т. 26.
6. Chaney D. *Lifestyles*. L.: Routledge. 1996.
7. Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers*. Oxford: Basil Blackwell, 1972.
8. Forlini S. *Technology and Morality: The Stuff of Steampunk* // *people*. 2008. Т. 151. С. 147.
9. Onion R. *Reclaiming the Machine: An Introductory Look at Steampunk in Everyday Practice* // *Neo-Victorian Studies*. 2008. Т. 1. №. 1. С. 138-163.
10. Pilkington, Omelchenko 2013 - Pilkington H, Omelchenko E. *Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice)* // *Sociology Compass*. 2013. Т. 7. N 3. P. 208-224.
11. Оборонке В. И. *Западные молодежные субкультуры 80-х годов: науч.-аналит. обзор*/В. И. Оборонке; ИНИОН АН СССР. М., 1990.
12. Омельченко Е. Л. *От субкультур - к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности - [Электронный ресурс]. — URL: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/39200199> (дата обращения: 20.05.2015).*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТУДЕНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ОБЩЕЖИТИЯХ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕЖИТИЙ СПБГУ С РАЗНОЙ ПЛАНИРОВКОЙ)

Митькина К.И., Высоцкая О. Е., Рачевская Е. (Санкт-Петербург)

Изучение повседневности является одним из ведущих направлений в современной прикладной социологии. Связано это прежде всего с тем, что именно в повседневной, рутинной жизни людей, в их быте отражаются масштабные социальные изменения, незаметные на первый взгляд. Например, через изучение рутинизированных практик исследователь может отследить, каким образом массовое внедрение технологических новшеств влияет на быт людей и исполняет ли в полной мере свое предназначение.

Помимо этого стоит отметить, что взаимодействия студентов в общежитии – это особый паттерн, отличающийся от простого сожительства, соседства, коммунального быта. Во-первых, потому, что живущие вместе студенты знают и понимают, что это сожительство не навсегда, а на определенный срок (причем, всегда есть возможность переселения), что может служить поводом как для повышенной конфликтности, так и для повышенной терпимости. Во-вторых, студенты от простых сожителей/соседей отличаются тем, что они являются особой социальной общностью, объединенной схожими условиями проживания (например, равное количество мебели в комнате на человека); общим социальным положением (обучение в университете) и общими проблемами (адаптация в новом городе, сложности с учебой и т. д.). Это делает повседневность студентов в

общежитии особым предметом для социологического изучения в рамках социологии повседневности.

Проводится много социологических исследований, объектом которых является студенческая среда, социально-психологический климат в общежитиях, проблемы адаптации студентов. Особенность данного исследования заключается в сравнении повседневности и взаимоотношений студентов, проживающих в разных по планировке типах общежитий, а именно коридорном и квартирном.

Для проведения социологического исследования были выбраны три общежития СПбГУ: одно общежитие квартирного типа (две комнаты, отдельные туалет, душ и мини-кухня) и два общежития квартирного типа (кухня, душ и туалет рассчитаны на несколько комнат и находятся в рамках общего коридора). Для сбора информации был использован метод формализованного интервью. При составлении инструментария опорным материалом послужило исследование И. В. Утехина «Очерки коммунального быта»

Всего было проведено 10 интервью, по 5 среди студентов из каждого типа общежития. Комнаты были выбраны случайным образом и разное их количество обусловлено тем, что они «заполнены» жителями не до конца. Кроме того, среди респондентов 2 юноши и 8 девушек, все от 20 до 23 лет.

Основной гипотезой стало наличие значимого влияния такого фактора как планировка общежития на взаимодействие между студентами.

Таким образом, гипотеза, в целом, подтверждается, планировка общежитий действительно влияет на взаимодействие студентов и бытовую организацию, но не так значительно, как предполагалось вначале, так как в результате мы получили немало сходных моментов.

Итак, наблюдаются различия между коридорным и квартирным типом по организации студентами быта. В квартирном он более организован, по крайней мере, к этому стремятся и устанавливают какие-то договоренности. Это связано с тем, что личное пространство распространяется здесь и на общее и потому что здесь немного соседей. В коридорном личное пространство остается в пределах комнаты, а в общем остается бессловесная договоренность, что каждый убирает после себя, кто-то выносит мусор, пол там мыть не нужно, так как это делают уборщицы.

Что касается взаимоотношений с соседями, то более близкими остаются отношения с соседями по комнате, а с другими остаются поверхностными. Это не зависит от типа общежития. Также, здесь можно выделить две модели отношений между соседями в комнате: приятельские и умеренно равнодушные. При первых, студенты могут проводить вместе время, а при вторых, знать только общую информацию друг о друге и иногда общаться. Различия между общежитиями здесь касаются частоты взаимодействия, так как в коридорном студентам приходится часто сталкиваться со своими соседями, а в квартирном они редко видятся. Если говорить о конфликтности, то о ней нигде студенты не говорят, скорее, отмечается некоторая напряженность в связи с бытом. Так как организация быта в большей степени характерна для квартирного типа общежития, то и напряженность встречается именно здесь.

Помимо этого следует отметить, что студенты не ищут дополнительных связей и отношений в рамках общежития. Это подчеркивается тем, что практически никто из опрошенных не посещает мероприятия, которые проводятся внутри общежития (хотя знают о них). Возможно, это связано с тем, что большую часть опрошенных составляют магистры, которые зачастую проявляют меньшую степень интереса к студенческой внеучебной жизни.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ О ТРУДОУСТРОЙСТВЕ

Михайлова Д.В. (Санкт-Петербург)

Трудоустройство после окончания высшего учебного заведения является одним из важнейших этапов в жизни человека. Однако, как выясняется, молодежь в большинстве случаев сталкивается на данном этапе с многочисленными проблемами, что в целом формирует у студентов неопределенные либо вовсе пессимистичные представления о трудоустройстве. Проблемы трудоустройства среди молодежи широко представлены в работах В. В. Екомасова, Н. А. Жданкина, А. А. Малышевой и И. В. Невраевой. В том числе данные проблемы объясняются рассогласованием представлений молодежи о рынке труда и реальным положением дел на рынке, что отражено в работах В. Войцеховского, А. Н. Кочетова, К.А. Устиновой и др. Мы рассмотрим основные факторы, влияющие на представления о трудоустройстве учащейся молодежи в целом и студентов-социологов в частности.

Во-первых, вопреки достаточно устойчивой системе ценностей и социальных предпочтений, молодежь планирует и выбирает профессиональные и, в целом жизненные стратегии, спонтанно, под давлением обстоятельств или иных внешних воздействий [1, С. 35]. Выбор профессии может быть опосредован как мнением родителей и друзей, так и случайными факторами, такими как расположение места учебы, необходимость получить отсрочку от армии и т.д.

Во-вторых, сомнения учащейся молодежи в отношении трудоустройства отражает отсутствие эффективной системы профориентации и низкая мотивация к трудоустройству по профессиям, востребованным на рынке труда [2]. Молодежь в настоящее время с одной стороны стремится к деятельности, которая нравится, даже если заработная плата невысока, а с другой стороны не может четко определить, к чему имеет склонность, какие имеет способности и возможности [1, С. 35].

Мотивационная составляющая трудоустройства молодежи в свою очередь является наиболее значимой проблемой на современном этапе социально-экономического развития, так как отсутствует государственное стимулирование трудовой деятельности молодых специалистов [3]. Привлечь перспективных молодых специалистов, а тем более закрепить их в организации и раскрыть их трудовой и творческий потенциал, достаточно трудно. Это происходит из-за несоответствия требований работодателей и условий труда компетенциям и потребностям выпускников вузов. Поэтому необходим комплексный анализ трудовой мотивации выпускников высших учебных заведений для преодоления противоречий и недопонимания между молодым специалистом и работодателем [3, С. 181].

Переходя непосредственно к студентам-социологам, еще одним фактором формирования неопределенных представлений о трудоустройстве можно назвать расхождение ожиданий молодых социологов от рынка труда с реальным положением на рынке. Социологи недооценивают важность неформальных связей и особенно профессиональных контактов для устройства на работу и карьерного роста. В соответствии с этим фактом, ключевой становится деятельность студентов по созданию и закреплению профессиональных связей, через которые в дальнейшем будут поступать предложения о работе. Ожидания студентов-социологов соответствуют реальному положению на рынке труда только в предпочтении работодателем наличия опыта работы перед теоретическими знаниями. Поэтому на представления оказывает значительное влияние первый опыт работы: это позволяет получить больше информации о рынке труда, о его возможностях [4].

Следует сказать, что неопределенность в представлениях молодых социологов выражается также в длительном поиске работы, недостаточности знаний для выполнения

профессиональной деятельности, невысокой востребованности социологов на рынке труда и т.д.

В меняющихся экономических условиях необходимо обращать внимание как на профессионально-личностные качества, обеспечивающие конкурентоспособность молодых специалистов на рынке труда (что наиболее актуально именно для социологов), так и на воздействие внешних факторов – окружения, информации поступающей от ВУЗа, государственного воздействия на рынок труда, а также непосредственно работы самих организаций по мотивированию будущих работников. Сейчас до сих пор наблюдаются серьезные проблемы в эффективном взаимодействии молодежи и работодателей. Всестороннее развитие личности специалиста, подготовка его к мобильному и адекватному поведению на рынке труда, не всегда решаются достаточно успешно, что усугубляет трудности трудоустройства после окончания вуза и собственно влияют на формирование неопределенного представления трудоустройстве в целом [5, С. 50]. Поэтому необходимо теоретическое и практическое осмысление новых подходов к профессиональной подготовке специалистов, их трудовым представлениям.

1. Зимогорова И., Сафонова А. Проблемы профориентационной деятельности в образовательных учреждениях Санкт-Петербурга // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2007. №1. С. 33-37.
2. Ивановский С.Л., Рушева А.В. Социально-экономические аспекты проблем трудоустройства в современных условиях // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2014. №2. С. 49-53.
3. Багирова И. Х. Мотивационные предпочтения выпускников ВУЗов в процессе трудоустройства // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. №3. С. 180-186.
4. Куликова А., Василяшко Д., Волик А., Юдин Г. Ожидания на рынке труда и перспективы трудоустройства студентов и выпускников социологических факультетов. М., 2003.
5. Козлов В. Г. Определение направлений развития педагогической среды в современных рыночных условиях (социально-педагогический аспект) // *Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология*. 2009. №1. С. 48-56.

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОРИЕНТИРА НА УСПЕХ

Молоткова Е.А. (Санкт-Петербург)

Подростковый период — особенный в жизни каждого человека. Его можно считать заключительным этапом детства, началом вступления во взрослую жизнь; период жизненного самоопределения. Современные условия жизни предъявляют большие требования к становлению личности молодого человека. Изучение проблемы социализации и, в частности, специфики социализации подростков, является одним из значимых направлений социологии. Роль творческой деятельности в социализации подростков — многоаспектный вопрос, который объясняет как процесс становления ценностей, так и последующую реализацию личностного потенциала и, возможно, жизненные ориентиры и стратегии.

В подростковом возрасте семья, которая является институтом первичной социализации, отходит на второй план, а основные социализирующие функции исполняет школа. О.С. Газман в своих научных работах отмечает, что именно образовательная среда отвечает за организацию очеловеченной социальной среды. Именно школа берёт на себя ответственность обучить ролевому взаимодействию и понимать «социальную роль» как категорию. На формирование личности школьника, его вовлечённости в творческую деятельность, мотивацию на участие школьной жизни оказывают влияние окружающая

его среда. Л.И. Новикова пишет, что в социальной среде на человека особое воздействие оказывает не само окружение, а то, каким образом он его воспринимает, как идёт на контакт. Процессы взаимодействия и взаимовлияния становятся основополагающими для процесса социализации, а значит, что создание эмоционально благоприятной среды – такие же функции образования, как и освоение основных учебных дисциплин.

Успех осуществляется через включение человека в социальную структуру. Любая трудовая деятельность может стать основным механизмом такого включения. Творческая деятельность в этом ряду стоит особняком, так как именно реализация внутреннего потенциала является асоциативным критерием достижения успеха для большинства людей. Для современной молодёжи свойственно равнодушие к идеалам и даже отрицание их. Вместе с тем, наличие идеалов и ценностей ориентирует на переживание качественных переживаний, которые, в свою очередь, знакомят человека с окружающей его действительностью и определяют его функции, предпочтения, жизненные ориентиры и стратегии; роль эмоционально-чувственной составляющей на формирование личности велика и многогранна.

В наши дни в России отсутствуют подготовленные культурной традицией обряды инициации для подростков, отделяющие из «детское прошлое» от «реалий юности», что важно для совершенствования процесса вхождения в мир «молодых взрослых». Творческая реализация талантов и интересов молодого человека во время подготовки школьного внепрограммного мероприятия может стать определяющей точкой, тем самым «экстремумом», который позволит подростку ощутить свои способности, попробовать свои силы в коллективной работе, научиться оценивать по-должному свой личный вклад в общее дело. Основным мотивом для принятия решения относительно будущего является, непосредственно, прогресс не столько в обучении, сколько в самой деятельности.

В ходе исследования, проведённого среди обучающихся 8-11 классов было установлено, что активная творческая деятельность в образовательном учреждении оказывает влияние на их групповую идентичность, на восприятие как школы в целом, так и роли личности педагога в различных школьных взаимодействиях. Если педагогический коллектив школы готов к активному ролевому взаимодействию и воспринимает школу не только как площадку для получения образования, то формируется рефлексивная личность, способная к проектной и коллективной деятельности. В результате исследования обнаружилось, что у школьников достаточно развита способность к саморефлексии, они способны оценивать свои навыки, предрасположенности к тем или иным видам деятельности; достаточно большая часть респондентов готовы воспринимать критику в свой адрес без негатива.

В «Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования» говорится о роли школы в личностном самоопределении, в формировании ценностно-смысловых установок и, как следствие, жизненных стратегий. Именно поэтому ряд вопросов был направлен на определение некоторых индикаторов, которые связаны с формированием представлений о жизненном успехе.

На вопрос о наиболее необходимых, по мнению школьников, для достижения жизненного успеха навыков (были предложены варианты «дисциплинированность», «беспристрастность», «инициативность», «трудолюбие», «терпение», «альтруизм», «стрессоустойчивость», «харизматичность»). Ответы распределились следующим образом: 19% выделили харизматичность, 18% - дисциплинированность, 14% - трудолюбие, 13% - инициативность. По 10% отметили беспристрастность и альтруизм, 9% - терпение, 7% - стрессоустойчивость. Был также задан вопрос о факторах, которые мотивируют подростка на участие в творческом процессе. Были получены следующие результаты: 32% школьников мотивированы стремлением к новым впечатлениям, по 29% школьников выделяют для себя возможность примерить на себя ту или иную роль и любопытство, 20% - интересы, 16% - возможность получения успешного опыта творчества. Тягу к творческой деятельности на уровне инстинкта отмечают 14% респондентов, стремление к

самостоятельности – 13%, возможность самореализации и позицию творца – по 10%. Большинство опрошенных выделяют «стремление к новым впечатлениям», «любопытство» и «возможность примерить на себя ту или иную роль», – что позволяет сделать вывод о том, что эмоциональная компонента является для подростков более сильным мотивационным фактором, чем жизненные стратегии («стремление к самостоятельности», «интересы», «возможность самореализации», «возможность получения успешного опыта творчества») и личностные параметры («позиция творца», «тяга к творческой деятельности на уровне инстинкта»).

Так или иначе, в подростковом возрасте школа становится основным институтом социализации; на образовательное учреждение возлагается огромная ответственность как за сиюминутные успехи школьника, так и за будущие свершения. Результаты проведённого исследования лишь подтверждают эти истины и не позволяют им быть голословными. Именно поэтому, хочется верить, что школьный учитель будет подходить к своей работе вдохновенно, учитывая индивидуальные особенности ученика – не только его недостатки, но и таланты.

1. Газман О.С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема //Новые ценности образования: десять концепций и эссе. Вып.3 – М.:Иноватор, 1995, 98 с.
2. Новикова Л.И. Педагогика детского коллектива. М.: Педагогика, 1978. – 144 с.
3. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. «Жизненный успех и ориентации современной молодёжи», Молодёжная галактика 9, 2013.
4. Щеглова С.Н. Как изучать детство. - ТО ЮНПРЕСС, 2000.

ВИРТУАЛЬНЫЙ ДАУНШИФТИНГ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРЫ XXI ВЕКА

Москвин А.С. (Киров)

Общество XXI века шагнуло в несколько иное «культурное измерение» нежели то, которым оно жило во второй половине XX века. Современные дети «рождаются с гаджетом в руках», взрослые и пожилые вынуждены осваивать компьютерную технику и погружаться в сеть, а гуманитарный научный дискурс «оперирует сегодня такими терминами, как “клиповое сознание”, “мобильность”, “номадизм”, “перемещение”, “планетарный дрейф”, “исход”, “путешествие”, “терпимость”, “линки”, “цепи”, “петли”, “нейроны”, “в контакте”, “относительный”, “связующий”, “сообщающийся”, “дистрибутивный” и “редистрибутивный”, “(не)флексибильный”» [4, С. 138].

Современная эпоха ещё не получила точного устоявшегося названия, но в научной литературе уже есть некоторые предположения. Перечислим некоторые из них: пост-постмодернизм, альтермодернизм, диджимодернизм, перформатизм, автомодернизм, гипермодерность и пр. Можно заметить, что все они строятся на преодолении и отрицании понятий постмодерн и постмодернизм как культурной парадигмы второй половины XX века и делают упор на то, что новая эпоха сформирована Интернетом, что вызвало повсеместную «миграцию» общества в виртуальную реальность. По меткому выражению Д.В. Иванова, само «общество в традиционном его понимании замещается киберпротезом» [1, С. 14].

Путь, который прошел Интернет показателен и может помочь нам увидеть тенденции его развития в ближайшем будущем. М. Кательс в книге «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» [2] заметил, что Интернет создавался и продвигался программистами и хакерами, которые были выходцами из контркультурной среды 1960-х годов (в том числе из субкультуры хиппи). По сути, Интернет изначально создавался как некая альтернатива реальному миру, как место для немногих, в котором маргинальная молодежь могла «укрыться и сбежать» от давления доминирующей

культуры. Но история развития общества неоднократно доказывала следующее правило: контркультура неизбежно сливается с доминирующей культурой. Так было с христианством в целом, с протестантством в частности, с экологическими движениями и пр. Интернет – не исключение. К началу третьего тысячелетия люди осознали преимущество, а технологии позволили Интернету «войти» в каждый дом. С тех пор прошло совсем немного времени, а результат налицо: виртуальная реальность стала нашей повседневностью. «Старые» способы общения и взаимодействия (письма, длинные телефонные разговоры, чаепития) кажутся уже далеким пережитком.

В современной культуре можно заметить интересную тенденцию – выход из виртуальных коммуникаций, ощущение «усталости» от нахождения в них, отторжение от своего интернет-двойника (симулякра). Получается, что уход обратно в реальность сегодня – это новая контркультура. Указанную тенденцию можно обозначить как виртуальный дауншифтинг (от англ. Downshifting – переключение автомобиля на пониженную передачу), поскольку люди не до конца отказываются от виртуальных взаимоотношений, а всего лишь ограничивают себя в них.

Подобную тенденцию можно проследить на примере некоторых сфер жизни общества. Заявил о себе феномен медленных движений: медленная еда (slow food), медленная журналистика (slow media), медленная наука (slow science) и пр. Список можно продолжать и дополнять своими собственными примерами. Об отношениях с Интернетом написано в манифесте медленных медиа: «“Медленные медиа” прогрессивны, а не реакционны. Они опираются на технологические достижения и сетевую структуру общества. На фоне ускорения многочисленных сфер жизни умышленная медлительность является ключом к выживанию. Однако “медленные медиа” не вступают в противоречие с высокой скоростью и одновременностью “Твиттера”, блогов и социальных сетей, а напротив, активно используют их преимущества [3]. Дауншифтинг не делая шаг назад, пытается вернуть обществу «человеческое лицо».

Можно заметить, что все слои современного общества развивают новые практики «возвращения в реальность». Вновь входят в моду спортивные тренировки; в парках устраивают бесплатные танцевальные мастер-классы; галереи, университеты, музеи и библиотеки устраивают разнообразные лекции, семинары и воркшопы; небольшие акустические концерты студенческой молодежи приобретают общегородской масштаб только потому, что люди хотят быть вместе.

Участники молодежных субкультур также чувствуют общекультурный пульс и заявляют о своем бунте против виртуального мира. Это подтверждает песня панк-группы Тараканы 2013 года под названием «Пойдем на улицу!»:

Пойдём на улицу, потусуемся!
Пойдём туда, где нет пока вай-фая!
Схожу с ума от информации,
Листая фотки и читая статусы,
Если ты это чувствуешь самое,
Пойдём на улицу, пошляемся.
Это и есть нано-будущее,
Оно уже здесь, нет сомнения.
Может выйдем на улицу,
Преодолеем дефицит общения?
Пойдём на улицу, потусуемся!
Пойдём туда, где нет пока вай-фая!
Пойдём на улицу, потусуемся!
Мы так давно просто не гуляли с тобой!

Рассмотренная социокультурная ситуация является всего лишь передышкой для новой цифровой гонки или это парадигма развития новой эпохи и нового поколения?

Дальнейшие культурологические и социологические исследования в этой сфере помогут выявить динамику развития данной тенденции в дальнейшем.

1. Иванов, Д. В. *Виртуализация общества* / Д. В. Иванов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. – 96 с.
2. Кастельс, М. *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе* / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
3. Кёлер, Б. *Медленные медиа. Тише едешь, дальше будешь* / Б. Кёлер, С. Дэвид, Й. Блумтритт // Журнал «Частный корреспондент». – 2010. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/medlennye_media_18335
4. Осипова, Н. О. *Постмодернизм умер... Что после?* [Текст] / Н. О. Осипова, В.Т. Юнгблуд // *Русская и белорусская литературы на рубеже XX-XXI веков: сб. науч. ст / под ред. С. Я. Гончаровой Грабовской. Минск: РИВШ, 2014. С. 138-143.*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ АКТЕРА

Мосякина Т.И., Бондарь А. А. (Санкт-Петербург)

Профессия актера по-прежнему остается одной из самых выбираемых и желанных, о чем свидетельствуют огромные конкурсы в творческие вузы. Однако предложение на рынке искусства не соответствует спросу. Наблюдается достаточное количество профессиональных актеров, не находящих применения своему актерскому образованию. В условиях конкуренции, перед актерами встает необходимость постоянно доказывать свою ценность и профессионализм, что отражается на их идентичности. Так как базовым этапом становления актерской идентичности является обучение в театральном вузе, то повседневный опыт студенчества представляется нам значимым для исследования.

Нами было проведено качественное исследование, в результате которого, были сделаны следующие выводы.

В изучении предпосылок поступления, было выявлено гендерное различие. У женщин решающим фактором, влияющим на выбор будущей специальности зачастую оказывалось представление о профессии актера, которое складывалось под влиянием мнения родственников, просмотром фильмов и спектаклей, у мужчин, напротив, изначально отсутствовало внутреннее стремление к актерской профессии и попадание в творческую среду способствовало возникновению желания стать актером.

Значимыми являются дружеские связи: прослеживается такое явление, как поступление «за компанию».

Процесс поступления в театральную академию состоит из консультации и трех туров. Они включают в себя исполнение как заранее подготовленного материала, так и импровизацию. Первичным является не умение точно знать и воспроизводить материал, а гибкость и возможность подстраиваться под любую ситуацию. Например, даже если у абитуриента нет способности к пению или танцу, он может обыграть это в свою пользу.

Актеры часто мыслят в категориях «свой-чужой», и, таким образом, при поступлении на первый план выходит «духовная близость».

Интересно, что конкуренция происходит не с помощью травления других, а с помощью самосовершенствования. Таким образом, она является внутренней, не выражается в открытых формах. Стремление быть лучше других является фундаментальной чертой профессии, жизненной необходимостью.

Несмотря на то, что обучение у мужчин и женщин проходит схожим образом и на то, что учеба воспринимается как тяжелый труд, в целом они наделяют его разным значением. Мужчины сравнивают учебу с армией, а актёров с солдатами, а женщины

говорят о том, что это прекрасная пора. В этом заключается парадокс, потому что у женщин должна быть жестче конкуренция в силу несоответствия спроса и предложения.

Значимой фигурой в жизни информантов выступает мастер курса. На первый план выходит построение доверительных отношений с мастером. Более того, время мастера ограничено, за него происходит скрытая борьба, это стимулирует более плодотворную работу.

Смена ритма жизни обуславливает смену социального окружения: обучение организовано таким образом, студент полностью включается в обучение и исключается из прежних социальных отношений. Окружение полностью состоит из однокурсников, которые становятся семьей.

Здесь важно отметить парадокс, состоящий в том, что становятся близкими те люди, с которыми идет скрытая борьба за роли.

Было выявлено неписанное правило не допускать открытых конфликтов. Поскольку командная работа - это основная работа в актерской среде, личные конфликты могут стать причиной провала работы всей группы, поэтому все негативное переживается внутри.

Посещаемость теоретических пар и отличные оценки не являлись признаком успешности студента. Напротив, такие студенты часто стигматизировались. Образ артиста складывается как образ ленивого человека, «раздолбая». И посещение всех пар, зубрежка противоречит этому образу. При этом сама лень может иметь как позитивную, так и негативную коннотацию, поскольку актеру необходимо постоянно совершенствоваться.

В повседневной студенческой практике активно распространено курение и потребление алкогольных напитков. Ритм жизни студентов-актеров предполагает постоянную работу и задействованность в творческих проектах, и, как только творческий процесс останавливается, нарушается уже привычный распорядок жизни и, появляются проблемы.

Местом активной коммуникации и налаживания связей выступает курилка. Актер должен всегда воспроизводить свою идентичность даже в неформальной обстановке. В этом плане стоит упомянуть капустники, где у актера появляется дополнительная возможность проявить себя. Нередки случаи, когда такие неформальные мероприятия становились по мнению информантов ключевыми в дальнейшем построении их карьера. Наблюдается влияние успешности на количество социальных контактов, и наоборот. Чем больше ты проявляешь себя, тем больше людей на курсе заинтересовано в том, чтобы с тобой взаимодействовать.

Актер всегда находится на виду, и, соответственно, неизбежна постоянная оценка его творческого потенциала со стороны коллег. Такое наблюдается и во время студенчества будущих актеров. Самой важной для студентов является оценка мастера курса. Оценка однокурсниками так же являлась значимой, но не всегда выражалась в однозначной форме. Это, на наш взгляд, является еще одной формой конкуренции. Результатом такого оценивания, в конечном итоге, выступает распределение ролей в дипломных спектаклях.

Актер не должен быть изолированным от мира, он должен выступать активным наблюдателем, он учится не только у своих педагогов, но и за пределами академии, даже в повседневной жизни. Происходит постоянная работа над собой. Даже в свободное время, при осуществлении рутинных, бытовых действий, наблюдается необходимость выполнять упражнения. Необходимость постоянно работать над собой переносится и за пределы студенческой поры. Информанты отмечают, что работа над собой не должна останавливаться. Также постоянное наблюдение за окружающим миром является важными составляющими профессионализма.

Однорूपники так же выступали значимыми агентами профессиональной социализации. Из-за ограниченности времени мастера, назревала необходимость делать выводы из того, как мастер работает с другими, пытаться научиться на чужом примере. В

студенчестве актеров так же заметна роль актеров старших курсов. Однако, чтобы добиться их внимания, нужно маркироваться, как успешный студент. Помимо одноклассников, значимыми другими зачастую становятся кумиры: актеры театра и кино. Студенты, наблюдая за их игрой, могут перенимать определенные актерские техники.

У актеров наблюдается склонность к суевериям, зачастую они отмечают наличие поворотных моментов, мыслят в категориях судьбы. По мнению некоторых информантов, даже успешность артиста зависит от удачи и везения. Это во многом может быть обусловлено непредсказуемостью профессии.

В ходе исследования мы выяснили, что профессионализм актера не является стабильным явлением, требует постоянного подтверждения и воспроизводства. В повседневной среде студентов актерских вузов были выявлены нормы и особенности, которые нам кажутся важными при становлении идентичности актера: гибкость, стрессоустойчивость, избегание конфликтов, в некоторой степени «раздолбайство», постоянное непрерывное саморазвитие и наблюдение за окружающей жизнью.

1. *Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. яз. под общей редакцией Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 1999. – 272 с*
2. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ НЕВЛАДЕНИЯ РОДНЫМ ЯЗЫКОМ

Мукминова И.А. (Якутск)

*Счастье — это когда тебя понимают.
Из к/ф «Доживем до понедельника»*

Как ощущает себя молодой человек, не владеющий родным языком, поставленный в жесткие реалии жизни и который зачастую становится «чужим» для всех: чужим среди своих и чужим среди чужих. «Свои» не принимают до конца, осуждают за незнание родного языка, «чужие» общаются, но не принимают за «своего». Чувствует ли он потребность в знании родного языка? Чем его психологическое состояние отличается от состояния человека владеющего родным языком?

В настоящее время, в период глобальной ассимиляции наблюдается достаточно большое количество молодых людей, не владеющих родным языком и испытывающих, в связи с этим, психологический дискомфорт. Незнание родного языка мешает самоидентификации молодого человека, поиску собственной сути, его самооценки в шкале жизненных ценностей. Особенно остро эта проблема стоит в этнических республиках, где употребляются несколько государственных языков.

Язык как показатель самоидентификации народа

Язык — один из важнейших признаков этнической самоидентичности. Родной язык - это то, что объединяет людей в первую очередь. Без родного языка кто мы? В.И.Беляев, И.А.Галицкая пишут так: «Народ, нация существуют до тех пор, пока сохраняют свою самобытную культуру, которая сохраняется до тех пор, пока народ не «теряет» своего языка».

Язык любого народа меняется с развитием жизни человеческого общества. Родной язык - это зеркало развития этноса. И если ты знаешь родной язык, то ты становишься настоящим сыном или дочерью своего народа. Владение родным языком необходимо

человеку, прежде всего для формирования его как личности, для полного раскрытия его внутренних возможностей, для успешной реализации в жизни.

Психологический и социологический аспекты невладения родным языком

Нами было проведено социолого-психологическое исследование, с полным вариантом которого вы можете ознакомиться в приложении. Как выяснилось, парадокс заключается в том, что подавляющее большинство (91% респондентов) хотело бы владеть родным языком. При этом, 48% необходимым условием владения родным языком считают погружение в языковую среду (диаграммы 9, 14), но при этом многие родители отдают предпочтение русскоязычным детским садам и школам. «Со знанием якутского далеко не уйдешь», — рассуждают взрослые. А может быть, человек, не владеющий родным языком, все-таки оказывается в проигрыше?

К людям, которые владеют родным языком, относятся более положительно (диаграммы 6,7,8). И это происходит на бессознательном уровне, т.к. респонденты не смогли объяснить полноценно, почему их отношение зависит от степени владения людьми родным языком.

76% подростков и 84% всех опрошенных считают, что человек, не владеющий родным языком, не чувствует себя носителем родной культуры, ощущает себя обделенным и даже в чем-то ущемленным (диаграмма 5).

О психологическом дискомфорте людей, не владеющих родным языком, говорят следующие данные: у 47,8% респондентов, не владеющих родным языком, завышен порог тревожности. Для сравнения: порог тревожности завышен у 23,1% респондентов, владеющих родным языком на высоком уровне.

У 87,0% респондентов, не владеющих родным языком, имеет место фрустрация.

Однако, респонденты, не владеющие родным языком, показывают самые низкие уровни ригидности и агрессивности.

57% респондентов считают, что владение родным языком дает свободу общения, расширенный кругозор, коммуникабельность, самореализацию, уверенность, обогащение культуры. И лишь 1% опрошенных считают, что владение родным языком ничего не дает (респонденты 10-12 лет).

При проведении социолого-психологических измерений были случаи, когда человек затруднялся в определении своей национальности: люди-саха называли себя русскими только потому, что они не владели родным языком.

Данные теста этнической самоидентификации показывают, что люди, не владеющие родным языком, в основном неправильно идентифицируют себя с представителями своего народа.

Также данный тест проводился с детьми дошкольного возраста. При этом не выявлялся уровень владения родным языком, учитывалось лишь его знание. Адекватную самоидентификацию показывают соответственно 91% и 22% испытуемых, владеющих и не владеющих родным языком.

Для того чтобы этническая самоидентификация происходила раньше, необходимо с ранних лет прививать ребенку интерес к родному языку, культуре родного народа. С этой целью нами был разработан краткий справочник для детей и школьников младшего возраста «Моя Якутия. Сахам сирэ», главная задача которого – развитие интереса к культуре родного народа.

Таким образом, владение родным языком способствует позитивной самоидентификации. Очевидно, что в полной мере раскрыться в интеллектуальном и духовном плане, счастливо реализовать в жизни может только тот человек, кто по достоинству ценит свои «корни», хорошо владеет родным языком. Выяснилось, что молодой человек, не владеющий родным языком, не чувствующий себя носителем родной культуры, ощущает себя обделенным и даже в чем-то ущемленным. Такие подростки испытывают психологический дискомфорт и определенные комплексы, связанные, в

первую очередь, с «языковой тревожностью». К таким людям относятся более отрицательно.

Анализ результатов сравнительного анализа и проведенного социолого-психологического исследования позволил убедиться в том, что молодые люди, не владеющие или слабо владеющие родным языком, не могут себя позитивно самоидентифицировать. Невладение и слабое владение родным языком ограничивает возможности молодого человека, мешает его интеграции в обществе, успешной реализации в жизни, что, как следствие, приводит к дискомфортному состоянию.

1. Т. Корагессан *Бойл Восток есть Восток / Иностранная литература. 2005 г. ISBN: 5-94145-326-4.*
2. *Выготский Л.С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – 520 с.*
3. Газета «Якутск вечерний» № 47(841) 26.11.2010 г. Федор Рахлеев «Свои среди чужих».
4. *Дмитриева Е.Н. Вопросы межкультурной коммуникации с учетом национальной специфики речевого этикета // актуальные проблемы методики преподавания русского языка и литературы в национальной аудитории. – Якутск, изд-во ЯГУ, 1994 г.*
5. *Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общеобразовательной и педагогической психологии. – МПСИ, 2012. – 535с ISBN: 5-89502-501-3*
6. *Леонтьев А.Н. Эволюция психики. – Воронеж: МОДЭК, 1999. – С. 242.*
7. *Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск: Изд-во Аналитического центра при Президенте Республики Саха (Якутия), 1996.*
8. *Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики. – М.: «Русский язык», 1989.*
9. *Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. - М.: Флинта : МПСИ : Прогресс, 2012. - 352 с.*

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ТРАФИКИНГА

Негодина Г.В. (Санкт-Петербург)

Под самим понятием «торговля людьми» (или «трафикинг») подразумевается принудительный труд и рабство, сексуальная эксплуатация, похищение и передача людей путём силы, мошенничества и обмана. Потерпевшие от торговли людьми — это лица, ставшие объектом торговли, независимо от того, был ли установлен, предан суду и осуждён данный правонарушитель [5].

Торговля людьми признаётся преступлением во всех странах, в том числе и Российской Федерации (статьи Уголовного Кодекса РФ «Торговля людьми», «Использование рабского труда»). Затрагивает эта проблема практически всех: большинство стран мира являются страной исхода торговли людьми, либо пунктом транзита, либо страной назначения. Эти варианты могут меняться с течением времени, или сочетаться. Так, например, Эстония является страной-источником торговли людьми, страной транзита и страной исхода одновременно [2].

Жертвами торговли людьми чаще становятся женщины и дети. В России в первую очередь в группы риска попадают люди, являющиеся социальным исключением: люди за чертой бедности, которые не могут решить свои финансовые проблемы, дети из сиротских учреждений, люди с ментальной инвалидностью, страдающие психическими заболеваниями, дети группы риска. Представители этих категорий группы риска чаще не включены в социальную систему и, потому больше подвержены опасности. Также потенциальными жертвами торговли людьми могут стать трудовые мигранты, лица без

определённого места жительства и женщины, уезжающие в другие страны для работы или супружества.

Россия становится страной назначения торговли людьми, куда обманным путём привозят людей для их эксплуатации. Очень трудно выявить, идентифицировать жертв торговли людьми, если это мигранты без документов и знания языка. Чтобы жертвы сотрудничали со следствием, необходимо предоставить им больше гарантий: временные убежища, возможность переезда, репатриации. Например, в России практически нет приютов, в которых могли бы временно пребывать потерпевшие от торговли людьми. В крупных городах есть кризисные центры для женщин и детей, это обычно государственные организации, для участия в программах которых необходима постоянная регистрация в данном городе Российской Федерации (наибольшая часть таких убежищ находится в городах федерального значения — Москва, Санкт-Петербург). Российские социальные службы работают по стандарту социальных услуг, и там нет клиентской группы «жертвы торговли людьми», поэтому социальные службы не располагают статистикой по помощи потерпевшим. Кроме того, нет убежищ для мужчин, а которые в последние годы нередко становятся жертвами торговли людьми. В Санкт-Петербурге 30 апреля 2013 г. открылся приют для временного проживания и социальной реабилитации лиц, пострадавших от торговли людьми, организованный Санкт-Петербургским Центром международного сотрудничества Российского Красного Креста при поддержке Международной организации по миграции [1]. В настоящее время приют является единственным учреждением, оказывающим комплексную реабилитационную помощь жертвам преступлений в сфере торговли людьми. Пока что это единственное учреждение в городе, где могут принять человека любого пола, национальности, а также без документов.

В Российской Федерации есть примеры активной работы некоммерческих организаций по защите прав пострадавших от современного рабства. Одна из таких организаций — движение «Альтернатива», базирующееся в Москве и активно работающее по всей России. За 2 года движением освобождено более двухсот человек, они занимаются непосредственно выявлением жертв торговли людьми. В движении работают добровольцы, деятельность ведётся на пожертвования частных лиц. После освобождения пострадавших организовано сопровождение: помощь в оформлении документов, временное жильё, обеспечение питанием [3]. Санкт-Петербургская некоммерческая благотворительная организация «Стеллит» ведёт деятельность по разработкой моделей и конкретных программ помощи детям, подвергшимся коммерческой сексуальной эксплуатации. Эта работа включает и реабилитацию детей, пострадавших от коммерческой сексуальной эксплуатации, и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также координацию между другими организациями, оказывающими разностороннюю помощь и защиту пострадавших детей и женщин, вовлечённых в проституцию.

В Российской Федерации, в частности, в Санкт-Петербурге, есть опыт работы религиозных организаций в помощи жертвам торговли людьми, защите их прав и восстановлении их личности. Церковь евангельских христиан-баптистов «Милосердие» в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга организовалась совсем недавно - в 2009 году. Основное служение в церкви — социальное: помощь зависимым и их семьям, организация реабилитационных центров, тюремное служение, служение детям группы риска, социальные квартиры, служение «антитрафик» (борьба с незаконным удержанием в рабстве людей). Небольшая малочисленная евангельская церковь «Дом жизни» реализует, так называемое, «трассовое служение», проект «Магдалина». Осуществляет выезды на трассы, выявление лиц, занимающихся проституцией, сутенерством. С ними беседуют, призывают изменить жизнь, помогают выехать на реабилитационные квартиры, пройти курс реабилитации, устроиться на работу [6].

Несмотря на то, что в последние годы в крупных городах Российской Федерации работают программы помощи пострадавшим от торговли людьми, создаются кризисные центры, выделяются следующие проблемы защиты прав пострадавших.

Со стороны правоохранительных органов и социальных служб наблюдаются следующие проблемы:

- трудности в идентификации жертв торговли людьми (не признают себя жертвами, особенно мальчики, молодые люди);

- недостатки правовой системы (недостаточная защита жертв преступлений, медленный и долгий процесс расследования).

Со стороны потерпевших от торговли людьми:

- отсутствие мотивации потерпевших к изменениям (уязвимость потерпевших из-за последствий пережитого насилия, психические расстройства, инвалидность, зависимости);

- нежелание потерпевших сотрудничать со следствием (отказываются от показаний на сутенёров, организаторов проституции, эксплуататоров, сложно идёт процесс взаимодействия полиции и пострадавших с ментальной инвалидностью).

Со стороны государства:

- недостаточное финансирование государственных и некоммерческих благотворительных организаций для осуществления деятельности по социально-правовой поддержке пострадавших от торговли людьми;

- мало или отсутствуют временные убежища для потерпевших.

Постепенным решением проблемы защиты прав жертв торговли людьми может стать развитие гражданского общества и консолидация трёх секторов – государственных, коммерческих и благотворительных организаций. Отдельной категорией в противодействии торговле людьми и помощи пострадавшим является образовательно-профилактическая работа: обучение социальных работников и сотрудников правоохранительных органов навыкам идентификации жертв торговли людьми, общению с потерпевшими, оказанию им помощи, и профилактическая работа.

1. *Борьба с торговлей людьми. Российский Красный Крест [Электронный ресурс]: <http://spbredcross.org/programms/borba-s-torgovlej-lyudmi/>*
2. *Доклад о торговле людьми в Эстонии за 2013 год [Электронный ресурс]: http://russian.estonia.usembassy.gov/tiprus_0713.html*
3. *«Купи раба — рабы в России» [Электронный ресурс] // Сайт движения «Альтернатива». [Электронный ресурс]: <http://kupiraba.ru>*
4. *Помощь жертвам торговли людьми в доступе к эффективной правовой защите [Электронный ресурс]: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/Helpingvictims Traffickingaccessseffektivemedies.aspx>*
5. *Торговля людьми: идентификация потенциальных и предполагаемых жертв. Серия публикаций ОСВПД, том 10. Вена, 2011. С. 11-12.*
6. *Церковь «Дом жизни». Каталог религиозных организаций Санкт-Петербурга, занимающихся социальной помощью [Электронный ресурс]: <http://church-help.livejournal.com/3280.html>*

РЕЛЯЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНИЧНОСТИ

Ни М.Л. (Санкт-Петербург)

В современных социальных науках сложились три конкурирующих между собой подхода к пониманию феномена этничности: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Кратко охарактеризуем каждый из них.

Примордиализм трактует этничность, как древний, естественный феномен, представляющий собой совокупность признаков и свойств, отличающих одну реально

существующую группу от другой. Корни данного направления восходят к классикам немецкого романтизма Иоганну Готлибу Фихте и Иоганну Готфриду Гердеру. Общим для обоих философов была укоренённость этноса в языке[7.С.9].

На данный момент примордиализм разделяют на два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое.

Сторонники социобиологического подхода рассматривают этничность как изначальную характеристику групп. В рамках этого направления считается, что у людей существует некий изначальный, генетически детерминируемый, импульс активирующий предрасположенность человека к родственному отбору. Обозначенный тезис легитимирует использование термина этнос, обозначающий реально существующую группу, которую характеризуют общность биологических и географических характеристик. Между членами группы образуется некая привязанность, формирующая естественные рамки герметизации этноса.

Эволюционно-историческое направление в рамках примордиализма рассматривает этносы как сообщества, детерминированные социально-историческим контекстом. Именно он предопределяет жёсткие черты этнической группы: определённая культура, уникальный язык и, как следствие чёткую самоидентификацию. Данный подход получил широкое распространение в советской этнологии, а далее и в демографических исследованиях (графа национальность при проведении переписи, а так же соответствующая пункт в паспорте).

Инструментальное направление рассматривает этничность, как ресурс удовлетворения определённых интересов группы. Основываясь на прагматической философии Джона Дьюи, человек здесь рассматривается как рационально мыслящее существо. Следовательно, объединение в группы или приписывание себе иной идентичности всегда имеет рациональную цель. Этническая идентичность, таким образом, является результатом сознательного выбора, служащего для достижения психологических (преодоление чувства отчуждения), экономических или политических целей. Подчёркивается, что процесс идентификации носит ситуативный характер[2.С.74].

Оппозицию примордиализму составляют конструктивистские теории этничности и нации. В рамках данного подхода главенствует тезис о том, что отождествление индивидов с определённой нацией или народом (в данном случае различие не так важно) зависит от использования ресурсов воображения[1.С.30]. То есть этничность выступает формой распределённого знания об общности происхождения и культуры. Следуя классикау данного направления Бенедикту Андерсону[1.С.32], знание конструируется в форме представлений или мифов о происхождении народа и государства. При этом ключевая роль здесь отводится представителям локальных элит. В свою очередь, норвежский антрополог Фредерик Барт концептуализировал этничность, как форму социальной организации культурных различий. В фокусе его исследований оказались социальные границы этнических групп, выражающиеся в самокатегоризации, а так же внешней категоризации, следовательно, этничность напрямую зависит от сознания актора.

Что мы имеем на современном этапе развития этнических исследований? Все три рассмотренных направления давно устоялись в академической среде, но ни одно из них не принимается как единственно верный. Так, З.В.Сикевич, утверждает, что каждый из подходов годится для охвата лишь одной стороны феномена этничности. Конструктивисты и инструменталисты, концентрируясь на текучести феномена, зачастую не в состоянии объяснить ригидные формы сохранения этничности. С другой стороны, примордиалисты, совсем не учитывают механизмов внешнего влияния[3.С.45].

В этой связи, на наш взгляд актуализируется применение т.н. реляционных подходов, обновляющих аналитическую базу конструктивизма, и имеющих теоретический ресурс для схватывания жёстких структур. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, реляционную концепцию когнитивно-лингвистического конструктивизма Роджерса

Брубейкера. Подхватывая идеи Фредерика Барта, основной упор здесь делается на анализе внешних и внутренних категоризаций субъектов социального взаимодействия. Этничность трактуется, не как нечто предзаданное (примордиализм) или сконструированное, но как процесс постоянного самоопределения, создания и использования различных схем восприятия себя и другого, различные сети знакомств, а так же внешние эффекты в виде языка и истории. В то же время группа – это лишь одна из модальностей процесса «этниции»[4.С..21], что означает возможность изучения этнических процессов без обращения к замкнутым сообществам. Брубейкер подчёркивает необходимость отказа от эссенциалистского термина «этничность».

Данный подход видится одним из самых перспективных для анализа этнических процессов как в моноэтнических, так и в полиэтнических странах, причём не только на микро-уровне (путём анализа ситуативных самоопределений и социального контекста акторов), но и на макро-уровне, когда анализируется сплочение, солидаризация на основе этничности. В последнем случае Брубейкер предлагает проследить организационные формы категоризаций и их идеологически дискурсивное движение. В таком случае группа рассматривается, не как объект, а как темпорально ограниченное событие[5.С.90].

Описанные принципы анализа очевидным образом обновляют потенциал конструктивистского течения, и является шагом вперёд, но так же нельзя не отметить и некоторые недостатки подхода. Прежде всего, это абсолютизация политических акторов в деле группообразования, и малая степень внимания к культурным и материальным детерминантам. Здесь важным теоретическим ресурсом может стать применение положений реляционных подходов, обладающих более высокой степенью абстракции. Например, возможно применение положений акторно-сетевой теории, так же отклоняющей отношение к группам, как к субстанции. На первый план выходит необходимость прослеживания следов группообразования[7.С.47]. В отличие от положений Брубейкера, в качестве медиаторов события группы(group event) предполагаются не только дискурсы, но и идеи, вещи, технологии, потоки их передачи.

В заключении мы можем сделать вывод о том, что именно реляционные подходы являются самыми продуктивными для изучения феномена этничности в современном мире. В их концептуальных рамках возможно наиболее полное эмпирическое описание как межнациональных конфликтов, так и ситуативных всплесков интереса к родной культуре.

1. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества* // Пер. с английского В.Г.Николаев // Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, Москва, 2001.
2. Воронков В., Чикадзе Е. *Ленинградские евреи: этничность и контекст* // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 13—17 ноября 1996) / Под ред. Воронкова В., Здравомысловой Е. СПб.: ЦНСИ.
3. Сикевич З.В. *Влияние этнического фактора на современное общество и человека.* // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 14, номер 2, 2011.
4. Р. Брубейкер. *Этничность без групп.* // Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшая школа экономики, 2012.
5. Ю.В.Попков, В.Т.Топорков. *Этничность реальная или воображаемая: новый конструктивизм.* // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2006. Том 4, выпуск 2.
6. Р.Брубейкер. *Язык, религия и политические отличия.* 2014 // [Электронный ресурс] URL:<http://eu.spb.ru/index/news-archive/2014/13724-language-religion-and-the-politics-of-difference-rus>.
7. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* // пер. с англ. И.Полонской под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014.
8. Гулыга А.В. *Гердер* // М., «Мысль», 1975.

КРИМИНОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Новикова С.Е. (Москва)

В 2014 году на территории РФ было зарегистрировано 2166399 преступлений, что составляет 1508 преступлений на 100 тыс. населения[1]. В 1990 г. в СССР было зарегистрировано 1243 преступления соответственно[2]. Можно выделить определенный уровень корреляции от принятого в конкретном обществе нормального поведения в зависимости от временно-исторических и пространственных границ. В связи с этим первостепенным становится возможность ответить на следующие вопросы: 1) каковы причины и условия возникновения преступного поведения; 2) каковы закономерности и тенденции преступности; 3) можно ли выявить строго определенные черты личности преступника и меры для стабилизации уровня преступности. Отправной точкой для рассмотрения данных вопросов является тот факт, что преступность связана со всеми социальными институтами и вне общества существовать не может. Такая интерпретация природы криминального поведения, т.е. понимание его обусловленности общественным состоянием, рассматривается в рамках криминологии и такой отрасли социологии как социология девиантного поведения. Принимая во внимание, в нашем дискурсе, принадлежность криминологии к социальным наукам[5], необходимо заключить, что поставить знак тождества между приведенными дисциплинами не предоставляется возможным.

Во-первых, необходимо отметить, что в нашей стране криминологическим исследованием занимались лица, в абсолютном большинстве, имеющие высшее юридическое образование, тогда как западная криминология получила своё развитие благодаря трудам, главным образом, социологов, журналистов, политологов, психологов и других специалистов. Таким образом, отечественная криминология получила развитие благодаря разрешению проблем правовым полем, чем может объясняться её более позднее распространение, потому что именно социологический взгляд на преступное поведение позволяет выявить более широкий спектр знаний относительно его причин и последствий.

Во-вторых, процесс институализации социологии обогнал по временным рамкам формализацию криминологии. И в связи с этим опыт социологических наук существенным образом повлиял на развитие криминологических знаний. Уже у представителей классической школы социологии можно найти попытки очертить причинность отклоняющего поведения социальной действительностью. Так, например, Э. Дюркгеймом в процессе изучения такого явления как самоубийство, была отмечена главная детерминанта такого отклонения – состояние аномии в обществе, т.е. отсутствие определенного уровня «социальной солидарности», урегулированной нормами, в первую очередь правовыми[4]. Также в рамках марксистской социологии выделяется социально-экономическая обусловленность возникновения противоречий и тем самым преступного поведения в обществе[6].

Криминология не приравнивается социологии девиантного поведения, их самостоятельный статус определяется спецификой проблемных областей криминологической и социологической наук.

Под социологический дискурс попадает девиантное поведение в целом, которое представляет собой отклоняющиеся от общепринятых норм действия человека, нарушение их[3]. Если криминологией затрагиваются лишь негативные виды социального поведения, то социологический анализ включает и возможные позитивные отклонения от стандартов, существующих в обществе: проявления гениальности, неординарных способностей. Также заметим, что в реальной жизни существуют и другие формы социально вредного поведения (административные правонарушения, наркомания,

алкоголизм и другие), которые не являются преступлениями, но анализ которых позволяет углубить изучение действительных тенденций преступности.

Таким образом, социология девиантного поведения является более общим понятием, преступность может включаться в более широкие социальные контексты. Необходимо подчеркнуть, что криминологические данные являются источником необходимой информации для социологического изучения влияния преступности на социальную реальность. И в то же время социология пополняет криминологические исследования знаниями о социальной структуре: уровне миграции, урбанизации, социальной активности людей, их образе и уровне жизни, - а также методами изучения действительности (анкетирование, интервьюирование, наблюдение, эксперимент и др.), что позволяет осуществить более точное познание причин и последствий преступности.

1. Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 1.10.15 г.)
2. Федеральная служба статистики: <http://www.gsk.ru/> (дата обращения: 1.10.15 г.)
3. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т., 2003.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд/Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А.Базарова.-М.: Мысль, 1994.
5. Лунеев В.В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23.

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ ЗАПАДНЫХ МИФОЛОГЕМ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «ИГРА ПРЕСТОЛОВ»)

Певзнер К.П. (Санкт-Петербург)

На российском рынке западные сериалы составляют серьезную конкуренцию отечественным, которые уступают им по масштабам финансирования, оригинальности и проработанности сюжета, оказываясь зачастую менее привлекательным продуктом. Несмотря на то, что отечественные сериалы по содержанию должны быть ближе российскому зрителю, он во многих случаях выбирает западные варианты, например, по данным сайта kinopoisk.ru [3] большой популярностью в России пользуется американский сериал «Игра Престолов»/«Game of Thrones». Основная идея данной работы состоит в том, что востребованность иностранных сериалов в России обеспечивается наличием в них мифологем, которые легко воспринимаются и глокализуются в повседневности отечественного зрителя.

Мифологема - структурный элемент массовой культуры, так как она представляет собой универсальные концептуализированные модели, образы, ценности в сжатой форме, и, таким образом, выполняет мировоззренческую функцию. Она представляет собой некую формулу, в которой переменные варьируются в контексте различных культур. Можно выделить следующие отличительные признаки мифологемы:

- актуальность – мифологема аккумулирует в себе востребованную информацию об окружающем мире;
- универсальность – мифологемы распространены глобально, не ограничиваются рамками одной культуры;
- легко поддается глокализации – мифологема может принимать понятную в данной культуре форму.

В повседневности индивида, перегруженной информационными потоками, мифологема становится эффективным инструментом организации информации об окружающем мире, так как она в той или иной степени стандартизирована и органично

вписывается в различные артефакты массовой культуры, а затем легко декодируется и усваивается потребителем.

Сериал, как продукт популярной культуры, является востребованным форматом кодирования и трансляции мифологем. Ритм повествования сериала очень хорошо накладывается на повседневность индивида, для которого его собственная жизнь представляется как сериал: множество красочных фрагментов, которые, тем не менее, воспринимаются цельно и складываются в историю его жизни. Современный человек устал от поверхностных связей, он нуждается в каком-то закреплении с реальностью. Ни походы в кино, ни новостные ленты социальных сетях, ни бесконечные ролики на Ютубе (YouTube) или статьи на Википедии не дают ему этого ощущения. В силу логики своего построения сериалы помогают индивиду структурировать время и собственные представления об окружающем мире, ведь в них глубоко раскрываются актуальные проблемы, они наполнены сложными чувствами, знакомыми зрителю и потому так его привлекающими.

При этом глокализация мифологем из сериалов – важный механизм, обеспечивающий популярность западных продуктов у российского зрителя. Без него смыслы, ценности, образы воспринимались бы как чужеродные и отвергались бы на этапе знакомства. Глокализация мифологем, содержащихся в иностранной сериальной продукции строится по сложному механизму:

1. сначала зритель из огромного пространства рынка сериалов отбирает те, которые ему предпочтительнее по субъективным критериям (жанр, тематика, актеры, стиль и т.д.);
2. затем он выделяет те смыслы, которые ближе всего к его представлениям о мире;
3. в конечном счете, смыслы, образы, представления обретают специфику, соответствующую как социокультурному, так и индивидуальному контексту.

Рассмотрим глокализацию мифологем на примере сериала «Игра престолов», который является экранизацией фэнтезийных романов Дж. Мартина «Песнь Льда и Пламени». Помимо таких очевидных преимуществ, как большой бюджет, масштабность, красочность, сложность и проработанность сюжета, в сериале «Игра престолов» транслируется множество мифологем, востребованных как у американского, так и российского зрителя. Такие возможности дает ему жанр фэнтези, позволяющий не привязывать мир сериала к какой-то конкретной культуре, следовательно, облегчает восприятие сюжета.

Самая яркая мифологема сериала содержит представление о том, что каждый человек постоянно находится в опасности. Это универсальный сюжет, связанный с современными тенденциями, описываемыми как общество риска [1]. Данная мифологема вербализируется слоганом «Зима близко», который описывает специфику смены сезонов в мире сериала: на момент событий грядет многолетняя зима, которая принесет с собой тяжелые времена и трагические события. На этот сюжет накладывается другая мифологема, описывающая страх перед неведомым злом – в сериале это белые ходяки, аналог зомби, которых практически невозможно убить. Эта модель хорошо ложится на российское общественное сознание, пережившее за последние 100 лет две революции, две мировые войны, развал государства и несколько экономических кризисов. Ощущение постоянной опасности в сериале соответствует состоянию готовности к очередному кризису у россиянина. Зрители легко подхватили слоган «Зима близко» и превратили его в широко используемый мем. Он отражает не только ожидание трагических событий, но и ежегодно наблюдаемое в России природное явление.

В «Игре престолов» очень часто погибают персонажи, даже ключевые, и эта мифологема стала визитной карточкой сериала. Данная формула восходит к римской поговорке «memento mori» - «помни о смерти», а в сериале звучит как еще один слоган: «valar morgulis» - «все люди смертны». Осознание смертности – конструирующий фактор повседневности, и для отечественного зрителя эта мифологема укрепляет стратегию

«запасаться на черный день»: в случае появления тревожных новостей скупать соль, крупу, телевизоры.

Мифологема веры в приход сверхчеловека, героя, который либо спасет мир от зла, либо поведет за собой, укажет верный путь, выражается в сериале мистическим образом легендарного героя Азора Ахая, который, по пророчеству, поведет за собой великую армию и спасет Вестерос от непобедимых белых ходяков. Данный сюжет также близок россиянину, и в нем он видит отражение своих представлений о том, что изменения в его жизни придут извне, благодаря новому герою – например, с приходом нового президента, после чего жизнь в государстве обязательно наладится.

Сюжет «выживает сильнейший» также лейтмотивом проходит через весь сериал, где слабые «игроки» быстро покидают борьбу за власть, и неверное решение жестоко карается миром «Игры престолов». Последний сезон закончился широко обсуждаемой смертью Джона Сноу, одного из ключевых персонажей, который совершил ошибку, приняв наивную стратегию действий. В России, где социальное неравенство наблюдается по сей день, такой подход кажется зрителю наиболее уместным, и в сериале он находит подтверждение своей вере в то, что ему нужно концентрироваться на выживании в этом несправедливом мире. Хитрить, выискивать наиболее выгодные и наименее затратные пути, рассчитывать риски – всё это часть образа жизни россиянина, который в сериале видит достоверное отражение законов окружающей действительности.

Так, мифологеми из американского сериала «Игра престолов», глокализуясь в контексте российской действительности, не только утверждают уже имеющиеся представления, но и привносят новые элементы, способствуют их воспроизводству.

1. Бек У. *Общество риска: На пути к другому модерну*. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с.
2. Пропп В. Я. *Морфология волшебной сказки*. – М.: Лабиринт, 2001. - 192 с.
3. *Списки фильмов – КиноПоиск – Лучшие сериалы [Электронный ресурс]*. Режим доступа: <http://www.kinopoisk.ru/top/lists/45/> (дата обращения: 10.10.15).

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ФОТОГРАФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Перевозкина А. (Санкт-Петербург, Россия)

В современном мире информационных технологий фотография становится одним из ключевых инструментом коммуникации. Становится возможным легко, без особых навыков и в неограниченном количестве создавать фотографии, быстро отправлять их по интернету в личных переписках, безгранично размещать в открытом доступе. А поскольку человек по своей природе социальное существо и общество само задает моду на производство и потребление образов, человек не стесняется пользоваться этими возможностями. Как результат, ключевыми характеристиками визуальной коммуникации в виртуальном пространстве становятся потоковость, демонстративность и публичность информации. То есть постоянная публикация фотографий, изменение контента, поддержание обратной связи, публичная демонстрация социальных и художественных образов.

Автором работы было проведено эмпирическое исследование с целью раскрытия особенностей представления публичных и частных аспектов визуальной самопрезентации в любительских фотографиях в виртуальном пространстве.

Исследователь сосредоточил свое внимание на практике визуальной самопрезентации, использующие любительскую фотографию в виртуальном пространстве в качестве основного инструмента.

Основным исследовательским предположением является то, что в результате потокового, демонстративного, публичного представления себя в виртуальном пространстве с помощью любительской фотографии возникает проблема регулирования границы между частными и публичными аспектами. Использование фотообразов в визуальной самопрезентации молодежи в Интернете ведет к тому, что частные образы и стороны жизни с легкостью выносятся на публичное обозрение. Это ведет к становлению новых форм коммуникации и новых смыслов, связанных с такими образами.

В качестве методологического основания работы была выбрана концепция Ирвинга Гофмана о представлении себя другим [1]. Но поскольку мы изучаем виртуальную коммуникацию, а значит опосредованную, к идеи Гофмана расширяются концепциями Бодрийяра, Барта и Штомпки.

Работа была выстроена в трех стратегиях: визуальный анализ 8 аккаунтов мобильного приложения Инстаграм(1), интервьюирование 12 информантов по исследовательской проблеме (2), секвенционный анализ 11 фотографий, демонстрирующих тенденции трансформации границ частного и публичного (3).

Выборка включала молодежь СПб 18-25 лет. Информанты и аккаунты были выбраны на основе заранее выделенных критериев методом снежного кома.

В ходе интервью и визуального анализа были выделены две группы практик самопрезентации, где молодежь осуществляет фотографирование:

- на любительском уровне,
- стремящиеся к профессиональному уровню.

Результаты исследования представили особенности проявления потоковости, демонстративности и публичности в визуальной самопрезентации молодежи. Современная молодежь фотографирует постоянно, но выкладывает качественную выборку - то, что более важно для них, то, что может заинтересовать подписчиков, что лучше получилось.

Интересно, что у первой группы практик визуальной самопрезентации на активность выкладывания фотографий влияет степень насыщенности происходящего в жизни человека, что не было замечено у второй, поскольку они фотографируют все что их привлекает в повседневности, стараясь продемонстрировать свою фотографию как уникальное явление. Результаты исследования показали, что для первой группы характерна демонстрация социального образа, отражение, маскировка или искажение реальности. Во второй группе добавляется создание идеализирующих образов - здесь фотография может быть рассмотрена как особый вид симулякра, инструмент создания художественного произведения.

Результаты интервью и визуального анализа продемонстрировали, что для первой группы характерна публикация фотографий конкретно знакомой аудитории, или закрывают аккаунты, или стараются не ставить хэштеги, геолокацию, в отличие от второй, где характерно выкладывание фотографий всей онлайн аудитории, использование популярных хэштегов, геолокаций в огромном количестве, поскольку преследуют цель стать более популярным.

Как оказалось, все опубликованные фотографии в большинстве случаев остаются в интернете и редко самостоятельно удаляются. Информанты приводили свои примеры, которые показывают, что старые фотографии могут повлиять на репутацию сегодня, внести дисбаланс в жизни, а значит проблема персональной безопасности в виртуальном пространстве все-таки существует, а значит, мы не способны в полном объеме контролировать свой образ, сохраняя всю историю фотографий.

Фотографии дают возможность судить о степени «серьезности» отношений. Те, кто не считает свои связи «серьезными», по их собственным словам, скорее не будут выкладывать фотографии близких людей. Было выяснено, что вне зависимости от статуса, молодежь не стесняется показывать на фотографиях свое внутреннее состояние, используя комментарии или размещать фотографии эротического характера.

Для еще более детального рассмотрения особенностей представления публичных и частных аспектов визуальной самопрезентации, был осуществлен последовательный анализ 11 фотографий с помощью разработанного Р. Брекнер метода секвенционного анализа.

В итоге, существуют целенаправленно сделанные фотографии частного (эротического) характера, и фотографии, где присутствует размытие частного за счет других секвенций, как правило, фотографий публичного характера - досуговых, статусных. Здесь можно говорить о тенденции совмещения частных и публичных аспектов на фотографии, где общее понимание образа зависит от выбора зрителем секвенции или комбинировании отдельных сегментов. Это и демонстрирует нам то, что возникает проблема в регулировании границы между открытостью и закрытостью для управления онлайн-аудиторией, с не преднамеренным созданием не желаемого образа и последствиями для людей, осуществляющих такое представление.

Данное исследование представляет собой начальный этап знакомства автора с проблемой и, в этой связи, для более детального изучения трансформации частного и публичного стоит рассмотреть другие возрастные критерии, детей и взрослых, что позволит сделать более точные выводы. Илывйти за рамки только российского общества. Однако, если оценивать петербургскую молодежь, то данное социологическое исследования представило особенности публичности, демонстративности и потоковости визуальной самопрезентации, совмещение частных и публичных аспектов на фотографии, а вместе с этим, продемонстрировало существование проблемы персональной информационной безопасности в современном виртуальном пространстве.

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М, 2000. – С. 304.

ПРОЦЕСС ЯЗЫКОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ШКОЛЕ (С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ СТИГМАТИЗАЦИИ)

Пищикова М.В., Соколов Н. В. (Санкт-Петербург, Россия)

Явление миграции в современном мире становится чуть ли не стихийным, связанным с кардинальным изменением политической ситуации. Множество научных статей и трудов описывают процесс миграции, ее причины и последствия, но меньше внимания уделяется вопросу адаптации мигрантов в новой стране, приобретение ими нового статуса и их социализация.

Прежде всего приведем определение понятия социализации. По определению Кравченко А.И. «Социализация- это процесс становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, соц, группе» [4].

В процессе социализации, как первичной так и вторичной, индивид приобретает и усваивает нормы, правила поведения и язык социальной группы, членом которой он является. В данной статье мы бы хотели описать процесс языковой социализации детей-мигрантов в школе, их адаптацию и изучение второго языка в новой стране с позиции теории стигматизации . Освоение языка является одним из важнейших этапов, так как именно при помощи языка человек осуществляет большую часть коммуникации с окружающими его индивидами.

Языковая социализация не является процессом «выучивания» языка, знание правил правописания, произношения и обладания неким словарным запасом, а подразумевает умение пользоваться языком, что подразумевает знание как и в каких ситуациях можно употреблять ту или иную форму речи.

Существует мнение, что индивид в процессе социализации выучивает не один, а несколько языков, которые он использует в зависимости от ситуации и того, какое впечатление на окружающих он хочет произнести, то есть социальные диалекты, которые соответствуют его полу, возрасту, статусу, месту рождения или же языковые варианты, связанные с определенным классом коммуникативных ситуаций.

Так же употребление того или иного языка зависит от того, к какому статусу относится индивид или на какой статус он претендует [3].

В процессе школьного обучения у ребенка формируются разные виды идентичности, в том числе и принадлежность к той или иной этнической группе. Именно здесь мы можем отследить процесс социализации детей-мигрантов, так как ребенок видит к какой этнической группе его относят окружающие и к какой группе относит он себя сам. Чаще всего дети-мигранты объединяются в группы «своих», то есть других мигрантов и ведут практически изолированное от остального школьного сообщества существование.

Здесь происходит ситуация стигматизации, описанная в работе И.Гофмана, то есть индивид выделяется остальным обществом из-за своего «отклонения», в данном случае незнания языка и исключается из социального взаимодействия с «нормальными» людьми [5]. Эта исключенность из общего взаимодействия является причиной осложненного изучения русского языка, а так же осложняет процесс языковой социализации, что подкрепляет теория стигматизации.

Учителя в России отмечают, что дети-мигранты практически не контактируют с остальными детьми в классе, а только с членами своей этнической группы [1]. Предпосылкой к этой ситуации становится отношение мигрантов в изучаемому языку. В некоторых случаях изучение нового языка осложняется, помимо эксклюзии детей из общего взаимодействия в классе, негативными факторами отношения к этому языку, связанным с особенностями культуры представителем которой является ребенок-мигрант. Правда, негативное отношение может быть следствием, опять же, первоначальной стигматизацией мигрантов на почве различия культур и незнания языка. Выделяются следующие виды отношения коренного населения к мигрантам:

1) «дальтонизм» или «цветовая слепота», то есть игнорирование существующих различий в этническом происхождении.

2) «особое восприятие», то есть восприятие мигрантов как носителей уникальной культуры, опыт которой очень полезной и ценной [3].

В процессе школьной социализации у детей-мигрантов формируются, новое а точнее у них создается новое представление о родине и отношении к стране, если у ребенка-мигранта не идет отторжение «новой родины», связанное с особенностями своей культуры.

В процессе языковой социализации детей-мигрантов основную роль играет изучение второго языка, то есть ситуация «билингвизма». В процессе изучения языка нас, в первую очередь, интересуют социальные факторы, влияющие на этот процесс. Эти факторы, в отличие от психологических, которые в большей степени придают значение индивидуальным свойствам индивида, наоборот, придают большее значение групповым факторам, которые влияют на индивида, изучающего второй язык, его принадлежность к той или иной социальной и этнической группе.

В процессе изучения языковой социализации выделяется, что некоторые дети-мигранты свободно социализируются в новом обществе, принимают на себя культуру и язык, расстаются с обычаями своей культуры и своим родным языком. Чаще всего этот вид социализации прослеживается у представителей мигрантов, прибывших в развитые западные страны из развивающихся стран [3]. Изучая второй язык, мигранты начинают воспринимать его наравне с родным, общаются как можно больше, используя новый язык и проводят как меньше времени со своей этнической группой. частичное восприятие культуры и норм нового общества, но при этом сохранение норм и правил своей этнической группы. Последним видом социализации выделяют ситуацию, когда дети-

мигранты обходят стороной процесс восприятия новой культуры, живут замкнуто и общаются только среди своей этнической группы. Этот вариант социализации распространен на территории России.

В заключении можно сказать, что процесс языковой социализации детей-мигрантов в школе напрямую зависит от отношения к изучаемому языку, культуре новой страны, а так же отношения к самим мигрантам со стороны коренного населения, от включенности их во взаимодействие с окружающими людьми, то есть представителями новой культуры, в которой им приходится повторно социализироваться.

1. Воронков В., Карпенко О. *Расизм в языке обучения*, Изд. Алтейя. 2008.
2. Бахтит М.М. *К философским основам гуманитарных наук*, Изд. Азбука. 2000.
3. Баранова В.В., Гаврилова Т.О., Панова Е.А. *Язык, общество, школа*. Изд. Новое литературное обозрение. 2012.
4. Кравченко А. И. *Краткий социологический словарь* //М.: Проспект. 2009.
5. Гофман И. *Стигма* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 28.08.15)

ГРАФФИТИ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСК. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. ДЕСКРИПТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

Попов Е.В., Сысоева Я. В (Архангельск, Россия)

Настенные надписи являются новым и в то же время уже привычным атрибутом городского ландшафта всех стран мира. Граффити (от итал. *grafficare*) - это различные надписи, процарапываемые или наносимые краской на различные поверхности. Диапазон современных граффити весьма велик - от политических, обычно оппозиционных, несанкционированных лозунгов - до всякого рода любовных изъятий и непристойных надписей [1. С. 14]. Опорой для данного исследования послужили теоретическая разработка классификации граффити исследовательницей Д. Козловска, представленная в ее исследовании постмодернистской культуры Польши. В методологическом плане опорой послужил труд Д. Бушнелла «Московские граффити».

Цель данного исследования заключается в выявлении качественного и количественного состава граффити. Задачи исследования определены как: их классификация и интерпретация. Материал собирался в период с февраля по апрель 2015 года. Основным методом данного исследования является метод контент-анализа. Выборочная совокупность, составившая 3627 единиц граффити, сформирована из генеральной совокупности, равной примерно 10 000 единицам граффити, путем отсеивания граффити, не несущих социальной нагрузки.

Для классификации граффити была использована классификация польской исследовательницы Д. Козловска, которая предлагает следующие типы граффити:

- 1) Метатекстуальные и граффити нонсенс (граффити, не носящие строго политического или социального характера);
- 2) Экологические и пацифистские граффити (граффити о проблемах окружающей среды);
- 3) Политические и социальные граффити (портреты политиков, комментарии к актуальным политическим и социальным проблемам);
- 4) Молодежные граффити (субкультурные, о наркотиках, о школе);
- 5) Любовно-эротические граффити (признания в любви, поздравления с праздником);
- 6) Юмористически граффити (различные шутки);

7) Символические граффити (фашистские и националистические символы, символика анархии, сатанизма);

8) Художественные граффити (изображения);

9) Граффити о поп-культуре (эмблемы популярных коллективов) [2. С. 25-27].

При анализе метатекстуальных и граффити нонсенс выяснилось, что авторы этих граффити мало знакомы с социальной и политической стороной жизни общества, поскольку манифестируют они безадресное негативное отношение. Это проявляется в написании бесконтекстных матов, грубых выражений («Лохи») или же негативном отношении к определенной личности («Паша лошара»). Исходя из этого, можно сделать вывод, что чаще всего метатекстуальные граффити пишутся детьми [3. С. 567-570]. Данное предположение подтверждается тем, что эти граффити распределены по городу пропорционально количеству школ в районе:

	В-Ф	Майск. гор	Лом.о кр	Исак.ок р	Цигл. ок	Сол.о кр	Сев.ок р	Майм.	Окт. окр
шк	6	5	8	4	2	8	2	3	10
%	3.97	10.28	3.14	2.73	2.54	3.2	1.85	2.32	4.38

Символические граффити представлены всем спектром фашистской, националистической символики и антифашистскими символами (14\88, кельтский крест, NS-WP, свастика), а так же сатанинскими символами и символикой анархии. Между собой граффити фашистского и антифашистского толка соотносятся как 79,41% к 20,59% соответственно. Именно граффити фашистского и националистического толка имеют наибольшее распространение. Локальным центром является восточная окраина округа Варавино-Фактория и западная окраина округа Майская горка. В восточной части округа Варавино-Фактория находится 5 ССУЗов и их общежития, а в западной части округа Майская горка, граничащей с округом Варавино-Фактория, находится корпус и общежития Архангельского торгово-экономического колледжа. Именно на зданиях этих учреждений данный тип граффити встречается чаще всего. Исходя из этого, можно сделать вывод, что авторами данного типа граффити выступают несовершеннолетние студенты ССУЗов данных округов. Идею о том, что националистические идеи характерны для детей-подростков поддерживают и отечественные психологи [4. С. 44-50].

Социально-политические граффити представлены в Архангельске очень разнообразно, но для полноты анализа мы предлагаем отдельно рассмотреть социальный и политические аспекты.

Социальный аспект:

I) Сюда относится граффити А.С.А.В – характеризующее негативное отношение к полиции (25% от всех социальных граффити);

Эти граффити популярны среди старших школьников. Наше предположение подтверждает тот факт, что данная аббревиатура так же как и метатекстуальные граффити нонсенс часто встречается на здании школ и близлежащих постройках.

II) Социальная основа этого типа граффити заключается в большинстве случаев (60% от социальных граффити) в националистических высказываниях: «Дави хачей» и т. д. Подобные граффити, наравне с символическими, чаще всего встречаются на пограничной территории двух округов Майская горка и Варавино-Фактория;

III) Мотивирующие граффити («хватит бухать» (15% от всех социальных граффити)) создаются носителями националистической идеологии (рядом с надписью указывается числовая аббревиатура 14\88). Данный подвид граффити так же широко распространен в округе Варавино-Фактория и Майская горка.

Политический аспект включает в себя:

I. Логотипы партий. Трафаретные логотипы партий были обнаружены нами в большом количестве в Ломоносовском округе. Причем это были логотипы партии «Родина». Мы связываем наличие большого количества граффити данного вида именно в

этом административном округе с тем, что офис партии «Родина», находится на улице Чумбарова-Лучинского (Ломоносовский округ) и думаем, что выполнены они были в период агитационных кампаний к прошедшим парламентским выборам.

II. Комментарии к современным политическим проблемам. В данном случае мы говорим об АТО на востоке Украины. Возле офиса партии Единая Россия (наб. Северной Двины, д. 96), нами были обнаружены следующие граффити: «Свободу Луганску» и «Свободу Донбассу». Авторы данных граффити вступают в диалог с представителями власти и высказывают свое мнение по вопросу об Украине и регионах Новороссии.

III. Портреты В. В. Путина. Данный подвид граффити был обнаружен лишь в Ломоносовском округе. Особенность этих граффити заключается в том, что под портретом есть надпись «подчиняйся», говорящая о негативном отношении автора к существующему политическому строю.

Итоговые результаты всего исследования представлены в таблице:

Таблица 1

Совокупное количество граффити в городе Архангельске по округам в %

Тип	Варав.-Факт	Майска горка	Ломоносовск. Окр	Исакогорск. Окр	Цигломensk. окр	Солombsk. окр	Северен. окр	Мамакск. окр	Октябрьск. Окр	%
Граффити-нонс	3.97	10.3	3.14	2.73	2.54	3.2	1.85	2.32	4.38	34.4
Символические	3.01	1.82	1.21	0.19	0.08	1.79	0.47	0.06	1.16	9.8
Любовно-эротич.	3.17	4.03	2.56	0.55	2.18	2.21	1.30	1.76	3.42	21.2
Политич. и социальные	2.51	1.96	1.3	0.41	0.14	1.43	0.88	0.11	2.07	10.8
Граффити о поп-культ.	1.35	1.63	1.57	11.49	0.61	1.21	0.85	0.44	1.21	10.4
Молодежные	4.08	1.19	0.61	0.08	0.19	1.05	0.17	0.22	1.43	9
Эколог. и пацифистские	0.28	1.05	0.33	0.08	-	0.39	0.22	-	0.88	3.2
Юморист.	0.08	0.14	0.11	0.19	-	-	0.17	0.06	-	0.7
Художеств.	0.06	0.19	-	-	-	0.11	-	-	0.17	0.5
Сумма	18,5	22.3	10.8	5.7	5.7	11.4	5.9	5	14.7	100

Обобщая вышесказанное, исследование граффити в социокультурном и социополитическом контексте может дать большую информацию о трансформации общества и общественного сознания.

1. Бушинелл Д. Грамматика настенных надписей. Психологические особенности самодельных подростково-юношеских групп : сб. науч. тр. М., 1990. – 234 с.
2. Козловска Д. Культура постмодернизма на примере граффити в Польше. Специфика явлений и их контекстов мире: Варшава.: РТО, 1992. – 130 с.
3. Лурье М.Л. Граффити // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф.Белюсов. М., 1998. – 756 с.
4. Перин Р. Психология национализма: СПб.: ЛИО Редактор, 2003. – 70 с.

МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЙ СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМ В ОРГАНИЗАЦИИ

Попова Е.А. (Санкт-Петербург)

Медиация, будучи одним из наиболее эффективных методов урегулирования конфликтов с привлечением третьей стороны – медиатора, широко применяется в вопросах разрешения правовых и семейных споров, а с недавних пор приобрела популярность и в сфере трудовых отношений. Она является наиболее подходящим

вспомогательным инструментом, позволяющим конструктивно [1.С.53-61] урегулировать всевозможные организационные конфликты и проблемы в виду того, что имеет высокую вероятность успешного согласования противоположных интересов и гарантирует длительное и устойчивое разрешение проблемы, предоставляя, тем самым, возможность продолжать совместную деятельность, несмотря на возникшие в прошлом противоречия. Медиация представляет интерес для социолога с той точки зрения, что в основе ее проведения лежат коммуникативные практики, которые способствуют конструктивному урегулированию конфликтов и направлены на улучшение и повышение эффективности социальных взаимодействий в коллективе [2.С.17]. Используя подобные практики при урегулировании конфликтов, их профилактики или в постконфликтном взаимодействии, они внедряются в культуру организации и в последствии используются в повседневном взаимодействии сотрудников, тем самым давая возможность разрешать назревающие конфликты на том этапе, когда они еще только формируются, то есть проводить «автоматическую» профилактику конфликтов [3.С. 45-47].

Для российской действительности медиация является еще новой, не вполне изученной и понятной методикой. Она только начинает входить в оборот, внедряться в систему управления организаций, происходит это довольно медленно и порой болезненно, сталкиваясь с большим количеством трудностей при реализации. Опыт некоторых отечественных организаций говорит о том, что вопросу развития медиации и перспективам ее приспособления к российским реалиям стоит уделить большее внимание как со стороны менеджмента, так и со стороны социологии.

Первопроходцем, который первый в Санкт-Петербурге предпринял попытку внедрить медиацию в систему управления организацией, было государственное бюджетное учреждение культуры ГПМ «Исаакиевский собор». Целью моего исследования было выяснить, насколько эффективна принятая в данной организации процедура медиации и возможна ли в данном случае медиация «в чистом виде». Инициатором внедрения коммуникационной системы работы с конфликтами в данном учреждении была начальник Службы подготовки и развития персонала. В связи с тем, что эта Служба проводит активную работу по повышению эффективности медиации и, что начальницей службы является заместителем председателя Комиссии по этике и корпоративной культуре, у нее было взято экспертное интервью. В результате, о возможностях медиации и эффективности ее проведения можно сказать следующее:

1) В ГМП «Исаакиевский собор» внутренняя командная медиация. [4.С.230-233] Это подразумевает наличие вспомогательного инструмента по урегулированию конфликтов – Комиссии по этике и корпоративной культуре. В составе 9 человек – часть от администрации ГМП, часть – представители коллектива и профсоюзной организации;

2) В функции Комиссии входят: урегулирование различного рода конфликтов, создание благоприятной социально-психологической и деловой атмосферы в организации, соблюдение и гарантирование предписаний Кодекса корпоративной этики, создание и поддержание корпоративной культуры.

3) Процедура медиации преобразована. Она выглядит таким образом: конфликт рассматривается только при условии подачи заявления одной или обеими сторонами в приемную Комиссию. Далее идет рассмотрение заявления Комиссией в течение пяти дней (могут запрашивать необходимые документы, задавать вопросы, приглашать стороны и свидетели для разъяснений), обсуждение конфликта с каждой стороной по очереди (если необходимо проходит несколько заседаний), стороны садятся за стол переговоров только на момент принятия решения и заключения соглашений. Решения Комиссии носят рекомендательный характер. Иногда даже после взаимного согласия по принятию того или иного решения, примирение сторон является только внешним и, даже после принесения извинений, разногласия и напряжение остаются.

4) Малое количество обращений в Комиссию может говорить, с одной стороны, об эффективности проведения тренингов, обучений, разъяснительных работ. С другой -

свидетельством проблем, возникающих именно с функционированием Комиссии, низкой эффективности ее работы.

5) Деятельность Комиссии не доведена до эффективной работы. Независимое экспертное мнение, рекомендации, которые она может предложить в условиях организационной структуры государственного бюджетного учреждения не всегда могут приниматься. Бюрократическая структура организации, формальный характер отношений, отношения субординации начальника и подчиненных нарушают некоторые принципы медиации (конфиденциальность, беспристрастность медиатора, неформальность обстановки и равноправие сторон). Менталитет и мировоззрение русского человека, сохранившего пережитки советской эпохи, осложняют возможность применения медиативной методики в урегулировании конфликтов в подобной организации.

6) Не все организационные конфликты могут быть урегулированы с помощью медиации. В случае, когда конфликт затрагивает звенья «начальник-подчиненный» / «сотрудник-клиент» по поводу обязанностей или требований, медиация не будет эффективной, так как речь будет идти о формальных предписаниях и нормативных требованиях, прописанных в официальных документах.

7) Ведется активная работа по освоению и расширению конфликтологической компетентности у руководителей и сотрудников, проводятся разъяснения, пересматриваются нормы взаимодействия - прописываются в Кодекс.

Таким образом, мы видим, что особенности организации, ее структура и принципы, по которым она существует, не всегда позволяют реализовывать медиацию в такой форме, в какой она должна быть применена. Это можно видеть на примере ГБУК «Исаакиевский собор». Но несмотря на то, что процедура и некоторые принципы медиации либо видоизменены, либо не соблюдены, этот инструмент все равно приносит результат и дает основания для дальнейшей работы по его совершенствованию. Необходимо постепенное внедрение, насколько это возможно, элементов медиации. Например, непосредственно медиативной беседы для успешного достижения необходимых результатов, а возможно также и изменение самой процедуры медиации и принципов ее проведения.

Изучение подобного рода вопросов вышло далеко за пределы менеджмента и психологии, что позволяет нам, социологам рассматривать организационный конфликт, как любой другой социальный конфликт, а медиацию как социокоммуникативную технологию урегулирования конфликта. Именно поэтому можно и нужно рассматривать медиацию и эффективность ее применения в различных сферах общественной жизни, как предмет междисциплинарных исследований социологии, конфликтологии, психологии и менеджмента.

1. Козер Л. А. *Функции социального конфликта*//Американская социологическая мысль. – М., 1996.
2. Павленкова И.М. *Управление организационными конфликтами в музейной сфере: социально-коммуникативные аспекты. Автореф. дис. докт. психол. наук. – СПб, 2014.*
3. Павленкова И.М. *Коммуникационный конфликт-менеджмент как инновационная технология в сфере музейных услуг. // Социология и право. 2013 - № 4.*
4. Пель М. *Приглашение к медиации. Практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. – М., 2009.*

ИНТЕРНЕТ-БЛОГИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК НОВАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ С ПОТРЕБИТЕЛЕМ

Притчина А.В. (Санкт-Петербург)

Изобретение интернета в XX веке положило начало новой эпохе существования человечества, когда социальное взаимодействие из публичного пространства стало все более перемещаться в виртуальное пространство интернета. Сегодня практически ни один современный человек не исключен из общения через интернет-сайты, блоги и социальные сети. Этими ресурсами активно пользуются не только отдельные люди, но и компании с целью наладить общение с потребителями своих услуг. Присутствие компании или публичного лица в виртуальном пространстве считается важным индикатором ее статуса.

Целью моей работы стало изучение использования возможностей интернет-коммуникации в среде предпринимателей, как инструмента личного общения с аудиторией при помощи интернет-блогов. Чаще всего, в отличие от сайта, блог ведется каким-то конкретным автором самостоятельно или при помощи специалистов), но в то же время напрямую ассоциируется со стоящей за ним компанией.

Эмпирическим основанием для данной работы послужило исследование содержания наиболее популярных интернет-блогов ряда успешных зарубежных бизнесменов, которые отличаются по своему содержанию, характеру и направленности. Для более справедливой оценки блога использовала ряд универсальных характеристик: самостоятельность написания, частота обновлений, численность подписчиков, количество комментариев читателей, личные/обезличенные темы статей, наполненность медиа-файлами, возможность обратной связи (ответы на комментарии, ссылка на e-mail и др). И в результате исследования, на основании наиболее часто встречающихся сочетаний этих характеристик, были выделены четыре наиболее ярких выраженных типа таких блогов. Далее каждый из них будет рассмотрен чуть подробнее на примерах самых ярких авторов.

1. Личный блог, самопрезентация. Пример: Ричард Брэнсон [1]

Ричард Бренсон (Virgin Group) занимает очень активную позицию в плане взаимодействия с социальными сетями. Содержание статей крайне разнообразно: это и личные впечатления автора о поездках и встречах, и советы по ведению бизнеса, и статьи на различные актуальные, остросоциальные темы, например, экология и глобальное потепление. Обновления происходят ежедневно. Количество читающих на основном сайте не отслеживается, а на LinkedIn, число более 7 млн. Блог на Virgin.com имеет насыщенное оформление в корпоративном стиле и сопровождается актуальными фотографиями. Это пример качественно проработанного продукта сочетающего персональный авторский вклад с корпоративными интересами.

2. Информативно-рекламный. Сет Годин [2]

Сет Годин – автор одного из самых популярных блогов в сфере маркетинга. делится опытом и находками в бизнесе производительности и креативности. Кроме того, блог активно рекламирует последние написанные Сетом книги. У него свой оригинальный стиль и стратегия. Он пишет небольшими постами и ровно раз в день, активно дополняя, обновляя и даже в зависимости от реакции читателей и собственной удовлетворенности сообщением. Что необычно, возможность комментирования отсутствует. Такой блог – пример совмещения приятного с полезным, а точнее – бизнеса с искусством.

3. Профиль социальной сети. Марк Цукерберг [3]

Марк Цукерберг, как создатель Facebook, проявляет свое онлайн присутствие только там. С формальной точки зрения она обладает завидными показателями - страничка ведется с возрастающей о года к году активностью примерно с 2005 г, на 1.11.2014 имеет 30 686 776 подписчиков, каждая запись набирает несколько тысяч репостов и десятки тысяч отметок «мне нравится», сообщения объемны (несколько

абзацев) и обычно сопровождаются фотографиями, сообщения активно комментируются не только пользователем, но и автором, Однако сообщения имеют очень формальный характер и касаются исключительно деятельности Цукерберга, и скорее всего ведутся специальным модератором, что снижает интерес аудитории.

4. Сайт-визитка, обезличенный. Майк Блумберг. [4]

Сайт содержит биографические сведения о предпринимательской и политической карьере, информацию о его компании и благотворительной деятельности, регулярно обновляется только титульная страница сайта, которая содержит разнообразную информацию, прямо или косвенно касающуюся персоны Блумберга – новости компании, новые проекты, новости, в которых он упоминался. Возможность обратной связи отсутствует, сайт не подразумевает общения с посетителями. Из чего можно сделать вывод, что, даже если предприниматель не обращается к коммуникативным возможностям блога, он все равно не пренебрегает возможностями Интернета для позиционирования себя как современного и открытого к диалогу человека.

Исходя из проделанной работы можно сделать ряд выводов. Во-первых, крупные западные предприниматели обращаются к ведению блога скорее не ради привлечения прибыли, а из готовности поделиться накопленными знаниями о ведении бизнеса с теми, кто доверяет их авторитету. Не каждый желающий писать может позволить себе тратить на это время, поэтому к ведению более персонализированного блога чаще обращаются люди уже преуспевшие в бизнесе и построившие свои компании. Также, учитывая, что Интернет – относительно молодое и стремительно развивающееся явление, возраст предпринимателя имеет свое значение. Большинство успешных всемирно известных бизнесменов – люди в солидном возрасте, не столь адаптированные к инновационным технологиям. Как результат – ведение блога считают для себя полезным/интересные единицы из них. И еще одна отличительная черта: более склонны вести люди творческих специальностей – актеры, певцы, журналисты, писатели, или те, кто сделал свой бизнес в прилегающих сферах. Это те, для кого принципиально важна публичность и личная связь с аудиторией. Так, в рейтинг Топ-100 самых популярных блогов сайта WordPress [5] входят страницы 6 политических деятелей, 15 тематических рубрик, остальные – блоги певцов, музыкантов и актеров. Представители, например, нефтяной промышленности или работающие в сфере инвестиций не видят для себя смысла в блоге или попросту не знают, о чем писать. Опять таки, все 108 самых популярных страниц в разделе «Бизнес» представлены различными компаниями, но не конкретными личностями.

В завершении хочется привести небольшую статистическую справку, найденную на просторах того же сайта WordPress [6]: «1/3 американских бизнес-компаний используют блоги для маркетинговых целей, и практически 90% из них видят положительный прирост конверсии в итоге. Они также получают 155% трафика по сравнению с компаниями, которые не ведут блогов», а также «1/4 специалистов по маркетингу во всем мире считают, что блог – это неотъемлемая часть их бизнеса. 2/3 приписывают блоггингу свой успех в генерации лидов». Она не отвечает напрямую результатам данной работы, но подтверждает предположение о том, что смысл предпринимательского блога, с точки зрения самих авторов, лежит не столько в удовольствии, сколько в реальном влиянии на успех их предприятия, то есть блог – действительно является новым словом в продвижении собственного дела и имени при помощи сети коммуникации в Интернет.

1. *Брэнсон Ричард, персональный блог*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.virgin.com/richard-branson>
2. *Сет Годин, персональный блог*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sethgodin.typepad.com/>
3. *Марк Цукерберг, личная страничка* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/zuck?ref=blog>

4. Майкл Блумберг, официальный сайт. [Электронный ресурс] . Режим доступа: www.mikebloomberg.com
5. WordPress . [Электронный ресурс] : Top-100 Бизнес . Режим доступа: <https://wordpress.org/showcase/tag/business/>
6. WPLift. [Электронный ресурс] : JR John. 5 things all the entrepreneurs should know before starting a blog. Режим доступа: <http://wplift.com/starting-a-blog>

СТИЛЬ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Прокопчук Т.Л. (Курск)

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00506.

Последние десятилетия являются для России временем активных модернизационных преобразований всех сфер общественной жизни. В этой ситуации довольно отчетливо проявляется дифференциация ее регионов по степени их вовлеченности в данный процесс. Одним из оснований такой дифференциации можно считать ценностные предпочтения и стили жизни жителей российских регионов.

В теоретическом плане стиль жизни является относительно новой категорией в социальных науках. Однако в самом общем виде понятие стиля жизни встречается в работах А. Адлера [1], Т. Веблена [2], У. Бека [3], М. Вебера [4], Э. Гидденса [5] и других ученых.

Среди отечественных ученых, исследовавших стиль жизни, можно выделить И. В. Бестужева-Ладу [6], Е.Л. Омельченко [7], В.А. Ядова[8], Л. И. Ятину [9] и других. В их работах отражены концептуальные и методологические основы изучения стиля жизни.

В рамках изучения данной проблемы нами было проведено полевое социологическое исследование методом анкетного опроса в двух соседних регионах Центрального Черноземья – Курской и Белгородской областей (по 200 человек из каждого региона соответственно). В этом исследовании была задействована студенческая молодежь как категория жителей, наиболее чутко улавливающая происходящие перемены социуме.

Так как основным видом их деятельности является учебный процесс, поэтому мы решили уточнить место образования в жизни молодых людей. Одним из важных моментов в исследовании стало изучение мотивационной структуры получения высшего образования современными студентами. Как показали результаты опроса, для большинства молодых людей как Курского (43%), так и Белгородского (42%) региона основным мотивом получения высшего образования является приобретение знаний, умений и навыков. Далее с большим отрывом у курской молодежи в мотивационной структуре стоит личностный рост (14,5%), а у белгородской – улучшение материального положения (14%). На третьем месте в обоих регионах оказался интерес к выбранной профессии.

Профессиональные ценности молодежи были нами рассмотрены через призму понятия «хорошая работа». Респондентам было предложено выбрать из списка характеристик, на их взгляд, самые важные. Ключевыми признаками «хорошей работы» как в Курской области, так и в Белгородской стали: высокооплачиваемая, интересная и перспективная. Менее привлекательной оказалась ответственная работа (10%) и работа без жесткого контроля (4,5%).

Модный образ жизни является «собирательным» понятием, так как сочетает в себе не только модную одежду, но и манеру поведения, образ жизни, манеру общения и другие характеристики. В связи с этим, мы решили спросить о том, какую же роль играет мода в современном обществе. Большинство курской (82%) и белгородской (68%) молодежи не

следуют модным трендам, а это значит, что мода для них не является центральным ориентиром в поведении и стиле жизни. Однако при этом для большинства молодежи мода не является бесполезной и не приносит особого вреда. Многие респонденты также отметили, что, следуя модным тенденциям, молодые люди совершают необдуманные поступки, которые могут привести к неоднозначным последствиям. Мы полагаем, что в целом мода может оказывать латентное влияние на формирование образа жизни молодежи: это может проявляться в том, что индивид пусть и не следует модным тенденциям, но он стремится соответствовать тому обществу, в котором живет, в зависимости от этого он принимает конкретные стандарты того или иного стиля жизни.

Важной составляющей стиля жизни молодежи является проведение досуга. Среди молодежи Курского региона доминирующим видом проведения досуга стали: проведение свободного времени дома (54%), посещение театров и кино (47,5%), занятия спортом (31%). Также следует обратить внимание и на то, что каждый пятый из опрошенных (21%) тратит свое свободное время на социальные сети, а в Белгородской области этот показатель ниже (14%). Распределение ответов о проведении досуга у белгородской молодежи несколько отличается: 41% опрошенных тратит свободное время на занятия спортом, 38% посещают театры и кино, 33% проводят свободное время дома в кругу родных и близких, 27% проводят свое свободное время, посещая ночные клубы. Тем самым можно сделать о том, что в Белгородской области молодежный досуг является более разнообразным и более конструктивным.

Указав на ряд компонентов стиля жизни учащейся молодежи Курской и Белгородской областей, мы можем далее перейти к более подробному рассмотрению его ценностных оснований. На основе этого мы попытаемся определить доминирующее направление стиля жизни указанной социально-возрастной группы

Как известно, существует несколько способов характеристики стиля жизни сквозь призму ценностей индивида: AIO (activities, interests, opinions), VALS (values and lifestyles), LOV (list of values). Обозначенные модели построения стиля жизни чаще всего применяются в маркетинге. Тем не менее, мы решили применить модифицированную модель LOV в нашем исследовании, так как она является наиболее подходящей: в ее структуру входит ряд ценностей, которые респондент должен проранжировать, каждая ценность характеризует одну из трех направленностей стиля жизни: индивидуальную, интересубъективную, коллективную (см. таблицу).

Таблица 1.

Соотношение ценностей и направленности стиля жизни

Ценности	Курская область, 2015		Белгородская область, 2015		Ценности
	Баллы	Направленность	Баллы	Направленность	
Доброта	4,7	Интерсубъективная направленность	5	Коллективно-направленный	Достижения
Самостоятельность	4,7	Индивидуально-направленный	4,7	Интерсубъективная направленность	Доброта

Достижения	4,5	Коллективно-направленный	4,5	Индивидуально-направленный	Самостоятельность
Универсализм	4,4	Интерсубъективная направленность	4,2	Коллективно-направленный	Гедонизм
Общительность	4,3	Интерсубъективная направленность	4,2	Интерсубъективная направленность	Универсализм
Гедонизм	3,8	Коллективно-направленный	3,7	Интерсубъективная направленность	Общительность
Благополучие	4,2	Индивидуально-направленный	3,6	Коллективно-направленный	Безопасность
Независимость	3,7	Индивидуально-направленный	2,9	Индивидуально-направленный	Благополучие
Безопасность	3,5	Коллективно-направленный	1,6	Индивидуально-направленный	Независимость
Степень преобладания направленности стиля жизни					
Направленность	Курск		Белгород		
Индивидуально-направленный	4,1		3		
Интерсубъективная направленность	4,5		4,2		
Коллективно-направленный	4,1		4,3		

Итак, мы видим, что в стиле жизни курской молодежи преобладает интерсубъективная направленность. Это означает, что в молодежной среде данного региона на первый план выходят факторы, ориентированные в первую очередь не на собственную выгоду, а на установление взаимопонимания между индивидами и сохранение благополучия людей, с которыми человек состоит в каких-либо отношениях. У белгородской же молодежи, в свою очередь, наблюдается преобладание коллективной

направленности, а это значит, что она в большей мере при принятии определенных решение ориентируется, прежде всего, на реакцию общественности; отметим, что зачастую при доминировании данного стиля жизни у молодежи наблюдаются черты конформизма.

Необходимо сказать и о том, что в стиле жизненной позиции респондентов Курской области в равной мере представлены индивидуальная и коллективная направленность. У молодых людей с индивидуально-направленным стилем жизни ярко проявляется стремление контролировать собственную жизнь и принимать независимые от кого-либо решения. В молодежной среде Белгородской области наблюдается более низкий уровень преобладания индивидуальной направленности относительно других видов. Также важно заметить и то, что, в принципе, в молодежной среде Белгородской области степень выраженности показателей направленности ниже, чем в Курской области.

Подводя итог, можно отметить, что при анализе стиля жизни учащейся молодежи двух регионов на основе ценностей обнаруживаются различия в преобладающей направленности: в Курской области – интересубъективная направленность, при этом здесь же происходит равномерное совмещение индивидуальной и коллективной направленностей. В Белгородской области преобладающей является коллективная направленность, при этом индивидуальная сведена до к минимуму, промежуточную позицию занимает интересубъективная направленность. В целом на основе полученных данных сформирован позитивный образ молодежи Курского и Белгородского регионов.

1. Адлер А. *Индивидуальная психология: теория и практика*. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 1993. – С. 87.
2. Веблен Т. *Теория праздного класса / Пер. с англ., вступ. ст. С.Г. Сорокиной; Общ. ред. В.В. Мотылевой*. – М.: Прогресс, 1984. – С. 215.
3. Бек У. *Что такое глобализация. Ошибки глобализма – ответы на глобализацию: перевод с немецкого*. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 201.
4. Вебер М. *Класс, статус и партия. Социальная стратификация*. Под редакцией С.А. Белановского. Вып. I. М.: ИПП РАН, 1992. – С. 21.
5. Гидденс Э. *Устроение общества: очерки теории и структуризации*. – М.: Академ. Проект, 2003. – С.185.
6. Бестужев-Лада И.В. *Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социального общества и всестороннее развитие личности*. – М.: Наука, 1983. – С. 95.
7. Омельченко Е.Л. *Такие похожие, такие разные [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: www.socnet.narod.ru (дата обращения: 10.04.2015).
8. Ядов В.А. *О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии*. – М., 1975 – С. 92.
9. Ятина Л. *Полистилизм: новый этап в развитии моды [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: www.socnet.narod.ru (дата обращения: 15.04.2015).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ПОЛЯРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ РОССИИ

Пшегорская Н.А., Салахутдинова Р.Х. (Санкт-Петербург)

Одним из направлений миграционного движения является образовательная миграция. Данная отрасль активно изучается в последнее время в контексте всё более возрастающего движения молодёжи из небольших городов и сёл в областные центры, а также в крупные мегаполисы России.

Актуальность данной проблематики в большей степени связана с изменением процедуры поступления в высшие учебные заведения. С момента введения системы ЕГЭ поступление в столичные вузы и вузы других крупных городов России значительно

упростились. Теперь у абитуриента появился достаточно широкий выбор специальностей и учреждений, которого не существовало ранее, когда экзамены сдавались при одном, наиболее предпочтительном, университете. «Молодые гении из глубинки» и просто целеустремлённые молодые люди, «стеснённые» рамками родного города, получили возможность реализоваться в выбранной ими отрасли и впоследствии получить наиболее высоко оплачиваемую работу, чем у себя на Родине. Впрочем, т. к. высшее образование теперь предполагает и договорную основу, то и те дети, чьи родители в состоянии оплачивать обучение, могут поступить в крупный вуз, не имея высоких баллов ЕГЭ.

В связи с большим объёмом несистематизированных статистических данных, разрозненными социологическими исследованиями по данной тематике, возникла необходимость выстроить единую стратегию изучения образовательной миграции как социального явления.

Миграция как научная категория довольно давно изучается в плоскости различных наук, таких как демография, география, экономика, статистика, антропология, социология, психология и т.д. Подобный феномен легко объясним, т. к. миграция является наряду с культурой, образованием, политикой одним из ключевых аспектов человеческой жизнедеятельности и, соответственно, содержит в себе множество различных аспектов, от которых зависит дискурс рассмотрения миграционного процесса.

Исследование образовательной миграции опирается на теоретическую базу понятия «миграция». Одно из первых определений миграции было дано в работе Э. Равенштейна в 1885 году [1.С.167-235]. Основой данного понятия, его базисом, является фактор территориального перемещения отдельного человека или группы людей. Но каждый автор, в зависимости от того, на какой аспект миграционного движения он делает акцент (характер движения населения, его направленность, масштабы движения), дополняет сущность явления своей "надстройкой". Наиболее часто используемым в литературе является определение Л.А. Рыбаковского, который под миграцией понимает "все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей" [2].

Существуют разные подходы к изучению образовательной миграции. В экономическом подходе образовательная миграция рассматривается как способ регулирования численности и распределения образовательных ресурсов и положительный фактор стимулирования конкуренции. Психологический подход изучает мотивационную сферу этого явления. Социологический подход – проблемы адаптации образовательных мигрантов в обществе [3]. Е.А. Самофалова определяет объект исследования образовательной миграции как социальное взаимодействие индивидов, вовлечённых в социально-географическое перемещение с целью получения образования, а предмет как динамику изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений индивидов в рамках прежнего и нового социума.

Образовательная миграция, как один из видов миграции, является относительно новым направлением в российской социологической науке. Данный феномен связан со многими факторами, в том числе с субъектом образовательной миграции, которым является молодёжь.

Молодёжь считается наиболее динамичной частью общества и характеризуется особой ролью и местом в системе общественных отношений. Насколько активными будут молодые люди в инновационной сфере, зависит также и от самого общества. К. Мангейм отмечает, что "молодёжь не прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию" [4.С.442].

Чем обусловлено желание молодежи получить высшее образование в столичном вузе или, например, в крупном мегаполисе? Тенденция образования к приобретению рыночных черт одна из главных причин данного явления. Ю.В.Рубин выделяет следующие обстоятельства для обличения высшего образования в форму рыночных отношений: превращение образовательных благ в предмет интереса сторон, стремящихся

к повышению конкурентоспособности, упрочнение материальной формы регулирования столкновений интересов сторон, контроль за качеством предоставляемых услуг и его гарантия, выделения сферы образования как отдельного сегмента рынка и т.д.

Оценивая престиж ВУЗа, положительные отзывы, динамику рейтингов по приёму на работу выпускников, предлагаемую образовательную программу, преподавательский состав и многое другое,- абитуриенты, их родители и другие участники процесса делают свой выбор в пользу того или иного вуза и профиля.

В современном обществе все большее количество достижимых статусов обусловлено образованием. Образование во всем мире закономерно становится главным каналом социальных перемещений, как правило, восходящих, ведущих индивидов к более сложным видам труда, большим доходам и престижу.

Стоит также отметить, что место проживания также влияет на потребность молодого человека в образовании и самореализации, что доказывает исследование Института Социологии РАН [5]. Наибольшее количество "тружеников"(ориентир - высшее образование и достойная работа) и "предприимчивых" (главная цель – создание бизнеса) живут в мегаполисах. В областных центрах велика доля "максималистов" (максимальный охват всех сфер) и "карьеристов". Желание расширить свои знания о мире, или даже остаться жить за границей, также присуще всесторонне развитой молодёжи городов-миллионеров. В сельской местности же "гедонисты" составляют пятую часть (в приоритете развлечения и праздность).

Среди экономических факторов привлекательности региона можно выделить такие как: уровень промышленного производства, уровень трудовой занятости и средняя заработная плата [6. С.13]. Перечисленные параметры повышают мотивацию проживающих в данном регионе молодых людей к активизации своей деятельности, направленной на достижение карьерных, образовательных и иных высот. Внешним фактором формирования образовательной потребности также выступает рынок труда, который является основным заказчиком на профессиональные кадры.

Для нашей страны характерна образовательная миграция в Центральный регион. Данные за 2008-2010 год, показывают, что для поступления в ВУЗ молодёжь выбирает в приоритете 11 регионов страны [7]. Лидерами стали Москва, где сальдо прибытий с целью поступления в ВУЗ составляло 9,5—16,5 тыс. человек и Санкт-Петербург 11,5—13 тыс. человек, а также Краснодарский край и в Приволжский округ. Особенно велика доля иногородних студентах в вузах-флагманах высшего образования. В СПбГУ обучается 2/3 иногородних студентов, в МГУ же их почти половина.

В мае этого года нами был проведён мониторинг иногородних студентов в СПбГУ, который позволил выявить регионы наибольшего оттока молодёжи в пользу данного вуза. Такими регионами являются близлежащие области Северо - Запада и Центральной части России, а также Краснодарский край. Ханты-Мансийский округ, Якутия, Забайкальский край, Дальний Восток и Приморский край представлены не так широко. Данная картина в большей мере совпадает с данными исследования качества приёма в вузы России, проведённого НИУ ВШЭ в 2014 году. Также можно проследить тенденцию «Западного дрейфа», которая приобрела популярность в последние годы [8, 73]. Ярко выраженная однонаправленность миграционных потоков наглядно доказывает гипотезу об интеллектуальном обессточивании регионов.

Последствия образовательной миграции носят двойственный характер. С одной стороны- это прилив новых сил, наиболее одаренной молодежи в центры, тем самым поддержание и воспроизводство интеллектуального потенциала центров и городов. С другой - обозначаются негативные последствия для территорий иммиграции молодежи - изменение качества населения, отток трудовых ресурсов. Сегодня, в условиях необходимости подъема региональной экономики, что трудно представить без участия молодежи, для социологов должно стать задачей поиска факторов сохранения/возвращения молодежи на малую Родину.

1. *Journal of the Statistical society vol.48 jun. 1885.*
2. Рыбаковский Л.Л. *Миграция населения. Вопросы теории.* М.: 2003
3. Самофалова Е.А. *Образовательная миграция :проблемное поле и основные характеристики [Электронный ресурс]. URL: scipeople.ru/publication/69692*
4. Манхейм К. *Диагноз нашего времени.* М.: 1994
5. *Институт Социологии РАН Молодёжь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. //Аналитический доклад. М.: 2007.*
6. Лопалева В.А. *Прогнозирование Демографических процессов в условиях формирования межтерриториальных социально-экономических общностей. // Автореферат. Екб.: 2010.*
7. *Показатель «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства, и территориям Российской Федерации» // Ежегодный бюллетень Росстата «Численность и миграции населения Российской Федерации».*
8. Зайончковская Ж. А. *Демографическая ситуация и расселение.* М.: Наука, 1991.
9. Рубин Ю.Б. *Высшее образование в России: качество и конкурентоспособность МФПА.* 2011.
10. Оникко А.А. *Потребности личности в высшем образовании и особенности их реализации. // Автореферат Екб.: 2013.*

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ДОМОХОЗЯЕК : СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рагимова Э.А. (Волгоград)

Ценности и представления, касающиеся роли женщины и мужчины в обществе, и связанные с ними гендерные стереотипы и социальные установки регулируются на глубинном ментальном уровне общественного сознания. Углубляясь в процесс исторического развития, можно отметить, что женский образ издавна ассоциировался с ролью неработающей женщины, которая поддерживает уют в доме и воспитывает детей. Девушка считалась идеалом, если она обладала такими добродетелями, как покорность, миролюбивость, заботливость, очарование и красота, независимо от того, проживала она в известной своими пуританскими нравами Северной Америке XIX в. или в современной России. Однако, на протяжении десятков лет ситуация менялась, что привело к получению женщиной расширенных прав, изменению модели поведения и, как следствие, утрате основных качеств, которые маркировали ее образ как «жены и матери». [1] Данное явление характерно и для России, считающейся страной, поддерживающей традиции. Хотя, нельзя не отметить, что все же россиянки менее подвержены полному освоению мужской роли, многие предпочитают сочетать роль работающей женщины с обязанностями по дому. Кроме того, стереотипный образ «хранительницы домашнего очага», очерченный в «Домострое», преобладает в сознании граждан обоего пола, поэтому наряду с двумя вышеупомянутыми моделями поведения, важную роль продолжает играть социальный слой домохозяек, чей паттерн претерпевает изменения вплоть до настоящего времени. Поскольку в обязанности женщины входит воспитание детей, общество заинтересовано в том, чтобы получить грамотную, гармонично развитую личность. Именно поэтому, на наш взгляд, крайне важно понять, какие ценностные ориентации лежат в основе образа жизни и действий современных домохозяек и что они могут принести в формирование облика будущих поколений.

Целью исследования было выявление основных ценностных установок замужних девушек и женщин домохозяек г. Волгограда в возрасте от 16 лет. Было опрошено 7 домохозяек различного возраста посредством проведения глубинных интервью. Анализ

результатов позволил сделать вывод о том, что абсолютное большинство опрошенных домохозяек рассматривают выстраивание семейных отношений с точки зрения традиционного взгляда, то есть позиции, которая является приоритетной в обществе. Кроме того, роль женщины в семье определяется как роль хранительницы очага, создающей тепло, уют в доме: «Женщина – это основное. По идее, мы все вносим вклад в общий семейный котел, но женщина – это скрепляющая сила, она формирует все внутрисемейные отношения, она должна быть кормилицей, обеспечивать быт, воспитывать детей», мнение женщины, 48 лет.

В соответствии с результатами исследования, современные домохозяйки удовлетворены своим положением в семье и не хотят его менять: «Да, я удовлетворена своей ролью и своим положением. Больше решает муж, он будет прислушиваться к моему мнению, но последнее решение будет за ним», женщина, 38 лет. Необходимо отметить, что практически у всех женщин есть высшее образование и они удовлетворены уровнем своего образовательного порога. Однако есть и те, которые жалеют об упущенной возможности получить образование, поскольку на данный момент перспектив повышения квалификации нет. По мнению современных домохозяек, необходимо уделять время самообразованию, чем абсолютное большинство опрошенных занимается в свободное время: «Я считаю, что так и должно быть. Женщина, современная особенно, должна быть хорошо образована», женщина, 47 лет; «постоянно, каждый день я читаю книги, занимаюсь иностранным языком, хожу на различные семинары, выставки, участвую в них», домохозяйка, 48 лет; «да, немного уделяю времени для саморазвития – смотрю научные телепередачи по телевизору, в Интернете», женщина, 38 лет. Более того, каждая из респонденток увлекается каким-либо видом творчества, имеет свое хобби. Некоторые из них признаются, что могли бы заниматься этим всю свою жизнь: «Рисую, вышиваю, занимаюсь прикладным искусством, мне нравится дизайн – ландшафтный, например, так как у меня есть дача, дизайн квартиры – я тоже этим занимаюсь в свободное время, опять же для дома и семьи», домохозяйка, 40 лет.

Задачей второй части исследования было проведение фокус-группы с участницами интервью. Дискуссия продолжалась 1 час под руководством модератора. В ходе беседы участницам предлагалось ответить на ряд вопросов об их ценностях и мировоззрении, обсудить тему стереотипов о домохозяйках, составить списки позитивных и негативных сторон роли домохозяйки, просмотреть и обсудить видео-ролики, связанные с данной темой.

В первой части дискуссии участницам предстояло обсудить вопросы о роли домохозяек в целом. Выяснилось, что понятие «домохозяйка» трактуется представительницами этой социальной группы как «главный член семьи», «хранительница очага»: «Под моим вниманием находятся все члены семьи. Домохозяйка создает уют, благоприятную атмосферу в семье. Я такая домохозяйка, я тружусь 24 часа в сутки», - утверждает домохозяйка, 40 лет. Основные обязанности домохозяек, по мнению респондентов, сводятся к заботе о здоровье детей, образованию, ведению быта, заботе о здоровье и благополучии мужа, объединению всей семьи. Кроме того, участницам было предложено описать идеальный образ домохозяйки, идеал, к которому они стремятся. По итогам групповой работы, были выделены 2 группы характеристик – духовные качества и характеристики личности. Респонденты утверждают, что практически полностью соответствуют составленному образу, что подтверждают их реплики: «Я очень стараюсь соответствовать всему тому, что написала, но главное, чего мне не хватает, это время – время не на себя, а на все то, что я не успеваю сделать. Нехватка времени – это бич лично для меня». Также из ответов респондентов видно, что их главной проблемой является нехватка времени – на себя или на семью. Исходя из ответов участниц, можно с уверенностью сказать, что они проводят с семьей большую часть времени, указывая, что совместные ужины – это для них традиция, другие совместные мероприятия также являются праздником. Кроме того, муж и дети для респондентов – это не преграда для

саморазвития, они находят время для чтения, совершенствования себя в прикладном искусстве, занятий спортом. Таким образом, следует, что опрошенные участницы довольны своей ролью домохозяйки.

Вторая часть дискуссии была посвящена обсуждению стереотипов о домохозяйках в современном обществе и просмотру видео о них. Следует отметить, что участницы осведомлены о наличии в социуме мифа об их социальной группе, однако они ему не подвержены: «Общество воспринимает домохозяек неоднозначно. Но лично для меня это не играет никакой роли, потому что я независима от общественного мнения», - говорит домохозяйка, 39 лет. Более того, респонденты считают, что этот миф абсолютно не оправдан, что своим примером и доказывают.

Видеоблоггинг для респондентов не представляет собой интереса, так как им могут заниматься только те домохозяйки, у которых много свободного времени. Они были названы «псевдо-домохозяйками» к которым наши участницы себя не относят. Одним из основных видов деятельности во второй части беседы был следующий – составление списка плюсов и минусов роли домохозяйки. По итогам обсуждения выяснилось, что положительных аспектов (4) респонденты выделили больше, чем отрицательных (3). В заключение беседы домохозяйкам был задан вопрос о том, как они сами могут повлиять на разрушение сложившегося стереотипа об их социальной группе. По мнению участниц, только их личный пример счастливой семьи и освещение данного феномена в СМИ начнут менять отношение граждан к домохозяйкам.

Обобщив все вышеизложенное, необходимо отметить, что современные домохозяйки – это новое социальное явление в обществе, поскольку их роль выходит за рамки привычного стереотипного понимания деятельности данного рода. В их задачи входит не только ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, но и саморазвитие, самосовершенствование, увлечение каким-либо хобби.

1. Митина О.В. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах//Общественные науки и современность. 1999. №3. с. 179-191

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНТЕРНЕТА

Радюкевич Н.И., Саламатова А. А., Смолянинова О. С. (Санкт-Петербург)

Интернет изменяет всё, чего бы ни коснулся, а касается он практически всего.

Джон Эллис

Интернет: абсолютная коммуникация, абсолютная изоляция.

Поль Карвель

Интернет в жизни современного человека занимает особое место. Глобальная компьютерная сеть является одновременно и средой общения, и средой, в которой может проявляться общественное настроение и формироваться новые общественные идеалы.

«Всемирная паутина» сегодня- это не только огромное количество компьютеров, но ещё и невероятное количество людей, для которых сеть является принципиально новым способом общения, почти не имеющим аналогов в мире.

Интернет настолько глубоко вошел в социальную жизнь российской молодежи, что виртуальное пространство заменяет реальное. Молодежь — будущее общества, и забота о её здоровье, как физическом, так и нравственном — одна из важнейших задач. Поэтому так важно изучить влияние интернета на молодое поколение. Интернет-зависимость стала социальной проблемой, вызывающей обеспокоенность общественности и выступающей предметом специальных исследований. Всё чаще учёные и исследователи

говорят о негативном влиянии «всемирной паутины» на молодые умы и души. Ценности и идеалы, которые пропагандируются в интернет-сетях, оказывают наибольшее воздействие на молодёжь, хотя зачастую не являются верными.

Как интернет и электронные СМИ оказывают влияние на формирование ценностей современного поколения?

Ценность — любое материальное или идеальное явление, имеющее значение для человека, ради которого субъект прилагает усилия («ценности — то, ради чего живут люди»). [4]

Ценность — свойство, признак явления, характеристика его значимости для субъекта (в этих случаях говорят о ценности любви, дружбы и т. п.). [4]

Глобальная сеть — один из факторов культурно-антропологической эволюции в современности, меняющий ментальный тип человека. Интернет сформировал качественно новую среду для общения, учебы, обмена информацией.

Средства массовой информации в современной России выступают одним из значимых факторов формирования ценностных ориентаций молодежи. В частности, электронные СМИ заполняют значительную часть досуга молодежи, а, следовательно, являются важнейшим инструментом формирования духовного мира, культурных ценностей, социальных установок. По данным проекта «Интернет в России/ Россия в интернете», проводимого фондом общественное мнение, по количеству пользователей интернета Россия занимает третье место в мире, обгоняя Австралию, Великобританию, Испанию, Францию. [6] Несложно представить, какое количество молодёжи оказывается втянуто в путаницу понятий и ценностей.

П. И. Смирнов, профессор кафедры теории философии и социологии Санкт-Петербургского государственного университета, отмечает, что ценности могут использоваться как средства манипуляции сознанием и поведением, так как люди часто не могут отличить подлинные ценности от фальшивых. [4] Именно поэтому интернет, как неконтролируемая информационная среда, формирует у молодых людей ложное представление о мире

Если раньше встречали по «одежке», то теперь встречают по страничке в социальных сетях. Количество подписчиков, «лайков» на фотографии существенно поднимает настроение и самооценку.

Ценным становится виртуальное ободрение, неодобрение может спровоцировать неадекватное поведение или эмоциональное расстройство. Это может привести к трагическим последствиям. Виртуальная вседозволенность дает ложное чувство вседозволенности и свободы.

Часто в интернете мы видим слоганы «Ты никому ничего не должен», «Ты независим», «Найди свою реальность!». Так ли это? Ведь человек должен понимать, что живет в обществе, у него есть определенные обязанности: защищать, помогать, учиться и т.д. Человека интересует только он сам, как в интернете, так и в жизни. Его действия направлены на себя.

Несколько лет назад было проведено социологическое исследование, в ходе которого выяснилось, на какие группы ценностей воздействуют электронные СМИ: 1) надличностные (пропагандируются весьма сомнительные моральные ценности, целенаправленно не развиваются познавательные потребности подростковой аудитории) 2) альтруистические ценности (чуткость, толерантность и т.д.) 3) внутриличностные ценности (молодежь привлекает «смелость», «наглость»). [2]

Данные исследования «Традиции и ценности молодежи», свидетельствуют о том, что распространение среди молодежи настроений цинизма и равнодушия к идеалам в наибольшей степени ощущается в возрастной группе от 17 до 26 лет. Половина опрошенных согласилась с утверждением, что сегодня мы живем уже совсем в другом мире и многие традиционные моральные нормы уже устарели. [3]

Как никогда остро стоит проблема формирования гармонически развитой личности с устойчивыми нравственными ориентирами, воспитание у молодых людей высоких гражданских качеств и ответственности за будущее своей страны и народа — одних из самых важных ценностей. Однако, сейчас наиболее яркое проявление патриотизма — не искренняя любовь к своему Отечеству, знание традиций и истории своего народа, а демонстрация псевдо-патриотизма в социальных сетях.

Постоянное пользование интернет-сетями вызывает зависимость, что тоже является причиной ценностной неустойчивости.

Зависимость сама по себе делает человека более поверхностным в оценках и суждениях. Он начинает оценивать внешние признаки состояния окружающих, а не их внутреннюю суть. [1]

Молодые люди отмечают, что в современных условиях каждый человек, пытаясь выжить и самоутвердиться, удовлетворяет собственные потребности, ставя «личное» выше «коллективного».

Риск возникновения интернет-зависимости есть не только у молодежи, но и у детей. Больше половины детей время от времени «блуждают» по интернету без особой цели и почти каждый четвертый делает это постоянно.

Школьники осознают частое пребывание в интернете и пытаются уменьшить время, которое они там проводят, но не всегда успешно. Следует отметить, что мальчики в большей степени подвержены риску зависимости, чем девочки, потому что мальчики чаще играют в компьютерные игры. [5]

Таким образом, одной из наиболее важных культурных социальных задач является ценностное воспитание молодежи. Эта задача должна решаться совместными усилиями всех агентов социализации: семьи, школы, высших учебных заведений, молодежных организаций. Порой интенсивное интернет-общение — это лишь знак изоляции человека от общества. С изобретением интернет-сети изменился не только информационный мир, но и культурный, общественный, нравственный. В какой-то степени интернет проверяет на прочность моральные устои современной молодёжи. И конечно, чем больше молодое поколение заполняет жизнь интернетом, тем дальше оно отходит от общечеловеческих ценностей, отдавая предпочтение мимолётным, мнимым «радостям». Современное поколение утрачивает истинные идеалы — и отрывает себя от реального мира. Важно помнить — самые главные ценности находят не в сетях интернета, а в живом общении.

1. Войскунский А. Е. *Интернет-зависимость. Психологическая природа и динамика развития*, М., Акрополь, 2009.- С. 38
2. Матвеева Н. А. *Влияние телевидения на формирование ценностных ориентаций подростков и пути преодоления его негативных последствий: Дисс. Канд. психол. Наук, Курск, 2010.- С.43*
3. Орлова В. В. *Ценностные приоритеты молодежи в Сибирском регионе // Социологические исследования. 2009. №6.- С. 95-99*
4. Смирнов П. И. *Социология личности учебное пособие*, Спб., СпбГИПСР, 2007. - 472 с.
5. Солдатова Г. У., Зотова Е. Ю. *Зона риска. Российские и европейские школьники: проблема онлайн-социализации // Дети в информационном обществе, М., 2011. №7.- С. 46-55*
6. URL <http://www.fom.ru/projects/23.htm>

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ

Разумова Д.Б. (Санкт-Петербург)

С развитием информационного общества одной из наиболее острых проблем является проблема конфиденциальности. Регулировать конфиденциальность персональных данных в Интернете довольно сложно, потому что сохранность сведений человека в большинстве случаев зависит от него самого. В данном случае подразумевается, как, какую информацию и в каком количестве пользователь предоставляет о себе в сетевом пространстве.

Появление социальных сетей способствовало расширению круга возможностей пользователей Интернета. Изначально социальная сеть рассматривалась как способ общения и интересного времяпровождения. На смену старым представлениям о социальных сетях пришло абсолютно новое - данные сайты стали подразумевать возможность показать себя. Пользователи выкладывают подробности личной жизни, однако не многие из них задумываются о том, к каким последствиям может привести подобное распространение персональной информации. Заполненный профиль может просматривать большое количество неизвестных людей, которые могут использовать информацию в пагубных целях. Часто они становятся жертвами домогательств, хулиганских преследований, спама, а также кражи личности. Следуя логике Теренса Грейга и Мэри Лудлофф [3], вся личная информация людей будет собрана, в связи с чем они не смогут контролировать, кто и как ею воспользуется. Ученые считают, что на сегодняшний день информация является настолько дорогим товаром на рынке, что ее цена превышает стоимость золота.

Чтобы выяснить, почему пользователи социальных сетей подвергаются этим видам опасности, необходимо выявить причины распространения личной информации.

Таким образом, объектом данного исследования являются мотивы распространения личной информации пользователями.

В качестве предмета выступают профили пользователей, количество заполненных полей страницы.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать причины распространения личной информации в социальных сетях; выявить, почему одни люди заполняют свои профили больше остальных.

Согласно ученым Гарвардского университета Кевина Льюиса, Джейсона Кауфмана и Николая Христакиса создание личного профиля зависит от влияния друзей и соседей; женщины значительно чаще имеют частные профили, нежели мужчины; вероятность ведения личной страницы зависит от уровня активности в социальных сетях; стремление к приватности информации обусловлено культурными особенностями и предпочтениями людей [4].

Ученые Элисон Л. Янг и АнабельЦюань-Гаазе проводят свою классификацию мотивов распространения информации, основываясь на данных социальной сети Facebook [6]. По их мнению, тремя важными факторами, влияющими на информационную открытость, являются будущие зрители, общие проблемы частной жизни и пол.

К отечественным работам на данную тему можно отнести статью доктора философских наук, научного сотрудника Института социологии Российской академии наук (ИС РАН) Давыдова Андрея Александровича под названием «Социология изучает блогосферу» [7]. В своей работе он выдвигает гипотезу, согласно которой пользователи выкладывают свои фотографии, видео и другие сведения о себе в целях поднятия социального статуса. В данном случае подразумеваются люди среднего и низшего класса, которые в отличие от богатых стремятся поднять свой авторитет искусственно.

Чтобы проверить, воспроизводимы ли данные гипотезы в России, а также влияет ли, согласно гипотезе российских ученых, социальный статус на распространение личных данных (в качестве социального статуса проверяется брачный статус), были выбраны следующие:

1) Чем выше образование человека, тем меньше информации он выкладывает о себе (Элисон Л. Янг и Анабель Цюань-Гаазе).

2) Заполнение личных профилей в сети Интернет будет больше распространено среди женщин, чем среди мужчин (Кевин Льюис, Джейсон Кауфман и Николай Христинис).

3) Чем старше человек, тем меньше информации он о себе выкладывает (Элисон Л. Янг и Анабель Цюань-Гаазе).

4) Чем чаще пользователи входят в свои учетные записи, тем больше информации они будут выкладывать (взаимосвязь интернет-активности и заполнения полей личного профиля) - (Элисон Л. Янг и Анабель Цюань-Гаазе).

5) Человек, не состоящий в браке, выкладывает о себе больше информации (Давыдов, Солдатова, Зотова, Лебешева, Шляпников). С появлением Интернета появилось больше возможностей найти спутника жизни. Благодаря сообществам и форумам можно найти человека со схожими интересами. Люди, имеющие супруга, детей, оставляют на странице как можно меньше информации, так как несут ответственность не только за себя, но и за семью.

В исследовании был проведен контент-анализ одной из наиболее популярных социальных сетей платформы Вконтакте. Именно выбор этого метода позволил определить, какую информацию о себе выкладывают пользователи, какова их активность в сети и открыт ли доступ к их данным посторонним людям. Исследование проводилось среди зарегистрированных пользователей Вконтакте, количество которых в момент просмотра составляло 303 625 456 человек [8]. Выборочная совокупность составила 600 пользовательских страниц.

Профили пользователей оценивались по следующим критериям: ФИО, пол, дата рождения, знание языков, указание родственников в профиле, родной город и город проживания, номер телефона, указание личных сайтов, деятельность и интересы, группы, образование, карьера, служба, религия, предпочтения, фотографии, местоположение, записи на странице, указание в списке лучших друзей, родственников, коллег, доступ к написанию сообщения, статус, количество друзей, доступ к аудиозаписям, семейное положение, активность в сети.

Результаты показали, что владельцы страниц Вконтакте распространяют не так много личной информации в социальной сети (в среднем количество заполненности профиля составляет 9,5%). Как выяснилось, распространение сведений о себе зависит от таких факторов, как уровень образования, пол, возраст, активность пользователей в сети и брачный статус.

В ходе исследования выяснено, что 132 страницы из выборочной совокупности либо удалены, либо еще не созданы. 44 страницы были заморожены. Это может быть вызвано такими причинами, как рассылка спама, отправка другими пользователями жалобы на данную страницу, взлом профиля, существование вируса на компьютере и другие. Кроме этого, у двух владельцев страниц не было возможно определить пол. Так же найдено четыре фейковых аккаунта, т.е. пользователи выдают себя за тех, кем на самом деле не являются. Вычислить фейковые страницы далеко не легко, однако в данном случае было явно видно, что владельцы страниц используют данные известных людей, а на самом аккаунте нет подтверждения от разработчиков социальной сети (знак✓), что они действительно знаменитости.

По результатам исследования, выявлено, что пользователи с высшим образованием заполняют 13,25% своего профиля, в то время как люди, не имеющие его - 8,82%,

различие значимо ($p < 0,001$). Полученные данные опровергают иноязычную гипотезу (Гипотеза 1). Следовательно, в России она не воспроизводима.

Женщины выкладывают о себе меньше информации (8,36%) в отличие от мужчин (9,73%), различие значимо ($p < 0,05$). Данная гипотеза также не подтвердилась.

Опровергнута гипотеза и про возраст, в связи с тем, что имеется недостаточное количество страниц, на которых указан год рождения.

Помимо этого рассматривалась активность пользователей. Страницы, которые не посещали более трех месяцев, считаются неактивными. Поэтому по результатам получено, что у пользователей с низкой активностью заполнено меньше полей в профиле (7,83%), чем у пользователей с высокой активностью (12,05%), различие значимо ($p < 0,001$).

Подтвердилась гипотеза о брачном статусе. Женатые/замужние пользователи меньше распространяют личной информации в социальных сетях (14,71%). Люди, не состоящие в браке, заполняют 15,81% своего профиля. Различие не является значимым.

Отсюда следует, что лишь две из пяти выдвинутых гипотез подтвердились (об активности пользователей и брачном статусе).

Стоит заметить, что на результаты данных мог повлиять факт недостоверности информации на странице пользователей. Например, в ходе просмотра профилей было найдено несоответствие между указанием наличия высшего образования и возраста пользователей.

1. Brand Analytics (2015). Социальные сети в России, зима 2014-2015. Цифры, тренды, прогнозы. Бренд мониторинг и социальная аналитика. Источник <https://brand-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-zima-2014-2015-cifry/>
2. Etoro (2006). What is the eToro OpenBook. Retrieved from <http://help.etoro.com/>
3. Graig T., & Ludloff M. E. (2011). Privacy and Big Data. O'Reilly Media, Inc., (p. 108)
4. Kevin Lewis, Jason Kaufman & Nicholas Christakis (2008). The Taste for Privacy: An Analysis of College Student Privacy Settings in an Online Social Network. *Journal of Computer-Mediated Communication* 14 (pp. 79–100)
5. Vale J. (2013). Social media experiment. How to use personal information. Retrieved from <http://lifehacker.ru/2013/11/26/video-jack-vale/>
6. Young, A. L., & Quan-Haase, A. (2009). Information revelation and internet privacy concerns on social network sites: A case study of Facebook. *C&T '09* (pp. 265-274). ACM
7. Давыдов А.А.. (2008). Социология изучает блогосферу. *Социологические исследования СОЦИС №11* (с. 92-100)
8. Каталог пользователей Вконтакте. Источник <https://vk.com/catalog.php>
9. Результаты международного исследования по информационной безопасности «Индекс конфиденциальности». Источник <http://www.ixbt.com/news/soft/index.shtml?18/06/44>
10. Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В. (2013). Интернет: возможности, компетенции, безопасность. Методическое пособие для работников системы общего образования. Центр книжной культуры «Гуттенберг» (с. 165)
11. Энциклопедия Википедия (2001). Определение понятия «Социальная сеть». https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть
12. Энциклопедия Википедия (2001). Определение понятия «EMC Corporation». Источник <https://ru.wikipedia.org/wiki/EMC>

ИЗУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ НАУК

Ребро Д.Д. (Волгоград)

Современное общество представляет собой интереснейший предмет исследований общественных наук. Безусловно, общество начала XXI века отличается от общества предыдущих столетий. Технический прогресс, развитие науки, информационные революции [9] – все это способствует трансформации социума. Возникает проблема неконтролируемых изменений общества на пути к информационному и отсутствие в нем действующих механизмов управления. Актуальность исследования проблемы обусловлена недостаточностью сведений о том, как свершившиеся в обществе изменения повлияли на социум, каковы последствия этих изменений и как управлять обществом в новых обстоятельствах. Исследованием информационного общества занимались такие ученые, как: Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, М. Кастельс, Р. Инглхарт.

Первая информационная революция связана с появлением письменности. Вторая – с развитием книгопечатания, которому положил начало Иоганн Гуттенберг изобретением печатного станка в XV веке. Тогда новейшие изобретения озадачивали современников и вызывали опасения, так как очевидно, что внедрение любой инновации в жизнь имеет последствия. Однако информационные революции нельзя остановить и сейчас скорее человек привык к постоянно изменяющейся реальности, вероятно изменился и сам. Третья информационная революция повлекла за собой появление электронных средств связи, четвертая – внедрение компьютерной техники и телевидения, пятая – развитие глобальной сети Интернет [9].

Согласно Гидденсу [4], социология — это изучение общественной жизни человека, групп и обществ. Предметом изучения социологии является поведение людей как социальных существ [1]. Поэтому данную науку интересует социальная жизнь в современном мире, перемены в человеческих обществах, происходящие в данный момент. В поисках признаков и закономерностей, социология должна действовать также в тех сферах, для изучения которых имеется собственная область науки. Например, учение о государстве изучает, исходя из своих теоретических посылов, политическое поведение человека, общественное управление и феномен власти [3]. Эти предметы интересуют и социологию, так как они служат выражением социальных отношений. Управление обществом и другими системами изучается в рамках теории управления. Предмет науки управления составляют управленческие отношения. Предметом науки управления являются также технологии и методы управления и тенденции развития практики управления [3].

О становлении постиндустриального общества и возникающих в нем проблемах говорят многие ученые. Некоторые выдвигают свои гипотезы о современном обществе, рассматривая его как информационное. Это «постиндустриальное общество» (Дэниел Белл), «общество знаний» (Питер Друкер), «сетевое общество» (Мануэль Кастельс), «супериндустриальное общество» (Элвин Тоффлер). Однако проблема управления информационным обществом не является полностью изученной, т.к. нет единого мнения об определении информационного общества, точных его временных или иных границ, рекомендаций по управлению.

Идея постиндустриального общества Д. Белла [2] представляет собой прогноз перемен в социальной структуре западного общества. Изменился характер труда (более половины работающего населения не занято непосредственно производством других материальных благ), изменился характер знаний (доминирующая роль теоретических знаний).

Решающим социальным изменением, обусловленным зависимостью людей от сложного характера экономических процессов, а также необходимостью контроля за последствиями научно-технического прогресса, стало подчинение экономической функции политическому фактору. Формы, которые примет этот процесс, будут варьироваться. Одни из них будут демократичными, другие — нет. Но главный факт очевиден: автономия экономики (и власти людей, которые ею управляют) приходит к концу; возникают новые, качественно отличные системы управления. Контроль над обществом перестает носить в основном экономический характер и становится преимущественно политическим.

Политический контроль над современным обществом пока еще окончательно не утратил своей эффективности, однако такие современные феномены как терроризм (в т.ч. интернет-терроризм), информационные войны, хакерство, говорят о том, что у политиков нет инструментов управления обществом, контролировать которое нужно в интернет-реальности.

П. Друкер [5] указывает, что XX век был веком социальных трансформаций, а XXI веку нужно стать веком социальных и политических инноваций, чья природа еще не ясна, но необходимость очевидна. Вопросы функций правительства должны стать центральными для политической мысли. Тоталитаризм и демократия не оправдали себя. Друкер заявляет, что сейчас нет институтов, необходимых для эффективного правления в «обществе знаний».

С точки зрения социолога М. Кастельса [6] «сетевое общество» – общество, где основные социальные структуры и действия его членов сосредоточены вокруг сетей. Речь идет о социальных сетях, которыми мы пользуемся каждый день. Кастельс предполагает, что реальной властью в будущем будут обладать сообщества, а также определять способы производства, ценности и т.д. Если сравнивать концепцию Кастельса с другими, то можно отметить, что за единицу современного общества он принимает именно сетевое сообщество, а не индивида. Большое внимание ученый уделяет социальным сетям, а не Интернету в целом и прогрессу. Его концепцию можно назвать конформистской, т.к. в ней индивид в интернет-пространстве подчинен сообществу. Границы сетевого общества не определены территориально.

Э.Тоффлер [8] также говорит о цивилизации будущего, наблюдать зарождение которого можно уже сейчас. Место работы и экономической деятельности смещается от фабрик, заводов офисов в дома и рабочие кабинеты. Потребление ресурсов неограниченное, свойственное для общества массового потребления, сменяется на потребление ограниченное. От машинного производства, где человек принимает участие в производственном процессе, к автоматизированным технологиям. Основа социальной организации – личность, а не коллектив. Человек мотивируется собственным разумом и интуицией, отвергая чувственную основу. Отмечается темпоральная направленность. В науке разрабатываются новые парадигмы. Человек в большей степени сам занимается образованием с помощью индивидуальных сетевых структур [7].

Анализируя вышеперечисленные концепции, можно сделать вывод о том, что исследователи расходятся во мнениях, относительно того, как именно изменится общество. Будет ли оно сетевым, где власть будет исходить от интернет сообществ, или супериндустриальным, в котором личность и разум будет основой, – неизвестно. Но в концепциях есть общая идея о том, что общество будет совершенно иным. Образ жизни, способы производства, ценности, культурные потребности, власть. В связи с тем, что перемены в обществе происходят уже сейчас, междисциплинарное взаимодействие социологии и управленческих наук имеет широкие перспективы. Структуры и системы информационного общества должны быть изучены, выявлены закономерности развития, а на их основе разработаны механизмы управления новейшим обществом.

1. Асп Э.К. Введение в социологию / Асп Э.К. – М.: Алтейя, 2000. – 256 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / Д. Белл. – М.: Академия, 1999. – 956 с.
3. Гапоненко А.Л. Теория управления: учебник / А.Л. Гапоненко, А.Л. Панкрухина. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 558 с.
4. Гидденс Э. Социология: учебник/ Э. Гидденс. – М.: Едиториал УРСС, 1999. – 704 с.
5. Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества / П. Друкер. – М.: «Вильямс», 2007. – 336 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. Соловьев А.В. Культура информационного общества: учебное пособие / А.В. Соловьев – М.: Директ-Медиа, 2013. – 276 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
9. Чугунов А. В. Социальная информатика: учебное пособие / А.В. Чугунов. – СПб.: НИУ ИТМО, 2012. – 223 с.

ВЕЛОСИПЕД КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В МЕГАПОЛИСЕ, НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Ровнова Е.Ю. (Санкт-Петербург)

Развитие глобализационных процессов предопределяет урбанизацию населения и расплозание территорий городов, что в свою очередь становится причиной перегруженности улично-дорожной сети. Сегодня городской пассажирский транспорт не справляется с этой задачей. Существенно изменить положение поможет смена приоритетов перемещений в городских центрах, которые в большинстве должны будут осуществляться на общественном транспорте и велотранспортных средствах, дополняя друг друга. Как система, велосипедный транспорт обладает огромными преимуществами, благодаря чрезвычайно низким издержкам, практически полному отсутствию негативных внешних эффектов, а также заметному вкладу в формирование города или района, удобного для жизни. Устойчивое и эффективное функционирование велотранспорта является необходимым условием сохранения здоровья населения, повышения его физической активности, повышения качества жизни и подвижности населения, приближения его к общеевропейскому уровню экономического роста, улучшения экологии, сохранения природного окружения на высоком уровне, создания комфортной среды для жителей в городах, улучшения планирования городской инфраструктуры.

При столь значительных преимуществах велосипеда, последний все же уступает тренд лидерства автомобилю. Отчасти ответ заключается в отсутствии инвестиций в велопрокаты и строительство велоинфраструктуры со стороны частного бизнеса. Чтобы обосновать роль велотранспорта количественно, необходимо сравнить скорость, грузоподъемность, комфортность перемещения, защищенность от внешнего воздействия, зимой и летом, для велотранспорта с аналогичными показателями для личных автомобилей. Кроме того необходимо рассчитать расходы на инфраструктуру, эффективность её использования и экономический эффект использования транспорта. В западных странах на эту тему проводятся многочисленные исследования, созданы специальные институты и кафедры в университетах, специальные интернет-порталы. Для российских городов пока такие исследования отсутствуют. Цель функционирования транспортной системы города заключается в повышении качества жизни на той территории, где она функционирует. А система измерения качества жизни рассматривается, как система показателей, характеризующих степень реализации жизненных стратегий людей, удовлетворения их жизненных потребностей. В расчетах экономической эффективности велотранспорта используется методика HEAT (Health economic assessment tools for walking and for cycling) [1], разработанная под эгидой

Всемирной организации здравоохранения (WHO), в которой в качестве главных факторов рассматриваются только положительное влияние велотранспорта на здоровье человека и уменьшение нагрузки на улично-дорожную сеть. В числе общей стоимости поездки на велосипеде в данной методике учтены влияние на окружающую среду, время поездки, вероятность ДТП и многие другие. Понятно, что при таком количестве показателей трудно рассчитывать на точность конечных результатов. Тем не менее, согласно данной методике рассчитана стоимость поездки на велосипеде: она более чем в 60 раз дешевле, чем на автомобиле [1]. Таким образом проблему недостаточного развития велосипедного транспорта необходимо отнести к типу слабо решаемых рыночными методами.

Основной проблемой Санкт-Петербурга как и любого мегаполиса является то, что улицы не справляются с потоками транспорта. Спасением для многих людей мог бы стать велосипед. Чтобы люди пересели с общественного или личного транспорта на велосипед, должны быть соблюдены три условия. Это должно быть удобно, безопасно, популярно. С целью выявления отношения к велосипедному движению в городе рядовых граждан, было проведено опрос среди жителей Пушкинского района Санкт-Петербурга. Объем выборки составил 102 человека: 43% - женщины, 57% - мужчины. Из них:

- 6% - передвигаются по району на велосипеде в повседневной жизни;
- 86% - имеют один или несколько велосипедов;
- 77% - используют велосипед по городу в качестве активного способа проведения досуга;
- 80% - отметили необходимость велостоянок около учреждений, торговых центров [3].

Исследование показало, что сегодня в Санкт-Петербурге явно доминирует формат использования велосипеда только летом и с рекреационной целью – поэтому многие ездят по паркам.

В настоящее время (по состоянию на сентябрь 2014 года) в Санкт-Петербурге существует несколько велосипедных маршрутов, общей протяженностью 26,5 км. В основном они расположены в парках, не соединяются между собой, не ведут к достопримечательностям и заканчиваются перед каждым перекрестком. В городе насчитывается более 400 парковочных мест для велосипедистов, 162 веломастерских по ремонту, 174 точек коммерческого проката велосипеда [2]. Таким образом, в качестве основной проблемы можно отметить слабую развитость велосипедной инфраструктуры Санкт-Петербурга – изношенность велосипедных путей, хаотичное проектирование велосипедных маршрутов, недостаточное количество велосипедных парковок. Практическая реализация по развитию велосистемы города должна проходить в следующих направлениях:

1) Создание удобных и безопасных веломаршрутов с использованием различных видов дорог: велодорожки, велопешеходные улицы, выделенные полосы на автомобильных дорогах, полосы для совмещенного движения автобусов и велосипедистов;

2) Организация доступной сети станций проката и парка велосипедов. Так проект «Велогород», придерживаясь общеевропейских трендов, предлагает 8 видов абонементов и систему оплаты по ним: бесплатные первые 30 минут, 30 рублей за поездку продолжительностью 31-60 минут и резкое удорожание последующего времени проката.

Обобщая вышесказанное о роли велосипеда для решения транспортных проблем в российских мегаполисах, в том числе и Санкт-Петербурга, можно сделать следующие выводы:

1. В городах, удобных для жизни, формирование транспортных систем должно быть направлено на оптимальное сочетание различных видов транспортных средств для передвижения по городу.

2. Велотранспорт — не столько способ обеспечения транспортной мобильности, территориальной доступности, сколько именно основа жизнедеятельности горожан,

возможность решения социальных проблем городского населения. Поскольку потребность в перемещении жители могут удовлетворить сами, не завися от монополистов (автоиндустрии), властей, налогов, дорог, цены на топливо, гаражей и площадок для размещения и парковок. Играет роль и выравнивание статуса — на велодорожке все равны.

3. Существующие в настоящее время подходы к оценке экономического эффекта не позволяют адекватно количественно оценить эффект социально значимых проектов.

4. Ввиду высокой социально-экономической общественной значимости, необходимо государственное стимулирование развития велосипедного транспорта, осуществляемое через пропаганду, бюджетное финансирование, налоговое стимулирование, моду и другие механизмы воздействия.

5. Для координации развития велотранспортной системы при Администрациях городов целесообразно создавать отраслевые комитеты по развитию велотранспорта.

6. Для популяризации модных велотенденций использовать специальные телепередачи на национальном телевидении.

1. Федоров В. А. Формирование моды на велосипед как способ решения транспортных проблем в мегаполисах // Молодой ученый. — 2014. — №6. — С. 507-511.
2. Информационный портал *velomesto*. 2015. URL: <http://www.velomesto.ru/sankt-peterburg/parking/> (дата обращения: 09.10.2015)
3. Васильева Н.В. Велосипед как полноправный участник дорожного движения в современном мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Международная научно-теоретическая конференция (СПбГАСУ) — 2015. — №6. — С. 22-27.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ

Рогожина Е.П. (Санкт-Петербург, Россия)

В эпоху тотальной интернетизации и виртуализации окружающей действительности решающее значение в расстановке сил на мировой арене приобретают возможности стран в информационной сфере, и в первую очередь – в киберпространстве. Плоды информационно-технического прогресса сегодня позволяют создать и использовать качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей.

«Арабская весна» и кризис в Украине стали убедительными доказательствами того, что мировое общественное мнение в наши дни формируется путем активного задействования продвинутых информационных и коммуникационных технологий. Интерактивное телевидение, интернет с новостными порталами и социальными сетями превратились сегодня в эффективный инструмент как внутренней, так и международной политики. Несомненно, этот новый фактор привлекает к себе внимание и требует осмысления.

Согласно отчету компании Gartner, «количество компьютеров, находящихся сегодня в активном пользовании, превысило один миллиард» [13]. Количество интернет-пользователей еще больше: в 2014 году их насчитывалось более трех миллиардов [14], почти два из которых – геймеры [15]. Увеличивающиеся масштабы использования и растущая роль коммуникационных технологий в развитии информационного общества привели к закономерному росту интереса к особенностям таких технологий со стороны академического сообщества. Последние 15 лет были отмечены появлением внушительного количества публикаций, посвященных исследованиям виртуального

пространства в целом (Burn 2007; Frasca 2003; Gee 2007; Linderoth 2008); особое внимание было также уделено изучению влияния интернета и компьютерных игр на сознание пользователей (Gee 2007; Juul 2009; Heith 2006; Norgrove 2007). Тем не менее, до сих пор в научном знании существует большой пробел, связанный с отсутствием сведений о возможном влиянии компьютерных игр на историческую память. Между тем, сегодня, когда общество сталкивается с ускоряющейся передачей исторического знания и его интерпретаций [7], этот вопрос актуален как никогда, а процессы передачи и формирования исторической памяти заслуживают особого внимания.

В XX-XXI веках ключевую роль в этих процессах стали играть средства массовой коммуникации. СМИ не только способствуют распространению научного знания, репликации художественных образов и исторического опыта, но и являются трансляторами мифов и идеологических и пропагандистских клише. Компьютерные игры, являющиеся одной из новейших медиа-форм и сочетающие в себе черты искусства и характеристики средств массовой коммуникации, обладают «эффектом присутствия» и «эффектом кодирования» [14]. Будучи неотъемлемым элементом современной культуры, как киноленты или книги, игры обладают одной уникальной особенностью, которой лишены все прочие формы и жанры: высокой степенью субъективного погружения. В отличие от книги, где читатель не может влиять на персонажа в процессе повествования, в игре пользователь не просто может, он обязан им управлять – иначе игра просто не состоится. Там, где читатель пассивно следит за развитием событий, игрок ими управляет и направляет их (либо полагает, что направляет). Такая – пусть даже минимальная – причастность к управлению событиями многократно усиливает эффект отождествления. Эта особенность делает их высокоэффективным инструментом использования т.н. мягкой силы и, в частности, манипулирования исторической памятью.

Феномен исторической (в зарубежной традиции – коллективной) памяти – крайне сложное и неоднозначное свойство социального сознания [11]. Как правило, под исторической памятью понимается некий набор исторических сообщений, мифов, рефлексий о событиях прошлого, передающийся из поколения в поколение и носящий субъективный характер [12]. Субъективность исторической памяти особенно важна для нас как исследователей данного явления в рамках виртуального пространства, поскольку историческая память не концентрируется на детальном и объективном воспроизведении прошлого, а значит, подвержена влиянию различных дискурсов и культур памяти. К.Пийримяэ обращает особое внимание на то, что «историков, стремящихся реконструировать исторические события, дать им объективную трактовку и осмыслить их, становится все меньше», что все большую популярность приобретают «исследования памяти» (memory studies) [10], цель которых заключается именно в изучении различных интерпретаций одних и тех же исторических событий различными социальными группами. Одним из новых способов интерпретации этих событий и являются компьютерные игры.

Выбор компьютерных игр как объекта исследования в рамках исследования памяти создает сразу несколько проблем для социолога, и одна из них – отсутствие концептуальной основы для изучения компьютерных игр как средства формирования исторической памяти. Поскольку компьютерные игры являются относительно новой формой масс-медиа, появившейся на рынке около 40 лет назад (в данном случае мы учитываем также видеоигры, возникшие еще в начале 1970-х годов), подходящей теоретической основы для их изучения до сих пор не создано. В общих чертах сдвиг и переход от реального общества к виртуальному был рассмотрен уже Ж.Бодрийяром в конце 1970-х [1]; пионером данного направления может считаться М.Кастельс с его концепцией сетевого общества [2]; однако первые попытки создания современных социологических моделей, базирующихся на концепции виртуальности, относятся только к концу 1990-х годов (Bühl 1997; Becker & Paetau 1997; Иванов 1997). Тем не менее, несмотря на свою значимость, все перечисленные теории имеют один фундаментальный

недостаток: они носят слишком общий характер, поэтому их применение для изучения компьютерных игр не представляется возможным.

Проблема может быть решена использованием и комбинированием теорий среднего уровня. В частности, теоретическую основу для исследования компьютерных игр в качестве нового средства массовой коммуникации могут сформировать: концепция лудуса и паидии Дж. Фраски [4], концепция семиотических доменов Дж.Джи [5], а также концепция мягкой силы, разработанная Дж.Найем [9]. Для изучения потенциального влияния компьютерных игр на формирование исторической памяти могут быть использованы: теория индивидуальной и коллективной памяти М.Хальбвакса [6], концепция памяти и контр-памяти М.Фуко [3], а также концепция мнемонических мест П. Нора [8].

Задача исследователя в этой области, таким образом, заключается в необходимости изучить отношения между реальной историей и ее мифологизацией, обосновать изучение компьютерных игр как средства формирования исторической памяти и оценить их потенциал в процессе формирования коллективных воспоминаний. Работа в данной сфере представляется актуальной и с научной, и с практической точки зрения, и, несмотря на свой вводный характер, она может стать точкой опоры для будущих исследований идеологических и пропагандистских эффектов компьютерных игр, а также отношений между правительством, производителями игр и их потребителями.

1. Baudrillard, J. (1981) *Simulacra and Simulation*. University of Michigan Press.
2. Casstels, M. (1996) *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I*. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell.
3. Foucault, M. (1977) 'Nietzsche, Genealogy, History', in Bouchard, D.F. (ed.) *Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews*. Cornell University Press, Ithaca.
4. Frasca, G. (2003) 'Simulation versus narrative: Introduction to ludology', in Wolf, M. J. and Perron, B. (eds) *The video game theory reader*. New York: Routledge.
5. Gee, J.P. (2007) *What Video Games Have to Teach Us About Learning and Literacy*. New York: Palgrave Macmillan.
6. Halbwachs, M. (1992) *On Collective Memory*. The University of Chicago Press: Chicago and London.
7. Kansteiner, W. (2002) 'Finding Meaning In Memory: A Methodological Critique Of Collective Memory Studies', *History and Theory*, 41, 179.
8. Nora, P. (1996) *Realms of Memory: Rethinking the French Past, Vol. 1 – Conflicts and Divisions*. Columbia University Press.
9. Nye, J. S. (2006) 'Think Again: Soft Power', *Foreign Policy*. http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=3393. Досмун ом: 13.04.2015.
10. Piirimäe, K. (2015) 'The Baltic Question During World War II', *Diplomaatia*. <http://www.diplomaatia.ee/en/article/the-baltic-question-during-world-war-ii/>. Досмун ом: 12.10.2015.
11. Tamm, M. (2013) 'Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies', *History Compass*, 11(6), 458.
12. Герасимов, О.В. (2013) 'Феномен исторической памяти', *Вестник УРАО*, 5 (68), 134.
13. Иванов, Д.В. (1997) 'Виртуализация общества', *Социология и социальная антропология*. Санкт-Петербург.
14. Мазур, Л.Н. (2013) 'Образ прошлого: формирование исторической памяти', *Известия Уральского федерального университета*, 3(117), 248.
15. *Forecast: PCs, Ultramobiles and Mobile Phones, Worldwide, 2010-2017. 4Q13 Update*, <https://www.gartner.com/doc/2639615>. Досмун ом: 12.03.2015.

ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН К СИСТЕМЕ ДОНОРСТВА В РОССИИ

Руппель А.Ф. (Санкт-Петербург)

Для поддержания достойного уровня жизни людей и обеспечения их полноценного физического развития медицина постоянно развивается. Одной из важных областей медицины является трансплантология органов и тканей. Вместе с тем, проблема дефицита донорских органов стоит остро практически везде, однако их соотношение с численностью населения варьируется по странам. Лидером по количеству выполненных донорских пересадок органов на миллион жителей является Испания (86,4), а средние показатели по странам Европы в разы превосходят показатели России – 39,34 против 9,0 [1, с. 4].

Во всех странах, где существует практика трансплантации органов и тканей, действуют свои правовые и этические нормы, свои особенности проявления поддержки данной области медицины, направленные, в частности, на увеличение количества донорских органов.

В настоящее время в мировом сообществе приоритет отдается посмертному донорству и существуют следующие модели правового регулирования донорства [2, с. 2]: ограниченная презумпция согласия, презумпция согласия (модель неиспрошенного согласия), модель ограниченного испрошенного согласия, модель испрошенного согласия, информационная модель, модель экстренного регулирования.

Каждая донорская модель позволяет достичь в определенной стране различных результатов по количеству операций, связанных с донорством органов. Развитию донорства во многом способствует наличие институтов и организаций, активно участвующих в развитии трансплантации органов и тканей для спасения жизни людей, наличие и специфика формальных и неформальных правил и культурных представлений граждан о феномене донорства органов.

В России ситуация с донорством органов обстоит намного хуже, так как у нас не функционируют в полной мере государственные механизмы, обеспечивающие посмертное донорство органов [3].

В нашей стране операции, связанные с трансплантацией, регламентируются законом 1992 года («Закон о трансплантации органов и (или) тканей человека») [4]. Данный закон уже во многом устарел и не соответствует требованиям современной медицины и тому, что происходит в обществе. Действующий федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011 г.) [5] имеет в основе модель «презумпции согласия», т.е. априорного донорства, допускающего лишь отказ родственников на использование органов (если при жизни человек не выразил своего решения). Закон представляет достаточно широкие рамки для забора органов после смерти пациентов. Однако даже при такой ситуации показатели по количеству доноров в России остаются в 3-4 раза ниже даже по сравнению со странами, где система донорства основана на более жестких критериях получения разрешения на использование органов (Испания) [1, с.6].

В настоящем в нашей стране происходит лишь формирование соответствующей законодательной базы. На публичное обсуждение несколько раз выносился новый проект Федерального Закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» [6]. Согласно данному законопроекту, граждане при жизни могут выразить согласие или несогласие на изъятие их органов после смерти в целях трансплантации в письменном заявлении или в устной форме при наличии свидетелей (решение должно быть сразу задокументировано). При отсутствии волеизъявления решение о донорстве органов умершего спрашивается у родственников, которое они должны принять в течение двух часов. Информация о наличии волеизъявления гражданина вносится в его медицинскую документацию, доступ

к которой будет только у медицинских работников. Также, по предложению создателей законопроекта, будут созданы различные регистры, организована четкая институциональная система трансплантологии.

Но пока данный проект не принят, в России, по-прежнему, остается множество проблем в области донорства органов. Кроме того, отметим, что до сих пор проводится незначительное число исследований по изучению проблем донорства органов. Лишь в 2013 году О. Караева провела крупное исследование на тему: «Донорство органов: проблемы и перспективы развития в России». Среди основных причин нехватки донорских органов в стране, согласно данному исследованию, можно отметить следующие: несформированность культурных представлений в отношении донорства органов, недостаток информации о донорстве и недоверие к ней, неготовность самих людей стать донорами, сильные стереотипные представления, сопровождающиеся страхами о нелегальном характере донорских изъятий.

Предложенные суждения послужили основанием для анализа проблемы малого доверия россиян к действующей системе донорства. В ноябре 2014 года автором данной работы было проведено пилотажное социологическое исследование. Методом сбора информации выступил анкетный опрос жителей Санкт-Петербурга (выборка составила 60 человек). Целью исследования являлось выяснение отношения жителей Санкт-Петербурга к системе донорства органов в РФ.

Что касается информированности жителей Санкт-Петербурга о системе донорства, то более половины опрошенных респондентов (53,1%) считают, что область трансплантологии и пересадки органов развита недостаточно. Проблему нехватки донорских органов в России 70% респондентов оценивают, как серьезную, выражающуюся в том, что органов хватает для ничтожно малой части нуждающихся.

Информированность опрошенных о действующей модели донорства крайне невысока. Лишь 20% респондентов знают о том, что в России действует «презумпция согласия». 70% респондентов не имеют понятия, что их органы, при отсутствии их несогласия, могут быть извлечены для пересадки нуждающимся. 95 % опрошенных не знают, как можно официально выразить свое несогласие, тем самым стать посмертным донором

В результате опроса, было выявлено, что 43,3% опрошенных считает, что можно использовать органы как живых, так и мертвых. Среди респондентов больше тех, кто считает, что нужно использовать органы только умерших людей, чем тех, кто считает, что донором может быть только живой человек (30 % и 16,7%, соответственно). Такие данные могут свидетельствовать о том, что люди положительно относятся к донорству органов, но предпочтение (хоть и небольшое) отдают посмертному донорству.

Что касается согласия респондентов, то одинаковое количество людей (по 46,7%) как выразили бы свое согласие на завещание своих органов, и так и не дали бы согласие. Причин, по которым респонденты не выразили бы согласие на донорство своих органов много. Половина опрошенных (50%) боится, что информация об их согласии будет использована не по закону и поставит под угрозу их жизнь. 20% респондентов боятся, что врачи не будут пытаться спасти им жизнь, зная об их согласии. Такое же количество опрошенных (20%) не согласилось бы на посмертное донорство по причине отсутствия в надлежащем объеме информации о трансплантологии. И 3,3% респондентов не выразили бы свое согласие, так как донорство противоречит их вере, религиозным убеждениям.

Как показало исследование, степень близости предполагаемого донора с реципиентом также влияет на его согласие отдать органы для спасения жизни другого человека. Больше половины респондентов (66,7%) стало бы донором для спасения жизни их детей, 46,7% - для спасения супруга/супруги, 43,3% - для спасения кровного родственника, 36,7%- для близкого друга. Таким образом, люди готовы стать донором лишь для тех, кого они знают близко, для семьи, родственников и близких друзей. Но

никто из опрошенных не стал бы донором, если бы это было необходимо для спасения жизни незнакомого человека.

Таким образом, проведенное исследование показало, что проблема низкого уровня доверия россиян к системе донорства существует до сих пор. Необходимо готовить профессионалов в сфере трансплантологии, выстраивать четкую систему донорства органов, увеличивать количество и доступность информации о системе донорства для граждан. Государству необходимо принять меры, взаимодействуя со средствами массовой информации (по примеру модели, которая действует в Испании). Данные мероприятия направлены просветительскую работу о системе донорства в России, усиление доверия ее работе, тем самым способствуя увеличению количества доноров и достижению поставленных целей в области трансплантологии.

1. Караева О., *Донорство органов: проблемы и перспективы развития в России –М., 2013 // Сайт Аналитического Центра Юрия Левады// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/books/donorstvo-organov-problemy-i-perspektivy-razvitiya-v-rossii> (д*
2. Гребенникова К.В., *Донорство: принципы и модели правового регулирования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. -2012. - № 11.- С. 208-212.*
3. *Возьми моё сердце: Как развивается трансплантология в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/situation/situation/174861-donorstvo> (дата обращения: 22.08.2015)*
4. *Закон о трансплантации органов и (или) тканей человека» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/136366/> (дата обращения 23.08.2015)*
5. *Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт компании "КонсультантПлюс". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 24.08.2015)*
6. *Проект закона "О донорстве органов человека и их трансплантации// Сайт министерства здравоохранения РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/8145-proekt-federalnogo-zakona-o-donorstve-organov-cheloveka-i-ih-transplant>*

ИММИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФРГ ИЛИ ПРОВАЛ ПОЛИТИКИ «МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА»

Савостина И.В. (Санкт-Петербург, Россия)

Понятие «мультикультурное общество» в немецком дискурсе неразрывно связано с пониманием культуры, которое было дано Йоганном Готфридом Гердером: «Каждая нация содержит центр своего счастья внутри самой себя, точно также как шар – свой центр тяжести»[1]. Данное высказывание подразумевает, что культуры вполне могут мирно сосуществовать друг с другом и ни одна из культур не должна претендовать на руководящую роль. Сторонники данной концепции считали, что иммигрантов не следует ассимилировать, а нужно сохранить их самобытность, так как в скором времени они все равно вернуться к себе на родину: трудовые иммигранты – по окончании контрактов, беженцы – после нормализации ситуации в стране. Предполагалось, что все приехавшие в Германию иностранцы, чужды европейской культурной традиции и в интеграции нет необходимости.

Следствие такой политики - бессилие современного немецкого общества перед исламом. «Историческое прошлое» Германии, под которым имеют ввиду Третий рейх, определило нормы политкорректности, на которых социализировались несколько поколений западногерманских политиков и которые имеют влияние и сегодня.

Рассматривая термин «мультикультурализм» сквозь призму государственной политики, как относящийся к определенной политической идеологии, согласно этому понятию, следует, что все культуры равны. А поскольку они равны, то государство не может устанавливать конкретные культурные ценности как главные или доминирующие. Другими словами, государство не может пропагандировать какую-либо культуру как ведущую, которую иммигранты должны принять, если они хотят жить в данной среде.

Активное следование концепции мультикультурализма не привело к улучшению демографической, социальной и экономических сфер. В 2010 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель открыто высказалась о крахе мультикультурализма. Объяснить провал идеологии мультикультурализма можно через концепцию профессора гарвардского университета С. Хантингтона. В своей работе «Столкновение цивилизаций» Хантингтон писал, что неизбежно столкновение цивилизаций и на различных этапах истории конфликты различного типа являлись неизбежным фактором мировой политики. Он подчеркивал рост цивилизационного самосознания в связи с наличием фундаментальных особенностей у каждого народа (язык, традиции, религия). Культура - инструмент для обоснования политических ценностей.

В связи с этим, С. Хантингтон отмечал, что мультикультурализм не способствует интеграции меньшинств, поскольку легитимизирует возможность сохранения ими собственной социокультурной идентичности[2].

Говорить о полном провале политики интеграции мигрантов в ФРГ некорректно. Конечно, нельзя отрицать просчеты и сделанные ошибки. Однако, Германия славится стабильным фундаментом в социально-экономической сфере. На современном этапе основной упор в Германии делается не на развитие культурных особенностей мигрантов, а на их интеграцию в «руководящую немецкую культуру». В этой связи происходит переход от гердеровского понимания понятия «культуры» к транскультурному обществу[3].

Смысл понятия «транскультурность» заключается в том, что при контакте различных культур границы между ними могут размываться или даже исчезнуть. Причем данный процесс происходит благодаря индивидуумам и обществам, воплощающим в себе эти транскультурные элементы, а не наличию единой мировой культуры. Различные культуры не обладают четкими границами и находятся в процессе постоянного взаимообогащения.

В данный момент времени перед Россией стоит задача адаптации различных мигрантов, которая вызвана определенными проблемами, так как приезжие имеют свои уникальные особенности. Недостаточное развитие федеральной и региональной политики по социокультурной интеграции, высокий уровень ксенофобии и низкий уровень толерантности населения, коррупция во властных структурах затрудняют включение иммигрантов в российское общество по модели мультикультурализма, которую многочисленные исследователи позиционируют как единственно возможную в демократическом государстве и, к тому же, соответствующую мировым тенденциям развития. История ФРГ повторяется в современной России: несмотря на провал мультикультурализма, в РФ активно проводится подобная политика.

Соответственно, необходимо разработать комплексные меры в сфере культуры и образования. Корректная и продуманная работа СМИ способна максимально сгладить возникающие противоречия во взаимодействии принимающего населения и иммигрантов, способствуя формированию взаимного уважения, адекватного принятия культурных различий и как следствие, взаимной социокультурной адаптации.

1. Скирбекк Г., Гилье Н. *История философии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений.* - М.: ВЛАДОС, 2000. - 800 с.

2. Хантингтон С. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности* / С. Хантингтон; пер. с англ. А.Баширова. - М., Транзиткнига. 2004. С.226.
3. Welsch W. *Transculturality – the Puzzling Form of Cultures Today*. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.westreadseast.eu/PDF/Readings/Welsch_Transculturality.pdf

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ВКЛЮЧЕННОГО ОБУЧЕНИЯ)

Савченко А.А. (Санкт-Петербург)

Изучение вопроса социальной активности и познавательной активности молодежи, как неотъемлемой ее составляющей, занимает очень важное место наряду со всеми остальными современными социологическими проблемами. К тому же социальная активность молодежи является главным вопросом государственной молодежной политики.

Основной проблемой исследования является противоречие между осознанной необходимостью государства повышать уровень познавательной активности у современной молодежи и определенным набором факторов, влияющих на ее недостаточную заинтересованность к этому виду деятельности.

Понятие познавательной активности молодежи рассматривается нами в контексте формирования внешней среды (глобализация, информационное общество, университет как социальный институт), которая, в свою очередь, формирует стиль жизни молодых людей и потребность к активности (личный интерес к данному виду деятельности).

Познавательная активность определяется следующими внешними факторами. В первую очередь, это процесс глобализации, который активно внедряется в наш мир и создает условия для всемирной интеграции и унификации во всех сферах жизнедеятельности. Методологическими основаниями работы в данном контексте являются труды таких ученых, как Гидденс Э. «Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь» и Кастельс М. «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». Концепции данных работ заключаются в анализе информационного общества и влияния процесса глобализации на него. Информационные сети, являясь отличительной чертой современных обществ, дают возможность связывать людей посредством электронных магистралей. В результате социальные отношения связывают отдельные регионы, а это, в свою очередь, дает толчок к качественному повышению академической мобильности современных студентов.

Также крайне важной методологической основой нашей работы можно считать труд Баумана З. «Текущая современность» и его социологическую концепцию рассмотрения понятия «прогресс» как сути поддержания жизни и процветания. Бауман З. утверждает, что прогресс стал индивидуализированным. Он не подлежит регулированию, так как спектр предложений «усовершенствовать» существующие реалии широк и разнообразен. В данном контексте имеет место быть рассмотрение современности как плюрализма возможностей. Познавательную активность молодежи можно рассматривать как «индивидуализированный» прогресс, а включенное обучение как попытку предпринять собственные усилия для самосовершенствования, построения карьеры, достижения успеха.

Важно упомянуть работу Грановеттера М. «Сила слабых связей», в которой он рассматривает концепцию усиления значения слабых связей в обществе как необходимое условие формирования у индивидов возможностей, а также их интеграции в сообщества. Основной вывод данной работы заключается в том, что на личный опыт индивидов сильно влияют более широкие аспекты социальной структуры, которые находятся полностью вне сферы распоряжения или контроля каждого из них по отдельности.

Включенное обучение способствует развитию слабых индивидуальных связей, расширяя тем самым структуру современного образования.

Изучая молодежь как отдельную возрастную группу необходимо, на наш взгляд, также проанализировать статью Ятиной Л.И. о стиле жизни и о спецификах его практик в молодежной среде. Безусловно, на стиль жизни молодежи влияет целый ряд факторов: мода, воспитание, среда общения и пр. Но мы считаем, что ведущей детерминантой стилизации жизни молодежи является именно процесс образования, так как система образования выступает как объективный социальный институт, которой создает условия для развития личности и к которому молодежь приспособливает свои планы, ориентации. Говоря о формировании стиля жизни молодежи следует выделять в первую очередь такие факторы, как социальное положение, род деятельности и размер дохода родителей.

Исследование, проведенное лабораторией изучения проблем молодежи НИИКСИ факультета социологии СПбГУ, показало, что основными источниками доходов российской молодежи являются доходы их родителей. На наш взгляд, дефицит денежных средств, как следствие, поддерживает стремление молодежи к получению хорошего образования и построению успешной карьеры. Однако, в то же время он порождает проблемы, связанные с коммуникативными и другими навыками, а также становится барьером на пути к осуществлению некоторых видов деятельности, требующих материальных затрат.

Рассматривая факторы формирования познавательной активности, нельзя не упомянуть и психологическую составляющую данного процесса (внутренние факторы), а именно, теорию потребностей Альдерфера К. По его мнению, людей заботят только три потребности – потребность существовать, потребность общаться с другими и потребность своего роста и развития. Осуществляя познавательную активность в целом и, находясь на включенном обучении в частности, студенты стремятся удовлетворить потребности роста, развития, признания в обществе, самоутверждения. Несмотря на то, что эти потребности более высокого уровня, чем физиологические, каждый человек испытывает этот определенный набор сильно выраженных потребностей на всем своем жизненном пути.

Нами было проведено эмпирическое исследование, главным объектом которого являлись студенты выпускных курсов Санкт-Петербургского Государственного Университета. В результате исследования были сделаны следующие основные выводы:

1. Главным стимулом к познавательной деятельности респонденты обозначили потребность в самореализации, что говорит о том, что желание развиваться и самореализовываться превалирует у большинства опрошенных студентов.

2. Основными критериями познавательной активности были обозначены: самостоятельность и инициативность в обучении и познании, познавательный интерес, количество и качество изучаемого материала.

3. Основные цели стажировки у информантов, осуществлявших включенное обучение: лингвистическая (практика языка той страны, в которую они ездили), сравнение родной и зарубежной систем образования, а также академический туризм как дополнительное желание посмотреть страну и попутешествовать.

4. Основные результаты стажировки: улучшение разговорного и академического знания иностранного языка; развитие коммуникационных и других навыков, необходимых для дальнейшего развития и роста; приобретение новых знаний по предметам, которые не преподаются в родном университете; обобщенно – бесценный опыт, необходимый как для академического, так и личностного развития; а также расширение кругозора.

5. Адаптация студентов к новым условиям в период стажировки проходила довольно спокойно, отсутствовали страх и культурный шок в период первых дней стажировки.

6. Основной формой повышения познавательной активности студентов в СПбГУ была признана именно возможность осуществления научных стажировок в рамках академической мобильности.

7. Включенное обучение как форма познавательной активности современной студенческой молодежи является успешной практикой в СПбГУ.

1. Бауман З., *Текущая современность*, — Санкт-Петербург: Питер, 2008.
2. Гидденс Э., *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь* — М.: Весь мир, 2004.
3. Грановеттер М., *Сила слабых связей*, - *Экономическая социология*. Т. 10. № 4. Сентябрь 2009.
4. Ятина Л.И., *Специфика практик стиля жизни молодежи (на материалах исследований по России и Санкт-Петербурга), Гданьск и Санкт-Петербург: Социальные портреты городов-побратимов (коллективная монография)*, Гданьск, 2012.
5. Кастельс М., *Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана*. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. Козлов А.А., *Современная молодежь о жизненном успехе и стратегиях достижений (опыт социолого-философского знания)*, Санкт-Петербург, 2012 г.
7. Бодрийяр Ж., *Общество потребления, 1970, рус.перевод 2006*.
8. *Институт социологии РАН «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» - 2007.*

УЧАСТКОВЫЙ ПОЛИЦИИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ

Серебринская Е.Н. (Екатеринбург)

Деятельность полиции, как инструмента государственной власти, всегда находится в центре общественного внимания в виду ее высокой значимости в эффективном обеспечении личной безопасности, сохранении общественной стабильности, поддержании законности и правопорядка в современном обществе. Из всех государственных инструментов по защите граждан, полиция является наиболее близкой к обычному человеку, поэтому, граждане, оценивая государство в целом, часто судят о нем на основании своего опыта взаимодействия с правоохранительными органами, как по месту жительства, так и на улицах.

Общественное мнение, как некое состояние сознания населения, приобретает все большую значимость для деятельности полиции, так как является не только средством получения дополнительной информации для принятия управленческих решений, но и средством активизации оперативно-служебной деятельности. В статье 9 Федерального закона «О полиции» за 2011 год прописано, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, следовательно, его изучение дает репрезентативные результаты.

Запрос на порядок, законность и стабильность в повседневной общественной жизни постоянно растет со стороны населения. В свою очередь, со стороны полиции можно наблюдать стремление в обеспечении доверия к себе и поддержке граждан для осуществления своей должностной деятельности, что отчасти проявляется в отношении горожан к участковому уполномоченному полиции и его служебной деятельности, так как данный сотрудник полиции работает непосредственно с самим населением.

Наше исследование было проведено в мае 2015 года в городе Екатеринбурге. Его объектом стали горожане в возрасте от 18 до 50 лет.

Результаты исследования показали, что большинство граждан (60%) образ участкового полиции определяют как «незаметный служащий», каждый третий считает

его защитником закона, при этом 3% назвали участкового полиции «оборотнем в погонах».

Что касается работы сотрудников полиции, то здесь мы выделили отдельно работу районных отделов полиции, а также участковых уполномоченных полиции. Так, 53,6% горожан считают, что сотрудники отдела полиции скорее справляются со своей работой, чуть больше опрошенных придерживаются такого же мнения и о работе участкового уполномоченного полиции – 57,1%. В этом же вопросе респондентами не было отмечено, что сотрудники полиции не справляются со своими должностными обязанностями.

В исследовании присутствовал вопрос о столкновениях населения с различными проблемами при взаимодействии с сотрудниками полиции района проживания граждан, а также участковых уполномоченных. Из всех опрошенных 30,3% указали на возникновении данных проблем, у остальных же проблем при взаимодействии не возникало. При выделении конкретных проблем, горожане (30,3%) указали, что у них при взаимодействии с сотрудниками полиции возникали две ключевые проблемы. А именно: неуважительное обращение с гражданами – 45,5% и долгое реагирование сотрудников полиции на обращения от граждан – 45,5%. Последняя позиция осталась на 1 месте в вышеуказанном вопросе в период с мая 2014 г. по май 2015 г., то есть за последний год – 40,0%. Здесь же, неуважительное обращение с гражданами осталось актуальной проблемой за прошедший год, но снизилось по сравнению с показателями за все время взаимодействия вообще до 30,0%.

В рамках данного исследования было определено, что район проживания не влияет на готовность респондентов к содействию сотрудникам полиции для раскрытия преступлений и пресечения правонарушений, также как и возраст не влияет на информированность горожан о должностных обязанностях участкового полиции в районе их проживания. Но при этом, в случае возникновения неразрешимого бытового конфликта с соседом, 33,3% женщин ответили, что обратились бы к участковому полиции, в то время как 40% мужчин на этот же вопрос ответили отказом, аргументируя это тем, что они самостоятельно решают проблему, либо обращаться бесполезно.

Таким образом, в рамках пилотажного исследования было выяснено, что население города Екатеринбурга в достаточной степени осведомлено о должностных обязанностях сотрудников полиции в районе их проживания, но недостаточно информировано о реальном выполнении сотрудниками полиции их работы. При этом, невысокий уровень криминогенной обстановки в большей степени считают заслугой самих граждан, так как «незаметных служащих» чаще всего действительно незаметны в своей работе, вследствие чего граждане предпочитают самостоятельно решать возникающие проблемы, не обращаясь к участковому уполномоченному полиции, а также к сотрудникам отдела полиции района их проживания.

Важно помнить, что мнение жителей страны о сотрудниках полиции и государственном институте правопорядка в целом, от работы которого зависит их повседневная безопасность, отражает уровень правосознания в социуме, общественные представления о законности, справедливости и, если говорить шире, уровень доверия к действующей власти.

Участкового в его районе должны знать все. Такая у него работа: всех знать и чтоб его все знали, присматривать за «неблагополучными» и «асоциальными», гонять с детских площадок шумных алкоголиков, пресекать незаконные парковки и ларьки. В общем, следить, чтобы в его дворах было спокойно и безопасно.

1. Волков С. Ю. Основные проблемы деятельности участковых уполномоченных полиции и пути их преодоления / Научный портал МВД России. – 2013. - №1. – [Электронный ресурс] - // Режим доступа: http://uralfout.mvd.ru/upload/site100/document_file/o6CZg2JM78.pdf

2. *ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*. / Режим доступа: <http://www.vnii-mvd.ru/>
3. Закон РФ "О полиции". Глава 2. Статья 10. / Федеральный закон РФ «О Полиции». – [Электронный ресурс] - // Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-o-policii/10/>
4. Римский В.Л. Результаты социологических исследований исполнения государством правоохранительной функции: оценки граждан и необходимые реформы. / Комитет гражданских инициатив Фонд ИНДЕМ. -2012. . – [Электронный ресурс] - // Режим доступа: <http://www.indem>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОЛГОГРАДЦЕВ: ПОКУПАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Серова К.И. (Волгоград)

Потребительское поведение обычно рассматривают как компонент экономического поведения, а его изучение редко выходит за рамки экономического дискурса [1], где основной задачей является поиск механизмов управления таким поведением с целью увеличения прибыли и повышения оборота товаров. В данной работе предпринята попытка социологического исследования потребительского поведения, что позволяет выявить отношение людей к товарам, рынку, приобретению вещей, которое, в свою очередь, является проекцией системы ценностей и установок. По данным о динамике потребления, степени удовлетворения потребностей можно говорить об уровне благосостояния населения.

Поведение потребителя – это деятельность, направленная непосредственно на получение, потребление и распоряжение продуктами и услугами, включая процессы принятия решений, которые предшествуют этим действиям и следуют за ними. Поведение потребителей определяется также как действия, которые предпринимают люди во время приобретения, потребления товаров и услуг, а также освобождения от них.

К параметрам потребительского поведения относят: 1) частотность/динамику потребительской активности; 2) плановость/спонтанность совершения покупок; 3) вариативность приобретаемых объектов (отражает готовность вступления в отношения потребления, наличие устойчивых потребительских стратегий и стереотипов); 4) характер потребления в аспекте условий совершения покупки (отражает возможности управления потребительским поведением через создание определенных условий, например, приобретение товара по акции, купону, со скидкой и пр.) [2, С. 73].

Анализ исследований, проведенных «Левада-Центр», лабораторией социологических исследований НИУ ВШЭ, агентством РБК, информационно-маркетинговым агентством «Родемакс», позволяет говорить о следующих основных тенденциях потребительского поведения россиян:

1) на первом месте в списке потребителя стоят товары повседневного спроса, далее следуют имиджевые покупки (демонстративное потребление), при этом более 60% предпочитают приобретать такие товары на распродажах и со скидкой (по данным опросов Левада-Центр и НИУ ВШЭ);

2) приоритетом потребления являются продукты питания, одежда, товары домашнего обихода;

3) семейный бюджет, как правило, планируется на короткий срок, долгосрочное планирование отсутствует;

4) потребительское поведение россиян можно охарактеризовать как осторожное (с низким уровнем доверия к продавцу);

5) потребительское поведение в качественном и количественном аспекте напрямую зависит от количества рекламы товаров и услуг;

б) среди факторов, влияющих на потребительский выбор, на первое место выходят факторы качества и сервиса, при одновременном снижении влияния ценового фактора;

7) потребление имеет рационально-эмоциональный характер - часть покупок совершается по заранее составленному плану, часть - спонтанно;

8) в потребительском поведении появляется тенденция заботы о внешности, соблюдения правил здорового образа жизни, охране окружающей среды (экологичное потребление);

9) при выборе мест потребления (приобретения товаров и услуг) наибольшее значение приобретает возрастная категория потребителя: люди старшего возраста демонстрируют традиционный стиль потребления (выбирают проверенные магазины и заведения), молодежь и люди среднего возраста более склонны к инновациям и выбору новых форматов потребления [2, С. 152].

В рамках изучения особенностей потребительского поведения было проведено собственное исследование, объектом которого выступили жители г. Волгограда. Целью исследования было определение особенностей потребительского поведения жителей крупных городов.

В процессе исследования были решены следующие задачи:

1) выявлено отношение респондентов к совершению покупок;

2) определена частота совершения покупок респондентами;

3) проанализированы предпочтения респондентов относительно места приобретения различных товаров (продуктов питания, одежды и обуви, бытовой техники, бытовой химии и косметики);

4) выявлено, покупают ли респонденты товары по акциям, купонам, во время рекламных презентаций;

5) проанализировано то, какие товары респонденты покупают или стали бы покупать по акции или на распродаже;

6) выявлено влияние уровня доходов респондентов на объем и частоту покупок.

Исследование методом анкетирования проводилось в июне-июле 2015 г. в г. Волгограде по квотной выборке с помощью случайного отбора (с квотами по полу, возрасту и району проживания). В социологическом исследовании принимали участие респонденты в возрасте от 18 лет; N=280, из них мужчин – 46, 8, %, женщин – 53, 2%.

На основании данных, полученных в ходе исследования, мы приходим к выводу, что покупательская активность жителей г. Волгоград достаточно высокая. Так, почти половине респондентов (40,4%) нравится ходить за покупками. При этом из общего числа респондентов, положительно относящихся к хождению за покупками (114 чел.) большую часть (79,8%) составляют женщины, а мужчины лишь 20,2%.

Анализ предпочтений респондентов относительно места приобретения товаров показал, что большая часть товаров приобретается респондентами в крупных супермаркетах и торговых центрах: в крупных супермаркетах и торговых центрах покупают 57,1% респондентов, в небольших супермаркетах вблизи дома делают покупки 26,4% опрошенных, 11,9% респондентов приобретают товары в специализированных магазинах. При этом небольшие фирменные магазины предпочитают всего 4,6% опрошенных.

Данная тенденция подтверждается исследованиями в других городах, например, агентство Nielsen выявило, что в качестве основного места для покупок россияне склонны выбирать либо супермаркеты (43% опрошенных по всем городам), либо гипермаркеты (38%) [5].

В качестве важных факторов, на которые волгоградские потребители обращают внимание при совершении покупки, были отмечены: качество (76,1%), цена (55,0%), внешний вид товара (35,4%), место продажи (35,4%), а также обслуживание (20%), торговая марка (18,6%), страна изготовитель (18,2%), советы друзей и знакомых (17,9%).

К неважным факторам респонденты отнесли рекламу (32,9% отметили неважность данного фактора).

Несмотря на сложное экономическое положение россиян, следует отметить, что при выборе товаров и услуг волгоградцы отдают приоритет качеству при принятии решения о покупке (76,1%). Качество является одинаковым важным для всех категорий респондентов. Ориентация на цену более характерна для людей со средним уровнем доходов - 55,4% опрошенных и ниже среднего уровнем доходов (19,3%).

Почти половина респондентов (44,3%) приобретают товары по акциям, купонам, во время рекламных презентаций. В первую очередь, по акции или на распродажах респондентами приобретаются продукты питания, а также бытовая химия и косметика. Причем, женщины чаще, чем мужчины покупают данные товары на распродажах и по акциям (44,2% и 55,8% соответственно).

Большинство респондентов (80%) отметили, что стали бы покупать больше, если бы их доход не был ограничен. При этом покупательская активность женщин более зависит от уровня дохода - 51,6% увеличили бы объем покупок с увеличением дохода, в то время как среди мужчин так поступили бы 45,4%.

Многообразие моделей поведения в сфере потребления нельзя объяснить каким-либо одним мотивом. Кроме целерационального действия, в основе которого лежит стремление максимизировать полезность, существуют и другие виды действий. Рациональность потребителя может быть ограниченной и зависеть как от объективных ограничений, так и субъективных установок и предубеждений. Потребление является социально зависимой формой поведения человека, на него оказывают значительное влияние социально одобряемые ценности, распространенные модели поведения, мода.

Таким образом, характерными чертами потребительского поведения волгоградцев являются преимущественный выбор товаров повседневного спроса (продукты питания, бытовая химия, одежда), склонность приобретать товары со скидкой, по акциям, купонам, а также предпочтения при совершении покупок в пользу крупных магазинов, супермаркетов и торговых центров.

1. *Вехи экономической мысли Т. 1 Теория экономического поведения и спроса /Под ред. В. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1999. 384с.*
2. *Голова А.Г. Воздействие среды мегаполиса на поведение потребителей // Мораль, право, политика: материалы научно-практической конференции. М.: Изд-во ГУУ, 2009. С. 72-78.*
3. *Гриф М.Р. Культура потребительского поведения россиян // Теория и практика общественного развития. 2014. №2. С. 150 - 153*
4. *Демидов А.М. Особенности современного потребительского поведения россиян. URL: <http://ecsoclab.hse.ru/markets> (дата обращения: 10.09.2013)*
5. *Исследование Nielsen: Новые тенденции покупательского поведения россиян URL: <http://www.adindex.ru/news/tendencies/2013/06/27/100143.phtml> (дата обращения: 10.09.2013)*

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Серова Я.И. (Волгоград)

Время обучения в Вузе является не только периодом приобретения знаний, профессиональных навыков и компетенций студентов. Образовательная среда служит своего рода полем для формирования дальнейших основ социализации и инкультурации

индивида, а так же определяет коммуникационные практики и выбор поведенческих стратегий студентов.

Рассматривая студенческую среду с методологической позиции социального конструктивизма П.Бурдьё, можно утверждать, что студенческая среда - единое социокультурное пространство (поле), агенты которого являются носителями различных культурных традиций и норм, молодежной субкультуры, гендерных и этнических установок, стереотипов, убеждений, образцов поведения, различных ценностных ориентаций и, осуществляющих стратегии, своеобразные системы социальных практик в рамках действия этого социокультурного поля; обуславливает их фрагментированность, мультикультурность и определяет специфику их социальных взаимодействий, в том числе, и, возникновение конфликтов, как борьбы за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы. Поэтому образовательную среду можно рассматривать как поле для развития конфликтов, как борьбу культурных, символических и социальных капиталов агентов взаимодействия. Согласно теории П. Бурдьё, небольшое число установок, полученных в результате социализации, позволяет социальным агентам реализовывать стратегии действия. Поэтому важным и приоритетным является разработка мероприятий по разъяснению причин и механизма возникновения конфликтов, проведения субъектами университета социально-значимых мероприятий на разных уровнях.

Анализ результатов эмпирических исследований особенностей возникновения и развития конфликтов в студенческой среде В.М. Кузьминой, В.Ю. Стадник, А.С. Ким, Л.С. Титковой[1], отдельные аспекты студенческих конфликтов, в частности гендерный аспект, а также этнополитические и культурные аспекты исследованные в работах Е. Гаповой, А. Усмановой, Ш. Берна, М.А. Южанина[2], вопросы, связанные с ролью вуза в процессе управления и разрешения студенческих конфликтов в России, а так же конфликтогенность образования как социокультурный фактор трансформации современного российского общества А.В. Майоровой, О.Г. Кузьминой, В.А. Авксентьева[3], исследования И.А. Ульяновой[4] о социальной напряженности студенческого социума, собственные эмпирические исследования «Уровень этнической толерантности волгоградских студентов»[5], «Роль гендерных установок при возникновении конфликтов в студенческой среде»[6] позволил сделать следующие выводы:

1. Конфликты в студенческой среде – типичная социальная практика взаимодействия (более 90% студентов вступали в конфликты и 40% становились инициаторами конфликтов на различной основе).

2. Доминирующие типы конфликтов в студенческой среде: статусно-ролевые, бытовые, межэтнические, гендерные. Конфликты могут носить как конструктивный, так и деструктивный характер. К примеру, статусно-ролевые, бытовые конфликты - своеобразные «предупредительные клапаны» социокультурной адаптации студентов (Л.Козер), если они разрешаются конструктивным образом, так как позволяют изменить тактики и стратегии поведения индивида. В то же время, тревогу вызывают межэтнические, гендерные конфликты, которые ведут к деструктивным социальным последствиям и социальной напряженности внутри студенческого социума, а так же могут приводить к появлению молодежного экстремизма и других форм социальных патологий.

3. Бытовые, статусно-ролевые конфликты, как выяснилось, возникают, в основном, из-за бально-рейтинговой системы оценивания, информационной изоляции, социально-ролевых расхождений и ожиданий в поведении студентов и борьба за определенный социальный статус. Таким образом, применяя понятия капитала П.Бурдьё, как взаимодействий индивидов в социальном поле, структурирующихся в соответствии с преимуществами и ресурсами, мобилизуемыми всеми агентами, заключаем, что это борьба, прежде всего, культурных капиталов (культурные ресурсы, которыми располагает индивид) или социальных капиталов(социальные ресурсы, знания, статусы), которые

постоянно конкурируют между собой. Как правило, в данных конфликтах немаловажным фактором является личная антипатия, основанная на субъективно-психологических аспектах. В меньшей степени, конфликты связаны с культурными различиями и ценностями с представителями городской и сельской среды, различной молодежной субкультурой. Этот тип конфликтов является наиболее распространенным в студенческой среде и является, скажем, типичной социальной практикой взаимодействия индивидов.

На наш взгляд, вызывают опасения и требуют особого внимания конфликты, возникающие на этнической почве, а так же вследствие различных гендерных установок и гендерных дисплеев («культурных кодов») о должном поведении мужчины и женщины.

4. Гендерные конфликты так же являются распространенными в студенческой среде, возникающими, как правило, в противоречивом восприятии гендерных ценностей студентов-мигрантов и «местных» студенток, их отношений и ролей, различия в моделях, несоответствия гендерного поведения культурным нормам. Как выяснилось, невосприятие «свободного» стиля повседневной одежды часто становится причиной конфликта у девушек-мигранток с «местными» студентками. И, наоборот, часто негативное отношение к национальной одежде со стороны «местных» студенток становится причиной конфликта с «девушками-мигрантками». Местные студенты в качестве причин конфликта отмечали неумение студентов-мигрантов вести себя подобающим образом в соответствии с принятыми нормами в данной культуре, неуважение к русской культуре как социальной памяти народа, истории, сексуальную озабоченность парней и отношение к «местным» студенткам. Таким образом, гендерные установки при возникновении конфликтов в студенческой среде функционируют как важные социальные механизмы и связаны с различными гендерными дисплеями (культурными кодами) о должном поведении девушки и мужчины в социокультурном пространстве, что обуславливает возникновение данного типа конфликтов.

5. Исследование уровня этнической толерантности волгоградских студентов позволило так же заключить, что конфликты на этнической почве между студентами возникают, зачастую, из-за того, что большинство опрошенных оценивают этносы и представителей по сформировавшимся в обществе этническим стереотипам («вызывающее агрессивное поведение»), культурным барьерам или маркерам. Кроме того, 90% опрошенных студентов разделяют на «своих» и «чужих». Так, была выявлено и наличие двойственной природы этнической толерантности студентов: с одной стороны, подавляющее большинство опрошенных студентов характеризует себя, как людей с установкой на «толерантное отношение» (таковыми себя считают 78 %, 22% высказали нейтрально-безразличную позицию), но с помощью, так называемых «вопросов-ловушек» все студенты указали свой «этнический субъект неприязни» (например, среди субъектов, вызывающих негативное отношение и неприязнь, были названы представители кавказских этнических групп (75 %), азиатских стран (25%). Более того, студенты, ранее высказывающие нейтрально- безразличную позицию к вопросам этнических отношений, вдруг высказали другую точку зрения).

Таким образом, социальные конфликты в Вузе очень актуализируют проблему организации систематической воспитательной работы в ходе осуществления учебной и внеучебной деятельности. В процессе обучения студентов необходимо использовать все имеющиеся в вузе ресурсы: профессорско-преподавательский состав, сотрудников учебно-воспитательных подразделений, институты кураторства и тьюторства, актив студенческих групп и органы студенческого самоуправления.

1. Кузьмина, В.М. Межличностные конфликты в студенческой среде и условия их преодоления [Текст]/ В.М. Кузьмина// Общество: социология, психология, педагогика. 2013. -№1. - С. 33-39. Стадник, В.Ю., Ким, А.С. Этнополитическая конфликтогенность студенческой сре

2. Гапова, Е., Усманова, А. Антология гендерной теории [Текст]/ Е. Гапова, А. Усманова //Минск. Пропилеи-2000. - С.8 - 9, С.24 - 25, С. 30 - 36, С. 77 - 83, С. 99 - 105, С. 280 - 297, С. 298 – 306. Берн, Ш. Гендерная психология [Текст]/ Ш. Берн // СПб.: Прайм-еврознак, 2001.- С.23-30. Южанин, М.А. О социальной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу [Текст] / М.А. Южанин//Социологические исследования. - №5.- 2007. - С. 70 - 77.
3. Майорова, А. В. Педагогические аспекты замера конфликтности студенческого социума [Текст]/А.В. Майорова : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 : Москва, 1999. - 187 с. Кузьмина, О.Г. Управление конфликтами в студенческой среде как объект воспитания
4. Ульянова, И.А. Социальная напряженность в студенческом социуме [Текст]/ И.А. Ульянова: дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04.,- Пенза, 2005. - 193 с.
5. Социологическое исследование на тему: «Уровень этнической толерантности волгоградских студентов» проведено авторами данной статьи в июнь-август 2015 года на кафедре социологии ВолГУ под руководством кандидата социологических наук, доцента Н.А. Николенко.
6. Социологическое исследование «Роль гендерных установок при возникновении конфликтов в студенческой среде» проведено авторами данной статьи в январе-марте 2015 года на кафедре социологии ВолГУ под руководством кандидата социологических наук, доцента Н.А. Н
7. Бойко, Л.И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества./Л.И.Бойко //Социологические исследования.-2002.-№3.- С. 24-29. 2. Кривососова, Л.А. Социологические основания воспитания этнической толерантности будущих специалистов
8. Козер, Л. Функции социального конфликта./ Перевод с англ. О.А.Назаровой. [Текст] / Л. Козер – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.- 2000. – 208 с.
9. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта [Текст]/Р. Дарендорф // Социс. 1994.-№ 5.- С. 142-147.
10. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. - СПб. : Алетейя; М. : Институт экспериментальной социологии, 2005. - 576 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ КУРИЛЬЩИКИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Сидоров Д.С. (Волгоград)

В данной статье автором проанализированы концепты «социальное курение» и «социальные курильщики». При помощи количественных (анкетный опрос) и качественных (фокус-группы) методов выявлены мотивы социального курения и качественные характеристики социальных курильщиков как особой социальной группы.

Тезис первый: курение — социальный феномен, который негативно влияет на здоровье человека [1], [2,С. 21]. Кроме того, обращается внимание на широкое распространение курения в Российской Федерации (у 65% мужчин и 14% женщин исследователями отмечены наличие данной вредной привычки)[2, С.22]. Отмечено, что никотиновая зависимость – качество приобретённое, а следовательно, как результат социального действия, может стать предметом изучения социологии. При этом в группу социальных курильщиков могут быть включены люди разных возрастов и пола. Студенты представляют собой особую группу, на которую общество возлагает большие надежды в плане реализации их гражданских обязанностей (профессиональной самореализации, создании семей и выполнении репродуктивных функций и т.д.). Следовательно, актуальность изучения данного контингента не вызывает сомнения.

Второй тезис: курение – как вид копинг-стратегии и пространства коммуникации. Анализ результатов отмеченных выше социологических исследований, проведённых автором данной работы под руководством доцента кафедры социологи

Волгоградского государственного университета Н.А. Николенко, позволил придти к следующим выводам:

1. Респондентов, употребляющих табачные изделия, можно разделить на группы по времени употребления табака и по полу. В первом случае разделение выявило «биологически зависимых курильщиков» и «социальных курильщиков». «Биологически зависимые курильщики» регулярно потребляют табачные изделия и имеют сильную никотиновую зависимость. «Социальные курильщики» - те, кто курят менее года и пока не имеют никотиновой зависимости (или те, кто самостоятельно и осознанно регулярно посещает места, где собираются курильщики: т.н. курилки, но при этом не курят сами.). В качестве мотивов, побуждающих их использовать табачные изделия, следует выделить: «ради того, чтобы провести время с представителями противоположного пола»; «ради дружеского общения и «приятно сидеть и разговаривать с сигаретой»; «произвести впечатление своего человека в компании», за компанию», «чтобы обсудить какие-то дела» и т. п. И это несмотря на то, что многие респонденты отмечали, что испытывают не только расслабление, но и лёгкое недомогание. Чаще всего, посещение курилок носит регулярный характер. Так, например, в женской фокус-группе социальных курильщиков был выявлен факт наличия у одной девушки аллергии на табачный дым. Но, несмотря на это, она встречалась с курящим молодым человеком (отнесённым нами к биологически зависимым курильщикам) и сама регулярно посещала курилку в качестве социального курильщика.

2. Следует также отметить, что многие респонденты, входящие пока в группу социальных курильщики, стали курить после поступления в вуз. Это обстоятельство позволяет высказать предположение, что изменение социального окружения и потребность заявить о своей новой статусной позиции побуждает студентов использовать, на их взгляд, курение как определённый способ адаптации (коппинг-стратегии) и достижения поставленных целей.

3. Если биологически зависимые курильщики курят постоянно как в компаниях, так и вне их, то социальные курильщики берутся за сигарету только в окружении референтных курящих людей. Делается это для того, чтобы «поддержать разговор», «почувствовать себя членом коллектива», «принять участие в коммуникативном процессе», на это указывали представители обоих полов.

4. Среди причин, которые вынудили бы социальных курильщиков бросить курить, были зафиксировано следующие: «Если бы бросили курить друзья», «резкое ухудшение здоровья», «если бы молодой человек (муж) запретил» и «беременность». А биологически зависимые курильщики отметили: «Ухудшение здоровья» и «снижение качество табака».

Тезис третий: антитабачная политика вуза и её последствия. В силу того, что на территории вуза курить запрещено, курильщики (как биологически зависимые, так и социальные) используют некоторые места «незаконно». Но, как правило, таких мест немного и это строго определённые места, что подтверждает коммуникационную природу курения.

Тезис четвёртый: отношение социальных и биологически зависимых курильщиков к государственной политике, направленной против курения. Отношение к данной политике – неоднозначно, однако наблюдается тенденция её неприятия. Лидирующие мнения в данном вопросе отводятся позиции, согласно которой «везде нужно выделить специальные места, в которых можно курить и не курить в непригодных для этого местах». Что касается государственной пропаганды ЗОЖ и введению норм ГТО в школах и вузах, то первое по популярности мнение следующее: «это личное дело каждого и никакое вмешательство в привычки и пристрастия людей – не допустимы». Другими словами, это означает, что курильщики не готовы принять правовые и социокультурные изменения, вводимые государством, и открыто игнорируют их.

Заключение и выводы. Абсолютно все биологически зависимые курильщики были сначала социальными курильщиками, таким образом, если первые – предмет изучения и работы медицины, то вторые – социологии. В ходе квартирного анкетного опроса было выявлено, что социальных курильщиков в Волгограде незначительное количество. Подобное количество объясняется тем, что данная выборка была ориентирована на совершеннолетних респондентов, которые имеют устоявшиеся вкусы, привычки и пристрастия. Можно предположить, что среди лиц, не достигших восемнадцати лет, процент социальных курильщиков будет значительно выше.

В данном исследовании специализированные места для курения (т.н. курилки, о которых упоминалось выше) рассматривались как социальные поля курильщиков. Известно, что агенты, действуя в поле, во-первых принимают правила игры данного поля (доксу), во-вторых рассчитывают получить выгоды данного поля (*illusio*). В данном исследовании было выявлено, что социальное курение представляет собой, в первую очередь, особый канал коммуникации. В тоже время, включение в данное поле требует от агентов инкорпорированного культурного капитала, связанного с социальным курением. Парадокс заключается в том, что несмотря на то, что в современном обществе существует множество открытых каналов коммуникации, агенты всё же включаются в поле курильщиков, инкорпорируя в себя, путём регулярных практик, культурный капитал, который вредит их здоровью. Таким образом, очевидно, что методы работы с биологически зависимыми и социальными курильщиками должны быть различными (например, понятно, что информация о вреде табакокурения будет игнорироваться социальными курильщиками). Определение данных методов и их характера - предмет изучения будущего исследования. Немаловажным фактом является и то, что социальное курение зиждется на коммуникации, а стало быть необходимо ограничить коммуникативную ценность данного действия. К примеру, сделать индивидуальные курилки, по своей основе похожие на уборные, чтобы человек находился там один.

1. Андрющенко И.В. Комплексный подход к лечению табакокурения и никотиновой зависимости / И.В Андрющенко // *Лечащий врач*, 2012. С.1-21.
2. Оганов Р. Г., Ткаченко Г. Б. Актуальные проблемы предупреждения распространенности курения табака /Р.Г. Оганов, Г.Б. Ткаченко /*Материалы конференции: «Ситуация, связанная с курением табака в России»*. М., 2001. С. 21–22.

ИНТЕРНЕТ КАК ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сильченкова И.А. (Санкт-Петербург)

Постановка проблемы частного/публичного и зоны интимного как части частного в пространстве интернета позволяет иначе взглянуть на процессы коммуникации в интернет пространстве, появление которого породило новые характеристики пространства коммуникации людей, которым в силу кратковременности их существования не успели уделить столько же внимания, сколько и более традиционным формам коммуникации. В проведенном исследовании различных коммуникационных зон интернет-пространства была поставлена задача проследить проявления различных сфер публичного и частного, а также сферу интимного как части частного, в рамках интернет-дискурса.

Интернет-коммуникация – неотъемлемая часть современной жизни, как определяемая практиками повседневности, так и, в существенной мере, определяющая их. [5] Проведенное исследование на основе анализа и сравнения публикаций пользователей

на сайтах и страницах, предварительно определенных как приватные или публичные пространства, позволяет более четко определить зоны доступа к той или иной информации, обустроенные пользователем для себя. Также исследование объясняет кажущийся нелогичным сдвиг в раскрытии интимной информации вне условий установки интимных отношений, основанных на доверии и тесном контакте, между собеседниками.

В исследовании было выделено три зоны интернет-пространства в зависимости от доступности и качества информации в них содержащихся – публичная, приватная и интимная. [1,3]

Наполнением публичной зоны является вся информация, публикуемая человеком и доступная всем пользователям интернета. Однако, в то же время понятие публичного пространства не одномерно. Различные ресурсы блогов изначально задумывались как личное пространство пользователя. Одновременно пользователь может использовать в нем стратегии поведения характерные как для публичного пространства, так и для приватного, чем многие пользователи умело пользуются. Таким образом, определенная для себя пользователем территория его личного пространства может считаться одновременно и приватной, и публичной, включающей в себя разнообразные социальные взаимодействия.

Как приватное пространство мы определили пространство, содержащее информацию, которая не предназначена для широкой публики и, которую по тем или иным причинам, не принято афишировать – эти причины могут иметь под собой эмоционально-обоснованную причину, а могут и не иметь таковой.

Интимные отношения в научном понимании этого термина – не открытые широкой публике, глубоко личные и содержащие обширную эмоциональную базу отношения, включающие в себя чувства близости и доверия. Можно говорить о том, что коммуникация в сфере интимных отношений заключается в передаче личной информации, чувств и эмоций противоположной стороне, допущенной в зону доверия и эмоциональной привязанности.

Публичное и приватное в интернет-пространстве можно рассматривать в контексте драматургического подхода И.Гофмана.[2] Так, передним планом будут являться те сайты и страницы, которые находятся в свободном доступе, доступные для чтения и комментирования любыми другими пользователями, то есть являющиеся публичными пространствами в определенном ранее понимании этого термина. В этом пространстве пользователь выстраивает коммуникации и сопутствующие этому «декорации» с целью произведения желательного эффекта на публику. «Закулисьем» же в данном случае будет приватное пространство, определенное для себя пользователем и включенная в него часть интимных взаимодействий; то есть все те коммуникации и информация, размещенные в пространстве интернета, доступ к которым пользователь предоставляет лишь определенному набору доверенных лиц или не предоставляет вообще.

Эмпирически соотношение публичного и приватного рассматривалось на примере анонимных сайтов и сообществ – сообщества «Анонимный правдоруб», располагающегося на сайте diary.ru, а также анонимных сайтов «Впустоту» и «Килл Ми Плз!». Также для сравнения публичной и интимной коммуникационных зон одного человека рассматривался иллюстративный кейс, подобранный с сайта онлайн-дневников diary.ru.[6,7,8]

Случай интимности, основанной на доверии, был рассмотрен на примере онлайн-дневников, которые являются формой присвоения пользователем части территории интернет-пространства и формирующих из нее собственное интимное пространство. Так, это пространство воспринимается как зона интимной коммуникации его владельца и, соответственно, ко взаимодействию с самим пользователем в это пространство допускаются люди, достаточно близкие с самим пользователем, чтобы вступить с ним коммуникацию интимного характера. В данном случае доверие

основывается на том, что в силу близких отношений собеседники установили отношения дружбы и уважения с владельцем и, основываясь на этом, пользователь получает уверенность, правдивую или ложную, в неразглашении открытой им интимной информации. Согласно анализу закрытых и открытых дневников, закрытым дневникам, то есть определяемым пользователем как интимных, характерны более короткие, но более частые записи и отсутствие полноценных предысторий к тем или иным публикуемым постам. В то же время записи открытых дневников более общие, имеют более полное объяснение описываемых ситуаций и их причин.

При рассмотрении процессов доверительного обмена интимной информацией обнаруживается определенного рода парадокс, заключающийся в случаях раскрытия интимной информации людям, не принадлежащим к кругу интимного общения пользователя. Примером подобных ситуаций являются сайты для анонимного обмена секретами. Так, вера в неразглашение раскрываемой информации основывается на визуальной, номинальной, физической и биографической анонимности возможного собеседника или читателя.[4] Этот незнакомец предположительно для пользователя не имеет точек соприкосновения с его окружением в реальном мире или в онлайне. В связи с этим вера в неразглашение информации строится на гарантированном нераспространении этой информации по причине отсутствия контактов с заинтересованными лицами, входящими в круг общения хозяина секрета. Этому также помогает тот факт, что человеку априори свойственно всех незнакомых пользователей интернета в первую очередь определять как действительно незнакомцев, лишь потом допуская возможность того, что это знакомый пользователь, лишь предпочитающий пользоваться другим именем или позиционирующий себя как другого человека.

Таким образом, в данном исследовании были рассмотрены разные стороны деятельности индивидов в пространстве интернета. Можно судить о том, что сайты для публикации анонимных историй являются некоторым пограничным явлением между публичным и интимным пространствами, так как от публичной сферы (в оговоренном ранее понимании этого термина) остается открытое нахождение сайта и его материалов в пространстве интернета. Сайт свободно доступен любому пользователю как для публикации новых материалов, так и для оценки уже существующих. От интимной же сферы присутствует раскрытие интимной информации как таковой.

1. Андриевская Ю.Д. *Интимность как свойство социокультурного феномена приватности. Социологический альманах. № 5. 2014 г. с. 287*
2. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. — 304 с.*
3. В. Д. Мансурова. *Онлайн-социальность поколения Си: феноменология «публичной интимности». Известия алтайского государственного университета. №2-1 (82).2014 г. С. 211-214.*
4. Оконечникова Л.В., Арди Р.// *Исследование особенностей анонимности и самораскрытия на примере в интернет-общении (на примере индонезийской и русской культур)/ Известия Уральского Федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры.*
5. Рыков Ю.Г.// *Интернет-коммуникация: тренд современного развития/ Современная социологическая методология от теории к практике: сборник статей по итогам II Ежегодной Социологической школы, под ред. профессора Бороньева А.О. — СПб.: ООО «Северная Нива». 201*
6. *Электронный ресурс «Килл ми плиз!» Режим доступа: <http://killpls.me/>*
7. *Электронный ресурс онлайн-дневников. Режим доступа: <http://diary.ru/>*
8. *Электронный ресурс «В пустоту». Режим доступа: <http://vpustotu.ru/>*

ПОТРЕБНОСТЬ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В ПРИЕМНЫХ СЕМЬЯХ

Сиушкина Н.В. (Петрозаводск)

Тенденцией последних десятилетий в России является уменьшение в общей численности населения доли детей и молодежи и увеличение доли пожилых людей, т.е. происходит неуклонный, довольно быстрый процесс старения населения. Основными его причинами являются падение рождаемости, увеличение продолжительности жизни в старших возрастных группах, повышение качества жизни населения [3, с. 151]. Пожилые люди - специфическая общность, которой присущи свои признаки, проблемы. В связи с этим пожилые граждане нуждаются в повышенном внимании со стороны государства и общества. На фоне старения населения возникает необходимость поиска новых форм социальной работы по жизнеустройству пожилых людей, нуждающихся в социальной поддержке и помощи [1, с. 42 - 48].

Одной из инновационных технологий, оказываемых социально-психологическую поддержку пожилому человеку, является приемная семья для пожилого человека. Эта инновация направлена на интересы пожилых граждан. Развитие этого института позволяет улучшить самочувствие пожилого человека, укрепить связь поколений [2, с. 18].

В 2015 году нами было проведено исследование, целью которого является изучение потребности граждан пожилого возраста в использовании инновационной технологии – приемная семья.

Основу статьи составляют результаты исследования, проведенного в ГСУ СО «Петрозаводский дом-интернат для ветеранов». Исследование включало в себя очное анкетирование граждан пожилого возраста. Анкета состояла из 14 вопросов как открытого, так и закрытого типа и включала в себя вопросы о наличии ближайшего окружения пожилого человека, об отношении к приемным семьям и т.д.

Выборка осуществлялась методом доступного массива. Из 210 граждан пожилого возраста, проживающих в Петрозаводском доме-интернате, было опрошено 30 человек, что составляет 14,2% от генеральной совокупности.

Большинство респондентов – женщины (57%). Средний возраст анкетированных – 72,9 года. Наибольшим количеством представлена возрастная группа от 60 до 70 лет.

Многие пожилые люди из ближайшего окружения имеют детей (40%), а также сестер, братьев и племянников (30%), нет родственников - 23,3%. Все анкетированные поддерживают хорошие, доброжелательные отношения с родственниками.

Задавая вопрос об ассоциациях, возникающих при произношении словосочетания «приемная семья», мы хотели определить отношение респондентов к таким семьям. В основном звучали однотипные ответы. Немногие респонденты не только представляли себе такие семьи, но и делились ощущениями, эмоциями, такими как радость, счастье, тепло. В ответах на этот вопрос чаще всего звучали следующие слова/словосочетания: «удочерить и/или усыновить ребенка, обычная счастливая семья, приемный ребенок, счастливые дети и счастливые родители». В представлении некоторых пожилых людей, приемная семья ассоциировалась с помощью и поддержкой тем, кто особенно в ней нуждается, с домом, в котором живет любящая семья. В ходе исследования некоторые граждане пожилого возраста говорили о приемной семье с негативным подтекстом: принимаемый в семью – есть обуза, в том числе и пожилой человек; принятие к себе пожилого человека – повод для неприязненных отношений и разговоров других людей. Такие ответы говорят о зависимости от мнений окружающих людей. Меньшинство указывало на то, что уважающий себя пожилой человек никогда не пойдет жить в чужую семью, он будет жить независимо и самостоятельно.

Больше половины респондентов (20 чел.) не хотели бы жить в приемной семье. Звучали следующие причины: трудный характер самого респондента, неумение уживаться с остальными людьми, нежелание «путаться под ногами». Также чаще всего упоминалась привычка жить одному в доме-интернате. Многие не понимали, зачем нужны такие семьи, и говорили, что это не для людей пожилого возраста, лучше брать в такие семьи детей. Это говорит о том, что у многих пожилых людей не сформировано чувство своей нужности. Меньшинство (10 чел.) ответили, что хотят жить в приемной семье, аргументируя это нежеланием жить в одиночестве, быть с теми, кто сможет помочь, при условии, что принимающая их семья будет достойной и знакомой.

Почти все респонденты ответили, что столкнулись бы с проблемами во взаимоотношениях, живя в приемной семье. Некоторые респонденты говорили о невозможности избежать конфликтов в любой семье, в том числе и приемной, но отмечали тот факт, что такие семьи создаются для взаимной помощи и поддержки. Также нельзя не отметить тот факт, что большинство респондентов указали на преодоление и разрешение таких проблем, как проблема одиночества, улучшение жилищных условий и материального благополучия с помощью приемной семьи. 3 человека считают, что приемная семья не сможет разрешить проблемы, связанные со здоровьем.

В вопросе, предлагающем перечислить качества опекуна, пожилой человек составил его определенный портрет. Были названы терпение, человеколюбие, воспитанность, уважение к пожилому человеку, честность, уступчивость, способность уладить конфликтную ситуацию. Помимо названных качеств были упомянуты образованность, материальная обеспеченность. Также члены семьи должны не иметь вредных привычек и вести здоровый образ жизни. Таким образом, пожилые люди обращают свое внимание не только на личностные качества человека. Без их внимания не остается и социально-экономическая характеристика семьи.

Респонденты отдают предпочтение жить в молодых семьях с детьми (46,7%), так как, по их словам, «дети – это счастье», они любят детей, хотят участвовать в их воспитании, помогать им в становлении и развитии, то есть передавать им свои навыки, знания. Дети же, по их мнению, будут относиться к ним с любовью и почтением. Не осталась без внимания семья социального работника (17%). Пожилые люди акцентировали свое внимание на том, что социальный работник обладает определенными знаниями в социальной и медицинской сферах, что поможет пожилому человеку адаптироваться не только к семье, но и к самой старости. Некоторые пожилые граждане (17%) хотят остаться в доме-интернате, так как, во-первых, не хотят зависеть от других людей, во-вторых, сказывается многолетняя привычка жить в доме-интернате, где преобладают монотонность жизни, скученность, недостаток личного пространства, ограниченность связей с внешним миром и т.д. 7% респондентов хотят жить в молодых семьях без детей. По мнению пожилых людей, они не смогут помочь опекунам в работе с детьми в связи со слабым здоровьем. 3% ответили, что не важно, в какую семью могут принять, по словам респондентов, они могут привыкнуть к любой семье.

Вопрос о возможности создания института приемной семьи в Республике Карелия получил неоднозначные, противоречивые ответы. Большинство респондентов затруднялись ответить на этот вопрос (12 чел.), 11 человек - ответили положительно, остальные ответили отрицательно (7 чел.), аргументируя это сложившейся нестабильной социально-экономической обстановкой в регионе.

На основе результатов эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что хотя пожилой человек ценит свою независимость, но семья всегда остается неизменной системой поддержки для пожилого человека; большинство граждан пожилого возраста не готовы принять технологию приемной семьи в связи с личными мотивами, принципами, а также в связи с социально-экономической ситуацией в регионе.

1. Бадя Т.П. Инновационные методы социальной работы с пожилыми гражданами // *Отечественный журнал социальной работы*. – 2009. – № 4. – С. 42–48.
2. Васильчиков В.М., Чикарина Л.Я. Приемная семья для пожилого человека: государственная политика и региональная практика / В.М. Васильчиков, Л.Я. Чикарина // *Труд и социальные отношения*. – 2013. – №10. – С.16-21.
3. Щанина Е.В. Интеграция пожилых людей в современный социум / Е.В. Щанина // *Известия высших учреждений. Поволжский регион*. – 2015. – №1(33). – С. 150-162.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОСТАЛЬГИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИК ПОСТКРОССИНГА

Смагина Д.С., Васильева Д.А. (Санкт-Петербург)

Открытки возвращаются в массовое сознание, олицетворяя собой доброе прошлое. В контексте этого явления возникает вопрос — можно ли через эту демонстрацию актуализировать открытку как реальный предмет, снова соотнести ее с почтой и попытаться организовать какие-то новые, живые потоки открыток? Примером такого действия я нашла посткроссинг. По организации это интернет-проект, по реализации — новая живая форма «бумажной» мобильности. Люди регистрируются на специальном сайте, получают случайно выбранный системой адрес и отправляют почтовую открытку на другой конец света.

В условиях постоянной медиатизации общества такое занятие кажется отсылкой к устоявшейся традиции сохранения памяти. Почему в развитом медиа-обществе люди до сих пор используют старый метод коммуникации — обмен открытками и, зачастую анонимный? Подобные вопросы предоставляется рассмотреть в качестве актуальности данной темы.

Идеей посткроссинга является возможность получения открыток со всего мира. Если вы посылаете открытку, то получаете как минимум одну взамен, от случайного посткроссера из какого-то уголка земного шара. Крайне важным считается нахождение причин зарождения и обретения популярности посткроссинга при постоянном активном развитии параллельных средств связи: интернет-сети, телефонии... Но, набирая номер или отправляя электронное сообщение, мы всегда знаем, с кем устанавливается связь. В процессе посткроссинга адресант узнает своего «коллегу» по обмену открыткой чуть ли не в последнюю минуту перед отправкой. Почему в развитом медиа-обществе люди до сих пор используют старый метод коммуникации — обмен открытками, да еще и анонимно? Подобные вопросы взяты автором за основу актуальности данной темы.

В качестве предмета данного исследования было обозначено конструирование традиций в процессе музеефикации открыток, объект исследования — посткроссинг-сообщества Германии (г.Билефельд) и России (г. Петербург). Гипотезой выступило предсказание обобщения деконструкции и поддержания анонимности и виртуальной коммуникации.

Во время исследования была проанализирована часть литературных источников по проблематике создания традиции и сохранения памяти, процесса медиатизации, теории материальных объектов. Опорной теорией предполагалось рассмотрение работ Ж. Бодрийяра, М. Хальбвакса, С. Бойм. Важным мы находим рассмотрение, какую роль играют практики, когда происходит отправка к прошлому (применение феномена ностальгии). Стоит отметить, что, разворачиваясь как некая коммуникационная сеть (живое послание от человека к человеку, от семьи к семье, от коллектива к коллективу), открытка связывает людей и в настоящем, и в проекции будущего, поскольку она входит позднее в ряд реликвий. Если, конечно, она воспринимается как знак памяти и хранится. Чаще мы теперь видим в действии ту самую «политику мусора», когда вещь теряет свой символический ресурс и становится просто бумажным отходом.

Методологической основой исследования конструирования ностальгии можно назвать контент-анализ собранных (в т.ч. визуальных) данных. Всего на протяжении исследования было проведено 7 неформальных интервью с немецкими участниками сообщества (а также включенное наблюдение международной встречи посткроссеров в Германии, г. Билефельде), 740 анкет с количественными данными от представителей российской аудитории, а также глубинное неформализованное интервью с петербургской представительницей посткроссинг-комьюнити. К основным выводам по исследованию мы пришли на основе скондуктированного анализа по ключевым словам среди ответов респондентов.

Материалы интернет-статей и обсуждений на форумах, а также опыт общения с учредителями идеи посткроссинга в России и мире помогли объективно составить представления о том, насколько посткроссеры знакомы между собой и что обсуждают оффлайн. Помимо всего, нам удалось провести неформализованное включенное наблюдение в процессе обмена открытками с другими участниками посткроссинг-сообщества в Билефельде и Санкт-Петербурге.

Выводами исследования можно назвать следующие находки: основным мотивом, побуждающим людей участвовать в обмене открытками, выступает т.н. «эффект сюрприза», когда в любое неожиданное утро можно получить привет от незнакомца с другого конца планеты. Интересным выступил результат, выявленный преимущественно среди участников немецкого сообщества (более 60% опрошенных): они отправляют открытки анонимно из чувства одиночества и замкнутости. Выходит, люди просто стремятся сделать чужому человеку приятно, не прибегая к попытке завязать дальнейший контакт. Интересно отметить, что, по итогам сравнительного анализа, немцы подходят к отправке открыток стратегически: им важно отправить как можно больше открыток, тем самым поддерживать свою активность в сообществе. Российские, а в преимуществе, петербургские посткроссеры подходят к процессу творчески и готовы отправлять меньше в количестве, но эстетически более качественно подобранные под личный вкус адресата открытки. Объединяющим признаком для всех посткроссеров стала ностальгия по реальному или воображаемому "опыту" (более 96% ответили, что в бумажной открытке есть подобие «души»). В случае с обменом открыток через сетевые ресурсы пользователь, создавая свою анкету на сайте, обычно начинает с подражания уже существующим пользователям, но затем старается выработать собственный стиль. Ориентация на других дополняется маркированием собственной идентичности и экспериментированием с ней. Онлайн-идентичность посткроссера, образ, который он представляет другим, большей частью соответствует его внесетевой идентичности.

Наработанный материал, как нам кажется, в будущем может послужить неплохим подспорьем для более детального изучения понятия ностальгии и традиции. Полученная разноплановость поведения участников сообщества в Германии и России дают почву для дальнейшего изучения факторов формирования культурных предпочтений посредством выбора открытки к отправке.

1. Адоньева С.Б. *Политика и риторика мусора* // Адоньева С. Б. *Символический порядок*. — СПб.: Пропповский центр; Амфора, 2011.
2. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М., 2002.
3. Бенхабиб С. *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру*. М., 2005.
4. Бодрийар Ж. *Система вещей*. — М.: Рудомино, 2001.
5. Бойм С. *Будущее ностальгии* // *Журнальный зал Русского Журнала: Неприкосновенный запас*, 2013. N3 (89).
6. Лихачев Д.С. *Искусство памяти и память искусства* // *Критика и время: лит.-крит. сб. Л.*, 1984.

7. Мосс М. Очерк о даре // *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии* / Пер. с франц., послесловие и комментарии А. Б. Гофмана. М., "Восточная литература", РАН, 1996.
8. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия.* — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.
9. Хальбвакс М. *Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас.* 2005. № 2/3 (40/41).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ДОВЕРИЯ

Соболева А.А. (Санкт-Петербург)

Социология является общественной наукой, которая не может развиваться без связи с другими общественными дисциплинами, такими как психология, философия, история, экономика, политология, правоведение. Каждая из них имеет свой объект, предмет, методологию, цели, задачи и ресурсы, используемые в процессе исследования. Существуют такие феномены, которые невозможно изучить в рамках одной дисциплины. В докладе рассматривается доверие как пример такого рода феномена. Выделяется несколько основных подходов, в рамках которых рассматривается данный феномен. Каждый из них открывает новые грани изучения доверия, но вместе с тем дает неполное представление о нем, поскольку несет на себе отпечатки теории и методологии исследования в рамках конкретной научной дисциплины.

Представители экономического подхода рассматривают доверие, с одной стороны, как элемента социального капитала. В этом случае считается, что оно позволяет не только наращивать, воспроизводить социальный капитал некой общности, но и даёт возможность использовать его для достижения собственных целей индивида. С другой стороны, доверие рассматривается как фактор повышения результативности труда. Достоинство экономического подхода - доверие является значимым для осуществления обмена (каждый из участников обменных отношений вступает во взаимодействие из-за желания быть вознаграждённым). Ограниченность экономического подхода заключается в том, что отношения доверия рассматриваются преимущественно через призму максимизации выгоды. В данной трактовке преобладает рациональный компонент.

Второй подход представлен в теории менеджмента. Д. и М. Рейна разработали подход и инструменты измерения организационного доверия, доверия на уровне команды, руководителя и отдельного индивида [4.С.18]. Авторы назвали свою концепцию измерения доверия «Модель доверия и предательства». От того, насколько сотрудники соблюдают этические нормы и правила взаимодействия, зависит способность организации к доверию. Преимуществом данного подхода является то, что авторы рассмотрели доверие как характеристику взаимодействия сторон (двух или более), в терминологии Эндрюса «правило повторной встречи». Привлекательность подхода Д. и М. Рейна обусловлена тем, что они вводят понятие «способность организации к доверию», которое характеризует не только доверие как таковое, но и возможность организации восстанавливать его в случае утраты. Ограниченность данного подхода заключается в том, что при исследовании организационного доверия Д. и М. Рейна выделяют и акцентируют внимание на изучении общественного мнения относительно только трёх его уровней доверия в организации: контрактное, коммуникационное, компетентностное.

Представители психологического подхода акцентируют внимание на поведенческих предпосылках возникновения доверия к самому себе, к другим индивидам и миру. В состав доверия как психологического отношения входят такие элементы, как уважение к партнёру; представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены

в процессе и результате взаимодействия с партнёром; эмоциональный настрой; готовность и способность проявить добрую волю и совершать действия, которые будут способствовать успешному взаимодействию. И в этом сильная сторона данного подхода. Вместе с тем, ограниченность психологического подхода состоит в том, что феномен доверия рассматривается лишь с точки зрения особенностей поведения индивида, его личностных черт, качеств.

Социологический подход – подход, в рамках которого исследуется соотношение личностного доверия, то есть доверия к другим индивидам и системного доверия, то есть доверия к абстрактным системам и социальным институтам. Повседневную общественную жизнь невозможно представить без доверия. Современное общество подвержено риску, в связи с чем доверие выступает ключевым моментом для формирования стабильности и порядка в обществе и является объектом социологического исследования. Сильная сторона социологического подхода: феномен доверия во многих социологических концепциях определяется в качестве одного из важнейших факторов, оказывающих влияние на социальные явления и процессы. Ограниченность социологического подхода в том, что социологи в своих работах по-разному трактуют доверие, отсюда возникает необходимость выявления специфики доверия в системе категорий социологической науки.

Краткая характеристика выше представленных подходов дает основание сделать вывод об ограниченности узкодисциплинарного подхода к изучению доверия. Узость дисциплинарного подхода проявляется в том, что исследователи доверия сталкиваются с рядом методологических проблем, к числу которых относятся следующие:

1) несопоставимость результатов исследований из-за различий в методологических подходах, в первую очередь из-за использования разных методов исследования. Это связано с тем, что каждая наука имеет свою исследовательскую позицию. Широкий спектр методологических основ познания такого явления, как доверие, порождает палитру направлений возможных исследований данного феномена: доверие как социальный капитал, доверие как необходимый компонент для производительности бизнеса, доверие как личностная и поведенческая характеристика, доверие как регулятор нравственных отношений и др.;

2) трудности взаимопонимания, связанные с использованием разных языков и тезаурусов. Концепты, привнесённые из экономики, менеджмента, психологии, философии, социологии, культурологии и других общественных наук, разнятся и не всегда являются сопоставимыми [З.С. 371]. Иными словами, сколько существует наук, столько и «языков», понятий, свойственных определённым дисциплинам. Так, в социологическом подходе при исследовании феномена доверия используются различные такие понятия, как «доверие как форма онтологической безопасности» Э. Гидденса, «доверие - свойство самовоспроизводящейся системы» Н. Лумана, «доверие как составляющая морального общества» П. Штомпки.

Таким образом, одной из главных задач исследования доверия на современном этапе является снятие барьеров, обусловленных узостью дисциплинарных подходов. Необходимы междисциплинарные исследования доверия. Первый шаг на этом пути - формирование общей методологической базы исследования, то есть разработка новых методов на основе накопленного опыта исследований в отдельных отраслях научного знания. Вторым шагом является определение общих целей и задач, решение которых достигается с помощью преобразованных методов. Третьим шагом становится сравнение подходов между собой, интеграция накопленных научных знаний и построение единого для всех участников предмета междисциплинарного исследования [2]. Необходимо выбрать ту дисциплину, на которую можно опираться в ходе исследования всем другим наукам. Бесспорно, важным действием является создание того «языка» исследования, который был бы понятен всем участникам научного процесса и обеспечивал бы взаимопонимание и сотрудничество разных специалистов. Конечно, реализовать данную

систему действий на практике довольно сложно, однако для успешного решения трудностей, возникающих в процессе междисциплинарного исследования такого явления, как доверие, необходимо снимать барьеры, мешающие изучать данный феномен комплексно и системно.

1. Гидденс Б. Э. *Последствия современности* / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова; Д.А. Кибальчича; вступ. Статья Т.А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Практис», 2011.
2. Иванов О. И. *Междисциплинарные области научных исследований в социальных науках (современное состояние и перспективы их развития)*/ О.И. Иванов. *Проблемы теоретической социологии. Вып. 8. Межвуз. Сб. / Отв. Ред. А.О. Бороноев.* – СПб.: Скифия – Принт, 2011.
3. Купрейченко А.Б. *Психология доверия и недоверия*/ А.Б. Купрейченко. – М.: Институт психологии РАН, 2008.
4. Минина В.Н. *Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблема измерения*/ В.Н. Минина. – СПб.: Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. Менеджмент, 2012. С. 107-130.
5. Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*/ Э. Эриксон. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА С 2000 ПО 2015 ГГ.

Таширева М.А. (Санкт-Петербург)

Исследование политической идентичности петербуржцев представляет научный интерес по многим причинам. Во-первых, Санкт-Петербург – это город контрастов, полиэтничности, относительного, по сравнению с рядом других регионов России, экономического и социального благополучия, особого культурного наследия, толерантности и многогранности. Во-вторых, мы можем говорить о нескольких законченных электоральных циклах, по результатам которых можно определить уровень, факторы формирования и тенденции изменения политической идентичности. Актуальность темы исследования определяется необходимостью изучения политической идентичности на локальном уровне, что позволит проанализировать идентификационные особенности и тенденции, характерные для населения Санкт-Петербурга. Это, в свою очередь, оказывает содействие пониманию происходящих политических и социальных процессов на макроуровне, выявлению особенностей общественно-политической ситуации на микроуровне и поиску эффективных путей решения проблем, связанных с конструированием идентичности. Санкт-Петербург принято считать в плане политических ориентаций населения достаточно либеральным городом, в котором сосредоточена значительная поддержка оппозиционных движений и сил, в частности, политической партии «Яблоко». Нестабильность социально-политического пространства и процессы глобализации наносят отпечаток на политическую идентификацию жителей мегаполиса, поэтому политическая идентичность петербуржцев носит преимущественно ситуативный, а не базисный характер. Цель работы заключается в исследовании динамики политической идентичности населения Санкт-Петербурга в период с 2000 по 2015 год.

Анализ проблемы политической идентичности требует использования комплексного подхода, который сочетает общенаучные методы (сравнительный, дескриптивный, системный). Также, на наш взгляд, к данному исследованию необходимо применение бихевиорального подхода и статистического метода - для анализа и обработки количественных данных, на основе которых были сделаны выводы исследования. Эмпирическую основу исследования составили архивы баз ЦЭПИ с 2000

по 2015 гг., дополненные анализом вторичных данных исследовательских проектов. Центр эмпирических политических исследований факультета философии и политологии СПбГУ. С 1998 г. ЦЭПИ проводит мониторинг «Политический Петербург», ежегодно в апреле-мае отслеживая изменения политических установок жителей Санкт-Петербурга старше 18 лет (телефонный опрос, объем выборки — 1110 – 1200 респондентов).

В своей работе мы рассматривали политическую идентичность жителей Санкт-Петербурга через призму трех классических уровней: идеологического, партийного и персонифицированного. Анализ этих трех уровней идентичности позволил нам выделить критерии оценки сделать выводы относительно характера динамики политической идентичности в целом.

Динамику политической идентичности можно охарактеризовать по следующим параметрам: 1. устойчивость/ изменчивость: Динамику политической идентичности петербуржцев с 2000 по 2015 гг. нельзя охарактеризовать как устойчивую. Это связано с доминированием ситуативного характера политической идентичности у многих горожан, а также влиянием экзогенных и эндогенных факторов на формирование идентичности и другими тенденциями ее изменений. 2. Периоды заметных смещений. Анализ всех уровней идентичности показал, что период изменения политических установок граждан равен примерно трем-четырем годам. В стабильных обществах устойчивость этой установки политического сознания выше - 5-7 лет. 3. Совпадение/несовпадение времени изменчивости уровней политической идентичности: Время изменчивости уровней политической идентичности частично совпадает. Пик четкой определенности респондентов, относительно своих политических убеждений был в 2001, 2004, 2009, 2012 гг., что подтверждает фиксированную периодичность изменений политической идентичности. 4. Изменение доли людей имеющих/не имеющих сформированную идентичность: Данный критерий ярче всего отражается в таких вариантах ответа как «затрудняюсь ответить», «не имею политических убеждений», «никто/ничто из вышеперечисленного» и т. п. Действительно, далеко не все респонденты имеют сформированную политическую идентичность. Поэтому, в анкетах всегда есть варианты, которые позволяют респонденту «остаться в стороне» или уйти от ответа. В динамике политической идентичности, процент людей, которые «затруднялись с ответом» с 2000 года значительно упал. Например, анализ идеологической идентичности показал интересную кривую в этой категории на протяжении пятнадцати лет. Пиковые точки прироста, наблюдались с 2002 по 2005 год – период, когда люди терялись при вопросе самоидентификации (показатель не падал ниже 22%). С 2005 по 2009 гг. кривая резко упала до минимума (4,1%), это говорит о том, что у респондентов вопрос идеологической идентификации не вызывал сомнений. А с 2009 по 2015 гг. наблюдался медленный прирост (до 13,8%). Безусловно, данный критерий напрямую связан с внешними и внутренними факторами, влияющими на формирование и изменение идентичности у граждан. Это можно проследить, сопоставляя хронологию дат с происходящими событиями в политической и социальной сферах. 5. Направление изменений. Направления изменений не линейны. Они разнонаправленны, и отражают интересы групп, выражаясь в разных уровнях политической идентичности. Кому-то легче идентифицировать свои взгляды с определенной партией, а кто-то находит сходство в убеждениях с определенной персоной. Третьи же, абсолютно верны своим идеологическим убеждениям, и уверены, что именно они отражают их взгляды. Все уровни идентичности могут сосуществовать как вместе, так и отдельно друг от друга.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы: Среди установок политического сознания жителей Санкт-Петербурга либеральные ценности не доминируют. Оценивают свои взгляды как либеральные и поддерживают партию «Яблоко» преимущественно небольшой процент представителей молодежи (18–29 лет).

Эмпирическая оценка значимости экзогенных факторов для нестабильности политической идентификации, результатом которой может стать слабая политическая

активность петербуржцев, частично подтверждена. Как и относительно ситуативный характер (низкие показатели устойчивости) политической идентичности. Данные опроса «Политический Петербург» (с 2000 по 2015 г.) показывают, что интерес к политике проявляет существенная часть населения. В период с 2000 по 2015 г. прошло четыре избирательных цикла, участие в которых петербуржцы принимали с выраженной активностью и интересом.

В ходе анализа данных исследования «Политический Петербург-2015» было проведено сравнение с общероссийской тенденцией на базе данных исследования Фонда «Общественное мнение» от 6 мая 2015 года. Данные ФОМ в вопросе об отношении к В.В. Путину у мужчин и женщин в процентном соотношении почти совпадают с данными «Политического Петербурга». В обоих случаях процент позитивной оценки работы президента достаточно высок. Исходя из этого, мы можем утверждать, что настоящее исследование отражает ценностно-политические тенденции не только на локальном уровне, но и на уровне страны в целом.

1. Попова О.В. Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга (по итогам эмпирического политического исследования, ноябрь 2013 г.) // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2015. №1. С. 225-233.
2. Попова О.В. Исследование проблем политической идентичности в России // ПОЛИТЭКС, Т. 9 №2. 2013. С. 205-219.
3. Попова О.В. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН 21-22 октября 2010 г.). // М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 13-29.
4. Попова О.В. Гендерные особенности политического сознания петербуржцев: мы разные? // ПОЛИТЭКС, 2010. Т. 6. № 4. С. 206-219.
5. Попова О.В. Политическая идентичность в условиях трансформации общества. – Спб, Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 258с.
6. Семенов И.С. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН 21-22 октября 2010 г.) // М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 86-101
7. Семенов И.С. Идентичность в системе координат мирового развития. Сборник научных статей. Вызовы глобальных политических изменений / Под ред.: Семенов И.С. В.В. Лапкин, В.И. Пантин. ИМЭМО РАН, 2010 - С. 40-59.
8. Семенов И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности. Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. // (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010г.) Под ред. И.С. Семенов
9. Сеть по исследованию идентичности / [Электронный ресурс] // Экспертная сеть по исследованию идентичности. – Режим доступа: [http:// identityworld.ru](http://identityworld.ru) . Загл. с экрана (1.02.2015).
10. В.В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы/ Индикаторы отношения к главе государства, 6 мая 2015 г. / [Электронный ресурс] // ФОМ, 2015. – Режим доступа: <http://fom.ru/posts/10946>. Загл. с экрана (8.05.2015).

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ПОКУПКИ ДЕТСКИХ ИГРУШЕК (ОПРОС МНЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ)

Толкачева О.А. (Волгоград)

Детство является важным этапом жизни человека. Этот период жизни оказывает влияние на существование человеческого общества и становление его социального сознания. В детстве закладываются основы мировосприятия, культурные ценности и нормы общества, происходит активное познание окружающего мира и этот процесс во многом происходит посредством детских игрушек. Детские игрушки одновременно

являются способом развлечения, обучения и развития ребенка. Благодаря игрушкам, дети познают реальность, приобретают и совершенствуют разнообразные навыки.

Игрушки являются предметами культуры, несут в себе определенную социально-культурную информацию. Игрушка – это вещь, наполненная идеологическими смыслами, канал трансляции ценностей массовой культуры современного общества. Игрушки помогают ребенку стать социальным существом. И здесь для родителей важно сделать правильный выбор в пользу самых необходимых и полезных для их ребенка игрушек.

Актуальность изучения потребительского поведения родителей в сфере покупки детских игрушек обусловлена процессом активного развития рынка детских товаров и услуг. Развитию индустрии игрушек активно способствуют детские фильмы, мультфильмы, комиксы. На процесс выбора детских игрушек оказывают влияние социальные характеристики, уровень благосостояния семьи, приоритеты, нормы, способы и принципы воспитания ребенка. Проводимое исследование позволяет выявить содержание практик покупки детских игрушек, обнаружить, какими мотивами руководствуются родители в процессе приобретения детских игрушек.

На данном этапе исследования опрос носил характер пилотажного, объем выборки составил 50 человек. Из них: 4 папы и 46 мам, у которых есть дети в возрасте до 7 лет.

Согласно данным опроса, современные родители проводят много времени со своими детьми, играя вместе в игрушки, такой ответ дали 90% опрошенных родителей.

Поход в магазин для современных родителей является запланированным мероприятием. 48% родителей заявили, что тщательно продумывают покупку той или иной игрушки, и только у 12% покупка игрушек происходит спонтанно.

Как показывают данные опроса, большинство современных родителей (38%) покупают своему ребенку игрушки один раз в несколько месяцев; чуть меньше родителей (28%) покупают игрушки несколько раз в месяц; один раз в месяц – 16% родителей; один раз в неделю – 12%. Лишь малое число родителей (4%) покупают игрушки своему ребенку несколько раз в неделю, еще меньше – 2% родителей, покупают игрушки один или два раза в год.

Как правило, современные родители предпочитают покупать игрушки в специализированном магазине детских товаров, о чем заявило 68% родителей. 22% при покупке игрушек отдадут предпочтение отделам в гипермаркете/супермаркете, 8% – павильону на рынке, 6% – Интернет-магазину. Приоритет магазинов детских товаров связан, прежде всего, с разнообразием ассортимента игрушек, в сравнении с ассортиментом отдела в гипермаркете/супермаркете. Во-вторых, в магазине детских товаров присутствуют продавцы-консультанты, которые помогут определиться с выбором игрушки. Столь малую популярность Интернет-магазинов можно объяснить тем, что при выборе игрушки в оффлайн-магазине доступно всестороннее визуальное восприятие игрушки, существует возможность осязаемо почувствовать ее, проверить качество, чего невозможно сделать перед покупкой, заказав товар в Интернет-магазине.

Основным мотивом для покупки детских игрушек у современных родителей является простое желание порадовать своего ребенка. Такой ответ дали 42% опрошенных родителей. У 26% опрошенных главным мотивом покупки игрушек является желание ребенка, 18% мотивированы приобретением игрушки к празднику. Приобретают игрушки, когда старые уже не подходят ребенку по возрасту, – 10% современных родителей. 2% родителей руководствуются мотивами приобретения игрушек «за компанию» при походе в магазин за другими товарами и когда старые игрушки ребенку уже не интересны. Таким образом, при покупке детских игрушек родители редко руководствуются рациональными мотивами (например, старые игрушки не подходят по возрасту), чаще всего преобладает желание оказать знак внимания ребенку, проявить заботу. То есть игрушка выступает знаком родительской любви.

Самым популярным видом детских игрушек являются конструкторы. Их наиболее часто приобретают 32% родителей. Далее следуют развивающие и развлекательные

игрушки – 30% опрошенных. Для родителей важно не только развлечение и отдых ребенка, но и развитие ребенка в процессе игры. Об этом и свидетельствуют ответы о популярности конструкторов и развивающих игрушек. Вид игрушки, на который чаще всего встречается ответ «не покупаю» – это компьютерные игры – 32% опрошенных. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что компьютер постигается ребенком из повседневного контекста жизни семьи, специально инициировать обучение сегодня не нужно, родители так считают, что «компьютера» слишком много в жизни их детей.

Наиболее важными характеристиками игрушек, на которые родители обращают внимание при их приобретении, являются: качество игрушки – 58%, наличие развивающей функции – 54%, состав материала – 54%, возрастные рекомендации – 50%, страна-производитель – 44%. Не важной для родителей характеристикой игрушки является бренд игрушки, такой ответ дали 22% опрошенных. На основе этих данных можно сделать вывод, что при покупке игрушки родители ориентированы на качество, обращая внимание на состав материала, из которого изготовлена игрушка, и страну-производитель. Помимо этого, можно констатировать, что детская игрушка остается для родителей вещью без «бренда».

Современные родители почти всегда покупают игрушки, которые просит ребенок, такой ответ дали 66% опрошенных. Мамы и папы безотказны и «балуют» своих детей. Но, в то же время, можно наблюдать противоречие их мнения и действий, поскольку 72% родителей считают, что «ребенка не стоит баловать большим количеством игрушек, их должно быть в меру». Возможно, своими действиями родители подсознательно повторяют модели поведения собственных родителей, поскольку большинство из них (76%) прислушивались к мнению детей при выборе игрушки и чуть больше половины (52%) всегда покупали те игрушки, которые просили их дети.

Данные опроса ярко демонстрируют особенности современной детоцентристской культуры. Детство стало (по сравнению с прошлыми историческими эпохами) периодом беззаботности, игры, а ребенок субъектом поклонения, повышенной заботы и служения родителей. Родители ответственно подходят к процессу выбора и приобретения игрушек, продумывая ее необходимость, качество и функциональные особенности.

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 419 с.
2. Бартрам Н.Д. Игрушка радость детей. М.: Изд. Сытина, 1912. 121 с.
3. Димке Д.В. Детство внутри утопических проектов: концепция и технология // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. №1. С. 11 – 23.
4. Минситова М.В. Метаморфозы атрибутики детства в современном обществе // Мир науки, культуры, образования. 2011. №3. С.296 – 298.
5. Щеглова С.Н. Трансформация детства в современном российском обществе и императивы развития государственной политики в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. С. 175 – 188.
6. Эриксон Э. Детство и общество. М.: Летний сад, 2000. 416 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТУДЕНТОВ (НА ОСНОВЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Унесихин В.Р., Парамонова С.П. (Пермь)

Студенчество формирует трудовой потенциал страны через последующую трансляцию в своем труде опыта научных и образовательных институтов различным

сферам экономики. В процессе профессиональной подготовки складывается такая динамическая система как профессиональная идентичность.

Понятие профессиональной идентичности связано с понятием профессиональной идентификации. Так, идентификация коммуницирует с процессом социализации и является динамической структурой, тогда как идентичность статична и конечна для отдельной личности [1]. Профессиональная идентификация появляется как процесс сознательного или бессознательного самоотождествления личности с образцом носителя профессии. При встрече нас спрашивают: «Как живешь? Чем занимаешься?», соизмеряя свой статус с нашим [2].

Данное исследование проводилось на базе пермских ВУЗов. Объектом исследования стали студенты, предметом – их профессиональная идентификация. Целью исследования было выявить факторы, влияющие на профессиональную идентификацию. Цель достигалась через выявления структуры профессиональной идентификации студентов, определение типов профессиональной идентификации студентов, и обнаружение факторов, влияющих на формирование типов.

Было выделено три типа:

Ориентированный на профессию тип – стремится к идентификации себя с профессиональной группой, соответствующей его специальности, желает работать по специальности.

Скептический тип – рассматривает получаемую профессию как средство достижения своих целей, не стремится идентифицировать себя с выбранной профессией, готов работать по специальности только если не найдет более выгодного предложения.

Не ориентированный тип – не хочет работать по специальности, испытывает разочарование, либо не знает вовсе, чего хочет от профессии.

В ходе исследования были учтены такие общие факторы, влияющие на процесс профессиональной идентификации, как: социально-экономическая ситуация в стране; главенствующая идеология; уровень социального благополучия населения; система профессионального образования. Влияние общих факторов преломляется через социально-демографические особенности индивидов и вид специальности (гуманитарная, техническая, медицинская).

Стоит ли говорить, что профессиональная идентификация тесно связана с жизненными ценностями, ценностями труда и образования. Автором работы рассматривается пять типов жизненной стратегии: (1) успех в жизни, который базируется на деятельностной функции образования (обеспечивающей место человека в обществе); (2) желание стать культурным и образованным человеком; (3) материальная обеспеченность соответствует прагматической ориентации; (4) желание иметь профессию характеризует профессиональную функцию образования; (5) желание получить определенный статус соответствует статусно-престижной функции образования [3].

Исследовался и такой аспект, как идентификация относительно социально-географического поля профессиональной самореализации, иными словами, потенциальная мобильность и укорененность.

Результаты исследования говорят о том, что ориентированный на профессию тип воспроизводится в основном за счет выходцев из среднеобеспеченных семей. Благосостояние семей студентов скептического типа значительно выше, ко всему, такие студенты в большей степени ориентированы на бизнес и сомневаются в своем профессиональном выборе. Материальный достаток семей студентов не ориентированных на профессию сильно разнится.

Менее десятой части студентов (8,0) собираются работать по специальности. При этом, преобладающая часть юношей студентов технических специальностей ориентирована на профессию. Половина опрошенных (49,0) желает заниматься бизнесом, как и их друзья, еще (16,0) хочет уйти в бизнес даже вопреки скептическому отношению их ближайшего окружения к такой сфере деятельности. Значительная часть (41,0) опрошенных имеют

сугубо инструментальные мотивы образования, связанные с монетизацией полученных знаний.

Чуть меньше трети (27,0) опрошенных считают, что вузовское образование поможет достичь жизненные цели. Две трети респондентов (64,0) считают, что образование полезно, однако можно обойтись и без него, что свидетельствует об обесценивании образования в России.

Треть респондентов (32,0) готовы уехать из страны при подходящих условиях, четверть (24,0) уже подумывают о переезде, еще одна треть (29,6) уехали бы, но у них нет возможности и только (6,0) заявили, что не хотят ехать в другую страну. На этом фоне можно говорить о нерешенных проблемах внутренней политики страны.

Ценность стабильности в работе стала основной для «скептиков» и только треть (30,0) «ориентированных на профессию» респондентов отметили эту ценность как одну из основных. Такое положение может быть связано с тем, что среди ценностей последних преобладают такие, как престиж, высокий доход, карьерный рост,- что предполагает настроение к устойчивому продвижению. Поэтому ценность стабильности не была отмечена столь высоко.

Обращает внимание, что около половины (45,0) «ориентированных на профессию» отмечают важность общественной пользы труда, что является довольно высоким показателем для современного российского общества, пропагандирующего ценности индивидуализма.

Для «не ориентированных на профессию» студентов основной ценностью является хороший коллектив, который так же ценен только для половины представителей других типов. Это может быть связано с тем, что для разочаровавшегося человека работа выглядит как неприятная обязанность, которую способно скрасить хорошее социальное окружение.

Следует отметить, что условия жизни в г.Перми в большей степени способствуют профессиональной идентификации, чем условия жизни в малых и средних городах края.

Динамическая природа профессиональной идентификации, вероятно, является причиной тенденций к инерционному поведению данного процесса. Так, часть разочаровавшихся в специальности студентов продолжают идентифицировать себя с выбранным профилем обучения, измениться успело только отношение к труду.

На основе полученных данных был составлен ряд рекомендаций для вузов, чему следует уделить особое внимание:

- 1) отношение к специальности студентов в возрасте 21 года (3-4 курс)
- 2) приезжие студенты
- 3) благоприятный образ вуза и конкретных специальностей
- 4) структура образовательного процесса (кадровый состав, санитарно-гигиенические условия, качество предлагаемого материала)

К конкретным мерам может относиться психологическая поддержка студентов в кризисные периоды жизни, проведение определенных мероприятий, направленных на повышение их лояльности к специальности и вузу.

1. Шнайдер Л.Б. *Профессиональная идентичность*. – М: МОСУ, 2001 – С. 217–218.
2. Очирова Э. Э. *Факторы, влияющие на профессиональный выбор в юношеском возрасте // Science Time . – 2014. –№7 (7). – С. 297–302.*
3. Меркулова В. Н. *Статусные характеристики профессиональной идентичности старших подростков на ранних стадиях профессионального определения // Психология в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.) –СПб.:*
4. Кокин А.Б. *Студенчество как социальная группа, современные социально-психологические представления о студенчестве // Интегративный подход к*

5. *Миронова С. П. Изучение профессионально-образовательного процесса в пространственном измерении и профессиональная идентификация личности // Вестник ЧГПУ. – 2010. – №9. – С. 67–75.*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В УСЛОВИЯХ СТАЦИОНАРА

Ускова К., Токина В.А. (Волгоград)

В настоящее время проблема борьбы со злокачественными новообразованиями является одной из наиболее актуальных в здравоохранении и затрагивает многие аспекты социальной жизни общества. Происходит поиск форм и методов медико-социальной помощи в преодолении такой социально значимой патологии, как онкология. Интенсивное и длительное лечение, необходимое при онкологических заболеваниях, является для подростков серьезным психотравмирующим фактором[1]. Семья рассматривалась традиционно как важнейший институт социализации в ряде концепций. Подросток с онкологическим заболеванием зависим от состояния своей семьи, а семья, испытывает внутренние потрясения и становится уязвимой для внешних воздействий. На фоне тяжелой болезни подростка меняются отношения внутри семьи и ее социальный статус; возникает зависимость от лечебного учреждения, где проходит лечение подросток[2]. На протяжении всего лечения для подростка с онкологическим заболеванием важна поддержка семьи, первые реакции на болезнь подростка во многом зависят от личностных особенностей родителей, их эмоционального состояния, уровня интеллектуального развития, уровня культуры и образования, а также от ситуации, в которой родители узнают о диагнозе. Больные нуждаются в помощи и поддержке со стороны родителей, учителей, друзей. То, как подросток переносит разлуку, представляет собой важную информацию о его психосоциальном статусе и способности к адаптации. Необходимость проведения социологического исследования особенностей социализации подростков с онкологическими заболеваниями будет способствовать поиску эффективных путей использования медико-социальных практик, направленных на их успешную интеграцию в социум.

Изменения в сферах жизнедеятельности определяются ролью ценностных ориентаций как регуляторов социального поведения. В системе ценностных ориентаций онкологического больного ценность «здоровье» выступает в роли «механизма регуляции» социальной реадaptации личности. Выявлены противоположные типы направленности интересов больных: от преимущественной концентрации жизненных помыслов на проблемах сохранения здоровья до исключения ценности здоровья из смыслообразующих принципов жизнедеятельности[3]. Поддерживать больного в его усилиях вернуться к активной жизни призваны многие специалисты, необходимо дальнейшее совершенствование программ психиатрических и социальных служб, участие врачей, педагогов, специалистов по социальной работе. Вышеизложенные положения определили цель исследования - выявить особенности социализации подростков с онкологическими заболеваниями в условиях стационара.

Исследование проводилось на базе детского онкогематологического центра (ДОГЦ) в составе Волгоградского областного клинического онкологического диспансера №1. В исследовании приняло участие 30 подростков.

Одним из важных показателей социализации является отношение подростка к образованию, наличие или отсутствие у него стремления к знаниям, осознание необходимости выбора будущей профессии. В процессе анализа и интерпретации полученных данных мы выявили, что подростки задумываются о своем будущем, строят

планы на получение профессии и считают, что занятия по профориентации помогут им наметить ориентиры при выборе будущей сферы профессиональной деятельности. По данным ответов респондентов можно сделать вывод, что подростки отдают предпочтение социальным сетям среди множества других возможностей Интернета. В социальных сетях подростки могут общаться с друзьями, семьей, а также знакомиться с новыми людьми, тем самым развивая навыки коммуникации. В Интернете подростки могут «примерить» на себя разные роли, не переживать по поводу того, как отреагирует собеседник на их измененную внешность[4]. Только пятая часть опрошенных респондентов полностью удовлетворена деятельностью в свободное время. У подростков в центре однообразные занятия, с ними не проводят мероприятий, происходит только оказание медицинской помощи. Наличие специалиста по социальной работе и проведение им комплекса мероприятий могло бы способствовать более высокому уровню удовлетворенности подростков по данному вопросу, помогло бы подросткам в вопросах адаптации к условиям стационара, справиться с последствиями длительного и болезненного лечения, что в дальнейшем облегчило бы процесс реабилитации.

Современное информационное пространство стало активным участником процесса социализации подростков и источником развития личности. Для успешной социализации подростков с онкологическими заболеваниями необходимо участие специалиста по социальной работе, который будет участвовать в досуговой деятельности подростков, организовывать и проводить тренинги, оказывать квалифицированную помощь подросткам с онкологическими заболеваниями в условиях стационара. Проведение социологических исследований особенностей социализации подростков с онкологическими заболеваниями позволит выявить комплексную систему медицинских и социальных факторов риска, учреждения здравоохранения смогут определить основные направления совершенствования системы реабилитационной помощи подросткам с онкологическими заболеваниями с учетом особенностей их социализации.

1. Киреева И.П., Лукьяненко Т.Э. Психосоциальная помощь в детской онкогематологии//Реабилитация детей с ограниченными возможностями в Российской Федерации. - Дубна, 2012. - С. 76-77.
2. Манукян Э.А. Семья и социализация детей / Э.А. Манукян // Отечественный журнал социальной работы. — 2011. — № 1. — С. 114 – 117.
3. Сахарова Т.Н. Особенности смысловых ориентаций в подростковом и юношеском возрасте // Среднее профессиональное образование. – 2013. – № 8. – С. 37 – 40.
4. Угольков Н.В. Интернет и социализация старших школьников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. - № 4. - С. 78-83.

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕТЕНЦИЙ И ИХ ДИАГНОСТИКИ В МУЗЕЙНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ ГМП "ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР")

Усяева А.Х. (Санкт-Петербург)

Музей, выступая в качестве социального института, играет важную роль, поскольку «в условиях социальных трансформаций поддерживает систему фундаментальных ценностей и национальных традиций, повышает общий уровень культуры народа»[1]. В то же время любой музей является частью туристической индустрии, относится к организациям сферы услуг, т.е. такой части экономики, «которая включает в себя все виды коммерческих и некоммерческих услуг, оказываемых как на коммерческой, так и на социальной основе предприятиями, организациями, а также

физическими лицами»[2]. Кроме того, современные рыночные условия предъявляют все больше требований к качеству предоставляемых услуг и, соответственно, профессиональной компетентности работников. Поэтому, несоответствие имеющимся запросам рынка существенно снижает конкурентоспособность музея и становится все сложнее и сложнее поддерживать окупаемость учреждения музейной сферы только за счет культурных памятников и ценностей, которые в нем содержатся.

Качество предоставляемых музеем услуг сейчас регулируется различными нормативными документами, в которых устанавливаются правила оценки и разрабатываются стратегии изменения процессов обслуживания в государственных учреждениях (Законом о защите прав потребителей, постановлениями Правительства РФ, подзаконными актами и т.д.). Помимо этого, в некоторых организациях музейной сферы для улучшения качества обслуживания и привлечения посетителей внедряются и внутренние стандарты оценки, учитывающие специфику и уникальность учреждения. Так, в комплексе «Четырех соборов» с целью повышения продуктивности музея, его выживаемости и компетентности его сотрудников вводится новая система менеджмента, состоящая в том, чтобы на основе обучающих программ, практики и мониторинга деятельности сформировать у персонала необходимые качества и поведенческие паттерны и добиться их исполнения в работе. Одной из сильных сторон данного нововведения является то, что система базируется на стратегических целях ГМП «Исаакиевский собор», которые предполагают «дальнейшее освоение рынка через развитие музейных услуг, развитие вертикальной и горизонтальной интеграции через реализацию внутримузейных и межмузейных проектов, диверсификационный рост за счет освоения новых музейных и социальных технологий»[1].

Музейную сферу можно назвать эмоционально-коммуникативным сервисом, определяемым как «процесс непосредственных и опосредованных социальных интеракций между поставщиком и потребителем услуг, в результате которого на основе целенаправленного управления эмоциями осуществляется заключение сделки, совершение покупки, предоставление информации или оказание любой другой услуги, а также формируется желание клиента возвращаться вновь и вновь для потребления товаров и услуг данного сервиса»[3]. Причем в процессе взаимодействия управлению подвергаются как эмоции клиента, так и эмоции сотрудника организации. Именно поэтому работники технологической цепочки обслуживания в «Исаакиевском соборе» выполняют эмоциональный труд. Концепция А. Хохшильд определяет эмоциональный труд как «процесс манипуляции человеком своими внутренними чувствами или поведением, чтобы показать соответствующую эмоцию в ответ на организационные правила или профессиональные нормы»[3]. В соответствии с корпоративными стандартами персонал подавляет или вызывает в себе определенные чувственные состояния, которые призваны повлиять на эмоциональное состояние потребителя и, тем самым, обеспечить привлечение клиентов в организацию и извлечение прибыли.

Управление эмоциями потребителей услуг в основном осуществляется через коммуникативное взаимодействие, которое включает в себя как вербальные, так и невербальные атрибуты, поэтому в процессе мониторинга качества обслуживания в комплексе «Четырех соборов» оцениваются именно коммуникативные компетенции персонала. Кроме того, воздействие на эмоции клиента происходит и с помощью определенного внешнего вида сотрудников, призванного формировать нужную для организации атмосферу и отношение потребителя, в связи с чем в данном музейном комплексе фиксируются и эти критерии. Для обучения персонала и закрепления корпоративных норм в ГМП «Исаакиевский собор» внедрены Кодекс корпоративной этики, Должностные инструкции и Речевые стандарты обслуживания, на основе чего формулируется эталонное состояние компетенций сотрудников.

Для проведения оценки компетенций персонала в музее разработана система показателей, которая утверждается внутренними нормативно-правовыми актами и

закрепляется в таких мониторинговых документах, как Карты наблюдений и Оценочные листы. Основными источниками данных, на основании которых производится оценка деятельности работников, выступают результаты скрытых включенных наблюдений с использованием метода «Тайного посетителя», невключенные наблюдения и материалы видео наблюдения.

В ходе мониторинга регистрируются индикаторы поведения сотрудников, при этом внимание акцентируется на соблюдении стандартов, а не на выраженности компетенций, в результате чего получаем суммарное количество отклонений от стандартов обслуживания.

Оценка деятельности персонала технологической цепочки обслуживания музея производится по трем блокам:

1. коммуникативное взаимодействие с посетителем;
2. внешний вид сотрудника;
3. профессиональное поведение.

В процессе мониторинга качества услуг фиксируются преимущественно коммуникативные и профессиональные компетенции. Следуя традиции структурно-функционального подхода, можно сказать, что эти компетенции были выбраны ключевыми показателями для оценки сотрудников, поскольку они в большей мере способствуют осуществлению функций адаптации, целеполагания, интеграции и поддержания образца в данном учреждении. По сути, умение музейных работников качественно выполнять свои прямые обязанности и эффективно взаимодействовать с посетителем в ходе коммуникации и обеспечивают сохранение организации как системы в состоянии равновесия.

В рамках коммуникативной компетентности сотрудника учитываются вербальные и невербальные средства: уместность стиля речи, наличие открывающих и завершающих коммуникацию фраз, поддержание визуального контакта и др. Внешний вид сотрудника так же является «составной частью коммуникационного комплекса и должен соответствовать уровню музейного»[4]. Поэтому этот критерий мониторинга тоже указывает на уровень развития коммуникативной компетентности. В данном случае, для обеспечения самоидентификации сотрудника и его ассоциирования с музеем введена одежда с корпоративной символикой и бейджи. К индикаторам профессиональных компетенций относятся качественное выполнение сотрудником своих прямых должностных обязанностей и удержание посетителей в зоне внимания для предупреждения возникновения трудных или конфликтных ситуаций.

Таким образом, музей - не только важный социальный институт, способствующий передаче культурных ценностей, но и организация сферы услуг, которой для выживания в рыночных условия необходимо выполнять предъявляемые требования к качеству обслуживания и компетентности персонала. С целью формирования определенных личностных и профессиональных компетенций у сотрудников в «Исаакиевском соборе» вводится основанный на систематическом мониторинге менеджмент, уже показавший свою эффективность в управлении.

1. Павленкова И.М. Управление организационными конфликтами в музейной сфере: социально-коммуникативные аспекты: Автореф.дис... канд. соц. наук // СПб, 2014
2. Шишкина Е. В., Рочева Я. С. Сфера сервиса в социологическом измерении. С. 8476 // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса // [Электронный ресурс]: http://www.isras.ru/vsf_iv_okt_2012.html (05.02.2015)
3. Горбунова М.Ю. Эмоционально-коммуникативный сервис в процессе производства и потребления услуг // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса . -

4. *Кодекс корпоративной этики ГУК ГМП «Исаакиевский собор» от 2009г. – СПб, 2009*
5. *Щербина В.В. Социология организаций // Социологические исследования. - 1998. - № 8. - С. 116-125// [Электронный ресурс] URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/297/658/1231/017.SHCHERBINA.pdf> (дата обращения: 18.05.2014)*
6. *Чуланова О.Л. Концепция компетентностного подхода в управлении персоналом // Наукоедение. - 2013. - №5 // [Электронный ресурс] URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/08evn513.pdf> (дата обращения: 11.02.2015)*
7. *Леонова О.В., Колосова О.В. Компетентностный подход как способ управления персоналом предприятия военно-промышленного комплекса – Тверь: Вестник ТГТУ – 2010 – Том 16, №4 // [Электронный ресурс] URL: vestnik.tstu.ru/rus/t_16/pdf/16_4_030.pdf (дата обращения: 11.02.2015)*
8. *Пахлова И.В. Модель компетенций как инструмент управления системой кадрового менеджмента организации // Альманах современной науки и образования – 2015. - №2. – С. 97-100*
9. *Павленкова И.М., Петропавловская С.В. Социокультурные аспекты сервиса музейных услуг Северной столицы (на примере СПбГБУК "ГМП "Исаакиевский собор") // Сборник научных статей «Кафедра Исаакиевского собора» № 12 /Материалы научно-практической конференции «*
10. *Григорьев С. И., Егорычев А. М., Патрушев В. И., Субетто А. И. О социологической диагностике кризиса в России // Социологические исследования – 2010. - № 3. - С. 122-126*

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ПУБЛИЧНАЯ АРЕНА

Фесик Е.В. (Санкт-Петербург)

Благодаря подъему общественной активности в 2011 – 2013 годах, в современной российской науке исследователи вновь обратили внимание на такие явления как общественные и протестные движения. Долгое время тему протестов обходили своим вниманием, как отечественные политологи, так и отечественные социологи. После событий 90-х г.г. XX в., когда страну захлестнула волна массовых демонстраций и митингов, протестные движения недовольных вернулись в публичное поле только на короткий срок в середине 2000-х годов. Тогда на повестке дня стояла реформа по монетизации льгот.

В науке к проблеме общественных и протестных движений вернулись лишь в 2011 году после массовых митингов в мегаполисах.

Вместе с тем, следует сказать, что многие вопросы остаются дискуссионными. Крупные исследовательские социологические агентства сосредоточились на количественном подходе к изучению явления протеста и лишь небольшие группы ученых применяют качественные методы исследования.

Так что же такое протест? Политологи относят протестные движения к политической составляющей гражданского общества. Для них протест, как и профсоюзное движение, политические партии и СМИ представляют собой различные формы выражения общественного мнения. В политической психологии исследователи сосредоточились на психолого-политических механизмах протестных движений. Политологи, критические направленные, в протестных движениях видят угрозу существующей власти, так как протест может перерасти в деструктивную социальную эпидемию. С их точки зрения, главная проблема состоит в том, что правительство не умеет взаимодействовать с протестными движениями.

Согласно последним исследованиям социологов, проблематике протеста уделяет внимание все больше социологов, посвящая им фундаментальные труды. Так, группа исследователей Лаборатории публичной социологии и факультета свободных искусств и наук СПбГУ сосредоточилась на изучении движения современного российского общества

от деполитизации к политизации. Однако, в своей монографии группа ученых не дают определения понятию протестные движения. Они не рассматривают разные типы общественных движений, протестных движений, социальных движения и т. д.

Согласно Бычкову П. А. и Серавину А. И., протестное движение – «это разрушительные взрывы плохо управляемой энергии масс людей в форме толп, митингов, демонстраций и забастовок, происходящих из-за политических ошибок и, сметающих системы управления, национальных лидеров в случае перерастания в деструктивные социальные эпидемии». Голдстоун Д. определяет протест через понятие революции. «Протестное движение - это оппозиционное движение либо не нацеленное на захват власти ... либо охватывающее конкретный регион или какую-то долю населения, которое имеет преимущественно мирный характер». Наиболее полное, с нашей точки зрения, определение протесту дает Челпанова Д. Д. «это форма участия, включающая совокупность публичных негативных реакций социальных субъектов на деятельность политического режима, с целью влияния на принятие решений».

На наш взгляд протестное движение это выступления населения в защиту или против какого-либо явления, имеющего важное общественное значение. Они могут быть как массовыми, так и локальными. Можно выделить три вида протеста: социальный протест; политический протест, культурный протест.

После массовых протестных движений в мегаполисах РФ в 2011 году в стране вновь стали возникать локальные низовые протестные движения. Как правило, они относятся к социальным или политическим видам протестов. Вместе с тем, оба вида протестных движений нашли свое место в поле протеста и заняли позицию в пространстве между полем власти и полем политики (Бурдые П.). Поле протеста можно назвать своего рода публичной ареной (Боск Ч., Хилгартнер С.). На этой арене отбираются социальные, культурные или политические проблемы и они представляются общественности. Во главе любого протеста всегда стоят социальные проблемы, на решение которых и направлены действия активистов движения. В своей концепции Боск и Хилгартнер выделяют пять этапов развития социальных проблем: зарождение, объединение, институционализация, фрагментация и исчезновение .

В поле протеста всегда много агентов из поля власти и поля политики, а также активистов. Деятельность этих агентов направлена, в первую очередь, на завоевание внимания обывателей. Клеман Карин выделяет три типа агентов: функционеры, активисты и обыватели. Действия функционеров направлены на получение прибыли от возрастания внимания к социальной проблеме. Функционерами могут быть помощники депутатов, которые работают за деньги и формируют повестку сессий парламентов, это могут быть адвокаты, чиновники, работники правоохранительных органов, ученые. Все они заинтересованы в привлечении общественного внимания к проблеме. Причины этой активности могут быть разными, в том числе и такие как увеличения гонораров, увеличения финансирования и смет, получения грантов. Активистами могут быть люди, которые эмоционально заинтересованы в решении социальной проблемы. Так, например, это солдатские матери и т. д. Обыватели - это люди, которые смотрят телевизор, читают газеты, но эмоционально не погружены в данную тему и не предпринимают никаких действий для решения подобных проблем. Люди, ежедневно работающие с социальными проблемами, ограничены ресурсами. Поэтому отбор проблем, с которыми они будут работать более тщательно, зависит от эмоциональной привязанности к проблеме. Конечно, некоторые операции у функционеров доведены до автоматизма и не занимают много времени, но решение социальных проблем, как правило, это большая работа, которая напрямую зависит от заинтересованности в результате.

Протестные движения стремятся привлечь внимание всеми доступными способами, а именно: освещением деятельности в СМИ, участием в ток-шоу, судебными заседаниями, написанием официальных писем, встреч с представителями поля власти. Все эти мероприятия приводят к взаимодействию публичных арен друг с другом. Социальная

проблема, подобно вирусу проникает на другие арены и старается занять там как можно больше места. Здесь возникает проблема интерпретации ситуации. Взгляд на одно и то же событие может отличаться в зависимости от арены. Между собой конкурируют не только социальные проблемы и публичные арены, но и интерпретации проблем. Точка зрения одного эксперта может кардинально отличаться от мнения другого. Здесь следует разделять мотивы выступления экспертов и определять роль и место человека среди агентов. Выступающие на публичных аренах в виду ограниченности пропускной способности вынуждены тщательно подбирать информацию. Так как большинство публичных арен подчинено влиянию господствующих политических групп, то такие группы могут использовать средства государственного контроля для оказания влияния на протестное движение.

Авторы концепции публичных арен выделяют вполне конкретные социальные институты, которые являются аренами. В первую очередь это средства массовой информации, все три ветви власти, а также киноиндустрия, политические партии, общественные движения, некоммерческие организации, научные и профессиональные сообщества.

1. Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. // [Электронный ресурс] // URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/2704> (дата обращения: 23.03.2015)
2. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. Москва. Три квадрата. 2010.
3. Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011-2013 годов/Коллективная монография, Алюков М. Л., Ерпылева С. В., Желнина А. А., Журавлев О. М., Завадская М. А., Клеман К., Магун А. В., Матвеев И. А., Невский А. В., Савельева Н. В., Туровец М. В
4. Бычков П. А., Серавин А. И. Протесты 2011-2012: психолого-политический анализ пролевых заметок. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014 г.
5. Джек Голдстоун. К теории революции четвертого поколения. Текст лекции, 1984. Перевод с английского: Николай Эдельман. Журнал «Логос» № 5(56), 2006. // [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 2008.06.06. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/e>
6. Челпанова Д. Д. Характер и динамика протестной активности на юге России: Автореф. дисс. на соискание ученой степени. соц. наук. Новочеркасск, 2011

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВАЛЬДОРФСКИХ ШКОЛ ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Чиркова В.М. (Санкт-Петербург)

В федеральном законе Российской Федерации образование определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1].

Правильно выстроенная система образования работает на благо общества, так как является одним из способов передачи подрастающим поколениям ценностей господствующей культуры, способствует процессу интеграции общества. Важнейшая роль в этом процессе принадлежит школьному образованию, так как именно в этот период происходит моральное воспитание человека.

В наши дни в ряду общеобразовательных школ России все чаще стали появляться вальдорфские школы. Что это за новый вид общеобразовательных школ? Насколько эффективны их педагогические программы?

Вальдорфская педагогика берет свое начало от антропософии — религиозно-мистического учения, выделившегося из теософии, основанного австрийским ученым Рудольфом Штайнером (1861-1925). Ее основой стало разветвление трех общественных функций: духовной, правовой и экономической. По мнению Штайнера, культура должна быть свободной, право — основываться на равенстве, а экономика — на братстве. [2]

Открытие первой школы состоялось в 1919 году в Германии. После чего вальдорфские школы стали популярны и распространились во многих странах Европы. В настоящее время количество вальдорфских школ в 60 странах мира превысило 1000 (1015).

Вальдорфское образование в России — это новый феномен. На данный момент в России существует порядка 20 вальдорфских школ. Такие школы есть во Владимире, Воронеже, Жуковском, Зеленограде, Иркутске, Калуге, Кирове, Москве, Самаре, Санкт-Петербурге, Смоленске, Уфе и Ярославле.

Вальдорфская педагогическая система всегда вызывала противоречивые мнения, поскольку фундаментально отличалась от принципов работы традиционных образовательных систем школьного уровня. А если к этому добавить, что вальдорфская педагогическая система позаимствована из другой культуры, то неоднозначное отношение к ней в российском обществе может быть преодолено только серьезным научным исследованием

Основной проблематикой такого исследования должно стать то, каким образом принципы основанной в Германии вальдорфской педагогической системы могут быть адаптированы к образовательной системе России.

Известно, что социокультурная специфика трансляции опыта вальдорфских школ была освещена в работах немецких вальдорфских учителей (К. Штокмайера, К. фон Гейдебрауд, Э. Грюнелиуса, Е. Краниха, Ф. Карл-грена). Эту тему в своих публикациях затрагивал и приверженец российского вальдорфского движения А.А. Пинский, председатель московского Центра вальдорфской педагогики.

Теоретико-методологической базу нашего исследования составляют основные труды Э. Дюркгейма, П. Бурдьё, Т. Парсонса, М. Вебера, Р. Коллинса, а также российских социологов В.Н. Шубкина, Д.Л. Константиновского, В.С. Вахштайна, Е.Д. Вознесенской и т.д.

Для того, чтобы выявить особенности адаптационного процесса вальдорфской педагогики в школьной системе образования России, необходимо решить некоторые задачи, а именно:

- определить принципы, на которых базируется вальдорфская педагогика вообще;
- выявить, как данные принципы реализуются в вальдорфских школах России.

Социальную основу вальдорфских школ и отношение учеников, учителей, родителей и выпускников к школе лучше всего выяснить, применяя такие методы исследования, как анализ документов, анкетирование и качественные глубинные интервью. Так, например, на основе анализа документов, можно решить следующие задачи:

- на какие принципы опирается вальдорфская образовательная программа;
- критерии финансирования вальдорфских школ;
- как составлен учебный план вальдорфской школ, какие предметы преподаются и сколько часов им отводится.

С помощью интервьюирования учителей мы можем получить ответы на следующие вопросы:

- какие культурные цели ставит перед собой школа, т.е. каким образом происходит процесс социализации;

- какова успеваемость учеников;
- как сложилась дальнейшая профессиональная судьба выпускников.

С помощью опроса школьников выясним:

- социальный состав вальдорфских школ: территориальный, этнический, религиозный, семейный;
- доступность образование в вальдорфских школах для всех слоев населения;
- насколько ученики задействованы в различных внеклассных мероприятиях.

Наше исследование включает два этапа. Первый этап связан с исследованием вальдорфских школ Германии, второй – России. В своих тезисах мы хотим остановиться только на результатах социологического исследования, проведенного в Германии, в городе Билефельд.

Анализируя результаты этого исследования, мы можем утверждать, что учениками вальдорфских школ Германии на современном этапе являются обычные дети, многие из которых имеют эстетическую направленность. Их родителями являются люди, которые всерьез задумываются об образовании своих детей и которые хотят видеть в них культурных, образованных, творческих и ответственных людей в будущем. Будущее своих детей родители вальдорфских учеников видят в получении высшего образования и творческой работе. От школы, как социального института, родители ждут помощи в развитии способностей и передачи опыта жизни в коллективе.

Учителями вальдорфских школ являются высокообразованные люди. Например, в вальдорфской школе города Билефельда работает 57% учителей с высшим педагогическим образованием, треть - с высшим непедagogическим (гуманитарным), а 14% - со средним специальным образованием (педагогическим и другим). Учительский стаж варьируется от 2 до 14 лет.

Учителя и родители единодушны в стремлении к воспитанию и формированию культурных, образованных и творческих специалистов. Результаты социологического опроса родителей и учителей вальдорфских школ об их эмоциональной оценке перспектив будущего вальдорфского движения показал единодушные в оптимистических гипотезах. Это свидетельствует о высоком уровне психологической комфортности и удовлетворенности своей профессиональной деятельностью в вальдорфской школе со стороны учителей и удовлетворенности родителей тем, в какой школе учатся их дети. На вопрос о личной эмоциональной оценке перспектив вальдорфского движения в Билефельде 80% опрошенных высказали оптимизм; с пессимизмом смотрят в будущее лишь 5% учителей и родителей; с сомнением относятся к перспективам немецких вальдорфских школ 15% респондентов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что вальдорфские школы нашли свой контингент родителей, учеников и учителей, который и составил социальную базу вальдорфского движения в Германии.

1. *Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015)*
2. *Кузнецов К.В., Данилейко А.А. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. «Возникновение вальдорфской педагогики, идеи, лежащие в ее основе» - 2011, №9*
3. *Пинский А.А. Вальдорфская педагогика. Антология./А.А. Пинский, В.К. Загвоздкин, С.А. Ловягин . - М.: Просвещение, 2003*
4. *Штейнер Р. Духовно-душевные основы педагогики/ Р. Штейнер. - М., Парсифаль – 1997*
5. *Bildungslebenslauf ehemaliger Waldorfschule eine Untersuchung der Geburtsjahrgang 1946 und 1947. - Stuttgart, Marz 1978. Pädagogische forschungsstelle: Dr. E.M.Kranich*
6. *Erziehungskunst, 1996, №12*

КОНЦЕПЦИЯ "ПРАВО НА ГОРОД" И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Шаповалов Р.О. (Санкт-Петербург)

Города всегда были живыми организмами. Но политики и крупные предприниматели не всегда помнят об этом, что говорит о большом уровне приватизации публичных мест в современном городе. Данная проблема возникла в эпоху формирования неолиберальной идеологии. Несмотря на то что неолиберализм поспособствовал минимизации роли государства в развитии территорий, что позволило снизить расходы на некоторые статьи бюджета, муниципальная власть начала больше ориентироваться на интересы крупного бизнеса. Так, при вынесении решений акцент часто делался на экономической ценности земли, в то время как проблематика удобства часто уходила на второй план. Уменьшались числа публичных функций городских пространств, также социальное поведение стало регулироваться введением множества ограничений на публичные действия и патерны поведения.

Результатом стало возникновение концепции «права на город», автором которой является французский философ Анри Лефевр, в основу которой была положена марксистская идея. Так, он ориентировался на пространственный подход к политической борьбе, в которой без дискриминации принимают участие все горожане. Главное место в его работе – восприятие города как «произведение». Этот термин может обозначать определенное коллективное художественно-социальное творчество всех жителей и гостей города. Они могут вносить вклад в это «произведение», коллективно формируя публичные городские места и наполняя окружающую среду города, к примеру, участвуя в общественной жизни местных сообществ, затрачивая свое время и интеллектуальные ресурсы в интересах территориального развития.

Как данная концепция реализуется в городской политике? С точки зрения Энди Меррифилда, люди, не имеющие доступа к решению существующих проблем в городе, склонны самоорганизовываться и искать иных акторов, готовых апробировать их интересы. Так, формальными поводами для самоорганизации могут быть ошибки размещения социальной инфраструктуры, коллапс в транспортной системе города и иные проблемы. Онтологической проблемой для самоорганизации выступает дефицит демократии в управлении городами, отсутствие желания элит способствовать развитию общественного участия.

Коммерциализация городской среды в рамках неолиберального дискурса имеет под собой оборотную сторону. Как отмечает Дэвид Харви, у людей начинают появляться ответы на вопросы, к примеру, «чей это город?». После этого в процессе коллективного осмысления окружающей реальности и практик муниципального управления возникает ощущение взаимозависимости. На новом уровне осмысления приходит понимание необходимости изменения социальных отношений. Как отмечает Бондаренко, появление данного осмысления уже является фактом исчерпания устоявшихся форм политической активности, что делает ситуацию нестабильной.

Всё это является следствием неготовности муниципальной элиты говорить с обществом. Растет социальное недовольство, которое сначала начинается в киберпространстве, однако в дальнейшем может перейти и в городскую реальность. Растущее общественное недовольство способствует процессам делегитимации муниципальной власти. Основными акторами массовых выступлений обычно выступают городская молодежь и средний класс. Именно данные группы населения имеют доступ к большим интеллектуальным ресурсам, которые могут привести к компромиссу и поиску новых решений для изменения городской среды.

Однако несмотря ни на что город не перестает быть центром коллективной деятельности. Алан Блум пишет, что город – это «мобильное явление, которое

одновременно ограничивает и оплодотворяет насыщенный пейзаж интерпретаций и действий, связанных со значениями и ценностями коллективных методов». С одной стороны, «право на город» является рамкой, отделяющей заинтересованных в развитии лиц от остальных, а с другой – идеей, объединяющие разнородные социальные группы. Не случайно формируются различные некоммерческие организации.

Почему некоторые чиновники не хотят изменения городского пространства под потребности горожан? Есть несколько причин. Во-первых, политика часто понимается частью компетенции федеральных властей и изменение что-то в городе не может способствовать бунту. Во-вторых, бюрократия – это инерционная система управления, где решения принимаются крайне медленно. В-третьих, существует страх перед «черным ящиком» будущего, когда возрастают риски.

Так когнитивные проблемы бюрократии становятся источником политических проблем общества. Решать их нужно, ориентируясь на логику включения жителей в решение существующих проблем, а не исключения из политики. Для этого нужно готовить общественное мнение к возможным переменам между социума и власти как неотъемлемой части демократии. Должна быть согласованная общая программа формирования обновленной среды обитания, в которой были бы учтены пожелания и требования различных слоев населения, политических организаций и т.д.

Во многих западных демократиях в последние годы наблюдается увеличение числа новых процедур, связанных с «участием» или «публичным обсуждением» актуальных проблем. Это тенденция прослеживается как на общенациональном уровне (в виде институционализации публичных дебатов и участия граждан в инфраструктурных проектах), так и на местном уровне в решении вопросов, связанных с точечной застройкой, размещением объектов культа и многих других локальных проблем. Дискуссии начинают переходить в киберпространство, появляются мобильные приложения. Государство становится уже не патерналистом, а регулятором и юридическим защитником прав.

Обобщенно говоря, вокруг феномена власти объединяются вопросы моральной легитимации, политической целесообразности и правового регулирования. Социум может изменить положение только через интеллектуальное влияние на муниципальную бюрократию и политиков, что подтверждается международным опытом.

1. Бондаренко С.В. «Право на город» как институциональноформирующий фактор общественного участия // *Власть и элиты* / Гл. ред. А.В. Дука. Т.1. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – С. 275-294.
2. Харви, Д. Право на город // *Логос*. – 2008. – № 3. – С. 80-94.
3. Lefebvre H. *The Urban Revolution*. – Minneapolis: Minnesota University Press, 2003. – 197 p.
4. Merrifield A. *Social justice and communities of difference: a snapshot from Liverpool* // *The Urbanization of Injustice* / A. Merrifield, E. Swyngedouw (eds.). – L.: Lawrence & Wishart Limited, 1996. – P. 200-222.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шапошников М.К. (Санкт-Петербург)

В современном обществе виртуальная сфера нашей жизни расширяет зоны влияния. Туда попадает множество социальных институтов, которые ранее могли осуществляться только в реальной жизни. Данная тема вызывает интерес не только с социальной, но и с технической точки зрения, ведь немаловажную роль в процессе конструирования виртуальной реальности играет научный прогресс. В связи с

различными обстоятельствами люди всё чаще прибегают к виртуальности для решения различных задач. в экономике, политике, культуре и других сферах общества.

Техноцентристский подход (А. Бюль, А. Воронов, А. Крокер) описывает виртуальную реальность как реальность, опосредованную развитием компьютерных технологий, которая является существующей альтернативой сложившегося социального мира. И. Корсунцев и П. Тиллих рассматривают виртуальную реальность как субъективную реальность, которую создает сам индивид с использованием присущей ему логики. М. Кастельс и М. Паэту в своих монографиях придавали большое значение коммуникации и придерживались точки зрения рассмотрения виртуальной реальности в качестве особой формы социального, как результат производства обществом виртуальных форм коммуникации [4]. Ж. Бодрийяр и Д. Иванов считали, что виртуальную реальность нужно рассматривать как реальность, созданная на основе замещения ценностных и институциональных элементов общества симулякрами.

Для того, чтобы понять, как конструируется виртуальная реальность, вначале нужно разобраться с происхождением самого термина «виртуальная реальность». Впервые о виртуальности заговорил французский социолог Жан Бодрийяр. В своей работе «Система вещей» он говорит о виртуальном потреблении, систематическом манипулировании знаками». Автор говорит о том, что современное общество характеризуется утратой реальности.

Идет массовое развешествление окружающих нас предметов. Современное общество характеризуется утратой реальности. Для нас важны симулякры – знаки. В монографии «Симулякры и симуляция» Ж. Бодрийяр приводит превосходный пример нашей тяги к симулякрам. «Диснейленд - прекрасная модель всех переплетающихся между собой категорий симулякров. Это, прежде всего игра иллюзий и фантазмов: Пираты, Пограничная территория, Мир будущего и т.д. Этот воображаемый мир, как считают, причина успеха заведения. Но что притягивает толпы посетителей гораздо больше, так это социальный микрокосм, религиозное наслаждение миниатюризированной реальной Америкой со всеми ее бедами и радостями» [1]. Знаки заменяются знаками знаков. И этот процесс продолжается бесконечно. Невозможно найти первоисточник.

Особенно популярными на рынке труда становятся работы, которые связаны с созданием и транслированием виртуальных образов – специалисты в области PR и рекламы. Всё чаще концепции виртуализации упоминаются и в массовой культуре. Ярким примером служит культовая трилогия братьев Вачовски «Матрица», которая являет собой абсолютизированный вариант нашего современного общества. Что интересно, в фильме неоднократно употребляются цитаты Жана Бодрийяра и других авторов, посвящающих свои труды виртуализации.

Интересна позиция канадского ученого Артура Крокера. Благодаря техноцентристскому влиянию, он дает определение виртуализации, как «квинтэссенция тенденций перекодирования человеческого опыта в алгоритмические коды компьютерного метаязыка», повествует о появлении целого класса виртуальных капиталистов. То есть, появляются новые компании, которые проводят манипуляции с двумя видами кодов: генетическим и двоичным. Эти стартапы разделились соответственно на сферу программирования и биоинженерии. Обе отрасли сейчас находятся на пике востребованности.

Постепенно многие аспекты человеческой жизни получают виртуальный аналог. Например, сейчас сложно представить людей, которые покупают билет на самолет непосредственно в аэропорте, потому что сфера продаж услуг гораздо удобнее представлена в ее виртуальном аналоге. Коммуникация с преподавателями посредством общения через интернет-почту порой бывает продуктивнее чем реальное общение.

Второй техноцентристский взгляд на виртуализацию общества высказал А. Бюль. «По мысли автора теории «виртуального общества» А. Бюля, с развитием технологий виртуальной реальности компьютеры из вычислительных машин превратились в

универсальные машины по производству "зеркальных" миров. В каждой подсистеме общества образуются "параллельные" миры, в которых функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов воспроизводства общества: экономические интеракции и политические акции в сети Internet, общение с персонажами компьютерных игр и тому подобное». Ярким примером данной точки зрения является массовая онлайн-ролевая компьютерная (MMORPG) игра Second Life, которая вбирает в себя абсолютно все элементы жизни реальной: от принятия пищи до свадьбы с другим игроком. Эти параллельные миры, которые создаются компьютерами копируют функции и элементы реальной жизни, а иногда и заменяют ее. Известно множество трагичных случаев, когда пользователи компьютерных игр забывали о том, что происходит вокруг них, и становились жертвами виртуальной зависимости. Если рассматривать позицию А. Бюля с точки зрения критики, то его теория несостоятельна в плане того, что он слишком сильно превознес роль компьютеров, однако потребление символов было задолго до изобретения первых электронно-вычислительных машин.

На сегодняшний день виртуализации необходимы компьютеры для создания новых виртуальных институтов. Так, например, работает портал государственных услуг, который заменяет некоторые государственные органы. Также создаются виртуальные школы, сообщества и другие социальные институты. В целом ценность виртуального образа выше, чем у физического продукта. Насыщение физическим продуктом происходит быстро, а вот насытиться образом невозможно. Из-за этого фактора сейчас так возросла потребность в специалистах компьютерного толка и, как следствие, повысилась стоимость виртуального продукта: брендов, рекламы. Транслирование и принятие образа занимает солидную часть нашего времени. Бренд становится главным активом компании, тем, чем она дорожит больше всего. У компании может быть низкое качество продукции, но если бренд имеет положительные отзывы в обществе, то коммерческий успех ему обеспечен. Виртуализация коснулась абсолютно всех сфер нашей жизни. Так, в политике постепенно отходит в небытие концепция программы партии. Вместо нее у каждой партии есть свой лидер, своеобразный фронтмен, который является лицом партии, создает ее образ в глазах граждан. Происходит виртуализация партий: теперь съезды партий практически ничего не решают и носят характер шоу. Научную сферу также коснулась виртуализации, поскольку происходит конкуренция имиджа и ученый должен писать большое количество научной трудов.

Таким образом, основная особенность модели виртуальной реальности – это создаваемая для пользователя иллюзия его присутствия в смоделированной среде, которое называют дистанционным присутствием. В некоторых из моделей виртуальной реальности пользователи воспринимают изменяющуюся перспективу и видят объекты с разных точек наблюдения, как если бы они перемещались внутри модели.

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула: Тульский полиграфист, 2013.
2. Иванов Д. Виртуализация общества. - СПб.: "Петербургское Востоковедение", 2000.
3. Кастельс М. Галактика интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе. - Екатеринбург, 2004.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. Степанова А., Сивирин Б., Игнатьев В., Владимирова Т., Левицкий Ю. Социальная система как информационное взаимодействие. – Новосибирск.: НГТУ, 2009.

УЛИЧНАЯ МОДА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА

Шпилькина А.М. (Санкт-Петербург)

Мода (от фр. *la mode* - манера, вкус) – это временное доминирование определённого стиля в какой-либо сфере жизни. Это процесс, который существует в виде системы. Исследования моды всегда являются актуальными, так как мода имеет свойство меняться. В первую очередь эти изменения касаются роли потребителей.

Система моды включает в себя действия таких субъектов, как дизайнеры, швеи, байеры, ритейлеры, потребители и многих других. Деятельность модных домов направлена на разработку, производство и распространение продуктов моды, что оказывает сильное влияние на общество. В зависимости от специфики деятельности того или иного субъекта системы моды, они формируют или распространяют модные тенденции. При этом, все они закладывают определенные черты модных стандартов.

Мода имеет конкретный исторический характер. В зависимости от лидера моды, ее движение видится по-разному. Оно может быть нисходящим, когда модные образцы передаются от высших слоев к более низким, что можно увидеть в концепциях Веблена или Зиммеля. Еще один вариант - диффузная циркуляция модных образцов (разнонаправленная), - такой способ распространения моды описывает Блумер. В некоторых случаях мода распространяется снизу вверх, которое можно назвать восходящим. Та или иная характеристика моды появляется вслед за изменениями в обществе.

Современная система моды связана не с классовой структурой общества, а с различными идентичностями - гендерными, возрастными, этническими, субкультурными и т.д. Мода транслируется через различные маркетинговые средства.

Уличная мода - это нормы и практики повседневного конструирования внешности. На нее оказывают влияние три основных компонента: во-первых, это предложения магазинов массовой одежды, во-вторых, уличные тренды и предпочтения потребителей социальной группы, к которой они принадлежат, в-третьих, гляцевые журналы и модные показы, которые представляют идеальную картинку. Уличная мода стала социально-значимым феноменом с развитием массового производства и потребления, когда она стала доступна широким слоям городского населения. Существуют определенные правила и каноны, которые регулируют городскую моду. В каждом городе они различаются, у каждого города имеется свой собственный стиль.

Изначально, под стрит фэшн подразумевалась мода субкультурных меньшинств. Фэшн- индустрия адаптировала эти стили и делала их доступными широким массам. Именно такой пусть прошли такие стили, как панк, гранж, хиппи и многие другие. Но сейчас, когда мы говорим об уличной моде того или иного города, мы не обязательно имеем в виду стиль определенных молодежных субкультур; это понятие гораздо шире. Визуальный образ города формируется также при помощи повседневно одетых граждан, спешащих на работу или на учебу, в кафе или в бар. Они одеваются, следуя негласным правилам, неписанному дресс-коду города. [1]

В одном из своих интервью дизайнер Тигран Аветисян говорит: «На коллекцию повлияли женщины, которых я встречаю в метро каждый день, когда еду на работу и возвращаюсь домой». Это иллюстрирует ориентацию дизайнера на толпу, присущее современной системе моды.

Еще одним эффективным способом распространения моды является ориентация на “икон стиля” или так называемых *it girls*, модных девушек, на которых все хотят равняться. Они перенимают новые образцы раньше других, опережая и формируя моду в массах.

Текущие модные тенденции являются наиболее точными, так как они опробованы в моделях одежды, представленных СМИ, в рамках модных показов или другими презентационными способами. В итоге, массовый потребитель носит именно ту одежду, которую производят швейные предприятия, то есть ориентированную на масс-маркет. Разработка модных тенденций направлена на эффективное функционирование текущих тенденций для удовлетворения потребительского спроса. Они формируются в период размещения заказов на тиражирование модных моделей одежды на предприятиях представителями торгового сегмента индустрии, а затем при реализации их в торговых точках. Таким образом, эти тенденции являются репрезентацией информации, основанной на анализе закупок и уровня продаж продукта моды. [2]

Французский автор М. де Серто в своей книге «Изобретение повседневности» (1980) рассматривает обыденные практики людей. Согласно его концепции, индивиды, которых зачастую воспринимают как пассивных потребителей, на самом деле, не просто потребляют навязываемые им товары. Они адаптируют их согласно своим нуждам и желаниям, таким образом проявляя потребность выразить свою индивидуальность. Это явление можно рассматривать и в рамках системы моды. [3]

В настоящее время меняется логика системы моды: ключевыми становятся тренд в торговле и тренд на улице, то есть то, что продают в магазинах, и то, что носят обычные люди. В то же время, их свобода ограничивается ассортиментом магазинов. Торговля устанавливает рамки, в которых действуют индивиды. Существуют различные пути ухода от диктата торговли. Все большее предпочтение люди начинают отдавать молодым, малоизвестным дизайнерам. Таким образом они пытаются показать свою индивидуальность, быть непохожими на других. Борьба потребителей за самовыражение встает в конфликт с понятием одеваться модно, как все. Покупатели стараются перехитрить навязываемую социальную структуру, заказывая вещи у портных. Индивидуальный пошив не только экономит средства, но и помогает выделиться из толпы. Любая мода является социальной нормой, но индивиды пытаются бороться с этой нормой, индивидуализировать ее.

Репрезентации и правила, производимые и навязываемые доминирующим социальным порядком, сами по себе ничего не говорят нам о том, как социальные акторы используют их в повседневной жизни. Между тем, это использование-потребление само является особого рода производством. Де Серто рассматривает практики такого использования как борьбу «слабых» и «сильных». Таким образом, перенос внимания на повседневные практики социальных акторов позволяет увидеть в них, по мысли М. де Серто, не пассивных потребителей продукции господствующей культурной экономики, но «неузнанных производителей, поэтов собственных действий, безмолвных открывателей собственных переходов в джунглях функциональной рациональности».

Чтобы проанализировать изменения в системе моды можно использовать такие методы, как интервью с различными представителями молодежи, которые следуют моде, и с теми, кто не интересуется модой вообще, чтобы понять, что влияет на то, как они одеваются. Еще один эмпирический метод- это контент-анализ маркетинговых каналов, которые транслируют моду, таких как модные журналы, показы и аккаунты в социальных сетях (например, Instagram). Также, при помощи структурированного наблюдения на улицах, в кафе, в университетах, можно наблюдать за повседневной модой горожан и выявить определенные тенденции.

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 2000.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино. 1999.

4. Веблен Т. Теория праздного класса М.: Прогресс. 1984.
5. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория модного поведения. М.: КДУ, 2010.
6. Зиммель Г. Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М.: Юристъ. 1996.
7. Ильин В.И. Потребление как дискурс: Учебное пособие. СПб.: Интерсоцис, 2008
8. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов; пер. с англ. - М.: Добрая книга, 2012.
9. Михалева К.Ю. Система моды'; Изд-во: М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
10. Мишель де Серто. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
11. Чуприна Н.В. Анализ роли масс-медиа в деятельности индустрии моды // Дизайн. Материалы. Технология. СПб: СПбГУТД. — № 3. — 2013.
12. Ятина Л. И. Мода глазами социолога: результаты эмпирического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. N 2. <http://ecsocman.edu.ru/data/223/542/1216/009Yatina.pdf>
13. Bourdieu P. Haute Couture - Haute Culture // Sociology in Questions. London: SAGE Publications. 1993.
14. Davis F. Fashion, Culture and Identity. Chicago: The University of Chicago Press. 1992.
15. Roche D. The Culture of Clothing. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ В КИТАЕ И ОТНОШЕНИЯ К НИМ

Шэ Л. (Санкт-Петербург)

После вступления в силу политики «Одна семья, один ребёнок» уже прошло больше 30 лет. На сегодняшний день в Китае первые родители, имеющие одного ребёнка, становятся пожилыми. Среди них появилась группа пожилых родителей, единственный ребёнок которых умер в результате несчастного случая. Такие семьи называются «Шиду». «Санитарная статистика 2010 года» Министерства здравоохранения КНР показала, что в Китае количество «Шиду» достигло миллиона и ежегодно увеличивается на 76,000 новых[1]. А некоторые демографы полагают, что с 1975 по 2010 гг. больше 10 миллионов единственных детей умерли до 25 лет, значит, 20 миллионов родителей стали «Шиду»[2]. Хотя цифры очень сильно отличаются, но это факт, что «Шиду» уже стали социальной группой, которую нельзя оставить без внимания.

В Китае принято считать, что вырастить ребёнка необходимо, чтобы обеспечить себе старость. И такое обеспечение не только материально, но и духовно. Особенно в семье, имеющей только одного ребёнка, ребёнок - это надежда всей семьи. Поэтому нетрудно представить, как разрушается семья при утрате единственного ребёнка. Самая большая проблема, к которой приводит потеря единственного ребёнка - это психологическая травма. По статистике, больше 60% родителей страдают депрессией и среди них у половины была склонность совершить попытку самоубийства.[3] Психотравма, во-первых, приносит вред здоровью родителей. Во-вторых, они становятся уязвимыми и чуткими, боясь общаться с людьми. В-третьих, обостряется напряжённость взаимоотношений между супругами, что провоцирует множество семейных конфликтов. Такая ситуация очевидно требует специального вмешательства специалистов. В связи со сменой типа семьи и ослаблением ее функций в современном Китае растёт количество семейных конфликтов, которые не поддаются самостоятельному решению и требуют вмешательства со стороны специалистов: социальных работников и психологов. Однако, несмотря на развитие и внедрение социальной работы в Китае, появилось много трудностей, особенно в сфере социальной работы с семьей.

С целью изучения и выявления отношения китайцев к семейным конфликтам и способам их разрешения был проведен Интернет опрос. Важно также было оценить потребности семей в помощи социальных служб для регулирования этих конфликтов.

Интервью включало 19 вопросов: 11 вопросов были направлены на изучение отношения, потребностей и типов конфликтов, 8 вопросов о данных респондентов. Всего было опрошено 50 респондентов разных городов Китая.

Женщин: 36 чел. Мужчин: 14 чел.

По возрасту: от 18 до 30 лет – 23 чел., от 30 до 40 лет – 8 чел., от 40 до 50 лет – 8 чел., от 50 до 60 лет – 11 чел..

По уровню образования: 12 человек со средним, и 38 человек – с высшим

По семейному положению респонденты:

состою в зарегистрированном браке – 27 чел.,

состою в незарегистрированном браке – 1 чел.,

никогда не состоял в браке – 19 чел.,

разведен/разведена – 3 чел.,

Среди людей, состоящих в браке, по семейному стажу: до 2 лет – 4 чел., 2-4 года – 6 чел., 5-7 лет – 1 чел., 8-9 лет – 1 чел., 10-15 лет – 4 чел., 16-20 лет – 4 чел., больше 20 лет – 11 чел.. И 4 чел. и рожали ребенка, а у остальных 27 в семье дети.

29 респондентов проживают вместе с другими родственниками.

По результатам исследования только 6 респондентов заявили, что они никогда не сталкиваются с конфликтами в семье, однако 2 из них соглашаются с точкой зрения «конфликты неизбежны». 14 респондентов затрудняются ответить, 2 респондента отказались от ответа. У остальных 28 опрошенных в семье время от времени возникают конфликты.

Эти конфликты в большинстве случаев происходят между супругами (45.45%), которые принимают форму спора (65.91%) и упреков (54.55%). При этом, для 63,63% семей конфликты длятся не дольше одного дня.

Почти половина респондентов не стремится и не разрешает конфликты, а предпочитают избегать столкновений и ждать, когда «время вылечит».

65.91% опрошенных ответили, что неспособны конструктивно вести себя. Причиной невозможности урегулирования конфликтов в ситуации столкновения позиций половина респондентов назвала упорное стремление «настоять на своем».

Для урегулирования конфликтов 20.45% обращаются за помощью к родственникам и 15.91% - к друзьям. 88,9% людей, попросив помощи от родственников, полагают, что оказанная помощь помогла разрешить конфликты. И, как предполагалось, никто не выбрал «социального работника» и «психолога» в качестве помощника в урегулировании конфликтов.

По результатам опроса оказалось, что 12% респондентов не знают, что социальные работники оказывают помощь в урегулировании семейных конфликтов, 8% им не доверяют, 70% придерживаются традиции «не выносить сор из избы».

Также было обнаружено, что чем выше уровень образования, тем более оптимистически люди относятся к семейным конфликтам. Люди с высшим уровнем образования считают конфликты новой жизненной возможностью и они не придерживаются традиции «не выносить сор из избы», но проявляют больше недоверия к социальным работникам.

Таким образом, в Китае люди часто сталкиваются с конфликтами при взаимодействии супругов, детей и родителей в семье. Но культура и традиции влияют на их отношение к конфликтам и ограничивают способы разрешения столкновений. При некомпетентности в урегулировании конфликтов они неохотно просят помощи у чужих людей. Именно это усложняет распространение и развитие социальной работы. С одной стороны, люди, находящиеся в семейных конфликтах, должны поменять укоренившиеся в культуре мысли, чтобы получить необходимую помощь от специалистов; с другой стороны, социальные работники должны больше информировать о своей деятельности и возможных услугах населению. Для формирования доверия к социальным службам также

важно повышать квалификацию специалистов по социальной работе, чтобы оказывать клиентам профессиональную помощь.

1. URL: http://epaper.oeeee.com/A/html/2013-03/03/content_1813234.htm (Дата обращения: 18.09.2015)
2. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/20120719/012012604125.shtml> (Дата обращения: 15.09.2015)
3. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0511/c70731-21448582.html> (Дата обращения: 20.09.2015)

УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТЬЮ В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Щекотин Е.В. (Томск)

Термин «турбулентный социум» вошел в лексикон представителей гуманитарного знания совсем недавно, в 2010-х гг. (см., например, [3; 5]). Метафора турбулентности подчеркивает ряд важных особенностей, которые выходят на первый план в современном мире: текучесть, подвижность, неустойчивость его реальности.

Одним из первых предпринял попытку раскрыть эти черты современного мира З. Бауман в своей концепции «текучей современности» [2]. З. Бауман пишет о «плавлении» некоторых твердых сущностей, пребывавших в состоянии стабильности: «плавятся» какие институты как семья, труд, государство и т.д. Текучесть рассматривается им как проницаемость границ, размывание стабильных объектов, повышенная изменчивость устойчивых форм.

З. Бауман понимает текучесть прежде всего, как физическое движение, циркуляцию в пространстве. В подвижности разного рода объектов, их стремительном перемещении через границы он видит главную причину текучести современного мира. В большинстве современных социальных теорий подвижность связывается с увеличением скорости перемещения в физическом (Дж. Урри, А. Аппадурай) или символическом (сетевом) пространствах (М. Кастельс). Однако для более глубокого понимания турбулентного общества недостаточно акцентировать внимание на возрастании скорости перемещения физических объектов, людей, образов, электрических сигналов, на проницаемости и подвижности любых устоявшихся границ. Важно подчеркнуть, что изменяется сама природа объектов, которые циркулируют в пространстве. Так, Дж. Ло вводит понятие «потокowego (fluid) объекта». Такие объекты находятся в состоянии постоянного и постепенного изменения, меняя свою форму и очертания по мере своего перемещения в пространстве, стабилизация или слишком резкое изменение для таких объектов является катастрофой, гибелью [4].

Особое значение в турбулентном обществе имеет управление безопасностью. О. Н. Яницкий подчеркивает, что современный мир «находится в стадии всеобщего риска». Среда, в которой существует общество, крайне насыщена рисками разного происхождения и разного типа. Постоянно возникают новые источники рисков, одна катастрофа накладывается на другую, приводя к возникновению синергетического эффекта. Сам феномен турбулентности О. Н. Яницкий оценивает крайне негативно: «Турбулентность» в действительности означает крайнюю степень нестабильности мировой экономической и политической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома очень высока. «Турбулентность» – это всепроникающий риск ее деградации и разрушения вследствие нового этапа передела мира и его ресурсов, непримиримого конфликта культур, отягощенного локальными конфликтами и войнами»

[6, с. 158]. Один из крупнейших представителей мир-системного подхода в макросоциологии Дж. Арриги отождествляет турбулентность с системным хаосом. Состояние турбулентности он связывает с процессами распада системы отношений, сложившейся в рамках определенного этапа развития капиталистической мир-системы, и с воссозданием системы в начале нового этапа, где лидирующее положение займет новый гегемон [1.С. 126-127].

Сложившиеся подходы в социальном управлении не учитывают неизбежно возникающие особенности процесса управления в ситуации возрастающей турбулентности в обществе, природе и техносфере. В основе рассмотренных подходов лежит базовое допущение о возможной редукции объектов управления к гомогенной абстрактной схеме их взаимодействия. В то же время в условиях социальной турбулентности особенно важным оказывается учитывать их гетерогенность, т.к. абстрактные совокупности создают ложную иллюзию однородности управляемых объектов.

Рассмотренные подходы в социальном управлении, в той или иной мере развивают идеи системного подхода, который базируется на допущении о типизации управляемых элементов. Гомогенность в этом контексте означает установление фактического равенства (или, по меньшей мере эквивалентности) в отношении всех управляемых элементов. Абстрактность таких систем расширяет возможности контроля за поведением, вычисление строгих алгоритмов поведения. Однако в ситуации турбулентности, когда управляемые элементы становятся «текучими объектами» такие системы становятся слишком громоздкими и неэффективны. Они попросту не успевают вслед за потоками.

Поэтому эффективность управления зависит от того, в какой мере учитывается принципиальная гетерогенность управляемых объектов. Р. Агарвал анализирует причины неудачи современных макроэкономических теорий в попытке объяснить мировой финансовый кризис 2008-09 гг. и предложить выход из него. Главной причиной он считает допущение о гомогенности и взаимозаменяемости в экономике факторов производства, фирм и индустрий [8.Р. 467-468]. В макроэкономических моделях все фирмы со всеми разнообразными ресурсами рассматривают как похожие. Данное допущение позволяет использовать для управления экономикой агрегированные индикаторы (такие как ВВП, объем денег в экономике, темпы роста и т.д.). Опираясь на положения стратегического менеджмента, Р. Агарвал показывает, что данная установка не верна, определяющее значение имеет гетерогенность ресурсов в экономике. Взгляд на макроэкономiku с позиции гомогенности ресурсов не позволяет найти подлинные причины финансового кризиса и предложить рецепты для скорейшего оздоровления мировой экономики.

Аналогичные заключения представляются справедливыми и в отношении вопросов безопасности. Так, например, Х. Молотч в работе с характерным названием «Против безопасности» показывает основные недостатки сложившейся «милитаристской» идеологии [9]. Построенные по стандартизированным схемам, эти системы безопасности направлены на унификацию граждан, усилении контроля и неукоснительном подчинении этим абстрактным правилам. На многочисленных примерах Х. Молотч показывает, что такие «милитаристские» системы оказываются не способны предотвратить теракты и зачастую сами становятся причиной многочисленных неприятностей и, даже небезопасности для населения. Американский журналист Т. Аронсон утверждает, что спецслужбы США, такие как ФБР сами фабрикуют террористические угрозы (например, с помощью тайных агентов провоцируя психически нездоровых людей, в первую очередь мусульман, на подготовку терактов, при этом расходы на спецслужбы, которые тратятся на предотвращение террористических угроз, превышает оборот всего криминального бизнеса в США [7]).

Таким образом, управление безопасностью требует новых подходов в условиях социальной турбулентности. Одним из таких подходов может стать применение концепта

гетерогенности. В этом случае акцент в управлении безопасностью должен быть сделан на микроуровне, т.е. на непосредственных практиках взаимодействия, учитывающих локальную специфику и особенности. Сложные закрытые системы базируются на усилении контроля как главного инструмента в обеспечении безопасности. Их методы – унификация и конструирование абстрактных типов, закрытость и строгая разграничение, универсальность правил и схем и т.д. Такие системы эффективны для стабильных обществ, в которых степень диффузии, подвижности и проницаемости границ не велика.

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. 472 с.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер. 2008. 240 с.
3. Данилова Е. Н. Турбулентное время... в Швейцарии // СОЦИС. 2012. № 3. С. 3-5.
4. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. Том 5. 2006. № 1. С. 30-42.
5. Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии // СОЦИС. 2012. № 4. С. 3-7.
6. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.
7. Aaronson T. *The Terror Factory: Inside the FBI's Manufactured War on Terrorism*. NewYork: Ig Publishing, 2013.
8. Agarwal R., Barney J., Foss N., Klein P. *Heterogeneous resources and the financial crisis: implications of strategic management theory//Strategic Organization*. November 2009. Vol 7(4), pp. 467-484.
9. Molotch H. *Against Security: How We Go Wrong at Airports, Subways, and Other Sites of Ambiguous Danger*, Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2014.

РИСКИ ВУЗОВСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Яишников А.Ю. (Москва)

Социализация один из самых важных социальных процессов: посредством институтов, участвующих в этом процессе, формируется мотивация и способность личности участвовать в жизни общества, передача и усвоение культурных ценностей. Область наших исследований связана с социологическим аспектом. Анализ специфики различных социологических подходов к изучению социализации позволяет сформулировать ряд общих методологических положений, на которых базируется эмпирическое исследование, некоторые результаты которого являются предметом обсуждения в докладе.

Процесс социализации объединяет воспитание и образование (Э. Дюркгейм). В процессе социализации индивид играет активную роль: не только испытывает влияние общества, но и сам формирует социальную среду (К. Маркс, Дж. Мид, М. Мид, У. Брофенбреннер). Общество воздействует на индивида с помощью агентов и институтов социализации (Т. Парсонс), при этом очень важно понимать в каком обществе происходила социализация, то есть какие ценности транслировались индивиду (Дж. Мид, М. Мид). Рассматривая этот процесс в динамике, стоит выделять первичную и вторичную социализации (Т. Парсонс). При этом первичная социализация во многом определяет последующие стадии (И. Таллмен). Агенты социализации могут быть стихийными и организованными (И. Кон). Социализация на определенном этапе может быть разделена на множество позиций, в соответствии с ролями, которые играет индивид (П. Бурдьё). С позиции оценки успешности социализации выделяются саморегуляция индивидом своего поведения (Дж. Мид) и ожидание общества определенного поведения индивида (Н. Смелзер), что является социализационной нормой (А.И. Ковалева). Противоположностью социализационной нормы является парадоксальность сознания (Ж.Т. Тощенко).

Рассмотренные подходы к пониманию и изучению социализации позволяют сделать вывод о том, что процесс социализации довольно сложен по своей структуре и механизму, субъектам и объектам. Мы вводим существенное ограничение и сосредоточим свое внимание на исследовании ряда специфических черт вузовской социализации. Поскольку процесс социализации человека осуществляется на протяжении всей его жизни, вузовская социализация представляет собой один из его этапов, что предполагает наличие у студента некоего «опыта» социализации в семье, детских дошкольных учреждениях, школе, иногда в профессиональных училищах и общественных, политических, религиозных и иных организациях.

Система образования и, в частности вузовского образования, как социальный институт выполняет важнейшую социальную функцию, представляя собой один из инструментов, посредством которых осуществляется процесс социализации личности. Именно в системе вузовского образования индивид обретает навыки ориентации и адаптации в определенной профессиональной сфере, формирует личностные критерии оценки приемлемости тех или иных норм поведения, жизненных ценностей и мировоззренческих стереотипов.

Социальная сущность вузовской социализации как функции социального института состоит в том, что процесс осуществляется как в интересах общества, так и в интересах личности. В идеале эти интересы должны совпадать. Несовпадение этих интересов приводит к ситуации, при которой вузовская социализация удовлетворяет цели индивида, а интересы общества оказываются в зоне риска, так как индивид отчуждает себя от педагогически организованного процесса социализации, где объединены образование и воспитание.

Понятие «риск» широко используется и обывателями, и исследователями и специалистами-практиками в различных областях нашей жизни. Содержание, однако, в это понятие вкладывается различное. При всем многообразии определений риска, в рамках различных исследовательских направлений все, в том числе и социологи, сходятся в том, что в содержание понятия «риск» входят три элемента: (1) нежелательные последствия некоторого действия, течения событий, процесса; (2) возможность (вероятность) наступления нежелательных последствий – неопределенность; (3) контекст, в котором может осуществиться неопределенность или факторы среды (контекста) [1]

В рамках данного текста мы не намерены детально анализировать различные интерпретации понятия риска. Нам важно обозначить аспект проблематики риска в социологическом исследовании особенностей процесса социализации в высшем учебном заведении. Отметим, что уровни формирования рисков социализации – это как социальный институт образования, так и собственно студенческая общность и различные «подтипы» этой общности.

Конкретной задачей исследования является выявление некоторых показателей, которые при определенных условиях (социальный контекст, факторы среды) могут (неопределенность) привести к нежелательным с точки зрения успешности процесса социализации последствиям.

Мы имеем доступ к базе данных исследования, результаты которого предполагаем интерпретировать именно в направлении совпадения целей личности и социального института, выявления показателей процесса социализации, которые без управленческого воздействия могут привести к нежелательным последствиям для таких субъектов вузовской социализации как институт образования с одной стороны и студенческое сообщество – с другой.

Социологическое исследование «Социализация и воспитание студенческой молодежи вузов Ростовской области» проведено в 2011 году. Исследование проводилось по плану работы Совета ректоров вузов Ростовской области, охватило 16 вузов (3 негосударственных и 13 государственных), выборка составила 4013 студентов.

С целью выявления проблемных точек в процессе вузовской социализации мы выделили из всего массива опрошенных две группы студентов. Первую группу сформировали из тех студентов, которые единственной целью поступления в ВУЗ считают обучение, получение знаний; вторую группу сформировали из тех студентов, которые связывают ВУЗ не только с приобретением знаний, но и с получением ориентиров в жизненных ситуациях, в выборе образа жизни.

Методика формирования групп следующая. Если респондент согласен с тем, что «университет должен дать знания по профессии, а остальное – мировоззрение, образ жизни, стиль поведения – личное дело каждого» и не согласен с тем, что «у студентов обязательно должны быть наставники – авторитетные преподаватели, которые помимо учебных занятий помогают ориентироваться как в профессиональных, так и в жизненных проблемах», то его мы относим к группе, разделяющей узкое понимание вузовской социализации. Назовем эту группу «моноориентированными». Если респондент дает противоположные ответы, то мы относим его к группе, разделяющей широкое понимание вузовской социализации, назовем их «мультиориентированными».

Численно первая группа состоит из 263 человек (7% от общего количества опрошенных), вторая – 1296 человек (32% от общего количества опрошенных). Далее по ряду показателей мы определяем наличие или отсутствие существенных статистически значимых различий в установках этих групп.

В докладе обосновывается, что эмпирические данные демонстрируют тот факт, что у «мультиориентированных» студентов процесс социализации идет, во-первых, по более широкому вееру возможностей и, во-вторых, они в большей степени удовлетворены всеми составляющими процесса вузовской социализации. Для значительной доли «моноориентированных» студентов проблемными выступают такие направления вузовской социализации как качество преподавания, отношения с преподавателями, они не видят среди преподавателей наставников и учителей, не заинтересованы в личном контакте с преподавателями. Не интересуются общественно-политическими событиями, не участвуют во внеучебной студенческой жизни, не удовлетворены организацией досуга в вузе. Полагаем, что перечисленные выше проблемные направления вузовской социализации, отвечают введенному нами в начале статьи определению риска. Эти риски угрожают не только тому типу студенчества, который мы обозначили как «моноориентированные» студенты, но и системе образования как социальному институту так как цели и функции системы могут остаться невыполненными. Полагаем, что такого рода данные являются значимыми не только для углубления знаний о сути процесса социализации, но и для корректировки организации образовательного и воспитательного процесса в системе высшего образования.

1. *Мозговая А.В. Измерение риска в социологии: методология, методы, результаты // Риск: исследования и социальная практика. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 45*

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Арясова А.Ю. (Астрахань)

События последних лет в российском обществе привлекают все большее внимание к перспективам развития российских регионов, в частности, к региональной ценностной системе как одной из составляющих социокультурной трансформации общества, которая становится либо фактором оптимизации динамики преобразований, либо столь же значимым фактором их торможения.

Ценности существуют как реальность особого рода, как некоторая область социокультурных смыслов, которые, возникнув из социально-индивидуальных взаимодействий, обретают известную автономию и начинают влиять на поведение индивидов в форме социальных норм, представлений, структуры понятий и т.д. Проведенное исследование основано на широко применяемой методике изучения структуры ценностей, разработанной Н.И. Лапиным. Для нас представляет интерес выявление преобладающего характера ценностей, которые ориентируют поведение индивидов и иных социальных субъектов по отношению к основным функциям российского общества и его регионов как социокультурных целостностей [1, С.28].

Целью проведенного исследования является социологическое измерение динамики в структуре базовых ценностей, проведенного исследовательскими группами под руководством и непосредственном участии автора в Астраханской области. Для этого использовался метод интервью по месту жительства. Представлены результаты второго этапа, проведенного в мае-июне 2012 (N = 600) и проведен сравнительный анализ с результатами подобного исследования 2009 года [14. С. 84]. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемыми признаками являются: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки составила 3%. Обработка и анализ данных проводились в программе SPSS 17.0. Матрица была разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института Философии Российской академии наук. Анализ включал осмысление и сопоставление региональных данных 2009 и 2012 года. Измерение результатов проведено с помощью средних величин, но для получения наиболее использовалась апробированная техника преобразования 11-балльной шкалы в 5-балльную. Опыт подготовки данного преобразования подробно объяснен и апробирован в подобных региональных исследованиях [2].

Базовые ценности подразделяются на три культурных типа: традиционный, общечеловеческий, современный. В представленной структуре ценностей населения Астраханской области по данным исследований, проведенным в 2012 г., так же, как и в 2009 году, рассматриваются 14 ценностей. Это базовые ценности, в которые включены 14 позиций: жизнь человека, семья, общительность, порядок, благополучие, традиция, независимость, свобода, работа, жертвенность, инициативность, нравственность, своевольность, властность. В процессе анализа были подсчитаны средневзвешенные баллы, которые выражают степень согласия респондентов с обозначенными суждениями.

Разбиение ценностей по определенному культурному типу установлено методикой исследования [3, С. 70].

Общими чертами в измерениях 2009 и 2012 года являются сходство структур общечеловеческих ценностей, что свидетельствует о достаточной устойчивости ориентиров ценностного сознания населения региона. Особенными чертами в регионе являются черты иерархии, отражающие конкретную социокультурную обстановку в регионе и специфику ее историко-культурной эволюции. Данный тезис получает подтверждение результатами исследования. Средний балл поддержки базовых ценностей в 2012 году составил 4,05 балла. В 2009 году этот показатель был 3,79 балла. Таким образом, можно наблюдать повышение средневзвешенного балла на 0,34. Кроме того, отмечается уплотнение интегрирующего ядра ценностей за счет подъема ценностей «общительность», «порядок», «благополучие», «традиция» из интегрирующего резерва в интегрирующее ядро.

Средний показатель поддержки общечеловеческих ценностей («порядок», «благополучие», «работа», «общительность», «нравственность», «властность») составил 3,99 балла. В 2009 году этот показатель составлял 3,72 балла. Данный факт свидетельствует о повышении актуальности ценностей «порядок» и «общительность», которые выражают организованность общественной жизни, а также ее коммуникативную направленность и стремление к упорядочиванию, что весьма актуально и перспективно для полноценного развития региона.

Подсчет среднего балла поддержки традиционных ценностей составил 3,92 балла. В список традиционных ценностей входят «традиция», «семья», «жертвенность», «своевольность». Уровень поддержки традиционных ценностей в 2012 году вырос на 0,2 балла по Астраханской области.

Современные ценности, в число которых включены «жизнь человека», «свобода», «независимость», «инициативность» по среднему баллу дали показатель в 4,37. В 2009 году этот показатель составлял 4,09 балла. Данный факт дает основание полагать, что региональная ценностная структура общества становится «современной» [см. подробнее 4, С. 116-118].

Также был произведен подсчет коэффициента современности/традиционности структуры ценностей. В 2012 году он составил 1,11 балла. В 2009 году он составлял 1,1 балла, таким образом наблюдается слабый и незначительный рост коэффициента поддержки современных ценностей.

Российские регионы как социокультурные общности подвергаются разнонаправленным изменениям под влиянием современности. Очевидно, что успех развития региона определяется тем, насколько предписываемые ими модели поведения граждан соответствуют нормам ментальной идентичности населения, его национальной культуре.

Российская цивилизация особенно подвержена амбивалентным интерпретациям в силу ее раздвоенности между Европой и Азией, империей и демократией, патриархальностью и постмодернистскими тенденциями. Такая двоякость России представляет мощный потенциал для развития и одновременно в случае неверного его использования, серьезную угрозу. В ведущих странах - это не сырье и территория, а инициатива людей. В России, к сожалению, потенциал, заложенный в людях, востребован далеко не полностью. Как известно, не востребованная энергия разрушает человека. Именно в невостребованности коренятся такие духовно-нравственные проблемы общества как пьянство, социальная апатия, преступность, моральное разложение.

Ясно, что «в историческом масштабе времени глобальная эволюция в определенной степени сопряжена с императивом нравственного совершенствования» [5, С.11-13.]. Смеем утверждать, что человечество способно выжить в современных условиях глобализации и обострения различных глобальных проблем в случае, если поставит в центр своего существования систему духовно - нравственных ценностей. В этом

отношении XXI столетие, судя по всему, станет «веком человека» [6.], то есть приоритет материальной стороны цивилизации перейдет к духовной ее стороне.

1. Лапин, Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н.И. Лапин. // Социологические исследования. – 2010. – №1. – С.28
2. Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: материалы III-й Всероссийской научно-практической конференции – Курск: Изд-во Курс. Гос. Университета, 2007. – 259с.
3. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: ИФРАН, 2010. – С. 70.
4. Регион: пространство смыслов и содержание. / Коллективная монография / Ануфриев Д.П., Арясова А.Ю., Беликова Е.О., Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Наумов И.Н., Парамонова М.А. Симоненко М.А., Токарев В.В. / под общ.ред. Н.В. Дулиной, Е.В. Каргаполовой. –
5. Садовничий В. А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире. – М., 2005. – С.11.
6. Налимов В.В. Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в XXI веке. // Вопросы философии. – 1996. – №11, С. 65 – 74.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ахметова С.А., Ишкинеева Ф. Ф. (Казань)

Введение. Демографический потенциал населения означает возможности естественного воспроизводства населения региона и зависит от численности женщин детородного возраста и от их репродуктивных установок.

Методы. Демографический анализ произведен на основе статистического материала – экспресс-информации о численности населения Республики Татарстан по полу и возрастным группам на начало 2015 г. [1].

Результаты. Границы детородного возраста женщин 15-49 лет определяют продолжительность репродуктивного периода. Доля женщин детородного возраста составляет обычно 25-30% от численности всего населения. На конкретной территории может быть своя специфика, которая и предопределяет убыль или прирост населения.

В населении Республики Татарстан численность женщин репродуктивного возраста – 950024 чел., что составляет 24,6%. В городском населении эта доля составляет 25,6% (снижение по сравнению с 2008 г. на 3,4%), в сельском населении доля женщин репродуктивного возраста – 21,2% (ниже «нормы», снижение по сравнению с 2008 г. на 2,0%). По мере сокращения численности сельского населения снижается и его репродуктивный потенциал. Динамика численности населения в республике неоднозначна: в одних населенных пунктах наблюдается его прирост, в других – убыль, в целом, начиная с 2011 г., фиксируется незначительный естественный прирост населения [2, с.49-50, 53].

Репродуктивный потенциал различен в городах и сельских поселениях разной степени демографической молодости/старости. Города республики со сравнительно молодым населением – Набережные Челны, Нижнекамск – имеют более высокий репродуктивный потенциал по сравнению со старыми в историческом смысле городами. Три четверти жителей республики – горожане, при этом 40% горожан – столичные жители, 18% - жители крупнейшего города Набережные Челны, 13% - жители больших городов – Нижнекамска и Альметьевска. Города-миллионники, крупнейшие и большие города привлекательны, особенно для молодежи, из-за развитости социальной инфраструктуры, возможностей приобретения желаемой профессии, трудоустройства,

получения качественного образования, а также с демографической точки зрения: здесь шире брачный круг, «богаче» брачный рынок, больше возможностей для интенсивного общения, для заключения брачных союзов.

Сельские поселения постепенно теряют своих жителей: молодежь уезжает в город, как следствие – снижение репродуктивного потенциала сельского населения.

Характерным для РТ, как и для всего российского общества, является гендерный дисбаланс, выражающийся в значительном превышении численности женщин над численностью мужчин. В составе постоянного населения РТ 46,25% мужчин и 53,75% женщин. Гендерный дисбаланс наблюдается и в структуре населения репродуктивного возраста. Всего в населении РТ на 1000 мужчин приходится 1167 женщин. До 18-летнего возраста это соотношение составляет 52% и 48%: на 1000 мужчин приходится 920 женщин. Однако с возрастной группы 18-19 лет начинается «перевес» женщин, за исключением группы 25-29 лет, где мужчин больше. Приведем соотношение мужчин и женщин в различных возрастных группах репродуктивного периода (расчеты сделаны на основе статистических данных, размещенных на сайте Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан) [1].

Возрастная группа	Численность мужчин	Численность женщин
20-24 года	1000	1044
30-34 года	1000	1013
35-39 лет	1000	1060
40-44 года	1000	1080
45-49 лет	1000	1109

Статистика однозначно свидетельствует: гендерный дисбаланс наблюдается и в населении репродуктивного возраста, что отнюдь не способствует созданию гармоничных супружеских пар.

Фактическая продолжительность репродуктивного периода зависит от множества факторов как макросоциального (социально-экономические, социокультурные, санитарно-гигиенические условия жизни), так и микросоциального (физическое и психическое здоровье женщин, длительность пребывания в браке, семейные отношения) характера. Семья как частная сфера жизни общества регулируется внутренними убеждениями, интересами, ценностями, идеалами. Отношения между членами семьи имеют прежде всего эмоциональный характер, основаны на любви, заботе о ближнем, о его здоровье, проникнуты доверием. Взаимоотношения между родителями и детьми носят не утилитарный характер, с позиции полезности, как в обществе, а основаны на самооценности человека, безотносительно к выгоде, получаемой от него. Вместе с тем семья как публичная сфера жизни общества подвержена влиянию других социальных институтов (государство, сфера производства и потребления, система социального обеспечения, система образования, религиозные институты) и выполняет в современном обществе основную – репродуктивную функцию. Разводы, характерные для современной семьи, сокращают среднюю продолжительность жизни в браке и, соответственно, уровень брачной рождаемости.

Заключение. На основе анализа демографической ситуации в РТ в начале 2015 г. можно сделать следующие выводы: 1. Демографический потенциал населения республики, детерминированный долей женщин детородного возраста, составляет 24,6% (ниже «нормы»). 2. В городских поселениях республики доля женщин детородного возраста составляет 25,6% (в границах «нормы»), в сельских поселениях – всего 21,2% (ниже «нормы»). 3. Возрастная структура сельского населения свидетельствует об утрате

потенциала демографического роста из-за низкой доли женщин репродуктивного возраста. 4. Естественного прироста населения можно ожидать в городах и в отдельных сельских поселениях со значительной долей жителей активного репродуктивного возраста.

1. *Численность населения Республики Татарстан по полу и отдельным возрастам на начало 2015 года //Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.- URL:http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/177c630040ff18c78957ef367ccd0f13/числ.+по+...*
2. *Минзаринов Р.Г., Ишканиева Ф.Ф., Ахметова С.А. Динамика демографических процессов в Республике Татарстан: сдержанный оптимизм / Ученые записки Казанского университета. Том 155. Серия Гуманитарные науки. Книга 6. – 2013. – С. 47-61.*

РОССИЙСКИЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Баранец С.Н. (Гатчина)

Несмотря на кажущуюся естественность процесса внедрения стратегически ориентированных плановых элементов в сферу государственного и муниципального управления, несмотря на широкое распространение форсайт-прогностических подходов к видению перспектив ведения дел в различных областях общественного производства и присвоения продуктов и услуг товарного и нетоварного вида, несмотря на практически повсеместное следование правилам проективного мышления и деятельности, поставленная в середине 2014 года задача перевести российские управленческие механизмы в режим перманентного и научно-обоснованного использования преимуществ системного стратегического планирования имеет, на наш взгляд, высшую категорию сложности. Состоявшееся в итоге почти полуторадесятилетнего периода научного обоснования, обсуждения концептуальных основ и нормативной разработки внедрение в современное российское законодательство известного закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28 июня 2014 г. для многих представляет собой знаковое событие. С одной стороны, в этом акте видят начало возрождения планового хозяйства, подобного советскому, с другой – рассматривают данный федеральный закон как еще одну попытку изыскать оптимальный способ упорядочения административной деятельности власти (а не реальности, ею управляемой); наконец, для научно-экспертных кругов он предстает в качестве заявки на закрепление сложившихся во втором десятилетии XXI века тенденций к такой организации общественной жизни в России, при которой для целей развития страны не зазорно использовать любые достижения управленческой мысли и практики, лишь бы они были эффективны и позволяли приращивать общественный продукт и тем самым добиваться подтягивания уровня и характеристик жизнедеятельности основной массы российских граждан к уровню современных мировых стандартов. Нельзя сказать, чтобы эта задача и способы ее решения были слишком оригинальны, но для многих управленцев современного типа парадигма прямого влияния качества власти на качество жизни является почти неоспоримой. Исходя из этой парадигмы, лучшая организация власти позволяет эффективно управлять элементами, ее составляющими, и структурами, эти элементы организующими, а в связи с этим и управляемая реальность общественных отношений упорядочивается, ритмизируется организационным образом в пространстве и времени, что имеет результатом подвижки в социальной ткани, свидетельствующие о

воспроизводстве, а порой и улучшении достигнутых показателей качества жизни подвластных и управляемых. При всем упрощении реальных процессов эту парадигматическую установку можно рассматривать как явный позитивный сдвиг во властно-управленческом мышлении, а сопряжение с ней элементов принуждающего и влиятельного стратегирования фундирует ее вполне основательно.

Эта смена парадигмы ставит перед теоретиками и практиками государственного и муниципального управления много непростых вопросов прагматического и фундаментального характера. Главным из них на наш взгляд, выступает вопрос о мировоззренческих предпосылках и методологических основаниях социального конструирования в сфере разработки и имплементации стратегий развития населенных территорий носителями властных прерогатив. Ответ на этот вопрос позволяет теоретически упорядочить совокупность знаний о возможностях и пределах такого конструирования, обусловленных, помимо прочего, наличными обстоятельствами взаимосвязи и взаимодействия структур и элементов социально-территориальных комплексов, т.е. населенных людьми и освоенных ими территорий, отграниченных друг от друга в соответствии с существующим административно-территориальным делением страны. Выбор правильных оснований для постановки и решения этого вопроса дает возможность теоретически грамотно моделировать сущность и особенности управляющих подсистем

Судя по итоговому тексту 172-го ФЗ от 28.06.2014 г., его разработчики не были озабочены проблемой возврата планового начала в основания современного российского социального порядка. Эту задачу пока что не ставит в России ни одна из общественных сил – ни самоутверждающийся бизнес, ни власть в ее государственном и муниципальном измерении, ни гражданское общество в лице системной (партийной) и внесистемной (антипартийной) оппозиции. В связи с этим обстоятельством ждать от законодателя неких реверсивных потуг и усилий было бы неправильно и неразумно. Задача закона в социально-философском плане вполне понятна: увязать деятельность российской государственной машины в некое подобие системы упорядоченных циклов деловоспроизводства (то есть воспроизводства процесса созидания и исполнения нормативно-правовых и иных властных актов несвободной воли), диктуемого не реальностью как таковой, в ее объективном существовании и данности в ощущениях, но реальностью конструирования управленческих знаков и символических обменов ими. Конечно, реальность прорывается к упорядоченному управленческому уму, давно уже принужденному возвращаться в установленных безграничных пределах начальственного усмотрения и волеизъявления, но поскольку начальственное усмотрение субъективно-идеалистично, по-преимуществу, и автократизировано, а начальственное веление не выплескивается за пределы специально выстроенного управленческого континуума, то и исполнитель не чувствует себя ответственным за реальное воплощение начальствующей волю иначе, как во вторичных и третьестепенных документах, обязанных быть исполненными к сроку но не так, чтобы реальность обязательно претерпела изменения в связи с их исполнением. Проще говоря, философия 172-го ФЗ не в том, чтобы отныне и на среднесрочную перспективу упорядочить саму социальную реальность российских просторов и времен, но для того, чтобы оказалась еще более ритмизированной и упорядоченной в повторяющихся циклах и во все более широких пределах реальность бюрократическая, завязанная на начальственно ориентированные способы производства решений, их документирования и подконтрольного исполнения силами подведомственных административных органов, учреждений, должностных лиц и обеспечивающих аппаратных структур.

Разработка стратегий не может быть сугубо управленческой задачей, если только не понимать стратегию как простую предпосылку плана, основанного на проектно-прогностическом образе желаемой реальности. Стратегия разрабатывается на основании существующих мировоззренческих установок, связанных с общим чувствованием и

пониманием смыслоисторических ориентиров, свойственных данному обществу как части цивилизационного целого, воплощающей конкретно-историческую совокупность субъектной позиции, объектных целеуказаний и обстоятельственных конфигураций, привязанных к пространственно-временной онтологии экономико-политически господствующего класса. Стратегия осознается как способ существования некой общности в той части реальности, которая исходит из возможности взаимодействия с миром посредством техники и технологий, и в то же время предполагающей другие общности, далеко не нейтральные в своем отношении к миру, а потому также представляющие или объект, или обстоятельство собственного для данной общности самоутверждения в наличной, протекающей, целеустремленной истории. Совершается ли это самоутверждение по принятым лекалам или самостийно – зависит от степеней свободы, обретенных данной общностью в оборении иных или единении с другими, а более того – в борьбе с собственными потенциалами негативного, нейтрального или позитивного (в смысле утверждения своего социального идеала) характера... Однако выразить эту диалектику исторического творчества, самоутверждения и самообретения в общении с остальной частью цивилизации пока еще не умеет ни один законодатель. Вследствие этого остается путь нормативного юридического оформления идей и идеалов, который тяготеет к порядку, а не к творчеству, к канону и правилу, а не к наитию или вдохновению. При всем богатстве выбора другой альтернативы (по крайней мере, с точки зрения государственного и муниципального управления) нет, и пока, судя по всему, не предвидится.

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ И РЕГИОНАХ: ГОСУДАРСТВО И ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ

Беляева Л.А. (Москва)

Изменение модели модернизационного развития, которая сейчас эмпирически «нащупывается» в России, с очевидностью предполагает усиление функций госаппарата, поддержку экономического роста государственными финансами и вместе с тем расширение свободы предпринимательской деятельности за счет снижения трансакционных издержек и налогового послабления. По характеру этого проекта его можно условно назвать «смешанный». В каждой из частей этого проекта – «прозападного», либерального и государственнического – действуют свои главные акторы, которые определяют его успех или поражение, вступая в борьбу за ресурсы и за бюджет. Вопрос о субъектах модернизации является, пожалуй, главным при выборе путей выхода из стагнирующего состояния модернизации в современной России.

Опыт модернизации России в последние 20-25 лет позволяет сделать некоторые предварительные выводы относительно того, какие субъекты модернизации были задействованы, что удалось, а что не удалось сделать в результате реформ и попробовать выяснить – какие силы могут стать акторами модернизации для преодоления негативной тенденции «пробуксовки» модернизационных процессов, прежде всего, неудовлетворительного развития технологической модернизации. Хотя следует заметить, что технологическая модернизация, вырываемая из контекста системной модернизации, включающей модернизацию политической системы, системы управления и институтов, приобретает труднореализуемый характер в силу того что осуществляется она преимущественно «сверху», усилиями государства без широкого участия потенциальных акторов развития. Используя авторитарные методы управления, опираясь на авторитарные практики, политические акторы воспроизводят традиционные институты,

которые обеспечивают устойчивую защиту их интересов. Но изменениям сопротивляется не только политическая структура, но и социальная среда, те социальные группы, которые нашли свою нишу в патерналистской системе и боятся потерять то, что имеют.

Более чем двадцатилетний период дает основание сказать, что это было практически потерянное время для тех технологических преобразований, которые осуществляли развитые и некоторые развивающиеся страны мира – переходили к пятому (микроэлектронные компоненты) и шестому (НБИКС-конвергенция) технологическим укладам. Более того, за постсоветские десятилетия страна утратила значительную часть индустриального потенциала и не смогла вступить полноценно в пятый и шестой технологические уклады. Сохранены и развиты достижения советского периода преимущественно в ВПК, атомной и космической отраслях.

Есть официальные российские статистические данные, которые косвенно, но красноречиво говорят об отставании наиболее технологически развитых отраслей. Так, доля высокотехнологических и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте за 10 лет – с 2005 по 2014 г. выросла в России всего на 2,3 % и составляет 23,5 %. Замечу, что среди перечисленных в методике Росстата отраслях большинство не относятся к пятому или шестому технологическому укладу, доминируют 4-й и 3-й уклады [1]. В федеральных округах и регионах отмечаются большие контрасты этих показателей. Наибольшую долю указанных отраслей в валовом региональном продукте имеет Северо-Западный федеральный округ, а среди регионов – Калужская область. Самые низкие показатели - в Уральском федеральном округе (12,7 %). Занижаются они в основном за счет нефте-и-газодобывающих регионов – Тюменской области в целом (7,1 %) и особенно ХМАО (6,4 %) и ЯНАО (4,8 %) [2]. Развитие Тюменской области показывает как в кривом зеркале положение всей страны – ее зависимость от нефте-газовых доходов при отсутствии стимулов к развитию высоких технологий.

Очевидно, что модернизация осуществляется в России как догоняющее развитие, инициированное сверху, при этом частная инициатива не получает безусловной поддержки государственных институтов. За постсоветский период так и не была достигнута главная цель участия государства в модернизации – создание структурного и институционального поля для реализации значительной частью населения страны своего потенциала. Человеческий потенциал нации не стал в полной мере ее человеческим капиталом. Но до сих пор из трех базовых факторов развития инноваций положительный эффект в России имеет только показатель человеческого капитала. Другие факторы - финансирование инноваций и создание для них организационных условий, лежат в русле не инновационных процессов, а хозяйственных и институциональных и выступают в роли барьеров для модернизации. Именно эти барьеры препятствуют развитию инновационной экономики. Создание этих барьеров – результат неоптимального взаимодействия субъектов модернизации в России.

Главным субъектом модернизационного развития в России выступает государство, воплощенное в «правителе» («правлящей группе»), опирающемся на бюрократию, образующую «властную вертикаль». Государство имеет в своем распоряжении беспрецедентный размер природной ренты. Рентные ресурсы обеспечивают материальное существование элиты и значительной части населения, в то же время постоянно лимитируют масштабы и скорость модернизации, глуша другие стимулы и мотивации. Политическая необходимость рентного распределения в интересах господствующих коалиций должна быть заменена перестройкой общественных институтов таким образом, чтобы они стимулировали инновационную активность [3] и содействовали формированию широких групп интересов и их представительства в органах власти. Но мнению С.Н. Левина, сегодня «властная вертикаль» достаточно быстро трансформируется в систему «статусных торгов», субъектами которых выступают различные группы бюрократии, ориентированные на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу – государству [4].

Если учитывать неплотность доминирования государства в модернизации, то становится ясно, модернизация возможна только при выявлении и реализации интересов двух социальных групп, обладающих необходимым для нее человеческим капиталом. Во-первых, «образованного класса», включающего научные и инженерные кадры, а во-вторых, предпринимателей. Интересы первой группы должна представлять интеллектуальная элита – наиболее независимый субъект при неразвитом гражданском обществе. «Ее позиция в наименьшей степени подвержена изменениям в угоду специальным интересам, стремлению получить финансовые или иные выгоды, поскольку в долгосрочном плане только личная ответственность, глубина и качество профессиональной работы определяют как престиж, так и благосостояние ее представителей» [5]. Сегодня роль технической и технологической элиты явно снижена при доминировании интересов политической элиты, владельцев естественных монополий и финансистов. Она должна быть существенно повышена и стать главной в осуществлении технологической модернизации.

Вторая группа, состоящая из представителей крупного, среднего и мелкого бизнеса, имеет свою нишу в модернизации страны. Крупный бизнес является каркасом национальной экономики, ее основным представителем в мировом хозяйстве, важнейшим партнером и оппонентом государства при выработке и осуществлении промышленной политики [6]. Крупный бизнес в силу его концентрации в добывающих, обеспечивающих природную ренту отраслях, играет и будет играть в России большую, чем в других странах, роль в процессах внедрения, тиражирования и распространения инноваций. Но это не отменяет общих для всех экономик, в том числе в России, принципов – инновационная активность выше на предприятиях среднего бизнеса, здесь выше темпы и качество экономического роста. Именно средний бизнес должен выступить главным мотором модернизации и в России. Классический же малый бизнес выполняет главным образом социальные функции, обеспечивая огромному количеству людей доход и занятость, удовлетворяя повседневные потребности населения, оказывая услуги.

«Образованный класс» и средние и мелкие предприниматели составляют ядро среднего класса. Первая группа – это так называемый новый средний класс, вторая – традиционный средний класс. От их численности и качества человеческого капитала зависит развитие общества. К сожалению, в последние 10 лет наблюдается стагнация в развитии среднего класса в России. По данным всероссийского мониторинга, проводимого нами с 1990 г., его численность уменьшилась в 2015 г. по сравнению с 2010 на 4 % и составляет 20 % от численности населения. При этом сократилась доля среднего класса в населении крупных – более 1 млн. жителей городов (здесь он в основном сосредоточен), выросла в средних городах, осталась незначительной, хотя несколько и увеличилась, в малых городах и в сельской местности. Характерно, что средний класс сохраняет больший оптимизм, чем остальное общество, легче преодолевает текущий кризис, чаще выбирает активные стратегии сохранения или улучшения своего материального положения. Средний класс меньше рассчитывает на помощь государства и чаще высказывается за самостоятельность частного сектора, против вмешательства государства в его деятельность. В менталитете среднего класса устойчиво сохраняются и даже постепенно увеличиваются ценности самостоятельности, автономности, свободы. Но, замечу, что по многим проблемам развития общества средний класс имеет близкие позиции с остальной частью общества: в оценках доверия между людьми, доверия к государственным институтам, в том числе низкое доверие к политическим партиям и к полиции и т.д. Разница составляет всего 3-5 процентных пункта.

Нами проведено исследование трех уровней социального капитала, которым располагают руководители средних и малых предприятий: частный уровень, институциональный и уровень отношений с общественными институтами, созданными предпринимательским сообществом. Было установлено, что отношения бизнес-организаций с государственными и общественными институтами строятся на

рациональной основе: они более развиты с теми из них, от которых сейчас зависит успех в делах (финансовые организации), довольно насторожено относятся предприниматели к разного рода властям, особенно к проверяющим органам, и индифферентно к общественным организациям, в том числе созданным предпринимателями. Главными субъектами доверия, помощи и опоры в бизнесе для предпринимателей является семья и близкие родственники.

1. *К высокотехнологичным отраслям, по методологии Росстата, относятся: высокотехнологичные виды деятельности - производство фармацевтической продукции, производство офисного оборудования и вычислительной техники, производство электронных компонентов, аппарат*
2. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#
3. *Петров К.Е. Территория и нефть: к вопросу легитимности российского государства. // Полития. – 2013. - №3. - С. 106-118.*
4. *Левин С.Н. Государство как субъект модернизации в России: идеи И.Т. Посошкова и современность// Журнал институциональных исследований. – 2014. - том 6. - №1. - С. 66-67.*
5. *Тамбовцев В., Верведа А. Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики - 2008. - № 1. - С. 90.*
6. *Я. Ш. Паппэ, Я. С. Галухина. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРУДА В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дегтярева Е.С. (Санкт-Петербург)

Социально-экономические трансформации в современной России обуславливают актуальность социологических исследований социально-трудовых отношений в нашей стране. Акценты при анализе современных социально-экономических тенденций в социально-трудовом секторе общества должны расставляться с учетом анализа особенностей рационализации труда, связанной с процессом капиталистического производства.

Согласно В. Раммерту, основу капиталистической рационализации труда составляют три аспекта: организационный (организация труда: дисциплинирование, формализация и мотивация), модернизационный (технизация труда) и инновационный аспект (внедрение научного знания в производство) [1, с. 148].

Изучение инновационного развития регионов является специфическим индикатором выявления основных тенденций капиталистической рационализации труда на региональном и общероссийском уровне.

Нами были структурно проанализированы показатели инновационного развития Астраханского региона, в сравнении с другими регионами, на основе анализа результатов социологического исследования «Перспективы социокультурного развития Астраханской области», проведенного в 2009 г. по Типовой программе, разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН в рамках Всероссийской исследовательской программы «Социокультурная эволюция регионов России» под руководством Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, а также вторичного анализа Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», проведенного ЦИСИ ИФ РАН в 2010 г.

Всего в исследовании участвовало 25 регионов, количество респондентов составило около 20000. В исследовании представлены все федеральные округа РФ: Центральный, Южный, Северо-Западный, Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Приволжский, Северо-Кавказский.

Показатели Астраханского региона по созданию новых организаций (5,2%), продуктов (3,6%), технологий (4,3%) и услуг (5%) практически не отличаются от общероссийских показателей [2, с. 108].

Инновационные показатели РФ по созданию среди работающих респондентов новых фирм, продуктов, технологий и услуг не высоки и составляют соответственно 5,3% (новые фирмы), 1,7% (новые продукты), 2,8% (новые технологии), 3,4% (новые услуги) [3, с. 208].

Приблизительный типичный социальный портрет наиболее активного инноватора Астраханской области следующий: это замужняя женщина 40-44 лет, жительница Астрахани, со средним специальным образованием; врач, преподаватель, работник культуры или юрист; не имеющая на работе подчиненных, работница государственного / муниципального предприятия; ее трудовой договор письменно оформлен, она участвует в создании новшеств «наравне с другими».

Отметим, что обобщенные социальные портреты активного инноватора Астраханского региона в области создания как новых фирм, так и продуктов, технологий и услуг, практически не различаются (лишь присутствуют небольшие вариации возрастного признака (30-35; 40-44; 45-49 лет) и типа профессии (предприниматель / врач, преподаватель, работник культуры или юрист)).

Типичный социальный портрет наиболее активного инноватора по России следующий: это женатый молодой мужчина 25-29 лет (в отличие от Астраханской области, где женщин-инноваторов подавляющее большинство и старше по возрасту), житель большого города, с высшим образованием (в сравнении со средним специальным образованием по Астраханским данным); технический работник в области инженерных наук, руководитель предприятия или работник акционерного предприятия, не имеющий подчиненных. Равно, как и согласно данных опроса по Астраханской области, его трудовой договор письменно оформлен и он участвует в создании новой услуги «наравне с другими».

Мы предполагаем, что некоторые различия в особенностях указанных социальных портретов наиболее активных инноваторов по Астраханской области и РФ, связаны с традиционно сформированной в Астраханском регионе активной социально-трудовой позицией астраханских женщин среднего возраста, а также с тем, что технико-инженерная область трудовой деятельности не развита в Астраханской области в должной степени активно.

Анализируя данные указанных социологических исследований, мы можем сделать вывод о том, что в Астраханской области, как и в общем по России, инновационные показатели не высоки, что является специфическим индикатором перспектив рационализации труда в российском регионе. Рационализация труда в России имеет характер капиталистической направленности. Будучи основанным на жесткой регламентации и подчинении работников, труд на большинстве предприятий и фирм носит рутинный характер, основан на плохой технической оснащенности рабочих мест. В связи с этим значительная часть собственников не заинтересована во внедрении инноваций в производство, а скорее заинтересована в повышении эксплуатации рабочих, присваивании результатов их труда.

Трансформация, влекущая изменение отношения к инновациям на производстве, должна происходить, прежде всего, в трансформации традиционного мышления россиян в инновационное, что может существенно повысить, на наш взгляд, инновационные показатели российских регионов.

1. *Раммерт. В. Капиталистическая рационализация и организация труда // Социология труда. Сб. текстов / Вернер Раммерт / Сост. Ю. Фельдхофф, Р. Карпетян. В 2-х ч. Ч. 1. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 145-160*

2. *Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития: Монография / Е.С. Дегтярева, Е.В. Каргополова, Д.П. Ануфриев, А.Ю. Арясова, Л.В. Боронина, Н.В. Дулина, С.В. Каргополов, Н.А. Овчар, В.В. Токарев. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 185 с.*
3. *Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа: Монография / авт. колл.: Е.В. Каргополова, А.Ю. Арясова, Т.Ю. Гречкина, Л.А. Лебединцева, Ю.И. Убогович / Отв. ред. Е.В. Каргополова. – Волгоград:*

РАЗВИТИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ИННОВАЦИОННОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ

Иванова В.Д. (Санкт-Петербург)

Развитие современного общества неразрывно связано с требованиями к высокому уровню технологического прогресса. Многими исследователями подчеркиваются трудности развития инноваций в России: недостаточная юридическая и правовая база, отсутствие взаимосвязи между наукой и бизнесом, неготовность общества к принятию инноваций и пр. Всестороннее изучение вышеперечисленных трудностей позволяет приблизиться к более глубокому пониманию проблемы.

В современных российских исследованиях особое место отводится анализу структуры отдельных регионов Российской Федерации. Задачами современных исследований становятся анализ регионального развития и современных тенденций социальной организации региональных общностей; другие.

При социокультурном подходе регион рассматривается как «территориальное сообщество, которое образуется в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона, выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции и служит средой, которая мотивирует социальных акторов».[1,11] При изучении региона необходим его многоаспекторный анализ.

Исследователи обращают внимание на три большие сферы изучения региона: антропо-культурную, социоэкономическую и институционно-регулятивную. Все эти сферы взаимосвязаны между собой и взаимопределяют функционирование каждой из сфер. Обобщая, авторы отмечают 4 взаимосвязанных между собой сферы: власть, человек, культура, социально-экономические условия. Главенствующая роль в изучаемой структуре отводится сфере «Человек»: права и свободы гражданина, уровень и качество жизни, социальное самочувствие и пр.

Н.И.Лапин, Л.А.Беляева приходят к выводу, что большинство регионов обладают значительным личностным потенциалом среди населения; при этом процесс реализации потенциала в культурный и социальный капитал замедлен и затруднен, что, задерживает инновационный и экономический рост страны и препятствует повышению качества жизни населения.

Проблеме инновационной личности как нового социального типа в социологии уделяется большое внимание, однако нельзя сказать, что существуют четкие характеристики «человека инновационного».

Целью данной статьи не является формирование этого образа, лишь выделение некоторых штрихов на основе изучения исследований отечественных и зарубежных авторов.

Обращаясь к работам отечественных авторов, стоит вспомнить статью «Инновационная личность как новый социальный тип», написанную Шевченко В. Н. Исследователем были выделены такие черты, как:

1. Способность к творчеству;
2. Наличие определенного интеллектуального ресурса;
3. Социальная зрелость как готовность к инновационной деятельности. [2,5]

Все вышеперечисленные черты являются важными составляющими портрета инновационной личности как социального типа.

Но интересен вопрос, каким предстает в жизни «человек инновационный», какими он обладает убеждениями, ценностями? В качестве основы для ответов на эти вопросы нам кажется интересной работа Хэ Чуаньци. Он описывает поочередно стадии развития (модернизации) человечества. Остановившись на этапе вторичной модернизации, следует сказать, что этот этап является не пройденным, с точки зрения исследователя, то есть, этот этап представляет собой будущее развитие общества. [3, 35]

Его основные черты - это экономика знаний, глобализм, всеобщее высшее образование, приоритет качества жизни и среды над экономическими факторами. Если принять эти черты за характеристики прогрессивного общества, предположим, что прогрессивные ценности в первую очередь будут усвоены наиболее восприимчивой к прогрессу частью общества.

Голдстоун и Чиполла отмечают связь между уровнем терпимости в обществе к незнакомому и ростом технического прогресса. «Те стороны характера, что делают людей терпимыми, повышают их восприимчивость к новым идеям.» [4,52] В этом вопросе также интересна работа «Норма и патология» Э. Дюркгейма, в котором он отмечает связь между девиантным поведением и предрасположенностью к восприятию инноваций. По мнению исследователя, отклонения от нормы могут быть положительным фактором, так как являются одним из признаков инновационности личности (потенциал изменчивости необходимый для социальной эволюции). [5, 39-44.] Этой же точки зрения придерживается Р. Мертон, рассматривая инноваторство как конструктивный вид девиантного поведения. «Некоторые формы девиантного поведения психологически так же нормальны, как и конформное поведение» [6, 245] «Изобретение — это в известном смысле враждебный акт, низвержение существующих правил, потрясение удобного буржуазного распорядка». [7, 9] Важной также является связь между инновациями и риском. «Изобретения и инновации почти всегда связаны с известной готовностью идти на риск.» [8,248] То есть, «человек инновационный» может легко приспособливаться в условиях меняющейся среды, будучи ориентированным на восприятие и усвоение новых идей и образа поведения.

По мнению исследователей, образ человека-новатора должен быть связан с наиболее «прогрессивными» идеями,:

- бережные отношения к планете, окружающей среде;
- инновации в знаниях, трансляция знаний;
- повышение качества жизни. [3,36]

Эти идеи так же будут отражены в личностных ценностях. Как пишет Дж. Мокир, в ряду ценностей также стоит отметить индивидуализм, материальное благополучие и работоспособность. «Представляется правдоподобным, что чем выше в этом рейтинге стоят труд, производство и накопление богатства, тем заметнее склонность общества к техническому прогрессу.» [8,274]

По мнению Лебединцевой Л.А., «социальная инновация - это применение непривычного типа мышления и стиля жизни, процесс и результат улучшения социальной сферы общества или организации.»[9, 85] Таким образом, можно попытаться подытожить выделенные черты, обрисовав примерный тип мышления и стиль жизни инновационной личности.

Основными характеристиками инновационной личности можно считать высокую технологическую и экономическую осведомленность, высокий уровень терпимости, креативное мышление. Он обучается в течении всей жизни. «Человек инновационный» наделен склонностью к плюрализму и глобализму. Вопреки существующей ориентированности на высокое качество жизни, он заботится об окружающей среде, экологическое сознание и мышление влияет на потребительское поведение: вместо неразумного принципа «потребить больше» появляется принцип «меньше, но лучше».

Главными его приоритетами становятся саморазвитие и собственное счастье. «Человек инновационный» спокойно воспринимает условия, но не ограничения.

Развитие качеств, необходимых для формирования инновационной личности является нелегкой, но необходимой задачей в условиях современной российской действительности. Мы предполагаем, что инновационная деятельность субъекта (человека) в силах оказать влияние на тенденции развития, определить темп технологического и экономического роста региона, то есть формирование инновационного мышления и поведения окажут благотворное воздействие на активность развития субъектов Российской Федерации.

1. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010 URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/scult/titul.pdf>
2. «Инновационная личность как новый социальный тип», Шевченко В. Н. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-lichnost-kak-sotsialnyy-tip>
3. Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / Пер. с англ. Под общей редакцией Н.И. Лапина/Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. — 256 с.
4. Cipolla C. M. *The Diffusion of Innovation in Early Modern Europe.*// *Comparative Studies in Society and History* 1972.
5. Дюркгейм Э. *Норма и патология* // *Социология преступности.* - М.: Прогресс, 1966.
6. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура.* - М.: АСТ, 2006. - 873 с.
7. Morison E. E. "Men, Machines, and Modern Times", Cambridge, MA: MIT Press., 1966.
8. Мокир, Дж. «Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ. Н.Эдельмана; под науч. ред. Т.Дробышевской, А.Смирнова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
9. Лебединцева Л.А. «Роль инновационного труда в развитии общества» // *Теория и практика общественного развития.* Выпуск № 4 / 2011. С.84-86

ПЕРМЬ КАК СТИЛЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Игнатъева О.В., Лысенко О. В. (Пермь)

Повальное увлечение брендингом территорий и городов сегодня в России постепенно угасает. Вероятно, отчасти это связано с изменением федеральных политических трендов. Однако немалую роль в этом сыграло и разочарование результатами проведенных в различных регионах России брендинговых кампаний. Метод «кавалерийской атаки», зачастую практикуемый чиновниками на местах и привлеченных экспертов, особых результатов не принес, о чем говорят сегодня многие специалисты (Д.Н. Замятин, М.Ю. Тимофеев, Е.Г. Трубина и др.). Все более очевидным становится невозможность позиционирования регионов в российском и мировом пространстве без учета существующей территориальной идентичности, а стало быть, и без привлечения местных сообществ к конструированию брендов территорий. Хочется верить, что теперь наступает время планомерной и кропотливой работы социологов по изучению территориальной идентичности и механизмов ее формирования.

Наше выступление построено на результатах многолетнего исследования пермской территориальной идентичности в рамках научного проекта «Пермь как стиль» (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2012-2015 гг.). В рамках этого проекта был проведен ряд качественных и количественных исследований, включая три общегородских опроса по квотной репрезентативной выборке (N=1000), серии фокус-групп и глубинных интервью, кабинетные исследования. Эти результаты позволяют построить модель для формирования городской идентичности разных слоев населения типичного российского провинциального города.

Прежде всего, следует отметить, что структура территориальной идентичности городского населения («матрешка территориальной идентичности») остается практически неизменной и мало зависит от федеральной политической повестки. У большей части городских жителей (42-46 %) на первом месте находится локальная («Я – житель своего города») идентичность. Наиболее это характерно для условно средних слоев городского населения. На втором месте находится гражданская идентичность («Я – житель России» - 29-39 %). Географическая и региональная идентичность выражена более слабо. Варианты ответов «Я - житель Урала» или «Я – житель Пермского края» на первое место ставят всего лишь не более 15 % опрошенных. Судя по опросам жителей других городов Пермского края (Березники, Чайковский), данная структура территориальных идентичностей является универсальной.

Однако первостепенное значение имеют не проценты, а механизмы формирования идентичностей. Результаты индивидуальных и групповых интервью с представителями разных социальных групп позволяют утверждать, что сегодня в городском пространстве существуют три противоборствующих сценария формирования городской идентичности. Они отражаются как в символическом ландшафте города, так и в практиках различных городских сообществ. Можно даже говорить о борьбе трех основных «стилей» города, либо поддерживаемых, либо отрицаемых городскими и региональными властями. Под стилями мы понимаем символические системы, репрезентирующие то или иное понимание идентичности.

Первый стиль можно условно обозначить как стиль городских окраин или, на языке более образованной части горожан, «реальными пацанами», «городскими варварами» и т.д. Он сформировался во второй половине XX века благодаря особенностям российской урбанизации в пределах заводских поселков. Он опирается на индустриальные и милитаризированные символы, окрашен в маскулинные тона, предполагает специфическую систему ценностей, укорененную в структурах дворов и микрорайонов. Зримым воплощением данного стиля являются субкультуры подмосковных «люберов» и «гопников», широко обсуждавшиеся в перестроечные годы, равно как и «реальные пацаны» из одноименного сериала. Городская идентичность в рамках данного стиля является исключительно примордиалистской, основанной на противопоставлении «свои» и «чужие». Такой тип идентичности легко встретить среди фанатов футбольных клубов. Однако, в рамках данного стиля репрезентируются и вполне традиционные, «нормальные» ценности: семья, труд, патриотизм.

Второй стиль, сформированный, с одной стороны, усилиями советской власти по «нормализации» общества, а с другой, поисками альтернативного официальному образу жизни со стороны групп с высоким уровнем образования, можно условно назвать стилем интеллигенции. Он подразумевает активное освоение городского образа жизни, апелляцию к высоким образцам культуры, определенное прогрессорство по отношению к «городским варварам». Их сценарий предполагает опору на «гениев места», культурные институции (театры, музеи, библиотеки), историко-культурное наследие города.

Третий стиль, получивший название в современной публицистике «хипстерский», формируется среди молодежи и горожан среднего возраста под влиянием усиливающейся глобализации. Для него характерна определенная «всеядность», т.е. умение потреблять как «высокие», так и «низкие» образцы культуры, осознанный полистилизм, постматериалистические ценности самореализации, креативности, мобильности. Их сценарий выстраивания городской идентичности предполагает, если можно так выразиться, стихийный конструктивизм, выражающийся в отказе от жестких заданных символов в пользу постоянной символической игры. Разнообразные фестивали и события, антикафе, услуги и товары креативных индустрий рассчитаны, главным образом, на данный городской стиль.

Городская культурная политика в настоящий момент, как правило, апеллирует лишь к одному из этих стилей, чаще всего «интеллигентскому», либо к «хипстерскому».

Благодаря такой односторонности репрезентация городской идентичности и бренд города неизбежно вызывают неприятие иных, не разделяющих данный стиль городских сообществ. «Интеллигенция» ополчается против «столичных варягов», не понимающих местных культурных традиций («Пермский культурный проект»). «Хипстеры» бегут в столичные мегаполисы, обвиняя провинцию в затхлости и консерватизме. «Городские варвары» игнорируют, зачастую весьма агрессивно, как насаждаемую «высокую» культуру, так и непонятное им «хипстерство».

С одной точки зрения, имеет право на существование точка зрения, согласно которой те или иные категории городского населения, а соответственно и стили, должны иметь преференции в поддержке на уровне городской политики. Так, в неолиберальной литературе подчеркивается, что успех в конкуренции между городами возможен только при условии активного привлечения «креативного класса», развитии «хипстерского» стиля как ведущего для города. С другой стороны, критическая урбанистика неустанно напоминает о том, что нужно развивать города в сторону «простого» жителя города, с целью преодоления неравного доступа к их инфраструктуре, инициировать работу с низовыми городскими сообществами.

Нам видится выход в промежуточной модели городской политики. В процессе брендинга того или иного города может быть обозначена в качестве управленческой задачи проблема установления «смысловой рамки», участвовать в заполнении которой могут представители всех городских сообществ. В этом случае опора на социологические методы исследования городской идентичности и городских сообществ является необходимым условием эффективной городской политики и решения многих региональных проблем.

1. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности. Пермь, 2013.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Ильдарханова Ч.И. (Казань)

Обострение перспективы воспроизводства всех категорий работников как физического (квалифицированного и неквалифицированного) труда, так и требующего высшего и среднего специального образования, в регионах сельской России актуализирует введение в реальную политику, проводимую в территориях, нового направления, которое включит аспекты сокращения социального неравенства. Создателем неоправданного неравенства выступает не столько государство (оно напротив призывает смягчить его), сколько тот слой, который владея собственностью, экономит на оплате труда сотни тысяч работников АПК.

Сельскохозяйственное производство организовано так, что в нем «отключены» почти все лифты восходящей мобильности. Хотя для работников физического труда существуют ступени перехода от низкого к более высокому социальному положению и статусу (разряды, классность), но они не общеобязательны для собственников и менеджмента, которые могут по своему усмотрению перевести высокопрофессионального механизатора на более низкую, реже высокую зарплату. Казалось бы, что для такого работника мерой вертикального восхождения должен быть специалист, должность которого требует высшего или среднего образования. Если социальное положение этого слоя действительно более престижно и высокооплачиваемо, то естественно стремление сельской молодежи подняться на эту ступень за счет мобилизации собственной воли и интеллектуальных усилий.

Существует большая неравномерность по мощности и отраслевому составу сельскохозяйственных предприятий, и это предопределяет состав специалистов-технологов и уровень оплаты их труда. В соответствии с постановлениями Министерства сельского хозяйства и продовольствия РТ, специалисты дифференцируются в зависимости от того, в какой группе хозяйств они трудятся (6 категорий установлены в зависимости от произведенного среднегодового объема реализации сельскохозяйственной продукции за предшествующие 5 лет). Количество штатных единиц корректируется также размерами уборочной площади (в растениеводстве) или количеством условных голов скота (в животноводстве), количеством тракторов, автомобилей и другой техники, что лимитирует состав кадров инженерно-технической службы и службы энергетики. Аналогично этому формируется состав экономической службы, бухгалтерского учета и финансовой деятельности материально-технического снабжения, капитального ремонта и другие внутренние подразделения хозяйства. Одни сельскохозяйственные предприятия имеют большие, другие меньшие объемы и земельных площадей, и техники, и скота. Например, на должностях агрономов в 16 районах Республики Татарстан занято от 11 до 22, в 7 районах от 7 до 10, в 14 районах от 1 до 6 человек. Схожей является картина распределения и всех остальных специалистов, причем есть районы, где на все сельскохозяйственные предприятия приходится 1-3 работника определенной профессии. Это можно объяснить специализацией: нет животноводства – не нужны зоотехники, ветеринары.

По расчетам И. Г. Гайнутдинова, в тех сельскохозяйственных организациях, где агроном имеется, и он отвечает за оптимальные площади пахотной земли, урожайность зерновых значительно выше. Там, где в пространстве его ответственности находится до 3500 га, средняя урожайность за 5 лет была 32,2ц. с га, а при нагрузке от 6000 до 10000 га – 23,6ц. с га. Сэкономив на оплате агронома (при его зарплате в 12 тыс. руб.) 129,6 тыс.руб., хозяйства, имеющие площади от 3500 до 6000 и от 6000 до 10000 га, недополучили продукции в 4,3 млн.руб.

Обратим внимание на терминологический комплекс «закрепление людей на селе», наделяемый метафорой тревоги за состояние трудового потенциала АПК. Отбрасывая его тональность как лишения права населения на территориальное перемещение (что, к сожалению, имело место в колхозной действительности), нельзя не обратить внимание на то, что апелляция к долгу селянина «должен же кто-то работать на земле!» по-прежнему остается. И это в условиях неравенства по сравнению с другими отраслями по целому ряду важнейших параметров.

Рассмотрим в этой связи как теоретически решается проблема размещения индивидов внутри социальной структуры и стимулирования их к тому, чтобы занять положение, важное с точки зрения общественных интересов в теории функционализма (К. Дэвис и У. Мур). Любые системы вынуждены учитывать процесс метаболизма, т.е. сохранения относительной устойчивости несмотря на выбытие определенной доли людей по причине старения.

Кроме того, не все виды занятий одинаково приятны, неравноценны они и по их востребованности с точки зрения функциональной важности и значимости. Отсюда выполнение наиболее существенных функций обществу приходится поддерживать особыми средствами и механизмами, выходящими за общие правила, которые распространяются на всех членов общества. Т.е. люди, в социальные позиции которых входят обязанности выполнения особо ответственных функций, должны получать сопутствующие особые блага. Это побуждает одаренных людей нести более трудные нагрузки, функционально неизбежные в той или иной сфере жизнеобеспечения общественных потребностей. Отсюда представители разных страт пользуются неодинаковым престижем и уважением. Дополнение неким набором особых прав по доступу к благам, необходимым и дефицитным, которые делегируются таким группам, создает ситуацию воспроизводства институционализированного неравенства, которое,

будучи функционально позитивно и неизбежно, не вызывает протеста в обществе, признается за норму. И наоборот: если некая группа, выполняя существенные функции, обделена вознаграждением, это вызывает в обществе напряженность.

Торможение социальных перемен, отвечающих интересам большинства населения России, нельзя объяснить только незавершенностью социетальных реформ. Изменения политических и экономических структур вовсе не означает, что они моментально станут действовать в другом русле. Многие моменты народной культуры проникают в стандарты мышления и поведения всех слоев, в том числе, числящихся элитой. Причем это имеет очень глубинные корни. В России в течение многих веков, во время монгольского владычества и после него сложилась устойчивая модель соединения власти и собственности. О. И. Шкаратан считает, что она реализовалась и в последние десятилетия царской России и большевизма и позднего социализма. Не исчезла она и в новой российской реальности, где многие властно-собственнические отношения по-прежнему укладываются в модель этакратизма. При более тщательном рассмотрении этого феномена можно обнаружить в постсоветской реальности много черт, присущих сословному обществу, тому его состоянию, которое было господствующим в феодальном обществе. Т. е. люди, которые принадлежали к некоему сословию, занимали только данную и никакую другую позицию в статусной иерархии. Главный признак современного этакратического общества – доминирование принципа наследования материальных богатств и социальных сетей и действий по установлению культурных границ восходящей мобильности для других слоев общества.

Таким образом, обновление жизненного пространства села, ресурсный потенциал, содержащийся в организации хозяйствования, заключается в степени следования формам человеко-соразмерного содержания. Модель «закрепления» людей на селе, как и в советское время, включает много идейных постулатов, апеллирующих к гражданскому долгу сельских жителей при ограниченных стимулах, общепринятых в современных экономически развитых странах. Ориентация аграрной политики только на оплату труда, материальное благополучие людей, включая улучшение бытовых условий, не является достаточной, чтобы действительно решалась проблема «закрепления» кадров. Если нет перспектив восхождения по ступеням – от низкой к более высокой позиции в социальной структуре, то понятие закрепление становится тождественным понятию относительной депривации (относительного лишения). Не случайно в структуре специалистов высокой квалификации молодые люди до 30 лет занимают 15-20%, основную же часть представляют 50-60 летние, т.е. лица в том возрасте, когда трудно что-то менять в сложившейся жизни и профессию. Дело в том, что молодежь, потенциально призванная замещать естественно выбывающие кадры, не видит в сельской реальности ресурсов, которые могли бы компенсировать целый ряд важных с позиции современной культуры утрат. Не остаться к 60 годам в том же статусе, который был получен в 20 лет, специалист может лишь в среде, включающей множество отраслей и сельскохозяйственного производства и сервиса, и социокультурных учреждений. Агрессфера должна стать многофункциональной, что создаст действительные предпосылки для вертикальной и горизонтальной мобильности, откроет перспективу личного выбора, т.е. важнейших составных частей модернизации сельского пространства.

1. Гайнутдинов И. Г. Роль кадрового обеспечения аграрного бизнеса в повышении эффективности использования земельных ресурсов // Вестник Казанского ГАУ, 2014, №1 (31). - с.5-10.
2. Салахутдинова Р. Р. Социально-трудовые отношения в аграрной сфере: теория и практика. М.: Изд-во «Палеотип», 2009. – с.131-132.
3. Сергиенко А. М. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления / Коллективная монография // Под общей ред. д. с. н. А. М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – с.132.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА

Каргаполова Е.В., Дулина Н.В. (Астрахань)

В самом широком смысле под модернизацией понимается «комплексный процесс цивилизационных изменений» [1, 15], в совокупности технико-технологической, социоэкономической, социокультурной и институционно-регулятивной компонент [2, 26]. Проблемой-вызовом современной России является необходимость перехода от первичной (индустриальной) ко вторичной (информационной) модернизации.

В рамках данного материала, мы рассмотрим только технико-технологическую компоненту модернизации регионов Южного федерального округа (ЮФО) [более подробно см. 3–6].

В ЮФО имеется солидный запас ресурсов для перехода к новому способу создания средств жизнедеятельности людей, среди которых природно-климатические условия, наиболее благоприятные для проживания, отдыха и сельского хозяйства; природно-ресурсный потенциал. В округе находятся стратегические запасы топливно-энергетических и минерально-сырьевых природных ресурсов современной России – газовая сера (около 90 % запасов страны), природный газ, уголь, а также нефть (включая газовый конденсат), сырье для производства местных строительных материалов, термальные и минеральные воды, вольфрам, водные биоресурсы Каспийского, Черного и Азовского морей [7].

Проблемой-вызовом является неблагоприятная экологическая обстановка в наиболее населенных и промышленно развитых районах округа, несмотря на спад производства и осуществление ряда природоохранных мер как на федеральном, так и на региональном уровне. Благоприятным является то обстоятельство, что за период 1990–2012 гг. сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты всех регионов округа (за исключением Краснодарского края) снизился, но при этом повсеместно, но в различной степени, снизилось использование свежей воды: по округу в целом, Республике Адыгея, Краснодарскому краю, Ростовской области – более чем в два раза, в Калмыкии и Волгоградской области – практически втрое, по Астраханской области – практически в четыре раза. По выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников по всем регионам и округу в целом произошло снижение, за исключением Астраханской области, в которой произошло увеличение почти что на треть [Здесь и далее источник статистической информации: 8].

Среди наиболее острых экологических проблем-вызовов макрорегиона следует назвать:

– реальную угрозу распространения процесса опустынивания, особенно на территории Калмыкии, в Ростовской области; водную и ветровую эрозию почв (только в Краснодарском крае почти 50% площади пашни); пестицидное загрязнение почвы (особенно в зонах рисосеяния Краснодарского края). Только в Волгоградской области площадь загрязненных земель достигает 33,2 тыс. га, эродированных сельскохозяйственных угодий – свыше 2 млн га, засоленных – более 1,4 млн га;

– превышение нормативов антропогенных нагрузок в промышленных центрах Северного Прикаспия;

– проблему захламливания территорий в результате складирования промышленных и бытовых отходов, которые влияют на экосистемы, урбанизированных территорий, в том

числе, курортных городов Сочи, Геленджик. Только в Волгоградской области накоплено 50–60 млн. т отходов на площади, примерно равной 120 кв. км (0,011 % территории);

– деградацию водных объектов. Так, прогрессирует загрязнение и опреснение уникального соленого оз. Эльтон за счет сброса вод с оросительных систем. Дegrадируют малые и большие реки. Среди основных рек России наибольшими экологическими проблемами характеризуются и оцениваются как «загрязненные», в том числе, такие реки округа как Волга, Дон, Кубань;

– резкое сокращение рыбных запасов (особенно в Ростовской, Волгоградской, Астраханской областях), в том числе и визитной карточки всей России и некоторых ее регионов – рыбы осетровых пород – в результате химического поражения ихтиофауны, зарегулирования стоков рек [более подробно об экологических проблемах ЮФО см., например, 9–11].

Экологические проблемы значительно усугубляются системными институциональными проблемами общегосударственного масштаба, возникшими в последние годы в результате поспешной приватизации собственности и деэкологизации государственного управления (сокращение государственной поддержки природоохранной деятельности, перманентные реорганизации природоохранных структур, сопровождавшиеся сокращением штатного расписания и бюджетного финансирования).

Институциональный характер носит также и основная проблема, вызванная макроэкономическим сдвигом перехода от государственной собственности к частной: плановая система хозяйствования была разрушена в результате грабительской приватизации, но при этом существуют значительные институциональные препятствия для развития капиталистической системы. Налицо, – деиндустриализация и деградация четвертого технологического уклада первичной модернизации – развитие автомобиле- и тракторостроения, цветной металлургии, производство синтетических материалов.

Переходу к пятому технологическому укладу наукоемкого производства (электронная промышленность, вычислительная техника), а вместе с ним к вторичной, информационной стадии модернизации и к экономике, основанной на приращении и использовании знаний, препятствует состояние системы образования и науки в федеральном округе.

Так, детским дошкольным образованием в округе охвачено только 58,4 % детей (7-е место среди федеральных округов). Остро стоит проблема нехватки мест в детских дошкольных учреждениях: на 100 мест в детских садах приходится 114 детей при среднероссийском аналогичном показателе 105 детей на 100 мест. 17,9 % детей в ЮФО (4-е место среди федеральных округов) обучаются в общеобразовательных учреждениях во вторую и третью смену вследствие нехватки площадей и износа инфраструктуры школ. И это, несмотря на то обстоятельство, что выпуск обучающихся в округе, также как и по стране в целом, с 2000 г. сократился более чем в три раза (тогда как по Северо-Кавказскому федеральному округу – менее чем в два раза).

Численность студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений среднего звена на начало 2013 / 2014 уч. г. составила 140 чел. на 10 тыс. чел. населения, что превышает среднероссийские показатели. При этом по численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, макрорегион с показателем 352 чел. на 10 тыс. чел. населения занимает всего лишь 7-е место среди округов России.

Причина – снижение числа организаций, выполняющих исследования и разработки, и численности персонала, занятого исследованиями и разработками, как в округе, так и по стране в целом. Доля затрат на исследования и разработки, доля ученых и инженеров, полностью занятых НИОКР, число жителей, подавших заявки на получение патентов на 1 млн. чел. населения, число персональных компьютеров на 100 домохозяйств в ЮФО уступает среднероссийским показателям. Не может не беспокоить также проблема воспроизводства научно-технического потенциала в масштабах страны и округа:

количество лиц с учеными степенями по России и ЮФО за период 2000–2011 гг. увеличилось на 3582 чел. и 422 чел. соответственно, докторов наук – на 5726 чел. и 214 чел. соответственно. Численность кандидатов наук по стране уменьшилась на 2144 чел., по ЮФО – увеличилась на 216 чел. Смогут ли эти люди в таком небольшом количестве в недалеком будущем быть опорными точками и локомотивами процесса социокультурной модернизации?

Таким образом, в округе имеется солидный запас природных и человеческих для перехода от первичной ко вторичной модернизации в ее технико-технологической составляющей. Но сдерживают этот процесс проблемы, вызванные институциональными факторами, – деэкологизация управления, деиндустриализация четвертого технологического уклада экономики, отставание по когнитивному компоненту.

1. *Проблемы социокультурной модернизации регионов России* / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2013. – 416 с.
2. *Лапин, Н. И. К поэтапной интегрирующей модернизации // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14-17 октября 2014 г. – Пермь, 2014. – С. 25-43.*
3. *Дулина, Н. В. Между заторможенным ростом и развитием модернизации регионов. Южный федеральный округ / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Социологические исследования. – 2015. – №3. – С. 22–29.*
4. *Дулина, Н. В. Модернизация регионов Южного федерального округа: дисбалансы и противоречия / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Конфликты в социальной сфере: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической и научно-методической конференции Казань, 2*
5. *Дулина, Н. В. Модернизация регионов Южного федерального округа: оценка состояния и сценарии развития / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всероссийской*
6. *Дулина, Н. В. Социокультурная модернизация Южного федерального округа: преимущества, проблемы, вызовы / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы». Сара*
7. *Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. №1538-р) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minregion.ru/uploa>*
8. *Регионы России. Социально-экономические показатели – 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p (дата доступа 12 июня 2015 г.).*
9. *Водные ресурсы Волги: история, настоящее и будущее, проблемы управления: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции. 25–26 октября 2012 г. – Астрахань: АИСИ, 2012.*
10. *Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития: монография / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Л. В. Боронина, Е. С. Дегтярева, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, Н. А. Овчар, В. В. Токарев. – Волгоград: Волгоградское на*
11. *Экологическое состояние природной среды Волгоградской области // География и экология Волгоградской области: учеб. пособие для ср. шк. / авт. кол.; под общ. ред. В. А. Брылева. – Волгоград: Перемена, 2005.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Лебединцева Л.А. (Санкт-Петербург)

Уникальность Санкт-Петербурга заключается в том, что он может быть представлен в двух ипостасях: как город, и, одновременно, как отдельный регион. Социокультурные и социоэкономические характеристики городского пространства позволяют рассматривать его как локальную, сложноорганизованную и целостную общность. Понять особенности города-региона как пространства взаимодействия, его уникальные и особенные черты, проблемы и перспективы развития возможно с привлечением социологического инструментария.

Эмерджентность города напрямую связана с потенциалом городской среды, ее способности к сравнительно быстрому переустройству и преобразованию. Как известно, современный мегаполис находится в состоянии перехода от жестких структур и отношений, к более мягким и размытым. Качественный переход системы и преодоление сложившейся ситуации можно наблюдать в появлении так называемого креативного класса, который требует для своего развития соблюдения определенных условий. Причиной формирования нового класса обозначается экономическая потребность в креативности, в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания. Его наполняют специалисты, занятые в сферах науки, техники, образования, здравоохранения и смежных областях, а также искусства, дизайна, бизнеса, финансов и т.д. [1]. Городская среда предоставляет для таких специалистов необходимые условия. Благодаря энергии деятельности субъектов возникает «творческий этос» как то социальное пространство, которое разделяют все представители креативного класса и в котором важными оказываются креативность, индивидуальность, личные заслуги, а технологические, культурные, экономические проявления креативности — едиными и взаимосвязанными. В этом можно усматривать постепенное разворачивание социальной среды от традиционных ценностей к креативным и инновационным. Креативный класс привлекают не промышленные центры, а инновационные и креативные места. Петербург всегда был толерантным городом, в том числе и по отношению к выражению собственной идентичности.

Ч.Лэндри предлагает для определения творческого потенциала понятие «цикл городского творчества» как инструмента, предназначенного для создания в городе особой энергии, являющейся возобновляемым ресурсом его развития, а также как стратегическое средство управления и механизм оценки сильных и слабых сторон городских креативных проектов [2, 316]. Лэндри выделяет пять взаимосвязанных стадий цикла городского творчества, заканчивающихся претворением идей в реальную практику, а Т.Флеминг отмечает, что некоторые города лишь декларативно обращаются к креативным индустриям, копируют опыт других городов не анализируя имеющиеся активы, а в целом зачастую города пренебрегают необходимостью сочетать организационные шаги на муниципальном или окружном уровне с инициативными действиями творчески настроенных горожан. Таким образом, запрос со стороны общества на творческие продукты и идеи задает динамику, структурирующую творческий процесс и способствует дальнейшей генерации новых идей, которые происходят в новых условиях — креативных кластерах. Творчество порождает новое творчество, создавая новые круги и вовлекая все большее количество людей и ресурсов.

Основное отличие креативных кластеров от технопарков и бизнес-инкубаторов заключается в том, что они непосредственно интегрированы в городскую среду. Впервые концепция креативных кварталов как концепция параллельного развития культурной и экономической жизни территории появилась не так давно. В Великобритании творческие

индустрии поддерживаются государственной политикой с 1998 года. В Петербурге в 2012-2013 гг. проводилось открытое обсуждение «Концепции создания креативного кластера в Санкт-Петербурге» с возможностью дальнейшей государственной поддержки по финансированию этого проекта. В целом, креативные кластеры в современном городе — это обладающие синергией локализованные в пространстве места, связанные единством территории, общностью принципов деятельности и характера коммуникации, комплексы самостоятельных хозяйственных единиц, производящих креативный проект [3]. Петербург активно включился в эти процессы: в 2012 году при поддержке Администрации Санкт-Петербурга осуществляется идея создания пяти креативных кварталов как многофункционального комплекса зданий, имеющего одного оператора, который создает все условия для комфортного существования участников кластера. Предполагается, что такой квартал должен объединять различные мастерские, выставочные и образовательные пространства, зоны развлечений и творческой активности, торговые площади, офисы креативных организаций, бизнес-инкубатор, гостиницы, клубы, кафе и рестораны. Такой проект должен обеспечивать себя самостоятельно, практически не требуя вложения бюджетных средств. Одновременно он служит делу трансформации депрессивных городских районов города в привлекательные для туристов и горожан места. В качестве потенциальной площадок для креативных кластеров предлагались здания следственного изолятора «Кресты», Адмиралтейских верфей, Левашовского хлебозавода, прядильно-ниточного комбината им. Кирова, канатной фабрики Гота и другие [4]. Помимо этого, творческие предприниматели самостоятельно организуют такие известные в Петербурге креативные пространства как «Ткачи», «Этажи», «Архитектор», «Флигель», «Третий кластер», «Мультиплейс 17/26» и др. Подобные примеры новых форм активности в условиях города свидетельствуют о том, что город — это живая система, способная наполнять «застывшую» форму продолжающим развиваться содержанием. Эмерджентность креативных кластеров в этом смысле демонстрирует наличие особых свойств у системы (города) или «системный эффект» [5]. Свойство эмерджентности сродни вдохновению, т.к. рождение нового возможно лишь под воздействием вдохновения как особого состояния, характеризуемого приливом творческих сил, желанием создать что-то новое.

Мировой экспорт товаров и услуг творческих индустрий вносит существенный вклад в общий прирост ВВП. Начиная с 2002 года он ежегодно увеличивался в среднем на 14,4% и составил 592,08 миллиарда долларов (2,73% от всего мирового экспорта). Объединение интересов и усилий государства, крупного бизнеса и креативных организаций способно сформировать дополнительное направление в развитии экономики региона. Творческий сектор обладает значительным экспортным потенциалом и основан на авторском праве, кроме того, переоборудование аварийных и промышленных зданий способствует оздоровлению депрессивных территорий.

Таким образом, запрос со стороны общества на творческие продукты и идеи задает динамику, структурирующую творческий профессиональный процесс и способствует дальнейшей генерации новых идей, которые происходят в новых экономических формах городской среды — креативных кластерах. Творчество порождает новое творчество, создавая новые круги и вовлекая все большее количество людей и ресурсов. В целом, использование потенциала как уже существующих, так и вновь создаваемых креативных пространств, в рамках которых представлены различные виды профессиональной деятельности, способствует решению многих социальных и экономических проблем города.

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., Классика-XXI. 2005.
2. Лэндри Ч. Креативный город / пер. с англ. В.Гнедовский, М.Хрусталева. М., Классика- XXI. 2005.

3. Гавра Д.П. Креативные кластеры мегаполиса: функции и коммуникативный потенциал // Стратегическое планирование в регионах и городах России: материалы XIII общероссийского форума, Санкт-Петербург. 2014.
4. Креативные кластеры: где в Петербурге искать культуру // Санк-Петербург.РУ. Режим доступа: <http://saint-petersburg.ru/m/culture/old/313428/>.
5. Витюк Е.Ю. Синергетическое моделирование структуры города // Архитектон: известия вузов. 2010. №32.

ВАК В СИСТЕМЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, ЧЛЕНОВ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ И АСПИРАНТОВ ГОРОДА ВОЛГОГРАДА) СТАТЬЯ НАПИСАНА ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ РГНФ

Мкртчян Е.Р. (Волгоград)

В условиях трансформации системы воспроизводства научно-педагогических кадров, которая сопровождается девальвацией научных степеней, появлением магистратуры, превращением аспирантуры в третью ступень высшего образования, актуализируется проблема создания оптимальной модели аттестации научно-педагогических кадров, определения места ВАК и повышения эффективности работы диссертационных советов. Существуют две модели: западная, где ученую степень присваивают университеты, и российская, в которой данная процедура осуществляется на двух уровнях (диссертационный совет и ВАК).

«Современная модель ВАК представляет собой советскую, которая в весьма причудливых формах материализовалась в структурах современного государственного управления наукой и образованием. Она оказалась весьма живучей, в том числе в силу аппаратных интересов, где достоянием гласности постоянно становятся факты массовых коррупционных проявлений в системе аттестации. Об этом свидетельствуют безуспешные попытки ликвидации ВАК, бесплодные попытки ее реформирования и довольно смутно законодательно определяемый её статус». [1, с.4]

Настоящее, прошлое и будущее Высшей аттестационной комиссии, да и всей системы аттестации кадров высшей квалификации являются предметом пристального внимания научно-преподавательского сообщества уже много лет, поскольку условием вхождения России в европейское образовательное пространство является распространение европейских стандартов на докторские степени и отказ от двухуровневой системы и ВАКа.

На слушаниях в Общественной палате в 2010 году было признано, что ВАК как общественная организация не в состоянии справиться с экспертизой всех диссертаций, которые защищаются в стране. По признанию главы ВАК Кирпичникова М. П. «Это ... профанация, когда 50 тыс. дел рассматривается где-то наверху, причем на общественных началах».[2]. Он видел решение в постепенном переходе от персональной аттестации к конкретным организациям. ВАК же должен будет «определять политику в сфере аттестации и осуществлять реальный, по существу, а не по регламенту, контроль за диссертационными советами, кому можно дать лицензию на самостоятельную работу, а кому нельзя». [2]. Очевидна ограниченность и сомнительная эффективность административных мер по исправлению положения, что актуализирует изучение мнения людей, которые являются частью данной системы.

В 2014-2015 году в рамках исследования проблем воспроизводства научно-педагогических кадров в вузах города Волгограда была поставлена задача определения отношения научно-преподавательского сообщества и аспирантов к существующей практике аттестации научно-педагогических кадров и деятельности ВАК. Проведены анкетные опросы среди преподавателей (N=375) и аспирантов (N=132) четырех

государственных, восьми негосударственных вузов, экспертный опрос среди членов диссертационных советов, руководителей, консультантов диссертационных исследований (кандидатских и докторских) пяти государственных вузов (N=114).

Отношение к ВАК членов диссертационных советов вузов Волгограда сводится в большинстве (40,7%) к непониманию того, что с ним делать; предлагают не увеличивать его статуса 31,9%; придать ВАКу статус самостоятельного органа федеральной исполнительной власти - 27,4%. С предложением децентрализовать государственную систему аттестации научных и научно-педагогических кадров и отменить ВАК согласились только 20,3%, не согласились 50,5% и затруднились выразить свое отношение 29,2%.

Мнения преподавателей по поводу роли ВАК разделились примерно одинаково: 31,5% считает необходимым придание ВАКу России статуса самостоятельного органа федеральной исполнительной власти, 32,9% высказались против, 35,5% затруднились ответить. За децентрализацию государственной системы аттестации научно-педагогических кадров и отмене ВАК выступают 26,7%; против - 26,7% , затруднились ответить -35,6%.

Больше половины членов диссертационных советов (57,8%) против отмены двухуровневой системы научных степеней, за выступили 28%, затруднились ответить 14,2%. Среди преподавателей большинство (43%) согласны с отменой двухуровневой системы научных степеней, из них 18,4% считают, что от неё безусловно следует отказаться сегодня; 13,4% - безусловно, но в будущем; а 11,2% - при условии сохранения ВАК. Не следует отказываться от двухуровневой системы научных степеней считают 34,6% преподавателей, при этом, не отказываться ни в коем случае 9,3%; не следует вообще отказываться ни от двухуровневой системы научных степеней, ни от ВАК 21,6%; не следует отказываться от двухуровневой системы научных степеней, но отказаться от ВАК 3,7%; затруднились ответить 22,3%. Переход к модели целевого воспроизводства высококвалифицированных кадров для науки и образования через магистратуру и докторантуру PhD поддерживает 32,8% , не согласны — 39,2%, затруднились ответить 28%.

Анализ ответов аспирантов о судьбе двухуровневой системы присуждения научных степеней показал, что переход к европейским требованиям и стандартам на докторские степени и отказ от двухуровневой системы кандидат/доктор наук и ВАКа одобрили 45,4%, треть (32,5%) высказалась против, затруднились ответить 21,9%. При этом за немедленный отказ от двухуровневой системы высказались 17,4%; за отмену, но в будущем высказались 13,6%; за отмену при условии сохранения ВАК - 14,4%.

Оценка членов диссертационных советов соответствия системы государственной аттестации кадров ВНК задачам воспроизводства научно-педагогических кадров показала, что 57,6% считают что она обеспечивает воспроизводство научно-педагогических кадров, 42,4% свидетельствуют о её неэффективности, поскольку она позволяет только присуждать ученые степени, но не гарантирует кадрового пополнения высшей школы.

Таким образом, непоследовательность реформаторов в вопросе распространения европейских стандартов на докторские степени и отказа от двухуровневой системы и ВАКа привела к тому, что за пятнадцать лет данная проблема не отрефлексирована научно-педагогическим сообществом, поскольку непонятна логика проводимых реформ. Бесплодные попытки по изменению ситуации свелись к закрытию диссертационных советов, созданию шлагбаума российской науки, в виде перечня ВАКовских журналов, разрушению аспирантуры и созданию непонятной пока магистратуры. Остальные «благие» намерения предполагается реализовать в ближайшее время. Все это особенно болезненно отражается на регионах, что и сформировало определенное отношение к ВАК. Видимо пора определиться какой должна быть система научной аттестации в России, государственной или общественной, или с государственным контролем. Либо применимы несколько вариантов, либо необходим

иной путь. Очевидна необходимость радикальной трансформации системы аттестации научно-педагогических кадров и определения места ВАК, что позволит повысить качество диссертаций, обеспечить конкурентоспособность российской научно-образовательной сферы и оздоровит систему воспроизводства научно-педагогических кадров.

1. Грудцына Л.Ю. Реформирование системы аттестации научных и научно-педагогических кадров: некоторые предложения. *Государство и право*, № 3, март 2013, с.4.
2. Демина Н. Высшая аттестационная комиссия замахнулась на модернизацию и теологию. *Репортаж со слушаний в Общественной палате по реформе системы аттестации* // ПОЛИТ. РУ, http://www.polit.ru/article/2010/08/04/vak_modern/

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА В 2000-Е ГГ.

Пасовец Ю.М. (Курск)

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-03-00506а «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья»

В современных условиях нестабильность рыночной экономики оказывается значимым фактором изменений на рынке труда и занятости российских регионов и адаптации населения к этим переменам. 2000-е гг. отмечены периодом относительной стабилизации экономической ситуации в 2000–2007 гг. после экономического кризиса 1998 г., финансового кризиса 2008–2009 гг. и постепенного преодоления его последствий, ухудшением экономической ситуации со второй половины 2014 г. В этих условиях россиянам приходится адаптироваться к происходящим социально-экономическим изменениям, что в сфере труда и занятости находит отражение в состоянии и динамике экономической активности населения.

Необходимо отметить, что экономически активное население представляет собой ту часть населения, которая формирует предложение рабочей силы для производства товаров и услуг; включает в себя как занятых, так и безработных, ищущих работу и готовых приступить к ней. Тем самым уровень экономической активности населения может выступать одним из показателей адаптационного потенциала региона.

Также следует обратить внимание на то, что специфика российского общества связана с сохранением значительной социально-экономической и социокультурной дифференциации между российскими регионами как субъектами федерации. В связи с этим особенности экономической активности населения регионов России оказываются зависимыми от социально-экономической ситуации как в российском обществе в целом, так и в отдельном регионе. В этом плане представляется важным рассматривать состояние и динамику экономической активности населения на примере типичного российского региона, одним из которых является Курская область, и определенного мезорегиона.

Обращение к понятию мезорегиона позволяет нам рассматривать социальные структуры и процессы в ряде регионов, объединенных общностью исторических, экономических и социокультурных связей, находить общие для этой группы регионов черты и специфические для отдельных регионов характеристики. Исходя из такой позиции, в качестве мезорегиона может выступать Центральное Черноземье, включающее регионы Центрально-Чернозёмного экономического района: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую области, а также Орловскую область как отличающуюся общностью истории с Курским краем, имеющую тесные социокультурные и экономические связи с перечисленными регионами.

С 2000-х гг. в Курской области наблюдается сокращение численности занятого населения: с 593,9 до 570,3 тысяч человек, одними из ключевых факторов которого стали снижение количества населения в трудоспособном возрасте и некоторое повышение уровня безработицы в 2009–2010 гг. в результате экономического кризиса, развернувшегося в конце 2008 г. [1, с. 72; 2, с. 140; 3, с. 86; 4, с. 136; 5, с. 90; 6, с. 70].

В настоящее время Курская область отличается достаточно высоким уровнем занятости населения (63,8 %)[6, с. 106]. Этот показатель имеет положительную динамику на протяжении 2000-х гг. Иными словами, за это время произошло увеличение численности занятых в рамках отдельных возрастных групп, что означает активизацию трудовых ресурсов населения. В целом по России также наблюдается тенденция к увеличению уровня занятости населения (63,8 % в 2013 г.) [6, с. 106].

Наряду с Курской областью другие регионы Центрального Черноземья имеют относительно высокий уровень занятости населения: в 2013 г. он находился в пределах 60,8 % (в Тамбовской области) – 65,8 % (в Липецкой области) [6, с. 106].

В последние годы в Курском регионе уровень безработицы оставался относительно нестабильным, о чем свидетельствует некоторое его повышение в первые годы, следующие за экономическим кризисом 1998 г. (10,4 % в 2000 г.) и мировым финансовым кризисом 2008-2009 гг. (8,2 % в 2010 г.). В целом к 2013 г. по этому показателю обнаруживается снижение масштабов безработицы до 4,3 %, что является индикатором достаточно низкого уровня безработицы. В общероссийском масштабе динамика и состояние уровня безработицы оказываются близки к ситуации в регионе.

Кроме Курской области, в других регионах Центрального Черноземья официально фиксируемый уровень безработицы также сравнительно низок: по отдельным регионам его значения колеблются от 3,7 % (в Липецкой области) до 5,8 % (в Орловской области) [6, с. 106].

На протяжении последних лет динамика этих показателей связана с благоприятными тенденциями, характерными для всех областей Центрального Черноземья: постепенным повышением уровня занятости и существенным сокращением масштабов безработицы [2, с. 137–140; 6, с. 106]. Так, к 2013 г. по сравнению с 2000 г. в Липецкой области уровень безработицы сократился в 2,4 раза, в Курской – 2,3 раза, в Воронежской – в 2,2 раза. В настоящее время среди всех регионов ЦЧ наиболее благоприятная ситуация по уровню занятости и безработицы наблюдается в Липецкой области.

Отметим, что специализация региональной экономики во многом определяет структуру занятости населения в определенных отраслях экономики. Так, к настоящему времени в Курской области наибольшее число жителей региона занято следующими видами экономической деятельности:

- оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования;
- сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство;
- обрабатывающие производства, среди которых большее количество занятых в сфере производства пищевых продуктов.

С 2000 г. к 2013 г. в Курском регионе численность занятых в сельском хозяйстве и смежных с ним отраслях сократилась с 152,0 до 95,3 тысяч человек, то есть в 1,6 раза. За этот же период занятость курян в сфере обрабатывающих производств снизилась с 105,5 до 67,1 тысяч человек, или в 1,6 раза. Между тем количество занятых в сфере торговли и ремонта возросло с 96,6 до 142,8 тысяч человек, то есть в 1,5 раза [2, с. 106–107; 4, с. 104–105; 6, с. 74–75].

В настоящее время в масштабах России по количеству занятых первое место занимает сфера торговли и ремонта, второе – обрабатывающих производств, третье – сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства; рыболовства, рыбоводства.

В целом в регионах Центрального Черноземья основная часть занятых сосредоточена в таких отраслях экономики, как сельское хозяйство и смежные с ним отрасли; оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; обрабатывающие производства. Различие между регионами Центрального Черноземья состоит лишь в порядке возрастания численности занятых в этих отраслях: в 2013 г. в Белгородской и Тамбовской областях ведущая сфера по количеству занятых – сельское хозяйство, в остальных областях, включая Курскую, – торговля и ремонт [6, с. 74].

При этом тенденции сокращения численности занятых в сфере сельского хозяйства и смежных с ним отраслях, обрабатывающих производств и роста числа работников в сфере торговли и ремонта характерны и для всех регионов Центрального Черноземья, включая Курскую область, и России в целом.

1. Регионы России: стат. сб.: в 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. – М., 2001.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. – М., 2007.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014.

ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР (УСЛОВИЕ) ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ (К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ).

Салахутдинова Р.Х. (Санкт-Петербург)

Исследователи утверждают что, основная битва за здоровье человечества XXI века развернется по двум направлениям: инфекционные болезни и хронические незаразные болезни. Частота этих болезней будет расти, поскольку поражения сердца, рак, диабет и другие последствия нездорового образа жизни станут более распространенными, а ВИЧ - инфицированные, СПИД, наркомания сохранят свои приоритеты.

Специалисты обращают внимание на комплексный характер здоровья человека, компоненты которого наполовину (50-52%) детерминируются образом жизни, определяются на 1/5 (20-22 %) биологическим основанием (генетической программой), почти также на 1/5 (18-20%) - средой обитания (экологией человека) и зависит также от качества медицинских услуг (7-12%) и квалификацией врачей.[1] Тем самым актуализируется проблема разработки модели здорового поведения, определяющего развитие и здоровье в последующей взрослой жизни.

Индивидуальная культура управления здоровьем предстает как философия здорового образа жизни, сознательного поддержания своего режима существования.

Согласно Международному терминологическому словарю «Санитарное просвещение», здоровый образ жизни – «гигиеническое поведение, базирующееся на научно обоснованных санитарно-гигиенических нормативах, направленных на сохранение и укрепление здоровья, обеспечение высокого уровня трудоспособности, достижения активного долголетия». Таким образом, здоровый образ жизни, это типичные и существенные виды жизнедеятельности людей, способствующие выполнению ими социальных функций и достижению состояния физического, духовного и социального

благополучия, которые определяются конкретными социально-экономическими условиями, ценностными, нравственными ориентирами.

В социологическом понимании здоровый образ жизни рассматривается гораздо шире, чем в большинстве других дисциплин. Так, например, в социологической энциклопедии выделяют три пункта, которыми характеризуется ЗОЖ: «а) степень реализации потенциала конкретного общества (индивида, социальной группы) в обеспечении здоровья; б) степень социального благополучия как единства уровня и качества жизни; в) степень эффективности функционирования социальной организации в ее отнесении к ценности здоровья» [2]. В широком значении слова ЗОЖ понимается как особая концепция социальной политики, которая должна быть основана на понимании и пропаганде высокой социальной значимости здоровья населения для всего государства, на ответственности этого государства за самочувствие каждого своего гражданина, а также тех социальных групп, к которым человек принадлежит.

Социологи утверждают, что здоровый образ жизни, являясь показателем социального и экономического развития государства, зависит от многих факторов и состоит из различных компонентов, не относящихся ни к гигиене, ни к физическим упражнениям. Так, например, включаются и условия жизни и труда, и режим отдыха, и благосостояние, и межличностные отношения (как, с кем и в каких обстоятельствах они складываются).

Здоровый образ жизни представляется необходимым компонентом жизни каждого человека, в первую очередь, в связи с тем, что организм функционирует на основе саморегуляции, особенно – в городах, где на человека оказывают влияние многие негативные факторы. Связаны они как с объективными, так и с субъективными причинами. К объективным, то есть не зависящим от самого индивида, можно отнести экологию, график учебы/работы, жилищные условия и условия труда, к субъективным – личные установки человека на сохранение своего здоровья, его деятельность по поддержанию физической формы, регулярные посещения врачей-специалистов, отказ от вредных привычек и пр.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, только 50% сохранения и укрепления здоровья людей обеспечивается за счет независящих от них причин (экология – 20%, наследственность – 20%, здравоохранение и медицина – 10%). Половина зависит исключительно от того, какой образ жизни ведет сам человек [3].

Главная черта индивидуального здорового образа жизни – активная деятельность по сохранению и укреплению собственного здоровья. Индивидуальный стиль здорового образа жизни – способ организации жизнедеятельности, учитывающий индивидуальные интересы, потребности, возможности и связь с его учебной, профессиональной и бытовой деятельностью.[4]

Разные ученые выделяют различные комплексы компонентов здорового образа жизни. Так, А.П. Лаптев и С.А. Полиевский выделяют плодотворный труд, рациональный режим труда и отдыха, искоренение вредных привычек, оптимальный двигательный режим, личную гигиену, закаливание, рациональное питание и т. п. [5] По В.В. Маркову, «плодотворный труд – развитие и формирование основных умений и навыков трудовой деятельности и реализация их в процессе жизни является главным составляющим здоровья человека».[6] П.К. Дуркин и М.П. Лебедева обращают внимание на потребностях и мотивации. Согласно этим авторам мотивация человека, его настрой на ведение здорового образа жизни связана с природной, естественной потребностью в движении, постоянном физическом совершенствовании, укреплении и сохранении собственного здоровья.[7] Ряд ученых выделяют образовательный компонент здорового образа жизни, что актуален для всех слоев населения. [8]

Этот компонент образа жизни важен в современном обществе, так как в связи с модернизацией производства значительно увеличилась доля тех, кто занимается не физическим, а умственным трудом. Наиболее серьезные проблемы наблюдаются у детей,

что связано, в первую очередь, с серьезными нагрузками в школе. А.С. Солодкой и Е.М. Есина [9] отмечают, что наблюдаются серьезные проблемы в распределении времени между умственной и физической работой в современном обществе и начинают они проявляться с самого раннего возраста.

Вторым компонентом здорового образа жизни является полное искоренение вредных привычек (табакокурение, алкоголизм, наркомания, токсикомания и пр).

Третьим компонентом здорового образа жизни является рациональное питание. Главная его черта – сбалансированность, т.е. обеспечение организма всеми необходимыми для нормальной жизнедеятельности веществами.

Следующий компонент здорового образа жизни – закаливание.

Не менее важным компонентом здорового образа жизни является оптимальный режим двигательной активности, т.е. занятия спортом.

Шестой элемент здорового образа жизни – знания. В последнее время все больше и больше исследователей и ученых говорят о необходимости знаний для ведения здорового образа жизни. В этот же компонент включают личные мотивации и психологические установки человека. Смысл этого элемента заключается в том, что со временем у человека должна появиться осознанная мотивация к ведению здорового образа жизни, основанная на понимании его пользы.

Специфика здорового образа жизни заключается в том, что его основу составляет осознание человеком своего здоровья как ценности, предполагающая модель самосохранительного поведения.

Таким образом, здоровый образ жизни – это типичные, повторяющиеся виды человеческой жизнедеятельности, которые способствуют нормальному выполнению социальных функций, а также достижению физического, психического и социального благополучия.

1. Демченкова Г. З. Некоторые показатели здоровья и принципы формирования здорового образа жизни молодежи / сб. Здоровый образ жизни подрастающего поколения / мат. н/п конф., 1999, с. 128.
2. Социология: Энциклопедия / Сост. Грицанов А.А. и др. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2003. — С. 111
3. *The world health report 1998 - Life in the 21st century: A vision for all.* [электронный ресурс]
4. Авдеев Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б. Здоровье как ценность и предмет научного знания // Мир психологии. Научно-методический журнал. – 2000. – № 2. – С. 69.
5. Куценко Г.И., Новиков Ю.В. Книга о здоровом образе жизни. – СПб.: Профиздат. 1997. – С. 23.
6. Марков В.В. Основы здорового образа жизни и профилактика болезней. – М.: Академия. 2001. – С. 112.
7. Дуркин П.К., Лебедева М.П. К проблеме воспитания личной физической культуры у школьников и студентов //Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2000. – № 2. – С. 50-53.
8. Жилов Ю.Д., Назарова Е.Н. Здоровый образ жизни и его составляющие. – М.: Academia. 2008. – С. 33.
9. Солодков А.С. Есина Е.М. Физическое и функциональное развитие детей дошкольного возраста Санкт-Петербурга. // Физическая культура: воспитание, образование тренировка. – 1999. – № 12. – С. 14.

МОНОПОЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ НА ПРИМЕРЕ ТОРГОВЫХ ЦЕНТРОВ ГОРОДА КУРСКА

Трунова М.А. (Курск)

Монополизм как стадия в развитии рыночного хозяйства состоит в господстве не одного предприятия в отрасли, а в доминировании первоначально крупнейших фирм в хозяйстве отдельных стран [1].

Существуют различные виды монополий, но главными их критериями являются:

- а) барьер для входа и выхода на рынок монополизма;
- б) самостоятельное ценообразование;
- в) наличие высокого уровня технологий;
- г) большой объём капитала [2].

Российский монополизм – это монополизм особого рода. Мы получили его в наследство от плановой экономики. Как известно, экономика в СССР представляла собой единый народный комплекс, в котором каждое предприятие было частью общегосударственной структуры. Обычно удовлетворение потребностей всего народа обеспечивалось лишь двумя-тремя крупными предприятиями. Впоследствии, Россия перешла с плановой экономики на рыночную экономику, для которой характерно отсутствие крупных предприятий-монополистов и наличие свободной конкуренции. Но, несмотря на это, в Российской экономике остались черты монополизма.

Плановая экономика в СССР регулировалась государством, и у предприятий не было возможности совершать монополистические злоупотребления: бесконтрольно повышать цены на продукцию или увеличивать объёмы производства продукции. В современной российской экономике, где государство не имеет прямого влияния на рынок, тяжело регулировать деятельность и развитие многих предприятий. Ведь, как известно, конкуренция может быть совершенной только лишь в теории. Этот факт даёт возможность крупным предприятиям доминировать над мелкими организациями, диктовать цены и получать наибольший доход. Сегодня российская экономика по-прежнему остаётся самой монополизированной в мире.

Например, в России, по данным Института экономики РАН, на сегодняшний день примерно 1/3 промышленной продукции выпускается единственными предприятиями - монополистами. Этот факт полностью оправдывает утверждение о монополизации экономики в России. Конечно, у нас существует достаточно естественных монополий, которые являются неизбежностью для любой экономики, такие как система водоснабжения или железные дороги, но помимо этих аспектов, в России есть много предприятий, организация экономической деятельности которых не имеет естественно монополизированного происхождения.

Ситуации, когда более крупное и успешное предприятие доминирует над мелкими предприятиями, складываются часто. Но в больших городах подобные ситуации менее заметны, так как там имеется большое количество крупных предприятий, и они всегда имеют достойную конкуренцию, что не дает им совершать монополистические действия. А для маленьких городов, где большие предприятия сразу выходят на первый план, это сразу становится заметно для населения.

Для того чтобы полностью развить мысль о деятельности крупных предприятиях в маленьких городах, в пример возьмём город Центрального Черноземья - Курск. Этот город имеет насыщенное купеческое прошлое, поэтому сейчас в Курске хорошо развита сфера торговых услуг.

За последние годы в Курске выросло число (гипер-, мини-) супермаркетов - крупных универсамов по продаже полного ассортимента продуктов питания и напитков, а также предметов домашнего хозяйства, товаров для домашних животных, автомобильных

товаров, косметики и посуды. Эти предприятия располагаются в зданиях торговых центров. В городе представлены такие торговые сети как «Европа», «Линия», «Магнит», «Villa». Здания этих торговых сетей располагаются во всех районах города. Но в данной статье нас интересует не площадь, занимаемая ими, а их экономическая деятельность.

Деятельность больших торговых центров играет важную роль в экономическом развитии города Курска. Их широкий ассортимент привлекает большое количество потенциальных покупателей. В связи с этим происходит «увядание» или закрытие близлежащих рынков, где развивается малое предпринимательство. Таким образом, большие торговые центры, расположенные в городе, приобретают черты монополизма и диктуют условия ценообразования. Для примера мы рассмотрим деятельность крупных торговых сетей города Курска – «Европа» (ООО Группа Компаний «Промресурс») и «Линия» (корпорация «Гринн»).

Одной из ключевых сфер деятельности Корпорации «ГРИНН» является самая крупная в Черноземье сеть продовольственных гипермаркетов «Линия», которые широко распространены на территории Центрального Федерального округа, а именно, в таких городах как Курск, Тамбов, Орёл, Воронеж, Белгород, Брянск, Смоленск, Старый Оскол, Губкин и других. На данный момент в Курске расположено четыре таких торговых центра: два гипермаркета и два супермаркета.

Что касается такой торговой сети как «Европа», то можно насчитать двадцать торговых центров, в девятнадцати из которых располагаются универсамы с широким ассортиментом, что уже говорит о большем количестве предложения.

В чём же состоит проблема монополии торговых центров в Курске? Раскроем этот вопрос на примере торговой сети «Европа». Владельцем данной сети является Николай Викторович Полторацкий – генеральный директор ООО Группа Компаний «Промресурс». В 1996 году, воспользовавшись тем, что в нашем городе была слабо развита торговая деятельность, Полторацкий начал развивать свой бизнес. Таким образом, в каждом микрорайоне Курска стали появляться магазины «Европа». Естественно, они имели особый успех, так как были конкурентоспособными по сравнению с магазинами или «ларьками», которые работали по старым принципам. Если вспомнить прошлые годы, то с понятием «супермаркет» куряне впервые столкнулись, когда торговая сеть «Европа» начала работать по новой системе, которая предполагала самообслуживание. Такая форма не могла не привлечь покупателей, и со временем большинство населения стало приобретать продукцию в торговых центрах «Европа». На сегодняшний день Николай Полторацкий выстроил крупную торговую систему, которая приобрела черты монополизма на Курском рынке сбыта.

Сельскохозяйственные рынки, которые находились поблизости с торговыми центрами «Европа» стали постепенно закрываться. Примеры тому: рынок на улице Черняховского, рынок «Волокно», а также «Северный» рынок, который уже терпит огромные неудобства при строительстве нового shopping-центра «Европа». Если упомянуть отдельно о рынке в микрорайоне Волокно, то там ситуация обстоит наиболее остро: при постройке продуктового магазина «Европа» большинство «ларьков» было сдвинуто со своих мест. Вся «структура рынка» приобрела следующий вид: палатки с фруктами оказались рядом с палатками с одеждой, а «ларьки» с мясными изделиями переместились к палаткам с бытовой химией. Подобная перепланировка рынка вызвала недовольство его предпринимателей. Но не только это могло беспокоить «мелких» торговцев. С возникновением новой торговой «точки», которая уже имела успех во всём городе, спрос на продукты рынка микрорайона Волокно резко снизился.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что под влиянием монополистической политики торговых сетей города Курска малое предпринимательство не имеет возможности дальнейшего развития.

Микропредприятия не в состоянии поднять цены, чтобы создать свой первоначальный капитал, необходимый для дальнейшего развития и расширения, в то

время как ценовая политика является неотъемлемой частью маркетинга фирмы и направляется на достижение стратегических целей малого бизнеса [3]. Кроме того, «мелкие» предприниматели и без того напуганные «П-мифом» (предпринимательским мифом, который заключается в убеждении, что любой предприниматель рискует своим капиталом, образовывая малый бизнес) не готовы идти на ещё большие риски, повышая цены на свои товары, в то время, как у крупного предприятия цены ниже [4]. В связи с этим, малые предприятия не решаются делать большие шаги в своём бизнесе.

По данным Курскстата с 2009 по 2013 год число микропредприятий увеличилось с 6790 до 8922 единиц [5]. Но, несмотря на эти показатели, роль рынка и «мелких» предпринимателей, работающих в его сфере, продолжает уменьшаться.

Черты монополизма явно присутствуют в экономической деятельности рассматриваемой нами торговой сети. Подобная тема может найти свое отражение в деятельности государственных органов, которым необходимо направить больше усилий на поддержку малых предприятий и развитие конкурентоспособной торговли в Курске.

На примере деятельности курской торговой сети «Европа» была рассмотрена проблема монополизма в современной российской экономике. На сегодняшний день для поддержания рыночной экономики нужно особое внимание уделять крупным предприятиям. Государству следует проводить эффективное косвенное воздействие на экономику для того, чтобы поддерживать здоровую конкуренцию.

1. Соколова С. В., Соколов Б.И. Экономика: учебник для гуманитариев - СПб.: Изд. Дом «Бизнес-пресса», 2002. – С. 184
2. Борисов Е.Ф. Экономическая теория: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2005. – С.131
3. Золотухин О. И. Ценообразование. Конспект лекций для студентов экономических специальностей. – Спб: СПб ГУАП, 2012. – С.20
4. Гербер М. Малый бизнес: от иллюзий к успеху. Возвращение к мифу предпринимательства / Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-бизнес», 2005. – С. 16
5. Основные показатели деятельности микропредприятий [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы по государственной статистике по Курской области. Режим доступа: <http://kurskstat.gks.ru>, свободный. (Дата обращения 08. 10. 2015)

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ

Хамзяева О.С. (Астрахань)

В современном мире права человека рассматривается как всесторонняя категория, которая отражает стандарты и требования в области свободы личности. Основные характеристики прав и свобод личности формируются с изменениями человеческой цивилизации в результате социального, экономического и политического становления общества. Правами и свободами человек обладает с рождения. Они являются неотъемлемой частью биосоциальной природы человеческого индивида [1, с.1-27].

Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского инженерно-строительного института состояние прав и свобод человека в Астраханской области исследуется с 2010 г. по Типовой методике Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной ЦИСИ ИФ РАН (руководители: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева) [см., например, 2-4.]. В марте-мае 2015 г. в Астраханском инженерно-строительном институте лабораторией социально-психологических исследований при непосредственном участии автора было проведено конкретное социологическое исследование социальных отношений методом анкетирования. Были опрошены жители областного центра – г. Астрахань (N=1600), из

них был выбран подмассив молодежи (N=730). Обработка и анализ данных осуществлялся с использованием Vortex 8.

Оценка состояния прав и свобод современной молодежью весьма актуальна. Понимание молодежью своих прав, свобод, их реализация способны внести существенный вклад в формирование современного общества.

Результаты исследования показывают, что с нарушениями различных прав и свобод не сталкивались от 50 до 70% молодого населения. Наиболее часто нарушаются, по мнению молодежи, право на равенство перед законом, на труд, на безопасность и защиту личности. Менее всего нарушаются права на свободу слова, права на эмиграцию, свободу объединений групп, союзов. Защитить свои права, в лучшем случае, могут 6-13% молодого населения (см. табл. 1).

Таблица 1. «Сталкивались ли вы в последние 12 месяцев с нарушением следующих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Не сталкивался с нарушением прав	Не пытался отстаивать нарушенные права	Чаще удавалось отстаивать нарушенные права	Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права	Никогда не удавалось отстаивать нарушенные права	Не знаю	Отказ от ответа
1.Свобода слова	67,9	11,2	10,4	3,4	2,3	2,7	2,1
2.Право на безопасность и защиту личности	57,5	15,7	12,5	5,9	2,3	3,2	2,9
3.Свобода объединений групп, союзов	61,6	15,6	9,5	3,4	1,6	5,8	2,5
4.Право народа на его собственный язык и культуру	61,1	14,9	10,7	4,2	2,1	3,6	3,4
5.Религиозные свободы и свободы совести	61,5	14,6	10,7	3,8	1,8	4,9	2,7
6.Равенство перед законом	55,6	13,8	11,1	8,5	3,6	4,0	3,4
7.Право на труд	57,1	14,2	11,0	6,2	2,9	4,8	3,8
8.Право частной собственности	58,5	14,1	11,9	5,2	2,5	4,0	3,8
9.Право на образование и обучение	58,6	14,5	12,7	4,1	2,5	4,2	3,4
10.Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	60,8	14,0	8,5	4,9	2,9	5,5	3,4
11.Право на эмиграцию	63,0	12,5	6,7	3,8	2,5	5,5	6,0

По мнению астраханской молодежи, одним из самых нарушаемых является право равенства перед законом. В Конституции РФ написано «Все равны перед законом и судом»[3]. Именно так и воспринимают это право молодежь: равноправие не просто перед теоретическим законом, а перед практическим судом по существующему делу. Молодые люди оценивают реализуемость или нарушаемость этого права по итогам решения дел в судах. Это самое нарушаемое право, активность самозащиты граждан – высокая, а результат – низкий. Однако 55,6% населения молодежи не сталкивались с нарушением данного права, и 11,1% (что занимает третью позицию) сумели отстоять право равенства перед законом. Молодежь стала чаще пытаться отстаивать данное право, что привело к повышению успешности защиты и поставило на первое место.

Чаще не сумели отстоять право на труд 6,2% молодого населения, а 2,9% молодежи никогда не удавалось отстоять нарушение данного права, что занимает второе место в рейтинге прав. Скорее всего, это связано с предъявляемыми требованиями при устройстве на работу: стаж, опыт. Рыночные отношения в современном обществе обострили проблему защищенности в сфере труда. Рост безработицы отрицательно сказывается на молодежи, которые первыми попадают под сокращение, пополняя ряды безработных. Очень часто молодые люди помимо основной работы вынуждены трудиться сверхурочно, из-за низкой заработной платы, недостаточной социальной защищенности. Более половины опрошенных респондентов 57,1% никогда не сталкивались с нарушением данного права.

Таким образом, по мнению молодежи, самыми нарушаемыми правами и свободами являются право на равенство перед законом, на труд, на безопасность и защиту личности, но при этом защитить свои права могут только от 6 - 13% молодого населения.

1. Лукашева Е.А. *Общая теория прав человека* / Е.А. Лукашева - М.: НОРМА, 1996. с. 1-27.
2. Каргаполова Е.В. *Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа: Монография.* / Е.В. Каргаполова, А.Ю. Арясова, Т.Ю. Гречкина, Л.А. Лебединцева, Ю.И. Убогович – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. – 307 с.
3. Каргаполова Е.В. *Тридцатый регион: потенциал социального развития: монография* / науч. Ред. Проф. Н.В. Дулина. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – 375 с.
4. *Регион: пространство смыслов и содержание [Текст]: коллективная монография* / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, Д.П. Ануфриев, А.Ю. Арясова, Е.О. Беликова, И.Н. Наумов, В.А. Парамонова, М.А. Симоненко, В.В. Токарев / под общ. Ред. Н.В. Дулиной, Е.В. Каргаполовой. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – 294 с.
5. Конституция РФ. Статья 19.

РЕАЛИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КУРСКОМ РЕГИОНЕ

Хорошилова А.В. (Курск)

В последние годы инновационная политика и инновационное развитие экономики стали темой, обсуждаемой довольно часто. В число высших приоритетов социально-экономической политики Российской Федерации выдвигается создание национальной инновационной системы, основой которой являются региональные инновационные системы. Развитие региональной инновационной системы способствует росту возможностей социально-экономической системы, достижению более высокого уровня ее развития [1].

Представляется важным обратиться к вопросам о том, какие условия для осуществления инновационной деятельности созданы в регионе (Курской области), какую политику в этой сфере проводят органы власти, каковы количественные оценки инновативности региона, насколько задействованы жители региона в развитие инноваций.

На сегодняшний день в области создана весьма обширная база для развития инновационной деятельности. В частности, в регионе функционирует несколько предприятий электротехнической промышленности, которые сейчас активно перевооружаются и осваивают новую технику, в том числе продукцию передвигной энергетики, т.е. автономные источники питания. В настоящее время Курская область представляет собой развитый промышленно-аграрный регион. В структуре годового

выпуска валовой продукции отраслей материального производства доминируют черная металлургия и электроэнергетика.

Региональные органы власти и управления в Курском регионе активно поддерживают состязательность в сфере инновационной деятельности. Так, к примеру, ежегодно региональная власть проводит областной конкурс инновационных проектов «Инновации и изобретения года», на который, к примеру, в 2014 году было заявлено около 30 проектов. Многие инновационные проекты имеют расчеты экономической эффективности и могут быть рассмотрены предприятиями, инвесторами для дальнейшего финансирования. Благодаря оказываемой государственной поддержке, а также поддержке инвесторов в промышленности и сельском хозяйстве в области реализовано немало инвестиционных проектов с инновационной составляющей, – таких, как ОАО «Михайловский ГОК», ЗАО «Курский Агрохолдинг», ООО «Агропромкомплектация – Курск», ООО «Свинокомплекс «Пристенский», ЗАО «КОНТИ-РУС» и др. Началась реализация крупнейшего инвестиционного проекта по строительству станции замещения Курской АЭС-2.

Обратимся к количественной оценке инновационной деятельности региона. Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) подвела итоги рейтинга инновационной активности регионов, в котором Курский регион на конец 2013 г. занял место в группе субъектов РФ с умеренной инновационной активностью, то есть 45 место из 83 (стоит заметить, что такие области, как Воронежская, Белгородская, Орловская и Липецкая заняли 29, 30, 49 и 51 места соответственно). Если мы обратимся к социально-экономическим показателям регионов России за последние 5 лет, то увидим, что внутренние затраты на научные исследования и разработки в Курской области возросли в 4,1 раза и превышают, например, затраты Орловской области (в 6,4 раза), Белгородской области (в 2 раза), Липецкой области (в 12,9 раза) [2].

Что касается участия населения в инновационной деятельности региона, то проводимые социологические опросы показывают, что активность жителей является невысокой. По результатам ряда полевых исследований, проведенных на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета, в регионе было зафиксировано снижение инновационной активности населения за последние 5 лет. Так же в ходе исследований было выяснено, что, по мнению жителей, росту инновационной активности в регионе мешает, в большей степени, недоступность финансирования для создания новых фирм и инновационных проектов, избыточная бюрократизированность и нехватка в регионе идей и специалистов, способных их зарабатывать.

Согласно результатам экспертного опроса, проведенного в 2014 году, в Курске первоочередным институтом развития инновационного потенциала личности выступает в идеале семья, а фактически – государство. Подтверждением этому служит то, что исходным системообразующим фактором, вокруг которого происходит формирование инновационного потенциала личности, является, по мнению экспертного сообщества, ментальность, приобретенная в специфической социальной и культурной среде – семье. Тем самым инновационная политика Курской области и города Курска должна быть в первую очередь направлена на работу с семьей как основным источником инновационного человеческого капитала и фактором формирования определенной ментальности.

Сегодня на уровне страны и ее регионов необходима реконструктивная трансформация к качественно новой инновационной экономике, имеющей социальную ориентацию. Эта идея нашла свое отражение в документах стратегического планирования России до 2020 года, а также в региональных документах программно-целевого планирования, в частности, в Стратегии социально-экономического развития Курской области до 2020 г.

На среднесрочную перспективу развития (до 2015 г.) для Курской области обоснована необходимость выбора инновационно-прорывного сценария, реализация которого предполагает активизацию инновационной деятельности, диверсификацию экономики и структурные сдвиги в пользу обрабатывающих отраслей промышленности и сектора услуг. В рамках инновационно-прорывного сценария ведущими отраслями экономики Курской области должны стать электроэнергетика и черная металлургия, высокотехнологичные обрабатывающие производства, агропромышленный комплекс. При этом приоритет должен быть отдан промышленности.

Проведенное исследование показало, что на сегодняшний день в Курском регионе создана весьма обширная база для развития инновационной деятельности. Однако продолжают также существовать некоторые проблемы. Соответственно региональным и местным органам власти следует создавать более благоприятные условия для осуществления нововведений путем разработки нормативов расходов на поддержку инновационных разработок из бюджетов развития. Так же привлечению инвестиционных ресурсов в регион будут способствовать льготы и налоговые стимулы инвесторов и кредиторов.

Таким образом, в Курском регионе существует инновационный потенциал, но наряду с этим фиксируется невостребованность инноваций. Значимая часть населения вовлечена в образовательный процесс, связанный с получением высшего образования, широким развитием индивидуального предпринимательства, и эту инициативу следует подкрепить правовыми гарантиями, которые бы обеспечили результативность проявления обозначенной активности.

1. *Кравченко С.И., Кладченко И.С. Исследования сущности инновационного потенциала// Научные труды ДонНТУ. - Донецк: Серия "Экономика 2004. - Выпуск 68. - С. 90.*
2. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. - 2 Конференция «Ломоносов 2015» М., 2014. - С. 698-739.*

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КЛЮЧЕВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ

Штабина А.В. (Новосибирск)

Устойчивое развитие регионов страны - ключ к прогрессу экономической системы государства. Современная Россия представляет собой объединение 85 субъектов, такой территориальный разброс создаёт немало сложностей при реализации социально-экономической политики. Проблемы российских регионов существенно отличаются друг от друга, поскольку и социальные, и экономические, и экологические факторы имеют значительные территориальные различия. На фоне усиливающейся социальной дифференциации в уровнях развития регионов система социально-экономической политики России выглядит несостоятельной, более того, препятствующей сбалансированному развитию страны в целом.

Как результат отсутствия в течение долгого времени единой стратегии регионального развития, сегодня мы имеем такую систему социально-экономической политики, которая предполагает ликвидацию негативных последствий стихийного экономического развития регионов.[1] Подобная система не способна ликвидировать причины социальных деформаций, она может лишь на короткое время удерживать их от стремительного роста. В целом, развитие и модернизация страны обусловлены экономическим ростом в ключевых регионах, а политика бюджетного выравнивания демонстрирует низкую эффективность. На современном этапе социально-экономическая политика усиливает иждивенчество региональных властей слаборазвитых регионов, и

формирует институциональные барьеры для развития конкурентных территорий [3, с. 9]; возрастают риски полностью перейти на региональную политику, которая будет представлять собой установление специализации регионов из федерального центра. Также существует опасность возникновения очагов социальной напряженности из-за усиливающегося неравенства между регионами.

На данный момент можно выделить несколько групп регионов в России с различным сочетанием проблем социального и экономического развития [4, с.18]. Федеральные города и их агломерации: экологические и инфраструктурные проблемы, причина которых - массовая автомобилизация и масштабный миграционный приток, социальные проблемы глубокого неравенства населения по доходу, проблемы адаптации мигрантов. Важнейшие регионы добычи ресурсов на севере и востоке страны: острые экологические проблемы, истощение ресурсной базы и экономические риски монопрофильности, миграционный отток в большинстве регионов, сильное неравенство населения по доходу, высокие риски безработицы. Metallургические регионы Урала и Сибири: весьма неблагоприятное экологическое состояние, неразвитая инфраструктура и некомфортные условия жизни, маргинализация населения небольших промышленных городов и сельской местности, максимальные риски роста безработицы, особенно в монопрофильных городах. Регионы Дальнего Востока и Забайкалья: слабо развитая инфраструктура, невысокие доходы населения с учетом удорожания жизни, повышенная безработица и длительный миграционный отток. Среднеразвитые регионы Центра и Северо-Запада, части Поволжья: максимальное постарение населения и депопуляция, невысокие доходы населения, сжатие сети социальных услуг и деградация сельской местности, невысокая инвестиционная привлекательность. Наименее развитые республики: преобладание теневой экономики, низкая инвестиционная привлекательность, максимальный уровень безработицы, низкое качество образования и здравоохранения. Специфика проблем остальных регионов менее четко выражена, они занимают промежуточное положение между выделенными типами.

Исходя из анализа региональных аспектов реализации социально-экономической политики, мы приходим к выводу, что российская региональная политика в большей степени нацелена на поддержку двух наиболее проблемных групп регионов - удаленных и наименее развитых. Приняты и реализуются федеральные программы развития регионов Дальнего Востока и Прибайкалья, а также Северного Кавказа, существуют меры поддержки монопрофильных городов, которых больше всего на Урале, в Сибири, на Северо-Западе и в Поволжье. Подобных территориально сфокусированных приоритетов региональной политики недостаточно, их сложно реализовать без более широких институциональных реформ. Сверхцентрализация становится институциональным барьером развития, а длительная финансовая помощь проблемным субъектам формирует зависимую дотационную экономику, представленную в основном сектором бюджетных услуг, растёт коррупционное перераспределение бюджетных средств.

Таким образом, следует сделать вывод, что тенденции в региональной социально-экономической политике складываются так, что региональная политика имеет ярко выраженный центр-периферийный характер, развитие регионов определяется их конкурентными преимуществами, а меры региональной политики выступают вторичным фактором развития регионов. Поэтому важной задачей для региональных и федеральных властей на сегодняшний день становится поиск методов, форм и способов реализации социальной и экономической политики, которая была бы адаптирована к региональным условиям, а не скроена по одному «лекалу» для всей страны.

1. *О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 дек. 2014 г. N 473-ФЗ // Российская газета.-2014г.-№6571*

2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N1662-р // в редакции распоряжения Правительства РФ от 08.08.2009 N 1121-р
3. Сахарова О. Н. Индекс развития человеческого потенциала: место России в современном мире // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014, №1 (19). С. 16-20
4. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014, №4. С. 7-27

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОМФОРТ ЖИТЕЛЕЙ МИКРОРАЙОНА "ЮНОСТЬ" Г.ТВЕРИ

Щеглова Т.Б. (Тверь)

Микрорайон «Юность» – часть заволжского района г.Твери, которая, как и любой другой микрорайон, имеет свои проблемы, в частности, многие жители города, да и сами жители «Юности» считают его неблагополучным микрорайоном с неразвитой инфраструктурой. И, чтобы эти проблемы решить, необходимо определить, что же именно больше всего беспокоит его жителей, постараться найти корни проблем и предложить оптимальное их решение – этому и было посвящено наше исследование. Магистралью исследования стало определение уровня удовлетворенности жителей социальной инфраструктурой «Юности» или, иначе говоря, определение социально-экологического комфорта жителей микрорайона.

Весной 2015 года в рамках социально ориентированного проекта «Чего хочет Юность» стартовало исследование «Социально-экологический комфорт жителей микрорайона «Юность» г.Твери». Согласно выборке, в исследовании приняло участие 362 человека (ген.совокупность – 35000 человек), из которых 60% - женщины, 40% - мужчины. 52% опрошенных проживает в микрорайоне «Юность» более 10 лет, 30% - от 5 до 10 лет, 11% - от 1 года до 4 и только 7% респондентов недавно отметили новоселье.

Все опрошенные проживают в микрорайоне по разным причинам. Большая часть опрошенных предпочла выбрать микрорайон «Юность» для проживания по причине его комфортности для себя и своих близких, а так же потому, что он находится на окраине города, а следовательно, по мнению респондентов, микрорайон тихий, спокойный, экологичный (т.к. в шаговой доступности находится роща), но при этом с налаженной инфраструктурой («транспортное сообщение хорошее»). 27% респондентов стали жителями «Юности» по воле случая: 13% из них предоставили квартиру государство или работодатель. 27% опрошенных так или иначе связали свою жизнь с микрорайоном по семейным обстоятельствам, желанием быть ближе к своим родственникам. Так кто-то родился в «Юности» и «прикипел» к району; кто-то по каким-либо причинам в данный момент живет с родственниками; кто-то сменил прежнее место жительства, переехав к супругу/ супруге; кто-то получил квартиру в наследство от родителей; а кто-то приобрел квартиру в микрорайоне просто потому, чтобы жить недалеко от близких/ по их совету. Также респонденты отметили выгодность и доступность приобретения жилья в «Юности».

38% респондентов отметили, что им некомфортно проживание в микрорайоне, в то время как 18% полностью довольны своим статусом жителя «Юности», а 44% скорее довольны, чем нет. На вопрос о том, хотят ли опрошенные сменить место жительства, переехать в другой микрорайон, большинство (56%) ответило, что не хочет, 18% респондентов находятся в сомнениях, но все же предпочитают остаться жить в микрорайоне, 15% людей хотели бы покинуть свое настоящее место жительства в «Юности». Свои ответы респонденты пояснили. Те, кто готов покинуть микрорайон

объяснили это тем, что «Юность» не развита, есть проблемы с ее благоустройством: «Район неуютный, развлечений нет, приходится ездить в другие районы, чтобы хорошо провести время, при этом транспортное сообщение не стабильное»; «Не хватает мест для отдыха и спорта»; «Мне здесь некомфортно»; «Район не благоустроен для проживания», - многие из респондентов хотели бы переехать в центр города или как минимум более благоустроенный район. Кому-то просто хочется жить за городом. Однако большинство опрошенных жителей привыкло к микрорайону, считает «Юность» достойной и развивающейся: «Здесь хорошо и спокойно»; «Прожили много лет и район менять не собираемся»; «Мне нравится здесь жить, все, что нужно, рядом»; «Район достаточно тихий, неопасный, комфортный»; «Уже привыкли, все устраивает»; «Удобное расположение, близко к университету, рядом сосновый бор»; «Родной район». Достаточно часто респонденты озвучивали следующую точку зрения: «Мне не известно, что будет в другом районе»; «В других районах ситуация с благоустройством не лучше».

Как оказалось, для жителей микрорайона остро стоит проблема проведения досуга недалеко от дома. Подавляющее большинство респондентов – 93% (!) - для того, чтобы интересно провести время, отдохнуть вынуждены выезжать в другие районы нашего города (чаще всего в Центральный и Пролетарский). При этом 45% опрошенных делают это несколько раз в неделю, 20% - раз в неделю, 19% - два-три раза в месяц, 10% - раз в месяц и 6% - реже. По мнению опрошенных, микрорайону «Юность» не хватает, в первую очередь, благоустроенных детских и спортивных площадок (30%) и парков (26%), во вторую, - спортивных комплексов (13%), в третью, - кафе, баров, ресторанов (10%) и развлекательных центров (9%), наконец, - детских садов (4%) и торговых центров(4%), магазинов шаговой доступности (1%).

Так чего же все-таки хочет «Юность»? В первую очередь, озеленить микрорайон, отремонтировать дорожное полотно и построить больше детских и спортивных площадок.

Согласно программе «Чего хочет Юность», в течение трех лет будет проведен комплекс мер по благоустройству микрорайона и создания в нем не только комфортных условий для проживания, но и особого – благоприятного – социального климата «Юности», активизации местных сообществ. По окончании проекта будет проведено повторное социологическое исследование, с помощью которого мы сможем измерить социальный комфорт жителей микрорайона в динамике, а также эффективность проведенных мер.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ ОЦЕНКИ И ИЗМЕРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Юрасова М.В. (Москва)

Современными тенденциями развития менеджмента качества является необходимость измерения. Любую проблему или ситуацию можно измерить, главное - правильно выбрать критерий, по которому осуществлять измерение и определить начальную точку измерения или основание. Правильно измеренная проблема в управлении влечет за собой создание адекватной программы изменений.

Но существуют и противники этой позиции: все померить в управлении невозможно. Однако невозможность измерения ведет к неуправляемости.

Таким образом, необходимо создание критериев измерения и оценки работы. Как показывает практика – готовых рецептов в этом вопросе нет и не может быть. Каждая система управления самостоятельно определяет критерии мерности и переводит в них даже качественные характеристики.

Поскольку, измерение – это способ изучения социальных явлений, процессов, систем, их свойств и отношений с помощью количественных оценок, то и само количественное изучение социальных явлений способствует осознанию вероятностного характера ряда социальных закономерностей, более полному применению статистических методов. С одной стороны – измерение позволяет разобраться в ситуациях и определить подходящие направления действий для достижения поставленной цели, но в то же время, нередко измерение само по себе приносит очень мало пользы, а то и вовсе оказывается бесполезным. Система измерения служит инструментом, позволяющим направить ограниченные ресурсы туда, где от них можно получить наибольшую выгоду.

Сегодня практически нет ни одной области человеческой деятельности, где все более интенсивно не использовались бы результаты измерений. Метрология – отрасли науки, изучающая и реализующая методы измерения качества, методы и средства обеспечения их единства и способы достижения требуемой точности. Качество измерений оценивается двумя основными показателями: точностью измерений и единством измерений. При этом мы не можем не говорить о погрешности измерений. Погрешность измерения – это отклонение результата измерения от истинного значения измеряемой величины. Хорошо иллюстрирует представление о погрешности лабораторная работа на первых уроках школьной физики, когда к пружине подвешивается груз и измеряются параметры пружины. Так вот, если пружина в хорошем состоянии, то мы будем получать результаты как больше, так и меньше истинного значения и будем говорить о случайной погрешности. Если пружина слабая, то каждое последующее измерение может быть больше, чем предыдущее (пружина растянута и не сохраняет первоначальные свойства). Подобные погрешности называют систематическими.

Дисциплина, родиной которой является СССР, и связанная с измерением качества является квалиметрия. Квалиметрия является той отраслью науки, которая изучает и реализует методы количественной оценки качества и решает следующие задачи:

- оценка видов, вариантов и номенклатуры услуг или товаров, которые наиболее целесообразно предлагать определенным рынкам сбыта;
- разработка стратегии продвижения и политики продукта;
- выбор наиболее выгодных рынков для приобретения необходимых для функционирования организации объектов;
- выбор и стратегия подбора рынков для пребывания (представленности, реализации, продаж) услуг или товаров;
- прогнозирование доли рынка, оборота, прибыли организации, сравнение конкурентных преимуществ и уязвимостей продуктов-конкурентов;
- проектирование кадровой политики организации: оценка и отбор соискателей (кандидатур) при приеме на работу, продвижениях по службе, представленности на территории;
- разработка требований к качеству процессов и их оценка;
- отбор и оптимизация маркетинговых коммуникаций;
- оценка уровня продуктов и систем обеспечения качества и др..

Показателей качества можно выделить бесчисленно много. Однако, избыток информации часто ведет к неуправляемости, поэтому, рекомендуется выбрать цели сравнения и выбрать определенный набор показателей.

Наибольший интерес представляют интегральные показатели – рейтинги и индексы, предназначенные для сравнения характеристик различных стран. Для построения рейтингов и индексов можно ограничиться получением статистической информации и экспертными оценками. По ряду рейтингов и индексов пишется многостраничный отчет с обоснованием выставляемой оценки. Реже используются массовые опросы населения и анализ СМИ. Например, основным методическим инструментарием государствоведческих исследований обычно служат различные методики экспертных оценок, которые получают в результате анкетирования сотен и

тысяч квалифицированных экспертов – как из обследуемого государства, так и работающих за рубежом. Наряду с этим, но в меньших масштабах, используется сбор и обработка статистических данных. Некоторые специалисты считают, что получаемые рейтинги, составленные по экспертным оценкам, всегда несут на себе отпечаток субъективизма.

Рейтинги только помогают определить насколько функционирует объект оценки, а установить характер проблемы и методы ее устранения с их помощью не представляется возможным. Выявление причин динамики отдельных показателей может быть осложнено.

В связи с необходимостью сравнения (определения эффективности) все процессы пытаются измерить. Этому в немалой степени способствовал процесс менеджериализации, который внедряет в практику принципы менеджмента, а также стремление к повышению управленческой эффективности ее подсистем (социальное обеспечение, образование, здравоохранение, культура).

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ПИТИРИМ СОРОКИН КАК ЗЕРКАЛО ТРЕХ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ П.СОРОКИНА И СОВРЕМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Асочаков Ю.В. (Санкт-Петербург)

1. События, происходившие в России во второй половине 10-х годов XX века, заставили отказаться П.А.Сорокина от оптимистического взгляда на историю как на устойчивый процесс материальной и духовной эволюции общества, характерного для социального мышления того времени. Сорокин, находясь в эпицентре революционных событий, наблюдая и активно участвуя в них, вынужден был пересмотреть представления о революции как о процессе устранения негативных моментов в социальной организации и усиление позитивных в результате действия причин, которые сами находятся под контролем общества. События скорее напоминали социальную катастрофу, чем «радикальную форму социального прогресса». Именно стремление понять реальный смысл происходящего заставили социолога провести исследовательскую работу, результатом которой стала книга «Социология революции». На основе большого исторического материала он выделил основные факторы и описал типичный сценарий протекания событий, подобных тем, что он наблюдает в это время в России. Теоретический результат этой работы в целом отрицательный: имея описание факторов и сценария протекания, отмечалось, что лозунги, под которыми проходили эти события, почти никогда не воплощались в жизнь. Очевидно, что от представления о революции как о локомотиве истории следует отказаться. Следовательно, мы не понимаем значение события, которое называем революцией, в жизни общества. Понять реальное значение событий подобного рода, достаточно регулярно наблюдаемое в истории, можно только поняв порядок организации общества. Именно этот вывод «Социологии революции» стал импульсом для дальнейшего развития и систематизации принципиально новых идей об организации структурного единства общества, осуществленной Сорокиным в следующей теоретической работе «Социальная мобильность». Созданные теории стратификации и мобильности, позволили объяснить революцию как период, в ходе которого общества с низким индексом мобильности (закрытые общества), осуществляют необходимую перестройку, которую открытые общества с высоким уровнем мобильности реализуют

эволюционно. Сорокин указывает на недостатки и ограничения этого способа регулирования развития общества: распределение материала в ходе «импульсной мобильности» в ходе революции не оптимально; в период революции общество переживает тяжелейший политический, экономический и моральный кризис и т.п. Самый большой недостаток этого способа решения проблем социальных изменений – революция не решает вопрос о типе общества. После болезненного периода перемен, закрытая система общества воссоздается, зачастую в еще более жестком институциональном порядке блоков, препятствующих социальной мобильности. Поскольку тип общества определяет тип развития, общества с низким индексом мобильности ожидают новые «революции» с появлением необходимости в серьезных изменениях.

2. Среди факторов революции Сорокин не выделяет как самостоятельный фактор внешнего воздействия, несмотря на то, что этот фактор интенсивно обсуждался обществом в это время. Работа «Социология революции» одна из основополагающих теоретических работ, на которую ориентируется практическая политическая наука. В создании современных технологий политического воздействия использован материал этой книги. В современном сверхмобильном и глобально интегрированном обществе этот фактор выглядит как определяющий.

Н.С. ТИМАШЕВ - П.А. СОРОКИН О РЕВОЛЮЦИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Гнатюк О.Л. (Санкт-Петербург)

П.Сорокин (1889-1968) и Н.С.Тимашев (1886-1970) - великие русские и американские социологи - оба пережили три русские революции, посвятив их осмыслению много работ. П.Сорокин анализировал причины революции - как формы социальной дезорганизации - в связи с ущемлением базовых потребностей населения, рефлексов индивидуального и группового самосохранения, ростом различных форм насилия, "разрыва" постепенного, регулируемого характера и каналов социальной обильности, распада баланса и гармонии культурных ценностей, правовых нравственных устоев и др.[1]. Н.С.Тимашев, которого П.Сорокин в 1936 г. пригласил читать курсы по социологии в Гарвардский ун-тет, осмысливал проблемы революции в соотношении с правом, политическими режимами, изменением объема основных функций (координирующая - обеспечение стабильности и порядка, предотвращение и разрешение конфликтов), защита суверенитета, и вспомогательных функций (социальная политика) государства, отношением государства к общественному мнению, церкви и религии и др.Основными социальными процессами являются кооперация и соревнование; конфликты как разрушение равновесия - должны прерываться и заканчиваться. Состояниями политической системы являются война и мир, порядок и революция.Революция есть противоположность стабильности общества, состояние несовершенной координации; это насильственный политический конфликт внутри государства и/или нации, достигающий уровня борьбы между правительством и оппозиционными партиями [2].Коммунистическую революцию 1917 г. в России он считал "великим отступлением", исторической случайностью, давшей сигнал к ряду разрушений дореволюционного либерального российского общества. Он исследовал динамику флуктуации "восходящих" и "нисходящих" периодов в истории советского общества [3].

1. Сорокин П. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005.

2. Timasheff N.S. War and Revolution: A Sociological Analysis. New York, 1965.

3. *Timasheff N.S. The Great Retreat. The Growth and Decline of communism in Russia. New York, 1946.*

ПИТИРИМ СОРОКИН И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Иванов Д.В. (Санкт-Петербург)

Раскрывая направленность теоретических поисков Питирима Сорокина и тенденции в оценке его работ, следует констатировать, что его судьбу как ученого и судьбу его творческого наследия во многом и в главном определили революции, трижды сотрясавшие Россию в XX веке.

В первую русскую революцию 1905-07 годов юный Сорокин, учившийся тогда в церковно-учительской школе в Костромской губернии, стал агитатором за республику и пропагандистом крестьянского социализма. По воспоминаниям Сорокина именно опыт участия в политических дебатах и общение с политическими арестантами в тюрьме города Кинешмы, куда он был заключен на четыре месяца за организацию эсеровского кружка, подвигли его к изучению общественных наук [Сорокин 1991]. Перебравшись в Санкт-Петербург и став студентом сначала Психоневрологического института, а затем Петербургского университета, Сорокин и во время учебы оставался эсеровским активистом и в 1913 году снова ненадолго был арестован по подозрению в антиправительственной деятельности.

Во вторую русскую революцию 1917 – 21 годов Сорокин был уже заметным эсеровским политиком и публицистом. Он принимал деятельное участие в организации крестьянского съезда весной 1917 года, в июле стал секретарем главы временного правительства Керенского, осенью был избран депутатом Учредительного собрания. После захвата власти большевиками Сорокин печатал политические памфлеты в оппозиционных газетах. В январе 1918 года он был арестован и провел два месяца в Петропавловской крепости. Выпущенный по ходатайству знакомых с ним по прошлой борьбе с царским режимом членов социал-демократической партии, Сорокин продолжил антибольшевистскую агитацию и даже отправился в Великий Устюг для подготовки вооруженного восстания. Осуществить этот план Сорокин не смог, осенью 1918 года он вынужден был сдать власть. В тюрьме приговоренный к смертной казни Сорокин пошел на отказ от политической деятельности и в открытом письме, опубликованном в нескольких газетах, отрекся от партии эсеров и прежних убеждений. Это спасло ему жизнь, а внимание к его заявлению председателя большевистского правительства Ленина, прочитавшего перепечатанное газетой «Правда» покаянное письмо Сорокина и ответившего на него в той же «Правде» статьей с характерным названием «Ценные признания Питирима Сорокина», помогло выйти на свободу и вернуться к академической карьере.

Главным итогом второй русской революции лично для Сорокина стал окончательный поворот к науке. И к революции он стал относиться как к объекту изучения. Научный анализ событий 1917-22 годов Сорокин дал в вышедшей в 1925 году «Социологии революции», где сформулировал и обосновал антиреволюционную теорию революции [Soroikin 1967]. Сорокин констатирует, что «революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс» [Сорокин 1992, с. 270]. Главный для всех теорий революции вопрос о предпосылках Сорокин решает, вводя формулу трех необходимых составляющих всякого революционного взрыва: 1) растущее подавление «базовых инстинктов», 2) его всеобщий характер, 3) бессилие «групп порядка», то есть правительства и властвующей элиты, неспособных противостоять восстанию.

Детальное рассмотрение подавления «базовых инстинктов» приводит Сорокина к выделению шести причин революции:

- 1) подавление пищевого инстинкта (что проявляется в массовом голоде),
- 2) подавление собственнического инстинкта (обнищание масс),
- 3) подавление инстинкта самосохранения (военные поражения, казни оппозиционеров, репрессии против этнических и религиозных групп),
- 4) подавление полового инстинкта (сексуальная депривация),
- 5) подавление инстинкта свободы (ограничение передвижений, коммуникаций),
- 6) подавление инстинкта самовыражения (ограничения на самореализацию, отсутствие социальной мобильности).

Еще одной теоретической новацией стал тезис Сорокина о том, что революционный период обязательно включает две стадии: эмансипацию и реакцию. Достижение свобод при разрушении старого репрессивного режима всегда приводит к подавлению свобод и репрессиям при закреплении и консервации нового режима.

«Социология революции» - поворотное в научной карьере Сорокина произведение: последнее написанное в Европе и в бихевиористском стиле, первое о социокультурной динамике и первое социологическое в Америке. «Социологией революции» открывается тот ряд научных шедевров, который является вкладом Питирима Сорокина в развитие мировой социологии: «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), «Социальная и культурная динамика» (1937-41).

Третья русская революция 1989–93 годов принесла с собой новый поворот в судьбе социологии Сорокина. События этого периода подтвердили тезисы Сорокина о шести причинах, трех компонентах и двух стадиях революции. Общий кризис советского режима к концу 1980-х годов можно легко разложить на предложенные Сорокиным шесть рубрик подавления потребностей:

- 1) быстро нарастающий дефицит продовольственных товаров;
- 2) ограничения на возможность больше зарабатывать, заниматься частным предпринимательством, приобретать в собственность жилье, автомобили, земельные участки и т.п.;
- 3) людские потери в Афганской войне, репрессии против правозащитников, этнических и религиозных групп;
- 4) подавление проявлений сексуальности и насаждение ханжеской морали под лозунгом «В СССР секса нет!»;
- 5) отсутствие свободы передвижения и свободы слова;
- 6) идеологический контроль над художественным и научным творчеством, административные препоны для технических и организационных инноваций, номенклатурный режим карьерного продвижения.

Революция началась в 1989 году с разрушительной для старого режима борьбы самых разных социальных групп за гражданские свободы в ходе выборов народных депутатов СССР и массовых антикоммунистических демонстраций. Завершилась третья русская революция в 1993 году прямо-таки по Сорокину «обузданием» того парламента и тех оппозиционных гражданских движений, которые были движущей силой на первой стадии революции.

Крушение в ходе третьей русской революции режима идеологических ограничений сделало возможным полноценное возвращение идей Питирима Сорокина в отечественную науку. С конца 1980-х годов стали издаваться его труды и появились многочисленные работы о его творчестве. Однако теория революции Сорокина не приобрела широкой известности и тем более применения в период возрождения интереса к его наследию в 1990-х годах. Популярными в последнее время являются концепции «цветных революций», предполагающие, что можно искусственно создать народное недовольство при помощи хорошо выстроенной антиправительственной пропаганды и управляемых акций неповиновения. Авторы этих концепций упускают из виду, что в социальной

революции идеологические факторы – коммуникации, образы «плохой» власти и «хороших» революционеров, яркая атрибутика – знаки принадлежности к революции и т.п., играют важную роль в «кристаллизации» протестных настроений, но сами настроения определяются структурными факторами [Сорокин 1992, с. 280-281]. И апологетам, и критикам «цветных» квазиреволюций не достаёт того объективного анализа, который был проделан Сорокиным без малого сто лет назад.

Сорокин, перестав быть пропагандистом революции и став ее убежденным противником, все же старался быть объективным исследователем. И поэтому, хотя это и выглядит злой иронией истории, в главных своих положениях его теория совпала с теорией революции, созданной одним из самых преуспевших революционеров и политических оппонентов Питирима Сорокина Владимиром Лениным. В написанной в 1915 году статье «Крах II Интернационала» Ленин сформулировал три признака революционной ситуации: 1) кризис «верхов», которые не могут править по-старому, тогда как «низы» не хотят жить по-старому; 2) обострение нужды среди угнетенных классов выше обычного; 3) активизация народных масс, мобилизуемых как обстановкой кризиса, так и самими «верхами», привлекающими массы к «историческому действию». Для того, чтобы революционная ситуация переросла в реальную революцию, к трем объективным условиям должно добавиться одно субъективное: способность революционного класса на массовое действие, достаточно сильное, чтобы сломить старое правительство [Ленин 1915]. Легко заметить, что первый признак из ленинской формулы революционной ситуации практически совпадает с третьей составляющей революционного взрыва из формулы Сорокина, а первая и вторая составляющие очень напоминают второй и третий признаки.

Теории двух идейных противников в сумме дают наиболее адекватную модель революции. Сорокин отчетливо и детально представил те структурные предпосылки, которые у Ленина выведены в интуитивно понятных, но не вполне научных выражениях «низы», «верхи» и «обострение нужды выше обычного». Сорокин дифференцировал «низы», то есть выделил социальные группы с разными ценностями и потребностями, показал их мотивы включения в борьбу и отхода от революции, в зависимости от степени подавления / удовлетворения их стремлений. Сорокин также показал неоднородность «верхов» и роль конфликтов внутри властвующей элиты, часть которой может выступать на стороне революционных движений. Но особой заслугой Сорокина следует считать его концепцию революционного периода, включающего в себя вторую стадию, репрессивную, которая представляется куда более реалистичной, чем образ «диктатуры пролетариата» у Ленина.

Более поздние теории революции, созданные, например, Тедой Скокпол, Джеком Голдстоуном, Чарльзом Тилли, лишь повторяют и закрепляют достижения русской мысли, вынесенные из трагического опыта двух революций 1905-07 и 1917-21 годов [Skocpol 1979; Goldstone 1991; Tilly 1993]. Русской концепции революции не уделяется должное внимание, но восстания на Ближнем Востоке и обострение политической борьбы в ходе избирательных кампаний 2011-12 годов в России приводят к мысли, что она снова может понадобиться аналитикам уже в ближайшем будущем.

1. Ленин В. И. Крах II Интернационала (напечатано в журнале «Коммунист». 1915, № 1-2) // Полн. собр. соч. Т. 26
2. Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: Шыпас, 1991
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. / под ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992
4. Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*, Berkeley: University of California Press, 1991
5. Skocpol T. *States and social revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979
6. Sorokin P. *The sociology of revolution*, New York, NY: Howard Fertig, Inc., 1967
7. Tilly C. *European Revolutions 1492 – 1992*. Oxford, UK, Cambridge, US: Blackwell, 1993

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ПОСРЕДНИКОВ

Лазебная К.П. (Москва)

Материалы доклада подготовлены при поддержке РФФ в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14–18–03784.

В рамках доклада поднимается ряд вопросов относительно возможности применения теории символического П.А. Сорокина к анализу революционных событий в России нач. XX в. Интерес вызывает взгляд ученого на происходящие изменения условий повседневной жизни очевидцев тех исторических событий. Автобиография Сорокина «Долгий путь» в данном случае рассматривается как полевой дневник волей судьбы оказавшегося в гуще революционных событий участника и включенного наблюдателя. В книге Сорокин уделяет внимание не только констатации исторических фактов, свидетелем которых он становился, но и особо отмечает изменения в повседневной жизни людей. Переданная Сорокиным трансформация социокультурной среды Петербурга того времени, вызванная революцией и гражданской войной, глубже понимается через его наблюдения повседневных практик социальных взаимодействий.

В рамках доклада поднимается ряд вопросов относительно возможности применения теории символического П.А. Сорокина к анализу революционных событий в России нач. XX в. Интерес вызывает его взгляд на происходящие изменения условий повседневной жизни очевидцев и участников тех исторических событий. Автобиографический роман Сорокина «Долгий путь» в данном случае рассматривается как полевой дневник молодого ученого, волей судьбы оказавшегося участником революции и включенным наблюдателем.

Сорокин уделяет внимание не только констатации исторических фактов, свидетелем которых он становился, но и особо отмечает изменения в своей повседневной жизни и жизни окружающих его людей. Он передает опыт подпольного агитатора, атмосферу тюремного режима политических заключенных, описывает революционную «пульсацию» философской и социальной мысли в академических кругах, специфику распространения политических течений. Особенно ярко переданы годы после 1917, названные им «жизнью в царства смерти». Сорокин детально фиксирует трансформацию социокультурной жизни Петербурга, поглощенную социализацией ранней коммунистической культуры.

Фокусировка на данной специфике "Долгого пути" (начиная от романтики революции и заканчивая трагедией гражданской войны) способствует анализу микроуровня революционной повседневности. Жизненные впечатления молодого Сорокина, взятые в качестве неких кейсов, позволяют уточнить некоторые аспекты данного анализа через рассмотрение, к примеру: особенностей социальных взаимодействий в период кризиса, в период изменения ценностно-нормативных основ общественного устройства; обращение к специфике трансформацией символических посредников социального взаимодействия и их роли в формировании коллективных единств, социальной сплоченности.

В связи с этим, используется теория символического Сорокина, историко-социологическая реконструкция которой была выполнена в предыдущих исследованиях докладчика. Данная теория позволяет раскрыть механизмы социокультурной когеренции: объективации, социализации и передачи идеологической культуры, а также ее логико-смысловой интеграции с другими компонентами социокультурного универсума - культурами материальной и поведенческой.

Таким образом, данный доклад является первой попыткой применения реконструированной теории символического Сорокина к его "полевым" наблюдениям и воспоминаниям о революционной повседневности, описанной в автобиографическом романе "Долгий путь".

1. Андреев О.Е. История революции и гражданской войны в России в трудах П.А.Сорокина: диссертация ... кандидата исторических наук. Нижний Новгород, 2006
2. Воронин А.П. К вопросу о методологии типизации П. Сорокиным явления "социальная революция" // П.А. Сорокин и современные проблемы социологии. СПб., 2009, с. 69-79
3. Головкин Э.П. Социология революции в интерпретации П. Сорокина // Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии. М., 1969, с. 281-304
4. Горбунова М.Ю. П.Сорокин об эмоциональных переживаниях революционного общества // П.А. Сорокин и современные проблемы социологии. СПб., 2009, т. 1, с. 206-209
5. Ковалев В.А. Русская "смута" как предмет социологии революции П.А. Сорокина: Воспоминания о будущем? // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии. М., 2012
6. Кононов И.Ф. Революция и общественная пространственность в теоретическом наследии П.Сорокина // П.А. Сорокин и современные проблемы социологии. СПб., 2009, т. 2, с. 250-253
7. Лазебная К. П. Эволюция теории символического в творчестве П.А. Сорокина // Наследие. 2014. № 5. С. 49-62.
8. Лазебная К.П. Теория символического в творчестве П.А. Сорокина: историко-социологический анализ: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.01 - М., 2013.
9. Ломоносова М.В. Социологи революции П.А.Сорокина: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.01 - СПб, 2006
10. Питирим Сорокин. Социология революции. Вступительная заметка и публикация Ю. Дойкова // Звезда. 1998, № 11, с. 90-92
11. Сорокин П.А. Социология революции / Питирим Александрович Сорокин; сост., авт. коммент. В. В. Сапов; авт. вступ. ст. : А. Н. Медушевский - М.: РОССПЭН, 2010
12. Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. - Сыктывкар, 1991.
13. Сорокин П.А. Заметки социолога: Социологическая публицистика. - СПб.: Алетита, 2000.
14. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. - СПб.: Мир, 2012.
15. Яковлева С.И. События 1917 г. глазами П.А. Сорокина // Питирим Сорокин в истории, науке и культуре XX века. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения П.А. Сорокина. Сыктывкар, 2009. С.106-117

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ П.А.СОРОКИНА: ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИИ, КАК СПЕЦИАЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.

Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург)

Питирим Сорокин считал, что социальное согласие является одним из основных показателей качества человеческого существования, а его отсутствие говорит о том, что общество или социальный институт находятся в состоянии кризиса. При этом, в эпохи глобальных социальных перемен обостряется научный и общественный интерес к

обобщающим описаниям исторического процесса, к историческим метарассказам, так произошло и с революциями. Современные, «новые», «цветные» революции вновь заставляют исследователей возвращаться к историческому опыту прошлого с целью поиска объяснительных схем и моделей. Следует особо отметить, что исследования в данной области требуют особо взвешенного подхода к источникам, как традиционным, так и историографическим. Учитывая это, обращение к исследованиям П.А.Сорокина, посвященным революциям вообще и русской революции в частности, представляется вполне оправданным, поскольку данный мыслитель соединяет в себе блестящего социолога, политика и публициста, который оставил после себя огромное научное наследие, оказавшееся недостаточно осмысленным современным научным сообществом. Но здесь, важной и очень сложной методологической проблемой является проблема взаимоотношения социологии и политики в творчестве ученого и проблема автономности научного знания. Тем не менее, именно с именем П.А.Сорокина связано существование социологии революции, как отдельной области социологии.

В отечественной социологии, после того как в 80-х годах были расшатаны схемы и концепции анализа революции, как социального явления на основе методологических установок исторического материализма, новые подходы существуют на уровне гипотез и выступают скорее в качестве материала для публицистики, чем в качестве предпосылок для проведения научного исследования. В зарубежной социологии ситуация несколько иная, поскольку существуют специальные организации, занимающиеся изучением революционных процессов (например Гуверовский институт войны, мира и революций в США, Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований), проводятся отдельные социологические исследования, посвященные революциям, а в учебниках по социологии содержатся разделы, посвященные революции, наряду с другими социальными изменениями. Поэтому, для отечественной социологии разработка данной темы представляет и общетеоретическое значение.

Определенную трудность составляет само выявление темы революции в социологии и специальных исследованиях ей посвященных. Это связано с тем, что в разной литературе, приводятся совершенно отличные друг от друга определения данного понятия, а многие исследователи активно используют это понятие, при этом вкладывая в него разный смысл. Английский политолог Дж.Девис даже высказал мнение, что определить понятие «революция» вообще невозможно. Различие между терминами «революция», «восстание», «гражданская война», - считал он, - означает лишь то, что революция побеждает, восстание терпит поражение, а гражданская война оставляет вопрос открытым. Несмотря на подобные точки зрения различных исследователей, следует отметить, что понятие «революция» – это, прежде всего понятие историческое, которое имеет долгую жизнь, «реальную», а не только умозрительную. Оно было создано не потребностями научного поиска и классификации, а реальными событиями и только спустя достаточно большой промежуток времени, стало предметом изучения философии, истории, экономики, социологии и политологии.

Теоретическая социология с момента своего возникновения уделяла большое внимание анализу протекания политических процессов и социальных изменений, и в развитии концепций социальных революций можно выделить несколько этапов. Истоки современных концепций восходят к началу 20 в., когда появились труды Б.Адамса, Г.Лебона, Ч.Элвуда, В.Парето и других социологов, рассматривавших революцию в рамках исследования проблем социальной нестабильности, социального конфликта и способов его предотвращения или разрешения. Следующий этап связан с Октябрьской революцией, вызвавшей новую волну интереса ученых к этой проблеме. Работы социологов “второй волны” — П.Сорокина, Д.Йодера, Л.Эдвардса, Дж. Питти, К. Бринтона, С. Неймана, Ф. Гросса и др.— способствовали формированию в период 20-50-х гг. целой отрасли в социологии - “социологии революции”. Возникновение ее, как было уже отмечено, связано с именем Питирима Сорокина. Во время и после революции 1917г.

он опубликовал большое количество публицистических и научных работ, посвященных, прежде всего революциям в России, а уже в 1925 г. он опубликовал своё фундаментальное исследование “Социология революции”, название которого стало использоваться для обозначения нового направления в западной социологии, занимающегося изучением революций. Причем, в 1922 г. Немецкое Социологическое Общество, первые два съезда которого состоялись в 1910 и 1912 гг., собралось в третий раз, а темой обсуждения избрана была на этот раз «сущность революции». Одной из основных работ, которые обсуждались на съезде была книга «Die Revolution» Густава Ландауэра, вышедшая в 1907г.

Заметным рубежом в развитии теорий революций явились 60-е гг., отмеченные крупными социальными конфликтами на Западе. В эти и последующие годы широкие программы исследований по данной проблематике развертываются преимущественно в США, в том числе по заданию правительственных учреждений. Ч. Джонсон, Д. Дэвис, Р. Тантер, М. Мидларский, Б. Мур, С. Хантингтон, Т. Скокпол, Ч. Тилли и некоторые другие социологи стремились в своих трудах преодолеть схематизм “классической” социологии революции путем исследования конкретных революционных процессов. Причем на многих из них оказали большое влияние методология и исследования П.А.Сорокина. Так например, в концепции “источников мобилизации революции” Ч. Тилли, действие масс ввергает общество из состояния мира и покоя в атмосферу беспорядка и насилия, что приводит к политической нестабильности, а затем к социальной революции.

В отечественной литературе, за последние десятилетия, после того как произошел отказ от трактовки социальной революции в рамках исторического материализма, стали появляться исследования, посвященные данной проблематике, но их количество недостаточно и не раскрывает все аспекты столь сложного и значимого процесса. Наиболее весомыми, среди этих исследований являются исследование И.П.Смирнова, И.В.Стародубовской и В.А.Мау.

Таким образом, даже краткий исторический анализ показывает, что понятие «революция» в социологии и других общественных науках не является достаточно четко определенным. Но различные дефиниции данного явления в жизни общества не случайны, и имеют длительную предысторию и собственную логику. Термин «революция» является полисемантическим и вариативным, в разных ситуациях он наполняется собственным содержанием, сохраняя при этом, наиболее общие признаки.

Подводя итог, можно выделить несколько наиболее часто употребляемых толкований понятия революции. Во-первых, оно употребляется для обозначения перехода от одной общественно-экономической формации (строю) к другой; во-вторых, для описания относительно скоротечного, но значительного политического переворота; в-третьих, для определения переворота в социальной сфере общества; в-четвертых, как метод исторического действия в противоположность методу реформистскому.

Если обратиться непосредственно к социологии революции П.А.Сорокина, то нужно отметить, что впервые к научному осмыслению революционного процесса П.А.Сорокин приходит после февральской революции 1917г. Если изначально Питирим Сорокин был сторонником системы взглядов на революцию, сложившейся в рамках философии Просвещения, то затем, колоссальный личный исторический опыт, грандиозные события первой половины XX в. – политические изменения, революции, локальные и мировые войны, свидетелем и участником которых был П.А.Сорокин – наложили отпечаток не только на публицистику революционного периода, но и на формирование его социологической концепции революции в целом. Несмотря на то, что в своих публицистических работах П.А.Сорокин с позиций ученого-социолога анализировал революцию и пытался выявить объективные причины и закономерности данного явления, уже на этом этапе осмысления революции он обращался к психологии в поисках объяснительных моделей и учитывал исторический опыт предшествующих

революций других стран, что позволило ему заложить теоретико-методологическую основу для дальнейшего исследования и выделения «социологии революции» в качестве отдельного предмета социологического анализа.

Причем, следует отметить, что на появление социологической концепции революции П.А.Сорокина огромное влияние оказали два объективных фактора: обучение и работа в Психоневрологическом институте, и его политическая деятельность. Если не учитывать влияние этих факторов, то можно допустить распространенную ошибку, которую часто допускают считая, что П.А.Сорокин находился под сильным влиянием, двух учений: во-первых, американского бихевиоризма, во-вторых, психоанализа.

Именно учеба П.А.Сорокина и его дальнейшая работа в Психоневрологическом институте и экспериментальных лабораториях института совместно с В.М.Бехтеревым и его коллегами оказали влияние на формирование методологической базы изучения революции как социального явления. Именно коллективная рефлексология В.М.Бехтерева и в меньшей степени, её американский вариант – бихевиоризм, послужили в качестве основных теорий на которые изначально опирался П.А.Сорокин в своих исследованиях революции. Но как было уже отмечено, не меньшее влияние на научные исследования П.А.Сорокина оказала и его политическая деятельность, в рамках которой он изначально воспринимал революцию – как единственное средство достижения социального идеала, опирающегося на традиции, сложившиеся в рамках философии Просвещения и социалистических доктрин. Но затем, политические события и последующие за ними социальные потрясения, повлияли не только на переоценку П.А.Сорокиным своих политических воззрений, но и на формирование его социологии революции.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ

Микиденко Н.Л. (Новосибирск)

Трудовая этническая миграция стала частью современных социокультурных и эконо-мических процессов. Россия входит в число государств, обладающих миграционной при-влекательностью, прежде всего для представителей стран постсоветского пространства. Для региона Западной и Восточной Сибири актуальным направлением трудовой миграции явля-ется среднеазиатское направление, представленное, прежде всего, такими странами как Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан. Так, по данным УФМС России в Сибирском феде-ральном округе по разрешению на временное проживание и виду на жительство в 2014г. находилось 112 тысяч иностранных граждан, значительную долю которых составляют при-бывшие из Таджикистана и Узбекистана [1].

Несмотря на изменившееся законодательство, регламентирующее пребывания ино-странных граждан, желающих заниматься в России трудовой деятельностью, и экономиче-ский спад, резкого сокращения притока трудовых мигрантов за истекший период 2015 года не произошло [2]. При том, что страны исхода актуализируют политику по сохранению тру-довых ресурсов страны. Так как значительный исход граждан трудоспособного возраста со-здаёт угрозы для социального и экономического развития этих стран. Данные, которые при-водятся с разных сторон (стран исхода и принимающих стран), свидетельствуют о том, что наиболее мобильной социальной группой традиционно выступают, прежде всего, мужчины трудоспособного возраста. Это имеет последствия как для стран исхода (потеря наиболее трудоспособной части населения, рост числа семей, оставшихся без мужчин и др.), так и для принимающей стороны (высокие риски девиаций, конкуренция с местным населе-нием за рабочие места и социальные блага, риски брачного поведения и др.).

Автором в период декабрь 2014 – январь 2015гг. в рамках реализации социально-значимого проекта «Новосибирск – территория доступной информационной среды для трудовых этнических мигрантов» было проведено исследование информационных потребностей трудовых этнических мигрантов [3]. В опросе приняли 523 человека, приехавших из стран Средней Азии – Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. От числа опрошенных муж-чины составили 86,6% (453 человека), тогда как женщины – 13,4% (70 человек). Это ещё од-но подтверждение, что трудовая миграция – это, прежде всего, миграция мужская, причем мужчин самого трудоспособного возраста. Число приехавших в возрасте за 50 лет составило незначительный процент.

Из числа опрошенных женщин 57,1% (40 человек) приехали из Киргизии, 34,3% (24 человека) из Узбекистана, и только 8,6% (6 человек) из Таджикистана. В одном из интервью молодой мужчина из Таджикистана, повествуя о своем выборе работы за границей, высказал свое мнение о гендерном составе миграции: «Киргизки едут на заработки, таджички нет, семья не разрешает». Интересен тот факт, что его мнение нашло подтверждение при обра-ботке и анализе данных. Этот факт интересен для дальнейшего исследования, так как воз-можно отражает включенность/не включенность в модернизационные процессы традицион-ных культур, изменение традиционных гендерных ролей, появление инноваций в гендер-ном взаимодействии.

Следует отметить, что среди приехавших женщин можно выделить две группы. Это женщины замужние, приехавшие с мужем или к мужу. Для данной группы респондентов были характерны ответы, что все вопросы решает муж, он все знает, он является источником любой необходимой на новом месте информации. Другая группа – это незамужние женщи-ны молодого возраста, приехавшие с целью заработка. Как правило, они тоже имеют сеть родственных связей. И, если молодые мужчины очень редко но указывали в качестве цели приезда обучение (1,5%), то молодые женщины выбирали только позицию – цель приезда работа. В интервью молодая женщина (23г.) из Узбекистана рассказала, что получение обра-зование выше среднего для детей из больших семей малодоступно. Семьи, как правило, вы-бирают стратегию образования одного из детей, и не всегда это старший ребенок, так как он зачастую играет роль помощника родителей в воспитании следующих детей. А причинами выезда на заработки является отсутствие работы на родине.

Сферы занятости мужчин – строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, пере-возки, тогда как женщины занимают трудовые места в сфере клининга (уборка помещений, мойка посуды), заработная плата женщин ниже, чем у мужчин. В интервью молодой мужчи-на (32г.) из Узбекистана пояснил, что заработную плату в 18-20 тысяч (эти данные соответ-ствуют уровню дохода в 2104г. и актуальной на тот момент экономической ситуации) для женщины принято считать очень достойной. Однако достижение желаемого уровня зара-ботной платы как для женщин, так и для мужчин происходит за счет высокой интенсивно-сти труда (увеличение рабочего дня, сокращение/отсутствие выходных дней).

Один из информантов, описывая стратегии выбора места трудовой деятельности, от-метил, что все, кто выезжают на заработки используют несколько уже отработанных схем: едут к «своим», к тем, кто уже закрепился на новом месте и ищут работу по прибытию, ли-бо, тот, кто уже закрепился по инициативе работодателя приглашает «своих», выступая для работодателя определенным гарантом качества и надежности привлеченных трудовых ре-сурсов. Также существует практика оказания помощи «своим» на первый период. Это может быть заем денег, предоставление жилья «на первое время», помощь в прохождении проце-дуры регистрации и оформления разрешительных документов на работу. Но эта помощь не беспредельна. Тот, кто оказывает поддержку ожидает, что поддержка будет минимальны и по времени и затратам.

Интересны модели брачного поведения мужчин и женщин разного возраста и здесь возможно ещё одно направление исследований. Мужчины молодого возраста

демонстрируют заинтересованность в брачных отношениях (чаще незарегистрированных) с местными женщинами. Мотивация брачных отношений с обеих сторон с в этом случае требует отдельного рассмотрения. Можно предположить, что для мужчин – это способ закрепления на более привлекательной для жизни территории, тогда как местные женщины испытывают дефицит брачных партнеров в «своей» среде. И наоборот, приехавшие на заработки, женщины старшего возраста вступают в брачные отношения (чаще незарегистрированные) с местными мужчинами. И если мотивация женщин понятна – способ закрепления, решения материально-бытовых проблем, то мотивация местных мужчин при выборе иноэтничного партнера для брачных отношений интересна для изучения. Наблюдается возрастная асимметричность в выборе брачных партнеров.

Таким образом, трудовая этническая миграция в гендерном аспекте актуализирует ряд социальных вопросов, как для стран исхода (истощение трудовых ресурсов, прежде всего, мужчин трудоспособного возраста, появление дистантных семей с минимальным присутствием мужчины в семье, так называемый «синдром разведенной семьи», изменение механизмов социализации вследствие длительного отсутствия родителей, неодобрение независимых/самостоятельных миграционных стратегий женщин и др.), так и для принимающих стран (проблемы культурной дистанции, расширение внебрачной рождаемости от партнеров, фобии), требующих внимания со стороны исследователей.

1. *Миграционная ситуация в Сибирском федеральном округе. Управление федеральной миграционной службы по Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <http://fms-nso.ru/ufms/static/SFO/> (дата обращения 05.10.2015). – Загл. с экрана.*
2. *Сведения по миграционной ситуации в России за 8 месяцев 2015г. Федеральная миграционная служба [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/> (дата обращения 05.10.2015). – Загл. с экрана.*
3. *Исследование проведено при поддержке Министерства регионального развития Новосибирской области (договор о предоставлении гранта Новосибирской области № 49 от 17.10.2014г.)*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ КРИЗИСОВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.А. СОРОКИНА

Петров В.Н., Меньшиков В.В. (Краснодар)

Введение

Одной из центральных проблем научного внимания П.А. Сорокина стала теоретическая разработка теории флуктуации определенных состояний культуры. В большом числе работ П.А. Сорокин детальнейшим образом исследовал, типологизировал и классифицировал различные содержание и формы культурной ментальности. Отвергая линейный подход в исследовании социальных явлений и процессов, на множестве конкретных фактов и примеров он доказал, что флуктуация культур - это исторический процесс, в котором происходит утверждение, распространение и практическая реализация выделенных им типов культуры (чувственная, идеациональная и промежуточная им идеалистическая). Каждая из культур, в своих ареалах образует суперсистемы с господствующей системой ценностей. Каждая из них во множестве разновидностей представляет собой комплекс ментальных особенностей в восприятии действительного и трансцендентного миров и его отображение в отношениях с ними, акцентировании действий на соответствующем, специфическом виде и способах деятельности.

Смена состояний флуктуационной синусоиды, процессы перехода от одного к другому неизбежно находят свое выражение в совокупности явлений, свидетельствующих

о кризисе уходящей культуры и трудностях становления и утверждения идущей на смену. В представляемом материале остановимся на двух аспектах теории общественного кризиса П.А. Сорокина: кризис как необходимость разрешения противоречия между чувственной и идеациональными ценностными системами; социальная революция как кризисное явление и процесс.

Общественный кризис в процессах флуктуации базовых ценностей культурных суперсистем

Одним из ведущих методологических принципов П.А. Сорокина (впрочем, также как и у его учителя М.М. Ковалевского) в исследовании культуры стало признание ее многофакторности, применение к познанию ее содержания и функций интегральной модели. Приоритетное положение в системе объяснений сущности культуры он отводил "культурной ментальности" - сфере внутреннего опыта, включающей разум, ценности и смысл. [1, 56] Сорокин постоянно напоминал, что определяющее влияние на формирование и существование базовых ценностей культурной ментальности идеационального и идеалистического вида оказывают религиозные учения. Связывая созидательный альтруизм (Любовь) с идеациональной культурой, он подчеркивал: "Если на один момент мы представим христианство устраненным из исторической жизни, социальных институтов и культуры Запада; конфуцианство, даосизм и буддизм — из жизни и культуры Китая; индуизм, буддизм и джайнизм из социокультурного универсума Индии — только хаотическая масса развалин останется от культуры, социальных институтов и исторической жизни этих стран. Без этико-религиозных систем вся история становится непонятной". [1,251]

В теории П.А. Сорокина, переживаемый в современную ему эпоху, практически почти глобального масштаба кризис - это "кризис чувственной культуры, которая господствовала в западном мире в течение последних пяти столетий и ныне достигла до состояния перзрелости. Вместе с ним это кризис тесно связанного с ней договорного (капиталистического) общества". [1, 786]

Обосновывая противоречия, порожденные чувственной культурой как источник современного кризиса П.А. Сорокин, тем не менее, подчеркивал, что его теория "не предрекает ни неизбежной смерти, ни упадка западной культуры и общества. Признавая закат нынешней чувственной фазы и вероятность мучительного перехода, она вместе с тем показывает и возможность рождения новой величественной идеациональной или идеалистической культуры, нового общества и человека". [1,793]

Социальная революция как самое яркое проявление общественного кризиса

П.А. Сорокин вскрыл глубокие имманентные причины напряжений в общественной системе, вызывающие возникновение больших и малых кризисов, как-то: социального беспокойства, волнений и революций. В самом общем виде - это состояние социокультурной структуры отношений и ценностей. "Поскольку рано или поздно, в силу изменения присущего всякой социокультурной системе, любая система неизбежно приходит в расстройство, "увядает" и разрушается социокультурный строй всякого общества должен переживать переходные периоды и заодно испытывать нарастающие волны беспорядков". [1, 762]

Теория социальной революции П.А. Сорокина, основанная на огромном историческом фактическом материале, подкрепленная конкретными доказательными примерами, включает несколько ключевых положений. Основное место среди них занимают: указание на факторы выступающие в качестве причин революции (ущемленные "инстинкты" - социальные потребности), трактовка субъекта революции (представители средних социальных слоев - "головастики"), представление о контрсубъекте революции (аристократия и власть). Рассматривая в целом революцию как кризисный процесс он выделяет в ней несколько фаз: предреволюционную, непосредственно революционную и постреволюционную. На каждом из указанных этапов

действуют свои, обуславливающие революционное движение факторы и условия, свои особенности развертывания кризиса.

Первым и основным комплексом признаков, свидетельствующих о надвигающемся революционном кризисе, по убеждению Сорокина становится общественное состояние, в котором со все большей силой проявляются ущемленные "рефлексы" (они тождественны социальным потребностям). К таковым Сорокин относит: потребность питания (или пищевые рефлексы) значительной части населения; рефлексы индивидуального самосохранения; рефлексы группового самосохранения; потребность в жилище, одежде, тепле: рефлексы половые; инстинкты собственности; инстинкты самоуважения и собственного достоинства, инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и приключений, и "рефлексы свободы". [2, 309-310]

Обострение лишений в виде ущемленных инстинктов составляет содержание преактивной фазы революции. Возросшее давление ущемленных рефлексов (инстинктов, социальных потребностей) переводит ее в фазу действий. "1) Рост ущемленных главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов - таковы необходимые и достаточные условия наступления революций". [2, 312]

Кризисное состояние в области удовлетворения потребностей может перейти в фазу активной революции при наличии ее субъекта, то есть, сил способных совершить решительные действия. Под таковыми Сорокин понимает достаточно развитый слой представителей среднего класса, у которых, по его мнению, сформировалась способность и готовность управлять. Однако, в существующей системе власти, в силу искусственно закрытых каналов вертикальной социальной мобильности, путь вверх им закрыт закостеневшей элитой. Сорокин именует таких представителей "головастиками". [2, 386]

Еще один комплекс факторов создающих революционный кризис - состояние правящей элиты и представляемой ею власти. "Предреволюционные эпохи, - констатировал П.А. Сорокин, - просто поражают бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев, не способных успешно выполнять ни функции власти, ни противопоставить силе силу, ни разделить и ослабить оппозицию, ни уменьшить ущемление, ни канализировать его в формах, отличных от революции". [2, 380]

Заключение

Итак, основная проблема кризиса, переживаемого современными модернизированными обществами заключается в следующем выводе ученого-пророка: "Человечество должно быть благодарно чувственной культуре за ее замечательные достижения. Но теперь, когда она пребывает в агонии, когда ее продукт - это скорее отравляющий газ, чем свежий воздух, когда, благодаря своим достижениям, она вручила человеку ужасающую власть над природой, обществом и культурой, не обеспечив его при этом ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами инстинктами, - теперь в руках такого человека со всеми достижениями ее науки и техники, она становится чрезвычайно опасной и для самого человека и для всех его ценностей". [1, 793]

Надежда на выход из общественного кризиса П.А. Сорокиным связывается с новым человеком, носителем идеациональной и идеалистической культур, которому "можно будет доверить то стоящее, что создано чувственной культурой. При современном уровне развития техники он сумел бы построить культуру и общество менее бедное и несчастное, не знающее ни личной, ни сословной ненависти, более благородное, справедливое, человеческое и более благочестивое, чем наше чувственное общество в его нынешней фазе". [1, 794]

1. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006
2. Сорокин П.А. Социология революции. - М.: Астрель, 2008

П.А. СОРОКИН О РЕВОЛЮЦИИ КАК БОЛЕЗНИ ОБЩЕСТВА

Фирсова Л.В. (Харьков, Украина)

Здоровье – одна из наивысших ценностей как человеческой жизни, так и общества в целом. Поэтому так важны научные наработки, осмысливая и реализуя которые на практике, можно и нужно поддерживать в норме здоровье общества.

Начиная с середины 20-х годов XX века появляются работы, в которых анализу подвергаются различные институциональные, структурные и динамические особенности кризисных обществ, переживающих болезненные революционные изменения. В 1927 г. выходит в свет книга Л. Эдвардса «Естественная история революции». В 30-е годы публикуются работы Эмиля Ледерера «О революциях», Крейна Бринтона «Анатомия революции» и Джорджа Питти «Революционный процесс». Однако название всему направлению дала книга П.А. Сорокина «Социология революции», в которой автор не только ставит диагноз заболевшему революцией российскому обществу, но и вскрывает последствия болезни.

Особое внимание Сорокин обращает на изменения в таких областях человеческой деятельности, как речь и психика членов революционного общества. По мнению Сорокина, социальные изменения находят свое отражение в изменении речи. Всеобщее недовольство существующим положением вещей резко проявляется в выступлениях на митингах, собраниях, демонстрациях, а также в печатной продукции. Начальному этапу революции присуща радость освобождения от прошлого.

Вторая фаза революции характеризуется стремлением придать разбушевавшейся стихии определенные формы, создать на развалинах старого общества справедливый коммунистический строй. Однако оказалось, что на практике новый строй противоречит «всем основным импульсам и инстинктам человека», поэтому «смирительная рубашка» не столько успокоила безумствующую стихию, сколько «задушила» организм больного общества и привела его к полному развалу [1, с. 130].

На второй стадии революции новая элита устраивает своё «сито», благодаря которому достигшие вершин выскочки ассимилируются с остатками уцелевшей старой элиты, предназначенными для передачи опыта управления людьми.

Новая элита ориентирована на осуществление своей власти, а отсутствие социального порядка и контроля становятся для этого существенным препятствием. Террор и диктатура являются средствами, к которым прибегают новые власти для восстановления у населения условных рефлексов. В период 1918–1920 гг. трудящиеся претерпели немало лишений от голода, принудительного труда, бюрократизма и тирании новой власти. Гражданская война, чрезмерное обнищание, эпидемии, голод стали главным препятствием на пути консолидации различных социальных сил. Наступило ограничение свободы слова и свободы печати, запрещение оппозиционных собраний и коллективных выступлений. Нарушения новых запретов жёстко преследуются и подавляются. Недовольство народа привело к антисоветским восстаниям и крестьянским мятежам.

В 1921 г. вторая фаза революции сменилась третьей – конструктивной, связанной с новой экономической политикой. Изменения, связанные с нэпом, означают восстановление разрушенной революцией пирамиды, возврат к старому, невыполнение её громких обещаний, таких как равенство, уничтожение эксплуатации и др. [1, с. 138]. По мнению Сорокина, эти три фазы проходят все революции.

Изменения в социально-хозяйственной жизни общества привели к деформации и в духовной жизни. Главными чертами этой деформации являются: 1) отрицательное

отношение к коммунизму, социализму и ко всему, что с ними связано; 2) положительное отношение к частной собственности капиталисту и «буржую»; 3) серьезный подъем религиозности, привязанности к церкви, в том числе, православной [2, с . 81].

В революции Сорокин видит жестокость, хаос, нивелирование ценности человеческой жизни. Анализ расстройства системы властвования и подчинения позволяет учёному найти критерий, разделяющий «неглубокие» (политические) революции и «глубокие» (социальные). В качестве такого критерия определяется широта охвата революционным процессом населения. Если в первом случае разрыв происходит между гражданами и агентами политической власти, то во втором система властвования и подчинения перестает нормально функционировать и в негосударственных институтах – семье, религии, трудовых отношениях, образовании и т.д. Падает авторитет различных субъектов власти. И чем более высокопоставленное лицо лишается авторитета, тем ближе крушение всей системы социальной организации. Наиболее критичен этот процесс для обществ, в которых государственный лидер замыкает на себе все возможные авторитеты – политический, религиозный, идеологический и т.д.

Осуществлённый Сорокиным анализ болезненных явлений в жизни общества актуален в наши дни, когда наблюдается «экспорт демократических революций» на Ближний Восток и в страны Северной Африки. Результатом экспорта является разрушение жизненного уклада, вместо демократии народ страны получает насилие, грубо попираются права человека. Это происходит потому, что реализуется политика, основанная на самоуверенности, убежденности в своей исключительности и безнаказанности. Так, именно в результате «экспорта революций» появились радикальные исламисты в некоторых странах, в том числе Сирии и Ираке.

Кризисные явления в обществе свидетельствуют, в частности, что неспособность, а часто и нежелание практических сил, инстанций социального действия учитывать в своей деятельности полезные наработки общественных наук дорого обходится людям.

1. Сорокин П. А. Россия после нэпа // Вестник Российской Академии наук . – 1992. – No 2.
2. Сорокин П. А. Россия после нэпа // Вестник Российской Академии наук . – 1992. – No 3.